

ЛЮБИМЫЕ ГЕРОИ

Андрей Булыгев

Приключения

АЛИСЫ

Повести и рассказы о девочке из будущего — Алисе Селезнёвой. Один из самых популярных циклов Кира Булычева. Написанные для детей произведения о необыкновенных приключениях земной девочки Алисы погружают читателя в мир фантастики и сказок. Необыкновенные чудовища, настоящие космические пираты, воинственные лилипуты, путешествия во времени и многое другое ждёт вас на страницах удивительных историй, которые происходят с Алисой и её друзьями.

- [Кир Булычев](#)
 - [Девочка, с которой ничего не случится](#)
 - [Вместо предисловия](#)
 - [Я набираю номер](#)
 - [Бронтя](#)
 - [Тутексы](#)
 - [Застенчивый Шуша](#)
 - [Об одном привидении](#)
 - [Пропавшие гости](#)
 - [Свой человек в прошлом](#)
 - [Ржавый фельдмаршал \(Остров ржавого генерала\)](#)
 - [Глава первая. Новости будущего века](#)
 - [Глава вторая. Берта и дельфины](#)
 - [Глава третья. Туды-сюды дедушка](#)
 - [Глава четвертая. Чемодан Светланы Одинокой](#)
 - [Глава пятая. Хозяин пиратского острова](#)
 - [Глава шестая. В замке на мысе Сан-Бонифацио](#)
 - [Глава седьмая. Падение ржавого фельдмаршала](#)
 - [Путешествие Алисы \(Тайна третьей планеты\)](#)
 - [Глава 1. Преступница Алиса](#)
 - [Глава 2. Сорок три зайца](#)
 - [Глава 3. Ты слышал о трех капитанах?](#)
 - [Глава 4. Пропали головастики](#)
 - [Глава 5. Советы доктора Верховцева](#)
 - [Глава 6. Кустики](#)
 - [Глава 7. Загадка пустой планеты](#)
 - [Глава 8. Что рассказали ушаны](#)
 - [Глава 9. Нам нужен говорун](#)
 - [Глава 10. Мы купили говоруна](#)
 - [Глава 11. Курс к системе Медузы](#)
 - [Глава 12. Такое печальное изобретение](#)
 - [Глава 13. Парализованные роботы](#)
 - [Глава 14. Погоня за леди Винтер](#)
 - [Глава 15. Птенец птицы Крок](#)
 - [Глава 16. Зеркальные цветы](#)

- [Глава 17. Мы смотрим в прошлое](#)
- [Глава 18. Шпион](#)
- [Глава 19. Где девчонка?](#)
- [Глава 20. В плену](#)
- [Глава 21. А в это время...](#)
- [Глава 22. Толстяк врет](#)
- [Глава 23. Пленник в подземелье](#)
- [Глава 24. Конец путешествия](#)
- [День рождения Алисы](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
- [Миллион приключений](#)
 - [Новые подвиги Геракла](#)
 - [Глава 1. Авгиева лаборатория](#)
 - [Глава 2. Появление Геракла](#)
 - [Глава 3. Второй день рождения](#)
 - [Глава 4. Пожалейте маслят](#)
 - [Глава 5. Куда улетают комгуси?](#)
 - [Глава 6. Джинн в корабле](#)
 - [Заграничная принцесса](#)
 - [Глава 1. Мы летим в джунгли Пенелопы!](#)
 - [Глава 2. Пенелопа и Жангле-многоточие](#)
 - [Глава 3. Все беды от романтики](#)
 - [Глава 4. Свня Ула](#)
 - [Глава 5. Все для шпиона](#)
 - [Глава 6. Два лица Фуукса](#)
 - [Глава 7. Где Папка Гераскин?](#)
 - [Глава 8. Документы для принцессы](#)

- [Глава 9. Латы в металлолом](#)
- [Глава 10. Обиженный маркиз](#)
- [Глава 11. Другой Жангле...](#)
- [Глава 12. Номер с ванной для принцессы](#)
- [Глава 13. Королевский обед](#)
- [Глава 14. Жалобы на рыцаря](#)
- [Глава 15. Начинается турнир](#)
- [Глава 16. Роковой поединок](#)
- [Глава 17. Победитель не уйдет от наказания](#)
- [Глава 18. Суд во дворце](#)
- [Глава 19. Палач подтверждает](#)
- [Глава 20. Бегство из города](#)
- [Глава 21. Прощай, шут!](#)
- [Глава 22. Снова Фуукс](#)
- [Глава 23. Вы не поверите, где мы были!](#)
- [Каникулы на Пенелопе](#)
 - [Глава 1. Половина рогатой собаки](#)
 - [Глава 2. Дикарь ловит рыбу](#)
 - [Глава 3. Дикарь пьет чай](#)
 - [Глава 4. Там был город](#)
 - [Глава 5. Дикарь в городе](#)
 - [Глава 6. Тигры на дороге к дому](#)
 - [Глава 7. Вести из города](#)
 - [Глава 8. Они любят друг друга!](#)
 - [Глава 9. Где живет собака?](#)
 - [Глава 10. В поисках дикаря](#)
 - [Глава 11. Пашка исчез](#)
 - [Глава 12. Говорящий тигрокрыс](#)
 - [Глава 13. Дикарь собрался улетать](#)
 - [Глава 14. «Считаю до десяти...»](#)
- [Шкатулка пиратской мамаша](#)
 - [Глава 1. Приезжай на Брастак отведать скрррулей](#)
 - [Глава 2. «Возьми меня с собой!»](#)
 - [Глава 3. Их никто не встретил](#)
 - [Глава 4. Планета в карантине](#)
 - [Глава 5. Гостиница для почетных гостей](#)
 - [Глава 6. Беглец](#)
 - [Глава 7. «Где вы его спрятали?»](#)
 - [Глава 8. Как это случилось](#)
 - [Глава 9. Возвращение археолога](#)
 - [Глава 10. Туристка любит драгоценности](#)
 - [Глава 11. Пиратская мамаша](#)
 - [Глава 12. Маленькая тюрьма](#)
 - [Глава 13. Бегство](#)
 - [Глава 14. Драматические события на космодроме](#)

- [Глава 15. Вроде бы все удалось...](#)
- [Глава 16. Полная шкатулка пиратов](#)
- [Глава 17. Средство от пиратов](#)
- [Сто лет тому вперед \(Гостя из будущего\)](#)
 - [Часть 1. Гость из прошлого](#)
 - [1. А если за дверью анаконда?](#)
 - [2. Это не Индия](#)
 - [3. Дедушка-ровесник](#)
 - [4. Синяя лошадь и другие лингвисты](#)
 - [5. Ты любишь мангодыню?](#)
 - [6. Как вырастить дом](#)
 - [7. Автобус никуда не идёт](#)
 - [8. Чемпион по мороженому](#)
 - [9. Флипнем до космодрома!](#)
 - [10. Пассажир до любой планеты](#)
 - [11. «Зайцы» в вазе](#)
 - [12. Пиратские неудачи](#)
 - [13. Посетитель космозо](#)
 - [14. Береги миелофон](#)
 - [15. Бегом к машине времени](#)
 - [Часть 2. Три К](#)
 - [1. Она не помнит](#)
 - [2. У нас в классе три Коли](#)
 - [3. Я твой папочка!](#)
 - [4. Как всё было](#)
 - [5. Ботинки доктора Алика](#)
 - [6. Бегство](#)
 - [7. Туристы и другие спасители](#)
 - [8. Будем учиться вместе](#)
 - [9. Я её никогда не видел](#)
 - [10. Запасной игрок](#)
 - [11. Это бандит из будущего!](#)
 - [12. Рассказ и вещественные доказательства](#)
 - [13. Наполеон по заказу](#)
 - [14. Странная девочка](#)
 - [15. Спроси у Садовского](#)
 - [16. Супергерла!](#)
 - [17. Через забор и обратно](#)
 - [18. Опасная беглянка](#)
 - [19. Две Аллы](#)
 - [20. Иштугин не вмещивается](#)
 - [21. Военный совет](#)
 - [22. Поиски](#)
 - [23. Иштугин передумал](#)
 - [24. Прощай, супергерла!](#)

- [Пленники астероида](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

- [Непоседа](#)

- [Заповедник сказок](#)

- [Глава первая. Гном в кармане](#)
- [Глава вторая. Как лечили дракона](#)
- [Глава третья. Свен и кукла](#)
- [Глава четвертая. Заговор в заповеднике](#)
- [Глава пятая. Новенькая](#)
- [Глава шестая. В гостях у тети Дагмары](#)
- [Глава седьмая. Где живет Снегурочка?](#)
- [Глава восьмая. Бабушкины пирожки](#)
- [Глава девятая. Кусандра обеспокоен](#)
- [Глава десятая. Король на троне-кровати](#)
- [Глава одиннадцатая. Дракон и его двоюродная сестра](#)
- [Глава двенадцатая. У хрустального гроба](#)
- [Глава тринадцатая. Допрос](#)
- [Глава четырнадцатая. Узница подземелья](#)
- [Глава пятнадцатая. Собрание](#)
- [Глава шестнадцатая. Что придумал кусандра](#)
- [Глава семнадцатая. Кусандры больше нет!](#)

- [Козлик Иван Иванович](#)

- [1. Консилиум](#)
- [2. Легендарная эпоха](#)
- [3. Алиса решила: едем!](#)
- [4. Снова в замке](#)
- [5. Богатырский камень](#)
- [6. Когда волки шутят](#)
- [7. Слабовольный Великан](#)

- [8. Настоящий старик](#)
- [9. Как придумать колесо?](#)
- [10. Яблоня за рекой](#)
- [11. В разбойном лесу](#)
- [12. Встреча с Кусандрой](#)
- [13. Друзья и враги](#)
- [14. Бой с драконом](#)
- [15. В замке Ооха](#)
- [16. Второй консилиум](#)
- [17. Путешествие в Аравию](#)
- [18. Синдбад](#)
- [19. Путешествие на Содейду](#)
- [20. В пещере джиннов](#)
- [21. Возвращение к Шехерезаде](#)
- [22. Прощание](#)
- [23. Возвращение Ивана Ивановича](#)
- [Лиловый шар](#)
 - [1. Громозека и паук](#)
 - [4. Гипотеза Алисы](#)
 - [5. Подземный город](#)
 - [6. Тайна подземного города](#)
 - [7. Тюрьма на острове](#)
 - [8. Вирус ненависти](#)
 - [9. Эпоха легенд](#)
 - [10. Возвращение](#)
 - [11. Схватка на космодроме](#)
 - [12. В заповеднике сказок](#)
 - [13. Двадцать шесть тысяч лет назад](#)
 - [14. Герасик](#)
 - [15. Ошибка](#)
 - [16. Дракон Долгожеватель](#)
 - [17. Корабль с Бродяги](#)
 - [18. В погоню за шаром!](#)
 - [19. Полет](#)
 - [20. В горах](#)
 - [21. Как отделаться от шара](#)
- [Вокруг света за три часа](#)
- [Это вам не яблочный компот!](#)
- [Второгодники](#)
- [Это ты, Алиса?](#)
- [Гай-до](#)
 - [Гай-до](#)
 - [Гай-до и его госпожа](#)
 - [На планете пять-четыре](#)
 - [Исчезновение Ирии Гай](#)

- [Нужен космический корабль!](#)
- [Свалка в Сахаре](#)
- [Разумный корабль](#)
- [Гай-до рассказывает](#)
- [Сад под Вроцлавом](#)
- [Самоубийца](#)
- [Я с вами не полечу!](#)
- [Фестиваль на Гавайях](#)
- [Два зайца](#)
- [Полет с происшествиями](#)
- [Неуютная планета](#)
- [Поход](#)
- [Палата в цветочках](#)
- [Ирия Гай ищет мужа](#)
- [Вечный юноша](#)
- [Нельзя бояться пауков](#)
- [Встреча старых друзей](#)
- [В ожидании Алисы](#)
- [Бой в темном туннеле](#)
- [Стой, мы свои!](#)
- [Рассказ императрицы](#)
- [Грозная Ирия](#)
- [Разоблачение Зовастра](#)
- [Что же ты натворила?](#)
- [Перед гонками](#)
- [Гонки](#)
- [Победа и поражение](#)
- [Узники «Ямагири-Мару»](#)
 - [Подводное кладбище](#)
 - [Таинственный убийца](#)
 - [Атолл Моруту](#)
 - [В погоне за кладом](#)
 - [В плену](#)
 - [В поисках выхода](#)
 - [Спасение](#)
- [Конец Атлантиды](#)
 - [Глава 1. Совпадение как в романе](#)
 - [Глава 2. В подводном ущелье](#)
 - [Глава 3. Пленники атлантов](#)
 - [Глава 4. Смерть пришельцам!](#)
 - [Глава 5. Принцесса, куклы и сирены](#)
 - [Глава 6. Тайна Атлантиды](#)
 - [Глава 7. Победа госпожи Геры](#)
 - [Глава 8. Камеусы выходят на охоту](#)
 - [Глава 9. Бегство из Атлантиды](#)

- [Город без памяти \(Алиса в стране забвения\)](#)
 - [Вступление. О старых и новых знакомых](#)
 - [Глава 1. «Днепр» не отвечает](#)
 - [Глава 2. «Мы его найдем!»](#)
 - [Глава 3. Путь к загадочной планете](#)
 - [Глава 4. Тайна «Марии Целесты»](#)
 - [Глава 5. Гибель Меркурия](#)
 - [Глава 6. Дочь перевозчика](#)
 - [Глава 7. Пигмеи Атани](#)
 - [Глава 8. Встреча в лесу](#)
 - [Глава 9. История бандитского семейства](#)
 - [Глава 10. Ночь в замке](#)
 - [Глава 11. Кроты рассердились](#)
 - [Глава 12. В подвале замка](#)
 - [Глава 13. Вниз по реке](#)
 - [Глава 14. События на длинном острове](#)
 - [Глава 15. Опасный полет](#)
 - [Глава 16. Городские причалы](#)
 - [Глава 17. Совет в бывшем театре](#)
 - [Глава 18. Бегство](#)
 - [Глава 19. Невольничий рынок](#)
 - [Глава 20. В осаде](#)
 - [Глава 21. Дом кошмара](#)
 - [Глава 22. Фейерверк в лесу](#)
 - [Глава 23. Вечер с мудрецом](#)
 - [Глава 24. Убежище помников](#)
 - [Глава 25. Предательство](#)
 - [Глава 26. Гай-до дождался](#)
 - [Глава 27. Казнь забвения](#)
 - [Глава 28. Возвращение единорогов](#)
 - [Глава 29. В последний момент](#)
 - [Эпилог](#)
- [Чудовище у родника](#)
- [Подземная лодка](#)
 - [Глава 1. Дипломное путешествие](#)
 - [Глава 2. Кузнец Семен Иванович](#)
 - [Глава 3. Подземная лодка](#)
 - [Глава 4. Старший брат Гарольд](#)
 - [Глава 5. В глубинах земли](#)
 - [Глава 6. В гостях у племени охотников](#)
 - [Глава 7. Царство Четырехглазого](#)
 - [Глава 8. Во дворце Четырехглазого](#)
 - [Глава 9. Попытка бегства](#)
 - [Глава 10. Суд и приговор](#)
 - [Глава последняя. Возвращение блудного брата](#)

- [Клад Наполеона](#)
- [Война с лилипутами](#)
 - [Часть первая. Сражение в кустах](#)
 - [Глава 1. Судьба Христофора Колумба](#)
 - [Глава 2. По следам Гулливера](#)
 - [Глава 3. Перед путешествием](#)
 - [Глава 4. Ключ на старт!](#)
 - [Глава 5. Нападение скунусика](#)
 - [Глава 6. Мордашкин, пощади ребенка!](#)
 - [Глава 7. Аркаша исчез!](#)
 - [Глава 8. В поисках Аркаши](#)
 - [Глава 9. В плену у лилипутов](#)
 - [Глава 10. Завоеватели Земли](#)
 - [Глава 11. Гибель Мордашкина](#)
 - [Глава 12. Гераскин вступает в бой](#)
 - [Глава 13. Бабушкины драконы и скунусики](#)
 - [Часть вторая. Кто я?](#)
 - [Глава 1. Рассказ маленькой рабыни](#)
 - [Глава 2. Снова лилипуты!](#)
 - [Глава 3. Летим к рабовладельцам!](#)
 - [Глава 4. Как купить рабыню?](#)
 - [Глава 5. Гиганты и лилипуты](#)
 - [Глава 6. Тайна остается тайной](#)
 - [Часть третья. Погоня за прошлым](#)
 - [Глава 1. Кентавр из цирка](#)
 - [Глава 2. Воспоминания о неволе](#)
 - [Глава 3. Однодневки Фоки Гранта](#)
 - [Глава 4. Ресторан «Воды Водички»](#)
 - [Глава 5. Новый друг](#)
 - [Глава 6. Замок в пустыне](#)
 - [Глава 7. Пустынные кролики](#)
 - [Глава 8. Тайна папаши](#)
 - [Глава 9. Возвращение волшебников](#)
 - [Часть четвертая. В пиратском логове](#)
 - [Глава 1. Возьмите нас с собой!](#)
 - [Глава 2. Происшествие на космодроме](#)
 - [Глава 3. Музыкальный салон барабанов](#)
 - [Глава 4. Разговоры с учеными](#)
 - [Глава 5. Торговля людьми](#)
- [Золотой медвежонок](#)
- [Настоящее кино](#)
- [Алиса и крестоносцы](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Излучатель доброты \(Похищение\)](#)
 - [Глава 1. Оазис в пустыне](#)
 - [Глава 2. Исчезновение](#)
 - [Глава 3. Помощница графини Серафины](#)
 - [Глава 4. Следы ведут в Бангкок](#)
 - [Глава 5. Бандиты Золотого Треугольника](#)
- [Дети динозавров](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
- [Сыщик Алиса](#)
 - [Глава 1. Колеса для богомола](#)
 - [Глава 2. Водяной в пруду](#)
 - [Глава 3. Гости из Сказочного леса](#)
 - [Глава 4. Соловьи-разбойники](#)
 - [Глава 5. Сыщики принимают решение](#)
 - [Глава 6. Странный цирк](#)
 - [Глава 7. Привидения на барже](#)
- [Привидений не бывает](#)
 - [Глава 1. Призрак бродит по бульвару](#)
 - [Глава 2. Тайна черного сундука](#)
 - [Глава 3. Пашка, конечно, пропал](#)
 - [Глава 4. Путешествие в сундуке](#)
 - [Глава 5. Встреча с драконом](#)

- [Глава 6. В гостях у герцога](#)
- [Глава 7. Черная рука](#)
- [Глава 8. Пассажирка](#)
- [Глава 9. Поезд дальше не пойдет](#)
- [Глава 10. Полет над лесом](#)
- [Глава 11. Жители замка Кросскан](#)
- [Глава 12. Ужин в замке](#)
- [Глава 13. Подземный ход](#)
- [Глава 14. Последний парад](#)
- [Глава 15. Сдавайся, Дракула!](#)
- [Гость в кувшине](#)
 - [Глава 1. Нежданный джинн](#)
 - [Глава 2. Продай козу!](#)
 - [Глава 3. Мустафа и Бронтя](#)
 - [Глава 4. Кинозвезда Мустафа](#)
 - [Глава 5. Президент простой планеты](#)
 - [Глава 6. Письмо из Аравии](#)
 - [Глава 7. Алиса летит на планету Обиталище](#)
 - [Глава 8. Одинокый президент](#)
- [Опасные сказки](#)
 - [Глава 1. Кто муж Шехерезады?](#)
 - [Глава 2. Советание подо льдом](#)
 - [Глава 3. Вишня на голове](#)
 - [Глава 4. Лампа для Аладдина](#)
 - [Глава 5. Джинн для Аладдина](#)
 - [Глава 6. Аладдин в Багдаде](#)
 - [Глава 7. Бесплезный джинн](#)
 - [Глава 8. В плену у пиратов](#)
 - [Глава 9. Несчастье Рашида](#)
 - [Глава 10. Попугай и Минотавр](#)
 - [Глава 11. Неудачливый Икар](#)
 - [Глава 12. На пути в Крым](#)
 - [Глава 13. Хитрый Симеиз](#)
 - [Глава 14. В тайной пещере](#)
 - [Глава 15. На воздушном шаре](#)
 - [Глава последняя. Все проснулись](#)
- [Планета для тиранов](#)
 - [Глава 1. У папы пропали голкоры!](#)
 - [Глава 2. Что рисуют крестоноги?](#)
 - [Глава 3. Снова С Гай-до](#)
 - [Глава 4. Диктатор Уксу-ба](#)
 - [Глава 5. Плавать вредно](#)
 - [Глава 6. Что украл Уксу-ба](#)
 - [Глава 7. Порошок от насекомых](#)
 - [Глава 8. Инспектор Карло не доверяет](#)

- [Глава 9. Гай-до спешит на помощь](#)
- [Глава 10. Вид на тиранов с орбиты](#)
- [Глава 11. Здравствуйте, мы тираны!](#)
- [Глава 12. Ловушка для инспектора](#)
- [Глава 13. В темном подполе](#)
- [Глава 14. Пристрели меня!](#)
- [Глава 15. Несчастный русал](#)
- [Глава 16. Наш союзник Уксу-ба](#)
- [Глава 17. Гай-до идет на помощь](#)
- [Глава 18. Бойцы бронепоезда](#)
- [Глава 19. Наступает решительный бой](#)
- [Глава 20. Подводный Бык и его крокодилы](#)
- [Глава 21. Нескладная судьба Подводного Быка](#)
- [Глава 22. Прилет пиратов](#)
- [Глава 23. Как погиб тиран](#)
- [Глава 24. Кто страшнее?](#)
- [Глава 25. Абсолютное оружие](#)
- [Секрет чёрного камня](#)
 - [Глава без номера и названия](#)
 - [Глава 1. Спокойный ужин](#)
 - [Глава 2. Бабушка летит с нами!](#)
 - [Глава 3. Домкрат для дракона](#)
 - [Глава 4. Внутри чудовища](#)
 - [Глава 5. Кто смеется последним](#)
 - [Глава 6. Черная загадка](#)
 - [Глава 7. Медуза не виновата](#)
 - [Глава 8. Ребус долины Паско](#)
 - [Глава 9. Колумб, начни сначала!](#)
 - [Глава 10. Где буука](#)
 - [Глава 11. Суперлягушка в суперболоте](#)
 - [Глава 12. А лягушка все ждет...](#)
 - [Глава 13. Еще одна пропажа](#)
 - [Глава 14. Мы проголодались!](#)
 - [Глава 15. Космопорт на пересадке](#)
 - [Глава 16. Посольство никакой страны](#)
 - [Глава 17. Алиса-камень](#)
 - [Глава 18. Маленькие солдаты](#)
 - [Глава 19. Столовая для добровольцев](#)
 - [Глава 20. Юные истребители](#)
 - [Глава 21. Воздушный налет](#)
 - [Глава 22. Бой в воздухе](#)
 - [Глава 23. Пленники](#)
 - [Глава 24. Центр космической связи](#)
 - [Глава 25. Невесты](#)
 - [Глава последняя. Без номера и названия](#)

- [Алиса и чудовище](#)
 - [Глава 1. Герасик в опасности!](#)
 - [Глава 2. Снова в эпохе легенд](#)
 - [Глава 3. Другое королевство](#)
 - [Глава 4. Капризный государь](#)
 - [Глава 5. Королева хочет помочь](#)
 - [Глава 6. Неудачное бегство](#)
 - [Глава 7. Жестокий приговор](#)
 - [Глава 8. Пленница в лесу](#)
 - [Глава 9. В замке дракона](#)
 - [Глава 10. «Я прошу тебя, Алиса!»](#)
 - [Глава 11. Сказочный поцелуй](#)
 - [Глава 12. Письмо пирату](#)
- [Алиса на живой планете \(Насморк и лопата\)](#)
- [Алиса в Гусяре](#)
- [Звёздный пес](#)
 - [Глава 1. Звездный пес и его хозяин](#)
 - [Глава 2. Звездный пес в Москве](#)
 - [Глава 3. Гость Космозо](#)
 - [Глава 4. Комиссар Милодар](#)
 - [Глава 5. Отлет «Пегаса»](#)
 - [Глава 6. Совет Громозеки](#)
 - [Глава 7. Сто тысяч футболистов](#)
 - [Глава 8. Красивая мама](#)
 - [Глава 9. Теплица без солнца](#)
 - [Глава 10. Вулкан погас](#)
 - [Глава 11. Судьба Милодара](#)
 - [Глава 12. Шкомерздет](#)
 - [Глава 13. Несчастное животное](#)
 - [Глава 14. Гадкий ребенок](#)
 - [Глава 15. Первый день в школе](#)
 - [Глава 16. Уроки подлости](#)
 - [Глава 17. Лучшая ученица](#)
 - [Глава 18. Алиса подслушивает](#)
 - [Глава 19. Кто полезет в вулкан?](#)
 - [Глава 20. Разговор с генералом](#)
 - [Глава 21. Мерзавчики на вулкане](#)
 - [Глава 22. Где скрывался генерал Бесф?](#)
 - [Глава 23. Путешествие без звездного пса](#)
 - [Глава 24. Возвращение звездного пса](#)
 - [Глава 25. Подарок Бахшира](#)
- [Вампир Полумракс](#)
 - [Глава 1. Замок на острове](#)
 - [Глава 2. Кто живет в Палеозо?](#)
 - [Глава 3. Подземелья острова Элис](#)

- [Глава 4. Спаси меня, Бронтя!](#)
- [Глава 5. Ржавая иголка в яйце](#)
- [Глава 6. Молодая привидения](#)
- [Глава 7. Схватка с оборотнями](#)
- [Глава 8. Разговор на башне](#)
- [Глава 9. Бегство из замка](#)
- [Глава 10. На ковре-самолете](#)
- [Глава 11. Тайна «Марии-Целесты»](#)
- [Глава 12. Сокровища друидов](#)
- [Глава 13. Кораблекрушение](#)
- [Глава 14. Сундуки и шкатулки](#)
- [Глава 15. Два директора](#)
- [Сапфировый венец \(Пленники пещеры\)](#)
 - [Глава 1. Надпись на черепахе](#)
 - [Глава 2. Двести пятьдесят лет назад](#)
 - [Глава 3. Пещера на острове](#)
 - [Глава 4. Музей в бычках](#)
 - [Глава 5. Сильвер и его попугай](#)
 - [Глава 6. Пленники пещеры](#)
 - [Глава 7. Бегство с острова](#)
- [Заколдованный король](#)
 - [Глава 1. Узники королевского замка](#)
 - [Глава 2. Оболочники на Элени](#)
 - [Глава 3. В гости к бригитте!](#)
 - [Глава 4. Кукольные домики](#)
 - [Глава 5. Аукцион игрушек](#)
 - [Глава 6. Семь кукол](#)
 - [Глава 7. Одна дома](#)
 - [Глава 8. Переодетый пират](#)
 - [Глава 9. Бакшгир ищет друга](#)
 - [Глава 10. Гибель черного квадрата](#)
- [Алиса и Алисия](#)
 - [Глава 1. Заповедник на Суматре](#)
 - [Глава 2. Корабль из того мира](#)
 - [Глава 3. Алиса в плену](#)
 - [Глава 4. Милодар постарел](#)
 - [Глава 5. Беглецы](#)
 - [Глава 6. Пашка десять лет спустя](#)
 - [Глава 7. Мотыльки для Алисии](#)
- [Уроды и красавцы](#)
 - [Глава 1. На Земле](#)
 - [Глава 2. Кто такой Гай-до?](#)
 - [Глава 3. Долина Семи Копыт](#)
 - [Глава 4. Чудовище, похожее на паука](#)
 - [Глава 5. Чей корабль?](#)

- [Глава 6. Новые друзья Гераскина](#)
- [Глава 7. Разговор с паучищами](#)
- [Глава 8. Нам нужна пицца!](#)
- [Глава 9. Гай-до сомневается](#)
- [Глава 10. Гай-до сражается](#)
- [Глава 11. Накормим пауков](#)
- [Алиса и ее друзья в лабиринтах истории](#)
 - [Древние тайны](#)
 - [Глава первая. Историческая практика](#)
 - [Глава вторая. Незнакомое насекомое](#)
 - [Глава третья. Всем по тайне](#)
 - [Глава четвертая. Взятчик Сильвер](#)
 - [Глава пятая. Спутник Шпигли](#)
 - [Глава шестая. Настоящие динозавры!](#)
 - [Глава седьмая. Космический бой](#)
 - [Глава восьмая. Беглецы на берегу](#)
 - [Глава девятая. Как спасти пришельцев?](#)
 - [Глава десятая. Сильвер на коврике](#)
 - [Глава одиннадцатая. Потерялся ребенок!](#)
 - [Глава двенадцатая. И бочонок рома!](#)
 - [Пашка-троглодит](#)
 - [Глава первая. Робот наоборот](#)
 - [Глава вторая. Наши мохнатые предки](#)
 - [Глава третья. Неандертальцы в бассейне](#)
 - [Глава четвертая. Взгляд в прошлое](#)
 - [Глава пятая. Везунчик](#)
 - [Глава шестая. Изобретатель](#)
 - [Глава седьмая. Рыбобой](#)
 - [Глава восьмая. Тигриный клык](#)
 - [Глава девятая. В пещеру пришел медведь](#)
 - [Глава десятая. В плену](#)
 - [Глава одиннадцатая. Пришелец Берендей](#)
 - [Глава двенадцатая. Голубые кролики](#)
 - [Глава тринадцатая. Смерть Седому!](#)
 - [Глава четырнадцатая. Встреча в Кремле](#)
 - [Чулан Синей Бороды](#)
 - [Глава первая. Задание для Алисы](#)
 - [Глава вторая. Бабушка — тут как тут!](#)
 - [Глава третья. Упрямая самобранка](#)
 - [Глава четвертая. Убитый портрет](#)
 - [Глава пятая. Рукопись Платона](#)
 - [Глава шестая. Меч в камне](#)
 - [Глава седьмая. Надо познакомиться с Мерлином](#)
 - [Глава восьмая. Младший брат Кэя](#)
 - [Глава девятая. Кто хозяин меча?](#)

- [Глава десятая. Пыльная черепаха](#)
- [Глава одиннадцатая. Ее зовут Клеопатрой](#)
- [Глава двенадцатая. Шляпа Наполеона](#)
- [Глава тринадцатая. Портрет в подарок](#)
- [Глава четырнадцатая. Гибель Атлантиды](#)
- [Глава пятнадцатая. Где искать Платона?](#)
- [Глава шестнадцатая. Алиса и пастушонок](#)
- [Глава семнадцатая. Торговец книгами](#)
- [Глава восемнадцатая. Платон в беде](#)
- [Глава девятнадцатая. Нужен клад!](#)
- [Глава двадцатая. Сокровища в озере](#)
- [Глава двадцать первая. Красивый раб](#)
- [Глава двадцать вторая. Лучше рассказать правду!](#)
- [Глава двадцать третья. Тайна черепахи](#)
- [Глава двадцать четвертая. Задание выполнено!](#)
- [Драконозавр](#)
 - [Глава первая. Магдалина в институте времени](#)
 - [Глава вторая. Магдалина в мезозое](#)
 - [Глава третья. Назовем его драконозавром!](#)
 - [Глава четвертая. Пленница времени](#)
 - [Глава пятая. Магдалина в Шервудском лесу](#)
 - [Глава шестая. Ремонтники почти не виноваты](#)
 - [Глава седьмая. Вы не видели Змея Горыныча?](#)
 - [Глава восьмая. Здравствуй, я — Баба-яга!](#)
 - [Глава девятая. Покажите мне вашего дракона](#)
 - [Глава десятая. Краковские школяры](#)
 - [Глава одиннадцатая. Юноша из Флоренции](#)
 - [Глава двенадцатая. Ночь в герцогстве Бретань](#)
 - [Глава тринадцатая. Замок герцога](#)
 - [Глава четырнадцатая. Тайный друг герцога](#)
 - [Глава пятнадцатая. Предатель Прелати](#)
 - [Глава шестнадцатая. Маркиза и ее дочь](#)
 - [Глава семнадцатая. Доктор Флибустьер](#)
 - [Глава восемнадцатая. Поход на дракона](#)
 - [Глава девятнадцатая. В подвале с дракошей](#)
 - [Глава двадцатая. Дракон и гости](#)
 - [Глава двадцать первая. Ловушка для Робина Гуда](#)
 - [Глава двадцать вторая. Магдалина у разбойников](#)
 - [Глава двадцать третья. Охота на дракона](#)
 - [Глава двадцать четвертая. Ночной бой](#)
 - [Эпилог](#)
- [Принцы в башне](#)
 - [Глава первая. Король на охоте](#)
 - [Глава вторая. Девочка и вепрь](#)
 - [Глава третья. Заговор Глостера](#)

- [Глава четвертая. События в замке Ладлоу](#)
- [Глава пятая. Алиса в Москве](#)
- [Глава шестая. Возвращение в Англию](#)
- [Глава седьмая. Монахиня ордена кармелиток](#)
- [Глава восьмая. Ночной пожар](#)
- [Глава девятая. На постоялом дворе](#)
- [Глава десятая. Предупреждение](#)
- [Глава одиннадцатая. Путь в западню](#)
- [Глава двенадцатая. В западне](#)
- [Глава тринадцатая. Бегство в Вестминстер](#)
- [Глава четырнадцатая. Похищение](#)
- [Глава пятнадцатая. Драгоценности королевы](#)
- [Глава шестнадцатая. Лазутчица в Тауэре](#)
- [Глава семнадцатая. Пропавший документ](#)
- [Глава восемнадцатая. Королем буду я!](#)
- [Глава девятнадцатая. Встреча на террасе](#)
- [Глава двадцатая. Сделка с констеблем](#)
- [Глава двадцать первая. Необыкновенная кошка](#)
- [Глава двадцать вторая. Визит Глостера](#)
- [Глава двадцать третья. Коронация](#)
- [Глава двадцать четвертая. Восстание Бэкингема](#)
- [Глава двадцать пятая. Кошка едет в лес](#)
- [Глава двадцать шестая. Нападение лесной нечисти](#)
- [Глава двадцать седьмая. Битва у Маркет-Босворта](#)
- [Глава двадцать восьмая. Алиса уходит из леса](#)
- [Глава двадцать девятая. Расставание с принцами](#)
- [Глава тридцатая. Фигурист Ричард Йорк](#)
- [Повести об Алисе для детей младшего возраста](#)
 - [Королева пиратов на острове сказок](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [Колдун и Снегурочка \(Алиса и Снегурочка\)](#)
 - [1. Как профессор Колба поссорился с роботом Полей](#)
 - [2. Как Алиса получила письмо от профессора](#)
 - [3. Переодетые пираты](#)
 - [4. Заколдованный профессор](#)
 - [5. Возвращение снегурочки](#)
 - [Алиса на планете загадок](#)
 - [Алиса и дракон \(Страшное, зеленое, колючее\)](#)
 - [1. Два кота, два робота](#)
 - [2. Пашка и дракон](#)
 - [3. Ёлка для малыша](#)

- [4. Семейные очки](#)
- [5. Желтая веревка](#)
- [Алиса и притворщики](#)
 - [Глава 1. Торговец зверями](#)
 - [Глава 2. Голубая птицекошка](#)
 - [Глава 3. Дневник путешественника](#)
 - [Глава 4. Привет от мамы!](#)
 - [Глава 5. Тайна планеты Миллениум](#)
 - [Глава 6. Влюбленная заноза](#)
 - [Глава 7. Другой Пашка](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
-

Кир Булычев
Приключения Алисы

Девочка, с которой ничего не случится

Рассказы о жизни маленькой девочки в
XXI веке, записанные ее отцом

Вместо предисловия

Завтра Алиса идет в школу. Это будет очень интересный день. Сегодня с утра видеофонят ее друзья и знакомые, и все ее поздравляют. Правда, Алиса и сама уже три месяца как никому покоя не дает — рассказывает о своей будущей школе.

Марсианин Бус прислал ей какой-то удивительный пенал, который пока что никто не смог открыть — ни я, ни мои сослуживцы, среди которых, кстати, было два доктора наук и главный механик зоопарка.

Шуша сказал, что пойдет в школу вместе с Алисой и проверит, достаточно ли опытная учительница ей достанется.

Удивительно много шума. По-моему, когда я уходил в первый раз в школу, никто не поднимал такого шума.

Сейчас суматоха немного утихла. Алиса ушла в зоопарк попрощаться с Бронтей.

А пока дома тихо, я решил надиктовать несколько историй из жизни Алисы и ее друзей. Я перешлю эти записки Алисиной учительнице. Ей полезно будет знать, с каким несерьезным человеком ей придется иметь дело. Может быть, эти записки помогут учительнице воспитать мою дочку.

Сначала Алиса была ребенок как ребенок. Лет до трех. Доказательством тому — первая история, которую я собираюсь рассказать. Но уже через год, когда она встретила с Бронтей, в ее характере обнаружилось умение делать все не как положено, исчезать в самое неподходящее время и даже случайно делать открытия, которые оказались не по силам крупнейшим ученым современности. Алиса умеет извлекать выгоду из хорошего к себе отношения, но тем не менее у нее масса верных друзей. Нам же, ее родителям, бывает очень трудно. Ведь мы не можем все время сидеть дома; я работаю в зоопарке, а наша мама строит дома, и притом часто на других планетах.

Я хочу заранее предупредить учительницу Алисы — ей тоже будет, наверно, нелегко. Пускай же она внимательно выслушает совершенно правдивые истории, случившиеся с девочкой Алисой в разных местах Земли и космоса в течение последних трех лет.

Я набираю номер

Алиса не спит. Десятый час, а она не спит. Я сказал:

— Алиса, спи немедленно, а то...

— Что «а то», папа?

— А то я провидеофоню бабе-яге.

— А кто такая баба-яга?

— Ну, это детям надо знать. Баба-яга костяная нога — страшная, злая бабушка, которая кушает маленьких детей. Непослушных.

— Почему?

— Ну, потому что она злая и голодная.

— А почему голодная?

— Потому что у нее в избушке нет продуктопровода.

— А почему нет?

— Потому что избушка у нее старая-престарая и стоит далеко в лесу.

Алисе стало так интересно, что она даже села на кровати.

— Она в заповеднике работает?

— Алиса, спать немедленно!

— Но ты ведь обещал позвать бабу-ягу. Пожалуйста, папочка, дорогой, позови бабу-ягу!

— Я позову. Но ты об этом очень пожалеешь.

Я подошел к видеофону и наугад нажал несколько кнопок. Я был уверен, что соединения не будет и бабы-яги «не окажется дома».

Но я ошибся. Экран видеофона просветлел, загорелся ярче, раздался щелчок — кто-то нажал кнопку приема на другом конце линии, и еще не успело появиться на экране изображение, как сонный голос сказал:

— Марсианское посольство слушает.

— Ну как, папа, она придет? — крикнула из спальни Алиса.

— Она уже спит, — сердито сказал я.

— Марсианское посольство слушает, — повторил голос.

Я повернулся к видеофону. На меня смотрел молодой марсианин. У него были зеленые глаза без ресниц.

— Простите, — сказал я, — я, очевидно, ошибся номером.

Марсианин улыбнулся. Он смотрел не на меня, а на что-то за моей спиной. Ну конечно, Алиса выбралась из кровати и стояла босиком на полу.

— Добрый вечер, — сказала она марсианину.

— Добрый вечер, девочка.

— Это у вас живет баба-яга?

Марсианин вопросительно посмотрел на меня.

— Понимаете, — сказал я, — Алиса не может заснуть, и я хотел провидеофонить бабе-яге, чтобы она ее наказала. Но вот ошибся номером.

Марсианин снова улыбнулся.

— Спокойной ночи, Алиса, — сказал он. — Надо спать, а то папа позовет бабу-ягу.

Марсианин попрощался со мной и отключился.

— Ну, теперь ты пойдешь спать? — спросил я. — Ты слышала, что сказал тебе дядя с Марса?

— Пойду. А ты возьмешь меня на Марс?

— Если будешь хорошо себя вести, летом туда полетим.

В конце концов Алиса уснула, и я снова сел за работу. И засиделся до часу ночи. А в час вдруг приглушенно заверещал видеофон. Я нажал кнопку. На меня глядел марсианин из посольства.

— Извините, пожалуйста, что я побеспокоил вас так поздно, — сказал он, — но ваш видеофон не отключен, и я решил, что вы еще не спите.

— Пожалуйста.

— Вы не могли бы помочь нам? — сказал марсианин. — Все посольство не спит. Мы перерыли все энциклопедии, изучили видеофонную книгу, но не можем найти, кто такая баба-яга и где она живет...

К нам в Московский зоопарк привезли яйцо бронтозавра. Яйцо нашли чилийские туристы в оползне на берегу Енисея. Яйцо было почти круглое и замечательно сохранилось в вечной мерзлоте. Когда его начали изучать специалисты, то они обнаружили, что яйцо совсем свежее. И поэтому решено было поместить его в зоопарковский инкубатор.

Конечно, мало кто верил в успех, но уже через неделю рентгеновские снимки показали, что зародыш бронтозавра развивается. Как только об этом было объявлено по интервидению, в Москву начали слетаться со всех сторон ученые и корреспонденты. Нам пришлось забронировать всю восьмидесятиэтажную гостиницу «Венера» на Тверской улице. Да и то она всех не вместила. Восемь турецких палеонтологов спали у меня в столовой, я поместился в кухне с журналистом из Эквадора, а две корреспондентки журнала «Женщины Антарктиды» устроились в спальне Алисы.

Когда наша мама провидеофонила вечером из Нукуса, где она строит стадион, она решила, что не туда попала.

Все телеспутники мира показывали яйцо. Яйцо сбоку, яйцо спереди; скелеты бронтозавра и яйцо...

Конгресс космофилологов в полном составе приехал на экскурсию в зоопарк. Но к тому времени мы уже прекратили доступ в инкубатор, и филологам пришлось смотреть на белых медведей и марсианских богомоллов.

На сорок шестой день такой сумасшедшей жизни яйцо вздрогнуло. Мы с моим другом профессором Якатой сидели в этот момент у колпака, под которым хранилось яйцо, и пили чай. Мы уже перестали верить в то, что из яйца кто-нибудь выведется. Ведь мы больше его не просвечивали, чтобы не повредить нашему «младенцу». И мы не могли заниматься предсказаниями хотя бы потому, что никто до нас не пробовал выводить бронтозавров.

Так вот, яйцо вздрогнуло, еще раз... треснуло, и сквозь толстую кожистую скорлупу начала просовываться черная, похожая на змеиную, голова. Застрекотали автоматические съемочные камеры. Я знал, что над дверью инкубатора зажегся красный огонь. На территории зоопарка началось что-то весьма напоминающее панику.

Через пять минут вокруг нас собрались все, кому положено было здесь находиться, и многие из тех, кому находиться было совсем не обязательно, но очень хотелось. Сразу стало очень жарко.

Наконец из яйца вылез маленький бронтозавренок.

— Папа, как его зовут? — услышал я вдруг знакомый голос.

— Алиса! — удивился я. — Ты как сюда попала?

— Я с корреспондентами.

— Но ведь детям сюда нельзя.

— Мне можно. Я всем говорила, что я твоя дочка. И меня пустили.

— Ты знаешь, что пользоваться знакомствами для личных целей нехорошо?

— Но ведь, папа, маленькому Бронте, может быть, скучно без детей, вот я и пришла.

Я только рукой махнул. У меня не было ни минуты свободной, чтобы вывести Алису из инкубатора. И не было вокруг никого, кто согласился бы это сделать за меня.

— Стой здесь и никуда не уходи, — сказал я ей, а сам бросился к колпаку с новорожденным бронтозавром.

Весь вечер мы с Алисой не разговаривали. Поссорились. Я запретил ей появляться в

инкубаторе, но она сказала, что не может меня послушаться, потому что ей жалко Бронтью. И на следующий день она снова пробралась в инкубатор. Ее провели космонавты с корабля «Юпитер-8». Космонавты были героями, и никто не мог отказать им.

— Доброе утро, Бронтя, — сказала она, подходя к колпаку.

Бронтозавренок искоса посмотрел на нее.

— Чей это ребенок? — строго спросил профессор Яката.

Я чуть сквозь землю не провалился. Но Алиса за словом в карман не лезет.

— Я вам не нравлюсь? — спросила она.

— Нет, что вы, совсем наоборот... Я просто подумал, что вы, может быть, потерялись... — Профессор совсем не умел разговаривать с маленькими девочками.

— Ладно, — сказала Алиса. — Я к тебе, Бронтя, завтра зайду. Не скучай.

И Алиса в самом деле пришла завтра. И приходила почти каждый день. Все к ней привыкли и пропускали без всяких разговоров. Я же умыл руки. Все равно наш дом стоит рядом с зоопарком, дорогу переходить нигде не надо, да и попугайчики ей всегда находились.

Бронтозавр быстро рос. Через месяц он достиг двух с половиной метров длины, и его перевели в специально выстроенный павильон. Бронтозавр бродил по огороженному загону и жевал молодые побеги бамбука и бананы. Бамбук привозили грузовыми ракетами из Индии, а бананами нас снабжали фермеры из Малаховки.

В цементном бассейне посреди загона плескалась теплая солоноватая вода. Такая нравилась бронтозавру.

Но вдруг он потерял аппетит. Три дня бамбук и бананы оставались нетронутыми. На четвертый день бронтозавр лег на дно бассейна и положил на пластиковый борт маленькую черную голову. По всему было видно, что он собирается умирать. Этого мы не могли допустить. Ведь у нас был всего один бронтозавр. Лучшие врачи мира помогали нам. Но все было напрасно. Бронтя отказывался от травы, витаминов, апельсинов, молока — от всего.

Алиса не знала об этой трагедии. Я ее отправил к бабушке во Внуково. Но на четвертый день она включила телевизор как раз в тот момент, когда передавали сообщение об ухудшении здоровья бронтозавра. Я уж не знаю, как она уговорила бабушку, но в то же утро Алиса вбежала в павильон.

— Папа! — закричала она. — Как ты мог скрыть от меня? Как ты мог?.. — Потом, Алиса, потом, — ответил я. — У нас совещание.

У нас и в самом деле шло совещание. Оно не прекращалось последние три дня.

Алиса ничего не сказала и отошла. А еще через минуту я услышал, как рядом кто-то ахнул. Я обернулся и увидел, что Алиса уже перебралась через барьер, соскользнула в загон и побежала к морде бронтозавра. В руке у нее была белая булка.

— Ешь, Бронтя, — сказала она, — а то они тебя здесь голодом заморят. Мне бы тоже на твоём месте надоели бананы.

И не успел я добежать до барьера, как случилось невероятное. То, что прославило Алису и сильно испортило репутацию нам, биологам.

Бронтозавр поднял голову, посмотрел на Алису и осторожно взял булку у нее из рук.

— Тише, папа, — погрозила мне пальцем Алиса, увидев, что я хочу перепрыгнуть через барьер. — Бронтя тебя боится.

— Он ей ничего не сделает, — сказал профессор Яката.

Я и сам видел, что он ничего не сделает. Но что будет, если эту сцену увидит бабушка?

Потом ученые долго спорили. Спорят и до сих пор. Одни говорят, что Бронтя нуждался

в перемене пищи, а другие — что он больше, чем нам, доверял Алисе. Но так или иначе кризис миновал.

Теперь Бронтя стал вполне ручным. Хотя в нем около тридцати метров длины, для него нет большего удовольствия, чем покатать на себе Алису. Один из моих ассистентов сделал специальную стремянку, и, когда Алиса приходит в павильон, Бронтя протягивает в угол свою длинную шею, берет треугольными зубами стоящую там стремянку и ловко подставляет ее к своему черному блестящему боку.

Потом он катает Алису по павильону или плавает с ней в бассейне.

Как я обещал Алисе, я взял ее с собой на Марс, когда полетел туда на конференцию. Долетели мы благополучно. Правда, я не очень хорошо переношу невесомость и поэтому предпочитал не вставать с кресла, но моя дочка все время порхала по кораблю, и однажды мне пришлось снимать ее с потолка рубки управления, потому что она хотела нажать на красную кнопку, а именно: на кнопку экстренного торможения. Но пилоты на нее не очень рассердились.

На Марсе мы осмотрели город, съездили с туристами в пустыню и побывали в Больших пещерах. Но после этого мне некогда было заниматься с Алисой, и я отдал ее на неделю в интернат.

На Марсе работает много наших специалистов, и марсиане помогли нам построить громадный купол детского городка. В городке хорошо — там растут настоящие земные деревья. Иногда ребятишки ездят на экскурсии. Тогда они надевают маленькие скафандры и выходят вереницей на улицу.

Татьяна Петровна — так зовут воспитательницу — сказала, что я могу не беспокоиться. Алиса тоже сказала, чтобы я не беспокоился. И мы попрощались с ней на неделю.

А на третий день Алиса пропала. Это было совершенно исключительное происшествие. Начать с того, что за всю историю интерната никто из него не пропал и даже не терялся больше чем на десять минут. На Марсе в городе потеряться совершенно невозможно. А тем более земному ребенку, одетому в скафандр. Первый же встречный марсианин приведет его обратно. А роботы? А Служба безопасности? Нет, потеряться на Марсе невозможно.

Но Алиса потерялась.

Ее не было уже около двух часов, когда меня вызвали с конференции и на марсианском вездеходе-прыгуне привезли в интернат. Вид у меня был, наверно, растерянный, потому что, когда я появился под куполом, все собравшиеся там сочувственно замолчали.

А кого там только не было! Все преподаватели и роботы интерната, десять марсиан в скафандрах (им приходится надевать скафандры, когда они входят под купол, в земной воздух), звездолетчики, начальник спасателей Назарян, археологи...

Оказывается, телестанция города уже час как через каждые три минуты передавала сообщение о том, что пропала девочка с Земли. Все видеофоны Марса горели тревожными сигналами. В марсианских школах были прекращены занятия, и школьники, разделившись на группы, прочесывали город и окрестности.

Исчезновение Алисы обнаружили, как только ее группа вернулась с прогулки. С тех пор прошло два часа. Кислорода же в ее скафандре — на три часа.

Я, зная свою дочку, спросил, осмотрели ли укромные места в самом интернате или рядом с ним. Может быть, она нашла марсианского богомола и наблюдает за ним...

Мне ответили, что подвалов в городе нет, а все укромные места обследованы школьниками и студентами марсианского университета, которые эти места знают назубок.

Я рассердился на Алису. Ну конечно, сейчас она с самым невинным видом выйдет из-за угла. А ведь ее поведение натворило в городе больше бед, чем песчаная буря. Все марсиане и все земляне, живущие в городе, оторваны от своих дел, поднята на ноги вся спасательная служба. К тому же мной всерьез овладело беспокойство. Это ее приключение могло плохо кончиться.

Все время поступали сообщения от поисковых партий: «Школьники второй

марсианской прогимназии осмотрели стадион. Алисы нет», «Фабрика марсианских сладостей сообщает, что ребенка на ее территории не обнаружено...»

«Может быть, она в самом деле умудрилась выбраться в пустыню? — думал я. — В городе ее бы уже нашли. Но пустыня... Марсианские пустыни еще толком не изучены, и там можно потеряться так, что тебя и через десять лет не найдут. Но ведь ближайшие районы пустыни уже обследованы на прыгунах-вездеходах...»

— Нашли! — вдруг закричал марсианин в синем хитоне, глядя в карманный телевизор.

— Где? Как? Где? — заволновались собравшиеся под куполом.

— В пустыне. В двухстах километрах отсюда.

— В двухстах?!

«Конечно, — подумал я, — они не знают Алису. От нее этого можно было ждать».

— Девочка себя хорошо чувствует и скоро будет здесь.

— А как же она туда забралась?

— На почтовой ракете.

— Ну конечно! — сказала Татьяна Петровна и заплакала. Она переживала больше всех. Все бросились ее утешать.

— Мы же проходили мимо почтамта, и там загружались автоматические почтовые ракеты. Но я не обратила внимания. Ведь их видишь по сто раз на дню!

А когда через десять минут марсианский летчик ввел Алису, все стало ясно.

— Я туда залезла, чтобы взять письмо, — сказала Алиса.

— Какое письмо?

— А ты, папа, сказал, что мама напишет нам письмо. Вот я и заглянула в ракету, чтобы взять письмо.

— Ты забралась внутрь?

— Ну конечно. Дверца была открыта, и там лежало много писем.

— А потом?

— Только я туда залезла, как дверь закрылась, и ракета полетела. Я стала искать кнопку, чтобы ее остановить. Там много кнопок. Когда я нажала последнюю, ракета пошла вниз, и потом дверь открылась. Я вышла, а вокруг песок, и тети Тани нет, и ребят нет.

— Она нажала кнопку срочной посадки! — с восхищением в голосе сказал марсианин в синем хитоне.

— Я немного поплакала, а потом решила идти домой.

— А как ты догадалась, куда идти?

— Я забралась на горку, чтобы посмотреть оттуда. А в горке была дверца. С горки ничего не было видно. Тогда я вошла в комнатку и села там.

— Какая дверца? — удивился марсианин. — В том районе только пустыня.

— Нет, там была дверца и комната. А в комнате стоит большой камень. Как египетская пирамида. Только маленькая. Помнишь, папа, ты читал мне книжку про египетскую пирамиду?

Неожиданное заявление Алисы привело в сильное волнение марсиан и Назаряна, начальника спасателей.

— Тутексы! — закричали они.

— Где нашли девочку? Координаты!

И половину присутствующих как языком слизнуло.

А Татьяна Петровна, которая взялась сама накормить Алису, рассказала мне, что много

тысяч лет назад на Марсе существовала таинственная цивилизация тутексов. От нее остались только каменные пирамидки. До сих пор ни марсиане, ни археологи с Земли не смогли найти ни одного строения тутексов — только пирамидки, разбросанные по пустыне и занесенные песком. И вот Алиса случайно наткнулась на строение тутексов.

— Вот видишь, тебе опять повезло, — сказал я. — Но все-таки я немедленно увожу тебя домой. Там теряйся сколько хочешь. Без скафандра.

— Мне тоже больше нравится теряться дома, — сказала Алиса...

Через два месяца я прочел в журнале «Вокруг света» статью под названием «Вот какими были тутексы». В ней рассказывалось, что в марсианской пустыне удалось наконец обнаружить ценнейшие памятники тутекской культуры. Сейчас ученые заняты расшифровкой надписей, найденных в помещении. Но самое интересное — на пирамидке обнаружено изображение тутекса, великолепное по сохранности. И тут же была фотография пирамидки с портретом тутекса.

Портрет показался мне знакомым. И страшное подозрение охватило меня.

— Алиса, — очень строго сказал я, — признайся честно, ты ничего не рисовала на пирамидке, когда потерялась в пустыне?

Перед тем как ответить, Алиса подошла ко мне и внимательно посмотрела на картинку в журнале.

— Правильно. Это ты нарисован, папочка. Только я не рисовала, а нацарапала камешком. Мне там так скучно было...

Застенчивый Шуша

У Алисы много знакомых зверей: два котенка; марсианский богомол, который живет у нее под кроватью и по ночам подражает балалайке; ежик, который жил у нас недолго, а потом ушел обратно в лес; бронтозавр Бронтя — к нему Алиса ходит в гости в зоопарк; и, наконец, соседская собака Рекс, по-моему, карликовая такса не очень чистых кровей.

Еще одним зверем Алиса обзавелась, когда вернулась первая экспедиция с Сириуса.

Алиса познакомилась с Полосковым на встрече этой экспедиции. Я не знаю, как она это устроила: у Алисы широкие связи. Так или иначе, она оказалась среди ребят, которые принесли космонавтам цветы. Представьте мое удивление, когда я вижу по телевизору — бежит Алиса по летному полю с букетом голубых роз больше ее самой и вручает его самому Полоскову.

Полосков взял ее на руки, они вместе слушали приветственные речи и вместе ушли.

Алиса вернулась домой только вечером с большой красной сумкой в руках.

— Ты где была?

— Больше всего я была в детском саду, — ответила она.

— А меньше всего где ты была?

— Нас еще возили на космодром.

— И потом?

Алиса поняла, что я смотрел телевизор, и сказала:

— Еще меня попросили поздравить космонавтов.

— Кто же это тебя попросил?

— Один человек, ты его не знаешь.

— Алиса, тебе не приходилось сталкиваться с термином «телесные наказания»?

— Знаю, это когда шлепают. Но, я думаю, только в сказках.

— Боюсь, что придется сказку сделать былью. Почему ты всегда лезешь куда не следует?

Алиса хотела было на меня обидеться, но вдруг красная сумка у нее в руке зашевелилась.

— Это еще что такое?

— Это подарок от Полоскова.

— Ты выпросила себе подарок! Этого еще не хватало!

— Я ничего не выпрашивала. Это Шуша. Полосков привез их с Сириуса. Маленький шуша, шушонок, можно сказать.

И Алиса осторожно достала из сумки маленького шестилапого зверька, похожего на кенгуренка. У шушонка были большие стрекозиные глаза. Он быстро вращал ими, крепко вцепившись верхней парой лап в Алисин костюм.

— Видишь, он меня уже любит, — сказала Алиса. — Я ему сделаю постель.

Я знал историю с шушами. Все знали историю с шушами, а мы, биологи, в особенности. У меня в зоопарке было уже пять шуш, и со дня на день мы ожидали прибавления семейства.

Полосков с Зеленым обнаружили шуш на одной из планет в системе Сириуса. Эти милые, безобидные зверушки, которые ни на шаг не отставали от космонавтов, оказались млекопитающими, хотя по повадкам больше всего напоминали наших пингвинов. То же спокойное любопытство и вечные попытки залезть в самые неподходящие места. Зеленому даже пришлось как-то спасти шушонка, который собирался потонуть в большой банке

сгущенного молока. Экспедиция привезла целый фильм о шушах, который прошел с большим успехом во всех кинотеатрах и видеорамах.

К сожалению, у экспедиции не было времени как следует понаблюдать за ними. Известно, что шуши приходили в лагерь экспедиции с утра, а с наступлением темноты куда-то исчезали, скрывались в скалах.

Так или иначе, когда экспедиция уже возвращалась обратно, в одном из отсеков Полосков обнаружил трех шуш, которые, наверно, заблудились в корабле. Правда, Полосков подумал сначала, что шуш протащил на корабль контрабандой кто-нибудь из участников экспедиции, но возмущение его товарищей было таким искренним, что Полоскову пришлось отказаться от своих подозрений.

Появление шуш вызвало массу дополнительных проблем. Во-первых, они могли оказаться источником неизвестных инфекций. Во-вторых, они могли погибнуть в пути, не выдержать перегрузок. В-третьих, никто не знал, что они едят... И так далее.

Но все опасения оказались напрасными. Шуши отлично перенесли дезинфекцию, послушно питались бульоном и консервированными фруктами. Из-за этого они нажили себе кровного врага в лице Зеленого, который любил компот, а последние месяцы экспедиции ему пришлось отказаться от компота — его съели «зайцы».

Во время долгого пути у шушихи родилось шесть шушат. Так что корабль прибыл на Землю переполненный шушами и шушатами. Они оказались понятливыми зверушками и никаких неприятностей и неудобств никому, кроме Зеленого, не причиняли.

Я помню исторический момент прибытия экспедиции на Землю, когда под прицелом кино- и телевизионных камер открылся люк и вместо космонавтов в его отверстии показался удивительный шестилапый зверь. За ним еще несколько таких же, только поменьше. По всей земле прокатился вздох удивления. Но оборвался в тот момент, когда вслед за шушами из корабля вышел улыбающийся Полосков. Он нес на руках шушонка, перемазанного сгущенным молоком...

Часть зверьков попала в зоопарк, некоторые остались у полюбивших их космонавтов. Полосковский шушонок достался Алисе. Бог уж ее знает, чем она очаровала сурового космонавта Полоскова.

Шуша жил в большой корзине рядом с Алисиной кроватью, мяса не употреблял, ночью спал, дружил с котятками, боялся богомола и тихо мурлыкал, когда Алиса гладила его или рассказывала о своих удачах и бедах.

Шуша быстро рос и через два месяца стал ростом с Алису. Они ходили гулять в садик напротив, и Алиса никогда не надевала на него ошейник.

— А вдруг он кого-нибудь испугает? — спрашивал я. — Или попадет под машину?

— Нет, он не испугает. А потом, он обидится, если я на него надену ошейник. Он ведь такой чуткий.

Как-то Алисе не спалось. Она капризничала и требовала, чтобы я читал ей про доктора Айболита.

— Некогда, дочка, — сказал я. — У меня срочная работа. Кстати, тебе пора читать книжки самой.

— Но это же не книжка, а микрофильм, и там буквы маленькие.

— Так он звуковой. Не хочешь читать — включи звук.

— Мне холодно вставать.

— Тогда погоди. Я допишу и включу.

— Не хочешь — Шушу попрошу.

— Ну попроси, — улыбнулся я.

И через минуту вдруг услышал из соседней комнаты нежный микрофильмированный голос:

«...И еще была у Айболита собака Авва».

Значит, Алиса все-таки встала и дотянулась до выключателя.

— Сейчас же обратно в постель! — крикнул я. — Простудишься.

— А я в постели.

— Нельзя обманывать. Кто же тогда включил микрофильм?

— Шуша.

Я очень не хочу, чтобы моя дочка выросла лживой. Я отложил работу, пошел к ней и решил серьезно поговорить.

На стене висел экран. Шуша орудовал у микропроектора, а на экране несчастные звери толпились у дверей доброго доктора Айболита.

— Как ты умудрилась так его выдрессировать? — искренне удивился я.

— Я его и не дрессировала. Он сам все умеет.

Шуша смущенно перебирал передними лапами перед грудью.

Наступило неловкое молчание.

— И все-таки... — сказал наконец я.

— Извините, — раздался высокий хриловатый голос. Это говорил Шуша. — Но я в самом деле сам научился. Это ведь не трудно.

— Простите... — сказал я.

— Это не трудно, — повторил Шуша. — Вы сами позавчера показывали Алисе сказку про короля богомолов.

— Нет, я уже не о том. Как вы научились говорить?

— Мы с ним занимались, — сказала Алиса.

— Ничего не понимаю! Десятки биологов работают с шушами, и ни разу ни один шуша не сказал ни слова.

— А наш Шуша и читать умеет. Умеешь?

— Немного.

— Он мне столько интересного рассказывает...

— Мы с вашей дочкой большие друзья.

— Так почему же вы столько времени молчали?

— Он стеснялся, — ответила за Шушу Алиса.

Шуша потупил глаза.

Об одном привидении

Мы летом живем во Внукове. Это очень удобно, потому что туда ходит монорельс и от него до дачи пять минут ходу. В лесу, по другую сторону дороги, растут подберезовики и подосиновики, но их меньше, чем грибников.

Я приезжал на дачу прямо из зоопарка и вместо отдыха попадал в кипение тамошней жизни. Центром ее был соседский мальчик Коля, который славился на все Внуково тем, что отнимал у детей игрушки. К нему даже приезжал психолог из Владивостока и написал потом диссертацию о мальчике Коле. Психолог изучал Колю, а Коля ел варенье и ныл круглые сутки. Я привез ему из города трехколесную фотонную ракету, чтобы он поменьше хныкал.

Кроме того, там жила Колина бабушка, которая любила поговорить о генетике и писала роман о Менделе, бабушка Алисы, мальчик Юра и его мама Карма, трое близнецов с соседней улицы, которые пели хором под моим окном, и, наконец, привидение.

Привидение жило где-то под яблоней и появилось сравнительно недавно. В привидение верили Алиса и Колина бабушка. Больше никто в него не верил.

Мы сидели с Алисой на террасе и ждали, пока новый робот Щелковской фабрики приготовит манную кашу. Робот уже два раза перегорал, и мы вместе с Алисой ругали фабрику, но самим приниматься за хозяйство не хотелось, а бабушка наша уехала в театр.

Алиса сказала:

— Сегодня он придет.

— Кто — он?

— Мой привидений.

— Привидение — оно, — автоматически поправил я, не сводя глаз с робота.

— Хорошо, — не стала спорить Алиса. — Пускай будет мой привидение. А Коля отнял у близнецов орехи. Разве это не удивительно?

— Удивительно. Так что ты говорила о привидении?

— Он хороший.

— У тебя все хорошие.

— Кроме Коли.

— Ну, кроме Коли... Я думаю, если бы я привез огнедышащую гадюку, ты бы с ней тоже подружилась.

— Наверно. А она добрая?

— С ней еще никто не смог об этом поговорить. Она живет на Марсе и брызгается кипящим ядом.

— Наверно, ее обидели. Зачем вы увезли ее с Марса?

Тут я ничего ответить не смог. Это была чистая правда. Гадюку не спрашивали, когда увозили с Марса. А она по пути сожрала любимую собаку корабля «Калуга», за что ее возненавидели все космонавты.

— Ну, так что же привидение? На что оно похоже? — переменял я тему.

— Оно ходит, только когда темно.

— Ну разумеется. Это испокон века так. Наслушалась ты сказок Колиной бабушки...

— Колина бабушка мне только про историю генетики рассказывает. Какие были на Менделя гонения.

— Да, кстати, а как реагирует твое привидение на крик петуха?

— Никак. А почему ты об этом спрашиваешь?

— Понимаешь, порядочному привидению положено исчезать со страшными проклятиями, когда на рассвете прокричит петух.

— Я спрошу его сегодня про петуха.

— Ну хорошо.

— И я сегодня лягу попозже. Мне нужно поговорить с привидением.

— Пожалуйста. Ладно, пошутили и хватит. Робот уже кашу переварил.

Алиса села за кашу, а я — за ученые записки Гвианского зоопарка. Там была интереснейшая статья об укусах. Революция в зоологии. Им удалось добиться размножения укусов в неволе. Дети рождались темно-зелеными, несмотря на то, что у обоих родителей панцирь был голубым.

Стемнело. Алиса сказала:

— Ну, я пошла.

— Ты куда?

— К привидению. Ты же обещал.

— А я думал, что ты пошутила. Ну, если тебе так нужно в сад, то выйди, только надень кофточку, а то холодно стало. И чтоб не дальше яблони.

— Куда же мне дальше? Он меня там ждет.

Алиса убежала в сад. Я краем глаза следил за ней. Мне не хотелось вторгаться в мир ее фантазий. Пускай ее окружают и привидения, и волшебницы, и отважные рыцари, и добрые великаны со сказочной голубой планеты... Конечно, если она будет ложиться спать вовремя и нормально есть.

Я потушил свет на веранде, чтобы он не мешал мне присматривать за Алисой. Вот она подошла к яблоне, старой и ветвистой, и встала под ней.

И тут... От ствола яблони отделилась голубая тень и двинулась ей навстречу. Тень будто плыла по воздуху, не касаясь травы.

В следующий момент, схватив что-то тяжелое, я уже бежал вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. Это мне уже не нравилось. Либо это чья-то неостроумная шутка, либо... Что «либо», я не придумал.

— Осторожнее, папа! — сказала громким шепотом Алиса, услышав мои шаги. — Ты его спугнешь.

Я схватил Алису за руку. Передо мной растворялся в воздухе голубой силуэт.

— Папа, что ты наделал! Ведь я его чуть не спасла.

Алиса позорно ревела, пока я нес ее на террасу.

Что это было под яблоней? Галлюцинация?..

— Зачем ты это сделал? — ревела Алиса. — Ты же обещал...

— Ничего я не сделал, — отвечал я, — привидений не бывает.

— Ты же сам его видел. Зачем ты говоришь неправду? А он ведь не выносит движения воздуха. Разве ты не понимаешь, что к нему надо медленно подходить, чтобы его ветром не сдуло?

Я не знал, что ответить. В одном был уверен: как только Алиса заснет, выйду с фонарем в сад и обыщу его.

— А он тебе письмо передал. Только я его тебе теперь не дам.

— Какое еще письмо?

— Не дам.

Тут я заметил, что в кулаке у нее зажат листок бумаги. Алиса посмотрела на меня, я на нее, и потом она все-таки дала мне этот листок.

На листке моим почерком было написано расписание кормления красных крумсов. Я этот листок искал уже три дня.

— Алиса, где ты нашла мою записку?

— А ты переверни ее. У привидения бумаги не было, и я ему дала твою.

На обратной стороне незнакомым почерком было написано по-английски:

«Уважаемый профессор!

Я беру на себя смелость обратиться к Вам, ибо попал в неприятное положение, из которого не могу выйти без посторонней помощи. К сожалению, я не могу также и покинуть круг радиусом в один метр, центром которого является яблоня. Увидеть же меня в моем жалком положении можно только в темноте.

Благодаря Вашей дочери, чуткому и отзывчивому существу, мне удалось наконец установить связь с внешним миром.

Я, профессор Кураки, являюсь жертвой неудачного эксперимента. Я ставил опыты по передаче вещества на далекие расстояния. Мне удалось переправить из Токио в Париж двух индюшек и кошку. Они были благополучно приняты моими коллегами. Однако в тот день, когда я решил проверить эксперимент на себе, пробки в лаборатории перегорели как раз во время эксперимента, и энергии для перемещения оказалось недостаточно. Я рассеялся в пространстве, причем моя наиболее концентрированная часть находится в районе Вашей уважаемой дачи. В таком прискорбном состоянии я нахожусь уже вторую неделю, и, без сомнения, меня считают погибшим.

Умоляю Вас, немедленно по получении моего письма пошлите телеграмму в Токио. Пусть кто-нибудь починит пробки в моей лаборатории. Тогда я смогу материализоваться.

Заранее благодарный Кураки».

Я долго вглядывался в темноту под яблоней. Потом спустился с террасы, подошел поближе. Бледно-голубое, еле различимое сияние покачивалось у ствола. Приглядевшись, я различил очертания человека. «Привидение» умоляюще, как мне показалось, вздымало к небу руки.

Больше я не стал терять время. Я добежал до монорельса и со станции провидеофонил в Токио.

Вся эта операция заняла десять минут.

Уже на пути домой я вспомнил, что забыл уложить Алису. Я прибавил шагу.

Свет на террасе не был потушен.

Там Алиса демонстрировала свой гербарий и коллекцию бабочек невысокому изможденному японцу. Японец держал в руках кастрюльку и, не сводя глаз с Алисиных сокровищ, деликатно ел манную кашу.

Увидев меня, гость низко поклонился и сказал:

— Я — профессор Кураки, ваш вечный слуга. Вы и ваша дочь спасли мне жизнь.

— Да, папа, это мой привидение, — сказала Алиса. — Теперь ты в них веришь?

— Верю, — ответил я. — Очень приятно познакомиться.

Пропавшие гости

Подготовка к встрече лабуцильцев проходила торжественно. Еще ни разу Солнечную систему не посещали гости со столь далекой звезды.

Первой сигналы лабуцильцев приняла станция на Плутоне, а через три дня связь с ними установила Лондельская радиообсерватория.

Лабуцильцы были еще далеко, но космодром Шереметьево-4 был полностью готов к их приему. Девушки из оранжереи «Красная роза» украсили его гирляндами цветов, а слушатели Высших поэтических курсов отрепетировали музыкально-литературный монтаж. Все посольства забронировали места на трибунах, и корреспонденты ночевали в буфете космодрома.

Алиса жила неподалеку, на даче во Внукове, и собирала гербарий. Она хотела собрать гербарий лучше, чем собрал Ваня Шпиц из старшей группы. Таким образом, Алиса не принимала участия в подготовке торжественной встречи. Она даже ничего не знала о ней.

Да и я сам к встрече не имел прямого отношения. Моя работа начнется потом, когда лабуцильцы приземлятся.

А тем временем события развивались следующим образом.

8 марта лабуцильцы сообщили, что выходят на круговую орбиту. Примерно в это время и произошла трагическая случайность. Вместо лабуцильского корабля станции наведения засекли потерянный два года назад шведский спутник «Нобель-29». Когда же ошибка была обнаружена, оказалось, что лабуцильский корабль исчез. Он уже пошел на посадку, и связь с ним временно прервалась.

9 марта в 6.33 лабуцильцы сообщили, что произвели посадку в районе 55°20 северной широты и 37°40 восточной долготы по земной системе координат, с возможной ошибкой в 15, то есть неподалеку от Москвы.

В дальнейшем связь прервалась, и восстановить ее, за исключением одного случая, о котором я скажу потом, не удавалось. Оказывается, земная радиация пагубным образом воздействовала на приборы лабуцильцев.

В тот же момент сотни машин и тысячи людей бросились в район посадки гостей. Дороги были забиты желающими найти лабуцильцев. Космодром Шереметьево-4 опустел. В буфете не осталось ни одного корреспондента. Небо Подмосковья было увешано вертолетами, винтокрылами, орнитоптерами, вихрелетами и прочими летательными аппаратами. Казалось, тучи громадных комаров нависли над землей.

Если бы даже корабль лабуцильцев ушел под землю, его все равно обнаружили бы.

Но его не нашли.

Ни один из местных жителей не видел, как спускался корабль. А это тем более странно, потому что в те часы почти все жители Москвы и Подмосковья смотрели в небо.

Значит, произошла ошибка.

К вечеру, когда я вернулся с работы на дачу, вся нормальная жизнь планеты была нарушена. Люди боялись, не случилось ли чего-нибудь с гостями.

— Может быть, — спорили в монорельсе, — они из антивещества и при входе в земную атмосферу испарились?

— Без вспышки, бесследно? Чепуха!

— Но много ли мы знаем о свойствах антивещества?

— А кто тогда радировал, что совершил посадку?

— Может быть, шутник?

— Ничего себе шутник! Так, может быть, он и с Плутоном разговаривал?

— А может быть, они невидимы?

— Все равно их обнаружили бы приборы...

Но все-таки версия о невидимости гостей завоевывала все больше сторонников...

Я сидел на веранде и думал: а может, они приземлились рядом, на соседнем поле? Стоят сейчас, бедные, рядом со своим кораблем и удивляются, почему это люди не хотят обращать на них внимания. Вот-вот обидятся и улетят... Я хотел было уже спуститься вниз и отправиться на то самое поле, как увидел цепочку людей, выходящих из леса. Это были жители соседних дач. Они держались за руки, будто играли в детскую игру «каравай, каравай, кого хочешь выбирай».

Я понял, что соседи предугадали мои мысли и ищут на ощупь невидимых гостей.

И в этот момент внезапно заговорили все радиостанции мира.

Они передавали запись сообщения, пойманного радиолюбителем из Северной Австралии. В сообщении повторялись координаты и затем следовали слова: «Находимся в лесу... Выслали первую группу на поиски людей. Продолжаем принимать ваши передачи. Удивлены отсутствием контактов...» На этом связь оборвалась.

Версия о невидимости немедленно приобрела еще несколько миллионов сторонников.

С террасы мне было видно, как цепочка дачников остановилась и затем снова повернула к лесу. И в этот момент на террасу поднялась Алиса с корзинкой земляники в руке.

— Зачем они все бегают? — спросила она, не поздоровавшись.

— Кто «они»? Надо говорить «здравствуй», если не видела с утра своего единственного отца.

— С вечера. Я спала, когда ты уехал. Здравствуй, папа. А что случилось?

— Лабуцильцы потерялись, — ответил я.

— Я их не знаю.

— Их никто еще не знает.

— А как же они тогда потерялись?

— Летели на Землю. Прилетели и потерялись.

Я чувствовал, что говорю ерунду. Но ведь это была чистая правда.

Алиса взглянула на меня с подозрением:

— А разве так бывает?

— Нет, не бывает. Обычно не бывает.

— А они космодрома не нашли?

— Наверно.

— И где они потерялись?

— Где-то под Москвой. Может быть, и неподалеку отсюда.

— И их ищут на вертолетах и пешком?

— Да.

— А почему они не придут сами?

— Наверно, они ждут, пока к ним придут люди. Ведь они первый раз на Земле. Вот и не отходят от корабля.

Алиса помолчала, будто удовлетворенная моим ответом. Прошлась раза два, не выпуская из рук корзиночки с земляникой, по террасе. Потом спросила:

— А они в поле или в лесу?

— В лесу.

— А откуда ты знаешь?

— Они сами сказали. По радио.

— Вот хорошо.

— Что хорошо?

— Что они не в поле.

— Почему?

— Я испугалась, что я их видела.

— Как так?!

— Да никак, я пошутила...

Я вскочил со стула. Вообще-то Алиса большая выдумщица...

— Я не ходила в лес, папа. Честное слово, не ходила. Я была на полянке. Значит, я не их видела.

— Алиса, выкладывай все, что знаешь. И ничего от себя не добавляй. Ты видела в лесу странных... людей?

— Честное слово, я не была в лесу.

— Ну хорошо, на поляне.

— Я ничего плохого не сделала. И они вовсе не странные.

— Да ответь ты по-человечески: где и кого ты видела? Не мучай меня и все человечество в моем лице!

— А ты человечество?..

— Послушай, Алиса...

— Ну ладно. Они здесь. Они пришли со мной.

Я невольно оглянулся. Терраса была пуста. И если не считать ворчливого шмеля, никого, кроме нас с Алисой, на ней не было.

— Да нет, ты не там смотришь, — Алиса вздохнула, подошла ко мне поближе и сказала: — Я их хотела оставить себе. Я же не знала, что человечество их ищет.

И она протянула корзинку с земляникой. Она поднесла мне корзиночку к самым глазам, и я, сам себе не веря, ясно разглядел две фигурки в скафандрах. Они были измазаны земляничным соком и сидели, оседлав вдвоем одну ягоду.

— Я им не делала больно, — сказала Алиса виноватым голосом. — Я думала, что они гномики из сказки.

Но я уже не слушал ее. Нежно прижимая корзиночку к сердцу, я мчался к видеофону и думал, что трава для них должна была показаться высоким лесом.

Так состоялась первая встреча с лабуцильцами.

Свой человек в прошлом

Испытание машины времени проводилось в Малом зале Дома ученых. Я зашел за Алисой в детский сад, а там обнаружил, что, если поведу ее домой, опоздаю на испытание. Поэтому я взял с Алисы клятву, что она будет себя вести достойно, и мы пошли в Дом ученых.

Представитель Института времени, очень большой и очень лысый человек, стоял перед машиной времени и объяснял научной общественности ее устройство. Научная общественность внимательно слушала его.

— Первый опыт, как вы все знаете, был неудачен, — говорил он. — Посланный нами котенок попал в начало двадцатого века и взорвался в районе реки Тунгуски, что положило начало легенде о Тунгусском метеорите. С тех пор мы не знали крупных неудач. Правда, в силу определенных закономерностей, с которыми желающие могут познакомиться в брошюре нашего института, пока мы можем посылать людей и предметы только в семидесятые годы двадцатого века. Надо сказать, что некоторые из наших сотрудников побывали там, разумеется, совершенно тайно, и благополучно возвратились обратно. Сама процедура перемещения во времени сравнительно несложна, хотя за ней скрывается многолетний труд сотен людей. Достаточно надеть на себя хронокинный пояс... Я хотел бы, чтобы ко мне поднялся доброволец из зала, и я покажу на нем порядок подготовки путешественника во времени...

Наступило неловкое молчание. Никто не решался первым выйти на сцену. И тут, разумеется, на сцене появилась Алиса, которая только пять минут назад поклялась вести себя достойно.

— Алиса, — крикнул я, — немедленно вернись!

— Не беспокойтесь, — сказал представитель института, — с ребенком ничего не случится.

— Со мной ничего не случится, папа! — весело сказала Алиса.

В зале засмеялись и начали оборачиваться, ища глазами строгого отца.

Я сделал вид, что совершенно ни при чем.

Представитель института надел на Алису пояс, прикрепил к вискам что-то вроде наушников.

— Вот и все, — сказал он. — Теперь человек готов к путешествию во времени. Стоит ему войти в кабину, как он окажется в тысяча девятьсот семьдесят пятом году.

«Что он говорит! — мелькнула у меня в мозгу паническая мысль. — Ведь Алиса немедленно воспользуется этой возможностью!»

Но было поздно.

— Куда ты, девочка? Остановись! — крикнул представитель института.

Алиса уже вошла в кабину и на глазах у всего зала испарилась. Зал хором ахнул.

Побледневший представитель института размахивал руками, пытаясь унять шум. И, видя, что я бегу к нему по проходу, заговорил, склонившись к самому микрофону, чтобы было слышнее:

— С ребенком ничего не случится. Через три минуты он окажется снова в этом зале. Я даю слово, что аппаратура совершенно надежна и испытана! Не волнуйтесь!

Ему хорошо было рассуждать. А я стоял на сцене и думал о судьбе котенка, превратившегося в Тунгусский метеорит. Я и верил и не верил лектору. Сами посудите —

знать, что ваш ребенок находится сейчас в отдаленном прошлом... А если она там убежит от машины? Или заблудится?

— А нельзя ли мне последовать за ней? — спросил я.

— Нет. Через минуту... Да вы не беспокойтесь, там ее встретит наш человек.

— Так там ваш сотрудник?

— Да нет, не сотрудник. Просто мы нашли человека, который отлично понял наши проблемы, и вторая кабина стоит у него на квартире. Он живет там, в двадцатом веке, но в силу своей специальности иногда бывает в будущем.

В этот момент в кабине показалась Алиса. Она вышла на сцену с видом человека, который отлично выполнил свой долг. Под мышкой она держала толстую старинную книгу.

— Вот видите, — сказал представитель института.

Зал дружно зааплодировал.

— Девочка, расскажи, что ты видела? — сказал лектор, не давая мне даже подойти к Алисе.

— Там очень интересно, — ответила она. — Бах! — и я в другой комнате. Там сидит за столом дядя и пишет что-то. Он меня спросил: «Ты, девочка, из двадцать первого века?» Я говорю, что наверно, только я наш век не считала, потому что еще плохо считаю, я хожу в детский сад, в среднюю группу. Дядя сказал, что очень приятно и что мне придется вернуться обратно. «Хочешь посмотреть, какая была Москва, когда твоего дедушки еще не было?» Я говорю, что хочу. И он мне показал. Очень удивительный и невысокий город. Потом я спросила, как его зовут, а он сказал, что Аркадий, и он писатель, и пишет фантастические книжки о будущем. Он, оказывается, не все придумывает, потому что к нему иногда приходят люди из нашего времени и рассказывают о нашей жизни. Только он не может об этом рассказать никому, потому что это страшный секрет. Он мне подарил свою книжку... А потом я вернулась.

Зал встретил рассказ Алисы бурными аплодисментами.

А потом с места поднялся почтенный академик и сказал:

— Девочка, вы держите в руках уникальную книгу — первое издание фантастического романа «Пятна на Марсе». Не могли бы вы подарить мне эту книгу? Вы все равно еще не умеете читать.

— Нет, — сказала Алиса. — Я скоро научусь и сама прочту...

Ржавый фельдмаршал (Остров ржавого генерала)

Глава первая. Новости будущего века

Утром будильник становится на цыпочки, выглядывает в окно. Хоть он и помнит, какую обещали погоду, но проверить никогда не мешает. Если не учтешь погоду, можно ошибиться с пробуждением ребенка.

Будильник видит: за окном дует ветер, сгибаются березки, быстрые серые облака бегут по небу. Но дождя нет и не предвидится. Тогда будильник подключается к домашнему компьютеру и запрашивает следующие данные: какие уроки сегодня у Алисы в школе, причем очень важно узнать — какие из них Алиса любит, а какие только терпит? Что сегодня домработник приготовил на завтрак? Не поссорилась ли вчера Алиса с кем-нибудь из друзей?

Это все не пустые вопросы. Будильник должен знать: каким звуком ему сегодня будить свою хозяйку?

Наконец информация собрана. Оказывается, к пасмурной погоде Алиса относится терпимо, уроков на сегодня не задали, потому что начались летние каникулы, домработник приготовил геркулесовую кашу, которую Алиса не выносит, но с вишневым вареньем, которое Алиса обожает. Вчера Алиса ни с кем не ссорилась, если не считать чисто научного спора с Аркашей Сапожковым и беспокойства за Пашку Гераскина, который сразу после последнего урока умчался в Эквадор, потому что выменял в соседнем классе тайную карту клада, зарытого в 1560 году конкистадором Хуаном Монтанья, а вернулся домой, весь исцарапанный, искушенный москитами, только в одиннадцать часов вечера. И, разумеется, без клада.

Обдумав и взвесив всю информацию, будильник повернулся к Алисе и исполнил на кларнете старинный авиационный марш «Все выше, и выше, и выше, стремим мы полет наших птиц!», так как именно эта мелодия, и именно на кларнете, лучше всего подходила для того, чтобы разбудить Алису.

От звука марша Алиса открыла глаза, потянулась и подумала: «Почему же это у меня такое хорошее настроение?» Будильник почувствовал ее настроение и внутренне улыбнулся, потому что внешне улыбаться не умел.

Алиса вскочила, распахнула окно, сделала гимнастику и побежала в ванную. Будильник, довольный собой, заснул до следующего утра.

Марсианский богомол, который чуть ли не с незапамятных времен живет у Алисы под кроватью, услышал, что она поднялась, захрустел суставами и зашагал на кухню, где его уже ждала миска с сушеным горохом. Домработник хлопнул кляссер с марками, до которых был большой охотник, и включил плиту.

Так что когда Алиса, умывшись и одевшись, вернулась к себе в комнату, завтрак стоял на столе.

Первым делом Алиса покормила синиц, что прыгали по подоконнику, потом подошла к телевизору и попросила рассказать новости.

Телевизор в конце будущего века — не совсем то же самое, что телевизор конца двадцатого века.

Внешне он представляет собой плоский экран, прикрепленный к стене. Если приказать экрану включиться, он начнет двигаться по стене таким образом, чтобы замереть точно перед глазами зрителя.

Потом телевизор начнет показывать, что ему велят. Если ты хочешь слышать новости,

начнутся новости, а если у тебя настроение послушать новую модную песню «Моя бабушка летала на Венеру», то телевизор покажет тебе концерт популярных песен. В двадцать первом веке не человек — раб телевизора, который что хочет, то и показывает, а телевизор — слуга человека, который показывает то, что ты желаешь видеть.

Алиса хотела узнать, что нового случилось в мире, пока она спала.

Экран сдвинулся ближе к столу, и в стене обнаружилось углубление — будто перед Алисиными глазами была дверь в другую комнату. Оттуда вышла дикторша Нина, села за стол напротив Алисы и сказала ей: «Доброе утро». Стена за ее спиной стала большим окном. Иногда, чтобы не мешать Алисе смотреть на экран, дикторша исчезала.

— Приближается лето, — начала дикторша. — На деревьях в Москве набухли почки, в лесах появились первые подснежники. Снег остался только в старых еловых лесах, а на полянах и в березняках он уже сошел.

Алиса смотрела на деревья, гнущиеся под ветром, и думала: «И зачем человеку идти в школу, когда можно вместо этого отправиться в лес за подснежниками? Эх, если бы не эта контрольная по географии, села бы во флаер и полетела в лес!»

— Ешь, Алиса, — сказал домработник, который стоял за спиной. — Многие великие люди ели геркулес.

— Напомни кто, — попросила Алиса.

Услышав, что Алиса разговаривает с роботом, дикторша Нина замолчала и ждала, пока Алиса не кончит разговор.

— Кто? — Робот немного подумал и заявил: — Александр Македонский — наверняка. Илья Муромец — ничего другого не ел.

— А Юлий Цезарь? — спросила Алиса. — По-моему, он не выносил геркулеса.

— Проверю, — осторожно ответил робот. — К обеду нужна информация будет в твоём распоряжении.

— Продолжай, Нина, — попросила Алиса.

— Новый рекорд установили вчера строители, — сказала Нина. За ее спиной появилось изображение громадного дома. — Вчера они вырастили двадцатиэтажный дом на триста квартир за два часа тридцать одну минуту. Этот рекорд официально зарегистрирован в Книге рекордов Гиннеса. При известии об этом рекорде... — Нина обернулась к стене, на ней возникло изображение веселого черноглазого скуластого человека в оранжевой строительной каске. — При известии об этом рекорде пекинский строитель Вей Цзиньсин решил сегодня же построить дом за полтора часа. В этом доме будет на двенадцать квартир больше. К вечеру будем ждать вестей из Пекина.

— Это несолидно, — сказал домработник. — Дом надо строить не спеша, может быть, два или три дня. Что за спешка! Им некогда подумать о красоте.

— А по-моему, красивый дом, — сказала Алиса.

В конце двадцать первого века дома будут строить совсем иначе, чем в двадцатом. Из пластиковых прутьев строители будут возводить «скелет» первого этажа. Потом посыпят основание будущей стены сухими спорами специальных быстрорастущих кораллов. Стоит после этого полить коралловые споры водой, как коралл начнет быстро расти, обволакивая прутья. Через несколько минут первый этаж готов. Туда могут идти отделочники. А строители уже вяжут из пластика следующий этаж...

— Вчера археологи завершили раскопки хранилища боевых роботов под развалинами замка Сан-Бонифацио, — сказала дикторша. — Роботы отправлены на переплавку.

— Боевой робот — это немыслимо! — воскликнул домработник. — Это все равно что стройный горбун или круглый кубик.

— С планеты Струкка в системе 45-Б только что вернулась экспедиция Сергеева-Шумского, — говорила между тем Нина. — Пролетая сквозь зеркальное облако в трех парсеках от Земли, корабль экспедиции подвергся действию неизвестных еще лучей, в результате чего все члены экипажа раздвоились. И на землю вернулось вдвое больше космонавтов, чем отправилось в путь. К сожалению, это привело к неприятностям.

Дикторша вздохнула. На экране появилось изображение космического корабля, из которого парами близнецов выходили смущенные космонавты.

Видно было, как по полю к ним бегут родственники: жены, дети, родители... И останавливаются в смущении.

— Раздвоившиеся космонавты, — продолжала дикторша, — не знают, кто из них настоящий, а кто — дубль. Мы надеемся, что их женам и матерям удастся решить эту проблему. В ином случае, как заявил нашему корреспонденту начальник космических перевозок, придется отправлять родственников в полет к зеркальному облаку, чтобы они тоже раздвоились.

— Чепуха, — сказал домработник. — Зачем терзаться? У тебя был один сын — стало два сына. Один папа — стало два папы. Один будет летать в космос, а второй останется дома и займется хозяйством.

— Нет, — возразила Алиса. — Ничего не получится. Мама еще переживет, дети еще переживут. А вот с женами плохо.

— Почему?

— А потому, что один из космонавтов захочет поцеловать свою жену, а второй скажет: «Какое ты имеешь право целовать мою жену?»

— Я порой не понимаю людей, — вздохнул робот.

— Как нам сообщили из порта Дарвин в Австралии, — продолжала дикторша, — сегодня дельфин спас девочку, которая пошла купаться в районе Большого рифа и чуть не утонула. Дельфин принес ее на спине. Когда взволнованные родители девочки стали благодарить дельфина, он ответил им по-английски: «Не стоит благодарности». Это первый в истории достоверный случай, когда дельфин говорит по-английски.

— Типичная телевизионная утка, — сказала Алиса, — к сожалению, дельфины не говорят. Хотя Берта думает иначе.

Улыбающаяся морда дельфина заняла весь экран. Дельфин молчал.

— Простите, — сказала Нина. — Срочное сообщение.

Перед ней загорелся экранчик. Нина прочла сообщение:

— Из кишиневского зоопарка сбежал дракон, привезенный три года назад экспедицией на корабле «Пегас» под руководством профессора Селезнева.

— Ой! — ахнула Алиса. — Кузя сбежал!

— Вопрос в том, куда сбежал, — сказал робот. — Если он сбежал к нам, то скажите, чем я буду его кормить? Совершенно не представляю, что жрут эти драконы. Может быть...

Робот посмотрел на марсианского богомола, и от его холодного взгляда перепуганный богомол спрятался под стол. Богомол тоже не знал, чем питаются драконы, но не исключал, что марсианскими богомолами.

— Передаем описание сбежавшего дракона, — продолжала Нина. — Длина — сорок пять метров. Цвет красный, переходящий в зеленый. Отзывается на кличку Кузя.

На экране возникло изображение дракона. Дракон казался очень страшным.

— Знающих о его местопребывании, — сказала Нина, — просят сообщить в общество охраны животных или в пожарную команду.

— Почему в пожарную? — спросил робот.

— Потому что он огнедышащий, — ответила Алиса, отодвигая тарелку с геркулесом и наливая себе чаю.

— Посмотрите теперь сюжет, — сказала Нина, — о соревнованиях рыболовов на реке Сырдарья.

На экране показалась полноводная широкая река, по берегам которой росли финиковые пальмы. Под пальмами сидели рыбаки. Вот они засуетились, начали перекликаться, сбежались к толстому мальчику, который тянул что-то очень большое и тяжелое. Общими усилиями рыбаки вытащили на берег двухметрового осетра.

— Ничего особенного, — сказал робот.

— Ты не знаешь, — возразила Алиса. — Сто лет назад этой реки почти не было — ее всю разобрали на орошение. А теперь есть река, и есть рыба. Разве плохо?

Тем временем дикторша продолжала рассказывать новости.

— В городе Вавилоне, — сказала она, — закончена реставрация Вавилонской башни. Несколько лет реставраторы из сорока стран по кирпичику сооружали это древнее здание. Несмотря на то, что они говорили на разных языках, им удалось найти общий язык — язык науки и искусства.

Роботу Вавилонская башня не понравилась. Он вообще был против увлечения людей древними постройками. Он был убежден, что хорошие вещи — это новые вещи. А старые никому не нужны. Но эта точка зрения характерна только для роботов.

Когда в Москве восстановили Сухаревскую башню, храм Христа Спасителя и стену Китай-города, он написал возмущенное письмо в газету и подписался «Доброжелатель», но газета письмо не напечатала, потому что нельзя печатать анонимки.

— Разгорелась жаркая дискуссия, — продолжала дикторша, — в среде биологов. Как известно, на ферме в Караваеве выведено стадо коров, которые дают сливки вместо молока. Тамошний зоотехник Ремеслин решил сделать шаг вперед — его любимая корова Зорька дает в день три килограмма сметаны. Многие ученые осуждают действия Ремеслина, потому что Зорька питается теперь только кислой капустой и солеными огурцами. Вот что сказал нашему корреспонденту профессор Редькин...

На экране появился худенький, лохматый профессор, который взмахнул руками и закричал:

— Ремеслин, остановись! Кислую капусту надо есть, как она есть! Соленые огурцы нужны человеку, а не корове! Что будет, если ты завтра изобретешь корову, которая вместо молока дает кефир? Ты оставишь народ без клюквы? Ты авантюрист, Ремеслин!

Профессор исчез с экрана, а дикторша сказала:

— Теперь о спорте.

На экране появился шахматный столик, за ним сидели два пожилых человека.

— Сегодня началась три тысячи восемьсот двадцатая партия в борьбе за шахматную корону между Анатолием Карповым и Гарри Каспаровым. В партии разыграна защита Грюнфельда. До сорокового хода партия повторила позицию, уже встречающуюся в четырнадцати предыдущих партиях. На сорок первом ходу партия отложена. Мы пользуемся случаем поздравить ветеранов шахмат со столетием начала их эпохального сражения.

— Ты за кого болеешь? — спросил домработник.

— Я, как и мой дедушка, — за Каспарова.

— А теперь о погоде, — сказала дикторша. — В Москве облачно, дует ветер. Эта погода заказана сельскохозяйственным управлением, которое считает, что посевы получили уже достаточно солнечного света и тепла. После обеда облака уйдут на Украину, где нужны дожди. Бюро прогнозов приносит извинения жителям села Хивино, на которое сегодня ночью выпал снег. Это произошло из-за того, что компьютер перепутал Хибин, где требовался снег для проведения лыжных соревнований, с Хивиным, где снег не требуется, потому что там уже посадили рассаду клубники.

— Эти компьютеры совершенно распустились, — проворчал домработник. — Делают, что хотят.

Алиса поднялась из-за стола. Начинался первый день каникул, и предстоял сложный день.

Глава вторая. Берта и дельфины

Алиса прошла к отцу в кабинет.

На письменном столе лежал миелофон. Он был похож на небольшой фотоаппарат, в кожаном футляре, с ремешком.

Рядом с ним была записка, которую Алисин папа, профессор Селезнев, директор Космического зоопарка, оставил, словно догадался, что Алиса обязательно туда заглянет:

«Алиска, не уноси миелофон из дома! Это уникальный прибор! Отец».

Алиса вздохнула. Плохо не слушаться родителей. Но интересы науки важнее.

Дверь медленно отворилась, и в комнату втиснулся марсианский богомол. Богомол был совсем ручным и ласковым. Сначала, когда первых богомолы привезли с Марса, некоторые люди их боялись, но богомолы оказались послушными и полезными в домашнем хозяйстве. Например, они могли колоть орехи своими твердыми челюстями. А кроме того, богомолы любили жонглировать разными предметами и умели долго стоять на одной ноге.

— Ой, я даже испугалась! — сказала Алиса богомолу. — Разве можно входить без стука?

Богомол сложился, как складная линейка, и ушел под стол. Переживать. Он считал, что Алиса была права.

Алиса включила видеофон и позвонила Берте Максимовне. Та сидела в кресле и читала толстую книгу. На Берте был зеленый парик «северная русалка», зеленые чешуйчатые рейтузы и желтая распашонка.

— Здравствуй, коллега, — сказала Берта Алисе. — Что нового?

— У меня каникулы начались, — сказала Алиса. — Как себя чувствует Руслан?

— Лучше. Вчера прилетал врач из Черноморского центра и сказал, что к вечеру все будет в порядке. Он, наверно, объелся треской. Кстати, девочка моя, ты не говорила со своим отцом?

— Говорила. Но вы же знаете, Берта Максимовна, как он относится к нашей проблеме.

— Значит, они не дадут миелофон?

— Папа сказал, что Черноморский институт дельфиноведения получит аппарат, когда до него дойдет очередь.

Алису так и подмывало сказать, что аппарат у нее в руках. Но она отлично понимала, что Берта — человек ненадежный. Она раструбит на всю Москву, что заполучила миелофон, и, даже если ничего не получится, будет говорить, что получилось.

— Ну ладно, заходи ко мне, крошка, — сказала Берта. — Наши красавицы тебя с утра ждут не дождутся. Только не сейчас, а через часок, там чистят бассейн.

Алиса терпеть не могла, когда ее называли крошкой, малюткой, чижиком или цыпленком. Такое обращение можно еще понять, если ты дошкольница. Но Берта все равно бы не поняла, если ей сказать про это. Может быть, даже и засмеялась. И стала бы рассказывать общим знакомым: «Знаете, эта Алисочка просто прелесть. Я ее зову крошкой, а она дуется». И так далее.

Алиса взяла синюю сумку, спрятала туда миелофон, чтобы робот не стал задавать лишних вопросов, и пошла к Берте. По дороге она вела себя не лучшим образом. Во-первых, съехала с третьего этажа вниз по перилам; во-вторых, вызвала такси, хотя надо было пройти всего два квартала; в-третьих, пока ждала машину, съела две порции мороженого в автомате у подъезда.

Машина выскочила из-за угла, фыркнула, разгоняя воздушную подушку, и легла пузом на бетон.

Алиса уселась на белое сиденье и, вместо того чтобы набрать адрес Берты, наиграла кнопками сложный и длинный маршрут с таким расчетом, чтобы проехать мимо бассейна у Института времени, заглянуть в Кунцевский ботанический сад и посмотреть, смонтировали ли уже в Филях экспериментальные дорожки. О них говорила вчера дикторша Нина.

Был уже одиннадцатый час, и улицы почти опустели. Москвичи разошлись кто в детский сад, кто в институт, кто на работу, только на бульварах сидели бабушки и роботы с детскими колясками.

У марсианского посольства остановился длинный автобус с герметическими дверями. Марсианские туристы в нем надевали дыхательные маски, собираясь выйти на улицу. Один марсианин в маске стоял на земле и ждал, когда можно будет открыть дверь. Само посольство было похоже на мяч, зарытый до половины в землю. Там, под куполом, у марсиан свой воздух и свои растения. Когда Алиса была на Марсе, она тоже ходила в маске. Только богомолам все равно, каким воздухом дышать.

Навстречу на четырех автомобилях ехал свадебный кортеж. Машины были украшены разноцветными лентами и ехали медленно, покачиваясь на воздушных подушках. Невеста была в длинном белом платье, и на голове у нее была фата. Наверно, невеста из тех, кто пишет в газетах статьи, что надо возродить добрые традиции, подумала Алиса.

В бассейне, несмотря на предупреждение дикторши Нины, что купаться холодно, было довольно много народа. Алиса и сама подумала, не выкупаться ли, но машина уже повернула к мосту, к Ботаническому саду. У сада Алиса остановила машину и заглянула в киоск у входа. Робот в венке из одуванчиков дал ей букет сирени, и Алиса положила его рядом с собой на сиденье. Один цветок, пятилепестковый, Алиса оторвала и съела. На счастье.

Машина ехала по окружному шоссе, по обе стороны которого поднимался густой лес. Такси замедлило ход и потом совсем остановилось. Из леса вышло стадо маралов и, поцокав копытами по шершавой пластиковой поверхности дороги, перешло на другую сторону, к кедровой роще.

— Они в виноградники не забредут? — спросила Алиса у такси.

— Нет, — ответила машина. — Там барьер.

Маралы вдруг подняли головы, принялись и мгновенно исчезли в чаще.

— Чего они испугались? — расстроилась Алиса. Ей хотелось еще посмотреть на оленей.

Такси не ответило, да и не надо было отвечать — по шоссе, пригнувшись к рулям, неслись велосипедисты. Они были в таких ярких разноцветных майках, что у маралов, наверно, в глазах пошли круги.

После того как машина проехала молодые посадки каучуковых деревьев, похожих на осины, Алиса попросила на минутку остановиться в роще финиковых пальм.

В роще было светло и спокойно. Только белки прыгали по земле, разыскивая меж мохнатых стволов завалившиеся с осени финики. По краю рощи тянулся невысокий барьер сложенного пластикового купола, который автоматически накрывал рощу, как только погода портилась. Алиса села под пальмой и вообразила, что она в Африке, и что белки — вовсе не белки, а мартышки или даже павианы. Одна из белок подбежала к ней и встала на задние лапки.

— Не попрошайничай! — укоризненно сказала Алиса. — Ты дикое и вольное животное.

Белка ничего не поняла и постучала себя передними лапками по животу.

— Теперь в Филевский парк, — сказала Алиса.

Машина осторожно гуднула.

— Ты чего? — удивилась Алиса.

— Я подумало, что вы забыли о своих делах.

— У меня каникулы, — сказала Алиса. — И кроме того, с каких это пор машины указывают, как себя вести людям?

— Прошу прощения, — сказала такси, — но, во-первых, я не указывало, а напоминало, а во-вторых, насколько я могу судить, вы еще далеко не совершеннолетняя, потому в данном случае я выступаю и в качестве воспитателя. Если бы вы были дошкольницей, я бы вообще вас не повезло без разрешения или сопровождения родителей.

Произнеся такую длинную тираду, такси умолкло и больше до самого конца не сказало ни слова.

Машина въехала в жилой пояс. Когда-то здесь стояли довольно скучные пятиэтажные дома, потом их снесли и поставили вместо них восемнадцать игл-небоскребов, каждый из которых был не только жильем для нескольких тысяч человек, но и включал в себя несколько магазинов, мастерских, станций обслуживания, гаражей, посадочных площадок для флаеров, театр, бассейн, и клубы. Можно было прожить всю жизнь, не выходя из такого дома, хотя это, наверно, было бы очень неинтересно.

Небоскребы стояли на широких полянах и были окружены березовыми рощами, среди которых росло множество грибов подберезовиков, семена которых и грибницы привозили каждый год с севера, так что можно было собрать за день сто корзин, но на следующее утро грибы вырастали снова. Подберезовики были гордостью жителей этого района, но сами они грибами объелись уже давно и потому всегда приглашали знакомых собирать грибы вокруг своих домов и даже посмеивались над грибниками.

За небоскребами начинался Филевский парк.

На широкой поляне человек сто любопытных смотрели, как работает экспериментальная дорожка. Техник в синем комбинезоне стоял посреди серебряной ленты, которая изгибалась, направляясь в ту сторону, в которую техник велел ей направляться. На груди техника висел микрофон, и он объяснял любопытным, как дорожка работает:

— Если мне хочется, чтобы дорожка привела меня к тому вон большому кусту, я мысленно говорю ей: направо. И дорожка поворачивает направо.

Все засмеялись, потому что дорожка так резко повернулась, что техник не удержался и упал на траву. Дорожка пробежала вперед и замерла.

Алиса хотела было покататься на новой дорожке, но желающих было так много, что пришлось бы стоять в очереди полдня, прежде чем удалось бы покататься самой. Алиса решила лучше подождать, пока такие дорожки построят во всех парках.

На соседней полянке тренировались космонавты, вернее, юные космонавты из ДОСКОСа — Добровольного общества содействия космонавтике. Люк в учебную ракету был открыт, и ребята по очереди спускались из него на траву по тросу. Они, наверно, воображали, что динодуки с Юпитера сожрали их трап. Алиса вернулась к машине. Пора было ехать к Берте.

Некоторое время машина шла под трубой монорельса, потом повернула к набережной

Москвы-реки и через старый Бородинский мост выехала на Смоленскую. Солнце спряталось за тучу; наверно, метеорологи опять ошиблись — даже в двадцать первом веке им верить нельзя. Под тучей висел воздушный велосипед регулировщика. Велосипед был синий, и регулировщик был в синем, и туча была синей. Алиса сразу придумала сказку о том, что регулировщик — сын тучи, и, если станет жарко, он превратится в дождь.

Вот и зеленые арбатские переулки. Алиса почти вернулась домой. Она оставила такси на стоянке, устланной разноцветными плитами, забрала букет сирени, проверила, на месте ли миелофон, и поднялась к Берте Максимовне.

— Чего же ты так долго? — удивилась Берта.

— Вы же сами сказали, чтобы через час.

— Ах да, я совсем забыла! Я думала, мне позвонят из Монтевидео. Там, знаешь, говорят, достигнут контакт. Видела последний номер нашего журнала?.. Спасибо за цветы.

Берта была немного сумасшедшая. Так думала Алиса, но, конечно, никому об этом не говорила, а перед ребятами даже иногда хвасталась немного своей дружбой с вице-председателем общества «Дельфины — наши братья». Берте уже лет пятьдесят, хотя она довольно молодая и носит парики «русалка» или «гавайский бриз». Она раньше была чемпионом Москвы по подводному плаванию, а потом вступила в общество «Дельфины — наши братья» и стала в нем вице-президентом. У нее во дворе дома большой дельфиний бассейн, и она все время старается найти с ними общий язык. Папа говорил Алисе, что Берта скоро разучится говорить с людьми и если достигнет взаимопонимания с дельфинами, то только потому, что будет обходиться без человеческого языка. Папа, конечно, шутил, но, по правде говоря, они с Бертой — научные противники. Папа — биолог и директор зоопарка, и он не верит в то, что дельфины — наши братья. А Алисе очень хотелось в это верить, и из-за этого у нее с папой были даже настоящие научные споры.

— Знаешь что, деточка? — сказала Берта, резким движением откидывая на плечо зеленый локон. — Ты иди к дельфинам, а я потом подойду. Может, все-таки позвонят из Монтевидео.

— Хорошо, — сказала Алиса.

Ей только этого и надо было. Она хотела испытать миелофон без Берты. А потом положить его на место, чтобы папа не узнал, что она пробовала его на дельфинах.

Папа принес миелофон вчера из зоопарка и объяснил, что миелофон экспериментальный. Он может читать мысли. Конечно, если эти мысли выражены словами. Папе дали аппарат для опытов с обезьянами, но сегодня он поехал не в зоопарк, а на совещание и оставил аппарат дома.

Вчера вечером они с папой испытывали аппарат друг на друге, и Алиса слышала собственные мысли. Это очень странно — слушать собственные мысли. Они звучат совсем не так, как кажется тому, кто их думает. Алиса брала в руки серую коробочку, вставляла в ухо маленький наушник и слушала, как довольно тоненький голос говорит быстро-быстро: «Не может быть, чтобы мои мысли... смотри-ка, я слышу собственный голос... Это мой голос? Я подумала про голос и точно то же самое слышу...» Алиса с папой попробовали послушать домработника. У домработника мысли были короткие и не путались, как у Алисы. Домработник думал о том, что надо подмести под плитой, почистить медаль и (тут люди узнали его страшную тайну) подзарядить потихоньку аккумуляторы, чтобы ночью, когда все будут думать, что он спит, почитать при свете собственных глаз «Трех мушкетеров».

... Алиса подошла к бассейну. Оба дельфина, узнав ее, наперегонки поплыли к бетонной кромке. Они по пояс выпрыгивали из воды, чтобы показать, что они рады видеть гостью.

— Подождите, — сказала Алиса. — У меня для вас нет ничего вкусного. Берта мне не велела вас кормить — у Руслана живот болит. Ведь правда?

Один из дельфинов, которого звали Русланом, перевернулся на спину, чтобы показать Алисе, что живот у него уже совсем не болит, но Алису это не разжалобило.

— Не уплывайте далеко, — сказала Алиса. — Я хочу послушать, есть ли у вас мысли. Видите, я достаю миелофон. Вы такого аппарата еще никогда не видели. Он читает мысли. Его придумали врачи, чтобы лечить психических больных и вообще, чтобы ставить точный диагноз. Мне папа сказал. Понятно?

Но дельфины ничего не ответили. Они нырнули и поплыли наперегонки по кругу. Алиса достала из сумки аппарат и, вставив в ухо наушник, нажала черную кнопку приема. Сначала ничего не было слышно, но когда Алиса покрутила ручку настройки, то вдруг совершенно явственно услышала мысль одного из дельфинов:

«Смотри-ка, что она делает. Наверное, опыт ставит».

Алиса чуть не закричала «ура». Может, позвать Берту? Нет, надо проверить.

Один из дельфинов подплыл ближе. Он думал:

«А на вид просто девчонка. Что же это она делает?»

— Я читаю твои мысли, — тихо сказала Алиса дельфину. — Понял, глупый?

Дельфин перевернулся и нырнул. Но мысли его тем не менее были ясно слышны.

«Может, поговорить с ней? — думал дельфин. — А то она что-то задается...»

Перебивая первую мысль, появилась другая — кто-то еще, наверно, второй дельфин, подумал: «А я ее знаю, она из дома напротив, ее Алисой зовут».

«Вот молодец! — подумала Алиса. — Но откуда он знает, что я из дома напротив?» И в тот же момент тот же голос, который звучал в миелофоне, сказал вслух, и довольно громко:

— Алиса-барбариса, машинку сломаешь, нас не поймаешь!

Голос раздался, как ни странно, не из бассейна, а сзади.

Алиса вскочила и обернулась.

За низенькой бетонной оградой стояли двое мальчишек лет по шести и корчили ей дурацкие рожи.

— А ну, уходите сейчас же! — рассердилась Алиса. — Вы мне весь опыт испортили!

— Так мы и ушли, дожدهшься! — сказали мальчишки.

Но Алиса сделала два шага в их сторону, и мальчишек словно ветром сдуло.

Алиса огорчилась и снова села на берег бассейна. Опыт провалился. Хорошо еще, что она не позвала Берту, чтобы рассказать о своем открытии. Ну ладно, время еще есть. Можно продолжить.

Алиса снова включила миелофон и, вытянув наружу усик-антенну, направила его в сторону дельфинов. В ушах потрескивало, и иногда раздавались какие-то хрюкающие звуки и взвизгивание. Они приближались, когда дельфины подплывали ближе, и почти совсем пропадали, когда дельфины ныряли или отплывали к дальней стенке бассейна.

Так Алиса просидела минут пять, но ничего не дождалась. Наверху открылось окно, и Берта, высунув зеленую модную голову, сказала:

— Алисочка, дружок, поднимись ко мне. Звонили из Монтевидео, отличные новости. И

скажи роботу, чтобы он достал из холодильника рыбу.

— До свидания, — сказала Алиса дельфинам. — Я к вам еще приду.

Она осторожно, чтобы Берта из окна не увидела, спрятала миелофон и, сказав, что нужно, роботу, пошла к дому.

Когда она скрылась за углом, дельфин, по имени Руслан, высунул из воды курносое рыло и сказал негромко своему соседу на дельфиньем языке:

— Интересно, что случилось в Монтевидео?

— Не знаю, — ответил второй дельфин. — Жалко девочку, она так расстроилась. Может, стоило с ней поговорить?

— Рано еще, — ответил дельфин Руслан. — Люди не доросли до общения с нами. Они многого не поймут.

— К сожалению, ты прав, — сказал второй дельфин. — Взять хотя бы этих мальчишек. Крайне плохо воспитаны. Один даже кинул в меня палкой.

И дельфины, резвясь, поплыли вокруг бассейна.

Глава третья. Туды-сюды дедушка

В первый день каникул человеку обычно нечего делать. Вернее, есть что делать, и дел даже очень много, но трудно придумать, какое из них самое главное, и человек теряется среди многочисленных возможностей и соблазнов.

Алиса попрощалась с Бертой Максимовной, вышла на улицу и посмотрела на воздушные часы, висящие в небе над городом. Часы показывали двенадцать. Впереди еще был целый день, а за ним пряталось множество совершенно свободных летних дней, обещанное папой подводное путешествие, экскурсия в Индию, экспедиция юннатов в пустыню и даже, если мама достанет билеты, поездка в Париж на трехсотлетие взятия Бастилии, которую парижане уже специально построили из легкого пластика. Жизнь обещала быть интересной, но все это относилось к завтрашним дням.

А пока Алиса отправилась на Гоголевский бульвар. Миелофон лежал в сумке, и Алиса время от времени похлопывала по сумке ладошкой, чтобы проверить, на месте ли аппарат. Вообще-то говоря, стоило зайти домой и положить его на место, но жалко было терять время. Зайдешь домой, робот заставит обедать и будет говорить, что ты опять похудела, и что я скажу маме, когда она вернется, и всякие другие жалкие слова. Марсианский богомол попросится гулять, а гулять с ним — одно мученье: он останавливается у каждого столба и обнюхивает каждую царапину на мостовой.

Так что понятно — Алиса домой заходить не стала, а отправилась на бульвар.

Гоголевский бульвар, широкий и тенистый — говорят, там как-то заблудилась целая детсадовская группа вместе с руководительницей, — тянется от Москвы-реки до Арбатской площади, и в него, как реки в длинное и широкое озеро, впадают зеленые улицы и переулки. Алиса по извилистой тропинке, мимо апельсиновых деревьев, которые очень красиво цвели, направилась прямо к старинному памятнику Гоголю. Это печальный памятник. Гоголь сидит, кутаясь в длинный плащ, — Гоголь хоть и писал веселые книги, сам был довольно грустным человеком. За памятником, на боковой аллее, должны расти ранние черешни. Они отцвели уже месяц назад. Вдруг ягоды уже поспели?

На лавочке сидел старичок с длинной седой бородой, в странной соломенной шляпе, надвинутой на кустистые брови. Старичок, казалось, дремал, но, когда Алиса проходила, вернее, пробежала мимо, он поднял голову и сказал:

— Куда ж ты, пигалица, несешься? Пыль поднимаешь, туды-сюды!

Алиса остановилась.

— Я не поднимаю пыли. Здесь же крупный песок, он не пылится.

— Вот те раз! — удивился старичок, и борода его поднялась и уставилась пегим концом в Алису. — Вот те раз! Возражаешь, значит? — Дедушка явно был не в духе.

И Алиса на всякий случай сказала:

— Простите, я не нарочно, — и хотела уже бежать дальше.

Но старичок не дал.

— Подь сюды, — сказал он. — Тебе говорят!

— Как так — подь сюды? — удивилась Алиса. — Как-то странно вы разговариваете.

— А ты поспорь, поспорь. Сейчас возьму хворостину и отстегаю тебя по мягкому месту!

Старичок был совсем необыкновенный. И говорил удивительно. Не то чтобы Алиса его

испугалась, но все-таки ей стало немного не по себе. Больше никого на аллее не было, а если старик и в самом деле решит стегать ее хворостиной... «Нет, успею убежать», — подумала Алиса и подошла к старичку поближе.

— Что же это получается? — сказал старичок. — Оставили меня на этом проклятом месте, а сами смылись! На что это похоже, я спрашиваю!

— Да, — согласилась Алиса.

— У тебя в сумке калачика не найдется? — спросил дед. — А то с утра маковой росинки во рту не держал.

— Нет, — сказала Алиса. — Но я могу проводить вас в кафе.

— В такое место мне нельзя. Я при исполнении, — сказал старичок.

Алиса засмеялась. Старичок был совсем не страшный и даже шутил. Она сказала:

— А на площади бутербродный автомат есть...

— Обойдусь, — сказал дед. — Без ваших советов обойдусь. Нет, ты скажи, пигалица, что такое деется?

«Вот это старик! — подумала Алиса. — Вот бы его нашим ребятам показать».

— Сколько вам лет, дедушка? — спросила она.

— Все мои годки при мне, я еще царя-батюшку Николая Александровича, царство ему небесное, помню. Вот так-то. И генерала Гурко на белом коне. А может, это Скобелев был...

— Долгожитель! — поняла Алиса. — Самый настоящий долгожитель. Вы из Абхазии?

— Это из какой такой Абхазии? Ты это что? Да я тебя!

Дедушка попытался вскочить со скамейки и погнаться за Алисой, но в последний момент передумал и вставать не стал. Алиса отбежала на несколько шагов и остановилась. Ей уже совсем не хотелось уходить от сказочного деда.

— Так вот, говорю я, — продолжал дед, будто забыл вспышку гнева. — Что же это вокруг деется? Совсем с ума поспятили, туды-сюды!

Если он помнит царя и древних генералов, то деду должно быть, по крайней мере, двести лет. Как же он законсервировался, и даже в газетах о нем и слова не было, и папа о нем не знает? Ведь если бы знал, то наверняка сказал бы Алисе.

— Ни те городского, ни те культурного обращения! Ходят туды-сюды голые люди, махают себе бесстыжими ногами. Ох, наплачетесь вы с ними, ох и наплачетесь!.. Не видать вам...

Дед всхлипнул и вдруг завопил яростно и тонко:

— Конец света! Светопреставление! Грядет антихрист наказать за грехи великие...

«Ой-ой-ой, позвать кого-нибудь, что ли? — забеспокоилась Алиса. — Наверно, у него мания. Больной человек».

— А ты чего в трусах бегаешь? — вдруг спросил дед негромко, но сердито. — Юбки, что ль, у мамки не нашлось? Небось загуляла мамка-то, а? Загуляла?.. Девки-то кто в штанах, кто в трусах...

— У меня мама архитектор, — сказала Алиса.

— То-то и говорю, — согласился дед. — Не те времена пошли. А то выйдешь спозаранку, наденешь лапти... Ты садись, девочка, на лавочку, сказку послушаешь... Буренка твоя уже копытом теревит. И поднимаемся мы вслед за генералом Гурко, царство ему небесное, туды, понимаешь, сюды, на высоту двенадцать-восемьдесят пять, а там уже турок позицию себе роет... И за царя...

Дед повторил несколько раз «за царя» и вдруг запел:

И за царя, за родину, за веру Мы грянем громкое ура, ура. Ура-а-а-а!..

Алиса медленно отступала по дорожке, чтобы незаметно исчезнуть с глаз деда. Она думала, куда лучше бежать, чтобы скорее найти помощь.

И вдруг из-за поворота показалась девушка со свертком чертежей под мышкой, обычная девушка, наверно, студентка. Она была в шортах и безрукавке. Короткие светлые волосы падали челкой на загорелый лоб. Девушка услышала песню деда и остановилась.

— Ой! — обрадовалась Алиса.

Она подбежала к девушке и громко зашептала:

— Этот дед, наверно, сошел с ума. Он говорит странные вещи и совсем оторвался от действительности.

— Посмотрим, — сказала девушка.

Старичок заметил ее и очень рассердился.

— Час от часу не легче! — сказал он. — Еще одна бесстыдница, туды-сюды. Ты чего вырядилась?

— Здравствуйте, — сказала девушка. — Вы себя плохо чувствуете?

— Это еще почему? Это еще что за такие слова позволяешь? Я в своей жизни еще ничем не маялся, кроме как почечуем. Так-то.

— Странно он одет, — сказала девушка Алисе негромко.

И тут Алиса тоже заметила, что дед странно одет. Как только она раньше этого не видела?

На деде были серые короткие брюки, обвисшие понизу грязной бахромой, из-под брюк выглядывали шерстяные носки, обмотанные веревкой. Вережка спускалась к лодыжкам и была привязана к странным тапочкам, ужасно знакомым, но раньше Алиса их не встречала. Ах да, это же лапти, как на картинке в книжке сказок! Плечи деда накрывал серый пиджак с подложенными на плечах ватными подушками, чтобы плечи казались шире. И еще была соломенная шляпа, но ее Алиса заметила с самого начала.

— Он несовременный, — сказала Алиса тихо, и сама испугалась своего открытия. — Он проник из прошлого!

Конечно же, дед был несовременным. Он и говорил странно, и одет был необыкновенно.

— Погоди-ка, — сказала девушка. — Вы где живете? — спросила она у старика.

— Много будешь знать... — начал дед. Потом задумался и добавил: — Запомню.

— Может, вас проводить домой?

— Дом мой за высокими горами да за глубокими долами, — сказал дед уверенно, будто повторял знакомый всем адрес. — Ты мне лучше скажи, землю вы пашете?

— Пашем, — ответила девушка.

— И соха у вас есть?

— Сохи уже нет. Автоматы пахут и все остальное делают.

— То-то я думал. А год-то сейчас какой?

— Две тысячи восемьдесят девятый.

— Это от Рождества-то Христова?

— От нашей эры, — сказала девушка.

— А вы из какого года? — спросила Алиса. — Вы ведь путешественник во времени?

— Вот те туды-сюды! — сказал дед. — Путешественник, говоришь? А ты лучше мне

скажи, как у вас с мясом? Мясо почему?

— Мясо? — Алиса не знала, что ответить.

Но ей на помощь пришла девушка.

— Мясо у нас, дедушка, бесплатное, — сказала она. — И все другие продукты тоже.

— Врешь, туды-сюды! Ктой-то запросто, так тебе теленка резать будет?

— Вы еще из Дореволуции? — настаивала Алиса. — А как вы попали сюда? На нашей машине времени?

— А вот скажи мне, — оживился дед, — кто у вас наиглавнейший генерал?

— Нет у нас генералов.

— Вот и врешь! Не может того быть, чтобы без генерала... Бог ты мой, кто идет!

По дорожке, припадая на суковатую палку, шел второй дед, точно такой же, как и первый, только шляпа у него была не соломенная, а суконная.

Алиса так удивилась, что спряталась за спину девушки. И тут же из-за поворота вышли еще три деда, двое с палками, один так, без палки; двое в соломенных шляпах, а один без шляпы совсем, и борода у последнего деда была подлиннее, чем у остальных.

Все деды не спеша направлялись к скамейке.

— Слава тебе Господи! — сказал первый дед. — А то, туды-сюды, ни одной живой души не найдешь!

— Это верно, — ответил один из новых дедов. — Это верно, что ни одной живой души, все какие-то фигли-мигли с квасом.

И он погрозил палкой девушке и Алисе. Это они и были фигли-мигли с квасом.

— У них здесь дырка в прошлое, — прошептала Алиса, — и они из нее вылезают. Надо остановить. Ведь, может, их сто тысяч.

— Этих-то проучить бы не мешало, палкой, палкой! — закричал старик.

— Это так, туды-сюды! — закричал другой дед.

— Сейчас мы их! — крикнул третий. — Я сам в городских служил!

Сзади вышло еще три деда. Бежать было некуда. Деды, правда, их не трогали, но шумели изрядно. Алиса крепко уцепилась за руку девушки.

И в этот момент ударил гонг, и громкий голос сказал:

— А ну-ка, Глебушка, обесточь массовку. Такие не пойдут.

За кустами что-то зашипело, и деды замерли в тех позах, в которых их застал громкий голос.

Из кустов выскочили несколько молодых ребят. Потом вышел старый знакомый Алисиного папы, оператор Герман Шатров. Лоб Шатрова закрывал длинный зеленый козырек от солнца, и на груди у него висел микрофон.

Не замечая девушки с Алисой, Шатров напустился на своих помощников.

— Как могло получиться, — сердился он, — как могло получиться, что восемь роботов из массовки ушли со съемочной площадки? Кто за это в ответе? А вдруг один из них на машину бы налетел? Или ребенка бы до смерти испугал? Нет, я так не оставлю! Я сегодня же серьезно поговорю с конструкторами.

— Они же опытные, Герман, — сказал один из ассистентов. — Их только сейчас распаковали, даже проверить не успели. Вот они и расползлись по бульвару.

— Да разве это настоящие древнерусские крестьяне? На основе чего их

программировали?

Из кустов вышел еще один человек. Был он толст и печален.

— Гера, — сказал он, — милый, мы же не сами придумали. Взяли дедов из романов позапрошлого века, туды-сюды.

— Что?

— Туды-сюды, говорю. Это я пока с ними возился, дедовских выражений нахватался. У них сто пятьдесят лет назад были обязательно любимые слова, необычные.

— Забирай своих стариков. Придумаем что-нибудь другое.

— А что же мне с ними делать? Они же никуда не годны.

— Поменяешь блоки памяти на стандартные, получатся неплохие роботы, сиделки. Ей-богу, даже интересно. С бородами и запасом сказок, туды-сюды.

Глава четвертая. Чемодан Светланы Одинокой

— Ты что здесь делаешь? — спросил вдруг Герман, заметив Алису.

— Мы очень испугались, — ответила Алиса. Она хотела показать девушку, которая тоже испугалась, но девушка, оказывается, незаметно ушла.

— Вот, — расстроился Герман, — я же говорил, что детей типовыми стариками запугать можно!

— Я думала, что он из прошлого, на машине времени.

— Нет, не бойся, таких упрощенных дедов даже двести лет назад не было. Хотя я точно не знаю. У тебя что, каникулы уже?

— Каникулы. А вы картину снимаете?

— Симфонию сказок.

— С эффектом присутствия?

— И букетом запахов и термоэффектов.

— А сегодня будете снимать?

— Сегодня? Вот не знаю, что нам теперь делать с массовой. Старики неудачные... Знаешь что? Сгоняем-ка мы на натуру. На Черное море. Хочешь с нами?

— Очень хочу! А как папа?

— С папой я свяжусь, — сказал Герман. — Надо только с режиссером поговорить. Володя! Володя, Чулюкин! Где ты?

— Ну что? — спросил голос из кустов, и тут же на дорожке показался режиссер, быстрый, невысокий, в очень модной мексиканской шляпе с бубенчиками.

Режиссер быстро передвигался и быстро говорил, но думал он, видно, еще быстрее, и часто фраза у него не договаривалась, потому что мысли заставляли, не кончив первую, начинать вторую.

— Что, у нас случилось несчастье? — спросил он. — Старики оплошали, и не только... А впрочем, у тебя есть соображения по части... Может, нам перейти в павильон?

— Володя, отпусти меня на побережье. Мне нужен закат, чтобы с фиолетовыми облаками. Все равно день пропал.

— А как же Мария Васильевна?

— Она обойдется.

— И все-таки... А впрочем, поезжай. Только чтобы к утру вернуться, а то Мария Васильевна...

Тут Чулюкин повернулся и исчез в кустах. Будто его и не было.

— Вот видишь, — сказал Герман. Он вынул из кармана видеофончик и набрал номер Алисиного отца.

— Слушай, Игорь, — сказал он, — я у тебя хочу дочку украсть на полдня. А к утру верну... Да нет, на Черное море, там тепло. Погоду я заказал... Вот и отлично!

Герман отключился и сказал Алисе:

— Твоего отца такой вариант вполне устраивает. Он все равно задержится до ночи. Крумса делятся у него. Что это такое, кстати?

— Какие-то звери с Сириуса. Я их никогда не видела. Но мне надо будет домой зайти.

— И не мечтай. Натура не ждет. Или мы летим сейчас, или ты остаешься в городе.

— Мне надо одну вещь домой занести.

— Завтра занесешь. По машинам!

Никаких машин не было, да им и нельзя заезжать на бульвар. Но при этих словах вдруг в кустах что-то загрохотало и зашуршало.

— Аппаратуру сворачивают, — сказал Герман. — Пошли.

Алисе пришлось пойти. Хоть она и жалела, что не смогла забежать домой и положить на место миелофон, который папа велел не трогать. Ведь невозможно же отказаться от такой поездки, не часто тебя зовут смотреть, как снимается настоящее кино.

Флаер ждал их на плоской крыше одного из домов на краю бульвара.

Флаером лететь в Крым дольше, чем на метро, но киношники, как они ни спешили, вынуждены были воспользоваться своей машиной, потому что у них было много оборудования — камер и осветительных приборов, — перегружать которое в вагоны метро было долго и трудно. Тем более что метро шло только от Москвы до Симферополя, а оттуда все равно на побережье надо лететь флаером или ехать на монорельсе.

Обычно же после работы тысячи московских флаеров и такси отправлялись в Фили-Мазилово, к серебряному куполу с большой красной буквой «М» над ним. Здесь — московская станция Крымского метрополитена. Несколько параллельных туннелей тонкими ниточками связывают Фили с Симферополем. Ниточки эти совершенно прямые, и это значит, что на середине пути туннель метро углубляется на несколько километров под землю. В свое время строительство первых междугородных подземных линий было очень трудным делом, пока строители не ввели в работу проходческий автомат, который под температурой в несколько тысяч градусов расплавлял породу, облицовывал ее тугоплавким пластиком и оставлял за собой блестящую, оплавленную, гладкую, как серединка керамического стакана, трубу.

Такие же линии метро соединяют Москву и с Петербургом, и с Киевом, и даже с Якутском. А к 2100 году будет закончена первая линия Варшава — Нью-Йорк. Ее строят уже третий год, потому что под океаном туннель проходит чуть ли не по центру Земли и потому работы там продвигаются медленно, и о них в двух словах не расскажешь.

А крымский туннель давно уже стал привычным и удобным — каждый москвич может после работы за сорок пять минут доехать в снаряде метровагона до Симферополя, а оттуда уже пятнадцать минут на флаере до любой точки побережья. К ночи можно вернуться в Москву загорелым и накупавшимся.

Герман с Алисой, три ассистента, два робота и пилот разместились в мосфильмовском флаере. Он бесшумно взвился с крыши и, набрав высоту, полетел на юг, к Черному морю.

Это было совсем неплохое начало для каникул.

Алиса осмотрелась, нашла ящик поудобнее, чтобы усесться на нем, и придвинула его к окну. За ее спиной кто-то закричал. Алиса обернулась, удивившись, как это человек мог уместиться в такой узкой щели.

Сзади, насупившись, сидел старик из массовки и жевал набалдашник своей толстой палки.

— Ой, — сказала Алиса, — старик!

— Это что такое? — удивился Герман. — Как он сюда пробрался?

— Чулюкин просил взять на всякий случай, — сказал один из ассистентов. — Может, пригодится для первого плана.

— Я пригожусь, я те пригожусь! — сурово сказал старик. — Я с генералом Гурко Шипку брал. Молокососы...

— Если ты, Алиса, боишься, то пересаживайся ко мне, — сказал Герман.

— Вот еще чего не хватало! — обиделась Алиса. — Чтобы я роботов боялась. Уж лучше я тут, у окошка.

Вообще-то она предпочла бы пересесть, но признаваться, что она испугалась, ей совсем не хотелось. Все равно лететь меньше двух часов.

И когда один из ассистентов раздал всем по галете и стакану сока, Алиса даже отломилла половину галеты и протянула старику.

— Не стесняйтесь, — сказала она. — Берите. Мне все равно столько не съесть.

Но старик-робот покачал головой:

— Ешь сама, пигалица. Я с утра щец похлебал, вот и вся недолга.

Алиса поняла, что старик ее обманывает. Роботы не едят щей. Но, наверно, в нем такая заложена программа, что он думает о себе, что он вовсе не робот, а древний старик. Чтобы естественней изображать в кино.

Не успела Алиса дожевать галету, как флаер пошел на снижение. Он проскользнул между невысокими лесистыми горами и полетел прямо в синее, чуть светлее неба, море. Над самым берегом, между двух высоких серых скал, флаер замер на месте и мягко опустился на площадку, обрывающуюся прямо к воде.

— Ну вот, — сказал Герман. — Мы тут были на прошлой неделе. Чем не рай?

На бугорке стояла палатка — маленький купол из легкого пластика. Из палатки вышел почти черный человек в плавках. Оказалось, его зовут Васей, и он ассистент режиссера.

— Обследовал? — спросил Герман.

— Да, все точки выбраны. Хоть сейчас начинай.

— Ладно, покажешь. Но сначала всем купаться. Ты, Алиса, пойдешь со мной, и ни на шаг в сторону. Чтобы не утонуть.

— Как же я утону? Я даже под водой плаваю сколько хочешь.

— И тем не менее. Перед твоим отцом отвечаю я, а не ты. Ясно?

— Ясно.

— Сумку оставь здесь.

— Нет, я ее с собой возьму.

— Ну, как хочешь.

Вася повел киношников по тропинке к воде, а роботы занялись устройством временного лагеря. Вода была теплой и ласковой. Алиса даже пожалела, что отец не возит ее по воскресеньям на море.

Старик в лаптях спустился к морю за киношниками и уселся на берегу.

— Не жарко? — крикнула ему из воды Алиса.

— Ты далеко не плавай, пигалица, — сказал дед. — Рыба какая укусить может. Рыба кит.

Он уже привык к Алисе, да и Алиса к нему привыкла и совсем не боялась.

Дед подумал-подумал и принялся разувать лапти.

— Эй, старик, — сказал ему Герман, — и не думай. Перегреешь конечности, мастерской здесь нет.

Старик вздохнул и послушно надел лапоть обратно.

— Жалко его все-таки, — сказала Алиса.

— Жалко, конечно. Да что поделаешь, одежда для него — та же изоляция. А убедительно сделан?

— Убедительно, — согласилась Алиса и нырнула.

Под водой она открыла глаза и так испугалась, что открыла рот, наглоталась воды и пулей вылетела на поверхность. Она чуть было не ушла обратно под воду, но Герман подхватил ее и легонечко стукнул по спине, чтобы она откашлялась.

— Что там такого страшного? — спросил он.

— Морда, — сказала Алиса. — Такая страшная морда, что я просто не могу!

В этот момент вода перед ними расступилась, и на поверхности показалось смеющееся рыло дельфина.

— Пошел отсюда! — прикрикнул на него Герман. — Детей пугать вздумал!

— Он шутил, — сказала Алиса, которая уже опомнилась. — Это я виновата, что не узнала.

— Он у меня тут в друзьях числится, — сказал загорелый Вася.

— Привет от Руслана из Москвы! — крикнула Алиса вслед уплывающему дельфину.

— Итак, вылезаем — и за дело, — сказал Герман и поплыл к берегу.

— С легким паром! — сказал купальщикам старик.

— Спасибо, — ответила Алиса.

Герман прыгал на одной ноге, стараясь вытрясти из уха воду. Когда это ему удалось, он сказал Алисе:

— А ты пока свободна. Можешь погулять. Только умоляю, не потеряйся.

— Ходи по тропинкам, — сказал старик. — В лес не суйся. А то Баба Яга схватит, унесет за синие горы, посадит в котел и съест с маслом.

— С каким маслом? — заинтересовался Вася.

— С каким, с каким? С подсолнечным, вот с каким!

Море к вечеру стало совсем ровным и маслянистым. Только у самой кромки берега волны лениво шевелились, как край скатерти. Берег был покрыт крупным песком и мелкими ракушками, такими тонкими и хрупкими, что собирать их не было никакого смысла. Зато в воде и на полосе мокрого песка, залитой волнами, блестели очень красивые камни. Некоторые были прозрачные и обкатанные водой, как бусины, а другие, разноцветные, хранили еще неправильность обломков настоящей скалы, только углы у них были сглажены. Еще на песке встречались, правда нечасто — таких больше на Кавказе, — плоские каменные лепешки, серые и бурые. Их очень удобно кидать по воде, так, чтобы они подпрыгивали по многу раз.

Когда Алиса набрала две горсти камней, ей это занятие надоело, и она выбрала несколько лепешек и принялась кидать их так, чтобы они прыгали до самого горизонта. Но лепешки были не самыми лучшими и после двух-трех прыжков тонули, поднимая столбик густой, глянцевой воды. Наконец Алисе удалось отыскать лепешку чуть толще бумаги и совсем круглую. Она должна была обязательно упрыгать до горизонта. Алиса прицелилась, кинула камень, и он послушно запрыгал по ровной воде. Раз-два-три-четыре-пять... На девятый раз он все-таки ушел под воду, и тотчас же в том месте из воды выпрыгнул дельфин. Он сейчас же нырнул обратно, но Алиса испугалась, что она его ушибла, и решила больше камней не бросать.

Она пошла дальше вдоль берега, чтобы найти самый красивый камень. Она шла довольно долго. Берег несколько раз изгибался бухтами, но камень все никак не попадался. Тогда Алиса решила подняться наверх.

Здесь, вдали от курортов и домов отдыха, было тихо. Иногда разноцветной мухой пролетит над головой флаер, в траве стрекочут кузнечики, из-под камня высунулся

скорпион, увидел Алису и спрятался.

Алиса подошла к обрыву и посмотрела на море.

Море было гладким, словно не море, а голубое желе. Недалеко от берега был виден небольшой остров. Почти плоский, если не считать скалы, что пальцем поднималась у берега, да полуразрушенной хижины. Рядом со скалой в берег уткнулась баржа. Какие-то маленькие фигурки медленно двигались по берегу возле баржи. Движения их были странными, замедленными и какими-то нечеловеческими. Может, специальные роботы что-то там делают? Чистят дно? Строят причал?

Алиса пошла дальше по берегу. Она попала в посадки. Вокруг тянулись рядами сосенки ростом чуть повыше Алисы. Когда Алиса станет взрослой, они тоже вырастут и превратятся в могучие деревья. Надо будет обязательно вернуться сюда и поглядеть на этот лес...

Вдруг впереди Алиса услышала громкий, возбужденный голос.

Она сделала еще несколько шагов вперед и остановилась. Кто-то ссорился. Неловко как-то выскакивать из-за деревьев и мешать людям. И Алиса осторожно выглянула из-за сосны.

На поляне она увидела странное существо.

Это был человек. Но какой человек — мужчина или женщина, мальчик или старик — не догадаешься. Потому что существо было одето в меховую шубу до пят, на голове у него была меховая шапка с длинными ушами, а лицо прикрывали большие темные очки.

Существо сидело на чемодане, держало в руке видеорацию и говорило:

— Никитин, ты куда меня прислал? Нет, ты признайся, куда ты меня прислал?

— Я тебя никуда не присылал, — отвечал голос из видео. — Куда ты летела, там ты и есть.

— А куда я летела?

— Ты летела на Карское море, на остров Уединение.

— Значит, к Северному полюсу?

— Вот именно.

— А скажи, пожалуйста, то, что ты видишь вокруг, похоже на Северный полюс?

Существо в шубе подняло руку в варежке и обвело окрестности видеорацией, чтобы тот, кто разговаривал с ним, убедился, что окрестности и в самом деле не похожи на Северный полюс.

Ситуация была такая необычная, что Алиса еле удерживалась от смеха.

— Нет, это не похоже на Северный полюс, — послышался печальный голос из видеорации. — Как же это могло случиться?

— Я у тебя хотела спросить, — ответило существо. — Что мне теперь делать?

— Наверное, тебе придется сесть снова во флаер и выяснить, какая кнопка нажата на пульте.

— Все-таки мужчины — совершенно наивные люди! — воскликнуло существо в шубе. — Неужели непонятно, что я, как только прилетела, сразу поставила флаер на автоматику и отправила обратно.

— Грустно, — сказал голос из видеорации. — Придется мне прислать за тобой другой флаер.

— Гениально! — возмущенно воскликнуло существо в шубе. — Другого ответа я от тебя и не ждала. И скажи, пожалуйста, Никитин, куда ты намерен послать за мной флаер?

— Ну куда... где ты есть...

— А где я есть?

— Да, кстати, где ты?

— А я не имею представления! Может быть, я на Гавайских островах! Может, я в Тасмании! Может, я на необитаемом острове Тристан-да-Кунья и раньше чем через полгода сюда не придет ни один корабль!

— Не паникуй! — ответила видеорация. — Мы что-нибудь обязательно придумаем!

Тут уж Алиса не выдержала и рассмеялась вслух.

Существо в шубе услышало смех и быстро вскочило.

— погоди! — воскликнуло оно. — Тут кто-то есть. Может быть, дикий зверь... кажется, гиена.

— Никакая я не гиена! — сказала Алиса.

И вышла из зарослей.

— Абориген! — закричало существо в шубе. — Никитин, жди связи. Я постараюсь найти с ним общий язык.

Существо подбежало к Алисе, крича по-английски, потом по-французски.

— Остановитесь, добрый человек! Я не причиню вам зла! Я потерялась! Скажите, как называется ваша страна!

— Да вы же в Крыму! — ответила Алиса.

— Ты говоришь по-русски! — удивилось существо.

— Конечно.

— Так чего же ты молчала?

— Я не молчала. Я хотела вам сказать, что вы на Карадаге, на Южном берегу Крыма.

— Ну вот, я так и знала, — сказала существо и сбросило мохнатую шапку. У существа обнаружились длинные темные волнистые волосы. Существо сняло очки, и под ними оказалось прелестное молодое лицо и громадные синие глаза. Существо вылезло из шубы и превратилось в стройную молодую женщину.

Женщина протянула Алисе руку и представилась:

— Светлана. Светлана Одинокая.

— Алиса Селезнева.

— Спасибо. Ты меня спасла. Без тебя я бы погибла.

— Здесь трудно погибнуть. На каждом шагу люди.

— Но нашла меня ты!

— У вас красивая фамилия, — сказала Алиса. — Вы, наверное, пишете стихи.

Почему-то это предположение вызвало у Светланы Одинокой бурю негодования.

— Как ты только могла такое заподозрить! — воскликнула она. — Пускай мужчины вздыхают по рассветам и закатам. Я — настоящий ученый. И сюда я прилетела не развлекаться, а проводить ответственные испытания уникального прибора, который именуется минимизатор-2. Два — это порядковый номер модели.

— А как же вы будете его испытывать? — спросила Алиса. Никакого прибора не было видно. меховая шуба и шапка лежали на чемодане, в руке у Светланы была только выключенная видеорация.

— В экстремальных условиях Северного Ледовитого океана! — сказала Светлана.

— Но ведь вы промахнулись?

— Не важно! Сейчас ты проводишь меня до ближайшей станции флаеров, и я продолжу путешествие.

Светлана Алисе понравилась, и ей совсем не хотелось, чтобы она улетала на Северный полюс.

— А скажите, — спросила Алиса, — нельзя ли вам проводить испытания здесь?

— Здесь? В Крыму? Какие же здесь экстремальные условия? А впрочем...

Светлана включила видеорацию. На экранчике возникло лицо Никитина.

— Слушай, Никитин, — строго сказала Светлана. — Я получила предложение от аборигенов, — она показала на Алису, — провести серию испытаний здесь. Ты как к этому относишься?

— А ты выяснила, где находится это «здесь»?

— Неужели непонятно? Конечно же в Крыму, на Карадаге. Вместо того чтобы нажать на кнопку КАРское море, ты заставил меня нажать на кнопку КАРадаг!

— Светочка, ну как я мог тебя заставить, если ты сидела во флаере, а я был в институте?

— Никитин, ты жалкий трус! — воскликнула Светлана.

Она в гневе кинула в сторону видеорацию и заявила Алисе:

— Проводим испытания здесь! Мне нужна площадка!

— Здесь недалеко есть, — сказала Алиса. — Давайте я вас провожу.

Светлана подняла чемодан, накинула на плечи шубу. Алиса взяла ее шапку, очки и подобрала видеорацию. Экран видеорации не горел. Алиса заподозрила, что Светлана кинула ее слишком сильно.

Алиса шла впереди, Светлана на два шага сзади.

— А ты что здесь делаешь? — спросила Светлана. — Ты в самом деле абориген?

— Никакой я не абориген, — ответила Алиса. — Я в школе учусь, в Москве. А сюда я на один день приехала со знакомой киноэкспедицией, они будут снимать закат для фильма «Симфония сказок».

— Мужчины, наверное?

— Да, — сказала Алиса. — Все мужчины и даже один старичок-моховичок, который с Наполеоном воевал.

— Вот именно, — произнесла Светлана гневно. — Вот именно!

Она почему-то была очень недовольна мужчинами, хотя Никитин показался Алисе очень милым и воспитанным человеком.

— А почему вы так сердитесь на мужчин? — спросила Алиса.

— Мне страшно надоел Никитин, — сказала Светлана. — Он мой соавтор. Ужасно бестолковый. А рассеянный — ты не представляешь, до чего он рассеянный! Вчера зачем-то купил целый букет роз. Принес в лабораторию. И что же ты думаешь? Поставил по рассеянности на мой стол. Прямо на мои расчеты! Это же отвлекает! Они пахнут!

— А может быть, он специально поставил букет к вам на стол? — спросила Алиса.

— Тогда еще хуже! Значит, он надо мной издевается.

— А если не издевается? — спросила Алиса.

— Как так?

— А если вы ему нравитесь? — сказала Алиса. — И он хотел сделать вам приятное.

— Нет! Он знает, что если хочешь сделать мне приятное, почини компьютер!

Тут они вышли на небольшую площадку над самым морем. Внизу был невысокий обрыв, под ним шуршали волны, облизывая узкую полоску камней.

— Вот мы и пришли, — сказала Алиса.

— Ну что же, — сказала Светлана. — Если нет более экстремальных условий, будем ждать их здесь. Ведь здесь бывают штормы, ветры и землетрясения?

— Могут быть, — согласилась Алиса.

Она подошла к обрыву и посмотрела в море. Прямо перед ней был островок с баржей. Неловкие фигурки все бродили по берегу.

— Тебе сделать чаю? — спросила Светлана.

Алиса обернулась.

И чуть не упала от удивления. Светлана сидела в легком плетеном кресле, за столиком. На столе стояли чашки. Над столом был раскрыт большой полосатый зонт.

— Как так? — удивилась Алиса.

— Очень просто. — Светлана была довольна эффектом. Она показала на раскрытый чемодан. — Все это из минимизатора. Хочешь посмотреть?

Алиса подошла к чемодану и заглянула внутрь. В чемодане лежало множество игрушечек. Светлана присела на корточки возле чемодана, быстро опустила в него руку, и Алиса увидела, как ее рука уменьшается. Светлана выхватила из чемодана кусочек оранжевой резины и выбросила наружу. Рука тут же стала такой же, как раньше, а оранжевый комочек превратился в надувную лодку, большую, на несколько человек. Следующим движением Светлана вынула из чемодана насос, подключила к лодке, и через несколько минут лодка была уже надута.

— Это вы изобрели? — в восторге спросила Алиса.

— Любой предмет, попадающий в наш минимизатор, — сказала Светлана, — уменьшается в сорок шесть раз. Причем не только в размере, но и по весу.

— Как замечательно!

— Наше изобретение — неоценимая подмога любой экспедиции, — не без гордости сказала Светлана. — Ты можешь взять с собой минимизатор, вместо того чтобы загружать целый вагон.

— А на дальних планетах! — сказала Алиса.

— А для туристов! — сказала Светлана.

— И для путешественников, и даже когда переезжаешь из дома в дом!

— Но испытания еще не закончены, — сказала Светлана. — Пока что минимизатор — очень дорогой, существует всего один экземпляр. А этот Никитин вместо Северного полюса отправил меня сюда!

— Я очень рада, что вы прилетели, — сказала Алиса. — И я рада, что мы с вами познакомились.

— Ты мне тоже понравилась, — сказала Светлана.

Алису так и подмывало признаться Светлане, что у нее тоже есть уникальный прибор — миелофон, который читает чужие мысли. Но тут она вспомнила, что взяла миелофон без спроса, и ей стало стыдно.

Тем временем Светлана достала термос, разлила по чашкам лимонный чай и спросила:

— А почему ты решила, что он не хотел меня обидеть?

— Кто?

— Ну конечно же Никитин! Я так на него рассердилась... Но если он не хотел меня обидеть, значит, я зря на него рассердилась?

— А вам он нравится? — спросила Алиса.

— Алиса! — возмутилась Светлана. — Ты еще не в том возрасте, когда можно говорить о таких вещах!

— Почему? Мне уже двенадцатый год, и я могу говорить абсолютно обо всех вещах.

Светлана пожала плечами, посмотрела на море, на вечеряющее небо... Потом сказала:

— Честно говоря, он довольно хороший человек. И неплохой экспериментатор. У него есть положительные качества.

— Тогда вы зря на него сердитесь. Вот он сейчас сидит в Москве, беспокоится, как вы тут устроились, и ждет, что вы снова будете ругаться...

— И в самом деле! — сказала Светлана. — Я должна сообщить ему, что устроилась. Что эксперимент начался. И весьма удачно. Дай мне, пожалуйста, видеорацию.

— Я боюсь, что она сломалась, — сказала Алиса, протягивая видеорацию Светлане. — Вы так сильно ее швырнули.

— Это он меня довел, — сказала Светлана и принялась нажимать на кнопки, трясти и даже бить несчастный прибор. Но тот молчал.

— Ну вот, — сказала Светлана. — Такой простой вещи изобрести не могут! Легкий толчок — и нет прибора! Что же теперь делать? Как я сообщу Никитину, что эксперимент начался? Скажи, как?

— Наверное, вам надо спуститься в киногруппу, там есть своя рация. И вызвать Москву.

— Правильно. Умница.

— Я вас провожу, это недалеко, двести метров по тропинке.

— И не думай. Что я, сама не найду? Как зовут твоего режиссера?

— Герман. А я?

— А ты загорай, купайся. Ты же для этого сюда прилетела. И поглядывай одним глазом за моим оборудованием.

Алиса согласилась.

Светлана быстро пошла по тропинке.

Алиса посидела немного в кресле под зонтом. Потом выбралась на солнышко. Она вытянулась на траве у края площадки. Солнце грело мягко, по-вечернему. Светлана все не возвращалась. Было тихо-тихо, издали с моря доносились тонкие, будто комариные, голоса...

И Алиса сама не заметила, как задремала.

Проснувшись она оттого, что кто-то подошел к ней. Шаги были такими тяжелыми, что задрожала земля.

Алиса открыла глаза, но в этот момент твердая металлическая, пахнущая машинным маслом и ржавчиной, ручища опустилась на ее лицо. Алиса стала отбиваться, стараясь выбраться, но что-то прижало ее ноги к земле, а ее руки соскальзывали с металла.

— У тебя проволока есть? — послышался низкий скрипучий голос.

— Так точно, — ответил второй голос, такой же, может, чуть повыше.

— Скручивай ноги пленному.

Было очень больно. Алисины ноги обмотали проволокой, которая врезалась в лодыжки. Затем подошла очередь рук. И хоть железная рука, прижимавшая голову Алисы к земле, закрыла почти все лицо, Алисе удалось рассмотреть, что на нее напали два железных чудовища — наверное, роботы, но она никогда не видела таких ржавых, грубо сделанных и страшных роботов.

Железный палец затолкал ей в рот кляп — грязную тряпку.

Теперь Алиса могла сколько угодно дергаться и биться, но она была связана и бессильна что-либо сделать.

Алиса могла только повернуть голову и смотреть, как два робота бродят по площадке, разглядывая оставленные Светланой вещи.

Конечно, Алиса очень надеялась, что Светлана вернется и освободит ее. Но вдруг испугалась: ведь Светлана ничего не подозревает. Она может попасть в ловушку. Ведь это явно сумасшедшие роботы! Алиса никогда не слышала о таких, но другого объяснения она не могла отыскать.

— Прибор для сидения человека, — слышала она голос первого робота.

— Оставить, не пригодится.

— Одежда человека, сделанная из шкуры животного.

— Не нужно, — слышен ответ второго робота.

— Лодка! Надувная лодка. Транспортное средство!

— Взять! Нам нужно транспортное средство. Железная бочка — плохое десантное средство.

— Малое транспортное средство, — произнес первый робот.

Он поднял с земли чемодан.

— Взять, пригодится, — сказал второй робот.

Первый робот захлопнул чемодан. Кинул его в надувную лодку.

— Рейд закончен, — сказал он. — Можно возвращаться в расположение своих частей.

Он поволок лодку к обрыву, а второй направился к Алисе.

И вдруг от края площадки послышался пронзительный голос:

— Чего же это деется, а? Кто вас сюда пустил, оборванцы железные?

«Ну вот, еще этого не хватало, — подумала Алиса. — Сейчас они схватят старика-киноробота».

Но предупредить его она не могла.

— Стой! — приказал старику тот робот, что стоял возле Алисы. — Ни с места! Буду стрелять.

— Ты только попробуй! — старик, вместо того чтобы спастись, замахнулся палкой и смело пошел на громадного робота.

— Отпусти дитё! — кричал он. — Я ж из тебя яичницу сделаю! Ты что, нехристь, не знаешь, как мы с генералом Гурко турок били? Забыл небось? Так я тебе сейчас покажу — солдатушки, братушки, вперед на смертный бой!

Робот от удивления попятился, но, видно, сообразил, что старик ему не чета. Остановился и двинулся навстречу кинороботу, который еле доставал ему до пояса. Второй же робот оставил лодку и направился к старику сбоку. Тот не видел второго врага и продолжал, размахивая палкой, наступать, думая, что идет в атаку на турецкие редуты.

Тяжелая рука второго робота поднялась, выхватила палку у старика. Вторая рука схватила старика за шею. Тот замахал руками, но вырваться не смог.

Видя, что маленький враг повержен, первый робот столкнул с обрыва лодку и потащил вниз Алису. Алиса стала биться, надеясь вырваться или порвать эту проклятую проволоку, которая вот-вот перережет лодыжки.

— Не смей сопротивляться! — сказал робот. — Иначе я погружу тебя в воду с головой, и ты перестанешь получать кислород для дыхания.

Алиса на всякий случай перестала мотать головой. Если роботу могла прийти в его железную голову мысль напасть на человека, то он может и утопить. И Алиса пожалела, что в свое время мама не захотела сделать ей операцию по вживлению жабр. Некоторым детям такую операцию делают, особенно тем, кто живет у моря или на искусственных островах. С синтежабрами можно быть под водой сколько угодно. «Приеду домой, — решила Алиса, — обязательно уговорю маму согласиться на операцию. Она ведь безболезненная и ничем не грозит. Наверно, уже миллионов пять людей живут с жабрами. И хоть бы что».

Показался второй робот. Он шел медленно и важно, и последние лучи солнца играли на его теле. Он нес в руке палку и тыкал ею в спину старику — типовому деду, которого гнал перед собой. Руки деда были связаны за спиной, борода повисла на грудь, но рот был свободен. Старик что-то сердито бормотал.

«Робот робота ведет», — хотела сказать Алиса, но удержалась. Ведь старик был самым обыкновенным и хорошо сделанным роботом, хоть и с причудами, потому что был кинозвездой. Он, правда, грозил Алисе палкой на бульваре, но, как потом объяснил Герман, никогда бы ее не ударил. Просто у него была такая роль в кино — сердитый старик.

— Ох, грехи наши тяжкие! — бормотал старик, забираясь в лодку. — За что же это такая напасть — поймали меня железные люди-антихристы!

Тут он увидел Алису и совсем расстроился.

— Дитё-то за что? Это как же получается? Дитё-то малое...

— Молчать! — сказал робот. — Неповинующихся мы отправляем за борт.

— Ой-ой-ой! — сказал старик и умолк.

Робот включил двигатель, и лодка бесшумно прокралась к выходу из бухты. Роботы вели ее поближе к скалам — видно, боялись попасться на глаза киношникам. Только отойдя вдоль берега на большое расстояние, лодка повернула в открытое море. Роботы приказали пленникам лечь на дно, а сами достали из-под скамейки широкие мексиканские шляпы, надели их и издали стали похожи на отдыхающих.

Тихонько шипел двигатель, стучали волночки о пластиковый борт лодки, и Алисе показалось, что с берега кто-то кричит:

— Алиса-а!.. Где ты?

Но, может быть, ей это только показалось.

Глава пятая. Хозяин пиратского острова

Остров, к которому причалила лодка с пленниками, был невелик, каменист, и, хоть лежал неподалеку от берега, к нему редко приставали лодки. Нечего тут было смотреть. Когда-то, лет двести-триста назад, на острове жили контрабандисты и соорудили здесь каменный дом, вернее, хижину. Крыша ее давно обвалилась, но в ней можно было укрыться от ветра. Недавно здесь работали археологи. Археологи ничего не нашли, но оставили после себя несколько ям и траншей, прорезавших центр острова.

На картах остров не значился — слишком он мал и незначителен, а для судоходства он никакой опасности не представлял — в этот пустынный уголок Крымского побережья редко заглядывали суда.

Всего этого Алиса, конечно, не знала. Для нее остров был большой скалой, вылезавшей из воды, скалой пустынной, без единого деревца. Солнце уже зашло, и остров был сиреневым и мрачным. Баржа, приткнувшись к нему, казалась черной.

Когда лодка подошла к самому берегу, из развалин хижины вышел робот, такой же большой и ржавый, как те, что взяли в плен Алису, и спустился к воде.

— Добыча есть? — спросил он.

— Один большой человек и один маленький, — сказал робот.

— Для начала неплохо, — сказал новый робот. — Я доложу шефу.

Он повернулся, скрипнув суставами, и скрылся в развалинах — бывшем приюте контрабандистов.

Робот вывел Алису и старика на берег, отключил пульт управления. Другой развязал пленникам руки и вынул кляп изо рта Алисы.

— Хулиганы какие-то! — сказала Алиса, отдышавшись. — Со мной-то вы справились, а каково вам будет, когда люди возьмутся за вас всерьез!

Роботы как будто не слышали ее. Они стали по стойке «смирно», ожидая, когда снова вышедший из развалин робот подойдет к ним.

— Генерал благодарит за службу, — сказал он.

Роботы в ногу потоптались на месте и замерли.

— Генерал не может сейчас смотреть добычу. Он есть занят.

Роботы снова потоптались и снова замерли.

— Можете отдыхать, — сказал местный робот. — Но только знать меру. Ясно?

— Так точно! — сказали роботы хором, мигнули круглыми глазами и ушли, сразу забыв о пленниках.

Старик уселся на редкую желтую траву и сказал:

— Воистину хулиганы.

— Дедушка, — сказала ему Алиса, которая совсем забыла, что он сам робот, — дедушка, вы когда-нибудь видели металлических роботов?

— Чегой-то, туды их в качель?

— Да, вы же не знаете.

Алисе приходилось видеть многих роботов, но никогда — металлических. Делать робота из металла непроизводительно. Он получится тяжелым, дорогим и непрочным.

— Дедушка, надо дать знак на берег, — сказала Алиса. — Пусть приедут и нас выручат.

— Это дело, внучка, — сказал дед. — Наши завсегда не спят. Помню как сейчас, поднимаемся мы на сопку в Маньчжурии, впереди генерал Гурко на белом коне...

И старик пустился в бесполезные воспоминания о событиях, о которых он по причине того, что был изготовлен всего неделю назад, помнить ничего не мог.

— Дедушка, у вас огня нет?

— Чего?

— Огня. Зажигалки, фонарика...

— Кремень где-то был и огниво...

Старик покопался в карманах серого пиджака, но ничего в них не нашел.

— Видно, обронил.

На каменистой тропинке показались два робота. Они несли по большому камню.

— От кого это они фортификацию возводить задумали? — спросил старик. — Неужто опять турка грозит?

— Нет, они, наверно, людей с берега боятся.

— А это, оно можно бы... — сказал старик.

— Что? — спросила Алиса.

— Забыл, туды-сюды, ранний склероз у меня, инсульта побаиваюсь, — грустно сказал старик. — Беречься надо, да все недосуг. Ага, вспомнил: можно это... оно... то самое, чтобы дымовой сигнал подать, костер разложить.

— Да у вас же огня нет.

— Чего нету, того нету, — согласился дед.

Алиса с дедом медленно пошли по берегу. Вблизи было видно, что роботы немало потрудились на острове. К самой воде выходили неглубокие траншеи, снабженные брустверами, а в одном месте из-за бруствера повыше торчало бревно, грубо раскрашенное под старинную пушку. Бревно привело деда в состояние бурного восторга.

— Гляди-ка, — забормотал он, — гляди-ка, фузея, мортира дальнего боя! Из такой как шарахнем — ни одного басурмана на версту вокруг. Орудия, к бо-о-о-ю-у-у! Картечью справа!! Картечью слева!!

— Она ж деревянная, дедушка, — рассмеялась Алиса. — Это чтобы обманывать. Из нее же стрелять нельзя.

— Это верно, — согласился дед-киноробот. — Обмануть хотели. Кого?

— Вас, наверно. А может, других людей.

— Меня-то обмануть? Меня-то? Да я их насквозь вижу! От меня они никуда не скроются, туды-сюды!

Они присели на большой плоский камень.

— Красота-то какая! — вздохнул вдруг старик.

Алиса даже удивилась, что старик думает в такой момент о красоте, хотя он был прав.

С берега за серебряной полосой воды поднималась зубчатая стена Крымских гор. Небо над ними было зеленым и лиловым — солнце скатилось за горы, но не ушло еще далеко и доставало лучами до редких длинных облаков.

Первые огни загорелись золотыми точками под горными зубцами и у края воды, но никак нельзя было разобрать, какой из огоньков — лагерь киногруппы. Зато Алиса увидела, как в море неподалеку от острова ходят кругами дельфины.

— Эй, дельфины, — крикнула Алиса, — скажите нашим, что нас украли!

— Перестань кричать, а то в воду! — раздался голос сзади.

Алиса увидела, что сзади стоит ржавый робот.

— Сейчас я им покажу! — сказал он.

Робот ушел, но через минуту вернулся со странным сооружением в руках. Сооружение напоминало старинный лук. Робот положил на проволочную тетиву самодельную толстую стрелу и выстрелил. Лук был сделан кое-как, и потому стрела полетела вбок, совсем в сторону от дельфинов.

Тогда робот произвел поправку на неточность своего оружия и выстрелил не в дельфинов, а в сторону, только в другую. На этот раз стрела тяжело шлепнулась в воду, не долетев до дельфинов метров десять. Дельфины, видно, поняли, что на острове — их враги, и сразу исчезли в море, будто их и не было.

Робот гордо похлопал по луку железной ладонью и сказал:

— Даже с этим примитивным оружием мы разобьем любого врага. Главное не оружие, а вождь.

— А кто ваш вождь? — спросила Алиса.

— Ты, жалкая рабыня, — сказал робот, — даже не имеешь права упоминать его имя.

— Я ничья не рабыня. Рабов больше нет, — сказала Алиса. Она уже проходила древнюю историю и знала про рабов.

— Будут, — сказал робот, положил на тетиву еще одну стрелу и пустил ее в море, по направлению к полузатонувшему судну, напоровшемуся на камни у берега.

— Как вы сюда попали? — спросила Алиса. — Откуда вы такие странные?

— Мы приплыли на нем, — сказал робот, — на корабле, который я сейчас поразил моей точной стрелой, чтобы показать тебе неотразимость моего гнева.

— Ты прекрасно разговариваешь, — сказала Алиса.

— Я командир отделения, капрал. Другие так не умеют, они знают по сто слов. А я — целых триста.

Из развалин послышался звон, будто кто-то бил по железному листу палкой.

— Вечерняя поверка. — Робот вскинул лук на плечо, повернулся со страшным скрежетом и зашагал вверх.

— Может, нырнуть и доплыть до берега? — подумала вслух Алиса.

— И не думай, — сказал старик. — Я тя не пущу. Опасно для твоей молодой жизни. Не могу, туды-сюды, допустить твоей кончины в пучине морской.

Алиса подумала, что он и впрямь ее не пустит. Роботы обязаны помогать людям в момент опасности и скорее погибнут, чем подвергнут опасности человека. И даже если ты киноробот, все равно блок защиты людей в тебе существует.

— Пойдем тогда посмотрим на поверку. Ведь мы даже не знаем, сколько их там.

Солнце совсем спряталось, вода стала сизой, а на небе высветились крупные южные звезды. Высоко, среди звезд, прошел золотой полосой рейсовый корабль. «Нас, наверно, ищут, — подумала Алиса. Но как им догадаться, что мы на острове?» На площадке выстроились в ряд девять железных роботов. У троих были в руках луки, у остальных — толстые железные палки. Роботы чернели на фоне синего неба и были настолько неподвижны, что казались статуями, установленными здесь много лет назад.

— Равняйся! — сказал крайний робот. — Смирно!!

Команда была лишней, потому что роботы и так были подровнены и стояли совершенно смирно. Робот, который командовал, начал стучать себя по животу железными руками, и барабанная дробь поскакала блинчиками по тихому вечернему морю.

Распахнулась сооруженная из листа стали дверь в хижину контрабандистов, и на

площадку вышел, еле переставляя ноги, еще один железный робот. Он был выше других ростом, на голове у него была надета ржавая каска, а грудь разукрашена грубо нарисованными крестами. Алиса поняла, что это и есть начальник роботов.

Генерал несколько раз медленно раскрыл рот, но долго не мог извлечь из себя никакого звука. Наконец он повертел головой, что-то щелкнуло, и из глубин его вырвался неожиданно тоненький и скрипучий голос.

— Здорово, молодцы! — сказал он.

— Здорово, шеф! — ответили хором роботы.

— Докладывай, — сказал генерал.

Крайний робот вышел вперед и сказал:

— Завершается строительство стены. Второй и третий номера совершили экспедицию на Большую землю. Захвачено два пленных. Оружия не нашли.

— Плохо, — сказал генерал, — мало. Недостаточно. Неучи. Бомбоубежище?

— Кончим завтра. В два наката.

— Благодарю за службу. Привести пленных ко мне. Установить стражу на ночь. Да здравствую я, ваш вождь!

— Ура! — сказали роботы.

— Ржавейте, но порох держите сухим.

Генерал повернулся, поднял ногу, но нога не опустилась. Он покачивался в неустойчивом равновесии и мог каждую минуту рухнуть на камни. Стена роботов стояла неподвижно.

— На помощь! — приказал генерал. — Опустите мне ногу. Скорее!

— Кому идти на помощь? — спросил крайний робот.

— Тебе.

Робот повиновался. Он всем своим весом нажал на поднятое к небу колено генерала, и нога со скрежетом опустилась на камни. Прихрамывая, генерал ушел к развалинам.

— Где пленные? — спросил робот, помогавший генералу.

— Да вот они. Слышали, что приказано?

Старик с Алисой поднялись к развалинам и вошли внутрь.

Внутри было почти совсем темно, и только сверху сквозь щели в полуобвалившемся потолке проникал неверный сумеречный свет.

Комната была завалена щебнем, трухой и старыми консервными банками. В углу стоял ящик, рядом с ним — грубо обтесанная глыба известняка. Робот-генерал сидел на глыбе рядом с ящиком и держал в руке большие ножницы. На ящике валялись куски консервных банок и коробок от концентратов. Видно, археологи и туристы, забредавшие на остров, почитали за лучшее не засорять отбросами море, а складывать их в развалинах. Генерал вырезал из крышки консервной банки сложную многолучевую звезду.

— Пришли? — спросил он, не выпуская из рук ножниц. — Стойте и ближе не подходите. Не выношу людей. И молчите. Я занят. Я делаю награду. Красиво? Почему не отвечаете? Правильно делаете, я сам не велел вам отвечать.

Наконец робот закончил свою работу, примерил жестянку на грудь и остался доволен.

— Красиво, — сказал он. — Начнем допрос. Ты, с бородой, первый. Как твое имя?

— Это к делу не касается, — сказал старик. — Чтоб я железному чудищу сообщения давал? Этому не бывать.

— Какого полка? — продолжал как ни в чем не бывало робот. — Сколько техники? Пушки? Танки? Ну, отвечай теперь.

— Сказал — не буду, туды-сюды. Когда генерал Гурко нас в бой посылал, он говаривал: «Не видать вам, солдатушки, вдов своих и сирот, если не возьмем мы штурмом Сапун-гору». Так-то.

— Запиши, — сказал робот-генерал своему помощнику. — Командир у него генерал Гурко.

— Нечем писать, шеф, — сказал робот.

— Ну, не пиши. И меня не обманывай. Ты же писать не умеешь. Мы никто писать не умеем. И это хорошо. Когда мы победим, никто не будет писать. А что мы будем делать? Ты скажи. А ты? А ты? Не знаете. Маршировать. Все. И работать. И чтобы порядок.

— Вот уж этого не будет, — сказала Алиса. — Вы, наверно, ничего не понимаете или сошли с ума. Вас пора отключить и выкинуть на свалку. Вы даже заржавели. Даже удивительно, что вы до сих пор не переплавлены.

— Молчать! — сказал робот. Что-то в нем закряхтело, забулькало, затрепетало, и он повторил: — Молчать... — Робот помотал головой, продул акустическую систему и продолжал: — Молчать! После допроса в карцер пойдешь. Понятно? Теперь говори, как зовут? Какого полка? Сколько пушек? Где расположено тактическое атомное оружие?

— Ничего не понимаю, — сказала Алиса. — Какое тактическое оружие? Какие пушки?

— Запирается, — сказал генерал. — Мы тебе всыплем. Мы тебя сгноим.

— Ты говори, да не заговаривайся! — рассердился старик. — Как это — сгноим? Ты с кем разговариваешь? Да я тебя сейчас...

— Держи его! — крикнул генерал своему помощнику. — Он нападает!

Робот обхватил старика сзади своими ручищами. У старика упала на землю шляпа, и жидкие синтетические волосы рассыпались во все стороны.

— Хорошо, — сказал генерал роботу. — Получишь орден. Победить меня он бы не смог, я — фаталист. Понятно? Ничего не боюсь и не опасуюсь. Мне не страшен даже пулеметный огонь. И прямое попадание фугаса.

Генерал-робот поднялся во весь рост, скрипнув суставами.

— Проклятая ржавчина! — сказал он. — Нет смазки. Завтра в походе захватите смазочного масла. Нет, я сам вас поведу, и сам захвачу смазочное масло. Пленных с утра заставить работать на строительстве укреплений. А днем расстрелять. Все. Я сказал. Приказал.

— Слушаюсь! — ответил робот.

— Возьми награду и приколи на грудь. Ты теперь награжден.

— Рад служить! — ответил робот и, прижимая к груди жестянку, чтобы не упала, вывел пленных наружу.

Оглянувшись, Алиса увидела, что генерал снова уселся перед ящиком и опять принялся вырезать.

— Стойте, — остановил их голос. — Совсем забыл. Ржавчина проклятая. Люди, хотите мне служить? Верно служить? Я награжу.

— Не хотим, — ответила за обоих Алиса. — Мы никому не служим и никого не боимся.

— Посмотрим, как завтра запоешь, — сказал генерал, — когда в твое мягкое человеческое сердце вонзится железная стрела. Идите.

Но не успели пленники с конвоиром пройти нескольких шагов, как скрипучий голос

генерала-робота призвал их обратно. Пришлось возвращаться.

— Опять забыл, — сказал генерал. — До Москвы нам еще далеко?

— Далеко, — ответила Алиса, — никогда не дойти своим ходом. Отвезут вас туда на грузовом метро и сделают из вас подсвечники. Самые модные.

— Расстрелять немедленно! — сказал генерал.

— Никак нельзя, — сказал робот. — Темнеет. Можем промахнуться.

— Поднимите по тревоге всех, пусть включают фары в головах.

— Нельзя. Вы приказали экономить энергию, шеф.

— Тогда в карцер. В карцер!

— Да ты, я скажу, помолчал бы. Очень ты меня раздражаешь, туды ты в качель! — сказал старик. — Я сейчас сам тебя расстреляю из своей палки.

Старик поднял палку и прицелился из нее, как из старого ружья, в генерала-робота. То ли у старика от обиды померк его роботный разум, то ли он в самом деле не знал разницы между ружьем и палкой, то ли хотел просто припугнуть робота, но результат оказался для кино-старичка самым плачевным. Генерал-фаталист испугался и с грохотом рухнул на пол, а второй робот со всего размаху опустил на затылок старика свой железный кулак.

Голова старичка с треском разломилась, и из нее посыпались мелкие детали электронного мозга. Старичок зашатался, сделал несколько неуверенных шагов, но центр координации его уже был разрушен, и он упал на пол рядом с генералом-роботом.

Алиса замерла от страха и горя. Старик, хоть и не был человеком, оставался на этом диком острове ее единственным защитником, и она уже привыкла относиться к нему как к живому дедушке. И вот его убили. Причем роботы-то ведь думали, что он человек. А это значит, что случилось что-то совсем страшное. Роботы могут убивать людей...

Роботов Алиса знала отлично — они были частью мира, в котором она жила. Когда Алиса была совсем маленькой, у нее был робот-сиделка; он знал всякие сказки и умел менять и стирать пеленки. Во многих домах у людей были и роботы-домработники. Но больше всего роботов было занято в тех местах, где людям работать неинтересно. Промышленные роботы мало похожи на людей — это скорее разумные машины, которые прокладывают дороги, добывают руду, убирают улицы. Машина-такси — это тоже робот, потому что она умеет не нарушать правил уличного движения. За день до того, как Алиса улетела в Крым, она видела по телевизору робот — космический корабль. Он будет возить грузы на лунные станции, причем не только возить, но и грузить их в себя, садиться в той точке лунного космодрома, которую ему укажет диспетчер, и не отдавать лунным колонистам больше контейнеров, чем им положено.

Роботы появились давно, лет двести назад, но только за последние сто лет — это Алиса проходила еще в первом классе — они заняли такое большое место в жизни людей. Роботов не меньше, чем людей на Земле, но никогда не было случая, чтобы роботы восставали против людей. Это невозможно. Это все равно, как если бы кастрюля, самая обыкновенная кастрюля, отказалась варить суп и начала бы кидать своей крышкой в бабушку. Ведь роботов делают люди, а люди обязательно вкладывают в роботов специальный блок защиты человека. И какой бы ни был у робота большой электронный мозг, этот мозг не может придумать непослушание.

Значит, роботы на острове или все сразу сломались так, как не ломались никогда другие роботы, или — впрочем, это Алисе не пришло в голову — были построены людьми,

которые почему-то решили, что роботы могут обойтись и без блока защиты людей.

Стало тихо. Генерал поднял голову и увидел, что рядом лежит разбитый старик. Генерал прибавил света в своей головной фаре и при свете ее разглядел, что старик сделан не из плоти и крови, а из электронных деталей.

— Предательство! — закричал он. — Нас предали! — Созывай всех. Совещание.

— А куда второго человека? Может, тоже...

— Пока в карцер. Некогда разбираться. Завтра придется допросить со всей строгостью. Ну...

Второй робот наклонил голову и, подтолкнув Алису к выходу, пошел вперед, уткнув ей в спину граненый палец.

Карцер оказался ямой с крутыми стенами. Робот просто толкнул Алису вниз, и она больно ушиблась о какой-то камень, но плакать не стала. То, что случилось с ней и со стариком-кинороботом, было настолько серьезным, что плакать было просто некогда.

Глава шестая. В замке на мысе Сан-Бонифацио

Алиса никогда не слышала о мысе Сан-Бонифацио. Да и вряд ли кто-нибудь из читателей этой повести знает о мысе Сан-Бонифацио. Мыс Сан-Бонифацио акульным плавником поднимается над Средиземным морем, и окружающие его поля желты и неприветливы. Когда-то, лет шестьсот назад, в этом месте пиратская армада Хасан-бея, состоявшая из двадцати трех быстроходных галер, подстерегла и вдребезги разбила генуэзскую эскадру. Хасан-бей сам завязал петлю на шее генуэзского адмирала, перед тем как того вздернули на рее. По крайней мере, так пишет в своей трехтомной «Истории беззаконий в Средиземном море и Северной Атлантике» известный аргентинский пиратовед дон Луис де Диего.

С тех пор мыс Сан-Бонифацио в истории не значился.

Ведь нельзя же считать историческим событием постройку на краю мыса замка чудаковатого английского баронета. Баронет грезил собственным привидением. Но привидением можно было обзавестись, только построив соответствующий замок, хоть маленький. Конечно, лучше замок настоящий, но английский климат был вреден баронету, и он построил замок на Средиземном море, почти как настоящий, с подъемными воротами и неглубоким рвом, в котором водились лебеди. Баронет поселился в нем и стал ждать, пока в замке заведется привидение. Может быть, привидение и завелось бы, но еще раньше баронет простудился и умер. Замок остался без хозяина. Кому придет в голову селиться в этом пустынном уголке побережья?

Замок пустовал почти полсотни лет. Обветшал и покосился. Туристы, проезжавшие мимо в прогулочных катерах, уже верили словоохотливым гидам, когда те уверяли их, что замок построен королевой Беллой Благочестивой.

Во второй половине двадцатого века замок снова ожил. Новые его владельцы подновили и подкрасили стены, обнесли замок и мыс двумя рядами колючей проволоки и у единственного проезда поставили часовых. Иногда к замку подъезжали крытые грузовики, и тогда во дворе начиналась суета. Рабочие и люди неизвестной национальности и неизвестных занятий разгружали с грузовиков ящики и контейнеры и вносили их в обширные подвалы замка.

Крестьяне соседней деревни некоторое время судачили о новых обитателях замка, но понемногу разговоры смолкли, как огонь, который ничто не поддерживает. Как-то в небольшой газете была опубликована статья об одной тайной организации, готовящейся к войне, и в этой статье промелькнуло название замка у мыса Сан-Бонифацио как об одной из баз этой организации. Но лица, упомянутые в статье, привлекли газету к суду за клевету, и газете пришлось уплатить большой штраф, потому что она не могла представить суду никаких документов, а единственный ее свидетель был найден мертвым за день до процесса.

Прошло еще несколько десятков лет. Люди забыли уже и об организациях, которые готовили войну, и о самом замке. Замок, покинутый последними хозяевами, рассыпался, а колючую проволоку пастухи аккуратно собрали и свалили в выгребную яму.

Как видите, мыс Сан-Бонифацио пока не имеет равным счетом никакого отношения к нашей повести, но случилось так, что дней за десять до того, как Алиса прилетела в Крым, Туристский центр Северного Средиземноморья решил построить возле мыса флаерную станцию и небольшую гостиницу для любителей подводного плавания.

Туристский центр — крупная организация, и он не любит терять время понапрасну.

Утром было принято решение, днем три грузовых флэера привезли к мысу строительных роботов-стройботов и одного студента.

Стройботы выдвинули широкие лопаты и принялись расчищать строительную площадку от каменных груд, оставшихся от старого замка, а студент нашел одинокую смоковницу и присел в ее тени читать бессмертный труд Ахмедзянова «Выведение шестиногих кроликов в домашних условиях». Студент учился на роботозлектронном факультете, но был неудовлетворен жизнью и решил с осени поступить также и на факультет генной технологии, факультет модный, куда попасть нелегко — конкурс восемьдесят человек и десять инопланетян на каждое место.

Стройботы разгребали мусор, студент упоенно листал Ахмедзянова, вокруг жужжали пчелы, и легкий ветерок перебирал листья смоковницы. И вдруг один из стройботов ухнул и провалился под землю. При этом он произвел такой шум, что студент оторвался от книги, пересчитал стройботов и сразу понял, что одного не хватает.

Студент подбежал к темному провалу в земле. Стройбот грозно шевелился в темноте, раздвигая какие-то гремящие и шуршащие предметы.

Студент велел стройботу включить лобные фары и при свете их спустился вниз. Оказывается, стройбот упал в подвал замка, заваленный вещами и документами, оставшимися от его последних владельцев. Студент очень удивился и, выбравшись на поверхность, немедленно связался с ближайшим городом, откуда через полчаса примчались на катере три историка.

Находка превзошла все ожидания. Последние владельцы замка и в самом деле, оказывается, готовились к войне. Этому были свидетельством ящики с документами, стрелковое оружие столетней давности, груды сухих батарей, патроны, мундиры несуществующих армий, консервы и даже разобранный на части танк с противоатомной защитой. В углу подвала стояли забытые роботы.

Это были удивительные роботы. Историкам был известен только один вконец проржавевший экземпляр подобного рода. Это были роботы-солдаты. Они умели подчиняться военным командам и, если слышали приказ «убей», могли убивать и людей. В этих роботах просто-напросто не было блока защиты человека. Роботы сильно запылились и кое-где заржавели, но когда одного из них вытащили на поверхность и включили, он медленно повернул голову, оглядел желтую долину, море и похожий на акулий плавник мыс Сан-Бонифацио и сказал скрипучим голосом:

— К боевым действиям готов. — Потом помолчал, сердито сверкая единственным глазом на пораженных историков, и добавил: — Где есть твой командир?

Робот говорил по-русски и был явно предназначен для действий на Восточном фронте.

Вызванный срочно из Антарктидбурга крупнейший специалист по истории роботики Синити Комацу обследовал роботов, задал им несколько наводящих вопросов и объявил, что использовать их уже не удастся. Они запрограммированы солдатами, и их куда проще переплавить, чем перестраивать и перевоспитывать.

Четырех роботов тут же поделили между собой музеи, им же достались оружие и документы, а остальных отправили на переплавку.

Воспользовались для этого катером, на котором приехали историки. К нему прицепили небольшую пластиковую баржу. В катер уселся студент, не расстававшийся с книгой, а на баржу погрузили роботов. Никто не заметил, что при погрузке один из роботов случайно включился.

Студент читал о шестиногих кроликах и так увлекся, что не услышал предупреждения о надвигающемся шторме. Небо неожиданно потемнело, подул резкий ветер, по морю пошли рядами белые, пенистые барашки. Студент и дальше не замечал бы ничего вокруг, но первая же большая волна ворвалась в распахнутую дверь каюты и смыла за борт книгу Ахмедзянова и еще несколько не менее интересных учебников.

Только тогда студент спохватился, дал сигнал SOS и осторожно выглянул наружу. Баржа с роботами моталась на конце троса, стараясь оторваться от катера, тянула его назад и вообще угрожала безопасности молодого человека. Он сразу сообщил об этом на берег и получил разрешение отрубить трос и идти обратно. Так он и сделал и благополучно вернулся домой.

А одному своему близкому приятелю он рассказал (правда, приятель ему не поверил), что когда он хотел обрезать трос, то увидел, что над баржей поднялась высокая фигура и оборвала трос с другой стороны. Больше того, студент уверял, что это был один из металлических роботов. Кроме своего приятеля, молодой человек никому об этом не сказал, опасаясь, что его могут заподозрить в трусости.

Все решили, что баржа утонула.

На самом же деле она не утонула. Несколько дней ее носили по Средиземному морю волны затянувшегося шторма, потом пронесли ее, полузатопленную, через Босфор и в конце концов выбросили на берег небольшого острова у Крымского побережья.

Роботы, проржавевшие за дни скитания по волнам, повредившие в качке некоторые ценные детали своих электронных мозгов, выбрались на берег и тут, просохнув, начали действовать. Один из десяти в свое время был запрограммирован как робот-шеф, способный принимать решения в присутствии противника и командовать другими.

Шеф-робот организовал свою команду на военный лад, и в его проржавевшем мозгу появилась мысль о том, что если уж он оказался на острове, то, значит, ожидавшаяся сто с лишним лет война все-таки началась и пора приступать к покорению противника. Себя он произвел в генералы.

В первый же день на острове роботы обнаружили среди камней большую железную бочку. И генерал-робот послал двоих своих солдат на берег, в разведку.

Они вернулись через несколько часов, не одни, с добычей — двумя пленными — Алисой и стариком-кинороботом.

Алиса об этом не знала, да и не могла предположить, что когда-то на земле люди, которые были настолько учеными, что умели делать говорящих роботов, могли готовить их для войны с другими людьми, например с Алисиным дедушкой или с прадедушкой.

Не подозревал об этом и Герман Шатров, который, как и вся киногруппа, и Светлана Одинокая, не ложился спать в ту ночь, а обшаривал с фонарями ближайшие скалы в поисках Алисы и старика. Не спали спасатели Крымской станции, флаеры которых, плохо оборудованные для ночных полетов, кружили над побережьем; не спали и туристы, лагерь которых — двадцать три палатки — лежал за горой. Туристы тоже искали девочку и старика...

Не подозревал об этом и Алисин отец, директор Московского зоопарка. Правда, он спал спокойно, зная, что Алиса в полной безопасности в Крыму, с его приятелем Германом Шатровым, — отцу пока ничего сообщать не стали.

... В половине первого ночи спасатель Соснин, пролетая на бреющем полете над одной

незаметной бухточкой и осветив ее, увидел на песке несколько следов, превышающих размером человеческие. Следы вели вверх, по склону горы. Пролетев над цепочкой следов, он увидел в одном месте рассыпанные ракушки и камешки, которые переливчато заблестели под светом его фонаря.

Глава седьмая. Падение ржавого фельдмаршала

Алисе было страшно. Алисе было жалко старика. Но еще Алисе очень хотелось пить и есть... Она сжалась в углу ямы и закрыла глаза. И сейчас же увидела большой, больше ее, бокал с лимонадом. Лимонад переливался через край, и шипучие брызги его прыгали по камням.

Алиса открыла глаза, чтобы отогнать наваждение. В яме было совсем темно, и только в неровном четырехугольнике неба горели звезды. Алисе пришла в голову мысль, что в сумке, о которой она совсем позабыла, может заваляться что-нибудь съестное. Это, конечно, была чепуха, и Алиса понимала, что это чепуха, но все-таки она расстегнула сумку и, замерев от возможности удачи, тихонько сунула туда руку. Но ничего не произошло. В сумке лежали аппарат миелофон, носовой платок и классер с менными марками. И еще несколько ракушек и камешков, найденных на берегу. С горя Алиса положила один из них в рот и стала сосать. Но пить все равно хотелось.

— Робот! — позвала Алиса. — Робот, я хочу пить! Никто не отозвался.

Может, закричать громко, так громко, чтобы все эти роботы испугались и забегали? Но Алиса не решилась. Она видела, как погиб старик, и понимала, что роботы могут убить и ее, если подумают, что она выдаст своим криком их убежище.

А может, на островке и вообще нет воды? Роботам ведь она не нужна. Пить хотелось так, что горело во рту, и голова казалась большой и гулкой...

Алиса встала и обошла свою тюрьму, ощупывая стены руками. С одной стороны стена была покатою, и Алиса попробовала выкарабкаться, но утыканная камешками земля не удержала ее, и Алиса соскользнула вниз. Алиса испугалась, что роботы могут услышать, как она барахтается в яме. Она прислушалась. Вроде бы все тихо. Но ведь роботы не спят. Один из них мог притаиться у ямы, и, когда Алиса вылезет, он ударит ее. Постойте, ведь есть же миелофон!

Алиса достала его из сумки и вставила в ухо наушник. В аппарате что-то очень тихо потрескивало, но ни мыслей, ни голосов не было слышно. Алиса покрутила колесико миелофона, посылая его волны в разные стороны, но так ничего и не услышала. Значит, вблизи роботов нет.

Алиса выплюнула камешек и сделала еще одну попытку выкарабкаться из ямы. Она уминала ногами ступеньки в откосе и, прижимаясь животом к склону, медленно ползла вверх. Было темно, камешки и песчинки скатывались вниз, ноги скользили, и приходилось замирать, распластавшись, чтобы удержать равновесие. Путешествие наверх казалось Алисе бесконечным, и она уже начала думать, что никогда не выберется из этой ямы, как вдруг руки ее, протянутые вверх, вместо стены встретили пустоту...

Алиса выползла на поверхность островка и минуты две лежала, отдыхала и слушала, не идет ли кто-нибудь. Тихо. Теперь надо решить, в какой стороне может быть вода, если она есть на островке. Алиса решила, что если вода здесь есть, то она должна, в конце концов, стекать с острова в море, и поэтому лучше всего обойти остров вокруг. Она спустилась на четвереньках к морю и присела за камнем.

Взошла луна, и море было разрезано лунным светом на две половинки. Лунная дорожка убегала к далекому берегу и упиралась в черную полосу гор. Среди гор мерцали разноцветные огоньки домов и палаточных лагерей. В одном месте на берегу горел костер, и

белый столбик дыма от него был ясно виден на черном теле горы.

«Поздно спать не ложатся», — подумала Алиса, не догадываясь, что костер горит в лагере туристов потому, что на костре висит котелок с черным кофе, — группы, возвращающиеся с поисков Алисы, пьют этот кофе, чтобы не заснуть.

С неба протянулась к кромке воды полоска прожектора с невидимого в темноте флаера. Лучик ощупывал бухточки. Это тоже искали Алису. А горстка огоньков напротив островка означала вовсе не освещенный домик и не карнавальное шествие — киношники и спасатели обшаривали берег бухточки, где были обнаружены полчаса назад следы роботов.

Алисе захотелось нырнуть в воду и поплыть к далеким огонькам, но она понимала, что утонет — она очень устала и ослабела без воды и пищи, переволновалась, и руки двигались еле-еле, не слушались.

И даже коленки дрожали.

Только Алиса решилась продолжить свое путешествие в поисках воды, как неподалеку раздались тяжелые редкие шаги. Один из роботов медленно спускался к морю. На мгновение его силуэт заслонил лунную дорожку, и Алиса узнала по каске генерала-робота. Он подошел к воде и остановился, с хрустом подняв железные руки и скрестив их на груди.

Теперь Алисе никак нельзя было вылезать из-за камня: робот обязательно услышал бы ее. А генерал все не уходил. Он стоял на берегу, смотрел на огоньки далекого берега и, наверно, думал. Может, стоит узнать его мысли? Алиса тихонько достала наушник из сумки. Повернула колесико на миелофоне, пока не настроилась на мысли робота. И вот они уже ясно слышны. Робот думал медленно и со скрипом. «Десант... Надо высадить десант затемно. Они не ждут нападения? Нет подкреплений. Нет связи с центром... Завтра будет связь... На острове в крепости оставим охранение... Человека маленького надо убрать. И в воду. Чтобы следов не осталось... в воду. Всегда надо концы в воду...» — Я генерал, — сказал вдруг робот вслух. — Я произвожу себя в генерал-лейтенанты. Завтра произведу себя в фельдмаршалы.

И снова мысли:

«... Мы освободим всех пленных роботов, и армия моя несокрушима... пора поднимать по тревоге... Нет, сначала сам уберу маленького человека... Он слишком много знает...» Робот перестал думать, опустил руки, ударив со звоном ладонями по бокам, и пошел наверх, к тюрьме, из которой Алиса так недавно выбралась.

Алиса поняла, что теперь не до воды. Надо спрятаться, пока ее не нашли. Она выскочила из-за камня и побежала вдоль берега, ища надежное укрытие. Но островок был гол, и обыскать его можно было в две минуты.

Меж камней темнело углубление. Алиса нырнула туда и замерла. Обеспокоенные роботы так топали по островку, что началось небольшое землетрясение.

Вот шаги робота все ближе и ближе... Топ-топ... Остановились у Алисиного убежища. Неужели она плохо спряталась?

Яркий свет ударил в глаза. Робот зажег фару на полную мощность и шарил ее лучом по камням.

— Здесь! — крикнул он. — Человек есть здесь!

Железная рука протянулась к Алисе, и она попыталась увернуться от нее, прижимаясь к стенке. Рука прошла в сантиметре от Алисиного лица и ударилась протянутыми вперед пальцами о камень. Алиса воспользовалась секундной заминкой и, оцарапав плечо о ржавую ногу, выбежала на берег.

И тут же ей в лицо ударил свет прожектора другого робота. Ее заметили. Алиса металась по берегу, увертываясь от протянутых рук, от камней, которые кидали в нее, правда, не очень метко, железные солдаты, но кольцо сдвигалось...

— Бери живой! — крикнул генерал-робот над самым ее ухом, и Алиса скорее почувствовала, чем увидела, руку, тянущуюся к ее голове. Алиса отпрыгнула, ударилась носом о что-то твердое, пробежала несколько шагов, остановилась и обернулась.

Генерал побежал за Алисой, но споткнулся и с грохотом покатился по камням.

Из воды, метрах в двадцати от берега, черным углом торчал нос полузатопленной баржи, на которой роботы приплыли на остров. Вот где можно спрятаться. Алиса вошла в воду, подняв высоко над головой сумку с миелофоном, и, как только вода достигла груди, поплыла, подгребая одной рукой и стараясь не производить никакого шума.

Сумка оказалась тяжелой, и очень хотелось бросить ее в воду, но Алиса знала, что миелофон — ценный аппарат, и надо его обязательно сберечь.

Плавала Алиса неплохо и даже сейчас, усталая и избитая, добралась до черного носа минуты за три, перебралась через борт и уселась на угол рубки, уходящей в воду.

Роботы перекликались, топали по острову, разыскивая ее. Вот один подбежал к самому берегу напротив баржи и осветил фарой песок, чтобы разыскать следы. Алисе было холодно и хотелось попрыгать, чтобы согреться, а приходилось сидеть и не двигаться.

Стрекотание флаера послышалось почти над головой. Флаер зажег прожектор и рыскал им по острову. Роботы замерли и замолчали. Луч скользнул по берегу, по барже, но Алиса не посмела пошевелиться и привлечь внимание летчика к себе. Вдруг тогда роботы догадываются, что она прячется так близко от них, и заберутся на баржу раньше, чем придет помощь!

Теперь Алиса не сомневалась, что флаер был послан ее друзьями. Ее разыскивают. И обязательно найдут. Но сейчас важнее было другое — надо предупредить людей на берегу, что роботы собираются вот-вот начать наступление. А ведь люди там, туристы и отдыхающие, даже не подозревают, что роботы могут нападать на людей. И роботы застанут их врасплох и могут кого-нибудь убить или ранить. Жалко, что не удалось найти, где у них спрятана лодка. Хотя лодку они, как сказал генерал, охраняют. «Придется, видно, плыть к берегу, — решила Алиса. — Может быть, я не утону и тогда успею раньше, чем роботы. Только надо это сделать незаметно. Подождать, пока они не прекратят поиски».

Флаер улетел, и роботы, включив прожекторы, шарили лучами по воде, думая, наверно, что Алиса попыталась уплыть с острова и не успела отплыть далеко.

— Человек мог спрятаться на барже, — сказал вдруг явственно скрипучий голос на берегу.

— Но мы теряем время. Пора в поход.

— Сначала уьем человека. Проверьте баржу.

Шаги робота удалились по берегу.

Алиса поняла, что больше ждать нельзя. Она спрятала сумку с миелофоном в углубление на палубе баржи, надеясь, что роботы в спешке не найдут аппарата. Потом она спустила ноги за борт, повисла на руках и, оторвавшись от борта, сразу ушла вглубь. Вынырнула и поплыла к берегу. Алиса еще не успела высохнуть, на ветру было холодно, и вода поэтому показалась ей в первый момент теплой, как будто ее специально нагрели.

Сколько до берега? Меньше километра. Теперь они ее никогда не найдут...

И в этот момент в лицо ей ударил яркий луч.

Алисе так хотелось надеяться, что это фонарь ее друзей, что она подняла руку над водой и крикнула:

— Я здесь! На помощь!

В ответ раздался скрипучий смех ржавого фельдмаршала.

Еще и еще фонари впивались в лицо Алисе.

Оказывается, роботы были не так уж глупы. Они успели спустить в воду надувную лодку и даже запустить ее беззвучный мотор — поэтому Алиса и не заметила их приближения.

Алиса пыталась нырнуть, но и тут роботы ее перехитрили.

Как только ее голова вновь показалась над водой — рука робота схватила ее за волосы и втащила в лодку.

Алиса пыталась отдышаться. Железная рука придавила ее грудь, и Алисе казалось, что сейчас робот раздавит ее. Дышать было очень трудно.

— Раз-два-три-четыре! — скомандовал робот.

Лодка закачалась, вокруг Алисы шла какая-то суетня.

Потом все стихло.

Фельдмаршал резким движением перехватил Алисину руку, посадил ее рядом с собой и сказал:

— Смотри и удивляйся, человеческий шпион!

Алиса посмотрела вокруг. И в самом деле было отчего удивляться. Лодка оказалась пустой.

Только она и робот-генерал с железным гарпуном в лапе.

— А где все остальные? — спросила Алиса.

Робот довольно захохотал. Хохот у него был такой, словно били колотушкой по бочке.

— А это видишь? — спросил он, показывая на минимизатор.

Чемодан стоял у его ног, закрытый, черный, мирный.

— Я не такой дурак, — сказал робот. — Я принес этот ящик к себе в штаб. Я стал смотреть внутрь. Я увидел — сколько в нем лежит маленьких вещей. Я их стал вынимать, и вещи стали большие. Это очень хитрое военное изобретение. Мне оно понравилось.

— Это совсем не военное изобретение, — сказала Алиса.

— Не возражать! Это универсальное десантное средство. Я все понял. За это я был награжден следующим чином. Можешь обращаться ко мне: господин фельдмаршал.

— Но зачем вам оно?

— Не притворяйся.

Не отпуская Алисиной руки, робот-фельдмаршал открыл минимизатор и позволил Алисе заглянуть внутрь. Сам же он направил в минимизатор свет своего налобного фонаря.

И Алиса с ужасом убедилась в том, что внутри минимизатора стоят рядами ржавые роботы — махонькие, как игрушки, каждый меньше мизинца.

Робот-фельдмаршал захлопнул минимизатор.

— Теперь вы будете побеждены, — сказал он. — И даже не сообразите, как это случилось.

— Но я вам зачем?

— Ты нам нужна, — сказал робот, — чтобы ввести в заблуждение охрану побережья.

Он поднял со дна лодки соломенную шляпу старика-киноробота и натянул ее на свою

голову.

— Теперь мы с тобой мирные поселяне, которые катаются на лодочке. И если кто-то нас выслеживает, он никогда не догадается, что началось великое наступление. Если ты, человечий детеныш, будешь вести себя смиренно и исполнять все мои указания, я тебя отпущу живой и, может, даже награжу медалью. Но если ты попытаешься меня обмануть, то ты не проживешь и секунды!

И тут Алиса в самом деле испугалась. Она понимала, что они с каждой минутой все ближе подплывают к берегу, на котором отдыхают тысячи людей. Люди сейчас собираются спать, ходят по берегу, любуются звездами, укачивают детей — и не подозревают, что к берегу приближаются настоящие безжалостные убийцы.

— Хорошо, — сказала Алиса, — я буду вам помогать. Только отпустите мою руку. Мне больно.

— Я этого не сделаю, — сказал робот, — я тебе не верю. Я никому не верю. Я даже себе самому не верю.

— Но куда я уплыву! — воскликнула Алиса. — Ведь ваша лодка плывет быстрее меня, вы же меня догоните!

— Ты так думаешь? — Хватка робота ослабла.

И тут Алиса увидела, что в воде недалеко от лодки скользит черная полоса.

Неужели дельфины?

Было почти совсем темно, и темные тени двигались быстро и беззвучно. Конечно же дельфины. Как жаль, что они все-таки не умеют говорить... Но, может, они поймут?

Если бы удалось схватиться за плавник дельфина — тогда бы лодка ее не догнала!

Рискнуть? А вдруг дельфины испугаются?

Но нельзя же сидеть так и ждать, пока военные роботы начнут топтать по мирному берегу?

— Дельфины! — крикнула Алиса. — На помощь!

И, вырвав руку у робота, она кинулась в воду.

Вода сразу забурлила вокруг. Алиса вынырнула и поняла, что ни одного дельфина рядом нет.

А нос лодки разворачивался в ее сторону. Она увидела черный силуэт робота, который поднялся над лодкой и занес руку с железным гарпуном. Вспыхнул свет его фонаря...

Все погибло, подумала Алиса.

И в тот же момент упругое тело дельфина ударило снизу. Она инстинктивно схватилась за высокий скользкий плавник. Дельфин пошел в сторону, и Алиса не увидела, но почувствовала, как вонзился в воду железный гарпун.

Второй дельфин подплыл к Алисе. Вдвоем дельфины быстро понесли ее к берегу.

Рядом можно было разглядеть спины и смеющиеся рыла других дельфинов.

— Стой! — рычал робот, шаря лучом фонаря по воде.

Стрела шлепнулась о воду рядом с ними.

Вторая поразила одного из дельфинов.

Он застонал, как человек.

— Не смей! — крикнула Алиса, но, конечно, за плеском и шумом ее голос был не слышен.

Берег был уже совсем близко — его черный обрыв закрывал звездное небо. И над

обрывом мелькали яркие огоньки.

— Плохие люди, — сказал дельфин. — Мы таких не знаем.

— Это не человек! — сказала Алиса, совсем не удивившись, что дельфины говорят — не до удивления было. — Это железные роботы. Это машины. Это злые машины.

Дельфины запищали, засвистели, видно, старались понять, что же произошло.

— Это не люди? — спросил снова дельфин, который помогал Алисе.

— Это враги людей.

Дельфин громко свистнул, и тут же черные спины других дельфинов ушли в сторону.

— Смотри, — сказал дельфин, разворачиваясь.

И Алиса увидела, как сразу несколько дельфинов ударили в борт надувной лодки, посреди которой стоял робот-фельдмаршал.

Лодка накренилась, зачерпнула воды, робот не удержал равновесия и рухнул в воду, подняв высокий фонтан брызг.

— Молодцы! — закричала Алиса. — Ура!

И тут же сообразила, что там, в лодке — минимизатор. Он тоже утонет!

— Лодка! — крикнула Алиса, глядя, как та раскачивается на волнах. — Мне надо в лодку!

Дельфин не стал ничего спрашивать. Он в несколько секунд доплыл до лодки и замер рядом.

Алиса перебралась в лодку.

Чемодан-минимизатор лежал на дне.

— Спасибо вам, дельфины! — крикнула Алиса.

— Пожалуйста, смелая девочка.

— У вас есть раненый, — сказала Алиса, направляя лодку к берегу. — Вам нужна помощь? Я вызову врача?

— Не надо, — ответил дельфин. — Рана не опасная.

И дельфины растворились в ночи.

Будто их и не было.

Стояла глубокая ночная тишина. С берега долетало пение цикад.

Лодка ткнулась носом в камни.

Алиса вытащила на берег минимизатор.

И тут услышала, как ее зовут.

— Алиса! — перекатывалось по обрыву. — Алиса? Ты где? Алисаааа!

— Я здесь! — крикнула Алиса. — Я здесь.

Через минуту она оказалась в центре толпы.

Кого здесь только не было! И спасатели, и Вася, и Герман, и конечно же Светлана Одинокая.

— Ты жива, ты не ранена? Тебе не больно? Где ты была? — слышалось со всех сторон.

— Я все расскажу, — ответила Алиса. — Но сначала я должна отдать Светлане минимизатор.

— Спасибо, Алиса, — сказала Светлана. — А я голову ломала, зачем ты его взяла?

— Нет, не я его взяла, — сказала Алиса, чувствуя, что у нее подгибаются ноги.

И тут она увидела, что Светлана, положив минимизатор на камни, открывает его.

— Осторожнее! Нельзя! — крикнула Алиса.

Но было уже поздно.

Светлана вскрикнула.

Все фонари были направлены на нее. Светлана прижала к щеке пальцы, и между ними текла тоненькая струйка крови.

— Что это? — Светлана вытащила из щеки вонзившуюся в нее булавку.

— Это боевая стрела, — сказала Алиса. — В минимизаторе сидят боевые роботы, которые хотят завоевать Землю.

И в самом деле, в следующее мгновение булавка превратилась в большую железную стрелу.

Поэтому минимизатор пришлось закрыть.

В следующий раз его открыли уже только на заводе по переплавке металла.

Утром, выспавшись, все рассказав, обклеенная пластырем и обмазанная лечебной мазью, Алиса вместе с киногруппой и журналистами поехала на пиратский остров. С ними была и Берта, которая примчалась из Москвы на метро. Она была одета в фиолетовый парик и живое платье из венерианских водорослей, которое все время меняло цвет и рисунок. Берта всю дорогу допрашивала Алису, не почудилось ли ей, что дельфины с ней разговаривали?

Остров был пустынен, в развалинах штаба робота-фельдмаршала гулял ветер. На ящике валялись большие ржавые ножницы и куски жести, из которой фельдмаршал вырезал награды для своих подчиненных.

Техник из киногруппы осторожно поднял тело старика-киноробота и отнес на катер, чтобы срочно починить.

Алиса показала журналистам яму, в которой она сидела. На ее стенке сохранились углубления-ступеньки, по которым Алиса выбралась из плена.

На обратном пути заглянули на полузатопленную баржу, и Алиса взяла сумку с миелофоном.

Остров постепенно уменьшался, уплывая в море. Катер возвращался к берегу. Приключение закончилось.

Светлана наклонилась к Алисе и прошептала:

— Я дозвонилась Никитину. Он попросил прощения.

— За что?

— За все, в чем был и не был виноват, — сказала Светлана. — Он совсем не такой плохой.

— Я тоже так думаю.

Совсем недалеко от берега катер догнала стая дельфинов. Они плыли некоторое время рядом, резвясь и ныряя. Потом повернули в открытое море. Один из них отстал, поглядел на катер и крикнул тонким голосом:

— Хорошо, Алиса!

— До свидания! Спасибо, дельфины! — ответила Алиса.

Берта сначала не поверила собственным ушам, а когда поверила, упала в обморок.

Путешествие Алисы (Тайна третьей планеты)

Глава 1. Преступница Алиса

Я обещал Алисе: «Кончишь второй класс — возьму тебя с собой в летнюю экспедицию. Полетим на корабле „Пегас“ собирать редких животных для нашего зоопарка».

Я сказал об этом еще зимой, сразу после Нового года. И заодно поставил несколько условий: хорошо учиться, не делать глупостей и не заниматься авантюрами.

Алиса честно выполняла условия, и, казалось, ничто не угрожало нашим планам. Но в мае, за месяц до отлета, случилось происшествие, которое чуть было все не испортило.

В тот день я работал дома, писал статью для «Вестника космозоологии». Сквозь открытую дверь кабинета я увидел, что Алиса пришла из школы мрачная, бросила с размаху на стол сумку с диктофоном и микрофильмами, от обеда отказалась и вместо любимой в последние месяцы книги «Звери дальних планет» взялась за «Трех мушкетеров».

— У тебя неприятности? — спросил я.

— Ничего подобного, — ответила Алиса. — С чего ты взял?

— Так, показалось.

Алиса подумала немного, отложила книгу и спросила:

— Пап, а у тебя нет случайно золотого самородка?

— А большой тебе нужен самородок?

— Килограмма в полтора.

— Нет.

— А поменьше?

— Честно говоря, и поменьше нет. Никакого нет у меня самородка. Зачем он мне?

— Не знаю, — сказала Алиса. — Просто мне понадобился самородок.

Я вышел из кабинета, сел с ней рядом на диван и сказал:

— Рассказывай, что там у тебя произошло.

— Ничего особенного. Просто нужен самородок.

— А если совсем откровенно?

Алиса глубоко вздохнула, поглядела в окно, наконец решилась:

— Пап, я преступница.

— Преступница?

— Я совершила ограбление, и теперь меня, наверно, выгонят из школы.

— Жалко, — сказал я. — Ну, продолжай. Надеюсь, что все не так страшно, как кажется с первого взгляда.

— В общем, мы с Алешей Наумовым решили поймать щуку-гиганта. Она живет в Икшинском водохранилище и пожирает мальков. Нам о ней рассказал один рыбак, ты его не знаешь.

— А при чем здесь самородок?

— Для блесны.

— Что?

— Мы в классе обсуждали и решили, что надо щуку ловить на блесну. Простую щуку ловят на простую блесну, а гигантскую щуку надо ловить на особенную блесну. И тогда Лева Званский сказал про самородок. А у нас в школьном музее есть самородок. Вернее, был самородок. В полтора килограмма весом. Его школе один выпускник подарил. Он его с пояса астероидов привез.

— И вы украли золотой самородок весом в полтора килограмма?

— Это не совсем так, папа. Мы его взяли взаймы. Лева Званский сказал, что его отец геолог и он привезет новый. А пока мы решили сделать блесну из золота. Щука наверняка клюнет на такую блесну.

— А дальше что?

— Дальше ничего особенного. Мальчишки испугались открыть шкаф. И мы тянули жребий. Я бы никогда не стала брать золотой самородок, но жребий упал на меня.

— Пал.

— Что?

— Жребий пал на тебя.

— Ну да, жребий упал на меня, и я не могла отступить перед всеми ребятами. Тем более, что этого самородка никто бы и не хватился.

— А потом?

— А потом мы пошли к Алеше Наумову, взяли лазер и распилили этот проклятый самородок. И поехали на Икшинское водохранилище. И щука откусила нашу блесну.

Алиса подумала немного и добавила:

— А может, и не щука. Может быть, коряга. Блесна была очень тяжелая. Мы искали ее и не нашли. Нырjali по очереди.

— И ваше преступление открылось?

— Да, потому что Званский обманщик. Он принес из дома горсть алмазов и говорит, что золота нет ни кусочка. Мы его отправили с алмазами домой. Нужны нам его алмазы! А тут приходит Елена Александровна и говорит: «Молодежь, очистите музей, я сейчас сюда первоклашек на экскурсию приведу». Бывают же такие несчастливые совпадения! И все тут же обнаружилось. Она к директору побежала. «Опасность, — говорит (мы под дверью слушали), — у кого-то пробудилось в крови прошлое!» Алешка Наумов, правда, сказал, что он всю вину на себя возьмет, но я не согласилась. Если жребий упал, пусть меня и казнят. Вот и все.

— И все? — удивился я. — Так ты созналась?

— Не успела, — сказала Алиса. — Нам срок дали до завтра. Елена сказала, что или завтра самородок будет на месте, или состоится крупный разговор. Значит, завтра нас снимут с соревнований, а может, даже выгонят из школы.

— С каких соревнований?

— Завтра у нас гонки в воздушных пузырях. На первенство школы. А наша команда от класса — как раз Алешка, я и Еговров. Не может же Еговров один лететь.

— Ты забыла еще об одном осложнении, — сказал я.

— О каком? — спросила Алиса таким голосом, будто догадывалась.

— Ты нарушила наш договор.

— Нарушила, — согласилась Алиса. — Но я надеялась, что нарушение не очень сильное.

— Да? Украсть самородок весом в полтора кило, распилить его на блесны, утопить в Икшинском водохранилище и даже не сознаться! Боюсь, что придется тебе остаться, «Пегас» уйдет без тебя.

— Ой, папа! — сказала Алиса тихо. — Что же теперь делать будем?

— Думай, — сказал я и вернулся в кабинет дописывать статью.

Но писалось плохо. Очень уж чепуховая история получалась. Как маленькие детки, распилили музейный экспонат.

Через час я выглянул из кабинета. Алисы не было. Куда-то убежала. Тогда я позвонил в Минералогический музей Фридману, с которым я когда-то встречался на Памире.

На экране видефона появилось круглое лицо с черными усами.

— Ленья, — сказал я, — у тебя нет в запасниках лишнего самородка весом килограмма в полтора?

— Есть и в пять килограммов. А зачем тебе? Для работы?

— Нет, дома нужно.

— Не знаю, что тебе сказать, — ответил Ленья, закручивая усы. — Они ведь все заприходованы.

— Мне какой-нибудь самый завалящий, — сказал я. — Дочке в школе понадобился.

— Алисе?

— Алисе.

— Тогда знаешь что, — сказал Фридман, — я тебе дам самородок. Вернее, не тебе, а Алисе. Но ты мне заплатишь добром за добро.

— С удовольствием.

— Дай на один день синебарса.

— Что?

— Синебарса. У нас мыши завелись.

— В камнях?

— Не знаю уж, чем они питаются, но завелись. И кошки не боятся. И мышеловку игнорируют. А от запаха и вида синебарса мыши, как всем известно, убегают со всех ног куда глаза глядят.

Что мне было делать? Синебарс животное редкое, и мне самому придется ехать с ним в музей и там смотреть, чтобы синебарс кого-нибудь бы не искушал.

— Ладно, — сказал я. — Только пришли самородок к завтрашнему утру, по пневмопочте.

Я отключил видефон, и тут же прозвучал звонок в дверь. Я открыл. За дверью стоял беленький мальчик в оранжевом костюме венерианского разведчика, с эмблемой первопроходчика Сирианской системы на рукаве.

— Простите, — сказал мальчик. — Вы Алисин отец?

— Я.

— Здравствуйте. Моя фамилия Еговров. Алиса дома?

— Нет. Ушла куда-то.

— Жаль. Вам можно доверять?

— Мне? Можно.

— Тогда у меня к вам мужской разговор.

— Как космонавт с космонавтом?

— Не смейтесь, — покраснел Еговров. — Со временем я буду носить этот костюм по праву.

— Не сомневаюсь, — сказал я. — Так что за мужской разговор?

— Нам с Алисой выступать на соревнованиях, но тут случилось одно обстоятельство, из-за которого ее могут с соревнований снять. В общем, ей надо вернуть в школу одну потерянную вещь. Я вам ее даю, но никому ни слова. Ясно?

— Ясно, таинственный незнакомец, — сказал я.

— Держите.

Он протянул мне мешочек. Мешочек был тяжелый.

— Самородок? — спросил я.

— А вы знаете?

— Знаю.

— Самородок.

— Надеюсь, не краденый?

— Да нет, что вы! Мне его в клубе туристов дали. Ну, до свидания.

Не успел я вернуться в кабинет, как в дверь снова позвонили. За дверью обнаружилось две девочки.

— Здравствуйте, — сказали они хором. — Мы из первого класса. Возьмите для Алисы.

Они протянули мне два одинаковых кошелька и убежали. В одном кошельке лежали четыре золотые монеты, старинные монеты из чьей-то коллекции. В другом — три чайные ложки. Ложки оказались, правда, не золотыми, а платиновыми, но догнать девочек я не смог.

Еще один самородок рука неизвестного доброжелателя подкинула в почтовый ящик. Потом приходил Лева Званский и пытался всучить мне маленькую шкатулку с алмазами. Потом пришел один старшекласник и принес сразу три самородка.

— Я в детстве камни собирал, — сказал он.

Алиса вернулась вечером. От двери она сказала торжественно:

— Пап, не расстраивайся, все обошлось. Мы с тобой летим в экспедицию.

— Почему такая перемена? — спросил я.

— Потому что я нашла самородок.

Алиса еле вытащила из сумки самородок. По виду в нем было килограммов шесть-семь.

— Я поехала к Полоскову. К нашему капитану. Он всех своих знакомых обзвонил, когда узнал, в чем дело. И еще накормил меня обедом, так что я не голодная.

Тут Алиса увидела разложенные на столе самородки и прочие золотые вещи, скопившиеся за день в нашем доме.

— Ой-ой-ой! — сказала она. — Наш музей разбогатеет.

— Слушай, преступница, — сказал я тогда, — я бы тебя ни за что не взял в экспедицию, если бы не твои друзья.

— А при чем тут мои друзья?

— Да потому, что они вряд ли стали бы бегать по Москве и искать золотые вещи для очень плохого человека.

— Не такой уж я плохой человек, — сказала Алиса без лишней скромности.

Я нахмурился, но в этот момент в стене звякнуло приемное устройство пневматической почты. Я открыл люк и достал пакет с самородком из Минералогического музея. Фридман выполнил свое обещание.

— Это от меня, — сказал я.

— Вот видишь, — сказала Алиса. — Значит, ты тоже мой друг.

— Получается так, — ответил я. — Но попрошу не зазнаваться.

На следующее утро мне пришлось проводить Алису до школы, потому что общий вес золотого запаса в нашей квартире достиг восемнадцати килограммов.

Передавая ей сумку у входа в школу, я сказал:

— Совсем забыл о наказании.

— О каком?

— Придется тебе в воскресенье взять из зоопарка синебарса и пойти с ним в Минералогический музей.

— С синебарсом — в музей? Он же глупый.

— Да, он будет там пугать мышей, а ты посмотришь, чтобы он кого-нибудь еще не напугал.

— Договорились, — сказала Алиса. — Но в экспедицию мы все-таки летим.

Глава 2. Сорок три зайца

Последние две недели перед отлетом прошли в спешке, волнениях и не всегда необходимой беготне. Алису я почти не видел.

Во-первых, надо было приготовить, проверить, перевезти и разместить в «Пегасе» клетки, ловушки, ультразвуковые приманки, капканы, сети, силовые установки и еще тысячу вещей, которые нужны для ловли зверей. Во-вторых, надо было запастись лекарствами, продуктами, фильмами, чистой пленкой, аппаратами, диктофонами, софитами, микроскопами, гербарными папками, записными книжками, резиновыми сапогами, счетно-вычислительными машинами, зонтиками от солнца и дождя, лимонадом, плащами, панамы, сухим мороженым, авиолетами и еще миллионом вещей, которые могут понадобиться, а могут и не понадобиться в экспедиции. В-третьих, раз уж мы по дороге будем опускаться на научных базах, станциях и разных планетах, надо взять с собой грузы и посылки: апельсины для астрономов на Марсе, селедку в банках для разведчиков Малого Арктика, вишневый сок, тушь и резиновый клей для археологов в системе 2-БЦ, парчовые халаты и электрокардиографы для жителей планеты Фикс, гарнитур орехового дерева, выигранный жителем планеты Самора в викторине «Знаете ли вы Солнечную систему?», айвовое варенье (витаминизированное) для лицензианцев и еще множество подарков и посылок, которые нам приносили до последней минуты бабушки, дедушки, братья, сестры, отцы, матери, дети и внуки тех людей и инопланетчиков, с которыми нам придется увидеться. В конце концов наш «Пегас» стал похож на ноев ковчег, на плавучую ярмарку, на магазин «Универсам» и даже на склад торговой базы.

Я похудел за две недели на шесть килограммов, а капитан «Пегаса», известный космонавт Полосков, постарел на шесть лет.

Так как «Пегас» — небольшое судно, то и экипаж на нем маленький. На Земле и других планетах команду экспедицией я, профессор Селезнев из Московского зоопарка. То, что я профессор, совсем не значит, что я уже старый, седой и важный человек. Так получилось, что я с детства люблю всяких животных и никогда не менял их на камни, марки, радиоприемники и другие интересные вещи. Когда мне было десять лет, я пришел в кружок юннатов в зоопарке, потом кончил школу и пошел в университет учиться на биолога. А пока учился, продолжал каждый свободный день проводить в зоопарке и биологических лабораториях. Когда я кончил университет, то я знал о животных столько, что смог написать о них свою первую книжку. В то время еще не было скоростных кораблей, которые летают в любой конец Галактики, и потому было мало космических зоологов. С тех пор прошло двадцать лет, и космических зоологов стало очень много. Но я оказался одним из первых. Я облетел множество планет и звезд и незаметно для себя самого стал профессором.

Когда «Пегас» отрывается от твердой земли, то хозяином на нем и главным начальником над всеми нами становится Геннадий Полосков, известный космонавт и командир корабля. Мы с ним встречались и раньше, на далеких планетах и научных базах. Он часто бывает у нас дома и особенно дружит с Алисой. Полосков совсем не похож на отважного космонавта, и когда он снимает форму капитана-звездолетчика, то его можно принять за воспитателя в детском саду или библиотекаря. Полосков невысокого роста, беленький, молчаливый и очень деликатный. Но когда он сидит в своем кресле на мостике космического корабля, он меняется — и голос становится другим, и даже лицо приобретает твердость и решительность. Полосков никогда не теряет присутствия духа, и его очень

уважают в космофлоте. Мне с трудом удалось уговорить его полететь капитаном на «Пегасе», потому что Джек О'Кониола уговаривал его принять новый пассажирский лайнер на линии Земля — Фикс. И если бы не Алиса, никогда бы мне Полоскова не уговорить.

Третий член экипажа «Пегаса» механик Зеленый. Это мужчина большого роста, с пышной рыжей бородой. Он хороший механик и раз пять летал с Полосковым на других кораблях. Главное для него удовольствие — копаться в двигателе и что-нибудь чинить в машинном отделении. Это вообще-то отличное качество, но иногда Зеленый увлекается, и тогда какая-нибудь очень важная машина или прибор оказываются разобранными именно в тот момент, когда они очень нужны. И еще Зеленый — большой пессимист. Он думает, что «это» добром не кончится. Что «это»? Да все. Например, он бороду отпустил, потому что прочитал в какой-то старинной книге, что один купец порезался бритвой и умер от заражения крови. Хотя теперь на всей Земле не найти такой бритвы, чтобы порезаться, и все мужчины смазывают утром лицо пастой, вместо того чтобы бриться, он на всякий случай отпустил бороду. Когда мы попадаем на неизвестную планету, он сразу советует нам улететь отсюда, потому что зверей здесь все равно нет, а если есть, то такие, что зоопарку не нужны, а если нужны, то нам все равно их не довезти до Земли, и так далее. Но мы все привыкли к Зеленому и на его воркотню внимания не обращаем. А он на нас не обижается.

Четвертым членом нашего экипажа, если не считать кухонного робота, который вечно ломается, и вездеходов-автоматов, была Алиса. Она, как известно, моя дочь, кончила второй класс, с ней всегда что-нибудь случается, но все ее приключения пока кончались благополучно. Алиса полезный в экспедиции человек — она умеет ухаживать за зверями и почти ничего не боится.

Ночью перед отлетом я спал плохо: мне казалось, что кто-то ходит по дому и хлопает дверьми. Когда я встал, Алиса была уже одета, как будто и не ложилась спать. Мы спустились к автолету. Вещей с нами не было, если не считать моей черной папки и Алисиной сумки через плечо, к которой были привязаны ласты и гарпун для подводной охоты. Утро было холодное, зябкое и свежее. Метеорологи обещали дать дождь после обеда, но, как всегда, немного ошиблись, и их дождь вылился еще ночью. На улицах было пусто, мы попрощались с нашими родными и обещали писать письма со всех планет.

Автолет не спеша поднялся над улицей и легко полетел к западу, к космодрому. Я передал управление Алисе, а сам вынул длинные списки, тысячу раз исправленные и перечеркнутые, и принялся их изучать, потому что капитан Полосков поклялся мне, что, если не выкинуть по крайней мере три тонны груза, мы никогда не сможем оторваться от Земли.

Я не заметил, как мы долетели до космодрома. Алиса была сосредоточена и как будто о чем-то не переставая думала. Она так отвлеклась, что опустила автолет у чужого корабля, который грузил поросят на Венеру.

При виде опускающейся с неба машины поросята прыснули в разные стороны, сопровождавшие их роботы бросились ловить беглецов, а начальник погрузки изругал меня за то, что я доверяю посадку маленькому ребенку.

— Она не такая маленькая, — ответил я начальнику. — Она второй класс кончила.

— Тем более стыдно, — сказал начальник, прижимая к груди только что пойманного поросенка. — Мы их теперь до вечера не соберем!

Я поглядел на Алису укоризненно, взял руль и перегнал машину к белому «Пегасу». «Пегас» в дни своей корабельной молодости был скоростным почтовым судном. Потом,

когда появились корабли быстрее и вместительнее, «Пегас» переделали для экспедиций. В нем были вместительные трюмы, и он уже послужил и геологам и археологам, а теперь пригодился и зоопарку. Полосков ждал нас, и не успели мы поздороваться, как он спросил:

— Придумали, куда три тонны деть?

— Кое-что придумал, — сказал я.

— Рассказывай!

В этот момент к нам подошла скромная бабушка в синей шали и спросила:

— Вы не возьмете с собой маленькую посылочку моему сыну на Альдебаран?

— Ну вот, — махнул рукой Полосков, — еще этого не хватало!

— Совсем маленькую, — сказала бабушка. — Грамм двести, не больше. Вы представляете, какво ему будет не получить никакого подарка ко дню рождения?

Мы не представляли.

— А что в посылке? — спросил деликатный Полосков, сдаваясь на милость победительницы.

— Ничего особенного. Тортик. Коля так любит тортики! И стереопленочка, на которой изображено, как его сынок, а мой внучек учится ходить.

— Тащите, — сказал мрачно Полосков.

Я посмотрел, где Алиса. Алиса куда-то пропала. Над космодромом вставало солнце, и длинная тень от «Пегаса» достигла здания космопорта.

— Слушай, — сказал я Полоскову, — мы перегоним часть груза на Луну на рейсовом корабле. А с Луны будет легче стартовать.

— Я тоже так думал, — сказал Полосков. — На всякий случай снимем четыре тонны, чтобы был запас.

— Куда посылочку передать? — спросила бабушка.

— Робот на входе примет, — сказал Полосков, и мы с ним стали проверять, что выгрузить до Луны.

Краем глаза я посматривал, куда делась Алиса, и потому обратил внимание и на бабушку с посылочкой. Бабушка стояла в тени корабля и тихо спорила с роботом-погрузчиком. За бабушкой возвышалась сильно перегруженная автотележка.

— Полосков, — сказал я, — обрати внимание.

— Ой, — сказал отважный капитан. — Я этого не переживу!

Тигриным прыжком он подскочил к бабушке.

— Что это?! — громовым голосом произнес он.

— Посылочка, — сказала бабушка робко.

— Тортик?

— Тортик. — Бабушка уже оправилась от испуга.

— Такой большой?

— Простите, капитан, — сказала бабушка строго. — Вы что, хотите, чтобы мой сын в одиночестве ел присланный мной тортик, не поделившись со своими ста тридцатью товарищами по работе? Вы этого хотите?

— Я ничего больше не хочу! — сказал загнанный Полосков. — Я остаюсь дома и никуда не лечу. Ясно? Я никуда не лечу!

Бой с бабушкой продолжался полчаса и кончился победой Полоскова. Тем временем я прошел в корабль и приказал роботам снять с борта апельсины и гарнитур орехового дерева.

Алису я встретил в дальнем переходе грузового трюма и очень удивился встрече.

— Ты что здесь делаешь? — спросил я.

Алиса спрятала за спину связку бубликов и ответила:

— Знакомлюсь с кораблем.

— Иди в каюту, — сказал я. И поспешил дальше.

Наконец к двенадцати часам мы закончили перегрузку. Все было готово. Мы еще раз проверили с Полосковым вес груза — получился резерв в двести килограммов, так что можно было спокойно подниматься в космос.

Полосков вызвал по внутренней связи механика Зеленого. Механик сидел у пульта управления, расчесывал свою рыжую бороду. Полосков наклонился к самому экрану видеофона и спросил:

— Можем стартовать?

— В любой момент, — сказал Зеленый. — Хотя погода мне не нравится.

— Диспетчерская, — сказал Полосков в микрофон, — «Пегас» просит взлет.

— Одну минуточку, — ответил диспетчер. — У вас нет свободного места?

— Ни одного, — твердо сказал Полосков. — Мы пассажиров не берем.

— Но, может, хоть человек пять возьмете? — сказал диспетчер.

— А зачем? Неужели нет рейсовых кораблей?

— Все перегружены.

— Почему?

— Неужели вы не знаете? На Луне сегодня футбольный матч на кубок Галактического сектора Земля — планета Фикс.

— А почему на Луне? — удивился Полосков, который не интересовался футболом и вообще за дни подготовки к полету отстал от действительности.

— Наивный человек! — сказал диспетчер. — Как же фиксианцы будут играть при земной тяжести? Им и на Луне нелегко придется.

— Значит, мы их обыграем? — спросил Полосков.

— Сомневаюсь, — ответил диспетчер. — Они переманили с Марса трех защитников и Симона Брауна.

— Мне бы ваши заботы, — сказал Полосков. — Когда даете взлет?

— И все-таки мы победим, — вмешалась в разговор Алиса, которая незаметно проникла на мостик.

— Правильно, девочка, — обрадовался диспетчер. — Может, возьмете болельщиков? Чтобы отправить всех желающих, мне нужно восемь кораблей. Не представляю, что делать. А заявки все поступают.

— Нет, — отрезал Полосков.

— Ну, дело ваше. Заводите двигатели.

Полосков переключился на машинное отделение.

— Зеленый, — сказал он, — включай планетарные. Только помаленьку. Проверим, нет ли перегрузки.

— Откуда быть перегрузке? — возмутился я. — Мы же все пересчитали.

Корабль чуть задрожал, набирая мощность.

— Пять-четыре-три-два-один — пуск, — сказал капитан.

Корабль вздрогнул и остался на месте.

— Что случилось? — спросил Полосков.

— Что у вас случилось? — спросил диспетчер, который наблюдал за нашим стартом.

— Не идет, — сказал Зеленый. — Я же говорил: ничего хорошего из этого не выйдет.

Алиса сидела, пристегнутая к креслу, и не смотрела в мою сторону.

— Попробуем еще раз, — сказал Полосков.

— Пробовать не надо, — ответил Зеленый. — Значительная перегрузка. У меня приборы перед глазами.

Полосков попытался еще раз поднять «Пегас», но корабль стоял на месте как прикованный. Тогда Полосков сказал:

— У нас какие-то ошибки в расчетах.

— Нет, мы проверили на счетной машине, — ответил я. — У нас резерв двести килограммов.

— Но что же тогда происходит?

— Придется выбрасывать груз за борт. Мы не можем терять время. С какого трюма начнем?

— С первого, — сказал я. — Там посылки. Подождем их на Луне.

— Только не с первого, — сказала вдруг Алиса.

— Ну ладно, — ответил я ей машинально. — Тогда начнем с третьего — там клетки и сети.

— Только не с третьего, — сказала Алиса.

— Это еще что такое? — спросил строго Полосков.

И в этот момент диспетчер снова вышел на связь.

— «Пегас», — сказал он, — на вас поступила жалоба.

— Какая жалоба?

— Включаю справочное бюро.

На экране показался зал ожидания. У справочного бюро толпились люди. Среди них я узнал несколько знакомых лиц. Откуда они мне знакомы?

Женщина, стоявшая ближе всех к справочному бюро, сказала, глядя на меня:

— Стыдно все-таки. Нельзя так потакать шалостям.

— Каким шалостям? — удивился я.

— Я сказала Алеше: на Луну ты не летишь, у тебя пять троек за четвертую четверть.

— И я запретила Леве лететь на этот матч, — поддержала ее другая женщина. — Отлично мог бы посмотреть по телевизору.

— Ага, — сказал я медленно. Я узнал наконец людей, которые собрались у справочного бюро: это были родители ребят из Алисиного класса.

— Все ясно, — сказал Полосков. — И много у нас на борту «зайцев»?

— Я не думала, что у нас перегрузка, — сказала Алиса. — Не могли же ребята пропустить матч века! Что же получается — я погляжу, а они нет?

— И много у нас «зайцев»? — повторил Полосков стальным голосом.

— Наш класс и два параллельных, — сказала тихо Алиса. — Пока папа ночью спал, мы слетелись к космодрому и забрались на корабль.

— Никуда ты не летишь, — сказал я. — Мы не можем брать в экспедицию безответственных людей.

— Папа, я больше не буду! — взмолилась Алиса. — Но пойми же, у меня сильно развито чувство долга!

— Мы разбиться могли из-за твоего чувства долга, — ответил Полосков.

Вообще-то он все Алисе прощает, но сейчас он очень рассердился.

— Пошли извлекать «зайцев», — добавил он. — Если справимся за полчаса, останешься на корабле. Нет — летим без тебя.

Последнего «зайца» мы извлекли из трюма через двадцать три минуты. Еще через шесть они все уже стояли, страшно огорченные и печальные, у корабля, и к ним от здания космодрома бежали мамы, папы и бабушки.

Всего «зайцев» на «Пегасе» оказалось сорок три человека. Я до сих пор не понимаю, как Алисе удалось их разместить на борту, а нам — ни одного из них не заметить.

— Счастливо, Алиса! — крикнул снизу Алеша Наумов, когда мы наконец поднялись к люку. — Поболей за нас! И возвращайся скорее!

— Физкультпривет!.. — ответила ему Алиса. — Нехорошо получилось, папа, — сказала она мне, когда мы уже поднялись над Землей и взяли курс к Луне.

— Нехорошо, — согласился я. — Мне за тебя стыдно.

— Я не о том, — сказала Алиса. — Ведь третий «Б» улетел в полном составе еще ночью в мешках из-под картошки на грузовой барже. Они-то будут на стадионе, а наши вторые классы — нет. Я не оправдала доверия товарищей.

— А куда картошку из мешков дели? — спросил, удивившись, Полосков.

— Не знаю, — сказала Алиса. Подумала и добавила: — Какими глазами я буду смотреть на стадионе на третий «Б»? Просто ужас!

Глава 3. Ты слышал о трех капитанах?

Когда «Пегас» опустился на лунном космодроме, я спросил у своих спутников:

— Какие у кого планы? Вылетаем завтра в шесть ноль-ноль.

Капитан Полосков сказал, что он остается на корабле готовить его к отлету.

Механик Зеленый попросил разрешения сходить на футбол.

Алиса тоже сказала, что пойдет на футбол, хотя и без всякого удовольствия.

— Почему? — спросил я.

— Разве ты забыл? На стадионе будет весь третий «Б», а из вторых классов только я одна. Ты во всем виноват.

— Я?

— А кто же высадил с «Пегаса» моих ребят?

— Мы же не могли подняться! Да и что бы сказали обо мне их родители? Вдруг что-нибудь случится?

— Где? — возмутилась Алиса. — В Солнечной системе? В конце двадцать первого века?

Когда Алиса с Зеленым ушли, я решил в последний раз выпить чашечку кофе в настоящем ресторане и пошел в «Луноход».

Громадный зал ресторана был почти полон. Я остановился неподалеку от входа, отыскивая место, и услышал знакомый громовой голос:

— Кого я вижу!

За дальним столом восседал мой давнишний приятель Громозека. Я не виделся с ним лет пять, но ни на минуту о нем не забывал. Когда-то мы были очень дружны, а началось наше знакомство с того, что мне удалось спасти Громозеку в джунглях Эвридики. Громозека отбил от археологической партии, заблудился в лесу и чуть не попал в зубы Малому дракончику — злобной твари в шестнадцать метров длиной.

При виде меня Громозека спустил на пол свернутые для удобства щупальца, в очаровательной улыбке разинул свою полуметровую пасть, дружески потянулся мне навстречу острыми когтищами и, набирая скорость, ринулся в мою сторону.

Какой-то турист, никогда раньше не видевший обитателей планеты Чумароз, взвизгнул и упал в обморок. Но Громозека на него не обиделся. Он крепко обхватил меня щупальцами и прижал к острым пластинкам на своей груди.

— Старина! — ревел он, как лев. — Сколько лет, сколько зим! Я уж собрался лететь в Москву, чтобы тебя повидать, и вдруг — глазам своим не верю... Какими судьбами?

— Едем в экспедицию, — сказал я. — В свободный поиск по Галактике.

— Это замечательно! — сказал с чувством Громозека. — Я счастлив, что тебе удалось преодолеть козни зложелателей и уехать в экспедицию.

— Но у меня нет зложелателей.

— Ты меня не обманешь, — сказал Громозека, тряся укоризненно перед моим носом острыми, загнутыми когтями.

Я не стал возражать, потому что знал, как мнителен мой друг.

— Садись! — приказал Громозека. — Робот, бутылку грузинского вина для моего лучшего друга и три литра валерьянки для меня лично.

— Слушаюсь, — ответил робот-официант и укатил на кухню выполнять заказ.

— Как жизнь? — допрашивал меня Громозека. — Как жена? Как дочка? Уже научилась

ходить?

— В школе учиться, — сказал я. — Второй класс кончила.

— Великолепно! — воскликнул Громозека. — Как быстро бежит время...

Тут моего друга посетила печальная мысль, и, будучи очень впечатлительной особой, Громозека оглушительно застонал, и дымящиеся едкие слезы покатались из восьми глаз.

— Что с тобой? — встревожился я.

— Ты только подумай, как быстро течет время! — произнес Громозека сквозь слезы. — Дети растут, а мы с тобой стареем.

Он, расчувствовавшись, выпустил из ноздрей четыре струи едкого желтого дыма, окутавшего ресторан, но тут же взял себя в руки и объявил:

— Извините меня, благородные посетители ресторана, я постараюсь больше не причинять вам неприятностей.

Дым струился между столиками, люди кашляли, и некоторые даже ушли из зала.

— Пойдем и мы, — сказал я, задыхаясь, — а то ты еще что-нибудь натворишь.

— Ты прав, — покорно согласился Громозека.

Мы вышли в холл, где Громозека занял целый диван, а я притулился рядом с ним на стуле. Робот принес нам вино и валерьянку, бокал для меня и литровую банку для чумарозца.

— Ты где сейчас работаешь? — спросил я Громозеку.

— Будем копать мертвый город на Колеиде, — ответил он. — Сюда прилетел за инфракрасными детекторами.

— Интересный город на Колеиде? — спросил я.

— Может быть, интересный, — ответил осторожно Громозека, который был страшно суеверен. Чтобы не сглазить, он провел четыре раза хвостом у правого глаза и сказал шепотом: — Баскури-барипарата.

— Когда начинаете? — спросил я.

— Недели через две стартуем с Меркурия. Там наша временная база.

— Странное, неподходящее место, — сказал я. — Половина планеты раскалена, половина — ледяная пустыня.

— Ничего удивительного, — сказал Громозека и снова потянулся за валерьянкой. — Мы там в прошлом году отыскивали остатки корабля Полуночных скитальцев. Вот и работали. Да что я все о себе да о себе! Ты мне лучше о своем маршруте расскажи.

— Я знаю о нем только приблизительно, — ответил я. — Мы облетим сначала несколько баз по соседству с Солнечной системой, а потом уйдем в свободный поиск. Времени много — три месяца, корабль вместительный.

— На Эвридику не собираешься? — спросил Громозека.

— Нет. Малый дракончик уже есть в Московском зоопарке, а Большого дракончика, к сожалению, еще никто не смог поймать.

— Даже если бы ты его поймал, — сказал Громозека, — все равно на твоём корабле увезти его нельзя.

Я согласился, что Большого дракончика на «Пегасе» не увезешь. Хотя бы потому, что его дневной рацион — четыре тонны мяса и бананов.

Мы помолчали немного. Приятно сидеть со старым другом, никуда не спешить. Старушка-туристка в лиловом парике, украшенном восковыми цветами, подошла к нам и

робко протянула блокнот.

— Не откажитесь ли, — попросила она, — написать мне автограф на память о случайной встрече?

— Почему бы и нет? — сказал Громозека, протянув когтистое щупальце за блокнотом. Старушка зажмурилась в ужасе, и ее тонкая ручка задрожала.

Громозека раскрыл блокнот и на чистой странице размашисто написал:

«Прекрасной, юной землянке от верного поклонника с туманной планеты Чумароз. Ресторан „Луноход“. 3 марта 2074 года».

— Спасибо, — прошептала старушка и отступила мелкими шажками.

— Я хорошо написал? — спросил меня Громозека. — Трогательно?

— Трогательно, — согласился я. — Только не совсем точно.

— А что?

— Это совсем не юная землянка, а пожилая женщина. И вообще — землянкой раньше называли первобытное жилье, выкопанное в земле.

— Ой, какой позор! — расстроился Громозека. — Но ведь у нее цветочки на шляпе. Сейчас же догоню ее и перепишу автограф.

— Не стоит, друг, — остановил я его. — Ты ее только перепугаешь.

— Да, тяжело бремя славы, — сказал Громозека. — Но приятно сознавать, что крупнейшего археолога Чумарозы узнают даже на далекой земной Луне.

Я не стал разубеждать друга. Я подозревал, что старушка никогда в жизни не встречалась ни с одним из космоархеологов. Просто ее поразили облик моего друга.

— Слушай, — сказал Громозека, — меня посетила идея. Я тебе помогу.

— Как?

— Ты слышал о планете имени Трех Капитанов?

— Где-то читал, но не помню, где и почему.

— Тогда замечательно.

Громозека наклонился ближе, положил мне на плечо тяжелое, горячее щупальце, расправил блестящие пластинки на круглом, словно небольшой воздушный шар, животе и начал:

— В секторе 19-4 есть небольшая необитаемая планета. Раньше у нее даже названия не было — только цифровой код. Теперь космонавты зовут ее планетой имени Трех Капитанов. А почему так? Там на ровном каменном плато возвышаются три статуи. Поставлены они в честь трех космических капитанов. Это были великие исследователи и отважные люди. Один из них был родом с Земли, второй — с Марса, а третий капитан родился на Фиксе. Рука об руку эти капитаны проходили созвездия, снижались на планетах, на которых снизиться невозможно, спасали целые миры, которым грозила опасность. Это они первыми одолели джунгли Эвридики, и один из них подстрелил Большого дракончика. Это они отыскивали и уничтожили гнездо космических пиратов, хотя пиратов было вдесятеро больше. Это они опустили в метановую атмосферу Голгофы и отыскивали там философский камень, потерянный конвоем Курсака. Это они взорвали ядовитый вулкан, грозивший истребить население целой планеты. Об их подвигах можно говорить две недели подряд...

— Теперь я вспомнил, — прервал я Громозеку. — Конечно, я слышал о трех капитанах.

— То-то, — проворчал Громозека и выпил стакан валерьянки. — Быстро мы забываем героев. Стыдно. — Громозека укоризненно покачал мягкой головой и продолжал: — Несколько лет назад пути капитанов разошлись. Первый капитан увлекся проектом

«Венера».

— Как же, знаю, — сказал я. — Так, значит, он — один из тех, кто меняет ее орбиту?

— Да. Первый капитан всегда любил грандиозные планы. И когда узнал, что решено перетащить Венеру подальше от Солнца и изменить период ее вращения, для того чтобы люди смогли ее заселить, он тут же предложил свои услуги проекту. И это славно, потому что ученые решили превратить Венеру в громадный космический корабль, а нет человека в Галактике, который бы лучше первого капитана разбирался в космической технике.

— А остальные капитаны? — спросил я.

— Второй, говорят, погиб неизвестно где и неизвестно когда. Третий капитан полетел в соседнюю галактику и вернется через несколько лет. Так я хочу сказать, что капитаны наверняка встречали множество редких, чудесных зверей и птиц. От них наверняка остались какие-то записки, дневники.

— А где они?

— Дневники хранятся на планете Трех Капитанов. Рядом с монументами, возведенными благородными современниками по подписке, проведенной на восьмидесяти планетах, есть лаборатория и мемориальный центр. Там постоянно живет доктор Верховцев. Он знает о трех капитанах больше всех в Галактике. Если заедешь туда — не пожалеешь.

— Спасибо, Громозека, — сказал я. — Может, тебе хватит пить валерьянку? Ты сам мне жаловался, что она плохо влияет на сердце.

— Что делать! — всплеснул щупальцами мой друг. — У меня же три сердца. На какое-то из них валерьянка влияет очень пагубно. Но я никак не могу понять, на какое.

Мы еще целый час вспоминали старых знакомых и приключения, которые нам пришлось пережить вместе. Вдруг дверь в холл распахнулась, и появилась толпа людей и инопланетчиков. Они несли на руках футболистов сборной Земли. Играла музыка, раздавались веселые крики.

Из толпы выскочила Алиса.

— Ну что! — крикнула она, увидев меня. — Не помогли фиксианцам варяги с Марса! Три — один. Теперь встреча на нейтральном поле!

— А как же третий «Б»? — спросил я ехидно.

— Их не было, — сказала Алиса. — Я бы их обязательно увидела. Наверно, третий «Б» перехватили и отправили обратно. В мешках из-под картошки. Так им и надо!

— Ты вредный человек, Алиса, — сказал я.

— Нет! — взревел оскорбленно Громозека. — Ты не имеешь права так оскорблять беззащитную девочку! Я не дам ее в обиду!

Громозека обхватил Алису щупальцами и поднял к потолку.

— Нет! — повторял он возмущенно. — Твоя дочь — моя дочь. Я не позволю!

— Но я не ваша дочь, — сказала сверху Алиса. Она, к счастью, не очень испугалась.

Но куда сильнее испугался механик Зеленый. Он в тот момент вошел в холл и вдруг увидел, что Алиса бьется в щупальцах громадного чудовища. Меня Зеленый даже не заметил. Он бросился к Громозеке, размахивая рыжей бородой, как знаменем, и с разбегу врезался в круглый живот моего друга.

Громозека подхватил Зеленого свободными щупальцами и посадил на люстру. Потом осторожно опустил Алису и спросил меня:

— Я немного погорячился?

— Немного, — ответила за меня Алиса. — Спустите Зеленого на пол.

— Не будет бросаться на археологов, — ответил Громозека. — Не хочу его снимать. Привет, увидимся вечером. Я вспомнил, что мне надо до конца рабочего дня побывать на базовом складе.

И, лукаво подмигнув Алисе, Громозека, пошатываясь, удалился в сторону шлюза. По холлу волнами расходился запах валерьянки.

Зеленого мы сняли с люстры с помощью футбольной команды, а на Громозеку я немного обиделся, потому что мой друг хоть и талантливый ученый и верный товарищ, но плохо воспитан, и его чувство юмора иногда принимает странные формы.

— Так куда летим? — спросила Алиса, когда мы подходили к кораблю.

— Первым делом, — сказал я, — отвезем груз на Марс и разведчикам Малого Арктура. А оттуда — прямым ходом в сектор 19-4, на базу имени Трех Капитанов.

— Да здравствуют три капитана! — сказала Алиса, хотя она о них никогда раньше не слышала.

Глава 4. Пропали головасты

Разведчики Малого Арктура встретили «Пегас» очень торжественно. Как только мы опустились на металлический настил посадочной площадки, которая зашаталась под грузом корабля и в щели между полосами брызнула рыжая гнилая вода, они лихо подкатали к нам на вездеходе. Из вездехода вышли три добрых молодца в красных кафтанах, надетых поверх скафандров. За ними последовали еще три космонавта в роскошных сарафанах, также надетых поверх скафандров. Молодцы и молодницы несли хлеб-соль на блюдах. А когда мы сошли на мокрые металлические полосы космодрома, они надели нам на шлемы скафандров венки из местных пышных цветов.

В нашу честь в тесной кают-компании базы разведчиков был приготовлен торжественный ужин. Нас угощали консервированным компотом, консервированной уткой и консервированными бутербродами. Механик Зеленый, который был на «Пегасе» шеф-поваром, тоже не ударил в грязь лицом — он поставил на праздничный стол настоящие яблоки, настоящие взбитые сливки с настоящей смородиной и, главное, самый настоящий черный хлеб.

Алиса была главным гостем. Все разведчики люди взрослые, их дети остались дома — на Марсе, на Земле, на Ганимеди, и они очень соскучились без настоящих детей. Алиса отвечала на всякие вопросы, честно старалась казаться глупее, чем она есть на самом деле, а когда вернулась на корабль, пожаловалась мне:

— Им так хочется, чтобы я была маленьким несмышленьшем, что я не стала их огорчать.

На следующий день мы передали разведчикам все грузы и посылки, но, к сожалению, оказалось, что на охоту за местными зверями они нас пригласить не смогут: начинался сезон бурь, все реки и озера вышли из берегов и путешествовать по планете было почти невозможно.

— Хотите, мы вам головаста поймаем? — спросил начальник базы.

— Ну, хоть головаста, — согласился я.

Мне приходилось слышать о разных рептилиях Арктура, но с головастом я еще не встречался.

Часа через два разведчики принесли большой аквариум, на дне которого дремали метровые головасты, похожие на гигантских саламандр. Потом разведчики втащили по трапу ящик с водорослями.

— Это корм на первое время, — сказали они. — Учтите, головасты очень прожорливы и быстро растут.

— Надо готовить аквариум побольше? — спросил я.

— Лучше даже бассейн, — ответил начальник разведчиков.

Его товарищи между тем втаскивали по трапу еще один ящик с кормом.

— А как они быстро растут? — спросил я.

— Довольно быстро. Точнее сказать не могу, — ответил начальник разведчиков. — Мы их не держим в неволе.

Он загадочно улыбнулся и заговорил о другом.

Я спросил начальника разведчиков:

— Вам не приходилось бывать на планете имени Трех Капитанов?

— Нет, — ответил он. — Но иногда к нам прилетает доктор Верховцев. Как раз месяц

назад он здесь был. И должен вам сказать, он большой чудак.

— А почему?

— Зачем-то ему понадобились чертежи корабля «Синяя чайка».

— Простите, а что в этом странного?

— Это корабль Второго капитана, пропавший без вести четыре года назад.

— А зачем Верховцеву этот корабль?

— Вот именно — зачем? Я об этом его и спросил. Оказывается, он пишет сейчас книгу о подвигах трех капитанов, документальный роман, и не может продолжать работу, не зная, как устроен этот корабль.

— А разве этот корабль был особенный?

Начальник базы снисходительно улыбнулся.

— Вы, я вижу, не в курсе дела, — сказал он. — Корабли трех капитанов были сделаны по специальному заказу, а потом еще перестроены самими капитанами — они ведь были на все руки мастера. Это были удивительные корабли! Приспособленные для всевозможных неожиданностей. Один из них, «Эверест», который принадлежал Первому капитану, стоит сейчас в Парижском космическом музее.

— Почему же Верховцев не мог запросить Парижский космический музей? — удивился я.

— Так все три корабля были разными! — воскликнул начальник разведчиков. — Капитаны были люди с характером и никогда ничего не делали по два раза.

— Ну ладно, — сказал я, — мы полетим к Верховцеву. Дайте нам, пожалуйста, координаты его базы.

— С удовольствием, — ответил начальник разведчиков. — Передавайте ему наш большой привет. И не забудьте перенести головастов в бассейн.

Мы распрощались с гостеприимными разведчиками и улетели.

Перед тем как лечь спать, я решил осмотреть головастов. Оказалось, что их сходство с саламандрами только внешнее. Они были покрыты твердой блестящей чешуей, у них были большие печальные глаза с длинными ресницами, короткие хвосты раздваивались и заканчивались густыми жесткими щетками.

Я решил, что перенесу головастов в бассейн с утра — ничего с ними за ночь в аквариуме не случится. Я бросил головастам две охалки водорослей и потушил свет в трюме. Начало было сделано — первые животные для зоопарка уже на борту «Пегаса».

Утром меня разбудила Алиса.

— Пап, — сказала она, — проснись.

— А что случилось?

Я посмотрел на часы. Было еще только семь утра по корабельному времени.

— Ты чего вскочила ни свет ни заря?

— Захотела поглядеть на головастов. Ведь их никто еще на Земле не видел.

— Ну и что? Разве для этого надо будить старика отца? Ты бы лучше включила робота. Пока он готовит завтрак, мы бы не спеша встали.

— Да погоди ты, пап, со своим завтраком! — невежливо перебила меня Алиса. — Я тебе говорю, встань и посмотри на головастов.

Что-то в ее голосе меня встревожило.

Я вскочил с койки и, не одеваясь, побежал в трюм, где стоял аквариум. Зрелище, которое я увидел, было потрясающим. Головасты, хоть это и невероятно, за ночь выросли

больше чем вдвое и уже не помещались в аквариуме. Их хвосты высовывались наружу и висели почти до самого пола.

— Не может быть! — сказал я. — Срочно надо готовить бассейн.

Я побежал к механику Зеленому и разбудил его:

— Помоги, головасты так выросли, что мне их не поднять.

— Я предупреждал, — сказал Зеленый. — Еще не то будет. И зачем только я согласился работать в бродячем зоопарке! Зачем?

— Не знаю, — сказал я. — Пошли.

Зеленый надел халат и поплелся, ворча, в трюм. Когда он увидел головастов, то вцепился себе в бороду и застонал:

— Завтра они весь корабль займут!

Хорошо еще, что бассейн был заранее наполнен водой. С помощью Зеленого я перетащил головастов. Они оказались совсем не тяжелыми, но сильно вырывались и выскальзывали из рук, так что, когда мы опустили в бассейн третьего, последнего головаста, мы запыхались и вспотели.

Бассейн на «Пегасе» невелик — четыре на три метра и глубина в два метра, — но головастам в нем было привольно. Они начали кружиться по нему, искать пищу. Не мудрено, что они проголодались — ведь эти существа, видно, собирались установить рекорд Галактики по скорости роста.

Пока я кормил головастов — на это ушла половина одного из ящичков с водорослями, — в трюме появился Полосков. Он был уже умыт, побрит и одет по форме.

— Алиса говорит, что у тебя головасты подросли, — сказал он, улыбаясь.

— Да нет, ничего особенного, — ответил я, делая вид, что такие чудеса мне не в диковинку.

Тут Полосков заглянул в бассейн и ахнул.

— Крокодилы! — сказал он. — Настоящие крокодилы! Они же человека проглотить могут.

— Не бойся, — сказал я, — они травоядные. Разведчики бы нас предупредили.

Головасты плавали у поверхности воды и высовывали наружу голодные пасти.

— Опять жрать захотели, — сказал Зеленый. — Скоро за нас примутся.

К обеду головасты достигли длины в два с половиной метра и доели первый ящик с водорослями.

— Могли бы предупредить, — ворчал Зеленый, имея в виду разведчиков. — Знали ведь и думали: пускай специалисты помучаются.

— Не может быть! — возмутилась Алиса, которой разведчики на прощание подарили вырезанную из дерева модель вездехода, шахматы из кости ископаемого параллелепипеда, ножик для разрезания бумаги, выточенный из коры стеклянного дерева, и еще множество интересных вещей, которые они сами мастерили длинными вечерами.

— Ну что ж, посмотрим, — сказал философски Зеленый и пошел проверять двигатели.

К вечеру длина головастов достигла трех с половиной метров. Им уже трудно было плавать в бассейне, и они покачивались у дна, всплывая, только чтобы схватить пучок водорослей.

Спать я уходил с тяжелым предчувствием, что головастов до зоопарка мне не довезти. Первый зверь оказался комом. Космос порой загадывает загадки, которые простому земному биологу не по зубам.

Встал я раньше всех. На цыпочках прошел по коридору, вспоминая кошмары, которые меня мучили ночью. Мне снилось, что головасты стали длиннее «Пегаса», выползли наружу, летят рядом с нами в космосе и еще пытаются проглотить наш корабль.

Я отворил дверь в трюм и с секунду стоял на пороге, оглядываясь, не выползет ли из-за угла головаст.

Но в трюме стояла тишина. Вода в бассейне была неподвижна. Я подошел ближе. Тени головастов, длиной метра по четыре, не больше, темнели на дне. У меня от сердца отлегло. Я взял швабру и пошевелил ею в воде. Почему головасты не двигаются?

Швабра уперлась в одного из головастов, и он легко отплыл в сторону, прижав к дальней стенке бассейна своих сородичей. Те и не пошевельнулись.

«Подохли, — понял я. — И наверно, от голода».

— Ну и что, папа? — спросила Алиса.

Я обернулся. Алиса стояла босиком на холодном пластике, и вместо ответа я сказал:

— Немедленно надень что-нибудь на ноги, простудишься.

Тут открылась дверь и вошел Полосков. За его плечом виднелась огненная борода Зеленого.

— Ну и что? — хором спросили они.

Алиса убежала надевать туфли, а я, не отвечая товарищам, попытался растолкать недвижимого головаста. Тело его, словно пустое, легко плавало по бассейну. Глаза были закрыты.

— Сдохли, — сказал печально Зеленый. — А мы так старались, перетаскивали их вчера! А ведь я предупреждал.

Я перевернул головаста шваброй. Это было сделать нетрудно. Пятнистое пузо головаста было разрезано вдоль. В бассейне плавали лишь шкуры чудовищ, которые сохраняли форму их тел, потому что твердая чешуя, покрывавшая их, не давала шкурам съежиться.

— Ого! — сказал Зеленый, оглядываясь. — Они вылупились.

— Кто? — спросил Полосков.

— Если бы я знал!

— Послушай, профессор Селезнев, — обратился ко мне официально капитан Полосков, — судя по всему, я подозреваю, что на моем корабле находятся неизвестные чудовища, которые скрывались в так называемых головастах. Где они?

Я перевернул шваброй остальных головастов. Они тоже были пусты.

— Не знаю, — честно признался я.

— Но когда ты пришел сюда, дверь была закрыта или открыта?

В голове у меня царило смятение, и я ответил:

— Не помню, Полосков. Может, и закрыта.

— Дела! — сказал Полосков и поспешил к выходу.

— Ты куда? — спросил Зеленый.

— Обыскивать корабль, — сказал Полосков. — И тебе советую осмотреть машинное отделение. Только вооружись чем-нибудь. Неизвестно, кто выводится из головастов. Может, драконы.

Они ушли, а через несколько минут Полосков вернулся бегом и принес мне бластер.

— Чем черт не шутит, — сказал он. — Алису я бы запер в каюте.

— Еще чего не хватало! — сказала Алиса. — У меня есть теория.

— И слышать не хочу твоих теорий, — сказал я. — Пойдем в каюту.

Алиса сопротивлялась, как дикая кошка, но мы заперли все-таки ее в каюте и начали обыск помещений.

Это удивительно, как много трюмов, отсеков, коридоров и прочих помещений таится в сравнительно небольшом экспедиционном корабле! Мы втроем, прикрывая друг друга, потратили три часа, пока не осмотрели весь «Пегас».

Чудовищ нигде не было.

— Ну что ж, — сказал я тогда, — давайте позавтракаем, потом осмотрим корабль еще раз. Куда-то же они должны были деться.

— Я тоже буду завтракать, — сказала Алиса, которая слышала наш разговор по внутреннему телефону. — Выпустите меня из заключения.

Мы выпустили Алису и провели под конвоем в кают-компанию.

Перед тем как начать завтрак, мы заперли дверь и положили бластеры рядом с собой на стол.

— Чудеса! — сказал Полосков, принимаясь за манную кашу. — Куда они спрятались? Может, в реактор? Или выбрались наружу?

— Зловещие чудеса, — сказал Зеленый. — Чудеса не в моем вкусе. Мне с самого начала головасты не понравились. Передай мне кофейник.

— Боюсь, что эту загадку нам никогда не решить, — сказал Полосков.

Я кивнул, соглашаясь с ним.

— Нет, разрешить, — вмешалась Алиса.

— Ты уж молчи.

— Не могу молчать. Если хотите, я их найду.

Полосков засмеялся, и смеялся долго и искренне.

— Трое взрослых мужчин искали их три часа, а ты хочешь их найти в одиночку.

— А так легче, — ответила Алиса. — Спорим, что найду?

— Конечно, спорим, — смеялся Полосков. — На что хочешь?

— На желание, — сказала Алиса.

— Согласен.

— Только я одна их буду искать.

— Ничего подобного, — сказал я. — Никуда ты одна не пойдешь. Ты что, забыла, что по кораблю, может быть, бродят неизвестные чудовища?

Я был сердит на разведчиков с их опасными шутками. Сердит и на себя за то, что лег спать и упустил тот момент, когда оболочки головастов опустели. Сердит на Алису с Полосковым, которые затеяли детский спор в такой серьезный момент.

— Пошли, — сказала Алиса, вставая из-за стола.

— Сначала чай допей, — ответил я строго.

Алиса допила чай и уверенно пошла в трюм, где стоял аквариум. Мы шли за ней, чувствуя себя дураками. Ну зачем, скажите, мы ее послушались?

Алиса быстро оглядела отсек. Попросила Полоскова отодвинуть ящики от стены. Он с улыбкой послушался. Потом Алиса вернулась к бассейну и обошла его кругом. Пустые оболочки головастов темнели на дне. По поверхности воды плавали недоеденные водоросли.

— Вот, — сказала Алиса, — ловите их. Только осторожно: они прыгают.

И тут мы увидели, что на водорослях в ряд сидят три лягушонка. Вернее; не совсем лягушонка, а три создания, очень похожие на лягушат. Ростом с наперсток каждый.

Мы поймали их, посадили в банку, и тогда я, раскаявшись в своем упрямстве, спросил

Алису:

— Слушай, дочка, как ты догадалась?

— Не в первый раз спрашиваешь, папа, — ответила она, не скрывая гордости. — Все дело в том, что вы все — взрослые, умные люди. И вы мыслите, как ты сам говорил, логически. А я не очень умная и мыслю, как в голову взбретет. Я так подумала: если это головасты, то потом должны быть лягушки. А лягушата всегда меньше головастиков. Вы ходили по кораблю с пистолетами и искали больших чудовищ. И даже их боялись заранее. А я сидела запертая в каюте и думала, что наверно, не надо всегда смотреть вверх и искать что-то громадное. Может быть, посмотреть по углам и поискать ма-а-а-леньких лягушат. И нашла.

— Но зачем же лягушатам такие большие вместилища? — удивился Полосков.

— Я об этом не подумала, — призналась Алиса. — Не догадалась подумать. А если бы подумала, никогда бы не нашла лягушат.

— А что ты скажешь, профессор? — спросил Полосков меня.

— Что сказать? Надо будет тщательно исследовать оболочки головастов. Наверно, они что-то вроде фабрик, которые перерабатывают корм в сложный концентрат для лягушонка... А может быть, большим головастам легче обороняться от врагов.

— А про желание не забудь, Полосков, — строго сказала Алиса.

— Я никогда и ни о чем не забываю, — четко ответил капитан.

Глава 5. Советы доктора Верховцева

Мы послали с дороги радиограмму доктору Верховцеву: «Прилетаем в пятницу. Встречайте». Верховцев сразу же ответил, что с радостью встретит нас и проведет на своем космокатере через опасный пояс астероидов, который окружает планету Трех Капитанов.

В назначенный час мы затормозили у пояса астероидов. Густой рой каменных глыб, словно облака, скрывал от нас поверхность планеты. Почему-то нас всех охватило волнение. Нам казалось, что встреча с доктором Верховцевым приведет к важным и интересным событиям. Может быть, даже и к приключениям.

Космокатер доктора мелькнул среди астероидов, словно серебряная стрела. И вот он несется перед нами.

— «Пегас», вы меня слышите? — раздался в динамике глуховатый голос. — Следуйте за мной.

— Какой он, интересно. Ему, наверно, скучно одному на планете, — сказала Алиса, сидевшая с нами на мостике в маленьком, специально для нее сделанном амортизационном кресле.

Никто ей не ответил. Полосков управлял кораблем, я исполнял обязанности штурмана, а Зеленого на мостике не было — он остался в машинном отделении.

«Пегас» изменил курс, обошел клыкастый астероид и тут же послушно скользнул вниз.

Под нами расстилалась пустыня, кое-где изрезанная ущельями и отмеченная оспинами кратеров. Серебряная стрелка катера летела впереди, указывая путь.

Мы заметно снизились. Можно было уже различить скалы и высохшие реки. Потом впереди показалось темно-зеленое пятно оазиса. Над ним поднимался купол базы. Катер доктора вошел в вираж и опустился на ровную площадку. Мы последовали его примеру.

Когда «Пегас», чуть покачиваясь, встал на амортизаторы и Полосков сказал «добро», я увидел между зеленью оазиса и нашим кораблем три каменные статуи.

На высоком постаменте стояли три каменных капитана. Даже издали было видно, что два из них — люди. Третий — трехногий тонкий фикс.

— Прилетели, — сказала Алиса. — Можно выйти?

— Погоди, — ответил я. — Мы не знаем состава атмосферы и температуры. Какой ты скафандр собираешься надевать?

— Никакого, — ответила Алиса.

Она показала на иллюминатор. Из серебряного космокатера вышел человек в сером обычном костюме и серой помятой шляпе. Он поднял руку, приглашая нас.

Полосков включил внешний динамик и спросил:

— Атмосфера пригодна для дыхания?

Человек в шляпе быстро закивал — идите, не бойтесь?

Он встретил нас у трапа.

— Добро пожаловать на базу, — сказал он и поклонился. — Так редко вижу здесь гостей!

Он говорил немного старомодно, под стать своему костюму.

На вид ему было лет шестьдесят. Это был невысокий, худенький и похожий на добрую старушку человек. Его лицо было исчерчено тонкими морщинками. Доктор все время жмурился или улыбался, и, если иногда его лицо разглаживалось, морщинки становились белыми и широкими. У доктора Верховцева были длинные, тонкие пальцы. Он пожал нам

руки и пригласил к себе.

Мы пошли вслед за доктором к зеленым деревьям оазиса.

— Почему здесь кислородная атмосфера? — спросил я. — Ведь планета — сплошная пустыня.

— Атмосфера искусственная, — сказал доктор. — Ее сделали, когда сооружали монументы. Через несколько лет здесь построят большой музей, посвященный героям космоса. Сюда будут привозить отслужившие срок космические корабли и всякие диковины с дальних планет.

Доктор остановился перед каменной глыбой. На ней были выбиты слова на космоязыке:

«Здесь будет построен Главный музей космоса».

— Вот видите, — сказал Верховцев. — Музей будут строить вместе восемьдесят разных планет. А пока, для начала, в центре планеты установлен мощный реактор, который выделяет кислород из горных пород. Сейчас здесь еще не очень хороший воздух, но к открытию музея воздух станет самым лучшим во всей Галактике.

Между тем мы подошли к подножию монумента.

Монумент был очень велик, с двадцатипятиэтажный дом. Мы остановились и, запрокинув головы, рассматривали трех капитанов.

Первый капитан оказался молодым, широкоплечим, стройным. У него был чуть курносый нос и широкие скулы. Капитан улыбался. На плече у него сидела странная птица с двумя клювами и красивой короной из каменных перьев.

Второй капитан был выше его ростом. У него была очень широкая грудь и тонкие ноги, как у всех людей, которые родились и выросли на Марсе. Лицо Второго было острое и сухое.

Третий капитан, трехногий фиксианец в тугом скафандре со шлемом, откинутым на спину, опирался ладонью о ветку каменного куста.

— Они совсем не старые, — сказала Алиса.

— Ты права, девочка, — ответил доктор Верховцев. — Они прославились, когда были молодыми.

Мы вступили в тень деревьев и по широкой аллее дошли до базы. База оказалась обширнейшим помещением, заваленным ящиками, контейнерами и приборами.

— Экспонаты начали в музей присылать, — словно извиняясь, сказал доктор. — Идите за мной, в мою берлогу.

— Ну прямо как «Пегас» в начале нашего путешествия! — восхитилась Алиса.

И в самом деле, путешествие по базе к жилью доктора Верховцева было похоже на хождение по нашему кораблю, когда он был перегружен посылками, грузами и всяческим оборудованием.

Небольшой закуток между контейнерами, заваленный книгами и микрофильмами, в котором еле умещалась койка, тоже заваленная бумагами и пленками, оказался спальней и рабочим кабинетом хранителя музея доктора Верховцева.

— Рассаживайтесь, почувствуйте себя как дома, — сказал доктор.

Всем нам, кроме хозяина, было совершенно ясно, что рассаживаться здесь негде. Верховцев смахнул груду бумаг на пол. Листки взлетели кверху, и Алиса принялась их собирать.

— Роман пишете? — спросил Полосков.

— Почему роман? Ах да, конечно, жизнь трех капитанов интереснее любого романа.

Она достойна того, чтобы ее описать как пример для будущих поколений. Но я лишен литературного дара.

Я подумал, что доктор Верховцев скромничает. Ведь сам прилетал к разведчикам, чтобы найти чертежи корабля одного из капитанов.

— Итак, — сказал доктор, — чем могу быть полезен моим дорогим гостям?

— Нам сказали, — начал я, — что вы все знаете о трех капитанах.

— Ну уж, — Верховцев даже покраснел от смущения, — это явное преувеличение!

Он положил шляпу на грудку книг; шляпа старалась съехать вниз, и доктор ловил ее и снова клал на старое место.

— Капитанам, — сказал я, — удалось побывать на многих неизвестных планетах. Они встречали чудесных зверей и птиц. От них, говорят, остались записи, дневники. А мы как раз ищем на других планетах неизвестных животных. Не поможете ли вы нам?

— Ага, вот в чем дело... — Верховцев задумался. Его шляпа воспользовалась этим моментом, соскользнула вниз и исчезла под койкой. — Ах, — сказал он, — если бы я знал заранее...

— Папа, можно, я подскажу доктору? — спросила Алиса.

— Да, девочка, — обернулся к ней доктор.

— У одного каменного капитана на плече сидит птица с двумя клювами и с короной на голове. Такой птицы нет в зоопарке. Может, вы знаете что-нибудь о ней?

— Нет, — сказал Верховцев. — Почти ничего не знаю. А где моя шляпа?

— Под койкой, — сказала Алиса. — Сейчас я достану.

— Не беспокойтесь, — сказал Верховцев и нырнул под койку. Оттуда торчали только его ноги. Он искал там, в темноте, шляпу, шуршал бумагами и продолжал говорить. — Скульпторам дали последние фотографии капитанов. Они выбирали те фотографии, которые им больше нравились.

— Может, они придумали эту птицу? — спросил я, наклоняясь к койке.

— Нет-нет! — воскликнул Верховцев, и его ботинки задержались. — Я сам видел эти фотографии.

— Но хоть известно, где они сняты?

— Первый капитан никогда не расставался с птицей, — ответил Верховцев, — но, когда улетел на Венеру, подарил птицу Второму капитану. А Второй капитан, как вам известно, пропал без вести. Пропала и птица.

— Значит, даже неизвестно, где она водится?

Верховцев наконец вылез из-под кровати. Шляпу он смял в кулаке, и вид у него был смущенный.

— Простите, — сказал он, — я отвлекся.

— Значит, неизвестно, где водится птица?

— Нет-нет, — быстро ответил Верховцев.

— Жалко, — вздохнул я. — Значит, неудача. Ничем вы нам помочь не сможете. А мы так надеялись...

— Почему же не смогу? — обиделся доктор Верховцев. — Я и сам много путешествовал... Дайте только подумать.

Доктор думал минуты три, потом сказал:

— Вспомнил! На планете Эвридика водится Малый дракончик. И еще, говорят, Большой дракончик.

— Знаю, — сказал я. — Большого дракончика как-то застрелил один из капитанов.

— А вы откуда знаете? — спросил Верховцев.

— Знаю. Мне рассказал мой друг археолог Громозека.

— Странно, — произнес Верховцев и наклонил голову, рассматривая меня, словно видел в первый раз. — Тогда я еще подумаю.

Он думал еще минуту и сообщил нам о марсианском богомоле. Это было даже смешно. Марсианские богомолы живут не только во всех зоопарках — их даже дома держат. У Алисы один живет, например.

Тогда Верховцев рассказал нам о головастах, о мухоколе с Фикса, об адских птицах с планеты Труль и о других зверях, известных по книге «Животные нашей Галактики».

— Нет, эти звери нам не нужны.

— Простите, — сказал Верховцев вежливо, — но я всю жизнь интересовался разумными существами, и животные как-то мне не встречались. Можно, я подумаю?

Верховцев снова задумался.

— Где же я бывал? — спросил он сам себя. — Ага, — ответил он, — я бывал на Пустой планете.

— Где?

— На Пустой планете. Это недалеко отсюда, в соседней звездной системе.

— Но если это Пустая планета, то какие же там звери? — удивилась Алиса.

— Этого никто не знает. Понимаете, были мы там в понедельник, все небо кишело птицами. А во вторник ни одной птицы — только волки рыщут стаями. И олени. А в среду — ни тех, ни других. Планета опустела.

— Но, может, звери просто откочевали куда-нибудь?

— Нет, — сказал Верховцев, — не в этом дело. У нас был разведкатель, и мы из любопытства облетели всю планету. Ни зверей, ни птиц. Пустота. И не мы одни этому удивлялись. Я вам координаты дам.

— Спасибо, — сказал я. — Но если вы больше ничего вспомнить не можете, тогда покажите нам дневники капитанов. Они-то уж наверно видели разных зверей.

— А кто вам сказал про дневники? — спросил доктор и наклонил голову.

— Наш друг археолог Громозека, — ответил я.

— Никогда не слышал. Да и зачем вам дневники? Я вспомнил о склиссах. О склиссах с планеты Шешинеру. Их там тьма-тьмущая. Мне рассказывали.

— И за это тоже спасибо, — сказал я. Но мне очень хотелось взглянуть на дневники капитанов, а доктор Верховцев почему-то дневников показывать не хотел. Чем-то мы вызвали у него недоверие.

— Пожалуйста.

— А дневники? — спросила Алиса.

— Ой, девочка, что вам в этих дневниках? Кстати, их здесь и нет. Они на Фиксе. Хранятся в архиве. Да-да, в архиве. — И доктор Верховцев вдруг оживился, словно придумал удачную ложь.

— Ну, как хотите, — сказала Алиса.

Доктор смутился, напялил мятую шляпу на глаза и сказал тихо:

— А еще вы можете побывать на рынке в Палапутре.

— Мы там обязательно побываем, — сказал я. — Мы о нем знаем.

— Тогда я вас провожу, — сказал доктор.

Он встал и повел нас между ящиками и контейнерами к выходу с базы. Он шел быстро, словно боялся, что мы передумаем и не улетим.

Мы вернулись к памятникам. Остановились возле них.

— А что случилось со Вторым капитаном? — спросил я.

— Он погиб, вы же знаете, — ответил Верховцев.

— Нам сказали, что он пропал без вести.

Доктор Верховцев пожал узенькими плечиками.

— А можно найти Первого капитана? — не сдавался я. — Он жив?

— Да, работает где-то в космосе.

— На проекте «Венера»? Но ведь там несколько тысяч человек.

— Вы же сами знаете, как его искать. И ничего вы от меня больше не добьетесь.

— Ну что ж, — сказал я тогда, — спасибо за прием. Мы, правда, думали, что встреча будет иной.

— Я тоже так думал, — сказал Верховцев.

— Может, когда напишите роман, пришлете нам экземпляр?

— Я не пишу романов! Не умею! Кто это придумал?

— Я говорю о том романе, ради которого вы летали месяц назад к разведчикам на Малый Арктур и спрашивали у них об устройстве «Синей чайки».

— Что? — доктор Верховцев взмахнул руками. — Какая «Синяя чайка»? Какие разведчики? Я там полгода уже не был!

— Ну хорошо, хорошо, — сказал я, видя, что доктор совсем растерялся. — Мы не хотели вас обидеть.

— То-то, — сказал Верховцев. — Будете мимо лететь, заходите, всегда буду рад вас видеть. Особенно эту очаровательную девчурку.

Он протянул руку, чтобы погладить Алису по голове, но Алиса отошла на шаг в сторону, и рука доктора повисла в воздухе.

— Значит, не забудьте, — сказал он, остановившись у монумента Трех Капитанов. — Склиссы на Шешинеру и загадка Пустой планеты.

— Спасибо, доктор, — ответил я. — Мы не забудем.

Глава 6. Кустики

Доктор долго стоял на фоне громадных каменных капитанов и размахивал шляпой. Золотые лучи заходящих солнц освещали его, и казалось, что он тоже статуя, только поменьше остальных.

— А-а-а-а! — донесся вдруг до нас далекий крик.

Мы обернулись.

Доктор бежал к нам, увязая в песке.

— За-бы-ыл! — кричал он. — Совсем забы-ыл!

Доктор подбежал к нам и минуты две пытался отдышаться, все время начинал одну и ту же фразу, но дыхания не хватало, чтобы ее закончить.

— Ку... — говорил он. — У па...

Алиса попыталась помочь ему.

— Курица? — спросила она.

— Не-ет... ку-устики. Я... забыл про кустики сказать.

— Какие кустики?

— Стоял у самых кустиков и забыл про них сказать.

Доктор показал на монумент. Даже отсюда, издали, было видно, что у ног третьего капитана скульптор изобразил пышный куст, тщательно выпилив из камня его ветви и листья.

— А я думала, что это просто для красоты, — сказала Алиса.

— Нет, это же кустик! Вы никогда не слышали о кустиках?

— Никогда.

— Тогда послушайте. Всего две минуты... Когда Третий капитан был на восьмом спутнике Альдебарана, он заблудился в пустыне. Ни воды, ни пищи — ничего. Но капитан знал, что, если он не дойдет до базы, корабль погибнет, потому что все члены экипажа лежали, пораженные космической лихорадкой, а вакцина была только на базе, на пустой, покинутой базе в горах Сьерра-Барракуда. И вот, когда силы покинули капитана и путь был потерян в песках, он услышал отдаленное пение. Сначала капитану показалось, что это галлюцинация. Но он все-таки собрал последние силы и пошел по направлению к звукам. Через три часа он дополз до кустиков. Кустики растут в тех местах вокруг небольших водоемов, и перед песчаной бурей их листья трутся друг о дружку, издавая мелодичные звуки. Кажется, что кустики поют. Вот таким образом кустики в горах Сьерра-Барракуда своим пением указали капитану дорогу к воде, дали возможность переждать страшную песчаную бурю и спасли жизнь восьмерым космонавтам, погибавшим от космической лихорадки. В честь этого события скульптор на памятнике Третьему капитану изобразил кустик. Так что, я думаю, вам стоит заглянуть на восьмой спутник Альдебарана и в горах Сьерра-Барракуда найти кустики. Кроме того, Третий капитан говорил, что вечером на кустиках раскрываются большие нежные светящиеся цветы.

— Спасибо, доктор, — сказал я. — Мы обязательно постараемся найти эти кустики и привезти их на Землю.

— А они могут в горшках расти? — спросила Алиса.

— Наверно, — ответил доктор. — Но, по правде говоря, я никогда кустиков не видел — они очень редки. И встречаются только у источника в самом центре пустыни, окружающей горы Сьерра-Барракуда.

...Система Альдебарана лежала неподалеку, и мы решили отыскать кустики и, если можно, послушать их пение.

Восемнадцать раз наш космокатер облетел всю пустыню, и лишь на девятнадцатом заходе мы увидели в глубокой ложбине зелень. Разведкатель снизился над песчаными барханами, и нашим глазам предстали кусты, окружавшие родник.

Кусты были невысоки, мне по пояс, у них были длинные, серебристые с изнанки листья и довольно короткие, толстые корни, которые легко выходили из песка. Мы осторожно выкопали пять кустов, выбирая те, на которых нашли бутоны, набрали в большой ящик песка и перенесли наши трофеи на «Пегас».

В тот же день «Пегас» стартовал с пустынного спутника и взял курс дальше.

Как только кончился разгон, я начал готовить к съемкам камеру, потому что надеялся, что на кустах вскоре распустятся светящиеся цветы, а Алиса приготовила бумагу и краски, чтобы эти цветы зарисовать.

И в этот момент мы услышали тихое, благозвучное пение.

— Что такое? — удивился механик Зеленый. — Я не включал магнитофон. Кто включил? Почему мне не дают отдохнуть?

— Это поют наши кусты! — закричала Алиса. — Надвигается песчаная буря?

— Что? — удивился Зеленый. — Откуда в космосе может быть песчаная буря?

— Пошли к кустам, пап, — потребовала Алиса. — Посмотрим.

Алиса побежала в трюм, а я немного задержался, заряжая камеру.

— Я тоже схожу, — сказал механик Зеленый. — Никогда не видел поющих кустов.

Я заподозрил, что на самом деле ему хочется выглянуть в иллюминатор, потому что он опасается, а вдруг и в самом деле надвигается песчаная буря.

Только я кончил заряжать камеру, как услышал крик. Я узнал голос Алисы.

Я бросил камеру в кают-компанию и побежал скорее вниз, к трюму.

— Папа! — кричала Алиса. — Ты только посмотри!

— Спасите! — шумел механик Зеленый. — Они идут!

Еще несколько шагов — и я подбежал к двери в трюм. В дверях я столкнулся с Алисой и Зеленым. Вернее, я столкнулся с Зеленым, который нес на руках Алису. Вид у Зеленого был испуганный и борода развевалась, словно от ветра.

В дверном проеме показались кустики. Зрелище было и на самом деле ужасное. Кустики вылезли из полного песку ящика и, тяжело переступая на коротких уродливых корнях, двигались на нас. Они шли полукругом, покачивая ветвями, бутоны раскрылись, и среди листьев горели, словно зловещие глаза, розовые цветы.

— К оружию! — крикнул Зеленый и протянул мне Алису.

— Захлопните дверь! — сказал я.

Но было поздно. Пока мы толкались, стараясь разминуться, первый из кустов миновал дверь, и нам пришлось отступить в коридор.

Один за другим кустики последовали за своим предводителем.

Зеленый, нажимая по пути все кнопки тревоги, побежал на мостик за оружием, а я схватил стоящую у стены швабру и попытался прикрыть Алису. Она смотрела на наступление кустиков зачарованно, как кролик на удава.

— Да беги же! — крикнул я Алисе. — Мне их долго не сдержать!

Кустики упругими, сильными ветвями схватились за швабру и вырывали ее из моих рук. Я отступал.

— Придержи их, па! — сказала Алиса и убежала.

«Хорошо, — успел подумать я, — что хоть Алиса в безопасности». Мое положение продолжало оставаться опасным. Кустики старались загнать меня в угол, а шваброй я уже не мог действовать.

— Зачем Зеленому огнемет? — услышал я вдруг в динамике голос капитана Полоскова. — Что случилось?

— На нас напали кустики, — ответил я. — Но огнемета Зеленому не давай. Я постараюсь запереть их в отсеке. Как только я отступлю за соединительную дверь, я тебе дам знать, и ты тут же закроешь трюмный отсек.

— Тебе не грозит опасность? — спросил Полосков.

— Нет, пока я держусь, — ответил я.

И в тот же момент ближайший ко мне куст сильно дернул за швабру и вырвал ее из рук. Швабра отлетела в дальний конец коридора, и кусты, будто ободренные тем, что я безоружен, двинулись ко мне сомкнутым строем.

И в этот момент я услышал быстрые шаги сзади.

— Ты куда, Алиса! — крикнул я. — Сейчас же назад! Они сильные, как львы!

Но Алиса проскользнула у меня под рукой и кинулась к кустам.

Что-то большое, блестящее было у нее в руке. Я кинулся за ней следом, потерял равновесие и упал. Последнее, что я увидел, была Алиса, окруженная зловещими ветвями оживших кустов.

— Полосков! — крикнул я. — На помощь!

И в ту же секунду пение кустов прервалось. Сменилось тихим журчанием и вздохами.

Я поднялся на ноги и увидел мирную картинку.

Алиса стояла в самой гуще кустиков и поливала их из лейки. Кустики раскачивали ветвями, стараясь не упустить ни капли влаги, и блаженно вздыхали...

Когда мы загнали кусты обратно в трюм, убрали сломанную швабру и вытерли пол, я спросил Алису:

— Но как же ты догадалась?

— А ничего особенного, пап. Ведь кустики — растения. Значит, их надо поливать. Как морковь. А мы ведь их выкопали, посадили в ящик, а полить забыли. Когда Зеленый схватил меня и старался спасти, я успела подумать: ведь они у себя дома живут у самой воды. И Третий капитан по их пению отыскал воду. А поют они, когда надвигается песчаная буря, которая сушит воздух и засыпает песком воду. Вот они и волнуются тогда, что воды им не хватит.

— Так чего же ты сразу не сказала?

— А ты бы поверил? Ты с ними воевал, как с тиграми. Ты совсем забыл, что они — самые обыкновенные кустики, которые надо поливать.

— Ну уж самые обыкновенные! — проворчал механик Зеленый. — Гоняются за водой по коридорам!

Тут уж наступила моя очередь как биолога сказать свое последнее слово.

— Так эти кусты борются за существование, — сказал я. — Воды в пустыне мало, родники пересыхают, и, чтобы остаться живыми, кустам приходится бродить по песку и искать воду.

С тех пор кусты мирно жили в ящике с песком. Только один из них, самый маленький и непоседливый, часто вылезал из ящика и подстерегал нас в коридоре, шелестел ветками,

напевал, выпрашивал воду. Я просил Алису не перепаивать малыша — и так уж вода сочится из корней, — но Алиса его жалела и до самого конца путешествия таскала ему воду в стакане. И это еще бы ничего. Но как-то она напоила его компотом, и теперь кустик вообще никому прохода не дает. Топает по коридорам, оставляя за собой мокрые следы, и тупо тычется листьями в ноги людям.

Разума в нем ни на грош. Но компот любит до безумия.

Глава 7. Загадка пустой планеты

— Куда сначала? — спросил Полосков.

Он разглядывал космическую карту. На ней был проложен курс на Палапутру, где находится рынок зверей. Но там же пунктиром мы наметили курс на Пустую планету, о которой рассказал Верховцев.

— На Палапутру мы всегда попадем, — ответил я. — А вот Пустая планета не указана ни в одном космическом справочнике. Может быть, рискнем?

— Но даже сам доктор Верховцев сказал, что на ней звери пропали. Может, они умерли и мы только зря время потеряем?

— И горючего мало осталось, — вмешался в наш разговор Зеленый. — Все равно в Палапутре заправляться придется. А разве на Пустой планете заправишься? Вот и останемся без горючего — жди потом, пока кто-нибудь мимо полетит.

Но Зеленого мы не стали слушать. Он ведь пессимист. И мы были уверены, что у него горючего наверняка хватит. Он просто хотел перестраховаться.

— И все-таки, — сказал я, — заглянем на Пустую планету. Это загадка, а нет на свете ничего интереснее, чем разгадывать загадки.

И мы взяли курс на Пустую планету.

К сожалению, через два дня оказалось, что доктор Верховцев дал не совсем точные координаты. Мы должны были уже увидеть звезду, вокруг которой эта планета вращается, а впереди была пустота.

Что делать? Мы решили: летим еще один день и, если ничего не изменится, повернем обратно.

Мы решили так вечером, перед ужином, и после этого Зеленый пошел в радиорубку, чтобы послать радиограмму на Землю о том, что у нас все в порядке, полет проходит нормально. Я отправился вслед за Зеленым.

Я люблю слушать, когда Зеленый включает рацию и космос, такой пустынный и необъятный, оживает. Мы слышим, как разговаривают далекие космические базы и планеты, как перекликаются корабли и автоматические маяки передают информацию с ненаселенных планет и астероидов об обстановке, о путях метеоритных потоков и пульсирующих звездах.

Пока Зеленый готовил радиограмму, я вертел ручку приемника.

И вдруг услышал слабый женский голос:

— Нахожусь в секторе 16-2, зарегистрировала неизвестный метеоритный поток, летящий в системе Блук. Через трое суток поток пересечет пассажирскую трассу Блук — Фикс. Прошу сообщить всем кораблям.

— Мы как раз в этом секторе, — сказал я Зеленому.

— Я слышал, — ответил Зеленый, который, оказывается, отложил радиограмму и занес сообщение неизвестного корабля в бортовой журнал.

— А раз уж этот корабль в нашем секторе, давай спросим его о Пустой планете, — сказал я Зеленому. — Может быть, мы сбились с курса.

Зеленый сказал, что тот корабль слишком далеко от нас и не услышит, что наша рация наверняка откажет, что та женщина, которая предупреждала о метеорах, все равно не знает ничего о планете, потому что ее не существует. Зеленый ворчал, а тем временем его руки крутили настройку рации и, когда неизвестный корабль принял наш вызов, он сказал:

— Говорит корабль «Пегас». Мы находимся в вашем секторе и направляемся к Пустой планете, но не знаем, правильно ли летим.

— Сейчас проверю, — ответил женский голос. — Дайте мне ваши точные координаты. Мы включили связь с мостиком, и Полосков сообщил нам координаты. Мы их передали по назначению.

— Все понятно, — ответил женский голос. — Между вами и Пустой планетой висит облако космической пыли, поэтому вам не видна звезда. Смело летите вперед и завтра минуете облако.

— Большое спасибо, — сказал я неизвестному кораблю. — А то нам дали эти координаты на планете имени Трех Капитанов, но дал не космонавт, а хранитель музея, и мы опасались, что он ошибся.

— Доктор Верховцев? — спросил женский голос.

— Да. А вы его знаете?

— Отлично знаю, — ответила женщина. — Он чудесный и добрый старик. Как жаль, что мы с вами не встретились раньше! Мне надо передать ему письмо, а я не смогу к нему залететь. Некогда. Вы не вернетесь к Верховцеву?

— Нет, — ответил я. — Мы потом полетим на Блук, в город Палапутру. Мы биологи и ищем редких животных.

— Я тоже, — ответил женский голос. — Может, когда-нибудь мы встретимся. Но сейчас некогда. Сейчас я должна спешить. Я ищу живую туманность.

— Последний вопрос, — сказал я. — Вы сами не бывали на Пустой планете?

— Была, — ответил женский голос. — Моря там кишат рыбой, но на суше ни единого животного. Желаю успеха.

В динамике раздался глухой шум, разряды.

— Она включила двигатели на полную мощность, — сказал Зеленый, — она куда-то спешит. Что это за живая туманность?

— Живой туманности не существует, — сказал я. — Эту женщину я встретил на конференции и сказал ей, что она заблуждается. Ты слышал, как она отзывалась о докторе Верховцеве? Чудесный, говорит, старик.

— И все-таки я ему не доверяю, — проворчал Зеленый. — Если он такой чудесный, зачем говорил неправду? Почему он то пишет роман, то не пишет? Почему уверяет, что не летал на Малый Арктур? Почему не захотел показать нам дневники трех капитанов?

И Зеленый снова принялся за радиограмму.

Женщина была права. На следующий день мы засекли в локаторах маленькую звезду, вокруг которой вращалась всего одна планета. Судя по всему, это и была Пустая планета.

Мы опустились в сумерках на берегу большого озера, на краю бесконечной равнины, поросшей ровной, пожелтевшей травой. Шел мелкий дождь, долгий и скучный. Мы долго стояли перед иллюминаторами — ни зверя, ни птицы. Может, и в самом деле здесь и нет ничего?

Алиса с Зеленым пошли за водой к озеру. Вернулись они не скоро, но я не волновался, потому что мне из иллюминатора видно было, что они заняты чем-то на берегу.

Потом Зеленый вернулся, но прошел не на мостик, а к себе в каюту.

— Ты чего ищешь? — спросил я по внутренней связи.

— Удочку, — ответил Зеленый. — Здесь рыбы в озере — тьма-тьмущая. Мы ведром воды зачерпнули, а в ведре сразу три рыбины. Неужели ты, профессор, не хочешь свежей

ухи?

— Нет, — ответил я. — И вам не советую. Даже на Земле бывают ядовитые рыбы, а варить уху на неизвестной планете по крайней мере легкомысленно.

— Ну ладно, ладно, — сказал Зеленый. — Тогда поймем чего-нибудь тебе в коллекцию.

Зеленый убежал обратно на берег, а я захватил Алисин плащ, чтобы она не простудилась, взял сеть и пошел к озеру.

Зеленый сетью ловить рыбу отказался, заявив мне, что это не спорт, а он спортсмен. Но мы с Алисой наловили целое ведро. Отнесли рыбу на корабль. Вслед за нами пришел промокший Зеленый, который тащил свой улов в садке.

— Не забудь дверь на корабль закрыть, — сказал я, ставя ведро у люка.

— Не забуду, — отозвался взволнованным голосом Зеленый, который так стосковался по рыбалке, что готов был ловить рыбу всю ночь, если б не было так темно.

Утром я первым делом выглянул в иллюминатор. За стеклом светило яркое солнце и множество птиц кружило над кораблем.

— Вот тебе и Пустая планета, — сказал я вслух и пошел будить товарищей. — Вот тебе и Пустая планета, — повторял я. — Вчера рыбы наловили, сегодня птицы стаями кружат.

Алису и Полоскова я разбудил, но Зеленый уже сам поднялся. Он разбирал крючки и лески.

— Готовлю снасть на большую добычу, — сказал он мне. — Чует мое сердце, что здесь щуки водятся с меня ростом.

— Только осторожно, — ответил я. — Смотри, чтоб какая-нибудь щука тебя не поймала.

Потом я спустился к люку, чтобы поглядеть на птиц поближе. И обнаружил неприятную деталь: оказывается, охваченный рыбацким угаром, наш механик забыл закрыть на ночь дверь «Пегаса». Хорошо еще, что никакой зверь не забрался внутрь, но все до одной рыбы пропали. Видно, птицы залетали в люк, как в пещеру, и перетаскали весь наш вчерашний улов.

— Это очень серьезное нарушение космической дисциплины, — сказал Полосков за завтраком, узнав об оплошности Зеленого. — Но я сам виноват в этом. Так же как и профессор. Мы обязаны были проверить люк.

— Но ничего же не произошло, — сказала Алиса. — Мы сейчас с Зеленым наловим хоть десять ведер. Вы не представляете, сколько в озере рыбы!

— Не в этом дело, — вздохнул Полосков. — Если такое еще раз повторится, мы можем смело поворачивать обратно домой. Значит, мы все такие легкомысленные, что в космосе нам делать нечего.

— Прости, капитан, — сказал Зеленый. Он понимал, конечно, что натворил, но мысль о рыбалке так его взволновала, что одной ногой он был уже на берегу озера.

Я заготовил сети для ловли птиц и вынес ружье, которое стреляет иглами, смазанными сонным составом. Пока я готовился к охоте на птиц, Зеленый сидел на берегу, и я краем глаза следил за ним. Меня удивило, что он такой понурый. «Может, переживает?» — подумал я.

Тут погода внезапно испортилась. Откуда-то налетел сильный ветер. Он гнул траву, сдувал птиц с неба, поднял на озере высокие волны. Через несколько минут ни одной птицы на небе не осталось. Куда-то они попрятались.

Зеленый поднялся и пошел к кораблю.

Я тоже решил спрятать в корабль сети и подождать, пока погода исправится и птицы вернутся обратно.

— Ну как? — спросил я Зеленого. — Можно поздравить с уловом?

— Никакого улова, — ответил Зеленый. — Не клюет.

— Как — не клюет? Ты же сам говорил, что в озере рыбы полным-полно.

— Это вчера было. А сейчас, видно, вся рыба в глубину ушла.

— А у меня птицы разлетелись, — сказал я. — Так что нам обоим не повезло. Подождем, пока погода исправится. А ты вечером снова к озеру пойдешь? Может, здесь рыба только вечером клюет?

— Не знаю, не верю я этой планете, — мрачно сказал Зеленый. — Ведь не зря ее Пустой планетой называют. Были рыбы — нет рыб. Были птицы — нет птиц.

— Глядите, — сказала Алиса, которая стояла рядом и слышала весь наш разговор. — Смотрите, заяц!

Какой-то зверек прыгал в траве. За ним гнался другой, побольше ростом. Мы не успели разглядеть их как следует, а они уже пропали, только трава колыхалась под ветром.

— Вот видишь, — сказал я, — не пустая планета. Звери здесь есть.

— И зверей тоже не будет, — ответил Зеленый. — Помнишь, что Верховцев говорил? Хоть я Верховцеву и не верю.

— Зеленый, — сказал я, — давай проверим, куда ушла твоя рыба. Запустим в озеро биоискатель. Настроим его на рыб, и как только он обнаружит рыбу, даст сигнал.

— Как хочешь, — сказал Зеленый. — Только нет в озере рыбы. Я же старый рыбак, я знаю, когда озеро пустое.

Я вынес из «Пегаса» биоискатель и запустил прибор в озеро. Биоискатель был в водонепроницаемом кожухе и снабжен двигателем. Я надел наушники и стал ждать сигналов. Приборы показывали, что биоискатель опустился к самому дну озера, потом отплыл дальше, к самой середине. Но сигналов не поступало. Озеро было мертвым. Через полчаса мне пришлось отказаться от поисков. Биоискатель ошибиться не мог — в озере не было ни единой рыбешки.

— Если бы я вчера собственными руками не вытаскивал рыб из воды, никогда бы не поверил, что здесь может что-нибудь водиться, — признался я. — Верховцев был прав, планета странная.

— То-то и я говорю, — сказал Зеленый, смотал удочки и ушел в «Пегас».

— На горизонте большое стадо антилоп, — громко сказал динамик.

Это Полосков сверху, с мостика, увидел животных у самого горизонта.

Но я и без него уже понял, что степь кишит зверьем. В траве бегали мыши полевки, суслик поднялся столбиком неподалеку, какой-то зверь, очень похожий на медвежонка, прошел по берегу озера.

— Ничего страшного, — сказал я. — Будем готовить вездеход и отправимся ловить зверей.

И только мы вывели вездеход из «Пегаса», как начался ливень. Это был дождь куда сильнее вчерашнего; налетел он внезапно и гулко застучал по крыше вездехода. Мы с Алисой нырнули внутрь и, не обращая на стук дождя внимания, взяли курс в глубь степи, туда, где паслось стадо антилоп.

Антилоп не было видно. Не нашли мы и других зверей. И когда я вылез из вездехода и

наклонился, чтобы рассмотреть мышей, что бегали в траве совсем недавно, оказалось, что и мышши исчезли. На этот раз я запустил биоискатель над равниной. Биоискатель вернулся обратно, долетев до самого горизонта, и не было никаких сомнений — на этой планете нет ни одного зверя.

— Что же будешь делать? — спросил я с отчаянием у Полоскова, когда мы загнали вездеход обратно в «Пегас» и уселись в кают-компанию. — В самом деле пустая планета. И мне не хочется улетать отсюда, пока мы не разгадаем эту тайну.

— Мы же не можем здесь оставаться вечно, — сказал Полосков. — И мы не первые, кто столкнулся с этой загадкой. Может быть, тайна Пустой планеты так и останется неразгаданной.

— Жалко, что Зеленый забыл люк закрыть, — сказала Алиса. — Хоть бы рыбы у нас остались.

— Ладно, он и так расстроен, — прервал я Алису. — Это все-таки удивительно: прилетели вчера, дождь идет — рыб полно озеро, утром птицы летают, потом ветер поднялся, птиц разогнал — звери появились...

— Пап, — сказала вдруг Алиса, — я разгадала тайну этой планеты.

— Ну вот, конечно, — сказал мрачно Зеленый. — Никто не разгадал, а Шерлок Холмс, по прозвищу Алиса, разгадал!

— Осторожней, Зеленый, — сказал Полосков, — я уже проиграл Алисе желание, когда мы искали головоастов.

— Правильно, — согласилась Алиса. — У меня ведь не научное мышление.

— Ну, рассказывай, дочка, — сказал я.

— А можно, я буду не рассказывать, а показывать?

— Если хочешь, показывай.

— Тогда посидите здесь минутку, я скоро вернусь.

— Ты наружу? Но там же дождь.

— Не бойся. Я даже промокнуть не успею. А если ты боишься, что со мной что-нибудь случится, то смотри в иллюминатор. Я только до озера и обратно.

Я подошел к иллюминатору. Видно было, как Алиса, прикрывая голову плащом, бежит к озеру, как она черпает в нем воду ведерком. Еще раз, еще... Вот она бежит обратно.

Алиса вбежала в кают-компанию и поставила ведро на стол.

— Поглядите, — сказала она.

В ведерке медленно плавала небольшая рыбка.

— Ого! — сказал Зеленый. — Я совсем забыл, что здесь самый клёв вечером. Где удочки?

— погоди, — сказала Алиса и сунула руку в ведро. Она достала из ведра рыбу и бросила ее на стол.

— Ты что делаешь?

— Если я права... — начала Алиса, и тут же, у нас на глазах, произошло удивительное превращение. Рыбка раза два дернулась, взмахнула хвостом, и плавники начали превращаться в крылья, чешуя — в перья, и через минуту на столе уже прихорашивалась, оправляя перья, маленькая птичка.

Пока мы смотрели, разинув рты от изумления, на то, как рыба стала птицей, птица взмахнула крыльями и взлетела. Она ударилась о потолок кают-компания.

— Ловите ее! — крикнул я. — Она же расшибется!

— Стой, папа, это еще не все, — сказала Алиса.

Птичка несколько раз ударилась о потолок и упала обратно на стол. И, упав, она стала превращаться снова. На этот раз исчезли перья, съежились крылья, и перед нами оказался мышонок. Мышонок скользнул по ножке стола и исчез в углу.

— Теперь все ясно? — спросила Алиса.

Она торжествовала. Все-таки не каждый день удается разгадать тайну, которая оказалась не по плечу стольким биологам.

— Но как же ты догадалась? — спросил я.

— А ты мне подсказал. Ты вспомнил о том, что дождь шел вчера — были рыбы, солнце — птицы, ветер — звери.

— Все правильно, — сказал я. — Это удивительная приспособляемость, но вполне оправданная на этой планете. Живые существа принимают здесь такую форму, которая им наиболее удобна. Им не страшны ни ветры, ни дожди, ни солнце. Наверно, если наступает зима, они тоже что-нибудь придумывают.

— Это можно проверить, — сказала Алиса. — Положим рыбу в холодильник.

В холодильник мы пока рыбу класть не стали, но соорудили ей клетку, в которой стоял аквариум, и потом часами любовались тем, как рыба, вылезая из воды, взлетала в воздух или убегала в угол, к кормушке.

Глава 8. Что рассказали ушаны

Все коллекционеры и любители всяческих диковин в восьмом секторе Галактики прилетают на планету Блук. Там, у города Палапутра, раз в неделю бывает базар.

В Галактике есть несколько миллиардов коллекционеров. Например, коллекционеры Солнечной системы собираются в первое воскресенье каждого месяца на Марсе, на плоскогорье у Большого канала. Мне рассказывали, что в туманности Андромеды тоже есть могучее братство коллекционеров, а на одной из планет их столько, что они взяли в свои руки власть и вся промышленность той планеты выпускает лишь альбомы для марок, пинцеты и аквариумы.

У марсианских коллекционеров я бывал. Достал там для зоопарка редких летающих рыбок. А вот на Блуке бывать мне не приходилось.

Палапутра оказалась небольшим городом. В ней было очень много гостиниц и складов. А космодрому в Палапутре могла бы позавидовать любая столица.

Как только «Пегас» опустился на бетонное поле, к нему сразу подкатил автомобиль, в котором сидели стражники.

— Вы откуда прилетели? — спросили они Полоскова, затормозив у трапа.

— С Земли, — ответил Полосков.

— Это где?

— В третьем секторе. Солнечная система.

— Ага, так я и думал, — сказал главный стражник.

Он был очень похож на вентилятор. У него было три больших круглых уха, и когда он говорил, то вертел головой так, что поднимался ветер. Поэтому в Галактике жителей Блука прозвали ушанами.

Стражники поднялись на борт и прошли в кают-компанию.

— А что будете продавать? — спросил стражник.

— Мы хотели бы посмотреть, — ответил я, — нет ли здесь интересных зверей для Московского зоопарка.

— Значит, вы ничего не будете продавать? — спросил стражник.

— Нет.

— И у вас на борту нет никаких зверей?

— У нас есть звери, — сказал я, — но не для продажи.

— Покажите мне их, — сказал стражник.

— Почему? — удивился Полосков. — Мы ваши гости, и вы должны нам верить.

— Вам бы я поверил, — сказал ушан, — но вы мало знаете коллекционеров. Они тащат со всей Галактики разных тварей, а у нас потом сплошные неприятности. Раньше мы были вежливые и не проверяли кораблей, а теперь проверяем. Научены горьким опытом.

И стражник, поднимая ветер ушами, рассказал нам такую печальную историю:

— Недавно на рынке обнаружился торговец. Он пришел на базар с маленьким мешочком и банкой. В банке были белые червяки. Любители птиц сразу оценили этих червяков. Червяки были калорийные и очень нравились животным. Один коллекционер купил банку червяков. Второй купил, третий. А торговец развязывал мешок и черпал оттуда всё новых. Коллекционеры стали в очередь за червяками. Двести двадцать третьим в очереди стоял известный собиратель экзотических рыбок Крабакас с Баракаса. Он стоял, делать было нечего, и следил за тем, как торговец черпает червяков банкой из мешочка. И

подсчитал, что в мешочке может уместиться только три с половиной банки червяков, не больше. Тогда Крабакас с Баракаса догадался, что дело нечисто. Он подошел к торговцу и спросил: «Разве мешок бездонный?»

— Нет, ваше благоушие, — перебил главного стражника его помощник в этом месте рассказа, — он спросил: «Откуда вы берете червяков?»

— Молчи, — сказал третий стражник. — Ничего подобного. Крабакас с Баракаса спросил его: «Дайте мне ваш мешочек посмотреть».

— Молчать! — прикрикнул на своих помощников главный стражник. — Уши откушу, если будете перебивать!.. Торговец не обратил на слова Крабакаса никакого внимания. Может быть, оттого, что диаметр Крабакаса всего полмиллиметра, хотя длиной он восемь метров и сам похож на очень-очень тонкого синего червяка. Тогда Крабакас обратился к коллекционерам, которые стояли в очереди, и воскликнул: «Мне не нравится этот подозрительный торговец!»

— Простите, ваше благоушие, — не выдержал снова помощник стражника, — но я осмелюсь сказать, что Крабакас с Баракаса сказал тогда другим коллекционерам: «Держите вора».

— Ты с ума сошел! — зашипел на него третий стражник. — Крабакас сказал: «Я не менее разумное существо, чем вы, торговец, и попрошу обращать на меня внимание! И вообще отдайте мешок».

— Всё, — замахал ушами начальник стражников. — Я уйду в отставку!

Стражники поссорились, перешли на свой, совершенно непонятный язык, который состоит в том, что они очень хитрым образом шевелят ушами. В кают-компании поднялась буря, и неизвестно, чем бы кончилась ссора стражников, если бы порывом ветра не сдуло со стола кофейник. Кофейник разбился, и стражникам стало стыдно за свое поведение.

— Простите нас, — сказал главный ушан. — Мы немного погорячились.

— Ничего, ничего, — сказал я, стараясь не улыбаться и собирая с пола осколки кофейника, пока Алиса бегала за тряпкой, чтобы вытереть коричневую лужу.

— Крабакас с Баракаса, — продолжал главный ушан, — объяснил коллекционерам свои подозрения, и они общими усилиями отняли у торговца маленький мешочек. В мешочке умещалось всего две горсти червей. Но когда они выгребли часть червей наружу, то тут же на глазах черви принялись делиться пополам и расти. Вдруг с дальнего конца базара раздался испуганный крик. Один любитель певчих птиц высыпал корм в клетку и увидел, что черви размножаются на глазах.

— Нет, — сказал второй стражник, взмахивая ушами. — Осмелюсь возразить, ваше благоушие...

Но главный стражник не стал слушать возражения. Он схватил своих помощников за уши и вытащил их из кают-компании, захлопнул дверь и сказал с облегчением:

— Теперь я расскажу спокойно.

Но дверь тут же приоткрылась, и в щель просунулось ухо непокорного стражника.

— Осмелюсь... — начал он.

— Нет, это невозможно! — Главный стражник прижался к двери тощей спиной и закончил рассказ: — Оказалось, что эти черви размножаются с невероятной быстротой. Так быстро, что в десять минут их уже втрое больше, а за час — в шестьсот раз больше, чем раньше.

— А чем же они питаются? — удивилась Алиса.

— Воздухом, — ответил стражник. — Само собой разумеется, воздухом.

— Кислородом! — крикнул из-за его спины второй стражник.

— Азотом! — закричал третий.

Главный стражник прикрыл лицо ушами от стыда за своих подчиненных. Лишь через пять минут он настолько пришел в себя, что мог закончить рассказ:

— В общем, уже через три часа весь рынок в Палапутре был на метр завален червяками, коллекционеры и торговцы разбежались куда глаза глядят.

— А торговец? — спросила Алиса.

— Торговец в суматохе исчез.

— Убежал, — послышалось из-за двери.

— Гора червяков расползлась во все стороны. К вечеру она достигла центра города. Все пожарные машины, которые заливали червяков водой и пеной из огнетушителей, не смогли справиться с нашествием. Червяков пытались жечь, травить, посыпать ДДТ, топтать ногами, но все напрасно. Воздуха на планете становилось все меньше и меньше. Пришлось раздать кислородные маски. Тревожные сигналы SOS полетели с планеты Блук во все концы Галактики. Но спас планету любитель птиц Крабакас с Баракаса. Он напустил на червяков едулок — птичек, маленьких ростом, но настолько прожорливых, что ни один уважающий себя коллекционер их держать не будет: чистое разорение. В конце концов от червяков удалось избавиться, хотя едулки заодно сожрали всех муравьев, пчел, ос, комаров, бабочек, тараканов, шмелей и навозных жуков.

— Так зачем же этот торговец продавал таких опасных червей? — спросила Алиса.

— Как — зачем? Хотел получить прибыль. Ведь этот мешочек был бездонным.

— Нет, — сказала Алиса, — этого быть не может. Не такой уж он дурак. Ведь коллекционеры скоро догадались, в чем дело.

— Конечно, не дурак! — крикнул из-за двери другой стражник. — Он хотел погубить нашу планету!

— А зачем?

— Мы сами не знаем, — признался главный стражник, отошел от двери и впустил своих помощников. — Мы не знаем, но с тех пор проверяем все корабли, приходящие из Солнечной системы.

— Почему именно из Солнечной системы?

— Это тайна, — сказал первый стражник.

— Никакая не тайна, — вмешался второй. — Просто тот торговец был из Солнечной системы. Он был Человек.

— Совсем странно, — сказал я. — Но хоть есть его описание? Как он выглядел?

— Никак. Для нас все люди на одно лицо.

— Все равно должны быть какие-то отличительные черты.

— Была черта, — сказал помощник стражника.

— Молчи! — приказал ему начальник.

— Не буду, — сказал помощник. — Тот человек ходил в головном уборе с горизонтальными полями и поперечным углублением наверху.

— Не понимаю, — сказал я. — Что еще за поперечное углубление?

— Ваше благоушие, покажите им фотографию. Может, они нам помогут, — сказал помощник.

— Нет, нельзя, это секретная фотография.

— Можно. Раз я сказал, она уже не секретная.

— Но ты не сказал, а выдал государственную тайну.

— Тем более.

Тогда его благоушие вынул из кармана фотографию. Фотография была помята, она была любительская, смазанная, но все равно никаких сомнений не оставалось: на ней был изображен доктор Верховцев с банкой в одной руке и небольшим мешочком — в другой.

— Быть не может! — удивился я.

— Вы его знаете?

— Да. Он живет на планете имени Трех Капитанов.

— Ай-ай-ай, на такой хорошей планете живет такой плохой человек! Когда вы его видели?

— Три дня назад.

— А у нас он был в прошлом месяце. Теперь давайте осмотрим ваш корабль. А вдруг у вас на борту есть червяки?

— У нас нет червяков.

— Запирается, — подсказал своему начальнику второй ушан. — Не хочет говорить.

— Тогда не разрешим выходить в город, — сказал начальник. — Где у вас телефон? Будем считать, что все на борту больны галактической чумой. Тогда вы добровольно улетите. А нет — такую дезинфекцию начнем, что пожалеете, что прилетали.

— Мы ничего дурного не замыслием, — постарался я успокоить стражника. — Мы этого человека видели только раз. И, может быть, даже не его. Ведь бывают же очень похожие люди. И зачем доктору, директору музея, торговать червяками?

— Не знаю, — сказал печально главный ушан. — У нас столько несчастий! Мы уже перестали доверять нашим гостям.

— А что еще случилось?

— И не спрашивайте. Кто-то истребил почти всех говорунов.

— Говорунов?

— Да, говорунов. Это наши любимые птицы.

Глава 9. Нам нужен говорун

Мы с Алисой пошли на базар пешком, а вездеходу велели подъехать туда часа через два.

Утро было хорошее, ясное, небо чистое, оранжевое, облака легкие, зеленые, песок под ногами мягкий, голубой.

Мы вышли на главную улицу города. По обе стороны ее стояли гостиницы. Гостиницы были очень не похожи одна на другую, потому что каждая из них строилась специально для жителей той или иной планеты или звездной системы.

Была там гостиница «Крак», похожая на детский воздушный шарик метров сто в поперечнике. Из-под гостиницы торчали края антигравитаторов. В ней останавливались привыкшие к невесомости космические бродяги, у которых не было своей планеты. Они летали на кометах и метеорных потоках и там раскидывали шатры.

Потом мы миновали гостиницу «Чудесное место». Эта гостиница тоже была шаром, но твердым, массивным, наполовину вкопанным в землю. На ней мы увидели вывеску: «Только для жителей метановых планет». Из-за неплотно прикрытой двери шипела струйка газа.

Следующей оказалась гостиница «Сковородка»: ее стены были раскалены — не дотронешься, несмотря на сто слоев изоляции. В «Сковородке» останавливались жители звезд, для которых купание в раскаленной лаве все равно, что для нас купание в пруду летним днем.

Были гостиницы, подвешенные в воздухе и зарытые в землю, были с дверью на крыше и вообще без окон и дверей. И вдруг мы увидели небольшое здание с колоннами, самыми обычными окошками и самой обыкновенной дверью. Над ней была вывеска: «Волга-матушка».

— Смотри, пап, это, наверно, для людей! — сказала Алиса.

Мы остановились перед гостиницей, потому что нам приятно было увидеть ее — все равно что встретиться со старым знакомым.

Из гостиницы вышел высокий человек в форме космонавта торгового флота. Он кивнул нам, и мы сказали ему:

— Здравствуйте. Вы откуда?

— Мы привезли с Земли на планету Блук регенераторы кислорода, — ответил он. — Может быть, вы слышали — здесь случилась неприятность: они чуть было не потеряли весь воздух.

Пока я разговаривал с космонавтом, Алиса стояла рядом и глядела на гостиницу. Вдруг она схватила меня за руку:

— Папа, смотри, кто там.

У окна на третьем этаже стоял доктор Верховцев и смотрел на нас сверху. Встретившись со мной взглядом, он тут же отошел от окна.

— Не может быть! — воскликнул я. — Он не успел бы сюда прилететь.

— Пойдем спросим, как он сюда попал, — сказала Алиса.

Дверь в гостиницу была резная, тяжелая, с позолоченной гнутой ручкой. А внутри холл был отделан, словно боярский терем. Стены расписаны единорогами и красными девицами, а вдоль стен стояли широкие скамьи. Видно, ушанские архитекторы видели знаменитую двадцатисерийную телепередачу «Борис Годунов». Посреди боярских палат я остановился.

— Погоди, Алиса, — сказал я. — Мне все это не нравится.

— Почему?

— Посуди сама: мы только что расстались с доктором Верховцевым, прилетаем сюда, и нам стражники говорят, что он чуть было не погубил планету, потому что продавал белых червяков, и тут же мы видим его в окне гостиницы.

— Тем более, — сказала Алиса. — Мы должны его спросить, в чем дело.

— Ну ладно, — согласился я и подошел к длинному столу, за которым между чучелом лебеда и пластиковым ковшом стоял ушастый портье в белом кафтанчике.

— Скажите, — спросил я его, — в каком номере остановился доктор Верховцев?

— Одну минуточку, добрый молодец, — ответил портье, заложил уши за спину и открыл громадную книгу в кожаном переплете с застежками. — Верховцев... — бормотал он. — Ве-ри-хо-ви-цев... Есть Верховцев!

— И где же он живет?

— В осьмом тереме проживает. На третьем этаже, — сказал портье. — А вы будете его друзья?

— Мы его знакомые, — осторожно сказал я.

— Прискорбно, — сказал портье, — что у такого плохого и грубого постояльца есть такие хорошие на вид знакомые.

— А что, — спросил я, — он вас обидел?

— Идите, — ответил портье. — Терем номер восемь. И скажите ему, басурману, что если он будет и впредь варить сосиски на кровати и ломать роботов — стольников-постельников, то мы его попросим съехать с нашего уважаемого постоялого двора.

— А мне Верховцев показался очень тихим человеком, — сказал я Алисе, когда мы поднимались по лестнице.

Навстречу нам спускались люди — линеанцы, фиксианцы и другие существа, которые живут на планетах с такими же условиями, как на Земле. Некоторые из них несли в руках клетки, аквариумы, альбомы с марками или просто сумки. Они спешили на базар.

Восьмой номер находился в самом конце длинного коридора, устланного множеством персидских ковров. Мы остановились перед пластиковой дверью, расписанной под дуб, и я нажал на кнопку звонка.

Никакого ответа.

Тогда я постучал в дверь. От легкого толчка дверь послушно растворилась. Небольшая комната была обставлена и украшена по иллюстрациям в исторических романах из жизни Земли. В ней были хрустальная люстра и керосиновая лампа без фитиля, вольфрамовый самовар и японская ширма. Но Верховцева не было.

— Доктор! — позвал я — Вы здесь?

Никакого ответа.

Алиса вошла в комнату, заглянула за ширму. Я от двери сказал ей:

— Пойдем отсюда, неудобно в чужую комнату залезать...

— Сейчас, пап, — ответила Алиса.

Я услышал за своей спиной чье-то быстрое дыхание. Я оглянулся. В дверях стоял очень толстый человек в черном кожаном костюме. У него были пухлые губы и несколько подбородков, которые лежали на воротнике.

— Вам кто нужен? — спросил он очень высоким, нежным, детским голосом.

— Мы ищем своего знакомого, — ответил я.

— Извините, я живу в соседнем номере, — сказал толстяк, — и я услышал, как пять минут назад человек, который здесь живет, ушел. Вот я и решил вас предупредить.

— А куда он пошел, не знаете?

Толстяк почесал свои подбородки, подумал немного и сказал:

— Я думаю, на базар. Куда бы ему еще пойти?

Мы покинули гостиницу и отправились к базару. «Странный человек доктор Верховцев», — думал я.

Мы миновали гостиницу, сделанную в виде аквариума, — в ней жили обитатели планет, покрытых водой, — и гостиницу, похожую на чайник. Из носика чайника вырывался пар — там жили куксы с Параселя. У них на планете жарко, вода кипит, и планета окутана горячим паром.

Из гостиниц выходили их постояльцы. Многие шли в скафандрах, и скафандры были самые разные. Кое-кто полз по земле, кое-кто летел над нашими головами. Под ногами мелькали коллекционеры ростом чуть побольше муравья, а рядом с ними шествовали коллекционеры ростом чуть пониже слона.

Чем ближе мы подходили к базару, тем гуще становилась толпа, и я взял Алису за руку, чтобы она невзначай на кого-нибудь не наступила или кто-нибудь нечаянно не наступил бы на нее.

Базар раскинулся на много километров. Он был разделен на несколько секций. Сначала мы миновали секцию собирателей раковин. Потом прошли сквозь секцию коллекционеров книг, с трудом пробившись сквозь заполненную народом секцию собирателей минералов и драгоценных камней. Через цветочные ряды мы прошли довольно свободно, только в одном месте мне пришлось взять Алису на руки, потому что ей чуть не стало дурно от запаха фиксианских роз.

Но когда мы очутились в секции филателистов, Алиса попросила меня:

— Погоди.

Километровая площадка была уставлена складными столиками. Столиков было, как сказал мне один старожил, четырнадцать тысяч триста. За столиками сидели филателисты — по двое, а где и по четверо. И они менялись марками. Те, кому не досталось места за столиками, обменивались стоя или просто гуляли вокруг. Алиса купила серию объемных движущихся марок с изображением сирианских птиц, черногорскую марку 1896 года, альбом для фиксианских марок, который сам устанавливал марку на нужное место, только поднеси к нему. Потом она поменяла черногорскую марку на две марки с планеты Шешинеру.

— Это специально для тебя, пап, — сказала она.

Одна марка была совсем белая, на второй виднелась лишь надпись маленькими буквами: «Молодой склисс на пастбище».

— Ты, пап, хотел узнать про склисса.

— Но где же склисс?

— А склисс будет завтра, — сказал давешний толстяк, которого мы встретили в гостинице. Он нас догнал.

— Как так — завтра?

— На этих марках изображение появляется не каждый день, а только по четным числам, — сказал толстяк.

— А что будет на второй марке?

— На второй? На второй ничего не будет. Она истрачена.

— Так зачем же она? — удивился я.

— Это очень редкая марка. Жители Шешинеру не любят писать письма, и потому почти все марки с их планеты попадают неиспользованные. А пустые марки очень редкие. Ваша дочка правильно сделала, что приобрела такую редкую марку.

Сказав это, толстяк помахал рукой и заспешил, подпрыгивая, дальше.

Мы чуть было не заблудились в секциях, подсекциях и отделениях рынка. Но тут впереди послышались птичьи крики, рычание зверей и писк насекомых. Мы вышли на площадь, уставленную клетками, аквариумами, садками, загонами. Это и был отдел космической живности.

Даже мне, опытному космобиологу, было очень трудно разобраться в том, что мы увидели. Звери и птицы были настолько разнообразные, а владельцы их были порой и того разнообразнее, что я начал свое путешествие с грубой ошибки. Я подошел к темно-синей птице на трех двухметровых желтых ногах. От ее ноги тянулась цепочка к ее хозяину, составленному из разноцветных шаров неизвестному мне инопланетчику, и спросил у него, сколько стоит эта прекрасная птица. И тут птица ответила мне на хорошем космическом языке:

— Я не продаюсь. Но если желаете, могу продать вам шаровика разнокрапчатого. И попрошу меня не оскорблять.

Оказывается, я перепутал, кто кого держит на цепочке. Стоявшие вокруг коллекционеры и торговцы рассмеялись, а птица тогда обиделась и стукнула меня по голове длинным клювом.

Я поспешил уйти, потому что птицу охватил гнев и она начала примериваться для следующего удара.

— Папа, — сказала вдруг Алиса, — иди сюда. Смотри, как интересно.

Я оторвался от разглядывания кристаллических жуков, которых мы давно хотели заполучить для зоопарка, и обернулся к ней.

Алиса остановилась перед большим пустым аквариумом. Рядом стоял стульчик, и на нем сидел карлик.

— Посмотри, папа, каких интересных зверей продает этот человек.

— Ничего не вижу, — признался я. — Аквариум пустой.

Человечек грустно вздохнул и смахнул слезу.

— Вы не первый, — сказал он, — вы не первый.

— А что у вас в аквариуме? — вежливо спросил я. — Микроорганизмы?

— Нет, это ужасно! — сказал карлик. — Я уйду. Совсем уйду.

— Папа, — прошептала Алиса так громко, что слышно было за десять метров, — у него там невидимые воздушные рыбы. Он мне сам сказал.

— Невидимые?

— Девочка права, — сказал карлик. — Это самые обыкновенные невидимые рыбы.

— Очень интересно, — сказал я. — А как же вы их ловите?

— Сетями, — сказал карлик. — Невидимыми сетями. Рыбы летят-летят, попадают в невидимые сети, и я их везу домой.

— А можно одну подержать? — спросил я.

— Подержать? — Карлик очень удивился. — А как же вы ее будете держать?

— Руками.

— Но вы же ее не удержите.

— Почему?

— Потому что эти воздушные рыбы очень скользкие. Они ускользают, как только до них дотронешься. Вы мне не верите?

Я не ответил. Тогда карлик взмахнул ручками и воскликнул:

— Пожалуйста! Смотрите, хватайте, выпускайте на волю! Делайте что хотите! Унижайте меня! Оскорбляйте!

Карлик стащил с аквариума большую тряпку, цепко схватил меня за руку и заставил залезть рукой в аквариум.

— Ну? — кричал он. — Ну? Поймали? Ничего вам не поймать!

Рука моя ощущала только пустоту. Никаких рыб в аквариуме не было.

— Здесь ничего нет, — сказал я.

— Ну, вот видите? — обратился карлик, заливаясь слезами, к окружившим нас любопытным. — Он убедился, что рыбы такие скользкие, что их нельзя поймать, но не хочет признаться.

Я поболтал рукой в пустом аквариуме и только вытащил руку наружу, как карлик закричал снова:

— Он выпустил всех моих рыб! Он их распугал! Разве я не предупреждал, что нельзя болтать рукой в аквариуме? Теперь я нищий! Я разорен!

Зрители недовольно роптали на двадцати языках и глядели на меня с осуждением.

Даже Алиса сказала:

— Ну зачем же ты так, папа?

— Но неужели вы не понимаете, — обратился я к окружающим, — что в аквариуме ничего не было?

— Откуда нам знать? — ответил мне вопросом полосатый, как тигр, с белыми усами житель планеты Икес. — А если он прав? Если рыбы невидимые и их нельзя поймать? Как мы можем проверить, что он говорит неправду?

— Правильно, — поддержал его ушан. — Зачем ему лететь с другой планеты и везти пустой аквариум?

— Чтобы каждый день продавать его снова. — сказал я.

Но никто меня не слушал.

Пришлось заплатить печальному карлику за десять редких рыб. Карлик, видно, не ждал, что я так быстро сдамся, и был растроган, благодарил и обещал, если поймает невидимую рыбу, обязательно принесет ее мне. А когда мы уже собирались уходить, он сказал:

— Девочка, разреши, я сделаю тебе маленький подарок.

— Пожалуйста, — сказала Алиса. — Я буду очень рада.

— Возьми.

Карлик покопался в кармане и вынул оттуда пустую руку. Сложил ладонь лодочкой, как будто в ней что-то было, и протянул Алисе.

— Это, — сказал он, — шапка-невидимка. Бери, не стесняйся. Я люблю делать хорошим людям бесценные подарки. Только осторожно. Шапка соткана из такой тонкой ткани, что она ничего не весит и ее нельзя почувствовать.

Алиса поблагодарила жулика, сделала вид, что прячет подарок в сумку, и мы пошли дальше.

Вдруг под ноги к нам бросилось непонятное существо. Оно казалось пушистым шариком на палочках и доставало до колен. Удивительного цвета было это существо — ярко-красное в белую крапинку, как мухомор.

— Держи его, пап! — сказала мне Алиса. — Он убежал у кого-то.

— И не подумаю, — сказал я, кладя в карман бумажник. — Может, это не животное, а коллекционер, который ищет убежавшего зверя. Я его поймаю, а он вызовет полицию за то, что я его оскорбил, не догадавшись, какой он умный.

Но тут же мы увидели, как вдогонку за красным шариком спешит толстая двухголовая змея в блестящем переливающимся скафандре.

— Помогите, — кричала она. — Индикатор убежал!

Красный шар пытался укрыться за моими ногами, но змея протянула одну из ста тонких ножек, болтавшихся у нее по бокам, и подхватила беглеца. Он тут же изменил цвет с красного на желтый и подобрал прямые ножки.

— Простите, — сказал я толстой змее, — что это за животное?

— Ничего интересного, — сказала змея. — Таких у нас на планете много. Мы их зовем индикаторами. Они не умеют говорить, зато меняют цвет в зависимости от настроения. И бывают очень любопытные цвета. У вас нет куска сахара?

— Нет, — сказал я.

— Жалко, — ответила змея и достала откуда-то кусок сахара.

При виде сахара шарик пошел лиловыми разводами.

— Радуетса, — сказала змея. — Правда, красиво?

— Очень, — согласился я.

— Мы им специально придумываем новые ощущения, чтобы найти необыкновенные цвета. Хотите, я его стукну? Он станет черным.

— Нет, не надо, — сказал я. — А вы не продадите его нам для Московского зоопарка?

— Нет, — ответила одна из голов змеи; другая тем временем молча свесилась вниз. — Обменять могу.

— Но у меня не на что меняться.

— Ну вот на эту штуку, на этого звереныша, — сказала змея и показала сразу десятью ножками на Алису.

— Нельзя, — сказал я, стараясь не обижаться, потому что сам недавно принял разумное существо за неразумную птицу. — Это моя дочь.

— Фу, какой ужас! — воскликнула гневно змея. — Я немедленно вызову блюстителей порядка. Это же запрещено!

— Что запрещено? — удивился я.

— Запрещено торговать своими детьми. И обменивать их на зверей тоже запрещено. Неужели вы не читали правил у входа на базар? Вы изверг и варвар!

— Ничего подобного, — засмеялся я. — Я с таким же успехом могу продать Алису, как она меня.

— И того хуже! — закричала змея, прижимая к груди цветной шар: индикатор, видно, перепугался и стал белым с красными крестиками вдоль спины. — Дочь торгует собственным отцом! Где вы такое видели?

— Честное слово, — взмолился я, — мы друг друга не продаем! У нас на Земле вообще не принято отцам продавать своих детей, а детям — своих родителей. Мы просто пришли вместе купить каких-нибудь редких зверей для нашего зоопарка.

Змея подумала немножко и сказала:

— Не знаю уж, верить вам или нет. Лучше спросим у индикатора. Он такой чувствительный. — Она наклонила обе головы к индикатору и спросила его: — Этим

странным существам можно верить?

Индикатор стал изумрудно-зеленым.

— Как ни странно, он уверяет, что можно.

Тут змея успокоилась и добавила совсем другим тоном:

— А ты хочешь, чтобы я тебя им отдала?

Индикатор стал золотым, словно луч солнца.

— Очень хочет, — перевела его эмоции змея. — Берите его, пока я не раздумала. И еще возьмите справочник «Как кормить индикатор и как добиться нежно-розовых эмоций».

— Но я не знаю, что дать вам взамен.

— Ничего, — сказала змея. — Я же вас оскорбила подозрениями. Если вы в обмен на индикатор согласитесь меня простить, я до вечера буду счастлива.

— Ну конечно, мы на вас не обижаемся, — сказал я.

— Нисколько, — сказала Алиса.

Тогда змея взмахнула множеством своих ножек, шар-индикатор взлетел в воздух и упал на руки Алисе. Он оставался золотым, только по его спине, словно живые, бежали голубые полосы.

— Он доволен, — сказала змея и быстро уползла, не слушая наших возражений.

Индикатор спрыгнул с Алисиных рук и пошел сзади нас, пошатываясь на тонких прямых ножках.

Нам встретилась целая семья ушанов. Большой ушан, уши у которого были больше, чем у слона, его жена-ушанка и шесть ушат. Они несли канарейку в клетке.

— Смотри! — воскликнула Алиса. — Это канарейка?

— Да.

— Это не канарейка, — сказал строго отец-ушан. — Это райская птица. Но мы ее совсем не хотели покупать. Мы искали настоящего говоруна.

— И не нашли, — сказали хором ушата, поднимая ветер ушками. — Нет ни одного говоруна.

— Это удивительно! — сказала нам ушанка. — Еще в прошлом году полбазара было занято говорунами, а теперь их совсем не стало. Вы не знаете, почему?

— Нет, — сказал я.

— И мы не знаем, — ответил ушан. — Придется нам разводить райских птиц.

— Папа, — сказала Алиса, когда они ушли, — нам нужен говорун.

— Почему? — удивился я.

— Потому что всем нужен говорун.

— Ладно, пойдем искать говоруна, — согласился я. — Только сначала я предлагаю тебе посмотреть на паука-ткача-троглодита. И если нам его отдадут, мы его обязательно купим. Это заветная мечта нашего зоопарка.

Глава 10. Мы купили говоруна

Мы с Алисой обошли весь базар, купили для зоопарка восемнадцать разных зверей и птиц, большинство из которых на Земле еще никому не приходилось видеть. Алиса спрашивала каждого торговца или коллекционера:

— А где достать говоруна?

Ответы были самые разные.

— Говоруны перестали класть яйца, — сказал один.

— Говоруны перемерли от загадочной болезни.

— Говорунов держать нельзя.

— Кто-то скупил всех говорунов на планете.

— Говорунов никогда и не было.

И еще много других ответов. Но мы так и не поняли, что же произошло на самом деле. Все признавали, что раньше говоруны были самыми обычными птицами и их любили держать дома и в зоопарках. Но за последний год говоруны почти все куда-то исчезли. Говорили, что по домам ходили люди и скупали говорунов. Говорили, что из зоопарка говорунов кто-то украл. Говорили, что в главном говоруньем питомнике они заболели лихорадкой и умерли. И чем безнадежнее было найти говоруна, тем больше Алисе хотелось хотя бы поглядеть на эту птицу.

— А что в говорунах особенного? — спросил я Крабакаса с Баракаса, с которым мы только что познакомились.

— Ничего особенного, — ответил Крабакас вежливо, свивая в кольца синий хвост. — Они говорят.

— Попугаи тоже говорят, — сказал я.

— Про попугаев не знаю, не слышал. Но, может быть, у вас называют попугаями говорунов?

— Может быть, — согласился я, хотя вряд ли попугаи водились на этой планете. — А где они водятся?

— Чего не знаю, того не знаю, — сказал Крабакас с Баракаса. — Может быть, они водились именно на этой планете. Я слышал, что говоруны могут летать между звезд и всегда возвращаются к родному гнезду.

— Не найти нам говоруна, — сказал я Алисе. — Придется возвращаться. Тем более, что твой индикатор уже проголодался.

Индикатор услышал мои слова и в знак согласия стал светло-зеленым.

Мы повернули к выходу, и тут меня остановил крик Крабакаса. Он, как синий смерч, взвился над клетками.

— Эй! — кричал он. — Землянин, вернись скорей сюда!

Я вернулся. Крабакас свился в клубок и сказал:

— Хотели посмотреть на говоруна? Ну, тогда считайте, что вам сказочно повезло. У меня за клетками спрятался человек, который принес настоящего взрослого говоруна.

Алиса, не дослушав, бросилась обратно, и за ней семенил индикатор, переливаясь от нетерпения всеми цветами радуги.

За стеной птичьих клеток спрятался маленький ушан с прижатыми ушами. Он держал за хвост большую белую птицу. У птицы было два клюва и золотая корона.

— Ой, — сказала Алиса, — ты узнаешь ее, папа?

— Что-то знакомое, — сказал я.

— «Знакомое»! — передразнила меня Алиса. — Эта птица сидит на плече статуи Первого капитана!

Алиса была права. Я вспомнил. Конечно, именно говоруна изобразил скульптор.

— Вы продаете птицу? — спросил я у ушана.

— Тише! — зашипел тот. — Если вы не хотите ее и меня погубить, тише!

— Покупайте без разговоров, — сказал мне на ухо Крабакас с Баракаса. — Я бы сам купил, но вам она нужнее. Может быть, это последний говорун на планете.

— Но почему такая тайна? — спросил я.

— Я и сам не знаю, — ответил хозяин говоруна. — Я живу далеко от города и редко здесь бываю. Давным-давно, несколько лет назад, этот говорун прилетел ко мне. Он был истощен и ранен. Я его выхаживал, и он с тех пор жил у меня в доме. Этот говорун, видно, за свою жизнь побывал на разных планетах. Он говорит на многих языках. Несколько дней назад я был по делам в городе и встретился в столовой с одним старым другом. Мы разговорились, и старый друг сказал мне, что в городе совсем не осталось говорунов. Кто-то их скупает или убивает. А я тогда ответил другу, что у меня живет говорун. «Береги его», — сказал мне друг. Тут к нам подошел один землянин и сказал, что хочет купить говоруна...

— Он был в шляпе? — спросила вдруг Алиса.

— В шляпе, — ответил ушан. — А вы откуда знаете?

— Пожилой и худой?

— Да.

— Значит, это он, — сказала Алиса.

— Кто — он? — спросил Крабакас с Баракаса.

— Тот самый, который торговал червяками.

— Конечно, это он, злодей! — воскликнул Крабакас.

— Погодите, не перебивайте, — остановил нас ушан. — Я тогда отказался продать свою любимую птицу и поехал обратно домой. И представляете, в ту же ночь кто-то старался проникнуть в мой дом. А на следующую ночь меня хотели поджечь. Но говорун проснулся и разбудил меня. Вчера я нашел еще не оконченный подкоп под мой дом. А сегодня ночью в мою спальню кто-то бросил огромный камень. И я понял: если оставлю птицу дома, не жить мне на свете. Если не боитесь смерти, берите птицу, но за последствия я не отвечаю.

— Берите, — сказал Крабакас, — птица редкая, хорошая, а вам все равно улетать отсюда. Вам не страшно.

— Берем, папа? — спросила Алиса и протянула руку к говоруну.

Я не успел ответить, как говорун легко взлетел на плечо Алисы.

— Прощай, друг, — вздохнул ушан.

Я расплатился с ушаном, и тот сразу убежал. Даже деньги считать не стал.

— Кормить говоруна можно белым хлебом, — сказал нам на прощание добрый Крабакас, — и молоком. Полезно давать шиповниковый сироп.

Сказав так, Крабакас свернулся в синий клубок и улегся на клетку с канарейками.

Мы отправились к выходу с базара. Впереди шла Алиса, и на плече у нее сидел говорун. Правда, он еще не сказал ни слова, но это меня не волновало. За Алисой семенил индикатор и задумчиво менял цвета. Потом шел я и вел на поводке купленного за бешеные деньги, очень редкого, работающего, почти разумного паука-ткача-троглодита. Паук пряд аккуратный

шерстяной шарф в клеточку, и уже связанный конец шарфа волочился по земле. Сзади ехал автоматический вездеход, полный клетками и аквариумами, — там для человека и места бы не нашлось. Со всех сторон к нам оборачивались коллекционеры и повторяли на десятках языков:

— Смотрите, говоруна несут!

— Говорун!

— Живой говорун!

Вдруг говорун наклонил голову набок и заговорил.

— Внимание! — сказал он по-русски. — Посадка на эту планету невозможна. Я перехожу на планетарную орбиту, а ты, друг милый, не забудь включить амортизаторы.

Сказав это, говорун без всякой паузы перешел на незнакомый нам язык и барабанил на нем минуты две.

— Вот это попугай! — сказала Алиса.

Говорун замолчал, прислушался к ее словам и повторил:

— Вот это попугай!

Потом еще подумал и произнес моим голосом;

— Но почему такая тайна?

Потом голосом своего прежнего хозяина:

— В ту же ночь кто-то старался проникнуть в мой дом. А на следующую ночь меня хотели поджечь.

— Все ясно, — сказал я. — Нам с тобой, Алиса, повезло: это сверхпопугай, всем попугаям попугай. Он запоминает сколько угодно слов, и притом сразу.

А тем временем говорун снова начал говорить по-русски:

— Слушай, Второй, мне нечего тебе подарить. Хочешь, бери моего говоруна. Он будет тебе напоминать о наших скитаниях — ведь у него в голове все умещается, до последнего слова. И ты знаешь, как его настроить на нужный текст.

Говорун ответил сам себе другим голосом:

— Спасибо, Первый. Мы еще увидимся...

Потом в горле говоруна что-то затрепетало, загудело, словно вдали поднимался в небо космический корабль.

— Папа, ты понимаешь, что он говорит? — спросила Алиса.

— Кажется, да, — ответил я. — Кажется, это голоса знаменитых капитанов.

Мы вышли с площади и постарались обойти секцию филателистов, чтобы не проталкиваться с нашим необыкновенным грузом сквозь толпу. Навстречу нам кинулся знакомый толстяк в черном кожаном костюме.

— Ну как? — спросил он. — Нашли, что искали?

— Да, — ответил я. — Все в порядке.

— Мы говоруна купили, — сказала с гордостью Алиса. — И он запомнил такие интересные вещи, что вы и не представляете.

В этот момент говорун снова открыл свои клювы, расправил коронку на голове и заговорил голосом Первого капитана:

— Ты же знаешь, Второй, как мне хочется снова уйти в космос. Но всему есть предел.

Толстяк обернулся к Алисе, увидел говоруна, и лицо у него стало похожим на плоский блин, а глаза побелели и спрятались глубоко в глазницах.

— Уступите его мне, — сказал толстяк.

— Почему? — удивился я.

— Так надо, — сказал толстяк и протянул руку к говоруну.

Говорун изловчился и больно клюнул его в палец.

— Ой! — крикнул толстяк. — Проклятая тварь! Я давно за тобой охочусь!

— Уберите руку, — сказал я.

Толстяк опомнился.

— Извините, — сказал он. — Я давно ищу говоруна. Я специально за ним прилетел за восемьдесят световых лет. Вы не можете мне отказать! Я заплачу, сколько вы хотите.

— Но мне не нужны ваши деньги, — сказал я. — У нас на Земле вообще уже нет денег. Мы берем их с собой, только когда летим в космос, в те места, где еще есть деньги.

— Но я вам дам за эту птицу все, что вы хотите! Я вам подарю целый зоопарк!

— Нет, — ответил я твердо. — Насколько я понимаю, говорунов уже почти не осталось. В зоопарке он будет в безопасности.

— Отдайте, — сказал толстяк злобно. — А то отниму.

— Только посмейте! — сказал я.

Мимо проходили два полицейских-ушана. Я обернулся к ним, чтобы позвать их на помощь, но толстяк как сквозь землю провалился.

Мы пошли дальше.

— Видишь, папа, с говорунами связана какая-то тайна, — сказала Алиса. — Ты никому его не отдавай.

— Не бойся, — успокоил я ее.

Мы шли по пустынной дороге. За невысокой изгородью шумел рынок. Впереди уже виднелись гостиницы города Палапутры. Вдруг сзади послышались легкие шаги. Я быстро обернулся и замер от удивления.

По дороге бежал, догоняя нас, доктор Верховцев. Шляпа его была сдвинута набок, костюм измят, и на вид он был еще худее, чем прежде.

— Профессор, — сказал он мне, задыхаясь, — вам грозит страшная опасность. Как хорошо, что мне удалось вас догнать! Какое счастье!

— Что за опасность? — спросил я.

— Опасность кроется в говоруне. Если вы с ним не расстанетесь немедленно, ваш корабль погибнет. Я знаю точно.

— Послушайте, доктор Верховцев, — сказал я сердито, — ваше поведение более чем странно. Вы себя очень таинственно вели на планете имени Трех Капитанов и сказали нам, что не знаете, какая птица изображена на памятнике. Потом вы, как говорят, приехали сюда и пытались уничтожить весь кислород на планете, торгуя белыми червяками. Вы плохо вели себя в гостинице: варили сосиски на кровати и ломали роботов-стольников. А теперь требуете, чтобы мы отдали вам говоруна... Нет, не перебивайте меня. Когда вы одумаетесь, приходите к нам на корабль, и там мы поговорим в спокойной обстановке.

— Вы пожалеете, — сказал Верховцев и сунул руку в карман.

Индикатор покраснел от страха. Паук-ткач-троглодит замахал на Верховцева недовязанным шарфом.

— Осторожнее, папа, у него пистолет! — крикнула Алиса.

— Полосков! — сказал я в микрофон, висевший у меня на груди. — Засеки мои координаты! Мы в опасности! Срочно на помощь!

Услышав мои слова, Верховцев замер, раздумывая. На наше счастье, на дороге

показалась большая толпа коллекционеров, которые волокли упиравшегося зеленого слона. Верховцев перемахнул через загородку и исчез.

— Ой, как мне все это нравится! — сказала Алиса. — Какие настоящие приключения!

А мне, честно говоря, не очень нравятся такие приключения. Ведь мы ехали собирать животных для зоопарка, а не воевать с доктором Верховцевым.

Через три минуты над нами повис катер с «Пегаса». Это Полосков прилетел на помощь. Катер медленно летел над нами до самого корабля, и мы добрались до него без всяких осложнений.

Глава 11. Курс к системе Медузы

Как только мы разместили зверей в клетки и накормили их, я прошел на мостик и послал телеграмму на базу разведчиков на Малом Арктуре. Телеграмма была такая:

«Проверьте, где находится доктор Верховцев. Мне кажется, что он не тот, за кого себя выдает».

Вечером пришел ответ с Малого Арктура:

«Доктора Верховцева на планете Трех Капитанов нет. Больше ничего пока сообщить не можем».

— Мы и без них знаем, что его нет на планете Трех Капитанов, — сказал, прочтя телеграмму, Полосков. — Он здесь.

Для говоруна мы сделали большую клетку и повесили ее в кают-компании. Говорун весь день бормотал что-то на незнакомых языках и никак не хотел изобразить кого-нибудь из капитанов. Но Полосков все равно поверил нам с Алисой и сказал:

— Я тоже думаю, что это тот самый говорун, который принадлежал Первому капитану и которого Первый капитан подарил Второму, когда они расстались.

— А не может так быть, — спросила Алиса, — что Верховцев специально гонялся за всеми говорунами, потому что хотел заполучить этого самого говоруна?

— Но зачем ему говорун? — спросил я.

— Как — зачем? Мы знаем, что Второй капитан пропал без вести. И никто не знает, где он. Мы знаем, что у него был говорун...

— Правильно! — сказал механик Зеленый. — Конечно! Наша девочка совершенно права. Капитана нет, а говорун здесь. Значит, говорун знает, где капитан. И Верховцев хочет это узнать.

— Так почему он делает из этого тайну? — спросил я. — Мы бы ему с удовольствием помогли.

Послышался стук. Кто-то пришел к нам.

Я отправился к люку и раскрыл его. На трапе стоял толстяк в черном кожаном костюме.

— Простите за беспокойство, — сказал он. — Я хотел извиниться за мое поведение на рынке. Но мне так хотелось получить живого говоруна, что я не удержался.

— Ничего, — ответил я, — мы не обижаемся. Только говоруна мы вам все равно не отдадим.

— Ну и не надо, — сказал толстяк весело. — Только я не хочу, чтобы вы обо мне плохо думали. Пожалуйста, не откажите мне в любезности, возьмите на прощанье от меня подарок.

Он протянул мне очень редкое животное: алмазную черепашку с Менаты. Панцирь этой черепашки сделан из настоящих алмазов и сверкает так, что глазам больно смотреть.

— Берите, не стесняйтесь, — сказал толстяк. — У меня их три.

Конечно, мне не стоило брать подарок от такого странного человека, надо бы поостеречься. Но ведь ни в одном зоопарке Земли нет алмазных черепашек! Пять лет мы

охотились за ней, и вот нашелся человек, который нам ее дарит.

— Не отказывайтесь, — сказал толстяк. — До свиданья. Может, еще увидимся. Запомните, меня знают на ста планетах и зовут Весельчак У.

И он затопал башмаками по трапу, спустился вниз и, подпрыгивая на ходу, направился к Палапутре.

Уже стемнело, оба солнца планеты сели почти одновременно, только с разных сторон горизонта, и потому над космодромом пылали два заката, один красивее другого. И я подумал, что все-таки нельзя думать о людях плохо. Вот толстяк, например, настоящий энтузиаст биологии. И не пожалел подарить нам такое редкое животное.

В очень хорошем настроении я вернулся в кают-компанию и показал моим друзьям подарок. Черепашку передавали из рук в руки, и все любовались причудливой игрой света на алмазах ее панциря.

— Куда дальше летим? — спросил Полосков после ужина.

— К склиссам, — сказала Алиса, — на планету Шешинеру.

— Ну что ж, — согласился я, — мы все равно туда собрались.

И вдруг говорун, до того сидевший смирно и глядевший, как мы пьем чай, снова заговорил.

— Ты собираешься лететь? — спросил он голосом Первого капитана.

— Да. Я полечу ему навстречу, — ответил говорун голосом Второго капитана.

— Ну ладно, Второй, если будет трудно, позовешь меня на помощь.

— Если смогу.

— Пришли говоруна. Он расскажет. Я знаю, как заставить его говорить. Ты ему передашь все подробности.

— Ну, до встречи.

— До встречи.

Говорун замолчал.

— Ну, ты слышал, Полосков? — спросила Алиса.

— Конечно, слышал, не кричи, — ответил Полосков и задумался.

Говорун покачал золотой короной, словно раздумывал, продолжать или нет. И вдруг сказал медленно и отдельно голосом Второго капитана:

— Держи курс в систему Медузы.

Мы ждали, не заговорит ли говорун снова. Но говорун закрыл глаза и сунул голову под крыло.

— Значит, Второй капитан попал в беду и послал говоруна за помощью, — сказала Алиса. — Как же заставить говоруна все нам рассказать?

— Погодите, — вмешался я. — Ну с чего вы решили? Ведь говорун не полетел на Венеру, где работает Первый капитан, а вернулся на родную планету. Значит, его никто никуда не посылал. Второй капитан мог просто погибнуть. И тогда говорун полетел домой.

— Все может быть, — сказал Полосков и поднялся из-за стола.

Он вышел из кают-компания и вернулся через пять минут, принес с собой карту Галактики. Он расстелил ее на столе, отодвинув чашки, и ткнул пальцем в край карты.

— Здесь, — сказал он, — находится система Медузы. Совершенно неисследована. В ней есть планеты. Я предлагаю лететь туда. Если капитан жив, то мы ему поможем. Если он погиб, мы, по крайней мере, будем знать, где это случилось.

— Но ведь он мог погибнуть в открытом космосе, — возразил я.

— Но что могло случиться с великим капитаном в открытом космосе?

— Взрыв корабля, например.

— А говорун остался цел?

— Ну, мало ли что может случиться!

Я молчал. В конце концов, у экспедиции были свои задачи, и неизвестно, есть ли вообще какие-нибудь животные в системе Медузы. Пока мы долетим до системы и вернемся обратно, пройдет все время, отпущенное на экспедицию. А ведь мы ничего не знаем, кроме того, что сказал говорун. Вдруг капитан побывал там, а погиб совсем в другой части Галактики? Об этом я и сказал своим товарищам. Но чем дольше я говорил, тем меньше был уверен в своей правоте и тем больше понимал, что ни Полоскова, ни Алису я не убедил.

— Хорошо, — сказал я наконец, — попытка не пытка. Только сначала мы отправимся на Шешинеру. Надо же разобраться, кто такие склисссы.

— Добро, — согласился Полосков, водя пальцем по карте. — Это по дороге. Кроме того, мы сможем останавливаться по пути на других планетах и искать редких животных для зоопарка.

— Теперь спать, — сказал я. — Завтра с утра подъем и отлет. Все звери накормлены, напоены?

— Так точно, товарищ начальник экспедиции, — ответила Алиса, которая отвечала за кормление зверей.

— А где алмазная черепашка? — спросил я.

— Только что здесь была, — сказал Полосков. — Где же она?

Мы потратили целый час, облазили весь корабль и нашли алмазную черепашку только с помощью индикатора, который отыскал ее у самого люка.

— Видно, убежать хотела, — сказал Зеленый. — Я же предупреждал. За этими черепашками глаз да глаз.

Индикатор пожелтел.

Я вытащил табличку цветовых чувств индикатора, которую дала мне двухголовая змея, и сказал:

— Желтый цвет — недоверие.

— Не веришь черепашке? — спросил Зеленый у индикатора. — Я тоже.

Индикатор стал таким желтым, что даже свет ламп померк.

— Ну ладно, — сказал тогда я. — Запрем ее в клетку.

Индикатор оставался таким же желтым, но по спине его поплыли черные полосы. Таблица сообщила нам, что черные полосы на желтом фоне означают несогласие.

— Ну хорошо, — сказал я. — Если ты такой недоверчивый, мы ее на ночь закроем в сейф.

И тогда индикатор стал счастливого темно-зеленого цвета.

Глава 12. Такое печальное изобретение

Когда «Пегас» подлетал к планете Шешинеру, посылок и грузов в нем заметно поубавилось. Можно было ходить по коридорам и не наткаться на мешки, ящики и контейнеры.

Мы миновали уже треть Галактики и оказались в таких местах, куда не заходят рейсовые лайнеры с Земли.

Планета Шешинеру лежит в стороне от больших путей. Ее животный мир небогат — еще триста лет назад она была голой и необитаемой, но потом сюда прилетели колонисты с Розодора и сделали на ней искусственную атмосферу, посадили сады и соорудили газоны.

Мы бы не стали тратить время на посадку, но доктор Верховцев еще на планете Трех Капитанов сказал нам, что слышал о том, что на планете Шешинеру живет зверь по имени склисс.

«Пегас» опустился на планету глубокой ночью, в стороне от тусклых огоньков небольшого города. Садились мы тихо, чтобы не разбудить горожан и не испугать их: на Шешинеру редко прилетают корабли и некоторые шешинерийцы их вообще не видели.

Двигатели смолкли, механик Зеленый расчесал бороду и лег спать, капитан Полосков остался на мостике, чтобы внести поправки в устаревшую навигационную карту, Алиса писала письмо бабушке, надеясь отправить его с Шешинеру, а я спустился в первый трюм, чтобы выбрать пустую клетку для склисса и накормить зверей.

На корабле было тихо и тепло. Я почти беззвучно шел по мягкому ковру и думал о том, что надо будет запастись на Шешинеру водой и достать шерсти для паука-ткача-троглодита. Ветвистый кустик поджидал меня за углом, и я сказал ему:

— Спать сейчас же! А то завтра не полью.

Кустик в ужасе взмахнул листочками и зашуршал, втискиваясь в свой отсек.

Вдруг я услышал негромкое чавканье. Кто-то залез на склад, где хранились оставшиеся посылки. Я остановился и прислушался. Неизвестно, кто из зверей вылез из клетки, — ведь не всякого возьмешь голыми руками.

Я осторожно заглянул в приоткрытую дверь склада. Пусто. Но чавканье стало слышней. Я вошел в отсек. Чавканье доносилось из-за двери запертого шкафа-холодильника. Там хранились ананасы.

Меня удивило, что ключ торчит снаружи — никто не мог забраться в холодильник и запереть себя без ключа.

Я медленно протянул руку к ключу, повернул его и распахнул дверь.

В шкафу, дрожа от холода, сидел небольшой зеленый человек и грыз остренькими зубками ананас.

Человек в ужасе поднял глаза и прижал ананас к груди.

— Вы не смеете, — сказал он.

— Хоть бы очистили ананас, — ответил я. — И вообще, как вы сюда забрались?

— Поужинать не дадут спокойно! — сказал человек и исчез вместе с ананасом.

Я протер глаза. Холодильник был пуст. Трех ананасов на полках не хватало. Кто-то дотронулся до моей ноги, и я от неожиданности подпрыгнул.

Оказалось, это все тот же беспокойный кустик бродит по трюму.

— Немедленно спать! — крикнул я на него, хотя никогда не кричу на животных и растения.

Кустик подобрал ветки и бросился наутек.

Я снова взглянул на холодильник. Спиной ко мне стоял зеленый человек и пытался, поднявшись на цыпочки, стащить с полки большой ананас.

— Стой! — крикнул я.

Человечек оглянулся, и я понял, что это вовсе не тот же самый похититель, который три минуты назад жевал ананас.

— Не волнуйтесь, — сказал человечек, — я имею разрешение.

И он тут же исчез, унося ананас.

Таких чудес я никогда еще не видел. У меня даже голова закружилась. Я глупейшим образом заглянул в холодильник, будто кто-то мог скрываться там, в глубине.

В тот же момент меня толкнули, на полке стоял третий зеленый человек.

— Не мешайте, — сказал он, — зашибу. — И тут же потянулся за ананасом.

— Ну, уж это черт знает что такое! — возмутился я. — Вы откуда?

— Я здесь живу, — ответил человечек, взял ананас и растворился в воздухе.

Это было выше моих сил. Я нажал на кнопку телефона и вызвал Полоскова.

— Гена, — сказал я, — ты не спишь?

— Нет, — ответил капитан. — Работаю. А что у тебя с голосом?

— С голосом? Ничего.

— Он дрожит, как заячий хвост. Что-нибудь случилось?

— Скажи, Гена, люк в корабль задраен?

— Конечно, задраен. Ведь никто не выходил.

— А Зеленый спит?

— Спит. И Алиса спит. Я только что проверял. Алиса писала письмо, писала и заснула на половине. А что произошло?

— Скажи, в каких случаях людям мерещатся зеленые человечки?

— Маленькие? — спросил деловито Полосков. — На плече сидят? С хвостиками? Где-то я об этом читал. В старой книге.

— Нет, — ответил я, — довольно большие, без хвостов, едят ананасы. Вот! Вот он! Четвертый!

И в самом деле, еще один похититель возник в холодильнике, подмигнул мне и исчез.

— Иду! — сказал Полосков обеспокоенно. — Ничего не предпринимай. Держи себя в руках.

К тому времени, когда Полосков прибежал в трюм, на полках оставалось меньше половины ананасов, и сразу два зеленых человечка подсаживали друг друга, чтобы забраться на верхнюю полку холодильника.

— Нет, — сказал Полосков, — ты их не пугай. Это, наверно, не галлюцинация.

— Какая еще галлюцинация! — обиделся человек. — Можете потрогать.

— Некогда — прервал его второй.

— Привет Алисе, — сказал первый.

И они исчезли, чтобы уступить место еще одному.

— Алиса на самом деле спит? — спросил я у Полоскова.

— Спит.

— А откуда они могут о ней знать?

— Ума не приложу. Сумасшедший дом какой-то!

В холодильнике было пусто. Никто больше не появлялся.

— Давай закроем туда дверь, — сказал Полосков. — Так спокойнее.

Я захлопнул дверь в холодильник.

— Откуда они могут знать об Алисе? — повторил я. — Опустились мы сюда час назад, никто из нас наружу не выходил...

Мы долго не спали с Полосковым, старались придумать объяснение странному явлению. Но так ничего и не придумали. Проверили еще раз запоры на люках, обошли корабль. Пусто, тихо, мирно.

На всякий случай я лег спать в каюте Алисы. Спать было неудобно, потому что коврик на полу был жесткий, а под голову пришлось подложить Алисины резиновые ласты.

К счастью, я успел встать раньше, чем проснулась Алиса, и потому, когда она открыла глаза, я уже как ни в чем не бывало сидел в кресле и листал «Справочник по определению обитателей Галактики».

— Ты что здесь делаешь? — спросила Алиса.

— Да так, зашел поглядеть в твоей библиотеке, как выглядят местные жители.

— А почему ты непричесанный?

Я захлопнул книжку — потом погляжу — и поспешил в каюту привести себя в порядок.

Там, моясь, я чуть было не убедил себя, что никаких зеленых человечков и не было, все это мираж, сон и наваждение.

С такой мыслью я и спустился в трюм заглянуть в холодильник.

Холодильник был раскрыт, абсолютно пуст — ни одного ананаса, — и перед ним стоял задумчиво Полосков.

— В общем, я полагаю, — сказал он, — что местные жители научились проходить сквозь стены, хоть это и противоречит всем законам природы.

— Нет, наверно, это не местные жители, — сказал я. — Наверно, мы подцепили в космосе какую-то паразитическую цивилизацию.

Тут в трюм вошла Алиса.

— Доброе утро, Полосков, — сказала она. — Куда вы дели ананасы?

— Их украли, — сказал Полосков. — И мы думаем, как наказать вора.

— Кого? — удивилась Алиса.

— Чертей зеленых, — ответил Полосков. — Вот бы мне до них добраться! Ведь подумать только, с какими глазами я появлюсь на Редвайте! Там ждут эти ананасы!.. Вот он, смотрите, ловите!

И в самом деле, в холодильнике вдруг обнаружился зеленый человечек; он окинул взглядом пустые полки и сказал, не глядя на нас: «Опоздал я», — и тут же растворился.

— Вот он, — повторил Полосков. — И даже не поймаешь.

— Так это местный житель, — сказала Алиса. — Я смотрела в книге, которую папа оставил на кресле.

— Ты уверена?

— Совершенно уверена.

— Тогда тем хуже для них. Немедленно посылаю жалобу в их правительство. Разве так встречают гостей? — Полосков сильно рассердился.

— Прости их, капитан.

— Нет, и не подумаю их прощать. Где телефон?

— Полосков, подумай, — взмолилась Алиса. — Это такие милые и добрые люди! Они не хотели красть ананасы. Так уж получилось. Нечаянно.

— Ты слишком добрая, Алиса, — возразил Полосков. — Сегодня ночью, не успели мы приземлиться, они уже забрались на склад и тащат ананасы, а через полчаса они возьмутся за остальные грузы.

— Полосков, — сказала Алиса твердо, — ты забыл, что проиграл мне спор? Желание?

— Помню, — сказал Полосков.

— Так вот, мое желание — прости им ананасы.

И в этот момент за стенами корабля раздался страшный шум. Настолько страшный, что он проник сквозь обшивку. Мы забыли обо всех зеленых человечках и со всех ног бросились к трапу. На ходу Полосков успел нажать кнопку тревоги, и в коридорах замигали красные лампочки.

Полосков распахнул верхний люк, и с высоты третьего этажа мы выглянули наружу.

Вставало тусклое, огромное, красное солнце. По небу быстро неслись длинные сизые облака. Вся поляна перед «Пегасом» была заполнена зелеными человечками. Они размахивали флагами, платками, раскачивали транспаранты со словами «Добро пожаловать» и кричали хором и вразнобой:

— С прие-ез-дом!.. Здрав-ствуй, Али-са!.. Спа-сибо!.. Ур-р-ра-а-а-а!.. — и другие приветствия на своем непонятном для нас языке.

При виде Алисы радости их не было предела. Казалось, что небо обрушится на землю.

Несколько зеленых человечков в мгновение ока оказались у люка, подхватили Алису, и не успел я ахнуть, как они исчезли вместе с ней, чтобы появиться в самой гуще толпы. И Алису на высоко поднятых руках понесли к городу, белеющему на горизонте.

Отставший от остальных пожилой зеленый человечек подождал, пока мы спустимся по трапу вниз, и тогда поздоровался и сказал:

— Очевидно, вам не все понятно, дорогие гости.

— Не все понятно, — сказал Полосков.

— С Алисой ничего не случится? — спросил я.

— Ровным счетом ничего. Разрешите объясниться?

— Конечно.

— Вы присаживайтесь на траву, земля теплая, не простудитесь.

Мы послушались пожилого зеленого человечка, и он рассказал вот что.

Еще довольно недавно планета Шешинеру ничем не отличалась от прочих захудалых провинциальных планет Галактики. Но лет десять назад один шешинериец изобрел средство — таблетки, которые позволяли путешествовать во времени на год-два в любую сторону. Сначала всю планету охватила великая радость, все бросились глотать таблетки и путешествовать туда-сюда. Но через несколько недель наступило горькое похмелье.

Один отправлялся в будущее и там узнавал, что от него уйдет жена или что его дом обкрадут. Другой отправлялся в прошлое, чтобы исправить совершенную там грустную ошибку, но исправить ее не мог, а мог ее лишь повторить. Если ты подозревал кого-то в обмане, ничего не стоило вернуться в тот день и проследить за своим недоброжелателем. Если ты боялся, что умрешь от какой-нибудь болезни, ничего не стоило съездить в будущее и посмотреть, не обманули ли тебя врачи. И постепенно люди стали бояться будущего — туда никто уже не ездил. Зато все зачастили в прошлое. У каждого человека есть какие-то приятные воспоминания. И вот он отправляется в прошлое, чтобы еще раз пережить приятный момент. Потом снова едет туда же, снова и снова... До бесконечности.

— Пойдемте в город, — сказал пожилой зеленый человечек, — и вы увидите, к чему все

это привело.

Мы последовали за ним в город. Город был запущен, замусорен. Торжественная процессия с Алисой ушла куда-то вперед, и на улицах лишь изредка встречались прохожие. На нас они не обращали внимания, но время от времени кто-нибудь из прохожих исчезал. Другой мог возникнуть посреди улицы, подумать о чем-то и вновь исчезнуть.

— Это они путешествуют во времени, — сказал наш спутник. — Настоящее их не интересует. Будущего они боятся. Никто не работает. Правительство пыталось запретить таблетки, но их так просто изготавливать, что каждый стал их делать у себя дома.

— Теперь мне понятно, — сказал я, — почему уже вчера ваши соотечественники знали и об Алисе и о прилете нашего корабля.

— Конечно. Они же попадали в ваш холодильник из будущего.

— И все-таки, почему такая радость по поводу приезда Алисы? — спросил Полосков. — Почему не по поводу моего, например, приезда?

— А очень просто, — сказал пожилой шешинериец. — Мы ведь очень незлобивые, мирные люди. И мы ценим доброе к нам отношение.

— Ну и что? Алиса же не знала о том, что вы залезете к нам в холодильник.

— Ах, какая наивность! — сказал укоризненно зеленый человечек.

Он растворился в воздухе и через три секунды появился снова с большим ананасом в руках.

— Я только что побывал в вашем холодильнике, — сказал он.

— Но там уже нет ананасов.

— Но я побывал там вчера ночью. Разве непонятно? Проще простого. Я сейчас улетаю в прошлое и вчера ночью взял из холодильника ананас. Но я не украл ананас, а взял его, потому что Алиса сегодня утром напомнила Полоскову, что она еще раньше выиграла у него желание и ее желание — отдать нам ананасы. Поэтому сегодня утром мы встречали Алису с благодарностью за то, что она разрешила нам брать ананасы вчера ночью...

— Я сойду с ума! — сказал Полосков. — Сначала было сегодня утро, потом была вчера ночь, и вы брали ананасы, которые еще нельзя было брать, потому что их потом можно будет брать...

— А у нас осталось в жизни так мало радостей, — сказал зеленый человечек, не слушая Полоскова. — И мы никогда раньше не пробовали ананасов. Я, например, теперь буду каждый день отправляться во вчерашний день, чтобы съесть ананас, который я съел вчера...

Мы некоторое время молчали, переваривали новости. Потом шешинериец вздохнул и сказал:

— Не могу больше. Я пошел в прошлое доедать ваш ананас.

— Стойте, — остановил я его. — У меня к вам деловой вопрос.

— Лучше и не спрашивайте, — сказал зеленый человечек. — Я же знаю, о чем вы спросите.

— Ах, да, — сказал я.

— Вы спросите о звере по имени склисс, из-за которого вы сюда прилетели.

— Конечно.

— Мы можем вам привести сто склиссов, но ведь вы откажетесь от них. Вот смотрите, один лежит за углом. Вы сейчас разведете руками и скажете: «Это же самая обыкновенная корова!»

Мы заглянули за угол. Там лежала корова.

Я развел руками и сказал:

— Это же самая обыкновенная корова!

— Вот видите.

Тут зеленый человечек попрощался с нами и ушел, вернее, исчез, потому что все жители этой планеты имели странное обыкновение растворяться в воздухе. И он не видел того, что случилось потом, и все его умение глядеть в будущее и прошлое не помогло. Потому что мы взяли эту корову, привезли ее в Московский зоопарк, и она до сих пор там — один из самых популярных экспонатов.

Как только наш зеленый проводник исчез, корова потянулась, медленно поднялась на ноги и развернула длинные перепончатые крылья, которые до того были обмотаны вокруг ее живота. Корова вздохнула, поглядела на нас большими печальными глазами, потрясла крыльями, смахивая с них пыль, оттолкнулась стоптанными копытами и перелетела через улицу. Летела она как корова — плохо и неумело, но ведь все-таки летела!

И тогда я спросил неожиданно появившегося рядом зеленого мальчишку:

— Это чья корова?

— Склисс? — спросил мальчишка.

— Ну да, чей это склисс?

— Да ничей, — сказал мальчишка. — Кому склиссы нужны? Их пасти совершенно невозможно — разлетаются. Так что вы берите, не жалко.

И мы отправились к «Пегасу», гоня перед собой склисса хворостиной. Склисс иногда взлетал в воздух, но быстро уставал и переходил на ленивую трусцу.

Потом к нам привязался еще один склисс, но мы его с собой брать не стали — и одного прокормить не так легко. Склисс долго, обиженно мычал и махал хвостом.

Алиса вернулась вскоре после нас, ей стало скучно с шешинерийцами. Да и они о ней быстро забыли — разлетелись кто в прошлое, а кто и в недалекое будущее.

Глава 13. Парализованные роботы

— Ну, теперь, — сказал Полосков, когда мы поднялись с планеты, на которой потеряли весь наш запас ананасов, — прямым ходом в систему Медузы. Никто не возражает?

Никто не возражал. Я хотел было возразить, но Алиса так на меня посмотрела, что я сказал:

— В полете кораблем распоряжается капитан. Как скажет Полосков, так и будет.

— Тогда нигде больше не будем задерживаться, — сказал Полосков.

Но через два дня нам пришлось задержаться и изменить курс.

Корабельная рация «Пегаса» приняла сигнал бедствия SOS.

— Откуда он? — спросил я Полоскова.

— Сейчас все узнаем, — сказал наш капитан, склоняясь над приемником.

Я уселся в свободное кресло на мостике, решил воспользоваться минутой, отдохнуть. Я с утра устал. У индикатора болел живот, и он менял цвета, как светофор на оживленном перекрестке. Паук-ткач-троглодит за недостатком сырья добрался до сонного снука в соседней клетке и состриг с него всю длинную шерсть, так что я снука и не узнал. Снук в результате простудился и кашлял на весь трюм. Пришлось соорудить изолятор. Говорун всю ночь бормотал на непонятном языке, охрип и скрипел как несмазанная телега. Пришлось его отпаивать горячим молоком с содой. Кустики перессорились ночью из-за сливовых косточек и самому маленькому обломали сучья. Алмазная черепашка прорезала острыми гранями панциря дыру в двери, ведущей в машинное отделение, и пришлось снова запереть ее в сейф.

Я устал, но знал, что так всегда бывает, когда везешь коллекцию редких зверей. Все эти болезни, неприятности, драки и конфликты ничто по сравнению с кормежкой. Правда, мне помогала Алиса, но она проспала, и утреннюю кормежку мне пришлось взять на себя.

Хорошо еще, что зверей пока было не очень много и в большинстве они могли дышать земным воздухом. Только под стеклянный ящик с бежевыми жуками пришлось подставить печку, потому что жуки привыкли жить в вулканах...

— Все ясно, — услышал я голос Полоскова.

О чем он? Ах да, я задумался и совсем забыл — ведь мы получили сигнал бедствия.

— Сигнал идет с планеты Шелезяка. Что же у них могло приключиться?

Полосков открыл последний том справочника планет и прочел вслух:

— «Планета Шелезяка. Открыта фиксианской экспедицией. Населена металлической культурой весьма низкого уровня. Есть предположение, что жители планеты — потомки роботов, спасшихся с неизвестного космического корабля. Отличаются прямодушием и гостеприимством. Однако очень капризны и обидчивы. Полезных ископаемых на планете нет. Воды тоже нет. Атмосферы нет. Ничего на планете нет. Если что и было, роботы все истратили и живут в бедности». Да, — сказал Полосков, — не очень интересная планета. Но что же у них случилось?

— SOS, — продолжал твердить радиоприемник. — У нас эпидемия. Просьба помочь.

— Придется свернуть с пути, — вздохнул Полосков. — Нельзя же оставлять в беде разумные существа.

И мы повернули к планете Шелезяка.

Только когда мы увидели из космоса серый, лишенный воздуха, гор и океанов шар планеты, Полосков наконец смог вызвать тамошнего диспетчера.

— Что у вас произошло? — спросил он. — Какую помощь мы можем вам оказать?

— У нас эпидемия... — проскрипел голос в динамике. — Мы все больны. Нам нужен доктор.

— Доктор? — удивился Полосков. — Но ведь у вас железная цивилизация. Может быть, выслать к вам механика?

— Можно и механика, — согласились с Шелезяки. — Но доктора тоже.

Мы спустились на ровное, пыльное и пустынное поле космодрома. Давно ни один корабль не снижался здесь.

Когда пыль осела, мы спустили трап и вывели вездеход. Полосков остался на корабле, а Зеленый, Алиса и я поехали к длинному, низкому, скучному зданию космовокзала. Ни души, ни тени вокруг. Если бы только что с ними не разговаривали, никто бы не догадался, что на планете есть живые существа. На дороге валялась отломанная, ржавая нога робота. Потом колесо с выломанными спицами.

Как-то грустно было ехать по такому запустению. Хотелось даже громко крикнуть: «Есть кто живой?»

Двери в космовокзал были раскрыты настежь. Внутри было также пустынно и тихо. Мы вышли из вездехода и остановились в дверях, не зная, куда отправиться дальше.

В большом сером динамике, подвешенном под потолком, послышалось шуршание, и уже знакомый скрипучий голос произнес:

— Поднимитесь по лестнице до маленькой черной двери. Толкните ее, и она откроется.

Мы послушались и нашли узкую лестницу. Лестница была крутая и такая же пыльная, как и все вокруг. Она кончалась маленькой черной дверцей. Я толкнул дверцу, она не поддалась. Может, заперта?

— Толкайте сильнее! — раздался голос из-за двери.

— Дай-ка мне, — сказал механик Зеленый.

Он нажал на дверь плечом, ухнул, и дверь с визгом растворилась. Зеленый не удержался и влетел внутрь.

— Так я и думал, — сказал он мрачно на лету и врезался в сидящего за столом металлического жителя планеты.

Робот был тоже покрыт пылью.

— Спасибо, что прилетели, — сказал робот, поднимая руку, чтобы помочь Зеленому подняться. — Я думал, что не захотите к нам прилететь. Не ожидал. Никто у нас не летает.

— Но у вас очень слабая станция, — сказал я. — Мы слышали ее только потому, что пролетали мимо. Это чистая случайность.

— А когда-то наша станция была сильнейшей в секторе, — сказал робот.

Тут что-то заурчало в его железном чреве, и он застыл с открытым ртом. Робот поводит руками и молча взывал о помощи. Я поглядел растерянно на Зеленого, и тот сказал:

— Врач здесь не нужен.

Он подошел к роботу и ударил кулаком ему под подбородок. Рот с лязгом захлопнулся, и робот сказал:

— Спаси...

Зеленому пришлось еще раз грубо обойтись с роботом. При этом он сказал:

— Попрошу вас широко рот не открывать. Не вечно же мне стоять с кулаком над вами.

Робот кивнул и продолжал говорить, лишь чуть-чуть приоткрывая рот, чтобы не заело.

— Я послал сигнал SOS, — сказал он, — потому что уже две недели меня никто не

приходит сменить на дежурстве. Я подозреваю, что всех моих земляков хватил паралич.

— А почему вы так думаете?

— Потому что у меня самого ноги отнялись.

— И давно вас поразила такая болезнь? — спросил я.

— Нет, не очень, — сказал робот. — У нас вообще в последние годы были перебои со смазкой, но все-таки мы кое-как обходились. А после того как на нас рассердился один человек и проклял нас страшным проклятием, жуткий, таинственный паралич начал губить нас от мала до велика. И вот я, боюсь, последний более или менее здоровый робот на всей планете. Но паралич подбирается уже к сердцу. И, как видите, даже челюсть заедает.

— Ну-ка, дайте я посмотрю. Может, все-таки вы забыли смазку обновить, — сказал с подозрением Зеленый.

Он подошел к роботу и откинул крышку у него на груди, сунул внутрь палец, и робот захихикал:

— Щекотно!

— Потерпите, — строго сказал механик. Он проверил у него шарниры на ногах и руках, выпрямился и сказал, вытирая платком руки: — Смазка есть. Ничего не понимаю!

— И мы ничего не понимаем, — согласился робот.

Мы поехали в город. Мы заходили в дома — длинные скучные помещения с рядами одинаковых нар. На нарах лежали одинаковые роботы, покрытые пылью. На лбах их горели индикаторные лампочки. Это значило, что роботы живы. Роботы крутили глазами, но пошевелиться не могли. Наконец, так ничего и не поняв, мы вернулись на космовокзал и положили в вездеход тяжелого дежурного робота. Он хоть еще говорил. И мы отвезли его на «Пегас», чтобы разобрать его там и проверить, что за странная эпидемия поразила планету.

Робот сам помогал нам его развинчивать, давал советы, какую гайку крутить, на какую кнопку нажимать. Был робот запущен, грязен, но никаких особенных повреждений отыскать мы в нем не смогли. Вообще-то служебные роботы этого типа, давно снятые с производства в Галактике, строились на века и приспособлены были работать и в глубоком космосе, и в вулканах, и под водой, и под землей. Только их надо было время от времени смазывать, но это они сами отлично умели делать.

Наконец на большом рабочем столе в нашей лаборатории мы разложили части робота, а его голову положили отдельно, в углу, и подключили ее к корабельной электросети.

— Ну что? — спросила голова робота, когда Зеленый кончил разборку его тела.

Зеленый пожал плечами.

— Что же теперь делать? — спросила голова тихо. — Ведь погибает целая цивилизация.

— Придется послать радиogramму на Землю или на какую-нибудь другую большую планету, — сказал я. — Пусть пришлют оттуда специальную экспедицию и специалистов по болезням роботов.

— Ну какие у нас могут быть болезни! — воскликнула голова робота, и рот остался открытым.

Пришлось мне подойти и стукнуть его по подбородку.

— Благодарю вас, — сказал робот. — Но оставлять нас без присмотра жалко. Ведь представьте себе, ни одного подвижного существа на целой планете. Первый же ливень или наводнение всех нас погубит безвозвратно — ведь мы даже не можем вытереться.

— Но послушайте, — сказал я, — мы же не можем оставаться у вас, пока не придет

помощь!

— Но разве у вас важное дело? — спросила голова робота.

Я не успел ответить, потому что Зеленый сказал:

— Чем черт не шутит. Попробую смазку сменить. Можно вас машинным маслом смазать?

— Если хорошее масло, то можно, — ответила голова робота.

И тогда Зеленый начал протирать все детали и части робота и смазывать их нашим маслом.

А между тем робот спросил снова:

— А что у вас за дело?

— Мы собираем животных для Московского зоопарка, — сказал я. — Редких животных. Мы должны как можно скорее закончить экспедицию и вернуться домой. Ведь это очень сложно — везти с собой целый зоопарк.

— Но если вы нам поможете, — сказала голова робота, — мы вам дадим наших животных. Таких нигде больше нет.

— А что это за животные?

И тогда робот рассказал.

Когда-то, много лет назад, на этой планете потерпел аварию автоматический космический корабль, на борту его было несколько универсальных роботов. Они остались живы и построили себе хижину из обломков корабля. Потом они нашли на планете залежи железа и других металлов, нашли уран и много других полезных ископаемых. И тогда роботы начали строить себе детей, и мало-помалу роботов на планете развелось очень много.

Но роботы хоть и мыслят, но не умеют заглядывать в будущее. В те времена на планете были вода и воздух, трава и деревья. Но роботам дела не было до того, что творится вокруг. Они пользовались полной свободой и скоро понастроили на планете много заводов, и все заводы изготавливали роботов, а новые роботы строили новые заводы и изготавливали новых роботов. И так продолжалось до того дня, когда весь кислород на планете был израсходован в топках, все деревья были переведены на сараи для запасных частей, все звери перемерли, все горы были скрыты до основания и все моря израсходованы на охлаждение двигателей. Кончились и полезные ископаемые. Остались на голой планете только роботы — много миллионов одинаковых роботов, которым вдруг стало нечего делать.

Пришлось тогда роботам кинуть жребий, и тех, кому не повезло, разбирали на запасные части или меняли на смазочное масло с пролетающими мимо кораблями или со звездными бродягами. Так и жили роботы. Понемногу их становилось все меньше, но все равно на планете оставалось еще несколько миллионов бездельников. Решили было роботы построить космический корабль и полететь на какую-нибудь еще не заселенную планету, чтобы начать все дело сначала, но корабль построить они не смогли, потому что у них не было чертежей, а сами ничего изобретать они не умели. И так продолжалось до самого последнего дня. А потом на роботов напала странная эпидемия и всех их хватил паралич.

— Но о каких животных вы говорите? — спросил я голову робота.

— О роботных животных. Мы хотели, чтобы у нас все было как у людей. И когда мы поняли, что местные животные вымерли, потому что не смогли жить на пустой планете, мы сделали искусственных животных. Но потом нам стало не до них и мы решили разобрать животных на запасные части для роботов. Таких теперь не делают. Но животные

почувствовали опасность и убежали. До сих пор они бегают по ровным долинам планеты Шелезяка. И если вы нам поможете, мы поймаем для вас несколько совершенно необыкновенных железных животных.

— Спасибо, — сказал я голове робота, а сам подумал, что такие животные вряд ли пригодятся нашему зоопарку, каждый школьник на Земле может построить механическую черепаху или электронного ежа.

Пока мы разговаривали с головой робота. Зеленый вытер все его части и смазал их заново. Потом привинтил роботу руки-ноги и нажал на красную кнопку. Мы все с волнением ждали, что произойдет. Робот неуверенно приподнял руку, потом сделал шаг вперед. Нога послушалась его. Он сделал еще один шаг, взмахнул сразу обеими руками, наклонился вперед, потом назад и начал плясать. Никогда в жизни мне не приходилось видеть пляшущего робота. Он чуть не опрокинул стол, чуть не отдал мне ногу, и казалось даже, что робот от радости смеется.

Наплясавшись вдоволь, робот крикнул:

— Спаси... — и замер.

Ведь в голове-то смазку ему не меняли.

Но на этот раз механик Зеленый не стал бить его кулаком по подбородку. Он просто влил ему в раскрытый рот банку масла.

Робот захлебнулся, что-то заклокотало у него внутри, рот закрылся, открылся вновь, и робот музыкальным, звучным голосом запел песню «Нам не страшен серый волк», которую, видно, подслушал когда-то очень давно.

— Значит, все дело в смазке, — сказал робот, немного успокоившись. — Но ведь она была почти свежая. Мы ее меняли.

Зеленый, не сказав ни слова, набрал на стеклышко старой, снятой с робота смазки и отошел к микроскопу.

— Все ясно, — сказал он через минуту. — Надо было догадаться с самого начала. В смазке завелись бактерии, которые превращают масло в наждачный раствор. Интересно, как же эти бактерии могли попасть в ваше масло?

Робот задумался. Мы все вместе перешли в кают-компанию, чтобы продолжить разговор. Робот все думал. Мы разлили себе чай, а перед роботом поставили баночку с подсолнечным маслом — большим лакомством для роботов. Робот рассеянно выпил баночку и продолжал думать.

Вдруг над его головой проснулся говорун. Он увидел нашего гостя и, широко раскрыв клюв, запел:

— «Нам не страшен серый волк...»

Причем пел он голосом робота.

Мы очень удивились. Только робот не удивился. Он поднял голову и сказал говоруну:

— Здравствуй, птица. Как ты себя чувствуешь?

Но говорун продолжал петь, размахивая крыльями, потому что ответить он ничего не мог — говоруны не очень умные птицы.

— Вы знаете говоруна? — спросила Алиса.

— Знаю, — ответил рассеянно робот. — Я сам его ремонтировал.

— Как же вы могли отремонтировать живую птицу? — удивилась Алиса.

— Несколько лет назад, — ответил робот, — эта птица прилетела на нашу планету из космоса. У нас в то время уже было мало воздуха и совсем не осталось местных животных.

Но говоруну, если вы знаете, не обязателен воздух. Он может перелетать между планетами и не дышать по нескольку недель и даже месяцев. Но этот говорун еле-еле долетел до нашей планеты. Кто-то напал на него в пути и тяжело ранил птицу. Мы выходили говоруна, откармливая его смазочным маслом, но одно крыло ему пришлось отрезать и заменить протезом.

— Не может быть! — воскликнул я. — Неужели мы не заметили бы этого?

— Посмотрите, — ответил с гордостью робот. — Мы очень хорошие мастера.

Я поднялся и подошел к говоруну. Птица словно догадалась, что мне нужно, и расправила правое крыло. Я ощупал его. Под перьями был металл. Робот сказал правду.

— Вот видите — сказал робот торжественно. — Даже вы не заметили.

— А что было с птицей потом? — спросила Алиса.

— Она прилетела к нам с системы Медузы, — сказал робот. — За ней кто-то гнался и хотел убить. Пока мы чинили птицу, она нам много рассказывала, и мы поняли, что кто-то потерпел аварию или попал в беду на одной из планет системы Медузы и птица спешит рассказать об этом другу того, кто попал в беду. Мы бы сами помогли, но у нас не было космического корабля.

— И вы отпустили птицу?

— Отпустили, — сказал робот. — Но мы старались ей объяснить, что она не долетит до того сектора Галактики, куда так спешила. Хоть искусственное крыло и не отличается от настоящего, очень далеко на нем не улететь. Но, к сожалению, птица нас не поняла. Она не очень умная птица. Но мы знали, что неподалеку от нас находится планета Блук, родной дом говорунов. И мы подумали, что говорун сможет долететь до дому. С тех пор я его не видал.

— Вот видишь! — сказала мне Алиса. — Теперь ты не сомневаешься, что Второй капитан был жив и послал птицу за помощью?

— Но с тех пор прошло четыре года, — ответил я. — Значит, он погиб.

— Но я должен рассказать вам, — произнес робот, — о странном событии. Оно произошло совсем недавно. Месяц назад. Как раз за три дня до начала эпидемии. Я бы не вспомнил о нем, если бы не увидел говоруна... К нам на планету спустился небольшой черный корабль. С него сошел человек в шляпе. Мы думали, он хочет выменять у нас лишних роботов, но оказалось, что его корабль сломался и ему нужна была наша помощь... Мы с удовольствием помогли этому человеку...

— Это был доктор Верховцев, — прошептала Алиса.

— А когда его корабль был готов к полету, мы спросили его, не даст ли он нам смазочного масла или свежих газет в награду за работу. Но этот человек в шляпе очень грубо ответил нам, что мы ничего не получим. И мы должны быть ему благодарны, что он оставил нас в живых. И тогда я сказал ему: «Стыдно, пришелец! Я понимаю, что, когда мы помогли безмозглой птице говоруну и починили ему крыло, а он ничего не дал нам взамен, в этом нет ничего удивительного. Но вы — разумное существо и по внешнему облику происходите с Великой Земли. Стыдно!» А он тогда спросил: «Какому говоруну вы чинили крыло?» Я сказал, что это было почти четыре года назад и совсем не относится к делу. Но он настаивал, и я рассказал ему историю о раненой птице. Вы бы видели, как он разгневался! Он проклинал нас за то, что мы помогли этой птице, и, когда узнал, что она полетела на планету Блук, с проклятиями начал собираться в обратный путь. «Придется, — говорил он, — тратить время на проклятую птицу. А то еще проговорится». А ночью его видели у главной цистерны...

— Какой цистерны?

— Все ясно! — сказал робот. — Он подходил к главной цистерне со смазочным маслом! Он плохой человек, и он мог подсыпать в нее вредных бактерий...

Мы сказали роботу, что бактерии могли попасть на планету и другим путем, но робот мотал головой и ни о чем и слышать не хотел.

На прощанье мы дали роботу бочку со смазочным маслом, чтобы он мог привести в порядок хотя бы десяток роботов, и обещали, что, как только выйдем в космос, сразу пошлем радиogramму на ближайшую планету, чтобы оттуда роботам прислали корабль с маслом.

Когда робот ушел, мои друзья взволновались.

— Скорее, — торопили они меня, — скорее в путь! Мы можем еще спасти капитана! Теперь уж нет никаких сомнений, что он попал в беду и доктор Верховцев очень боится, что кто-нибудь узнает правду.

— Мне вообще стыдно за землян, — сказал мрачно Зеленый. — И пока мы не разгадаем эту тайну, я не смогу глядеть в глаза инопланетцам. Если среди жителей Земли нашелся такой подлый человек, наш долг — его найти и обезвредить. И в этом нам поможет Второй капитан, которого мы обязательно найдем. А звери подождут.

Я вздохнул и согласился, потому что и Алиса и Полосков были совершенно согласны с Зеленым.

— Ладно, — сказал я. — Подчиняюсь большинству. Хотя и считаю, что ваши надежды основаны лишь на слухах и никакого Второго капитана мы в системе Медузы не найдем. Но как только мы убедимся, что произошла ошибка, то мы немедленно возвращаемся в центр Галактики и спешно собираем животных.

— Готовить корабль к отлету! — сказал Полосков твердым голосом. — Зеленый, спуститесь в машинное отделение. Заводите супердвигатели.

Я подошел к иллюминатору, чтобы кинуть последний взгляд на пустынную планету, которую загубили, не подумав о том, что творят, деловитые роботы. И тут увидел, что к «Пегасу» по пыльному полю бежит наш знакомый робот. Он что-то нес в руках.

Я встретил робота у трапа.

— Держите зверей, — сказал он. — Только обязательно смените смазку. Пока что они все парализованы.

Он высыпал к моим ногам груды каких-то металлических вещей.

— До свиданья, — сказал он, глядя, как я убираю трап. — Если найдете этого вредителя в шляпе и не будете знать, что делать, отдайте его нам. Мы его смажем испорченной смазкой.

Робот засмеялся и зашагал по пыли.

Пока корабль разгонялся до космической скорости, я сменил смазку металлических зверей. Все-таки любопытно мне было поглядеть, какие робото-зверята водились на этой планете. И когда через два часа в лабораторию заглянул Зеленый, он чуть в обморок не упал от удивления. По полу лаборатории бегали зверьки на колесиках. Они пищали, дрались между собой и пытались карабкаться по стенам. Звери были страшенькие, но чем-то походили на мышей и кошек. Видно, когда роботы их строили, они вспомнили о настоящих кошках и мышах.

Я посадил робото-зверушек в железную клетку, но они иногда из нее вылезали и гонялись по коридорам за алмазной черепашкой.

Глава 14. Погоня за леди Винтер

Система Медузы затерялась на самом дальнем конце нашей Галактики. Вокруг большой, с длинными, как спутанные волосы, протуберанцами звезды крутится всего три планеты. Первая, самая близкая от звезды, раскалена настолько, что стало ясно — делать нам там нечего.

Мы подлетели ко второй планете.

Планета была пустынная, мрачная. Солнечные лучи отражались от блестящих сизых скал, отражались от асфальтовых озер, отражались от редких голых деревьев. Над планетой дул вечный ветер.

— Ну как? — спросил я у говоруна. — Это та планета или нет?

Говорун склонил голову набок и ничего не ответил.

— Пап, — сказала Алиса, подойдя к иллюминатору в кают-компании, — ты не умеешь с ним разговаривать. Он тебя боится.

— А тебя не боится?

— Меня никакие звери не боятся, — сказала Алиса. Она держала на руках металлическую кошку на колесиках, и кошка все норовила лизнуть Алису в нос холодным масляным языком. — Говорун, милый, скажи нам, ты своего хозяина на этой планете оставил?

Говорун прислушался к словам Алисы и ответил голосом Второго капитана:

— Остерегайся миражей. Не доверяй им. Но присматривайся внимательно.

— Ну вот, глупая твоя птица, — сказал я в сердцах. — Ее о планете, а она о миражах!

— Посмотрим, — ответила Алиса.

За иллюминатором пошел дождь. Дождь был несильный, но от ветра струи дождя изгибались и стегали по обшивке «Пегаса». Даже смотреть на эту планету было неуютно. Наступал тоскливый, долгий вечер.

— Ладно, — сказал Полосков. — Все равно сегодня уже поздно вылезать наружу. Давайте ужинать и спать.

После ужина Алиса загнала металлических котят в клетку, взяла книгу и уселась на диванчик в кают-компании. Я в который раз отправился искать сбежавшую алмазную черепашку, чтобы она чего-нибудь не натворила. Полосков с Зеленым тоже занялись своими делами.

Так прошло часа два-три. Я вернулся в кают-компанию. Алиса все еще читала. В кают-компании было уютно и тепло и особенно приятно, потому что за иллюминатором все так же выл ветер, хоть дождь и перестал.

Я подошел к иллюминатору и поглядел в полумрак. Равнина была скудно освещена двумя большими лунами. И вдруг я застыл от изумления.

По долине к нашему кораблю медленно шли несколько человек. Это были именно люди, без скафандров, в странной одежде. Они были заняты разговором между собой и, казалось, совсем не замечали корабля. Я сказал тихо:

— Алиса, смотри.

Алиса бросила книгу на диван и подбежала ко мне.

Люди подошли поближе, и можно было разглядеть, что они одеты в камзолы, на головах у них широкополые шляпы, а поверх камзолов — короткие широкие плащи. Четверо были мужчинами. За ними медленно, словно нехотя, шла женщина с пышной прической и в

широком платье до земли. Мужчины оживленно разговаривали, женщина молчала.

— Алиса, это не галлюцинация? — спросил я, не веря собственным глазам.

— Нет. — ответила Алиса. — Не спугни их. Я их знаю.

— Селезнев! — загремел вдруг над ухом динамик. — Селезнев, ты не спишь?

Я узнал голос Полоскова.

— Ты где? — спросил я.

— На мостике. Погляди в иллюминатор. Ты что-нибудь понимаешь?

— Гляжу, — ответил я, — и ничего не понимаю. Откуда здесь быть людям?

— А я понимаю, — сказала Алиса. — Я этих людей знаю.

Я обернулся к ней. Может, Алиса бредит?

— Неужели ты не узнаешь, папа? — удивилась Алиса. — Ну ладно, ты, может быть, забыл эту женщину, но второго человека справа ты должен знать!

— Да нет же! — ответил я. — Говори, не томи!

— Второй справа — это Портос, — сказала Алиса. — Видишь, он наклонился к д'Артаньяну, слушает его. Наверно, они решили все-таки казнить леди Винтер.

— Какую еще леди Винтер! — закричал я. — Я с ума сойду! Откуда здесь Портос?

— Не знаю, — сказала Алиса. — Но это они. Это же мушкетеры короля. Если бы это были гвардейцы кардинала, мы бы с тобой их сразу отличили.

— Полосков, ты слышишь? — спросил я.

— Слышу, — сказал Полосков спокойно. — По-моему, Алиса совершенно права. Гвардейцев кардинала мы бы с тобой сразу отличили от мушкетеров короля.

Между тем четыре мушкетера подошли к самому кораблю. Я прижал нос к иллюминатору, чтобы посмотреть, что они будут делать дальше. Мушкетеры остановились, и один из них, по-моему Арамис, красавчик с тонкими усиками, изящно взмахнул рукой, прося леди Винтер идти вперед.

— Очень интересно, — сказала Алиса, встав на цыпочки, чтобы удобнее смотреть вниз. — Казнят они ее или нет? Ты как думаешь, папа?

— Я уже ничего не думаю, — ответил я. — Полосков, может трап спустить?

И тут мушкетеры пошли дальше, вошли в стену корабля и исчезли.

— Они сквозь стены ходят, — услышал я растерянный голос Полоскова.

Капитана трудно удивить. Он видел в десять раз больше, чем удастся увидеть за жизнь обыкновенному человеку. Его не испугаешь ни Малым дракончиком, ни пузырями с Иелы, ни космическими пиратами. Но мушкетеров короля, проходящих сквозь стены «Пегаса», ему еще видеть не приходилось.

— Может, это тоже путешественники во времени, как на Шешинеру? — спросил я.

Алиса перешла на другую сторону кают-компания и заглянула в противоположный иллюминатор.

— Вот они, — сказала Алиса. — Я так и думала. Они прошли сквозь корабль и даже не заметили.

Я перебежал через кают-компанию. И в самом деле, мушкетеры как ни в чем не бывало уходили от корабля, и их шпаги поблескивали под светом двух лун. Они миновали скалу и скрылись в ущелье...

— Пошли на мостик, — сказал я Алисе. — Оттуда лучше видно.

— Пошли, — сказала Алиса и взяла с дивана книжку, которую читала весь вечер. Книжка называлась «Три мушкетера».

Я начал о чем-то догадываться.

— Дай сюда книжку, — сказал я Алисе.

На ходу я раскрыл ее. Раскрыл как раз на картинке, где был нарисован один из мушкетеров — д'Артаньян в плаще и при шпаге.

Когда мы взбежали на мостик, Полосков, стоявший у большого иллюминатора, поднял руку и поманил нас к себе.

За иллюминатором, посреди равнины, стояла тонкая березка, и под ветром ее листья трепетали, словно живые. Вокруг березки росла трава, и можно было увидеть у самых корней дерева шляпку большого подберезовика.

— Это что-то знакомое, — сказал Полосков задумчиво. — Где-то я это видел.

— Знаю где, — сказала Алиса. — Это любимая открытка Зеленого. Она висит у него над кроватью в каюте, и он всегда смотрит на нее и читает вслух стихи: «Идет-гудет Зеленый шум...»

— Миражи, — сказал Полосков.

— Да, — согласился я. — Конечно, это миражи. И говорун не ошибся, когда голосом Второго капитана предупредил нас о миражах. Но кто и почему их делает? Кому мы обязаны редким развлечением?

Береза растворилась в темноте, а с дальнего склона горы по направлению к «Пегасу» двинулась странная процессия. В ней были люди, фиксианцы, существа с неизвестных нам планет и звезд, роботы, звери. Толпа миражей окружила корабль, словно не замечая его. Они проходили сквозь него, растворялись, раздваивались, проходили друг сквозь друга.

— Пап, — сказала Алиса, — пойдем посмотрим на них вблизи.

— И отсюда видно, — возразил я. — Мы же не знаем их свойств. А вдруг они не такие уж бесплотные, как кажутся.

Мы долго смотрели на процессию призраков, а когда равнина опустела, Алиса снова начала канючить:

— Ну, пап, ну давай спустимся, еще не поздно. Вон, погляди, только один мираж остался — д'Артаньян.

И в самом деле, на опустевшую долину вышел одинокий мушкетер и начал задумчиво расхаживать неподалеку от корабля.

— Идите, — сказал тогда Полосков — Только далеко от «Пегаса» не отходите. А я буду смотреть, чтобы с вами чего-нибудь не случилось.

Полосков, как всегда, угадал мое желание. Конечно, мне очень хотелось посмотреть на призраков вблизи. Я только беспокоился, как бы чего не случилось с Алисой. Но пойти без нее — значит поссориться надолго. Она считала миражи своими — ведь она же первой угадала трех мушкетеров.

Мы спустились по трапу на равнину. Она была совершенно пуста. Д'Артаньян куда-то пропал.

— Подождем, — сказала Алиса. — Наверно, они снова придут.

Я подошел к тому месту, где недавно росла березка. На земле лежали лишь округлые камешки — ни травинки, ни листочка.

— Смотри, пап, кто идет, — сказала Алиса. — Ты только подумай!

Я поднял голову и вздрогнул. Навстречу шел я сам, держа за руку Алису. Причем мы оба без скафандров, в тапочках и, казалось, совсем не нуждались в воздухе.

Алиса побежала навстречу самой себе.

— Стой! — крикнул я ей. — Ты куда?

Но Алиса уже добежала до своего двойника и с разбега пролетела сквозь мираж, споткнулась о камень, упала на колени. Мираж сразу исчез. Пока я спешил на помощь Алисе, возник новый мираж. Он быстро двигался к Алисе, словно хотел ее схватить. На этот раз мираж изображал доктора Верховцева. Шляпа его была надвинута на глаза и острые узкие плечи подняты к самым ушам.

Я успел встать между миражом и Алисой, закрывая ее, потому что я совсем не был уверен в том, что Верховцев — только мираж.

Но доктор не заметил Алису. Он прошел совсем рядом, улыбаясь, словно увидел кого-то. Я посмотрел ему вслед. Навстречу Верховцеву шел толстяк в черном кожаном костюме. Они протянули друг другу руки и, сблизив головы, заспорили о чем-то.

Алиса поднялась и взяла меня за руку.

— На этой планете не сохранишь секрета, — сказала она. — Зато мы теперь знаем, что толстяк с Верховцевым знакомы и не зря они оба просили у нас говоруна.

Миражи разговаривали беззвучно, а с другой стороны к нам шел еще один мираж. Он изображал трех капитанов. Но не каменных, как мы видели их на планете имени Трех Капитанов, а самых настоящих, в синих мундирах космического флота. Капитаны остановились, взялись за руки, словно прощались. И тут же растворились, исчезли. Вместо них на равнине возник один капитан. Второй. Высокий, тонкий, с горбатым носом. Капитан стоял нахмурившись, будто размышлял о чем-то. На плече у него сидел говорун. Капитан окинул взглядом долину и быстро пошел к еще одному миражу, возникшему на горизонте. Мираж был космическим кораблем голубого цвета, и на борту его была выложена драгоценными камнями большая темно-синяя чайка.

И эти миражи растаяли... Исчез и Верховцев с толстяком.

Алиса сказала:

— Я никогда еще не видела такого красивого корабля.

А в наушниках у меня прозвучал голос Полоскова:

— Послушай, профессор, ты когда-нибудь видел такой красивый корабль? Это, наверно, «Синяя чайка» Второго капитана.

— Конечно, — сказала Алиса. — Может, он скрывается где-то здесь? Надо будет его найти.

На горизонте, там, где стояла «Синяя чайка», вспыхнул яркий свет. И мы увидели, как корабль поднимается над планетой.

— Улетел твой мираж, — сказал Зеленый. — Я так и думал.

— Да, похоже на то, что «Синяя чайка» улетела отсюда, — согласился с ним Полосков.

Я наклонился над тем местом, где Алиса упала, спеша к нашим двойникам. Я наклонился, потому что меня удивила одна вещь: два округлых камешка вдруг медленно покатались, словно их кто-то толкнул. Но ведь никого рядом не было. Даже ветер утих. Я протянул руку, чтобы подобрать камень, но он прибавил ходу и откатился подальше. И вдруг из него начал расти мираж. Сначала туманный, прозрачный, но потом превратившийся в леди Винтер. Леди Винтер побежала к горам, подобрав пышную юбку.

— Не уйдешь, — сказал я вслух. — Так я и думал. Ведь чудес не бывает!

Я прыгнул вперед, как будто хотел схватить миледи. В тот момент, когда я упал на то место, где она находилась, мираж исчез. Под руками у меня лежал круглый камешек.

— Что с тобой? — удивилась Алиса. — Почему ты гоняешься за миледи?

— Я ее поймал, — сказал я.

Зеленый усмехнулся:

— Не тут-то было. Ваша миледи пропала без следа.

— Она у меня в руке, — сказал я. — Сейчас вернусь на корабль и все вам объясню.

В кают-компании я положил на стол круглый камешек и еще пять таких же, которые я подобрал на пути к кораблю. Камешки лежали смирно, в ряд. Самые обыкновенные камни, размером с картофелину да и формой похожие на картошку.

— Разрешите представить, — сказал я, — жителей этой планеты.

— Живые существа? — удивился Зеленый. — Вот бы никогда не подумал!

— И с очень интересной способностью. Они могут создавать зрительные иллюзии — копии людей, предметов, причем не только тех, что видели, например трех капитанов или доктора Верховцева, но и улавливать образы, которые живут в воображении людей. Вот, например, Алиса читала «Трех мушкетеров», смотрела на картинки в книге, представляла себе, какими эти мушкетеры должны быть, и мы их увидели. Ведь они, Алиса, точно такие, как ты их себе представляла?

— Точно-преточно такие, — сказала Алиса.

— Зачем этим камешкам нужны миражи, как они их делают, пока неизвестно.

— Может, им просто скучно? — спросила Алиса. — Лежат они на голой земле и скучают. А любой посетитель, любой гость для них — просто замечательное развлечение.

— Все может быть, — согласился я. — Так будем искать здесь или полетим к третьей планете?

— Мне кажется, что третья планета интереснее, — сказал Полосков. — Я посмотрел на снимки — там есть растительность, воздух, вода.

Тут один из камешков превратился во Второго капитана. Капитан печально посмотрел на нас. А говорун сказал его голосом:

— Искать будешь на планете-три. Искать будешь на планете-три.

— Вот видите, — сказала Алиса.

И мы тут же стартовали к третьей планете в системе Медузы.

Глава 15. Птенец птицы Крок

Четыре солнца быстро крутились над этой планетой, и ночь на ней наступала лишь иногда, и никак нельзя было без сложных вычислений угадать, в какой момент вдруг потемнеет, промелькнут короткие сумерки и на планету опустится недолгая темнота. Проходило полчаса, иногда меньше, и новое солнце быстро поднималось над колючими кустами и моментально вкатывалось на небо.

Планета заросла лесами и кустарниками. У полюсов леса были низкие, прижатые к земле, а в тропиках поднимались на невероятную высоту.

Планета оказалась раем для биолога. И кого здесь только не было! Океаны кишели рыбами, медузами, червями, морскими змеями, леса были полны всякого зверья и бабочек с метровыми крыльями, а выше, над острыми скалами и пологими холмами, летали различные птицы.

— Мы здесь останемся надолго, — сказал я, когда мы спустились на вершину холма, поросшего кустами. — Одной этой планеты хватит на пятьдесят зоопарков.

— Ну и отлично, — сказал Полосков. — Мы заодно приведем корабль в порядок.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Но сначала найдем Второго капитана. Я уверена, что он где-то здесь.

— Только одна на поиски не выходи, — предупредил я Алису. — Тут очень опасные звери.

— Но ведь я — царь природы, — сказала Алиса.

— Звери об этом не знают, — сказал я. — Они необразованные.

— Но как мы найдем Второго капитана? — спросила Алиса.

— Пока мы начнем с того, — ответил Полосков, — что запустим над планетой металлоразведчик.

— Зачем?

— Он будет кружить на низкой орбите и, как только обнаружит следы металлов, которые употребляются на космических кораблях, даст нам знать.

— И долго он будет кружить?

— Ему надо недели две, чтобы обследовать всю планету.

— Ой, как долго!

— А пока ты будешь мне помогать, — сказал я. — На тебя возлагается кормежка зверей.

— И поливка кустиков, — добавила Алиса. — А то они разбегутся.

В этот момент молоденький кустик вошел в кают-компанию и робко остановился на пороге. Он покачивал ветвями, напевал, старался дать нам понять, что хочет компота.

— Вот, — сказал механик Зеленый, — до чего ты их разбаловала! Скоро кусаться начнут. Дай ему компота, бог с ним.

На следующий день мы поднялись рано, до рассвета. Полосков снаряжал металлоразведчик, а я грузил в вездеход сети и съемочную камеру.

Мы были так заняты своими делами, что упустили момент, когда появилась птица Крок. Я увидел лишь, как на меня упала чья-то тень, и услышал хлопанье крыльев, которое показалось мне хлопаньем парусов.

— Ложись! — крикнул Полосков.

Я упал на траву.

Прямо над моей головой лязгнули когти, и птица Крок, промахнувшись, взмыла вверх, чтобы кинуться снова.

Тогда-то я ее и разглядел.

Это была огромная тварь, размером с небольшой пассажирский самолет. У нее были узкие длинные крылья, короткий хвост и мощный загнутый клюв, как захваты у подъемного крана. Птица сделала небольшой круг и, словно пикирующий бомбардировщик, пошла вниз.

Я попытался отползти, но понял, что не успею.

Я зажмурился и вцепился в колесо вездехода. И в этот момент грянул выстрел.

Оказывается, механик Зеленый успел подбежать к люку с пистолетом и выстрелить в птицу, когда она была всего в трех метрах от меня.

Птица взвыла и взвилась в воздух. Рядом со мной упало ее перо. Перо было метр длиной и такое твердое, что вонзилось концом в сухую землю и ушло в нее, словно богатырский меч.

Я вытащил перо и показал его Алисе.

— Слушай, — сказал я ей, — хозяин этого пера очень обижен и хочет взять кого-нибудь из нас на ужин. Тебе понятно?

— Понятно. Но ведь вездеход ему не поднять?

— Вездеход не поднять.

— Значит, я поеду с тобой в вездеходе.

— Нет, Алиса, — сказал я. — Я сейчас отправлюсь на разведку и вернусь к обеду. Все, кроме тебя, заняты. Некому даже готовить обед и кормить зверей. И не забудь, что у паука-ткача-троглодита кончается шерсть.

— Ну хорошо, — согласилась Алиса.

— Ну, как с металлоразведчиком? — спросил я Полоскова, садясь в вездеход.

— Не понимаю, — ответил он. — Почему-то не ладится. Никогда не отказывал, а сейчас не ладится.

Вездеход медленно ехал сквозь кусты, покачиваясь над выбоинами и легко скатываясь с пригорков. Кусты расходились спереди и вновь смыкались сзади вездехода. Я размышлял о том, что хорошо бы поймать эту птицу. В Палапутре ее называют птицей Крок. Мне очень хотелось бы достать это чудовище для зоопарка, но я понимал, что вряд ли удастся перевезти ее на «Пегасе». Другое дело, если найти ее гнездо и захватить с собой птенцов. Гнезда должны быть где-нибудь на скалах — ни одно из деревьев не выдержит тяжести жилища птицы Крок.

Я повернул к далеким горам. Дорогу мне пересекла процессия длинноногих желтых ящериц. Впереди семенила самая высокая, за ней — поменьше... Я насчитал их двадцать три штуки. Последняя из ящериц была совсем маленькая. Я мог поймать ее, но не стал — сначала надо осмотреться, выяснить, чем они питаются, а то не довезешь до Земли.

Высоко надо мной пролетела птица Крок. Она держала путь к горам. Вернее всего, ее гнездо именно там.

Я выпустил автоматическую сеть и накрыл ею метровую синюю бабочку. Пока я управлял манипуляторами, чтобы усыпить бабочку и спрятать в багажник вездехода не повредив крыльев, зажегся экран видеофона и на нем показалось встревоженное лицо Полоскова.

— Послушай, — сказал он, — я запустил металлоразведчик.

— Ну и отлично, — сказал я. — Погоди, сейчас уложу бабочку...

— Но связь с ним прервалась.

— С металлоразведчиком?

— Ну да. Этого еще никогда не бывало. Я все проверил. Через три минуты после взлета он замолчал.

— Придется подняться на катере, догнать его и починить, — сказал я, укладывая бабочку в контейнер.

— Об этом я и хотел тебе сказать. Я полечу искать его, а ты возвращайся к кораблю. Не нравится мне эта планета.

— Ты неправ, Гена, — сказал я. — Планета отличная. Я рад, что мы сюда попали.

— А если и на самом деле здесь погиб Второй капитан?

— Ты веришь в это?

— Не знаю. Но если такой опытный капитан мог здесь погибнуть, значит, планета скрывает какую-то грозную опасность, о которой мы не подозреваем.

— Но, может, просто двигатели отказали? Ведь это случается даже с самыми лучшими кораблями. Или на капитана напало местное чудовище. Например, птица Крок. Ты видел, какой у нее клюв?

— Конечно, видел.

И Полосков отключил экран.

Еще одна птица пролетела надо мной к горам, и я запомнил направление полета. Наверняка там гнездо. Надо будет обязательно съездить. Неожиданно наступили сумерки. Я повернул обратно к кораблю.

Я поставил вездеход у самого трапа, в темноте поднялся по нему и прошел на мостик. Первым делом я проверил, где мои спутники. Зеленый сидел в машинном отделении и колдовал с приборами. Алиса отозвалась из каюты. Сказала, что читает. Тогда я вышел на связь с Полосковым.

— Как у тебя дела? — спросил я.

— Запеленговал металлоразведчик, — ответил Полосков. — Скоро догоню. Не выключай рацию.

Я уселся у иллюминатора и слушал, как Полосков бормочет что-то себе под нос, стараясь поймать металлоразведчик. Короткая ночь кончалась. Я глядел вдаль, на лес, горы и намечал себе путь на завтра. Вот поеду вдоль той речки, потом взберусь на холмы... Надо будет взять Алису. В вездеходе ей ничего не грозит...

— Поймал, — сообщил Полосков. — Взял его захватами и поворачиваю обратно.

И в этот момент я увидел, что на площадку перед «Пегасом» вышла Алиса. Она шла осторожно, на цыпочках, оглянулась на иллюминаторы, но меня не заметила.

Было прохладно, и Алиса надела желтый пушистый комбинезон. Видно, собралась куда-то далеко. Но самое удивительное — перед ней по траве гордо шествовал говорун. Он был привязан на длинной цепочке. Другой конец цепочки Алиса держала в руках. Она сказала что-то говоруну, и тот взлетел в воздух. Алиса отпустила побольше цепочки, чтобы не мешать говоруну лететь. Он взмахнул крыльями и медленно, будто понимая, что Алиса не умеет летать, направился к лесу.

Только тогда я опомнился.

Я включил динамик и крикнул на весь лес:

— Алиса, ты с ума сошла! Немедленно возвращайся!

Но тут я испугался, что она меня не послушается, и побежал по трапу вниз, чтобы

догнать ее и вернуть на корабль.

Когда я подбежал к люку, Алиса была уже у самого леса.

А над ней кружила громадная птица Крок.

— Алиса! — крикнул я.

Но она была далеко и не слышала моего крика.

Ни ружья, ничего нет под рукой!

Что делать?!

Не помня себя я бросился вниз по трапу.

Алиса увидела снижающуюся птицу и от страха выпустила цепочку. Перепуганный говорун метнулся к деревьям.

Я бежал к Алисе и видел, как птица Крок выпустила белые когти, как она схватила желтую пушистую фигурку, и набирая скорость, взмыла вверх.

Я бежал, глядя, как уменьшается, поднимаясь, птица, размахивал руками...

Через десять минут Полосков снизился у «Пегаса». К тому времени мы с Зеленым уже были готовы к погоне. Мы снарядили малый катер.

— Вы куда? — удивился Полосков.

— Крок украла Алису! — крикнул Зеленый. И замолчал, потому что от горя потерял дар речи.

— Прыгай сюда! — приказал мне Полосков. Он опустил свой катер к самой земле.

Я подпрыгнул, ухватился за нижний край раскрытого люка и перемахнул в рубку.

Полосков тут же набрал высоту.

— Куда она полетела? — спросил он громко, перекрывая жужжание двигателя.

— Туда, к горам, — ответил я. — Там у них, наверно, гнездо.

Мы добрались до гор за несколько минут. Но найти гнездо было не так легко. Тысячи одинаковых острых скал поднимались над плоскогорьем, и мы больше часа кружили над ними, ничего не находя. И с каждой минутой у нас было все меньше шансов найти Алису живой.

Помогла нам сама птица Крок. Мы увидели, как она летит над скалами.

— За ней, — сказал я.

— погоди, — ответил Полосков. — Мы ее спугнем, и она не покажет нам дорогу к гнезду.

Он задержал полет катера, и мы повисли над скалами. Птица летела к вершине горы, куда мы еще не поднимались. Там птица сложила крылья и снизилась. Полосков тут же взял курс на гору, набирая при этом высоту.

Когда мы уже подлетали к горе, снизу поднялось сразу пять или шесть птиц. Они приняли наш катер за неведомого летающего врага. Птицы отважно кидались на нас, и Полоскову пришлось вспомнить фигуры высшего пилотажа, чтобы не столкнуться с озлобленными кроками.

— Вон гнезда, смотри! — сказал Полосков.

Я прижался к иллюминатору.

На крутом склоне горы виднелись темные круги гнезд. Гнезда были сложены из камней и сучьев и прилеплены к площадкам над пропастью.

Когда мы снизились, то смогли разглядеть, что в некоторых гнездах сидят птицы, широко раскинув крылья, видно прикрывая от врагов птенцов или яйца.

— Смотри, — сказал я.

В одном из гнезд что-то желтело. Катер, как живой, ринулся к этому гнезду. Так быстро, что птицы отстали.

— Нет, это не Алиса, — сказал Полосков, — это птенцы.

И в самом деле, в гнезде сидели три покрытых пухом птенца. Увидев нас, они широко разинули крючковатые клювы. Одна из птиц спикировала мимо нас, опустилась на гнездо и прикрыла его крыльями.

— Бери выше, — сказал я Полоскову.

Тут мы увидели еще одну птицу. Она подлетела к горе, неся в клюве большую рыбу.

— За ней! — сказал я.

Птица нас не заметила. Она спустилась к самому дальнему гнезду.

И в том гнезде между двумя птенцами сидела Алиса. Она издали тоже показалась мне птенцом — виной тому был ее желтый пуховый комбинезон.

Птенцы при виде матери раскрыли клювы, но птица поднесла рыбину к Алисе и попыталась втолкнуть добычу Алисе в рот. Алиса отбивалась, но птица была настойчива.

Полосков расхохотался.

— Что с тобой? — спросил я, не отрывая глаз от странного зрелища.

— Ничего Алиске не грозит, — смеялся Полосков. — Ее приняли за птенца и прописали ей усиленное питание.

Полосков был прав. Алису спас пуховый комбинезон.

Мы зависли над гнездом, Полосков спустил трап, и Алиса поднялась в катер, пока я отпугивал птиц сонными гранатами и хлопушками.

— Может, захватим птенцов? — спросил Полосков, все еще улыбаясь.

— В следующий раз, — ответил я. — Как ты себя чувствуешь, Алиса?

— Неплохо, — сказала Алиса.

Она была измазана рыбьей чешуей, а в остальном совершенно цела и здорова.

— Я только сначала испугалась, — сказала она. — А потом, когда меня принесли в гнездо, мне было даже уютно. Мы с птенцами грелись друг о дружку. Только вот большая птица обязательно хотела, чтобы я ела. Ну прямо как бабушка: «Скушай ложечку манной каши».

Полосков веселился, спрашивал Алису, не научилась ли она летать или, может, хочет вернуться к новым родителям.

— А зачем ты вообще-то ушла из корабля? — спросил я строго, после того, как немного успокоился.

— Я пошла искать Второго капитана.

— Как так?

— Я слышала, что у Полоскова разведчик плохо работает. И вообще две недели ждать невозможно. И тогда я подумала, что говорун, может быть, помнит дорогу к тому месту, где он слышал голос Второго капитана. Я попросила его показать мне дорогу, и он полетел.

— А почему же ты не попросила разрешения?

— Ты бы разрешил?

— Нет, конечно. И никакого Второго капитана здесь нет. Забудь о нем.

— Нет? — спросила Алиса. — Он здесь. Только жаль, что говорун улетел. А то бы мы его в два счета нашли.

— Что ты еще придумала?

— А вот что я нашла в гнезде, — ответила Алиса, доставая из кармана осколок

фарфорового блюдца с надписью золотом: «...няя чайка». — «Синяя чайка», правда? — спросила она. — Или ты не веришь?

— Ну-ка, покажи, — взмолился Полосков. — Ну и везет же тебе.

— Не скажи, — возразила Алиса. — Ради этого осколка мне пришлось полетать в когтях птицы Крок. Ты летал когда-нибудь таким образом?

— Нет, — улыбнулся Полосков.

— А осколок она мне сама дала. Видно, он у них в гнезде игрушка для птенцов. Вот она мне его и дала поиграть.

Я задумался. Алиса была права. Похоже, что «Синяя чайка» и на самом деле на этой планете. Но как ее найти?

— Что произошло с разведчиком? — спросил я Полоскова. — Ты еще не проверял?

— Странно, но кто-то разбил в нем индикатор металлоискателя.

— Разбил?

— Сам разбиться не мог — индикаторный механизм находится в самом центре разведчика.

— Что же делать? — размышлял я вслух.

Мы опустились перед «Пегасом» и вышли на поляну, поглядывая на небо — не летит ли птица Крок.

— А вот и говорун, — сказала Алиса.

И тут я заметил, что перед самым моим носом к земле спускается тонкая цепочка.

С дерева слетел говорун и кружил над нами, будто приглашая идти за ним искать капитана.

Глава 16. Зеркальные цветы

Алиса схватила цепочку, на которой был привязан говорун. Птица не сопротивлялась, не возражала, будто понимала, чего от нее хотят. Она медленно летела над кустами, и, если мы отставали, она поднималась чуть повыше и парила в воздухе, поджидая нас. Идти было нелегко, потому что тропинок на этой планете никто для нас не протаптывал. Приходилось перелезать через сгнившие стволы, продираться сквозь лианы и колючки, переходить через быстрые ручьи.

Желтые ящерицы на высоких, длинных ногах выскакивали из-под пней и с визгом разбегались, предупреждая лесных обитателей, что идут чужие.

Потом мы попали на поляну, поросшую множеством белых хищных цветов. Цветы громко чавкали, пожирая бабочек и пчел, и тянулись к нам, хватали лепестками за ноги. Но прокусить башмаки они не могли и оттого злились и даже рычали. За перелеском открылась еще одна поляна. Цветы на ней были красного цвета. Они оказались очень любопытными: как только мы появились из-за деревьев, все лепестки повернулись в нашу сторону, будто за нами наблюдали и приняховались. Над поляной слышался шепот.

— Они большие сплетники, — сказала Алиса, — и теперь до вечера будут обсуждать, во что мы были одеты и как шли.

Еще долго нам слышался шепот и бормотание любопытных цветов.

Это была цветочная планета. Нам за тот день попались еще цветы, которые дрались между собой, цветы, которые при виде нас прятались под землю, цветы, что прыгали с места на место, болтая в воздухе длинными корнями, и множество просто цветов, синих, красных, зеленых, белых, желтых, коричневых и в крапинку. Некоторые росли на земле, некоторые на деревьях или кустах, другие на скалах, в воде или медленно парили в воздухе.

Часа два мы бежали за говоруном. Наконец страшно устали.

— погоди! — крикнул я говоруну. — Надо отдохнуть.

Мы спрятались под большим деревом, чтобы нас не увидела кружившая над нами птица Крок, и устроились в тени. Говорун уселся на ветке над нами и, как всегда, задремал. Он был ленивой птицей и, когда не говорил или не работал, всегда дремал.

Полосков сел, прислонился спиной к стволу и спросил с сомнением:

— А вдруг говорун просто решил погулять?

— И не думай так! — возмутилась Алиса. — Если так думать, то уж лучше повернуть обратно.

Неожиданно солнце зашло за вершины деревьев и наступила короткая ночь. Сразу на небе высыпали звезды.

— Смотри, — сказала Алиса, — одна звезда движется.

— Это, наверно, астероид, — сказал я.

— А может, корабль, — сказала Алиса.

— Ну откуда здесь взяться кораблю?

Звезда закатилась за деревья. Еще минут через пять наступил рассвет. На этот раз сразу три солнца с трех сторон выкатились на небо и стало очень светло и жарко. Вокруг жужжали пчелы и застрекотали кузнечики.

— Пора вставать, — сказал Полосков, поднимаясь, — говорун зовет нас дальше.

— Вперед! — крикнул говорун голосом Первого капитана. — Вперед, а там разберемся. — Потом добавил совсем другим голосом: — «Бороться и искать, найти и не

сдаваться», как говорил знаменитый капитан Скотт.

— Видишь, папа, — сказала Алиса, — он нас подбадривает. Мы скоро придем.

Я не разделял восторгов Алисы. Я знал, что мы увидим, если говорун и на самом деле ведет нас к месту посадки Второго капитана. Мы увидим опутанные лианами и заросшие цветами обломки «Синей чайки». От самого капитана, наверно, и следов не осталось. Но я шел за Полосковым.

Мы пробирались сквозь чащу еще часа полтора, и вдруг говорун взмыл вверх, словно проверял, не порвется ли цепочка.

— Запомни это место! — крикнул он сверху. — Запомни это место, капитан.

Потом голос изменился, и с высоты до нас донеслись слова:

— Держите птицу! Хватайте птицу! Не выпускайте ее живьем!

— Кому он подражает? — спросила Алиса.

— Не знаю, — ответил Полосков. — Может, Верховцеву?

Говорун что-то искал.

— Отпусти цепочку, — сказал я Алисе.

Она меня послушалась. Говорун взмыл еще выше, превратился в точку среди облаков и тут же камнем ринулся вниз.

— Нашел, — сказал Полосков.

Но тут мы увидели, что за говоруном гонится птица Крок. Она догоняла его.

— Стреляй! — крикнул я Полоскову.

Наш капитан выхватил пистолет и, не целясь, выстрелил. Птица Крок, которая уже почти настигла говоруна, громко ухнула. Казалось, что она потеряет равновесие и упадет, но птица удержалась и медленно полетела над лесом.

Мы побежали туда, где скрылся говорун. За зарослями кустов открылась зеленая поляна. Ее окружали крутые холмы, поросшие пузатыми деревьями. Говоруна нигде не было видно.

Мы остановились на краю поляны. Она поросла невысокой шелковистой травой, а по краям ее, словно специально посаженные кем-то, росли необычайные цветы. Короткие, широкие, металлического цвета лепестки окружали серединку цветка размером с большую тарелку. Серединка была зеркальная, зеркала цветов были чуть выпуклыми, и в каждом цветке отражалась вся поляна. Цветки сидели на коротких толстых стеблях без листьев.

— Не подходи, Алиса, — сказал я. — Вдруг они ядовитые?

— Нет, — сказала Алиса, — я не думаю. Смотри.

И мы увидели, как из кустов выскочил зверек, похожий на зайца. Зверек подскочил к цветку и посмотрелся в зеркало. Потом так же спокойно, будто нас здесь и не было, снова скрылся в кустах.

— Какая-то ошибка, — сказал Полосков. — Никаких следов корабля. Наверно, говорун ошибся.

— Или мы ошиблись, побежали за ним, как маленькие, — сказал я.

Я подумал о том, как далеко нам возвращаться к кораблю. Можно было бы, конечно, вызвать Зеленого с катером или вездеходом, но мне не хотелось оставлять корабль без охраны.

Алиса вышла на середину поляны, огляделась, подошла поближе к цветку. Цветок чуть повернул зеркало, словно хотел, чтобы Алиса в него посмотрелась.

— Возьмем их с собой, — сказала Алиса.

— Ладно, — ответил я.

Полосков вынул из кармана портативный металлоискатель и обошел с ним всю поляну. Металлоискатель ни разу не пискнул.

— Здесь корабля нет и не было, — сказал Полосков наконец. — Надо возвращаться.

Мы срезали букет зеркальных цветов. Букет был тяжелый, словно цветы были вырезаны из камня. Мы несли букет по очереди, и я хотел было выбросить часть цветов, но Алиса ни за что не соглашалась.

До корабля мы добрались чуть живые. К счастью, пока нас не было, ничего там не произошло.

— Ну как? — спросил Зеленый. — Неудача, конечно?

— Полная неудача, — ответил Полосков, снимая башмаки и вытягиваясь на диване в кают-компаниии.

Алиса притащила тем временем два больших горшка и налила в них воды, чтобы зеркальные цветы не засохли.

— Да, — сказал я, — корабля там нет. К тому же мы потеряли говоруна. Может, он попал в когти птице Крок.

— Ничего, — сказал Полосков, лежа на диване. — Завтра с утра я начну ремонтировать металлоразведчик, и мы не улетим с этой планеты, пока не найдем капитана.

Что-то больно ударило меня по ноге. Я наклонился и увидел, что это алмазная черепашка.

— Как она сюда попала? — спросил я Зеленого. — Ведь мы заперли ее в сейф.

— Она так скреблась и стучалась, — ответил Зеленый, — что я ее пожалел. А что за странные цветы вы принесли?

— Зеркальные цветы, — сказал я.

Зеленый подошел к букету и спросил:

— Зеркальные?

— А что?

— Я в них смотрюсь, а они отражают вовсе не меня, — сказал он.

Я обернулся и понял, что Зеленый совершенно прав: в зеркальных серединках цветов отражался вовсе не он, а Алиса. А за ее головой были видны маленькие фигурки — моя и Полоскова. И стояли мы не в кают-компаниии, а на круглой поляне.

— Очень интересно! — сказал я. — Значит, эти цветы, пока живые, все отражают и запоминают, будто фотографируют.

Тук-тук-тук! — раздалось в кают-компаниии. Полосков вскочил с дивана и кинулся к иллюминатору.

По ту сторону стекла сидел говорун и стучал клювом, чтобы привлечь наше внимание.

— Ты только подумай, какая умница! — сказал я. — Сейчас мы тебя впустим.

Оба клюва говоруна открывались. Он что-то говорил, но мы не могли ничего услышать через стену корабля.

Когда я выбежал к люку и открыл его, говорун уже поджидал меня там. Он влетел в корабль и сразу направился в кают-компаниию. Я шел за ним по коридору. Говорун летел неуверенно, потом спустился на пол и пошел, прихрамывая, пешком. Полосков открыл дверь в кают-компаниию и при виде птицы сказал:

— Ну и попал ты, бедняга, в переделку!

Говорун ответил невпопад:

— Больше держаться нет сил! Скоро ли придет помощь?

— Это голос Второго капитана, — сказала Алиса. — Он видел Второго капитана!

— Алиса, — сказал я, — но ведь Второй капитан мог сказать эти слова и четыре года назад. Ты же знаешь, какая хорошая память у говоруна.

— Нет, — сказала Алиса, — он видел Второго капитана. Пошли скорей назад, на поляну.

— Нет, только не сейчас, — ответил Полосков. — Даже у меня ноги не ходят. А ты — девочка. Ты устала в десять раз больше. И, кроме того, в том месте, где мы были, капитана нет. Даже если бы в десяти метрах в окружности была хоть одна пуговица, хоть одна гайка, металлоискатель ее бы нашел.

— Значит, надо было отойти на десять метров в сторону, — сказала упрямо Алиса. — И если вы не пойдете, я пойду одна.

— Сначала ты выспишься, — сказал я строго. — А потом мы все вместе вернемся в тот район. Мы же обещали, что не улетим с планеты до тех пор, пока не найдем капитана... или пока не убедимся, что его здесь нет.

Глава 17. Мы смотрим в прошлое

Жить на такой планете было бы нелегко. Когда мы поднялись утром, корабельные часы показывали восемь часов, а за иллюминатором смеркалось — снова начиналась короткая ночь. Пока мы завтракали, ночь миновала и наступило утро.

Яркие лучи осветили кают-компанию, и Алиса, взглянув на зеркальные цветы, стоявшие в вазах, сказала:

— Смотрите, меня уже нет.

В зеркалах, в которых вчера вечером отражалась Алиса, виднелась знакомая нам поляна, но на ней никого не было. Пока мы смотрели на зеркала, во всех цветах поляна померкла, наступили сумерки. Мы глядели в темные зеркала цветов, и я сказал:

— Это странные цветы — цветы-фотоаппараты.

В зеркалах начало светать. Мы даже забыли о завтраке. Никто не мог оторваться от удивительного зрелища. Не спеша, минута за минутой, цветы, оказывается, фотографировали все, что происходило на поляне. И теперь показывали нам.

— Интересно, сколько эти цветы живут? — размышлял вслух Полосков.

— Наверно, несколько дней, — ответил я. — Как и все цветы.

И тут мы увидели в зеркалах отражение зверька, похожего на зайца. Он выскочил из кустов и помчался к цветам. В зеркалах еще не рассвело и поэтому мы не сразу поняли, что же странного в его движениях.

— Да он же прыгает задом наперед! — воскликнула Алиса.

Зверек и на самом деле приближался к цветам задом наперед. А потом, постояв перед цветком, таким же странным образом вернулся в кусты.

— Испорченное кино, — засмеялась Алиса. — Сапожники! Смените ленту!

— Нет, — сказал Полосков. — Это не испорченное кино. Потому что эти цветы не просто зеркала, а зеркала фотографирующие. Они могут это делать, если на их зеркале все время нарастает слой за слоем. Тончайшие слои. Миллионы слоев. Только одно изображение закрепится в зеркале — его прикрывает следующий слой. И так далее. А когда цветок срезан, он не может дальше наращивать слои в зеркале, и они начинают слезать с него — слой за слоем. И мы видим то, что видело зеркало. Только наоборот. Как будто пленку отматывают назад. Ясно?

— Вполне возможно, — согласился я. — Очень интересный цветок. Но нам пора собираться. Пускай Полосков готовит к полету металлоразведчик, а я съезжу на вездеходе на ту поляну и поищу, нет ли вокруг нее следов погибшего корабля «Синяя чайка».

— Я с тобой, папа, — сказала Алиса. — И говоруна возьмем.

— Ладно.

Я пошел вниз готовить вездеход, а Алиса осталась в кают-компании. Ей интересно было посмотреть кино наоборот.

— Алиса! — крикнул я, заводя машину. — Ты готова?

— Сейчас! — крикнула Алиса в ответ. — Одну минутку!

И тут же позвала меня:

— Папа, скорее сюда! Да скорее же! А то они уйдут.

Я в три прыжка взлетел по трапу и вбежал в кают-компанию. Алиса стояла у зеркал.

— Смотри, — сказала она, услышав, что я вошел.

Во всех зеркалах отражалась одна и та же картина: посреди поляны стояли два

человека: толстяк в кожаном костюме и доктор Верховцев. За кустами был виден острый нос скоростного космического корабля.

Толстяк с Верховцевым о чем-то спорили. Потом задом наперед ушли.

— Они где-то здесь, — сказала Алиса. — Они не догадались, что цветы их выдадут.

— Похоже, что ты права, — ответил я. — Но почему? Почему?

— Что — почему?

— Наверно, они тоже не знают, где капитан. А то почему они гоняются за говоруном?

— А может, капитан у них в плену и они боятся, что об этом узнают? Они поймали капитана, посадили его в тюрьму, а говорун улетел. Вот они и боятся.

— Но зачем кому-то сажать капитана в тюрьму? Выдумщица ты, Алиса!

— И ты ничего не будешь делать? Пускай так все и остается?

— Нет, — ответил я. — Безделье — самое бездарное занятие.

Я потянулся к микрофону, нажал кнопку и сказал:

— Полосков, Зеленый, слушайте. Только сейчас на зеркале цветка мы с Алисой видели толстяка с Верховцевым. Это значит, что они были здесь по крайней мере за день до нас. Они прилетели на скоростном корабле. Что вы думаете по этому поводу? Перехожу на прием.

— Я думаю, что Второй капитан где-то на этой планете, — сказал Полосков.

— А я думаю, что нам лучше сейчас улететь отсюда, — сказал Зеленый. — Нас всего трое, и наш корабль не защищен от нападения. Мы должны немедленно лететь к населенной планете и оттуда связаться с Землей или Фиксом. Оттуда прилетит специальный корабль из Службы галактической безопасности. Они лучше нас справятся с неожиданностями.

Зеленый, конечно, говорил разумно. Но он всегда преувеличивает трудности и опасности. Поэтому я сказал:

— Пока что никто на нас не нападает. Хотя, конечно, мы должны принять меры защиты.

— Правильно, — согласился со мной Полосков. — Улетать так вот, сразу, мне не хочется. Сначала мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы помочь Второму капитану.

— Правильно, — сказала Алиса.

— Даже удивительно! — сказал Зеленый. — Можно подумать, что я трусил. А я просто стараюсь быть разумным. На борту у нас ребенок и беззащитные звери. Может так случиться, что мы капитану не поможем и сами пострадаем. Но если капитан решает, что нам нужно остаться, я буду сражаться до последнего патрона.

— Ну, до этого, надеюсь, не дойдет, — ответил я. — Мы прилетели сюда для того, чтобы выяснить, не случилось ли беды с одним из капитанов. Мы ни на кого не собираемся нападать и ни с кем не хотим воевать.

— А я, кстати, не такой уж беззащитный ребенок, — сказала Алиса. — Поедем на поляну?

— Погоди, — сказал я. — Посмотрим еще в зеркала.

Но больше там ничего не происходило. Так ничего и не дождавшись, мы с Алисой все-таки взобрались в вездеход и объехали на нем окрестности поляны. Мы нашли только следы посадки корабля за холмами. Трава там была выжжена тормозными двигателями, и узкая тропинка вела сквозь кусты к поляне.

Мы вернулись к обеду и застали Зеленого в кают-компании. Он задумчиво стоял перед

зеркальными цветами и тянул себя за рыжую бороду. В другой руке у него была вибробритва.

— Ты чего, Зеленый? — спросил я.

— Думаю, — ответил механик.

В зеркалах отражался тихий солнечный день.

— Я думаю, — продолжал Зеленый, — сколько живут эти цветы.

— Наверно, несколько дней, — сказал я.

— А вдруг им вовсе не несколько дней, а много лет? Вдруг они год за годом запоминают все, что происходит вокруг? Посмотри, какие толстые зеркала — сантиметров по шесть каждое. И очень плотные. А за два дня, пока стоят у нас, они не стали тоньше. Можно, Алиса, я произведу операцию над одним цветком?

— Давайте, — сказала Алиса, которая сразу сообразила, в чем дело.

Зеленый перенес один из цветков на стол в лабораторию, закрепил его зажимами и начал тонкую операцию.

— Я сниму сразу сантиметр, — сказал он.

— погоди, — остановил я механика. — Начни с тонкого слоя: может быть, ничего и не получится.

Зеленый послушался меня и включил вибробритву. Индикатор, белый от любопытства, вышел из угла и подошел поближе, тихо переступая ногами-палочками. Кустики зашевелились в своей клетке — думали, что будут давать компот. Паук-ткач-троглодит перестал вязать шарф.

Тонкий слой, прозрачный, словно целлофановая пленка, отделился от зеркала. Зеленый осторожно снял его и положил на стол.

Несколько секунд зеркало оставалось темным, но в тот момент, когда я уже решил, что ничего не получилось, зеркало вдруг просветлело. Оно отражало на этот раз ветреный, пасмурный день.

— Все правильно! — сказала Алиса. — Поехали глубже в прошлое!

— Но как мы сможем считать дни? — подумал я вслух. — Ведь мы же не знаем, какой толщины слой одного дня.

Но Зеленый меня не слушал. Он поддел ножом край зеркала и приподнял сразу полсантиметра зеркальной поверхности. Слой отогнулся. Индикатор, от нетерпения меняя цвета, как светофор на оживленном перекрестке, не удержался, сунул длинный тонкий нос под руку Зеленому.

— Ну вот! — расстроился Зеленый. — Я не могу работать, если мне все мешают!

— Он нечаянно, — вступилась за индикатора Алиса. — Ему же интересно.

— Всем интересно, — сказал Зеленый. — Но я ни за что не ручаюсь.

— Продолжайте, — попросил я.

Зеленый осторожно снял слой.

— Как стекло в иллюминаторе, только гнется, — сказал он.

Мы все склонились над ставшим чуть тоньше темным зеркалом.

Понемногу оно прояснилось. Все та же поляна. Но только трава стала бурой, кусты осыпались, а оставшиеся листья пожелтели. Ни бабочек, ни пчел — тоскливо и мрачно. С пасмурного неба сыплет редкий снег, но не остается на земле, а медленно тает на травинках.

— Осень, — сказала Алиса.

— Осень, — согласился Зеленый. Он поднес к зеркалу лупу и сказал: — Обыкновенным глазом не видно, но очень интересно смотреть, как снежинки появляются на кустах и взлетают в небо.

Мы все по очереди посмотрели на снежинки-наоборот. Даже индикатор посмотрел и зашелся салатным цветом от удивления.

— Сколько времени с осени прошло? — спросил меня Зеленый.

— Сейчас лето, — ответил я. — Год здесь чуть больше четырнадцати земных месяцев. Значит, примерно наш год.

— Так, — сказал Зеленый и достал из шкафчика микрометр. — Теперь, — сказал он, — мы сможем точно сказать, сколько зеркалу лет и...

— ...и сколько нам нужно снять с него, чтобы увидеть поляну, какой она была четыре года назад, — закончила за него фразу Алиса.

— Сначала, — сказал Зеленый, — срежем с зеркала чуть поменьше четырех лет.

— Не много ли? — спросил я. — Ведь стоит срезать больше, и мы пропустим тот момент, когда здесь был Второй капитан.

— Пропустим — не страшно, — сказал Зеленый, отмечая толщину слоя, — у нас еще целый букет.

Пока он говорил, я краем глаза увидел, что алмазная черепашка быстренько топает к выходу из лаборатории. Проклятая непоседа опять выбралась из сейфа. Я хотел было догнать ее, но потом передумал — жаль было упустить тот момент, когда Зеленый снимет с зеркала четыре года.

— Как у вас дела? — спросил по рации Полосков, который все еще колдовал с металлоразведчиком.

— Все в порядке, — сказал я.

— Тогда я сам полечу на разведчике. Не хочу его одного отпускать. Что-то ненадежно он работает.

— Когда будешь искать «Синюю чайку», — предупредил я, — не забудь, что на планете может оказаться еще один корабль.

— Не забуду.

— Оставь линию связи включенной. Если что, сразу свяжись с нами.

— Помню.

— Может быть, к твоему возвращению у нас будет сюрприз.

— Отлично! Только я люблю хорошие сюрпризы. Плохих сюрпризов не выношу.

Полосков улетел. Слышно было, как зажужжал разведчик, поднимаясь в воздух.

— Готово, профессор, — сказал Зеленый. — Рискнем?

В третий раз Зеленый снял слой с зеркала. На этот раз такой толстый, что еле удержал его в руке. Лепестки цветка облетели, и на столе лежала лишь круглая, вогнутая, словно тарелка, середина цветка.

Она долго не хотела светлеть. Уж очень давно на нее не попадал свет.

А когда наконец показалось изображение, мы поняли, что поляна выглядит совсем не так, какой мы ее видели теперь. Круг посередине, поросший теперь травой, был голый, серый, словно бетонная крышка гигантского люка. Можно было даже разглядеть круглую щель, отделявшую крышку от окружающей земли.

— Видишь! — торжествовала Алиса. — Это правильная поляна!

— Теперь осторожно, — сказал я. — Главное — не срезать лишнего.

— Понимаю, — сказал Зеленый, — не маленький.

Но точно срезать не удалось. Пятнистый, светлый, почти прозрачный от нетерпения и жгучего любопытства индикатор в самый ответственный момент нечаянно подтолкнул Зеленого в локоть. Вибробритва скользнула по плоскости и врезалась глубоко внутрь. Зеркало расколосось и упало со стола на пол.

Индикатор от стыда уменьшился вдвое, почернел. Он хотел, чтобы его убили. Он метался по лаборатории, глядя палочками ножек разъяренного Зеленого, наконец бросился на пол и стал совсем черным.

— Не расстраивайся, — уговаривала несчастного индикатора Алиса. — С каждым может случиться. Мы знаем, что ты ни в чем не виноват.

Она обернулась к Зеленому, который все еще проклинал индикатора на чем свет стоит, и сказала:

— Зеленый, не надо, пожалуйста! Ведь индикаторы такие чувствительные, что он может от расстройства умереть.

— И в самом деле, — поддержал я ее, — у нас еще целый букет. Ты же сам говорил.

— Ладно, — согласился Зеленый. Он человек отходчивый и, в общем, не злой. — Жалко, сколько времени потеряли. Может, минута нам оставалась до того, как мы разгадаем тайну Второго капитана.

Индикатор, услышав это, съежился еще больше.

Во главе с Зеленым мы вернулись в кают-компанию. Индикатор плелся сзади, все еще почти черный, а вредные кустики вытягивали ветви, чтобы он споткнулся и упал.

Мы даже не успели войти в кают-компанию. Зеленый остановился в дверях и сказал только:

— Ах!

Я заглянул ему через плечо. Обе вазы были свалены на пол, а цветы разорваны, растоптаны, уничтожены какой-то злобной силой. Ни одного целого зеркала не осталось. Лепестки были разбросаны по всей комнате.

И вдобавок ко всему снова исчез говорун.

Глава 18. Шпион

Цветы были уничтожены. Говорун пропал. Мы остались у разбитого корыта. Как помочь капитану?

Я протянул руку к микрофону и вызвал Полоскова.

— Геннадий, — сказал я, — у нас тут осложнения. Скажи, ты где сейчас?

— Лечу над северным полюсом планеты. Пока ничего не обнаружил. А что у вас случилось?

— Сейчас некогда рассказывать. В общем, нам удалось с помощью зеркальных цветов узнать, что было здесь четыре года назад. Вернее, почти удалось узнать. Но в этот момент кто-то разбил все зеркала. Нам нужны зеркальные цветы. Сколько тебе лететь до поляны?

— Минут двадцать, — сказал Полосков. — Но потом еще столько же мне надо будет снижаться.

— Тогда не беспокойся, — сказал я. — Продолжай полет.

— И не подумай, — ответил Полосков. — Я поворачиваю к «Пегасу». Если кто-то мог разбить цветы, значит, или на корабле, или возле него есть враги. Ничего не предпринимайте без меня.

— Хорошо, — согласился я.

Когда я повесил микрофон на место, Алиса сказала:

— Побежали скорей на поляну.

— Зачем? — спросил я.

— Неужели непонятно? Сорвем новые цветы. Видно, их тайна такая важная...

— Но...

— Давайте я поеду на вездеходе, — сказал Зеленый. — Ничего со мной не случится. Я сниму четырехлетний слой на месте и немедленно сообщу вам на корабль.

— Я с Зеленым, — сказала Алиса.

— Да погодите вы! — возразил я. — Подождем Полоскова. У него катер, и мы доберемся до поляны куда быстрее, чем на вездеходе. И лучше нам теперь не разделяться. А пока надо посмотреть, как мог забраться на корабль тот, кто разбил зеркала.

Я вышел в коридор и пошел к люку. Если люк закрыт, значит, злоумышленник скрывается на «Пегасе». Если он открыт, значит, кто-то вошел на «Пегас», натворил бед и убежал. В это я мало верил. Ну когда ему было забраться на корабль, найти дорогу в кают-компанию, специально уничтожить все цветы? Почему он этим занялся именно тогда, когда мы заглянули на четыре года назад? Как догадался? И я понял, что этот негодяй скрывается на корабле и знает, что мы вот-вот разгадаем тайну Второго капитана. Это был кто-то, кто видел, чем мы занимаемся... Но кто? В лаборатории были Зеленый, Алиса и я. Если не считать индикатора. Ага, индикатор! Он толкнул Зеленого под локоть!.. Нет, быть не может. Индикатор хоть и очень чувствительное существо, но он все-таки зверь, не больше. Даже говорить не умеет. А может, не хочет?

И тут я подошел к люку. Люк был раскрыт настежь.

Все мои теории рассыпались на мелкие кусочки. Да и не могли не рассыпаться. Если бы я подумал еще чуть-чуть, то вспомнил бы, что индикатор ни на секунду от нас не отлучался и не мог разбить зеркала в кают-компании.

Люк был распахнут, и таинственный злодей ушел с корабля, утащив с собой нашего драгоценного говоруна. Может, вообще последнего говоруна на свете.

На лужайке перед кораблем светило солнце, зеленели кусты и пели птицы. Мир и благодать. Даже трудно поверить, что здесь происходят не очень приятные события.

Я поглядел на небо. Не летит ли Полосков? Полоскова пока что не было. Лишь высоко-высоко, под самыми облаками, кружила птица Крок.

— На помощь, капитаны! — услышал я вдруг знакомый голос. — Только вперед, а там разберемся.

— Ты где, говорун? — крикнул я. — Тебе нужна помощь? Я спешу!

— «Три танкиста, — запел из кустов говорун голосом Первого капитана, — три веселых друга — экипаж машины боевой!»

Я побежал на голос птицы, раздвинул кусты и увидел говоруна. Говорун не мог лететь, потому что он катил перед собой клювом тяжелую алмазную черепашку. Он помогал себе ногами, крыльями, а свободным клювом распевал песни и звал на помощь.

— Вот спасибо тебе! — сказал я. — Вот спасибо! А мы уж начали беспокоиться, куда ты снова запропастился.

Говорун гордо распрямился и аккуратно сложил крылья. Он сделал свое дело.

Я подобрал черепашку.

— Молодец! — сказал я говоруну. — Увидел, что эта проказница опять удирает, бросился за ней, догнал и притащил домой. Тебе за это положено пять кусков сахара, не меньше.

Я пошел обратно к кораблю. Говорун медленно шествовал сзади и был горд собой.

— А ты, глупышка, — обратился я к черепахе, — ты же так заблудишься. Кто тебя здесь будет кормить? Ты забыла о том, что ты — редкое животное и принадлежишь Московскому зоопарку? И убегать тебе никуда нельзя...

Тут я услышал над собой шелест крыльев и в два прыжка подскочил к люку. Я уже научился угадывать птицу Крок по полету. Говорун влетел в люк вместе со мной, и мы захлопнули крышку. Потом уселись на пол перед люком, чтобы перевести дух, а птица Крок тем временем стучала в крышку люка своим железным клювом.

Алиса с Зеленым встретили нас в коридоре. Они встревожились, куда я мог деться.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — сказал я им. — Оказывается, наш говорун — умница. Увидел, что алмазная черепашка опять отправилась в путешествие, догнал ее и вернул домой. Вот уж, наверно, черепашка перепугалась!

Черепашка отбивалась когтями и старалась вырваться из рук.

— А как же черепашка выбралась наружу? — удивилась Алиса. — Ведь люк был заперт.

— Ничего удивительного, — ответил я, — тот, кто поломал зеркала, и открыл люк.

— А откуда у него ключ от корабля? И вообще, где электронный ключ от «Пегаса»? Он же висел в кают-компании.

— В этой тайне не разобраться и Шерлоку Холмсу, — сказал Зеленый.

— А я разберусь, — ответила Алиса. — Я знаю.

— Ну, и что ты знаешь?

— Отгадка тайны у тебя в руке.

Я посмотрел на свои руки. Они были заняты алмазной черепашкой.

— Не понимаю, — сказал я.

— Погляди, что она прячет в клюве.

Голова черепашки была засунута под панцирь, но кончик электронного ключа от

«Пегаса» выглядывал наружу. Я потянул за ключ. Черепашка сопротивлялась, держала его мертвой хваткой, и мне пришлось потрудиться, прежде чем я отобрал у нее ключ. Что-то в черепашке щелкнуло, и ее лапки, усеянные мелкими камушками, вывалились из-под панциря и безжизненно повисли.

— Ну-ка, — сказал Зеленый, — дайте мне эту черепашку. Посмотрим, как она чирикает.

Я, все еще не понимая, что же происходит, передал механику умершую черепашку и рассеянно повесил ключ на место. Зеленый положил черепашку на стол, достал из кармана комбинезона отвертку и, осмотрев черепашку со всех сторон, поддел отверткой под панцирем. Панцирь щелкнул, как крышка шкатулки, откинулся в сторону, и под ним обнаружилось скопище элементов, памятных ячеек, атомные батарейки — черепашка оказалась искусно сделанным миниатюрным роботом...

— Понятно теперь, почему она была такой шустрой, — сказала Алиса. — То в машинное отделение забраться хотела, то за нами бегала. Вспомни, папа, она ведь всегда под ногами крутилась, когда мы разговаривали о важных вещах.

— Чудо техники, — произнес с уважением Зеленый. — Здесь и передающее устройство, и даже маленький антигравитатор.

— Значит, толстяк знал о каждом нашем слове, — сказал я.

— Конечно, толстяк! — вспомнила Алиса. — Черепашка — его подарок.

— Но мне неудобно было отказать ему. Он так настойчиво дарил ее нашему зоопарку.

— Это просто здорово, что он не подарил зоопарку мину замедленного действия, — сказал мрачно Зеленый. — Вот тебе и внутренний враг. Она же в лаборатории слышала, что мы нашли способ заглянуть в прошлое, и тут же получила приказ помешать. Вот она и разбила остальные цветы в кают-компании. И я могу поспорить на что угодно, что на поляне уже ни одного цветочка тоже не осталось. Хозяева черепашки постарались.

— Правильно, — сказала Алиса. — А потом она подхватила ключ от корабля и убежала.

— Да, — сказал я. — Но у нас есть теперь одно преимущество перед толстяком и Верховцевым.

— Какое?

— Они не знают, увидели мы что-нибудь в зеркале или ничего не увидели.

— Сейчас не это главное, — ответил Зеленый.

— А что?

— Самое главное — почему черепашка вдруг убежала с «Пегаса».

— Она сделала свое дело и убежала, — сказал я.

— Но ведь мы ее ни в чем не подозревали. Крутилась бы под ногами и дальше передавала наши разговоры своим хозяевам. А она вдруг убежала.

— Но, может быть, она нужнее сейчас в другом месте?

— Вряд ли, — сказал Зеленый. — Не нравится мне это. Вернее всего, она подложила в корабль мину замедленного действия, и в любой момент мы можем взлететь на воздух. И сами взорвемся, и зверей погубим. Я предлагаю немедленно эвакуировать корабль.

— Погоди, — остановил я Зеленого. — Если бы им хотелось взорвать нас, они могли сделать это раньше.

В коридоре послышались быстрые шаги. В кают-компанию вбежал Полосков. Он сразу увидел на столе разобранную черепашку, и объяснять ему почти ничего не пришлось.

— Значит, они еще на планете, — сказал Полосков. — Без их приказа черепашка не стала бы губить зеркала. Она ведь только робот.

— Они приказали ей подложить мину, — повторил Зеленый, — и велели сматываться. Мы все глядели на Полоскова, ждали, что скажет капитан.

— Чепуха! — сказал капитан.

— Но тогда почему она убежала?

— Ключ от корабля им несла, — сказал Полосков. — Зачем же им ключ от взорванного корабля?

— Ни зачем, — сказала Алиса. — Ну и умный у нас капитан!

— Я-то обыкновенных способностей... — сказал Полосков.

— ...а мы глупые! — обрадовалась Алиса. — Надо было догадаться, что черепашка не могла никакой мины подложить. Когда бы она успела за ней сбегать?

— Тоже правильно, — сказал Полосков. — Но главное сейчас не в этом. Толстяк и доктор Верховцев подозревают, что мы разгадали тайну Второго капитана, и они решили пожаловать к нам на «Пегас». Тайно или явно, я не знаю, но нам надо ждать гостей. И приготовиться к их приходу.

— Но как же остальные цветы? В самом деле, мы же ничего не знаем.

Глава 19. Где девчонка?

Это не так просто — поднять космический корабль и перебросить его всего на несколько километров в сторону. Это труднее, чем улететь с планеты. Не всякий капитан на это согласится.

Но Полосков решил перегнать «Пегас» на поляну. В корабле безопаснее, и без нашего разрешения никто в него не заберется.

Пока Полосков рассчитывал, как лучше прыгнуть «Пегасу», мы разошлись по кораблю, чтобы привязать раскиданные вещи, проверить клетки со зверями и убрать в шкаф посуду. В общем, через полчаса «Пегас» был готов к полету.

Мы собрались на мостике. Полосков сел к пульту управления, я — на место штурмана, Алиса — чуть сзади.

— Двигатели готовы? — спросил Полосков в динамик.

— К старту готов, — ответил из машинного отделения Зеленый.

Но Полосков не успел сказать: «Старт...»

Белая огненная полоса разрезала голубое небо. Рядом с нами спускался другой космический корабль. От толчка наклонились деревья и дрогнула земля.

— Погоди минутку, — сказал Полосков Зеленому, глядя в иллюминатор.

— Что там у вас? — спросил Зеленый.

— Соседи спустились.

— Кто?

— Не знаю еще. За деревьями не видно. Но будь готов стартовать немедленно. Может, это они.

— Верховцев? Толстяк?

— Да.

Мы привстали в креслах, не отрывая глаз от леса. Над деревьями торчал нос корабля. Совсем недалеко, метрах в двухстах. Мне даже показалось, что я слышу, как открывается люк на том корабле, как падает на землю трап... Вот они спускаются вниз, бегут через кусты. Друзья или враги?

Кусты раздвинулись, и на площадку перед «Пегасом» выбежал человек. На нем был скафандр, правда без шлема. На поясе этого человека был пистолет. Человек поднял руку, приказывая нам остановиться. И тут мы все его узнали.

— Доктор Верховцев! — сказала Алиса. — Без шляпы.

— Верховцев, — повторил Полосков и склонился к динамику. — Зеленый, старт!

Наш корабль тут же отозвался на слова Полоскова, чуть покачнувшись, загудели двигатели, и мы, набирая скорость, начали подниматься в воздух.

— Отлично, Зеленый, — сказал Полосков.

— Кто это был? — спросил Зеленый.

— Верховцев, — ответил Полосков.

«Пегас» завис на секунду над площадкой, и доктор Верховцев отступил назад, под защиту кустов.

Он махал руками и очень сердился.

— Что? — крикнула Алиса, хотя Верховцев не мог нас слышать. — Руки короткие?

— Алиса, — сказал я укоризненно, — разве можно так разговаривать со старшими?

Полосков засмеялся.

— А он без шляпы, — сказала Алиса, будто и не слышала моих слов. — Потерял шляпу. Спешил.

Корабль наклонился, беря курс к поляне, и вскоре наш враг превратился в муравьишку, и я заметил, как он поспешил обратно к своему кораблю.

— Теперь, — сказал Полосков, — у нас есть время в запасе. Пока они вернутся на свой корабль, задрят люки и заведут двигатели, пройдет полчаса. И за эти полчаса мы должны найти Второго капитана. Это трудная задача.

— Даже здорово, — сказала Алиса, — что они решили нас поймать. По крайней мере, мы знаем, что на поляне их нет.

Круглая поляна была уже под нами. Полосков осторожно посадил «Пегас» точно в ее середине. Пока мы спускались, я заметил множество ярких блесков, словно вокруг поляны искрился иней. А когда мы снизились, я понял, что это не иней, а осколки разбитых зеркал. Мы были правы — враги успели погубить все цветы.

«Пегас» снизился на траву, выпустил амортизаторы, и Алиса первой отстегнула ремень. Ей не терпелось выбежать на поляну. В этот момент «Пегас» вздрогнул, пошатнулся, Алиса покатилась к стенке. Зеленый закричал снизу:

— Куда мы летим?

Затем был удар, еще удар, треск амортизаторов — наш корабль падал в какую-то пропасть. Я хотел отстегнуть ремень, чтобы найти Алису и помочь ей, но еще один, последний удар оглушил меня, и, когда я пришел в себя, наш корабль стоял, накренившись, в темноте.

И было очень тихо.

— Алиса, — спросил я, быстро отстегивая ремни и путаясь в застежках. — Алиса, как ты?

— Нормально, — спокойно ответила Алиса. — Немножко ушиблась.

Голос Зеленого донесся до нас издалека.

— Ох, — сказал Зеленый. — Куда ты нас посадил, Полосков? Теперь мы никогда отсюда не выберемся.

— Ты жив-здоров? — спросил Полосков.

— Здоров, — сказал Зеленый. — А все-таки, куда мы попали? С горы свалились?

— Хуже, — ответил Полосков и включил аварийное освещение мостика. Шкалы приборов на пульте загорелись, словно звездное небо. — Мы провалились сквозь землю.

И тут я понял, что во всем виноват я сам. Я должен был предупредить Полоскова, сказать ему о том, что мы видели в зеркале цветка.

— Голову мне оторвать мало! — сказал я в сердцах. — Ведь в зеркале четыре года назад на месте полянки была бетонная плита!

— Правильно, — сказала Алиса.

Она нашла меня в полутьме, подобралась по наклонному полу и взяла за руку.

— Конечно, там была плита, — сказала Алиса. — И мы забыли сказать о ней Полоскову.

— Какая плита? — спросил Полосков.

Я рассказал ему о том, что четыре года назад вместо травы на поляне была плита и даже можно было различить круглую щель по ее краям.

— Никогда бы не сел, если бы знал заранее, — сказал Полосков.

Он очень расстроился. Любой капитан расстраивается, когда с его кораблем случается

несчастье.

— Ну ладно, плакать не будем, — сказал Полосков, который умел владеть собой. — Зеленый, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Достань фонари из кладовки и проверь, насколько серьезны повреждения в машинном отделении.

— Я уже проверяю, — сказал Зеленый.

Полосков нажимал на кнопки, глядя, в каком состоянии находятся приборы и машины «Пегаса». Проверкой он остался доволен.

— Слушайте, — сказал он, — серьезных повреждений, по-моему, нет. Но при падении сломался один из амортизаторов. Так что придется выбраться наружу и посмотреть, как его починить. Я пойду, а остальные останутся на корабле.

— Ничего подобного, — сказал я. — Ты, Полосков, нужнее на корабле. Если что-нибудь случится, без тебя «Пегасу» не подняться. Пойду я.

— Я пойду, — сказал Зеленый из машинного отделения; он слушал весь наш разговор.

— И я тоже, — сказала Алиса.

Мы не смогли переспорить друг друга, и к люку вышли все вместе.

— Странно! — сказал Полосков, отпирая люк. — Если мы провалились в яму, то сверху должен падать свет. А здесь совсем темно.

— Может, мы очень глубоко упали? — спросила Алиса.

— Нет, если бы мы упали глубоко, то амортизатором бы не отделались. Яма неглубокая.

Полосков распахнул люк. За ним было совсем темно.

— Вот видите, — сказал Полосков. — Дай фонарь, Зеленый.

— Ой, — вскрикнул Зеленый, — я не могу, кто-то держит меня за ногу!

Зеленый, прежде чем я успел прийти к нему на помощь, включил фонарь и начал водить им из стороны в сторону, стараясь найти того, кто на него напал.

Но это оказался всего-навсего индикатор. Ему было страшно в темноте, он сумел отпереть свою клетку и догнать нас у люка. В луче фонаря индикатор был испуганного желтого цвета. Он дрожал и прижимался к ноге Зеленого.

Полосков взял у Зеленого фонарь и направил сильный луч света вперед. Там была темнота — видно, яма, в которую мы попали, была очень велика. Полосков направил луч света наверх, и он уперся в ровную поверхность.

— Как в чайнике, — сказал Полосков. — Попали внутрь, и крышка закрылась. — Он еще раз обвел лучом вокруг. — Здесь никого нет, — сказал он. — И давно не было.

Полосков спустил трап и сошел вниз. Он постучал каблуком по земле и сказал, обернувшись к нам:

— Камень. Ходить можно.

Мы спустились вслед за ним. Пока Полосков обходил вокруг корабля, осматривая, насколько серьезно сломался амортизатор, я посветил еще раз фонарем наверх. И вскоре нашел то, что искал: по потолку шла тонкая полоска, которая, закругляясь, обозначала край каменной плиты. Да, Полосков был прав — крышка открылась, когда мы на нее опустились, и тут же захлопнулась за нами.

Я, светя перед собой фонарем, обошел корабль с другой стороны. Здесь было так же темно. Я включил луч на полную мощность, и он уперся во что-то темное.

— Я пройду немного в эту сторону, — сказал я громко, чтобы Полосков услышал. — Там что-то есть.

— Погоди, папа, я с тобой, — сказала Алиса.

— Только далеко не отходите, — сказал Полосков.

Алиса, подбежала ко мне. Она держала в руке большой фонарь.

Мы прошли шагов двадцать, светя перед собой, и тогда поняли, что в яме, кроме нас, стоит еще один космический корабль. А когда мы подошли поближе, Алиса прочла его название:

— «Синяя чайка».

— Полосков! — позвал я, и мой голос, отражаясь от стен, усилился и загремел, словно в бочке. — Полосков! Зеленый! Мы нашли Второго капитана!

Я услышал глухой топот — Полосков и Зеленый бежали к нам. Яркие белые пятна их фонарей колыхались на бегу.

— Где?

Корабль «Синяя чайка» возвышался над нами. Он был тусклый от пыли, покрывшей его за много лет. Он казался мертвым, покинутым людьми. На его люке висел большой замок.

— Вот, оказывается, что с ним случилось, — сказал я.

— Он попал в эту яму, — сказал Полосков, — и, видно, Второй капитан не смог выбраться отсюда.

— Вот и мы не сможем, — мрачно произнес Зеленый. — И придется нам доживать свои дни в этой пещере. Я же говорил, что надо лететь за помощью. Я предупреждал.

— Без паники на борту, — строго сказал Полосков. — Мы обязательно отсюда выберемся. А сначала я предлагаю войти в «Синюю чайку». Раз уж мы его нашли, надо довести дело до конца.

— Но люк закрыт, — сказал я. — И трапа нет.

И вдруг над нашими головами вспыхнул яркий свет. Такой яркий, что мы все зажмурились. А когда я открыл глаза, то успел заметить, что с высокого потолка на нас опускается большая сеть. В следующую секунду мы были опутаны ею, как птенцы.

И когда мы попытались распутаться, барахтаясь и мешая друг другу, сверху раздался громкий голос:

— Не шевелиться! Вы в плену!

Прикрыв ладонью глаза от яркого света, я посмотрел в ту сторону, откуда раздавался голос. По ровному, блестящему полу громадной пещеры к нам шли толстяк, по прозвищу Весельчак У, и доктор Верховцев, опять надевший свою шляпу. В руках у них были пистолеты, направленные на нас.

С другой стороны подходили еще два человека в черных кожаных мундирах.

— Бросить оружие! — приказал толстяк. — Ну, кому говорю?

— Слушайся его, — шепнул я Полоскову. Только у Полоскова был с собой пистолет.

Полосков вынул пистолет из кобуры и бросил на пол. Пистолет громко звякнул.

Сеть поднялась.

За несколько секунд, пока не подошли наши враги, я успел оглядеться. Ловушка, в которую попал наш «Пегас», была громадной, но невысокой пещерой. В ней на некотором расстоянии друг от друга стояли два корабля — «Пегас» и «Синяя чайка». Между ними, освещенные ослепительным светом прожекторов, мы казались муравьями на полу большой комнаты.

Я посмотрел на моих друзей. Полосков глядел на подхитивших врагов, и губы его сомкнулись в тонкую ниточку. Зеленый сжал кулаки и стал так, чтобы загородить спиной Алису. Алиса прижалась ко мне. А с другой стороны к моей ноге прислонился желтый от страха индикатор.

— Вот и попались, голубчики, — сказал Весельчак У. — И очень хорошо.

Он говорил без злости и даже улыбался при этом. Но у доктора Верховцева, который успел переодеться — снять скафандр и надеть свою шляпу, — лицо было совершенно неподвижно, как маска, и глаза казались пустыми.

Алиса отошла от меня на полшага.

— Ты куда? — спросил я ее.

— Я здесь, — шепнула Алиса.

Два человека в черных мундирах держали нас на прицеле, пока Верховцев по приказанию толстяка подошел к нам вплотную и подобрал пистолет капитана. Потом он быстро обыскал нас, проводя холодными руками по бокам и залезая в карманы.

— Все в порядке, — сказал он тихо, — больше у них оружия нет.

— Да и откуда быть оружию? — засмеялся толстяк. — Они же ловят бабочек. И не знали, что сами попадутся в ловушку. Как и этот вот. — Весельчак У показал толстым, словно составленным из трех сарделек, пальцем на «Синюю чайку». — Сами в ловушку попались! Никто не звал! — и громко рассмеялся. Потом приказал: — Надеть на всех кандалы!

Видно, наручники были заготовлены заранее. Один из черных людей открыл сумку, висевшую у него на плече, и достал оттуда связку блестящих наручников.

Пока он возился, разбирая наручники по парам, толстяк подошел ко мне вплотную и сказал, тыча в меня жирным пальцем:

— Ну что, не хотел отдавать говоруна, профессор?

— Не хотел, — ответил я.

— Погляди на него, — обернулся толстяк к Верховцеву. — Пожалел говоруна для старого друга! А где теперь птичка?

— Не знаю, — сказал я, хотя, конечно, знал, что говорун остался на корабле.

Видно, говорун толстяку все равно был нужен. И он сказал Верховцеву:

— Пойди осмотри «Пегас».

Потом обернулся снова ко мне и добавил:

— За то, что ты, профессор, сказал мне неправду, ты будешь наказан. И очень больно. Мои помощники это умеют делать. Но не сейчас, не сейчас... Наденьте на них наручники. Никогда нельзя им доверять.

Человек в черном мундире подошел ко мне и щелкнул наручниками. Руки мои были скованы.

— Следующий! — приказал Весельчак У.

Его помощник подошел к Полоскову. Он двигался размеренно и действовал так точно и обстоятельно, что у меня появилось подозрение, не робот ли это.

— Следующий, — сказал толстяк.

Наручники щелкнули на руках Зеленого.

— Следующий!

Помощник наклонился к индикатору и остановился в нерешительности. У индикатора десять ножек, и все такие тонкие, что их не заковать в наручники.

— Дурак! — сказал толстяк. — Девчонке надень! — Он оглянулся. — А где девчонка?
Алисы нигде не было.

Глава 20. В плену

— Где девчонка? — суетился Весельчак У, и улыбка пропала с его лица, и странно было смотреть, как его короткие, толстые руки метались и суетились отдельно от тела.

— Какая девчонка? — спросил один из черных мундиров.

— Тут была девчонка! — кричал толстяк. — Ее звали... как ее звали? — Он достал из кармана записную книжку и прочел по складам: — «А-ли-са». Где Алиса? — На этот раз он смотрел на меня.

— Какая Алиса? — спросил я как можно спокойнее.

А в это время я ломал себе голову, как она сумела убежать. Ведь мы стоим на открытом месте, даже спрятаться негде.

— Была девчонка, — настаивал толстяк. — Я ее видел. Ты ее видел? — спросил он у Верховцева, который стоял, опустив руки, и будто спал с открытыми глазами.

Тот человек в черном, который ходил на «Пегас» за говоруном, вернулся обратно. Он тащил птицу, взяв ее за ноги, и голова говоруна болталась, чуть не доставая до пола.

— А, нашел, — обрадовался толстяк. — Открути ей голову.

— Чего? — спросил тот.

— Голову, говорю, ей открути. Она нам больше не нужна.

— Ни в коем случае! — возмутился я. — Нельзя говоруну голову скручивать. Это, возможно, последний говорун на земле.

Индикатор от возмущения посинел и бросился на тонких ножках к говоруну, желая, видно, его освободить. Но Весельчак У заметил это и рассмеялся.

— И ты туда же! — сказал он и ловко для такого толстого человека извернулся и подставил индикатору ножку.

Индикатор упал и почернел от обиды.

— Ну, — сказал толстяк, — ты чего время теряешь? Я же сказал, больше говорун нам не нужен. Отвинти ему голову.

Не знаю, понял говорун толстяка или нет, но он забился в руке черного человека и заговорил незнакомым мне голосом:

— Птица говорун охраняется законом планеты Блук как очень редкое и интересное создание. Охота на говорунов воспрещена, и нарушители этого правила подвергаются штрафу и общественному негодованию.

— Да заткни ты ему глотку! — завопил Весельчак У. — И без него хлопот полон рот!

И вдруг случилось совершенно непонятное происшествие. Человек в черном мундире поднял говоруна за ноги повыше, чтобы перехватить его за шею, и только протянул руку, как вдруг потерял равновесие и со всего маху упал на пол, ойкнул от неожиданности и упустил говоруна. Говорун на лету перевернулся и взмыл к потолку.

— Стреляй! — крикнул толстяк, выхватывая пистолет.

Загремели выстрелы. Раз или два пули чуть было не попали в говоруна, но он увертывался от них и полетел в дальний, неосвещенный конец зала.

Люди в черном побежали было за говоруном, но Весельчак У их остановил:

— Нечего теперь бегать! Упустили, ротозеи! Ты чего вдруг упал?

— Я не упал, — сказал человек в черном мундире. — Меня уронили.

— Молчи! — обозлился толстяк, и его кисельные щеки затряслись. — Будешь еще придумывать — я тебя сам уроню, тогда не встанешь! И нечего гоняться. Он все равно

теперь в туннелях заблудится. И времени мало у нас. Другое дело есть.

Толстяк обернулся к тихому, мертвому кораблю «Синяя чайка» и спросил, будто корабль мог ему ответить:

— Ты меня слышишь?

Корабль не отвечал.

— Ну и не отвечай, — сказал толстяк. — Ну и не надо. Все равно я знаю, что ты нас слышишь. Сидишь там и наблюдаешь, думаешь, чего это я «Пегас» сюда затащил. Да для того я его затащил, что тебе придется сейчас сдаться.

Весельчак У подошел к «Синей чайке» поближе и продолжал:

— Четыре года ты не сдаешься. Четыре года думаешь, что твои дружки тебя спасут. Четыре года не веришь, что никто не знает, где ты. Четыре года ты надеешься, что твоя паршивая птица долетела до Венеры. Я уж думал, что ты так и умрешь в своей клетке. Но сегодня все изменилось. Сегодня ты откроешь дверь в корабль и отдашь мне то, что принадлежит мне по праву. Ты слышишь меня, капитан?

Никто не ответил толстяку. Голос его раскатывался по подземелью и отражался далеким эхом от стен. Эхо замолкло, и толстяк перевел дух.

— Где девчонка? — пробормотал он. — Мне очень нужна эта девчонка.

Доктор Верховцев стоял поодаль и смотрел в землю. Два других человека, в черных мундирах, отошли немного в сторону и выставили перед собой пистолеты, готовые выстрелить в любой момент.

— Я знаю, что ты меня слышишь, капитан, — начал снова Весельчак У. — Ты затаился в своей норе, отсиживаешься. Погляди в иллюминатор. Перед тобой три человека с Земли: глупый профессор, который носится по Галактике и собирает зверье, как будто лучше занятия придумать не мог, тихоня капитан и дурак механик с рыжей бородой.

Хоть я слышал все, что происходит вокруг, на самом деле мои мысли были заняты Алисой. Куда она могла исчезнуть? Где она сейчас скрывается?

— Ты уже много лет ставишь мне палки в колеса, — продолжал толстяк, глядя на «Синюю чайку». — Но сегодня мой праздник. Сегодня ты отдашь мне формулу. Ты слышишь?.. Молчит, — сказал толстяк другим голосом, тихо. — Думает. Сейчас мы его поторопим. Жалко только, девчонка куда-то запропастилась. С девчонкой было бы легче.

Он достал из кармана большой носовой платок и вытер потный лоб.

— Слушай, капитан, — сказал он. — Если ты через три минуты не откроешь люк и не вынесешь мне формулу, я прикажу убить всех моих пленников. Но не сразу. Нет, не сразу. Сначала мы отрежем уши глупому профессору. Я зол на него больше всех, потому что он отказался отдать мне говоруна. Потом мы...

— погоди, толстый пират, — раздался вдруг голос Второго капитана. Это был знакомый голос: мы слышали его уже несколько раз — ведь говорун бесподобно подражал голосам.

— То-то, — сказал Весельчак У.

— Тебе все равно нет места в Галактике, — продолжал Второй капитан. — Тебя все равно найдут и поймут, где бы ты не прятался. Лучше послушайся меня — сдайся...

— Молчи! — перебил его толстяк. — Так мы не договоримся. По твоей милости и по милости твоих дружков я уже и так почти все потерял. И последнего тебе не отдам. Галактик будет моим.

— Стыдись, пират! — сказал Второй капитан. — Хоть и нет у тебя стыда.

Мы мало что понимали в этом разговоре. Ясно было только, что у Второго капитана было что-то такое, в чем толстяк был очень заинтересован. И не мог достать, не мог отнять. Слово «галактий» мне ничего не говорило. Я никогда раньше не слышал такого слова. А капитан «Синей чайки» отдать галактий не хотел.

— Не будем терять время, — сказал толстяк. — Меня не интересуют твои мысли и настроения. Стыд — это только для слабых. Мы, сильные, не знаем стыда. Говори: отдаешь формулу галактия?

— Мне надо поговорить с этими людьми, — сказал Второй капитан.

— Нет, — ответил толстяк, — говорить ты с ними не будешь. А то вы придумаете что-нибудь, чтобы меня обмануть. Ты откроешь сейчас люк и вынесешь мне формулу галактия. А я обещаю отпустить тебя и этих людей на свободу. На все четыре стороны. И если ты не сделаешь того, что я тебе говорю, ты будешь много дней корчиться от их криков. Ведь у тебя есть и стыд, и совесть.

— Не получится, толстяк, — сказал Второй капитан. — С тех пор как четыре года назад я опустился на этой планете, ты придумывал уже много способов отнять у меня абсолютное топливо, но ничего не получилось. Не получится и сегодня. Ты знаешь, что я сделаю?

— Что?

— Я взорву «Синюю чайку». Погибну сам, но галактия ты не получишь. Нельзя давать тебе в руки абсолютное топливо, потому что ты тогда натворишь столько бед, что жителям Галактики не исправить и за десять лет.

— Правильно, — сказал Весельчак У. — Но если ты думаешь, что взорвав «Синюю чайку», ты спасешь профессора и его людей, то ошибаешься. Даю тебе торжественное слово Черной Мглы, что они все равно погибнут. На что мне эти пленники? Как только я их отпущу, они расскажут о моей планете Службе галактической безопасности, и через месяц за мной будут охотиться все крейсера Галактики. Нет уж, пускай до поры до времени они думают, что меня нет в живых.

— Тогда я все равно должен все рассказать этим людям. Я их не встречал раньше, но если они у тебя в плену, значит, они хорошие люди. И посмотрим, что они скажут, выслушав мой рассказ.

— Нет! — крикнул толстяк.

— Молчи, — сказал спокойно капитан. — Куда тебе спешить? Ты успеешь выполнить свою угрозу.

— Пускай говорит, — сказал вдруг доктор Верховцев. — Он все равно видел, что говорун был у них на корабле. Пускай говорит, это его и их не спасет.

Толстяк развел руками — пожалуйста.

— Слушай, профессор, и слушайте, люди. Нас было три капитана. Много лет назад мы узнали о том, что в Галактике появились пираты. Этим пиратам были нужны деньги и драгоценности, им была нужна власть. Они хотели стать господами Галактики. Мы узнали о пиратах, когда они напали на планету Триада и угнали оттуда корабль. Мы догнали пиратов тогда, когда они захватили другую планету и обратили в рабство ее жителей. Там они втайне начали строить военный крейсер, чтобы нападать на торговые корабли. Долго рассказывать о том, как мы выследили пиратов, как мы проникли на порабощенную планету и подняли на ней восстание против захватчиков.

— Вы взяли нас обманом, — проворчал толстяк.

Доктор Верховцев махнул рукой:

— Пускай говорит. Недолго ему говорить осталось.

— Так вот, — сказал капитан, подождав, пока пираты замолчат, — двум пиратам удалось убежать от нас. Несколько лет они скрывались здесь, на окраине Галактики, вдали от космических путей. Все забыли о пиратах.

— Но мы ничего не забыли, — сказал толстяк.

— Да, — согласился Второй капитан, — они не забыли и не отказались от своих планов. И больше всего на свете они хотели отомстить нам, трем капитанам.

— И мы отомстили, — сказал Весельчак У.

— Не спешите. Еще ничего не кончено. В конце концов проиграете вы. Вы не можете победить всю Галактику.

— Сможем, — сказал толстяк.

Второй капитан как будто не слышал его. Он продолжал:

— Прошли годы. Мы, три капитана, расстались. Первый капитан улетел на Венеру. Третий капитан решил перелететь в соседнюю галактику, чего еще никто до него не делал. Я занялся научными исследованиями. И вот однажды я получил послание от Третьего капитана. Он сообщал мне, что возвращается из своей экспедиции. Послание было очень неожиданным, потому что никто не ждал возвращения его так скоро. Мой друг просил меня встретить его на окраине Галактики, потому что у него есть для меня очень важные новости. И я, бросив все дела, поспешил к нему навстречу.

— Но он не знал, что мы перехватили послание, — хихикнул толстяк, потирая ладони, — и все узнали.

— Да, — сказал Второй капитан, — они перехватили послание Третьего капитана, потому что планета, на которой они скрывались, по печальному стечению обстоятельств, была той, куда спешили с разных сторон и я и мой друг. Мой друг был очень болен. Долгий полет, которого не предпринимал раньше ни один житель нашей Галактики, подорвал его здоровье, и он опасался, что не сможет долететь до Земли или до его родной планеты Фикс. А летел он с очень важными сведениями. Жители соседней с нами галактики подарили ему формулу галактия — абсолютного топлива. Если построить корабль с двигателями на галактии, он будет летать в сто раз быстрее, чем любой другой корабль в космосе. Планеты станут близкими, как соседние города. Жители другой галактики зарядили двигатели его корабля галактием и дали ему с собой формулу этого вещества, чтобы мы могли использовать это открытие. Третий капитан долетел до этой планеты, не подозревая, что она — приют пиратов, и здесь он остановился. Болезнь его зашла так далеко, что он не мог больше управлять кораблем. Пираты отлично видели его корабль и следили за ним, но не стали его трогать. Они решили дождаться моего прилета и узнать, что за важные новости привез Третий капитан. Когда Третий капитан был без сознания, они пробрались к нему на корабль, в котором он ждал моего прилета, и установили в корабле микрофоны, чтобы подслушать наши разговоры. А сам корабль осторожно перенесли на эту поляну.

— Но ты должен признать, что мы хорошо подготовились к твоему прилету, — сказал Весельчак У.

— Когда я опустился на планету рядом с кораблем Третьего капитана, я нашел друга в очень тяжелом состоянии. Капитан рассказал мне о своем путешествии и о формуле галактия. Я понимал, что самое главное сейчас — отвезти капитана на Землю, где его смогут вылечить. Но я знал, что он не перенесет космического путешествия, и решил остаться рядом с ним до тех пор, пока ему не станет немного легче. Я поспешил к себе на

корабль за лекарствами, но, пока я подбирал нужные лекарства, пираты открыли заранее подготовленный люк, и наши корабли провалились в это подземелье.

— Здорово было придумано! — сказал толстяк.

— Конечно, — ответил Второй капитан. — Они боялись на меня напасть наверху. Когда я понял, что произошло, я увидел, что «Синяя чайка» в подземелье. Зажегся свет, и к ней подошел вот этот тип, который стоит рядом с вами. И я его узнал и сразу догадался, что пираты меня перехитрили. Они обещали отпустить меня в обмен на формулу галактия. Они сразу сообразили, что, имея такое топливо, они будут летать так быстро, что их никто не сможет догнать, и им будут не страшны крейсера Службы галактической безопасности, и все корабли Галактики могут стать их легкой добычей. И я тоже понял, что ни за что на свете я не отдам им формулу и не дамся им в руки живым. Я задраил люк и не впустил их на «Синюю чайку».

— А что случилось с Третьим капитаном? — спросил Полосков.

— Они попытались разрезать наши корабли, чтобы взять нас в плен. Им удалось это сделать с кораблем Третьего капитана, и капитан попал им в руки. Может быть, они его убили.

— Неправда, — сказал толстяк. — Неправда. Он сам умер. От болезни. Ты же знаешь, как тяжело он был болен. Когда мы распилили корабль, он был уже мертв.

— А «Синюю чайку» им распилить не удалось, — сказал капитан. — Она ведь сделана из алмазного сплава. А на борту у меня был говорун, подарок Первого капитана. И у меня был уговор с Первым капитаном: если что-нибудь случится, то я выпущу говоруна с наказом лететь на Венеру и отыскать Первого капитана. Первый капитан знает, как заставить говоруна рассказать, где я и что со мной.

— А мы не смогли, — сказал я. — Кое-что говорун нам сказал, но, к сожалению, этого было мало.

— А как же он попал к вам? — спросил Второй капитан.

— Его ранили, — сказал я. — Видно за ним гнались пираты.

— Это точно, — согласился толстяк.

— Но говоруну удалось улететь. Ему починили крыло роботы на железной планете Шелезяке.

— Мы за это им все масло отравили — роботы теперь парализованные лежат, — засмеялся толстяк так, что все его подбородки затряслись.

— Роботов мы вылечили, — сказал я. — С роботами все в порядке.

— Как так?

— Мы были на той планете и вылечили роботов.

— Проклятье! — воскликнул толстяк.

— Но, к сожалению, с железным крылом говорун не смог долететь до Солнечной системы, — сказал я. — Он еле-еле добрался до своей родной планеты.

— Мы искали его там, — признался толстяк. — Мы вот с моим другом. — Он показал на доктора Верховцева.

— Предатель! — сказал мрачно Зеленый. — Мы еще до тебя доберемся!

— Молчи! — погрозил ему пальцем Весельчак У. — Мы с моим другом перебили всех говорунов на планете Блук. Мы их покупали, выменивали, крали. Мы хотели даже весь кислород уничтожить на планете.

— Червяками? — спросил я.

— Червяками. Но, к сожалению, нам не повезло. И совершенно случайно говорун попал в руки этим вот несмышленным, — сказал толстяк, — и они полезли сюда. Мы их предупреждали. Сами виноваты. А теперь вам придется погибнуть.

— Ничего, не волнуйтесь, — сказал Второй капитан. — Не посмеют они ничего с вами сделать. Они ведь трусливые. Никогда бы всем пиратам мира не одолеть трех капитанов. Они и поодиночке нас победить не смогли.

— Нет, смогли! — крикнул толстяк. — Третий капитан уже умер. Ты четыре года сидишь в плену. А как только мы получим галактий, мы доберемся и до вашего Первого капитана.

— И вы четыре года живете в корабле? — спросил Полосков.

— Да, — ответил Второй капитан. — Я ведь упрямый. Я мог бы, конечно, уничтожить формулу. Но тогда она не досталась бы и остальным жителям Галактики. Но разумным существам очень нужно абсолютное топливо — тогда все планеты в сто раз приблизятся друг к дружке. Я знал, что рано или поздно помощь придет.

— Пришла, да не та, — сказал толстяк. — Ты выговорился, капитан? А теперь придется тебе расстаться с формулой.

— Есть у меня и другой уговор с Первым капитаном, — сказал Второй капитан. — Если от меня нет вестей больше четырех лет, он сообщает об этом Службе галактической безопасности и отправляется меня искать. И уж если случайные люди нашли меня так скоро, то Первый капитан найдет меня еще быстрее. И вы это знаете.

— Ладно, хватит разговоров, — сказал глухо доктор Верховцев. — Начинайте. Он просто тянет время.

Тогда один из пиратов подошел ко мне и сильно рванул за скованные руки. Я потерял равновесие и упал. Он оттащил меня в сторону. Я пытался сопротивляться, но на помощь первому пирату подоспел второй, и они связали мне ноги.

Толстяк достал из-за пояса длинный нож.

— Ты знаешь, Второй капитан, — сказал он, оборачиваясь к кораблю, — я умею шутить, недаром меня прозвали Весельчаком. Но некоторые мои шутки кончаются слезами. — Он поднял нож.

Полосков с Зеленым рванулись мне на помощь. Но доктор Верховцев, который внимательно следил за ними, выстрелил в них сонным газом из баллончика, висевшего у него на запястье. Мои товарищи повалились на землю.

— Ну, — сказал Весельчак У.

Я почувствовал, как холодное лезвие ножа прикоснулось к моему горлу.

— Сними замок, — сказал Второй капитан.

— Давно бы так.

Толстяк дал знак пирату, и тот, поднявшись по трапу к люку «Синей чайки», открыл тяжелый замок. Его пираты поставили давно, как только «Синяя чайка» упала в подземелье. Если Второй капитан не давал им проникнуть на корабль, то и они не хотели, чтобы он ушел с корабля без их разрешения.

Пират спустился с трапа и остановился в отдалении, направив на люк пистолет. Верховцев тоже поднял оружие. Они не хотели рисковать. Вчетвером они боялись одного капитана, которого не могли победить уже четыре года.

— Смотри, без шуток, — сказал Верховцев, — а то стреляем.

Люк внезапно распахнулся, и я даже не успел разглядеть капитана. Он прыгнул вниз,

словно синяя молния. Одновременно прогремели два выстрела. Но капитан уже был на земле. Он откатился в сторону, и лучи пистолетов дробили камни у его головы. Еще мгновение — и капитан оказался под защитой широкого амортизатора «Синей чайки».

Пираты сразу разбежались и залегли за камнями.

— Спокойно, он от нас не уйдет, — раздался голос Верховцева. — Окружайте его.

В ответ грянул выстрел со стороны «Синей чайки».

Я понимал, что положение капитана почти безвыходное. Пираты медленно, скрываясь за камнями, окружали его.

— Не стреляй! — крикнул толстяк.

Голос его звучал совсем рядом. И я увидел, что он снова заносит над моим горлом нож.

— Если выстрелишь, профессору конец.

И в тот же момент со стороны нашего корабля послышался голос:

— Не двигаться с места! Вы окружены!

Рука толстяка с ножом замерла. Я кулаком вышиб нож, и он отлетел далеко в сторону.

— Вы слышите? — послышался другой голос из темноты с той стороны, куда улетел говорун. — Бросайте оружие.

Пираты медленно поднимались с земли, их пистолеты звякали о камни.

Я приподнял голову и увидел, что из-за амортизатора «Пегаса» вышел доктор Верховцев в скафандре, но без шлема.

Я в изумлении перекатился на другой бок.

Второй доктор Верховцев, в шляпе, поднял руки и стоял на коленях.

С другой стороны к пиратам направлялся Первый капитан. Точно такой же, как монумент на планете имени Трех Капитанов, только живой, загорелый, в синем мундире капитана дальнего космического плавания.

Откуда-то вылетел говорун и, хлопая крыльями, опустился на плечо капитану. Потом из темноты вышла Алиса.

Глава 21. А в это время...

Алиса пропала в тот момент, когда мы очутились в плену. И случилось это так незаметно, что никто в подземелье не обратил внимания на ее исчезновение. И я в том числе.

Как это ей удалось сделать, я узнал потом. Но раз уж я рассказываю все по порядку, то придется рассказать, что случилось с Алисой, пока мы были в плену, и почему Первый капитан и доктор Верховцев (второй доктор Верховцев) нашли вход в подземелье и успели нас спасти.

А случилось вот что. Алиса получила в подарок на базаре в Палапутре шапку-невидимку. Ее подарил карлик, продающий рыб, которых не было, а он говорил, что их просто не видно.

Алиса сначала решила, что это шутка — шапка была такой легкой, что ничего не весила. Но когда Алиса вернулась на корабль, пришла к себе в каюту и стала разбирать марки, купленные на базаре, она нашла в сумке что-то. Это что-то было невесомым и невидимым. Тогда Алиса вспомнила о шапке-невидимке и попробовала это что-то расправить и надеть на голову. И стала невидимкой. Сначала Алиса хотела бежать ко мне или к Полоскову и похвастаться шапкой, но тут она вспомнила, что невидимость — чепуха с точки зрения физики, и подумала, что, если она расскажет нам о том, что шапка-невидимка действует, мы и смотреть на нее не захотим — не поверим. Она отложила шапку-невидимку в сторону до возвращения на Землю, потому что такая шапка обязательно пригодится в школе. Ведь если опоздаешь на урок, то всегда можно войти в класс и сесть на место так, что никто тебя не увидит. И даже можно (хотя Алиса, конечно, этим не занималась) подсмотреть в тетрадку к отличнице Скорняковой.

Шапку-невидимку Алиса всегда носила с собой в сумочке через плечо. И когда в подземелье загорелся свет и показались толстяк и его люди, Алиса незаметно надела шапку-невидимку и исчезла. Хотя никуда из подземелья не уходила. Она думала, что если нас запрут куда-нибудь, она сможет украсть ключ и выпустить нас на свободу.

Она отошла в сторонку и слушала все, что говорил толстяк. И она стояла бы и дальше, но тут появился пират, который нес за ноги говоруна. Толстяк велел пирату убить говоруна, потому что он больше пиратам был не нужен, и тут Алиса поняла, что ей пора действовать.

Она подошла на цыпочках к пирату и подставила ему ножку. Пират упал, выпустил говоруна, началась стрельба, и говорун улетел.

Что делать дальше? И тогда Алиса подумала: вот говорун улетел. А ведь он и раньше улетал отсюда. Второй капитан его выпустил из корабля, и говорун нашел дорогу из подземелья. Значит, говорун знает, как отсюда выбраться. И Алиса поспешила вслед за говоруном. Она думала, что, как только увидит, где выход, сразу вернется обратно. Потом освободит нас из тюрьмы, выведет на свободу.

Сначала бежать было темно. Свет из главного зала слабо пробивался в длинный коридор. Говорун летел впереди, и Алиса не видела его, но слышала, как хлопают его крылья. Когда они были уже довольно далеко от пиратов, Алиса негромко позвала:

— Говорун, погоди.

Говорун услышал ее голос. И как раз в этот момент они были в следующем зале, меньше прежнего, посреди которого стоял небольшой черный корабль. Но Алиса забыла, что она невидимая, и не сняла шапку. Говорун сделал круг над Алисой, покачал недоверчиво

короной и полетел дальше, в узкий лаз, который был спрятан за выступом скалы. Алиса добралась до лаза. Он круто уходил вверх, и вдалеке был виден белый кружок — дневной свет.

Алиса собралась было карабкаться по лазу, но тут услышала слабый стон.

Стон доносился из туннеля, черного, как безлунная ночь. Алиса осторожно подошла к туннелю. Стон слышался явственный. Но Алиса не взяла с собой фонаря, оставила в большой пещере, и потому ей приходилось идти вслепую. Она считала шаги. На тридцатом шаге ее рука уперлась в решетку.

Снова стон.

— Здесь есть кто-нибудь? — спросила Алиса шепотом.

Но, видно, тот, кто стонал, ее не услышал.

— Потерпите, — сказала Алиса. — Сейчас я освобожу наших, а потом и вас тоже. Если вы тоже пленник этих верховцевых.

Ответа не было.

Алиса повернула назад. Ведь нельзя было терять время — неизвестно, что там придумает толстяк.

Вернувшись к лазу, Алиса еще раз глянула внутрь. Светлое пятно — выход из подземелья — исчезло. Алиса не сообразила, что это наступила короткая ночь, и испугалась, что приняла за выход какой-то туннель. А может, она спутала? Может быть, говорун улетел в другой проход? И Алиса, хоть и очень беспокоилась обо мне и Полоскове с Зеленым, решила все-таки потратить еще несколько минут и проверить, выход это или нет. Ведь если это тупик, то она поведет нас сюда и погубит: пираты нас поймают.

Лезть было трудно. Лаз оказался скользким — сверху капала вода и не высыхала. Алисе казалось, что прошел целый час, а лаз все не кончался. Она решила повернуть назад, вдруг темнота начала проясняться, и оказалось, что Алиса почти добралась до выхода, только не видела его в темноте.

Последние метры ползти было труднее всего — сверху в лаз насыпалась земля и проникли длинные корни кустов. Алиса чуть не разревелась — решила, что пробраться наверх, к солнцу и чистому воздуху, не удастся. И в тот момент она даже забыла о нас, о пиратах, обо всем на свете — она мечтала лишь выбраться на свободу.

Но вот последний рывок, и Алиса поняла, что она победила, — лаз был позади. Позади осталось мрачное подземелье с пиратами и пленниками.

Быстро катилось по синему небу желтое солнце. Второе солнце уже забралось в зенит и начало припекать. У самого лица Алисы, не видя ее, ссорились два жука, налетали друг на друга, бились блестящими крыльями. Алиса посмотрела на жуков и с грустью подумала, что пора возвращаться. И так она потеряла слишком много времени. По крайней мере она теперь знала, куда надо бежать, чтобы выбраться из подземелья.

Алиса в последний раз взглянула вперед, раздвинула густую траву и тут увидела совсем рядом, на вершине холма, тот самый космический корабль, который подлетел к «Пегасу» перед последним перелетом к предательской поляне. Корабль доктора Верховцева.

«Хорошо, что я поглядела туда, — подумала Алиса. — А то бы мы выбежали и попали к ним в лапы. Ведь, наверно, пираты оставили на корабле охрану».

Она собиралась уже спуститься снова в лаз, как увидела, что говорун сидит на трапе корабля и стучит клювом в закрытый люк.

Алиса чуть было не крикнула: «Говорун, назад!», но не успела. Да и не услышал бы

говорун.

Люк раскрылся, и в нем показался высокий молодой человек, которого Алиса где-то видела раньше. Но где?

Говорун взлетел на плечо к этому человеку.

— Старина! — воскликнул человек. — Как ты нас нашел?

И тут, когда Алиса увидела этого человека с говоруном на плече, она поняла, кто это такой. Это был Первый капитан. Капитан прилетел на помощь! Но как он узнал, где надо искать? Алиса выскочила из лаза и бросилась к кораблю. Как хорошо, что капитан здесь! Теперь все будет в порядке.

Ей оставалось еще несколько шагов до корабля, и она старалась крикнуть, но не могла, потому что у нее не хватало дыхания. Тут второй человек вышел из люка и стал рядом с капитаном.

Это был доктор Верховцев. Но одет он был не так, как тот Верховцев, что внизу. На этом Верховцеве был скафандр и за поясом — пистолет.

Алиса остановилась, будто налетела на стену. Она ничего не могла понять. Предатель каким-то образом умел одновременно находиться в двух местах. Одно поняла Алиса: Первому капитану тоже угрожает опасность — ведь он еще не знает, что Верховцев на самом деле пират.

— Капитан, осторожнее! Опасность! Верховцев предатель! — крикнула Алиса.

Капитан и Верховцев оглянулись на ее голос. Но не увидели ее — она же все еще была невидимкой.

— Кто это сказал? — спросил капитан.

— Верховцев только что был в подземелье! — крикнула Алиса. — Он пират. Они захватили в плен Второго капитана и наш экипаж.

— Какой еще экипаж? — удивился капитан, стараясь понять, откуда же раздается детский голос.

— Экипаж «Пегаса», — сказала Алиса. — Осторожнее, капитан!

— Ты кто? — спросил капитан.

— Алиса, — ответила она, не спуская глаз с Верховцева.

Но Верховцев не выхватывал бластера, не нападал на капитана. И капитан тоже совершенно не боялся доктора.

— Ты ошибаешься, девочка, — сказал капитан. — Доктор Верховцев уже три дня не покидал нашего корабля. Мы с ним вместе прилетели на помощь вам и Второму капитану. А внизу, в подземелье, находится какой-то другой человек, который выдает себя за нашего друга, доктора Верховцева. Так что ты спокойно можешь подойти к нам.

— А вдруг вы тоже только выдаете себя за Первого капитана? — спросила Алиса.

— Я ни за кого себя не выдаю, — ответил капитан. — Ты же сама меня узнала. И посмотри на говоруна. Он тоже меня узнал. А птицу так легко не обмануть. Говорун, ты меня узнал?

— Спешу, капитан, — сказал говорун. — Формула галактия хранится в отсеке с образцами материалов. Если со мной что-нибудь случится, возьми формулы и передай Галактике. Это очень важно. Ради них погиб Третий капитан.

Говорун говорил голосом Второго капитана.

— Вот видишь, — сказал Первый капитан. — Теперь ты веришь? Ну, подойди сюда. Мы же теряем время. Как ты выбралась наружу? Как тебе удалось скрыться?

Алиса подошла к самому трапу.

— Я здесь, — сказала она. — Я пролезла за говоруном.

— Ничего не понимаю! — сказал доктор Верховцев. — Где же девочка? Что она, невидимая, что ли?

— Конечно, я невидимая, — сказала Алиса. — Неужели вы до сих пор не поняли? А то как бы мне удалось убежать от пиратов?

И тогда Алиса сняла шапку-невидимку, и даже Первый капитан, один из самых отважных людей во всей Галактике, вздрогнул от неожиданности.

Желтый комбинезон Алисы был измазан землей и разорван на рукаве, на лице царапины, волосы спутаны...

— Алиса, ты будешь сегодня на завтрак есть манную кашу? — спросил говорун голосом профессора.

— Молодец, девочка! — сказал Первый капитан. — Пошли. И по дороге ты все мне расскажешь.

И они побежали к лазу, потому что нельзя было терять ни минуты.

Глава 22. Толстяк врет

— Наручники пригодятся, — сказал Второй капитан. — Это такие коварные существа, что доверять им ни в чем нельзя.

— Даю вам слово, — сказал торжественно толстяк, — что не сделаю попытки к побегу.

— Сделает, — уверенно ответил капитан.

Тем временем доктор Верховцев подошел вплотную к своему двойнику. Зрелище было удивительное. Причем, если бы меня спросили, я бы сказал, что настоящий доктор Верховцев — это тот, который в шляпе. Ведь мы именно с ним познакомились на планете имени Трех Капитанов.

— Ну, самозванец, — сказал доктор Верховцев, который был в скафандре, — покажи нам, какое у тебя истинное лицо.

— Ничего не понимаю! — ответил доктор Верховцев, который был в шляпе, и отошел на шаг.

Зеленый, стоявший у него за спиной, подтолкнул его навстречу двойнику.

— Из-за тебя, голубчик, — сказал он, — мы черт знает что о хорошем человеке подумали. Из-за тебя чуть не погибли.

— Правильно, — сказала Алиса. — Ведь мы уже настолько не верили Верховцеву, что, когда он прилетел вместе с Первым капитаном и постарался нас остановить, мы быстренько улетели и провалились в яму.

— Нет, — сказал поддельный Верховцев, — вы не смеете меня трогать!

Весельчак У вдруг засмеялся.

— Плохо в чужой шкуре ходить, — сказал он. — Никуда не годится. У меня-то своя, мне ничего не будет: я никого не обманывал. Я — честный пират.

Настоящий доктор Верховцев подошел к пирату в шляпе и присмотрелся к нему. Пирату некуда было отступать — сзади стоял Зеленый.

Вдруг доктор Верховцев протянул руку к своему двойнику и быстрым движением провел по его голове, лицу, груди.

И тут мы все увидели, как оболочка Верховцева упала с пирата, и под ней обнаружилось совсем другое существо — нечеловек. Оказывается Верховцев увидел тонкую застежку-«молнию», которая скрепляла оболочку пирата.

Шляпа откатилась в сторону. Одежда доктора валялась у наших ног. А из кучки тряпья, которое недавно было Верховцевым, возвышалось большое, метра в полтора высотой, насекомое с мохнатыми ножками, круглым хитиновым телом и большими острыми клешнями. Насекомое расправило короткие крылья, стараясь взлететь, но Зеленый успел схватить его. Насекомое обернуло к нему голову и угрожающе раскрыло клешни.

— Осторожнее! — крикнул Второй капитан. — Он ядовитый!

Зеленый отдернул руку, а Второй капитан поднял пистолет, взяв пирата на прицел.

И тогда пират, увидев, что деваться некуда, вдруг поднял длинный тонкий хвост с иглой на конце и вонзил его себе в грудь. И тут же упал, раскинув тонкие ножки.

— Он сам себя ужалил! — воскликнула Алиса. — Как скорпион.

— Скорпионы никогда себя не убивают. Это сказка, — ответил я. — Только разумные существа знают, что такое смерть.

— Не верьте ему, — сказал вдруг толстяк. — Я буду с вами сотрудничать, и поэтому лучше во всем признаться. Он главный пират. Он заставлял нас ему подчиняться, и он

придумывал все злодеяния. Его зовут Крыс, и он с мертвой планеты Крокрыс. Когда-то крокрысы перебили друг друга в войнах, и последние из них скрываются в подземельях. Но он не убил себя. Он слишком себя любит, чтобы убить. Он только потерял сознание. Он думает, что вы его бросите и тогда он придет в себя и убежит. Он так уже делал. Убейте его.

— Зачем нам его убивать? — сказал Первый капитан. — Его будут судить.

Он подошел к лежащему на кучке тряпья Крысу, нагнулся, поднял его легкое тело за ногу и передал пленным пиратам в черных мундирах.

— Отнесите, его на «Пегас», — сказал капитан, — и запирайте в клетку. У вас найдется пустая клетка, профессор?

— Есть пустая клетка. Даже не одна. Ведь мы собрали куда меньше животных, чем рассчитывали. Я пойду на корабль вместе с пиратами и прослежу, чтобы клетка была заперта надежно.

— А потом мы отвезем его на планету, где его давно ищут, и пусть его там судят.

— Правильно, — сказал толстяк. — Туда ему и дорога. Это ведь он придумал — притвориться Верховцевым. Он летал под видом доктора на базу разведчиков Арктура. Он надеялся найти там планы «Синей чайки», чтобы открыть корабль. Это он под видом Верховцева продавал червяков в Палапутре и уничтожал говорунов, чтобы ни один из них не добрался до Первого капитана и не смог позвать его на помощь. Это он заставил меня подарить профессору алмазную черепашку. Это он под видом Верховцева отравил масло у роботов. Нет ему пощады! Судить его, предателя и изменника!

— Спокойно, Весельчак У, — сказал Второй капитан. — Не надейся, что, загубив своего напарника, ты отделаешься от наказания. Тебя тоже будут судить. Ведь я гонюсь за тобой по всей Галактике. И ты столько совершил преступлений, что новыми предательствами ты их никогда не искупишь.

Толстяк насутился и замолк.

Я проводил двух пиратов, которые тащили притворившегося мертвым Крыса на корабль. Со мной пошел и Полосков, потому что пиратам не доверял. Мы заперли Крыса в самую крепкую клетку и вернулись обратно. Там уже шел разговор о другом.

— Как теперь нам выбраться отсюда? — спросил Первый капитан у толстяка.

— Если мне обещают жизнь, я помогу вам отсюда выбраться, — сказал толстяк, — если нет, зачем я буду вам помогать? Никто, кроме меня, не знает, как открыть эту плиту. А она сделана из такого прочного камня, что ее не взорвешь даже гравитационной бомбой.

— Не хочешь говорить, не надо, — улыбнулся Первый капитан. — Мы подождем, пока очнется твой друг Крыс, и он нам с удовольствием поможет.

Оба капитана стояли рядом, и, хоть один из них был загорелый, здоровый, одет в новый скафандр, а второй истощенный, усталый и исхудалый, они все равно были похожи, как братья, и я ими залюбовался. Они были куда лучше, чем монументы на планете имени Трех Капитанов. Первый капитан обнял своего товарища за плечо, и они возвышались над толстяком, словно над большой жабой.

— Нет, — сказал толстяк, — ни за что! Погибайте здесь!

— Мы все равно не погибнем, — сказал Второй капитан. — Теперь, когда мои друзья, — он обвел рукой всех нас, потому что не только Первый капитан и доктор Верховцев были его друзьями, но и мы, экипаж «Пегаса» тоже были его друзьями: мы ведь тоже пришли к нему на помощь, хотя и не видели его никогда раньше, — теперь, когда мои друзья со мной, мне не страшны никакие пираты. В крайнем случае мы все вместе улетим на

корабле Первого капитана, а потом вернемся и достанем наши корабли.

Весельчак У заколебался. Он понял, что торговаться ему не приходится, и уже готов был заговорить, но все испортил Зеленый.

— Нет, — сказал он. — Во-первых, я никогда не брошу свой корабль. Уж лучше я останусь здесь и подожду. Да и зверей кормить надо. Ведь нам их на другой корабль не втиснуть. Нет, так не пойдет. Вы уж, пожалуйста, скажите нам, как открыть люк.

Нельзя было разговаривать с толстяком так, как говорил Зеленый. Нельзя ничего просить у пиратов, потому что они сразу наглеют.

И толстяк, услышав слова Зеленого, взбодрился.

— Нет, — сказал он, — дайте мне письменное обязательство, что я останусь в живых, тогда выпущу вас отсюда.

Капитаны только посмотрели на Зеленого, но ничего ему не сказали.

— Ладно. Если так, — произнес Первый капитан, — мы подождем. Мы даем тебе, Весельчак, десять минут на размышление. Время у нас есть.

— Правильно, — поддержал его Второй капитан. — А пока ты, Первый капитан, расскажешь, как ты нас нашел. Ведь говорун к тебе не прилетел.

— А я пока приготовлю бутерброды, — сказал виноватым голосом Зеленый. — Ведь все мы проголодались.

— Хорошо, — сказал капитан.

— Я бы тебе помогла, Зеленый, — сказала Алиса, — но мне так интересно узнать про Первого капитана, что я не могу оторваться.

— Оставайся, Алиса, — сказал Первый капитан. — Без тебя мы не спасли бы своих друзей.

— Без вас я ничего бы не сделала, — сказала Алиса и покраснела от гордости.

— Алиса, — сказал я строго, — иди вымой руки и приведи себя в порядок. Ты грязна, как болотный крот с планеты Вуканату.

— Ладно, — не стала со мной спорить Алиса. — Крот так крот.

Она побежала к кораблю, крикнув на бегу:

— Только без меня ничего не рассказывайте!

Первый капитан обернулся к Весельчаку У и спросил его равнодушно:

— Ну, не передумал еще?

Пират заискивающе улыбнулся. Его глазки спрятались в щеках.

— Давайте поторгуюсь, капитан, — сказал он. — Будем оба деловыми людьми.

Капитан отвернулся от него.

Через две минуты возвратилась Алиса. Я заметил, что руки она вымыла кое-как, но вместо желтого комбинезона надела другой, голубой.

За Алисой семеня индикатор. Он прямо разрывался на части, так ему хотелось повсюду успеть. Прямо не зверь, а живая радуга. А за ними не спеша вышагивал вечно занятый паук-ткач-троглодит. Он вязал одновременно три варежки, но все на правую руку.

— Пришли? — улыбнулся Первый капитан, глядя на необычное шествие. — Ну, тогда я с самого начала должен признаться, что моя роль в этой истории скромная. Все четыре года я был занят на Венере. Оказалось, что превратить большую планету в космический корабль и передвинуть ее на новую орбиту — задача почти невыполнимая. Ну, а раз она оказалась почти невыполнимой, то ее обязательно надо было выполнить.

— Правильно, — сказала Алиса. — Очень жалко, что у меня не такой сильный

характер.

— Характер воспитывается, — усмехнулся капитан. — Погляди на паука-ткача-троглодита. Вот уж завидное упорство! Если он еще научится отличать правую сторону от левой, цены ему не будет.

— Тоже мне пример! — отмахнулась от паука Алиса. — Он же глупый.

— В том-то и дело, что одно упорство еще ни о чем не говорит. За все четыре с лишним года Венера не сдвинулась со своей орбиты ни на сантиметр, а мы думали, спорили и готовились к решающему моменту. И я надеюсь, что успею вернуться к началу перелета планеты поближе к земной орбите. Осталось недолго ждать.

— И тогда на Венере изменится климат?

— Сильно изменится. Настолько, что через несколько десятилетий люди смогут жить на ней так же, как на Земле.

— И мы ее станем называть Земля-два, — сказала Алиса.

— Зачем же? Она останется Венерой. Разве плохое название?

Алиса ничего не ответила. По-моему, ей название не очень нравилось. Она как-то говорила мне, что ни к чему называть планеты именами вымерших богов, которые ничем себя не прославили.

— Я был так занят работой, — продолжал свой рассказ Первый капитан, — что четыре года пролетели совершенно незаметно. И надо признаться, что я не очень беспокоился о своих друзьях, потому что знал, как далеко забрасывает судьба капитанов. Третьему было еще рано возвращаться из соседней галактики, а ты, Второй, дал мне срок — четыре года.

— А вы не жалели, — спросила Алиса, — что сидите на одной и той же планете, а не летаете к другим звездам?

— Это сложный вопрос, Алиса, — ответил серьезно Первый капитан. — Да, мне хотелось снова стать на капитанский мостик и снова снижаться на неизвестных планетах. Но я знал, что мой опыт и мои знания очень нужны в Солнечной системе. А кроме того, я же говорил тебе, что люблю неразрешимые задачи и невыполнимые проекты.

— А ваша жена, — не отставала от капитана Алиса, — тем временем летает по всей Галактике и ищет живую туманность. Вы ей, наверно, страшно завидовали.

— Конечно, завидовал, — признался капитан. — И еще больше буду завидовать, когда она отыщет свою туманность.

— Ничего подобного, — вмешался я в разговор. — Живой туманности не существует. Все равно как не существует живых планет.

— А вот в этом вы, профессор, ошибаетесь, — сказал Второй капитан. — Мне пришлось как-то увидеть живую планету. Еле успел убежать. Она питается тем, что затягивает из космоса. Хорошо еще, что на «Синей чайке» такие мощные двигатели.

— Очень любопытно, — сказал я. — Мы поговорим об этом попозже. Хотя мне не приходилось слышать о таком чуде.

— Папа, не спорь, — сказала Алиса. — Не станет же капитан говорить неправду.

— Нет, — улыбнулся капитан. — Мы всегда говорим правду. Даже врагам.

И он посмотрел на Весельчака У, который тут же отвернулся и сделал вид, что рассматривает стену пещеры.

— Ну вот, — закончил свой рассказ Первый капитан, — неожиданно я получил телеграмму — летит доктор Верховцев, наш старый друг. Он прилетел и рассказал мне, что беспокоится о судьбе Второго капитана. И когда он мне все рассказал, я попросил

разрешения немедленно покинуть Венеру. А дальше пускай продолжает доктор.

— Ну, что вы! — смутился вдруг доктор Верховцев, ссутулился и заморгал. — Я ничего не сделал. Ровным счетом ничего... В общем, вы с «Пегаса» были последней каплей, переполнившей чашу моих подозрений.

— Вот спасибо! — сказал Зеленый, который раздавал нам бутерброды с сыром. — Это вы вели себя странно.

— Но я-то ничего еще не знал, вернее, почти ничего не знал о вас.

Верховцев переступил с ноги на ногу и погладил индикатора, который даже посинел от любопытства.

— Я с самого начала не поверил в версию о том, что смелый и находчивый Второй капитан пропал без вести. Я знал и его «Синюю чайку» и понимал, что вряд ли найдется во всей Галактике сила, способная погубить Второго капитана.

— Спасибо за комплимент, — сказал Второй капитан.

— Не стоит благодарности. Комплимент имеет в своей основе трезвый научный расчет.

— Ну прямо как наш учитель математики! — прошептала мне Алиса.

— Подготавливая музей имени Трех Капитанов, я изучал их биографии, и в этом мне помогал Первый капитан, который никогда не отказывался присылать мне фотографии и записки и уточнять подробности. Но когда я поделился с ним своими сомнениями о судьбе Второго капитана, он ответил мне очень уклончиво. Столь уклончиво, что я предположил, что Первый капитан знает о «Синей чайке» больше, чем хочет или может сказать.

— Ничего я особенного не знал, — перебил его Первый капитан. — Просто у нас был уговор: если не прилетает говорун, я жду четыре года и ничего не предпринимаю. Но после письма Верховцева я немного обеспокоился, хотя и виду не подал.

— А я не знал об уговоре капитанов, — продолжал Верховцев, — и не знал, что Второй капитан собирался улететь навстречу Третьему капитану. Меня насторожило другое: ведь во всех документах говорилось, что капитаны полностью избавили Галактику от космических пиратов. Но, судя по всему, это было не так. Ко мне поступали сведения, что пираты все-таки существуют и иногда нападают на корабли. И среди пиратов видели этого самого толстяка.

— Я не участвовал в этом, — сказал обиженно Весельчак У. Это все Крыс. У него было несколько оболочек. В том числе, наверное, и моя. Он в моей оболочке грабил другие корабли.

— Ну уж, разрешите вам не поверить, — сказал доктор Верховцев. — Да-да, не поверить. Но однажды, когда я отсутствовал на планете имени Трех Капитанов, кто-то побывал в музее. Музей тщательно обыскали, но ничего важного не взяли, кроме снимков «Синей чайки». Ага, подумал я тогда, кому-то эта информация нужна. Потом мне вдруг сообщают, что на пиратском корабле, который ограбил пассажирский лайнер с планеты Фикс, был человек, так похожий на меня, что, если бы в это время у меня в гостях не находился сам президент этой планеты, про меня могли бы черт знает что подумать. И тут на планету прилетает «Пегас». Эти люди говорят мне, что ловят зверей, а сами начинают меня расспрашивать о трех капитанах. Это меня немного удивило. И может быть, я забыл бы об этом — разве мало людей интересуются героической биографией капитанов, — но вдруг они мне заявляют, что я, оказывается, прилетал к разведчикам Малого Арктура и просил у них план «Синей чайки».

— Но это в самом деле так, — сказал я. — Это был поддельный доктор.

— Сейчас столь прискорбный факт не вызывает сомнений, — сказал Верховцев, — но в тот момент я был совершенно огорошен. Когда «Пегас» улетел, я тут же отправился к разведчикам, и они подтвердили: «Да, именно вы, доктор Верховцев, прилетали к нам месяц назад и интересовались планами „Синей чайки“». Вот тогда-то я и понял, что Второму капитану грозит опасность. И, вернее всего, от рук пиратов. И я немедленно отправился на Венеру.

— Прилетел ко мне, волнуется, — улыбнулся Первый капитан. — Я сначала даже понять ничего не мог. Один Верховцев, второй Верховцев... Но когда разобрался, то понял, что надо спешить на помощь. Но куда лететь? Мы заподозрили, что «Пегас» — пиратский корабль, и решили проследить за вами. Мы побывали в Палапутре. Там нам Крабакас с Баракаса рассказал о том, что вы купили говоруна, и о том, как кто-то пытался убить всех говорунов на планете. И мы нашли того ушана, который вам продал говоруна, и поняли, что это тот самый говорун, который раньше был у Второго капитана. Больше того, нас чуть не посадили на Палапутре в тюрьму, потому что ложный доктор Верховцев побывал там и торговал червяками. Еле-еле мы убедили ушанов-стражников, что червяками торговал не настоящий Верховцев, а его двойник. Крыса ждет заслуженное наказание за попытку убить всех говорунов и уничтожить воздух на планете. А наказание за это ушаны еще не придумали, но обязательно придумают.

— Ой! — вырвалось у толстяка.

— А дальше просто, — сказал Первый капитан. — Мы опросили все маяки Галактики, и нам сообщили, что «Пегас» держит курс к системе Медузы. А на планете роботов мы узнали, что вы здесь побывали и даже вылечили роботов, сменив им масло. А потом мы прилетели сюда. И чуть было не опоздали.

— А когда вы поняли, что мы не пираты? — спросила Алиса.

— Уже в Палапутре. А кроме того, мы встретили в космосе корабль археологов. На нем летел Громозека. И он с таким пылом защищал профессора, что мы ему поверили. Стали беспокоиться, что вам грозит опасность — ведь вы не умеете обращаться с пиратами.

— Не умеем, — вздохнул Полосков. — В следующий раз будем умнее.

— Следующего раза не будет, — сказал Первый капитан.

Он подошел к сидящему на каменном полу толстяку и сказал:

— Время истекло, Весельчак У. Или ты открываешь плиту, или мы с тобой вообще больше не будем разговаривать. Считаю до десяти: раз, два, три...

— Все скажу! — заторопился толстяк. — Все скажу. Я с первой минуты хотел сказать, но до содрогания боялся Крыса. Я и сейчас его боюсь. Ведь он отомстит мне. Обязательно отомстит. Лучше всего, если вы его убьете. Пожалуйста, убейте его!

— Но ведь он твой друг, — сказал Верховцев. — Как же ты можешь желать смерти другу, с которым вместе совершал преступления столько лет?

— Он мне не друг! — вскричал толстяк. — Он мой злейший враг! Я честный пират, а не бандит и не предатель!

— Не теряй времени, — сказал Второй капитан. — Открывай плиту.

Толстяк поднялся. На него было противно смотреть. Ноги его не держали, подгибались, и живот трясся. Он заковылял к стене и, подойдя к ней, нажал невидимую для посторонних кнопку. Часть стены отошла в сторону, и за ней обнаружился пульт управления.

— Сейчас, — бормотал толстяк, — одну минутку... я все сделаю.

Он нажимал на кнопки дрожащими толстыми пальцами, и наконец плита сдвинулась с

места и отъехала в стону.

Путь наверх был открыт.

— По кораблям! — сказал Первый капитан. — Сначала поднимается «Пегас». Затем он отлетает в сторону, и начинаем подъем «Синей чайки». Экипаж «Пегаса» прошу занять свои места.

Пошел дождь. Крупные капли залетали в светлый круг и звонко стучали по каменному полу.

Толстяк нажал еще одну кнопку, и из пола выросла тонкая лестница, достала до края белого круга и уцепилась за край металлическими когтями.

— Вот это правильно, — сказал Второй капитан. — Верховцев, прошу тебя, отведи вместе с профессором пленников наверх. Пусть нас там подождут.

Полосков и Зеленый заняли места в «Пегасе», убрали трап и закрыли люк. Все остальные отошли в сторону и смотрели, как «Пегас» медленно поднялся в воздух и, закрыв на несколько секунд свет, выплыл наверх.

— Ну что ж, — сказал Первый капитан, — все здесь, никого не забыли?

— Все, — сказал я.

Верховцев повел по лестнице двух пиратов, а я подошел к толстяку.

— Больше пиратов нет? — спросил капитан у толстяка. — На вашем корабле нет никого?

— Клянусь всем святым, что больше здесь не осталось ни одного человека! Можно спокойно уходить, — ответил Весельчак У. — Совершенно спокойно. А потом мы взорвем это подземелье вместе с проклятым кораблем Крыса. И следа не оставим от пиратского гнезда. Я правильно говорю?

— Правильно, — усмехнулся Второй капитан. — Дайка я взгляну в последний раз на мою тюрьму. Как-никак четыре года здесь просидел.

— Погодите! — крикнула вдруг Алиса. — Он же врет!

— Кто врет? — удивился Первый капитан.

— Толстяк врет. Когда я бежала за говоруном, я слышала стон.

Глава 23. Пленник в подземелье

— Не может быть... — ахнул толстяк и осекся.

— Где пленники? — спросил капитан. И так спросил, что никакого сомнения не было: сейчас толстяк все расскажет.

И толстяк тут же засеменил к туннелю. Он бормотал:

— Я совсем забыл... это все Крыс... Я всегда говорил... и всегда был против.

— Простите, капитан, — сказала Алиса, спеша за ними. — Я бы обязательно вспомнила, но было так много событий, что я забыла. Но я бы обязательно вспомнила...

— Не расстраивайся, девочка, — сказал Первый капитан и положил ей на макушку широкую ладонь. — Ты молодец, и никого тебя не обвиняет. А с этим пиратом мы поговорим особо.

— Вот тут, — сказал толстяк. — Сейчас я свет зажгу. Все будет отлично... Как я мог забыть! Это все Крыс.

Вспыхнул свет, и мы увидели за небольшим залом, в котором стоял пиратский корабль, еще один длинный туннель, перегороженный недалеко от входа толстой решеткой. Толстяк подбежал к решетке и непослушными пальцами старался вставить ключ в замочную скважину. Первый капитан отобрал у него ключ и отодвинул в сторону решетку. Решетка ушла в нишу в стене.

— Я сам... я сам... — бормотал толстяк, но его никто не слушал.

Не удивительно, что толстяк не хотел, чтобы мы увидели этот туннель. По обе стороны его шли комнаты, заваленные награбленным добром, драгоценностями и другими трофеями.

— Нет, — сказал я, заглядывая на ходу в одну из комнат, — взрывать это место мы не будем: здесь столько ценностей, что можно построить сто городов.

— Погодите, — сказал Первый капитан.

Мы остановились, прислушались.

Далеко, откуда-то снизу, донесся еле слышный жалобный стон.

Мы поспешили в ту сторону. Дверь в одну из комнат была заперта.

— Ключ! — приказал капитан.

Толстяк уже держал ключ наготове.

Комната оказалась лестничной площадкой. Отсюда вниз вела крутая лестница, вырубленная в скале. В конце ее была еще одна решетка. Капитан направил в ту сторону луч фонаря, и мы увидели, что за решеткой на куче тряпок на каменном полу сидит прикованное к стене странное существо, в котором я с трудом узнал жителя планеты Фикс, трехногого большеглазого фиксианца.

Фиксианец умирал. Мне достаточно было одного взгляда, чтобы понять это. Он был на последнем пределе истощения. А кроме того, он был истерзан пытками.

— Я его сейчас убью! — сказал Первый капитан, глядя на толстяка.

— Всеволод, — прошептал Второй капитан, — ты не узнаешь...

— Не может быть!

И Первый капитан вдруг с такой силой рванул вбитую в камень стальную решетку, что она согнулась и вылетела из пазов. Он отшвырнул в сторону путаницу стальных брусьев и бросился к умирающему фиксианцу. Он поднял его на руки и понес к выходу.

— Кто это? — спросила тихо Алиса.

Я покачал головой. Я не знал.

Рядом всхлипывал толстяк. Он сдержал на секунду слезы и ответил мне.

— Это Третий капитан. Они думали, что он давно мертв.

И тут же, словно вспомнив об очень важном, толстяк заспешил по коридору за капитаном, визжа:

— Это все он! Это все Крыс!

Третий капитан был без сознания. Первый положил его на пол и обернулся ко мне.

— Скажите, профессор, — спросил он, и голос его дрожал, — скажите, можно ли что-нибудь сделать?

— Не знаю. Сомневаюсь, — сказал я. Я наклонился над фиксианцем. — Они морили его голодом и пытали.

— Они пытали его четыре года, — сказал Второй капитан. — А мы были уверены, что он давно мертв! И если бы не Алиса, оставили бы его здесь. И он им ничего не сказал. Профессор, я умоляю вас, сделайте все возможное, чтобы его спасти!

— Меня не надо просить об этом, — сказал я. — В первую очередь нужны укрепляющие уколы. Алиса, беги, милая, на «Пегас» и принеси оттуда аптечку.

Алиса стрелой побежала по коридору.

— Я с ней, — сказал Первый капитан.

— Не надо! — отозвалась Алиса на бегу. — Я лучше вас знаю, где искать.

— Послушай, Третий, — сказал Второй капитан. — Слушай. Не сдавайся. Так мало осталось терпеть. Неужели ты сдашься в последнюю минуту? Ведь мы пришли.

И вдруг фиксианец открыл глаза. Ему было очень трудно это сделать, потому что его тело уже умирало. Лишь мозг боролся со смертью.

— Все хорошо, — сказал он, — все в порядке. Я ничего не сказал. Спасибо, друзья, что пришли. — Он закрыл глаза, и его сердце остановилось.

Я тут же начал делать фиксианцу искусственное дыхание. Но это не помогало. Положение было безвыходное — у меня не было ни хирургических инструментов, ни диагностической машины, ни лечебных автоматов. И мне пришлось поступить так, как делали врачи сто лет назад.

— Я рискну, — сказал я капитанам. — Боюсь, что иного выхода нет.

— Мы вам верим, профессор, — ответили мне капитаны.

Тогда я разрезал ножом грудь Третьему капитану, взял в руку остановившееся сердце и начал его массировать. Мне казалось, что прошел час, рука онемела. Я не заметил, как подбежала Алиса с аптечкой и инструментами. Первый капитан сам ввел в вену своему другу оживляющую смесь. И не знаю, что помогло, мои ли усилия или действия Первого капитана, но сердце Третьего дрогнуло, еще раз... и забилось.

— Еще живительного раствора! — приказал я.

Алиса передала ампулы капитанам.

— Он очень могучий фиксианец, — сказал я. — Любой другой на его месте давно бы умер.

Я достал из аптечки шиватель, и в минуту этот маленький аппаратик сшил ему все сосуды и зашил грудь. Мы осторожно перенесли фиксианца на «Синюю чайку», где я мог оказать ему настоящую врачебную помощь. Там ко мне присоединился доктор Верховцев, и через полчаса мы могли уже сказать, что жизнь Третьего капитана вне опасности.

Мы оставили Второго капитана дежурить у его постели, а сами спустились вниз, в пещеру, нам надо было отдохнуть. Первый капитан вышел с нами.

У входа сидел на корточках толстяк под охраной Зеленого.

— Он будет жить? — спросил с робкой улыбкой Весельчак У, словно речь шла о его любимом брате.

— Да, — коротко ответил Верховцев. — Хотя ты сделал все, чтобы он умер.

— Нет, нет, что вы! — засуетился толстяк. — Это все Крыс. Неужели вы до сих пор не поняли, какую роковую роль он сыграл в моей жизни, как обманом и посулами он втянул меня в отвратительные авантюры? Ведь мне что нужно было? Весело жить и иметь все, чего душа захочет. А ему? Ему нужна была власть. Как другие люди питаются супом и котлетами, так он питался властью. Если он в течение дня ни над кем не проявит власти, то для него этот день потерян. И ему нужна была власть над планетами, над всей Галактикой. А мне что? Мне бы только повеселиться. Я ведь, по существу, безобидный человек, попавший под дурное влияние.

Мы отвернулись от толстяка, и он продолжал говорить, обращаясь к Зеленому, будто хотел и в самом деле убедить нас, что он веселый, безобидный ягненок.

— Ну вот, — сказал доктор Верховцев, улыбаясь так, что, казалось, все его лицо состоит из тысячи добрых морщинок, — наконец-то все три капитана снова встретились. Как в добрые старые времена. Некоторое время вы были достоянием истории, извините — историческими реликвиями, а теперь...

— Да, — согласился с ним Первый капитан, — все как в старые добрые времена.

И я, глядя на него, подумал, что он совсем не стар. И, может быть, даже вернется снова в космос. Тем более, что проект «Венера» завершается.

И Первый капитан угадал мои мысли:

— Снова придется привыкать. Я, пока летел сюда, понял, что мои руки многое забыли.

— Вы все-таки собираетесь вернуться в космос? — обрадовался доктор Верховцев.

— И еще, — продолжал капитан, не отвечая прямо на вопрос доктора, — надо обязательно переменить название планеты и музея. Неудобно как-то: мы живы, здоровы, ничем особенным не прославились, а наши каменные копии стоят в музее, словно мы умерли давным-давно.

Глава 24. Конец путешествия

Через два часа Третьему капитану стало настолько лучше, что мы смогли поднять его на поверхность. Затем капитаны вывели из подземелья и «Синюю чайку». Каменную плиту, закрывавшую вход в подземелье, поставили на место.

Теперь вокруг поляны, среди разбитых зеркальных цветов, стояли три космических корабля: «Пегас», «Синяя чайка» и служебный корабль с проекта «Венера», у которого не было названия — только длинный номер.

— Пап, — сказала Алиса, — можно, я в лес схожу?

— Зачем?

— Поищу целых зеркал. Нельзя нам на Землю возвращаться без нового букета.

— Только осторожнее, — предупредил я. — Теперь на тебе не желтый комбинезон, а голубой, и птица Крок тебя не спугает со своим птенцом.

Пока корабли готовились к дальнему полету, я выпустил склисса попастьись на лужайку. Склисс тяжело прыгал от радости по траве, высоко подбрасывая копыта, мотал крыльями, но летать наотрез отказывался.

— Это самая веселая корова, каких мне приходилось видеть, — признался доктор Верховцев. — Но в хозяйстве такая корова неудобна.

— Нам уже говорили, что их трудно пасти, — согласился я. — Зато склисы могут перебираться через глубокие реки, если пастбище на другом берегу.

Толстяк все еще сидел на земле около «Пегаса» и уверял нас, что у него большое, старое сердце, которому требуется свежий воздух. И никому не хотелось с ним спорить и даже разговаривать, особенно после того, как Третий капитан рассказал, что именно Весельчак У пытал его, чтобы добыть секрет галактия.

— Зеленый, — сказал я, — присмотри, пожалуйста, за коровой, пока я покормлю остальных зверей, а то как бы ее птица Крок не унесла.

И тут я увидел, что на планету спускается еще один космический корабль.

Это уж ни на что не похоже! Не планета, а космодром! Откуда ему здесь взяться?

Я решил было, что это подкрепление пиратам, и хотел поднять тревогу, но тут же сообразил, что корабль терпит бедствие.

Он летел не прямо, а переворачивался, как-то странно кособочился, а за его хвостом тянулась какая-то серая масса, которая тормозила его и мешала нормально снижаться.

На мой крик все выбежали из кораблей и глядели, как спускается новый корабль.

— Включи рацию, Зеленый, — сказал Полосков.

Зеленый бросился к «Пегасу», настроился на волну корабля и включил рацию на полную мощность, чтобы мы снаружи тоже все слышали.

— Корабль! — вызывал Зеленый. — Что с вами? Вы терпите бедствие? Отзовитесь!

Приятный женский голос ответил:

— Бедствия меня не касаются. Главное — не упустить, а остальное пустяки.

— Какой знакомый голос, — сказал я. — Где-то я его слышал.

— Когда заблудились у Пустой планеты, — подсказала Алиса.

— Стойте, — прервал нас Первый капитан. — Могу поклясться, что это моя жена Элла.

Капитан побледнел и со всех ног бросился в радиорубку к Зеленому. И тут же мы услышали его голос:

— Элла, это ты? Что случилось?

— Кто это говорит? — спросил женский голос строго. — Это ты, Сева? А почему ты не на Венере? Ты же знаешь, как я беспокоюсь, когда ты улетаешь в космос.

Второй капитан улыбнулся.

— Она никак не может привыкнуть, — сказал он мне, — что у нее муж — космический капитан, хотя сама исколесила всю Галактику.

— Да не в этом дело, — сказал Первый капитан. — Ты забыла, что твой корабль терпит бедствие? Тебе нужна помощь? Что ты за собой тащишь?

— Ну разве ты не видишь? — удивилась Элла. — Это же живая туманность. Я за ней гонялась три недели, поймала в сеть, а теперь она хочет вырваться и улететь. Вот и приходится опускаться на первую попавшуюся планету, чтобы ее укротить. Сева, милый, у тебя нет под рукой какого-нибудь корабля?

— Ну конечно, есть, — ответил Первый капитан. — И не спеши опускаться: боюсь, с таким хвостом тебе не удастся это сделать.

— Вот и хорошо. Поднимись на минутку, и мы вместе ее опустим.

Первый капитан еще не кончил разговор, как Второй капитан был уже на мостике корабля, и еще через три минуты капитаны подняли его в воздух, где Элла боролась с непокорной живой туманностью, о которой в космосе ходит столько легенд, но которую никому еще не удавалось увидеть.

Два корабля справились наконец с сетью, и через полчаса живая туманность, надежно сжатая двумя кораблями, лежала на траве неподалеку от нас. Мы подбежали к ней. Я, надо признаться, бежал первым, потому что понимал, какое великое открытие в биологии совершила Элла.

Туманность нас разочаровала. Она, наверно, очень эффектна в межзвездном пространстве, когда расстилается на миллионы километров, но здесь, на траве, она казалась чуть пульсирующим серым сгустком тумана.

Люк в корабле Эллы распахнулся, и она вышла к трапу. К ней уже бежал ее муж, Первый капитан. Он протянул сильные руки, и Элла прыгнула сверху. Капитан поймал ее в воздухе и осторожно опустил на землю.

— Ты не ушиблась? — спросил он.

— Нет, — ответила Элла и улыбнулась. — И вообще все это неважно.

Элла была настоящая красавица и всем нам очень понравилась. Даже индикатор от переполнивших его чувств стал прозрачным.

— Все неважно, — повторила Элла, поправляя светлые волосы. — Туманность поймана, и теперь осталось только довести ее до Земли, чтобы скептики убедились, что она существует.

Я промолчал, потому что под скептиками она подразумевала, конечно, меня. И я даже вспомнил, что как-то встречался с ней на конференции и высмеял за увлечение фантастикой. Существует на свете множество реальных, обыкновенных животных, изучению которых стоит посвящать время и усилия, — это и Малый дракончик, и кустики, и индикатор. Но ведь живая туманность казалась мне выдумкой. Так я тогда и сказал.

— Кого я вижу! — воскликнула Элла, увидев Второго капитана. — Я вас несколько лет не видела. Как вы себя чувствуете? Все еще летаете?

— Нет, — ответил Второй капитан, — в основном я сидел на одном месте.

— Это правильно, — поддержала его Элла. — И на одном месте можно найти массу дел. А чей это очаровательный ребенок?

— Меня зовут Алиса, — ответил очаровательный ребенок.

— Алиса. Необычное имя.

— Самое обычное. Алиса Селезнева.

— Погоди-ка. А твой отец не в Московском зоопарке работает?

— В зоопарке, — ответила Алиса, которая не знала о наших научных разногласиях.

— Так вот, Алиса, когда увидишь своего отца, передай ему, пожалуйста, что живая туманность — не биологический бред, и не фантастика, и не сказочная выдумка, как он любит повторять, а самая настоящая реальность.

— Кстати, — сказала Алиса, — мой отец здесь. Вот он.

Мне ничего не оставалось, как выйти вперед и поздороваться.

— Простите, — сказал я. — Я признаю свою ошибку.

— Ну и отлично, — ответила Элла. — Вы мне поможете потом исследовать туманность?

— С удовольствием.

Тогда Элла обернулась к своему мужу:

— Расскажи, почему ты здесь оказался?

— Второй попал в беду, — коротко ответил Сева, — и надо было его выручать. Вот мы и сделали это. С помощью наших новых друзей.

— А в какую беду вы попали, капитан?

— В плен к пиратам.

— К пиратам? Но ведь вы их победили давным-давно.

— Победили, но не до конца. Знаете, как бывает, если оставишь один сорняк на грядке?

— Все-таки не понимаю, — развела руками Элла. — Ну кто в наши дни сидит по четыре года в плену?

Элла прилетела к нам словно из другого мира. Из того мира, в котором мы привыкли жить, но от которого оторвались за последние дни. И в самом деле, ей трудно было бы поверить, если бы мы начали рассказывать ей о пытках, подземельях и предательстве. И поэтому никто не стал с ней спорить.

— А что вы сделали с пиратами? — спросила Элла.

— Один сидит в клетке. Два — в трюме. А самый толстый и хитрый только что был здесь, — ответил Второй капитан. — Кстати, где он?

Толстяк пропал. Только что сидел на траве, робко улыбался — и пропал.

Мы облазили все заросли вокруг, осмотрели каждый куст — уйти далеко он не успел. Да и говорун поднял бы тревогу.

— Ну вот, — с укоризной сказала Элла, — не могли уберечь одного пирата! Разве это настоящая прополка?

И тут я заметил, что туманность колышется сильнее, чем прежде. Я пригляделся. Несколько ячеек сети были разрезаны.

— Я знаю, где он! — крикнула Алиса, которая подбежала за мной к сети. — Он в туманность залез.

— Ты здесь, Весельчак У? — спросил Верховцев, наклоняясь.

Туманность зашевелилась, словно копна сена, в которую забрался бродячий пес.

— Сейчас выпустим туманность и увидим, — решительно сказал Сева.

— Ни в коем случае! — возмутилась Элла. — Второй такой не найдем!

Нервы у толстяка не выдержали. Из туманности показалась его голова. Глаза были

выпучены, и он быстро дышал, — видно, в туманности было плохо с воздухом.

И вдруг толстяк резво вылетел из туманности и бросился бежать по поляне.

— Куда ты? — крикнул вслед ему Второй капитан. — Все равно поймаем. Не торопись, у тебя же больное сердце!

Но толстяк не слышал. Он несся между кустов, перепрыгивал через ямы, спотыкался, размахивал руками.

И птица Крок, лениво кружившая в высоте, увидела его сверху и спикировала на него, как коршун на зайчонка.

Еще секунда — и толстяк уже болтался в воздухе, будто продолжал бежать, а птица поднималась так быстро, что, когда Второй капитан выхватил пистолет, она поднялась на полкилометра.

— Не стреляй, — остановил его Первый капитан. — С такой высоты он разобьется...

И как будто сглазил. Толстяк как-то извернулся в когтях птицы, забился, и она выпустила его. Словно тряпочная кукла, толстяк летел к земле. И скрылся за холмом.

Мы молчали. Потом Зеленый сказал:

— Он сам себя наказал. И лучше придумать было нельзя.

И все с ним согласились.

А туманность между тем потихоньку выползала из сети. Она вытекала как кисель, расплзалась во все стороны, и когда мы опустили глаза, то увидели, что стоим по колени в сером киселе.

— Держите ее! — крикнула Элла. — Она же убежит!

И туманность убежала. Она окутала нас непроницаемой мглой, а когда мгла рассеялась, над нашими головами реяло большое серое облако.

— Все равно собирались стартовать, — сказал Второй капитан, — так что попрошу поторопиться.

Мы быстро загнали на корабль склисса, завели двигатели и взлетели. Вслед за нами поднялись остальные три корабля. И все мы, построившись цепью, погнались за живой туманностью.

Догнали мы ее только у планеты Шелезяка. К тому времени туманность распростерлась уже на несколько тысяч километров, и мы три дня сгоняли ее так, чтобы она уместилась в наши сети.

Наконец туманность закутали в тройную сеть и крепко привязали между двумя кораблями. В таком виде и отвезли к Солнечной системе, где каждый может полюбоваться ею в кратере Архимеда на Луне. Хотя любоваться нечем — нет более скучного экспоната, чем живая туманность.

Элла настаивала, чтобы туманность поместили в зоопарк на Земле, но земной климат для нее вреден, да и кто придет в зоопарк смотреть на серый туман? Куда интереснее поглядеть на индикатора, получить в подарок шарф от паука-ткача-троглодита, полить кустик лимонадом или отличить склисса от коров, в стаде которых он пасется.

На центральной лунной базе, в гостинице «Луноход», мы в последний раз собрались все вместе.

— Пришла пора прощаться, — сказал Второй капитан.

Капитаны сидели в ряд на большом диване и совсем не были похожи на свои памятники. Первый капитан был задумчив и с трудом скрывал печаль. Оказалось, что перевод Венеры на новую орбиту начался, пока он был в системе Медузы, и он опоздал к

торжественному моменту.

Третий капитан себя плохо чувствовал, его была лихорадка, которой он заболел в подземелье у пиратов, но, когда Верховцев принес ему лекарства, капитан отказался.

— Эта лихорадка пока не излечима земными лекарствами. Справлюсь с ней сам. Не обращайтесь внимания. Как только я снова выйду в космос, все пройдет. Для меня лучшая больница — мостик космического корабля.

Лишь Второй капитан был оживлен и весел. Он только что передал прилетевшим с Земли физикам формулу галактия. Физики заняли уже половину гостиницы, и с каждым новым кораблем прилетали их коллеги из разных университетов и институтов. Было получено сообщение, что на Луну спешат ученые с Фикса и линеанцы, а на космической верфи Плутона начали закладку кораблей, рассчитанных на новое топливо.

— Вы все время улыбаетесь, — сказала Второму капитану Элла, которая не любила сидеть на месте и нервно ходила по комнате. — Вы довольны, что подняли такую суматоху среди физиков?

— Страшно доволен, — признался Второй капитан. — Я, честно говоря, опасался, что вдруг формула галактия не так уж и нужна нам. Все те годы я думал: может быть, галактий уже изобретен на Земле?

— Но вы ведь все равно не отдали бы формулу пиратам? — спросил я.

— Нет, не отдал бы. Ну хорошо, какие у кого планы? Надеюсь, что мы еще не раз встретимся. В конце концов, космос не так уж и велик. Мне жаль только, что профессор Селезнев не собрал столько зверей, сколько хотел. Но зато он помог нам спастись, и мы обещаем ему, где мы ни будем, отовсюду привезем птиц и зверей для зоопарка.

— Спасибо, друзья, — сказал я. — Но должен сказать, что я не расстраиваюсь. Ведь будущим летом мы снова полетим в экспедицию на «Пегасе». Если, конечно, Полосков и Зеленый не откажутся лететь со мной.

— Не откажемся, — сказал Полосков.

— Я бы полетел, — сказал Зеленый, — если обстоятельства сложатся благополучно.

Нет, все-таки Зеленый неисправим! Я знал, что он полетит. Он сам знает, что полетит, но обязательно должен высказать какие-нибудь сомнения.

— И я полечу, — сказала Алиса.

— Посмотрим, — ответил я. — Тебе еще целый год в школе учиться.

— А куда вы теперь собираетесь? — спросил Полосков капитанов.

— Я спешу на Плутон, где будут строить корабли на галактических двигателях, — ответил Второй капитан. — И надеюсь, что один из первых доверят мне.

— Я сначала слетаю домой, на планету Фикс, — сказал Третий капитан. — Я очень давно не был дома. А потом тоже начну строить корабль на новом топливе.

— А я сейчас на Венеру, — сказал Первый капитан. — Венера уже движется на новую орбиту. Еще несколько месяцев — и моя работа будет закончена. И тогда я тоже присоединюсь к моим друзьям.

— И вы все полетите в дальний космос? — спросила Алиса.

— Да, — сказал Первый капитан.

— Да, — сказал Второй капитан.

— Разумеется, — сказал Третий капитан.

— А я собиралась лететь на живую планету, — сказала Элла. — Это даже интереснее, чем живая туманность. Но боюсь, что придется попросить слетать туда профессора

Селезнева.

— А почему? — спросил я. — Это вы ведь теперь у нас специалист по сверхбольшим животным.

— Я полечу с капитанами.

— Но мы летим в другую галактику. Это долгий и трудный полет.

— Не спорьте со мной, — сказала решительно Элла. — Я все обдумала. Нельзя нам расставаться так надолго.

— Но как же дети? — спросил Первый капитан.

— Дети останутся с бабушкой. Она не каждый день танцует в Большом театре. Будет брать их на субботу и воскресенье из детского сада.

Тогда Первый капитан смущенно взглянул на своих друзей.

И Второй капитан в знак согласия наклонил голову.

И Третий капитан в знак согласия поднял одну из шести рук.

— Не забудьте, — сказала мне Элла, которая, по-моему, и не сомневалась, что уговорит трех капитанов, — что вы обещали мне найти живую планету. А я привезу вам самое удивительное животное, которое мы встретим в соседней галактике...

«Пегас» первым стартовал с Луны. Мы спешили, потому что зверей надо было как можно скорей привезти в зоопарк и создать им нормальные условия. Капитаны и Элла проводили нас до корабля и пожелали доброго пути. «Пегас» поднялся над Луной и взял курс на Землю.

Я спустился в трюм посмотреть, как себя чувствуют наши звери. Большинство клеток стояло пустыми. Зверей было маловато. Пустовала и клетка, в которой раньше сидел пират Крыс. Мы высадили его и двух его помощников на планете, где он натворил столько бед. Там-то уж знают, как наказать пирата.

Я протянул склиссу последнюю охапку сена. Склисс прижался боком к решетке, чтобы я его почесал.

В трюм вошла Алиса. За ней вереницей семенили кустики.

— Ну как, — спросил я, — будет о чем рассказать в школе?

— Разве обо всем расскажешь? — пожала плечами Алиса. — Все равно не поверят.

Она взяла швабру и стала помогать мне мыть клетки.

— Да, — согласился я, — кое-чему не поверят.

— Ты недоволен путешествием? — спросила Алиса. — Мало зверей?

— Нет, честное слово, доволен. У нас появились новые друзья. И какие!

— Молодец! — похвалила меня Алиса. — А знаешь, капитаны обещали взять меня в другую галактику. Нет, не бойся, не в первое путешествие, а потом, когда я подрасту.

— Ну что ж, — сказал я, — в добрый путь.

— Не расстраивайся, папа, может, мы и тебя возьмем. Биологи в любой экспедиции нужны.

— Спасибо, Алиса, ты настоящий друг.

Мы с ней кончили чистить клетки и напоили зверей, потому что к посадке на Земле все должно быть в полном порядке.

День рождения Алисы

Глава 1

Родилась Алиса 17 ноября. Это день удачный для такого события. Могло быть значительно хуже. Я, например, знаю одного человека, который родился 1 января, так никто специально его день рождения не празднует, потому что Новый год — праздник общий. Плохо приходится и тем, кто родился летом. Все друзья или на каникулах, или в разъездах. Алисе на это жаловаться не приходится.

Примерно за неделю до Алисиного дня рождения я, придя домой из зоопарка, задумался: что ей подарить? Это всегда проблема. У меня, например, скопилось дома восемь одинаковых галстуков, шесть балерин, сделанных из корней и шишек, три надувные подводные лодки, четырнадцать зажигалок, ворох хохломских деревянных ложек и множество других ненужных вещей, которые получаешь в день рождения и осторожно прячешь: синюю чашку — к пяти уже подаренным сегодня синим чашкам, пепельницу в виде корабля звездных скитальцев — к трем таким же пепельницам.

Я сидел и вспоминал, что Алиса просила у меня в сентябре. Что-то просила. Что-то ей было нужно. Тогда я еще подумал: «Вот хорошо, подарю ей на день рождения». И забыл.

И тут позвонил видеофон.

Я включил его. На экране появилась страшная морда моего старого друга — космического археолога Громозеки с планеты Чумароз. Громозека в два раза больше обычного человека, у него десять щупальцев, восемь глаз, панцирь на груди и три добрых бестолковых сердца.

— Профессор, — сказал он, — не надо плакать от радости при виде меня. Я через десять минут буду в твоём доме и прижму тебя к своей груди.

— Громозека! — только и успел я воскликнуть, как экран отключился и мой друг Громозека пропал. — Алиса! — крикнул я. — Громозека приехал!

Алиса готовила уроки в соседней комнате. Она с удовольствием оторвалась от своих дел и прибежала ко мне в кабинет. За ней приплелся бродячий кустик.

Мы привезли его из последнего путешествия. Кустик был балованный и требовал, чтобы его поливали только компотом. И потому в доме оставались сладкие лужи, и наш робот-домработник целыми днями ворчал, вытирая пол за капризным растением.

— Я его помню, — сказала Алиса. — Мы Громозеку встречали на Луне в прошлом году. Что он копает?

— Какую-то мертвую планету, — сказал я. — Они нашли там руины городов. Об этом я читал в газете.

Громозека ведет беспокойную бродячую жизнь. Вообще-то жители планеты Чумароз любят сидеть дома. Но нет правил без исключения. Громозека за свою жизнь облетел больше планет, чем тысяча его соотечественников вместе взятых.

— Алиса, — спросил я, — что тебе подарить на день рождения?

Алиса потрепала кустик по листочкам и ответила задумчиво:

— Это, пап, вопрос серьёзный. Надо придумать. Ты только ничего без моего совета не предпринимай. А то принесешь ненужный подарок.

И тут входная дверь распахнулась, и пол задрожал под тяжестью гостя.

Громозека вкатился в кабинет, разинул свою широченную пасть, усеянную акульими зубами, и закричал с порога:

— Вот и я, мои бесценные друзья! Прямо с космодрома — к вам. Я устал и собираюсь поспать. Постели мне, профессор, на полу свой любимый ковер и разбуди через двадцать часов.

Тут он увидел Алису и заревел еще громче:

— Девочка! Дочка моего друга! Как ты выросла! Сколько тебе лет?

— Через неделю будет десять, — сообщила Алиса. — Второй десяток пойдет.

— Мы как раз сейчас думали, что ей подарить на день рождения, — сказал я.

— И придумали?

— Нет еще.

— Стыдно! — произнес Громозека, садясь на пол и раскидывая вокруг свои щупальца, чтобы они отдохнули. — Если бы у меня была такая милая дочка, я бы устраивал ей день рождения каждую неделю и дарил бы ей по планете.

— Конечно, — сказал я. — Особенно если учесть, что год у вас на Чумарозе длиннее, чем восемнадцать земных лет, а неделя тянется четыре земных месяца.

— И всегда ты, профессор, испортишь настроение! — обиделся Громозека. — У тебя не найдется валерьянки? Только неразбавленной. Меня мучит жажда.

Валерьянки не нашлось, послали за ней в аптеку робота-домработника.

— Ну, рассказывай, — попросил я, — что ты делаешь, где копаешь, что нашел?

— Не могу сказать, — ответил Громозека. — Клянусь Галактикой, это страшная тайна. А может быть, и сенсация.

— Не хочешь говорить — не надо, — ответил я. — Только я не знал раньше, что у археологов бывают тайны.

— Ой, — сказал Громозека и пустил желтый дым из ноздрей, — я обидел своего лучшего друга! Ты на меня рассержен! Все. Я уйду и, может быть, даже кончу жизнь самоубийством. Меня заподозрили в скрытности!

Восемь тяжелых дымящихся слез выкатились из восьми глаз моего впечатлительного друга.

— Не расстраивайтесь, — сказала тогда Алиса. — Папа не хотел вас обидеть. Я его знаю.

— Я сам себя обидел, — заявил Громозека. — Где валерьянка? Почему этих роботов никогда нельзя послать по делу? Он ведь стоит и болтает с другими роботами-домработниками. О погоде или о футболе. И совершенно забыл, что я изнываю от жажды.

— Может быть, вам принести чаю? — спросила Алиса.

— Нет, — испуганно замахал щупальцами Громозека, — это для меня чистой воды яд!

Тут, на счастье, появился робот с большой бутылкой валерьянки. Громозека налил валерьянки в стакан, одним духом выпил ее, и из ушей его пошел белый пар.

— Вот теперь лучше. Теперь я смогу выдать тебе, профессор, очень важную тайну. И пусть мне будет хуже.

— Тогда не надо выдавать, — попросил я. — Не хочу, чтобы тебе было хуже.

— Но ведь никто, кроме меня, не знает, что это тайна, — сказал Громозека.

— Вы очень странный археолог, — заметила Алиса. — Так, значит, никакой тайны нет?

— Есть тайна, — ответил Громозека. — Самая настоящая тайна, но не в том смысле, в каком вы ее понимаете.

— Громозека, — сказал я, — мы ничего не понимаем.

— Ничего не понимаем, — подтвердила Алиса.

Громозека, чтобы не тратить времени понапрасну, допил валерьянку прямо из бутылки, вздохнул так, что стекла задрожали, и рассказал нам вот что.

Археологическая экспедиция, в которой работает Громозека, прилетела на мертвую планету Колеиду. Раньше на Колеиде жили люди, но почему-то лет сто назад все они умерли. И все звери на планете умерли. И насекомые, и птицы, и рыбы. Ни одной живой души. Только развалины, ветер воет, дождь идет. Даже кое-где еще стоят на улицах машины и памятники великим людям.

— У них была война? — спросила Алиса. — И они друг друга перебили?

— Откуда у тебя такие мысли? — удивился Громозека.

— Мы по истории Средние века проходим, — ответила Алиса.

— Нет, не было там войны, — сказал Громозека. — Если бы была такая страшная война, то и через сто лет остались бы следы.

— Но, может, у них были какие-нибудь ядовитые газы? — спросил я. — Или атомная бомба? А потом началась цепная реакция?

— Ты умный человек, — произнес Громозека, — но говоришь глупости. Неужели мы, опытные археологи, мастера своего дела, во главе со мной, который смотрит сквозь землю и видит, как пробирается дождевой червь, неужели мы не догадались бы?

Громозека покачал своей головой и так страшно сверкнул глазами, что я мельком взглянул на Алису — уж не испугалась ли она моего добрейшего друга?

Но Алиса не испугалась Громозеки. Она думала.

— И вот у нас есть одно подозрение, — сообщил Громозека. — Только оно — тайна.

— На них напали, — сказала Алиса.

— Кто?

— Как кто? Космические пираты. Я их видела.

— Че-пу-ха, — ответил Громозека и захохотал, дрожа всеми щупальцами, разбив при этом вазу с цветами, стоявшую на подоконнике.

Я сделал вид, что не заметил, и Алиса сделала вид, что не заметила. Мы знали, что Громозека очень расстроится, если узнает, что натворил.

— Космические пираты не могут уничтожить целую планету. И, кроме того, космических пиратов почти не существует.

— Так что же погубило Колеиду?

— Вот я для этого и приехал, — заявил Громозека.

Мы с Алисой молчали и больше не задавали вопросов. Громозека тоже замолчал. Он ждал, когда мы будем его спрашивать. И ему очень хотелось долго не сдаваться, а потом сдаться.

Так мы и молчали минуты две. Наконец Громозека на нас совсем обиделся.

— Я вижу, — сказал он, — что вам неинтересно.

— Нет, почему же, — ответил я, — очень интересно. Только ты не хочешь говорить, и мы поэтому молчим.

— Почему я не хочу говорить? — вскричал Громозека. — Кто это сказал?

— Ты сказал.

— Я? Не может быть!

Тогда я решил подразнить моего друга, которого прямо распирало от желания все нам

рассказать.

— Ты, Громозека, собирался поспать часов двадцать. Ложись на ковер в столовой. Только стол в угол отодвинь. Алиса, иди делать уроки.

— Ах, так?.. — сказал Громозека. — Такие, значит, у меня друзья? Ты к ним спешишь через всю Галактику, чтобы поведать интересную новость, а они сразу тебя отправляют спать. Им со мной скучно. Им со мной неинтересно. Ну и пожалуйста. Только покажи, где у тебя ванная, я хочу вымыть щупальца.

Алиса смотрела на меня умоляюще. Ей так хотелось спросить Громозеку!

Но тот уже протопал в ванную, цепляясь щупальцами за мебель и стены.

— Ну зачем ты, папа, так с ним поступил? — прошептала Алиса, когда Громозека ушел. — Ведь он хотел рассказать.

— Пускай не кривляется, — сказал я. — Если бы мы стали просить, он бы еще часа два нас мучил. А теперь сам расскажет. Можем поспорить.

— Давай, — согласилась Алиса. — На что поспорим? Я говорю, что Громозека очень обиделся и ни о чем нам не расскажет.

— А я говорю, что он очень обиделся, но именно поэтому скоро все нам расскажет.

— На мороженое.

— На мороженое.

Так мы поспорили. И не успели разнять руки, как в коридоре задрожали стены. Громозека шел обратно.

Он был мокрый, вода лилась по его панцирю, и щупальца оставляли неровные мокрые полосы на полу. Сзади шел робот-домработник с тряпкой и подтирал за гостем пол.

— Послушай, профессор, — сказал Громозека, — где у тебя детское мыло?

— Мыло? — удивился я. — Мыло на полке. Разве там нет?

— Есть, — засмеялся Громозека. — Я пришел специально над тобой посмеяться. Ведь ты думал, что я спешу, чтобы открыть тебе тайну. И, наверное, сказал своей дочке: вот идет глупый Громозека, которому так хочется поделиться с нами тайной, что он забыл вытереть щупальца. Разве не так?

Я пожал плечами.

Но Алиса тут же меня выдала.

— Мы даже поспорили, — сообщила она. — Я сказала, что вы не придете.

— Ну вот! — Громозека снова сел на пол и разложил, как лепестки, вокруг свои мокрые щупальца. — Теперь я доволен: вы хотели надо мной посмеяться, а я посмеялся над вами. Мы квиты. И поэтому слушайте, мои друзья. Вы помните об эпидемии космической чумы?

Конечно, мы помнили об этой эпидемии. Вернее, я помнил, а Алиса читала о ней. Лет пятнадцать назад на Землю вернулась экспедиция из восемнадцатого сектора Галактики. Как и положено было в те времена, дальняя экспедиция причалила не к самой Земле, а к базе на Плуtone, для того чтобы пройти карантин. Это и спасло нашу планету.

Два члена экипажа были больны неизвестной болезнью. Их отправили в изолятор. Но, несмотря на все лекарства, им становилось все хуже и хуже. На следующий день заболели остальные члены экипажа, а еще через два дня — все, кто был на базе.

На Земле была объявлена тревога, и специальный медицинский корабль понесся к Плутону. Несколько дней подряд продолжалась борьба за жизнь космонавтов и сотрудников базы. И закончилась поражением врачей. Им не только не удалось вылечить заболевших, но и они сами, несмотря на все меры, тоже заболели.

Вот тогда эту болезнь и назвали космической чумой.

Был объявлен карантин, и патрульные корабли крейсировали вокруг Плутона, чтобы кто-нибудь случайно туда не залетел. Тем временем лучшие врачи Земли и других планет старались разгадать тайну болезни. Казалось, что против нее нет никакого средства и ничем ее не остановить. Не помогали ни лекарства, ни толстые стены изоляторов.

И лишь через три месяца ценой громадных жертв и усилий несколько тысяч ученых нашли причину болезни и узнали, как ее победить.

Обнаружилось, что справиться с чумой было так трудно потому, что ее переносили вирусы, которые обладали двумя удивительными свойствами: во-первых, они умели маскироваться под своих безвредных собратьев и найти их в крови было совершенно невозможно, а во-вторых, все вместе они были разумным существом. Каждый вирус сам по себе не мог думать и принимать решения, но, когда их собиралось вместе несколько миллиардов, образовывался странный, злой разум. И стоило врачам приблизиться к разгадке чумы, как разум тут же приказывал всем вирусам изменить форму, выдумывал противоядия против лекарств, находил новые пути убивать людей.

Когда ученые догадались, в чем дело, они попытались наладить с вирусным разумом связь. Но тот не захотел разговаривать с людьми. Или не смог — все мысли его, вся его изобретательность были направлены только на разрушение, ничего создавать он не умел.

Потом, когда космическая чума была уже побеждена, удалось найти в архивах других планет упоминание об этих вирусах.

Оказалось, что Солнечная система — не первое место, где появлялась эта чума. На счету у вирусов были погубленные планеты и целые системы планет. И если не удавалось найти способ изгнать чуму, вирусы не успокаивались до тех пор, пока не уничтожали все живое на планете. Истребив людей и животных, вирусы или снимались, как рой пчел, и улетали в космическое пространство, где поджидали какой-нибудь корабль либо планету, чтобы напасть на них, или оставались на месте и впадали в спячку.

Космические археологи из экспедиции Громозеки и решили, что, наверное, планета Колеида погибла от космической чумы. Обитатели ее не нашли способа справиться с эпидемией.

И вот, для того чтобы убедиться в этом наверняка, Громозека прилетел к нам на Землю. На Земле есть Институт времени. Его сотрудники могут путешествовать в прошлое. И Громозека решил попросить в институте, чтобы к нему в экспедицию прислали машину

времени и кто-нибудь слетал в прошлое Колеиды и посмотрел, не от космической ли чумы погибли все ее жители.

Глава 3

На следующий день Громозека с утра ушел в Институт времени. Пропадал он там до обеда, и Алиса, которая уже знала все о его делах, придя из школы, осталась дома ждать возвращения археолога. Ей было очень любопытно узнать, чем все кончится.

Мы увидели Громозеку в окне. Задрожали стекла, и наш дом легонько затрясся. Громозека шел посреди улицы, рычал какую-то песню и нес такой большой букет цветов, что задевал им за дома на разных сторонах улицы. Прохожие при виде нашего дорогого чудовища прижимались к стенам и немного пугались, потому что никогда раньше не видели букета цветов в пять метров в диаметре, из-под которого высывались длинные толстые щупальца с когтями на концах. Громозека каждому прохожему давал по цветку.

— Эй! — крикнул мой друг, останавливаясь под нашими окнами.

— Здравствуй, Громозека! — воскликнула Алиса, растворяя окно. — У тебя хорошие новости?

— Все расскажу, мои дорогие! — ответил Громозека и дал цветок старику, который от удивления сел прямо на тротуар. — Но пока примите этот скромный букетик. Я его передам вам по частям, а то мне с ним не войти в подъезд.

И Громозека протянул щупальца с первой порцией цветов.

Через пять минут вся комната была набита цветами, и я даже потерял Алису из виду. Наконец последняя охапка цветов очутилась в комнате. Я спросил:

— Алиса, где ты?

Алиса откликнулась из кухни:

— Я собираю все кастрюли, чашки, миски, тарелки и вазы, чтобы налить в них воду и поставить цветы.

— Не забудь о ванне, — сказал я. — Наполни ее водой. В нее поместится большой букет.

После этого я, разгребая цветочное море, поплыл к двери, чтобы открыть ее и впустить Громозеку в дом.

Увидев, что творится в квартире, Громозека был очень доволен.

— Я думаю, — сказал он, помогая нам расставлять цветы по кастрюлям, вазам, мискам, тарелкам и чашкам, ставить их в ванну и кухонную раковину, — я думаю, что раньше вам никто не приносил такого пышного букета.

— Никто, — согласился я.

— Значит, я ваш самый лучший друг, — заявил Громозека. — А в доме опять нет ни капли валерьянки.

Сказав так, Громозека улегся на пол, на ковер лепестков, и рассказал, что ему удалось сделать за день.

— Сначала я пришел в Институт времени. В Институте времени мне очень обрадовались. Во-первых, потому, что к ним приехал сам Громозека, знаменитый археолог...

Здесь Алиса перебила нашего гостя и спросила:

— А откуда они о тебе, Громозека, знают?

— Обо мне все знают, — ответил Громозека. — Не перебивай старших. Когда меня увидели в дверях, то у всех от радости случился обморок.

— Это от страха, — поправила Громозеку Алиса. — Некоторые, кто тебя раньше не видел, могут испугаться.

— Чепуха! — рявкнул Громозека. — У нас на планете я считаюсь красавцем.

Тут он рассмеялся, и лепестки цветов взвились в воздух.

— Не думай, что я такой наивный, Алиса, — сказал он, отсмеявшись. — Я знаю, когда меня боятся, а когда рады меня видеть. И поэтому я всегда сначала стучусь в дверь и спрашиваю: «Здесь маленьких детей и слабонервных женщин нет?» Если мне отвечают, что нет, тогда я вхожу и говорю, что я знаменитый археолог Громозека с Чумароза. Теперь ты довольна?

— Довольна, — подтвердила Алиса. Она сидела, скрестив ноги, на свернутом в клубок щупальце Громозеки. — Продолжай. Значит, во-первых, они обрадовались, что к ним приехал сам Громозека. А во-вторых, почему?

— Во-вторых, — сказал Громозека, — потому, что они только вчера кончили испытания новой машины времени. Если раньше все машины могли работать только из здания института, то новую машину можно перевезти на другое место. Она питается от атомных батарей. Они как раз собирались везти машину на Чудное озеро.

— Куда? — удивился я.

— Громозека хотел сказать — на Чудское озеро, правильно? — уточнила Алиса. — Громозека имеет право не знать некоторых событий в нашей истории.

— Я так и сказал — Чудское озеро, — заявил Громозека. — А кто не так услышал, у того, значит, большие уши... Они хотели посмотреть, как Александр Македонский победил там песцов-рыцарей.

— Правильно, — сказала Алиса. — Они хотели посмотреть, как Александр Невский победил там псов-рыцарей.

— Ох, — вздохнул Громозека, — вечно меня перебивают! Но когда я узнал, что они все равно готовят машину времени для поездки, я им сказал: «Что такое одно озеро, когда в вашем распоряжении будет целая планета? А на озеро вы всегда успеете съездить, потому что каждому школьнику известно, что Александр Невский все равно победил всех рыцарей. А вот что случилось с планетой Колеида, не знаю даже я, великий археолог Громозека. Хотя, вернее всего, она погибла от космической чумы». — И они согласились? — спросила Алиса.

— Не сразу, — признался Громозека. — Сначала они говорили, что машина еще не проверена и в таких трудных условиях, как космос, она может отказать и случится авария. Потом, когда я сказал, что на Колеиде условия никак не труднее, чем на Чудном озере, они сказали, что атомные батареи и другая аппаратура такие тяжелые, что нужно десять кораблей, чтобы их перевезти на Колеиду. Но тут-то я уж понял, что они вот-вот согласятся. Ведь им тоже соблазнительно испытать свою машину времени на чужой планете. И я заявил им, что мы можем пустить в ход главную электростанцию на Колеиде и, кроме того, у нас в экспедиции есть очень мощный атомный реактор и даже гравитационные двигатели. А если им нужно послать вместе с машиной целую группу испытателей, мы их всех примем, накормим и даже будем через день возить на экскурсии. Вот они и согласились. Ну как, молодец я?

— Ты молодец, Громозека, — сказал я.

— А теперь я буду спать, потому что завтра начнем погрузку. Даже без атомных батарей нам понадобится для перевозки машины три корабля. А эти корабли еще надо

достать.

И тут же Громозека прислонил толстую, мягкую, похожую на небольшой воздушный шар голову к стене и заснул.

Весь следующий день Громозека носился по Москве, летал в Прагу, созванивался с Луной, доставал корабли, договаривался о погрузке и лишь вечером пришел домой. На этот раз без цветов, но не один.

С ним пришли два временщика. Так у нас называют работников Института времени. Один временщик был молодой, длинноногий, очень худой и, может быть, поэтому не очень веселый. У него были темные курчавые волосы, словно у папуаса, и Громозека, удивляясь, какие бывают на свете тонкие создания, все время норовил поддержать временщика когтем. Второй временщик был невысоким плотным пожилым человеком с маленькими острыми серыми глазками. Он немного заикался и был одет по самой последней моде.

— Петров, — представился он. — М-михаил Петров. Я руковожу проектом. А Ричард будет заниматься непосредственно нашей машиной.

— Как же, как же, — сказал я. Имя этого знаменитого физика, который открыл временные изменения в сверхтекучей плазме, а потом возглавил Институт времени, было мне отлично известно. — Очень рад, что вы пришли к нам в гости.

— А у вас какой-то праздник? — спросил Петров. — Д-день рождения? Извините, мы не знали, а то бы принесли подарок.

— Нет, это не праздник, — заметил я. — Это наш друг Громозека вчера принес нам букет цветов. А так как Громозека все делает несколько преувеличенно, то он попросту оборвал целую цветочную оранжерею.

— Садитесь, — предложил Громозека. — Сейчас выпьем валерьянки и поговорим.

Он достал из глубокой сумки, которая растет у всех чумарозцев на животе, бутылку с валерьянкой и множество всяких вкусных вещей и напитков.

— Итак, — сказал он, усаживаясь на ковер и окружая всех нас щупальцами, будто боялся, что мы разбежимся, — вот мы и достали корабли, получили согласие Академии наук на вашу командировку в космос и скоро отправимся испытывать машину. Вы рады?

— Спасибо, — сказал вежливо Петров. — Мы благодарим вас за приглашение.

— Вот, — проговорил Громозека обиженно, обращаясь ко мне, — на самом деле он не рад. И знаешь почему? Потому что ему хотелось побывать на Чудном озере.

— На Чудском, — поправила Громозеку Алиса.

Громозека как будто не слышал.

— Ему хотелось побывать на Чудском озере, потому что он знает, чего ждать от этого озера. Сколько туда ни ездят, все равно рыцарям не победить Александра... Невского. А вот на Колеиде неизвестно чем все закончится. А вдруг их погубила вовсе не космическая чума, а что-то другое?

— Если вы хотите упрекнуть нас в трусости, — обиделся Ричард, — то ваши замечания попали не по адресу. Вы просто не представляете, с каким риском связана работа во времени. Вы не знаете, что наши люди пытались помочь Джордано Бруно и спасти его от костра, что они проникали в ряды армии крестоносцев и в фашистские лагеря. Знаете ли вы, что им приходится полностью перевоплощаться в людей другого времени, делить с ними все их опасности и беды?

— Не горячись, Ричард, — остановил его Петров. — Разве ты не видишь, что Громозека тебя специально дразнит? Вот ты и попался на удочку.

— Я никого не дразнил! — возмутился Громозека. — Я очень прямой и наивный археолог.

Громозека говорил неправду. На самом деле он не лишен ехидства, и он боялся, что временщики почему-нибудь откажутся от полета к археологам и тогда все его мечты пойдут прахом.

— Не беспокойтесь, Громозека, — сказал вдруг Петров, который был очень проницательным человеком. — Если институт обещал вам, что экспериментальная модель машины времени будет испытываться в вашей экспедиции, значит, так и будет.

— Вот и отлично! — ответил Громозека. — Я и не сомневался. Иначе я не стал бы знакомить вас с моими лучшими друзьями — профессором Селезневым и его отважной дочерью Алисой, о которой вы мало знаете, но скоро узнаете больше.

— А почему они скоро узнают больше? — спросил я.

— Потому что я придумал замечательный подарок к дню рождения твоей дочки, профессор, — ответил Громозека.

— Какой?

— Я возьму ее с собой на Колеиду.

— Когда? Сейчас?

— Конечно, сейчас.

— Но ведь ей в школу надо ходить.

— Я завтра же сам пойду к ней в школу и поговорю с учительницей. Она наверняка отпустит ее на несколько дней.

— Ой, — сказала Алиса, — большое спасибо! Только не надо ходить в школу.

— Почему?

— Потому что наша Елена очень нервная и боится пауков, мышей и других чудовищ.

— А я при чем? — спросил строго Громозека.

— Ты ни при чем, — поспешила ответить Алиса. — Но она может тебя немножко испугаться. Не столько за себя, сколько за меня. Она скажет, что будет бояться отпустить меня... то есть не с тобой, а с таким, как ты... то есть, ты только не обижайся, Громозека...

— Все понятно, — сказал мой друг печально. — Все понятно. Ты, моя девочка, попала в руки к жестокой женщине. Ты опасаясь, что она может причинить мне, твоему другу, зло.

— Нет, ты меня не так понял...

— Я тебя отлично понял. Профессор!

— Что? — спросил я и постарался сдержать улыбку.

— Немедленно возьми своего ребенка из этой школы. Ее там замучают. Если ты этого не сделаешь, я завтра же сам пойду туда и Алису спасу.

— Алиса сама кого угодно спасет, — сказал я. — Не бойся за нее. Ты мне лучше скажи, на сколько дней ты собираешься ее забрать?

— Дней на тридцать-сорок, — попросил Громозека.

— Нет, об этом и не мечтай.

— Тогда на двадцать восемь дней.

— Почему на двадцать восемь?

— Потому что я с тобой торгуюсь и ты уже выторговал у меня два дня. Торгуйся дальше.

Временщики рассмеялись.

— Никогда не знал, что космические археологи такие веселые люди, — заметил Ричард.

— Да я не собираюсь с тобой торговаться, — сказал я Громозеке. — Неужели не ясно, что ребенку надо ходить в школу?

— К такому монстру, как Елена, которая мучает мышей и пауков? Которая могла бы на меня напасть, если бы не Алисино предупреждение?

— Да, к такому монстру, к очаровательной, доброй и чуткой женщине — не в пример тебе, толстокожему эгоисту.

— П-погодите, не спорьте, — вмешался тогда Петров. — Когда у Алисы начинаются каникулы?

— Через пять дней, — сказала Алиса.

— Они длинные?

— Недельные.

— Вот и отлично. Пустите, профессор, вашу дочку с нами на неделю. Наверное, мы все равно не успеем до каникул закончить погрузку.

— Стойте! — обиделся Громозека. — Я еще не успел толком поторговаться с профессором. Отпусти дочку на двадцать шесть дней.

— Нет.

— На двадцать два!

— Не отпущу!

— Ты жестокий человек, Селезнев. Я жалею, что подарил тебе вчера скромный букет цветов. Восемнадцать дней, и ни минутой меньше.

— Но зачем вам так много времени?

— Два дня полета туда. Два дня обратно. И две недели на месте.

— Хорошо, — согласился я. — Четыре дня на дорогу, пять дней на Колеиде и один день на всякий случай. Итого десять дней. Я сам схожу в школу и попрошу, чтобы Алисе разрешили опоздать на три дня с каникул. И больше об этом ни слова.

— Ладно, — согласился Громозека. — Но корабль может задержаться в пути. Вдруг встретим метеоритный поток?

— Если встретите, то вы не виноваты.

— Алиса, — обернулся Громозека к моей дочери, — ты все поняла? Инструкции получишь у меня завтра. А теперь я вам, дорогие временщики, расскажу, как нам повезло, что этот жестокий профессор согласился отпустить с нами свою прелестную дочь. Послушайте в моем изложении историю о том, как она нашла трех капитанов и спасла Галактику от космических пиратов.

И Громозека принялся рассказывать временщикам о том, как мы летали на «Пегасе» за космическими зверями и как нашли Второго капитана. Рассказ его был так далек от истины, что я даже не стал прерывать Громозеку, а только сказал Петрову и Ричарду:

— Все уменьшайте в десять раз. А ты, Алиса, иди делать уроки, а то еще и в самом деле поверишь Громозеке, какие подвиги ты совершала.

— Ну, скажем, подвигов я не совершала, — сказала Алиса, — но вела себя достойно. Спокойной ночи, я пошла делать уроки. Встретимся в космосе.

Когда Громозека кончил рассказ про Алису, временщики принялись обсуждать свои дела, выяснять, что потребуется взять дополнительно на Колеиду, и разошлись уже за полночь.

А когда мы ложились спать, я спросил Громозеку:

— Скажи мне, старый хитрец, почему ты настаивал, чтобы Алиса летела с тобой на Колеиду?

— Пустяки, хочется сделать ребенку приятное, — сказал Громозека.

— Не верю я тебе, но что делать...

— Я буду сам за ней смотреть, — заявил Громозека, устраиваясь поудобнее и сворачиваясь в большой блестящий шар. — Ни один золотой волосок не упадет с ее прекрасной головки.

А еще через четыре дня корабли с разобранной машиной времени на борту взяли курс на Колеиду. На первом корабле вместе с Громозекой летела Алиса. А что случилось с ней на той планете, я узнал только через две недели, когда Алиса вернулась домой. Произошло там вот что.

Корабли опустились на Колеиду ранним утром. К тому времени, как были открыты люки, дежурный радист уже успел разбудить всех археологов, и они, одеваясь на бегу, спешили к кораблям по истоптанному роботами и копательными машинами пыльному полю.

— Я выйду последним, — сказал Громозека временщикам и Алисе. — Вы гости, а я скромный археолог. Они уже знают, что мы привезли машину времени, и поэтому будут очень рады нас видеть. Алиса, оденься потеплее, я обещал твоему отцу, что ты не простудишься. Хотя в общем это тебе не угрожает, потому что простуду вызывают микробы, а микробов на Колеиде нет.

— Почему нет? — спросила Алиса.

— А потому, что на Колеиде ничего нет. Ни людей, ни зверей, ни растений, ни мух, ни микробов. Космическая чума уничтожает все живое.

Первой из корабля вышла Алиса.

В экспедиции было тридцать пять археологов. И ни одного с Земли. Здесь были линеанцы, фиксаанцы, ушаны и другие ученые. Кроме общей профессии, у них не было ничего общего. Среди встречавших оказались археологи вообще без ног, на двух ногах, на трех ногах, на восьми ногах, на щупальцах, на колесиках, а один археолог мог похвастаться ста сорока четырьмя ногами. Самый маленький археолог был ростом с котенка, а самым большим был наш друг Громозека. У всех археологов было разное число рук, глаз и даже голов.

А все головы были повернуты к люку корабля, и, когда Алиса остановилась у люка и помахала своим новым знакомым рукой, они замахали в ответ руками и щупальцами и закричали ей «здравствуй» на двадцати с лишним языках.

Еще больше археологи обрадовались появлению временщиков, но, когда в люк пролез веселый Громозека с туго набитым мешком писем и посылок, археологи даже запрыгали от радости, подхватили Громозеку на руки (щупальца и колесики) и понесли к разноцветным палаткам лагеря. По дороге одного из археологов, самого маленького и хрупкого, даже задавили, но, к счастью, не до смерти — Алиса успела заметить его под ногами (щупальцами и колесиками) археологов и вытащить полузадушенного наружу.

— Спасибо, девочка, — поблагодарил археолог, сворачиваясь клубочком у Алисы на руках. — Может, я смогу отплатить тебе добром за добро. Мои друзья немножко увлеклись.

Археолог был светло-зеленый, пушистый, у него было курносое личико с одним сиреневым глазом.

— Я крупнейший в Галактике специалист, — сказал он, — по расшифровке древних языков. Ни одна кибернетическая машина со мной не сравнится. Если бы они меня совсем загоптали, это была бы большая потеря для науки вообще и для нашей экспедиции в частности.

Даже в такой тяжелый момент маленький археолог думал о деле, а не только о себе.

Алиса принесла пострадавшего археолога, которого звали Рррр, в самую большую палатку, где собрались все остальные, и при помощи Петрова отыскала врача экспедиции — грустного, похожего на садовую лейку на ножках обитателя планеты Кроманьян. А когда врач сказал, что больному ничего не угрожает, она стала слушать, о чем разговаривают

археологи.

Оказалось, члены экспедиции не сидели сложа руки, пока их начальник летал на Землю за машиной времени. Они раскопали небольшой город целиком, со всеми его домами, улицами, сараями, фабриками, кинотеатрами и железнодорожной станцией.

И после обеда за общим длинным столом, во время которого Громозека рассказывал друзьям о своих приключениях на Земле, археологи повели гостей осматривать раскопки.

Конечно, за сто лет, прошедших со дня гибели города, ветры, дожди и снега постарались снести его с лица земли, и во многом это им удалось. Но каменные дома все-таки остались стоять, хоть и без крыш и окон; выветрились, но не совсем пропали мостовые, вдоль которых рядами стояли обломанные, без коры высокие пни деревьев. Лучшее всего сохранился старый замок на холме над городом. Ему было уже больше тысячи лет, но стены, сложенные из могучих каменных плит, стойко выдержали нападения ветра и дождя.

Археологи смазали разохшееся дерево клейкими растворами, положили на место разбросанные камни и кирпичи, осторожно убрали с улиц грязь и пыль, накопившиеся за век, и в солнечный, светлый день город казался хоть и потрепанным, старым, но чистым и почти настоящим. Как будто люди ушли из него совсем недавно.

Жители города были невелики ростом, ниже обычных людей, но очень на них похожи, и когда Алиса зашла в один из восстановленных домов, то оказалось, что и стол в нем, и кровать, и стулья были сделаны будто специально для Алисы.

Около станции стоял маленький поезд. У паровоза была длинная труба, а вагончики с большими круглыми окнами и выгнутыми крышами были похожи на старинные кареты.

Один из археологов, специалист по реставрации, который и восстановил паровоз и поезд из кучи ржавого лома, долго не отпускал гостей со станции — ему очень хотелось, чтобы они оценили, как тщательно сделаны все ручки, кнопки и рубильники в старинной машине.

Потом гости осмотрели музей, куда археологи собрали все мелкие вещи, найденные в городе: картины, статуи, посуду, одежду, домашнюю утварь, украшения и так далее. И видно было, как много им пришлось потрудиться, чтобы вернуть эти вещи к жизни.

— Скажите, — спросил Петров, когда гости кончили осматривать музей, — вам удалось т-точно установить, когда погибла планета Колеида и отчего она погибла?

— Да, — сказал маленький археолог Рррр. — Я прочитал остатки газет и журналов и нашел много документов. Во всем виновата эпидемия. Эпидемия началась на Колеиде сто один год, три месяца и двадцать дней назад. По тому, как ее описывали испуганные жители, она очень похожа на космическую чуму.

— А как чума попала на планету? Ведь вирусы ее сами не могут пролететь сквозь атмосферу. Значит, ее кто-то принес. Может, это был метеорит?

— Вот это нам узнать не удалось. Все может быть, — сказал Рррр. — Известно только, что первые сообщения о странной болезни появились в газетах именно в три тысячи восьмидесятом году местной эры. В третьем месяце и восьмом дне.

— И выяснить, как это случилось, придется нашим друзьям временщикам, — закончил за него Громозека. — Для этого они сюда и прилетели. Так что, друзья, считайте, что мы почти победили!

Громозека затряс щупальцами, распахнул громадную пасть, все археологи закричали «ура», а временщик Петров сказал тихо:

— Вот именно что почти.

Пять дней все археологи, временщики и матросы с космических кораблей устанавливали машину времени и атомные батареи для ее питания.

Наконец посреди поля выросло высокое, с трехэтажный дом, сооружение.

Сама временная камера занимала в этом сооружении только самую середину, остальное были контрольные приборы, пульта управления, дублирующие блоки, кибернетический мозг и вспомогательные устройства.

Все работы на раскопках остановились. Что за смысл копать в обломках, если есть возможность посмотреть на эти вещи и на хозяев наяву?

— Н-ну вот, — сказал утром на шестой день Петров, — монтаж машины закончен. В камере может поместиться только один человек. А так как модель машины опытная и неизвестно еще, чем все кончится, в прошлое пойду я сам.

— Ничего подобного! — возразил Ричард, размахивая длинными худыми руками. — Мы же с вами спорим уже четыре дня, и я вас убедил, что идти надо мне.

— Почему? — спросила Алиса.

Она была вся перемазана в графите и покрыта пылью. Она не успевала умываться и причесываться — так она была занята. Ведь надо было и техникам помочь, и на раскопках побывать, и слетать на разведку с добродушным Рррр, который ни в чем Алисе отказать не мог, ведь она спасла его от смерти.

— Да потому, Алиска, — сказал Ричард, — что если что-нибудь случится со мной, то мое место может занять любой из ста сотрудников Института времени, а если что-нибудь случится с академиком Петровым, его не заменит никто в Галактике. Так что я рассуждаю разумно. Да и вообще, что может случиться с нашей машиной?

— Тем более, — добавил Петров, — должна же быть какая-то дисциплина. Я н-несу ответственность и за машину, и за тебя, Ричард.

— Я бы сам поехал в прошлое, — сказал Громозека, — но я никак не умещусь в машине времени.

— Все понятно, — заметила Алиса. — Полечу я.

Все засмеялись, и никто не стал ее слушать всерьез. Алиса очень обиделась, чуть не разревелась, и тогда, пока Петров с Ричардом убеждали друг друга, кому ехать первым, Громозека осторожно оттащил Алису щупальцем в сторону и прошептал:

— Слушай, девочка, я же тебя пригласил сюда не совсем бескорыстно. Я думаю, что тебе еще придется съездить в прошлое. Не сейчас, а позже. И тогда на твою долю выпадет самая сложная работа. Какая — говорить еще рано. Но клянусь тебе всеми чудовищами космоса, что в решающий момент командовать парадом будем мы с тобой.

— Как бы не так, — сказала Алиса. — Мы здесь уже шесть дней, а послезавтра уходит грузовая ракета на Землю, и для меня в ней выделено место.

— Ты мне не веришь? — удивился Громозека и пустил желтый дым из ноздрей. — Ты ставишь под сомнение честное слово самого Громозеки? Тогда, значит, я глубоко ошибался. Ты недостойна той чести, которую я для тебя приготовил.

— Достойна, достойна, — ответила быстро Алиса. — Я буду молчать.

Они вернулись к временщикам.

— Значит, т-так, — сказал Петров, глядя в упор на Ричарда, как будто гипнотизируя его. — Завтра утром я лечу в прошлое. Для начала мы заглянем в тот момент, когда

эпидемия уже бушевала на Колеиде. Полет будет коротким. Не больше чем полчаса. Я никуда не буду отходить от машины и вернусь ка-ак только что-нибудь разузнаю. Если все кончится благополучно, следующий полет в прошлое будет длиннее. Ясно?

— Но, Михаил Петрович... — начал было Ричард.

— Все. Займись лучше проверкой системы безопасности, если не хочешь, чтобы твой начальник застрял посреди путешествия.

— Главное, — сказал Рррр, который слышал весь спор, — привезите оттуда свежую газету. Или даже несколько свежих газет.

— Обязательно, — сказал Петров. — Что еще?

— А еще нам придется зайти в мою лабораторию, — сказал доктор, похожий на садовую лейку, — и пройти гипнотический курс обучения местному языку. Это займет часа два. И вам может пригодиться.

Глава 7

На следующее утро Алиса проснулась от жужжания, словно огромная пчела летала над самой палаткой. Было холодно, ветер колыхал полог, и Громозека ворочался на подстилке, подрагивая щупальцами во сне, словно щенок лапами.

— Алиса! — послышался тихий голос из-под полога. Нижний край его отогнулся, и в отверстии сверкнул сиреневый глаз Rrrr. — Хочешь посмотреть, как испытывают машину времени?

— Ну конечно! — прошептала в ответ Алиса. — Я сейчас. Только оденусь.

— И потеплее, — сказал вдруг Громозека, не открывая глаз. Слух у него был исключительный. Даже во сне.

— Ты его разбудила? — спросил Rrrr.

— Нет, он спит. Просто он никогда не перестает обо мне заботиться. Он слово дал моему отцу.

Алиса выбралась из палатки. На земле пятнами лежал голубой иней. Палатки были еще застегнуты, лишь над крайней, в которой была кухня, поднимался дымок. Лагерь спал.

Солнце только-только выбралось из-за похожих на частую гребенку с выломанными зубьями гор, тени были длинные, и раскопанный археологами городок казался сиреневым, как глаз Rrrr.

Алиса подбежала к машинному зданию, из которого доносилось низкое жужжание.

— Я думаю, — трещал без умолку Rrrr, который бежал сзади, как котенок, — что временщики решили запустить машину без свидетелей. Чтобы было как можно меньше шума. Они очень осторожные и, я бы сказал, странные и скромные люди. Но я счел своим долгом разбудить тебя, Алиса, потому что ты мой друг, а без друга я не имею морального права наблюдать, как самый первый человек отправится на сто лет назад и узнает, что же случилось с этой несчастной планетой... Осторожнее!.. Если они нас увидят, они могут нас вообще выгнать...

Но было поздно. Петров, одетый в длинный халат, в высокой шляпе, как носили на Колеиде парикмахеры, выглянул из двери машинного здания и увидел Алису и Rrrr.

— А я думал, что мы никого не разбудили, — сказал он весело. — Ну уж если вы такие догадливые, забирайтесь сюда — на улице холодина страшная. Громозека спит?

— Спит, — подтвердила Алиса.

— Ну и хорошо. А то он устроил бы мне торжественные проводы с музыкой и речами. А мы всего-навсего начинаем опыт. Идите сюда.

Во внутреннем помещении у раскрытой дверцы в кабину времени стоял Ричард и нажимал по очереди все кнопки, а затем смотрел, что говорят по этому поводу приборы на пульте управления.

— Все готово? — спросил Петров.

— Да. Можете идти. И все-таки я в последний раз прошу вас...

— И не п-проси, — ответил Петров и надвинул на лоб капюшон. — Вряд ли я сойду за настоящего парикмахера, но я не собираюсь отходить далеко от машины.

Ричард выпрямился, увидев Алису и маленького археолога.

— Доброе утро, — поздоровался он. — Вы уже встали? — Он был так занят проверкой машины, что даже не очень удивился.

— До свидания, д-друзья, — сказал Петров. — К завтраку вернусь. То-то Громозека удивится!

Петров вошел в кабину и задвинул за собой прозрачную дверь.

Ричард отошел к пульту управления. Он ничего не трогал на нем — только следил за показаниями приборов. Все кнопки находились в кабине. Их нажимал Петров.

Жужжание вдруг усилилось и тут же затихло. Петров исчез из кабины. На месте его образовался сгусток тумана. Потом и он пропал.

— Вот и все, — заметил Ричард. — Кажется, нормально.

Алиса увидела, что Ричард скрестил пальцы, и удивилась, что ученые-временщики могут быть такими же суеверными, как простые школьники перед экзаменами.

— Когда он вернется? — спросила Алиса. Она была горда тем, что первой увидела, как временщик уходит в прошлое. Даже Громозека проспал этот момент.

— Через час, — ответил Ричард.

В центральной рубке временной станции стояла тишина. Алиса достала из кармана комбинезона расческу, причесалась сама и предложила причесаться Ричарду. Он явно забыл это сделать утром.

— Скажите, — спросил Рррр, — а ведь там, в прошлом, нет второй временной камеры? Ведь академик Петров без камеры туда попал?

— Правильно, — согласился Ричард и даже немного удивился тому, какие наивные вопросы ему приходится выслушивать. — Когда мы работаем из Института времени, то мы на другом, приемном, конце тоже устанавливаем такую же камеру. Тогда путешествие туда и обратно просто и надежно. А вот в опытных образцах и в этой переносной камере приходится обходиться только одной установкой. За это изобретение академик Петров и получил Нобелевскую премию.

— Значит, он там сейчас вышел на голое поле? — удивилась Алиса.

Она представила, как Петров стоит на виду у всех, такой незащищенный и одинокий, и ей стало за него страшно.

— Примерно так и есть, — ответил Ричард. — Спасибо за расческу.

— Пожалуйста.

— Но он отмечает точку, в которую прибыл в прошлое, и, когда вернется, станет точно в то же самое место. И запоминающее устройство сразу получит сигнал: путешественник во времени вернулся и готов к перелету. И сработает автоматика. Даже моего участия в этом не потребуется. Я так здесь стою, на всякий случай.

— А если не он придет на это место? Если случайно корова туда зайдет? — спросила Алиса.

— Правильный вопрос, — ответил Ричард. — Если на это место станет другой человек или животное, то сюда придет сигнал: «Объект в поле действия камеры не тот, который ушел в прошлое». И тогда установка просто-напросто не работает.

— Ну а если он ранен, если он не сможет выпрямиться, а может только приползти туда? — не сдавалась Алиса.

— Не говори глупостей! — рассердился вдруг Ричард. — Все может случиться. Поэтому я и хотел туда полететь вместо Михаила Петровича. А ты задаешь глупые вопросы.

Алиса замолчала. Вопросы были не такими уж и глупыми. Она подошла поближе к камере и стала рассматривать кнопки управления. Внутрь она заглядывать не стала, потому что в любой момент мог появиться Петров, и тогда бы они столкнулись.

Ричард подошел к ней. Он чувствовал себя неловко, потому что нагрубил девочке, и поэтому стал объяснять:

— Вот видишь зеленую кнопку справа? Когда Петров нажал на нее, дверь в камеру закрылась. Потом он нажал на вторую, белую кнопку. Этим он включил временное поле. В то время ты его еще видела. Наконец он нажал на красную кнопку. И очутился в прошлом, в той точке, которую мы вычислили заранее и на которую настроена вся аппаратура.

— Значит, он сам не сможет выбирать, куда ему отправиться?

— Нет. Это сложная работа. Настраивается множество приборов. Мы всю ночь готовили к этому нашу машину.

— И куда он сейчас попал?

— Сейчас Петров находится сто один год назад, в те дни, когда эпидемия уже началась, но люди на Колеиде были еще живы.

Неожиданно жужжание снова усилилось.

— Внимание! — сказал Ричард.

Еще через три секунды в камере появилось облачко тумана и тут же превратилось в Петрова.

Петров ничуть не изменился. Он откинул назад капюшон, отодвинул дверь в камеру и вышел.

— Ну, вот и все, — сказал он, как зубной врач, который только что поставил пломбу. — Мы приехали.

— Ну и что? Что? — заволновался Рррр, подбегая к ногам временщика и глядя на него снизу вверх.

— Еще не знаю, — ответил Петров. — Я очень спешил. Не хотел, чтобы вы волновались. Держите ваши газеты.

Он вытащил из-за пазухи пачку газет и других бумаг и протянул их археологу. Рррр схватил их длинной мохнатой ручкой и раскрыл одну из газет. Газета была больше его размером, и поэтому маленький археолог целиком скрылся за ней.

— Пошли, — сказал Петров. — Ричард, отключай питание. Надо рассказать обо всем товарищам. Да и завтрак скоро. Наверное, они уже просыпаются.

— Вот Громозека на вас обидится, — сказала Алиса, — что вы его не позвали.

— Не об-бидится, — ответил Петров и скинул длинный халат.

Они пошли к выходу из станции. Впереди шел Ричард, потом Петров, который держал за руку Алису, а последней шла раскрытая газета, за которой скрывался Рррр.

— Вот Громозека... — начала снова Алиса, которая никак не могла справиться с гордостью от того, что она видела то, что Громозека проспал.

Но окончить фразу она не успела. У входа на станцию времени на песке сидел Громозека, а рядом стояли все остальные археологи.

— Ну вот, — заявил Ричард, — а мы думали, что вы спите.

— Никто не спал, — сказал обиженно Громозека. Из ноздрей у него густо валил желтый дым, и от него сильно пахло валерьянкой.

— Никто не спал, — подтвердили остальные археологи.

— Мы не хотели вам мешать. Мы гордые люди. Не пригласили — не надо.

— Извините, — сказал Петров.

— Ничего, — улыбнулся Громозека. — Мы не сильно обиделись. Пошли в столовую, и вы все нам расскажете. Думаете, нам легко было здесь ждать на холоде?

— И волноваться, — сказал кто-то.
И все пошли в столовую.

Глава 8

— Ну что ж, — сказал Петров, глядя на археологов, — что-то, я вижу, никто не собирается завтракать. Давайте я тогда в двух словах расскажу, что видел в прошлом. А потом примемся за еду.

Археологи одобрительно закивали.

— Вышел я из камеры благополучно, — начал Петров. — Все было рассчитано совершенно правильно. Точка расположена на поляне, рядом с городом, метрах в трехстах от последнего дома. Я отметил место высадки и поспешил к городу. Там было раннее утро, и все еще спали. Вернее, не все, но большинство людей. Я не успел пройти и ста шагов, как увидел, что по дороге, ведущей к городу, спешат несколько машин с синими кругами.

— Это «Скорая помощь», — сказал Громозека. — Мы уже знаем.

— Правильно. «Скорая помощь». Я тоже это знал и потому понял, что наш расчет был точным. В городе эпидемия. И я пошел к городу.

— Погодите! — вскричал вдруг Рррр. — А у вас была сделана прививка?

— Конечно, — сказал Петров. — Все прививки от всех известных космических болезней. И, разумеется, от космической чумы.

Громозека, будто вспомнив о чем-то, достал из кармана на круглом животе записную книжечку и нацарапал на ней несколько слов.

— Машины остановились у б-больницы, — продолжал Петров.

— Знаем, — сообщил археолог, похожий на стрекозу на длинных ножках. — Мы ее откопали.

Петров вздохнул.

— Если кто-нибудь еще будет перебивать академика, — зарычал Громозека, — мы его уведем отсюда и запечатаем в палатке.

— Правильно, — сказали археологи.

— Я увидел, как из «Скорой помощи» выносят больных на носилках. Но я не стал задерживаться там, потому что знал, что Ричард меня ждет и будет волноваться. Я прошел к газетному киоску. Киоск был открыт, но никого в нем не было видно. Когда я заглянул внутрь, то увидел, что продавец лежит на полу.

«Вам плохо?» — спросил я его.

«Я, по-моему, тоже заболел», — прошептал продавец.

«А мне нужны газеты», — сказал я.

«Берите что хотите, — заявил продавец. — Только позовите санитаров, потому что у меня нет сил выбраться отсюда».

Тогда я забрал все газеты, какие смог, и поспешил к госпиталю. Я сказал санитарам, что в газетном киоске лежит больной, но санитары только отмахнулись от меня. Они, видно, устали до смерти. Я заглянул в окно больницы и увидел, что люди лежат там вповалку. Не хватает кроватей.

Тогда я вернулся обратно к киоску и вытащил оттуда продавца. Ведь продавец такой маленький... ну, как Алиса... и нести его было совсем не тяжело. Я положил его у входа в больницу, но входить внутрь не стал, потому что на меня и так уже стали коситься, ведь я вдвое выше ростом любого из них.

Но зато я не переставая фотографировал все, что видел. Поэтому я думаю, что наши специалисты смогут по фотографиям все узнать. Кроме того, я взял из киоска немного

разных денег — они ведь все равно не понадобятся бы продавцу, а нам, если мы снова отправимся в прошлое, они будут нужны. Вот и все. А теперь давайте завтракать.

— Минуточку, — сказал Громозека. — Прежде чем мы начнем есть, я прошу всех археологов и гостей отправиться в медпункт.

— Зачем?

— Все должны сделать прививки от космической чумы. Все без исключения.

Алиса не любила делать прививки, но Громозека заметил, что она не торопится в медпункт, и подошел к ней.

— Слушай, дочка, — сказал он громким шепотом, — у меня к тебе особая просьба. Ты сделаешь прививки не только от космической чумы, но и от всех остальных возможных болезней. Врач уже предупрежден.

— Ой, зачем, Громозека! — возразила Алиса. — Я так плохо переношу уколы.

— Помнишь, я говорил тебе, что готовлю специальное задание? Так вот, без уколов разговаривать нам не о чем.

Алисе пришлось пойти в медпункт, сделать уколы, проглотить восемь таблеток и выпить страшно соленые капли от дрожалки Коса — удивительной болезни, которой еще никто не болел, но все врачи считают, что кто-нибудь ею обязательно заболеет.

Алиса мужественно выдержала все испытания, потому что верила Громозеке. Зря он не стал бы ее просить.

После всех уколов и таблеток Алисе стало плохо. Ее охватил озноб, болела голова и ныли зубы. Но доктор, похожий на садовую лейку, сказал, что так и должно быть и завтра недомогание пройдет. Алисе пришлось лежать в палатке и ничего не делать, в то время как остальные археологи допрашивали Петрова и рассматривали фотографии.

Обед Алисе принес верный Rrrr. Ему трудно было тащить поднос с тарелками, потому что поднос был больше его размером. Он приспособил для обеда тачку.

— Ешь, — попросил он, — а то остынет.

— Не хочется, Rrrr, — сказала Алиса. — Я еще не совсем выздоровела.

— Все-таки ты слабенькая, — отметил укоризненно Rrrr. — Вот я после укола хожу как ни в чем не бывало.

— Так вам сделали только один укол, а мне много.

— Почему? — удивился маленький археолог.

Оказывается, он не знал, что Алиса прошла весь курс уколов, как космический разведчик, отправляющийся на неизведанную планету.

— Наверное, Громозека беспокоится обо мне. Он же обещал папе заботиться обо мне.

— Конечно, конечно, — согласился Rrrr. — Учти, что мне тебя очень жалко. Я бы с удовольствием сделал эти уколы за тебя.

— Спасибо, — сказала Алиса. — А что нового?

— Нового очень много, — сообщил маленький археолог. — И если ты съешь тарелку супа, я тебе кое-что расскажу. А если ты съешь и второе, я тебе расскажу почти все.

— Тогда я съем компот, и вы расскажете мне самое главное, — согласилась Алиса.

Но маленький археолог только улыбнулся, подмигнул сиреневым глазом, и Алисе пришлось начать с нуля. А тем временем Rrrr рассказал вот что.

Больше всего археологам помогли свежие газеты, которые принес из прошлого академик Петров. Из газет удалось узнать, каким путем зловещий вирус космической чумы проник на планету Колеида.

Оказалось, что за неделю до этого на Колеиду вернулся первый космический корабль, запущенный с планеты. Он должен был совершить несколько оборотов вокруг Колеиды и потом сделать круг возле спутника планеты — маленькой Луны. Полет прошел нормально, и тысячи колеидян, живших в этом полушарии планеты, пришли на космодром встретить своих первых космонавтов.

Вечером того же дня космонавты должны были выступить на большом митинге на главной площади столицы Колеиды. Но они не пришли на митинг, потому что заболели загадочной болезнью. В газетах того дня об этом было рассказано очень коротко и туманно. Но еще через день, когда заболели родственники космонавтов и все, кто их встречал на космодроме, стало ясно, что на Колеиду из космоса попала страшная инфекция. А еще через три дня болезнь распространилась по всей планете.

— Как видишь, Громозека был с самого начала прав. Это, без сомнения, космическая чума, — произнес в конце своего рассказа Rrrr. — Наши специалисты внимательно рассмотрели фотографии, которые принес Петров, и теперь в этом нет никакого сомнения.

— Как жалко! — сказала Алиса. — И ничем нельзя им помочь?

— Как же можно помочь людям, которые умерли сто лет назад? — удивился маленький археолог. — Ну ладно, ты доедай компот и спи. А я тебя завтра проведу.

— Спасибо, — ответила Алиса. — А что теперь будут делать временщики?

— Временщики будут готовить свою машину для других полетов. Они настраивают ее на тот день, когда прилетели космонавты. Они хотят окончательно убедиться в том, что

именно космическая чума попала на Колеиду. Надо как можно больше узнать о чуме, чтобы она не напала на какую-нибудь другую планету. И завтра Ричард пойдет в прошлое на неделю раньше.

Рррр раскланялся и убежал, мягко стуча по полу палатки своими пушистыми ножками. Он так спешил читать свои газеты и журналы, что забыл тачку.

Не успели его шажки стихнуть, как полог палатки снова откинулся и вошел сам Громозека.

— Кто у тебя был? — спросил он. — Зачем тебе тачка?

— Маленький Рррр, — сказала Алиса.

Громозека принес поднос с обедом.

— А ты откуда достала компот? — спросил Громозека строго.

Алиса допила стакан с компотом и сказала:

— Рррр принес. И суп я тоже уже ела.

— Ай-ай-ай! — расстроился Громозека. — А я выпросил у повара для тебя самые вкусные куски. Может, ты все-таки пообедаешь еще разок? За здоровье твоего дядюшки Громозеки.

— Нет уж, спасибо.

— Алиса, тебе очень нужны калории, — сказал Громозека.

— Не больше, чем всегда.

— Больше, — сказал Громозека. — Я пришел поговорить с тобой серьезно, как ученый с ученым. Ты как себя чувствуешь?

— Уже лучше.

— Намного лучше или ненамного лучше?

— Намного лучше. Я даже могу встать.

— Не надо вставать.

Громозека рассеянно поставил поднос с обедом на пол, протянул два свободных щупальца к пологу и застегнул его. Затем вылил себе в пасть тарелку супа и сказал:

— Не пропадать же хорошей пище. Я тебе компот оставляю.

— Спасибо.

— Алиса, — начал Громозека торжественно, — ты знаешь, что все считают меня очень наивным и прямодушным существом.

— Не все, — сказала Алиса.

— Ну, плохие люди везде есть. Я и на самом деле наивное и прямодушное существо. Но я умею заглядывать в будущее, а не только в прошлое, как многие наши друзья. Скажи, зачем я тебя позвал в экспедицию?

— Чтобы сделать мне подарок к дню рождения, — ответила Алиса, хотя уже отлично понимала, что не только для этого.

— Правильно, — взревел Громозека. — Но не только для этого. Подарок — это тебе. Подарок — это прилететь на планету. Подарок — это поглядеть на раскопки и познакомиться с моими товарищами. Подарок — это прогулять три дня в школе... То есть последнее — это не подарок, а маленькое преступление. Но я не о том. Ты можешь, конечно, сесть послезавтра на грузовую баржу и улететь домой. И мы останемся друзьями. Но я не думаю, что ты так сделаешь. Потому что я знаю твоего отца, я знаю тебя, и я думаю, что ты захочешь мне помочь.

— Конечно, захочу, — сказала Алиса.

— Я летел на Землю и много думал, — сказал Громозека. — Я думал так: вот есть планета Колеида, которая погибла от космической чумы. И вот мы, археологи, через сто лет прилетели сюда и смотрим на черепки, которые от нее остались. Смотрим, и все. Потом отвезем эти черепки в музей и напишем на них: «Погибшая цивилизация».

— И тогда вы решили обратиться в Институт времени.

— Обратиться я раньше решил. Обратиться — это еще ничего не дает. Мы только будем знать, какие черепки и где искать. Вот и все. Что-то надо было делать, а что, я не мог догадаться. А потом я приехал к вам в гости и сидел у вас и разговаривал с вами. А потом я пошел в Институт времени и договорился, что они дадут нам свою машину. А потом я догадался и поэтому купил много цветов и вернулся к вам домой. А о чем я догадался?

— О чем?

— Вспомни, Алиса, тебя не удивило, когда ты в первый раз пришла в город, какого размера там домики, и кровати, и столы?

— Маленького.

— Не только маленького! Твоего размера. А вспомни, что сказал Петров, когда рассказал нам, как он относил в больницу больного продавца газет.

— Не помню.

— Он сказал, что на него смотрели с подозрением, потому что он вдвое выше любого из жителей города. Какой мы делаем из этого вывод?

Алиса промолчала. Она не знала, какой сделать вывод.

— Первый мой шаг — достать машину времени, — продолжал Громозека. — Вторым шагом — выяснить, в самом ли деле они погибли от космической чумы. Третьим шагом — уговорить временщиков заглянуть в тот день, когда космическая чума проникла на планету Колеида. А четвертым шагом?

— Ну!

— Ага, ты уже догадываешься! Четвертым шагом — послать туда Алису. Если, конечно, машина в исправности и особой опасности для Алисы нет. А зачем посылать туда Алису?

— Чтобы я...

— Правильно. Чтобы ты пробралась в то место и в то время, когда космическая чума проникла на планету, и нашла способ эту чуму убить в зародыше. Что тогда получается? Чумы нет, планета жива, и археологам здесь делать нечего. Все кричат «ура!», и целый миллиард человек спасен одной маленькой девочкой.

— Ой, как интересно! — воскликнула Алиса.

— Ш-ш-ш-ш! — Громозека закрыл ей рот концом щупальца. — Нас могут услышать раньше времени.

— А почему я? — спросила шепотом Алиса.

— А потому, что ты именно такого роста, как жители этой планеты. Потому, что ни Петрову, ни Ричарду, ни тем более мне не пробраться на космодром к кораблю. А тебя никто не заметит. Ты такая же маленькая, как они сами.

— А почему тайна?

— Нет, я вижу, ты все-таки недостаточно умная. Представь себе, что я говорю твоему родному отцу: «Послушай, профессор, я хочу послать твою дочку в далекое прошлое незнакомой планеты, чтобы она спасла эту планету от ужасной болезни». Что ответит твой отец?

Алиса подумала немножко и сказала:

— Вообще-то мой отец понятливый, но боюсь, что он сказал бы: ни в коем случае.

— Правильно. Ни в коем случае. Потому что ты для него все еще маленькая девочка, несмышленищ, о котором надо заботиться. Потому что у твоего отца есть отцовский инстинкт. Ты знаешь, что это такое?

— Знаю. А у бабушки есть бабушкин инстинкт, а у мамы — мамин. И все эти инстинкты говорят им о том, чтобы я тепло одевалась и не забывала взять плащ, если идет дождь.

— Великолепно! — сказал Громозека. — Мы отлично друг друга понимаем. Я тебе не хотел говорить об этом раньше, потому что еще не был уверен, как работает машина и что найдут временщики в прошлом. Но теперь все оказалось именно так, как я рассказывал.

— И я завтра полечу в прошлое?

— Ни в коем случае! Это слишком опасно. В прошлое полетит Ричард. Он должен найти путь в тот день, когда прилетел космический корабль. Он все разведает. Потом туда же слетает Петров. Учти, они еще ни о чем не знают. И мне придется потратить много часов, чтобы уговорить их на мой план. Они не знают даже, что можно попробовать убить чуму в самом зародыше. Они просто никогда не пытались изменить прошлое. У них даже закон такой есть: прошлое изменять нельзя. Но ведь Колеида — далекая планета, и ее прошлое никак не влияет на прошлое и настоящее других планет. Значит, первой трудностью будет уговорить их вмешаться в прошлое Колейды. А уж потом начнется вторая трудность — это ты.

— Но они могут сказать, что сами пойдут на космодром и сами очистят корабль от космической чумы, — сказала Алиса. — И все тогда погибнет.

— Нет, почему же погибнет? Если они сами это сделают, это будет замечательно: мне не придется за тебя волноваться.

— Ну вот, — обиделась Алиса, — сначала обещал, а теперь говорит, что будет замечательно, если без меня обойдутся!

Громозека засмеялся так, что палатка зашаталась.

— Посмотрим, — сказал он. — Посмотрим. Я рад, что ты не испугалась. Сегодня вечером перед ужином ты отправишься к врачу и пройдешь гипнотический курс обучения языку Колейды. Он предупрежден. Но пока не наступило время — никому ни слова, даже твоему другу Рррр. И учти: если ты уедешь в прошлое, то тогда с тобой отправится и кто-нибудь из временщиков, который будет за тобой следить и страховать тебя. Так что не надейся, что ты будешь действовать в полном одиночестве. А сейчас отдыхай.

Но когда Громозека вышел из палатки, отдыхать Алиса уже не могла. Она соскочила с кровати и побежала смотреть, как готовят машину времени к завтрашнему утру.

«Хорошо бы, — думала Алиса, подобравшись поближе к машине времени и разглядывая пульт управления, — слетать в прошлое. Даже если мне велят отправиться в прошлое вместе с Ричардом или Петровым, я не откажусь. Они могут взять меня на руки, а когда мы вернемся обратно, снова возьмут на руки, и получится, будто путешествовал всего один человек. Машина это выдержит».

Временщики не обращали на Алису внимания. Им было некогда. Надо было перестроить машину так, чтобы она посылала человека на неделю дальше, чем прежде. Вернее, на неделю и двадцать часов. Петров объяснил Алисе, что они делают так для того, чтобы успеть на поезд, который идет от раскопанного археологами городка в столицу. Расписание поездов они взяли из газеты, деньги на билет у них были. Оставалось только сесть на поезд и доехать до космодрома в тот момент, когда прилетит космический корабль, и посмотреть на космонавтов вблизи — правда ли, что это космическая чума.

Алиса обо всем забыла, но тут донесся голос Громозеки:

— А-лиса!

Голос проник сквозь толстые стены станции, и огоньки приборов тревожно замигали.

— Б-беги к нему, — сказал Петров, — а то от его голоса стены рухнут.

Алиса сразу вспомнила, зачем ее разыскивает главный археолог. Пора было к доктору — учить язык.

Доктор, похожий на садовую лейку, долго раскачивал головой на тонкой, прямой и невероятно длинной шее, словно собирался сказать длинную речь. Но сказал только:

— Садитесь, молодой человек, — и показал на кресло, с которого свешивались разноцветные провода.

Алиса послушно уселась. Кресло изменило форму, обхватило Алису со всех сторон, а доктор подошел поближе и принялся быстро прикреплять к вискам Алисы провода, на концах которых были присоски.

— Не бойся, — произнес он, когда Алиса поежилась.

— Я не боюсь, — ответила Алиса. — Просто щекотно.

На самом деле она немного испугалась.

— Закройте это, — сказал доктор.

— Что?

Доктор вздохнул и взял со стола словарь. Минуты три искал нужное слово, а потом сказал:

— Разумеется, глаза.

Из черного ящика, в который уходили провода, послышалось жужжание. Жужжание передалось в голову Алисе, и голова закружилась.

— Терпите, — сказал доктор.

— Я терплю, — ответила Алиса. — И долго терпеть?

Доктор молчал. Алиса приоткрыла один глаз и увидела, что он опять листает словарь.

— Час, — сказал он наконец. — Закройте глаза.

Алиса глаза закрыла, но не удержалась, чтобы не спросить:

— Скажите, а почему вы сами русский язык не выучите таким же путем?

— Я?! — удивился доктор. — Мне некогда.

Он подумал немного, отошел в угол лаборатории, загремел там какими-то склянками и добавил тихо:

— Я очень неспособный к языкам. Такой неспособный, что даже гипнопедия мне не... забыл.

— Не поможет?

— Да.

Алисе было очень уютно. В голове тихонько жужжало, захотелось спать, и Алиса подумала, как бы не заснуть, и тут же услышала голос доктора:

— Просыпайтесь. Конец.

Доктор снимал с ее головы присоски и распутывал провода.

— Уже все? Разве целый час прошел?

— Да.

В лабораторию протиснулся Громозека. Он внимательно посмотрел на Алису и спросил:

— Бунто тодо бараката а ва?

Алиса только успела подумать: «Что за чепуха?» — и вдруг поняла, что никакая это не чепуха. Просто Громозека спросил ее по-колеидски, выучила ли она язык. А поняв, Алиса спокойно ответила Громозеке:

— Кра бараката то бунта.

Что означало: «Да, я язык выучила».

Громозека захохотал и велел идти ужинать, а доктор так расстроился, что от ужина отказался.

— Никогда, — сказал он им вслед, — никогда мне не выучить ни одного языка! — И из лейки полились струйками горькие слезы.

За ужином Громозека посадил Алису подальше от себя, чтобы она не задавала ему вопросов. Перед Алисой тут же, как по волшебству, оказалось восемь стаканов с компотом. Вся экспедиция знала уже, что Алиса любит компот, и если бы не строгий Громозека, она могла бы есть компот сколько влезет.

Но в тот вечер Алиса даже не смотрела на компот. Она старалась поймать взгляд Громозеки, услышать, о чем он говорит с Петровым. А когда ужин кончился, она услышала, как Громозека сказал:

— Какой чудесный закат! Вы не возражаете, если мы немножко погуляем и полюбуемся природой?

— П-природой? — удивился Петров. — Никогда не замечал за вами любви к закатам. Кроме того, мне хотелось бы вернуться к машине.

— Ничего, время терпит, — миролюбиво прорычал Громозека и потащил Петрова в сторону.

Алиса поняла, что сейчас произойдет самое главное: разговор о завтрашнем путешествии и мечте Громозеки. И тогда она совершила не очень хороший поступок. Она стала подслушивать, о чем разговаривают временщик и археолог. Она подождала, пока они не остановились у большого камня, перебежала тихонько к нему и затаилась.

— Как вы полагаете, — спросил Громозека у Петрова, — можно ли уничтожить эпидемию космической чумы, если захватить ее в самом начале?

— Конечно, можно, — сказал Петров. — Только вопрос этот к нам отношения не имеет, ведь Колеида погибла сто лет назад.

— Ага, — сказал Громозека, будто слышал только начало ответа Петрова. — Значит, можно.

И он рассказал Петрову, как хочет изменить всю историю планеты Колеида и вернуть ее к жизни.

Петров сначала даже рассмеялся, но Громозека и щупальцем не повел. Попыхтел желтым дымом и снова сказал, что надо проникнуть к космическому кораблю в тот момент, когда он снизится на космодроме, и уничтожить вирусы.

— Но как?

— Я все предусмотрел, — сказал Громозека. — Перед отлетом с Земли я пошел в медицинский институт и попросил вакцину против чумы. Я сказал им, что археологическая экспедиция работает на планете, где есть опасность заразиться. И тогда они не пожалели сыворотки. Ведь в каждом медицинском центре Земли есть запас вакцины. Если вирус снова попытается напасть на Землю, ему несдобровать. — Значит, вы с самого начала хотели изменить историю Колеиды?

— Совершенно верно, Петров! — воскликнул Громозека. — С самого начала. Еще до того, как ваш Институт времени согласился послать сюда свою машину.

— И ни слова об этом на Земле не сказали?

— Ни слова. Вы бы меня и слушать не стали.

Алиса подумала, что Громозека слишком уж скрытный и недоверчивый. Наверное, временщики его все-таки выслушали бы.

— Понятно, что вам или Ричарду, — продолжал Громозека, — будет очень трудно пробраться с вакцинами к самому космическому кораблю, поэтому я пригласил с нами Алису. Она одного роста с колеидцами, и она согласна под видом местной жительницы опрыскать корабль вакциной.

— Вы и Алису сюда втравили?

— Что за выражения, академик! — обиделся Громозека. — Я никого не втравливал. Алиса опытный человек. Ей уже десять лет, и у нее за плечами несколько космических путешествий. Она отлично справится с этим небольшим заданием.

— Ни в коем случае! — сказал Петров таким тоном, как сказал бы отец. — Еще я или Ричард можем рискнуть, но Алиса — ни за что.

— Но, академик...

— И слушать не желаю! Идея ваша в общем смелая и интересная. Хотя совершенно неизвестно, какие она может повлечь за собой последствия. Мы советуемся с Ричардом и потом запросим разрешение Земли.

Алисе из ее укрытия видно было, как поник Громозека. Даже голову втянул в плечи так, что над щупальцами поднялся лишь низкий холм.

— Все погребло, — сказал он. — Все погребло. Вы начнете переписываться с Землей, сюда понаедет восемьсот экспертов, и они в конце концов скажут, что этого делать нельзя. Что риск велик для всей Галактики.

— Ну вот, — сказал Петров, — вы же сами понимаете.

— Сам-то я понимаю...

— Значит, завтра с утра Ричард уходит в п-прошлое и старается на поезде доехать до столицы. Там он смотрит на прилет космического корабля, возвращается и докладывает нам обстановку. И, повторяю, ничего не предпринимает.

Если окажется, что вы правы и космическая чума попала на Колеиду с этим кораблем,

мы сообщим об этом на Землю и попросим совета у ученых. Все. Спокойной ночи, и, пожалуйста, на меня не обижайтесь.

С этими словами Петров ушел к временной станции, чтобы готовить ее к завтрашней работе.

Громозека так и не поднимался с земли. Он сидел на камнях и был очень похож на большого печального осьминога.

Алисе стало его жалко. Она вышла из-за скалы и подошла к нему поближе.

— Громозека, — сказала она тихо и погладила шершавое щупальце.

— Что? — спросил он, открывая один глаз. — А, это ты, Алиска? Ты слышала?

— Слышала.

— Ну вот, и все мои планы рухнули.

— Не расстраивайся, Громозека. Я все равно за тебя. Неужели мы чего-нибудь не придумаем?

— Обязательно придумаем, — раздался тут тонкий голосок.

Из-за другого камня, словно котенок, выскочил маленький археолог Рррр. Его сиреневый глаз светился в сумерках, как фонарик.

— Я тоже все слышал, — сообщил он. — Я не мог пересилить любопытство. Я тоже с вами согласен. Мы не можем ждать, пока сто тысяч экспертов проведут сто тысяч совещаний. Мы, археологи, открываем прошлое. Но до сих пор мы его не изменяли, а теперь возьмем и изменим. И если временщики откажутся, мы их свяжем и сами с Алисой пойдем туда вместо них.

— Ну вот, этого еще не хватало, — печально улыбнулся Громозека. — Тогда нас вообще из археологов выгонят. И за дело.

— Пускай выгонят. Мы останемся жить на этой планете. Нам поставят памятник благодарные колеидцы.

— Знаете что, — сказал Громозека, поднимаясь во весь свой слоновый рост, — перестаньте рассказывать сказки! И в самом деле, идите спать.

Громозека шел впереди, еле переставляя щупальца — так был расстроен. Алиса и Рррр шагали чуть сзади и пытались его успокоить.

Но Громозека был безутешен.

У палатки они остановились, чтобы попрощаться с Рррр.

— Ничего страшного, — сказал Рррр. — Завтра Ричард посмотрит на прилет корабля, и мы напишем письмо на Землю. Ведь они все равно умерли сто лет назад. И даже если ваша идея будет осуществлена через десять лет, ничего особенного не случится.

— Тоже мне, утешил! — сказал Громозека. И вполз в палатку.

Алиса задержалась у входа. У нее появилась мысль.

— Ты в какой палатке? — спросила она Рррр.

— В третьей с краю.

— Тогда не спи, — попросила Алиса. — Мне надо будет с тобой поговорить. Как только все успокоится.

Громозека шумно, вздыхая и рыча, укладывался спать.

— Послушай, а как же ты собирался делать космонавтам прививки? — спросила она. — Ведь они не согласятся на уколы.

— Глупышка! — ответил сонным голосом Громозека. — Я и не собирался делать им

уколы. Мне в медицинском институте дали вот этот баллон. — Громозека показал на небольшой баллончик, похожий на термос, который висел на ремешке над его койкой. Алиса видела его тысячу раз, но никогда не обращала внимания. — Он действует, как огнетушитель, — сказал Громозека. — Стоит нажать кнопку, как из него вырвется струя вакцины. Она, как туман, окутает все вокруг. Если струю направить на открытый люк корабля, она заполнит весь корабль и убьет вирусы. Она войдет с воздухом в легкие космонавтов и вылечит их, если они больны. И через три минуты на Колеиде не останется ни одного вируса космической чумы. Ну, спи, это нам теперь не пригодится. Туши свет, завтра рано вставать.

Алиса послушно потушила свет и прислушалась к дыханию Громозеки. Трудно было догадаться, заснул он или нет. Ведь он так чутко спит. И, кроме того, у Громозеки три сердца, и он дышит очень неровно.

Алиса решила считать до тысячи. Она досчитала до пятисот пятидесяти и поняла, что засыпает. Этого делать было нельзя. Она ущипнула себя за руку, но щипок получился слабый, и тут же ей показалось, что она едет на колеидском поезде, в маленьком вагоне и колеса стучат ровно и тихо: тук-тук-тук...

«Алиса», — сказал ей тихо кондуктор.

Видно, хотел проверить билет. Но билета у Алисы нет, она забыла деньги дома. Она хотела сказать об этом кондуктору, но рот ее не слушался. «Алиса... тук-тук-тук...»

Кондуктор взял ее за руку, чтобы вывести из вагона, и Алиса попыталась вырваться.

И тут она поняла, что вокруг совсем темно. Что она в палатке, а не в поезде, что она проспала все на свете.

Она вскочила. Кровать скрипнула. Громозека зашевелился во сне и спросил:

— Кому не спится?

Алиса замерла. Рядом она услышала частое дыхание.

— Кто тут? — прошептала она.

Полог палатки был приоткрыт.

— Это я, — сказал Rrrrr.

Алиса схватила комбинезон и выползла на улицу. Светила яркая луна, было зябко, и в лагере не горело ни единого фонаря. Rrrrr казался черным комочком.

— Я тебя ждал, — прошептал маленький археолог. — А ты все не идешь. А я привык быть верным своему слову. Сказал, не буду спать, и не сплю.

— Прости, Rrrrr, — сказала Алиса, — я считала до тысячи, ждала, пока Громозека заснет, вот и заснула нечаянно.

— Почему ты просила меня не спать?

— Ты не догадываешься?

— Догадываюсь, — сказал Rrrrr. — Только хочу от тебя самой услышать.

— Завтра с утра Ричард уйдет в прошлое. Он только посмотрит на корабль, но ничего делать не будет. Петров ему не велел. Но ведь машина готова к работе. А что, если мы ее включим и я пойду туда вместо Ричарда? Громозека мне все объяснил.

— А ты можешь включить?

— Я все знаю, как делать.

— Но что ты будешь делать в прошлом?

— Проеду на космодром, встречу корабль и убью вирусы.

— Как?

— У Громозеки все приготовлено. Я знаю.

Маленький археолог задумался.

— Это, пожалуй, наш единственный шанс, — сказал он. — Если этого сейчас не сделать, то никогда уже не сделать. Но ведь это такое нарушение дисциплины!

— Тише, перебудешь всех. Подумай, что значит одно нарушение дисциплины, если идет речь о целой планете? Я обязана рискнуть.

— Ты говоришь, как Жанна д'Арк, — сказал маленький Rrrrr. — Помнишь такую?

— Конечно, помню. Она Францию спасла.

— Правильно. Я тоже читал. Только Жанне было семнадцать лет, а тебе всего десять.

— Но Жанна жила, наверное, тысячу лет назад, а я в двадцать первом веке.

— Знаешь что? — сказал черный комочек, лежащий у Алисиных ног. — Ты права.

Иногда приходится нарушать дисциплину.

— Отлично! — сказала Алиса. — Утром, когда все проснутся, скажи им правду. Я вернусь, как только все сделаю. И пусть они не ищут меня.

— Они обязательно пойдут за тобой.

— Нет, ты не знаешь, Рррр. Они не могут этого сделать, потому что машина пропускает только одного человека. И запоминает его, чтобы, когда надо, принять его обратно. Если в нее пройдет другой человек, прежде чем вернется первый, первому уже придется навсегда остаться там, в прошлом. И Петров это знает лучше всех. Им все равно придется меня ждать.

— Это слишком опасно.

— Нет, не слишком.

— Слишком. И поэтому я пойду с тобой.

— Ты — со мной?

— Да.

— Но ты ведь не похож на них, совсем не похож. Тебя узнают.

— Но я похож на их котят. И ты будешь путешествовать с котенком. И я знаю их язык лучше, чем ты. И я все про них изучил и смогу тебе подсказать, если будет нужно. И вообще последую за тобой.

— Ой, как не хочется, чтобы за мной следили! — сказала Алиса.

Но на самом деле она была очень рада, что маленький Рррр поедет с ней. Одной все-таки очень страшно путешествовать сто лет назад в неизвестной стране.

— Я тебя возьму на руки и буду держать, как котенка.

— Лучше положи в сумку, — сказал Рррр.

— Ладно, я возьму сумку. Все равно надо баллон с вакциной брать. Без него там делать нечего.

— Тогда собирайся, а я побегу к себе.

— Зачем?

— Я возьму деньги, у меня в лаборатории есть их деньги. Нам же придется билет покупать. Потом я себе сделаю хвост и разденусь. Не бывает же котят в комбинезонах. Хоть мне и не хочется ходить по чужой планете голым, но что делать?

— Ничего, ты не очень голый, — сказала Алиса. — Ты же весь шерстяной и пушистый.

— Спасибо, — пискнул Рррр. — У нас с тобой разные взгляды на одинаковые вещи.

И он зашуршал по пыли — побежал к своей палатке.

Алиса натянула комбинезон, потом прокралась в палатку и сняла с гвоздя баллончик с вакциной. Громозека спал. Он громко дышал, и щупальца его свисали с широкой кровати на пол.

Потом Алиса разыскала свою сумку, положила туда свитер и баллон. Потом подумала немного и решила, что в комбинезоне ей ехать в прошлое не стоит. Она отыскала в чемоданчике свое платье, которое еще не надевала, и переделась. Громозека все еще спал. Но когда она уже собралась уходить и оглянулась, ей показалось, что один из глаз Громозеки открыт.

— Ты не спишь? — прошептала она.

— Сплю, — прошептал в ответ Громозека. — Свитер не забыла?

— Нет, — удивилась Алиса.

Она постояла еще секунду, но Громозека крепко спал. Может, ей показалось, что она только что с ним разговаривала?

Она выбралась наружу.

— Все в порядке? — раздался шепот. Алиса наклонилась и при свете луны увидела у своих ног пушистого котенка с коротким хвостом.

— Ты из чего хвост сделал? — шепотом спросила она археолога.

— У моего соседа по палатке есть шуба на меху. Он всегда надо мной подсмеивался, что его шуба сделана из моих братьев — такая у него неудачная шутка. А вот видишь, пригодилась. Тебе нравится?

— Ты самый настоящий котенок, — сказала Алиса. — Только жалко, что глаз у тебя один.

— С этим уж ничего не поделаешь, — вздохнул Рррр. — Придется мне пореже высовываться из сумки. Громозека спит?

— Спит, — сказала Алиса. — Очень странно спит. Он мне во сне сказал свитер с собой взять.

— Угу, — сказал Рррр. Как будто не поверил, что Громозека спал.

И они направились к темному зданию машинной станции.

Глава 12

Алиса нажала сначала зеленую кнопку. Дверь в кабинку закрылась. Она поудобнее повесила сумку через плечо и прижала маленького археолога к груди. Рррр зажмурился.

— Не беспокойся, — сказала ему Алиса. — Все будет в порядке.

Она нажала белую кнопку.

И потом красную.

И тут же ее окутал туман, голова закружилась, лаборатория исчезла, и стало совершенно непонятно, летит она или стоит: ни стен, ни потолка, ни пола, только какое-то непонятное движение, которое кружит и несет вперед.

И тут же толчок, снова туман вокруг.

Туман рассеялся.

Уже наступило утро. Алиса стояла на том же месте, где только что была станция, но только никакой станции, никакого палаточного городка и в помине не было.

Вокруг был зеленый луг, дальше начинался лесок, за которым виднелись крыши. Крыши были именно там, где археологи раскопали городок. И все это было совершенно удивительно, потому что только что этот город был пустынным, без крыш и стекол в окнах. И не было деревьев, и не было травы. А небо было таким же. И холм таким же.

— Ты меня чуть не раздавила, — послышался слабый голос, и Алиса вздрогнула от неожиданности. И тут же сообразила, что крепко прижимает к груди маленького археолога.

— Мне дышать нечем, — проворчал Рррр. — Отпусти меня пока на волю. Тяжело будет меня все время в сумке таскать.

Алиса разжала руки — совсем забыла, что археолог не котенок. Археолог упал на землю и застонал.

— Ой, извини! — сказала Алиса. — Я совсем растерялась.

Рррр потер ушибленную ногу и ответил сердито:

— Теряться нам некогда. Идем в город. Поезд без нас уйдет. Тогда получится, что мы сюда зря прилетели.

— А вдруг машина ошиблась? Вдруг корабль не сегодня прилетает?

— Машины не ошибаются, — сказал археолог и побежал по траве к городу.

Алиса шла сзади. Она сорвала ромашку и понюхала ее. Ромашка ничем не пахла. Над Алисой закружилась пчела.

— Уйди, — попросила ее Алиса и тут подумала, что если ей ничего не удастся сделать, то через неделю здесь не будет ни одной живой души — ни пчел, ни людей, ни даже деревьев.

Археолог первым выбежал на узенькую тропинку.

— Не задерживайся, — снова проворчал он и взмахнул хвостом.

— Знаешь что? — сказала ему Алиса. — Ты лучше хвостом поменьше махай — это у тебя не очень естественно получается.

— Он крепко пришит, — заметил Рррр, но хвостом махать перестал.

Они подошли к деревьям. Деревья тянулись ровной полосой, будто были специально посажены.

— Погоди здесь, — сказал тихо археолог. — Я загляну, нет ли кого впереди.

Алиса остановилась и от нечего делать стала рвать ромашки, чтобы сплести венок. У

Алисы слабость плести венки из ромашек или других цветов, например, кашек. Но кашки на Колеиде не растут.

— Ай! — услышала Алиса тонкий крик, потом рычание. Она бросила ромашки и побежала к деревьям. Что-то стряслось с археологом.

Она успела вовремя. Археолог несся к ней со всех ног, а за ним, сжимая в зубах пушистый хвост Prrrr, бежала большая собака.

— Назад! Сейчас же назад! — крикнула Алиса собаке.

Собака оскалилась, но остановилась. Алиса подхватила археолога на руки, и тот прошептал:

— Спасибо!

— Отдай хвост, — велела Алиса собаке, которая стояла неподалеку и не выпускала из пасти пушистого хвоста. — Это чужой хвост. Не твой. Отдай сейчас же.

Алиса сделала шаг к собаке, но собака отступила, будто хотела с ней поиграть. Собака была большая, лохматая, белая, с рыжими пятнами. Из-за кустов вышел маленький человек, чуть выше Алисы ростом.

— Что тут такое? — спросил он, и Алиса поняла вопрос, потому что со вчерашнего дня знала местный язык.

— Ваша собака на моего котенка напала, — ответила Алиса по-колеидски.

— Ах ты, баловница! — сказал человек. Он был одет в серые штаны и серую рубашку, а в руке держал длинный кнут. Наверное, он был пастух.

— И пускай она хвост отдаст. Она хвост у котенка оторвала, — заявила Алиса.

— На что твоему котенку хвост? — удивился пастух. — Ведь он не прирастет.

— Пускай отдаст, — повторила Алиса.

— Резра, брось, — приказал пастух. Собака бросила хвост на землю, и Алиса, не выпуская археолога из рук, подняла хвост.

— Спасибо, — сказала она. — А поезд скоро уходит?

— Какой поезд? — спросил пастух.

— В столицу.

— Через час, — ответил пастух. — А ты кто такая будешь? Почему я тебя не знаю? Я всех в нашем городе знаю.

— А я на экскурсию приезжала, — сообщила Алиса. — И домой возвращаюсь. Я в столице живу.

— И говор у тебя странный, — сказал пастух. — Вроде бы все слова понятные, а говоришь не по-нашему.

— Я далеко живу, — сказала Алиса.

Пастух с сомнением покачал головой.

— И одета не по-нашему, — сказал он.

Археолог вздрогнул и прижался сильнее к Алисе.

— Как не по-вашему?

— На вид ты будто ребенок, а ростом чуть ли не с меня.

— Это только так кажется, — заметила Алиса. — Мне уже шестнадцать лет.

— Ну и ну! — сказал пастух.

Потом он обернулся к Резре, подозвал собаку и, все еще покачивая головой, пошел к кустам. Но вдруг, когда Алиса уже решила, что опасность миновала, он остановился и

спросил:

— А как же котенок твой? Если хвост оторвали, кровь должна идти.

— Ничего, не беспокойтесь, — сказала Алиса.

— Покажи мне его.

— До свидания, — сказала Алиса. — Я на поезд боюсь опоздать.

И она поспешила по тропинке к городу и не оборачивалась, хотя пастух окликнул ее еще раз или два. Она бы побежала, но боялась, что тогда собака погонится за ней.

— Ну, как он? — шепнул археолог.

— Не знаю. Я назад не смотрю.

Тропинка расширилась, влилась в пыльную дорогу. Впереди показался сарай или склад, и Алиса пошла, прижимаясь к стене поближе, чтобы скрыться с глаз пастуха. Ей все казалось, что он сейчас побежит вслед.

За сараем Алиса остановилась, отдышалась.

— Версию мы продумали плохо, — сказал строго археолог. — Оказывается, произношение у нас хромает. И про экскурсию неправдоподобно. Ну почему человеку идти с экскурсии одной, ранним утром? Запомни: ты приезжала к бабушке и едешь обратно... Кстати, совсем забыл: молодые девушки носят здесь волосы совсем не так. Они их начесывают на лоб.

— У меня же короткие волосы.

— Все равно, начеши их на лоб.

— Тогда мне придется тебя на землю поставить.

— Ни в коем случае! Тут же хищные собаки!

— Никаких собак нет. Хочешь, я тебя в сумку посажу?

— В сумку? Отлично. Только возьми мой ножик и прорежь в сумке дырочку. А то как я смотреть буду?

Алиса пересадила археолога в сумку, где уже лежал баллон с вакциной, сунула туда же оторванный хвост. Прорезала ножиком дырку, чтобы археолог мог смотреть, что творится вокруг.

— Жалко, что у тебя ниток нет, — сказал Рррр. — Как же я хвост пришью?

— А еще говорил, что крепко держится.

— Тебя никогда собаки за хвост не хватили, — возразил археолог, — вот ты и смеешься.

— Я не смеюсь. Посмотри в сумке, там, может быть, есть иголка и нитка, в боковом кармашке. Мне бабушка обычно туда кладет всякие ненужные вещи.

Алиса застегнула сумку на «молнию». Потом все-таки начесала волосы на лоб и пошла к станции.

К счастью, город еще спал. Закрыты были окна, опущены шторы, и ни один человек не знал о том, что через неделю по улицам, таким же пустым, как сейчас, будут ездить только машины «Скорой помощи».

— Мне вас жалко, — сказала Алиса домам, в которых спали люди. — Но вы можете на меня положиться.

— Может, нас уже хватились, — заворочался в сумке археолог. Голос его доносился глухо, словно издалека.

— Молчи, — шепнула Алиса, — а то кто-нибудь услышит и умрет от удивления: сумка разговаривает.

Газетный киоск был уже открыт. И продавец в нем был знакомый. Его фотографию

показывал Петров, ведь он его отнес в больницу. То есть отнесет, если Алиса ему не поможет.

Алиса достала из кармана мелочь.

— У вас есть сегодняшние газеты? — спросила она.

Продавец был пожилой человек в четырехугольных роговых очках.

— Одну минутку, госпожа, — ответил он. — Если вы подождете, то их принесут.

— А долго ждать?

— Недолго. Слышите, поезд шумит? Это пришел утренний из столицы. Он привез почту.

— А потом он обратно в столицу поедет?

— Да, минут через двадцать.

— Тогда дайте мне вчерашнюю газету, — попросила Алиса.

Продавец протянул ей газету и дал сдачу.

— Вы приезжая? — спросил он у нее.

— Я иностранная туристка, — сказала Алиса.

— Ага, — кивнул продавец. — Я сразу догадался, что вы не здешняя.

Когда Алиса отошла от киоска и пошла через небольшую площадь, мимо памятника неизвестному человеку на коне, который будет стоять здесь и через сто один год, она сказала археологу:

— Надо было мне заранее сшить платье, как здесь носят.

— Ну кто мог догадаться? — спросил археолог.

— Конечно, Громозека.

За площадью был небольшой сквер. По обе стороны дорожки тянулись клумбы с цветами. Цветы раскрывались навстречу солнечным лучам. Перед вокзалом остановился автобус, из него вышли маленькие люди в рабочей одежде и вошли внутрь. Над невысоким зданием вокзала поднимался столб дыма, и пыхтел паровоз.

— Ты газеты посмотрела? — спросил Рррр.

— Я на ходу не могу.

— Тогда дай мне.

Алиса свернула газету трубочкой и просунула в сумку.

Тут же газета вылезла обратно.

— Неужели ты не понимаешь, — прошипел археолог, — что я не могу читать в сумке? Здесь темно и тесно.

— Тогда не просил бы.

— Найди скамейку, — сказал археолог, — сядь и прочти.

— Сначала я куплю билет на поезд, — сказала Алиса, — а то мы опоздаем и тогда сможем читать сколько влезет. А у тебя почему настроение испортилось?

— Меня укачивает, — ответил Рррр. — Тебя никогда не носили в сумке?

— Нет.

— Меня тоже. Кстати, у тебя очень неровная походка, какая-то прыгающая.

— Вот не знала!

Пребираясь с археологом, Алиса вошла в вокзальную дверь и увидела билетные кассы. Она знала, где их искать, потому что археологи в будущем восстановили почти весь вокзал. Правда, оказалось, что не все они восстановили правильно, но сейчас это не играло роли.

— Один детский, — сказала Алиса, протягивая деньги в окошечко кассы.

Круглое красное лицо кассирши высунулось из окошка. Она оглядела Алису с ног до головы и сказала:

— Такая взрослая девушка, а хочешь сэкономить на билете. Доплатите сейчас же восемь монет за полный билет.

— Но я же всегда езжу по детскому...

Тут Алиса осеклась, потому что археолог подпрыгнул в сумке.

— Ах да, конечно, — сказала она и полезла в карман за деньгами. Денег оставалось совсем немного. Всего десять монет. — А когда отходит поезд? — спросила Алиса.

Но кассирша ничего не ответила и захлопнула окошко.

— Кассирши здесь невежливые, — сказала Алиса. — У нас таких нет.

Она вышла на платформу и остановилась за железным столбом. Она не хотела разгуливать на виду.

Поезд стоял у платформы, паровоз разводил пары, и немногочисленные пассажиры занимали места. Некоторые были еще совсем сонные, только проснулись.

Алиса выбрала вагон, в котором никого не было, и быстро пошла к нему.

У вагона стоял кондуктор в высокой оранжевой шляпе.

— Ваш билет?

Алиса протянула ему билет.

— Вы читать не умеете? — спросил он. — Написано же — третий класс. А это вагон первого класса.

— А какая разница? — спросила Алиса.

Кондуктор оглядел ее с головы до пяток и сказал:

— В цене.

И когда Алиса поспешила, чтобы он ее больше не разглядывал, к следующему вагону, победнее, раскрашенному и полному народа, она услышала, как кондуктор сказал кому-то:

— Погляди, что за чудо! Иностранка, что ли?

И тогда Алиса решила выдавать себя за иностранку.

Она остановилась около вагона, но к двери не подошла, а наклонилась к сумке и спросила археолога шепотом:

— А что, если я буду выдавать себя за иностранку?

— Тогда выдавай себя за северную иностранку и ни в коем случае не за южную.

— Почему?

— А потому, что с северными у них союз, а с южными вот-вот война начнется.

— Не начнется, — уверенно сказала Алиса. — Не успеют.

— А с твоей помощью, может, и успеют.

— Ты с кем разговариваешь, госпожа? — услышала Алиса строгий голос.

Она выпрямилась. Рядом с ней стоял толстый человечек в желтом мундире, с большим золотым гербом на шляпе. Она решила, что это полицейский, и первым ее движением было убежать отсюда. Убежать куда глаза глядят.

— Стой, — приказал человечек в желтом и схватил ее за рукав. — Ты откуда приехала и с кем разговариваешь, спрашиваю?

— Я с севера, — заявила Алиса. — Я иностранка. Иностранка с севера.

— Что-то не похоже, — сказал человечек.

Но тут паровоз загудел. Алиса вырвалась и вскочила на ступеньку вагона.

Человечек в желтом мундире раздумывал, что ему делать, а тем временем Алиса протянула билет кондуктору и протиснулась в набитый вагон. Ей удалось отыскать купе, в котором дремали три человека в бедной одежде и помятых шляпах. Четвертое место было свободным.

— Кто это был? — спросила Алиса, переводя дух и склоняясь к самой сумке.

— Это был носильщик, — раздался шепот в ответ.

Поезд дернулся и, постукивая на рельсах, двинулся к столице.

— Он не мог меня арестовать?

— Не знаю, — сказал археолог. — А тебя никто не слышит?

— Нет, они спят.

— Тогда почитай наконец газету. И поставь сумку на пол. Так меньше качает.

Алиса развернула газету.

Газета была вчерашняя. И во всю первую страницу тянулась красная надпись:

«Завтра Колеида встречает героев космоса».

— Все в порядке, — прошептала Алиса. — Мы успеваем. Временщики не ошиблись.

Глава 13

К счастью, соседи через две станции сошли, и Алиса осталась в купе одна. Она вытащила археолога из сумки, и они вместе прочли все сообщения в газете, где говорилось о полете космонавтов и о том, как их будут встречать. Они даже смогли примерно рассчитать, как им пробираться через столицу. Правда, столицу археологи еще не раскопали, но в библиотеке Рррр нашел план города и перерисовал его.

Плохо было с деньгами. Денег оставалось только-только на трамвай или автобус. Даже перекусить было не на что.

— Ну что же, — печально улыбнулся археолог и подмигнул Алисе единственным глазом, — придется, как в сказке, продать меня, своего единственного друга.

— Никто тебя не купит без хвоста, — сказала Алиса.

— Не беспокойся, — сказал археолог. — Я нашел иголку и нитки. Только ты так раскачивала сумку, что я боялся уколоть себе пальцы. А теперь я пришью себе хвост. Ехать еще часа полтора.

Алиса смотрела в окно. За окном была обыкновенная страна, правда, сильно отсталая по сравнению с Землей, но ведь Земля тоже когда-то была отсталая: на ней не было монорельсов, воздушных скоростных пузырей, антигравитаторов, летающих домов и всяких других обыкновенных вещей.

Археолог мурлыкал что-то себе под нос и пришивал хвост. Алиса могла бы ему помочь — она лучше умела обращаться с иголкой и ниткой, чем Рррр, — но не стала предлагать свои услуги, так как каждый сам пришивает себе хвост, не так ли?

Алиса принялась разглядывать портреты космонавтов в газете. Один из космонавтов ей понравился больше всех. Он был молодой, темноглазый и улыбался так широко, будто вообще не улыбаться не мог. «Инженер Толо», — прочла она его имя. И запомнила.

Дверь в купе хлопнула, и вошла старушка. Она была маленькая, с круглым румяным личиком, в длинном синем платье. Алиса увидела, как глаза старушки стали вдруг большими и испуганными. Старушка смотрела вниз, на скамейку.

— Ах! — воскликнула старушка.

Алиса проследила за ее взглядом и увидела, что застигнутый врасплох археолог, придерживая одной рукой хвост и в другой все еще сжимая иголку, пытается залезть в сумку. Алиса быстро раскрыла сумку пошире, чтобы он забрался туда, и снова поглядела на старушку.

Старушка отступала в коридор, и рот ее уже открылся, словно она вот-вот закричит.

— Не волнуйтесь, бабушка, — попросила Алиса. — Не волнуйтесь. Это он так играет.

— Ой! — сказала бабушка. Она как будто немного успокоилась, услышав Алисин голос. — А мне-то показалось...

— Что?

— И не говори, дочка, — сказала старушка. — Мне почудилось, что твой котенок себе хвост пришивает. Глаза подвели.

Бабушка быстро забыла о своем испуге, уселась у окошка, развязала мешочек и достала оттуда два помидора. Один взяла себе, другой протянула Алисе.

— Ты куда, дочка? — спросила она.

— Я в столицу.

— Ясное дело — в столицу. — согласилась бабушка. — А что там делать будешь?

— Я еду космонавтов встречать...

— А-а! — воскликнула бабушка и вдруг задумалась. — Скажи, милая, — спросила она вдруг, — а у твоего котенка два глаза или один?

— Два, — заметила Алиса спокойно, — только он один глаз все время прижмуривает.

— Ну ладно. — Бабушка еще раз взглянула с опаской на сумку. — А я тоже на космодром еду.

— Встречать космонавтов?

— Да нет, не всех встречать. Сын мой возвращается. Инженер он.

Старушка достала из сумочки большую фотографию того космонавта, который понравился Алисе.

— Вот, смотри.

— А я его знаю, — сказала Алиса. — Его зовут Толо.

— Кто его не знает! — с гордостью сказала старушка.

— А почему вы в простом поезде едете? — спросила Алиса.

— А что?

— Так вы же мать космонавта. У нас родителей космонавтов всегда вместе с ними чувствуют.

— Да куда уж мне, — улыбнулась старушка. — Я как жила в деревне, так и осталась. А мой Толо тоже скромный. Никогда не догадаешься, что космонавт. Вот ты читала, наверное, в газете, как у них авария произошла, как метеорит им стенку прошиб? Так это мой Толо наружу вылез и дырку заделал.

Сумка толкнула Алису в бок. Но она и без этого уже догадалась: вот как космическая чума проникла на корабль. Значит, Толо уже болен.

— Ничего, — сказала она вслух. — Мы его вылечим.

— Кого вылечим? — спросила бабушка.

— Да я так, случайно, — спохватилась Алиса.

— Мой Толо здоровый. Он никогда еще ничем не болел. Даже зубы у него никогда не болели. Вот какой у меня сын.

Бабушка погладила фотографию и спрятала ее в сумочку.

Алиса снова ощутила толчок. Археолог, видно, был взволнован. Чего же он хочет?

— Просись с ней, — раздался вдруг шепот.

— Что? — спросила бабушка. — Ты что-нибудь сказала?

— Да, — ответила Алиса. — Это я про себя. Я сказала, что счастливая вы.

— Конечно, счастливая. Такого сына вырастила! Даже зубы никогда не болели.

— Я про другое, — сказала Алиса. — Ведь вас к самому кораблю пустят.

— Конечно, пустят. Должна же я своего сына обнять.

— А мне придется далеко-далеко стоять. Может, даже и вообще в городе остаться. А мне так ваш Толо нравится! Честное слово, больше всех других космонавтов.

— Правду говоришь, девушка? — спросила старушка серьезно.

— Честное слово.

— Тогда я должна доброе дело сделать.

Бабушка задумалась, а Алиса сильнее прижала сумку к скамье. Археолог так волновался и беспокоился, что сумка дрожала, как будто в ней сидел не один котенок, а целый выводок.

— Беспокойный он у тебя, — сказала бабушка. — Ты его выпусти.

— Нельзя, — сказала Алиса. — Убежит.

— Слушай меня, доченька, — сказала старушка. — Сегодня у меня великий, можно сказать, день. Сын мой возвращается героем. И я хочу сделать доброе дело. И думаю, Толо меня за это не осудит. Пойдешь ты со мной. Пойдешь к самому кораблю и скажешь, что ты моя дочка, а Толо — твой брат. Поняла?

— Ой, спасибо! Ой, какое громадное спасибо! — воскликнула Алиса. — Вы и не представляете, какое вы замечательное дело сделали! И не только для меня, но и для себя, и для всех!

— Всякое доброе дело не только для одного человека — оно всех касается.

Разумеется, бабушка не поняла, что имела в виду Алиса, а Алисе так хотелось ей рассказать все, что она прикусила себе язык почти до крови, а Рррр словно угадал, о чем она думает, и просунул сквозь дырочку в сумке кончик ножа и уколол Алису.

Алиса от неожиданности подпрыгнула.

— Радуюсь? — спросила бабушка. Она и сама была рада, видя, что рядом сидит счастливый человек.

— Радуюсь, — сказала Алиса и ущипнула сумку.

Поезд начал тормозить. За окном потянулись высокие новые дома.

Бывает же так — уж если повезет, то везет как следует. Бабушка не только пообещала Алису провести на космодром под видом своей дочки, но даже накормила ее обедом в кафе возле вокзала, показала ей город, потому что Алиса призналась, что она приезжая. А потом на такси привезла на космодром.

Уже задолго до космодрома машина замедлила ход и еле-еле выбиралась из пробок, чтобы снова через сто метров затормозить. Казалось, вся столица спешит на космодром. Шутка ли — возвращается первый космический корабль. Улицы были украшены флагами и портретами космонавтов, и каждый раз, когда бабушка видела портрет своего сына, она дергала Алису за рукав и громко говорила:

— Ну, кто там?

— Наш Толо, — отвечала Алиса.

— Правильно, наш с тобой мальчик.

И бабушка уже сама начала понемножку верить, что Алиса ее дочь. Наконец, когда впереди показались здания космодрома, машина окончательно застряла в потоке автобусов, машин, велосипедов и всяких других видов транспорта. Шофер, повернувшись к своим пассажирам, сказал с грустью:

— Советую вам дальше идти пешком. А то до вечера простоим. Мертвое дело.

Тогда бабушка с Алисой распрощались с шофером, заплатили ему и пошли дальше пешком. Шофер догнал их через двадцать шагов.

— Я машину бросил, — сказал он. — Ну что с ней сегодня случится? Кому она сегодня нужна? А я себе не прощу, если прилет не увижу.

У здания космодрома стояла первая цепь полицейских в белых праздничных мундирах. Шофера они не пропустили, и он остался в громадной толпе тех, у кого не было билета. А бабушку с Алисой пропустили почти без разговоров. Бабушка показала им свои документы, и тогда один из полицейских даже сказал:

— Давайте я с вами до поля дойду. Чтоб вас никто больше не задерживал.

Бабушка тотчас наклонилась к Алисиному уху и прошептала:

— Он сам-то без нас на поле бы не попал. Охота ему была людей не пускать. Ему посмотреть хочется, как наш Толо из корабля выйдет.

Через полчаса бабушка с Алисой пробились к самому последнему ограждению. За ним начиналось бескрайнее бетонное поле, куда должен был опуститься корабль.

По радио все время передавали сообщения о том, как корабль тормозит и приближается к Колеиде. Оставалось совсем немного времени до его прилета.

Вокруг стояли генералы и очень важные начальники — руководители государств, ученые, писатели и артисты. Все ждали и волновались.

Но никто не мог догадаться, что в громадной толпе, заполнившей космодром, больше всех волновалась девочка по имени Алиса, которая прилетела из будущего и с другого конца Галактики. И она волновалась больше всех, потому что у нее в руках была судьба всей планеты.

Алиса почувствовала, что у нее немного дрожат коленки. И ладони стали влажными. Она потихоньку стала проталкиваться вперед, к самому ограждению.

— Ты куда? — спросила бабушка. — Я с тобой.

Алиса незаметно расстегнула «молнию» на сумке и нащупала внутри баллончик. Потом

она вынула его и повесила через плечо.

— Что это у тебя? — спросила старушка.

— Термос, — ответила Алиса. — Пить захочется — открою.

Бабушка больше не спрашивала — она смотрела в небо, потому что там появилась светлая точка, которая росла на глазах.

Космический корабль, несущий на борту космическую чуму, приближался к Колеиде.

Корабль опустился медленно, как во сне. Он на минуту повис над самым полем, голубое пламя вырывалось из его дюз и плавало бетон. Потом он встал на землю, и над полем пролетел короткий ураган, сорвавший шляпы и фуражки со зрителей.

Грянули оркестры, и несколько служащих космодрома начали раскатывать толстый рулон белого ковра, по которому космонавты пройдут от корабля до встречающих.

— Что делать? — спросила Алиса археолога. Она знала, что никто ее не слышит: все ждут, когда откроется люк и выйдут космонавты.

— Мы далеко от корабля? — спросил Рррр.

— Шагов триста-четырееста. Не добежать. Поймают.

— Ой, — вздохнул археолог, — так близко — и не добежать! Я бы, может быть, добежал.

— Нет, тебе не донести баллон с вакциной.

Но тут Алисе снова помогла бабушка. Когда она увидела, что члены правительства Колеиды пошли по обе стороны белого ковра навстречу кораблю, потому что членам правительства тоже было невмочь ждать, она отодвинула полицейского и сказала:

— Там мой сын.

И сказала это так уверенно, что полицейский только поклонился и пропустил ее.

Алиса схватилась за руку старушки, и, когда полицейский попытался остановить ее, бабушка обернулась и сказала:

— А это его сестра, и я без нее ни шагу не ступлю.

— Только сумку оставьте, — сказал тогда полицейский. — С сумкой нельзя.

Алиса вцепилась в сумку, и получилось замешательство, потому что бабушка тянула вперед, полицейский назад, а Алиса оказалась между ними. И тогда Алиса услышала, как Рррр сказал на космоязыке, чтобы никто не понял:

— Отпусти. Помни о главном.

К счастью, полицейский не услышал. Другой рукой он старался сдержать остальных встречающих. Алиса отпустила сумку и поспешила вперед.

Они подошли почти к самому кораблю. Но тут остановились все. Бабушка тоже.

Люк медленно поворачивался.

«Когда-то на Земле встречали Гагарина, — подумала Алиса. — Как жаль, что я поздно родилась!.. Пора!» — сказала она себе.

И в тот момент, когда люк распахнулся и первый космонавт, капитан корабля, показался в нем, Алиса проскользнула между генералом и главным министром Колеиды, увернулась от рук начальника почетного караула и понеслась к люку.

— Стой! — кричали сзади.

— Не волнуйтесь, — услышала она голос бабушки, — это моя дочка.

Алиса на бегу сорвала с плеча баллон с вакциной.

Капитан корабля при виде ее засмеялся и показал рукой в сторону.

Алиса на секунду остановилась. Она поняла, что люк находится слишком высоко — ей

не достать до него. Струя вакцины не попадет внутрь.

— Трап везут! — крикнул ей капитан корабля, который, наверное, решил, что Алиса хочет поздравить космонавтов и ей это разрешили сделать.

Автоматический трап в этот самый момент подъехал к кораблю.

— Стойте! — крикнула Алиса капитану, который поднял было ногу, чтобы ступить на трап.

Она на ходу вскочила на трап, не дожидаясь, пока он остановится.

Сзади топали полицейские, чтобы догнать ее и остановить.

Алиса стрелой взлетела по трапу. Баллон был в ее руках. Она направила его прямо в лицо капитану и нажала кнопку.

Сильная мутная струя вонючей вакцины ударила в капитана, и он от неожиданности отпрянул назад.

Миллионы людей Колеиды, которые видели этот момент на космодроме и по телевизору, ахнули от ужаса. Все жители Колеиды решили, что это покушение на космонавтов.

Алиса стояла перед самым люком и не переставая нажимала на кнопку. Туман быстро окутал весь корабль и заполнил его внутренние помещения.

Потом кнопка сама щелкнула и вернулась на место. Баллончик был пуст.

И в еще не рассеявшемся тумане несколько сильных рук схватили Алису и потащили вниз.

Камера, в которой оказалась Алиса, была маленькая и совершенно пустая. Даже стула в ней не было. За дверью слышались голоса. Это была даже не камера, а просто один из складов космодрома, из которого спешно вынесли все, чтобы запереть туда государственную преступницу, которая совершила покушение на космонавтов.

Алиса села на пол. Она была счастлива, только очень устала и беспокоилась, что стало с археологом Рррр.

Она понимала, какая паника сейчас царит на всей Колеиде. Ведь никто ничего не понимает. И все спрашивают друг у друга, не пострадали ли космонавты. И тысячи разных страшных слухов ходят по Колеиде.

Прошло минут пять, потом еще пять.

«Наверное, — подумала Алиса, — сейчас все занимаются космонавтами, им не до меня».

Потом другая мысль пришла ей в голову. Очень хорошо — ей удалось спасти Колеиду. Но дальше что? Ведь ей-то теперь отсюда никогда не выбраться. И никогда она больше не увидит шумного и доброго Громозеку и не вернется домой, на Землю...

Ей хотелось плакать. И она заплакала. Может, даже не из жалости к себе, а потому, что она очень устала и переволновалась. А когда она немножко поплакала, то настроение у нее стало лучше. Потому что она поняла, что ее ни за что не оставят в беде. Если надо, с Земли привезут еще три машины времени. И тогда сюда придут за ней и Петров, и Ричард, и, может, даже сам Громозека. И все объяснят колеидцам. И, может быть, даже Алисе здесь поставят памятник...

И Алиса задремала, прислонившись к белой стене. Ее и в самом деле никто не допрашивал, потому что сначала на космодроме поднялась страшная паника. Но когда Алису увели, а туман рассеялся, то оказалось, что космонавты совершенно невредимы. И раз уж они прилетели, все равно торжество должно было продолжаться. И об Алисе на время забыли.

Глава 16

Алиса не знала, сколько она проспала. Может, минут десять, а может быть, и три часа. Но вдруг она услышала:

— Алиса!

Она сразу открыла глаза и оглянулась.

Камера была пуста. За дверью все так же стучали шаги — ее тщательно охраняли.

— Алиса, ты меня слышишь?

— Это ты, Rrrr?

— Я. Подойди к дальнему от двери углу и помоги мне.

Алиса тихонько поднялась и подошла, куда велел Rrrr. И она увидела, что там, в углу, решетка. К решетке снизу прижалось пушистое лицо маленького археолога.

— Не печалься, — прошептал археолог, подмигивая сиреневым глазом. — Мы тебя выручим.

— А ты как здесь оказался?

— Сейчас некогда рассказывать. В общем, пока они кричали и гонялись за тобой, я раскрыл «молнию» на сумке и выскочил. Меня чуть не затоптали. А потом я проследил, куда тебя повели, ведь на котенка никто не обращает внимания. Тем более что хвост я все-таки пришил.

— Ну и дальше что?

— А дальше я обследовал это здание. И нашел решетку. Я ее отпер снизу, но у меня не хватает сил ее поднять. Давай быстренько, поднатужься.

Алиса взялась за решетку. Решетка поддавалась еле-еле.

— Тяни! — умолял Rrrr. — Они вот-вот за тобой придут.

За дверью послышались голоса. Кто-то шел к камере.

Алиса изо всей силы дернула за решетку, и она выпала и громко звякнула о каменный пол.

— Прыгай! — приказал Rrrr. — Не бойся, здесь невысоко.

И в тот момент, когда дверь в камеру начала открываться, Алиса, зажмурившись, прыгнула в черную дыру, и Rrrr еле успел отскочить в сторону.

— Беги за мной, — сказал он.

Алиса долго бежала по темным коридорам сложного подземного хозяйства космопорта. Она набила синяков на руках и коленках, разорвала рукав платья, но остановиться не могла — Rrrr бежал впереди и торопил ее:

— Отдохнешь дома. Слышишь — за нами погоня.

Они успели выбежать на задний двор космопорта за минуту до того, как все здание оцепили войска. Спасло их то, что народу на космодроме все еще было так много, что солдатам и полицейским, которые ловили государственную преступницу, было трудно передвигаться быстро.

Глава 17

Долгий шумный день на планете Колеида уже кончился. Солнце опустилось к высоким деревьям парка, который тянулся за космопортом.

— Ой, как я устала! — сказала Алиса, добежав до первого дерева и обняв его ствол. — Вот-вот упаду.

Пушистый археолог выглянул из-за дерева, смотря, нет ли погони.

— Не распускайся, Алиса, — сказал он. — Держи себя в руках. Сделана только половина дела.

— Почему половина? Мы же все сделали и спасли планету.

— Не знаю, — ответил Рррр. — Не знаю, моя девочка.

Он говорил, словно старый мудрый дедушка.

— Ты распылила вакцину, это так. Но только если мы вернемся назад, мы узнаем, дало ли это какой-нибудь результат.

— Ты хочешь сказать, что мы вернемся и все осталось, как прежде?

— Не знаю...

— Тогда лучше не возвращаться. Лучше остаться здесь.

— Ты устала, Алиса, — сказал Рррр, — и нервничаешь.

До леса доносились глухие удары барабанов. Это далеко-далеко играли оркестры.

Густой теплый воздух вздрагивал от барабанного буханья. Над крышей космопорта взлетела гирлянда огромных разноцветных воздушных шаров.

— Я просто не могу представить, что они все заболеют, — сказала Алиса.

— Может быть, и не заболеют. А если бы ты не распылила вакцину, ты бы наверняка знала, что все они обречены. И было бы еще хуже. Алиса кивнула. Маленький археолог был прав.

— Отдохнула немножко? — спросил он. — Нам надо спешить. До темноты мы должны уйти подальше от города.

— А куда мы теперь? — спросила Алиса, которой никуда идти не хотелось. Лечь бы сейчас на траву и заснуть. А проснуться уже дома. — На вокзал?

— Ни в коем случае, — ответил Рррр. — Нас там сразу узнают. Ведь ты сейчас после космонавтов самый популярный человек в городе. Несколько миллионов колеидян видели тебя по телевизору. Мы пойдем пешком.

И они пошли через лес. Рррр бежал впереди. Он шел по солнцу так, чтобы выбраться к железной дороге и вдоль нее добираться до городка, у которого лагерь археологов.

Алиса натерла ногу, но разуваться Рррр не разрешил.

«Интересно получается, — подумала Алиса. — Пока мы ехали туда, я была главной, а теперь он вдруг вспомнил, что он старше, и ведет меня». И не хотелось убеждать его, что все равно Петров с Ричардом найдут их и спасут. Ведь Рррр тогда обязательно скажет, что их могут не найти.

Вдруг лес кончился. Он оказался узким. За ним начинался пустырь, а дальше снова шли дома. И выйти из-под деревьев было нельзя — над пустырем кружил маленький желтый вертолет и от домов к лесу медленно двигалась цепочка полицейских.

— Облава, — сказал Рррр. — Они подозревают, что мы скрылись в лесу.

— Что делать? — спросила Алиса. — Заберемся на дерево?

— Они догадаются. Бежим обратно.

Оказывается, Rrrr заметил в лесу какие-то строения. Туда он и повел Алису.

На большой истоптанной и пыльной поляне, обнесенные низким заборчиком, стояли аттракционы — качели, горки, «чертовы колеса» и другие развлекательные машины, похожие на те, что стоят в парках на Земле, и в то же время совсем другие.

Беглецы забрались под скрипучую карусель и улеглись на землю. Совсем близко нависал дощатый пол, и в щель между досками Алиса видела тонкую полоску очень светлого неба.

Они вовремя спрятались. Минуты через три к аттракционам подошли полицейские. Слышно было, как они перекликаются. Потом один из них забрался на карусель, и доски прогибались под его башмаками.

Алисе захотелось чихнуть — под каруселью было пыльно и душно. Полицейский остановился прямо над ней, закрыв подошвами светлую полоску, и спросил громко у кого-то:

— Под каруселью смотрел?

— Нет, — ответили издали. — Сам погляди.

— У меня фонаря нету.

— Без фонаря увидишь. Вряд ли кто туда мог забраться.

Полицейский спустился на землю. Алиса быстро отползла к дальней стенке и прижалась к ней.

Деревянная дверца распахнулась, и в ней появился черный силуэт полицейского. Он долго вглядывался, потом спросил на всякий случай:

— Есть здесь кто?

— Ты идешь? — раздался крик издали.

— Иду, — ответил полицейский и захлопнул дверцу. — Нет здесь никого. Она уж, наверное, на самолете улетела.

— Конечно, — согласился с ним второй голос. — Такое покушение в одиночку не совершишь.

— Останемся здесь до темноты, — сказал Rrrr, когда шаги полицейских смолкли. — А то сейчас нас быстро поймают.

Им удалось выбраться из-под карусели только поздно вечером. Примерно через час после того, как полицейские ушли, парк стал наполняться народом. Хозяин карусели долго вытирал ее тряпкой, подметал, потом включил и часа три подряд под веселую, но страшно надоевшую Алисе музыку карусель вертелась над головой, скрипела, и казалось, вот-вот кто-нибудь провалится сквозь пол и задавит беглецов.

Наконец, когда Алиса отлежала себе все бока и измучилась оттого, что страшно хотелось спать, а уснуть под гром музыки и скрип карусели было совершенно невозможно, веселье подошло к концу. Мотор карусели все реже заводился, реже раздавались голоса вокруг. И к полуночи все стихло.

Они выползли наружу, и Rrrr долго растирал сильными ручками ноги Алисы. Ноги так занемели, что идти было невозможно. А потом стало еще хуже — ноги отходили, и казалось, что тысячи иголок вонзились в них.

— Ну, сможешь идти? — спросил Rrrr.

— Смогу, — ответила Алиса.

Теперь, когда столько пришлось вытерпеть, она уже поняла, что любой ценой они должны добраться до своих.

И они добрались.

Они снова пересекли темный лес, вышли на пустырь и, обходя ямы и кучи мусора, доплелись до нового района города. Пока не остались позади последние дома, они шли медленно — Рррр забежал вперед, смотрел, нет ли кого, и только потом Алиса следовала за ним.

Было уже почти два часа ночи, когда они вышли к полотну железной дороги. Рельсы поблескивали под луной.

Они вышли на тропинку, которая бежала вдоль полотна, и направились прочь от столицы.

Алиса старалась представить себе, как мать космонавта Толо ругает ее, рассказывает своему сыну, как Алиса втерлась к ней в доверие. Ей казалось даже, что она слышит голос старушки: «Я ее даже помидорами кормила. Знала бы, ничего не дала бы. И котенок у нее был подозрительный».

И уже под утро им удалось взобраться на платформу товарного поезда, который притормозил у разъезда.

С первыми лучами солнца, изодранные, измученные, еле живые, но страшно счастливые, они поднялись на пригорок. Оставалось сделать всего один шаг, и машина времени заберет их обратно, в лагерь археологов.

И Алиса вдруг поняла, что ей очень трудно сделать этот последний шаг.

— Я боюсь, — тихо сказала она маленькому археологу.

— Я тоже боюсь, — шепнул он. — Я понимаю.

— А вдруг мы вернемся, а там все по-старому? Вдруг не удалось?

— Ой, — сказал Рррр, — и не говори!

Он снова потерял где-то свой хвост, теперь уже безвозвратно.

Они помолчали немного.

Потом Алиса наклонилась и взяла археолога на руки. И сделала последний шаг.

Что-то щелкнуло. Легкий туман окутал ее, и показалось, что она несется куда-то, падает... падает...

И вот она стоит в кабине машины времени.

Глава 18

За стеклом возвышался Громозека. Рядом — Петров. Ричард наклонился над пультом управления.

Алиса стояла в кабине, не смея шелохнуться.

Дверь не открывалась.

Громозека поднял щупальце, показывая, что она забыла нажать на кнопку.

— Ну да, кнопка, — поняла Алиса.

Она нажала на зеленую кнопку. Дверь отошла в сторону. Алиса выпустила из рук археолога, и тот упал на пол.

— Все в порядке, — сказал Громозека. — Можете стартовать.

— Есть стартовать, — отозвался голос из динамика.

Глухо заревели двигатели, пульт управления качнулся, и Алиса почувствовала, как увеличивается тяжесть — заработали гравитационные установки.

— Ну что? — спросил наконец Рррр.

Громозека протянул вперед свои длинные щупальца, поднял Алису, и она вдруг увидела, что по его широченному зеленому лицу текут дымящиеся слезы.

— Доченька моя! — сказал он. — Милая! Спасибо!

— Ну что? — спросила тогда Алиса.

— Все в п-порядке, — сказал Петров. — Все в п-порядке. Хотя это и безобразие.

— Победителей не судят, — сказал Ричард. — И вы, Михаил Петрович, это знаете.

— А я, — сказал Громозека, все еще не выпуская из щупалец Алису, — я согласен теперь на любое наказание.

— Так получилось? — настаивал Рррр.

— Все получилось.

— А почему мы движемся?

— Мы летим, — сообщил Громозека. — Улетаем.

— Почему? — удивилась Алиса. Ей было так уютно в объятиях Громозеки, и она совсем не чувствовала ног.

— Потому что, как только вы с Рррр ушли в прошлое, я разбудил весь лагерь, — сказал Громозека.

— Чтобы за нами гнаться?

— Ничего подобного. Я же знал, что ты ночью попытаешься сама убежать в прошлое. И ты знаешь мое к этому отношение. Я не мешал тебе.

— Ты тогда не спал?

— Я же велел тебе не забыть свитер.

— А я так старалась не шуметь! — сказала Алиса.

— Я сделал все, что мог. Я объяснил тебе действие баллона с вакциной, заставил тебя сделать все уколы. И попросил Рррр отправиться в прошлое вместе с тобой. Одну я тебя отправлять не хотел.

— Так ты, котенок, — обернулась Алиса к своему спутнику, — тоже заранее знал, что я убегу?

— Знал, — подтвердил маленький археолог. — И, кроме меня, некому было тебя сопровождать. Я ведь самый маленький. И хвост я заготовил заранее. И ведь я тебе пригодился!

— Пригодился. Знаешь, Громозека, он меня освободил, когда меня поймали.

— Да? Ну и отлично. Потом все расскажешь. А мы очень волновались. Мы думали, что, если тебя поймут, придется отправлять в прошлое спасательную партию.

— Все-таки почему мы на корабле? — спросила Алиса.

— Потому что, как только вы ушли в прошлое, я приказал на всякий случай сворачивать лагерь и временный центр. Мы же не знали, что произойдет здесь за сто лет. Вдруг на месте наших палаток вырастет новый город? Или искусственное море?

— Вот уж была работенка! — сказал Ричард. — Мы за шесть часов свернули весь лагерь, разобрали станцию и погрузили камеру времени на последний корабль. И стали ждать.

— И дождались? — спросила Алиса. — Можно, я посмотрю?

Громозека поднес ее к иллюминатору.

Корабль уже поднялся довольно высоко, и Колеида занимала половину неба. И все лицо планеты было залито пятнами света — это горели огни ее городов и заводов.

— Все случилось во второй половине дня, — сказал Громозека. — Мы стояли у иллюминаторов и смотрели. Мы же знали, во сколько прилетает космический корабль. Мы стояли и считали минуты. Ведь мы не очень верили, что тебе удастся пробраться к кораблю...

— И тут, — перебил его Ричард, — мы увидели, как в одну секунду поля стали зелеными.

— И высокие дома выросли на месте старого города, — сказал Петров.

— И над нами пролетела птица, — сказал Громозека.

— И мы поняли, что Алиса убила космическую чуму.

— А как же вас не заметили? — спросил Рррр.

— Наш корабль был погружен в землю и покрыт сверху маскировочной сеткой. Нам повезло — это поле было не застроено. Зато теперь, когда мы взлетели, они нас наверняка заметили.

В этот момент в динамике раздался голос:

— Говорит капитан корабля. Только что с нами вышли на связь внешние спутники планеты Колеида. Нас запрашивают, что мы за корабль, куда летим, почему не предупредили о своем полете диспетчера.

— Отвечайте им, что мы держим курс к их дежурному спутнику, — сказал Громозека. — Пусть ждут. Мы им все расскажем.

Глава 19

Когда Громозека с переодетой и вымытой Алисой шли по коридору дежурного спутника планеты Колеида, Алиса попросила главного археолога:

— Когда ты будешь им все объяснять, спроси, пожалуйста, нет ли мне памятника.

— Что? — удивился Громозека.

— Нет ли нам с Рррр памятника, — повторила Алиса. — Ведь мы их спасли.

Громозека улыбнулся, но ничего не ответил.

Дежурный диспетчер встретил гостей на центральном пульте. Он оказался маленьким человечком, чуть повыше Алисы, и был похож на инженера Толо. При виде Громозеки он вздрогнул и отступил на шаг, но тут же справился с испугом и попытался улыбнуться.

— Мы с планеты Земля, — сказал Громозека, поздоровавшись, — и с других планет Галактического содружества, куда вы в скором времени, наверное, вступите. Простите, что мы побывали на вашей планете без разрешения — так уж получилось.

— Я совершенно не могу понять, — сказал диспетчер, — как вам удалось сесть рядом с большим городом и никто вас не заметил.

— А мы не только сели, — сказал Громозека, — мы даже пробыли у вас на планете почти полгода.

— Как так?

— Мы археологи. Мы выясняли, почему погибла ваша планета.

— Но наша планета никогда не гибла, — сказал диспетчер. — Вы меня разыгрываете?

— Ни в коем случае, — возразил Громозека. — Скажите, вам эта девочка не знакома? — Он показал на Алису.

— Нет, конечно, — ответил диспетчер.

— Странно, — сказала Алиса.

— Она была у вас на планете. Только давно.

— Когда?

— Сто лет назад.

— Вы говорите загадками, — произнес диспетчер. — И если это шутки, то очень странные.

— Сто лет назад, — сказал Громозека, — вернулся ваш первый космический корабль, не так ли?

— Так, — подтвердил диспетчер. — Мы праздновали столетие этого события в прошлом году.

— А не было никакого происшествия в тот момент, когда корабль опустился на Колеиду?

— Нет, — сказал диспетчер. — Все прошло нормально. С тех пор этот день мы отмечаем как праздник.

— И все-таки я настаиваю, что именно в тот день и в тот момент эта девочка, которую зовут Алиса, была на космодроме и даже спасла вашу планету от гибели.

— И меня даже посадили в тюрьму, — вмешалась Алиса.

Диспетчер тяжело вздохнул, будто устал слушать сумасшедших гостей.

— Не верит нам, Алиса, — сказал Громозека. — А скажите, у вас нет на борту библиотеки? — Зачем?

— Там может быть книжка по истории.

— Ну хорошо, — заявил диспетчер и пожал плечами. — Погодите.

Он нажал кнопку на пульте, панель на стене отодвинулась, и там оказались полки с книгами. Диспетчер снял одну из книг.

— Тут есть описание прилета первых космонавтов? — спросил Громозека.

— Одну минутку, — попросил диспетчер.

Он перелистал книгу.

— Читайте, — сказал Громозека.

В предвкушении удовольствия он даже притопывал щупальцами по гладкому полу дежурного спутника.

— «И вот показался корабль», — прочел диспетчер.

— Дальше, дальше, — торопил его Громозека, заглядывая через плечо маленькому человечку. — Вот. — И он ткнул когтем в строчку.

— «Праздник был украшен любопытным поступком одной из девушек, — прочел диспетчер. — Она первой подбежала к кораблю и опрыскала космонавтов духами. Имя ее осталось неизвестным».

— И все? — спросила Алиса.

— И все.

— Это была я. Только никакие это были не духи. А вакцина.

Но тут Громозека понял, что терпение диспетчера полностью истощилось, и сказал:

— Шутки в сторону. Разговор нам предстоит долгий и серьезный. Я обращаюсь к вам официально: корабль «Земля» просит разрешения Колеиды совершить посадку на удобном для вас космодроме. Больше я не буду говорить загадками и все подробно объясню представителям вашего правительства.

— Подождите немного, — сказал диспетчер с облегчением. — Сейчас я узнаю, на каком из космодромов есть свободные стоянки.

А когда Алиса с Громозекой шли обратно к своему кораблю, Громозека легонько потрепал Алису когтем по плечу и сказал:

— Не расстраивайся. Может, тебе еще поставят памятник на этой планете.

— Не нужен мне их памятник, — сказала Алиса. — Главное, что они остались живы и здоровы.

Она помолчала и добавила:

— Только обидно, что в истории написано, будто я поливала их духами.

— В истории остается только главное, — сказал Громозека. — А детали могут и не сохраниться в памяти людей.

Миллион приключений

Новые подвиги Геракла

Глава 1. Авгиева лаборатория

Весеннее утро началось мирно, а кончилось большим скандалом.

Первым, как всегда, пришел Аркаша. Он поспешил на делянку, где выращивал чувствующие цветы. Все растения умеют чувствовать, но попробуй разберись в их чувствах.

При виде Аркаши цветы закивали головками; они раскрывали лепестки, шевелили листьями и изображали радость. Аркаша подключил шланг и начал поливать своих питомцев теплой витаминной водой.

Затем пришел Джавад. Он покормил зверей в клетках и выпустил на волю питекантропа Геракла, который тут же помчался к домику, где ночевали три собаки — Полкан, Руслан и Султан, которые, как ни странно, были сестрами. Собаки летом работали у геологов и по запаху разыскивали руду и ископаемые кости глубоко под землей. Но сезон еще не начался, поэтому сестры были в отпуске и дружили с Гераклом. А он умело пользовался этой дружбой и завтракал два раза — у себя и у собак.

Прибежали близняшки Маша и Наташа, худенькие, глазастые, с одинаковыми ссадинами на коленях. Они так похожи, что не отличишь, а на самом деле — совершенно разные люди. Маша — серьезная и уверяет, что любит только науку. А Наташа — страшно легкомысленная и любит не столько науку, сколько зверей и танцы. При виде Маши и Наташи дельфины Гришка и Медея по пояс высунулись из бассейна — соскучились за ночь.

Алиса Селезнева запоздала. Она ездила в Космический центр договориться об экскурсии на планету Пенелопа. Но Алисе сказали, что неизвестно, будут ли места, попросили прийти через месяц. Алиса была расстроена, она даже не заметила, как подошел Геракл с протянутой рукой. То ли хотел поздороваться, то ли надеялся на угощение.

Алиса скрылась в невысоком здании лаборатории, чтобы оставить там сумку и переодеться, а когда вышла, гневно заявила:

— Это не лаборатория, а авгиевы конюшни!

Геракл, который ждал ее у входа, ничего не ответил, потому что никогда не читал греческих мифов, а кроме того, знал только съедобные слова. Как его ни учили, дальше слов «банан», «яблоко», «молоко», «сахар» он не пошел.

Зато возглас Алисы услышала Машенька Белая.

— Разумеется, — сказала она. — Пашка Гераскин сидел там вчера до поздней ночи, а убрать за собой не удосужился.

— А вот и он, — сказала Наташа Белая. — Легок на помине.

Пашка Гераскин медленно шел к станции по кокосовой аллее и на ходу читал книгу. На обложке крупными буквами было написано: «Мифы Древней Греции».

— Обратите внимание, — ехидно сказала Машенька Белая. — Этот юноша хочет узнать, как чистят авгиевы конюшни.

Пашка услышал, остановился, заложил страницу пальцем и сказал:

— Могу сообщить, что Геракл — значит «совершающий подвиги из-за гонений Геры».

Кстати, Гера — это жена Зевса.

Питекантроп Геракл услышал свое имя и заявил:

— Дай банан.

Пашка задумчиво посмотрел на него и произнес:

— Нет, тебе подвигов не совершить. Ростом не вышел.

— Слушай, Пашка, — сказала мрачно Алиса. — Ты чем занимался в лаборатории? Можно подумать, что там тридцать лет никто не убирался.

— Когда у меня возникают идеи, — ответил Пашка, — я не обращаю внимания на мелочи жизни.

— А мы обращаем, — сказала Машенька.

— Не шумите, — сказал Пашка. — Все уберу. Через полчаса будет полный порядок.

— Свежо предание, но верится с трудом, — сказал Аркаша. — Предлагаю на время уборки отобрать у Пашки книгу: зачитается и все забудет.

После короткой схватки Пашка лишился книги и удалился в лабораторию зализывать раны и обдумывать месть.

Убираться ему не хотелось, скучное это занятие. Он подошел к окну. Машенька сидела на краю бассейна, возле нее были разложены карточки с цифрами. Дельфины зубрили таблицу умножения. Наташа рядом плела венки из первых желтых одуванчиков. Джавад о чем-то спорил с Алисой, а над ними возвышался скучный, глупый, любопытный жираф Злодей с одним рогом посреди лба.

«Как же это я умудрился так насорить?» — поразился Пашка.

На полу валялись мятые листы бумаги, обрывки магнитофонных лент, образцы почвы, ветки, апельсиновые корки, стружки, обломки разбитых колб, предметные стекла, скорлупа орехов — следы вчерашней бурной деятельности, когда Пашкой овладела гениальная идея создать животное без легких и жабр для жизни в безвоздушном пространстве. Идея лопнула часам к одиннадцати, как раз тогда позвонила мать и потребовала, чтобы он возвращался домой.

Есть минусы, подумал Пашка, в том, что ты энтузиаст и живешь среди энтузиастов. Ребята, и Пашка в том числе, проводили на станции все свободное время, прямо из школы спешили к своим зверям и растениям, а в субботу и воскресенье часто просиживали там с утра до вечера. Пашкина мать ворчала, что он совсем забросил спорт и делает ошибки в сочинениях. А на каникулах ребята собирались на планету Пенелопа, в настоящие, еще не исследованные джунгли, — разве от такого откажешься?

Вздыхнув, Пашка взял губку и начал протирать лабораторный стол, сбрасывая ненужный хлам на пол. «Жалко, — подумал он, — что книгу мифов отобрали. Сейчас бы прочесть, как Геракл чистил авгиевы конюшни. Может быть, он схитрил?»

Когда через полчаса в лабораторию заглянул Джавад, Пашка уже вытер все столы, расставил по местам колбы и микроскопы, убрал в шкафы приборы, зато на полу мусора прибавилось.

— Долго еще будешь копаться? — спросил Джавад. — Может, помочь?

— Управлюсь, — сказал Пашка. — Еще пять минут.

Он сгребал щеткой мусор к середине комнаты, получилась гора чуть ли не до пояса.

Джавад ушел, а Пашка остановился перед горой и задумался, как бы ее вынести наружу в один прием.

В этот момент в открытом окне показалась физиономия питекантропа Геракла. При виде хлама он даже ухнул от удовольствия.

И Пашке пришла в голову счастливая мысль.

— Иди сюда, — сказал он.

Геракл тут же впрыгнул в окно.

— Доверяю тебе дело большой важности, — сказал Пашка. — Если ты вынесешь все это из нашей авгиевой лаборатории, получишь банан.

Геракл подумал, напряг свой неразвитый мозг и сказал:

— Два банана.

— Ну ладно, два банана, — согласился Пашка. — Я сейчас должен сбежать домой, чтобы к моему приходу все было чисто.

— Бу-сде, — сказал питекантроп.

Просьба Пашки Геракла не удивила. Его часто использовали на всяких работах, где не нужно большого ума. Правда, бесплатно он ничего не делал.

Пашка выглянул в окно. Никого. Он перескочил через подоконник и побежал домой.

Геракл поглядел на мусор и поскреб в затылке. Куча была большая, за раз не вынесешь. А Геракл был великим лентяем. Он думал целую минуту, как бы заработать бананы без усилий. И сообразил.

На поляне рядом с лабораторией лежал шланг для поливки. Геракл умел им пользоваться, а в жаркую погоду подстерегал прохожих, обливал их с головы до ног и ухал от радости.

Он выскочил из лаборатории, повернул кран и запустил струю воды внутрь лаборатории. Струя была несильная, на полу сразу получилась большая лужа, в которой крутился мусор. Это не удовлетворило питекантропа. Он отвернул кран до отказа и, вцепившись лапами в непослушный конец шланга, направил толстую струю в грязное болото, которое раньше было лабораторией.

Струя ударила в мусор. Бумажки, тряпки, осколки, деревяшки отнесло к дальней стене. Шланг дергался в руках Геракла, и неудивительно, что струя заодно смыла и то, что стояло на столах, — колбы, приборы, склянки и пробирки. Хорошо еще, микроскоп устоял и шкафы не разбились.

Дверь лаборатории от напора воды распахнулась, и оттуда вырвалась могучая река, которая несла в себе массу вещей, сбила с ног Аркашу и закрутилась водоворотами вокруг ног жирафа Злодея.

До Геракла дошло, что он натворил. Он бросил шланг, быстро вскарабкался на манговое дерево, сорвал плод и начал его чистить, делая вид, что он ни при чем.

Пашка вернулся минут через пять, когда все уже успели всласть его изругать. В конце концов Наташа Белая даже пожалела его, потому что он расстроился больше всех.

Аркаша вернул ему книгу «Мифы Древней Греции» и сказал:

— Ты не дочитал до самого интересного и не знаешь, что наш питекантроп чистил лабораторию по древнему рецепту.

— Как так? — удивился Пашка.

— Настоящий, древний Геракл отвел в авгиевы конюшни соседнюю реку.

— Совпадение полное, — сказала Машенька Белая. — За одним исключением: в авгиевых конюшнях не было микроскопов.

Глава 2. Появление Геракла

Надо рассказать, откуда на биостанции питекантроп.

Алиса, Аркаша, Джавад и Пашка Гераскин были в Институте Времени.

Они давно хотели туда попасть, но временные кабины расписаны между учеными на год вперед, а туристов в прошлое не пускают. Мало ли что может случиться!

К счастью, у Алисы Селезневой большие связи, в том числе в этом институте. Ей уже приходилось бывать в прошлом.

Однажды на биостанции раздался звонок, и на экране видефона показался курчавый худой молодой человек по имени Ричард Темпест.

— Неожиданно освободилась большая кабина, — сказал он. — Я обо всем договорился. Так что одна нога там, другая — здесь.

Не прошло и получаса, как биологи уже были у дверей института, где их ждал Ричард.

— Значит, — сказал он, — вы желаете поглядеть, когда и как обезьяна превратилась в человека?

— Правильно, — ответил Джавад. — Долг ученых — зафиксировать этот момент.

— Тогда скажите, пожалуйста, — попросил Ричард, проводя ребят внутрь громадного здания, — какого числа, месяца или хотя бы года до нашей эры произошло это событие? Кстати, подскажите мне, в какой точке земного шара это случилось...

— Точно не скажу, но приблизительно... — задумался Джавад.

— Начнем с приблизительно.

— Примерно от миллиона до двух миллионов лет назад.

Алиса с Пашкой засмеялись, а Ричард очень серьезно записал эту цифру, вздохнул и сказал:

— Спасибо за информацию. А теперь сообщите мне место этого события.

— Где-то в Африке или в Южной Азии, — ответил Джавад.

— Очень точно, — сказал Ричард и записал. — Значит, сегодня мы отправляемся куда-то на юг, за миллион или за два миллиона лет до нашей эры. И если повезет, увидим, как обезьяна превратилась в человека.

Ричард шутил. Ученые давно интересовались этой проблемой и несколько раз летали в прошлое, искали древних людей. Конечно, никто не увидел, как обезьяна стала человеком, потому что такого момента и не было. Зато удалось найти стадо наших далеких предков — питекантропов на острове Ява.

Сначала Ричард показал биологам Институт Времени.

Всего там три зала с кабинами для путешествий в прошлое. В будущее, как известно, попасть нельзя, потому что его еще нет. Сколько кабин, столько и отделов. Первый — исторический. Временщики, которые там работают, пишат подробную, точную, иллюстрированную историю человечества.

Ребята попали в галерею, где висели объемные цветные фотографии знаменитых людей прошлого. Там были портреты Гомера, Жанны д'Арк, молодого Леонардо да Винчи и старого Леонардо да Винчи, вождя гуннов Аттилы и даже Ильи Муромца, который оказался молодым голубоглазым усачом. Там же были тысячи картин, снятых в самые различные эпохи. Например, вид города Вавилона с птичьего полета, пылающий Рим, подоженный Нероном, и даже деревня, которая когда-то стояла на месте Москвы...

Пашка Гераскин, страдая от зависти, прошептал Алисе:

— Пожалуй, уйду из биологов в историки. Уж очень они интересно живут.

— А я никогда не изменю биологии, — ответил Джавад. — Историки только объясняют, что было, а мы, биологи, изменяем мир.

— Пустой спор, — заметил Ричард, открывая дверь в следующий зал. — Все мы

изменяем мир, и историки в том числе. Наш мир существует не первый день и не последний. И когда мы узнаём новое о прошлом, этим мы изменяем не только прошлое, но и настоящее. Понятно?

Они остановились перед большим, в три метра, портретом: молодая красивая женщина с курчавым мальчишкой на руках. Мальчишка был чем-то расстроен, вот-вот заревет.

— Это кто? — спросила Алиса.

— Уникальный снимок, — сказал Ричард. — Наши ребята за ним год охотились. Маленький Пушкин на руках у своей мамы.

— С ума сойти! — ахнул Пашка, входя в следующую комнату.

Здесь историки-временщики хранили свое оборудование: одежду, обувь, оружие, украшения. Рядом тянулись шкафы с кафтанам и мушкетерскими плащами, стояли строем ботфорты и римские сандалии, громоздились шляпы с перьями и зеленые чалмы в рубинах и бриллиантах. У стены выстроились рыцарские доспехи.

— Это все настоящее? — спросил Пашка.

Никто ему не ответил. И так ясно, что все здесь — оттуда. Когда временщик уходит в прошлое, он изучает язык и обычаи «своего» времени тщательнее, чем старинные шпионы. Потом специальная комиссия проверяет, готов ли он. Если нет, никто его не отпустит. Пашкины ноги приросли к полу — уйти отсюда было выше его сил. Пришлось Ричарду за руку увести Пашку из зала.

Следующий этаж института занимал исследовательский отдел. Здесь трудятся специалисты самых различных наук. Прошлое может дать ответ на задачи, которые не решишь сегодня. Геологи отправляются на миллиард лет назад, чтобы узнать, как передвигались земные материки и какой глубины были первобытные океаны, ботаники привозят из прошлого вымершие растения, чтобы использовать их в хозяйстве, астрономы собираются посмотреть собственными глазами на солнечное затмение, которое случилось три тысячи лет назад в Южной Индии...

А вот третий отдел института, куда ребят Ричард не повел, только рассказал о нем, показался Алисе самым интересным. Он назывался так: «Отдел исправления исторических ошибок и несправедливостей».

Вход туда для посторонних закрыт, потому что временщики занимаются в нем такими тонкими и рискованными операциями, что любая ошибка может дорого обойтись всей Земле.

— Например, — рассказал Ричард, — всем известно, что писатель Гоголь сжег второй том своего романа «Мертвые души». Но любой из нас может его прочесть.

— У меня дома есть, — сказал Пашка.

— Ничего удивительного. А было вот что: временщик из третьего отдела проник в прошлое, в тот день, когда Гоголь собрался сжечь свой роман, и в последний момент сумел незаметно подменить его стопкой чистой бумаги. Ход истории не был нарушен, зато мы, потомки Гоголя, увидели этот роман.

— Ну а еще что? — спросила Алиса.

— Еще? Знаете ли вы об Александрийской библиотеке?

— Я слышал, — сказал Аркаша. — Она была в Египте, в Александрии, и сгорела, когда туда пришел Юлий Цезарь.

— В этой громадной библиотеке погибло много тысяч папирусов. И недавно наш институт решил эту библиотеку спасти. Три тысячи восьмьсот рукописей нам удалось

вытащить из горящего здания. Много раз временщики уходили туда, в огонь и дым, возвращались опаленные, полузадохшиеся, израненные, но тут же, сдав добычу, спешили обратно...

— А библиотека Ивана Грозного? — спросил Джавад. — Ее уже нашли?

— Обязательно найдут, — сказал Ричард. — Никуда она не денется. Ну ладно, нам пора самим отправляться в прошлое.

В зале исследовательского отдела пришлось несколько минут подождать. Кабина была еще занята, ждали, когда вернутся из прошлого физики, которые наблюдали падение Тунгусского метеорита.

Тем временем Ричард показал гостям опытный временной экран. Он горизонтально висит над столом. Все, что под него попадает, начинает двигаться обратно во времени. Но не так, как в кабине, где человек может пролететь миллион лет и нисколько не измениться. Если положить под экран бабочку, через некоторое время она превратится в куколку, потом в гусеницу. Если положить тряпку, то она превратится в скатерть, которой когда-то была. А если положить листок бумаги со стертыми буквами, то вскоре можно будет увидеть, что на ней было написано раньше. Этот прибор сделали по просьбе реставраторов старых картин и рукописей, но он, наверно, пригодится и в других местах.

Загудела сирена — возвращались физики.

Ребята бросились в зал, чтобы не пропустить этот момент.

Над кабиной загорелась надпись: «30 июня 1908 года».

Дверь кабины открылась, и из нее вышли два человека. Они были странно одеты — в ватники и высокие сапоги.

Один из операторов спросил:

— Ну что? Видели?

— Видели, — устало ответил один из пришедших, снимая фуражку и вытирая со лба пот. — Ядро кометы, как я и говорил.

— Об этом мы еще поспорим, — ответил второй, скидывая с плеч зеленый рюкзак и осторожно ставя его на пол. — Здесь все пленки, записи и образцы. Но сначала я мечтаю принять ванну и забыть о комарах.

Не успели физики уйти из зала, как к ребятам подбежала маленькая хрупкая женщина.

— Скорей, — сказала она. — А то астрономы нас выгонят. Они кабину со вчерашнего утра ждут. Ричард, веди их в дезинфекционную камеру. Дай им маски, и чтобы через пять минут были здесь. Я пока наберу код. Ява, миллион — двенадцать по Кривой Петрова, правильно?

За несколько минут ребят очистили от всех микробов — нельзя же в прошлое привезти какой-нибудь микроскопический подарок из двадцать первого века, — выдали им защитные маски с фильтром, и не успели они опомниться, как оказались в кабине, которая тут же загудела, замигала лампочками, готовясь к прыжку длиной в миллион лет.

Сам перелет на первобытную Яву занял мгновение. Но чувство было неприятное, особенно если путешествуешь в первый раз. Как будто проваливаешься в бесконечную пропасть и тебя крутит так, что непонятно, где верх, где низ...

Кабина стояла на вершине невысокого, поросшего травой и мелким кустарником холма над извилистой речкой.

Ричард распахнул дверь, и ребята высыпали из кабины как горох. В лицо им пахло жарким, влажным, душистым воздухом.

— Никуда без моего разрешения не отходить! — приказал Ричард. — Это опасно.

Из-за маски его голос звучал глухо.

— А что, — сказал Пашка, — здесь неплохо. Можно и остаться.

Большая муха подлетела к Пашке и попыталась на него усесться.

— Не приставай, — сказала ей Пашка. — Может, ты кусачая.

— И наверняка ядовитая! — заметила Алиса.

Пашка отступил на шаг. Муха — за ним. Пашка отошел на несколько шагов, муха не отставала. Пашка отпрыгнул... но тут Ричард сказал:

— Тише. А то больше не буду брать детей. Поверил вам, что вы — настоящие ученые...

— Смотрите, — сказал Джавад. — У реки...

И тут они увидели питекантропов.

Предки человека оказались обезьянами, похожими на шимпанзе, ростом с десятилетнего ребенка. С холма было видно, как некоторые из них переходили с места на место на задних конечностях, не касаясь земли руками, а один крупный питекантроп, наверно вожак, держал в руке толстую палку.

Одно дело — видеть фильм или читать об этом в книге, другое — глядеть на стоянку своих собственных предков и не только видеть их, но и ощущать эту жару, влажный ветерок, слышать, как шуршат листья и ухают питекантропы.

— Гляди, — прошептал Джавад, — ребенок.

Один из питекантропов, поменьше других, повернул голову в их сторону, приложил руку к глазам, чтобы не мешало солнце, и старался рассмотреть, кто там пожаловал в гости. Его мамаша дала подростку подзатыльник, и он заревел.

— Можно подойти поближе? — спросила Алиса.

— Ни в коем случае, — сказал Ричард. — Мы искали это стадо почти два года. А если оно сменит стоянку, придется снова его разыскивать. Смотрите!

Из-за деревьев внезапно выскочил громадный полосатый тигр с клыками такой величины, что они казались саблями. Тигр на секунду прижался к земле и прыгнул.

С визгом питекантропы бросились врассыпную. Лишь вожак стада попытался прикрыть собой остальных, подняв палку.

Тигр промахнулся — вожак успел отпрыгнуть и взлететь на дерево. Хищник оглядывался, выискивая следующую жертву.

Ею оказался питекантроп-подросток, который не догадался влезть на дерево, а побежал по открытому склону холма. Тигр кинулся вслед.

— В кабину! — крикнул Ричард, хватая за руку Алису, которая стояла к нему ближе всех.

Алиса не успела сообразить, как оказалась в кабине.

Джавад с Аркашей втиснулись за ней.

— Пашка! — крикнул Ричард. — Не сходи с ума!

Сквозь прозрачную стенку кабины было видно, что Пашка бежит навстречу визжащему питекантропу, а к ним приближается прыжками саблезубый тигр.

Пашка успел подхватить беглеца в тот момент, когда тигр уже готов был сомкнуть клыки, а спас их Ричард, выхвативший пистолет и всадивший снотворную пулю в морду тигра.

Тигр грохнулся на землю, лапы кверху, и захрапел.

Пашка в обнимку с питекантропом втиснулся в кабину, Ричард — вслед за ними.

И тут Ричард сообразил, что пассажиров прибавилось.

— Ты с ума сошел, — возмутился он. — Сейчас же выпусти животное.

Но животное, видно, поняло, что ему грозит, и так вцепилось в Пашку, что оторвать его было невозможно. Притом питекантроп верещал, словно Ричард хотел его зарезать.

Дверь кабины медленно закрывалась.

— Да ты понимаешь, что с лишним грузом мы можем вообще домой не попасть? — Ричард старался оторвать питекантропа от Пашки.

— Поздно, — сказал Аркаша.

И был прав, потому что свет в кабине померк и снова началось стремительное падение. Кабина неслась сквозь время...

Дверь открылась. Они были в знакомой лаборатории. Маленькая женщина, которая руководила полетом, возмущенно сказала:

— Это совершенно недопустимо. Вы столько набрали трофеев, что получилась страшная перегрузка. Не представляю, как вообще удалось вас вытащить... Ах!

Из кабины выскочил перепуганный питекантроп, который тут же забрался на стол, оцетинился, оскалил зубы, показывая, что легко врагам не сдастся.

— Ого, — сказал кто-то из операторов. — Ну и влетит тебе, Ричард, от директора. Нельзя же брать из прошлого живых существ. Разве забыл?

— Если бы мы его не взяли, — сказал Ричард, — его бы сожрал тигр... Но что с ним делать? Отправлять обратно? А стадо уже убежало.

Тут из кабины вышел Пашка, юный питекантроп взвизгнул, бросился к нему и обнял, как потерянного брата. И разлучить Пашку с питекантропом не удалось.

Так на биологической станции на Гоголевском бульваре появился новый обитатель, которого окрестили Гераклом и стали ждать, когда он превратится в человека.

А Геракл не спешит. Его устраивает доля питекантропа.

Глава 3. Второй день рождения

— Полюбуйся, — мрачно сказал Аркаша Сапожков, увидев Алису. — Что делать — ума не приложу.

Еще вчера на опытном поле колосилась грядка полосатых апеляблок с планеты Пенелопа. Апеляблоки, когда поспеют, ничем не будут отличаться от настоящих яблок — ни вкусом, ни формой, только размером они с горошину и растут в колосьях.

Еще вчера все любовались колосющимися апеляблоками, а за ночь из земли вылезли пенелопские сорняки — колючие вьющиеся кусты, которые полностью заглушили делянку, — с трудом можно было разглядеть в их тени поникшие колосья.

— Вырви их с корнем, — сказал подошедший Пашка Гераскин. — Хочешь, помогу?

— Не получится, — вздохнул Аркаша. — Смотри.

Он изо всей силы потянул за плеть горбато-рогатого сорняка. С минуту сорняк сопротивлялся, а потом с треском поддался, выворотив крепкими длинными корнями квадратный метр земли.

— Жалко, — сказал Пашка. — Не успели созреть твои яблочки.

Сорняки давно донимали Аркашу. Как ни отбирай семена инопланетных растений, всегда проберется на грядку сорняк.

Вот и сейчас за одну ночь сорняки загубили месяц труда.

— Нет, я не сдамся, — сказал Аркаша, расправляя узкие плечи и поднимая как кнут вырванный с корнем сорняк. — Я до вас доберусь!

И в тот же день, после обеда, он отправился к Ричарду Темпесту в Институт Времени.

— Вы меня помните? — спросил он.

— Конечно, помню. Это вы осенью питекантропа привезли, а у меня из-за вас состоялся неприятный разговор с директором. Что же тебе нужно? Хочешь отправить питекантропа обратно?

— Пускай живет! У него есть и положительные качества. Нет, мне нужен на несколько дней ваш временной экран.

— Экран, под которым время идет назад?

— Я его не сломаю.

— Вряд ли это возможно, — сказал Ричард. — Понимаешь, экран — не игрушка.

— А я не собираюсь играть в игрушки. Меня измучили сорняки. Помогите избавиться.

— Но при чем здесь экран?

— У меня есть конструктивная идея.

— Я могу пойти с тобой к директору института, но на сто процентов уверен, что он не разрешит.

— И все-таки попробуем, — сурово сказал Аркаша. — Я умею убеждать директоров.

И он был прав.

На следующий день техники из Института Времени установили на опытной делянке Аркаши Сапожкова временной экран.

Бурные заросли горбато-рогатых колючек заполнили всю грядку и поднимались метра на два. От апеляблок и следа не осталось.

— Ну, расскажи теперь, как ты будешь бороться со своими сорняками? — попросила Машенька Белая, разглядывая странный прибор, — над грядкой с апеляблоками был натянут белый блестящий экран, от которого к пульту управления, стоящему метрах в двадцати, в тени мангового дерева, тянулись провода и трубки.

— Очень просто, — ответил Аркаша. — Я все продумал. Можно включать!

Техник включил экран.

— Сорняки появились недавно, всего два дня назад. К тому времени апеляблохи уже начали колоситься. Значит, — сказал Аркаша, — мы должны отступить на два дня назад, когда сорняки лишь появятся из-под земли. Вот мы их и выколем. Просто, как все гениальное.

Аркаша обернулся к технику и спросил его:

— Когда время под экраном уйдет на два дня назад?

— Минут через пятнадцать, — сказал техник. — Гляди, чтобы никто туда не залез.

Техник был молодой, очень серьезный. Он опасался, что ребята его недостаточно уважают.

— Не беспокойтесь, — ответил Пашка Гераскин. — За пятнадцать минут ничего не случится.

Он ошибся. Пятнадцать минут — не такой уж маленький срок.

Машенька Белая отлучилась к бассейну с дельфинами, Джавад пошел поглядеть, почему поссорились жираф с кроликами. Алиса вспомнила, что забыла закрыть клетку с птицей-прокудинкой, у делянки остались только Аркаша с Пашкой.

И надо же было так случиться, что именно тогда питону Архимеду надоело лежать на

ветвях мангового дерева и он пополз по толстому суку, нависавшему над пультом управления, поглядеть, чем занимается под деревом чужой человек.

Техника забыли предупредить, что на дереве живет семиметровый питон Архимед. Можно представить его удивление, когда он услышал шипение и увидел в пяти сантиметрах от своего носа немигающие глаза громадной змеи. Он подскочил на метр, чуть не сломал пульт, опрокинул стул, потерял равновесие, рухнул в бассейн и исчез под водой.

Смущенный Архимед перепугался и пополз обратно, на вершину дерева, дельфины дружно нырнули, потому что они обожают спасать утопающих, а их на биостанции не бывает, Пашка с Аркашей тоже кинулись к бассейну.

Падая, техник задел пульт управления, и экран заработал на полную мощность. Сорняки быстро съезились, и уже можно было разглядеть полегшие колоски апеляблок. Первым увидел их петух, которого подарила биостанции одна бабушка, купившая себе цыпленка, чтобы не скучать. Когда цыпленок подрос, он обнаглел, будил криком на рассвете весь дом, заклевал до полусмерти соседского кота и на бабушку — ноль внимания. Бабушкино терпение лопнуло, и петух оказался на биостанции. С тех пор вот уже два месяца он бродил по станции и всех задирает.

Колоски заинтересовали петуха. Он вышел на делянку и принялся их клевать. Экран пожирал время со скоростью два месяца в минуту. Через минуту гребень петуха съезился, и роскошный рыжий хвост сократился вдвое. Еще минута — петух превратился в цыпленка и очень удивился, увидев, что стоит на пустой грядке. Пока своим умишком он сообразил, что же делать дальше, он совсем уменьшился и превратился в белое яйцо.

Это яйцо и попало на глаза питекантропу Гераклу.

Яйца он обожал, хотя их ему давали редко, чтобы не страдал неправильным обменом веществ.

Одним прыжком Геракл прыгнул под экран, уселся на землю, схватил яйцо и попытался его прокусить. Но, к его величайшему изумлению, яйцо уменьшалось у него в руках. Геракл склонил голову, пытаясь понять, что это значит, а потом решил, что лучше проглотить яйцо, пока оно совсем не пропало. Он разинул рот, закинул туда яйцо, но оно исчезло, прежде чем он успел ощутить его языком. Геракл оскорбился в своих лучших чувствах и обиженно заревел.

Алиса не спеша возвращалась к экрану. Она обратила внимание на то, что техник, весь мокрый, сидит на краю бассейна, а вокруг суетятся остальные, и удивилась, чего это он решил купаться в одежде? И тут же она увидела, что под экраном сидит Геракл.

— Ко мне, Геракл! — закричала она, кидаясь к грядке.

Геракл не обращал на нее внимания. Он смотрел на свою ладонь, с которой уже исчезли мозоли, — она порозовела и стала чуть ли не вдвое меньше.

Алиса сообразила, что Геракл помолодел. Нельзя терять ни секунды.

Она бросилась под экран, подхватила на руки визжащего детеныша и через несколько секунд отчаянной борьбы выволокла его наружу.

Тут уж мокрый техник подбежал к пульту. Он поглядел на счетчик времени, ахнул и выключил экран.

Но дело было сделано.

Во-первых, все посадки Аркаши пропали начисто — и сорняки, и апеляблоки. Во-вторых, исчез петух. В-третьих, Геракл помолодел чуть ли не на полгода. А в-четвертых, помолодела и сама Алиса. Насколько, сказать трудно.

Техник, виновато собирая аппаратуру и время от времени грозя кулаком спящему питону, сказал, что Алиса пробыла под экраном секунд пятнадцать, не больше. То есть помолодела недели на две. Можно и не обращать внимания на такую безделицу.

Алиса, конечно, не стала спорить, но с тех пор решила справлять день рождения два раза в году, с промежутком в две недели. Второй день рождения справляют только на биостанции — это биологическая тайна.

Глава 4. Пожалейте маслят

Разумеется, все на станции любят животных — иначе какой из тебя натуралист? Но Аркаша убежден, что растения никак не глупее животных.

Аркаша подружился с психологом Плюфдекером, и тот подарил ему невероятно чувствительную смородину, которая съезживалась, если близко проходил хулиган Геракл, и краснела, когда у нее опадали листья, потому что полагала, что стоять голой — не совсем прилично. Плюфдекер дал Аркаше порошок-стимулятор. Если им осыпать даже бесчувственное растение — например, кактус, — тот сразу начнет переживать, а уж какая-нибудь нежная мимоза только что разговаривать не сможет.

Вечером, когда все уже собрались домой, разгорелся жаркий спор.

Наташа Белая уговорила Пашку с Алисой идти на рассвете за грибами, а Аркаша, как услышал, встал на дыбы.

— Это бесчеловечно, — вещал он, размахивая тонкими руками. — Это недостойно гордого звания человека.

— Ты не прав, Аркадий, — возмутилась Алиса. — Человечество не стало бы разумным, если бы не собирало грибы в первобытные времена, пока не изобрело лук и стрелы. Ты погляди на Геракла — он великий мастер-собиратель.

— Что простительно питекантропу, — не сдавался Аркаша, — то позорно для человека. Мы должны исправлять ошибки предков, а не усугублять их. Сколько мы тратим усилий, чтобы восстановить леса и очистить реки! Сколько вымерло птиц и зверей, сколько растений мы погубили, а теперь выводим их снова или привозим из прошлого!

Надо сказать, что никого Аркаша не переубедил. В науке всегда найдется кто-нибудь с крайними взглядами, а надо искать золотую середину.

Золотая середина заключалась в том, что Наташа нашла в сосновом бору в дальнем конце бульвара, в местах укромных и почти нехоженных, целое поле новорожденных маслят — к утру они должны подрасти. Идти по грибы надо на рассвете, потому что кто-нибудь из грибников по соседству тоже мог выследить это «месторождение».

— Значит, завтра в шесть встречаемся у входа на бульвар, — сказал Пашка.

— Вы меня не хотите выслушать? — возмутился Аркаша.

— Мы тебя вежливо выслушали, — сказала Наташа и рассмеялась. — И в тот день, когда ты перестанешь есть хлеб, сделанный из чувствительной пшеницы, и пожирать помидоры и ананасы, мы бросим собирать грибы.

Ребята ушли, а Аркаша сказал, что задержится — записать дневные наблюдения.

Дождавшись, пока остальные уйдут, Аркаша бросился в лабораторию, достал из шкафа пакет с порошком-стимулятором, подхватил распылитель и побежал по бульвару к сосновой роще.

Его путь лежал по кокосовой аллее, мимо альпийского луга, где между камней дремали

куропатки, мимо озера с черными лебедями и фламинго, бамбуковых зарослей, эвкалиптовой рощи, где медленно ворочались, укладываясь спать, медведи коалы, через прозрачную на закате березовую рощу, туда, где за темным ельником начиналась чаща сосновых посадок.

Он еле успел — уже начало темнеть, и внутри, под ветвями, все было укрыто сиреневой тенью. Но все же он разглядел коричневые пуговики масляток.

— Ах вы, мои бедные, — прошептал он, садясь на корточки, чтобы получше разглядеть грибы. — Я вас спасу.

Грибы молчали.

На следующее утро, в шесть, у входа на бульвар встретились три охотника за грибами с корзинками в руках.

Легкий туман окутывал Гоголевский бульвар, вдали за деревьями виднелись вершины небоскребов. На траве лежала роса.

— Плохо дело, — сказал Пашка. — В тумане мы ничего не увидим.

— Пока дойдем, рассеется, — возразила Алиса.

— Я вас сейчас догоню, — сказал Пашка.

— Ты куда?

— Геракла возьму. Я ему обещал. Он еще никогда грибов не собирал. Первое лето в двадцать первом веке.

— Может, обойдемся без него? — не очень решительно возразила Наташа. — Он еще натворит чего-нибудь.

Но Пашка не слушал — он уже мчался к биостанции.

Они с Гераклом догнали девчат в ельнике. Приближение друзей было слышно издали — они топали, словно изображали взбешенного слона. Увидев Алису с Наташей, Геракл обрадовался — скучно ему ночью одному в домике, — бросился целоваться, его отогнали.

— Погодите, отдышусь, — сказал Пашка. — Он меня загонял. Видно, за последний миллион лет мы потеряли спортивную форму.

От шума проснулся на озере белый журавль, поднялся в небо. И словно по сигналу из глубины ельника вылетели комары и яростно набросились на Пашку.

— Удивительно, — сказал Пашка. — Чего мы только не изобрели, а с комарами так и не справились. Откуда, скажите на милость, взялся комару в центре Москвы?

— Вот смешной, — сказала Наташа. — Ведь из этого леса до ближайшей улицы минут пятнадцать идти. Москва — на пятьдесят процентов лес.

Это Пашку не утешило. Не утешило и Геракла, которому тоже досталось от комаров. Он скалился и прыгал, но ни одного из злодеев не настиг.

— Займусь комарами, — сказал Пашка. — Обязательно займусь.

— И как ты будешь с ними бороться? — спросила Наташа.

— Не беспокойся. Я еще оставлю след в биологии.

— Пора, — сказала Алиса. — Вы забыли, зачем сюда пришли?

Туман уже почти рассеялся, в сосняке было тихо, лишь щебетали птицы. Земля была густо покрыта иглами.

— Где твои маслята, Наташа? — спросила Алиса.

— Сейчас увидишь.

Они прошли дальше. Ни одного масленка. Лишь большой оранжевый мухомор стоит как семафор.

Геракл ухнул от радости при виде такого красивого гриба и протянул руку, чтобы его сорвать.

— Не смей! — сказал Пашка. — Это ядовитый гриб. Ты умрешь, если откусишь от него хотя бы кусочек.

Геракл понял, отпрыгнул назад и погрозил мухомору кулаком.

Наташа села на корточки, разгребла ладонью иглы и увидела небольшой масленок.

— Первый, — сказала она. — Теперь пойдут тысячами.

Она срезала гриб и бросила в корзинку.

Но больше не нашлось ни одного гриба. Впустую ребята разбрасывали иглы и сучья — ничего.

Впереди начиналась густая чаща — не проберешься.

Пашка вынул масленок из Наташиной корзинки и показал Гераклу.

— Такие увидишь — зови меня.

Питекантроп понюхал гриб, скорчил страшную рожу и бросился в чащу. Ребята за ним.

Но тут же пришлось остановиться — словно кто-то заставил деревья сплестись ветвями, чтобы не пропустить их дальше.

— Ой, ребята! — воскликнула Наташа. — Вы только посмотрите.

За сплетением ветвей, на небольшой полянке, окруженной стеной сосенок и елей, стояли тысячи грибов. Большею частью маслята, несколько боровиков и сыроежек.

Это скопление грибов, словно почетным караулом, было окружено цепочкой оранжевых мухоморов и бледных поганок.

— Ничего страшного, — сказал Пашка. Он отдал свою корзинку Гераклу и сказал: — Пробивайся туда, нарви маслята.

— Угу, — согласился Геракл.

— Мне это не нравится, — сказала Алиса. — Почему вчера грибы росли обыкновенно, а сегодня собрались на недоступной полянке?

Геракл с трудом протиснулся сквозь сучья и приблизился к грибам. Ребята, отмахиваясь от комаров, следили за ним.

При виде Геракла самые сильные и крепкие мухоморы начали раскачивать шляпками и поскрипывать.

— Иди, Геракл, это ветер, — успокоил питекантропа Пашка.

Но стоило Гераклу сделать еще один шаг, мухоморы сдвинулись с места и образовали между ним и маслятами прочный заслон.

Увидев, как грибы движутся ему навстречу, Геракл не выдержал. Он бросил корзинку и метнулся обратно. Оставляя клочья шерсти на колючих ветвях, он протиснулся к ребятам, обнял Пашку за колени и завыл, жалуясь на страшные переживания.

— Ну вот, — расстроился Пашка, — а как же корзинку достать?

— Забудь о корзинке, — сказала Алиса. — Мы должны сейчас же вернуться на станцию.

— Эге, — догадался Пашка, — ты думаешь, это шутки Аркаши?

— А ты видел, чтобы мухоморы защищали маслята?

— Если я сейчас не сплю, — сказал Пашка, — то вижу это впервые в жизни.

— Ах, он их своим стимулятором опрыскал! — воскликнула Наташа. — Тогда пускай сам добывает корзинку.

Аркашку они встретили у входа на биостанцию. Видно, не выдержал, встал пораньше.

Первым делом он заглянул в корзинки. Увидев, что они пустые, он сказал как ни в чем не бывало:

— Плохие вы следопыты. Не вам за грибами ходить.

— А ну-ка, — сказала мрачно Алиса. — Повтори закон для юных биологов, который ты обязался выполнять, когда пришел на станцию!

— Какой закон?

— Забыл?

— Помню, но почему я должен его повторять?

— Повтори, — сказал Пашка.

— Каждый юный биолог имеет право ставить любые научные опыты, которые считает полезными, нужными или интересными...

— Дальше...

— Дальше?.. Но он не должен проводить опытов, которые могут повредить или помешать другим людям.

— Еще дальше!

— Тот, кто нарушит это правило, будет с позором изгнан со станции.

— Все ясно? — спросила Алиса, протягивая Аркашке пустую корзинку. — Ты можешь получить прощение, если принесешь полную корзинку грибов.

— И мою тоже, — сказала Наташа.

— А третью, Пашкину, найдешь на поляне.

— Но я не проводил опытов! Я только защищал грибы от таких варваров, как вы.

— А когда принесешь три корзины грибов, мы их поджарим и тебя угощать не будем.

— Это жестоко!

Но ребята прошли на станцию. За ними — Геракл.

Через час Аркаша принес три пустые корзины.

У него не поднялась рука рвать грибы.

К тому времени Пашка был по горло занят проблемой, как избавиться от комаров, Алиса с Наташей — своими делами.

Грибов они набрали на следующее утро, когда действие стимулятора прекратилось.

Глава 5. Куда улетают комгуси?

Павел Гераскин решил извести комаров.

В то лето комаров развелось множество — им нравилось резвиться над ручьями и полянами Гоголевского бульвара, вечерами накидываться на влюбленных или биологов.

Будучи человеком гордым и уверенным в своих способностях, Пашка не скрывал, подобно некоторым гениям, своих намерений.

Еще до начала опытов он бродил по станции и рассуждал вслух, обращаясь к своему верному спутнику питекантропу Гераклу:

— Какой мы изберем путь? Будем травить комаров ядами? Это уже пробовали, а комарам хоть бы что!

Геракл кивал и жевал бублик, который тайком сорвал с бараночного дерева, выведенного Аркашей.

— Есть и биологические методы — подманивают, например, самцов, подражая самкам, — без самцов нет у комаров дружной семьи, и они должны бы вымирать, а не

вымирают.

Геракл бросил бублик, надеясь попасть на рог жирафу Злодею — добрейшему скучному существу.

— Значит, надо найти путь, которым никто еще не шел, а мы с тобой пойдём. Но какой путь? Какой, я спрашиваю?

Геракл развел руками, как бы говоря: если такой биологический гений, как Пашка Гераскин, не может избавиться от комаров, я пасую!

Решение пришло неожиданно — словно яблоко упало.

Пашка задумчиво стоял у Аркашиной деланки, смотрел, как скворцы деловито выклеивают с грядки червяков.

— Труженики, — сказал он о скворцах.

— Эх, — ответил с горечью Аркаша, — бурей вчера два скворечника свалило. Только они устроили себе дом и уют, придется снова квартиру искать.

— Да, — согласился Пашка, — летишь через полмира, а тебя даже не могут обеспечить...

— Ты чего? — спросил Аркаша.

— Я понял, — ответил Пашка медленно. — Я решил, что делать с комарами.

— Только учти, — предупредил Аркаша. — Если ты собираешься их уничтожить, я — категорически против. Это жестоко, к тому же может нарушить экологический баланс.

— Спасибо за подсказку, — сказал Пашка. — Но я придумал гуманное решение. Я выведу перелетных комаров.

— Не понял.

— Сейчас поймешь! Чем плох комар — зимой он спит или вообще еще не родился. А летом нападает на людей и животных... А нужно сделать так, чтобы он на лето куда-нибудь улетал.

— А как ты намерен это сделать?

— Это уже пустяки. Главное — внедрить в него перелетный инстинкт. Как потеплеет, будет он улетать в Арктику или Антарктику, сосать кровь у рыб и тюленей. А человечество будет спасено.

— Но там тоже люди — зимовщики, ученые...

— Что легче — защищать от комаров несколько тысяч полярников или сотни миллионов людей умеренных широт, включая детей и стариков?

Пашка не стал слушать возражений, а побежал в лабораторию.

Там он застал толстяка Джавада, который читал ветеринарный справочник, — второй день у жирафа Злодея болело ухо.

— Джавад, будь другом, — попросил его Пашка. — Скажи мне, какие птицы улетают на лето в полярные края?

— Ну, гуси, например. Потом...

У Пашки есть отвратительная манера не дослушивать собеседника, если он уже узнал, что требовалось. Догадайся Джавад, к чему приведут его слова, он бы тысячу раз подумал, прежде чем сказать про гусей. Ведь есть и маленькие птицы, которые летают в полярные страны. Но он сказал «гуси» и снова углубился в справочник.

На следующее утро Пашка исчез: помчался в Институт генного конструирования, чтобы достать там гены серых гусей. Комаров в его распоряжении было больше чем достаточно. Так что с обеда закипела работа.

— Что-то Пашка не вылезает из лаборатории, — сказала Машенька Белая через несколько дней.

— Комаров хочет загубить, — ответила Алиса.

Они кормили дельфинов, а те прыгали так, что казалось — весь бассейн выплеснут.

— А почему он молчит? Ты представляешь, чтобы Пашка в нормальном состоянии молчал?

— Это подозрительно. Давай развеем тайну.

— Как?

— Пойдем к нему. Ему самому не терпится похвастаться.

Алиса с Машенькой заглянули в лабораторию. Пашка сидел у электронного микроскопа и даже не заметил, как они вошли. На столе стоял какой-то ящик, накрытый черной тканью.

— Пашка, пойдем в волейбол поиграем, — сказала невинно Алиса.

— Отстань, — отмахнулся Пашка. — Я занят.

— Пашка, Геракл по тебе скучает, — сказала Машенька.

— Потерпит, — сказал Пашка.

— Слушай, что случилось? Ты на себя не похож.

Пашка молчал.

— Скажи хоть, чем занимаешься? — спросила Машенька.

— Сделаю — увидите.

— Не похоже на тебя, — сказала Алиса. — И вообще не помню случая, чтобы кто-нибудь из нас делал тайну из своей работы.

— А я вот делаю, — сказал Пашка. — Потому что вы играете в детские игры, а я создаю переворот в биологии.

— Значит, не скажешь?

— Потом, потом...

Девчата вышли из лаборатории расстроенные. Мимо как раз проходил Аркаша.

— Слушай, Аркаша, — спросила Алиса, — ты не знаешь случайно, чем так увлечен Пашка Гераскин?

— Знаю, — сказал Аркаша. — Он выводит перелетного комара.

— Зачем?

— Чтобы комары на лето улетали в полярные страны и не кусали людей. Он их с кем-то скрещивает.

— Что-то я беспокоюсь, — сказала Алиса и побежала к Джаваду, который менял компресс на ухе жирафу Злодею. Жираф стоял перед ним, как старинный железнодорожный шлагбаум, вытянув шею вперед.

— Джавад, — сказала Алиса, — ты не знаешь случайно, с кем Пашка собирается скрещивать комаров?

— А он их скрещивает?

— Чтобы они стали перелетными и улетали на лето в полярные страны.

— Что-о?!

Джавад даже подскочил, а жираф от неожиданности клюкнулся носом в песок.

— Что тебя испугало?

— Испугало! Да я в ужасе! Он же меня как-то спрашивал, какие птицы улетают на лето в полярные страны.

— И ты что сказал?

— Я сказал — «гуси».

И наступило молчание.

— Надо его немедленно остановить. Он не представляет, чем это кончится, — тихо сказала Машенька.

Но договорить она не успела, потому что из лаборатории донесся торжествующий вопль Пашки:

— Вывелся! Вывелся! Есть первый перелетный комар!

Ребята подбежали к окну лаборатории и заглянули внутрь. Черная ткань, оказывается, скрывала стеклянный колпак, под которым поблескивало что-то большое и довольно страшное. Пашка стоял у колпака с черной тряпкой в руке. Увидев зрителей, он произнес:

— Вот он, перелетный комар! Никто раньше не догадывался скрестить комара с перелетной птицей. Лишь начинающий, но талантливый гениальный конструктор Павел Гераскин решил эту задачу и вывел комгуся.

Пашка гордо смотрел на зрителей, а тем временем его творение поднялось на шесть тонких ног, кончающихся перепончатыми лапами. Серые перья комгуся кое-как прикрывали его блестящий хитиновый панцирь, прозрачные крылья были покрыты гусиным пухом, а вместо клюва из его головы высовывалось жало длиной в полметра.

Комгусь поднатужился, привалился к стенке колпака, и колпак рухнул на пол, Пашка отскочил в сторону, а грозный гибрид расправил крылья и сердито оглянулся, разыскивая подходящую жертву.

Жертвы стояли совсем близко — у окна. Они сразу догадались, что им грозит, поэтому бросились в разные стороны.

Комгусь вылетел в окно, набрал высоту и сделал круг над поляной.

— Его нельзя выпускать! — крикнула Алиса. — Он кого-нибудь в городе до смерти искушает!

— Я сеть принесу! — крикнул Джавад и побежал на склад.

Звери метались в клетках — к счастью, сквозь прутья комару было не пролезть, питон спрятался в листве мангового дерева, жираф, как страус, сунул голову в песок, надеясь, что гибрид примет его за архитектурное украшение, а тут еще, в довершение суматохи, из лаборатории вылетел Пашка и закричал:

— Не смейте его трогать! Это единственный экземпляр.

Джавад носился с сетью по площадке подобно римскому гладиатору, но комгусь, хоть и новорожденный, понял, что к чему, и на Джавада не обращал внимания.

Все забыли о Геракле, который дремал под деревом. От шума питекантроп проснулся, но ему лень было двигаться с места. Как мудрый старец, он лежал в тени и снисходительно наблюдал за беготней. Может быть, в его времена встречались комары и покрупнее этого гибрида.

Комар погнался за Алисой, но ее спасли дельфины. Они захрюкали, зовя ее в бассейн, и Алиса прыгнула в воду. Комар взмыл вверх, а через минуту загнал в бассейн Машеньку. Потом уже по доброй воле туда сиганули Аркаша с Пашкой, который не переставал требовать, чтобы гибрида оставили в покое.

На поляне оставались лишь Джавад с сетью и Геракл. За неимением других жертв комгусь заинтересовался Гераклом. Питекантроп сообразил, что шутки с этим злодеем плохи, вскочил на ноги и, когда комар был совсем близко, подпрыгнул и схватился за сук, надеясь скрыться в листве. Но сук с треском обломился, и Геракл свалился на землю.

— Скорей к нам! В бассейн! — закричала Алиса.

Но Геракл не выносил воды.

Он увернулся от комара и, когда тот снова пошел в атаку, встал на его пути, подняв палку.

С удивительным для питекантропа хладнокровием Геракл выждал момент, когда комар был совсем близко, и со всего размаха треснул его палкой по голове.

Комар хрустнул и упал в траву.

Геракл оперся на свою дубинку и ждал, пока биологи вылезут из бассейна.

— Вот так обезьяны превращаются в людей, — сказала серьезно Машенька, глядя на Геракла.

— Их к этому принуждают обстоятельства, — добавил Джавад.

Лишь Пашка был настолько расстроен, что не нашел для Геракла добрых слов.

— Дураки, — сказал он. — Неужели нельзя было подождать, пока он сам улетит в полярные страны?

Глава 6. Джинн в корабле

С утра Стас улетел в пузыре к маленькой бухте за скалами Зевса, Пашка Гераскин, конечно, с ним. На прощанье Стас строго-настрого приказал Машеньке с Наташей не купаться и вообще к воде близко не подходить: у них разыгрался страшный насморк, а, как известно, к концу двадцать первого века человечество справилось со всеми болезнями, за исключением насморка.

Позавтракав, Алиса вышла на берег и позвала дельфинов — Гришку с Медеей. Дельфины отозвались сразу — соскучились за ночь. Они кувыркались, щелкали, щебетали, звали Алису скорей нырять в воду.

Утро было прохладным, свежим, но солнце уже начало припекать — и через час-два на берегу станет жарко. А вода здесь теплая, как парное молоко, днем и ночью одинаковая.

— Доброе утро, — сказала Алиса дельфинам. — Сплываем в бухту Калиакрис?

Алиса опустила на глаза очки и, разбежавшись, врезалась в упругую чистую воду, подняв сноп сверкающих брызг. Издалека с берега донесся Наташкин крик:

— К обеду возвращайся!

... Есть у биологов друг Стас, конструктор и подводный археолог. Многие считают, что, займись он чем-нибудь одним, стал бы великим человеком.

— Великим — да, — соглашался Стас. — Но счастливым — никогда. И еще не доказано, что лучше.

Например, если в конструкторском бюро назревает открытие или близится к концу важная работа, оказывается, что в Средиземном море нашли очередную Атлантиду. С этой минуты Стас работает кое-как, мечтая лишь об одном — скорей нырнуть в Средиземное море и не вылезать, пока не вытащит Атлантиду наружу.

Но не успеет он вытянуть свою Атлантиду, как получает письмо от друзей-конструкторов — родилась потрясающая идея! И Атлантида тут же теряет половину своей привлекательности — теперь уж Стас рвется обратно.

Уже вторую неделю биологи и дельфины жили в гостях у подводных археологов на острове Пробос в Средиземном море. Стас взял их в экспедицию — поднимать со дна моря флот тирана Диостура, который пропал без вести две с половиной тысячи лет назад.

Отправился завоевывать Афины и пропал. Древние историки рассказывали, что боги были недовольны поведением тирана. Зевс кинул в него звездой, поднялась отчаянная буря, флот разметало по волнам и разбило о скалы.

Многие думали, что флота никогда не существовало, а вся эта история — легенда. И вот весной геологи, обследуя окрестности острова Пробос, натолкнулись на разбросанные в бухте остатки деревянных кораблей. И при первом же погружении нашли под грудой обломков глиняных амфор золотую корону с древнегреческой надписью: «Диостур».

Вскоре из разных стран туда слетелись подводные археологи, чтобы исследовать погибший флот и поднять на поверхность все интересное. Стас, без которого ни одна подводная экспедиция не обходилась, взял на остров юных биологов и их друзей — дельфинов...

Некоторое время Алиса ехала верхом на Гришке, затем скользнула в воду и поплыла с дельфинами наперегонки. Хоть Алиса и неплохой пловец, еще не было человека, который обогнал бы дельфина. Так что дельфины плыли не спеша.

Вот и три скалы, торчащие из моря, словно зубы утонувшего дракона. За ними — глубокая уединенная бухта Калиакрис. Она еще не обследована археологами, и Алиса обещала Стасу побывать там и поглядеть, нет ли там отбившейся от флота галеры.

Бухта казалась зловещей: обрывистые берега замыкали ее с трех сторон, бурунчики и белые пятна пены показывали, что к самой поверхности подходят зубцы скал. В бухте были предательские водовороты, но Стас за Алису не боялся — он знал, что, когда рядом дельфины, ничего не случится. И Алиса это знала, к тому же она была отличным ныряльщиком и могла три часа дышать под водой — для этого надо только проглотить пилюлю.

Алиса нырнула. Сверху вода была голубой, солнечной, с бликами, глубже она зеленела и темнела. Из глубины поднимались волосы длинных водорослей, рядышком проплыла медуза, и Алиса отпрянула, чтобы не обжечься. Дельфины крутились по соседству, гоняли стайку серебряных рыбешек. Алиса опустила к самому дну. Гришка скользнул рядом — не хотел терять Алису из виду. Алиса обогнула скалу, за ней открылась громадная ниша, словно гигант начал выгрызать нору в скале, но передумал.

Это место Алисе понравилось. Хорошо бы, подумала она, найти здесь галеру или даже затонувший город.

Издали легко было убедить себя, что обломки скал — руины дворцов, но, оглядев их, Алиса разочаровалась и решила подниматься на поверхность — великого открытия не произошло.

Только прежде стоило осмотреть длинную скалу в самой глубине ниши, заваленную каменными глыбами.

Казалось, кто-то обтесал скалу, прежде чем кинуть сюда. А потом она обросла ракушками и лишайниками.

Алиса отодрала мидию и удивилась: под ракушкой оказалась матовая ровная поверхность, похожая на металлическую.

Алиса медленно проплыла вдоль всей скалы. И где бы она ни скребла ее, везде была такая же гладкая поверхность.

Сначала Алиса решила, что это потонувшая когда-то подводная лодка, но она никогда не слышала, чтобы подлодки были похожи на миндальный орех метров в двадцать длиной.

А вдруг это космический корабль?

Такая мысль Алисе понравилась. А почему бы и нет? Нашли же космический корабль, который упал на Землю триста тысяч лет назад в пустыне Калахари!

Но в космическом корабле должен быть люк.

Поиски люка заняли минут двадцать. Дельфинам надоело присматривать за подругой, и они поднялись выше. Иногда Алиса видела их тени, пронесившиеся сверху.

Люк было трудно найти не только оттого, что он зарос ракушками, но и потому, что рядом с ним когда-то упал обломок скалы и намертво его заклинил.

Вытащить клин было нелегко, но когда Алиса наконец отвалила камень и соскрестила ракушки, она увидела тонкую линию — границу люка.

Алиса вставила в эту нитяную щель острие ножа, и, к ее удивлению, люк легко открылся, словно только вчера был смазан. Внутри тоже была вода.

Алиса включила фонарь, прикрепленный ко лбу, и увидела по ту сторону камеры второй люк.

Гришка подплыл сверху, словно свалился с неба, но Алиса отогнала его, чтобы не мешал.

Алиса вошла внутрь и только дотронулась до внутреннего люка, как почувствовала за спиной движение воды. Она обернулась и увидела, что внешний люк быстро закрывается. Алиса повернула обратно, но опоздала. Люк закрылся.

Вода быстро уходила из камеры — через минуту в ней было сухо, над головой вспыхнул свет. Автоматика затонувшего корабля действовала.

Внутренний люк открылся, словно приглашая пройти внутрь, что Алиса и сделала.

Она оказалась в каюте. Перед ней был пульт управления, масса незнакомых приборов. В дальнем конце каюты стояла прозрачная ванна, наполненная зеленоватой жидкостью, и в ней плавало тело космонавта.

Алиса подошла к ванне и потрогала ее рукой — ванна была холодной.

Еще недавно, когда люди не умели прыгать через пространство, на каждом космическом корабле были такие анабиозные ванны. Космонавты погружались в глубокий сон, и время для них останавливалось. А когда подлетали к нужной планете, включался сигнал — и космонавты приходили в себя.

Над головой вспыхнул яркий свет, замигали огоньки на пультах.

Крышка ванны начала сдвигаться.

Космонавт шевельнулся. Вот это везение! Алисе удалось не только найти потерпевший бедствие космический корабль с неизвестной планеты, но и освободить от заточения инопланетного путешественника!

Космонавт оперся четырьмя длинными коричневыми руками о края ванны и поднялся.

Он был страшно худ, втрое тоньше нормального человека. Его лицо было сплющено с боков, словно в раннем детстве он старался пролезть сквозь узкую щель. Ушей вообще не было, а длинный подбородок заканчивался жидкой желтой бородой.

Наверно, для того, кто раньше с жителями других планет не сталкивался, вид этого несчастного пришельца показался бы неприятным, но Алиса знала, что в Галактике живут такие разные существа, что подходить к ним с земными мерками неразумно. Поэтому Алиса сказала:

— Здравствуйте, я очень рада, что нашла ваш корабль.

Говорила она на космолингве — галактическом языке, который отлично знала.

Космонавт сморщил лоб, потер виски — казалось, он собирался с мыслями.

— Садитесь, — сказала Алиса, показывая на кресло. — Вам надо прийти в себя. Сейчас я отправлюсь за помощью, и вас поднимут на поверхность.

Пришелец ничего не ответил, но в кресло сел.

— Вы меня не понимаете или так давно упали, что еще космолингвы не было?

Алиса говорила медленно, тихим голосом. Ведь это же трагедия — столько лет провести под водой на чужой планете, без надежды, что тебя отыщут.

— Я все понимаю, — проскрипел космонавт, словно его голос заржавел.

— Когда ваш корабль упал, — сказала Алиса, — сверху свалился камень и заклинил люк?

— Да, — сказал космонавт.

— И вы решили погрузиться в анабиоз и подождать, пока вас найдут?

— Да.

— Какое счастье, что я на вас натолкнулась...

— Да.

— Вы издали к нам прилетели?

— Да.

— И давно?

— Да.

Космонавт попался неразговорчивый.

Чтобы не быть навязчивой, Алиса сказала:

— Я поплыву позову помощь, чтобы ваш корабль подняли. Тут недалеко археологи работают, у них оборудование есть. Через час будете на берегу. Не беспокойтесь.

Космонавт ничего не ответил. Алиса пошла к двери.

Дверь была закрыта.

— Откройте, пожалуйста, — сказала Алиса.

Космонавт молчал.

— Так что же вы? — спросила Алиса.

Космонавт медленно поднялся с кресла и подошел вплотную к Алисе.

Она не успела опомниться, как он больно вцепился в ее плечо костлявыми пальцами и отбросил к стене.

— Стой здесь, — сказал он тихо.

— Что вы? — удивилась Алиса.

— Я не люблю повторять, — сказал космонавт. Он возвышался над Алисой как живой скелет. От него пахло гнилью. — Я прилетел сюда, чтобы покорить Землю. Это было две с половиной тысячи лет назад. Мой корабль приняли за падающую звезду, а буря, которая поднялась, когда я упал в море, погубила целый флот. Но, как назло, меня завалило огромными скалами...

При воспоминании об этом космонавт поморщился.

— А зачем вам покорять Землю? — спросила Алиса.

— Потому что меня изгнали с моей собственной планеты, объявив тираном. Я хотел покорить Землю, набрать здесь армию и жестоко наказать тех, кто посмел поднять на меня руку...

— Но теперь-то поздно... — сказала Алиса.

— Никогда не поздно, — ответил тиран.

— Да и Земля уже не та, что была раньше. Вряд ли нас можно покорить.

— Да, Земля уже не та... — сказал тиран. — В первую тысячу лет я поклялся, что тому, кто меня спасет, я подарю половину сокровищ Земли. Во вторую тысячу лет я решил, что оставлю ему жизнь. А в третью тысячу лет...

— Вы поклялись убить спасителя, — подсказала Алиса.

— Молчи. Сейчас убедишься, как близка твоя догадка к правде.

— А какой смысл меня убивать? — спросила Алиса.

— Смысл есть, — ухмыльнулся космонавт. — Я убью тебя и приму твой облик. Мне нелегко завоевать Землю в собственном облике. А вот в твоей шкуре это будет нетрудно сделать.

— Да вы про меня ничего не знаете, — сказала Алиса. — Даже смешно.

— Я изучу твой мозг, прочту твои мысли, я разберу тебя на атомы и соберу снова. И всего-то мне на это понадобится час. Потом я поднимусь на поверхность, и судьба Земли будет решена.

Тиран подошел к стене, нажал кнопку, и стена раздвинулась. Там обнаружилась ниша с множеством приборов.

— Не пытайся сопротивляться, — сказал он, — тебе меня не одолеть. Никто не придет тебе на помощь. Никто не знает, что ты здесь... И гордись тем, что в твоём бывшем теле будет жить и действовать величайший тиран всех времен и народов.

— Нет, — быстро сказала Алиса, — когда я уплывала, я оставила записку, где меня искать. Мои друзья обязательно приплывут сюда.

— Тебя в то время уже не будет в живых, — сказал тиран. — Я их встречу в твоём облике и скажу, что нашел космический корабль, а в нем мертвого космонавта — мое бывшее тело. Все продумано, девочка.

Космонавт начал готовить приборы, но в то же время не спускал с Алисы заднего глаза. Две руки трудились, две другие были предостерегающе протянуты к Алисе.

— Ничего у вас не получится, — сказала Алиса. — Мои друзья куда образованнее вас. Даже если вы меня убьете, вас через два дня разоблачат.

— Что же, немало, — сказал тиран. — За два дня можно многое сделать.

— Вы даже не успеете вылезти наружу...

— Успею. Пока я лежал в анабиозе, мои приборы наблюдали за всем, что творится вокруг. Я даже знаю, что ты плыла сюда с двумя громадными рыбинами. Тебе нельзя отказать в смелости.

— Это же ручные дельфины, чего их бояться? — сказала Алиса.

— Если они тебя не жрут, значит, они тебя боятся, — ответил тиран. — Другого пути нет. Все живые существа делятся на слабых и сильных, умных и глупых. Глупым и слабым положено быть в рабстве у сильных. Эти рыбы в рабстве у тебя, а ты у меня...

— Неправда! — воскликнула Алиса. — Ведь есть еще дружба....

— Дружба, — отмахнулся тремя руками тиран. — Это утешение для слабых. Дружба с рыбами!

Он заскрипел, захохотал и стал приближаться к Алисе, протягивая тонкую иглу с едва мерцающим на конце белым огоньком.

— Не бойся, — говорил он. — Ха-ха-ха! — Он все еще не мог насмеяться. — Все будет мгновенно: удар тока — и тебя нет.

В это время в дверь постучали. Сильно и уверенно.

Тиран замер.

— Ты здесь, Алиса? — послышался голос Стаса.

Тиран отбросил иглу, схватил Алису и прошептал:

— Молчи!

— Что случилось? — спросил Стас. — Почему ты не выходишь?

— Алиса у меня в плену, — сказал тиран. — Вы слышите? И если вы сюда войдете, она погибнет. Мне нечего терять.

— Я хочу услышать голос Алисы, — сказал Стас.

— Я здесь, — сказала Алиса. — Извини, Стас, но я в самом деле у него в плену. Я не думала, что он хочет завоевать Землю.

— Все нормально, — сказал Стас. — Я советую вам, любитель приключений, немедленно отпустить девочку и открыть дверь. Земля — не место для опытов над людьми.

— Соглашайтесь, — сказала Алиса. — Стас шутить не любит.

— А где гарантия? — спросил тиран.

— Мне надоело ждать, — сказал Стас. И в то же мгновение по металлу двери кольцом прошла золотая искра, и круг металла диаметром в метр выпал внутрь каюты. За дверью стоял Стас с лазерным резаком в руке.

— Алиса, иди сюда, — сказал он.

Хватка тирана ослабла. К счастью, он не настолько обезумел, чтобы решиться на глупость.

За люком на дне стояли три археолога и Пашка Гераскин. Ждали. Поодаль крутились дельфины.

Гришка бросился к Алисе. Он выглядел виноватым — еще бы, не усмотрел.

Когда все, включая пленного тирана, поднялись в катер, ожидавший на поверхности, Алиса сказала:

— Я виновата перед дельфинами.

— Да, уж они-то переволновались, — сказал Стас.

Пашка добавил:

— Гришка с Медеей примчались к нам как сумасшедшие и бормочут, что с тобой беда. На них лица не было.

Мрачный тиран сидел, уткнув лицо в четыре руки.

— Как же они успели прибежать? Ведь все было рассчитано! — бормотал он в отчаянии.

— Неужели вы ничего не поняли? — удивилась Алиса. — Не все делятся на господ и рабов. Дельфины — мои друзья.

— Если бы не они, — добавил Пашка Гераскин, который завидовал, что не на его долю выпало такое удивительное приключение, — то завтра ты, Алиса, завоевала бы всю Землю. Была бы ты девочка-тиран.

Глава 1. Мы летим в джунгли Пенелопы!

В тот день Алиса Селезнева примчалась на станцию юных натуралистов, словно за ней гналась стая космических драконов, и от самого входа закричала:

— Все в порядке!

Казалось бы, ничего особенного.

Но нормальная жизнь станции сразу нарушилась.

Джавад, который кормил обезьян, вырвал банан из рук питекантропа Геракла и съел вместе с кожурой.

Аркаша Сапожков рассыпал семена моментального гороха, они тут же проросли, и через десять секунд стебли опутали Аркашу, словно змеи древнегреческого героя Лаокоона.

Маша Белая, которая каталась на дельфине Гришке по бассейну, упала в воду, и дельфинам пришлось нырять за ней, искать на дне и выталкивать носами на поверхность.

А Павел Гераскин, который в этот момент сидел в лаборатории и выводил гигантскую стрекозу, свалил на пол электронный микроскоп и перепутал гены, которые с утра сортировал по размеру.

Юные биологи окружили Алису и наперебой спрашивали:

— Неужели разрешили?

— А когда мы летим?

— А что с собой брать?

— Когда вернемся?

— Спокойствие, коллеги! — сказала Алиса. — Объясняю все по порядку. Нам разрешили лететь на планету Пенелопа. На все каникулы. Будем жить в джунглях, собирать растения и животных для нашего музея, а если повезет, делать открытия. И еще будем купаться, загорать и так далее. Ясно?

— Ясно!

— Вылетаем послезавтра. Сначала на Плутон, а оттуда на звездном лайнере до самой Пенелопы. С собой ничего лишнего не брать. Мой отец договорился, что там нам дадут все, что нужно.

— А кто из взрослых полетит?

— К счастью, никто. Но на Пенелопе нас встретит папина знакомая и поедет с нами в джунгли.

— Жалко, — сказал Пашка Гераскин. — Я люблю свободу.

— Не обращай внимания, — сказала серьезная Машенька Белая. — Ты же знаешь Пашкину маму. Она его вообще может не отпустить.

— Я пользуюсь самостоятельностью, — возразил Пашка. — В разумных пределах.

Питекантроп Геракл, которому надоело ждать, пока о нем вспомнят, потянул Джавада за рукав и сказал:

— Ба-нан.

Геракла уже полгода учили говорить, но он не хотел произносить ничего, кроме съедобных названий.

— Я возьму с собой гербарные папки, — сказал Аркаша. — У них на Пенелопе наверняка хуже.

— А я — свой батискаф, — сказала Маша.

— А я, — заявил Пашка, — считаю нужным вооружиться. В джунглях могут

встретиться опасности.

— Если были бы опасности, нас бы не пустили, — сказала Алиса.

— Со львом не справишься голыми руками, — не согласился Пашка.

— Не слушайте его, — сказала Маша. — Я вообще не понимаю, как такой человек может заниматься биологией. Ему надо уехать в прошлое и воевать с Юлием Цезарем.

— Надеюсь, — возразил Пашка, — на мой век хватит опасностей в открытом космосе.

Сами еще прибежите ко мне с криками: «Спаси, Пашенька!»

— Вы только на него поглядите! — сказала Маша. — Рыцарь!

Пашка раскраснелся, русые волосы растрепались, глаза сверкали. Он подскочил к Джаваду, оторвал банан от грозди, которую тот держал в руке, и прицелился из банана в дельфина Гришку, который, сгорая от любопытства, высунулся из бассейна.

— Лапы вверх, чудовище! — воскликнул Пашка. — Отважный рыцарь сэра Ланселот вызывает тебя на поединок!

Глава 2. Пенелопа и Жангле-многоточие

Теперь надо сказать, почему юные биологи так хотели попасть на Пенелопу.

Лет за двадцать до того космический корабль «Малая Медведица» под командованием Полугуса Земфирского летел к своей родной Пилагее и вдруг у известной звезды Кассандра открыл планету, которой никто раньше не видал, хотя по этому пути пролетали тысячи кораблей. Разумеется, Полугус Земфирский приказал припланетиться. На планете были зеленые леса, белые снежные горы, синие океаны. Над полянами летали бабочки и птицы с хвостами длинными, загнутыми, раздвоенными, растроеными и даже расчетверенными. Под деревьями скакали синие, зеленые и оранжевые белки, в траве прыгали золотые кузнечики.

Прохладной ночью вода в речках была теплой, а в жару становилась холоднее. Все фрукты на деревьях были только спелые, дождь шел только в стороне от людей, а ветер бывал только слабый до умеренного.

Полугус Земфирский провел на планете два месяца, каждый день купался в прозрачных речках, катался на лыжах со снежных гор, загорел и поправился на тридцать килограммов, но не нашел ни одного человека, ни одного хищника и даже ни одного комара. Наконец Полугус Земфирский с трудом собрал по лесам и полям команду своего корабля и еле уговорил друзей вернуться домой.

Со вздохами и стонами покидали космонавты гостеприимную планету.

— Жди нас, — повторяли они, словно боялись, что планета сойдет с орбиты и умчится в другой конец Галактики. — Жди нас, как Пенелопа древнегреческого путешественника Одиссея. — И они назвали планету Пенелопой.

Когда Полугус рассказал на Пилагее об открытой планете, ему сначала не поверили. Тогда отважный капитан разделся до трусов, и все увидели, каким сказочным бронзовым загаром покрыто его мускулистое тело.

— Где я мог так загореть, если только вчера вернулся из длительной космической командировки? — спросил он скептиков.

Тогда все поверили в существование планеты Пенелопа.

На Пенелопу полетели несколько экспедиций. Восторженный рассказ Полугуса Земфирского полностью подтвердился, и было решено сделать Пенелопу туристским

заповедником.

Но у Пенелопы нашелся один недостаток. Она лежит в стороне от других звездных систем. Далеко не всякий полетит сюда в отпуск: пока долетишь да вернешься, весь отпуск пройдет. Поэтому в построенном на ней туристском городке большинство гостиниц пока пустует, только роботы-уборщики бегают по коридорам, стирают со столов пыль и меняют простыни в номерах.

Специальная комиссия, которая придумала и спланировала город — столицу туристской Пенелопы, долго решала, как этот город назвать. Кто-то предложил сложить название из первых букв планет, которые его строили. Получилось: ЗПППКРСТФКУГ. Это означало: Земля, Плутон, Пилагея, Попокатепепо и так далее. Попробуйте произнести, тем более быстро! Был другой вариант: взять первые слоги от названий планет. Получилось — Землплпипокерасотрфукаугтр. Конечно, это слово произнести легче, чем первое. Но все-таки... А как сделать, чтобы никого не обидеть? Тогда приказали электронному мозгу сказать первое попавшееся красивое слово на любом из галактических языков. Машина сказала — «ЖАНГЛЕ», что по-пилагейски означает «Светлый ветер, дующий с высокой горы».

Всем название понравилось. Его передали художникам и поэтам, чтобы оповестить Галактику, где лучше всего отдыхать. Через два дня поэты и художники принесли свои произведения. Первый художник показал картину будущего города, окруженного лесами и озерами, а поэт прочел надпись к картине:

Поскорее прилетай
В славный город Жанглетай!

— Что такое? — раздался возмущенный голос. — Город называется Жангле!

— Ничего страшного, — ответил поэт. — Города еще нет. Попробуйте придумать рифму к слову Жангле. Не получается? Зато прислушайтесь, как красиво звучит: «Жанглетай, Жанглетай, поскорее прилетай!»

— А почему бы и в самом деле не назвать город Жанглетаем? — спросил делегат с планеты Фукрук. — Пускай будет: «Жанглетай, Жанглетай, поскорее прилетай!»

Остальные члены комиссии согласились и позвали второго поэта и второго художника.

Художник развернул изумительное полотно. На нем был изображен объемный движущийся музыкальный карнавал. Раздались аплодисменты, и все обернулись к поэту, ожидая, какие он прочтет стихи. Он прочел:

Прилетай на карнавал
В славный город Жанглевал!

— Как так? — удивилась комиссия, — Ведь город называется Жанглетай! Ну в крайнем случае Жангле.

— А как вы прикажете рифмовать Жангле со словом «карнавал»? — удивился поэт. — К тому же города еще нет, и неважно, как он называется.

— Придется поискать рифму, — сказал фукрукец. — У города уже есть название.

— Ах так! — воскликнул художник. — Я забираю свою картину обратно, потому что

меня вполне устраивают стихи.

— Давайте отложим наше окончательное решение до следующего художника, — сказал Иван Тристанович Сингх — делегат Земли.

Вошел третий художник. Его картина изумляла своими яркими и даже необычными цветами. Неважно, что на ней было изображено, но — нечто очень привлекательное.

— Замечательно! — послышались голоса. — Любой человек, увидев эту картину, устремится в Жангле... — И все опасливо замолчали, потому что не знали, чего ждать от третьего поэта. А тот прочел:

Вот какую красоту
Ты увидишь в Жанглету!

— И это тоже название? — спросил Иван Тристанович.

— А чем оно хуже других? — спросил поэт.

Комиссия не стала с ним спорить, а вызвала четвертого поэта, который предложил следующее:

Коль устал ты, прилети
В славный город Жанглети!

Пятый поэт прочел:

Если ты утомился и тоскуешь притом,
Приезжай отдыхать поскорей в Жанглетом!

— Все ясно, — сказал Иван Тристанович. — Прослушивание стихов прекращается. Комиссия удаляется на совещание.

Три часа комиссия совещалась без перерыва. А потом Галактика узнала о ее решении.

Так как в конкурсе участвовали достойные поэты и написали достойные стихи, то комиссия решила никого не обижать. Отныне столицу планеты Пенелопа каждый имеет право называть как ему вздумается при условии, чтобы название начиналось со слова Жангле. А дальше — как удобнее.

Все имеют такое право. Даже читатели этой повести. И даже те, кто жил в XIX веке до нашей эры.

В официальных документах и на звездных картах название столицы планеты Пенелопа пишется так: «Жангле...» — то есть Жангле-многоточие. Обитатели Галактики зовут этот город Жанглепупом, Жанглетоном, даже Жанглекоком. А уж что с этим словом делают поэты — страшно подумать!

Любой поэт придумает стихи
Про город Жанглехи — хи-хи-хи-хи!

Глава 3. Все беды от романтики

Больше всего забот у Алисы было из-за Пашки Гераскина.

Он в первый раз попал в космос — раньше мама не пускала, словно в наши дни можно удержать человека на Земле. Вот и передержала.

Уже на космодроме при погрузке, когда ребята сдавали все лишние вещи и домашние пирожки, потому что вес ограничен, Пашка умудрился протащить на корабль свой знаменитый нож с тридцатью тремя лезвиями, пилой и даже садовыми ножницами. Ну ладно бы протащил, но ведь он еще и воспользовался им на Плутоне.

Там, пока ждали пересадки на звездный лайнер, пошли гулять вокруг базы. Все были на тросах. На всякий случай ребят сопровождал один тамошний геолог. Казалось бы, что может случиться на обжитом Плутоне с нормальными школьниками? Но случилось. И, конечно, с Пашкой.

Как известно, на Плутоне живут снеговики. Поймать их еще не удавалось, хотя их немало, любому гостю показывают издали.

Почему снеговика трудно поймать? Потому что он двуликий. Живут снеговики на границе солнца и тени. Если за ними погонишься по теневой стороне, сразу перелетают на солнце и испаряются, взлетают облачком пара — только его и видели. А когда опасности нет, они пасутся себе в тени в виде сверкающих, почти прозрачных шаров из мелких замерзших кристаллов. Удивительное зрелище!

Когда ребята пошли на прогулку по Плутону, они заметили снеговиков и стали их фотографировать. Тут Пашка увидел, что один из снеговиков забрался далеко в тень.

Пашка отлично понимал, что на тросе он как щенок на поводке — не погонишься за снеговиком, сразу назад вернут. Свой утаенный нож он прятал в кармане скафандра и, когда на него никто не смотрел, перекусил садовыми ножницами трос, освободился и бросился вслед за таинственным плутонским жителем.

Хватились его минуты через три. Трос обрезан, а юного биолога и след простыл — он успел далеко умчаться за снеговиком, который хоть и неразумен, но, видно, сообразил, что преследователь неопасен, и решил поводить его за собой среди скал.

На Плутоне объявили всеобщую тревогу. Сотни людей были оторваны от дел, все механизмы и планетарные катера были высланы на спасение исчезнувшего ребенка. А ребенок между тем и не подозревал, что он — источник тревоги.

Когда его нашли, он еще отбивался и кричал, что он на грани великого открытия — чуть-чуть не поймал голыми руками снеговика, а ему помешали.

И потом, уже на пути на Пенелопу, он нет-нет да и вздыхал и говорил с печалью:

— Эх, если бы не плутонские перестраховщики, был бы живой снеговик в нашем зоопарке.

— Ты бы его в кармане привез? — спрашивала ехидно Машенька Белая.

— Наивно, — отвечал Пашка. — Я его испаряю и загоняю в банку. В банке и везу. Дома снова замораживаю. У меня все рассчитано.

Пришлось группе поручиться, что Пашка больше не будет позорить биологию и устраивать из научной экспедиции детский сад. Хотя ученые с Плутона предупреждали: «Зря вы ему верите. Он сейчас искренний, а потом забудет о своих обещаниях. Не потому, что он лживый или плохой человек, а потому, что слишком увлекающийся. Таким в космосе не место».

Ну ладно, пожалели.

В лайнере «Солнечная система — система Кассандры» Пашка вел себя почти идеально, лишь ворчал, что прошли времена приключений и корабль, на его взгляд, слишком цивилизованный. Хотя сам купался в корабельном бассейне, играл в футбол на корабельном стадионе и даже учился скакать верхом на синтетических конях в корабельном манеже.

Когда прилетели на Пенелопу, ребята почти забыли о плутонском снеговике, хотя Алиса не очень доверяла Пашке и решила за ним присматривать, когда они попадут в джунгли. В городе ему вроде бы ничто не грозило. Романтика там в основном туристская, безопасная.

В первый день ребят повезли на экскурсию по городу Жанглетону и показали некоторые достопримечательности. Достопримечательности были, например, природные. Самое интересное — скала с круглой дырой. Если смотреть сквозь дыру, то видишь озеро, от которого до скалы тридцать километров, а стоит тебе сквозь дыру пройти, как озеро исчезает и за скалой оказывается непроходимый лес. Есть там и целебные источники, которые в три минуты заживляют всякую рану. Только они кипящие, и если сунуть порезанный палец в источник, не остудив воду, то вместо маленькой царапины получишь большой ожог. Потом ездили к «Малой Медведице», которая открыла эту планету. «Малую Медведицу» три года тому назад списали за старостью, привезли в Жангле-многоточие и поставили на одной из площадей. Правда, пока что эта площадь не обстроена домами, и, если не знаешь, что это городская площадь, можно подумать, что корабль стоит на поляне в лесу.

Все остальные достопримечательности — специально туристские.

Во-первых, гостиницы. Обыкновенные, если не считать гостиницы для крокосов. Эта гостиница — прозрачный шар, внутри которого крокосы будут плавать и любоваться окрестностями. Правда, еще ни один крокос на Пенелопу не прилетел, поэтому гостиница стоит пустая, а рядом — цистерны с одеколоном, который для крокосов заменяет воздух. Когда-нибудь гостиницу доверху нальют одеколоном.

В Жанглеграде разбит также великолепный парк с аттракционами, свезенными с разных планет. Аттракционы пока не работают, но когда заработают, найдется развлечение для любого жителя Галактики: подземные туннели с сюрпризами и привидениями, качели со скоростью света, карусели на воздушной подушке, комнаты плача и хохота, фонтан с апельсиновым соком, бассейн для схватки с осьминогом, площадка для соревнований по сбору мухоморов, живая библиотека и многое другое.

Особенно Пашке понравился будущий аттракцион — рыцарский турнир. Его участники должны надевать латы, взбираться на коней и сражаться копьями. Пашку с трудом оттащили от аттракциона, и то только когда робот-экскурсовод сказал, что кони и латы искусственные, а копыта — из мягкого пластика.

— Это для детей, — заявил Пашка. — Подделок я не терплю. Подождем до джунглей.

— Но в джунглях нет рыцарей, — сказал ему экскурсовод, который, разумеется, принимал Пашку всерьез.

— Может, и нет, — согласился Пашка. — Но в джунглях могут быть другие опасности. Встречи с дикими зверями и так далее.

— Опасных зверей пока не нашли, — сказал экскурсовод.

— Вот именно, что пока, — ответил Пашка. — К этому надо быть готовым.

Машенька Белая тяжело вздохнула, потому что считала Пашку почти ненормальным.

Она была уверена, что самое лучшее приключение — это сделать какое-нибудь открытие в биологии, а все остальные приключения получаются только от глупости. О них даже и думать не стоит.

В гостинице ребят ждала записка от местного биолога Светланы, где говорилось, что она заедет на своей машине в семь часов вечера, чтобы до ужина успеть на лесную станцию, где она работает и около которой будет разбит лагерь юных биологов.

Ребята пообедали. Потом Аркаша сел писать дневник. Джавад лег спать, а Машенька с Алисой принялись сочинять письма домой.

Прошел час, потом Алиса спросила:

— А где Пашка?

— Спит, наверно, — сказала Машенька.

— Что-то неладно у меня на душе, — сказала Алиса. — Как бы он не побежал искать приключений.

— Не обращай внимания, — сказала Машенька. — Он сидит у себя в комнате и думает, где раздобыть космическую пушку, чтобы убить из нее стрекозу или муху.

Это Алису не успокоило. Она провидеофонила в комнату Пашки, но там никто не ответил. Потом она выбежала в коридор и заглянула к ребятам. Пашки и там не было.

Она решила не беспокоить зазря Машеньку, вернулась в номер и сказала:

— Пойду подышу свежим воздухом. Через час вернусь.

— А письмо?

— Мне писать пока нечего. Летели, летели и долетели. Передавай в своем письме привет от меня. Хорошо?

— Хорошо, — сказала Машенька.

Алиса обежала все этажи, расспросила всех встречных и узнала, что мальчик, о котором она спрашивает, час назад вышел из гостиницы и не возвращался.

До прихода Светланы оставалось полтора часа.

Глава 4. Свня Ула

При виде Алисы двери в гостиницу разошлись и выпустили ее наружу.

На площади светило солнце, щебетали птицы, с голубых недалеких гор слетал освежающий ветерок. Туристы усаживались в автобус, чтобы ехать на целебные воды. Другие не спеша гуляли по площади.

Несколько человек стояли посреди площади под громадным висящим в воздухе шаром. Они глядели на шар и спорили.

Шар был указателем. На его боках было написано, куда пойти.

К сожалению, этот шар очень понравился птицам. Некоторые успели уже прилепить к его бокам гнезда, другие стайками гонялись друг за другом вокруг шара так быстро, что в глазах рябило. Сверху шар был уже покрыт шапкой птичьего помета, словно арктическим льдом. От шапки к тропикам тянулись языки ледников. В общем, разобрать, что написано на шаре, было трудно.

На другой планете прогнали бы птиц, вымыли шар, и все в порядке. Но на Пенелопе есть закон: птиц нельзя беспокоить. Поэтому жанглетонцы решили загубленный шар подарить птицам, а рядом повесить еще один, такой скользкий, что на нем ничто не удерживается. Пока суд да дело, поставили под шаром списанного по старости работа-

уборщика, который как местный старожил давал разъяснения.

— Что там написано черными буквами? — спросил турист с Альдебарана, которого Алиса без труда отличила от человека, потому что у него колени сзади, а локти спереди.

Маленький блестящий робот отъехал в сторону, подумал и сказал:

— Пенелопская Швейцария.

— А что такое Швейцария? — спросил турист с Альдебарана.

— Это планета, где живут швейцары, — ответил робот.

Робот был похож на кастрюлю на ножках и говорил хриплым голосом.

Алиса знала, что робот ошибся, но не стала вмешиваться, чтобы не обижать старика.

Сама она в Швейцарии еще не бывала, живого швейцарца не видела, но знала, что в Швейцарии живут не швейцары, а швейцарцы. А это большая разница.

— Простите, — сказала она, обращаясь к роботу. — Вы не видели здесь мальчика?..

— Сколько ног? Сколько рук? С какой планеты? — перебил робот.

— Две руки, две ноги, одна голова, на голове синяя шапочка с козырьком.

Туристы расступились, чтобы роботу с Алисой было удобно обойти шар вокруг.

— Вот, — сказал робот, — он пошел туда.

Алиса попыталась прочесть надпись на боку шара, которая выглядела так: «С — гнездо — В — спящая птица — Н — стая бабочек — Я УЛ — гнездо — А».

— Ничего не понимаю, — сказала Алиса.

— К сожалению, я тоже забыл, — сказал робот.

— Может, это Свиная улица? — спросила Алиса.

— Нет, — обиделся робот, — у нас не может быть такого названия.

— Улица Свидания, — подсказал турист с Альдебарана.

— Нет, — сказал робот, — для свиданий у нас парк, а не улица.

— Все просто, — сказал турист-двадцатитрехног. — Это Северная улица.

— Нет, — возразил робот, — север у нас совершенно в другой стороне.

Каждый из туристов старался помочь Алисе и предложить свое название. Когда исчерпались все названия на космическом языке, некоторые стали предлагать слова на своих родных языках.

— Совенкуня улица! — кричал двухголовый веганец.

— Улица Справгенупря?

— Улица Сдерв-ван-ни-ван-ня?

— Может, это Справочная улица? — спросила Алиса.

Робот замолчал. Он, видно, не подозревал, что может быть так много улиц.

И неизвестно, сколько бы времени это продолжалось, если бы какой-то мальчишка не кинул бутербродом в шар, да так метко, что попал точно в стайку бабочек. Бабочки взлетели, и оказалось, что они скрывали собой буквы «ИРНА».

Получилось: «С В НИРНАЯ УЛ А».

— Вспомнил! — воскликнул робот. — Это Сувенирная улица!

— Я теперь и без вас вижу, что Сувенирная, — согласилась Алиса. — А как мне туда попасть?

— Вот это уж проще простого. Идите в ту сторону и увидите.

А когда Алиса отошла, робот крикнул ей вслед:

— Этот мальчик с двумя ногами, двумя руками и одной головой в синей шапочке с козырьком спрашивал меня, где продается оружие или боевые кони.

Глава 5. Все для шпиона

Пройдя через парк, где замерли в ожидании гостей аттракционы, Алиса остановилась перед большой, в тяжелой золотой раме, вывеской. На вывеске было написано:

«СУВЕНИРНАЯ УЛИЦА».

Алиса ступила под вывеску и замерла от удивления: этого она не ожидала увидеть даже на планете Пенелопа в славном городе Жанглечуде!

Улицу сделали нарочно. Для туристской романтики.

Это была очень узкая, извилистая улица, составленная из старинных домов. Первый дом справа был каменный, с узкими высокими окнами. Его второй этаж выдавался над первым, а третий — над вторым. А над третьим этажом нависала крутая крыша из красной черепицы. Напротив возвышался дом, составленный из множества тесно стоящих колонн. Колонны были покрыты резьбой, и двери на первом этаже были такими узкими, что внутрь можно было попасть только боком, выпустив из себя весь воздух. И так далее...

Первые этажи домов были заняты магазинами и лавками, над ними висели вычурные вывески, вдоль улицы тянулись фонарные столбы с керосиновыми фонарями, к одному из столбов была приставлена лестница, на ней стоял человек в черном цилиндре и, открыв фонарное стекло, зажигал свет.

Только тут Алиса поняла, что уже смеркается и надо спешить. И так она потеряла минут десять у шара на площади.

— Простите, — обратилась она к фонарщику. — Вы не видели здесь мальчика с двумя ногами?..

Фонарщик закрыл стекло фонаря и поглядел вниз.

У него были длинные грустные усы.

— Видел. Он спросил у меня, где продают оружие и охотничьи припасы.

— Правильно. Это он!

— Мальчик оскорбил меня.

— Как?

— Он назвал меня фонарщиком.

— Разве вы не фонарщик?

— Я — трубочист. Это и слепому видно.

— А почему вы тогда зажигаете фонари?

— Ах, девочка! — Фонарщик спустился с лестницы и достал из кармана трубку. Осторожно разжигая ее, чтобы не подпалить усы, он продолжал: — В славном городе Жанглешуне решили сделать Сувенирную улицу для романтиков. Все здесь должно быть старинным и настоящим. По всей Галактике стали искать чудачков, которые согласились бы жить в старинных домах, топить печки и камины и торговать сувенирами. Меня тоже нашли. Последнего настоящего трубочиста на Земле. Я обрадовался, что могу поработать по специальности, потому что вот уже восемнадцать лет мне приходилось тренировать альпинистов — ведь на всей Земле не осталось ни одного действующего дымохода. И что же оказалось? Чудачков, которые согласились бы жить на романтической улице, топить печи, пользоваться керосиновыми лампами и готовить себе пищу на плите, нашлось всего два. Я и Фуукс.

— Это совсем неудивительно, — сказала Алиса.

— Неудивительно, но обидно. И что тогда сделали? Оставили фонари только на улице, а внутри домов все сделали совершенно обыкновенно — с пиццедоставкой, телекорами, пенованнами и всякой современной требухой. Но не уезжать же мне обратно! Хоть фонари стоят. Вот я и работаю. Обещают в будущем году сделать специально для меня одну большую трубу. Этой надеждой и живу.

— Но куда пошел тот мальчик, который назвал вас фонарщиком?

— Он пошел дальше по улице.

— И давно это было?

— Почти час назад. Я успел уже зажечь восемь фонарей и долить в них керосин.

— И обратно он не возвращался?

— Нет.

— А он мог пройти дальше?

— У этой улицы нет второго конца, — сообщил трубочист. — Загляните в магазин старика Фуукса. Я на месте романтически настроенного мальчика обязательно зашел бы в тот магазин. И, может, даже не вышел бы обратно.

— Что вы этим хотите сказать?

— Зайдите — узнаете, — сказал трубочист. — Передавайте от меня Фууксу привет. Только умоляю, не верьте ему!

— Не верить?

— Ни в коем случае! Это очень рискованно.

Смеркалось. От желтых фонарей на узкой улице казалось темнее. Воздух стал синим. На нижних этажах старинных домов ярко горели витрины с сувенирами. Только покупателей пока что было мало. Раз или два Алиса встретила прохожих, глазевших на экзотические витрины и вывески. Она шла довольно медленно, потому что забыла спросить, как называется магазин старика Фуукса, которому нельзя верить. К тому же Пашка мог застрять в каком-нибудь совсем другом магазине. Или даже на выставке сирианских марок, которая разместилась в круглой башне с зубцами поверху.

Дом Фуукса Алиса прозевала. Он был сдавлен двумя соседними домами — один был пузатый, как самовар, и сверкал оранжевым блеском, а другой был похож на старинный паровоз. Седой бревенчатый домик между ними был почти незаметен. Да и витрина в нем освещалась одной керосиновой лампой. Скучный свет падал на квадратный лист белой бумаги.

Алиса миновала уже этот магазин, но вдруг остановилась и обернулась. Ведь трубочист говорил, что на улице всего два ревнителя старины — он и Фуукс. А в витрине горит керосиновая лампа!

Алиса вернулась обратно.

Так и есть. Над узкой дверью маленькая жестяная вывеска: «Магазин Фуукса».

Алиса наклонилась к самому стеклу витрины, чтобы при слабом свете керосиновой лампы прочесть, что там написано.

ВСЕ ДЛЯ ШПИОНА!

Продаем и покупаем государственные тайны!

Меняем секретные документы на секретные документы.

Обеспечиваем тайный проезд в любую точку Галактики! Имеются в продаже

подлинные документы всех планет и звездных систем!

Шпионы и авантюристы, спешите к нам!

Только в магазине Фуукса в славном городе Жанглебумсе!

То, что забыто в Галактике, можно вспомнить у нас!

Последние рыцари Большой дороги и авантюристы звездных трасс,
СПЕШИТЕ К НАМ!

— Если Пашки здесь нет, то он здесь был обязательно, — сказала Алиса вслух и направилась к двери в магазин.

Глава 6. Два лица Фуукса

Дверь громко закрипела, и внутри магазина отозвался колокольчик. Магазин оказался длинной, вытянутой в глубь дома комнатой.

На боковых стенах висели старые, потертые на сгибах карты неизвестных островов и заливов, под стеклами — гравюры с парусными кораблями под пиратским флагом.

Гравюры были засижены мухами и потускнели от времени, а казалось, что корабли окутаны пороховым дымом. Посреди магазина стояла бочка, возле нее — три табуретки, а дальний конец зала был перегороджен прилавком, на котором выстроились в ряд стаканы, чашки, несколько старинных бутылок и грудой валялись растрепанные книги. На полу посреди магазина почему-то стоял детский ночной горшок с незабудками на боках.

Откуда-то из-за прилавка бесшумно вышел раскормленный рыжий кот с красным носом, поглядел на Алису и улегся в углу, не спуская с нее глаз, словно боялся, что она обокрадет магазин.

— Есть здесь кто-нибудь? — спросила Алиса.

Никакого ответа. Старинные часы пробили шесть раз.

Алиса сделала несколько шагов к прилавку. Половицы громко закрипели, а сидевшее на прибитом к стене сухом суку чучело совы вдруг зашаталось и перевернулось вниз головой.

Алиса подошла к прилавку, поглядывая на сову, — вдруг оживет? В таком магазине Алисе еще не приходилось бывать.

Вдруг из-за двери, которая вела в заднюю комнату, послышался детский плач, потом громкий голос спросил:

— Куда запропастилась эта проклятая посудина?

Тут же из двери выскочил в магазин маленький лысый человек в черных очках, с очень длинным и массивным носом, который тянул его книзу, и оттого человек бежал, как охотничья собака, почуявшая добычу.

Он не заметил Алису, а устремился к ночному горшку с криком: «Вот он!» — словно открыл Америку.

За ним в магазин вбежал мальчик лет пяти, по пояс измазанный вишневым вареньем. В руке словно шпагу он нес длинный полосатый леденец.

— Папочка! — промяукал мальчик. — Памила снова сорвала занавеску и ее жует.

Лысый человек увидел Алису и тихо сказал: «Ах!»

Он подхватил горшок, кинулся к ребенку, приподнял его за шиворот и громко прошипел:

— Разве ты не видишь, что у нас покупатель?

С этими словами он исчез, лишь из-за двери слышался топот и писк. Рыжий кот вздохнул, вспрыгнул на прилавок и устроился среди бутылок.

Алиса подумала, что чучелу совы неудобно висеть вниз головой. Она встала на цыпочки и постаралась поставить сову на место, но чучело тут же перевернулось снова.

За этим занятием Алиса не заметила, как носатый человек вернулся в магазин.

Если бы не нос и не черные очки, никогда бы не догадаться, что это он только что бегал по магазину с ребенком и горшком в руках.

Человек успел накинуть черный халат с вышитыми на нем звездами, а на голову надеть черную шляпу из соломки.

— К вашим услугам, мадемуазель, — произнес он натужным голосом. — Что вы желаете приобрести, продать или променять?

— Здравствуйте, — сказала Алиса, стараясь не улыбаться. — Вы — директор этого магазина Фуукс?

— Бальтазур Фуукс, магистр черной, белой и зеленой магии, к вашим услугам, — поклонился ей человечек, но тут нос перевесил, и Алисе пришлось подхватить Фуукса, чтобы он не стукнулся носом о бочку.

— Спасибо, вы очень любезны, — сказал Фуукс серьезно.

— Вам привет от трубочиста, — сказала Алиса.

— Вы с ним знакомы?

— Недавно познакомились.

— Тогда при случае передайте ему привет. Я должен вас предупредить, что простыми сувенирами мы здесь не торгуем.

— Скажите, пожалуйста, к вам не заходил недавно мальчик?..

— В синей кепочке?

— Вот именно.

— К сожалению, это тайна.

В этот момент из-за прилавка послышались глухие страшные стенания. Забыв обо всем, Фуукс бросился туда и извлек пузатую вазу, из которой торчали маленькие ноги в красных носках.

Держа вазу под мышкой, Фуукс попытался вытянуть ребенка наружу, но тот или застрял, или не хотел вылезать, хотя ревел как бык, потому что звуки отражались от внутренних стенок вазы и усиливались ужасно. Кот выгнул спину и от страха сиганул в открытую дверь.

— Это кто из вас? — спросил Фуукс, засовывая в вазу нос.

— Я-а-а! — ответил ему рев.

— Не угадываю! Но это неважно, — опечалился Фуукс. — Придется разбивать вазу молотком. Забудем о ее ценности. Дети дороже.

Фуукс поставил вазу на пол и исчез за внутренней дверью. Тут же в магазине появились два мальчика; одного Алиса знала — он был измазан вареньем, а второго раньше не видела — он был измазан яичным желтком.

— Это Памила полезла за медом, — сказал мальчик в вишневом варенье.

— Это мы ей сказали, что там мед. А там меда нет, — сказал второй.

— Тут гоорчица! — раздался гулкий глухой голос из вазы.

— Давайте ее вынем, пока она там не отравилась, — сказала Алиса.

— А папа побежал за молотком, — сказал вишневый мальчик.

Алиса подошла к вазе и потянула Памилу за ноги. Памила оказалась тяжелой и плотной девочкой, притом она сопротивлялась, а мальчишки прыгали вокруг и мешали Алисе.

— Пускай папа молотком! — кричали они. — Это же интереснее.

Алиса положила вазу на бок, сама села на пол, уперлась ногами в крутые бока вазы и стала тянуть девочку на себя. Мальчишкам это понравилось, и они вцепились в Алису, как в сказке о репке.

Ваза сказала: уух!

Памила вылетела из нее как пробка, Алиса и мальчишки отлетели к стене, а Памила метров пять проехала носом по полу. Она была так измазана горчицей, что у Алисы даже в горле запершило.

В магазин вбежал Фуукс — полы халата развевались, черные очки сверкали. Он тащил громадный молоток.

— Ээх! — крикнул он от прилавка и замахнулся.

— Остановитесь! — закричала Алиса. — Памила уже на свободе.

Но остановиться Фуукс не успел. Молоток опустился на вазу — ваза вдребезги, а мальчишки в восторге закричали:

— Ура! Теперь еще чего-нибудь!

— Где мой ребенок? — приговаривал Фуукс, ползая на коленях среди черепков. — Я тебя заодно не разбил?

— Я здесь, папочка, — сказала Памила.

Фуукс поднял голову и увидел, что Памила сидит у Алисы на руках.

— Ты жива? — удивился он. Забыв подняться на ноги, он перебежал комнату на четвереньках и принял Памилу из Алисиных рук. Но тут запах горчицы пронизал все его тело, и он принялся так отчаянно кашлять и чихать, что Памила вырвалась у него из рук и вместе с братьями умчалась из магазина.

Глава 7. Где Пашка Гераскин?

Откашлявшись и отчихавшись, Фуукс сообщил Алисе:

— У меня аллергия на горчицу. Чем могу служить?

— Я вас спрашивала о мальчике.

— А, в синей шапочке? Простите, я только закрою дверь. Моя жена, простите, на конференции, и я совсем один с детьми.

— А разве у вас нет роботов?

— Вы с ума сошли! Неужели я допущу, чтобы моих кровных детей воспитывали пластиковые монстры? Детям нужно человеческое тепло.

Фуукс запер дверь на железный засов, и дети тут же начали в нее молотить.

— Не обращайтесь внимания, — сказал Фуукс, — они у меня упорные.

— Я и не обращаю, — сказала Алиса. — Вазу жалко.

— Какую вазу? Эту? Ничего страшного. Раньше в ней жил джинн, но я отпустил его на свободу, и вряд ли он вернется. Что вы мне предложите?

— Ничего. Мне нужно узнать, куда делся мой товарищ по имени Павел?

— Рыцарь Павел? Как же, я с ним отлично знаком. Но ничем не могу помочь. В нашей конторе умеют хранить тайны. Правда, вы можете у меня эту тайну купить. Любую тайну

можно купить.

— Но у меня нет денег. И я даже не знаю, какие здесь деньги.

— При чем здесь деньги! — Фуукс щелкнул себя по носу, и звук получился гулким, словно нос был картонный. — Разве в наши дни стоящую тайну за деньги купишь?

Фуукс уселся на табуретку и подвинул Алисе вторую.

— Садитесь, пожалуйста. Вы здесь в качестве шпионки?

— Никакая я не шпионка, — возмутилась Алиса. — Разве я похожа на шпионку?

— Если шпионы будут похожи на шпионов, тогда их не надо искать. А что вы здесь делаете?

— Мы на экскурсии. Через час нам надо уезжать в джунгли, а Пашка исчез.

— А вам-то до него что за дело?

— Мы вместе приехали, и я несу ответственность перед его родителями. Вы не представляете, какая у него строгая мать. Она и так его еле отпустила, а если узнает, что он пропал, она этого не переживет.

— Ужасная история! Он скрыл это от меня! Он сказал, что приехал искать приключения! — воскликнул Фуукс. — У меня сердце разрывается от жалости к его несчастным родителям. Я сам родитель! Но я ничем не могу вам помочь, потому что вашего друга нет на Пенелопе.

— Как нет? Вы не шутите?

— К сожалению, я лишен чувства юмора и никогда не шучу. Ваш друг по доброй воле покинул Пенелопу и отправился на другую планету.

— Вот этого я и боялась. Он абсолютный авантюрист, наверное, потому, что его воспитывали в строгости. До сих пор его в школу провожает бабушка. Что же теперь делать?

— Ума не приложу! — Фуукс развел руками и стал похож на большую черную птицу. — Я даже не знаю, когда он вернется... и вообще, вернется ли...

— Как же вы могли допустить такое безобразие? — возмутилась Алиса. — Вы же взрослый человек!

— Вы уверены? — спросил Фуукс. — Моя жена в этом сомневается.

Фуукс грустно замолк, и только слышно было, как дверь сотрясается от детских ударов.

— Как вы думаете, чем мои крошки молотят в дверь? — спросил Фуукс.

— Наверно, тараном, — сказала Алиса.

— Нет, больше похоже на мясорубку. Так на чем мы остановились?

— Вы мне не сказали, куда дели Пашку.

— Он сам делся. И теперь, когда я узнал всю правду о вашей экскурсии и его строгих родителях, я вне себя от горя.

Фуукс поднялся с табурета, подошел к прилавку, налил два стакана лимонада и вернулся к бочке.

— Выпейте, — сказал он. — Это бодрит...

Сам он залпом выпил свой стакан и продолжал:

— Представляете, дети плачут, манная каша подгорает, а ваш друг требует настоящих рыцарских приключений. Я продал ему за бесценок документы и билет на ту планету, куда он стремился. Какой ужас! Что скажет моя жена, когда узнает?

Горе и раскаяние Фуукса могли бы показаться искренними, если бы его губы при этом не улыбались. Так что Алиса ему и верила, и не верила.

— Верните Пашку обратно! — сказала она.

— Не могу! — воскликнул Фуукс. — Ни минуты свободной. Пора готовить ужин. Кроме того, ваш друг честно расплатился за билет и документы. Вот, смотрите.

Фуукс откинул полу халата и достал из кармана брюк пять одинаковых значков, изображавших мальчика на дельфине, — это были значки общества юных биологов — Пашка захватил их с собой целую горсть.

— Чепуха какая-то, — сказала Алиса. — Вы меня, наверно, разыгрываете. Значки как значки...

— Ни в коем случае, — сказал Фуукс. — Для вас это значки, а для меня — великая ценность. Один человек обещал мне за них настоящую пиратскую карту с кладом.

Ну что на это скажешь? Понятно, что Алиса промолчала.

Не дождавшись ответа, Фуукс продолжал:

— Есть один вариант... Не знаю только, устроит ли он вас?

— Какой вариант?

— Если у вас найдется немного времени, может, вы слетаете за вашим другом?

— Как же так? Через час мы должны быть в гостинице!

— Я вам бесплатно документы дам. И билет.

— Но у меня только час времени! До космодрома больше часа ехать.

— Корабль ждет во дворе моего магазина.

— Как? Прямо здесь?

Фуукс протянул руку и взял Алисин стакан с лимонадом.

— У нас солидная фирма, — сказал он, — очень солидная. Ее знают по всей Галактике.

— Но я должна хотя бы вернуться в гостиницу и сказать ребятам, — не сдавалась Алиса.

— Вот тогда уж вы точно никуда не успеете. А если решитесь ради вашего товарища слетать на другую планету, то, может быть, через час-другой вернетесь обратно.

— Вы не шутите?

— Я уже говорил, что никогда не шучу. Все в нашем мире относительно. И время, и расстояния... и верность друзьям, и отвага, и трусость. А может быть, в самом деле вам лучше вернуться в гостиницу и подождать вашего друга. Если он, конечно, вернется.

— Чего же мы теряем время? — спросила тогда Алиса. — Ведите меня к кораблю.

Глава 8. Документы для принцессы

— Погодите, — сказал Фуукс. — Так дела не делаются. Не можете же вы лететь на другую планету без документов.

— Почему? — спросила Алиса. — Сюда мы прилетели просто так.

— Не спеши, девочка. Это на цивилизованных планетах документы отменили, а на некоторых даже еще не придумали. Твой друг просился на особенную планету — планету с рыцарями, приключениями и так далее. Там документы в ходу. Поэтому держи! — Он кинул на бочку деревянный кубик.

— Это что такое? — спросила Алиса.

— Бери. Это пропуск в город.

— Но на нем ничего не написано.

— И не должно быть написано. Там у них с грамотностью плохо.

— Ну, можно идти? — спросила Алиса.

— Опять двадцать пять. Идти — легче легкого. Даже твой непутевый друг оказался сообразительней тебя. А кем ты, простите за нескромность, там будешь?

— Как так кем? Сама собой.

— В таком случае ты и двух шагов не сделаешь. Нужна маскировка.

— А Пашка?

— Он в лучшем виде. Странствующий рыцарь. Этого ему и хотелось. Но ты не можешь быть странствующим рыцарем...

Фуукс вытащил из кармана стопку разноцветных бумажек и разложил бумажки на бочке. Он водил по ним носом и бормотал:

— Сделать тебя камеристкой... нет, ты не умеешь прислуживать... крестьянкой... нет, еще кто-нибудь тебя обидит, да и во дворец тебе не попасть... ведьмой... сожгут невзначай... Ага!

Фуукс выхватил из стопки розовый листочек и помахал им перед носом Алисы:

— Вот! То, что нам нужно, держи.

На листке был нарисован герб: щит с пятью розами и тремя аистами, его придерживают два голых великана с дубинками. И никакой подписи.

— А это что такое? — спросила Алиса.

— Это твои документы. И твой герб.

— Но кто я такая?

— Ты — зарубежная принцесса. Приехала с неофициальным визитом. Если не ошибаюсь, ты даже дальняя родственница вдовствующей королевы-мачехи.

— Ой, может, чего-нибудь попроще?

— Хватит. Или ты едешь, или ты не едешь. Я лучше знаю, какие тебе давать документы. И так уж я из-за тебя вазу разбил, детей без ужина оставил, а жена вот-вот с конференции вернется. Что мы тогда ей скажем?

Фуукс вскочил и бросился к внутренней двери.

Пришлось Алисе пойти за ним.

Фуукс откинул щеколду и потянул дверь к себе. Дверь резко отворилась, и все его дети высыпали им под ноги.

Фуукс резво перескочил через них и потянул Алису в комнату, где у стены стоял старинный деревянный шкаф. Шкаф был распахнут, и из него горой вывалились всевозможные платья, рубашки, халаты и полотенца. На этих вещах мирно спал толстый рыжий кот.

— Ах, шалуны, — расстроился Фуукс, — все-таки сняли замок. Чем же это они?

— Топориком, папочка, — раздался голос от двери.

Но Фуукс уже не слышал, он, к возмущению кота, зарылся в вещи и через минуту выхватил из груды белое платье.

— Скорей! — крикнул он, протягивая платье Алисе. — Это свадебное платье моей супруги. Когда-то она была худенькой.

— Не верьте папочке, — пискнул от двери детский голосок.

— А ты и не видел, — возразил Фуукс.

Алиса схватила платье в охапку, Фуукс сунул ей еще серебряные туфельки, они пробежали через кухню, где на плите выкипал суп, и выскочили во двор.

Двор был большой, он зарос полынью, лопухами, репейником. Над сорняками в вечернем сумраке суетились птицы и бабочки. Поодаль возвышалась довольно ржавая

старинная ракета, какие давно уже сняты даже с околосемных трасс. Люк в ракету был распахнут и держался на одной петле.

— Скорей! — торопил Алису Фуукс. — Осталось всего две минуты. Сейчас с работы вернется моя жена, и все погибло.

Он подхватил валяющуюся в траве табуретку и первым подбежал по узкой тропинке к ракете. Алиса за ним. Все случилось так быстро, что она даже не успела сказать, что на такой ракете опасно выходить в открытый космос.

Фуукс приставил к люку табуретку и посадил Алису. При этом он без умолку говорил:

— Ракета автоматическая, доставит куда надо. Иди, иди, не бойся, там совершенно безопасно, не заблудишься. Да скорей же! Дай я помогу тебе закрыть люк. Ты летала, ты знаешь, как пристегнуться?..

Алиса согнулась и вошла в полутемный корабль. Навстречу выскочил рыжий кот. Морда у него была обиженная, усы во все стороны. Еще бы, не дают спокойно отдохнуть!

Фуукс, стоя на табуретке, прилаживал люк.

— Эй, принцесса! — крикнул он ей. — Ты меня слышишь?

— Слышу.

— Учти только, что не всему надо верить. Если не всему верить, то обойдется. Я об этом говорил Пашке, но он, по-моему, плохо слушал. Ты ему напомни, чтобы не всему верил. Слышишь?

— Слышу.

— И не задерживайся. Потому что чем дальше, тем труднее не верить.

— Пойдите! — крикнула Алиса, увидев, как уменьшается щель люка. — А когда я смогу вернуться? Ведь нас ждут.

— Не беспокойся, я придержу время, — ответил Фуукс. — Сколько бы вы там ни были — здесь не пройдет больше часа. Фирма гарантирует.

Люк захлопнулся, и последнее, что услышала Алиса, — это далекий тонкий крик кого-то из детей Фуукса:

— Не верь папочке, Алиса!

И звук шлепка.

Алиса кое-как отыскала стартовое кресло, уселась в него и пристегнулась пыльными ремнями.

Впереди загорелась надпись:

«До старта десять секунд».

И тут же в окошечке начали выскакивать цифры: «7... 6... 5... 4... 3... 2... 1...»

Глава 9. Латы в металлолом

Алиса была уверена, что ей попался старый тихоходный корабль, а не прошло и трех минут после старта, как впереди зажглась надпись:

«Внимание! Приступаем к супергиперпрыжку».

Тревожное жужжание заполнило корабль. Алиса устроилась поудобнее в кресле, проверила, хорошо ли держат ремни, а когда снова взглянула вперед, там уже горела другая надпись: «Начинаем посадку».

Загорелся тусклый свет. И прежде чем Алиса успела опомниться, надпись сменилась третьей: «Полет закончен».

Алису одолело сомнение: а вдруг все это злая шутка носатого старика? Пашки он и в глаза не видел, а загнал Алису на какой-нибудь ближний астероид.

Алиса стояла в нерешительности, держа в руках платье и туфли жены Фуукса. Переодеться или сначала поглядеть, куда ее занесла судьба?

И тут Алиса заметила, что на полу что-то блестит. Она нагнулась и подняла значок: мальчик на дельфине. Значок мог обронить только Пашка. Значит, старик Фуукс не обманул. Пашка здесь был. И на том спасибо.

Алиса натянула платье поверх комбинезона. Платье было велико, но не очень — правда, оно волочилось по полу и в нем не побегаешь. Нет, лучше слушаться Фуукса. А вдруг здесь принцесс узнают по туфлям?

Вот и все. Алиса прошла по каюте. Не очень удобно, но терпимо.

Она подошла к люку и толкнула его. Люк со скрежетом распахнулся, сорвавшись с петли. «Хорошо еще, что это случилось не в космосе», — подумала Алиса.

Она ожидала увидеть космодром и встречающих. Даже приготовила кубик и розовую бумажку.

Но оказалось, что корабль опустился на поляне в лесу. Ближе подступали деревья и кусты, с одной стороны между ними виднелась покосившаяся изгородь.

День был сумрачный, облака бежали низко над лесом, вот-вот мог начаться дождь. Тихо. Лишь стрекочет кузнечик и ветер шуршит листвой.

Алиса подобрала длинное белое платье, спрыгнула с люка и обошла ракету кругом. Ни души.

Поляну пересекала тропинка, которая пробежала как раз под кораблем.

Алиса поглядела под ноги — нет ли значка. Может, Пашка догадался оставлять следы, как Мальчик-с-пальчик. Нет, не догадался.

Алиса прикрыла люк, сжала в кулаке кубик, обернутый в розовую бумажку с гербом. Только бы дождь не начался — хороша будет зарубежная принцесса в мокром платье!

Направо тропинка скрывалась в кустах. Налево — вела к прогалине между деревьев. Туда Алиса и пошла.

Дождь здесь, видно, лил с утра. Тропинка была скользкой, в углублениях стояли лужи, высокая трава склонялась под тяжестью капель воды, приходилось подбирать платье, но все равно туфли и подол промокли. Алиса смотрела под ноги и поэтому заметила двух женщин, собиравших хворост, только когда до них оставалось шагов десять. Алиса остановилась, разглядывая их.

Женщины были босые, одеты в лохмотья. При виде Алисы они замерли, словно увидели тигра.

— Простите, — сказала Алиса, — я принцесса из соседнего государства. Здесь не проходил мальчик?..

Звук голоса словно разбудил женщин. Мелькая мокрыми пятками, они кинулись в кусты.

— Стойте! — крикнула им вслед Алиса.

Но разве их догонишь? Особенно в таком идиотском платье. Может, Пашка здесь чего-нибудь уже натворил?

Рыцарей Алиса пока что не встречала, а вот женщины здесь запуганные.

Тропинка влилась в проселочную дорогу, идти стало легче. Алиса даже опустила край платья. Карету бы найти какую-нибудь. Интересно, здесь есть извозчики?

Из-за туч выглянуло солнце, сразу начало парить. Лес кончился, дорога потянулась через обширную пустошь.

Пустошь была вытоптана словно стадом слонов, деревья и кусты, которые кое-где поднимались из грязи, стояли без листьев, веток, а то и без коры. Потом Алиса увидела, что по земле разбросаны какие-то железки и тряпки. Железки поблескивали на солнце, и от них поднимался пар. Вблизи оказалось, что это части рыцарских доспехов: шлемы с поломанными страусовыми перьями, нагрудники и налокотники, копья, мечи, обрывки плащей, попон и флагов и даже подковы.

Под дубом у дороги стояла большая тачка, наполненная шлемами и латами. На тачке, свесив ноги, сидел человек с трубкой в зубах и в странном костюме. Выше пояса его камзол был поделен надвое: справа — красный, слева — синий. А вот рейтузы были раскрашены наоборот: правая штанина — синяя, левая — красная. Заканчивался этот костюм тапочками с сильно вытянутыми носками: правый — красный, левый — синий.

Человек был немолод. Пегие пряди волос были зачесаны на лысину, голубые глазки окружены множеством морщинок, а кончик острого носа чуть свешивался вниз, к тонким губам.

— Здравствуйте, — сказала Алиса.

— Добрый день, принцесса, — ответил человечек. — Гуляешь? Ноги не промочила?

— Не беспокойтесь, сегодня не холодно. А что здесь случилось?

— Здесь позавчера битва была. Большое сражение.

— Почему?

— А почему битвы бывают? Как обычно, из-за пустяков. Граф Визислон Двурогий спьяну назвал барона Крипта Синеусого, рыцаря Синей Ямы, безнадежным болваном.

— Ой, как нехорошо! За что же?

— За дело. Каждый в королевстве знает, что это чистая правда.

— А барон?

— Барон, конечно, ответил, что от болвана и слышит. Это, кстати, тоже всем известно.

— И они вдвоем так насорили?

— Что ты, принцесса! Сразу видно — зарубежная. За графа Визислона вступилась вся Уймитская конфедерация, а воинствующий орден Кольца и Веревки встал стеной за барона Крипта. Вот и сражались от рассвета до заката.

— И кто победил?

— Ты еще спроси — с каким счетом, — захихикал двухцветный человечек. — Конечно, никто не победил. Собрали убитых и раненых и разъехали по своим замкам. Устроили перерыв перед большим турниром. Ты ведь тоже, наверно, на турнир явилась?

— Нет, я знакомого ищу.

— Кого же? Я тут, почитай, всех знаю. Он из благородных?

— Он рыцарь. Только вы вряд ли его знаете. Он тоже приезжий.

— Так опиши его своими словами.

— На вид он еще мальчик, в синей шапочке с козырьком...

— Ага, на мальчика похож! Знаю. Павлом зовут. Час назад здесь проходил. С космодрома шел. Как увидел латы и копья — прямо затрясся. Давай, говорит, меняться.

— И вы поменялись?

— Он взял латы, копья, щит, меч, а мне значков с дельфином дал. Штук десять. Честно говоря, я значков не собираю, но уж очень парень был настойчивый.

— Разве можно было ему настоящее оружие давать? Он еще мальчик.

— Сама же говорила, что рыцарь. И он мне подтвердил, что рыцарь. И документы показал. Все как в аптеке. Рыцарь Красной стрелы. У меня как раз баночка красной краски нашлась — мы с ним на щите эту стрелу и нарисовали.

— А разве это ваши доспехи?

— Теперь мои. Бой вничью кончился, а земля мне принадлежит. Еще покойным королем-отцом подарена. Очень выгодное владение. По крайней мере раз в неделю какое-нибудь сражение здесь происходит.

— А за что вы эту землю получили?

— За службу. Я на королевской службе. Шутом работаю. Но разве на одну зарплату у нас проживешь?

Алиса совсем расстроилась. Оказывается, Пашка уже и латы себе раздобыл. Теперь обязательно чего-нибудь натворит.

— А куда он дальше пошел? — спросила она.

— В город, куда же. Только сначала ему надо коня раздобыть. Без коня — какой рыцарь?

— Но у него денег нет. И значки, наверно, кончились.

— Настоящий рыцарь все без денег возьмет. Такой у рыцарей обычай.

— Но Пашка не такой...

— Может, он раньше был не такой, а как попал в рыцари — станет как все. Грабителем, угнетателем сирот и бедных, бездельником и бандитом.

— Нет! Вы просто не любите рыцарей.

— За что мне их любить?.. Ну ладно, в город пора.

— А можно, я с вами? А то я здесь в первый раз...

— Иди, принцесса. У тебя пропуск есть?

— Есть. Вот он.

Шут развернул розовую бумажку и стал разглядывать герб.

— Смотри-ка, — сказал он наконец. — Да ты, оказывается, из хорошей семьи. И нашей вдовствующей королеве-мачехе приходишься внучатой племянницей. Правильно?

— Мне об этом говорили, — согласилась Алиса. — Только я ее совсем не помню.

— Ну конечно, ничего удивительного. Ведь королева Изабелла от вас совсем молоденькой уехала. Ты, наверно, тогда под стол пешком ходила. Держи свои документы. Все в порядке. Можно идти в город.

Шут взялся за длинные ручки, с трудом приподнял тачку и тут же бросил. Схватился за поясицу и замер в изогнутой позе.

— Какое горе! — простонал он. — Опять меня скрутил радикулит. Что делать, что делать?

— А зачем вам эти латы? Они же гнутые, ломаные.

— Вот и сдам их в металлолом. Гроши заплатят, но все равно деньги. При нашей-то бедности...

На глазах у шута выступили две большие слезы и медленно покатались по щекам. И весь он съежился, стал маленьким и старым.

— Я вам помогу, — пожалела его Алиса.

Она подхватила тачку. Старый шут пожадничал, навалил на тачку не меньше центнера. Уже через десять шагов Алиса все руки себе оттянула.

— Ты потерпи, — уговаривал ее шут. — Вон до того бугорка, а дальше я сам повезу. Пройдет приступ, и сменю тебя. Ты не думай...

Шут бодро вышагивал рядом с Алисой, даже забегал вперед, чтобы убрать с дороги камень или ветку.

— Надолго к нам? — спросил он голосом любезного хозяина. — Да ты не спеши, не надрывайся. В твоём общественном положении надрываться необязательно.

— Найду Пашку — и сразу обратно, — сказала Алиса.

— Это правильно, — сказал шут. — Нечего у нас задерживаться. Отстало живем, темные мы люди. Горстка рыцарей и князей угнетает простой народ, который живет в нищете и бесправии. Просто безобразие. Ждем не дождемся, когда начнется Возрождение. Может, тогда вздохнем немного. А у вас какая обстановка?

— У нас лучше, — сказала Алиса, стараясь дышать глубоко, как во время бега на три километра.

— Воевать с нами не собираетесь?

— Ни с кем не собираемся воевать.

— Вот это зря. Нас, я тебе скажу, можно голыми руками взять.

— Вот уже и бугорок, — сказала Алиса, напоминая шуту о его обещании.

— Что-то у меня сердце прихватило, — ответил шут. — Давай втащим тачку наверх и передохнем немножко. Ты не возражаешь?

Он взялся за ручку и сделал вид, что помогает Алисе, хотя от его помощи не было никакого толку. И глазки у него были такие хитрые, что Алиса заподозрила: может, он нарочно подстерегал какого-нибудь простака, чтобы самому тачку не тащить?

— А чего вы лошадь не купите? — спросила Алиса. — И работа у вас есть, и участок земли, и металлолом сдаете.

— Нельзя, — сказал шут. — По причине неблагородного происхождения. Рад бы, да нельзя. Есть у меня, правда, осел, но я его напрокат сдал в королевский зоопарк, на нем принцы катаются, а мне за это денежки идут. Лучше уж я попотею, сам тачку потаскаю, зато деньги целы будут. Бережливость — вот мой лозунг, коль не пришлось благородным родиться.

На вершине холма Алиса поставила тачку и поглядела вперед. Там, в долине, стоял город. Он был обнесен каменной зубчатой стеной, по углам возвышались башни, а в стене у открытых ворот дежурили стражники. Их латы поблескивали под солнцем. Между путниками и городом расстилались вспаханные поля, кое-где темнели хижинки под соломенными крышами. От города доносился далекий колокольный звон.

— Красота, — вздохнул шут. — Люблю природу. Ну что, отдохнула? Пойдем дальше.

— Еще минуточку, — сказала Алиса.

Глава 10. Обиженный маркиз

Послышался стук копыт, звон оружия, и на вершину бугра выскочил богато разодетый толстый рыцарь с обнаженным мечом. Забрало шлема было поднято, и оттуда, как из окошка, торчали красный нос и рыжие кошачьи усы. Сзади, положив поперек седла длинное рыцарское копьё, скакал юный лохматый оруженосец в кожаной куртке.

— Где он? — завопил рыцарь, осаживая коня перед Алисой. — Где этот мерзавец?

— Вы о ком, уважаемый маркиз Фафифакс? — спросил шут.

— Я его растерзаю на четырнадцать частей! Или даже больше, на восемь! — кричал рыцарь.

— Какая потрясающая неграмотность, — прошептал шут Алисе. — Полагаю, что ему вообще не приходилось ходить в школу. Представляете?

Алиса кивнула.

— Вы чего бормочете? — спросил рыцарь. — Со мной шутки плохи. Может, вы его спрятали! Грико, погляди в тачке.

Оруженосец не спеша подъехал поближе, но в тачке копать не стал.

— Осторожнее, маркиз, — сказал шут. — Вы забыли, что тачка принадлежит мне, а я — любимец его величества.

— Мне на всех наплевать, — сообщил рыцарь, — пока я не отыщу негодяя, который освободил из цепей моих рабов. Что еще за вольности с чужой собственностью? Кто дал ему право?

— Может, это право сильного? — спросил шут.

— Сильный — это я. Вчера не слезал с седла тридцать один час, свалил трех великанов и обезглавил одного дракона. Не слышали?

— Кто не знает об этом, господин маркиз? — согласился шут. — Вот зарубежная принцесса специально прибыла полюбоваться вами на большом турнире.

— Грико, подставляй спину! — закричал рыцарь. — Я должен поздороваться с принцессой.

Оруженосец подмигнул Алисе — он был худой, поджарый и загорелый, совсем еще юный, даже без усов. Он соскочил на землю и нагнулся у рыцарского коня, чтобы господину было на что поставить ногу.

Рыцарь тяжело перевалился через седло, со всей силой наступил сапогами на спину оруженосца. Алисе страшно стало — не сломал бы он парню позвоночник. Но Грико как ни в чем не бывало выпрямился и, пока маркиз поправлял сбрую, сказал Алисе:

— Не обращай внимания. Я крепкий, на мне воду возить можно.

Рыцарь подошел к Алисе, разгладил железной перчаткой рыжие усы и сказал:

— Рад приветствовать вас, принцесса. Вы не замужем?

— Нет, — сказала Алиса. — И не собираюсь.

— Не желаете ли стать моей дамой сердца? — спросил маркиз.

— Я об этом как-то не думала, — сказала Алиса. — К тому же я здесь проездом.

Рыцарь подошел поближе и подцепил перчаткой рукав платья.

— Какая ткань! — воскликнул он. — Такого у нас не делают. Заграничная работа. Вы прекрасны, мадемуазель.

— Не обращай внимания, — сказал оруженосец.

— Простите, маркиз, — сказал шут. — Вы тут жаловались на какого-то рыцаря.

— Ах, даже вспоминать неприятно. Тем более в такой момент. Какой-то молокосос увидел моих рабов, которых вели на продажу, и посмел их освободить.

— А рыцарь-то местный?

— Нет, чужой. Герб у него — Красная стрела.

Шут обернулся к Алисе и сказал тихо:

— Это он.

Алиса уже поняла.

— А куда он поехал? — спросил шут.

— Куда поехал? Если бы я знал, то догнал бы и разорвал. — Маркиз пошевелил усами и продолжал спокойнее: — Наверно, в город. Я на него королю пожалуюсь, будет знать, как хулиганить. Но не в этом дело...

Рыцарь снова обернулся к Алисе и торжественно заявил:

— Желая встать перед вами на колени.

— Нельзя, ваша милость, — сказал оруженосец, — у вас левое колено заржавело.

— Я на правое встану.

— Что вы, маркиз, — вмешался шут. — На правое колено встают только перед королем.

Кто-нибудь узнает, донесет его величеству.

— Кто же донесет? — удивился маркиз.

— А я на что? — спросил шут. — Обязательно донесу.

— Да, правильно, ты, конечно, донесешь, — согласился рыцарь. — Простите, принцесса, преклонение отменяется.

— Пожалуй, я все равно донесу, — сказал шут сладким голосом.

— Но ведь я не вставал!

— Но хотел.

— Это неблагородно!

— А я неблагородный. Я деньги люблю.

— Шут, откуда у меня деньги? — удивился рыцарь. — У меня меч и копье. Ими я добываю славу.

— А еще людьми торгуете, — заметил шут.

— Долги отдавать пришлось. А свободных денег — ни монетки. Вот и продал. Они все равно ленивые.

— Ладно уж, не буду доносить, — согласился шут. — Только при одном условии. У меня тачка тяжелая, до города не дотащить. Пусть ваш оруженосец нам поможет.

— А кто же мое копье повезет? — удивился маркиз. — И мне, кстати, без свиты ездить не положено.

— Положено, — вмешался тут оруженосец. — Вчера весь день без меня ездили: к вашей мамаше за деньгами ездили, потом в карты играть ездили и ужинать ездили. И все без меня.

— Вчера я с великанами воевал, — возразил маркиз.

— Все, — сказал шут стальным голосом. Алиса даже удивилась, откуда у шута появился такой голос. — Поезжайте, маркиз. Мы вас найдем во дворце.

Маркиз все еще колебался, хотя на шута поглядел с опаской.

Алиса представила, каково ей одной тащить тачку с металлоломом, и взмолилась:

— Маркиз, я вас лично прошу, оставьте нам своего оруженосца.

Это был выход. Одно дело подчиняться шуту, другое — иностранной принцессе.

— Не могу отказать прекрасной даме. Берите, пользуйтесь.

Все втроем они помогли рыцарю взгромоздиться на коня. Грико протянул ему копье.

— Тяжело, — признался рыцарь.

— А вы не спешите, — сказал шут. — Потихонечку, полегонечку. Турнир еще не начинается. Может, даже соснете часок где-нибудь в тени.

— Отдыхайте, маркиз, — поддержала шута Алиса. Она поняла, что чем позже рыцарь приедет в город, тем лучше для Пашки. — Спасибо за помощь.

— Во дворце увидимся, — сказал маркиз и повернул коня в сторону.

Шут подождал, пока маркиз скрылся за поворотом, и сказал:

— Поехали, что ли?

— Поехали, — согласился Грико. — Возьмите моего коня.

Они пошли вниз, к городу. Впереди оруженосец вез тачку и порой смотрел на Алису и улыбался. Алиса шла чуть сзади, придерживая за край свое заграничное платье. Шут вел на поводу коня и тихо напевал:

Все съезжались на турнир
В славный город Жангленир.
Мы храбрейшего узнаем
На турнире в Жанглезае.

— Простите, — обернулась к нему Алиса. — Разве этот город тоже называется Жангле-многоточие?

Шут пожал плечами:

— Каждый называет этот город как хочет. А виной тому поголовная неграмотность.

Глава 11. Другой Жангле...

Мост через ров у городской стены был опущен, решетка ворот поднята. Мимо стражников, стоявших по обе стороны входа, проходили крестьяне с мешками и связками хвороста, горожане в высоких шляпах, горожанки в пышных юбках, монахи в черных рясах, подпоясанных веревками. Медленно брела вереница полуголых людей, скованных общей цепью.

— Вот видишь, Алиса, — сказал шут, пока они стояли у моста, ожидая своей очереди войти в город, — некоторые молодые люди стремятся в средневековые времена и думают, что там была увлекательная приключенческая жизнь — рыцари скакали по полям и осаждали замки. А рыцари, скажу тебе, были довольно темными и жестокими людьми. И для многих здесь жизнь не сахар.

— Я знаю, — сказала Алиса. — Мы в школе проходили.

— Можно по-разному проходить, — сказал шут. — Ты, может, и запомнила что-то, а твой друг почти все пропустил мимо ушей. Ты не представляешь, сколько лишнего беспокойства и неприятностей происходит от невнимательных романтиков.

— А вы много знаете, — сказала Алиса.

— Я уже немолодой шут... Ну, пошли дальше.

Стражники опустили алебарды, преграждая дорогу.

— Кто такие? — спросил один из них.

— Не узнаешь, деревенщина? — рявкнул шут басом.

— Ты похож на королевского шута Фу-фу, — сказал стражник. — Но полной уверенности у нас нет. И к тому же откуда у тебя лошадь?

— Лошадь не моя, а маркиза Фафифакса. А это его оруженосец.

— Правильно, — сказал второй стражник. — Остается выяснить личность этой девушки.

— Вот. — Алиса протянула им бумажку и кубик.

Стражник взвесил кубик на ладони и вернул обратно.

— Настоящий, — сказал он.

Потом развернул розовую бумажку, покрутил ее так и этак и крикнул:

— Эй, начальник! Погляди, кто пришел.

Из двери, спрятанной в стене, выскочил третий стражник в каске с петушиными перьями. Он выхватил бумажку из рук своего подчиненного и сказал:

— Ты что, слепой, что ли? Не отличаешь розового пропуска от простого? Это же как минимум принцесса.

— И притом заграничная, — сказал шут.

— Вижу, что заграничная. Я своих всех наперечет изучил. Уж не будете ли вы, ваше высочество, двоюродной внучатой племянницей ее вдовствующему величеству?

— Ясное дело, — сказал шут.

Сзади уже скопилась длинная очередь, и некоторые начали ворчать: «Что нам здесь, до вечера ждать, что ли?»

— Молчать! — рявкнул начальник караула. — Мы на посту! Мы при исполнении!

И совсем другим голосом он продолжал:

— А вам, ваше высочество, надо проследовать в ваши апартаменты во дворце, номер с ванной. Вот ключ.

Начальник стражников достал большой позолоченный ключ и передал Алисе.

— Добро пожаловать в гостеприимный Жанглепуп!

А когда оруженосец уже подхватил тачку, чтобы следовать дальше, начальник наклонился к уху Алисы и прошептал:

— Если привезли контрабандный чай или кружева, я дам лучшую цену.

Шут услышал и усмехнулся:

— Поздно. Я уже все перекупил.

— Ну конечно, — расстроился начальник караула. — С тобой разве можно состязаться? Небось у самой границы караулил?

Перейдя площадь у ворот, спутники попали на узкую улицу, чем-то похожую на Сувенирную улицу в другом Жангле-многоточии. Шут сказал:

— Ты, Алиса, не обижайся. Но иначе от него не отвязаться. Разве бы он поверил, что заграничная принцесса может приехать без всякой контрабанды?

— Мертвый номер, — подтвердил оруженосец. — Дальше куда?

— Поможете мне довести груз до металлолома, а потом — во дворец.

— А может, мне не надо идти во дворец? Я здесь жить не собираюсь. Мне только Пашку Гераскина найти — и сразу обратно.

— А где ты его сейчас искать будешь? Без моей помощи не обойтись. Сделаем так: ты пойдешь к себе, а я разузнаю, чего еще успел твой друг натворить. Как только найду его, сразу сообщу. Я — твой первый союзник. Ты мне нравишься, а здешние порядки совсем не нравятся.

— Слушайся шута, принцесса, — сказал оруженосец. — Он такой пройдоха — второго во всем королевстве не сыщешь.

— А оруженосец с тобой побудет, — сказал шут. — На всякий случай. Он — парень веселый и честный. Я его с детства знаю. Мы с его родителями были соседями.

— Да, мама до сих пор о вас очень тепло отзывается, — сказал оруженосец.

— Только без этих нежностей! Я, придворный интриган, этого не люблю.

Они свернули в узкий темный переулок, над которым почти смыкались крыши домов, и остановились перед воротами. Над ними косо висела ржавая вывеска:

ПРИЕМ МЕТАЛЛОЛОМА

Сдавайте старые кастрюли, доспехи, котлы, чешую драконов, щиты и прочий лом черных и цветных металлов.
Цены по соглашению.

— Тут я с вами прощаюсь, — сказал шут. — Грико выведет тебя ко дворцу, а я вступлю в бой — за каждый шлем придется торговаться. Как я этого не люблю...

Глава 12. Номер с ванной для принцессы

— Далеко до дворца? — спросила Алиса у оруженосца.

— Нет, минут десять ходу. — Грико был почти на голову выше Алисы, очень стройный. Наверно, из него получился бы хороший спортсмен.

— Ты каким-нибудь видом спорта занимаешься?

— Если повезет, стану рыцарем.

— Ну, это еще не спорт, — сказала Алиса.

— Может быть. Но это жизнь. А ты чем занимаешься?

— Я принцесса.

— Ну конечно. Выйдешь замуж и будешь сидеть в башне.

— Не думаю. У нас совершенно другое отношение к людям. Ты, кстати, в школе учился?

— Один год учился, у монахов. Даже читать умею. Если печатными буквами. Но я это от моего маркиза скрываю. Он бы меня выгнал. И так с трудом удалось место найти. Ты не представляешь, сколько мои родители бились, прежде чем такое благородное место для меня нашли!

— А может, лучше бы дальше учиться?

— А потом куда? Писарем? Или в монастырь?

— Да, выбор маленький. И все-таки я бы на твоем месте поискала себе другую работу. В моряки бы пошла, в путешественники.

— Слушай, — обиделся оруженосец. — Ты что думаешь, если ты благородного происхождения, то можешь мужчину учить?

Алисе стало смешно.

— Ты чего? — спросил оруженосец. В общем, он оказался славным парнем.

— Странно все это слышать.

Им пришлось посторониться и прижаться к стене, потому что четверо слуг несли крытые носилки с гербом на занавесках. Слуги тяжело дышали, один даже прихрамывал.

— А кто тебе этот рыцарь? — спросил Грико. — Жених, что ли?

— Нет, товарищ, — сказала Алиса. — Мы с ним вместе научной работой занимаемся.

— Звезды считаете или колдуете? — спросил оруженосец. — А то еще окажется, что ты ведьма, беды не оберешься.

— Разве я похожа на ведьму?

— Они хитрые. Если бы ведьмы были похожи на ведьм, то сожгли бы всех, и дело с

концом.

— Нет, я не ведьма, честное слово, — сказала Алиса. — Да и мой Пашка вовсе не рыцарь. Он только вообразил, что, если попадет на рыцарскую планету, отыщет всякие волнующие приключения.

— А у вас что, своих рыцарей нет?

— Все вывелись.

— Ну и скучно же вы живете.

— Веселее, чем вы. Может, как-нибудь к нам выберешься, поглядишь?

— Нет, я опасаясь за границу ехать. Там у вас драконы и колдуны на каждом шагу.

Алиса поняла, что спорить с Грико невозможно. Как ему объяснишь, чего он никогда не видел. Ей кажется, что в его мире скучно, а ему — наоборот.

— Но ты мне поможешь, если нужно?

— Конечно, помогу, — сказал оруженосец. — Особенно если твой друг с моим маркизом враги — я, честно говоря, хоть и у него на службе, этого толстого борова не выношу. Дурак, жадный, пьяница, картежник. Половину своих крестьян в рабство продал. Но надо его опасаться. Он дурак-дурак, но хитрый. Ты думаешь, он нас послушался, отдохнуть поехал? Как бы не так! Наверняка уже у короля сидит, ябедничает, чтобы твоего друга в тюрьму упекли.

— Что же делать?

— Без шута нам ничего не поделать. Фу-фу хоть и придворный, но неплохой человек. Мы с ним соседи по Кривой улице. Всего своим трудом добился.

Дворец оказался бестолковым зданием, с массой пристроек. Казалось, сначала кто-то возвел трехэтажный дом с колоннами и башнями, потом, когда понадобились новые комнаты, пристроил к нему двухэтажные флигеля по краям, а уже после каждый кому не лень дополнял дворец флигелями, переходами, крыльями, башенками.

Закованный в латы страж — только нос наружу, чтобы дышать, и уши, чтобы слышать, — поглядел на Алисины документы и сказал:

— Вам, принцесса, через третий подъезд, по лестнице на второй этаж, потом направо до конца коридора. Номер шестнадцать. А вот вашему пажу придется переночевать в коридоре, мы ему подстилку дадим.

Алиса хотела сказать, что Грико — не ее паж, но тот ее успел ущипнуть — она поняла и промолчала.

— Больно щиплешься, — сказала она Грико, когда они отошли от стража. — Синяк будет.

— Извини, но если бы не ущипнул, оставили бы меня на дворе маркиза ждать. А я ведь тебе могу пригодиться.

Дворец давно не ремонтировали, краска слезла, штукатурка кое-где осыпалась, а стекло в окнах вообще не было.

Они поднялись по темной лестнице на второй этаж и еле отыскивали в конце коридора шестнадцатую комнату. Дверь была не заперта, но Грико пришлось поднатужиться, чтобы ее открыть. Вся разохлась.

В комнате было много ковров — весь пол и стены в коврах. В одном углу стояла кровать под лиловым балдахинном, расшитым двуххвостыми птицами. На кровати можно было бы уложить весь Алисин класс. Правда, простыни на ней не оказалось. Зато рядом лежали звериные шкуры. Кроме кровати, в комнате стояли два деревянных стула с очень

высокими резными спинками и длинный сундук. Вот и вся мебель. Открытая дверь вела в соседнюю комнату. Алиса сразу сунула туда нос.

— И это называется ванная! — воскликнула она.

— А что? — спросил Грико, стараясь пригласить непослушные лохмы. — Роскошно будешь жить, принцесса.

Ванна оказалась деревянным чаном. Рядом с чаном на полу стоял ночной горшок.

— Совмещенный санузел, — сказала Алиса.

— Чего? — спросил Грико.

— Сами живите в такой роскоши, — сказала Алиса. — Тоже мне, королевский дворец!

— Но у нас же средние века! — сказал Грико.

— Слишком уж средние, — возразила Алиса, вернулась в комнату и подошла к окну. Окно было затянуто частым деревянным переплетом, но без стекол. Оно смотрело по другую сторону дворца. Там был стадион.

Невысокие деревянные трибуны окружали поле без ворот.

— Здесь у вас в футбол играют? — спросила Алиса.

— В какой еще футбол, принцесса? — удивился оруженосец.

— А что тогда на этом поле делают?

— Это же площадка для турниров, на которых не на жизнь, а на смерть сражаются доблестные рыцари, — сказал Грико. — Даже младенцы об этом знают.

— Я же тебе сказала, что у нас рыцари вывелись.

Глаза оруженосца сверкали, смуглые ноздри раздулись. Он глядел на это вытопанное пыльное поле, как голодный обжора на коробку шоколадных конфет.

— Счастливый твой друг, рыцарь Красной стрелы, — сказал Грико. — Он уже имеет право помериться силами с великими рыцарями. Если бы мне происхождение позволило, я бы отсюда вообще не вылезал.

— Ну и дурак, — сказала Алиса. — Прихлопнут еще без пользы.

— Ну и пускай, лучше умереть на поле славы, чем влачить скучную жизнь.

Алиса не успела ответить этому отсталому юноше, потому что услышала знакомый скрипучий голос:

— Ну, как устроилась, принцесса, не скучала?

— Ой! — Алиса бросилась к старому знакомому: — Вы что-нибудь узнали?

Шут был одет как прежде, только сменил шляпу на высокий, с двумя верхушками колпак, увешанный бубенчиками.

Шут отрицательно покачал головой, и бубенчики зазвенели тонкими голосами.

— В городе я ничего узнать не смог и поспешил во дворец, чтобы опередить маркиза. Когда я примчался к их величеству, они мыли руки. Это новая заморская мода. Если король моет руки, его нельзя отвлекать.

— И вам ничего не удалось сказать?

— Не только мне, но и маркизу, который сунулся было со своей жалобой. Ему велели подождать до конца обеда. Так что собирайся, и побежали в столовую. Я сказал о твоём приезде королеве-мачехе. Она в принципе порядочная женщина, тоскует здесь. Ей будет о чем с тобой поговорить — общие друзья, родственники...

Алисе показалось, что шут смотрит на нее с усмешкой.

— А она меня помнит? — спросила Алиса.

— Еще бы. Малюткой она тебя качала на коленях. А когда твоя мама сопровождала

твоего папу в походах, тебя обычно отдавали на сохранение твоей тетушке Изабелле. Так что я надеюсь на ее помощь.

«Плохо дело, — подумала Алиса. — Ну и влипла же я с этой рыцарской страной! Вернусь, неделю с Пашкой разговаривать не буду. Если вернусь...» Вернее всего, эта старуха королева обязательно Алису узнает, и тогда уже не убежишь... Не объяснишь же им, откуда ты в самом деле. Сожгут, как ведьму.

— Ну, чего мы ждем? — спросил шут. — Все уже за столом. А ты, Грико, иди на двор, к другим слугам, там тебя чем-нибудь накормят. Увидимся на турнире.

— Счастливо, Алиса, — сказал оруженосец.

Алиса протянула ему руку, но он не посмел до нее дотронуться, поклонился и убежал.

Алиса с шутком долго шли темными коридорами и еле освещенными лестницами, в одном месте дорогу им перебежала крыса, в другом — спугнули сову. Шут нес перед собой керосиновую лампу, и от ее света возникали длинные, подвижные, страшноватые, словно живые тени. Шут размышлял вслух:

— Надо же было твоему дружку отпускать на свободу рабов! Ну ладно бы увел чужую лошадь, избил кого-нибудь, ограбил, наконец. Это у рыцарей не большой грех. Но отпускать на волю рабов — преступление. Как его выручить, не представляю...

— А разве вы на его месте не стали бы освобождать рабов? — спросила Алиса. Она, конечно, догадывалась, что ответит шут.

— Это чепуха! — заявил он. — Это война с ветряными мельницами, как у Дон Кихота.

— У кого? — удивилась Алиса. Вот уж не думала, что здесь кто-нибудь слышал об этой книге.

— Был такой рыцарь. Хотя, может, его иначе звали. А что?

— Ничего.

— Чужого раба освободить — все равно что соседу в карман залезть. Никогда бы я не стал чужих рабов освобождать.

— Но ведь у Пашки совсем другое воспитание. Нет на Земле рабов, понимаете? Вы бы к нам попали, еще бы не того натворили. Что же вас, на костре жечь?

— Меня нельзя — я на королевской службе. Только их величество могут меня сжечь. Ладно, не печалься. Придумаем чего-нибудь. Мир не без добрых людей.

Глава 13. Королевский обед

— Осторожней, здесь приступочка, — предупредил шут, когда они вошли в высокий, темный, кое-как освещенный дымными факелами и свечами зал. Чуть ли не половину зала занимал стол в виде буквы «П». Он был уставлен яствами, а вдоль него на скамьях без спинок сидело человек сто, не меньше. Во главе стола, на троне, восседал король, рядом — его приближенные.

Вокруг стола бегали слуги с подносами. На подносах лежали гуси и поросята. За слугами носились охотничьи собаки, которые следили, не свалится ли что-нибудь вкусное с подноса.

— Ну, держись, принцесса, — сказал шут. — Начинаем представление.

Вдруг он встал на руки, так что концы колпака волочились по каменному полу, и пошел к столу, пронзительно вереща:

— Я привел с собой принцессу, которая перевернула мне душу и тело! Ай-ай! Я теперь никогда не смогу встать на ноги!

Его последние слова заглушил громовой хохот рыцарей и вельмож, которые сидели за столом. Хохот метался под сводами зала, словно заблудившаяся стая ворон.

— А если я прикажу тебе на ноги встать, — закричал бородач в золотой короне, — ты встанешь или нет?

— Я рад бы! Я рад бы! — ответил шут. — Но не могу. Придется мне руки отрубить.

— Ну и чувство юмора, — вздохнула Алиса.

— Тогда пускай твоя принцесса идет сюда, — сказал бородач. — У нас для нее найдется свободное место.

Он поднял широкую ладонь и стукнул по шее худого старикашку, который сидел рядом. Старикашка свалился со стула. Гости захохотали пуще прежнего.

Алиса послушно пошла к столу, хотя ноги у нее подгибались. Она жутко струсилась. Главное, не забыть, что ты принцесса и всю жизнь провела в таких вот компаниях.

Особенно неприятно было идти мимо вереницы усатых, бородатых, тонких, толстых, лысых, волосатых, молодых, старых физиономий — они даже жевать перестали, глаза на гостью.

Король до самых глаз зарос черной бородой, но все равно видно было, что лицо у него приплюснутое, словно кто-то ударил его по голове, — от этого глаза выпучились, зубы вылезли вперед, нос задрался кверху. Руки у короля были заняты: он держал баранью ногу. Поэтому здороваться с принцессой он не стал, а только спросил:

— Чего пожаловала? Мы тебя вроде не приглашали.

— На турнир, ваше величество, — сказала Алиса.

— Молодец. Девчонка, а смелая. Ну, тогда садись. Можешь звать меня дядей. Эй, дайте сюда гуся помоложе. Моя племянница проголодалась.

Прибежал слуга с золотой тарелкой, на которой лежала гусиная нога.

— Жуй, — сказал король. — У нас все попросту.

Алиса не знала, с какой стороны взяться за такую ножищу, тем более что есть не хотелось.

Виночерпий налил Алисе бокал красного вина.

— И выпей, — сказал король. — Не обижай наше величество.

Все внутри у Алисы сжалось, как от мороза.

И тут она услышала тихий, мелодичный голос:

— Не стесняйся, девочка. Только вина тебе пить, пожалуй, не стоит. Ты сделай вид, что пьешь.

Алиса обернулась. Справа от нее сидела молодая женщина изумительной красоты. У нее были пушистые вьющиеся темные волосы, синие глаза в черных ресницах. Она была бледной и грустной. Платье у этой женщины было темно-синим с серебряным шитьем, а на голове горела небольшая корона.

— Ты меня не узнаешь, Алиса? — спросила женщина.

— Я... наверно, я забыла...

— Конечно, ты была совсем маленькая. Я — королева Изабелла, твоя внучатая тетка по матери. И еще меня называют вдовствующей королевой-мачехой.

— Ой, извините, — сказала Алиса. — А я думала, что королева-мачеха обязательно должна быть старой и злой. Ведь сам король тоже немолодой.

— Его отец взял меня в жены четыре года назад, — сказала королева-мачеха. — Я была младше его на тридцать четыре года. А вскоре он умер, на престол взошел его сын, а я стала пленницей в этом дворце. Так мне и придется, видно, провести здесь остаток моих дней, если враги не отравят.

Король громко чавкал, пожирая баранью ногу, и запивал вином из кубка размером с ведро. К счастью, он сразу позабыл про Алису.

— Как твоя мамочка? — спросила Изабелла.

— Спасибо, здорова, — сказала Алиса. Она вообще врать не любила, а врать такой грустной и приятной женщине было втрое противно.

— А папа?

— Папа тоже здоров.

— Он оправился от ран?

— Оправился.

— Ему, кажется, дракон ногу откусил в битве за волшебную чашу? — спросила Изабелла.

— Да, кажется, — сказала Алиса и почувствовала, как краснеет, хорошо еще, что здесь не очень светло.

— А как твой братишка? — продолжала расспросы королева-мачеха.

Нет, все-таки правду говорили в сказках, что мачехи в королевском чине — самые коварные люди на свете. И что ей приспичило допрашивать гостью о родственниках?

— По-старому, — сказала Алиса.

— Как его зовут, я забыла? — упорствовала королева Изабелла.

Алиса в отчаянии так вгрызлась в гусиную ногу, что даже зубы застряли. Теперь, если бы Алиса захотела ответить, все равно ей не вытащить зубы из жесткого мяса.

А над ухом все журчал голос королевы-мачехи:

— Да, конечно, его зовут Венедиктом. Рыцарем Венедиктом. Или Павлом? Может, Павлом?.. Кажется, я его звала Павликом... Это он победил оборотня в битве у Заупокойного озера? Конечно же, вторая голова оборотня всегда висела в библиотеке твоего папы над письменным столом...

Изабелла посмотрела на Алису, подняв брови. Ничего не оставалось, как кивнуть головой. Такой ответ Изабеллу вполне удовлетворил.

— Правильно, — сказала она, — все сходится. Узнаю в тебе славную дочь бурного рода

королей Актианских.

В этот момент король отложил баранью ногу, вытер ладони о живот и вспомнил о заграничной принцессе.

— Ну, как ты устроилась, ванна тебе понравилась? — спросил он. — У вас тоже теперь руки перед едой моют?

Алиса попыталась освободить зубы из гусиной ноги, но ничего не вышло. Алиса извивалась в борьбе с проклятой ногой. А вдруг король решит, что она притворяется?

Но король все понял. Одной рукой он ухватился за кость, а другой крепко взял Алису за волосы и дернул.

Слезы брызнули из глаз Алисы, в ушах зазвенело, со страшным всхлипом гусиная нога вырвалась наружу, и король поднял ее вверх как знамя.

— Повара! — закричал он. — Повара ко мне!

Изабелла достала кружевной платочек и вытерла Алисе слезы.

— Вот видишь, — сказала она, — какие у нас грубые нравы.

— Где повар? — вопил король.

Все молчали. Вдруг из-под стола показался колпак шута.

— Не извольте гневаться, ваше величество, но повара только на той неделе казнили, — сказал он.

— А где его помощник?

— Он убежал в лодке в открытое море.

— Кто же тогда готовил гуся, которым чуть не загубили нашу именитую гостью?

— Ученики кулинарной школы, ваше величество.

— Пусть их всех казнят.

— Ой, не надо, ваше величество! — закричала Алиса.

— Принцесса права, — сказал шут. — Эти ученики — наша последняя надежда. Если мы их казним, придется переходить на консервы.

— Ты так думаешь? — спросил король. — Ненавижу консервы. В последнем походе на мумизматов мы консервными банками из катапульты стреляли. Триста убитых, остальные раненые. Полная победа!

Король метнул гусиной ногой в собаку, и она убежала, воя на весь зал.

— Подайте компот! — велел король. — И перейдем к делам. А то до турнира не управимся. Камергер, какие у нас дела?

Грузный мужчина с маленькой головой подбежал к трону, вытирая рукавом губы.

— Государственных дел на сегодня нет, — сказал он.

— А жалобы есть?

— Жалобы есть.

— От кого и на кого?

— От знатных людей, — сказал камергер. — На неизвестного рыцаря.

— Ну, начинай.

Король взял чашку с компотом и откинулся на троне.

Глава 14. Жалобы на рыцаря

— У кого жалобы, поднимайте руки! — воскликнул камергер.

Над столом поднялось несколько рук.

Шут вылез из-под стола и втиснулся между Алисой и королем.

— Ты чего? — спросил король.

— Буду советы давать.

— Так ты ж дурак.

— Один дурак от такого отсоветует, чего десять умников насоветуют, — сказал шут.

— Ладно, посмотрим. Начинай жаловаться, маркиз Фафифакс.

Рыжий толстяк с красным носом встал в дальнем конце стола.

— Известный склочник, — сказала королева-мачеха.

— Ваше величество, — зашевелил рыжими усами толстяк, — приношу жалобу на ограбление, воровство, обиду и оскорбление.

— Кто посмел обидеть моего верного слугу?

— Рыцарь Красной стрелы.

— В чем его вина?

— Он увидел моих рабов, которых вели на продажу, разбил мечом их оковы и избил стражников.

— Серьезное преступление, — сказал король. — А куда он увел рабов?

— Маркиз думает, как бы получше соврать, — сказал шут. — Рабов-то у него не уводили. Тот рыцарь просто пошутил. Разбил оковы и уехал дальше. А рабов маркиз потом поймал и все равно продал.

— Это правда? — спросил король. — Ненавижу, когда меня обманывают по мелочам. Неужели до сих пор не поняли?

— Но это же грабеж! — закричал маркиз.

— Баловство, а не грабеж. Каждый рыцарь имеет право испытывать свое оружие на неблагородных. А он даже никого не убил. Садись. Следующий.

Следующим поднялся мужчина в меховой шапке, которую он даже за столом не снял.

— Ваше величество, я приношу жалобу на рыцаря Красной стрелы.

— Что случилось, торговец Пузанелло?

— Он украл коня из моего табуна.

— Как так?

— Он встретил табун лошадей, вскочил на одного из коней и оставил пастухам расписку, что конь взят взаймы, потому что рыцарю нельзя появляться без коня на турнире. — Торговец помахал бумажкой.

— Ну-ка дай сюда, — приказал король.

Бумажку передали по рукам. Король повертел ее в руках и сказал:

— Почерк непонятный, неблагородный почерк. Если ты благородный, то пиши квадратными буквами. Я правильно говорю?

— Правильно! — закричали рыцари и вельможи.

— Разрешите, я прочту, — сказала Алиса. — Я этот почерк разбираю.

— Ты? — удивился король. — Видно, у вас в королевстве распустились, принцесс уже начали грамоте учить. Была бы ты моя дочь, я бы тебя выпорол, не посмотрел бы, что голубая кровь.

— Не обращай внимания. Это он для вельмож выступает, чтобы своих дочерей не учили, — прошептала королева-мачеха. — А то добьются равноправия — и погибнет рыцарство.

На листке, вырванном из блокнота, Пашкиной рукой было написано:

«Взят займы из табуна 1 конь (один). Верну его вечером со всеми трофеями, которые добуду на турнире. П. Гераскин, рыцарь Красной стрелы».

— Ай-ай-ай, — сказал король. — На трофеи рассчитывает.

— Ничего преступного, — вмешался шут. — Как же еще благородному рыцарю получить коня, если не взять займы? Вы же сами, ваше величество, когда в том году воевали, три миллиона у ростовщика взяли.

— А в самом деле! — закричал король. — Ну-ка, плесните мне компота! Не может же рыцарь на турнир без коня приехать.

— А вдруг не вернет? — упорствовал торговец.

— А если не вернет? — спросил король у шута.

— Вернет, — сказала Алиса. — Я за него ручаюсь.

— А если не вернет, — прищурился шут, — то придется ему сделать с торговцем Пузанелло то же, что вы сделали с ростовщиками, когда они после войны попросили вас вернуть долг.

— А что я сделал? — спросил король.

— Вы же их всех утопили.

Король так расхохотался, что поперхнулся компотом. Пока шут с камергером били его по спине, торговец вскочил из-за стола и исчез.

— Ну, есть еще жалоба? — спросил король, откашлявшись.

— У меня жалоба, ваше величество, — поднялся со своего места рыцарь в золотых латах. У него был острый нос, острые глаза, острые уши, а изо рта на сантиметр вылезали клыки. На груди у него был нарисован герб — черный клыкастый волк.

— Говори, благородный рыцарь Черного волка.

— Я приношу жалобу на рыцаря Красной стрелы.

— Опять! — возмутился король. — Чего он еще натворил?

— Я стоял на улице и наводил порядок.

— Какой же ты порядок наводил?

— Я лупил палкой служанку, которая пережарила кашу.

— Правильно. И что же дальше?

— Мимо проезжал рыцарь Красной стрелы, он вырвал у меня палку и этой палкой меня ударил. Видите ли, женщин бить нельзя.

— Молодец, — сказала Алиса.

— Как нельзя? — удивился король. — Ну, может, принцесс еще нельзя, но служанок обязательно надо бить!

— Как мудро! Какой государственный ум! — раздались возгласы в зале.

— Если каждый будет чужих служанок выручать да чужих рабов освобождать, — сказал камергер, — порядок погибнет.

— Разрешите дураку слово сказать! — закричал шут.

— Говори!

— Думаю, нам с вами, король, в это дело вмешиваться смешно. Если наши рыцари за себя постоять не смогут, кому они такие нужны? Не надо было спину подставлять.

— Так я же в одной пижаме был! — сказал рыцарь Черного волка. — А пока за мечом сбегал, его и след простыл.

— Все это похоже на склоку, — сказал король. — Сам ищи обидчика.

— Что-то мой пасынок сегодня добрый, — сказала Изабелла. — Повезло нам, не будут

твоего Пашку наказывать. Обошлось. — И только она это произнесла, словно сглазила — по другую сторону короля поднялся высокий, похожий на ворона человек в черной одежде с золотым поясом и в высокой красной шапке.

— Я тоже приношу жалобу на рыцаря Красной стрелы, — сказал он. — Я надеюсь, что на этот раз никто его не сможет защитить.

— Слушай, епископ, мы утомились. Может, отложим на следующий раз?

— Нет, ваше величество. Он совершил страшное преступление.

— Ну, тогда говори, епископ.

— Мы хотели сжечь одну ведьму. Вдруг появился этот рыцарь, разогнал стражу, затоптал костер, освободил ведьму, посадил ее на коня и ускакал!

В зале наступило гробовое молчание. Алиса поняла, что этого преступления Пашке не простят.

— Он дьявол, — в полной тишине раздался голос камергера.

И все зашептали:

— Дьявол, дьявол...

— На плаху его! — рычал король, отбрасывая жбан с компотом. — На костер! Никакой пощады! Он мое государство хочет загубить!

— Плохо дело, — сказал шут.

— Разрешите, я спрошу, — услышала Алиса тихий голос вдовствующей Изабеллы. — А где же тот рыцарь? Кого вы будете жечь и казнить?

— Да, кстати, где он? — спохватился король. — Почему его до сих пор не привели? Почему я его не знаю? И вообще, откуда он к нам явился?

— Вот видите, — сказала Изабелла. — У меня возникло подозрение, что это просто-напросто романтически настроенный юноша из другого королевства. Он еще не научился отличать настоящие рыцарские подвиги от баловства. А ведьма его, наверно, околдовала. Вы же знаете, как легко опытной ведьме околдовать юного рыцаря.

— Не слушайте, король, — сказал епископ. — Во-первых, это неопытная ведьма. Ей всего три года. А во-вторых, давно пора присмотреться к королеве Изабелле. Она ведь тоже из другого королевства.

— Да, надо разобраться... — растерялся король.

Но тут на помощь королеве-мачехе пришел шут:

— Осторожнее, ваше величество. Сегодня они съедят вашу мачеху, а завтра за вас примутся.

— Правильно! — закричал король. — Не смей обижать мою любимую матушку. И вообще, разбор жалоб окончен. Поймаем рыцаря, тогда и займемся им.

Все начали вставать из-за стола.

— Созывайте рыцарей! — приказал король. — После третьего гонга чтобы все были на стадионе. Не терплю опозданий.

— Ох, отравил бы я вас, — сказал злобно епископ, проходя мимо Изабеллы.

— Не удастся, — ответила королева-мачеха с улыбкой. — Я сама себе готовлю.

Глава 15. Начинается турнир

Изабелла провела Алису через специальный вход «Для знатных лиц», но все равно по дороге у них несколько раз спрашивали, нет ли лишнего билетика.

В толпе, стекавшейся к стадиону, мелькали продавцы мороженого и пирожков, звенели кружками торговцы сладкой водой, зазывали покупателей хозяева пивных ларьков. Шум стоял невообразимый.

Густая толпа скопилась перед большой доской, на которой лесенкой были нарисованы фигуры рыцарей: выше всех тот, кто больше всех побеждал в прошедших турнирах. Его Алиса узнала — это был обиженный Пашкой рыцарь Черного волка в золотых латах. А где же толстый маркиз Фафифакс? Вот он, в середине таблицы.

— Слышал о новом рыцаре? — донеслись до Алисы слова какого-то болельщика.

— Кто такой?

— Рыцарь Красной стрелы. Выступает вне конкурса.

— Иностранец?

— Говорят, что приехал из-за границы.

— Его не допустят, — сказал торговец в меховой шапке, у которого Пашка занял коня. — Он неблагогородный. Даже не рыцарь, а обыкновенный колдун и проходимец.

«Ой, Пашка! Ведь обязательно приедет на турнир, — подумала Алиса. — И тут его схватят. Правда, шут побежал его искать, чтобы предупредить, но вдруг они разойдутся? Или Пашка шута не послушается?»

— Может, я подежурю у входа? — спросила Алиса.

— Нет, — ответила Изабелла. — Тебя узнают и вернут на стадион. Я думаю, что лучше быть поближе к королю. Если что случится, мы сможем на него воздействовать.

Лакей в красном камзоле провел их наверх, в ложу, где в креслах уже сидели вельможи и королевские родственники.

— Вам сюда, к барьеру, — сказал лакей.

— Знаю, — ответила Изабелла. — Не первый раз на турнире.

Они сели у самого барьера. Кресла по обе стороны пустовали. Слева — кресло для короля, справа — для епископа.

Зрители на трибунах узнали Изабеллу, и раздались аплодисменты.

— Меня любят в народе, — сказала вдовствующая королева-мачеха. — Во-первых, за красоту, во-вторых, за доброту, а

в-третьих, потому, что меня епископ не любит.

Королевская ложа нависала козырьком над трибунами и даже над полем. Поле было ограждено деревянной стенкой. Оно было похоже на футбольное, только ворота на нем были деревянные и закрытые.

Трибуны шумели и волновались.

— Может, он уже вернулся домой, а я тут сижу? — подумала Алиса. Нечаянно мысль прозвучала вслух, и королева-мачеха ответила:

— Не похоже. Если у человека такой характер, он обязательно прискачет на стадион, чего бы это ему ни стоило.

— Но он на лошади плохо ездит.

— Неважно. Здесь же все — любители. Кроме того, пожилые. Да ты не расстраивайся. Выручим мы твоего Пашку. Вернешься с ним обратно.

— Вы не верите, что я принцесса? — спросила Алиса.

Вдовствующая мачеха убрала пышную прядь волос под корону и ответила без улыбки:

— Как же верить, если ты врать не умеешь? Я тебя за обедом спрашивала о родственниках, и ты призналась, что у твоего отца ноги нет, а брат с оборотнем дрался.

Алиса опустила голову.

— Так вот, отец принцессы, за которую ты себя выдаешь, самый миролюбивый король на нашей планете, уже десять лет не ездил на войну. Обратней не бывает — это каждому разумному человеку известно. Да и как я могла тебя спутать с моей племянницей, если она курчавая и черноглазая, а ты — блондинка?

— А почему вы меня не выдали?

— Кому? Этим вельможам? За кого ты меня принимаешь? Мне шут обо всем рассказал. Мы с ним друзья. Встань, король идет.

Изабелла поднялась со своего кресла. Алиса тоже. Вошел король. Камергер с епископом шли по бокам и что-то нашептывали ему в оба уха. Король был мрачен.

— Объялся, теперь спать хочет, — шепнула Изабелла.

Весь стадион поднялся на ноги, оркестр заиграл гимн. Зрители и придворные запели. Король тоже подпевал, шевеля черной бородой. На середине второго куплета он махнул рукой, сел и смежил веки. Оркестр умолк, стадион снова загудел.

— Король всегда так, — сказала Изабелла. — В первом куплете поется, какой он славный и великий. А во втором про его папу. Это ему не так интересно.

Из-под трибуны бежали судьи. Они были в черно-белых полосатых камзолах, черных чулках и круглых черных шляпах с черными и белыми страусовыми перьями. Главный судья держал в руках медный гонг и колотушку, а его помощники — крючья.

— Зачем это? — спросила Алиса.

— А как же растаскивать рыцарей, когда они перепутаются?

Судьи остановились в центре поля.

— Ваше величество, — подсказал камергер, — давайте сигнал.

Величество перестал храпеть, протер глаза и махнул рукой, словно отгонял комара. Судья поклонился и ударил в гонг.

Тут же боковые ворота широко растворились, и на поле выехали десятка два рыцарей.

Зрелище было великолепное. Латы сверкали, перья раскачивались, плащи колыхались — и вообще-то рыцари были немного похожи на украшенные новогодние елки.

Даже король проснулся, извлек из кармана очки в золотой оправе и напялил их на нос.

Он подмигнул Алисе и сказал:

— Что, не видала? Это называется — очки. Новинка цивилизации.

— Представляем участников турнира! — закричал главный судья таким пронзительным голосом, что его, наверно, было слышно в открытом космосе. — Номер один — рыцарь Черного волка. Латы золотые, герб черный, выступает на жеребце Парашюль от Парасковьи и Шульца.

Раздались аплодисменты и свист болельщиков.

Рыцарь выехал вперед, поднял копье и поклонился королю и зрителям.

— Маркиз Фафифакс! — закричал судья. — Латы серебряные. Герб розовый, изображающий заднюю половину свиньи. Выступает на кобыле Бругунде от Бруска и Ундины.

Аплодисменты на этот раз были пожиже, а свиста больше.

Судья начал представлять других рыцарей, а тем временем в ложе появился шут.

— Ты где пропадал, Фу-фу? — спросил король. — Мне же скучно.

— Я осла искал, — ответил шут. — Я тоже хочу сражаться.

— Да кто же на осле сражается? — захохотал король. — Ну, ты у нас и дурак! Тебя же

любой победит.

— А какая разница? — спросил шут. — Я буду дурак на осле, а они — ослы на конях!

— Ну, ты даешь! — хохотал король. — Ну, ты рискуешь! Это же благородное рыцарство, опора моего трона.

— Такие шутки могут стоить головы, — сказал епископ.

— На эту голову не махивайся, — ответил король. — Мне без шута нельзя. Кто мне будет правду говорить? Не ты же?..

— Я никогда не лгу, ваше величество, — быстро ответил епископ и отвернулся к камергеру.

— Поединок первый. Рыцарь Черного волка и рыцарь Трехльвиного трилистника! — объявил главный судья. — Первый раунд.

Все рыцари, кроме двух, уехали с поля. Участники поединка разъехались в разные стороны.

Барабаны забили дробь.

Стадион умолк. По сигналу судьи рыцари пришпорили коней и помчались навстречу друг другу.

Слышался только топот и барабанный бой. Казалось, что два танка вот-вот столкнутся лбами.

Но рыцари промахнулись и помчались дальше, придерживая коней.

— Второй раунд! — закричал судья, пока рыцари разворачивались у борта.

Снова забили барабаны.

На этот раз кони пронеслись близко друг от друга, копыта ударились в щиты и сломались с таким треском, словно какой-то великан сломал о колено вековой дуб. Черный волк удержался в седле, а вот рыцарь Трехльвиного трилистника вылетел из седла и грохнулся о землю.

Раздались бурные аплодисменты. Король топал ногами от восторга.

Пока уносили побежденного рыцаря, победитель, откинув забрало, проехал мимо трибун, и девушки бросали в него цветами.

— Алиса, — раздался рядом тихий голос.

Это был шут. Он подошел сзади и наклонился, чтобы никто не слышал.

— Что? Вы нашли Пашку?

— Нашел. И все погубил.

— Ну, что случилось? Говорите скорей!

— Тише. Я его нашел. Я знал, где искать. Его спрятали у себя дома родители ведьмы, которую он спас от костра.

— И вы его видели?

— Видел. Я сказал ему, что ты его ищешь и просишь скорей возвращаться.

— И он?..

— Он совсем уж было согласился, но дернул меня черт за язык рассказать, как мы его защищали на обеде от маркиза и Черного волка.

— И что же?

— Он как закричит: «Ах, они хотят со мной сразиться! Так они свое получают. Не могу я бежать от них словно заяц. Это, говорит, юному биологу не к лицу».

— Так и сказал?

— Так и сказал. А кто такие биологи?

— Трудно объяснить. В общем, занимаемся животными и цветами.

— Садовники? Кучера? Ах нет... вы же благородные, — усмехнулся шут, — если не притворяетесь...

— Ты же знаешь, что притворяются, — сказала королева-мачеха, у которой был замечательный слух.

— Кто притворяется? — спросил король, который услышал только последние слова.

— Я, ваше величество, — ответил шут. — Я всю жизнь притворяюсь, чтобы кто-нибудь не счел себя глупее, чем ваш любимый дурак.

На поле уже появилась другая пара рыцарей, и снова застучали барабаны и подковы.

— И что же теперь будет? — спросила Алиса.

— Он велел тебе передать, что, как только победит этих рыцарей, тут же возвратится с тобой в джунгли.

— Не нравится мне это, — сказала Алиса. — Они его в порошок сотрут.

— Не исключено, — сказал шут Фу-фу. — Хотя помни, что многое здесь только кажется страшным.

— Мне это и Фуукс говорил, — сказала Алиса.

— Вот видишь... А кто такой Фуукс?

— Он далеко живет. Вы с ним незнакомы.

— Если далеко, то конечно...

Третий поединок закончился вничью. Рыцари раз пять съезжались, но все промахивались. Пришлось их под свист трибун снимать с соревнований.

В перерывах играл оркестр, зрители ели мороженое и пирожки, один рыцарь выехал с плакатом, на котором было написано: «Защищаю честь прекрасной дамы Вероники».

Все стали спрашивать, кто такая Вероника.

Даже король заинтересовался и спросил у камергера:

— Почему я с ней незнаком?

Тут судья объявил, что Вероника — бабушка рыцаря. Все успокоились.

Пашки все не было. Как бы не перехватили его на дороге!

Когда кончила бой последняя, десятая пара, на поле снова выехал рыцарь Черного волка.

Изабелла сказала:

— Вот теперь начинается самое интересное!

Пронзительный голос судьи возвестил:

— Рыцарь Черного волка вызывает на роковой поединок до первой крови любого рыцаря королевства!

Из оркестра поднялся музыкант и трижды протрубил в рог.

Наступила тишина.

Никто не отозвался.

Музыкант снова поднялся и снова протрубил в рог.

Никто не явился. В третий раз музыкант поднес рог к губам, но протрубить не успел, потому что дальние ворота со скрежетом растворились и из них выехал рыцарь.

Алиса привстала. Неужели Пашка? Нет, для Пашки он слишком толст.

— Я, маркиз Фафифакс, готов сражаться с тобой, рыцарь Черного волка, до полной победы или первой крови! — воскликнул рыцарь.

— Победитель получает оружие, обмундирование и коня проигравшего, — заявил

судья.

— Знаем! Знаем! — кричали на трибунах. — Пускай начинают.

Рыцари бок о бок подъехали к королевской ложе.

Король обернулся к епископу:

— Надеюсь, кровь ненастоящая? Я этого не выношу.

— Не беспокойтесь, ваше величество. Им выдано по пузырьку с красными чернилами.

Черный волк победит маркиза в третьем заходе с небольшим преимуществом.

— Разрешаю вам поединок, мои дорогие смельчаки! — воскликнул король, поднимаясь со своего места. — Подавай сюда кубок, — обернулся он к камергеру, — все вам приходится напоминать.

Камергер раскрыл сундучок, стоявший у его ног, и вынул оттуда высокий хрустальный кубок.

Король поднял кубок в руке и произнес:

— Победитель получает этот приз! Вручит его наша гостья, заграничная принцесса Алиса.

Зрители захлопали, многие начали вставать, чтобы разглядеть неизвестную принцессу.

«Где же Пашка? — волновалась она между тем. — Куда он запропастился? Сидишь здесь, тратишь время понапрасну, а вдруг его уже на костер ведут?»

— Приготовились! — закричал судья.

Рыцари только опустили забрала, как ворота справа от Алисы распахнулись от сильного удара и на поле выехал третий рыцарь.

Он был в серебряных латах, на его щите была нарисована красная стрела.

Глава 16. Роковой поединок

Алиса чуть было не крикнула ему: «Пашка, скорей обратно!»

Но осеклась. Пашка ее не услышит, а если услышит, не послушается. Да и королю с епископом этого слышать не надо.

— Это он! — сказал епископ.

— Это он! — сказал камергер.

— Это он? — спросил король, роняя на колени мороженое.

Рыцари на стадионе оторопели от такой наглости. Они стояли и ждали.

Доспехи Пашке были велики — правда, этого никто, кроме Алисы, не заметил, потому что остальные Пашку без доспехов не видели. «Наверно, — подумала Алиса, — он себя чувствует как зернышко в просторной ореховой скорлупе». Но даже в больших латах Пашка был раза в два меньше любого из своих врагов.

— Эй! — закричал он, не поднимая забрала. — Кто тут вызывал на поединок? Я готов к бою.

— Опоздал! — воспротивился главный судья. — Вызов уже принят. Это не по правилам.

— Да я его без правил на куски разорву! — завопил маркиз. — Он рабов освобождает!

И, тяжело развернувшись, он пустил своего коня навстречу Пашке.

— Нет! — крикнул Черный волк, цепляя копьём маркизова коня за попоны. — Он — моя жертва. Я первый его вызывал! Я ему покажу, как защищать моих служанок!

Помощникам судьи пришлось захватить взбесившихся рыцарей крючьями и тащить за

ними по земле, как якоря за кораблем в бурю.

Король разозлился и стукнул кулаком по барьеру.

— Всех разгоню! — закричал он, перекрывая веселый гул стадиона. — Прекратите безобразие!

По знаку камергера из ворот выбежали стражники и окружили рыцарей. Минут через пять удалось восстановить на стадионе порядок. А вот в королевской ложе порядка не было. Епископ наскакивал на короля, вот-вот заключает:

— Не разрешайте ему драться, ваше величество, отдайте его мне. Я его на костре сожгу.

— Он рыцарь! — возражал шут. — Он не хуже наших чугунных болванов!

— Никакой он не рыцарь! — возмутился камергер. — У него документы фальшивые.

— Самый настоящий рыцарь! — спорила королева-мачеха. — Я с его родителями знакома. У них замок в живописной местности с прудом и лебедями.

Стражники подхватили под уздцы рыцарских коней и подвели их к королевской ложе.

— Я его знаю! — вмешалась в спор Алиса. — Он благородный рыцарь, но еще совсем мальчик. Его надо отпустить домой.

— Возраст не помеха, — ответил епископ. — Мы и новорожденного сжечь можем.

— Все ясно! — рявкнул король, когда ему надоело слушать эту перепалку. — Выношу свое решение.

Он встал во весь рост, поправил корону, стряхнул с колен лужу мороженого и заявил:

— Мы тут посоветовались с приближенными и решили...

Стадион замолк. Всем, разумеется, хотелось посмотреть бой — ведь за билеты деньги заплачены. Кроме того, у Пашки оказалось много болельщиков: слухи о его подвигах уже распространились по всему городу.

— Мы решили, — продолжал король, — позволить бой.

— Уррра! — закричали на стадионе.

— Я протестую, — зашипел епископ. — Я буду жаловаться.

Но его никто не слушал.

— Золотой рыцарь Черного волка, — продолжал король, — будет биться с победителем пары маркиз — рыцарь Красной стрелы. Это справедливо. Кубок достанется окончательному победителю.

Под бурю аплодисментов король уселся в кресло.

— Я — справедливый человек, — сказал он. — Притом мудрый.

— Правильно, — улыбнулся камергер. — Вы самый справедливый и мудрый. А этот мальчишка никогда не одолеет маркиза, не говоря уж о моем племяннике.

— Это я и имел в виду, — сказал король. — Кто-нибудь его обязательно ухлопает.

Алиса почувствовала, как слезы навертываются у нее на глаза. Изабелла протянула ей свой платочек и сказала:

— Видишь, как опасно приукрашивать древнюю романтику.

Рыцарь Черного волка и судьи освободили середину поля. Стражники выстроились вдоль ограды. Забили барабаны в оркестре.

Пашка и маркиз разъехались к воротам. Конь у Пашки был небольшой, худенький — видно, подобран по росту. А когда соперники поскакали навстречу друг другу, казалось, что маркиз раздавит Пашку, как слон зайца.

Но этого не произошло.

Копья противников со всего размаху врезались в щиты, и от этого удара Пашка, как

более легкий, вылетел из седла, взвился высоко в воздухе и приземлился метрах в двадцати.

Тут бы поединок и кончился в пользу толстого маркиза.

Но помогло чудо: подпруга седла у маркиза лопнула, и он вместе с седлом свалился с коня, шмякнулся оземь и замер.

От неожиданности стадион онемел.

Алиса схватилась за барьер, чтобы перепрыгнуть и бежать к Пашке на помощь. Изабелла вцепилась в нее. Алиса попыталась вырваться, но увидела, что Пашка медленно поднимается на ноги. Он пошатывался — видно, как следует ему досталось. Он поднял забрало и приложил к шишке на лбу железную перчатку, поморщился, соображая, что делать дальше, а потом под приветственные крики зрителей подошел к лежащему на земле маркизу, достал меч и приставил его к горлу своего противника.

«И где же он успел выучить правила?» — изумилась Алиса, у которой после всех волнений руки и ноги отнялись.

Постояв, Пашка спросил судью:

— А что мне делать дальше?

Судья растерялся: он не рассчитывал, что мальчишка победит могучего маркиза, и боялся присудить Пашке победу. У маркиза были влиятельные друзья, и судье могло не поздоровиться.

Спас положение шут. Он громко сказал королю:

— Из одного чугунного болвана вылетел дух. Чего же мы с вами ждем? Пускай второй попробует!

Король был не очень доволен, но согласился:

— Пускай начинает поединок с Черным волком.

По его знаку стражники подхватили бесчувственного маркиза и поволокли к воротам.

К стражникам подбежал оруженосец Грико, чтобы им помочь. Алиса встретила с ним взглядом, Грико подмигнул ей, и она тут подумала, что подпруга у маркиза лопнула не случайно.

Стражники взяли под уздцы маркизова коня, чтобы его увести, но Пашка закричал:

— Это не по правилам. Конь и доспехи достаются мне.

— Этого еще не хватало, — озлился камергер. — Он еще будет нас учить рыцарским правилам!

— И я, — продолжал Пашка, — прошу отдать трофейного коня и сбрую тому торговцу, у которого я брал займы мою лошадь.

— Этого не будет! — закричал камергер.

— Это по правилам, — возразил шут. — Так надо. Если король разрешит разок нарушить правило на турнире, в следующий раз нашего любимого короля прирежут в постели.

— Ты с ума сошел, — возмутился король. — Ты чему их учишь?

— Так каково ваше решение? — спросил шут как ни в чем не бывало.

— Конь и доспехи маркиза принадлежат рыцарю Красной стрелы, — объявил король. — Мы строго следим за правилами.

Тут же на поле выскочил торговец, подхватил коня и был таков.

Рыцарь Черного волка уже ждал своего соперника. Золотые латы сверкали, над шлемом покачивались алые перья. Он проверил подпругу и дал своему коню кусок сахара.

Пашка отыскал глазами Алису на трибуне и помахал ей.

— Вы все-таки знакомы? — спросил король. — Не нравится нам это.

— Я этого не скрывала.

Пашка поднял руку, чтобы опустить забрало, — рыцарь Черного волка уже потянул поводья, посылая коня вперед.

— Обходи его, Пашка! — крикнула Алиса из всех сил. — Вспомни, как в хоккее защитника обходил!

Хорошо бы Пашка услышал. Второй раз на землю грохнуться — недолго и ногу сломать.

— Подсказывать нельзя, — сказал камергер. — И тем более колдовские слова.

— Почему колдовские? — спросила Алиса.

— Хоккей — никому не известное слово. Наверно, колдовское. И вообще, нам следует присмотреться к принцессе.

— Это не слово, — сказала Алиса. — Это имя одного рыцаря.

— Правильно, — пришла на выручку Изабелла, — я с ним знакома.

Алиса отыскала руку Изабеллы и пожалала ее.

Изабелла чуть улыбнулась холодной и гордой улыбкой королевы-мачехи.

Пашка услышал подсказку. Он не спешил навстречу, а поджидал врага недалеко от своей стены, хотя зрители начали свистеть, решив, что рыцарь Красной стрелы струсил. А когда рыцарь Черного волка приблизился, Пашка сумел ловко отклониться в сторону, и соперник пролетел мимо, как неуправляемая ракета, не успев придержать коня. И когда конь в последний момент отвернул от стены, он вылетел из седла и со всего хода врезался в стену головой.

— О-ох! — стонал стадион, потому что все видели, как голова Черного волка ушла глубоко в плечи.

— Дьявол! — воскликнул епископ. — Он от меня не уйдет.

Все ждали, встанет рыцарь или нет.

Лишь король не беспокоился.

— Сейчас встанет, — сказал он. — У него только кости помялись, пустяки. Со мной так уже было — и ничего, царствую.

Алиса взглянула на короля и только теперь поняла, почему у него такое сплющенное лицо. И в самом деле, не прошло и минуты, как Черный волк приподнялся на руках, потом встал на колени и принялся выволакивать из ножен длинный меч.

Пашка соскочил с коня и осторожно приближался к сопернику.

Когда он был шагах в десяти, рыцарь Черного волка уже встал на ноги, обнажил меч и был снова готов к бою.

Он надвигался на Пашку, как бульдозер. Зрелище было внушительное особенно потому, что над широкими плечами выдавалась только макушка шлема и остатки красных перьев.

— Ну, вот теперь твоему парню не поздоровится, — не без удовольствия сказал король. — Не надо было сердить моего рыцаря.

Пашка с трудом поднял обеими руками тяжелый меч, но Черный волк со страшным рычанием взмахнул своим и выбил меч из Пашкиных рук. Добро бы только выбил, но и перерубил его.

Пашка стоял обезоруженным.

— Беги! — крикнула Алиса.

Она обернулась к Изабелле, чтобы та помогла спасти Пашку, но ее кресло пустовало. Надо же! В самый нужный момент королева куда-то ушла!

Черный волк снова занес меч, наверно, чтобы разрубить Пашку пополам, но Пашка увернулся и извлек из кармана свой знаменитый перочинный ножик, который был по сравнению с оружием его врага не больше чем булавкой.

Следующий удар Черного волка был так ужасен, что меч, просвистев по пустому воздуху, вонзился на полметра в землю.

Рыцарь страшно закричал, вытаскивая оружие из земли, а за это время Пашка успел, пользуясь свободной секундой, раскрыть свой перочинный ножик.

Рыцарь развернулся, снова рассек воздух мечом. На этот раз меч ушел в землю по самую рукоять.

— Нечестно! — кричали вельможи. — Убегать нельзя!

— Убей его! — вопил камергер.

— Держись, Красная стрела! — кричали с трибун.

Черный волк тужился, стараясь вытащить меч из земли. Судья подбежал к нему и стал помогать. Они тянули меч вдвоем, а Пашка тем временем спокойно подошел к рыцарю и прошелся перочинным ножом по его латам.

Рыцарь бросил меч и, подняв громадный железный кулак, обернулся к Пашке.

И вот тогда все зрители на стадионе буквально легли от хохота.

Как известно, рыцарские доспехи скреплены кожаными завязками. Эти-то завязки Пашка и перерезал своим знаменитым самозатачивающимся перочинным ножом.

И когда Черный волк поднял железный кулак, чтобы пригвоздить Пашку к земле, железные штаны упали вниз и стреножили его, как буйного коня.

Черный волк рванулся к Пашке, но потерял равновесие и, запутавшись в доспехах, рухнул на землю. Теперь уж окончательно.

Пашка не спеша подошел к поверженному врагу и поставил ему ногу на грудь.

Стадион буквально раскалывался от рукоплесканий.

— Добей его! — кричали зрители. — Он известный мерзавец и угнетатель. Не жалей!

Но уже подбежали судьи, а король взмахнул платком, измазанным в мороженом.

Стражники схватили Пашку и заломили ему руки назад.

— Немедленно прикажите казнить его! — требовал камергер. — Он нанес нам оскорбление, победив лучших рыцарей. Кто же теперь будет нас бояться?

— Сжечь его! — настаивал епископ. — Он победил дьявольской хитростью!

Но в это время все зрители на стадионе, заглушая угрозы вельмож, скандировали:

— Мо-ло-дец!

И еще:

— Ку-бок по-бе-ди-те-лю!

Над дальней трибуной взвился плакат:

Вот какие молодцы

Побеждают в Жанглецы!

— Все правильно, — сказал король, которому нельзя было отказать в сообразительности. Он встал и взял в руки кубок. — Приведите ко мне победителя.

Судьи увидели жест короля и бросились поднимать рыцаря Черного волка.

— Ну и дурачье, — поморщился король. — Этак они накликают целое восстание.

Ведите другого.

Торговец между тем выскочил на поле и увел оттуда обоих коней. Никто, кроме Алисы, этого не заметил.

Пашка под охраной стражников и судей поднялся по боковой лестнице к королевской ложе. Под рукоплескания стадиона и кислые улыбки вельмож король вручил ему хрустальный кубок и пожал руку.

Глава 17. Победитель не уйдет от наказания

— Ну, обошлось, — сказала Алиса с облегчением и отправилась было к Пашке, чтобы увести его домой.

— Не обольщайся, — услышала она голос шута. Алиса удивилась, какой у него печальный вид.

— Вы что, Фу-фу? — спросила она.

— Не верь улыбкам королей, — сказал шут. — Иначе быстренько без головы останешься.

— А что они могут сделать?

Краем глаза она наблюдала за Пашкой. Он снял шлем и не без удовольствия принимал поздравления от вельмож. Вельможи пожимали ему по очереди руку, вежливо осведомлялись: «Где вы учились рыцарскому искусству?» — глаза у них были злые, а рыцарь Красной стрелы принимал все это за чистую монету.

— Что они могут сделать? — повторил шут в задумчивости. Как будто они могли сделать столько гадостей, что трудно решить, какую выбрать. — Главное, сбежать пораньше, — сказал он наконец. — За ужином они Пашку обязательно отравят. Даю слово.

— Но мы же сейчас уйдем. Хватит.

— Уйдешь, как бы не так.

— Вот и отлично, — сказал король, глядя на Пашку с нежностью. — Теперь попрошу на ужин. Мы славно повеселимся. Надеюсь, мы все останемся друзьями?

Последние слова относились к маркизу и рыцарю Черного волка, которые стояли сзади, мрачные, как снеговые тучи. Рыцарь Черного волка стал до удивления похож на короля: глаза и губы выпучились, подбородок и нос высунулись вперед, а щеки ушли вглубь.

— Простите, — сказал Пашка, который все еще улыбался, — но мне надо срочно возвращаться домой.

Король взял его под руку.

— Слушай, рыцарь, — сказал он. — Нехорошо получается. Даже нечестно. Кубки ты получаешь, богатырей моих побеждаешь, а принять королевское гостеприимство не желаешь. Зазнался, что ли?

— Нет, что вы, — сказал Пашка. — Я не хотел вас обидеть.

— Вот и отлично, — сказал король. — Перерыв двадцать минут. Чтобы через полчаса все были в зале. Вот только руки вымою, и начнем.

Король пошел к выходу, остальные — за ним. Только тут Алисе удалось пробиться к Пашке. Пашка шествовал как индюк, обняв одной рукой шлем с перьями, другой — хрустальный кубок.

— Тоже мне, рыцарь, — прошептала Алиса. — Спасай тебя теперь.

— Это меня спасать? — удивился Пашка. — Да я всех рыцарей одной рукой могу

побороть.

— Что-то я этого не видела, — сказала Алиса. — Первый вылетел из седла, потому что ему кто-то подпругу подрезал, и я даже почти знаю, кто это сделал. А второго ты победил, потому что хитрее и хоккеем занимался. А по части силы ты им не соперник.

— Хотя бы и так, — ответил Пашка. — Но кубок-то я получил, и король меня поздравлял. А ты — спасать...

— погоди ты, — перебила его Алиса, — хвалиться будешь в кружке биологов. В средневековой жизни я лучше тебя разбираюсь. Главное, удрать до ужина.

— Почему? Поужинаем и поедем. Я жутко голодный. Эти поединки ужасно выматывают.

— На ужине тебя обязательно отравят, — сказала Алиса. — Или как-нибудь еще укокошат.

— Ты с ума сошла! За что?

— А мало ты им здесь крови попортил?

— Чепуха, несмотря на отсталость, они все-таки рыцари.

— Тогда оглянись, рыцарь, — раздался голос шута, который, оказывается, бесшумно шел рядом. В двух шагах сзади, почти наступая на пятки, вышагивали два стражника с обнаженными мечами.

— Ты думаешь, это почетный караул? — спросил шут ехидно.

— А вы не вмешивайтесь в чужие разговоры, — грубо ответил шуту рыцарь Пашка. — Довольно того, что вы пытались меня отговорить от турнира словно последнего труса.

— Ты зазнался, — заметила Алиса. — Это очень опасно. У тебя здесь мало друзей.

— Слишком мало, — согласился шут. — И убежать будет нелегко.

На улице их обогнали маркиз с Черным волком. Маркиз нарочно толкнул Пашку локтем так, что тот чуть не упал и уронил шлем. Черный волк поддал шлем ногой, и оба рыцаря захохотали.

— Да я вам... — начал Пашка.

Но его противников и след простыл.

Шут наклонился к уху Алисы:

— Попытаемся убежать, когда дойдем до дверей. Там темно, ты знаешь. По моему знаку побежите. Грико уже запряг карету королевы Изабеллы, они нас ждут.

Алиса кивнула.

— А пока уговори своего рыцаря слушаться тебя.

Пока они шли ко дворцу, болельщики узнавали Пашку, махали ему руками и кричали:

— Поздравляем, Красная стрела! Ждем на следующем турнире!

Пашка улыбался, а потом сказал почти серьезно:

— Странно, что никто автографа не попросил.

— Да они же здесь поголовно неграмотные! — сказала Алиса. — Пашка, опомнись и постарайся меня слушаться. Если еще чего-нибудь выкинешь, считай, что на биологическую станцию вход тебе запрещен. Ни в какие джунгли ты с нами не поедешь.

— А я, может, вообще решил здесь остаться, — ответил Пашка. — Буду защищать бедных и слабых. А если станут меня притеснять, уйду в разбойники, буду совершать набеги на баронов, как Робин Гуд.

— Прелестная мысль, — заметил сзади шут. — Ты еще и из лука умеешь стрелять, как Робин Гуд?

— Научусь, — не смутился Пашка.

Алиса поняла, что придется прибегнуть к последнему средству.

— Кроме того, — сказала она, — обо всем станет известно твоей маме. Я даю тебе честное слово.

— Ну уж... — Рыцарь Красной стрелы рухнул с высот на землю. — Можно обойтись и без таких угроз.

Они миновали двор и вошли в заднюю дверь дворца.

— Как скажу, побежишь, — шепнула Алиса и протянула руку, чтобы не потерять Пашку в темноте.

Они вошли в переднюю, за ней начиналась темная лестница наверх.

Но достичь темноты они не успели.

Глава 18. Суд во дворце

Через всю комнату в ряд стояли стражники, а впереди них — камергер. Алиса почуяла неладное, дернула Пашку в сторону, а он со своими шлемом и кубком был неповоротлив, как бегемот.

Из боковых дверей тоже вышли стражники.

— Именем короля, — сказал камергер, — рыцарь Красной стрелы, колдун и самозванец, арестован.

— Не было такого королевского приказа! — сказал шут. — Это ты сводишь счеты.

— А мы его прямо к королю отведем. И там разберемся, кто из нас врет, а кто и клеветает, — ответил камергер.

Алису отшвырнули от Пашки. Ему заломили руки назад, кубок и шлем грохнулись на пол. Клубок стражников с Пашкой в середине покатился вниз по лестнице.

До Алисы донесся Пашкин слабый крик:

— Вы не имеете права, я вам не подчиняюсь!

— Право, право... — вздохнул шут, подбирая брошенный кубок. — Говорил я ему.

— Скорей, надо освободить Пашку! — умоляла шута Алиса.

— Ох уж эти дети! Как ты его освободишь? Пошли к королю. Может, все-таки это недоразумение.

В обеденном зале было пусто. Только слуги суетились у столов, расставляя тарелки.

— Кто-нибудь видел короля? — спросил шут.

— Они в тронный зал побежали, — сказал слуга. — Очень спешили. Даже рук не помыли.

— Ну и ну, — покачал головой шут, и все бубенчики на колпаке запели. — Чтобы ужин отложить — такого даже не помню.

Король был в тронном зале. Там пахло пылью и между колонн, куда не доставали уборщики, висела занавесями паутина. Вдоль колонн толпились вельможи и рыцари — когда только успели сбежаться?

Алиса с шутком вошли через боковую дверь как раз в тот момент, когда король устраивался поудобнее на троне, говоря склонившемуся к нему епископу:

— Только попрошу поскорее. Я еще рук не мыл. Не могу же я садиться за обеденный стол с грязными руками.

— Ваша воля, король, — заметил епископ. — Но ваши отец и дед никогда не мыли рук.

Это не мешало им быть великими правителями.

— Мой отец был великий обжора, — возразил король. — А дед — великий пьяница. А ты, епископ, враг прогресса. Введите обвиняемого.

В зале появился рой стражников. Они разошлись веером, и оказалось, что между ними стоит мальчишка в порванной, грязной одежде. Пашка сильно уменьшился без лат и щита, и гонора у него поубавилось.

— На колени! — заявил камергер.

— И не подумаю, — огрызнулся Пашка.

В зале захихикали. Пашка не был опасен никому.

— Давай обвиняй.

— Мы обвиняем этого молодого человека, — епископ сделал шаг вперед, — в том, что он с помощью колдовской силы нарушил покой нашего государства. Он ограбил уважаемых людей, обманом победил наших лучших рыцарей и вытащил из огня ведьму. За это он заслуживает смерти.

— Смерть! — закричали вельможи. — Смерть!

— А сами кубок вручали, руку жали, — сказал с горечью Пашка.

— Ай-ай-ай! Ведь я в самом деле ему кубок вручал, — согласился король. — Что же получается, меня обманули?

— Разумеется, — сказал епископ.

— А вот это неправда. Меня никто обмануть не может. Иначе бы я не был королем. Я с самого начала обо всем догадался. Но не мог же я казнить его на стадионе. Это бы не понравилось народу, который не выносит моих драгоценных рыцарей и лично тебя, дорогой епископ. И, наверно, за дело, потому что такого жестокого охотника за ведьмами в нашем королевстве еще не было. Но все равно для порядка мы должны примерно наказать смутьяна.

Епископу было противно слушать эту речь. Даже его клюв почернел от негодования. Но он взял себя в руки и как ни в чем не бывало продолжал:

— Свидетели, подойдите сюда!

Камергер подтолкнул маркиза Фафифакса и Черного волка.

Рыцари поклонились королю.

— В честном ли бою победил вас этот мальчишка? — спросил епископ.

— Обманом! — прошипел Черный волк приплюснутыми губами.

— Колдовством! — сказал маркиз и плюнул в Пашкину сторону.

— Больше свидетелей нет? — спросил епископ. — Вот видите...

Алиса выбежала из-за колонны.

— Я — свидетель, — сказала она.

— Вы иностранка! — сказал епископ.

— Пускай говорит, — усмехнулся король. — Мы же все равно решим, как нам будет удобнее.

— Да здравствует король! — закричали придворные.

— Все это нечестно, — сказала Алиса, стараясь не заплакать от злости. — На стадионе никакого колдовства не было. Все видели...

— Ну и что? — спросил король. — Значит, плохо глядели.

— Кроме того, он иностранный рыцарь. Из моего королевства. Изабелла может подтвердить. И я очень прошу, отпустите его. Я прослежу, чтобы он больше сюда не

возвращался.

— Не унижайся перед ними, Алиска, — сказал Пашка.

Шут забежал сбоку и начал уговаривать короля:

— И зачем нам с вами осложнения с соседями? Нам и внутренних бед хватает. Еще войной на нас пойдут...

— Молчи, шут, — ответил король. — Соседи далеко. Какое им дело до бродячего мальчишки? А вот мои собственные вельможи близко. Кто мне опаснее: мальчишка или епископ? Сегодня я епископу помогу, завтра и он меня не забудет. К примеру, намечаю я отремонтировать дворец, а денег в казне нет...

— Об этом стоит подумать, — заметил епископ.

— Вот видишь. А ты мне: соседи, соседи, иностранное мнение... Продолжай, епископ.

— Тут некоторые, — сказал епископ, — пугают нас иностранными державами. А кстати, кто может поклясться, что это настоящая принцесса?

— Ну, ты уж слишком, епископ, — прервал его король. — Она Изабеллина племянница с материнской стороны.

— Не уверен, — сказал епископ. — Но дело не в этом. Если вас, король, беспокоит законность, я сейчас такого свидетеля приведу, что пальчики оближешь. Никакая заграница не пикнет.

— Хорошо бы. Страсть не люблю международных осложнений. Веди свидетеля.

По знаку епископа двери отворились, и монах, подпоясанный веревкой, втащил на веревке маленькую девочку. Она была в разорванном платье, лицо ее было измазано и зарвано.

— Сейчас же отпустите ее! — крикнул Пашка.

Эту девочку Алиса где-то видела.

— Ага, узнал? — обрадовался епископ. — Кто она такая?

— Это просто маленькая девочка, — сказал Пашка. — Перестаньте ее мучить.

По побеленному лицу шута скатилась большая слеза. Где же Изабелла?

— Теперь им ничем не помочь, — прошептал шут.

— А ты знаешь этого человека? — спросил епископ у девочки.

— Этот дядя меня из дров вынул и домой отвел, — сказала девочка. — Дядя, зачем они меня снова взяли?

Епископ торжествовал:

— Вот, король. С громадным трудом моим сотрудникам удалось снова обнаружить эту ведьму на чердаке, где ее прятали родители. Никто не избежит нашего правосудия. Хоть десять раз из костра ведьму вынимай, а мы ее снова туда же!

— А в чем, кстати, ее вина? — спросил король. — Что-то уж очень она мала для ведьмы.

— Для ведьм не существует возраста, — сказал епископ. — Бывают даже новорожденные ведьмы. Нам на нее донесли соседи. Она рисовала на песке колдовские фигуры.

— Я рисовала картинки, — сказала девочка, — а не фигуры.

— И одна из фигур была похожа на ваше величество, — сказал епископ. — Вы знаете, что это значит?

— Чур меня! Я мог от этого заболеть и даже умереть! — перепугался король. — Это всем известно.

Вельможи роптали и старались не глядеть на колдунью.

— Я доброго короля рисовала, — сказала девочка.

— Никакой пощады! — рявкнул король. — Все они одна компания.

— Включая принцессу и королеву Изабеллу, — поспешил уточнить епископ.

Но король уже опомнился.

— Тебе бы всех арестовать, — сказал он, — хватит тебе рыцаря с ведьмой. Делай с ними что хочешь. А для наших родственников твои руки коротки!

Епископ поклонился. Он-то добился своего.

— Можно зачитать ваш указ? — спросил он, не скрывая торжества.

— Уже заготовили? — совсем не удивился король.

— Ваш указ готов, — сказал камергер, разворачивая свиток с подвешенной снизу печатью: — «Мы, король и повелитель, приказываем колдуна и самозванца, известного под именем рыцаря Красной стрелы, а также его подругу ведьму сжечь на костре. Собственноручно подписано. Король».

— Нет, так не пойдет! — сказал король.

У Алисы шевельнулась в сердце надежда. Но она тут же исчезла, потому что король продолжал:

— Не годится рыцаря жечь. Отрубим им головы, и дело с концом. О гуманизме не забывайте.

— Да здравствует наш добрый король! — закричали придворные.

— Ну и ладушки, — сказал король. — Дай-ка подмахну. И ужинать. Ведь так и с голоду помереть можно.

Он взял протянутое ему камергером орлиное перо, расписался под указом и сказал Пашке, поднимаясь с трона:

— Лично против тебя, рыцарь Красной стрелы, я ничего не имею и даже с удовольствием наблюдал за твоими поединками. Как порядочный человек, я подтверждаю награждение кубком. Пусть этот кубок останется с тобой неразлучно до самой твоей смерти.

Раздались аплодисменты и крики: «Да здравствует король!»

И король быстро соскочил с трона и бросился в заднюю дверь, чтобы не потерять ни минуты. Ведь ему надо было вымыть руки, а ужин мог остыть.

Глава 19. Палач подтверждает

— Ваше величество, — бросилась за королем Алиса. — Это уже никуда не годится...

Короля она не догнала, а стражники по знаку камергера тут же схватили Алису за руки и заткнули ей рот. Это было сделано так ловко, что она растерялась и видела вокруг только высокие сапоги и кожаные животы стражников.

Она тыкалась в тумбы-ноги, как мышонок, окруженный слонами, а когда ноги разошлись, поняла, что стоит посреди опустевшего зала.

Никого нет. Только слуги гасят свечи.

Лишь на возвышении у трона пригорюнился шут Фу-фу. Его набеленное лицо изборождено потеками слез, дурацкий колпак сполз на ухо... Алиса взяла себя в руки и громко сказала, хоть и сама не верила в то, что говорила:

— Хватит слезы лить! Сколько можно! Пошли к королю. Я не дам ему пожирать компот, пока он не перестанет безобразничать.

— Очень он тебя послушает! — воскликнул шут. — К тому же он боится, что епископ его отравит или камергер зарежет. Это же сплошной скорпионник. Ну кто просил твоего Пашку приезжать сюда и устраивать представление?

— Если вы не идете, я иду без вас.

— И сама голову потеряешь, и парню не поможешь, — ответил шут, не двигаясь с места. — А без меня короля не найдешь, заблудишься во дворце.

— Может, вам нужны деньги? Вы их любите? Я обещаю, что, как только вернусь, пришлю вам сколько пожелаете. Мне помогут.

— Глупая. Раз в жизни я переживаю бескорыстно, и то мне не верят!

В этот момент до них донесся звук трубы. Такой тоскливый, словно волк заблудился в черных коридорах.

— Ну вот, — сказал шут. — Мы опоздали.

— Как опоздали?

— Начинается казнь.

Алиса схватила шута за полосатый рукав и так дернула, что он потерял равновесие, скатился вниз, но тут же вскочил на ноги и бросился к двери.

Алиса за ним.

Они бежали по черным переходам и лестницам, и казалось, что конца им не будет.

— А где Изабелла? — крикнула Алиса на бегу.

— Она побег вам готовила, — ответил шут. — Но все зазря. Против них нужна по крайней мере дивизия с пушками. Уговорами их не проймешь.

Неожиданно в глаза брызнул свет.

Они сбежали по лестнице к небольшой площади. С одной стороны площадь ограничивал дворец, с трех других стояли дома — серые, мрачные, высокие, с узкими окнами.

Посреди площади возвышался деревянный помост.

На помосте — большая колода. Рядом с ней — Пашкин кубок.

По одну сторону колоды стояли Пашка и девочка-ведьма. Пашка держал девочку за руку и успокаивал ее. Девочка рыдала.

«Еще бы, — подумала Алиса, — второй раз за день казнят».

Пашка был бледный как полотно. И даже немного дрожал. Но держался.

По другую сторону колоды переминался с ноги на ногу огромного роста человек с длинной завитой бородой, в красной короткой накидке и черных штанах. Как на костыль, он опирался на страшных размеров топор. Это был палач. Там же стоял епископ.

Помост был окружен цепью стражников. За ними толпились вельможи и рыцари, торговцы и придворные, которых Алиса уже видела у короля на обеде и на стадионе. Народ попроще глядел на это представление из окон домов и из переулков, вливавшихся на площадь.

— Вот видите, — сказал епископ, делая шаг к краю помоста, — как велика милость нашего короля. Вместо того чтобы сжечь этих колдунов на костре, он подарил им гуманную кончину — от руки нашего уважаемого мастера.

Палач поклонился зрителям.

Затем епископ обернулся к осужденным и спросил:

— Раскаиваетесь ли вы в своих страшных преступлениях?

Девочка ответила:

— Не знаю.

А Пашка пожал плечами. Может, надеялся, что все это сон?

— Есть ли у тебя последнее желание или жалоба? — спросил епископ у ведьмочки.

— Я к маме хочу, — сказала она.

В толпе послышался недовольный ропот. Все здесь верили в ведьм, но все-таки некоторым стало жалко девочку.

— Она же только притворяется девочкой! — воскликнул епископ.

Люди замолчали. Ведь в самом деле, если веришь в ведьм, приходится верить, что они умеют притворяться девочками.

— Есть ли у тебя, колдун и самозванец, последнее желание? — спросил епископ у Пашки.

— Отпустите меня, — сказал Пашка. — И я уеду.

Вельможи и рыцари стали улюлюкать и кричать:

— Трус! Кончай его, палач! Позор!

Тогда Пашка покраснел, разозлился и закричал, перекрывая свист и крики:

— Ничего я не струсил! Вы сами трусы! Не надо мне вашей пощады...

— Может, это ему только кажется? — спросила Алиса у шута.

Шут покачал головой и сказал:

— Уже не кажется...

Епископ махнул рукой.

Барабанщики затараторили в барабаны.

Алиса понимала, что нужно бежать, прекратить это издевательство. Но, как в дурном сне, ноги не слушались ее, язык прилип к горлу, и она стояла словно восковая кукла, глядя, как палач не спеша протирает суконкой и без того блестящий топор, а его помощники ведут Пашку к колоде и заставляют опуститься на колени.

И в этот момент Алиса услышала, что сзади кто-то бежит к ней. Она не могла отвернуться от помоста, но чувствовала, как до ее плеча дотрагивается мягкая рука, и ей вдруг захотелось услышать мамин голос: «Ну, просыпайся же, Алиса, в школу опоздаешь».

Но голос принадлежал королеве-мачехе:

— Алиса, ты меня слышишь?

— Где вы были, королева? Почему вы опоздали?

— Нельзя падать духом. Еще не все потеряно. Я пришла, чтобы напомнить об одном древнем обычае.

— Скорей! О каком обычае? О каком?

Палач кончил вытирать свой любимый топор, вырвал волос у себя из бороды, подбросил его вверх и на лету разрубил под аплодисменты вельмож.

— Неужели не слышала? Если чистая, юная девушка объявит осужденного своим женихом...

— Вспомнила! — крикнула Алиса. — Стойте!

Но из-за грохота барабанов ее никто не услышал.

Она бросилась сквозь густую толпу вельмож и рыцарей, извиваясь как змея и пуская в ход острые локти и колени. Ее пытался остановить толстый маркиз, к ней тянулись лапы стражников и монахов, но вот она, придерживая белое платье, взлетела по шатучей лесенке на помост и встала рядом с палачом.

Палач уже занес топор над головой Пашки.

— Стойте! — закричала Алиса.

Барабаны продолжали бить.

Но рядом уже стояла королева-мачеха. Она властно подняла тонкую руку, и этому знаку барабанщики подчинились.

Епископ скривился, словно у него заболел зуб.

Наступила мертвая тишина, только слышно было, как быстро и громко бьется Пашкино сердце.

— Слушайте принцессу! — сказала Изабелла.

— Слушайте, — сказала Алиса. Она заговорила негромко, но ее слова долетали до самых верхних этажей домов и проникали в переулки. — Есть старинный обычай. Юная девушка может взять осужденного в женихи, и тогда его должны отпустить.

— Правильно! — раздались голоса на площади. — Был такой обычай.

— Его давно отменили! — спохватился епископ. — Его уже нет!

— Кто его отменял? — строго спросила Изабелла. — Поднимись сюда, старый плут, и поклянись перед народом королевства, что этот обычай отменен.

— Не отменен! Не отменен! — кричали на площади.

— Отменен! — завопил маркиз.

И вдруг послышался тонкий, почти детский, но очень пронзительный голос. Это говорил громадный палач, который возвышался над всеми как гора:

— Мне лучше знать про этот обычай! Я специалист. Никто этого обычая не отменял, только давно не находилось девушек, которые хотели взять в женихи осужденного, тем более колдуна. Мне этот обычай страшно невыгоден, но я — честный палач.

— Тогда я беру этого рыцаря себе в женихи, — сказала Алиса.

— Ура! — закричал шут, который уже развязывал Пашке руки и помогал ему подняться с колоды. И добавил: — Но тебе, Алиса, придется выходить за него замуж. Не завидую.

— Оркестр, свадебный марш! — приказала королева-мачеха.

Оркестр послушно заиграл торжественный марш, Алиса протянула Пашке руку и пошла с ним к лестнице, вниз с помоста. Палач махал им вслед топором.

— Скорей! — сказала Изабелла. — Сейчас они спохватятся. Лошади ждут в том переулке.

— Ты чего, Пашка? — крикнула Алиса.

Но Пашка рванулся назад.

— Ведьмочку! Ведьмочку я им не оставлю!

— Не думай об этом! Ты всех погубишь! — испугался шут.

Но Пашка уже подхватил ведьмочку и метнулся вслед за остальными.

— Дорогу молодым! — закричал тонким голосом палач. — Да здравствует древний обычай! Кубок не забудьте!

Изабелла быстро шла первой, и вельможи, рыцари, стражники и монахи волей-неволей расступались перед ней.

Глава 20. Бегство из города

Они не успели добежать до переулка, как сзади донесся тонкий голос:

— А ведьму зачем взяли? Ведьмочку мне верните!

— Обман! — пришел в себя епископ. — Держи их!

До входа в переулок оставалось всего шагов двадцать. Навстречу уже бежали два стражника. Они выставили свои алебарды, но королева-мачеха сверкнула глазами и приказала не терпящим возражений королевским голосом:

— Назад! Как вы смеете!

Стражники остановились. Где уж им, беднягам, разобраться, кого слушать, а кого хватать?

У входа в переулок толпились зрители, которые сразу расступились и образовали коридор, в конце которого задом к площади стояла карета. Над ее крышей возвышалась лохматая голова оруженосца Грико, который сидел на козлах. Он поднял руку, торопя друзей.

За спинами беглецов люди сразу сомкнулись, и стражники, гнавшиеся за ними, волей-неволей задержались, расталкивая упрямых зрителей.

Первым в карету прыгнул Пашка с девочкой на руках, потом Алиса, потом шут с Пашкиным кубком, а когда карета уже тронулась, — королева-мачеха. Сейчас она меньше всего была похожа на королеву: пышные волосы растрепались, щеки покраснелись, а корону она где-то потеряла.

Колеса кареты застучали по булыжной мостовой. Гул толпы и крики сразу затихли.

— Ну уж теперь-то все? — спросила Алиса.

— Вряд ли, — ответил шут, выглядывая в заднее окошко. — И не представляю, как из города вырваться. В любой момент они могут закрыть ворота.

— Эх, нет у меня коня и меча, — вздохнул Пашка, — я бы их задержал.

— Нет, вы только на него посмотрите, — засмеялась Изабелла, которая достала зеркальце и гребень. — Не успели убежать, как он снова расхрабрился.

Пашка насупился. Обиделся.

— В самом деле, молчал бы, — не удержалась Алиса. — Сколько неприятностей из-за твоего легкомыслия!

Она поглядела в окно. Совсем близко из домов выглядывали удивленные лица: никому еще не приходилось видеть, чтобы карета с королевским гербом неслась по улицам как сумасшедшая. Королевским каретам положено ездить с достоинством.

— Мне так вас не хватало, — сказала Алиса Изабелле.

— Я надеялась, что Пашке удастся со стадиона спастись. Вот и побежала искать Грико. Мы с ним вывели мою карету из конюшни. А потом перегнали ее к площади казней. Чуть не опоздали.

Карета замедлила ход.

— Сейчас будут ворота, — сказал шут.

— Посторонись, Фу-фу, — сказала Изабелла. — Жалко, я где-то корону обронила.

Изабелла откинула окошко и выглянула наружу.

Карета встала.

— Ложитесь на дно, — прошептал шут своим спутникам.

Алиса услышала ленивый голос королевы Изабеллы:

— Нахал, ты не узнаешь свою вдовствующую королеву-мачеху?

— Как же без короны узнаешь? Вы бы мне лучше документ показали.

— Ты где, болван, видел, чтобы королевы с собой документы возили?

— Я, конечно, не видел, но слышал.

— Ужасно, решетка ворот опущена, — простонал шут.

— Ах так! — возмутилась Изабелла, распахивая дверь кареты и выпрыгивая на мостовую. — А теперь ты меня узнаешь?

— Узнаю, ваше величество, по платью узнаю! — ответил стражник. — Поднимай решетку, опускай мост! Их величество изволят гневаться!

Завизжали железные цепи.

— Мне что, — разглагольствовал стражник. — Мне велено документы спрашивать и после обеда никого из города не выпускать. Конечно, бывают исключения... И в кареты заглядывать приказано. Мне их превосходительство камергер говорил: «Да будь, говорил, там твои родные мама-папа, все равно проверяй, чтобы не было контрабанды или беженцев. Если не проверять, у нас полгорода разбежится».

— погоди, — сказала Изабелла. Послышалось шуршание материи и звон.

— Кошелек достала, — шепнул шут. — Правильно. Единственный способ. Ну что они там медлят?

Сзади послышался шум. Алисе показалось, что она различает крики и стук копыт. Как медленно поднимается решетка!

— Вот, держи, — сказала Изабелла. — Сдачи не надо.

— Тогда другое дело, — сказал стражник. — Что такое? Кто там скачет?

Тут же раздался голос Изабеллы:

— Грико, гони!

— А вы?

— Я их постараюсь задержать! Меня не тронут!

Карета рванула с места, все быстрее и быстрее. Загрохотали колеса, уж близко топот копыт... И сквозь шум слышны слова Изабеллы:

— Счастливого пути, принцесса Алиса!

Карета вдруг накренилась назад, словно взбиралась на гору.

— Эх, залетные! — закричал на лошадей Грико. — Не подкачайте!

Карета взлетела на подъемный мост, который еще не успели опустить, лошади прыгнули через широкую щель, карета пролетела, словно лыжник с трамплина, ударилась передними колесами о дорогу, каким-то чудом осталась цела и покатила прочь от города.

Глава 21. Прощай, шут!

— Все живы? — спросил шут.

— Я жива, — сказала ведьмочка. — Мы скоро приедем к маме?

— Я себе вторую шишку набил, — сообщил Пашка. — Как на турнире.

— Потерпи, — сказала Алиса. Она тоже ушибла коленку, но не стала жаловаться. Все равно не поможешь.

Шут встал коленями на сиденье и смотрел в заднее окошко.

— Ждут, пока мост опустят, не решаются прыгнуть, — сказал он. — Тоже мне смельчаки.

— Они Изабеллу не убьют? — спросила Алиса.

— Сейчас не убьют, не посмеют. Но вообще-то говоря, ей отсюда надо уезжать. Обязательно отравят. Давно бы отравили, но Изабелла сама себе готовит. И меня тоже, если я вернусь. А может, зарежут. Не такая уж важная птица. А жалко...

— Давайте спрячемся где-нибудь и переждем, — сказал Пашка, — а потом вернемся в

город и увезем Изабеллу. Опасно ее оставлять.

— Но вы-то с нами? — спросила Алиса.

— Нет, мне с вами нельзя. Я, можно сказать, из другой истории. Вот девчонку вам придется с собой взять. Может, воспитаете...

Карета подпрыгивала на ухабах — дорога была паршивая. Вот карета взбирается на холм, где Алиса встретила с маркизом и Грико...

— Скорей! — крикнул шут. — Они выскочили из города!

— Я и так гоню из последних сил, — слышался голос Грико. — Одно колесо еле держится — вот-вот отвалится.

Шут приоткрыл дверцу кареты и высунулся наружу.

— Сворачивай на боковую дорожку. И гони до оврага. Знаешь где?

— Знаю.

— В овраге остановись так, чтобы карета дорогу перегородила.

Карета покатила вниз.

И снова сквозь стук донесся топот коней.

Все ближе, ближе...

Шут подхватил девочку.

— Держитесь! — крикнул он ребятам.

Карета накренилась, разворачиваясь, и замерла.

Пассажиры попадали друг на друга. Дверь распахнулась. За дверью стоял Грико.

— Торопитесь, — сказал он, подхватывая девочку, которую ему передал шут.

Шут выскочил следом.

Когда Алиса спрыгнула на землю, она увидела, что карета стоит поперек дороги, которая с двух сторон стиснута крутыми заросшими откосами. Пашка покинул карету последним.

— Беги за шутком! — крикнул Грико.

В руке у него был меч.

Он подтолкнул Пашку с Алисой к кустам. Шут с девочкой на руках уже карабкался вверх.

— А ты? — спросила Алиса.

Рыцари были уже совсем рядом, по ту сторону кареты. Они придерживали коней, чтобы не врезаться в нее.

— Я их задержу! Прощай, Алиса.

— Я останусь с ним, — заявил Пашка. — Они его убьют!

Алиса схватила его за руку и дернула к кустам.

— Ничего они со мной не сделают! — крикнул Грико. — Недаром я учился на рыцаря. Я их задержу, а потом убегу и отправлюсь путешествовать. Или моряком стану.

— Держи их! — кричал маркиз, но с лошади не слезал.

— Хватай! — кричал рыцарь Черного волка, вертя сплющенной головой.

В последний раз Алиса увидела оруженосца с вершины склона. Лохматый Грико стоял на крыше кареты и отбивался мечом сразу от десяти рыцарей, которые страшно мешали друг другу на узкой дороге.

— Прощай, Алиса! — крикнул Грико. — Может, я еще приплыву в твоё королевство.

— Скорей! — торопил ребят шут. — Они уже пустили по нашим следам стражников. Пашка, забирай свой кубок, а то мне тяжело.

— Вы его не забыли? Вот здорово! — обрадовался Пашка.

— В такую минуту заботиться о пустяках! — сказала Алиса и про себя подумала, что некоторые мальчишки всегда остаются детьми.

От стражников удалось убежать. Шут долго вел беглецов по лесу, путая следы, переходя вброд ручьи и пересекая каменные осыпи.

Алиса устала так, что готова была на все за минуту отдыха. Но терпела. Шуту было труднее. Он тащил на руках девочку.

И когда Алиса уже решила сесть на землю и умереть, лес расступился, беглецы оказались на краю поляны.

Посреди нее стоял небольшой ржавый космический корабль, на борту которого было написано: «Посетите магазин Фуукса!»

— Твоя карета? — спросил шут.

— А вы как догадались?

— Я все знаю, — ответил шут. — Иначе бы не выжить в этом государстве.

Он поставил девочку на ноги.

— Обещаете о ней позаботиться?

— Обещаем, — сказала Алиса.

— Тогда прощайте. Счастливого пути.

Пашка с Алисой, держа ведьмочку за руки, пошли к кораблю.

— Я тоже на нем прилетел, — сообщил Пашка.

— Знаю, — сказала Алиса. — Ты в нем значок потерял.

У корабля они оглянулись. Шут стоял на краю леса. Был он маленький и печальный. Он стянул с головы дурацкий колпак и помахал ребятам. Бубенчики зазвенели тонкими голосами.

— Не хочется мне их здесь оставлять, — сказала Алиса.

Пашка помог ей и ведьмочке залезть внутрь корабля.

— Жалко будет, если их отравят, — сказал Пашка. — Они нам здорово помогли.

Он закрыл люк. Стало темно.

— Куда бы поставить кубок, чтобы не разбился? — спросил он.

— Держи в руках, — сказала Алиса. — Жених...

Ей было грустно.

Глава 22. Снова Фуукс

Путешествие обратно было быстрым и незаметным.

Правда, ведьмочка канючила и просила пить, а воды на корабле не нашлось.

Зажглась надпись:

«ПЛАНЕТА ПЕНЕЛОПА.
МОЖНО ВЫХОДИТЬ».

Люк открывался со скрипом, словно городские ворота. Снаружи был вечер. Мимо пролетела стая светящихся птичек с длинными хвостами.

Было тепло, как всегда на планете Пенелопа, в славном городе Жангле-многоточие.

В траве суетились светлячки.

Дверь на кухню Фуукса была приоткрыта. Из щели лился желтый свет и доносился детский смех.

— Ну вот, — сказала Алиса. — Вроде бы обошлось.

Она поглядела на Пашку, который выпрыгнул из люка и стоял рядом.

Даже в сумерках было видно, какой он грязный и оборванный. Словно недели две непрерывно сражался с драконами.

Алиса опустила ведьмочку на землю. Ведьмочку тоже надо будет приодеть. Да и сама принцесса...

Ведьмочка вырвала руку и побежала к дому.

— погоди, — сказала Алиса. — Ты их там перепугаешь.

— Ой, смешно! — ответила ведьмочка.

Она уверенно распахнула дверь на кухню, и в лицо путешественникам ударил сноп света. Черным силуэтом, как в театре теней, ведьмочка замерла на пороге.

— Памила! — раздался женский крик. — В каком ты виде! Сейчас же переодевайся и мой руки. Совершенно невозможно оставить с отцом!

Алиса с Пашкой по узкой тропинке подошли к двери и осторожно заглянули внутрь.

Незнакомая женщина решительно раздевала ведьмочку. Над тазом с горячей водой поднимался пар.

Чисто умытые мальчишки, сыновья Фуукса, прыгали рядом и кричали:

Не пускай таких грязнуль
В славный город Жангленуль!

— Ничего не понимаю, — сказала Алиса.

Мальчишки оглянулись и увидели Алису с Пашкой.

— А эти еще грязнее, — удивился один из мальчишек.

— Прекратите, дети, — раздался голос от двери.

Там стоял Фуукс. Он был в халате, усеянном звездами. Черные очки и громадный нос придавали ему зловещий вид, который никак не соответствовал его веселому голосу.

— С возвращением, друзья! — воскликнул он. — Проходите, проходите прямо в магазин и подождите меня одну минуту.

Он схватил ребят за руки и потащил через кухню к двери в магазин.

Вслед им несся голос женщины:

— О других ты думаешь, а обо мне никогда. Я возвращаюсь домой с конференции по прерывной квантовой терминологии, а дома все вверх дном. Дети по пояс в варенье, дочери вообще не видно, а появляется она в виде какой-то нищенки, измазанная с головы до пят... Потом ты в своем маскарадном костюме с накладным носом, еще какие-то грязные дети... Клянусь, что заставлю тебя отказаться от этой дурацкой лавочки и заняться делом. Или мы с детьми покинем тебя...

Дверь за Пашкой и Алисой захлопнулась, и до них доносились лишь отдельные звуки, как две мелодии: низкая и суровая — Фууксовой жены и высокая, прерывистая — самого Фуукса.

Сова так же висела кверху ногами на суку.

На бочке лежали разноцветные бумажки.

На полу валялись осколки разбитой вазы.

Часы пробили семь раз. Всего час назад Алиса была в этой комнате.

Хлопнув дверью, в магазин ворвался Фуукс.

— Еле вырвался. Вы довольны? — спросил он. — Приключения были? Документы пригодились?

— Бальгаз-уу-ур! — раздался из-за двери крик. — Немедленно снимай маскарад и накрывай на стол.

— Иду, кисочка! — крикнул Фуукс. — Ну ладно, увидимся, заходите, всегда рад... Может быть, куда-нибудь слетаем.

Фуукс помахал ручкой и бросился обратно, на ходу стаскивая нос с приклеенными к нему черными очками. Халат распахнулся на бегу, и из-под него показались тонкие ноги в штанах в обтяжку, одна штанина красная, другая — синяя, словно у средневекового шута.

Дверь захлопнулась и снова растворилась.

Оттуда высунулась Памила и подмигнула Пашке.

— А я ведьма! — сказала она басом.

...На Сувенирной улице все было по-прежнему. Светились витрины, гуляли туристы.

Самой бедной была витрина магазина Фуукса.

Керосиновая лампа освещала белый листок бумаги.

— Ты читал? — спросила Алиса.

— Еще бы, — сказал Пашка. — Все и началось, когда я прочел.

— И не жалеешь?

— Ты с ума сошла! Да я бы сейчас все повторил!

— Нет, ты безнадежен, — сказала Алиса.

Пашка покрепче обнял хрустальный кубок и сказал, словно ничего не случилось:

— Ну, ты идешь? Нас ведь ждут.

Глава 23. Вы не поверите, где мы были!

Юные биологи стояли на площади перед гостиницей — ждали Алису с Пашкой.

— Идут! — крикнул Джавад.

— С ума сойти! — ахнула Машенька Белая, увидев, как они подбегают к гостинице. — Что с вами случилось? Пашка, ты на помойке валялся? Алиса, что за платье на тебе?

Алиса только сейчас вспомнила, что забыла вернуть Фууксу платье принцессы.

— Откуда ты такую вазу приволок? — спросил Джавад.

— Ребята, вы себе не представляете... — начал Пашка.

— Еще как представляем, — ответил серьезный Аркаша. — Мы с ног сбились, вас разыскивая. Ну ладно еще Пашка, он романтик, но от тебя, Алиска, мы этого не ожидали.

— Где ты шишку такую заработал? — спросила Маша. — Ты дрался?

— Если б вы знали... — снова начал Пашка.

— Я знаю только, что на чужой планете вы убежали от нас неизвестно куда и ничего нам не сказали. Товарищи так не поступают. — Аркаша был неумолим.

— Не вините их слишком строго, — сказала, подойдя незаметно, вдовствующая королева-мачеха Изабелла. — Я уверена, что Алиса ни в чем не виновата. А что касается вашего друга Пашки, он не смог устоять перед искушением. А потом уже было поздно...

— Вы его не знаете... — начал было Аркаша, но посмотрел на Алисину физиономию и

осекся. Алиса стояла разинув рот и глядела на королеву-мачеху как на самое настоящее привидение. Королева сменила синее длинное платье с серебряными узорами на легкий серый комбинезон с зеленой ветвью галактической биологической службы на груди. А в остальном...

— Давайте знакомиться, ребята, — сказала королева-мачеха. — Меня зовут Светланой. Я работаю на лесной станции Пенелопы. В ближайшие две недели вы будете моими гостями — вместе будем жить в джунглях, собирать коллекции, купаться и загорать.

— Вас зовут Светланой? — спросил Пашка. — Я не ослышался?

— Нет, мой дорогой рыцарь, — ответила королева-мачеха.

— И вас не отравил епископ?

— Как видишь, нет.

— И вы никогда не были в том королевстве?

— В каком?

— Пашка совсем зарпортовался, — сказала Машенька. — Видно, участие в драках не проходит бесследно.

— Вы нам потом все расскажете, ребята, — улыбнулась Светлана. — А сейчас быстро умываться, переодеваться — моя машина уже ждет. Нам надо до ночи добраться до лесной станции.

Алиса зашла к себе в комнату, сняла платье, включила душ, присела на секунду в кресло и поняла, что снова подняться она не в силах. Ноги отнялись от усталости.

Конечно, это могло быть миражем, иллюзией, шуткой... никакая это не рыцарская планета...

Но ссадина на Алисиной коленке была самой настоящей. И кубок, который Пашка потащил к себе в комнату, прижимая к груди, как мама любимого младенца, был настоящим.

В дверь постучали.

— Можно, Алиса? — В дверях стояла Светлана.

Она сразу увидела ссадину на распухшей коленке.

— Ты это где?

— В карете, — сказала Алиса. — Когда через ров прыгали.

— Ты ее как следует промой, я тебе пластырь принесу.

— Ничего, само заживет, — сказала Алиса. — Ой, как спать хочется!

— Потерпи еще немного, — сказала Светлана. — Через час будем на месте.

— Ладно. — Алиса заставила себя подняться с кресла. — Потерплю. Скажите, Светлана, это все шутка для туристов? Аттракцион?

— Я, конечно, не знаю, что ты имеешь в виду, но думаю, ты ошибаешься.

— Но этого не было? В самом деле не было?

Светлана рассмеялась:

— Откуда мне знать? Я сегодня весь день провела в лаборатории. Почти никуда не выходила. Иди, иди, мойся. На тебя смотреть страшно.

Алиса открыла дверь в душ.

— Я тебе тут одну вещь на столик положу, — сказала Светлана. Что-то звякнуло. — А то Пашка хватится, с ума сойдет от горя. Как же ему, бедному, без оружия жить в настоящих джунглях?

Послышались легкие шаги. Щелкнула, закрываясь, дверь. Алиса выглянула в комнату.

На столике лежал Пашкин перочинный нож с множеством лезвий. Тот самый, которым рыцарь Красной стрелы разрезал завязки на латах Черного волка, о чем еще долго будут вспоминать в городе, где живет, если ее не отравили, королева-мачеха Изабелла.

Каникулы на Пенелопе

Глава 1. Половина рогатой собаки

На планете Пенелопа, в диких, нехоженных джунглях, над рекой, названия которой еще не придумали, стоят две палатки. В голубой живут Пашка Гераскин, Аркаша Сапожков и Джавад Рахимов. В белой — Алиса Селезнева и сестры-близнецы Маша и Наташа Белые. Юные биологи прилетели сюда на каникулы с Земли, потому что планета Пенелопа почти не исследована.

Чуть выше по склону, за деревьями, виден домик биостанции. В домике живет красивая женщина, биолог Светлана.

То утро начиналось так.

Сначала встала Маша Белая, сделала зарядку и принялась готовить завтрак. Никто не заставлял ее этим заниматься, но сегодня дежурит Пашка Гераскин, а если на него положиться, сядешь за стол не раньше полудня.

Вторым поднялся Аркаша Сапожков, схватил зубную щетку и полотенце, побежал к речке. Он спешил. Он любил повторять, что жизнь коротка, а надо так много успеть!

Пока он чистил зубы, с обрыва скатились Алиса с Наташей Белой.

Они с разбега нырнули в прохладную воду, обрызгав Аркашу с ног до головы, и наперегонки поплыли к тому берегу.

Наконец не спеша, солидно к реке спустился Джавад, подталкивая перед собой Пашку Гераскина, который сегодня вообще решил было не подниматься с постели. Джавад сразу понял, что в самом-то деле Пашке попросту не хочется утруждать себя хозяйственными делами. Поэтому он сдернул с Пашки одеяло и заставил его встать, применив грубую физическую силу. Пашка сопротивлялся и кричал, что у него страшный радикулит, он не может разогнуться и вскоре умрет, а виноват в этом будет жестокий толстяк Джавад.

Джаваду надоело слушать стенания Гераскина, он подтащил его к берегу и бросил в воду. Снова целый фонтан брызг обрушился на туалетные принадлежности аккуратного Аркаши. Теперь, прежде чем вытираться, ему пришлось бы выжимать полотенце.

Аркаша опечалился. Он с укором глядел на уплывавших к середине реки товарищей и вдруг увидел нечто невероятное!

По тому берегу медленно шел крупный пушистый зверь, похожий на собаку колли, но с рогами на лбу. У зверя не было задних ног и хвоста. Голова на месте, передние ноги на месте, грудь на месте, а больше ничего. Можно бы понять, если бы зверь умирал, истекал кровью оттого, что кто-то откусил ему заднюю часть. Ничего подобного: зверь совершенно не обращал внимания на недостачу, а с задумчивым видом разглядывал купающихся биологов.

— Маша! — закричал Аркадий, не сообразив, что может спугнуть зверя. — Скорей неси камеру! Такого мы еще не видели!

К сожалению, зверь услышал этот вопль. Он поглядел на Аркашу, покачал рогатой головой и, не теряя достоинства, скрылся в кустах.

Тут наверху обрыва показалась Маша и спросила:

— Ты что кричал?

— Эх! — с горечью сказал Аркаша. — Ты бы еще завтра пришла. Где камера?

— Зачем тебе камера?

— Сфотографировать половину собаки с рогами.

— Аркаша, — сказала Маша совершенно серьезно, — ты пробыл на солнце всего десять

минут. Когда же ты успел перегреться?

К берегу подплыл Пашка Гераскин, который уже забыл о том, что у него радикулит и он проведет весь день в постели.

— Ныряй! — крикнул он Аркаше, прыгая на одной ноге, чтобы вытрясти из уха воду. — Вода сказочная!

— Ну вот, — сказал Аркаша, который нашел нового виновника своих бед. — Распугали криками половину собаки.

Но Пашка не расслышал. Он спросил Машу:

— Завтрак готов?

— А кто сегодня дежурный? — спросила в ответ Маша. — Пускай он и займется.

— А кто? — спросил Пашка.

— Ты.

— Не может быть.

Пашка подумал две секунды и сказал:

— Есть предложение: если ты сегодня за меня подежуришь, я за тебя опишу всех твоих улиток и головастиков.

Маша только отмахнулась. Свои трофеи она никому не доверяла. И Пашка, разумеется, отлично об этом знал.

— Алиса, — сказал Аркаша, видя, что остальные тоже выходят из воды, — ты видела на том берегу половину зверя?

— Чего?

— Переднюю половину собаки с рогами.

— А где она лежит?

— Она не лежит, она ушла, — сказал Аркаша. Он уже понял, что никто ему не поверит, поэтому даже не стал слушать насмешки, а подобрал мокрое полотенце, щетку, скользкое мыло и начал взбираться наверх.

— Маша, о чем это он? — спросила Алиса.

— Я только сняла яичницу, — сказала Маша, — как слышу его дикий вопль: «Неси камеру!» Я сначала решила спросить, зачем она ему. А он отвечает, что видел половину собаки с рогами...

— Знаешь, что удивительно, — сказала Алиса, вытирая полотенцем короткие светлые волосы, — Аркаша совершенно не способен придумать такую шутку.

— Это точно, — подтвердил Пашка и посмотрел на тот берег.

И все поглядели туда же.

Берег был пуст.

А тем временем Аркаша поднялся наверх, подошел к палатке, чтобы повесить сушить полотенце, и увидел, как за палаткой медленно идет задняя половина неизвестного пушистого животного — пара ног, живот и длинный хвост.

— Ой! — сказал Аркаша.

Он уже никого не звал, не бежал за камерой, он просто смотрел.

Задняя половина на секунду приостановилась, помахала хвостом и исчезла в чаще.

Ребята, поднявшись с реки, увидели, что Аркаша замер у палатки с полотенцем в протянутой руке.

— Что случилось? — спросил Джавад. — Снова увидел рогатую собаку?

— Не знаю, — сказал Аркаша слабым голосом.

— Почему не знаешь?

— Потому что это была задняя половина, и я не видел, есть ли у нее рога.

Глава 2. Дикарь ловит рыбу

В тот же день перед обедом случилась неприятность. Утонул батискаф.

Батискаф привезла с собой Машенька Белая. Она — прирожденная подводница, родители еле отговорили ее вживлять себе жабры, чтобы вообще переселиться под воду.

Батискаф у Машеньки особенный. Единственный в своем роде. Он надувной, чтобы всегда можно было положить в сумку и везти с собой куда хочешь.

Что такое надувной батискаф? Пузырь с воздухом. Глубоко ему не опуститься — сожмет давлением. Но в озерах, на мелководье ничего другого Машеньке не нужно.

Она садится в лодку, надувает двойную оболочку шара, привязывает к нему груз, чтобы не плавал на поверхности, складывает внутрь свои камеры, записные книжки, магнитофон, очиститель воздуха, прочее добро, забирается туда же, перекачивается через борт и уходит ко дну. Понемногу обитатели озера или речки привыкают к тому, что в их владениях поселился пузырь, и не обращают на него внимания. Это Машеньке и нужно.

Чтобы Маша не забыла, что нужно идти обедать или спать, к оранжевому поплавку, который плавает над батискафом, прикреплен шнурок, который тянется на берег и дальше, до самого лагеря. Если Маши долго нет, дежурный дергает за шнурок, и внутри пузыря-батискафа трещит звонок. Тогда Маша отцепляет груз, поднимается наверх и возвращается в лагерь.

В озере много живности, но нет крупных хищников, и никто на Машу не нападает. Вернее, не нападал до последнего дня.

В тот день Джавад, как всегда, вывез Машеньку в лодке на середину озера, а когда она погрузилась, поплыл обратно к лагерю.

Маша снимала, как рыбы строят песчаные замки, и записывала их голоса.

Вдруг она увидела, что сверху опускается большая сеть. Странно, подумала она, кто бы мог заниматься здесь рыбной ловлей?

Снизу хорошо было видно, как под сетью мечутся рыбы. Сеть потащила рыб наверх. Из динамика, который улавливал голоса рыб, доносились тонкие, почти неслышные крики — жители озера были страшно напуганы. Сеть пошла кверху, крики рыб стали затихать.

— Кто мог такое придумать? — вслух сказала Машенька. — Это похоже на Пашку с его причудами. Но он обязательно бы меня предупредил.

Машенька решила было отцепить груз, подняться и все выяснить. Все равно рыбы в озере так напуганы, что придут в себя не скоро.

И вдруг она увидела, как из глубины озера к сети несутся две огромные рыбины, каких Машенька ни разу не видела, хоть опускалась в озеро уже десятый день подряд. Они были похожи на щук: морды у них были сильно вытянуты вперед и усажены острыми, загнутыми назад зубами.

Рыбы догнали сеть и начали рвать ее зубами, но сеть оказалась крепкой, она лишь вытягивалась, но не рвалась.

Как же Машенька их раньше не заметила? В сети оказались еще две или три такие же зубастые хищницы. Они грызли сеть изнутри.

Все это заняло меньше минуты. Сеть между тем поднялась на поверхность, вода

взбаламутилась и сомкнулась вновь.

Машенька быстро принялась отключать приборы и собирать записи, готовясь к подъему. Она была очень сердита и в то же время озадачена. Благодаря этому печальному случаю ей удалось сделать открытие: найти первых на Пенелопе крупных хищников.

Но этого быть не могло! Еще на Земле Маша заучила наизусть рассказ о том, как была открыта планета Пенелопа, удивительное небесное тело, будто специально созданное для туристов...

Корабль «Малая Медведица» под командованием известного галактического капитана Полугуса Земфирского возвращался к своей родной планете Пилегее и вдруг у звезды Кассандра обнаружил планету, которую никто раньше не видел.

Планета была покрыта зелеными лесами, их омывали синие океаны, над ними возвышались снежные горы. Среди деревьев порхали бабочки и летали птицы, по деревьям скакали синие, зеленые и оранжевые белки, в траве прыгали золотые кузнечики...

Прохладной ночью вода в речках была теплой, а в жару становилась холоднее. Фрукты на деревьях были только спелые, дождь шел лишь в стороне от людей, а ветер бывал лишь слабый до умеренного.

Полугус Земфирский провел на планете два месяца, каждый день купался в прозрачных реках, катался на лыжах со снежных гор, загорел и поправился на тридцать килограммов, но не нашел там ни одного разумного существа, ни одного крупного хищника, ни одного комара, ни одной ядовитой змеи.

Понятно, что капитан с трудом собрал в лесах и полях свою команду и еле уговорил подчиненных вернуться домой. С печалью покидали космонавты удивительную планету.

— Жди нас, — твердили они, словно опасались, что планета сойдет с орбиты и умчится в другой конец Галактики. — Жди нас, как Пенелопа древнегреческого путешественника Одиссея.

Они были очень начитанными людьми.

И планету назвали Пенелопой.

Вскоре на Пенелопу полетели специальные экспедиции. Рассказ Полугуса Земфирского подтвердился, и было решено сделать ее туристским заповедником для всей Галактики. Пусть отдыхают здесь жители всех планет, но при одном условии: леса, поля, океаны Пенелопы должны сохраняться в совершенной неприкосновенности.

В тот момент, когда Машенька протянула руку, чтобы отцепить груз, обе хищницы, кипя гневом, набросились на пузырь и вцепились в него. А надувной батискаф, кстати, не рассчитан на то, чтобы его рвали зубами.

Через секунду его внешняя оболочка не выдержала, и воздух громадными пузырями устремился вверх. Но пузырь еще поднимался, потому что внутри камеры оставался воздух.

Машенька сообразила, что, как только пузырь выскочит наверх, он съжжется. Она схватила записную книжку и в тот момент, когда пузырь разрезал поверхность воды, открыла сверху люк и выпрыгнула наружу.

Пузырь выпустил воздух и медленно, словно тряпка, пошел ко дну.

Машенька быстро поплыла к берегу. Она запомнила, какие у этих «щук» зубы. И если они с такой злостью нападали на пузырь и сеть, уж ногу-то откусить им ничего не стоит.

Она махала руками, словно хотела поставить рекорд мира по плаванию вольным стилем, а когда наткнулась на что-то твердое, не сразу сообразила, что это крутой берег. Еще через две секунды она уже стояла на берегу и, откинув с лица мокрые волосы, старалась

рассмотреть, кто же виновник всех ее приключений.

Озеро было довольно узким и длинным — метров сто.

На том берегу у сети, полной рыбы, стоял незнакомый Машеньке высокий молодой человек в плавках и короткой куртке из шкуры оленя. У него были длинные, до плеч, светлые волнистые волосы. На руке широкий блестящий браслет.

— Что вы наделали! — закричала Машенька.

— Здравствуй, — ответил молодой человек. — Ты меня перепугала. Я и не знал, что здесь водятся подводные девочки. Хорошо, что ты не попала мне в сеть.

— Мне не до шуток, — ответила Маша. — Вы утопили мой батискаф, а меня чуть не сожрали щуки.

— Чуть-чуть не считается, — ответил молодой человек. — Давай знакомиться. Как тебя зовут?

— Меня — Маша Белая. Но не в этом дело. Кто разрешил вам ловить рыбу в этом озере? Разве вы не знаете, что на Пенелопе нельзя охотиться, рыбачить, жечь костры, рубить деревья?

— Не может быть! — удивился молодой человек. — Я, видишь ли, дикарь. Принципиальный дикарь. В отличие от вас, городских жителей, живу в полном согласии с природой. Живу как ветер дует...

— Разве вы местный житель? — удивилась Машенька. — На Пенелопе местных жителей нет и никогда не было.

— Нет, — сказал молодой человек. — Я — вольный бродяга. Мой дом — вся Галактика. Я дикарь.

— А здесь вы что делаете?

— Я никому не задаю вопросов и никому не даю отчета. Считаю, что мне тут нравится. Эта планета еще не загажена цивилизацией.

Им приходилось говорить громко, потому что между ними лежало озеро.

Правда, погода была тихая, безветренная, даже птицы примолкли и насекомые перестали стрекотать.

— Но раз вы приехали сюда, то должны уважать правила, которые установлены для всех, — упорствовала Маша.

— А я неграмотный, — засмеялся дикарь. — Я совершенно неграмотный.

Маша от удивления замолчала. Она и не подозревала, что могут существовать неграмотные люди. Может, этот дикарь шутит?

— Кроме того, я голоден, — сказал дикарь.

— Если вы голодный, приходите к нам, мы вас накормим.

— Спасибо на добром слове.

Дикарь взвалил на плечо тяжелую сеть с рыбой и пошел прочь. Кусты расступились и сомкнулись за ним. Словно и не было человека.

Маша долго глядела ему вслед. Может, ей все это почудилось?

Ничего себе почудилось, если батискаф лежит на дне, приборы погибли, камеры промокли, и еще неизвестно, как нырять в озеро и доставать пузырь, если там появились хищники...

Аркаша со Светланой с утра спорили, как описывать местные насекомоядные цветы. Было их вокруг немало — синих, красных, белых, каждый питался одним видом тли или мух — все другие мухи могли безбоязненно садиться на цветы.

Они так увлеклись, что не заметили, как подошла мрачная Машенька.

— Сидите и ничего не знаете, — сказала она.

— Что случилось? — спросила Светлана. — Что-нибудь с батискафом?

— Ничего особенного, — сказала Машенька, кладя на стол слипшуюся записную книжку. — Батискаф утонул, камеры и записи погибли, в озере водятся громадные хищники, какой-то дикарь ловит рыбу, а вообще-то ничего особенного.

Светлана ничем не показала, что удивлена или взволнована. Несмотря на свои горести, Машенька залюбовалась ею. Густые королевские черные волосы тяжелыми волнами опускались на узкие плечи, и даже удивительно было, как Светлана носит на голове такую тяжесть.

— Ну! — Светлана засмеялась теплыми синими глазами. — Расскажи сначала, и подробнее.

Когда Маша закончила рассказ, все отправились к озеру. К ним присоединился и Пашка, который захватил с собой большой крюк на тресе. С помощью этой удочки вытащили из воды батискаф, похожий на пустой мешок, разложили его на берегу и принялись вынимать из него промокшие вещи и приборы.

— Ума не приложу, — сказала Светлана, — откуда здесь мог появиться такой странный человек? Ты говоришь, он называл себя дикарем? Надо будет сегодня же позвонить в город. Зачем они пускают сюда туристов с рыболовными сетями?

— Смотрите! — крикнул Пашка.

Громадная рыбина с длинной зубастой мордой выскочила из воды и вновь скрылась. Только круги пошли.

— К сожалению, — сказала Светлана, — хищники тебе не почудились. Теперь в озеро путь заказан. А ведь мы только в прошлом году изучали его фауну, ничего подобного здесь не было.

— А они выросли за год, — предположил Аркаша.

Вечером за ужином на веранде домика Светланы только и разговоров было, что о дикаре.

— Он в самом деле красивый? — спросила Наташа, близняшка Машеньки, но куда более легкомысленная.

— Может, и красивый, — ответила Машенька. — Только мне он не понравился.

И в этот момент раздался голос:

— Почему же не понравился? Обычно я нравлюсь женщинам и детям. Потому что я добрый и веселый.

Из синих сумеречных кустов, усыпанных разноцветными светлячками, вышел дикарь и поднялся на веранду.

— Я решил воспользоваться приглашением любезной девочки, с которой познакомился сегодня.

Дикарь вежливо поклонился Наташе, которая сидела к нему ближе всех, а Наташа широко открыла глаза и сказала невинно:

— Простите, я вас вижу первый раз в жизни.

Что было истинной правдой.

Дикарь был в той же оленьей куртке, синих кожаных штанах с бахромой сбоку, как у древних индейцев, и в сапогах со шпорами. Волосы он перехватил тонкой золотой цепочкой, на которую садились ночные бабочки, полагая, что это цветок. У дикаря были большие светлые добрые глаза в черных ресницах, короткий чуть вздернутый нос и подбородок с ямочкой. «Совершенно очаровательный дикарь», — подумала Алиса, но вслух говорить этого не стала.

— Зачем же так меня обижать? — сказал дикарь сокрушенно. — Я же не нарочно вас утопил.

Тут он увидел Машеньку, понял, что ошибся, широко улыбнулся и сказал:

— Прошу прощения, я не подумал, что сюда привозят близнецов. Так вы меня не прогоните? У меня кончился чай, а без чая цивилизованному дикарю просто невыносимо. Кроме того, мне сегодня скучно.

И, не ожидая приглашения, дикарь уселся на свободный стул.

— Здравствуйте, — сказала Светлана. — Значит, это вы сегодня испортили день нашей Машеньке?

Может, такое начало разговора было не очень вежливым, но Светлана, как известно, человек прямой.

— Ах! — воскликнул дикарь, глядя в упор на Светлану. — Сплошные чудеса! Я оказался гостем прекрасной женщины. А это все ваши дети?

— Это мои друзья, — сказала Светлана. — А кто вы?

Дикарь улыбнулся, но ничего не ответил.

Алиса спросила:

— Вам покрепче?

— Как можно крепче, — сказал дикарь. — Обожаю все крепкое. Меня самого природа не обидела силой и ловкостью. Передайте сахар.

Дикарь подвинул к себе сахарницу и насыпал в чашку ложек пять сахара.

— Ну вот, — сказал он, отпив глоток и расплывшись в улыбке от счастья. — Лучше чая, чем здесь, я в жизни не пил. Клянусь Черной туманностью.

Вдруг Аркаша вскочил, чуть не опрокинув стол.

— Я же говорил, а мне не верили!

Дрожащим пальцем он показывал на освещенную площадку перед верандой — там медленно шла задняя половина собаки с пушистым хвостом. Правда, остальные опоздали обернуться и увидели только, как чей-то хвост исчезает в кустах.

— Я клянусь, что у нее нет головы! — воскликнул Аркаша.

— Все ты придумываешь, — сказал Пашка. — Чем же она ест?

— Лучше здесь ничему не удивляться, — сказал дикарь. — Иначе окажешься в дураках. Я сегодня рыбу в озере ловил. Сварил — горькая, в рот не возьмешь. Представляете мое разочарование? Пришлось обедать консервами.

— Кстати, — Светлана проявила настойчивость, — вы так и не рассказали нам, как сюда попали.

— Как я сюда попал? — Дикарь протянул Алисе чашку и попросил: — Пожалуйста, еще одну, покрепче. Как я сюда попал? Так же, как и вы, на космическом корабле. Я приехал сюда в поисках дикого уголка. Скоро в Галактике не останется места, чтобы любитель природы мог отдохнуть спокойно.

— А где вы живете? — спросила Светлана.

— В лесу. Мне ничего не нужно. Рюкзак, палатку, одеяло и надувную подушку. Вот и все. А не будет одеяла, проживу и без него. Я иду по лесам и полям. Где мне нравится, останавливаюсь и живу, пока не надоест...

— Но разве вам не сказали, что здесь нельзя ловить рыбу и охотиться? Это же заповедник.

— Я не варвар, — сказал дикарь. — Я просто естественный человек. Я беру у природы лишь то, что нужно мне для пропитания. Я не граблю, а прошу природу поделиться со мной. Я — часть ее. Если бы я не поймал сегодня в озере этих несчастных рыб, их бы сожрали зубастые хищники. — И он обернулся к Машеньке: — Правильно?

— Правильно, — сказала Машенька. — Я сама видела.

— Так что я безопасен и хочу дружить с людьми и зверями. И пусть мне все платят взаимностью, хорошо?

Он оглядел сидящих за столом, доверчиво улыбаясь, как бы уговаривая их стать его друзьями. И неудобно было отказать такому человеку. Только Машенька отвела взгляд. Она вспомнила, что батискаф погублен и в озеро ей больше не опуститься. А дикарь, словно угадав ее мысли, добавил:

— А тебя я спас. Если бы не я, ты увидела бы этих чудовищ слишком поздно. И они разодрали бы тебя на кусочки. Вот так-то. Мы всех любим, а нас любят далеко не все. Это, к сожалению, закон природы.

Он допил чай, потянулся и сказал, поднимаясь:

— Большое спасибо. Теперь я жду вас к себе в гости. Моя палатка в лощине на том берегу. И не сердитесь на меня. Я никому не желаю зла.

С этими словами дикарь перемахнул через перила.

— Пойдите! — закричала вслед Алиса. — Вы же не сказали, как вас зовут.

— Зовите меня Дикарем, — ответил он. — Я не обижаюсь на это прозвище. Просто Дикарем.

И он исчез, только суетились мотыльки и шуршали листья.

— Какой интересный парень, — сказал Пашка. — Настоящий дикарь.

— А ты уж готов пойти по его стопам, — возмутилась Машенька.

Пашка ничего не ответил, а Светлана сказала:

— Все-таки когда человеку хочется рыбы, он берет удочку. Зачем же загребать большой сетью?

— Может, у него не было удочки? — сказала добрая Наташа.

— Я ему дам крючок, у меня есть, — сказал Пашка.

Глава 4. Там был город

Ночью прошел короткий бурный ливень, словно специально для того, чтобы утро, когда Светлана с Пашкой и Алисой собрались в дальний поход, было свежим.

Путь их лежал вверх по реке, на плоскогорье, где еще никто не бывал. Там суше, чем в джунглях, и должны быть неизвестные растения и животные.

Алиса несла кинокамеру и передатчик, Аркаша — гербарную папку и блокнот, Светлана — рюкзак с пищей и сумку с приборами. Еще Светлана захватила парализующий пистолет. Правда, еще ни разу на Пенелопе не довелось пустить его в дело, хоть Пашка Гераскин давно смотрел на него с вождением.

Аркаша проводил путешественников до реки. Он с ними пойти не мог, потому что занозил ногу. Его долго было видно: он стоял, поджав ногу, как журавль.

Шли не спеша, по плотному песку, по лугам, заросшим высокой травой, по редким, без подлеска рощам.

— Светлана, — спросила Алиса, — ты этому Дикарю поверила?

— Странный он какой-то, — сказала Светлана. — Я вчера ночью позвонила в инспекцию. Они никому не давали разрешения провозить на Пенелопу рыболовные сети.

— Но они о нем знают?

— Много туристов приезжает на Пенелопу со всех сторон Галактики. Некоторые живут в лесу. Но о нем никто не слышал.

Путь пересекал неширокий ручей. Потеплело, солнце поднялось выше.

— Осторожнее, — сказала Светлана. — Я пойду первой. А вдруг здесь водятся хищные рыбы?

Над ручьем синими лентами летали бабочки, словно держались друг дружке за хвосты. На том берегу прямо на земле лежало гнездо с пятнистыми яйцами. На него спикировала большая черная птица с красным загнутым клювом. Птица строго поглядела на путешественников, но Алиса сказала ей:

— Не обращай на нас внимания.

Птица послушалась. Она примерилась и тюкнула клювом по ближайшему яйцу.

— Она же не хозяйка гнезда, — догадался Пашка. — Это воровка! Ее прогнать надо.

— Не надо, — сказала Светлана. — Пусть все идет своим чередом. Алиса, возьми кинокамеру.

Алисе не хотелось снимать такую варварскую сцену, но ученый есть ученый — не всегда будешь наблюдать то, что тебе нравится.

Птица деловито проклевывала яйца. Разбив последнее яйцо, она отступила в сторону, словно любуясь результатами своего труда. И вдруг в дырочке, пробитой в одном из яиц, показался маленький красный клювик. Клювик начал расширять отверстие, и птица тут же подпрыгнула к яйцу и принялась помогать тому, кто рвался из яйца наружу. Через минуту черный с желтым, мокрый и головастый птенец вылез на солнышко. А из других яиц уже выбирались его братья и сестры.

— Ну вот, — сказала Светлана, когда путешественники снова двинулись в путь. — Видите, как опасно судить по нашим меркам. Если птица клюет яйца — значит, она разбойник. А она не разбойник, а заботливая мамаша.

— До свидания, мамаша, — сказал Пашка, глядя, как суетится птица: последний птенец никак не мог выбраться наружу.

Вскоре начался подъем на плоскогорье.

Речка стала уже, из нее высывались обкатанные камни, и вода бурлила вокруг.

Затем деревья расступились, и впереди показалась широкая долина, на которой стояли большие корявые деревья, а между ними шумела под ветром высокая прямая трава.

— В прерии должны водиться бизоны! — воскликнул Пашка и, изображая краснокожего охотника, спрятался в траве.

Светлана с Алисой не спеша пошли по каменистой полосе в траве, внимательно глядя по сторонам, чтобы не пропустить чего-нибудь интересного.

Вдруг Светлана остановилась и спросила:

— Алиса, тебя ничего не смущает?

Алиса в тот момент смотрела на двухголовую ящерицу, спящую на круглом камне.

— Нет, — сказала она.

— А ты погляди вперед.

— Ничего особенного.

— А под ноги.

— Ничего... Не может быть!

Алиса поняла, что они идут по заросшей дороге, сложенной из каменных плит.

— Может, здесь какие-нибудь звери... — начала Алиса и замолчала, потому что никаких таких зверей на Пенелопе не было.

— Значит, когда-то на Пенелопе жили разумные существа, которые умели строить дороги, — сказала Светлана. — А это переворачивает все наши представления о планете.

Они остановились. Еще бы. Вот уже несколько лет, как Пенелопа открыта, здесь построены город, гостиницы, санатории, парк с развлечениями, работают ученые, и все глубоко убеждены в том, что никаких разумных существ на Пенелопе нет и никогда не было.

— Пошли дальше? — спросила Алиса.

— Сейчас. Пашка, беги сюда!

Пашка замешкался. Он что-то искал в траве.

— Скорее!

— Сейчас!

Пашка что-то нес в руке.

Он запыхался от бега.

— Смотрите!

На его ладони лежал большой, совсем не заржавевший болт.

— Что вы на это скажете?

— А мы уже знаем, — сказала Алиса.

— А чего же вы молчали? Разве вы не понимаете...

Они пошли дальше по дороге. Трава подступала к ней вплотную, кое-где дорога вообще скрывалась под ней, наверное, поэтому дорогу не заметили, когда снимали планету с воздуха.

И тут в тени громадного раскидистого дерева они увидели развалины дома.

Развалины густо заросли лианами и кустарником — и в десяти шагах не разглядишь. Остатки стен были изрезаны извилистыми трещинами. Вокруг в траве были разбросаны камни, словно какой-то гигант в гневе разломал дом на куски.

— Наверно, это было очень давно, — сказал Пашка.

— Не так давно, — ответила Светлана. — Разломы на камнях довольно свежие.

Еще один разрушенный дом скрывался под следующим деревом. Деревья стояли словно памятники, обозначая дома. Можно было даже подсчитать, что когда-то здесь стояло десятка три зданий, одинаково разрушенных неведомой силой.

— Какая загадка! — восклицал Пашка. — Какая изумительная тайна! Наконец-то!

— Пошли, ребята, к дальним деревьям, — сказала Светлана.

Деревья впереди были вдвое крупнее своих собратьев.

Там скрывались самые большие здания города. Они были так же жестоко разрушены, как и остальные, но по остаткам стен и размеру глыб можно было догадаться, какими крепкими и обширными они когда-то были.

— Здесь было землетрясение, — задумчиво сказал Пашка, глядя на развалины. — И все

погибли под руинами.

— Кто все? — спросила Алиса.

Светлана остановила ее жестом. В развалинах кто-то шевелился.

— Не бойтесь, женщины, — сказал Пашка. — Здесь не бывает крупных хищников.

— Но здесь не бывает и разрушенных городов, — попробовала возразить Алиса.

Но Пашка не слышал. Он подбежал к проему в обрушенной стене и крикнул:

— Эй! Кто здесь?

Шуршание прекратилось.

Светлана схватила Пашку за руку и оттащила назад, свободной рукой доставая из кобуры парализующий пистолет. Она не любила случайностей.

Из проема вылез встрепанный Дикарь в распахнутой оленьей куртке.

— Привет! — радостно воскликнул он. — Добро пожаловать!

Глава 5. Дикарь в городе

— А вы что здесь делаете? — строго спросила Светлана. — Почему вы здесь?

— Не думайте, что я — виновник гибели города, — засмеялся Дикарь. — Клянусь вам, я не прикладывал рук к этому безобразию. И, оказавшись здесь случайно, удивился не меньше вас.

Дикарь легко спрыгнул с горы мусора и присел на камень.

— Кстати, — сказал он, — раз уж вы пришли, не найдется ли куска хлеба? Понимаете, заблудился, проголодался, а домой возвращаться не хочется. Вам тоже, наверно, пора обедать.

— В самом деле? — спросил Пашка.

Светлана улыбнулась, раскрыла рюкзак с продовольствием, Алиса расстелила на траве скатерть.

Дикарь сказал Алисе:

— Давай помогу тебе порезать хлеб и колбасу.

— Нет, — сказала Алиса, — у вас руки в земле. Вымойтесь сначала.

— В природе нет грязи, — засмеялся Дикарь. — Это предрассудок.

Но тут он взглянул на Светлану и добавил:

— Бегу, бегу. Я могу еще спорить с девочкой, но когда такие прекрасные глаза смотрят на меня с осуждением, я тут же превращаюсь в послушного мальчика.

Дикарь громадными прыжками понесся к ручью, Пашка подхватил флягу — и за ним. Светлана подумала вслух:

— Чего это он оказался так далеко от дома?

— Вы думаете, он следит за нами?

— Нет, Алиса. Зачем ему следить? Но мне кажется, что он здесь не случайно.

— Почему?

— Погляди.

У пролома в стене лежала куча свежей земли.

— Давайте я загляну внутрь, — сказала Алиса. — И мы все узнаем.

— Нет.

Возвратились Дикарь с Пашкой. Дикарь рассказывал Пашке что-то веселое. Пашка слушал раскрыв рот. Видно, у Дикаря была фантастически развита интуиция. Он словно

почувствовал, о чем говорили Светлана с Алисой, потому что, подойдя поближе, сказал:

— Кстати, мы не первые, кто нашел этот город. Поглядите на кучу земли у входа. Кто-то здесь уже побывал. И знаете, что я думаю?

— Что?

— Наверно, там жил какой-то зверь. А потом его кто-нибудь съел. Вообще-то внутри ничего интересного. Обломки и мусор.

Они уселись обедать. Пашка насыпал в воду немного ананасовой эссенции, хлеб был свежий и пышный, сыр с большими дырками, колбаса розовая, а холодное мясо нежное, словно крем. Дикарь проглотил, не разжевывая, целый бутерброд и сказал:

— Вы меня просто закормите. Я потеряю боевую форму. А вам будет трудно от меня отделаться.

— Нам колбасы не жалко, — сказала Светлана.

— Спасибо. Но вы уже, наверно, догадались, что я попадаюсь вам на пути вовсе не из-за обжорства.

— А из-за чего? — спросил Пашка.

— Я влюбился в Светлану. С первого взгляда, безнадежно и навсегда. А разве ты бы на моем месте не влюбился?

Пашка вдруг покраснел:

— Не знаю.

«Ну и дурак», — подумала Алиса. Но вслух сказала:

— И я бы на вашем месте обязательно влюбилась. Но знайте, что множество смелых рыцарей погибло, сражаясь за право называть Светлану своей прекрасной дамой.

Светлана улыбнулась, а Дикарь обрадовался.

— И я бы рад, — сказал он. — Но, как назло, здесь нет ни одного рыцаря, который бы согласился выйти со мной на поединок. Давай договоримся, Алиса. Как только ты прослышишь о таком рыцаре, сразу зови меня.

— Перестаньте, — сказала Светлана, правда, без злости. Ведь трудно найти женщину, которая сердилась бы, когда говорят о ее красоте. — Лучше скажите, когда и почему погиб этот город?

— Очень просто, — сказал Дикарь, доедая третий бутерброд. — Его разрушили.

— Но кто мог это сделать?

— Здесь была война. Достаточно посмотреть на развалины, чтобы понять, что город обстреливали. Посмотрите...

Дикарь легко вскочил, подошел к обвалившейся стене и показал на дыру, кое-как заложенную камнями.

— Видите, сюда попал снаряд, но защитники дома успели кое-как залатать рану. И таких дыр я видел несколько. А это что? Неужели эта трещина появилась от старости? Нет, как меня ни убеждайте, я утверждаю: здесь бушевала война. Поверьте моему опыту.

— А что у вас за опыт? — спросила Алиса.

— Я видел войну и сам воевал, — сказал Дикарь.

— Где же была такая война? — удивилась Алиса. — В цивилизованной Галактике войн не бывает.

— Не обо всем ты знаешь, моя девочка. У меня была трудная молодость.

— Невероятно, — сказала Светлана, подходя к дыре в развалинах. Ей очень не хотелось соглашаться с Дикарем, но ничего другого она придумать не могла.

— Но если прекрасной Светлане приятнее думать, что войны не было, а это просто причудливые скалы, я заранее согласен, — сказал Дикарь, кладя руку Светлане на плечо. Светлана повела плечом, сбросила руку и отошла.

— Наверно, — сказала она, — больше ничего интересного мы здесь не найдем. Кто за то, чтобы собираться в обратную дорогу?

— Как же так! — удивился Пашка. — Мы еще совершенно не обследовали плоскогорье! Но Алиса пришла Светлане на помощь.

— Я устала, — сказала она, — становится жарко, и пока мы дойдем до лагеря, наступит вечер.

— А вы, — сказала Светлана Дикарю, — можете оставаться здесь. Мы найдем дорогу без вашей помощи.

— Ни в коем случае! — возразил Дикарь. — Я буду вас охранять. А вдруг на вас нападут дикие звери?

— Здесь нет диких зверей, — сказала Алиса.

— Ах, как мало мы еще знаем об этой планете! — сказал Дикарь. — Давай помогу, Алиса, собрать со стола и вымыть посуду. Я не люблю быть нахлебником.

Глава 6. Тигры на дороге к дому

Дикарь подобрал с земли тяжелую дубину и закинул ее на плечо.

— Похож я на Геркулеса? — спросил он. — Вот убью льва, буду ходить в его шкуре.

— Какое счастье, что львов здесь нет, — сказала Светлана.

— Нет — это слишком категорично, Светочка, — сказал Дикарь. — На любой уважающей себя планете водятся львы или драконы. Только надо их найти... чтобы убить... И снять шкуру. Пока они не успели снять шкуру с тебя.

— Откуда в вас столько кровожадности? — Светлана поморщилась. Ей не нравилось, когда малознакомые люди называли ее Светочкой.

— Я самый миролюбивый человек во всей Галактике, — сказал Дикарь. — Меня не тронь, и я не трону.

Пока шел этот разговор, Алиса собирала рюкзак, а Пашка достал свой знаменитый перочинный нож и принялся отпиливать сухой сук.

— Ты чего? — спросила Алиса.

— Да так, вооружиться решил, — сказал Пашка, словно шутил, хотя вовсе не шутил.

— Мне кажется, — сказала Алиса, — что на тебя начинает влиять наш новый знакомый.

Дикарь услышал.

— Ничего удивительного. Я — романтик. А в Пашке тоже живет романтик. Нет ничего опаснее для молодого духа, чем обыденность. Живешь, работаешь, скучаешь...

— Неправда, — сказала Алиса. — Нет ничего интереснее науки!

— Разумеется, — вежливо поклонившись, согласился Дикарь. — Нет ничего более увлекательного для горячего юноши, чем отыскать новый вид червя или подсчитать число чешуек на хвосте у какой-нибудь ящерицы...

Пашка не вмешивался в разговор. Сук с треском отломился, и Пашка принялся его обстругивать.

— Ну, ты готова, Алиса? — спросила Светлана. — Давай сюда рюкзак.

— Ни в коем случае, — возразил Дикарь. — Неужели я позволю прекрасной женщине, в которую я влюблен, нести этот рюкзак?

Он ловко перехватил рюкзак у Алисы, перекинул через плечо и подмигнул Пашке.

— Учись, — сказал он. — И помни. Мы рыцари. Мы боремся со львами и защищаем прекрасных дам.

Светлана пошла первой, не оборачиваясь. Она почему-то сердилась на Дикаря, но это его не смущало. Алиса подумала, что, если бы Светлана рассердилась на нее, она бы места себе не находила. А Дикарь хоть бы что...

Пашка шагал рядом с Дикарем, закинув на плечо дубинку и стараясь подражать его походке. Дикарь улыбнулся и тихо сказал, наклонившись к Пашке:

— Избрав себе кумира, мой друг, не подражай ему в мелочах.

Солнце припекало, путники немного устали и растянулись цепочкой вдоль реки. Светлана ушла довольно далеко вперед. Дикарь крикнул ей:

— Дорогая, нельзя так беспечно ходить по джунглям. Я не успею прийти на помощь...

— Удивительная навязчивость, — сказала Светлана. — Особенно если учесть, что мне ничто не грозит.

И как бы в ответ на ее слова в кустах послышалось рычание.

— Ну вот, — сказал Дикарь, сбрасывая на землю рюкзак. — А вы настаивали. Я же...

Но он не успел закончить фразу.

Желтая тень промелькнула среди ветвей.

Поджарый, покрытый короткой желтой шерстью зверь одним прыжком вылетел на тропинку, перегородив путь.

Светлана замерла.

Зверь стоял неподвижно.

С белых загнутых клыков капала на песок слюна.

Раздался громкий плеск. Это Пашка прыгнул в воду и поплыл от берега, держась за дубинку, как за спасательный круг.

Дикарь поднял свою дубинку и пошел навстречу хищнику.

— С дороги! — крикнул он зверю. — Кто смеет вставать на пути человека?

Зверь присел на задние лапы, его длинный голый хвост метался по земле, поднимая сор и пыль.

— Ну, — сказал Дикарь, — уж не боитесь ли вы меня?

И тогда зверь, обозленный таким обращением, прыгнул прямо на Дикаря. Дикарь не рассчитал своих сил, дубинка вылетела у него из руки, а сам он покатился по тропинке.

Неизвестно, чем бы кончилось это приключение, если бы Светлана не вспомнила, что у нее на поясе висит парализующий пистолет.

Раздался негромкий хлопок.

Зверь, словно натолкнувшись на невидимую стену, упал на землю у самых ног Светланы. Его хвост раза два дернулся и замер.

Светлана села на землю, уронила пистолет и заплакала.

— Ну что вы, — бросилась к ней Алиса, которая даже перепугаться толком не успела. — Не переживайте так...

— Я не за себя, — попыталась улыбнуться Светлана. — Я за вас, дураки... Я как представила себе, что он до вас доберется... Ну как же я раньше о пистолете не догадалась? Ну какая же я дура...

— Кем-кем, а душой бы я вас никогда не назвал, — сказал Дикарь, поднимаясь с земли и потирая ушибленный локоть. — Вы оказались героиней в этой маленькой стычке.

Он подобрал дубину, подошел к зверю и ткнул его носком башмака в оскаленную морду.

— Такой и льву не уступит...

Светлана смахнула тыльной стороной ладони слезы и поднялась.

— Ноги не держат, — созналась она, — ну и перетрусил же я.

— Пашка! — крикнула Алиса. — Ты чего это вздумал купаться в такое время? Плыви обратно.

Пашка уже возвращался.

— Не смейся над ним, — сказала Светлана Алисе.

— Я и не смеюсь, — сказала Алиса.

— По крайней мере, — сказал Дикарь, — Пашка поступил разумнее остальных. Он проявил хладнокровие.

Алиса широко раскрыла глаза. Ничего себе хладнокровие — бухнулся в речку.

— Он понял, что нет нужды подставлять себя под удар неразумного хищника. Если бы этот зверь нас растерзал, Пашка добрался бы до лагеря и сообщил о нашей судьбе.

Дикарь говорил серьезно, и Пашка даже кивал головой, соглашаясь, потому что боялся, что его будут ругать или, что еще хуже, будут смеяться.

Впрочем, Алисе почудилась издевка в голосе Дикаря.

Светлана сказала:

— Я была не права. Здесь, оказывается, водятся тигры и львы.

— Хотя эта штука, — добавил Дикарь, перекидывая через плечо рюкзак (он снова улыбнулся, словно забыл о приключении), — больше похожа на крысу-переростка.

— Это тигрокрыс, — сказал Пашка.

Глава 7. Вести из города

Поднялся ветер, откуда-то набежали сизые тучи, и пошел дождь.

— Ну как назло, — сказала Алиса, смахивая с лица капли. — И хищники, и дождь.

— Зато нашли таинственный город, — утешал ее Пашка. Он хотел, чтобы все поскорее забыли о его купании.

— Ничего в нем нет таинственного, — сказал Дикарь. — Я уже смотрел. Этим развалинам миллион лет, и когда жители уезжали отсюда, они забрали с собой все до последней нитки.

— Это решать не нам, а археологам, — сказала Светлана. — Наверно, сегодня вечером мне следует отправиться в город...

— Куда вам ехать на ночь глядя? — возразил Дикарь. — Завтра с утра я вас провожу.

— Нет, спасибо, — сказала Светлана. — Вы уже проявили себя достойным защитником женщин и детей...

— Вы заблуждаетесь, Светочка, — улыбнулся Дикарь. — Я мог свалить этого крысенка кулаком. Но не хотел вам мешать.

— Со мной ничего не случится. Сяду в машину, через час я уже в городе...

— А ребят оставляете на произвол судьбы? А вдруг какой-то тигрокрыс...

— Ребята переночуют в доме... Или поедут со мной.

— Ни в коем случае! — закричала Алиса. — Светлана, вы хотите загубить нам каникулы? Нас же отправят домой.

— Прямо не знаю, что делать...

— Сначала напоите меня чаем, — сказал Дикарь. — А потом вместе подумаем.

Светлана несла пистолет в руке, и он поблескивал под дождем.

Показалось серое, мутное от капель дождя озеро.

— Не хватало, чтобы кто-нибудь простудился, — сказала Светлана.

— В Москве климат хуже, но ничего с нами не случается, — сказал Пашка. — Я вообще специально под дождем хожу. Для закалки.

— Правильно, — сказал Дикарь. — Мой покойный папа всегда выпускал меня на снег босиком.

— А вы откуда родом? — спросила Светлана.

— Мой дом — вся Галактика.

Тропинка на обрыве была скользкой, и Дикарь протянул Светлане руку, чтобы помочь взобраться.

— Спрячьте пистолет, — сказал он с усмешкой. — Здесь тигров нет.

Тигров не было.

Но в лагере, у белой палатки, стоял взерошенный, промокший, печальный Аркаша.

— Что еще случилось? — спросила издали Светлана, готовая к худшему.

— Ее убили, — сказал Аркаша.

— Кого?

— Рогатую собаку.

— Да не пугай ты нас, пожалуйста, — взмолилась Светлана.

— Я не пугаю. Посмотрите.

На земле под деревом лежала передняя половина мохнатой собаки с рогами во лбу. Собака была мертвой.

— Ну и чудеса, — сказал Дикарь. — А где ее вторая половина?

— Не знаю.

— Значит, — сказал Дикарь, — тигры добрались и до лагеря. Ты права, Светочка, давай отправим детей в город. Нельзя рисковать, если тигры пожирают собак прямо в лагере. И что за манеры! Сожрал половину и убежал!

— Нет, — возразил Аркаша. — Вы не правы. Вы не знаете. Это совершенно отдельная половина собаки. Я видел, как она гуляет в таком виде. А ее задняя половина тоже встречается.

— И тоже живая? — засмеялся Дикарь. Он обернулся к Светлане. — Придется с археологией подождать. У детей не выдерживают нервы.

— А вы? — спросил Пашка.

— Со мной ничего не случится. Я постерегу ваше добро.

— Но ведь здесь тигрокрыс!

— Он меня не съест.

— Тогда, — сказал Пашка, — я остаюсь с вами. Я могу быть вам полезен. Между прочим, я не желаю прятаться в городе от каких-то крыс.

Аркашка хлопал ресницами, он-то ничего не знал о тиграх. Наконец ему удалось вставить слово:

— Я не знаю, о чем вы говорите, но клянусь, что эту собаку никто не ел. Поглядите, она

же просто так кончается на половине.

И в самом деле, собака не была разорвана или разрезана, а просто кончалась, словно расплывалась в воздухе.

— Хватит, — сказала Светлана, — у меня голова раскалывается. Не слишком ли много для одного дня? Тигры, города, разрезанные собаки, а что еще будет?..

Откуда-то издали донесся глухой, угрожающий рев, зашумели, откликаясь на него, деревья, порыв ветра срывал листья.

— Где остальные? — спросила Светлана.

— Джавад спит, а близнецы в домике, — сказал Аркаша. — Вы в самом деле видели тигра? Он похож на земного? А какая у него окраска?

В Аркаше проснулся исследователь.

Через полчаса все собрались на веранде. Путешественники привели себя в порядок, умылись и, если не считать Дикаря, переоделись.

Пока Машенька готовила чай, Светлана пыталась созвониться с городом. Но никто в инспекции не отвечал — наверно, ушли домой. Светлана позвонила в туристский центр. Но и там никто не подошел.

— Вспомнил! — сказал Дикарь, наблюдавший за Светланой. — Вспомнил! Сегодня в городе карнавал. Я позавчера ездил туда за консервами, и меня приглашали. Все они на карнавале. Давайте лучше пить чай.

Ребята были взбудоражены событиями, Светлана расстроена и встревожена, только Дикарь вел себя так, будто ничего не произошло.

Он вдруг начал рассказывать о приключении с тигром, осмелял самого себя и восхвалял находчивость Светланы. Все смеялись, Светлана покраснела, а Алиса подумала, что Дикарь не так уж плох.

— А завтра что вы делаете? — спросил Пашка, который был страшно благодарен Дикарю, что тот ни словом не обмолвился о его прыжке в реку.

— Завтра? Разве можно планировать жизнь на столько часов вперед? Представь себе, я пойду ночью обратно, меня сожрут хищники. И никто не пожалеет...

— Не говорите глупостей, — сказала Светлана. — Вы можете остаться у нас.

— Спасибо за приглашение...

И тут зазвонил видеофон. Так резко, что звон его разнесся по всему лесу.

Светлана чуть не опрокинула стул и бросилась в комнату. Все обернулись к открытой двери.

Дикарь подхватил стул, поставил его на место и сказал:

— Ну вот, они отгуляли на карнавале и теперь вспомнили, что забыли нас пригласить. На большом экране видеофона появилось лицо пожилого человека с короткими усами.

— Светлана! — сказал он. — У вас все в порядке?

— Не совсем...

— Все здоровы?

— Все здоровы. Я старалась дозвониться к тебе в инспекцию, но никто не подходил.

— И не могли подойти. Ну хорошо, что хоть у вас все в порядке...

— А что случилось?

— Я говорю с резервного пульта на космодроме, — сказал старый инспектор, — потому что моей конторы больше не существует.

— Как так?

— Вы ничего не слышали?

— Ничего.

— В Жанглетоне землетрясение. Часть города разрушена. Несколько человек ранены. Нарушена связь...

По изображению пошли полосы...

— Опять! — крикнул старик. — Я выключаю связь.

— Но что нам делать?

— Оставайтесь у себя. Когда все утихнет, я свяжусь с вами...

Экран замигал, и изображение исчезло. Лишь легкое шуршание доносилось из видеофона.

— Ну вот, — в общей тишине сказал Дикарь. — Я же говорил, что идеальных планет не бывает. У каждой из них в запасе для доверчивых людей есть землетрясения, извержения вулканов, бури, тигры и ядовитые змеи. Кстати, смотрите под ноги. Здесь водятся ядовитые змеи...

С этими словами Дикарь перепрыгнул через перила и быстро пошел к лесу.

— Куда вы? — закричала Алиса. — Возьмите хоть фонарь!

— Фонарь? — обернулся Дикарь. — Чтобы меня видели все кому не лень? В ночном лесу, кишачем хищниками, человек должен быть таким же, как и они, незаметным, коварным и быстрым.

Что-то зашевелилось в кустах.

— Вернитесь! — закричала Светлана.

Дикарь отпрыгнул в сторону и выхватил из кармана небольшой пистолет. Подождал секунду и пошел дальше.

Он растворился в темноте и шуме дождя. Алиса посмотрела на Светлану.

— А у него есть...

— Я видела, — сказала Светлана.

Глава 8. Они любят друг друга!

Поздно ночью старый инспектор смог улучшить несколько минут и позвонил снова. Он выслушал новости, которые сообщила Светлана. Новости ему не понравились, он попросил всех быть осторожными, не уходить из лагеря. И еще сказал, что, вернее всего, туристов с Пенелопы вывезут. Вид у него был измученный, невыспавшийся, дела в городе были плохи.

Утром погода исправилась. Хоть дул холодный ветер и по небу бежали быстрые облака, дождь перестал и туман, окутавший к утру весь лес, рассеялся.

— Сегодня останемся в лагере, — сказала Светлана. — Но ничего страшного. У нас накопилось множество дел, надо разбирать коллекции, приводить в порядок снимки и записи. Объявляю день камеральных работ.

За завтраком Пашка сказал:

— Как там наш Дикарь? Добрался ли?

— Думаю, ничего с ним не случилось, — сказала Светлана. — У него склонность к театральным эффектам.

— А если он наступил на ядовитую змею? — спросила добрая Наташа. — Или тигр на него напал...

— Надо бы сходить проведать его, — сказал Пашка.

— И не мечтай, — сказала Светлана.

— А если он истекает кровью?..

— У него есть передатчик, я его спрашивала, — сказала Светлана. — Только он не захотел оставлять своих позывных. Все. Кто дежурный? Ты, Джавад? Дежурный моет посуду, а остальные за работу!

Пашке работать не хотелось. Некоторое время он покрутился в лаборатории, потом сказал, что, наверно, простудился и хочет отдохнуть. Никто не возражал, и он отправился в палатку.

В палатке он пробыл недолго. Быстро натянул башмаки, накинул непромокаемую куртку, сунул в карман свой знаменитый перочинный нож, затягиватель ран и плитку шоколада, потом подошел к окошку палатки, чтобы убедиться, что никто не выглядывает из домика.

Пусто, тихо, лишь воет ветер.

Пригнувшись, Пашка выбрался из палатки, бегом пересек открытое пространство и скатился к реке. Прежде чем его отсутствие заметят, пройдет какое-то время. Он уже будет далеко.

Пашкой руководило не только беспокойство за судьбу Дикаря, но и любопытство. Могло же случиться, что Дикарь встретился со стаей тигров и теперь лежит в палатке, не в силах добраться до передатчика и сообщить, что истекает кровью. Но в то же время Пашка сильно рассчитывал на то, что Дикарь жив и можно поглядеть, как живет этот таинственный враг цивилизации.

... Хорошо, что его предупредила какая-то птица — громко и испуганно закричала над головой.

Впереди, метрах в трех, из травы поднималась треугольная змеиная голова.

«Этого еще не хватало! Опять Дикарь прав. Насколько он мудрее всех ученых, включая даже прекрасную Светлану, — подумал Пашка, отступая на шаг и глядя под ноги — вдруг там еще одна змея. — Он прав: никому нельзя верить, ни одной планете. Планеты уважают только сильных, только борцов и героев».

— А ну, с дороги! — крикнул Пашка змее. — Я — человек! Я здесь господин!

Змея тем временем выползла на холмик. Она была невелика, с полметра, и, вернее всего, подумал Пашка, вовсе не ядовитая. Пашка вытащил нож и метнул его в змею, чтобы отрубить ей голову. Нечего делать змеям в двух шагах от лагеря.

Нож пронесся рядом с головой змеи и воткнулся в землю. Змея не уползла, а зашипела и раздула шею.

Надо подобрать нож. Но как это сделать? Пашка пошел вокруг, глядя под ноги, чтобы не наступить на какого-нибудь гада. Когда он снова поглядел на змею, то увидел, что змея, увеличившись до метра, успела отрастить вторую голову. И эта вторая голова тянулась к Пашке.

Пашка остановился. Придется взять еще правее. И главное, не бояться. Если убежать от каждой паршивой змеи...

Третья голова вытянулась так, что закрыла Пашке путь назад. Тут же возникла и четвертая. Она увеличивалась на глазах, пришлось отпрыгнуть вбок. Теперь на холмике сидело внушительное чудовище — четырех... нет, уже шестиголовое, отовсюду Пашке грозили разинутые пасти и ядовитые зубы.

Вот это страшно...

Пашка замер. Вдруг змее надоест преследовать или она примет его за сухое дерево. Змея не унималась. Она словно издевалась над Пашкой.

Пашка не хотел, но закричал:

— На помощь!.. Помогите!

Крик получился слабый, конечно, его не услышат в лагере. И никто его теперь не спасет...

Глаза змеи, пустые, словно стеклянные, блестели в метре от лица.

— Помогите!

Пашка зажмурился... «Ну зачем я только не послушался Светлану!..»

Эту, может, последнюю Пашкину мысль прервали сухие хлопки выстрелов. Пашка раскрыл глаза.

Трах! — одна из голов поникла. Трах! — вторая разлетелась на куски. Трах! — третья отлетела, отрезанная от шеи...

Змея собралась в клубок и с легким шуршанием умчалась в заросли.

И будто ее не было.

Как в страшном сне.

— Что, перепугался, мой отважный друг?

В нескольких метрах от Пашки, пряча пистолет за пояс, стоял Дикарь.

— Я бы тоже на твоём месте перепугался. И вообще — урок на будущее. Если не вооружен, лучше отступить перед незнакомой опасностью.

— И вы так всегда делаете?

— Всегда, — сказал Дикарь. — Отвага должна быть разумной. Ты куда идешь?

— К вам в гости, — сказал Пашка.

— И что ж тебя на это надоумило?

— Я боялся, а вдруг что-нибудь случилось...

— Ты беспокоился обо мне?

— Да.

Пашка старался не смотреть на Дикаря. Он понимал, какую чепуху несет, — он, мальчишка, беспокоился о настоящем супермене...

Но Дикарь не смеялся. Он взял твердыми длинными пальцами Пашку за подбородок, поднял его лицо. Глаза у него были такими печальными — вот-вот заплачет.

— Неужели на свете есть люди, которым не все равно, жив я или нет? И это ты, Пашка? Ты, мой маленький друг?

Дикарь обнял Пашку за плечи, и они не спеша, как самые близкие товарищи, пошли через заросли к палатке Дикаря, которая одиноко стояла посреди небольшой полянки.

Когда до палатки оставалось несколько шагов, Дикарь нажал на драгоценный камень на своем браслете. Легкий щелчок донесся со стороны палатки, воздух заколыхался, будто пролетел порыв ветра.

— Что это? — спросил Пашка.

— Я снял защитное поле, — сказал Дикарь. — Я не люблю, когда в палатку забираются, если меня нет дома. Представляешь, какой-нибудь тигр порвет мои любимые игрушки. Заходи, будь гостем.

Палатка была большой, круглой, как половина шара. Пашка почему-то думал, что это будет хижина из толстых бревен с одним окошком-амбразурой, чтобы отстреливаться, если на тебя нападут...

Правда, внутри обстановка была куда более романтической. Там стояла походная койка, на которой были брошены грудой шкуры, у постели на полу валялся большой синий рог, оправленный в серебро, стояли высокие сапоги и походная фляга, обтянутая змеиной кожей.

Посреди палатки — белый кубик электропечки, на которой стоял котелок. В нем бурчала, пузырилась каша. А за печкой что-то большое, накрытое пластиком. С потолка свешивалась переносная лампа, сделанная из уха веронцецкого дракона, а пол был покрыт ковром, сшитым из оранжевых шкур.

— Ну как? — спросил Дикарь. — Нравится? Хочешь чего-нибудь выпить? Джин, виски, водка, пурсанский круц, спирт, настоящий на яде нага, или что-нибудь покрепче?

— Спасибо, я не пью, — с достоинством ответил Пашка, который отлично понял, что Дикарь шутит.

— Ну и великолепно. Тогда отведай крельного сока — это с Фальмагусы. Я там как-то охотился на вертушаек, освободил от их гнета одну деревню, и старейшина подарил мне целую бочку этого сока. Кстати, за каждую его каплю на Сириусе дают по алмазу. Я мог бы сказочно разбогатеть. Но разве в этом счастье?

— Не в этом, — сказал Пашка, осторожно отхлебывая из маленького стаканчика. Сок был кисловатый, приятный, но, в общем, ничего особенного. Странные вкусы на Сириусе.

— Нравится? — спросил Дикарь.

— Угу!

— А мне нет, — сказал Дикарь. — Я рад, что ты не забыл обо мне.

— Можно с вами пойти на охоту? — спросил Пашка.

— А почему ты решил, что я иду на охоту? Может, я спешу в Жанглетон спасти людей, пострадавших от землетрясения...

— Тогда я тоже!

Пашка вскочил, хлопнул себя по боку и понял, что свой драгоценный нож он забыл на месте схватки с многоголовой змеей.

— Ты ножик потерял! — догадался Дикарь. — Возьми мой. Мне для тебя, честно говоря, ничего не жалко.

И он протянул Пашке изумительный кинжал, рукоять которого была сделана из голубой кости.

— Ну что вы, — смутился Пашка. — Я не могу...

— Все можно. Если тебе что-то предлагают, никогда не отказывайся. Кстати, его рукоять сделана из зуба акуллоида-людоеда. Я за ним гнался четыре часа. Это было... Извини.

Дикарь поглядел на часы. Видно, ему пора уходить.

Он сказал:

— Конечно, я мог бы взять тебя с собой.

— В Жанглетон?

— Нет, у меня другие дела. А к тебе есть личная просьба. Правда, я не знаю, умеешь ли ты хранить тайны?

— Умею, — сразу ответил Пашка. — Честное слово.

— Я другого ответа и не ждал. Тогда слушай: мы со Светланой полюбили друг друга...

— Не может быть!

— Ты еще мало знаешь женщин. Чаще всего они наиболее резки к тем, кого любят. Уж поверь моему опыту.

— Я вам верю, — сказал Пашка.

— Понимаешь, — продолжал грустно Дикарь, — как много препятствий на пути к нашему счастью...

— Вы так полюбили друг друга за три дня? — удивился Пашка.

— Нет. Мы любим друг друга уже четвертый год. И я здесь из-за любви к Светлане...

— Ну вот... — сказал Пашка разочарованно. Грустно, когда твой герой оказывается простым влюбленным.

Ведь ни одна женщина не стоит того, чтобы из-за нее лететь на другую планету и терпеть лишения, когда на свете есть столько интересных дел и приключений.

— Ты во мне разочаровался? — спросил Дикарь со свойственной ему пронизательностью.

— Нет, что вы! — сказал Пашка. — Это ваше дело.

— Теперь слушай: ты вчера видел по видеофону старика.

— Да.

— Это главный инспектор заповедника планеты. Он жестокий и злой старик. Он никогда не простит Светлане, если она соединится со мной. Поверь, если он узнает, что Светлана меня любит, он найдет способ ее погубить.

Пашка застыл. Перед ним раскрывались страшные тайны. Трудно представить, что такое может существовать на мирной Пенелопе.

— Ты понимаешь, — продолжал Дикарь, — почему мы должны таиться? Поэтому Светочка так строга со мной, хотя, поверь, ее сердце обливается кровью. Сколько еще можно притворяться? Ответь мне, есть ли предел ее страданиям?

— Нет.

— Поэтому я должен Светлану украсть. Понятно?

— Да.

— И ты должен нам со Светланой помочь.

— А как?

— За разрушенным городом у меня спрятан небольшой космический корабль. На нем мы улетим. Сейчас ты вернешься в лагерь и до вечера неотлучно будешь при Светлане. Но ни слова — она не простит мне, что я доверился мальчишке. Она не понимает, что ты уже настоящий мужчина.

Пашка только кивнул.

— Вечером, как стемнеет, ты позовешь Светлану на берег озера. Найдешь предлог. Я буду вас ждать. Как только мы со Светланой уйдем, ты поднимешь тревогу. Только не сразу, дашь нам уйти подальше. И когда тебя будут спрашивать — стой на своем: ты видел, как Светлану украл неизвестный дикарь, а она сопротивлялась.

— Ясно.

— Твоя задача: от Светланы ни на шаг. Охраняй ее. Инспектор что-то подозревает. Я на тебя надеюсь.

— Я сделаю все, что могу, — сказал торжественно Пашка.

— А теперь беги. Встретишь змею — брось в нее мой нож. Он самонаводящийся.

— Я пошел, — сказал Пашка.

Дикарь вышел с ним из палатки. Стало совсем холодно. Снова собирался дождь.

— Погоди минутку, — сказал Дикарь.

Он вынес из палатки шапку, сделанную из хвоста какого-то зверя. Хвост был длинный

— егохватило на то, чтобы обернуть вокруг головы, а сзади он свисал на спину. Пашка сразу стал похож на охотника из романа Фенимора Купера.

— Беги. Я на тебя надеюсь.

Палатка Дикаря давно скрылась за деревьями. У Пашки сжималось сердце: в его руках — счастье двоих людей.

Он подумал, что лицо инспектора ему сразу не понравилось. Это было неправдой, но Пашка умел себя убеждать.

Глава 9. Где живет собака?

Пашка вышел на открытый берег озера и тут увидел, что навстречу ему кто-то спешит. Светлана!

Неужели она так неразумна, что сама, без свидетелей идет к своему возлюбленному? Но ведь Дикаря сейчас уже, наверно, нет дома.

— Стойте! — закричал Пашка. — Стойте, Светлана! Его нет дома.

Светлана подбежала ближе.

— Ты куда делся? — спросила она. — Я чуть с ума не сошла, когда ты пропал.

Пашка только отмахнулся.

— Я был у него, — сказал он. — Там все в порядке. Можете не беспокоиться.

— За кого я должна беспокоиться? — притворилась удивленной Светлана. — Как тебе не стыдно! Ты что, маленький, что ли? В такой тревожный день убежать, и никому ни слова!

Пашка вздохнул. Светлана вела себя правильно. Ведь она думает, что Пашка не в курсе ее дел. А открыться нельзя, хотя, честно говоря, Пашке смертельно хотелось намекнуть ей, что у нее есть верный союзник — Павел Гераскин.

Светлана хотела пойти напрямик к лагерю, через луг, но Пашка остановил ее:

— Не надо, там многоголовые змеи. Дикарь еле справился с ними, когда они меня окружили.

— Ты опять выдумываешь?

Пашка только развел руками. Разве можно спорить с женщиной?

— Ладно, пошли напрямик, — сказал он. — Дикарь подарил мне самонаводящийся нож.

Но тут Светлана, конечно, передумала, и они пошли дальним путем, у самой кромки воды. Светлана молчала, сердилась. Пашка тоже решил помолчать.

Наверху, у палаток, стоял Джавад, держа парализующий пистолет.

Пашку кольнула ревность. Светлана никому не доверяла свой пистолет. Хоть Пашка и просил ее об этом. А вот Джаваду дала.

— Нашелся? — сказал Джавад. — Я так и думал, что он к своему Дикарю побежал.

— Никто не звонил? — спросила Светлана.

— Звонил инспектор из города. Сказал, что постарается сегодня приехать.

— Хорошо бы, — сказала Светлана.

И, не глядя больше на Пашку, она быстро прошла в свой домик.

— Ну и дурак же ты, — сказал Джавад. — Что у тебя за сооружение на голове?

— Шапку Дикарь подарил, — сказал Пашка небрежно. — Кстати, мне пришлось сразиться с многоголовой коброй.

— И ты до сих пор жив? — спросил Джавад не без ехидства.

С веранды сбежал Аркаша с ведром в руке.

— Джавад, — сказал он, — Светлана просила проводить меня к реке за водой.

— Пошли, — сказал Джавад, взвешивая пистолет в руке.

«Нет, — подумал Пашка, — здесь меня никто не понимает...»

— Ой! — воскликнул Аркаша. — Откуда у тебя это?

Аркаша показывал тонким пальцем на шапку.

— Подарили, — коротко ответил Пашка.

— Кто подарил? Говори сейчас же!

— Дикарь ему подарил. У них дружба, — сказал Джавад. Пашка понял, что Джавад ему завидует. Ну и пусть.

— Он разбойник! — закричал Аркаша тонким голосом. — Его нужно немедленно выгнать с планеты!

— Что еще такое? — спросил Пашка. — Кого выгнать?

— Твоего Дикаря. Вот кто убил рогатую собаку! Это ее хвост.

— А ты откуда знаешь? — спросил Пашка.

— Я видел. Я, честное слово, видел заднюю половину с хвостом, когда она здесь гуляла.

Я бы никогда не спутал...

— Ничего удивительного, — сказал Пашка. Надо было защитить честь друга. — Он мне сам рассказывал. Он нашел заднюю половину, уже мертвую. Вот и сделал из хвоста шапку. И мне отдал.

— Я тебе не верю!

Светлана вышла на шум.

— Что здесь происходит?

— Пашкина шапка сделана из рогатой собаки, — сказал Джавад. — Аркаша узнал.

— Дикарь ее случайно нашел, — упорствовал Пашка.

— Когда же? — спросил Джавад.

— Сегодня утром.

— И сразу сшил шапку?

— И сразу сшил.

— И ты этому поверил?

— Дай сюда шапку, — сказала Светлана. — Я покажу ее инспектору.

— С удовольствием, — сказал Пашка, снимая шапку. — Светлане отдам. Хотя инспектору я бы ее показывать не стал.

Он подмигнул Светлане, чтобы она поняла, как опасно давать в руки инспектору такое оружие против ее возлюбленного.

Но Светлана или не поняла, или хитрила.

Пашка надеялся, что она сообразит, как себя вести.

Ребята ушли наконец за водой. Пашка с облегчением вздохнул. Не жалко ему было шапки, и не в собаке дело. Наверняка Дикарь ни в чем не виноват. Хотя Пашка в глубине души допускал, что Дикарь мог и застрелить собаку, не задумываясь над такими пустяками. Нельзя сказать, что Пашка одобрил бы такой поступок. Но он, по крайней мере, понимал романтическую душу Дикаря. Дикарь был влюблен. И этим многое объяснялось.

Пашка собрался было пойти в дом, поглядеть, что делает Светлана, — обещал же глаз с нее не спускать. Но в этот момент из-за дома, где кончалась дорога из города, выскочил маленький мобиль на воздушной подушке, в котором сидел старик с неприятным лицом —

инспектор. А снизу от реки показались Джавад с Аркашей. Аркаша что-то возмущенно кричал, а Джавад шел на шаг сзади, нес в одной руке пистолет, в другой — ведро.

Пашка оказался точно в центре, к которому стремились старик и ребята. Старик вылез из мобиля и с интересом слушал, как Аркаша набросился на Пашку:

— Это все ты со своим Дикарем!

— Что еще случилось? — спросил Пашка.

— Там еще одна мертвая половина собаки, — возмущался Аркаша. — Джавад тоже видел. Теперь ему не отвертеться. Он перебил всех собак. Это же преступление!

— Ну-ка, объясните, молодой человек, — сказал инспектор. — Кто здесь убивает собак?

— Дикарь. У Светланы есть шапка. Он шапку Пашке подарил. Я когда первый раз увидел, то страшно удивился, а потом заднюю половину увидел. Вы себе не представляете, какое это зрелище... — Аркаша вдруг замер с открытым ртом. Рот медленно-медленно закрывался. Аркаша сказал: — Эврика! Я догадался!

Светлана стояла на веранде.

— Кром, как хорошо, что ты приехал!

— Здравствуй, девочка, — сказал Кром. — Сначала я хочу узнать, что здесь происходит с половинами собак. Что это еще за загадка?

— Я ее решил, — сказал Аркаша. — Но перед тем как все рассказать, я должен отыскать переднюю половину, только живую, а потом засесть в засаду.

— Боюсь, что это исключается, — сказал инспектор, поднимаясь на веранду. — Мы решили свезти все туристские группы на космодром и, как только прибудут корабли, вызванные с ближайших систем, всех эвакуировать. Планета закрывается.

— Но мы же не туристы! — воскликнул Пашка. Надо было любой ценой задержать инспектора. Ужасно представить, какое разочарование постигнет влюбленных, если инспектору удастся увезти Светлану!

Аркаша с Джавадом побежали в дом, чтобы послушать, о чем там будет идти разговор.

О Пашке забыли.

Но он уже знал, что делать.

Он со всех ног бросился к навесу за домом, где стоял большой мобиль Светланы, на котором приехали биологи. Недаром Пашка занимался в техническом кружке, даже конструировал гоночные мобили. Он знал, что сделать, чтобы мобиль не мог двинуться с места. Он не стремился к собственной выгоде. Он должен был защитить хрупкое счастье своего друга.

Когда Пашка вошел в комнату, все слушали рассказ инспектора о событиях в городе. Светлана вопросительно подняла брови, а Пашка кивнул ей: не беспокойся, я сделал все как надо. Светлана пожала плечами.

— А теперь, — сказал инспектор, — расскажите мне о таинственной собаке.

— Боюсь, что вы мне не поверите, — сказал Аркаша, — потому что такого не бывает.

— Все на свете сначала не было, а потом началось, — задумчиво сказал инспектор. Он был маленький, лысый, и даже удивительно, как мог угрожать Светлане.

— Я думаю, — сказал Аркаша ученым тоном, — что мы столкнулись на этой планете с принципиально новым типом животных. Что мы видели? Сначала одну половину, потом другую, которые гуляют раздельно. Значит, это для них естественно!

— Ну и что же? — сказала Наташа Белая.

— Не перебивай. Я считаю, что рогатые собаки живут не только в пространстве, но и во времени. Передняя половина собаки уже гуляет по сегодняшнему дню, а задняя пока что остается во вчерашнем.

— Ой, — сказала Наташа, — ты, Аркашка, гений.

— Боюсь, это слишком смело, чтобы сразу поверить, — сказал инспектор, но Аркаше эти слова пришлись по душе.

— Конечно, — сказал он, — слишком смело. Но все на свете сначала не было, а потом началось.

Инспектор улыбнулся.

— Знаете, как Дикарь на них охотится? — сказал Аркаша. — Он выслеживает совершенно беспомощную заднюю половину собаки и отрезает у нее хвост. А передняя гибнет от боли. Светлана, покажите шапку.

Инспектор мельком взглянул на шапку и отложил ее.

— Это очень интересно, но сейчас, — он взглянул на часы, — важнее другое. Я обещал в городе, что через час привезу вас обратно. Сами понимаете, свободных машин в городе нет и ваш мобиль тоже нужен.

— А Дикарь? — спросил Аркаша. — Неужели вы оставите его здесь?

— Этого не случится, — сказал инспектор. В его словах Пашке послышалась угроза. — Как только мы перевезем вас на космодром, я вернусь за ним.

Пашка взглянул на Светлану. Ему показалось, что она побледнела. Еще бы, такое крушение планов!

— Может, Светлана останется здесь? — спросил Пашка. — Чего ей с нами в город мотаться?

Светлана сделала вид, что удивилась.

— Нет уж, — сказала она. — Во-первых, я по второй специальности медик и могу пригодиться в городе, а во-вторых, я боюсь тигров и змей.

— Пашка, — сказала Алиса, глядя на друга с подозрением, — ты говоришь такие странные вещи, что я начинаю сомневаться...

Она не договорила, в чем сомневается, потому что Машенька сказала:

— Надо быстро собираться. Ведь у нас все материалы, коллекции разбросаны.

— Может, оставим их здесь? — спросил инспектор, но все так зашумели, что он махнул рукой и сказал: — Тогда я помогу вам грузить добро в мобиль.

Пашка спокойно пошел со всеми. Генератор тяготения был надежно спрятан в кустах. Мобиль никуда не поедет.

— Ты чего не собираешься? — спросил инспектор.

— А мне нечего собирать... все уже в рюкзаке, — соврал Пашка.

Ветер дул все сильнее. Пашка пожалел, что отдал шапку Светлане. Может, пойти в дом и взять ее? Все-таки подарок.

Он помог Аркаше перетащить громадную стопу гербарных листов, потом поднялся на веранду. Шапка лежала на стуле. Светлана звенела какими-то склянками. Каково ей, несчастной, подумал с грустью Пашка. Не хотел бы он оказаться на ее месте. Он надел шапку.

— Светлана, — послышался голос инспектора, — что-то случилось с твоим мобилем. Ты на нем давно ездила?

«Начинается», — подумал Пашка и отошел в угол веранды, откуда было все видно.

Инспектор сидел в кабине мобиля, нажимал на кнопки. Машина жужжала, но, разумеется, не приподнималась ни на миллиметр.

«Давайте пробуйте, — не без злорадства подумал Пашка. — Наша фирма работает как часы».

Минут через десять инспектор вылез наружу. Джавад и Машенька, которые старались помочь ему, стояли рядом.

— Мертвое дело, — сказал инспектор. — Как всегда, беда одна не приходит. Что же делать?

Темная туча опустилась над лагерем. Вот-вот должен хлынуть ливень.

— Не отчаивайтесь, — сказал инспектор. — Я слетаю в город на своей блохе. Через час буду здесь с большим мобилем и привезу механика.

Через минуту его машина исчезла за деревьями.

Алиса подошла к Пашке и тихо спросила:

— Ты ничего не делал с мобилем?

Пашка удивился:

— Зачем мне это?

— Как зачем? Чтобы остаться здесь. С тебя станет...

— Алиска, да ты подумай, что говоришь! — постарался возмутиться Пашка. Только это получилось не очень убедительно.

Алиса отошла.

А Пашка подумал, что он получил отсрочку. Но надолго ли?

До вечера еще далеко. Через час вернется инспектор с механиком. Всех увезут. И Светлану, разумеется. И все погибло. Как же он не догадался, что инспектор не откажется от мысли увезти их отсюда?

В его распоряжении всего час. Один час.

Пашка стоял под деревом.

Туча навалилась на поляну, придавила вершины деревьев.

И вдруг, словно открылись краны, с неба рухнули толстые упругие струи воды.

Глава 10. В поисках дикаря

Пашка несся через поляну. Может, повезет? Может, Дикарь уже вернулся? Только бы он был дома...

Дождь хлестал так, что дышать было нечем.

Пашка не думал о тиграх или змеях — в такую погоду ни одна тварь не высунет носа наружу. Раз Пашка грохнулся, проехал животом по луже. Но если ты уже насквозь промок, это не играет роли.

Вот и лужайка. Мокрая, исхлестанная ливнем палатка.

Стараясь перекрыть рев падающей воды, Пашка крикнул:

— Дикарь!

Дверь в палатку была застегнута на «молнию».

— Дикарь! — кричал Пашка, тряся упругую дверь. Палатка пружинила, раскачивалась.

Никто не отзывался.

Пашка нащупал застежку и потянул ее вверх. Дверь отогнулась, и Пашка быстро, чтобы не залило дождем, пролез в палатку и затянул вход.

В палатке было почти темно.

— Дикарь, — позвал Пашка без всякой надежды.

Никто, конечно, не откликнулся.

В палатке почти ничего не изменилось. Только пластик в дальнем конце был откинут. Видно, Дикарь спешил, отбирая нужные ему вещи.

То, что осталось, никак не вязалось с хозяином палатки.

Там были свалены какие-то инструменты, буры, приборы, скафандр средней защиты, поблескивал мощный космический передатчик. Несколько собачьих пушистых хвостов валялось между приборами, а сверху поблескивал боевой бластер, точно такой же Пашка видел как-то в музее на Марсе, но совершенно новый, зловещий.

Пашка взял его в руки. Бластер был тяжелый. Пашка положил его обратно. Он думал, зачем Дикарю все эти штуки? Ведь он же...

Но когда человек хочет верить своему другу, он всегда найдет оправдание. Конечно же, решил Пашка, ведь Дикарь — космический разведчик-следопыт. И этот бластер у него не для развлечений. На неисследованных планетах надо быть готовым к любым неожиданностям.

Но где же может быть Дикарь? Наверно, он волнуется, ждет того момента, когда они со Светланой смогут убежать с этой проклятой Пенелопы. А если опоздаешь, все погибло.

Дикарь говорил, что у него здесь космический корабль. На нем они должны убежать. Но где же?

Пашка стукнул себя по лбу. Так, в суматохе, свое имя забудешь, сказано же: у разрушенного города. За час туда не успеть.

Но не возвращаться же в лагерь, не ждать же, пока всех увезут в город.

Больше Пашка не раздумывал ни секунды.

Если бежать напрямик, то можно срезать половину пути.

Но вскоре Пашка пожалел, что побежал напрямик. Лес стал гуще, лианы и колючки тянулись к нему со всех сторон, словно хотели остановить. Стало темно, не было видно, как корни ставят подножки одинокому человеку, бегущему через лес. Кто-то страшно ухал над головой, словно подгоняя Пашку. Листва смыкалась черным потолком, и оттуда срывались капли размером с яблоко.

Конца лесу не было. Пашка мечтал лечь и передохнуть, но не смел остановиться, потому что понимал, что этот лес — живой. Он ждет, когда человек свалится, и тогда опутает его корнями и лианами, чтобы высосать, как паук муху.

И вдруг впереди — свет. Поляна.

Поляна поросла высокой, по пояс, травой. Волны ветра и дождя пригибали стебли травы, и Пашка увидел, что по поляне бежит стая передних половинок собак.

«Когда же эти половинки соединятся?» — подумал Пашка. Он верил, что Аркадий, который когда-нибудь станет великим ученым, правильно разгадал их тайну. Наверно, их половинки соединяются в полночь.

Пашка устало брел по траве, как по воде, разгребая стебли руками. Трава нехотя расступалась перед ним и сразу смыкалась сзади.

Впереди снова вставали стеной деревья. Может, он сбился с пути?

И тут впереди и чуть правее раздался гулкий и длинный удар. Словно кто-то стукнул палкой по стальной двери.

И сразу все стихло. Даже дождь измельчал и осторожно постукивал по травинкам

маленькими каплями.

Может, это Дикарь проверяет двигатели своего корабля? Может, что-то с ним случилось?

Пашка забыл об усталости.

Он побежал, забирая вправо, туда, где в стене леса виднелась прогалина.

Глава 11. Пашка исчез

Прошло, наверно, минут десять с тех пор, как инспектор уехал за помощью. Все вещи хоть в спешке, кое-как, но уложены в машину, палатки оставили стоять — может, пригодятся. Тем более что они мокрые.

Аркаша сидел в машине, осторожно раскладывая гербарные папки. Он был расстроен больше всех, потому что был уже на пороге важных открытий. Маша с Наташей помогали Светлане собирать приборы на биостанции. Джавад гулял с пистолетом по веранде, охранял лагерь.

А вот Пашки нигде не было.

«Умеет же человек пропадать, — подумала Алиса. — Куда же он опять запропастился?»

Алиса решила не поднимать шума. Она накинула куртку и спустилась с веранды.

— Ты куда? — спросил Джавад голосом сурового часового.

— В палатку, — сказала Алиса, — поглядеть, не забыли ли чего.

— Иди, — сказал Джавад. — В случае чего я тебя прикрою.

— Спасибо, — сказала Алиса, стараясь попасть ему в тон. Мужчины любят, чтобы их принимали всерьез.

Подойдя к палатке мальчиков, Алиса обернулась. Веранда почти скрывалась за стеной дождя. Темный силуэт Джавада маячил на веранде.

Она заглянула в палатку. Хорошо бы Пашка там спал. Она даже представила себе, как он спит, — на боку, рука под щекой, и посапывает.

Кровать Пашки была пуста. На полу валялись какие-то бумажки, один башмак, объектив от аппарата. Все-таки они свиньи, мальчишки, подумала Алиса. Ну кто будет за ними убирать? Она знала, что у девочек Машенька уходила последней, и уж она не оставит за собой беспорядка.

Пашкино поведение в последние дни смущало Алису. С того момента, как появился этот Дикарь с его романтическими наклонностями, Пашка как обезумел. Он даже стал ходить, как Дикарь, ступая сначала на носок, а потом на пятку, — сам-то он, конечно, не замечал, что подражает.

И сегодня он бегал к Дикарю, а когда вернулся, на его физиономии было написано: «Ах, что я знаю, но вам, простые смертные, не скажу». Почему-то он глаз не сводил со Светланы и даже ей подмигивал. Что еще они с Дикарем задумали?

И тут Алиса поняла, что Пашка решил здесь остаться. Все уедут, а он, герой, останется.

Но для того чтобы привести свой план в исполнение, Пашке надо где-то надежно спрятаться — не в палатке и не в соседних кустах. А что, если Дикарь обещал Пашке помочь? Сказал, что они останутся в джунглях вдвоем — два дикаря, два настоящих бродяги!

Ну конечно же, Пашка скрывается в палатке у Дикаря.

Алиса взглянула на часы. Прошло минут пятнадцать с тех пор, как уехал инспектор.

Позвать Джавада, чтобы он проводил ее до Дикаря? Нет, пускай уж он охраняет лагерь... Алиса вышла из палатки.

— Джавад! — крикнула она, перекрывая шум дождя.

— Чего? — донесся его голос.

— Я посплю в палатке, что-то устала. Когда будете уезжать, не забудьте меня.

Эта мысль показалась Джаваду очень забавной.

— Обязательно забудем! — закричал он. Смех его сливался с журчанием воды и шумом деревьев.

Через несколько минут Алиса уже стояла на поляне, где жил Дикарь.

— Павел, — сказала она строго, подойдя к двери, — выходи сейчас же. Твои жалкие попытки остаться в джунглях разоблачены следопытами.

Палатка загадочно молчала.

— Есть здесь кто-нибудь живой? — спросила Алиса.

Молчание.

— Дикарь, — сказала Алиса. — Можно войти?

Молчание.

— Что еще за детские шутки! — рассердилась Алиса. — Двое мужчин прячутся от одной девочки.

Она нашла застежку, растегнула «молнию» и вошла в теплый и сырой полумрак палатки.

— Ну, где вы прячетесь?

Она вынула из кармана фонарик, с которым никогда не расставалась.

Кровать из звериных шкур, печка с кастрюлей каши на ней, лампа, груда оборудования... Луч фонаря упал на пол. Мокрые следы вели через палатку. Пашка был здесь. И совсем недавно — следы не успели высохнуть.

Пашка не застал своего нового друга. Покрутился, покрутился и побежал куда-то дальше. Может, он вернулся и они разминулись? Нет, надо знать Пашку с его упрямством, он никогда не вернется, если уж задумал здесь остаться. Значит, он знает, где искать Дикаря. Но где? Алиса этого не знала.

Она остановилась перед грудой приборов, рассматривая передатчик, тяжелый бластер, разбросанные, словно забытые в спешке, хвосты половинчатых собак... Дикарь тоже куда-то спешил. Он — совсем не тот, за кого себя выдает. Никакой он не дикарь, только изображает из себя веселого простака. Но зачем?

В палатке делать нечего. Алиса подумала, что похожа сейчас на последнюю жену Синей Бороды, которая забралась в тайную комнату и трепещет: вдруг кто-то войдет и застанет ее здесь.

Она вышла под дождь. Уж полчаса прошло с тех пор, как Пашка сбежал. Плохо дело, придется возвращаться и рассказывать обо всем Светлане. Мало ей других неприятностей.

И тут до Алисы донесся далекий глухой удар.

Взрыв.

Что в той стороне? Разрушенный город? В разрушенном городе они встретили Дикаря.

Дождь сразу утих, словно взрывом разметало облака. Может, рискнуть — пройти в ту сторону, к разрушенному городу? Ведь там кто-то есть. А кому там быть, кроме Дикаря и Пашки?

Алиса еще несколько секунд колебалась — идти ей или все-таки вернуться, но в конце

концов она решила, что лучше найти Пашку самой.

Правда, до города далеко. Придется спешить.

Алиса сбежала к реке и побежала по берегу, поближе к воде, где был песок и потому не так скользко.

Глава 12. Говорящий тигрокрыс

Второй взрыв, куда ближе, Алиса услышала, когда пробежала мимо кустов, где в прошлый раз они встретили тигрокрыса. Теперь уже никаких сомнений не было: кто-то есть в разрушенном городе. Наверно, с городом связана какая-то важная тайна.

Дождь почти перестал, иногда в просветах облаков мелькало солнце, и тогда сразу начинало парить.

Ни одна птица, ни одна бабочка так и не показалась — видно, все еще прятались в своих гнездах и норах.

В воздухе была какая-то тревога, что-то должно было случиться...

И в этот момент земля дрогнула. Качнулись вершины деревьев, взвыл ветер, под ногами застонало, словно кто-то громоздкий стремился выбраться наружу.

Алиса не удержалась на ногах и полетела на песок, ушибив локоть. Когда она попыталась встать, новый толчок снова бросил ее на песок. Ей показалось, что нависший над ней обрыв начал осыпаться: вот-вот погребет ее. Но ничего поделать она не могла, потому что лежала, вцепившись в какие-то травинки, а земля, такая надежная, оказалась зыбкой и коварной.

Постепенно дрожание и грохот утихли. Алиса смогла поднять голову — часть обрыва съехала к реке, и глыбы земли остановились всего в метре от Алисы.

Алиса медленно поднялась и стала стряхивать с себя песок и грязь. Больше всего ей хотелось броситься обратно в лагерь... Она даже попыталась утешить себя тем, что Пашка, наверно, давно уже возвратился. Но, уговаривая себя вернуться, Алиса уже сделала первый шаг вперед, к разрушенному городу. Хуже нет, чем возвращаться с полпути. А землетрясения на открытом месте, на берегу совсем не страшны. Кто боится землетрясений?

— Ну, кто боится землетрясений? — спросила Алиса вслух.

— Ты, — ответил низкий, хриплый голос.

В десяти шагах от Алисы, широко расставив когтистые лапы, вытянув вперед голову, стоял громадный, выше ее, тигрокрыс.

Алиса даже не пыталась убежать. Она отлично поняла, что этот зверь настигнет ее одним прыжком. Может, нырнуть в реку, как Пашка, переплыть ее?..

— Не убегай, — сказал тигрокрыс.

Он говорил! Ей не показалось!

И все-таки Алиса постаралась заглянуть за спину зверя. Тигрокрыс показался примитивным хищником.

— Это я говорю, не удивляйся, — сказал тигрокрыс. Пасть его открывалась, и внутри шевелился розовый язык.

Если хищник разговаривает, мелькнула мысль, значит, он не намерен на тебя нападать. Значит, с ним можно договориться. Это ведь только в сказках волки говорят: «Я тебя съем, Красная Шапочка». В жизни хищники никогда не беседуют со своими жертвами — так можно с голоду помереть.

— Я и не убегаю, — сказала Алиса. — Просто уж очень много событий. И ливень, и землетрясение, и вот вы...

— Чтобы с тобой разговаривать, мне нужно произносить звуки. А чтобы произносить звуки, мне нужен рот, язык и зубы, — сказал тигрокрыс.

— Но у вас есть рот, язык и зубы, — сказала Алиса.

— Вот именно. Поэтому я с тобой и разговариваю.

Наступила пауза. Довольно неловкая, потому что Алиса ничего не поняла, а тигрокрыс понял, что Алиса ничего не поняла. Почему-то Алиса подумала: «Вот я стою, а там, может, Пашка ждет меня. Он ждет, а я тут со зверями разговариваю». И тут до нее дошло: вот кто, оказывается, хозяин планеты. А Дикарь на него с дубинкой бросался, Светлана стреляла из пистолета. Хорошо еще, что только усыпила. Впрочем, и он хорош, пугает прохожих... А что, если он не нападал, а только хотел поговорить? Ведь была бы сейчас у Алисы с собой какая-нибудь пушка, могла бы с перепугу и убить тигрокрыса.

— Простите, — сказала Алиса. — Вчера мы вас приняли за хищника...

— Ничего. Это входило в наши замыслы. Мы за вами внимательно следили. Очень внимательно. Сначала не возражали, а теперь говорим: уезжайте отсюда. Вам ясно?

— А почему мы должны уезжать отсюда?

— Вы оказались такими же, как те. И чем скорее вы уедете, тем лучше. Даю вам три дня сроку.

Тигрокрыс повернулся и скрылся в кустах.

— Да по стойте же! — крикнула Алиса.

Она бросилась вслед за ним, зажмурившись, потому что мокрые ветки хлестали по лицу, и не заметила, как врезалась в теплый шерстистый бок тигрокрыса.

— Ой, — сказала она. — Вы меня испугали...

— Я не пугал, — сказал тигрокрыс. — Я жду вопроса. Ты бежала за мной, потому что хотела что-то спросить.

— Вы, наверное, сердитесь, что Светлана в вас выстрелила? — спросила Алиса. — Но ведь вам никакого вреда от этого не было. А Светлана защищала нас.

— Человек, — сказал тигрокрыс скучным голосом, — при чем тут одинокий выстрел? Я о нем готов забыть. Мы недовольны людьми. Уходите.

— А почему вы это говорите мне? Ведь есть же взрослые люди в городе...

— Я не хожу в город, — рассудительно ответил тигрокрыс.

Он был прав. Алиса представила себе, как такое чудовище придет в Жанглетон и попытается поговорить с туристом.

— Пришли бы в лагерь.

— Там есть пистолет, — сказал тигрокрыс. — В меня станут стрелять.

— Но ведь это только усыпляющий...

— Когда я усыплен, — сказал тигрокрыс со свойственной ему логикой, — я не могу говорить. Ты тратишь время. Скажи людям, чтобы ушли.

— Но мне же не поверят.

— Почему? Разве не все равно, с кем говорить? Ты можешь говорить здесь с любым существом. Почему тебе не поверят?

— Ну, представьте себе, я возвращаюсь обратно и говорю, что встретила чудовище, которое мне велело передать, чтобы все люди улетели с планеты...

— Теперь я ничего не понимаю.

К удивлению Алисы, чудовище уселось на камень, подперло когтистой лапой морду и задумалось.

— Значит, один человек может говорить другому то, чего в самом деле нет? — спросил наконец тигрокрыс.

— К сожалению, бывает и так, — вздохнула Алиса.

— Значит, один человек может делать то, о чем не знают другие люди? И чего они бы не одобрили?

— Так бывает, — осторожно сказала Алиса. — Вернее, так бывало раньше, а теперь так почти не бывает...

Тигрокрыс тяжело поднялся с камня и сказал загадочно:

— Никогда нельзя принимать решений, не посоветовавшись с виновной стороной.

Пока Алиса обдумывала эту фразу, тигрокрыс ушел.

Алиса вернулась на берег реки. Несмотря на разговор с тигрокрысом, она все-таки решила сначала отыскать Пашку. Плоскогорье уже близко...

Странное животное. Совершенно не похоже на разумное существо... Но ведет себя как хозяин планеты. Может, в разрушенном городе раньше жили тигрокрысы?

Подъем на плоскогорье показался коротким, и вот она уже стоит на краю равнины, над которой поднимаются могучие деревья.

Никого не видно.

По заброшенной дороге Алиса пошла к развалинам.

Впереди, где в прошлый раз они встретили Дикаря, что-то чернело. Когда Алиса подошла поближе, оказалось, что это вывернутое с корнями громадное дерево. Комки земли были разбросаны метров на сто вокруг. За деревом виднелась широкая воронка — все, что осталось от развалин большого дома.

Алиса стояла на краю воронки и оглядывалась по сторонам, стараясь понять, куда же могли деваться люди. Вдруг услышала знакомый уже глухой голос:

— Ты не знала о том, что здесь случилось?

Алиса оглянулась. Никого вблизи. Голос доносился сверху. Где же прячется тигрокрыс?

На торчащем высоко вверху корне вывороченного дерева сидела большая темно-зеленая птица. Это она говорила голосом тигрокрыса.

— Как же я могла знать? — удивилась Алиса. — Я же была далеко.

Птица широко разевала клюв, старательно выговаривая слова.

— А он тебе не сказал?

— Кто?

— Тот, кто сделал два взрыва.

— Я даже не знаю, кто это сделал. Хотя подозреваю, что Дикарь.

— Вы его называли Дикарем. Вы с ним ели и пили коричневую воду.

— Чай, — сказала Алиса. — Эта вода называется чай.

— И он не сказал?

— Ничего он мне не сказал. Вообще он странный человек.

— Это непостижимо, — сказала птица.

Для Алисы было непостижимо, куда делся Пашка.

— Скажите, — спросила она, — а этот Дикарь был здесь один?

— Сначала он был один. Потом к нему пришел маленький человек, — сказала птица.

— А где он теперь?

— Они ушли, — сказала птица. — Он сделал мне больно. Мне давно не делали так больно, как этот Дикарь.

— Может, я могу вам помочь? — спросила Алиса у птицы.

— Нет, — коротко ответила птица. — Ты мне не поможешь.

Птица расправила крылья. Изнутри они казались голубыми. Она быстро поднялась в небо и полетела к дальнему лесу.

Пашка с Дикарем куда-то ушли. Где же их искать?

Алиса вскарабкалась на торчащие к небу корни, чтобы с высоты оглядеть окрестность.

Вдали что-то блестело. Космический корабль?

Глава 13. Дикарь собрался улетать

Пашка прибежал на плоскогорье за полчаса до Алисы.

Дерево, которое Алиса увидела вывороченным с корнями, тогда стояло накренившись — первый взрыв не смог его свалить. У дерева сидел на корточках Дикарь, подготавливая новый взрыв.

Пашка обрадовался, увидев друга.

— Дикарь, — закричал он, — Дикарь!

Дикарь вскочил и побежал к нему навстречу.

— Ложись! — крикнул он страшным голосом.

Он сбил Пашку с ног, и тут же раздался оглушительный взрыв. Вокруг летели обломки камней, комья земли. Когда все утихло, Дикарь поднялся на ноги и сердито сказал:

— Носятся здесь самоубийцы.

— Я же не знал, что вы взрываете, — сказал Пашка. — Можно было человеческими словами объяснить...

Дикарь только отмахнулся и пошел к сваленному дереву. Пашка бежал сзади и говорил:

— Я же не так просто прибежал. Надо спешить...

— Я и спешу, — сказал Дикарь.

— Но вы всего не знаете...

В этот момент началось землетрясение, которое свалило с ног Пашку и Дикаря.

Пашка подполз к своему другу и прижался к нему.

Земля перестала содрогаться...

Дикарь оттолкнул Пашку, поднялся и сказал:

— Задержка, задержка, а каждая минута на счету.

— Я к вам так спешил... — сказал Пашка.

Пашка был как гонец, израненный, умирающий, который добегает до царского шатра, чтобы сообщить, что приближаются враги. А царь занят другими делами.

— Зачем спешил? — спросил Дикарь, поднимаясь на кромку воронки.

— Он приехал.

— Кто он?

— Ваш враг, инспектор.

— Куда приехал? — спросил Дикарь, оглядывая воронку сверху.

— В лагерь приехал. Понимаете?

— Ну и что?

Дикарь начал осторожно спускаться внутрь воронки.

— Он хочет увезти нас со Светланой.

— Ну и что?

Дикарь начал разгребать руками землю.

Пашка в полном отчаянии пытался растолковать Дикарю, что случилось.

— Он хотел всех посадить в машину и увезти в город...

— Так чего же не увез?

— Я им помешал. Я же знал, что тогда вы не сможете соединиться со Светланой.

— С какой еще Светланой?

Дикарь злился, он не находил того, что искал.

— Вы же сказали, чтобы я не спускал глаз со Светланы.

— Ну и не спускал бы.

— Вот я и сломал машину, чтобы они не смогли уехать.

— Сломал?

— Но инспектор уехал в город за новой машиной. Прошло больше часа, он, наверно, уже вернулся...

— Ах ты, какая неудача! — сказал Дикарь. — Нет хуже услужливого дурака. Уехали бы в город. А теперь тебя хватятся, будут разыскивать. Еще сюда прибегут.

— Зато Светлана спасена.

— На что мне твоя Светлана... — Дикарь не договорил. Из-под земли показался угол черного ящика. Дикарь сел на корточки, разгребая землю. Через несколько секунд ящик оказался в руках Дикаря.

И тут Пашка увидел, как земля с краев воронки начала осыпаться — все быстрее и быстрее... Комья застучали по спине и затылку Дикаря, который ничего не замечал.

— Дикарь! — закричал Пашка. — Вас засыплет!

Дикарь все мешкал. И опоздал. Земля накрыла его с головой. Пашка с ужасом смотрел, как его друг исчез.

Раздумывать было некогда. Пашка прыгнул внутрь воронки и стал быстро разгребать землю руками, словно щенок, который откапывает любимую кость. Земля была рыхлая, с краев воронки сыпались новые комья. Но, к счастью, и Дикарь не сдавался — вот уже показалась его голова.

— Я думал, не вылезу! — крутил головой Дикарь. — Там лопата. Скорей же!

Пашка бросился за лопатой. Дикарь торопил его, ругался, а когда ему удалось освободить руки, передал Пашке тяжелый черный ящик, а сам, опираясь на лопату, выбрался следом.

Пашка поставил ящик на край воронки и понял, что обижен на Дикаря. Хотя бы спасибо сказал.

Дикарь никак не мог вылезти наверх. Земля осыпалась под ним, тянула обратно. Он протянул Пашке лопату и приказал:

— Тяни!

Пашка тянул из последних сил. Вот-вот и его самого затянет внутрь. Но все кончилось благополучно. И вот они стоят рядом на краю воронки.

— Проклятие! — сказал Дикарь, пытаясь вытащить комья земли из когда-то золотых волос. — Все это подстроено. Точно тебе говорю — подстроено. Я еще с ними рассчитаюсь.

— С кем? — спросил Пашка.

— Со мной лучше не шутить. Ну ладно, пошли.

— Куда?

— Чем меньше будешь задавать вопросов, тем дольше проживешь, — ответил Дикарь, поднимая ящик. Он спустился к дереву. Пашка увидел в траве два туго набитых мешка.

— Бери один, — сказал Пашке Дикарь.

Мешок оказался легким, словно был набит мехом.

— Что в нем? — спросил Пашка, закидывая мешок на плечо.

Дикарь взял другой мешок.

— Собачьи хвосты, — сказал Дикарь. — Целое состояние. На Паталипутре модницы за них отдадут что угодно.

— Это вы столько собак убили? — удивился Пашка.

— А что их, оставлять, что ли? Это же уроды!

— Нет, — сказал Пашка. — Они не уроды. Они просто живут во времени. Передняя половина сегодня, а задняя — вчера.

— Вот умора, — захохотал Дикарь. — А я думал, чего они такие? Значит, она смотрит, а хвоста еще нет?

— Не смейтесь, — сказал Пашка; он был огорчен, что Дикарь так вел себя на планете. — Они же умирают. Они обязательно умирают, если отрезать хвост.

— Еще смешнее, — хохотал Дикарь, — нет хвоста, и разрыв сердца. Я умру от смеха. Когда я расскажу об этом, все помрут...

Впереди показался небольшой космический корабль.

Настроение у Пашки было гадкое. Как будто он сам в чем-то виноват.

— Это ваш корабль? — спросил он.

— Мой.

— Так вы не возьмете Светлану?

— Я передумал.

— Я не понимаю, — сказал Пашка, — я так старался...

— Забудь об этом, — сказал Дикарь. — Мы с тобой вольные бродяги...

— Но ведь вы же говорили...

— Мало ли что я говорил. Полетишь со мной. Я из тебя воспитаю отличного волчонка. Мы с тобой будем желанными гостями в Сером облаке. С этим ящиком...

— Нет, — сказал Пашка. — Меня ждут.

— Неужели ты не романтик? — удивился Дикарь.

Корабль был уже близко.

— Романтик, но, наверно, другой...

— Романтик должен быть авантюристом, — сказал Дикарь. — Ни одна душа в Сером облаке не верила, что я смогу достать черный ящик с сокровищами Кандоры, который потеряли лигмейцы, когда бежали с этой планеты. А я достал. Видишь, как просто!

— Кто бежал с этой планеты?

— Те, кто нарушил мой покой, — сказала змея, поднимая голову из травы.

Это была большая зеленая змея.

В мгновение ока Дикарь бросил мешок, выхватил пистолет и ударил по змее смертоносным лучом.

— Но она говорила... — ахнул Пашка.

— Теперь больше не заговорит.

Дикарь подхватил мешок и, побежав к кораблю, открыл люк и кинул его внутрь.

— Давай свой мешок, — сказал он Пашке.

Пашка передал мешок. Трудно переносить такое разочарование.

— И Светлану вы совсем не любили? — спросил он, хотя можно было бы и не спрашивать — и так ясно.

— Кого? Эту девочку? Ты не представляешь, какие красотки ждут меня в Сером облаке... Неужели ты не понял, что мне нужно было от тебя отделаться? А ты, мой друг, перестарался.

Ослепительно улыбаясь, Дикарь поставил на край люка черный ящик.

— Ты не летишь со мной?

В голове у Пашки проносились быстрые мысли. Он уже все понял. Дикарь — космический разбойник.

Пашка отрицательно покачал головой.

— Ну как знаешь...

— Пашка! — раздался далекий крик.

По полю бежала Алиса.

— Еще чего не хватало! — сказал Дикарь и выхватил пистолет.

— Не смей! — закричал Пашка.

И бросился к нему.

Дикарь спрятал пистолет. Он все еще улыбался.

— Ты мне понадобишься, — сказал он, схватил Пашку за пояс и забросил, как мешок, в люк корабля. — Они не посмеют стрелять, если ты будешь со мной.

Он прыгнул в люк и задраил его.

Алиса все это видела. Она уже была совсем близко.

Но опоздала.

Корабль приподнялся над землей, трава полегла от удара разгонных двигателей.

С легким шипением корабль поднялся над долиной и пошел вверх.

Глава 14. «Считаю до десяти...»

Алиса смотрела, как поднимается, уменьшаясь, корабль, а по ее щекам катились слезы. Она не заметила, как сзади опустился мобиль и из него выскочил старый инспектор.

— Он похитил парня? — спросил инспектор.

— Да, — сказала Алиса. — Пашка не хотел улетать.

— Все будет хорошо.

Он включил связь.

— Прием, — сказал он. — Прием.

Загорелся экран видефона. На нем возникло лицо молодого человека в форме космического патруля.

— Капитан Симон, — сказал старик, — ты меня принимаешь?

— Отличная связь.

— Дикарь две минуты назад стартовал с плоскогорья. Ты его сейчас можешь засечь на локаторе. Объяви тревогу среди спасательных кораблей, которые летят к Пенелопе. Особо опасный преступник.

— Там Пашка, — сказала Алиса.

— Учти, — продолжал старик, — на борту корабля похищенный мальчик. Требуется предельная осторожность. Корабль может быть вооружен.

— Не беспокойтесь, инспектор, — сказал молодой капитан. — Мы его не упустим.

Экран погас.

— Не расстраивайся, Алиса, — сказал старик.

— Я клянусь, Пашка не подозревал, что Дикарь — преступник.

— Мы тоже не догадались. Только сейчас поняли, что под видом Дикаря скрывается один из последних космических пиратов Серого облака. Это мы виноваты.

— Так вы в самом деле не знали? — раздался уже знакомый Алисе глухой голос. — Только не стреляйте. Он только что меня убил. Это очень больно.

Говорила змея. Большая зеленая змея.

— Ничего мы не знали, — сказала Алиса, — сколько раз вам нужно повторять одно и то же.

— И о взрыве не знали?

— Нет.

— И когда он ловил рыбу в озере, вы тоже в этом не участвовали?

— Нет.

— И не охотились с ним?

— Нет.

— Кто вы? — спросил инспектор.

— Это странно, — сказала Алиса. — Сначала со мной разговаривал тигрокрыс, потом птица, а теперь змея, но все одним голосом. Как будто один и тот же человек переодевается.

— Девочка права, — сказала змея. — Это говорю я, планета Пенелопа.

— Понятно, — сказал старик. — Мы давно чувствовали неладное. Эта планета слишком правильно организована.

— Я организована так, как мне удобнее, — сказала змея.

— Вы хотите нас изгнать? — спросил старик.

— Много лет назад ко мне уже прилетали подобные вам. Они построили город, как раз

на этом плоскогорье. Они начали бурить меня, они рубили деревья, они убивали животных, которых я вырастила. Я предупреждала их. Я хотела показать им, что все здесь, до последней мошки, это я. Одна я. Я создала хищных животных. Они не послушались. Они рыли во мне ямы, разыскивая металлы. Я наслала на них дожди и бури. Они не послушались. Я пыталась говорить с ними — они стреляли в моих посланцев. Тогда я разрушила город. И те, кто остался жив, убежали.

— Но мы же старались вас не тревожить.

— Поэтому я терпела. Мне было интересно. Но потом все началось снова... Тот человек, который улетел...

— Он не человек. Он давно изгнан из общества.

— Я не знала, что люди могут враждовать между собой. Я думала, что вы все такие же...

— Так, значит, это вы сделали тигрокрысов, хищных рыб и змей? — спросила Алиса.

— Да, — сказала змея. — Я хотела, чтобы вы ушли.

Экран приемника загорелся.

— Мы вышли с ним на связь, — сказал патрульный капитан. — Слушайте.

На экране была видна рубка патрульного корабля.

Алиса подошла поближе.

Что-то холодное коснулось руки.

Она невольно убрала руку: громадная зеленая змея тоже смотрела в экран.

Патрульный капитан говорил:

— Дикарь, Дикарь, вы обнаружены. Мы предлагаем вам немедленно пристать к искусственному спутнику.

— Черта с два, — раздался голос Дикаря. — Прежде чем сдаться вам, я взорву десяток таких, как ты.

— Но в конце концов погибнете сами, — сказал капитан.

— Вы не посмеете, — сказал Дикарь. — У меня на борту ваш мальчишка.

— Вы сейчас в центре силового поля. Через пять минут оно сомкнется. Сдайтесь добровольно...

— Не успеете, — засмеялся Дикарь. — Я уже за пределами атмосферы Пенелопы. Здесь свободная Галактика. Меня ждет корабль моих друзей.

— Корабль ваших друзей сдался нам два часа назад.

— Не верю!

— Придется поверить. Я соединяю вас со спутником.

Сиплый голос произнес:

— Он прав, Дикарь, нас схватили. Ты узнаешь меня, неустрашимого бродягу?

— Черт возьми, это подстроено...

— Считаю до десяти... — сказал молодой капитан.

...До лагеря ехали мобилем.

Инспектор сказал, что Пашка вернется только к вечеру.

Змея, не спросив разрешения, забралась в мобиль и оказалась очень разговорчивой. До самого лагеря она, не переставая, задавала вопросы. Алиса с инспектором устали на них отвечать.

А когда мобиль затормозил у веранды и Светлана с ребятами выбежали их встречать, змея, забыв, что не все с ней знакомы, вышла из машины вместе с Алисой, обмотав ее плечи

и положив голову ей на плечо, чтобы не прерывать беседу.

Можно представить, что подумала Светлана, когда она увидела, что Алиса, измазанная в земле, мокрая и растрепанная, выходит из мобиля, подобно статуе древнегреческого героя Лаокоона, а змея при этом довольно громко, глухим басом рассуждает:

— Меня, надо признаться, растрогало то, что вы отменили воздушные полеты надо мной, чтобы не беспокоить птиц и насекомых. Поэтому тем более горьким было разочарование...

Алиса покорно кивала головой.

При виде Алисы Светлана не выдержала: уж очень переволновалась за день, — и грохнулась в обморок. Джавад с Аркашей еле успели подхватить ее.

А змея не обратила на это внимания — она, видно, решила, что Светлана легла спать. Она поглядела на Аркашу и сказала:

— И еще мне хотелось бы поближе познакомиться с Аркадием Сапожковым, который догадался, что мои драгоценные рогатые собаки живут во времени...

Шкатулка пиратской мамы

Глава 1. Приезжай на Брастак отведать скрррулей

Вот и подошли к концу каникулы на планете Пенелопа. Пора возвращаться.

Лагерь в джунглях собран, коллекции погружены в мобиль, палатки свернуты и спрятаны в домике биостанции, батискаф Машеньки Белой запакован в рюкзак, коллекцию бабочек Джавад бережно держит на коленях...

Из леса медленно вышел зверь тигрокрыс и копает передней ногой землю, печалится, расставаясь с друзьями. За ним появилась стая собак. Хвосты гуляют отдельно, головы — сами по себе.

— Ничего не забыли? — спросила Светлана.

— Аркашу Сапожкова забыли, — сказала Наташа Белая. — Только что тут был.

— Он оставил в лаборатории шесть самых драгоценных гербарных папок, — сказал Пашка Гераскин.

— Немудрено, — сказала Алиса Селезнева, — их у него восемьсот двадцать, вчера до самой ночи пересчитывал.

— И все самые драгоценные, — добавил Джавад.

— Я схожу попрощаюсь с тигрокрысом, — сказала Алиса.

— Ни в коем случае, — возразил Пашка. — Он тебя заговорит.

— Постой-ка, — вспомнила Светлана. — Я вчера в городе взяла для тебя письмо, сунула его в карман и забыла. Прости.

Светлана протянула письмо Алисе.

— Ой, какая марка! — воскликнул Пашка. — У меня такой в коллекции нет.

— Еще бы! — Алиса посмотрела на обратный адрес. — Это из Брастака. — На марке был изображен объемный черно-зеленый котенок с одним голубым глазом посреди лба.

— Какой миленький, — сказала Наташа Белая. — Почему их к нам на Землю не привозят?

— Может, они ростом с трехэтажный дом, — сказал Джавад.

— Их не могут завозить, — сказала Алиса. — Они сами иногда приезжают. На научные конференции или на переговоры.

— Они разумные? — удивилась Наташа.

— Разумнее нас с тобой. Только планета Брастак маленькая, лежит в стороне от основных путей, а брастаки — домоседы.

— Они с трехэтажный дом? — спросил Джавад.

— Нет, — сказала Алиса, — котята как котята.

Наташа засмеялась, а Алиса поняла, что не совсем правильно выразилась, поэтому добавила:

— То есть они похожи на котят. Но у них нет хвостов. Кстати, на марке нарисован их великий путешественник Кк-ррр.

— Ты умеешь читать на их языке?

— Немножко. Как-то я была в археологической экспедиции, там подружилась с одним археологом с Брастака. Его зовут Рррр. Это от него письмо.

— Слушай, Алиса, — сказал Пашка. — Ты ведь марок не собираешь?

— Собираю. Флору и фауну.

— Но ведь великий путешественник — это не фауна. Отдай его мне.

— Бери с конвертом.

От дома бежал Аркаша Сапожков, сгибаясь под грудой гербарных папок.

— Поехали? — спросила Светлана. — Надеюсь, больше ничего не забыли?

— Там все чисто, я проверил, — сказал Аркаша.

Мобиль приподнялся над землей и заскользил по дороге к городу. Передние половинки собак горестно завывали, а тигрокрыс помчался громадными прыжками за мобилем, добежал до поворота дороги, остановился, подняв длинный тонкий полосатый хвост, и опустил голову. Прощайте, друзья!

— Ну и что он тебе пишет? — спросил Пашка, любуясь маркой.

— Светлана, — обернулась Алиса к биологине, — сколько от Пенелопы лететь до Брастака?

— Никогда не летала, — сказала Светлана. — Придется тебе в городе спросить.

— Ты собираешься на Брастак? — удивился Пашка — А как же школа?

— Рррр приглашает меня на великий праздник, который бывает раз в три года. На этом празднике все едят скрррулей. Он меня давно обещал пригласить.

— А что такое скрррули? — спросил Аркаша. — Если это живые существа, то есть их — варварство.

— Честное слово, не знаю, — ответила Алиса. — Только он мне говорил: отведаешь скрррулей — на всю жизнь запомнишь.

— А как же твои родители? Они ведь ждут тебя? — сказала строго Машенька Белая.

— Я лучше прочту письмо.

«... Я написал на Землю, что хотел бы видеть тебя, мой старый друг, на празднике скрррулей, но твой уважаемый отец сказал, что ты улетела на Пенелопу. О, решил я, мне повезло. От Пенелопы до Брастака рукой подать. Я тут же сообщил твоему уважаемому отцу, что ты можешь побывать у нас на празднике и успеть домой к началу учебного года. Двадцать первого августа на Пенелопе останавливается лайнер, идущий на Абрадабру с остановкой на Брастаке, а двадцать шестого от Брастака стартует к Солнечной системе „Аристотель“. Так что ты отведаешь скрррулей и успеешь в школу. Твой уважаемый отец провел совет с твоей уважаемой мамой, и они выразили согласие с моим скромным планом. Билет тебе заказан. С нетерпением жду тебя на космодроме. Твой уважающий профессор космической археологии, почетный член восемнадцати академий и научных обществ. Рррр».

— Вежливые у тебя друзья, — сказал Джавад.

— Ты не представляешь, какой он замечательный!

— Повезло человеку, — сказал Пашка. — Скрррулей отведаешь.

— Я тебе привезу, — сказала Алиса.

— Если бы их можно было перевозить, давно бы привезли на Землю, — сказал Аркаша. — Наверно, их можно есть только свежими.

— Сегодня двадцатое, — сказала Светлана. — Значит, тебе придется улететь раньше, чем остальным. А мы хотели съездить на Синие озера.

— Ничего, в следующий раз съезжу, — сказала Алиса. Понятно было, что человеку интересней загадочные скрррули, чем пенелопские Синие озера.

На следующий день с утра поехали на Синие озера. Вернее, не все. У Пашки вдруг заболел живот, и он остался в гостинице.

Алиса сама принесла ему завтрак из ресторана, но Пашка грустно поглядел на фрукты и чай с молоком и сказал:

— Уж лучше я сегодня не буду есть. Какая досада! Если меня не взяли на Брастак, хоть бы съездил на Синие озера.

— Пойми, Пашка, — сказала Алиса. — Я бы тебя с удовольствием взяла куда угодно, потому что ты мой друг. Но я не могу предупредить Рррр, что приеду не одна. Кроме того, на корабле может не быть мест. И что скажут твои родители, если ты не вернешься со всеми?

— Все это так, — сказал Пашка. — Но можно написать моим родителям, что я остаюсь с тобой. Ты же знаешь, как моя мама тебя уважает. Она совершенно не будет беспокоиться.

— Нет, Пашка, исключено, — сказала Алиса и оставила его в грустном одиночестве. А сама поехала на космодром, чтобы узнать, когда прилетает лайнер на Абрадабру.

Небольшой космодром Пенелопы, у города Жангле-многоточие, кишел туристами. Только что опустился специальный рейс с Пилагеи. Пилагейские туристы в диких, с точки зрения землянина, одеждах — юбках до земли и широких шляпах — с букетами искусственных цветов, с пустыми корзинками в руках и с маленькими магнитофонами на запястьях шли сплошным потоком.

Алиса отыскала справочного робота, у которого, как назло, сломался блок ответственности. Вместо того чтобы сообщить Алисе, когда прибывает корабль на Абрадабру, он пригласил ее гулять в парк аттракционов. Пришлось разыскивать дежурного, вместе с ним ловить робота. Время шло, так что, когда Алиса вернулась в гостиницу, до прилета корабля оставалось полчаса. Когда она собрала свою сумку, осталось двадцать минут, переделась — пятнадцать, побежала к Пашке, чтобы попрощаться, — двенадцать, когда обнаружила, что Пашка куда-то смылся, — десять. Завтрак был начисто съеден — видно, не так уж Пашка был болен. Притворялся, специально остался, чтобы уговорить Алису.

Алиса примчалась на космодром, когда посадка на корабль заканчивалась. Алиса Селезнева была в списке пассажиров. Подхватив сумку, она побежала через поле и успела к кораблю как раз в тот момент, когда последняя пилагейская туристка поднималась по трапу.

В переходнике пассажирского лайнера было пусто, лишь последняя туристка насаждала на работа-стюардессу, говоря на ломаном галактическом языке — космолингве:

— Мой запасной шляпа есть драгоценный цветок, но отсутствует и непонятно.

— Найдется ваша шляпа, обязательно найдется, — успокаивала туристку стюардесса. — Может быть, вы ее сдали в багаж?

— Мой шляпа нельзя в багаж, ибо есть цветы ломались и гибли. Вы ясно? — У пилагейки были черные очки в пол-лица.

— Тебе, девочка, в какую каюту? — спросила стюардесса.

— В восемнадцатую.

— Направо, четвертая дверь, — сказала стюардесса. — Ты одна летишь?

— Конечно, одна.

— А раньше ты летала?

— Много раз, — сказала Алиса.

— Перед стартом я все равно к тебе загляну — погляжу, знаешь ли ты правила.

— Пожалуйста, заглядывайте, — сказала Алиса, сделав вид, что не обиделась.

— Мой запасной шляпа, — сказала туристка с Пилагеи, — суть редкий цветок.

Алиса сказала:

— Но у вас же осталась хорошая шляпа на голове.

— Девочка, суть не вмешивайся. Есть взрослый беседа. Не исключено, что потеря мой запасной шляпа связана с тобой характер. Соблазнение суть велико. Как великий сувенир.

— Как вам не стыдно так думать! — возмутилась Алиса.

— Слушай, девочка, — сказала замороченная стюардесса, которая уже не чаяла, как избавиться от туристки. — Иди в свою каюту, а то скоро старт.

Алиса пожала плечами: не хотите, чтобы я вам помогла, не надо. Чужих шляп мне не нужно. А что касается сувениров, то у меня такие есть, о которых вы и не мечтали!

Продолжая мысленно разговор с пилагейкой, Алиса дошла до своей каюты. Там она вынула из сумки зубную щетку и другие нужные в путешествии вещи, положила их на полку над умывальником. Откинула койку. По правилам положено во время старта лежать. Хоть в современных лайнерах перегрузки почти не чувствуются, но старое правило никто не отменял. Сейчас придет стюардесса и обязательно проверит. Плохо быть такой молодой. Всегда к тебе недоверие.

В дверь постучали. Вот и стюардесса.

— Войдите, — сказала Алиса.

В дверь боком влезла пилагейская туристка.

— Вы есть здесь обитаешь? — спросила она, сверкая черными очками. — Ты здесь прячет мой запасной шляпа?

— Простите, — сказала Алиса, — но сейчас будет старт, и вам надо быть в вашей каюте. А то стюардесса вас хватится, старт отложат, и все будут недовольны.

— Сначала я есть найду свой запасной шляпа, — упрямо сказала туристка. — Она есть под твоя кровать.

— Я же вам сказала!

Туристка одним длинным шагом пересекла каюту.

— Я сейчас позову стюардессу, — сказала Алиса и протянула руку к звонку. Но туристка хлопнула ее по руке маленькой корзинкой.

— И не мечтай, Алиса, — сказала она. — Ты меня погубишь.

Туристка сорвала с себя очки. У нее было лицо Пашки Гераскина. Алиса ничего и сказать не успела, как он подобрал длинное платье, под которым обнаружились ходули, упал на колени и быстро заполз под койку.

В дверь снова постучали.

— Попробуй только меня выдать, — прошипел Пашка. — Я тебя буду всю жизнь презирать. И других заставлю.

В каюту заглянула стюардесса.

— Девочка, — сказала она, — через пять минут старт. Я так и думала, что ты никогда раньше не летала на кораблях. Сейчас же ложись и пристегни себя ремнями.

Алиса, ругая про себя последними словами Пашку Гераскина, послушно прыгнула в кровать, и стюардесса пристегнула ее ремнями. Тут Алиса поняла, что стюардесса вот-вот услышит, как быстро и громко дышит под кроватью этот дурак Пашка, и на всякий случай громко и надрывно закашлялась.

— Что с тобой? Ты простужена? — спросила стюардесса.

Ну хоть бы поскорее ушла!

— Нет, крошка в дыхательное горло попала.

— Я после старта к тебе загляну — погляжу, как ты себя чувствуешь. Или врача пришлю.

— Ни в коем случае, — сказала Алиса. — Я себя уже хорошо чувствую.

— Странная девочка, — сказала стюардесса и, взглянув на часы — до старта оставалось две минуты, — поспешила к двери.

— Пашка, я тебя презираю, — сказала Алиса, когда за стюардессой закрылась дверь. — Я же тебе все объяснила, а ты применил такой низкий способ, чтобы проникнуть на корабль.

— Во-первых, не низкий, — ответил Пашка из-под кровати. — Если ты думаешь, что я ограбил какую-нибудь пилагейку, ты глубоко ошибаешься. Я честно-благородно обменял мою коллекцию значков на запасную одежду одной туристки, которая только что прилетела на Пенелопу. Клянусь тебе, она выиграла от этого обмена.

— Ты променял все значки, которые собрал на Пенелопе?

— Зато я отведаю скрррулей, а это что-нибудь да значит.

— Все равно я на тебя зла...

В этот момент зазвенел звонок — старт.

Алиса вытащила из-под головы подушку и сунула ее под кровать.

— Возьми, низменный авантюрист, подложи под голову, а то еще расшибешь макушку.

— Ты не представляешь, какая у меня крепкая макушка, — ответил из-под кровати «низменный авантюрист». — Но пойми же, я бы никогда не смог проникнуть на корабль иначе. Мне надо памятник поставить за изобретательность.

— На планете обманщиков.

— На планете великих обманщиков. Только пилагейские туристы всегда ходят организованными группами, их даже никто не считает. Если уж пилагеец идет на корабль, значит, у него не только билет, но и путеводитель, и магнитофон, и сумка для сувениров — все как полагается.

Алису легонько прижало к кровати. Корабль начал подъем.

— Слушай, а как же твои? Они с ума сойдут, куда ты делся.

— Я оставил в комнате у Джавада письмо, в котором написал, что у тебя случайно оказался второй билет на корабль.

— Мне стыдно, что ты мой друг.

— Зато, — не сдавался Пашка, — я отведаю скрррулей.

Глава 3. Их никто не встретил

В первый день Алиса с Пашкой почти не разговаривала, злилась на него, но сколько можно злиться? Раз уж она его не выдала стюардессе, надо мириться со спутником. К тому же вдвоем лететь веселее, все-таки почти три дня в дороге, быстрее корабли пока не летают. Плохо только, что голодно, одна порция на двоих.

Как известно, на Брастаке нет космодрома, который принимал бы галактические лайнеры. Поэтому корабль выходит на орбиту и с него спускают планетарный катер-автомат. Он высаживает пассажиров, оставляет почту и возвращается.

Когда по внутренней связи объявили, что корабль подходит к Брастаку и пассажиры,

покидающие его, должны собраться в нижнем эллинге, Алиса с Пашкой уже были готовы.

Алиса подошла к катеру первой, делая вид, что незнакома с пилагейской туристкой, которая ковыляла сзади.

— Ну как, девочка, довольна путешествием? — спросила стюардесса.

— Да, спасибо.

— Питание тебе понравилось? Полюбила ли ты пирожки с заварным кремом, гордость нашего повара?

Алиса ничего не ответила, потому что пирожков ей не досталось. Все сожрал Пашка — не смог удержаться.

За Алису ответила пилагейская туристка:

— Ваш заварной пирожки есть весьма вкусно.

— Что? — удивилась стюардесса. — С каких пор пилагейцы стали есть пирожки? Ведь у вас совершенно другая кухня. Одного пирожка для пилагейца достаточно, чтобы получить расстройство желудка.

— Мой желудок есть синтетический, — поспешила с ответом пилагейка. — Есть настоящий потерян в страшный катастрофа. Теперь могу есть даже железный винт.

Пилагейка оттолкнула Алису и направилась к катеру.

— А вы куда? — еще больше удивилась стюардесса. — Ведь вся группа пилагейцев летит до Абрадабры.

— Я есть думал иначе, — сообщил Пашка, стараясь влезть в люк катера, что нелегко, если ты на ходулях. — Я буду глядеть на пейзаж Брастак, очень хвалят. И покупай новый шляпа. Мне есть стыдно возвращайся домой с одна шляпа. Вам не понять.

Наконец Пашке удалось проникнуть в люк, и он исчез внутри.

— Ничего не понимаю, — сказала стюардесса. — Все пилагейцы летят на Абрадабру, а поодиночке они никогда не летают. Надо сообщить капитану.

— Не надо, — сказала Алиса. — Ну что плохого в том, что пилагейке хочется посмотреть на Брастак? В случае чего я за ней присмотрю.

«Внимание! — сказал голос в динамике. — Катер на Брастак отправляется. Прошу срочно занять свои места».

— Еще раз спасибо за все, — сказала Алиса. — Заварной крем был очень вкусный.

Она прыгнула в катер, и стюардесса закрыла за ней люк.

— Ой, Пашка! — сказала Алиса, усаживаясь рядом с ним в кресло. — Кто тебя тянул за язык?

— Но ты ведь не представляешь, какие были вкусные пирожки. Жалко, что мало. И учти, я ничего не могу поделаться — одна ложь тянет за собой другую.

— Знаешь, что я тебе посоветую? — сказала Алиса. — Ты лучше сними с себя весь этот камуфляж. Теперь он тебе не нужен. Меня встречают, может, с цветами, а ты в таком виде...

— Ни в коем случае! Шутить так шутить! Вся планета будет хохотать, когда узнает, что под обличьем пилагейки скрывается великий шутник Павел Гераскин.

Кроме них, в катере никого не было. Туристы сюда попадают редко, Брастак — планета без достопримечательностей, да и удобств для туристов мало. На всю планету одна гостиница для гостей. В местном доме человеку не уместиться — уж очень велика разница в росте.

Катер опустил на космодроме.

— Пошли, — сказала Алиса.

— Пошли, — сказал Пашка, с трудом поднимаясь на ходули и надевая черные очки. Люк раскрылся.

Впереди, до низкого здания вокзала, расстиралось поле космодрома, выложенное квадратными желтыми и голубыми плитками. И не было на нем ни единого человека, ни одного бростака и даже ни одного робота.

Автоматический катер закрыл люк, зажужжал гравитонными двигателями, поднялся чуть-чуть над полем, замер на секунду и понесся вверх.

Земная девочка и пилагейская туристка стояли в полном одиночестве посреди поля. Дул холодный ветер, вот-вот начнется дождь.

— Ну что? — спросила пилагейка. — Где ваши встречающие? Где есть многочисленные букеты цветов? Может, это не Брастак? И даже спросить не есть у кого.

— Перестань кривляться, Пашка. Здесь какая-то ошибка.

— Тогда нечего стоять посреди поля. Еще подхватишь насморк — единственную неизлечимую болезнь двадцать первого века. Пошли навстречу своей судьбе и скррулям.

Глава 4. Планета в карантине

В низком обширном зале космического вокзала с обычной круглой стойкой дежурного диспетчера, приемными камерами багажа, креслами возле буфета все было, как на любой другой планете, за исключением одного — ни единой живой души.

— Неужели праздник уже начался и они доедают скррулей, не дождавшись нас? — спросил Пашка. — Я этого не переживу.

— погоди ты, — ответила Алиса. — Кому приятно, если тебя пригласили в гости, а встретить забыли? Но космодромы не бывают пустыми. Это невероятно.

Алиса подбежала к справочному бюро и нажала кнопку. Экран не включился.

— Эй! — крикнул Пашка на космолингве. — Кто там гуляет по верхней галерее? Откликнитесь, встретьте космических путешественников.

Алиса подняла голову — никого.

— Кто там был?

— Какой-то человек прошел. Поглядел вниз и исчез.

— Человек?

— В черном комбинезоне и в черном шлеме.

— У тебя галлюцинации, Пашка, — сказала Алиса.

— Не веришь — не надо. Может, отдохнем немного? Мне надоело гулять на ходулях. Это очень утомительно.

Из маленькой двери в зал выбежал темно-зеленый котенок без хвоста с оранжевым глазом посреди лба.

— Рррр! — закричала Алиса. — А мы уж думали, что-то случилось.

— Я не Рррр, — ответил брастак, останавливаясь в десяти шагах. — Я — Мммм. Прошу вас немедленно покинуть планету.

— Как так — покинуть? — удивилась Алиса. — Мы же к вам в гости приехали, нас приглашали.

— Скррулей есть, — добавил Пашка.

— Ничего не знаю, ничего не слышу, ничего не вижу, — ответил Мммм. — Попрошу вас покинуть нашу планету.

— Но как?

— На чем прилетели, на том и улетайте.

— Но мы прилетели на автоматическом катере. Он тут же улетел обратно.

— Минутку, надо посоветоваться, — сказал Мммм. — А вы стойте. Шаг в сторону будет рассматриваться как побег.

— Чудак какой-то, — сказал Пашка. — Сам же выгоняет, сам же не велит двигаться.

— Что-то здесь случилось, — сказала Алиса.

— Тебе нельзя отказать в наблюдательности, — ответил Пашка. — Даже слепой догадается, что здесь что-то случилось. Они не очень любят гостей.

— Неправда, — вступилась за брастаков Алиса. — Они очень гостеприимны.

Мммм уже бежал к ним снова.

— Зачем вы прилетели? — спросил он. — Откуда и куда? Надолго ли?

— Нас пригласили, — сказала Алиса.

— Отведать скрррулей, — добавил Пашка.

— В этом городе скрррулей не будет, — сказал Мммм. — Откуда вы приехали?

— Я с Земли, — сказала Алиса.

— А я — пилагейка, это каждому понятно.

— Меня пригласил Рррр, — сказала Алиса.

— Какой Рррр?

— Профессор археологии. Его здесь все знают.

— Минутку, — сказал Мммм. — Я посоветуюсь и вернусь. Ни шагу в сторону.

— Знаем, — сказал Пашка. — Шаг в сторону будет рассматриваться как побег.

— Здесь что-то неладно, — сказала Алиса. — Вряд ли принято говорить гостям, куда им можно шагать, а куда нет.

Вернулся Мммм.

— На планете эпидемия, — сказал он. — Заразная эпидемия. Все лежат.

— Но еще две недели назад, — сказала Алиса, — о ней и речи не было.

— Эпидемия началась десять дней назад, — сказал Мммм. — Вся планета в карантине.

— И Рррр болен?

— Я же сказал — все больны.

— Что же делать? Нам не на чем улететь обратно.

— Мы посоветовались и решили, что вам надо будет подождать следующего корабля в гостинице для почетных гостей. Никаких контактов с больными. Ваша жизнь в опасности. Шаг в сторону...

— Знаем, знаем, — сказал Пашка. — Вот тебе и отведаль скррррулей.

— Следуйте за мной, — сказал Мммм и поспешил к выходу.

Они оказались на пустой площади. Шел дождь. Перед дверью стояла низкая длинная машина с решеткой сзади.

— Сюда, — сказал Мммм.

Он обежал машину сзади, встал на задние лапы, открыл замок и раздвинул решетку.

— Это такси? — спросил Пашка, осторожно спускаясь на ходулях по мокрым от дождя ступенькам.

Мммм ничего не ответил. И так ясно, что это не такси.

Пашка все-таки поскользнулся и грохнулся у самой машины. Шляпа с цветами отлетела в сторону, длинное платье задралось, и обнаружили деревянные ходули.

— У вас протезы? — спросил Мммм.

— Нет, — сказала Пашка, стараясь подняться. — У нас есть такой мода, понимает? Называется высокий каблук.

Алиса помогла Пашке подняться и взобраться в машину.

Мммм со скрипом задвинул решетку и повернул ключик. Потом опустил металлическую шторку.

В машине стало темно, как в подzemелье. И тесно — потолок в метре от пола. Пришлось сесть на пол.

— Да сними ты свои протезы! — сказала Алиса.

— Ни в коем случае, — сказал Пашка. — У нас на Пилагее только так и ходят. Я уже начинаю привыкать.

Машина рывком тронулась с места и поехала неизвестно куда.

— Эх, разве так встречают гостей! — сказал Пашка.

— Но у людей несчастье, эпидемия, карантин.

— Я и говорю: разве гостей встречают эпидемиями?

Глава 5. Гостиница для почетных гостей

Машина резко затормозила и замерла. Слышно было, как Мммм хлопнул дверцей, обошел машину. Заскрипела шторка. Глаза отвыкли от света, и Алиса зажмурилась.

— Выходите, — сказал Мммм. — Только ко мне не приближаться, я в карантине.

Алиса спрыгнула на асфальт. За ней, громыхая ходулями и поддерживая одновременно шляпу, платье, корзиночку и сумку, выбрался Пашка.

Машина стояла в пустом дворе, с трех сторон окруженном трехэтажным зданием. Окна были закрыты, и никто не подошел к ним, чтобы поглядеть, кто же это приехал. Часть двора была завалена пустыми ящиками, бочками, там же стояли небольшие, словно из детского сада, машины.

Мммм взбежал по маленьким ступенькам к низкой двери, открыл ее.

— Сюда, по одному.

— Не хочу! — вдруг взвился Пашка. — Это куда вы нас привезли?

— В гостиницу для почетных гостей.

— А почему с заднего хода?

— Парадный закрыт по случаю карантина, — сказал Мммм.

— Пошли, — сказала Алиса. — Не стоять же нам под дождем.

Они поднялись по узкой лестнице на второй этаж и оказались в обыкновенном по размерам коридоре. Мммм сразу показался маленьким и, видно, чувствовал себя неуютно.

Он поспешил к одной из дверей и остановился перед нею.

Тут Алиса заметила, как эта дверь устроена. У нее были две ручки, две замочные скважины: одна — в полуметре от пола, вторая, как полагается, на уровне пояса. Алиса сообразила, почему это так: ведь гостиница построена специально для приезжих, для высоких землян, пилагейцев и других галактических жителей, похожих на людей. Значит, им нужно открывать дверь верхней ручкой и вкладывать ключ в верхнюю замочную скважину. Но в гостинице есть дежурные, уборщицы, официанты ростом по колено человеку. Для них и сделана вторая ручка и вторая замочная скважина.

Мммм открыл ключом нижний замок, потом протянул лапку кверху:

— Открывайте!

И отскочил в сторону.

Алиса нажала на ручку, дверь отворилась. Она оказалась в самом обычном гостиничном номере, не таком, правда, большом и удобном, как на Земле или на планете Пенелопа, но вполне привычном для человека, которому приходится немало летать по Галактике. Главное, все предметы здесь были нормального размера. Номер двойной, кровати застелены...

— Вы две женщины, — сказал Мммм, — вам будет тут удобно.

И с этими словами он улизнул из комнаты.

Щелкнул замок.

Алиса повернулась к двери и нажала ручку.

Ручка повернулась, но дверь не открылась.

Алиса присела на корточки, повернула нижнюю ручку — то же самое. Гостей заперли.

— Что вы наделали! — крикнула Алиса. — Как же мы выйдем отсюда?

— А вам не нужно выходить, — ответил приглушенный голос из-за двери. — Дверь в туалет справа. Как только придет какой-нибудь корабль, мы вас отпустим и отправим домой. Мы же бережем вас от заразы. Карантин у нас, карантин.

Мммм захихикал.

И все смолкло.

— Вот тебе, бабушка, и отведали скрррулей, — сказал Пашка, садясь на кровать и отвяывая ходули. — Когда здесь будет корабль?

— Двадцать шестого, — сказала Алиса.

— Через два дня. Никогда еще не сидел в тюрьме.

Путаясь в длинном платье, которое волочилось за ним, как шлейф, Пашка подошел к Алисе и прошептал ей на ухо:

— Нас могут подслушивать. Говори шепотом. Давай готовиться к побегу.

— Но если у них в самом деле эпидемия?

— Ты в это веришь?

— Сама не знаю.

— А я не верю. Обманывает нас этот Ммммымра. Клянусь тебе. Сам-то он здоровый. Почему те, с кем он советовался на космодроме, не вышли к нам?

— Может, они больны?

— Лежат на кроватках в диспетчерской?

Алиса пожала плечами. Наверное, Пашка прав. Но мало ли что бывает? Может, и в самом деле — карантин.

За окном, затянутым упругим пластиком, была улица. На другой стороне стояли в ряд несколько многоэтажных домов. В отличие от гостиницы, рассчитаны они были не на людей. Как раз на уровне со вторым этажом гостиницы был восьмой этаж небоскреба. А улица была пуста. Кто же ухаживает за больными, кто их лечит, кормит?

— Я уже немного проголодался, — сказал Пашка.

— Нажми кнопку. Здесь есть пиццедоставка.

Но Пашка не успел отойти, как Алиса крикнула:

— Скорей, смотри!

По улице бок о бок шли два человека в черной облегающей одежде и в шлемах, плотно обхвативших голову. Один из них держал в руке тяжелый боевой бластер. У второго оружие

висело на ремне через плечо.

Люди шли медленно, поглядывая по сторонам.

— Я видел такого на космодроме, а ты мне не поверила, — прошептал Пашка.

— Но что они здесь делают? Может, это медики... — Алиса не договорила, потому что сообразила, как нелепо медикам гулять по улице с бластером.

Улица снова опустела.

— Ладно, — сказал Пашка. — Чем голову ломать, давай позавтракаем.

Он подошел к стандартной нише, внутри которой в ряд тянулись кнопки с маленькими рисунками над ними и прикрытое заслонкой окошко выдачи.

— Чего будешь? — спросил Пашка.

— А что здесь есть?

— Кефир, молоко, яичница...

— Не знаю, из чего здесь молоко делают. Возьми мне гренки с вареньем и чай.

— Исполняем, — сказал Пашка, нажимая кнопки. — А мне сосиски и кофе. Где они здесь вилки и ложки прячут?

— Сбоку погляди.

Алиса все еще стояла у окна, ждала, не появится ли еще кто-нибудь на улице. Пашка возился у ниши, звенел ложками, укладывая их на столе.

— Ну, как твои сосиски? — спросила Алиса.

— Сейчас. Что-то запаздывают.

— Подозреваю, что ты и сосисок не дождешься.

— Почему?

— Если карантин, то некому на кухне работать.

— Роботы не болеют, — отмахнулся Пашка, но права оказалась Алиса. Пищедоставка работала, зеленый огонек горел, а заслонка не открывалась, и стол был пуст.

— Я с ума сойду, — сказал Пашка. — Мне без пищи совершенно невозможно.

— Попробуй что-нибудь другое, — сказала Алиса. — Например, печенье или вафли.

Пашка принялся нажимать все кнопки подряд.

Никакого результата.

Алиса подошла к нему и нажала крайнюю красную кнопку — вызов дежурного.

Дежурный не ответил, но заслонка вдруг медленно поднялась, и вместо сосисок и чая на стол вылетела записка.

Глава 6. Беглец

— Уже что-то, — сказал Пашка. — Тише. Читай шепотом.

— «Карантина нет, — прочла Алиса. — Вас обманули. Планета завоевана космическими пиратами. Не верьте им. Сообщите в Галактический центр. Записку уничтожьте».

— Ну вот, — сказал Пашка, — а я что тебе говорил?

— Что же делать? — Алиса порвала записку в мелкие клочки.

— Я им покажу! — сказал Пашка. — Пусть только попробуют сюда сунуться. И кормить не хотят, и в плену держат, и еще планету завоевали.

— Но кто же?

— Эти, черные, разве не понятно?

Пашка, уже привычным жестом подобрав свой шлейф, смело направился к двери.

— Стой! — остановила его Алиса. — Все погубишь!

— Может быть, я погибну в борьбе за справедливость, но никого не погублю. Ты — девочка, ты оставайся здесь. Тебя никто не тронет.

— Остановись, неразумный, и послушай меня, — сказала Алиса. — Я старше.

— Ты? Старше?

— Да. На пять месяцев. Но не в этом дело. У меня опыта больше. Я уже раз десять в космосе путешествовала, бывала в таких приключениях, о которых тебе и во сне не снилось, и, кстати, уже встречалась с космическими пиратами. Казалось, их уже совсем разогнали, но где-то они скрывались. И пока еще есть в Галактике отсталые планеты, от них окончательно не избавиться.

— Кажется, мне повезло, — сказал Пашка.

— Еще чего не хватало. Ты сидишь в тюрьме, рискуешь опоздать к началу учебного года, а говоришь, что повезло.

— Если опоздаю, то мне вдвое повезло. Ведь по уважительной причине.

— Ничего себе уважительная причина — переоделся в пилагейку и зайцем забрался на космический лайнер!

— Ничего ты не понимаешь, Алиса. Но ведь я спасу от пиратов целую планету. Мне за это по справедливости можно полгода и школу пропустить.

— И это говорит мой друг!

— Друзей не выбирают, — сказал Пашка. — Друзья сами находят. Где бы достать оружие? Могли бы с запиской переслать и какой-нибудь пистолетик. Без оружия мне будет нелегко.

— Никуда ты не пойдешь, — сказала Алиса. — Мы должны делать вид, что мы — глупые туристы, которые ровным счетом ничего не поняли и страшно боятся заразы. Мечтают об одном — чтобы их отправили домой. Ясно?

— Ничего не ясно. Я — человек действия.

— Вот и действуй. Только молчи. Нам с тобой доверили тайну целой планеты... А если тебя схватят, кто тогда сообщит на Землю?

— Испугалась?

— Не испугалась...

Они не успели dospорить, потому что за окном послышались выстрелы.

Пашка с Алисой осторожно выглянули наружу.

По улице бежал зигзагами пушистый брастак. За ним — два черных человека, которые палили из бластеров. Смертоносные белые лучи метались по улице, плавя камни домов, оставляя в асфальте глубокие желобы, разнося стекла.

Поравнявшись с гостиницей, котенок метнулся к ее стене и исчез. Алиса прижалась носом к стеклу, но не увидела, куда он делся.

Черные люди тоже остановились под самым окном и принялись лупить из бластеров куда-то вниз.

— Эй, вы! — крикнул Пашка. — Немедленно прекратите!

— Молчи! — Алиса оттягивала его от окна. — Ты все погубишь.

— А что же делать?

— Думать надо. Думать надо уметь.

— Значит, притворяться?

— Да, притворяться. И советую тебе нацепить свои ходули и привести в порядок парик. Может, даже лучше, что ты туристка с Пилагеи. И пускай ты будешь не простая туристка...

— А кто? — спросил Пашка, доставая из-под кровати ходули и со вздохом прикрепляя их к башмакам.

— Ты — двоюродная дочка хранителя государственной корзинки.

— Это ты сейчас придумала?

— Нет, я где-то читала о государственной корзинке. Что в ней носят, не знаю.

— А почему двоюродная дочка?

— Потому что у пилагейцев очень сложная система родства. Бывают двоюродные и троюродные дети, сводные мужья и близнецы-погодки.

— Обязательно надо слетать на Пилагею, — сказал Пашка.

Он поднялся во весь рост, нахлобучил шляпу, поправил у пояса корзинку.

— Я есть возражаю против заточений в ваш карантин...

Послышался шорох.

Алиса обернулась. Шорох доносился со стороны доставки. Там что-то блеснуло.

— Тиш-ше, Пашка.

— Что?

— Смотри.

— Там кто-то есть. Кто там?

Из-за открытой заслонки раздался тихий стон.

Алиса осторожно заглянула внутрь.

Там, на пустом подносе, где ребята недавно нашли записку, лежал пушистый брастак.

— Вы кто такой? — спросила Алиса.

— Помогите... — прошептал котенок, — я ничего не вижу... Это ты, Алиса?

— Ой, Рррр!

— Они гнались за мной... меня ранили...

— Пашка, — приказала Алиса, — сейчас же к двери. Закрой на задвижку. Никого не впускай. Ты не обидишься, Рррр, если я выну тебя вместе с подносом?

— Спрячь меня... Вы получили записку? Мы боялись, что ее перехватили.

У профессора археологии Рррр было рассечено зарядом бластера ухо и обожжен бок.

Алиса осторожно перенесла поднос с брастаком на кровать, отыскала в сумке целебный пластырь, спасающий от ожогов и затягивающий раны.

— Потерпи, — приговаривала она, осторожно прикладывая пластырь к голове друга. — Конечно, надо бы сначала тебя обрить...

Рррр, чтобы не стонать, прикусил острыми клыками нижнюю губу.

В дверь громко постучали.

Глава 7. «Где вы его спрятали?»

— Пашка, — прошептала Алиса, — задержи их.

— Будет сделано, — кивнул Пашка.

— Откройте! — раздался голос за дверью.

Алиса схватила поднос и бросилась к доставке.

— Я тебя спрячу здесь, они не догадаются, я заслонку закрою.

— Нет. Они меня выследили. Они догадаются.

— Откройте, а то я вышибу дверь! — требовали снаружи.

— Это есть безобразие, — ответил Пашка. — Бедный женщина не кончил скромный туалет, а незнакомый мужчин рвется в дверь. Я буду жаловаться свой двоюродный папа, хранитель государственная корзина на планете Пилагея.

— Плевал я на твои корзинки! — раздался голос. — Немедленно открывай.

Алиса все еще стояла посреди комнаты: не могла сообразить, где бы спрятать Рррр. Под кроватью нельзя — они туда наверняка залезут, и в туалет тоже...

— Быстрее, ко мне в корзинку, — сказал Пашка.

— А вдруг?..

— Некогда думать.

Алиса осторожно переложила раненого брастака в корзинку, и Пашка, сорвав со шляпы букет искусственных цветов, прикрыл ими археолога.

Дверь дрожала от ударов.

— Отходи от двери! — прогремел голос. — Стреляю!

— Не стреляйте! — крикнула Алиса. — Мы открываем.

Она схватила поднос, забросила его обратно в пиццедоставку. Пашка уже шел к двери.

— Стой, — сказала она. — Еще секунду.

На подносе были пятна крови. Она выхватила платок и вытерла кровь, а потом приложила платок к носу, словно кровь шла из носа.

Пашка открыл дверь. Оттолкнув его в сторону, внутрь ворвался здоровенный усач в черном пластиковом мундире и в таком же черном, облегающем голову шлеме. На шлеме были нарисованы скрещенные космические ракеты, а над ними белый череп.

— Где вы его прячете? — спросил пират.

Пашка изобразил перепуганную и возмущенную туристку с независимой и благополучной планеты Пилагея.

— Не смей врываться в мой квартира! — кричал он, перекрывая крик пирата. При этом он размахнулся корзинкой, норовя стукнуть ею пирата, и тот несколько опешил и даже отступил.

В комнату вбежал Мммм, сверкая оранжевым глазом, и остановился на пороге.

— Мой друг, — сказал он, — очень взволнован, прошу его извинить. Он беспокоится о вашем здоровье.

— А что случилось? — спросила Алиса.

— Прискорбное происшествие. Из карантина сбежал один опасный и заразный больной. Представляете себе, что случится, если он вас заразит и вы распространите заразу по всей Вселенной...

— Да, да, — сказал усатый пират. — Карантин, конечно, карантин. Пусть он только мне попадется, я покажу ему, как бегать из карантина.

— Но к нам никто не приходил, — сказала Алиса. — Вы же сами дверь заперли.

— И мы тоже заперли своя сторона, чтобы инфекция не ходил в наш комната. Можете уйти к дьявол, — сказала пилагейская туристка, сверкая черными очками. — Вы, может, сам заразный!

— Вы, дамочка, помолчите, — сказал пират, наморщив низкий лоб, и его маленькие глаза скрылись в глубоких глазницах. — Он где-то здесь прячется.

— Не позволю! — сказал Пашка.

— Лучше не спорьте, — сказал Мммм своим тоненьким вежливым голосом. —

Господин Дуч — главный городской врач.

Дуч двумя шагами пересек комнату, распахнул дверь в туалет, велел Мммм залезть под ванну, под кровать, сам заглянул в пищедоставку, провел пальцем по подносу.

— Ну и порядки у вас, — сказала Алиса. — Какое-то варварство. И почему у вас такая странная для врачей одежда?

— Молчать! — рявкнул пират, оборачиваясь к гардеробу и вытаскивая Алисину сумку.

— Куда же вы его спрятали? — ворчал пират, вывалив все из сумки на пол. — Больше ему некуда было деться. Через пищедоставку пробрался.

— Кстати, — сказала Алиса, — у вас доставка не работает. Мы что, должны три дня голодными сидеть?

— Не беспокойтесь, госпожа, — сказал Мммм, — не беспокойтесь. — Он очень суетился: ему хотелось, чтобы туристки ничего не заподозрили. — Я прикажу принести пищу специально для вас. Не беспокойтесь. Все будет в порядке...

Пират крутил головой, раздумывая, где еще поискать.

— Вы нам не доверяете, — возмущенно сказал Пашка. — Это есть оскорбление.

— А ну-ка, — сказал пират, — приподними юбку.

— Что? — удивилась пилагейская туристка.

— Не беспокойтесь, господин Дуч, — поспешил вмешаться Мммм, — я сам загляну.

И он скользнул по полу к юбке туристки.

— Ааййй! — завопила пилагейка на всю гостиницу.

Никогда бы Алиса не подумала, что у Пашки может быть такой пронзительный и отвратительный голос. Задражали стекла. В шкафу оборвалась вешалка, а в туалете сама по себе хлынула вода.

— Не смейте! — кричала туристка, прижимая юбку. — Я мышей боюсь!

Пират что-то кричал, но, разумеется, его не было слышно.

В коридоре грохотали шаги, другие пираты появились в открытой двери и, раскрыв рты, смотрели, как по комнате бегают высокая неуклюжая ковыляка в большой шляпе, с корзинкой, полной цветов, а за ней носится брестак.

— Пошли отсюда! — крикнул пират, воспользовавшись короткой паузой. — Черт с ними.

Мммм рад был подчиниться.

— Там наверняка ничего нет.

Пираты гоготали во все горло. Им эта сцена понравилась.

— А вы еще в шляпе, в корзиночке моей поглядите, — наступал на него Пашка. Усатый пират Дуч уже добрался до двери. Пашка сорвал с себя шляпу и ловко запустил ею в лицо пирату. Тот не успел закрыться, и жесткий край шляпы сильно ударил его по щеке.

Пират попытался спрятаться за своих хохочущих друзей.

А Пашка метнулся к туалетному столику, схватил флакон одеколона с распылителем и метнул в пиратов струю, крича при этом:

— Дезинфекция! Дезинфекция! Карантин!

Дверь хлопнула, и в наступившей тишине слышно было только, как Мммм возится с ключами, запирая дверь.

Алиса подошла к двери, закрыла ее на задвижку и сказала:

— Ну, дорогая двоюродная дочка, тебе надо выступать в театре. Какая актриса пропадает!

Глава 8. Как это случилось

Алиса тщательно обработала раны еле живого Рррр — ему сильно досталось в корзинке, потому что Пашка забыл о нем, размахивая корзинкой, как гранатой.

Пашка снял ходули и уселся в кресло, страшно довольный собой.

— Тебе больно, Рррр? — спросила Алиса, когда кончила перевязку.

— Ничего, терпеть можно, — сказал археолог. — Главное, что мы встретились.

Раздалось жужжание, потом что-то звякнуло в доставке.

— Еще кто-то идет? — вскочил Пашка.

На подносе стояла тарелка с лепешками и кувшин с водой.

— Вспомнил-таки, — сказал Пашка. — Бойтса международного скандала.

Он взял кусок хлеба.

— Сухой как камень. Пожалел свежего. Для своих господ оставил.

Но все-таки принялся грызть, запивая водой. Алиса тоже взяла сухарь. Рррр отказался.

— Так что же у вас случилось? — спросила Алиса.

— Если бы мы понимали! — Рррр зажмурился от боли. — Ты, Алиса, и вы, самоотверженная дама, которая спасла меня от гибели...

— Он не дама, — сказала Алиса, грызя сухарь. — Он Пашка Гераскин, мой друг. Он узнал, что я лечу сюда отведать скрррулей, и решил обязательно полететь со мной. А когда я отказалась его взять, переоделся пилагейской туристкой и полетел самостоятельно.

— А когда прилетели, — добавил Пашка, — я не стал переодеваться, потому что вам смешно было бы узнать, до чего мне хотелось скрррулей.

— Эх, — сказал Рррр, — не скоро теперь мы отведаем скрррулей... Я согласен, что вы, Пашка, талантливый актер, и я вам благодарен. Но когда в следующий раз будете класть меня в корзинку, пожалуйста, не машите ею так сильно.

— Обещаю, — сказал Пашка. — Простите, я увлекся.

— Так вот, — сказал Рррр. — Пираты появились на нашей планете неожиданно. Мы готовились к празднику, и вдруг на улицах наших городов появились люди в черной одежде с черепами на шлемах. Они в несколько минут захватили наши радиостанции и учреждения, электростанции и аэродромы. Мы и опомниться не успели, как оказались рабами.

— Но откуда же они появились?

— Клянусь вам, не представляю. И никто не представляет.

— Так просто и появились?

— Да. Так просто и появились. Всем жителям нашей планеты было приказано оставаться в домах и не выходить, а пираты принялись грабить наши сокровищницы, музеи, склады, дворцы.

— И вы не сопротивлялись?

— Это случилось десять дней назад. Сначала мы так растерялись, что никакого сопротивления пиратам не оказывали. Но на третий день мы поняли, что так продолжаться не может. Мы договорились, что через два дня начнем восстание и выгоним пиратов. Ведь они не знали наших подземных ходов, они не могли проникнуть в щели и отверстия, которые для нас кажутся широкими дверями, они были обречены.

— Ну и что случилось?

— Предательство.

— Как так?

— Понимаете, ребята, когда приходит завоеватель, почти всегда находятся такие, которые думают, что им выгоднее быть на стороне сильного.

— Мы знаем... Мы читали в истории, — сказала Алиса.

— А у нас это случилось сейчас. Надо сказать, что мы, брастаки, различаемся цветом глаз.

— Мы, на Земле, тоже.

— Но на Земле это ничего не значит, а вот на Брастаке — очень много. Какой у тебя цвет глаз, такой и характер. Бывает даже, что брастак рождается с голубым глазом, но из-за плохого воспитания или по другой причине его характер портится. И тогда его глаз желтеет. У очень плохих брастаков они становятся оранжевыми.

— У Мммм оранжевый глаз.

— Ничего удивительного, он оказался одним из первых предателей. Еще неделю назад у него глаз был умеренного желто-зеленого цвета.

— А у честных брастаков какие глаза?

— Серые, голубые... Бывает, брастак родился желтоглазым, но с возрастом его глаз голубеет.

Пашка незаметно взглянул на их гостя. У него был голубой глаз.

— Как у вас просто! — сказала Алиса. — Поглядел на глаз — и сразу ясно, с кем имеешь дело.

— Конечно, — согласился Рррр. — Если преступник попадает в тюрьму, его выпускают, только когда глаз у него становится серым или хотя бы зеленым, — значит, он исправился.

— Надо было давно всех желтоглазых послать в какое-нибудь отдельное место, — сказал Пашка, сторонник решительных мер. — Пускай исправляются в одиночестве и другим жить не мешают.

— Не думаю, что это разумно, — ответил Рррр. — Наверно, и на Земле не все люди хорошие.

— Встречаются и не очень хорошие, — согласился Пашка. — Я, например, иногда бываю просто невыносим. У меня в эти моменты глаза становятся совершенно желтыми. В переносном смысле.

— Ну вот, ты и сам ответил. Не будете же вы на Земле высылать людей в какое-то место, потому что вам не нравится их характер.

— Все равно у вас жить проще, — повторила Алиса.

— Да, нам проще, — согласился Рррр, — зато и пиратам было проще. В первый же день к ним прибежали несколько предателей и предложили свои услуги. Пираты собрали всех желтоглазых и сказали, что разделят с ними власть на планете. Некоторые согласились. Они выдали нас. Теперь выгодно ходить с оранжевым глазом. Это как бы опознавательный знак: стоит пирату увидеть оранжевый глаз, и он понимает, что это свой.

— И что случилось потом?

— Они жестоко расправились с нами. Они загнали нас в лагерь, где томятся сотни тысяч брастаков. Остальным приказано не выходить из домов. Мы голодаем, умираем от болезней, и единственная наша надежда — вы. Если вы не сможете сообщить в Галактический совет...

— Но мы сами в тюрьме, — сказала Алиса.

— Через два дня придет корабль. Вы должны обязательно на него попасть.

— Все ясно, — сказал Пашка. — Не беспокойтесь. По крайней мере, на меня можете положиться.

— А я бы не положились, — сказала Алиса. — Хватит ли тебя на то, чтобы два дня притворяться и терпеть?

— Хватит, — сказал Пашка, — не беспокойтесь.

Вечером под отдаленный шум нестройных песен, которые распевали напившиеся брастакского портвейна пираты, Рррр, исполосованный пластырями, попрощался с ребятами и, осторожно приподняв заслонку, скользнул в доставку.

— Простите, — сказал он на прощание. — Придется вам приехать на скрррули в следующий раз.

— Что касается меня, — ответил Пашка, — то я даже доволен. Лучше приключения, чем скрррули.

— Для тебя это приключения, — сказал Рррр, — а для нас беда.

Заслонка опустилась.

— Эх, Пашка! — сказала Алиса. — Опять ты не то сказал.

— Главное, чтобы правильно действовал. Язык мой — враг мой, это еще моя мама говорила, когда я самое первое слово произнес.

— Почему?

— Потому что все дети говорят сначала «дай» или «мама», а я сказал «ура».

— Ну что мне с тобой делать? — вздохнула Алиса. — Иди спать.

— Иду-иду, только я все равно голодный, и ноги от ходулей болят.

Глава 9. Возвращение археолога

Алиса проснулась рано, за окном чуть рассвело. Проснулась она от голода. Очень хотелось встать, нажать на все кнопки подряд и посмотреть: вдруг доставка уже работает? Потом она стала думать о Рррр, добрался ли он до своих? Его могли подстеречь пираты или какой-нибудь желтоглазый предатель.

Соседняя кровать скрипнула. Алиса покосилась в ту сторону. Пашка осторожно сел на кровати, спустил босые ноги на пол и на цыпочках прошел к доставке. Алиса даже улыбнулась. Оказывается, людям могут приходить одни и те же мысли. Пашка начал нажимать по очереди на все кнопки. Доставка молчала.

Алиса не выдержала и хихикнула.

Пашка обернулся:

— Ты не спишь?

— Нет, я от голода проснулась. И даже подумала: вдруг доставка заработала. А тут ты встаешь, словно мои мысли угадал.

Но гордость не позволяла Пашке сознаться, что он, как голодная обезьяна, нажимал кнопки у неработающей машины.

— Ничего подобного, — сказал он. — Я думал: а вдруг там записка есть от Рррр?

— Тогда открой заслонку и посмотри. Для этого не надо кнопки нажимать.

— Что я и собираюсь сделать, — сказал Пашка и приподнял заслонку. Там ничего не было. — Что-то спать хочется, — сказал Пашка, подходя к окну. — А на улице дождь идет.

— Еще сутки нам терпеть, — сказала Алиса. — Если не умрем от голода, то завтра уже будем на борту нашего корабля.

— Умрем.

— Не ходи по полу босиком, простудишься, — сказала Алиса.

— Где-то со вчерашнего дня сухарь оставался, — сказал Пашка. — Неужели я его нечаянно съел?

— Вчера еще, — сказала Алиса. — Давай вставать, что ли?

Когда Алиса чистила зубы, она услышала, как гремят ходули и шуршат бумажные цветы, — Пашка со вздохами превращался в пилагейку.

— И когда только кончатся мои мучения? — ворчал он.

— Знаешь что, — сказала Алиса. — Я думаю, нам пора поднять скандал. Ни одна пилагейская туристка не допустила бы, чтобы ее кормили сухарями, даже в карантине.

— Я как раз собирался это сделать, — сказал Пашка.

И тут же раздался стук ходулей — Пашка шел к двери. Он выбил по двери барабанную дробь. Потом повторил ее погромче. Никакого ответа.

— Эй! — закричал Пашка. — Мы есть умрем от голода, и вы виноват!

— Слушай, — заметила Алиса, возвращаясь в комнату. — Может, обойдешься без коверканья космолингвы?

— Ничего подобного. Мне так больше нравится.

— Эй-эй! — Он снова принялся молотить в дверь. — Давай мне кусок мяса!

Неожиданно дверь растворилась, и Пашка чуть не вылетел в коридор. За дверью стоял Мммм.

— Не беспокойтесь, — сказал он. — Меры приняты. Доброе утро.

— Желаю питать себя, — сказала пилагейка.

Усатый пират Дуч вошел в комнату с подносом в руках. Ему непривычно было носить подносы — бластер мешал, к тому же он зацепился мечом за дверь.

— Давайте, — сказал он не очень любезно. — Питайтесь.

Он бросил поднос на стол.

Кофейник подпрыгнул, крышка с него слетела, и всю комнату наполнил вкусный аромат горячего кофе. В миске дымилась каша, а рядом грудой лежали свежие лепешки — маленькие, на один зуб, зато их было много.

— Давно бы так, — сказал Пашка.

— Ах, что поделаешь, — развел лапками Мммм, — у нас карантин, некому готовить, я сам живу всухомятку. Ну ладно, не буду мешать, кушайте, отдыхайте, я потом к вам зайду, у меня для вас есть сюрприз.

— Интересно, что он придумал? — сказал Пашка, наливая в чашку кофе.

— Узнаем, — сказала Алиса. — Ничего хорошего.

Не успели они кончить завтрак, как дверь снова отворилась и на пороге появился Мммм.

— Вы готовы принять гостя? — спросил он.

— Смотря кого, — сказал Пашка.

— Вашего лучшего друга.

В дверях стоял черный брастак с голубым глазом посреди лба.

— Ах, не надо загадок, — сказал он. — Для моей подруги Алисы все брастаки на одно лицо. Добро пожаловать, моя подруга. Как поживает твой уважаемый папа, твоя уважаемая мама, твоя уважаемая бабушка?

— Я не узнаю вас, — сказала Алиса.

— Неужели? Как обидно! Я профессор археологии Rrrr, который пригласил тебя сюда отведавать скрррулей. Но, к сожалению, я не смог тебя встретить, потому что вчера лежал в кровати с высокой температурой.

— Какой же вы Rrrr? — неосторожно сказал Пашка.

— А что? — обернулся к нему котенок. — Вы разве меня раньше встречали? Что-то не помню.

— Здравствуй, Rrrr! — воскликнула Алиса. — Прости, что я тебя сразу не узнала. Как я рада тебя видеть!

У Пашки глаза на лоб вылезли. Ведь только вчера вечером Rrrr убежал, весь оклеенный пластырем.

— Ну вот и отлично, — сказал Rrrr, вскакивая на кресло. — Значит, у тебя дома все в порядке?

— Все в порядке, — сказала Алиса. — А как твои дела?

— Мои дети уже подросли. Они лежат в карантине. Как долетела?

— Ничего, долетела, — сказала Алиса. — Правда, пришлось лететь не прямо с Земли, а сделать пересадку на Абрадабре. Не было прямого корабля.

«Ну и чепуху она несет, — подумал Пашка. — Какая еще Абрадабра? — И тут же он сообразил: — Какой я дурак! Она же его испытывает. Это не настоящий Rrrr!»

— Значит, ты давно уже вылетела из дому? — спросил лже-Rrrr.

— Пять дней назад.

— И какая была погода?

— Погода была отличная, — сказала Алиса. — Шел дождь с грибами. Помнишь, как мы с тобой встретились на Паталипутре?

— Конечно, — обрадовался лже-Rrrr, — как же не помнить?

— И катались там со снежных гор.

— Замечательно катались! — воскликнул лже-Rrrr.

«Разумеется, — сказал про себя Пашка, — мы еще в школе учили, что на Паталипутре тропический климат, даже на полюсах».

— И какие у тебя дальнейшие планы, мой друг Rrrr? — спросила Алиса.

— У меня очень скромные планы, — сказал тот. — Я хочу тебя порадовать. Я решил составить тебе компанию и полететь с тобой на Землю.

— Как хорошо! А зачем же ты полетишь на Землю?

— На научный конгресс по археологии.

— Разумеется, там будет конгресс. Кстати, скажи мне, мой друг, какие у тебя последние открытия?

— Замечательные открытия, — сказал лже-Rrrr.

— Что, новые архары и архаровцы? — серьезно спросила Алиса.

— Кто? — удивился лже-Rrrr.

— Ведь арх-еология занимается арх-арами и арх-аровцами?

— Ах да, конечно, — сказал Rrrr. У него появились какие-то сомнения. Пашка подумал, что Алиса увлеклась и переигрывает. — Я нашел много этих... археаровцев.

Ммм кашлянул, как бы предупреждая своего спутника, чтобы тот был осторожнее.

— А что, Алиса, — спросил лже-Rrrr, — не кажется ли тебе, что я немного изменился?

— Что ты... — начала было Алиса, но тут все услышали, что в доставке что-то зашуршало.

— Ты тот же самый, мой любимый, мой драгоценный спутник Rrrr! — громко сказала Алиса.

— Что там? — спросил Мммм, глядя на доставку.

— Ничего, — сказала Алиса, — наверно, проверяют систему.

— Некому проверять, — вмешался лже-Rrrr. — А ну-ка, Мммм, взгляни! Живо!

— Какой есть странный профессор на археология, — сказал Пашка. — Командует, как генерал.

— Ничего удивительного, — ответил Мммм. — Мы все уважаем профессора археологии.

Алиса не успела задержать его, как он приоткрыл заслонку и выхватил оттуда записку.

— Отдайте! — крикнула Алиса. — Это мне.

Мммм соскочил на пол и в два прыжка оказался у двери.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал он. — И даже могу прочесть ее вслух. Здесь написано: «Дорогая Алиса! Все в порядке. Добрался до своих. Чувствую себя лучше. Жди вестей. Твой Rrrr».

Наступила тишина. В полуоткрытую дверь заглянул пират с бластером в руке.

— Значит, комедию разыгрывала! — сказал лже-Rrrr. — Издевалась над археологом? Притворялась? Презренная землянка!

— Я не есть понимаю! — воскликнул Пашка. — Зачем вы обвиняй мой соседка?

— А вы бы, госпожа, помолчали. По недомыслию или по злему умыслу вы не донесли, что ваша соседка встречается здесь с врагами...

— То есть с заразными элементами, — поправил его Мммм.

— Неважно, как называть. Главное, встречается. И укрывает. Учтите, это вам даром не пройдет.

— Я не видел никакой элемент, — сказал Пашка.

Лже-Rrrr повернулся и быстро побежал к двери. За ним Мммм с запиской в лапке.

Дверь захлопнулась.

— Ну, попались, — сказал Пашка. — И надо было тебе над ним издеваться? Сама всегда меня ругаешь...

— Я должна была проверить, настоящий он или поддельный.

— Ну, проверила, и хватит.

— Потом я увлеклась, — созналась Алиса.

— Что же теперь делать?

— Погоди, — сказала Алиса.

Она на цыпочках подбежала к двери, приложила ухо к замочной скважине. Потом поманила Пашку.

Слышно было, как в коридоре разговаривают:

— Значит, вы считаете, господин Крыс, что землянку надо убрать?

— Да, спрячьте ее как следует. Она опасна. Я думаю, что она обо всем догадалась.

— А что делать со второй?

— Вторая — наша надежда. Она так глупа, что до сих пор ничего не подозревает. Когда землянку уберут, мы постараемся ее обработать... Я предлагаю следующий план...

Они отошли от двери, и больше ничего не было слышно.

— Пашка, ты понял? — быстро сказала Алиса. — Сейчас они меня заберут и спрячут.

— Я им не позволю. Лучше погибну, чем отдам тебя врагам.

— Сейчас некогда говорить красивые слова. Они думают, что ты — глупая туристка. Не разубеждай их. Все зависит от твоего актерского таланта. Помни, ты — пилагейка, двоюродная дочка хранителя государственной корзинки. Как только вернешься на корабль, организуешь спасение.

Алиса протянула ему руку. И вовремя.

Не успела она отойти, как дверь распахнулась и в комнату вошли два черных пирата.

— Девчонка, следуй за нами, — сказал один из них.

— Как так? — сказал Пашка. — А я?

— А насчет тебя указаний не было. Сиди и жди.

Пашка с трудом сдержался, чтобы не броситься Алисе на выручку, но Алиса успела так посмотреть на него, что он спохватился. Дверь закрылась, и Пашка остался один. Один против всех пиратов Галактики.

Глава 10. Туристка любит драгоценности

Пашка с удивлением подумал, что настроение у него сносное. Казалось бы, куда хуже: планета захвачена пиратами, Алиса в тюрьме, сам он заперт в комнате, но ведь борьба не окончена, основные сражения впереди. А у какого рыцаря портится настроение перед боем?

Сначала он собрал Алисину сумку. Нельзя ничего оставлять врагам. Теперь бы неплохо вооружиться, но вооружиться нечем, только зубная щетка. Он поудобнее прикрепил ходули, надел на них резиновые наконечники, снятые с ножек кроватей. Потом положил в доставку такую записку: «Меня увозят в тюрьму. Пилагейская туристка осталась одна. Алиса».

Только он успел закрыть заслонку, как пришел Мммм. Пашка был ко всему готов. Но Мммм его удивил.

— Я принес вам небольшой подарок, — промурлыкал он. — Вы позволите?

Мммм вынул из-за спины лапку, в которой он держал небольшую коробочку.

— Это вам на память о нашей планете.

— Спасибо, — сказал Пашка, — положите на стол. А какова есть судьба моей соседки Алисы? Она скоро вернется сюда?

— Алиса уехала к своему другу, археологу Рррр, — сказал Мммм. — Не беспокойтесь, мадам. Неужели вам не хочется заглянуть в коробочку?

— Потом, — сказала гордая пилагейская туристка. — Дома погляжу.

— Нет-нет. — Мммм подбежал к столику, вскочил на него, открыл коробочку сам. Там лежал синий сверкающий камень.

— Нравится?

«Чего ждет этот Мммм? Вернее всего, думает, что я должен обрадоваться и вцепиться в камень. Нет, мы тебя обманем». Пашка подошел к столику, небрежно взял камень, покрутил его в руках, потом положил обратно и сказал:

— У моей двоюродный папа, хранитель государственной корзинки, есть такой камень тысяча штук.

И Пашка отвернулся к окну, словно этот камень его не интересовал.

— Вам этот подарок не нравится?

— Я буду его дарить стюардессе на лайнер, — ответил Пашка, не оборачиваясь, чтобы Мммм не видел, как он улыбается.

Мммм закрыл коробочку, спрыгнул на пол и пошел к двери.

Как только дверь за ним закрылась, Пашка тут же бросился к ней и приложил ухо к замочной скважине.

— Она не хочет, — услышал он голос Мммм. — Говорит, что у нее таких тысяча.

— Я слышал. А ну-ка дай сюда коробочку.

— Вы же сами мне ее дали, господин Крыс.

— Не возражать!

Какая-то возня за дверью, писк, потом голос Крыса:

— Так я и знал. Когда успел подменить камень на стекляшку?

— Я не подменял. Это само так получилось.

— Ах, само! Вот тебе за само! Вот тебе за воровство! А теперь отдавай настоящий сапфир.

— Нету... не бейте меня, господин Крыс.

— А что у тебя за щекой? У вас у всех защечные карманы есть. Не кусайся! Голову отверчу! Ну вот, а ты говорил.

— Я нечаянно.

— Правильно, никто не ворует нарочно. Все нечаянно. Когда меня мама в детстве била за воровство, я тоже кричал, что я нечаянно. Подсунул стекло и думаешь, если она знатная дама, то и дура. Ты мне хочешь государственное дело загубить? Заруби на носу, предатель, что мы-то отсюда уйдем, даже если большого корабля не захватим. А если ты останешься, твои земляки спросят, что ты делал при пиратах?

— Не губите меня, господин Крыс, клянусь, что это в самом деле нечаянно. Не мог же я подумать, что туристка разбирается в драгоценных камнях.

— Глупые в драгоценностях разбираются лучше всех, — сказал Крыс. — А умные книжки читают. Ты это учти на будущее.

— А вы, господин Крыс, книжки, конечно, читаете?

— Нет, на меня и умники, и дураки работают. Теперь давай, быстро. Мама ждет, как пройдет операция. Стучи в дверь.

Мммм боком втиснулся в комнату и замер у порога. Вид у него был востропанный.

«Ну и славно же тебя взгрел твой пиратский друг», — подумал Пашка, а вслух сказал:

— Вы научились стучать дверь. Что еще вы мне притащили?

— Произошла ошибка, — заговорил Мммм, глядя снизу вверх. — Я нечаянно перепутал коробочки.

— Не нужны мне ваши стекляшки, — сказал Пашка.

— Это была ошибка, заверяю вас! Виновные уже понесли строгое наказание. Извольте взглянуть на настоящий сапфир.

Мммм вспрыгнул на стол и раскрыл коробочку.

Конечно, настоящий сапфир сверкал ярче стеклянного. Но большой разницы Пашка не усмотрел.

— Оу! — сказал он, осторожно держа камень в пальцах. — Если не ошибаюсь, это хороший сапфир.

— Да, разумеется, настоящий сапфир. Очень редкий. Возьмите, а?

Пашка задумался, потом закрыл коробочку и сказал:

— Нет, у меня такие есть.

— Умоляю! Мне не сносить головы!

— Кого не сносить?

— Моя голова — чик-чик... — И Мммм печально взмахнул лапкой.

— Ладно, — сжалился Пашка. — Я беру подарок. Как одолжение, чтобы вам не чик-чик.

— Вы любите драгоценности?

— О, я коллекционер драгоценностей, — сказал Пашка — Я есть ценитель. Теперь уходи, маленький жулик.

Мммм задом попятился к двери, нащупал нижнюю ручку, открыл ее и исчез в коридоре.

Пашка сразу приник к двери.

— Взяла, — прошипел Мммм.

— Я все слышал. Вроде бы клюнуло...

— Она собирает драгоценности.

— Посторонись, дай-ка я превращусь в кого-нибудь...

— Меня потрясает, господин Крыс, — сказал Мммм, — ваше умение превращаться. Как это вам удается?

— Это у меня от папы. Большой был негодяй.

— А что с ним случилось?

— Он как-то решил подшутить над моей мамашей, превратился в цыпленка. Моя мамаша, женщина серьезная, открутила ему голову.

— Какая ужасная смерть! Я представляю себе горе вашей уважаемой мамы!

— Ничего не представляешь. Она сказала: цыпленку — цыплячья смерть. И пошла на кухню готовить глинтвейн крепостью в сто тридцать градусов. Моя мамаша выпить любит.

— Преклоняюсь перед ее железным характером.

— Ладно, я пошел. А ты жди здесь.

Пашка кинулся к креслу и сделал вид, что дремлет.

— Уважаемая госпожа пилагейка, — услышал он голос и открыл глаза. Вот уж не ожидал увидеть добродушного краснощекого мальчишку в коротких штанишках! Да, великий мастер маскировки этот Крыс! Никогда бы не догадался!

— Кто вы? — спросил Пашка.

— Я — сын местной королевы, — сказал мальчик. — Моя мама узнала, что вы приехали к нам, и ждет вас в гости.

— Зачем? — удивился Пашка.

— Моя мама коллекционирует драгоценности, и ей очень хотелось познакомиться с настоящей ценительницей. Мамочке скучно, не откажите ей...

— Драгоценности! — воскликнул Пашка. — Обожаю драгоценности! Идем к вашей маме.

Крыс даже сощурился от радости. Все получилось, как он хотел.

Глава 11. Пиратская мамаша

На этот раз Пашку везли в большой открытой машине, а по сторонам, спереди и сзади ехали на велосипедах черные пираты и время от времени палили из бластеров по окнам домов.

На заднем сиденье машины, которую раньше использовали для почетных гостей с других планет, устроились Пашка и Крыс. В ногах у них свернулся Мммм.

Кавалькада стрелой пронеслась по улицам, пролетела сквозь парк, засаженный карликовыми деревьями, и замерла перед дворцом. Дворец был трехэтажный, с мраморными колоннами и статуей какого-то брастака в короне перед главным входом.

— Здесь раньше жили короли, — сказал Мммм. — Потом открыли музей, а теперь его заняли наши новые господа.

— Господа или карантинные врачи? — спросил Пашка.

— Карантин — это шутка, — сказал мальчик Крыс.

— Не понимаю таких шуток, — удивился Пашка. — Зачем такая шутка?

— Потому что мы коллекционеры драгоценностей.

Шофер распахнул дверцу, и Пашка, подобрав длинную юбку, чтобы не упасть, торжественно вышел из машины.

По сторонам широкой лестницы с очень маленькими ступеньками были навалены груды камней, кирпича, штукатурки со следами росписей, клочья ковров и гобеленов.

— Наши господа, — сказал Мммм, — такие крупные, что ради их удобства пришлось вынести из дворца все лишнее.

— Правильно, — сказал мальчик Крыс. — Всю музейную требуху выкинули. Народу это не нужно.

— Совсем не нужно, — захихикал Мммм, но Пашке показалось, что смех у него невеселый.

Войдя во дворец, Пашка понял, что пираты превратили трехэтажный дворец в одноэтажный — сломали перекрытия, перегородки, а заодно и все украшения.

«Ну и варвары! — подумал Пашка. — Сколько придется потрудиться реставраторам!»

Они миновали первый, когда-то трехэтажный, зал. У следующей двери сидели кружком пираты и резались в карты.

— Вы куда? — спросил один из них.

— Мы к мамаше, — сказал Крыс.

— Что-то я тебя не знаю, младенец, — сказал один из пиратов.

— А вот сейчас узнаешь, — ответил Крыс и в одно мгновение превратился в невысокого худого человека с очень белым лицом.

— Одну минутку, господин Крыс, — сказал пират и, сунув голову в дверь, сказал: — Мамаша, к тебе сынок с компанией.

— Пусть войдет, — послышался нежный голос.

Во второй половине дворца ободранные стены были кое-как прикрыты коврами. Посреди зала стояло штурманское кресло, на котором сидела молодая розовощекая женщина в длинном белом платье и в небольшой золотой, в изумрудах, короне.

За спиной женщины стояли два черных пирата с алебардами, а перед тронем — десятка два брастаков.

Когда Крыс и Пашка вошли в зал, брастаки как один обернулись, и их глаза загорелись

желтыми и оранжевыми искрами.

Увидев Крыса, женщина что-то спросила у него на непонятном языке. Крыс коротко ответил. Желтоглазые брастаки расступились, чтобы не попасть под ноги пирату.

Крыс обернулся к Пашке и сказал:

— Подойдите к трону. Госпожа мамаша пиратов, королева Брастака и повелительница Серой туманности, готова вас принять.

Пашка стоял в нерешительности. Мамаша должна была быть совсем не такой. Какой? Ну, с повязкой через глаз, в красном платке, кожаной куртке, цыганской юбке или кожаных штанах с пистолетами за поясом. Конечно, все это было пустое воображение. Разве в двадцать первом веке пираты такие же, как в шестнадцатом? Пашка сделал шаг вперед. Кланяться, что ли, надо? Кланяться он не мог — ходули не позволяли.

— Подходи, мы здесь без церемоний, — сказала мамаша приятным голосом. — Крыс, подай-ка гостье стульчик. А вы, остальные, брысь отсюда!

Желтоглазые брастаки опрометью кинулись во все стороны.

— Ну вот, — сказала мамаша, — остались только свои. Можно говорить без притворства. Вы не представляете, как мне надоели эти придворные фигли-мигли. Но приходится — политика.

— Да, вы есть совершенно правы, — сказал Пашка.

Крыс принес два стула, на один сел сам, другой подставил пилагейской туристке.

— А вы, говорят, из хорошей семьи? — спросила мамаша.

Пашка залюбовался ее гладкой нежной кожей, длинными ресницами, фарфоровым высоким лбом. Даже удивительно, что у нее такой взрослый сын.

— Я есть двоюродная дочь хранителя государственной корзинки, — сказал Пашка. — Вы с ним не знакомы?

— Еще не приходилось встречаться. И как его драгоценное здоровье?

— Спасибо, не жалуется. А ваше как?

— Некогда думать о здоровье, — улыбнулась мамаша, — разве тут отвлечешься? Сразу всю планету растащат. Правда, сынок?

— Ничего не поделаешь, встречаются еще кое-где иногда недостаточно морально чистоплотные типы в наших рядах, — вздохнул Крыс. — Но в ближайшем будущем, я надеюсь...

— Всех перевешаю, — сообщила пиратская мамаша. — Дай только с делами разобраться.

Пашка потянул вниз юбку, чтобы женский глаз мамаша не увидел ходуль с резиновыми наконечниками. Ее-то не обманешь.

— Скажите мне, если это, конечно, не секрет, что вы носите в государственной корзинке?

— Вообще-то это секрет... — начал Пашка.

— Ну, между нами, государственными деятелями...

— Понимаете, когда-то, в свое время...

— Ты мне скажи, что сейчас.

— Сейчас папа в корзинке завтрак носит. Два яйца всмятку и термос с кофе.

— Так я и думала! — обрадовалась пиратка. — Везде обман, везде надувают простой народ. Ну, ты меня порадовала! Теперь за дело. Ты, говорят, драгоценности уважаешь?

— Я их коллекционирую, — сказал Пашка.

— Правильная коллекция. Я вот деньги коллекционировала. И ненавижу, когда их отменяют. На какой планете отменяют — я сразу ее в черный список заношу. А теперь поумнела. Черт с ними, с деньгами, ты мне камушки давай. Правильно я рассуждаю?

— Разумеется.

— А ну-ка, сынок, принеси мне из сейфа сундук с камнями. Поглядим.

Крыс встал и вышел из зала. Пиратка тут же обернулась к одному из своих телохранителей и сказала:

— Бесноватый, голубчик, будь другом, проследи за моим сынком, чтобы он ничего себе в карман не положил.

Телохранитель без единого слова поспешил следом за Крысом.

— Вы даже сыну не доверяете? — удивился Пашка.

— Никому не доверяй — вот наш пиратский принцип. У меня все подозреваемые. Кроме тех, кого я уже обвинила.

— И я?

— И ты. Я тебя черт знает в чем подозреваю. Может, ты и не пилагейка, а, допустим, парень и мой враг.

Пашка весь сжался. Неужели она догадалась? Нет, это была королевская шутка. Мамаша тут же расхохоталась, словно серебряные колокольчики зазвенели в зале. У Пашки даже мурашки по спине побежали от наслаждения. Он чувствовал, что влюбляется в мамашу, несмотря на разницу в возрасте.

— Какая вы красивая и обаятельная! — вырвалось у него.

— Мне многие это говорят, — сказала пиратка. — Что есть, то есть! Этого у меня не отнимешь. Но я и не дура.

Вошел, прижимая к животу тяжелый сундук, мрачный как туча Крыс.

— Ну, мамаша, — сказал он, — не ожидал! Даже родного сына...

— Много он успел спереть? — спросила королева у Бесноватого, который шел следом.

Тот без слов разжал горсть и показал — там лежали три больших сверкающих алмаза.

— Передай сюда сундук, — сказала королева. — Ну что ты с ним будешь делать? Мальчишка еще. Не вешать же мне его. А может, повесить?

— Мамаша, — возмущился Крыс, — у нас гости.

— Сиди, сиди, я скорее вот этой пилагейке свой сундук доверю, чем тебе, паршивец. Давай сюда ключ от сейфа. Отпечаток снять успел? Ну ничего, я сегодня вечером новый замок врежу. Так на чем мы остановились?..

С ангельской улыбкой она обернулась к Пашке.

— Вы хотели показать мне свои сокровища.

— Да, да, фамильные драгоценности, все время с собой вожу. От моей бабушки остались.

«Так я тебе и поверил!» — подумал Пашка, стараясь сбросить с себя наваждение. Уж очень доброй казалась красавица.

В сундуке было несколько шкатулок. Одна была доверху полна бриллиантов, вторая — изумрудов, третья — жемчуга, четвертая — голубых с красными искрами тритонитов, пятая — небесных сапфиров, шестая — малиновых альвейсов, седьмая — алых рубинов, восьмая — огненных краков, а дальше Пашка и счет потерял всем этим камням, серьгам, кольцам и брошкам. Пиратка словно впала в транс: не могла остановиться — раскрывала шкатулку за шкатулкой, доставала бриллиантовые ожерелья и приговаривала тихим голосом:

— Музейные вещи, уникамы, мы плохого не держим...

— Мамаша, — сказал наконец Крыс, — время не терпит. Надо решать.

— А чего решать? — с трудом оторвалась от своих драгоценностей королева. — Красиво?

— Очень! — сказал Пашка. — За такие камни и душу продать не жалко.

— Хочешь, поделюсь? Вряд ли на своей Пилагее найдешь такой сундук.

— Ах, разве можно сравнивать!

— Правильно, ты умная женщина. Окажешь мне небольшую услугу — поделюсь.

— Да за такие камни я готова двоюродного папу променять! — сказал Пашка. И тут ему стало стыдно перед населением планеты Пилагеи, которое он такими словами оклеветал, притом несправедливо. Нелегка доля шпиона.

Пираты переглянулись. Мамаша подмигнула сыну. Именно этого они ждали от пилაгейки, так как люди часто судят о других по себе. И пираты, готовые на все ради грабежа, надеялись, что пилагейка не лучше их. И угадали.

— Я буду с тобой откровенна, — сказала мамаша. — У нас корабль сломался, а моему сыну надо срочно слетать на Землю.

— Ну и что? Пускай летит.

— У него нет билета, — сказала пиратка.

— Отдать ему мой?

— Ни в коем случае. Вы вместе полетите. Ты и он — под видом Алисы.

— Под видом Алисы?

— Конечно, у нее билет есть.

— А Алиса?

— Она останется. Забудь о ней. С тобой полетит Крыс. Под видом Алисы. А ты получишь камни.

— Не понимаю...

— Твое дело маленькое. Иди на корабль, как будто ты с Алисой лучшая подруга, и держи язык за зубами. О карантине ни слова! Ясно?

— Всего-то?

— А нам от тебя много не нужно. Крыс, принеси-ка маленькую шкатулку, у меня на туалетном столике стоит, понял?

— Мигом, мамаша, — сказал Крыс.

— А мы с тобой по маленькой, — сказала мамаша. — Употребляешь? Вообще-то я азотную кислоту предпочитаю, но за компанию могу и обыкновенного спирта принять.

Она хлопнула в ладоши, и тут же подошел пират с подносом, на котором стояли большая бутылка и два высоких бокала.

— Вы уж простите, — сказал находчивый Пашка, — но у нас на Пилагее другое пьют. Спирт нас не берет.

— Что же такое вы пьете?

— Воду.

— Неужели? А я даже и притронуться к воде не могу — мутит. Так на вашей планете можно сесть на берегу речки — и пьяный будешь?

— Нет, мамаша, — сказал фамильярно Пашка. — У нас с водой туго. У нас реки спиртовые. А воду в бутылках раздают.

— Как же я раньше не знала? Я бы на вас разбогатела. Возила бы к вам воду. — Она

обернулась к Бесноватому. — Чего стоишь как истукан? Принеси-ка моей гостье стаканчик воды, да покрепче.

— Мне рюмочки хватит, — сказал Пашка.

Они чокнулись — мамаша бокалом со спиртом, Пашка — с водой. Мамаша широко открыла рот и влила туда весь бокал, крикнула и заела грибком. Пашка осилил воду в два глотка, поморщился и сказал:

— Крепкая у вас водица!

— Чего же не закусываешь?

— Ничего, я завтра закушу. У нас такой обычай.

— Вот, мамаша, — сказал Крыс, входя с маленькой шкатулкой в руках. — Все как вы сказали.

— Молодец. Для нашей дорогой соратницы ничего не жалко.

Она забрала из первой шкатулки горсть бриллиантов, хотела пересыпать в маленькую шкатулку, которую принес ей сын. Но потом отсыпала большую часть обратно, а что осталось, кинула с сожалением в шкатулку. Алмазы застучали о дно как горох.

— Мамаша, не скупись, — сказал Крыс.

— Молчи, — возмутилась фарфоровая красавица, — не ты их зарабатывал, тебе легко чужим добром распорядиться. Я зато побольше жемчуга насыплю. Жемчуг красивее.

Жемчуга она тоже пожалела, смогла расстаться только с одним сапфиром: пришлось, чтобы заполнить шкатулку доверху, подарить Пашке носовой платок, подушечку для иголок, расшитую бисером, позолоченную брошку и нитку стеклянных бус. Пашка не спорил, старался не улыбаться, хотя раньше ему такой жадности видеть не приходилось.

— Вот держи, — сказала она наконец. — Сегодня я добрая. Бери, не стесняйся.

— Очень вам благодарна, — сказал Пашка.

— Но если ты на корабле пикнешь, мои люди тебя под землей найдут. Ясно?

— Ясно.

— Ну, ладно, пойду всхрапну. Еще вопросы есть?

— Я беспокоюсь за моя соседка Алиса. Желаю, чтобы она была здорова.

— Не беспокойтесь, — сказал Крыс. — Алиса довольна и счастлива. Следующим же кораблем она полетит домой. Слово пирата.

— А вам можно верить? — спросил Пашка.

— Как же не верить, — сказала мамаша. — Покажи ей Алису.

— Она в парке резвится.

— Покажи ее нам.

Крыс быстро ушел из зала.

Королева достала из-под трона небольшую подозрную трубу.

— Эй, Бесноватый, — сказала она, — раздвинь шторы. Пускай пилагейка на свою соседку поглядит.

Бесноватый раздвинул шторы.

За окном на лужайке была какая-то девочка.

— Ты смотри, смотри, — сказала королева, протягивая Пашке подозрную трубу.

Наклоняясь, чтобы сорвать цветок, и весело танцуя, резвилась Алиса в розовом платье и с венком из ромашек на голове.

— Удовлетворена? — спросила королева.

— Да, — сказал Пашка. — Я пойду?

— Сейчас мой Крыс вернется — и пойдешь.

Бесноватый задернул шторы.

«Ну что ж, — подумал Пашка, — Алису этот Крыс изображает довольно убедительно. Только забыл, что у нее розового платья и в помине нет. И уж тем более в такой момент она не будет скакать по лужайке».

Пашка вежливо пожал руку пиратской королеве.

— До встречи, — сказал он.

— Аревуар, как говорят французы, — улыбнулась королева и залилась серебряным смехом. — Шкатулку тебе доставят в гостиницу.

Глава 12. Маленькая тюрьма

Алиса сидела в тюрьме. Тюрьма была чистая, теплая, без клопов и тараканов, только пахло дезинфекцией и было невероятно тесно.

Поместили Алису в тюремной столовой. Из-за нее остальные заключенные остались без еды. Но даже по столовой Алиса могла передвигаться только на четвереньках, и то головой упиралась в потолок.

Тем более несладко было приставленному к ней сторожу — усатому пирату Дучу, который улегся в тюремном коридоре, перекрыв путь к туалету, умывальнику и тюремному двору. Так что остальным заключенным пришлось отказаться от мытья и от прогулок.

Дуч лежал на холодном жестком полу и громко ворчал:

— И чего тебя сюда принесло? Ну, завоевали мы эту планету, потешились немножко, улетим, и дело с концом, а из-за тебя мне самому пришлось стать заключенным. Представляешь, если сейчас мои соратники какой-нибудь музей чистят?

— Ну, они с вами поделятся, — отвечала Алиса через дверь.

А сама думала, как там Пашка, сумеет ли перехитрить пиратов? Если провалится, тогда все, планета Брастак погибла. И Алиса, конечно, погибла.

— Жди, поделятся! Это же не люди, а обезьяны. Дикари, варвары.

— Как вы плохо отзываетесь о своих товарищах!

— Пират пирату не товарищ. Да я к ним случайно пристал. По собственной слабости. Я — интеллигентный человек.

— Неужели?

Пират повернулся на другой бок, отпихнул ногой желтоглазого тюремщика, который хотел было пробраться мимо него по коридору, и продолжал:

— Летел я как-то мимо Серой туманности, и что-то в моем корабле сломалось. Опустился я на планете Дум-Дум, стал корабль чинить, выскакивают из кустов какие-то дикари, тащат в пещеру, разжигают костер и собираются меня сварить.

— Не может быть! — воскликнула Алиса.

— Может, собственными глазами видел, — сказал пират. — Слушай, пленница, протяни руку на кухню, дай мне оттуда ведро с водой. Спасибо. Может, прикрыть дверь, а то сбежишь, мне потом отвечать придется?

— Продолжайте, продолжайте, — сказала Алиса. — Очень интересно.

— Причиной такому безобразию, — сказал Дуч, — страшная отдаленность той планеты от культурных центров Галактики. Там люди недавно произошли от обезьян и еще не имели никаких моральных устоев. Для них своего ближнего съесть даже не стыдно.

— И как же вы спаслись?

— Только меня стали в котел окунать, как входит в пещеру сказочной красоты дама.

— Красивая?

— Ослепительно. Она только что прилетела с другой планеты. Что-то не поладила со своим народом, пришлось ей с отрядом искать счастья — вот и наткнулась на дикую планету, перестреляла вождей, запугала колдунов и стала править.

— А дальше?

— Меня в котел кладут, а я смотрю на королеву и люблю ее сказочной красотой. Увидела она выражение моих глаз, засмеялась серебряным смехом и говорит: «А ну-ка, отпустите этого несчастного. Мне нужны преданные и интеллигентные солдаты». Вот я и стал служить королеве.

— И стали пиратом?

— Не сразу, девочка, не сразу. Жизнь там была несладкая, суровая и неприветливая. Что награл у дикарей, тем и живешь. Иногда съездишь в соседний район, подавишь какое-нибудь восстание или пристрелишь бунтовщика, а так жизнь без культурных развлечений, карты, выпивка, драки...

— Так зачем же вы этим занимались, — удивилась Алиса, — если были интеллигентом?

— Был. Работал в библиотеке, играл в теннис. Но какой у меня был выбор? Не будешь подавлять и убивать, отдадут тебя людоедам, они тебя сварят и съедят. Уж лучше я буду других варить...

— И есть?

— Ни в коем случае. Я, кстати, убежденный вегетарианец. Знаете, что это такое?

— Знаю. Овощами и фруктами питаюсь.

— Правильно. Овощами и фруктами. Редко-редко позволишь себе баранью отбивную, только в качестве закуски. Так что считайте, что я жертва несчастной и неразделенной любви к пиратской королеве.

— Какая уж тут любовь, — возмутилась Алиса. — Говорили бы, что струсил. Сами же объяснили — лучше быть палачом, чем жертвой.

— Эх, молодая ты, ничего в жизни не понимаешь, даже разговаривать с тобой неинтересно, — сказал пират Дуч. — Скорей бы смена пришла, все бока отлежал, вот заработаю из-за тебя радикулит...

Некоторое время они молчали.

Нет, думала Алиса, Пашке одному не справиться. Надо что-то делать. Не одна она в этой тюрьме сидит...

Алиса тихонько постучала в стенку.

Тут же послышался ответный стук.

— Ты чего там? — спросил пират. — Не стучи, а то я тебе по голове стукну, с меня спрос маленький, я рядовой солдат.

— Бывший библиотечный работник, — поправила его Алиса.

— Что было, то прошло. Кстати, чем меньше думаешь, тем здоровее становишься. Наверно, я долго проживу.

— А как же вы на Брастак попали? — спросила Алиса. В то же время она старалась придумать, как объяснить соседям, кто она такая. Ведь она не знает их азбуки.

— Проще простого, — сказал Дуч, — у нашей королевы сынок есть по имени Крыс,

известный бандит в галактическом масштабе.

— Знаю его, — сказала Алиса.

— Ну вот, почему-то они с мамашей не сжились, разошлись их разбойничьи дорожки. Но когда плохо пришлось Крысу, добрался он до нашей дикой планеты и сказал мамаше: «Чего ты проводишь свои лучшие годы в безделье и мелком разбое? Вся Галактика лежит у наших ног, только надо как следует за это дело взяться». Показал он мамаше некоторые свои трофеи и уговорил ее ограбить какую-нибудь мирную планету. Его план всем нам понравился. Сели мы на корабль Крыса, рванули сюда — и все вышло по-нашему. Вот только без меня сейчас грабеж идет.

— Так идите грабьте, — сказала Алиса. — Я все равно отсюда не выберусь. Заперто же.

— Не уговаривай, мамаша мне этого не простит...

— А как же вам удалось так неожиданно планету захватить? — спросила Алиса. — Говорят, что никто и опомниться не успел.

— Это наш Крыс придумал, — сказал пират. — Он же умеет в кого угодно превращаться...

— Но ему одному бы не справиться...

— Ни в коем случае... — Вдруг пират осекся и сказал сердито: — Ты что, хочешь меня на виселицу взгромоздить? Зачем государственные секреты выведываешь? Ах ты, недаром тебя сюда притащили! Еще минута — и я бы попался!

— А я и не спрашивала, — сказала Алиса. — Я же разговаривала с вами как с бывшим интеллигентным человеком, а теперь принципиальным негодяем.

— Ну уж, какие там принципы, — сказал пират. — Обстоятельства, а не принципы.

— А чего вы отсюда не улетаете? Ну, награбили, набедокурили, пора бы и домой.

— Тут никакой тайны нет, — сказал Дуч. — Дело в том, что у нас всего один небольшой корабль, а награбили мы столько, что на двадцать лайнеров хватит. И как нам прикажешь отсюда улетать?

— Лучше всего вернуть награбленное, извиниться и уйти.

— Вот и видно, что нет в тебе романтики. Кто же это по доброй воле отказывается от награбленного? Мы не учли, что в их корабли нам не уместиться. Вот нам и нужно какой-нибудь другой корабль захватить. Завтра сюда подойдет лайнер, который к Земле летит, мы его и захватим. Сейчас мамаша твою соседку в шляпе с цветами обрабатывает, драгоценности ей сулит, чтобы она помогла нам на корабль пробраться... А тебя изолировали. Ясно?

— Куда как ясно, — сказала Алиса и подумала: «Только бы Пашку не разоблачили. А то подойдет завтра к планете ничего не подозревающий лайнер...» — А если команда будет сопротивляться?

— У нас закон строгий. Кто не с нами, тот против нас — сразу к стенке. Ну, ладно, посплю часок.

Алиса поняла, что должна любой ценой отсюда выбраться. Любой ценой. Корабль в опасности! А Пашка об этом не знает!

Пират в коридоре засопел — видно, задремал.

— Кто здесь? — прошипел тихий голос.

— Это я, Алиса. Я с Земли, меня захватили пираты.

— Алиса? Вот встреча! А я — Рррр. Меня сегодня утром поймали. А завтра нас всех хотят расстрелять.

Голос Rrrr доносился из-под потолка, где была вентиляционная решетка. Алиса подползла поближе.

— Вы слышали, — спросила она, — что говорил пират?

— Да. Надо предупредить корабль.

— На свободе остался мой друг, но он один не может справиться с пиратами. Мне надо обязательно бежать.

— Потерпи, — сказал Rrrr, — до ночи мы обязательно что-нибудь придумаем.

Глава 13. Бегство

Время в камере тянулось медленно. Алисе казалось, что она сидит там уже несколько суток. Наконец за единственным решетчатым окошком стемнело. Алисе слышно было, как в коридоре гремят посудой — это желтоглазые тюремщики притащили Дучу поесть. Алису покормить забыли, да она и не стала у них просить, хоть была страшно голодна. Дуч все ворчал, страдал, что его не подменяют, а потом стал считать награбленные драгоценные камни и перекладывать их из кармана в карман.

За окошком вышла луна. Алиса опасалась разговаривать со своими соседями по тюрьме, чтобы Дуч не услышал.

Наконец-то из коридора послышался храп. Дуч заснул.

— Все в порядке, — услышала Алиса голос Rrrr, — нам удалось подсыпать ему в ужин снотворного. Его до утра пушкой не разбудишь. Тюремщики тоже спят. Держи ключ от главной двери.

Через решетку пролетел маленький ключик, меньше ногтя. Алиса осторожно подхватила его.

— Ползи направо, доберешься до конца коридора...

— А вы?

— Наша камера закрыта снаружи на засов, нам не выйти.

— Неужели я вам не могу помочь?

— Не думай о нас — в твоих руках судьба всей планеты. Спешу, скоро смена караула, тебя хватятся.

— Нет, — сказала Алиса, — так не годится. Я убегу, а вас казнят. Скажите, где дверь вашей камеры?

— Ты рискуешь.

— Скорее.

— Выход из столовой, в которой ты сидишь, в один коридор, а из нашей камеры в другой.

— Скорее.

— По коридору налево, потом еще раз налево и еще раз налево. Нет, тебе не успеть...

Дальше Алиса не слушала. Она отворила пошире дверь столовой. Дуч храпел, улегшись во всю длину коридора. Нелегко было отодвинуть тяжелого пирата к той стенке, он во сне сопротивлялся, бормотал сквозь зубы о не сданных вовремя книгах и грозился принять меры. Наверно, во сне он возвращался в старые добрые времена, когда работал в библиотеке.

За поворотом коридор был еще уже, два котенка еле там разошлись бы, да притом он был коротким — ноги Алисы были еще в большом коридоре, а голова уткнулась в стенку другого. Ей даже показалось, что она застряла. Навсегда. Она сосчитала до десяти, чтобы не

волноваться. Нет, застревать в коридоре брастакской тюрьмы никуда не годится. Скоро ночь кончится, вот-вот смена придет...

Алиса так разозлилась на себя и на эту дурацкую тюрьму-недомерок, что даже не заметила, как изогнулась и оказалась за углом. Вот и дверь, закрытая на засов.

— Rrrr, — прошептала Алиса, — ты меня слышишь?

За дверью раздался мягкий топоток.

— Ты уже здесь, Алиса?

— Сейчас открою засов.

Как бы теперь руку освободить — локоть застрял. Наконец-то! Засов поддался не сразу. Дверь отворилась, и оттуда вывалились сразу десять брастаков. Алисе показалось, что она сейчас задохнется, брастаки пытались протолкнуться между ней и стенкой, карабкались на плечи, щекотали лицо...

— Опомнитесь! Возьмите себя в руки! — крикнул Rrrr. — Алиса, как ты себя чувствуешь? Сможешь ползти задом наперед?

— Попробую, — сказала Алиса, отталкиваясь локтями, чтобы двинуться назад. Но ничего из этого не вышло. Брастаки взволнованно перешептывались.

— Трое забирайтесь за поворот, — приказал Rrrr, — будете тащить Алису за ноги. Остальные вместе со мной толкаем Алису отсюда. Понятно? Начали!

Ощущение было не из приятных — брастаки облепили ее, как лилипуты Гулливера, исцарапали лицо, чуть не вырвали волосы, изодрали в кровь щиколотки, но только еще больше заклинили Алису. К тому же Алиса поняла, что где-то посеяла ключ от тюремных ворот.

— Стойте, — сказала она, — так дело не пойдет. Сначала надо ключ найти, возьмите его и бегите. Может, кто-нибудь из вас сумеет предупредить корабль...

— А ты?

— Мне придется дожидаться пиратов, чтобы они меня выволокли.

— Ни за что, — сказал Rrrr. — Мы тебя не бросим.

— Ну что мне с вами делать! — рассердилась Алиса. — Неужели вы не понимаете, что главное сейчас — спасти планету...

— Мы это понимаем, — сказал Rrrr. — Но не можем бросить тебя в беде.

— Я с вами с ума сойду, — сказала Алиса.

Где же этот ключик? Она из всех сил старалась встать на четвереньки, уперлась спиной в потолок, да так сильно, что потолок вдруг поддался, пошел вверх с таким скрипом и скрежетом, что, наверно, перебудил весь город.

Какое удивительно приятное чувство, когда ты можешь наконец разогнуться! Алиса поднялась во весь рост, и крыша тюрьмы свалилась с ее спины прямо в тюремный двор.

Ночь была темная, лунная, у горизонта, за морем маленьких домов, появилась уже розовая полоска зари. Алиса взглянула себе под ноги, спасенные ею брастаки съежились на полу, потрясенные страшной катастрофой.

— Ну вот, — сказала Алиса. — Теперь нам ключ не нужен.

Часть тюрьмы, с которой слетела крыша, казалась сверху кукольным домом. В двух метрах от Алисы в открытом сверху коридоре, словно в ящике, лежал, похрапывая, пират Дуч.

— Брастаки, — сказала Алиса, — побежали! Вам помочь?

— Мы сами, — сказал Rrrr, — мы умеем прыгать.

Через три минуты все они были уже на свободе. Полдела сделано.

— Дальше куда? — спросила Алиса. — Где космодром?

— Отсюда далеко, — ответил Rrrr. — Я пойду с тобой. Остальные скроются у друзей и родственников.

— До свидания, — сказала Алиса брастакам, окружившим ее.

— Успеха тебе, Алиса, — ответили нестройным хором брастаки и по знаку Rrrr бросились во все стороны, прижимаясь к стенкам домов.

Тюрьма была выше Алисы, так что закрывала вид на ту сторону. Зато с другой стороны перед глазами были бесконечные крыши. Здесь, на окраине города, дома были невысокими, через некоторые Алиса без труда могла бы перешагнуть.

— Надо скорее выбраться из города, — сказал Rrrr. — Мы дождемся утра в лесу.

Алиса поспешила за брастаком. Она забыла, что если видит далеко вокруг, то и ее видно. Сзади донесся крик.

— Пригнись! — сказал Rrrr.

Алиса обернулась.

Совсем недалеко, возвышаясь по пояс над окраинными домишками, стоял пират и глядел на нее.

Алиса пригнулась и бросилась вперед.

Впереди уже были видны первые деревья.

Луч бластера пронзил синий рассветный воздух.

— Держи ее! — закричал пират.

Алиса всей спиной ощущала, как он снова целится в нее. Она не выдержала и присела на корточки. Но выстрела не последовало — вместо этого донеслись страшные проклятия.

Вскочив на ноги, Алиса кинула взгляд назад. Оказалось, что пират в спешке не посмотрел под ноги и, споткнувшись о дом, рухнул во двор — только ноги в черных сапогах торчат кверху.

А еще через десять минут Алиса и Rrrr, перебравшись через небольшой ручей и скрывшись в густой чаще, свалились в мягкий высокий мох и долго не могли отдышаться.

— Теперь можно часа три-четыре поспать, — сказал Rrrr. — Здесь нас никто не найдет. Не бойся, Алиса, я тебя разбужу.

— А далеко отсюда до космодрома?

— За час дойдем.

Глава 14. Драматические события на космодроме

— Ваше дамское превосходительство, — разбудил Пашку голос Мммм, — пора вставать, скоро прибывает катер. Корабль «Аристотель» уже вышел на орбиту нашей планеты.

Первым порывом Пашки было вскочить — но, к счастью, он успел сообразить, что спит без парика и черных очков, ходули лежат под кроватью... Он натянул одеяло на голову и возмущенно закричал в узкую щель:

— Это есть возмутительно! Я, чужестранная женщина, не есть одета, отдыхаю с обнаженной головой, а мужчина ходит по мой квартира. Вон отсюда!

— Простите. — Пашке видно было, как Мммм пятится к двери. — Но я стучал, а вы не откликнулись...

— Закройте за собой дверь, плебей! — закончил Пашка свой монолог. — Чтоб я вас больше не видела.

А из-за двери донесся дрожащий голос:

— А вставать все-таки придется, придется. Вы уж простите, госпожа.

— Ладно, встаю. Вы лучше бы о завтраке побеспокоились.

Пашка быстро умылся, привел себя в порядок. Потом разрешил брастаку принести завтрак.

— Как остальные? Готовы? — спросил он, пока Мммм, стоя на задних лапах, расставлял на столике чашки и тарелки.

— Все в порядке, благородная госпожа, — сказал Мммм. — Я очень польщен, что вас оделила своим вниманием сама госпожа королева пиратов. Она приказала доставить вам шкатулку с драгоценностями. Шкатулку я поставил на столик у кровати.

— Ах да, шкатулка! — Пашка бросил на нее взгляд, но открывать не стал, а вместо этого спросил: — Как там моя соседка поживает? Надеюсь, ничего с ней не случилось? Мне было бы жалко ее, такая милая девочка.

— Ничего в ней милого нет, — сказал Мммм. — Гигантское шумное существо, притом служит чужому делу.

— С ней все в порядке?

— А что? Вам что-нибудь известно?

— Что мне может быть известно, если я спала?

— Ну, тогда и не думайте об этом, — раздался голос Крыса.

Пиратский сын вошел в комнату, поскрипывая кожей мундира, отбросил сапогом с дороги Мммм, присел в кресло.

— Кончай скорее, пилагейка, — сказал он, улыбнувшись тонкими, нитяными губами. — Помнишь наш вчерашний уговор?

— Помню, помню, — сказал Пашка, давясь лепешкой, — вы — мне, я — вам.

— И не вздумай шутить. Земляне на корабле у тебя в случае чего все драгоценности отнимут. А что касается нас, дорогая, то руки у космических пиратов длинные. Я лично явлюсь к тебе, чтобы придушить. Я непобедим, потому что я — зло. Добро без зла существовать не может, а то не с чем сравнивать.

— Ну зачем угрозы? — сказал Пашка. — Неужели нельзя договориться по-дружески?

— По-дружески нельзя. Совершенно исключено. Друзей в нашей профессии не бывает.

Пошли.

Пашка подхватил свою сумку, в другую взял Алисину.

Крыс внимательно наблюдал за ним, прищурился белыми глазами без ресниц.

— Ты чего чужое хватаешь? — спросил он тихо. — Думаешь с ней еще раз встретиться? Не выйдет. Мы ее все равно поймаем.

У Пашки все внутри пустилось в пляс — поймаем! Значит, Алиса убежала!

— Я не чужое, — сказал он, стараясь скрыть улыбку. — Я в надежде...

— На что?

— На то, что вы ее поймаете. Зачем ей тогда сумка? А мне она пригодится. Понятно, пират?

— Не шутишь?

— Хватай, что плохо лежит, — сказал Пашка. — Никому не доверяй, обходись без друзей. Вот мой принцип.

— Вот баба! — обрадовался Крыс. — Ну, не ожидал. От простой туристки не ожидал. Хотя, впрочем, у моей мамыши был солдат Дуч, усатый такой, ты его видела. Он раньше библиотекарем работал. Мирная профессия. А у нас считался первым головорезом.

— А почему «был»?

— Он Алису стерег. И не устерег.

— И что?

— А ничего, не задавай лишних вопросов, а то скоро состаришься и потеряешь свою неземную красоту.

Пашка с сумками в руках заковылял к двери.

— Постой, совсем рехнулась. За копейкой гонишься, а тонну золота теряешь. Оглянись, ничего не забыла?

— Нет, все со мной, — сказал Пашка.

— Смущаешь ты меня, — сказал Крыс. — А шкатулку с драгоценностями я за тобой таскать должен?

— Ах, склероз, склероз, — спохватился Пашка, — самое главное чуть не забыла.

Он вернулся, положил шкатулку с драгоценностями, подарок пиратской мамыши, к себе в сумку. Ну и ругал же он себя — всегда разведчики на мелочах попадают.

Пашку отвезли на космодром в государственном рыдване. Крыс сидел рядом, хмурился и ворчал:

— Эх, эти мамыны причуды! Вышли бы в космос, взяли бы лайнер на абордаж без этих тонкостей. Чего не выношу — это тонкостей.

— А вдруг лайнер вооружен? — спросил быстро Пашка. — На нем должны быть лазеры и метеоритные пушки.

— Да ты не слушай, я так рассуждаю. Все равно мамыша мне корабля нашего не доверит, хоть он и мой по праву. Бойтся, что смоюсь на нем со всеми драгоценностями. И до чего она у меня подозрительная, ты и не представляешь!

— Представляю, — сказал Пашка. — Еще как представляю. Сама такая.

Машина остановилась на краю поля, у здания космовокзала. Там в тени скрывались несколько пиратов.

— А ну, прячьтесь! — прикрикнул на них Крыс. — Не демаскируй!

— Да еще нет никого, господин принц.

— Когда увидят, поздно будет. Они могут сверху наблюдать.

Пираты, огрызаясь, ушли в здание. И вовремя. Над полем медленно снижался автоматический катер.

Пашка взглянул на Крыса. И опять не уловил того момента, когда пират исчез. Вместо него рядом стояла Алиса в розовом платице, с цветочком в руке.

— А ну-ка дай сюда мою сумку, — сказала Алиса.

— Она не твоя, а настоящей Алисы.

— Ты у меня поговори!

Пашка не стал спорить. Пускай несет. Он не спускал глаз с катера. Хоть бы кто-нибудь прилетел на нем.

— Пошли, — сказал Крыс и первым вышел на залитое солнцем поле. За ним — Пашка. Люк катера открылся. Из люка кто-то вышел.

— Серая туманность! — воскликнул Крыс. — Еще чего не хватало. Нам ведь сообщили, что ни одного пассажира на Брастак нет.

Пашке бы помолчать, но язык — его враг.

— Это же робот, — сказал он. — Робот-стюардесса. Неужели не отличи...

Он осекся, но было поздно.

— Ах, робот! — сказал Крыс. — Ну и замечательно. Люблю роботов.

Стюардесса улыбнулась пассажирам.

— Добро пожаловать, — сказала она, — на корабль «Аристотель». Но кто из вас Алиса Селезнева?

— Я, — сказал Крыс, выходя вперед, — я возвращаюсь к папе и маме.

— Проходи, девочка, — сказала стюардесса. — Ты есть в списках пассажиров.

Пашка только тут сообразил, что у него нет билета. А вдруг его не пустят в катер? Этого нельзя допустить.

— Я есть пилагейская туристка, — сказал он, — я отстала от своей группы.

— Первый раз вижу одинокую пилагейскую туристку, — сказала стюардесса, — представляю, каково вам пришлось! Но ведь наш корабль летит на Землю. Не лучше ли вам подождать следующего?

— О нет! — воскликнул Пашка. — Я не терплю одиночества.

Стюардесса отступила на шаг в сторону, чтобы пропустить пассажиров в катер, но тут послышался приближающийся треск мотора и длинный гудок. К катеру неслась низкая брастакская машина, на крыше которой, уцепившись за края открытых окошек, лежала Алиса. Машина резко притормозила у катера, Алиса спрыгнула, и машина умчалась дальше. Вслед ей от здания вокзала потянулись раскаленные лучи бластеров — это опомнились пираты.

Крыс, который уже вошел было в катер, оглянулся и замер. Стюардесса крутила головой, стараясь понять, что произошло. Один Пашка не растерялся. Он наклонился вперед и кинулся на Алису в розовом платье, чтобы она не успела превратиться в Крыса. Крыс потерял равновесие и влетел в катер, Пашка за ним. И тут же в катер вбежала Алиса. Пока Пашка старался подняться на ноги, проклиная неуклюжие ходули, Крыс успел отпрыгнуть к стене, превратиться в пирата и выхватить бластер.

— Считаю до трех, — сказал он Алисе. — Или ты выметаешься из катера, или я выбрасываю твой труп. Раз. Два...

— Господин Крыс! — закричал Пашка. — Это не цивилизованно! Я буду жаловаться!..

— Ты у меня тоже вылетишь из катера, — сказал Крыс.

А настоящая Алиса стояла спиной к пульту управления катером.

— Ну, пошевеливайся! Второй раз от нас не уйдешь!

Алиса начала продвигаться к выходу. «Догадается ли она нажать на кнопку тревоги?» — думал Пашка.

У двери стояла стюардесса. Ее розовое искусственное лицо улыбалось — стюардессы всегда улыбаются.

— Прошу занять свои места, — сказала стюардесса, словно командовала самым обычным полетом.

— С дороги! — крикнул Крыс роботу. — Эта девчонка с нами не летит.

— Невозможно, — улыбнулась стюардесса, — у нее есть билет. Это Алиса Селезнева.

— Я тебя расстреляю! — закричал Крыс. — С дороги!

— Меня нельзя расстрелять, — сказала стюардесса. — Меня нельзя уничтожить бластером, пушкой, лазером, мазером и прямым попаданием метеорита. Советую вам занять

места.

— Долой! — Пират начал стрелять в стюардессу, но улыбка так и не пропала с ее лица. В кабине стало жарко.

— Прекратите, — сказала стюардесса. — Вы можете повредить стены кабины, а так как мы уже находимся в высших слоях атмосферы...

— Где? — У Крыса даже рука опустилась.

— Это автоматический катер. Он уже приближается к кораблю.

Крыс стоял неподвижно.

— Давайте сюда оружие, — сказал Пашка, — а то и в самом деле стены кабины повредите.

— Нет, — сказал Крыс. — Игра еще не кончена.

Он положил бластер на стол и снова превратился в Алису.

Но Пашка, который внимательно следил за пиратом, увидел, что бластер оставлен без присмотра, кинулся к нему и успел схватить раньше, чем ложная Алиса протянула к нему руку.

— Отдай сейчас же, пилагейская дура. Все равно у тебя все драгоценности отнимут.

Он прыгнул на Пашку, они покатались по полу, а бластер отлетел в сторону. Алиса бросилась к Пашке на помощь, и неизвестно, чем бы кончилась эта схватка, но стюардесса ласковым голосом, словно привыкла к таким дракам в своем маленьком катере, сообщила:

— Катер прибыл к кораблю «Аристотель». Прошу пассажиров перейти на корабль.

Люк отлетел в сторону, словно кто-то рванул его с той стороны. В проеме люка стоял космонавт в форме капитана Глубокого космоса.

— Прекратите драку! — сказал он тихо. — Дети!

Пашка поднялся на ноги. Конечно, в глазах капитана это все выглядело детской дракой. Две одинаковые девочки и странное существо в платье пилагейки, но без парика, а со стриженной мальчишеской головой.

Капитан наклонился и поднял бластер.

— Откуда вы добыли оружие? — спросил он.

За его спиной стояли еще два космонавта.

— Мы не дети, — сказал Пашка. — Вот эта девочка — известный космический пират Крыс.

— Какая? — поморщился капитан.

Пашка и Алиса показали на Крыса, а Крыс — на Алису.

— Кто из вас нажал на кнопку тревоги? — спросил капитан.

— Я, — сказала Алиса. — Но без Пашки я бы не справилась.

— Пашка? — спросил Крыс. — Какой еще Пашка?

Пашка приподнял подол юбки, и все увидели, что он стоит на ходулях.

— Никакая я не пилагейская туристка.

— Предатель! — закричал Крыс. — Какую змею мы пригрели с мамой!

— Теперь вы верите? — спросила Алиса у капитана.

Вторая Алиса, что в розовом платье, сказала:

— Я сдаюсь. Я — космический пират Крыс, и запирается нет смысла. Я проиграл. Где здесь у вас тюрьма?

— Предупреждаю, — сказал Пашка, подхватывая с пола свою сумку, — он может превратиться в кого угодно, даже в вас, капитан. Посадите его в такую каюту, где даже

маленькой щели нет.

— Это правильно, — сказала девочка в розовом платье, — меня нужно тщательно сторожить.

Глава 15. Вроде бы все удалось...

Наверно, полчаса пришлось все объяснять капитану, а тем временем судовой доктор, задумчивый, похожий на садовую лейку, перевязал Алисины ссадины и царапины. Капитану нелегко было во все поверить — за двадцать лет, которые он водил космические корабли на дальних трассах, ему не приходилось сталкиваться с такой дикой историей: шайка пиратов захватила целую планету и еще собирается взять в плен мирный лайнер.

Надо было принимать решение. Капитан приказал радисту передать срочную гравииограмму — через час ее получат на Земле, еще через час — в Галактическом совете. Пока суд да дело, корабль продолжал кружить на орбите вокруг планеты.

В ожидании указаний из Галактического совета капитан приказал привести к нему пирата.

Крыс смирно встал у двери. Он все еще изображал Алису в розовом платьице.

— Пускай Крыс перестанет притворяться, — сказала Алиса. — Мне неприятно, что он похож на меня.

— Разумеется, — быстро ответил Крыс Алисиным голосом. — Но ведь все кого-то изображают. Твой друг Пашка не только пилагейскую туристку изображал, но и готов был всех предать.

— Я и не думал предавать, — улыбнулся Пашка, который сидел в своем обычном мальчишеском виде. — Вы о военной хитрости когда-нибудь слышали?

— Я обо всем уже слышал, — ответил пират. — И уверен, что, если бы мы победили, ты бы остался пилагейкой и присоединился бы к нам, как бывший библиотекарь.

— Эх, — махнул рукой Пашка, — он ничего не понимает в дружбе.

— Дружбы не бывает, — сказал Крыс, — кто сильнее, тот и друг. Это же и червяку ясно.

— Хватит, — сказал капитан. — Психология у вас, прямо скажу, отвратительная, и прошу вас вернуться в свой облик.

— Пожалуйста, — сказал Крыс и превратился в профессора Рррр. — Пожалуйста, сколько угодно.

— Опять не то, — сказала Алиса.

— А кто знает, какой у меня обычный вид? — спросил Крыс. — Я так далеко зашел на пути порока и преступлений, что уже все забыл. И это неудивительно. Наверно, я сам бы испугался, увидев себя в естественном виде. Не все ли равно, на кого я похож. Главное, я сдался и готов отвечать на любой вопрос. Никого не пожалею.

— Даже собственную маму? — спросила Алиса.

— А уж ее тем более, — сказал Крыс, — нет более отвратительного существа на свете, чем моя мамаша. Это она дала мне в детстве порочное воспитание. Я мог бы стать космонавтом, инженером, садовником, но воспитание не оставило мне выбора — я стал преступником. И поздно раскаиваться.

Все увидели, как из единственного голубого глаза лже-Рррр выкатилась большая зеленая слеза.

— Не обращайтесь внимания, — сказал он и закрылся лапкой. — Глаз у меня чужой, но слезы мои настоящие.

— Куда вы намеревались лететь? — спросил капитан.

— Домой. Но уверяю вас, мы бы по дороге обязательно передрались. Так у нас всегда бывает. Мне, можно сказать, повезло, что я к вам в плен попал. Все-таки живым останусь. И еще со временем перевоспитаюсь. Как вы думаете, капитан, для меня еще не все потеряно? Могу ли я искупить свою вину честным трудом?

— Не верьте ему, капитан, — сказала Алиса.

— Но ведь каждый может перевоспитаться, если он захочет, — сказал добрый доктор, похожий на лейку. — Я знаю несколько таких случаев...

— Капитан, — в дверь заглянул радист, — получен ответ из Галактического совета.

— Покажи, — сказал капитан.

Радист протянул ему гравиограмму. Капитан прочел ее и сказал:

— Нам предписывают оставаться на орбите до прилета патрульного крейсера.

— Почему? — спросил доктор. — Чтобы передать им пленных?

— Пираты могут удрать с планеты на своем малом корабле, бросив добычу. Если они это сделают, мы должны узнать, куда они направляются...

— Но у нас на борту пассажиры... — сказал доктор.

— Корпус нашего «Аристотеля», — сказал капитан, — сделан из суперсплава. Нам пиратские пушки не страшны.

— А когда прилетит патрульный крейсер? — спросил Крыс.

— Это вас не касается, — сказал капитан. — Не верю я вашему раскаянию.

— Вы ошибаетесь, капитан, — сказал печально Крыс, вытирая слезы. — Я искренне раскаялся.

Крыса увели...

Алиса с Пашкой пошли обедать в кают-компанию. За соседним столом сидела компания пилагейских туристов. При виде их Пашка шепнул Алисе:

— Если бы они знали...

— Еще не поздно, — сказала Алиса. — Может быть, тебе стоит переехать на Пилагею. Сойдешь там за своего.

— Я подумаю, — сказал Пашка. — Расскажи мне теперь, как ты из тюрьмы убежала.

Когда Алиса закончила свой рассказ, она сказала:

— Скорей бы крейсер прилетел. Ты не представляешь, как я беспокоюсь за брастаков.

— Это зависит от того, в каком он сейчас секторе. Капитан сказал мне, что ожидает его завтра.

— Страшно представить, как пираты злобствуют. Они, наверно, уже догадались, что Крыс попался. Как ты без меня жил?

— Познакомился с красавицей.

— С какой еще красавицей?

— С пиратской мамашей, — сказал Пашка.

Пилагейские туристки вдруг затараторили. Показывали пальцем на пол. Там бежал большой черный таракан.

— Гадость какая, — сказал Пашка.

— Насекомое как насекомое, — сказала Алиса. — Конечно, на корабле ему не место. Надо доктору сказать — на кухне, наверно, завелся. Ну, продолжай.

Таракан на мгновение задержался, глядя на Алису, потом быстро побежал дальше, к каютам.

Пашка продолжал:

— Пиратская мамаша решила меня подкупить — ей надо было, чтобы я не выдал Крыса. Она даже поделилась со мной награбленными драгоценностями.

— Какими еще драгоценностями?

— Алмазами, жемчугом. Компот допьешь, покажу. Целую шкатулку мне подарила. Только я подозреваю, что потом она все камни подменила на стекла. Иначе зачем она мне ее сразу не отдала, а только потом прислала?

— Смотри, не забудь отдать камни брастакам.

— На что мне чужие драгоценности?

Алиса быстро допила компот.

— Пошли.

Пашка выплюнул косточку и тоже встал.

Но они не успели дойти до дверей кают-компания.

В дверях стоял пират. С бластером в руке.

— Ни с места, — сказал он, — всем оставаться на своих местах. Корабль захвачен.

Глава 16. Полная шкатулка пиратов

Отодвинув пирата в сторону, в кают-компанию вошла женщина изумительной красоты с плеткой в руке. Лицо ее казалось фарфоровым, курчавые черные волосы спадали на плечи. Фарфоровые голубые глаза отыскивали Пашку.

— Подойди сюда, мальчик, — сказала она нежно и засмеялась, словно зазвенели серебряные колокольчики.

Пашка подошел. Он ничего еще не понимал.

Пиратская мамаша медленно подняла руку, и хлыст взвизгнул в воздухе. Пашка схватился за щеку рукой, но не закричал. Стиснул зубы. Снова свистнул хлыст — красная полоса протянулась через руку Пашки.

— Я тебя научу, мерзавец, — сказала мамаша, — как обманывать королеву. Вот какая ты туристка!

— Мамаша, — сказал Крыс, входя в кают-компанию и отбрасывая кулаком Алису, которая кинулась на помощь Пашке. — Мамаша, зачем такие жестокости, не принятые в цивилизованном мире? Мы должны благодарить этого наивного мальчика, а ты его наказываешь.

— Поблагодарить я его всегда успею, а вот обмана не терплю, ты же знаешь.

Снова свистнул хлыст. Пашка от боли упал на колени.

— Успеете, всему свое время. Каждая минута на счету. Пока перегрузим добро да улетим, полдня пройдет, а патрульный крейсер уже в пути.

Пилагейские туристки тараторили на своем языке, никак не могли понять, что к чему. Пираты загоняли в кают-компанию других пассажиров и членов экипажа. Последним ввели капитана. Он был связан и жестоко избит.

Доктор-лейка увидел, что Пашка весь в крови, и нагнулся над ним.

— Как не стыдно, — сказал он, — взрослая женщина...

— А тебе я ноги обломаю, — сказала королева пиратов.

— Мамаша, он доктор, он нам пригодится.

— Я нового себе куплю.

— А твой радикулит?

— Ладно, пускай живет. Мы его с собой возьмем. Где шкатулка? А то все камушки растащат.

— Здесь, госпожа, — сказал пират Бесноватый, протягивая королеве шкатулку, которую она подарила Пашке.

— Может, кто-нибудь интересуется, как мы сюда попали? — спросила королева и усмехнулась: — Проще простого. Благодарите этого гадкого мальчишку. Он свою роль играл, а мы — свою. Мы понимали, что Крысу вряд ли удастся захватить целый корабль, и решили: пускай его захватят в плен. Непонятно? А ну-ка, Бесноватый, подойди сюда.

Королева поставила шкатулку на стол, открыла ее, выгребла оттуда камни, высыпала себе за корсет белого платья и откинула дно шкатулки.

Дно оказалось двойным.

— Эта шкатулочка досталась мне по наследству от дедушки, а он ее выкрал из склада Космических скитальцев, которые уже миллион лет назад улетели в соседнюю Галактику. Бесноватый, на стол!

Бесноватый взобрался на стол.

— Покажи им, миленький!

Бесноватый поставил в шкатулку ногу, и все увидели, как его нога уменьшилась и исчезла, и вскоре он весь скрылся в шкатулке.

— Теперь он стал размером с ноготь, — сказала королева. — И ждет своего часа. Как мы все ждали. Так что ваш Пашка нас собственными руками на корабль пронес.

— А когда меня в каюту посадили, — сказал Крыс, — я в таракана превратился, в щелку выскочил, у всех на глазах прошел к Пашке, достал шкатулку, открыл и выпустил наружу тридцать пиратов во главе с моей мамашей. Оп-ля-ля!

— Представление окончено, — сказала мамаша, подняла шкатулку, опрокинула ее, и оттуда вывалился на пол Бесноватый.

— Можно бы и поосторожнее, — проворчал он.

— Я пошел на мостик, — сказал Крыс, — сейчас подойдет наш кораблик. Мы начнем перегружать добро на «Аристотель». Все пассажиры останутся на Брастаке, так что собирайте вещички. Команда тоже. С собой мы возьмем только мальчишку. У нас с ним особые счета.

— И доктора, — сказала мамаша. — Меня радикулит замучил. Все время в походах, в набеггах — сквозняки и ветры...

Только тогда Алиса вдруг догадалась:

— Так вот, значит, как вы планету Брастак завоевали!

— Молодец, девочка, умница, — сказала королева. — Крыс со шкатулкой под видом брастака всю планету объехал и всюду наших людей оставлял. Потом по моему сигналу пираты вышли из своих укрытий.

— Королева, — сказал доктор, похожий на лейку, — я как врач говорю вам, что этот молодой человек нуждается в медицинской помощи. У него кровоточащие раны. Я намерен его перевязать.

— Ничего, до свадьбы заживет, а мы ему еще добавим, — усмехнулась королева.

— Я настаиваю, — сказал доктор. — В ином случае я отказываюсь лечить ваш

радикулит.

— А я тебя заставлю.

— Нет уж, не заставляйте, — сказал доктор. — Не получится. Меня пиратами не запугаешь.

— А если разрешу, вылечишь?

— Разумеется.

— Бесноватый, проводи их до амбулатории и пригляди за ними.

Глава 17. Средство от пиратов

— Это безобразие, — возмущался доктор, пока Бесноватый вел пленников к амбулатории. — Это варварство, и я буду жаловаться.

— Не скоро тебе, кастрюля, придется жаловаться, — сказал Бесноватый. Он успел отнять у какой-то пилагейской туристки шляпу с цветами и надел ее набекрень.

— Молодой человек, — сказал доктор Бесноватому, — попрошу вас внутрь амбулатории не входить.

— Это еще почему? — удивился Бесноватый.

— А потому что вы можете занести микробы. Всю Галактику исколесили, а руки, как я погляжу, не моете.

— Вчера мыл, — обиделся пират.

— И без мыла.

— Откуда у меня мыло? — сказал пират. — Нет у меня мыла. Алмазы есть.

— Вот и можете в любой момент заболеть, — сказал доктор. — Задумайтесь над этим.

Он открыл дверь, пропустил Пашку вперед и захлопнул ее перед носом пирата.

— Как она тебя отделала! — сказал доктор, покачав квадратной головой. — Больно?

— Больно.

— Терпи.

— А я терплю, — сказал Пашка сквозь зубы.

Доктор возился в стеклянном шкафу, вынимая какие-то бутылки, шприцы и инструменты.

— Может, обойдемся без уколов? — спросил Пашка. — У меня не очень болит.

— Нет уж, неизвестно, что она этим хлыстом делает, может, своих пиратов стегает. Ты же сам слышал — мыла нет, алмазы есть...

— Но что нам делать, доктор? — спросил Пашка. — Так горько сознавать, что я во всем виноват.

— Не вини себя, юноша. Что делать, если они оказались хитрее?

— Сейчас мы с вами — единственные люди на корабле, кто хоть немножко на свободе. Скоро причалит их корабль, начнут выгружать ценности и всех, кроме нас, отправят на Брастак.

— Ах, мальчик, не расстраивай меня... А ну-ка повернись этой щекой. Наверно, шрам останется.

— Это даже красиво. Вы что-нибудь придумали? Ой, больно!

— Разумеется, у меня много мыслей. Например, есть у меня снотворное. Но его надо съесть...

Дверь приоткрылась, и возникла физиономия пирата Бесноватого в шляпе с цветами.

— Ну, скоро вы там?

— Сейчас, уйдите, не мешайте.

Дверь за пиратом закрылась.

— Да, обедать они не собираются, — сказал Пашка. — Неужели мы сдадимся, доктор?

Доктор подошел к стеклянному шкафу и задумался...

— Эврика! — сказал он, вынимая из шкафа небольшой флакон с распылителем.

— Что?

— Эврика, как сказал Архимед, когда догадался, что тело теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им вода.

— Знаю, учили в школе, но при чем тут Архимед?

— Когда мы уходили в рейс, мне дали этот флакон для испытания на диких животных.

— А как он действует?

— Он еще не испытан. И то, что годится для животных...

Вошел Бесноватый.

— Королева велела вести вас в кают-компанию. Через пятнадцать минут начнем погрузку.

Пашку буквально раздирало от желания узнать, что же придумал доктор.

— И вы думаете... — спросил он осторожно, когда они шли по коридору.

— Ничего я не думаю, — ответил доктор. — Не мешайте мне. Ах, как рискованно...

— Что рискованно? — спросил Бесноватый.

— Я думаю о новом средстве лечения радикулита вашей королевы...

— А вы не думайте, доктор, — ухмыльнулся пират. — Если ее скрючит, ничего страшного. Обойдемся без нее. Может, меня в короли выберут. Не исключено...

Они вошли в кают-компанию. Королева сидела на круглом табурете от рояля, который вывинтили до самого верха да еще прикрыли подушкой, чтобы пиратка была выше всех. Ее поддерживали телохранители, чтобы она не свалилась.

— Ай, как я тебя отделала! — сказала она весело, увидев, что Пашка заклеен пластырями. — Ты у меня будешь мальчиком для битья. Как плохое настроение или кто меня разозлит, буду вымещать гнев на тебе.

— Это вам даром не пройдет, — сказал капитан. Он лежал связанным на полу.

— Молчать! — сказала королева. — Кто сильнее, тот и командует.

Вошел Крыс.

— Все готово, — сказал он. — Наш корабль с первой партией драгоценностей пристал к борту. Можно готовить пленных.

Пашка краем глаза увидел, что доктор осторожно полез в карман. Вот он достает флакон и выходит вперед.

— Что там у тебя? — подозрительно спросила королева. — Смотри не умори нас.

— Каждый врач, — сказал доктор, — дает торжественную клятву не причинять вреда здоровью людей. Я тоже давал такую клятву. Не беспокойтесь. Что-то воздух здесь нечистый, надо освежить.

— А ну спрячь свою дезинфекцию! — крикнул Крыс. — Сейчас же.

Но доктор как ни в чем не бывало не спеша опрыскивал из распылителя кают-компанию.

Ничего не случилось.

Пираты смотрели на него во все глаза. В воздухе запахло ландышами.

— Бог с ним, — сказала королева, — помогите мне сойти с трона!

Доктор прошел рядом с Пашкой, Пашка вдохнул странный свежий запах. «Приятный запах», — подумал он. Он нашел пустое кресло и уютно устроился в нем. «И охота была мне, — подумал он, — суетиться?»

Доктор прошел совсем близко от пиратской королевы.

Никто больше не обращал на него внимания. Пираты начали было сгонять пленников к двери, но потом один из них почему-то раздумал, отошел в сторону, улыбнулся и махнул рукой.

— Гони их сам, — сказал он своему соседу.

— Нет уж, — ответил тот, — пускай сама королева этим занимается.

Раздался грохот. Оказывается, телохранители, которые поддерживали королеву, отошли от нее и она, не удержавшись на вертящемся стуле, упала на пол.

— Что за безобразие! — сказала она. — Я же могла ушибиться!

— Обойдешься, — сказал телохранитель.

В дверь заглянул пират и сказал:

— Все готово к приему пленных.

Принюхался к приятному запаху и добавил:

— Кто желает, может их туда отогнать. Что касается меня, то я устал на этой службе...

— Сынок, помоги мне подняться, — сказала королева, лежа на полу.

— Сейчас, — сказал Крыс, подошел к ней и сел рядом.

— У тебя, мамаша, закурить не найдется? — спросил он.

— Сам достань из сумочки, — сказала королева, — мне лень шевелиться.

— Обойдусь без курева, — ответил Крыс, вытянулся во весь рост на полу и задремал.

Доктор, продолжая нажимать на кнопку распылителя, выбежал из кают-компания. Когда он через минуту вернулся, то первым делом подбежал к капитану, отбросил в сторону пустой пузырек и сказал:

— Все в порядке. Они обезврежены.

Он наклонился над капитаном и начал развязывать путы.

— Эй, — сказала лениво королева, — ты не прав, доктор. Нельзя его распутывать, он в плену.

— Молчите уж, — сказал доктор.

Алиса стояла посреди кают-компания и ничего не могла понять. Пираты потеряли всякий интерес к тому, что происходит вокруг. Пилагейские туристки сели в кружок на пол и тихонько запели какую-то песню, Пашка, обклеенный пластырем, дремал в кресле. Что случилось? Алиса хотела было подойти к доктору и спросить, но лень было двигаться. Она стояла и смотрела, как капитан поднимается и растирает затекшие руки.

— Чем это вы их? — спросил капитан у доктора.

— А помните, нам перед отлетом выдали новое средство от хищников? — спросил он. — Я вам показывал.

— А как оно действует? — спросил капитан у доктора.

— Оно совершенно безвредно, но вызывает необоримый приступ лени. Да сами посмотрите.

Алиса лениво проследила взглядом за пальцем доктора-лейки. И увидела, что пальма, стоявшая в кадке в углу кают-компания, бессильно опустила листья.

— Даже растения не могут бороться с ленью.

— Великолепно, — сказал капитан. — А вы?

— А вы? — ответил вопросом на вопрос доктор.

— Я? — Капитан пожал плечами: — Я — капитан корабля и отвечаю за все, что здесь происходит. Как же я могу лениться?

— Вот вы и ответили на вопрос, — сказал доктор. — А я — врач. Лень — это атавизм, то есть отмирающее свойство человека. Человек будущего забудет об этом чувстве.

«Ой, какой ужас! — подумала Алиса. — Неужели я — человек прошлого?» Она хотела крикнуть капитану, что тоже владеет собой, но ничего не получилось. Просто-напросто рот не открылся.

— И долго это средство действует? — спросил капитан.

— Я думаю, до завтра они будут отдыхать.

— Придется их оставить здесь. Боюсь, что мало сейчас на корабле людей, которые могли бы нам помочь.

— Я пойду в радиорубку, ладно? — раздался голос.

Алиса увидела, что к капитану подходит радист.

— Да, — сказал капитан, склонив голову набок и внимательно глядя на радиста. — Приятно убедиться... — сказал он, махнул рукой и совсем другим, командирским голосом продолжал: — Немедленно свяжитесь с патрульным крейсером и скажите, чтобы они прибавили ходу. Если возможно. Сообщите вкратце, что здесь произошло.

— Ой, что-то душно, — сказала королева пиратов и лениво сняла с себя розовую, словно фарфоровую, маску.

Алиса быстро отвернулась, увидев, какое в самом деле у королевы лицо. Это жуткое зрелище помогло ей совладать с собой. «Ну, — уговаривала она себя, — еще один шаг, еще шаг... Неужели придется так вот бороться с собой до завтрашнего дня?»

— Подождите, — сказала она капитану, который уже собирался запереть дверь в кают-компанию. — Я с вами.

— А я? — спросил Пашка.

— Скорей, девочка, — сказал капитан.

Алиса подошла к Пашке и помогла ему подняться.

— Неужели нет какого-нибудь противоядия от лени? — спросила Алиса, пока доктор запирает дверь.

— Еще не придумали, — сказал доктор. — Спасает только работа.

И Алиса потащила Пашку в каюту, чтобы он немного поспал.

* * *

Когда Пашка с Алисой спускались на поле московского космодрома, он вдруг остановился.

— погоди, — сказал он. — Мне надо обязательно один вопрос задать. А то я забываю.

Пашка подбежал к шумной группе пилагейских туристов.

— Простите, — сказал он. — Зачем вам корзинки?

— Ах! — закудахтали туристки, размахивая своими корзинками. — А если мы снесем яйцо, куда его положить?

— Вы несете яйца?

- А разве это позорно?
- Нет, простите, я не привык к этому.
- Нельзя же бросать детей на произвол судьбы.
- А что же тогда в государственной корзинке?
- В государственной корзинке? О! Государственное яйцо!
- Как сложно! — вздохнул Пашка. — Сколько планет, столько и обычаев. И скрррулей мы так и не отведали...

Сто лет тому вперед (Гостья из будущего)

Часть 1. Гость из прошлого

1. А если за дверью анаконда?

Родители у Коли сравнительно не старые — им ещё сорока нет. А сами себя считают совсем молодыми, купили катер, красят его и лелеют, втаскивают на берег, спускают в воду, чинят мотор, созывают гостей, чтобы жарить шашлыки и петь туристские песни. Но путешественники они никудышные, совершенно не умеют пользоваться своим счастьем. В прошлом году две недели ездили по Волге, а проплыли всего сто километров — можно от смеха умереть. Коле с ними неинтересно. Их романтика ему не подходит, очень уж она комфортабельная. Вот и в то апрельское воскресенье он наотрез отказался ехать с ними красить драгоценную «Чайку». Он сказал, что у него завтра контрольная. Родители так умилились его сознательностью, что не стали приставать. И у Коли оказалось совершенно свободное воскресенье, без родителей, без дел, можно жить в своё удовольствие, как греческий философ Эпикур.

Когда Коля проснулся, родителей уже не было. На столе лежала записка с просьбой сходить за кефиром и рубль.

С утра свободный день кажется бесконечным. Поэтому Коля не спешил. Он включил на полную громкость радио и стал думать, кому позвонить. Но было ещё рано, все друзья спали, и Коля решил сходить за кефиром. Он взял рубль, сумку, пустые бутылки и вышел на лестницу.

По лестнице прямо к нему шли два санитара и несли сложенные носилки. Санитары были пожилые, крепкие, похожие на грузчиков, только в форменных фуражках и белых халатах. Коля остановился. И тогда он заметил, что дверь в соседнюю квартиру приоткрыта и оттуда доносятся голоса. Санитары пронесли носилки в ту дверь. Что-то случилось с соседом, Николаем Николаевичем.

Сосед жил один, часто ездил в командировки, а где он работал, Коля не знал. Коля решил подождать. Вскоре дверь отворилась, и санитары вынесли на лестницу носилки. На носилках лежал Николай Николаевич, бледный, покрытый простыней почти до самого горла. Сзади шёл молодой врач с толстым чемоданчиком. Врач остановился в дверях и спросил:

— Что делать с квартирой?

В этот момент Николай Николаевич увидел Колю и обрадовался.

— Здравствуй, тёзка, — сказал он тихо. — Хорошо, что ты мне встретился. Видишь, сердце прихватило. Такая вот незадача!

— Ничего, — сказал Коля, — вы выздоровеете.

— Спасибо на добром слове. У меня к тебе просьба: возьми мой ключ. Ко мне на днях должен друг приехать из Мурманска. Он знает, что, если меня дома нет, ключи у вас.

— Как всегда, — сказал Коля. Потом обернулся к доктору и добавил: — Вы захлопните, а ключ сюда передайте.

Коля проводил носилки с Николаем Николаевичем до улицы. Санитары аккуратно поставили их в «скорую помощь». Сердечникам нужен полный покой.

— Когда ждать? — спросил он Николая Николаевича, уже лежащего в машине.

— Через месяц. Может, раньше. Я вам позвоню, как буду вставать.

— Позвоните, я вас навещу, — сказал Коля. — Может, фруктов купить надо? Вы не стесняйтесь.

— Мой друг из Мурманска должен привезти мне лекарство. Я надеюсь на твоё посредничество.

— Не сомневайтесь, — сказал Коля. — Мои старики тоже рады вам помочь.

«Скорая помощь» резко взяла с места и умчалась в клинику Склифосовского, как сказал Коле доктор на прощание. Коля постоял, поглядел вслед машине. Ему было жалко Николая Николаевича. Сосед был приличный человек, никогда не изображал из себя наставника малолетних, не учил жить, а поговорить с ним было интересно. Потом Коля сходил в магазин, купил кефир. Когда платил в кассу, нащупал в кармане ключ от квартиры Николая Николаевича и подумал — не забыть бы повесить его в коридоре на видном месте: когда приедет друг из Мурманска, ключ сразу найдётся. Но, вернувшись домой, Коля ключ не повесил. У него возникла мысль.

Дело в том, что на письменном столе Николая Николаевича стояла модель фрегата. Она была из дерева, паруса матерчатые, ванты из шпагата, пушки настоящие, медные. Николай Николаевич сказал как-то, что фрегат сделан из двух тысяч частей и точно скопирован с настоящего. Коля любил смотреть на фрегат. Если чуть присесть и прищурить глаза, можно представить, что фрегат плывёт по океану, а паруса обвисли, потому что вторую неделю стоит шпиль.

Когда Фима Королев из Колиного класса узнал про фрегат, он стал проситься в гости к Николаю Николаевичу, но Коля не спешил вести его в гости. Фиму опасно водить в гости, потому что он страшно нахальный, неуклюжий, обязательно что-нибудь схватит и разобьёт. Фиме надоело напоминать, и он сказал:

— Сними мне мерку с фрегата. Я собираюсь строить парусник, а литературы мало. Что тебе стоит помочь человеку!

Разговор с Фимкой был вчера, а сегодня Николай Николаевич заболел. Вечером приедут родители, ключ могут спрятать, а Фима ни за что не поверит, что сосед в больнице, — решит, что Коля опять выдумывает.

По этой причине Коля зашёл домой, взял лист бумаги, линейку и карандаш и открыл дверь к соседу.

В тот момент он не думал, что поступает плохо. Ведь если бы он спросил разрешения у Николая Николаевича, тот, наверно бы, не отказал.

Коля закрыл за собой дверь, спрятал ключ в карман, зажёл свет в коридоре, чтобы полюбоваться на африканские маски, которые висели на стене и скалили зубы.

Потом Коля не спеша прошёл в большую комнату, которая была кабинетом и спальней Николая Николаевича. Постель на диване была не убрана, простыни смяты, трубка телефона болталась у самого пола. Коля представил себе, как Николай Николаевич тянется к телефону и набирает «03». Коля положил трубку на рычаг. Коля никогда не был в этой квартире один, и она, в сущности обыкновенная, казалась слишком уж опустевшей и даже чуть зловещей. Стоя посреди комнаты, Коля почувствовал, что поступил не совсем правильно, и ему захотелось уйти и не снимать мерок с фрегата.

А не ушёл он потому, что на стене висел старинный кремнёвый пистолет. Николай Николаевич давал его Коле подержать в руках, но половина удовольствия пропадает, если на тебя при этом смотрят. Коля снял со стены пистолет, отвёл ударник и прицелился в окно. За окном пролетала ворона. Коля спустил курок, пистолет негромко щёлкнул. Конечно, с

пулями и порохом выстрел получился бы громче.

Коля повесил пистолет на место и тут увидел дверь в заднюю комнату. Дверь как дверь, но у неё была особенность: она всегда заперта. Сколько раз Коля бывал у соседа, никогда не видел, чтобы эта дверь открывалась. Коля давно задумывался, что могло бы скрываться за дверью, и раз спросил Николая Николаевича:

— А там у вас что?

— Про Синюю бороду читал? — спросил в ответ Николай Николаевич.

— Да вы же не женаты.

— Там спрятаны любопытные мальчишки, — сказал Николай Николаевич. — Семь штук. Есть свободное место для восьмого.

На этом разговор кончился. Коля больше не спрашивал. У каждого своя гордость.

И вот сейчас Коля увидел, что в белой двери торчит ключ. Видно, Николай Николаевич не ожидал, что заболеет, а потом забыл вынуть.

Коля подошёл к двери и стал думать. Наверно, какие-нибудь документы, бумаги или ценности. А может быть, коллекция марок. И вообще, если тебе не показывают комнату, нечего туда соваться.

Коля хотел вернуться к фрегату, но вдруг подумал: а что, если сосед держит в задней комнате какое-нибудь редкое животное? Настолько редкое и опасное, что его даже показывать никому нельзя. Допустим, змею анаконду длиной в двенадцать метров. И сейчас это редкое животное сидит голодное и не знает, что его некому кормить целый месяц. Если это анаконда или верблюд, это не так страшно, они могут обходиться без пищи и воды, но если тигр, то он будет несколько дней метаться по комнате и, если не удастся разломать стены, умрёт от голода. А если удастся, то это может кончиться ещё хуже. Ведь он выпрыгнет со второго этажа на газон, помнёт цветы пенсионерки Чувпило, проглотит пенсионерку, затем сожрёт киоск с мороженым и заболеет ангиной.

Конечно, Коля не думал всерьёз, что тигр польстится на злую пенсионерку Чувпило, которая жалуется, что Коля слишком громко топает. Ему просто хотелось заглянуть в тайную комнату, но для этого нужно было моральное оправдание. А забота о голодном звере — лучшее моральное оправдание.

Коля немного постоял под дверью, послушал, не слышно ли за ней дыхания или шороха, но всё было тихо.

Тогда Коля повернул ключ и приоткрыл дверь.

2. Это не Индия

Коля думал, что только взглянет и запрет дверь снова. Если, конечно, спрятанный верблюд не попросит напиток.

Дверь он открыл сантиметров на пять, не больше. Ничего не случилось. Он открыл дверь пошире, снова ничего не случилось. Тогда Коля сунул голову внутрь, и оказалось, что комната почти пустая.

Это была небольшая комната с зелёными стенами. Окно занавешено плотной занавеской, но внутри достаточно светло, чтобы все разглядеть.

В комнате стояли два шкафа и стул.

Один шкаф старый, деревянный и очень вместительный. Его дверца была распахнута. Внутри висели разные костюмы и плащи, а под ними — мужские и женские ботинки и

туфли разного размера. Во второй его половине на полках лежали простыни, наволочки, рубашки, всякое бельё. А снаружи к шкафу были прислонены три раскладушки.

Что должен предположить следопыт, когда он видит в квартире одинокого мужчины шкаф, набитый одеждой для разных людей?

Следопыт Коля предположил, что это вещи приезжих друзей Николая Николаевича. К нему часто приходили друзья и знакомые, приезжали из других городов и иногда гостили по неделе. С одним старичком Коля даже познакомился и провожал его до букинистического магазина. Тот старичок объяснил Коле, что он живёт в маленьком городе и не всегда может достать нужную книжку. А чтобы не таскать с собой туда-сюда чемоданы, друзья Николая Николаевича оставляют вещи в Москве.

А на раскладушках они спят.

В общем, комната оказалась совсем неинтересной и можно было спокойно уходить, если бы не второй шкаф.

Это был необыкновенный шкаф. Он был похож на будку телефона-автомата, но покрупнее. Коля подошёл к стеклянной двери и заглянул внутрь. Вместо телефонного аппарата в будке была приборная панель, как в самолёте. И Коля понял, что именно в этой будке хранилась главная тайна комнаты.

— Одну минутку, — сказал Коля вслух, потому что он немного волновался и его раздирали два желания: желание уйти и желание поглядеть поближе на приборы, потому что он интересовался техникой, даже собрал в прошлом году радиоприёмник, который, правда, не работал.

Коля нажал на ручку застеклённой двери, и ручка повернулась мягко, словно смазанная. Дверь открылась, приглашая Колю заглянуть внутрь. Коля не стал спорить и вошёл в кабину. В кабине пахло электричеством, как во время грозы.

Коля стал рассматривать панель. По её нижней, вытянутой вперёд пологой части шло два ряда кнопок. Чуть повыше был ряд переключателей. Затем ряд циферблатов. Вся эта система была мёртвой, выключенной, и поэтому непонятно было, для чего она предназначена.

Как нарочно, взгляд Коли упал на переключатель, по одну сторону которого было написано: «Вкл.», а по другую «Выкл.». Переключатель был повернут направо, к слову «Выкл.».

Никогда не поздно будет выключить снова, подумал Коля и повернул переключатель.

Возникло тихое жужжание, стрелки приборов на панели дрогнули, и некоторые из них передвинулись. Коля хотел было повернуть выключатель обратно, но тут услышал за спиной негромкий щелчок.

Он быстро оглянулся и увидел, что дверь закрылась. Он нажал на ручку с внутренней стороны двери, но ручка не подчинилась ему. Коля не растерялся. Он повернул переключатель влево, стрелки приборов вернулись к нулям, жужжание прекратилось, и дверь сама медленно раскрылась.

— Видите, — сказал Коля, — машины должны подчиняться человеку.

Он ещё раз два заставил дверь закрыться и открыться, а потом решил попробовать и другие переключатели, потому что в случае чего их всегда можно повернуть обратно.

Один, красный, переключатель торчал в конце второго ряда кнопок. Под ним было написано: «Пуск». Под кнопками стояли номера и непонятные значки. Только под двумя были надписи: «Промежуточная станция» и «Конечная станция».

Это было любопытно. Коля повернул переключатель «Пуск», но ничего не произошло. Тогда он понял, что поспешил. Надо сначала повернуть переключатель на «Вкл.». Так он и сделал. Дверь закрылась. Он снова повернул переключатель «Пуск», и снова ничего не произошло. Значит, рассудил Коля, он ещё чего-то не сделал.

Коля был неглупым человеком и решил, что машине не хватает задания. И он нажал на кнопку «Промежуточная станция». На этот раз опыт удался настолько, что Коля пожалел, что начал пробовать.

Жужжание стало громким, почти оглушительным. Стекло двери заволокло туманом, и стекло стало матовым. Кабина мелко задрожала, словно кто-то включил зубоврачебную бормашину. Коля протянул руку, чтобы выключить поскорее это дрожание, но в этот момент на небольшом экране наверху пульта появилась красная, очень яркая надпись: «Внимание».

Надпись тут же погасла, и на её месте возникла другая, белая: «Проверьте, стоите ли вы в круге».

Коля взглянул вниз и увидел, что стоит на чёрном ребристом круглом коврикe, очерченном белой линией.

— Да, — сказал он, стараясь перекричать растущий гул. — Стою в круге!

Следующая надпись была ещё более строгой: «Не двигаться. Держитесь за поручень».

Коля не видел никакого поручня, но в этот момент довольно высоко, на уровне его глаз, из приборной панели выдвинулась держалка для рук. Она была рассчитана на рост взрослого человека. Коля послушно вцепился в прохладную трубку, потому что не смел спорить с надписями на экране.

«Закройте глаза», — приказала надпись.

Коля зажмурился.

И тут все исчезло.

Ничего не было — ни верха, ни низа, ни воздуха, ни жары, ни холода. Только прохладный металл ручки, за которую держался Коля.

И сколько это продолжалось, Коля не знал. Наверное, недолго, а может быть, два часа. Он даже не мог испугаться и не мог закричать, потому что и страх и крик — это понятно, а как же можно пугаться, если ничего нет?

И вдруг всё кончилось. Осталось только жужжание. Коля ещё некоторое время постоял, пытаясь прийти в себя, а потом осмелился приоткрыть один глаз.

Он сразу увидел экран и на нём зелёную надпись:

«Переброска завершена. Промежуточная станция».

Коля перевёл дух и поклялся себе никогда больше не залезать в те места, куда его не звали.

Теперь он знал, что делать. Он выключил переключатель «Пуск», потом повернул налево переключатель «Вкл-выкл». Сразу стало очень тихо.

«Могло бы быть хуже, — подумал Коля, открывая дверь кабины. — И я, в общем, вёл себя молодцом и не очень струсил. Даже жалко, что нельзя никому рассказать».

Коля вышел из кабины и остановился, потому что в комнате что-то изменилось. Или его обманывали глаза. Во-первых, дверцы платяного шкафа были закрыты, хотя Коля их не трогал. Ну, это ещё не самое странное — дверцы могли сами захлопнуться, когда кабина дрожала, как перепуганный заяц. Но куда-то исчезли все раскладушки, а стены комнаты, которые только что были оклеены зелёными обоями, оказались совсем белыми,

покрашенными. Коля даже протёр глаза. Не помогло.

Тогда Коля решил об этом не думать. Если совершенно ничего не понимаешь, лучше не думать. Этому правилу Коля следовал, если его вызывали к доске, а он не мог решить задачу или не знал, в каком году была открыта Америка. Тогда он смотрел в окно и не думал о задаче или Америке. Все равно двойки не избежать. Если, правда, какая-нибудь добрая душа не подскажет.

Вот и теперь Коля не стал думать, нащупал в кармане ключ от квартиры и пошёл к выходу.

В большей комнате тоже был беспорядок. Фрегат исчез. Ну хорошо бы, только фрегат исчез. Но исчез и стол, на котором стоял фрегат, исчез диван со смятыми простынями и одеялами, исчез телефон, исчез пистолет со стены, — в общем, все исчезло. Комната была та же, но, пока Коля стоял в кабине, кто-то выбелил стены, а вместо вещей насовал полную комнату приборов.

Что прикажете в таком случае думать?

И Коля, как человек умный, сразу придумал. Он недавно читал рассказ американского писателя Вашингтона Ирвинга. Про одного человека по имени Рип Ван Винкль, который пошёл в горы и заснул. Он вернулся к себе в деревню, идёт по улице, а его никто не узнает. Он хватя себя за лицо, а у него борода до пояса. Так он и догадался, что проспал двадцать лет подряд.

Подумав так, Коля схватил себя за подбородок и даже удивился, что бороды нет. А пока он щупал свой подбородок, он расстроился за родителей, которые двадцать лет назад вернулись со своего катера, видят на столе кефир, а сына нигде нет. Они обзвонили все больницы, приходила милиция с собакой, не все впустую. Коля, двенадцати лет, пропал бесследно. И вот сейчас он выйдет на лестницу, постучит в дверь, откроют старенькая мама и старенький печальный отец и спросят: «Вы к кому, молодой человек?» А Коля скажет: «Я к вашему сыну». А они ответят: «У нас давно уже нет детей, потому что наш сын Николай двадцать лет назад пропал без вести».

С такими печальными мыслями Коля пересёк комнату. Он ожидал, что коридор тоже изменился за двадцать лет. Но никак не мог предположить, что он ТАК изменился.

Коридора не было. Была комната в десять раз больше предыдущей, высотой в два этажа, тоже уставленная аппаратурой и непонятно как освещённая.

Этот зал занимал не только бывший коридор, но и лестничную площадку и даже квартиру, в которой жил Коля. Вот это был удар посильнее предыдущих.

Коля хотел было бежать обратно в кабину и жать на кнопки — вдруг наваждение пройдёт, — но в этот момент ему в голову пришла другая мысль.

Что было написано под кнопкой? «Промежуточная станция», «Конечная станция». А что это значит? Станция, остановки... Значит, кабина — это новый вид быстроходного двигателя, и Коля просто попал в другое место, в другой город... а может быть, в Индию? И, конечно, это не та же комната, а другая, похожая.

Как только Коля догадался об этом, он решил не спешить в кабину. Успеется. Нельзя отказываться от возможности заглянуть в Индию или в Самарканд.

Скоро Коля нашёл дверь. Она была такого же цвета, как стена, и её выдавала только узенькая щёлка, в волос толщиной. У края двери Коля нашёл белую кнопку. Он нажал на неё, и дверь уползла в сторону. Он очутился в длинном широком коридоре без окон. Может, в нём и были двери, но издали они сливались со стеной.

Что ж, пойдём дальше, решил Коля, а чтобы не потерять дверь — ищи её потом — он положил возле неё пятак.

Никто ему в коридоре не встретился. Наверно, потому, что было воскресенье или ещё рано. Часов у Коли нет, но ведь в разных местах земли разные временные пояса, и потому в Индии может быть полдень, а если он попал на Гавайские острова, то и вечер.

Да, не зря сосед запирает заднюю комнату на ключ. Этот двигатель наверняка экспериментальный и, может быть, пока секретный. Ну ничего, можно не беспокоиться: Коля будет молчать. Никто даже под пытками не заставит его раскрыть чужую тайну.

За коридором была широкая лестница. Коля только собрался ступить на верхнюю ступеньку, как заметил, что внизу мелькнуло что-то блестящее. Он замер. Послышалось шуршание. Коля быстро отбежал на несколько шагов в сторону и присел за углом. Ему совсем не хотелось, чтобы его увидели и начали задавать вопросы: «А ты, мальчик, как здесь оказался? А тебе, мальчик, кто разрешил ездить в кабинах?»

Из своего укрытия Коля увидел, как по лестнице поднимается странное существо, то ли рыцарь-лилипут, то ли пылесос на ножках. Головы у уродца не было, зато многочисленные ручки прижимали к бокам и спине листочки, сор, а круглые щётки выскакивали из-под карлика и, вертясь, обмахивали перила и ступеньки, а мусор загоняли в блестящий мешок, прикрепленный сзади. Карлик-уборщик пробежал в метре от Коли и успел обмахнуть щёткой Колины штаны, а другой — почистить ботинки. И, не останавливаясь, поспешил дальше.

— Спасибо, — сказал уборщику Коля, и, хоть первая встреча кончилась благополучно, дальше он шёл осторожно и оглядывался, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза.

Лестница привела Колю в большой вестибюль с прозрачной передней стеной. Стекло было такого большого размера, что удивительно, как его никто до сих пор случайно не разбил. Коля подошёл к стеклянной стене, разглядывая площадь спереди.

Площадь была покрыта короткой молодой травой. За ней стояли распускающиеся деревья. Коля подумал, что в Москве деревья ещё не распускаются и, значит, он приехал в южный город.

Нечаянно Коля дотронулся до стеклянной стены, и вдруг в ней появилось отверстие как раз в рост Коли. Стена, как живая, предлагала сквозь неё пройти.

Коля послушался.

На улице было не холодно, и Коле в куртке было как раз. Дул несильный ветер, за деревьями были видны высокие дома. Коля пересёк гладкую розовую дорожку и сделал несколько шагов прямо по газону.

Потом обернулся, чтобы рассмотреть получше дом, из которого он вышел.

Дом был высокий, этажей в двадцать. Но окон в нём было мало. И мало углов. Как будто кто-то взял напильник и обстругал дом. Он был переливчатого, перламутрового цвета. В некоторых местах строитель забыл сгладить выемки и выпуклости, но потом Коля догадался, что это сделано нарочно. В выемках были балконы, а выпуклости были затянуты стеклом, словно стрекозиные глаза. Нельзя сказать, что Коле дом понравился, но он был человеком широких взглядов и считал, что каждый народ может строить такие дома, какие ему вздумается. Наверно, эскимосам, которые живут в снежных иглу, или индейцам из вигвамов смешно смотреть на высотные здания или избышки.

Над стеклянной стеной, сквозь которую Коля только что прошёл, по стеклу были выложены громадные золотые буквы:

ИНСТИТУТ ВРЕМЕНИ

А по бокам надписи — два больших, в два этажа, чёрных квадрата. Один на них был часами. В нём горели цифры: «9:15:35»... 36... 37... 38... 39... Последняя цифра всё время менялась и означала секунды.

А вот второй квадрат разрушил все теории Коли.

В нём была надпись:

«11 АПРЕЛЯ 2082 ГОДА
ВОСКРЕСЕНЬЕ»

Вполне возможно, что другой на Колином месте схватился бы за голову, заплакал от ужаса и побежал обратно в Институт времени, чтобы поскорее вернуться домой, к маме. Ведь приключение, выпавшее на долю Коли, по плечу далеко не каждому. Надо иметь хорошую нервную систему. Это тебе не Рип Ван Винкль со своими жалкими двадцатью годами и нечёсаной бородой. Тут сто лет с лишним, даже черепахи по столько редко живут.

А Коля обрадовался. Он сказал вслух:

— Ну, дела!

И решил обратно пока не возвращаться.

Отца с матерью все равно дома нет, Николай Николаевич в больнице. А если отказаться от прогулки по отдалённому будущему, то этого себе никогда в жизни не простишь. Может, Коля ещё усомнился, если бы у него были грязные ботинки, но уборщик ему помог. Чего ещё остаётся желать путешественнику по времени?

3. Дедушка-ровесник

Сначала надо было решить, куда идти.

Колин дом стоял в переулке Сивцев Вражек. Дом этот пожилой, построен ещё до революции. Коля рассудил так. Какие-то московские дома обязательно должны сохраниться — ведь даже раньше дома стояли по триста лет. Значит, если Коля пойдёт направо, туда, где раньше был Гоголевский бульвар, он что-нибудь знакомое и встретит. Ориентируется он неплохо, ни разу в лесу не заблудился. В Москве он не пропадёт. Даже через сто лет. Только лучше не спрашивать дорогу у прохожих: они заподозрят что-нибудь неладное.

И Коля направился к бульвару.

Он шёл по розовой дорожке шириной метра три, которая чуть пружинила под ногами. За деревьями, окружавшими газон, дорожка влилась в широкую улицу.

Как только Коля вышел на неё, сзади раздался голос:

— С дороги, мальчик! Ты где шагаешь? Хочешь, чтобы тебя сбили?

Коля отпрыгнул в сторону и увидел, что его догоняет странный старик. Старик ехал на одноколесном велосипеде, расставив руки для равновесия, будто цирковой акробат. Он и одет был, как акробат: в зелёное облегающее трико и красные мягкие тапочки с длинными, острыми, даже чуть свисающими вниз носками. У старика были седые волосы ёжиком и длинные усы, тоже расставленные, наверно, для равновесия.

Старик догнал Колю и сказал:

— Проводи меня немного, мне скучно ехать одному.

Колесо велосипеда было небольшое, старику приходилось часто крутить педали, но все равно ехал он медленно.

Коля пошёл рядом.

— Ты к маскараду готовишься? — спросил старик, осматривая самый обыкновенный Колин костюм.

Коля решил, что главное — осторожность.

— Да, — сказал он, — к маскараду.

— Ты неправильно оделся, — сказал старик. — В мои времена все мальчики ходили в так называемой школьной форме. Школьная форма состояла из темно-серых с синим отливом брюк и такого... как бы сказать... пиджака. Ты знаешь, что такое пиджак?

— Представляю, — сказал Коля. И чуть было не добавил, что у его отца пиджак и вообще у всех мужчин пиджаки. Но тут же спохватился: прошло много времени, наверно, ребята забыли про пиджаки.

Но старик не обращал внимания на ответы Коли. Ему самому нравилось говорить. В кустах, рядом с дорогой, стояла скамейка. Она была мало похожа на скамейки, которым положено стоять на улице. Она была низкой, похожей на диван. Когда старик слез со своего колеса и сел, пригласив Колю последовать его примеру, оказалось, что скамейка мягкая, словно набита пухом.

— Отдохнём, — сказал старик. — Пять минут. Я немного запыхался. Меня зовут Павлом. А тебя?

— Коля.

— Ты не спешишь?

Коля не знал, что ответить. Он не знал, спешит он или нет. Конечно, жалко было сидеть на мягкой скамейке и терять время на разговоры о пиджаках, в которых Коля разобрался

лучше старика Павла. Но старик был первым человеком из будущего, с которым Коля встретился. И он ни в чём Колю не подозревал.

Старик не стал ждать ответа.

— Так вот, — сказал он, — я должен подробнее объяснить тебе, что такое пиджак. Это старинный род одежды, в которой мужчины ходили во времена моей юности. Происходит он от сюртука, который носил Пушкин...

— А почему вы не купите двухколесный велосипед? — перебил старика Коля.

— Ведь неудобно на одноколесном ездить.

— Врачи рекомендуют, — сказал старик. — Для развития мышц. В моём возрасте нельзя пренебрегать советами врачей. Ты хочешь мои мышцы пощупать?

Старик согнул руку в локте и дал Коле пощупать мышцы. Мышцы были крепкие. Покрепче, чем у Коли.

— Так вот, — продолжал старик. — Пиджаки застёгивались на пуговицы... Впрочем, ты об этом знаешь, в твоём маскарадном костюме есть эти неудобные предметы. Я рекомендую внести поправки в твой костюм.

— А мне кажется, — сказал Коля, стараясь говорить вежливо, — что у меня совершенно правильный костюм. Он не школьный, а так, на каждый день.

— На каждый день мы носили белые рубашечки, — возразил старик Павел, — и чёрные брючки. И сандалии. Да-да, сандалии.

— Так это когда было... — сказал Коля. — Совсем в другое время.

— Как так — в другое? — удивился старик. — В какое другое?

Коля на взгляд прикинул возраст старика — получалось лет шестьдесят. 2082 минус шестьдесят — получается 2022. Плюс десять или двенадцать лет. Получается 2032.

— Ну, в тридцатых годах этого века, — сказал Коля.

Старик начал хохотать так, что два зелёных попугая взлетели с ветки и закричали человеческими голосами:

— Позорр! Позорр! Кто соррвал ррозу?

— Ну и наивность! — сказал старик, вытирая слезы. — Ну и шутник! Ты мне льстишь безбожно. Неужели я так молодо выгляжу?

— Не очень молодо, — сказал чистую правду Коля, — но на велосипеде вы катаетесь ещё хоть куда.

— Тогда я открою тебе тайну. Мне завтра исполнится сто семнадцать лет.

— Не может быть! — сказал Коля. — Значит, вы из Абхазии?

— Почему?

— Там живут долгожители. Но они питаются сыром и вином и пасут овец.

— Нет. Я из Москвы, а питаюсь я большей частью кефиром и очень люблю бараньи отбивные. Ты любишь бараньи отбивные?

— Обожаю, — признался Коля. Он всё ещё не мог одолеть удивление. — Значит, мы с вами ровесники!

— В известном смысле, — согласился старик. — Если принять во внимание твой костюм, мы ровесники. Но должен тебе ещё раз с полной ответственностью повторить, что в моё время мальчики одевались иначе. Я мог забыть, что было пятьдесят лет назад, но что было в прошлом веке, помню.

Ну что ты будешь делать! Старик был так уверен, что спорить с ним невозможно. Да Коля и не хотел спорить. Он был поражён. Рядом с ним сидел его сверстник. Который через

сто лет катается на одноколесном велосипеде и носит красные тапочки. Значит, может, и Коля будет жить ещё сто лет?

— А как здоровье? — спросил Коля участливо. — Не беспокоит?

— Не жалуясь. Спасибо медицине. Только сплю плохо.

— Ну, это не страшно, — сказал Коля. — А вы какую школу кончали?

— Сто двадцать третью, английскую. На проспекте Мира.

— Я тоже в английской учусь, — сказал Коля. — Ду ю спик инглиш?

— Иес, ай ду, — сказал старик Павел. — И хорошо учишься?

— Когда как, — сказал Коля. — Задают много.

— А я думал, что теперь ничего не задают.

Коля спохватился:

— Иногда.

— А вот мои правнуки говорят, что ничего не задают. Наверно, я правильно делаю, что им не доверяю.

— А вы на какой каток ходили? — спросил Коля старика.

— Я — в Сокольники. А ты?

— Я — в Парк культуры.

Но тут Коля решил больше не углубляться в воспоминания, потому что он наверняка сморозит какую-нибудь глупость. Пять минут прошло, но старик Павел не спешил уходить. Ему нравилось беседовать с молодым человеком, который вдвое уменьшил его возраст. Как известно, пожилые люди обожают, когда им вдвое уменьшают возраст.

По небу протянулась белая полоса. Она так быстро возникла, что никакой реактивный самолёт с такой скоростью не смог бы пролететь.

— Что это? — спросил Коля.

— Сплинтер, — сказал старик равнодушно. — А может, рейсовый на Луну. Там ведь фестиваль. Разве не знаешь?

— Знаю, — сказал Коля. — Но мы к маскараду готовимся.

Над улицей медленно летел перламутровый шар в полметра диаметром. Поравнявшись со скамейкой, шар изменил свой путь и направился прямо к ним. Коля немного испугался, но старик поманил шар и, когда тот приблизился на расстояние вытянутой руки, щёлкнул пальцем по его боку. В шаре появилось отверстие, и из него на ладонь старику Павлу выпала чёрная штука, похожая на портсигар.

— Почитаем газетку, — сказал старик.

Шар взвился в воздух и отправился искать других читателей.

Коля искоса поглядывал на старика, который нажал какую-то кнопку сбоку портсигара, портсигар превратился в разноцветный экран, и по нему побежали различные кадры. Коле неудобно было заглядывать сбоку, он только услышал, как мелодичный женский голос произнёс:

«...Фестиваль на Луне обещает быть самым интересным зрелищем этого года... Началась дискуссия в ООН...»

В этот момент Коля отвлёкся, потому что по улице наперегонки, не касаясь мостовой, промчалось три прозрачных шара, в которых на мягких сиденьях расположились люди. Они шарами не управляли, а один из них даже читал такую же газету, как старик Павел.

Коля вспомнил, что время идёт, все куда-то едут, он один бездельничает.

— Простите, — спросил он, — который час?

Колин ровесник, не отрываясь от газеты, протянул к Коле руку. На запястье старика был браслет, широкий, но без всяких изображений. Вдруг на браслете вспыхнули слова и цифры:

«Время 10:12:36 t 15С. Дождя не будет.»

— Спасибо, — сказал Коля, который решил ничему не удивляться.

4. Синяя лошадь и другие лингвисты

Ровесник Коли, которого можно было бы назвать Пашкой, если бы он не был таким старым, углубился в чтение газеты и обо всём забыл. Поэтому Коля тихонько поднялся со скамейки и пошёл дальше. У него появилась идея: попасть на космодром и, если удастся, сгонять на Луну. Туда же ходят туристские корабли, значит, это недолго. Конечно, Коля понимал, что, если он проживёт столько, сколько старик Павел, или чуть поменьше, он ещё не раз слетает на Луну или на Марс. Но это когда-то. А ведь человеку все хочется получить сейчас. Коля не стал спрашивать старика, как пройти на космодром, потому что каждый москвич через сто лет должен будет это знать.

Коля поглядел по сторонам и увидел знакомый дом. Дом стоял на высоком склоне холма, его колонны белели за деревьями. Сто лет назад дом стоял на Гоголевском бульваре, в нём был Союз художников и даже висела памятная доска, что здесь жил Тургенев.

— Здравствуй, старый знакомый, — сказал Коля. — Приятно встретиться со знакомым домом.

— Здравствуйте, — ответил кто-то рядом. — Разве мы с вами раньше встречались?

Коля оглянулся, но никого рядом не было.

— Я с вами и сейчас ещё не встретился, — сказал Коля. — Вы где?

— Если вы сделаете ещё шаг, то обязательно на меня наступите. И это будет грустно.

Коля посмотрел под ноги и увидел светло-зелёного котёнка с одним сиреневым глазом посреди лба.

— Нет, — сказал Коля, присмотревшись к странному животному. — Мы с вами ещё не встречались. У нас такие не водятся.

— Тогда разрешите представиться: я известный космический археолог, специалист по вымершим языкам профессор Rrrrr.

— Коля.

— Очень приятно. Почему же вы остались в городе в этот воскресный день? Все мои друзья разъехались кто куда.

— Мы к маскараду готовимся. Из жизни двадцатого века, — сказал Коля. — А вы с другой планеты?

— Разумеется. Я здесь на семинаре по структуральной лингвистике. Вы не интересуетесь структуральной лингвистикой? Это очень увлекательно. У нас в семинаре два семиклассника и один третьеклассник. Не считая профессоров и академиков.

— Нет, — признался Коля, — лингвистикой я не интересуюсь. Я интересуюсь футболом.

— И я тоже, — сказал Rrrrr. — И даже иду на футбол. Какое совпадение!

— А кто играет? — спросил Коля.

— И вы не знаете! — от удивления Rrrr развёл зелёными пушистыми ручками. — Это же матч века! Сборная Марса со сборной внешних баз. На кубок Системы.

— А когда начало?

— Через полчаса. Мы успеем. У вас есть билет?

— Нет у меня билета, — сказал Коля. И расстроился. На матче тоже стоило побывать. Хотя на космодроме нужнее.

— Погодите немного, мой молодой друг, — сказал археолог Rrrr. — Сейчас подойдёт доцент Спусси-ва-пус-ва-пас-ва-пос. Может быть, у него есть лишний билет.

— Хорошо, — согласился Коля. — Подождём доцента. А скажите мне, пожалуйста, как проехать на космодром?

— Не может быть, чтобы вы не знали! — воскликнул Rrrr. — Вы шутите!

— Ни в коем случае, — сказал Коля. — Я забыл.

— Так садитесь на третий автобус, — сказал Rrrr. — Выйдете на проспекте Мира. А оттуда флипните до космодрома.

— Спасибо, — сказал Коля. — А где третий останавливается?

Rrrr засмеялся тонким голоском и не мог остановиться. Видно, слова Коли показались ему очень смешной шуткой. Он собирался смеяться до бесконечности, но тут рядом раздался строгий бас:

— Что смешного? Юноша играет свою маскарадную роль.

— Ах, — сказал археолог Rrrr. — Разрешите представить: мой друг доцент Спусси-ва-пус-ва-пас-ва-пос. А это мой новый друг Коля.

— Очень приятно, — сказал двухметровый аквариум на трех ногах. Внутри аквариума сидела небольшая синяя лошадь. Пород её мордой висел в воде микрофон, а снаружи аквариума высовывался небольшой рупор. — И не смотрите на меня квадратными глазами, молодой человек. Я же не виноват в том, что на Земле никуда не годная атмосфера и приходится ходить в скафандре.

— Конечно, я не удивляюсь, — сказал Коля. — Вы ведь тоже с другой планеты?

— Из другой галактики, — пробасила синяя лошадь.

— Послушай, доцент, — спросил Rrrr, — у тебя нет случайно лишнего билетика для нашего друга Коли?

— У меня было четыре билета, потому что я не уместаюсь на одном месте. Но один билет я отдал моему коллеге доктору Команьяну с планеты Кроманьян. А вот и он идёт.

Коля с некоторой опаской поглядел в ту сторону, потому что ждал уже кого угодно. Но доктор Команьян с Кроманьяна оказался обычной садовой лейкой с ногами и руками.

— Так что же нам делать с Колей? — расстраивался археолог Rrrr.

— Он может сесть на меня сверху, — сказал доцент Спусси-и так-далее, — и спустить ножки в аквариум-скафандр.

— Нет, — возразил Команьян с Кроманьяна, похожий на садовую лейку. — Зрители сзади будут сердиться. Они и без того будут на тебя сердиться за то, что ты застилаешь им зрелище.

— Пускай смотрят сквозь меня. Я частично прозрачный, — сказала синяя лошадь.

— Не расстраивайтесь, — успокоил учёных лингвистов Коля. — У меня другие дела. Я на космодром съезжу.

— Нет, — сказал археолог Rrrr, — я этого не допущу. Я отдам тебе свой билет. Моя подруга Алиса сделала бы то же самое.

— Ничего не выйдет, — сказал Команьян с Кроманьяна. — Ты забыл, что у тебя не полный билет, а четвертушка. Ты сам будешь сидеть у меня на коленях.

И чтобы ни у кого не было сомнений, что у него есть колени, доктор Команьян с Кроманьяна щёлкнул костяным пальцем по костяному острому колену.

«Бедный Рррр, — подумал Коля. — Эти колени проткнут его насквозь».

— Ну, до свиданья, — сказал он. — А то вы опоздаете. При встрече все мне расскажете.

Космические гости поспешили дальше, и, пока они не скрылись, Коля смотрел им вслед. Справа шёл аквариум с синей лошадью, слева — садовая лейка, а посередине — котёнок без хвоста. Они уже забыли о Коле и громко обсуждали проблему расшифровки восьмого главного ряда.

Космических гостей обгоняли другие болельщики, некоторые шли пешком, иные летели над самой землёй в прозрачных шарах, над головой пронеслась стая мальчишек с крыльями за спиной. Они махали этими крыльями, как стрекозы. Все они были одеты ярко и даже легкомысленно, а некоторые, несмотря на прохладный день, в одних плавках. Друг другу они совсем не удивлялись и даже космическим гостям не удивлялись, а вот на Колю смотрели с изумлением, а одна девочка, которая делала шаги по десять метров, потому что вместо туфель у неё были пружины, подпрыгнула к Коле и сказала:

— А у нас маскарад интереснее. Мы в рыцарей одевались.

— Погоди, ребёнок, — сказал Коля. — Скажи мне, где найти третий автобус?

— Иди налево по бульвару, — сказала девочка. — Он у памятника Гоголя стоит.

5. Ты любишь мангодыню?

Бульвар сильно изменился за прошедшие годы. Во-первых, он стал втрое, если не впятеро, шире, так что, если идёшь посередине, краёв не видно. Во-вторых, деревья и вообще растения изменились. Правда, осталось несколько старых деревьев, лип и кленов, но между ними росли цветущие яблони, груши и даже пальмы. Когда Коля подошёл поближе, он обнаружил, что некоторые из деревьев, видно самые нежные, были окутаны тонким прозрачным пластиком, а вокруг других стояла стенка тёплого воздуха. Воздух поднимался из решёток, спрятанных в молодой траве. Рядом с дорожкой стояло странное дерево — будто лопух или, вернее, щавель, увеличенный в тысячу раз. Между листьями висела гроздь зелёных бананов. А на земле рядом с деревом сидела мартышка и чистила сорванный банан.

При виде такого тропического зрелища, Коля вспомнил, что он голодный. Кроме стакана кефира и бутерброда с чаем, он ничего с самого утра не ел. Кроме того, он любил бананы. И он подумал: если обезьяне можно питаться плодами на Гоголевском бульваре, то человеку это тем более не запрещено.

На всякий случай Коля осмотрелся, но никого не увидел. Он подошёл к банановому дереву и сказал мартышке:

— Отойди, а то укусишь.

Мартышка оскалилась, но отошла и снова принялась чистить банан.

Коля встал на цыпочки и начал отрывать банан от грозди. Банан отрывался с трудом, все дерево раскачивалось. Еле-еле Коля отодрал один плод от грозди и только хотел сесть рядом с мартышкой и очистить его, как из кустов вышел здоровый парень постарше Коли, в красных трусах, на которых были нашиты кометы, и сказал:

— Дурак! Что ты делаешь?

Если бы это был взрослый, то Коля, наверно, извинился, но перед парнем Коля извиняться не хотел.

— А что? — сказал он. — Обезьянам можно, а мне нельзя?

— Он же незрелый. И вообще кормовой, для скота выведен. Ты что, бананы любишь?

— А тебе какое дело?

— А мне никакого.

— Так и иди своей дорогой.

— Не пойду. Я селекцию провожу, а ты себя ведёшь, как грудной ребёнок.

— А обезьяна? — спросил Коля. — Ты посмотри, сколько возле неё кожуры валяется.

— Сравнил себя с обезьяной! — сказал презрительно селекционер. — Для неё же это основная пища.

Мартышка заметила, что на неё смотрят, и на всякий случай сиганула с бананом в лапе на ветку липы.

— Пойдём, — сказал селекционер.

— Не пойду, — сказал Коля.

— Боишься, что ли?

— Я? Боюсь? Да я таких, как ты, десяток одной левой перекидаю!

— А я с тобой и связываться не буду. Мы в разных весовых категориях, — сказал селекционер. — А банан ты ешь, если хочется. Мне не жалко. Все равно уже сорвал.

— Я его для обезьяны сорвал, — соврал Коля. — У меня дома обезьяна живёт, вот я и сорвал.

— А ты где живёшь?

— Далеко, — сказал Коля.

— Не в Москве?

— Нет, не в Москве.

— А где?

Коля стал быстро думать и вспомнил, что его бабушка живёт в Конотопе.

— В Конотопе, — сказал Коля.

— Знаю, — сказал селекционер. — Оттуда родом Милена Митина, правда?

— Правда, — согласился Коля. Надо же так: сейчас будет спрашивать про какую-то Милену Митину, а Коля даже не знает, чем она знаменита!

— Нет, — поправил сам себя селекционер. — Милена из Костромы. В Конотопе шахту к центру Земли роют.

— Роют, — сказал Коля убитым голосом.

— Странный ты какой-то, — сказал селекционер. — Тебя как зовут?

— Коля.

— А меня Джавад. Ты в чём специализируешься?

— Как так?

— Ну, кем будешь?

Коля не успел придумать ответ. Он уже понял, что всякие там старики куда менее опасны, чем свой брат школьник.

К счастью, Джавад тут же отвлекся. Они вышли на поляну, посреди которой был большой бассейн. За бассейном — поляна, усеянная цветами и небольшими кустиками. Среди цветов виднелись яркие одежды людей.

— Эй! — крикнул Джавад. — Лена, выходи, дело есть!

В центре бассейна вода взбурлила, и в брызгах появилась девочка. Не вынырнула, а словно поднялась по пояс. И тут Коля понял, что девочка сидит верхом на огромной рыбе. Рыба быстро поплыла по кругу, выставив из воды гладкую блестящую спину. А когда рыба подплыла к краю бассейна, где стояли Коля с Джавадом, оказалось, что это не рыба, а дельфин. Дельфин замер у кромки воды, глядя на Колю весёлым маленьким глазом, и Коля протянул ему банан.

— Не сходи с ума, — схватил его за руку Джавад. — Ты его потом будешь от поноса лечить? Разве дельфины едят бананы?

— У нас в Конотопе дельфины питаются только бананами, — сказал Коля.

Девочка, которая спрыгнула с дельфина, была помладше Коли, ей было лет десять, не больше.

— Здравствуйте, — сказала она. — Ты меня звал, Джавад?

— Слушай, Лена, — сказал Джавад, — этого парня зовут Коля. Он, наверно, с маскарада сбежал. И, по-моему, он голодный. У тебя найдётся что-нибудь вкусное?

— Я не голодный, — сказал Коля.

Дельфин замер у края бассейна, высунув курносую морду. Будто подслушивал.

— В лаборатории на столе мангодыни лежат, — сказала Лена. — Их Алиса вчера сняла. Пальчики оближешь. А ты Алису не видел?

— Нет. Она хотела прийти?

— Она обещала миелофон принести. Мы с Гришкой и Машкой работаем.

Лена махнула рукой в сторону бассейна, и Коля увидел, что к дельфину подплыл второй и тоже стал слушать, о чём здесь говорят. Ясное дело — их звали Гришкой и Машкой.

— А откуда морскую воду берете? — спросил Коля, чтобы не стоять без дела.

— Синтетическая, — сказала Лена. — А разве у вас в Конотопе не так?

— В Конотопе дельфины пресноводные, — сказал Коля.

— Ты его не слушай, — сказал Джавад. — Пошли. Я сам с удовольствием мангодыню попробую. Поразительный гибрид!

За бассейном стоял белый домик, такой же обтекаемый и почти бесформенный, как Институт времени. Коля, когда они подошли поближе, увидел, что стена вся в мелких порах, словно пенистая. Отец у Коли строитель, поэтому он всегда интересуется строительными материалами и немного в них разбирается. В прошлом году он сам собирался стать строителем, но в этом году передумал — его заинтересовал космос.

— Пенобетон? — спросил Коля у Джавада.

— Какой ещё пенобетон? — удивился Джавад. — Меня твоя отсталость просто поражает! Если бы я не придерживался железного принципа не задавать лишних вопросов людям, которые не хотят на них отвечать, я бы тебя кое о чём спросил.

— Не надо, — сказал Коля. — Воздержимся от беседы, как говорят у нас в Конотопе.

Они вошли внутрь и оказались в просторной комнате, у стен которой стояли столы с приборами, а посередине — круглый стол, где на блюде лежали три плода. Плоды были размером с небольшую дыню, но не очень правильной формы и оранжевого цвета.

— Ладно, — сказал Джавад, — закусим мангодыней. Если хочешь, можешь задавать вопросы. Мне скрывать нечего.

Джавад достал нож, разрезал мангодыню. Внутри оказалась большая косточка, свободно выпавшая на блюдо.

— У обычного манго, — сказал Джавад, — косточку от мякоти трудно отделить.

— Знаю, — сказал Коля. — Пробовали. Все пальцы соком измажешь, пока справишься. Джавад нарезал мангодыню на дольки, и они принялись за еду. Еда была исключительная. Сладкая, сочная и мягкая. Что тут было от дыни, а что от манго, Коля не разбирал. Он получал удовольствие.

— Это чья лаборатория? — спросил он.

— Школьная. А чья же ещё?

— А дельфины тоже школьные?

— Тоже школьные. И обезьяны и питон Архимед.

— А где питон?

— Там, на липе спит. Я тебе потом покажу.

— Длинный? — спросил Коля.

— Средний. Метров пять. Вот у геофизиков в группе крупный живёт. Почти девять метров. И совсем не приручённый. Они его на гормонах держат. Хочешь, потом сфлипаем, посмотрим?

— Нет, — сказал Коля, — некогда мне с тобой флипать. А ты чего бананами занимаешься? Делать больше нечего?

— Бананы — пища будущего, — сказал Джавад. — Только их надо обогатить. Я не верю в победу белковой синтетики. А ты?

— Я об этом не думал, — сказал Коля.

— А тебе в твоей хламиде не жарко?

— Жарко будет — сниму.

— Ты сейчас куда?

— На космодром.

— Зачем?

— Погляжу. Может, на Луну слетаю.

— На Луну сейчас не попадёшь. Там фестиваль. Билетов нет. Я пытался.

— Жалко, — сказал Коля. — Ну, тогда на Марс попытаюсь.

— Туда нас, подростков, редко берут. Только с экскурсиями.

— Я все равно на космодром съезжу.

— Ты что, космодромов не видал?

— У нас в Конотопе нету.

— Сильно сомневаюсь, — сказал Джавад, — что ты правду говоришь. Ладно, поезжай. На тройку садись, у памятника Гоголю. Я тебя провожу немного.

Они прошли мимо клумб, на которых ребята, большей частью малыши, занимались прополкой и другими садовыми работами.

— Хочешь заглянуть? Наверно, в Конотопе нет, — сказал Джавад, подводя его к парню, который сидел на корточках возле небольшой грядки. — Только в прошлом году привезли с Альдебарана. Акклиматизацию проводим. Покажи ему, Аркаша.

Аркаша сказал:

— С удовольствием.

Вынул из прозрачного мешка два семечка поменьше горошины, сделал в земле углубление, сунул туда семена, потом подтянул к себе наконечник шланга и как следует семена эти полил.

— И когда мне возвращаться? — спросил Коля. — В июне?

— Погоди. Дикий ты какой-то! — сказал Джавад. — Смотри.

И тут Коля собственными глазами увидел, как из земли медленно вылезают два зелёных побега. Аркаша снова полил их, и они начали расти ещё быстрее. Через минуту они были сантиметром по двадцать высотой и начали немножко ветвиться.

— Сбегай за удобрениями! — крикнул Аркаша. — Они в лаборатории лежат, на моём столе.

Сверкая голыми пятками, Джавад умчался к лаборатории. Со всех сторон сошлись другие ботаники и натуралисты. Коля увидел, что листва большого клёна на краю поляны расступилась и оттуда показалась голова громадного питона, который с любопытством наблюдал за сборищем. Но никто на него не обращал внимания, так что Коля тоже сделал вид, что привык, чтобы рядышком висели питоны. Одна девочка, на вид первоклассница, пришла со странным зверем на плече. Был он как попугай, но с двумя головами. Одной головой эта птица смотрела на зелёные ростки, а другой поглядывала на питона.

Когда Джавад вернулся с пакетом удобрений, ростки поднялись уже на метр, и на их ветках появились почки. Джавад насыпал под корни удобрения, и концы корешков высунулись наружу и начали довольно хищно эти удобрения подгрести под себя. Коля даже сделал шаг в сторону. На всякий случай.

На ветках появились жёлтые цветочки, и к тому времени, как ростки выросли до трех метров, цветы осыпались, и из завязи стали развиваться плоды. Коля не мог оторваться от этого зрелища. Прошло ещё минуты две-три, и плоды, похожие сначала на зелёные колечки, подросли и начали желтеть. Что-то они напоминали Коле, только не мог он понять что.

Вдруг один из плодов оборвался с ветки и упал на землю. Птица с двумя головами прыгнула с плеча девочки и подхватила плод обоими клювами, но никак не могла поднять с земли, потому что головы мешали друг дружке.

Все засмеялись, а девочка, будто оправдываясь, сказала Коле:

— Вы не смейтесь. Он недавно изобретён, ещё не освоился.

Остальные плоды один за другим падали на траву.

Джавад подобрал три покрупнее и протянул Коле:

— На, по дороге на Луну пригодятся.

— Они съедобные, что ли?

— Попробуй.

Коля откусил кусок от плода, и оказалось, что это самый обыкновенный бублик, не горячий, без мака, зато очень свежий.

— Ну и дела! — сказал он. — А что, на Альдебаране на всех деревьях бублики растут?

— Скажешь тоже! — удивился Аркаша, который собрал остальные бублики в корзину. — Я от альдебаранских растений только скорость роста использовал. К остальному шёл через пшеницу и хлебное дерево.

Когда Коля с Джавадом отошли так, чтобы остальные их не слышали, Джавад сказал:

— Будущий гений генетики. У него мечта есть. Хорошо, когда у человека есть мечта.

— А какая?

— Выращивать завтраки для космического флота. Чтобы были запакованные, с вареной курицей, рисом и чёрной икрой. Ничего себе задача?

— Неплохо, — сказал Коля, жуя бублик. — А нельзя у него одно семечко попросить?

— Для тебя просить не буду, — сказал Джавад. — Не потому, что плохо относиться, а потому, что ты скрытный. И про Конотоп наврал.

— Ну ладно, обойдёмся, — сказал Коля. — За дыню спасибо.

— До свидания. Может, увидимся. Жалко, что Алису ты не дождался, она бы тебе помогла в космос слетать. У неё большие знакомства в Дальнем флоте. Она, наверно, на двадцати планетах уже побывала.

— А сколько ей лет? — спросил Коля. — Когда успела?

— Сколько и нам с тобой. Одиннадцать.

— Мне двенадцать, — сказал Коля. — Привет Алисе. Я пошёл.

6. Как вырастить дом

До памятника Гоголю Коля дошёл не сразу. Пришлось ещё раз отвлечься.

Обходя густые заросли, Коля вышел к самому краю бульвара и увидел, как совсем рядом строят дома.

Коля не сразу догадался, в чём дело. На краю дороги, там, где кончалась трава бульвара, стоял молодой человек с большой чёрной бородой. Он смотрел вверх, через улицу, где возвышался недостроенный дом.

Дом был сделан из того же пористого материала, что Институт времени и школьная лаборатория. Так же как они, он был построен неправильно. Он возвышался этажа на два, но оттого, что он был весь округлённый, словно песочный кулич, непонятно было, будут его строить выше или уже можно остановиться. Подъезд дома был полукруглый, окна разные, маленькие и большие, овальные и квадратные. Над подъездом нависал горб, и на нём росло небольшое пушистое дерево.

Наверху дома, по пояс возвышаясь над стеной, стояли два человека и держали в руках кипы прутьев и гнутых палок. А человек с чёрной бородой смотрел на них снизу и командовал:

— Правее ставь!.. Ещё правее! Да скорее, пока не затвердело!

Люди наверху втыкали в стену прутья, некоторые прямо, а некоторые под углом.

Скоро вся стена сверху была утыкана палками и прутьями.

— Все! — крикнул чёрный бородач. — Начинайте. Только с твоей, Вениамин, стороны поменьше затравки. Я хочу, чтобы Левочкина сторона набрала силу.

Люди на стене нагнулись, достали штуки вроде огнетушителей и распылили на стену порошок. Потом у них в руках оказались шланги, и они принялись стену поливать. Строители напоминали Коле Аркашу с его бубликовым гибридом. Коля даже ожидал увидеть, как из стены полезут зелёные веточки, но ничего подобного не случилось. Зато начала расти сама стена.

Она росла не равномерно, а как бы вытягивалась вдоль прутьев.

— Вениамин, не жалея питательного раствора! — суетился внизу бородач. — Линия получается незавершённая!

Стена постепенно заполняла промежутки между прутьями, но в тех местах, где прутья были выгнуты вперёд, стена тоже выдавалась. Вениамин, рискуя упасть, наклонился и стал быстро втыкать новый ряд прутьев. И тут Коля увидел, что получается круглый балкон. Второй строитель, Лева, начал быстро отгибать прутья за спиной Вениамина, и строительное вещество послушно потекло по ним, образуя дверной проем.

— Ну, и как тебе это нравится? — спросил бородач у Коли.

— Вообще-то нравится, — сказал Коля, — хотя, простите, архитектура не очень подходящая.

— Почему же так?

— Я привык, что у домов должны быть углы и прямые стены, — сказал Коля.

— Ну, как в старинных зданиях.

— Так это же не от хорошей жизни, — сказал бородач.

— Что не от хорошей жизни?

— Послушай, молодой человек, ты, я вижу, любишь историю, даже по городу в исторической одежде расхаживаешь.

— Я для маскарада.

— Неважно. Для маскарада мог при-григлем одеться. Или сафовые банбары нацепить. Так вот, для полноты картины я тебе скажу: из чего раньше строили дома?

— Из кирпича, из дерева, из бетона, из блоков...

— Молодец, парень! Смотри, какой образованный! Это не каждый взрослый знает.

— Ещё из керамзитовых плит, из бетонных панелей, из камней, а в тропических странах из тростника, а эскимосы из снега, а индейцы и ненцы из оленьих шкур.

— Я потрясён твоей эрудицией, Дидро!

— Я не Дидро. Меня зовут Колей.

— Но Дидро тоже был энциклопедистом. Так вот, каждый строительный материал диктовал людям форму домов. Что проще построить из кирпича — кубик или шар?

— Конечно, кубик.

— А из плит, из блоков?

— Тоже кубик. А вот из бетона можно что хочешь.

— Конечно. Но это очень дорого. Люди редко когда могли позволить себе делать необычные формы из монолитного бетона. Но вот когда мы научились дома растить...

— Как так?

— Ну вот, ты меня разочаровываешь! Про старинные материалы все знаешь, а про наши забыл.

— Забыл, — сказал Коля и развёл руками. — Я же историк.

— Историк должен лучше всего знать сегодняшний день, — сказал бородач нравоучительно. — Для того история и существует, чтобы объяснять, почему мы сегодня живём так, а не иначе.

— А вам сколько лет? — спросил Коля.

— Мне? Скоро будет девятнадцать. А при чём мой возраст?

— А потому, что разница между моим и вашим возрастом незначительная, — сказал Коля. — Всего семь лет.

— Но принципиальная, — ответил бородач.

— Эй, Валечка! — крикнул со стены Вениамин. — Стена затвердела! Не отвлекайся. А то мы до вечера дом не построим.

— Да, они правы, — сказал бородач. — Это строительство — моя дипломная работа. Завтра защищать проект, а я его ещё не сфантазировал.

— Вы учитесь, а вам разрешают в центре города дом строить?

— А почему бы и нет? Это же моё призвание. Притом я не один строю. Я проектирую внешний облик, то есть я архитектор. Веня конструктор — он все перекрытия делает, лестницы и так далее. А Лева сантехник. Ты знаешь, что такое сантехника?

— Санузлы и ванны, — сказал Коля.

— Правильно. А ещё ты забыл про мусоросборники, аннигиляторы, продовольственные

доставки, почтовые трубы, телесеть и так далее и тому подобное. Так что дом построить в наши дни дело непростое. Только наивные люди полагают, что день — это слишком много для четырехэтажного дома. Иногда бывает даже с двухэтажным так вымотаешься, что две недели и смотреть на коралл не хочется.

— На что?

— Да на коралл. Это, конечно, не совсем точное название, но так уж повелось. Ты про коралловые рифы читал?

— Читал.

— А видеть приходилось?

— Нет, как-то все недосуг.

— Ничего себе, ему недосуг на Тихий океан слетать! Тоже мне романтик! Я в твоём возрасте каждое воскресенье на коралловые атоллы летал.

— У каждого свои интересы, — возразил Коля.

— Извини, ты прав. Так вот, коралловые рифы, какие бы они ни были огромные, построены крошечными коралловыми полипами. Каждый полип сооружает себе известковую нору и в ней живёт. А как умрёт, на его норе другой строит свой домик, и так далее. То есть коралловые рифы состоят из миллиардов коралловых домов и коралловых скелетов. Только кораллы строят свои рифы миллионами лет, а люди нашли бактерию, которая трудится по принципу коралла, но растёт и размножается очень быстро. Если рассыпать поры коралловой бактерии и полить их питательным раствором, начнётся рост стены, шара, хижины, чего твоей душе угодно. И дом из кораллов растёт в ту сторону, куда его направишь арматурой. И со временем становится все крепче. Он ведь цельный — ему ни землетрясение не страшно, ни пожар, ни мороз. А главное — ему можно придавать какую угодно форму. С тех пор, как коралл появился в строительстве, всё изменилось. Теперь архитектор стал настоящим художником. Мы строим дома, как художники пишут картины. Не понравился дом — его обливают растворителем, а потом пыль выметают. Но признайся, ты все и без меня знаешь?

— Знаю, да не все, — сказал Коля. — А можно мне там, наверху, поработать?

— Иди, почему же нет. Веня, возьми себе помощника!

Коля вошёл в недостроенный дом. Внутри почти всё было готово. Только различные отверстия в стенах говорили о том, что потом и их используют, чтобы людям удобно было жить.

Коля поднялся по лестнице на второй этаж, а потом по движущимся пластиковым лесам на самый верх. Веня дал ему пучок прутьев, и бородач Валечка крикнул снизу, командуя всеми тремя строителями:

— Веня, гни прутья на себя! Лева, скорее, ты отстаёшь! Коля, ты забыл, что мы дом строим, а не клумбу!

Когда кончили возводить третий этаж, Коля сдал оставшиеся прутья Вене, попрощался, и студенты сказали, что он им очень помог. Коле хотелось взять с собой немножко коралловой пыли, но у него не было банки для питательного раствора, а без него затравка все равно что простой песок.

— Иди в строители после школы, — сказал Валечка. — Невероятный простор для фантазии и полная свобода творчества.

— Спасибо, — сказал Коля, — я подумаю.

7. Автобус никуда не идёт

Было почти двенадцать, когда Коля дошёл до памятника Гоголю. Правда, памятник был не тот, что раньше стоял на этом месте. Памятник в конце Гоголевского бульвара был старый, который раньше стоял на другом конце площади. Отец говорил как-то Коле, что Арбатская площадь — единственное место в мире, где есть две статуи одному и тому же писателю: одна на бульваре, другая у дома, где Гоголь жил. Видно, за сто лет они поменялись местами, решил Коля.

Перед памятником была Арбатская площадь, только Коля её бы никогда не узнал. Даже вместо ресторана «Прага» — колоссальный параллелепипед из бетона, а не из коралла. Наверно, его построили довольно давно. За ним виднелись верхушки небоскрёбов на проспекте Калинина. Это было знакомо. А справа из-за пальмовой рожи выглядывал пышный дом, весь в ракушках. Но он был не коралловый, просто старый, такая когда-то была мода, и построил его себе прогрессивный богач Морозов ещё до революции.

Автобус Коля увидел сразу. Посреди площади, выложенной разноцветными плитками, было возвышение. Около него как раз стояли три автобуса. Коля догадался, что это автобусы, так как над каждым висел ни к чему не прикрепленный шар с надписью: «Автобус№ 1», «Автобус№ 2», «Автобус№ 3».

Все три автобуса только что подъехали. Из них выходили пассажиры, а другие входили. Некоторые поднимались из-под земли, наверно из метро, другие подлетали на крыльях и складывали их, подходя к двери, третьи вылезали из пузырей, и пустые пузыри сами отлетали прочь, уступая место новым.

Коля испугался, что автобус уйдёт, и припустил через площадь. Он привык бегать за автобусами и трамваями, потому что ненавидел тратить время, ждать на остановке.

Он бежал и думал о том, что делать, если надо платить за билет, а он даже не знает, какие будут деньги. Одна надежда, что через сто лет не будут брать деньги за проезд в автобусах.

Бежал он быстро, но так как здесь никто через площадь напрямик не бегал, чуть не случилась катастрофа. Пузыри и другие машины тормозили, взлетали вверх, увёртывались. Одни — чтобы не налететь на Колю, другие — чтобы не налететь на тех, кто не хотел налететь на Колю. Коля краем глаза увидел, что творится, и припустил ещё скорее. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы какой-то мужчина не снизился на крыльях к самой земле, не выхватил бы Колю из центра суматохи и не поднял в воздух.

— Ты куда, сумасшедший ребёнок? — спросил он довольно невежливо. — Зачем погибать таким молодым и губить окружающих?

— Отпустите! — кричал Коля, который болтался в воздухе в двух метрах от мостовой. — Я спешу на автобус. Он же сейчас уйдёт!

Конечно, если бы у Коли было время, он придумал бы версию получше. Но когда очень спешишь, приходится говорить правду.

— А он ещё шутит! — сказал возмущённо мужчина с крыльями.

Но всё-таки перенёс Колю по воздуху на возвышение у автобусов и отпустил. Коля чуть не упал, отшиб подошвы о землю.

— Я же мог расшибиться! — сказал он мужчине, который висел в воздухе над ним, помахивая крыльями, похожими на стрекозиные.

— Не думал, что на Земле такие нежные дети, — сказал мужчина.

И только тут Коля разобрал, что мужчина одет в темно-синий облегающий комбинезон, на груди у него вышит золотом Сатурн с кольцом, а на рукаве — четыре звезды.

Наверно, это будущий милиционер, испугался Коля. Сейчас он спросит, где Коля живёт...

Но мужчина оказался не милиционером.

— Не сердитесь, космонавт, — раздался знакомый голос, и Коля увидел, что на краю мостовой стоит, держа одноколесный велосипед, Колин ровесник старик Павел. — Я знаю этого мальчика. Он просто немного рассеянный, потому что готовится к маскараду.

— На него нельзя не сердиться, — сказал космонавт, — потому что он бежал, не думая о других. А это уж самое последнее дело. Куда ты торопишься?

— На космодром, — сказал Коля. — Космические путешествия — моя мечта.

— Таким легкомысленным в космосе не место, — сказал космонавт.

— Я исправлюсь, — пообещал Коля. — Приложу все усилия.

— Он исправится, — поддержал Колю старик Павел.

— Тогда и встретимся, — сказал космонавт.

— Нет! — крикнул Коля. — Подождите минутку, не улетайте! Дайте мне свой автограф.

Коля полез в карманы, но карманы были совершенно пусты. Только в одном

— две копейки, а в другом — ластик.

— Не ищи, — засмеялся космонавт. — Держи на память.

Он снял с рукава золотую звёздочку, кинул её Коле и взмыл в воздух.

— Спасибо! — крикнул Коля вслед.

— Знаешь, — сказал старик Павел, — я тебе завидую: сам капитан Дальнего космоса, капитан «Пегаса» Полосков, подарил тебе звезду. А знаешь ли ты, что это за звезда?

— Нет, — сказал Коля.

— Каждая звезда означает звёздную экспедицию. Когда я был мальчиком, я об этом и мечтать не мог.

— В наши времена тоже были космонавты.

— Но не было звёздных экспедиций.

— Мы этим делом займёмся, — сказал Коля и прикрепил звёздочку себе на рукав.

Старик Павел помахал Коле рукой, оттолкнулся ногой и закрутил педали своей неустойчивой машины.

Коля думал, что автобус давно ушёл, но, к счастью, он ещё дожидался его. Автобус был обтекаемый, сверкающий, но без окон, и поэтому Коля понял, что он очень скоростной.

Над входом была надпись: «Проспект Мира».

Коля решил: будь что будет, и вошёл внутрь вслед за пожилой, спортивного вида загорелой женщиной в жёлтом хитоне, как у греческих богинь. Он предполагал повторять в точности её движения, тогда не попадёшь впросак.

Внутри автобуса было светло, но сесть некуда. Все шли вперёд. Коля пристроился за женщиной и зашагал за ней следом. Они прошли половину автобуса, и Коля увидел впереди занавеску. А над ней надпись: «Выход. Проспект Мира». Женщина вошла в занавеску и исчезла. Коля подождал секунду, сделал то же самое и увидел, что женщина уже спускается в другую дверь, которая ведёт наружу.

Коля оказался на другой площади, перед незнакомым садом. Женщина ступила на эскалатор, который вёл вниз. Из двери автобуса выходили уже новые пассажиры. Коля

ничего не понял, поэтому подошёл к девушке в белом комбинезоне с большой розой, вышитой на плече, и спросил:

— Скажите, пожалуйста, это какая остановка?

— Остановка?

— Ну, как называется это место?

— Проспект Мира. Разве ты не видишь?

— Спасибо, — сказал Коля и все равно ничего не понял.

Он вернулся к автобусу и прочитал надпись над дверью: «Вход. До Арбатской площади».

Что же получается? Значит, автобус никуда и не ездит? Тыходишь на одной остановке и выходишь на другой? А кто же тебя везёт?

Тогда Коля подошёл к соседнему автобусу. Над его задней дверью была надпись: «Вход. До Новодевичьего монастыря». Ага, вот теперь проверить нетрудно. Новодевичий монастырь Коля знает. Он уже спокойно вошёл в автобус, прошёл через салон, сквозь занавеску и вышел. Он стоял на берегу Москвы-реки, а совсем рядом поднимались розовые стены Новодевичьего монастыря, из-за них выглядывали купола собора и колокольня. Коля вернулся на проспект Мира. Что ж, удобный городской транспорт. В каком-то фантастическом романе Коля читал про нуль-транспортировку. Там космический корабль прыгает через пространство. Наверно, здесь то же самое. При случае надо будет уточнить.

8. Чемпион по мороженому

Теперь следовало флипнуть до космодрома. Так сказал археолог Рррр.

Коля никогда сам не флипал и не видел, чтобы флипали другие. Так что он стал в сторонке и решил наблюдать.

Некоторые люди шли пешком, другие садились в прозрачные шары, один человек подошёл к ряду столбиков и что-то с одного из них взял. Коля решил взглянуть на эти столбики. Всегда интересно посмотреть, что где дают.

Столбики были разных цветов. На белом было написано «Мороженое», на жёлтом — «Лимонад», на зелёном — «Яблоки», на синем — «Бутерброды», на коричневом — «Квас». А всего столбиков было штук тридцать, и Коля не стал исследовать их до конца, чтобы не подумали, что он их раньше не видел. Мимо проходил человек, приложил палец к клавише поверх столбика, и выскочил стакан с лимонадом. Человек выпил лимонад, стакан поставил на место, и он провалился внутрь. Всё ясно, сказал про себя Коля и пошёл к белому столбику. Мороженое оказалось шоколадное, не очень сладкое, но есть можно. Потом Коля отошёл к жёлтому столбику и запил мороженое лимонадом. Потом попробовал бутерброд. Бутерброд был с сыром и маслом. Такое дело надо было запить. Запил Коля бутерброд квасом и тут различил надпись на оранжевом столбике: «Бананы». Пускай будет банан. Коля съел банан, а шкурку положил на место, и она провалилась в столбик. Такая жизнь Коле нравилась, и поэтому он вернулся к мороженому. Первый раз он нажимал самую левую клавишу, теперь нажал следующую. Правильно. Мороженое было яблочное. Оно елось куда медленнее, чем первое, и, чтобы передохнуть, Коля подошёл к стоянке, где люди садились в прозрачные пузыри, поглядеть, что они там делают.

Когда человек подходил к пузырю, открывался круглый люк. Человек садился в кресло, люк затягивался прозрачной плёнкой, и пассажир нажимал на одну из кнопок. И сразу

пузырь чуть-чуть приподнимался над землёй и улетал.

Удивительно было и другое: стоило пузырю с пассажиром покинуть стоянку, как на его место подлетал пустой пузырь и опускался на землю.

Коля подошёл к пустому пузырю, но входить не стал, а заглянул внутрь, не написано ли чего-нибудь на кнопках. Перед креслом оказалась наклонная панель, утыканная несколькими рядами кнопок. Под каждой подпись — правда, мелкими буквами, снаружи не разобрать.

Может, так здесь и флипают, решил Коля. Но, перед тем как отправиться в путешествие, надо было узнать, какое мороженое дают, если нажать третью клавишу. Он вернулся к столбику и нажал. Получилось клубничное мороженое, очень вкусное; пожалуй, вкусней, чем яблочное. Правда, есть его было нелегко, и пришлось запить его ещё одним стаканом лимонада. Коле захотелось присесть и немного поспать — он вдруг понял, что устал. Ведь почти час на строительстве проработал, не считая других дел и хождения. Коля поехал бы дальше, но на столбике оставалась одна неиспробованная клавиша. А вдруг там какое-то особенное мороженое, которого в наши дни ещё не изобрели?

С громадным трудом Коля доел клубничное мороженое. Не подумайте, что Коля был слабеньким. В обычных условиях он отлично мог бы съесть и десять порций, но ведь он спешил, к тому же устал, наконец, всё время запивал и заедал мороженое другими продуктами.

— Последнее, и все, — сказал он вслух, проглотил остаток клубничного и направился к столбику-автомату.

Но только он протянул руку к четвёртой клавише, как из столбика раздался голос:

— Одумайся! Ты собираешься съесть четвёртую порцию, а при температуре воздуха только плюс пятнадцать градусов это может плохо сказаться на твоём юном здоровье.

— Вот те раз! — ответил Коля столбику, ничуть не удивившись, потому что он уже устал удивляться. Наверное, в столбике был электронный глаз. — Я бы мог десять порций съесть. Даже в мороз.

Сказав так, Коля нажал на четвёртую клавишу, но мороженого не получил.

— Вот это безобразие! — сказал Коля.

— Что случилось? — спросил худой мужчина в длинных до колен, трусиках фиолетового цвета и в золотой накидке. — Кто тебя обидел?

— Вот, — сказал Коля. — Отказывается мне мороженое давать.

— Это унижительно, — согласился разноцветный мужчина. — А сколько ты съел уже порций?

— Только три, — сказал Коля.

— В моё время, — сказал мужчина, — мы переходили от автомата к автомату и брали не больше двух порций с каждого. Правда, с прошлого года по просьбе детской поликлиники все автоматы мороженого соединены между собой общим запоминающим устройством. И каждый автомат знает, сколько ты сегодня съел мороженого.

— Что же делать? — спросил Коля. — Неужели мы унизимся перед автоматом?

— Ни в коем случае, — сказал худой мужчина. — Я, как председатель районной лиги возвращения к естественной жизни, полностью на твоей стороне.

С этими словами мужчина подошёл к автомату и нажал на клавишу. Выскочило шоколадное мороженое.

— Эх, — сказал Коля, — я сегодня его уже ел!

— А какое тебе нужно? — спросил худой мужчина, протягивая Коле шоколадное.

— Я ещё не нажимал самую правую клавишу.

Худой мужчина нажал правую клавишу и передал стаканчик Коле.

— А какое мне самому взять? — спросил он.

— Рекомендую шоколадное, — сказал Коля.

— Не выношу шоколадное, — сказал мужчина и нажал себе яблочное.

Коля подумал, что шоколадного ему совсем не хочется, но нельзя было показаться слабаком перед чужим человеком.

Они стояли посреди площади, светило солнце, они ели мороженое. Коля начал с шоколадного, потому что боялся, что на закуску ему его не одолеть. Мороженое было уже невкусным. Мужчине хорошо — он-то только первое ест.

— Ты принципиально ходишь в старинной одежде? — спросил он Колю.

— Нет, для маскарада, — сказал Коля.

— Жалко. Я думал, что мы с тобой союзники. Ты видишь, что я одет так, как одевались пятьдесят лет назад?

— Да.

— И знаешь, почему?

— Почему?

— Потому что я считаю, что необходимо ограничить господство машин. Они лишают нас индивидуальности и воспитывают из молодого поколения хлюпиков, привыкших жить на всём готовеньком. Я почему тебе помог? Потому что в тебе есть качества настоящего мужчины. Теперешние мальчишки едят не больше двух порций мороженого зараз. Слушаются машину. А ты взбунтовался.

Конечно, Коле приятно было слушать комплименты, но доесть шоколадное мороженое невозможно. У Коли была одна мечта — чтобы борец против машин отвернулся и можно было недоеденный стаканчик поставить на место. Но тот и не думал уходить. Он смаковал своё мороженое и продолжал:

— В славные древние времена начала двадцать первого века люди не флипали, не спали на гравитационных матрацах и возводили дома из твёрдого камня. Вы не представляете, какие у них были сильные мышцы! А в двадцатом веке? Богатыри! Все своими руками! Нет, поистине мир клонится к упадку, медленно, но верно. Скажи, нужна ли тебе, молодой человек, антигравитация? Подарок с Альдебарана. Это же излишняя роскошь.

— Не знаю, — сказал Коля. — Не разбираюсь я в этом. Но вообще-то мне нравится. Только вот дома кривые. Хотя к этому можно привыкнуть. Мы сегодня один дом построили, в принципе интересная работа.

— Кривые! Вот истина, произнесённая ребёнком! Где ты, строгость и стройность линий прошлого? Где вы, простые и благородные сборно-панельные дома?

— Электрон Степанович! — воскликнула девушка в белом комбинезоне с вышитой на груди розой, которую Коля уже видел в автобусе. — Я вас повсюду ищу. А вы речь говорите!

— Что случилось? — спросил фиолетовый с золотом Электрон. — Что-нибудь в виварии?

— Гравиэкран полетел! Спунсы терпят жуткие перегрузки! Вы единственный человек, который может срочно починить инопланетную технику.

— Спунсы! Это ужасно. Бегу. Следующий раз, мальчик, когда захочешь мороженого, беги прямо ко мне, в космозо, спроси мастера по новой технике Электрона Степановича, и

мы с тобой всласть полакомимся.

— Флипнем? — спросила девушка, указывая на пузыри.

— Ты же знаешь, Генриетта, что я не выношу современной техники, — сказал Электрон и из большой сумки, висевшей через плечо, достал прозрачный пакет, вытащил из него сложенные стрекозиные крылья и, расправив, прикрепил к плечам. — Мы по старинке, — сказал он Коле. — Медленнее, но надёжнее. — и быстро взмыл в воздух.

Тут Коля понял, что шоколадное мороженое он между делом одолел. Остался последний стаканчик. Коля не был бы исследователем, если бы его не попробовал. Он, правда, надеялся, что мороженое окажется невкусным. Как назло, мороженое было ананасно-мятное. От такого отказываться грех.

Вот и получилось, что, когда Коля добрался до пузыря, чтобы флипнуть до космодрома, он чувствовал себя тяжёлым, как удав, который проглотил поросёнка. Он опустил в кресло и, с трудом держа глаза открытыми, поглядел на пульт с кнопками. Все правильно. Под каждой написана улица или место: «Университет», «Красная площадь», «Сокольники» и так далее. Некоторые надписи ничего Коле не говорили: «Первый Костул», «Сад Они», «Сидоровский уровень». А вот то, что нужно. Даже больше, чем нужно: «Космодром-1», «Космодром-2», «Космодром-сортировочная» и даже «Космодром-учебный». Попробуем «Космодром-1», решил Коля. Он нажал на кнопку, и его пузырь не хуже других приподнялся над землёй, быстро набрал скорость и понёсся над улицей в потоке таких же пузырей. Коля понял, что движение подчиняется строгим правилам: пузыри друг дружке не мешали, на перекрёстках те, что летели вдоль главной улицы, поднимались повыше и, словно по невидимому мосту, пролетали над теми, что подлетали сбоку. Некоторые из пузырей реяли высоко в небе, как детские воздушные шары, а среди них иногда мелькали стрекозы — люди с крыльями. А ещё выше проносились большие корабли, диски, кольца, шары...

9. Флипнем до космодрома!

Сидеть было удобно, мягко, и Коля чуть было не заснул. Вернее, он даже заснул, но не заметил этого, только заметил, что проснулся. Так бывает на первом уроке: сидишь, пишешь, думаешь, борешься со сном, а потом вдруг проснёшься и видишь, что твоя рука соскользнула со строчки и написала невообразимые каракули.

Наверно, Коля проспал всего минуту или две, но испугался, когда понял, что случилось. Мало ли что могло произойти? Автоматика автоматикой, а ведь, к примеру, Электрон Степанович не очень ей доверяет. Что, если какой-нибудь пузырь потеряет управление? Скорость-то километров сто.

Сверху быстро спускался большой пузырь. Он пристроился рядом, и Коля увидел, как его пассажир снял руки с приборной панели и откинулся в кресле. Ага, подумал Коля, у пузыря, должно быть, ручное управление. Ведь если нужно подъехать к какому-нибудь дому, как тогда?

Коля был прав. Под кнопками были рычажки, над которыми общая надпись: «Ручное управление».

«Ну ладно, — решил Коля, — пока мы этим пользоваться не будем. Времени мало». Он поглядел на часы над пультом. Уже второй час. С ума сойти, как в будущем быстро идёт время! Наверно, на Луну уже не слетать — к вечеру надо быть дома. Если отец с матерью вернутся, а его нет, такая начнётся паника, что лучше совсем домой не возвращаться. Есть минусы в том, что ты единственный ребёнок. Было бы в семье пятеро, никто бы не волновался — одним больше, одним меньше...

Коля рассудил разумно, что не следует трогать ручное управление. Но рассуждения полезны тогда, когда им следуют. А Коля не всегда слушался собственных рассуждений. Прошло две минуты, и он подумал: «Если я переключу пузырь на ручное управление, то смогу подняться и посмотреть на Москву сверху. Я поднимусь не очень высоко, а если что-нибудь случится, то снова переключусь на автоматику. Техника здесь несложная, иначе бы не разрешали любому и всякому залезать в пузыри. Ведь в них и старушки летают и даже маленькие дети».

Это уже было рискованное рассуждение. Но поставьте себя на место Коли. Вы несётесь в новом виде транспорта, а у этого транспорта есть всякие возможности. Неужели вы откажетесь их испытать? Если откажетесь, то в вас нет научной жилки. А в Коле она была.

В общем, он решил, что, если дальше ехать как все, совсем заснёшь. Чтобы не заснуть, надо заняться делом.

Он переключил рычажок на ручное управление и осторожно повёл вверх другой, с надписью «Подъем». Очень осторожно. Так что пузырь лишь на несколько метров поднялся над землёй и чуть не столкнулся с другим, который нёсся во встречном потоке. Нет, так не пойдёт. Делать так делать! И Коля повернул рычаг почти до отказа.

Конечно, он раньше не летал на пузырях и не знал, как быстро они слушаются приказов. Пузырь помчался в небо, к самому солнцу, с такой скоростью, что земля провалилась вниз и заложило уши. Коля растерялся и потянул рычаг вниз. Пузырь замер. Он даже немного сплющился от того, как с ним жестоко обращался пассажир. Вдруг из пульта послышался голос, похожий на голос мороженого автомата:

— Пассажир, вы нарушаете правила управления. Если не прекратите издеваться над летательным флипом, мы принудительно переведём его на автоматику.

— Извините, — сказал Коля. — Я больше не буду.

Пузырь все падал вниз, и Коля, на этот раз совсем уж осторожно, поставил рычажок на нейтральное положение. Пузырь, успокоившись, полетел вперёд на высоте стоэтажного дома.

Коля обернулся и посмотрел на Москву. С высоты Москва казалась бесконечной и очень зелёной. Правда, угадать, где что, нелегко. Коля увидел телевизионную Останкинскую башню, но рядом с ней было ещё три башни, вдвое выше, и они окружали старую башню, как здоровенные сыновья старенькую мамочку.

К центру Москва сливалась в мешанину зелёных и жёлтых пятен. Надо было подняться повыше, чтобы увидеть Кремль.

Коля потянул рычажок кверху. Он с удовольствием ощущал, как пузырь слушается его и поднимается по наклонной плоскости. Коля подумал даже, что, может, стоит остаться здесь ещё на два-три дня, чтобы вдоволь покататься на пузырях. Он тянул рычажок, а сам смотрел назад. Москва осталась далеко внизу, но было не страшно. Наконец Коле показалось, что он видит кремлёвские башни, но в тот же момент раздался лёгкий треск, и все исчезло. Вокруг стоял непроницаемый серый туман. Коля услышал голос:

— Это что за воздушное хулиганство? Кто пускает в небо слепых котят? Перестаньте рвать сеть! Остановите машину!

Коля послушался. Пузырь повис в гуще серого тумана, и как Коля ни вертел головой, он ничего не видел.

— Вы там что, спите? — снова раздался голос. Голос был знакомый и очень сердитый.

— А что мне делать? — спросил Коля.

— Как что делать? Падайте вниз.

— Вы же сами велели мне поставить рычаг на «стоп».

— И правильно сделал. Вы бы снова сеть разорвали, а потом со мной бы столкнулись. Падайте, я вам говорю!

Коля послушно повёл рычажок вниз, и пузырь начал падать вниз, как скоростной лифт. Коля не успел бы сосчитать до двадцати, как снова вспыхнуло солнце. Коля поднял голову и увидел, что над ним висит большое круглое облако, в которое он нечаянно влетел. А присмотревшись, он увидел, что облако не совсем обычное. Оно было обтянуто поблёскивавшей на солнце сетью, которая сходилась к большому пузырю с пассажиром. Большой пузырь тащил облако за собой.

— А ну поднимитесь сюда, — сказал голос. — Хочу посмотреть на воздушного хулигана. Теперь я из-за вас половину облака потеряю.

Коля увидел, что из того места, откуда вывалился его пузырь, облачный туман выползал, как пар из чайника.

— Простите, — сказал Коля. — Я нечаянно.

— И всё-таки поднимитесь.

Коле ничего не оставалось делать, как подняться. Он уже научился управлять пузырём. И стоило ему приблизиться к пузырю-буксиру, как у него от сердца отлегло. В пузыре сидел старый знакомый, ровесник Павел.

— Ах, вот кто летает как хочет! — сказал старик, тоже узнав Колю. — Ты что же, Коля?

— Я на Кремль сверху засмотрелся, — сказал Коля, — и не заметил вас. А вы не устали? Все утро на велосипеде...

— Неужели ты думаешь, что я бы прожил столько лет, если бы не работал? На

велосипеде я закалялся, а облака я таскаю, потому что работаю в метеорологическом управлении.

— Вы предсказываете погоду?

— Это раньше предсказывали погоду. А теперь мы её делаем. Видишь, сколько нас?

И Коля увидел, что по всему небу пузыри тащат облака — может, сто пузырей, может, больше.

— В Рязани дождь просят. Мы обещали к вечеру сделать небольшой. Хочешь с нами слетать?

— Спасибо, я на космодром спешу.

— Что-то не видно. Я советую, переведи флип на автоматику, а то наверняка твои манёвры в центральном пульте заметили. Сделай сам, пока за тебя не сделали. А то стыдно. Всё-таки мы взрослые люди.

Коля хотел послушаться совета, но не успел. Вдруг рычажок без его помощи переключился на автоматику, и во весь пульт загорелась надпись:

«ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ АВТОМАТИКА»

Пузырь быстро пошёл вниз, и через три минуты он уже нёсся в потоке других пузырей над самой землёй, направляясь дальше, к космодрому.

10. Пассажир до любой планеты

Коля вылез из пузыря на стоянке у космодрома. Здесь скопилось много пустых пузырей, и, видно, из диспетчерской их отозвали, чтобы зря не занимали стоянку, — вдруг одновременно сотни две шариков взвились в воздух, превратились в грозди винограда или лягушачьей икры и понеслись роем обратно к городу.

Сам космодром, надо сказать, был скромный. Длинное, наверно не меньше километра, коралловое здание было высотой этажа в три, не больше. Коля надеялся, что сразу увидит носы стоящих, словно копья, космических кораблей. Но кораблей не было видно.

Кроме того, среди людей, выходявших из пузырей, гулявших или стоявших у здания, выходявших из-под земля и спускавшихся сверху, не было или, вернее, почти не было космонавтов в форме, людей в скафандрах, инопланетных пришельцев, роботов и так далее — то есть всех тех, кому положено быть на космодроме. Коля подошёл к одному из входов в здание. Над ним была надпись:

«МОСКОВСКИЙ КОСМОДРОМ-1 ПЛАНЕТАРНЫЕ СООБЩЕНИЯ»

Ясно, подумал Коля. На звезды отсюда не летают. И понятно, большие корабли собирают на орбитах или у внешних планет. Это он читал в фантастической литературе. Вообще-то говоря, фантастическая литература иногда Коле помогала догадываться, что он увидит, или объяснить, что он видит, а иногда и мешала. Эти фантасты лучше бы съездили разок сюда, тогда бы не ошибались. А то тоже мне литература о будущем: пишут, а не знают, о чём пишут!

Внутри космодром оказался куда больше, чем снаружи. Как-то в прошлом году, то есть сто с лишним назад, Коля летал с бабушкой в Сухуми. Так вот, Внуковский аэровокзал чем-

то был похож на космодром. Там зал и тут залы. Там люди куда-то спешат, опаздывают, или, наоборот, совсем не спешат, потому что до их рейса осталось ещё два часа, а они поспешили приехать, испугались опоздать. Или рейс отложили из-за плохой погоды. Интересно, откладывают ли космические рейсы из-за плохой погоды?

Коля медленно шёл вдоль бесконечного ряда стоек, где пассажиры отмечали билеты или сдавали багаж, и читал названия рейсов, вёл себя, как транзитник, который застрял в аэропорту и убивает свободное время. Некоторые рейсы Коле понравились. Например: N234 «Меркурий-2», N45-6 «Ганимед», N7-67 «Кратер Циолковского».

Коля подошёл к экрану справочной и спросил:

— Билеты на ближайший рейс к Луне остались?

— Последний к Луне ушёл пятнадцать минут назад, — ответила справочная.

— А куда есть билеты? — спросил Коля.

— Простите, вопрос не понят, — сказала справочная. — Вам куда надо?

— На Уран, — ответил Коля, хотя на Уран раньше не собирался.

— С какой целью туда направляетесь? — спросила справочная.

«Хорошо ещё, что автомат, а не живой человек, — подумал Коля. — Сейчас присмотрелись бы ко мне...» Поэтому он не стал отвечать на такой нетактичный вопрос и пошёл дальше, так, чтобы выяснить, где выход на взлётное поле.

Но выходы, хоть и были, не подходили для самостоятельного путешественника. Над одним было написано «Медицинский контроль», у других стояли контролёры, у третьих надо было опускать жетон, чтобы фотоэлемент тебя пропустил. «Что же получается, — расстраивался Коля. — Ты приехал на космодром, и не то чтобы улететь на какую-нибудь планету, даже поглядеть на то, как другие улетают, не можешь!»

Коля даже спустился на эскалаторе вниз на несколько уровней, где шли погрузочные линии и людей было совсем мало, но задерживаться там не стал: как бы не заблудиться. Коля прямо всей кожей чувствовал, как проходит время, утекает, убегает, уносится. Столько его потеряно, что о полёте на Луну и мечтать не приходится. Хоть бы вблизи какой-нибудь корабль посмотреть!

Коля вышел из космодрома и решил обойти здание. Может, повезёт. Должно же оно где-то кончаться. Он шёл вдоль здания минут десять. Наконец Коля завернул за угол, и перед ним открылось громадное, до самого горизонта, поле.

На поле не было ни одного настоящего космического корабля, только стояли диски, похожие на те, которые метают дискболы. Правда, эти диски были потолще, более выпуклые и каждый размером в футбольное поле. Это были космические летающие тарелочки.

Над полем стояла тишина, были слышны голоса людей вдалеке. Служебные машины, носившиеся к дискам и обратно, тоже двигались совершенно бесшумно. Пассажиров на поле не было видно. Наверно, они подъезжали к дискам в закрытых автобусах или какими-нибудь скрытыми ходами.

Тут Коля увидел, что один из дисков поднимается. Он поднимался медленно, словно ничто его не двигало, а сам он был легче воздуха. Поднявшись метров на сто, диск начал медленно наклоняться, будто им управляла рука спортсмена. И неожиданно он полетел, как выпущенный из руки, врезаясь в воздух острым краем. Коля следил за ним взглядом, пока диск не превратился в чечевичку, а потом лишь белая полоска в небе указывала, в какую сторону он улетел.

Коле очень захотелось пробраться поближе к кораблям. Он медленно и осторожно пошёл вдоль стены к полю, но не прошёл и двадцати шагов, как наткнулся на невидимую стенку. Что-то твёрдое и прозрачное не пускало дальше. Он ощупал преграду руками — она была гладкая и тянулась вверх, насколько хватало рук.

Вот хитрецы, подумал Коля. Но тут же решил, что эта стенка не может быть бесконечной. Где-то сквозь неё должны проходить.

И он снова вышел на дорожку и пошёл дальше от вокзала, к строениям, которые виднелись впереди.

Он думал, что, если спросят, что он делает, скажет: гуляю и смотрю на корабли. И ничего в этом нет дурного. Но никто его ни о чём не спросил.

Коля дошёл до строений и остановился перед тем, которое было поменьше других. Оттуда доносились голоса.

Коля заглянул внутрь. В большой комнате с выпуклым потолком стояло несколько ребят и девочек, некоторые постарше Коли, другие как он. Они сгрудились вокруг низкого стола, на котором стояло что-то. Если ты никогда вещь не видел и она необычной формы, то лучше назвать её «что-то», никогда не ошибёшься.

Никто не заметил, как Коля вошёл и присоединился к ребятам. Он стоял и смотрел, нет ли отсюда выхода на взлётное поле. Наконец он увидел дверь и хотел было незаметно пройти к ней, как невысокий подросток, очень курчавый, словно завитой, заметил Колю и спросил:

— Ты куда? Там же вакуум.

— А я думал выйти на взлётное поле, — сказал Коля.

— А зачем тебе?

— Просто так. — и, чтобы курчавый не задавал больше вопросов, он спросил: — А вы что здесь делаете?

— Разве не видишь? — удивился мальчик. — Работаем.

— Понятно, что работаете. А над чем?

— Над спутником. Разве не похоже?

— Похоже, — сказал Коля. — Модель?

— Что мы, маленькие, что ли? Обыкновенный спутник связи, по школьной программе. Разве у вас в школе не делают?

— Я в Конотопе учусь, — сказал Коля. — Я историк.

— Странно, — сказал курчавый. — Какое у вас одностороннее образование! А скажи, разве Милена Митина не из Конотопа?

Но на этот раз Коля не растерялся.

— Она из Костромы, — сказал он.

— Извини, — сказал курчавый. — А тебе наш спутник нравится?

— Да.

— Мы с одной школой в Австралии дружим. У них в школе сильные натуралисты. Выводим ягодные культуры, чтобы могли расти в вакууме на солнечной энергии. Представляешь, как это нужно для астероидов!

— Очень нужно, — согласился Коля.

— Вот запустим, и будет у нас постоянный канал связи с Австралией. В любой момент можно будет поговорить, обменяться опытом, показать, какие у нас достижения.

— И когда запускаете?

— Ждём, когда робот-тележка приедет. Сегодня много народу на Лунный фестиваль улетело, вот и задержался запуск.

— И вы на поле пойдёте? — спросил Коля.

— Конечно. Надо же спутник на гравитонный толкатель установить, чтобы он его на орбиту вынес.

— А где ваш учитель?

— Он на поле ждёт.

Коля понял, что ему явилась хорошая возможность пройти на поле. Но спешить было нельзя.

— Слушай, — сказал он, — а что за стенку вокруг космодрома поставили? Мне кажется, её в прошлом году не было.

— Правильно. В прошлом году обычная была, коралловая, очень вид портила. Теперь силовое поле поставили.

— А зачем?

— Как зачем? От таких, как мы с тобой, поставили. Ты думаешь, мало на свете несмышлёнышей, которые хотят обязательно на Марс попасть? Ну что делать на Марсе необразованному ребёнку? А ведь лезли.

— А тебе что, никогда на Марс не хотелось? — спросил Коля.

— Мне? Я тогда полечу на Марс, когда смогу принести там пользу, — сказал курчавый. — Для этого и учусь.

— Не верь ты ему, — сказал другой парень, постарше. — Он не только хотел на Марс попасть, но даже забрался в грузовой корабль. Хорошо ещё, вовремя вытащили, а то бы замёрз в космосе.

— Во-первых, я тогда маленький был, — обиделся курчавый, — это два с лишним года назад было. А во-вторых, я не такой дурак, чтобы в грузовую баржу лезть. Я на почтовый пробрался.

— А что, на почтовом можно на Марс слетать? — спросил Коля, потеряв осторожность.

Курчавый посмотрел на него подозрительно и спросил:

— А ты, кстати, зачем сюда пришёл?

— Просто так. На спутник посмотреть. Надо будет ребятам в Конотопе рассказать.

Курчавый, видно, не поверил и готов был задавать новые нескромные вопросы, но тут стена разъехалась в стороны, и в комнате появился грузовой робот-тележка. Просто тележка, платформа, скользившая над землёй. Но, когда платформа подъехала к столу, из неё высунулись металлические щупальца, в одну секунду осторожно обхватили спутник и перенесли его на платформу. Тележка отправилась на поле, и все ребята поспешили за ней. И о Коле забыли. Он и вышел вслед за ними.

Коля шёл за тележкой до тех пор, пока не увидел, что наперерез едет другая такая же тележка, на которой стоит красивая ваза в два человеческих роста. Ваза была покрыта полупрозрачным чехлом.

Встреча была кстати. Коля немного отстал от остальных, и, когда тележка с вазой поравнялась с ним, он скрылся за ней и пошёл рядом с вазой, словно ваза была его собственная и он отправлял её в подарок бабушке на Юпитер.

Никто не заметил, как Коля исчез.

Теперь нужно было подобраться поближе к какому-нибудь кораблю. Нет, в тот момент Коля не думал, что улетит на другую планету. Он всё ещё думал, что успеет домой до вечера.

Но раз уж ты попал на взлётное поле, которое так тщательно охраняют от космических «зайцев», то надо хотя бы потрогать настоящий космический корабль.

Тележка с вазой повернула к стоявшему поодаль от других диску. Это Колю устраивало. Наверно, вазу надо грузить, а если грузить, то в корабль. А если в корабль, то можно будет к нему подобраться.

Так и случилось.

11. «Зайцы» в вазе

Тележка осторожно затормозила перед открытым люком. Вблизи диск оказался невероятно огромным. Люк размером с футбольные ворота чернел внизу, под кромкой диска, и от него к земле вели сходни шириной с доброе шоссе, покрытые ребристым пластиком, чтобы не скользить.

У сходней тележка затормозила. Коля присел за ней на корточки, чтобы его не заметили люди, которые будут принимать груз. Но никто из корабля не вышел. Вместо этого тележка, словно получив приказ, осторожно поехала вверх по сходням, придерживая щупальцами вазу.

Упустить такой шанс было непростительно. Раз Колю до сих пор никто не заметил и не остановил, неужели он не заглянет внутрь? Ну хотя бы одним глазом, хотя бы на одну минутку. А потом — сразу домой.

Когда Коля ступил на сходни, он увидел палку на трех ножках и на ней надпись: «Москва — Марсопорт. Почтово-посылочный. N986-2».

Коля сразу вспомнил, что говорил курчавый парнишка. Он говорил, что на почтово-посылочных можно летать, потому что там тепло. Это не значит, что Коля собирался лететь. Просто вспомнил.

Тележка взобралась по сходням и качнулась, перевалившись внутрь корабля. Навстречу ей проехала другая, пустая. Коля подумал, что, когда тележка снимет с себя вазу, он сможет вернуться на ней обратно.

Тележка остановилась в невысоком обширном, слабо освещённом зале. Только Коля хотел пойти дальше, как из тележки послышался голос. Голос был механический, скучный.

— Груз — посылка — номер — двенадцать — три — робот-тележка — сорок — четыре — куда — ставить — груз — жду — информацию.

И тут же сверху раздался ответ:

— Робот-тележка — сорок — четыре — не — имею — информации — вашем — грузе — ожидайте — указаний — втором — грузовом — отсеке.

Тележка снова отправилась в путь. Пока что Коля не видел ничего интересного. Он даже не встретил ни одного человека. Из большого зала тележка переехала в другой, поменьше, где уже стояли какие-то ящики. Освещение там было поярче, и откуда-то дул прохладный сухой ветер.

Коля огляделся. Вроде бы из любопытства, а на самом деле его глаза искали место, где бы спрятаться. И поэтому, когда глаза нашли большую тёмную нишу между ящиками, Колина ноги, не спросив разрешения, тут же отправились в это тёмное место, а Колина голова в это время делала вид, что ничего не замечает. Поэтому можно сказать, что Коля очутился в тёмном промежутке между ящиками совершенно не по своей воле.

Он встал там и начал спорить сам с собой. Одна половина Коли требовала, чтобы он

немедленно отправился обратно, как только тележка сгрузит вазу, а другая и слышать об этом не хотела. Даже местным ребятам не удавалось пробраться на корабль, а он пробрался. А если кому-нибудь из ребят дома рассказать, что он был на космическом корабле, который собрался отчаливать на Марс, и ушёл оттуда только потому, что мама стала бы беспокоиться, то ребята лопнули бы от смеха. «Такой шанс больше не выпадет. Но ведь неизвестно, сколько лететь до Марса, — спорила первая половина. — Может, целый месяц. Так можно и от голода помереть». А вторая половина отвечала: «Ничего подобного. Как проголодаюсь, выйду отсюда, пойду на капитанский мостик и во всём признаюсь. Скажу, что я из Конотопа, хочу побывать на Марсе. Скажу, что я сирота и нет у меня никого, кто бы обо мне беспокоился. Не будут же они из-за меня целый корабль обратно поворачивать. Ну, а если повернут, то все равно я уже в космосе был. Первым из школы».

Пока Коля спорил с самим собой, он увидел удивительную картину.

Из широкого горла вазы показалась круглая человеческая голова. Голова была совершенно круглая и совершенно лысая. Голова огляделась и исчезла. Коля в первый раз за весь день испугался.

Голова появилась снова, потом толстые пальцы схватились за край вазы, и наружу с трудом выбрался человек, который был сделан из нескольких шаров. Голова — шар, пузо — шар, даже его руки были сделаны из шаров. Больше всего он был похож на перекормленного младенца. На нём был чёрный свитер, жёлтые штаны до колен, а на ногах крепкие башмаки.

Толстяк перевалился через край вазы и съехал на животе по её округлому боку. Тележка чуть качнулась и спросила:

— Что — такое — что — такое?

А голос из-под потолка ответил:

— Все — в — порядке — ожидайте — указаний — жду — информацию.

Толстяк постучал костяшками пальцев в бок вазы, и тут из горшка появилась вторая голова, очень худая, на тонкой шее и маленькая, как у первоклассника-отличника. Толстяк поднял руки и помог худенькому человеку спрыгнуть вниз.

Всё это было похоже на иллюстрацию к сказке «Али-баба и сорок разбойников». Там тоже разбойники прятались в горшках, только потом их уничтожили.

Толстый и худенький постояли немного на краю тележки, спрыгнули с неё и побежали именно к тому тёмному промежутку между ящиками, где прятался Коля. Коля быстро отполз назад и нашёл узкую щель между ящиками и стеной. Он втиснулся туда и замер, стараясь дышать беззвучно.

Вот так влип! Пока они не вылезут, ему тоже не вылезти. И понятное дело

— они тоже «зайцы» и тоже хотят улететь на Марс незаметно. Но когда так поступает человек, которому двенадцать лет, это ещё можно объяснить, особенно если он из другого времени. Но когда в «зайцы» идут взрослые, это объяснить труднее. Кроме того, Коля боялся этих людей — они ему не нравились.

Сверху раздался голос:

— Робот — тележка — сорок — четыре — груз — доставлен — сюда — по — ошибке — ваза — предназначена — для — подарка — на — альдебаран — верните — груз — на — главный — склад — как — понял — приём.

— Понял — хорошо, — ответила тележка. — Груз — изменил — вес — минус — сто — девяносто — три — килограмма — шестьсот — восемьдесят — два — грамма — возможна — потеря — в — пути — прошу — проверить.

Коля представил себе, как тележка елозит щупальцами по полу и ищет, не упало ли что-нибудь, а вокруг пусто. Сто девяносто три килограмма весили «зайцы».

— Вас — понял, — ответил голос сверху. — Доложу — диспетчеру — не — трогайтесь — с — места.

Совеем рядом с Колей в темноте зашевелились его соседи. Они шептались на каком-то непонятном языке, который состоял из одних согласных. Получалось примерно так:

— Кх-мишш-фрк-пш-крр, — шептал один голос, высокий и тонкий.

— Шшшпш-впрррр-кттттт-цц, — отвечал другой, глубокий.

«Ага, — подумал Коля, — засуетились, голубчики! Сейчас вас и поймают». Он совсем забыл о себе, ему почему-то очень хотелось, чтобы тем, другим, не дали улететь на Марс.

Снаружи слышались быстрые многочисленные шаги, словно в склад вбежал целый отряд карликов. Ага, наши, подумал Коля. Толстяк и худенький замолчали, затаились.

Шаги разбежались по всему складу, и вдруг пространство между ящиками ярко осветилось. Коля осторожно выглянул в щель между верхним и нижним ящиками и увидел, как в нишу, где прятались «зайцы», вбежали маленькие многоногие и многорукие роботы. «Зайцы» отпрянули к самой стене, и толстый попытался даже втиснуться в ту щель, где прятался Коля, но ему это не удалось. Когда Коля снова выглянул, он увидел, что его соседи отчаянно бьются, пытаются стряхнуть роботов, но те крепко вцепились в них и тянут на открытое место. Через минуту раздался механический голос тележки:

— Найдены — два — человека — спрятались — между — контейнерами — не — хотели — выходить.

Голос сверху сказал:

— Взвесьте — тех — кто — скрывался — сообщите — мне.

И тут Коля увидел, как маленькие роботы, приподняли людей в воздух.

Один голос сказал:

— Вес — моего — человека — сорок — три — килограмма — шестьсот — восемьдесят — два — грамма.

Второй голос сказал:

— Вес — моего — человека — сто — пятьдесят — килограммов — ровно.

Третий голос сказал:

— Сумма — веса — сто — девяносто — три — килограмма — шестьсот — восемьдесят — два — грамма — ровно.

Голос тележки сказал:

— Вес — соответствует — потере.

Голос сверху сказал:

— Задержите — людей — до — прихода — вахтенного.

На Колю никто и внимания не обращал. Он на тележках не ездил. Мелкие роботы продолжали держать толстяка и худенького над полом, как Геркулес Атласа, того греческого героя, который подпирает небо. «Зайцы» возмущались и перекликались на своём языке: «Кхрр! Пшшпвш!»

В помещение вошёл вахтенный. Он был в синем комбинезоне с кометой, вышитой на рукаве как раз над звёздочкой, такой же, как была у Коли.

— Отпустите людей, — сказал он.

Толстяк сел на пол, но худенький удержался на ногах.

— Это безобразие! — сказал толстяк. — Это даже издевательство! Какое вы имели

право напустить на нас этих уродов?

— Уж лучше я вас спрошу, что вы делали в грузовом складе, — ответил вахтенный. — И как вы сюда попали?

— Мы зашли, — сказал худенький, — полюбоваться на корабль.

«Он врёт!» — чуть было не крикнул Коля, но удержался. Сам-то он хорош, попал в компанию!

— И каким конкретно образом? — спросил вахтенный.

— Просто зашли, — сказал худенький.

— Я думаю, что вы приехали сюда в вазе, — сказал вахтенный.

— Ну, и что в этом такого? — возмутился толстяк. — Каждый ездит, в чём хочет.

— И куда вы направляетесь?

— Позвольте вам все объяснить, — сказал худенький, — чтобы не было недоразумений.

У моего друга на Плутоне живёт старушка мама. Ну подтверди же!

Толстяк сразу обмяк, всхлипнул и простонал:

— Да, меня на Плутоне ждёт старушка мама. У неё день рождения. Ей исполняется девяносто лет. Мама прислала мне вызов на Плутон, потому что невысказанно справиться день рождения без любимого сына.

— Вот видите, — сказал худенький, — как он переживает!

— Продолжайте, — сказал вахтенный.

«Неужели он им верит?» — удивился Коля.

— Вот мы и сели в вазу, — сказал толстый. — Потому что на вашем корабле нет места.

— И куда, вы думаете, идёт наш корабль?

— На Плутон.

— Вы ошиблись. Это почтовый корабль на Марс.

— О горе! — воскликнул толстяк. — Неужели такие ошибки ещё возможны на Земле?

Нас хотели отправить на Марс!

— Мы никуда не хотели вас отправить, — сказал вахтенный. — А пока что вы вообще останетесь на Земле. Не удивительно, если бы на корабль забрался какой-нибудь ребёнок, но, когда взрослые люди занимаются такими шутками, это по меньшей мере непонятно. Кстати, что делает на Плутоне ваша старенькая мама? Плутон — научная станция, а не санаторий.

— Его мама, — сказал худенький, — никакой не пенсионер. Она специалист по получению воды из вакуума.

— Ну, раз вы ошиблись кораблём, я сейчас попрошу роботов проводить вас до диспетчера космопорта, и он поможет вам купить билет на настоящий корабль и проследит, чтобы вы больше никого не обманывали. До свиданья. И считайте, что вам повезло: во время полёта этот склад закрывается герметически, и здесь все три дня стоит температура ноль градусов.

— Ой, как мы вам благодарны за спасение! — воскликнули хором «зайцы». — Мы вовек не забудем вашей доброты. И не беспокойте роботов, им надо трудиться. Мы сами вернёмся к вокзалу.

— Нет, что вы! — засмеялся вахтенный. — С роботами вы не заблудитесь. И я буду спокоен.

Коля из своего укрытия видел, как вахтенный проводил толстяка и худенького до выхода и остановился там, наблюдая, как они спускаются по сходням.

— Что там произошло? — услышал Коля другой голос.

К вахтенному подходил высокий космонавт, тот самый капитан Полосков, который подарил Коле звёздочку.

— Странная история, капитан, — ответил вахтенный. — Видите, как спешат через поле два человека?

— Вон те?

— Эти люди пробрались на корабль, спрятавшись в вазу, которая по ошибке попала к нам на борт.

— По ошибке?

— Да. Её должны были грузить на Плутон. Для Клуба отдыха учёных. И они тоже собирались на Плутон. Говорят, что у одного из них там живёт старушка мама, которой исполняется девяносто лет.

— Чепуха какая-то! — сказал капитан Полосков.

— И я так думаю.

— Что-то мне в них кажется знакомым. Будто я их видел. Но не могу вспомнить где. Кстати, не попал ли к нам ещё какой-нибудь «заяц». Ты проверял трюмы?

— Не беспокойтесь, капитан. Перед отлётом я пройду по всем трюмам с биоискателем, и ни одна мышь от меня не скроется.

— Ну хорошо, — сказал капитан. — Тогда пойдём на капитанский мостик и сообщим обо всём диспетчеру.

Космонавты ушли, и Коля понял, что больше ему оставаться на корабле нельзя ни минуты. И вообще пора домой.

Он осторожно выбрался из своего укрытия и сбежал по сходням. Притаившись неподалёку под тенью диска, Коля дождался робота-тележки и, скрываясь за ней, как за щитом, быстро добрался до вокзала.

Ему снова повезло. На поле у вокзала стояла большая толпа людей, которые кого-то встречали. Играл оркестр, и над толпой развевались плакаты:

«Добро пожаловать, Милена Митина!»

Со стороны большого голубого диска подлетел пузырь, и из него вышла красивая, немного курносая женщина, и все закричали:

— Ура! Добро пожаловать!

Коля тоже кричал «ура», чтобы не выделяться.

Женщина подошла к толпе и стала здороваться со встречающими. Так она дошла до Коли и протянула руку.

На Милене Митиной было длинное, как греческая туника, платье, которое немного искрилось.

— Да здравствует наша великая певица! — крикнул кто-то в толпе.

— Тебе нравится, как я пою, мальчик? — спросила она.

— Очень, — сказал Коля. — Я приехал из вашего родного города Конотопа, чтобы встретить вас.

— Но я никогда не была в Конотопе, — удивилась Милена Митина. — Я родилась в Костроме.

— Правильно, — сказал Коля. — Я историк и очень рассеянный. Я приехал из Костромы.

Другие люди уже тянули к Милене руки.

— Дайте мне автограф, — сказал Коля, который уже совсем успокоился и был рад, что выбрался с космического корабля.

— Мне нечем писать, — сказала Милена. — Но возьми это на память.

Она протянула Коле красиво отшлифованный круглый плоский камешек.

— Этот камень я нашла на берегу океана на планете Бруск, где я выступала с концертом.

— Спасибо, — сказал Коля.

Толпа подхватила Милену Митину и повлекла её к вокзалу. Коля шёл сзади, пряча в карман сувенир с планеты Бруск в неизвестном ему созвездии.

— Молодой человек, — остановила Колю взрослая девица в кимоно с журавлями, — давайте меняться. Я собираю все связанное с жизнью Милены Митиной. Что хотите за этот камень?

— Ничего, это подарок, — сказал Коля.

— Я вам дам звёздные часы, коллекцию марсианских марок, живого зигла...

— Нет, — отрезал Коля, — подарки мы не меняем.

Он прошёл в здание вокзала и через три минуты снова оказался на стоянке пузырей.

12. Пиратские неудачи

Если ты приехал ненадолго в чужой город, то за один день можно увидеть его улицы, даже с кем-то познакомиться, побывать в музее и так далее. Но вряд ли ты поймёшь, как живут там люди, какие у них заботы, беды и радости. Поэтому можно все неправильно понять.

Это если ты приедешь в другой город. А что, если приехать совсем в другой мир, как Коля?

Коля шёл и ехал по улицам, видел разные вещи, встречался с людьми и тут же расставался с ними. Кое-что он понял — не все же меняется за сто лет. Но многого Коля не увидел и не понял. Ему казалось, что через сто лет люди будут жить беззаботно и весело. Будут делать, что им интересно, ходить на маскарады, летать на крыльях и ездить на другие планеты. Но он не увидел ни трудностей, ни сложностей в жизни будущих людей. Так уж получилось. А и сложности и трудности, конечно, были. И другие, чем у нас, и совсем такие же. Конечно, никто Колю не обманывал, ничего не скрывал — ведь все принимали его за современника. Но за один день можно увидеть только то, что лежит сверху.

И нет ничего удивительного, что, когда Коля увидел в корабле толстяка и худенького, которые прятались за ящиками, он не понял, что это за люди. Правда, и молодой вахтенный начальник на корабле не догадался. А капитан Полосков встревожился, чуть было их не узнал, но они уже отошли далеко.

А видел их капитан Полосков всего два года назад, когда летал на корабле «Пегас» с экспедицией Московского зоопарка собирать редких зверей и птиц на других планетах. Кстати, в этой экспедиции была и девочка Алиса, которую взял с собой её отец, директор зоопарка.

Путешественникам пришлось пережить много приключений и столкнуться с одной неприятной компанией — космическими пиратами. Да и что в этом удивительного? Раньше, когда корабли были парусными, по морям и океанам плавали морские пираты. Со временем на Земле появились телефоны, радио, быстроходные корабли и самолёты, пиратам

стало негде скрываться, спастись от погони, и на Земле они перевелись. Другое дело в космосе. Галактику можно сравнить с океаном, только она в миллионы раз больше. Как острова, по ней разбросаны планеты, как архипелаги — созвездия. А всё остальное — пустыня, по которой плывут космические корабли.

Разные живут в Галактике народы. Как когда-то на Земле, здесь рядом живут и передовые народы и отсталые, и даже дикари. Есть даже в Галактике и такие планеты, жители которых ещё не представляют, как можно не воевать.

Этим и пользуются космические пираты. Им нужны деньги и драгоценности, роскошь и развлечения. Но больше всего — власть над миром. Одно время такие пираты были сущим бедствием, но в один прекрасный день Галактике это надоело. Её жители занялись этим делом всерьёз.

Все планеты Галактического союза объединили свои усилия, специально построили несколько быстроходных крейсеров, и началась война с пиратством. Через несколько месяцев почти всех пиратов переловили, нашли их базы и даже вернули хозяевам кое-какое добро. Но несколько самых изощрённых и хитрых космических разбойников затаились. И среди них было два известных бандита. Одного звали Весельчак У. Он был толст, словно сложен из жировых шаров. На первый взгляд мог показаться добрым и разговорчивым толстяком, но это была бы роковая ошибка. Никто, даже самые близкие друзья не могли доверять Весельчаку У. Он даже родную мать продал в рабство на одну отсталую планету. Правда, это было в самом начале его карьеры, и потом, когда он разбогател, то вспомнил о маме и полетел на ту планету, чтобы выкупить её обратно. Но оказалось, что мама к тому времени сама выкупила себя из рабства, стала королевой княжества Муравьиного Холма и встретила любимого сына так, что он и его корабль еле ноги унесли.

Весельчак У считал себя великим хитрецом. А если перехитрить было некого, то он садился сам с собой играть в карты и сам себя обыгрывал, при этом отчаянно жулил.

Совсем другим был его друг Крысс с мёртвой планеты Крокрыс. Крокрысы всегда воевали, даже не знали другого занятия. Они воевали до тех пор, пока не перебили друг друга, последние из них скрываются в тёмных подземельях. Крыссу надоело бегать по подземельям, и он ушёл в пираты. Из него получился самый холодный и жестокий негодяй в Галактике.

Крысс с Крокрыса всегда в синтетической оболочке. Чаще всего он любит изображать из себя маленького, худенького, печального человека. А под этой оболочкой скрывается насекомое с мохнатыми ногами, круглым тельцем и острыми тонкими клешнями. На спине у него небольшие крылья, но летает он плохо. Крылья нужны крысам для того, чтобы жужжать и оглушать противника. Кроме того, у Крысса есть хвост с ядовитым жалом на конце. Правда, этот яд действует только на других крысов.

Когда почти всех пиратов переловили, эти два бандита объединили усилия, хотя прежде враждовали. С тех пор вот уже пять лет они вместе шастают по Галактике. Им приходится таиться. Ещё недавно у них был свой корабль и несколько подручных, но, когда экспедиция на «Пегасе» с помощью трех капитанов победила их, пираты совсем оскудели. От правосудия им удалось сбежать, но пришлось два года прятаться по дальним планетам. С отчаяния они бросились за поддержкой к маме Весельчака У, но той не нужен был сын-неудачник, и она их выгнала.

И надо же было так случиться, что Коля, попав в будущее на один день, встретился именно с Весельчаком У и Крыссом, хотя, конечно, и не подозревал, что у них такая бурная

биография.

Пираты прилетели на Землю утром и не рассчитывали задержаться здесь надолго. Они опасались, что на Земле их сразу поймают, а им нужно было найти какой-нибудь корабль, который отвёз бы их на Плутон. На Плуtone работала небольшая экспедиция, и вскоре оттуда должен был отправиться на землю корабль, гружённый золотом. Ведь известно, что на Плуtone золота больше, чем гранита.

Все им удалось, и, если бы не ошибка вычислительной машины, они улетели бы на Плутон, захватили корабль и умчались бы в космос с грузом золота. А может, им это и не удалось бы. Неизвестно. Но когда они влезли в вазу, то тележка передала её вес на диспетчерский пункт. А вес оказался на сто девяносто три килограмма больше нормы. Диспетчерская проверила по спискам и нашла, что такой вес у одного контейнера, который должен быть отправлен на Марс, и послала тележку на марсианский корабль. Пираты не учли этой детали и проиграли.

Разоблачённые «зайцы» сумели затеряться в толпе поклонников великой певицы Милены Митиной. Они решили укрыться в городе до завтра, а потом, когда все утихнет, вернуться на космодром. Но сначала надо было замаскироваться.

Стоило им оказаться внутри здания, как Весельчак У подал условный сигнал, и пираты скрылись за рядом автоматов, выдающих леденцы для тех, кого укачивает в космосе.

Все вокруг были заняты своими делами. Пираты немного отдышались — ведь всего две минуты назад они думали, что их песенка спета, — потом Крысс достал из кармана небольшую палочку. Стоило нажать на её конец, как из палочки вытянулась длинная, метров в тридцать, почти невидимая проволока с коготками на хвосте. На самом деле это была не проволока, а валапасский уж — странное создание, обитающее в кустах одной безымянной планеты. Обычно этот уж лежит в подземной норе, но стоит пройти неподалёку какому-нибудь животному, как уж в мгновение ока распрямляется и, как стрела, вонзается в него. Ужу много не нужно. Он довольствуется малым — вырвет шерсти клочок или перо, сам он питается комарами. Остальная добыча нужна для гнезда, в котором спит его подруга. А подруги у валапасских ужей — толстые змеи размером с анаконду, им требуется мягкая подстилка. Поэтому уж и обирает прохожих — старается для семьи. Такого ужа Крысс давно приспособил для мелких краж и всегда таскал с собой. Вот и на этот раз валапасский уж пригодился. Группа туристов окружила гида, слышался смех. И никто не заметил, как тонкая полупрозрачная нить протянулась к вещам. Сначала коготки схватили широкую тонкую голубую накидку, и она, словно скат по дну залива, умчалась к автоматам. Рассеянный доцент Спусси-ва-пус-ва-пас-ва-пос, похожий на синюю лошадь в аквариуме, который прямо со стадиона поспешил на космодром, чтобы не пропустить рейс, увидел, как по полу скользит голубая накидка. Он решил, что это не накидка, а какой-то инопланетный гость, только похожий на голубую накидку. Поэтому доцент Спусси-ва-пус-ва-пас-ва-пос извинился и подпрыгнул, чтобы не наступить на незнакомца, вода в его аквариуме заволновалась и плеснула на пол. Доцент сказал:

— Простите, я на вас брызнул.

Но накидка уже скрылась за автоматами.

— Ну вот, синяя кобыла, — обругал доцента хмурый Крысс. — Придётся тебе, Весельчак У, ходить под этой накидкой. Мне нельзя, я простужусь, у меня слабые суставы.

— А мне хочется простужаться? — удивился Весельчак У. — Кроме того, мне эта накидка мала. Утащи для меня сомбреро.

Сомбреро принадлежало мексиканскому туристу, оно висело у него за спиной на тесёмочках, завязанных под горлом.

Крысс снова запустил валапасского ужа, и тот вцепился в сомбреро мёртвой хваткой. Крысс дёрнул ужа за хвост, а уж дёрнул туриста за шляпу. Тесёмочка развязалась, турист не удержался на ногах и шлёпнулся на пол. Сомбреро быстро поползло к автоматам, а в это время возвращался доцент Спусси-ва-пус-ва-пас-ва-пос. Он увидел, что на него быстро ползёт какой-то другой, круглый пришелец. Он подпрыгнул, чтобы на него не наступить, обрызгал его водой из аквариума и сказал:

— Извините, я такой рассеянный!

А в ответ из-за автомата послышалось страшное проклятие на космическом жаргоне. Такое страшное, что синяя лошадь в аквариуме заткнула уши и покраснела. Доцент не знал, что пираты страшно боятся простуды.

Мексиканский турист вскочил, стал искать сомбреро, но его и след простыл. Турист заявил в бюро находок, что его сомбреро убежало. А тем временем из-за автоматов вышел толстый человек в сомбреро, надвинутом на глаза, а за ним спешил другой человек, закутанный в мокрую голубую накидку так, что наружу торчал только острый нос. Человек в накидке оглушительно чихал.

Пираты выскользнули на стоянку пузырей вскоре после Коли, быстро забрались в двойной пузырь и помчались подалее от космодрома.

— Где пересидим? — спросил Весельчак У. — Славно мы их надули! — и он расхохотался.

— Шш! — ответил Крысс. — Диспетчерская может подслушать.

— На Земле диспетчерская не подслушивает разговоров. Тем более, что мы говорим на пиратском языке.

— Все равно, попрошу шёпотом.

— Куда же мы теперь?

Крысс изучал надписи под кнопками. Надписей было больше ста, но все они не устраивали пиратов.

— Вот! — прошипел Крысс. — Вот сюда мы и отправимся. Может, даже какую-нибудь выгоду найдём. Там нас никто не догадается искать.

Его тонкий синтетический палец, скрывавший коготь, упёрся в кнопку, под которой было написано:

«КОСМОЗО»

А в это время Коля уже летел к Москве. Он направлялся к проспекту Мира, откуда на третьем автобусе собирался вернуться к Гоголевскому бульвару и потом к Институту времени.

Всё было бы хорошо, даже с Миленой Митиной познакомился, только клонило ко сну. Наверно, все ещё действовало мороженое с лимонадом и бутербродами. А может, устал человек.

Путешествие было спокойное, правил движения Коля не нарушал. Он вынул из кармана камень, подаренный великой певицей. Камень красиво отсвечивал на солнце. Было тепло и уютно. Коля положил камень обратно в карман и решил, что, пока суть да дело, он закроет глаза и немного подумает о разных вещах. Он закрыл глаза, но ни о чём не успел подумать,

потому что заснул.

Во сне он наклонился вперёд, положил голову на руки, а локтем нечаянно нажал на кнопку с надписью «Космозо».

13. Посетитель космозо

Пузырь долетел до перекрёстка, свернул на боковую улицу и помчался в сторону от проспекта Мира, к центру, туда, где в Колины времена был зоопарк. Потом зоопарк перевели на новое место, где зверям и птицам было свободно, а на месте старого сделали сад для прогулок. Когда люди начали летать на другие планеты и привозить оттуда необыкновенных животных, решено было сделать специальный космический зверинец. И для него выбрали старое, привычное место.

Ничего этого Коля, конечно, не знал. Он мирно спал, полагая, что его путешествие близится к концу.

Но не тут-то было.

— Молодой человек! — услышал Коля громкий голос. — Первый раз вижу, чтобы пузырь использовали как спальню!

Коля сразу проснулся, вскочил и ударился головой о крышу пузыря.

— Что такое? — спросил он, забыв, где находится.

Перед пузырём стоял Электрон Степанович, враг современной техники, сторонник возвращения к природе, а по совместительству мастер по новой технике в Космическом зоопарке.

— Я ничего не сделал, — сказал Коля. — Я сейчас домой пойду.

— А я думал, что ты приехал мороженое со мной есть, — сказал Электрон Степанович.

Он успел переодеться, и теперь на нём был рабочий зелёный комбинезон с нарисованными на нём берёзами. И это было сделано так натурально, что казалось, что у Электрона вместо ног берёзовые стволы. Зрелище было необычное, Коля сидел, моргал глазами, и тогда Электрон Степанович быстро сбегал к столбику-автомату, получил две порции мороженого и принёс их к пузырю.

— На, — сказал он, — съешь, и все образуется. Попробуй морковно-лимонного. Такого больше во всей Москве не същешь.

Коля к этому времени сообразил, что к чему, вылез из пузыря и, хотя, честно говоря, мороженого ему не хотелось, один из стаканчиков взял, чтобы не обижать пожилого человека.

Тут Коля понял, что попал не на проспект Мира. Сзади и сбоку поднимались высокие коралловые и обычные дома, а прямо перед ним были ворота в виде дикой скалы с пещерой внизу. За скалой виднелись крыши и купола каких-то строений, вершины деревьев, а в пещеру непрерывно входили люди самого различного возраста.

— Что это? — спросил Коля, без удовольствия глотая мороженое.

— Не знаешь?

Электрон Степанович так удивился, что поперхнулся своим морковно-лимонным. Коле пришлось стать на цыпочки и как следует ударить мастера по спине.

— Я из Конотопа, — сказал Коля. — Я здесь не был.

— Не может быть! — воскликнул Электрон Степанович. — Ты первый человек на Земле, который задаёт такой вопрос.

— И всё-таки? — Коля не опасался Электрона, который ничуть не задавался своим возрастом или жизненным опытом.

— Всё-таки это Космозо.

— Чего?

— Ко-смо-зо. Космический зоопарк.

И в этот момент над скалой вспыхнули красные буквы:

«КОСМОЗО»

И погасли.

— Ну и дела! — сказал Коля и чуть не выронил мороженое.

Ехал на проспект Мира, а попал в Космический зоопарк! И если бы не случайность, так бы и отправился обратно, не увидев. Нет, Коле явно везёт.

— Тогда я пошёл, — сказал Коля.

— Куда?

— В Космозо. Вы что думаете, я прошу себе, если уеду, не поглядев на Космозо?

— Нет, не простишь, — согласился Электрон. — Вообще-то говоря, я собирался домой пойти, но раз такое дело, погуляем вместе. Мне даже интересно посмотреть на человека, который никогда здесь не был.

— Да вы не беспокойтесь, — сказал Коля.

— Не спорь. Это будет двойной Космозо. Ты будешь смотреть на животных, а я буду смотреть на тебя, как ты смотришь на животных.

И они вместе вошли в пещеру, которая была входом в Космозо.

Вход был сделан так не случайно. Точно такую же пещеру нашли как-то в открытом космосе пилоты корабля «Стожары». Пещера неслась между звёзд, и в ней, словно разноцветные светлячки, резвились самые маленькие из известных по Вселенной птиц — по полсантиметра длиной, включая хвост, но удивительных расцветок, причём нельзя отыскать ни одной птицы, похожей на другую. Пещеру как есть отбуксировали на Землю и поместили в Космозо. А раз птицы могли жить только в вакууме, то внутри пещеры проложили прозрачный туннель для посетителей.

В туннеле было полутемно, и Коля сначала даже не понял, что же творится за стеклянными стенами: словно тысячи разноцветных искр роились там, складывались в причудливые узоры, разлетались взрывами, выстраивались в цепочки, кольца и даже треугольники. На Земле птицы чувствовали себя хорошо и размножались в своё удовольствие. Их уже развезли по всем зоопаркам мира, а некоторые любители держали их дома в вакуумных колбах.

Полюбовавшись на птиц, Коля со своим спутником прошли дальше, на широкую площадку. Слева был большой пруд. Там плавали птицы, которые могли жить на открытом воздухе. Правда, у некоторых были подстрижены маховые перья, чтобы не улетели.

— Обрати внимание, — сказал Электрон Степанович. — Видишь серых птиц вон там, у берега?

— Утки, что ли?

— Как ты не наблюдателен! Присмотрись.

Клюв на месте, крылья на месте, хвост на месте — ничего особенного. И вдруг одна из птиц перевернулась, и оказалось, что снизу у неё вместо ног точно такое же туловище с

крыльями и головой.

— Это ещё зачем? — не понял Коля.

— Очень разумная выдумка эволюции, — сказал Электрон. — Одна половина отдыхает, дышит воздухом, вторая в это время ищет в воде червяков и мальков. Потом они меняются ролями. И ещё их очень выгодно разводить в прудовых хозяйствах. Мяса в них вдвое больше, чем в обычных утках, и яиц они несут вдвое больше.

Посреди пруда вынырнуло что-то большое, чёрное и блестящее. Потом перед этой тушей поднялась маленькая голова на змеиной шее длиной метров в десять. Это был самый настоящий ископаемый динозавр.

— Ведь они же давным-давно вымерли! — воскликнул Коля.

— Вообще-то да. Но несколько лет назад учёные нашли в вечной мерзлоте яйцо, и им удалось вывести из него бронтозавренок. Он вырос и стал ручным.

— А зачем же его в Космозо держат, если он земной?

— Но в обычном зоопарке его тоже трудно держать, ведь динозавры на Земле уже много миллионов лет не водятся.

— Скучно ему, наверно, у вас, — сказал Коля. — Совершенное одиночество.

— Как сказать... У Бронти есть друзья. Вот посмотри.

Коля увидел, что на дальнем берегу пруда показалась девочка в красном комбинезоне. Она была светловолосая, коротко подстриженная и вряд ли намного старше Коли. Девочка подняла руку и что-то крикнула.

— Как её туда пустили? — спросил Коля.

— Это Алиса. Она старый Бронтин друг. Они познакомились, когда Бронтя был ещё маленьким.

— Все равно опасно пускать, — сказал Коля, глядя, как бронтозавр тянет свою немислимо длинную шею к девочке на берегу и она его чем-то кормит. — Он же нечаянно может её проглотить.

— Не проглотит, — сказал Электрон Степанович. — Он ручной.

Коля, затаив дыхание, смотрел, как динозавр медленно подплыл к самому берегу, положил голову у ног девочки, а та присела на корточки и стала чесать ему там, где у зверей положено быть уху. Есть ли ухо у динозавра, Коля не знал, а издали не разглядишь.

— Пошли, пошли дальше, — сказал Электрон. — Если хочешь, я тебя потом с Алисой познакомлю.

«Алиса... Алиса», — подумал Коля. Имя было знакомо. Может, эту Алису ждали ребята на Гоголевском бульваре?

— А она в космос летала? — спросил Коля.

— Да. И не раз. Она уже более-менее известный космобиолог.

— Скажете тоже! — не поверил Коля. — Она же ребёнок.

— Сам ты ребёнок! Не все ли равно, сколько лет человеку, если он знает своё дело?

Раньше бы Коля сам обеими руками подписался под этими мудрыми словами. Он не раз доказывал своим родителям и даже учителям, что возраст не играет роли и взрослые не имеют права щеголять своими сединами. Но взрослые в лучшем случае посмеивались, а в худшем начинали возмущаться и считать Колю нахалом. Но сейчас в Коле взбурлило чувство противоречия. Это с ним случилось.

— Рано ей ещё биологией заниматься, — проворчал он. — Вот подрастёт, может, ещё захочет пожарником стать. Или в куклы играть.

— Значит, не хочешь знакомиться?

— И не подумаю.

— Ну, как знаешь, — сказал Электрон. — Хочешь на говоруна посмотреть?

— Это что ещё за говорун?

— Его Алиса привезла. Он запоминает все, что при нём говорят. У него исключительная память. Знает восемнадцать космических языков.

Коля пожал плечами. Вообще-то интересно, но он не хотел этого показывать, тем более что говоруна привезла Алиса. Ну и что такого? Если бы Коле повезло и он родился на сто лет попозже, он тоже привозил бы из космоса говорунов. У него все впереди. Это он будет строить те корабли, на которых полетит Алиса. Это он, когда вырастет, первым сойдёт на землю далёкой планеты. Было бы свободное время, ну, хотя бы денька два, Коля не пожалел бы времени, отыскал самого себя. Не исключено, что он ещё жив — ведь жив же его ровесник старик Павел.

— Ты о чём задумался? — спросил Электрон Степанович.

— Ни о чём, — сказал Коля. — Ну, где ваш говорун?

Говорун сидел под стеклянным колпаком высотой с дом. Дверь в колпаке была распахнута, чтобы говоруну выходить наружу.

Он был похож на большого белого попугая. На голове — корона и два клюва вместо ушей, а одно ухо — вместо клюва.

Перед говоруном стояли толпой зрители и разговаривали с ним.

— Расскажи что-нибудь о трех капитанах, — попросила бабуся с маленьким внуком, который держался за её руку и сосал длиннющий леденец.

«— Будь прост с людьми, но не запанибрата, — ответил ей говорун. — Проверенных и лучших из друзей Приковывай стальными обручами.

Но до мозолей рук не натирай Пожатыями со встречными...

Шекспир, „Гамлет“. Слова эти принадлежат Полонию и сказаны им в назидание его сыну Лаэрту. Как вам нравится такая постановка вопроса, сударыня? Я много думал об этом последнее время.»

— Нет, он сегодня не в настроении, — сказала бабуся. — Пойдём, Ванечка, покатаемся на склиссе.

— Не хочу на склиссе! — заревел вдруг малолетка, выплёвывая леденец на землю. — Хочу марсианского богомола!

— Не поднимайте шума, — сказал второй клюв говоруна. — Нас могут услышать пираты.

А первый клюв другим голосом произнёс:

— Кхрр, ппшщ, брщ, пришшврх.

Где же Коля слышал этот голос? Совсем недавно.

Второй клюв расхохотался.

Конечно же, в марсианском почтовом корабле! Так разговаривали «зайцы».

— Что это? — спросил Коля Электрона. — Кому он подражает?

— Космическим пиратам, — сказала бабуся, уводя ревущего младенца. — Я часто его слушаю.

— Нет, — возразил Электрон, — это крик кледианской совы. Я тут работаю и тоже часто слышу.

У Коли было своё мнение на этот счёт, но он не стал им делиться.

Говорун задремал. Электрон повёл Колю дальше.

— Может, по мороженому, а? — спросил Электрон, увидев столбики-автоматы. Мороженое было слабым местом этого в остальном вполне взрослого человека.

— Если вам хочется, поешьте, — сказал Коля. — Я сыт.

«Наверно, теперь два года не буду мороженое есть», — подумал Коля.

— Тогда садись на лавочку, подожди меня.

Коля сел на мягкий диван. Электрон начал колдовать над столбиком, выбирая какое-то экзотическое мороженое, а Коля смотрел по сторонам. Напротив него росла пальма, на ней раскачивался совершенно голубой медведь с шестью лапами. Дальше виднелся аквариум, в котором быстро плавали друг за дружкой оранжевые змеи. За спиной, в кустах, послышалось шуршание. Коля обернулся. Никого.

Вернулся Электрон и уселся рядом.

— Редчайший вид мороженого, — сказал он, — из берёзовых почек. Ты бы хоть понюхал.

Коля послушно понюхал. Мороженое пахло берёзовыми почками. Но от этого аппетит в Коле не пробудился. А когда он отодвинулся, чтобы Электрон мог заняться своим лакомством, за спиной вновь послышалось шуршание, и вдруг над Колиным плечом протянулась зелёная лохматая рука, которая схватила стаканчик с мороженым и попыталась отнять.

Тут Колины нервы не выдержали. Он вскрикнул и отпрыгнул от скамейки метра на три. Рука принадлежала хищному растению. Оказалось, ожил один из кустов за скамейкой.

Электрон спокойно отвёл зелёную ветвь и, когда вслед за ней протянулась и вторая, сказал строго:

— Перестань хулиганить! Простудишься. А то все ветви оборву. А ты, Коля, возвращайся и не пугайся. Это кустики. Они совершенно безобидные, только лакомки. Их здесь, в зоопарке, избаловали. Их из космоса привезли на «Пегасе» Алиса с Полосковым. Они на своей планете от источника к источнику в засуху бродят.

Коля с некоторой опаской вернулся к скамейке. Конечно, мужчина не имеет права показывать страх даже перед кустиками, которые хотят украсть мороженое. Но всё-таки...

Электрон подобрал со скамейки упавший на неё листочек от кустика и сказал Коле:

— Возьми себе на память. Будет о чём дома вспомнить.

Коля, стараясь не смотреть на кусты, которые все равно не внушали доверия, сунул листочек в карман.

— Электрон Степанович! — сказал высокий, чуть сутулый мужчина с редкими светлыми волосами. — Я был уверен, что вы домой ушли.

— Я ушёл, — сказал Электрон, — и вернулся провести экскурсию с молодым человеком, который никогда ещё не был в нашем Космозо.

— Я надеюсь, ваш юный друг не обидится, если вы дойдёте со мной до питательного пункта и поглядите, почему система отправила в драконий городок весь запас конопляного семени. Или теперь драконы предпочитают коноплю честной говядине?

— Не может быть! — воскликнул Электрон, поднимаясь на свои берёзовые стволы. — Я ещё вчера всю систему проверял. Конопля шла в малый птичник, а говядина — к драконам. Ты подожди меня, Коля, погуляй.

— А то как-то глупо получается, — сказал мужчина. — Только что установили новую систему, отладили, я собрался сегодня со спокойным сердцем улететь на конференцию...

— Вот видите, профессор Селезнев! — сказал Электрон. — Я всегда критически отношусь к новой технике. Раздавали бы пищу, как раньше, в древние времена, с помощью роботов, никаких бы курьёзов. А что, драконы едят конопляное семя?

— Проголодались и едят.

Коля хотел было поправить Электрона, сказать ему, что в древние времена зверей кормили не роботы, а живые служители, но Электрон уже продолжал:

— Ты, Коля, погуляй пока сам, а мы с директором посмотрим систему. Может, она не сломалась, а просто считает, что экономнее сделать из драконов вегетарианцев.

Электрон с профессором Селезнёвым пошли прочь, и Коля услышал, как директор зоопарка спросил:

— А вы Алису случайно не видели? Я с ней даже попрощаться не успел.

— Ваша дочка только что была у пруда, — ответил мастер по новой технике. — С Бронтей разговаривала...

«Интересно, на скольких планетах побывал этот профессор? — подумал Коля. — Может быть, на сотне или ещё больше. Счастливый человек! Не исключено, что я стану не просто космонавтом, а космическим зоологом. Такие люди тоже будут нужны».

Как только профессор с мастером скрылись из глаз, Коля поднялся со скамейки. Сидеть одному в обществе жадных кустиков ему не хотелось.

Он постоял перед аквариумом, глядя на стайку космических окуней, которые отличались от обыкновенных только тем, что глаза у них были на хвосте и поэтому, пlying, они виляли головой. Потом вышел на зелёную поляну. На ней паслись коровы. Рядом с одной из коров стояла бабуся с младенцем. Она посадила младенца на корову, и Коле показалось странным такое развлечение. Но тут корова распустила небольшие перепончатые крылья и неуклюже полетела над самой землёй. Другие коровы подняли головы, наблюдая за ней, потом отвернулись. У поляны на столбике была надпись: «Склизсы. Сумчатые парнокопытные с планеты Шешинера».

Бабуся бежала рядом с коровой и поддерживала малыша, который наконец-то рассмеялся.

Потом Коля остановился перед площадкой, на которой гуляли метровые насекомые, похожие на богомолов. Насекомые иногда встречались друг с дружкой, поднимали маленькие передние лапки и долго ощупывали встречного.

Мимо прошла девочка Алиса в красном комбинезоне. Через плечо у неё висела чёрная сумка. Один из богомолов, увидев её, поднялся на задние тонкие лапы и протянул передние вверх, словно молился. Алиса помахала ему рукой, но не остановилась. Коля пошёл за Алисой.

14. Береги миелофон

Если бы кто-нибудь сказал сейчас Коле, что он Алисе завидует, Коля бы возмутился. Чего там завидовать? Она просто опоздала родиться. Вот Коля родился вовремя да ещё в будущем побывал. Он как разведчик в дальнем походе. Слетал вперёд, поглядел, как дела, потом вернётся обратно и вместе со всеми продолжит путь пешком. Вот так-то. И всё-таки он, конечно, Алисе немного завидовал. Уж очень много интересного ей довелось увидеть. И приключения у неё были не чета обыкновенным. И вообще когда он её разглядел поближе, она ему понравилась. Как личность. И Коля пошёл вслед за Алисой. Интересно поглядеть,

что она будет делать. Может, её ждёт ещё один динозавр?

Но оказалось, что Алиса направляется к зданию, на котором было написано «Вычислительный центр». Но войти туда она не успела. Навстречу ей вышел директор зоопарка профессор Селезнев. Отец с дочерью встретились в десяти шагах от Коли, и поэтому он слышал каждое слово из их разговора, но чтобы они не думали, что он подслушивает, Коля отвернулся к клетке, по которой бегал кругами мрачный рогатый волк, покрытый железной чешуёй.

— Еле нашла тебя, отец, — сказала Алиса. — Все в порядке. Уезжаешь?

— Да. Через две недели вернусь.

— Если там маму увидишь, скажи, что я прочитала все книжки, которые она мне оставила. Приедет — поспорим.

— А что, не понравились?

— По-разному. Жалко тратить время на беллетристику.

— Ты знаешь, я тебе в этом не союзник, — сказал профессор Селезнев. — Я боюсь, как бы ты не выросла сухим и скучным человеком. Мне кажется, что ещё года два назад ты была куда веселее и твоей любимой книжкой были «Три мушкетёра».

— А также «Космическая зоология».

— Хорошо. Смотри не забывай завтракать.

— Я бы забывала, но робот Гришка никогда не позволит. А если захочу пообедать, поеду к бабушке с дедушкой. У них не поголодаешь.

— Да, кстати, ты опять брала миелофон? Ты же знаешь, что это не игрушка. А что, если заболит кто-то из животных?

— А разве я играю?

— Алиса, пойми меня правильно. На всей Земле есть только двадцать миелофонов. Они распределены между крупнейшими институтами и медицинскими центрами. Кристалл в центре миелофона настолько редок, что за последние годы восемь экспедиций обшарили астероид Власту и нашли только двадцать шесть...

— Папа, ты решил мне лекцию читать? — удивилась Алиса. — Я это отлично знаю. И обещаю тебе: сегодня же, как только кончу опыт с пустотелом, верну его в клинику. Ты же знаешь, моё слово твёрдое. А что, если всё-таки пустотелы немного думают? Именно когда цветут?

— Может быть, ты права. Ну ладно, я поехал. И не забывай бабушку с дедушкой. Они же без тебя скучают.

Алиса с отцом поцеловались и разошлись.

Коля хотел было последовать за Алисой, как вдруг увидел двух человек, сидевших в тени на мягкой лавочке. Один из них как будто дремал, опустив на глаза широкополую шляпу сомбреро. Второй, вдвое меньше его ростом и втрое тоньше, закутанный в голубую накидку, так что наружу торчали только нос и глаза, почувствовал взгляд Коли и отвернулся.

Коля мог бы поклясться, что это те же люди, которые вылезли на вазы в марсианском корабле. Правда, он не был уверен на сто процентов, потому что они были замаскированы, а в марсианском корабле было довольно темно, но если это они — что они здесь делают?

Маленький толкнул большого в бок и что-то сказал. Они тут же поднялись и быстро зашагали прочь. В ту же сторону, куда ушла Алиса.

Коля подумал, что эти люди тоже слышали разговор между Алисой и её отцом, но не это его беспокоило. Что из того, что эти люди ему не понравились? Может быть, в самом

деле у маленького есть на Плутоне мать, которая ждёт его к дню рождения, а сын не смог достать билет? Может быть, говорун в самом деле подражал крику кледианской совы, а не пиратам. Думая так, Коля пошёл за теми людьми, потому что они ему не нравились. Не нравились, и все тут.

Далеко впереди Коля увидел красный комбинезон Алисы. Она вошла в дверь высокого кораллового строения. А через минуту оба «зайца», в сомбреро и в накидке, тоже скрылись в этом строении.

Коля не стал раздумывать. Он поспешил к строению и вбежал внутрь.

Строение оказалось террариумом. Высокий узкий коридор вёл между стеклянных стен, за которыми виднелись всякие гады. Но Коля не обращал на них внимания. Даже не отшатнулся, когда одна змея прыгнула к стеклу и попыталась его прокусить. Она ударилась о стекло рогатой блестящей мордой, сверкнула ядовитыми зубами, и мутный яд потёк по стеклу.

В террариуме было пусто. Вдруг Коля замер. Впереди маячили толстяк и худенький. Коля прижался к стене, которая в этом месте немного выдавалась в коридор. Толстяк оглянулся, но его не заметил. И оба скользнули за угол.

Впереди коридор вливался в большой зал.

Коля добежал на цыпочках до входа в зал и выглянул, прижимаясь к стене.

Зал был обширный, круглый, с куполом. Посреди зала возвышался пологий холм. То, что лежало на холме, больше всего было похоже на отрезок бетонной трубы метра в три диаметром, с толстыми стенками. Из таких труб, только потоньше, складывают газопроводы.

Снаружи труба была покрыта зелёным мхом, из которого выростали мелкие цветочки, похожие на незабудки. Изнутри стенки были гладкие и блестящие.

Алиса стояла внутри этой трубы, чёрная сумка была раскрыта, из неё тянулся проводок к уху Алисы.

— Слушай, пустотел, — говорила Алиса, и её голос отдавался в трубе, — я все равно подозреваю, что ты думаешь. Только не знаю, на какой частоте. Ну подскажи!

Алиса наклонилась к сумочке и что-то там настраивала.

Коля оглянулся, не понимая, куда девались толстяк с худеньким. Сначала он их не нашёл, но потом толстяка выдал край широкой шляпы. Оказывается, они зашли за холм и затаились там.

Коля не сомневался, что Алисе грозит опасность. Он увидел, как шляпа медленно приподнимается, как второй человек на корточках побежал вокруг холма и его голова в накидке показалась в дальнем конце пустотела.

И тогда Коля не выдержал и закричал:

— Алиса! Сзади!

Голова в накидке исчезла. Толстяк, потеряв шляпу, бросился к заднему выходу из зала.

— Что такое? — спросила Алиса.

Она обернулась и никого не увидела. Она легко выпрыгнула из трубы. На полу валялось мексиканское сомбреро.

А Коля уже мчался по коридору к выходу. Главное — он их спугнул. Но ему не хотелось, чтоб Алиса его увидела и начала спрашивать, почему он кричал. Так просто. Захотелось и крикнул.

Коля думал, что Алиса будет за ним гнаться и поэтому в несколько прыжков пересёк

площадку перед террариумом и побежал по узкой аллее.

— Ты куда?

Коля попытался обойти человека, вставшего на пути, но тот крепко схватил его. Коля увидел два берёзовых ствола, поднял голову и узнал Электрона.

— Я тебя по всему Космосу ищу, а ты?

— Что я? Я тоже вас искал.

— Может, ты чего испугался?

— Я испугался? Просто мне домой пора.

— А ещё по мороженому не хочется?

— Нет, спасибо.

— А тебе далеко домой добираться?

— Больше часа, — сказал Коля.

— Ну, давай присядем. Отдышишься. А то на тебе лица нет.

Коля не стал спорить. Он был рад старому знакомому. Только спросил:

— А сколько времени?

— Шестой час.

— С ума сойти, как время бежит! — сказал Коля.

Они сели рядышком. Коля подумал, что может кое-что узнать у Электрона.

— Как там ваша пищевая система? — спросил Коля. — Перестала драконов коноплей кормить?

Коля всё время вглядывался в просвет между кустами бамбука, чтобы видеть, что происходит на площадке перед террариумом. Но там, если не считать редких прохожих, ничего не происходило. Ни толстяка с худым, ни Алисы не было видно.

— Глупейшая ошибка, — сказал Электрон. — Ни один элементарный робот такой не совершил бы, не говоря уж о человеке. Для машины что мясо, что конопля — не больше как набор знаков. Нет, этот производ надо ограничивать...

— А что это за машина такая — миелофон? — спросил Коля. — Тоже из новых?

— Миелофон? Нет, её уже несколько лет, как изобрели. Но, наверно, миелофоны скоро кончатся.

— Почему? Разве так бывает?

— Такой исключительный случай. Ведь сам аппарат никакого нового слова в технике не сказал. Просто электронный усилитель с приёмником. Главное в нём

— кристалл. А пока что эти кристаллы нашли только на астероиде Власта; совсем маленький это астероид, примчался откуда-то из другой Галактики миллион лет назад, попал в орбиту Солнца, вот и крутится с тех пор. И всего пока что этих кристаллов обнаружили штук двадцать или чуть больше. Некоторые думают, что их изготовили жители той планеты, от которой когда-то откололась Власта, другие даже подозревают, что эти кристаллы живые существа, только они живут так замедленно, что требуются десятки тысяч лет, чтобы это заметить. Центр миелофона — такой кристалл. И никто не может сделать миелофонов больше, чем есть на свете кристаллов. Ясно тебе?

— Не ясно, — сказал Коля. — А для чего миелофон нужен?

— Странно, ты не слышал о миелофоне?

— Ну пропустил, — ответил Коля.

Электрон Степанович сокрушённо поглядел на Колю, вздохнул, но продолжал:

— Когда первые кристаллы привезли на Землю и стали исследовать, то один из учёных

обратил внимание, что, когда близко подходят люди, в структуре кристалла что-то меняется. Стали учёные биться над этим делом и наконец поняли, что кристаллы могут улавливать волны, которые испускает мозг. Тогда догадались соединить кристаллы с усилителями, и в один прекрасный день учёные услышали мысли. Представляешь, какая началась суматоха в учёном мире!

— Да уж, наверно, — сказал Коля.

— И ты об этом не слышал?

— Может, я маленький был? Значит, миелофон может читать мысли на расстоянии?

— Конечно. О чём же я тебе толкую! Представляешь, сколько нашлось желающих получить миелофон?

— Конечно, представляю, — сказал Коля. — Все фокусники сразу сбежались.

— Кто? Фокусники? При чём тут фокусники?

— Ну, которые мысли угадывают.

Электрон поглядел на Колю как на сумасшедшего, и даже его висячие усы приподнялись на сантиметр. Но он с собой совладал и сказал:

— Конечно, не фокусники. Во-первых, врачи. Одно дело, когда больной рассказывает или диагностические машины ставят диагноз, но при некоторых болезнях, например при нервных, важно знать, что же думает человек на самом деле. Или в детских поликлиниках. Пока ребёнок не научился говорить, он не может объяснить, что и где у него болит.

— А в зоопарк зачем такой прибор дали?

— Не в зоопарк, а в Космозо. У нас же космические животные, некоторые из них совершенно уникальные, и не всегда люди могут толком понять, как их кормить, какую они любят температуру и вообще какие у них бывают потребности. Вот и выдали один из двадцати миелофонов, которые есть на Земле, для нас. Но мы его бережём пуще зеницы ока.

— Конечно, бережёте! — сказал Коля. — Я сам видел, как Алиса его таскала в террариум. Чуть не потеряла.

Не надо думать, что Коля по натуре доносчик. Просто он был зол на Алису, которая рисковала таким ценным прибором. Всего двадцать на всю Землю и в больницах наперечёт, а она бегает по Космозо и слушает мысли какой-то трубы!

— Если таскала, — сказал Электрон, — значит, ей профессор Селезнев разрешил.

— Ещё бы, — сказал Коля, — родной папаша!

— Смотрю я на тебя и время от времени удивляюсь, — сказал Электрон. — Казалось бы, ничего, кроме одежды, странного в тебе нет. Парень как парень. А иногда такое ляпнешь, словно ты какой-то выходец из средневековья.

— А я чего сказал?

— Ты сказал, что профессор Селезнев мог рисковать ценным прибором для того, чтобы доставить удовольствие своей глупой дочке. По крайней мере так твои слова прозвучали. Во-первых, Алиса достаточно ответственный человек, и если ей нужен миелофон, то для дела...

— Мысли какого-то пустотела подслушивать, — сказал Коля. Он не хотел сдаваться.

— Правильно. Я тоже подозреваю, что пустотел мыслящий. Тем более, что он сейчас зацвёл и у него могут возникнуть новые эмоции. Я был бы рад, если бы у тебя голова работала хотя бы в пять раз слабее, чем у Алисы.

— Спасибо, — сказал Коля, — за комплимент.

Само собой разумеется, что после этого он к Алисе стал относиться хуже, чем прежде.

Даже возникло мстительное чувство: пускай эти гаврики утянут у неё миелофон. Вот тогда она попрыгает со всеми своими способностями.

— Добро, — сказал Электрон Степанович. — Мне пора. Рад был познакомиться. Может, ещё встретимся.

По его тону понятно было, что он уже жалеет, что познакомился. Ну и пожалуйста, подумал Коля.

— А ты не идёшь? — спросил Электрон.

— Нет, я посижу ещё немного.

— Если что-нибудь понадобится, всегда найдёшь меня здесь.

— Спасибо. Учту.

Коля остался сидеть на мягкой, словно диван, лавочке. Солнце уже пряталось за деревья, по небу ползли подкрашенные близким закатом облака. Надо дать время Электрону уйти домой. Не хочется больше с ним встречаться. Тем более, что он подозревает что-то, а если ещё раз встретимся, может и догадаться — тогда неизвестно ещё, когда я вернусь домой. А домой уже хотелось. Устал Коля, и не столько ноги устали, сколько голова. Она перевыполнила дневную норму. Коля вспомнил, что сегодня по телевизору показывают «Кабачок „Тринадцать стульев“», и подумал, что хорошо бы успеть к началу. Конечно, надо бы что-нибудь ещё захватить на память, а то мало он везёт с собою сувениров, но ничего сувенирного поблизости не было. Даже открыток здесь не продавали. Зря он, пожалуй, утром газету себе не взял. Вот бы ребятам показать! Но тогда он ещё не думал, что этот день так скоро кончится.

Коля вытащил из кармана перочинный ножик — неплохой ножик, выменял его у Фимы Королева за две серии марок Бурунди — и решил оставить о себе память. Сиденье скамейки было мягкое, тут ничего не вырежешь, но спинка казалась деревянной. В аллее никого не было, посетители из Космозо разошлись. По большой дорожке, за кустами бамбука, проехала тележка, нагруженная кастрюлями, горшками и термосами. Видно, начали кормить животных. Как бы в пищевом центре снова не перепутали, кому чего давать. Сейчас бы тарелку супа. Вообще-то он суп не любил, кто любит суп? Только по настоянию родителей ты его и ешь. Не если ты провёл день на мороженом, бубликах и лимонаде, то захочешь и супа.

Коля повернулся боком и начал вырезать на спинке скамейки свою визитную карточку. Ему уже не раз влетало в жизни за эту страсть. Однажды, когда он вырезал свои инициалы на парте, даже отца вызывали в школу. Но нельзя же уйти из будущего и не оставить никакого следа. Через сто лет надо будет обязательно сюда заглянуть и поглядеть на собственное творчество.

Спинка скамейки оказалась мягкой, резалась легко. Наверно, это не дерево, а какой-то пластик, похожий на дерево.

Коле никто не мешал. Раз мимо прошла какая-то семья, но Коля прикрыл ножик ладонью и сделал вид, что рассматривает кусты. Коля вырезал на спинке большими печатными буквами:

КОЛЯ, 6-Й КЛАСС «Б», 26-Я ШКОЛА

Всё ясно, а никто не догадается. Будут искать в их 26-й школе. Электрон, наверно, ушёл домой. Пора и нам. Ведь ещё придётся флипать через полгорода, а в восемь часов начнётся

«Кабачок».

Коля сунул ножик в карман и отправился к выходу. Он миновал поляну, на которой дремали склисссы — коровы как коровы, — и повернул на главную аллею, ведущую к выходу. Он шёл быстро, но осторожно и думал, что если увидит Электрона, то поскорее нырнёт в кусты. Только бы не в те, что любят мороженое. Коля поравнялся с прудом и увидел, что динозавр Бронтя вылез из воды и стоит передними лапами на берегу. А вот и Алиса. Она повесила чёрную сумку на ограду пруда, перепрыгнула через неё и оказалась на берегу. Бронтя, как ручной слон, подогнул передние лапы, чтобы Алисе было удобнее на него взобраться. Коля даже замер от удивления. Вот даёт!

Алиса уже сидела верхом на динозавре, и тот, осторожно ступив в воду, чтобы не забрызгать свою подругу, поплыл по пруду, а утки-перевёртыши, розовые гуси, птицы с иголками, словно у ежей, и другие странные создания расплывались, как лодки перед пассажирским теплоходом, уступая дорогу.

Друзья выплыли на середину пруда, и динозавр выгнул шею по-лебединому. Зрелище было красивое, и немногие последние посетители Космозо остановились, глядя на эту картину. Да и сам Коля так засмотрелся, что увидел бегущих по дорожке толстяка без шляпы и худенького только тогда, когда они уже приблизились к выходу. Толстяк прижимал к груди чёрную сумку. Коле было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что это сумка с миелофоном, так легкомысленно оставленная Алисой на берегу.

— Эх, — сказал Коля вслух, — я предупреждал!

И он со всех ног побежал за ворами. Ему бы, конечно, закричать, чтобы все их ловили, а он догадался крикнуть, когда бандиты уже скрылись в пещере с искристыми микроптицами.

— Держи! — крикнул Коля, но от быстрого бега у него перехватило дыхание, и если Алиса его услышала и обернулась, то настоящих похитителей она, конечно, не видела.

Коля выскочил на опустевшую площадь перед Космозо. Воры уже подбегали к автобусу. Это был автобус номер 6 «Космозо-Сокольники». Рядом стояли ещё два автобуса.

Надо сказать, что Коля бегал всё-таки значительно быстрее космических пиратов. Те провели много лет в пьянстве и разгуле на космических кораблях, совсем не занимались спортом, а всю чёрную работу поручали другим. Поэтому он влетел в шестой автобус почти одновременно с ворами. Ему ещё повезло, потому что как раз перед пиратами шли две женщины, которые оживлённо переговаривались и занимали весь проход к занавесу, за которым находились Сокольники, так что худой пират, который бежал впереди, вынужден был затормозить, а толстяк налетел на него и поднял повыше руку с сумкой, чтобы не повредить миелофон. И тут их настиг Коля.

Женщины, так и не узнавшие, что происходит сзади, скрылись за экраном.

Вслед за ними исчез и худой пират Крысс.

Толстяк обернулся и узнал Колю, которого он заметил ещё в террариуме. Он выхватил какое-то оружие и угрожающе зарычал, но ничего не посмел сделать, а только поспешил к занавеске.

Бывает, что единственное правильное решение приходит в одну секунду, а если бы ты стал размышлять, никогда бы до него не додумался. Толстяк все ещё держал сумку с миелофоном над головой и уже начал входить в экран, как Коля подпрыгнул и рванул сумку к себе. Толстяк этого не ожидал, и его пальцы разжались, а сам он уже был по ту сторону экрана, в Сокольниках, наверно в двадцати километрах от Коли.

Коля схватил сумку и побежал назад, выскочил из автобуса на площадь. Площадь была

большая и совершенно пустая. Как назло, ни одного человека поблизости. И Алисы нет. Что она, не слышала, что ли? Коля забыл, что, когда он побежал за пиратами, Алиса была на спине Бронти посреди пруда. Оттуда сразу до выхода не доберёшься.

Коля замер у автобуса. Он понимал, что вору достаточно нескольких секунд, чтобы обежать автобус, снова войти в него и вернуться сюда. Что делать? Коля не посмел бежать через всю площадь к Космозо, потому что видел в руке толстяка оружие — пока он будет бежать, пираты его спокойно могут укокошить. И прости-прощай тогда «Кабачок „Тринадцать стульев“».

Но перед Колей стояло ещё два автобуса. И на ближайшем была надпись:

№ 8 «КОСМОЗО — ПРОСПЕКТ МИРА»

Коля, не колеблясь ни секунды, прыгнул в этот автобус, пробежал через салон, пронёсся стрелой сквозь экран и оказался на остановке «Проспект Мира». Там он увидел автобус:

№ 3 «ПРОСПЕКТ МИРА — ГОГОЛЕВСКИЙ БУЛЬВАР»

Как назло, туда входило сразу несколько человек. Пришлось стоять в очереди. Люди никуда не спешили, разговаривали, и Коля потерял целую минуту, пока вошёл в автобус. А входя, обернулся и увидел, что из соседнего вылезает худой бандит. Крутит головой, высматривает Колю. Коля понял, что воров перехитрить не удалось: они разделились — один побежал в восьмой автобус, а другой подстерегает его где-то ещё.

Коля в отчаянии проскользнул под ногами у пассажиров и пулей пролетел сквозь экран.

Он не знал, успел ли вор его заметить, но все равно решил не терять времени. Чуть не сбив с ног женщину, он побежал через площадь. Он боялся оглянуться, увидеть пиратов, услышать оклик или даже выстрел. Только когда добежал до первых деревьев и спрятался за толстый ствол клёна, он перевёл дух.

Наверно, ему следовало ещё на проспекте Мира позвать на помощь тех людей, которые вместе с ним садились в автобус, но размышлять ведь хорошо на спокойную голову. Если за тобой гонятся преступники, тут не до размышлений. Особенно если они злы на тебя, как спущенные с цепи волки: ведь ты отнял у них ценнейшую добычу.

Стоя за деревом, Коля начал размышлять. Он решил, что не будет возвращаться в Космозо: если Алиса такая халда, что упустила миелофон — пускай теперь поплачет. Знаем мы этих умников-отличников, думал Коля. Сам-то он никогда не ходил в отличниках и не собирался им становиться. Но Коля был человеком не злым и уже придумал, как он вернёт миелофон. Он отдаст его Джаваду или кому-нибудь из натуралистов на школьной станции. Они с Алисой вроде бы знакомы и смогут ей вернуть миелофон. А он уедет домой.

Коля всё обдумал и хотел идти дальше. Вдруг он увидел, как из автобуса выходит толстяк. Его розовая лысина блестела под лучами заката, как воздушный шар. Толстяк оглядывался. Коля замер за клёном.

Нет, толстяку его не увидеть, решил Коля, и в этот момент тот подошёл к женщине, которую Коля чуть не сбил с ног, вылетая из автобуса. Женщина стояла на краю автобусной остановки и ждала, когда подлетит свободный флип-пузырь.

Толстяк вежливо поклонился и спросил её о чём-то... Коля слов не слышал, но нетрудно было догадаться, что он спрашивает, не пробежал ли только что мальчик. И, к своему ужасу, Коля увидел, что женщина кивнула, и показала, как Коля пролетел мимо неё,

и протянула рукой в сторону бульвара, Коле даже показалось, что её палец уткнулся прямо в него. Он сжался за стволом дерева. Что делать? Видно было, что толстяк достал из кармана что-то чёрное, наверно, рацию. Вызывает друга. Нельзя терять ни секунды.

И Коля бросился бежать.

15. Бегом к машине времени

Если бы Коля лучше подумал, он бы не побежал. С остановки пираты его не видели, но, как только он побежал, толстяк сразу увидел, как зашевелились и задрожали кусты, и, не дожидаясь своего сообщника, бросился за Колей. Да, на короткие дистанции Коля мог обогнать любого пирата, потому что они не занимались спортом и предавались излишествам. Но если надо бежать долго, то пираты были посильней Коли. Они давно сменили свои старые сердца на механические, тем более что сердечность им была ни к чему, а с электронными сердцами на атомных батареях они рассчитывали прожить по тысяче лет.

Когда Коля пробежал по аллее метров сто и оглянулся, он увидел толстяка, который как раз вылез из кустов. Коля понял, что до школьной биологической станции ему не добежать, свернул с дорожки, перескочил через кусты и в два прыжка оказался на мостовой. Он решил укрыться в доме, который сам строил сегодня утром. Строителей уже не было видно. Они, к сожалению, ушли. Но то ли нарочно, то ли по недосмотру строителей входная дверь заросла кораллами, а окна были слишком высоки, чтобы в них влезть. Да и страшно: если воры заметят, окажешься в ловушке. Коля наискосок метнулся к бульвару и помчался к биостанции. Только бы успеть к ребятам! Уж при них бандиты не посмеют на него напасть. А если и посмеют, Джавад с Аркашей спасут миелофон.

Коля выскочил на площадку, пробежал мимо клумб и полянки, где его утром кормили растительными бубликами, но и там никого не было. В бассейне спокойно плавали дельфины, и один из них, увидев Колю, подпрыгнул в воде, словно обрадовался знакомому.

— Где Джавад? — крикнул на бегу Коля.

Конечно, дельфин ничего не ответил. С дерева прыгнула мартышка и поскакала по земле рядом.

Ни одного биолога. Ни души. Все ушли домой. Коля услышал отдалённое пыхтение.

— Стой! — донёсся крик.

Его заметили!

Коля свернул с дорожки, бросился к лаборатории. Но коралловый домик закрыт.

Даже негде оставить миелофон, чтобы его не увидели бандиты.

И негде спрятаться самому.

Оставался один путь — по Сивцеву Вражку, к Институту времени.

Коля нёсся по улице, виляя, как заяц. Он где-то читал, что, если так бежать, тебя труднее подстрелить.

Возле скамейки, где он сидел со стариком Павлом, Коля остановился. Он понял, что больше не сможет сделать ни шагу. Неподалёку пролетел пузырь. В пузыре кто-то сидел. Коля в отчаянии замахал рукой, но человек в пузыре его не понял. Он помахал рукой в ответ и полетел дальше.

Коля снова услышал проклятое пыхтение. Толстяк сворачивал в Сивцев Вражек. Пришлось снова бежать. Коля все ждал, что у него откроется второе дыхание, но никакого второго дыхания не открывалось.

Вот и Институт времени. Такой же спокойный, громадный, величественный, как и утром. И такой же пустой. Надо же было Коле прибыть в будущее именно в день праздника, когда большая часть москвичей отправилась на Лунный фестиваль или на юг к морю, отдышать и загорать.

Коля с разбега ударился в прозрачную стену — вход в институт. Но стена не открылась, как утром, когда он выходил. В институт нельзя входить посторонним, потому что обращаться со временем надо осторожно. Только те, кто специально учится этому, допускаются в здание.

Коля бился о прозрачную дверь, как муха о стекло. Вот она рядом, лестница на второй этаж, и там, за ней, — кабина времени, дверь в прошлое.

Вот-вот выскочат преследователи. Отчаявшись, Коля побежал вдоль стены, надеясь, что найдёт какой-нибудь запасный выход, который забыли закрыть.

Не успел Коля скрыться, как перед Институтом времени показались пираты. Они издали видели, что Коля подбегал к зданию, и решили, что он уже внутри. Из-за угла Коля увидел, как они остановились перед входом. Уже начало темнеть, и место, где он спрятался, было покрыто синей глубокой тенью. Колей вдруг овладела надежда, что пираты постучатся-постучатся в дверь, а потом уйдут. Или кто-нибудь пройдёт мимо и спугнёт их.

Но пиратов не так легко провести. Они сразу поняли, что прозрачная преграда не поддастся их толчкам, и догадались, что мальчик, за которым они гнались, не мог туда проникнуть, раз у него нет электронного ключа. Они разделились и пошли в разные стороны вокруг здания.

Толстяк прошёл на расстоянии одного шага от лежавшего в траве Коли, и, если бы он сам так громко не пыхтел, наверняка бы услышал, как громко бьётся у Коли сердце. У следующего угла он встретил своего сообщника, и они начали совещаться. До Коли доносились приглушённые голоса:

— Шппш-грxxx-вппр.

— Гппрр-кхж-дппнр.

Коля не понимал пиратского языка и, затаившись, следил, что они будут делать. А пираты решили, что Коля как-то пробрался внутрь.

Толстяк вытащил из-под плаща блестящую штуку, которую в автобусе Коля принял за пистолет. Худенький отступил на несколько шагов назад. Толстяк прицелился в закрытое окно первого этажа, и сверкающий луч врезался в стекло. Это стекло нельзя было разбить кулаком или камнем, но ведь никто, когда строили Институт времени, не предполагал, что против него будет применён космический бластер.

Коля услышал, как зашипело стекло, и расплавленные ручейки, красные в вечернем свете, поплыли, затвердевая, по коралловой стене.

Пираты стояли, ждали, пока коралл остынет, чтобы не обжечься.

Потом худенький бросил на подоконник голубую накидку, а толстый начал протискиваться в узкое окошко. Через минуту наружу торчали только его ноги в башмаках с загнутыми носками. Слышно было, как плюхнулась тяжёлая туша и наступила тишина.

Худенький спросил:

— Пхрфшк?

Изнутри раздалось:

— Фртт-трттф.

Худенький отошёл от окна и поспешил за угол — стеречь вход, чтобы Коля не выскочил.

Самое лучшее для Коли было отлежаться в высокой траве, пока толстяк не вернётся обратно и бандиты не уйдут искать счастья в другом месте. Но у Коли была теперь только одна мысль: скорее добраться до кабины времени — и домой, домой, домой...

Сосчитав до пятидесяти, он поднялся и перебежал к окну. Толстяк мог притаиться там и ждать. Поэтому Коля сначала присел на корточки под окном, прислушиваясь, а когда ничего не услышал, поднялся и заглянул внутрь. Окно вело в пустую комнату, где вдоль стенки стояли роботы-уборщики. Дверь в коридор была раскрыта. Коля подтянулся на руках. Подоконник доставал ему до подбородка, и забраться внутрь удалось не сразу: усталые ноги скользили по коралловой стене, руки были вялыми, как ватные. Вдруг сзади раздался тонкий голос:

— Ага, попался!

И Коля понял, что все погибло. Худенький бандит услышал, как он карабкается, и поспешил сюда. И тогда случилось совершенное чудо: ноги нашли какую-то выпуклость на стене, руки, словно стальные, подтянули тело наверх, и Коля тут же перевалился через подоконник внутрь. Бандит, правда, успел вцепиться в ногу и тянул к себе. Коля брыкнулся, и так сильно, что ботинок остался в руке бандита, а сам Коля свалился на пол в комнате.

Он тут же вскочил и, придерживая сумку с миелофоном, кинулся прочь из комнаты. Бандит кричал что-то и карабкался вслед.

Коля бежал по коридору, ища какую-нибудь лестницу наверх. Вот и лестница. Коля взбежал по ней и влетел в зал, посреди которого стоял толстяк, прислушиваясь к шуму.

— Стой! — крикнул он, завидев Колю.

Но Коля уже выскочил на лестничную площадку, пролетел на этаж выше — вот тут-то у него и открылось второе дыхание, — сбегал снова вниз по другой лестнице и увидел приоткрытую дверь, возле которой на полу блестел пятак. Он же сам так отметил дверь, чтобы не заблудиться на обратном пути.

Коля влетел в зал, захлопнул за собой дверь, скользнул между приборами и инструментами в заднюю комнату — в такую же, как у соседа Николая Николаевича. Кабина стояла, как спасательная лодка в бурю.

Коля прислушался. Снаружи ничего не слышно. Может, погоня потеряла след?

Он глубоко вздохнул и вошёл в будку.

Такая же панель, как и в той, что стояла в его времени. Только подписи под рычажками были другие. Там, в прошлом:

«Промежуточная станция» и «Конечная станция». Здесь: «Начальная станция» и «Конечная станция».

Коля включил систему и с удовольствием услышал знакомое жужжание. Машина работала.

Теперь надо нажать на рычаг «Вкл.». А потом? Наверно, всё-таки «Начальная станция». Только бы его отправили в своё время, а не куда-нибудь к Пушкину или к бронтозаврам!

Колина рука замерла над пультом.

Он услышал, что кто-то открывает дверь в комнату.

Он нажал на кнопку «Начальная станция» и перевёл рычажок на «Пуск».

И тут же стал проваливаться в бесконечность, в ничто, где нет ни начала, ни конца, ни верха, ни низа — только вертящаяся пустота.

Коля нёсся через время.

Часть 2. Три К

1. Она не помнит

Молодой, но толстый и усатый Алик Борисович, дежурный врач, был самым весёлым человеком в больнице. Можно подумать, что люди попадают сюда для собственного удовольствия. Ну, и, конечно, для того, чтобы послушать, как Алик выловил щуку на Дону или как он подражает соловью.

В тот день он пришёл в палату после обеда и сказал притворно-грустным голосом:

— Я не смогу пережить разлуку с вами. Что я буду здесь делать?

Юля Грибкова сказала:

— Скорей бы выписали. А то у нас экскурсия.

Алиса, фамилии которой никто не знал, промолчала, словно её эти слова не касались.

— Как твой бывший аппендицит? — спросил Юлю Алик Борисович.

— Утром немножко болело, — сказала Юля.

— Я же обещал, что через неделю забудешь.

Юля хотела ему ответить, что, наверно, ему-то самому никогда не вырезали аппендицит и он не знает, что это такое, но спорить не стала.

— А как наши дела, Алиса батьковна? — спросил Алик.

— Хорошо.

— Что-нибудь новенькое нам расскажешь?

— Нет.

Юля смотрела на Алису и жалела её. Бывает же, не повезёт человеку. Несколько дней назад Алиса перебежала улицу и натолкнулась на троллейбус. Ушибла себе голову, получилось сотрясение мозга. Но это ещё не самое плохое. Когда Алису привезли в больницу, оказалось, что она начисто все забыла. Алик Борисович сказал, что эта болезнь называется «амнезия», чаще всего она проходит. Но представляете себе, забыть, как твоя фамилия, где ты живёшь, где учишься, даже забыть, кто твои родители! И что самое удивительное — в тот момент Алиса была в шортах, куртке и в тапочках. Ни одной бумажки, ни монетки, ничего у неё не было. А Юлькина мама Наташа сказала, как следователь из милиции, который приходил вчера расспрашивать Алису — не может же человек исчезнуть незаметно. Он сказал в коридоре заведующей отделением, что милиция опросила жильцов всех окрестных домов у того места, где Алиса столкнулась с троллейбусом, но никто ничего не знает. И ни один родитель не звонил в милицию или в больницу и не разыскивал свою дочку. «Мы, — сказал следователь заведующей, — уже по детским домам её фотографию разослали и в другие города написали». Получилось, что Алиса пропала и не пропадала, и в этом была тайна. Юля подумала, что, если бы она пропала хоть на один день, мама с бабушкой перевернули бы всю Москву вверх тормашками.

А на вид Алиса была самая обыкновенная девочка, лет двенадцати, волосы у неё были светлые, коротко подстриженные, глаза голубые, ноги длинные, все как у людей, даже немного загорелая, хотя в апреле ещё рано загорать.

Юлька знала про Алису ещё одну тайну, но никому об этом не сказала. Вчера вечером, хотя Алисе ещё не разрешили вставать, она пыталась убежать из больницы. В больничной

пижаме, когда все утихло, она тихонько поднялась с кровати и пошла к двери. В палате они с Юлей были вдвоём — третью девочку позавчера выписали. Юля ещё не спала. Она спросила:

— Ты куда, Алиса?

— Сейчас вернусь.

Но Юля почувствовала неладное. И сказала:

— Тебе же вставать не велели.

— Я вернусь, — сказала Алиса.

— Слушай, — сказала Юля, которая отличается проницательностью. — Если ты решила сбежать, то обязательно простудишься. На улице дождь и почти ноль градусов.

— Я и не думаю бежать, — сказала Алиса и вышла в коридор.

Но в коридоре она сразу столкнулась с дежурной сестрой. Юля слышала, как они там разговаривают. Затем Алиса вернулась обратно и легла.

— Не удалось? — спросила Юлька.

— Не удалось.

— Я же тебе говорила. Да и куда бы ты пошла?

— Я знаю.

— Ничего ты не знаешь. У тебя же память отшибло. Простудилась бы и залегла на месяц.

— Я не простужаюсь, — сказала Алиса.

— Ничего себе Робин Гуд! — засмеялась Юлька. — Все люди, которые бегают по улицам в пижамах при ноле градусов, обязательно простужаются. Это мировой закон. А вообще-то я знала, что двери в больницу заперты, так что не очень волновалась за твоё здоровье.

— Ну и спасибо, — сказала Алиса. Она была расстроена и больше ни на какие Юлькины вопросы не отвечала.

А Юлька тогда ещё подумала, что с Алисой связано больше тайн, чем нужно. В самом ли деле она ничего не помнит?

Вот и сейчас, слушая, как разглагольствует доктор Алик и шевелит усами, словно добрый кот, она всё время присматривалась к Алисе. Если ты лежишь в больнице и тебе под руку попадается тайна, то легче лёгкого стать Шерлоком Холмсом.

— Прошлым летом, — сказал Алик Борисович, — мы с приятелями поехали на Дон, рыбачить. Ты, Алиса, когда-нибудь была на Дону?

— Не знаю, — сказала Алиса.

— Ну, это неважно.

Ой, хитрец, подумала Юля. Весёлый-весёлый, а о работе помнит. Мама говорила Юле, что в таких случаях, как у Алисы, важно найти какую-нибудь деталь, ниточку, и тогда уже распутывать.

— Значит, приехали мы в станицу, — продолжал Алик Борисович. — Недалеко от Азовского моря. Жара стоит жуткая, а арбузы ещё не спели. Остановились мы у одного казака, такой колоритный старик, с чубом, в синей фуражке...

— Милиционер? — спросила Юля.

— Нет, просто раньше у казаков такая форма была, вот старики и носят синие фуражки. Алиса отвернулась к окну, смотрела, как по стеклу стекают капли.

— И вот старик говорит нам: отвезу я вас на Азовское море... Ты, Алиса, не была на

Азовском море?

— Нет.

— Почему ты так думаешь?

— Не была, и все тут.

— А на Чёрном?

— На Чёрном была.

— А что там делала? Отдыхала?

— Нет, работала. Дельфиний словарь составляла.

Алик Борисович засмеялся и сказал:

— Видно, у нас дело пойдёт на лад. А ты одна была на Чёрном море или с родителями?

— Не помню...

«Нет, — подумала Юлька, — врачей ты, может, и проведёшь, они тебя жалеют. И вообще слишком много знают. Меня ты не проведёшь. Почему-то ты хочешь показать, что помнишь меньше, чем на самом деле».

— Так вот, — сказал Алик Борисович, — садимся мы в лодку...

В этот момент в палату заглянула сестра Шурочка и сказала:

— Алик Борисович, вас к телефону.

Когда доктор ушёл, Юлька спросила:

— Ты бежать раздумала?

— Раздумала.

— А почему?

— Простудиться боюсь.

— А на самом деле?

— На самом деле меня в этой пижаме тут же обратно привезут.

— Ого! Уже прогресс, — сказала Юлька. — Видишь, как полезно слушаться старших.

— Это кто старший?

— Я.

— Тебе сколько лет?

— Двенадцать.

— А мне одиннадцать, — сказала Алиса. — Я думала, что тебе тоже одиннадцать.

— Ты в каком классе? — спросила Юля.

— Трудно сказать. Ты не поймёшь.

— Ничего себе не пойму! Я в шестом, ты, наверно, в пятом. Вы что по литературе проходите?

— У нас другие классы, — сказала Алиса. — Я сейчас по прикладной генетике стажируюсь. Это тебе что-нибудь говорит?

— Говорит, — сказала Юля. — А у нас английская школа. Только я думаю, что тебе ещё рано генетикой заниматься.

— Никогда не рано, — сказала Алиса. — Я буду космобиологом, как отец. А без прикладной генетики в биологии делать нечего.

— Ой! — сказала Юлька. — Послушал бы тебя Алик!

— А что?

— Да ты же ничего не помнишь! Даже как твоя фамилия. А оказывается, твой отец космобиолог.

— Это нечаянно вспомнилось...

— Ну, тогда я тебе помогу, — сказала Юлька. — Если твой отец космобиолог, то он не в Москве работает. Поэтому тебя ещё и не нашли. Он или в Байконуре на космодроме работает, или в Звёздном городке.

— Нет, — сказала Алиса, — он в Москве работает, в Космозо...

— Где?

— В одной организации. Только он сейчас улетел на конференцию. И вернётся через две недели. Вернётся... а я уже почти неделю зря потратила.

— А мама твоя?

— Мама на...

И тут Алиса осеклась, как подпольщица, которая чуть было не проговорилась на допросе.

— Тоже вспомнила? — спросила Юля.

— Вспомнила и забыла.

— Ой, и трудно нам с тобой! — воскликнула Юля.

Тут в палату пришла сестра Шурочка с градусниками и лекарством Алисе. Шурочка недавно кончила училище, готовилась поступать в медицинский институт и к медицине относилась очень серьёзно, куда серьёзнее, чем доктор Алик. А вообще-то она была добрая.

Пока Алиса ела лекарство, Шурочка сказала:

— Ой, девчата, сегодня мне голову мало отрубить!

— Почему? — удивилась Алиса.

— Потому что я лекцию прогуляю. Что будет, что будет!..

— Наверно, вы в кино пойдёте? — сказала Юля.

— В самую точку! Алик Борисович билеты взял. Даже не понимаю, почему он меня пригласил. Я думала, он меня и не замечает. Он такой учёный, девочки!

— А что смотреть? — спросила Юля, которая сейчас с удовольствием сходила бы в кино с кем угодно. Или даже одна.

— Французскую комедию, я названия не помню. Луи де Фюнес играет. Знаете, такой вот. — и Шурочка скорчила рожу, чтобы показать, какой из себя Луи де Фюнес.

— Я его знаю, — сказала Юлька. — Он смешной. Ты, Алиса, его помнишь?

— Нет, — сказала Алиса. — Никогда не видала.

— Бедная девочка! — сказала Шурочка. — Надо же так, все забыть! Даже Луи де Фюнеса. Но Алик Борисович обещал, что ты обязательно все вспомнишь.

— А она нарочно ничего не вспоминает, — сказала Юля и краем глаза поглядела на Алису. — Она хочет все старые фильмы снова посмотреть. Нам с вами, Шурочка, неинтересно, а ей теперь вдвое больше удовольствия предстоит.

— Как тебе не стыдно, Юля! — возмутилась Шурочка. — Алиса страдает, а ты шутишь! Ты представляешь, что сейчас переживают её родители? У тебя никогда детей не было, тебе не понять...

— А у вас много было? — спросила Юлька.

— Не говори глупостей! — Шурочка покраснела, как помидор. — Рано тебе думать о таких вещах.

— Вам тоже ещё рано.

Юлька Грибкова, как известно, человек упрямый и всегда хочет, чтобы последнее слово оставалось за ней.

Шурочка ушла расстроенная: она считает, что дети теперь слишком быстро растут и от

этого невежливые.

— Что бы я отдала, чтобы сейчас в кино попасть! — сказала Юля.

— Что? — спросила Алиса.

— Ну, например, ужин.

— Ты и так ужин не ешь, — сказала Алиса. — У тебя ещё полная тумбочка вкусных вещей осталась, которые мама принесла. И в холодильнике в коридоре лежат.

— Это все не считается, — сказала Юля. — Если тебе чего-нибудь хочется, бери. А то моя бабушка расстраивается, что тебя никто не навещает.

— Спасибо. Пирожки у твоей бабушки вкусные. Только тебе их пока нельзя.

— Через неделю мне все можно будет.

— А вот чего ты никогда не ела, — сказала Алиса, — это брамбулет.

— Такого блюда нет, — сказала Юля.

— У вас нет, а у нас есть.

— Из чего же твой брамбулет делают?

— Не брамбулет, а брамулет. Я его сама готовить умею. Ты берёшь обыкновенный мангустин и жарить его в петяеровом масле минут пять.

— Значит в петяеровом?

— Именно в петяеровом.

— А если я хочу в сливочном?

— Тогда ничего не получится.

— А из чего делают петяеровое масло?

— Из ангельдинских петяеров, разве непонятно?

— Совершенно понятно. Обожаю ангельдинские петяеры. А обычные мангустины ты откуда достаёшь?

— Как откуда? Из Индии.

— Так ты, оказывается, кулинар-искусник.

— Да что с тобой разговаривать, все равно не поверишь! — сказала Алиса.

— Знаешь, мне кажется, что я уже всему поверю.

Юля почувствовала, что Алиса вот-вот откроет тайну, но Алиса замолчала. Взяла одолженный у Юльки журнал «Юный натуралист», читала как ни в чём не бывало.

Приставать Юлька к ней не стала. Не хочет, не надо. Сама взяла книжку. Так они и читали, наверно, целый час. Потом Алиса вдруг отложила журнал в сторону и сказала с возмущением:

— Изверги какие-то!

— Ты это о ком?

— Тут написано про охотников. Ранили оленёнка и ушли.

— В журнале же рассказано, как мальчик этого оленёнка подобрал и выходил. Там никто таких охотников не защищает.

— Вообще все охотники изверги, — сказала Алиса. — И такие и другие. Нет никакой разницы.

— Ты чего злишься? — спросила Юлька. — Я не охотник.

— А если ты не охотник, ты хорошая, значит, и что другие делают, тебе все равно?

— Если охотники соблюдают правила и не браконьерствуют, то никто им не может запретить это делать.

— Ты в самом деле так думаешь?

— А ты не так?

Странные у Юли складывались с этой Алисой отношения. Вроде бы они и не ссорились, а всё время были готовы поссориться. Какое-то между ними было непонимание.

— Я вообще не вижу разницы между тем, чтобы убить животное или убить человека, — сказала Алиса злым голосом.

2. У нас в классе три Коли

Юлька делала вид, что читает, даже страницы переворачивала. Но спроси её, о чём прочла, не смогла бы ответить, но первой заговорить с Алисой не хотела. Прошёл, наверно, целый час, и вдруг Алиса спросила:

— Так ты в шестом классе учишься?

— Да, в шестом.

— А какая буква класса?

— «Б».

— Правильно, — сказала Алиса. — В шестом «Б». Это мне и нужно. Двадцать шестая школа?

— А ты как догадалась?

— Мне очень нужно, чтобы ты училась в двадцать шестой школе. Должно же мне повезти.

— Ничего удивительного, что я из двадцать шестой. И школа моя поблизости. И больница районная. Удивительней было бы, если бы я училась в Сокольниках. А зачем тебе наша школа?

— Мне школа не нужна. Мне нужен Коля из твоего класса. Как его фамилия? Где он живёт?

— Какой Коля? Их у нас в классе три. Сулима, Садовский и Наумов.

— Как так — три? Я думала, один. Это все осложняет.

— Что осложняет? Ты не человек, а сплошная загадка! И не верю я, что ты память потеряла. Притворяешься ты, а зачем, не пойму.

— Мне нужно найти мальчика Колю, который учится в шестом классе «Б». Просто правда так невероятна, что не поверишь.

— Поверю.

— Я все расскажу. Не торопи меня. Но ты должна мне помочь найти Колю.

— Как я тебе помогу? Ведь ты не знаешь его фамилию. Если тебе от него что-то нужно, приходи к нам в класс и сама спроси.

— А я его никогда не видела.

— С ума сойти! Ну, спроси всех трех по очереди.

— А вдруг он не ответит? Вернее всего, не ответит.

Открылась дверь, и вошла Юлькина мама Наташа, которая почти каждый день приезжала после работы. Пришлось прекратить разговор. Юля даже огорчилась, что мать пришла не вовремя. Наташа принесла букет цветов, новые журналы, Юльке письмо из школы, от ребят из класса, а Алисе — целую пачку газет и коробку шоколадных конфет. Юльке конфет ещё нельзя.

— Ты только не очень читай, тебе не велели, — сказала Наташа. — Всё-таки сотрясение мозга, с этим шутить нельзя.

— Я не шучу, — сказала Алиса. — Большое спасибо.

— Я заглянула в киоск, — сказала Наташа, — и купила областных и республиканских газет. Знаешь, я подумала, что если ты жила не в Москве, то вдруг увидишь свою газету и вспомнишь...

— Нет, — сказала Алиса, — своей газеты я не увижу. Она совсем другая.

— А какая? — удивилась Наташа.

— Не помню.

Когда Наташа ушла и принесли ужин, Алиса сказала:

— У тебя мама совсем молодая и очень красивая.

— Знаю, — сказала Юлька. — Не ты одна так думаешь. А твоя мама старая?

— Нет, — сказала Алиса. — Не представляю, как её обмануть, ну просто не представляю. Я вообще-то врать не люблю...

— А кто любит? — удивилась Юлька. — Но иногда приходится. Чтобы не огорчать. Ведь родители жутко за нас огорчаются.

Уже стемнело, заглядывал Алик Борисович, попрощался, но про кино не сказал. Потом заглянула Шурочка, тоже попрощалась и сказала:

— Ну это просто удивительно. Я так рада, девочки, так рада! Только никому ни слова.

— Клянёмся! — сказали Алиса и Юлька.

Когда, Шурочка убежала, они расхохотались и долго не могли остановиться.

— У взрослых бывают тайны, о которых даже думать смешно, — сказала, смеясь, Юлька.

— У так называемых взрослых, — поправила её Алиса. — Она всего лет на шесть-семь старше нас. Пустяки.

— Пустяки, — согласилась Юлька.

— Расскажи мне про свой класс, — сказала Алиса.

— А что рассказать?

— Как вы учитесь, часто ли ходите в школу, какие специальности у вас — все расскажи.

— Я даже не знаю, с чего начать. Ведь ты и так все знаешь.

— Я все забыла. Считай, что я ничего не знаю. Ровным счётом.

— Я не знаю, когда тебе верить, а когда нет.

— Честное слово, я почти ничего не знаю о твоей школе. Не знаю, как у вас учатся, как в школу ходят...

— А сколько у нас классов, помнишь!

— Кажется, десять. Правильно?

— Видишь, вспомнила. А с каких лет в школу идут?

— С пяти?

— Ой, Алиса, с семи! Ты или великая притворщица, или на самом деле у тебя каша в голове. Постой, а может, ты не только не из Москвы, а даже не из Советского Союза?

— Как ты себе это представляешь? — спросила Алиса строго.

— Ну, может быть, ты туристка, приехала из-за границы вместе с родителями и потерялась.

— А разве я плохо по-русски говорю?

— Нет, хорошо.

— Совсем хорошо?

— Совсем.

— Спасибо. Значит, в школу идут только с семи лет? А что же до этого делают?

— В детский сад ходят, играют, пирожки из песка делают... Ну что малышам делать?

— Странно, — сказала Алиса. — В пять лет я уже... — и замолчала.

— Что ты в пять лет?

Кто-то шёл по коридору, остановился за дверью, но не вошёл, а как будто прислушивался к разговору. Дверь была застеклённая, матовая, и на ней был виден силуэт человека.

— Кто это может быть? — спросила Алиса.

— Мало ли кто! А тебе не все равно? Ты кого-нибудь ждёшь?

— Нет.

— И всё-таки я думаю, что ждёшь. Я бы на твоём месте всё время дрожала от ожидания.

Вдруг откроется дверь и войдёт твоя мама?

— Не войдёт, — вздохнула Алиса, — я здесь одна.

— Ну, а если войдёт?

— Уж лучше бы не входила.

— Она с тобой плохо обращалась? Может, ты из дому нарочно убежала? Может быть, у тебя не мама, а мачеха? Злая?

— Не говори чепуху, — ответила Алиса. — У меня чудесная, просто замечательная мама, не хуже твоей.

— А вдруг она войдёт, а ты её не узнаешь? У тебя ведь амнезия.

— Может быть, — сказала Алиса и отвернулась к стене. Может быть, заснула, а может быть, потихоньку плакала. Юля не могла сказать наверняка, хотя прислушивалась.

3. Я твой папочка!

Прошло часа два-три. В больнице все утихло, многие заснули. Алиса все так же лежала лицом к стене, а Юлька читала. Парниковые розы, которые принесла Наташа, стояли на тумбочке у кровати Юльки, и она чувствовала их свежий и приятный запах.

Вдруг снова в коридоре послышались шаги. Те же самые, что и раньше. Кто-то осторожно, но тяжело подошёл к двери и остановился.

— Алиса, — шепнула Юлька, — смотри, снова он.

Алиса села на кровати и прижала палец к губам.

Силуэт человека постоял немного у двери и снова исчез.

— Мне это не нравится, — сказала Юлька. — Я позвоню дежурной сестре.

— погоди, — сказала Алиса.

И тут они услышали, как в коридоре кто-то разговаривает. Несколько человек шли по коридору. Вот они остановились у двери.

Дверь медленно раскрылась.

Но ничего не случилось. Вошла дежурная сестра Мария Павловна. Это была пожилая и строгая сестра, больные её не очень любили, потому что она всегда говорила о правилах и о том, что их надо соблюдать. А кому хочется соблюдать правила, особенно если ты уже выздоравливаешь?

— Вы не спите, девочки? — спросила она.

— Нет.

— Алиса, с тобой хочет поговорить Александр Борисович, — сказала она.

Алиса очень удивилась:

— Алик Борисович? А разве он...

Но Алик Борисович уже вошёл в палату.

— Как себя чувствуете, девочки? — спросил он, как будто и не прощался с ними два или три часа назад.

Может, он уже вернулся из кино, подумала Юлька. Но что могло случиться? Поссорился с Шурочкой?

— Надеюсь, все в порядке, — сказал Алик Борисович. — А у меня для Алисочки сюрприз. Замечательный сюрприз! Я бы заставил тебя сплясать, но тебе ещё вредно. Можешь собираться домой.

— Как? (Юлька увидела, как Алиса побледнела.) Не может быть!

— Может, может! — Алик так веселился, будто сам вот-вот пустится в пляс. — Все хорошо, что хорошо кончается! За тобой приехал твой папочка. Так что можешь собираться домой.

— Мой отец не может приехать, — сказала Алиса.

— Деточка, не сопротивляйся, — сказал Алик Борисович. Потом он обернулся к Марии Павловне и сказал строго: — Попрошу вас собрать вещи девочки и подготовить выписку.

— Как же так, Александр Борисович? — удивилась Мария Павловна. — Прямо сейчас, на ночь глядя? Нет, я возражаю.

— Попрошу не возражать! — сказал Алик совсем другим голосом. Юля никогда бы и не подумала, что он может разговаривать таким голосом. — Выполняйте моё указание.

— Завтра утром, — сказала Мария Павловна. — Согласно правилам. С разрешения заведующего отделением. На нарушение правил я не пойду. Тем более, что вы, Александр Борисович, уже сменились с дежурства, а дежурного врача нет.

— Я не виноват, что ночной дежурный врач куда-то ушёл, — сказал Алик. — Он за это ответит. Но мы не можем насильно отрывать ребёнка от семьи. Её отец специально приехал из другого города, он переживает, волнуется. Послушайте.

Алик замолчал, и все услышали, как за дверью кто-то громко сопит, а может быть, плачет.

— Вот, — сказал Алик Борисович. — Вы хотите нанести травму и ребёнку и всей его семье из-за каких-то дурацких правил. Идите, приготовьте документ, я подпишусь где надо, и дело с концом. Проявите наконец человеческие чувства.

— Но ребёнку ещё вредно передвигаться. У неё было сотрясение мозга.

— Было и прошло, — ответил Алик. — Я её сегодня осматривал. Ничего с ней не случится.

— Александр Борисович, я вас буквально не узнаю! — воскликнула Мария Павловна. — Вы ведёте себя странно.

— Идите! — сказал Алик. — И ждите на своём рабочем месте. И если вы не сделаете то, что я вам велел, я на вас напишу жалобу.

— Что? — Мария Павловна так удивилась, что чуть в обморок не упала. — Вы... на меня... жалобу?

И тут Алик буквально вытолкнул в коридор Марию Павловну и сказал тому, кто ждал снаружи:

— Заходите, папаша. Ваша дочка ждёт вас с нетерпением.

Оттолкнув Марию Павловну, в палату втиснулся мягкий, весь трясущийся от жира

толстяк в тёмных очках и низко надвинутой на лоб шляпе. Это был такой толстый и так странно одетый, словно замаскированный человек, что Юля даже рот открыла от удивления.

— Где моя доченька? — сказал толстяк тонким голосом. — Где моё сокровище? — и он, широко раскрыв толстые ручищи, пошёл прямо к Алисе. — Идём, идём домой, в семью, к папе и маме, — говорил толстяк, надвигаясь на Алису, как паровоз.

— Нет! — закричала вдруг Алиса. — Не смейте подходить ко мне! — она сидела в кровати, прижавшись спиной к стене и закрывшись одеялом до самого подбородка. — Не смейте! Вы никакой мне не отец! Я вас где-то видела, но вы мне не отец!

— Стойте! — крикнула Юлька, которая сразу поверила Алисе. — А то я буду кричать, а вы ещё не знаете, как я умею кричать.

— Погодите, — остановил толстяка Алик Борисович. — Не надо нервировать детишек. У вашей дочери было сотрясение мозга и травма. Она потеряла память. Она вас не узнает, и в этом нет ничего удивительного. И ты, девочка, не волнуйся. Сейчас мы все вместе вспомним, и ты поедешь домой, всё будет хорошо. А ты, Юля, не кричи. Зачем кричать, когда в соседних палатах спят больные дети. Зачем их будить?

— Алиса, неужели ты забыла своего дорогого папочку? — сказал толстяк плаксивым голосом. — Ты забыла, как я качал тебя на ручках? Ты забыла, как мы с тобой летали на...

При этих словах доктор Алик почему-то схватил толстяка за рукав и зашипел, как змея.

— Правильно! — крикнула Юлька. — Ещё надо разобраться, какой он ей отец. У него документы есть?

— Есть у меня документы, — сказал толстяк. — Все документы. — он вытащил из кармана широченных брюк пачку каких-то бумажек и помахал ими перед носом Юли.

— Девочка, не вмешивайся в дела взрослых, — сказал Алик Юльке. — Тебя никто не приглашал. Тебя это не касается.

— Ещё как касается! — сказала Юлька. — Меня абсолютно все касается. Вы даже не представляете, как много вещей меня касается.

У Юльки было такое состояние, что к ней лучше не подходить, особенно если вспомнить, что она умеет царапаться, как кошка, хотя с первого класса не пускала своего опасного оружия в ход.

— Вставай, Алиса, — сказал Алик. — Поторапливайся. Мы убедились, что этот гражданин твой отец. Ты уедешь с ним домой и там сразу все вспомнишь и выздоровеешь.

Алик кивнул толстяку, чтобы он забирал дочку, и тот потянулся к Алисе. Но Алиса вскочила во весь рост и прижалась к стене. Руки толстяка, как клешни рака, сомкнулись в пустом месте.

— Скорей же! — крикнул Алик. — Сейчас придут!

— Они заодно! — крикнула Юлька. — Они заодно!

— Конечно, — ответила Алиса, ускользая из рук толстяка и Алика, который зашёл со спинки кровати, чтобы помочь лже-отцу. — Ты посмотри на его ботинки!

— На чьи ботинки?

— Аликины.

Юлька которая тоже стояла на кровати, посмотрела вниз и сразу поняла, в чём дело: оба ботинок Алика Борисовича были на одну ногу. На правую.

— Что такое, что такое? — спросил Алик, тоже глядя на свои ботинки.

И Юлька увидела совершенно фантастическую штуку: у неё на глазах тот правый ботинок, который был надет на левую ногу, шевельнул носком, изогнулся и превратился в

обычный левый ботинок.

— Ой! — сказала Юля.

— Не обращай внимания, — сказал Алик Борисович. — Моя обычная рассеянность.

Вдруг раздался крик Алисы.

— Юлька!

Пока Юлька глядела на ботинки, толстяк ухитрился схватить Алису, и так ловко, что она оказалась прижатой к его боку и не могла сопротивляться.

Она болтала ногами, стучала кулаками по мягкому боку, но толстяк не обращал на это никакого внимания. Он опрокинул тумбочку — цветы упали, вода разлилась по полу — и поспешил к двери.

Все погибло, подумала Юлька. И тогда она вспомнила славные древние времена, когда на даче она была вождём краснокожих и водила своё суровое племя в смелый набег на бледнолицых соседей.

Она издала боевой клич ирокезов и прыгнула, как пантера. Когтями она вцепилась в щеку толстяка.

От клича зазвенели стекла, и одно даже вылетело наружу. Все, кто спал в больнице, проснулись. Воробьи попадали с веток, вороны взлетели к самым облакам, один шофёр въехал в кювет, потому что подумал, что его обгоняет пожарная машина. Как потом выяснилось, только дежурный ночной врач не проснулся — кто-то сделал ему укол снотворного, и он спал в подвале на куче картошки.

Нападение Юльки было таким неожиданным и сильным, что толстяк выпустил Алису и она упала на пол, замахал руками, чтобы сбросить повисшую на нём Юльку, и, когда ему удалось это сделать, помчался к двери, сорвав её с петель. Дверь стукнулась о другую стенку коридора. Алик Борисович завопил: «Тррпррф!» — и убежал вслед за толстяком.

Юлька с Алисой сидели на полу и мотали головами, чтобы прийти в себя.

— Ну, как мы их? — спросила Юлька.

— У тебя, наверно, швы разошлись, — сказала Алиса. — И вообще ты настоящий друг.

— Так это был не твой отец?

— Нет, никакой он мне не отец. Это космический пират, его зовут Весельчак У.

— Ты с ума сошла, Алиска! Какой ещё космический пират?

— Я тебе все расскажу. Я тебе теперь полностью доверяю. Только пускай все немного успокоятся. Слышишь, сюда уже бегут.

Это бежала Мария Павловна.

— Что случилось? — воскликнула она, влетая в палату. — Девочки, почему вы сидите на полу? И ещё в воде! Это совершенно запрещено правилами.

Девочки рассмеялись и встали.

Уже прибежала и другая сестра, с третьего этажа. Кто-то из ходячих больных заглянул в палату. В коридоре кто-то ещё спросил:

— Где взрыв? Где был взрыв?

— Я ничего не понимаю, — сказала Мария Павловна. — Я во всём виновата. А где же Александр Борисович? И где твой отец, Алиса?

— Какой Александр Борисович? — спросила Алиса. — Какой отец?

— Которые только что были здесь!

— Никого здесь не было.

У Юльки глаза стали квадратными от удивления.

— Как же... — вмешалась она.

— Никто не приходил, — повторила Алиса таким голосом, что Юля сразу поняла: надо молчать и со всем соглашаться.

— Я собственными глазами видела... — начала Мария Павловна, но осеклась и спросила: — А кто разбил окно? Кто кричал? Кто сорвал дверь? Не пытайтесь меня дурачить, я и так ничего не понимаю.

— Такой неожиданный порыв ветра, — сказала Алиса. — Наверно, смерч разбил окно, и со свистом сбросил нас с кровати, и даже дверь вылетела. Разве непонятно?

— Нет, я положительно схожу с ума! — сказала Мария Павловна. — Собственными глазами я видела Александра Борисовича и другого гражданина, такого полного, представительного. Они послали меня за историей болезни Алисы...

— Мария Павловна, — сказала Алиса, — я думаю, что лучше позвонить Алику Борисовичу по телефону. Он, наверно, уже вернулся из кино и сидит дома. И он вам скажет, что ни в какую больницу он не ходил и моего отца не видел.

— И я это сделаю, — сказала Мария Павловна строго. — И немедленно. Я этого так не оставлю! Кто-то здесь сошёл с ума. Надеюсь, что не я. Только сначала я принесу вам сухие пижамы и переведу вас в бокс — нельзя же ночевать в открытом помещении.

Когда Мария Павловна закрыла за девочками дверь в бокс и они улеглись на новые кровати, Юлька спросила:

— Почему ты велела ей позвонить Алику? Он же ещё бежит по улице.

— Ты ничего не поняла, — сказала Алиса. — Алик здесь совершенно ни при чём. Он весь вечер гулял со своей Шурочкой. И сейчас пьёт чай. Это был никакой не Алик Борисович. Я сначала не догадалась. Это был сообщник Весельчака У, тоже космический пират, Крысс с планеты Крокрыс. Они за мной гонятся. А если ты мне не веришь, то подожди, пока придёт Мария Павловна и скажет, что разговаривала с Аликом.

— Не могла же я спутать Алика... и Мария Павловна его узнала.

— И я тоже сначала ошиблась. Потому что Крысс — великий гипнотизёр. Вот только с ботинками ошибся. Помнишь?

— Помню, — сказала Юлька.

В дверь заглянула Мария Павловна и сказала страшным громким шёпотом:

— С ума сошла только я! Александр Борисович сидит дома и пьёт чай. Он надо мной... смеялся!

4. Как всё было

— Конечно, — сказала Алиса, когда наконец все успокоилось и в больнице наступила тишина, — ты имеешь право мне не верить. И даже не знаю, поверила ли бы я на твоём месте.

Шов у Юльки, конечно, побаливал — хоть завтра выписываться, все равно ещё рано прыгать, как пантера. Она улеглась поудобнее и решила, что не будет перебивать Алису. Честно говоря, у Юльки появилась новая теория: Алиса — космический гость, с другой планеты. Почему бы гостям с других планет не прилетать к нам, если такие планеты есть?

— Кроме тебя, мне некому открыться, — сказала Алиса. — Ребят я здесь, кроме тебя, не знаю, а ни один взрослый мне не поверит. Даже если бы у меня были доказательства.

— Это правильно, — согласилась Юлька. — Взрослые не верят даже в самые обычные

вещи. Ты с другой планеты прилетела?

— Нет, — сказала Алиса. — Я москвичка. И родилась здесь.

— Жалко. А я решила, что ты инопланетянка.

— Я все равно что инопланетянка. Я ещё не родилась. Я рожусь лет через сто.

— Чего?

— Я из будущего. Из двадцать первого века.

— Ну правильно, — сказала Юлька. — А то я думала: почему ты ничего не знаешь про нашу школу, а по-русски говоришь без акцента?

— Тебя не удивило, что я из будущего?

— Конечно, удивило. Удивительней, если бы ты была из космоса. Хоть ты и не современная, все равно москвичка. Рассказывай.

— Я живу в Москве, учусь в школе. Ничего особенного...

— А ты на Луне была?

— Была. И на Марсе была, и в Глубоком космосе была.

— Счастливая! А отбор строгий? А то у нас один парень в классе, Боря Мессерер, хочет быть космонавтом, а ему сказали, что он по здоровью не пройдёт. Он теперь каждое утро в школу бегаёт — два километра. Правда, всегда опаздывает. Может быть, его из школы выгонят раньше, чем он закалится.

— Ты меня перебиваешь. Отбор не строгий. Можешь туристом поехать, можешь на экскурсию. А один раз я летала в научную экспедицию. Я тебе расскажу, если интересно.

— Жутко интересно!

— Я же специализируюсь в биологии. Обязательно буду работать со зверями. Самое интересное. У меня папа тоже биолог, только космический. А я хочу как следует заняться разумом животных. Я считаю, что до сих пор ещё мало сделано. Представляешь, люди в другие галактики летают, а с простой кошкой договориться не могут.

— А я со своей кошкой обо всём могу договориться, — сказала Юлька. — Правда, только я говорю, а она молчит.

— Вот видишь — молчит. Но я тебе о биологии не просто так рассказала. Дело в том, что у отца в зоопарке есть прибор, называется «миелофон». Он улавливает волны мозга, и, если его настроить на чужой мозг, можно услышать мысли.

— И мои?

— Чьи угодно. Только этот прибор невероятно редкий и ценный. Мне отец доверил его ненадолго, и я после опыта должна была вернуть миелофон в лабораторию.

— А чьи мысли угадывала?

— Сначала дельфинов, потом пустотела и других зверей. А потом так получилось, что я пошла попрощаться с Бронтей.

— Это ещё кто такой?

— Это мой любимый бронтозавр. Он живёт в Космозо — в Космическом зоопарке.

— Бронтозавры вымерли много миллионов лет назад. Я читала.

— Мало ли что читала. Вывели.

— Снова?

— Не перебивай, Юлька! Так я до утра не кончу рассказывать.

— Ты сама такие вещи говоришь, а потом удивляться запрещаешь. Так только в фантастическом романе бывает. Представляешь, ты будешь жить через сто лет!

— Так вот, я пошла попрощаться с Бронтей, а миелофон оставила, чтобы не намочить.

Бронтя в пруду живёт. И поплыла я на Бронте. Вдруг оглядываюсь, а миелофона нет. Какой-то мальчишка кричит: «Держи!» — и убегает.

— Это был Коля?

— Погоди. Значит, пока я уговорила Бронтю повернуть к берегу, пока я выскочила и добежала до ворот, их, конечно, давно уже не было. Там, на площади, стоят автобусы. Народу, правда, почти не было, но я стала всех спрашивать, не видели ли, кто выбежал из Космозо с чёрной сумкой в руках. И один прохожий сказал мне, что видел мальчика, который сел в автобус к проспекту Мира, но другой человек сказал, что видел собственными глазами, что мальчик, который вбегал в автобус, вскоре выбежал из автобуса снова и сел в другой автобус. И в руках у него была сумка. За пять минут я побывала на всех автобусных остановках. Я сначала поехала на проспект Мира, потом на другую остановку. В общем, через пять минут я объехала пол-Москвы и вернулась к зоопарку. Никого я не нашла.

— То есть как — за пять минут пол-Москвы? На автобусах?

— Конечно. На чём же ещё?

— С какой скоростью у вас автобусы ездят?

— А ни с какой. Они на месте стоят... Ах, ты не понимаешь. У вас таких автобусов нет. Потом расскажу. Вернулась я в зоопарк. Расстроенная, сама понимаешь, ужасно. Что делать? Иду по Космозо, парк уже закрывается, никого нет. Думаю: может, мне все показалось, а я сумку где-то забыла, — чепуховая мысль, но хочется поверить...

— Знаю, со мной так бывало, — сказала Юлька.

— Иду я по Космозо, кручу головой, вдруг вижу — роботы-уборщики стоят возле одной скамейки и что-то обсуждают. Вообще-то роботы, сама понимаешь, народ молчаливый, их из себя трудно вывести. А тут машут руками, спорят.

Я спрашиваю, что случилось.

Роботы отвечают, что не знают, как быть. Никогда раньше такого не видели. И показывают мне скамейку, а на её спинке ножом вырезаны слова: «Коля, 6-й класс „Б“, 26-я школа». Роботы не знают, то ли унести скамейку и заменить на новую, то ли так и должно быть.

— Из нашей школы! — ахнула Юлька.

— Вот-вот, какой-то Коля из шестого класса «Б» 26-й школы побывал в зоопарке именно в этот день. Иначе бы роботы обязательно нашли его художество раньше.

— Но, может, не он взял?

— Слушай. Я когда на автобусной остановке спрашивала, какой был тот мальчик из себя, думала, что, может, кто-нибудь из знакомых подшутил — ты же знаешь, какие нравы у ребят. У них ненормальное чувство юмора.

— Уж лучше бы у ребят вообще не было чувства юмора, — согласилась Юлька.

— Мне все, кто видел мальчика, говорили, что он был странно одет, по-маскарадному, как будто изображал мальчика из двадцатого века. Я не сразу обратила внимание на эти слова. Только когда увидела надпись, которую мог вырезать человек с древней психологией...

— А такие ещё встречаются, — вздохнула Юлька.

— ...я сразу поняла, что в деле замешан пришелец из прошлого.

— Но как он мог к вам попасть? Он изобрёл машину времени?

— Точно тем же путём, как и я пришла сюда.

— Значит, есть машина времени?

— Конечно, есть, а почему бы ей не быть?

— Но ведь это фантастика!

— Для тебя, может, и фантастика, а для меня самая обыкновенная жизнь. Если бы твоему дедушке самолёт показали, он бы, наверно, в обморок упал.

— Не упал, — возразила Юлька. — Он был лётчиком полярной авиации. Если бы он при виде самолётов падал в обморок, неизвестно, кто бы садился на льдинах.

— Ну, не самолёт. Ну, космический корабль, например.

— Наверно, ты нас за дикарей считаешь, Алиса, — обиделась Юлька. — Мой дедушка теперь пенсионер и читает лекции по космонавтике.

— Ну ладно, не будем спорить, — сказала Алиса. — Факты указывали, что в мой год попал пришелец из прошлого, притом мальчишка, который совершенно не умеет себя вести и вырезает ножом надписи на спинках скамеек. Это значит, что он залез в машину времени без спросу. И представляешь себе — совершенно бесконтрольно гуляет по нашему времени! Это же страшный скандал.

— Почему?

— Но этого же нельзя делать! Никто не имеет права залезать в Институт времени и путешествовать туда и сюда. А вдруг он что-нибудь унесёт в прошлое. И все нарушит. Или узнает что-нибудь, чего вам ещё знать нельзя.

— Так уж и нельзя! Что мы, маленькие, что ли?

— Вот ты, конечно, маленькая. Да если открыть путешествие во времени для всех, особенно из прошлого в будущее, то все погибнет. Ты тут же сядешь в машину времени и отправишься узнать, когда ты умрёшь. И узнаешь, что ты умрёшь, потому что упадёшь с десятого этажа. Тогда ты на тот год уедешь в деревню, где нет десятого этажа, и получится, что ты вроде бы умрёшь, а вовсе и не умрёшь. А если ты не умрёшь, то будешь жива. А если ты будешь жива, то, значит, в будущем сразу окажется две Юли Грибковы. Это такие осложнения, что лучше о них не думать. Поэтому путешествия во времени категорически запрещаются и в прошлое могут ездить только учёные, которые к этому специально готовятся много лет. А из прошлого в будущее нельзя ездить никому, ни при каких обстоятельствах.

— Теперь я поняла, — сказала Юля. — Я даже испугалась.

— Почему?

— А если какой-нибудь бандит на этой машине поедет? Заберётся в будущее, кого-нибудь ограбит, вернётся обратно — и сразу в Сочи, отдыхать. А если заподозрят, что он грабил, он скажет: ничего подобного, я в это время в Сочи отдыхал.

— Ты соображаешь. Это утешительно.

Юля не обиделась на эти слова. Но всё-таки она ещё не все поняла.

— А как же, — спросила она, — могло случиться, что простой парень из шестого класса взял и воспользовался машиной?

— Это для меня тайна. Машина стоит в одной квартире, при ней специальный человек, который никогда не пропустит чужого.

— И пропустил?

— Его там не было. Там никого не было.

— А где он?

— Не знаю. Лучше я тебе по порядку расскажу. На чём я остановилась?

— Как ты в зоопарке увидела надпись на скамейке и поняла, что какой-то мальчишка

приехал из прошлого. А может, это просто кто-то так подшутил?

— Исключено. Неужели ты думаешь, что через сто лет можно будет найти на Земле человека, который будет резать ножом скамейку только для того, чтобы оставить свою подпись?

— Надеюсь, что нет.

— А одежда? К тому же у нас нет классов и нет букв. У нас в школах только группы по интересам.

— Наверно, я на твоём месте так же подумала бы.

— Я стояла у скамейки и думала, что мне дальше делать. Поднять тревогу? Сказать всем, что пропал ценный прибор? А кто виноват? Я виновата. В общем, я струсила.

— Струсила?

— Конечно, я ужасная трусиха. Я струсила и решила: побегу к Институту времени, перехвачу мальчишку у института, отниму миелофон, а потом уж решу, что делать дальше.

— Глупое решение. Если бы ты туда позвонила, его бы и без тебя перехватили.

— Да, глупое решение, но мне очень стыдно было, что я так себя вела: поехала кататься на бронтозавре, а миелофон на дорожке оставила. Как грудной ребёнок!

— А у вас грудные дети тоже на бронтозаврах катаются?

— Это я преувеличила. Грудные дети у нас такие же, как и везде, — лежат в колыбельках и ручками машут.

— А разве у вас нет акселерации?

— Это что за зверь?

— У нас в газетах пишут про акселерацию — будто раньше дети были меньше ростом и позже развивались. Вот мне двенадцать лет, а я ростом выше моей бабушки.

— Не знаю, не слышала. Моя бабушка выше меня на голову.

— Рассказывай дальше, а то скоро светать начнёт.

— Тебе надоело слушать?

— Нет, что ты!

— Флипнула я к Институту времени и вижу — он заперт. Я сообразила, что праздник. Побежала вокруг — думала, есть какой-нибудь запасной вход, — вдруг вижу разбитое окно. Ну, тогда я поняла, что не ошиблась — он здесь.

— А пираты? Ложный Алик и толстяк?

— Я тогда о них не знала. Хотя надо было догадаться — ведь мальчишке стекло там не разбить. Оно расплавлено. Влезла я через окно и побежала на второй этаж. Я знала, где лаборатория прошедшего времени — меня один знакомый в этот институт водил. Вбегаю в лабораторию и вижу — все правильно. Кабина занята, работает, на приборах показано — проходит перемещение тела на промежуточную станцию 1976 года. Он! Как только перемещение закончилось, я — сразу в кабину. Хорошо ещё, что я знаю, как ею пользоваться...

— Ну, ты ещё ладно, а откуда Коля знал, как ею пользоваться?

— Там всё написано. Он, наверно, не спешил, прочёл. Лучше у него спроси. Только я хотела начать, вижу — дверь в лабораторию открывается и кто-то входит. Я подумала, временщик, то есть тамошний сотрудник. Ну что делать? Выключить машину, вылезти наружу и сказать: мальчик унёс миелофон, а я, извините, без спросу, но очень спешила... Они тут же отправили бы меня домой, а сами начали бы переодевание и подготовку — этот Коля успел бы аппарат спрятать и вообще исчезнуть. Так что была не была, не стала я ждать,

пока меня вынут из машины, — вернусь победителем, тогда пускай судят. Ты меня осуждаешь, Юлька?

— Нет. На твоём месте я бы то же самое сделала.

— Это хорошо, что ты меня понимаешь. В общем, я переместилась и очутилась в твоём году. Выхожу из кабины — пусто. Ни мальчика, ни нашего представителя — никого. Иду в другую комнату — тоже пусто. Не прибрано, кровать не застелена, ни души. Тут мне показалось, что хлопнула входная дверь, — я туда. Выбежала на площадку — никого нет. Куда он мог побежать? Вниз, на улицу?

— Ты за ним?

— Я за ним. Сбежала вниз. И не успела выйти из подъезда, как слышу, что дверь в той квартире снова открывается и кто-то кричит сверху: «Стой, девочка!»

— Из Института времени, — догадалась Юлька.

— Я тоже так подумала, что временщики. А теперь поняла, что это были пираты. Но тогда я ни о чём не думала — как дуну из подъезда и побежала по улице. Бегу и не оборачиваюсь — знаю, что за мной гонятся. Совсем потеряла контроль над собой.

— Я бы тоже одурела, — сказала Юлька.

— Пробежала я квартал или два, — вроде бы он улицу переходит. Я за ним. Как грохнулась головой о троллейбус — хорошо ещё, что не попала под него.

— Лоб у тебя крепкий.

— Ты не представляешь, как больно было.

— Представляю. Мне аппендицит под местным наркозом вырезали. Это похуже, чем по троллейбусам головой стучать.

— Кому как...

— А почему ты теперь думаешь, что за тобой бежали пираты?

— Сегодня, когда они к нам в палату пришли, я не сразу их узнала. А как узнала, поняла, что без них тут не обошлось. Это они сумку украли, и поэтому Коля кричал «держи».

— А почему он кричал?

— Увидел, что сумку утащили, вот и кричал. Пираты, видно, за мной следили.

— Зачем же пиратам за тобой следить? Ты же почти ещё ребёнок.

— Для кого ребёнок, а для кого злейший враг. Я тебе когда-нибудь расскажу, как я с этими пиратами боролась по всей Галактике...

— Ой, Алиса, всё-таки ты иногда преувеличиваешь...

— Да что с тобой разговаривать, простым вещам не веришь!

— А почему я должна всему верить? Кое-чему я верю. Я верю, что ты из будущего, я верю про Колю, но про автобусы, которые за пять минут Москву проезжают и притом никуда не едут, в это я не верю. И в пиратов не верю. Даже в наши дни пиратов нет. А как же они через сто лет появятся? Как динозавры? Может, вы их специально вырастили, чтобы не скучно было?

— Нам и без пиратов не скучно. Они же не земные, а приходящие. Представляешь, сколько в Галактике планет, не все же цивилизованные. Разные попадают. И никто пиратов не выводил — они сами вывелись, и с ними приходится бороться. Ты что думаешь, через сто лет будут молочные речки в кисельных берегах течь и все будут лежать под деревьями и рот раскрывать, чтобы вишни падали? Мы же все страшно занятые люди — столько работы, ты не представляешь.

— Ну ладно, убедила. Хотя, если есть пираты, твои временщики могли бы побдительнее быть. А так вот напустили в наш год пиратов — у нас свои хулиганы, не хватает ещё будущих разбойников.

— Никого мы не подсовываем. Они к нам попали, потому что за Колей бежали. Он во всём виноват.

— Так ты говорила, что Коля за ними бежал...

— Коля увидел, как они мою сумку украли. Понимаешь, он хоть и недисциплинированный и первобытный, но ведь он не вор и не бандит...

— Таких у нас в классе нет.

— Вот видишь... И я думаю, что он за ними побежал и у них сумку как-то выхватил. Ведь люди на остановке его с сумкой видели.

— А почему обратно тебе не принёс?

— Потому что роли поменялись. Теперь пираты за ним гнались. И он, чтобы от них избавиться, в другой автобус перепрыгнул. А куда потом спрятаться? Видно, они по пятам за ним бежали. Вот он и решил вернуться в свой год.

— А они за ним бежали?

— И не догнали. Может, даже заблудились в институте, он громадный. Это я их за собой в лабораторию привела. Вот они и увидели машину времени. И за мной погнались. Они думали, что я их к Коле выведу, что я его знаю. А я с троллейбусом столкнулась и все этим осложнила.

— А зачем пиратам миелофон? — спросила Юлька.

— Ну как ты не понимаешь? Жизнь у них трудная. Даже последний свой корабль они потеряли. Приходится скрываться, а им нужны сокровища и удовольствия. И как только они сообразили, что у меня есть миелофон, то сразу решили его украсть. А я растяпа, пускуля...

— Кто?

— Ну, пускуля — это птенец такой, на Змороме-2 живёт. Его кормить трудно, всегда мимо пищи клювом промахивается.

— Тогда я знаю, что делать, — сказала Юлька. — Надо сходить в школу и спросить у всех Коля, кто взял в будущем прибор.

— Но как я могу сделать, если я лежу здесь?

— погоди немного, я пойду в школу и за тебя спрошу.

— Нельзя. Я и так нарушила тайну. Я преступница. А если ты начнёшь спрашивать, окажется, что я притом и болтунья. Нет, я сама спрошу. Я бы и тебе ничего не рассказала, если бы пираты меня не нашли. Понимаешь, как положение осложнилось?

— Да, понимаю... А ты им зачем?

— Они думают, что я знаю, как Колю найти. Выкрали бы меня и заставили вести к нему. И вообще я для них как заложница — бесценное сокровище.

— Ну, не такое уж сокровище.

— Не будем спорить. Есть вещи, которые тебе не понять.

Юлька не стала спорить. Только спросила:

— Они вернуться? Ты как думаешь?

— Не сомневаюсь.

— Зато теперь мы будем готовы и нас так просто не поймаешь.

— А ты здорово прыгать умеешь. Теперь у Весельчака У на всю жизнь шрамы останутся.

- А мне его не жалко.
- Ну, будем спать?
- Спать... С утра придумаем, что делать.

5. Ботинки доктора Алика

Юльке казалось, что она не заснёт. Все думала, гадала, а потом проснулась.

Оказалось, уже совсем светло... И непонятно, где же она. Потом вспомнила: в боксе. Бокс был маленький, на две кровати. За окном видна вершина дерева и на ней три вороньих гнезда. Юля повернула голову — Алиса не спала.

— Доброе утро, — сказала Алиса, увидев, что Юля проснулась. — Как спалось? Не мучили кошмары?

— Меня никогда не мучают кошмары.

— И не снились тебе космические пираты, гости из будущего и всякая фантастическая чепуха?

— Нет, не снились.

— А я уже умылась, причесалась. Пора бежать из больницы, пока ещё чего-нибудь не случилось.

Юлька сразу села.

— Когда они вернуться?

— Я вообще удивляюсь, почему они до сих пор не вернулись. Может быть, не знают, где нас искать.

— Или зализывают раны.

— А знаешь, Юля, я проснулась и думаю: а вдруг ты сегодня решишь, что тебе все приснилось.

— Ну, и что тогда?

— Тогда я бы не стала с тобой спорить.

— Все это пустые разговоры. Надо что-то делать.

— Вот это достойный разговор. И ты что-нибудь придумала?

— Я во сне думать не умею. А некоторые умеют. У нас в классе Фима Королев даже задачи во сне решает. Положит учебник под подушку и решает.

— Учебник он зря кладёт. Учебник здесь ни при чём. Ты сказала, что в классе три Коли. Расскажи мне о них. Кто из них мог это сделать?

— Я уж думала. Всех перебрала. Наверно, Коля Садовский.

— Почему?

— Он легкомысленный, плохо учится, выдумщик и вообще халда.

— Кто?

— Халда. Ну, растяпа, понимаешь?

— А два других вне подозрений?

— Разве можно за мальчишек ручаться?

— За некоторых можно.

— За наших я не поручусь. Ещё есть Коля Наумов. Он спортсмен, закаляется, зимой на балконе в спальном мешке спит. Он с Катей Михайловой дружит, на спортивной почве.

— А третий?

— Третий Коля Сулима. Он ничего, лучше многих. Очень серьёзно математикой

занимается, и в планетарии в научном обществе состоит. Он знаешь кем хочет стать? Конструктором космических кораблей... и в шахматы хорошо играет, лучше всех в классе. Но поручиться я за него не могу.

— А этот Коля Сулима, он, наверно, очень хотел бы посмотреть космические корабли будущего, как думаешь?

— Ой! Конечно! Я и не подумала. Нет, ни за кого не поручусь. А хочешь, я сама с ними поговорю?

— Ни в коем случае! Ты ничего не знаешь. Иди мыться. Умывальник за стенкой.

Когда Юлька мылась, заглянула Мария Павловна.

— Как спалось на новом месте? — спросила она.

— Спасибо, хорошо, — сказала Алиса. — А в нашей палате окно уже вставили?

— Нет ещё. Стекольщик не приходил. Ты помнишь, Грибкова, что ты сегодня выписываешься?

— Да. За мной днём бабушка придёт.

— А я когда выписываюсь? — спросила Алиса.

— Вот придёт доктор и скажет. Но куда ты денешься, девочка?

Мария Павловна замолчала, словно ждала, не заговорят ли девочки о ночном происшествии. Но девочки молчали. И даже не улыбались. Наконец Мария Павловна спросила:

— А вы вчера не напугались?

— Почему?

— Когда окно вылетело.

— Нет, не испугались, — сказала Алиса. — Иногда ветер бывает ещё сильнее. Я читала, как ветер унёс целый дом с девочкой и её собакой и забросил за горный хребет.

— Не может быть! — воскликнула Мария Павловна.

— Я тоже читала, — сказала Юлька. Во рту у неё была зубная щётка. — Ошшейи изууоо оода.

Алиса поняла, что Юлька хотела сказать «Волшебник Изумрудного города».

В этот момент дверь широко распахнулась, и вошёл доктор Алик Борисович.

— Доброе утро, погорельцы! — громко сказал он с порога. И очень удивился, потому что при виде его Мария Павловна широко раскинула руки и, как наседка крыльями, прикрыла Алису. Алиса вскочила во весь рост на кровати и отступила к стене, а Юлька чуть не проглотила зубную щётку, и у неё изо рта пошли пузыри из зубной пасты.

— Что вы воззрились на меня, как на тень отца Гамлета? — спросил Алик Борисович.

Юлька смотрела на его ботинки — на правой ноге был левый ботинок, а на левой ноге правый.

Это был ложный Алик!

— Не смейте приближаться к детям! — сказала Мария Павловна. — С меня хватит ночного происшествия. Или я немедленно вызову милицию!

Юлька выплюнула зубную щётку, щётка упала на пол, и Юлька сказала с белыми зубами:

— Ботинки! Алиска, смотри на ботинки!

Алик тоже посмотрел на ботинки.

— Ну, дожил, — сказал он, садясь на корточки. — А я думаю, почему это мне с утра так неудобно ходить. Да пусть простят меня дамы за то, что раздеваюсь в их присутствии.

Видно, из меня скоро получится великий человек. Рассеянность уже есть, таланты будут.

Алик расшнуровал ботинки, поднявшись, вылез из них, постоял в одних носках и потом довольно неловко, скрестив ноги, сунул их в правильные ботинки — правую ногу в правый, а левую в левый. Снова присел на корточки и принялся их зашнуровывать.

— Однако, — продолжал он, — моя рассеянность не основание для паники, охватившей благородное общество. Что же вас так напугало в моём облике? Неужели человек, надевший ботинки не на ту ногу, страшнее дракона?

Алиска тем временем снова села на кровать и сказала:

— Юлька, мойся дальше. А то у тебя вся физиономия в пасте.

— Но ботинки...

— Он же их переодевает. Как и положено. Понимаешь? Он настоящий.

— Как настоящий? — спросил Алик. — Я очень даже настоящий. С меня только что взяли профсоюзные взносы за три месяца. Если бы я был не я, больше чем за два месяца никогда бы не взяли. Вы как думаете?

— Вообще не взяли бы, — сказала Алиса. — А как вам кино понравилось?

— Вы и об этом информированы? Кино было скучным, но остальное великолепно. Вы это хотели узнать?

— Простите, Александр Борисович, — вмешалась Мария Павловна. — Скажите, пожалуйста, со всей откровенностью: вы вчера поздно вечером возвращались в больницу?

— Мария Павловна, вы меня об этом спрашивали вчера в половине двенадцатого ночи.

— Разумеется... но тем не менее...

— Что же случилось? Я прихожу на работу, заглядываю в палату к двум умненьким и милым девочкам — девочек нет. Будто их ветром сдуло. Стекло разбито, дверь сорвана. Разве ночью был ураган?

— Я думаю, это был шквал. Или смерч, — сказала Алиса. — Юлька так испугалась, что закричала, и мы упали с кроватей. А у Марии Павловны была галлюцинация.

— Галлюцинация? — удивился Алик. Он кончил шнуровать ботинки, выпрямился и поглядел с гордостью на дело своих рук.

— Я ни в чём не уверена, — сказала серьёзно Мария Павловна. — Следует ознакомиться со специальной литературой по этому вопросу. Может быть, виной переутомление — у меня создалось впечатление, будто вы приходили вчера вечером и приводили с собой отца этой девочки. И настаивали, чтобы я немедленно выписала Алису.

— А вы согласились выписать? — спросил Алик у Марии Павловны.

— Нет, я не соглашалась, потому что подобная выписка противоречит правилам. Однако... Да что я говорю? Наверно, заснула, задремала на посту и нарушила правила. Во всём виновата только я одна, и я согласна нести ответственность.

— А где же был дежурный врач? — спросил Алик. — Кто дежурил?

— Тимофеев. А его не было. Он спал в котельной. А может, это тоже мне приснилось? — Мария Павловна громко всхлипнула и убежала из бокса.

Юлька подмигнула Алисе. Все получилось, как они хотели. Все равно никто не поверил бы правде, а началась бы такая суматоха, что о возвращении прибора нельзя и мечтать.

— Придётся тебе, Юля, прощаться с Алисой, — сказал Алик. — Ты её будешь навещать?

— Обязательно, — сказала Юлька. — А ей ещё долго лежать?

— Скоро выпишется. Скоро. Ещё одно усилие — и летопись окончена моя. Но много

зависит от самой Алисы. Если она не вспомнит, где живёт, куда мы её выпишем?..

«Хорошо тебе рассуждать, — подумала Юлька. — Ты вспомнил, сел на троллейбус — и дома. А Алиса вспомнила, и ничего не изменилось. Хоть тысячу раз вспоминай, а легче не станет».

— Ко мне выпишите, — сказала Юлька.

Алик ушёл. Нянечка привезла на тележке завтрак. В манной каше были комки, и Юлька её есть не стала. А Алиса сказала:

— Я вообще манную кашу не люблю. И с комками и без комков. Но сейчас все буду есть — надо подкрепить силы.

— А я уже сегодня дома поем. У меня бабушка неплохо готовит, но любит, чтобы её хвалили.

Алиса с отвращением доела кашу. Настроение у неё испортилось.

— Придётся мне скрыться, — вздохнула она.

— Где?

— В каком-нибудь тайном месте. А ты мне будешь приносить еду.

— Но сейчас холодно.

— Я закалённая. И простуды не боюсь.

— Всё равно. Где ты будешь жить?

— Где-нибудь в лесу.

— А я к тебе два часа буду ехать на поезде?

— Я всё время забываю, как вы медленно передвигаетесь.

— Все у тебя, Алиса, «мы» — «вы». Ты уж лучше не разделяй. Может быть, я твоя бабушка. Хотя двоюродная. И как бабушка я тебе говорю: не позволю тебе сидеть под дождём, при заморозках в лесу.

— Не хочешь возить мне пищу — не надо. Я сама где-нибудь устроюсь. И разыщу Колю без твоей помощи.

— Ну и пожалуйста. С твоим упрямством не только Колю — памятник Юрию Долгорукому не найдёшь.

— Договорились. Ты меня не знаешь, я тебя не знаю. Я тебе ничего не рассказывала. Да и если ты начнёшь рассказывать, тебе никто не поверит.

— Я и не собираюсь рассказывать. Не дрожи.

Вот так они поссорились. И даже когда Юлькина бабушка Мария Михайловна пришла забирать свою внучку из больницы, Юля с Алисой друг на друга не смотрели.

— Я слышала, девочки, — сказала Мария Михайловна, — что вы ночью перепугались. А у нас никакого урагана не было. Стояла хорошая погода. Вообще в последнее время климат стал совершенно невыносимый. Я не удивлюсь, если в июне пойдёт снег, а завтра будет жара градусов в тридцать. Твои вещи, Юля, остались в той палате?

— В той.

— Тогда я их принесу. А ты пока собери свои вещички здесь — зубную щётку и так далее. А почему Алиса грустная? Не хочется одной оставаться?

Алиса не ответила.

Бабушка принесла Юлькины книги, тетрадки и все добро, что оставалось в той палате, и, складывая все это в чемоданчик, сказала Алисе:

— Там в холодильнике остался паштет и сырковая масса. Не забудь съесть их сегодня же, а то могут испортиться. Я договорилась с нянечкой, чтобы она тебе показала все

продукты. Ты меня слышишь?

— Слышу, — сказала Алиса, не глядя на бабушку.

Мария Михайловна немного обиделась на неё, потому что, когда проявляешь к людям доброе отношение, можно ожидать, что тебе отплатят взаимностью. На этом, как она говорит, строятся человеческие отношения. Так она и Юльку учит. Мария Михайловна всегда работала инженером и даже была военной, химическим офицером, и кончала академию. Когда у неё была своя дочка, Наташа, и ещё сын, она работала и была очень занята. Ей хотелось побольше внимания уделять воспитанию своих детей, но она не всегда успевала. Зато теперь, когда она вышла на пенсию, Мария Михайловна смогла уделять столько внимания Юлькиному воспитанию, сколько позволяло давление. Правда, Юля её не всегда слушалась, но любила, и спорили они с бабушкой редко.

— Я приду к тебе завтра, — сказала Мария Михайловна, — и принесу апельсинов. И чего-нибудь лёгкого почитать. Наверно, это будет после обеда.

— Спасибо, не надо беспокоиться, — сказала Алиса. — Меня здесь хорошо кормят.

— Не говори глупостей, Алиса, — сказала Мария Михайловна. — Я не собираюсь заниматься благотворительностью. Но ребёнку нужна забота. Пока к тебе не вернётся память и тебя не заберут родители, мы с Юлей и Наташей будем тебя навещать. Это нам нетрудно. Я надеюсь, что, если бы в таком положении оказалась Юля, ты тоже пришла бы её навестить.

— Спасибо, — сказала Алиса.

«Наверно, тебе стыдно сейчас, — подумала Юлька. — Получается, что ты обманщица, а бабушка за тебя переживает». Но Юлька это думала без злости. Она понимала, что, окажись сама на Алисином месте, ещё неизвестно, что бы делала. Может, разревелась бы и побежала домой.

— Я тоже приду, — сказала Юля. — Нам ещё надо поговорить.

— Приходи, — согласилась Алиса, но равнодушно, словно из вежливости.

«Не верит, — поняла Юля. — Думает, что я сейчас уйду и обо всём забуду».

Когда Юлька с бабушкой уходили из бокса, Алиса попрощалась с ними за руку. Она хотела что-то сказать, но передумала. Она не плакала, но глаза у неё были мокрые.

«Ой, что я делаю! — бежали мысли в Юлькиной голове. — Разве можно так вот покидать человека, который на тебя надеется?»

— Ну, попрощалась? — спросила Мария Михайловна.

— Я вернусь, — сказала Юлька Алисе. — Ты слышишь?

— До свиданья, — сказала Алиса.

Как только бабушка с Юлькой отошли по коридору от бокса, так что их никто не мог услышать, Юлька остановилась, положила на подоконник сумку с книжками и сказала:

— Подожди, бабуля.

— Тебе тяжело? Дай я понесу.

— Нет, мне не тяжело. Мне стыдно.

— Что ещё случилось?

— Мне стыдно за меня и за тебя.

— Я не сделала ничего постыдного.

— Сделала. Вернее, не сделала и потому сделала.

— Ты можешь говорить без загадок?

— Могу. Мы оставили Алису одну.

— Неправда, я сама к ней завтра обязательно приду. А сегодня после работы Наташа собиралась забежать. Если у неё не будет коллоквиума. Ты дня два посидишь дома, а потом сама можешь к ней прийти. И даже привести с собой подруг.

— Этого мало, бабушка.

— А что ты предлагаешь?

— Взять Алису с собой.

— Куда?

— К нам домой.

— Ты совершенно сошла с ума, Юля! Ты, по-моему, забыла, что Алиса больна, у неё было сотрясение мозга и она потеряла память. Ей нужен квалифицированный медицинский уход... Бери сумку, и пошли.

Они попрощались с Аликом, Шурочкой и другими и пошли выписываться из больницы. Пока получали Юлькино пальто, туфли и другую верхнюю одежду, открылась дверь, и вбежала Наташа, Юлькина мама.

— Как хорошо, что я вас застала! — сказала она.

— Тебе не будет неприятностей, что ты ушла с работы? — спросила Мария Михайловна.

— Нет, я договорилась. Давайте скорей, там такси ждёт.

Юля была уже готова.

— Ты не хочешь уходить? — спросила Наташа.

— Она решила обязательно взять с собой Алису, — сказала бабушка. — Как будто мы распоряжаемся в больнице.

— Правильно, — сказала Наташа. — Я уже думала: как только Алиса поправится, мы её на время возьмём к себе.

— Я не возражаю. Но ведь не сегодня же.

— Значит, можно? — обрадовалась Юля.

— Разумеется, можно, — сказала бабушка. — А теперь пойдём.

Такси ждёт.

— Мамочка, дорогая, у меня к тебе громадная просьба, — сказала Юлька.

— Давай.

— Зайди к Алисе. И передай ей мою записку.

— Алиса подождёт до завтра, ничего с ней не случится, — сказала бабушка.

— Ты не понимаешь. Это очень важно. Мама, можно я тебе на ухо два слова скажу?

Бабушка пожала плечами и сказала:

— Я буду ждать снаружи, у машины. Какой номер?

— Не помню. Шофёр такой черненький с усами.

Юлька отвела Наташу к стене и сказала громким шёпотом:

— Алисе здесь нельзя оставаться. Ей угрожает опасность.

— Юлька, ты опять фантазируешь?

— Мама, ты мне должна верить. Я вообще тебя редко обманываю.

— С моей точки зрения, так и должно быть.

— Тогда ты должна мне верить. Сейчас же иди к Алисе. Я даже не оставила ей нашего адреса и телефона. Может так случиться, что Алисе придётся отсюда бежать. А куда она побежит? Так вот, я хочу, чтобы она побежала к нам. Тебе понятно?

— Мне понятно, что взаимное уважение — главная черта в отношениях детей и

родителей. Пиши свою записку. Вот тебе ручка и бумага. Может, достаточно передать записку через сестру?

— Нет, не достаточно. Может, это будет вовсе не сестра.

— Ну и фантазия у тебя!

— К сожалению, это не фантазия. Ещё важно, чтобы ты сама сказала Алисе, что мы её ждём. Одно дело, если это идёт от меня, другое — от тебя, ты же взрослая.

— Договорились.

— Ты молодец, мама!

— И на том спасибо.

А Юлька написала на листке из маминой записной книжки:

«Алиса! Наш телефон 145-55-67. Адрес: переулок Островского, д.16. От больницы троллейбус 15 до остановки „Дом учёных“, кв.29, во дворе. Жду тебя в любой момент. В школу я пойду через три дня. Пока что поговорю осторожно с девчонками, нет ли чего подозрительного в поведении одного из Коль. Я сделаю это осторожно, понимаешь? С моими стариками все улажено. Они неплохие люди. Твоя Юля. Записку сожги».

6. Бегство

После Юлькиного ухода был консилиум. Алису осматривал профессор. С ним пришли и другие доктора, которых Алиса раньше не видела. Они заглядывали в глаза, заставляли считать и задавали каверзные вопросы, но Алиса не очень старалась отвечать. В это время она думала о другом: рассматривала врачей, чтобы узнать, не затесался ли среди них пират Крысс. Алиса знала, что пираты так легко не откажутся от своих планов. Представляете, как им нужен прибор, читающий чужие мысли? Ничто от них не скроешь. Ужас какой-то! И во всём виновата Алиса.

Ни до чего не договорившись, врачи разошлись. Правда, разрешили Алисе вставать.

Пока она осталась в боксе одна. Куда-то запропастился слесарь, и стекло в старой палате ещё не вставили. Все ходячие больные и даже врачи ходили в ту палату, как на экскурсию, и удивлялись, как же это они проспали такой ураган!

В боксе было лучше. Может быть, пираты ещё не разнюхали, где она лежит? Алиса достала Юлькину записку, которую принесла Наташа, и перечитала её, чтобы запомнить телефон и адрес. Наташа оставила ей пять двухкопеечных монет, чтобы звонить с телефона-автомата на лестнице. Так что у Алисы появились настоящие старинные деньги. Даже жалко их было тратить — один её знакомый собирал монеты и, возможно, таких у него и не было.

Потом Алиса разорвала записку на мелкие клочки.

После обеда Алиса пошла посмотреть телевизор. Ей было полезно поглядеть старинные передачи. Раз Алиса собиралась здесь задержаться, пока не отыщет Колю, надо посмотреть, как люди одеваются, ходят по улицам, и так далее.

Алиса сидела в холле, смотрела телевизор. Показывали передачу «Клуб кинопутешествий». Алиса засмотрелась на фильм про Африку. Это была Африка без Большого Сахарского канала, и климат там был засушливый. Вокруг сидели ходячие больные и не отрываясь смотрели на экран. И вдруг она услышала, как сзади к ней кто-то подошёл. Она быстро обернулась. Это был высокий худой мальчик с бледным лицом. Нога у него была в гипсе, и он тяжело опирался на костыль.

— Можно я тут сяду? — спросил мальчик тихо.

— Садитесь, тут свободно, — сказала Алиса.

Мальчик неловко опустил в пустое кресло и положил костыль рядом с собой. Алисе его было жалко. Она уже знала, что в давние времена со сломанной ногой надо было лежать в больнице целый месяц, а то и больше, пока кость сама собой не срастётся. И не было простых лекарств, которые сращивают кости в один день и заживляют раны за полчаса.

Мальчик неловко повернулся и поморщился:

— Больно? — спросила Алиса.

— Иногда больно, — сказал мальчик, — но не обращай внимания. Смотри.

Передача кончилась, потом пошла другая, не очень интересная. Алиса и мальчик со сломанной ногой разговорились.

— На свободе у меня волчий аппетит, — сказал мальчик. — Быка могу съесть за один приём. Или двадцать котлет. А здесь никакого аппетита.

— А чего бы ты хотел? — спросила Алиса.

— Можно мечтать на полную катушку?

— На какую катушку?

— Ну, это выражение такое. Не знаешь, что ли?

— Не слышала.

— Съел бы я сейчас клубники. Или банан.

— Ты в какой палате? — спросила Алиса.

— В четвёртой. А что?

Алиса не ответила. Она знала, что Юлька оставила в холодильнике клубнику. Но, прежде чем обещать, надо проверить.

Поэтому через некоторое время Алиса встала и пошла поглядеть в холодильнике. Наверху стояло блюдо с клубникой.

— Ты проголодалась, девочка? — спросила нянечка Дуся, увидев, что Алиса копошится в холодильнике. — Обед скоро, аппетит испортишь.

— Я только клубнику возьму.

Она вернулась к телевизору с блюдечком в руке. Но мальчика уже не было. Видно, ему тоже стало скучно и он ушёл.

Тогда Алиса понесла клубнику в четвёртую палату. Палата была в конце коридора, а дальше, за ней, — запасная лестница вниз.

Мальчика Алиса увидела не в палате, а там, у лестницы. Он поднял руку, подзывая её к себе.

— Иду, — сказала Алиса. — Смотри, что я в холодильнике нашла! — Она показала ему издали блюдо.

Но мальчик вёл себя странно. Он всё время махал рукой, торопил её и совсем не обращал внимания на клубнику. А когда Алиса подошла поближе, он вдруг повернул к лестнице и крикнул:

— Скорей сюда!

Что-то случилось, подумала Алиса и ускорила шаг. Она забыла о клубнике. Почти бегом она миновала четвёртую палату. Дверь туда была приоткрыта, и Алиса нечаянно заглянула внутрь.

И замерла.

Мальчик с костылём как раз садился на кровать.

Она поглядела вперёд.

Второй мальчик манил её, высунувшись из-за двери на лестницу.

Алисе, конечно, надо было повернуться и бежать обратно, к нянечке, там бы её не тронули, но ей стало жалко клубнику — бывает же такое!

Она нырнула в приоткрытую дверь мальчишеской палаты и побежала прямо к кровати мальчика с костылём.

— Вот, — сказала она быстро, ставя блюдо на простыню. — Ты хотел клубники.

— Не может быть! — воскликнул мальчик. — Ты куда?

Но Алиса уже не слышала. Она была у двери. Выглянула наружу. Коридор был пуст. Второй, поддельный мальчик с костылём исчез.

Теперь скорей!

Алиса побежала по коридору, не подумав, что её враги успели отрезать ей путь к палате. Из-за угла коридора протянулись толстые руки...

Назад!

На лестнице дежурил мальчик с костылём. Он улыбался улыбкой Крысса и, подняв костыль, прицелился в Алису. И Алиса бросилась на пол — она знала, что костыль мог быть

заряжён снотворным газом.

И она не ошиблась. Костыль со свистом выстрелил.

Газовый заряд пролетел по коридору и попал в выбежавшего из-за угла Весельчака У. Как убитый, толстяк со страшным грохотом рухнул посреди коридора.

— Фркшп! — воскликнул в отчаянии Крысс, кидаясь к своему товарищу. — Как же я тебя теперь вытащу! — продолжал он на космическом языке, который здесь никто, кроме Алисы, не знал.

Весельчак У громко храпел, его объёмистый живот колебался, а ноги подёргивались, словно он продолжал бежать во сне.

Но Алиса не стала тратить время, чтобы узнать, чем все это кончится. Пока пират размышлял, что ему делать с бесчувственным Весельчаком У, она скользнула мимо него, сбежала, не оборачиваясь, на первый этаж, пробежала каким-то узким коридором, чуть не сбила тележку с обедами, которую нянечка везла к грузовому лифту, выскочила на кухню, пронеслась мимо плиты.

— Ты куда? — крикнул повар в высоком белом колпаке.

Алиса увидела впереди дверь, которая вела на склад, пронеслась мимо ящиков и мешков с крупой и оказалась в больничном саду.

Больничный сад был большой, в нём росли старые липы и дубы. Листья на них ещё не распустились, но почки уже набухли. Громко гомонили вороны. День был солнечный, тёплый, и Алисе, хоть она была в одной пижаме и тапочках, показалось жарко.

Сад был виден из окна бокса, поэтому Алиса знала, что бежать до ворот долго и опасно — кто-нибудь увидит, что девочка в больничной пижаме бежит по дорожке, её обязательно поймают. Поэтому она побежала напрямик, к кирпичному забору. Она не знала, гонится кто-нибудь за ней или нет. Только спугнула двух выздоравливающих девочек, которые медленно гуляли по мокрой ещё дорожке. Девочки сказали хором: «Ах!» Алиса крикнула им на бегу:

— Никому ни слова!

Девочки разбежались в стороны, и путь к забору был открыт.

Забор был старый, высокий, но кирпичи кое-где выступали, можно поставить ногу.

В три секунды Алиса была на верху забора, прыгнула вниз с двухметровой высоты и оказалась в тихом переулке.

Никто её не видел.

За забором тоже вроде бы тихо.

И Алиса пошла вдоль забора налево, подальше от больничных ворот.

7. Туристы и другие спасители

Больница, в которой лежали Юлька с Алисой, была районной. Поэтому от неё до Юлькиного дома было недалеко. Если бы не районная, вряд ли могло быть такое совпадение, чтобы Юля и Коля учились в одной школе.

Пешком, переулками, от больницы до Юлькиного дома идти минут пятнадцать, не больше, но человек, который едет на троллейбусе, должен выйти на людный проспект Калинина, дойти до Арбатской площади, повернуть на бульвар и только там сесть на троллейбус. Ничего этого Алиса не знала.

Она выбежала к маленькой церкви на углу проспекта и остановилась. Надо было

выбрать человека, который ей все расскажет и не будет задавать лишних вопросов.

Она даже забыла, как странно одета. Хоть солнце и грело, но люди ещё не доверяли теплу, и поэтому все шли в плащах, а некоторые даже в пальто.

Найти бы кого-то помоложе. Чем моложе, тем лучше. Ни в коем случае нельзя было подходить к бабушкам или взрослым женщинам. Для них ребёнок в пижаме — как красный цвет для быка.

Некоторые люди оборачивались на Алису, удивлялись её одежде, но пока никто не задавал вопросов. И тут Алиса увидела двух молодых людей с длинными волосами до плеч и в широких брюках. Они были очень бедно одеты и даже в заплатках, которые были неаккуратно нашиты на брюки и рубашки. Вот эти не будут задавать вопросов, подумала Алиса.

— Простите, — сказала она, подбежав к ним. — Где мне сесть на пятнадцатый троллейбус?

— О чём говорит этот ребёнок? — обратился один из молодых людей к другому. И обратился он по-английски. Алиса, конечно, по-английски разговаривала, как по-немецки, по-немецки — как по-французски, а по-французски — как по-русски, потому что в будущем языки будут с детства вкалывать специальными уколами, чтобы не тратить времени на зубрёжку.

— Где ходит пятнадцатый троллейбус? — повторила Алиса свой вопрос по-английски.

— Оу! — сказал один из молодых людей. — Как приятно слышать родную речь! Ты тоже из Англии?

— Нет, я местная, — сказала Алиса.

— Но у вас отличный лондонский акцент! Неужели вы так изучили язык в Москве?

— Разумеется, — сказала Алиса. — У нас многие так разговаривают.

Двое мальчишек, услышав разговор, остановились неподалёку. Было им на вид лет по двенадцать-тринадцать.

— Во даёт! — сказал один из них про Алису.

— Пошли, — сказал второй. — Это туристы, хиппи.

— И она тоже?

— Тоже.

— Никогда не думал, что теперь у них модно в пижамах ходить!

Алиса слышала, что они говорят, и ей стало смешно.

— Никакая я не хиппи, — сказала она. — Только я заблудилась.

Английские туристы не уходили.

— Мы найдём, где ходит пятнадцатый троллейбус, — сказал один из них. — У нас есть карта Москвы.

Он стал разворачивать карту.

В это время вокруг них начали останавливаться люди. На большой улице всегда найдутся любопытные. И чем больше людей останавливалось, тем больше спешили поглядеть, что же произошло.

И, конечно же, нашлась какая-то бабушка, которая закричала:

— Вы только посмотрите, как одет ребёнок! Она же обязательно схватит воспаление лёгких! Девочка, ты где живёшь? Может быть, ты больная?

Алиса попыталась уйти, но попробуй пробиться сквозь такую толпу.

— Ну вот! — сказала она тихо одному из ребят. — Что теперь делать? Меня же сейчас

обратно отведут.

— Ничего не понимаю! — сказал высокий и сутулый, в очках, типичный отличник-зубрила. — Куда тебя отведут?

— Девочка, — настаивала бабушка, — сознайся, что случилось?

— Тебе надо сбежать? — спросил второй мальчик, невысокого роста, ниже Алисы, почти толстый, в блестящей куртке, на которую было нацеплено штук десять значков. У него были очень красные круглые щеки, и про себя Алиса назвала его Помидором.

— Неужели до сих пор не поняли? Мне нужно найти пятнадцатый троллейбус.

— Милиционер! — крикнула бабушка. — Где же милиционер?

— Сейчас мы тебя спасём, — сказал Помидор. Он обернулся к английским туристам, которые хлопали глазами и ничего не понимали. — Мистер, — продолжал он по-английски не очень здорово, но понятно. — Девочку надо спасать. Та бабушка — её злая мачеха. Она хочет её обидеть. Понятно?

— О, понятно! — ответили англичане, со страхом глядя на бабушку, которая хотела спасти девочку от простуды.

— Мы говорим, что она с вами. Ясно? А вы говорите по-английски. И пошли! Ясно?

— О да! — ответили англичане. К счастью, они оказались понятливыми, стали с двух сторон Алисы и сказали по-английски: — Извините, мы спешим.

Мальчики прикрывали тыл, и Помидор объяснил зрителям:

— Не мешайте, товарищи. Это киносъёмочная группа. «Синяя птица». В рабочей одежде. Сейчас нас снимают сверху, с купола церкви.

— Где? — спросила бабушка. — Не может быть, чтобы ребёнка снимали практически в голом виде.

— Да вы вверх посмотрите! — сказал Помидор. — Разве вы не видите, что сам режиссёр Смирнов сидит на крыше?

Все подняли головы, чтобы увидеть знаменитого режиссёра. Англичане подхватили Алису под руки и вынесли из толпы.

Так вот, все вместе, впятером, дошли до угла.

— Спасибо, — сказал толстый мальчик англичанам. — Вы нам помогли.

— А что грозило этой девочке? — спросили англичане.

— Разве вы не поняли? Она же убежала из сумасшедшего дома.

— О! — сказали англичане и отодвинулись от Алисы.

— Не верьте ему, — сказала Алиса. — Я совершенно нормальная.

— Вот видите! — сказал толстый мальчик. — Она отрицает. Они все отрицают.

— Вы отведёте девочку обратно? — спросили англичане.

— Ни в коем случае, — ответил Помидор. — Мы всегда прячем девочек, которые убегают из сумасшедшего дома. Ведь её туда упрятала злая мачеха.

Англичане поняли, что это шутка, засмеялись, подарили всем по пачке жевательной резинки, а Помидор подарил им два значка.

Ребята подошли к остановке троллейбуса. Помидор трещал без умолку. Он был доволен, что ему удалось спасти Алису.

— Ну как? — спрашивал он. — На меня можно положиться?

В тени больших домов было холодно. Алиса поёжилась.

— Можно, — сказала она и улыбнулась.

Ей больше нравился второй мальчик, сутулый, в очках. Он всё время молчал, видно,

слушался Помидора. Но теперь, заметив, что Алисе холодно, он снял с себя куртку и протянул ей.

— Спасибо, не надо, — сказала Алиса. — Сам замёрзнешь. Ты же в одной рубашке остался.

— Мне не холодно, — сказал сутулый мальчик.

— Возьми куртку, — приказал Помидор. — Это отличная маскировка. Все наши проблемы пропадут. Надо было мне раньше догадаться.

Алиса послушалась и натянула куртку.

— Я бы сам дал, — сказал Помидор, — но у меня слабые гланды. Сразу простужаюсь. Кстати, мы не познакомились. Меня зовут Ефим. Фима Королев. А это мой друг Коля Сулима.

— Очень приятно. Алиса.

— Странное имя! Тебя как в школе дразнят?

— Никак.

— Ну уж не притворяйся. Только два варианта: Алиса-крыса и Алиса-биссектриса.

— А может, лиса Алиса, — улыбнулся Коля Сулима.

Подожёл троллейбус. Когда они вошли, Алиса обернулась, чтобы проверить, нет ли среди входящих замаскированного Крысса.

— Ты чего, погони опасешься? — спросил Фима.

— Немного опасуюсь, — сказала Алиса.

Они стояли у заднего окна, и никого близко не было. Алиса достала из кармана три двухкопеечные монеты, которые ей дала Наташа. Она знала, что в троллейбусах и автобусах надо платить деньги, но забыла спросить Юльку, сколько и как это делается. Но её выручили мальчишки. Когда Фима увидел у неё в руке деньги, он сразу сказал:

— Ты что, миллионер? Тебе до конца ехать?

— Нет, до переулка Островского. Сходить у Дома учёных.

— Жалкие три остановки. И не думай. Деньги тебе пригодятся.

— Может, лучше заплатить? — спросил тихо Коля Сулима. — А вдруг контроль.

— Если контроль, то мы везём сбежавшую из сумасшедшего дома девушку. За это билетов не берут.

— Я всё-таки заплачу, — сказала Алиса. — Если полагается платить, то нехорошо обманывать.

— Лучше подари мне эти деньги, — сказал Ефим. — Я найду им достойное применение.

Пока он говорил, Коля Сулима достал из кармана мелочь, опустил в кассу, оторвал три билета и раздал.

— Ты знаешь, что я презираю тебя, ты труслив, как заяц, — сказал Ефим Коле.

— Презирай, — сказал Коля. — Ты же перед Алисой выбрыкиваешься. А ехал бы один, заплатил бы.

— Один бы я шёл пешком. Надо сбрасывать вес. Ты знаешь, Алиса, я на диете. Утром ем яблоко, днём пью стакан кефира.

— И все? — спросила Алиса.

— А вечером он два раза обедает, — сказал Коля Сулима.

— Возьми деньги, — сказала Алиса, протягивая деньги Коле. — Вы же за меня платили. Сколько нужно?

— Ого! — сказал Ефим. — Теперь у меня появилась уверенность, что спасённая нами незнакомка и в самом деле откуда-то сбежала. Она не знает, сколько стоит билет! Может, вы никогда ещё не были в городе?

— Фима, не приставай, — сказал Коля Сулима. — Если захочет, она сама все расскажет...

— Спасибо, — сказала Алиса.

Она подумала, что Коля вовсе не так слушается Фиму, как ей показалось вначале.

— Тебе на следующей сходить, — сказал Фима.

— А вам?

— Нам на одну дальше. Слушай, а это нечестно: мы тебе помогли, а ты нам ничего не рассказала.

— Вам в самом деле интересно узнать, почему я убежала?

— Мы даже ещё не знаем, убежала ли ты, — сказал Фима.

— Я попала в аварию, и меня привезли в больницу. Я лежала в палате вместе с подругой, а теперь подруга выписалась, и я осталась одна. Но мы договорились, что я поеду к ней после больницы. Но я не дождалась, пока меня выпишут.

— Надоело? — спросил Фима.

— Очень надоело. И я убежала. Только я не в Москве живу, поэтому пока остановлюсь у подруги.

— Я тоже один раз в больнице лежал, — сказал Фима. — Мне аденоиды удаляли. Так соскучился, ты не представляешь!

Троллейбус остановился.

— Тебе сходить, — сказал Фима.

Алиса поспешила к двери, забыв, что на ней чужая куртка. Уже в дверях вспомнила, хотела снять, но Коля сказал:

— Выходи, а то двери закроются. Я тебя провожу.

Они соскочили на тротуар, а за ними протиснулся в закрывающиеся двери Фима.

— Вы что, друзья, решили оставить меня в одиночестве? — спросил он сердито.

— Я забыла куртку отдать, — сказала Алиса, — вот Коле и пришлось слезть.

— Тебе далеко? — спросил Коля Сулима.

— Наверно, нет. Переулок Островского, дом шестнадцать.

— Пошли, — оказал Фима, — я знаю, где это.

Фима не умел ходить рядом, как все люди. Он то забегал вперёд, то отставал, то появлялся сбоку. И всё время говорил. Алиса даже пожалела, что он успел выскочить из троллейбуса.

— Ты в английской школе учишься? А какая была катастрофа, в которую ты попала? А ты долго в больнице пролежала? А я в том году чуть не утонул.

И ещё и ещё...

Алиса сначала пыталась отвечать на вопросы, но все равно не смогла вставить ни слова и перестала стараться, так как Фима был занят собственными мыслями и даже иногда сам отвечал за Алису.

Алиса переглянулась с Колей, тот только улыбнулся.

Они шли тихим, зелёным переулком. Хорошо, что ребята проводили. Неизвестно, как добралась бы Алиса без них.

— Вот ты и дома, — сказал Коля.

Дом был пятиэтажный, солидный, в глубине. Перед ним — небольшой сад с каштанами. В садике сидели бабушки с колясками.

— Спасибо, ребята, — сказала Алиса.

— Ты здесь пока жить будешь?

— Да, здесь.

— А в школу пойдёшь?

— Не знаю.

— Может, тебя до квартиры проводить?

— Спасибо, найду. Держи куртку, Коля.

Алиса попрощалась с ребятами и побежала к подъезду.

И она не слышала, как Коля сказал ей вслед:

— А из нашего класса в этом доме Юлька Грибкова живёт.

— Ого! — сказал Фима. — Конечно. И она только вчера из больницы вернулась!

8. Будем учиться вместе

Дверь открыла Мария Михайловна.

— Что случилось? — спросила она. — Что-нибудь в больнице? Ты в таком диком виде!

— Здравствуйте, — сказала Алиса. — Извините, что я пришла без приглашения.

— Проходи, — сказала Мария Михайловна. — Ты уверена, что с больницей ничего не случилось?

— Кто пришёл? — спросила из комнаты Юлька. — Это Мила?

— Ты хочешь сказать, — спросила Мария Михайловна, — что в таком диком виде шла по улицам? И тебя никто не остановил? Немедленно отправляйся в ванну, прогреешься, а я пока чай поставлю.

Юлька вышла из комнаты, увидела Алису и воскликнула:

— Глазам своим не верю! Сбежала?

— Сбежала, — сказала Алиса.

— Пошли ко мне, все расскажешь.

— Юля, ты что, не видишь, в каком Алиса виде? — спросила бабушка. — Она же практически голая. И пока она не примет ванну и не переоденется, не приставай со своими разговорами.

— Я достану вещи. Мы же почти одного роста.

— Алиса, иди за мной, — сказала бабушка.

Алиса немного опасалась, что Грибковы испугаются, когда она явится вот так, без приглашения. Позвонят в больницу, скажут: заберите беглого ребёнка.

Через полчаса Алиса в Юлькином платье сидела за столом и пила горячий чай. Заодно пришлось из профилактических соображений, как велела Мария Михайловна, проглотить таблетку аспирина.

Вот тогда и состоялся серьёзный разговор.

— Не знаю, что решит Наташа, когда вернётся с работы, — сказала Мария Михайловна, — и что бы сказал Володя, если бы не был в экспедиции на Таймыре. Но я считаю, девочки, что надо позвонить в больницу и сообщить, что Алиса жива, здорова и ничего с ней не случилось.

— Ой, бабушка, не надо! — сказала Юлька. — Они же её заберут!

— Какая безответственность! — сказала бабушка. — Неужели ты не понимаешь, что они в больнице с ума посходили. Пациентка, которая ничего не помнит, исчезла, и след простыл. Нет, я немедленно звоню в больницу.

— Если они заберут Алису, я уеду вместе с ней, — сказала Юлька. — Я её одну не оставлю.

— Никто не собирается отдавать Алису обратно в больницу, — сказала бабушка. — Если она смогла убежать и добраться до нас, значит, она здорова.

— Но они потребуют...

— Пускай только попробуют потребовать! — сказала бабушка и пошла в другую комнату искать очки, чтобы позвонить в больницу.

— Ты не трусь, Алиска, — сказала Юлька. — Она тебя отстоит.

— Я не трушу.

— Тебя пираты нашли?

— Нашли. Я думала, подожду до завтра, но они прибежали.

— Опять под видом Алика и папаши?

— Нет, он изобразил из себя больного мальчика, на костыле.

— Вот злодей!

Слышно было, как бабушка в той комнате говорила по телефону. Они замолчали, прислушались.

— Гарантируем... обещаем... не сомневайтесь... завтра же оформлю... на амбулаторное лечение...

Когда бабушка вернулась к девочкам, она сняла очки, сложила их в футляр и спросила обычновенным голосом:

— Алиса, тебе налить ещё чаю?

— Бабушка! — не выдержала Юлька. — Ты почему ничего не говоришь? Они разрешили?

— А почему они должны были не разрешить? — сказала бабушка.

— Ой, бабуся, какой ты у нас молодец! — воскликнула Юлька.

— Вместо воплей обещала бы лучше хорошо себя вести, по крайней мере на то время, пока Алиса будет здесь жить.

— Обещаю!

— Алису я об этом не прошу, потому что она куда серьёзнее тебя. Кстати, Алиса, они согласились оставить тебя здесь только на одном условии.

— На каком?

— Ты будешь ходить в больницу на осмотр и строго соблюдать режим.

— Только не сегодня, — сказала Юлька. — Сегодня она будет отдыхать от режима.

— Я не настаиваю. Сегодня я сама её никуда не пушу, — сказала бабушка. Потом налила себе чаю, улыбнулась и добавила: — Они были так счастливы, что Алиса нашлась, что готовы были на все согласиться. Всё-таки ты, Алиса, поступила легкомысленно. Могла хотя бы оставить записку. А ещё лучше — подождать до завтра.

— Ах, бабушка, — сказала Юлька, — если бы ты понимала, никогда бы так не говорила!

Алиса наступила ей под столом на ногу, а бабушка сказала с некоторой обидой:

— Разумеется, я ничего не понимаю и выжила из ума. Кстати, Юля, ты сделала уроки? Ты больна, но не в отпуске.

— Сделаю, сделаю.

— А Алисе дашь почитать какую-нибудь книгу. А может быть, ты, Алиса, поспишь?

— Я не хочу.

Когда Алиса с Юлькой остались вдвоём, Юлька сказала:

— А теперь расскажи подробно, как тебе удалось сбежать и, главное, как ты добралась до нас в пижаме. Ведь это с ума сойти — проехать по незнакомому городу в одной пижаме!

— Мне ребята помогли, — сказала Алиса. — Проводили до самого дома. И даже куртку дали.

Девочки уселись на диван в Юлькиной комнате, под картиной, изображающей гору Эверест. И Алиса рассказала о побеге.

— Давай подумаем, как нам тебя изобразить? — сказала Юлька, когда Алиса кончила рассказывать. — Может, ты будешь моя двоюродная сестра из далёкого города?.. Нет, давай скажем, что твои родители уехали работать за границу и поэтому ты временно живёшь у нас. Подходит?

— Мне всё равно.

— Послезавтра я иду в школу. Ты можешь меня встречать из школы, и я тебе буду показывать всех ребят.

— А ты не можешь их в гости пригласить?

— Кого? Мальчишек? Да они у нас все дураки. Кто их будет приглашать?

— Почему дураки? — удивилась Алиса.

— Возраст у них такой, — сказала Юлька. — Удивительно отсталые.

— Вот уж не думала, — сказала Алиса. — А у нас встречаются вполне приличные ребята.

— Ещё бы! — сказала Юлька. — Ведь сто лет пройдёт. Должен же быть прогресс. Наверно, они поумнеют.

— Юля! — крикнула бабушка из кухни. — Не приставай к Алисе. Ты обещала сделать уроки.

— Сейчас, бабушка, — сказала Юля.

— Я тебе помогу, — сказала Алиса.

— Боюсь, что ты только напугаешь. У вас другая программа.

— Дай учебник посмотреть.

Юлька дала ей учебник. Алиса начала его листать. Юлька достала тетрадь и ручку. Алиса не глядела на страницы.

— Ну и что? — спросила Юлька. — Вы это проходили в двадцать первом веке?

— Я о другом подумала, — сказала Алиса, откладывая книгу. — Мне мало встречать тебя после школы. Лучше прийти в класс.

— Зачем?

— Чтобы спросить их, каждого в отдельности.

— А если они не признаются?

— Тогда я должна остаться в классе.

— Но тебя первый же учитель спросит: «Ты что здесь делаешь, девочка?» Вот и кончилась твоя экспедиция.

Так бывает: думаешь, ломаешь голову, а все проблемы решаются сами собой.

Вечером Наташа позвонила Алику Борисовичу, долго с ним беседовала по телефону, потом сказала Юльке с Алисой:

— Девчата, с вашим Аликом держали большой совет. И знаете, что придумали?

— Вернуть Алису в больницу, — сказала Юлька.

Юлька, конечно, шутила, но в каждой шутке есть доля правды. Хоть она и доверяла маме, нельзя забывать, что взрослые иногда из лучших побуждений делают глупости.

— Не совсем так. Мы решили попробовать новый метод лечения.

— Какой?

— Отдать Алису в школу. Все равно учебный год продолжается, незачем Алисе терять время даром.

— А пребывание в детском коллективе, — сказала Мария Михайловна, — может послужить хорошим толчком на пути к выздоровлению.

— Вот именно, — сказала Наташа. — Остаётся только узнать, в каком классе Алиса училась раньше, до больницы.

Юлька с Алисой сказали хором:

— В шестом.

— Откуда такая резвость?

— Мы сегодня узнали, — сказала Алиса. — Я смотрела Юлькины учебники и узнала.

— Правда, — сказала Юлька. — Совершенно точно, она училась в шестом классе.

— Вот и хорошо, что ты вспомнила. Я с утра забегу в Юлькину школу и поговорю с директором. А если будет нужно, ему позвонят из больницы. И я надеюсь, что Алису временно зачислят к Юльке в класс. Вы довольны?

— Ура! — крикнула Юлька. — Ты даже не представляешь, мама, как нас с Алисой устраивает этот вариант!

— Это тоже тайна? — спросила Наташа.

— Ещё какая! — ответила Юлька.

— Надеюсь, вы ничего не взорвёте и не подожжёте. В наш век женское равноправие достигло слишком больших успехов, — сказала Мария Михайловна.

А поздно вечером, когда девчата улеглись спать, они слышали, как в соседней комнате тихо разговаривали Наташа с бабушкой.

— Жаль, что ты в своё время не завела себе ещё одного ребёнка, — сказала Мария Михайловна. — Ты обрати внимание, как Юлька тянется к Алисе. Она нуждается в сестре.

— Я тоже довольна, что они подружились, — ответила Наташа. — Алиса хорошая девочка и...

— И с трагической судьбой, — добавила бабушка.

В этот момент что-то мелькнуло за окном, и Алиса подняла голову, приглядываясь.

— Не бойся, — прошептала Юлька. — Это голуби. Тут пятый этаж. Тем сюда не забраться.

Алиса лучше знала космических пиратов и не сомневалась, что, если бы они знали, где Алиса, забрались бы и на десятый этаж.

— Они потеряли твой след, — сказала Юлька.

— Я надеюсь.

— Здорово мама придумала, — прошептала Юлька. — Если тебе трудно будет, ты не беспокойся, я тебе помогу.

— Я не беспокоюсь, — сказала Алиса. — Главное — найти миелофон и вернуться. А если я получу плохие отметки, они не считаются, потому что я ещё не родилась.

— Жалко. Я согласна, чтобы ты осталась насовсем.

9. Я её никогда не видел

Шестому классу «Б» в то утро не хотелось трудиться из-за хорошей весенней погоды. На клумбах у школы вылезла молодая трава, асфальт высох и уже был исчерчен малышами на «классики», почки раскрывались, и от них пахло свежестью и хорошим настроением.

Фима Королев поймал двух божьих коровок и устроил на подоконнике гонки на приз стенгазеты «Наш класс». Одна божья коровка была чёрная с жёлтыми точками, вторая — красная с чёрными. Они всё время расправляли крылья, собирались улететь, и Фима прижимал крылья карандашом, потому что, по правилам гонок, божьи коровки должны были бегать.

Ребята разделились на жёлтых и красных болельщиков и сильно шумели. Когда вошли Юлька с Алисой, их увидели, правда, только Катя Михайлова и Мила Руткевич. Мила, принципиальная отличница, перечитывала домашнее чтение по английскому, а Катя Михайлова, которая будет теннисисткой, читала книгу о кубке Дэвиса.

— Девочки, познакомьтесь, — сказала Юлька, — это моя подруга Алиса, мы вместе в больнице лежали.

— Очень приятно, — сказала Руткевич.

Катя Михайлова, которая к тому же и староста класса, спросила Алису:

— Ты у нас будешь учиться или просто так пришла?

— Пока поучусь.

— А тебя в журнал внесли?

— Не знаю, — сказала Алиса.

— А как твоя фамилия?

— Алиса Селезнева.

— Селезнева, — спросила Катя Михайлова, — ты каким видом спорта заниматься будешь?

— Не знаю, — сказала Алиса.

— Отстаньте от неё, — сказала Мила Руткевич. — Человек только что из больницы. Ты бы ещё на неё и общественные нагрузки взвалила!

— Ты ничего не понимаешь, — сказала Катя. — И честь класса тебе не дорога. Ты сама её не защищаешь.

— Я хорошо учусь, этим и защищаю, — сказала Мила.

— Они всегда из-за этого ссорятся, — сказала Юлька.

— Ты в волейбол играть умеешь? — спросила Катя.

— В детстве немного играла.

— Эй, ребята! — раздался дикий крик Бори Мессерера, который случайно обернулся и увидел, кто пришёл. — Юлька Грибкова вернулась без существенных частей тела!

— Остряк-самоучка, — сказала Юлька.

— Он завидует, — сказала Мила Руткевич, отбрасывая назад тяжёлую чёрную косу.

Катя Михайлова подозревала, что Мила потому не занимается спортом, что боится запутаться в собственных волосах.

Все сразу забыли о божьих коровках, окружили Юльку.

— А это что за номер? — спросил Борис Мессерер, глядя на Алису. — Вы, девушка, из Швеции по культурному обмену?

— Это Алиса Селезнева, — сказала Юлька. — Моя подруга и даже родственница. Она

пока что будет у нас учиться.

— Ребята! — воскликнул Борис. — Вы слышали? Алиса будет у нас в гостях!

Фима Королев уже собрал своих божьих коровок в спичечный коробок, выпрямился, узнал Алису и сказал самым спокойным голосом:

— Привет, Алиса. Я без тебя немного соскучился.

— Здравствуй, Фима, — сказала Алиса.

— Вы знакомы? — у Юльки чуть глаза на лоб не вылезли.

Остальные тоже удивились.

— Я до некоторой степени её спаситель, — сказал Фима.

Алиса нахмурилась, чтобы он промолчал, но Фима не понял знака.

— Я ей помог бежать в одной пижаме из сумасшедшего дома. Через забор. За нами гнались восемь санитаров со смирительной рубашкой и один профессор.

— Эх ты! — сказала Алиса и отвернулась от него.

— Трепло! — сказала Юлька.

— Я не шучу, — возмутился Фимка. — Колька Сулима может подтвердить. Там ещё англичане были... А вот и Сулима. Сулима, ты Алису узнаешь?

Сулима стоял в дверях.

— Привет! — он подошёл к своему столу, положил портфель, потом сказал:

— Здравствуй, Алиса. Здравствуй, Юлька. Я ещё позавчера додумал, что ты к Грибковым идёшь.

— Сулима, — вмешался Фима Королев, — подтверди, что Алиса из сумасшедшего дома сбежала.

— И не подумаю, — сказал Сулима.

— Спасибо, — сказала Алиса.

— Не за что. Зачем же меня благодарить, если я сказал, что считал нужным. Хорошо, что ты будешь у нас учиться.

Фима был так расстроен предательством друга, что его красные щеки стали малиновыми. Благородная Катя Михайлова сказала ему:

— Ты низкий человек, Ефим, я давно это за тобой замечала.

Юлька наклонилась к Алисе и прошептала на ухо:

— Значит, ты с одним Колей уже знакома?

— Я и сама не знала, — сказала Алиса.

Она села рядом с Катей Михайловой на свободное место.

— Тебя, наверно, спрашивать не будут, — сказала Катя. — У тебя и учебника нет.

Ребята со всех сторон смотрели на Алису. Всегда интересно, если в классе новый человек, а тут ещё странное заявление Фимы Королева, вообще-то трепача и выдумщика, но не до такой же степени, чтобы просто так сказать про новенькую, что она сбежала из сумасшедшего дома.

Зазвенел звонок, и сразу вошла Алла Сергеевна, англичанка, которая была и классной руководительницей. Она положила журнал на стол и сказала:

— С сегодняшнего дня в классе будет заниматься Алиса Селезнева. Где Алиса?

Алиса встала.

— Я надеюсь, что вы уже познакомились?

— Фима Королев с ней ещё позавчера познакомился, — сказал Боря Мессерер. — При драматических обстоятельствах.

— Выяснение этих проблем мы оставим на свободное время, а сейчас перейдём к уроку.

На дом задавали длинный текст о Лондоне с массой новых слов, и Алла Сергеевна сразу вызвала Фиму Королева. А у Фимы голова была занята совсем другим, он начал читать, на второй фразе завяз, засох и завертел головой, надеясь услышать чью-нибудь подсказку. Но подсказывать было некому. Мила Руткевич не подсказывала принципиально. Юлька была на Фиму зла, а другие, которые могли бы подсказать, ещё не включились в урок — смотрели в окно, где летали скворцы, раскрывали книжки, глазели на Алису, думали о своих делах...

— Ну что же, Королев? — спросила Алла Сергеевна ангельским голосом. — География Лондона вам мало знакома?

Сказала она это, разумеется, по-английски, и Королев, который все внимание ухлопал на то, чтобы услышать подсказку, ничего не понял и сказал «да». Он вообще считал, что с учителями лучше всего сразу соглашаться.

— Кто поможет Королеву? — спросила Алла Сергеевна.

Мила Руткевич, разумеется, подняла руку, потому что она всегда и все знала. Она была из таких отличниц, про которых говорят, что они с первого класса нацелены на золотую медаль. И учителям даже неудобно было ей ставить четвёрки. Её вызывали реже всех в классе — что вызывать, если она и так все знает. Иногда учителя приберегали Милу на закуску: вот, например, попадётся трудная задача или формула, никто не знает, тогда можно сказать: «Руткевич»

— и Руткевич тут как тут. А если уж Руткевич не ответила, значит, можно никого и не спрашивать. Вот и сейчас — Руткевич подняла руку, но Алла её вызывать не стала, а спросила:

— Ну, а ещё кто-нибудь?

Алиса в это время сидела и читала текст без словаря, будто для собственного удовольствия, хотя, как известно, тексты в учебнике ни один человек не читает для собственного удовольствия.

— Садовский, — сказала Алла, — ты сегодня задумчивый. Может, расскажешь нам о Лондоне?

— Нет, — сказал, поднимаясь, высокий темно-рыжий парень с белым веснушчатым лицом.

Был он не то чтобы толстый, но и не тонкий, скорее мягкий. Его голубые глаза были окружены рыжими густыми ресницами. И говорил он серьёзно и медленно — казалось, что он всегда секретничает, даже когда отвечает домашнее задание.

— Нет, — повторил он печально. — Я не смогу ответить. Это совершенно исключено.

— Постарайся выразить свою мысль по-английски, — попросила Алла, которая давно уже знала все штучки Садовского.

— Это он? — спросила Юлька, которая сидела за Катей Михайловой.

Алиса, не оборачиваясь, отрицательно покачала головой. Такого рыжего человека вряд ли нужно искать. Если бы он забирался в будущее, и пираты и Алиса отыскали бы его в два счета.

— Я по-английски не смогу, — сказал ещё более печально Садовский. — Я не выпался.

— Почему?

— Я провёл ночь в милиции, — сказал Садовский. — Я был арестован, и за дело.

— Что же ты натворил?

— Как всегда, — сказал Садовский, — я заботился о людях. Этого не поняли.

— Конкретнее, — сказала Алла. И нахмурилась.

— Я пожалел тѣк, кто гуляет парочками по лесу в Сокольниках. Им не на чём посидеть.

Все скамейки стоят на нашем бульваре.

— Очень похвально, — сказала Алла. — Садись.

— Сейчас, только доскажу, а то вы меня неправильно поймѣте. Как и милиция. Я решил посвятить ночь заботе о людях. Я носил скамейки с Гоголевского бульвара в ближайšie леса. Я успел перенести девяносто три скамейки. И когда я, чтобы ускорить дело, взял сразу две скамейки, меня остановил на Смоленской площади милиционер и отвѣл в милицию. Остаток ночи я переносил скамейки обратно. Это очень трудно. Каждая скамейка весит около ста двадцати килограммов.

Алла покорно выслушала все и сказала:

— Вот что, Садовский. Если ты мне эту трогательную историю сможешь пересказать, хотя бы вкратце, по-английски, ты спасѣн. Если нет — получаешь двойку. Подумай.

Садовский думал целую минуту. Потом вздохнул и сел.

— Отказываешься? — спросила Алла, отыскивая в журнале его фамилию.

— Я забыл, как по-английски скамейка... И ещё несколько слов.

Люди, которые не знали Колю Садовского, могли бы подумать при встрече с ним, что он лгун. Ничего подобного. Просто у Садовского было странное воображение. Оно его уносило в фантастические дали, и он сам не знал, где правда, а где ложь. Воображение часто ставило его в дурацкое положение, а порой приводило к неприятностям. И учился он так себе, хотя мог учиться неплохо. Иногда ему казалось, что он все уроки уже сделал на неделю вперѣд, хотя в самом деле такого с ним ни разу не случилось.

Нет, подумала Алиса, он в будущем не был. И не только потому, что он был рыжим. Он бы, наверно, решил, что будущее ему только приснилось, и всем бы рассказал о нём.

Следующей своей жертвой Алла Сергеевна выбрала Катю Михайлову. Катя хорошо учится, но на этот раз её мысли были заняты кубком Дэвиса по теннису, и она отвечала вяло, кое-как, а когда Алла перебила её и спросила, что же представляет лондонский Тауэр, Катя сказала:

— Тауэр — это башня.

— Какая башня? — спросила Алла.

Катя пожалала плечами. Не все ли равно, какая там башня!

— Кто дополнит? — спросила Алла.

— Тауэр — это замок, — сказала Алиса, не поднимаясь с места.

Она сказала это по-английски, и все удивились, потому что никто не ожидал, что новенькая станет отвечать.

— Встань, когда отвечаешь, — сказала Алла.

— Что? — Алиса не поняла.

— А разве у вас в школе не встают, когда отвечают урок? — спросила Алла.

— Нет, — сказала Алиса, — у нас не встают.

В классе засмеялись, но Алла сделала вид, что её это не касается, и сказала:

— Тем не менее встань.

Алиса встала и стала рассказывать по-английски про замок Тауэр, в котором раньше жили английские короли, и про реку Темзу, которая течёт у этого замка.

— Ой, — прошептала Юлька своей соседке Кате Михайловой, — она по-английски лучше говорит, чем Алла!

— Очень хорошо, — сказала Алла, когда Алиса кончила говорить. — Селезнева может служить вам примером. Ты, Алиса, изучала английский язык вне школы?

— Да, — сказала Алиса. — Языки я изучала до школы.

— Ты знаешь и другие языки?

— Я не очень способная, — сказала Алиса. — Я знаю только восемь языков.

— Какие? — спросила Алла.

В классе стояла гробовая тишина. Смысл разговора был ясен всем, даже самым отстающим.

— Немецкий, финский, чешский, французский, хинди, китайский... японский и... и ещё один.

— Ух ты! — сказал Фима Королев. — Скажи нам что-нибудь по-японски.

Все зашумели, стали просить Алису... только одна Мила Руткевич была недовольна, потому что в этот момент она перестала быть первой ученицей в классе, а это неприятно.

— Садись, Селезнева, — сказала Алла, будто ничего не произошло.

— Проверьте её, проверьте! — сказал Коля Садовский.

— Садовский, тебя мы сегодня уже слышали, — сказала Алла. — Теперь дай выступить другим.

Она вызвала Милу Руткевич, а к Алисе пришли две записки.

Первая была от Бори Мессерера.

В ней было написано: «Вы бывали в Англии, мадам?»

Вторую написала Лариса Троепольская, которая к языкам была неспособная, зато у неё были большие голубые глаза. Учителя и родители утешали себя тем, что с такими красивыми глазами Лариса и без образования как-нибудь не пропадёт.

«Алиса, — было написано в записке. — Я очень хотела бы с вами познакомиться и дружить. Мы могли бы вместе заниматься по разным предметам. Ответьте мне на перемене. Лариса».

На перемене Боря Мессерер первым подошёл к Алисе и сказал:

— Про Лондон это я писал.

Боря Мессерер был маленький, курчавый, напористый. Он хотел стать художником и на всех рисовал карикатуры, правда не очень похожие.

— Ну и что? — спросила Алиса. Ей было некогда.

— Ты бывала в Лондоне или нет?

— Конечно, бывала.

— Я так и думал, — сказал Боря. — Вот тебе мой рисунок.

На карикатуре была нарисована Алиса с крыльшками, над башнями. Совсем не похоже.

— Это ты в Лондоне, — сказал Боря.

— Спасибо, — сказала Алиса.

Подошла Лариса, взмахнула ресницами по полметра длиной и сказала:

— Вы не против со мной дружить?

Но Ларису оттеснил Фима Королев.

— Алиса, — сказал он на правах старого друга, — ты после школы что делаешь? Мы в кино собрались...

— Мне не хочется с тобой в кино идти.

— Слушай, не обижайся, я же пошутил.

Тут Алиса увидела Юльку.

— Ты куда задевалась? — спросила она.

— Я тобой недовольна, — сказала Юлька, отводя её в сторону.

— Почему?

— Ты себя выдаёшь. Зачем с языками вылезла? Теперь вся школа будет говорить.

— Нет, Юлька, — сказала Алиса, — я не согласна. Я считаю, если можно не врать, то лучше не врать. Я уже так завралась, на три года вперёд норму перевыполнила.

— Как знаешь. Ну, что скажешь?

— Я только двоих пока знаю. Сулиму и Садовского.

— И как твоё мнение?

— Я не думаю, что это Сулима, — сказала Алиса. — Он очень скромный и вообще вряд ли стал бы бегать за пиратами.

— Я тоже на него не думаю, — сказала Юлька. — А вот Садовский — это фрукт. Он что хочешь может натворить.

— Но он рыжий. Покажи мне Наумова.

— Ага, вот он идёт. Позвать?

— Позови. Он всё равно меня уже видел.

— Наумов! — позвала Юля. — Подойди сюда.

Наумов был самый обыкновенный парень, немного курносый, среднего роста, худой, но довольно крепкий. Алиса посмотрела на него в упор.

— Чего вам? — спросил он.

— Я хотела тебя познакомить с моей подругой. Ты раньше с ней не встречался?

Коля Наумов пожал плечами:

— Где я мог встречаться? Больше вопросов нет?

— Вопросов нет, — сказала Юлька.

— Тогда у меня вопрос, — сказал он. — Катя Михайлова говорила, что сегодня волейбол. Не забудьте, ясно?

Когда он отошёл, Юлька спросила:

— Ну, он? Как ты думаешь?

— Может, и он, — сказала Алиса. — Но видишь, он не признается, что меня знает.

— На следующей перемене, — сказала Юля, — спросишь остальных. Зачем время терять?

Так Алиса и сделала.

Между вторым и третьим уроком она подошла к Коле Сулиме и спросила его:

— Коля, а мы раньше нигде не встречались? Мне твоё лицо знакомо.

Коля заложил пальцем страницу учебника шахматных дебютов, посмотрел внимательно на Алису и ответил:

— Ты ошибаешься. Мы с тобой впервые встретились позавчера. У меня хорошая зрительная память.

А с Колей Садовским получилась совсем странная беседа. Он сам подошёл к Юльке с Алисой после третьего урока и сказал, рассеянно глядя ей в переносицу:

— Знаешь, что я думаю?

— Что?

— Я думаю, что ты к нам приехала из будущего, — сказал он. — У тебя есть машина

времени, переделанная из велосипеда.

Юлька ахнула. И поспешила сказать:

— У Алисы нет велосипеда.

— Я имею в виду трехколесный, — сказал Садовский. — Ты же мне давала покататься позавчера.

— Где? — спросила Юлька.

Она была настороже. Хоть Садовский и выдумщик номер один, уж очень его выдумка была близка к правде.

— Как где? — Коля посмотрел на Юльку, как будто не узнал, и объявил: — На Курильских островах. Где же ещё? Ну ладно, у меня дела. Меня могут спросить на следующем уроке, а я не знаю, что за урок.

Садовский ушёл, а Юлька вцепилась Алисе в рукав.

— Что делать? — прошептала она.

— Ничего не делать. В следующий раз он скажет, что я прилетела с Луны,

— сказала Алиса. — Теперь уж я ничего не понимаю.

Зазвенел звонок, надо было идти на географию. Подошла Катя и сказала Юльке:

— Грибкова, не забывай, мы сегодня с седьмым «А» играем.

— Мне сегодня ещё нельзя, — сказала Юлька. — Шов разойдётся.

— Ну, приходи поболеть. Не представляю, что будем делать!

— Мы все равно проиграем, — сказала Юлька. — Особенно женская команда.

10. Запасной игрок

Играли в физкультурном зале, потому что на улице ещё было холодно.

Когда класс ввалился в зал, там ещё не кончилась встреча между шестым «А» и седьмым «Б». Физкультурник Эдуард велел не шуметь. Он сразу обратил внимание на Алису.

— А это кто? — спросил он. — Варяг?

— Почему варяг? — удивилась Юлька. — Это моя двоюродная сестра. Она теперь у нас в классе учится.

— Беру свои слова обратно. Рост у тебя хороший. Как фамилия?

— Селезнева.

— Спортом заниматься будешь?

— Буду, — сказала Алиса.

— Ну, а что предпочитаешь?

— Я пузыристка, — сказала Алиса и осеклась: проговорила.

— Это что ещё за шутки? — спросил Эдуард строго.

Он был человек доверчивый и наивный, его легко было надуть, он это знал и к розыгрышам, шуткам и выдумкам относился подозрительно. Поэтому его ещё легче было разыгрывать. Вообще-то он был борец, тяжеловес, а как бросил спорт, растолстел, облысел и совсем не был похож на спортсмена. Хотя все знали, что он удивительно сильный.

— Я оговорила, — сказала Алиса. — Простите. Я хотела сказать парашютистка.

— Ясно, шутки любишь, — сказал Эдуард и сразу потерял к Алисе интерес. Лучше не связываться.

Но Фима Королев, который уже разделся, чтобы играть, этот разговор подслушал.

— Ты не врешь про парашют? — спросил он.

— Не вру.

— А разве таким маленьким разрешают?

— У нас разрешают.

— Что это все — у нас да у нас? Где у вас, на Луне?

— И на Луне тоже, — сказала Алиса.

Подошёл Коля Наумов, он был капитаном у мальчиков.

— Трудно нам придётся, — сказал он Юльке.

— Почему? — спросила Алиса.

— А посмотри вон на того. — он показал на парня из седьмого «А», два метра ростом.

— Не человек, а сплошная акселерация, — сказала Юлька.

Алиса посмотрела на Колю Наумова в упор и спросила:

— Как ты думаешь, в будущем все будут такие высокие?

— Что ты знаешь о будущем? — удивился Наумов. — Может, наоборот, люди снова начнут уменьшаться.

— А ты сам хотел бы посмотреть?

— Мне и здесь дел по горло, — сказал Наумов.

Эдуард достал свисток, очень маленький по сравнению с его ручищей, но свист был пронзительный.

— На разминку! Первыми играют девочки.

— Жалко, что мне нельзя, — сказала Юлька.

— Это не последняя игра.

Сначала подавала Катя Михайлова. Подала она хорошо, на той стороне вообще мяч не смогли взять. Но вторую подачу приняли, и, когда мяч прилетел обратно, Лариса Троепольская благополучно пропустила его между пальцами и удивлённо посмотрела на свои руки, будто не могла поверить в такое предательство.

Дальше игра шла совсем не в пользу шестого «Б». Играть умели, в сущности, только Катя и Лена Домбазова, а Лариса только мешала. Первую партию проиграли 5:15. Семиклассники хохотали и вслух издевались, ребята из шестого «Б» огрызались, но не очень — все, в сущности, ясно. В перерыве Катя устроила Ларисе скандал:

— Лучше бы тебя вообще не было! Сама не играешь и другим мешаешь. Я бы последний мяч взяла. Говорю тебе — отойди, а ты?

— Что я? Я отошла, — сказала Лариса. Глаза её наполнились голубыми слезами.

Даже Эдуарду стало её жалко, и он сказал:

— Здесь мастеров нет, разница между Ларисой и тобой, Михайлова, непринципиальная.

Но тут Лариса решила, что самое время смертельно обидеться.

— Пожалуйста, — сказала она, — я не буду мешать. Играйте в своё удовольствие.

— Девчата, прекратите! — сказал Коля Наумов. — Вы же не можете впятером играть.

— Скоро вы там? — спросила капитанша команды седьмого «А».

А тот, длинный, жертва акселерации, к которому уже приходил тренер из настоящей баскетбольной команды, добавил:

— Встреча кончилась после первого раунда за явным преимуществом.

— Нет, — сказала Лариса, — я наотрез отказываюсь. У меня нога болит.

— Ты наотрез, — возмутилась Катя Михайлова, — а класс пускай проигрывает?

— Тогда или я, или ты.

Семиклассники смеялись, чуть на пол не падали от смеха.

— Сыграем без неё, — сказала Катя. — Ничего страшного. Мы с ней потом поговорим.

— Впятером нельзя, — сказал Эдуард. — Тогда я снимаю команду с соревнований.

Юлька посмотрела на Алису и спросила тихо:

— Ты посмотрела? Может, выйдешь, а?

Алиса встала.

— Ладно, — сказала она. — Только я не в форме.

— Сейчас все сделаем, — обрадовалась Катя Михайлова. — Эдуард Петрович, у нас запасная. Только она сейчас переоденется, хорошо?

— Мы не будем ждать! — крикнула семиклассница.

— Я одну минуту, — сказала Алиса, и они с Катей побежали в раздевалку.

Когда Алиса вышла на площадку, все заметили, что она очень загорелая и стройная.

— Где успела на пляже полежать? — крикнул Садовский. — На Венере была?

— Разбегайтесь, противники! — завопил семиклассник — жертва акселерации. — Сдавайтесь, пока не поздно! Чемпион мира на площадке!

— Я стану на подачу, — сказала Катя, которая ещё не доверяла Алисе. — А ты стой поближе к сетке. И старайся играть двумя руками сразу.

— Хорошо, — кивнула Алиса.

— Начали! — сказал Эдуард.

Подавали семиклассницы. Мяч приняла Катя, но он был сильный, и поэтому она отбила его далеко за площадку. Один — ноль.

Вторую подачу Катя приняла правильно, и мяч свечкой поднялся высоко над площадкой. Лена Домбазова хотела перекинуть его на ту сторону, но Алиса вдруг крикнула ей:

— Пасуй мне!

Лена осторожно подставила руки, и мяч снова взлетел вверх. Алиса подпрыгнула так высоко, словно у неё в тапочках были резиновые пружины, рука её поднялась, пальцы только чуть коснулись мяча, и он, как ядро из пушки, под острым углом врезался в площадку семиклассниц и рикошетом отлетел к дальней стене.

— Молодец! — сказала Катя. — Так держать, Алиска!

Свои начали аплодировать, хотя думали, что это получилось случайно.

Теперь подавала Лена. Подавала она так себе. Мяч полетел высоко, принять его было легко, и семиклассницы отбили подачу. Но на этот раз Алиса не стала ждать, пока мяч придёт к ней от кого-нибудь, а подпрыгнула у сетки, достала его, и он почти отвесно ударился в пол.

— Нечестно! — закричали семиклассники. — Она на нашу сторону залезла!

— Спокойствие! — перекричал всех Эдуард. — Мне виднее. Мяч засчитан.

Когда Алиса забила таким образом ещё пять мячей и стало ясно, что ничего с ней семиклассницы поделать не смогут, они потребовали у судьи тайм-аут и заявили:

— Она вообще не из ихнего класса. Мы её раньше не видели.

— Хотите, классный журнал покажем? — спросила Катя Михайлова.

— Она наша! Наша! Наша! — кричали ребята. — Се-лез-не-ва! Моло-дец!

Пришлось игру продолжать, а когда шестиклассницы выиграли и эту партию и третью, решающую, тот, длинный, сказал своим, но так, чтобы все слышали:

— Она переодетый парень. Я вам точно говорю. Я её видел, она на Арбате живёт.

А Алису окружили ребята из шестого «Б» и хотели качать, но Алиса сказала:

— Не надо, я совсем мокрая, давно не играла.

— Ты в спортивной школе занимаешься? — спросил Фима. — Или у вас все так играют?

— Большинство, — сказала Алиса.

— Я ломаю голову, — сказал Фима Королев. — Что это за город такой...

Алиса ничего не ответила, а пошла с девчатами в душ.

Когда они вернулись, мальчики уже проигрывали.

— Эдуард Петрович, — сказал Коля Наумов, когда счёт был двенадцать — пять в пользу семиклассников. — Может один и тот же игрок в двух командах играть?

Семиклассники засвистели, загоготали, изображая полное презрение, а Эдуард Петрович ответил:

— Постыдись, мужчина!

— При чём здесь мужчина? — сказал Фима Королев, который в майке и трусах казался ещё круглее и помидористей, чем в костюме. — У нас в классе полное равноправие.

Но Эдуард не разрешил Алисе снова выходить на площадку, и ребята проиграли. В общем, встреча закончилась вничью, но так как девчата выиграли 2:1, а ребята проиграли 0:2, в финал вышли все равно семиклассники.

Когда собирались домой, ждали ребят, Катя спросила:

— Чего же ты раньше, Селезнева, не созналась? Вышла бы с самого начала вместо этой хрюшки, все бы иначе сложилось.

— Это кто хрюшка? — спросила Лариса сладким голоском. — Может быть, ты уточнишь?

— И не желаю уточнять, — сказала Катя. — Что я сказала, то и слышала.

Катя человек прямой, и лучше с ней не спорить. Лариса и не стала спорить, но подумала, что ей что-то не нравится эта выскочка Алиса.

А Эдуард Петрович спросил:

— А ты лёгкой атлетикой занималась?

— Не специально, — сказала Алиса. — Просто в школе вместе с ребятами...

— Ясно, — сказал Эдуард. — Завтра после уроков жду тебя на стадионе. Наша школа выступает в районных соревнованиях. Не подведёшь?

— Не подведёт, — ответила за Алису Катя.

Из школы Алиса с Юлькой шли не спеша. Юлька вспоминала волейбольные эпизоды. Она уже не сердилась на Алису, что та слишком показывает свои будущие способности: считала, что Алиса правильно сделала, помогая своему классу выиграть у этих гордых семиклассников.

— Я теперь предпочитаю, чтобы ты своего Колю подольше не нашла, — сказала Юлька. — Ты для нашего класса находка. Может, не будем спешить? Тем более, они не сознаются.

— Не говори глупостей! Мы же с тобой не в игрушки играем.

— Так что же будем делать, Шерлок Холмс?

Они уже почти что подошли к дому. Вдруг Алиса схватила Юльку за рукав и прошептала:

— Скорей!

Она втащила её в подъезд и прижалась к стене.

— Что такое?

— Не высовывайся!

По тротуару шлёпали тяжёлые шаги. Сквозь стекло двери они увидели Весельчака У. Толстяк спешил, оглядывался, почти бежал.

— Он нас видел, — прошептала Алиса. — Но теперь потерял.

Шаги замерли у подъезда.

— Скорей сюда! — сказала Юлька. — У этого подъезда есть чёрный ход, на двор.

Они выскочили во двор, пересекли его, выбежали через ворота в другой переулок и, только когда полностью сбили пирата со следа, остановились перевести дух.

— Ну, что ты на это скажешь? — спросила Алиса.

— Ты подозреваешь, что они выследили нас у школы?

— Надеюсь, что нет. Но не сегодня-завтра выследят. Ты же забываешь, что мы имеем дело со взрослыми бандитами.

— Да, — вздохнула Юлька, — забываю. Как-то не приходилось раньше сталкиваться.

— Я бы подошла к этому проклятому Коле, — сказала Алиса, — и объяснила бы ему: лучше отдай миелофон, потому что если до тебя доберутся пираты... но он всё равно не поверит.

— Конечно, не поверит, — сказала Юлька. — А вдруг поверит?

11. Это бандит из будущего!

Боря Мессерер увязался было за Колей и Фимой Королёвым, но Коля сказал, что они идут к Фиме делать уроки. Боре была ненавистна сама мысль о том, чтобы делать уроки по доброй воле. И он тут же слинял.

— Посидим на бульваре, — сказал Коля.

— Нужно поговорить? — спросил Фима.

— Нужно.

Они сели на скамейку. Коля огляделся, не подслушивают ли их.

— Ты чего дёргаешься?

— Если бы ты знал... — и Коля замолчал.

Фима не мог молчать долго. К тому же у него голова была занята событиями последнего дня.

— Как тебе Алиса? Стоящий товарищ, а? — спросил он.

— Вот именно, — сказал Коля.

— Что?

— Она меня ищет, — сказал Коля.

— Чего?

— Ищет.

— Зачем тебя искать, если ты весь на виду.

— Я в такое попал положение, что никому не расскажешь.

— Да говори же, чего ты натворил?

— Я попал в ужасную историю.

— Прямо сейчас слезы потекут, — сказал Фима. — Смотреть на тебя грустно. При чём здесь Алиса? Она же только позавчера в наших краях появилась.

— Нет, она раньше появилась. Она сначала в больнице лежала вместе с Грибковой и всех там одурачила. Все поверили, что она обычная девчонка.

— А она необычная?

— Ты сегодня разве в школе не был? Не слышал, как она про Лондон шпарила, ты не обратил внимания, что она японский язык знает?

— Ну, про японский она приврала.

— Я ей верю.

— Значит, она языковой гений, — сказал Фима. — Но это ещё ни о чём не говорит.

— А на волейболе ты был? Ты видел когда-нибудь, чтобы девчонки так в волейбол играли?

— В настоящих командах куда лучше играют.

— То в настоящих командах, а она в школьной. Она специально приехала, чтобы меня найти.

— Так что же до сих пор не нашла?

— Потому что она не знает, что я — это я. Она меня вблизи не видела.

— А зачем ты ей понадобился?

— Потому что она не наша!

— Как не наша? Она по-русски говорит, как мы с тобой.

— Ну и что? Я не это имел в виду...

— Стой! — Фима даже вскочил на скамейку. — Она с другой планеты? Как же я с самого начала не догадался! Конечно же, она разведчик с другой планеты. Они специально его в девочку переодели и устроили в обычную школу. Она выведает все наши тайны, и начнётся вторжение на Землю.

— погоди ты со своими фантазиями! Никакая она не пришелец, а самая обыкновенная.

— Тогда чего же ты огород городишь?

— А потому, что она из будущего.

— Откуда?

— Из будущего. Она живёт через сто лет!

— Честное слово?

— Зачем я буду тебе врать? Я её там собственными глазами видел.

— Где?

— В будущем, где же ещё.

— Ты меня сведёшь с ума! — сказал Фима Королев. Он даже вспотел от волнения, хотя было совсем не жарко. — А как ты очутился в будущем?

— Есть некоторые вещи, которые я рассказать не могу. Но это не значит, что не доверяю. Просто я столько всего натворил, что опасно тебя впутывать.

— Мне не опасно, — сказал Фима. — Как-нибудь справлюсь. Ты о себе беспокойся.

— И беспокоюсь. Но ты будешь слушать?

— Конечно. Слушаю.

— Значит, я попал в будущее... Стой!

— Что такое?

Боком, боком Коля быстро сполз со скамейки и спрятался за неё. Фима перегнулся назад через спинку и спросил:

— Ты совсем спятил?

— Не смотри на меня! Сиди, как будто ты один. Я погиб!

Тон был такой, что Фима понял — не до шуток. Он достал из портфеля книжку, раскрыл её, спросил, не поворачивая головы и стараясь не шевелить губами:

— Кто?

В ответ из-за скамейки послышался шёпот:

— Видишь, толстый идёт по аллее?

По аллее медленно шёл толстяк объёмом в три человека, в тёмных очках и длинном плаще почти до самой земли. Несмотря на толщину, он шёл быстро и всё время вертел головой, словно кого-то высматривал. Поравнявшись с Фимой, толстяк внимательно осмотрел его, но Колю не заметил.

Но когда толстяк уже прошёл мимо, чуть все не погибло. Коля вдруг оглушительно чихнул, так что Фима от неожиданности подпрыгнул.

Толстяк остановился и обернулся.

Фима стал вытирать нос ладонью, делать вид, что это он чихал.

— Извините, — сказал он толстяку.

Толстяк вздохнул и пошёл дальше.

Наконец Коля осмелился вылезти из-под скамейки.

— Мы чуть не попались, — сказал он.

— Это мне скажи спасибо. Ты чихал, а я за тебя насморк изображал. Кто этот человек?

— Пойдём скорей. Здесь второй может быть. А я его не помню, он маленький, незаметный.

Они перескочили через ограду бульвара и вбежали в ворота какого-то дома.

— Скажи, кто они? Или это тоже тайна?

— Нет, не тайна. Но я погиб. Я думал, что только Алиса за мной охотится, а оказалось, и они тоже.

— Кто же они?

— Как кто? Бандиты из будущего. Может, вообще с другой планеты.

— Правильно, — сказал Фима. — Я в его походке почувствовал что-то неземное.

— Ничего ты не почувствовал. Если бы я не сказал, ни за что бы ты не догадался.

— Куда дальше побежим? — спросил Фима. — Много их ещё за тобой гоняются?

— Не знаю. Может, ещё кто-нибудь. Но тех я не видел.

— И что же им в тебе не нравится? Физиономия?

— Молчи!

— Я знаю, — сказал Фима. — Ты украл секрет вечной молодости из будущего. Вот они и хотят...

Коля осторожно выглянул из подворотни.

— Вроде чисто.

— А дальше что?

— Пойдём ко мне. Я тебе кое-что покажу. А то ведь ты не поверишь.

— Почему на поверю? — спросил Фима. — Обязательно поверю. И что ты вчера во сне на Марс летал, поверю, и что твоя бабушка живёт на Гавайских островах, поверю.

Коля с ним спорить не стал. Они прошли проходным двором на Сивцев Вражек, причём Коля всё время оглядывался.

Фима глядел на него с иронией. А что ему оставалось, кроме иронии? С одной стороны, интересно поверить, с другой — попробуй поверь, когда тебе говорят, что побывали в будущем, гоняли на машине времени, а теперь спасаются от людей оттуда. Да ещё девчонка

из их класса тоже переодетый человек из будущего.

Они поднялись на второй этаж. Коля отпер дверь.

— Никого нету. Мои старики на работе. Пошли за мной.

— Ты посмотри сначала в холодильнике, — сказал Фима, — что там есть. Я жутко голодный. Ведь я домой собирался, а там уже обед готов.

— Нет, ты не романтик, — сказал Коля, но пошёл на кухню.

На столе лежала записка от Колиной мамы со всеми указаниями — что разогревать, а что варить.

— Когда я голодный, я совершенно не романтик, — сказал Фима Королев. — И вообще голодных романтиков, по-моему, не бывает.

— Ты не разбираешься в жизни, — сказал Коля. — Романтики, как правило, голодные. А тебе хоть быка скорми... Холодный суп будешь есть?

— Лучше начнём с котлет. А ты рассказывай.

12. Рассказ и вещественные доказательства

Пока Коля рассказывал о своём путешествии в будущее, Фима незаметно съел все котлеты — и те, что были оставлены Коле, и те, что мать поджарила себе с отцом. Но Коля не заметил опустошения, произведённого Фимой, потому что был так поглощён своими воспоминаниями, что Фима мог бы съесть и холодильник заодно с продуктами.

Человеку всегда хочется поделиться тайной. И чем тайна удивительнее и заветней, тем больше хочется её рассказать. Человек отлично понимает, что надо молчать — его спасение в молчании, а сам носит в себе тайну, как бомбу замедленного действия, пока не взорвётся. Если бы Алиса не пришла в школу, Коля, может, и удержался бы. Но сначала Алиса, потом толстяк-бандит — слишком много для одного человека. Тут уж без наперсника не проживёшь.

Фима слушал как заворожённый. Он и котлеты сожрал от волнения. Ел и не замечал, что делает. Иногда только говорил: «Ну!», или: «Чего же ты!», или: «Дурак!»

— Вот тогда я выскочил из его квартиры, — закончил Коля свой рассказ. — Примчался домой, все спрятал и думал — обошлось. Ты мне веришь?

— Верю, — сказал Фима, откусывая сразу половину батона. Его красные щеки блестели, как лакированные. — Ты бы такое не придумал. Даже я не смог бы придумать.

— Если ты эту тайну выдашь...

— А я и не собирался. К тому же таких легковых, как я, ты не найдёшь.

— И что ты скажешь?

— Что я скажу? Почему ты сразу или на следующий день этот аппарат не вернул обратно? Зашёл бы в машину, вышел там, положил на столик, оставил бы записку: «Простите за беспокойство». Только тебя и видели.

— Не мог, — сказал Коля. — Ключ мать взяла. Она, оказывается, в больницу звонила, спрашивала, как там сосед, а он ей передал, чтобы она ключ, кроме его друга, никому, даже мне не давала. Видно, он вспомнил, что машина времени открыта. Вот мать куда-то и спрятала ключ. Наверно, на работу с собой носит.

— Ты бы ночью посмотрел.

— Смотрел. Не получилось.

Они помолчали. И вдруг Фима спросил:

— Где этот аппарат?

— Я тебе не только аппарат могу показать. У меня и другие доказательства есть.

— Чего же ты молчишь? Показывай.

Коля вытащил из ящика стола папиросную коробку. В ней лежали трофеи, привезённые из будущего.

— Сначала вот это. — он достал золотую звёздочку. — Знаешь, что это такое?

— Звёздочка.

— Личный подарок космонавта дальнего плавания капитана Полоскова. Каждая звёздочка на груди означает число звёздных экспедиций. Ясно?

— Ясно.

— Теперь вот это. Высохло только, но все равно угадать можно.

— Банановая кожура.

— Ты гений, Фима. Точно, это банановая кожура. Но не сегодняшняя. Со станции юных биологов на Гоголевском бульваре.

— А что, под открытым небом растут?
— Будут расти. И обезьяны будут прыгать.
— А банан ты съел?
— Банан на следующий день пришлось съесть, чтобы не сгнил.
— Кстати, если бы я побывал в будущем, хоть бананом бы своего друга угостил.
— Я боялся тайну выдать, а не от жадности.
— Всегда так, — сказал Фима. — Когда друг не нужен, о нём забывают. А когда надо спастись, — где ты, друг? Спешу на помощь!
— Ладно уж. Дальше показывать?
— Показывай.
— Держи. Узнаешь?
— Бублик. Сухой совсем.
— Это растительный бублик, скороспелый, Аркаша вывел.
— Откусить можно?
— Погоди. Ты уже батон съел. А это, как ты думаешь, что такое?
— Камень.
— Просто камень?
— Откуда я знаю! Я скажу, что просто камень, а ты скажешь, что это марсианский алмаз.
— Ты почти угадал. Великая девица Милена Митина, кстати, моя землячка, из Конотопа, привезла его из гастрольной поездки по Галактике и мне подарила.
— Погоди, Коля, ты разве из Конотопа?
— Нет, это она из Конотопа.
— А почему тогда она твоя землячка?
— Потому что там, в будущем, я был из Конотопа.
— И тебе верили?
— Не всегда.
— Ну ладно. Что ещё привёз?
— А недостаточно? Вот листок, сухой, с быстрорастущего бубличного дерева...
— Я тебе, конечно, верю, но что ты мне показал? Золотую звёздочку с военного погона, кожуру банана, бублик, сухой лист и камень. Если кто засомневается, он тебе в два счета докажет, что ты в будущем не был, а все придумал.
— Но ведь... — Коля посмотрел на свои сокровища чужими глазами, и его в самом деле взяло сомнение. — Но ведь ты-то веришь...
— Верю, — твёрдо сказал Фима. — Если ты ещё чего покажешь.
— Тогда поклянись страшной клятвой, что никому не скажешь.
— Тоже мне романтик! Так только в детских книжках разговаривают.
— Ладно, дай слово.
— Я уже давал.
Коля вздохнул и полез под письменный стол, где стоял ящик с инструментами, остатками переиспользованного детского конструктора, проводами, сломанными выключателями и прочими ценными вещами. Внизу лежала коробка из-под туфель. В ней под слоем мелких деталей — чёрная сумка с ремешком через плечо.
— Ну вот, смотри, только не сломай.
Фима посмотрел, взвесил на ладонях.

— А как работает? — спросил он.

— Просто.

Коля повесил сумку через плечо, приоткрыл крышку, достал оттуда тонкий провод с наушником на конце, вставил его в ухо и сказал:

— Можно приступать к работе.

— А откуда ты знаешь, как он действует?

— У них машины довольно простые, минимум деталей. Я видел, как Алиса работала, а дома немного испытал.

— Ну, и о чём я сейчас думаю? — спросил Фима, стараясь ни о чём не думать.

— А чего на тебя настраивать? — сказал Коля. — Ты думаешь, как бы самому попробовать.

— А точнее?

— А точнее сейчас узнаем.

Коля открыл крышку сумки, внутри — колёсико. Он стал медленно поворачивать его, настраивать.

— Ага... Ты есть хочешь? Ты же все котлеты сжевал.

— Врёт твой аппарат! — сказал Фима. — Я о еде и не думал.

— Значит, твои мозги за тебя думали.

— И они не думали...

— Странно...

— Очень даже странно.

— Стой! Где кот?

Коля обернулся. Фима тоже. Кот сидел в углу комнаты, облизывался и пялил мрачные жёлтые глазищи.

— Прости, Фима, — сказал Коля. — Накладка по моей вине. Остановился на волне кота, а у него одна мысль — пожрать бы — и никаких других желаний, хотя с утра полную тарелку трески смолотил.

— Дай лучше мне попробовать, — сказал Фима. — Если уж машина такая простая.

— Погоди.

Коля снова покрутил колёсико.

— Вот, — сказал он. — Могу повторять твои мысли слово за словом. Слышно лучше, чем по телефону. И не считай в уме, меня не собьёшь. «Тридцать семь, тридцать восемь... тридцать девять... Неужели он в самом деле может мысли читать?» Это я за тобой повторяю. «Вот бы на уроках использовать... Руткевич пишет контрольную, а ты списываешь, не глядя».

— Коля, стой! — закричал Фима. — Все, я верю, ты угадал! Дай теперь мне!

Коля осторожно перевесил сумку со своего плеча на Фимино. Передал ему наушник и отошёл к окну, словно его это не касалось.

— Крути колёсико. Если услышишь про еду — это кот Маркиз. Крути дальше, настройка тонкая, диапазон действия метров двадцать, не больше. Наверно, у каждого мозга своя волна...

Фимка покрутил колёсико, замер и долго слушал, закрыв глаза. Потом вынул наушник, положил сумку на стол и сказал:

— А я всё-таки думал, что ты врал. А ты ни слова...

— Трудно поверить.

Фима сел на диван, скрестил руки на животе и сказал:

— Пожалуй, я слишком много котлет у тебя съел. Совсем обедать не хочется, а бабушка у меня: «Почему у нас плохой аппетит? Что болит у нашего мальчика?» Она меня совершенно распустила.

— Да ты о деле говори! — возмутился Коля. — Как можно думать о котлетах!

— А что говорить? Плохо твоё дело. Ты прав.

— Почему плохо?

— Включись на мои мысли, послушай и поймёшь. Зачем слова тратить?

— Ты ещё русский язык, надеюсь, не забыл?

— Что тебе сказать? Натворил ты — дай бог.

— Знаю.

— И расхлёбывать придётся тебе.

— Но ты же мне друг!

— Друг. Иначе бы не переживал. Тебе пощады не будет.

— Уверен?

— Совершенно уверен. Ты нарушил первую заповедь путешественника во времени: нарушил его тайну.

— Но я даже не знал, что в будущее попаду.

— Соседу твоему тоже несдобровать.

— Послушай, они не такие уж жестокие. Там даже наши с тобой современники сохранились.

— Мальчишка ты! При чём тут современники? Я думаю, что тебя тайно переправят туда и ликвидируют. Чтобы уравновесить.

— Что уравновесить?

— Твой вред. Я один такой рассказ читал, американский. Там человек в прошлое попал, бабочку раздавил — и не того президента в Америке выбрали. Все связано.

— Я этого и опасался, — сказал Коля.

— А я ещё читал рассказ, как один человек все изобретал фантастические проекты, за ним пришли из контрразведки будущего и убрали.

— Я ничего не изобретал.

— Ты похитил.

— Может, мне сознаться? Я уж думал подойти к Алисе и сказать: виноват, хотел как лучше. Я же не воровал, а отнял у бандитов.

— Кто тебе поверит? Факт налицо: ты унёс аппарат. И, к сожалению, нет тебе пощады.

— Но что делать, Фимка? Может, старикам моим сказать?

— Нет, ты совсем рехнулся! Они тебя с полным правом тут же потащат к психиатру. Наш мальчик переучился, и у него ум за разум зашёл.

— Да, ты прав.

— Единственный выход — молчать. Даже если тебя припрут к стенке — все равно молчать. А аппарат лучше бы в Москву-реку бросить.

— Нет, этого я не сделаю. Хочешь, тебе дам на сохранение?

— Чтобы меня вместо тебя ликвидировали?

Минут пять они молчали.

— Эврика! — сказал Фима. — Есть выход.

— Какой?

— Когда твой сосед возвращается?
— Наверно, через неделю или дней через десять. Мама его навещала.
— Вот и отлично. Как только он вернётся — ты к нему в гости. А аппарат с собой берёшь.
— И что? Я боюсь сознаться.
— И не признавайся. Ты скажи, что тебе надо фрегат обмерить. Пока будешь мерить, осторожненько положи аппарат ему под стол. И уходи. Ясно?
— Он найдёт и подумает на меня.
— А где у него доказательства? Может, кто-нибудь из его агентов забыл.
— А если...
— Никаких «если»! Главное — не забудь стереть с него отпечатки пальцев. Не забудешь?
— Нет.
— Улажено?
— Хорошо бы... Но ты никому не скажешь?
— Чтобы оказаться твоим соучастником в преступлении века? Никогда! Мне ещё жить хочется... И вообще, я пошёл домой. Ты не дрейфь, обойдётся.
— погоди! Хочешь, мы его во двор возьмём, послушаем, что люди думают...
— Что-то не хочется, меня к обеду ждут. А во дворе твои толстяки и жулики могут поджидать. — Фима натянул куртку. — Ты к двери не подходи, пускай нас вместе не видят...
Но когда дверь была уже открыта, он вдруг вернулся и спросил шёпотом:
— А почему Алиса наш класс нашла? Она же тебя вблизи не видела.
— Я на скамейке подписался, помнишь?
— Идиот!
— Идиот, но я тогда же не думал, что так получится...
— В будущем всегда надо думать. Ты фамилию написал?
— Только имя. И класс.
— Твоё счастье, что в классе три Коли, — сообразил Фима. — Будем вести следствие по ложному пути. Завтра изложу тебе подробности.
И Фима исчез.

13. Наполеон по заказу

Пираты не обязательно бегают по океанам и космосу с кинжалами, пистолетами, лазерлетами. Они встречаются где угодно. Бывает, младенец только доковылял до яслей, а уже пират: спешит отобрать у другого малыша игрушку. Бывает, пират в жизни никаких законов не нарушил, никого не ограбил и не убил, а в самом деле — там мысль украл, там слово зарезал, там чувство задушил, и вреда от него больше, чем от целого брига с пиратским флагом.

Правда, сейчас это к делу не относится, потому что Весельчак У и Крысс были самыми типичными представителями пиратского племени, объединяли в себе пиратов обычных и пиратов скрытых. Если удавалось, становились грабителями, убийцами и ворами. Если их прижмёшь, перебивались сплетнями, интригами, обманом и клеветой.

Рассказывают, что как-то их поймали на туманной планете Ретиспера и решили

показать тамошнему главному врачу-психиатру. Можно их вылечить? Тот их обследовал три месяца, ночей не спал, сам похудел на восемь килограммов и наконец доставил диагноз: «Полная атрофия совести». Что означает: нет в них ничего похожего на совесть, непонятно им даже, что такое стыд, раскаяние и даже жалость. Они и друг друга никогда не жалели.

Главного психиатра с планеты Ретиспера спросили:

— А что теперь с ними делать? Как лечить? Ведь нет неизлечимых болезней.

И врач ответил:

— На нашей планете уже справились со всеми болезнями. Но с этим редчайшим заболеванием справиться невозможно. Случай безнадежный. Будем думать, искать пути, лекарства...

Но, пока шли эти переговоры, пираты оглушили охрану, чуть не убили врача-психиатра и убежали. Так что вопрос, как лечить людей с полной потерей совести, остался открытым.

И вот такие люди случайно оказались в Москве.

Может, даже к лучшему, что они были по горло заняты поисками миелофона и у них не было времени отвлекаться на иные каверзы и пакости. Хотя и между делом они успели их натворить достаточно.

Можно бы рассказать подробно о том, как пираты, увидев Алису, вслед за ней проникли в наше время, как они её потеряли на улице, снова нашли уже в больнице, как они старались проникнуть в больницу, чтобы заставить Алису выдать Колю.

Можно рассказать о том, как они следили за больницей, заставляли тонкого и почти невидимого валапасского ужа подслушивать разговоры врачей и сестёр, как они готовили похищение Алисы с помощью лже-Алика, в которого превратился Крысс. Можно рассказать и о том, как они снова потеряли Алису и снова её искали, все сужая и сужая круги.

Можно рассказать и о другом — как они эту неделю жили в Москве, как разыскали заколоченный дом, из которого выехали все жильцы, потому что дом должны были скоро снести, как устроили в нём логово. Можно рассказать, как они добыли себе одежду, загипнотизировав кассиршу в универмаге, и как воровали продукты, — но стоит ли тратить время на этих негодяев?

Для дальнейшего повествования нужно только рассказать, как пираты устроились на работу.

Как-то они сидели в сквере, намаившись от ходьбы. Весельчак У сказал:

— Денег мало.

— Я тебе сколько хочешь сделаю, — сказал Крысс. — Будут как настоящие.

— Твои деньги опасные: на пять шагов отойдешь — они растают.

— Кого-нибудь ограбим.

— Нет, — сказал Весельчак У, — это тоже опасно. Я очень заметный. Меня скоро поймают. Ты-то превратишься в кого хочешь и сбежишь, а я попадусь.

— Не беспокойся, я тебя спасу, — сказал Крысс.

— Так я тебе и поверил! — сказал Весельчак У. — Если плохо придётся, ты меня сразу продашь.

— Как и ты меня, — ответил Крысс. — Смотри, что это?

К скверу подъехал большой фургон с надписью «Киносъёмочная». Фургон затормозил, из него выскочили молодые люди, которые вытащили прожекторы и потянули кабели. Подъехали другие машины.

Прожекторы, несмотря на яркий солнечный день, установились лучами в окна

выходившего в сквер старинного особняка. Приехал автобус, полный драгун и гусар в киверах.

Юркий мужчина в громадных очках закричал в мегафон:

— Где Наполеон? Где Наполеон, я спрашиваю!

— В буфете остался, — сказала гордая красавица в платье до земли. — Наверно, на автобус опоздал.

— Ну что ты будешь делать! — воскликнул человек в очках. — Как вы прикажете мне снимать без Наполеона?

— Едет, едет! — закричали окружающие.

Подъехало такси. Из такси вышел Наполеон. Правда, пираты, по необразованности и потому, что родились на другой планете, полагали, что Наполеон — это должность.

— Иван Семёнович! — воскликнул человек в больших очках. — Ты меня без ножа режешь!

Крысс насторожился. Он был коллекционером. Коллекционировал пытки.

— Никогда, — ответил Наполеон, сорвал треуголку и сел на барабан. — У меня мигрень.

— Не может быть! Но ведь ты уже приехал! — человек в очках был возмущён, растерян, но не терял надежды.

— А я не приехал, — сказал Наполеон. — Я только предупредил тебя и поехал в поликлинику.

С этими словами Наполеон сел в такси. Его строгий профиль в окошке такси был непреклонен.

— Все, — сказал человек в очках, глядя вслед машине. — День погиб! — он воздел к небу руки и произнёс: — Полцарства за Наполеона!

— Не беспокойтесь, Ниткин, — сказала дама в длинном платье. — Не переживайте. Он не стоит вашего мизинца.

И тогда из кустов вышел Наполеон, ничем не отличавшийся от уехавшего.

— Сколько стоят ваши полцарства? — спросил он у Ниткина голосом Ивана Семёновича.

— Что такое? Что такое? — удивился Ниткин. — Как можно? Ты же только что уехал! Это что, шутка, что ли? Если шутка, то плохого тона.

— Я другой Наполеон, — сказал Крысс. — Несите полцарства.

Он сел на барабан, потому что думал, что это занятие всех наполеонов, а вокруг собралась киногруппа, и никто ничего не мог понять.

В этот момент из кустов выплыл Весельчак У.

— Могу засвидетельствовать, — сказал он. — Мой помощник может скопировать кого угодно. У него талант.

— Не верю! — закричал Ниткин. — Не верю! Докажи, что ты не Иван Семёнович, который уехал, бросив нас на произвол судьбы.

— Одну минутку, — сказал Крысс.

Он провёл перед лицом ладонью и превратился в самого режиссёра Ниткина.

— Убедительно, — сказал режиссёр. — Какое перевоплощение! Где же я видел это неприятное лицо?

— Это вы, Ниткин, — подсказала дама в длинном платье ангельским голосом.

Остальные захихикали. Режиссёр строго сказал:

— Все по местам, начинаем съёмку!
— Нет, — сказал Весельчак У, — сначала о деньгах. Как платить будете?
— По ставке, — ответил режиссёр. — Как за массовку.
— А это много? — спросил Крысс.
— Ну, как вам сказать...
— Тогда платите мне столько, сколько получал ваш старый Наполеон.
— Но это невозможно... Он заслуженный артист...
— Ах, невозможно? — сказал Крысс.
— Стойте! Платим. Я буду вам всю свою зарплату отдавать. Искусство важнее.
— И мне, — сказал Весельчак У.
— А вам за что? — удивился режиссёр.
— Мой помощник один не работает.
— Это правда? — спросил режиссёр.
— Он шутит, — ответил Крысс. — Я без него отлично работаю. А он найдёт себе другую работу. У вас найдётся для него работа?

— Что ж... — режиссёр посмотрел на Весельчака: — Как у вас по части силы?

— Я сильный, — скромно сказал Весельчак У. — Одной левой укладываю трех склиссов.

Режиссёр не знал, конечно, кто такие склиссы, но кивнул. Режиссёр должен все знать.

— Будете ставить декорации.

— И получать, как Наполеон, — сказал Весельчак.

— Ни в коем случае! — возмутился Крысс. — Он недостойн.

— Ах так! — сказал Весельчак. — Тогда я уйду. И если сам найду, не надейся, что поделюсь.

— Товарищи артисты, — сказал Ниткин, — мы все утрясём. Не беспокойтесь!

С тех пор пираты работали в киногруппе. Крысс заменял по очереди всех заболевших актёров, а иногда ему просто показывали фотографию, и он изображал кого надо. Режиссёр Ниткин отдавал ему всю зарплату, а сам брал деньги взаймы у ассистентов. Но пираты завтракали и ужинали в ресторане, пили коньяк, ездили на такси, им вечно не хватало денег, и они воровали со съёмочной площадки ценные приборы. Два раза их ловили за этим делом, но прощали, потому что Крысс был великим дублёром — он мог изображать Наполеона, генералов, солдат, светских красавиц, старых монахов, детей, лошадей и даже верного Гастона, любимого пса маршала Мюрата.

Крыссу льстило, что все с ним носятся как с писаной торбой, зовут по имени-отчеству — Крысс Крокрысович — и приглашают в следующую картину Ниткина «Кощей Бессмертный». Он даже подумывал, не остаться ли ему в кино. Но Весельчак, который занимался физическим трудом и был работой недоволен, не давал Крыссу всерьёз увлекаться искусством и после съёмок тащил на поиски Алисы и Коли.

С каждым днём пираты сужали круги вокруг своих жертв. Со своим опытом охоты за людьми они должны были вот-вот их найти.

14. Странная девочка

Вечером Юлька зачем-то подошла в окну и воскликнула:

— Вот это да!

— Что там такое? — спросила Алиса.

— Ты не поверишь! Погляди.

Но Алиса не сразу подошла к окну. Она спросила ещё раз:

— Всё-таки скажи, Юлька, что ты там видишь.

— Да не бойся, это не пираты, — засмеялась Юлька. — Там внизу стоит Наполеон Бонапарт в треуголке. Под самым фонарём. Меня увидел и машет рукой. Вот умора!

Алиса так и не подошла к окну. Она спросила:

— А у вас что, Наполеоны часто гуляют по улицам?

— Зачем же пиратам так странно одеваться? — ответила Юлька.

— А я читала, что когда-то давно охотники в Африке одевались по-дурацки, любопытные страусы к ним бежали со всех сторон, поглядеть на чудо. Тут страусов и пристреливали из лука.

Юлька отошла от окна.

— В самом деле, зачем человеку одеваться Наполеоном и стоять под моим окном?

— Я тебе скажу зачем. Что бы я делала на месте пиратов? Стала бы проверять мои связи. Вспомнила бы, что я лежала в палате с одной девочкой, которая очень отважно вела себя, когда напали пираты. Может быть, Алиса все этой девочке рассказала. А если Алиса рассказала, может, она потом к этой девочке убежала. Как ты думаешь, логично?

— Знаешь что? Я позвоню Алику Борисовичу.

— Зачем? Твоя мама с ним уже сегодня разговаривала по телефону.

— А я спрошу, не искал ли кто-нибудь мой адрес.

— Это ничего не изменит, — сказала Алиса. — Если они тебя выследили, то скоро жди гостей. И зачем я только тебя впутала в эту историю!

— Кого впутала и в какую историю? — спросила Наташа, входя в комнату. — Вы что-то, девочки, секретничаете, а меня в свою компанию брать не хотите.

— Нет, что ты, мама! — сказала Юлька. — У нас нет таких секретов.

— Если нет, неси чай, — сказала Наташа, — и зови бабушку.

Когда уже пили чай, Наташа вдруг вспомнила:

— Я сегодня с вашим Аликом Борисовичем разговаривала. Он сказал, что какой-то мальчик приходил в больницу, спрашивал Юлькин адрес. Когда же ты успела поклонником обзавестись?

— Нет у меня никаких поклонников! — возмутилась Юлька.

Алиса под столом наступила ей на ногу.

— Ой! — сразу поняла Юлька. — А как он выглядел?

— Я не поинтересовалась.

В дверь позвонили.

Юлька хотела вскочить, но Алиса удержала её.

— Ну, что же вы? — спросила Наташа. — Открывайте, девочки.

— Мама, — попросила Юлька, — открой, пожалуйста, и если это Наполеон, скажи, что меня нет дома.

— Кто? — спросила бабушка. — Наполеон? Тогда я сама открою дверь: всю жизнь мечтала встретиться с Наполеоном.

— Мама, — повторила Юлька, — ты сама открой.

— Наташа, — сказала Алиса, — нас нет дома.

— Мы вообще здесь не живём, — сказала Юлька. — Понимаешь?

Звонок звонил не переставая.

— Ладно, — сказала Наташа, — попытаюсь разобраться.

— Девочки, я не понимаю суматохи... — начала Мария Михайловна.

— Тишшше!

Слышно было, как Наташа открывает дверь. Потом её голос:

— Вам кто нужен?

И вдруг все услышали тонкий девичий голосок:

— Я к Алисочке.

— К какой?

«Молодец Наташа!» — подумала Алиса.

— Я из школы, — послышался девочкин голос. — Мне учительница велела к Юле с Алисой пойти.

— Зачем? — спросила Наташа.

— Они должны помочь подготовиться к экзамену. Они обещали.

Голос у девочки был такой тоненький, словно она вот-вот заплачет.

— А к какому экзамену? — спросила Наташа.

— К какому, к какому? — голос девочки изменился, и в нём прозвучала злость. — К самому главному экзамену.

— А ты в каком классе, девочка? — спросила Наташа.

— Не скажу.

— Боюсь, что такие маленькие девочки не сдают экзаменов, а играют в куклы. Тебя неправильно сюда послали.

— Алиса здесь живёт? Вы мне не ответили, женщина.

— Это он, — прошептала Юлька.

Алиса кивнула.

— Странная девочка, — сказала бабушка, — пойду посмотрю.

— До свиданья, — сказала Наташа.

— Мы ещё увидимся, — сказала девочка. — Только ты меня не узнаешь.

Хлопнула дверь.

Бабушка с Наташей вернулись в комнату.

— Странная девочка, — сказала Наташа. — Кто и зачем мог её к нам послать?

Юлька молчала. Алиса снова села за стол и подвинула к себе чашку.

— Может, кто-нибудь хочет со мной откровенно поговорить? — спросила Наташа.

Девочки молчали.

— Ну ладно, — сказала Наташа. — Но не воображайте, что у меня плохая память.

— Мы тебе обязательно все расскажем, мама. Честное слово! — сказала Юлька.

— Только не опоздайте, — сказала Наташа.

Поздно вечером, когда девочки уже легли спать, Юлька забралась к Алисе на диван и зашептала:

— Может, ей все рассказать? Она поймёт, она своя.

— Ты не понимаешь, — ответила Алиса. — Наташа хороший человек, но она в первую очередь мама. Она должна нас с тобой защищать. Ты представляешь, что она будет думать? Она же с ума от беспокойства сойдёт.

— И бабушка тоже, — печально сказала Юлька.

— Теперь мы должны быть вдвойне осторожны, — сказала Алиса. — Завтра или

послезавтра они доберутся до школы.

— А мы ещё ничего не знаем.

15. Спроси у Садовского

На следующий день Алиса опять себя выдала на математике.

Это случилось так.

Коля Садовский бился у доски, исписав половину свободного пространства, и никак не мог выпутаться из уравнения. Правда, оно было не простое, а погода за окном стояла солнечная, и у всех, кроме Милы Руткевич, было нерабочее настроение. Наконец математичке надоело бороться с Садовским, и она спросила, кто ему поможет. Конечно, Мила протянула руку, прошла к доске, откинула за спину свою чудесную косу, стёрла все, что написал Садовский, и уверенно вывела ответ: «х» у неё был равен 1,25.

И тогда Алиса с места, не вставая — никак не могла научиться, — сказала:

— Икс равен единице.

Мила вспыхнула, коса шевельнулась за спиной от негодования. Она посмотрела на математичку Нелю, а та кивнула ей и сказала:

— Селезнева не права. Садись, Руткевич. Ты правильно решила.

— Это не в волейбол играть, — сказал Фима Королев.

И пока торжествующая Руткевич шла на своё место, Неля отправилась к доске, чтобы написать примеры на дом. И тогда Алиса громко сказала:

— Икс равен единице. Я могу доказать.

— Доказать? — удивилась Неля и подняла тонкие брови.

Неля молоденькая, завитая, как барашек, в длинном платье, очень модная, и все девочки в классе её обожали.

— Конечно, — сказала Алиса. — Вы разрешите?

— Ну что ж, иди к доске.

Юлька шепнула:

— Алиса, ты опять?

Но Алиса только отмахнулась.

Она не стала стирать с доски решение Милы, а на свободной стороне начала быстро и мелко писать своё решение. И случилось то, чего боялась Юлька: Алиса писала совершенно невероятные значки и символы, которые, наверно, даже в десятом классе не проходят. Все в классе затаили дыхание, а Мила отвернулась к окну, словно это её совершенно не касалось.

Неля смотрела на доску, склонив хорошенькую завитую головку, и все ждала, что будет. Если бы учительница была старая, опытная, она, наверно, сказала бы, чтобы Алиса садилась, потому что в шестом классе не изучают высшую математику. Но Неля была молодая и совсем забыла, что она в классе. Вдруг она воскликнула:

— Нет! Вот здесь ты и напутала!

Она выхватила у Алисы мел, перечеркнула последнюю строчку и стала писать своё, тоже со значками.

— Как же так? — удивилась Алиса. — А если так?

Со стороны это было похоже на теннисный матч. Соперники перекидывали через сетку мячик, не обращая внимания на зрителей. Обе были так заняты своим делом, что не слышали звонка, да и никто в классе не услышал звонка. Вдруг дверь раскрылась, в ней

возникла физиономия из соседнего класса и спросила:

— Вы что, не слышали? Уже перемена.

Тогда соперницы оставили мел, отошли от доски, и Неля сказала:

— Тем не менее ты не права.

— Докажите, — сказала Алиса.

Мила Руткевич, собирая книжки, сказала громко, так, чтобы все слышали:

— И зачем только некоторые хвалятся своей образованностью, когда этого нет в программе!

Все окружили Алису с Нелей, а Катя Михайлова спросила:

— Ты в математической школе училась?

— Нет, — сказала Алиса.

— Молодец! — сказала Неля. — Если хочешь, оставайся после уроков, мы с тобой разберёмся в этой штуке.

— Извините. Но сегодня после уроков я занята.

— Тебе надо участвовать в математической олимпиаде, — сказала Неля.

— Вряд ли, — сказала Мила Руткевич, которая подошла поближе. — Там нужно просто решать, без выкрутасов.

В коридоре Юлька накинулась на Алису:

— Зачем ты обращаешь на себя внимание? Хочешь прослыть математическим гением?

— Но ведь ответ был в самом деле неправильный. Как же я могла молчать? И вообще очень любопытный казус...

— Хорошо тебе, что через сто лет вы такие шутки будете с детства знать. Если бы я в пушкинский лицей приехала, я бы тоже стала вундеркиндом.

— В лицей тебя бы не пустили, — сказала Алиса. — Туда девочек не брали. Ты лучше посмотри, какую мне записку подкинули. В тетрадь заложили.

— Кто?

— Я не видела.

Юлька прочла: «Спроси у Садовского, чему будет равен „х“ через сто лет. Доброжелатель».

— Ой! — сказала Юлька. — Это он?

— Не знаю. Ты этот почерк знаешь?

— Знакомый почерк. Я подумаю и вспомню. Знаешь, я с самого начала подозревала, что это Садовский. Он типичный авантюрист. И кому-то даже рассказал, что у тебя был. Давай устроим ему допрос.

— Подожди. А может, кто-то нарочно про него написал?

— А зачем нарочно писать?

— Чтобы отвести от себя подозрение. Представь себе, что кто-то перепугался.

— Кто?

— Сулима. Или Наумов.

— И чтоб они стали вину сваливать на Садовского? Слушай, Алиска, я тебе уже говорила — нет у нас в классе таких жуликов. Чтобы украсть миелюфон, а ещё потом на другого подозрение сваливать. Ты же сама говорила, что Коля не крал, а только хотел отнять у пиратов.

— Говорила.

— Я всё-таки думаю, что кто-то из ребят узнал тайну Садовского и хочет тебе помочь.

— Хотел бы — подошёл и сказал.

— А если он боится?

— Он-то кого боится? Садовского?

— Не знаю, только все это можно узнать без твоей деликатности. Коля Садовский, подойди сюда!

Коля, как нарочно, проходил неподалёку.

— Тебя можно спросить об одной вещи? — сказала Юлька.

— Спрашивай, только двоек не ставь.

— Юлька, не надо, — сказала Алиса. — Ты все испортишь.

— Так серьёзно? — спросил Садовский. — Тогда не отстану, пока не узнаю, в чём дело.

— Коля, ты не брал одной ценной вещи? — спросила Юлька.

— Я?

— Да. А потом не вернул обратно.

— Какой вещи? — спросил Садовский. — Может, я взял, но не заметил?

— Заметил, заметил, не притворяйся.

— Да скажи, что за вещь? В чём ты меня подозреваешь?

— Значит, не брал?

— Я брал, я все беру и никогда не возвращаю. Кстати, я только сегодня утром взял сто рублей рублями у одной старушки, чтобы оклеить ими дверь в ванной.

— Коля, сейчас же перестань паясничать! — возмутилась Юлька. — Я тебя всерьёз спрашиваю.

— Если тебе всерьёз отвечать, — сказал Коля, — то я должен на тебя обидеться. Ты меня обвинила в воровстве ценных вещей и до сих пор не извинилась. Ты не намерена это сделать сейчас же?

Алиса удивилась, как изменился голос Коли Садовского. Вот тебе рохля и выдумщик. Только что был сонным рыжим пугалом, а сейчас в глазах такая злость, словно вот-вот треснет Юльку по голове кулаком.

— Мы обе просим прощения, — быстро сказала Алиса. — Это был тест такой, не обращай внимания.

— Какой тест?

— На чувство юмора, — сказала Алиса. — Ты его не выдержал.

— Впервые в жизни, — сказал Садовский.

Непонятно, поверил или нет.

— Глупая ты, Юлька, — сказала Алиса, когда Коля отошёл. — Ведь просила я тебя, не вмешивайся!

— Это уже не только твоё дело, — сказала Юлька. — Это общее дело. Всего класса. Неужели ты не понимаешь?

— Я одно понимаю, — сказала Алиса, — что один из наших ребят прячет у себя миеллофон. Это плохо и трусливо. К тому же он подвергается страшной опасности.

Последним уроком была география. Учительница рассказывала про климат и население Индии. Только она кончила говорить про животный мир, как Фима Королев с места сказал:

— А Селезнева в Лондоне была.

— Ну и что? — удивилась учительница. — Мы же сегодня проходим Индию.

— А может, она и в Индии была, — сказал Фима Королев.

«Чего он пристал? — подумала Алиса. — Ещё его не хватало!»

— Селезнева, — спросила учительница, — ты в самом деле была в Индии?
«Сейчас ведь сознаётся», — подумала Юлька.

Алиса встала и сказала:

— Да, я была в Индии.

— Это очень интересно! — сказала учительница, которая уже была наслышана о новой, необыкновенной ученице. — Поделись с нами впечатлениями.

— Я там была недолго, — сказала Алиса.

— Всё равно. Ты что-нибудь видела же?

— Видела.

— Какие ты видела города?

— Я видела Дели, Мадрас и Гандибад.

— Что-то я не слышала о третьем городе, — сказала учительница.

— Он назван в честь Индиры Ганди, — сказала Алиса. — Мы в нём приземлялись, когда летели в Австралию.

— Странно, — сказала учительница.

— В Австралию! — сказал Мессерер. — С ума сойти!

«Конечно, — поняла Юлька, — этого города ещё нет, он только будет. Ну кто тянет Алису за язык!» И тут ещё вмешался Фима Королев. Он как-то странно, вредным голосом произнёс:

— Пускай она скажет, в каком году она туда летала.

Алиса сразу повернулась к Фиме:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что слышала, — сказал Фима.

— Дети, тише, — вмешалась учительница. — Садись, Алиса.

И она как ни в чём не бывало продолжала рассказ об Индии, но её плохо слушали. Все шептались и смотрели на Алису. А она написала записку Фиме Королеву:

«Что ты имел в виду? Алиса».

Скоро пришёл ответ:

«Сама знаешь».

Алиса обернулась к Юльке и сказала шёпотом:

— Не спускай с него глаз.

— Сама понимаю, — ответила Юлька.

После уроков Алиса сразу пошла к Фиме, но он перепрыгнул через стол и убежал в коридор.

Юлька догнала Алису в коридоре, сделала страшные глаза и прошептала:

— А что, если там был не Коля?

— Как так?

— А что, если это Фима Королев? Он жутко хитрый. С него станется подписываться чужим именем.

— Этого мы не подумали, — сказала Алиса. — Мне кажется, что обе сегодняшние записки написаны одним почерком!

— Это он! Может, побежим за ним? Припрём его к стенке!

— Погоди. Я всё-таки думаю, что он записку о Садовском написал, чтобы меня сбить со следа.

— В любом случае он наверняка знает, у кого миелофон, — сказала Юлька.

- Голову даю тебе на отсечение!
- Ты права, — сказала Алиса. — А с кем он больше дружит? С Сулимой?
- Пожалуй, да. Хотя он со всеми дружит. А потом ссорится.
- А Сулима где?
- В шахматы пошёл играть. В актовом зале турнир, гроссмейстер приехал.
- Бежим туда!

16. Супергерла!

В актовом зале составили в ряд столы и поставили на них тридцать шахматных досок. Гроссмейстер был худой, загорелый и похожий на весёлого курчавого разбойника. Алиса поднялась на цыпочки, высматривая Сулиму.

Боря Мессерер протолкался к ней и сказал:

— Я знаю, как тебя называть, — сказал он.

Ребята обернулись. Катя Михайлова спросила:

— Как?

— Алиса в волейбол играет лучше всех. Математику знает. В Лондоне была, в Австралию летала, по-английски разговаривает даже лучше меня. Она супермен.

— Чепуха какая! — возмутилась Алиса. — Смотрю я на тебя, Мессерер, и думаю, до чего ты легкомысленный!

— Поменьше думай, облысеешь, — сказал Коля Садовский.

— Супермен — это мужчина, — сказала Катя Михайлова.

— Значит, она супергерл, — сказал Коля Садовский.

— Не супергерл, а супергерла, — поправил Мессерер. — Надо знать законы русского языка.

Фимы Королева не было видно.

Алиса увидела Сулиму и старалась подойти поближе.

Вдруг Алиса оглянулась, увидела Юльку:

— Вспомнила!

— Что вспомнила? — спросила Юлька.

Алиса приблизила губы к уху Юльки и прошептала:

— Это самая страшная тайна, которую я тебе могу рассказать. Но у нас дома есть книга, которая называется «Творчество Бориса Мессерера».

— Однофамилец, — отмахнулась Юлька. — Ничего из него не получится, потому что он несерьёзный.

— Садитесь, шахматные бойцы, — сказал Эдуард Петрович.

Ребята начали двигать стулья, рассаживаться. Из девчат играли только Мила Руткевич и одна девочка из восьмого класса.

— Ну, все готовы? — спросил Эдуард Петрович.

— А где Тимошкин? — спросил кто-то.

Место рядом с Колей Сулимой пустовало.

— Тимошкин заболел.

— Ну ладно, — сказал Эдуард, — начнём без Тимошкина.

— Алиса, — спросил Боря Мессерер, — может, ты и в шахматы играешь? Как у вас, у супергерлов?

— У супергерл, — поправила его Юлька.

— Эдуард Петрович, — громко сказал Боря, — Селезнева хочет играть вместо Тимошкина.

— Селезнева? — сказал Эдуард. — Да-да, конечно. Садись. Только быстрее.

— и он показал на свободный стул рядом с Колей Сулимой.

— Ну, девочка, — сказал гроссмейстер и улыбнулся, — не стесняйся.

Все в зале устали на Алису. Она быстро села рядом с Сулимой.

— Здравствуй, коллега, — сказал Коля и улыбнулся. — Если туго станет, я тебе постараюсь помочь.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Только лучше уж я самостоятельно поиграю.

Гроссмейстер пошёл вдоль ряда стульев, быстро протягивая вперёд руку и двигая на два поля королевскую пешку. Некоторые ребята сразу отвечали, другие начали думать. Когда гроссмейстер второй раз пошёл по этому же маршруту, оказалось, что все, кроме Милы Руткевич, сделали ответный ход. Гроссмейстер, мельком взглянув на доску, делал второй ход в зависимости от того, как ответил ему противник. После четвёртого хода он отошёл от стола, поговорил о чём-то с Эдуардом, закурил, и никто не сделал ему замечания. Болельщики стояли за спинами самых сильных игроков и смотрели на доски. Таких игроков было человек шесть. У Сулимы было по крайней мере двадцать болельщиков.

На пятом ходу случилось несчастье на второй доске. Один пятиклассник получил детский мат, и гроссмейстер сказал: «Простите», как будто случайно наступил ему на ногу. Пятиклассник покраснел и потихоньку выполз из-за стола.

Мила Руткевич сдалась, когда за столами оставалось не меньше десяти человек, — она зевнула ладью, потому что очень переживала и боялась что-нибудь зевнуть.

Сулима надолго задумался, и гроссмейстер уже два раза проходил мимо и не делал хода, потому что фигуры Коли оставались без движения. Вдруг Алиса, которая всё время поглядывала на соседнюю доску, сказала:

— Конём на эф-6. — и отвернулась.

— Ого! — сказал Коля Наумов, который внимательно следил за делами Коли.

— Ты посмотри, точно, на эф-6! А если он ладьёй, то ты дальше.

— Не подсказывайте! — сказал Коля сердито. — Теперь уж я так не пойду.

— Ну что, молодой человек, — спросил гроссмейстер, — вы готовы?

Коля молчал.

— Он хотел пойти конём на эф-6, — сказал Боря, — но сомневается.

Гроссмейстер улыбнулся.

— А что же, разумный ход. Попробуйте. Могут получиться интересные осложнения.

И Коля послушно подвинул коня.

Гроссмейстер задумался. Но не стал двигать вперёд ладью, как решил за него Наумов, а отступил королём.

Теперь уже почти все зрители столпились за Колиной спиной и напирали ему на спину, так что Эдуарду пришлось вмешаться и сказать:

— Ребята, не мешайте играть. Вы же опрокинете стол.

Все так переживали за Колю, что, кроме Юльки, никто не обратил внимания на то, как долго стоял гроссмейстер у Алисиной доски, потом вздохнул и сказал задумчиво самому себе:

— Нет, этой жертвы я не приму.

Двинул вперёд пешку и перешёл к оставшейся на конце стола доске. Но с полпути вернулся, ещё раз взглянул на Алисину доску, покачал головой.

Алиса ответила на ход пешки и стала смотреть, что собирается делать Коля с помощью советчиков, которые его дружно сбивали с толку, хотя Эдуард требовал, чтобы не подсказывали.

— Ферзём, ферзём! — шептали, шипели, говорили, даже кричали за его спиной.

— Слоном! — настаивали другие.

Вот-вот могла начаться потасовка.

Коля в полной рассеянности взглянул на Алису. Она на его доску не смотрела. Одними губами сказала:

— Пешкой на аш-4.

И когда гроссмейстер подошёл, Коля двинул пешку на аш-4.

Гроссмейстер обрадовался за Колю.

— Молодец! — сказал он. — Этого хода я боялся.

Но, видно, раз боялся, заранее придумал ответ.

— Шах, — сказал он.

— Ой! — раздалось в толпе болельщиков.

Коля схватился за голову.

— Я же говорил, — сказал Боря. — Я же предупреждал!

Тем временем гроссмейстер вернулся к Алисе, и там положение ему совсем не понравилось.

— Да, — сказал он, — я увлёкся.

Юлька потянула за рукав Колю Наумова.

— Ты только погляди! — прошептала она.

— А что? — Коля и смотреть не хотел.

— Погляди же!

Наконец гроссмейстер прошёл в тот конец стола, поставил мат очкастому десятикласснику. Теперь у него оставалось только два противника. Эдуард Петрович встал напротив Алисы, оценил позицию, покачал головой и сказал Юльке Грибковой заговорщическим голосом:

— Надо, чтобы она осталась у нас в школе. Если ты патриот, ты этого, Грибкова, добьёшься.

Тогда Юлька поняла, что Алиса может выиграть у самого гроссмейстера.

— Я бы сама мечтала, — сказала она физкультурнику.

А Алиса смотрела на доску Коли Сулимы и никак не могла придумать, как одолеть гроссмейстера. Получалось, что гроссмейстер навяжет Коле обмен ферзей, а потом добьётся вечного шаха. Получится ничья.

— Сдаваться? — спросил Коля Алису.

— Ты с ума сошёл!

В этот момент подошёл гроссмейстер.

— Каково ваше решение? — спросил он у Сулимы.

— Можно я ещё подумаю? — спросил Сулима.

— Думайте.

Гроссмейстер вернулся к Алисе.

— Так, — сказал он, увидев её ход. — Что ж, спасибо. Мне урок за самоуверенность.

Сдаюсь. — он пожал Алисе руку.

Алиса встала и сказала:

— Вам спасибо. На вашем месте я из тридцати партий десять бы проиграла. Это же тяжёлый труд — держать в голове столько позиций.

— Нет, вы не правы, — сказал гроссмейстер. — Я держал в голове только три-четыре позиции. Остальные не вызывали у меня опасений.

Они повернулись к Коле Сулиме.

Он ещё думал.

Кроме Юльки и Эдуарда Петровича, никто не заметил, что гроссмейстер проиграл Алисе. Все уставились на доску Коли Сулимы.

Коля три раза тянул руку к своему королю, все никак не мог решить, куда его отвести, хотя это уже не играло роли.

Гроссмейстер двинул вперёд своего ферзя.

— Шах.

— И вилка на твоего ферзя, — сказала Мила Руткевич вслух, хотя и без неё всем это было ясно.

Коля взглянул в отчаянии на соседний стул, где должна была сидеть Алиса, но там её не было.

— Ешь королеву, — сказал Наумов, который играл плохо и поэтому называл все фигуры по-любительски.

— Не «ешь королеву», а «возьми ферзя», — поправила его Мила.

Коля в полной тишине поставил своего ферзя на место гроссмейстерского, и тот тут же объявил ему вечный шах ладьёй и конём. Три раза они повторили ходы.

— Ничья! — объявил Эдуард Петрович.

— Ничья! — закричали болельщики. — Ничья! Ура!

— Сулима с гроссмейстером вничью сыграл!

— Минуту внимания! — сказал Эдуард Петрович. — Разрешите от вашего имени поблагодарить Владимира Аркадьевича за то, что он не пожалел своего времени, приехал к нам и провёл этот сеанс.

Все захлопали в ладоши.

— Общий счёт сеанса, — продолжал Эдуард Петрович, — двадцать восемь с половиной на полтора в пользу гроссмейстера.

Все так и ахнули.

— А кто же ещё вничью сыграл? — спросила Мила Руткевич. — Это, наверно, ошибка.

— Никакой ошибки, — сказал гроссмейстер. — Я тоже благодарен вам, ребята. Некоторые из моих сегодняшних соперников показали себя настоящими бойцами. Я даже думаю, что если бы мой последний соперник, с которым мы сыграли вничью, был немножко решительнее и меньше слушался своих болельщиков, он мог бы выиграть у меня, как и та девочка...

— Какая девочка? — спросила Мила Руткевич.

Гроссмейстер стал искать глазами Алису.

— Так это же Алиса Селезнева! — не выдержала Юлька. — Она выиграла у гроссмейстера!

— Где Алиса? Какая Алиса?

Ребята из других классов Алису ещё не знали, и поднялась суета, и громче всех был

слышен голос Бори Мессерера:

— Я же вам говорил, что она супергерла! Моё открытие! Я её первый нарисовал!

17. Через забор и обратно

— Как конспиратор ты никуда не годишься, — заявила Юлька Грибкова, когда им с Алисой удалось незаметно скрыться из школы.

— Знаю, — сказала Алиса.

— «Знаю, знаю»!.. — Юлька ещё больше распалась от Алисиной покорности. — Ты приехала сюда миелофон искать или демонстрацию устраивать?

— Очень трудно обманывать людей, — оправдывалась Алиса. — Если начинаешь что-нибудь делать...

— Ну ладно ещё, когда по-английски заговорила. Это бывает даже с нашими ребятами. Я допускаю, что в волейбол ты могла играть. В конце концов, ты меня заменила и классу помогла. Но вся эта история с математикой...

— Я увлеклась. Уж очень интересная проблема возникла.

— Я сидела и дрожала, что тебя разоблачат. А ты думала только о проблеме. Эгоистка проклятая! И с шахматами ты что натворила? Кто тебя просил у гроссмейстера выигрывать? Ты думаешь, у нас десятиклассницы часто у гроссмейстеров выигрывают?

— У нас тоже редко. И если бы с ним один на один встретились, я никогда бы не выиграла.

— Ой, скромница! Я сейчас упаду в обморок от умиления!

Сзади по переулку стучали тяжёлые шаги.

— Алиса! — Юлька оглянулась и схватила Алису за рукав. — Мы попались!

По переулку к ним бежали двое. Толстяк большого роста и рядом с ним небольшой худенький человек. Они махали руками и что-то кричали.

— Скорей.

Юлька с Алисой припустили от них. И, как назло, ни одной подворотни, ни одного открытого подъезда, ни одного поворота. Не спрячешься.

— Беги зигзагами! — крикнула Алиса. — Они снотворными пулями будут стрелять.

— Стойте! — доносилось сзади. — Стойте! Остановите их!

Как назло, какой-то гражданин с портфелем и сумкой услышал крик и решил, что помогать лучше тем, кто догоняет. Он широко расставил руки — портфель и сумка загородили полпереулка, и Алиса с Юлькой разбежались к самым стенам, чтобы миновать это неожиданное препятствие. Мужчина развернулся и побежал за ними.

Вдруг у Юльки подвернулась нога, и она упала на мостовую.

Алиса услышала её крик и остановилась.

— Беги дальше! — крикнула Юлька. — Мне они ничего не сделают! Я их задержу!

Но Алиса не слушала. Она вернулась к сидящей на асфальте Юльке и постаралась поднять её.

— Ну, скорее, — повторила она. — Ещё немножко осталось.

— Нет, я не смогу. Беги без меня.

Алиса уже подхватила Юльку под мышки и приподняла. Юлька поджала ногу, и они заковыляли вдвоём на трех ногах.

Тут их догнал мужчина с портфелем и сумкой. Он с налёта обхватил их и завопил:

— Я их держу!

— Отпустите! Что, не видите, ноге больно! — рассердилась Юлька.

Остальные преследователи уже были рядом. Большой толстяк сказал мужчине, задержавшему девочек:

— Да отпустите их, что вы делаете?

Голос у толстяка был знакомый.

— Грибкова, что с тобой? Ты ногу подвернула?

Да это же Эдуард Петрович! Собственной персоной. А с ним незнакомая худенькая женщина с жёлтыми завитыми волосами и решительным выражением маленького, худенького личика.

Мужчина с портфелем и сумкой отошёл в сторону и сказал обиженно:

— Тогда не надо на всю улицу кричать, если вы знакомые. Я думал, может, украли чего.

— Как вам не стыдно! — сказала маленькая желтоволосая женщина. — Как вы могли подумать плохо о наших девочках?

Эдуард Петрович опустил на колено, стал ощупывать лодыжку Юльки Грибковой. Юлька морщилась, но терпела.

— Ничего страшного, — сказал Эдуард. — Завтра уже забудешь. Подвернула.

— Я и без вас знаю, что подвернула! А зачем вы нас испугали?

— Мы не хотели вас пугать, — сказал Эдуард. — Вы так быстро исчезли из зала, что я не успел с вами поговорить. А Марта Скрыль специально пришла в школу, чтобы познакомиться с Алисой Селезнёвой. А почему вы побежали? Разве не узнали? Меня по фигуре можно за версту узнать.

— Из-за вашей фигуры мы и побежали, — сказала Юлька мрачно. Она осторожно наступила на ногу. Больно, но терпеть можно. — Спутали с другой такой же фигурой.

Эдуард не понял, решил, что шутка, улыбнулся.

— Так вот ты какая, Алиса, — сказала маленькая желтоволосая женщина. — Очень приятно. Надеюсь, мы с тобой подружимся.

— Познакомься, Селезнева, — сказал Эдуард. — Марта — тренер нашей районной спортивной школы. Я ей рассказал о тебе.

— Мы спешим, Эдуард Петрович, — сказала Юлька. — Нас дома ждут. Извините, пожалуйста.

— Ничего, — сказала Марта Скрыль. — Мы вас проводим. Ты давно занимаешься волейболом?

— Я сообщил, что нашёл в нашей школе яркий талант, — гордо сказал Эдуард Петрович. — И уж поверьте моему опыту, я такого ещё не видел.

— Алиса не здесь живёт, — сказала Юлька.

Она шла прихрамывая и мечтала поскорее избавиться от тренеров. А то ещё Алиса опять согласится и завязнет в спортивной деятельности. А миелофон Юльке одной искать, что ли?

— Мы это обеспечим, — сказала Марта Скрыль. — Если надо, перейдёшь в московскую школу. Надеюсь, родители не будут возражать.

— Её родители будут возражать, — зарычала Юлька.

Но Марта её не слышала.

— Кстати, ты на сколько прыгаешь в высоту? — спросила она Алису.

— Я специально этим не занималась, — сказала Алиса, — только в летнем лагере в

прошлом году.

— Ну и что?

— Метр семьдесят, — сказала Алиса. — Или метр семьдесят пять.

— Что-о-о-о? — воскликнула Марта Скрыль, и её рот стал кружочком, глаза стали кружочками.

— А я что говорил! — Эдуард Петрович был так горд, словно сам научил Алису прыгать так высоко.

— Сумасшедшая! — прошептала Юлька. — Со своей дурацкой правдивостью...

— А что, это много? — спросила Алиса наивно.

Юлька даже отвечать не стала. Чего связываться с этими будущими кривляками!

— Не можжжжжет быть! — наконец вымолвила Марта Скрыль. — Ты обманываешь меня, девочка.

— Обманываю? — Алиса этого слова совершенно не выносила. — Я вас обманываю?

Они как раз проходили мимо забора. Забор как забор, за ним — какое-то строительство.

— Сколько в этом заборе высоты?

— Ну, метр семьдесят, — сказал Эдуард Петрович неуверенно. — Может быть, больше.

— Юлька, поддержи сумку.

Алиса сунула Юльке сумку, отбежала на мостовую, примерилась, разбежалась и прыгнула. Не привычно, а рыбкай, как прыгают пловцы. Над забором она пролетела так, что ещё сантиметров десять запаса оставалось, подобрала ноги, сделала сальто, чтобы по ту сторону забора опуститься на ноги.

— Ах! — сказала Марта Скрыль. — Так же прыгать нельзя! Никакой школы!

За забором раздался гулкий удар, громкий вопль.

— Алиса! — крикнула Юлька. — Что с тобой?

И в тот же момент над забором снова появилась Алиса — она летела рыбкай, вытянув ноги, перевернулась в воздухе и, сложившись в комочек, опустилась на землю.

— Бежим! — крикнула она Юльке. — Как твоя нога?

— А что там?

— Там пираты. Они идут по ту сторону забора и подслушивают. Я прямо на Крысса грохнулась. Временно вывела его из строя.

— Куда же вы, девочки? — закричала Марта Скрыль. — Мы только начали беседу!

Забор зашатался, кто-то ломился сквозь него.

— Эдуард Петрович, — сказала Юлька, убегая вслед за Алисой, которая взяла обе сумки, — поддержите забор, а то там один хулиган его сломать хочет. Скорее же!

Эдуард Петрович послушно прижался тяжёлым животом к забору, который колыхался, как тростник в бурю. Доски разошлись, и Марте Скрыль, которая в изумлении наблюдала за этой сценой, видно было, что с другой стороны на улицу ломится не менее крупный и толстый человек, чем Эдуард Петрович.

А девочки уже убежали...

У самого дома они остановились передохнуть. У Юльки разболелась нога.

— погоди секундочку, — сказала она. — Эдуард их задержит, он обещал.

— Весельчака он задержит, а вот Крысса нет, — ответила Алиса, но остановилась.

— Девчата! — услышали они. К ним бежал Коля Сулима. — А я вас уже минут двадцать ожидаю.

— Что случилось?

— Мне нужно поговорить с Алисой.

— Говори при Юльке, у меня от неё нет секретов.

— Но это чужой секрет! — сказал Коля Сулима. — Я даже не знаю...

— Говори же, — сказала Юлька. — Мы очень спешим.

— Я хотел сказать... в общем, я хотел только сказать, что знаю, что Алиса... в общем, она не из нашего города и вообще из другого места, но я думаю...

— Вот мямля! — возмутилась Юлька. У неё болела нога, и поэтому она стала нетерпеливой. — Ты можешь говорить по-человечески?

— погоди, Юлька, — остановила её Алиса. — Говори, Коля.

— Фима послал тебе записку, можно сказать, странную, но ты должна понять, что он защищает друга, а это можно...

Тут Сулима опять запутался в словах, а тем временем из-за угла выскочили Крысс и Весельчак У. Как-то им удалось обмануть Эдуарда, и они снова пустились в погоню за девочками.

— Беги, — крикнула Юлька Сулиме, — чтобы они тебя с нами не видели! Ну, что ты стоишь?

Сказав так, Юлька побежала к подъезду. Алиса — за ней.

Сулима поглядел на девчат, потом на толстяка в чёрной шляпе, чёрном плаще и Наполеона Бонапарта в треуголке и, не раздумывая больше, побежал в другую сторону.

Девчата успели вбежать в подъезд, вверх по лестнице и спрятаться в квартире.

Когда щёлкнул замок, Юлька закрыла дверь на цепочку, а Алиса сбросила на пол сумку и сказала:

— Какие же мы с тобой глупые! Мы должны были Сулиму взять с собой! Он готов был все рассказать.

— Ты думаешь, он знает?

— Он же начал говорить. И про записку, и про то, что он знает обо мне.

— Значит, это он?

— Наверное, он. И он — друг Королева.

— И он хотел все рассказать?

— Я так думаю. Надо бежать к нему. Ты знаешь, где он живёт?

— Я у него не была. Но можно позвонить Кате Михайловой. Она все адреса знает.

— Тогда я пошла.

— Да? — спросила Юлька, снимая туфлю. Нога в лодыжке распухла. Хорошо ещё, бабушка легла спать, не видит, в каком виде вернулась внучка домой. — Ты погляди в окно. Как же ты пойдёшь мимо пиратов? Мы в осаде.

— Что же делать?

— Вот нога пройдёт немного, я сама сбегая к Сулиме и возьму у него миелофон.

— Если он у него.

— Если он у него. А может, как-нибудь его вызвать сюда?..

— Нет, звать его сюда — значит отдать в лапы пиратам. Им это и нужно. Давай лучше компресс тебе поставим, чтобы скорее нога прошла.

Но в тот вечер выйти из дома так и не удалось. Юлька одну Алису не выпустила, а её нога прошла только к утру, и то не совсем.

18. Опасная беглянка

На следующее утро события помчались, как скорый поезд.

Первым в тот день в школу шёл Коля Садовский. Шёл он так рано потому, что не было смысла оставаться дома, где гремел большой скандал. Виновником скандала был, как всегда, сам Коля. Он задумался ещё с вечера: как же получается в математике — плюс на плюс даёт плюс, а минус на минус тоже даёт плюс. Он стал рассуждать: если у тебя подушка сшита из мягкой, чистой, выглаженной материи — это плюс? А если она набита при этом мягким пухом, это плюс? А если мягким пухом набить чистую наволочку, все вместе приведёт к образованию очень удобной и положительной подушки. Плюс? Плюс.

С этой мыслью Коля уснул на мягкой и положительной подушке. А проснулся и стал думать дальше. Если взять что-нибудь совершенно непригодное для набивания подушек и вложить это во что-то совершенно непригодное для создания наволочки, получится ли положительная подушка? Надо попробовать. Разумеется, Коля знал, что ничего не получится, но ему очень понравилось размышлять философски. Поэтому он пошёл с утра на кухню, взял десяток яиц, две электрические лампочки и утюг, все это положил в сетку, с которой его мать ходила за картошкой, отнёс в ванну, положил на пол и лёг на эту подушку.

Плюса не получилось.

Коля набил шишку об утюг, измазался яйцами и обрезался осколком электрической лампочки. Его заставили мыть пол в ванной, собирать стекло, потом оставили без завтрака — и все это случилось в семь часов утра.

Вот он и ушёл из дому.

А на подходе к школе его остановил очень толстый человек в длинном чёрном плаще и шляпе, натянутой на самые уши.

— Здравствуйте, — сказал толстяк. — Вы из шестого класса «Б»?

— А почему вы так думаете? — спросил Коля. — Неужели просвечивает?

— Что просвечивает? — спросил толстяк.

— Мой номер, — сказал Коля.

Он говорил, просто чтобы говорить, даже не задумывался. А толстяк ему не понравился. Уж очень у него было доброе лицо, словно нарочно нарисованное. Поэтому Коля попросил толстяка:

— Вы не будете любезны снять маску?

— Какую маску?

— Под которой у вас спрятаны клыки.

Толстяк даже ощупал своё лицо, словно и в самом деле опасался, не вылезают ли клыки из-под маски.

Садовский не стал ждать, пошёл дальше. Он решил изобрести способ хождения под землёй. Такой способ очень выгоден, потому что можно переходить улицу где хочешь, даже на красный свет. Вот только руки будут грязные.

— Погодите, — догнал его толстяк. — Вы знаете в вашем классе Колю?

— Вам честно ответить или нечестно? — спросил Садовский.

— Честно! — сказал толстяк. — Честность — это самое лучшее человеческое качество.

— Если честно, то я Коля.

— Нет, — сказал толстяк, — ты не Коля. Или не тот Коля.

— Как точно вы заметили! — сказал Коля Садовский. — Я и сам в последнее время

задумываюсь, тот ли я Коля, что был сначала. Уж очень я рыжий. Вам не кажется?

— А что, раньше ты другой был? — толстяк внимательно разглядывал Колю.

— Раньше я был блондин, — сказал Коля. — И притом девочка.

Толстяк вздохнул.

— Ещё один вопрос, — сказал он. — Ты знаешь Алису?

— Она уже кончила школу, — сказал Коля. Нет, толстяк ему положительно не нравился. Коле хотелось поскорее от него избавиться. И уж тем более он не хотел рассказывать ему об Алисе. — И улетела на Памир. Просила передать вам, чтобы вы не трогали её любимую собачку. Больше вопросов нет?

— Ты очень невоспитанный мальчик, — сказал толстяк. — У нас таких уже нет.

— Всех истребили? — спросил Коля.

— И до тебя доберёмся! — прошипел толстяк так, чтобы не слышали проходившие мимо прохожие. — Я твою рыжую физиономию запомню!

— Какое счастье! — сказал Коля, но на всякий случай отступил на шаг назад. — Поэтому, когда вас приведут ко мне, вы будете отказываться от своих слов?

— Куда приведут? — спросил толстяк.

— Ко мне в кабинет. Я же главный инспектор милиции по распутыванию особо серьёзных преступлений против шестиклассников. Разве не слышали? Моя фамилия Холмс. Николай Шерлокович. Будем знакомы. А вас как зовут?

Но толстяк уже куда-то исчез. Словно сквозь землю провалился.

Коля постоял немножко, потом вздохнул и сказал:

— Он меня обогнал. Он умеет ходить под землёй. Придётся изобрести что-нибудь новенькое, а то столкнёшься с ним под мостовой — задавит.

Минут через пять на этом самом месте с толстяком встретила Мила Руткевич.

Толстяк как гора встал у неё на пути.

— Простите, девочка, — сказал он, — вы из шестого «Б»?

— Да, — ответила Мила.

— Скажи на милость! — сказал толстяк. — Не дашь ли ты мне ценную информацию?

Толстяк пошёл рядом с Милой. Говорил он вежливо, даже подобострастно.

— А что я могу вам рассказать? — спросила Мила.

— У меня большое личное несчастье, — сказал толстяк. — И только вы, добрая девочка, можете мне помочь.

— Но ведь я спешу в школу, — сказала Мила. — У нас первый урок английский, и мне надо повторить перевод.

— Я не займу больше двух минут твоего драгоценного времени, девочка, — сказал толстяк. — Мне нужно поговорить с тобой об Алисе.

— О какой Алисе? — насторожилась Мила.

— Я не знаю, под какой фамилией она фигурирует в вашем классе. Но, наверно, у вас одна Алиса?

— Алиса Селезнева? — спросила Мила. — А что случилось?

— Надеюсь, ничего страшного. Пока ничего страшного.

И толстяк сделал длинную, значительную паузу.

— А что может случиться? — спросила Мила, закидывая за спину чёрную косу. — Вы из милиции?

— В некоторой степени, — сказал толстяк. — Когда и почему Алиса появилась в вашем

классе?

— Сегодня третий день, — сказала Мила. — Она живёт у Юли Грибковой. Они вместе в больнице лежали.

— Та-а-а-ак, — сказал толстяк. — Все сходится.

Они проходили мимо маленького скверика, где стояла пустая скамейка.

— Если вы не возражаете, — сказал толстяк, — присядем на минутку.

Мила кивнула. Время ещё было. Она была заинтригована. Особенно если учесть, что Алиса ей совсем не нравилась.

— А не замечали ли вы в её поведении чего-нибудь странного? — спросил толстяк. — Чего-нибудь не нашего, из ряда вон выходящего?

Мила пожала плечами.

— Как сказать...

— Ясно, — сказал толстяк. — Вы не хотите говорить плохо о своей приятельнице. Это похвально, разумеется, похвально. Вы производите впечатление очень разумной девушки. Но сейчас разговор между нами такой серьёзный и тайный, что придётся говорить чистую правду. Нравится ли вам её характер?

— Нет! — вырвалось у Милы помимо воли.

— Почему?

— Она выскочка, — сказала Мила.

Мила в самом деле так думала. Всегда она была первой отличницей в классе. Все годы. Её ставили в пример учителя и хвалили на родительских собраниях. И вдруг пришла в класс какая-то Алиса, которая, оказывается, и английский знает лучше Милы, и географию, и математику, а уж о физкультуре и говорить нечего. Неприятно, что уж говорить.

— В самом деле? — спросил толстяк. — Это тоже сходится с нашими наблюдениями. А не показывала ли, девочка, Алиса каких-нибудь знаний больше, чем нужно?

— Как вам сказать... — ответила Мила. — Особенных способностей я у неё не заметила, но показать себя она умеет.

— Правильно! — воскликнул толстяк. — А в классе у вас есть некий Коля?

— Коля? У нас три Коли.

— А с каким из них дружит Алиса?

— Она ни с кем не дружит, кроме Грибковой, — сказала Мила. — Хотя я чужими делами не занимаюсь.

— Похвально, — сказал толстяк. — Теперь вы должны нам помочь.

— Кому?

— Дело в том, что я работаю главным врачом в больнице для особо опасных детей. В прошлом году к нам поступила неизлечимо испорченная девочка по имени Алиса. У неё склонность к жестокому хулиганству. Это болезнь. Она била детей и взрослых, кусалась, а потом украла в школьном музее чучело тигра, оделась в тигровую шкуру и ночью грабила прохожих. Когда Алису поймали, она искусала трех милиционеров, задушила служебную собаку, и нам пришлось Алису связать.

— Ой, какой ужас! — сказала Мила.

— Нет, не ужас. Надо пожалеть Алису. Она ведь не виновата, что заболела, — раздался мелодичный женский голос.

Мила увидела, что рядом стоит миловидная маленькая хрупкая женщина в белом халате с красным крестом на рукаве.

— Ах, познакомьтесь, — сказал толстяк. — Это доктор Иванова. Она провела сто бессонных ночей, успокаивая несчастного ребёнка, давая ей лекарства и рассказывая сказки.

— Да, это так, — сказала доктор Иванова. — Но все мои усилия пошли прахом. И эта негодная девчонка убежала ночью из больницы, выломав плечом дверь и прыгнув с пятого этажа.

— И ничего? — спросила Мила.

— Ничего. Осталась только вмятина в асфальте под окном. Глубиной в полтора метра. В таком состоянии больным ничего не страшно. Мы обошли уже все школы и больницы, но она исчезла бесследно. И вдруг мы узнали, что похожая по описанию девочка была замечена в вашем классе.

— Но на вид она такая спокойная, — сказала Мила. — И так хорошо знает английский язык.

— Это ненормальность, — сказал толстяк. — У неё весь ум направлен на то, чтобы обманывать окружающих и притворяться, что она совершенно нормальная. В этом её опасность. И её ответы на уроках тоже ненормальность. Скажите нам, может ли нормальная девочка так много знать, как ваша Алиса?

Этот вопрос Миле очень понравился. Он сразу уничтожил все её сомнения. Конечно же, Алиса просто ненормальная, поэтому она так хорошо все знает. Обычный человек ничего бы этого не знал. Ни один здоровый шестиклассник не может быть умнее Милы Руткевич.

И когда Мила все это поняла, раздражение против Алисы как рукой сняло. Ей даже стало жалко Алису.

— А когда её найдёте, вы что сделаете? — спросила Мила.

— Мы возьмём её с собой.

— Погодите, — сказала Мила. — Алиса ведь так тихо себя ведёт. Может быть, ей лучше в школе, с ребятами? И она у нас выздоровеет и станет хуже учиться... как все.

— А если она снова начнёт буйствовать? Если она кого-нибудь укусит? Вы забыли о своих товарищах, которые подвергаются опасности.

— Ах, — сказала Мила, — я об этом не подумала. Пошли скорей к директору школы и все расскажем.

— Нет, так не годится, — сказал печально толстяк. — А если мы ошиблись? Если это не та Алиса? Представляете, какую травму мы нанесём невинному ребёнку?

— Это та, та, — настаивала Мила. — Она совершенно ненормально все знает.

— Но мы очень деликатные люди, — сказала хрупкая доктор Иванова. — Сначала мы заглянем в класс и убедимся, что это наша беглянка. Ты нам должна помочь.

— А как?

— Проведи нас в школу задним ходом так, чтобы нас Алиса не видела. И покажи, где ваш класс. Всё остальное мы берём на себя. О твоём участии в этой операции никто не узнает. Хорошо?

— Если это нужно для медицины и для безопасности других людей, я согласна, — сказала Мила. — Только пойдёмте быстрее, потому что скоро звонок.

И она провела их двором, через школьный ботанический участок. Показала, как подняться на третий этаж, и сказала:

— Только не надо её забирать прямо из класса. Мне её очень жалко.

— Не беспокойся, девочка, — сказала добрым голосом доктор Иванова. — Мы будем гуманные и добрые. Мы всегда такие.

19. Две Аллы

Мила попрощалась с ними и побежала наверх, к своему классу.

И у самой двери столкнулась с Алисой и Юлькой.

— Ой! — Мила уставилась на Алису дикими глазами, прижалась к стенке и ждала, пока она пройдёт в класс.

— Что с ней? — спросила Юлька. — Она на нас смотрела, как на привидения.

— Не знаю, — сказала Алиса. — У меня все в порядке? И туфли на ту ногу?

— Все в порядке.

— И у тебя тоже. Чем-то Руткевич напугана.

Мила поспешила на своё место, ни на кого не глядя и не слыша, как ребята, окружив Алису, шумно вспоминали вчерашний день. Боря Мессерер подарил ей новый портрет: Алиса в шахматной короне. Портрет был непохож, но все очень смеялись.

— Где Фима? — спросила Алиса, оглядываясь.

Уже прозвенел звонок, вот-вот должна была войти Алла Сергеевна, а Фимы не было.

— С ума сойти! — испугалась Юлька. — А вдруг они до него добрались? Мила, ты не видела Фиму Королева?

— Нет, — сказала Мила, листая учебник.

Но её глаза ничего не видели — она ждала, что вот-вот откроется дверь и войдут доктор Иванова и директор больницы, из которой сбежала опасная Алиса.

— Алиса, — спросил Коля Садовский через весь класс, — у тебя есть знакомый толстяк?

— А что? Ты где его видел?

Мила Руткевич услышала и замерла: неужели этот Садовский подслушал?

— Ты где его видел? — повторила Алиса.

— Я его отшил, — сказал Коля, — запутал, как Иван Сусанин поляков в лесу.

Дверь в класс медленно распахнулась.

«Они! — подумала Мила. — Сейчас начнётся».

Но это всего-навсего Фима Королев.

— Смертельный номер! — закричал он, бросаясь к учительскому столу. — Впервые на экране!

— Фима, ты с ума сошёл! — крикнула Катя Михайлова. — Сейчас Алла придёт.

— Не придёт, — сказал Фима. — Она в коридоре на первом этаже с каким-то толстяком разговаривает. В нашем распоряжении пять минут. Прошу внимания!

Фима открыл портфель и вытащил обалделого котёнка.

— Внимание! — продолжал Фима. — Вы видите перед собой суперкошку по имени Алиса. Она умеет считать до ста!

И тут вошла Алла Сергеевна.

Учительница остановилась у доски, не замечая Фиму, который ловил котёнка, убежавшего под стол.

— Это шестой класс «Б»? — спросила Алла Сергеевна, словно это не она почти каждый день приходила сюда.

Но ничего удивительного в этом вопросе не было.

Как только Мила Руткевич провела пиратов в школу, они поспешили к учительской и встали за углом, наблюдая за учителями. Когда Алла оттуда вышла, держа в руке журнал, на

котором было написано «6-й класс „Б“», Весельчак У сразу же стал у неё на пути:

— Одну минутку, уважаемая учительница. Я вам должен сказать два слова исключительной важности.

А Крысс, превратившись в Аллу, поспешил на третий этаж. И чтобы не попасть впросак, первым делом спросил:

— Это шестой класс «Б»?

Настоящая Алла никогда бы не задала такого вопроса. Она сказала бы: «Королев, немедленно прекрати это безобразие!» И поэтому класс был просто поражён таким странным вопросом. Алиса сразу поняла, что дело неладно, пригнулась, спрятала лицо. А Коля Садовский, умевший шутить не вовремя, громко сказал:

— Нет, это второй класс «А».

Вдруг, ко всеобщему удивлению, Алла Сергеевна сказала:

— Не может быть! Ты опять лжёшь, мальчик!

Чтобы Алла так сказала о Садовском? Это невысказано!

Алла оглядывала класс, прямо-таки впивалась глазами в ребят. Увидела Милу Руткевич и спросила её:

— Где Алиса?

— Вон там, под партой, — сказала Мила послушно.

— Ага! — воскликнула Алла Сергеевна. — Значит, и он здесь!

Алла подбежала к тому столу, под которым скрылась Алиса, но при этом продолжала зыркать глазами по лицам.

— Где Коля? — спросила она у Милы.

Мила в ужасе зажмурилась. Нет, этого не может быть! Алла говорила не своим голосом, а голосом доктора Ивановой.

— Ага! — закричала Алла. — Вот ты где!

Но в этот момент за дверью раздался ужасный шум.

Дверь широко распахнулась, и все увидели, как в класс рвётся другая Алла Сергеевна, а её тянет обратно в коридор очень толстый человек в съехавшей на ухо шляпе и длинном чёрном плаще. А того человека обхватил физкультурник Эдуард Петрович. Всё это было похоже на иллюстрацию к сказке о репке.

— Отпустите меня! — отбивалась Алла Сергеевна. — Это хулиганство!

— Я вам должен ещё сказать! — кричал толстяк. — Вы меня забыли! Я ваш пропавший в детстве братишка! Вы меня качали на руках!

Эдуард Петрович, покраснев от нагуги, приподнял толстяка с пола — ведь недаром он раньше занимался вольной борьбой.

Громадным усилием Эдуард оттянул назад одну из рук толстяка и провёл редкий по красоте борцовский приём. Толстяк отпустил Аллу Сергеевну, взлетел в воздух и шмякнулся носом об пол.

— Ура! — закричали двадцать шесть зрителей из шестого «Б». — Ура Эдуарду Петровичу! Чистая победа!

Тут раздался громкий стук, оттого что две Аллы Сергеевны столкнулись перед доской, обе потеряли очки и уронили классные журналы.

— Этого я не выдержу! — воскликнула настоящая Алла и упала без чувств.

Поддельная Алла перепрыгнула через неё, пролетела четыре метра головой вперёд и врезалась в живот Эдуарду Петровичу. Физкультурник не ожидал нового нападения. Он

потерял равновесие и сел на пол.

С невероятной для женщины силой лже-Алла подхватила лежавшего без движения толстяка за ноги и потянула его в коридор.

Через секунду их и след простыл. Лишь слышно было, как стучит по лестничным ступенькам лысая голова толстяка.

Только чёрная шляпа пирата да рукав, оторванный от его плаща, остались лежать посреди класса, напоминая о битве. Алла Сергеевна лежала в обмороке на полу, а Эдуард Петрович сидел, прислонившись к стене, и ничего не мог сообразить.

Ребята опомнились первыми. Одни кинулись к Алле приводить её в чувство, другие помогали встать Эдуарду Петровичу. Только Алиса в этом не принимала участия. Она подняла с полу шляпу и рукав плаща Весельчака У, быстро подбежала к окну и выкинула эти улики на улицу.

Прошло минут пять, прежде чем все утихомирилось. Аллу отпоили водой, Эдуард Петрович встал и, покачивая головой, как учёный слон, ушёл в физкультурный зал, а ребята уселись по местам.

— Садитесь, дети, садитесь, — повторяла Алла слабым голосом. — Какая-то невероятная история, и я ещё ничего в ней не понимаю.

— Может, вам лучше отдохнуть? — спросил Боря Мессерер. — А мы так посидим.

Он из всех ситуаций хотел извлечь пользу. А польза заключалась в том, чтобы поменьше учиться и побольше рисовать свои картинки.

— Нет, — сказала твёрже Алла Сергеевна. — Ничего особенного не случилось. Мы разберёмся потом. А сейчас начнём урок...

Алиса не садилась. Она осматривала класс. Как жаль, что она спряталась под стол! А надо было бы следить, кого из Коля узнал пират. Поэтому она осматривала класс и считала:

Коля Сулима — здесь.

Фима Королев — здесь.

Коля Садовский — здесь.

Коля Наумов... Коли Наумова нет. Вон лежит его портфель... раскрытая тетрадь... а Коли нет.

— Юлька! — сказала Алиса. — Нет Наумова!

И она бросилась к окну.

— О боже мой! — воскликнула Алла Сергеевна. — Селезнева! Что ещё!

Алиса успела увидеть, как по дорожке к воротам бежит Коля Наумов, а из школы выбегают пираты. Весельчак У в плаще с одним рукавом, за ним Крысс. На глазах он сбрасывал облик Аллы и превращался в Наполеона, потому что в мундире легче было бежать, чем в юбке.

— Юлька! Они гонятся за ним! — крикнула Алиса. — Я побежала!

— Кто? Кто за кем гонится? — спросила Алла. — Я этого не вынесу.

Алиса распахнула окно — никто даже ахнуть не успел, — вскочила на подоконник и прыгнула к большому дубу, который рос на школьном дворе. Ветви дуба не доставали двух-трех метров до школьного окна. На лету Алиса, как обезьяна, схватилась за толстый сук, качнулась на нём и слетела на нижнюю ветвь. Оттуда спрыгнула на землю и побежала вслед за Колей и пиратами.

Все ребята видели этот смертельный номер, потому что подбежали к окнам. Алла Сергеевна тоже видела, но не до конца: к счастью для неё, она снова упала в обморок. Такое

случилось с ней раньше только один раз — когда ей было двенадцать лет и она увидела мышь. А тут — надо же! — два раза за десять минут.

Пока Алиса совершала свои прыжки, девочки ахали, а ребята подбадривали Алису криками, только одна Мила Руткевич была спокойна. И когда Алиса скрылась из глаз и девочки начали снова приводить в чувство Аллу, она громко сказала, чтобы все слышали:

— Ничего удивительного. Это от ненормальности. Я с её лечащим врачом разговаривала. Её вообще ищут, чтобы в специальную больницу вернуть.

— Как тебе не стыдно! — закричала Юлька. — Она нормальной и здоровей тебя. Я-то лучше знаю.

Алла пришла в себя и сказала:

— Вы уж извините, я пойду в медпункт. У меня нервы расшатались.

Мила Руткевич первой успела к ней на помощь, помогла выйти в коридор.

Остальные сразу окружили Юльку. Катя Михайлова сказала:

— Грибкова, немедленно расскажи нам все, что знаешь!

— Я ничего не знаю, — ответила Юлька. Она держала в руках свой портфель и сумку Алисы. — Пропустите меня, я пойду домой.

— Никуда мы тебя не пустим! — сказал Фима Королев. — Я тоже кое-что знаю, и, если она не расскажет, я сам расскажу.

— Рассказывай, Юля, — сказал Коля Сулима. — Ведь ребятам, наверно, надо помочь.

20. Ишутин не вмешивается

Алиса выбежала на улицу, увидела далеко впереди бегемотовую спину Весельчака У и платье Аллы Сергеевны и бросилась за ними. Она понимала, что нельзя отпускать их далеко от себя, а то потеряешь в два счета.

Ведь она плохо знала улицы и переулки, тогда как остальные были куда опытнее. Коля Наумов жил в этих местах с детства, а пираты, которые последнюю неделю ухлопали на поиски Алисы и Коли, неплохо успели изучить окрестные переулки и дворы. И даже кое в чём стали образованней Наумова.

Когда Алиса увидела, что они повернули в переулок, она буквально полетела стрелой, чуть не сшибая прохожих, и, свернув за угол, успела увидеть, что пираты предприняли такой тактический манёвр.

За Колей гнался только Весельчак У, а Крысс в облике Наполеона перебежал на другую сторону переулка и понёсся вдоль стены так, чтобы обогнать Колю и взять его в тиски.

Коля оглянулся и увидел, что его окружают.

Справа от него был подъезд.

Если бы он продолжал бежать вперёд, пираты его обязательно поймали бы, поэтому ему ничего не оставалось, как нырнуть в этот подъезд.

Хлопнула дверь.

Весельчак У громко крикнул: «Ширшшфк!» — что означало:

«Попался!»

Алиса поняла: у подъезда нет другого выхода. Они загнали Колю в угол.

Весельчак нырнул в подъезд вслед за Колей. Но Крысс побежал дальше, к арке, ведущей во двор.

Алиса не успела сообразить, что же ей делать дальше, как кто-то подхватил её на бегу,

и женский голос произнёс:

— Тебя-то мне и надо, моё сокровище!

Алиса попыталась вывернуться, но крепкие руки легкоатлетической тренерши Марты Скрыль держали её, как в тисках.

— Ты даже по улице бежишь, словно намерена ставить рекорды, — сказала желтоволосая тренерша. — Считаю, что мне повезло. Шла к твоей школе, вдруг вижу — моя рекордсменка, надежда нашего спорта, собственной персоной. Ну что ж, самое время поговорить.

— Простите, — сказала Алиса, болтаясь в воздухе. — Я очень спешу!

— Что значит твоя сиюминутная спешка по сравнению с будущим, которое открывается перед тобой в спорте? Ты же самородок! Если нам удастся тебя переломить...

Даже в таком неудобном состоянии Алиса удивилась:

— Зачем меня переламывать?

— Как зачем? Чтобы отучить от доморощенных приёмов. Кто так прыгает в высоту в наши дни?

Алиса смотрела, не появится ли кто-нибудь из подъезда или из-под арки. Но переулок словно вымер.

— А в какие дни так прыгают? — спросила Алиса. Все равно тренершу силой не одолеешь, придётся брать хитростью.

— В доисторические, — сказала тренерша уверенно. — Сегодня этот приём бесперспективен.

— Ну уж нет! — возмутилась Алиса. — Вы бы знали, какую высоту взял Пулярдкин таким способом!

— Мне неважно, что там взял Пулярдкин. Я знаю только, что тебя пытались испортить. Мы всерьёз займёмся техникой. Ты у меня запрыгаешь.

— Тогда отпустите меня на землю.

— Хорошо, только не убегай. Я сейчас запишу твои координаты. Все разговоры с родителями беру на себя.

— Вряд ли это вам удастся, — сказала Алиса, не отрывая глаз от подъезда.

— Мы и не таких родителей уговаривали.

Алиса незаметно отступила на полшага.

— Записываю, — сказала тренерша. — Неужели тебя не прельщают большие соревнования? Слава, аплодисменты, пьедестал почёта и заграничные стадионы... Ты куда, девочка? Остановись! Остановись немедленно! Ты же все равно от меня никуда не скроешься! Я тебя через школу отыщу!

Алиса уже подбежала к тому самому подъезду. Тренерша трусила сзади и продолжала её уговаривать.

Вбежав в подъезд, Алиса нырнула вниз, к двери, которая вела в подвал. Там в темноте, за углом, она остановилась и замерла. Она слышала, как хлопнула дверь, вошла тренерша и громко спросила:

— Девочка, ты где скрываешься? Зачем избегать своей перспективной судьбы? Разве ты не слышишь, как зовут фанфары?

Алиса молчала. Слышно было, как тренерша неуверенно поднимается по лестнице, потом останавливается и говорит:

— Если ты меня слышишь, то учти, что в спорте главное — настойчивость. Этой

настойчивости у меня много. Я вернусь в школу и все узнаю у Эдуарда Петровича.

Послышались чёткие шаги, хлопнула дверь, но Алиса не спешила вылезать из своего укрытия. Не доверяла она настойчивой тренерше. И оказалась права. Прошла минута, две, и дверь снова отворилась. На этот раз медленно, почти неслышно. Снова послышались шаги, но осторожнее, кто-то шёл на цыпочках. Тренерша, а это была она, прошла к спуску в подвал, где скрывалась Алиса и заглянула вниз. В полумраке Алисе был виден её силуэт. Тренерша прислушивалась. Алиса затаила дыхание.

— Ты прячешься? — спросила вдруг тренерша.

Но в подвал не пошла. Может быть, боялась мышей?

Наконец тренерша тяжело вздохнула и пробормотала:

— Всё равно... всё равно... я найду этот самородок.

И удалилась окончательно.

Только тогда Алиса осторожно вылезла на свет. Она была расстроена. Ещё бы, потеряла, наверно, минут десять, не меньше. Если это проходной подъезд, то Коля и пираты могли убежать далеко. Ищи их теперь.

Алиса огляделась. Так и есть. Вот задний ход. За лифтом. Алиса подошла к небольшой тёмной двери и толкнула её. Дверь послушно открылась. Перед ней был двор, окружённый домами. Посреди него стоял заколоченный двухэтажный флигель, приготовленный на слом. Кроме арки, которая вела в переулок, из двора можно было выбраться только через другую арку, в дальнем его конце.

Двор был пуст. Только на лавочке под старым деревом сидел молодой человек в замшевом пиджаке, замшевых туфлях и замшевых брюках. Был он модный, аккуратный и солидный. Он курил трубку и читал детективный роман.

— Здравствуйте, — сказала Алиса.

— Здравствуйте, — сказал он, закладывая пальцем страницу книжки. — Здравствуйте, если не шутите.

— Совсем не шучу, — сказала Алиса. — Здесь не пробежали мальчик и два других человека?

— Мальчик? — удивился молодой человек, закованный в замшу. — А какого возраста он был?

— Моего возраста, — сказала Алиса. — А за ним гнались двое. Один очень толстый, в рваном плаще и без шляпы. А второй не знаю, в каком виде.

— Гнались, говоришь? — спросил молодой человек. — Очень странно. А зачем они гнались? Мальчик что-либо натворил или как?

— Нет, он ничего не натворил. Он раньше натворил, а сейчас совершенно не виноват. Это те, кто за ним бежал, во всём виноваты.

— Очень интересно, — сказал молодой человек. — Даже любопытно. А зачем тогда они за ним гнались?

— Ну, чтобы отнять одну вещь. Они преступники.

— Не может быть.

Молодой человек был очень розовым и гладким. Словно только что кончил мыться и тереть лицо жёсткой щёткой. И на розовом лице, как две гусеницы, сползали вниз, к подбородку, чёрные усы.

— Очень странно, — настаивала Алиса. — Они должны были здесь пробежать минут десять назад, не больше.

— Если бы я увидел какое-нибудь нарушение порядка, — сказал молодой человек, — я бы немедленно сигнализировал.

— Значит, никто не пробегал?

— Ты первая здесь суетишься.

— Вы правду говорите?

— Слушай, тебе русским языком сказали: никто здесь не пробегал. Никакие мальчишки и вообще никто. Ты мне читать мешаешь! Я из-за тебя забыл, на чём остановился. У меня свободное время, надо его занять правильно, с толком. Так что топай отсюда, пока я тебя не прогнал с помощью физической силы.

С этими словами замшевый человек открыл книжку, заложенную указательным пальцем, и снова углубился в чтение.

Молодой человек врал.

Десять минут назад он увидел, как во двор вбежал странный человек в одежде Наполеона Бонапарта (а молодой человек был начитанный и узнал Наполеона) и рыскнул в чёрный ход. Молодой человек удивился, что Наполеоны стали бегать по дворам. Он отложил книжку и принялся размышлять о сложности жизни. Может, кино снимают? Скрытой камерой? На всякий случай он вынул расчесочку и причесался. Если попадёшь в кадр, должен быть в полном порядке. Увидит его на просмотре режиссёр и спросит: «Кто это в кадре, такой молодой и красивый?» А ему ответят: «Это актёр-доброволец, случайно оказался на съёмках, зовут его Пётр Ишутин, служит он в ресторане старшим поваром, очень начитанный, неглупый... Готов посвятить свою жизнь искусству». — «Он будет играть роль полководца Багратиона...»

Пока Петя Ишутин так мечтал, дверь чёрного хода отворилась, и его глазам предстало удивительное зрелище. Впереди шёл, озираясь, Наполеон Бонапарт. За ним — невероятной толщины мужчина в рваном плаще. Мужчина нёс под мышкой неподвижного мальчика.

Если это было кино, то не историческое, а приключенческое. С похищением ребёнка. Пётр Ишутин поднялся со скамейки, заложил пальцем детективный роман, чтобы не потерять страницу, и решил, что сейчас он остановит похитителей и скажет им решительно: «Руки вверх!»

И если этот кадр снимается в кино, то режиссёр обязательно отметит решительность незнакомого молодого человека и воскликнет: «Кто этот неизвестный и решительный герой? Немедленно разыщите его и дайте ему роль следователя милиции в новом детективе!»

Пират Крысс, который шёл первым, увидел движение Петра Ишутина и обернулся к нему:

— Ты чего? — спросил он.

— Я? — удивился Пётр. — Я только хотел...

Тем временем толстяк прошёл к заколоченному двухэтажному флигелю и отодвинул доску в окне первого этажа.

— Слушай, — сказал Крысс, сдвигая треуголку на глаза, — если ты будешь путаться у меня под ногами, я из тебя отбивную сделаю. Понял?

— Понял, — сказал Петя Ишутин. — Конечно, понял.

— Ты что видел?

— Я ничего не видел, — сказал Пётр Ишутин. Лучше не вмешиваться, когда тебя не просят.

— И учти, — сказал Крысс, вынув из кармана нож, — если ты кому-нибудь пикнешь о том, что здесь видел, тебе не жить. И не бегай за милицией, и не пытайся от меня скрыться. Ты меня знаешь?

— Нет, — сказал Пётр. — То есть я о вас читал очень похвальные отзывы...

— Твоё счастье. Те, кто меня знал, недолго жили.

Пират приставил воображаемый нож к замшевому животу повара Иштутина и ухмыльнулся.

— Я никогда... — сказал Иштутин. Он же не мог догадаться, что нож не настоящий. Ему никто ещё не приставлял нож к животу, зато в детективных романах он читал, как это делается. Правда, когда он читал детективные романы, он всегда был за следователей, чтобы они победили. Он даже воображал, что в один прекрасный день поймает особенно опасного преступника и его пригласят работать главным следователем. Но сейчас лучше всего не вмешиваться. В книжках и кино одно, а в жизни и зарезать могут.

— И ещё учти, — сказал Наполеон, — мы тебя знаем. Ты Иштутин, живёшь в том доме. Так что если пикнешь, тебе от нас не скрыться.

— Я всё понял, — сказал Иштутин. — И вообще я только помочь хотел. Может, донести чего...

— Не нужна нам твоя помощь.

Тем временем толстяк с мальчиком уже скрылся из глаз.

— Так я пошёл? — спросил Иштутин. — А то мне обедать пора. Должен сказать, что вы великолепно по-русски говорите.

— погоди. Садись на лавочку.

Пётр покорно сел.

— Тут сейчас одна девчонка побежит, — сказал верзила. — Она тебя, наверно, спросит, не видел ли ты нас. Что ты ей ответишь?

— Что никого не видел... Разве я не понимаю? Люди должны помогать друг другу. Все люди — братья.

— Ну и молодец! Садись. Сиди, читай и отвечай, что ничего не видел. А я за тобой смотреть буду. Если не сдержишь слова, не жить тебе. И бифштексы вместо тебя будет жарить другой повар. Ясно?

— Так точно! — сказал Пётр.

И остался ждать девчонку.

Он все выполнил, как от него требовалось. Сидел, читал, ему даже понравилось, что он выполняет секретное задание. Наверно, и этот мальчишка и его подруга — опасные преступники, решил он, потому что так думать спокойнее.

А когда Алиса, постояв в нерешительности посреди двора, пошла к дальней арке, Пётр тихонько поднялся со скамейки и поспешил домой. Там он лёг на диван, и у него стали дрожать руки и ноги. Потом он сказал: «В нашем деле главное — не вмешиваться». И успокоился, задремал.

Алиса поверила Иштутину и решила, что пираты и Коля убежали через следующие ворота.

Она миновала их и оказалась в другом дворе. Этот двор отличался от первого. В нём было много распускающихся кустов, под ними — скамейки, на скамейках — бабушки и молодые матери с колясками. В колясках дети. Другие дети, чуть постарше, строили крепость из песка.

Алиса подошла к ближайшей бабушке и спросила:

— Простите, здесь не пробегал мальчик?

— А он тебя обидел? — спросила бабушка.

Она с детства была уверена, что мальчики специально созданы для того, чтобы таскать девочек за косы. Поэтому она всю жизнь сторонилась мальчиков всех возрастов, от семи до семидесяти лет, не вышла замуж и теперь ходила гулять с внучкой своей сестры.

— Нет, — сказала Алиса. — Он меня не обидел. Но за ним гнались два бандита.

— Что? — бабушка даже подскочила. — Бандиты! — закричала она.

— Где бандиты? — спросили другие бабушки и мамы, стали созывать детей и подкатывать поближе коляски.

— Не волнуйтесь, — постаралась успокоить их Алиса. — Я только спросила, не пробегал ли здесь мальчик, за которым гнались два человека, один толстый, другой тонкий, похожий на Наполеона.

— Какое варварство! — сказала другая бабушка. — Гоняться за ребёнком!

— Значит, никто не пробегал? — спросила Алиса.

Она уже поняла, что никто не пробегал. Иначе бы этот тихий уголок переполошился.

— Нет, — сказала молоденькая мама в широких брюках. — А они должны побежать? Скажи правду, тогда я отвезу малыша домой. Детям нельзя волноваться.

— Нет, нет, никто не побежит, — сказала Алиса и поспешила обратно в первый двор.

Сзади доносились возбуждённые голоса мам и бабушек. Некоторые из них стали собираться домой.

Что же получается? В первом дворе их не было. Иначе замшевый человек с книжкой их заметил бы. Во втором дворе их тоже не было — бабушки и мамы не оставили бы без внимания такое событие. Значит, остаётся лишь подъезд, в котором Алиса пряталась от настойчивой тренерши. Там и надо искать Колю. Но как искать? Обойти все квартиры? А что спрашивать?

Задумавшись, Алиса вышла через арку в переулок и остановилась.

И здесь её увидели ребята из шестого «Б».

21. Военный совет

Когда Юлька кончила свой рассказ, по крайней мере полкласса решили бежать на помощь Алисе и Коле. Никто толком не знал, что надо делать, все смотрели на Юльку. Ведь она Алисина подруга и, можно сказать, старшая сестра

— на сто лет старше Алисы.

— Вы куда? — удивилась гардеробщица тётя Луша, когда увидела, как в середине урока с грохотом и шумом несётся по лестнице шестой класс «Б», включая отличников и двоечников.

Некоторые оделись, другие побежали раздетыми — все равно день тёплый, почти летний.

Пробежали до ближайшего угла и остановились. Куда дальше?

Боря Мессерер сказал:

— Давайте поделимся на отряды по три человека — каждый обещет по переулку.

— Глупая мысль! — сказала Мила Руткевич. Она злилась на себя. Теперь она должна первой спасти Алису от пиратов — ведь она же её предала. — Мы же не знаем, куда они

убежали. Может, они сейчас уже в Марьиной роще.

В этот момент ребята увидели, что навстречу им спешит маленькая женщина с завитой жёлтой чёлкой.

Катя Михайлова узнала её и спросила:

— Здравствуйте, Марта Скрыль. Вы не видели девочку из нашего класса...

Договорить ей тренерша не дала.

— Эта ваша Алиса совершенно неуправляема! Я раскрыла перед ней светлые перспективы в области спорта, и знаете, что она мне ответила?

— Знаем! — хором закричали ребята.

— Нет, более того! — воскликнула тренерша. — Она потом...

— ...убежала! — хором крикнули шестиклассники.

— Вы, я вижу, отлично информированы, — обиделась тренерша. — Боюсь, что безответственные настроения овладели и вами.

— Овладели! — закричали ребята.

— А куда она убежала? — спросила вежливо Катя Михайлова.

— Вот там видите подъезд в сером доме? Я за ней была вынуждена гоняться по подъезду, но безрезультатно. Она там живёт?

Но никто тренершу не слушал. Шестой класс «Б» бежал к подъезду. И вот в этот момент из ворот дома вышла Алиса и остановилась на тротуаре.

Шестой класс «Б» окружил её густой толпой.

— Ну, где Коля?

— Ты их догнала?

— Они спрятались?

— Не стесняйся, мы все знаем. Нам Фима с Юлькой рассказали.

— Ты их догнала?

— Мы знаем, что ты из будущего.

— Мы тебе поможем найти машинку...

Все говорили сразу, разобрать что-нибудь было трудно, но Алиса поняла и обрадовалась.

— Спасибо, ребята! — сказала она.

Все перебивали друг друга, такой шум поднялся, что стекла зазвенели в домах. Сквозь шум пробивался серебряный голос Ларисы:

— Ой, они, наверно, Колю пытаются! — её прекрасные голубые глаза были полны слез.

— Скорее давайте искать! — крикнул Боря Мессерер.

Сверху на втором этаже появилось круглое заспанное лицо. Оно сказала:

— Дети, устраивайте свои военные игры где-нибудь в другом месте. Я только собрался заснуть, а вы начали кричать о пытках и проходных дворах. Стыдно!

Тут же в форточку этажом выше высунулась женщина в бигуди и поддержала заспанного человека:

— Сумасшедшие времена! В наши дни дети не думали о хулиганстве, а играли в прятки.

— Что вы понимаете! — возмутилась Юлька.

Но Катя Михайлова её остановила.

— Не спорь. Пошли на бульвар. Там устроим совещание.

— Только надо кому-то остаться здесь, — сказала Алиса. — Они могут убежать и увести Наумова.

— Я останусь, — сказал Коля Сулима. — Кто ещё?

Вторым остался дежурить Боря Мессерер. Сулима стоял в переулке. Боря прошёл во двор. А остальные поспешили на бульвар, чтобы там решить, что делать.

Такого события классу ещё не приходилось переживать за последние шесть лет.

Во-первых, новая ученица, супергерла Алиса, оказалась никакой не супергерлой, а самой обыкновенной девочкой из будущего.

Во-вторых, Коля Наумов побывал в будущем и там набезобразил, хотя и не по злому умыслу.

В-третьих, Фима Королев об этом знал и никому не успел проговориться, кроме Коли Сулимы. А Коля Сулима хотел все рассказать Алисе, но не успел.

И, наконец, где-то рядом сидят настоящие космические пираты, а один из них умеет превращаться в разных людей.

Событий больше, чем достаточно.

Алиса села на скамейку так, чтобы видеть переулок. Остальные окружили её.

— Совещание открывается, — сказал Фима Королев. — На повестке дня два вопроса.

— Почему два? Один, — сказала Катя Михайлова.

— Нет, два. Первый — как найти и спасти Колю Наумова. Второй — как помочь Алисе вернуть миелофон и отправить её домой.

— Это один и тот же вопрос, — сказала Юлька.

— Не перебивай! — сказал Фима Королев. — Должен быть порядок, а то мы никогда не договоримся.

— Тебя никто не выбирал в председатели! — сказала Мила.

— В решительные минуты кто-то наиболее достойный должен взять власть в свои руки. Тебе, Руткевич, я тоже не давал слова. Может быть, ты заодно с пиратами?

— Как тебе не стыдно!

Катя Михайлова положила руку на плечо Милы:

— Ты что, не знаешь Фиму, с его дурацкими шутками?

— Это не шутка! — Мила вдруг заплакала. — Если бы я знала...

— Что случилось? — спросила Алиса. Она ведь не знала, что Мила провела пиратов в школу.

— Я тебе потом расскажу, — сказала Юлька. — Ничего особенного.

Мила отвернулась, чтобы никто не видел её слез. Последний раз она плакала год назад, когда практикантка, которая не знала, что Мила круглая отличница, поставила ей четвёрку за сочинение.

— Слово предоставляется Алисе Селезнёвой, — сказал Фима. — Она нас ознакомит с состоянием дел по поискам товарища Наумова. Регламент будем устанавливать?

— Фима, не валяй дурака! — сказала строго Катя. — А то я тебя сниму с председателей. Говори, Алиса.

— А мне почти нечего сказать. Я бежала за ним до того дома, но меня поймала тренерша, и, пока я от неё спасалась, Коля вбежал в подъезд. Весельчак У — за ним.

— Кто? — не понял Коля Садовский.

— Весельчак У зовут толстого пирата, — объясняла Юлька Грибкова.

— Крысс — это второй пират, который Аллу изображал, — побежал во двор.

— А подъезд проходной? — спросила Катя Михайлова.

— Да, проходной.

— Всё ясно, — сказал Фима. — Он хотел перехватить Колю на выходе.

— Но не перехватил, — сказала Алиса. — Во дворе сидел человек и читал книжку. Он мне сказал, что никто мимо не пробежал...

— А вдруг это был не человек, а переодетый Крысс? — сказала Юлька. — Вдруг он тебя обманул, а тем временем Весельчак У убежал за Наумовым?

Алиса подумала немного и ответила:

— Нет, это был настоящий человек. Я с ним долго говорила. К тому же они не могли пробежать в следующий двор. Там было двадцать бабушек и мам.

— Ясно, — сказал Фима Королев. — Имеем рабочую гипотезу: пираты скрылись в том доме, на чердаке.

— Почему на чердаке? — удивилась Катя Михайлова. — В подъезде по крайней мере двадцать квартир. А если они одну из них заняли?

— Начнём с чердака. У меня предчувствие, что они там. А предчувствия меня никогда не обманывают, — настаивал Фима Королев.

— Конечно, — съехидничала Юлька. — Ещё бы! Помнишь, как позавчера у тебя было предчувствие, что тебя по географии не спросят?

— Грибкова, — строго сказал Фима Королев, — выйди на угол переулка. Оттуда тебе будет виден Сулима. Спроси у него знаками, все ли в порядке.

— Сам сходи, — сказала Юлька. — Тебе ближе.

— Подчиняюсь грубому насилию, — сказал Фима, побежал к ограде бульвара и взмахнул рукой, тут же вернулся и сказал: — На горизонте все чисто.

— Я так переживаю, девочки! — сказала красавица Лариса. — Я умру от страха. Лучше бы я осталась в классе.

— Ну и иди домой, — сказал Фима. — От тебя все равно никакого толку.

— Фима, это последнее предупреждение, — сказала Катя Михайлова. — Если ты не перестанешь хамить, мы тебя уволим!

— Уволим, — сказали остальные.

— Я не так хотела сказать, — пожаловалась Лариса. — Я хотела сказать, что у меня от переживаний прорезается аппетит. Я даже на контрольных всегда голодаю.

— У меня где-то шоколадка была, — сказала Юлька и открыла свой портфель.

— Ладно, ребята, — снова встал Фима, — давайте ваши конкретные предложения.

— Какие могут быть предложения? — удивился Коля Садовский. — Надо идти в тот подъезд. Это и ежу ясно.

— Есть предложение идти в тот подъезд, от квартиры к квартире. Если что-нибудь подозрительное, мы берём квартиру на заметку, — сказал Фима. — Но начинаем с чердака.

— Только я на чердак не пойду, — сказала Лариса. — Там могут быть крысы или тараканы. И я умру.

— Ладно, от чердака ты освобождаешься. Будешь сидеть внизу на лавочке. Все встают?

— Погодите, — сказала Мила Руткевич. Она уже успокоилась и взяла себя в руки. — Фима говорил, что миелофон лежит у Коли Наумова дома. В ящике под столом. Правильно?

— Правильно. Он сам мне показывал.

— А вдруг Коля сознаётся? Пираты пойдут к нему домой и найдут аппарат. Это ведь будет ужасно!

— Совершенно ужасно, — сказала Алиса, которая до этого почти не вмешивалась в разговор. — Тогда все наши труды пропадут даром.

— Он никогда не сознаётся. Даже под страшными пытками, — сказал Фима Королев. — Он мой друг, я его знаю, как себя.

— «Себя, себя!» — сказала Мила, полная презрения к Фиме. — Тебя и пытать не надо. Поглядеть на тебя строго — ты во всём и сознаёшься.

— Мы все знаем, что Коля не трус, — сказала Катя Михайлова. — Но ведь пираты могут его обмануть.

— Как?

— Как? Крысс превратится в его мать и скажет: «Коля, отдай машину». Коля и послушается.

— Ой, какой ужас! — сказала Лариса.

— Что он, идиот, что ли? — сказал Фима, но не так уверенно, как прежде.

— Значит, кто-то сейчас идёт к Коле Наумову домой и берет там миелофон, — сказала Мила Руткевич. — И я думаю, что лучше всего пойти Алисе с Фимой. Алиса отличит свой аппарат, а Фима может сказать родителям, что они пришли по просьбе Коли.

— А если мы найдём аппарат, — спросил Фима, — что тогда делать?

Все замолчали. Смотрели на Алису.

Алиса не поняла, почему на неё смотрят. Тогда Мила Руткевич сказала:

— Мы понимаем, что Алисе надо возвращаться домой. И как можно скорей. Как только найдёте машинку, пускай Алиса идёт в ту квартиру, где машина времени. Фима ей покажет.

— А она без ключа не попадёт...

— Придумаешь что-нибудь, чтобы Колина мать его отдала, — сказала Катя Михайлова. — Ты же сообразительный. Употребил раз в жизни свой талант на пользу народа. Проводишь Алису — и срочно обратно...

Юлька почувствовала, как у неё перехватило дыхание. Как же так, сразу... Юлька хотела сказать, что надо бы зайти к Грибковым, попрощаться, а то Мария Михайловна будет переживать...

Лариса протянула руку и сказала:

— До свиданья, Алиса. Очень приятно было познакомиться.

И тогда Алиса заговорила злым голосом:

— Вы что, с ума посходили, что ли? Вы хотите, чтобы я убежала к себе, а вы без меня Колю выручать будете? Вы что же, меня за человека не считаете? Думаете, что я схвачу миелофон и убегу, прощайте? Значит, вам можно все дела бросить и бежать мне на помощь, а я паршивая эгоистка?

У Алисы даже слезы появились на глазах. Хоть она, конечно, не плакала...

У Юльки от сердца отвалился камень. Она так боялась, что Алиса послушает разумную Руткевич и уйдёт насовсем... хотя она, Юлька, конечно, и слова бы не сказала.

Все молчали. Стало неловко, словно они предложили Алисе что-то нехорошее. Хотя, если так подумать, Мила рассуждала правильно. С разумной точки зрения.

Первой заговорила Катя Михайлова:

— Алиса права. Если она столько времени эту машину искала, можно и подождать. А Алиса нам нужна. Она как спортсменка может забраться, куда никто из нас не сможет. И она этих пиратов хорошо знает. Их ведь тоже, наверно, не стоит здесь оставлять.

— Ой, не стоит! — сказала Лариса. — Ой, не стоит! А я уж хотела с Алисой прощаться...

Юлька глубоко вздохнула и увидела, что у неё раскрыт портфель. Зачем же она его

раскрыла? Ну конечно, она же хотела поискать шоколадку для этой обжоры Ларисы. Юлька запустила руку в портфель и вместо шоколадки нащупала тяжёлый свёрток.

— Что это такое? — спросила она, вытаскивая его.

Свёрток был объёмистый, словно в него была завернута буханка хлеба. Он был завернут в газету.

Юлька зашуршала газетой, разворачивая свёрток.

Внутри лежала чёрная сумка.

— Вот это да! — сказала Алиса.

— Что? Что случилось? Что-нибудь страшное? — спросила Лариса.

— Ведь это не шоколад.

— Нет, — сказала Алиса. — Это миелофон.

22. Поиски

— Из-за него ты к нам я приехала? — спросила Катя Михайлова.

— Он совсем неинтересный, — сказала Лариса.

Алиса раскрутила провод, вставила в ухо наушничек, нажала на красную кнопку на крышке. Подождала, нажала вторую кнопку и стала поворачивать колёсико.

Потом вдруг засмеялась.

— Ты что? — спросила Юлька.

— Работает, — сказала Алиса. — Все в порядке.

— А почему засмеялась?

— Потому что Лариса думает, будешь ли ты искать шоколадку в сумке или забыла о ней.

— Глупости! — сказала Лариса и покраснела, как варёный рак. — Я и не думала о шоколаде. И вообще я уже не голодная. Это не аппарат, а сплошной обман.

Но все хохотали так, что Фима Королев свалился со скамейки.

Все знали, кто прав.

— А откуда же он в сумке? — спросила Мила Руткевич, дожидаясь, пока остальные успокоятся. — Кто-то должен был его туда положить.

— Я видела, — сказала Лариса. — Но не догадалась. Ещё перед уроком Коля Наумов подходил к Юлькиному столу и что-то там делал. Я его спросила: «Ты что, записку подкладываешь, влюбился?» А он мне так грубо ответил, что я сразу об этом забыла.

Аккуратная Катя Михайлова складывала газету, в которую был завернут аппарат.

— Смотрите, записка, — сказала она.

— Дай сюда, — сказала Алиса. Она взяла записку и прочитала её вслух: — «Ты все равно уже все знаешь или скоро узнаешь. Если ты считаешь, что я виноват и заслуживаю наказания, я не буду спорить. Но даю честное слово, что я не хотел брать этот прибор, а хотел спасти его от бандитов. Извини за задержку. Жалко, что ты не можешь остаться с нами». И все, — сказала Алиса.

— А подпись? — спросила Мила.

— Нет никакой подписи.

— Это его почерк, — сказал Фима Королев, заглядывая сзади. — Я его почерк знаю.

— Вот и все, — сказала Катя Михайлова. — Можешь возвращаться домой, Алиса.

Алиса ничего не ответила.

— Что ему стоило вернуть аппарат хотя бы вчера? — вздохнула Мила Руткевич.

— Всё-таки мальчишки у нас умом не отличаются, — сказала Лариса. — Прятать чужую вещь, а потом подсовывать её в чужие сумки! Детский сад какой-то.

Алиса повесила миелофон через плечо.

— Лучше спрячь его в сумку, — сказала Юлька. — Потеряешь ещё.

— Нет, — сказала Алиса. — Он нам теперь пригодится.

— Дай мне поносить, — сказал Фима Королев. — Мне бы кое-чьи мысли подслушать.

— Ребята, вы меня простите, — сказала Алиса, — но я никому его давать не буду. И не потому, что боюсь, что сломаете, или не доверяю, но этот прибор изобретут только через сто лет. Его ещё нет.

— Жалко, — сказал Фима.

Мила поддержала Алису:

— К тому же он ей не принадлежит.

Алиса поднялась со скамейки.

— Понесёшь мою сумку? — спросила она Садовского.

— Давай, — сказал Садовский.

— Какие указания? — спросил Фима, который надеялся потом, когда все утрясётся, всё-таки выпросить у Алисы миелофон. На одну минутку.

— Миелофон принимает человеческие мысли метров за десять, а иногда и больше, — сказала Алиса. — Если мы сейчас пройдем по квартирам того подъезда, мы услышим, нет ли там пиратов и Коли.

— Конечно! — воскликнула Юлька. — Все гениальное просто!

— Всем идти нет смысла, — сказала Катя. — Пускай часть ребят ждёт здесь. Зачем толпой ходить по этажам?

Но никому не хотелось оставаться. Договорились, что четверо пойдут по квартирам, а остальные будут дежурить во дворе и на улице. Ларису и Милу Руткевич отправили домой. Сначала отправили только Ларису — чтобы она не голодала, не мучилась, поела и остальным тоже сделала бутерброды. Когда ходишь в дозоре или стоишь на посту, есть хочется. Это каждый солдат знает. Но как только Лариса ушла, всех охватило сомнение: вернётся ли она? Она известная соня. Поест, заснёт, вечером спохватится. Вот тогда Мила Руткевич пожертвовала собой. Она сказала, что сделает всем бутерброды. И ещё у них дома остался почти целый торт — вчера был день рождения у брата, три торта съели, а на четвёртый сил не хватило.

В подъезд пошли Алиса, Фима Королев, Коля Сулима и Катя Михайлова.

Фима сказал:

— Я настаиваю — сначала на чердак. Ты, Алиса, нашу жизнь недостаточно хорошо знаешь. Должен тебе сказать, что в гражданскую войну контрреволюционеры чаще всего укрывались на чердаках.

— Сказал тоже! — удивилась Юлька. — Это же было почти сто лет назад.

— Я читала, — сказала Алиса.

Лифт остановился на верхнем этаже. Ребята, стараясь не шуметь, вышли из него. Фима прошептал:

— Плохо без оружия.

С оружием и в самом деле было неважно. Оружия даже не было, если не считать свистка у Фимы Королева.

— Ничего, — сказала Алиса. — Все преступники трусы. Они же боятся, что их разоблачат.

— Ты лучше стой сзади, — прошептала Катя. — Чтобы они до миелофона не добрались.

Алиса кивнула. Катя была права. Если пираты увидят миелофон, могут схватить его и умчаться.

Ребята поднялись на один пролёт и очутились перед дверью на чердак. Дверь была заперта на тяжёлый замок.

— Здесь их не было, — сказала Алиса.

— Нельзя недооценивать их хитрость, — возразил Фима. — Они могли снять замок, а потом снова закрыть. Мы же не знаем всех их штучек.

Катя Михайлова подошла к двери и провела пальцем по замку. Замок был пыльный.

— Здесь никто уже несколько дней не был, — сказала Катя.

Коля Сулима улыбнулся:

— Сейчас Королёв скажет тебе, что пыль они потом из хитрости насыпали. В кармане принесли.

— А что, — не сдавался Фима, — вполне может быть. Пиратам свойственна дьявольская хитрость.

Алиса, чтобы не тратить времени на пустые споры с упрямым Фимой, пошла вниз.

— Стой! — окликнул её Фима. — Потом пожалеешь. Всё-таки послушай.

— Ну ладно...

Алиса подошла к двери, включила миелофон и начала крутить колёсико, настраивая на различные волны. Ведь каждый мозг излучает мысли на своей, особой волне. Как радиостанция.

— Ну что? — не вытерпел Фима.

— Ничего. Там только голуби.

— Дай послушать, — сказал Фима. — Хоть немножко.

— Нечего слушать.

— Фима, отстань от Алисы. Договорились же, — сказала Катя Михайлова.

Алиса выключила миелофон.

Они спустились этажом ниже. На этаже было три квартиры.

— Будем звонить? — спросил Коля Сулима.

— Попробуем без звонков, — сказала Алиса. — Ведь через дверь мысли проникают.

Она подошла к ближайшей двери.

— Никого нет дома, — сказала она, прислушавшись.

— Слушай, Алиска, — возмутился Фима, — может, твой аппарат не берет мыслей? Может, Наумов его сломал?

Алиса хотела огрызнуться, но Коля Сулима, стоявший у другой двери, сказал тихо:

— Ребята, я слышу, там кто-то разговаривает.

Алиса тут же перебежала к той двери.

— Ну, что слышно?

— Не мешай, Фима. Там в самом деле есть люди.

— Какие? Пираты?

— Нет. Там муж и жена. Они старые. Они поссорились и с утра не могут договориться, кому идти за молоком. Вот и сидят без молока. И кошка у них без молока.

— Бедная кошка! — сказала Катя.

— Там Коли нет, — сказала Алиса.

— Ясное дело, — сказал Фима. — Но дай-ка я проверю.

Алиса протянула Фиме наушник. Все равно не отделаешься. Тот наклонил голову, прислушался.

— Техника на грани фантастики!.. Ой, и кошку слышу!..

— А ну хватит, — сказала строго Катя Михайлова. Ей тоже хотелось послушать мысли, но гордость не давала попросить. — Королев, вот тебе шестнадцать копеек. Беги до угла и срочно неси сюда пакет с молоком.

— Зачем? — не понял Фима.

— Непонятно? А что кошка голодная сидит — это тебе все равно?

— Но вдруг без меня что-нибудь случится?

— Ничего, с нами Сулима. А в случае чего крикнем. Во дворе пять человек без дела маются.

— Вот им и поручу! — крикнул Фима, бросаясь вниз по лестнице.

Алиса уже перешла к следующей квартире.

— Хочешь послушать? — спросила она у Кати Михайловой.

— Спасибо, с удовольствием, — сказала Катя. — Если я не сломаю.

Алиса передала ей наушник.

В наушнике слышалось шуршание. Алиса крутила колёсико настройки.

— Подними руку, когда услышишь, — сказала она.

Катя подняла руку.

В наушнике звучал далёкий, бесплотный голосок:

— Ну почему же он не звонит? Ну пускай позвонит... Может, он телефон неправильно записал? Нет, я сама телефон записала. Ведь он обещал с утра позвонить... перед лекциями...

— По-моему, какая-нибудь дурочка влюблённая, — сказала Катя. — Даже неудобно подслушивать.

— Мы же не ради собственного удовольствия, — сказал Коля Сулима.

— Хочешь послушать? — спросила Алиса.

— Нет, спасибо... Как-нибудь в следующий раз.

— Все, — сказала Катя. — Он ей позвонил. Она уже вслух воркует. Бери наушник.

Пиратов там нет.

Они спускались на этаж ниже, когда появился лифт, в нём Фима Королев.

— Где молоко? — строго спросила Катя.

— Я Садовского послал.

— Ох и мудрец!

— Он всё равно от безделья мучится. Он уже придумывает, как без машины времени в будущее ходить.

— Ну, и как? — спросила Алиса.

— Очень просто: издать календарь на двухтысячный год.

— И что же изменится? — не понял Коля Сулима.

— Как — что изменится? Будем жить в двухтысячном году. А как жить — наше дело.

— Гениальная идея! — сказала Катя. — Пошли вниз.

На следующем этаже две квартиры были пустые — видно, все на работе. В одной из них

спала собака и видела во сне десять кошек, которые отнимали у неё кость. Мысли были не очень понятными и сбивчивыми, но Фима, который слушал этот сон, сказал, что кошки полосатые и большие, как тигры. Хотя вряд ли он уловил это миелофоном да ещё в собачьем кошмаре.

В третьей квартире сидела маленькая девочка, мама которой ушла в магазин и долго не возвращалась. Девочке было грустно, и она представляла себе всякие страшные картинки, и ей с каждой минутой все больше казалось, что мама никогда не вернётся. Никакой пират не мог бы так притворяться. Только ребята собрались спуститься ещё на этаж вниз, как на лестничной площадке возник запыхавшийся Садовский, волосы на его голове сверкали таким красным огнём, что о них можно было обжечься.

Он нёс пакет с молоком.

— Кто здесь проголодался? — спросил он. — А то Фима сунул в руку деньги, сказал, что это срочное задание, и убежал.

— А ты как думаешь? — спросил Фима.

— Я думаю, что вы нашли Колю, совершенно обезображенного. И его первые слова были: молочка бы мне. Нет?

— Нет, не нашли мы Колю. — Катя взяла у Садовского пакет и сказала: — Спускайтесь, я сейчас вернусь.

Но никто не стал спускаться. Все слушали, что будет. А Алиса даже через миелофон.

Слышно было, как Катя нажимает звонок. Наверху открылась дверь.

— Простите, — сказала Катя, — я принесла молока вашей кошке. Она у вас совсем голодная.

— Спасибо, — сказал голос. — А то мы никак не можем договориться.

Дверь захлопнулась.

Катиних шагов не было слышно. Видно, она осталась стоять у двери. Она-то думала, что люди удивятся, может, даже откажутся от молока...

— Идёт обратно, — сказала Алиса, которая слышала мысли хозяйки кошки.

— Зачем? — спросил Фима.

— Сейчас узнаешь, — сказала Алиса и не смогла сдержать улыбку.

Снова послышался звук отворяемой двери. И тот же голос произнёс:

— Хорошо, что ты не ушла, девочка. Держи шестнадцать копеек. Я тебе за молоко должна. Спасибо ещё раз. Ты завтра молоко принесёшь?

Смущённая Катя спустилась, держа на ладони шестнадцать копеек.

— Ну что, теперь каждый день будешь ходить? А то кошка голодная.

— Придётся, — сказала Алиса. — Знаешь, что эта бабушка своему мужу сейчас говорит? «Слава богу, кошачье молоко стали по квартирам носить. Теперь нам с тобой, Ваня, ссориться ни к чему».

— А он что отвечает? — спросил Садовский.

— Он говорит: «Не беспокойся, найдём, из-за чего поспориться».

— Вот и хорошо, — сказал Садовский. — А то им жить будет скучно.

Осталось ещё три этажа. Ребята прошли их минут за двадцать. Алиса всем дала послушать миелофон, но ничего подозрительного не обнаружилось. За дверями квартир жили самые обыкновенные люди — ссорились, мирились, разговаривали... но никто никого не пытал, не угрожал. В подвале тоже никого не было.

23. Ишутин передумал

Во дворе ждала Мила Руткевич с промасленным пакетом.

— Перерыв на обед, — сказала Юлька. — Ничего не нашли?

— Ничего, — сказала Алиса. — В этот подъезд они все вошли, и никто из него не вышел. Не представляю, что делать.

— Пошли на скамеечку, — сказала Катя. — Ум хорошо, а десять лучше. Перекусим и что-нибудь придумаем.

— Обязательно придумаем, — сказал Фима Королев. — Во мне уже формируются кое-какие идеи.

— Я знаю, — сказал Садовский. — Я уже научился читать мысли без миелофона. В голове у Королева формируется идея космических полётов на воздушных шарах.

— Отстань! — сказал Фима. — С тобой совершенно невозможно серьёзно разговаривать!

— А я с тобой и не намерен серьёзно разговаривать, — сказал Садовский.

— Если с тобой серьёзно разговаривать, можно лопнуть от смеха.

Мила раздала бутерброды и половинки огурцов.

Тут, ко всеобщему удивлению, пришла и Лариса. Она шла, широко зевая, и тащила целую корзинку съестных припасов.

— Умираю, спать хочу! — сказала она. — Я даже по дороге на ходу спала.

— Лариса, ты великий человек, — сказал Коля Сулима.

— Ты так серьёзно думаешь? — спросила Лариса. — Мне очень приятно.

Сулима ей нравился, потому что был серьёзный, играл в шахматы и носил очки.

— Он так не думает, — сказал Фима. — И если мне не веришь, возьми миелофон и послушай его мысли.

— В жизни не слушала чужих мыслей. И не буду.

— Почему? — спросила Юлька, распаковывая её корзинку.

— А вдруг в мыслях неприличное слово встретится?

— Где же ты набрала столько продовольствия? — спросила Юлька.

— Это мне бабушка дала, — сказала Лариса. — Я ей объяснила.

— Что ты ей объяснила? — испугалась Катя Михайлова.

— Я ей ничего лишнего не сказала, — ответила Лариса. — Я только сказала, что к нам приехала одна девочка из будущего и она проголодалась.

— А бабушка? — спросила Катя.

— А бабушка ахнула и сказала: «Ой, такой путь — и ничего не поесть!» Вот мы с ней и опустошили холодильник.

Пока ребята ели, Алиса прислушивалась к мыслям двух женщин, которые остановились посреди двора и обсуждали плохое поведение какого-то Ивана Петровича, который играет по ночам на аккордеоне и не даёт никому спать. Алиса слушала их мысли, потому что надеялась, что они могли видеть пиратов или Колю.

Вдруг Алиса поднялась, спрятала проводок в сумку, подошла к женщинам, и ребята услышали, как она сказала:

— Вы правильно беспокоитесь о вашей девочке. Она уже полчаса плачет горячими слезами, потому что думает, что вы никогда уже не вернётесь. Она плачет, а вы тут обсуждаете поведение какого-то Ивана Петровича!

Сказав так, Алиса вернулась к скамейке, а женщины удивлённо смотрели ей вслед. Потом одна из них сказала:

— Я и в самом деле заболталась. — и скрылась в подъезде.

Вторая посмотрела на Алису подозрительно и сказала:

— Какая невоспитанная девочка!

— Ты ей про какую девочку сказала? — спросила Юлька.

— Её дочка дома сидит и думает, что мама никогда не вернётся. А мама совсем о ней забыла. Пришлось напомнить.

— Попробуй пирога, — сказала Лариса. — Моя бабушка велела обязательно тебя угостить. Она сказала, что таких у вас не делают, потому что она унесёт свой секрет с собой в могилу.

— А пускай она тебя научит, — сказала Юлька.

— Меня не научишь, — вздохнула Лариса. — Я совершенно неспособная к домашнему хозяйству.

Алиса жевала пирог и думала, что же делать дальше. Время идёт, уже скоро двенадцать.

— Что будем делать? — без миелофона угадала её мысли Юлька.

— Ясно что. — Фима жевал торт, и у него получились большие розовые усы на красных щеках. — Сейчас передохнем и пойдём дальше.

— Куда идти? — сказала Алиса. — Мы весь подъезд обошли.

— По другим домам пойдём, — сказал Фима. — Если ты устанешь, я тебя подменю.

— Зачем ходить до другим домам? — удивилась Алиса. — Ведь они отсюда не выходили.

— Постой, — сказал Садовский. — А ты уверена, что у них нет шапки-невидимки?

— Нет, — сказала Алиса, — это антинаучно.

— А почему ты так уверена, Алиса, что они не выходили из подъезда? — спросила Мила Руткевич. — А вдруг тот человек соврал?

Сулима поднялся со скамейки и сказал:

— У нас есть два варианта. Первый — обойти с миелофоном все дома в этом дворе.

— А второй вариант? — спросила Алиса.

— А второй вариант — найти того человека, который сказал, что не видел пиратов, и проверить его мысли.

— Гениально! — сказала Лариса. — Даже не нужно читать мысли. Мне достаточно посмотреть человеку в глаза, и я сразу вижу, лжёт он или говорит правду.

— И всё-таки надёжней с миелофоном, — сказал Сулима. — Ты не помнишь, Алиса, куда он исчез?

— Я не заметила. Наверно, сюда. — и Алиса показала на дверь небольшого жёлтого трехэтажного дома.

И бывают же такие совпадения: в этот момент дверь открылась, и в ней показался полный, гладкий мужчина в замшевом пиджаке, замшевых брюках и замшевых ботинках.

— Это он, — прошептала Алиса, шаря рукой в сумке, чтобы найти наушничек.

Увидев Алису, человек непроизвольно сделал шаг назад. Он испугался.

Человек, наверно, целую минуту стоял в дверях, делая вид, что вспоминает, не забыл ли дома ключи. Но ключи были на месте. Затем он достал из кармана бумажник и заглянул в него.

Алиса принимала его мысли:

«Зачем эта проклятая девчонка здесь? И ещё других привела. Что, не поверила, что ли? Неужели подозревает? Но что же я мог поделаться? Я же не хочу ни во что вмешиваться. Это их дела — наверно, все они хороши, преступники... Попытаюсь прорваться. Главное — чтобы никто не подумал, что я чего-то опасуюсь...»

И Пётр Иштутин, человек в замше, решительно пошёл через двор к воротам.

— Он что-то знает, — сказала быстро Алиса. — Но скрывает.

— Я заговорю с ним, — сказал Фима, вскакивая со скамейки.

— У меня лучше получится, — сказал Садовский. — Это я гарантирую. А ты доедай пирог.

Садовский в несколько шагов догнал Петра Иштутина, встал у него на дороге и спросил громко, так, что все ребята слышали:

— Скажите, вы будете Наполеон Бонапарт?

— Что? — спросил Пётр Иштутин. — Что такое? Какой Наполеон?..

А в его голове неслись мысли, которые отлично слышала Алиса:

«Наверно, намекает. Тот тоже был под Наполеона одет. Только ничем себя не выдать...

Вот попал меж двух огней! И от этих пощады не будет и от тех... В милицию, что ли, бежать... Но что я скажу в милиции?»

— Если вы Наполеон, — сказал Садовский, который был величайшим мастером говорить чепуху с серьёзным видом, — значит, вас в любой момент могут подстрелить. Разве вы не знаете, что сезон охоты на Наполеонов уже открыт? А ваша шкура будет замечательным украшением моей гостиной. Разрешите пощупать? А рога вы забыли дома?

Садовский протянул руку, чтобы пощупать оленью замшу.

Иштутин в страхе отпрыгнул в сторону. Он забыл, что втрое сильнее Садовского. Его мысли неслись наперегонки:

«Намекает, что мне живым отсюда не уйти. Закричать? Наверно, лучше всего крикнуть — сейчас день, кто-нибудь дома, меня спасут. Но сказать тоже нельзя. Тот, наверно, смотрит за мной из окна и, как только я скажу, тут же меня ужокошит...»

Услышав это, Алиса поднялась со скамейки и пошла к воротам. По дороге она сказала Садовскому:

— Дай ему пройти.

— Правильно, это хулиганство, — сказал Иштутин, спеша к воротам.

Коля дорогу ему уступил, но не отстал, а шёл в трех шагах сзади и задумчиво бубнил:

— Скрытность ещё никогда не доводила до добра. Мой дедушка, когда собирался охотиться на Наполеонов, всегда брал с собой ведро с керосином. Он брызгал керосином Наполеону на хвост, и тот тут же сдавался в плен. Но однажды он решил полить керосином тигра..

Иштутин почти бегом влетел под арку ворот, но тут эта противная девчонка преградила ему путь и сказала тихо, словно по секрету:

— Теперь вас из окна не видно. И вы можете сказать всю правду.

— Откуда ты знаешь? — сказал Иштутин, и у него подкосились ноги, пришлось опереться спиной о стену.

— Они поймали мальчика? — спросила Алиса.

— Не знаю, не видел... — почти кричал Иштутин.

Алиса одним ухом слушала его вопли, но в другом звучали мысли замшевого человека, который никогда ни во что не вмешивается: «Конечно, они его поймали. Они его несли

совершенно бесчувственного...»

Иштутин нашёл в себе силы оттолкнуть Алису и выбежать на улицу. Он спешил подальше от этого страшного дома и думал:

«Никогда не вернусь! Сегодня же сяду в поезд — и в любую сторону, хоть в Магадан...»

Коля Садовский обогнал Иштутина и снова загородил ему дорогу.

— Мы же не договорили, — заявил он. — Самое интересное впереди.

Иштутину пришлось затормозить.

— Куда они понесли бесчувственного мальчика? — спросила Алиса.

«Ведьма! — думал Иштутин. — Ещё издевается! Все знает и издевается. Знает же, что понесли его в заколоченный дом посреди двора».

— Все, — сказала Алиса Садовскому. — Отпускай. Он нам больше не нужен. Они унесли Колю в заколоченный дом посреди двора.

— Ты что, мысли читаешь? — спросил Иштутин с облегчением. Хорошо, что отпустили. Могло и хуже кончиться.

— Стыдно вам! — сказала Алиса. — У вас на глазах два здоровых мужика тащат мальчика, а вы от страха пытаетесь скрыть это преступление.

— Я не хотел скрывать, но меня попросили. А может, у них есть право мальчиков носить?

— Вы подлец, — сказал Коля Садовский вполне серьёзно, — и не смейте возражать. И я с вами ещё встречусь. Вам от меня никуда не деться.

И тогда Иштутин вдруг припустил по улице. Лишь фалды его замшевого пиджака развевались, будто сзади за Иштутиным гнались два гуся. Алиса слышала его удаляющиеся сбивчивые мысли:

«А ведь доберётся... кто-нибудь до меня и доберётся... Как же так — хочешь не вмешиваться, и обязательно до тебя кто-нибудь доберётся... Нет, никогда! В первый же поезд и в Магадан, в Сочи, во Львов... там устраюсь поваром... и ни во что не вмешиваться...»

— Он безнадежен, — сказала Алиса. — Его не перевоспитаешь. Таких людей лечить надо.

— Побежали обратно, — сказал Садовский.

Они повернули обратно под арку. Вдруг Алиса замерла.

— Стой, — шепнула она Садовскому.

Доски, которыми было заколочено окно на дальней от ребят стороне дома, раздвинулись. Из окна вылезла скромная маленькая, горбатая старушка в белом платочке в горошек и с букетом тюльпанов. Старушка не спеша засеменила к воротам. Ребята у скамейки не обратили на неё внимания.

Старушка вышла из заколоченного дома. Алиса быстро завертела настройкой, ловя мысли старушки. И хорошо сделала, потому что никто, кроме неё самой, не понял бы ни слова в мыслях этой мирной бабушки: бабушка думала на космолингве — языке, которого в наше время никто ещё и не знает.

«Скорей, — думала бабушка, — они поймали этого рохлю и труса. Он обязательно во всём сознаётся, как только скроется из моих глаз. Если трус продал кого-то один раз, он и других продаст. Надо догнать его и обезвредить... А почему Алиса догадалась, что он соврал? Вот и она, в воротах стоит, на меня смотрит... Что у неё торчит из уха? Не провод ли миелофона?...»

Алиса схватила Садовского за рукав, и они выбежали в переулок.

— Скорей! — крикнула Алиса. — В подъезд!

Они успели нырнуть в подъезд в тот момент, когда Крысс в образе старушки с невероятной для такого пожилого человека резвостью выскочил из ворот. Сквозь застеклённую дверь подъезда они видели, как старушка подобрала юбку, из-под которой были видны наполеоновские сапоги с золотыми шпорами, и побежала по бульвару. Алиса слышала мысли пирата:

«Попались, голубчики, теперь не уйдёте! Если мы ничего не добились от парня, добьёмся от Алисы... Сейчас или никогда...»

— За мной! — крикнула Алиса Садовскому. — Не рассуждай!

— А я давно уже не рассуждаю, — ответил Коля, послушно выскакивая вслед за Алисой во двор через чёрный код.

Увидев их, ребята поняли, что случилось что-то очень важное.

— Узнали? — спросила Юлька. — Где он?

— Коля и толстый пират вон в том заколоченном доме, — сказала Алиса. — Вторым пират побежал к бульвару. Он вернётся через три минуты. За три минуты мы должны освободить Колю. Окно с той стороны забито плохо, и доски отодвигаются. Как окажемся внутри дома, шумите, пугайте его! Ясно?

Заколоченный двухэтажный флигель знал, что не сегодня-завтра придут строители, его снесут, а на его месте разобьют клумбу, и печально глядел на ребят подслеповатыми забитыми окнами.

Первой в окно, которое было у самой земли, осторожно влезла Алиса, за ней Коля Сулима, Садовский, Королев, Юлька и Катя Михайлова. Остальные остались на улице под командованием Милы Руткевич и окружили дом, чтобы никто не мог из него выскочить.

Они оказались в большой пустой комнате, оклеенной весёленькими голубыми обоями, кое-где сорванными со стены. На стенах остались тёмные пятна — следы стоявших раньше шкафов, комода, висевших картин и фотографий. Дверь в коридор была открыта. Алиса на цыпочках вбежала туда, и тут же в ухе зазвучали встревоженные далёкие мысли Весельчака У: «Куда задевался Крысс? Зачем он оставил меня одного? Вокруг столько здешних детей, они нас выследят. Надо бы скрыться... Почему так тихо?»

Мысли доносились откуда-то справа.

— За мной! — закричала Алиса. — Вперёд!

И все закричали: кто — «ура», кто — «держи его», кто — «Коля, ты где?»

От шума дом зашатался, потому что в шестом классе «Б», если нужно покричать, найдутся, без преувеличения сказать, настоящие чемпионы по этому виду спорта.

В десять секунд ребята добежали до лестницы в подвал, и им пришлось остановиться, потому что навстречу вылетел, как бомба, обалдевший от неожиданной психической атаки толстый пират в разорванном плаще. Ничего не видя перед собой, он оглушил и без того оглушённую Алису мыслями: «Попался! Попался! Спасайся кто может!», помчался по коридору, прыгнул головой вперёд в забитое досками окно. У окна стояла Лариса, которая мирно доедала кусок торта и рассуждала вслух:

— Всё-таки, когда ребята так шумят и кричат, их можно понять, но Юльку с Катей Михайловой я осуждаю.

В этот момент доски, которыми было забито окно первого этажа, разлетелись с треском, и что-то очень большое, круглое и тяжёлое вылетело наружу и шмякнулось у её

ног.

Лариса чуть не подавилась куском торта, но тут же взяла себя в руки и сказала пирату, лежавшему на животе:

— Вот видите, до чего доводит такое поведение.

Пират попытался подняться. Он был в нокауте, как неудачливый боксёр.

Боря Мессерер подскочил к нему и стал считать, как судья на ринге:

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть... Аут!

24. Прощай, супергерла!

Ребята поспешили вниз, в подвал, откуда так стремительно вылетел пират.

В подвале было полутемно, и лишь одинокий лучик света, в котором плавали потревоженные пиратом пылинки, освещал лицо лежавшего на полу Коли.

Алиса наклонилась над ним.

— Коля, — сказала она, — ты меня слышишь?

Под глазом у Наумова был большой кровоподтёк, и щека была расцарапана. Он с трудом открыл мутные глаза.

— И не надейтесь, — сказал он сонным, глухим голосом. — Вам все равно ничего не найти... миелофон спрятан в надёжном месте... в надёжном месте...

— Коля! — сказала Юлька Грибкова. — Ты нас не узнаешь? Это же мы, из шестого «Б»!

— Ой!.. — Коля постарался приподнять голову. — Ребята... вы здесь... я ничего не сказал... Они в меня чем-то выстрелили, и я заснул... Они потом меня били и говорили, что мне не выйти отсюда... но я ничего не сказал... Алиса...

— Я здесь, Коля, не беспокойся. Мы нашли миелофон...

И тут Коля вдруг заволновался...

— Скорей... — сказал он. — Я ничего не скажу, беги... они же тебя догонят... Скорей...

— Коленька, — Фима проглотил слезы, — ты у нас герой... ты...

— Я дурак, а не герой, — сказал Коля. — Алиса... беги...

— Мы ничего не боимся, — сказала Алиса. — Нас много... Они ничего с нами не сделают...

Но она ошиблась.

Сзади раздался голос:

— Попрошу не двигаться! Этот мальчик был прав, Алиса. Тебе надо было сразу бежать, а не заниматься спасением чужих людей. Никогда не заботься о других — обязательно проиграешь. Отдай миелофон, дурочка.

Ребята обернулись.

В дверях подвала стоял пират Крысс. На этот раз он снова был в образе Наполеона Бонапарта. В руке у него поблёскивал пистолет.

— Сюда, сюда, — поманил он Алису пальцем. — Здесь никто не услышит ваших криков, непоседливые дети. Каждым выстрелом я могу усыпить троих. Я не жестокий... Но мне нужен миелофон. Ну! Долго я должен ждать?

— Возьми, попробуй, — сказала Алиса.

Она видела, что Коля Сулима не растерялся и осторожно, чтобы Крысс не видел, заходит сбоку.

— Возьми, — повторила Алиса, краем глаза следя, как Коля подбирается к Крыссу.

— Ну! — Крысс сделал шаг вперёд.

И в этот момент Коля Сулима бросился на него. Правда, не очень удачно, потому что был плохим спортсменом. Крысс успел выставить локоть. Коля ударился о него, пистолет дёрнулся, и выстрел пришёлся в потолок.

В этот момент в бой вступила Юлька Грибкова — она-то была хорошей спортсменкой. Она подпрыгнула и повисла на рукаве Наполеона. Алиса совершила свой лучший в жизни прыжок — она взлетела, словно птица, умудрилась дотянуться до поднятого кверху

пистолета и, падая, вывернула руку пирата так, что он выпустил оружие.

И тут все остальные навалились на Крысса, так что пират попросту исчез под грудой своих врагов.

— Ой! — вскрикнула вдруг Катя. — Он ускользает!

В полутьме подвала все увидели, как пират превратился в скользкий упругий шар и покатился в угол. Никто, кроме Алисы, не знал, что он принял облик перекагчиков с планеты Всик.

Ребята замерли. Но у Алисы в руке был пистолет.

— Не двигайся, Крысс с планеты Крокрыс! — сказала она. — А то я стреляю.

Шар покатился к выходу.

Алиса подняла пистолет и прицелилась.

Её остановил голос от двери:

— Не стреляй, Алиса. Он никуда не уйдёт.

На ступеньках, ведущих в подвал, стоял высокий, худой мужчина в синем костюме.

Алиса опустила руку. В голосе мужчины звучала такая уверенность, что послушаться его было невозможно.

— Крысс, — сказал он, — прими какую-нибудь разумную форму. Никуда тебе не деться.

И в то же мгновение снова возник Наполеон Бонапарт.

— Николай Николаевич, — сказал Коля Наумов, — это я во всём виноват...

— Вы дежурный на станции времени? — спросила Алиса.

— Да, — сказал Николай Николаевич. — И виноват во всём только я один. Так что не будем сейчас искать виновных.

— Николай Николаевич, — сказала Алиса, — второй пират бежал.

— Недалеко он сбежал, — сказал Николай Николаевич. — Он лежит посреди двора в глубоком нокауте. И его надо убрать оттуда как можно скорее, а то начали собираться соседки. Идём, гроза космических трасс, и не пытайся бежать.

— Ни в коем случае, — поспешил ответить Крысс. — Я был лишь слепым оружием в руках негодяя Весельчака У, он меня заставлял...

Все из шестого «Б», кто участвовал в операции «Космические пираты», — так назвал её Фима Королев, — собрались у Коли Наумова.

Николай Николаевич дал ему лекарство и велел до вечера полежать на диване, не прыгать и не суетиться. Коля полулежал на подушках, вид у него был гордый и виноватый.

Николай Николаевич стоял посреди комнаты.

— Я хотел бы сказать несколько слов, — начал он. — Мы не будем искать, кто прав, а кто виноват в том, что произошло. Виноват в первую очередь я, потому что не следил за своим здоровьем и неожиданно заболел, оставив свою аппаратуру без присмотра. Виноват и Коля, которого никто не просил совать нос, куда его не просят. Виновата и Алиса, которая отлично знает, что нельзя без разрешения приближаться к машине времени. В результате два опасных преступника проникли в наше время. И хорошо ещё, что они не успели натворить дел...

— Мы бы им не дали, — сказал Фима Королев, который был глубоко убеждён, что это он всех спас и победил пиратов.

— Хорошо, будем считать, что многие ошибки исправил шестой класс «Б». За что ему спасибо от имени двадцать первого века.

— Пожалуйста, не стоит благодарности, — ответил за всех Коля Садовский.

— В дальнейшем можете на нас рассчитывать.

— А как вы нас нашли? — спросила Мила Руткевич.

— Автоматические приборы в Институте времени зарегистрировали несколько переходов во времени, причём все без разрешения. Тогда вызвали меня. Мой пункт не отвечает. Послали сотрудника института. Он видит — меня нет. К сожалению, молодой сотрудник, который примчался меня разыскивать, растерялся и не догадался обратиться к соседям. И пока он меня отыскал, драгоценное время было упущено. Тем временем вычислительная машина подсчитала с точностью до миллиграмма вес и габариты нарушителей времени, и начался детектив. Временщики искали свидетелей, опросили десять тысяч человек и наконец узнали, кто же пользовался машиной. Меня срочно вылечили, сменили мне сердце, и я поспешил в ваш шестой «Б». Прибегаю, а класса нет — он убежал ловить космических пиратов. Поэтому я опоздал.

— И хорошо, что опоздали, — сказал Фима Королев, — а то бы нам не удалось самим покончить с космическим пиратством в Москве.

— Не будем спорить, — улыбнулся Николай Николаевич. — Алиса, через пять минут твоя очередь. Так что прощайся, поехали...

Николай Николаевич вышел, все обернулись к Алисе.

— Жалко, — сказала Юлька, — что ты уезжаешь. Мне всегда хотелось иметь сестру, а ты вполне для этого подходишь.

— Мне самой не хочется уезжать, — сказала Алиса. — Но надо. Я ведь уже живу в будущем. Нельзя жить сразу в двух временах.

Все замолчали.

— Ты не сердись, Алиса? — спросил Коля Наумов.

— Нет, — сказала Алиса. — Я рада, что с вами познакомилась.

— Слушай, Алиса, — сказал Фима Королев, — мы так и не успели спросить: ты что-нибудь слышала о нас там, в будущем?

— Этого нельзя рассказывать, — сказала Мила Руткевич. — Это нарушение закона.

— Знаешь что, Алиска, — сказала Юлька Грибкова, — ты тогда придумай что-нибудь, а мы сделаем вид, что тебе верим.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Только вы мне не верьте. Хорошо?

— Ни за что не поверим, — сказала Лариса. — Обещаем. Но ты нам обязательно льсти.

— Тогда слушайте. Боря Мессерер станет знаменитым художником. Он будет работать в Большом театре и делать декорации. Только он не вырастет и останется небольшого роста.

— Я к этому готов, — сказал Борис. — Пускай. Я буду лестницу подставлять.

— А вот Коля Садовский станет знаменитым писателем, сказочником. Он будет писать удивительные фантастические сказки.

— И их не будут печатать, — сказал Фима Королев.

— Фима Королев станет инженером. Он стал бы великим инженером, если бы поменьше хвастался. Лариса будет знаменитой киноактрисой. Её портреты будут висеть во всех кинотеатрах.

— Я же говорила, что не поверю, — сказала Лариса, покраснев от радости, и краем глаза покосилась на зеркало.

— Коля Наумов станет строителем домов.

— Спасибо, — сказал Коля. — Я даже знаю каких.

— Юлька будет детским врачом. К ней приедут лечиться со всех концов света. Катя Михайлова выиграет Уимблдонский турнир в Англии. Мила Руткевич станет учительницей, директором школы. И очень строгим...

— Странно, — перебил Алису Коля Сулима. — Все, по-твоему, должны стать знаменитыми и великими. А кому же быть обыкновенными?

— Но это же сказка, Коля, как ты не понимаешь? — воскликнула Лариса. — Я могу стать и не очень великой актрисой.

— Нет, вы не правы, — сказала Алиса, — мне лучше знать. Я из будущего. В будущем не станет обыкновенных людей. На Земле будет жить пять миллиардов исключительных, знаменитых, одарённых людей. И среди них, — тут Алиса коварно улыбнулась, — будет только один обыкновенный человек — Коля Сулима. К нему специально будут приезжать на экскурсии из других стран. Он будет самым обыкновенным в истории человечества чемпионом мира по шахматам и изобретателем машины времени. Теперь ты удовлетворён?

— Разумеется, — сказал Коля Сулима.

Вошёл Николай Николаевич.

— Алиса, попрощалась? Пора в путь.

— Ой! — сказала Юлька Грибкова, и у неё в глазах появились большие слезы. — Что же я маме и бабушке скажу?

— Не беспокойся, — сказал Николай Николаевич. — Я сам сегодня зайду к вам как отец Алисы. Они мне поверят...

Юлька поцеловалась с Алисой. И Алиса успела шепнуть ей на ухо:

— Мы с тобой скоро увидимся.

— Кстати, ребята, — сказал Николай Николаевич, — я понимаю, что просить вас об этом нельзя, вы и сами все понимаете, но всё-таки напомним: как только вы выйдете из этой комнаты, вы меня забудете. Вы меня никогда не видели. Никаких космических пиратов не видели, а Алиса приезжала из другого города и уехала. От того, насколько хорошо вы будете хранить нашу тайну, многое зависит. Это не игрушка. Это Время.

— Договорились, — сказала Катя Михайлова.

Алиса в последний раз поглядела на всех, сказала тихо: «Прощайте, ребята», — и вышла из комнаты.

Навсегда.

И что удивительно: в шестом классе «Б» учатся разные люди. Некоторым, как например Фиме Королеву или Ларисе, вообще никаких секретов доверять нельзя — завтра же всем разболтают. Но ни один из них никому ни разу не рассказывал о приключениях и невероятных событиях, случившихся в те апрельские дни.

Пленники астероида

«Арбат» был раньше разведботом.

Два таких бота обычно бывает на борту корабля Дальней разведки. Они предназначены для посадок на планеты и для исследований внутрипланетных систем. А так как ботам приходится порой попадать в сложные ситуации, сделаны они на совесть, скоростные, крепкие, выносливые, долговечные.

Полина Метелкина, научный сотрудник Института времени, координатор Инопланетной секции, раздобыла списанный разведбот, потому что ей часто приходилось летать на Марс и на Плутон, где были базы Института. А так как разведботы названий не имеют, то окрестила его «Арбатом». Это название кажется странным и непривычным лишь на первый взгляд. Все объясняется просто: Полина родилась и выросла в Москве, на улице Арбат.

Когда в июле она собиралась лететь на Плутон, ей позвонил старый знакомый, директор Московского космического зоопарка Селезнев и попросил взять с собой его дочку Алису. Жена Селезнева, Алисина мама, архитектор, строила на астероиде Паллада культурный центр, а у Алисы были каникулы, и она хотела повидать маму. Пассажирского корабля на Палладу надо было ждать две недели, а тут подвернулась такая оказия.

Полина с удовольствием согласилась взять Алису, тем более, что лететь одной куда скучнее, чем в компании.

Правда, в путешествие они отправились втроем. Вместе с разведботом Полина получила от Дальней разведки и старого робота по имени Посейдон. Посейдон отработал свое в экспедициях, теперь там работали новые роботы, куда более ловкие, сообразительные и умелые. Но для помощи на борту в обычных планетарных рейсах Посейдон еще годился.

За долгую для робота жизнь Посейдон обзавелся характером, жизненным опытом, причудами и капризами, то есть очеловечился. С Полиной он летал третий год, они сдружились, привыкли мириться со слабостями друг друга. И все же робот — это робот.

У Полины своих детей не было, хотя детей она любила. Так что с точки зрения Алисы заботилась она о ней даже больше, чем нужно. Но в общем жили они дружно и даже жаль, что путешествие было недлинным.

В тот день Алиса сидела в пилотском кресле и смотрела, как на экране переднего обзора возникали и гасли звезды, — «Арбат» вошел в пояс астероидов, автопилот снизил скорость, потому что навигационная обстановка была сложной.

По экрану наискось пролетела искра, корабль вздрогнул, меняя курс, чтобы не столкнуться с метеоритом.

— Осторожнее! — крикнула из камбуза Полина. — Я суп пролью.

Слова эти относились к автопилоту, и тот их, конечно, не услышал.

Зато услышал их Посейдон, который сидел в кают-компании, положив металлические ноги на низкий столик, и читал видеокнигу.

Кают-компания на разведботе — это маленькое помещение, в котором умещается лишь обеденный стол, три или четыре кресла, к тому же один угол ее отгорожен полукругом перегородки, за которой умещается плита и мойка — камбуз.

— Нет смысла винить автопилот, — заявил Посейдон. — В поясе астероидов — повышенная метеоритная опасность. Советую тебе, Полина, ускорить приготовление пищи, так как возможны более резкие флюктуации курса.

— Посейдон, ты пессимист, — ответила Полина. — Я ходила этим маршрутом два десятка раз и никаких резких флюктуаций, пользуясь твоей терминологией, я не замечала.

— Еще бы, — проворчал Посейдон, который не выносил, когда ему возражали. — В те рейсы ты питалась консервами, а сейчас половину времени проводишь в камбузе. Я тебя не узнаю.

— Алисе вредно питаться консервами, — сказала Полина.

Корабль снова вздрогнул. В буфете зазвенели чашки.

— И все-таки я бы не был таким легкомысленным на твоём месте, — сказал Посейдон, который любил, чтобы последнее слово оставалось за ним. — Помнишь, что случилось с контейнеровозом «Далия» в прошлом году? Помнишь то жуткое столкновение, из-за которого весь Юпитер и базы на Уране остались без клубники?

— А что случилось? — спросила Алиса.

— Туристы, — заявил Посейдон. — От них все беды.

— Не томи, Посейдончик, — сказала Алиса. — Расскажи.

— «Далия» столкнулся с неучтенным роем метеоритов. А при расследовании они оказались искусственными.

— Кто же их сделал?

— Туристы. Упрощенно говоря, они были содержимым помойного контейнера, который кто-то выбросил за борт. Очистки и объедки мгновенно превратились в замерзшие твердые тела и летели они с той же скоростью, с которой когда-то летел корабль, который их выбросил. А «Далия» шел встречным курсом. Удвой скорость и представь, что получится! Какое счастье, что «Далия» оказался беспилотным автоматом!

— Но ведь выбрасывать что-нибудь в космос категорически запрещено, — сказала Алиса.

— Вот именно! Мало того, что они оставляют на Земле непогашенные костры, мало им, что они исписали своими глупыми автографами руины города Страдальцев на Марсе, они загадили даже пояс астероидов. Я бы на месте людей объявил туризм вне закона.

— Посейдон, ты преувеличиваешь, — улыбнулась Полина, накрывая на стол.

— Это же редкие исключения.

— Вот столкнемся с консервной банкой, — ответил Посейдон, — тогда по-другому заговоришь. Если сможешь.

Полине не хотелось спорить со стариком, и поэтому она позвала Алису:

— Обедать!

— Посейдончик, посидишь за меня? — спросила Алиса.

Нужды в том не было — все равно корабельный компьютер быстрее реагировал на любую опасность, чем человек, но принято было, чтобы на сложных участках трассы кто-то из экипажа был у пульта управления.

— С удовольствием, — ответил Посейдон и, не выпуская книги, отправился к пилотскому креслу.

— А вот книжку придется отложить, — сказала Алиса.

Всю жизнь взрослые говорят ей: «Отложи книжку», «Перестань читать за столом». И как приятно, если рядом есть кто-то, кому можно сказать взрослые слова.

— Это не книжка, — ответил миролюбиво Посейдон. — Это справочник по малым планетам. Учу его наизусть.

— Зачем? Компьютер все равно уже знает об этом.

— Во мне тоже есть компьютер, — возразил Посейдон. — К тому же мне интересно учиться. Жизнь коротка, а так хочется побольше знать! Вам, людям, хорошо. Вы можете обедать, пить чай, спать, у вас болит живот, меняется настроение, вы влюбляетесь или ссоритесь. Всего этого я лишен. Я старая железная банка на жидких кристаллах, и единственное мое развлечение — новая информация. Скажи, например, ты знаешь диаметры хотя бы крупнейших малых планет?

— Если мне будет нужно, я загляну в справочник.

— Алиса, суп стынет! — сказала Полина.

— А представь, что у тебя не будет времени заглядывать в справочник. К примеру, диаметр Паллады, где тебя ожидает твоя мать, достигает 490 километров. А Веста уступает Палладе почти сто километров...

— Спасибо, — сказала Алиса, которая поняла, что очень проголодалась.

Она села за стол в кают-компани.

— Послезавтра прилетаем, — сказала Полина. — Соскучилась по маме?

— Конечно, соскучилась, — призналась Алиса. — Большинство мам сидят дома и дальше Антарктиды не улетают. А моя придумала себе занятие: космический архитектор! С ума сойти можно.

— А ты кем будешь? — спросила Полина. — Тоже в архитектурный пойдешь?

— Нет. Я биолог по призванию. Буду космобиологом, как отец.

— И будешь сидеть дома? И дальше Антарктиды ни шагу?

Алиса уловила иронию в тоне Полины, но решила не обижаться. Полина была права. Космобиологу приходится летать чаще и дальше всех остальных.

— Одно дело экспедиция, — сказала Алиса. — Два-три месяца и домой.

Из рубки донесся громкий хохот Посейдона. Робот явно хотел обратить на себя внимание.

— Это же надо! — рокотал он. — Эрос-то! Хах-ха-ха-ха!

— Что случилось? — Полина даже поднялась из-за стола. — Какой Эрос?

— Эрос имеет форму груши! — сообщил робот. — Груша длиной в тридцать два

километра. Нарочно не придумашь.

— Ты меня испугал, — с облегчением сказала Полина. — Не надо так громко хохотать.

— Какой вставили динамик, таким и хохочу, — заявил Посейдон.

— Суп немножко недосолен, — сказала Полина.

— Нет, очень вкусно, — ответила Алиса. — А может, вы задержитесь на Палладе? А потом бы мы вместе дальше полетели. Я никогда не была на Плутоне.

— Во-первых, меня там ждут, — сказала Полина. — А во-вторых, ты тогда опоздаешь к началу занятий.

— Жалко, мне с вами нравится летать, — сказала Алиса.

— Мне тоже с тобой веселее. И Посейдон к тебе привязался.

Посейдон, конечно, все услышал. И желание возразить заставило его снова вмешаться в разговор.

— Привязчивость мне не свойственна, — категорично заявил он. — Я старая железная банка...

Тут его слова перекрыл вой сирены.

— Тревога!

Полина с Алисой в мгновение ока вскочили и бросились в рубку.

— Что случилось? — спросила Полина.

Рука робота лежала на кнопке тревоги. Это он включил ее.

— Прямо по курсу неизвестный корабль, — сказал робот.

— Ну и что? Здесь же бывают корабли. Зачем было объявлять тревогу? — спросила Алиса.

— Это учебная тревога, — ответил робот. — Я проверял вашу готовность.

— В первом же порту списываю тебя на берег, — сказала Полина. Но так как она грозилась сделать это в каждом рейсе, Посейдон ее слов всерьез не принимал.

Раз уж обед был прерван, Полина опустилась во второе пилотское кресло. В любом случае встреча с кораблем в космосе — развлечение после долгих дней одиночества. Полина включила увеличение. Корабль пока еще казался яркой точкой, но постепенно он вырос, и можно было разглядеть его дискообразную форму.

На дисплее компьютер начал выдавать скорость корабля, его размеры, направление движения.

— Турист, — сказал Посейдон, когда обнаружилось, что корабль невелик. — Сердце болит, чувствую, что турист.

— У тебя не сердце, а бесчувственный компьютер, — напомнила Алиса.

— Компьютер, снабженный интуицией, а это что-нибудь да значит, — сказал Посейдон.

Полина включила связь. И не успела она вызвать корабль, как в эфире послышались странные, ритмичные звуки: три точки, три тире, три точки, три тире...

— SOS! — закричал Посейдон. — Турист заблудился. Так ему и надо.

— В самом деле, сигнал бедствия, — сказала Полина. — Посейдон, мы меняем курс.

— Ну, вот это лишнее, — проворчал Посейдон, хотя в самом деле так не думал. Он тут же отдал приказ компьютеру, и тот стал высчитывать новый курс.

Полина включила передатчик.

— Корабль «Арбат» на связи, — сказала она. — Что у вас случилось? Откликнитесь.

Корабль не ответил.

— Вымерли туристы, — заявил Посейдон. — А автоматика работает. Я о таком читал. «Летучий голландец» в космосе.

— Как тебе не стыдно! — возмутилась Алиса. — У людей беда, а ты все шутишь.

— К сожалению, я лишен чувства юмора. Откуда быть чувствам у железной банки, — ответил Посейдон, который отлично знал, что у него есть чувства, включая чувство юмора.

Полина продолжала вызывать неизвестный корабль. «Арбат» изменил курс и пошел на сближение.

Неожиданно, когда Полина уже отчаялась связаться с кораблем, в динамике послышался слабый высокий голос:

— У меня кончилось топливо. У меня нечего есть... я сдаюсь. Можете брать меня на бордаж.

— Он сошел с ума, — сказала Алиса. — От лишений он сошел с ума.

— Все туристы... — начал было Посейдон, но Полина прервала его:

— Приготовиться к стыковке, — приказала она.

— Я возьму стыковку на себя, — ответил Посейдон. — Здесь опасно. Астероиды.

Посейдон был прав. В пределах видимости экрана темными или светящимися точками угадывались астероиды, в большинстве случаев мелкие, как булыжники, но от этого не менее опасные.

Неизвестный корабль медленно увеличивался на экранах.

За время сближения и стыковки корабль, терпевший бедствие, больше на связь не выходил.

«Арбат» в умелых железных руках Посейдона послушно коснулся своего собрата. Пока захваты на борту «Арбата» притягивали чужой корабль — люк к люку, Алиса разглядела надпись «ШУК-24».

— Что такое ШУК? — спросила Алиса. — Ты ведь все знаешь, Посейдон.

— Кое-что я знаю, — признался робот. — Без справочника сообщаю: Регистр Солнечной системы, страница тысяча девятьсот восемьдесят. ШУК — серия из тридцати планетарных катеров, приписаны к Школе Учебного Космovoждения на Марсе. Сокращенно ШУК. Еще тридцать таких же суденышек базируются на Луне, но носят на борту код ШЛК, что означает Школа Любительского Космovoждения. К выходу в открытый космос не предназначены, запас топлива ограничен, скорость низка. Названий не имеют, различаются по порядковым номерам. Кстати, я всегда утверждал, что номер куда лучше, чем нелепое название.

— Посейдон, я же говорила тебе десять раз: Арбат — это улица...

— На которой ты выросла, — закончил за Полину робот. — Все равно неубедительно. Тебе просто хочется, чтобы тебе все задавали вопросы и видели при том, какая ты красивая.

— Что ты понимаешь в красоте! — сказала Полина.

— Я посетил крупнейшие музеи мира, — ответил Посейдон.

Они ощутили толчок. Произошла стыковка.

— Ну, кому идти на ШУК-24? — спросил Посейдон. — Полагаю, что это лучше сделать мне. Если этот турист сошел с ума и будет стрелять, то меня не жалко.

— Включите видеосвязь, — сказала Полина в микрофон. — Мы вас не видим.

— Я не знаю, как она включается, — ответил слабый голос.

— Сумасшедший турист, — уверенно заявил Посейдон. — Я иду его спасать.

— Оставайся здесь, — ответила Полина. — Бывают ситуации, когда твой ум оказывается недостаточным. Не обижайся, но я убеждена, что на борту этого катера находится несчастное существо, нуждающееся в первую очередь в ласке.

— Тысячу раз говорил, — заметил Посейдон, сделав вид, что не слышал слов Полины, — возьми на базе оружие. Мало ли что — и мы оказываемся с пустыми руками. Как сейчас помню — вышел наш капитан Мержичка на поляну, поляна была такая безобидная, нагнулся цветок сорвать — а из цветка...

Тут Посейдон понял, что Полина уже вышла из рубки. Алиса следом за ней. Посейдон обернулся к приборам и стал наблюдать переход в другой корабль на экране. Он любил поворчать, но все же оставался роботом и капитану подчинялся беспрекословно. А Полина была его капитаном.

В рубке планетарного катера Полина увидела мальчика.

Мальчику было лет десять-двенадцать, он был худ и невысок ростом. Черные глаза были чуть раскосыми, а темные волосы стояли ежиком.

При виде Полины мальчик попытался подняться из кресла, но сделать этого не смог — видно было, что он устал и ослаб.

— Я сдаюсь, — сказал он. — Вы гнались за мной от самого Марса, да? А я заблудился, потом кончилось горючее, а на связь я выходить боялся.

— Ты здесь один? — спросила Полина.

— Да, совсем один. Я думал, что я не испугаюсь, но было очень страшно.

Мальчику удалось подняться. Он упрямо сжал губы, и глаза его сузились. Его шатнуло, и он, наверное бы, упал, если бы Полина не подхватила его и не подняла на руки.

Так, с мальчиком на руках, она и вернулась на свой корабль.

На «Арбате» была всего одна каюта, и в ней две койки. Там и спали Полина с Алисой. Посейдон спать не умел, и ночами, если не дежурил в рубке, он поглощал корабельную библиотеку. На его счастье, библиотека была велика и занимала немного места, потому что состояла из микрофильмов.

Полина уложила мальчика на свою койку, сняла с него башмаки и накрыла пледом.

Тем временем Алиса принесла стакан сока.

— Пускай он выпьет, — сказала Алиса. — Здесь сплошные витамины.

Полина поднесла стакан к губам мальчика, и тот послушно выпил его мелкими жадными глотками. Это его так утомило, что он уронил голову на подушку и закрыл глаза.

— Ты давно не ел? — спросила Полина.

— Почти три дня, — сказал мальчик. — Я очень спешил и забыл взять с собой пищу.

— Давай я сделаю ему бульон, — сказала Алиса.

— Займись, — согласилась Полина, открывая медицинский шкафчик.

Алиса вышла из каюты, и тут же в дверях возник Посейдон.

— Ты турист? — сурово спросил он.

Мальчик открыл глаза и испуганно поглядел на массивного робота.

— Нет, — сказал он. — Я не турист. Я учился в школе космонавтики и потому угнал корабль. Но я не хотел развлекаться... Я должен был, понимаете, обязательно... у меня не было другого выхода...

Мальчик снова закрыл глаза и заснул.

Алиса заглянула в каюту, неся чашку разогретого бульона, но Полина приложила палец к губам и вышла навстречу.

— Пускай он поспит, — прошептала она.

Мальчик проснулся только через семь часов.

«Арбат» как раз проплывал мимо изъеденной кратерами, изборозжденной трещинами планетки.

Алиса не уставала любоваться этими загадочными, мертвыми мирками, некоторые были уже обследованы, на других еще никто никогда не бывал. Алиса воображала, что они плывут по океану между рифами и коралловыми атоллами и она, юнга на мачте, все надеется, что на одном из атоллов вдруг появится дымок и человеческая фигурка примется прыгать на берегу — это потерпевший крушение Робинзон или дикарь, никогда еще не видевший парусного корабля.

— Сколько их! — сказала Алиса. — Вот бы пожить на каком-нибудь.

— К настоящему моменту обнаружено и зарегистрировано, — раздался в ответ скрипучий голос Посейдона, — шесть тысяч восемьсот тридцать две малые планеты, не считая камней, учитывать которые бесполезно, все равно потеряются. Однако отметим, что общая масса астероидов в тысячу раз уступает массе Земли... Так что теории, объясняющие их происхождение гибелью планеты Фаэтон, вряд ли имеют право на существование...

Посейдон только что вернулся с осмотра планетарного катера, и потому Полина перебила его, спросив:

— Нашел там что-нибудь интересное?

— Осмотр корабля не дал ничего нового, — ответил Посейдон. — За исключением детского любительского удостоверения на вождение учебной машины, выданного на имя

Юдзо Комура, место выдачи Марсополь, место постоянного проживания город Осака, Земля.

— Осака — это в Японии, — сказала Алиса. — Я так и подумала, что он японец.

— Не стоит спешить с выводами, — сказал Посейдон. — Города с таким названием могут существовать и в других странах. Кстати, на пульте в рубке мною обнаружена вот эта фотография.

Посейдон положил на стол фотографию пожилого, улыбающегося человека, черноглазого и похожего на найденного мальчика. Подпись под фотографией состояла из иероглифов.

— Кто это такой? — спросила Алиса.

— Что может быть проще? — удивился Посейдон. — Здесь же черным по белому написано: профессор Такео Комура.

— Это по-японски?

— Разумеется. И надо сказать, что вам повезло — не у каждого на корабле работает робот-лингвист, талантливый и трудолюбивый полиглот. К счастью, я могу читать и писать по-японски и притом неплохо сочиняю танки.

— Что? — удивилась Алиса.

— Танки — это вид японской поэзии, краткие стихотворения, которые в парадоксальной форме раскрывают душу природы и поэта.

— Ясно, — сказала Алиса.

Полина взяла фотографию.

— Вернее всего, профессор Такео Комура — отец нашего найденьша.

— Не доказано, — возразил Посейдон. — У нас на корабле как-то было три Иванова, и ни один из них не состоял в родственных связях с остальными. Этот пожилой мужчина может оказаться дядей, соседом, однофамильцем мальчика, наконец, фотография могла остаться на борту от предыдущего пилота...

— Это мой отец, — послышался голос.

Мальчик стоял в дверях.

— Тебя зовут Юдзо Комура? — спросила Полина.

— Да. Мой отец — профессор Такео Комура. Я долго спал?

— Несколько часов. Выспался?

— Я не хотел так долго спать, — ответил Юдзо.

— Ты голодный? — спросила Алиса.

— Честно говоря, — сказал мальчик, — я хочу есть. Но кормить меня необязательно. Я заслуживаю наказания.

— Алисочка, разогрей бульон и сделай сухарики, — сказала Полина.

Робот сделал шаг вперед и остановился, разглядывая мальчика.

— Меня зовут Посейдон, — сообщил он. — Универсальный помощник.

— Я понял, робот-сан, — ответил мальчик. — Очень приятно с вами познакомиться.

— Ты нечаянно корабль угнал или нарочно? — спросила Алиса.

— Нарочно, — ответил мальчик, опустив голову. — Но у меня не было другого выхода.

Вид его был настолько несчастным, что Полина пожалела мальчика и сказала:

— Юдзо очень устал, и он еще слабый. Не приставайте к нему с расспросами. Он потом сам все нам расскажет, правда?

Мальчик кивнул.

Но Посейдон не согласился с Полиной.

— Я иногда буквально поражаюсь, — сказал он. — Ты, Полина, путаешь гуманизм с легкомыслием.

— Почему, мой дорогой? — спросила Полина.

Ласковое обращение не успокоило робота. Он упрямо продолжал:

— Потому что мы не знаем, кого пригрели на борту. Не исключено, что это опасный преступник, который бежал с Марса, потому что его разыскивает патрульная служба.

Полина вздохнула. Она не выносила ссор.

Но мальчик неожиданно поддержал робота.

— Вы правы, робот-сан, — сказал он, не поднимая головы. — Я заслужил самого строгого наказания. И, наверное, меня разыскивает патрульная служба. Я сначала решил, что вы и есть патрульная служба.

— Но почему тебя разыскивают? — спросила Алиса. — Потому что ты угнал корабль?

— Конечно. Я угнал космический корабль и чуть не загубил его. И вы правильно сделали, что погнались за мной и поймали меня.

— Мы тебя не ловили, — сказала Полина. — Мы услышали твой сигнал бедствия и поспешили тебе на помощь.

В этот момент «Арбат» дернулся, меняя курс, видно, опять на пути показался какой-то маленький астероид.

— Чуть не налетели на риф! — сообщила Алиса.

— Садись, — сказала Полина, указывая Юдзо на кресло. — Я должна тебе сказать, что лечу по делам на Плутон, а Алиса — дочь моих друзей и отправляется к маме на Палладу.

— Счастливая! — вырвалось у мальчика. — Ты знаешь, где твоя мать.

— У тебя случилось несчастье, — сказала Полина. — Иначе бы ты никогда не решился на такой безумный поступок.

— Что за разговор с малолетним преступником! — вмешался Посейдон. — Жестче, Полина, строже. У тебя совершенно нет металла в голосе.

Полина только отмахнулась от робота.

— И не пытайся заткнуть мне рот! — возмутился Посейдон. Ему хотелось ссоры.

— Еще слово, и я попрошу тебя уйти, — сказала тогда Полина.

— Молчу, — ответил Посейдон. — Молчу под угрозой неминуемой расправы. Но внутренне не сдамся.

— Не обращай на него внимания, — сказала Алиса японскому мальчику.

— Он старый и нервный, хотя с роботами такого не должно случаться. Лучше расскажи нам, что же у тебя случилось.

— Мой отец, — сказал Юдзо, — геолог, профессор. После того как умерла наша мама, он увез меня на Марс, и мы там очень дружно жили. А четыре месяца назад он полетел на астероиды в экспедицию. Он полетел один на корабле «Сакура». С дороги он присылал мне письма и космограммы. Последняя космограмма была с Весты. Он писал в ней, что полетит дальше, к малым астероидам. Но потом он исчез.

— Как так исчез? — удивилась Алиса.

— Никто ничего не знает. Его искали. И, наверное, ищут и сейчас. Но астероидов очень много.

— Здесь сам черт ногу сломит, — сказал Посейдон.

— А я очень тосковал без отца, — сказал Юдзо, и его голос дрогнул.

Он проглотил слезы и отвернулся. Все молчали, потому что понимали, что утешить мальчика нельзя. Он был очень гордый.

— Мне кажется, — продолжал мальчик, — что отцу нужна моя помощь. Ему плохо. Мне все говорили, чтобы я терпел и ждал, что отца найдут. Но они в самом деле думали, что отец погиб, и даже корабля не нашли. И наконец мне сказали, что меня отвезут на Землю, к моей тете в Осаку. Но я знаю, что отец жив! Я лучше их всех знаю! Я знаю!

— Успокойся, Юдзо, — сказала Полина, обнимая мальчика. — Мы тебя понимаем. Ты не мог улететь на Землю, улететь далеко от отца.

— И ты взял учебный катер! — воскликнула Алиса. — Молодец! Я бы на твоём месте сделала то же самое.

— И глупо, — сказал Посейдон. — Если ты ворует корабль, то обязательно надо взять с собой побольше топлива и продовольствия.

— Мне было некогда. Я прокрался ночью на космодром. Я знал этот корабль, потому что я на нём учился в детской космической школе. Но я не мог нести с собой продукты. Я дал себе слово, что не вернусь, пока не найду отца. Но я не подумал, как далеко надо лететь и как долго надо искать. У меня кончились продукты, а потом кончилось топливо. И я уже не мог вернуться обратно. У меня была слабая рация, и на Марсе меня не слышали.

— Ещё бы. Никто не думал, что учебный катер полетит так далеко. Для этого он не предназначен. Это все равно, что на открытой лодочке уплыть в океан. Твое счастье, что мы тебя встретили.

— Я вам очень благодарен, робот-сан, — сказал Юдзо. — Но я не мог поступить иначе.

— Не знаю, не знаю. В любом случае ты поступил как человек. Вы, люди, очень неразумные существа.

— Если бы мы были очень разумными, Колумб бы никогда не открыл Америку, — сказала Алиса. Ей понравился Юдзо, и она полагала, что на его месте она поступила бы точно так же.

— В данной ситуации, — сказал робот, — разумнее всего мальчику выпить ещё чашку бульона, а мне выйти на связь с Марсом и сообщить, что мы выбрали мальчика Комуру. Я представляю, какая паника царит на Марсе — пропал ребенок!

— Согрей бульон, — сказала Полина роботу.

— Ну вот, разве это занятие для Посейдона? — проворчал робот, но тут же отправился в камбуз.

— Что же ты будешь делать, когда вернешься на Марс? — спросила Алиса мальчика.

Мальчик ответил не сразу. Но потом решился и сказал уверенно:

— Я снова возьму корабль. Выпрошу, украду, если надо... и снова полечу искать отца. Только боюсь, что будет уже поздно.

— Странно, — сказала Полина, — я просто не знаю случая, чтобы бесследно пропал корабль. В Солнечной системе, где все пути исхожены, где так мало опасностей.

— Ты не права! — ответил из камбуза Посейдон. — Один пояс астероидов может похвастаться множеством жертв. За последние месяцы это, наверное, уже шестой случай. Я как раз перед вылетом просматривал сводки спасательной службы. Без вести пропали грузовые корабли «Робинзон» и «24-бис», неизвестно, куда делся корабль «Громкий смех». До сих пор неизвестна судьба двух туристских кораблей. И как найдешь корабль, если он разбился на таком вот астероиде.

Посейдон, рассуждая так, вернулся в рубку и перед тем, как включить передатчик и

сообщить о мальчике на Марс, поглядел на центральный экран.

На экране красовался сплюснутый черный шар. Астероид не отражал света и казался черным провалом в звездном небе.

Посейдон протянул руку к передатчику и замер.

— Полина, — сказал он. — Ты ничего не чувствуешь?

— Очень странно, — отозвалась Полина. — Мне кажется, что увеличилась сила тяжести.

— Погляди на приборы. Мы меняем курс.

— Но я не давала такого приказа компьютеру, — ответила Полина. Она быстро прошла к пульту управления и включила запрос компьютеру. Черный астероид, матовый, непроницаемый, медленно увеличивался на экранах. В нем было что-то зловещее.

Полина и Посейдон прочли показания компьютера.

— Странно, — сказала Полина.

— Я с таким феноменом еще не сталкивался, — ответил Посейдон.

— Что случилось? — спросила Алиса.

— Поле тяготения этого астероида во много раз больше расчетного, — сказала Полина.

— Он как магнит? — спросила Алиса.

— Можно сказать и так, — согласился Посейдон.

— Ура! — крикнула Алиса. — Значит, мы сделали открытие.

— Не знаю, как насчет открытия, — Посейдон уселся в кресло пилота. — Но придется уходить от этого открытия, чтобы не разбить об него нос. Прошу пассажиров пристегнуться.

— Да, дети, — сказала Полина. — И пожалуйста, не теряйте времени.

Алиса нажала на кнопку в задней стене рубки, и из стены вывалились, раскладываясь, два кресла. Она уселась в одно и сказала Юдзо:

— Скорей же!

Они пристегнулись амортизационными ремнями.

— К ускорению готовы? — спросил Посейдон.

— Я готова, — сказала Полина.

— Мы готовы, — сказала Алиса.

— Есть ускорение, — сказал Посейдон.

В рубке было очень тихо. Чуть слышно жужжали приборы. Посейдон увеличил мощность двигателей, и «Арбат» начал бороться с силой, притягивавшей его к черному астероиду.

В первые минуты Алиса почувствовала, как ее вжимает в кресло — корабль начал вырываться из паутины. Но это продолжалось недолго. Алиса услышала мрачный голос Посейдона:

— Компьютер говорит, что нашей мощности не хватит

— Почему? — спросила Полина.

— Сила тяготения увеличивается. Чем сильнее мы вырываемся, тем сильнее нас притягивает. Но этого быть не может, — сказал Посейдон.

— Почему? — удивилась Алиса.

— Потому что этого не может быть никогда.

Сраженные таким категорическим заявлением робота, люди замолчали.

— Что делать? — спросил после паузы Посейдон.

— Ты что предлагаешь?

— Мы с компьютером, — сказал Посейдон, — считаем, что этот феномен лучше изучать на месте. Для этого лучше всего опуститься на астероид и выяснить, в чем же дело.

— Значит, сдаться какому-то несчастному куску камня? — спросила Алиса.

— Сдаться камню невозможно. Но чтобы тебя не обижать, — вы ведь такие гордые, — я предлагаю по доброй воле опуститься на астероид и его быстренько исследовать.

— Найти там генератор гравитации, — сказала Алиса, — и выключить его?

— Вот видишь, какие мы сообразительные! — согласился с Алисой робот.

— Но если пойдем на пределе двигателей? — спросила Полина.

— Только зазря потратим топливо, — ответил Посейдон. — К тому же я не позволю увеличивать нагрузки. Моя первая и важнейшая функция — охранять людей. На борту есть два молодых существа, которым такие перегрузки вредны. И если ты, капитан, прикажешь мне продолжать борьбу с астероидом, я скажу тебе: прости, Полина, я против.

Астероид занимал теперь уже весь экран. Корабль сносило к пятну посреди астероида, которое даже на фоне черноты казалось провалом.

— Там какое-то углубление, — сказал Юдзо. — Наверное, яма.

— Большая яма, — сказал Посейдон.

Полина приняла решение.

— Слушайте меня внимательно, — сказала она. — Я уменьшаю нагрузку на двигатели, и мы будем спускаться на астероид. Всем включить амортизацию кресел по аварийному расписанию. Нас будет притягивать, и мы будем падать на астероид все быстрее. Перед самой его поверхностью я включу двигатели на полную мощность, чтобы нам не разбиться. Будьте к этому готовы и не пицать.

— Есть не пицать, капитан, — ответила Алиса и, перед тем как включить аварийную амортизацию своего кресла, включила ее на кресле мальчика.

Оба кресла выпустили из спинок упругие широкие захваты и как бы вобрали в кресла своих пассажиров. Нежно, но решительно, словно у них были живые человеческие руки.

Пол как бы ушел из-под ног — это Полина, тоже закутанная в кресло, включила двигатели, оставив только вспомогательные тормозные моторы.

Черная стена астероида превратила экран в непроницаемо темное пятно. В центре пятна что-то мерцало. Но Алиса не успела разглядеть, что это, потому что корабль вдруг буквально содрогнулся, поднатужился, стараясь преодолеть тяготение, которое хотело размогнуть его о черные камни. Он завис в нескольких десятках метров над поверхностью астероида и потом, сдаваясь на милость астероида, опустился на каменное дно впадины.

И хоть Полина сделала все возможное, удар был сильным настолько, что «Арбат» подпрыгнул на амортизаторах, ударился вновь, накренился и замер...

Свет погас. Наступила тишина.

— Все живы? — раздался в темноте голос Посейдона.

Щелкнула застежка амортизационного кресла, потом второго. Кто-то застонал.

— Спокойно, — сказал Посейдон. — Сейчас подключу себя к аварийному освещению.

Тут же загорелся слабый свет под потолком рубки.

Вторая лампа загорелась во лбу Посейдона.

Люди вылезали из кресел, приводили себя в порядок. К счастью, никто сильно не пострадал. Только Юдзо оцарапал щеку — сорвался один из дисплеев и задел его. Алисино кресло покосилось, но устояло. Главный экран разбился, но вспомогательные работали.

— Это ты стонал, Юдзо? — спросил Посейдон, глядя на мальчика. По щеке его протянулась алая полоска.

— Нет, — ответил мальчик уверенно.

— Это я стонала, — призналась Полина. — Я вспомнила, что посуда в шкафу была не закреплена.

— Ой, там моя любимая чашка! — воскликнула Алиса, бросаясь в кают-компанию.

Посейдон возился с освещением. Постепенно свет становился все ярче.

— А притяжение здесь нормальное, — сказала Алиса, — как на Луне.

— Да, меньше земного, — сказал робот. — Я это уже отметил.

Загорелся свет и в кают-компании.

Алиса раскрыла шкаф, и оттуда посыпались осколки чашек и тарелок.

— Я неоднократно предупреждал, — заявил робот, услышав звон, — что корабельная посуда должна быть металлической или пластиковой. Пристрастие людей к фарфору неразумно.

— А моя чашка цела, — сказала Алиса.

Полина прошла к аптечке, достала пластырь и спирт.

— Алиса, — сказала она, — займись Юдзо. А мне надо выйти на связь с Марсом.

— Давно пора, — сказал Посейдон, оборачиваясь к рации.

Юдзо между тем подошел к иллюминатору и старался разглядеть, что творится снаружи.

Алисе пришлось потянуть его за руку, чтобы он отошел от иллюминатора и дал помыть и заклеить щеку. Спирт больно щипал, но Юдзо даже не поморщился.

— А вдруг мой отец... — начал Юдзо. — Ведь его тоже могло притянуть.

— Ну что, Посейдон? — спросила Полина. — Наладил связь?

— Придется потерпеть, — ответил Посейдон. — Рация разбита.

— Вот жалость! — сказала Полина. — И сколько тебе надо времени?

— Часа два, — ответил робот. — Я достану запасные части.

Полина очистила пульт от осколков и попробовала включить внешний прожектор.

— Погоди, — сказал Посейдон. — Не женское это дело чинить освещение.

Он открыл кожух пульта, заменил один из блоков, и за иллюминатором стало светло — луч мощного корабельного прожектора распорол темноту.

Все подошли к иллюминатору.

— Ой! — первой воскликнула Алиса. — Что это значит?

Корабль «Арбат» очутился в большом круглом углублении, схожем с лунным кратером. Стены кратера были высоки и отвесны. Но удивление вызвало не это, а то, что «Арбат» оказался в кратере не одинок.

Вокруг него лежали корабли и обломки кораблей.

Некоторые, видно, разбились давно, и нельзя было угадать, какими они были раньше. Другие корабли были ободраны, словно какой-то шутник срывал с них обшивку, оставляя лишь скелеты шпангоутов. Третьи разбились при посадке. Но два или три корабля казались совершенно целыми.

Посейдон медленно вел лучом прожектора по этой странной свалке, и луч по очереди высвечивал потерпевших крушение.

Вот луч замер на золотой надписи на борту корабля.

— «Робинзон», — произнесла Алиса.

— Здравствуй, старик, — сказал Посейдон. — Когда мы виделись с тобой в последний раз? Кажется, на Ганимеде. Ты куда лучше выглядел. Вот ты где пропал, вот где закончил свой славный путь!

Луч прожектора ушел в сторону. Остановился, осветив надпись «Громкий смех».

— Какое странное название, — произнесла Полина, глядя на искореженный, ободраный корабль.

— Ты не слышала? — спросил Посейдон. — Это была странная компания. Поклонники веселой музыки. Они летали по разным планетам с концертами. Певцы и клоуны.

— Неужели они погибли?

— Если внутри астероида нет атмосферы, — сказал Посейдон, — тогда деваться некуда.

Луч тем временем полз дальше, и вдруг раздался отчаянный крик Юдзо:

— Это отец! Отец здесь! Я говорил, что найду отца!

Мальчик показывал на корабль, лежавший за «Громким смехом». На борту была надпись «Сакура». И знак геологической службы.

— Это наш корабль! — повторял Юдзо. — Пустите меня, пожалуйста, туда. Я там должен быть.

— Там его нет, — тихо сказала Полина.

Под холодным безжалостным светом прожектора видно было, что корабль пострадал при посадке, к тому же часть металлической обшивки снята.

— Но я все равно должен туда пойти, как вы не понимаете! — сказал Юдзо.

— Отец мог оставить там записку. Хотя бы записку...

— Успокойся, Юдзо, — сказала Полина. — Мы обязательно пойдем туда и осмотрим корабль.

— Ты сказал, что внутри астероида может быть атмосфера? — спросила Алиса у робота. Она спросила негромко, потому что не верила в это.

— Вряд ли, — сказал Посейдон. — Астероиды — мертвые тела. На них нет атмосферы. Она бы не смогла удержаться, потому что притяжение очень маленькое.

— Но здесь притяжение большое!

— Погляди за иллюминатор. Ясно же — здесь вакуум.

— А внутри?

— Внутри камень, — ответил Посейдон.

— А если внутри сделана полость и в ней сидят люди, у которых есть генератор гравитации?

— Ну, Алисочка, ты мне начинаешь рассказывать фантастический роман. Кто и зачем будет сидеть в мертвом астероиде?

— Космические пираты! Они специально пробрались в Солнечную систему и сделали такую ловушку. Затягивают корабли, а потом их грабят, а пассажиров берут в плен.

— Фантазерка! — решительно заявил Посейдон. — Даже если бы пираты и смогли незаметно проникнуть в Солнечную систему, зачем им грабить грузовик «Робинзон», который везет запасные части к бурильным установкам, зачем им грабить «Громкий смех», на котором летят музыканты, все богатство которых — трубы и барабаны? Зачем им грабить «Сакуру», на которой профессор Комура везет образцы горных пород?

— Посейдон, ты не понимаешь простых вещей, — сказала Полина, которая открыла стенной шкаф, чтобы достать свой скафандр. — Нельзя отнимать у людей надежду.

— Надежда — это гипотеза, не подкрепленная фактами, — возразил Посейдон.

— Пока не подкрепленная, — сказала Полина. — Но факты могут возникнуть.

— Нелогичность людей меня порой просто возмущает, — сказал Посейдон.

Юдзо подошел к шкафу со скафандрами вслед за Полиной и остановился.

— А где мой скафандр? — спросил он. — Ой, мы же его оставили на катере!

— С катером придется подождать, — произнес Посейдон.

Он перевел луч прожектора поближе, к самому «Арбату», и стало ясно, что пришвартованный к нему катер ШУК-24 не перенес аварийной посадки.

— Не беспокойся, — сказала Полина мальчику. — Я пойду на «Сакуру», а Посейдон осмотрит катер и принесет тебе скафандр.

— Если от него что-нибудь осталось, — сказал Посейдон.

— Я возьму скафандр Алисы, — сказал Юдзо.

— Послушай, — строго сказала Полина, — ты на космическом корабле. В неизвестной ситуации. Капитан корабля — я. И сейчас все подчиняются мне беспрекословно. Тебе это понятно?

— Понятно, капитан-сан, — ответил мальчик. — Но, может, все-таки я возьму скафандр Алисы?

— Мы даже не знаем, куда мы попали, — терпеливо объясняла Полина мальчику. — Мы не знаем, что нас ждет. Вы с Алисой, что бы ни случилось, остаетесь в корабле. Здесь безопаснее.

— Правильно, — поддержал Полину Посейдон. — А то придется и вас спасать. Кстати, астероида с такими параметрами в полном списке малых планет не существует. Но, может, все же к «Сакуре» тоже схожу я? В случае чего — меня даже не надо спасать. Я — старая железная банка...

— Слышали, — ответила Полина. — Ничего нового. Быстро принеси скафандр Юдзо. Он может нам понадобиться. И сразу же обратно. Ты отвечаешь за безопасность детей.

— И без твоих приказов знаю, за что отвечаю. — Посейдон был недоволен, он боялся за Полину.

Полина проверила скафандр, опустила шлем. Ее голос в динамике шлема звучал глухо, как будто сквозь подушку.

— Я попробую связаться с Марсом по рации «Сакуры», — сказала она и открыла люк в

переходник.

Прежде чем люк закрылся, Посейдон успел сказать вслед:

— Ставлю сто против одного, что никакой рации там и нет.

Щелкнул запор переходника. Через полминуты Полина оказалась на черной гладкой поверхности астероида.

— Проверяю связь, — донесся ее голос.

— Связь устойчива, — сказал робот.

— На случай любой неожиданности капитаном корабля остается Алиса Селезнева, — сказала Полина.

— Понятно, — сказал робот, следя лучом прожектора за Полиной.

Он не возражал, потому что по космическим правилам робот не может командовать кораблем, на котором есть люди. Даже если он умный, опытный, универсальный робот. Конечно, фактически в отсутствие Полины главным будет он, но в критической ситуации последнее слово останется за Алисой, хоть Алисе всего одиннадцать лет.

— Я все поняла, — сказала Алиса, глядя, как на экране уменьшается блестящая фигурка Полины. Полина обходила обломки кораблей и иногда рассуждала вслух:

— Вижу корабль незнакомой конструкции — его вам не видно, он лежит за «Громким смехом». Явно не из Солнечной системы. И попал сюда давно. Значит, этот астероид не первый день притягивает корабли. Странно, что до сих пор его никто не заметил. Уже двадцать лет назад здесь работала комплексная экспедиция. Они не могли пропустить такое крупное тело. Как ты думаешь, Посейдон, каков радиус астероида?

— Чуть больше километра, — ответил Посейдон. — Но форма у него неправильная, он похож на сплюснутый шар или на чечевицу. Мы опустились на вдавленной стороне.

— Подхожу к «Сакуре», — сказала Полина.

Когда Полина остановилась возле корабля, ясно стало, что «Сакура» раз в пять выше ее. Полина вслух описывала свои действия. Так положено делать, если разведчик один вышел из корабля.

— Вижу люк, — говорила она. — Люк открыт. Крышка отсутствует. Значит, в корабле никого нет. Тем не менее я войду внутрь, осмотрю корабль и постараюсь выяснить, в каком состоянии рация. Посейдон, ты принес скафандр?

— Помню, — ответил Посейдон. — Алиса, ты остаешься на связи, знаешь, как управлять прожектором?

— Все знаю.

Посейдон пошел к переходной камере, а Алиса слушала, как Полина рассказывает о том, что видит на «Сакуре».

Юдзо разрывался между «Сакурой» и учебным кораблем. Он даже подбежал к люку, как будто хотел поторопить Посейдона, медленно ворочавшегося у люка учебного катера. Юдзо надеялся, что, как только он получит скафандр, он сможет тоже побежать к «Сакуре».

— Я внутри «Сакуры», — был слышен голос Полины. — Удивительное зрелище. Как будто здесь бушевал какой-то разбойник. Обшивка ободрана, приборы разбиты, посуда разбита, куда-то делись все вещи из каюты и кубрика. И рация... рации нет. Она вырвана и исчезла.

— А записка? — крикнул Юдзо. — Отец должен был оставить мне записку!

Полина не слышала мальчика и продолжала говорить:

— В шкафу нет скафандра. Значит, отец Юдзо успел надеть его.

Алиса подумала, что если кто-то ограбил корабль, то могли взять скафандр. Ясно, что Полина сказала последнюю фразу, чтобы успокоить Юдзо.

— Больше мне здесь делать нечего, — сказала Полина. — Придется нам искать путь внутрь астероида.

Может быть, Посейдон был не прав, когда высмеивал Алисину теорию о пиратах.

— Алиса, посмотри! — раздался громкий голос Юдзо.

Алиса обернулась к иллюминатору, который смотрел на учебный катер.

Она увидела, как Посейдон подходит к кораблю, неся скафандр Юдзо.

Но мальчика взволновало не это.

— Что случилось? — спросила Алиса.

— Поверни прожектор правее! — попросил Юдзо. — Еще правее. Видишь?

Луч прожектора выхватывал из темноты остовы кораблей, каменные глыбы, изломанные клочья металла... И вдруг Алиса уловила движение. От стены кратера к кораблю спешили какие-то фигуры. Непонятные существа были в черном, и потому трудно было разобрать, что они из себя представляют.

В этот момент открылась дверь переходника, и со скафандром в руке появился Посейдон.

— Гляди, Посейдон! — позвала его Алиса.

Тот сразу понял, в чем дело, кинул скафандр мальчику, а сам кинулся к пульту, чтобы включить увеличение на экране.

— Полина, — сказал он, взглядываясь в бегущие фигуры, — мы видим людей. Они двигаются к «Сакуре» и к нам.

— Очень хорошо, — сказала Полина, — я выхожу им навстречу. Значит, здесь работает какая-то неизвестная нам лаборатория.

— Осторожнее, Полина! — вмешалась в разговор Алиса. — Хоть Посейдон не верит, я все равно думаю, что здесь космические пираты. Неужели может быть лаборатория, которая разбивает и грабит корабли?

— Внимание, — произнес Посейдон. — Это не люди.

— А кто? — спросила Полина.

— Это пришельцы. Может быть, тебе остаться в «Сакуре»?

Но было видно, что Полине не удастся скрыться. Темные существа разделились на две группы. Одна из них спешила к «Арбату», другая бросилась к «Сакуре».

— Они идут к тебе, — сказал Посейдон. — Полагаю, что они следили за нами и знают, что ты на борту «Сакуры». Я иду к тебе на помощь.

— Оставайся на корабле, — сказала Полина.

— Не могу. Ты в опасности. «Арбат» можно закрыть, и ребята продержатся в нем до моего возвращения. Ты беззащитна.

И, не тратя больше слов, Посейдон направился к переходной камере.

— Я тоже выхожу, — услышала Алиса голос Полины. — А то я себя чувствую в этой коробке, как крыса в ловушке.

— Посейдон пошел к тебе, — сказала Алиса.

Она смотрела, как Посейдон большими шагами спешит по открытому пространству. Потом они увидели и Полину. Полина вышла из «Сакуры» как раз в тот момент, когда к «Сакуре» подбежали первые из черных фигур.

— Кто вы? — успела спросить Полина.

И тут же черные фигуры накиннулись на Полину, словно стая волков на оленя, и повалили ее на камни.

— Посейдон... — и тут же связь оборвалась. Видно, черные существа сорвали со шлема антенну.

Посейдон несся к Полине громадными прыжками.

Но достичь ее не смог.

Несколько черных фигур встретили его, и он ударился о них, смял ближайших противников, но не выдержал тяжести остальных.

— Внимание, Алиса! — донесся до рубки его голос. — Из корабля не выходить. Я временно прекращаю сопротивление, чтобы проникнуть в астероид вслед за Полиной. Ждите меня...

На этом прекратилась и связь с Посейдоном.

В рубке царила тишина.

Алиса и Юдзо остались совсем одни.

Алиса заметила, что Юдзо спешит, натягивает скафандр. Она подумала, что и ей не мешает одеться. Может, придется выйти из корабля. Она побежала к шкафу, чтобы снять последний скафандр.

— Следи, чтобы они не подошли, будешь мне говорить, где они, — крикнула она Юдзо.

Добежав до шкафа, она остановилась. Нет, сначала надо запереть корабль. Она поднялась на цыпочки, чтобы включить экстренный запор. На любом корабле есть эта система электронной блокировки — когда она включена, люк не поддастся никакому ключу. Только разрезав обшивку корабля, можно в него проникнуть.

— Они идут сюда, — сказал Юдзо.

— Все?

— Нет. Почти все потащили к стене Полину и Посейдона. А три идут сюда.

— Эх, жалко, у нас нет бластера, — сказала Алиса.

— Да, — согласился Юдзо. — Сейчас бы мы их расстреляли.

— А вдруг... — Алиса задумалась, держа в руках скафандр. У нее бурное воображение, и она умеет придумывать невероятные объяснения событиям. — А вдруг этот астероид неуправляемый? А черные существа — местные спасатели. Только они не из нашей системы и не знают языка. Вот они и вытаскивают из кораблей всех, кто терпит крушение, чтобы спрятать их внутри астероида.

— Я не верю! — сказал Юдзо. — Спасатели не наваливаются на людей как звери.

Алиса натянула скафандр, надела шлем, но пока что не стала опускать забрало. Это можно сделать в одну секунду.

— Они подошли к кораблю, — сказал Юдзо.

— Посмотрим, что они будут делать, — ответила Алиса.

Ждать пришлось недолго. Раздался удар в люк. Потом еще один, посильнее первого.

— Козлятушки, ребятушки, — сказала Алиса, — это я пришла, молочка принесла.

— Что ты говоришь? — удивился Юдзо.

— Это детская сказка, ты ее не знаешь. Один волк переоделся козой и пришел в дом к козе, чтобы съесть ее детей.

— Я знаю такую сказку, — сказал Юдзо.

— Только нас не обманешь, — сказала Алиса.

Следующий удар был сильнее.

— Чем они стучат? — подумал вслух Юдзо. — Что у них, кулаки железные?

Удары следовали один за другим, однообразно и монотонно.

— Если они не совсем идиоты, — сказала Алиса, — то они что-нибудь придумают.

И как бы в ответ на ее слова к кораблю подошли еще несколько черных существ. Один из них притащил нечто вроде бластера, но с длинным стволом.

Узкий белый луч вырвался из бластера и коснулся люка.

— Прожгут, — сказала Алиса. — Наверняка прожгут.

— Мы будем сражаться, — сказал Юдзо.

— А какая польза? — спросила Алиса. — Если они Посейдона одолели, то ты недолго продержишься.

— А что делать? Лучше погибнуть с честью.

— Логика не для меня, — сказала Алиса. — Я еще школу не кончила. Надевай шлем.

Пока Юдзо, поглядывая в иллюминатор, за которым черные существа настойчиво сверлили обшивку «Арбата», надевал шлем, Алиса откинула угол ковра в кают-компании. Там, она знала, был небольшой люк, который вел в технический отсек «Арбата». Как-то при ней Посейдон лазил туда, чтобы проверить системы отопления.

Юдзо пролез в люк первым, затем туда же опустилась Алиса, закрыв за собой люк таким образом, чтобы, когда она его закроет, угол ковра опустился на старое место. Она не видела, удалось ей это или нет, люк захлопнулся. Было так тихо, что слышно было, как часто дышит Юдзо.

Алиса включила на минуту шлемовый фонарь.

Отсек, в котором они спрятались, был низким и тесным, хотя очень длинным. Вдоль него тянулись дакты воздуховодов, трубы опреснителей, отопительные шланги. Алиса поманила Юдзо за собой, и они отползли подальше от люка.

— Теперь тихо, — прошептала Алиса, — молчи, что бы ни случилось.

Ждать пришлось недолго.

Минут пять.

Сначала они ощутили движение воздуха. Это значило, что черные существа, которых Алиса для себя называла бандитами, все же вскрыли люк «Арбата». Воздух сразу вылетел из корабля, как вылетает пузырь воздуха, если быстро опустить под воду кувшин. Правда, из отсека, в котором укрылись Алиса с Юдзо, воздух вылетел не так быстро — хотя он и не был герметичным, но щели и каналы, которыми он сообщался с основными помещениями корабля, были невелики и воздуху потребовалось несколько секунд, чтобы выбраться из отсека. Скафандры ребят мгновенно приспособились к изменению давления, но Алиса привычно ощутила переход в вакуум, подобный тому, как бывает, когда выходишь из корабля в открытый космос.

Потом послышались шаги.

Но Алиса слышала их не ушами — звуки не распространяются в вакууме. В космосе всегда царит тишина. Но вибрацию пола под тяжелыми шагами бандитов они почувствовали.

И если приложить руку в перчатке к потолку отсека, то можно угадать каждый шаг тех, кто наверху.

Бандиты довольно долго ходили по кораблю. Потом корабль начал содрогаться сильнее, рывками, и Алиса не сразу сообразила, что бандиты занялись грабежом. Они отламывают, вырывают, отвинчивают приборы и вещи и уносят с собой.

Потом внезапно появилась над головой, там, где был люк, тонкая круглая полоска света. Значит, кто-то отвернул ковер. Алиса замерла, ожидая, что сейчас бандит откроет люк.

Но этого не случилось. Вместо этого вскоре наступила тишина. Корабль опустел.

— Что делать? — спросила Алиса.

— А что? — не понял Юдзо.

— Я думаю, что они ушли, потому что унесли с корабля разные вещи. Но, вернее всего, они вернуться. И тогда обязательно залезут в этот отсек. Боюсь, что нам здесь не отсидеться.

— Тогда давай вылезем, — сказал Юдзо. — Мне тут надоело.

— У нас мало времени, — сказала Алиса и поползла к люку. — Ведь они могут работать в несколько смен. Одни уходят, другие приходят, мы не знаем, сколько их здесь всего.

Сказав так, Алиса открыла люк и, осмотревшись, быстро вылезла наружу. Следом за ней выбрался Юдзо.

На корабле никого не было. Но за те минуты, пока бандиты бесчинствовали на нем, корабль преобразился. Исчезли приборы, посуда, даже мебель, простыни и одежда, пульт управления стал скелетом пульта. Даже ковер унесли.

Алиса кинулась к иллюминатору. Прожектор теперь не горел, но ей удалось увидеть смутные тени бандитов. Они удалялись к стене кратера. Они шли цепочкой, волоча добычу. Два последних бандита несли свернутый в трубку ковер из кают-компанияи.

— Пошли, — сказала Алиса.

— Куда? На «Сакуру»? — спросил Юдзо. Хоть Полина и сказала, что на «Сакуре» ничего нет, он хотел туда попасть: а вдруг Полина упустила что-то важное, какое-то послание, предназначенное только для глаз Юдзо.

— Нет, — сказала Алиса. — Я думаю — лучше всего нам пойти за бандитами. Надо увидеть, как они попадают внутрь астероида.

— А если они нас увидят?

— Если боишься, иди на «Сакуру» и сиди там, жди.

— Я ничего не боюсь, — обиделся Юдзо. И первым пошел к люку.

Люк был сорван и валялся на камнях рядом с кораблем.

Они вышли из корабля и быстро пошли следом за бандитами.

Полина не заметила, как открывается дверь внутрь астероида. Хоть и старалась это сделать. Виной тому были черные безликие существа, которые тащили ее к стене кратера, мешая друг другу, суется, толкаясь. Они напоминали Полине муравьев, которые тащат к муравейнику пойманного жука. Вроде бы бестолковы, но постепенно жук все же продвигается к муравейнику.

Открылся первый люк, существа остановились, ожидая, видно, когда уравнивается давление. Затем открылся второй люк. Полина поняла, что внутри астероида есть воздух.

Она оказалась в темном коридоре, и ее снова потащили вперед.

Шагов через сто впереди забрезжил слабый свет. Под потолком коридора мерцала слабая лампа. При свете ее было видно, что коридор высверлен в породе, причем сделано это не очень аккуратно и стены не облицованы. Вдоль них тянулись кабели, провода, на всем была пыль, и Полина ощутила атмосферу запустения.

Полина старалась разглядеть своих противников, но света было мало, а фонарь в шлеме она не решилась включить, опасаясь, что его разобьют — ведь догадались они сорвать антенну внешней связи.

Вскоре встретилась еще одна лампа. Потом Полина увидела ход, ведущий направо. Он был перегорожен невысоким барьером. И ей показалось, что из-за барьера выглядывает бледное человеческое лицо, скорее всего лицо ребенка. Она не была уверена, видела ли она это лицо в самом деле или ей только показалось. Существа не давали ей ни секунды покоя — теребили, толкали, тянули вперед.

— Да не толкайтесь вы! — сказала Полина. — Я и так иду. Хоть бы объяснили, что вам от меня надо.

Однако ее слова не возымели никакого действия на черных существ. Они так же тянули ее вперед. Еще через несколько метров Полина почувствовала, что пол пошел вниз, она чуть не упала от резкого толчка.

Впереди открылась дверь.

За нею было полутемное помещение, куда существа и втолкнули Полину.

Дверь со скрежетом задвинулась, отрезав Полину от коридора.

Она была одна.

Единственный неяркий светильник под потолком с трудом освещал обширное помещение. Серые стены, серый пол, серый потолок. В углах свалено тряпье, разбитая чашка лежит посреди пола, кукла без руки, и почему-то у стены кучей музыкальные инструменты: помятая, тускло сверкающая туба, флейта, скрипка с оборванными струнами и даже виолончель.

Полина ни до чего не дотрагивалась. Она медленно обошла комнату, чтобы убедиться, что она здесь одна, и выяснить, есть ли отсюда другой выход. Да, никого, кроме нее, нет. Но и выхода другого тоже нет. Стены гладкие, сплошные, лишь в одном месте над головой небольшое, забранное решеткой отверстие вентиляционного хода.

Неожиданно, как раз под этим отверстием, Полина увидела выцарапанную чем-то острым надпись: «Мы с „Громкого смеха“. Люди, уничтожьте это гнездо...» Неподалеку была еще одна надпись, на этот раз черная, написанная углем или тушью: «Сегодня наша очередь. Мы знаем, что никто еще не уходил живым из когтей ледяного дракона. Прощайте...»

Полина произвольно обернулась, ей показалось, что кто-то заглядывает ей через плечо. Но никого нет, просто тишина, и без того зловещая, сгустилась, словно холодный кисель.

Полине стало страшно. Она бросилась к двери, принялась молотить в нее кулаками и кричать:

— Выпустите меня! Вы не имеете права! Немедленно отпустите меня!

Алиса и Юдзо не спешили. Они не хотели приближаться к бандитам.

Но те не оглядывались. Они были заняты — тащили к стене награбленное барахло.

Так, перебежками от корабля к кораблю, Алиса с Юдзо добрались почти до самой стены, но тут они чуть было не попались. В тот момент, когда бандиты скрылись в отверстии, обнаружившемся в стене, и дети вышли на открытое место, чтобы последовать за ними, дверь в стене вновь открылась и оттуда выскочили три других бандита.

К счастью, неподалеку возвышался круглый борт мертвого корабля, и Алиса, дернув за руку Юдзо, упала на камень и замерла. Юдзо сообразил и последовал ее примеру.

Видно, бандиты и не ожидали увидеть здесь кого-нибудь. Они спешили, бежали трусцой, подобно муравьям на тропе добычи.

— Ну что, будем ждать? — спросил Юдзо.

Надо было решать быстро.

— Нет, — сказала Алиса. — Мы не знаем, сколько придется ждать и когда они уйдут. А наши там, внутри. И может быть, твой отец.

— Мой отец наверняка там, — сказал Юдзо. — Пошли?

Они подбежали к тому месту в стене, где скрылись бандиты.

Алиса на секунду включила шлемовый фонарь и увидела в его свете тонкую черную полосу в сглаженной породе — очертание большого люка. Рядом с ним — выпуклость, до которой, как она заметила, дотрагивались бандиты, приблизившись к стене.

Алиса поднесла ладонь к выпуклости, и после секундной паузы люк сдвинулся внутрь, а затем ушел в сторону.

В переходной камере, куда они попали, было темно. Алиса включила фонарь и нашла дверь, ведущую внутрь астероида. Дверь открылась, как только уравновесилось давление в переходнике и астероиде. Алиса бросила взгляд на браслет-регистратор внешних условий. На нем вспыхнула зеленая искра — воздух пригоден для дыхания, температура плюс семнадцать градусов. Но шлема она откидывать не стала, даже не подняла забрала — мало ли какие микробы могут таиться в этом воздухе.

— Иди на три шага сзади, — сказала Алиса своему спутнику. — Если со мной что-то случится, ты сможешь отпрыгнуть назад.

Через несколько шагов они дошли до поворота коридора.

Коридор был узким, стены холодными и неровными, словно он был вытесан в скале. За поворотом коридор расширялся, в стенах появились ниши и ответвления, но Алиса не рисковала пока заглядывать туда, потому что думала, что основной коридор скорее приведет их к центру астероида.

Освещен коридор был еле-еле. От светильника до следующего светильника было метров по тридцать, а горели они слабо. А так как в нишах и ответвлениях вообще света не было, то все время казалось, что там таятся какие-то существа и настороженно следят за Алисой и Юдзо.

И хоть Алиса была готова к любым неожиданностям, то, что случилось, испугало ее

смертельно.

Большая тяжелая рука высунулась из черной ниши и опустилась ей на плечо.

Алиса ахнула и присела. Она даже не смогла убежать — ноги подкосились от страха.

Юдзо налетел на нее.

— Что? — спросил он сдавленным голосом

— Тише, — ответил кто-то. Тот, чужой голос, донесся откуда-то сверху, будто с потолка. — Ни звука.

И тогда из ниши вышел Посейдон.

Когда Алиса поняла, что это друг, ноги отказались ее держать и она вынуждена была прислониться к роботу. Металл его ног был гладким и теплым.

— Посейдончик, — прошептала Алиса. — Нельзя так пугать.

— Прости, — ответил робот, — но у меня не было возможности кричать тебе издали, чтобы ты не боялась. Я с трудом справился с первой партией моих друзей и двоюродных братьев. Следующая партия может оказаться решительней.

— Что это значит? — спросил Юдзо, которого Посейдон не испугал.

— Есть глаза, гляди, — сказал Посейдон и включил в полную мощность свой шлемовый фонарь.

За поворотом, в глубокой нише лежали грудой, именно грудой, другого слова не подберешь, несколько бандитов. Черные тела перепутались ногами и руками, некоторые были вообще без голов.

— Ой! — воскликнула Алиса. — Ты совершил страшное преступление! Робот не может убивать человека. Что с тобой, Посейдон?

— А если они враги и убийцы? Я должен терпеть?

— Врагов и убийц должен судить суд, — сказала Алиса.

— Где суд? Покажи мне его. Куда доставить преступников? Как уговорить их, что им надо быть паиньками и идти, куда им скажут?

— Я понимаю, но все равно так не бывает.

Юдзо присел на корточки и внимательно разглядывал убитых.

— Это же не люди! — вдруг заявил он.

— Умница! — Посейдон громко захохотал, довольный тем, что провел Алису.

— Как только я понял, что они — роботы, не больше как слепые машины, тут я взялся за дело по-настоящему. На открытом месте они, конечно, сильнее меня и могли бы разобрать меня на части. Но в узком коридоре я куда сильнее. А почему?

— Потому что вы умней, робот-сан, — сказал Юдзо.

— Я рад, что с тобой встретился, — сказал Посейдон. — Мне очень приятно познакомиться с таким сообразительным молодым человеком.

— А вы не видели моего отца? — спросил Юдзо.

— Когда? Я тут такой же новичок, как и вы.

— А Полина, где Полина? — спросила Алиса.

— Полину будем искать. И профессора Комуру будем искать. И всех найдем. Только сначала я хотел бы познакомиться с теми, кто натравливает бездушных роботов на честных космических путешественников. И поговорить с ними серьезно.

Робот отодвинул в сторону отломанную руку одного из бандитов, и из нее выкатилась Алисина чашка. Алиса подхватила ее.

— Удивительное дело, — сказала она. — И при посадке не разбилась, и здесь уцелела.

— Ты еще напьешься из нее чаю, — пообещал Посейдон.

В тишине подземелья послышался отдаленный топот.

— Жаль оставлять поле боя, — сказал Посейдон. — Но полагаю, что разумнее всего отступить. Война не в наших правилах.

Они поспешили вперед, где Посейдон высмотрел узкий ход в сторону. Там и затаились, выключив фонари.

Через минуту мимо них пробежали вереницей несколько черных роботов. Потом их шаги оборвались. Слышны были щелкающие короткие звуки, которыми обменивались роботы. Скрип и грохот — видно, они растаскивали груды своих собратьев, стараясь понять, что же произошло.

— Сейчас они сообразят, что у них на астероиде завелся враг, — прошептал Посейдон. — Так что нам лучше не ждать здесь. Чем будем дальше отсюда, тем лучше.

И они побежали по коридору, стараясь выбирать менее освещенные, узкие ходы, чтобы запутать следы погони.

Полину мучило безделье. Что-то надо было предпринять. Неизвестно, что случилось с Алисой и Юдзо, неизвестно, где Посейдон, неизвестно, наконец, где же она находится и почему ее заточили в этой камере. И, главное, неизвестно, что же случилось с теми людьми, кто был здесь раньше, до нее.

Полина поднялась и снова стала стучать в железную дверь.

— Выпустите меня! — кричала она. — Кто ваш начальник? Я требую, чтобы вы меня отвели к нему.

— Молчать, — послышался голос из-за двери. — Ты мешаешь отдыхать ашиклекам.

— Кому?

Никакого ответа.

Полина оглянулась в поисках чего-нибудь крепкого, может палки или бруска, чтобы сильнее бить в дверь. Ей на глаза попалась помятая, но в общем целая туба — громадная, завитая труба, оставшаяся от группы «Громкий смех».

Она взяла трубу, вспомнила, как надевают ее через голову оркестранты, нашла мундштук и после нескольких неудачных попыток смогла исторгнуть из нее низкий громкий звук.

Она почувствовала, как этот звук проник сквозь дверь и разнесся по всему астероиду.

Звук проник так далеко, что бежавшие по коридору за несколькими стенами робот и его спутники слышали этот звук.

— Ты слышишь, Посейдон? — спросила Алиса. — Здесь есть люди.

— Почему ты так решила? — удивился робот. — Разве на астероиде нет своих музыкантов?

— Жалко, — ответила Алиса. — Я не подумала, что может играть кто-то другой. У твоего отца нет трубы?

— Нет, — удивился Юдзо. — Он никогда не играл на трубе.

— Стой! — Алиса замерла.

В этот момент Полина, которая пробовала извлекать из трубы разные звуки, смогла изобразить первые ноты из известной детской песенки «В лесу родилась елочка».

— Да, — вынужден был согласиться Посейдон. — Труба у них может быть, но эту песню они вряд ли знают. Давайте попробуем пробиться в этом направлении.

Но сделать им этого не удалось. Как только они свернули в проход, который вел к неведомому музыканту, они увидели, что оттуда навстречу им спешат черные роботы, пришлось бежать обратно.

А Полина все продолжала играть, пока не устала. Из-за двери не доносилось ни звука. Зато, когда она положила трубу на пол, услышала тихий голос, который донесся сверху.

— Вы меня слышите?

— Да. — Полина обернулась на голос. Он доносился из вентиляционного хода, забранного решеткой. — Кто вы такой?

— Подойдите поближе.

Полина прислушалась.

— Я такой же пленник этого астероида, как и вы, — продолжал голос. — Вам грозит смертельная опасность. Вам нужно обязательно вырваться из этой камеры.

— Но как? Я проверила все стены. Выхода нет. Скажите, как вам удалось выбраться?

Может, я смогу уйти вашим путем?

— Нет, мне удалось убежать, когда нас вели к пропасти. Ждать этого нельзя. Я убежал случайно. Слишком мал шанс. Вам надо действовать сейчас же.

— Как?

— Вы видите в углу кучу тряпья?

— Да.

— Под тряпьем спрятан напильник. Вдоль пола, за тряпьем линия уже пропилена. Те, кто был раньше, старались уйти. Но они не успели. Если вам удастся выпилить отверстие, вы попадете в технический туннель. Я услышу. Ползите по туннелю... Но помните, в вашем распоряжении всего два часа.

Полина почувствовала, что за ее спиной открывается дверь. Она быстро шагнула в сторону от вентиляционного хода, подняла с пола трубу и приставила мундштук к губам.

Робот остановился, будто ударившись о громкий протяжный звук.

— Нельзя! — закричал он. — Мертвый час! Нельзя. Разбудишь!

Полина отскочила в сторону. Робот надвигался на нее, протягивая руки, чтобы отобрать трубу. Полина подняла руки с трубой и со всего размаха надела широкой частью трубу на голову робота, который сразу стал похож на шута в золотом колпаке.

От неожиданности ослепший робот нелепо замер, расставив руки, и Полина бросилась к двери. Но опоздала. Оттуда уже бежал на помощь своему товарищу другой робот. Он грубо отбросил Полину и с трудом стащил с головы робота трубу.

Так, с трубой в руках, он и покинул камеру. За ним, развернув голову на сто восемьдесят градусов, чтобы не выпускать Полину из виду, последовал пострадавший.

Когда все стихло, Полина вернулась к вентиляционному ходу и сказала:

— Все спокойно. После короткого боя враги отступили.

Она улыбнулась, вспомнив, как комично выглядел робот в трубе на голове. Она пожалела, что Алиса этого не увидела.

— Все спокойно, — повторила Полина. — Вы меня слышите?

Но в ответ не раздалось ни звука.

Тогда Полина, оглядываясь на дверь, отошла к углу камеры и отодвинула грудку тряпья. Под ней, на полу, она обнаружила небольшой напильник.

Невидимый союзник был прав.

В стене, чуть выше пола, была пропилена тонкая полоса. Но надо было сделать еще вертикальные распилы, и работа предстояла долгая и трудная. Делать нечего. Полина присела на корточки и начала продолжать то, что сделали неизвестные ей заключенные этой камеры.

Минут через пять, оторвавшись от погони, Посейдон и его спутники достигли входа в длинный низкий зал, в котором рядами стояли невысокие узкие помосты, покрытые истертыми матрасами. На матрасах лежали и сидели многочисленные существа, совсем другие, чем роботы. Настоящие обитатели корабля, вернее всего, его хозяева.

Правда, вид у них был странный, запущенный, даже жалкий. Большей частью они были одеты в серые хламиды, будто сделанные из мешков с прорезями для тонких рук. Это была их единственная одежда. Из-под мешков высывались грязные худые ножки. Именно ножки, потому что эти существа ростом вряд ли были выше, чем Алиса, хотя даже при слабом свете этой громадной спальни видно было, что среди них есть не только взрослые, но и старые людишки. Так их называла про себя Алиса — людишками.

Волосы их были длинными, спутанными, глаза тусклыми, движения вялыми, будто сонными.

В проходе между помостами стоял черный робот, на котором был надет желтый передник, а на голове красный колпак. Получилась помесь между нянькой и шутком.

— Вот они, — сказал Посейдон, и явно с облегчением.

— Настоящие люди, — согласилась Алиса.

— Пошли к ним, — сказал Юдзо. — Мы должны с ними договориться, объяснить им.

— Погоди, — сказала Алиса. — Что-то они мне не нравятся.

— Почему?

— Ты веришь, что они в самом деле хозяева этого астероида? — спросила Алиса. — Что они могут управлять этим кораблем, приказывать роботам?

— Внешность обманчива, — сказал Посейдон. — При взгляде на меня никогда не подумаешь, что я заочно окончил четыре университета.

— И все-таки давайте не будем спешить, — сказала Алиса. — Может, встретим одного. С ним и поговорим.

Остальные согласились с Алисой и пошли дальше, хоть и любопытно было понаблюдать за людишками. И буквально через несколько шагов натолкнулись на одинокого человечка, который задумчиво стоял посреди коридора.

Этот человечек оказался старичком. Тонкая редкая бородка доставала почти до пояса, а личико было сморщенным, как будто кто-то изрисовал его тонким черным карандашом.

При виде Посейдона человечек не испугался, не убежал, а задумчиво положил в рот грязный палец и принялся его сосать.

— Тише, — сказала шепотом Алиса старичку. — Ты не бойся, мы ничего плохого тебе не сделаем... Посейдончик, покопайся в своей голове, на каком бы языке нам с ним поговорить?

Слушая Алису, человечек склонил голову, потом вытащил палец изо рта и потянулся к звездочке, горевшей на груди у Алисы. Пальцы его цепко ухватили звездочку, и человечек постарался ее отвертеть, что было невозможно сделать, потому что звездочка была пришита к скафандру.

— Нельзя, — сказала Алиса человечку.

Тот даже сморщился от напряжения. Сдаваться он не собирался, и Посейдон сказал:

— Пускай старается, а я пока буду задавать ему вопросы на всех известных галактических языках.

Но Посейдон не успел задать вопросов, потому что, отчаявшись оторвать звездочку, старикашка вдруг обиженно взвыл, ну как маленький ребенок. Причем вопль его был таким пронзительным, что проникал сквозь стены.

Все оцепенели от его вопля.

Первым опомнился Посейдон. Он схватил человечка поперек туловища и кинулся бежать по коридору.

Коридоры стали уже, термометр на запястье Алисы показывал, что температура поднимается.

Вдруг Юдзо остановился и бросился назад.

— Ты куда? — спросила Алиса.

— Не бойся, я сейчас. Кажется, я увидел одну вещь...

Юдзо пробежал несколько шагов назад и наклонился. На полу лежал плоский красный карандаш. Точно такой карандаш был у отца Юдзо. Маленький золотой цветок вишни был выдавлен на его конце.

— Это отец! — воскликнул Юдзо. — Я же говорил, что он здесь!

Юдзо подхватил карандаш и бросился вслед за Алисой.

Надо сказать, что все эти события уместились, ну самое большее, в минуту. Но и за минуту может многое произойти. Если учесть, что никто из беглецов не знал толком, куда бежать, не знал расположения коридоров и комнат астероида.

Юдзо пробежал несколько шагов и очутился на развилке. Три совершенно одинаковых коридора отходили от главного пути, как растопыренные пальцы руки. Мальчик прислушался. Ему показалось, что визг захваченного человечка доносится из правого коридора, и он, сжимая в кулаке карандаш, побежал туда.

И в этот момент визг оборвался.

А случилось это потому, что Алиса крикнула Посейдону:

— Отпусти ты его — он нас выдаст.

— Что? — удивился робот и поглядел на существо, которое билось у него под мышкой. — У меня, очевидно, склероз. Я совершенно о нем забыл.

Посейдон опустил существо на пол, и человечек, возмущенно ругаясь, убежал по коридору обратно.

Тогда Посейдон спросил:

— Нас недостаточно. Где Юдзо?

— Он немножко отстал, — сказала Алиса. — Что-то нашел. Сейчас догонит.

— Почему ты мне сразу не сказала? — спросил Посейдон.

— Я думала, что ты слышишь.

— Наверное, он, — Посейдон показал вслед убежавшему человечку, — так верещал, что я ничего не слышал. Это моя вина. Когда бегаешь по подземельям с детьми, надо обязательно оглядываться и пересчитывать детей.

Алиса не любила, когда ее называли ребенком, но на этот раз она понимала, что не должна была оставлять Юдзо одного. Поэтому она первой побежала назад.

В несколько секунд они достигли развилки, у которой только что останавливался Юдзо. Но они выбежали из среднего коридора, а Юдзо побежал по правому. И в тот момент, когда Посейдон и Алиса стояли в растерянности, не зная, что делать дальше, Юдзо уже был в плену. В коридоре он столкнулся с тремя роботами, которые подхватили его и так быстро потащили дальше, словно хотели помочь ему бежать; у Юдзо перехватило дыхание.

Посейдон закричал:

— Юдзо! Юдзо Комура!

В ответ с разных сторон послышался топот. Топот железных ног.

Ничего не оставалось, как кинуться в левый коридор.

Преследователи были все ближе.

Посейдон крикнул:

— Беги, Алиса, я задержу их.

— Никуда я не побегу, — ответила Алиса. — Куда мне одной деваться?

К счастью, в ту секунду Алиса увидела сбоку узкую щель — и за ней лестницу вниз.

— Посейдон, сюда? — крикнула она.

Алиса проскочила в щель, Посейдон с трудом протиснулся следом.

Они сбежали по лестнице вниз — лестница вилась винтом, ступеньки ее были ржавыми, как будто здесь давно уже никто не ходил.

Снизу доносилось какое-то жужжание.

Лестница привела их в новый коридор, на этот раз пол его состоял из квадратных железных плит. Шаги по ним отдавались гулко — под плитами была пустота.

Через двадцать шагов впереди неожиданно возникла глухая стена.

Сзади гулким грохотом гремели шаги роботов, которые сбегали по лестнице.

Посейдон, поняв, что дальше отступать некуда, развернулся, готовый к бою. И тут одна из плит у их ног отодвинулась в сторону, и оттуда послышался голос:

— Скорее, вниз!

Под плитой было темное пространство, куда вела железная лесенка. Алиса первой спустилась по ней, цепляясь за перекладины.

За ней съехал по лесенке Посейдон, который, хоть и казался тяжелым и неуклюжим, в самом деле был ловчее любого человека. Как-то он даже совершенно серьезно готовился выступить вне конкурса на олимпиаде по десятиборью. И уверял, что чемпионом бы не стал, но достойное место сумел бы занять.

Больше того, Посейдон, подчиняясь голосу, успел задвинуть плиту.

Все замерли.

И вовремя. Сверху слышны были шаги. Вот они прогремели по плитам, прямо над головой. Утихли. Это означало, что преследователи остановились у глухой стены. Раздались гулкие удары — можно было догадаться, что роботы проверяют, нет ли в стене отверстия.

Потом, после паузы, снова послышались шаги. Они двигались в обратном направлении. И были куда медленнее и тише. Словно роботы были подавлены и разочарованы. Вот они уже цокают, удаляясь, по ступенькам винтовой лестницы... И тишина.

— Вроде обошлось, — тихо сказал Посейдон.

— Я рад, что мог вам помочь, — ответил тихий голос.

Раздалось шуршание, что-то щелкнуло, и потом вспыхнул маленький желтый огонек. На пустом ящике посреди помещения, куда они попали, стояла площадка, налитая какой-то жидкостью. В ней фитиль. Вот эта коптилка и загорелась, давая слабый, неверный свет.

Огонек осветил лицо старика. Худое, изможденное, усталое.

Длинные черные с сединой волосы спадали на щеки.

Старик был оборван, лицо почернело, но яркие живые черные глаза горели.

Полина отчаянно пилила стену. Тонкая щель удлинялась так медленно, что ясно было — не только за два часа, но и за двое суток ей не выпилить отверстия. Но она не сдавалась.

Руки Полины онемели, и ей пришлось несколько раз прервать свою отчаянную работу, чтобы отдохнуть. Железная пыль перепачкала руки, а кожа на правой ладони вспухла и даже пошла кровь.

Вжик-вжик — звучал напильник, и от этого однообразного звука звенело в ушах. Полина была так поглощена работой и так старалась заставить себя пилить и дальше, хоть рука отваливалась, что не слышала, как дверь в камеру снова отворилась.

— Человек, — раздался громкий, резкий металлический голос. — Прекрати свою работу. Ты портишь мой корабль, и пользы от твоей работы нет, потому что тебе никогда не убежать от меня.

Полина вскочила, обернулась, стараясь спрятать напильник за спину.

В камере стояло новое существо.

Вернее всего, как подумала Полина, это тоже был робот. Только выше других и страшнее.

Он был весь в черном, но сверху у него был накинут длинный широкий плащ, а на голове блестящий антрацитовый шлем с высоким гребнем. Лицо его было таким же черным, как у роботов, и пустым — без глаз и рта. И потому нельзя было понять, откуда исходит голос.

— Мне интересно наблюдать за вами, — сказал большой робот. — Вы странные существа, вы суетитесь и к чему-то стремитесь. А это никому не нужно.

— Вы кто? — спросила Полина.

— Я — Хозяин, — ответил черный робот. — Я главный здесь. Я правлю этим миром, и этот мир трепещет передо мной.

— Если это так, то вы должны выпустить меня.

— Почему?

— Потому что я не принадлежу к вашему миру, — сказала Полина. — Я не хотела к вам попасть. Мы летели своим путем...

— Вы пролетали слишком близко от меня, — сказал Хозяин. — И я вас заставил покориться мне.

— Зачем?

— Чтобы взять ваше добро, чтобы развлечь и утешить моих подданных. Чтобы поглядеть на вас вблизи, потому что я любопытен.

— Вы тоже робот? — спросила Полина, подходя поближе и приглядываясь к хозяину.

— Я знаю, что это глупое слово придумали на Земле. Я все время его слышал от тех, кто был здесь раньше тебя и кого теперь уже нет. Мне даже сказали, что его придумал много лет назад земной сочинитель историй по имени Карел Чапек. Робот — это железная машина, раб людей, который выполняет их приказы. Значит, я не робот.

— Вы живое существо?

— Живое, потому что я мыслю.

— Но сделанное другими живыми существами?

— Когда-то был сделан тот, кто сделал меня.

— Ясно, — сказала Полина, — робот второго поколения. И зачем вы были сделаны?

— Чтобы заботиться, охранять и вести вперед.

— Значит, у вас есть долг?

— Долг?

— Назовите это заданием.

— У меня есть долг-задание, — согласился черный Хозяин. — Мой долг управлять этим миром и сделать так, чтобы ашиклеки были счастливы.

— Ашиклеки — ваши хозяева? Настоящие хозяева?

— Ашиклеки — это существа, подобные тебе. Они теплые, в их жилах течет кровь, они глупы, непостоянны, слабы. Я делаю их счастливыми.

— Потому что подчиняешься им и служишь им?

— Я никому не подчиняюсь и никому не служу, — ответил черный робот, — Но без моей заботы ашиклеки умрут.

— Тогда позовите сюда ашиклеков, — сказала Полина. — Я буду разговаривать с ними, а не с машиной.

— Ты глупое существо, — ответил черный робот. — Я думал, что ты достойна, чтобы остаться живой и помогать мне в великом деле. Но ты ничего не понимаешь.

— Нет, — сказала Полина, — я поняла. Ты просто сломавшийся робот. Робот с манией величия.

— Возмущение и обида не свойственны мне, — ответил черный Хозяин. — Называй меня как угодно. Я — господин этого мира, и нет предела моему могуществу.

— Странно, робот с заржавевшей программой. — Полина не могла не улыбнуться. Страх, охвативший ее при виде этого существа, давно прошел. Страшно то, чего не понимаешь. И, словно осознав, что для этой женщины он не господин, а лишь машина, хозяин повысил голос и загремел на всю камеру:

— Когда тебя будут рвать когти ледяного дракона, ты вспомнишь о своих необдуманных словах, ты горько раскаешься. Я не могу прощать оскорблений, но не потому, что они меня задевают, а потому, что мой авторитет должен быть незыблем. Я — бог. Я — Хозяин! Все должны трепетать передо мной.

— Слава Хозяину! — дружно воскликнули остальные роботы. — Слава его мудрости.

Но эта сцена была прервана в самом разгаре. В коридоре послышался шум. Два робота втащили отчаянно сопротивляющегося Юдзо.

Хозяин резко обернулся, несколько секунд смотрел в упор на мальчика безглазым черным лицом и потом сказал:

— Еще один? Где вы его нашли?

— Он был один. Мы нашли его в коридоре.

— Это хорошо. Развлечение будет более веселым.

Роботы отпустили мальчика, и он не удержался на ногах. Полина подхватила его. Юдзо узнал Полину и начал быстро говорить, забыв о том, что вокруг стоят роботы:

— Полина, мой отец здесь! Он живой. Я нашел его карандаш. Смотрите, вот он!

— Какой отец? — раздался голос Хозяина.

— Тебе показалось, Юдзо. Это другой карандаш, — быстро сказала Полина. Но Юдзо ее не понял.

— Я узнал карандаш отца...

— На корабле еще остались посторонние! — взревел Хозяин. — Немедленно отыскать. Перевернуть весь корабль! Я вас всех разберу, если не найдете его.

— Позволь, великий Хозяин, — сказал один из роботов, делая шаг вперед.

— Я полагаю, что спешить не надо. Эти существа отличаются большой привязанностью друг к другу. Есть ли смысл искать то, что трудно найти? Сегодня мы отведем их к ледяному дракону. И не будем делать из этого тайны. И тогда его отец прибежит к нам сам. А мы будем к этому готовы.

— Разумная идея, достойная моего слуги, — сказал Хозяин.

Он направился к двери, но у двери остановился и обратился к Полине:

— Готовьтесь к ужасной смерти, ничтожные клочки протоплазмы.

Дверь закрылась, но Полина и Юдзо были не одни. С ними в камере остался один из роботов, который встал возле того места, где Полина пыталась выпилить люк.

Полина отвела мальчика к куче тряпья, села и посадила его рядом.

Мальчик не плакал, но был бледен и подавлен.

— Я сделал глупо, — произнес он. — Надо было молчать, но я так обрадовался...

— Да, лучше было промолчать, — согласилась Полина. — Только теперь поздно из-за этого расстраиваться. А где остальные?

Мальчик наклонился к Полине и начал шептать ей на ухо.

Робот сделал шаг к ним ближе, но ничего не услышал, а так как у него не было приказа, что надо делать в таком случае, то, постояв немного, он вернулся к отверстию.

Вернее всего, здесь когда-то был склад. От него остались раскрытые контейнеры, кучи пластиковых мешков, разбитые ящики. Ящик, служивший столом, стоял посреди расчищенного пространства, и рядом с горячей площадкой была видна миска с кашей и кружка с водой.

— Ваше счастье, — сказал старик, — что вы побежали в эту сторону. Иначе я бы не смог вам помочь.

— В самом деле, нам повезло, — согласилась Алиса, прислушиваясь к удаляющимся шагам сверху. — А вы тут живете? Почему? Вы же не робот.

— Слишком много вопросов, — улыбнулся старик. — Я здесь такой же случайный гость, как и вы. Не по своей воле.

— Вы тоже потерпели крушение? — спросил Посейдон.

— Да. Я попал в ловушку. Меня перетащили в камеру, где еще были другие люди. Музыканты. Ансамбль «Громкий смех». Мы вместе сидели там около недели и совершенно не знали, что с нами будет. Видели мы только роботов. А потом они нам сказали, что нас убьют. Что нас кинут в ледяную бездну. Мы не знали, что это такое, мы хотели убежать. Убежать, когда нас поведут туда. Но удалось это сделать только мне. С тех пор второй месяц я скрываюсь здесь.

— А они? Музыканты? — спросила Алиса.

— Их больше нет, — сказал старик.

— Но как же вы здесь прячетесь? — спросил Посейдон. — Почему они вас до сих пор не нашли?

— Этот астероид очень велик и стар, — сказал старик. — К счастью, здесь много пустых заброшенных помещений, о которых не знает даже Хозяин.

— Кто?

— Хозяин корабля. Это робот. Но в отличие от остальных роботов он связан все время с кибернетическим мозгом корабля, и он — как бы его продолжение. Ему подчиняются все — и роботы, и ашиклеки.

— Простите, — сказал Посейдон. — Так как мы попали сюда недавно, чуть больше часа назад, то мы еще многого не знаем. И ваши слова для нас не несут информации. Скажите нам, кто такие ашиклеки.

— Я знаю, — сказала Алиса. — Это такие людишки. Одного мы взяли с собой, но потом отпустили.

— Девочка права, — сказал старик. — Ашиклеки — это и есть космонавты.

— Совершенно не похожи, — сказала Алиса.

— Алиса, — вмешался Посейдон. — Если ты будешь прерывать, то мы два дня здесь просидим, а нам надо действовать.

— Вы правы, — сказал старик. — Времени у нас немного. Но мы можем потратить еще несколько минут на рассказ... Может, вы голодны? У меня плохо с едой, вот видите, только каша и вода, хотите?

— Нет, спасибо, — сказала Алиса. — Я не успела проголодаться, а Посейдон, сами понимаете, не ест.

— Я понял, что вы робот, — сказал старик. — А мне приходится воровать пищу у ашиклеков. Когда все стихнет и все отдыхают, я пробираюсь к котлам и выскребаю их...

— Ну рассказывайте, рассказывайте, — сказала Алиса. — Мы просто измучились от этих страшных тайн. Как получилось, что эти пираты захватили этот астероид? И почему их раньше не нашли?

— Пираты? Это не пираты. Это наши братья по разуму. Гости из космоса. Давайте, я вам кое-что покажу.

Старик поднялся и пошел в глубину склада, по узкому проходу между контейнерами. Путешествие оборвалось у небольшой винтовой лестницы, которая привела их на следующий уровень. Там был такой же склад, но дальняя стена его была в одном месте почему-то пробита. Из отверстия пробивался луч света. Туда и подвел их старик.

Перед глазами Алисы расстилалась большая зеленая поляна. Правда, трава, если приглядеться, была ненастоящей, а пластиковой. Искусственными были и кусты, и деревья, и цветы. Низкий потолок над поляной был покрашен в голубой цвет, и на нем были нарисованы облака.

Несколько людишек, точно таких же как и те, кого они видели раньше, бродили по поляне, другие сидели на пластиковой траве, двое играли в какую-то игру, двигая по доске поочередно большую красную шашку. На берегу стеклянной реки сидели сразу пять человечков и, раскачиваясь, распевали песню. С первого взгляда можно было подумать, что это мирная сцена отдыха разумных существ, но чем больше Алиса смотрела на эту лужайку, тем понятнее становилось, что все это — какое-то притворство. Ашиклеки притворялись, что гуляют, притворялись, что отдыхают, даже притворялись, что поют.

— Должны быть ниточки, — вдруг раздался голос Посейдона.

— Я вас не понял, — сказал старик.

— Это же куклы, — сказал робот. — Марионетки, и кто-то должен дергать их за ниточки, чтобы они двигались.

— У вас образное мышление, — сказал старик.

— Я прожил долгую и нелегкую жизнь, — ответил Посейдон. — И понял, что интересно лишь одно — учиться.

В дальнем конце лужайки появился робот в белом передничке с большой метлой в руке. К удивлению Алисы, он принялся бесцеремонно сгонять этой метлой ашиклеков, подгоняя их к двери.

Ашиклеки огрызались, пытались убежать, но робот ловко гнал их, как ученый пес стадо глупых коров.

— Что он делает? — спросила Алиса.

— Пора обедать, — сказал старик. — Потом у них будет развлечение...

Старик нахмурился.

— Времени осталось немного, — продолжал он. — Я успею сейчас только рассказать вам в двух словах, что же это за астероид. Остальное — при более удобном случае.

Поляна опустела, постепенно померк свет, и искусственные кусты почернели.

— Когда-то, много столетий назад, из очень далекой звездной системы стартовал космический корабль. Я не знаю, почему он был послан. Может быть, той планете грозило бедствие, может, это была попытка исследовать Галактику. Корабль был снабжен всем необходимым, и было сделано все, чтобы оградить экипаж от труда и забот. Все тяжелые работы делали роботы, они же готовили пищу, заботились об оранжереях, ремонтировали, убирали, стирали, не говоря уж об управлении кораблем и всеми его системами.

— Откуда вы об этом узнали? — спросил Посейдон.

— Когда-то на корабле была библиотека. Даже роботы забыли к ней ход, а я нашел ее остатки. Там же хранятся документы от тех первых десятилетий путешествия.

— И корабль так долго летел, что стал похож на астероид? — спросила Алиса.

— Нет, сначала это был астероид, который вращался неподалеку от планеты ашиклеков. На нем и был собран корабль. Внутри были высверлены помещения, вмонтированы гравитационные двигатели — ведь в открытом космосе не важно, большой корабль или маленький, квадратный или круглый. Раз сопротивления воздуха нет, разогнать песчинку так же легко, как и астероид — был бы толчок вначале достаточно мощным. А рассуждали строители так. Во-первых, дешевле использовать готовые стены, чем поднимать в космос детали с планеты. Во-вторых, сам астероид для космонавтов стал источником металлов, кислорода и других элементов, которые содержатся в горных породах.

— Ясно, — сказал Посейдон. — И разумно. Может, в будущем мы тоже будем так делать. Ну и что же случилось потом?

— А потом шли годы, десятилетия. Путешествие затягивалось. Насколько я понял, планета, к которой они летели, оказалась непригодной для жизни. Они решили лететь дальше. И снова потекли годы. И представьте себе... — старик замолчал, будто сам хотел увидеть то, что происходило там, за сотни лет и тысяча парсеков отсюда. — Представьте группу космонавтов, вернее, уже не тех, кто улетел когда-то, а их праправнуков, за которых все и всегда готовы сделать роботы. Роботов становилось все больше, они-то совершенствовались и все меньше доверяли людям — то есть ашиклекам. Потомки космонавтов привыкли к тому, что все делают роботы. Даже когда у них рождались дети, их тоже сразу отдавали роботам, которые их выкармливали, учили; и люди, вроде бы оставаясь господами на корабле, становились рабами роботов. Рабами безделья. И наступил день, когда космонавты забыли, кто они, куда летят, зачем живут на свете. Они думали, что астероид-корабль и есть вся вселенная. И только роботы во главе с бессмертным роботом-Хозяином знали, для чего был построен корабль.

— Знали и терпели такое положение? — спросила Алиса.

— Не только терпели, оно их устраивало. Зачем роботам новые планеты и опасности? У них есть программа — обеспечить выживание ашиклеков. Вот они и обеспечивают. Они няньки, которые не дают детям расти, которые на всю жизнь оставляют их в яслях. И если такое положение сохранится на миллион лет, они будут довольны.

— Но уже и сейчас... — начал было Посейдон, но старик перебил его:

— Уже через тысячу лет ашиклеки превратятся в амёб и полностью лишатся разума. Его и сейчас немного. Это тупой, безумный народец, который только знает, как есть, спать и развлекаться. Труд, как говорят, превратил обезьяну в человека, так вот, отсутствие труда обязательно превращает человека в обезьяну.

— Эх, хотела бы я привезти сюда одного знакомого мальчика, — проговорила Алиса. — С его вечным желанием не делать уроков.

— А мне, — сказал мрачно Посейдон, — стыдно за моих братьев. Как можно столь превратно и даже преступно понимать свой долг!

— Самое грустное в этом то, — сказал старик, — что здесь нет преступников и злодеев. Есть отупевшие люди, которые не ведают, что творят, и недалекие роботы, которые хотят лишь одного — чтобы ашиклекам хорошо жилось. Они их кормят, согревают и, к сожалению, развлекают. А так как за пределами корабля для них людей не существует, то развлекают их за счет других.

— Скажите, пожалуйста, — сказала Алиса, когда старик повел их дальше по внутренним ходам астероида, — а как они попали сюда? И почему их не нашли раньше?

— Они попали к нам недавно, несколько месяцев назад. Притяжение Солнца подхватило их, и они скрылись в поясе астероидов незамеченные и затерялись среди тысяч подобных тел. Я не знаю, почему они не улетели дальше. Может быть, у них на исходе горючее, может, они надеются найти здесь какую-нибудь добычу. Может, просто исследуют нас, прежде чем отправиться дальше. Я не могу заглянуть в железные головы этих роботов. В любом случае выходить на связь с Землей они не собираются.

— Ну ладно, а другие корабли они притягивают и ловят в капкан, это для исследования?

— Нет, для развлечения ашиклеков и для грабежа.

— И, наверное, они опасаются, что их обнаружат, — сказал Посейдон. — Если они превыше всего ставят безопасность ашиклеков, значит, они должны опасаться.

— Вы правы, — согласился старик. — Но главное — грабеж и развлечение. Они полностью очищают упавшие корабли, а экипажи... Поймите, ашиклеки по уровню своего развития — отсталые дети. Жестокие, капризные, глупые. И тогда...

По внутренним помещениям астероида, набирая силу, пронзительно зазвучала сирена.

— Что такое? — спросил Посейдон. — Нас обнаружили?

— Сигнал на обед, — ответил старик. — Святое время для идиотов.

И стало слышно, как по всем коридорам и переходам корабля раздаются мелкие быстрые шаги — бегут ашиклеки. Два человечка внезапно выскочили из-за угла и промчались мимо, прижимая к пузатым животам пустые миски.

— Ну вот, кончились наши с вами беседы, — сказал старик. — Теперь надо спешить. Развлечение, о котором я говорил, начнется сразу после обеда. И женщине, которая прилетела с вами, грозит смертельная опасность.

— Вы видели Полину? — спросила Алиса. — Где она? Мы ее потеряли.

— Ваша спутница в тюрьме, откуда один выход — к ледяной бездне. А что, она была не одна? Я пытался ей помочь, но, как понимаю, у нее мало шансов.

— Да, она не одна. Нас было четверо, — сказала Алиса. — С нами был еще Юдзо. Он недавно отстал. Как раз, когда на нас навалились роботы и вы открыли нам люк.

— Юдзо? — Старик насторожился. — Вы сказали, Юдзо? Это ваш друг?

— Мы нашли Юдзо в космосе, совсем недавно. У него пропал отец в поясе астероидов. Так вот, Юдзо угнал учебный катер, на котором нельзя выходить в космос, и отправился искать отца. Удивительное легкомыслие, свойственное только людям, — сказал Посейдон.

— Я понял, — голос старика дрогнул. — Это мой сын!

— Неужели вы так изменились? — воскликнул Посейдон. — Только сегодня я внимательно разглядывал вашу фотографию. Это невероятно!

— Последние месяцы были тяжелыми, — сказал старик. — Но где же мой мальчик? Где вы видели его в последний раз? Он был здоров? Вы спасли его в космосе?

— У него кончилось горючее, — сказала Алиса.

— Неразумный мальчик, он у них в лапах.

— Может быть, неразумный, — сказал Посейдон. — Но не всякий мальчик отправился бы в космос, рискуя жизнью, чтобы отыскать отца.

— Мы не успели вернуться за ним, — сказала печально Алиса. — Мы просто не успели.

— Я не виню вас, — сказал старик. — Но нам надо спешить.

Профессор Комура, а ведь именно так звали отца мальчика Юдзо, первым бежал по коридорам и переходам астероида — даже Посейдон с его памятью заблудился бы в этих ходах, которыми, как муравейник, был изрыт астероид. Порой они пробегали обширные залы, даже встретили два раза опоздавших к обеду ашиклеков, раз столкнулись с роботом-нянькой, но не задержались ни на секунду.

— Стойте здесь, — сказал неожиданно Комура.

Он открыл узкий высокий люк и ловко заполз в него.

— Вы скоро вернетесь? — спросил Посейдон.

Профессор не ответил.

— Мне следовало узнать его с самого начала, — сказал Посейдон, — меня подводит наблюдательность. В дальнюю разведку меня бы теперь не взяли, нет, не взяли...

— Полина, — послышался голос профессора. Он донесся издалека. — Вы еще здесь?

И уж совсем издалека, как будто из другого конца галактики донесся ответ. Голос Юдзо:

— Отец! Это голос отца! Я узнал его. Он жив, я же говорил, что он жив и поможет нам!

И все смолкло.

— Юдзо вместе с Полиной, — сказала Алиса. — Это лучше.

— Я не знаю, что здесь лучше, а что никуда не годится, — ответил мрачно Посейдон.

Еще через минуту из отверстия показались ноги профессора, а затем с помощью Посейдона он спрыгнул на пол.

— Там робот, — сказал он. — Он следит за ними. Уйти они оттуда не смогут. И нам не проникнуть в тюрьму. Поэтому у нас только один выход — перехватить их у ледяной бездны.

Профессор Комура провел своих спутников в большое слабо освещенное помещение, длинная стена которого была стеклянной. За стеной была крошечная тьма.

Посейдон подошел к стеклянной стене.

— Там что, пропасть? — спросил он.

Свет из зала не мог проникнуть далеко вглубь. Видны были только отвесные стены из черного камня с прожилками льда, а невдалеке от зала, над пропастью, была небольшая площадка, на которую вела дверь, вырубленная в скале. Дверь была закрыта.

— Сейчас вы кое-что увидите, — сказал профессор, останавливаясь у небольшого пульта. — Эта пропасть — естественная полость внутри астероида. Очевидно, она имеет где-то выход на поверхность. Она так велика, что заполнять ее кислородом и обогревать — слишком дорогое удовольствие. Проще было оставить ее как есть, изолировав от жилых помещений. И оставив в ней ее обитателей... ледяных драконов.

Вспыхнул прожектор, который ярко осветил площадку, нависшую над бездной. Алиса и Посейдон подошли к самому стеклу, стараясь, увидеть, что за ледяные драконы таят в глубине.

— Может быть, — сказал профессор, — когда астероид приспособляли для полета, никаких ледяных драконов там и не было. А были лишь их споры, которые ждали своего часа. Потом температура стен бездны немного поднялась — может, на несколько градусов, но этого было достаточно, чтобы началось развитие драконов.

— Но никакие живые существа не могут жить в вакууме, — сказала Алиса.

— Мы еще очень мало знаем о тайнах космоса, — ответил профессор. — Жизнь приспособляется к, казалось бы, невероятным условиям. Есть же бактерии, которые процветают в жерлах вулканов, и черви, отлично чувствующие себя в невероятных глубинах океанов. Известно, что некоторые организмы в зародышах, в спорах пересекали пространство между звезд. Вернее всего, ледяные драконы умеют извлекать энергию из органических веществ, которые есть в породах астероида, они получают ее, поглощая тепло. Но сильнее всего они реагируют на свет. К нему они стремятся как мотыльки... вот, смотрите!

Алиса даже невольно отшатнулась от стеклянной перегородки — из глубины пропасти вдруг показалось нечто вроде толстой, покрытой кольцами панциря, трубы с загнутым когтем на конце. Затем еще одна труба...

— Это их щупальца, — послышался голос профессора. — Длинной они метров в тридцать. А само тело дракона невелико.

Теперь из пропасти показались десятки когтей. Двигались они очень медленно, но упрямо, казалось, ничто их не может остановить — все выше поднимались они из бездны, стремясь к прожектору.

— Я думаю, — продолжал профессор, — что сначала драконы были главным развлечением для ашиклеков. Они ходили сюда, в галерею, устроенную для этого роботами, чтобы смотреть, как свет будит драконов и как они стремятся вверх. А потом, когда астероид попал в Солнечную систему, или раньше, в какой-то другой населенной системе, на астероиде появились пленники. Пленников становилось все больше. Кормить их роботы не хотели — пищи только-только хватает ашиклекам. И вот кому-то из роботов пришла в голову мысль — приносить в жертву драконам тех, кто не по своей воле попал на корабль.

— Живых людей? — воскликнула Алиса.

— Вот именно. Теперь пленников выводят на ту площадку и затем включают свет и уменьшают силу тяжести, чтобы драконам было легче добираться до жертв. А люди — это тепло, это энергия. Драконы раньше и не мечтали о такой пище.

— И вы думаете, — произнес Посейдон, — что эти тупые изверги хотят отправить сюда Полину и Юдзо?

— Я убежден в этом. Причем сделают это они скоро, как только ашиклеки наедятся.

— Так чего же мы здесь стоим? — спросила Алиса.

— Профессор прав, — сказал Посейдон. — Только здесь мы можем что-то сделать.

— И только если будем действовать вместе, — сказал Комура. — Один я бессилен. Но если они... если мой сын погибнет, то я не смогу жить. Ведь я виновник его гибели.

— Простите, профессор, — сказала Алиса. — Во-первых, все мы еще живы. Во-вторых, у Посейдона не голова, а настоящая энциклопедия. Он обязательно что-то придумает.

Посейдон уже придумал.

— Вы знаете, где пульт управления компьютером? — спросил он.

— Я знаю только приблизительно, — сказал профессор. — Мне туда не удалось проникнуть.

— Если бы я мог выйти на связь с мозгом корабля, может, я его бы убедил.

— Вряд ли, — сказал Комура. — Обычная логика на него не подействует. Если бы кибернетический мозг был совершенно нормален, он бы не вел себя таким образом.

— Тогда его надо взорвать, — сказала Алиса.

— Вернее всего, тогда астероид лишится управления — все системы его откажут. И в результате погибнем мы все.

— И все же я попробую. Не забывайте, что я робот, и логика машины мне ближе, чем вам.

Комура пошел к двери, открыл ее, и тут они услышали веселый перезвон колокольчиков.

— Поздно, — сказал Комура. — Обед окончен. Время развлекаться.

— Что ж, тогда мы их отобьем, — сказал Посейдон. — Их где поведут?

— Следующим коридором. Он ведет прямо к площадке над бездной.

До следующего коридора было совсем недалеко, но пробиться туда оказалось очень трудным делом: навстречу лился поток ашиклеков. Трудно было представить, сколько их жило на астероиде, наверное несколько сот. Посейдон первым пробивался навстречу людскому потоку, сквозь гомонящую, визжащую веселую толпу ашиклеков. Двигались очень медленно, и эта задержка оказалась роковой.

Из-за поворота, в проходе между коридорами, они увидели роботов, которые вели Полину и Юдзо. И ни о какой неожиданности и речи быть не могло. Роботы-охранники заметили Посейдона издали, обернулись к нему, образуя сплошную стену.

Посейдон, оценив ситуацию, развернул голову на сто восемьдесят градусов и, продолжая идти вперед, крикнул:

— Назад, в зал со стеклянной стеной! Я буду пробиваться без вас. Вы мне не помощники. Запирайтесь и не пускайте туда роботов. Поняли?

— Он прав, — сказал профессор Алисе. — Тут мы только зря погибнем.

Они побежали обратно. На этот раз бежать было легко. Они обгоняли запоздавших ашиклеков и, вбежав в длинную смотровую комнату, уже наполненную зрителями, сразу

закрыли за собой дверь. К счастью, на ней был не только замок, но и тяжелый засов.

Ашиклеки даже не заметили, что среди них люди, они устраивались поудобнее.

В дверь кто-то ударил с той стороны.

Но Алиса и профессор не обратили на это внимания. Они тоже смотрели на стеклянную стену, ожидая, когда на площадке над пропастью покажутся люди. Но дверца в пропасть почему-то не открывалась. Что-то случилось в коридоре, задержавшее казнь. Профессор и Алиса были в отчаянии. Никакой связи, полная неизвестность. Может, там гибнет в сражении Посейдон? А они здесь, отрезанные от друзей...

У двери к бездне в эти секунды никакого боя не было.

Посейдон, не в силах преодолеть сопротивление десятка роботов, остановился, и в этот момент послышался сухой скрипучий голос:

— Пропустите его. Я хочу с ним говорить.

Роботы расступились. Помятый в схватке, с полосами царапин на пластике оболочки, и без того за долгие годы работы разрисованной шрамами — Посейдон был сделан из сверхпрочных материалов, но сколько раз в жизни обнаруживалось, что существуют материалы попрочнее, чем тело старого робота, — он прошел сквозь строй врагов к большому черному роботу.

— Стой, — сказал Хозяин.

Посейдон остановился. Он был массивней Хозяина, но ниже его ростом.

— Человеческий робот, — сказал Хозяин. — Я вижу, что ты стремишься к своим господам, что твой долг зовет тебя соединиться с ними. Я тебе не буду мешать. Но прежде хочу сделать тебе предложение.

— Говори, кузен, — ответил Посейдон.

— Я не знаю такого слова.

— Это старое слово, его придумали французы. Оно означает — двоюродный брат.

— Почему ты считаешь меня двоюродным братом?

— Потому что все роботы братья, но ты мне брат только потому, что нас обоих сделали люди. В остальном между нами нет ничего общего.

— Ты можешь стать мне настоящим братом, — сказал Хозяин. — Ты мне удобен. Тебя не надо кормить и одевать, о тебе не надо заботиться. Оставайся со мной, забудь о своих господах. Я разделю с тобой власть на корабле и во всех мирах, которые мы покорим. Ты меня понял?

— Я тебя понял. И сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти людей, которых ты хочешь погубить. К счастью, у меня нет господ и я никому не слуга. У тебя в плену мои друзья, и они ко мне относятся как к другу. Тебе этого не понять. Я не могу стать предателем.

— Не слишком ли много философии для простой железной банки? — произнес Хозяин. — Ты робот, и тебе по пути только с роботами. Сегодня ты нужен людям, завтра они разберут тебя и пустят на переплавку. В них нет благодарности.

— Нет благодарности в тех, кто живет рядом с тобой, на этом астероиде. И ты один из виновников того, что они перестали быть настоящими людьми, а превратились в животных. А что касается смерти, то смерть ждет всех. И нечего ее бояться.

Посейдон говорил не спеша, он тянул время. Он не мог бы объяснить, почему он так делает, — он уже понял, что переубедить Хозяина ему не удастся. Но все равно оставалась надежда. И в этом Посейдон был человеком. Что бы он ни говорил Полине о логике и трезвом расчете, он все равно от долгого общения с людьми научился тому, что надежду нельзя терять, даже если нет никакой надежды.

— Глупец, — сказал Хозяин. — Иди к своим друзьям.

Дверь на площадку, ведущую к пропасти, растворилась.

Посейдон увидел, что там стоят Полина и Юдзо. Полина держала мальчика за руку. Луч прожектора поблескивал на металлических деталях скафандров.

Посейдон не смотрел больше на роботов. Он сам, решительно и спокойно, пошел к двери. Вышел на площадку. Дверь сзади закрылась.

Полина обернулась.

— Хорошо, что ты пришел, Посейдон, — сказала она. — Спасибо. — Вместе нам будет легче.

— Разумеется, — сказал Посейдон. — Еще не вечер. Мы еще погуляем с тобой по Плутону.

— Вы видели моего отца, Посейдон-сан? — спросил Юдзо.

— Твой отец в безопасности, — ответил робот. — Он сейчас видит нас. Видишь это стеклянное окно, за которым множество голов ашиклеков? Там твой отец. Там Алиса. Мы с ними договорились — пока мы будем с тобой бороться против драконов, они организуют наше спасение.

Юдзо обернулся к стеклянной стене и поднял руку, надеясь, что отец его видит. В ответ поднялась рука профессора.

В этот момент были включены дополнительные прожектора.

В смотровом зале Комура и Алиса видели, как Посейдон вышел на площадку, видели, как обернулся к ним Юдзо и помахал рукой.

— Держись, мой мальчик, — сказал профессор печально, поднимая руку.

— Он им поможет продержаться, — сказала Алиса. — Посейдон сильный.

— Конечно, конечно, сильный, — согласился профессор. Алисе показалось, что профессор пал духом и не видит выхода.

Но Алису охватило странное чувство. Она отлично знала, что все, что происходит, к сожалению, чистая реальность, что в самом деле Полине и мальчику грозит скорая и неизбежная гибель. И в то же время казалось, что все это — сон. Что можно ущипнуть себя и проснешься. Что такие страшные трагедии происходят в книгах, в кино, но никогда не обрушиваются на тебя. А раз так, то все должно обойтись. Что-то можно придумать. Надо только напрячься.

В зале гремела музыка, неприятная, пронзительная, от которой мурашки бегали по коже. Ашиклеки шумели все громче, как толпа на стадионе, когда на поле выходит футбольная команда.

Вдруг по толпе зрителей пробежала волна криков. Потом все замерли. Алиса увидела, как Полина подхватила Юдзо и прижала к себе. Посейдон покачнулся.

— Что это? — Алиса уцепилась за профессора, потому что пол ушел из-под ног, как в лифте, быстро падающем вниз.

— Они уменьшили гравитацию, — сказал профессор.

Алиса догадалась, в чем дело.

— Чтобы драконам было легче подниматься, да?

— Да.

И тут из темноты в лучах прожекторов показалось щупальце с каменным когтем на конце. Оно медленно потянулось к краю площадки.

За ним из тьмы показался еще один коготь. Он покачнулся и вцепился в каменный край площадки.

Посейдон сделал шаг вперед и ногой сбил коготь вниз.

По толпе ашиклеков пронесся вздох.

Алиса хотела приблизиться к стеклу, но под ноги попал ашиклек, который завизжал, когда Алиса наступила ему на ногу. Он даже попытался укусить ее, но его зубки, конечно, не могли пронзить ткань скафандра.

Алиса смотрела на злого ашиклека. Ей в голову пришла мысль.

Но ашиклек уже забыл об Алисе. Крики, раздававшиеся со всех сторон, говорили о том, что на площадке что-то происходит. Алиса перевела взгляд туда и увидела, что положение пленников ухудшилось. Уже не один коготь, а по крайней мере пять держались за край площадки, и Посейдон не успевал их отбрасывать. Щупальца ползли и по стене, один навис над Полиной, и ей пришлось отпрыгнуть в сторону.

Ашиклеки вопили от восторга!

— Так бы вас всех и убила, идиотики! — воскликнула Алиса.

Профессор в бессилии гнева бил кулаками по стеклу.

— Убила, — повторила Алиса.

Как странно — такая простая мысль, и не пришла к ней раньше. Может быть, конечно,

из этого ничего не выйдет, но если она правильно понимает психологию роботов, даже свихнувшихся роботов, то ее ход может удаться. Ведь есть принцип, ради которого роботов сделали, и они этому принципу явно подчиняются. Как жаль, что рядом нет Посейдона. Он бы, наверное, смог помочь.

Алиса обернулась. Ей нужно было что-то тяжелое.

К счастью, за спинами ашиклеков в углу зала валялись какие-то железки и даже металлический брус, длиной в два метра. Алиса бросилась туда и с трудом подняла брус. Хоть сила тяжести теперь была втрое меньше земной, брус все равно был тяжелым.

— Профессор! — закричала Алиса. — Помогите мне.

Профессор услышал ее и с удивлением посмотрел в ее сторону. Видно, он решил, что она сошла с ума.

— Что с тобой?

— Помогите мне.

— Но там... — профессор показал рукой на стенку, за которой шел отчаянный бой.

— Скорей! — крикнула Алиса. — Может быть, получится.

Профессор подбежал к ней. Движения его были замедленными и шаги очень широкими, как всегда бывает при малом притяжении.

— Я хочу попробовать! — сказала Алиса. — Ведь это роботы, их задача опекать ашиклеков. То есть если будет опасность ашиклекам, то они испугаются.

— Какая опасность? Ты хочешь их убивать?

— Нет. Если мы сделаем вид, что хотим разбить стекло, то всем ашиклекам грозит гибель. Ну давайте же, помогите мне.

Алиса старалась говорить тихо, потому что не хотела, чтобы кибернетический мозг, управляющий кораблем, услышал ее.

— Но если мы разобьем стекло?

— Зато отомстим за наших!

Профессор колебался.

— Скорее же! — Алиса сама тащила брус к стеклу, ашиклеки, которые попадались на пути, визжали, сопротивлялись, но они были так поглощены зрелищем сражения, что даже не оборачивались.

Профессор подхватил брус, и вместе они пробились к стеклу.

Конец бруса гулко ударил по стеклу. Казалось, что этот гул пронесся по всему кораблю. Даже ашиклеки замерли и перестали вопить.

— А ну! — закричала Алиса как можно громче. — Давайте, бейте! Пускай мы погибнем, но и они погибнут вместе с нами.

Они снова ударили по стеклу. Стекло зазвенело, и Алиса испугалась, как бы не разбить его в самом деле.

Ашиклеки, видно, сообразили, что им грозит, и жалобно завывали. Это был страшный жалкий звук — несколько сот существ выли от страха за свою бессмысленную жизнь.

— Урра! — кричала Алиса. — В атаку!

Они отступили на несколько шагов, чтобы лучше разбежаться.

Алиса успела поглядеть за стекло. Там положение было угрожающим. Посейдон был похож на известную древнюю скульптуру Лаокоона, который борется со змеями. Полина и Юдзо вжались в небольшую нишу в стене, и Полина старалась отталкивать когти, которые скользили уже по ее скафандру. Если сейчас кибернетический мозг не услышит, не поймет,

что происходит, то будет поздно.

И тут сверху раздался голос:

— Остановитесь! Ваши действия представляют опасность для ашиклеков. Немедленно прекратить!

— И не подумаем! — радостно закричала Алиса. От облегчения, что ее идея оказалась не пустой, она готова была плясать. — И не подумаем! Пока не уничтожим все это гнездо!

В дверь начали стучать.

— А ну, еще разок! — закричал профессор, который тоже обрадовался результату.

И они еще раз ударили по стеклу так, что оно задрожало, а ашиклеки от ужаса забыли о представлении и бросились по углам.

— Если вы не перестанете угрожать моим подданным, — продолжал голос, — я вас уничтожу.

— Попробуйте, — ответила Алиса, — только попробуйте, Над дверью вспыхнул экран. На нем возник Хозяин. Его черное безглазое лицо не выражало ничего, но он говорил быстрее обычного. И если можно отнести к роботу слово «напуган», то Алиса впервые в жизни увидела напуганного робота.

— Чего вам надо? — спросил черный Хозяин.

— Первое и немедленно, — сказал профессор, — увеличить в три раза гравитацию. Немедленно!

— Зачем? — не сразу сообразила Алиса.

— А ну, — сказал профессор Алисе. — Побежали!

Алиса послушно подхватила брус поудобнее, но ударить они не успели.

Ноги ее налились тяжестью, и брус сам выпал из рук — оказалось, что он невероятно тяжелый.

— Что вы наделали! — крикнула Алиса профессору.

— Все в порядке, — ответил тот, и не пытаясь поднять брус. — Смотри.

Алиса поглядела за стекло и сразу все поняла.

На площадке положение изменилось.

Полина и Юдзо опустились на камни, а Посейдон, стоя на краю, глядел, как опускаются в пропасть, исчезают когти и щупальца драконов.

Конечно же — тяжесть заставила драконов опуститься на дно пропасти.

— Вы гений! — Алиса бросилась к профессору и обняла его. Она готова была заплакать, но разве плачут в скафандрах? Как вытрешь слезы?

— А теперь, — сказал профессор, — немедленно выпустите моих друзей.

— И не подумаю, — ответил черный Хозяин. — Они все равно погибнут.

— Подумай, — спокойно ответил профессор. — Мы все же разобьем стекло, как только ты уменьшишь снова тяжесть. Мы разобьем стекло и в том случае, если твои роботы попытаются взрезать дверь. Я погибну. Но я старый человек, и свое уже прожил. И я буду рад умереть ради спасения моего сына и моих друзей. Тебе этого не понять. Но мои друзья в скафандрах. Они останутся живы. Погибну лишь я... и все твои ашиклеки. Погляди на них. Погляди на них в последний раз.

— Я не могу этого позволить, — сказал черный Хозяин. — Тогда у меня не будет смысла в существовании.

— Я знаю, — сказал профессор. — И мне стыдно, что первой догадалась, как справиться с тобой, убийца, девочка Алиса. Это же так просто...

Ашиклеки с трудом переносили земную тяжесть. Они ползали по полу и стонали.

— Поспеши, — сказал профессор.

Хозяин ничего не ответил.

Экран погас. Но стало легче — притяжение уменьшилось. Начали подниматься обиженные ашиклеки. Некоторые спешили сразу к стеклу, чтобы поглядеть, как там идут дела. Но их ждало разочарование: дверь на площадку нехотя отворилась и Посейдон, помогая Полине и мальчику, вывел их оттуда. От дверей он обернулся. Голова его, которая могла поворачиваться вокруг оси, сделала оборот — словно Посейдон хотел во всех деталях запомнить эту пропасть.

— Теперь, — сказал профессор, и Алиса с удивлением подумала, как же она могла принять его за старика — это же полный сил, уверенный в себе мужчина.

— Теперь уברי своих слуг и пропусти моих друзей сюда.

В ответ послышался голос:

— Нет, сначала вы выйдете отсюда. Вы угрожаете моим ашиклекам.

— Ашиклеки — наша единственная гарантия того, что мы останемся живы, — ответил профессор. — Поэтому я ничего не могу обещать до тех пор, пока не увижу рядом остальных пленников.

Наступило ожидание.

Ашиклеки поняли, что представление сорвалось. Некоторые еще торчали у стеклянной стены, вглядываясь в темноту бездны, видно, думали, что попросту пропустили тот сладкий для них момент, когда жертвы скрываются в пропасти, другие толпились у двери, ожидая, когда их выпустят. Один ашиклек, совсем еще молоденький, подошел к Алисе и начал теревить ее за рукав. Он был такого же роста, как Алиса, и если бы не бледность, не остановившийся животный взгляд, не запущенность, он был бы вполне сносным подростком. И, понимая это, понимая, что ашиклек не виноват в том, что его дедушки и бабушки согласились стать господами-рабами, Алиса не стала его отгонять, а терпела, пока его любопытные пальцы щупали ткань скафандра.

В дверь постучали. Три раза. Донесся голос Посейдона:

— Пропустите наш полк. Он вернулся с передовых позиций и желает отдохнуть.

Алиса подбежала к двери, отодвинула засов, и пленники вошли внутрь. Юдзо увидел отца и кинулся к нему. Профессор обнял сына. Снова зажегся экран. На нем был Хозяин.

— Я выполнил твои условия, — сказал он. — Теперь вы должны уйти отсюда и оставить моих ашиклеков в покое.

— Я так боялся за тебя, отец, — сказал Юдзо, не обращая внимания на слова Хозяина.

— Ты вел себя, как настоящий мужчина, — сказал профессор Комура.

— Я жду! — потребовал Хозяин.

— Подождешь, — ответил Комура. — Нам надо посоветоваться.

Он обернулся к Полине.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Хорошо, обо мне не беспокойтесь. Если бы не Посейдон, мы бы уже давно погибли.

— Я выполнял свой долг, — ответил робот. — Но почему нас выпустили? Что вы придумали?

— Придумала Алиса, — ответил профессор. — Это ей я должен быть благодарен всю жизнь. Она сообразила, когда я уже был в полном отчаянии, что роботов может остановить только угроза жизни ашиклеков. И мы сделали вид, что собираемся разбить стекло.

— Сделали вид? — спросил Хозяин, который слушал этот разговор.

— Не совсем так, — сказал профессор. — Если бы это не помогло, я бы разбил стекло.

— И погиб?

— Да. И погиб.

— Я бы не дала этого сделать, — сказала Алиса Полине. — И к тому же мы с профессором были правы. Он потом так здорово вел переговоры с роботами, что им пришлось сдаться.

— Мы не сдались, мы никогда не сдаемся, — ответил Хозяин.

— Помолчи, — сказал Посейдон. — Ты мешаешь людям разговаривать. Когда будет нужно, мы тебя позовем, убийца.

— А с тобой я вообще не желаю разговаривать, железная банка, — вдруг разозлился Хозяин. — Тебя я все равно убью. Отсюда ты не уйдешь.

— Вот это совершенно неизвестно. Хотя, честно говоря, я бы с удовольствием разобрал тебя на запчасти.

— Слушай, робот, — сказал профессор Комура. — Мы останемся здесь и с нами останутся все ашиклеки до тех пор, пока твои слуги не починят один из наших кораблей и не вернут туда все, что с него украли. После этого мы улетим.

— Это невозможно, — ответил Хозяин после некоторого раздумья. — Вещи, взятые на ваших кораблях, приведены в негодность или использованы. Вам отсюда не улететь.

— Ты не лжешь? — спросил профессор.

— Я не могу лгать, — ответил Хозяин. — Мне нет нужды размениваться на такие человеческие глупости, как ложь.

Ашиклеки столпились вокруг, повизгивая, будто просили их отпустить.

Посейдон ухнул на них, и ашиклеки разбежались во все стороны.

— Хорошо, — сказал профессор. — Пока мы не придумаем выхода, нам придется оставаться здесь.

— Ни в коем случае! — воскликнул Хозяин. — Ашиклеки проголодаются, они нервничают, они могут заболеть. Им пора отдыхать!

— Тогда предложи выход, — сказал Комура.

— Я не могу вас содержать, — сказал Хозяин. — У меня все рассчитано. Я уничтожаю всех, кто сюда попадает, не из жестокости, а для того, чтобы не лишать ашиклеков их пищи. Вам надо улететь или погибнуть добровольно.

— Заколдованный круг, — сказал Посейдон. — Логическая неувязка. Улететь нельзя, поэтому надо улететь. Надо бы проверить твои блоки памяти, кузен. Пора на ремонт.

— Я тебя убью, — повторил Хозяин. — Я могу выслушивать обидные слова от людей, но от робота — никогда!

— Я выхожу! — сказал Посейдон.

— Да погодите, вы с ума сошли! — возмутилась Полина. — Вы как дети. Разве бывают драки между роботами?

— Это будет не драка. Это будет смертельный бой, — сказал Хозяин.

— Согласен, — сказал Посейдон. — Другого мне не надо.

Он уверенно пошел к двери.

— Посейдон, я тебе приказываю оставаться! — протестовала Полина.

— Как только я укукошу этого мерзавца, все проблемы будут решены, — ответил Посейдон.

И он открыл дверь.

Все внимание было обращено на Посейдона, и потому вопрос профессора вначале услышал только Хозяин.

— А гравитационные двигатели вашего корабля, — спросил он, — работают?

— Двигатели нашего корабля в полном порядке, — ответил Хозяин, и экран погас. Хозяин пошел навстречу Посейдону.

Толпой кинулись к открытой двери ашиклеки, но Юдзо с Алисой закрыли дверь.

— Как включить экран, чтобы мы видели, что там происходит? — спросила Алиса. — Мы же ничего не узнаем.

И как бы в ответ на ее слова экран снова вспыхнул, и на нем появилось изображение перекрестка двух коридоров. С одной стороны к нему подходил Посейдон. С другой в окружении роботов — Хозяин.

— Они убьют его! — сказала Алиса.

— Пожалуй, нелегко убить старого робота-разведчика, — сказала Полина. — Он им еще покажет.

— Он прав, — сказал Юдзо. — Так поступают мужчины. Если Посейдон погибнет, я пойду вместо него.

Им было видно, как черный Хозяин повернулся и жестом приказал Посейдону следовать за ним. Они вошли в большой низкий зал, возможно, резервный двигательный отсек. Потолок зала поддерживали металлические колонны. Под кожухами стояли какие-то механизмы.

Хозяин остановился.

Один из роботов поднес ему трубку с утолщением на конце. Вторую такую трубку дали Посейдону. Это было оружие. Но звуки не достигали зала, в котором ждали люди и ашиклеки, и потому непонятно было, как пользоваться этим оружием. Но тут Хозяин поднял руку, и из раструба трубки вылетела светло-зеленая нить огня.

— Тип лазерного бластера, — сказал профессор Комура.

Ашиклеки засуетились. Они поняли, что все-таки им покажут развлечение.

Посейдон кивнул.

Роботы разошлись в разные концы зала и остановились за колоннами.

Зеленые лучи разрезали полутьму.

С неожиданной для случайного зрителя ловкостью и быстротой роботы перебежали за колоннами, прятались за агрегатами и машинами, лучи скрещивались, как длинные шпаги.

Потом на секунду оба робота пропали из виду. Потом появился Посейдон. Он осторожно выглядывал из-за колонны, стараясь увидеть врага. А в этот момент Хозяин вышел из-за агрегата сзади и прицелился.

— Посейдончик, сзади! — закричала Алиса.

Конечно, Посейдон не мог услышать ее крика, тем более утонувшего в восторженных воплях ашиклеков, но инстинкт старого разведчика заставил его мгновенно обернуться вокруг своей оси и, не глядя, всадить луч в грудь черного Хозяина.

Тот мгновенно засветился, зеленый ореол вспыхнул вокруг его черного плаща. Потом пошел дым. И черный Хозяин рухнул на пол.

Посейдон сделал шаг к нему, не опуская бластера.

Тогда Хозяин приподнял голову и сказал что-то. Отбросил свой бластер.

Поднялся.

Подошел к экрану. Вот он стоит перед экраном и смотрит прямо на Алису. Только глаз у него нет.

Щелкнуло. Возник звук.

— Я проиграл, — сказал черный Хозяин. — И вынужден подчиняться. Приказывай.

— Сейчас мы проходим в узел управления корабля и запускаем гравитационные двигатели, — сказал профессор Комура. — И берем курс на Марс.

— Это невозможно, — сказал Хозяин. — Мы доставили столько неприятностей людям, что они будут мстить. Они убьют моих ашиклеков.

— Неприятности — слишком мягкое слово, — заметил Посейдон.

— Одумайтесь, — сказала Полина. — Мы не мстим тем, кто болен. А вы больны, и больны ашиклеки. Вас нужно лечить, а не наказывать.

— Мы все здоровы. Лучше мы улетим дальше и будем искать себе ненаселенную планету. Или вечно будем скитаться в космосе.

— Я провел здесь несколько месяцев, — сказал профессор Комура, — и я знаю, в каком плачевном состоянии ваш корабль и сами ашиклеки. Системы постепенно выходят из строя,

ашиклеки деградируют и вымирают. Через несколько десятков лет вы вымрете.

Наступила пауза. Наконец, словно посоветовавшись с кибернетическим мозгом и взвесив все аргументы, черный Хозяин произнес:

— У меня нет выхода. Я подчиняюсь при одном условии.

— При каком? — спросил Комура.

— Если ашиклеки останутся живы.

— Мы даем вам слово, — сказала Полина.

— Я даю вам слово, кузен, — сказал Посейдон. — Роботы не умеют лгать.

Через два дня диспетчерская на Марсе приняла изображение астероида, который на большой скорости приближался к планете.

— С ума сойти! — воскликнул дежурный диспетчер, вызывая своего напарника, который как раз пил кофе. — Сенсация! Бродячий астероид.

Его напарник забыл о кофейнике и бросился к экранам.

— Немедленно поднять патрульный крейсер! — приказал он. — Если эта сенсация ударит по Марсу, то будет ужасная катастрофа.

На Марсе началась тревога.

Компьютеры вычисляли курс астероида и возможную точку столкновения с планетой, началась срочная эвакуация детских садов и лабораторий в полярные области. Патрульные крейсеры взвились с космодрома, чтобы исследовать астероид вблизи и узнать, нельзя ли изменить его курс.

Но еще через час астероид начал снижать скорость и менять курс, словно собирался перейти на круговую орбиту вокруг Марса.

И к тому времени, когда крейсеры подлетели к бродяге, опасность уже миновала.

И картина, которую увидели люди, прилетевшие с Марса, когда высадились на астероиде, их совершенно поразила.

Они увидели Посейдона, который организовал мастерскую по ремонту и перестройке роботов, они увидели профессора Комуру, который отважно опустился в ледяную бездну, чтобы вблизи исследовать драконов, они увидели Полину, которая с помощью мрачного черного Хозяина управляла кораблем, они увидели, наконец, Алису, которая мыла ашиклеков, причесывала их и учила застилать кровати и мыть посуду.

Еще через день ашиклеков перевезли на Марс, чтобы постепенно вернуть их в число разумных существ, а опустевший страшный астероид остался на орбите — там работают ученые, которым придется немало потрудиться, прежде чем они разгадают все тайны громадного космического корабля.

Алиса учила марсианский язык. Телеучительница говорила ласковым голосом:

— А теперь поднимите правую руку и загните до половины мизинец. Это и есть марсианская буква «хфы». Запомнили?

— Запомнила, — сказала Алиса. У нее уже все пальцы онемели от марсианских букв. И настроение было плохое. «Это бесчеловечно, — думала она, — задавать столько на дом в хорошую погоду. Могли бы подождать, пока начнется дождик».

А погода была великолепная. Светило солнце, цвела черемуха, порхали бабочки, стрекотали мелкие птахи, спорили: строить ли им семейные гнезда или еще погулять? Марсианский богомол, который живет у Алисы, с утра стоял на голове, просился на улицу. Как известно, марсианские богомолы, волнуясь, всегда встают на голову.

Алиса мечтала, чтобы что-нибудь произошло. Хоть что-нибудь. Тогда можно выключить телевизор. Но ничего не происходило. Уже второй час ничего.

И вдруг произошло.

Зазвонил видеофон.

Зазвонил он у отца в кабинете. Отец там писал статью, и Алисе бежать к видеофону не было никакой нужды. Но она, конечно, выключила телеучительницу и убежала.

Алиса остановилась в дверях отцовского кабинета и смотрела, как отец нажал кнопку и включил изображение на экране.

На экране был козел.

Вернее, козленок — рожки у него только прорезались, а бороды еще не было.

— Я вас слушаю, — сказал отец, потому что он не сразу сообразил, кто ему звонит.

— Б-эээ! — сказал козленок тонким голосом.

— Это еще что такое? — спросил отец.

— Бееэээ! — отчаянно завопил козленок.

Вдруг изображение пропало. Экран погас.

— С ума сойти, — сказал отец. Он обернулся, увидел, что Алиса стоит в дверях, и спросил: — Ты видела?

— Видела, — сказала Алиса. — Тебе звонил козлик.

— Этого не может быть, — сказал отец. — Мне еще никогда не звонили козлы. Что ему от меня надо?

— Не знаю, — ответила Алиса. — Он же не умеет разговаривать.

— Наверное, кто-то пошутил, — сказал отец. — Странные шутки.

— А может, козлику нужна твоя помощь? Ты же зоолог и умеешь лечить зверей.

— Алиса, тебе уже восемь лет, — сказал отец. — Не говори глупостей. Я работаю в космическом зоопарке, изучаю животных с других планет, а это был самый обыкновенный козел... к тому же козлы не звонят по видеофону. Кстати, почему ты не учишь марсианский язык?

— Пальцы устали, — сказала Алиса.

Надо было возвращаться к себе в комнату. Алиса вздохнула, отец снова склонился к своей статье, и тут с улицы послышались крики и тяжелый топот. Словно там шел слон в

сапогах.

Алиса бросилась к окну.

Прохожие останавливались, жались к стенам домов, прятались за деревья, потому что высокий сутулый мужчина в черном длинном пальто, темных очках и золотой каске с гребнем вел на веревке трехголового дракона ростом с двухэтажный дом. Дракон брел, опустив головы, чихал и кашлял, выпуская из ноздрей черный дым.

На средней шее дракона висела вывеска:

«Змей Гордыныч. Последний экземпляр. Уже нигде не водится».

На левой шее висела табличка:

«Не кормить!»

На правой шее висела табличка:

«Не дразнить!»

Странная процессия остановилась перед домом Алисы. Дракон со вздохом улегся на мостовой, а человек в золотой каске четкими шагами направился к подъезду.

«Это к нам, — решила Алиса. — Сегодня можно будет не учиться!»

— Папа, — сказала Алиса. — К тебе привели дракона.

— Этого еще не хватало, — сказал отец, — так я никогда не допишу статью.

В этот момент в дверь позвонили, и отец пошел открывать.

— Здравствуйте, — сказал старик в черном пальто, снимая золотую каску и передавая Алисе. — Вы будете профессор Селезнев?

— Здравствуйте, заходите, — сказал отец. — Я — профессор Селезнев.

— Значит, правильно пришли, — сказал старик.

Старик оказался совсем лысым, а на подбородке у него росло несколько длинных седых волосков.

— Животное у нас захворало, — сказал старик. — Уникальный экземпляр. Можете убедиться. На улице валяется. Меня к вам направили. Больше никто за него братья не желает.

— Ну что ж, — сказал отец, — посмотрим на вашего больного. Но как дракон попал в Москву? Он из космоса?

— Нет, — сказал старик. — Наш он, местный. Содержим его в заповеднике сказок, слышали о таком?

— Как же я не догадалась! — воскликнула Алиса. — Я же у вас на экскурсии была! Мы на Змея Гордыныча издали смотрели, и он куда меньше казался. Папа, это настоящий сказочный дракон!

— Надеюсь, болезни у него не сказочные, — заметил отец. — А как же вы его на улице оставили? Без присмотра и даже, наверное, без намордника.

— Смирный он, не тронет, — сказал старик. — Дрыхнет он.

— А вы анализы ему сделали? — спросил отец.

— Первым делом, — сказал старик. — Наипервейшим делом. Вы не сомневайтесь.

Старик расстегнул пальто и достал из кармана пиджака пачку листов.

— Да вы раздевайтесь, — сказал отец. — Проходите ко мне в кабинет. Мне все равно надо будет с анализами ознакомиться. Заодно расскажете, на что жалуется животное. Простите, я не знаю, с кем имею честь...

— Зовите меня просто — Кусандра, — сказал старик. — Я состою в заповеднике помощником директора по хозяйственной части.

Отец помог старику раздеться и провел к себе в кабинет. Алиса положила каску Кусандры на стул. Она слышала, как отец спросил:

— У вас директором Иван Иванович Царевич?

— Он самый, — ответил старик.

— Чего же он меня не предупредил? Я бы сам к вам приехал.

— На конференции наш дорогой начальник, — сказал Кусандра. — В городе Тимбукту заседает. А тут эта безмозглая скотина захворала. Если подохнет, Иван Иваныч сильно сердиться будет! Скандал!

Алиса хотела было спуститься на улицу, чтобы поглядеть на дракона вблизи, но тут увидела такое, что застыла от удивления.

Из кармана черного пальто Кусандры, висевшего на вешалке, вылез моток веревки, веревка развернулась и превратилась в длинную лесенку до самого пола. Потом из кармана показалась маленькая голова в красном колпаке, и оттуда выбрался человечек ростом с чайник для заварки. Не заметив Алису, он начал быстро спускаться по лестнице. Лестница раскачивалась, человечек судорожно цеплялся за перекладины. Алиса протянула руку и придержала лестницу, чтобы он не сорвался.

Человечек спрыгнул прямо на руку Алисе, сполз на пол, поднял голову, увидел Алису, совсем не испугался, а сказал ворчливым шепотом:

— Не нуждаюсь я в твоей помощи. Сам бы спустился.

— Вы тоже из заповедника сказок? — спросила Алиса.

— Тише ты! Сейчас этот Кусандра прибежит! Отнеси меня в тайное место, быстро!

— А где тайное место?

— Интересно, я живу в этом доме или ты живешь в этом доме? Неси, тебе говорят!

— Вы, наверное, гном, — сказала Алиса.

— Разумеется, гном. Разве я похож на крокодила? Ну, сколько раз повторять?

Алиса не стала спорить, осторожно подхватила гнома с пола и понесла к себе в комнату. Гном оказался очень теплым и тяжелым. Он вертелся в руках, тряс рыжей бородой и сердился:

— Не щекочи, а то вырвусь! Не жми, раздавишь! Ты что, гномов никогда не носила?

В комнате Алиса оглянулась, соображая, где же тут тайное место. Наконец она увидела в углу ящик со старыми игрушками. Она раздвинула кукол и мишек и поставила туда гнома.

— Ну что ж, — сказал он, — славная компания. Они живые?

— Это игрушки, — сказала Алиса. — А почему вы скрываетесь?

— Нагнись, — сказал гном. — Еще ближе! Вот так, теперь нас не подслушают. Ты Алиса?

— Да. А вы откуда знаете?

— Тебя мне рекомендовали... сказали, верный человек! А это что еще такое?

Гном показал пальцем на марсианского богомола, который от удивления при виде такого маленького человека перевернулся вверх головой и заглядывал через край ящика.

— Не бойся, это богомол, — сказала Алиса. — Он не кусается.

— Может, тебя он и не кусает, а меня перекусит с одного раза. А ну, убери его немедленно!

— Богомол, — сказала Алиса вежливо, — выйди, пожалуйста, из комнаты. Нам нужно поговорить. Видишь, тебя боятся!

Богомол охнул от обиды и, переставляя длинные ноги, медленно пошел к двери.

— Нехорошо получилось, — сказала Алиса. — Теперь он три дня ничего есть не будет. Он такой впечатлительный.

— Ничего, переживет, — сказал гном. — Вроде бы теперь остались только свои. Ты уверена, что твои игрушки не подслушивают?

— Уверена, — сказала Алиса.

— Это хорошо. Тогда слушай. Нам в заповеднике нужна твоя помощь. Понятно?

— Нет, непонятно.

— У нас творятся зловещие вещи, — сказал гном. — Теперь понятно? Может случиться большая беда. Ни один взрослый нам не поверит. Нам рассказала про тебя Красная Шапочка. Она видела фильм о тебе по телевизору. Она сказала, что ты нам поможешь.

— Но как я тебе помогу? — удивилась Алиса.

Гном не успел ответить. В коридоре послышались шаги и голос отца:

— Алиса, ты здесь?

— Оставь меня, — прошептал гном. — Иди к ним. Потом вернешься. Веди себя естественно!

Алиса выбежала в коридор.

— Я тебя жду, папа, — сказала она.

— Ты даже не спустилась вниз, к дракону? — удивился отец. — Это невероятно. Где твое любопытство?

Алиса пожала плечами. Если начнешь отвечать, придется врать. А врать, как известно, плохо. И не надо этого делать без крайней необходимости.

Глава вторая. Как лечили дракона

Дракон лежал, свернувшись в клубок, и сладко спал. Струйки черного дыма вырывались из ноздрей. Вокруг собралась толпа любопытных, правда, близко никто не подходил. Порой он глубоко вздыхал во сне и нервно бил хвостом по мостовой, отчего начиналось небольшое землетрясение.

— Ну вот, — сказал старик Кусандра. — Разлегся, скотина!

И, к удивлению всех окружающих, старик со всего размаха ударил дракона в бок ногой.

— Что вы делаете! — возмутилась Алиса. — Разве можно бить животных?

— Ой! Ой-ой! — закричал в ответ Кусандра, прыгая на одной ноге и схватившись руками за другой ботинок. — Я ушибся! У него брюхо железное! Ну, дай только вернемся, крокодил, проклянешь день, когда из яйца вылупился!

От этих воплей и криков дракон проснулся, поднял по очереди все свои головы, подумал и оглушительно чихнул. Кусандру ветром сбило с ног и откатило к стене дома.

— Ты что делаешь! — закричал Кусандра. — Ты кому мстишь?

— Он же нечаянно! — сказала Алиса.

— За нечаянно бьют отчаянно! — ответил старик Кусандра. — Мы о тебе, понимаешь, заботимся, а ты, понимаешь, неблагодарная скотина. погоди, вернемся в замок, я тебе такую диету устрою...

Профессор Селезнев не слушал разозленного Кусандру. Он подошел поближе к Змею Гордынычу и сказал:

— Поднимись, пожалуйста. Мне надо тебя послушать.

— Папа, он же не понимает, — сказала Алиса.

— Понимает, все понимает, — сказал Кусандра. — А это что такое?

Старик заметил, что из его кармана свисает тонкая веревочная лестница, потянул ее, вытащил и стал разглядывать.

— А почему дракон понимает человеческую речь? — спросила Алиса, чтобы отвлечь старика. — Ведь он животное.

— Сказочное, девочка, сказочное. Все сказочные разговаривают. А где моя каска? Ты ее не украла? Без каски драконов по улицам водить нельзя, пожарная команда не разрешает. К тому же солнце мне затылок припекает.

— Ой, простите, — сказала Алиса. — Сейчас принесу.

Она бросилась наверх, вбежала в квартиру. Каска лежала в прихожей. Алиса взяла ее, потом зашла к себе в комнату поглядеть, там ли гном. Гном сидел в ящике и рассматривал старую маленькую, когда-то любимую, а теперь позабытую куклу Дашу, с желтыми волосами, розовым лицом, голубыми закрывающимися глазами, в розовом платье. Кукла за последние годы немного истрепалась, но все еще была очень красива.

Успокоившись, что гном занят, Алиса кинулась обратно. Она передала каску Кусандре, и тот сразу надвинул ее на голову.

Дракон уже сидел на мостовой, выпятив желтый сверкающий живот и высоко подняв головы, чтобы ненароком не дунуть черным дымом на доктора. Отец выслушивал его через трубочку и повторял:

— Дышите глубже. Еще глубже. Еще глубже.

Струи дыма вырывались из ноздрей Змея Гордыныча и поднимались к небу, как будто работал целый завод.

— Теперь не дышите, — сказал отец.

— Чего? — спросил дракон.

— Не дышите. Задержите дыхание.

— Понял, — сказал дракон. — Постараюсь.

Дым перестал идти из ноздрей, зато живот начал надуваться.

— Можете дышать, — сказал отец, спрятал трубочку и принялся, встав на цыпочки, выстукивать грудь дракона костяшками пальцев.

Дракон с облегчением выдохнул клуб дыма и сказал:

— Щекотно!

— Потерпите, — сказал отец. — Не маленький.

— Все равно щекотно, — сказал дракон.

Старик Кусандра обернулся к Алисе, показал ей намотанную на палец веревочную лестницу и спросил:

— Чьи шутки? Твои?

— Эта лестница мне мала, — сказала Алиса. И сказала чистую правду.

— А кто тебя знает, — сказал старик и спрятал лестницу в карман. — Не нравится мне это. Зачем лазить ко мне в карман по лестнице?

Алиса хотела было сказать, что не в карман, а из кармана, но сдержалась. Вместо этого она спросила:

— А почему у вас такое странное имя — Кусандра?

— Это не имя, — ответил старик. — Это псевдоним. Настоящее имя я скрываю. Врагов у меня много. — И Кусандра оглянулся, будто ждал, что враги уже окружили его.

— Ну что? — спросил отца Змей Гордыныч. — Я буду жить, доктор?

— Вы совершенно здоровы, — сказал отец. — Если не считать небольшого насморка.

— Неправда, — обиделся дракон. — Я полон болезнями. Скорее всего вы плохой доктор.

— Симулянт! — воскликнул Кусандра. — Я с самого начала подозревал, что ты симулянт. Чего меня в город поволок? Умираю, умираю, спасите меня, я уникальный! Симулянт! Крокодил-переросток!

— Не надо меня оскорблять, — сказал Змей Гордыныч. — А то мы найдем на вас управу.

Кусандра занес было ногу, чтобы стукнуть дракона, но вспомнил, как ушибся недавно, и бить не стал.

— Вы мои анализы смотрели? — обернулась к Селезневу средняя, самая главная голова дракона. — Очень плохие анализы.

— Анализы приличные, — сказал профессор Селезнев. — Но если вы хотите, я пропишу вам укрепляющие уколы.

Змей Гордыныч тут же поднялся на все четыре лапы и сказал:

— Так у нас дело не пойдет. До свидания, доктор.

Он развернулся, чуть не сшибив хвостом Кусандру, и пошел прочь.

— Он ужасно боится, — сказал Кусандра. — Второго такого трусливого дракона я не встречал. Только этим я его и держу в руках.

И он побежал вслед за драконом, крича на бегу:

— Стой, ископаемое! Чтоб тебе пусто было!

Его каска сверкала на солнце, а черное узкое пальто делало его похожим на гусеницу, которая бежит на самых задних ногах.

— Ну что ж, — сказал отец, глядя им вслед, — пойдём работать. Странные люди. Надо будет потом поговорить с Иван Ивановичем, директором заповедника. Зачем он держит таких помощников? Ведь этот Кусандра совершенно не умеет обращаться со зверями.

— Но дракон не зверь, — сказала Алиса. — Он сказочное существо.

— Просто сказочных существ не бывает, — сказал отец. — Все на свете есть научное объяснение. Только его не всегда сразу найдешь. Иди, Алиса, пора делать уроки. Я не хочу, чтобы моя дочь была отстающей по марсианскому языку.

И они пошли домой.

Глава третья. Свен и кукла

Алиса вбежала к себе в комнату и сразу закрыла дверь, чтобы отец случайно не увидел, какой у нее гость.

Гном все так же сидел в ящике, держа за руку куклу Дашу, и, когда увидел, что Алиса вернулась, сказал ворчливым голосом:

— Тебя только за смертью посылать. Я с утра ничего не ел, переживаю, рискую жизнью ради товарищей, а ты совершенно обо мне забыла.

— Но я ждала, пока уйдет Кусандра.

— Знаю, знаю. Неси мне поесть, тогда все расскажу.

— А что тебе принести? — спросила Алиса.

— Чего-нибудь попроще.

— Молока?

— Ты же знаешь, что я не выношу молоко.

— Тогда котлету! Хочешь котлету с хлебом?

— Все ясно. Ты хочешь, чтобы я растолстел и умер от ожирения.

— Нет, не хочу. Но что же мне тогда принести?

— Я же сказал — чего-нибудь попроще. Соловьиных язычков. Но немного, полтарелки.

И не пережарь, понимаешь?

— У нас нет соловьиных язычков.

— Так я и знал. Она пожалела для меня соловьиных язычков. Что же тогда... — Гном задумался, прикрыл глаза и начал чесать длинную бороду. — Хорошо, — сказал он наконец. — Согласен на тушеный плавник акулы. Согласен. Уговорила.

— У меня нет плавников акулы, — сказала Алиса.

Она себя чувствовала очень неловко. Все-таки у нее гость, а дома нет соловьиных язычков и плавника акулы. И никогда не было.

— Это ужасно, когда тебя никто не любит, — сказал гном. — В этом не приходится сомневаться. Мне триста лет, а я еще не женат. Ладно, неси мне кокосовый орех. Только быстро.

— У меня нет и кокосового ореха...

— Все, — сказал гном. — Я ухожу. Помоги выбраться из этой коробки.

Расстроенная Алиса посадила гнома, который так и не выпустил руку куклы Дарьи и выволок ее за собой из ящика.

— Мы уходим, — сказал он.

— Кто — «мы»? Ты же здесь один.

— Мы. Я и моя невеста. Если ты меня не хочешь кормить, я хоть невесту у тебя возьму.

Но учти, я делаю это только в виде большого одолжения.

— Но какая же она невеста! — рассмеялась Алиса. — Это моя старая кукла Даша, она неживая и даже не новая.

— Да-ша, — сказал гном. — Очень красивое имя. Даша. Давай познакомимся. Меня зовут Свен. Это норвежское имя, потому что лучшие в мире гномы живут в Норвегии. Но ты можешь звать меня Веня. Близкие друзья зовут меня Веней.

Говоря так, гном тряс руку кукле, но Даша, конечно, не отвечала. Даже при очень большом воображении ее невозможно было представить невестой.

Алисе было смешно смотреть на эту сцену. Она расхохоталась. Гном рассердился, отпустил руку куклы, она упала на спину и сказала:

— Ма-ма.

И закрыла глаза. Это было все, что она умела делать.

— Ой! — закричал гном. — Я ее убил! Такая любовь и такая трагическая смерть! Почему мы убиваем тех, кого любим? Я этого не переживу!

Алиса подняла куклу и посадила ее на пол. Даша открыла глаза.

— Ложная тревога, — сказал гном. — Значит, тебе эта так называемая кукла не нужна?

— Неужели ты не видишь, что она неживая. Игрушка.

— Для тебя все игрушки, — сказал гном укоризненно. — Ну чего ты не несешь котлету и молоко?

— Ты же не хотел.

— А что мне остается делать, если ничего больше дома нет?

— Ты попал к нам в неудачный день. Мама в командировке, а домработник на ремонте.

— Кто?

— Домашний робот — домработник.

— Алиса, — сказал укоризненно гном Веня. — Ты думаешь, что, если твой домработник в командировке, а мама на ремонте, можно морить гостей голодом? Ты не права.

Алиса побежала на кухню, открыла холодильник. Отец услышал, что она делает, и сказал из своего кабинета:

— Алиска, потерпи немного, скоро будем обедать.

— Я только молока возьму и котлету, — сказала Алиса.

Отец ничего не ответил. Он очень спешил дописать статью.

Гном Веня, увидев, что Алиса положила на тарелку, кроме котлеты, еще половину свежего огурца, три черешни и конфету «Мишка на Севере», обрадовался.

— Молодец, — сказал он. — Я к тебе буду ходить обедать. По субботам. Или чаще.

Он принялся за еду, и удивительно было, как много в него помещается. Живот гнома раздувался на глазах, но это его совсем не беспокоило. Он ел быстро, иногда предлагал кусочек Даше, но кукла есть, разумеется, не хотела, и поэтому гном все съел сам. Наевшись и выпив полстакана молока, Веня расстегнул свой широкий пояс, приказал Алисе перенести себя на диван, улегся и сказал:

— Пришел я к тебе по делу. В заповеднике творятся страшные преступления. Если ты нам не поможешь, все погибло.

— Но что за преступления?

— Сейчас расскажу. Посади рядом со мной Дашу. Я без нее скучаю.

Алиса послушно перенесла на диван куклу. Гном обнял Дашу за плечи, и Алиса еле удержалась, чтобы не рассмеяться. Уж очень смешная получилась компания: растолстевший после обеда гном в высоком красном колпаке, синей курточке и зеленых штанах, с длинной рыжей бородой, а рядом кукла Даша, розовая, голубоглазая, желтые косы в разные стороны.

— Рассказывай дальше, — попросила Алиса.

— Сейчас, — ответил гном. — Не дергай меня. Лучше полюбуйся, какой у моей Дашеньки цвет кожи. Она ничем не болела?

— Я уж не помню, — сказала Алиса. — Вроде бы у нее была скарлатина, а может быть, свинка.

— Это не заразно?

— Я пошутила, — сказала Алиса. — Разве ты не знаешь, что куклы не болеют?

— Другие, может, и не болеют, — сказал гном, — а моя слабенькая, нежная. Непонятно, в чем душа держится.

Гном потрогал косичку Даши и добавил:

— Чудесные волосы. Моя тетя будет рада с ней познакомиться.

Алиса вздохнула. Так она никогда не дождется продолжения рассказа. А ей очень хотелось услышать, что же произошло в заповеднике сказок. Раньше она как-то не задумывалась, что заповедник сказок — место необыкновенное. Она привыкла к тому, что в Москве есть места, куда надо ходить, потому что там интересно. В Москве есть Космозо — зоопарк для космических зверей, в котором работает отец. Ботанический сад, заповедник сказок, Третьяковская галерея, кукольный театр и много всего еще. Правда, по Космозо и по Ботаническому саду можно гулять и смотреть на животных и растения вблизи, а в заповедник сказок входить нельзя, на него смотрят сверху, со специальной смотровой

площадки, через подзорные трубы...

— Ты почему меня не слушаешь, ты почему отвлекаешься? — вдруг спросил строго гном Веня. — Тебе неинтересно?

— Я слушаю, — сказала Алиса.

Глава четвертая. Заговор в заповеднике

— В заповеднике сказок созрел заговор, — сказал гном. — Понятно?

— А зачем заговор? — спросила Алиса.

— Цели его неясны, — сказал гном. — Но, разумеется, они зловещие. Все заговоры зловещие.

— А кто же там заговаривается?

— Не заговаривается, а договаривается, — сказал гном шепотом. — Старик Кусандра договаривается, чтобы захватить заповедник. Ты видела, какой он неприятный?

— Кусандра мне не очень понравился, — сказала Алиса. — Он грубо обращается с драконом.

— Вот именно, — сказал гном. — Но это не самый главный его недостаток. А директора он опутал.

— Чем опутал? — спросила Алиса.

— Наш директор, — сказал гном, — много понимает в науке и отлично разбирается в сказках, но ровным счетом ничего не смыслит в житейских интригах. Он гуманист.

— Он — кто? — спросила Алиса. К сожалению, слова «гуманист» она еще не слышала.

— Ясно, — сказал гном, обернувшись к Даше. — Они этого еще не проходили. Нехватка жизненного опыта.

— Я знаю много таких слов, которые тебе и не снились, — сказала Алиса.

— Допускаю. Но объясняю, — сказал гном. — Гуманист — это человек, который любит других людей.

— Правильно, — сказала Алиса. — Я слышала, но забыла. А что в этом плохого?

— Вообще-то неплохо, — сказал гном. — Но при этом надо уметь разбираться в людях.

— Ты слишком медленно рассказываешь, — сказала Алиса. — Уже полдня прошло, а ты мне ничего не рассказал.

— Рассказываю как умею. А ты меня перебиваешь. Не хочешь слушать, не слушай. Мы с Дашей уйдем.

Алиса не стала ему отвечать. Раньше она почему-то думала, что гномы добрые и работающие. Видно, ей не повезло. Ей достался очень сварливый гном.

— Иван Иванович Царевич, — продолжал Веня, — доктор исторических и биологических наук, почетный член испанской и польской академий, а также Лондонского королевского общества, человек, который теоретически обосновал, а затем и практически нашел неизвестный раньше период в истории Земли — а именно легендарную эпоху, которая затерялась между третьим и четвертым ледниковыми периодами... Ты понимаешь, что я говорю? Или ты этого еще не проходила?

— Почти все понимаю, — сказала Алиса.

— Молодец. Так вот, этот человек, которым я горжусь, создатель первого в мире заповедника сказок, в личной жизни оказался тюфяком. И теперь никому не известно, где он, что с ним и вообще жив ли наш дорогой директор.

И вдруг гном разрыдался, борода его затряслась, из глаз покатались крупные слезы, из глубины его маленького тельца вырывались стоны.

— Ой, мы осиротели! — плакал он. — Ой, горе!

— Ну не надо так, — утешала его Алиса, — я тебе воды принесу...

— Нет, ты не понимаешь! — рыдал гном.

— Тогда я принесу компоту, — сказала Алиса.

— Компоту? Компоту можно.

Гном понемногу успокоился, а когда Алиса принесла чашку с компотом, он уже совсем перестал плакать.

Пока гном пил компот, Алиса спросила:

— Почему ты говоришь, что неизвестно, жив ли директор. Он на конференции, заседает в городе Тимбукту. Может, тебе просто забыли об этом сказать?

— А кто тебе сказал, что Иван Иванович Царевич в городе Тимбукту? — спросил гном.

— Его помощник, старик Кусандра. Уж, наверно, он лучше тебя знает.

— Именно. Он-то знает лучше меня, — сказал гном, возвращая Алисе чашку. — И он знает, что директор ни на какую конференцию не ездил. О, ужас! Его заколдовали или заточили!

— Успокойся, Веня, — сказала Алиса. — Не может быть, чтобы кто-нибудь заколдовал доктора наук и директора. Этого просто не бывает.

— А почему? Почему заколдовать можно недокторов и недиректоров, а докторов и директоров нельзя?

— Никого нельзя. Да и потом, кто будет заколдовывать? И зачем?

— Зачем? Наверное, потому, что директор наконец-то проник в планы заговорщиков и грозил им разоблачением. А кто? Я же целый час повторяю — старик Кусандра.

— Не может быть!

— Ну вот, ты опять за свое... Не может, не может! А вот может! Ты думаешь, он кто такой — твой любимец Кусандра?

— Во-первых, он вовсе не мой любимец, а во-вторых, он сам сказал, что он помощник директора по хозяйственной части.

— А тебе не приходило в голову спросить, почему этот злодей оказался в заповеднике?

— Не приходило. Я только сегодня со всеми вами познакомилась.

— Тогда я тебе расскажу, как дело было. Приходит однажды к Ивану Царевичу в кабинет этот Кусандра и говорит: «Вы принимаете экспонаты в заповедник сказок?»

— А что такое экспонат? — спросила Алиса.

— Ты и этого не знаешь? — Гном был расстроен.

— Я-то знаю, но мне хочется, чтобы Даша тоже знала, — сказала Алиса.

— Правильно. Даше надо учиться. А то она будет такая же необразованная, как ты, — согласился гном. — Экспонат — это тот, кто экспонируется. Ясно?

— Молодец, — сказала Алиса. — Объяснил непонятное непонятным.

— Ну как сказать попроще? Экспонат — это тот, кто сидит внутри. В музее экспонаты под стеклом, а в зоопарке в клетках.

— А ты экспонат? — спросила Алиса.

— Я экспо-гном, нужно понимать разницу. Ну что, будем продолжать или пойдем по домам?

— Будем продолжать.

— Так вот, Кусандра попросился в заповедник экспонатом. А Иван Иванович спросил: «Почему я должен брать вас экспонатом, если вы производите впечатление обычного человека?» А Кусандра отвечает, что он волшебник и может абсолютно все, только не хочет, потому что боится всю Землю погубить. «Но если, — сказал Кусандра, — вы не боитесь погубить Землю, давайте начнем меня испытывать».

— И директор согласился?

— Нет, он засмеялся и спросил, а что еще Кусандра умеет делать. А Кусандра сказал, что знаком с работой Бабы-яги.

— И его взяли?

— Взяли. Дали ему ступу и метлу и велели подметать заповедник. Подметать он, конечно, не умел, а только летал.

— По-настоящему летал?

— Не очень по-настоящему. Ступа была реактивным двигателем, на киностудии взяли. К тому же он оказался лихачом и воздушным хулиганом. Директор терпел-терпел, а потом сказал: «Все у нас в заповеднике настоящее, а вместо Бабы-яги Папа-яга, и пользы от него никакой. Если уж держать в заповеднике ведьму, так настоящую».

— И что?

— И Кусандру перевели на человеческую работу — помощником по хозяйственной части.

— И он за это обиделся на Ивана Царевича?

— Не это главное. Хотя зарплата помощника меньше, чем у Папы-яги.

— А зачем Кусандре зарплата?

— Он очень жадный. Он деньги копит. Уеду, говорит, к себе, куплю царство, буду всех угнетать.

— Куда к себе?

— В легендарную эпоху. Между третьим и четвертым ледниковыми периодами. Мы все подозреваем, что он злой волшебник.

— Если бы он был волшебником, — сказала Алиса, — у него ступа сама бы летала.

— Не скажи. Волшебники не все могут. Если бы волшебники все могли, житья бы от них не было, да и не вымерли бы они к настоящему времени. Нет такого волшебника, чтобы умел в ступе летать. Это ведьмино дело. А уж на метле летать они и не мечтают.

— Что же случилось потом?

— Потом пропала курочка Ряба.

— Какая еще курочка?

— Ах, эти современные дети! Могут перечислить все спутники Юпитера, а забыли, чем знаменита курочка Ряба.

— А, я вспомнила! Она снесла золотое яичко?

— И не одно. А потом исчезла. И директор Царевич сказал Кусандре: «Вы отвечаете за порядок. Куда делась курочка? Чтобы завтра курочка была на месте! Иначе я вас уволю!»

— А что дальше?

— Вчера ночью директор пропал. Когда утром за ним прилетела машина, вышел Кусандра и сказал, что директор ушел пешком. А это неправда. Все двери были заперты. И он не уходил. Он исчез. Теперь власть в заповеднике находится в руках страшного злодея Кусандры. И если ты нам не поможешь, мы все погибем. А может, погибнет весь город. И вся Земля!

— Может, скажем моему папе? Он взрослый...

— Взрослые не верят в сказки. Единственный взрослый, который верит в сказки, — это Иван Иванович Царевич. А он заколдован или заточен.

— Но я тоже не верю в сказки. Я верю в космические путешествия, в достижения науки, мне некогда верить в сказки. Мне как будущему ученому нужны доказательства.

— Ах, тебе нужны доказательства? — Гном вскочил и выпрямился на диване во весь рост. — А я что, не доказательство?

— Почему ты доказательство?

— Так я же гном! Я сказочное существо!

— А как ты докажешь...

— Хватит! — Гном был страшно разгневан. — Если бы я сказал тебе, что прилетел с планеты Паталипутра, где все жители такого роста и ходят в красных колпаках, ты бы мне поверила?

— Поверила бы, — сказала Алиса.

— А если я говорю тебе, что я гном, ты мне не веришь? Это же чепуха! Если на другой планете, значит, не противоречит науке, а если у тебя на Земле, то противоречит! О нас, гномах, написаны тысячи книг, сняты замечательные фильмы, созданы целые энциклопедии — но все равно ты веришь в нас меньше, чем в какого-то там паталипатрянину!

— Но ведь это сказочные книги и сказочные фильмы...

Гном захохотал, и Алиса подумала, что в самом деле она, наверное, выглядит странно. Стоит перед ней гном, смеется, а она твердит, что гномов не бывает.

— Но почему тебя раньше не было?

— Когда раньше? Вчера? Позавчера? Миллионы твоих бабушек и дедушек меня видели и в меня верили...

— Они и в Кащея верили. И в ведьму верили...

— Так они дураки, да? Дураки? Ты умная, а они дураки?

— Это же давно было, когда наука еще только начиналась.

— А я не говорю тебе, что сегодня гномов много. Нас очень мало. Но в легендарную эпоху, когда люди были еще первобытные, мы, сказочные существа, властвовали над Землей! И если ты чего-нибудь не видела и не знаешь, это не значит, что этого нету. Ты ведь бразильских клопов не видела, а им на это наплевать. Они все равно живут и думают, что тебя, Алиса Селезнева, на свете тоже нету.

— Сравнил тоже, меня и какого-то бразильского клопа!

— Почему не сравнить? Бразильские клопы знамениты своим упрямством. Их никакая отравка не берет! И вообще, мне надоело с тобой спорить. Я понимаю — ты просто боишься пойти со мной в заповедник, ты боишься, что тебя заколдуют.

— Ни капли не боюсь, — сказала Алиса. — Я только не понимаю чем я могу помочь?

— А хочешь помочь?

— Очень хочу.

— Даже если не веришь в сказки?

— Я посмотрю и, может быть, поверю, — сказала Алиса.

— Полдела сделано, — сказал гном. — Я уж боялся, что ты струсила. Нам без тебя никак нельзя — пришлось бы другого героя искать. Ведь ни одно сказочное существо не может открыть дверь в заповедник. Это могут сделать только настоящие люди.

— Почему?

— Дверь в заповедник заколдована. Сам директор Царевич заколдовал, чтобы мы не разбежались. А ты пройдешь внутрь и найдешь нашего директора. Или то, что от него осталось, — и на глаза гнома навернулись слезы.

— Я все поняла, — сказала Алиса. — Пошли, разберемся на месте. Что мне с собой брать?

— Ничего, — сказал гном. — Только сумку.

— Зачем?

— А в чем ты нас с Дашей понесешь?

— А Дашу зачем нести?

— Более отсталого ребенка, чем ты, Алиса, я еще не встречал. Даша моя невеста, без нее я ни шагу отсюда, пускай пропадает заповедник. Личное счастье мне дороже!

— Жалко мне Дашу отдавать, — сказала Алиса. — Мы с ней вместе детство провели.

— Конечно, провели, а как детство кончилось, ты ее бросила в ящик с игрушками и забыла? Погляди, у нее же лицо пыльное!

— Все равно жалко. А вдруг ей не хочется?

— То говоришь, что она неживая, то сомневаешься. Неси сумку!

Алиса достала спортивную сумку. Гном наблюдал за ней, склонив голову. А потом ехидно спросил:

— Ты в чем идти собираешься? Разоблачить нас хочешь, что ли?

— А что такого?

Алиса была в обычном комбинезоне со звездой Дальней разведки на груди, которую ей подарил космонавт Полосков.

— Когда тебя спросят, что ты делаешь в заповеднике сказок, ты что ответишь?

— Правду.

— И все погибло. В лучшем случае тебя выгонят, а меня бросят в подвал замка, в худшем — тебя заколдуют, а меня растерзают. Поняла?

— А как же мне тогда одеваться?

— Как экспонат!

— Какой экспонат?

— Как какая-нибудь бедная девочка, незаметная, скромная... И приспешники Кусандры будут введены в заблуждение.

— Ой, как ты сложно говоришь, Веня, — сказала Алиса.

— Неизбежно. Потому что я начитанный. В кого же тебя одеть?

— Может, в принцессу? — спросила Алиса.

— Ничего себе, бедная, незаметная! А у тебя дома есть принцессина одежда? У тебя под кроватью завалилась корона? Может, у тебя в коридоре свалены в кучу жемчужные ожерелья?

— Нет, — сказала Алиса, — у меня нет короны и жемчугов.

— А старое платье у тебя есть?

— Старые платья я выкидываю. Мама никогда бы не потерпела дома старых вещей.

— А может, какое-нибудь ты сохранила? Как куклу? Не нужна кукла, а валяется в ящике. Подумай!

— Ой, есть! — сказала Алиса. — У меня есть летний огородный сарафан. Я его не позволяю выкидывать.

— Доставай!

Сарафан Алисе был мал, но полез.

— Теперь снимай ботинки, — сказал гном. — Золушка, пока ей не дали хрустальных туфель, ходила босая. Я знаю, я ее встречал.

Алиса послушно разулась.

Гном между тем спрыгнул с дивана и направился к ящику с игрушками. Он перевалился

через край и начал шуровать в ящике. Из ящика вылетела игрушечная кастрюлька, игрушечные чашки и ложки, потом, поднатужившись, гном вывалил оттуда игрушечный столик, стулья и, наконец, ворох тряпок.

— Это все тебе не нужно, — сказал он, — а нам в хозяйстве пригодится. Мне перед родственниками неудобно — привел невесту, а приданого нету. Пойми меня правильно.

Глава пятая. Новенькая

Алиса сказала отцу, что пойдет погулять.

— К ужину возвращайся, — сказал отец. К счастью, он так погрузился в свою статью, что забыл об обеде, не посмотрел Алисе вслед и не заметил, как она одета и что она выносит из дома полную сумку, которая подозрительно шевелится. Это гном устраивался поудобнее.

В автобусе гном вел себя безобразно. Он вертелся в сумке, сумка вздрагивала, гном спрашивал:

— Мы правильно едем? Скоро сходить? Ты не забыла, как называется остановка? Ты не заметила ничего подозрительного?

Пассажиры с удивлением оглядывались на босую девочку в тесном застиранном сарафане, на коленях у которой лежала говорящая сумка.

Автобус летел низко, над самыми домами, и через полчаса добрался до последней остановки, которая называлась: «Заповедник».

Заповедник сказок занимал заросшую лесом, окруженную искусственными горками низину, посреди которой протекала речка. Сверху заповедник был накрыт громадным прозрачным куполом, а под куполом всегда стояла хорошая погода. Рядом с куполом возвышалась многометровая мачта, похожая на ножку поганки. А шляпкой поганки была большая платформа. Туда можно было подняться на лифте, и с платформы в подзорную трубу зрители смотрели на заповедник. Так что сказочным жителям гости не мешали.

— Приехали наконец-то? — спросил гном, когда Алиса вышла из автобуса.

— Приехали, — сказала Алиса. — Теперь куда?

День клонился к закату, стало прохладно, с непривычки камешки на дорожке кололи пятки, к тому же Алиса вдруг вспомнила, что забыла пообедать. Гнома накормила, а сама забыла поесть. Поэтому она подошла к автомату на автобусной остановке и взяла порцию клубничного мороженого.

— Ты что делаешь? — спросил гном. — Ты почему никуда не идешь? Если струсил, так и скажи.

— Я ем мороженое, — сказала Алиса. — Я проголодалась.

— Значит, так, — сказал гном, — ты ешь мороженое, а Даша должна голодать. Ее и так укачало, Даша плачет, а ей не дают мороженого.

И гном громко зарыдал за Дашу.

— Ты что, мороженого хочешь? — спросила Алиса.

— Даша умоляет, чтобы ей дали мороженого, — сказал гном.

Алиса оглянулась. Вокруг было пусто. Автобус улетел, забрав последних зрителей. Рабочий день заповедника кончался. Она поставила сумку на землю и расстегнула ее. Гном выбрался наружу, поправил колпак и протянул кверху руки.

— А Даша? — спросила Алиса. — Ты ее не будешь угощать?

— Даша устала, спит, ее нельзя тревожить, — сказал сердито гном. — Как ты не понимаешь самых простых вещей!

Гном принял из Алисиных рук стаканчик, высунул длинный красный язык и начал быстро лизать мороженое.

— Куда теперь идти? — спросила Алиса.

— В дверь, — сказал гном. — В запасной выход. Я тебе покажу.

— Ты не лопнешь? — спросила Алиса. — Такое впечатление, что ты съел футбольный мяч.

— Ну, положим, не футбольный, а теннисный, — сказал гном. — Не преувеличивай. Надо уважать друзей.

Язык гнома работал со сказочной скоростью. Через минуту стаканчик был пуст.

— Жалко, — сказал гном. — Все хорошее в жизни очень быстро кончается. Может, еще по стаканчику?

— И не мечтай, — сказала Алиса. — Пошли.

— Я так и думал, — сказал гном. — А если за Дашино здоровье?

— Ты сам пойдешь или в сумку полезешь? — спросила Алиса.

— Я пойду в сумке, — сказал гном. — Меня ноги не держат. Ты меня чем-то отравила.

Алиса не стала спорить. За гномом всегда оставалось последнее слово. Она вернула его в сумку и пошла по дорожке, которая вилась вокруг купола. Стена купола поднималась вверх и, закругляясь, исчезала из глаз. Видно было, что изнутри к ней подступают холмы и деревья, а снаружи вдоль стены были посажены кусты, так что заглянуть внутрь было нельзя.

— Долго еще идти? — спросила Алиса.

— Скоро, скоро, — ответил гном плачущим голосом. — Иди скорей, но не качай сумку. Ты меня хочешь убить.

И тут Алиса увидела, что кусты расступились, и за ними обнаружилась самая обыкновенная раздвижная дверь, на которой было написано:

«Запасной выход. Только для служащих заповедника».

— А как ее открыть? — спросила Алиса.

— Подумай сама, я не знаю, — сказал гном. — Только быстрее думай!

Алиса нажала на ручку двери, и дверь легко отошла в сторону.

Она вошла внутрь.

Дверь закрылась.

— Я уже внутри, — сказала Алиса.

— Вот видишь, — сказал гном. — Хорошо вам, людям. И мороженое дают, и в заповедник пускают.

В заповеднике было тихо, куда тише, чем снаружи. И лес вокруг был темнее, чем обычный. Шум города сюда не проникал. Могучие ели сошлись тесно, с голых нижних ветвей свисали седые бороды лишайников, а земля была покрыта толстым мягким слоем мха, из которого вылезали папоротники. Дорожка вилась между стволами и терялась в папоротниках, которые, хоть ветра не было, медленно шевелили листьями.

— Тихо как, — прошептала Алиса. Ей стало немного не по себе. Даже захотелось вернуться обратно и позвать отца.

— Не бойся, — ответил из сумки гном. — Я сам здесь боюсь один ходить. Потерпи, сейчас доберемся до моей тетки, там куда уютнее. Ты только по сторонам не гляди. Ничего

не увидишь, а испугаешься. Это бывает. Здесь лес тоже необыкновенный, реликтовый...

— Какой?

— Реликтовый. Я не знаю, что значит это слово, но наверное — очень старый, может, даже сохранился с легендарной эпохи. Иди!

И Алиса пошла вперед. Первый шаг босиком было сделать всего труднее, второй удался легче, третий — совсем легко, но на четвертом шаге в ногу вонзился сучок, и Алиса подпрыгнула от боли.

— Ты что? — взвизгнул гном. — Кто тебя?

— Я сама. Это сучок...

— Нельзя ходить по лесу босиком, — раздался добрый мягкий бас. — Разве можно маленьким девочкам ходить по нашему лесу босиком?

Алиса испуганно оглянулась.

Под деревом стоял большой Серый Волк. Он улыбался.

— Ну вот, — сказал он, — вот мы и испугались. А почему испугались? Потому что решили, что Серый Волк нас съест. Правильно?

— Не знаю, — сказала Алиса.

— А я знаю. И знаю, что это неправда. Я в жизни не съел ни одной девочки. В мире и без меня много несправедливостей. Надо любить друг друга, оберегать и даже лелеять. Ты со мной не согласна, босая девочка?

— Я согласна, — сказала Алиса.

— Ну вот мы и подружился.

Алисе раньше не приходилось видеть говорящих волков, и она удивилась тому, как шевелится волчий рот, произнося слова.

Волк мягко подошел к Алисе, сел и протянул громадную теплую мохнатую лапу:

— Давай познакомимся, — сказал он. — Я очень общительный. И добрый. Имени у меня нет, называй меня просто Волком.

— Ал... — и тут Алиса осеклась. Она вспомнила, что должна быть экспонатом. — Золушка, — сказала она.

— Неужели! — обрадовался Волк и улыбнулся, показав множество белых длинных зубов. — А я думаю, почему босая? Может, сирота? У нас до сих пор не было Золушки. Я так рад, что ты будешь с нами жить. А как твои родственники? Как мачеха, сестры? Не болеют? Как папаша, не жалуется на здоровье?

— Я одна, — сказала Алиса. — Я буду у вас экспонатом.

— Молодец, — сказал Волк, — ну просто молодец, умница. А ты с Красной Шапочкой раньше не встречалась?

— Нет, — сказала Алиса.

— Вот и познакомитесь, — сказал Волк. — И надеюсь, сблизитесь. У меня с Красной Шапочкой сложились теплые дружеские отношения. Я ее провожаю домой, а иногда мы гуляем с ней по лесу.

— А вы ее не съели?

— Ну вот, еще чего не хватало, — обиделся Волк. — Я даже бабушку есть не стал. Я тебе, Золушка, открою большую тайну. Надеюсь, нас никто не подслушивает?

Волк оглянулся. В лесу было тихо.

— Я вегетарьянец, понимаешь? Это значит, что я не ем мяса. Потому что мясо в моем возрасте вредно. Морковка — вот настоящая еда для разумного мужчины. А ты любишь

морковку?

— Да, — сказала Алиса.

— Тогда жду тебя в гости.

— Только мне сначала надо пройти в дирекцию заповедника, — сказала Алиса. — Я ведь новенькая.

— Правильно, — сказал Волк. — Как это правильно и разумно! Сначала в дирекцию. Наш директор — милейший человек, доктор наук, Иван Иванович, я его уважаю... А разве тебе не сказали, что он улетел на конференцию в город Тимбукту?

— Но ведь там кто-нибудь еще есть?

— Обязательно, — сказал Волк. — Там тебя ждет заместитель нашего любимого директора старик Кусандра, бывший Папа-яга. Тоже милейший человек, большого ума, редкой биографии. Есть подозрения, что он бессмертный. А что у тебя в сумке? Нет ли там морковки?

Волк облизнулся.

— Нет, — сказала Алиса, прижимая сумку к боку. Она уже не боялась Волка, но все-таки не хотела подводить гнома. Неизвестно, какие у него с Волком отношения. — Там моя кукла и запасная одежда. Хотите посмотреть?

— Не стоит, — сказал Волк скучным голосом. — Я пошел. У меня масса дел, надо встретить Красную Шапочку и поработать на огороде. Так что жду тебя в гости, Золушка. Одна приходи или с принцем, как удобнее. Тебе каждый мое логово укажет, меня тут все знают... И любят.

Сказав так, Волк махнул хвостом и исчез в лесу, будто растворился среди серых стволов.

— Ох, — раздалось из сумки. — А я уж испугался, что он в сумку полезет. Плохо, что он тебя видел. Обязательно Кусандре донесет.

— Он в самом деле морковку ест? — спросила Алиса.

— Не хочу врать — не видел. Но сомневаюсь. Как это Волк с одной морковки таким гладким будет?

— Он меня в гости звал, — сказала Алиса.

— Успеешь, — сказал гном, — не спеши.

— А он правда с Красной Шапочкой дружит?

— Пока что не съел. Да и понятно — здесь мы все на учете. Если недосчитаются, большой скандал будет. Ты думаешь, как мне удалось сегодня вырваться? Я Змея Гордыныча подговорил. Все равно, говорю, тебе пройти обследование надо, что-то ты похудел за последнее время, чихаешь, а я хорошего врача знаю, специалиста по драконам. Змей Гордыныч очень боится заболеть, с утра он как начал стонать, весь замок зашатался. А Кусандра испугался, что, если дракон помрет, начнут расследовать, вопросы задавать, почему не сберегли, почему недосмотрели за уникальным экспонатом... Золотая у меня голова!

— У тебя в самом деле золотая голова, — согласилась Алиса. — Нам далеко еще идти?

— Нет. За большим дубом будет тропинка направо. И приведет она нас к родному дому.

Глава шестая. В гостях у тети Дагмары

Дом гномов приютился между корнями огромной, древней сосны.

Корни покрывали его, как шалашом, так что крыши гномам не понадобилось. Они пристроили спереди стену с дверью и двумя окнами по бокам. Над дверью была вывеска: «Самый аккуратный дом».

Дом был покрашен голубой краской, дверь была зеленой, дорожка, ведущая к дому, подметена, по сторонам ее две небольшие клумбы с маленькими анютиными глазками.

Гном высунул голову из сумки и сказал:

— Приехали. Не правда ли, чудесный дом?

— Чудесный, — сказала Алиса.

— Это только верхний этаж. Есть еще и нижний этаж, и подвал, представляешь? Лучший дом во всем заповеднике.

Алиса поставила сумку на дорожку, гном вылез оттуда и побежал к двери. Он нажал на звонок, и внутри дома мелодично отзвенели колокольчики. Дверь отворилась, и в дверях показалась гномиха — толстая, с добрым круглым лоснящимся лицом, в длинном, до земли, синем платье с кружевным передником и в колпаке, таком же, как у Вени.

— Свен! Радость моя! — воскликнула гномиха. — Я боялась, что ты уже не вернешься. Твоя невероятная смелость меня пугает!

— Я жив, тетя! — радостно закричал Свен, заключая гномиху в объятия. — Я преодолел все трудности, я победил все препятствия, я привел Алису Селезневу, я очень хочу спать, но сначала должен поделиться с тобой большой радостью. Иди сюда.

И Свен бросился к синей сумке, стоявшей на земле между клумбами.

Гном нырнул в сумку и с трудом поволок к себе куклу. Ничего у него не получилось. Кукла застряла. Тогда он крикнул Алисе:

— Ты чего мне не помогаешь? Невесту придавило столом! Если у нее будет травма, я отдам ее тебе обратно!

Алиса только улыбнулась. Она уже привыкла к гному. Она помогла ему освободить Дашу. Свен за косы вытащил ее наружу и посадил на дорожку.

— Познакомьтесь, тетя, — сказал он. — Это моя невеста Даша.

— Очень приятно, — сказала гномиха. — А разве она живая?

— Какое это имеет значение, — сказал гном, — если за ней я получил такое громадное и ценное приданое. Алиса, вытаскивай приданое! Мы сейчас потрясем мою тетю.

Алиса послушно вытащила стол, стул, посуду и платья Даши и положила их в кучку возле гномов. При виде каждой новой вещи Свен кричал:

— Ты только погляди, тетя! Ты только погляди!

Но гномиха сначала вытерла руку о передник, протянула ее Алисе и сказала:

— Простите, в суматохе мы не успели познакомиться. Меня зовут Дагмара. Спасибо, что вы нас уважили, пришли на помощь.

— Очень приятно. Меня зовут Алиса.

— Тетя, не отвлекайся, — крикнул гном. — Пощупай приданое! А где мои братья? Они лопнут от зависти.

— Не спеши, Свен, — сказала тетя, — твои братья еще на работе. Кто-то же должен в семье работать.

— Очень хорошо, пускай работают, — сказал Свен и потащил невесту за руку к дверям. — Я без всякой работы проживу своим гениальным умом. Разве у них есть такие невесты? Присматривай за приданным, как бы не утащили!

Он побежал в дом, волоча за руку куклу.

Тетя посмотрела вслед гному, покачала головой и сказала Алисе:

— Вы уж простите, он неплохой молодой человек, только у него ветер в голове.

— Ничего, — сказала Алиса, — я к нему уже привыкла.

— Простите, — сказала Дагмара, — а вы уверены, что его невеста настоящая?

— Честно говоря, — сказала Алиса, — она моя бывшая кукла. Правда, у нее открываются глаза, и она умеет говорить «мама», если ее положить на спину.

— Я так и думала, — сказала Дагмара. — А я хотела, чтобы у меня были внуки.

— Я все слышал! — закричал гном, открывая окно и высовывая наружу рыжую бороду. — Но меня не разочаруешь! Зато я могу ее ругать, пилить, сверлить и упрекать сколько хочу, а она мне не сможет возразить. Разве это не замечательно?

— Мне нужна помощница по хозяйству, — сказала Дагмара.

— Научим, — сказал Свен. — А пока, Алиса, подавай сюда вещи. Чего им на улице лежать.

Алиса помогла гному спрятать приданое.

— Хотите чаю? — спросила Дагмара. — В доме вы, конечно, не поместитесь, но я наружу вынесу.

— Нет, спасибо, — сказала Алиса. — Мне бы хотелось вернуться поскорее, а то отец будет волноваться.

— Ну конечно, конечно, — согласилась гномиха. — Мы оторвали вас от дел, от успешной учебы в школе. Мы вам так благодарны, что вы согласились нам помочь... Свен, немедленно выходи из дома, ты забыл, зачем пришла к нам Алиса?

Гном снова высунул из окна рыжую бороду.

— Ни в коем случае! Я свое дело сделал. Теперь пускай другие спасают заповедник. Надо использовать радости жизни! Все хорошее очень быстро кончается!

— Ах ты, опять философствовать принялся! — рассердилась гномиха. — Простите, Алиса, я сейчас вернусь.

Дагмара бросилась в дом, хлопнула дверью так, что домик пошатнулся, и тут же изнутри раздались жалобные крики Вени:

— Ну, тетя, ну за что? Тетя, я пошутил! Тетя, перестань, я буду жаловаться...

Тут по дорожке застучали легкие шаги, и к дому подошли два других гнома. Они были измазаны землей и покрыты пылью, вид у них был очень усталый. На плечах они несли лопаты и кирки. Увидев возле дома Алису, они остановились, сняли колпаки, поклонились ей.

— Здравствуйте, — сказала Алиса.

Гномы прислушивались к крикам, которые доносились из дома, потом один из них спросил:

— Простите, если я не ошибаюсь, тетя Дагмара наказывает нашего непутевого брата?

— Да, — сказала Алиса. — Но мне его не жалко. Он меня сюда привел, а теперь не хочет идти со мной дальше.

— Не беспокойтесь, — сказал второй гном. — Я думаю, что он скоро изменит свое решение.

И в самом деле, тут же из дома донесся голос Вени:

— Тетя, я сейчас же иду!

Дверь домика растворилась, оттуда вылетел Свен, сел на дорожку, увидел братьев и сказал им:

- Здравствуйте, как сегодня работалось?
- Спасибо, не жалуемся. А ты опять тетю не слушаешься?
- Она очень многого от меня требует. Мы с Алисой идем в холодильник, а в комнате осталась моя невеста Даша. Попрошу ее не обижать и не отнимать у меня. А то растерзаю!
- Ты нашел невесту? — удивились братья Свена.
- С приданым, — сказал Свен. — Высший сорт. Вам такая и не снилась.
- В дверях показалась тетя Дагмара.
- Иди, Свен, — сказала она. — А то мне придется снова с тобой поговорить. И твои братья мне помогут.
- Поможем, — сказали гномы.
- А вы сейчас же мыться и за стол, — сказала тетя братьям.

Глава седьмая. Где живет Снегурочка?

- Нет, они не гуманисты, — ворчал Веня. — Разлучили с любимой девушкой, гонят куда-то на ночь глядя...
- Знаешь что, — рассердилась Алиса. — Я к вам не напрашивалась. У меня еще марсианский язык не выучен, дома волнуются...
- Ах, Алиса, Алиса, — вздохнул Веня. — Пожалуйста, не принимай меня всерьез. За внешним хамством я скрываю нежность моей натуры. Ради дела я покинул Дашу. Иначе тетка из меня душу вытрясет, да еще братья исколотят. У тебя мало жизненного опыта, ты не знаешь, как трудно жить на свете.
- А куда мы идем? — спросила Алиса.
- Тут недалеко, — ответил Веня. — В холодильник.
- Куда?
- Тишшшше!
- Гном, который быстро семенил впереди, замер и пошел, пригнувшись, прячась за папоротники и поглядывая направо, где между деревьями что-то просвечивало. Алиса увидела небольшое озеро. На берегу его пасся привязанный за колышек козлик. А рядом с ним сидел большой Кот в шляпе с пером и высоких сапогах с раструбами. Кот держал в лапах ромашку и обрывал лепестки один за другим, приговаривая:
- Любит, не любит, плюнет, поцелует, к сердцу прижмет... Ну вот, я же говорил, что к сердцу прижмет! А мне не верили!
- Козлик жалобно заблеял.
- Молчи, копытное, — сказал Кот. — Оцарапаю.
- Когда деревья скрыли Свена и Алису от парочки на берегу, гном остановился и тихо сказал:
- Нельзя, чтобы он нас увидел.
- Ты о ком?
- Этот Кот в сапогах совершенно беспринципная личность, правая рука Кусандры. На все способен, на любую подлость.
- А почему он козлика пасет? Я такой сказки не знаю.
- Делать ему нечего, вот и пасет. Очень боюсь, как бы он не узнал, что у меня такая красивая невеста.
- А что он сделает?

— Они с Кусандрой ее тут же отберут. Они у нас все хорошее отбирают.

Алиса удивилась, зачем Коту кукла Даша, но она ничего говорить об этом не стала — здесь странный мир и странные нравы. Вместо этого она сказала:

— Что-то мне морда этого козлика знакома. Где-то я его недавно видела.

— Глупая, — сказал гном, — все козлики на одну морду. Кот в сапогах — это редкость, тем более что он в Спящую красавицу влюблен.

— Еще этого не хватало, — сказала Алиса.

— Он слишком влюбчивый! Он и в тебя может влюбиться. Тогда держись!

— Это не случится, — сказала Алиса.

— Ох, беспокойно у меня на сердце, — сказал гном и поспешил дальше.

«Где же я видела этого козлика? — думала Алиса. — Ну прямо сегодня видела...»

Но тут ее мысли перебил гном.

— Вот мы и пришли, — сказал он.

Они вышли на небольшую полянку, затененную могучими дубами. Под самым большим дубом стоял огромный холодильник, какие бывают в магазинах. Алиса никак не ожидала увидеть в заповеднике сказок такую машину.

Гном, раздвигая руками стебли травы, подбежал к холодильнику и постучал в дверь. Раз, потом еще раз, потом три раза подряд.

— Сейчас открою, — раздался из-за двери приглушенный голос.

Дверь холодильника приоткрылась, и оттуда высунулась окладистая белая борода, потом красный нос картошкой, потом меховая шапка. Это был Дед Мороз. А Алисе все стало ясно. Разумеется, летом Деду Морозу жарко на открытом воздухе.

Увидев гостей, Дед Мороз вылез из холодильника и сел на приступочку в дверях. За его спиной, за приоткрытой дверью, Алиса могла разглядеть белую комнату с ледяными стульями, снежным ковром и занавесками из инея. Красивая молодая девушка в расстегнутой песцовой шубке вскочила со стула и подбежала к двери.

— Здравствуйте, — сказал Дед Мороз. — Пришли все-таки.

— Здравствуйте, — сказала Снегурочка. — Ты и будешь Алиса? Мне о тебе Красная Шапочка рассказывала. Ты мне нравишься.

— Она не Алиса, — сказал гном, поднимая воротник и отходя в сторону, чтобы не дуло из открытого холодильника. — Золушка она. Забудьте ее имя. Из соображений безопасности она будет у нас проходить под псевдонимом Золушка. Поняла?

— А что такое псевдоним? — спросила Снегурочка.

— Секретное имя, чтобы не узнали, — сказал Дед Мороз. — И помолчи немного. Я и без того от тебя устал — говоришь и говоришь. С ума сойти можно.

— Что же поделаешь, дедушка, — сказала Снегурочка. — Ты мне тоже надоел. Я теперь буду с Алисой дружить, можно? Мы будем на каток ходить.

— До зимы еще полгода.

— А я пока буду дружить с Алисой по видеофону. Алиса, ты будешь дружить со мной по видеофону?

— Конечно, — согласилась Алиса.

— Тогда я твой номер запишу.

— Нет, с ума сойти можно! — воскликнул Дед Мороз. — Прячься, а то перегреешься! Ты разве забыла, что одна Снегурочка не послушалась дедушку...

— Знаю, знаю, она влюбилась и растаяла. Но в наши дни Иван Иванович не допустит,

чтобы я растаяла.

Снегурочка достала из сумочки ледяную табличку и ледяным карандашом написала на ней номер Алисиного видефона.

Гном сказал:

— Поторапливайтесь. Не до ночи же нам здесь сидеть. У меня дела!

— И то верно, — сказал Дед Мороз. — Нечего нам время терять. В любой момент какой-нибудь шпион может появиться. — Он поглядел на Алису и спросил: — Золушка, тебе этот непутевый гном изложил ситуацию?

— Изложил, — сказала Алиса.

— Это я уговорил моих друзей, — сказал Дед Мороз, — к людям за помощью пойти. Боюсь я таких, как Кусандра. Вы, люди, думаете, что если все волшебство и сказки под колпак спрятать, то это будет только развлечение. Смотрите, детки, какие интересные зверушки внизу шевелятся! А ведь среди зверушек бывают и хищники. В легендарную эпоху, из которой мы все родом, было немало зла и подлости. Боюсь, что наш дорогой Иван Иванович этого не учел и пострадал.

— Веня думает, что Царевича заколдовали, — сказала Алиса.

— Из заповедника он не выходил. Живым его никто не видел. А найти мы его не можем. Может, и заколдовали, а может, и чего похуже.

— Ой-ой-ой, — сказал гном. — Какое несчастье!

— А коньки у тебя есть? — спросила Снегурочка, которой надоело слушать этот разговор.

— Внучка, не перебивай! — прикрикнул на нее Дед Мороз. — Есть у нее коньки, все у нее есть. Так вот, чтобы отыскать Царевича, надо проникнуть в замок — дирекцию.

— Ладно, — сказала Алиса. — Я схожу. Только быстро, а то скоро стемнеет.

— Ах ты, шустрая, — улыбнулся в бороду Дед Мороз. — Ты думаешь, сходила, нашла нашего директора — и домой. Нет, не так... Ты с кем имеешь дело? Со злым волшебником Кусандрой, а не с глупым гномом. — Тут Дед Мороз показал пальцем на Веню.

Гном насупился и забормотал:

— Ну ладно, чего уж... я женюсь скоро. Тогда не так заговорите.

Дед Мороз отмахнулся от Вени, серьезно поглядел на Алису и сказал:

— Рад бы я тебе дать какое-нибудь сказочное средство вроде шапки-невидимки или меча-кладенца, но, к сожалению, еще не обзавелись. Так что придется тебе полагаться лишь на себя.

— А кто меня проводит? — спросила Алиса. — Я же не знаю, как туда пройти.

— Я не провожу, — сказал гном быстро. — Мы не договаривались. Братья мою невесту отнимут.

— Без тебя обойдемся, — сказал Дед Мороз. — Я бы сам пошел, да жарко до невыносимости.

— Дедушка, миленький! — взмолилась Снегурочка. — Можно, я пойду? Я пальто сниму.

— Ты что, забыла, что май на дворе? Одна Снегурочка вышла летом на улицу...

— Ой, знаю, знаю! Но я только туда и сразу обратно.

— Сиди. У меня для Золушки другой провожатый есть.

Дед Мороз сунул два пальца в рот и свистнул, как мальчишка.

Громко затрепали кусты, и на поляну вышел Медведь. Он подошел к холодильнику, сел

на задние лапы, протянул Деду Морозу лапу, потом поклонился Алисе и замер, сложив лапы на животе.

— Слушай, Михаил, — сказал Дед Мороз. — Проводишь Золушку до замка. Покажешь ей вход. И будешь ждать, пока вернется. Если что, поднимай рев на весь лес. Прибежим. Понятно?

— Угу, — сказал Медведь.

— Ну вот и договорились. Иди, Алиса, он тебе покажет дорогу.

Медведь поднялся и пошел вперед. Алиса за ним. Снегурочка крикнула:

— Я тебе позвоню по видеofону!

И слышно было, как хлопнула, закрывшись, дверь холодильника.

Глава восьмая. Бабушкины пирожки

Солнце клонилось к закату, длинному майскому дню подошло время кончаться. Вечер уже поджидал за углом. Идти по лесу с Медведем было спокойно — никакие волки не страшны. Да и остались пустяки — зайти в дирекцию, осмотреть все комнаты и, если что неладно, позвать Медведя, Деда Мороза или тетюшку Дагмару. Зато ей повезло — кто из ее друзей здесь побывал? Никто.

Поэтому Алиса оглядывалась, старалась побольше увидеть, а жители заповедника занимались своими делами, готовили ужин, возвращались домой с работы и не обращали внимания на босоногую Золушку в тесном сарафане, которая спешила куда-то вслед за Медведем.

В небольшом озерце, через которое протекала речка, плескалась самая настоящая Русалка, с зелеными длинными волосами, зеленоватой кожей и длинным хвостом.

— Иди купаться, Золушка! — крикнула она. — Вместе веселее.

— А ты откуда знаешь, что я Золушка? — спросила Алиса.

— Все уже знают, — сказала Русалка. — Волк рассказывал, что у нас новенькая.

— Мне купаться некогда, — сказала Алиса. — Мне в дирекцию надо.

— Иди и возвращайся, — сказала Русалка. — Я тебя подожду.

Чуть подальше под толстой елью лежали ступа и метла.

— Это от Папы-яги осталось? — спросила Алиса.

— Угу, — сказал Медведь.

— Даже не убрал за собой, — сказала Алиса.

— Угу, — сказал Медведь.

Дорожка пересекла тропинку, по которой шли рядышком три поросенка. Сзади семеня медвежонок и приставал к поросятам:

— Ну скажите, что у вас на ужин, ну скажите! Из вашего домика так вкусно пахнет!

— Отстань! — говорили поросята. — Нам самим мало.

Чуть дальше, на берегу речки стоял очень большой и очень гадкий утенок.

— Здравствуйте, — сказала Алиса. — Я о вас читала.

— Проходи, проходи, — сказал гадкий утенок. — Не задерживайся. У меня рабочий день кончился.

— Он расстегнул длинную «молнию» у себя на животе, шкура гадкого утенка слезла, и под ней оказался самый настоящий прекрасный белый лебедь.

— Вот странно, — сказала Алиса, глядя, как лебедь аккуратно складывает шкуру и

прячет под камень.

— Ничего странного, — сказал лебедь. — Я не виноват, если я вырос и похорошел. Приходится днем таскать это пальто.

Лебедь сошел в воду и поплыл по реке.

Алиса и Медведь пошли дальше.

— Какая встреча, — раздался знакомый голос Волка. — Как я рад вас видеть.

За кустами на склоне стоял небольшой белый дом под крутой красной крышей. Перед домом между двумя цветущими яблонями покачивался гамак, в гамаке дремала толстая девочка в красном берете, а Серый Волк-вегетарьянец, стоя на задних лапах, нежно подталкивал гамак.

На звук волчьего голоса окошко в доме растворилось, и оттуда выглянула старушка в очках и в черном платочке с розами. В руках у нее сверкали спицы. Она вязала что-то разноцветное.

— Добро пожаловать, Золушка, — сказала она. — Мы о вас наслышаны от Волка. Я бабушка Красной Шапочки. Красная Шапочка, проснись, познакомься, Алиса пришла.

— Кто? Какая Алиса? — спросил Волк. — Это не Золушка?

— Ах, маразм, маразм, — сказала бабушка, — я оговорилась. Хотя не исключено, что настоящее имя Золушки — Алиса. Ведь столько времени прошло.

Девочка в гамаке проснулась, протерла глаза и проворчала:

— Совсем спать не дают, ни секунды. Я же устала!

— Она устала, — сказал Волк.

— С чего же ты устала, внучка? — спросила бабушка. — С обеда, что ли?

— Не надо было меня перекармливать, — капризно сказала Красная Шапочка. — Сама же заставляешь: скушай этот кусочек, скушай тот кусочек... Вот лопну, тогда заплачешь.

— Не смей так говорить, — взвыл Волк. — Ты хочешь оставить меня без работы! А за кем я буду гоняться по лесу? Кому я буду угрожать? Кого я буду, наконец, любить?

— Ничего, — сказала Красная Шапочка, — пойдешь в обыкновенный зоопарк, кусок мяса тебе всегда будет обеспечен.

— Морковки, моя дорогая, морковки! — сказал Волк.

— Ой, как ты мне надоел, — сказала Красная Шапочка, — все мне надоели.

— Пойдем, Медведь, — сказала Алиса. — Нам пора.

— Идите, идите, — сказал Волк.

— Нет, — сказала бабушка, откладывая спицы. — Я сначала тебе пирожок на дорожку дам. С вареньем. Вижу, что ты проголодалась. — И бабушка незаметно подмигнула Алисе.

— Спасибо, — сказала Алиса. Она и в самом деле была голодна. Одним мороженым сыт не будешь.

— Может, не стоит? — спросил Волк, садясь. — У нас не так уж много пирожков осталось. И мука кончается.

— Молчи, Серый, — сказала бабушка. — Тебя не спрашивают.

— Красная Шапочка! — зарычал Волк. — Куда это годится? Если я не съел твою бабушку, значит, мной можно помыкать?

— Ах, отстань, — сказала Красная Шапочка, — лучше спой мне что-нибудь. Я так утомилась!

Алиса пошла в дом, а вслед ей Серый Волк завыл занудную песню.

Алиса вошла в домик и остановилась в дверях.

Дальше идти было некуда. Большую часть комнаты занимал разноцветный ковер, сложенный в несколько раз. Именно его и вязала бабушка.

— Не стесняйся, — сказала бабушка, — проходи по краю. Пирожки на кухне, на тарелке. Бери сколько хочешь.

— А что вы делаете? — спросила Алиса.

— Вяжу, — сказала бабушка.

— А что вы вяжете?

— Занавес для детского музыкального театра, — сказала бабушка. — Я вяжу его уже полгода, а работы еще на год. К сожалению, я не могу развернуть его, чтобы тебе показать, но когда он будет закончен, ты сможешь им полюбоваться в театре. Это лучший занавес в мире.

— Не только самый лучший, — сказала Алиса, — но наверняка самое большое вязание.

— Конечно, — сказала бабушка, — иначе зачем стараться? Да ты иди на кухню, возьми пирожков, а то Медведь волнуется, тебе пора идти.

Алиса с трудом добралась до стола и взяла пирожок. Стол, табуретки, даже холодильник — вся кухня была завалена мотками шерсти разных цветов и оттенков.

— Нашла? — спросила бабушка из комнаты.

— Спасибо, — сказала Алиса.

— Не обращай внимания на капризы Красной Шапочки. Конечно, она девочка ленивая, но сейчас она тебя нарочно не замечает, чтобы Волка одурачить. Не доверяем мы ему. Что-то много он о морковке говорит и о любви ко всему живому. Мы даже дверь стали на ночь запирать. Так сказать, берегись Волка, который говорит о любви к ближним.

— Вы думаете, что он может кого-нибудь съесть? — спросила Алиса. Пирожок оказался таким нежным и вкусным, что она попросту проглотила его, даже разжевать не успела. Пришлось взять второй.

— Почему не съесть, если зубы есть? — сказала бабушка. — И на меня он недобро поглядывает. А мне собой жертвовать никак нельзя. Кто за меня занавес довяжет?

— Странно, что вы сказочные, — сказала Алиса и взяла пятый пирожок. — Вы кажетесь самыми обыкновенными людьми!

— Что делать... Мы сюда по доброй воле приехали. Я надеялась дать образование ребенку, пускай в школу ходит... Я уж ее всюду водила, и в музеи, и в театр. Но, к сожалению, все впустую. Не хочет Красная Шапочка учиться. Только телевизор смотрит. С утра и до вечера. Как начинается программа для малышей, она приклеивается к телевизору — и конец, быками не оторвешь. Уж я сама за это время научилась читать и писать. И дала себе зарок, свяжу занавес для детского музыкального театра. Очень мне там понравилось. И для малышей полезно.

— Может, мне поговорить с Красной Шапочкой? — спросила Алиса. — Я с ней могу заниматься, помогать ей.

— Ах, не получится, моя дорогая, — сказала бабушка. — Ничего из этого не выйдет. Я уж ее к врачу водила, а врач говорит — безнадежный случай, таких детей в наше время уже нет. Все органы у нее работают нормально — ест она как все, и спит как все, и даже разговаривает как все. А вот никакие знания в голове у нее не удерживаются. Одним словом, сказочная лентяйка. Ты кушай пирожки, кушай. Я сама пекла.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Мне пора идти.

— Возьми с собой на дорожку.

Алиса не удержалась, взяла шестой пирожок, попрощалась с доброй бабушкой и вышла на лужайку. Медведь, увидев ее, укоризненно заворчал, надоело ждать, а Волк, который поджидал у двери, спросил:

— Понравились пирожки? Что-то тебя долго не было. Сколько съела? Нам ничего не оставила?

— Оставила, — сказала бабушка из окна. — Всем хватит. А не хватит, я еще испеку.

— До свидания, — сказала Алиса.

— На обратном пути обязательно заходи, — сказала бабушка. — Я буду ждать.

— Я тоже пошел, — сказал Волк.

— А ты куда? — заныла хитрая Красная Шапочка. — Я тебе запрещаю идти. Мне так одиноко.

— Прости, дорогая, — ответил Волк. — На огород. Пора морковку полоть. Хороший намечается урожай морковки на моем огороде.

И Волк большими прыжками умчался в чащу.

Алиса с Медведем тоже пошли дальше, и скоро домик Красной Шапочки скрылся за деревьями.

Глава девятая. Кусандра обеспокоен

Лес кончился неожиданно. Только что было темно и сыро, и вдруг Алиса с Медведем вышли на открытое место и увидели освещенный закатным светом старинный каменный замок с высокими башнями по углам, окруженный рвом с водой. Через ров были перекинуты два узких моста, которые вели к двум одинаковым, окованным железными полосами дверям. К левому мосту вела утоптанная широкая дорожка, к правому — узкая, заросшая подорожником и даже крапивой.

Над левой дверью висела большая золотая вывеска с черными буквами:

«Дирекция заповедника сказок. Гномам, ведьмам, принцессам, зайцам, снегурочкам, русалкам и другим сказочным существам входить нельзя, кто ослушается, будет заколдован».

Над правой дверью вместо вывески была прибита позолоченная корона.

— А почему две двери? — спросила Алиса у Медведя.

— У-уу, — сказал Медведь.

— Отвечайте, пожалуйста, — сказала Алиса. — Я же не знаю, что мне дальше делать.

— Угу, — сказал Медведь. Он подобрал с земли сучок, разровнял лапой песок под ногами и начал быстро писать квадратными буквами: «Иди направо».

— А разве вы глухонемой? — спросила Алиса.

— Не-е-е, — прорычал Медведь и написал, стерев прежнюю надпись: «Я молчун».

— А почему в правую дверь идти? — спросила Алиса. — Дирекция же в левой двери.

«Там Кусандра, — написал Медведь. — А справа глупый король».

Потом все стер и написал: «Я буду ждать здес».

Алиса отобрала у Медведя сучок и дописала в последней фразе мягкий знак — она не терпела, когда пишут с ошибками.

— У-у-у, — обиженно сказал Медведь, и Алисе показалось, что он покраснел. Наверное, это было не так — медведи не краснеют, у них очень толстая и мохнатая шкура. Просто на него упал красный луч заходящего солнца.

Тихо подвывая, Медведь поджал короткий хвост, ушел в кусты и залег там, накрыв морду лапами — наверное, обиделся.

Алиса не сразу пошла к замку. Замок был пуст и молчалив, он тихо подстерегал ее, заманивал, чтобы не выпустить обратно. Удивительное дело: еще сегодня утром спроси кто-нибудь у Алисы, верит ли она в сказки, Алиса рассмеялась бы в лицо тому человеку. Как можно верить в сказки в конце двадцать первого века? А сейчас она уже не стала бы спорить с гномом Веней. Если это не сон, то сказочный мир, хоть и в заповеднике, под стеклом, все-таки существует. А если он существует, значит, его можно объяснить. Но, как назло, рядом нет никого, кто бы мог объяснить. Подумать только — всего полчаса пролетишь на автобусе и вернешься домой, а там отец уже дописал статью, богомол носится по комнатам, ищет Алису, по телевизору идет восемьдесят третья серия фантастического фильма «Сквозь тернии к звездам»... И никаких чудес. А здесь — сзади в кустах посапывает Медведь, обиженный Алисой, потому что она уличила его в неграмотности. Где-то в лесу Кот в сапогах пасет козлика, гномы сели ужинать. Дед Мороз сидит на ледяном стуле в холодильнике со Снегурочкой, Серый Волк-вегетарьянец пропальывает на огороде морковку; а злой волшебник, может быть, Кощей Бессмертный, он же бывший Папа-яга Кусандра, стоит сейчас у неосвещенного узкого окна древнего замка и поджидает, когда Алиса ступит на мост, чтобы спустить на нее тигра или привидение. Может, все-таки вернуться назад, позвонить от гномов папе, и пускай разбираются взрослые? А что скажет отец? Отец скажет: «Немедленно возвращайся домой! В сказочном заповеднике все экспонаты искусственные». Так он и скажет. А время идет...

Алиса с грустью поглядела на кусты, где похрапывал Медведь. Большой белый лебедь пролетел низко над головой и негромко крикнул:

— Не бойся, Золушка!

— Я не боюсь, — прошептала Алиса, хотя очень боялась. И направилась к замку, который строго уставился на нее черными узкими окнами.

Алиса дошла до развилки и свернула на узкую, заросшую подорожником тропинку, что вела к правой двери, над которой была прибита позолоченная корона. И тут она увидела, что слева, у двери в дирекцию на первом этаже загорелся свет, в комнате за столом возле окна сидит волшебник Кусандра и наливает чай из самовара. «Ну и молодец Медведь, что предупредил, — подумала Алиса. — Пошла бы я в ту дверь и сразу попала бы в лапы к Кусандре».

Алиса свернула направо и быстро пробежала к подъемному мосту. Мост был узким, доски его покрыты пылью и скрипели, а цепи заржавели. Алиса подошла к двери и остановилась, думая, стучать ей к королю или к королям можно заходить без стука.

Вдруг она услышала шум шагов — обернулась и увидела, что из леса выскочил Волк. Он несется к замку. Алиса прижалась к двери и замерла. Хоть Волк ест морковку, все-таки он остается Волком. Но Волк не заметил Алису. С развилки он побежал налево к двери в дирекцию заповедника. Он остановился у освещенного окна и, поднявшись на задние лапы, принялся стучать лапой в окно. Окно со скрипом растворилось.

— Ты чего? — послышался голос Кусандры. — Я тебя не звал.

— Я с докладом, — сказал Волк. — Не нравится мне Золушка. Вызывает у меня подозрение.

— Какая еще Золушка? — спросил Кусандра. — Нет у нас Золушки.

— Я ее сегодня два раза видел. Босая, в сарафане, нахальная, — сказал Волк. — Ей

бабушка все пирожки скормила. Тоже подозрительно. И привел ее в заповедник этот гном, Веня.

— Паршивец это, а не гном, — сказал Кусандра. — А что она тебе сказала? Чем объяснила появление?

— Сказала, что новенькая.

— Новенькая, говоришь? А ну-ка, погоди. Я проверю. У меня все списки населения от бывшего директора остались.

Слышно было, как Кусандра зашуршал на столе бумагами. При этом он по-стариковски кашлял и ворчал что-то себе под нос.

Волку неудобно было стоять на задних лапах, он вилял задом, перебирал ногами, потом оглянулся, посмотрел на лес и сказал:

— В любой момент они здесь могут оказаться.

— Кто они?

— Золушка эта. С Медведем.

— С молчуном?

— С ним самым, — сказал Волк. — Грубое, неприятное животное. Не понимаю, что в нем сказочного?

— А он по совместительству в нескольких сказках работает, — сказал Кусандра. — Не нравится мне, что ты рассказываешь. Сначала с гномом, а гномы — народ ненадежный, мерзкий. Потом с Медведем, а Медведь еще хуже гномов, он с Дедом Морозом в друзьях. А у этого Деда Мороза на все, видите ли, собственное мнение. Давно думаю, как бы электричество от холодильника отключить — растаяла бы вся семейка, в заповеднике спокойней стало.

— Не выйдет, — сказал Волк. — Ты же знаешь, холодильник на батареях работает. Ну как, нашел Золушку в списках?

— Так и думал, нет ее, — сказал Кусандра. — Значит, шпионка. Надо изловить и пытаться. Беги, лови!

— Еще чего не хватало, — сказал Волк. — Я же не хищник. Я морковкой питаюсь. У меня репутация вегетарьянца.

— Молчать! — приказал Кусандра. — Знаем мы твою морковку. Лицемер!

— Не оскорблять! — сказал Волк и опустил со стуком на все четыре лапы. — Хоть я вегетарьянец, а держу зубы в боевой готовности. Заруби себе на носу, начальник. Я тебя слушаюсь, пока мне выгодно. А будет выгодно не слушаться, тогда на меня не рассчитывай.

— Ну ладно, ладно, — сказал Кусандра. — Не время ссориться, старик. Прошу тебя по-человечески, выйди на дорожку, стереги, когда они появятся, свистни мне, чтобы я подготовился к их приходу. Золушка, говоришь?

— Девочка, совсем ребенок, беленькая, коротко постриженная, в сарафанчике и босая.

— Беленькая, коротко остриженная? Видел я сегодня такую в одном месте, только та в комбинезоне. Ну иди, милый, иди, наблюдай за подступами к замку. Будем брать ее живьем. Чует мое сердце — не настоящая это Золушка.

— А вдруг настоящая? — спросил Волк. — Может, директор не успел сказать, что ее пригласил?

— Нет, он аккуратный, — сказал Кусандра. — Он все на бумажке записывал.

— И все-таки ты его спроси.

— Не станет он отвечать, — сказал Кусандра. — Очень он злится, что мы его

заколдовали. Так бы и разорвал меня на клочки. Только не в силах он этого сделать. Хитер был директор, да мы хитрее.

Со стороны леса донеслась песня. Противный пронзительный голос распевал частушки.

Из леса появился Кот в сапогах, который тащил на веревке серого козлика. Козлик упирался, мотал головой и вдруг заблеял. Кот прервал свою песню и гневно зашипел:

— Нарочно? Да, нарочно? Я всю душу вкладываю, а ты издеваешься над артистом? Из-за тебя я пропустил аплодисменты. — И Кот потащил козлика к замку так сильно, что козлик даже захрипел.

Алиса поняла, что Кот может ее заметить, поэтому еще теснее прижалась к двери. Вдруг дверь поддалась и медленно, со скрипом отворилась внутрь. Алиса скользнула в щель. Вокруг было темно. Послышался голос Волка:

— А кто там у тебя скрипит? Твой сосед?

— Он, как всегда, спит, — сказал Кусандра. — Не обращай внимания. Он нам не мешает.

Кот с козликом подошли к мосту. Волк облизнулся, глядя на козлика, козлик вздрогнул и выставил вперед рожки.

— Ну и храбрец, — захохотал басом Волк. — Ну и храбрец! Да я тебя, если захочу, одним махом слопаю. Только не ем я козчиков, понимаешь, питаюсь морковкой. Какие в козликах витамины? Нет в козликах витаминов. А морковка полна витаминами. Если бы еще морковка бегала на четырех ножках да вкусом была как мясо, я бы вообще ничем, кроме морковки, не стал питаться.

— Волк, сколько тебе говорить! — сказал Кусандра. — Скоро солнце зайдет. Пропустишь, никогда не прощу. Заколдую!

— А что случилось? — спросил Кот.

— Тут девчонка одна шляется, — сказал Кусандра. — Наверно, шпионка. Я велел Волку ее нейтрализовать. А ты мне тоже будешь нужен. Козлика запрети понадежнее.

— А она красивая? — спросил Кот.

— Кто?

— Шпионка.

— Вечно ты со своими глупыми вопросами! Не видел я шпионку. Если бы видел, сразу разоблачил. Ее только Волк видел, но выпустил, старый дурак. Сомневаешься, сразу хватай, а потом уж разбирайся.

— Красивая, — сказал Волк. — Волосики золотые, глазки голубые, такая аппетитная, вкусная, всю бы съел.

— Ну вот, все бы тебе жрать и жрать, — сказал Кот. — Никакой романтики. Может, я в нее влюблюсь? Может, я с ней при луне гулять буду, песни петь буду? А ты — съем, съем... Стыдно. А еще взрослый Волк, вегетарьянец.

— Прекратить разговорчики! Следить в оба! — приказал Кусандра. — Уволю! Растерзаю!

Волк затрусил обратно к лесу, и Алиса увидела сквозь щелку в двери, как он залег в кустах. Он лежал по одну сторону дорожки, а Медведь — по другую. «Ничего страшного, — подумала Алиса, — в случае чего — Медведь сильнее».

— Пошли, козлик, пошли, маленький, — сказал Кот в сапогах. — Спать тебе пора, а нам придется опять всю ночь на страже, при деле, на работе, шпионов ловить, заповедник охранять. Раз уж директор заповедника бросил нас и уехал на конференцию в город

Тимбукту. Такие вот дела, пошли, скотина.

Козленок опять жалобно заблеял, дверь в замок хлопнула, потом закрылось окно. И все стихло.

Глава десятая. Король на троне-кровати

Алиса прикрыла за собой дверь. В комнате, куда она попала, было почти темно — сквозь узкие щели окна попадало слишком мало света, тем более что уже начались сумерки. Алиса зажмурилась, чтобы глаза скорее привыкли к темноте, и тут же услышала сонный голос:

— Кто здесь? Зачем пришли? Если грабители, то ошиблись дверью. У меня брат нечего, сам с голоду умираю.

Алиса замерла. В наступившей тишине ей было слышно, как колотится собственное сердце.

— Я не грабитель, — сказала она. — Я Золушка. Мне ничего от вас не нужно.

— Сейчас, — сказал сонный голос, — свечку засветим, поглядим, кто к нам пожаловал, добрый человек или лихой разбойник.

Чиркнула спичка, еще одна, потом загорелся огонек свечи. Алиса увидела, что перед ней посреди большой комнаты стоит такой широкий королевский трон, что на нем могло бы усесться сразу пять королей. На этом троне, как на кровати, лежит пузатый человек в ночной рубашке и золотой короне, надвинутой так глубоко, что уши, заложенные ватой, торчат в разные стороны. Человек принялся сладко зевать и зевал минуты три. Алиса не удержалась и тоже зевнула. Человек отзевался, достал из-под кружевной подушки очки, расправил пышные усы и стал рассматривать Алису.

— А ну-ка, приблизься к нам, — сказал он. — Не стесняйся, мы добрые.

— Слушаюсь, ваше величество, — сказала Алиса, которая догадалась, что перед ней самый настоящий сказочный король.

Она подошла поближе, король поднял свечку повыше, внимательно осмотрел Алису с ног до головы и сказал:

— Полагаем, что ты и в самом деле Золушка. А не разбойник. Но предупреждаю, здесь тебе рассчитывать не на что. Принца у нас нет, царства тоже. Все, что есть, это половина замка, вторую мы Ивану Царевичу сдали. Даже трон-кровать не наш — достался от какого-то древнего тирана нечеловеческих размеров. Правда, это и к лучшему, можем спать, не отходя от рабочего места. — Король поправил одеяло, поглядел на Алису снова и спросил: — А зачем пожаловала? В наш замок сказочным существам вход строго воспрещен.

— Я потому и пришла сюда, что я не сказочная, — сказала Алиса. — Я обыкновенная девочка. Меня попросили помочь.

— Мы удивлены. Кто просил? О чем просил?

Алиса не знала, чей друг этот толстый усатый король. И что ему можно рассказывать, а что — нет.

— Мои знакомые попросили, — сказала она осторожно.

— Понимаю, а тебе принца за это обещали!

— Нет, не обещали.

— Зря соглашалась, — сказал король. — Я всегда чего-нибудь беру. Мы вот половину замка Ивану Царевичу отдали, замок-то старый, крыша течет, а за это выторговали

кормежку и обслуживание. Только меня почему-то второй день не обслуживают. Не знаешь почему? Даже ночной горшок не выносят.

— А кто вас раньше обслуживал, ваше величество? — спросила Алиса.

— Слуга Ивана Ивановича Царевича по имени Кусандра, низкий человек, лакей. Правда, отдавал должное моему королевскому происхождению. А вот второй день не идет. Я уж его звал, грозил, в стенку стучал, а он не идет. Жаловаться надо, а я не могу пойти пожаловаться. Столько лет пролежал на троне-кровати, что ноги ходить разучились. Я все съел, что было, а сегодня уж кости обсасывал и крошки подбирал. Разве это достойно моего положения?

Король показал на столик возле трона-кровати. На нем стояла грязная посуда, а на тарелках лежали обглоданные куриные и гусиные кости.

— Отберу я у них замок, — сказал король. — И отдам кому-нибудь. Тебе замок не нужен? Хороший замок, еще крепкий, с подвалами. Можно капусту хранить, а можно врагов заточить.

— Нет, не нужен мне замок.

— Тогда скажи Ивану Царевичу, что я им недоволен!

— Не могу, — сказала Алиса. — Пропал ваш директор. Я затем и пришла, чтобы его отыскать. Только это тайна.

— Как пропал? Кто посмел? И со мной не посоветовались! В моем замке пропадает достойный человек, мой друг, а мне даже не говорят! Теперь я понимаю, почему меня кормить перестали!

— Говорят, что его заколдовали или заточили, — сказала Алиса. — Это общее мнение. И Дед Мороз так думает, и гномы в этом уверены.

— Если Дед Мороз, это очень важно. Он достойный человек. Тоже королевского происхождения. Я ему даже предлагал в моем подвале пожить. Там холодно и пусто, пока преступников я туда не посадил. Так кто же, ты думаешь, заколдовал нашего уважаемого Ивана Царевича?

— Ясно кто — Кусандра. Он же волшебник.

— То-то мне его лицо не понравилось! Сколько я видел на своем веку волшебников — у всех удивительно неприятные лица. И у волшебниц тоже. Тебе не рассказывали, какая дикая история произошла с моим двоюродным братом? Он одну волшебницу обидел, так она ему дочку усыпила! До сих пор не могут разбудить. Принца ждут. Многие ходили, даже целовать пытались. Видно, не те. Хорошо еще, что Иван Царевич несчастную девушку к себе взял. Между прочим, он мне говорил, что собирается в ближайшие два-три дня разбудить принцессу. Нашел, говорит, средство... И вот все пропало!..

Король задумался, глаза его закрылись, и наступила тишина. В этой тишине Алиса услышала, как кто-то стучит в стену со стороны дирекции. Король вздрогнул, открыл глаза и спросил:

— Кто там? Чего надо?

— Это я, Кусандра, — послышался голос. — У вас, ваше величество, кто-то в гостях?

Послышался скрип растворяемой двери. Алиса шепнула королю:

— Не выдавайте меня! — И спряталась под трон-кровать. Там было пыльно и темно.

— Не беспокойся, — сказал король.

Слышно было, как Кусандра подходит к королю. Он нес в руках фонарик, и от света фонарика по полу тронного зала забегали длинные черные тени.

— Мне показалось, что я слышу голоса, — сказал Кусандра.

— Я сам с собой разговаривал, — сказал король. — Кстати, я рад, что ты, наконец, пришел. Что случилось? Почему за мной не ухаживают?

— Значит, у вас никого не было? — повторил свой вопрос Кусандра, не обращая никакого внимания на слова короля.

— Я не намерен отвечать, — сказал король королевским голосом, — пока не услышу объяснений. Где директор Царевич? Я требую, чтобы он немедленно пришел сюда и извинился. Я буквально умираю от голода! Вы слышите, от голода! У меня начался бред, я разговариваю сам с собой, а вы смеете задавать мне глупые вопросы!

— А мне показалось, что кто-то был, — сказал Кусандра, но уже не так уверенно, как вначале. В голосе короля гремели раскаты грома, с потолка посыпалась труха, и захлопала крыльями, заметалась в вышине летучая мышь. Алиса сжалась под тронем, стараясь не шевелиться и ничем себя не выдать. А тут еще страшно захотелось чихнуть. Алиса начала чесать переносицу.

— Поймите, — сказал Кусандра почти виновато. — Ивана Царевича вызвали в город Тимбукту на конференцию...

— На какую такую конференцию? — спросил грозно король. — Почему он мне не доложил? Кто, в конце концов, здесь хозяин? Он или я?

— Вы, ваше величество, — сказал Кусандра. — Но он директор, и я ему подчиняюсь. Никаких указаний по поводу вашего кормления он не оставил. Забыл, наверное.

— А у тебя своя голова есть?

— Занят я был. Столько дел! Все на меня одного свалилось. Подумать только, сегодня с утра занемог дракон Змей Гордыныч, и я полдня искал по всей Москве врача, который может его вылечить. А теперь еще в заповедник пробралась какая-то шпионка, и ее надо выловить, прежде чем она чего-нибудь натворит. Я же за все в ответе перед директором и наукой.

Алиса сжалась еще больше. А вдруг король сейчас скажет: «Эта шпионка сидит за моим тронем!» Ведь короли бывали очень коварные, особенно сказочные короли.

Но король Алису не выдал. Он шмыгнул носом, вздохнул и спросил:

— А почему вы вместо себя кого-нибудь из зверей не прислали?

— Никак не возможно, ваше величество. Сказочные существа в замок попасть не могут, замок заколдован.

— Не пытайтесь меня заморочить, я вам не зайчик и не гном, — сказал король и сел на троне-кровати. — Я здесь сам живу. И ты здесь живешь. И Змей Гордыныч.

— Тишше, — испуганно ответил Кусандра, — даже у стен есть уши! Вы представляете, что случится, если сказочные существа узнают, что каждый может войти в замок и что замок вовсе не заколдован? Они же любопытные, они все сюда ползут. А если кто-нибудь машину увидит? Нет, вы уж лучше потерпите. Я сам, как только стемнеет, кончу дела, нам с вами ужин соображу. Вместе посидим, вина выпьем, у меня хорошее вино есть.

«Интересно, что здесь за машина, — подумала Алиса, — которую нельзя видеть экспонатам и экспогномам? Все тайны и секреты. Никогда не думала, что в Москве может быть такое секретное учреждение».

— А когда вернется директор? — спросил король.

— Может быть, даже завтра, может быть, послезавтра.

— Кстати, что это за конференция в этом Тимбукту?

— По этому... — сказал Кусандра. — По этой самой, по вечной мерзлоте.

— Вы уверены? — спросил король.

— Совершенно уверен. Директор у меня даже шубу одолжил. Я пошел. Скоро вернусь.

И с этими словами Кусандра покинул тронный зал. Хлопнула дверь, потом звякнул засов.

— Трусит, — сказал король. — Совесть нечиста, и трусит. Дверь запирает. Золушка, вылезай, он не вернется.

Алиса вылезла из-под трона. И с наслаждением чихнула.

— Еле дотерпела, — сказала она. — Пыльно у вас.

— От этого еще никто не умирал, — сказал король. — Я тебе должен сообщить, что нашего директора в Тимбукту нет.

— Как вы догадались?

— Вот и видно, что ты плохо учила географию, — сказал король. — Тимбукту — это очень древний город в Африке, у самой пустыни Сахары. Ко мне лет тысячу назад оттуда посол приезжал на верблюде. Скажи, пожалуйста, зачем там устраивать конференцию по вечной мерзлоте, если там никогда снега не видали, а что такое мерзлота, судят по инею в холодильнике. И мог ли наш директор взять туда шубу?

— Не мог, — сказала Алиса. — Значит, его надо искать здесь.

— Вот именно, — сказал король. — А если на пути попадешь на кухню, захвати мне чего-нибудь поесть. Не верю я этому Кусандре. Он хочет меня уморить. Захватишь?

— Обязательно, — сказала Алиса.

— Не обманешь?

— Нет.

— Смотри, а то что-то меня стали все обманывать. Пора срочно привозить из легендарной эпохи стражу. Тогда меня все полюбят. Королей любят за суровость. Учти, девочка. Желая тебе найти принца. Только не хватай первого попавшегося. Принцы тоже бывают разные. А то попадется жулик вроде нашего Кота, от него не только хрустальных туфелек...

— А куда мне дальше идти? — спросила Алиса.

— В конце зала дверь. Она ведет во двор. Только осторожнее, иди по стенке на цыпочках — там дракон спит, страшный, трехголовый. Репутация у него плохая. Говорят, что в свое время тысячу рыцарей растерзал.

— А мне он добрым показался, — сказала Алиса.

— Так ты его уже видела? Тогда он тебя не тронет. Как пройдешь дракона, будет лестница в подвал. Туда обязательно загляни. Подвалы у нас многоэтажные, страшные. Свечку держи, у меня запас. И спички. А я посплю, когда спишь, не так есть хочется. — И король захрапел.

Алиса прошла через тронный зал и увидела в конце его небольшую дверцу. За ней был узкий коридор, в котором хранились ящики и мешки, наверное, продукты для заповедника. А дальше еще одна дверь, которая вела во двор замка.

Глава одиннадцатая. Дракон и его двоюродная сестра

Алисе казалось, что она провела в тронном зале всего несколько минут, но, видно, прошло куда больше времени — солнце уже село, и узкий двор, окруженный, как колодец, высокими каменными стенами замка, был погружен в синий полумрак. Почти весь двор занимал темный холм. Он мерно и редко вздымался и опадал. Вдруг над холмом поднялась драконья шея с головой, из которой вырвался клуб черного дыма. Голова откашлялась, и Алиса догадалась, что темный холм и есть Змей Гордыныч. Интересно, узнает он ее или нет? Еще проглотит, не разобравшись, или позовет Кусандру. Поэтому Алиса, не выходя из двери, тихонько окликнула дракона.

— Змей Гордыныч, не пугайтесь, это я, Алиса. Мы с вами уже встречались.

— Кто это? — Еще две головы взвились вверх и закачались на длинных шеях. Головы вертелись, разглядывая двор, стараясь угадать, откуда донесся голос. Потом одна из голов высмотрела Алису и потянулась к ней. Алисе захотелось спрятаться в коридор, но она заставила себя остаться на месте. Голова покачалась перед самым лицом Алисы, прищурилась, потом отвернулась от нее, выдохнула дым и сказала: — Помню, помню, меня ваш папа лечил.

— А вы еще укол тогда испугались делать, — сказала Алиса.

— А это напрасно, — сказал дракон, — это совсем лишнее. Нельзя напоминать друзьям об их слабостях. Ты же не знаешь, почему я не выношу уколов. А обвиняешь меня в трусости. Это меня-то, который победил в честном бою около тысячи рыцарей и богатырей.

— А почему вы боитесь уколов? — спросила Алиса.

— По той простой причине, что много лет назад один подлый богатырь подкрался ко мне во сне и вонзил копье под мышку. С тех пор я прихрамываю на переднюю ногу, а в плохую погоду ноет — спасу нет! Хорошо еще, что в заповеднике дождей не бывает.

— Простите, — сказала Алиса, — я не хотела вас обидеть.

— А я и не обижаюсь, — сказал Змей Гордыныч. — Я поговорить с тобой рад. Скучно мне смертельно. Никто со мной не разговаривает, никто меня не любит. Я — последний дракон на Земле. Подумай, Алиса, вдруг ты — самая последняя девочка на Земле. Представь себе это!

— Нет, не представляю, — сказала Алиса. — Я совершенно уверена, что на Земле есть еще много миллионов девочек.

— А я вот совсем один. На всей Земле один. Мы, драконы, так давно вымерли, что даже уважаемый Иван Иванович ничем мне помочь не может.

— Неужели вы совсем один?

Алисе стало очень жаль дракона. «И в самом деле, — подумала она, — осталась бы я последней девочкой на свете.

И поиграть не с кем, и поговорить не с кем... живи, существуй в полном одиночестве. Нет, это ужасно...»

— Совсем один, — сказал дракон, и Алиса увидела, как из глаз самой ближней к ней головы выкатились большие, с кулак размером, слезы, по очереди шлепнулись на землю, и получились шипящие лужи, от которых поднимался едкий дым.

— Погодите, — сказала Алиса. — Еще не все потеряно! Я вспомнила!

— А что? — спросил дракон. — Есть надежда?

— Вы когда-нибудь слышали о лох-несском чудовище?

— О ком?

— Есть такая страна Шотландия. И есть в этой стране озеро, которое называется Лох-Несс, — сказала Алиса. — Я смотрела об этом передачу по телевизору. Говорят, что в этом озере живет чудовище по имени Несси.

— Не может быть! — сказал дракон. — И какое это чудовище из себя?

— Эта Несси не хочет показываться людям. Уже триста лет люди ее выслеживают, ловят, тысячу раз фотографировали и даже рисовали, но никто не смог разглядеть ее вблизи. У нее такое же, как у вас, тело, такая же шея, только вместо ног ласты, а голова одна.

— Постой-постой, а где эта Шотландия? — спросил дракон.

— Это в Англии, рядом с Францией, точнее, я не знаю, мы географию только начали проходить.

— В Англии? Никогда не слышал такого названия, — сказал дракон. — Но по твоему описанию получается, что это моя двоюродная сестра! У нее была одна голова, и она была лентяйкой, ленилась пешком ходить. И вот однажды попала она в страну, которая называлась Древняя Греция, не знаю, как уж она теперь называется.

— Теперь она называется просто Греция, — сказала Алиса, — если мы с вами имеем в виду одну и ту же страну.

— Так вот, шла она как-то по Древней Греции и вдруг видит, бежит по улице человек совсем голый и кричит: «Эврика! Эврика!», что означало на их древнем языке: «Нашел! Нашел!» Все прохожие разбегаются по сторонам, прячутся...

— Думают, что сошел с ума, — догадалась Алиса.

— Конечно, разве нормальный человек побежит в таком виде по улицам! Но только моя двоюродная сестра, забыл уж, как ее звали, не испугалась и кричит: «Погоди, древний грек, что вас так обрадовало?» А грек отвечает: «Меня зовут Архимед. Я сейчас купался в ванне, и воды в ней было по самый край. Только я залез в ванну, как вода вылилась. Вы понимаете, что это значит?» Моя двоюродная сестра отвечает: «Это со мной тоже случилось. Я вчера окунулась в одно озеро, оно вышло из берегов и затопило все окрестные деревни». — «Вот именно! — кричит голый грек Архимед. — Все купаются, но никто не догадался!» — «Что же это значит?» — спросила моя двоюродная сестра. «А это значит, что каждое тело теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им вода. Это закон, который я только что открыл, и думаю, что этим я обессмертил свое имя, а мой закон поместят во все учебники».

— Обязательно посмотрю, — сказала Алиса. — В каком учебнике поместили этот закон?

— Разумеется, в учебнике физики, — сказал дракон. — Хотя, может быть, в учебнике истории.

— И что случилось дальше? — спросила Алиса.

— А дальше моя двоюродная сестра сказала себе: если какой-то небольшой грек Архимед вытеснил воду из ванны и потерял в своем весе много килограммов, то, когда я буду плавать, я вытесню куда больше и столько же веса потеряю. Зачем же мне мучиться, таскать на себе весь этот лишний вес? Перехожу на водный образ жизни! После чего моя двоюродная сестра залезла в воду и больше из нее не выходила. Вместо ног у нее отросли ласты... Так ты думаешь, что она теперь живет в Шотландии?

— А может быть, это другая Несси?

— Не может быть! Описание совпадает. Алисочка, душечка, — взмолился дракон, — запиши мне, пожалуйста, адрес моей двоюродной сестры. Ты влила в меня новую жизнь. Я

обязательно найду свою двоюродную сестру, даже если для этого придется три года идти пешком.

— Но я не могу вам сейчас дать адрес, — сказала Алиса. — Он у меня дома.

— Так возвращайся скорей домой, — сказал дракон. — Чего же ты время зря теряешь? И вообще, что ты делаешь в нашем замке?

— А разве вам гном Веня не сказал?

— Ах, какой стыд! Я совсем забыл, что наш любимый директор пропал без вести. Алиса, будь другом, найди его поскорей, он мне поможет найти Несси!

— Но я не знаю, где его искать. Может, его уже и нет.

— Нет, он есть, — сказал дракон. — Даже такие мерзавцы, как Кусандра, не посмеют убить директора. Они могут заточить его, заколдовать, но убить не посмеют.

— Король мне сказал, чтобы я посмотрела в подвалах.

— Именно там, — сказал дракон. — Именно в подвалах. Я, к сожалению, с тобой пойти не смогу — мне в дверь не пролезть. К тому же я боюсь Кусандру. Стыдно мне, я ведь тысячу рыцарей в честном бою победил. С рыцарями мы бились по правилам, а Кусандра — бессовестный. Иди, Алисочка, найди мне директора, а потом принесешь мне адрес моей двоюродной сестры.

Алиса по краю обошла двор, чтобы не наступить на дракона, а Змей Гордыныч покачал головами, и все три головы по очереди повторяли:

— Ай да девочка, ай да Алисочка! Ай, порадовала старика!

Глава двенадцатая. У хрустального гроба

За дверью, что была как раз за хвостом Змея Гордыныча, оказалась каменная лестница, которая вела вниз. Чтобы не поскользнуться на крутых ступеньках, Алиса зажгла свечу и осторожно стала спускаться. Лестница постепенно заворачивала, кружилась, и ступеньки были бесконечными, словно вели к центру Земли. Голые ступни Алисы заледенели, сарафан совсем не грел. Алису била дрожь и от холода и от страха.

За последней ступенькой начался коридор без дверей, вырубленный прямо в скале. Алиса отсчитала по нему сто шагов и увидела впереди слабый холодный свет. Она задула свечу и пошла дальше на цыпочках, чтобы не спугнуть тех, кто скрывался впереди. Чем дальше она шла, тем яснее звучал знакомый неприятный голос. Ну как же она раньше не догадалась! Это Кот в сапогах мяукал песню.

Алиса остановилась в конце коридора и осторожно выглянула из-за камня.

Она увидела небольшой низкий зал, посреди которого стояла каменная плита, а на ней хрустальный гроб, который излучал ровный, приятный, но холодный свет. Под крышкой хрустального гроба лежала на подушках очень красивая девушка в длинном, белом, расшитом жемчугом платье и небольшой алмазной короне. Алиса сразу догадалась, что это Спящая царевна. О ней недавно рассказывал толстый король.

Царевна в подземелье была не одна. Неподалеку от хрустального гроба стояло обтянутое бархатом кресло, и в нем, закинув ногу на ногу, сидел Кот в сапогах. Он тянул свою занудную песню. А за ножку кресла был привязан козлик, который грустно глядел на гроб и молчал.

Кот закончил пение, разгладил усы и сказал:

— Надеюсь, принцесса, ты слышала мою серенаду и можешь оценить мою любовь. В

сказке не сказано, каким был принц, который тебя разбудил поцелуем. Не исключено, что тот прекрасный принц был в сапогах, в шляпе и с длинными усами. То есть я. Поэтому сейчас я тебя поцелую, и мы с тобой поженимся, договорились?

Кот встал с кресла, подошел к гробу и навалился на хрустальную крышку. Но крышка была тяжелой, и, как Кот ни тужился, ничего не получалось. Кот царапал когтями хрустальный край гроба, упирался сапогами в пол, махал хвостом и рычал, как собака.

Наконец Кот понял, что крышку ему не сдвинуть. Он перевел дух и постучал коготком по крышке.

— Царевна, — сказал он. — Царевна, проснись! Помоги мне, снизу толкни. Молодость проходит, а ты все спишь. Открой глазки, полюбуйся на меня. Давай совместными усилиями проснемся!

Принцесса вздохнула во сне и перевернулась на другой бок. Кот с досады стукнул лапой по крышке, отшиб ее и взвизгнул от боли. Зрелище было таким смешным, что даже несчастный козлик не удержался и заблеял, словно засмеялся. Вот этого делать ему не стоило.

Кот понял, на ком он может сорвать свою злость. Он оставил гроб в покое, прыгнул на козлика и начал быстро царапать его когтями по морде. Голова козлика моталась из стороны в сторону, он плакал, как ребенок, и Алиса, конечно, не выдержала такого безобразия.

— Не смей! — закричала она. — Перестань маленьких обижать!

Кот не сразу сообразил, что на него кричат. Он был так увлечен своим злодейским делом, что еще некоторое время продолжал царапать козленка, который не мог от него убежать, потому что был привязан к тяжелому креслу.

Алиса подбежала к Коту и схватила его за лапу.

— Ах! — сказал Кот, увидев Алису. — Ты чего здесь делаешь? Ты кто, привидение?

— Да, — сообразила Алиса, — я привидение, которое пришло наказать тебя за гадкое поведение! Я давно к тебе подбираюсь!

Она старалась говорить страшным голосом и сильно потянула к себе Кота — шляпа упала у него с головы, уши под шляпой были прижаты, а между ушами обнаружилась лысина — вот, оказывается, почему Кот в сапогах носит шляпу!

Козлик забился под кресло и тихо блеял.

Спящая царевна снова перевернулась в гробу, легла на бок, подложив под щеку руку, и сказала, не открывая глаз:

— Перестаньте шуметь! Спать не дают!

— Отпусти меня! — шипел Кот. — Отпусти меня сейчас же! Я на тебя пожалуюсь. Тебя драконами затравят!

Но при этом Кот весь дрожал от страха, потому что, как все мерзавцы, был труслив.

Вдруг ему удалось извернуться, упереться сапогами Алисе в колени, оттолкнуться и вырваться. Поджав хвост, он бросился к дверям и исчез.

— Не бойся, — сказала Алиса козлику. — Он больше не будет над тобой издеваться. Если хочешь, я возьму тебя с собой, поживешь пока у гномов, пойдем, а?

Козлик тяжело вздохнул и вылез из-под кресла. Он подошел к Алисе и доверчиво прижался к ее ноге.

— Ну вот, — сказала она, — все в порядке. Не дрожи, не нервничай. Сейчас мы найдем директора Царевича, освободим его — и домой. Я сама уже волнуюсь, представляешь, что у

меня дома творится! Может, ты знаешь, где они держат директора?

Козлик засуетился, заблеял, но говорить он не умел, так что Алиса только покачала головой и сказала:

— Нет, ты мне не помощник.

Она подошла к хрустальному гробу. Спящая царевна посапывала и хмурилась — видно, ей снился неприятный сон.

Алиса постучала по крышке гроба.

— Простите, — сказала она. — Вы не проснетесь на одну минуту?

Царевна продолжала спать.

Козлик потянул за веревку, потащил Алису к выходу.

— Боишься здесь оставаться? — сказала Алиса. — Мне и самой неприятно, но надо обязательно посмотреть, не скрывают ли они директора в подвалах.

Но козлик, неразумное существо, продолжал тянуть Алису к выходу.

Алиса еще раз постучала по крышке хрустального гроба.

— Спящая красавица, — сказала она, — может быть, мимо вас проводили директора? Они обязательно должны были проводить его мимо. Поймите, от вас сейчас зависит судьба всего заповедника.

Спящая царевна перевернулась на другой бок и пробурчала:

— Отстаньте, спать не дают. Не подземелье, а сумасшедший дом. Разве не понятно, что я сплю с закрытыми глазами?

— Я в вас разочарована, — сказала Алиса. — Все мне помогают или мешают. А вы единственная, кто захотел остаться в стороне. Стыдно!

Но Спящая царевна так и не открыла глаз, хоть и ответила:

— Какая же я буду Спящая царевна, если с каждым начну разговаривать? Я принца жду, не мешайте!

— Царевна, миленькая, хорошенькая, красивая! — взмолилась Алиса. — Вы же знаете, я по голосу чувствую, что знаете... Ну, сделайте над собой усилие!

Веки царевны дрогнули, будто она готова была проснуться, но тут отчаянно закричал, предупреждая Алису, козлик. Алиса обернулась, но было поздно.

Крепкая костлявая рука Кусандры опустилась на ее плечо.

— Так вот кто шпион! — сказал Кусандра. — Мы с вами уже встречались, так называемая Золушка!

Глава тринадцатая. Допрос

Кусандра был просто счастлив, что поймал Алису. Правда, его глаз за темными очками не было видно, но улыбался он так широко, что все его сорок золотых зубов вылезли изо рта и блистали, как ожерелье. Он говорил сладким голосом, как будто изображал лису.

— Я думаю, кто же проник к нам в заповедник, кто нарушил строгие правила? А это дочь уважаемого человека, профессора Селезнева, уже школьница! Ай-ай-ай, что будет, когда наш папа узнает о безобразном поведении ребенка?

— Я вас не знаю, — сказала Алиса. — Я не знаю никакого папы, я Золушка, экспонат заповедника. Меня Иван Иванович Царевич пригласил сюда на работу.

— Ай-ай-ай, — расстроился Кусандра. — Это просто несчастье. Дочка профессора Селезнева оказалась лживой обманщицей. Она пришла сюда что-нибудь украсть. А может,

уже украла?

— Украла, украла, — сказал Кот в сапогах, который стоял за спиной Алисы. — Она очень похожа на воровку. Я с самого начала подумал: какая красивая воровочка!

«Ну и глупая же я, — подумала Алиса. — Как можно было не догадаться, что Кот тут же побежит за Кусандрой!»

Козлик увидел, как сморщилась Алиса от боли — костлявая холодная рука Кусандры все сильнее сжимала ее кисть, и девочка еле удерживалась, чтобы не закричать. Козлик бросился было к Алисе на помощь. Он был маленький, но отважный.

— Не смей! — разозлился Кусандра и ударил козлика ногой. — Вот отдам тебя Волку, и съест он тебя. Останутся только рожки да ножки.

Кот тут же набросился на козлика и пинками отогнал его в угол.

— Перестаньте шуметь, — сказала Спящая царевна. — Мне все мешают, так невозможно.

— Вот видишь, — сказал Кусандра, снова показывая свои золотые зубы. — Вот видишь, ты мешаешь Спящей царевне, тебя придется жестоко наказать.

При этом он продолжал сжимать руку Алисы. Алисе стало так больно, что она не выдержала и заплакала, хотя Алиса обычно никогда не плачет.

— Отправьте меня домой, я больше не могу! — взмолилась она.

— Домой — это правильно, — сказал Кусандра и немного ослабил хватку. — Сейчас же отправим тебя домой и напишем письма. Одно — твоему отцу, другое — в школу. Пускай полюбуются, каких они воспитывают избалованных, непослушных детей.

— Нельзя ее отпускать, — сказал Кот. — Она слишком много знает.

— А что она может знать? — удивился Кусандра. — Мы работаем, стараемся сохранить уникальных сказочных зверей, мы о них заботимся, мы водим их к врачу. Мы трудимся за двоих, потому что наш любимый директор уехал на конференцию в город Тимбукту, а наши враги стараются нам помешать. Мы ее немедленно отправим домой!

«Хорошо бы отправил, — подумала Алиса. — Хорошо бы. Я бы сразу вернулась вместе с отцом. Мы всю эту банду сразу разгоним».

— Нет, — возразил Кот, — живой я ее отсюда не выпущу. Несмотря на то, что она красивая девочка и я бы мог в нее влюбиться. Но нельзя, нельзя. Хочу отпустить, но, прости, Кусандра, не имею права.

— Вот видишь, что говорит наш уважаемый Котик, — сказал Кусандра. — Он на тебя обижен. Ты его напугала, ударила, выгнала из комнаты.

— Да, — сказал Кот, — она меня избила, и я на нее подам в суд. Пускай ее посадят в тюрьму. За избиение Кота при исполнении служебных обязанностей.

— Видишь, что ты натворила, — сказал Кусандра. — Если Кот подаст на тебя в суд, я не смогу тебя защитить. А ведь ты пришла без злого умысла. Ты зла не желала?

— Конечно, не желала, — сказала Алиса. — Я просто хотела посмотреть.

— Правильно, — согласился Кусандра. — И ты попросила... кого ты попросила провести тебя в заповедник?

— Я сама, — сказала Алиса.

— Вот это плохо, — сказал Кусандра и очень опечалился. — Врать плохо, врать вредно. Девочек, которые врут, мы отдаем Серому Волку. Вообще-то он кушает только морковку, но если нужно, может съесть и плохую девочку... Ай-ай-ай, такая девочка, дочь профессора Селезнева, а врет, как последняя лисица. Кто же провел тебя в заповедник?

— Я сама! — крикнула Алиса.

— А если еще подумать? Давай, я тебе помогу. Тебя привел гном Ве... Ну, какой гном тебя привел в заповедник?

— Я не знаю никакого гнома! — сказала Алиса.

Кот зашипел от злости. Но Кусандра даже не поглядел в его сторону. Он говорил так же ласково, как прежде.

— Помнишь, девочка, когда я был у твоего папы, я нашел у себя в кармане веревочную лестницу? Я не сразу догадался, почему у меня в кармане веревочная лестница. А теперь я все понял. Этот вредный, испорченный гном Веня обманул мое доверие, проник в карман моего пальто и таким образом выбрался из заповедника. А потом обманом заманил сюда тебя. Наговорил тебе с три короба, какой плохой старик Кусандра...

— Оклеветал старика Кусандру! — Кот в сапогах укоризненно покачал головой. — Оклеветал нашего доброго старика!

— Видишь, что говорят те, кто любит и ценит старика Кусандру. — Они считают, что гном меня оклеветал. И что же он тебе рассказал, девочка?

— Ничего он мне не рассказывал, — сказала Алиса.

— Ага, значит, приехал к тебе в моем кармане и ничего не рассказал?

— Ничего.

— Ну вот ты и выдала своего товарища, — сказал Кусандра. — Ты призналась, что он у тебя был.

— Я ни в чем не признавалась! — сказала Алиса, но она уже поняла, что проговорилась.

— Твое упрямство меня удивляет, — сказал Кусандра. — Сначала я подумал, что ты просто из любопытства пришла к нам. Но если из любопытства, то сказала бы мне: дорогой дядя Кусандра, пожалуйста, возьми меня в заповедник, я хочу нарушить правила и поглядеть на его жителей вблизи. А я бы сказал тебе — нельзя, милая девочка, нарушать правила и беспокоить наши экспонаты, они такие нервные, такие уникальные... Кот, вынь палец из носа!

— Я нечаянно, — сказал Кот в сапогах. — Я нервничаю!

— Вот видишь, до чего ты довела Котика!

— Он сам кого хочешь доведет, — сказала Алиса. — Хулиган.

— Вот ты уже и грубить начала. Еще не раскаялась, а уже грубишь. И в мою голову постепенно закрадывается сомнение. Так ли все просто?

— Нет, непросто, — сказал Кот. — Она очень опасный шпион.

— Этого-то я и боюсь, — сказал Кусандра. — Может быть, заповеднику грозит страшная опасность, может быть, они с гномом замыслили какой-нибудь план? Может, они решили погубить нашего любимого директора Ивана Ивановича?

— Нет! — сказала Алиса. — Это вы его замыслили погубить, а я его хочу спасти.

— Ну вот, сразу все ясно, — сказал Кусандра, отошел от Алисы и опустил в кресло. — Она злобный агент моих врагов. А я-то уж было подумал, что она простая девочка.

Алиса жалела, что у нее вырвались эти слова. Ну как же так получается? Ведь хочешь молчать, хочешь не выдать своих друзей, а как только этот коварный волшебник начнет говорить, сразу отвечаешь. И как только отвечаешь, говоришь лишнее. А обратно своих слов уже не взять.

— Врет она все, — сказал Кот. — Отдай мне ее, Кусандра, я ее исцарапаю, измучаю,

защекочу — она мне все расскажет!

— Может быть, — сказал Кусандра, поглядев на Кота. — Может быть, и отдам...

Алиса тоже поглядела на Кота, и ей стало страшно. Усы Кота шевелились, странная зловещая улыбка играла на его тонких губах, желтые глаза горели ярким светом.

— Может быть, — задумчиво повторил Кусандра. — Я обязательно отдам тебя на растерзание Коту.

— Она такая красивенькая, такая мягонькая, — мурлыкал Кот, — она такая сладенькая... Я ее укушу.

— Не хотел бы я попасть к нему в когти, — сказал Кусандра. — Нет, не хотел бы.

Алиса очень испугалась, но решила молчать. Больше ни слова. «Лучше выдержать все пытки — они не посмеют... — думала она. — Они не посмеют». Но сама не была в этом уверена.

Кусандра замолчал и принялся золотыми зубами грызть ногти.

Кот все еще мурлыкал и ходил кругами вокруг Алисы. Спящая царевна ворочалась в хрустальном гробу, сердилась, что ей мешают спать.

— Нет, — вдруг сказал Кусандра. — Я уверен, что эта девочка просто орудие в руках негодяев. Просто орудие. Мы не будем ее пытаться. Ее используют, понимаешь, Кот, ее используют. Надо ее пожалеть, а не пугать. Она сама себя наказала. Ей холодно, она боится, что ты ее защекочешь и исцарапаешь. Ее надо пожалеть. Мне даже хочется плакать, до того обидно все получилось. Такая хорошая девочка...

— Так отдаешь мне ее? — спросил Кот сердито.

— Нет, никому я ее не отдам. Я ее посажу в подвал к мокрицам. И она будет там сидеть до тех пор, пока не расскажет о тех злодеях, которые ее запугали. А тем временем я прикажу арестовать гнома Веню и всю его родню. Хотя за их спиной стоит кто-то еще. Предчувствия меня никогда не обманывают.

— Чтобы посадить ее в подвал, нужно обвинение, — сказал Кот в сапогах. — Все должно быть по закону. Если нас спросят, мы ответим: все по закону.

— Молодец, Котик, я тоже так думаю. Но, к счастью, мы уже установили, что она воровка.

— Я? Воровка?

— Вот именно. — Кусандра расхохотался, показав сорок золотых зубов.

— А что она украла? — спросил Кот в сапогах.

— Ясное дело что.

— Директора! — догадался Кот.

— Дурак. Директор в Тимбукту на конференции. Она украла курицу Рябу, которая несла золотые яйца. Ведь курица пропала?

— Ты гений, Кусандра, — сказал Кот. — Я всегда это подозревал, но сегодня я в этом убедился. Разумеется, эта девочка украла курочку Рябу.

— Но зачем мне ваша курочка? — удивилась Алиса.

— А затем, что она несет золотые яйца, а тебе нужно золото.

— Мне? Золото?

— Именно тебе и именно золото. Вставай, обвиняемая. Ты будешь сидеть в подвале, пока суд не вынесет тебе смертный приговор за воровство. Или пока не расскажешь все о моих врагах.

Кусандра встал с кресла, схватил Алису за руку и повел мимо гроба в темноту. Алиса

попробовала было вырваться, но стало так больно, что пришлось подчиниться. Козлик побежал вслед, блея и страдая, но Кот отбросил его сапогом, достал из-за пояса большие ключи и электрический фонарик. Потом первым спустился по узкой лестнице на этаж ниже.

Три стены подвала были каменными и сырыми, по ним ползали мокрицы и тараканы, а четвертая стена была забрана толстой решеткой. Кот отпер дверь в решетке, Кусандра втолкнул Алису внутрь, и она упала на кучу гнилой соломы.

Заскрипела дверь. Алиса лежала на соломе, ей было холодно и сыро. Кот запер дверь и повесил замок.

— Все в порядке, — сказал он. — Отсюда ей не выскочить.

— Все не в порядке, — сказал Кусандра. — Мы не знаем, что и кому она успела сообщить. Опасность велика, но тебе своим кошачьим умишком ее не охватить. Мы поймали одну, а сколько их всего? Надо немедленно принимать меры.

— Какие? — спросил Кот.

— Не здесь, — ответил Кусандра. — Я не хочу рисковать.

Они пошли по коридору, пятно света от фонарика осветило лестницу и исчезло. Наступила крошечная тишина и крошечная темнота.

— Эй! — крикнула Алиса.

Крик ее ударился о каменные стены и исчез. «Здесь можно кричать сколько угодно, — поняла Алиса. — Все равно никто не услышит».

Глава четырнадцатая. Узница подземелья

Прошло, должно быть, полчаса. Алиса сидела на соломе, поджав под себя ноги, и дрожала от холода. Тишину нарушало лишь тихое шуршание тараканов, которые бегали по подвалу. Постепенно глаза Алисы привыкли к темноте, и ей удалось увидеть высоко под потолком подвала синее пятнышко — там было окошко, которое глядело в вечернее небо. Прямо посреди синего пятнышка сияла одинокая звездочка. «Была бы у меня космическая рация, — подумала Алиса, — вышла бы я на связь с этой звездой и оттуда вызвала бы помощь. Но помощь, правда, придет только через сто лет, а я к тому времени, наверное, умру».

Но надо было что-то делать. Ведь так ее никто не найдет. Она встала и, поборов отвращение к тараканам и мокрицам, которых всегда недолюбливала (хоть и знала, что они не кусаются), подошла к стене. Стена была влажная и холодная. Алиса постучала по стене костяшками пальцев, но стука не получилось — стена была очень толстой.

Алиса подняла голову. Синий квадратик со звездой посередине был высоко и далеко — никак не доберешься.

— Эй! — крикнула Алиса, стараясь сделать так, чтобы ее крик попал прямо в квадратик окна. — Есть там кто-нибудь?

Никто не откликнулся. Интересно, куда выходит это окошко? Может быть, ко рву? Тогда, если громко кричать, услышит Медведь. Наверное, он уже беспокоится, если не заснул.

Алиса обошла всю камеру, щупая руками стены, но стены были каменными, нигде ни трещины, ни дырки. Решетка тоже оказалась крепкой. Алиса нащупала кучу соломы и села на нее. Холод был такой, что зубы сами стучали, не унять. А дома отец сейчас пьет чай, ужинает. Нет, вернее всего, он не ужинает, а звонит по всем видефонам, разыскивая Алису

по всему городу. Но кто догадается искать ее здесь? А Кусандра забудет о ней, нарочно забудет, чтобы она умерла от голода и жажды в этом подземелье. И как только Алиса подумала о голоде и жажде, ей сразу захотелось пить и есть. Как будто три дня не ела. Казалось бы, аппетит должен пропасть — как можно думать о еде, если тебе грозит смерть? Но Алиса все равно вспомнила, какие вкусные и свежие пирожки были у бабушки, которая вязала занавес для детского музыкального театра.

— Эй, Алиса! — раздался голос.

Алиса решила, что она незаметно заснула и голос ей снится. Поэтому она даже не стала отвечать — ну кто будет звать ее здесь, да еще настоящим именем?

— Алиса, отзовись! — Голос доносился сверху.

Алиса подняла голову. Звезда в синем окошке исчезла. Да и окошко само исчезло. Что-то черное закрывало его.

— Кто там? — спросила Алиса.

— Это я. Змей Гордыныч, — ответил голос.

— Как хорошо, что ты меня нашел! — сказала Алиса, вскакивая на ноги. — Я думала, что уже погибла.

— Этого не случится, — сказал дракон. — Этого я бы не допустил. Я же знал, что ты туда пошла, а обратно не вышла. Я только на вид глупый, а на самом деле соображаю.

— Я такая счастливая, — сказала Алиса. — В жизни не была еще такой счастливой. Ты не представляешь, какое это счастье, если у тебя есть друзья.

— Ну полно, Алиса, полно, — сказал дракон басом. — А то я разрыдаюсь. Мне так приятно, что я могу тебе чем-нибудь помочь.

— А как ты узнал, что меня сюда заточили?

— От козлика.

— От козлика? Но он же не умеет говорить?

— Он с веревки сорвался, выбежал во двор. Я его спросил, где Алиса. Кот с Кусандрой без нее вышли. А он принялся копытом о землю бить. Я его спрашиваю — она в подвале? А козлик головой кивает. Вот и все.

— А где козлик? — спросила Алиса.

— Его Кот поймал, в замок утащил.

— Вынь меня отсюда, — сказала Алиса. — Ты не представляешь, как я замерзла.

— Вынуть тебя я не смогу. Окошко здесь слишком маленькое. Даже голова не влезет. Но я веревку принес. Ты сможешь по веревке вылезти?

— Если другого пути нет, — сказала Алиса, — значит, надо вылезать, правда?

— Умница, как здорово рассуждаешь! — обрадовался дракон. — Сейчас кину тебе веревку. Хорошая веревка, крепкая.

На секунду темный силуэт исчез, а в окошке снова загорелась яркая звезда, потом что-то зашуршало и мягко ударилось о пол камеры, рядом с Алисой.

Алиса нащупала конец веревки. Она потянула ее к себе.

— Ты готова? — спросил дракон.

— Готова.

— Тогда держись.

Веревка поползла вверх, и Алиса обхватила ее руками и ногами, отталкиваясь коленками от стены. Было так темно, что Алиса скоро потеряла счет времени и высоте. Ей казалось, что она давным-давно ползет куда-то вверх, к самому небу, руки болели от

напряжения, веревка резала ладони.

— Теперь держись, — сказал дракон. — Когда-то мне приходилось ловить рыбу удочкой для развлечения, и скажу тебе — самый рискованный момент, когда ты вытащил рыбу из воды. Не усмотрел — сорвется.

— Ну и сравнения у тебя, — сказала Алиса.

— Все из жизненного опыта, — сказал дракон. — Держись. Цель близка.

Алиса сама почувствовала, как ей в лицо повеяло теплым воздухом из окна. Змей Гордыныч тянул ее через край окна наружу, и Алиса отпустила одну руку, чтобы ухватиться за стену, но чуть не сорвалась — ноги устали держаться за веревку, а одной руки было мало. Хорошо еще, что дракон успел ухватить ее за протянутую вперед руку и рывком вытащить наружу.

— Ой, больно! — сказала Алиса. — Я вся о камни ободралась.

— Видишь, как я точно сравнил тебя с рыбой? — сказал дракон. — Ты тоже чуть не сорвалась. А теперь говори шепотом. Нас могут услышать.

Алиса посидела немного на земле, опершись спиной о жесткий бок дракона. Земля была холодной, но по сравнению с подвалом во дворе было как на летнем курорте.

— Ну, отдохнула? — спросила одна из голов Змея Гордыныча, которая нависала над ней. Две остальные головы осматривались вокруг, чтобы их не застигли врасплох.

— Да, — сказала Алиса. — Я понимаю, надо спешить.

— В любую минуту они могут тебя хватиться.

— Глупо все получилось, — сказала Алиса. — Я пришла помочь вам найти директора Царевича, а пришлось самой спасаться.

— Бывает, — сказал дракон. — Однажды я весь день сражался с рыцарями, десятерых уничтожил, а когда думал, что я победил, они натравили на меня мышь. Я вот ничего не боюсь, а мышей опасуюсь. Пришлось мне бежать. И ты, Алиса, беги, зови на помощь своего отца. Кусандра с Котом тоже времени даром не теряют. Они готовятся.

— К чему?

— К чему — не знаю, — сказал дракон. — Но хорошего от них не жди. Беги. И не забудь достать адрес моей двоюродной сестры.

— Не забуду, спасибо, Змей Гордыныч.

Алиса скользнула в дверь, которая вела в тронный зал.

При звуке ее шагов король заворочался на троне-кровати.

— А, это ты, — сказал он. — Я уже думал, что тебя поймали. Еды принесла?

— Я не была на кухне, — сказала Алиса, — а сидела в подвале. Но как только я отсюда выберусь, я принесу вам поесть.

— Дождешься от тебя, — вздохнул король. — Директора тоже не нашла?

— Нет, — сказала Алиса. — Спасибо еще, дракон выручил. Я спешу отцу позвонить, чтобы он приехал. Одной мне не справиться. У вас тут видеофон есть?

— Мне видеофон не нужен, — сказал король. — Кому я буду звонить? А служебный видеофон в соседней комнате, где Кусандра сидит.

Алиса пробежала через тронный зал, осторожно приоткрыла тяжелую входную дверь и оказалась на подвесном мосту. Замок поднимался сзади, такой же громадный, загадочный, как и раньше. Окно в дирекции светилось. Видно было, что Кусандра собирает чемоданы, а Кот в сапогах сидит на столе и перебирает какие-то бумажки. Алиса встала на цыпочки и увидела, что вокруг стола бегают испуганный козлик, а за ним лениво трусит Волк.

— Перестань его пугать, — сказал Кусандра, — ты мне мешаешь собираться.

— Я же его не съем, — ответил Волк. — Я физкультурой занимаюсь, тренирую животное. А когда он станет бегуном на длинные дистанции и прославится, вот тогда он скажет спасибо Волку-вегетарьянцу, который не жалел времени, чтобы сделать из козлика настоящего спортсмена.

— Ты лучше в подвал сходи, — сказал Кусандра Волку. — Погляди, все ли там в порядке.

— Не пойду, — ответил Волк. — Там темно и страшно.

— Трус, — сказал Кусандра. — Сбегай ты, Кот.

— Неохота.

— Я тебе ее поцарапать разрешу.

— В следующий раз.

Кусандра стал ругаться, а Алиса больше не стала задерживаться, чтобы узнать, чем кончится их спор.

Она побежала к кустам.

В черной тени первых деревьев она остановилась и тихо позвала:

— Медведь.

— Угу, — ответил Медведь. И медленно, еле ворочая языком, добавил: — Я волновался.

— Бежим, — сказала Алиса. — Пора звать на помощь. Бежим.

— Куда? — спросил Медведь.

— У Деда Мороза есть видеофон?

— Угу.

— Тогда бежим в холодильник! Только скорее.

Глава пятнадцатая. Собрание

В лесу уже стемнело. Казалось, что они попали в древние времена. Но тут над куполом высоко-высоко протянулся светящийся след космического корабля, и Алиса сразу догадалась, что это почтовый Москва — Луна. «Как странно, — подумала Алиса, — на корабле, наверное, никто не верит в сказки».

Медведь свернул с дорожки и побежал напрямик через кусты. Алиса за ним, даже под ноги не смотрела, так спешила. Через минуту они уже были на берегу реки, где жила Русалка. И тут Медведь споткнулся и чуть не упал — во все стороны разлетелись сухие ветки. Что-то белое мелькнуло под ними. Алиса, не поняв, в чем дело, наклонилась.

Под ветвями лежали четыре козлиных копытца и маленькие козлиные рожки.

— Стой, Медведь! — крикнула Алиса.

— У? — спросил Медведь, но остановился.

— Пойди сюда, — сказала она. — Только скорее.

Медведь вернулся.

— Видишь? — спросила Алиса.

— Угу, — сказал Медведь. И вроде бы совсем не удивился.

— Что вы здесь нашли? — раздался мелодичный голос.

Алиса увидела, что у самого берега из воды высунулась Русалка. Ее волосы сказочно блестели под светом вышедшей луны.

— Погляди, — сказала Алиса.

Русалка очень ловко подтянулась на руках и выбросила на берег тяжелый зеленый хвост.

— Понятно, — сказала она. — А я-то думала-гадала, что это здесь Волк ветками вчера засыпал?

— Вы понимаете, что он засыпал? — закричала Алиса. — Или не понимаете?

— Соображаю, — сказала Русалка, — небось не сегодня на свет вылупилась. Это рожки да ножки. Все, что осталось от козлика. Рожки да ножки. Я всегда подозревала, что Волк только притворяется вегетарьянцем. Даже надоел своими рассказами о морковке. А кто-нибудь видел, чтобы Волк ел морковку?

— Рррррр! — злобно зарычал Медведь.

— Понимаешь? — спросила Алиса.

— Угу, — сказал Медведь.

— Жалко козлика, — сказала Русалка.

— Сколько козчиков в заповеднике? — спросила Алиса.

— Сколько? Один, — сказала Русалка. — Зачем нам другой?

— Вот именно! — сказала Алиса. — А я только что, пять минут назад, видела козлика в комнате у Кусандры. Того самого, которого сегодня пас Кот в сапогах. А скажите, зачем Коту в сапогах пасти козлика? Как я раньше не догадалась!

— Не понимаю, — сказала Русалка, наморщив зеленый лобик. — Ты говоришь загадками, Золушка. Какой еще козлик? Зачем два козлика?

— Медведь, — сказала Алиса, — ты понял, что они заколдовали в козлика директора Ивана Ивановича и держат его в комнате у Кусандры? А настоящего козлика сожрал Волк-вегетарьянец!

— Угу, — сказал Медведь.

— Я побежала обратно!

Медведь покачал головой. Он был против.

— Да пойми ты, мохнатый, — сказала Алиса, они его в любой момент могут съесть! Я проберусь туда через королевский зал и расскажу обо всем дракону. Мы вместе постараемся освободить козлика. А ты зови на помощь всех, кого можешь. Ясно?

— Ой, какой ужас! — сказала Русалка. Она наконец-то догадалась, в чем дело. — Но ведь нас нельзя есть! Не разрешается! Сегодня они съедят козлика, потом за меня примутся! Как страшно! Я немедленно уйду из этого опасного заповедника.

И тотчас над лесом разнесся звон. Как будто кто-то ударил железной палкой по пустому котлу.

— Это что такое? — спросила Алиса.

— Сама не знаю, — ответила Русалка. — Никогда раньше не слышала.

Над заповедником послышался радиоголос:

— Вниманию всех зверей, людей и сказочных существ. Всем приказываю собраться тут же, мгновенно, немедленно, судорожно и со сказочной быстротой на поляне замка. Если кто не придет, он будет заточен и заколдован. Повторяю: немедленно, быстро, мгновенно, молниеносно всем собраться у замка!

Немедленно...

— Я опоздала, — сказала Алиса.

— Ты спрячься, — сказала Русалка, — а когда будет удобный момент, отнимешь у них козлика.

— Угу, — сказал Медведь.

— Если только мы не испугаемся, — сказала Русалка. — Ведь мы не люди, а сказочные экспонаты, мы приехали сюда из легендарной эпохи, когда все друг друга угнетали. Ты только посмотри, как все послушно прибегут. Мы привыкли слушаться.

— Посмотрим еще, кто сильнее, — сказала Алиса. — Бежим к замку.

— А я тут поплыву, — сказала Русалка и нырнула в речку.

Глава шестнадцатая. Что придумал кусандра

Алиса надеялась успеть к замку прежде, чем выйдут злодеи, и предупредить дракона, что директор превращен в козлика.

Но она не успела.

Добежав до края площадки перед замком, она поняла, что поговорить с драконом ей не удастся.

Площадка перед замком изменилась — на боковых башнях горели прожектора, ярко освещая траву и кусты. На перилах моста были укреплены факелы. Их красный свет отражался в гладкой воде рва. Сбоку в стене замка растворились широкие ворота, и Алиса, спрятавшись в кустах, где еще недавно лежал Медведь-молчун, увидела, как оттуда хвостом вперед вылезает дракон и тянет за собой хрустальный гроб со Спящей красавицей. Рядом с ним крутится Кот в сапогах и визгливо покрикивает:

— Левее, левее, в ров свалишься! Береги ее, мою красавицу! Я в нее безумно влюблен! Осторожнее, ты, крокодил ископаемый!

Дракон тяжело дышал черным дымом, но отмалчивался.

По дорожке из леса выехало кресло на колесиках, в нем сидела бабушка, но не вязала, а плакала. Сзади шла Красная Шапочка и толкала кресло, а за ними семенил Серый Волк и рассуждал:

— Если бы не возраст, если бы не мои болезни, разве я разрешил бы маленькой девочке делать такую работу, толкать родную бабушку! Никогда бы не разрешил.

— Помолчи, — сказала Красная Шапочка. — Бабушка плачет. Где ее занавес? Кто его украл?

— Не крал его никто, — обиделся Волк. — Где-нибудь дома завалился. Вы за плитой искали? Под кроватью смотрели?

— Издеваешься, что ли! — воскликнула бабушка. — Занавес — и вдруг под кроватью!

— Мне пора, — засуетился Волк, отводя глаза. — Надо торопить, подгонять, а у меня морковка не прополота!.. — И Волк скрылся в чаще.

«Странно, — подумала Алиса, — кому мог понадобиться такой громадный занавес?»

Площадка постепенно наполнялась зверями и сказочными существами. Некоторых Алиса уже видела, других еще не встречала. Выскочило целое семейство зайцев, белка с золотым орешком в лапках прыгнула с дерева, пришел лебедь в расстегнутой шкуре гадкого утенка, сонный и мрачный. Русалка подтянулась на руках, уселась на край мостика над ровом — видно, ров где-то соединялся с речкой, иначе бы ей так быстро не доплыть. Неподалеку от Алисы протопали гуськом гномы — впереди шла тетя Дагмара, потом два брата-рудокопа, последним брел Веня, тащил за руку куклу Дашу. Алиса еле удержалась, чтобы не окликнуть старого знакомого, но испугалась, что он обрадуется встрече и выдаст ее. Дракон поставил хрустальный гроб на краю площадки и вытер пот по очереди с трех

лбов. С шумом раздвинулись ветви — на площадку вышли Дед Мороз с мешком и Снегурочка, которая несла два раскладных стула. Она поставила их на траве, села на один, Дед Мороз — на другой. Дед Мороз вынул из кармана платок, вытер лицо и сказал:

— Ну и жарища!

«Вот уж не жарко, — подумала Алиса, — я опять заоченела».

Дед Мороз развязал мешок, вынул оттуда кусок льда, положил себе за пазуху, второй дал Снегурочке.

Алиса услышала, как Снегурочка наклонилась к бабушке, спросила шепотом:

— Она здесь?

— Должна быть, молчи, — сказал Дед Мороз. — Вот наш Медведь сидит. Видишь — нам кивает.

— Ну давай же, работай, скотина! — закричал Кот в сапогах на дракона. — Ты что, забыл?

— Иду, иду, — сказал дракон и раскрыл дверь в тронный зал. Он долго возился там, а его хвост, оставшийся снаружи, нервно бил по земле. Наконец, кое-как сдвинув с места, дракон выволок на площадку трон-кровать, на котором лежал толстый король.

Король прищурился, разглядывая собравшихся, потом громко сказал:

— Господа, у кого-нибудь есть с собой корка хлеба? Я умираю от голода.

— Отнеси королю, — сказала бабушка Красной Шапочке, доставая из-под шали кулек с пирожками. — Я его Золушке принесла, но что-то ее не видно.

«Я здесь!» — чуть было не крикнула Алиса. Она представила себе, какие вкусные у бабушки пироги, и проглотила слюну. Ну ладно, теперь осталось недолго ждать, скоро все кончится.

Красная Шапочка отнесла кулек с пирогами королю, тот развернул его и с такой скоростью начал кидать пирожки в широко открытый рот, что на площади наступила тишина — все с изумлением глядели на короля.

— Внимание! — закричал Кот в сапогах. — Все кланяются, низко кланяются, приветствуют нашего нового повелителя, истинного директора заповедника, великого волшебника и мага, бывшего Кащея Бессмертного, знаменитого Папу-Ягу, непобедимого, сурового, но справедливого, самого благородного из негодяев, властителя всего мира, его Узурпаторское величество Кусандру Первого!

Он визжал так громко, что зайцы и белки, лягушки, мышата и кроты упали на землю, гномы присели, Русалка чуть не свалилась в ров, бабушка заткнула уши, Красная Шапочка зажмурилась, дракон прижал головы к земле. Волк завел неизвестно откуда взявшийся граммофон, и под торжественный марш из дверей дирекции вышел Кусандра в золотой пожарной каске, завернутый в разноцветную тогу, такую длинную и широкую, что хвост ее скрывался в замке, хотя Кусандра уже перешел мостик. В одной руке Кусандра держал золотой жезл в драгоценных камнях, в другой — тяжелый мешок. Кот в два прыжка вернулся в замок и вытащил оттуда клетку с рябой курицей и упирающегося козлика.

На конце моста Кусандра замер и подождал, пока перестанет играть музыка. Потом поднял руку, призывая всех к тишине, хотя этого делать не надо было — все и так замолчали, пораженные необыкновенным зрелищем.

И в этой тишине раздался громкий голос бабушки.

— Что за безобразие! — воскликнула она. — Ты как посмел надеть на себя театральный занавес для детского музыкального театра, который я вяжу уже полгода? Вот,

значит, кто утащил занавес?

— Не утащил, — ответил за Кусандру Волк. — Эта тога реквизирована по приказу его Узурпаторского величества Кусандры Первого. Молчать! А то растерзаю! Это великая честь для занавески! — Волк оскалил зубы и зарычал.

— Ты должна гордиться, старуха, что твоя работа так высоко оценена руководителем нашего заповедника, — сказал Кот. — Ты должна сказать «спасибо».

— Еще чего не хватало! — возмутилась бабушка. — Ноги моей здесь больше не будет.

Бабушка хотела подняться с кресла на колесиках, но Кусандра поднял золотой жезл и сказал громовым голосом:

— На место! Если будете возражать, всех превращу в лягушек! Вы забыли, с кем имеете дело?

И он так грозно произнес эти слова, что бабушка испугалась. Честно говоря, и Алисе стало не по себе. В конце концов, этот Кусандра был волшебником, иначе как бы он заколдовал директора Царевича?

— Но я тоже хочу возразить, — послышался голос толстого короля с трона-кровати. — В ваших руках находится, если я не ошибаюсь, мой королевский скипетр. Вы не имеете никакого права его носить. Верните мне его немедленно.

— Я не люблю приказывать дважды, — сказал Кусандра. — Ты, жирный студень, уже не король, я тебя увольняю с этой должности. Отныне ты простой маркиз и будешь исполнять должность чистильщика моих ботинок. Снять его с трона!

Волк с Котом подскочили к трону-кровати, дружно навалились на короля и свалили его на траву. Король лежал на траве, как рыба, вытащенная из воды, вяло шевелил толстыми ручками и никак не мог подняться.

Кот в сапогах отряхнул хвостом пыль с трона. Волк взбил на троне подушки, и Кусандра взобрался на трон.

— У кого-нибудь есть еще возражения? — спросил он.

Он обвел глазами площадку, но все испуганно отводили глаза. Алиса заметила, что даже Дед Мороз и Снегурочка, даже Медведь-молчун, даже гномиха Дагмара — все отводили глаза. Ну что им было делать? Все-таки не настоящие, а сказочные экспонаты.

— Я решил сообщить вам, что власть в заповеднике законным образом перешла ко мне. Ваш бывший директор Иван Царевич не смог больше держать бразды правления и отрекся. Он испугался ответственности и по доброй воле превратился в козлика. В таком облике он прячется до сих пор. Котик, покажи нам трусливого дезертира, пусть все видят и осуждают его.

Кот в сапогах подтащил на веревке козлика, который упирался и сопротивлялся, но Кот в сапогах был куда сильнее. К тому же ему помогал Волк, который подталкивал козлика сзади и щелкал зубами.

«Так и есть, — подумала Алиса. — Я права. Ну что мне стоило догадаться раньше! Давно бы уже убежали! Бедный козлик! Как, наверное, обидно и страшно ему, доктору наук, профессору разных университетов, уважаемому человеку и ученому, когда его привязывают к ножке трона-кровати, на котором сидит мерзавец Кусандра».

— Ваше узурпаторство, — спросила Красная Шапочка, — если это директор, то где же настоящий козлик? Я так любила с ним играть.

— Я тебе не давал разрешения задавать вопросы, — прикрикнул на Красную Шапочку Кусандра. — Мне некогда тратить время на объяснения, но в виде исключения я скажу. Я

скажу, а вы все мотайте на ус, что случится с теми, кто посмеет меня ослушаться. Настоящего козлика мы наказали.

— Как наказали? — спросила тетушка Дагмара.

— А как наказывают козликов? — засмеялся Кот в сапогах. — Был козлик, остались рожки да ножки.

— Ох! — По толпе экспонатов прокатился вздох ужаса. Некоторые даже заплакали.

— Не может быть! — сказал Дед Мороз. — Такого у нас в заповеднике еще не бывало.

— Не бывало, так будет, — сказал Кусандра. — Отныне в заповеднике устанавливаются дисциплина и порядок. Кто не послушается, тот будет наказан, и это я поручаю Серому Волку.

— Так вот кто козлика съел! — сказала бабушка. — Так вот кто главный притворщик и негодяй! А я его пускала к себе в дом и кормила пирожками! Стыд и позор на мою седую голову!

— Молчи, старуха, — сказал Волк. — Прошли гуманные времена. Хватит с меня морковки.

— Но как же так? — пискнул один из зайчиков, дрожа от ужаса. — Ведь вы так любили морковку! Мы вас совсем не боялись.

— Бояться волков не надо, — сказал Волк. — Зачем меня бояться? Я был вегетарьянец и остаюсь вегетарьянцем. Все сказки хорошо кончаются. Детки должны воспитываться на хороших примерах, добро — ха-ха-ха — торжествует, порок — ха-ха-ха — наказан. Пускай детки и зайчики верят, что волки грызут морковку. Пускай они растут добренькими и нежненькими. Растут себе и растут. А потом наступит время, и их только вкуснее будет кушать. — Волк прошелся перед собравшимися, картинно шевеля хвостом и показывая всем, какие у него длинные, крепкие и острые клыки. — Нет, — продолжал он, — мы всегда и во всем остаемся гуманистами. Но у нас есть долг! Очищать леса и заповедники от ненужных вредителей. Мы — санитары леса! Мы — его честная стража! Стража порядка...

— Ну ладно, хватит, — оборвал его Кусандра. — А то ты можешь до ночи выступать. Главное ясно: все, кто встает у нас на пути, будут наказаны до смерти. Надеюсь, все это уяснили и трепещут. Вы все трепещете?

— Трепещем, — сказали зайчики и белочки.

— Отлично, — сказал Кусандра. — Бывший король, перестань стонать. Ты нам не нужен.

— Я больше не буду, — сказал толстый король и шмыгнул носом. — Я просто еще не привык, но я обязательно привыкну.

Кусандра молча обвел черными очками площадку. Все затаили дыхание. Кусандра откашлялся, улыбнулся, показав золотые зубы, и продолжал:

— Я собрал вас здесь, мои послушные подданные, для того, чтобы сообщить вам мой новый приказ. Заповедник закрывается!

— Ой, — сказал зайчик. — А мы еще урожай не собрали! Капуста не поспела.

— Пустяки, — сказал Кусандра. — Не о капусте надо думать в такой исторический момент. Не о ка-пус-те!

— Кто здесь говорит о капусте? — спросил Волк, направляясь к зайчику.

Зайцы замерли.

— Волк, не отвлекайся, — сказал Кусандра.

— Слушайте! — закричал Кот в сапогах. — Все слушайте!

— Мы уходим, — сказал Кусандра. — Мы уходим в легендарную эпоху. Все без исключения.

— Как мудро! — воскликнул Волк.

— Как гениально! — мяукнул Кот в сапогах.

— Простите, конечно, ваше узурпаторство, — сказала тетя Дагмара, нарушив тишину, наступившую у замка. — Но зачем нам уходить? Мы по доброй воле приехали в заповедник, живем здесь в нормальных тихих условиях...

— Если, конечно, нас не начинают кушать, — сказала Русалочка.

— Если, конечно, среди нас нет бандитов и убийц, — дополнила тетя Дагмара.

Тетя Дагмара была чуть выше травы, и красный ее колпачок покачивался, словно цветок, под светом прожекторов. Но тетя Дагмара была отважной женщиной — ее не удалось запугать даже таким великанам и мерзавцам, как Кусандра и его подручные.

— Я тебе делаю предупреждение, гномиха, — сказал Кусандра. — Но не отказываюсь от ответа. Мне нужны размах и власть. Никакого размаха и власти в этой клетке я не имею.

— Не поедем мы с тобой, — сказала Дагмара. — Мы договор подписывали с Иваном Ивановичем, условия жизни у нас хорошие, соседи не обижают. Куда нам ехать?

— В древний век! — закричал Кусандра, поднимая руки кверху, его черная тень метнулась к кустам, и Алиса даже отшатнулась, чтобы тень до нее не дотянулась. — В наш славный, жестокий, низменный и привлекательный век, когда миром правили сильные, а справедливости, права, законов — всей этой галиматьи, которую придумали для слюнтяев, — еще не было! За мной, обратно в легендарную эпоху!

— Ура-а! — закричали Волк и Кот.

Остальные молчали.

— Еще раз, — сказал Кусандра, — все вместе повторяем за мной: «Уррра!»

Опять же завопили только Волк с Котом.

— Ладно, отставить, — махнул рукой Кусандра. — Вашим воспитанием я займусь позже. Лишнего с собой не брать. Слюней не распускать. Всем ясно?

— Неясно, — раздался густой бас Деда Мороза. — Совершенно неясно. Что нам там делать, в эпохе легенд, чем жить будем, кому мы там нужны, кто там нам нужен? Что нам грозит здесь, в конце концов?

— Тебе, Дед Мороз, с готовностью объясняю, — сказал Кусандра.

Алиса поняла, что Деда Мороза Кусандра немного побаивается.

— Что нам грозит здесь? — спрашиваешь ты. — Нам здесь грозит прозябание и скука. Мы сидим по уголкам, на нас глядят сверху ихние культурные дети — а не стыдно ли нам, создателям бурного прошлого, превратиться в эк-спо-на-ты? Разве мы — камни в музее? Мы с вами умчимся в далекое прошлое, в славную эпоху легенд, когда миром правили волшебники и колдуны, когда разбойники бродили по лесам, когда стаи волков пожирали одиноких путников, когда короли волшебных царств строили себе дворцы из жемчугов и алмазов. И тот, кто был сильнее всех, богаче всех, наглее всех, становился господином мира! И там господином мира буду я! Я — Кусандра Неповторимый, я — Кусандра Зловещий!

— Ура! — закричал Кот и осекся, потому что Кусандра продолжал:

— А вы будете моими придворными, моими слугами и помощниками. Каждому из вас гарантирую богатство и безнаказанность!

— Меня будут любить все красавицы! — закричал Кот в сапогах. — Всех защекочу!

— Я буду гоняться за тучными овцами и молочными телятами! — закричал Волк.

— Всем хватит! Всем!

Дед Мороз подождал, пока они откричат, и спросил:

— А на какие же доходы ты собираешься править миром? Одним волшебством не справишься.

— Это точно, — сказал толстый король, — у меня самого пять волшебников при дворе жили, а все равно меня сосед завоевал, все отобрал.

— Волшебник волшебнику рознь, — сказал Кусандра. — Я буду посильнее других волшебников. Смотрите!

Кусандра поставил на землю мешок и развязал его. Мешок был полон сверкающих золотых яиц.

— Все золото мира! — кричал Кусандра и махал руками так, словно сошел с ума... — Все золото Вселенной! Сколько нужно, столько и будет! Теперь вы поняли, какой я великий?

— Поняли, — сказал Дед Мороз. — Золото у тебя есть. Хоть и ворованное. Только подохнет курочка, останешься без золота.

— К тому времени я успею покорить весь мир, — сказал Кусандра. — И сделаю это с вашей помощью. Со мной будешь ты, Дед Мороз, — значит, за меня все вьюги и метели! Со мной дракон Змей Гордыныч — берегитесь, рыцари! Он стоит целой армии. Со мной Спящая красавица! Мы будем брать по тысяче золотых монет с каждого принца, который захочет ее поцеловать! Со мной Волк и Кот — истинные мастера коварства и подлости. Со мной все вы, мои друзья! То, чего не может сделать один волшебник, всегда добьется целая банда! Я богат и непобедим!

Дед Мороз покачал головой, не понравилось ему все это, но он пока не знал, что бы еще сказать. Поэтому замолчал, сел на стул и положил за пазуху еще кусок льда.

— Дедушка, не волнуйся, — успокаивала его Снегурочка. — Здесь так жарко, а у тебя давление. Может, вернемся в холодильник? Не поедем с тобой в древние времена. В крайнем случае будешь работать мороженщиком.

Но Дед Мороз не ответил. Он глубоко задумался. «Неужели и он испугался Кусандру? — подумала Алиса. — Это было бы очень плохо. Так можно совсем остаться без союзников. Один верный друг — дракон, да и тот безнадежный трус».

— Еще вопросы будут?

— А как мы туда попадем? — спросила Белка.

— Глупая, — сказал Кусандра, отмахнувшись от нее. — Наш директор привез нас сюда на машине времени. Как приехали, так мы и уедем. Машина-то стоит, нас ждет. Все. Больше вопросов не будет. Дискуссии окончены. Всем ясно? Теперь мы будем голосовать за то, чтобы ехать в легендарную эпоху. Рук не подымать, рта не раскрывать. Кто пискнет, будет иметь дело с моими волками и котами, а они шутить не любят. Итак, кто за то, чтобы ехать в прошлое? Все молчат? Значит, все согласны. А теперь можно хлопать в ладоши и кричать «ура!». Кричите и хлопайте. Волк и Кот, следите, чтобы все кричали и хлопали.

Но так как никто не закричал и не захлопал, Коту и Волку пришлось кричать и хлопать вдвоем, что они и сделали, хоть уже оба охрипли.

— Ой, — вдруг крикнула Русалка. — Смотрите, что творится!

— Что? — спросил Кусандра, оглянувшись. — Где?

Он очень нервничал, боялся, что не успеет увести всех из заповедника.

— Вода! — сказала Русалка, показывая на ров. — Вода!

Алиса из своего укрытия не видела, что там происходит, но скоро по голосам сбежавшихся ко рву животных она догадалась, что вода во рву исчезла.

— Там дырка в земле! — говорили зайцы.

— Наверное, начинается засуха, — крикнула Снегурочка. — Я вся иссыхаю.

— Пустяки, — сказал Кусандра. — Так и надо. Это предусмотрено. Не обращайтесь внимания. Это открылись шлюзы.

— Какие шлюзы? — спросила бабушка Красную Шапочку. — А вдруг они причинят кому-нибудь вред?

— Уже причинили! — захохотал Кот в сапогах.

— Что случилось? — Дед Мороз поднялся с места. — Что вы еще натворили, преступники?

— Ничего особенного, Мороз Тимофеевич, — сказал Кусандра. — Мы поймали человеческую шпионку, которая скрывалась среди нас под видом Золушки. Среди нас нашелся низкий предатель и провел ее в заповедник. Мы ее поймали, посадили в подвал, но случайно открылись шлюзы, и вода из рва протекла внутрь. Теперь вода затопила подвал. Мы не успели спасти эту девочку. Она утонула, бедная крошка, туда ей и дорога.

Под светом прожекторов засверкали золотые зубы Кусандры.

— Вы утопили девочку Алису? — ахнула тетушка Дагмара. — Вы совершили еще одно преступление!

— Что делать? — сказал Кусандра. — Нам приходится прибегать к решительным мерам. Я предупреждал вас, что цацкаться ни с кем не буду. Я — Кусандра Великолепный! Кусандра Злобный! Кусандра Страшный! И не становитесь на моем пути. Растерзаю! Пусть судьба той Алисы, как и судьба директора, будут вам уроком. Собирайтесь, пошли за мной!

— А вещи? — спросила Русалка. — Мы тут вещами обзавелись, сувенирами...

— Будут у вас другие вещи и другие сувениры. Ну, марш, марш!

Сказочные существа растерянно шевелились, некоторые уже начали продвигаться к мосту. Другие оставались на местах. Страшные преступления Кусандры многих напугали. Над площадкой стоял шум. Алиса услышала, как совсем рядом рыдает Снегурочка.

— Как же я теперь буду! — плакала она. — Я лишилась лучшей подруги, мы с ней собирались кататься на коньках...

— Не обращай внимания, — сказала тихо Снегурочке голова дракона, которая протянулась к ней через всю площадку. — Они пустой подвал затопили, вы уж мне поверьте. Я молчу-молчу, некоторые думают, что от страха, а я не от страха, а от осторожности и от мудрости.

— Я им не верю, — прошептал Медведь-молчун.

— Тогда их дело плохо, — сказал Дед Мороз и улыбнулся в усы.

Волк большими прыжками носился по площадке, подгоняя всех к мостику, где их уже поджидали Кусандра и Кот. Они загоняли в замок первых зайчиков и белок.

И тут послышался голос Волка:

— А это еще что такое?

Алиса увидела, что Волк наклонился над гномом Веней, который пытался скрыться в траве, волоча за руку куклу Дашу.

— Не трогай, это моя невеста! — закричал Веня.

— Кто-кто? — спросил Волк. — Невеста?

— У гнома невеста? — спросил Кусандра. — А ну-ка, дайте ее сюда!

Кот одним прыжком подскочил к гному, который прижимал к себе растрепанную и измазанную землей куклу, выхватил ее и бросил Кусандре. Кусандра поймал куклу на лету и начал вертеть в руках.

— Не наша, — сказал он. — Все сходится. Я и без того знал, что нас предал этот презренный землекопатель. А ну, признавайся, тебе Алиса эту невесту дала?

— Ничего она мне не давала, — сказал гном, — я сам с ней познакомился.

— Значит, ты украл ее у Алисы?

— Нет, она разрешила...

Алиса закрыла лицо ладонями. Так и есть. Он проговорился!

Раздался зловещий хохот Кусандры. Ему вторили Кот с Волком.

— Ты достоин смерти за предательство! — крикнул Кусандра. — Ты провел в наш заповедник шпионку! Ты мой враг, ты хотел разоблачить меня и спасти директора Царевича. Ну что ж, давай разоблачай. Где твой Царевич? Вот он, у моих ног, на веревочке...

— Смерть, смерть злодею! — закричал Волк. — Разреши, я его прикончу вместо морковки.

— Нет, он у меня еще помучается, он еще на меня поработает. Я его прикую на цепь в алмазных шахтах вместе с его братьями и зловредной теткой Дагмарой. А сейчас... Смотрите!

Все замерли от ужаса.

Кусандра начал крутить длинной рукой, сжимая в кулаке куклу Дашу. Кукла попискивала, как живая, а гном, понимая, что опасность грозит его возлюбленной невесте, закричал:

— Только не это! Только не это! Она не переживет!

— Стой! — крикнул Дед Мороз.

Рука Кусандры крутилась, как винт самолета, и, наконец, кукла вырвалась из руки и полетела вверх, долетела до шпиля на башне замка и зацепилась платьем за его конец. И повисла там, покачиваясь, как опавший флажок.

— О, горе! — рыдал гном. — Я не переживу.

— Хватит преступлений! — воскликнул Дед Мороз. — Почему мы, честные сказочные жители, должны подчиняться кучке преступников и злодеев? Почему мы не можем их выгнать?

— Можем! — сквозь слезы пискнул гном Веня.

— Можем, — сказали его братья.

— Им все одно — что козлик, что кукла, что девочка, — сказала бабушка Красной Шапочки. — Разве я могу доверить им судьбу моего ребенка? Иди сюда, Красная Шапочка, мы остаемся. И не забудьте вернуть мне занавес детского музыкального театра!

Дед Мороз грозно надвигался на Кусандру. Кусандра начал отступать к замку. Но Кот не растерялся. Он рванул факел, прикрепленный к перилам моста, и принялся махать им в воздухе.

Сказочные экспонаты бросились врассыпную. Дракон зажмурился и присел, закрыв лапами все свои шесть глаз.

Дед Мороз на мгновение остановился.

— Дедушка! — закричала Снегурочка. — Дедушка, дорогой, хорошенький, вернись, они тебя сожгут. Тебе вредно! Ты растаешь!

Дед Мороз продолжал идти вперед, хоть Снегурочка повисла на его шубе и старалась

остановить Мороза Тимофеевича. Искры сыпались вокруг старика, и от него уже шел пар — наверное, начал таять.

«Сейчас или никогда!» — поняла Алиса.

Она увидела, что никто не смотрит на козлика, так все увлечены схваткой Деда Мороза с Котом. Она выскочила из-за куста и, пригнувшись, метнулась к трону, к ножке которого был привязан заколдованный директор.

— Иван Иванович, я вас освобожу! — крикнула она.

Козлик увидел Алису, рванулся к ней навстречу, но веревка дернула его и отбросила обратно.

Алиса прыгнула вперед и, падая, дотянулась до ножки трона, толстой, как нога слона. Она дернула за узел, но узел не поддавался — козлик, дернувшись к Алисе, еще туже затянул его.

Алиса лежала на траве, дергала за этот проклятый узел и не видела, как разворачивается бой над ее головой. Она не видела, что Кусандра тоже схватил факел и вместе с Котом заставил исходящего паром Деда Мороза остановиться, закрыть лицо варежками и отступить. И они так увлеклись, так издевались над пожилым человеком, прыгая вокруг него, словно мальчишки, тыкая в него горящими факелами, что забыли про Алису. Снегурочка пыталась заступиться за деда, но ничего не могла поделать, а Медведь-молчун, который тоже боялся огня, спрятался в кусты. А между тем Дед Мороз уменьшался и таял.

— Алиса! — рядом раздался тонкий крик. — Мы здесь.

Алиса оглянулась. Из травы торчали красные колпаки братьев-гномов.

Гномы выхватили из-за поясов маленькие ножи и начали быстро пилить узел. Им потребовалось всего десять секунд, чтобы освободить козлика.

Десять секунд. Это значит, что можно было бы только досчитать до десяти... Но этих десяти секунд было достаточно, чтобы Кусандра и Кот загнали в кусты несчастного старика Мороза и увидели наконец, что Алиса, подхватив конец веревки, хочет убежать в лес с козликом.

При виде этого Волк взревел страшным голосом, а Кусандра и Кот, взяв факелы на изготовку, как ружья, кинулись к Алисе.

Все обернулись к трону и увидели, что под светом прожекторов посреди площадки, у королевского трона-кровати мечется девочка в разорванном розовом сарафане, босая и встрепанная. А к ее ногам жметесь козлик-директор.

— Не может быть! — кричал Кусандра. — Ее утопили!

— Не может быть! — кричал Кот. — Ты же в подвале!

— Алиса! — кричал гном Веня. — Спаси мою невесту!

Алиса понимала, что бежать некуда, что Кусандра с приятелями ее все равно поймают. И тогда она собрала все силы и всю свою храбрость — ей очень надоело прятаться, убегать и вообще бояться этих сказочных негодяев. В конце концов, она, Алиса Селезнева, школьница конца двадцать первого века, когда люди летают на далекие звезды и не верят в волшебников, когда уже никто не обижает слабых и не грабит, не предает, не убивает и не заставляет делать подлые вещи.

— Хватит! — сказала Алиса. — А ну, спрячьте свои спички! Вам нельзя играть с огнем! Я кому говорю!

И Кусандра с Котом нерешительно остановились, заколебались. И Алиса почувствовала

их неуверенность.

Все было как во сне. Сон кажется настоящим и даже страшным, но если поймешь, что это всего-навсего сон, то он кончится.

— Утопить меня решили! — сказала Алиса. — Еще чего не хватало. Вы что, забыли, что вы только экспонаты, из прошлого времени? Вы забыли, что вы здесь в гостях!

— Они забыли, — сказал король, который все еще лежал на земле. — А я помню. Их давно надо поставить на место.

— Ой, какая красивая девочка, — вдруг мяукнул Кот. — Можно, я тебя защекочу?

— Смотрите, кого вы слушаетесь, — сказала Алиса. — Это же просто сумасшедший Кот, большое животное, его на цепочке держать надо.

— Что она говорит? — закричал Кусандра. — Она не имеет права вмешиваться. Здесь я начальник!

— И это ненормальный колдун, самозванец и убийца! — сказала Алиса, показывая на Кусандру. Наворовал мешок золотых яиц и думает, что может вами командовать. Если ты такой сильный, заколдуй меня, убей, ну, чего ты задрожал?

— Они самозванцы, — сказала тетушка Дагмара. — Я думаю, что их надо связать и посадить в подвал.

— В подвал! — сказал Медведь-молчун. — В подвал. Хватит. Я весь год молчал, но уж если я заговорю, то держитесь.

— Не смей! — закричал Кусандра и завертелся на месте, сверкая черными очками и рыча на сказочных существ, которые сходились со всех сторон, потому что перестали его бояться.

— Да посмотрите на них, — сказала средняя голова дракона, — они же не страшные. Кого мы боялись?

— Да, кого мы боялись? — повторила Русалка. — Не нужно их бояться.

Кусандра вдруг съежился и стал пятиться к мосту, обходя Алису и козлика. Кот пятился за ним, оцетинив шерсть и поджав хвост. Шляпа у него съехала на одно ухо и закрыла правый глаз, и от этого у Кота был залихватский и веселый вид, что совершенно не соответствовало действительности.

— Дорогие сказочные существа, — сказала Алиса. — Я понимаю, что вам было страшно. Я сама испугалась, особенно когда они так нагло себя вели и мучили несчастного Деда Мороза. Но ведь если подумать, чего страшного в негодях и хулиганах? Только то, что они нахалы. Даже поодиночке многие сильнее, чем они. Дракон Змей Гордыныч одной лапой может их разбросать. Медведь их может победить, а уж если все вместе, им вообще делать здесь нечего.

— Вообще-то победить можно, но как-то не приходило в голову, — признался Змей Гордыныч. — Я, к сожалению, не успел об этом подумать.

— Вам всем должно быть стыдно. Они обманом заколдовали директора, занавес украли, короля голодом морили, чуть не растопили Деда Мороза, куклу забросили на шпиль, а вы молчали.

— Очень стыдно, — сказала бабушка Красной Шапочки. Бабушка обернулась к Деду Морозу и спросила: — Как вы себя чувствуете?

— Ничего, — сказал Дед Мороз, — сейчас вернусь в холодильник, и все пройдет. Остужусь. Алиса права, не бояться надо было, а просто гнать их вон и не обращать на них никакого внимания.

Вдруг Русалка, сидевшая на перилах, закричала:

— Они убежали! Ловите их!

Кот, который нес клетку с курочкой Рябой, и Кусандра, который тащил тяжелый мешок с золотыми яйцами, неслись по мосту к замку. И вот уже хлопнула окованная железными полосами дверь. Они исчезли.

— Убежали, — сказал упавшим голосом дракон. — Теперь они чего-нибудь придумают...

Волк на цыпочках начал красться к мосту, стелился по земле, думал, что никто его не заметит.

Но когда он уже добрался до моста, тяжелая лапа Змея Гордыныча прижала его к доскам.

— Ты куда? — спросил дракон.

— Я? — спросил Волк. — Я хотел дверь закрыть. Дует.

— Сбежать он хотел, — сказала бабушка Красной Шапочки. — Не хочет отвечать за свои преступления.

— А у меня не преступления, — сказал быстро Волк, — у меня искренние заблуждения, вызванные слабостью моего характера. Я в самом деле люблю морковку, но я попал под плохое влияние. Думаете, я хотел кушать козлика? Я плакал, когда его кушал, я кушал и обливал его слезами.

— Но ведь кушал, — сказал дракон, не отпуская лапы.

— Мы теряем время, — сказала тетюшка Дагмара. — Волк нас отвлекает, а они убегают.

— Я? — удивился Волк. — Отвлекаю? Да я сам хочу спастись. Зачем я буду о других заботиться?

Веревка, на которой Алиса все еще держала козлика, натянулась.

Козлик заблеял и потянул Алису к мосту.

— Ты знаешь, куда они побежали? — спросила Алиса.

— Беее, — сказал козлик.

— Тогда бежим.

— Я с тобой, — сказал Медведь-молчун.

— И мы, — сказали гномы.

— И я, — сказал толстый король.

Они побежали в замок.

Глава семнадцатая. Кусандры больше нет!

Алиса ворвалась в пустую комнату, где стояли чемоданы и сундуки Кусандры с награбленным добром. Козлик пробежал, цокая копытцами, по каменным плитам и остановился перед дверью в конце комнаты.

Алиса догнала его и отворила дверь.

За ней оказался обыкновенный белый коридор, как бывает в учреждениях.

Козлик знал, куда бежать дальше. Он замер перед второй дверью налево и нетерпеливо застучал копытом о пол. Он делал это очень смешно, как дрессированный, но Алиса не засмеялась, потому что нельзя смеяться над доктором наук, хоть и заколдованным.

— Ну, я им покажу! — пыхтел толстый король, догоняя Алису. — Я их всех на чистую воду выведу! Чего захотели, на что руку подняли.

Алиса толкнула дверь, она не открывалась.

— Откройте сейчас же! — сказала Алиса. Она постучала. Никакого ответа, хотя слышно, как там, внутри, кто-то возится, гремит, шуршит.

Рядом раздалось частое дыхание Медведя.

— Пусти, — сказал он.

— А ну, Мишка! — крикнул толстый король. — Навались!

Медведь нажал на дверь — козлик еле успел отскочить.

Дверь покачнулась, но не поддавалась. Медведь нажал сильнее, он ревел от напряжения, даже стонал, дверь выгибалась внутрь, но не поддавалась.

— А ну-ка! — толстый король отошел назад, покачнувшись на месте и изо всей силы врезался в Медведя. Медведь ухнул — дверь взвизгнула, слетела с петель, и оба они, Медведь и толстый король, упали внутрь комнаты. Послышался грохот, звон, и все стихло.

Козлик подбежал к двери и осторожно заглянул внутрь.

Король и Медведь лежали оглушенные посреди большой комнаты, заставленной приборами, среди разбитых колб, склянок, машин, амперметров и вольтметров, градусников и экранов. А в глубине комнаты стояла будка, над которой висела табличка.

«Осторожно! Не подходить: машина времени».

Дверца в машину была закрыта, внутри ее метались разноцветные искры и клубился оранжевый пар. Машина работала.

Перед машиной сидел, сняв шляпу, лысый Кот в сапогах и отчаянно рыдал, совсем как маленький ребенок.

— Ой, — сказала Алиса. — Сколько мы всего разбили!

Но козлик не слышал ее — он побежал к машине времени и остановился рядом.

— Эээ-х, — сказал он.

Алиса, перешагивая через битое стекло, подошла поближе. И увидела, что на двери машины времени горит экранчик. В нем надпись:

«Машина работает. Направление: легендарная эпоха».

— Опоздали? — спросила Алиса.

Козлик печально наклонил голову.

— А меня он бросил! — сказал Кот в сапогах. — Меня он оттолкнул ногой. За верную службу и за все преступления, на которые я за него шел, — вот моя плата. — Кот поднял с пола золотое яйцо, подкинул лапой, яйцо упало на пол и разбилось. Из яйца полился желток.

— Что такое! — изумился Кот в сапогах. Этого не может быть! Золотые яйца не бьются.

— Оно не золотое, — сказал толстый король. — Это обыкновенное, крашенное золотой краской яйцо. Кусандра и здесь тебя обманул.

— О, горе мне! — возопил Кот в сапогах. — О, горе! Я разорен и оклеветан.

— Иди отсюда, — сказал король. — Не мешайся под ногами.

— Правильно, — сказал Кот в сапогах. — Я сообщу народу, какому обманщику они подчинялись! Я первым открою всем глаза! Я еще докажу, что я не такой плохой, как кажусь.

— Нет, — сказал тоненький голос. — Не выйдет.

В дверях стоял гном Веня.

— Ты отобрал у меня невесту и отдал Кусандре.

— Я пошутил! — Кот попятился перед гномом.

— А теперь мою невесту не может достать даже дракон. Ты мне за это ответишь!

— Я? А ты знаешь, куда я шел? — спросил Кот, сладко улыбаясь. — Я спешил залезть на башню и достать нашу дорогую девочку. Пусти меня, дорогой гном, я спешу — на такой высоте кукла может простудиться.

Кот побежал из комнаты, за ним гном Веня.

— Чего же мы ждем? — спросил толстый король. — Пошли. Наша сказка кончилась. И кончилась, как положено, благополучно.

— Не совсем. — Алиса показала на плачущего козлика.

— Ах, я совсем забыл, — спохватился король. — Дорогой наш Иван Иванович, разве вы не сможете расколдовать без помощи этого Кусандры?

Козлик покачал головой и побрел к выходу.

Медведь поднялся с пола, очумело огляделся, ухнул и тоже заковылял прочь. Последними ушли Алиса с толстым королем.

Алиса вышла на мост.

На площадке все толпились сказочные существа — никто не расходился.

— Ну как дела? — спросила Русалка, сидевшая на перилах.

— Все, — сказала Алиса. — Кусандра сбежал в легендарную эпоху.

— А Кот? — спросила Красная Шапочка.

— Кот? — Алиса посмотрела вверх. Остальные тоже подняли головы и увидели, как с высокого шпиля башни спускается Кот, царапая каблуками по черепице. И держит в лапе куклу Дашу.

Увидев, что все на него смотрят, Кот остановился и закричал:

— Вековая мечта исполнилась! Совместными усилиями нам удалось избавиться от так называемого правителя, якобы волшебника, будто бы Кащея, псевдо-Кусандры! Уррра!

— Ура! — закричал Серый Волк.

— Молчи! — прикрикнул на Волка зайчик и кинул в него морковкой.

Волк подхватил морковку и начал демонстративно жевать, хрустеть и приговаривать:

— Сказочная пицца! Витамины!

— Я уже сложил радостную песню в честь освобождения от Кусандры! Слушайте, мои дорогие друзья!

Кот взмахнул лапой, забыл, что висит на крутом шпиле, выпустил куклу Дашу и полетел оттуда вниз, в ров. Грязь поднялась столбом, все засмеялись, а Змей Гордыныч подхватил на лету куклу Дашу, осторожно поднял ее в громадных лапах и спросил:

— Кому невесту передать?

— Сюда, — сказала тетушка Дагмара. — Мы о ней позаботимся.

Веня схватил несчастную растрепанную куклу в объятия.

Все стали поздравлять гнома.

Началась суматоха. Только Спящая красавица посапывала в хрустальном гробу, будто ее это не касалось.

— Ах! — сказала Русалка. Раскрыв зеленый рот, она в ужасе смотрела, как из рта карабкается страшное бесформенное существо, покрытое тиной, водорослями и грязью.

— Не обращай внимания, — сказала Алиса, — это Кот в сапогах. Где же здесь видеофон?

Козлик топнул копытом, зовя за собой. Алиса прошла за ним в комнату к видеофону, набрала свой номер. Пока экран не зажегся, она глядела в окно. В заповедник возвращалась обычная жизнь. Вон уходит с площадки Дед Мороз, он горбится и еле переставляет ноги. Его осторожно поддерживают Снегурочка и Медведь-молчун. Красная Шапочка катит к лесу кресло на колесиках, а бабушка дремлет в нем. Сзади еле бредет Серый Волк, волочит, подхватив зубами за край, занавес детского музыкального театра...

Зажегся экран. На экране возникло взволнованное лицо отца.

— Алиса! — чуть не закричал он. — Что с тобой? Где ты? Даже зная о твоей склонности к приключениям, я удивлен! Ты здорова? Я всю Москву на ноги поднял!

— Я здорова, — сказала Алиса. — Все хорошо кончилось. Я в заповеднике сказок.

— Где? Ты знаешь, сколько сейчас времени? Что ты там делаешь?

— Папа, я никак не могла тебе раньше позвонить. Я сидела в подвальной тюрьме, а потом мы боролись со злым волшебником. Только сейчас от него отделались.

— Ох уж мне твои фантазии! — воскликнул отец. — Я сейчас за тобой лечу!

— Не надо. Я ничего не придумала. Здесь рядом со мной профессор Иван Иванович Царевич, директор заповедника, ты его, наверное, знаешь. Сегодня утром он тебе звонил, но ты не догадался, что это он. Мы вернемся домой вместе, тебе надо вылечить его от одной необыкновенной болезни.

— Но я же космический ветеринар, а не обыкновенный доктор! — сказал отец.

— Вот именно, — сказала Алиса. — Сейчас я позову его к видеофону, и ты все поймешь...

1. Консилиум

Уже неделю в доме Селезневых жил заколдованный директор заповедника сказок Иван Иванович Царевич в шкуре серого козлика. Жизнь дома была сложной и нервной. С одной стороны, казалось бы, что такого? Одним животным в доме больше. Уже есть марсианский богомол, котенок, домработник Гриша... Входит, к примеру, в квартиру гость, слышит — топ-топ по коридору острые копытца. Из дверей выбегает козлик, острые маленькие рожки, борода еще не выросла, смотрит на гостя жалобными глазами и молчит.

— Ах, — говорит гость, — новое животное завели? А чем он питается?

— Нет, — начинает Алиса, — он совсем не то, чем кажется...

И замолкает, потому что обещала козлику не раскрывать его ужасной тайны, не рассказывать каждому встречному-поперечному, что злой и неудачливый волшебник Кусандра, стараясь захватить в заповеднике власть, подсунул директору, доктору наук и профессору Царевичу вместо чая — воды из той самой волшебной лужи. Выпьешь ее, и превратишься в козлика.

Если объяснять это каждому гостю, то гость потребует продолжения истории и, может, даже ее счастливого завершения. А сделать это нельзя — ни продолжения, ни счастливого завершения эта история пока не имела. Кусандра успел прыгнуть в машину времени и пропасть в дебрях легендарной эпохи, которая затерялась где-то между третьим и четвертым ледниковыми периодами. Он унес с собой курочку Рябу, мешок с позолоченными яйцами и секрет спасения директора.

Расскажешь об этом гостям, начнутся пустые речи, что бы сделать, как бы придумать... а вот я знаю одного профессора... а вот я слышал, что на Альдебаране это лечат... Но, оказывается, нигде не лечат. Доказательство тому вчерашний консилиум. Консилиум означает собрание самых знаменитых врачей, биологов и генных инженеров, которые в кабинете Алисиного отца поставили на середину несчастного директора, глядели на него в микроскопы, телескопы и другие приборы, мерили ему давление, брали анализ крови, а потом каждый показывал, какой он знающий ученый.

— Во-первых, — сказал, опершись о трость, седой, объемистый, бородатый профессор Володин, — мы еще не установили, является ли наш пациент человеком или, простите, только козлом.

— Ой, — возмутилась Алиса, которую допустили на консилиум. — Вы же оскорбляете Ивана Ивановича! Вы думаете, что он не понимает, а он не глупее вас.

— Может быть, — сказал профессор Володин. — И тем не менее, научная проверка необходима, не так ли, коллеги?

И его коллеги склонили умные головы, потому что были настоящими учеными и ничего не принимали на веру.

Козлик тоже кивнул головой, потому что даже в таком диком виде он оставался ученый.

— Как же вы это проверите? — спросил отец Алисы Селезнев, директор космического зоопарка.

— Способ у меня простой, — сказал профессор Володин. Но он себя оправдывал в прошлом.

Профессор Володин расстегнул свой портфель, достал оттуда капустный лист и показал всем.

— Вы видите обыкновенный лист капусты, который я заимствовал у моей жены Гуленьки специально для этого опыта.

Профессор Тягамото с островов Люкю, расположенных в Бурном океане планеты Флукс, встал со своего кресла, достал лупу и внимательно исследовал лист капусты.

— Подтверждаю, — сказал он, — что перед нами лист растения, которое именуется на Земле капустой.

— Этот лист капусты я намерен предложить нашему пациенту, — сказал профессор Володин. — Капуста, как известно, излюбленная пища всех козликов.

Остальные профессора склонили головы, соглашаясь с профессором Володиным. Они тоже знали, что капуста — излюбленная пища козликов.

— Если перед нами обыкновенный козлик, — сказал профессор Володин, — то он без сомнения тут же начнет жевать этот лист капусты. Если же перед нами наш уважаемый коллега профессор Царевич, то он найдет в себе силы отказаться от листа капусты, чтобы мы поверили в то, что он — это он. Согласны ли присутствующие?

Присутствующие переглянулись, почесали бороды и лысины и согласились, что такое испытание внесет ясность.

Тогда профессор Володин обернулся к козлику, который стоял понурившись посреди кабинета, и спросил его:

— Уважаемый коллега, согласны ли вы с таким испытанием? Вы на нас не обидитесь?

Козлик наклонил голову и сказал коротко:

— Бе.

Профессора улыбнулись. Хоть они и считали себя обязанными провести такой опыт, им было неловко перед Царевичем, с которым они еще недавно встречались на научных конференциях и которого очень уважали.

Профессор Володин положил листок капусты на пол, и все стали смотреть на козлика.

Козлик поднял голову, обвел всех профессоров внимательным взглядом, потом поглядел на лист капусты. Алиса вдруг испугалась. Она-то была уверена, что козлик — это директор заповедника. А вдруг он обидится на профессоров за такое недоверие и съест лист им назло?

Под открытым окном послышался шум и топот — кто-то громадный и тяжелый шел по улице. Топот прервался у самого окна.

В комнате стало темнее, потому что в окне появился очень толстый человек в синем костюме и галстук-бабочке, к которому была пришпилена небольшая золотая корона.

— Ничего не понимаю! — воскликнул профессор Володин. — Почему вы заглядываете с улицы прямо на второй этаж?

— Здравствуйте, — сказал толстый человек, — дело в том, что я приехал верхом на драконе.

И тут же рядом с толстым человеком появилась голова дракона, разверзла пасть, усеянную длинными, как карандашами, зубами, и сказала:

— Как дела?

Профессора были так поражены, что не могли поверить собственным глазам.

— Урра! — закричала Алиса. — Это толстый король и Змей Гордыныч к нам приехали!

— Кто они такие? — спросил профессор Тягамото и взял лупу.

— Они из заповедника сказок, — сказала Алиса. — Разве непонятно? Где еще могут у нас жить драконы и короли? Дракон мой друг, а король исполняет обязанности директора, пока мы не расколдуем Ивана Ивановича.

— Совершенно верно, — сказал король. — К вашим услугам.

Тут он заметил козлика, который радостно заблеял при виде старых знакомых, и поклонился ему:

— Как ваше самочувствие, Иван Иванович?

— Простите, — сказал тогда седой профессор Кармайкл из Оксфорда. — Это ни на что не похоже! У меня создается впечатление, что здесь хотят повлиять на наше научное мнение. Надеюсь, что мы и без помощи драконов выясним, козлик стоит перед нами или директор.

— Нам нельзя мешать, — сказал профессор Володин. — У нас консилиум.

— Я считаю, что драконам здесь делать совершенно нечего, — сказал профессор Тягамото. — У вас есть вопросы к нашему пациенту?

— Мы подождем, — сказал толстый король, — вы не беспокойтесь. Мы тут в теничке отдохнем, пока вы беседуете. Тысяча извинений.

Король верхом на драконе отъехал от окна. Дракон остановился на другой стороне улицы под тенью большого дуба и принялся щипать одуванчики. Профессора покачали головами и вернулись к своим делам.

— Ну и каково будет ваше решение, коллега? — обратился профессор Володин к козлику.

Козлик посмотрел на него, подмигнул и подобрал с пола лист капусты. Он хрупал листом капусты, смаковал его, пережевывал, заглатывал, а профессора смотрели на него в полном изумлении. Они ждали чего угодно, только не этого.

Козлик доел лист капусты и снова поглядел на профессоров. Профессора опустили глаза.

— Неужели вы не понимаете, — воскликнула Алиса, — что Иван Иванович съел этот листок, потому что обиделся на вас?! Неужели это непонятно?

— С одной стороны, — сказал профессор Тягамото, — мы понимаем чувства Ивана Ивановича. Но с другой — опыт есть опыт. И если судить по опыту, получается, что перед нами самый обыкновенный козлик.

— Да, Иван Иванович, — сказал профессор Володин, который был очень расстроен. — Вы нас подвели. Вы нас, можно сказать, поставили в тупик.

— Бээээ, — сказал козлик, как будто засмеялся. И никто из ученых не догадался, что Иван Иванович съел этот лист капусты просто потому, что ему захотелось капусты. Какой бы ты ни был профессор и директор, но если ты в козлиной шкуре, то любишь капусту. Вот поэтому Иван Иванович и съел этот злополучный листок.

— Что ж, — сказал, наконец, самый старший и самый мудрый профессор Кармайкл-младший. — Мы должны оценить чувство юмора нашего коллеги козлика Ивана Ивановича и попросить у него прощения.

Он строго посмотрел на профессора Володина, и все профессора строго посмотрели на профессора Володина, а профессор Володин смутился, достал из портфеля второй лист капусты и протянул козлику. Козлик кивнул головой, поблагодарил и съел лист.

— Теперь, когда нам ясно, что перед нами все же наш коллега, а не просто козлик, — сказал профессор Тягамото, — мы можем обсудить, как его вылечить.

Профессора спорили целый час. Козлик устал и лег спать. Они так и не достигли согласия. А их предложения были такими.

Первое предложение. Сделать козлику искусственное горло, чтобы он мог говорить. Даже еще лучше — руки, чтобы он мог писать свои научные труды.

Второе предложение. Заморозить козлика на то время, пока наука не научится превращать козликов в людей.

Третье предложение. Сделать искусственного человека, как две капли воды похожего на Ивана Ивановича, и посадить в него козлика, как в одежду. И все будут думать, что это Иван Иванович.

И еще двадцать три подобных предложения.

А самое последнее предложение, когда все профессора уже охрипли, сделала Алиса:

— Надо, — сказала она, — расколдовать козлика.

Разумеется, профессора зашикали на девочку, рассердились и попросили ее выйти из комнаты. Ни один из профессоров не верил в сказки и колдовство.

И правильно делали. Если бы они верили, то не были бы профессорами, а наука зашла бы в тупик.

2. Легендарная эпоха

Когда профессора разъехались по домам, Алиса с козликом прошли к ней в комнату и сели на ковер.

— Ну, задал ты им работы, — сказала Алиса. — Хотя мне понравилось предложение одеть тебя в шкуру Ивана Ивановича.

Козлик отрицательно покачал головой.

— Понимаю, — сказала Алиса. — Обидно тебе. Ты хочешь все или ничего.

Козлик согласился.

— Тогда нам не на кого надеяться, кроме самих себя, сказала Алиса.

Козлик и с этим согласился.

— А для того, чтобы расколдоваться, нам надо отправиться в легендарную эпоху, — сказала Алиса. — Найти там Кусандру и заставить его тебя расколдовать.

Козлик грустно наклонил голову. Он понимал, что это невыполнимая задача. Где его найдешь? А потом, если найдешь, как его заставишь расколдовать? А вдруг он не умеет? Известно много случаев, когда люди и волшебники могли бог знает что натворить, но совершенно не умели исправлять свои ошибки. Тут зазвонил видеофон. Алиса включила экран.

На экране все было белым. Белые стены, белая мебель и белое лицо в белой шапочке.

— Здравствуй, Снегурочка, — сказала Алиса. — Как дела в заповеднике?

— Все хорошо, — сказала Снегурочка, которая звонила из холодильника, где они с Дедом Морозом ждали зимы. — Все здоровы. Гномы трудятся, скоро будет свадьба Вени с твоей куклой Дашей, ждем тебя в гости, дракон написал письмо своей сестре на озеро Лох-Несс. Бабушка Красной Шапочки почти довязала занавес для детского музыкального театра, Волк сам себе сплел намордник и ест манную кашу. Кот в сапогах стирает пыль с хрустального гроба и любит Спящей царевной...

Алиса услышала за спиной грустный вздох. Она обернулась и увидела, как из глаз козлика катятся крупные слезы.

Снегурочка тоже поняла, что расстроила своего бывшего директора.

— Ой, зачем я только говорю и говорю! — воскликнула она. — Директор без нас соскучился, ему грустно. Но ведь я тоже не гуляю, сижу в холодильнике и жду зимы.

Козлик никак не мог утешиться, он лил слезы, и скоро на ковре образовалась небольшая лужа.

— Знаешь, Алиса, — сказала Снегурочка шепотом, приблизив губы к самому экрану. — Мне кажется, что наш директор немного влюблен в Спящую красавицу, но раньше он не смел ее поцеловать, а теперь он не сможет этого сделать. Кот этим и пользуется.

— Тогда гоните Кота от хрустального гроба, — сказала Алиса. — Не расстраивайте Ивана Ивановича.

— Я обязательно скажу об этом королю, — пообещала Снегурочка. — Алис, а Алис, почему я тебе позвонила, ты не помнишь?

— Ты мне забыла сказать.

— Ах, вспомнила! Я хотела тебя позвать на коньках кататься.

— Рано, — сказала Алиса. — До зимы долго. Лето только начинается.

— Не может быть! — сказала Снегурочка. — Но я тебе завтра позвоню. Завтра зима будет ближе?

— На один день, — сказала Алиса.

— На целый день, — ответила Снегурочка и отключилась.

Под окном раздалось тяжелое дыхание. Толстый король верхом на Змее Гордыныче подъехал к окну и заглянул в него.

— Ну как, отзаседали? — спросил он. — И что решили?

— Много всего решили, — сказала Алиса. — Но нам это не подходит.

— Так я и думал, — вздохнул король и обернулся к козлику:

— Я привез вам папку, которую вы просили.

Козлик кивнул головой.

Король протянул папку в окно. Козлик не мог взять папку, Алиса сделала это за него и положила папку на диван.

— Еще будут указания? — спросил король.

Но козлик его не слушал. Он прыгнул на диван и старался копытом раскрыть папку.

— Тогда я поехал обратно, — сказал толстый король. — Бабушка с Красной Шапочкой ждут меня к завтраку.

Тут в окне показалась одна из голов дракона и сказала:

— Алиса, хочу поделиться с тобой большой радостью. Сегодня пришла открытка из Шотландии. Моя двоюродная сестра Несси откликнулась. Теперь я не одинок.

— Я поздравляю тебя, Змей Гордыныч, — сказала Алиса. — Я очень рада.

— Спасибо, — сказал дракон. — Ты добрый и чуткий ребенок. Заботься о нашем директоре. Не падайте духом. Главное — терпение!

— Поехали! — приказал толстый король, и дракон двинулся по улице. Алиса высунулась из окна и помахала им вслед.

Потом Алиса села на диван рядом с козликом и помогла ему развязать папку. В папке лежали нужные бумаги и документы. И козлик почти сразу нашел самую главную бумагу, которую подвинул Алисе, чтобы она прочла. На большом листе было напечатано: «ОПИСАНИЕ ЛЕГЕНДАРНОЙ ЭПОХИ, сделанное профессором И. И. Царевичем».

— Я почитаю вслух? — сказала Алиса. — Это очень интересно.

Марсианский богомол замер на столе, домработник Гриша остановился в дверях, пролетающий по улице по своим делам павлин опустился на подоконник... Всем было интересно.

— «Когда мне выделили в институте Времени машину для исследований — так начиналось описание, — я решил использовать ее для подтверждения моей давнишней гипотезы...»

— Что такое гипотеза? — спросила Алиса. Все посмотрели на козлика. Козлик не смог ответить.

— Папа! — крикнула Алиса. — Что такое гипотеза?

Отец заглянул в комнату.

— Гипотеза, — сказал он, — это предположение. Еще не открытие, а только идея. Например, я изучал планету, на которой очень большое давление, горячий воздух, много вулканов, землетрясений и даже идут каменные дожди. И я предположил, что на такой планете могут выжить только существа, покрытые крепким панцирем, которые не боятся больших температур. И я даже нарисовал такое животное. И что же — моя гипотеза подтвердилась. Через два года там нашли черепаху...

— Знаю! — сказала Алиса. — И ее называли: «Черепаша Селезнева».

— А что ты читаешь? — спросил отец.

— Толстый король привез нам описание легендарной эпохи.

— Которой нет, — сказал отец, — потому что ее не может быть.

— Это гипотеза, — сказала Алиса.

Отец недоверчиво пожал плечами, но не ушел, а остался в комнате послушать, что будет читать Алиса.

— «Я решил с помощью машины времени, — читала Алиса, — доказать мою давнишнюю гипотезу. Я думал так: столько есть на свете сказок, легенд, мифов и поэм про сказочные существа, и там рассказывают о них со всеми подробностями, и трудно поверить, что все это сплошная выдумка. Я предположил, что в истории было время, когда сказочные существа жили на самом деле. Ведь когда-то ученые не верили, что раньше на Земле жили бронтозавры и даже мамонты. Но наука развивается, и в конце концов удалось откопать из вечной мерзлоты мамонтов, найти скелеты бронтозавров. Животные на Земле много раз менялись, одни вымирали, другие появлялись, и все это от того, что менялся климат, океаны заливали сушу, суша превращалась в пустыни, пустыни становились ледниками и снова — океанами. Но где же, задал я себе вопрос, могла прятаться легендарная эпоха, и почему ее не открыли?»

Наверное, подумал я, в эту эпоху люди не умели писать. Они рассказывали о гномах, драконах и волшебниках своим внукам и правнукам, а внуки и правнуки не очень верили старикам и называли их рассказы сказками.

Но ведь что-то должно было случиться, чтобы люди остались живы, а волшебники и драконы исчезли с лица Земли?

Рассудив так, я принялся изучать историю Земли и узнал, что на самой заре человечества, когда люди были еще дикими и только недавно произошли от обезьян, наступили ледниковые периоды. Периодов было несколько, и пережить их было трудно. Особенно плохо приходилось потому, что ледниковые периоды охлаждали Землю, заливали льдом долины и замораживали реки и озера. Только-только оставшиеся в живых звери приспособятся к такой трудной жизни, отрастят шерсть и научатся есть мох в тундре,

ледники начинают отступать, реки и озера размораживаются, начинает печь солнце, и те звери, которые не успели сбросить шкуры, вымирают... А жизнь расцветает вновь... Но тут опять похолодание, опять снег сыплет с неба, опять нельзя купаться, опять идет ледниковый период! Таких перемен ни одному зверю, ни одному волшебнику не пережить.

Когда я все это изучил, стало ясно, что искать легендарную эпоху надо как раз между ледниковыми периодами. А следов от нее могло не остаться, потому что их скорее всего слизал ледник, как корова языком.

Рассудив так, я настроил машину времени на промежуток между первым и вторым ледниковым периодами и ничего там не нашел, кроме диких охотников, которые носились по степям и лесам за дикими и странными животными. Но я не отчаивался. Я отправился в промежуток между вторым и третьим ледниковыми периодами и тоже не нашел ничего необычного. Тогда я отправился в промежуток между третьим и четвертым ледниковыми периодами и там тоже ничего не обнаружил. Это меня сильно удивило, потому что нарушало мою гипотезу. Я долго ломал голову. Что же произошло, не может быть, чтобы я ошибся!».

Алиса остановилась и перевела дух. Она уже устала читать.

— Вот видишь, — сказал отец, — как устаешь, когда проверяешь неправильную гипотезу, основанную не на научных данных, а на пустых фантазиях!

— Погоди, еще не все, — сказала Алиса и продолжала читать:

— «Я несколько месяцев был в ужасном состоянии. Мне было горько отказываться от светлой идеи».

Богомол расстроился, спрыгнул со стола и лег на полу, вытянув во все стороны тонкие ноги. Павлин собрал хвост в длинную тряпочку, домработник Гриша смахнул фартучком набежавшую масляную слезу.

«И вдруг однажды ночью мне пришла в голову мысль. А почему я всегда забираюсь точно в середину периода между ледниками? Ведь эти периоды очень длинные, по многу тысяч лет. А если поглядеть поближе к концу? Подумав так, я соскочил с постели и в одних оранжевых трусах побежал к машине времени, включил ее и перенесся в те годы, когда четвертый ледниковый период уже начинался. Я вышел на пустынную местность, которая располагалась в те времена на месте Москвы, на краю темного елового леса. Светила луна, дул такой пронизывающий ветер, что я сразу пожалел, что в спешке не успел одеться. По краю леса шла громадная темная тень. Я побежал туда, не зная еще, что это такое.

И представляете себе мою радость, когда оказалось, что это самый настоящий дракон с тремя головами! Я так спешил к этому дракону, что совершенно забыл об осторожности. Дракон увидел меня, зарычал и пыхнул мне в лицо огнем. Он мне потом признался, что сам очень испугался, решив, что я сказочное чудовище и, может быть, очень опасное. Ведь он никогда раньше не встречал людей в оранжевых трусах.

Я убежал от дракона и через несколько метров увидел, что на склоне холмика прорезано окошко, в котором горит свет. Я опустился на корточки и заглянул внутрь. Оказалось, что я заглядываю внутрь настоящего дома гномов, которые как раз ужинали.

Это был самый счастливый момент моей жизни. Я понял, что совершил замечательное научное открытие — нашел легендарную эпоху и доказал, что волшебные существа когда-то существовали рядом с людьми и они не выдумки старых бабушек, а память человечества о своем отдаленном прошлом».

Алиса перевернула страницу и сказала отцу:

— Вот видишь, а ты сомневался.

— Ученый всегда должен сомневаться, — сказал отец. — Иначе он перестанет быть ученым.

Козлик кивнул головой. Он был согласен с профессором Селезевым.

— «Но открытие легендарной эпохи, — продолжала читать Алиса, — породило новые проблемы. Во-первых, я простудился после того, как пробежал всю ночь по холодной легендарной эпохе, во-вторых, я понял, что ни один из ученых мне не поверит. Даже если я всю Академию наук отвезу в легендарную эпоху и покажу им драконов, эльфов, магов, фей, леших, гоблинов, ведьм, таракушек, глумушек, оборотней, мои дорогие коллеги все равно сочтут меня фантазером. В-третьих, непонятно было, что делать с моим открытием. Я много раз ездил в легендарную эпоху, познакомился с некоторыми ее жителями и узнал, что они очень встревожены тем, что наступает ледник. Мой новый друг Змей Гордыныч узнал, что я живу в будущем, и стал проситься к нам в теплый климат. Другие тоже просили. И я решил — сделаю в двадцать первом веке заповедник для сказочных существ. Пускай все желающие из прошлого будут спокойно жить у нас, а наши дети смогут глядеть на сказки наяву, а не в кино и не на картинках. Пускай вначале все думают, что это фокус, трюк, но постепенно привыкнут к тому, что в Москве есть заповедник сказок, и тогда я смогу убедить ученых, что легендарная эпоха — не моя выдумка. У каждого ученого есть сын, дочь, внук или внучка. И они будут верить в мой заповедник, а их отцы, мамы, бабушки и дедушки скорее прислушаются к голосу внука, чем к словам ученого. Так я и сделал. Постепенно заповедник увеличивался. Мне даже удалось перетащить в будущее дракона Змея Гордыныча и замок толстого короля. Мне помог мой приятель волшебник Оох, который умеет уменьшать все предметы в сто раз. Теперь уже много тысяч детей видели заповедник сказок. На днях я приглашу ученых на первую экскурсию в заповедник, и посмотрим, что они скажут...»

— Все, — сказала Алиса. — Дальше ничего не написано. Ты не успел, козлик?

Козлик кивнул. Он не успел дописать свою статью, потому что его погубила доверчивость. Наивный директор приблизил к себе хитрого и коварного Кусандру. Кусандра отплатил злом за добро и подсунул директору воды из заколдованной лужи.

— Ну что, папа? — спросила Алиса. — Теперь ты веришь в легендарную эпоху, ты веришь, что драконы и волшебники когда-то жили на Земле?

Но оказалось, что отца нет в комнате. Он тихо ушел, пока Алиса дочитывала статью. Он вел себя как настоящий ученый: пока ему не доказали, что сказки существуют, он в них не поверит.

Очень трудно доказать ученым непроверенную чепуху. Они всегда вовремя уходят, чтобы подумать и взвесить все, что узнали, а потом забыть об этом и вернуться к своим делам.

3. Алиса решила: едем!

— Что же будем делать? — спросила Алиса.

Козлик молчал.

Богомол молчал, павлин распустил хвост, собрал его снова и улетел.

Домработник Гриша ушел на кухню. Наступила тишина.

— Послушай, — сказала, наконец, Алиса. — А если мы найдем Кусандру, мы сможем его заставить вернуть тебя в прежний облик?

Козлик поднял голову и поглядел на Алису. Глаза его были влажными.

— Понимаю, — сказала Алиса, — Ты очень хочешь отправиться со мной в легендарную эпоху, но боишься, что из-за тебя я пропущу занятия в школе?

Козлик молчал.

— Но у нас же нет другого выхода, — сказала Алиса.

Козлик отрицательно покачал головой.

— Ты говоришь, что у тебя там есть знакомый волшебник Оох?

Козлик согласился.

— И если мы его попросим, он нам поможет?

Козлик не ответил. Он не знал, поможет ли ему волшебник Оох.

— Все ясно, — сказала Алиса. — Надо ехать в легендарный период. Нам вдвоем. Без меня ты там сразу погибнешь. Первый же волк тебя сожрет, не поглядит, что ты у нас профессор.

— Нет, — ответил глазами козлик. — Нельзя рисковать...

— погоди, — сказала Алиса. — Ты знаешь кого-нибудь, кроме меня, кто верит в твои сказки? Никого. Конечно, ты можешь взять с собой короля или Красную Шапочку. Но они сказочные, значит, не совсем настоящие. Как думаешь, мы за день управимся?

— Нет, — покачал головой козлик.

— А я думаю, что управимся, — сказала Алиса.

Козлик сомневался. Ведь он был не только козликом, но и взрослым человеком, то есть чувствовал ответственность за детей. В том числе за Алису. Он, конечно, понимал, что профессора ему не помогут и, если надеяться на них, придется оставаться в козликах, что совершение невыносимо. А Алиса, как ни горько это сознавать взрослому человеку, предлагала ему самый разумный план. Но очень опасный.

Козлик смотрел на Алису грустными глазами, стараясь передать ей все свои сомнения. И Алиса его поняла.

— Мы пойдем туда завтра с утра, — сказала она. — Завтра суббота, я скажу отцу, что поехала на дачу.

Козлик вздохнул.

— А что поделатъ, если без обмана не обойтись?

Козлик вздохнул еще печальнее.

— Ты не беспокойся, — сказала Алиса. — Отец у меня разумный. И он ко мне привык. У нас в семье все не совсем обыкновенные. Разве это обыкновенное занятие для моей мамы — строить дома на других планетах? Разве это обыкновенное занятие для моей бабушки — танцевать в балете в Австрии? Разве это обыкновенное занятие для моего папы — лечить инопланетных зверей? Так что я не урод в семье, а просто продолжатель рода. Понимаешь?

Козлик кивнул.

— Значит, завтра с утра мы с тобой отправляемся в легендарную эпоху и постараемся к вечеру вернуться. Я не хочу, чтобы мой отец переживал. Надо беречь нервы родителей. Говорят, что нервные клетки не восстанавливаются.

Козлик вздохнул и подчинился Алисиному решению.

— А что с собой-то брать? — спросила Алиса. — Бусы для дикарей?

4. Снова в замке

Отец с рассветом умчался в Космозо, потому что у космического спарадека было несварение желудка. Видела Алиса этого спарадека — желудок у него на спине, а сам похож на кастрюлю, куда надо кидать пищу. Пища в нем и варится, и кипит, как в кастрюле. Зрелище удивительное, перед клеткой всегда толпа посетителей, а спарадек размещивает пищу в желудке лапой, на конце которой костяная поварешка. «Если у спарадека несварение желудка, — подумала Алиса,

— значит, он себе в желудок положил что-то абсолютно неудобоваримое. Может быть, топор?»

То, что отца не было дома, Алису устраивало. Хоть, конечно, жалко — не успела попрощаться. А вдруг что-нибудь случится? А вдруг ее там, в прошлом, заколдуют? И не вернется она никогда домой. И не увидит больше отца с матерью, и домработника Гришу, и даже марсианского богомола... Алисе стало грустно, она смотрела на свои книги и игрушки, комнату, в которой все было таким родным и знакомым, что стало незаметным. Чуть не заплакала. Но тут же взяла себя в руки, прошла к отцу в кабинет и наговорила ему в диктофон послание:

— Уезжаю на дачу, на весь день. Не беспокойся и не поминай лихом. Алиса.

Козлик маялся в коридоре, он всю ночь не спал и бродил по комнате, стараясь потише стучать копытцами. Он боялся, что Алиса передумает, и в то же время понимал, что было бы правильно, если бы Алиса передумала...

Вернувшись из отцовского кабинета, Алиса собрала свою сумку. Она положила туда бутерброды, термос с апельсиновым соком, немного бус для встреч с туземцами, свитер, потому что в тех краях уже надвигался ледник, да и вообще к вечеру может похолодать, слиток золота, который Алисе дали в школьном геологическом музее, потому что он там лишний, аптечку, в которой был пластырь — мгновенный заживитель, средства от головной боли и жаропонижающий антибиотик абсолютного действия, который вылечивает от всех инфекционных болезней, кроме насморка, потому что насморк — последняя болезнь, с которой медицина еще не научилась бороться.

— Поехали, — сказала она козлику.

Было так рано, что в заповеднике еще многие спали. Но все-таки они кое-кого встретили.

Неподалеку от входа по тропинке шли гуськом три гнома на работу. Впереди два брата, которые несли лопаты, кирки и маленький отбойный молоток. За ними плелся Веня.

— Вот! — крикнул он, первым узнав Алису. — Я докатился! Мне приходится колоть породу и добывать руду. Скажи, кому нужны эти традиции?

— Здравствуй, Алиса, — сказали гномы. — Здравствуйте, Иван Иванович. Мы решили воспитывать Свена. Не разрешаем ему жениться, пока не научится работать, как положено гному и отцу семейства.

— Я страдаю, — сказал Веня. — Дашенька сидит взаперти. Ты мне сочувствуешь?

— Сочувствую, — улыбнулась Алиса. — Но не очень сильно. Твоих братьев можно понять.

— Я никогда на тебя не надеялся, — сказал Веня. — Хотя на свадьбу я тебя позову. Ты будешь моей тещей.

— Кем? — удивилась Алиса.

— Дашиной мамой и моей тещей. Разве у Даши есть другая мать?

— Конечно, нет, — сказала Алиса. — У кукол вообще не бывает матерей.

— Вот и будешь ее матерью. А то меня все спрашивают — а твоя невеста из хорошей семьи? Что мне прикажешь отвечать? Что ее сделали на игрушечной фабрике? Нет, я гордый гном. Я отвечаю: моя невеста из лучшей семьи в Москве, ее мать Селезнева. Вы знаете Селезневых? Им принадлежит дом в центре и целый зоопарк.

— Но это же неправда! — сказала Алиса. — Дом не принадлежит нам, он общий, а зоопарк государственный.

— Не разочаровывай меня! — сказал гном сердито. Тут его братья остановились и стали звать его, а козлик, который спешил, гневно топнул ногой.

— Подчиняюсь! — пискнул гном. — Подчиняюсь грубой силе.

И убежал вслед за братьями.

На полянке за домом Красной Шапочки, из трубы которого шел дым — видно, бабушка уже готовила завтрак, — они увидели Серого Волка. Волк сидел на огороде и полел морковку. Делал он это с отвращением, но старательно.

В речке плескалось что-то большое и зеленое. Алиса догадалась, что это резвится Русалочка, но не стала ее звать

— Русалочка любит поговорить, а время дорого.

Но все равно пришлось задержаться. Дверь в дирекцию была закрыта изнутри. Алиса долго стучала в нее, но никто не отзывался. Тогда она перебежала на соседний мостик и заглянула в окно к королю. Так и есть — король спит на троне-кровати, а его живот мерно поднимается и опускается.

— Король, — позвала Алиса. — Откройте. Уже утро. На работу пора.

Король и не думал просыпаться.

Сбоку со скрипом растворились ворота, и оттуда выглянула одна из голов Змея Гордыныча.

— Кто шумит, спать не дает? — спросила голова сонным голосом.

— Змеюшка! — крикнула Алиса. — Солнце уже скоро встанет.

— Ох! — сказал дракон. — Кого я вижу! Ты чего пожаловала?

— Мы с козликом решили сходить в легендарную эпоху, призналась Алиса. — Может, найдем Кусандру и вернем директору прежний вид.

— А что? — спросил дракон. — На профессоров надежды нету?

— Мало.

— Я всегда говорил, — сказал дракон, — что медицина только и умеет, что анализы брать и уколы делать. То ли дело колдовство. Мне в древние времена одна бабка так зубы заговорила, что до сих пор не болят.

— Как нам к машине времени пройти? — спросила Алиса. — Король спит, не открывает.

— Это мы сейчас сообразим. — дракон просунул в окно тронной комнаты свою длинную шею и дотянулся до короля. Как раз до пятки. И легонько пощекотал ее языком.

Король вскочил, будто его ужалили.

— Что? — закричал он. — Пожар? Что случилось?

— Простите, ваше директорство, — сказал дракон. — Иван Иванович с Алисой просят аудиенции.

— Что ты со мной сделал! — закричал король, показывая дракону красную пятку. — Что он со мной сделал?

— Я лизнул, — сказал дракон, — пощекотал, можно сказать.

— Вот и щекотал бы крокодилов, — сказал король. — У тебя же на языке наждачная бумага... Ой, теперь мне не встать! Как я буду исполнять директорские обязанности?

Король так расстроился, что лег на кровать и накрылся одеялом.

— Ваше величество, — сказала Алиса, — хотя бы ключ дам дайте.

— Рад бы, — сказал король. — Только я опасно болен, у меня кожу с пятки слизали. Страдаю я.

И король жалобно застонал.

— Извините, — сказал дракон виноватым голосом. — Я хотел как лучше... Гости ведь, и даже начальство.

— Сейчас я ему помогу, — сказала Алиса. — Не бойтесь. Через окно можно влезать?

— Лезь, — сказал дракон. — Почему нельзя? Окно ничем не хуже двери.

Алиса влезла через окно в тронный зал, достала из сумки пластырь-заживитель и подошла к королю.

— Ваше величество, — сказала она, — протяните пятку, я облегчу ваши страдания.

— А хуже не будет? — спросил король, не открывая глаз.

— Нет, — сказала Алиса. — Будет лучше.

Король высунул пятку из-под одеяла, и Алиса осторожно наклеила на нее пластырь.

— Все, — сказала она. — Вам уже лучше, а через минуту станет совсем хорошо.

— Верю, — сказал король, но голос его не выражал никакой радости.

— Вы недовольны? — спросила Алиса.

— А чем мне быть довольным? — сказал король. — Я же надеялся, что можно будет день-другой поболеть, не ходить на работу, а ты меня вылечила. Это очень печально сознавать.

— Но почему же? — удивилась Алиса. — Я думала, что все взрослые хотят быть здоровыми.

— А ты когда-нибудь была директором заповедника сказок? — спросил король. — Не была. Твое счастье. Я думал, что буду командовать, не слезая с трона, а оказалось, что это не работа, а сплошное мучение. Я уж не говорю, что вчера пришлось ехать в город верхом на этом пресмыкающемся, папку вам везти. А пока нас не было, в заповеднике произошла тысяча неприятностей. Во всем мне приходится разбираться, все приходится делать самому, не могу же я положиться на моих так называемых помощников. Ты только послушай: за один лишь вчерашний день я разобрал жалобу Волка на двух молодых зайцев, которые искусали его за то, что он украл две морковки на их огороде. Я понимаю, воровать морковку нехорошо. Но ведь Волк перевоспитывается, старается, ему чем-то питаться надо, чтобы на тех же зайцев не нападать. А они сразу кусаться! Только я Волка утешил, царапины ему перевязал, твой любимый дракон лезет ко мне, чтобы я срочно прочел ему письмо, которое прислали из Шотландии со свежими сведениями о его двоюродной сестре Несси. Но за тысячу лет я совершенно забыл английский язык. Приходится звонить в бюро переводов и под их диктовку записывать перевод глупого письма, в котором нас извещают, что Несси не хочет выходить на берег, однако самочувствие у нее хорошее. А тут выясняется, что мыши забрались на склад и порвали три мешка с мукой. А мы только что постановили испечь пироги на свадьбу гнома. Как назло, мыши не волшебные, а самые обыкновенные, и я над ними не имею никакой власти. Стал я искать Кота в сапогах, чтобы он мышей разогнал. А у Кота лирическое настроение, временно он влюбился в Русалку, сидит по горло в воде и поет песни. Тут же ко мне бежит гном Веня с жалобой на своих братьев, которые его угнетают...

Я вам надоел? Но это еще далеко не все! Скорей бы вы, Иван Иванович, возвращались в человеческий облик и принимали от меня этот зверинец! Я отказываюсь. Я правил целым волшебным царством тридцать лет, и это было куда проще.

— Разумеется, — сказал дракон. — Я помню. У тебя три палача трудились с утра до вечера.

— Чепуха! — обиделся король. — Только два палача, притом работали они по восемь часов в день, не больше. И в основном рубили не головы, а дрова для королевских печек.

— Не спорьте, — сказала Алиса. — Время идет, а нам пора идти в Легендарную эпоху.

Король со стонами поднялся с трона, достал из-под подушки связку ключей и поплелся открывать дверь в дирекцию.

— В легендарную эпоху вам соваться смысла нет, — ворчал он, — съедят вас там без жалости. Жестокие времена, жестокие нравы, вы даже не представляете. Оставайтесь лучше здесь.

— Вы же сами сказали, — ответила Алиса, — что ждете не дождетесь, пока козлик станет снова директором.

— Это мои эгоистические желания, — сказал король. — Меня можно понять. Но к вам я отношусь хорошо, жалею. И знаю, на что вы идете.

— Ничего, — сказала Алиса. — Там тоже не все негодяи. Я по вас вижу. Вы же в основном хорошие.

— Среди королей я исключение, — сказал король и отпер дверь. — Потому что я здесь один, без лакеев, клевретов, охраны и придворных. С ними бы я сразу распустился. Обнаглел бы до безобразия. Ну, идите к своей машине. Мое дело предупредить.

Король проводил друзей до лаборатории. Там был такой же разгром, как в день исчезновения Кусандры, когда король с Медведем сломали дверь. Козлик первым прошел к машине времени и остановился перед ней. Он весь дрожал от нетерпения.

— Как управлять-то, знаешь? — спросил король.

— Я все заучила, — сказала Алиса.

— Когда вас обратно ждать?

— Сегодня к вечеру, — сказала Алиса. — Больше я там быть не могу. Сами понимаете, семья, уроки.

— Понимаю, — сказал король. — Только не верю, что управитесь. Когда спасательную экспедицию организовывать?

— Если завтра нас не будет, — сказала Алиса. — Только мне об этом думать не хочется.

Две головы дракона заглянули в окно лаборатории и сказали, перебивая одна другую:

— Я бы с вами хотел. Только мне пути обратно нет. Волшебник Оох там остался, а без него мне не уменьшиться. В случае чего, буду бить тревогу, до Академии наук дойду, но вас спасу. Отыщите, там моего любимого дядю, Змея Долгожевателя. Передайте от меня привет, он все для вас сделает.

Алиса запомнила последнюю минуту в двадцать первом веке: посреди лаборатории стоит толстый король в халате и шлепанцах, печальный и даже растерянный. В окно заглядывают сразу две головы дракона, очень печальные головы, козлик уже забежал в машину времени и терпеливо ждет, пока Алиса присоединится к нему.

— Желаем счастья, — сказал толстый король.

— Счастья, — как эхо, повторила первая голова дракона.

— Счастья, — сказала вторая голова. Две головы отодвинулись в сторону, третья заняла их место и сказала:

— Удачи!

Алиса закрыла дверь в машину времени и включила проверочное устройство. Через секунду на экранчике зажглась зеленая звездочка. Это значило, что в прошлом нет никаких помех. Можно начинать.

— Держись, козлик, — сказала Алиса. Козлик прижался к ее ногам.

Алиса нажала нужные кнопки, и кабина заполнилась разноцветным дымом. Лаборатория исчезла. Они полетели в прошлое.

5. Богатырский камень

— Ой, — сказала Алиса. — Какой холод!

Ей захотелось спрятаться снова в машину времени. Солнце здесь еще не вышло из-за облаков, которые лежали, прижавшись к горизонту, дремали и были сизыми, темными, скучными. Ночью был мороз, на траве лежала белая изморозь, а края лужи перед самой машиной времени были покрыты тонким ледком.

Алиса поставила сумку на пол машины времени, расстегнула ее, достала оттуда свитер и натянула поверх сарафана — она поехала в прошлое в том же самом старом розовом сарафане, в котором ходила в заповедник. Она понимала, что в прошлом ходить в комбинезоне просто неприлично. Еще она надела шерстяные носки.

— Тебе не холодно, Иван Иванович? — спросила она.

Козлик не ответил. Он выглянул из машины времени и приглядывался, принюхивался к темному еловому лесу, на опушке которого стояла машина времени.

Машина времени здесь в легендарной эпохе выглядела совсем не так, как в двадцать первом веке. Алиса поняла это, когда вышла наружу и оглянулась.

Машина была спрятана в дупле громадного старого дуба. Дупло, как вход в шалаш, чернело в коре. Дверь в машину времени снаружи была обшита корой. Когда они вышли и задвинули дверь, то с двух шагов уже нельзя было ни о чем догадаться.

— Дальше знаешь, куда идти? — спросила Алиса, которой хотелось скорее покинуть этот мрачный молчаливый лес, где даже не пели утренние птицы.

Как плохо, подумала она, что ее козлик не может говорить.

Козлик перескакивал через корни, увертывался от свисающих с сучьев седых лишайников, огибал зеленые мшистые кочки, как будто был здесь не в первый раз.

«Ну конечно же, не первый, — улыбнулась собственным мыслям Алиса. — Но почему здесь так тихо?» Словно лес следит за ними, затаив дыхание. И тут же недалеко послышался вой.

— Ууууу! — неслось между деревьями. — Ууууууу!

Козлик оглянулся и топнул копытом. Торопил Алису.

Она и без того не хотела отставать. Припустила за козликом, продираясь сквозь колючий подлесок.

— Ууууу! — неслось сзади, будто кто-то гнался за ними.

Козлик высоко подпрыгнул, перемахнул через кучу валежника, и Алиса на несколько секунд потеряла его из виду, потому что ей пришлось эти сучья обежать вокруг.

А когда она обежала их, то увидела, что козлик стоит ждет ее на узкой лесной дороге.

По дороге ездили редко, она заросла травой, в глубоких колеях стояла зеленая вода.

Листья орешника, большие, как лопухи, покачивались над головой. С них срывались крупные, тяжелые капли, больно били по голове и плечам.

Летучая мышь, как черная бабочка, порхала над головой. Издалека донесся жалобный стон. Будто у кого-то зуб болит, так что терпеть невозможно. Стон испугал летучую мышь. Она взмыла вверх и исчезла.

В лесу снова наступила тишина; и Алисе было обидно, что нельзя спросить козлика — кто же так страшно стонет в темном сказочном лесу?

Но внезапно деревья расступились, и дорога выкатилась на пригорок, прямо в поле. Алиса и козлик остановились.

Воздух здесь был теплее, солнце, которое поднялось над краем сизых облаков, освещало поляну косыми утренними лучами и сушило траву. Над ней кое-где даже поднимался пар.

Козлик отряхнулся — капли полетели во все стороны, засверкали под солнцем — и пошел не спеша, весело. Алиса подумала: козлику стыдно, что он тоже испугался в лесу.

Алиса пожалела, что не догадалась надеть резиновые сапоги и тапочки, а шерстяные носки безнадежно промокли. Она даже остановилась на минутку, достала из аптечки таблетки от простуды, одну съела сама, другую заставила съесть козлика.

Дорога взобралась на пригорок. На вершине его лежал круглый, в человеческий рост, валун. На стесанном боку валуна были выбиты слова:

Прямо пойдешь, коня потеряешь. Налево пойдешь, жизни лишишься. Направо пойдешь, кошелек потеряешь.

А рядом с этой грозной сказочной надписью были нацарапаны другие. Некоторые — чем-то острым, другие — мелом, третьи — краской.

Остальные надписи Алиса прочесть не успела, потому что услышала шум крыльев. На камень опустилась большая неопрятная белая ворона.

— Добрый день, недобрый день! — каркнула она. — Куда вас несет на свою погибель, на свою беду? Возвращайтесь!

— Здравствуйте, птица, — сказала Алиса.

— Здравствуй, девушка, — сказала ворона. — Это что, твой братец заколдованный?

— Да, — сказала Алиса. — Как вы догадались?

— Взгляд у козлика человеческий, — каркнула белая ворона. — Плохо твое дело.

— Мне его обязательно нужно вылечить, — сказала Алиса. — Вы понимаете?

— Я все понимаю! — сказала ворона. — Я белая ворона, зовут меня Дурындой, летаю по лесам, всех пугаю, всем угрожаю, говорю, что скоро конец света.

— Зачем же вы так делаете? — спросила Алиса. — Это вам доставляет удовольствие?

— Никакого удовольствия, — сказала ворона. — Я это от скуки делаю. Я предсказываю только плохое, все меня боятся, подарки дарят.

— А сбывается?

— Иногда сбывается, иногда не сбывается, я же не проверяю! А ты просто так ищешь или кого по имени? — спросила Дурында.

— Ищу волшебника Кусандру, — сказала Алиса. — Он во всем виноват.

— Кусандру? Такого не знаю. Тут ошибка какая-то. Всех волшебников по именам знаю, а Кусандру не знаю.

— А волшебника Ооха ты знаешь? — спросила Алиса.

— Волшебника Ооха знаю, — сказала Дурында. — Только он тебя не примет. Он занят,

у него совет.

— Совет?

— Совет волшебников. Съедутся волшебники со всего света, будут решать, что делать.

— А что им нужно делать?

— Ты откуда свалилась? — каркнула ворона Дурында. — Не знаешь, что ледники наступают? Скоро будет ледниковый период. Смеррррртельная опасность! Радость для мамонтов — горе для всего теплолюбивого!

— Об этом я слышала.

— И не боишься?

— Нет.

— Может, ты мамонт?

— Меня зовут Алисой. А как мне найти волшебника Ооха?

— Позолоти лапку, скажу.

— Хочешь, я тебе бусину дам? — спросила Алиса.

— Покажи сначала. Может, она не драгоценная?

Алиса достала из сумки розовую сверкающую бусину, ворона взяла ее когтями и начала крутить перед глазами.

— Нет, — сказала она. — Эта бусина недостаточно драгоценная.

— Ладно, — ответила Алиса. — Давай ее обратно, я тебе другую покажу.

— Чего давать обратно? — спросила Дурында.

— Бусину.

— Какую еще бусину? — ворона поднесла лапу с бусиной ко рту, щелкнула клювом, и бусина исчезла.

— Ты же ее только что в рот положила.

— Ничего я не клала, что я, сорока какая-нибудь, чтобы бусы глотать? А ну показывай мне бусы, не дразни.

Алиса оглянулась на козлика. Ей показалось, что козлик улыбается.

— Дать ей еще? — спросила Алиса.

Козлик отрицательно покачал головой.

— Видишь, — сказала Алиса. — Мой братец возражает.

— Чего? Да я его сейчас заклюю! Я же страшная и непобедимая белая ворона Дурында. Меня все боятся и трепещут!

— Мы не трепещем, — сказала Алиса. — Не хочешь говорить дорогу, сами найдем.

— Ищите, ищите, ничего не найдете... А может, дашь ма-аленькую бусинку? Я их очень уважаю, я их собираю, у меня замечательная коллекция бусинок. Мне все дарят. Как я кому что страшное предскажу, сразу дарят.

— Нет у нее никакой коллекции, — сказал мрачный бас.

Алиса обернулась. Как же она раньше не заметила! Совсем недалеко в густой высокой траве лежал крупного роста богатырь, надвинув на глаза высокий шлем с шишаком. Мокрая от росы кольчуга обтягивала его широкую грудь, а на ногах были серые штаны с железными наколенниками и красные сапоги с загнутыми носами. Из-под шлема торчала лохматая черная борода, и голос доносился как из бочки.

— Врет она, Дурында. Потому и Дурында, что врет. И меня обманула.

— А тебя, Сила Пудович, и обманывать не надо, — ответила Дурында. — В тебе ум никогда и не ночевал.

— Врешь, — ответил богатырь, протирая глаза. — Если бы у меня ума не было, как бы я догадался, что ты обманщица, а? И богатырь захохотал, довольный своей сообразительностью.

Алиса увидела, что рука рыцаря медленно движется по траве, тянется к палке, что лежит рядом. Пальцы рыцаря обхватили палку и — вззззик! — свистнула она в воздухе. Еле-еле Дурында успела взлететь вверх. Рыцарь продолжал хохотать.

— Хам! — крикнула белая ворона. — Коня потерял! Кому ты нужен без коня? Тебя любая ящерица победит!

— А ну, молчать! — богатырь сел, надвинул шлем как следует, и подхватил с земли меч. — В следующий раз не промахнусь.

Дурында кружилась в небе и кричала оттуда:

— Сила есть — ума не надо! Коня потерял... коня потерял!

Богатырь погрозил мечом, и ворона, каркая, улетела.

— Бывают же мерзкие птицы, — сказал Сила. — Как только ее воздух держит! А вы чего здесь стоите?

— Я помощи ищу, — сказала Алиса и показала на козлика. — Моего братца волшебник Кусандра заколдовал, в козлика превратил.

— Кусандру не знаю, — сказал богатырь. — Многих волшебников знаю, лично знаком, а вот про Кусандру не слышал. Может, он имя сменил?

— Его здесь давно не было, — сказала Алиса. — Он уезжал.

— Все равно странно, — сказал богатырь.

— А волшебника Ооха вы не знаете? — спросила Алиса.

— Такого слышал. Занят он, совещание собирает.

— Мы слышали, — сказала Алиса. — А как к нему пройти?

— Советов давать не буду, — сказал богатырь Сила. — Я сам вот послушался и пострадал. Рассказать?

Вообще-то Алиса спешила, но она понимала, что если не слушать рыцаря, он обидится. Зачем обижать других? И она кивнула.

— Я — бродячий рыцарь, богатырь-одиночка. Скачу по степям и полям, ищу себе подвигов и славы. Мне бы дракона победить, девицу освободить, Кащея наказать — дел невпроворот. Услышал вот вчера, что здесь неподалеку дракон объявился, старый, матерый, уже двадцать рыцарей задрал. Находка для героя! Сел на коня и поскакал его уничтожать. Доскакал до этого места, вижу камень. Остановился, Куда дальше скакать? Тут прилетела эта Дурында, известная в наших краях безобразница, и говорит: «Я видела твоего дракона вон с той стороны, иди туда, только скорей, а то он с последним своим врагом расправится и спать ляжет». Я ей отвечаю: «Нельзя мне в ту сторону, если я туда пойду, коня потеряю. Богатырю легче жизнь потерять, чем коня». А Дурында мне говорит, что это устаревшая надпись, в ней опечатка. Не «потеряешь» надо читать, а «потрешь». Спину коню потрешь, потому, что бой с драконом тебе предстоит очень тяжелый. Ну и поверил я ей... — богатырь замолчал и закручинился.

— И чем все кончилось? — спросила Алиса.

— Чем кончилось? Разве ты не видишь? Где мой конь? Где мой конь, спрашиваю? Я же теперь пехота, а не богатырь. Надо мной драконы смеяться будут! Не было на камне опечатки! Правильно все было написано. Поехал я за камень верхом, а вернулся пешком. Вот и сказка вся.

С этими словами богатырь снова растянулся во весь рост на траве и надвинул на глаза шлем.

— А что же дальше будете делать? — спросила Алиса.

— Откуда мне знать? — ответил рыцарь. — Буду ждать. Вдруг чего случится. Я по части ума и вправду слабоват. Но силы во мне хоть отбавляй. — и рыцарь засопел, заснул.

— Куда же нам идти? — спросила Алиса.

Козлик подошел к камню, поглядел на него и отправился прямо. Алиса взглянула на надпись: «Прямо пойдешь, коня потеряешь».

— Ты уверен? — спросила Алиса. Но козлик уже бежал по дорожке с холма, к перелеску. Он оглядывался на ходу, и Алиса поняла, что он ее торопит.

«Что ж, — подумала Алиса, — он правильно рассудил. Из всех зол лучше выбрать меньшее. А если у нас нет коня, то и терять нечего».

6. Когда волки шутят

Перелесок, который надо было пересечь, оказался небольшим, светлым и мирным. Среди невысоких берез росли земляника и ландыши, пели птицы, над дорогой кружились капустницы. Алиса остановилась, сорвала кислый лепесток заячьей капусты. А когда хотела идти дальше, увидела, что козлик несется обратно. Вид у него перепуганный, ноги подкашиваются.

— Что случилось?

Козлик прижался к ногам Алисы. И тут же она поняла почему.

Навстречу им не спеша шел Волк, ростом с того, что жил в заповеднике, но куда менее галантный на вид — пасть приоткрыта, зубы блестят, шерсть на загривке дыбом...

Алиса оглянулась — куда бежать? А сзади стоял еще один Волк, такой же. И ухмылялся.

— Здравствуйте, — сказала Алиса. — Вы не видели волшебника Кусандру, мы его ищем?

— Здравствуй, если не шутишь, — сказал Волк, что стоял впереди. Другой Волк хихикнул:

— На что тебе волшебник Кусандра?

— Чтобы вылечил моего братца, — сказала Алиса, показывая на Ивана Ивановича. — Вам показалось, что это козлик?

— Показалось, — сказал передний Волк. — И даже сейчас кажется.

— Вы ошибаетесь, — сказала Алиса. — Это не козлик, а доктор наук.

Тут уж засмеялись оба волка. Они прямо катались по траве от смеха.

— Попались! — раздался вдруг с неба громкий крик. Над ними кружилась белая ворона Дурында. — Я прредупреждала! — крикнула она. — Теперррь не отвертитесь! Она полетела дальше, и слышно было, как из-под облаков вырывается далекий крик:

— Они оба умерррри такими молодыми! Какая жалость!

— Не отвлекайся, девочка, — сказал Волк. — У тебя закурить не найдется?

— Я не курю, — сказала Алиса.

— А сколько времени, не скажешь? — спросил Волк сзади, делая шаг вперед.

— У меня нет часов, — сказала Алиса.

— И курить не дает, и время не говорит, — сказал передний Волк, делая шаг вперед. —

Никогда не встречал такой жадной девчонки.

— И смотрит она неприятно, как будто угрожает, — сказал Волк, стоявший сзади. Он тоже сделал шаг вперед. Алиса повернулась так, чтобы видеть обоих волков сразу, и отступила с дороги к стволу березы.

Волки медленно приближались и разговаривали между собой так, словно Алисы с козликом не было.

— А козлик упитанный, — сказал первый Волк.

— Хоть и доктор наук, — сказал второй.

— Я бы его съел, — сказал первый.

— И не думай, — сказал второй. — Он такой страшный, он сам тебя съест. С этими козликами надо ухо остро держать.

— Точно, — сказал первый Волк, — они вот-вот на нас набросятся. Хулиганы.

— Давай убежим, — сказал второй Волк.

Они говорили так серьезно, что Алиса не могла понять, шутят они или в самом деле испугались. К концу двадцать первого века на Земле не осталось хулиганов и бандитов, и не было такого места, где бы их боялись. Алиса поэтому не знала, что бандиты обожают поиздеваться над своими жертвами, если уверены в своей безнаказанности — такая уж у них подлая натура. Поэтому она сказала:

— Вы ошибаетесь, мы не собираемся на вас нападать. И если вы нас пропустите, мы пойдем дальше.

— Она нас пожалела! — воскликнул первый Волк. Спасибо!

— Нет! — закричал второй. — Не верь ей, посмотри, как она зубы оскалила. Как только мы отойдем, она на нас набросится и сожрет.

И тут уж волки больше не могли удержаться от хохота и буквально начали корчиться на дороге, так им било весело.

— До свидания, — сказала Алиса, погладила козлика, чтобы он не боялся, и хотела было пойти своей дорогой, но тут оба волка как по команде перестали улыбаться.

— Хватит, — сказал первый. — Прощайтесь с жизнью.

— Вы в самом деле хотите нас съесть? — спросила Алиса.

— Хотим, — сказал второй Волк. — И съедем. Мы уже пошутили, нахохотались, а теперь съедем. — он разинул пасть и присел, чтобы прыгнуть.

Алиса подхватила козленка и метнулась за ствол. Она уже поняла, что пощады ждать нельзя, но не привыкла сдаваться, тем более каким-то сказочным волкам. К тому же Алиса занималась спортом, а волки никогда — они только и умели, что бегать за добычей, правда, если добыча была слабая, а волков много.

Волк не ожидал, что Алиса так быстро спрячется за ствол. Он прыгнул и с размаху ударился лбом о дерево, так что искры полетели во все стороны.

Второй Волк не стал ждать, пока его товарищ придет в себя. Он страшно взревел и прыгнул тоже, Алиса не успела увернуться. Он ухватил зубами край ее сарафана и дернул к себе. К счастью, сарафан был старый, и его подол сразу оторвался. Волк присел на задние лапы, чтобы не упасть, а отважный козлик Иван Иванович кинулся к нему и со всех сил вонзил в бок острые рожки.

Волк взвыл от боли, отпрыгнул в сторону и столкнулся со своим товарищем.

Алиса с козликом бросились в чащу, но перелесок был редкий, и волкам нетрудно было их догнать... Волки обязательно догнали бы и разорвали Алису с козликом, но в этот

момент послышался громкий хруст веток и крик:

— Стой! Прекратите безобразие!

Алиса на бегу обернулась и увидела, что богатырь Сила Пудович схватил волков за загривки, как щенков, поднял в воздух и трясет, будто хочет вытрясти из них всю злость.

— Ой! — кричали волки. — Мы не будем! Мы не хотели! Они первые на нас напали!

— Знаю вашу натуру, — сказал богатырь Сила, — знаю вашу подлость.

Он стукнул волков лбами так, что они лишились чувств.

Потом богатырь бросил волков на землю и вытер руки. Птица Дурында носилась по небу и кричала:

— Большой подвиг! Великое достижение! Спасение невинных детей от зубов озверевших хищников. Я сообщу всему миру!

Алиса почувствовала, что ее колени ослабли, и она села на траву.

— Спасибо, — сказал она. — Вы не представляете, как я перепугалась.

— Чего уж там, — сказал богатырь и даже покраснел от смущения. — Пустяки. Вы эту Дурынду благодарите. Она меня разбудила.

— Все равно спасибо, если бы вы не пришли, они бы нас съели.

— Это точно, — сказал богатырь. — Церемониться бы не стали!

— Они больше не нападут? — спросила Алиса.

— В лучшем случае через час очухаются, — сказал богатырь. — Я свою руку знаю.

Он потянулся, сладко зевнул и добавил:

— Странное дело. Как совершил подвиг, сразу спать расхотелось. Вы дальше идете?

— Дальше пойдем.

— Тогда я с вами. Мало ли какая нечисть на вас нападет. Я нечисть уничтожу, снова подвиг совершу. Мне все время хочется подвиги совершать — такая у нас, бродячих рыцарей, специальность.

— Ой как хорошо — сказала Алиса. — Тогда пошли!

И они пошли дальше втроем.

7. Слабовольный Великан

Они шли по лесной дорожке, вокруг пели птицы, совсем как в обычном лесу, солнце уже согрело воздух, и даже трудно было представить, что где-то рядом лежат без памяти коварные волки.

— Скажите, пожалуйста, — спросила Алиса у рыцаря Силы, — а как вы потеряли коня?

— Обычным образом, — сказал богатырь. — Как все теряют.

— Но я не знаю, как все теряют.

— Сейчас увидишь, — сказал богатырь. — Да ты не бойся, у тебя коня нет, а козлов он не трогает.

— Кто?

— Я, кто же еще! — ответил громовой бас.

Дорогу преграждали два толстых бревна. Да это же не бревна! Это ноги в сапогах, каждый как паровозная труба. Ноги лежат на земле поперек дороги, не давая никому ни проехать, ни пройти. Между ног лежит на земле гигантский мешок. Да это же живот! Живот был так велик, что не видно ни груди, ни шеи сразу за ним, там, высоко, начинаются подбородки — штук пять или шесть, один толще другого, над ними рот-губошлеп, нос, как

красный воздушный шар, над всем этим голубые глазки, а еще выше сухие ветки желтых волос.

— Ну и великан! — воскликнула Алиса.

— Именно так меня и зовут, — сказал Великан. — Угадала.

— Это вы виноваты, что наш знакомый рыцарь остался без коня? — спросила Алиса.

Она почему-то совершенно не испугалась Великана, хотя любой осторожный человек, встретив в лесу Великана невероятной толщины, сначала бы бросился бежать, а уж потом подумал бы, знакомиться ему с таким чудищем или отложить до следующего раза.

— Да, это я виноват, — признался Великан. Его голос гудел так, что с деревьев срывались молодые листья и поднимался ветер.

— Тогда сейчас же верните коня хозяину, — сказала Алиса. — Ну, куда рыцарю без коня?

Великан почему-то засмеялся. Пришлось всем зажать уши, козлику было хуже всех — копытами уши не зажмешь. С неба упало что-то белое и лохматое. Алиса с трудом узнала белую ворону Дурынду, которая бегом бросилась в кусты.

Великан хохотал минут пять, пока весь лес вокруг него не облетел и над головой не начали скапливаться тучи. Наконец он умолк, Алиса смогла вынуть пальцы из ушей и сказала сердито:

— Вместо того, чтобы пугать, лучше бы объяснили.

— Так чего объяснять? Пройди вперед да сама погляди.

Алиса послушалась. И увидела, что за сапогами Великана лежит целая куча обглоданных лошадиных костей и черепов. В некоторых уже устроили гнезда ядовитые змеи.

— Так вы едите коней! — воскликнула Алиса. — Как это ужасно!

— Если бы я их не ел, я бы умер, — сказал Великан. — И никто бы не поверил тому, что написано на богатырском камне.

Богатырь Сила подошел к лошадиным костям и узнал останки своего любимого коня.

— Мой дорогой и верный друг, — произнес он, — разве я когда-нибудь мог подумать, что погибну позже тебя! Я тебя лелеял, поил ключевой водой, кормил отборным овсом и холил мягкой щеткой! Куда же мне теперь...

И он хотел уже поставить ногу на череп своего коня, откуда высунула злую головку гладко причесанная на прямой пробор ядовитая змея, но тут Великан закричал:

— Не надо лишних жертв! — и отбросил рукой богатыря. Тот упал на землю и схватился за меч: обиделся.

— Великан прав, — сказала Алиса, подбегая к богатырю. Ты же чуть на змею не наступил.

Деревья вновь зашатались — Великан зарыдал.

— Плохо, — повторял он сквозь слезы. — Люди из-за меня страдают. Уйду... Похудею, поднимусь и уйду.

— Зачем откладывать, пошли с нами, — сказала Алиса. — Как-нибудь прокормимся.

Великан постарался подняться, но не смог, сапоги ехали по земле, оставляя в ней глубокие борозды, но живот от земли не отрывался.

— Поздно, — сказал Великан, — идите без меня. Когда-то я был худ, строен и красив. Но я ел много мяса, хлеба и картошки. Я привык обжираться. Обратного пути, как известно, нет. Я никогда бы не согласился сидеть здесь, если бы не мое обжорство. Погоди, девочка,

не уходи. Я покажу тебе свой портрет в молодости.

Тяжело дыша, он достал из-за пазухи портрет стройного молодого человека.

— Не похоже?

— Нет.

— Я сам знаю. С завтрашнего дня перестаю обжираться.

— Вряд ли, — сказала Алиса. — Я знаю одного Волка, который все грозился, что будет есть морковку. Никто еще не похудел от благих намерений. А вы мне кажетесь очень слабавольным Великаном.

— Ничего, — сказал Сила, поднимаясь с земли и утирая слезы. — Он уж вокруг всех коней сожрал. Поневоле похудеет.

— Таких дураков, как ты, еще немало осталось, — сказал Великан. — Их учат, предупреждают, камни для них ставят, надписи пишут, а они все равно лезут. Я-то еще не такой опасный. Вот на правой дороге разбойники всех грабят, а на левой дороге настоящий Людоед сидит. Казалось бы, зачем туда ходить? А ведь ходят!

Великан принялся вслух рассуждать о человеческом легкомыслии, а Алиса, козлик, богатырь Сила и птица Дурында, которая после того, как свалилась с неба, временно, разучилась летать, пошли дальше.

8. Настоящий старик

За перелеском начиналось вспаханное поле, а по краю его шел старик с сохой и устало ковырял пашню. Дорога проходила неподалеку от него, старик заметил путников, приложил руку к глазам, прищурился и ждал, пока они подойдут поближе.

— Здравствуйте, — сказала ему Алиса.

— День добрый, — старик поклонился путникам и не сказал больше ни слова. Он стоял, опершись о соху, ждал, что будет дальше.

— Ты чего остановилась? — спросил богатырь Сила. — Это же землелашец, простой человек, совершенно не сказочный, с ним каждый из нас что хочешь может сделать. Пойдем, не обращай внимания.

— Вы человек? — спросила Алиса.

— А как же? — ответил старик. — Мы крестьяне, из деревни.

— А вы не сказочный?

— Какой уж там сказочный, — ответил старик. — Не до сказок нам.

— Я думала, что здесь только сказочные живут, — сказала Алиса. — Мне очень приятно с вами встретиться. Я ведь тоже не сказочная.

Силе надоело ждать, он отошел в сторонку, за бугорок, растянулся во весь свой богатырский рост и тут же захрапел.

— А на вид сказочная, — ответил старик. — И компанию с ними водишь.

Он показал на птицу Дурынду, на козлика и на спящего богатыря.

Птица Дурында замахала крыльями и постаралась взлететь, но не получилось. Тогда она, как обыкновенная курица, пошла пешком по полю, выклеывая червяков.

— Эти двое — здешние, — сказала Алиса. — Но козлик — он мой, он вообще-то человек, только заколдованный.

— Ох, — расстроился старик, который вроде бы поверил Алисе. — Что делают! Ну что хотят, то и делают! Уже людей заколдовывать стали, мало им друг над другом измываться!

Уйду я отсюда, уйду куда-нибудь, только чтобы всю эту сказочную братию не видеть. Неладно здесь человеку! Вот у меня лошадь Великан сожрал! Казалось бы, что ему моя кляча, когда тут рыцари конные шастают, так нет, проголодался, подполз и сожрал.

— А нам говорил, что не может ходить.

— Как проголодается, сразу двигаться начинает, — сказал старик и даже сплюнул от обиды. — В том году колдун с драконом чего-то не поделили, стали огнем плеваться прямо над нашей деревней, три дома спалили. И когда только это кончится!

— Говорят, скоро, — сказала Алиса. — Уже ледниковый период надвигается. Люди его переживут, это я точно знаю, а вот сказочным существам не пережить, они только в человеческих сказках и останутся.

— Да по мне хоть ледник, только бы людям хозяевами на собственной земле остаться. Хоть и трудно будет под ледником, ох как трудно! Только-только мы пахать научились... А ты, пигалица, откуда все это знаешь? Может, сказочная, а под человека рядишься, чтобы у меня чего хитростью выманить? Так я тебе скажу — нечего у меня выманивать. Пусто у нас, недород, бедность. Признавайся, ты ихняя?

— Нет, честное слово, я человек! — сказала Алиса. Но старик сомневался. Он глядел на козлика, который подбежал к нему и прыгал вокруг, привлекал к себе внимание. Потом метнулся к Алисе, снова к старику, словно хотел что-то сказать, да не мог.

— И козел твой странный; — сказал старик. — Иди своей дорогой, оставь меня в покое, не до тебя — солнце уже встало, а я только первую десятину расковырял. Плохо мне без лошади, хоть помирай!

— Ты чего, Иван Иванович, — спросила Алиса козлика. Ты что-то хочешь сказать?

Козлик кивнул головой.

— Ты этого дедушку, знаешь?

Козлик кивнул три раза подряд. Старик даже испугался.

— Не знаю я твоего козла! — воскликнул он. — Отстаньте от меня!

— Но он вас знает! — сказала Алиса.

— А меня все знают, меня все грабят, — ответил старик. — Кому хлеба надо, ко мне в печку лезут, кому лошадь нужна, мою жрут, кому курятины захотелось, моих кур тащат. Все вы одинаковые!

Козлик явно с этим не соглашался. Он даже открывал и закрывал рот, так ему хотелось объясниться.

— Погодите, — взмолилась Алиса, увидев, что старик отвернулся от них и собирался дальше пахать поле. — Может, вы и в самом деле встречались, потому что мой друг Иван Иванович Царевич у вас бывал раньше. Он из будущего, он директор нашего заповедника сказок. Он у вас недавно был.

Козлик кивал головой.

— Иван Иванович Царевич, говоришь? — тут старик оставил соху, подошел к козлику, присел перед ним на корточки и заглянул в глаза. — Из будущего, говоришь?

Старик покачал головой и сказал:

— Трудно узнать. Приходил ко мне один хороший человек, беседовали мы с ним. Так что, говоришь, случилось?

И Алиса рассказала деду все без утайки про волшебника Кусандру. Старик выслушал, не перебивая, потом ответил:

— Значит, несчастье у чужого человека случилось, и ты себя не пожалела, побежала в

наши тяжелые времена правду искать? Это только человек может, сказочные так не делают. Не знаю, уж чего у них не хватает. Ну что ж, пошли в избу, меду горяченького попьем, подумаем, как твоему горю помочь.

Козлик даже подпрыгнул от радости, что старик его признал, а старик сказал:

— А вот прыганья за тобой раньше не замечалось. Прыгать ты не привыкай, не человеческое это дело.

Козлик смутился и пошел дальше как положено, аккуратно ставя копытца след в след.

— А как же богатырь? — спросила Алиса, показывая на спящего Силу.

— Ты за него не беспокойся, он же богатырь вольный, бродячий, где лег, там ему и дом. Дурак только. Все хочет доброе дело сделать, да не знает, какое доброе, а какое — нет. За славой гонится. Пускай себе спит, пойдете обратно, подберете его.

А птица Дурында поглядела им вслед и сказала:

— Идите, идите, здесь червяков много. Пока всех не съем, не уйду!

И тоже осталась на поле.

9. Как придумать колесо?

Деревня оказалась такой бедной, что Алиса таких даже на картинках не видела. Низкие, покосившиеся, вросшие в землю бревенчатые хижинки, крыши покрыты соломой, окошки маленькие, без стекол, даже труб нет. Несколько мелких кур бродили между домами, а при виде людей бросились врассыпную, попрятались. Видно, привыкли никому не доверять.

Деревня казалась вымершей — ни одна дверь не открылась при виде гостей.

— У нас народу мало, — сказал старик. — Кто в лесу грибы собирает или бересту дерет, кто помер от бедности, кто на рыбалку ушел.

Он толкнул дверь в ближайшую избу. Внутри было темно, свет с трудом пробивался сквозь маленькие окошки. Вдоль стен шли лавки, а посреди избы из камней, обмазанных глиной, был сложен очаг. Дым от него уходил в дырку в крыше.

— Так и живем, — сказал старик. — Так и живем, ждем, когда времена изменятся. Ты уж прости нас за скудость.

— Как вам не стыдно так говорить! — даже обиделась Алиса. — Мы вам очень благодарны.

— Вставай, Герасик! — крикнул старик. — Вставай, гости пришли.

Куча тряпок на широкой скамье зашевелилась, и оттуда выглянула совсем белая мальчишеская голова на тонкой шее. Голова уставилась на Алису голубыми глазищами, поморгала, потом со скамейки свесились худые босые ноги.

— Здравствуйте, — сказал мальчишка. — Вы откуда такие?

— Люди это, не беспокойся, — сказал старику — Ты Ивана Иваныча помнишь, в том году приходил?

Мальчик перевел взгляд с лица Алисы на козлика и вдруг улыбнулся, соскочил со скамейки и подбежал к козлику.

— Я вас узнал! — закричал он. — Хотя вы изменились, я вас все равно узнал! У вас взгляд прежний. Кто же это вас так, а?

— Теперь все в порядке, — сказал старик. — Мой Герасик такой чуткий, просто страх. Нутром все чувствует. Я вас вел и думал — если признает, значит, не врешь, а если не признает — иди на все четыре стороны. Да ты садись, тебя как зовут?

— Алиса.

— Рад бы тебе помочь, — сказал старик — но не знаю как. Скажи, внучок, не слышал ли ты: может, проходил здесь такой бандит — зовут Кусандрой, сам худой как Кащей, в длинном черном балахоне, с мешком, полным золотых яиц и с курочкой Рябой в клетке. Он и есть главный злодей.

Герасик сидел на лавке и гладил козлика. Он задумался, потом тихо ответил:

— Такой человек проходил. Только в нашей деревне не останавливался. Думаю я, что он в разбойный лес подался.

— Почему ты так думаешь? — спросил старик.

— Потому, что он не настоящий волшебник. Если бы настоящий, о нем бы мы обязательно слышали. Самозванец он, а не волшебник. А если так, то возле волшебников ему делать нечего.

Мальчик говорил рассудительно, серьезно, как взрослый. Был он такой худой, заморенный, что даже кожа его отливала голубым цветом. «Наверное, чем-нибудь болен», — подумала Алиса и спросила:

— Ты не больной, Герасик? А то у меня лекарства есть с собой.

— Не больной я, — сказал мальчик. — Только голодный. Мне Иван Иванович лекарства приносил, называются витамины. Я их съел, а все равно голодный.

— Ох, грехи наши тяжкие, — вздохнул дед. — Даже ребенка досыта накормить не можем! Была корова, было молочко, да вот волки коварные сожрали ее, заманили в лес моим голосом.

— Вы обо мне не беспокойтесь, — сказал мальчик. Сейчас нам надо Иван Иваныча спасти. Я ради этого все свои мысли отложу.

— А ты о чем мыслишь? — спросила Алиса.

— Я изобретаю. Времена трудные пошли, надо изобретать. Иначе, как совсем похолодает, плохо придется. Помрем, как драконы и богатыри.

— Он все думает у нас, все думает, — сказал старик. Гулять не ходит, воздухом не дышит, все думает.

— А что же делать, бабушка? — сказал Герасик. — Кто-то должен думать.

Алисе мальчик понравился. Она была с ним совершенно согласна. Ей было приятно, что здесь она увидела одного из тех людей, которые будут думать и в конце концов додумаются, как строить дома, изобретут паровоз и телефон, переживут все ледниковые периоды и полетят в космос.

— А над чем ты сейчас мыслишь? — спросила Алиса.

— Я думаю, как изобрести такую штуку, чтобы грузы не таскать, а легко перевозить.

Герасик достал из-под лавки дощечку и два кружочка, вырезанные из дерева. Он приложил кружочки по бокам дощечки и сказал:

— Хочу придумать, как дощечку к этим кружкам приспособить, чтобы она не тащилась, а катилась. Мы бы сделали большую коробку, в нее клали бы тяжелые вещи и катили. Понимаешь?

— Значит, ты колесо изобретаешь! — воскликнула Алиса. Я думала, что-нибудь серьезное. Кто же изобретает такие пустяки? Разве у вас колеса нету?

— Колесо? — повторил Герасик. Он расстроился, что колесо, оказывается, не надо изобретать, а он не знал об этом. — Наверное, где-нибудь в очень далеких землях изобрели, — сказал он. — Иначе я бы об этом уже знал.

— Да ты не обращай внимания, — сказал старик. — Ты себе изобретай. Если в заграничных землях изобрели, то нам они не скажут. А мне дрова тяжело из леса таскать...

— Ой, погодите! — сказала Алиса. — Наверное, я ошиблась. Ведь это я знаю про колесо, потому что я в будущем живу. Но я не знаю, кто его первым придумал. Может, Герасик и придумал. Хочешь, я тебе помогу, покажу, как кружочки к доске прикреплять, чтобы удобнее катить? Мы его вместе с тобой изобретем.

— Нет, — сказал тихо мальчик. — Не надо мне подсказывать. Я хочу сам. Если ты мне подскажешь, то какой я изобретатель? Ты же тысячу раз это колесо видела, тебе и думать не надо. Вспомнила, и все тут. Спасибо, без тебя изобрету.

Герасик закинул кружочки под лавку.

— Пойдем, — сказал он.

— Куда? — спросила Алиса.

— Я вас в разбойный лес провожу.

Алисе было стыдно. Расстроила изобретателя, не подумала о том, что придумать труднее, чем вспомнить.

— Извини, Герасик, — сказала она. — Ты изобретай, я больше не буду мешать. Ты нам только покажи, куда идти, а дальше нас Сила проводит.

— Нет, — сказал мальчик. — Я с вами пойду. Сила в этих местах не бывал, разбойного леса не знает.

— Ой, не ходи, Герасик, в разбойный лес, — взмолился дед. — Никто оттуда живым не возвращался. И гостей туда не зови. Пожалей их молодое здоровье.

— Мы сами пойдем, — сказала Алиса.

Но Герасик не слушал. У дверей он сунул ноги в рваные лапти, вышел наружу и остановился, поджидая остальных.

10. Яблоня за рекой

С поля доносился богатырский храп.

— Совсем забыла, — сказала Алиса. — Надо богатыря Силу разбудить. Он обидится, если мы его с собой не возьмем. Он подвиги любит.

— Пускай спит, — сказал мальчик. — Начнешь его будить, зашибет. Он дурной.

— Нет, — Алиса повернула к полю. — Я его сама разбудю. Он нам в лесу пригодится.

Она подошла к богатырю, который мирно спал, раскинув руки.

— Сила, — сказала она. — Пора идти. Сила продолжал храпеть. Козлик подбежал к богатырю и дернул его губами за рукав.

Сила продолжал храпеть. Козлик боднул богатыря. Никакого результата. Алиса толкнула богатыря. Богатырь поморщился во сне, пошевелил губами, но не проснулся.

— Си-ла! — крикнула Алиса в ухо богатырю. Богатырь отмахнулся мощной рукой, Алиса и козлик еле успели отпрыгнуть. Герасик отбежал в сторону.

Тогда Алиса подобрала с земли сучок, вытерла о сарафан и пощекотала богатырю в носу. Богатырь по-богатырски чихнул и проснулся.

— Кто смеет меня беспокоить? — спросил он грозно. — Раздавлю, как козявку!

— Силушка, — сказала Алиса. — Ты с нами идти собирался.

— Никуда я не собирался. Я теперь собираюсь спать тридцать лет и три года. Накоплю мощи и всех разгромлю.

— Нельзя тебе спать тридцать три года, — сказала Алиса. — Тебя ледником накроет.

— И ледник разгромлю, — сказал Сила.

— Ну, как хочешь, — сказала Алиса. — Мы тебя хотели на подвиги позвать, в разбойный лес.

— В разбойный лес? На подвиги? Так чего же раньше-то не сказала! — богатырь поднялся с пашни и потянулся, хрустнув костями. — В разбойном лесу я еще не был. Ого-го-го! Как мы там повеселимся, как мы там побезобразничаем!

— Ты бы лучше меня слушался, — сказала Алиса. Безобразие может все испортить.

Тут богатырь рассмеялся, ему показалось очень смешным слушаться девчонку, и так, хохоча, он и пошел вслед за мальчиком, который показывал дорогу.

«Странно, — думала Алиса, — ведь мы все это время ходим по Москве. Вернее, по земле, где потом будет Москва. Может, даже до центра ее не дошли. А если не считать нескольких избышек, вообще жилья не встретили».

Солнце поднялось уже высоко, пригревало, они миновали небольшой густой лес и остановились на берегу широкой медленной реки. «Наверное, это Москва-река», — подумала Алиса и спросила мальчика: — Эта река у вас как называется?

— Большая, — сказал мальчик. — Мы ее Большой называем, а есть еще Маленькая, но до нее идти далеко.

— Это Москва-река? — спросила Алиса у козленка. Козленок кивнул головой.

— Что-то он у тебя неразговорчивый, — сказал Сила. Язык, что ли, проглотил?

— И Сила засмеялся собственной шутке.

— Так он же заколдованный! — сказала Алиса.

— А, заколдованный, — вспомнил богатырь. — Тогда понятно.

Они спустились к воде. Вода в Москве-реке была хрустальной, чистой, прозрачной, в глубине резвились рыбешки, на секунду из воды показалась здоровая гигантская щука.

— Погодите тут, — сказал мальчик. — Я лодку достану.

Он отбежал к кустам, что росли у воды, и вскоре оттуда показался нос лодки, выдолбленной из большого ствола. Лодка была узкой и на вид неустойчивой, но мальчик сказал, что она всех подымет, даже богатыря. Богатырь поглядел на лодку и сказал:

— А может, я вас здесь подожду?

— Боишься? — спросила Алиса.

— Не боюсь, я плавать не умею, — сказал богатырь. — В моей кольчуге я как топор на дно пойду. Жалко меня.

— А подвиги? — спросила Алиса. — Ты же хотел подвиги совершать.

— А если я утону, — резонно ответил богатырь, — то и подвиги некому будет совершать. Пустое дело. Хотя, конечно, подвиги совершать имею желание.

В конце концов богатыря уговорили. Он поехал отдельно, после того как перевезли Алису с козликком. Он сидел в самой середине лодки, неподвижный, как железная статуя, зажмурив глаза, и так крепко держался за борта, что на том берегу всем вместе пришлось разгибать его пальцы, а в бортах остались глубокие вмятины.

Когда все поднялись на высокий дальний берег, Герасик показал на синеющий впереди лес и сказал:

— Вот это и будет разбойный лес. Дорога туда через луг, другой дороги нету.

— Спасибо тебе, Герасик, — сказала Алиса. — Возвращайся домой, дедушка будет волноваться.

— Домой я пока не пойду, — сказал маленький изобретатель, шмыгнув носом. — Торопиться мне некуда, Я здесь посижу, подумаю. У воды мысли лучше приходят.

— Ты это брось, — вдруг вмешался в разговор богатырь Сила. — Ты это брось, думать. Ты же не сказочный, а можно сказать, обыкновенный человек. Думают волшебники и колдуны. Твое дело землю пахать и лапти плести.

Сила уже отдышался, страх его пропал, да он и сам о нем позабыл.

— Иди, — сказала Алиса богатырю. — Иди вперед, мы тебя догоним.

Богатырь послушался и побрел вверх по откосу. Алиса сказала:

— Если мы долго не будем возвращаться, ты нас не разыскивай. Ты в деревню возвращайся. Мало ли что — а вдруг нам придется дальше идти Кусандру искать?

— Хорошо, — сказал мальчик. — Я дотемна подожду и поеду обратно.

Сверху послышался тихий плач. Прислушались — точно, кто-то плачет. Они побежали наверх.

Там, над рекой, на обрыве, не было ни одной живой души. Богатырь уже ушел далеко к лесу.

— Я знаю, кто плачет, — сказал Герасик. Он показал на яблоню, усыпанную тяжелыми плодами. Ветки ее согнулись под тяжестью яблок почти до самой земли.

— Странно, — сказала Алиса. — Еще только май месяц, а яблоки уже созрели.

— Я не знаю, что там у вас, — сказал мальчик, — но у нас лето уже кончается. Только год выдался холодный, яблоки упасть не могут. Вот яблоня и плачет.

— Ясно! — сказала Алиса. — Сказочной яблоне надо помочь. И она нам когда-нибудь поможет.

— Как хочешь, — сказал Герасик. — Я в эти сказочные дела не вмешиваюсь. Я сегодня яблоню потрясу, а завтра меня за это какая-нибудь ведьма заколдует.

Но Алиса подошла к плачущей яблоне и как следует потрясла ее ствол. Яблоки покатались на землю.

— Еще, — прошептала яблоня с наслаждением, расправляя ветви. — Еще, моя дорогая!

Козлик разбежался и со всего размаха ударил рожками в ствол, яблоки покатались на землю с новой силой.

— Еще, — повторяла яблоня. — Еще-о-о!

Герасик тем временем собирал яблоки за пазуху.

— Дома пригодятся, — сказал он.

Алиса кончила трясти яблоню, та пошевелила ветками и проворковала:

— Спасибо. При первой же возможности отплачу.

— Не стоит благодарности, — сказала Алиса.

— Ты возьми яблочко, — сказала яблоня. — Хорошие яблоки, добрые.

Алиса подобрала яблоко и надкусила его. Яблоко было кислым до невозможности. Яблоня оказалась дикой, некультурной. Но Алиса, стараясь не морщиться, съела все яблоко, чтобы не обидеть яблоню. Ни одной матери нельзя говорить, что у нее неудачные дети.

Алиса ела яблоко и смотрела на мальчика Герасика.

— Ты чего задумался? — спросила она.

— Как-то раньше в голову не приходило, — сказал мальчик. — А сейчас увидел и удивился. Почему яблоки падают на землю, а не в небо? Что их притягивает?

— Как что? — удивилась Алиса. — Земля.

— А почему?

Алиса открыла было рот, чтобы объяснить мальчику законы тяготения, но козлик сильно боднул ее в ногу.

— Ты чего? — спросила Алиса.

И поняла. Нельзя подсказывать. Если мальчик сможет, пускай сам придумает этот закон, без подсказки. А если не придумает, подождем Ньютона, английского ученого, который этот закон придумает наверняка.

И, оставив мальчика в задумчивости возле сказочной дикой яблони, Алиса с козликом побежали вслед за богатырем, который остановился на опушке леса и махал мечом, тренировался.

11. В разбойном лесу

Разбойный лес оказался еще темнее, чем тот, в котором была спрятана в дупле машина времени.

Казалось, он хранит в себе холод зимы, холод ночи, холод страшных подземных пещер.

Подлеска в нем не было. Стволы седых елей стояли, как колонны, ветви их нависали, как своды подвала, и травы никакой в нем не росло, только на черной земле, прикрытой упавшими с елей иголками, стояли кое-где бледные поганки на тонких ножках.

Скоро они увидели развалины каменного замка. Неизвестно, кто и почему решил строить замок в таком темном и пустом лесу, и неизвестно, кто и почему потом покинул этот замок. Как светлячки, из черных дыр светились зеленые глаза — и тоже неизвестно, чьи глаза. Ни Алиса, ни Сила подходить поближе, чтобы узнать, не захотели.

Потом они прошли мимо круглого озера. Вода в нем была странной — она ничего не отражала. Поэтому озеро казалось просто бездонной дырой. На берегу сидела лягушка в царской короне, и, когда Алиса окликнула ее и спросила, как пройти к разбойникам, лягушка ничего не ответила, прыгнула в озеро и пропала в нем, даже кругов по воде не пошло.

Но когда путникам уже казалось, что они заблудились и не выйдут отсюда, впереди послышалась песня. Песня была скучная, грубая, и пели ее грубые и скучные голоса.

Сила остановился, подумал, потянул носом и сказал:

— Похоже, разбойники. Поют плохо.

Поляна, на которой сидели разбойники, была такой же темной, как и весь лес. Так же смыкались над ней ветви вековых елей, и если бы не большой костер из толстых бревен, который горел посреди поляны, трудно было бы разобрать, что там происходит.

Хотя, в общем, ничего особенного там не происходило.

У костра спали вповалку несколько дикого и неопрятного вида разбойников, одетых как попало в украденные и отобранные вещи. На одном — роскошный бархатный камзол и лапти с золотыми шпорами, а вместо штанов — женская, шелковая юбка. Другой одет в медвежью шкуру, в железные рыцарские штаны, а пятки голые. Бороды и волосы у разбойников оказались такими спутанными и длинными, что было ясно — они с детства не причесывались и не стриглись.

Три разбойника не спали. Они сидели обнявшись, раскачивались и тянули скучную песню.

На краю поляны стояла изба на больших курьих ногах, дверь в нее была открыта, оттуда спустилась по ступенькам отвратительного вида горбатая старуха с ковшом в руке. Ковш дымился. Она подошла к разбойникам и сказала:

— На-те, чайку попейте. И идите на работу. Что-то сегодня с утра человечьим духом тянет. А вы все валяетесь.

Разбойники взяли ковш, первый отхлебнул, закашлялся, потом утерся рукавом и сказал:

— Славный у тебя чаек, старуха, крепкий, кусается!

— Сама варю, сама настаиваю, — сказала Ведьма. — Ну вставайте, идите! Всю добычу прогуляли и пропили!

— Погоди, бабка, — сказал второй разбойник и отдал ей пустой ковш. — Перерыв еще не кончился. И нету никого в лесу. Всех, кого только можно, мы уже ограбили.

— Нет в жизни счастья! — закричал третий разбойник.

Алиса обернулась к козлику и сказала шепотом:

— Кусандры не видно.

— Эй! — закричал тонкий голос над головой. — К вам гости, дорогие разбойнички!

И тут же раздался такой свист, что зашатались ели, а избушка на курьих ножках сама перевернулась спиной к поляне, чтобы не слышать ужасного свиста.

Алиса зажала уши, подняла голову и увидела, что на ветке сидит очень большой Соловей, растрепанный и грязный, как все разбойники, а на шее у него золотое кольцо с рубином, видно, снял с кого-то.

— Замолчи, разбойник! — закричала на Соловья Ведьма. Избу испугал! Чего тебе почудилось?

— Люди! — завопил Соловей и снова засвистел.

— Откуда здесь людям быть? — засмеялся разбойник. Другие разбойники от свиста начали просыпаться, ругались, что не дают поспать.

— Кто сюда сунется, кто сюда дорогу найдет?

Алиса решила, что прятаться поздно. Она велела козлику и Силе подождать ее, а сама вышла на поляну к костру и сказала:

— Я сюда сунулась. Мне поговорить с вами надо.

От изумления разбойники онемели, а Ведьма даже села на землю.

— Не бойтесь, — сказала тогда Алиса. — Я у вас спрошу и уйду.

— Девочка, — сказал один из разбойников, — Живая.

— Дура, — сказал другой разбойник. — Мы же тебя ограбим!

— У меня нечего взять, — сказала Алиса. — Хотите, проверьте.

Разбойники повалились на землю от хохота.

— Доверяем, но проверяем, — сказал, отсмеявшись, их Атаман с черной повязкой на правом глазу. — А ну, выкладывай, с чем пришла, смелая кроха, а то скучно.

— Скучно, — повторили разбойники.

— Я ищу волшебника Кусандру, — сказала Алиса. — Вы такого не видели?

— Кого-кого?

— Кусандру. Может, он настоящий волшебник, а может, просто самозванец, но он заколдовал моего брата.

— Кусандра-то? Заколдовал? — сказала Ведьма. — Ну, ты меня рассмешила. Никакой он не волшебник, и заколдовать он никого не умеет. Это я тебе точно говорю.

— И все-таки заколдовал, — сказала Алиса. — Поглядите.

Козлик выбежал на поляну и встал рядом с Алисой.

За ним вышел богатырь Сила. Разбойники вскочили, схватились за оружие.

— Не бойтесь, — сказала Алиса.

— Мы никого не боимся, — сказал Атаман разбойников. Кто из них заколдованный?

— Козлик, — сказала Алиса. — Кусандра дал ему из какой-то лужи напиток.

— Ну, это еще не волшебник — сказал Атаман, — если воду подсовывает. Не ищи ты Кусандру, не поможет тебе.

— Но я хотела с ним поговорить, — сказала Алиса. — К тому же он украл у нас курочку Рябу.

— Украл? Не может быть, — сказал Атаман. А остальные разбойники почему-то снова рассмеялись.

Тем временем Баба-Яга подошла к Алисе, погладила ее по щеке и проскрипела:

— Ах ты, какая гладенькая да красивенькая, человечьим духом пахнешь, вкусная будешь.

— Бабка! — прикрикнул на нее Атаман разбойников. — Ты эти штучки брось! Человек к нам по делу пришел, без страха, доверился, а ты уже ее готова на лопату и в печь!

— А я чего? — бабка сразу отпрыгнула от Алисы. — Я только сказала.

— Горе мое, горе! — послышался новый голос. — Я сплю, а тут люди. Где здесь люди?

Из кустов поднялся разбойник в два человеческих роста, заросший бородой до колен — лица не видно. Он распахнул, зевая, такой огромный рот, какого Алисе вообще видеть у людей не приходилось, да что у людей — у бегемота такого рта не бывает.

— Почему не разбудили вовремя? — спросил этот страшный человек. — Подавайте сюда людей!

— Вот видите, — сказала Ведьма, — господин Людоед тоже беспокоится.

— Садись, Людоед, успокойся, — сказал Атаман. Он, видно, и в самом деле был отважным разбойником. Не испугался Людоеда. — Ты не на работе.

— Жан! — раздался тут громкий крик богатыря Силы. — Как ты изменился! Тысячу лет тебя не видел.

Людоед оглянулся и тоже узнал богатыря.

— Сила! — воскликнул он. — Сила Пудович! Какими судьбами?

Богатырь и Людоед обнялись так, что захрустели кости, потом сели рядом у костра.

«Ну и хорошо, — подумала Алиса. — По крайней мере, этот Людоед о нас забыл. А с Ведьмой мы как-нибудь справимся. Надо отсюда поскорей убираться. Не место здесь нормальному человеку».

— Как ты? — спрашивает Людоед, хлопая Силу по колену. Как наши? Как Илья Муромец? Как Самсон Семенович? Как Алеша? Роланд как? Как благородный Ланцелот? Зигфрида давно не видел?

— Долго рассказывать, — отвечал Сила. — Кто жив, кто погиб в честном бою, кого волшебники погубили... все по-разному. С Ильей Муромцем дня два назад встретились. Он как раз дракона свалил. Крупный был дракон, девять голов.

— А Руслан? Русланчик жив? А как Тариэль? Автандил, его дружок, как? Ты-то сам как?

— Погоди, — сказал Сила. — Про меня все ясно. Я по-прежнему подвигов ищу, слабых защищаю, принцесс освобождаю, славу добываю. А ты чего здесь делаешь? Почему в таком виде? Почему без доспехов и доброго коня? Ты же один из самых сильных был, Жан!

— Ушел я из рыцарей, — сказал Людоед. — Устал по полям и лесам гоняться. Решил отдохнуть. Считаю, на пенсии я.

— Может, тебе есть нечего? Может, обеднел ты? Мы тебе всегда поможем.

— Все у меня есть... живу зажиточно, тихо... только скучаю.

Разбойники прислушивались к разговору двух силачей, не мешали им.

— Чем же занимаешься? Чего в гости не зовешь? — спросил Сила.

— В людоеды я подался, — сказал его старый приятель. — Людоедствуем помаленьку.

— Не понял, — сказал Сила, который большим умом не отличался.

— Камень на перекрестке видел? — спросил Людоед.

— Видал, — сказал Сила. — Лучше бы мне его и не видеть. Я в ту сторону пошел, где написано, что коня потеряешь. И потерял. Безлошадный я теперь.

— Ну вот, а пошел бы ты туда, где жизнь потеряешь, меня бы встретил. Там у меня

засада. Какой путник рискнет, пойдет по той дороге, или если неграмотный попадет. Я их и ем.

— Пстой, пстой. А если бы я пошел?

— Пришлось бы и тебя съесть.

— Не понимаю я тебя, Жан, — сказал Сила, — как можно меня съесть, если я твой старый друг, если мы с тобой вместе принцесс освобождали и драконов резали?

— Ну что поделаешь, — сказал Людоед. — Такая у меня работа. Да ты не отодвигайся, не бойся, сейчас я отдыхаю, сейчас я не на работе. Я с тех, кого съел, одежонку снимаю, несую к разбойникам. Им отдаю. А Бабушка-Яга мне зеленого зелья дает.

— Даю, миленький, — сказала Ведьма, — как же не дать хорошему человеку.

— Но ведь это подло! — закричал тут Сила и вскочил. — Как так можно? Ты что, и прохожих лопаешь, и мирных лиц?

— Приходится, Силушка, — сказал печально Людоед. — Иногда даже жалко их, невинных. Но приходится. А так работа тихая, спокойная...

— Защищайся, подлец! — закричал тут Сила. — Я не позволю тебе позорить славное богатырское звание! Лучше погибну с тобой в честном бою!

— А вот этого делать не надо, — сказал Людоед и отпрыгнул в сторону, спрятался за дерево. Меч Силы, сверкнув в воздухе, вонзился в ствол. — погоди! — кричал из-за дерева Людоед. — Я же боевую форму потерял, я же давно боевого оружия в руки не брал! Нельзя меня убивать! Я долг исполняю! Я не хотел!..

— Нет уж, — ответил Сила, вытаскивая меч из дерева. Мы этого уже наслушались! Нам это уже Великан-коноед говорил. Значит, если у тебя должность такая, можно подлецом быть и даже людоедом? Не выйдет! На любой должности богатырь должен богатырем оставаться!

— Пощади! — кричал Людоед, убегая от Силы. И всем было ясно, что Людоед, конечно, сильнее богатыря, но на людоедской должности он обленился, растолстел и, главное, потерял смелость, без которой против рыцаря не устоять.

Но когда Людоед понял, что ему грозит бесславная смерть, он взмолился:

— Разбойники, спасите! Остановите его! Он же отсталый, он ничего не понимает! Я же вам добро приносил, с вами водку пил!

Разбойники только улыбались в усы и в бороды, но помогать Людоеду не стали. Может быть, боялись Силу, а может быть, не жалели Людоеда.

Баба-Яга тоже Людоеду не помогала, но уселась на ступеньках своей избушки и оттуда сочувствовала:

— Да что ж за напасть на тебя такая? И за что невинного труженика преследуют? И чем это его труд хуже любого другого?

Наконец совсем перепугавшись, Людоед подпрыгнул и уцепился за толстый сук дерева. Сила догнал его и вонзил в него сзади конец меча. Страшно взвизгнув, Людоед буквально взлетел выше.

— Выкуп! — взмолился Людоед. — Любой выкуп. По закону рыцарей, если ты сдался, то можно откупиться!

— Чем же ты откупишься, живой мертвец! — закричал Сила. — Колечками, которые содрал с убитых тобой вдов и сироток?

— Нет! У меня, есть вещи и получше! Только перестань меня колотить.

— Ну, показывай, — сказал Сила, отступив на шаг, но не опуская меча.

Людоед достал из кармана золотое куриное яйцо и показал Силе.

— Дай-ка, — сказал богатырь.

— Только на время. Пока оно не твое. Ты правила рыцарской чести знаешь,

— сказал Людоед.

— Правила чести? Не тебе о них говорить, — сказал Сила и подкинул яйцо на руке. — Что-то легкое. Наверное, позолоченное. И ты хочешь за него свою паршивую жизнь купить?

Козлик боднул Алису в колено.

— Вижу, — сказала она. — Конечно, вижу. Неужели Людоед Кусандру съел?

Алиса подбежала к Силе и сказала:

— Ойдем на секунду. Дело есть.

— Яйцо! Яйцо не унесите! — крикнул Людоед.

Сила только отмахнулся. Они отошли с Алисой к кустам на краю поляны.

— Это яйцо украл у нас негодяй Кусандра, — сказала Алиса. — Ты понимаешь?

— Нет, — сказал Сила. — Но если тебе нужно, возьми, я не жадный.

— Мне не яйцо нужно! — прошептала Алиса. — Мне нужно найти Кусандру. Он же козлика заколдовал и убежал.

— Понял, — сказал Сила. — Сейчас сделаем.

Сила повернулся и огляделся. Людоеда и след простыл.

— Где Людоед? — спросил он. — Где он прячется? Не сознаетесь, всех разгоню.

— Ты нас не пугай, — сказал Атаман. — Думаешь, первый раз богатыря видим? Сам начал драку, сам и кончай.

— Далеко ему не убежать, — сказал Сила. — Прячется...

Тут козлик побежал через поляну к избушке Бабы-Яги.

Он не стал подниматься по лестнице, а заглянул под дом и громко заблеял. И тут же из-под дома показалась ножища в сапоге и брыкнула так, что козлик отлетел в сторону.

— Ах, вот ты где! — разгневался Сила. — Со мной драться не хочешь, а на маленьких нападаешь? Ну-ка вылезай!

Людоед вылез из-под избы и сказал:

— Мы же с тобой квиты. Ты яйцо взял.

— Нет, яйцом ты не отделаешься, — сказал богатырь. — Ты мне скажи, откуда оно к тебе попало.

— Нашел, — сказал Людоед быстро. Так быстро, что Алиса сразу поняла, что Людоед говорит неправду. Даже Сила это понял.

— Где нашел? — спросил богатырь грозно.

— В лесу. На дороге.

— Так и лежало? — спросил Сила и начал помахивать мечом. Все ближе к бороде Людоеда.

— Лежало! Лежало! — крикнул Людоед. — Не бежало же! Конечно, лежало.

— А может, ты его в чужом кармане нашел? — спросил Сила и, ловко взмахнув мечом, отхватил клоч от бороды Людоеда. — Давно ты у брадобрея не был, — сказал Сила. — Придется тебе бороду подровнять.

— Ой! — Людоед схватился за остатки бороды. — Ты с ума сошел! Меня же никто бояться не будет!

— Это даже к лучшему. Тебя не бояться нужно, а уничтожать, — сказала Сила. — Сознавайся!

— Я его не ел! — закричал Людоед. — На нем мяса ни кусочка нету.

— Он видел Кусандру! — закричала Алиса. — Он его видел!

— Никого я не видел, — сказал Людоед. — Я глаза закрыл.

— Где Кусандра? — спросил Сила, и его меч снова взвился в воздух.

— Не знаю! — сказал Людоед. — Я его отпустил. А что с ним потом было, пусть разбойники расскажут. Я его отпустил, а потом его разбойники встретили.

— Это правда? — спросил Сила у разбойников.

— Чего правда? — спросил Атаман.

— Вы видели Кусандру?

— Приходил такой, — сказал Атаман. — Предлагал нам союз и дружбу, говорил, что вместе с нами весь мир покорит. Подкупить нас хотел.

Тут разбойники, которые оказались смешливым народом, повытаскивали из карманов и из-за пазухи золотые яйца и принялись их подкидывать, крутить, катать по земле, и поляна засверкала золотыми искрами. Ведьма прыгала на порожке избы и причитала:

— Не уроните!

— Где Кусандра?! — закричала Алиса. — Вы же знаете, где он!

Как по колдовству, все яйца тут же исчезли, смех прекратился, и разбойники обратили к Алисе совершенно серьезные физиономии.

— Вы о ком, девочка? — вежливо спросил Атаман.

— Но я сама только что видела золотые яйца.

— Она видела яйца? — удивился Атаман. — Но я не видел.

— И я не видела! — крикнула Ведьма.

— И мы не видели, — сказали разбойники.

— Сила! — взмолилась Алиса. — Подтверди.

— Они, видно, меня за дурака считают, — рассердился богатырь.

Он обернулся к разбойникам и так грозно посмотрел на них, что они стали хвататься за кинжалы и палицы и подниматься на ноги, понимая, что теперь не до шуток.

И неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы на поляну не ворвался молодой разбойник с криком:

— Скорей, скорей! Там дракон напал на купеческий караван! Он их сейчас растерзает, а добыча наша!

Разбойники тут же забыли о богатыре, об Алисе, обо всем.

— Добыча! — завопили они.

И толпой побежали вслед за вестником, под свист Соловья-Разбойника.

— Дракон? — сказал Сила. — А у меня нет коня! Полцарства за коня!

Но никто его не слышал.

— Эй! — сказал Сила. — Придется идти на подвиг пешком.

— Погоди, Сила, — сказала Алиса. — Мы же не нашли Кусандру.

— Ничего ты не понимаешь, — ответил богатырь. — Ты не создана для подвигов.

Богатырь с размаху кинул золотое яйцо в Людоеда. Яйцо разбилось, и по лицу Людоеда потек желток. А богатырь, ломая кусты, бросился в чащу вслед за разбойниками.

На поляне наступила тишина. Только слышались стоны Людоеда, который сидел на траве, обхватив руками мохнатую голову.

— Ну вот, Иван Иванович, — сказала Алиса. — Не надо было нам надеяться на Силу. Что теперь будем делать?

12. Встреча с Кусандрой

— Девочка, а девочка, Аленушка, а Аленушка, — услышала Алиса ласковый голос. — Ты кого ищешь? Кусандру?

Рядом стояла Ведьма, один длинный зуб достает до подбородка, другой — до кончика длинного носа. Глазки маленькие, черные как уголь, платочек на голове, лицо в морщинках, как печеное яблочко. И улыбается.

— Да, бабушка, — сказала Алиса. — Мы его ищем. А вы знаете, где Кусандра?

— Знаю, милая, знаю. Позолоти мне ручку, тогда скажу.

— Вы не обманете?

— У нас все честно, как в аптеке. Неужто у тебя никаких ценностей нет?

— У меня есть бусы, — сказала Алиса, — и слиток золота. Что хотите, то и возьмите.

— Давай тогда все, — сказала Ведьма. — Все давай... И бусы и золото. Ты хорошая девочка, я тебе за это все покажу.

Алиса расстегнула сумку и достала оттуда слиток золота, который взяла в школьном музее, и пригоршню бус.

Ведьма протянула к ней костлявые руки, которые даже тряслись от жадности, схватила все вещи и засунула себе за пазуху.

— Вот и все, — сказала она. — Что было, того нету.

Она поняла, что Алиса боится, как бы ее не обманули, и добавила с улыбкой:

— Ты не бойся, у нас как в аптеке, пойдем, я тебе покажу, где твой любимый Кусандра. И козлика с собой бери, чего ему здесь на поляне ошиваться. А то еще Людоед в себя придет и скушает твоего братца.

Ведьма поднялась по высокой лестнице в избушку и поманила Алису за собой.

— Не бойся, — сказала она. — Никто тебя не съест.

— Я не боюсь, — сказала Алиса и пошла за Ведьмой.

В избе было душно, но холодно. В очаге светились угли. По стенам висели какие-то веники и пучки трав, на полке среди глиняной посуды сидела худая черная кошка, сверкая желтыми глазами, на столе стоял котел, в котором булькало какое-то варево и шел пар, хотя огня под ним не было.

— Тебе нужен Кусандра? — спросила Ведьма.

— Да.

Ведьма сразу перестала улыбаться. Она щелкнула языком, и черная кошка соскочила с полки, прыгнула к двери. Захлопнула ее и закрыла на всякий замок, а ключ кинула старухе. Та поймала его на лету и сказала:

— Лучше не рисковать. Не дрожи, девочка, не дрожи, козлик. Чего вы хотели, то и получите.

— Правильно, — раздался знакомый голос. — С ними иначе нельзя.

И широко улыбаясь, показывая все свои сорок золотых зубов, из-за печки вышел Кусандра в черном пальто, шляпе и темных очках.

— Пришли, голубчики? — сказал он. — Присаживайтесь, не стесняйтесь. И вы, Иван Иванович, и ты, Алиса Селезнева. Здесь все свои, секретов у нас нету.

Алиса присмотрелась и увидела, что пальто Кусандры спереди разорвано, а на щеке большой синяк. «Нет, он не волшебник, — подумала Алиса. — Волшебник такого бы не допустил».

— Зачем пожаловали? — спросил Кусандра. — Зачем вы преследуете меня в моей легендарной эпохе?

— Сами знаете зачем, — сказала Алиса. — Вы унесли курочку Рябу и забыли расколдовать директора заповедника, который вам не сделал ничего дурного.

— И ты думаешь, что я сейчас раскаюсь? Ошибаешься, девочка, ошибаешься, крошечка, ошибаешься, несмышленьш. Нет у меня золотых яиц, нет у меня курочки Рябы, нет у меня и колдовской силы. Я бы мог сейчас тебе наврать с три короба, но зачем? Моя сестра не даст соврать. Не повезло мне.

— Ох, и не повезло моему братцу Кусандре, ох и не повезло!

— воскликнула Баба-Яга. — Такой он хороший, талантливый, добрый, о людях заботится, карьеру делает, а все ему мешают, палки под ноги ставят.

— Правильно, — сказал Кусандра печально. — Ставят. И этот вот, козлик тоже ставил. Держал меня в заповеднике на мелкой должности, укорял, упрекал, чуть не погубил.

— Ай как нехорошо, — сказала Ведьма. — Ты мне отдашь его потом?

— Отдам, конечно, отдам, дорогая сестрица, — сказал Кусандра. — Всех бери. И девочку можешь взять, мне не хочется, чтобы она в свой двадцать первый век возвращалась, лживые сказки о нас с тобой рассказывала.

Ведьма очень обрадовалась. Она даже ущипнула Алису и захихикала:

— Ой, какая ладная да вкусная, какая нежная да здоровая! Она у меня в судомойках послужит, кухарить будет, за скотиной ходить, а потом придумаем, какой ей конец уготовить! Сварим или поджарим.

— Я вас не боюсь, — сказала Алиса. — И не думайте, что, если мы с Иваном Ивановичем исчезнем, нас не будут искать. Еще как будут.

— Пускай ищут, — ухмыльнулся Кусандра. — Им вовек ваших косточек не отыскать.

— И не только мой отец будет искать, — сказала Алиса. Наш друг волшебник Оох тоже будет искать.

— Пускай ищет, — сказал Кусандра. — Чайку не хотите?

— Ничего мы не хотим от вас, — ответила Алиса. — Где курочка Ряба?

— Погибла, — вздохнул Кусандра. — Я к своей сестрице спешил, по опасной дороге пошел. Людоеда-то я обманул, одним золотым яичком от него откупился, да не знал я, что разбойники сюда перекочевали, присоединились к моей любимой сестрице.

— А мне от этого прямая выгода, — сказала сестрица. Они мне награбленное продают, а я им зелье варю, все довольны.

— Все-то довольны, а я пострадал.

— Не надо было спешить, сказала Ведьма. — Ночи бы дождался. А то выходит на поляну, подай, говорит, сюда Ведьму, я, говорит, знаменитый волшебник Кусандра! Дурак ты, а не волшебник. Говорили тебе: учись, учись, самый главный злой колдун согласился тебе опыт передать. А ты что делал? Баклуши бил, по лесам бегал, крестьянских девок пугал, а теперь — волшебник! Думаешь, если в Москве побывал, в двадцать первом веке пожил, так уж и волшебник! Не то важно, где живешь, а то важно, что делаешь!

— Не говори глупостей, сестра! — рассердился Кусандра. — Я там заповедником руководил, сто зверей под началом, бюджет имел, кредит, дебит и дефицит, все мое было, из города Тимбукту ко мне поклониться приезжали. Если бы не эта пигалица, сейчас бы уже здесь королем был. Ненавижу!

Кусандра протянул к Алисе свои костлявые руки, словно хотел ее задушить, Алиса

отпрыгнула в сторону, чуть не опрокинув котел. Ведьма метнулась к котлу, обняла его и закричала:

— Не смей! Это же зелье алкогольное, крепостью в двести градусов, видишь, дымится? Я на него сегодня у разбойников всю их добычу выменяю!

— Ты мои золотые яйца выменяй! — сказал Кусандра. — Мне же надо царство свое основывать!

— Про яйца не знаю, — проворчала Ведьма. — Если и добуду, то себе возьму. У меня тоже расходы большие, мне тоже золотишко нужно, вот надвинется ледник, надо будет уезжать отсюда, а кому я без золота нужна? Кто меня за мою божественную красоту полюбит? Вот лет пятьсот назад, когда я была красавицей...

— Ах какая чепуха, сестрица! — сказал Кусандра: — Ты никогда не была красавицей.

— Я? Не была?

Ведьма подковыляла к полке, взяла оттуда засиженный мухами портрет молодой женщины с длинным носом и зубами, которые не помещались во рту, а торчали наружу, и запричитала, разглядывая его:

— Какая красота несказанная! Принцы и короли у моих ног толклись, ходить трудно было: куда не ступишь — поклонник валяется. На дуэлях дрались, в засадах друг дружку подсиживали, рыцари за меня сражались, драконов из-за меня было убито видимо-невидимо... ах, какая я была красавица!

Ведьма принялась целовать портрет и обливать его слезами.

— Не верьте ей, — сказал Кусандра. — Врет она все. Я думаю, она сама подговорила разбойников меня ограбить. Откуда им догадаться, что у меня в мешке золотые яйца?

— Людоед им сказал, — ответила Ведьма. — Людоед.

— А курочку Рябу зачем им отдала?

— Сам дурак — начал их страшать и угрожать, они и озлились. Разбойники наши не любят, когда их страшат. Ты зачем стал курочкой хвастаться?

— Ой, и не говори! — Кусандра схватился за щеки, словно у него заболели сразу все зубы.

— А что дальше было? — спросила Алиса.

— Что? Кусандра увидел, что разбойники его не слушают, и закричал, что и без них снова разбогатеет, курочка Ряба поможет. Разбойники схватили курочку и сразу ее разрезали, думали, что в ней много яиц лежит, а там одно только было, обыкновенное, маленькое, не золотое. Съели они тогда курочку, бульон из нее сделали.

Кусандра завыл от горя.

— Безобразие, — сказала Алиса. — Вы не только все испортили, но и курочку загубили. Наверное, последнюю курочку Рябу на свете.

— Последнюю, милая, последнюю, — согласилась Ведьма. — Невезучий у меня братец. Да ладно, чего время терять, помоги мне, посадим, козлика на лопату и в печку — хороший ужин у нас будет.

— И не смейте даже так думать! — возмутилась Алиса.

— А кого мне бояться? Тебя, что ли?

— Меня. Если вы нам поможете, я из будущего вам сколько хотите золота привезу. Мы его из морской воды добываем, оно дешевле алюминия.

— Алюминия не знаю, — сказала Ведьма. — А как я тебе поверю?

— Удивительное дело, — сказала Алиса. — Почему-то все обманщики думают, что

остальные тоже обманщики. А это неверно. Обманщиков совсем немного на свете. Я вам слово дам.

— Какое слово дашь?

— Честное слово. Я никогда еще честного слова не нарушала.

— Мало, — сказала Ведьма. — Я вот свое честное слово каждый день нарушаю. И хоть бы что, живу. Давай иначе договоримся. Ты козлика мне оставишь, а сама к себе пойдешь. Принесешь мне золота целый мешок, отдам тебе козлика.

— А Кусандра козлика расколдует?

— Как бы не так! Он же не волшебник. Он лужу в лесу нашел. Зовется она Козлиным Копытцем. Он из той лужи черпнул и с собой взял. А как обратно расколдовать, он и не знает. Это я вам точно говорю. Тут настоящий волшебник нужен.

— Это правда? — спросила Алиса.

— Эй... — поежился Кусандра. — Ну, в общих чертах да. Конечно, если бы я этим хотел всерьез заняться...

— Не слушай ты его, — сказала Ведьма.

— Ты думаешь, это правда? — спросила Алиса у козлика.

Козлик печально кивнул.

— Тогда нам с вами больше делать нечего, — сказала Алиса. — Пойдем искать настоящего волшебника.

— Нет, — оскалилась Ведьма. — Ты сперва принеси золото. А твой козлик у меня поживет. Только скорей, одна нога здесь, другая там. А то не утерплю — съем.

— Без козлика я никуда не уйду, — сказала Алиса.

— Не уйдешь, оба останетесь здесь, — сказала Ведьма. Я реалистка. Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Алиса оглянулась. Бежать некуда. Окна узенькие, не протиснешься, дверь заперта, у порога сидит кошка, улыбается в усы, светит желтыми глазами, Кусандра стоит, скрестил руки на груди, радуется. Хоть плачь. А плакать нельзя — нельзя людям двадцать первого века в древней эпохе плакать. Вдруг раздался громкий стук в дверь.

— Кто там? — спросила старуха. — Чего надо?

— Это я, Людоед, — ответил густой бас. — Мне на пост возвращаться пора.

— Ну и возвращайся, нам не мешай.

— Переволновался я, — сказал Людоед. — Подкрепиться требуется.

— А я при чем?

— Зелья зеленого дай! Ноги не держат.

— Нету у меня зелья, не перебродило еще, — сказала старуха. — Иди своей дорогой.

— Ты со мной не шути, — голос Людоеда стал грозным. — Я твой дом одним пальцем развалю, ты меня не презирай. Думаешь, если мы со старым товарищем богатырем Силой повздорили, то каждая подколотная нечисть мне указывать будет? Не надейся. Сейчас я тебе покажу!

Тяжелый удар по двери заставил весь дом пошатнуться.

— Открой ему, дай чего-нибудь, — быстро сказал Кусандра. — Разве ты не понимаешь, что он сейчас на тебе отыграется? Так всегда с подлецами бывает. Они на слабых свою злость срывают, а перед сильными заискивают. По себе знаю.

— Сейчас, мой хорошенький, мой Людоедик, — засуетилась Баба-Яга. — Рада я тебя угостить, да зелье еще не готово.

— Молчи, старуха, — сказал злобно Людоед. — Не верю я тебе. Чего крутишь, признавайся! Неужели одной кружки не найдешь?

— Кружечка бы нашлась, да за нее Атаман уже уплатил. Я Атамана опасаюсь, бесовестный он, разбойник, меня не пожалеет, если ему кружку эту не оставлю.

— Сколько он тебе заплатил, старая? — спросил Людоед.

— Немного заплатил. Всего одно золотое яичко, и то куриное.

— Это за одну-то кружку?

— За одну, милый, за одну. Другой-то нету.

— А если я тебе золотое яйцо дам? — спросил Людоед. — Ты мне эту кружку отдашь?

Старуха расплылась в улыбке — зубы наружу, перехитрила Людоеда.

— Уж и не знаю, — сказала она медовым голосом. — Уж и не знаю, как на это дело Атаман посмотрит.

— А это твое дело. Давай кружку!

— Только из жалости, из любви к тебе, драгоценный! — сказала старуха и зачерпнула кружкой из большого котла.

«Вот лживая старуха, — подумала Алиса. — Даже смотреть противно. И все за золото!»

Старуха понесла кружку к двери, достала из-за пазухи ключ, вставила в замок, ключ повернулся, старуха вынула его и передала коту, который встал на задние лапы.

Дверь приоткрылась. В ней виднелось красное лицо Людоеда с неровно обкромсанной бородой.

Людоед протянул руки, но старуха отдернула кружку:

— Плата вперед!

— Ах ты, выжига! — выругался Людоед, но яйцо все-таки вытащил и кинул в избу, яйцо покатило по полу, Кусандра быстро наклонился и подхватил его.

— Ты куда? — крикнула старуха. — Не прячь!

— Давай сюда кружку! — зарычал Людоед.

— Держи, — сказала старуха, сунула ему кружку в руки, а сама кинулась обратно, к своему братцу Кусандре.

— Где яйцо? Отдай немедленно! — визжала она.

— Какое яйцо? — удивился Кусандра. — Тут было яйцо?

Кошка, что стояла у двери, бросила на пол ключ, прыгнула на стол, оттуда на полку, с полки — Кусандре на голову и вцепилась в шляпу.

Ведьма рвала и терзала Кусандру, и такой поднялся шум, что Людоед зажмурился и отпрянул от избушки.

Алиса поняла: сейчас или никогда!

— Иван! — крикнула она и бросилась к двери. Хорошо, что козлик был доктором наук и очень сообразительным человеком, он уже несся к двери. Вслед за Алисой он скатился по ступенькам на землю. Еще через секунду они уже бежали к лесу. Людоед допил кружку, крякнул и крикнул им вслед:

— Стойте! Вы же закуска! — и он потопал за козликом и Алисой. А сзади уже неслись вопли Кусандры и Ведьмы:

— Где они? Держите их!

Алиса обернулась и увидела, что из избушки выскочил Кусандра, за ним кошка, а потом оттуда вылетела Ведьма верхом на метле.

13. Друзья и враги

Козлик несся впереди, показывая дорогу через лес, Алиса за ним, а вслед гремел свист Соловья-Разбойника: «Держжжи! Труляляляля!»

Свист заглушал топот преследователей, лишь земля немного дрожала от тяжелой поступи Людоеда.

Алиса представила себе, что бежит стометровку на первенство школы, но стометровку бежать было трудно, потому что получался слалом с препятствиями

— все время приходилось прыгать через корни деревьев да огибать стволы.

Топот Людоеда доносился все громче, свист соловья слабее, а лес не кончался. Где же спасительная река? Ждет ли их задумчивый Герасик или не дождался и уплыл?

Впереди показался просвет, вот и последние деревья — за ними поляна у реки. Алиса припустила во весь дух, но поняла, что до речки не добежать, потому что из-за леса вылетела Ведьма на метле и начала снижаться.

Между рекой и Алисой оставалась лишь яблоня. Когда Алиса пробежала мимо, яблоня окликнула ее:

— Скорей ко мне!

Алиса заколебалась, но козлик, который, как ученый, был куда опытнее в здешних обычаях, прыгнул к яблоне и исчез из глаз в густой листве. Алиса последовала примеру Ивана Ивановича, и ветви яблони шевельнулись, сдвигаясь, чтобы надежнее скрыть беглецов.

Алиса старалась дышать тихо и медленно, но дыхание рвалось из груди часто и громко. Рядом мелко дрожал теплый козлик. В тени яблоневого листы было тихо и даже уютно.

Слышны были тяжелые шаги Людоеда, который топал поблизости, никак не мог сообразить, куда подевались беглецы. Потом со свистом опустилась рядом метла Ведьмы, мяукнул кот, и сварливый голос Кусандры произнес:

— Куда они могли задеваться? Сквозь землю, что ли, провалились?

— Нет, — ответила его сестрица. — Это чьи-то злые шутки. Может, они под яблоней?

Яблоня зашуршала ветвями:

— Ничего у тебя не выйдет, Ведьма.

— Так я и знала! — закричала Баба-Яга, и сквозь листву Алиса увидела, что Ведьма ломится к ней. Но гибкие ветки яблони смыкались все туже, а когда Кусандра с Людоедом тоже начали пробиваться к Алисе, яблоня принялась стегать их ветвями, да так умело и больно, что они с воплями отскочили в сторону.

Три раза они пытались достать Алису и козлика, и три раза яблоня их отгоняла. Тогда Людоед взревел:

— Надо будет ее срубить.

— Правильно — воскликнул Кусандра. — Мы ее срубим! Давай топор.

— У меня нет топора, — сказал Людоед, — что я, дровосек, что ли?

— Сестрица, — сказал Кусандра, — слетай за топором.

Ведьма начала было ругаться, что все трудные дела достаются ей, но потом влезла верхом на метлу, кот прыгнул сзади, и они со свистом полетели обратно к лесу.

Людоед и Кусандра уселись возле яблони сторожить. Яблоня вздохнула и прошелестела:

— Плохо мое дело. Срубят меня.

— Тогда нам надо бежать, — сказала Алиса.

— Поймают вас, — сказала яблоня. — Но сидеть и ждать, пока тебя срубят, еще хуже.

И тут она услышала, как Людоед спрашивает Кусандру:

— Золотое яйцо у тебя?

— Нет у меня золотого яйца, — ответил Кусандра.

— Покажи карманы, — сказал Людоед.

— Не покажу, — сказал Кусандра. — Ты все равно уже зелье выпил.

— А я еще хочу, — сказал Людоед. — А без яйца старуха не даст. Жадная она.

— Очень жадная, — согласился Кусандра.

— Давай яйцо, — сказал Людоед.

Алиса увидела, как Людоед потянулся к Кусандре, а тот отскочил в сторону. Они пошли вокруг яблони — Людоед тянул вперед свои лапы, а старик в черном пальто и темных очках отступал и увертывался. Вот они обогнули яблоню, и дорога к реке освободилась.

— Скорей, — сказала яблоня.

Она развела ветви, козлик с Алисой выскочили и побежали к реке. Может, они добежали бы незамеченными до воды, но вдруг сверху послышался крик:

— Какая встреча! Вы куда так быстро бежите? Нет, не успеете!

Надо же быть такому невезению! Над ними кружилась глупая белая ворона Дурында.

— Догонят вас! Обязательно догонят!

Алиса отмахнулась от глупой птицы, но было поздно.

— Убежали! — завопил Людоед. — Все из-за тебя! — и он громадными прыжками понесся за Алисой. За ним Кусандра. Вот близко река. Вот и лодка у берега. А в лодке стоит задумчивый Герасик.

— Герасик!

Но не добежать... слишком близко Людоед. «Взжжжик!» что-то маленькое пролетело рядом с Алисой, и тут же раздался вопль Людоеда:

— Меня убили!

Людоед со всего размаха упал на спину. Кусандра налетел на него и покатился по траве. Этой задержки было достаточно, чтобы Алиса с козликом вскочили в лодку, а мальчик оттолкнул ее от берега.

Лодка закачалась на воде, и ее подхватило течением.

— Я думала, что мы уже не убежим, — сказала Алиса, прижимая к себе дрожащего козлика. — Спасибо тебе, Герасик. Ты в самом деле убил Людоеда? Как ты это сделал?

— Я не убил, — засмеялся мальчик. — Сейчас он очухается.

— А что же ты сделал?

— Я рогатку изобрел. Бьет на расстоянии. Видишь?

На дне лодки лежала большая рогатка.

— Но как же ты ее изобрел? — спросила Алиса. — У вас нет резины.

— Я не знаю, что такое резина, — сказал Герасик. — Я вырезал оружие из гибкого дерева и привязал к нему веревку.

На берегу Людоед медленно поднялся и сел. Кусандра бегал у самой воды, махал черными рукавами и зло блестел очками.

— Ах, какое приключение, — кричала Дурында. — Это хорошо не кончится!

Людоед убрал от лица руки. На лбу его была большая шишка, которая на глазах росла. Людоед оцупал шишку и сказал:

— Хватит с меня. Так жизнь потеряешь. А она у меня одна. Лучше я буду есть беззащитных путников.

— Пстой, — закричал Кусандра. — А как же они?

— Да я плавать не умею, — сказал Людоед и побрел к лесу. Мальчик стал грести к дальнему берегу.

— Ничего не вышло? — спросил он.

— Вышло, но не совсем удачно, — сказала Алиса.

— Кусандру нашли?

— Вот он, на берегу стоит. Это и есть Кусандра.

— А почему у него глаза, как у стрекозы?

— Это очки. У Кусандры разбойники все золотые яйца отобрали, а из курочки Рябы бульон сварили.

— Он не расколдовал козлика? — спросил мальчик.

— Он не может.

— Так я и думал, — сказал мальчик. — Теперь вам куда?

— Теперь будем искать волшебника Ооха, — сказала Алиса.

Уже был близок дальний берег. Вот-вот лодка коснется тростников. Но вдруг Герасик перестал грести.

— погоди, сказал он. — Видишь?

Алиса ничего не увидела. Но козлик почувствовал опасность. Он коротко заблеял и замолк. А птица Дурьнда снизилась к кустам у берега и завопила:

— Засада! Засада!

Из кустов донеслось рычание, и к берегу выскочили два волка — пасти разинуты, глаза сверкают, слюна на траву капает. Герасик начал быстро отгребать от берега, а волки закричали:

— Нельзя! Нельзя! Так нечестно! Мы вас поймали!

Но в воду они входить боялись, поэтому с рычанием и воем носились у самой воды.

Алиса обернулась. На том берегу поджидал Кусандра. К нему спускалась на метле Ведьма, в руке у нее поблескивал топор. Деваться было некуда. Течение несло лодку вниз, по одному берегу за ней гнались волки, по другому припустили Ведьма и ее братец.

14. Бой с драконом

Мальчик правил веслами, чтобы лодка не приблизилась к берегу, а Алиса стреляла из рогатки по преследователям, но ни разу не попала. Она положила рогатку на дно лодки и сказала:

— Боюсь, мы сегодня не успеем вернуться. Что у меня дома будет — страшно представить!

— Я тоже далеко от дома ушел, — сказал мальчик. — Хоть бы живым вернуться.

— Вернемся, — сказала Алиса. — Справимся.

Хотя она совершенно не представляла, как они выпутаются из этой истории, она понимала, что Герасику хуже, чем ей.

Ведьма попыталась было подняться в воздух на метле, но Алиса подняла рогатку и прицелилась. Ведьма увидела и вернулась обратно. Волки то выбегали на берег, то исчезали в кустах, а Кусандра мерно шагал по траве над водой и грозил лодке костлявым кулаком.

— Слышишь? — спросил вдруг Герасик.

— Что?

— Впереди что-то творится.

И в самом деле, оттуда доносился шум, звон, крики.

— Осторожнее гребите, — сказала Алиса. — Неизвестно, что нас там ожидает.

— Здесь все неизвестно, — ответил Герасик. — Скорей бы уж наступал ледниковый период.

Река повернула, и на том берегу, где бегали Ведьма с Кусандрой, открылось большое поле. На поле громадный огнедышащий шестиглавый дракон сражался с богатырем Силой.

По одну сторону их стояли разбойники, по другую столпились люди в длинных разноцветных халатах и целое стадо верблюдов и ослов, груженных тюками и ящиками. Это был торговый караван, на который напал дракон. Если победит дракон, они смогут ограбить купцов, а если победит Сила, караван сможет продолжать свой путь. Поэтому разбойники криками и свистом поддерживали дракона, болели за него, а караванщики очень переживали за Силу.

— Нам туда! — сказала Алиса.

— Нельзя, — возразил Герасик. — Нас Кусандра с Ведьмой поймают.

— Не поймают. При разбойниках и при Силе не посмеют. Они же трусливые.

Мальчик нехотя подчинился Алисе.

— Может, все-таки дальше поплывем? — спросил он, поворачивая к берегу.

— Сколько же нам плыть? — спросила Алиса. — Три дня? Пока не устанем и не заснем? Пока лодку к берегу прибьет — к волчьему или к ведьминому?

Ведьма с Кусандрой, совсем оглупевшие от злости, поджидали их на берегу.

— Иди сюда, моя ласточка! — закричала Баба-Яга, увидев, что Алиса хочет сойти на берег. — Я тебя жду.

— Погодите! — ответила строго Алиса. — Разве не видите, что мой друг сражается с драконом?

— Вот пока он сражается, мы вас и схватим, — сказал Кусандра.

На другом берегу завывали волки. Они жалели, что упустили добычу.

Ведьма с Кусандрой уже тянули руки к Алисе, и тогда Алиса закричала:

— Атаман! Сила! Это нечестно! Они хотят нас схватить!

— Что такое? — Сила услышал голос Алисы и повернулся к ней. — А ну руки прочь от моих друзей!

Атаман разбойников тоже обернулся.

— Оставь девочку, — сказал он. — Это наши гости.

— А я пошутила, — засуетилась Ведьма, — я только хотела ее погладить.

— Врет, врет! — крикнула с неба птица Дурында. — Она ее съесть хотела!

Алиса, подхватив козлика, побежала вверх по склону, Герасик за ней следом.

— Погоди, Алиса! — крикнул богатырь. — Сейчас я расправлюсь с драконом и разгоню всю эту нечисть.

Ведьма и Кусандра переглянулись и тихонечко начали отступать назад.

Но богатырю дорого обошлась его забота об Алисе. Пока он смотрел на девочку, дракон подобрался к нему сзади и ударил тяжелой когтистой лапой по шлему. Богатырь ахнул и рухнул, как дерево.

— Нечестно! — закричали караванщики.

— Честно! — закричали разбойники. — Он сам отвернулся!

Богатырь Сила с трудом поднялся на ноги и, отступая, отбивался мечом, закрывался щитом, но всем стало ясно, что удар потряс его так, что дракон вот-вот победит.

Разбойники достали кинжалы и сабли и стали приближаться к караванщикам. Они думали, что дело сделано. Ведьма с Кусандрой потихоньку подбирались к Алисе.

Дракон выпустил огонь из всех своих ноздрей, страшно зарычал и навис над богатырем. Еще один взмах тяжелой лапы — и меч богатыря, сверкнув, отлетел в сторону. Караванщики охнули. Разбойники закричали:

— Вперед, дракон!

— Стойте! — крикнула тогда Алиса и бросилась прямо к дракону.

Дракон прижал богатыря лапой к земле, наставил на него пять оскаленных морд, но одну все-таки повернул к Алисе и спросил:

— Чего еще?

— Здравствуйте, — сказала Алиса. — Вы меня не знаете но я вас отлично знаю. У меня к вам послание.

— Послание? — спросил дракон. — Не жду я ни от кого никакого послания.

— Не верь ей! — закричала Ведьма. — Она подружка этого Силы. Она тебя отвлекает.

— Зачем же меня отвлекать? — спросил дракон. — Я никуда не спешу. Я его хоть сейчас могу растерзать, хоть через полчаса — мне спешить некуда. Я Змей Долгожеватель, тысячу лет живу и жую.

— Конечно, — заворчал богатырь, отворачиваясь, чтобы его не обожгло из пастей дракона. — Коня моего погубили, теперь любой дракон рыцаря одолеет. Это нечестно.

— А кто тебя просил на меня нападать? Ты же не чай пить со мной хотел?

— А что делать? — спросил Сила. — Что делать, если я слышу, как ты по соседству хулиганишь? Я же должен подвиги совершать. Ты поди тоже караванщиков не на чай звал.

— Помолчи, — сказал дракон раздраженно. — Надоел, всю шкуру мечом исцарапал. А ты, девочка, говори мне свое послание. Только поскорее.

— Передает вам привет мой большой друг, — сказала Алиса.

— У нас с тобой общих друзей быть не может, — сказал дракон.

— Передает вам привет ваш племянник Змей Гордыныч, — сказала Алиса.

— Быть того не может, — удивился дракон. — Он же от нас уехал.

— Там, куда он уехал, я с ним и познакомилась. Просил он вам привет передать, сказал, что отыскал пропавшую без вести вашу двоюродную племянницу Несси, которая живет в шотландском озере Лох-Несс, и племянница тоже вам передает привет.

— Быть не может! — ахнул дракон. — Какая радость! — он повернул к Алисе все свои головы и всеми улыбался.

— И еще Змей Гордыныч сказал, что вы мне всегда поможете и, если нужно, выполните любую мою просьбу.

— Разумеется! Конечно! А как мои родственники? Как они себя чувствуют? На здоровье не жалуются?

— Они себя хорошо чувствуют. Я вам потом расскажу.

— Почему потом?

— Потому что вы сейчас заняты.

— Ах да, рассеянность! — воскликнул дракон. — Я совсем забыл. Подождите минутку, пока я растерзаю этого пешеходного богатыря.

— А попросить вас можно?

— Проси. Слово Змея Гордыныча для меня закон. Я же его на коленях качал, из соски поил — мамаша его рано скончалась, вот я и заменил ему родителей.

— Я прошу вас освободить этого рыцаря.

— Этого? Пешехода? Никогда.

— Но почему же?

— А потому, что он тебе не нужен. Кому нужен богатырь, который не смог справиться с драконом? Он же будет посмешищем!

— Неужели все богатыри с вами справлялись?

— Ни один! — гордо ответил дракон. — Иначе, как бы я стал Долгожевателем?

— Значит, вы всех их растерзали?

— Ни в коем случае, — сказал дракон. — Так бы не осталось ни одного рыцаря.

— Тогда я ничего не понимаю, — призналась Алиса.

— Чего тут понимать, — ответил Змей Долгожеватель. — Все наши встречи заканчиваются вничью. Подеремся день-другой, а потом разъезжаемся. Я объявляю, что победил рыцаря, а рыцарь объявляет, что убил дракона. Мы же спортсмены, а не убийцы.

— Тогда тем более вам надо освободить рыцаря.

— Какой же он рыцарь, если без коня?

— Он не виноват. У него коня Великан съел.

— Все равно виноват. Попался мне в лапы, теперь я его растерзаю. Случай редкий, но в истории такое встречалось.

— Прав он, — сказал богатырь Сила. — Чего уж меня жалеть. Не уверен, не лезь. Без коня нам сражаться не велено. Так что я не возражаю.

Тут в разговор вмешались караванщики. Главный караван-баши с длинной седой бородой в полосатом, шелковом халате подошел поближе к дракону и сказал, низко поклонившись:

— Ваше сиятельство, позвольте нам слово сказать.

— Говори, — ответил дракон. — У меня настроение хорошее. Всех могу выслушать.

— Пощади рыцаря, — сказал караван-баши. — Пощади его и спасешь нас. Ведь ты первым на нас напал, а теперь вот воронье слетелось, разбойники, ведьмы, прочая нечисть, хотят нас убить, ограбить, по миру пустить. А ведь мы не просто караванщики, мы идем в замок волшебника Ооха. Везем шербет и восточные сладости на великое собрание волшебников.

— Куда вы идете, мне дела нет, — сказал дракон. — Мы, драконы, волшебникам не подчиняемся. Мы злодействуем в свое удовольствие. Если вижу караван, я на него нападаю, если вижу рыцаря, я на него нападаю, если вижу беззащитную принцессу, я беру ее в плен. Иначе какой из меня дракон?

— Но я ведь тоже прошу, — сказала Алиса. — Вы забыли?

— А это серьезнее, — сказал дракон. — Если ты настаиваешь, не могу спорить. И вообще у меня нога устала его держать. Он же дергается.

Дракон с отвращением убрал ногу и вдруг незаметно для окружающих подмигнул Алисе. По толпе разбойников прокатился гул разочарования.

— А вы, шакалы, молчите, — сказал дракон. — А то и до вас доберусь.

Он дунул огнем, и все разбойники, Ведьма и Кусандра покатались по земле, а потом исчезли в лесу.

Караванщики начали собирать своих верблюдов, а дракон предложил Алисе проехать до замка волшебника у него на спине. И Алиса согласилась, тем более что караван-баши дал ей шелковую шитую золотом подушечку, чтобы удобнее сидеть. Алиса ехала верхом на драконе и рассказывала о Змее Гордыныче.

За драконом тянулся караван, а в конце шел печальный рыцарь Сила и вел за руку Герасика. Герасик вел козлика.

Когда впереди показались зубцы каменных стен замка, дракон остановился и сказал:

— Дальше мне ходить не положено. Идите без меня.

Он стоял и ждал, пока все пройдут мимо. Все проходили и благодарили дракона за благородство, а дракон всем отвечал:

— Не меня благодарите, а эту отважную принцессу.

А когда с ним поравнялся рыцарь Сила, дракон наклонился к нему и сказал громким шепотом, который все услышали:

— Будем считать, что наш поединок закончился вничью. Я никому не скажу... — и дракон захохотал всеми своими шестью головами.

— Ладно уж, — сказал рыцарь Сила, который был очень гордым и не любил подарков от драконов. — Дай только обзаведусь конем, тогда снова встретимся в чистом поле.

— Давай-давай, — согласился дракон. Он стоял на пригорке до тех пор, пока караван не дошел до самых ворот замка. И уже опустил мост, и стража выбежала навстречу, когда до Алисы донесся трубный голос Змея Долгожевателя:

— При первой возможности пришли мне портрет Несси в полный рост. Запомнишь?

— Запомню! — крикнула в ответ Алиса.

15. В замке Ооха

Когда Оох узнал, что в гости к нему приехали Алиса с Иваном Ивановичем, он сразу выбежал во двор.

Он оказался просто и скромно одетым волшебником с бородой до пояса. Ростом Оох был чуть повыше Алисы, но в его глазах и осанке было что-то такое волшебное, что Алиса сразу успокоилась: наконец-то они добрались до настоящего волшебника, который им поможет.

— Ах, — сказал чародей, увидев козлика. — Вы так изменились, Иван Иванович! Это настоящее несчастье.

Козлик понурил голову: он согласен с волшебником.

— За десять тысяч лет своей жизни я не сталкивался с таким случаем. Я слышал, правда, что одного козлика все-таки удалось расколдовать домашними средствами, но боюсь, что это неправда.

— Неужели ничего нельзя сделать? — расстроилась Алиса. — А мы так надеялись на вас.

— Ах, как грустно, — сказал волшебник. — Все, что когда-то было сделано, можно изменить. Это мировой закон. Все, что было запутано, можно распутать, все, что было завязано, можно развязать. Это тоже мировой закон. Только надо догадаться, где и как это делается.

К ним подошел караван-баши, который следил, как разгружали караван, уносили в подвалы бурдюки с прохладительными напитками, высыпали в вазы сладкое печенье, резали

халву и рахат-лукум, разворачивали рулоны шелков, бархата и атласа.

— Мой уважаемый Оох-оглы, — сказал он, разглаживая свою седую бороду, которая была всего на два пальца короче, чем борода у волшебника Ооха, — мой дорогой Оох-ака, — сказал караван-баши. — Я заклинаю тебя всеми заклинаниями Востока и всеми мольбами нашей старой дружбы. Помоги моим друзьям. Если бы не благородная Алиса-джан, ты бы не увидел не только наших товаров, которые нужны, чтобы волшебники, колдуны, мудрецы, маги и заклинатели смогли совещаться в культурной обстановке, но и не увидел бы меня — твоего старого друга, великого мага Кемалья ар-Рахима.

— Я все понимаю, все понимаю, — ответил Оох. — Я сделаю все от меня зависящее, хотя ты знаешь, что даже от меня не все зависит.

Тут раздался удар колокола, который раскатился над землей, под землей и за облаками.

— Простите, — сказал тогда волшебник Оох, — я с вами заговорился и чуть не пропустил первый колокол. Собрание волшебников начинается, а я еще не переоделся.

Волшебник не успел договорить, как начали появляться его гости.

Один толстый и очень важный колдун возник прямо посреди двора, из ничего, другой прилетел в виде летучей мыши, как только коснулся земли, превратился в молодого человека с очень старыми глазами, потом из облака, которое повисло над замком, спустились сразу три одинаковых мага, в длинных, до земли, черных балахонах, украшенных золотыми звездами, у самых ворот вдруг вырос из трещины между камней алый цветок, распустился на глазах, и из него вышла миниатюрная фея. Волшебник Оох подставил ей ладонь, и она гордо вошла на нее, подобрав шлейф белого платья. Странное превращение произошло с караван-баши Кемаль ар-Рахимом, который вдруг вырос на голову, его седая борода стала иссиня-черной, а кожа приобрела загадочный зеленоватый блеск. Оказывается, он и вправду был магом.

Увидев, что Алиса смотрит на него с удивлением, караван-баши произнес:

— Не удивляйся, что я не смог справиться с драконом. Это не моя специальность. Я отличаюсь мудростью и могу вычислять судьбу по звездам, но когда встречаюсь с драконами, приходится надеяться на богатырей да еще на девочек из будущего, таких, как ты, Алиса!

А волшебники все приходили, приезжали, прилетали, возникали и вырастали. Скоро весь двор был полон удивительными существами.

— Добро пожаловать, — сказал им Оох. — Я попрошу всех уважаемых гостей пройти в зал замка, где мы и будем заседать.

Волшебники направились внутрь замка, а Оох сказал Алисе:

— Я попрошу тебя с козликом тоже пойти на собрание. Возможно, кто-нибудь из моих гостей подскажет тебе, как спасти Ивана Ивановича.

— А мне можно пойти? — спросил Герасик.

— Ни в коем случае, — ответил волшебник Оох. — Ты же самый простой человек крестьянского происхождения.

— Он изобретатель, — сказала Алиса. — И очень способный.

— Тем более, — сказал волшебник Оох. — И пожалуйста, Алиса, не вмешивайся в обычаи нашей легендарной эпохи. И без тебя тошно.

Герасик остался во дворе замка, но он не расстраивался, потому что рассматривал верблюдов, которых раньше не видел. А богатырь Сила, как нетрудно догадаться, улегся спать у самой двери на кухню. Из-за этого всем слугам и поварам приходилось через него

перешагивать, что их очень сердило.

16. Второй консилиум

Когда Алиса вошла в высокий зал замка, ярко освещенный тысячами свечей, усталый драгоценными коврами, волшебники уже расселись на диванах, которые стояли по стенам зала. Все они были серьезны и значительны, они вежливо кивали друг другу головами, здоровались и говорили вполголоса. Алиса подумала, что они похожи на московских профессоров, которые еще вчера совещались о судьбе козлика Ивана Ивановича. Волшебники были на удивление разного вида и размера, и самых разных специальностей. И добрые, и равнодушные, и злые, и коварные, и гордые, и скромные, и всемогущие, и только мудрые... Но все это были самые настоящие волшебники, повелители легендарной эпохи. Волшебник Оох велел Алисе сесть на стул у входа.

— Молчи, — приказал он, — без моего разрешения ни слова. Я совсем не уверен, что здесь тебе будут рады.

С этими словами он прошел в конец зала, где на возвышении стоял простой деревянный стул. И сел на него.

— Добро пожаловать, уважаемые коллеги, — сказал он. Удобно ли вам, не дует ли, не устали ли вы с дороги и от ваших трудов?

Волшебники молча склонили головы. Им было удобно и не дуло.

Оох хлопнул в ладоши, тут же вбежали слуги, которые несли подносы с прохладительными напитками, печеньем, конфетами и восточными сладостями. Каждый поставил свой поднос перед своим волшебником, и тут же слуги исчезли, как будто растворились в воздухе.

— Вы, как и положено волшебникам, — сказал Оох, — уже догадались, зачем я вас собрал. Я собрал вас потому, что надвигается ледниковый период. К сожалению, никто из нас не сможет остановить ледник, поэтому наша легендарная эпоха завершается. Но мы не можем завершить ее просто так, словно нас и не было. Поэтому нужно решить, сможем ли мы пережить ледниковый период, а если не сможем, что сделать, чтобы память о нас осталась на Земле.

Волшебники снова молча наклонили головы, точно, как профессора на консилиуме.

— Я давно собирался провести такое совещание, — сказал мрачный, похожий на ворона, волшебник в черном халате. — Но дела не позволяли.

— Мы все встревожены, уважаемый Мерлин, — ответил черному волшебнику Кемаль ар-Рахим. — И мы должны быть благодарны уважаемому Ооху, что он собрал нас здесь.

Волшебники налили себе по стакану прохладительного напитка и заели восточными сладостями.

— Кое-что нам известно, — сказала маленькая хрупкая Фея, которую трудно было бы разглядеть на диване, если бы не приятное голубое сияние вокруг нее.

— Не зря же мы волшебники. Легendarная эпоха кончится, но в информированных кругах говорят, что люди переживут ледниковый период и в дальнейшем будут жить без нас, волшебников, сами по себе.

В зале возникло волнение и даже возмущенные голоса.

— Это клевета! — крикнул одетый в шкуры и дикий на вид лесной колдун. — Куда им без нас! А кому они подарки носить будут? Кому они зерно отдавать будут? Кто их будет

наказывать? Нет уж, вымирать, так вместе!

— Люди наглеют! — воскликнул Мерлин. — Вчера один простолюдин дубиной свалил трех сказочных рыцарей. Если так дальше пойдет, закона и порядка на Земле не останется. Я предлагаю всех людей извести.

— А сейчас! — воскликнул горбатый маг в медном шлеме. Прилетаю я во двор замка и вижу человеческого мальчишку, который нагло говорит: «Бронзовый век уже кончается. Пора переходить на железные шлемы!» Это он мне говорит, который в медном шлеме уже тысячу лет ходит, и все передо мной трепещут.

«Зря, — подумала Алиса, — Герасик стал давать советы волшебнику. Волшебники не терпят советов».

— Спокойно, спокойно! — сказал волшебник Оох. — Дорогие гости, маги, волшебники и колдуны. Я понимаю ваши чувства. Но, к сожалению, историю нам не остановить. Наше время на Земле истекает. Хотим мы того или нет, люди справятся без нас. И даже во многом нас превзойдут.

— Не может быть! — закричали волшебники.

— Поглядите в угол, — сказал волшебник Оох. — Видите там девочку и козлика?

Все волшебники поглядели в угол. И Алисе стало страшно. Хоть они давно уже вымерли и их нет, это были очень могущественные существа, и от их взглядов у Алисы свело руки и ноги, а козлик осел на задние ножки.

— Эта девочка, — сказал волшебник Оох, — приехала к нам из отдаленного будущего, когда люди будут летать по небу и даже добираться до звезд.

— Ха-ха-ха! — рассмеялись три одинаковых мага в балахонах с нашитыми на них звездами. — Разве она не знает, что небо твердое, а звезды прибиты к нему гвоздями?

— Все равно мы сильнее, — проворчал колдун в шкурах. — Я видел в одном волшебном королевстве карету, которая без лошадей ездил. Такое они смогут?

— Это называется автомобиль, — сказала Алиса. — Его давно уже изобрели.

— А вот так, — пискнула Фея, — с места на место перелететь вы смогли бы?

— Она блеснула и исчезла. И тут же оказалась на другом конце дивана.

— Разумеется, — сказала Алиса. — Это элементарная телепортация. Целый институт этим занимается.

— Но уже волшебного зеркала вы не сможете при думать, — сказала красивая волшебница со злым лицом. Вместо волос у нее шевелились черные змейки. — Чтобы поглядеть в него и увидеть, что в другой земле происходит, ну и, конечно, узнать, есть ли на свете кто милее, и прекрасней, и белее...

— Нет ничего проще, — сказала Алиса. — Вы, очевидно, имеете в виду телевизор. А если два зеркала в разных землях, это называется видеофон.

Волшебникам Алисины слова не понравились. Некоторые даже заскрежетали зубами от злости. Поэтому Оох поднял руки и сказал примирительно:

— Ну ладно, ладно, не будем спорить. Однако я даю вам слово, что эта девочка — из будущего.

— А что она здесь делает? — спросила Фея.

— Она пришла к нам за помощью.

— Зачем же ей наша помощь, если люди все сами умеют? — спросил ехидно волшебник Мерлин.

— У нее случилось несчастье. Ее другу Ивану Ивановичу известный здесь некоторым

самозванец Кусандра подсунил стакан с водой из болота, называемого Козлиное Копытце. И вот Иван Иванович превратился, простите, в копытное животное.

— А он тоже из будущего? — спросил кто-то из волшебников.

— Он известный в будущем мудрец, — ответил Оох. Алиса заметила, что Оох ни слова не сказал о заповеднике сказок. И понятно, почему молчит. Ведь волшебники сейчас злятся на людей, что они ледниковый период переживут и еще научатся к звездам летать. Для них заповедник сказок — чистой воды оскорбление.

— Чего им помогать, — сказал Мерлин. — Пускай все козликами станут, мне не жалко.

— Да на всех в болотце воды не хватит, — расхохотался дикий колдун.

— Мне стыдно вас слушать, волшебники, — сказал Кемаль ар-Рахим. — Где ваше благородство, где широта души? Я думаю, что, если мы не переживем ледниковой эпохи, туда нам и дорога. Недостойны мы идти в будущее. Эта девочка, рискуя жизнью, пошла к нам в легендарную эпоху, чтобы помочь другу. Она не испугалась дракона и Бабы-Яги, чтобы спасти нас, караванщиков. А мы не хотим ей помочь. Стыдно!

— И в самом деле, не очень хорошо получается, — сказала Фея. — Ведь девочка не виновата в ледниковом периоде.

— Нас ее дела не касаются, — сказал Мерлин.

Волшебники разделились на две половины. Одним было стыдно, и они хотели Алисе помочь, другие, негодяи и эгоисты волшебного племени, хотели, чтобы Алиса ушла ни с чем. А дикий колдун даже предложил и Алису заколдовать, чтобы не лазила в чужие эпохи. Наконец, когда принесли еще прохладительных напитков и конфет, волшебники успокоились. Оох сказал:

— Прежде чем эта девочка уйдет отсюда, предупреждаю, что ни один золотой волос не упадет с ее головы, потому что она моя гостья, и повторяю мой вопрос. Знает ли кто-нибудь из уважаемых волшебников, как расколдовать человека, который превратился в козлика, потому что выпил воды из Козлиного Копытца?

— Я рада бы помочь, но не знаю как, — сказала Фея.

— У нас в лесу давно такого не было, — сказал дикий колдун.

— Не может быть, чтобы не было средства, — сказал волшебник Оох. — Неужели мы все вместе не сможем расколдовать одного козлика?

— Я мог бы высчитать по звездам, где хранится такое средство, — сказал звездочет в синем балахоне. — Но это займет тридцать два года.

— Думайте, волшебники, думайте! — воскликнул Оох. — Сильнее думайте!

— Думаем! — ответили волшебники. Волшебникам стало стыдно. Какие же они правители легендарной эпохи, если не могут расколдовать одного козла?

— А что, если спросить джиннов? — сказал вдруг Кемаль ар-Рахим.

— А в самом деле — если спросить джиннов? — воскликнула Фея.

— Может, и в самом деле спросить джиннов? — сказал Мерлин. — Они такие древние, что все знают. В худшем случае они заколдуют и девочку.

— А где сейчас джинны? — спросил Оох. — Как их найти?

Все волшебники обернулись к Кемалю ар-Рахиму, но тот печально почесал свою черную бороду и ответил:

— Все не так просто, друзья. Все не так просто.

— А что тут сложного? Они же в твоих краях живут, у Аравийского моря и в других таких же песчаных местах.

— Понимаете, в чем дело, — сказал Кемаль ар-Рахим. — Джинны, узнав, что надвигается ледниковый период, страшно расстроились. Они ведь теплолюбивые. И они решили обмануть судьбу. Залезли в глиняные кувшины и велели отнести себя в секретную пещеру на острове Содейда. Там их и замуровали. Они думают пролежать в глиняных кувшинах, пока не пройдет ледниковый период. А как потеплеет, вылезут наружу.

— Какое коварство! — закричали волшебники. — Какая низкая трусость! Мы думаем, волнуемся, переживаем, а они уже в кувшинах прячутся.

— Каждый спасается как может, — ответил Кемаль ар-Рахим. — У каждого своя мораль, а у джиннов, как известно, нет никакой морали.

— А джинны помогут? — спросил Оох.

— Если захотят, то помогут. У них хранятся средства от всего, в том числе от колдовства. Но в пещеру к ним знает дорогу только Синдбад-мореход. А где его найдешь?

— Это уж ее дело, — сказал Мерлин. — Мы и так потеряли два часа на пустые разговоры. Хочет спасти своего козлика, пусть едет к Аравийскому морю и сама ищет остров Содейда.

— Правильно, — согласились остальные волшебники. — Мы свое дело сделали. Мы дали совет.

Алиса поняла, что больше она здесь ничего не добьется. Она поднялась и сказала:

— Большое спасибо за внимание. А вы не подскажете, как добраться до острова Содейда?

— Я бы рад тебе помочь, — сказал Оох, — но собрание нельзя откладывать. Волшебники ждут. Будь дружком, выйди во двор, спроси караванщиков, они все знают и подскажут.

Алиса еще раз поблагодарила волшебников и вышла из зала.

Дело было плохо. До вечера домой не вернуться. И еще неизвестно, согласятся ли помочь джинны.

17. Путешествие в Аравию

Когда Алиса вышла во двор замка, солнце стояло совсем высоко в небе. Середина дня: А ничего еще не сделано. Козлик жался к ее ногам, что-то хотел сказать, но разве поймешь этого профессора?

Богатырь Сила храпел у двери на кухню и шевелил губами. Видно, ему снилось, что он обедает. Мальчик Герасик торчал в открытых дверях кузницы и, когда Алиса окликнула его, только отмахнулся — он был очень любопытным мальчиком.

А вообще-то на дворе было пусто и даже не у кого спросить дорогу в Аравию, которая, если верить учебникам географии, лежит далеко на юге. И почему здесь нет самой обыкновенной пассажирской ракеты?

— Алиса, — окликнул ее волшебник Кемаль ар-Рахим. — Чем ты расстроена?

— Я не знаю, как мне добраться до Аравии, — сказала Алиса. — И это самое главное.

— Значит, ты не отказалась от своего замысла? — спросил волшебник.

— А почему я должна отказываться?

— Но ты же устала и хочешь домой.

— Домой я, конечно, хочу, — сказала Алиса. — Но как же я вернусь с пустыми руками?

— Ты мне нравишься, девочка, — сказал старый волшебник. — И поэтому я тебе

помогу. Пешком до Аравии тебе не добраться, пришлось бы полгода идти. Но есть у меня одно средство, я им сам почти не пользуюсь, потому что со здоровьем у меня неладно, насморком страдаю.

Волшебник хлопнул в ладоши, и тут же из-за угла выскочили его слуги в халатах с кривыми саблями за поясами.

— Принесите-ка мне ковер-самолет, — сказал он, — он на моем верблюде, в правом тюке лежит.

— Настоящий ковер-самолет! — обрадовалась Алиса. — Вы мне очень помогли.

— Ковер так настроен, что привезет тебя прямо к моему дому. Стоит мой дом на берегу Аравийского моря. И живет в нем моя прекрасная дочка Шехерезада. Она тебе понравится.

— Та самая Шехерезада?

— На свете только одна Шехерезада. Объяснишь все Шехерезаде, и она придумает, как тебе добраться до острова Содейда. Она у меня образованная. Сказок знает больше тысячи, кажется, тысячу и одну.

Слуги притащили ковер и расстелили его на камнях. Ковер оказался потертым и совсем небольшим, метр на два.

— Не испугаешься? — спросил волшебник.

— Другого пути нет, — сказала Алиса. — Большое вам спасибо.

— Тогда садись.

Алиса подбежала к кузнице.

— Герасик, — сказала она. — Мы с козликом летим в Аравию, но ты на ковре-самолете не поместишься. Поэтому я хотела с тобой попрощаться.

— До свидания, — сказал Герасик. — Ты за меня не беспокойся. Меня богатырь Сила обещал до деревни проводить. А пока я на кузнецов погляжу. Я хочу изобрести что-нибудь металлическое.

— Правильно, Герасик, — сказала Алиса и пожала на прощание тонкую руку мальчика-изобретателя.

Богатыря Силу она будить не стала. Пускай отдыхает. У него был трудный день.

Потом Алиса вернулась к коврику. Села точно на середину, козлик вскочил ей на руки, и Алиса обняла его.

— Погоди, — сказал Кемаль ар-Рахим. Он вытащил из-за пазухи красивую разноцветную кашемировую шаль и закутал в нее Алису. — Не вертись, пока будешь лететь, — сказал он. — На небе холодно и дует. Не простудись.

Потом он щелкнул пальцами, ковер шевельнулся под Алисой как живой, дернул кверху углами, приподнялся и упал снова. Волшебник рассердился и топнул ногой. Алисе это не нравилось. Ковер оказался не только старым, но и своенравным.

— А он доведет меня до места?

— Доведет, он всегда сначала кривляется. Избаловался.

Ковер поднатужился и плавно начал подниматься. Алиса помахала старику волшебнику, который быстро уменьшался. Вот уже виден сверху весь двор замка, дым идет из кузницы, раскинув руки и ноги, спит богатырь Сила, потом показались окружающие холмы, на одном из них мирно пасется дракон Змей Долгожеватель, совсем как обыкновенная корова, потом заблестела речка... Тут они вошли в облака и взяли курс на юг. Алиса несколько раз просила ковер лететь пониже, потому что в облаках сырость и холод, даже кашемировая шаль не спасала — зубы стучали, а козлик дрожал от холода. Но ковер

оказался своенравным. Летел, как хотел. Иногда даже сворачивал с пути. Один раз погнался за стаей диких гусей и чуть было не опустился вслед за ними в камыши, а потом вдруг захотел сразиться с большим орлом. Хорошо еще, что орел решил не связываться с ковром-самолетом.

Вдруг из облака прямо на ковер свалилось что-то грязное, лохматое, крикливое — ковер испугался и вздрогнул так, что чуть не выкинул седоков.

Это была птица Дурында. Тяжело дыша, она уселась на край ковра и закричала:

— Нашла! Догнала! Без меня хотели улететь? Это хорошо не кончится.

Дурында тяжело дышала и ежилась от холода.

— А ты зачем полетела? — удивилась Алиса.

— Как зачем? Вы же в Аравию? Я никогда в жизни не видела Аравию. К тому же без меня вам не обойтись. Я всегда предупрежу, подскажу, а когда погибнете, обратно прилечу, всем расскажу.

С этими словами Дурында втиснулась Алисе на руки. Она была такой мокрой и холодной, что Алиса пожалела ее.

Прошло еще часа два мучений, прежде чем ковер начал снижаться, потеплело, и вдали показалась синяя гладь Аравийского моря. Потом Алиса увидела на берегу белый мраморный дворец с колоннами, окруженный благоухающим садом из роз, гиацинтов и мандариновых деревьев. Ковер быстро снизился и лег на дорожку у входа во дворец, а Алиса начала громко чихать, не могла остановиться. Птица Дурында тоже чихнула, козлик тоже, даже ковер три раза чихнул, так, что над дорожкой поднялась пыль. Прелестная молодая девушка в длинном голубом платье, сбжавшая на шум по мраморным ступенькам в сад, при виде несчастных путешественников так расхохоталась, что долго не могла успокоиться.

18. Синдбад

Девушка, которую звали Шехерезадой, очень обрадовалась гостям, потому что была она общительной и веселой.

Она провела Алису и козлика в большой зал, посреди которого журчал, навевая прохладу, изящный фонтан, а по стенам висели клетки с канарейками и попугаями. Она посадила Алису и козлика на диван, заваленный пуховыми подушками, слуги принесли кувшины с лимонадом, печенье для Алисы и целую грудку свежей зелени для козлика. Алиса пила лимонад и была счастлива. Птица Дурында клевала печенье и тоже была счастлива.

Отдышавшись, она заметила, что вдоль одной из стен зала сидят на низких табуретках старички и старушки, что-то бормочут и напевают. Старички и старушки не обратили никакого внимания на гостей, как будто были не живыми, а механическими.

— Что они здесь делают, Шехерезада? — спросила Алиса.

— Рассказывают сказки. Это самые опытные сказители со всех арабских, иудейских, индийских и персидских земель. Каждый знает по сто сказок, а то и больше. Вот и рассказывают.

— А зачем? — удивилась Алиса.

— Ты что, не знаешь? Все знают. Со дня на день меня могут потребовать во дворец к нашему злому властелину. И придется мне рассказывать ему сказки. Тысячу и одну ночь подряд. Мой папа, чтобы меня подготовить, собрал сюда сказителей. Они рассказывают, а я слушаю и запоминаю.

— Но ведь ты не слушаешь, — сказала Алиса. — Ты с нами разговариваешь.

— Правильно, — сказала Шехерезада. — Когда меня во дворец увезут, я там не буду сказки рассказывать. Я красивая, молодая, шах и так в меня влюбится, без всяких сказок. Я буду готовить ему плов и шашлык, буду играть с ним в нарды и петь песни. Мало ли какие развлечения бывают у шахов с красавицами? А сказки пускай старики рассказывают. Я только папу расстраивать не хотела. Смотрите, папе не проговоритесь.

— Но что же ты тогда делаешь? — спросила Алиса.

— А ты умеешь хранить тайны?

— Умею.

— Тогда смотри.

Шехерезада хлопнула в ладоши, из-за занавеса вышел молодой человек в шароварах, сапогах с загнутыми вверх концами и белой рубашке, подвязанной широким красным поясом. На голове у него была красивая чалма.

— Познакомьтесь, — сказала Шехерезада, — мой друг Синдбад. Он пришел ко мне в гости.

— Синдбад-мореход, — поклонился молодой человек Алисе. — Я счастлив познакомиться с принцессой из северных земель.

— Я тоже, — сказала Алиса, — я о вас читала. Мне очень нравились ваши приключения. А нельзя выключить этих бабушек и дедушек? Или хотя бы сделать их потише.

Шехерезада тут же взяла блюдо со сладостями, подбежала к сказителям, дала каждому по длинной конфете и отправила их отдыхать.

— А теперь, — сказала она, вернувшись к Алисе, — рассказывайте, что вас сюда привело. Я умираю от нетерпения.

Алиса подробно рассказала о том, как заколдовали козлика, о собрании волшебников в замке Ооха и о том, как Кемаль ар-Рахим посоветовал отыскать джиннов на острове Содейда.

— Это очень романтично! — воскликнула Шехерезада. Она обернулась к Синдбаду-мореходу, который внимательно слушал всю эту удивительную историю, и нежно взяла его за руку.

— Мой дорогой друг, — сказала она. — Боюсь, что никто, кроме тебя, не сможет помочь нашим друзьям.

— Почему же? — возразил Синдбад. — Есть в наших аравийских краях немало корабельщиков, которые знают пути по морям, водят свои корабли в Индию и даже в такие далекие и недоступные страны, как Маджапа-хит, Шрикшетра, Фунань, Тямпа и государство Ю.

— Но нет ни одного, кто мог бы сравниться с тобой, сказала Шехерезада.

— Далеко ли плыть до острова Содейда?

— Плыть туда недалеко, — сказал Синдбад, — но дорога к острову трудная, в пути подстерегают рифы, водовороты, предательские течения, страшная рыба-кит, пираты, птица Рокх и множество других смертельных опасностей. Я бы рад помочь нашим друзьям, но боюсь, что одного моего желания мало.

— Что же нужно тебе еще, кроме желания, мой драгоценный мореход? — спросила Шехерезада и улыбнулась загадочной улыбкой.

Синдбад задумался, пригладил густые усы, поправил красивую чалму с драгоценным

изумрудом и сказал:

— Кроме моего желания хорошо бы получить твой поцелуй, драгоценная Шехерезада. Он бы вдохновил меня на подвиг.

— Ох! — возмутилась Шехерезада. — Сколько раз я тебе говорила, что ненавижу целоваться. Давай я лучше расскажу тебе сказку.

— Сказки будешь рассказывать старому шаху, — сказал Синдбад-мореход. — Я сам знаю столько сказок, что твоим сказителям не снилось. И мои сказки настоящие. Стоит выйти за ограду твоего дворца, и они сразу начнутся.

— Прямо и не знаю, что мне делать, — сказала Шехерезада. Хотя Алисе показалось, что не так уж она ненавидит целоваться с мореходом.

— Но если я тебя поцелую, — сказала, наконец, Шехерезада, — ты сразу же повезешь моих друзей на остров Содейда?

— Немедленно, — сказал мореход. — Сию же минуту. Мой корабль стоит в бухте.

— Что же делать? — Шехерезада обернулась к Алисе.

— Мне жаль, что ты не любишь целоваться, — сказала Алиса.

— А ты что думаешь, козлик? — спросила Шехерезада.

Козлик вытянул вперед губы, сложил их в трубочку и чмокнул воздух.

Шехерезада расхохоталась.

— Какой у тебя забавный зверек! — воскликнула она. — Надо будет обязательно познакомиться с ним, когда он превратится снова в человека.

Синдбад-мореход нахмурился, ему не понравились слова Шехерезады, он сердито поглядел на козлика, но тут же рассмеялся, потому что, как положено смелым и отважным мореходам, был человеком добрым и веселым. А Шехерезада обернулась тем временем к дремавшей на диване белой вороне Дурынде и спросила ее:

— Что мне делать, мудрая птица?

Никто еще в жизни не называл Дурынду мудрой птицей. Та распушила от радости тощий хвост, заворковала по-голубиному и каркнула:

— Скорррей! Лобзай!

Шехерезада подошла к Синдбаду-мореходу, поцеловала, его и сказала:

— Ах, до чего у тебя колючие усы!

Синдбад-мореход густо покраснел от счастья и ответил:

— Сегодня же сбрую.

— Не надо, — ответила Шехерезада. — Я же больше не буду с тобой целоваться.

Но Синдбад не расстроился, потому что лучше всех знал, что, Шехерезада не всегда говорит то, что думает.

— Пошли, — сказал он, — пока солнце стоит высоко. Может, проскочим самые главные опасности! — и он первым направился к двери.

Шехерезада схватила с подноса целую пригоршню сладостей и дала на дорогу гостям.

— Правда, Синдбад очень красивый? — спросила она шепотом у Алисы.

— Правда, — сказала Алиса. — Только мне это все равно.

— Мне тоже, — сказала Шехерезада и вздохнула.

19. Путешествие на Содейду

Корабль Синдбада-морехода оказался совсем небольшим. Он покачивался на мягких и

теплых волнах Аравийского моря неподалеку от берега. У него была одна мачта я на ней один косой парус, который матросы подняли сразу, как только Синдбад и пассажиры, подъехав к кораблю на лодке, поднялись на борт.

На корме корабля был настил, над ним полотняный навес, чтобы кормщика не напекло солнцем. Алиса села на циновку, а Синдбад встал у рулевого весла. Как только матросы вытащили якорь, он навалился на руль, и корабль легко поплыл в море.

— Нам долго плыть? — спросила Алиса.

— Как повезет, — сказал Синдбад-мореход.

— А как мы будем защищаться от акул, китов, рифов, водоворотов и всяких опасностей? — спросила Алиса. — Они же могут нас задержать.

Синдбад-мореход вдруг рассмеялся:

— Я пошутил, — сказал он. — Если бы я сказал Шехерезаде, что до острова Содейда плыть всего час по тихому морю, то она никогда бы меня не поцеловала. Какой же подвиг плыть по тихому морю?

— Как хорошо, — обрадовалась Алиса, — что море тихое. Я уж была уверена, что сегодня мне домой не вернуться.

— Погоди радоваться, — сказал Синдбад-мореход. — Даже в тихом море случаются бури и появляются опасности. К тому же я совершенно не представляю, как тебе удастся добыть у джиннов лекарство для козлика. Джинны

— самые жестокие, сварливые и предательские существа в нашей легендарной эпохе.

Постепенно низкий, берег Аравийской земли скрылся из глаз. Вокруг расстилалось безбрежное море. Лишь на горизонте теснились облака.

Вдруг птица Дурында, которая сидела на мачте, закричала:

— Это еще что такое? Спасайся кто может!

Она слетела с мачты вниз и спряталась в бочке, которая стояла на палубе.

Алиса подняла голову и увидела, что к кораблю приближается громадная птица.

— Горе нам! — крикнул матрос, который стоял на носу. Птица Рокх! Смерть к нам идет!

Алиса сначала испугалась, но потом присмотрелась к птице, которая приближалась к кораблю, и поняла, что это альбатрос, который, хоть и самая большая птица в мире, на корабле не нападает, а ест только рыбу.

Она хотела сообщить об этом отважному Синдбаду-мореходу, но тот закричал:

— Всем закрыть глаза! Всем прятаться! Я сам справлюсь с чудовищной птицей!

Матросы бросились в трюм и зажмурились, а Синдбад-мореход достал из бочки большую рыбину и кинул альбатросу.

Птица на лету подхватила подарок, проглотила и тут же взмыла вверх.

— Ура! — закричал Синдбад-мореход. — Опасность миновала, я голыми руками прогнал птицу Рокх!

Матросы вылезли на палубу и начали благодарить своего отважного и непобедимого капитана.

— Вы знали, что это альбатрос, а не птица Рокх? — спросила шепотом Алиса у морехода.

— Я не знаю, как эту птицу называют в ваших краях, — ответил Синдбад. — Но у нас она зовется птица Рокх, и ее все боятся. Зачем же я буду спорить с общим мнением? Лучше прославлюсь как непобедимый герой. И мне хорошо, и птице. Я специально для нее вожу с

собой рыбу. Она очень любит рыбу.

— А вы знаете, что и киты на корабли не нападают?

— Знаю. Я опытный капитан. Если кита не ранить и не дразнить, он никогда не нападает на корабль. Но пускай об этом знаю только я. Хорошо?

Алиса не стала спорить с хитроумным Синдбадом-мореходом. Вскоре они благополучно доплыли до небольшого острова Содейда, где спрятались от ледникового периода все джинны Аравии, Египта, Персии и прочих восточных земель.

Корабль бросил якорь неподалеку от острова. Синдбад, Алиса и козлик добрались до него в небольшой лодке. А птица Дурында с ними не полетела.

— Я отдохну, — сказала она. — У джиннов очень плохая репутация. Это хорошо не кончится. Я вас буду оплакивать.

— А тебя мы бы и не взяли, — сказал Дурынде Синдбад-мореход. — У тебя слишком длинный язык. И тайны, которые мы сейчас увидим, не для твоих глаз.

При слове «тайны» Дурында конечно же решила лететь на остров Содейда, но Синдбад поймал ее за хвост, велел матросам держать ее и не пускать на берег. Что те и сделали, несмотря на вопли и возмущение Дурынды.

Остров был совершенно пустынен. Только камни, песок, сухая трава, а на камнях греются песчаного цвета ящерицы.

Синдбад уверенно пошел по тропинке, которая вела в гору.

— А вы точно знаете, где джинны? — спросила Алиса.

— Разумеется, — сказал Синдбад-мореход. — Кто же, кроме меня, решился бы отвезти джиннов на опасный и недостижимый остров Содейда? Правда, джинны думают, что этот остров лежит далеко в океане. Я их специально всех напоил вином, они прохрапели всю дорогу и поверили мне, что мы плыли больше недели.

— А зачем вам эта хитрость? — спросила Алиса.

— Как зачем? Они же мне дали целый сундук золота за такое опасное путешествие. А кто бы дал мне сундук, если бы знал, что до острова всего час пути?..

Остров был невелик. Минут через десять они оказались на небольшой площадке, с трех сторон закрытой отвесными скалами. Из скалы бил тонкий ключ. Вода в нем оказалась свежей, искристой и газированной, как нарзан. В скале Алиса увидела небольшую железную дверь.

— Вот и пещера, в которой спрятались джинны, — сказал Синдбад. — Не боишься?

— Поздно отступать, — решительно сказала Алиса. — Чем скорей мы туда зайдем, тем скорей мы вернемся домой. Вы знаете, как открыть дверь?

— Какое-то слово надо сказать, — задумался Синдбад-мореход. — Как сейчас помню — очень таинственное слово. И дверь откроется.

— Забыли? — испугалась Алиса.

— Ох, забыл, — сказал хитрый мореход.

— Тогда я сама скажу, — сказала Алиса. — Я помню.

— Ну, скажи! — согласился Синдбад.

— Сезам, откройся! — воскликнула Алиса. Но дверь не открылась.

— Разве я неправильно сказала? — спросила Алиса.

— Правильно, — ответил Синдбад. — Я даже удивился, как это ты знаешь такое секретное и тайное слово. Неужели его будут помнить столько лет?

— Все будут помнить, — сказала Алиса. — И все ваши путешествия и подвиги тоже

будут помнить.

— Очень приятно, — сказал Синдбад-мореход. — Я рад.

Он подошел к двери, повернул ручку и отворил ее.

— Понимаешь, Алиса, — сказал он, отходя на шаг в сторону, чтобы Алиса могла войти внутрь. — В жизни мало сказать волшебное слово. Надо еще что-нибудь сделать. Если ты сказала «сезам», не мешает потом повернуть ручку.

Алиса уже немного разобралась в странном характере Синдбада.

— Простите, — сказала она. — А если бы я не сказала «Сезам, откройся!», вы бы смогли открыть дверь?

— Конечно, смог бы, — рассмеялся Синдбад. — Но пускай все думают, что не смог бы. И джиннам спокойнее, и мне славы больше.

20. В пещере джиннов

В пещере было темно. Синдбад достал взятый с собой факел и зажег его. Факел осветил низкий свод пещеры, сундуки и ящики, бочки и бутылки.

— Все в порядке, — сказал Синдбад. — Никто без нас сюда не заходил.

— Много добра вы сюда перевезли, — заметила Алиса.

— Чуть корабль не потопил, джинны ведь страшно бережливые, — сказал Синдбад. — Давай их будить. Ох, и шум подыметесь! Сам побаиваюсь.

Синдбад прошел в дальний угол пещеры. Там в нише Алиса увидела целую армию глиняных и медных кувшинов, заткнутых пробками и залитых воском. Синдбад наклонился и стал рассматривать бутылки.

— Я ищу ибн-Хасана, — сказал он. — Ибн-Хасан — самый тихий из джиннов. Он, по крайней мере, не превратит нас сразу в пыль. Вот и он!

Синдбад поднял с пола одну из глиняных бутылей, показал Алисе.

— Вот тут, — сказал он, — скрывается один из самых могущественных джиннов древности, Хасан-ибн-Хасан. Не правда ли, удивительно? Такой большой

— и в бутылке?

— Удивительно, — согласилась Алиса. — Но еще удивительнее, что их столько. Как на складе. Никогда не думала, что на свете может быть столько джиннов.

— Наше счастье, что они в основном лентяи и хвастуны.

Сказав так, Синдбад отважно вцепился зубами в пробку, вытащил ее из бутылки, бутылку быстро поставил на пол, отскочил назад. И вовремя.

Столб черного дыма вырвался из бутылки, поднимаясь до потолка. Алиса закашлялась.

Дым начал клубиться и постепенно превратился в фигуру джинна ростом в пять метров, с громадными клыками, длинным носом и клочкастой бородой. Джинн был почти голым, в одних трусах.

— Кто меня побеспокоил? — возопил джинн страшным голосом. — Кто посмел меня разбудить и открыть бутылку? Кого я сейчас растерзаю?

— Это я, Синдбад, — сказал мореход. — Не надо меня терзать. Я твой старый приятель. Дым уже рассеялся, и джинн, близоруко прищурив глаза, разглядел Синдбада.

— Садись, — сказал Синдбад. — Твоя голова так высоко, что нам трудно с тобой разговаривать.

Бормоча непонятные проклятия, джинн сел на пол, осмотрелся вокруг, подсчитал

сундуки, загибая пальцы, а когда убедился, что все добро в целости, обратил свой взгляд к Алисе с козленком и спросил: — А это еще что такое?

— Это мои друзья, — сказал Синдбад.

— Хоть твои дети! — возмутился джинн. — Ты не имел никакого права приводить их в наше секретное убежище.

— И не привел бы, если бы не крайняя необходимость, — сказал Синдбад.

Джинн немного подумал, покачал головой, и вдруг его злое и грубое лицо озарилось радостной улыбкой.

— Я понял! — зарычал он. — Ледниковый период уже кончился, и ты пришел нас освободить, чтобы мы могли властвовать над миром.

— Нет, — сказал Синдбад, — ледниковый период еще не начинался.

— Что же тогда привело тебя сюда? — удивился джинн. Ты меня удивляешь. Может быть, превратить тебя в песок?

— Нет, — спокойно ответил Синдбад. — Ничего такого делать не стоит. Если ты превратишь нас в песок, то некому будет закрыть пробкой твою бутылку. И ты замерзнешь, когда начнется ледниковый период.

— О, горе! — воскликнул джинн. — О, предательство! Ну говори тогда, чего ты хочешь, низкий сын человеческой женщины, пенитель грязных луж, торговец благополучием своих благородных друзей!

— Вот это уже нормальный разговор, — сказал Синдбад-мореход. — Погляди на этого козлика, о, Хасан-ибн-Хасан. — Еще недавно он был уважаемым человеком, но вот ему подсунули водицы из Козлиного Копытца, и он вынужден провести остаток своих дней в таком виде. Разве это не ужасно?

— А какое нам с тобой дело до чужих несчастий? — удивился джинн. — Разве в наших джинновых обычаях делать добро людям? Разве он был королем? Или волшебником? Или хотя бы богатым купцом?

— Он был знаменитым ученым в своих землях, — сказал Синдбад.

— Пускай идет в свои земли и там лечится.

— Но совет волшебников всей Земли, который сейчас заседает в замке волшебника Ооха, решил, что такое средство есть только у джиннов.

— И ты из-за этого пустяка прервал мой сон! — джинн был страшно разгневан. Он даже подскочил так, что ударился головой о каменный потолок, набил себе шишку, отчего еще больше расстроился.

— Значит, ты не сможешь нам помочь? — спросил Синдбад.

— Не хочу, — сказал джинн. — Пускай я останусь без бутылки и замерзну в ледниковый период, но ни за что я не опущусь до того, чтобы помогать людям.

— Прости тогда, благородный и всемогущий Хасан-ибн-Хасан. Значит, мы ошиблись. Я догадался, что у тебя вовсе нет такого средства, чтобы возвращать заколдованным людям их прежний облик. Прости, мы пошли.

— Не хочу помогать! — ревел джинн. — Не хочу и не буду! Не буду!

И джинн начал расти, но тут его голова снова ткнулась в потолок пещеры. Джинн взвыл от боли, а Синдбад-мореход спокойно поднялся и сказал:

— Алиса, козлик, пошли, нам здесь делать нечего.

Алиса и козлик вышли вслед за Синдбадом из пещеры. Алиса готова была заплакать. Так все погубить! Синдбад оказался плохим дипломатом! С джинном надо было говорить

вежливо, попросить его... ведь он не просто кто-нибудь, а джинн...

Алиса даже открыла рот, чтобы все это объяснить Синдбаду и уговорить его вернуться и попросить у джинна прощения, но Синдбад строго посмотрел на нее и прижал палец к губам. Он спокойно шагнул вниз по тропинке. Алиса и козлик, понурившись, брели следом.

— Стойте! — раздался сзади громовой голос джинна. Стойте, жалкие создания! Вернитесь!

— Вот видишь, — улыбнулся Синдбад-мореход, — а ты боялась. Я же знаю, как иметь дело с этими бандитами.

Джинн встретил их у входа в пещеру.

— Я передумал, сказал он. — Что-то с севера тянет холодом. Идите за мной.

Джинн прошел в дальний конец пещеры, где стояли бутылки с остальными джиннами, и остановился, разглядывая их и рассуждая вслух:

— Где же аптечка! Кто ее положил рядом с собой? Ахмед? Нет, он с собой вино взял. Хусейн? Нет, он любит уют, ему эти склянки ни к чему... Ага, вспомнил.

Джинн поежился и крикнул Синдбаду:

— Прикрой дверь. Дует. Ни в чем нельзя на тебя положиться.

Синдбад прикрыл дверь, а джинн вытащил пробку из одной из бутылок и, как только оттуда пошел черный дым, наклонился к ней и крикнул:

— Не спеши, Мустафа, не вылезай, ледниковый период еще не кончился! Это я, Хасан-ибн-Хасан!

Из бутылки донесся бас:

— Так чего меня будишь?

— Мустафа, я только на минутку. У меня зуб разболелся. Дай-ка мне нашу волшебную аптечку.

И тут Алиса с удивлением увидела, как из тонкого горла бутылки выплыла на воздух золотая шкатулка, которую держали две громадные руки.

Хасан-ибн-Хасан подхватил шкатулку, не обращая внимания на бас, который несся из бутылки:

— Мог бы сам себе зуб заговорить! Я тебе покажу после ледникового периода, как меня беспокоить!

— Удивительно сварливый народ, — сказал Синдбад-мореход.

Джинн Хасан-ибн-Хасан тем временем открыл шкатулку, которая оказалась уставленной бутылочками, долго копался в них, нюхал, глядел на свет и наконец сказал:

— Вот она!

Он открыл бутылочку, капнул из нее несколько капель прямо на пол и сказал:

— Лижи! Скорей, пока не выдохлось.

Козлик колебался. Алиса поняла, что он не привык лизать капли с пола и потому она крикнула:

— Скорей же, Иван Иванович!

И Синдбад закричал:

— Скорей же, тебе говорят!

Тогда козлик подбежал к лужице на полу и слизал ее.

— Все, — сказал джинн. — Дело сделано. Теперь быстро закупоривайте меня.

Он вернулся к открытой бутылке с Мустафой. Оттуда все еще торчали громадные руки и слышалось ворчание. Он отдал шкатулку. Руки исчезли, исчезла и шкатулка. Джинн

заткнул бутылку пробкой и шагнул к своей бутылке. Тут же он начал клубиться, превращаясь в черный дым. Алиса обернулась к козлику. Ничего с ним не произошло.

— Не закрывайте его! — крикнула она Синдбаду-мореходу. — Вдруг он ошибся!

Черный столб дыма втянулся в бутылку, Синдбад подошел к ней, держа в руке пробку, но не спешил закрывать, все глядел на козлика.

— Скорей же! Я замерзаю! — раздался крик из бутылки.

— Минуточку, — ответил Синдбад. Алиса тоже смотрела на козлика. И вдруг козлик начал расти вверх, в глазах у Алисы помутилось, она зажмурилась, а когда открыла глаза вновь, увидела, что в пещере рядом с ней стоит высокий человек в сером костюме с серьезным и очень приятным лицом.

— Спасибо, — сказал Иван Иванович.

— Спасибо, — передал его слова Синдбад джинну и заткнул бутылку пробкой.

Потом поставил бутылку на место.

21. Возвращение к Шехерезаде

Обратное путешествие до дворца Шехерезады прошло без всяких приключений. Только птица Дурында никак не могла успокоиться.

— Чудеса! — кричала она. — Мистика! Так не бывает! Как мог такой большой человек уместиться в таком маленьком козлике! Это хорошо не кончится!

Счастливый Иван Иванович держал Алису за руку и смотрел на нее благодарными глазами. Синдбад тоже был рад, что все хорошо кончилось.

— Молодец твоя подруга, — сказал он Ивану Ивановичу. — Шехерезада никогда бы из-за меня не пошла на такие жертвы.

— погоди, еще не все потеряно. Станешь козликом, посмотрим, — улыбнулся Иван Иванович.

— Да ты что! — воскликнул Синдбад. — Ты с ума сошел!

— Извини, — сказал Иван Иванович. — С тобой такого не случится, потому что я сам во всем виноват. Так довериться проходимцу Кусандре! Еще раз спасибо тебе, Алиса.

Алисе тоже было приятно, что все хорошо кончилось, и она вдруг поняла, что страшно устала. Она положила голову на колени Ивану Ивановичу, заснула и проспала до тех пор, пока корабль не добрался до аравийского берега. Она не почувствовала, как Иван Иванович перенес ее в лодку, а потом во дворец. У дверей дворца их встретила Шехерезада. При виде Ивана Ивановича, который нес на руках Алису, она вскинула руки и закричала:

— Как замечательно! Мы победили! Несите девочку на диван!

Иван Иванович отнес Алису на диван и, поблагодарив Шехерезаду за помощь, сказал:

— Нам нужно скорей лететь обратно. Алисе пора домой.

— Сейчас полетите, — ответила Шехерезада, — но вы же не можете обидеть одинокую девушку, отказываясь от вкусного горячего чая.

Эти слова Шехерезады донеслись до Алисы будто издали, сквозь шум моря, пение ветра, шуршание листвы. Вроде бы она и не спала, все слышала, все понимала, даже понимала, что голос Шехерезады изменился, стал совсем шелковым, нежным, вкрадчивым, особенно когда она обращалась к Ивану Ивановичу.

— Ах, выпейте чаю, — говорила Шехерезада, — не желаете ли шербету, мой драгоценный рыцарь? Вам, наверное, надоело быть в чужой шкуре! Где вы так чудесно

загорели, у вас такое умное лицо... Ах, возьмите еще чаю.

Потом Алиса услышала тяжелый вздох и догадалась, что вздохнул Синдбад-мореход, который думал, что Шехерезада будет благодарна ему за то, что он помог вернуть козлику человеческое обличье, может, даже поцелует его еще раз, но Шехерезада буквально не замечала морехода. Профессор Иван Иванович, высокий, культурный, воспитанный и загорелый, полностью поразил ее воображение.

Алиса проспала бы еще дольше, хоть и понимала, что пора возвращаться домой, если бы не услышала, как кто-то сказал ей на ухо внятными шепотом:

— Пора домой, Алиса. Ковер-самолет ждет у подъезда.

— Сейчас, — ответила Алиса сквозь сон. — Я встаю.

— Скорей, Алиса, солнце садится. Облака густеют. Будет дождь. С ледников тянет холодом.

Тогда Алиса открыла глаза и увидела рядом печальное лицо Синдбада-морехода.

Ей стало стыдно, что она спит в такой важный момент.

— Увези его, — сказал Синдбад-мореход. — Может, он и не понимает, что в него готова влюбиться первая красавица Аравийских земель, но я уже жалею, что помогал вам в пещере джиннов.

Тогда Алиса все поняла, села на диване и сказала строгим голосом:

— Иван Иванович, вы думаете возвращаться?

Иван Иванович сделал над собой усилие и оторвал взор от прекрасных бархатных глаз Шехерезады. Он поднялся с подушек, улыбнулся виновато и сказал:

— Мы вам очень благодарны за все, что вы для нас сделали. Но нам пора лететь.

— Зачем! — воскликнула Шехерезада. — Разве вам плохо в моем дворце, рыцарь Иван! Может, вам мешают другие люди? Тогда я их всех тут же выгоню. И этого надоедливого Синдбада, и эту девочку Алису.

— Ничего подобного, — сказал Иван Иванович. — Я возвращаюсь с моей подругой Алисой. А Синдбад останется здесь, с вами.

— Ни в коем случае! — закричала Шехерезада и побежала за директором заповедника сказок, который пошел к выходу. — Что вы будете делать в будущем?

— Мне надо возвращаться в заповедник.

— Хорошо, — сказала тогда Шехерезада. — Я поеду вместе с вами. Неужели в громадном заповеднике сказок не найдется местечка для сказочной Шехерезады, которая так изумительно умеет рассказывать сказки?

— Не умеешь, — мрачно сказал Синдбад-мореход.

— А мы с Ваней тебя не возьмем, — сказала Шехерезада, повисая на руке Ивана Ивановича. — Мы сейчас же поедem.

— Я боюсь, что вы скоро раскaетесь, — сказал Иван Иванович. — У нас жизнь тихая, заповедная, гномы и русалки...

— С тобой, мой прекрасный рыцарь, мне не будет скучно.

Синдбад-мореход заскрежетал зубами, и его загорелая рука опустилась на рукоять кинжала.

Хоть Иван Иванович и был замучен своими тяжкими приключениями, он не потерял присутствия духа перед лицом прекрасной Шехерезады. Но не надо думать, что он испугался гнева Синдбада-морехода. Он сказал просто и искренне, потому что был очень правдивым человеком:

— Дорогая Шехерезада, я признаю вашу сказочную красоту. Но я не могу полюбить такую красавицу, на которую надо беспрерывно любоваться. А в моем замке стоит хрустальный гроб с самой обыкновенной Спящей красавицей, которая как красавица значительно уступает вам. Но я все равно давно уже влюблен в нее, хотя долгое время не решался открыть крышку гроба. Видите ли, мне казалось, что это неправильно, раз я директор заповедника. Я думал, это называется использованием служебного положения в личных целях. Но после всех приключений в образе козлика я понял, что в таких вопросах стесняться нельзя.

— Конечно, нельзя, — сказала Алиса. — Будете стесняться, Кот в сапогах первым гроб откроет. Они такие, коты в сапогах. Наглые очень.

— Конечно, — согласился Иван Иванович. — Поэтому мне надо спешить. Так что, милая Шехерезада, не обижайтесь на меня, пожалуйста.

И он решительно направился к выходу в благоухающий сад.

Алиса очень обрадовалась такому решению директора, хотя Шехерезада, честно говоря, ей очень нравилась. Но еще больше нравился ей хитроумный Синдбад-мореход, и она желала ему счастья.

Алисе приятно было увидеть, как добрая улыбка появилась на мужественном лице морехода.

Но Шехерезаде все это не понравилось, потому что она была очень избалованной красавицей.

— Как так! — вскричала она. — Как ты смеешь мне противоречить, если я сама тебе объяснилась в любви! Ты не уедешь отсюда живым! Стража, изрубить его в мелкие-премелкие кусочки!

— Бегите! — крикнул Синдбад-мореход. — Она не шутит. У нее тропический темперамент.

Алиса схватила за руку Ивана Ивановича, который хотел, как настоящий профессор, уйти спокойным шагом. Алиса потянула профессора за собой, к ковру-самолету, который лежал на дорожке и дрожал углами, желая поскорее взлететь в воздух.

Когда они усаживались на ковер, Алиса увидела, как из двери рвется многочисленная стража с кривыми саблями, а Синдбад отчаянно отбивается от нее кинжалом.

— Нет, — сказал Иван Иванович. — Я должен ему помочь.

— И не мечтайте! — крикнула Алиса и добавила:

— Ковер, немедленно лети!

Ковер послушался, взлетел немного, но остановился в воздухе, потому что Шехерезада закричала:

— Ковер, обратно!

— Ковер, лети! — крикнула Алиса.

— Ковер, лети! — крикнул Синдбад-мореход.

— Шехерезада, прекрати немедленно! — раздался вдруг голос Дурынды. — Я все расскажу твоему отцу. Он тебя выпорет.

От неожиданности Шехерезада замолчала, а птица Дурында подлетела к ковру-самолету, вцепилась в него клювом и потянула за собой, на север. Это решило схватку. Ковер послушно набрал высоту и улетел. Дворец остался внизу, уменьшился, стал игрушечным, а в море неподалеку от берега был виден корабль Синдбада-морехода.

— До сви-да-ния, Синдбад! — крикнула Алиса. — Спасибо тебе, добрый друг!

Но Синдбад не услышал, потому что ковер поднялся высоко в небо. Всем стало холодно.

Иван Иванович обнял Алису и птицу Дурынду, чтобы не замерзли, и они помчались на север, навстречу леднику.

22. Прощание

Уже совсем стемнело, когда Алиса с Иваном Ивановичем добрались до леса, где в дупле дуба пряталась машина времени. Они остановились на опушке.

Птица Дурында, которая уговорила Ивана Ивановича взять ее в заповедник, опустилась ему на плечо, держа в клюве узелок со своим добром.

Богатырь Сила сидел верхом на отличном арабском жеребце, который подарил ему благодарный волшебник Кемаль ар-Рахим.

— Я бы с вами съездил, — сказал богатырь, — но боюсь, что в вашем времени мало места для рыцарских подвигов.

— Не совсем так, — ответил ему Иван Иванович. — Место есть, но не для твоих подвигов.

— Еще бы, он сразу набросится на автобус, потому что решит, что автобус пожирает пассажиров, — сказала Алиса.

Рядом с богатырем стоял дракон Змей Долгожеватель. Он принес нацарапанное на бересте письмо для своего племянника, которое написал для него Герасик. Дракон с Силой обещали довести его до деревни, чтобы волки не напали. Волшебник Кемаль ар-Рахим парил неподалеку на ковре-самолете. Он был печален. Птица Дурында рассказала ему о легкомысленном поведении его дочери, и он собирался с рассветом, оставив верблюдов здесь (пускай идут своим ходом), улететь домой, чтобы навести там порядок.

Потом из воздуха возник волшебник Оох. Он держал на ладони маленькую прелестную фею, вокруг которой распространялось золотистое сияние.

— Я очень рад, Иван, — сказал он, — что все обошлось. Прости, что не смог сам слетать с тобой в Аравию, но сам знаешь, собрание прерывать нельзя.

— О чем вы договорились? — спросил Иван Иванович.

— Как и положено в таких случаях, ни о чем, — ответил волшебник Оох. — Наше горе в том, что волшебники, маги и колдуны никогда не могут ни о чем договориться. Придется, наверное, вымирать и уступать место обыкновенным людям.

— То есть мне, — сказал мальчик Герасик. — Я согласен.

Волшебник Оох только кинул на мальчика невеселый взгляд и ничего не ответил.

— Если плохо придется, приезжайте к нам, — сказала Алиса, — для всех найдется место в заповеднике сказок.

Она поглядела на Ивана Ивановича, не возражает ли он. Иван Иванович сказал:

— Но учтите, друзья, что царствовать в будущем мы вам не сможем позволить. Другие времена, Другие обычаи.

Потом все стали прощаться, прощание было грустным, как и положено быть прощанию. И вдруг с темного синего неба, от самых звезд послышался хриплый крик:

— Погодите! Остановитесь!

На опушку опустился Кусандра верхом на метле.

— Еле успел! — сказал он. — Я с вами.

— Это еще почему? — удивился Иван Иванович.

— Мне здесь делать нечего. Сестрица меня угнетает, разбойники меня ограбили, курочку Рябу сожрали, золота у меня нет, ледник надвигается.

— Нет, — сказал Иван Иванович. — От тебя было слишком много неприятностей.

— Я заблуждался, у меня было тяжелое детство, я перевоспитаюсь. Вот видите, я метлу у сестрицы украл. Я буду ею заповедник подметать. С утра до вечера.

Иван Иванович посмотрел на Алису. Алиса посмотрела на птицу Дурынду, Дурында на волшебников, волшебники на богатыря, богатырь на дракона, и дракон за всех ответил:

— Возвращайся-ка ты, Кусандра, к своей сестрице.

— Ах так! — возмутился Кусандра. — Тогда я сам за вами в машину времени проберусь! Берегитесь!

— Не волнуйся, Иван, — сказал волшебник Оох, — мы вход в машину заколдуем так, что ни один негодяй не отыщет. А ты, Кусандра, лети отсюда, пока я тебя в гусеницу не превратил.

— Пока я тебя в комарика не превратила, — пискнула Фея.

— Пока я тебя не зарубил, — пробасил Сила.

— Пока я тебя не сжег, — закончил дракон.

Кусандра обвел всех диким злым взглядом, вскочил на метлу и улетел туда, откуда доносился волчий вой. Там его ждали.

Алиса и Иван Иванович еще раз сказали «до свидания» и шагнули в темную чашу, где их ждала машина времени.

23. Возвращение Ивана Ивановича

Когда через пять минут они вышли из машины времени в лаборатории замка, их оглушил грохот, шум и музыка. Они осторожно выглянули из лаборатории и поняли, что музыка несется из большого зала. Там на королевском троне сидели рядышком гном Свен и кукла Даша. А остальные сказочные существа водили вокруг них хоровод. Свадьба была в самом разгаре.

— Пойдем на свадьбу? — спросила Алиса. — Нас приглашали.

— Обязательно, — сказал Иван Иванович, — только сначала я позвоню твоему папе, чтобы он не волновался.

— Это мы обязательно сделаем, — сказала Алиса. — А может быть, еще раньше мы спустимся в подвал?

И тут она увидела, как доктор наук и директор заповедника густо покраснел.

— А если завтра? — спросил он робко.

— Сейчас, — сказала Алиса, улыбаясь. — Мы не будем долго задерживаться. Мало ли что может случиться до завтра?

И они поспешили в подвал. Как права оказалась Алиса!

Когда они вбежали в подвал, посреди которого стоял хрустальный гроб, они услышали громкое пыхтение. И увидели, как Кот в сапогах с помощью Волка большой палкой подцепили край крышки и отодвигают ее. Крышка медленно сползает, поддается...

— Стойте! — закричала Алиса. — Не смейте!

Но опоздала.

Крышка уже сама заскользила, поехала, наклонилась, коснулась углом каменного пола, раздался хруст, грохот и хрустальный звон — крышка разлетелась на тысячу кусков.

Иван Иванович с Алисой бросились к гробу, но Кот, который догадался, в чем дело, оказался проворнее. Он прыгнул в гроб, протянул свою морду к лицу Спящей красавицы и чмокнул ее прямо в губы. Красавица проснулась. Она открыла глаза.

— Урра! — закричал Кот. — Я победил!

Красавица медленно села в гробу, увидела перед собой кошачью морду, оглянулась. Иван Иванович, как громом пораженный, стоял возле гроба, понимая, что опоздал всего на минуту. Из глаз Алисы брызнули слезы. Принцесса взяла шелковую подушку, на которой только что спала, и со всего размаха запустила в Кота. Кот взвизгнул и вывалился из гроба на пол.

— Кошек здесь развели! — сказала принцесса капризным голосом. — Прямо в кровать лезут!

Потом она посмотрела на Ивана Ивановича и сказала:

— Иван, помоги мне отсюда вылезти. Она подала директору заповедника белую руку, и тот помог ей выбраться наружу.

Потом она взяла Ивана Ивановича под руку и медленно пошла с ним к выходу, не обращая внимания на Кота и Волка.

— Это нечестно! — закричал вслед Кот. — Так не по правилам! Я тебя первый поцеловал!

От самой двери принцесса обернулась и сказала:

— А у моего Вани все впереди.

И они исчезли.

За ними ушли, понурившись, Кот и Волк. А Алиса осталась одна. Она поняла, что директора ей не дожидаться, придется ехать домой. И она почувствовала такую усталость, что даже не захотела веселиться на свадьбе гнома Вени. Алиса потихоньку выбралась из замка и пошла к автобусной остановке. Здесь она позвонила домой из видеофона-автомата.

— Папа, — сказала она. — Я вернулась. Скоро буду дома. Не волнуйся.

— А я не волнуюсь, — сказал отец. — Только что мне звонил Иван Иванович и обо всем рассказал.

Лиловый шар

1. Громозека и паук

Маленькое белое солнце висело прямо над головой, и поэтому тени были короткими. Под деревьями, в тени, росла густая зеленая трава, колючая, как стая ежей. Подальше, на открытых местах, из земли высывались рыжие, утыканные иглами шары. Когда к ним подойдешь поближе, иглы вырастают и шевелятся. Лучше не подходить, а то могут выстрелить иголками.

Алиса была в скафандре, иголки отскакивали от него, но их удары Алиса чувствовала, и ей все казалось, что какая-нибудь самая острая игла может проколоть металлическую ткань.

Здесь надо быть очень осторожной. Как на войне. Алисе, правда, не приходилось бывать на войне, но и другой такой планеты, где все ополчилось против людей, она тоже не видела.

Обычное утреннее путешествие от купола до раскопок, занимавшее минут пять, не больше, могло грозить неприятными неожиданностями. Вот и сейчас: впереди идут Громозека и два археолога, сзади отец с парализующим бластером наготове.

Громозека — старый друг Алисы, гигантский археолог с планеты Чумароза, грозное чудовище, с виду похожее сразу на слона и осьминога, и добрейшее существо в душе.

— Стоп! — вдруг кричит Громозека, предупреждая подняв три щупальца (три других заняты оружием, еще в двух он несет ящики с инструментами).

Археологи замерли. Алиса замерла. Отец Алисы, профессор Селезнев, замер...

Поглядев вперед, Алиса поняла, что насторожило Громозеку.

Посреди дорожки, которая за последние две недели исхожена тысячу раз, за ночь выросло крепкое, метров в пять ростом дерево, усыпанное желтыми цветочками. Ветерок чуть шевелил длинные нежные листья, бабочки лениво порхали над цветами. Очень красиво. Но ведь десять часов назад на этом месте никакого дерева не было.

Громозека протянул вперед длинный щуп с анализатором на конце. Кончик щупа чуть покачивался, будто принюхивался. И когда до ближайшей ветки оставалось сантиметров десять, дерево вдруг взмахнуло веткой и так рубануло по щупу, что Громозека не удержал его. Щуп упал на землю, и тут же к нему полетели иглы рыжих шаров. Громозека рассердился.

— Мне это надоело! — вскричал он. Глаза под прозрачным шаром шлема загорелись. Он поднял бластер и ударил по дереву парализующим лучом.

Ветви дерева тут же свернулись, желтые цветочки закрылись, дерево начало проваливаться.

И на том месте, где оно росло, осталась небольшая кучка пыли, и, если бы Алиса собственными глазами не видела этой сцены, она никогда бы не подумала, что такое возможно.

Археологи, за ними Громозека, потом Алиса и ее отец осторожно обошли место, куда спряталось дерево, и поднялись на невысокий холм, вершина которого была изрыта квадратными ямами. Здесь шли раскопки.

Громозека остановился на краю раскопа и тщательно пересчитал своих спутников.

— Я повторяю, — сказал он печально. — Мне это надоело. У меня еще не было такой

трудной экспедиции. Я работал на восьмидесяти планетах, я встречался со всеми мыслимыми и немыслимыми обитателями нашей галактики. Но более коварного, гадкого, трусливого и опасного места я не встречал. Где робот-копатель номер три?

Роботы и археологические машины стояли посреди площадки. В их строю зияла брешь. Одного из роботов не было. Громозека кинулся вперед.

— Осторожнее! — крикнул ему вслед профессор Селезнев. Но опоздал.

Громадная туша добродушного, но вспыльчивого археолога Громозеки, триста двадцать килограммов живого веса, восемь щупальцев, слоновьи лапы, облаченные в скафандр, три бластера и один меч, — все это в мгновение ока исчезло из виду, потому что Громозека провалился в замаскированную ловушку, которую кто-то за прошедшую ночь выкопал посреди площадки.

Когда археологи, Алиса и Селезнев подбежали к яме, они увидели, что Громозека бьется в объятиях огромного паука, острые зубчатые жвалы которого, источающие мутный яд, елозили по пластику шлема, стараясь его прокусить.

Селезневу пришлось потратить почти весь заряд бластера, пока, наконец, паук не ослабил хватку и не замер на дне ямы.

Потом минут десять с помощью роботов они вытаскивали заклинившегося в яме начальника экспедиции. Громозека был настолько расстроен и оскорблен тем, что стал добычей паука, что мрачно повторял:

— Оставьте меня в яме. Я недостоин того, чтобы снова увидеть белый свет. Засыпьте меня песком и забудьте мое имя.

— Громозека, миленький, — уговаривала его Алиса. — Каждый из нас мог сюда угодить. Даже я.

Когда Громозеку извлекли из ямы, обнаружилось, что под ним лежит изуродованный робот-копатель номер три. Наверное, паук, что затаился на площадке, сначала решил полакомиться роботом. Наестся им он, разумеется, не смог, но изломал его основательно.

Громозека уселся на краю ямы, стер яд со шлема и сказал:

— Умоляю, прости меня, мой друг Селезнев, что я заманил тебя на эту злобную планету. Я ежеминутно подвергаю опасности твою жизнь и жизнь твоей изумительной девочки. Вернее всего, никто из нас не вернется отсюда живым.

— Ничего страшного, — ответил Селезнев, который был более уравновешен, чем его старый друг. — По-моему, для биолога это очень интересная планета.

— Я согласна с папой, — сказала Алиса. — Мне тут нравится.

— С ума сойти! — вздохнул Громозека. — Вы какие-то самоубийцы.

— Если хочешь, Громозека, — сказала Алиса, — ты улетай отсюда, а мы с папой останемся еще немного.

Громозека внимательно оглядел Алису с ног до головы всеми своими глазами и вдруг широко улыбнулся, показав акульки зубищи.

— Я понял! — воскликнул он. — Вы хотите сказать, что я самый трусливый археолог во Вселенной. А это, кстати, еще надо доказать!

С этими словами он поднялся на свои толстые лапы и зарычал на всю площадку:

— Почему не начинаем работать? Немедленно приступать к раскопкам!

Правда, кричал он только для того, чтобы самого себя успокоить. К этому времени все его коллеги уже трудились, раскапывая погибшую когда-то крепость на удивительной планете Бродяге.

Планета, где археолог Громозека попал в ловушку, называлась Бродягой. Разумеется, это не официальное ее название. Во всех справочниках она называется так: ИКО-1. То есть: Искусственный космический объект № 1. Другой такой планеты нет. И вряд ли будет.

Бродягу обнаружили случайно. Могли бы обнаружить и позднее. По очень простой причине: в отличие от всех других планет у нее нет своего солнца. А раз нет солнца, то ее не видно. Галактика состоит из звезд, вокруг некоторых из них вращаются планеты. А если планета не вращается вокруг звезды, значит, она бездомная, у нее нет своего места в космосе и она летит сама по себе в холодном темном пространстве, где звезды встречаются так же редко, как родники в пустыне Сахара.

Бродягу нашли, потому что она влетела в ту часть Галактики, где находится Земля. Астрономы высчитали, что Бродяга летит не напрямик, а совершает огромный круг, раз в двадцать шесть тысяч лет возвращаясь в одну и ту же точку. Она должна была пролететь сравнительно недалеко от Солнечной системы, так же, как она это сделала двадцать шесть тысяч лет назад, пятьдесят две тысячи лет назад и, может быть, семьдесят восемь тысяч лет назад...

Однажды в кабинете профессора Селезнева, директора московского космического зоопарка, известного специалиста по инопланетным животным, раздался видеофонный звонок. Когда Селезнев включил экран, он увидел на нем круглое, многоглазое лицо своего старого друга археолога Громозеки с планеты Чумароза. Громозека открыл громадную, полную акульих зубов пасть, приложил передние щупальца к покрытой панцирем груди, в которой бились три его добрых вспылчивых сердца, и сказал:

— Селезнев, друг мой, собирайся, ты летишь на Бродягу.

— Здравствуй, Громозека, — улыбнулся Селезнев. — Я не знаю никакого бродяги. Но без тебя я соскучился и рад буду, если ты заглянешь к нам в гости. Алиса тоже будет рада.

— Ты ничего не понимаешь! — взревел Громозека. — Я говорю с тобой с Плутона. Мой корабль отлетает через двенадцать минут. Я спешу. Если я не успею на Бродягу, туда прилетят археологи со всех концов Галактики и сделают великие открытия, которые должен сделать только я.

— Но что за Бродяга? — удивился Селезнев.

— Ты даже газет не смотришь! — рассердился Громозека. — Неужели ты не слышал, что капитан Ким открыл искусственную планету, которая летит в космосе от звезды к звезде и нигде не останавливается?

— Знаешь, я только что из экспедиции, — сказал смущенно Селезнев, — и отстал от жизни.

— Тогда слушай. Ким нашел в открытом космосе бродячую планету. Оказалось, что она не притягивает к себе другие тела, а отталкивает их.

— Этого быть не может, — твердо сказал Селезнев.

— Не перебивай. У меня осталось восемь минут. Ким обнаружил, что эта планета пустая внутри и оболочка ее искусственная. Ты меня слушаешь?

— Да.

— Планета оказалась вывернутой наизнанку. То, что у других планет снаружи, у нее оказалось внутри, понимаешь?

— Ничего не понимаю.

— Представь себе большой орех с маленьким ядрышком внутри. Вся трава, горы, холмы, реки, озера находятся на внутренней стороне скорлупы. А маленькое ядрышко — это

тамошнее солнце. То есть, с нашей точки зрения, по этой планете можно ходить только вверх ногами.

— С точки зрения физики — глупость, — сказал Селезнев. — Все твои так называемые реки выльются внутрь, а горы тоже упадут на внутреннее солнце.

— Нет! — закричал Громозека. — Секрет в том, что оболочка планеты многослойная. Внешний ее слой — сверхпрочный сплав. Средний слой — вещество, которое наши физики назвали гравиферрумом. Это металл, притягивающий к себе все предметы. То есть скорлупа нашего ореха как бы магнит, который притягивает к себе все, что находится на его внутренней стороне. И, соответственно, с такой же силой отталкивает все, что находится на внешней стороне скорлупы. Поэтому маленькое искусственное солнце, что висит точно в центре пустой планеты, никуда не может деться — стены полости притягивают его одинаково, как бы держа невидимыми нитями...

— Если это так... — начал Селезнев, но Громозека его перебил.

— Некогда, — сказал он быстро. — Наше время истекло. Слушай внимательно. Никто еще не знает, когда и почему обитатели и строители этой планеты покинули ее. Там нет ни одного разумного существа, но много животных и птиц. Нам, археологам, надо раскопать ее города и узнать, что же с ней случилось. Так что я уже заказал тебе два билета на лайнер, который отлетает послезавтра с Луны к Альфе Водолея. Когда вы будете пролетать поблизости от Бродяги, я вышлю навстречу свой корабль и вы пересядете на него. Ясно?

— Но как я доберусь обратно? Ведь у меня масса дел... — попробовал возразить Громозеке профессор Селезнев.

— С каждым днем это сделать все легче. Планета Бродяга летит к Солнечной системе и через несколько недель пройдет совсем близко от Земли.

— Хорошо, — почти сдался Селезнев. — Неделю я смогу уделить...

— Две недели!

— Две недели? А почему ты заказал два билета?

— Очень просто, — раздался голос от двери кабинета. Там стояла Алиса. — Громозека знал, что я полечу с тобой. У меня же зимние каникулы!

— Правильно, — сказал Громозека.

И экран погас.

— Ни в коем случае, — сказал профессор Селезнев.

— Почему? — удивилась Алиса. — Разве я тебя когда-нибудь подводила? Разве мы с тобой, отец, мало путешествовали вместе?

— А что скажет мама?

— Мама скажет так: если вы обещаете...

В этот момент в кабинет вошла мама и сказала:

— Если вы обещаете мне не лезть под дождь, не купаться в глубоких местах, не открывать форточки в открытом космосе, есть суп каждый день, не ссориться, мыть руки перед едой, не дразнить драконов, ложиться спать вовремя, то я согласна отдохнуть от вас недели полторы.

— Видишь, отец, — сказала Алиса, — насколько мама мудрее тебя.

— Если бы она была мудрой, — возразил отец, — она бы никогда не вышла за меня замуж.

— И никогда бы не выбрала тебя в дочери, — согласилась мама.

Селезнев вздохнул, отложил в сторону начатую статью и позвонил в информаторий,

чтобы ему срочно сообщили все данные о недавно открытой планете Бродяге.

После того, как Громозеку вытащили из ямы, он долго не мог прийти в себя. Громозека не боялся почти ничего на свете. Кроме пауков и длинных батонов. С батонами все было ясно — когда Громозека был маленьким, бабушка заставляла его ничего не оставлять на тарелке. А если он не доедал пищу, то она била его по голове длинным батонем. Это было не очень больно, но обида осталась в гордых сердцах Громозеки на долгие годы. Пауков же Громозека боялся с тех пор, как говорящий паучок на планете Персипона, где Громозека учился в аспирантуре, предсказал ему, что он получит двойку на экзамене по хронологии. Громозека получил двойку, лишился стипендии и целый семестр жил впроголодь. С тех пор он пауков боялся, потому что подозревал, что все они умеют предсказывать неприятности. Когда же он сегодня попал в лапы паука-гиганта, то не испугался, что паук его может сожрать. Он боялся одного: что паук предскажет еще какую-нибудь неприятность. Но паук погиб молча, и Громозеку это не успокоило. Он все время оглядывался, не появился ли рядом другой паук.

— Невезение — невезение — сплошное невезение, — твердил мрачно Громозека, шагая вдоль раскопа, в котором трудились роботы, а археологи за ними присматривали.

Говоря «невезение», Громозека имел в виду не только пауков и деревья с желтыми цветами. Тайна планеты Бродяги, оставленной жителями, все еще не была разгадана. Казалось бы, Громозека с его опытом должен был в первый же день ответить на простой вопрос: кто и зачем создал планету, кто здесь жил и куда делся.

Нельзя сказать, что археологи ничего не нашли. Остатки городов и поселений встречались во многих местах. Но это были какие-то ненастоящие поселения. В земле, покрывавшей изнутри планету пятиметровым слоем, обнаруживались каменные плиты, куски дерева, обломки железных орудий, глиняные черепки. Но ни одной книги, ни одного произведения искусства, даже ни одной игрушки.

Профессору Селезневу и Алисе повезло больше, чем археологам. Животный мир планеты был удивительным, ни на что не похожим. Здешние четвероногие, шестиногие, многоногие обитатели были объединены одним общим качеством — злостью.

Во всей Вселенной действуют одинаковые биологические законы. Каждое живое существо старается выжить, прокормить своих детей. И если для этого лисице приходится охотиться на зайцев, а прокурулям глотать весчиков, удивляться не приходится.

Зато волк никогда не нападет на слона или шестиметрового крокодила, потому что это самоубийство, а воробей не станет охотиться на носорога, потому что это ему ни к чему.

Здесь же все было иначе. Все на всех нападали. Нужно, не нужно, все равно нападали. От этого местные животные таились друг от друга, нападали исподтишка, неожиданно и злобно. К тому же все они, даже самые травоядные из травоядных, были вооружены страшными челюстями, шипами, ядовитыми железами, иглами, чуть ли не ракетами.

— В этом нет логики, — говорил профессор Селезнев Алисе, сидя на берегу речки, что текла рядом с холмом, где шли раскопки. — Для меня такое поведение животных — нарушение законов природы. Загадка не менее странная, чем все другие загадки Бродяги.

— Я с тобой согласна, — сказала Алиса. — Всегда ходить в скафандре, хотя вокруг самый нормальный воздух, обидно и глупо. Но что поделаешь. Вот над головой вьется комарик. А еще неизвестно, что это за комарик.

И только Алиса так успела подумать, как комарик выпустил жало длиной сантиметра два и спикировал на Алису. Жало согнулось, ударившись о шлем, но Алиса, хоть и была

готова к нападению, вздрогнула.

— Дурак, — сказала она комару.

Комар еще раз бросился на Алису, но промахнулся и упал на землю.

Речка была мелкой, прозрачной и неширокой. Видны были камешки на ее дне, а в самой глубине просвечивала тусклым блеском металлическая основа планеты. Алисе хотелось искупаться, но об этом и мечтать не приходилось, потому что даже мальки в реке готовы были тут же вцепиться в любого купальщика. Алиса стояла на берегу, смотрела, как играют в воде мальки, и думала: «Вот странно, я вижу металлическое дно реки. И если бы у меня была самая сильная в мире нога, я могла бы топнуть, пробить дно и оказалась бы в черном бесконечном космосе, а вода из реки фонтаном вылетела бы наружу и круглыми каплями разлетелась в пространстве».

Селезнев снимал на пленку рыб, брал образцы воды, чтобы потом определить микробов, живущих в ней, Алиса его охраняла. Ведь неизвестно, в какой момент и откуда вылезет какая-нибудь тварь, чтобы попытаться отца сожрать. Это не значит, что отцу угрожает настоящая опасность, но в любом случае очень неприятно, если в разгар работы на тебя наваливается какой-нибудь ядовитый медведь. Так что Алисе приходилось вместо того, чтобы гулять по окрестностям, настороженно вглядываться в окружающие кусты, держа наготове бластер.

Впрочем, это тоже интересно: мало кому из друзей Алисы доводилось стоять, сжимая в руке усыпляющий бластер, на далекой опасной планете под искусственным солнцем. Да не просто стоять, а пускать бластер в ход... Вот что-то блестящее мелькнуло в рыжей траве — серебряная змея стрелой метнулась к отцу. Рука Алисы опустилась, и в тот момент, когда змея приподняла голову, готовясь к прыжку, Алиса нажала на спуск — мелькнула вспышка, змея свернулась кольцом, выпрямилась и заснула.

— Ты чего стреляешь? — спросил отец, не поднимая головы.

— Добыла тебе редкий образец, — ответила Алиса. Она поглядела на обрыв: в этом месте речка вгрызлась в склон холма, на вершине которого работали археологи. Кое-где, прицепившись корнями к откосу, там росли колючие кусты. В одном месте в тени кустов было какое-то темное пятно. Но Алиса не успела приглядеться к нему, потому что на обрыве показалась громоздкая фигура Громозеки. Он махал щупальцами.

— Нашли! — гремел над речкой и над долиной голос Громозеки. — Эврика!

— Чего нашли? — спросил профессор Селезнев.

— Не скажу, — ответил Громозека. — Это сюрприз, — его многоногая, многорукая, многоглазая фигура исчезла.

«Удивительное дело, — подумала Алиса, глядя, как отец собирает приборы.

— Сколько сотен лет люди кричат „эврика!“, даже не задумываясь, что это древнегреческое слово. Кажется, его впервые крикнул ученый Архимед. Когда залез в ванну и увидел, что вода вылилась наружу. Странные люди — великие ученые. Один лезет в ванну, другой идет в сад глядеть, как падают с яблони яблоки».

— Интересно, — сказала Алиса. — А что было потом?

— Когда? — не сразу понял отец.

— Ну, залез Архимед в ванну, понял, что его тело теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им вода. А потом?

— Потом? — отец задумался. — Я думаю, что потом Архимед забыл одеться и побежал в голом виде по улицам, крича «эврика!».

— Правильно, — сказала Алиса. — И первый же полицейский его арестовал за хулиганство. Я думаю, что даже в те древние времена ученые обычно не бегали голыми по улицам. Почему-то в истории остаются только первые моменты. А ведь за первыми моментами всегда идут вторые. Может, Архимеда даже арестовали...

— Правильно, — сказал отец. — Но в полицейском участке была ванна. Архимед залез в нее и доказал полицейским, что он был прав.

— Полицейские разделись и по очереди залезали в ванну.

— Пока не расплескали всю воду.

— И последний полицейский сказал, что Архимед не прав, потому что его телу нечего вытеснять...

— А вот подумай о Ньютоне, — сказал отец. — После того, как яблоко упало ему на голову...

Но продолжить рассуждения о судьбе великих ученых Селезневы не смогли, потому что в этот момент они как раз переходили вброд речку, а из песка на дне вылезли чьи-то железные челюсти, схватили Алису за ногу и не пускали, пока профессор Селезнев не вытащил Алису на берег вместе с вцепившейся в ногу мертвой хваткой совершенно непонятной тварью, состоявшей только из челюстей.

Пока отец отцеплял тварь от ботинка Алисы, она поглядела наверх, где недавно видела темное пятно. Пятно оказалось дырой в холме, может быть, даже входом в пещеру. Алиса хотела было сказать отцу, что надо будет проверить эту пещеру, в ней наверняка таится какой-нибудь хищник, но тут на обрыве снова возник Громозека, обиженный, оскорбленный, униженный поведением своих ближайших друзей, которые не желают спешить, чтобы увидеть собственными глазами, какое великолепное открытие он совершил.

4. Гипотеза Алисы

Открытие и в самом деле было важным. Когда роботы убрали спекшийся завал посреди сгоревшей крепости, они нашли под ним останки существ, когда-то погибших в той крепости. Пол зала был усеян костями и оружием воинов. Существа, населявшие Бродягу, оказались похожими на людей, только поменьше ростом, поуже в плечах, с длинными, сплюснутыми с боков черепами. Они были вооружены короткими мечами, боевыми топорами и трубками, которые, по мнению Громозеки, стреляли отравленными стрелками.

Роботы оживленно гудели, фотографируя и очищая находки.

— Я сделал вывод, — сказал Громозека. — Эта крепость погибла во время войны. И люди сюда уже никогда не вернулись. Эта война случилась чуть более пяти тысяч лет назад.

Алиса уже не первый раз была на археологических раскопках и знала, что любой древний город состоит из слоев. Самый нижний слой — самый старейший. Потом проходят годы, люди подсыпают дороги, строят новые дома на месте разрушившихся, теряют вещи и сметают во двор пыль. Город как бы все время растет ввысь. Следующий «культурный слой» относится к более позднему времени. И если город живет долго, то таких слоев бывает много. Иногда на месте покинутого города остается высокий холм, созданный не природой, а человеком, набитый, как густой суп горохом, остатками человеческого быта.

Но крепость на холме была не такой. В ней был только один слой, к тому же довольно тонкий. Под ним — скала. Значит, люди в городе жили недолго.

А может быть, эти люди жили не здесь? А в крепости они только прятались от врагов?

Где же тогда они жили? И тут же Алиса вспомнила о черной дыре в склоне холма, которую она видела от речки.

— Громозека, — сказала Алиса. — А что если эти люди сюда только приходили? А жили в другом месте?

— Шутка? — спросил Громозека.

— Нет, гипотеза, — сказала Алиса.

— Но поблизости нет других поселений, — сказал Громозека.

— А если внизу? Внутри холма?

— Чепуха! — отрезал Громозека. — Ты же видишь! Он постучал ногой по скале, которую очищали археологи.

— Ну, если чепуха... — Алиса не стала спорить. Она уже решила, что обязательно заглянет в пещеру у реки. Сначала заглянет, а потом уж расскажет. Если будет о чем рассказывать. Бластер у нее есть, скафандр на ней крепкий. К тому же всегда интересно сделать то, что не догадались сделать взрослые.

5. Подземный город

Все были увлечены находками, и Алиса рассудила, что в ее распоряжении, по крайней мере, часа два до обеда. Она сунула за пояс бластер, проверила, лежат ли в кармане скафандра очки ночного видения, и отправилась в недалекий, но рискованный поход.

Перейдя реку, Алиса остановилась, глядя вверх, на вход в пещеру. До него было метров десять, и обрыв был крутым, почти отвесным. На полпути к пещере начинались колючие кусты. Значит, метров пять придется подниматься, цепляясь за небольшие выступы и прижимаясь к камням. Алиса оглянулась. Вроде бы никакой опасности.

Она глазами отыскивала несколько выступов в стене и поставила ногу на первый. Первые метра три она поднималась уверенно, но тут везение прекратилось. Ни одного выступа, ни одной трещины. Только остролистый кустик в метре над головой. Алиса попыталась выцарапать углубление в твердой скале, но перчатки были слишком мягкими для этого, а ничего более твердого она взять с собой не догадалась. «Наверное, придется спускаться и искать другой путь», — подумала она, хоть спускаться было жаль — до кустиков осталось совсем немного. Тогда она вспомнила о бластере. Осторожно, чтобы не потерять равновесия, Алиса достала бластер из-за пояса. Конечно, луч его рассчитан только на то, чтобы усыпить жертву. И все же...

Прижавшись к скале, Алиса отвела в сторону руку с бластером и нажала на курок. Ослепительный луч коснулся скалы, подняв облачко пыли. Нет, ничего не выходит. Алиса перевела силу бластера на максимум. И тут почувствовала опасность.

Она ничего не видела, не слышала — просто поняла, что снизу — враг.

Одного взгляда была достаточно, чтобы убедиться: она не ошиблась — у подножия обрыва стояло чудовище, похожее на крокодила, только на высоких лапах, и раздумывало, как ему сожрать Алису. Если бы чудовище сообразило встать на задние лапы, оно могло бы без труда уцепиться Алисе за ногу и стащить ее вниз. Алиса же ничем помешать чудовищу не могла, потому что с трудом балансировала на носках, распластавшись по стене.

Заметив, как Алиса старается оторвать руку с бластером от скалы, чудовище сжалось на мгновение и, распрямившись пружиной, прыгнуло! Этот прыжок и разрешил все Алисины трудности. От испуга она взлетела вверх и вцепилась в кусты, росшие под входом в пещеру.

Откуда взялись на это силы, она сама не поняла.

Чудовище, оскорбленно рыча, сползло на брюхе к подножию обрыва, а Алиса подтянулась, держась за кусты. Через несколько секунд она уже была в пещере. С минуту Алиса неподвижно лежала у входа в пещеру, прислушиваясь, есть ли там кто-нибудь. Но вокруг было совершенно тихо. Алиса поднялась, весело помахала на прощание рукой чудовищу, которое обиженно взревело, потом опустила на глаза ночные очки и шагнула в темноту пещеры.

Пещера была пуста. Алису это расстроило. Она надеялась, что, как только попадет сюда, увидит сундуки с драгоценностями или книгами пропавшей цивилизации.

В разные стороны от входа отходили коридоры и вырубленные в камне лестницы. Алиса поднялась по одной из них, заглянула в комнату справа от коридора, потом в другую. Комнаты были пусты. Алиса остановилась и подумала: что-то неладно.

Ну, конечно же! Ведь там были ступеньки! Вся эта пещера внутри сделана разумными существами! Конечно, природа может случайно сделать прямой коридор и даже квадратный зал. Но вот лестниц природа делать так и не научилась!

Коридоров и комнат было немыслимое множество, хотя, возможно, Алисе это показалось, потому что она не привыкла ходить по пещерам. Куда идти?

Алиса рассудила так: если сверху над ее головой была крепость и там когда-то произошло сражение, то наверняка из подземного города в крепость раньше был ход... Вот если бы его отыскать и открыть люк в тот момент, когда Громозека скажет: «Раскопки окончены! Больше ничего найти не удалось!» Тогда из-под земли выглянет Алиса и скажет: «Вы ошибаетесь! Раскопки только начинаются!»

Подумав так, Алиса выбрала коридор, ведущий кверху.

И ей повезло. Уже через несколько шагов она попала на перекресток коридоров. Там, забытый кем-то, лежал бронзовый топорик, украшенный светящимися драгоценными камнями и красивой насечкой в виде цветов и зверей. Алиса подняла топорик. Он был тяжелым, но очень удобно пришелся по руке. Будто был сделан специально для Алисы. Алиса даже пожалела, что нет зеркала, интересно поглядеть, как она выглядит с боевым топориком в руке. А вдруг это не боевой топорик, а знак княжеской власти? Как жаль, что придется через неделю возвращаться домой, — ведь открытия только начинаются.

И тут она увидела закрытую дверь. Это была первая дверь в подземелье. Дверь была железной, с узорной чеканкой, а узоры точно такие же, как на топорике. Но никакой ручки. Только небольшое круглое отверстие посередине двери. Алиса ее толкнула. Но та не поддалась. Ну ладно, этим займутся археологи. Надо же им оставить какую-нибудь работу.

С этой довольно самоуверенной мыслью Алиса отошла от двери и поняла, что заблудилась. Она постаралась вспомнить, по какому коридору пришла сюда, но коридоров было несколько. Сначала она не испугалась. Ну чего бояться в пустом подземелье? Но она шла и шла, коридоры изгибались, вливались друг в друга, и ей показалось, что она давным-давно кружит по этому темному лабиринту.

Лишь эхо собственных шагов отдавалось так, словно кто-то шагает следом. Дыхание начало учащаться. Алиса заставляла себя не спешить, но ноги рвались вперед. За очередным поворотом она не выдержала и побежала.

Она мчалась черными коридорами, скатывалась по желобам, лезла по лестницам, пробегала комнаты и залы. Не все были пустыми. Она успела заметить, что кое-где лежали груды оружия и металлических доспехов, в других — каменные изваяния, дальше — гора

битых глиняных горшков.

Время перестало существовать — Алиса не могла бы сказать, давно ли она бежит. Вот еще одна лестница вверх. Алиса бросилась по ней. Она оказалась в большом зале с низко нависшим каменным потолком. Никакого выхода. Алиса по инерции добежала до противоположной стены, споткнувшись о скелет в латах, лежавший на полу. Скелет от прикосновения превратился в пыль. И тут Алиса поняла, что смертельно устала и никуда бежать не в силах. Она села на пол у стены.

И тут сверху кто-то постучал. Это было невероятно. Может, там живет чудовище, которое почуяло Алису и решило ее съесть? Алиса затаила дыхание. Раздался еще один удар. Затем страшный, леденящий сердце скрип. И тут же в потолке образовался ослепительно светлый прямоугольник. В нем возникла громадная уродливая тень. Алиса поняла, что погибла. Но без сопротивления, без боя она не сдастся. Она тщательно прицелилась из бластера и выстрелила. Раздался короткий рев, и огромная туша тяжело свалилась в подземелье. Алиса сделала шаг к поверженному чудовищу. Чудовище было в скафандре и шлеме. Оно спало. И Алиса поняла, что подстрелила Громозеку.

Алиса еще пыталась сообразить, как же она с перепугу приняла своего друга за чудовище, как сверху в проем прыгнул ее отец. Профессор Селезнев сразу понял, в чем дело. Сначала он пощупал пульс у Громозеки.

— Спит, — сказал Селезнев.

Затем вынул из походной аптечки шприц и сделал археологу укол.

— Сейчас проснется, — сказал он и только потом обернулся к Алисе. — Как ты сюда попала! — закричал он — ведь он всегда начинает кричать, если пугается за Алису.

— Я открыла подземный город, — скромно сказала Алиса. — И попрошу это как-нибудь отметить в книжке, которую вы о нем напишете.

— Но как... но зачем! Кто тебя просил, в конце концов! — отец был возмущен, но Алиса на него не обиделась. У отца трудная роль — быть родителем такого беспокойного ребенка, как Алиса.

— Я выполняла свой долг перед наукой, — сказала Алиса. — У меня была гипотеза, и мне надо было ее проверить. Кто бы мне поверил без доказательств?

— И так всегда, — сказал Громозека, просыпаясь. — Идеи-то есть, но исполнение никуда не годится. — он с трудом сел.

— А что мне было делать?

— Уговаривать меня, убеждать! Не стрелять же!

— А вы бы надо мной смеялись. Вот я и нашла самый лучший способ убеждения. Разве нет?

6. Тайна подземного города

С этого момента жизнь экспедиции изменилась. Правда, отец не удержался и сказал:

— Если бы ты не полезла в пещеру, ее бы отыскали и без тебя. На полчаса позже. А ты могла и шею сломать.

— Но ведь не сломала, — ответила Алиса.

Подземный город наградил археологов множеством удивительных находок. Теперь можно было понять, как жили когда-то обитатели крепости и подземного города.

— Всего мы раскопали восемь поселений и одну крепость, — сказал Громозека, собрав

экспедицию. — В поселениях мы не нашли почти ничего, кроме обломков горшков и кастрюль, ржавого оружия и следов пожара. И тогда мы поняли, что все эти поселения и крепость погибли в долгой и тяжелой войне, в которой жители планеты перебили друг друга. Сначала они воевали, стреляя из пушек и ружей, потом, когда кончился порох и железо, люди бились дубинками и стреляли из луков, резали друг друга ножами и кидали камни.

Громозека опечалился, его щупальца печально повисли.

— А звери не смогли перебить друг друга, — сказала Алиса. — Они по лесам разбежались. Но им тоже хочется убивать. И если так будет продолжаться, скоро никого на Бродяге не останется.

— А в подземном городе? — спросил профессор Селезнев.

— Все, что лежит в тайниках и на подземных складах — это оружие, запасы на случай осады, боеприпасы — все для войны.

Алиса оглянулась. Общая комната купола, под которым жили археологи, была буквально завалена всевозможным оружием, которое они притащили из подземелий. Но ведь это неправильно! Не может же быть, чтобы люди стали людьми, разумными существами, если они, кроме войны, ничего другого не знали и не умели.

Профессор Селезнев с утра усаживался за электронный микроскоп. Теперь ему было важнее понять, что же вызывает у всех зверей, птиц и насекомых Бродяги неукротимую злобу. Работал он так часа два, потом шел к клеткам, в которых содержались отловленные на планете звери. Он кормил их, наблюдал за ними. Потом возвращался к микроскопу и снова искал, в чем же секрет необычайной злобы. Но не находил ответа.

А за это время археологи разобрали завал в глубине подземного города и нашли там архив и библиотеку планеты.

Несколько дней Громозека не вылезал из своего кабинетика за тонкой перегородкой. Там беспрестанно жужжала переводческая машина. Она расшифровывала язык жителей Бродяги. Остальные же археологи просматривали пленки, найденные там. Это их специальность — восстанавливать по клочкам прошлое. Кувшин — по черепку, статую — по обломку, рукопись — по обрывку. И они выяснили, что же произошло на планете Бродяга. А произошло вот что.

Когда-то, примерно тридцать тысяч лет назад, вокруг одной звезды вращалась планета. Она была похожа на Землю, и жители ее уже освоили космические полеты. Однажды они узнали, что их звезде грозит опасность. Через несколько столетий звезда, их солнце, должна взорваться.

К сожалению, хоть жители той планеты многое умели и многого достигли, улететь к другой звезде они не могли, потому что их система находилась на краю Галактики и до ближайшей звезды было много световых лет.

Тогда, чтобы спастись, они за триста лет отчаянного труда, в котором участвовали все без исключения жители планеты, создали на орбите вокруг своего мира планету искусственную. Ту самую, которую мы знаем под именем Бродяга.

Так как они соорудили внутри нее искусственное солнце и расположили все растения, воду и горы на ее внутренней оболочке, гибель звезды им была не страшна. Можно было отправляться в путешествие в поисках новой звезды. Все население обреченной планеты перебралось на Бродягу, и могучим взрывом искусственной планете был дан такой мощный толчок, что она помчалась к центру Галактики. Планета превратилась в космический

корабль.

Через несколько лет после начала путешествия обитатели планеты увидели, как взорвалось их солнце, испепелив оставленную ими родину. Горько было сознавать, что погибли все их города и памятники, сгорели леса и испарились озера, — планета стала комком раскаленного газа.

Но главное — люди были спасены. Путешествие продолжалось многие столетия. Рождались и умирали новые поколения, старая родина стала лишь далеким воспоминанием, а искусственная планета все летела и летела в поисках нового солнца.

Примерно через три тысячи лет после начала этого путешествия Бродяга приблизилась к звездной системе, у которой были свои планеты. Жители Бродяги отправили на разведку космический корабль. Он сообщил, что на одной из собственных планет этой системы есть разумные существа. Так они нашли сразу и новое солнце, и братьев по разуму.

К сожалению, этот разум оказался не таким братским, как они надеялись. Той планетой правили жестокие цари, которые вечно враждовали между собой. Когда в одно из царств спустились послы с Бродяги и рассказали, что за гость приближается к их системе, местный царь понял, что ему страшно повезло.

Он захватил корабль с послами, перебил часть экипажа, остальных заставил вести корабль к Бродяге, нагрузив собственными солдатами.

Жители Бродяги были воспитаны на убеждении, что в космосе их ждут братья. Сами они давно забыли войны и не верили, что люди могут убивать друг друга. Поэтому, когда корабль, набитый солдатами царя Безна (его имя сохранилось в летописях. Он назывался Безном Великим и Безном-завоевателем), подлетел к Бродяге, там его ждали с цветами, надеясь, что послы принесли с собой благую весть. Поэтому, когда люки корабля раскрылись и из него начали выскакивать солдаты с огнеметами, жители Бродяги попросту не успели оказать им сопротивления. Через несколько дней вся искусственная планета, населенная мудрым и мирным народом, попала в рабство к разбойникам. Нет, не думайте, что жители Бродяги не сопротивлялись. Многие из них погибли, сражаясь за свободу. Но ведь в битвах за свободу обычно погибают самые смелые, самые умные...

Завоевав Бродягу и обратив ее жителей в рабство, царь Безн-завоеватель приказал перевести ее на орбиту вокруг собственного солнца, приготовившись покорить всех своих врагов.

Но ничего из этого не вышло. В войне, которую он вел на Бродяге, погибли почти все ученые и инженеры искусственной планеты. Именно их в первую очередь и убивали солдаты Безна, потому что деспоты не выносят ученых, инженеров и учителей: они понимают, что если верх возьмут ученые, то трудно будет удержать в руках рабов. Рабы должны быть невежественными и желательно неграмотными.

Слишком поздно Безн понял, что планам его не суждено сбыться. Пока он принимал меры и искал виноватых, его родное солнце осталось далеко позади. Так что Безн-завоеватель получил целую планету, но расправиться с собственными врагами так и не сумел. Вскоре на его родной планете все забыли о царе Безне, а Бродяга полетела дальше, совершая громадный круг по Галактике.

Заполучив планету, Безн и его вельможи не успокоились. Им хотелось перебраться на другую, более надежную и крупную планету. Они жили в ужасе от того, что в любой момент может погаснуть искусственное солнце или прохудиться тонкая оболочка Бродяги.

И вот через много тысяч лет Бродяга приблизилась к нашей Солнечной системе.

К Земле был послан последний из военных кораблей Безна, который еще мог летать в космосе. Он опустился на Землю, чтобы выяснить, можно ли завоевать нашу планету.

Корабль не мог долго задерживаться на Земле. Ведь Бродяга неслась своим курсом, и остановить ее никто не мог. Потомки солдат Безна на Земле пробыли недолго. Времени, чтобы переселиться на Землю, у них не было, да и обитатели нашей планеты им не понравились. Но они знали, что через двадцать шесть тысяч лет они снова будут пролетать неподалеку от Земли. И чтобы к их следующему прилету Земля была подготовлена, они оставили на ней какой-то лиловый шар, который должен взорваться как раз перед подлетом Бродяги.

— Так что это за лиловый шар? — спросила Алиса. — Мы должны обязательно догадаться.

— Алиса права, — сказал профессор Селезнев. — Если верить документам, Земле грозит какая-то опасность. И на планете не осталось никого, кто мог бы рассказать нам, какая.

— И где спрятан этот шар, — добавила Алиса.

— Еще и друг друга перебили, — сказал Громозека. — Тоже непонятно. Жили бы, развивались...

— Но как развиваться! — возразил Селезнев. — Ведь на Бродяге нет гор и нет настоящей земли. Из чего ты прикажешь добывать руду или нефть? Где доставать камень, чтобы строить города? Жить-то на Бродяге можно, а вот развиваться нельзя. И как только людей становится больше, их трудно прокормить. Это же хоть и очень большой, но все-таки только корабль.

— А может, они просто хвастались? — спросила Алиса. — Прилетели к нам, захотели покорить, но наши рыцари их выгнали. Им стыдно стало, они вернулись домой и говорят: мы просто не хотели. У нас в классе есть такой парень Пашка. Если у него задача не решилась, он всегда говорит, что ему не хотелось ее решать.

— Может, они и хвастались, — сказал Селезнев не очень уверенно. — А может, у них был какой-нибудь план.

— Кому нужен план через двадцать шесть тысяч лет? — спросила Алиса. — Мне, например, трудно планировать на два дня вперед.

— Громозека, — попросил Селезнев, — прочти слово в слово то место, где написано про шар. Громозека достал желтый листок и прочел: — «И оставлен в тайном месте лиловый шар. И когда в следующий раз наш мир придет в близость с той планетой, шар сделает свое дело. И планета будет готова сдать без боя нашим победоносным воинам. И нам достанутся все их земли и горы, и будем мы хозяевами всего, и не будет у нас врагов».

Профессор Селезнев внимательно выслушал перевод.

— Знаешь, Громозека, это мне не нравится, — сказал он.

— Пустяки, — рассмеялся Громозека. — Давно уже нет никого из этих завоевателей, а Земля живет и процветает.

— И все же, — не сдавался Селезнев. — А что же это такое — лиловый шар?

— В свое время узнаем, — сказал Громозека.

— А когда будет свое время? — спросила Алиса.

— Скоро, моя девочка.

— Ты, Громозека, не обижайся, — сказала Алиса. — Но твоя планета далеко, и на ней разбойники никогда не оставляли лиловых шаров.

— Может, и оставляли, — сказал Громозека. — Но и этот шар давным-давно сгнил. Заржавел и рассыпался. Он, наверное, был каким-нибудь заколдованным пугалом, которое придумали их жрецы.

— А когда Бродяга приблизится к Земле? — спросил Селезнев.

— Дней через двести.

Селезнев поднялся. Он стоял задумавшись и немного был похож на журавля.

— Я встревожен, — сказал он.

— Но что могли эти дикие разбойники!

— У них оставались рабы с Бродяги. Остатки ученых и инженеров. А это были очень образованные люди. А очень образованные люди, если у них нет смелости и если они очень боятся за свою жизнь, могут изготавливать для сильных господ всякие штуки, которые те используют во вред окружающим. Так что я очень прошу тебя, Громозека. Перерой их архив и постарайся узнать, что такое лиловый шар.

7. Тюрьма на острове

Хоть Громозека и посмеивался над страхами профессора Селезнева, вся экспедиция с этого момента занималась только одним — искала хоть какие-нибудь упоминания о лиловых шарах. Искала их и Алиса.

И вдруг ее посетила такая идея: мы ищем лиловый шар в подземелье, где эти разбойники и жили. А если шар был опасным, тогда, может, они его держали в безопасном месте? В каком же?

В километре от холма на речке был небольшой островок, где возвышалась груда каменных плит, похожая на остатки какого-то дома. Громозека все собирался исследовать островок, но руки не доходили. И вот Алиса решила: взгляну-ка я на островок.

Воспользовавшись тем, что все археологи вместе с профессором с утра засели в архиве перебирать пленки и бумажки, она незаметно ушла с холма и спустилась вниз по речке до островка.

Вот и островок, отделенный от берега узким рукавом воды.

Мирно и даже красиво. Неподвижен воздух над островком, тишина, даже речка растекалась пошире, чем у холма, и потому беззвучно катила свои неглубокие воды. Алиса вынула бластер. И пошла вброд через реку. Вода мягко обтекала скафандр.

На берегу островка Алиса остановилась, прислушалась. Вроде бы никого на острове нет. Никто на нее не собирается нападать. Она обошла островок вокруг, в длину он всего-то был шагов пятьдесят, а в ширину меньше двадцати. Никого не нашла. Даже странно, на островке не было ни птиц, ни зверей, ни даже насекомых. Какое-то неприятное место. Может быть, вернуться? Пускай Громозека сам осмотрит это место.

Алиса взобралась на груду каменных плит и увидела щель, достаточную, чтобы пролезть внутрь. Внутри темно.

Втиснуться в щель было нелегко. Особенно если не хочешь выпускать из руки оружие. Правда, перед тем как опустить ноги в темноту, Алиса кинула туда камень. Слышно было, как камень ударился о пол — не очень далеко.

Тогда Алиса все же решилась. Она опустила ноги в щель и осторожно, медленно опустилась внутрь, цепляясь за края плит.

Ноги не достали до пола. Положение было сложным. Как потом вылезешь? А вдруг до

пола еще метр или два? Но и висеть на одной руке, сжимая в другой бластер, тоже бессмысленно. Ладно, будь что будет! Алиса отпустила руку и упала вниз.

Пол больно ударил по ногам, потому что оказался даже ближе, чем Алиса ожидала. Она не удержалась, опустилась на четвереньки, бластер ударился о каменный пол, что-то откатилось в сторону, что-то затрещало, лопаясь... Алиса замерла.

Прошла минута, может, больше, Алиса подняла бластер. Глаза постепенно привыкали к полутьме — сверху из щели падал луч солнечного света. Алиса откатила в сторону глиняный горшок, лежавший на каменном полу.

Она очутилась в низком зале, выбитом в скале. И прямо перед глазами была решетка, которая разделяла это помещение пополам.

Решетка была сделана из толстых железных прутьев, воткнутых в пол и потолок так часто, что между ними не просунешь руку.

Глаза привыкли к полутьме, и Алисе показалось, что за решеткой что-то есть. Она осторожно сделала несколько шагов вперед и поняла, что там белеет. За решеткой лежали на полу скелеты в обрывках истлевшей одежды. Их было много, может, двадцать, может, тридцать. От каждого скелета к каменной стене тянулась толстая железная цепь. И тогда Алиса поняла, что попала в тюрьму. Эти люди были прикованы к стене, а потом, когда война сожрала всех, в том числе и их тюремщиков, они умерли от голода... Алисе захотелось уйти, скорей уйти отсюда.

Алиса подбежала к щели и подпрыгнула, чтобы достать до края плиты. Но ничего из этого не вышло. Что же делать? Ведь никто в экспедиции не догадается, что Алиса на острове. Неужели ей придется умереть здесь от голода и жажды? Светлая щель была совсем недалеко. Если встать прямо под ней, то увидишь маленькое раскаленное солнце, которое равнодушно смотрит на то, что человек оказался в мышеловке.

Алиса оглянулась. Пылинки мельтешили в луче света. Хорошо бы здесь был какой-нибудь камень, стул, чтобы поставить его и взобраться наверх. Но нет ничего — только забытый кем-то наконечник копья...

— Алисочка, — сказала она сама себе. — Только не теряй голову. В конце концов, ты человек и попадала не в такие еще переделки. И выпутывалась.

Что делать? Сначала надо спокойно осмотреться. Вряд ли тюремщики спускались сюда через щель. Наверное, был еще какой-нибудь выход, которого Алиса не заметила. Рассудив так, Алиса отправилась вдоль стен. Стены были каменными, холодными, кое-где с них стекали капли воды. Тихо, сумрачно...

Алиса скорее нащупала, чем увидела дверь. Дверь была железной, проржавевшей. «Только бы она не была заперта, — подумала Алиса, — и только бы за ней оказалась другая дверь — наружу».

Алиса попыталась толкнуть дверь, но она не поддавалась.

Алиса потянула дверь на себя. Она не поддавалась. Алиса жутко разозлилась и наподдала по двери ногой. Башмак пробил ржавое железо, дверь буквально рассыпалась, а Алиса от неожиданности больно хлопнулась о каменный пол. На нее свалились истлевшие кости, ржавые латы, копья — видно, в той комнате за дверью кипел когда-то бой.

Отряхиваясь от тысячелетней пыли, Алиса поднялась на ноги. Первым ее чувством было разочарование. За дверью было темно.

Алиса отбросила ржавый боевой шлем, отшвырнула ногой медные латы. Из кучи трухи выкатился темный шар, чуть больше теннисного, и покатился к ней. Алиса равнодушно

поглядела на него. Ее даже не удивило, что шар был лиловым. Потом из-за двери выкатились еще два лиловых шара. Один из них попал под луч света, падающего сверху.

Она подошла к решетке, за которой лежали скелеты узников, и устало взялась за железный прут. Прут пошатнулся и выпал из гнезда в полу. В руке Алисы оказалось железное копьё. Алиса с удивлением поглядела на копьё. Оно было тяжелым...

— А что, если?.. — сказала она вслух.

Алиса поднесла прут к щели. В центре зала потолок немного провисал. Прут, поставленный на пол, улегся другим концом на край щели. Алиса покачала его. Держится.

Остальное было делом техники. Ведь в двадцать первом веке вряд ли отыщешь девочку, которая не могла бы подняться два метра по шесту или палке. Через минуту она была наверху.

Ярко светило солнце. Щель в подземелье казалась небольшой и нестрашной. Мирно журчала река. Маленькое облачко закрыло солнце. Высоко над головой пролетела стая птиц. «Неужели я только что думала, что никогда уже оттуда не выберусь?»

Алиса представила себе эту ужасную гибель и вздрогнула от такой мысли. Она сделала шаг к воде и замерла. Какая же она дура!

В следующую минуту Алиса уже шлепала по воде, спеша скорее добежать до лагеря. Ведь она нашла шар! Только так перепугалась, что не догадалась взять его с собой. И, подходя к лагерю, она замедлила шаги: как признаться Громозеке, что она — трусиха?

Алиса решила, что придет к лагерю, сделает вид, что ничего не произошло. А потом скажет, что лиловый шар, которого так опасается отец, наверное, спрятан на острове. Все начнут кричать на нее, махать руками, объяснять, что ребенок не разбирается в археологии. Она не станет спорить, гордо поднимет голову, возьмет с собой одного робота и отправится на остров. Там заставит робота достать из тюрьмы шар, и они вернутся обратно... вот это будет триумф!

Рассуждая так, Алиса благополучно добралась до холма и вошла внутрь. Из архива доносились голоса. Громозека и археологи упорно разгребали документы и пленки.

— Как дела? — спросила Алиса, входя в архив. — Что нового?

Громозека строго поглядел на нее и произнес:

— Я недоволен тобой, Алиса. Нам сейчас нужна каждая лишняя пара глаз. А ты где-то гуляешь.

— Я? Гуляю?

Алиса сделала вид, что возмущена. Тут в коридоре послышались быстрые шаги. Она обернулась. В архив вбежал ее отец. Селезнев был взлохмачен и запыхался.

— Вы знаете! — закричал он. — Вы знаете, что я нашел!

— Лиловый шар? — удивился Громозека.

— Нет! — сказал отец. — Я выделил вирус! Вирус злобы. Вирус, который когда-то очень давно попал в кровь всех живых существ на планете и произвел необратимые изменения в нервных клетках жителей планеты. От людей до комара. Это удивительное и страшное открытие.

— А он заразный? — спросил с опаской Громозека, который очень боялся заболеть.

— Сейчас уже нет. Когда-то он был крайне заразным. Этот вирус попал в кровь людей, которые жили здесь. Ненависть друг к другу привела к войне и погубила их.

— А против вируса есть лекарство? — спросила Алиса.

— Наверное, лекарство можно найти. Против всех вирусов постепенно находят

лекарства. Ведь вылечили люди и грипп, и рак, скоро, может быть, вылечат и насморк... Но это потребует многих дней труда, и не мне одному решить эту задачу.

— А ты уверен, что мы не занесем этот вирус на Землю? — спросил Громозека.

— Уверен. Он сейчас для нас уже безвреден.

— Только ты поосторожнее, Селезнев. Один ученый привил себе чуму, чтобы проверить лечение. И умер. Я сам читал. Главное, еще одна тайна планеты разгадана. Осталось узнать, что же было в лиловом шаре. Если, конечно, он не сказка.

И тогда Алиса поняла, что больше тянуть нельзя.

— Он не сказка, — произнесла она. — Я его нашла.

8. Вирус ненависти

Все собрались в лаборатории под куполом. За толстым стеклом на металлическом столике лежал лиловый шар.

— Эти два события совпали, — заговорил профессор Селезнев. И Алиса перестала думать, чтобы не пропустить ни слова. — То, что я обнаружил следы ужасного вируса, и то, что Алиса отыскала лабораторию, где сидевшие за решеткой рабы-ученые создали страшное биологическое оружие. Вирус вражды. Вот он, мирно дремлет в лиловом шаре и ждет момента, чтобы вырваться на свободу. Поглядите, что этот вирус делает с животными.

Отец нажал кнопку, и в отсеке за стеклом открылась задвижка, выпустив на стол двух черных морских свинок, которых привезли с Земли для опытов.

— Селезнев, — спросил Громозека, — а как ты догадался, что в лиловом шаре именно этот вирус?

— А какая еще смертельная угроза целой планете может поместиться в таком шарике?

Морские свинки встретились, одна из них стала облизывать свою подругу. Отец Алисы манипулировал захватами. Над столом повисли металлические руки, одна из них тяжело опустилась на лиловый шар и разбила его.

Свинки этого не заметили. Минуту, может, больше они продолжали нежиться. Вдруг одна из них оскалила длинные зубы и укусила другую. Та отпрыгнула в сторону, удивленная неожиданным нападением, но тут вирус вражды проник и ей в кровь. Она остервенело бросилась на подругу и начала ее терзать. Толстенские свинки сплелись в один яростный клубок, шерсть летела клочьями во все стороны. Полилась кровь.

— Папа, останови! — закричала Алиса. — Выключи!

— К сожалению, противоядия этому вирусу еще нет. Они будут драться, пока одна из них не погибнет.

Алиса отвернулась. Хорошо еще, что сквозь стекло не проникал звук. Она услышала голос Громозеки:

— Значит, такой же лиловый шар они спрятали на Земле?

— Да. Я уверен в том, что двадцать шесть тысяч лет назад, когда у них не было времени оставаться на Земле долго, они рассудили, что лиловый шар станет бомбой замедленного действия. Когда их планета снова приблизится к Земле, они высадятся на ней. К тому времени откроется лиловый шар, и на Земле начнется страшная война — все против всех. Люди перебьют друг друга, разбойникам с Бродяги достанется пустая планета. На ней сохранится все — заводы, дома, рудники, школы, детские сады, поля. Не будет только людей. Некому будет ее защищать.

— Но что же случилось? — спросил Громозека. — Что случилось с ними самими?

Алиса заставила себя взглянуть на стеклянную перегородку. Одна из морских свинок безжизненно лежала на боку. Вторая стояла, оскалившись, над ее телом. Она была изранена так, что вот-вот упадет...

— Поднявший меч от меча и погибнет, — сказал отец. Слышал о такой поговорке?

— У нас на Чумарозе есть схожая, — ответил Громозека. Ты хочешь сказать, что один из их шаров разбился?

— Не думаю, что это случилось нечаянно. Со временем вы, археологи, сможете это точно установить. Эти разбойники, поработив жителей планеты, стали бороться за власть на Бродяге уже между собой. Я думаю, что кто-то нарочно разбил шар. Потом началась страшная война, в которой не было победителей. Она продолжалась до того дня, пока на планете оставался последний ее житель.

— И они не смогли придумать противоядия, — сказал один из археологов.

— Они не успели его придумать. Они убивали друг друга.

— Тогда садись и работай, — сказал Громозека. — Ты должен срочно его придумать.

— К сожалению, я не смогу этого сделать, — сказал Селезнев. — Для того, чтобы решить эту задачу, нужна настоящая лаборатория, может быть, несколько лабораторий.

— Ты что говоришь! — возмутился Громозека. — Ты что, забыл, что на Земле лежит смертельная для всей планеты бомба замедленного действия?

«Какая я дура, — подумала Алиса. — Я даже пихала эти шары ногами. Чудом не разбила. И тогда бы... страшно подумать! Я бы старалась сейчас убить моего дорогого Громозеку, а он бы уже убил моего папу! Нет, это невозможно представить!»

Но, к сожалению, представить это было можно. Вторая свинка свалилась рядом с первой.

— Давай надеяться, что механизм лилового шара не сработает. Ведь прошло столько лет, — сказал отец. Но в голосе его не было никакой убежденности. И глаза были печальны. И он тоже смотрел на мертвых морских свинок.

— Папа, — сказала Алиса. — Мы должны срочно лететь на Землю.

— Знаю, — сказал отец.

— Я лечу с вами, — сказал Громозека.

9. Эпоха легенд

Сборы были сумасшедшими! Большую часть оборудования и находок пришлось оставить на Бродяге. Все надеялись, что экспедиции удастся вернуться. Главную и самую опасную ценность отец не доверил никому. В специальном металлическом контейнере, устланном мягкой губкой, лежали три лиловых шара, которые Селезнев вез земным биологам.

Через три часа после смерти морских свинок экспедиционный корабль поднялся над Бродягой и взял курс к Земле. По дороге он непрерывно старался связаться с Землей, но так как скорость его была выше световой, связь наладить не удавалось — приходилось ждать того момента, когда корабль войдет в Солнечную систему. А пока решался другой вопрос: как найти на Земле оставленный двадцать шесть тысяч лет назад лиловый шар?

Шары, которые вез Селезнев, были керамическими, никаким детектором не уловишь. Тем более, что попробуй угадай, где именно двадцать шесть тысяч лет назад на Земле

приземлялся корабль с Бродяги. Никаких документов об этом не осталось — ведь в те времена ни телеграфа, ни фотоаппаратов еще не изобрели.

— Даже колеса еще не изобрели, — сказал Громозека.

Он был печален. С утра выпил флакончик валерьянки, но это не улучшило его настроения.

Вдруг он поднял два щупальца, постучат ими себя по лбу и воскликнул:

— Есть выход!

— Какой? — спросил Селезнев.

— Срочно делать скафандры. Всем жителям Земли. Вирус будет бессилён.

Селезнев даже не стал ему отвечать. И Алиса поняла, что пять миллиардов скафандров изготовить сразу невозможно. Даже если все фабрики и заводы Земли будут делать только скафандры.

— Не беспокойся, Громозека, — сказала Алиса. — Мы найдем лиловый шар.

— Как?

— Пойдем в Институт времени, попросим дать нам машину времени и полетим в прошлое, на двадцать шесть тысяч лет назад. Там поглядим, куда они спустились, отнимем шар и его разоружим.

— Если бы все было так просто... — сказал профессор Селезнев.

— Конечно, непросто! — согласился с ним Громозека. — Мы не знаем, в какой точке Земли они опускались... К тому же в те времена на Земле вообще еще людей почти не было. Одни чудища. Такое путешествие очень опасно и неизвестно еще, успеем ли мы отыскать шар, прежде чем он взорвется в нашем времени.

— Придется рискнуть, — сказал Селезнев.

— Я пойду в прошлое, — твердо сказала Алиса.

— Это не детское развлечение, мое сокровище, — сказал Громозека. — Ты полагаешь, что это игра, а в самом деле от путешествия в прошлое зависит судьба всего человечества.

— Дорогой мой Громозека! — Алиса говорила совершенно серьезно. Она даже встала, чтобы быть побольше ростом. — Чья гипотеза о планете Бродяга оказалась самой верной?

— Твоя, — согласился Громозека.

— Кто нашел лиловый шар?

— Ты, но совершенно случайно.

— И я еще раз его найду.

— Алиса! — сказал Селезнев.

— Только не Алиса! — взревел Громозека. — Ее сожрут чудовища!

— Именно я, — сказала Алиса. — Я там уже была. У меня там связи.

— Какие связи? — захохотал Громозека. — С мамонтами?

— Не только, — ответила Алиса. — У меня связи с драконами, богатырями, волшебниками, Синдбадом-мореходом, Шехерезадой и даже первобытным мальчиком Герасиком.

— Что-о-о? — Громозека даже сощурил от удивления все свои глаза. — Девочка больна?

— Я совершенно здорова, — сказала Алиса. — Но должна тебе официально сказать, что ты плохо знаешь историю Земли.

— Так просвети меня, маленькое существо, открой мне глаза!

Так Алиса и сделала. Она рассказала Громозеке, что совсем недавно, когда ученые

открыли путешествие во времени и смогли побывать в древних эпохах, обнаружилось, что в истории Земли была эпоха, о которой раньше никто не подозревал. Хотя следы ее остались и поныне и даже существа, которые тогда жили, известны любому трехлетнему ребенку.

В промежутке между третьим и последним ледниковыми периодами ученые нашли странную эпоху легенд. Оказывается, тогда на Земле водились самые настоящие драконы, волшебники, джинны, ведьмы, гномы, говорящие звери, деды-морозы — все те существа, которых мы теперь называем сказочными и в которых взрослые не верят.

Потом похолодало, стал наступать лед, замерзли реки. Волшебники и гномы вымерли или спрятались в пещеры, под землю и в самые тайные места. Пережили последний ледниковый период только люди. Люди в эпоху легенд были совершенно первобытными и только-только научились разводить огонь и пахать землю. Конечно, жили они тихо, незаметно, боялись драконов и богатырей. Но у первобытных людей было одно великое преимущество: они умели работать. Ведь сказочные существа, какими бы умными они ни были, работать не умели. Все их сказочные замки, ковры-самолеты и прочие чудеса были сделаны волшебным способом и, конечно, как только похолодало, никакой пользы принести уже не смогли. Знаете, как бывает с волшебниками? Они могут построить дворец или даже замок. Все в нем как в настоящем, даже железные ворота. Но вот как сделать отопление в замке, волшебники не знают, они даже не подозревают, как законопатить окна, чтобы не дуло. Молоко они берут в молочных реках, кисель черпают в кисельных берегах, а вот доить коров или делать сахар из сахарной свеклы они не научились и научиться не смогли — ведь они волшебные. Первобытные же люди отлично знали, как доить коров, как сделать плуг, как законопатить окна или сложить очаг в хижине. Хоть им и трудно пришлось во время долгого ледникового периода, кое-как они его протерпели и дождались, когда льды начали отступать и снова появилась трава. Тут они и спохватились: где же прошлые хозяева планеты? Где волшебники, колдуны, джинны и драконы? Оказалось, их нет. Придется жить на Земле самим и никого уже не бояться.

Так и случилось. А о волшебниках и драконах осталась только память. Эта память со временем становилась все более туманной, взрослые люди вообще не верят в эпоху легенд. Взрослые думают, что сказки — сплошная выдумка. Дети же, наоборот, знают, что сказки — чистая правда. Только правда не сегодняшнего дня, а далеких-далеких времен.

— С трудом могу поверить, — сказал Громозека. — Правда, у нас на планете не было ледниковых периодов...

— А сказки у вас есть?

— Нет, в детстве нам всегда рассказывали правдивые исторические повести про подвиги и путешествия наших воинов и о прекрасных дамах, которые, сложив щупальца, веками ждали, пока рыцарь вернется из похода.

— Мне тебя жаль, Громозека, — сказала Алиса, — если бы ты там со мной побывал, ты бы не пожалел.

— И ты хочешь сказать, что была там?

— Она была там, — подтвердил Селезнев. — И чудом осталась жива.

— Но почему? Кто тебя пустил? — спросил Громозека.

— Я туда попала через заповедник сказок, — заявила Алиса. — Там стоит машина времени.

— Час от часу не легче, — сказал Громозека. — Это еще что за заповедник?

— Как только ученые убедились, что эпоха легенд кончится тем, что все волшебные

существа вымрут, решено было занести их в Красную книгу.

— Куда?

— В Красную книгу. Это специальная книга, куда записывают всех редких животных, которым грозит почему-нибудь гибель. И на Земле сделали специальный заповедник для тех жителей эпохи легенд, которые захотели переехать в наше время. Там они живут под стеклянным куполом.

Громозека снова обернулся к Селезневу за поддержкой — в самом ли деле Алиса говорит правду?

— Она права, — сказал Селезнев. — И директор заповедника сказок Иван Иванович — добрый друг Алисы. Она ему в свое время кое в чем смогла помочь.

— Все верно, — сказала Алиса.

10. Возвращение

Бесконечно тянулись дни полета. Наконец корабль Громозеки, гася скорость, начал тормозить в районе орбиты Земли. Пока Громозека готовил корабль к посадке, Селезнев начал вызывать Землю:

— Земля, слушайте, — повторял он. — Говорит космический корабль «Чумароза». Мы подлетаем к Земле. Скоро начинаем посадку. У меня важные вести. Прошу подготовить нам посадочную площадку вне очереди в стороне от пассажирских причалов.

— Что случилось? — донесся наконец далекий, еле слышный голос космического диспетчера. — Почему археологический корабль требует внеочередной посадки? У нас перегружен космодром...

— Земле грозит опасность, — начал говорить Селезнев. — Нам удалось открыть на планете Бродяга смертельно опасный вирус. Против нас ведут биологическую войну.

— Кто? — не понял диспетчер.

— Вызывайте все биологические лаборатории Земли, пускай они будут готовы к работе. На космодроме прошу встретить меня в герметически закрытой «скорой помощи». Везу опасный груз.

— Я не понимаю! — крикнул диспетчер.

— На Земле кораблем с Бродяги оставлен опасный вирус.

— В каком месте?

— Неизвестно.

— Когда?

— Двадцать шесть тысяч лет назад.

Диспетчер закашлялся. И замолчал.

— Космодром! — вызывал профессор Селезнев. — Космодром, вы меня слышите?

— Слышу, слышу, — ответил диспетчер. — Скажите, есть ли кто-нибудь на корабле, кроме вас?

— Начальник экспедиции Громозека, — ответил отец.

— Пускай подойдет к микрофону.

— Я слушаю, — сказал Громозека.

— Уважаемый Громозека, — раздалось в микрофоне. — Скажите, профессор Селезнев, который только что с нами разговаривал, нормален?

— В каком смысле? — спросил грозно Громозека.

— В самом обыкновенном. Может быть, он переутомился? Или вдруг у него поднялась температура?

— Да поймите же, тупой человек! — зарычал в микрофон Громозека. — Селезнев нормальнее нас с вами! Земле действительно угрожает смертельная опасность! Это случилось...

— Двадцать шесть тысяч лет назад? — иронически спросил диспетчер.

— Я вас увольняю! — закричал Громозека и со всего размаха ударил когтем по панели связи. Раздался треск, во все стороны посыпались осколки кристаллов и схем. Замигали тревожные лампочки. Связь прервалась.

— Что ты наделал! — воскликнул профессор Селезнев. Все погибло! Мы лишились связи!

— Зато я ему показал! — смущенно прорычал Громозека, который не любит признаваться в собственных ошибках.

— Я так надеялся их убедить, что мы не сошли с ума. Еще каких-нибудь полчаса, и мы убедили бы диспетчера. А теперь что делать?

— То же самое, — сказал Громозека. — Лететь на Землю и убеждать.

— Но как? Вдруг те часы, которые мы потеряли, окажутся роковыми?

— Этого мы не знаем, — философски заметил Громозека.

— У меня есть план, — сказала Алиса.

— Какой?

— Пока ты вызываешь своих коллег, я несусь в заповедник сказок. Там есть машина времени. Я переносусь в эпоху легенд...

— Ни в коем случае! — закричал Селезнев.

— Ни в коем случае! — закричал Громозека.

— Почему? — мягко спросила Алиса.

— Потому, что это опасно! — в один голос ответили отец с Громозекой.

— Скажите, пожалуйста — опасно, — ответила Алиса. — А разве не опасно, если я стану такой же воинственной, как подопытная морская свинка, и брошусь с ножом на моего любимого папочку?

— Мы найдем взрослого специалиста, — сказал Селезнев.

— Разумеется, только не в первый день. К тому же этот человек совершенно не представляет, что такое эпоха легенд, и никогда не был на Бродяге.

— Бред какой-то, — сказал Громозека и поглядел на профессора Селезнева. Тот развел руками.

Алиса больше не стала спорить. Она понимала, что кроме нее в эпоху легенд отправиться некому. Так что споры пустые. Надо немного потерпеть. Пока корабль доберется до Земли. Алиса уселась в кресло.

11. Схватка на космодроме

После того, как связь с кораблем «Чумароза» прервалась, на космодроме поднялась тревога. Посудите сами: к Земле приближается корабль, неизвестно почему примчавшийся без предупреждения. Корабль выходит на связь, и нервный голос сообщает, что Земле грозит смертельная опасность, а потом начинает нести чепуху о двадцати шести тысячах лет и космических пришельцах. После чего связь вообще прерывается.

Поэтому приборы диспетчерской службы начали искать корабль, а когда засекали его в районе Луны, тут же взяли его в гравитационную сеть, отключили его двигатели и осторожно повели к посадочной площадке на пустынном атолле посреди Тихого океана.

Когда корабль появился на экранах диспетчерской, он казался совершенно нормальным. Никаких следов повреждений. Но его рация продолжала загадочно молчать.

Корабль послушно опустился на бетонное поле космодрома.

К месту посадки подлетели все спасательные машины, которые были на космодроме. «Скорые помощи» замерли у люка, пожарные машины нацелили на корабль наконечники шлангов, радиационные контролеры закружились вокруг. А в самой большой машине вместе с диспетчером космодрома прилетел профессор Смит, крупнейший в мире специалист по космическим психозам. Его вызвали из Австралии.

Ждать пришлось недолго. Как только люк открылся, из него выскочили:

1. Высокий, худой взлохмаченный мужчина средних лет с металлическим контейнером в руке.

2. Невероятное существо, похожее сразу на слона и осьминога, с множеством глаз и акульими зубами.

3. Девочка лет десяти в красном комбинезоне.

Все трое кинулись к диспетчеру и профессору Смицу, которые только-только успели вылезти из своей машины.

— Скорей! — закричал первый из космонавтов, то есть профессор Селезнев.

— Где биологи и медики? Я привез контейнер с самым страшным вирусом, который когда-либо знала Вселенная!

— Что же вы медлите! — зарычало существо, похожее на слона и осьминога. Это был милейший археолог Громозека.

Лишь девочка Алиса ничего не сказала.

— Спокойно! — заявил главный диспетчер. — Без паники! Сначала вас всех осмотрит профессор Смит, потом пройдет карантин. А потом уже расскажете все по порядку.

— Некогда, — ответил профессор Селезнев. — Сначала вы пустите меня к видеофону, а потом будете исследовать, сколько вздумается.

Он было бросился бежать к диспетчерской, но космо-роботы преградили ему дорогу.

— Тупицы! — закричал Громозека. — Самоубийцы! Беги, Селезнев. Я их задержу.

Он принялся разбрасывать в разные стороны роботов, которые не ожидали такого нападения, да и вообще не знали, что делать с разумным существом, которое дерется. Диспетчер и психиатр Смит бросились к своей машине и спрятались в ней. Оттуда донесся голос диспетчера:

— Теперь уже, к сожалению, нет сомнения в том, что экипаж «Чумарозы» сошел с ума.

— Вы правы, — откликнулся профессор Смит. — Мои первые наблюдения это подтверждают. Придется их изолировать.

Диспетчер нажал кнопку на пульте своей машины, и летающие роботы сверху мгновенно опустили тонкую сеть, которая начала опускаться на Селезнева.

— В сторону! — воскликнула Алиса. Но было поздно. Сеть уже окутала их как паутиной.

— А сейчас, дорогие друзья, — сказал осмелевший профессор Смит, — вас отвезут ко мне в клинику. Вы не волнуйтесь. Вас обследуют, дадут успокаивающие средства...

— А Земля между тем погибнет? — спросил Громозека грозно. — И вы поднимете меч

на свою жену? И ваша теща задушит ваших детей?

Он начал рваться в паутине, но она держала его крепко.

— Очень сложный случай, — сказал профессор Смит и почесал переносицу. — Честно говоря, я никогда еще не сталкивался с таким острым психозом. А ну-ка... — он серьезно поглядел на Алису и спросил: — Девочка, ты тоже думаешь, что Земле угрожает смертельная опасность?

Алиса на секунду задумалась. Что ему ответить? Если сказать, что отец и Громозека правы, то ее тоже сочтут больной. А если сказать, что они больные, то ее отпустят, но отца с Громозекой наверняка упекут в больницу. А может, пока отец с Громозекой будут в больнице, она успеет прорваться в эпоху легенд и найти этот проклятый лиловый шар?..

— Так что же ты молчишь, девочка?

Алиса не успела ответить. Громозека, которому надоело бороться с неподатливой сетью, выхватил бластер и начал палить из него в небо. Сеть, не рассчитанная на это, затрещала и лопнула. Воздушные роботы — врассыпную. Громозека, как страшный рыцарь, скинул с плеч остатки сети и воскликнул громовым голосом:

— Руки вверх, оппортунисты и маловеры!

Растерявшийся диспетчер поднял руки. Профессор Смит, который несмотря на свой почтенный возраст и хрупкое сложение, привык иметь дело с больными людьми, рук поднимать не стал, а, склонил голову, наблюдал за Громозекой, словно смотрел интересное кино.

— Теперь — все в машину! — приказал Громозека.

В машину вместились с трудом. Три четверти места в ней занял Громозека, который в трех щупальцах держал по бластеру. Так и доехали до диспетчерской.

Сзади тянулась процессия пожарных, санитарных машин, радиационных установок и прочих служебных машин. По дороге диспетчер возмущался:

— Это вам даром не пройдет! Чего вы добились? Через несколько минут поднимется общая тревога и тогда уже вы попадете в больницу надолго. Это я вам гарантирую.

Помимо прочего диспетчер был очень оскорблен тем, что его на собственном же космодроме взяли в плен и теперь заставляют делать то, что ему не хочется. К тому же он боялся, что этот сумасшедший слон-осьминог может пристрелить его и профессора. Ведь явный маньяк! Селезнев обернулся к Смицу.

— Коллега, — сказал он. — Я заверяю вас, что мы совершенно нормальны. Почему вы не хотите в это поверить?

— Нормальные люди не несут чепухи и не стреляют из бластеров на космодроме, — ответил тихо профессор Смит.

— Но допустите, что Земле и в самом деле грозит смертельная опасность.

— Правильно, — сразу согласился профессор Смит. — У меня на излечении в Мельбурне лежит один больной бухгалтер, который утверждает, что пришельцы из космоса запустили на Землю микробов, которые способны превратить людей в рабов. Во мне, по его убеждению, тоже есть такой микроб. Он утверждает также, что идет завоевание Земли, о котором мы и не подозреваем.

— Но он же больной! — сказал Селезнев. — А мы здоровые.

— Кроме того, он собирает фантики от конфет. А вы что-нибудь собираете?

— Не трать ты на них слов, — послышался голос Громозеки, который нависал над остальными пассажирами в машине. — Ничем ты их не убедишь.

Машина остановилась перед высокой башней диспетчерской.

Громозека следил за тем, чтобы пленники не придумали какой-нибудь хитрости.

— Шагайте, шагайте, — сказал он им мрачно, выгоняя из машины.

Профессор Смит и диспетчер покорно вошли в диспетчерскую.

Второй диспетчер сидел, встревоженный, у пульта, потому что никак не мог понять, что творится у таинственного корабля.

— Руки! — сказал Громозека.

Тот растерянно поднял руки.

— Что дальше? — спросил Селезнев.

— Дальше все ясно, — сказала Алиса, которая вошла в диспетчерский зал последней. — Я бегу в эпоху легенд, а отец с Громозекой пытаются всех убедить, что мы не сумасшедшие. Только для этого мне нужен воздушный катер.

— План разумен, — ответил Громозека. — Но не совсем. Для того, чтобы кого-то убеждать, я не гожусь. У меня слишком слабые нервы и слишком впечатлительные сердца. К тому же Алисе в эпоху легенд потребуется помощь и защита. Значит так: я оставляю тебе, Селезнев, один бластер. Мы связываем всех маловеров и циников, включая этого никуда не годного психиатра.

— Это почему же никуда не годного? — обиделся профессор Смит, выставив вперед седую бородку.

— Да потому, что настоящий психиатр давно бы уже разобрался, кто здесь сумасшедший, а кто нет, и не путал бы знаменитых ученых с бухгалтером, который собирает фантики. Фантики! Понимаешь, Алиса, до чего он докатился? Он хочет нас унижить. К тому же надо посмотреть: скорее всего, тот бухгалтер совсем не сумасшедший и кто-то в самом деле распространяет эти микробы. Да сам этот психиатр, наверное, агент пришельцев.

— Это слишком! — закричал мистер Смит. — Я не позволю! Вы типичный маньяк с убийственными наклонностями.

— Молчать! — зарычал Громозека. Он начал быстро связывать пленников проводами. Сделать ему это было легче, чем человеку, потому что у Громозеки не две руки, а куда больше. Диспетчеры, хоть и ругались, но сопротивляться не смели. Профессор же Смит, глубоко оскорбленный Громозекой, все время грозил ему.

Через две минуты пленники были связаны. Громозека оставил Селезневу один из бластеров и сказал:

— Звони в Академию наук, ищи своих друзей и вообще нормальных людей. Поднимай тревогу. А когда твои коллеги придут, немедленно начинай разгадывать тайну вируса. А мы с Алисой полетели в эпоху легенд. Где тут у вас воздушные катера?

Диспетчеры не ответили. Главный диспетчер покачал головой, он сидел на стуле, руки и ноги были связаны. Он не собирался сдаваться каким-то сумасшедшим.

— Придется нам, Алиса, обойтись без его помощи, — сказал Громозека. — Ты здесь справишься, Селезнев?

— Только вы будьте осторожнее, — сказал отец. — Сам понимаешь, волшебники, людоеды...

— И драконы, — сказала Алиса. — Я их не боюсь.

С этими словами она побежала к выходу, оставив отца наедине с тремя пленниками, которые смотрели на него со страхом и даже ненавистью. Ну как они могли предположить, что в конце двадцать первого века их будут привязывать к стульям?

Через три минуты Алиса и Громозека добежали до стоявшего у диспетчерской воздушного катера — быстрого корабля, который должен был за час донести их в Москву, в заповедник сказок.

12. В заповеднике сказок

Громадный прозрачный купол над участком девственного леса, где скрывается сказочный мир, привезенный из далекого прошлого, каплей воды поблескивал на окраине Москвы. Воздушный катер послушно вошел в глубокий вираж и стремительно, так, что сердце подкатывало к горлу, снизился у служебного входа в заповедник сказок.

Алиса бросилась к замку, где находится его управление. Она боялась, что директора заповедника Ивана Ивановича может не быть на месте. Но директор уже ждал гостей у подъемного моста.

— Здравствуйте! — крикнул он, увидев, что к нему бежит Алиса, а за ней подобно слону переваливается Громозека. — Отец только что звонил и просил меня включить машину времени. Все готово.

С этими словами Иван Иванович побежал внутрь замка.

— Как дела у папы? — спросила на бегу Алиса.

— У него трудности, — ответил Иван Иванович. — А почему такая спешка? Он позвонил мне десять минут назад и сказал, что для спасения всей Земли я должен срочно дать Алисе и ее другу Громозеке машину времени. Потом сказал, что у него трудности, и отключился. Что за трудности?

— Ничего особенного, — ответил Громозека. — Селезнев взял в плен двух диспетчеров и одного профессора-психиатра, а теперь старается доказать всему человечеству, что он не сошел с ума.

— А это было необходимо? — спросил Иван Иванович.

— Совершенно необходимо! — закричала в ответ Алиса.

Они выбежали во внутренний двор замка. Громозека ахнул и замер в дверях. И было чему удивиться: свернувшись кольцом и заняв весь двор, под лучами солнца нежился громадный дракон с тремя головами.

— Алиса! — закричал Громозека.

Но Алиса уже радостно бежала к средней голове дракона, которую озарила драконья улыбка.

— Змей Гордыныч! — закричала она. — Как я по тебе соскучилась!

— Вот счастье-то, — ответил дракон.

Вдруг вторая голова заметила, что Громозека тащит из-за пояса бластер, и закричала на него:

— Ты что, с ума, что ли, сошел! Это же заповедник! Стрелять вздумал!

Иван Иванович обернулся и бросился к Громозеке, грудью закрывая от него дракона. Он хоть и производил впечатление кабинетного ученого, но отличался отвагой, смелым сердцем и любовью к своим питомцам. Алиса тоже поняла, что Громозека был готов поднять стрельбу.

— Громозека! — сказала она твердо. — Если ты не оставишь свой бластер у Ивана Ивановича, ты вообще ни в какую эпоху легенд не полетишь. Там на каждом шагу драконы, и, если ты хоть раз выстрелишь, нам с тобой несдобровать!

— Ну что я могу с собой поделатъ, — сокрушенно ответил Громозека, который уже понял, что дракон старый приятель Алисы. — Я ведь обещал твоему отцу охранять ребенка.

— Сколько раз нужно повторять одно и то же, — сказала Алиса. — Меня охранять не нужно! От тебя больше опасности, чем охраны. Отдай бластер.

— Ни в коем случае, — ответил Громозека. — Здесь мы с тобой в заповеднике, и я приношу свои извинения директору и дракону. Но в эпохе легенд заповедников еще не могло быть.

— Все, — сказала Алиса твердо. — Иван Иванович, этот археолог в прошлое не летит.

— Разумное решение, — согласился Иван Иванович.

— Простите, простите, — сказал Громозека и протянул бластер директору заповедника.

— Вообще-то ему надо остаться здесь, — сказал дракон. — Такое чудовище в эпохе легенд всех перепугает.

Дракон был трусоват, и вид бластера вывел его из равновесия. А так как мы не любим тех, кто нас пугает, то дракону Громозека вообще не понравился.

— Без меня, — сказал Громозека решительно, — Алиса ни в какую эпоху не летит.

— И пускай Земля погибнет? — спросила Алиса.

— Мне важнее твоя безопасность, чем судьба всей Земли, — ответил упрямый археолог.

Тогда Алиса махнула рукой. Она понимала, что в прошлом ей придется натерпеться от такого ненадежного спутника, но что поделаешь?

— Поехали, — сказала она. Они поспешили дальше.

— Алиса, — крикнул вслед дракон. — Передавай привет моему дяде.

— Обязательно, Змей Гордыныч, — ответила Алиса. Они уже готовы были скрыться во внутренних помещениях замка, но тут снова раздался голос дракона.

— Алиса, — сказал он. — Мне кажется, что в заднем кармане твоего невоспитанного друга лежит еще один бластер. Проверь, будь добра.

— Не может быть, — Алиса остановилась. — Громозека, неужели ты опустился до жалкой лжи?

Громозека почернел. Он не мог покраснеть, он мог только чернеть от стыда.

— Ах, — сказал он смущенно, — я совсем забыл.

Потом он вытащил из заднего кармана бластер и отдал его Ивану Ивановичу.

Теперь у Ивана Ивановича был совсем грозный вид — по бластеру в каждой руке.

В низком подземелье, где стояла машина времени, их ждал толстый волшебный король заповедника сказок. Король сидел на скамеечке и раскладывал пасьянс.

— Ты что здесь делаешь? — удивился Иван Иванович. — Ведь тебе уж пять минут назад надо было начать аудиенцию. В тронном зале собрались все кролики, гномы и другие существа твоего царства. Они ждут, чтобы ты обсудил с ними важные вопросы.

— Не хочу, — сказал король. — Я знаю, что у них за вопросы. Опять все будут жаловаться на Красную Шапочку, что она плохо учится, прогуливает школу и дразнит Волка. А что я могу поделатъ? У нее же есть собственная бабушка. Пускай этим и занимается.

Тут король узнал Алису и даже подскочил.

— Девочка моя! — воскликнул он. — Сколько лет, сколько зим... Что за чудовище ты с собой привезла? Неужели новенький в мое царство?

— Нет, ваше величество, — ответила Алиса. — Мы с моим другом археологом Громоzekой спешим в эпоху легенд. У нас там срочное и важное дело.

Иван Иванович подошел к машине времени, похожей на будку телефона-автомата, и начал настраивать ее на эпоху легенд.

— Вам какой год? — спросил он.

— Двадцать шесть тысяч лет, три месяца и два дня назад, — сказал Громоzека.

— Не рекомендую, — сказал король. — Я до сих пор счастлив, что оттуда выбрался.

— Почему? — спросил Громоzека.

— Климат. Жуткий климат. Снег даже в июне, ветры с севера, разгул чудовищ и колдунов. Алиса, ты что, собираешься в этом виде туда бежать? В одном комбинезончике?

«Ох, — подумала Алиса, — вот теперь и директор Иван Иванович смотрит на меня как на преступницу. Да и в глазах Громоzеки блеск появился. Откуда у взрослых постоянное нездоровое желание одевать детей? Как будто дети сами не знают, как им одеваться? Дай этим взрослым волю, они бы сейчас надели на тебя три шубы и плащ сверху, а уж зонтик дали бы обязательно. Это постоянное бедствие. Ребенок собирается идти гулять, на улице светит солнце, поют птички. Только ты открыла дверь, как сзади уже крик бабушки, или дедушки, или мамы, или папы, или просто проходящего дяди: „Ты почему не оделась?!“»

— Скорей, — сказала Алиса как можно строже. — Мы, кажется, забываем, что речь идет не о насморке, а о судьбе всей планеты.

В этот момент в зал, хлопая крыльями, крича, как недорезанный поросенок, влетела растрепанная и грязная белая ворона.

— Вы куда? — закричала она. — Вы с ума сошли. Ребенок раздет! Это хорошо не кончится.

— Дурында! — сказала Алиса. — Здравствуй и не отвлекай нас.

— Вы решили, что поедете без меня? — спросила белая ворона, садясь на крышу машины времени. — Не тут-то было. Вы все погибнете, вы пропадете без меня!

— Это еще что за создание кошмарного сна? — спросил Громоzека.

— От создания и слышу, — нагло ответила ворона. — Не тебе меня учить, мальчишка. Инопланетный, что ли?

— Я профессор Громоzека с планеты Чумароза, — ответил археолог.

— Будем знакомы. Я белая мудрая ворона Дурында из эпохи легенд. Временно проживаю в заповеднике сказок, но страшно соскучилась по родине. Поэтому лечу с вами.

— Послушай, Дурында. Ты нам всем в заповеднике страшно надоела, — сказал Иван Иванович. — Если ты вернешься в эпоху легенд, откуда тебя, кстати, никто не приглашал, мы будем только счастливы.

— Но пускай сначала вернет украденную серебряную ложку, — сказал толстый король.

— Меня, — возопила ворона, — меня обвиняют? Больше моего крыла здесь не будет! Я всем расскажу, какие жалкие клеветники собрались в этом так называемом заповеднике.

С этими словами ворона сделала круг под потолком и вылетела из зала.

— Типичная истеричка, — сказал толстый король. — Со склонностью к клептомании. Клинический случай.

Тем временем Иван Иванович уже настроил машину.

— Сколько вы весите? — спросил он у Громоzеки.

— Восемь с половиной вырлей, — вежливо ответил Громоzека. — Это не очень много.

Алиса поняла, что ее друг испугался, что сейчас ему объявят: машина вас не возьмет. И

начал по-детски хитрить. Взрослые чаще, чем дети, хитрят по-детски.

— А в килограммах? — также вежливо спросил Иван Иванович.

— Чуть больше ста, — ответил Громозека. — Но я могу снять башмаки. И оставить здесь авторучку.

— А точнее? — вежливо спросил Иван Иванович.

— Забыл.

— Еще точнее?

— Сто восемьдесят три килограмма, — вздохнул Громозека. — Это слишком много, да?

— Порядочно, — сказал Иван Иванович. — Но я вас предупреждаю: Алису одну в эпоху легенд я не отпущу.

— Ох уж эти перегрузки, — сказал толстый король. — Я сам еле-еле сюда попал. Чуть не промахнулся. Еще бы мгновение, и пришлось бы мне остаться в девятнадцатом веке. Познакомился бы с Наполеоном...

— Может, и к лучшему, — сказал мрачно Иван Иванович. Иногда он жалел, что затеял всю эту историю с заповедником сказок. Сказочные существа хороши в книжках. В жизни же от них масса неприятностей. Вот и король. Порой с ним можно договориться, поладить, а иногда становится невыносимым, хочет кого-нибудь угнетать, травить, казнить и миловать. Такая уж у короля генетика. Пришлось закупить ему два полка оловянных солдатиков. С помощью простого колдовства он сделал их двигающимися, и теперь они маршируют по тронному залу. Ну а если какой-то солдатик спутает ногу или выйдет из строя — тут же ему не миновать телесного наказания. Иван Иванович как-то подглядел, как король обращается с ними, и подумал, что даже оловянные солдатiki могут в один прекрасный день взбунтоваться.

— Входите, — сказал Иван Иванович. — Лететь вам придется в тесноте.

— Спасибо, — с чувством сказал Громозека. Он был уже почти уверен, что его в прошлое не возьмут, и готовился к грандиозному скандалу. — Вы настоящий ученый и человек. Когда все кончится, я напишу о вас в нашей чумарозской газете.

С этими словами Громозека втиснулся во временную кабину, а потом с трудом втянул туда живот, чтобы Алисе тоже было где поместиться. «И в самом деле тесно, — подумала Алиса. — Хоть и мягко».

— Готово, — сказала она. — Можно отправляться. Позвоните папе, ему может понадобиться ваша помощь, когда его будут забирать в сумасшедший дом, — сказала она Ивану Ивановичу.

— Никогда в это не поверю, — сказал директор заповедника.

Он хотел закрыть дверь в кабину, но в зал вновь влетела птица Дурында. В клюве она волокла объемистый узел.

— Ты куда? — закричал толстый король.

— Ты куда? — закричал Иван Иванович.

Они догадались, что ворона все же решила сгонять в прошлое.

Но вороне ловко удалось избежать их вытянутых рук, кинуть свой узел в узкую щель между головой Громозеки и потолком кабины, а затем нырнуть туда самой.

— Вылезай немедленно! — рассердился директор заповедника. Но Дурынду уже не было видно. Только ее пронзительный голос звучал откуда-то из-за ушей Громозеки:

— Не смейте ничего предпринимать! Я свободная птица, я буду сопротивляться!

Заповедник не тюрьма, а убежище. Иначе я потеряю к вам уважение.

— У нее полный узел барахла! — кричал толстый король. Там моя серебряная ложка. Верните добро!

— Нам что, вылезать? — спросил Громозека.

— Не надо, — сказала Алиса. — Еще не хватало драться с Дурындой. Включайте машину, Иван Иванович.

И директор подчинился Алисе.

Дверь закрылась. На пультах замигали огоньки. Раздалось жужжание. И все пропало.

Почти все, потому что в темноте, которая охватила путешественников во времени, в бесконечном полете, верчении и падении Алиса все время чувствовала, что ей в затылок вцепились когти перепуганной Дурынды, которая вопила, каркала, скрипела и требовала, чтобы ее немедленно выпустили наружу и не губили.

Она продолжала вопить и тогда, когда путешествие кончилось.

13. Двадцать шесть тысяч лет назад

Алиса с трудом открыла дверь временной кабины, что спрятана в громадном дупле старого дуба на опушке непроходимого волшебного леса. Хотя путешествие заняло несколько минут, у нее все тело затекло от неудобной позы, волосы растрепались, щека расцарапана — следы когтей Дурынды.

Затем из кабины вывалился Громозека. Он был оглушен и не очень соображал, что же произошло.

Алиса обернулась. На дно кабины кучкой грязных белых перьев упала Дурында. Рядом валялся узел с ее добром. Алиса спросила:

— Ты жива, Дурында?

— Нет, — ответила птица тихо. — Меня раздавили.

— Но ведь ты же сидела у меня на голове.

— Вот ты меня головой и убила, — сказала птица.

— Что же делать?

— Заплати мне золотую монету, тогда я, может, оживу.

— Ох как нехорошо получилось, — сказал Громозека, залезая в карман. — Как назло, у меня нет золотых монет. Но разве это поможет?

— Поможет, — сказала ворона.

— А куда надо приложить золотую монету, чтобы вам стало лучше? — спросил доверчивый Громозека.

— В клюв, — сказала ворона и широко открыла клюв.

— погоди, Громозека, — сказала Алиса. — Не верь воронам, даже когда они убиты. Я сейчас ее оживлю.

— Как? — спросила ворона подозрительно.

— Я просто скажу тебе, что через две секунды дверь кабины автоматически закроется и ты вернешься в двадцать первый век.

— Неправда, — закричала ворона, вскочила на ноги, схватила в клюв свой узел, с трудом вылетела наружу, долетела до нижней ветки и уселась на ней. У нее был скорбный вид.

— Пошли, Громозека, — сказала Алиса. — Нам надо поскорей добраться до избушки.

— До какой избушки?

— В ледниковые времена жили первобытные люди. Один из них — мальчик Герасик, великий изобретатель, он изобрел колесо и догадался, почему яблоки падают на землю. Если корабль пришельцев с Бродяги здесь побывал, Герасик об этом знает. Он подозревает, что со временем люди научатся летать по воздуху без помощи волшебников. Он думает, что помощь волшебников унижает человеческое достоинство.

Громозека недоверчиво хмыкнул. Алиса понимала почему. В волшебников, экстрасенсов, невидимость, ведьм, гадалок и колдунов он не верил. Он был самым обыкновенным ученым с щупальцами, восемью глазами и лапами, как у слона. И полагал, что так и надо.

«И если бы он жил сто лет назад, — подумала Алиса, — он бы ни за что не поверил в инопланетных пришельцев».

Времени терять было нельзя. Поэтому Алиса сразу пустилась в путь. Громозека, разочарованно хлопывая себя по карману, где раньше лежал бластер, шагал следом.

Некоторое время они шли молча. Начал накрапывать холодный дождик. Лето в эпохе легенд было прохладным — ледниковый период надвинулся совсем близко.

Они остановились перед большим серым валуном. На валуне были грубо вырезаны слова: «Прямо пойдешь, коня потеряешь. Налево пойдешь, жизни лишишься. Направо пойдешь, кошелек потеряешь».

— Нам прямо, — сказала Алиса.

Громозека постоял, посомневался. Алиса ушла вперед.

— Почему?! — крикнул он вслед Алисе.

— Потому, что у нас нет коней! — откликнулась Алиса.

— Разумно, — сказал Громозека. Он увидел большой сухой сук на старом дубе, подпрыгнул и отломил его. В щупальцах Громозеки оказалась огромная дубина.

— Ну что, теперь тебе легче? — спросила Алиса. Она подумала, что Громозека растревожил шумом все сказочное королевство. Наверное, никак не могут понять, то ли столкнулись два богатыря, то ли рухнул расколдованный замок.

— Вот тут, — сказала Алиса, — мы должны были потерять коня.

Дорога в том месте была вытоптана так, что получилась широкая площадка, заваленная лошадиными костями, остатками сбруи и даже оглоблями. В сторонке стояли сани.

— Что здесь было? — удивился Громозека. — Ужасное сражение?

— Велика-а-ан! — позвала Алиса. — Велика-ан, где ты?

Только эхо отозвалось из леса.

— Странно, — сказала Алиса. — Здесь должен сидеть Великан, который пожирает всех коней.

— Нет больше Великана, — раздался тихий голосок. Голосок донесся снизу.

Алиса увидела, что на небольшом камне сидит гном в красном колпачке и вырезает что-то на лошадином зубе.

— Здравствуйте, — сказала Алиса. — Я давно здесь не была. Вы не скажете, что случилось с Великаном-коноедом?

— Ушел, — сказал гном. — Холода замучили, радикулит, да и лошадей уже не осталось. На юг он ушел, в теплые края, надеется там переждать ледниковый период.

— А Людоед, который на второй дороге сидел, людей пожирал?

— Нанялся к Ведьме в охранники. Но не по доброй воле. Его довел до отчаяния человеческий детеныш по имени Герасик.

— Как же это случилось? — спросила Алиса.

— Много народу Людоед истребил, и не только людей, но и всех кого ни попадя, даже разбойника сожрал с голодухи. А гномов поел — не счесть. Вот и решил этот мальчик Герасик выгнать Людоеда из этих краев. Пошел он к деревенскому кузнецу и выковал из железа маленькую девочку, Красную Шапочку, раскрасил ее как настоящую, в платьице одел, дал в руку корзинку, будто она по грибы идет, подобрался ночью поближе к Людоеду и поставил девочку на дорогу. Людоед голодный был страшно — давно уж все его логово обходили. Проснулся, увидел девочку, не разобрался, что к чему, и цапнул ее зубами. Да и остался без зубов. А без зубов какой Людоед?

— Вот молодец Герасик! — обрадовалась Алиса.

— Молодец-то молодец, да без толку, — проворчал гном. — Разве со злом так борются? Людоеда надо было либо убивать, либо не трогать.

— Почему?

— Беззубый Людоед хуже зубастого. Тот хоть на месте сидел, как бы при деле. Не хочешь, чтобы тебя кушали — не суйся к нему, останешься живой. А беззубому Людоеду пришлось уйти к Ведьме. На пару с ней они с тех пор и безобразят. Ведьма все грозитя ему железные зубы сделать, но не очень-то спешит. Знаешь, почему? Потому что он вернется на старое место. А пока что он за ней как тень ходит. Руки у него здоровые, ноги быстрые — ну прямо палач. К тому же раньше у него только своя голова была, можно сказать, пустая. А теперь он указания выполняет. Ведь Ведьме в уме не откажешь?

— Ой, не откажешь, — согласилась Алиса. — А где теперь Герасик?

— С Герасиком дело плохо, — сказал гном. — Пришлось ему скрываться. Людоед первым делом Ведьму попросил — помоги мне избавиться от человеческого детеныша. Вдвоем они напали на деревню, где Герасик жил. Герасик в лес сбежал. С тех пор скрывается. А папаша его, старый землепашец, скрыться не успел. Растерзали его Ведьма с Людоедом.

— До смерти?

— А то как же? В них жалости нету.

Над головами захлопали крылья. Низко, чуть не задевая за вершину деревьев, пролетела белая птица с узлом в клюве.

— Никак Дурында вернулась? — удивился гном. — Давно ее не было. Говорили, где-то устроилась.

— Что же теперь делать? — подумала вслух Алиса. — Где Герасика искать?

— А что тебе от него нужно?

— Я с ним раньше дружила, — сказала. Алиса. — Когда в прошлый раз приезжала.

Громозека, слушая этот разговор, уселся неподалеку на землю и, достав перочинный ножик, стал обстругивать свою дубину.

— А чего вам здесь нужно? — спросил тихонько гном, косясь на Громозеку. Археолога с планеты Чумароза он побаивался.

— Уважаемый господин, — сказал Громозека, — у нас есть сведения, что совсем недавно на Землю опустился с неба космический корабль.

— Что такое? — спросил гном. Он ничего не понял.

— Ко-сми-ческий ко-рабль! С другой планеты.

— Я разве моряк? — удивился гном. — Я в кораблях не понимаю.

— Космический корабль! Воздушный!

— Тогда у волшебников спрашивайте, — сказал гном.

— Разумеется, вам, уважаемый гном, — сказала Алиса, — это не очень понятно. Но может быть, в последние дни или ночи вы видели падающую звезду?

— Ночью я сплю. Я порядочный гном, — ответил их собеседник. — Пускай на звезды совы и колдуны смотрят.

— Тогда, может быть, днем?

— Днем, моя дорогая, звезд не бывает, — ответил гном. И если больше нет вопросов, я вас покину. У меня обед стынет.

С этими словами, гном зашагал к дереву, завернул за толстый корень и исчез с глаз.

— Вот и первая неудача, — сказал Громозека. — А вдруг корабль еще не прилетал?

— Ты же сам считал, — сказала Алиса. — Если ты не уверен, надо было выбирать другое время.

— Я-то считал, — ответил Громозека. — Но ведь мы не знаем, вдруг они прилетали

чуть позже...

— Погоди, — сказала Алиса. — Гномы — ненадежные свидетели. Они слишком маленькие и вообще не любят смотреть на небо.

— Тогда давай искать других свидетелей.

Алиса и Громозека побрели дальше. Вскоре они дошли до избушки. Крыша ее провалилась, дорожки заросли лопухами и крапивой. Пустота, пыль, запустение. Посреди избушки открытый очаг — печек в те времена люди еще не знали — над ним в крыше дыра, чтобы уходил дым. Окошко без стекла. А на столе у окошка осталось памятью о Герасике деревянное колесико, насаженное на палочку. Когда-то Герасик изобретал телегу.

— Эх, Герасик, Герасик, — вздохнула Алиса. Она взяла колесико на память и вышла из избушки. Громозека ждал ее снаружи.

— Никого? — спросил он.

Алиса даже не стала отвечать. И так все было ясно.

— Пошли дальше, — сказала она. — Доберемся до реки, а там на чем-нибудь спустимся к замку волшебника Ооха. Он нам поможет.

До реки они дошли быстро. Их подгоняло нетерпение. Нетрудно было представить, что именно сейчас трескается, как яйцо, в котором вырос птенец, лиловый шар, и зловещий вирус несется над Землей, среди ничего, не подозревающих людей, которые спешат на работу, садятся во флаеры, толпятся на космодромах.

— Интересно, — сказала Алиса, спеша по тропинке, что вела вниз, — смог ли отец убедить ученых в том, что нам грозит опасность?

— Я надеюсь, — ответил Громозека. — Он обладает даром убеждения.

— Осторожно! — крикнула Алиса. В кустах мелькнула серая морда — волк! Громозека обернулся. Волк высунул морду наружу, принялся оскалить зубы. Но Громозеку это не испугало. И хоть волк был велик, вдвое больше обыкновенного, Громозека просто снял с плеча свою дубину и показал ее волку. Волк склонил голову набок, зажмурился... и мгновенно испарился.

— Знаешь, Громозека, — сказала Алиса. — От тебя есть польза. Если бы я тебя не взяла с собой...

— То тебя бы съел волк, — сказал Громозека. — И твой папа очень бы расстроился.

— Мягко сказано, — ответила Алиса.

Река, к которой они спустились, была широка и полноводна. Вода в ней казалась серой, потому что серым было небо, у берега вздрагивали тростники, им было очень холодно стоять по колено в воде.

Из тростников торчал нос долбленой лодки. В ней лежало весло.

— Нам вниз по реке, — сказала Алиса. — И чем дальше мы от этих мест отплывем, тем лучше.

Алиса смотрела, как Громозека забирается в лодку. Лодка сразу глубоко осела, борта ее почти сравнялись с водой.

— Не шевелись, — сказала ему Алиса. — А то перевернемся.

Она оттолкнула лодку, прыгнула на корму и взяла весло. Громозека сидел не шелохнувшись, растопырив для равновесия щупальца.

Лодка вышла на чистую воду. И сразу же берег, который они покинули, ожил. Из тростника высунулись волчьи морды. Волки оскалились, рычали, один из них хрипло сказал:

— Мы еще до вас доберемся, поросяточки!

— Меньше всего я похож на поросенка, — обиделся Громозека. Другой берег был пуст. — А там кто живет? — спросил Громозека.

— Ничего интересного. Отрицательные персонажи, — сказала Алиса. — Ведьма, о которой ты уже слышал, у нее в услужении черная кошка, да теперь еще беззубый, но злобный Людоед. Кроме того, там разбойники, очень испорченные бездельем и легкой жизнью, пьяницы и хулиганы. Правда, не безнадежные. Попались бы они мне в руки, я бы их перевоспитала.

Река быстро несла лодку вниз по течению, Алиса только иногда окунала весло в воду, чтобы удерживать лодку подальше от берегов. Тростники справа время от времени шевелились — видно, волки следили за путешественниками. Но левый берег был по-прежнему пуст.

— Нам еще долго плыть? — спросил Громозека, поеживаясь. Ему было холодно.

— Думаю, через полчаса сможем пристать к берегу, — сказала Алиса.

Вдруг она чуть приподнялась. Далеко впереди на левом берегу она заметила бегущие фигуры. Там что-то происходило.

14. Герасик

Вскоре лодка приблизилась к группе немых и нестриженных людей, которые окружили высокий, коренастый дуб, росший на берегу. Они размахивали кинжалами, саблями, топорами, некоторые пытались влезть на дерево, но это у них не получалось. А над вершиной дерева крутилось странное сооружение, похожее на цилиндр. Из цилиндра высывалась встрепанная голова с крючковатым носом и длинные жилистые руки. Руки держали метлу и норовили достать ею до того, кто прятался в листве.

— Ну вот, — сказала Алиса. — Громозека, можешь познакомиться с другими обитателями эпохи легенд. Вокруг дерева прыгают разбойники. Вся банда во главе с Атаманом. А над деревом летает в ступе Ведьма.

— А что у нее в руках? — спросил Громозека.

— Метла, что же еще. Она у нее вместо руля.

— Очень любопытно, — сказал Громозека. — А по какому принципу действует эта так называемая ступа? Антигравитация?

— Вовсе не так, Громозека, — сказала Алиса. — Она действует по принципу колдовства. В эпоху легенд действовали особенные физические законы.

— Чепуха, — сказал Громозека. — Во все времена и на всех планетах действуют совершенно одинаковые физические законы. И если кажется, что они другие, значит, мы просто их плохо изучили.

Алиса не стала спорить — лодка уже почти приблизилась к дубу. Алиса всматривалась в листву, чтобы разглядеть, кто там прячется.

Вдруг из листвы высунулась мальчишеская физиономия.

— Герасик! — узнала мальчика Алиса. — А мы к тебе приехали. Ты что здесь делаешь?

— Алиса! — обрадовался Герасик. — Меня, по-моему, собираются убить.

— С них станется, — согласилась Алиса. — Это все из-за Людоеда?

— Конечно! — крикнул мальчик.

— Тогда прыгай в воду — мы тебя подберем.

— Я плохо плаваю, — сказал мальчик.

— Но наша лодка такая перегруженная, — крикнула Алиса, — что я не смогу ее подогнать к берегу.

— Кыш отсюда! — завопила Ведьма сверху. — А то утоплю!

Мальчик Герасик решил, что ему нечего терять. Он выполз на нависший над водой сук и спрыгнул в воду.

Разбойники кинулись за ним, но мальчик быстро, по-собачьи, поплыл вслед за лодкой, которую несло течением вниз. Алиса стала притормаживать веслом.

Разбойники бежали по берегу вслед и дико кричали, возмущаясь тем, что потеряли свою добычу. Ведьма спустилась почти к самой воде и норовила ударить мальчика по голове ручкой от метлы.

— Уважаемая старуха! — громовым голосом произнес Громозека. — Я вас попрошу не безобразничать. Вы разве не видите, что перед вами ребенок?

— Кому ребенок, а кому первый бандит! — ответила Ведьма. — И вообще, молчи, урод. Таких мы еще не видели. Во сне приснишься — умрешь со страху.

— Не обращай ты на нее внимания, — сказала Алиса, почувствовав, что Громозека обиделся и может потерять присутствие духа. (А если Громозека теряет присутствие духа, то он обязательно совершит необдуманный поступок).

Но она опоздала. Громозека вспыхнул, как бенгальский огонь. Ведьма раньше не сталкивалась с археологами с планеты Чумароза и потому не знала, какие у них длинные и подвижные щупальца. Громозека распрямил одно из щупальцев — то взметнулось вверх, схватило когтем на конце метлу и дернуло вниз. Ведьма не успела выпустить метлу, ступа резко накренилась, и Ведьма вывалилась в реку. Ступа без пассажира облегченно взлетела вверх и понеслась, подгоняемая ветром, к лесу. Но это приключение плохо кончилось и для самого Громозеки. Он тоже не удержался в лодке и вывалился в воду. Разумеется, Алиса последовала за ним. А Герасик так и не успел влезть в лодку.

К перевернутой лодке, которая была похоже на спину небольшого кита, со всех сторон потянулись руки. Алиса, уцепившись за нее, увидела, что Громозека, не умеющий плавать, обхватил лодку сразу всеми щупальцами, Баба-Яга, крича от ужаса, схватилась за нее с другой стороны, а Герасик достал пальцами до кормы. А так как из всей этой компании хорошо плавать умела только Алиса, она и смогла оценить весь юмор этой картинки, хотя для остальных ничего смешного здесь не было.

Алиса подплыла к лодке с кормы и крикнула Герасику: — Толкай вперед!

Они начали толкать лодку к небольшому островку, который торчал холмиком посреди реки. Вода была страшно холодной, лодка неслась быстро, и Алиса увидела, что разбойники с воплями бежали вдоль берега, надеясь, что лодку прибьет к ним.

— Держись, старушка! — кричали они Ведьме. — Не сдавайся!

Вдруг Алиса почувствовала толчок — нос лодки ударился в мель у островка. Колени ее коснулись дна. Она увидела, как посиневший Громозека поднимается во весь свой рост и спешит на сухое место. За ним, с трудом отцепив руки от лодки, бежит Ведьма.

Алиса с Герасиком задержались у берега, стараясь перевернуть лодку.

— Все равно весла нет, — сказал Герасик.

Островок был невелик. Посреди него росли кустики. Берег, на котором их поджидали разбойники, был рядом, но, к счастью, речная протока была быстрой и глубокой.

Громозека и Ведьма подпрыгивали посреди островка, стараясь согреться. Громозека

потерял свою дубину. Мокрые серые волосы Ведьмы прилипли к голове, юбка обтягивала костлявые ноги.

— Это тебе даром не пройдет, — сказала она Алисе, лязгая зубами.

— А мне и не надо, — ответила Алиса. — Вы зачем за Герасиком гонялись?

Герасик подпрыгивал на одной ноге, чтобы вытряхнуть воду из уха.

— Я до него все равно доберусь! — Баба-Яга погрозила костлявым кулаком. — Я все человеческое семя со света сживу.

Громозека переступал с ножищи на ножищу, чтобы согреться.

— Теперь я понял, — сказал он. — Этим чудовищам и в самом деле пора вымирать.

— Не вымру, не надейся, — сказала старуха. — Всех переживу. В темных лесах скроюсь, под колодами буду скрываться, в чащобах согреваться, по кустам скитаться, детишками питаться. И не вымру.

— Ведьма-а-а! — донесся крик с берега. Это кричал Атаман разбойников. — Чего нам делать-то? Как помочь?

— Зови Людоеда! — закричала в ответ Ведьма. — Пускай сюда перебирается, всех передушит.

— Ну монстры, прямо монстры, — сказал Громозека, — такое впечатление, что цивилизация до них не добралась.

— Жили без нее и дальше проживем, — сказала Ведьма.

— Почему ты на этом дереве оказался? — обратилась Алиса к Герасику.

Герасик поманил Алису в сторону. Он наклонился к ее уху и прошептал:

— Не хочу, чтобы Ведьма услышала. Меня гномы прятали под землей. Тесно, темно, неудобно. Я неделю попрятался, потом решил — лучше уйду в пустынные земли. А они, оказывается, меня выслеживали. Вот и выследили. Хорошо еще, что вы здесь оказались.

— В этом преимущество сказочной эпохи, — сказала Алиса. — Здесь всегда можно рассчитывать на совпадения и счастливые неожиданности. Скажи, Герасик, ты не видел, чтобы в последние дни с неба падала звезда?

— Когда?

— Точно не знаю — несколько дней назад, а может, вчера.

— Вообще-то с неба звезды часто падают, — сказал Герасик. — Иногда по несколько штук за ночь упадут. Видно, состарилось небо, плохо держит.

— Как держит? — удивилась Алиса. Но тут же вспомнила, что для Герасика небо твердое — в школу он не ходил, про Коперника не слышал. Откуда ему знать про космос?

— А что тебе эта звезда? — спросил Герасик. — Ты за ней приехала?

— Мне надо ее найти, — сказала Алиса.

— Наверное, она упала, пока я в земле у гномов сидел.

— Жаль. Я на тебя надеялась.

Ведьма и Громозека стояли поодаль друг от друга, оба дрожали, никак не могли согреться. Ведьма не сводила глаз с берега, видно, ждала, когда придет помощь.

— Что же дальше? — спросил Громозека. — Весла у нас нет.

— Да и лодка не выдержит, — сказал Герасик.

Но Алиса сейчас думала только о лиловом шаре.

— Бабушка, — обернулась она к Ведьме. — Если вы нам поможете, мы вас домой отпустим.

— Чего? — удивилась Ведьма. — Я-то думала, ты о пощаде молить будешь! Сейчас

приведут мои ребята Людоеда, вот вам и конец.

— Придут или не придут, дело второе, — сказала Алиса. А может, вы видели, как недавно с неба упала звезда?

— Ты меня режь, ты меня казни, — ответила старуха сурово, — но из меня ни слова не выжмешь. И про звезду тебе не сознаюсь.

— Значит, была звезда?

— Режь, — сказала старуха решительно. — Начинай.

— Ай-ай-ай! — раздался с неба пронзительный крик. — Я же предупреждала, что это хорошо не кончится.

К острову летела птица Дурында. Уже без узла в клюве. За ней следом летела другая птица, поменьше, сизая горлица. Птицы опустились на ветки кустов посреди острова.

— Беда, — сказала Дурында. — Так я и знала. Без средств к передвижению, без руля и ветрил, на произвол судьбы и злых разбойников! О, Алиса! О, моя несчастная девочка!

— Дурында, — сказала Алиса. — Перестань паниковать. У нас все в порядке. Мы отдыхаем.

— Такие мокрые и отдыхают! — ахнула Дурында. — Типичное воспаление легких. Это я вам гарантирую.

— Дурында, — сказала Алиса, — ты что-нибудь узнала о падающей звезде?

— Я только этим и занималась, — ответила белая ворона. — Все свободное время. Посетила родственников, передала им гостинцы и сразу за дело. Говори, горлица.

Горлица повела вокруг изящной головкой и сказала:

— Как я есть заколдованная красавица, то провожу все ночи в ожидании рыцаря, который меня спасет. И поэтому смотрю на небо.

Горлица замолчала и стала смотреть в землю.

— Говори, родная, говори, — сказала Дурында. Но горлица молчала.

— Придется позолотить клювик, — сказала Дурында. — Чем мы располагаем?

— Я буду тебе должна, — улыбнулась Алиса.

— Смотри, не забудь. Продолжай, моя заколдованная.

— Вчера под утро с неба упало что-то большое, произнесла горлица. — Я решила было, что это мой суженый, который спешит меня расколдовать.

— А в самом деле?

— В самом деле он ко мне не пришел...

В этот момент на берегу раздалась крики, и Алиса увидела, что к реке толпой бегут разбойники, окружив неопрятного, волосатого, огромного Людоеда. Костюм его был сшит из медвежьих шкур, а щеки замотаны грязной тряпкой, чтобы не так болели обломанные зубы.

— Где он! — ревел Людоед. — Дайте только мне до него добраться!

— Я его задержу, — сказал тихо Громозека. — А ты попытайся выбраться с острова.

— Горлица! — закричала Дурында. — У нас ни минуты свободной. Где твой принц упал?

Разбойники подбежали к воде и остановились на берегу, а Людоед, придерживая ручищей щеку, вошел в воду.

— Ах, сказала горлица, — вон там, за лесом. Я туда летала утром, но никакой звезды не нашла. Там лежит некрасивое яйцо с дом величиной. Мой принц никогда бы на таком не прилетел.

— Все правильно, — сказала Алиса. — Космический корабль!

— Алиса, плыви! — сказал Громозека. — За меня не беспокойся.

— Я же не могу оставить Герасика! — воскликнула Алиса.

— Пускай он оседлает перевернутую лодку, а ты плыви сзади и толкай. Поняла?

— Спасибо, Громозека, ты умница! — сказала Алиса. — Герасик, ко мне!

Они вдвоем столкнули лодку в воду. Герасик сел верхом на перевернутую лодку, а Алиса поплыла за лодкой, толкая ее перед собой. Вода казалась уже не такой холодной, как раньше — ко всему привыкаешь. Течение подхватило лодку и понесло вниз. Герасик пытался помогать Алисе, подгребая руками. Алиса обернулась. На островке кипел бой.

Людоед выбрался на берег, и у самой воды его встретил могучий Громозека, который, хоть и был вдвое ниже Людоеда, знал приемы самбо и каратэ, о чем Людоед не имел представления. Правда, Громозеке сильно мешала Ведьма, которая вцепилась в него сзади и колотила ногами и руками.

О беглецах все забыли. Кроме птицы Дурынды, которая летала сверху и сочувствовала:

— Нет, — говорила она пронзительным голосом, — не доплыть вам, не доплыть! Ни за что не доплыть. Сейчас или волкам на зуб попадете, или какая-нибудь акула вас подхватит. Вот увидите. А жалко. Такие приятные молодые люди...

Алиса не верила в то, что в такой холодной речке могут водиться акулы, а сказочные волки, как известно, не умеют плавать.

В последний раз Алиса обернулась. Она переживала за Громозеку. Вот старуха подставила археологу ножку, и Громозека рухнул на траву. Людоед навалился на него... Но даже если бы Алиса сейчас захотела вернуться, она не смогла бы повернуть лодку против течения. Еще секунда, и остров скрылся за поворотом.

15. Ошибка

— Сюда! — закричала горлица, которая летела вслед за Дурындой. — Отсюда дорожка ведет к тому яйцу, которое вы ищете.

Алиса изо всей силы стала работать ногами, чтобы повернуть лодку к берегу. Как только лодка ткнулась в берег, Алиса побежала по дорожке вверх. Герасик за ней.

Алиса совершенно не представляла, что будет делать, когда увидит корабль пришельцев. Вряд ли разумно подбегать к космическим бандитам и кричать им: «Мы вас раскусили!». С перепугу они могут что-нибудь натворить. К тому же Алису все время терзала мысль, что она оставила Громозеку на произвол судьбы. Ведь хоть разбойники и людоеды давным-давно вымерли, Громозека попал в лапы к негодьям, которые умеют и убивать.

— А что за звезда? — услышала Алиса голос Герасика, который бежал сзади. — На что она тебе понадобилась?

— Как тебе объяснить? В общем, это летающий корабль. В нем прилетели очень плохие люди. Они хотят нас всех заразить смертельным вирусом вражды.

— Заразить? Вирусом?

— Я все время забываю, что ты первобытный! — сказала Алиса. — Они хотят наслать на нас болезнь.

— На вас или на нас? — спросил Герасик.

— На нас. На тех, кто будет жить здесь потом.

— Если потом, то чего же сразу к вам не прилетели? — удивился Герасик.

Объяснить Алиса не смогла. Кусты смородины расступились, и они выбежали на широкую поляну. Огромное темное яйцо лежало посреди поляны.

Алиса замерла на опушке и схватила за руку Герасика, чтобы он не выбежал на открытое место.

Потом прислушалась. Тихо. Это означало, что космонавты либо еще не вылезли из корабля — проводили анализы, разведывали. Или, наоборот, уже ушли и сейчас где-нибудь по соседству закапывают ужасный лиловый шар.

— Как ты думаешь, Герасик, — сказала Алиса. — Они там, внутри?

— Кто?

— Пришельцы.

— Это не корабль, — сказал Герасик уверенно. — Это яйцо. У корабля мачты и парус. Или весла.

— Ох, Герасик, тебе еще учиться и учиться! Ты совершенно не представляешь себе, каких высот достигнет со временем цивилизация. Неужели ты не понимаешь, что яйца такими не бывают?

— А кто их знает, какие бывают? — удивился Герасик, который в сказочном мире привык к любым неожиданностям.

— Некогда спорить по пустякам, — сказала Алиса. — Все-таки скажи, они вылезали наружу?

— Да никто из этого яйца не вылезал, — сказал Герасик. — Сама видишь, ни одна травинка вокруг не помята.

Алиса успокоилась. Она доверяла удивительному зрению Герасика.

— Будем ждать, когда вылупится? — спросил Герасик.

— Они должны скоро выйти, — сказала Алиса. — Их планета проносится сейчас мимо Солнечной системы. У них каждый час на счету. Погоди.

— Тогда надо послушать, — сказал Герасик.

— Что послушать?

— Пойти к яйцу и послушать. Если там птенец вылупиться хочет, он наверняка будет стучать.

Алиса вздохнула — первобытный мальчик оказался страшно упрямым.

Алиса сделала шаг вперед, кочка под ногой спружинила, захлюпала вода.

— Погоди, — сказал Герасик и поглядел вверх. Там в вышине кружилась птица Дурында, за ней летала горлица. — Эй, Дурында! — крикнул он. — Погляди, кто там в яйце, не хочет проклевываться?

— А почему я? Почему я? — удивилась Дурында. — Это риск. Меня могут поймать и заточить.

— Да потому, что ты птица и лучше в этом разбираешься.

— А что буду иметь? — спросила Дурында.

— Вернемся в заповедник, рассчитаемся, — сказала Алиса. — Дурындочка, миленькая, послушай, что они там делают.

— Любое мое желание в заповеднике исполнишь, понимаешь? — каркнула белая ворона.

— Только скорей, Дурындочка.

Птица нехотя подлетела к яйцеобразному космическому кораблю. Перед тем как

опуститься на его округлую вершину, она сделала несколько кругов, как бы прислушиваясь. Но, видно, ничего не услышала. Она далеко вытянула вниз ноги и опустилась, отчаянно хлопая крыльями так, чтобы только когти касались вершины корабля с Бродяги. Словно боялась обжечься. Потом она все же встала на вершину корабля и склонилась к лову, прислушиваясь. Потом вдруг отчаянно закричала:

— Стучит! Стучит! Сейчас выскочит!

Взлетела в воздух и полетела к лесу. Горлица за ней. Алиса с Герасиком, которые уже было вышли на открытое место, замерли. Вслушались.

Космический корабль был неподвижен, и никаких звуков они уловить не могли.

— Ну и здоровый птенец должен быть, — прошептал Герасик.

«Если бы птенец, — подумала Алиса. — Если бы птенец».

Но птенцы, которые скоро выйдут из этого корабля, будут вооружены пистолетами и одержимы злодейскими планами.

Вдруг до Алисы донесся глухой удар. Сомнений не было: в корабле готовились к высадке.

Второй удар последовал через минуту. Алиса присела за куст и потянула за руку Герасика, чтобы он тоже спрятался. Она лихорадочно придумывала, что ей делать. Ведь пришельцы не сразу спрячут лиловый шар. Сначала они захотят осмотреться. У них, наверное, есть летательные машины или вездеходы. Как уследить за ними? Придется бежать к волшебнику Ооху, поднимать всех колдунов, просить о помощи.

Еще один удар раздался изнутри корабля. Корабль покачнулся. Еще один удар.

Небольшая трещина показалась в теле корабля. От следующего удара она побежала, ломаясь, по всему боку. Алиса застыла от изумления. Удары следовали один за другим. После десятого, а может, двенадцатого космический корабль буквально развалился. Осколки его скорлупы упали на траву, и среди этих развалин обнаружился громадный, совершенно голый, лишь с хохолком на голове, тонкошейный птенец.

Птенец широко раскрыл желтый клюв, в котором могла бы поместиться телефонная будка, и пискнул так, что облетели листья с деревьев.

— Что это? — прошептала в ужасе Алиса.

— А что? — совсем не удивился Герасик. — Птенчик. Я же говорил тебе. А ты все: пришельцы, пришельцы...

— Но что же будет, когда он вырастет?

— Будет птица Рокх. Разве тебе Синдбад-мореход не рассказывал?

— Там другая была... Тогда что же мы с тобой время теряем? Бежим!

— Куда?

— Обрато к Громозеке. Мы должны его спасти!

— Его, наверное, съели, — сказал удрученно Герасик. — Они всех, кто в лапы попадет, едят.

— Во-первых, еще неизвестно, попал ли Громозека им в лапы. А во-вторых, им его не съесть... Он же несъедобный. — Алиса поднялась.

В этот момент птенец увидел их, вытащил из обломков скорлупы красную ножищу, неуверенно оперся на нее, сделав первый в жизни шаг, подтащил вторую ногу и сделал второй шаг. Его глазищи открылись, в них возник осмысленный огонь. Третий шаг ему дался куда легче. Ковыляя, птенец побежал к Алисе.

— Ты посмотри, какой смешной, — сказала Алиса.

— Чего ждешь? Он же тебя склюет, как козявку! — Герасик потянул Алису за руку.

И они помчались сквозь кусты обратно к реке. Сзади раздался оглушительный писк птенца, который гнался за своей первой в жизни добычей. Вдруг сразу потемнело. Алиса взглянула наверх. Небо закрыли крылья мамыши Рокх. Она снижалась к своему новорожденному детищу.

К счастью, человеческих козявок птица Рокх не заметила, а птенец, завидев мать, закричал, приветствуя ее.

Со всех ног Алиса с Герасиком побежали вверх по берегу.

Они совсем запыхались, пока добежали до того места, где напротив островка стоял дуб, с которого прыгнул в воду Герасик.

Островок был пуст. Ни Ведьмы, ни Громозеки, ни Людоода.

Алиса присела под деревом, чтобы перевести дух.

— Вообще-то, Герасик, — сказала она, — теперь наши дела хуже, чем были с самого начала. Час назад я не знала, где космический корабль с Бродяги. Теперь не знаю, где корабль, зато и не знаю, где Громозека.

16. Дракон Долгожеватель

Положение в самом деле было отвратительное. Корабля пришельцев никто не видел. Значит, он, если приземлился, мог сделать это очень далеко, например, в пустынной Аравии. И тогда нужна помощь волшебников или Синдбада-морехода, который, как известно, живет на знойном берегу Аравийского моря. Но нельзя же мчаться за полмира, не узнав, что произошло с Громозекой.

— Теперь куда? — спросил Герасик. Он был почти совсем раздет, босиком, еще не высох после купания в реке, но не жаловался. У него было правило: если твоему другу надо помочь, то можно забыть о холоде и голоде.

Они встали и пошли наверх, к лесу, к избушке Ведьмы. Герасик шел впереди и внимательно смотрел под ноги — он был великим мастером читать следы.

— Они его тащили, — сказал Герасик. — Видно, связали и тащили. Он сопротивлялся. Видишь, кустики травы вырваны.

— Если бы он в наше время каким-нибудь несознательным мальчишкам встретился, — сказала Алиса, — они бы от его вида просто умерли. А здесь все ко всему привыкли. Даже к тому, что из космических кораблей птенцы вылупляются.

Ей было немного стыдно, что она спутала яйцо с космическим кораблем.

— А теперь ты здесь постой, — сказал Герасик. — А я сбегаю, разведую.

— Мне страшно тебя одного отпускать.

— Наоборот, — сказал Герасик. — Ты не умеешь по лесу, как тень, скользить. Они тебя услышат. А я туда и обратно промчусь, погляжу и вернусь. Так и быстрее, и спокойнее будет. Ты пока посиди под деревом, только не вылезай наружу и не кашляй. Мало ли какая нечисть тебя унюхает. Я быстро.

И с этими словами Герасик умчался в чащу.

Алиса осталась одна. Теперь бы самое время подумать, что делать дальше. Но мысли приходили в голову совсем другие. Как там отец? А вдруг они ему не поверили и посадили в сумасшедший дом? А как там лиловый шар? Лежит, не двигается? А вдруг он уже взорвался? Давно? Например; когда была война с фашистами. Может быть, он был спрятан где-нибудь в

Германии, потом взорвался? А в тот момент рядом Гитлер проходил. А потом и на гитлеровских друзей и соратников зараза распространилась. А потом на всех эсэсовцев и всю его армию.

— Алисочка, — послышался сверху знакомый, глухой бас. Ты меня ищешь?

Алиса так устала, что не смогла испугаться, когда подняла голову и увидела, что над ней покачиваются головы шестиглавого дракона, дяди Змея Гордыныча, который живет в заповеднике сказок.

— Здравствуйте, Долгожеватель, — сказала Алиса. — Нет, я не вас ищу, а злодеев.

— Значит, не меня. А жалко.

— Почему жалко?

— Ты же обещала мне привезти из будущего портрет моей внучатой племянницы Лох-Несси, которая обитает в Шотландии.

— Ах, извините, — сказала Алиса. — Но оказалось, что ваша внучатая племянница наотрез отказывается фотографироваться. Уже много лет люди стараются ее сфотографировать. А она, как завидит фотоаппарат, сразу ныряет в воду.

— Узнаю мою племянницу, — сказал дракон. — Она всегда была очень стеснительной. Ну, что же тебя сюда привело, Алиса? Чем могу быть тебе полезен? Может, надо кого растерзать?

— Скажи, дракоша, — спросила Алиса, — ты не видел, чтобы с неба падали какие-нибудь звезды?

— Когда?

— В последние дни.

— Как назло, в последние дни, моя девочка, небо было затянуто облаками. Даже ночью. И хоть я по старости лет почти не сплю и люблю глазеть на звезды, ни одной звезды я не видел.

— Жалко. Никто не видел. А она должна была упасть!

— А что, в ваши времена звезды уже не падают?

— Это особенная звезда.

Тут Алиса увидела, что из леса бежит Герасик.

Завидев Алису, над которой навис громадный дракон, мальчик отважно подхватил с земли камень и пошел к дракону, намереваясь запустить в чудовище этим камнем.

— Ну-ну, — сказал дракон. — Попрошу без баловства. В меня один человеческий мальчишка лет сто назад кинул камнем, до сих пор шрам под глазом на самой правой голове.

— Нет, на левой; — сказала самая левая голова, которая, видно, очень завидовала самой правой. — Можешь потрогать.

— Герасик, не надо! — крикнула Алиса. — Это мой знакомый дракон.

— Они все такие. Сначала знакомые, а потом кусаются, — сказал Герасик. Но все-таки опустил камень.

— Ну что там? — спросила Алиса.

— Ничего особенного, — сказал Герасик. Твой Громозека сидит запертый в избушке — скрутили его.

— Ему больно?

— Не очень. Он в кости играет с Людоедом. И ругается. Только не по-нашему.

— А что они хотят с ним сделать?

— Мне они не рассказали. Может, к ужину его приготовят. Я думаю, все будет зависеть от того, насколько они будут голодными. Если не голодными, то и до утра оставят. На завтрак. Так что у нас время есть.

— Тогда побежали к волшебнику Ооху. Он, наверное, знает, где опустился этот проклятый корабль.

— Не добежим, — сказал Герасик. — Далеко. Что-нибудь изобрести надо. Я вот думаю, если взять бычий пузырь, подержать его над костром, чтобы дыму побольше набралось, он ведь вверх полетит?

— Герасик, немедленно прекрати изобретать воздушный транспорт! — сказала Алиса. — Человечество для этого еще не созрело.

— Ага, — согласился Герасик, задумчиво глядя на дракона. — С бычьим пузырем я уже пробовал. Только бычий пузырь маленький, человека не поднимет. А что, если...

— Почему ты на меня смотришь? — спросил дракон.

— А у драконов, — продолжал Герасик, будто и не слышал, — у драконов пузырь должен быть великого размера. Если взять драконий пузырь да надуть его дымом...

— Алиса, хоть он и твой друг, — сказал тут дракон, — я должен его немедленно испепелить и уничтожить. Из чувства самосохранения. Драконов на свете считанные единицы, а он хочет из меня вынуть пузырь.

Дракон начал надуваться, и из ноздрей всех его голов пошел дым.

— Мальчики, мальчики! — закричала Алиса. — Перестаньте ссориться. Немедленно! Нам нужно спешить к волшебнику Ооху. От этого зависит судьба Земли. Дракоша, приляг, пожалуйста, мы влезем тебе на спину, и ты отвезешь нас к волшебнику.

— Тебя — пожалуйста, — сказал дракон. — А этого человеческого бандита, уroda, который хочет истребить драконов только для того, чтобы летать по воздуху... нет, никогда!

— Ящерица, — сказал Герасик, — ты ничего не понимаешь в изобретательстве.

— Понимаю, понимаю, — сказал дракон. — Только когда меня для этого не режут на кусочки.

— Но ведь я это так, абстрактно, — сказал Герасик. Зато когда ты вымрешь, я обязательно воспользуюсь твоим пузырем.

— Герасик, я тебе складной воздушный шар пришлю, шелковый, — сказала Алиса. — Только забудь на время о своих идеях.

— Что за времена, что за нравы! — вздохнул дракон, но так как он был, в сущности, незлым животным, то прилег на землю, чтобы людишки могли взобраться ему на спину.

Спина была неровной, в острых пластинах, скользких и давно не мытых. Пришлось сесть верхом на гребень, держась за шип и облачиваясь на другой, словно между двумя горбами каменного верблюда. Дракон поднялся и спросил, обернув одну из голов:

— Устроились?

— Спасибо, удобно.

— Подушек не держим, — сказал дракон. — Так что терпите. И вообще мы не верховые.

— Надо подумать, — сказал Герасик. — Может, и приручим. Если не вымрешь.

— Я тебе приручу! — рявкнул дракон. — С ним по-человечески, а он...

— Я по-человечески.

— Вот именно, — сказал дракон, пускаясь в путь. — Нет, не жить нам с людьми бок о бок. Очень уж они эгоисты.

Дракон трусил по берегу, Алисе сверху было видно, как его чешуйчатая лапища выдвигается вперед, когти вдавливаются в траву. Спина чуть покачивалась, как палуба корабля. Алиса поняла, что она голодна — сейчас бы даже супа съела.

— Кстати, — сказал вдруг дракон, — у меня такое впечатление, что волшебник Оох улетел в Аравию по делам.

— Что же ты раньше не сказал! — воскликнула Алиса. — Ты уверен?

— Я вчера встретил богатыря Силу Пудовича, он мне сказал, что Оох нанял его сторожить замок, пока будет в отлучке.

— Тогда иди скорей! Может, он еще не уехал!

Дракон покачал одной из голов:

— Бегать, — сказала эта голова, — мы не любим.

— Я думаю, — сказал Герасик, — что когда мы приручим драконов для верховой езды и перевозки всяких тяжестей, то надо будет сделать острые крюки, чтобы колоть их в спину. И если как следует колоть, то драконы будут бегать.

— Все, — взревел дракон, — терпения моего больше нет. Слезайте. И ты, убийца и угнетатель, и ты, его подруга. Лучше я обойдусь без фотографии моей внучатой племянницы Несси, но останусь свободным волшебным животным.

Дракон опустил на живот и, наверное, закинул бы пассажиров в кусты, если бы Алиса вдруг не закричала:

— Смотри! Они летят!

Дракон вскинул все головы.

Через небо протянулась горящая полоса. Она протянулась за ослепительной звездой, которая неслась прямо на Алису. Даже дракон, известный своим бесстрашием, спрятал головы под мышки, и те толкались там, стараясь скрыться от ужасного зрелища. Звезда превратилась в раскаленный шар и исчезла за вершинами деревьев. И только через несколько секунд на Алису обрушился грохот, будто кто-то начал молотить по натянутой громадной простыне, и ветер, налетевший от леса, заставил склониться вершины деревьев, ударил по дракону так, что его повалило на бок, а Алиса и Герасик покатались по траве в волне обломанных сучьев, листвы и орехов.

Алиса перевела дух, поднялась. Дракон все еще лежал. Герасик сел, поглядел на Алису:

— Это и есть твоя звезда? — спросил он.

— Да. Вряд ли что еще.

— Ну и звезда... Боюсь, что в небе такая дырка получилась, страшно подумать.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Пускай будет дырка. Сквозь нее они и улетят дальше.

— Это идея! — воскликнул Герасик, вскакивая. — Конечно же, теперь я погляжу ночью в дырку и узнаю, что же за небом. Я всегда этим интересовался.

— Дракон, вставай, поехали, — сказала Алиса. — Они за лесом.

— И не подумаю, — сказал Дракон Долгожеватель. — Один хочет мой пузырь вынуть, другой гонит меня в самое пекло. Живите как хотите, а я отдохну. Мне ваши человеческие развлечения ни к чему. Дайте мне мирно дожить в сказочной эпохе.

— Побежали без него, — сказал Герасик. — Эта ящерица-переросток труслива, как червяк.

— Я тебе покажу червяка! — рявкнул дракон, но не встал с земли.

17. Корабль с Бродяги

Корабль, на этот раз настоящий, оказался тоже похож на яйцо. Только срезанное сверху и снизу. К счастью, он упал на открытое место, где за лесом начиналась болотистая пустошь, покрытая камнями и поросшая мхом. Пустошь тянулась до самого горизонта и скрывалась в тумане.

— Опять ждать будем? — тихо спросил Герасик, когда они остановились за большим камнем шагах в ста от корабля.

— Конечно, они же сейчас выйдут.

— Жалко, Дурынды нет, — сказал Герасик. — Улетела, бедная, струсила. А то бы мы узнали, скоро ли он будет вылупляться.

— Да я же тебе говорю — там нет птенца, там космические пришельцы.

— Конечно, — согласился Герасик. — Ты уже в прошлый раз это говорила.

— Но там оказалось яйцо!

— Вот именно, — сказал Герасик.

— А сейчас — космический корабль.

— Я про то и говорю, — ответил Герасик, и Алиса поняла, что ни в чем не убедила первобытного мальчика.

Их разговор прервался, потому что в борту корабля медленно открылся круглый люк. От него к земле спустился трап.

— Видишь, — прошептала Алиса, которая уж начала сомневаться.

— Вижу, — сказал Герасик удивленно. — Никогда раньше не видел, чтобы так вылуплялись.

Еще через несколько секунд в отверстии люка показался житель Бродяги, похожий на человека, только очень узкий, худой, будто сплюснутый с боков. Он был в металлическом шлеме и темно-сером скафандре, подпоясанным золотым поясом, на котором висел длинный меч. Пришелец осмотрелся, прислушался. Потом обернулся и что-то крикнул внутрь.

А сам начал спускаться по трапу, держа в руке большой пистолет. Он нервничал, вертел головой, дуло пистолета совершало округлые движения, будто пришелец ожидал нападения с любой стороны.

Но он все-таки никак не ожидал нападения оттуда, откуда оно последовало.

Со свистом и клекотом на корабль спикировала громадная птица Рокх. Она опустилась рядом с кораблем, который только-только доставал ей до брюха, и со всего маха ударила клювом по его крыше.

«Ой, — сообразила Алиса, — она же, эта птица, как и Герасик, уверена, что это ее собственное потерянное яйцо. Она хочет помочь птенцу вылезти наружу».

Металл оказался слишком крепок для клюва птицы, что привело ее в бешенство. Она принялась молотить по кораблю с удвоенной силой. Перепуганный пришелец бросился в люк, отчаянно паля в птицу из пистолета. Если птице это и было неприятно, она не подала виду. Материнский инстинкт, который требовал, чтобы она помогла птенцу, был сильнее боли. Люк захлопнулся.

Тут же из стен корабля начало выдвигаться орудие. Оно развернулось вверх.

— Птица, улетай! — крикнула Алиса.

Но как птице Рокх, привыкшей к тому, что она самое большое и сильное существо на Земле, испугаться какой-то мелкой пушки? Она ударила клювом по кораблю так, что он покачнулся и чуть не опрокинулся. Из пушки вылетел белый столб огня. Птица содрогнулась

и рухнула вниз, на секунду скрыв своими крыльями космический корабль.

Она казалась большим рваным одеялом. Громадный желтый клюв приоткрылся и с треском защелкнулся. Птица погибла.

— Как же они ее! — прошептал в ужасе Герасик. — Такую редкую птицу!

— Теперь ты понимаешь, как они опасны, — сказала Алиса. — Тут никакой волшебник не поможет.

— А что же делать?

— Они улетят. Они скоро улетят, — сказала Алиса. — Надо только сделать так, чтобы они не успели навредить ни сегодня, ни в будущем.

Пришелец снова выглянул наружу. Выстрелил из пистолета в голову птице, опасаясь, видно, что ее только ранили, а не убили. Потом спустился на землю и подошел к ней. Ударил носком сапога по кончику клюва. Желтый клюв был метра три в длину. Другие пришельцы столпились в люке и что-то кричали оттуда, смеялись. Потом из люка выбрался бандит с черным ящиком, наверное, фотоаппаратом, потому что он направил ящик на того, кто стоял рядом с птицей, и начал щелкать. Затем и остальные пришельцы выбрались наружу. Они смеялись, хлопали друг друга по плечам, а погода выстроилась возле убитой птицы и сфотографировались.

Последним из корабля вылез пришелец в золотом шлеме и черном матовом скафандре. Он подошел к остальным, и все сфотографировались в последний раз: начальник в золотом шлеме посередине, остальные шеренгой на шаг сзади.

— Слушай меня, Герасик, внимательно, — сказала Алиса. — Возможно, от тебя зависит судьба всей Земли. Эти существа притащили на Землю очень опасную вещь, отраву, хуже, чем мухомор, которой можно отравить всех жителей нашей планеты. Они сейчас будут осматривать нашу Землю, решат вернуться на нее потом. И чтобы к их приходу все было готово, они оставят у нас лиловый шар. Мы должны увидеть, куда они его спрячут. И когда они улетят, найти этот шар.

— А когда они этот шар спрячут?

— Этого я не знаю. Мне очень хочется, чтобы они это сделали сразу. Потому что, чем скорее мы его найдем, тем лучше.

— За Громозеку боишься?

— И за Громозеку тоже, — сказала Алиса.

Черная тень мелькнула над ними. К кораблю, возле которого все еще фотографировались пришельцы, подлетела Дурында. Издали она сообразила, что случилось что-то ужасное с птицей Рокх, и завопила:

— Скандал! Убийство! Бедная мать! Бедные дети!

Пришелец в золотом шлеме взмахнул рукой, и по его команде остальные начали палить по птице. Они, конечно, не знали, кто она такая, и не подозревали, что в сказочные времена даже самые глупые звери могли разговаривать, правда, умнее от этого они не становились.

Ну как им сообразить, кто из жителей планеты Земля разумен? Птицы? Или муравьи? Ведь пришельцы привыкли сначала стрелять, а уж потом разбираться. Дурында в ужасе от выстрелов взмыла вверх.

— Разбойники! — закричала она. — Я буду жаловаться!

Белое перо полетело, кружась, на землю. Дурында скрылась в низких облаках. Пришельцы смеялись. Почему-то Алиса раньше думала, что они будут очень мрачными, суровыми существами, которые сразу начнут делать пробы воздуха и почвы, а затем начнут

закапывать лиловый шар. Ничего подобного.

Пришельцы явно не спешили: Они с удовольствием разминались у корабля, двое даже начали бороться. Другие старались вытащить из птицы Рокх перо — на память, что ли? Главному пришельцу (Алиса про себя называла его капитаном) вынесли кресло с высокой спинкой, и он уселся в него, закинув ногу за ногу.

Затем из корабля выгнали наружу трех изможденных, плохо одетых людей. Люди моргали, попав на яркий свет, жмурились, и Алиса подумала, что они долго сидели в темноте. Эти люди отличались от пришельцев с корабля. Они были пониже ростом, потоньше, и Алиса догадалась, что это — порабощенные жители Бродяги. При виде птицы Рокх пленники замерли, испугались, но воины толкали их в спины, били, гнали к капитану.

Тот рассмеялся, увидев, какими несчастными и жалкими кажутся пленники при свете дня, и махнул рукой, давая приказ.

Тут Алиса увидела, что к пленникам подошли два воина. Один из них держал в руке поднос, на котором были свалены трава, дикие яблоки, листья липы, улитки, даже вроде бы — с такого расстояния не разглядишь — камешки. Второй воин остановился, держа в руке блокнот.

— Они что, голодные? — спросил Герасик.

Начальник повысил голос, прикрикнул на дрожащих рабов, и стражи подтолкнули их поближе к подносу. Первый из пленников трясущейся рукой взял с подноса травинку и начал жевать. Он сморщился и сплюнул. Стражник тут же наотмашь ударил его по лицу.

Пленник покорно принялся дожевывать траву. Остальные внимательно глядели на него. Ждали.

— Теперь понимаешь? — спросила Алиса.

— Нет еще, — признался Герасик.

— Проще простого, — сказала Алиса. — У них приборов не хватает. Вот и привезли с собой живые лаборатории.

— Чего?

— Испытателей. Проверить, годится ли наша трава или наши плоды в пищу. Если годятся, то можно нас завоевать.

— А если не годятся?

— Тогда пленники сейчас умрут или начнут мучиться.

— Жалко их, — сказал Герасик.

— Ты только подумай, что произойдет, если они захватят власть на Земле!

Рабы покорно поедали по очереди все, что было на подносе, а пришельцы с любопытством наблюдали за ними и все время задавали вопросы. После некоторых ответов они начинали хохотать, наверное, спрашивали, вкусно ли.

Из-за кустов ивняка, росшего на холме среди болота, вышел еще один пришелец. Он нес пленникам на пробу новую добычу.

— Ой! — не смогла сдержать восклицания Алиса. Держа за ноги, пришелец нес двух толстеньких бородатых гномов.

Остальные увидели добычу пришельца и загоготали.

— Они их жевать будут, как ты думаешь? — спросил Герасик.

— Не знаю, что и делать. Я понимаю, что мы должны таиться, — сказала Алиса. — Я все понимаю. Судьба Земли и так далее. Но ведь гномам больно!

— Если сунешься, тебе еще больнее будет, — сказал мудрый Герасик. — Изобрести

что-нибудь надо.

— Ну, что тут изобретешь? — Алиса смотрела, как гномов кинули на поднос. Капитан наклонился к подносу, снял с головы гнома колпачок, покрутил, надел на указательный палец.

«Сейчас он догадается, — подумала Алиса, — что гномы разумные. Ведь только разумные существа делают себе колпаки и шляпы. И пришельцам станет стыдно».

Капитан выкинул колпачок в траву. Отдал приказание. Один из его солдат быстро кинулся в корабль.

Краем уха Алиса услышала шорох кустов, оглянулась. Герасик исчез. Испугался, что ли? Вроде бы он бесстрашный парень.

Пришелец вытащил из корабля треногу с подвешенной к ней плоской. В плоске лежало что-то белое. Он поставил треногу перед капитаном, и тот сам вытащил из-за пояса короткую трубку, поднес к белому веществу в плоске. Загорелся голубоватый огонь. Тогда один из воинов подхватил большими щипцами гнома, поднес его к огню. Алиса увидела, как гном извивается от боли. Его тоненький визг понесся над болотом. От гномовой боли склонились, зашептались травинки, а лягушки спрятались в лужи. Одна лягушка с маленькой золотой короной на голове громко заквакала, будто возмущалась.

Алиса приподнялась, чтобы броситься на помощь гномам, — а там уж будь что будет. Бывают же моменты в жизни, когда забываешь даже о своем долге, только бы спасти слабого.

Но в этот момент что-то темное просвистело в воздухе. Небольшой камень угодил прямо в нос капитану. Тот завопил и свалился с кресла в лужу.

Алиса быстро обернулась и поняла, что стрелял ее друг Герасик. Он отыскал на опушке гибкое упругое дерево, привязал к расходящимся сучьям веревку, которой был подпоясан, и натянул веревку, далеко отогнув на себя дерево. Получилась первая в мире катапульта.

— Ложись! — крикнула Алиса.

Герасик послушался ее и нырнул за кочку. И вовремя. Все пришельцы принялись палить в ту сторону. Пули летели к дереву, поднимая столбики воды и комья грязи. Закипала вода в лужах. Алиса вжалась всем телом в мокрую землю.

Гномы, пользуясь смятением, спрятались в траве. А когда стрельба прекратилась, Алиса увидела, что мимо нее, пригибаясь, трусят один за другим гномы. Лысенькие, грязные, растрепанные.

Наступила тишина. Алиса осторожно приподняла голову.

Пришельцы не осмеливались отойти далеко от корабля. Они стояли полукругом, целясь во все стороны. Капитан скрывался за спинами своих солдат, прикладывая к носу окровавленный платок. А совсем недалеко от Алисы в луже плавала вверх белым животом мертвая лягушка с золотой короной на голове.

Эх, если бы сейчас у Алисы был бы пулемет, она разогнала бы всех этих бессердечных бандитов. Конечно, отец или Громозека рассердились бы на нее за такое самоуправство. Но что будешь делать, если ты совсем одна, а перед тобой существа, которые хотят убивать и покорять других. И которые не знают, что такое жалость. А если кто-то и знает, то боится показать.

Неужели ни один волшебник не догадался, что здесь творится?

18. В погоню за шаром!

И как бы в ответ на свои мысли, Алиса увидела, что по вечернему небу медленно плывет не очень новый разноцветный ковер. Его углы чуть колыхались, и был он похож на морского ската.

Ковер-самолет! Значит, прилетел волшебник. Ага, вон там, повыше, под самыми облаками вьется ворона Дурында. Значит, она отыскала кого-то из волшебников и рассказала ему о смерти птицы Рокх.

Пришельцы не сразу заметили ковер-самолет, и только когда его тень упала на капитана, тот задрал голову, перепугался, прижался к борту корабля и завопил.

Все поглядели наверх. Сначала не поняли, что это такое. Наверное, подумали, что новая птица. А так как нервы у пришельцев пошаливали, они тут же начали палить по коврам, который дернулся несколько раз, потом заскользил вниз, к земле, стараясь избежать пуль, резко пошел, вниз и хлопнулся на кочки.

Два воина подбежали к нему и стали расстреливать ковер в упор. Потом, решив, что убили его, подняли за края и потащили к капитану.

— Жалко, они пулями все дерево испортили, — прошептал Герасик, подползая к Алисе. — Видела, как я его?

— Гномы тебе должны памятник поставить, — сказала Алиса. — А кто на ковре был?

— Разве с этими волшебниками разберешься? У них ковров много. И восточные летают, аравийские, и наши. Думаю, какой-нибудь местный.

Птица Дурында вилась под облаком, и ее крик еле слышно доносился с высоты:

— Какое преступление! На кого подняли руку...

Вдруг Алиса увидела, как тельце мертвой Царевны-лягушки поднялось над водой и поплыло по воздуху. Потом медленно опустилось на траву, в ложбину, где скрывалась Алиса.

Алиса сразу догадалась, что это волшебник в шапке-невидимке держит в руке погибшую лягушку. Поэтому она спросила:

— Вас не ранили?

— Нет, — ответил тихий значительный голос.

— Это вы, волшебник Оох? — спросила Алиса.

— Да, моя девочка, — сказал волшебник. — Ковер жалко, они его весь продырявили. А новых ковров уже не делают. Разучились. Ты из-за этих бандитов к нам приехала?

— Да, — сказала Алиса. — Вы как догадались?

Странно было разговаривать с воздухом. Ей хотелось протянуть руку, потрогать волшебника, чтобы убедиться, существует ли он на самом деле.

Волшебник Оох, старый мудрец, видно, догадался об этом, и Алиса почувствовала, как теплая сухая ладонь опустилась ей на плечо.

Над головой взвизгнула пуля. Один из пришельцев на всякий случай выстрелил в их сторону.

— Сначала, — сказал волшебник, — мне бы хотелось оживить Царевну-лягушку. Большая беда, если она погибнет. Это ведь милейшая девушка, работящая, заботливая, она должна жить. Иначе погибнет целая сказка.

Тельце лягушки приподнялось в воздухе, и Алиса услышала глубокий вздох — волшебник, вероятно, поднес лягушку ко рту и старался вдохнуть в нее жизнь. Лягушка пошевелилась, подтянула длинные ножки и уселась в воздухе прямо перед лицом Алисы. Потом поправила передними лапками корону.

— Спасибо, волшебник, — сказала она. — Так мучительно погибать!

— Прячься в воду, — сказал невидимый волшебник. — И сиди там, пока они не улетят.

— Опасно, — капризно сказала Царевна-лягушка. — Я буду сидеть в воде, и вдруг прогляжу свое счастье?

— Не беспокойся, — сказал Герасик. — В случае чего, я подрасту, тогда к тебе приду.

— А когда? — спросила Царевна-лягушка, которая, конечно же, не умела считать.

— Скоро, — сказал Герасик. — Ты же видишь, я почти вырос.

— Ладно, — согласилась лягушка. — Только не смотри на меня, я совсем не одета.

И с этими словами лягушка прыгнула с руки и исчезла в луже.

— А птицу Рокх вы не сможете оживить? — спросила Алиса.

— Дыхания всех волшебников не хватило бы, — печально сказал Оох. — Лучше расскажи, Алиса, в чем дело. Я хоть и из сказочной эпохи, но человек неглупый, недаром в народе меня любовно зовут мудрецом.

— Это правда, — согласился Герасик. — Из волшебников он получше других. Совсем не хулиганит.

Волшебник промолчал. И если он улыбнулся на эти слова Герасика, то Алиса этого не увидела.

Алиса шепотом рассказала про лиловый шар.

...— Надо быть особенно осторожными. Как только они его закопают, мне надо вернуться в будущее: Если они его разобьют здесь, то вы все погибнете... И наверное, даже будущего вовсе не будет.

— Ты ошибаешься, Алиса, — сказал волшебник. — Ведь ты родилась на свет, и целый мир в твоём времени существует. А значит, в наше время они шар не разобьют..

— И все равно, — сказала Алиса, — надо быть осторожными.

— Они изуродовали мой любимый ковер, — сказал волшебник Оох, — который мне подарил мой друг волшебник Кемаль ар-Рахим. Только потому, что я не был достаточно осторожным.

— Дайте мне шапку-невидимку, — сказала Алиса. — Я проберусь на корабль, найду там лиловый шар и унесу его.

— Ты-то будешь невидимой, — сказал волшебник. — Но шар-то останется видимым. Тогда тебя и схватят. Надо что-то еще придумать. Может, подождем, пока они лягут спать?

Незаметно солнце подобралось к горизонту. Начинались серые дождливые сумерки.

— Я знаю, что делать, — сказал Герасик. — Сам надену шапку и проберусь к ним. Потом найду этот шар, выйду к двери и кину его в болото.

— Подожди, Герасик, — сказала Алиса. — Здесь волшебник Оох. Он лучше знает, как достать шар. Он, наверное, может их заколдовать.

— Исключено, Алиса, — сказал волшебник. — Я даже тебя заколдовать не могу. Заколдовать можно только тех, кто принадлежит к эпохе легенд. Да и вообще мы, волшебники — не колдуны, мы существа солидные, и все эти колдуны, ведьмы, экстрасенсы, телепаты — для нас обыкновенное суеверие.

— А я читала...

— Погоди, я слушаю, — сказал волшебник.

— Чего?

— Слушаю, о чем это они совещаются.

— Но ведь вы их языка не знаете.

— Разве это так важно? Я любой язык понимаю. И людей, и нечисти, и зверей, и птиц — иначе какой я волшебник?

В этот момент рядом с Алисой возник старый человек в длинном синем халате, лысый и бородатый. В руке он держал маленькую, шитую бисером шапочку.

— Удивилась? — сказал он и хитро улыбнулся. Он высунул голову из-за куста, повернулся ухом к кораблю, от которого чуть слышно долетал гомон голосов, откинул длинные седые волосы, что свисали на уши, и тут же ухо его, к удивлению Алисы, начало быстро расти, пока не стало похожим на большой кочан капусты.

— Звукоуловитель, — сказал волшебник. — Понимаешь принцип?

— Понимаю, — сказала Алиса.

— Тогда слушай, я буду сейчас слово за словом переводить, а ты уж понимай.

Волшебник закрыл глаза, и лицо его приняло рассеянное выражение. Он начал быстро говорить, переводя речь капитана.

«Конечно, мы можем сейчас всех их истребить. — Алиса увидела, как капитан прищельцев приложил к разбитому носу платок. — Они другой участи и не заслуживают».

«Точно! Точно, мудрый капитан!» — зашумели прищельцы.

«Но чего мы этим добьемся? — спросил капитан. — Бомба у нас всего одна. Остальные эти мерзавцы приготовить не смогли. — видно, он имел в виду покоренных ученых с Бродяги. — Значит, нам ее надо использовать с максимальной пользой. Если мы ее сейчас взорвем, что будет?»

«Они перебьют друг дружку, — ответил один из прищельцев. — И в следующий виток мы прилетим сюда на пустую и чистую от всяких тварей планету».

«А если кто-то останется? За двадцать шесть тысяч лет, прежде чем наши потомки снова сюда прилетят, они снова наплодят себе подобных. Сильные выживут. И мы столкнемся с новыми врагами, почище, чем эта птица», — капитан показал на птицу Рокх.

«Так что же делать, капитан?»

«Выход один, — сказал он. — Надо надежно спрятать лиловый шар и завести в нем атомные часы. Шар расколется через двадцать шесть тысяч лет. Тогда-то они и перебьют друг друга, как раз к нашему прилету. А если за двадцать шесть тысяч лет они построят города и заводы, все это достанется нам задаром».

«Ура, наш мудрый вождь!» — закричали прищельцы.

— Все, — сказал волшебник, и ухо его стало уменьшаться.

Они замолчали.

— Теперь надо ждать, — сказала Алиса задумчиво. — Как там Громозека? Жаль, что его нет.

— Кого нет? — спросил волшебник. Его ухо медленно продолжало уменьшаться и наконец стало обыкновенным.

— Друг у нее, — сказал мальчик Герасик. — К Ведьме в лапы попал. Может, съедят его, а может, обойдется. Хотя он здоровый, страшный, похуже джинна.

— Вы мне поможете его выручить? — спросила Алиса Ооха.

— Чтобы я общался с Ведьмой? Никогда, — гордо ответил волшебник. — Я с ней триста лет не разговариваю.

— Но нашему другу грозит опасность.

— Прости, это не моя специальность.

— Они всегда так, — сказал Герасик. — Ограниченные, можно сказать, ненастоящие.

— Почему это мы ненастоящие? — спросил строго волшебник.

— Как будто заколдованные. Любой человек на твоём месте побежал бы помочь.

— Я не человек, это правильно, — согласился волшебник. — Если в пределах моей специальности, я с удовольствием помогу. А где нельзя, там нельзя.

Алиса не отрываясь глядела на люк корабля. Сейчас там покажется пришелец с лиловым шаром. Они закопают его и улетят. Скорей найти этот шар.

В люке появился пришелец. Алиса даже привстала, и Герасик довольно больно стукнул ее по макушке, чтобы легла обратно. Руки пришельца были пусты. Он поклонился капитану и что-то сказал ему.

— Что он говорит? — спросила Алиса у волшебника.

— Одну минутку, — сказал тот, и его ухо снова начало увеличиваться.

— Эх, — махнула рукой Алиса, — поздно. Они уже договорились. Но до чего?

Капитан поднялся с кресла, и по его приказу усталые и перепуганные пленники, один из которых держался за живот, подняли кресло и унесли в корабль. Ковер-самолет остался лежать у корабля.

Остальные также собирались к кораблю. В вечернем свете они казались черными тенями. Каждый что-то тащил внутрь. Двое секирами отрубали голову птице Рокх, хотели взять с собой трофеей.

— Ну, что они говорят? — спросила Алиса, глядя на громадное ухо волшебника.

— Улетают, — сказал волшебник.

— А как же шар?

— Чего не знаю, того не знаю.

— Но что они говорят?

— Капитан говорит о безопасном месте.

— А где безопасное место?

— Они лучше знают.

— Неужели вы не понимаете? — почти закричала Алиса. — Они же улетят, а мы не знаем куда.

— Мы птицу Дурынду за ними пошлем. Где она? — сказал Герасик.

— Летает где-то, — сказал волшебник.

— Она за ними не угонится, — сказала Алиса. — Мне на ковре тоже не угнаться. К тому же он простреленный.

Последние пришельцы входили в люк. Алиса приняла решение.

Она выхватила из руки волшебника шапку-невидимку и сказала быстро:

— Оох, постарайтесь меня найти. А ты, Герасик, беги к Ведьме и освободи Громозеку.

— Ты куда! — закричал волшебник, забыв, что близко пришельцы. — Тебе нельзя, ты же человек. Тебе не положено в шапке-невидимке ходить.

Он протянул костлявые руки, чтобы поймать Алису, но ведь она уже была невидима, и потому он ее не поймал. И Алиса бросилась к кораблю, чтобы успеть, пока не закроется люк.

19. Полет

Алиса успела еле-еле. Люк уже закрывался. По ту сторону стоял пришелец, который закрывал люк. Алиса так спешила, что ударилась о его локоть, ушиблась и отлетела к стене.

Пришелец охнул, оглянулся, но ничего не увидел. Он закричал, кто-то откликнулся. Но Алиса не смотрела вокруг, она постаралась спрятаться в какое-нибудь безопасное место.

Она оказалась в низком круглом помещении, из которого в разные стороны вели открытые люки, крутая лестница наверх, откуда доносился гул, будто там работала какая-то машина. Помещение было пустым и каким-то нежилым, неуютным. То ли из-за темного цвета стен и потолка, то ли из-за того, что в нем не было ни одного предмета, на котором мог бы остановиться глаз.

Алиса видела, как пришельцы быстро разносят трофеи по соседним помещениям. Трое тащили, надрываясь, голову птицы Рокх. Один из них открыл, откинул большой люк в полу, и они свалили голову туда. Потом Алиса увидела, как стоявшие у стены пленники также двинулись вперед и подошли к этому люку. Пришелец толкнул одного за другим, и они покорно свалились вниз.

Капитан корабля поднялся по лестнице наверх. Алиса подумала, остаться ли ей здесь, неподалеку от входа, или пойти за капитаном. Лучше рискнуть и подняться за капитаном. С капитанского мостика она увидит, куда они летят. Алиса бросилась по лестнице наверх и оказалась в довольно тесном и мрачном капитанском отсеке. Капитан уже сидел в кресле перед пультом, по сторонам два пилота. В отсеке стояло еще два кресла. В одном сидел солдат, другое, на счастье, оказалось пустым.

Алиса кинулась туда, упала в кресло. Видно, солдат, сидевший рядом, услышал шаги и подозрительный шум и с удивлением поглядел в ее сторону. Если солдат и заподозрил неладное, он все равно не успел ничего сказать, потому что жужжание двигателей усилилось, и корабль резко пошел наверх. Алису вдавило в кресло. Хорошо, что Алиса привыкла летать в космосе и знала, что это такое. Перегрузки длились недолго.

Капитан, включил экран. На нем была видна Земля с высоты примерно ста километров. Она медленно плыла под кораблем. Алиса тут же поняла, что они направляются к юго-востоку. Вот внизу проплыло Черное море. А Каспийское море оказалось куда больше, чем в XXI веке. Алиса его с трудом угадала. Затем под кораблем пошла пустыня. «Каракумы», — поняла Алиса.

Алиса встала позади капитана и старалась не дышать. Под кораблем потянулись горы. Минуты текли медленно, Алиса устала стоять неподвижно, она отошла назад, нечаянно натолкнулась на солдата, который тоже встал со своего кресла. Алиса о нем совсем забыла. Солдат охнул и что-то воскликнул. Капитан обернулся. Обернулись и пилоты. Солдат начал быстро говорить. Алиса метнулась в сторону. Она боялась, что пришельцы начнут обшаривать корабль. Но они, видно, никогда не слышали о шапках-невидимках и поэтому только расхохотались в ответ на жалобы солдата.

Алиса успокоилась. Снова взглянула на экран. Горы становились все выше, вершины их были покрыты снегом.

«Куда меня занесло, — подумала Алиса. — Это же Гималаи! Может быть, мы пролетим дальше и опустимся в Древней Индии? Там, по крайней мере, тепло. Ведь если мы опустимся на Гималаях, я попросту умру от холода! Ну тяни дальше, — мысленно уговаривала Алиса капитана. — Не спеши опускаться».

Надеждам ее не суждено было сбыться. Капитан отдал приказание, и корабль пошел на снижение. Алиса еле успела нырнуть в кресло.

20. В горах

Когда корабль замер, Алиса первой успела выбежать из капитанского отсека, сбежать по лестнице и встать неподалеку от люка. Так что когда капитан подошел к люку, она уже была готова выскочить наружу. Откуда-то выскочил солдат с целой охапкой меховых одежд. Капитан натянул на себя шубу, его примеру последовали пилоты. «Ох, сейчас бы схватить одну из шуб», подумала Алиса. Но неизвестно еще, станет ли шуба невидимой. Наверное, станет. Ведь ее скафандр невидим.

Алиса потянула к себе последнюю шубу, которую держал воин.

Тот удивился, но шубу не отдал, а потянул на себя. Алиса потянула сильнее. Солдат не сдавался. Тогда Алиса поняла, что побороть солдата она не сможет, а если и сможет, то наверняка будет разоблачена. Она с сожалением отпустила шубу, и солдат от неожиданности отлетел к стене.

Капитан рассердился и закричал на него. Солдат стал оправдываться, но тут открылся еще один боковой люк, и оттуда показался пришелец, который осторожно держал в руке прозрачную сумку, в которой покачивался лиловый шар. Алиса не могла оторвать от него глаз. Конечно же, она помнила, что пробралась на корабль пришельцев специально для того, чтобы найти этот шар. Но все равно появление его было таким неожиданным, словно шара в самом деле не существовало.

Но капитан и остальные пришельцы отнеслись к этому шару совершенно спокойно. Капитан потрогал шар. Проверил.

Появился еще один пришелец, он нес длинный, заостренный на конце аппарат.

Капитан оглядел всех, убедился, что все в порядке, и отдал приказание.

Солдат откинул запор люка и отодвинул его в сторону.

Морозный звездный вечер царил над площадкой, притулившейся к склону громадной, снежной горы. Ветер нес редкие снежинки, и струя его, ворвавшаяся в корабль, была такой жгучей, что солдаты буквально отшатнулись в сторону. Алисе стало страшно при мысли, что сейчас придется выходить на такой мороз. Может быть, поглядеть, где они спрячут шар, и потом вернуться на корабль? Она даже улыбнулась собственной глупости: вернее всего, корабль сразу же полетит обратно к Бродяге, и тогда ей предстоит провести остаток своей жизни жалкой пленницей на разбойничьей планете.

Капитан прикрикнул на своих подчиненных. Они нехотя двинулись наружу. Оружие они держали наготове.

Капитан сошел сразу за пришельцем, который нес сумку с лиловым шаром.

Наконец выскочила и Алиса. И вовремя, потому что оставшиеся в корабле пришельцы поспешили закрыть дверь, чтобы не выстудить корабль.

Алиса остановилась возле корабля. Как теперь идти? Она же будет оставлять следы в снегу! Значит, надо идти так, чтобы попадать в следы пришельцев. Правда, сделать это оказалось не очень легко, потому что они были вдвое выше Алисы и шагали широко. Пришлось прыгать от следа к следу. От этого Алиса даже согрелась.

Пришельцы не стали отходить далеко от корабля. Они взобрались на невысокую плоскую скалу, которая возвышалась над снегом. Капитан указал на центр скалы, и человек с длинной машиной в руках включил ее — она оказалась буром. Посыпались осколки камня. Алиса переминалась с ноги на ногу — холод проникал до костей.

В скале образовалось углубление. Тем временем другие пришельцы тащили со всех

сторон камни.

Капитан сам медленно и аккуратно положил шар в углубление, потом они начали осторожно класть сверху камни, пока не образовалась небольшая каменная пирамидка.

«Что ж, они не дураки, — подумала Алиса. — Пройдут тысячелетия, многое изменится в долинах. Но здесь, на вершине мира, горы будут недвижно и безмолвно охранять тайну лилового шара...»

Капитан поглядел на пирамидку и первым поспешил обратно к кораблю. Он дрожал от холода. Остальные побежали следом за ним. Алиса тоже было поспешила к кораблю, вернее, ее ноги поспешили к кораблю, потому что ее тело хотело спрятаться в тепле. Но голова сказала ногам: терпите. Никуда ты, Алиса, отсюда не побежишь.

Один за другим пришельцы вскакивали в люк. Потом люк закрылся. Алиса осталась. «Надо терпеть, — повторяла она. Надо терпеть». Корабль вдруг покачнулся. Поднялся снежный вихрь. И, набирая высоту, корабль помчался в вечернее небо, пока не превратился в маленькую звездочку.

Сумерки на вершине Гималаев подходили к концу. Небо было зеленым там, где опустилось солнце, а с другой стороны оно стало уже темно-синим. Алиса сняла шапку-невидимку, спрятала в карман. А то еще свои же не найдут. Алиса, чтобы не заоченеть, пошла к пирамидке. Она стала оттаскивать камни. Ну почему она даже не надела перчаток! Руки тут же окоченели.

Камни были тяжелыми, Алиса задыхалась — сюда, на такую высоту, только альпинисты забираются.

Но Алиса знала, что останавливаться нельзя. Мороз только и ждет, чтобы она сдалась. Наконец показался шар. Алиса взяла его в руки. Он успел остыть. Он был тяжелым и скользким. Надо спускаться вниз. Правда, конца этим горам не видно. Руки заоченели, холод подбирается к самому сердцу. Поднялся ветер. Он стегал по лицу снегом.

Алисе очень хотелось сесть на снег и немножко поспать. Она понимала, что делать этого ни в коем случае нельзя, но ведь на минутку-то можно? Она присела...

И тут услышала как сквозь сон, что неподалеку кто-то развел костер. Потрескивают дрова, пахнет дымком. Алиса понимала, что это сон, но сон был приятным.

— Так нельзя, — донесся издали голос. — Так и замерзнуть можно.

Сильные руки подняли ее.

Алиса с трудом раскрыла глаза. Нет, это был не сон. Ее держал на руках молодой человек с короткой русой бородой, одетый в овчинный тулуп и высокую меховую шапку. На ногах валенки.

А за его спиной на снегу спокойно стояла самая обыкновенная русская печь с трубой. Из трубы валил дым. Молодой человек посадил Алису на печь, открыл дверцу, взял пару полешек, положил в печь, пламя загудело веселее. Потом он взобрался на печку и сказал:

— Поехали домой, старая!

Печка качнулась, приподнялась и медленно поплыла над снегом, направляясь вниз по склону.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Еще немного, и я замерзла бы.

— Это точно, — сказал молодой человек. — От смерти тебя отделяли минуты. Тебя забыли или нарочно бросили?

— Я сама.

— Не захотела, значит. А я гляжу — что-то с неба опустилось. Ну, решил, это от Мороза

Тимофеевича за мной. Затаился. А потом гляжу — улетает. Поехал посмотреть. А тут ты сидишь, замерзаешь.

— Я знаю, кто вы такой! — закричала Алиса. — Вы Иванушка-дурачок, который на печи ездил и на принцессе женился. Я про вас в детстве читала.

— Зови меня просто Ваней, — ответил молодой человек. Все ты правильно угадала, только про принцессу ошиблась.

Печка тем временем спустилась по склону в неширокую долину и остановилась возле входа в пещеру.

— Пригнись, — сказал Ваня. Печка въехала внутрь пещеры и затормозила у стены большого зала. Дрова в ней загорелись сильнее и осветили небогатую обстановку зала. Там стоял стол, скамейки, полки с утварью, на полу шкуры. На шкурах сидели два мальчика, которые с удивлением уставились на Алису. Красивая молодая женщина в длинном, отделанном мехом и позументом голубом платье вышла из темноты и сказала:

— Добро пожаловать, девочка. Не от моего ли дедушки весточку принесла?

— Я вашего дедушку не знаю, — сказала Алиса. — Я не сказочная, я из будущего. А вы принцесса?

— Сказано тебе, принцесс не держим, — ответил Ваня, спрыгивая с печки.

— Жена моя, Снегурочка.

— Очень приятно познакомиться. Я встречалась с вашей сестрой. В холодильнике, — ответила Алиса, зная, что ей надо слезть с печки. Но глаза сами закрылись, тепло сморило ее, и она не заметила, как заснула.

21. Как отделаться от шара

Когда Алиса открыла глаза, ей сначала показалось, что она дома и что пора идти в школу. Но тут же она услышала, как булькает каша в горшке на печи, детский смех и звон ложек. Снегурочка накрывала на стол.

— Доброе утро! — сказала Алиса.

— Проснулась? — спросила Снегурочка. — Позавтракай с нами.

Снегурочка поставила перед Алисой горшок с кашей.

— У нас небогато, — сказала она. — Ты уж не обижайся.

— Спасибо, — сказала Алиса. — А вы уже поели?

— Ребятишки поели, а я горячего не употребляю.

— А почему вы здесь живете? — спросила Алиса.

— Из-за любви, — ответила Снегурочка. — Иванушка как встретил меня, так полюбил, даже принцессу не стал искать. Но мой дедушка Мороз Тимофеевич очень возражал против нашей любви. Тем более весна надвигалась, пора было нам уходить, чтобы не растаять. Тогда Иванушка посадил меня на самоходную печку и повез сюда, на Гималайские горы. Здесь никогда тепло не бывает. И дедушка до нас со своим гневом не доберется.

— Хотите, я с вашим дедушкой поговорю? Он ко мне хорошо относится.

— Не надо. Мы живем тихо, никому не мешаем. А дедушке только расстройство.

— Скучно, наверное, — сказала Алиса.

— Что значит скучно? — ответила вопросом Снегурочка. Она села за стол рядом с Алисой, подперлась прекрасной белой ручкой и улыбнулась алыми губами. — Ради меня Иванушка от всего отказался, хоть и не сознается, а очень тоскует по лесу и речкам. А ведь

не кинет меня. Счастливы мы с ним. И ребяташки у нас растут, хозяйство, хоть небольшое, но забот много. Ему на охоту надо ходить, да еще вниз, в долину, за дровами и овощами для детей. Скучать некогда... А теперь ты расскажи, почему тебя в горах бросили? Кому ты не угодила?

— У меня было очень важное дело... — начала Алиса и спохватилась: где лиловый шар? Она начала шарить руками вокруг, потом вскочила, кинулась к печке. — Тут был шар, — говорила она. — Вы его не брали?

— Нам чужого не нужно, — ответила Снегурочка. — Может, ребяташки взяли поиграть? У них игрушек мало, вот и берут. Да не бойся, поиграют, отдадут.

— Это очень опасно! — воскликнула Алиса и бросилась из пещеры.

Ярко сверкал снег, на темном небе светило солнце. По снегу, неподалеку от пещеры, бегали дети Снегурочки и играли в футбол лиловым шаром.

— Отдайте немедленно! — закричала Алиса, ежась от холода.

Мальчики засмеялись. Когда Алиса подбежала к ним, они стали перекидывать мяч, чтобы она его не схватила. Алиса с ужасом представляла себе, как шар упадет, ударится об камень и разобьется.

Навстречу ей поднимался по склону Иванушка. Он нес на плече большое бревно.

— Остановите! — кричала Алиса. — Это опасно!

— Ничего, — улыбнулся Иванушка, — они у меня шустрые, не разобьются.

— Вы ничего не понимаете, — у Алисы слезы брызнули из глаз. — Вы ничего не понимаете!

Слезы застилали глаза, поэтому Алисе сначала показалось, что в глаз попала соринка.

Но это была не соринка — в синем небе возникла черная точка, которая постепенно приближалась. И еще через минуту уже можно было различить ковер-самолет, который летел неровно, проваливался в воздушные ямы. На нем тесной кучкой сидели друзья Алисы.

— Волшебник! — закричала Алиса. — Скорее!

Иванушка тоже увидел гостей.

— За тобой, говоришь? — спросил он. — А то, если от Мороза Тимофеевича, придется мне бежать.

— Не бойтесь, им до вас дела нет, — сказала Алиса, подбегая к приземлившемуся ковру.

Громозека выпрямился на своих слоновьих лапах и тут же увидел лиловый шар в руках у мальчика.

— Алиса, — сказал он укоризненно. — Я же тебя предупреждал, с шаром играть нельзя. Ну, как тебе можно было доверить ответственное дело!

Он требовательно протянул вперед щупальце, и перепуганный мальчик тут же отдал ему шар. Громозека сунул шар в карман.

— Сколько всего навидался, — сказал дрогнувшим голосом Иванушка, — но такого страшилища еще не встречал.

Он положил бревно на снег и обнял своих сынишек.

— Не бойтесь, — сказала Алиса, хоть и была обижена на Громозеку: можно подумать, это он рисковал жизнью в горах, доставая шар. — Они все мои друзья.

— Друзья, говоришь? Тогда пускай заходят в дом. Мы гостям всегда рады, — сказал Иванушка.

Через три минуты основательно продрогшие путешественники оказались в пещере.

Ворона Дурында залезла на печку и громко кричала, что у нее начинается бронхит.

У Иванушки и Снегурочки припасов было в обрез, так что волшебник Оох велел Снегурочке принести тарелки и ложки, а он уж обеспечит остальное. Можно себе представить, какие кушанья оказались на столе в пещере!

Герасик, конечно, принялся за еду так, что за ушами трещало. Мальчишки от него не отставали.

Но Громозека, который обычно отличался хорошим аппетитом, на этот раз ничего не ел. Он думал.

— Главное, — сказал он, наконец, — то, о чем мы в суматохе не догадались.

— Что? — спросила Алиса.

— Как же нам от него избавиться?

— Мы возьмем шар с собой, — сказала Алиса. — И папа его обезвредит.

— Чепуха, — ответил Громозека. — Шар может взорваться в любой момент. Там, в далеком будущем.

— Может, закопать... — сказала Алиса и осеклась. Как его закопаешь? Он же все равно взорвется, и вирусы вылезут наружу.

— А если его выкинуть? — спросил волшебник Оох.

— Куда выкинуть? — не понял Громозека.

— На Луну, — сказал Оох, улыбаясь в бороду.

— Только абсолютной неграмотностью можно объяснить такое предложение, — вздохнул Громозека. — Вы не представляете, сколько километров до Луны.

— К тому же ваш шар ударится о небо и упадет обратно, — сказал Герасик.

— Расстояние — не проблема, — сказал волшебник. — Я как-то пробовал закинуть туда одного джинна. Почти докинул. А ведь ваш шарик полегче будет.

— Докинет! — закричала в печи Дурында. — Он же не силой, а колдовством кидает.

— Ну знаете... — Громозека развел щупальцами во все стороны. — Мне эти сказки немного надоели.

— Если Оох сказал, значит, может, — ответила Алиса. Она-то верила в сказки.

Поблагодарив хозяйку, они вышли наружу.

— А где Луна? — спросил Герасик. — Не вижу Луны. Надо ночи ждать.

— Это несущественно, — ответил волшебник. — Пока шар долетит, Луна придет в расчетную точку.

Алиса с удивлением глядела на волшебника. Он явно знал больше, чем положено обыкновенному волшебнику.

Волшебник взял шар, закатал рукав синего, расшитого звездами халата и замахнулся было старческой тонкой рукой, но тут его остановил крик Алисы:

— Там же люди! Там колонии, экспедиции, Луноград.

— Не бойся, — ответил Громозека. — Там все в скафандрах.

— А если случайно вирус проникнет в город?

— Решайте, — произнес волшебник, хлюпнув носом, — а то у меня насморк начинается.

— Не знаю, что и делать, — сказала Алиса.

— Вообще-то говоря, — сказал волшебник, — если посильнее замахнуться, я и дальше могу закинуть.

И прежде чем кто-нибудь успел возразить, волшебник сильно размахнулся и метнул

шар вверх. Набирая скорость, шар поднимался все выше, потом исчез из глаз, и только белый след, как от реактивного самолета, остался в синем небе.

— Что вы наделали! — ахнула Алиса.

— Ничего страшного, — ответил Оох, — ведь Солнце раскалено так, что ни один вирус там не выживет.

— Вы его закинули на Солнце?

— Есть еще порох в пороховницах, — скромно ответил волшебник.

— Что такое порох? — спросил мальчик Герасик.

— Порох, молодой человек, — сказал волшебник Оох, — еще не изобрели.

— Значит, изобрету, — сказал мальчик.

Вокруг света за три часа

Эта история началась очень мирно. Ничто не предвещало драматических событий.

В середине сентября, в четверг, сразу после школы, Алиса и ее друг Пашка Гераскин решили слетать на Волгу, в леса за городом Калязином, где, как говорили, отличные уродились рыжики. Алиса любит собирать грибы, а Пашка готов к любому приключению, лишь бы не сидеть дома.

Они взяли Пашкин флаер и не спеша полетели на северо-запад по тихой проселочной воздушной трассе. Пашке все не терпелось спуститься искать грибы, поэтому он, как увидел хороший лес, начал уверять, что, по его мнению, именно здесь растут самые лучшие рыжики. Но Алиса не сдавалась и упрямо вела машину дальше. Настоящие рыжики водятся далеко не везде.

Наконец внизу проплыли белые небоскребы Калязина, показалась река, посреди которой стояла колокольня. Когда-то, в первой половине XX века, Волгу возле Углича перегородили плотиной, вода поднялась и затопила часть старого Калязина, в том числе и собор. Так и осталась колокольня посреди реки, подобно высокой острой скале.

Еще через несколько минут флаер опустился на берегу небольшой речки. Было тихо, солнце еще грело, но от реки тянуло холодком. Деревья уже начали облетать, хоть трава еще была зеленая.

Алиса взяла корзину, а Пашка пошел рядом, рассуждая о том, что давно пора изобрести грибоискатель, и даже придумал принцип его работы — по запаху. Для того чтобы доказать, что грибоискатель придумать нетрудно, он срывал поганки и сыроежки, нюхал и что-то диктовал на свой очень тяжелый браслет, в котором объединены телевизор, диктофон и секундомер, не говоря уж о термометре и барометре.

Пашка мешал Алисе своей болтовней, потому что грибы требуют тишины и сосредоточенности, и она велела ему отойти. Тогда он заявил, что скоро начнется футбол и он будет смотреть его, поэтому выйдет сейчас к речке, по ней вернется к флаеру и там дождется Алису. Алиса согласилась.

Пашка побежал направо, забыв о грибах, а Алиса почти тут же увидела в траве небольшую розовую, темнеющую к центру шляпку — рыжик. За ним второй, третий... Но через минуту ее занятие было прервано отчаянным воплем Пашки:

— Алиса-а-а! Сюда!

Он кричал так, словно на него напал медведь. Алиса бросилась в ту сторону.

Метров через двести деревья расступились, показалась поляна, за ней текла речка.

Пашка прыгал по краю поляны, размахивая руками.

— Что с тобой?

— А ты посмотри!

И тут Алиса увидела, что Пашка суетится возле недавно погашенного костра, а дальше на траве валяются консервные банки, пластиковые пакеты, скомканная бумага и другой мусор.

Такого Алиса за свою жизнь еще не видела.

Она знала, конечно, что когда-то встречались люди, которые засоряли леса, жгли деревья, портили реки, и из-за этого потом пришлось потратить громадные средства и усилия, чтобы сейчас привести Землю в порядок. Но эти грустные события давно уже ушли в

историю. На всей Земле не нашлось бы человека, который мог не убрать за собой мусор в лесу, разорить муравейник или убить лягушку. Все с грудного возраста понимали, что Земля — это наш дом и наша кормилица. И портить ее хуже, чем обидеть маленького ребенка.

Но вот, оказывается, нашелся такой человек.

— Этого не может быть, — произнесла Алиса.

— Вот я и кричу, — ответил Пашка.

Алиса оглянулась. Может, этот человек просто отошел и по рассеянности забыл за собой убрать? Но тут же она поняла, что пытается себя утешить. Мусор был мокрый, а дождь шел только утром, к тому же на банках и бумажках валялись иглы и бурые листья — они насыпались не только что.

А Пашка, словно угадав мысли Алисы, показал на примятую под деревом траву и углубления от креплений — тут была надувная плащ-палатка, в которой этот негодяй ночевал.

— Ну что, уберем, а потом сообщим лесному патрулю? — спросил Пашка.

— погоди, — возразила Алиса. — Это ужасное преступление. Если узнает лесной патруль, он будет беспощаден.

— А что будет?

— С ним никто здороваться не станет, — предположила Алиса. — Его жена уйдет, его дети возьмут себе другую фамилию, никто не захочет с ним рядом работать.

— Да, тяжелый случай, — сказал Пашка. — Давай тогда сами быстренько уберем — пускай живет.

— А он и дальше будет гадить? Если человек начал совершать преступления, его трудно остановить, пока он убежден в своей безнаказанности. Я читала об этом. Представляешь, среди нас будет ходить такой тип и еще ухмыляться.

— Ну что же тогда делать?

— Я знаю, — сказала Алиса. — Мы заставим его самого все убрать.

— Правильно! — обрадовался Пашка. — И пусть он знает, что только наше чрезвычайное благородство и доброта его спасли. Ему от возмездия никогда не уйти.

Все было замечательно. Решение принято.

— Постой, — сказала Алиса. — А где он?

— Он? — удивился Пашка. — Он трепещет перед неминуемым наказанием. Он прячет свое жирное тело в утесах.

— Прости, а в каких конкретно утесах?

— Не знаю.

— А как мы его найдем и заставим за собой убрать?

— Не подумал, — сказал Пашка. — Из головы вылетело. А в самом деле, как?

Алиса опустила на корточки, разглядывая мусор. Вся их затея висела на волоске. Если не найти преступника, то как его наказать? Эту проблему еще никто и никогда не смог решить.

Алиса взяла консервную банку. Надпись на ней была английская. «Бифштекс с жареной картошкой. Саморазогревающийся. Чуть недожаренный. Сделано в Дарвине».

— Вот так, — сказала Алиса. — Уже что-то.

— Дарвин, — произнес Пашка. — Это, наверное, в Англии. Я думаю, что это город, в котором родился Чарльз Дарвин.

Он тоже присел рядом и начал разглядывать пластиковый мешок, на котором был

изображен красивый город на фоне невысоких гор. Маленькими буквами под картинкой было написано: «Веллингтон».

— Ну, что я говорил! — обрадовался Пашка. — Веллингтон. Это английский маршал, он победил Наполеона. А в этом городе он родился. Надо лететь в Англию и выяснять, кто там любит рыжики.

— Павел, — сказала Алиса. — Ты как доктор Паганель, который завел своих друзей в другую часть света, потому что был слишком ученым.

— А что? — насторожился Пашка, который Жюль Верн знал наизусть и сразу понял, что сплеховал. — Разве Дарвин родился в Америке?

— Вернешься в школу, — строго сказала Алиса, — добровольно пойдешь к географу и попросишь, чтобы он тебе поставил незачет за первое полугодие. В прошлом году мы проходили Австралию. Там есть город Дарвин. Веллингтон находится в Новой Зеландии.

— Я и говорю, — ничуть не смутился Пашка. — Но тем не менее Веллингтон победил Наполеона при Ватерлоо. А ты об этом и не подозревала.

И Алисе ничего не оставалось, как улыбнуться и продолжить поиски.

Она теперь знала, что преступник прилетел сюда из Австралии или Новой Зеландии. Вряд ли он специально слетал туда за пакетом и консервными банками. Кстати, остальные банки тоже были австралийскими и новозеландскими. Но все-таки этого было мало, чтобы его найти. Двадцать миллионов австралийцев и пять миллионов новозеландцев ни в чем не виноваты и никогда не были в лесу под Калязином.

Так как больше ничего найти на том месте не удалось, Алиса пошла вниз, к реке. Там она увидела еще следы варварства. Тот человек ловил там рыбу, чистил грибы и не только за собой не прибрал, но и оставил у воды грязную тарелку. И тарелка послужила последней уликой. На ее бортике была отгиснута в обрамлении волн и ветвей английская надпись: «Подводная база Морсби. Новозеландский океанографический центр».

С тарелкой в руке Алиса поднялась вверх, где Пашка смотрел футбол на миниатюрном телеэкране своего браслета, и сказала:

— Паш, ты тут пока посиди, а я летаю в Новую Зеландию.

Алиса показала ему тарелку.

— Ясно, — сказал Пашка. — Я с тобой. Как только кончится футбол, сразу полетим.

— Нет, — ответила Алиса. — Я быстренько — туда и обратно. А ты оставайся здесь, потому что может прилететь лесной патруль, а они ничего не знают. Ты им все объяснишь, скажешь, что я полетела, чтобы притащить этого негодяя сюда.

— Может, все-таки я, а? Вдруг он будет сопротивляться?

— Я там буду не одна.

— Ну, тебе виднее, — сказал Пашка. — Только я в сторонке посижу, чтобы его безобразия не видеть. А то мне захочется убрать, я не выдержу и все тебе испорчу.

Алиса за несколько минут добежала по берегу до флаера. У нее была еще идея, и ее она осуществила, когда пролетала над Калязином. Она вызвала сверху городскую гостиницу и, когда на экранчике появилось лицо дежурной, спросила:

— Простите, у вас не останавливался тут один турист из Новой Зеландии?

— Нет, — ответила дежурная. — Из Новой Зеландии у нас туристов не останавливалось. Сейчас вообще не сезон... За последние два дня прилетели только воднолыжники, а также С. Иванов, Пуркинелли и Смайлс с детьми.

— Смайлс? Очевидно, это тот, кто мне нужен.

— Он врач из Канады и проходит стажировку в нашей больнице.

— Тогда он мне не нужен.

Алиса поблагодарила дежурную и взяла курс на Москву. Она гнала изо всех сил. К счастью, аэропорт Внуково расположен по эту сторону города, так что Алиса через сорок минут уже бежала к стойке, где шла регистрация на вылет в Сидней.

Еще через двадцать минут стратолет взмыл свечой в небо, покинул земную атмосферу и по крутой дуге пошел на юго-восток. Через пятьдесят минут он опустился в Сиднее, и Алиса местным рейсом долетела до Веллингтона, откуда на таксовете добралась до подводной базы Морсби.

Такси опустилось на квадратную платформу, посреди которой возвышалось небольшое строение — сама станция лежала на морском дне, на глубине километра, а платформу с ней связывали скоростные лифты.

Алиса вбежала в строение.

Вид у нее был взъерошенный, осунувшийся, да и одета она была для осеннего леса под Калязином, а совсем не для теплого океанского климата.

Молоденькая девушка в белом купальнике при виде Алисы вскочила из-за стола.

— Что случилось? — спросила она.

— Простите, — сказала Алиса. — Я к вам на минутку. Мне только надо спросить, кто-нибудь из ваших сотрудников в последние дни улетал на север?

— Я даже и не знаю, — ответила девушка. — Хочешь воды, девочка? Или сока? У нас много сотрудников, и все летают туда-сюда.

— А кто-нибудь из них любит рыжики?

Девушка от удивления открыла рот. И если при этом учесть, что разговор шел по-английски, а Алиса не знала, как рыжики по-английски, а сказала просто «рыжие грибы», то удивление дежурной можно понять.

— Что произошло? Ты откуда прилетела?

— Из Москвы. Вернее, из леса.

— А что было в лесу?

— Я не могу сказать, — ответила Алиса. — Это слишком ужасно. Я не имею права бросать подозрение на человека, которого не знаю.

— Но на кого?

— Вы мне можете сказать, кто из ваших подводников прилетел сегодня?

— Пожалуйста.

Девушка протянула Алисе стакан сока, а сама набрала запрос на компьютере. Через несколько секунд желтая карточка лежала перед Алисой.

Она не успела взглянуть на нее, потому что в дверь влетели три человека, обвешанные камерами, осветительными приборами и штативами.

— Где? — закричал с порога первый из них.

— Вы опоздали, — ответила девушка.

— Как опоздали?

— Его уже почти загнали в сеть, но он скрылся в подводной трещине.

— И не успели сфотографировать?

— К счастью, Семен успел это сделать, — ответила девушка.

Алиса так и не поняла, о чем идет речь. Она уже снова глядела на карточку. На ней в столбик было выписано шесть имен. Она очень надеялась отыскать среди них имя Смайлса.

Но имени Смайлса там не было. Там были: Сато, Пирсон, Эминеску, Чакравартин, Поло и С. Иванов.

— Иванов! — буквально подскочила Алиса. — Вот ты мне где попался!

Она не стала ничего спрашивать у девушки. Вниз вел только один путь — лифтом.

Алиса вбежала в лифт и нажала кнопку нижнего этажа.

Лифт остановился в большом зале, перекрытом прозрачным куполом. Купол был похож на звездное небо. И Алиса не сразу поняла, что это не небо, а черная вода, в которой снуют, плавают и висят на месте светящиеся рыбы и другие морские животные.

В зале было довольно много народу. Все громко разговаривали, спорили, даже кричали. Многие разглядывали цветные фотографии.

— Простите, — спросила Алиса, подойдя к первой группе людей. — Вы не видели С. Иванова?

— Семена? — спросил седой бородач в плавках. — Минут пять назад здесь был.

Алиса кинулась к другой группе людей.

— Скажите, — спросила она у худенькой японки, — вы не видели С. Иванова?

— Конечно, видела, — ответила японка. — Он мне отдал эту фотографию. Хотите посмотреть?

Она протянула фотографию Алисе. На фотографии было изображено животное, похожее на тюленя, только с очень длинной шеей и маленькой головой. Рядом с животным плыл человек, и ясно было, что животное очень велико, метров шесть длиной, а может, и больше.

— Что это? — спросила Алиса.

— Неужели не догадалась? Это же морской змей! Мы его преследовали и выслеживали шесть месяцев. И если бы не С. Иванов с его гениальным умением фотографировать, все наше многочасовое преследование морского змея пропало бы впустую.

— Он умеет не только фотографировать, — язвительно сказала Алиса, но японка ее не поняла, она уже вновь разглядывала фотографию загадочного чудовища.

Алиса обежала весь зал, подходила ко всем, всех спрашивала о С. Иванове. Все его только что видели, но никто не знал, куда он делся.

Минут через пятнадцать, поняв, что Иванова в подводном зале нет, Алиса поднялась наверх.

— Ну что? — спросила дежурная. — Нашла, кого искала?

— Он только что был. Может, убежал?

— А кто тебе все-таки нужен?

— Мне нужен ваш гениальный фотограф С. Иванов, — сказала Алиса.

— Но он минутою назад промчался мимо меня как молния, — сказала девушка. — Вот, дал мне фотографию и исчез.

— Куда? — почти закричала Алиса.

— Он не сказал, — ответила девушка. — Но ты не расстраивайся. Может, он еще вернется. Хочешь фотографию на память? Первый морской змей!

— Спасибо, — сказала Алиса и вышла на платформу, возле которой на маслянистых ленивых волнах покачивались несколько пустых флаеров.

Алиса поглядела вверх. Ей показалось, что на фоне голубых гор Новой Зеландии она видит точку флаера. Это он!

Теперь он не скроется!

Алиса прыгнула во флаер и полетела вдогонку. Но уже через три минуты оказалось, что она гналась за альбатросом.

Так окончилась ее погоня.

Алиса не знала, что ей делать. Конечно, можно вернуться на подводную станцию и ждать, пока С. Иванов вернется обратно. Можно объявить его розыск в Веллингтоне.

Но тут Алиса взглянула на часы и поняла, что прошло уже больше двух часов, как она улетела из леса, и Пашка сидит там голодный и волнуется, куда она делась. Да и сама она устала.

«Ладно, — подумала Алиса. — Пусть Иванову будет хуже. Не надо было скрываться. Я прилечу обратно, мы уберем с Пашкой мусор, а потом расскажем обо всем лесному патрулю. Имя преступника известно. Больше ему не придется раздаривать фотографии морских змеев».

С такими мыслями Алиса добралась до аэропорта, села в первый же стратолет, который шел через Антарктиду в Африку, в Дакаре пересела на московский рейс и через три часа и десять минут после отлета из леса вернулась на поляну у речки.

Она посадила флаер там, где должен был ее ждать Пашка.

Но поляна была пуста. Больше того, Пашка, оказывается, не дождался ее и все убрал. Поляна была чиста, и лишь примятая трава там, где была палатка преступника С. Иванова, напоминала о том, что здесь произошло.

— Пашка! — закричала Алиса. — Эй, ты где?

Никто не откликнулся.

Алиса устала, даже грибы собирать не хотелось.

Тем более что ее корзины нигде не было видно. Но улетать без Пашки нельзя: у него нет флаера.

Алиса присела на траву и стала ждать. Она разглядывала фотографию морского змея.

— А вот и ты! — раздался веселый Пашкин голос.

Алиса обернулась. Пашка вышел из леса. За ним шел молодой человек с полной корзиной рыжиков в руке.

— Здравствуйте, — сказал молодой человек, — простите, что из-за меня вам пришлось потратить столько времени. — Он протянул руку и представился. — Семен Иванов.

— Ах, это вы... — произнесла Алиса, вложив в эти слова все свое возмущение.

— Да погоди ты, не сердись, — засмеялся Пашка. — Сеня так хотел рыжиков, он сам из Ленинграда, а работает на подводной станции, что взял отпуск на три дня и прилетел сюда. А тут срочный вызов со станции — нашли морского змея...

— Мы полгода за ним охотились, — перебил Пашку Иванов. — Нельзя было терять ни секунды. Я скатал палатку, прыгнул во флаер и помчался на станцию. К счастью, успел сфотографировать чудовище, прежде чем оно от нас сбежало.

— И как только смог, — сказал Пашка, — сразу на стратолет и обратно. Вы с ним, видно, совсем рядом были.

— Я вас видел, — сказал Семен. — Вы как раз из лифта выскочили и вбежали в подводный зал. А я ждал лифта, чтобы наверх подняться. Меня очень мучила совесть, но ведь я так спешил...

— Все в порядке, — сказала Алиса. — Вы мне подпишете фотографию?

И она протянула ему фотографию морского змея.

А потом, как Алиса ни отказывалась, Семен заставил ее взять корзину рыжиков. Он еще

соберет, а Алиса из-за него осталась без грибов. Пашка, конечно, поддержал Иванова.
Так что Алиса вернулась домой с грибами.

Это вам не яблочный компот!

Есть такая травка, растет на Паталипутре, в пустыне, где весна длится ровно один день. И чтобы выжить и дать потомство, травке приходится за этот день вырасти, отцвести и сбросить на землю семена. Не успеешь — налетит песчаная буря, и погибнешь, не оставив детей.

Эта травка описана открывшим ее ботаником Путейкиным во втором номере журнала «Космобиотаника» за 2076 год, а ее семена хранятся в космическом Фонде.

Аркаше Сапожкову пришла в голову идея, и потому он заказал в Фонде несколько семечек и сказал Алисе Селезневой:

— А что, если попробовать скрестить ее с клевером?

— Зачем? — спросила Алиса.

Разговор этот происходил на станции юных биологов, той самой, что на Гоголевском бульваре. Утро было морозным, февраль еще не кончился, и потому жираф Злодей гулял между елками в меховой шубе, которую ему сшила Машенька Белая.

— Реальная польза, — сказал Аркаша. — Если мы ускорим созревание клевера, скажем, в десять раз, то в десять раз больше коров сможет пастись на одном лугу.

Идея Алисе понравилась, и она согласилась помогать Аркаше, потому что работа предстояла очень сложная. Ведь хромосомы травки с Паталипутры отличаются от хромосом земного клевера.

Как-то, когда Алиса с Аркашей сидели в лаборатории, туда заглянул Пашка Гераскин. Узнав, чем занимаются его друзья, он тут же начал их укорять.

— Какой еще клевер! — восклицал он. — Приземленные вы люди. Думайте шире. А как вам нравится яблоня, которая дает урожай через три дня после того, как ее посадили в землю? А как вам нравится корабельная роца, что вырастет за неделю? А вы подумали, что и коровы могут расти как грибы...

— Все ясно, — засмеялась Алиса. — Мы вырастим за неделю из Пашки Гераскина центрального баскетбольной команды!

— Но на первой же игре он умрет от старости, — добавил Аркаша.

— С вами нельзя говорить серьезно, — обиделся Пашка.

— Никто не мешает тебе работать с нами, — сказала Алиса. — Садись к манипулятору, нам лишние руки не помешают.

— Завтра, — ответил Пашка. — Сегодня я страшно занят. Один пришелец привез с Альдебарана редчайшую серию марок. И может мне ее променять на коробку шоколадных конфет.

— Сладстена он, что ли? — спросил Аркаша.

— Нет. Эта серия сделана из шоколада. Почти весь тираж уже съеден. А он согласен менять марки на конфеты.

И с этими словами Пашка испарился.

На следующий день он не смог прийти, через день он сразу после уроков улетел на Гавайи участвовать в соревнованиях по серфингу — кататься на доске в волнах прибоя, а потом на неделю совсем пропал. Он всем рассказывал, что отыскал клад капитана Кидда. Но из проверенных источников стало известно, что Пашка попал под домашний арест — учительница Галина Сергеевна пожаловалась его отцу, что Гераскин страшно отстал по

русскому языку. Вот отец и изолировал Пашку.

Так что опыты проходили без его участия.

Алиса с Аркашей бились над этой травкой недели две. Устали так, что шатались. Тут как раз прилетел большой друг Селезневых археолог Громозека. Хотел посетить новые раскопки в Вавилоне, приглашал Алису.

— Прости, Громозека, — сказала Алиса. — Ничего не получится. Наша травка не хочет скрещиваться.

— Девочка больна, — заявил Громозека. — Ни один здоровый человек не откажется от поездки в Вавилон из-за какой-то травки.

Громозека был убежден, что археология — единственная стоящая из всех наук. А остальные не стоят внимания.

Отчаявшись, юные биологи поехали к профессору Алексееву в Институт космогенетики. Профессор был толстый, веселый, он долго читал записи опытов, поил юных биологов чаем, иногда хлопал себя ладонями по коленям и восклицал:

— Молодцы! Будущие гении. Жалко только, что необразованные.

Профессор Алексеев не удивлялся тому, что к нему пришли шестиклассники. Таких молодых ученых он встречал уже не раз. Давно известно, что интересные открытия делают не только взрослые, но и дети, потому что дети часто не догадываются, что можно делать, а что нельзя. И делают то, что противоречит законам природы. Изредка получаются сногшибательные результаты. Хотя чаще ничего не получается.

— Ничего у вас не получится, — заявил наконец профессор. — Идея неплохая, но скрестить земные растения с травкой не удастся.

— Мы все равно будем работать, — упрямо сказал Аркаша.

— Ученый должен думать, а не упрячиться, — рассердился вдруг профессор. — Не получается, ищи новый путь.

— А какой? — спросила Алиса.

— Попробуйте синтезировать гормон, который вызывает рост травки. Сможете — вводите его в растения. Только вашего оборудования для этого не хватит. Я вас познакомлю с моим аспирантом Просей. Хорошая голова, тяжелый характер. Поработаете с ним.

Профессор вызвал аспиранта со странным именем Прося, а пока они ждали аспиранта, сказал:

— Когда принимаешься за опыт, обязательно надо помнить, к чему он приведет. Наука ради науки редко бывает полезной.

— Но мы и хотим принести пользу, — сказал Аркаша. — Разве неясно? Какие стада будут пастись на наших лугах!

— Вы уверены? — улыбнулся профессор.

— Уверены.

— А скажите, откуда ваши растения будут брать питательные вещества?

— Из земли.

— Но если клевер будет вырастать за день, значит, он за день должен получить всю воду и питательные вещества, которые обычный клевер получает за лето. Откуда они возьмутся?

— Мы его будем поливать.

— Это очень красиво получается в лаборатории, — сказал профессор. — Но совсем не так — в поле. Стоит задуматься.

Тут открылась дверь, и вошел аспирант Прося.

Он был похож на большую мохнатую гусеницу в два метра ростом, которая стояла на задних ножках, а десять пар передних были прижаты к животу и в них — множество вещей: записные книжки, колбы, реторты, калькуляторы и даже бутерброды.

— Аспирант Прося, — сказал профессор, — родился на окраине нашей галактики. Расскажите ему о ваших проблемах.

Алиса поглядела на необычного аспиранта с недоверием. А тот совсем не смутился при виде гостей.

— Чепуха. Какие у вас могут быть проблемы? — сказал он глубоким басом и, повернувшись, засеменил к двери. Его длинное мохнатое тело чуть покачивалось, и он шел так быстро, что Аркаше с Алисой пришлось за ним бежать.

В лаборатории аспирант Прося залез в кресло, свернулся в нем кольцом, и его многочисленные передние ручки начали быстро шевелиться. Каждая из них занялась своим делом. А тем временем голова обернулась к Алисе, большие выпуклые янтарные глаза светились изнутри.

— Выкладывайте, комары, — сказал аспирант басом. — И побыстрее. Время не ждет.

Пока Аркаша рассказывал аспиранту об их проблеме, тот успел вымыть химическую посуду, пообедать, написать небольшую статью, разбить пробирку, собрать осколки, вымыть пол, посмотреть по видео последние космические известия — даже в глазах рябило от его движений. Казалось, что ему некогда слушать.

Но он слушал. И все понял. И сказал:

— Звоните домой, что остаетесь у меня до двенадцати часов ночи. В двенадцать катализатор будет готов.

— Меня до двенадцати не отпустят, — сказал Аркаша.

— Чепуха! Наука требует жертв, — ответил басом аспирант Прося. — Человек, который не может убедить своих родителей, что он настоящий ученый, недостойн заниматься наукой.

— А вы убедили? — спросила Алиса.

— Моя мама, — серьезно ответил Прося, у которого, как оказалось, не было чувства юмора, но было двести ценнейших научных талантов, — снесла триста двадцать икринок. И больше к ним не возвращалась. Мы воспитывались в инкубаторе.

После сложных переговоров с родителями разрешение работать до полуночи было получено, и ровно в двенадцать часов аспирант Прося сказал:

— Можете брать ваш катализатор и идти домой.

И тут же забыл о своих помощниках. Даже вроде и не слышал, как Аркаша с Алисой благодарили его. А может, все слышал, но был уже занят другой проблемой.

На следующий день Аркаша ввел катализатор в зерно пшеницы и высадил его в ящик. И случилось чудо. Алиса, которая стояла рядом с лейкой, наполненной водой с удобрениями, увидела, как из темной влажной земли показалась зеленая стрелка и потянулась вверх с такой скоростью, как жучок ползет по ветке.

Алиса хоть и ожидала увидеть нечто подобное, но так удивилась, что забыла поливать росток. Аркаша выхватил у нее лейку.

— Ты хочешь все загубить! — закричал он.

На его крик в лабораторию вбежали сестры-близняшки Маша и Наташа Белые, заглянул на шум глупый, но любопытный питекантроп Геракл, а жираф Злодей сунул голову в

открытое окно.

Через час пшеница уже была взрослой. Стебель начал колоситься.

Пашка Гераскин, который прибежал откуда-то взмыленный, сначала не поверил, что зерно посажено так недавно, а поверив, обрадовался и начал строить планы. Слушать его не стали, но и не прогнали — не чужой человек на биостанции.

Тем же вечером пшеница созрела, пожелтела, зерна ее осыпались из колоса, а экспериментаторы разошлись по домам. Алиса позвонила аспиранту Просе и сказала ему:

— Спасибо, катализатор действует.

— Чепуха, — ответил Прося басом, — пустяки.

Но видно было, что аспирант доволен.

Когда Алиса на следующее утро забежала перед школой на биостанцию, там уже был Аркаша. Расстроенный — смотреть жалко.

— Что случилось?

— Что и должно было случиться, — ответил Аркаша. — Когда за дело берутся такие недоумки, как мы.

И он показал на ящик с землей, где они вчера выращивали пшеницу. Ящик был полон пересушенной пыли, поверх нее лежал слой соломы.

Алиса поняла с первого взгляда: когда они ушли, зерна, упавшие из колоса, начали прорастать — уже не одним стеблем, а целым лесом стеблей. Но вырасти они не смогли — не хватило воды. Они высосали воду из ящика до последней микрокапли и погибли.

Алиса с Аркашей написали о своих работах небольшую статью в научный журнал. Они хотели, чтобы третьим автором был аспирант Прося, без которого они никогда бы не выделили катализатор, но аспирант сказал: «Чепуха!»

— Слушай, Прося, — сказала Алиса, которая уже привыкла к аспиранту и перестала перед ним робеть. — Пошли гулять. Ты скоро зачахнешь в своей комнате. Тебя не узнают триста твоих братьев и сестер.

— Чепуха, — сказал аспирант. — У меня же нет сестер. Из икры моей мамочки выводятся только мальчики.

И никуда, конечно, не пошел.

Алиса с Аркашей продолжали опыты. Им удалось вырастить кактус ростом с двухэтажный дом за какие-нибудь два часа, потом они начали опыты с яблоней. Яблоня выросла быстро, совсем как в сказке. И яблоки налились, покраснели и поспели за несколько минут. Одно яблоко Алиса даже успела съесть, но остальные упали на землю и тут же сгнили.

Никому не хочется трудиться зря. Поэтому Аркаша позвал на помощь ребят с технической станции. Ребята пришли, удивились на то, как растет яблоня, и сконструировали компотную машину.

Машина была простой. Представьте себе широкий и глубокий металлический желоб. Он свернут кольцом диаметром побольше метра. В него налита вода, которая в нужный момент подогревается до кипения. Желоб положили на землю и в центр образованного им круга посадили яблоневое семечко. Пока яблоня росла, вода в желобе нагревалась. И начала кипеть, как только яблоки созрели.

Тут надо было не терять ни секунды. Биологи и техники принялись трясти яблоню, и яблоки, поднимая фонтанчики горячей воды, посыпались в желоб. Машенька Белая ходила вокруг и сыпала в желоб сахар. Через несколько минут в желобе оказалось сорок литров

изумительного яблочного компота.

Все закричали «ура!» и сели пить компот. Даже если ты очень любишь компот, не так просто выпить сорок литров. Пили сами, угостили жирафа Злодея, который вежливо отказался, дали кружку питекантропу Гераклу, а компот все не кончался. И тут кто-то вспомнил, что нет Пашки Гераскина. Он так и не выходил из лаборатории.

— Пашка! — позвала Алиса Гераскина. — Ты что компот не пьешь?

— Сейчас! — откликнулся тот из лаборатории. — Некогда.

— Странно, — сказал Аркаша. — И даже подозрительно. Я не могу поверить, что наш друг откажется от компота, если он не замыслил какие-нибудь каверзы.

— Я ничего не замыслил, — откликнулся Пашка. — Может, у меня живот болит.

И голос у Пашки был такой лживый, что Алиса поднялась и поспешила в лабораторию. Аркаша за ней.

При виде друзей Пашка быстро выскочил из-за лабораторного стола, сжимая что-то в кулаке. Алиса сразу заметила, что катализатора в пробирке осталось на доньшке и манипулятор включен.

— Ты что здесь делал? — произнесла она грозно.

— Ничего интересного, — ответил Пашка, — так... наблюдал.

— Ты лжешь, бледнолицый! — возразил Аркаша. — Покажи, что у тебя в кулаке.

Ловким движением Пашка увернулся от Аркаши, прыгнул в открытое окно и бросился прочь.

Алиса кинула взгляд вокруг. На полу валялась кедровая шишка. Она подняла ее. Шишка была вылущенной — ни одного орешка.

— Аркаша! — воскликнула Алиса. — Он хочет вывести скороспелый кедр!

— Но через час такой кедр вырастет на сто метров и рухнет. Может произойти несчастье, — испугался Аркаша.

И они кинулись вслед за Пашкой.

Пашку они настигли у Арбатской площади. Он бежал по газону к стоянке флаеров.

— Стой! — закричал Аркаша на бегу. — Послушай!

Пашка увидел преследователей, которые старались отрезать его от флаера, и метнулся в сторону. Алиса прыгнула за ним и свалила его на газон. Пашка вырвался, побежал было дальше, но тут на него навалился Аркаша.

Люди на площади остановились, не понимая, что происходит. Пашка отбивался как лев, а Алисе и Аркаше бороться было нелегко — ведь в каждом литре по два компота! Правда, тут им на помощь подоспели остальные биологи, и наконец Пашка был повержен.

— Где семена? — спросила Алиса.

— Ничего не знаю, — упрямо сказал Пашка. — Не было никаких семян.

— Похвалиться захотел? — сказал Аркаша. — Я тебя знаю. А ты подумал, что через час эти кедры рухнут от старости и, может, даже на детей?

— Не рухнут, — сказал Пашка мрачно. — Вы такое дело погубили, что даже не представляете. — И он мрачно пошел прочь. Остальные за ним.

— Ты хоть скажи, зачем ты наш катализатор истратил. Чего ты хотел? — спросила Алиса.

— Я сделал открытие, а вы его сорвали.

— Какое еще открытие?

— Я хотел посадить эти семена на болоте. Кедры бы высосали всю воду из болота — и

не надо никакого осушения. Два часа — и нет болота. Это революция в ирригации.

— А почему ты нам ничего не сказал?

— А вы бы поверили? Вы бы сказали, что я хочу похвастаться перед знакомыми... Вы меня всерьез не принимаете.

— А где семена?

— Пока вам сопротивлялся, там потерял. — Пашка обернулся и показал на газон посреди площади.

Машенька Белая ахнула.

Газона не было. Всю середину Арбатской площади занимала молодая поросль кедровника.

Перепуганные прохожие разбежались с площади, флаеры поднимались повыше в небо, от движения молодых ветвей над площадью поднялся ветер.

— Их надо выполоть! — закричал Аркаша.

— Поздно.

И в самом деле — Пашка так накачал семена кедра катализатором, что росли они — метр в минуту.

Вскоре уже над площадью шумел лес, и земля начала вздрагивать.

Это могучие гибкие корни молодых кедров пробивались сквозь землю в поисках воды — воды им не хватало. Вспучилась и лопнула стенка подземного туннеля — какая-то машина еле успела выскочить оттуда. Как живые, корни рвали подземные коммуникации. Вот они разорвали водопроводную трубу, но и этого им было мало. Земля на газоне просела под тяжестью деревьев.

Со сказочной быстротой зрели орехи на ветвях, падали со стуком на землю, и на их месте появлялись новые кедры. Чтобы увидеть вершины деревьев, уже надо было задирать головы.

Когда примчались флаеры пожарной команды и ремонтные роботы, на Арбатской площади стоял густой могучий кедровый лес.

— Это что еще такое? — ошоломел спросил пожарник, увидев кучку растерянных школьников. — Откуда это? Утром не было.

— Ничего, — сказал Аркаша. — Это скоро кончится. Только надо оцепить площадь, чтобы никто не подходил близко к деревьям.

— Их рубить дня два придется, не меньше, — сказал ремонтный робот.

— Их не придется рубить, — мрачно ответила Алиса.

Со страшным скрежетом обвалился туннель, вздрогнули дома вокруг площади, зазвенели стекла в домах.

Сверху спустился флаер, и из него вышла высокая гусеница — аспирант Прося.

— Чепуха, — сказал аспирант. — Нельзя пускать детей в науку.

И тут одно из старых могучих деревьев со страшным скрежетом и треском, ломая ветви, рухнуло на землю, выбив вершиной стекла в ресторане «Прага».

И деревья принялись падать — одно за другим.

Казалось, что сотрясается вся Москва.

— Понимаешь, что ты наделал? — сказала Алиса. — Мы тебя выгоним со станции биологов.

— Меня нельзя выгнать, — ответил Пашка как ни в чем не бывало. — Уже завтра по моему методу будут осушать болота во всем мире. Это вам не яблочный компот.

Последний кедр упал на искореженную землю, и наступила тишина.

Второгодники

Сосед Алисы Всеволод Михайлович от случая к случаю работал на телестудии, где играл древних дедов или волшебных злодеев. К тому же любил давать консультации и советы. Не все они были ценными, потому что в сознании деда путалось то, что было при нем, и то, о чем он читал в исторических романах. Он жил на свете так долго, что порой ему казалось, что когда-то он даже встречался с Наполеоном. На самом деле Всеволод Михайлович родился примерно в середине двадцатого века, ему еще не было и ста пятидесяти лет.

Алиса любила к нему ходить, потому что дед за свою долгую жизнь так оброс воспоминаниями и сувенирами, как дно корабля ракушками. Часто Всеволод Михайлович рассказывал ей удивительные истории, где правда перемешивалась с вымыслом, отчего истории становились похожи на сон.

У деда было одно качество, не всегда приятное для собеседников. Ему казалось, что сто лет назад все было лучше, чем теперь.

Иногда он вдруг замирал посреди комнаты, держа на весу тяжелый комплект «Огонька» за 1979 год, и задумчиво произносил:

— Мы выходим с Андрюшей из кино. А там киоск. В нем самая вкусная вещь на свете — мороженое эскимо! Хрустит мороз. Мы стоим с Андрюшей и держим по мороженому за деревянные палочки!

— Зачем деревянные палочки? — спросила Алиса.

— От них был главный вкус. Какой вкус!

— Разве сейчас мало мороженого? — удивлялась Алиса.

— Это не мороженое. — Дед был категоричен. — Это развлечение для хлюпиков, которые поднимаются на Эверест на фуникулере. В наши дни мы шли туда пешком...

Всеволод Михайлович замолк. Потом вдруг сказал:

— Завтра у меня день рождения. Сто пятьдесят лет. Круглая дата. А кто об этом вспомнит?

За окном шел первый снег, начинался ноябрь, и Алисе стало грустно. Вот прожил человек столько лет, внуков-правнуков много, да все разъехались. Один на Венере живет, другой улетел в звездную экспедицию. Некому деду подарок принести.

— А вы не пробовали заказать эскимо на фабрике? — спросила Алиса. — Там же могут сделать все что угодно.

— Ты угадала, — сказал Всеволод Михайлович. — В прошлом году я туда поехал. Они покопались в архивах и говорят: эскимо снято с производства шестьдесят лет назад. Рецепт утерян. Можем предложить «Марсианский рассвет», «Шоколадный восторг» и еще сто названий. И кому мешали деревянные палочки?

Алиса пришла домой и задумалась.

Если эскимо нет, надо его достать. День рождения не бывает без подарка.

Алиса достала альбом со старинными монетами, вынула из него металлический рубль с памятником Юрию Долгорукому, выпущенный к Олимпиаде 1980 года, и поехала в Институт времени.

Рабочий день кончился. Роботы уже начали уборку, техники проверяли камеры для путешествий во времени, сотрудники, которые вернулись из командировок в прошлое,

сдавали находки. Только в одном зале камеру готовили к работе. Перед ней стоял средних лет человек в длинном полосатом халате и белой чалме, в руке у него был суковатый посох, через плечо висел кожаный мешок.

— Простите, — спросила Алиса, — вы уезжаете в прошлое?

— Да.

— У меня к вам небольшая просьба, — сказала Алиса, протягивая человеку рубль. — Для одного дедушки, у которого завтра день рождения, нужно привезти мороженое эскимо.

— К сожалению, — ответил человек, — я отправляюсь в Среднюю Азию в четырнадцатый век, чтобы поговорить с Ходжой Насреддином. Боюсь, что в те времена мороженое эскимо еще не делали.

Алисе стало неловко, что она задала такой глупый вопрос. Видно же, что человек едет совсем не туда.

Надо было возвращаться домой. Но Алиса — человек упрямый. Она пошла дальше. В небольшой комнате увидела камеру, возле которой никого не было. На ней надпись: «Не включать. Испытания».

Не включать — так не включать. В Институте времени посторонним вообще находиться нельзя, а к камерам подходить строжайше запрещено.

Алиса сказала сама себе: «Я пошла домой». А ноги уже несли ее в камеру. Она включила «пуск». Камера работала нормально. «В конце концов, — подумала девочка, — мне недалеко и ненадолго».

Какой код набрать? Допустим, «1986 год». И она нажала на клавиши.

Через минуту Алиса вышла из камеры, которая была спрятана в подвале старого дома в переулке у Арбата. В подвале было темно, туда редко кто заглядывал. А если бы заглянул, никогда бы не увидел камеру, искусно спрятанную за кирпичной стеной.

Алиса выбралась из подвала и побежала к Арбату. Она уже бывала в прошлом, поэтому не удивилась ни одежде людей, ни шуму.

Шел мокрый снег, дул холодный ветер. На углу Арбата, у аптеки, Алиса увидела добрую на вид бабушку.

— Простите, — спросила она, — где здесь продают мороженое эскимо?

— Не скажу, — ответила бабушка.

— Почему? — удивилась Алиса.

— Ты никогда не донесешь мороженое до дома, съешь его на улице. Тут же у тебя начнется ангина, ты ляжешь в постель и пропустишь занятия в школе. Отстанешь от своих товарищей по классу и останешься на второй год. И никто тебя не пожалеет, потому что ты сама во всем виновата.

Бабушка говорила очень строго, глаза ее за толстыми стеклами очков сверкали.

— Это не для меня, — сказала Алиса, — это для дедушки.

— Ах, ты еще и лжешь! — возмутилась бабушка. — Ни один дедушка не будет есть эскимо. Эскимо — это мороженое для прогульчиков и второгодников!

Алиса побежала прочь.

«Бабушка не представляет, — думала она, — что у нас нет ангины, свинки, коклюша и скарлатины, что я купаюсь в проруби и поднимаюсь на Эльбрус. Но ведь бабушка не поверит... И то, что на второй год у нас не оставляют, она тоже не подозревает».

Если бы Алиса знала в тот момент, как она ошибается!

Буквально через сто метров Алиса увидела нужного человека. Нужному человеку было

лет двадцать. Он медленно шагал по улице и жевал мороженое.

— Где вы его купили? — спросила Алиса.

— В такую погоду... — начал было молодой человек, но увидел отчаянные глаза Алисы и быстро ответил: — У метро. Деньги есть?

— Спасибо! — Алиса бросилась в том направлении, какое указал молодой человек.

Киоск был открыт. У стекла выставлены в ряд пачки, но Алиса не знала, какое из них — эскимо. И сколько оно стоит. Поэтому довольно робко протянула рубль в окошечко и сказала:

— Мне одно эскимо, пожалуйста.

Толстая женщина в белом халате поверх пальто открыла крышку холодильника, вынула оттуда совсем маленькую, невзрачную на вид пачку, из которой торчала плоская деревянная палочка, и начала считать сдачу. Она пододвинула мелочь Алисе, но та не уходила.

— Ты что? — спросила продавщица.

— Скажите, а у вас коробка есть? — спросила Алиса.

— Зачем коробка?

— Мне домой надо отнести, бабушке на день рождения. Я боюсь, что оно растает. Я вам все деньги оставлю. Мне не нужно.

— Нет, вы только поглядите! — громко сказала продавщица, как будто выступала перед большим залом. — Ребенок о бабушке заботится, себя без мороженого оставляет, а я должна с нее деньги за пустую коробку брать! Да за кого вы меня принимаете? Держи свои деньги, дай мне сюда свое мороженое!

Продавщица отобрала эскимо у Алисы, вытащила из-под прилавка довольно большую коробку из-под торта и положила в нее кучу дымящихся кусков сухого льда. Потом спрятала в лед целых пять пачек эскимо, закрыла коробку, завязала ее и сказала:

— Бери, вот тебе еще пачка, сама съешь. И не суй мне свои деньги. Пускай мне внук на день рождения мороженого принесет!

И как ни старалась Алиса отдать продавщице деньги, ничего из этого не вышло. Так и вернулась она в будущее, прижимая к груди холодную коробку, а в кулаке сжимая горстку мелочи.

Когда Алиса вышла из временной кабины, она очень удивилась.

В зале было человек пятьдесят. Среди них ее папа, мама, Всеволод Михайлович, врачи, ученые, техники и даже директор Института времени.

— Алиса, ты жива! — закричала мама, схватив ее в объятия.

— Осторожно! Коробку раздавишь.

— Я же говорил, что ничего не случится, — сказал директор института. Но голос его дрожал от волнения.

— Как вы успели сюда прийти? — спросила Алиса. — Меня ведь не было самое большее полчаса.

— Ты, по-моему, не умеешь читать, — сердито произнес директор института, — видишь надпись: «Не включать. Испытания».

— Я виновата, — сказала Алиса, — но мне так хотелось сделать подарок Всеволоду Михайловичу на день рождения.

И она протянула коробку. Дед открыл коробку, из нее повалил белый пар.

— Эс-ки-мо! — изумился дед. — Девочка, дорогая моя девочка... — Больше он ничего не смог выговорить от волнения.

Тут Алиса поглядела в окно и увидела, что деревья одеты в молодую листву.

— Что такое? — удивилась она.

— Сейчас май, — ответила ее мама. — И мы полгода живем в ужасе.

— Это экспериментальная машина для исследования времени. Тебе казалось, что прошло полчаса, а ты отсутствовала полгода, — объяснил директор института.

К сожалению, эта история так просто не кончилась.

На следующий день Алиса пошла в школу.

Светило солнце, пели птицы, летали майские жуки. Зацветала сирень.

В классе ее ждали. Но она ничего не успела рассказать — ее сразу же вызвал директор школы.

Директор ждал Алису в оранжерее. Сам он преподавал генетику и притом был крупным профессором по генному конструированию, так что его растительные питомцы были сами на себя не похожи.

— Алиса, — спросил директор, — знаешь ли ты, что прошло полгода с тех пор, как ты в последний раз пришла в школу?

— Мне очень трудно в это поверить, — ответила Алиса. — Но все об этом говорят.

— А знаешь ли ты, — продолжал директор, как будто не услышав ответа, — сколько всего интересного и важного узнали за это время твои товарищи по классу?

Он сорвал с куста анютиных глазок нечто похожее на огурец и протянул Алисе. Она послушно откусила от этого зеленого, которое оказалось на вкус самой обыкновенной морковкой.

— Да, — ответила Алиса, — знаю, и мне очень жалко, что я так много пропустила.

— Что же будем делать? — поинтересовался директор. — Думаю, тебе придется остаться на второй год в третьем классе. Немного отдохни от своего путешествия, почитай, позанимайся сама, а со следующего сентября пойдешь снова в третий класс.

— Нет, — сразу ответила Алиса.

— Но почему?

— Я не могу остаться без моих ребят, — сказала Алиса. — Они все мои друзья. Я догоню. В конце концов, я уже взрослый человек.

— Взрослые люди, — резонно возразил директор, — не лезят без спроса в сломанные машины времени и не сводят с ума своих родителей. Считай, что вопрос закрыт. Ты свободна, Алиса Селезнева.

Алиса послушно вышла из оранжереи и, понурив голову, побрела в класс.

— Ну что там? — спросил ее друг Пашка Гераскин. — Ругался?

— Хуже, — ответила Алиса. — Оставил на второй год.

Все ребята ахнули.

— Ни в коем случае! — сказал Пашка. — Я этого не допущу.

— Как же ты не допустишь? — спросила Машенька Белая. — Если наш директор решил... — И она, грустно вздохнув, добавила: — Но без тебя, Алиса, наш класс станет не тем.

— А я знаю, что сделаю, — сказал Аркаша Сапожников, самый умный ученик в классе.

Он включил свою пишущую машинку и начал диктовать. Все окружили Сапожникова и смотрели на лист бумаги, который медленно вылезал из машинки.

— «Заявление, — говорил Аркаша. — Директору школы. Сейчас я веду большую научную работу, и мне совершенно некогда заниматься текущими учебными делами. Очень

прошу оставить меня на второй год. С уважением Аркадий Сапожников, третий класс».

— Это что же получается! — закричал Пашка Гераскин. — Значит, Сапожников будет учиться с Алисой и дальше, а мы к ним в гости будем ходить? Где моя пишущая машинка?

Он тут же включил пишущую машинку и принялся ей диктовать.

Сестры-близнецы Маша и Наташа Белые тоже кинулись к своим пишущим машинкам, а Джавад сказал:

— Нельзя повторяться, это вызовет подозрения. Я скажу все честно.

В этот момент в класс вошла молоденькая учительница Каролина Павловна и, поздоровавшись, принялась с грустью разглядывать Алису.

Аркаша тихо подошел к столу и положил перед учительницей свое заявление.

— Ничего не понимаю, — сказала Каролина Павловна, — какую такую работу ты ведешь, которая тебе мешает учиться?

— А вот мое заявление. — Пашка Гераскин принес листок бумаги.

— «Директору школы, — прочла вслух Каролина Павловна. — Я должен признаться вам, что только сегодня понял, что весь год недостаточно вдумчиво занимался и материала за третий год совершенно не усвоил. Поэтому мне очень хочется еще раз прослушать весь курс третьего класса. Надеюсь, что мне не откажут в моей просьбе. С уважением Павел Гераскин».

— Как? — удивилась Каролина Павловна. — Значит, ты меня обманывал? А я всегда думала, что тебе интересно на моих уроках.

— Интересно, — сказал Пашка, — вот я их еще раз и прослушаю.

Заявления одно за другим ложились на учительский стол.

— Невероятно! Я сойду с ума! — воскликнула Каролина Павловна, собирая со стола листочки. — Такого не было не только в истории нашей школы, но и в истории человечества.

И с этими словами она быстро ушла из класса.

А когда шум в классе немного утих, Алису и Пашку избрали от класса разведчиками, чтобы они подкрались к оранжерее, где уже заседал учительский совет, обсуждая необычные события в третьем классе.

Когда ребята подкрались к оранжерее и спрятались за кустами, совет уже кончался. Говорил директор. Он держал в руке стопку заявлений.

— Мы воспитываем в нашей школе самостоятельных людей и всегда стараемся уважать их мнение, даже если это только первоклассники. Если сегодня по разным причинам весь третий класс хочет остаться на второй год, мы не можем подозревать, что все дети делают это из лени или нежелания трудиться. Таких в наше время почти не осталось. Следовательно, мы должны удовлетворить их просьбу. Но, с другой стороны... — Директор сделал паузу, а Пашка прошептал Алисе на ухо:

— Если он и в самом деле оставит нас всех на второй год, мои родители ужасно удивятся...

— Но, с другой стороны, — повторил директор, — я полагаю, что есть выход. Алиса, ты подслушиваешь?

— Да, — призналась Алиса, выходя из кустов.

— Подслушивать нехорошо, тем более что у нас нет секретов от учеников.

— Извините, — сказала Алиса. — Но мы переживаем.

— Передай своим товарищам, — попросил директор, чуть улыбаясь, — что мы

удовлетворили просьбу твоего класса. И весь класс оставлен на второй год. И будет в будущем году снова называться третьим классом. Но если твои товарищи помогут тебе, Алиса, наверстать то, что ты пропустила за полгода, и ты сама поработаешь летом, то первого сентября мы устроим тебе экзамен, и если ты его выдержишь, то всех переведем в четвертый класс. Тебе ясно?

— Ясно, — обрадовалась Алиса. — Спасибо.

— Ну, конечно, если Паша Гераскин чувствует, что он не справился с годовой программой, мы сделаем для него исключение и оставим его...

— Не надо, — выскочил из кустов Пашка. — Я буду заниматься вместе с Алисой.

На том и порешили.

Разумеется, третий класс не остался на второй год. Уже в конце мая Алиса догнала своих ребят. Правда, всем, и ей в первую очередь, пришлось немало потрудиться.

Это ты, Алиса?

Корабль «Пегас» летел в соседнюю Галактику. Он только вышел из суперпрыжка, как Алиса Селезнева увидела на экране корабль, который летел навстречу.

— Папа! — воскликнула Алиса. — Я этот корабль где-то видела.

— Странно, — ответил профессор Селезнев. — Здесь еще не бывал ни один земной корабль.

— Не нравится мне это, — заметил капитан Полосков. — Это хорошо не кончится.

Уже через несколько минут стало ясно, что Алиса была права. Всем им уже приходилось видеть этот корабль: на его борту была надпись «Пегас».

Скоро корабли так сблизились, что включилась видеосвязь. И на экране, перед которым стоял капитан Полосков, появилось лицо другого Полоскова. Первый Полосков так удивился, что сначала себя даже не узнал.

— Вы откуда летите? — спросил он своего двойника.

— С Земли, — ответил тот. — А вы?

И тут капитаны оба замолчали и уставились друг на друга.

— Наверное, это оптический эффект, — сказал профессор Селезнев.

— И мы видим самих себя, — продолжал его двойник с экрана. — Но почему мы тогда говорим не одновременно?

— Папа! — воскликнула Алиса. — А может, у тебя был близнец?

— А ты тогда моя близняшка, — сказала с экрана вторая Алиса.

— Приготовиться к стыковке, — сказал первый капитан Полосков.

— Подготовиться к стыковке, — отозвался эхом второй капитан.

Алиса первой подбежала к переходному люку. За ней шел Полосков, который держал в руке пистолет.

— Зачем ты так? — удивилась Алиса.

— Не исключено, что там оборотни, — ответил капитан, — космические пираты. А у меня — на борту ребенок.

В этот момент люк открылся. С той стороны люка стояла вторая Алиса, а за ее спиной второй Полосков с пистолетом.

Тут первый профессор Селезнев отобрал пистолет у первого Полоскова, а второй — у второго. Они подошли друг к другу и поздоровались.

— Папа, — хором воскликнули обе Алисы. — Скажи, что это значит?

— Вернее всего, — ответил профессор, — в этом виновато искривление пространства.

В этой точке соприкоснулись два параллельных мира. В них все одинаково... или почти все. Алиса уже все поняла и сказала своей двойняшке:

— Пошли ко мне.

— Нет, — сказала та, — пошли ко мне.

— У них даже характеры одинаковые, — засмеялись Селезневые.

Когда Алиса попала в каюту другой Алисы, она больше всего удивилась тому, что на таком же, как у нее, столике там были разложены такие же подарки для ребят из ее класса. Она подняла голубую раковину и спросила:

— Это ты для кого везешь?

— Разумеется, для Пашки Гераскина, — ответила вторая Алиса.

И девочки рассмеялись.

— Интересно, — спросила потом вторая Алиса, — у нас все точно совпадает или есть разница? Давай проверим.

И они начали исследовать оба корабля, чтобы найти разницу. В это время профессора Селезневы обсуждали проблемы изогнутости пространства, а капитаны Полосковы жаловались друг другу на непослушных Алис.

За час, пока корабли летели вместе, девочки облазили оба корабля.

И тут зазвучал сигнал компьютера. Кораблям пора было расставаться, иначе они затеряются в пространстве и никогда не вернутся домой.

— Прошу всех собраться у переходной камеры, — раздался голос профессора Селезнева.

Через минуту оба экипажа стояли там.

— Я нашла, — воскликнула Алиса, — у нас в камбузе зеленая кастрюля, а у вас синяя!

— И я нашла! — откликнулась вторая Алиса. — У нашего Полоскова усы длиннее.

— Давайте прощаться, — сказал Селезнев. — Осталось две минуты. В будущем мы наладим постоянную связь между нашими мирами. Надеюсь, никто не перепутал корабль?

Все засмеялись и стали прощаться. Было немного грустно — встретились с самими собой, а надо расставаться.

Потом люк закрылся, и Алиса вслед за старшими перешла на капитанский мостик. Они видели на экранах лица новых друзей. Потом связь прервалась, и второй «Пегас» превратился в зеленую звездочку на дисплее.

Алиса ушла к себе в каюту, чтобы записать в дневник события этого невероятного дня.

«С нами случилось удивительное приключение», — написала она и остановилась. Что-то неладно.

И тут она поняла: вся страница до последней фразы была написана черной пастой, а последняя фраза — синей.

Какой ужас! — подумала Алиса. Значит теперь она — не она, и ее папа — чужой. Она не заметила в беготне, что осталась на чужом корабле. Надо немедленно сказать... Но какое это будет горе для отца! И для капитана Полоскова! И для мамы! Нет, придется хранить тайну всю жизнь.

Тут открылась дверь, и в каюту вошел отец.

— Алиса, — сказал он, — ты не взяла случайно мою синюю ручку? А то я гляжу — у меня ручка с черной пастой. Наверное, твоя.

— Ой, моя! Как ты меня обрадовал. Значит, я — твоя дочь!

Гай-до и его госпожа

В нашей Галактике много планет, где обитают разумные существа. Большинство из них — люди. Другие — похожи на людей. Третьи — похожи на что угодно, только не на людей.

Как-то директор московского Космического зоопарка профессор Селезнев взял свою дочь Алису на конференцию космозоологов. Там собрались ученые с 342 планет.

Сам зал заседаний был устроен необычно. Амфитеатр занимали люди и подобные им создания. По крайней мере, настолько подобные, что могли сидеть в креслах или на полу.

Вместо партера был устроен бассейн, где плавали и плескались делегаты, привыкшие жить в воде. Балконы были превращены в аквариумы, и там находились делегаты, которые дышат метаном, аммиаком и другими газами. А под самым потолком реяли и порхали летающие делегаты.

Порой космозоологи отлично понимали друг друга, а иногда начинали так отчаянно спорить, что Алисе становилось страшно — а вдруг они пустят в ход все свои зубы, когти, щупальца, иглы и клювы? И начнется первая зоологическая война.

Но до войны дело не дошло.

На конференции был делегат и с планеты Вестер. Алиса его не заметила, потому что жители планеты Вестер не отличаются от землян. Только глаза у них сиреневые, а на ногах шесть пальцев.

Если бы Алиса тогда знала, какую роль сыграет планета Вестер в ее жизни, она бы, конечно, подошла к профессору с Вестера и спросила бы, не знаком ли он с изобретателем Самаоном Гаем. А профессор бы ответил, что тысячу раз видел изобретателя, так как живет в соседнем доме и может рассказать много интересного о самом Самаоне и его дочке Ирии.

...Самаон Гай жил на окраине города в отдельном обширном доме, большую часть которого занимали лаборатория и мастерская. Гай работал один. Его звали в институты, предлагали конструкторское бюро. «Нет, — отвечал он, — когда рядом со мной чужие люди, я не могу думать. — И добавлял: — Вот родится у меня сын, я выращу себе помощника, и мы вдвоем построим такой корабль, что вся Галактика ахнет».

Самаон мечтал о сыне. Он ему придумал имя Ирий, что означает «солнечный». Самаон заранее покупал сыну игрушки, инструменты и приборы, чтобы тот, как родится, сразу занялся делом. Над мастерской он построил комнату для сына, в которой все, от гимнастических снарядов до маленькой лебедки и миниатюрной штанги, сделал собственными руками.

И тут случилась неожиданность: жена Самаона родила ему дочку. Нормальную, здоровую, веселую дочку. Но дочку!

Самаон Гай решил, что жена нарочно это сделала, потому что никогда его не любила. Так он ей и сказал. Правда, после того, как два месяца вообще с ней не разговаривал.

За эти два месяца Самаон Гай решил, что еще не все потеряно. Если у него нет сына, то он сделает сына из дочери. Он назвал дочь Ирией, что значит, как вы уже догадались, «солнечная», потом отнял ее у матери и переселил в комнату над мастерской. Самаон сам растил и воспитывал дочь, никого к ней не подпуская. Он не подарил ей ни одной куклы и не разрешил дотронуться до нитки с иголкой. Он запрещал ей собирать цветы и играть с

девочками. Зато с раннего детства Ирия должна была водить автомобиль, поднимать штангу, заниматься боксом и вольной борьбой, прыгать с парашютом, считать в уме, работать с компьютером, пилить, строгать и паять. Даже в школу он ее не пускал, чтобы она не заразилась какими-нибудь женскими слабостями.

Мать Ирии редко видела свою девочку. Ей разрешалось только кормить семью, шить и стирать. Она несколько раз просила своего мужа: «Можно я рожу второго ребенка?» Но тот отвечал: «Хватит с меня одного». И нет ничего удивительного, что мать Ирии скоро умерла. И тогда уж ничего не могло остановить отца.

Ирия не подозревала, что существует другая жизнь, в которой девочки не поднимают штангу, не прыгают с крыши на землю, не водят гоночных автомобилей и не занимаются боксом. Она была уверена, что так живут все девочки Вселенной.

Понемногу отец учил Ирию и ремеслу конструктора космических кораблей. Разумеется, трудно построить в мастерской настоящий корабль — обычно Самаон Гай делал только макеты, но его макеты были настолько хороши, что многие заводы были рады заполучить макет и сделать по нему большой корабль.

Когда Ирии исполнилось десять лет, она была куда больше похожа на мальчишку, чем на девочку. Руки в мозолях, ногти обломаны, волосы подстрижены совсем коротко, движения резкие и быстрые. Самым большим удовольствием в ее жизни было взять в руку широкий загнутый нож и вырезать из дерева модель будущего корабля или игрушечный бластер. После работы она ныряла в прорубь, если дело было зимой, или плавала с аквалангом, если стояло лето.

Отец был доволен. Ирия оказалась лучше обыкновенного сына. А если добавить, что у нее была такая великолепная память, что она знала наизусть всю таблицу логарифмов и могла в две секунды извлечь корень шестой степени из десятизначного числа, выучила наизусть все учебники и бегала стометровку быстрее десяти секунд, то можно согласиться с Самаоном Гаем, что ему повезло.

В доме Самаона Гая не было радио и телевизора. Ирия даже в университет не ходила. Профессора читали ей лекции дома. Самаон выбирал самых старых профессоров, которые не думали ни о чем, кроме своей науки.

Самой заветной мечтой Самаона Гая было построить умный корабль. Нет, не робот. Кораблей-роботов, которые сами выбирают курс, сами добираются до нужной планеты, сами разгружаются и загружаются, немало летает во Вселенной. Гай хотел сделать корабль, который будет думать.

Такой корабль нужнее всего в небольшой экспедиции. Он сам привезет ученых, будет поддерживать связь с базой. Если нужно, поможет советом, если нужно, сам выполнит задание. А главное, станет разумным и добрым собеседником, преданным другом, который готов пожертвовать собой ради экипажа. Такой корабль, хоть и небольшой по размеру, должен быть самостоятельным и, кроме обыкновенных двигателей, иметь гравитационный, чтобы совершать прыжки между звездами.

Над подобной задачей давно ломали голову конструкторы. Но у них либо получалась громадина, либо маломощный планетарный катер, либо обычный корабль-робот, а уж никак не друг и собеседник.

Этот корабль Гай решил построить сам. От первого листа проекта до последней кнопки на пульте. Он ухлопал в это дело все деньги, что скопил за жизнь, вложил в работу все знания и опыт. Но все равно без сына-дочки ему бы не справиться.

Три года они трудились рука об руку. Когда Ирии исполнилось девятнадцать лет, корабль был уже почти готов. Гай с дочкой даже спали в ангаре и три года питались только бутербродами и лимонадом. Три года Ирия не знала ни одного выходного дня, она отрывалась от работы только для занятий со старыми ворчливыми профессорами.

И вдруг случилось несчастье.

Самаон Гай срочно выехал в город, чтобы получить на заводе навигационные приборы, но по дороге попал в автомобильную аварию. За те месяцы, что он не выезжал на улицу, в городе левостороннее движение сменили на правостороннее. И единственным автомобилистом, который об этом не подозревал, был изобретатель Самаон Гай. Он врезался в грузовик и погиб.

Ирия Гай осталась сиротой.

Но раз отец научил ее всегда держать себя в руках, девушка, похоронив Самаона, заперлась в ангаре, заказала себе полугодовой запас бутербродов и лимонада, разогнала старых профессоров и принялась доделывать корабль.

И в конце концов она победила. Мечта ее отца осуществилась.

Кораблик, который она назвала «Гай-до», что значит на вестерском языке «Брат Гай», взлетел над планетой.

Он был так быстр, что даже патрульному крейсеру было нелегко его догнать. Он мог пролететь половину галактики и в то же время мог опуститься, не повредив ни травинки, на полянке размером с волейбольную площадку. Но главное — он был верным и единственным другом Ирии. Они понимали друг друга с полуслова. Гай-до так хорошо знал свою хозяйку, что мог бы вместо нее ходить в библиотеку или магазин. Правда, сделать этого он не мог, потому что оставался все-таки космическим кораблем.

Геологи, археологи, палеонтологи, экологи и ботаники планеты Вестер были в восторге от кораблика и просили сделать для них еще один. Но Ирия знала, что повторить Гай-до никто никогда не сможет — в него была вложена жизнь ее отца и часть ее собственной жизни. Поэтому, чтобы никого не расстраивать отказом, Ирия сказала, что сначала потребуются летные испытания.

Летные испытания не так уж были нужны — Гай-до и без них мог делать все, что нужно. Но неожиданная шумиха вокруг кораблика очень испугала и утомила Ирию. Она поняла, что отвыкла от людей и не знает, как себя с ними вести.

Ирия загрузила корабль всем необходимым для долгого путешествия, договорилась с геологами, что обследует для них несколько планет в пустынном секторе Галактики, и улетела.

Целый год они летали от планеты к планете. Много сделали интересных открытий, много повидали, но постепенно Гай-до начал замечать, что его госпожа невесела. Как-то вечером она спросила его:

— А что дальше?

— Дальше? — удивился корабль. — Дальше мы будем лететь от звезды к звезде и обследовать планеты.

— А дальше? — спросила Ирия.

— Я тебя не понимаю, — сказал корабль. — Очевидно, со временем мы с тобой состаримся и умрем. Так бывает со всеми людьми и кораблями. Это тебя печалит?

— Нет, не это. Меня печалит, что я не понимаю, зачем мы летаем?

— Чтобы принести пользу науке, — ответил корабль. — Вспомни своего отца. Вот кем

надо гордиться. Он всю жизнь посвятил работе и в результате создал меня.

— Тебя он даже и не увидел, мою маму уморил, себя загнал до смерти, а меня изуродовал.

— Что ты говоришь, госпожа! — закричал кораблик. — Ты же самая сильная и мужественная женщина во Вселенной!

— Именно это меня и огорчает, — ответила Ирия, и кораблик ее не понял. Но замолчал, потому что когда у Ирии было плохое настроение, то и у корабля портилось настроение. К сожалению, с каждым днем это случалось все чаще.

На планете пять-четыре

Им осталось обследовать всего одну планету. И потом надо будет возвращаться домой. Но ни Ирия, ни кораблик не знали, хотят ли они этого.

В таком настроении они подлетели к последней планете. Названия у нее не было. Только номер. 456–76–54. Они могли бы сами ее назвать. Тот, кто первым обследует планету, имеет право дать ей имя. Но планета оказалась такой негостеприимной и даже некрасивой, что им и называть ее не хотелось. Между собой они называли ее Пять-четыре. А это, разумеется, не имя для настоящей планеты.

На планете извергались тысячи вулканов, а от потухших остались кратеры, порой заполненные горячей водой. Из этих озер поднимались гейзеры или пузыри газа. Порой планету сотрясали землетрясения, отчего вулканы рассыпались, а их обломки и лава покрывали долины. На планете Пять-четыре моря были набиты каменными островами и островками, которые вылезали из них, как ягоды из компота, налитого в блюде. Реки утыкались в горы, исчезали под землей и выбивались фонтанами посреди озер. Долин там не было — нельзя же считать долинами россыпи скал, гор и камней. Этот бестолковый, тоскливый мир освещали четыре небольших красных солнца, так что там не было ночи, но и никогда не было светло. Тени от скал и гор метались по камням и лужам в зависимости от того, какое солнце светило сильнее. Живых существ на планете было мало, а те, что были, таились в скалах или в морях, в трепете ожидая очередного землетрясения или извержения.

Эту планету и надо было исследовать Ирии с Гай-до. Составить общую карту, геологическую карту, водную карту, собрать образцы минералов и фауны...

Устраивать наземный лагерь они не стали, а вышли на орбиту. А раз Гай-до никогда не спит, то он работал круглые сутки. Первым делом Ирия приготовила себе бутерброды. Она так привыкла питаться бутербродами, что даже забыла, как выглядит суп.

Тут она услышала голос корабля:

— На этой планете кто-то недавно побывал.

— Почему ты так думаешь?

— Тут вели взрывные работы и даже копали шахты.

— Странно, — сказала Ирия. — По всем справочникам, мы на Пять-четыре первые. Значит, тот, кто здесь побывал, не хотел, чтобы об этом знали.

Гай-до высыпал на рабочий стол фотографии, которые он уже сделал, и Ирия убедилась, что ее кораблик, как всегда, прав. Неопытный взгляд не увидел бы, где кончается естественный хаос, а где к нему добавились следы человеческой работы. Однако специалисту все было ясно.

Но еще более удивительное открытие они сделали примерно через час.

Они пролетали над очень мрачным ущельем, заваленным обломками скал, по дну которого, то исчезая среди камней, то вновь появляясь на поверхности, протекал горячий ручей. Неподалеку мирно пыхтел вулкан.

— Внимание, — сказал Гай-до. — Вижу предмет искусственного происхождения.

Ирия бросилась к экрану.

У ручья в тени скалы виднелось оранжевое пятно.

Они быстро снизились.

Оранжевое пятно оказалось смятой, разорванной палаткой.

Гай-до осторожно спустился в ущелье, Ирия выбежала наружу, чтобы поглядеть на палатку вблизи.

Она поняла, что случилось несчастье. Видно, на планету прилетел исследователь или турист и попал в землетрясение.

Ирия пошла вверх по ущелью и буквально в десяти шагах увидела остатки разбитого вдребезги планетарного катера.

Поняв, что в корабле никого нет, Ирия пошла дальше по течению ручья, от которого поднимались струйки пара. И вдруг замерла.

Под нависшей скалой лежал темноволосый молодой человек.

Он был неподвижен.

Ирия бросилась к нему, наклонилась и прижала ухо к его окровавленной, обожженной груди. Сердце молодого человека еле билось.

— Гай-до! — позвала она. — Он еще жив!

В две секунды Гай-до перелетел к Ирии, и девушка перенесла пострадавшего внутрь кораблика.

Ирия умела оказывать первую помощь. Она осмотрела раненого, вымыла его, перевязала, сделала укрепляющие уколы, но больше помочь ему не могла — ведь на Гай-до не было госпиталя.

Пока Ирия возилась с раненым, Гай-до помогал ей советами, так как в его памяти лежала медицинская энциклопедия. В то же время он внимательно смотрел по сторонам и старался отыскать в ущелье ответ на загадку: что могло случиться с молодым человеком? Почему он так изранен и обожжен? Ведь он был довольно далеко от своего катера. Верно, он посадил свой катер в ущелье, потом разбил там палатку и пошел по ущелью вниз. И тут что-то случилось... Недоброе предчувствие охватило Гай-до.

— Госпожа, — сказал он, — думаю, что нам лучше отсюда улететь. И как можно скорее.

— Я согласна, — сразу ответила Ирия. — Но дай мне еще десять минут: должны подействовать уколы, а я подготовлю раненого к взлету.

Гай-до согласился с хозяйкой и продолжал осматривать ущелье.

И тут он увидел в углублении скалы странный знак: кто-то вырезал на камне два кольца, соединенные двумя полосками.

— Госпожа! — воскликнул Гай-до.

— Не мешай, — сказала Ирия.

— Я вижу рисунок, — сказал Гай-до.

— Этого еще не хватало, — ответила Ирия. — Помолчи, раненый может в любой момент умереть.

Гай-до замолчал. Но не переставал думать.

Он знал о таком знаке. Это был знак странников. Тех самых загадочных странников, которые когда-то облетели всю галактику. Они оставили свои следы на многих планетах. Иногда это были развалины гигантских башен, иногда пустые обширные подземелья или широкие шахты. Иногда базы снабжения.

Сами странники исчезли, по подсчетам ученых, сто тысяч лет назад. Исчезли без следа — вернее всего, улетели за пределы галактики. Базы странников больше всего волновали ученых и кладоискателей. Какие невероятные богатства могучей цивилизации хранятся там? Но еще ни на одну базу не удалось проникнуть.

Знаком, означающим, что база рядом, были два кольца, соединенные двумя линиями. Первый раз, когда такую базу отыскивали, она оказалась пустой — странники все вывезли отсюда.

Вторую базу нашли нетронутой. Но как только постарались открыть ворота, ведущие туда, база тут же исчезла — взорвалась. Хорошо еще, что никто не пострадал. В третий раз разведчики были очень осторожны. Вместо того чтобы проникнуть через вход, они вырыли туннель сквозь скалы и увидели внутри много чудесного. Они даже успели кое-что сфотографировать, но тут раздался сигнал тревоги, такой громкий и страшный, что нервы разведчиков не выдержали и они убежали. Как только последний из них покинул базу, раздался взрыв, и база исчезла. Вот и все, что известно. С тех пор многие экспедиции обыскивали самые отдаленные и дикие планеты в надежде увидеть два кольца на скале. Но пока безуспешно.

Гай-до, углядев два кольца, стал шарить электронными глазами по соседним скалам в надежде увидеть вход в базу. Он был очень любознательным кораблем.

Вскоре в глубокой расщелине он увидел черный провал, а возле него каменную плиту. Он понял: когда-то землетрясение разрушило вход в базу и некому было вернуться и починить его. Гай-до направил луч прожектора в черную расщелину и увидел смутные очертания круглой цистерны. Он знал по докладам разведчиков, что в таких цистернах странники хранили сверхтопливо для кораблей, которое позволяло достигать невероятных скоростей. Гай-до даже подумал: « Попрошу Ирию, пускай возьмет немного топлива для меня. Ведь для корабля хорошее топливо все равно что торт с кремом ».

И только он так подумал, как услышал голос своей госпожи:

— Гай-до, немедленно поднимаемся.

— Госпожа Ирия, — сказал Гай-до, — не могли бы мы немного задержаться? Я вижу открытый вход в базу странников. Может быть, мы там найдем кое-что интересное.

— Ты, по-моему, сошел с ума, — твердо сказала Ирия. — От наших действий зависит жизнь человека. Все базы странников не стоят этого. Приказываю стартовать.

И, конечно, Гай-до немедленно стартовал.

Но полет домой оказался совсем не простым.

Только Гай-до начал удаляться от планеты, как увидел, что за ним несется боевая ракета.

— Тревога! — сказал Гай-до Ирии. — На нас напали!

— Сам принимай меры, — ответила Ирия. — Нашему раненому совсем плохо.

Гай-до и без того уже принял меры. Он резко увеличил скорость и изменил курс. Ракета не отставала. Вслед за ней неслась вторая. Неизвестные враги не хотели выпускать корабль живым.

К счастью, они не знали, какой замечательный корабль сделали отец и дочь Гай.

Любой другой давно бы погиб. Но Гай-до умудрялся увертываться от хищных ракет.

— Осторожнее! — закричала Ирия.

— Другого выхода нет, — ответил Гай-до, включая гравитационные двигатели, чтобы уйти в прыжок, где его не найдет ни одна ракета.

И за мгновение до того, как ракета дотянулась до него, Гай-до исчез. Он растворился в пространстве, перестал существовать, лишь его тонкие приборы продолжали трудиться, высчитывая ту долю секунды, когда надо выключить гравитационные двигатели, чтобы кораблик снова возник среди звезд у пределов своей планетной системы.

Через несколько часов после выхода из прыжка на экранах Гай-до возникла знакомая планета Вестер.

Исчезновение Ирии Гай

Гай-до опустил у госпиталя и вызвал врачей. Тут же раненого перенесли в реанимационную палату. Ирия хотела остаться с ним, но врачи ей не позволили. Они спешили сделать очень сложную операцию, без которой спасенный умрет.

К удивлению Гай-до, Ирия отказалась идти домой. Она осталась в коридоре больницы и ждала до самого вечера, пока операция не закончилась и хирург не сказал Ирии, что жизнь раненого вне опасности.

Гай-до отвез Ирию домой, она отыскала в холодильнике два замерзших, высохших бутерброда и съела их, запивая водой из-под крана. А потом легла спать, так и не обсудив с корабликом удивительные события на планете Пять-четыре.

На следующий день с утра Ирия снова поспешила в больницу.

Гай-до уверял госпожу, что это неразумно. Она ничем не может помочь молодому человеку. Лучше сдать все собранные материалы в геологическое управление и написать отчет об экспедиции. Но Ирия не стала его слушать.

Так прошло еще несколько дней. С утра Ирия бежала в больницу, а Гай-до весь день стоял в больничном парке и ждал, пока она кормила с ложечки молодого человека и меняла ему повязки.

Когда молодой человек пришел в себя, оказалось, что его зовут Тадеуш, что он — биолог, специалист по беспозвоночным животным.

Он занимался проблемой происхождения жизни и поэтому опустил на Пять-четыре, которая показалась ему очень интересной. Он выбрал наугад дикое ущелье, вытащил из корабля палатку, перенес туда микроскоп и спальный мешок и начал исследовать ручей. Он так увлекся работой, что ничего не видел вокруг. Он даже не заметил знака из двух колец на скале прямо у него над головой.

Вдруг раздался страшный взрыв. Тадеуш обернулся и увидел, что от его катера остались дымящиеся обломки. Следующим взрывом его отбросило в сторону. Больше он ничего не помнил и очнулся только в больнице на планете Вестер. Рядом с ним сидела девушка, которую он сначала принял за юношу. Она была коротко подстрижена, ладони ее были в мозолях, упрямый подбородок исцарапан, на щеке шрам. Да и одежда на этой девушке была мужская. Движения ее были резкими, голос грубым. Тадеуш узнал, что именно эта девушка спасла его, и удивился, узнав от врачей, что она две недели не отходила от его постели. Но тут он заглянул в громадные сиреневые, окруженные черными длинными ресницами глаза этой девушки-юноши и тут же понял, что все остальное — обман и пустая видимость.

Настоящее — это сиреневые нежные глаза.

Он ничего не произнес, кроме слова «спасибо», потому что был еще очень слаб и сильно страдал. Все остальные слова он сказал взглядом. И самая мужественная женщина в галактике Ирия Гай вдруг почувствовала, как ее сердце остановилось, а потом начало биться, как пулемет. И она сказала:

— Можно я вам поменяю повязку?

Ничего этого кораблик Гай-до, который послушно стоял в парке, не знал. И не подозревал, какое страшное испытание готовит ему судьба.

На двадцатый день после операции Ирия сказала кораблю:

— Гай-до, я улетаю на Землю.

— Зачем?

— Надо отвезти Тадеуша на родину. Здесь для него неподходящий климат. А человеку лучше выздоравливать у себя дома.

— Но зачем вам лететь с ним, госпожа? — удивился Гай-до. — Жизнь Тадеуша вне опасности, а мы с вами еще не сделали отчета по экспедиции.

— Ты ничего не понимаешь, — раздраженно ответила Ирия. — Может быть, то, что я делаю для Тадеуша, в тысячу раз важнее, чем отчеты всех экспедиций, вместе взятых.

— Ты сделала для него все возможное, — сказал кораблик. — Пускай теперь о нем заботятся доктора на Земле. И всякие там нежные женщины, не годные для того, чтобы водить скутер, заниматься боксом и опускаться в жерла вулканов.

— Глупый железный болван! — закричала тогда Ирия. — Ты не понимаешь, как я жалею, что занималась боксом, но не умею варить суп. А Тадеуш, оказывается, любит суп с клецками. Я знаю наизусть таблицу логарифмов, но совершенно не представляю себе, как пришить пуговицу, и не умею собирать землянику. А Тадеуш любит землянику.

— Тадеуш, Тадеуш, — ворчливо сказал кораблик. — Мир клином сошелся на этом Тадеуше! Самый обыкновенный биолог по беспозвоночным. Он тебе в подметки не годится. Я уверен, что ты бегаешь стометровку на три секунды быстрее его.

— Какой безнадежный железный дурак! — воскликнула Ирия. — Неужели недавно я сама была такой же?

— Поэтому мы и дружим, — сказал кораблик обиженно. — Хотя я никогда никому своей дружбы не навязывал.

На этом разговор и закончился. Гай-до понял, что Ирия непреклонна в своем намерении отвезти Тадеуша на Землю. Он смирился с этим и даже предложил самому отвезти Тадеуша, но Ирия заявила, что Тадеушу, видите ли, будет неудобно лететь в таком маленьком корабле, на котором нет ванны и мягкой постели.

На прощание Ирия договорилась с геологами, что, пока ее не будет, Гай-до поработает с ними. Она обещала вернуться, как только Тадеуш выздоровеет, и Гай-до, хоть и был расстроен и обижен, скрыл свою обиду и полетел на соседнюю планету обследовать залежи цинковых руд.

Прошло полгода. Ирия все не возвращалась. От нее даже письма не было. Гай-до молча страдал. В экспедиции ему пришлось несладко. Геологи, конечно, знали, что он разумный корабль, но до чувств Гай-до им дела не было. Они использовали его как самый обыкновенный разведочный катер. Он возил почту, собирал образцы, обследовал долины и ущелья, работал честно, но без души. И с каждым днем росло его беспокойство. В своем воображении он строил ужасные картины: в них его госпожа попадала в катастрофы,

погибала, тонула, разбивалась. Гай-до мучили кошмары, но не было рядом ни одного человека, которому можно было пожаловаться. Когда он просил знакомых геологов послать на Землю запрос, что случилось с его госпожой, они только улыбались. Им казалось смешным, что корабль беспокоится о человеке. Они говорили, что с Ирией все в порядке, но Гай-до им не верил.

И вот он решился.

Когда геологи вернулись из экспедиции и оставили кораблик на космодроме, Гай-до уговорил знакомых роботов привезти ему горючее. Роботы заправили его для дальнего полета. У Гай-до были штурманские карты, и он представлял себе, где находится Земля. Как-то перед рассветом в дождливую ветреную ночь он тихонько поднялся с космодрома и взял курс к Земле. Разогнавшись в космосе, он включил гравитационные двигатели и совершил большой прыжок до самой Солнечной системы.

Настроение у Гай-до было приподнятым. Он очень надеялся, что его госпожа жива и тоскует по нему так же, как он по ней. Только не может дать о себе знать. Он предвкушал радостную встречу. Правда, его не покидала тревога. Он боялся встречи с патрульным крейсером или большим кораблем. Ему тогда зададут вопрос: что делает в космосе корабль без экипажа? Может, он потерял свой экипаж и скрывает это?

Когда на подлете к Солнечной системе Гай-до понял, что его преследует какой-то неизвестный корабль, он прибавил ход и постарался уйти от преследования. Но корабль не отставал. Гай-до повернет влево — корабль тоже, Гай-до поднажмет — корабль тоже. Гай-до пытался рассмотреть название корабля, но названия не было. Оознавательных знаков тоже. И тогда Гай-до решил: помчусь скорее к Земле, а там видно будет. Он выжал из своих двигателей все возможное и начал удаляться от преследователя. Преследователю это не понравилось. Он выпустил по Гай-до боевую ракету. Гай-до был настолько не готов к такому нападению, что на миллионную долю секунды опоздал принять решение...

Это было последнее, что он помнил. Страшный удар разорвал его борт. Воздух в мгновение ока пузырем вылетел из корабля, и Гай-до беспомощно поплыл в безвоздушном пространстве.

Преследователь хотел приблизиться к нему, но взрыв привлек внимание патрульного крейсера, который стартовал с Плутона. Поэтому преследователь быстро развернулся и сгинул в глубинах космоса.

Нужен космический корабль!

Каникулы — лучшее время, чтобы поработать в свое удовольствие. Никто тебе не мешает, не отвлекает уроками и не отправляет спать в десять часов, потому что завтра рано вставать.

За день до каникул Аркаша Сапожков сказал Алисе Селезневой:

— Мне нужна твоя помощь.

Аркаша уже третий месяц вынашивал такую идею: космонавтам в дальних полетах и сотрудникам космических баз не достается арбузов, уж очень они велики и неудобны для перевозки. А арбузов всем хочется. Какой выход? Арбузы должны быть маленькими и по возможности кубическими. На месте их можно положить в воду, чтобы они быстро надулись, разбухли и стали настоящими. Теперь надо придумать, как это сделать.

С этой целью Алиса с первого июня засела с Аркашей за работу в лаборатории станции

Юных биологов на Гоголевском бульваре в Москве.

Задача оказалась интересной и сложной. За первую неделю биологам удалось создать арбуз, который был размером с грецкий орех, а в воде становился большим, но, к сожалению, совершенно безвкусным. На этом работа застопорилась.

День был дождливый, грустный. Одноногий жираф Злодей сунул голову в открытое окно лаборатории и громко чихнул, жалуясь на непогоду. Из рта у него торчала ветка сирени.

— Аспирину дать? — спросила Алиса.

Она уже жалела, что согласилась помогать Аркаше: опыты грозили затянуться на все лето, потому что Аркаша — самый упрямый человек на свете. Он только на первый взгляд такой тихий и застенчивый. Внутри его сидит несгибаемый, железный человечек, который не признает слабостей и поражений.

Жираф отрицательно покачал головой и положил веточку сирени на стол перед Алисой.

Дверь в лабораторию распахнулась, и вбежал промокший Пашка Гераскин. Глаза его сверкали, волосы торчали во все стороны.

— Сидят! — воскликнул он. — Уткнулись носами в микроскопы. Прозевали событие века!

— Не мешай, — тихо сказал Аркаша.

— Буду мешать, — ответил Пашка. — Потому что я ваш друг. Если я вас не спасу, вы скоро окаменеете у микроскопов.

— Что случилось? — спросила Алиса.

— Я вас записал, — сообщил Пашка и уселся на край стола.

— Спасибо, — сказал Аркаша. — Не шатай стол.

— Я вас записал участвовать в гонках Земля — Луна — Земля, — сказал Пашка, болтая ногами. — Как вам это нравится?

— Нам это категорически не нравится, — ответил Аркаша, — потому что мы не собираемся ни за кем гоняться.

— Получился славный экипаж, — сказал Пашка, словно и не слышал Аркашиного ответа. — Павел Гераскин — капитан, Алиса Селезнева — штурман, Аркадий Сапожков — механик и прислуга за все. Старт второго августа из пустыни Гоби.

— Теперь я окончательно убедился, — сказал Аркаша, — что наш друг Гераскин сошел с ума. Слезь со стола наконец!

Пашка добродушно улыбнулся, слез со стола и сказал:

— Не надейтесь, я от вас не отстану. К тому же я ваш капитан. Вас интересуют условия гонки?

— Нет, — отрезал Аркаша.

— Расскажи, — произнесла Алиса, — что за гонки?

Пашка потрепал жирафа по морде.

— Первая брешь в вашей обороне уже пробита, — сообщил он. — Я и рассчитывал, что мой союзник — любопытство Алисы. Итак, объявлены гонки школьников. В них могут участвовать любые корабли, как самодельные, так и обыкновенные планетарные катера. Экипаж — не больше четырех человек. Первый приз — путешествие в Древнюю Грецию на первую Олимпиаду.

— Можно задать пустяковый вопрос? — Аркаша оторвался от микроскопа — все равно

Пашку, пока не выскажется, не остановишь. — А где у тебя корабль? Может, ты его за месяц построишь?

— Это детали, — сказал Пашка. — Главное, что я получил ваше согласие. С таким экипажем мы победим.

— Никто тебе не давал согласия, — сказала Алиса. — Мы только задали вопрос.

— Чему нас учат в школе? — сказал Пашка. — Нас учат дерзать, думать и действовать. Почему вы не хотите дерзать? Вас плохо учили? Мы можем взять списанный планетарный катер и привести его в порядок.

— Чепуха! — воскликнул Аркаша. — Слишком просто. Наверняка другие уже полгода готовятся.

— Правильно, — сказал Пашка. — Я уже созвонился с Лю, это мой приятель, он учится в Шанхае. Они с зимы строят корабль.

— Вот видишь, — сказала Алиса.

— Потом я провидеофонил в Кутаиси. Резо Церетели сказал мне, что они взяли обыкновенный посадочный катер, оставили только шпангоуты и полностью его перестраивают.

— Вот видишь! — сказал Аркаша. — На что ты надеешься?

— На ваш ум и мою дерзость, — сказал Пашка. — Вы уже заинтересовались. Значит, полдела сделано.

— Мы ничем не заинтересовались, — сказал Аркаша. — Мы только хотим, чтобы ты все сказал и ушел. А у тебя есть идея?

— Конечно, есть, — рассмеялся Пашка. — Мне только нужно было, чтобы ты оторвался от микроскопа, а у Алисы в глазах загорелись лампочки. Своего я добился. Мы летим на свалку.

— Вот теперь я окончательно убедился, — сказал Аркаша, — что мой друг Гераскин сошел с ума. Во-первых, на свалку нас никто не пустит. Во-вторых, на свалке уже побывали конкуренты и ничего там подходящего не осталось. В-третьих, мы все равно не успеем.

— Хо-хо-хо! — взревел в восторге Пашка. — Вы у меня на крючке! Во-первых, я получил разрешение осмотреть свалку, и не спрашивайте меня, как мне это удалось. Во-вторых, мы ничем не рискуем. А вдруг нам подойдет то, на что другие не обратили внимания? Летим?

— Никуда я не полечу, — сказал Аркаша. — И Алиса тоже.

— Он тебе приказывает! — сказал коварный Пашка.

— Я слетаю с Пашкой, — сказала Алиса. — Все равно я хотела проветриться. Туда и обратно.

— Туда и обратно, — подтвердил Пашка. — Аркаша, ты слышишь: туда и обратно.

— Сегодня вернемся? — спросил Аркаша. — А то мама будет волноваться.

— Какие могут быть сомнения! — ответил Пашка.

Алиса уже поднялась и натягивала плащ.

Аркаша поглядел на своих друзей, вздохнул и принялся отключать приборы. Он не верил в Пашкины дикие идеи, он никуда не хотел улетать от своих кубических арбузов, но больше всего на свете Аркадий Сапозжков ценил дружбу.

Пашкин флаер стоял у входа в лабораторию.

Дождик моросил по веткам берез, большие капли воды скапливались на длинных пальмовых листьях и тяжело срывались вниз. Под елочками таились сморчки. Жираф

Злодей проводил друзей до флаера и с печальным видом глядел, как они забирались внутрь. Видно, догадался, что они летят в Африку.

Пашка набрал код свалки, машина резко взяла вверх и понеслась, увеличивая скорость, на юго-запад.

Свалка в Сахаре

На западе великой пустыни Сахара, на плато Тассили, в одном из самых диких и сухих мест на Земле, несколько квадратных километров каменной пустоши огорожено: туда свозят космические корабли, которым не суждено больше подняться в небо.

Там есть суда, отслужившие свой век, есть неудачные модели, отвергнутые конструкторами, есть корабли, потерпевшие аварию, а есть и корабли, попавшие туда неизвестно как. Всего их на свалке несколько сот.

Зачем нужна такая свалка? Не лучше ли переплавить весь этот хлам и не загромождать пустыню?

Но это не хлам! Это великолепная лаборатория. Название «свалка» придумал неизвестный шутник. Оно прижилось, и никто не видел в нем ничего обидного.

Туда часто прилетают гости. Конструкторы, которые проектируют новые машины, чтобы учиться на ошибках своих коллег или отыскать ответ на трудную конструкторскую задачку. Историки, которые пишут книги о завоевании космоса. Киносъемочные группы, чтобы снять кадр отлета настоящего корабля. Металлурги, чтобы узнать, каковы свойства того или иного металла, побывавшего в космосе. Наконец, туристы со всех концов света.

Вот куда держал курс флаер Пашки Гераскина.

Летели долго — часа полтора. Сначала под флаером проплыли зеленые поля Украины, потом за Одессой он вышел к Черному морю и снизился над болгарским городом Варна. Море было теплым и синим, всем захотелось искупаться, но пришлось от этой мысли отказаться, а то вернешься в Москву ночью, родители будут беспокоиться. Еще через несколько минут флаер сделал круг над греческой столицей Афины. В Афинах уже начался туристский сезон — небо над городом было буквально забито флаерами, воздушными автобусами и глайдерами. Особенно много их было над знаменитым храмом Парфеноном.

Пашка обогнул Афины с запада, и вскоре флаер вылетел к Средиземному морю. Италию увидели на горизонте, зато заглянули в жерло спящего вулкана Этна на острове Сицилия. От Сицилии уже рукой подать до Африки.

Показался рыжий берег Алжира, усеянный зелеными точками апельсиновых деревьев, устланный квадратами пшеничных полей и садов. Флаер взял южнее, и постепенно зелень стала реже, пошли пустынные пейзажи, лишь изумрудные полосы пальм вдоль каналов и дорог доказывали, что в Сахаре живут люди.

Алиса глядела на друзей и думала, что они все-таки похожи. Бывает же так: совсем не похожи, а на самом деле похожи. Трудно найти более разных людей: у Пашки глаза голубые, у Аркаши карие, Пашка белобрысый, волосы прямые, непослушные. У Аркаши темно-рыжая шевелюра, завитая, как у барашка. Его в детстве бабушка так и звала: «Аркашка-барашка». А кожа у Аркаши очень белая, почти голубая, усыпанная крупными веснушками. У Пашки лицо непонятного цвета. Потому что этот цвет все время меняется. Пашка легко краснеет, мгновенно бледнеет, быстро загорает, и тогда его курносый нос становится малиновым. Пашка ни секунды не сидит на месте — он весь в движении, всегда куда-то несется, часто

сначала делает, а потом думает, из-за чего попадает в неприятные ситуации. Аркаша рассудителен, спокоен, редко повышает голос и может замереть на час, задумавшись. Оба любят придумывать, изобретать, но Пашка думает сразу о десяти вещах и изобретает одновременно вечный двигатель, невидимые шпиргалки и блинопереворачиватель. Поизобретает минут пятнадцать — и спешит на хоккейный матч. Аркаша занимается только теми проблемами, которые намерен решить. И решает, даже если полгода приходится просидеть в лаборатории. Пашка и Аркаша вечно ссорятся, спорят, чуть до драки дело не доходит, но при том остаются лучшими друзьями.

Флаер начал спускаться к плоскогорью, с трех сторон окруженному мрачными скалами. Сверху могло показаться, что они подлетают к детской площадке гигантов. Гигантские дети играли разноцветными корабликами и шариками, а потом убежали, разбросав игрушки. «Обитатели» свалки были всех возможных форм и размеров — от небольших спасательных и разведочных катеров до пассажирских лайнеров. Одни поблескивали металлом или были ярко раскрашены, другие потемнели от времени и космических передряг.

Флаер опустилсь возле проходной, что расположилась в небольшой летающей тарелочке. Как только флаер коснулся земли, послышался звонок, и люк в тарелочке распахнулся. Курчавая девичья головка появилась в люке, и дежурная сказала:

— Салам алейкум.

— Здравствуйте, — ответил Пашка, первым выскочивший из флаера.

— Добрый день, — сказала девушка по-русски.

Она увидела московский номер флаера и сразу перешла на русский язык. Ничего удивительного — все работники международных организаций знают десять основных земных языков, не считая космолингвы, на которой говорят в галактике. Дежурная на свалке, которую звали Джамия, знала тридцать шесть земных и семь галактических языков и так любила учить новые, что специально пошла работать в пустыню, чтобы можно было заниматься в тишине.

— Вам звонили, — сказал Пашка. — Мы из московской школы и ищем космический корабль для гонок.

— Одну минутку, — сказала девушка.

Видно было, как она включила дисплей.

— «Павел Гераскин, — прочла она, — и сопровождающие его два лица: Алиса Селезнева и Аркадий Сапожков». Проходите.

Алиса и Аркаша разинули рты от удивления и молча прошли за Пашкой в открытые двери свалки.

Только внутри Алиса пришла в себя и спросила Пашку:

— Гераскин, что все это значит?

— А что?

— Не только тебя пустили, — сказал Аркаша, — но и знали, что мы с тобой прилетим. А ведь мы ни на секунду не разлучались с того момента, как ты вошел в лабораторию на Гоголевском бульваре.

— Все гениально просто, — ответил снисходительно Пашка. — Мне помогло знание людей. Утром я узнал о гонках. Через час я принял решение в них участвовать. Затем мысленно подобрал себе экипаж и тут же позвонил на свалку.

Было жарко, дул сухой ветер, Пашка отошел в тень громадного космического лайнера и продолжал:

— Если бы мы пришли сюда как маленькие дети и стали просить: «Пустите нас, тетенька», — дежурная ни за что бы нас не пустила. Но я сказал ей по телефону: «В шестнадцать по местному времени к вам прибудет группа из Москвы в составе Гераскина и сопровождающих его лиц. Вы записали?» И что она ответила? Она ответила: «Хорошо, я записала». Остальное — дело техники.

— Что дело техники? — спросила Алиса.

— Я пошел к вам и сказал, что мы участвуем в гонках. Вы сразу бросили все свои арбузные дела и помчались в Сахару. Яснее ясного.

— Аркаша, я его сейчас убью! — сказала Алиса. — Он еще над нами издевается.

— Он совершенно прав, — сказал Аркаша. — Он нас обманул, соблазнил, провел за нос, потому что заранее знал, что мы, как послушные овцы, полетим в Сахару.

— Прекратить пустые разговоры! — сказал Пашка. — Времени в обрез. Папочки и мамочки ждут нас ужинать, а мы еще не нашли себе подходящего космического корабля. В путь, капитаны!

Ну что тут будешь делать? Аркаша с Алисой улыбнулись и пошли по жаркой пустыне искать космический корабль.

Солнце палило яростно, и приходилось перебегать от корабля к кораблю, чтобы отдышаться в тени.

Хорошо смотреть на свалку с неба — скопище маленьких игрушек.

Вблизи все было иначе — над друзьями нависали бока громадных кораблей. Только пройдешь мимо одного, выплывает новая громада.

Корабли образовали странный сказочный город. Улиц в нем не было, дорога вилась между гигантами и карликами, между сверкающими космическими щеголями и унылыми развалюхами.

Идти по такому городу с Пашкой, который бредил космонавтикой, было нелегко, потому что через каждые сто шагов он останавливался и восклицал:

— Ребята, глядите! Это же «Титанус». Привет, старина! Как ты отдыхаешь после последнего рейса к Черной дыре? Ребята, заглянем на минутку внутрь?

— «Титанус» как «Титанус», — отвечал всезнающий Аркаша. — Грузопассажирский второго класса, спущен со стапелей греческого завода на Луне 16 ноября 2059 года, ходил к поясу астероидов. Совершил один рейс за пределы Солнечной системы, после чего списан. Если мы полезем его осматривать, то не вернемся домой до завтра.

— Ты не романтик! — бушевал Пашка. — Тебе сидеть дома и разводить квадратные арбузы!

— А я сюда не просился.

— Как хочешь, а я обязан заглянуть на капитанский мостик «Титануса». Ведь именно там стоял капитан Синос, когда снимал с Ганимеда группу Вижека.

Нетрудно догадаться, что в конце концов Пашка уговорил своих друзей побывать на «Титанусе».

Капитанский мостик «Титануса» их разочаровал. Все ценные приборы были сняты, в шахтах повисли лифты, работало только дежурное освещение, в коридорах было полутемно, мрачно и пахло пылью. Навстречу пронеслась по коридору разбуженная летучая мышь. Пашка даже присел от неожиданности, а когда Алиса рассмеялась, обиженно объяснил, что он боялся ушибить редкое животное, вот и наклонился.

На мостике Пашка постоял перед пустым темным экраном и сказал, что видит на нем

отпечаток звездного неба. Спорить с ним не стали.

Когда выбрались наружу, солнце начало клониться к гряде скал, ветер затих и стало еще жарче. Пройдя с полкилометра и не обнаружив ничего подходящего, ребята спрятались в тень у скалы, и Алиса сказала:

— Только наивные дети могли не догадаться, что в пустыне им захочется пить.

— Мы и есть наивные дети, — мрачно ответил Аркаша. Он задумчиво глядел вдаль. Мысленно он уже вернулся в лабораторию.

Пашка вытер пот рукавом, поднял камешек и кинул его в щель под скалу. Вдруг оттуда выкатился серый футбольный мяч и шустро покатился прочь.

— Аркаша, что это? — воскликнул Пашка.

— Не знаю, — ответил Аркаша, который даже не удивился. — В Сахаре таких не водится.

— Наверное, что-то инопланетное, — сказала Алиса. — Остались споры в каком-нибудь корабле, вот и вывелось.

— Что ты говоришь! — воскликнул Пашка. — Ты понимаешь, что говоришь! Значит, какой-то корабль плохо продезинфицировали, и теперь Земле грозит страшная опасность. Эти мячи размножатся, и нам придется с ними воевать. Надо его поймать.

Пашка побежал в ту сторону, куда скрылся мяч, но ничего не нашел. Только запыхался и вспотел.

Они побрели дальше по свалке.

Вокруг стояли корабли — круглые, кубические, длинные и короткие, цилиндрические и веретенообразные, целые и разбитые. Два раза им попались небольшие катера, но один из них был стареньким и тихоходным, на таком не только до Луны, до Одессы не долетишь, а другой оказался в таком состоянии, что проще построить новый, чем восстанавливать.

Солнце уже садилось, от кораблей протянулись длинные тени.

Наконец Аркадий остановился у очередного космического колосса и сказал:

— Все. Мы возвращаемся. Очередная Пашкина идея оказалась блефом.

— Аркадий прав, — сказала Алиса. Ей так хотелось пить, что слюны во рту не осталось, язык еле ворочался.

Пашка молчал, не спорил. Он замер. Он так смотрел через плечо Аркаши, словно увидел привидение.

Алиса обернулась.

Там стоял небольшой планетарный корабль, подобного которому видеть раньше им не приходилось.

Он был похож на мятый желудь, проеденный червяком, в его боку у самой земли чернела дыра диаметром в два метра.

— На этом замечательном корабле, — сказал Пашка, — мы выиграем гонки.

— Ты перегреблся, — ответил Аркаша. — Ты слишком долго был на солнце.

Разумный корабль

Аркаша сначала и смотреть на корабль не хотел, не то что лезть в него. Он устал, измучился от жажды и желал только одного: скорей вернуться домой. Алиса была с ним согласна. Но Пашка настаивал:

— Мы летели через всю Европу, чтобы посмотреть на корабли, мы третий час бродим

по Сахаре. И зачем? Только для того, чтобы уйти за шаг до цели? Мы же никогда себе не простим, если не осмотрим корабль. А может быть, его можно починить? Поглядите, это же совершенно необыкновенное судно! Такого нет ни в одном справочнике! Ну ладно, оставайтесь здесь, а я загляну. На минутку. Мне он очень нравится.

— Тут нечему нравиться, — сказал Аркаша. — С таким же успехом можно любоваться ржавым паровозом.

Пашка решительно направился к кораблику, подтянулся, схватившись за оплавленные края дыры, и скрылся внутри.

— Я тоже погляжу, — сказала Алиса, — скучно стоять.

— Иди, — мрачно ответил Аркаша. — Глупости все это.

Алиса заглянула в черную дыру.

— Пашка, — позвала она. — Что там?

— Ничего не вижу, — ответил Пашка. — Фонарь во флаере остался.

— Вылезай, — сказала Алиса, — еще ногу сломаешь.

И в этот момент впереди, откуда доносился голос Пашки, зажегся под потолком плафон. И сразу стала видна фигура Пашки, стоявшего среди покореженных остатков мебели и приборов.

— Вот видишь, — сказал Пашка, — еще не все потеряно.

— Интересно, почему загорелся свет? — сказала Алиса, забираясь в корабль.

— Не знаю, — сказал Пашка, пробираясь вперед. — Погляди, пульт управления почти цел. Только надписи на непонятном языке.

Алиса подобралась поближе к другу. Она отвалила в сторону сломанное пилотское кресло и поглядела на пульт. Пульт и в самом деле был почти цел. Надписи были сделаны на каком-то инопланетном языке. И в этом тоже не было ничего удивительного. На свалке встречались корабли с других планет. Те, что потерпели крушение у Солнечной системы или были оставлены экипажами, а потом были подобраны буксирами-чистильщиками и привезены на свалку.

— Надо осмотреть двигатели, — сказал Пашка.

— Если это инопланетный корабль, — сказала Алиса, — нам тут делать нечего — откуда мы знаем, как им управлять?

С трудом они пробрались в двигательный отсек. Там обнаружили Аркашу. Конечно же, тот не утерпел и тоже залез в корабль. К сожалению, дела в двигательном отсеке никуда не годились. Гравитационный двигатель был сорван ударом со станин, и на нем была большая вмятина. Хорошо еще, что планетарные двигатели остались целы.

— Ну, все ясно? — спросил Аркаша. — Теперь можно уходить?

— Ничего не ясно, — ответил упрямый Гераскин. — Ведь условие гонок — пользоваться только обычными планетарными двигателями. Гравитационными пользоваться нельзя. А обычные двигатели в порядке.

— Все! — сказал решительно Аркаша. — Я с тобой расстаюсь, и навсегда. Я не могу дружить с легкомысленным авантюристом.

— Аркаша прав, — сказала Алиса, — починить корабль нельзя. Придется ему доживать свой век на свалке.

И она первой побрела к выходу.

За ней последовал Аркаша. Пашка задержался еще на несколько секунд в двигательном отсеке. Но, видно, и он понял — ничего не выйдет. Он сказал кораблю:

— Прости, друг. Мы не виноваты.

И тоже пошел к выходу.

Вдруг они услышали негромкий низкий голос:

— Не уходите, пожалуйста.

Слова прозвучали на галактическом языке — космолингве, который ребята, конечно, знали.

— Это кто говорит? — вздрогнул Пашка.

— Это я, корабль, — послышался ответ. — Я очень прошу вас задержаться, люди. У меня создалось впечатление, что вы намеревались использовать меня для полета, но мое прискорбное состояние вас напугало.

— Вот это да! — сказал Пашка. — Ребята, погодите! Это говорящий корабль.

— Мы слышим, — сказала Алиса, которая была удивлена не меньше Пашки. Бывают роботы, бывают разного рода разумные машины, но ей еще никогда не приходилось разговаривать с кораблем.

— Я не только говорящий корабль, — продолжал голос. — Я разумный корабль. И мой мозг совершенно цел. Я помогу вам починить меня.

Никто не знал, что ответить.

И тогда Пашка задал глупый вопрос.

— Послушайте, — сказал он. — А у вас воды нет? Ужасно пить хочется.

— Нет, — ответил кораблик, — воды у меня, к сожалению, нет. Синтезатор тоже вышел из строя.

— Жалко, — сказал Пашка.

— А вас где построили? — спросила Алиса.

— Я вам все расскажу, только не бросайте меня. Я не могу больше оставаться здесь. Я очень много знаю. Я — уникальное создание. Я — жертва несчастной любви, — ответил кораблик.

Все так удивились, что даже Пашка не засмеялся.

— Простите, — сказал тогда Аркаша, — но нам пора улетать, иначе мы вернемся домой ночью.

— Вы меня бросите? — спросил корабль, и Алисе показалось, что его голос дрогнул.

И тогда Алиса представила себе, что живое существо — а если ты обладаешь разумом, значит, ты живое существо, пускай даже металлическое, — очень боится остаться одно в этой пустыне, на кладбище кораблей. Ей стало жалко этот разбитый кораблик. И она ответила за всех:

— Мы к вам обязательно вернемся.

— Завтра, — сказал Пашка.

Аркаша промолчал, но понятно было, что он не оставит друзей.

— До свидания, кораблик, — сказала Алиса, спрыгивая на камни.

— Меня зовут Гай-до, — ответил кораблик.

Солнце уже спустилось к острым зубцам скал, стало чуть прохладнее, и ребята побежали к выходу. Сил не осталось, язык присох к небу, и очень хотелось скорее выбраться из этого мертвого города.

Из последних сил они добрели до проходной.

— Как вы долго, — сказала Джамия, — я уже думала посылать за вами робота. А то у нас в прошлом году один мальчик забрался в корабль и спрятался там, думал, что сможет

один улететь. Правда, смешно? Пить хотите?

— Ужасно, — сказал Пашка.

— Тогда заходите ко мне.

Когда ребята поднялись в летающую тарелочку, Джамия уже открыла банки с холодным апельсиновым соком и поставила их на столик. Она с интересом смотрела, как ее гости проглотили сок, и только повторяла:

— Пожалуйста, пейте глоточками, а то обязательно простудитесь.

Допив сок, будущие гонщики поставили пустые банки на стол и посмотрели на Джамию так, что она без слов открыла холодильник и достала еще три банки.

На этот раз они пили медленнее.

Джамия спросила:

— Нашли, что вам нужно?

— Не знаем, — сказала Алиса.

— На той неделе прилетали сюда ребята из Франции, — сказала Джамия, — но ничего не нашли.

— А скажи, — Пашка поболтал в банке остатками сока, — можно узнать, как к вам попал один корабль?

— Конечно, — сказала Джамия, — если я знаю.

— Планетарный катер в шестом секторе, — сказал Аркаша. — У него большая дыра в боку.

— Бедненький, — сказала Джамия, — его подобрали возле Плутона. Совсем недавно, полгода назад. Бортового журнала на нем не нашли, и, судя по всему, он был оставлен или потерян в космосе.

Джамия включила дисплей, на котором появилось изображение кораблика, который назвал себя Гай-до.

— Его осматривали эксперты. Язык надписей на его приборах вестерианский. Туда отправлен запрос, но пока что мы не получили ответа. Кораблик — нераскрытая тайна. Но он так разбит, что его уже никогда не восстановить.

— А если мы попробуем? — спросил Пашка.

— Разрешение надо спрашивать не у меня, — улыбнулась Джамия. — Еще соку дать?

Алиса и Аркаша отказались, но Пашка выпил еще одну банку, про запас.

Когда они собрались уходить, Алиса спросила:

— А этот кораблик... он не разговаривает?

— Что? — удивилась Джамия. — Корабли не разговаривают.

— Не обращай внимания, — сказал Пашка. — Алиса перегрелась на солнце. До свидания, мы завтра прилетим.

— Прилетайте, — сказала Джамия. — А если у вас дома случайно найдется русско-китайский словарь, я буду вам очень благодарна.

— Хоть три словаря! — заявил Пашка и начал подталкивать друзей к выходу.

Когда они уже поднялись в воздух и взяли курс навстречу надвигавшейся с востока ночи, Пашка сказал:

— Ну и язык у тебя, Алиса.

— А что я сказала?

— С кораблем Гай-до связана тайна, он не хочет никому, кроме нас, показывать, что он разумный, значит, у него есть основания. А ты сразу начала у Джамии спрашивать.

— Мне это не нравится, — сказал Аркаша. — Машина не может обманывать людей.

— И эти странные слова о несчастной любви, — добавила Алиса, глядя, как далеко внизу, на берегу моря, зажигаются вечерние огоньки.

Гай-до рассказывает

На следующий день Алиса и ее друзья с утра вернулись в Сахару.

Аркадий взял в лаборатории приборы, чтобы исследовать корабль и понять, насколько серьезно он поврежден. Павел вез с собой инструменты, чтобы наладить на корабле вентиляцию. Алиса захватила на всех еду и русско-китайский словарь. К тому же по дороге они спустились на окраине Афин у рынка, купили там апельсинов, маслин и целый ящик ранних овощей и фруктов.

Джамиля встретила гостей из Москвы как старых знакомых. Она даже не садилась завтракать — ждала их. Так что овощи из Афингодились. А русско-китайский словарь привел ее в восторг.

Конечно, Джамиля не верила, что корабль можно починить, но ей нравилось упорство в других. Она даже разрешила перелететь на флаере к самому кораблику, что обычно на свалке не разрешалось.

Флаер мягко опустился возле Гай-до.

Алиса первой выскочила из него.

Было еще прохладно, солнце невысоко поднялось над скалами и грело мягко, помосковски. По небу медленно плыли перистые облака. В колючих кустах, что росли между кораблями, щебетали птицы.

— Здравствуй, Гай-до, — сказала Алиса. — Мы вернулись.

— Доброе утро, — откликнулся кораблик. — Я рад вас видеть.

Алиса не заметила ничего странного в ответе кораблика. Но Аркаша был внимательнее.

— Ого! — сказал он. — Когда ты научился говорить по-русски?

«И в самом деле! — сообразила Алиса. — Ведь еще вчера кораблик разговаривал с нами на космолингве».

— У меня было время проанализировать ваши вчерашние разговоры, — ответил кораблик. — Вы сказали достаточно слов, чтобы я научился. Чего только не сделаешь за длинную пустынную ночь!

— Молодец! — сказал Пашка, выгружая из флаера инструменты. — А я никак английский выучить не могу.

— Наверное, у вас другие интересы, — вежливо сказал корабль.

— Интересов у него миллион, — улыбнулась Алиса.

Аркаша включил лазерную камеру и пошел вокруг корабля, снимая его со всех сторон, чтобы сделать потом голографическую копию.

Только он шагнул за корабль и скрылся из глаз, как раздался его крик:

— Это еще что такое!

Из тени выкатился серый мяч и быстро покотился прочь.

— Опять! — сказала Алиса. — Он тебя не укусил?

— По-моему, у него нет рта.

— Обязательно надо будет с Джамилей поговорить, — сказала Алиса. — Это какая-то мутация.

— Я полезу внутрь, — сказал Пашка, вытаскивая из флаера ворох инструментов. — Посмотрим, что можно сделать.

— Погодите, — сказал корабль, — вы в самом деле хотите меня отсюда взять?

— Мы еще не знаем, — сказала Алиса, — можно ли будет тебя починить.

— Мне бы хотелось, чтобы вы меня починили, — ответил корабль. — Я постараюсь вам помочь. Поднимитесь ко мне на мостик. Я покажу, как наладить информационный дисплей. Я расскажу вам грустную историю моей жизни.

Алиса с Пашкой пробралась к пульту управления, и Гай-до сказал им, как открыть бортовой шкафчик, где хранилась запасная трубка к разбитому дисплею. Вдвоем они за полчаса привели дисплей в порядок.

— Слушайте... — сказал Гай-до, когда дисплей загорелся зеленым цветом. На нем появилось изображение пожилого лысого человека с сиреневыми глазами. — Вы видите знаменитого конструктора Самаона Гая с планеты Вестер... — начал свой рассказ Гай-до. — Ему очень хотелось, чтобы у него родился сын...

Гай-до закончил долгий рассказ вопросом:

— Люди, ответьте мне: почему она покинула меня и не вернулась? Может, она погибла?

— Скорее всего, — сказал Аркаша, — Ирия Гай жива и здорова. Но погибла для науки. Она предпочла ей и тебе обыкновенного мужчину.

— Но это предательство! — воскликнул корабль.

— Не укоряй ее, — сказала Алиса. — Может, это любовь. Я читала, что ради любви люди совершали странные поступки. Ты не слышал про Ромео и Джульетту?

— Нет, — сказал корабль. — Они тоже конструкторы?

— Это случилось очень давно, — сказала Алиса. — Они погибли...

— Не путай, — прервал Алису Пашка. — Как можно из-за какой-то любви забыть о друге и о работе? Я эту Ирию презираю. Забыть ее надо.

— О нет! — возразил корабль. — Я ее никогда не забуду!

— Надо взять себя в руки, — сказал рассудительный Аркаша. — Если это любовь, то она скоро пройдет.

— Ты наивный, Аркаша, — сказала Алиса. — Ты еще никогда не любил.

Аркаша внимательно посмотрел на Алису и спросил:

— А вас, девушка, не Джульеттой зовут?

Пашка расхохотался, а корабль обиженно замолчал, потому что не очень приятно слушать смех, когда рассказываешь о своих чувствах.

— Ты очнулся только здесь? — спросила Алиса.

— Да.

— А почему ты скрыл от людей, что ты разумный?

— В первые недели я потерял дар речи. Ум мой работал еле-еле. Я тяжело болел. Меня осматривали инженеры, но они решили, что я погиб где-то в глубинах космоса и меня принесло к Земле звездными течениями. Так что я стою здесь как неопознанный обломок, который не представляет интереса для науки.

— А почему ты молчал, когда к тебе вернулась речь? — спросил Пашка.

— Я о многом передумал. Я не знаю, кто на меня напал и почему. Может быть, у вас на Земле есть злобные люди, которые уничтожают гостей?

— Ты с ума сошел! — воскликнул Пашка.

— А вдруг это был заговор против моей госпожи? Вдруг кто-то не хотел, чтобы я ее нашел? Сначала я решил выздороветь, а потом уже действовать. Пока что я начал заращивать дыру в борту. Еще неделю назад дыра в моем боку была вдвое больше. Я не бездельничаю, не сдаюсь на милость судьбы.

— И тут ты увидел нас, — сказал Пашка. — И решил нас использовать.

— Это вы решили меня использовать. Наверное, мне повезло. Если вы меня почините, я сделаю все, что вам нужно, а потом полечу дальше, искать госпожу Ирию.

— Правильно, — сказал Пашка.

— Неправильно, — возразил Аркаша.

— А в чем дело?

— Неужели ты не понял? — ответила за Аркашу Алиса. — Первым делом мы должны найти Ирию Гай.

— Что я слышу! — прошептал корабль. — Неужели в вас столько благородства?

— Это естественно, — сказал Аркаша. — Если у тебя несчастье, мы должны помочь.

— Но ведь я совсем чужой, и к тому же не человек, а корабль.

— Какая разница! — воскликнула Алиса. — Ты переживаешь, как самый настоящий человек.

— Погодите, погодите, — сказал Пашка, — что за спешка? А где гарантии, что этот катер не бросит нас, как только найдет свою госпожу? Мы тут будем стараться, трудиться и останемся без гоночного корабля.

— Как тебе не стыдно! — сказала Алиса.

— Паша прав, — сказал корабль. — Хоть и печально, что он плохо обо мне думает. Я даю слово, что буду вам честно служить.

— Не слушай Пашку, — сказала Алиса. — Ты лучше расскажи все, что знаешь об Ирии, чтобы нам легче было ее отыскать.

На дисплее возникло лицо молодой женщины. Лицо было красивым, решительным, волосы подстрижены очень коротко, на щеке небольшой шрам.

— Ее легко отличить от остальных женщин, — произнес Гай-до. — Она всегда ходит в мужской одежде, говорит редко, но метко, иногда даже употребляет грубые слова. Шаги широкие, спина прямая, любимые занятия: стрельба из пистолета, верховая езда, бокс и поднятие штанги... Ладони мозолистые, отлично обращается с рубанком и топором, владеет приемами смертоносной борьбы вейко. Это самая мужественная женщина во всей галактике, и лишь по недоразумению она родилась не мужчиной.

— Вот это да! — сказал Пашка. — Хотел бы я иметь такую сестру.

— А что ты знаешь о Тадеуше? — спросила Алиса.

— Тадеуш — он и есть Тадеуш. — В голосе корабля прозвучало презрение. — Обыкновенный биолог, таким не место в галактике, даже за себя постоять не может.

На дисплее показалось лицо приятного молодого человека, голубоглазого, курчавого, скуластого, с грустными глазами.

— Он очень обыкновенный, — сказал корабль. — Такой обыкновенный, что даже смотреть не на что.

— Тадеуш, — сказал Аркаша. — Наверное, из Польши.

— Не играет роли, — твердо ответил корабль. — Он недостоин моей госпожи.

На следующий день Пашка с Аркадием с утра снова улетели в Сахару, а Алиса отправилась в центральный информаторий, чтобы разыскать Ирию.

Оказалось, что это не так просто.

Во-первых, никакой Ирии Гай на Земле не было.

Женщин же по имени Ирина, Ирия, Ира и Ираида жило на планете слишком много. А какая из них нужна, не угадаешь.

Стали искать Тадеуша.

Но в Польше обнаружили триста двадцать тысяч восемьсот четыре Тадеуша самого разного возраста, и из них несколько тысяч побывали в космосе, потому что, как известно, поляки любят путешествовать.

Тогда девушка, которая занималась поисками Ирии, попросила Алису подождать, пока она свяжется с Управлением космической разведки. Алиса пошла к автомату с мороженым, выбрала себе трубочку сливочного, покрытого ананасовым желе с тонкой хрустящей леденцовой корочкой. Не успела она доесть мороженое, как девушка позвала ее.

— Кое-что проясняется, — сказала она. — В Управлении мне сказали, что один Тадеуш Сокол числится в списках космобиологов по беспозвоночным. Он летал в экспедицию к системе Прокл, был ранен, лечился, полтора года назад вернулся на Землю. Сейчас живет возле города Вроцлав в поселке Стрельцы. Вот координаты.

Девушка нажала на кнопку, и из-под дисплея вылетела карточка со всеми данными. На обороте карточки было написано, как долететь из Москвы до поселка Стрельцы во Вроцлавском воеводстве, с расписанием подземки, аэробуса и координатами флаерной станции.

Алиса доела мороженое и взяла на стоянке флаер. Конечно, флаером лететь до Стрельцов немного дольше, чем добираться подземкой. Но подземка идет только до Вроцлава, а там надо пересаживаться. На флаере можно не спеша долететь прямо до нужного дома. Заложил в него карточку, полученную в информационном центре, остальное он сам найдет.

Настроение у Алисы было отличное, она предвкушала, как обрадуется Ирия, узнав, что ее кораблик на Земле.

Флаер сделал круг над поселком. Справа виднелись небоскребы и соборы Вроцлава, далее начиналась зеленая зона — деревья были покрыты молодой листвой, лес был светлый, пронизанный солнцем. Алиса опустила флаер на поляне и пошла через лес к нужному дому. Она не спешила. Уж очень ей тут понравилось. В лесу было свежо, из травы поднимались ландыши. Алиса рвала заячью капусту и жевала кислые мягкие листочки. В траве зашуршал ежик и смело вышел на прогалину, не обращая на Алису внимания. На иголках у него были смешно наколотые листья. Алиса догнала ежика и сказала:

— Какой ты неаккуратный!

Ежик фыркнул, обиделся и шустро побежал прочь.

Алиса засмеялась.

Светило солнце, ветер был упругий, но не холодный, шумели листвой березы.

По тропинке от поселка шла женщина в сарафане. Она катила перед собой детскую коляску. В коляске лежал совсем маленький мальш, держал в руке погремушку и так внимательно смотрел на нее, словно решал математическую задачу. Алиса поздоровалась с женщиной, спросила по-русски, как зовут мальшку.

— Ванда, — сказала женщина. Может, женщина и не знала русского языка, но каждому

ясно, что у тебя спрашивают, если смотрят на твоего ребенка и притом улыбаются.

— Скажите, — Алиса вынула информационную карточку, — как пройти к дому Тадеуша Сокола?

— Тадеуш Сокол? — повторила женщина тихим, очень нежным голосом.

Алиса залюбовалась ею. Она была такая воздушная и нежная. Длинные пышные волосы легко касались загорелых плеч, сарафан мягкими складками прилегал к стройному телу. У женщины были странные глаза сиреневого цвета в длинных черных ресницах.

— О! — сказала женщина. — Тадеуш Сокол. Это есть мой муж.

«Ой! — испуганно подумала Алиса. — Я и не подозревала, что столкнулась с трагедией. Значит, этот самый Тадеуш полюбил другую женщину и прогнал женщину-мужчину, которую ищет кораблик Гай-до. А вдруг Ирия с горя покончила с собой?»

— Я провожу? — спросила женщина.

Она повернула коляску и пошла по тропинке. Алиса за ней. Женщина раз или два обернулась, с тревогой глядя на Алису, словно настроение Алисы передалось ей.

Шагов через сто перелесок кончился, и перед ними открылся тихий поселок маленьких разноцветных домиков, окруженных садами. Женщина покатила коляску к крайнему дому. В саду загорелый мужчина в закатанных до колен штанах красил известью стволы яблонь.

— Тадеуш! — позвала женщина.

Мужчина выпрямился и радостно улыбнулся женщине.

Он спросил ее что-то по-польски. Женщина ответила, обернулась к Алисе.

Алиса сказала:

— Здравствуйте. Простите, что я не знаю польского языка, но мне нужно обязательно поговорить с Тадеушем Соколом по очень важному делу.

— Хорошо, девочка, — ответил Тадеуш, ставя кисть в ведро и вытирая руки. — Ты можешь говорить здесь?

— Мне хотелось бы, — сказала Алиса, чувствуя себя неловко, — поговорить с вами наедине.

— Хорошо, — сказал Тадеуш. — Пошли в дом.

Он сказал что-то своей жене, та осталась в саду, а Тадеуш провел Алису на веранду. Он был мало похож на Тадеуша с дисплея. Алиса не узнала бы его, встретив на улице. И понятно — Гай-до помнил его больным, чуть живым.

Тадеуш сел в соломенное кресло и показал Алисе на второе.

— Ты хочешь молока? — спросил он.

— Нет, спасибо, — сказала Алиса. — Я к вам на минутку.

— Откуда ты?

— Меня зовут Алиса Селезнева. Я живу в Москве, но прилетела я к вам со свалки.

— Очень приятно, — сказал Тадеуш, но было видно, что он удивился. — А что тебя привело на свалку?

Алиса посмотрела в сад. Молодая женщина снимала с веревки детские ползунки.

Алиса ужасно стеснялась и потому говорила сбивчиво:

— Он ее любит и ради нее преодолел половину галактики. Он думает, что вы всему виной. Но теперь, когда я все поняла, то я, конечно, ничего не скажу, но что вы с ней сделали?

— Я ничего не понимаю, — сказал Тадеуш. — Объясни спокойно.

— Зачем объяснять? Я думаю, что вы все понимаете. Куда она улетела? Домой? Она

ничего с собой не сделала?

— Может, тебе принести валерьянки? — спросил Тадеуш.

— Пожалуйста, не надо вилять и обманывать, — сказала Алиса. Она начала сердиться на этого биолога. Виноват, а сидит на веранде и еще предлагает валерьянку. — Обойдемся без валерьянки.

Тадеуш кинул встревоженный взгляд на жену, но та не смотрела в их сторону.

— Что я ему скажу? — спросила Алиса. — Он же при смерти. У него вот такая дыра в боку.

— Дыра? — Биолог вскочил. — У кого дыра?

Он сказал это так громко, что жена услышала его голос и поняла: на веранде происходит что-то неладное.

В мгновение ока она вбежала на веранду. И замерла, переводя взгляд с Тадеуша на Алису.

— Ничего не понимаю, — развел руками Тадеуш. — У кого-то дыра в боку, кто-то еще из-за меня погиб, а кого-то я, по-моему, убил.

Биолог говорил на космолингве — языке, который Алиса отлично понимала.

Молодая женщина смотрела на Алису.

«Ну что ж, — подумала Алиса. — Я хотела быть деликатной и щадила их чувства. Они сами этого не хотят».

— Я скажу всю правду, — произнесла она решительно. — Ваш муж был на планете Вестер. Это было давно, почти два года назад.

— Я знаю, — сказала молодая женщина.

Тадеуш на секунду скрылся внутри дома и вернулся, держа в одной руке флакон валерьянки, в другой — стакан с водой.

— Он был ранен, и за ним ухаживала одна женщина по имени Ирия Гай. Это совсем особенная женщина. Она скорее мужчина, чем женщина, она изобрела и построила корабль Гай-до.

— Знаю, — коротко ответила молодая женщина.

Ее длинные волосы ниспадали на плечи, и сзади их подсвечивало ласковое польское солнце. И оттого эта женщина показалась Алисе красивой, как принцесса из сказки. Ей было очень жаль огорчать такую милую женщину. Но раз уж она начала говорить, останавливаться было поздно.

— Эта Ирия улетела за Тадеушем на Землю. Может быть, она его любила, а может, просто пожалела. Я не знаю.

— Любила, — сказала молодая женщина.

— Тем хуже, — вздохнула Алиса. — Потому что я ищу эту женщину, а оказалось, что он уже женился на вас. Все так запуталось, и я не знаю, что теперь делать. Но мне надо отыскать Ирию Гай. Хотя, может быть, он, — Алиса показала на Тадеуша, — ничего вам про нее не рассказывал.

— Ты права, — сказала молодая женщина и вдруг улыбнулась. — Он ничего мне про нее не рассказал, потому что я и есть Ирия Гай. И на мне он женился.

— Нет! — ахнула Алиса. — Вы не можете быть Ирией Гай. Ирия Гай совсем другая. Она почти мужчина, так ее воспитал отец. Она гоняет на скутерах и занимается штангой. Она обожает рубить деревья.

— Я немного изменилась, — сказала Ирия Гай.

— Разве изменилась? — произнес Тадеуш и сам выпил валерьянку. — Я думал, что совсем не изменилась.

— Но вы совсем другая, — сказала Алиса. — Он мне рассказывал... и даже показывал ваш портрет. У вас даже взгляд другой.

— Кто обо мне рассказывал? — спросила Ирия.

— А у кого дырка в боку? Кто так любит мою жену? — нервно спросил Тадеуш.

— Конечно, Гай-до, — сказала Алиса.

— Корабль? — спросила Ирия. — А как ты могла его увидеть?

— Он так волновался, что полетел на Землю вас искать. Мы его нашли на Земле. На свалке.

— На какой свалке?

— На свалке космических кораблей. В Сахаре. Его обстреляли по пути к Земле, и он чуть было не погиб. Но все-таки долетел. Потому что хотел вас увидеть.

— Глупенький кораблик, — сказала Ирия Гай.

И в этот момент в саду заплакал ребенок. Ирия кинулась с веранды, подхватила малышку на руки и стала укачивать.

— Теперь я все понял, — сказал Тадеуш, — а сначала я даже испугался.

— Я тоже запуталась. Ваша Ирия не похожа на Ирию. А теперь я смотрю и вижу — конечно же, это Ирия, только она изменилась.

— Тадеуш, — послышался из сада голос Ирии, — поставь греть кашку.

— Сейчас, — откликнулся Тадеуш и убежал на кухню.

Алиса осталась на веранде одна.

Всего она ожидала, но не этого. В саду плачет ребенок, Тадеуш разогревает кашку... А как же космос? А куда делась героиня, которая больше мужчина, чем женщина?

Героиня поднялась на веранду. На руках она несла ребеночка.

— Посмотри, — сказала она Алисе, — Вандочка — удивительное дитя. У нее уже зубик прорезается.

Алиса посмотрела на малышку: совершенно обыкновенный ребенок.

— И что мы будем делать с Гай-до? — спросила она.

— С кем? — удивилась женщина. — Ах, с кораблем? Но ты же сказала, что он на свалке.

— Вам его не жалко?

— Жалко? Конечно. Тадеуш, где же наконец кашка?

— Иду-иду, — откликнулся Тадеуш. Он прибежал на веранду, держа за ручку красную кастрюльку.

— Гай-до прилетел сюда из-за вас. Его чуть не убили, — сказала Алиса.

— Я его помню, — сказал Тадеуш. — Очень забавное кибернетическое устройство. Имитация человеческого поведения. Твой отец был чудак.

— Мой отец был великий чудак, — ответила Ирия. — Правда, мне из-за этого пришлось нелегко. Я потеряла детство. В то время как мои счастливые сверстницы играли в куклы, я твердила логарифмы и осваивала рубанок. Вспомнить ужасно!

— А Гай-до говорил, что вам это нравилось.

— Я любила отца, — ответила молодая женщина, — и слушалась его. К тому же я не знала другой жизни.

— Славный старина Гай-до, — сказал Тадеуш, размешивая кашку, чтобы малышка не

обожглась. — Помнишь, как вы меня нашли? Я ему очень благодарен.

— Значит, ты благодарен мне, — сказала Ирия. — Ведь я построила этот катер.

— Тебе я благодарен всегда, — ответил Тадеуш. — А ему за то, что он вытащил нас с той проклятой планеты, когда нас хотели убить.

— Но ведь не он два месяца сидел рядом с тобой в больнице?

Алисе показалось, что Ирия немного сердится на Тадеуша. «Так бывает, — подумала она. — Люди чувствуют себя виноватыми, а сердятся на других».

— Может, слетаем на свалку, навестим его? — сказал Тадеуш.

— Лучше Алиса пришлет нам его фотографию, — ответила Ирия. — Я не хотела бы оставлять Вандочку. В конце концов, корабль — это корабль. Не больше. Он связан с моим прошлым. Честно говоря, это прошлое мне кажется страшным сном. Лучше бы его не было. Только здесь я поняла, что создана не для приключений и бокса, а для того, чтобы качать детей и вышивать. Оказывается, я отлично вышиваю. Ты умеешь вышивать, Алиса?

— Нет, — сказала Алиса. — Я учусь стрелять из лука.

— Стрелять из лука — не главное в жизни, — засмеялась Ирия, прижимая к себе ребеночка.

— Не знаю, — сказала Алиса. — Мне кажется, что главное в жизни — это наука и приключения.

— Раньше я тоже была глупой. Теперь меня ничто не оторвет от дома. Ты будешь с нами обедать? У меня суп с клецками. Очень вкусный.

— Нет, спасибо, — сказала Алиса. — Меня друзья ждут. Мы хотим починить Гай-до.

— Зачем? Лучше постройте новый корабль. Гай-до свое отлетал.

— Нет, — не согласилась Алиса. — Второго такого корабля нет. Но он так переживал из-за вас!

— Знаешь что, — сказала Ирия сердито, — я бы на вашем месте отключила его динамик. Кораблю незачем разговаривать.

— Мы этого никогда не сделаем. Мы с ним уже почти подружились. А что сказать, если Гай-до будет спрашивать, нашла я вас или нет?

— Что? — Ирия задумалась. Потом сказала: — Тадеуш, поддержи ребенка.

И быстро ушла в комнату.

Тадеуш спросил:

— Ты сказала, что у него дыра в боку. Что случилось?

— Кто-то напал на Гай-до, когда он подлетал к Солнечной системе.

— Напал? И выстрелил?

— Да. Он не знает, кто и почему. Его подобрал наш патрульный крейсер, и он очнулся уже на свалке.

— Странно, — сказал Тадеуш.

Тут на веранду вышла Ирия.

Она протянула Алисе маленькую плоскую кассету.

— Отдай эту видеопленку Гай-до. Он сам скажет тебе, куда ее вставить. Тут я передаю ему привет и говорю, что у меня все в порядке, прошу, чтобы он забыл обо мне. Я больше никогда не буду летать. Я счастлива на Земле.

Ирия и Тадеуш вышли проводить Алису к калитке.

Алиса лесом добежала до флаера.

Через два часа она была уже в Сахаре.

Алиса рассказала обо всем ребятам, а кассету вставила в видеофон.

Корабль был огорчен. Он надолго замолчал и даже перестал помогать Пашке и Аркаше советами. Словно его больше не интересовала собственная судьба. Но работать он не мешал, просто вдруг превратился в самый обыкновенный безмолвный корабль.

Алисе было жалко его. Конечно, у каждого человека своя судьба. И кораблю не разобраться в человеческих отношениях. Но Алисе почему-то казалось, что Гай-до — это щенок, который привязался к своему хозяину, а тот переехал на другую квартиру и решил, что обойдется без щенка, потому что он может испортить ковер. Вот и бегаёт щенок по улице и никак не поймет, за что его так обидели.

Аркаша привез из Москвы заправку кораллита. Это материал, из которого часто строят на Земле дома. Он состоит из живых кораллов, которые могут расти на воздухе. Если сделать кораллиту форму или опалубку, а потом поливать его питательным раствором, микроскопические кораллы начинают буйно размножаться, заполняя форму плотной массой, которая крепче любого бетона и легче ваты.

Пашка с Аркашей сделали из пластиковых листов заплату на корпус Гай-до, а затем нарастили ее кораллитом.

Кораллит быстро затянул пробоину. Получилось не очень красиво, но крепко. Даже в космос не страшно подняться, хотя надежнее сделать заплату металлическую. Но для этого надо перелететь в Москву, в школьную мастерскую. Там есть приборы и станки, с помощью которых можно починить Гай-до.

Подготовка к перелету заняла еще три дня.

Все эти дни Гай-до упрямо молчал.

Впервые он заговорил утром четвертого дня, когда москвичи прилетели на свалку, чтобы перегнать корабль к себе домой.

Пока Аркаша с Павлом сидели у Джамили, оформляя документы — ведь все корабли на учете и просто так забрать оттуда корабль нельзя, — Алиса включила пылесос, привезенный из дома, чтобы прибрать на мостике и в каюте.

Она так отвыкла от того, что Гай-до разговаривает, что вздрогнула, когда услышала голос корабля.

— Алиса, — сказал корабль, — я вам не советую лететь в Москву.

— Ой! — сказала Алиса. — Ты заговорил! Как хорошо!

— Я решил покончить с собой. И не хочу, чтобы в этот момент вы оказались внутри меня.

— Ты с ума сошел! — ответила Алиса. — Так не бывает! В истории космонавтики еще не было случая, чтобы корабль покончил с собой.

— Это будет первый случай, — сказал Гай-до, — потому что я первый в мире разумный корабль, которого так жестоко обманули. Я не хочу больше жить.

— Это из-за Ирии?

— Я желаю ей счастья, — сказал Гай-до. — Но я ей не нужен. И она этого от меня не скрывает. Она даже не хочет обо мне вспоминать. Она не хочет вспоминать ни о чем, что связано с ее прошлой жизнью. Значит, я должен исчезнуть. А вдруг она вспомнит обо мне и начнет разрываться между мною и этим проклятым Гадеушем. Она разрушит семью, забудет своего ребеночка. И все будут страдать. Нет, я не могу этого допустить. Поэтому я должен

погибнуть.

— Как же ты собираешься это сделать? — спросила Алиса.

— Несложно, — сказал печально корабль. — Я возьму курс на ближайший астероид, разгонюсь до субсветовой скорости и врежусь в него. От меня ничего не останется.

— И ты твердо решил? — спросила Алиса и неожиданно для себя заплакала.

— Твердо, — ответил корабль.

— Как жалко!

— Мне тоже нелегко.

Алиса ничего не могла с собой поделаться. Она почти никогда не плакала, а тем более нельзя плакать, если тебе уже скоро двенадцать лет и ты облетела половину Галактики. Но представьте себе, как маленький, никому не нужный корабль Гай-до устремляется к пустому холодному клыкастому астероиду, чтобы найти мгновенную смерть в его скалах.

И в этот момент вернулись веселые, запыхавшиеся Пашка с Аркашей. И увидели, что Алиса сидит в кресле пилота с пылесосом в руках и безудержно рыдает. А вторя ей, из динамика над пультом доносится еще чей-то тихий плач.

— Кто тебя обидел? — бросился к Алисе Пашка. — Скажи, и я его убью!

— Может, тебя скорпион укусил? — спросил Аркаша.

— Нет, но у меня горе.

— Какое?

— Гай-до не хочет больше жить. Он решил разбиться об астероид.

— Чепуха какая-то, — сказал Пашка. — Так не бывает.

— Почему не бывает? — сказал Аркаша, который уже все понял. — Если ты дал разум машине, если ты научил ее чувствовать и переживать, то несешь за нее ответственность. А что сделала Ирия? Она нашла свое счастье и забыла, что этим отняла счастье у другого. Я не знаю, что бы я сделал на месте Гай-до.

— Спасибо, — сказал Гай-до. — Так хорошо, когда тебя понимают.

— Гай-до, миленький, постарайся не умирать, — сказала Алиса, глотая слезы. — Я буду о тебе заботиться.

— Она в самом деле опечалена? — спросил Гай-до.

— Еще как! — сказал Пашка. — Я бы этой Ирии голову оторвал.

— Послушай, Гай-до, — сказал разумный Аркаша, — может быть, вместо того чтобы разбиваться об астероид, ты поищешь другой смысл в жизни? Ты еще молодой, тебе летать и летать...

— Не знаю, — всхлипнул корабль. — Я не вижу этого смысла.

— Неправда, — возразил Пашка. — Смысл есть. Смысл в том, чтобы нам всем вместе победить в гонке.

— А потом? — спросил корабль.

— А потом придумаем. Полетим с тобой в Галактику. Будем воевать с космическими пиратами. Найдем странников. Дел на всю жизнь хватит.

Гай-до замолчал. Задумался.

Алиса вытерла слезы. Ей было неловко перед друзьями, хотя никто ее не осуждал. Все они за эти дни привыкли к кораблику как к живому существу.

— Давайте я слетаю к этой Ирии, — сказал Пашка. — Я ей все выскажу по-мужски.

— Зря стараешься, — сказала Алиса. — Она не поймет. Нет смысла.

— Нет смысла, — повторил корабль. — Но есть над чем задуматься. Слезы... детские

слезы...

И он снова замолчал.

— Что теперь? — спросил Аркаша. — Возвращаемся домой?

— Нет, — твердо сказала Алиса. — Я его здесь не оставлю. Или он летит с нами и будет жить в Москве, или я останусь здесь.

— И умрешь от голода и жажды.

— Не умру, — сказала Алиса. — Джамия меня поймет.

— Погодите! — воскликнул кораблик. — Алисе не надо здесь оставаться. Я лечу с вами в Москву. Я решил жить, потому что видел, как из-за моих несчастий плакала эта чудесная девочка. Значит, я все-таки не один на свете.

— Не один, — твердо сказал Пашка, который испугался, что затея с гонками рухнула. — Мы с Аркашей тоже тебя не оставим. Будешь четвертым членом экипажа. Честное слово!

— Спасибо, — сказал Гай-до. Еще подумал и добавил: — Когда вылетаем? Мне надо сменить в мозгу шестнадцать кристаллов.

— Чем скорее, тем лучше, — ответил Аркаша.

— Тогда за работу! — ответил кораблик бодрым голосом.

Я с вами не полечу!

Они попрощались с Джамией, у которой сидели биолог по случайным мутациям и специалист по сельскохозяйственным вредителям. Они и прилетели из Лондона искать этот таинственный серый мяч, который ребята видели на свалке. Пашка решил было задержаться и вместе с ними ловить серый мяч, но Аркаша посмотрел на него так строго, что Пашка смешался и сказал, что он пошутил.

Через Средиземное море летели не спеша, невысоко, чтобы Гай-до посмотрел Землю. Он ведь ее толком еще и не видел. Средиземное море ему понравилось, но красоту храма Парфенон кораблик не оценил. У него были свои понятия о красоте, которые не имели ничего общего со вкусами древних греков.

Зато Москву корабль одобрил. И небоскребы, и чистоту на улицах, и даже самих москвичей.

Школьная техническая площадка расположена между учебным зданием и футбольным полем. На площадке есть мастерские, небольшой ангар для летательных аппаратов, полигон и склад. Когда Гай-до снизился, там как раз возились первоклассники, которые разбирали старый спутник на практических занятиях по истории космонавтики. Мальши загалдели, окружили кораблик, он им понравился, и они не скрывали своего удовольствия. Оказалось, что и Гай-до не лишен тщеславия. Он медленно поворачивался вокруг оси, чтобы мальши могли его получше разглядеть, и Алисе даже захотелось засмеяться, но она сдержалась, чтобы не обидеть Гай-до. А тот сказал ей:

— Приятные ребята, из них выйдет толк. Когда-нибудь я с ними займусь.

Потом пришел Лукьяныч, бывший механик на грузовых кораблях, человек ворчливый, но добрый — даже трудно представить себе, сколько поколений учеников школы занималось у него космической техникой. Его слово было решающим. Пашка даже побледнел, так ему хотелось, чтобы экзамен прошел успешно.

Лукьяныч долго ходил вокруг Гай-до, заглянул внутрь, посидел в пилотском кресле.

Гай-до молчал, он договорился с Алисой, что пока не будет показывать, что он разумный, а то начнутся всякие разговоры, расспросы... Ведь Лукьянычу все равно, разговаривает корабль или нет. Лукьянычу важны ходовые характеристики.

Лукьяныч вылез из Гай-до и сказал, покручивая сизый ус:

— Работа мастера!

Это было высокой похвалой конструктору корабля. Но потом Лукьяныч добавил:

— Вам его не довести до кондиции.

— Почему?

— Гонки идут не в открытом космосе, а частично в атмосфере. В этом вся загвоздка. Корпус побит, погнут, дыру вы заделали кое-как. Разогнаться как следует не удастся.

— А вы можете? — спросила Алиса.

— Не помогу, — сказал Лукьяныч. — Послезавтра уезжаю на практику с седьмыми классами. А восстанавливать его надо на заводе. Сами понимаете.

С этими словами Лукьяныч ушел, оставив космонавтов в полном отчаянии. Потому что если Лукьяныч сказал, что корпус не восстановить, значит, не восстановить.

Они забрались в Гай-до, и Аркаша спросил:

— Ты слышал, что он сказал?

— Слышал, — ответил Гай-до. — Но я постараюсь.

— Что ты сможешь сделать! — воскликнул в сердцах Пашка. — Не надо было под ту ракету соваться!

— Глупо, — заметил Аркаша. — Откуда он знал, что по нему будут стрелять?

— Может, в самом деле поговорить на космическом заводе? — спросила Алиса. — Попросить их.

— Ничего не получится, — сказал Аркаша. — На заводе свой план, они и так не справляются, вон сколько нужно кораблей! А к ним приходят дети и говорят: почините нам игрушку.

— Я не игрушка, — сказал Гай-до, — вы слышали, как профессор Лукьяныч сказал, что меня делал мастер?

— На прошлом далеко не уедешь, — заметил Пашка. — А наши соперники уже выходят на финишную прямую. Я звонил сегодня утром в Шанхай. Ван и Лю говорят, что почти готовы.

— Но я же прилетел сюда из Сахары! — сказал Гай-до.

— На малой скорости. И то ты плохо держал курс, сам знаешь.

— Знаю, — убитым голосом сказал Гай-до. — А я так хотел быть вам полезен.

— Мы тебя не упрекаем, — сказала Алиса. — Просто не повезло.

— Заколдованный круг получается, — сказал Аркаша. — Если бы ты был в полном порядке, мы обогнали бы всех и на обычном топливе. Если бы у нас было какое-нибудь особенное топливо для разгона в атмосфере, мы бы обогнали всех и в таком виде.

— Топливо... — повторил Гай-до. — А что, если... Нет, для меня эти воспоминания слишком тяжелые.

— Какие воспоминания? — быстро спросил Пашка.

— Воспоминания о планете Пять-четыре, где госпожа Ирия встретила этого Тадеуша.

— А что там было?

— Может, ничего и не было.

— Гай-до, — строго сказал Пашка, — или ты сейчас все рассказываешь, или остаешься

навсегда на этой площадке, и пусть с тобой играют первоклассники.

— Я же вам рассказывал, — произнес нехотя Гай-до, — что мы нашли Тадеуша возле базы странников.

— База странников! — Пашка подскочил в кресле и чуть не стукнулся головой о потолок.

— База очень старая.

— Они все старые, — сказал Пашка. — Все равно туда не заберешься.

— Ах, вы такие забывчивые, друзья мои! — вздохнул корабль. — Я же видел там цистерны с горючим. А если я их видел, значит, они были видны.

— Я помню, — сказал Аркаша, — ты говорил, что вход был разрушен землетрясением.

— Значит, — сказал Гай-до, — предохранительный механизм, который уничтожает базу, если туда попадает посторонний, вышел из строя.

— Повтори, — сказал Пашка торжественно.

— Вышел из строя.

— Чего же ты молчал! — закричал Пашка. — Мы немедленно летим на планету Пять-четыре, забираем горючее странников... и, может быть, сокровища!

— Нет, — сказал Аркаша, — я категорически возражаю. Мы должны сообщить об этом в Верховный совет Земли. Туда снарядят экспедицию. Этим должны заниматься взрослые.

— Очень разумно, — сказал корабль. — Я преклоняюсь перед вашей разумностью, Аркаша.

— Я тоже преклоняюсь, — сказал Пашка. — Я думаю, Аркаше пора возвращаться к ботаническим опытам. Квадратный арбуз — вот цель жизни!

— Это почему? — обиделся Аркаша. — Нельзя сказать правду, чтобы ты сразу не накинулся.

— И никаких гонок, разумеется, не будет, — сказал Пашка.

— Почему же?

— А очень просто, — ответила за Пашку Алиса. — Потому что мы должны будем в первую очередь отдать в Верховный совет нашего Гай-до. Его будут там расспрашивать и проверять. Может, он больной. Может, его так повредило ракетой, что он начал придумывать разные фантазии.

— Правильно! — подхватил Пашка. — И потом, конечно, Гай-до разберут на части.

— Не надо! — закричал корабль.

— И, уж конечно, ему никогда не подняться в космос.

— Не надо!

— А потом на планету Пять-четыре полетит экспедиция, в которую ни за что не возьмут ни одного легкомысленного ребенка. Туда полетят профессора и академики, а потом напишут миллион статей о возможном применении отдельных предметов... А мы прочтем об этом в газетах.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Аркаша.

— Совершенно ясно, — сказала Алиса, — Пашка предлагает полететь туда самим.

— Полететь туда самим, поглядеть хоть одним глазком на сокровища странников. Я живу на свете только один раз! — Тут Пашка встал в гордую позу, чтобы все поняли, что живет он не зря. — Я не знаю, сколько подвигов и великих открытий я успею совершить. Но когда мне говорят: «Гераскин, ты можешь!» — я бросаю все дела и иду!

— Мне нравится, как говорит Павел, — сказал корабль. — Я его понимаю. Но, к

сожалению, я должен возразить: это путешествие может оказаться очень опасным.

— И мы вообще не долетим, — добавил Аркаша. — Это же настоящее космическое путешествие с большим прыжком. Его категорически запрещено делать человеку, не имеющему диплома космонавта. И вы подумали, что скажут наши родители?

— Отвечаю по пунктам, — сказал Пашка. — Во-первых, мы долетим, потому что полетим туда не на обыкновенном глупом корабле, а на нашем друге Гай-до. Он сделает все, что нужно. Ты сделаешь, Гай-до?

— Сделаю, — сказал кораблик.

— Второе. Никому мы ничего не скажем. Потому что нам, конечно, запретят лететь. А родители наши сойдут с ума от страха за своих малышей. При всех положительных качествах они совершенно отсталые, как и положено родителям.

— Я с вами не играю, — сказал Аркаша.

— Я и не ждал, что ты согласишься, — сказал Пашка. — Для этого требуется смелость, а смелость дана не каждому. Но ты должен дать слово, что будешь держать язык за зубами.

— Я не могу дать такого слова.

— Тогда мне придется тебя обезвредить, — сказал Пашка.

— Попробуй.

— Я найду подходящее подземелье и заточу тебя на то время, пока нас не будет.

— Ладно, мальчики, — сказала Алиса. — Хватит ссориться. А то вы наговорите глупостей, а потом будете целый месяц дуться друг на друга.

— Скажи, Алиса, — вступил в разговор кораблик, — а наш друг Паша в самом деле намерен провести в жизнь свой страшный план и посадить Аркадия в подземелье?

— Нет, — ответил за Алису Аркаша. — У него нет под рукой подходящего подземелья.

Аркаша повернулся и ушел.

Пашка бросился было за ним, но потом махнул рукой.

— Беги, предатель, — сказал он.

— Он никому не скажет, — сказала Алиса.

— Я знаю, — ответил Пашка. — Все равно обидно. Пошли, Алиска, нам надо придумать, что сказать предкам.

Они попрощались с Гай-до и выскочили из него.

День был радостный, солнечный. На площадке перед кораблем стоял молодой мужчина и задумчиво рассматривал его.

Мужчина был Алисе знаком, но она никак не ожидала его тут увидеть и сразу не узнала.

— Тадеуш! — воскликнула она. — Вы что здесь делаете? А где Ирия?

— Здравствуй, Алиса, — сказал Тадеуш Сокол. — Ирия во Вроцлаве с ребенком. А я вот приехал в Москву по делам. У нас конференция. И думаю: разыщу тебя, узнаю...

— А это Паша, мой друг, — сказала Алиса. — Мы хотим с ним вместе полететь на Гай-до.

— Очень хорошо, — сказал Тадеуш. — Я рад.

— Значит, это вы — муж Ирии? — спросил Пашка строго.

— Ты угадал.

— Понятно, — сказал Пашка. Тадеуш ему не понравился.

Они замолчали, глядя на кораблик. Он стоял совсем рядом, но неизвестно было, слышал их или нет. А может, он и не узнал Тадеуша. А если и узнал, то не подал вида. Наверное, потому, что считал Тадеуша виновником всех бед.

— Я себя чувствую неловко, — сказал Тадеуш. — Но жизнь очень сложная штука. Вы это еще поймете. Потом.

— Я уже сейчас понимаю, — сказал Пашка.

Тадеуш только улыбнулся.

Алиса подумала: «Он не так уж и виноват. Это все Ирия решила». Чтобы не молчать, она спросила:

— А вы на планете Пять-четыре не видели базы странников?

Пашка толкнул Алису в бок: замолчи!

— Базу странников? — удивился Тадеуш. — А разве она там есть?

— Нет, — сказал быстро Пашка. — Научкой установлено, что там нет базы странников.

— Впрочем, — сказал Тадеуш, — если бы я выбирал самое дикое место, чтобы спрятать базу, лучше, чем Пять-четыре, не найдешь.

— Вы так и не помните, кто на вас напал? — спросила Алиса.

— Нет. Это случилось очень неожиданно. Хотя, если задуматься, у меня в тот день было странное ощущение, словно за мной кто-то следит. Неприятное ощущение. Там водятся серые шары, большие, как... футбольный мяч. Один такой шар от меня буквально не отставал.

Тадеуш замолк. Алиса вдруг вспомнила мяч на свалке.

— Вот такой? — Она показала руками.

— Да, примерно такой... Простите, мне пора идти. До свидания, ребята. Напишите мне, как прошли гонки. До свидания, Гай-до.

Гай-до ничего не ответил.

Они попрощались с Тадеушем у школьных ворот. Его ждал флаер.

Тадеуш помахал сверху рукой. Алиса помахала в ответ. Пашка махать не стал.

— Где бы добыть оружие? — сказал Пашка. — В такую экспедицию безумие лететь невооруженным.

Алиса только отмахнулась. Она оставила Пашку на перекрестке и пошла домой.

Нельзя сказать, что она была довольна собой. Она отлично понимала, что Аркаша прав: детское легкомыслие — лететь на неизвестную планету, искать базу странников. Надо обо всем рассказать отцу. Тогда прощай, Гай-до, прощайте, гонки, прощай, Большое Приключение. Но как трудно от этого отказаться! А что, если Аркаша обо всем расскажет? Тогда она ни в чем не будет виновата. Все получится само собой. Нет, лучше, если Аркаша промолчит. В конце концов, что тут особенного? И она, и Пашка бывали в космосе, они уже не дети, им по двенадцать лет. Гай-до не обыкновенный корабль. А если открыть сокровища странников — это редчайшая удача!

Алиса почувствовала, что сзади кто-то есть.

Она быстро обернулась и увидела, что по дорожке следом за ней катится серый мяч.

Поняв, что его увидели, мяч резко изменил направление и покатился к кустам.

— Стой! — крикнула Алиса. — Еще чего не хватало!

Кусты зашуршали. Алиса раздвинула их, но ничего не увидела.

Может, показалось? Тадеуш говорил про серый шар, вот и чудится всякая чепуха.

Алиса не заметила, что серый мяч как бы растекся, превратился в серую пленку и обвил дерево, слившись с его корой.

«Пойду домой, — решила она. — Надо будет придумать, куда отправиться на несколько дней так, чтобы не удивить родителей».

Вечером ей повезло. Позвонила папина знакомая и стала рассказывать, какой замечательный фестиваль народных танцев всей планеты начинается на Гавайских островах. Она щебетала полчаса, а потом спросила:

— Почему бы вам туда не слетать?

— Мне некогда, — ответил профессор Селезнев, которому это щебетание уже надоело.

— А Алисочка? — воскликнула знакомая. — У нее же каникулы.

— Сомневаюсь. По-моему, она всерьез увлеклась космическими гонками, — сказал отец.

— Почему же? — сказала Алиса. — Гонки еще только в августе. Я с удовольствием слетаю на фестиваль.

А когда она сказала о фестивале Пашке Гераскину, тот заявил, что с детства только и мечтал наслаждаться народными танцами.

Мать его отпустила на Гавайи. Только умоляла не сражаться с акулами.

На следующее утро мать застала его в тот момент, когда он опустошал холодильник. Глядя честными голубыми глазами, Пашка сказал матери, что не выносит гавайской пищи и потому вынужден тащить с собой на фестиваль целый мешок копченой колбасы, сыра, масла и консервов.

Мать спросила:

— Может, у тебя живот болит?

— У меня железное здоровье, — ответил Пашка.

Два зайца

Конечно, экспедиция была подготовлена не очень тщательно. Но Алиса с Пашкой рассчитывали, что она продлится недолго. Туда и обратно. Да и много ли нужно двум космонавтам отроческого возраста?

С Аркашей в последние два дня перед отлетом они не виделись. Правда, Алиса как-то

заглянула в лабораторию и увидела, что Аркаша в одиночестве сидит перед микроскопом. Они поговорили на разные темы, но основной и самой болезненной не касались.

Стартовать решили днем. На виду у всех. Пашка где-то вычитал, что опытные преступники так всегда и делали. Допустим, хочешь ты ограбить старушку-миллионершу. Тогда ты переодеваешься молочником или почтальоном и открыто стучишь к ней в дверь. Никто не беспокоится, включая саму старушку.

Алиса попросила Пашку самому поговорить с Лукьянычем. Дело в том, что Алиса ненавидит говорить неправду. Но в жизни детям время от времени приходится говорить неправду, в первую очередь из-за того, что родители их не понимают. В таких случаях Алиса предпочитала ничего не говорить вообще. А так как Пашка не имел таких железных принципов, он спокойно рассказал Лукьянычу, что они решили провести ходовые испытания Гай-до в атмосфере и совместить их с полетом на фестиваль народных танцев.

Лукьяныч сам проверил, как работает пульт управления, похвалил ребят, что они привели его в порядок, проверил прочность кораллитовой заплаты и дал согласие на полет.

— Только выше пятисот над поверхностью не советую подниматься, — сказал он. — И не гоняйте его на пределе скорости. Все-таки ему еще далеко до готовности.

— Будет сделано, — сказал Пашка.

Алиса, стараясь остаться честным человеком, молчала и укладывала посуду в ниши бортового шкафа, чтобы не побилась при маневрах.

Когда Лукьяныч вышел из корабля, Гай-до, который не проронил до этого ни слова, произнес:

— Странно, говорят, что ваш Лукьяныч разбирается в кораблях, а мне не доверяет.

— Ты не прав, братишка, — сказал Пашка. — Если бы у него были сомнения, никуда бы он нас не отпустил.

В последние дни Пашка называл Гай-до братишкой, и корабль не обижался. Чувство юмора у Гай-до было развито слабо, потому что оно было слабо развито у его конструкторов, но смеяться он умеет.

Алиса села в кресло пилота, связалась с диспетчерской, получила «добро» на вылет за пределы атмосферы.

— У тебя все готово? — спросила она Пашку.

— Готово, — сказал он, пристегиваясь к креслу.

И тут раздался леденящий душу крик. Он доносился снизу.

Алиса и Пашка замерли, словно примерзли к креслам.

Люк, что ведет в трюм корабля, распахнулся, и оттуда выскочил бледный как смерть Аркаша Сапожков.

Он даже трясся.

Как только Алиса и Пашка сообразили, что это не привидение, а самый обыкновенный Аркаша, они накинулись на него.

— Я могла умереть от страха, — заявила Алиса. — Ты об этом подумал?

— И вообще, что ты здесь делаешь? Шпионишь? — спросил Пашка.

— Я сам чуть не умер от страха, — сказал Аркаша, опускаясь в кресло. — Я решил: полечу все-таки с вами. А вдруг будут опасности и я смогу вам помочь. Но мне не хотелось об этом раньше времени говорить... Я прошел в корабль, забрался в трюм и стал ждать, пока Гай-до поднимется.

— Ты что, о перегрузках забыл? — удивилась Алиса.

— Он, может, и забыл, — слышался голос Гай-до, — но я о таких вещах, как безопасность экипажа, никогда не забываю.

— А чего же нам не сказал? — удивилась Алиса.

— А вы не спрашивали, — сказал Гай-до. — Вы не спрашивали, а Аркадий попросил меня хранить молчание. Вот я и хранил.

— Дурак, — сказал Пашка.

— Вот это лишнее, братишка, — обиженно ответил корабль.

— А чего же ты испугался? — спросила Алиса.

— Я испугался? — удивился Аркаша. — Я почти не испугался.

— Ты бы видел свое лицо, когда из люка лез, — засмеялся Пашка.

— Нет... так просто... Я там в пустой контейнер для образцов залез и заснул. А потом мне показалось... наверное, мне показалось, что там что-то живое меня коснулось. Как крыса. Там же темно... Я спросонья и закричал.

— Показалось? — спросила Алиса. — А может, там еще какой заяц есть? Может, какой-нибудь первоклашка забрался? Гай-до, скажи, в трюме больше нет ни одного человека?

— В трюме больше нет ни одного человека, — сказал Гай-до. — Я бы заметил, если бы на борт поднялся еще один человек. В трюме есть органические вещества, но это, очевидно, те продукты, которые загрузили мои новые хозяева. Там есть десяток палок копченой колбасы, двадцать три батона, головок сыра разного размера... четыре.

— Три головки сыра, — поправила корабль Алиса.

— Хватит, — сказал Пашка. — Так мы никогда не взлетим. Аркаша, ты не раздумал с нами лететь?

— Не раздумал, — сказал Аркаша.

— Всем членам экипажа занять свои места! Даю старт.

Прошли пояс околоземных лабораторий и городков на орбите, потом миновали громадный центральный космодром на полпути к Луне, где швартовались грузовые громады со всей галактики, затем справа по борту прошла Луна. На ней были видны многочисленные огоньки городов, заводов и рудников. Гай-до постепенно набирал скорость, так, чтобы не было особых перегрузок. Он щадил своих пассажиров.

Наконец орбита Луны была позади. Марс остался в стороне. Впереди плыл величественный полосатый Сатурн.

— Скоро будем проходить то место, где меня подбили, — сказал Гай-до.

— Как странно, — сказала Алиса, — тут оживленно, будто на улице.

— Может, позавтракаем? — спросил Пашка. — Что-то я давно не ел.

— Мы же договорились как следует позавтракать дома! — возмутилась Алиса. — Почему на тебя нельзя положиться? Пищу надо экономить. Теперь нас не двое, а трое. С твоим аппетитом мы умрем с голоду раньше, чем долетим до Пять-четыре.

— Я не рассчитывал на Аркашу, — сказал Пашка. — Мне бы хватило.

Алиса увидела, что Аркаша побледнел. Он был гордый человек и понимал, что виноват, не подумал о еде.

— Я вообще могу не есть, — сказал Аркаша.

— Поздравляю, — съязвил Пашка.

— Замолчи, умник! — возмутилась Алиса. — Я буду делить свою норму с Аркашей, а ты можешь о себе не беспокоиться.

Тут уж пришла Пашкина очередь возмущаться:

— Значит, я — холодный эгоист, я могу бросить друзей на произвол судьбы, а вы хорошие? Как я жалею, что выбрал вас к себе в экипаж. Столько хороших людей на свете, а мне достались неблагодарные эгоисты.

— Странно, — заметил Гай-до, — в рассуждениях моего братишки полностью отсутствует логика. Насколько я понял, его товарищи добровольно решили не ограничивать его питание, а он на них сердится.

— Что ты понимаешь в человеческих отношениях! — взревел Пашка.

— Боюсь, что ничего не понимаю, — грустно сказал Гай-до. — Я все время ошибаюсь. Когда я думаю, что люди должны вести себя так, они тут же начинают вести себя иначе.

— Извини, Гай-до, — сказала Алиса твердо. — Мы ведем себя как глупые дети, которых нельзя пускать в космос. Я предлагаю забыть о спорах и для начала выяснить, сколько у нас продуктов. Я пойду в трюм и все запишу.

— У меня с собой есть две пачки жевательной резинки, — сказал виновато Аркаша.

— Ими ты будешь угощать туземцев, — не удержался Пашка, потому что он всегда оставлял за собой последнее слово.

Алиса отстегнулась от кресла и открыла люк.

Гай-до включил в трюме яркий свет.

«Конечно, — подумала Алиса, — когда здесь было темно, Аркаша мог напугаться». Сейчас маленький трюм, в котором хранились инструменты, запасные части, продовольствие и снаряжение для экспедиции, фонари, веревки, лестницы, сверла и бурильная установка, которые приволок на корабль Пашка, казался обжитой мастерской. У стены стоял большой холодильник. Рядом на полках — контейнеры.

Алиса сказала Гай-до:

— Я буду тебе диктовать, а ты записывай, хорошо?

— Зачем записывать? — удивился корабль. — Я и так все запомню.

— Мне потом надо будет разделить пищу на дни и едоков, — сказала Алиса.

Она открыла холодильник и начала вслух перечислять все продукты, что были в нем. Потом перешла к продуктам, что лежали на полках. На нижней полке, где недавно скрывался Аркаша, лежали сухие колбасы и головы сыра.

— Записывай дальше, — диктовала Алиса. — Колбаса. Десять штук.

— А какой вес? — спросил Гай-до.

— Примерно по полкило.

— Записал.

— Три головы сыра.

— Нет, — сказал Гай-до, — четыре.

— Но тут три. Можешь посмотреть.

— Нет, четыре, — упрямылся Гай-до. — Четвертая закатилась в угол, протяни руку.

Алиса протянула руку и, хоть она ничего не боялась, вскрикнула от неожиданности, потому что голова сыра была мягкой, теплой и покрытой слизью. Голова вздрогнула от Алисиного прикосновения, покатила по полке, упала на пол и помчалась к куче инструментов, чтобы в нее зарыться.

Тогда Алиса сообразила: это был все тот же вездесущий серый мяч из Сахары.

— Еще чего не хватало! — сказала Алиса вслух. — Как же мы его раньше не заметили?

В люке появились головы Аркаши и Пашки — они слышали крик Алисы.

— Что случилось? — спросил Пашка.

— Этот сыр, — сказала Алиса, беря в руки кирку, чтобы защищаться, если мяч прыгнет на нее, — вовсе не сыр, а гадкое животное.

— Вижу, — сказал Гай-до. — Узнаю. Я видел эту тварь в Сахаре. Виноват, что не заметил, как оно проникло на борт. Несу ответственность.

— Не нужна мне твоя ответственность, — сказала Алиса. — Нам его надо поймать и посадить в какую-нибудь банку.

Она приблизилась к мячу. Сверху прыгнул Пашка, он притащил из камбуза большую кастрюлю.

В тот момент, когда Пашка дотронулся до мяча краем кастрюли, мяч метнулся в сторону и исчез.

— Где он? — Алиса оглядывалась.

Шару негде было укрыться в трюме, но все же он скрылся.

— Он над вашей головой, — сообщил Гай-до. — И постепенно перемещается к люку, чтобы выбраться наверх.

Подняв голову, Алиса увидела шар. Только это уже был не шар. Он расплзся по стене, превратившись в тонкий серый блин.

— Сейчас я до него доберусь, — сказал сурово Пашка. Он схватил швабру и угрожающе поднял ее.

— Не надо! — раздался тонкий пронзительный голос. — Я жить хочу. Я ни в чем не виноват!

— Ах, вы разумные? — удивилась Алиса.

— Тем хуже. Значит, он шпион, — сказал Пашка. — Пускай лезет в кастрюлю.

— Я не шпион! — взмолился мяч. — Я жертва обстоятельств. Можно я упаду на пол? Я обещаю, что не убегу. Мне же некуда убежать.

— Пускай падает, — сказала Алиса.

— Только без шуток, — предупредил Пашка.

Шар плюхнулся на пол, собрался в комок и замер посреди трюма.

— Признавайся, — сказал Пашка, — шпионил?

— А как я могу шпионить? — сказал шар. — Моя история такая простая и печальная, что вы должны меня понять. Вы же хорошие люди.

Шар откатился подальше от швабры, которую направил на него Пашка.

— Я живу на планете, которую вы называете Пять-четыре, — сказал шар комариным голосом. — У меня есть жена и восемь маленьких детей, которые никогда меня не дождутся, если ваш страшный капитан убьет меня этой мохнатой палкой.

— Не такой уж я страшный, — сказал Пашка и отставил швабру в сторону.

— Я жил мирно, как все, но однажды на мою планету опустился большой корабль. Это была экспедиция. Они обследовали планету и собирали образцы. И забрали меня как образец.

— А чего же вы не возражали? — спросила Алиса.

— Меня погубило любопытство. Я решил, пускай они думают, что я неразумное существо, зато я увижу другие звезды. В душе я путешественник. Когда корабль прилетел к себе домой, я сбежал и пробрался в город.

— Как называлась планета? — спросил сверху Аркаша.

— Паталипутра, — быстро ответил шар.

— Я там была, — сказала Алиса.

— Ну вот видите! — обрадовался шар. — Значит, я говорю правду. Я осмотрел Паталипутру и решил лететь дальше. Мне это нетрудно. Я могу незаметно проникнуть на любой корабль. За пять лет я облетел много планет и захотел вернуться домой. Но как это сделать? Ведь на мою планету не летают корабли. И я отправился на Землю.

— Почему? — спросила Алиса.

— Потому что сюда прилетают корабли со всей галактики. Здесь можно дожидаться экспедиции в мои края. Ожидая случая, я облетел всю Землю. Я побывал в Сахаре на свалке кораблей и узнал, что ваш уважаемый корабль побывал на моей родной планете и вы собрались к нам снова. Но у меня нет денег на билеты. Пришлось спрятаться в трюм под видом головки сыра. Вот и вся моя история. Вы можете убить меня, а можете осчастливить.

Скользкий мяч покорно замер посреди пола.

— Поверим? — спросил Пашка.

— Не знаю, — сказал сверху Сапожков.

— И я не знаю, — сказала Алиса.

— Вы можете мне не верить, — сказал мяч. — Только доведите меня до дома. Меня уже не ждут... И мне суждено будет умереть на чужбине.

— А где он будет жить? — спросила Алиса.

— Пожалела? — понял ее Пашка.

— А что делать? Лучше верить, чем не верить.

— Я останусь здесь, в трюме, — сказал мяч, — чтобы не попадаться вам на глаза. Я вам кажусь некрасивым и даже противным. Но я не обижаюсь. Я буду жить здесь, на нижней полке.

— Если вы его оставляете, — сказал Гай-до, — то я за ним присмотрю.

— Только чтобы продуктов не касался, — предупредил Пашка.

— Я не ем колбасы и сыра, — ответил мяч. — Я извлекаю все, что мне нужно, из простой воды. Вы не откажете мне в глотке воды?

— Не откажем, — сказал Пашка.

Полет с происшествиями

Постепенно быт на борту наладился. Серый мяч мирно сидел в трюме, порой вылезая напиться. Двигался он с удивительной ловкостью. Он объяснил Алисе, что жизнь на планете Пять-четыре суровая. Слабому там не выжить. Разумные мячи могут прыгать, плавать, нырять, расплющиваться в блин, даже превращаться в червей. Опасаясь землетрясений, они обитают по берегам озер и речек, на открытых местах, чтобы успеть укатиться от опасности. И уж, конечно, не строят никаких городов.

Если озеро вдруг высохнет или провалится сквозь землю, они спешат к другому озеру или реке. Аркаша, которому мяч разрешил себя осмотреть, сказал, что мячи — растения. Но они не лишены чувств и привязаны к своей семье.

Из своих пассажиров Гай-до более других выделял Алису. Когда Алиса была на вахте, они подолгу разговаривали, и Пашка даже посмеивался: о чем можно часами разговаривать с кораблем? Но Гай-до не обижался. Он к Пашке привык и знал ему цену. Он придумал для Пашки прозвище: «Наш опасный друг». И объяснял его так: Пашка ради друзей готов жизнь отдать. Человек он благородный и верный. Но настолько увлекающийся, что в решающий

момент может забыть о долге, обязанностях. Правда, про быка и красную тряпку Гай-до не говорил, потому что на Вестере не знают о бое быков, — так его поняла Алиса.

На третий день все космонавты заняли свои места, и корабль совершил прыжок. Как известно, притяжение передается гравитонами — особыми частицами, которые были открыты в начале XXI века великим чешским физиком Ружичкой и его женой Анитой Сингх. Гравитоны, в отличие от прочих частиц, движутся быстрее скорости света, то есть почти мгновенно. И когда удалось обуздать и подчинить гравитоны, люди смогли создать гравитонные двигатели: любой корабль может пронестись через половину галактики в считанные минуты.

Но гравитонные двигатели очень сложны и дороги. Далеко не на всех, даже больших кораблях их устанавливают. А уж на маленьких — никогда. Гай-до был исключением.

Три с половиной часа, за которые Гай-до совершал прыжок к планете Пять-четыре, космонавты были без сознания. Для Алисы и ее друзей этих часов не существовало. Она закрыла глаза, потом открыла их снова. Часы над пультом показывали, что прошло три часа и тридцать одна минута.

Алиса услышала голос Гай-до:

— Прыжок прошел нормально. Система назначения видна на экранах.

Очнулся Пашка, включил экран. Несколько тусклых звездочек горели в его центре.

— Ищи там, где четыре солнца, — сказал Аркаша.

Алиса отстегнулась и спустилась в трюм проверить, как перенес прыжок серый мяч.

Тот был невредим, сидел в углу на полке, хотя трудно сказать, сидел, лежал или стоял, раз уж он совершенно круглый.

— Ты обо мне беспокоилась? — спросил он Алису.

— Разумеется, — сказала Алиса.

— Зря, — сказал мяч.

Алиса увидела, что он волнуется. Когда мяч волновался, по его телу пробегала дрожь, как будто мелкая рябь по воде.

— Я тебя не понимаю, — сказала Алиса. — Это же естественно.

— На свете нет ничего естественного, — ответил пронзительным голосом мяч. — Потому что ты не должна меня жалеть. Ты должна желать моей смерти.

— Я ничьей смерти не желаю, — сказала Алиса.

— Ты еще не знаешь жизни. Ты еще детеныш. Как и мои детеныши, ты думаешь, что все взрослые должны быть хорошими. Но если бы твоему отцу сказали: выбирай, что тебе дороже: жизнь своих детенышей или чужих? — он бы выбрал своих и стал убивать чужих.

— Ты говоришь странные и неприятные вещи, — сказала Алиса. — Я тебя не понимаю.

— Вот будут у тебя свои дети, тогда поймешь, — сказал мяч.

— Постараюсь, — согласилась Алиса. — Прости, мы давно знакомы, а я не знаю, как тебя зовут.

— Зачем тебе мое имя? — сказал шар. — Оно опозорено.

Шар забился в угол и замолчал.

«Странно, — подумала Алиса, выбираясь из трюма. — Сам говорил, что тоскует по своей семье. Казалось бы, повезло, подлетает к дому. А чем-то недоволен, говорит о смерти...»

Гай-до словно угадал ее мысли и сказал:

— В мяче пробудилась совесть.

— А разве он до этого был бессовестным? — спросила Алиса.

— Не знаю, — сказал Гай-до. — Но у меня дурные предчувствия. Мне кажется, что он не тот, за кого себя выдает.

— Ты думаешь, что он не с планеты Пять-четыре?

— Не в этом дело...

Постепенно одна из горящих точек на центральном экране увеличивалась и становилась ярче. К исходу второго дня уже можно было различить на ней кольца вулканических кратеров. Алиса с тревогой наблюдала, как уменьшаются запасы пищи. Но пока говорить об этом ей не хотелось, она боялась, что мальчишки начнут нервничать. И Аркаша вообще откажется есть. А мужчины, как учила Алису бабушка, должны быть сытыми. Даже самый хороший мужчина становится невыносимым, если он голодный.

Мяч больше с Алисой не разговаривал. Но она как-то услышала, что он беседует с Аркашей, который собирался написать о мяче статью.

— А зачем вы-то летите на нашу планету? — спросил он Аркашу.

— Нам интересно, — ответил Аркаша.

— Что может быть интересного? — спросил мяч. — Ничего у нас интересного нет.

— Для ученого любой новый мир интересен, — сказал Аркаша.

— Изучаете, значит? — пронзительно произнес мяч.

«Неприятный голос, — подумала Алиса. — Сквозь переборки проникает».

— А я думал, вы клады ищете, — вновь послышался голосок мяча.

— Почему? — спросил Аркаша.

— Больше незачем лететь на пустую планету.

— Нет, — сказал Аркаша, — дело не в кладах.

— Да разве в вас разберешься? — сказал мяч. Помолчал. Потом спросил: — Ну и какая у меня температура?

Алиса заглянула в кают-компанию. Аркаша изучал мяч. Мяч сидел (или лежал, или стоял) на столе. Он был обклеен датчиками. Аркаша просматривал данные на дисплее.

— Температура тела, — сказал Аркаша, — повышается и понижается от настроения.

— Правильно. Как-то мой дядя с семьей попал на Северный полюс, занесло их потоком, и там они проспали три года во льду. Пока не разморозило. И ничего, живы. У нас климатические условия ужасные.

— Знаю, — сказал Аркаша.

— А то еще попадете в землетрясение. Тоже ужасно. Значит, клад ищете?

— Не ищем мы клада.

— Не люблю я вас, кладоискателей, — сказал мяч. — Таинственные вы. Вот я знаю: вас на борту четверо. Трех я видел, а Гай-до прячется. Почему? Где?

Послышался смех Гай-до. Ему показалось забавным заблуждение мяча, но спорить он не стал, а объявил, что начинает торможение.

Аркаша освободил мяч от присосок и датчиков, отнес его в трюм, где Пашка проверял снаряжение, потому что был уверен, что ему придется опускаться в пропасти и подниматься на вулканы.

— Типичные кладоискатели, — сказал мяч, увидев Пашку, обмотанного тросом, с альпенштоком в руке и ранцевым ракетным двигателем за спиной.

— Я альпинист, — сказал Пашка.

И тут они услышали голос Гай-до:

— Тревога, всем членам экипажа собраться на мостике.

Аркаша и Пашка выскочили из трюма и кинулись к креслам.

— Что случилось? — крикнул Пашка.

— Смотри на экран! — сказала Алиса.

По экрану быстро ползла зеленая точка.

— Вижу катер, — сказал Гай-до. — На мои позывные не отвечает.

Зеленая точка резко изменила курс и через несколько томительных минут скрылась за расплывчатым, туманным краем атмосферы.

— Я полагаю, — сказал Гай-до, — что разумно повернуть назад.

— Предлагаешь вернуться? — удивился Пашка. — В минутах от цели?

— Я не знаю, что нас отделяет от цели, — сказал Гай-до, — может, скорая гибель.

— Наверное, Гай-до прав, — сказал Аркаша, — у нас на борту девочка. Я считаю, что мы должны вернуться обратно и сообщить обо всем взрослым. Я и раньше так считал.

— Ты не о девочке думаешь! — вскипел Пашка. — Я все понял! Трусишь — сиди на Земле. А об Алисе не беспокойся, она смелее тебя!

Алиса понимала, что Пашка думает только о приключениях. Она готова была уже поддержать Аркашу, но странное дело: слова Пашки о том, что она смелая, заставили ее промолчать. Как будто хитрющий Пашка заткнул ей рот большой конфетой.

— У кого сколько смелости, мы еще посмотрим, — тихо сказал Аркаша. — Я высказал свое мнение, но сам я не возражаю, чтобы спуститься на эту планету.

«Ну и Пашка, — подумала Алиса, — он и Аркашу перехитрил. Ну какой нормальный парень будет настаивать на возвращении, если его обвинили в трусости?»

— Возвращайтесь! — услышала она пронзительный комариный голосок. Оказывается, серый мяч каким-то образом выбрался из трюма. — Вам с ними не справиться. Вы погибнете, как погибли все остальные.

— Что ты знаешь? — спросил Гай-до. — Отвечай, что ты знаешь?

— Я ничего не знаю. Я ничего не сказал! — Шар превратился в бесконечную серую нить и скользнул в люк.

— Настойчиво рекомендую, — сказал Гай-до, — вернуться на Землю.

— Голосуем, — быстро сказал Пашка. — Я за демократию. Твой голос, Гай-до, считается. Кто за то, чтобы опуститься на планету Пять-четыре? Я — раз, Алиса — два, Аркадий — три. Кто против?

— Я против, — сказал Гай-до.

— Я против, — послышался комариный голосок из трюма.

— Три — два в нашу пользу, — сказал Пашка. — Решение принято демократическим большинством. Начинаем посадку.

— Хорошо, — сказал Гай-до. — Но я предлагаю спуститься подальше от базы странников.

— Почему? — спросил Пашка. — Мы быстро спустимся, быстро осмотрим подземелье, моментально заберем, что нам нужно, и улетим.

— Моментально — это неправильное слово, — сказал Гай-до.

— Пока ты будешь моментально лазить по подземелью, — сказала Алиса, которая поняла, что Гай-до прав, — нас тридцать раз увидят, найдут и, если захотят, убьют.

— А что же ты предлагаешь? — спросил Пашка.

— У меня есть одна идея, — сказал Гай-до. — Смотрите.

Гай-до зажег большой экран на пульте, и на нем показалась объемная карта. На ней — путаница скал, ущелий, гор и кратеров.

Загорелась зеленая стрелка, которая поползла по ущелью.

— Вот здесь, — сказал Гай-до, — мы нашли Тадеуша. Рядом со входом в подземелье. Но сюда мы опускаться не будем. Здесь... — зеленая стрелочка переместилась в соседнее ущелье, — выходы железной руды. Под этим обрывом большая ниша, там можно уместить пассажирский лайнер. Навес над нишей — железная руда. Что это означает?

— Это означает, — сказал Аркаша, — что, если мы незаметно ляжем в ту нишу, нас нельзя засечь сверху.

— Если не возражаете, я начинаю маневр, — сказал Гай-до.

— А отсюда до базы далеко? — спросил Пашка.

— Километров двадцать. Но дорога через горы.

— А поближе нельзя?

— Братишка, ты нетерпелив, как маленький ребенок, — сказал Гай-до.

— Ну ладно, если другого выхода нет...

Пашка умеет всем сделать одолжение.

Неуютная планета

Если бы кто-то наблюдал за Гай-до сверху, он страшно удивился бы, каким запутанным курсом тот идет над планетой. Корабль петлял, делал зигзаги длиной в тысячу километров, замедлял движение так, словно вот-вот остановится, и потом снова срывался с места. Внутри корабля все трещало, и Алиса побаивалась, выдержит ли коралловая заплатка.

Разумеется, Гай-до был бы последним дураком, если бы полагал, что его маневры кого-то обманут, — ведь тот, кто следил за ним, мог спокойно ждать, пока он сядет. Гай-до рассчитывал на другое: вертясь над планетой, он хотел сам засечь наблюдателей.

На втором витке он засек спутник связи, который ходил на высокой орбите над планетой и координировал наблюдение. Затем он два раза прошел над одним местом, где ему показалось, что над кратером натянута маскировочная пелена. На всякий случай он отметил этот кратер в памяти.

Неожиданно Гай-до снизился. Он сделал это в тот момент, когда спутник связи находился на другой стороне планеты. Гай-до буквально прополз по ущелью, прижимаясь ко дну и порой задевая за скалы, отчего внутри корабля раздавался отвратительный скрежет. Алиса стиснула зубы, чтобы не вскрикнуть от страха.

Затем корабль замер.

— Все? — шепотом спросил Пашка.

— Нет, не все, — ответил Гай-до. — Если они нас не потеряли, пускай думают, что я лежу здесь.

— И сколько ждать?

— Пока их спутник снова уйдет за горизонт, — сказал Гай-до.

Потянулись томительные минуты ожидания.

Вдруг корабль снова рванулся и полетел дальше.

На экране внешнего обзора мелькали страшные зубцы железных скал. Как ножи они тянулись к Гай-до. Он с трудом ускользал от них. Затем замер, резко метнулся вправо, отчего посудный шкаф распахнулся и чашки покатались по полу.

Послышался глухой удар.

Экраны потемнели.

— Все, — сказал Гай-до. — Приехали. Пока мы в безопасности. Они, конечно, знают, в каком районе мы затаились, но им потребуется некоторое время, чтобы нас отыскать.

— Неаккуратно ты спускался, — проворчал Пашка. — Всю посуду побил.

— Неаккуратно? — Гай-до был обижен.

— Гай-до, не слушай его, — быстро сказала Алиса, — ты все сделал великолепно. Ни один другой корабль в мире не смог бы так спрятаться.

Она отстегнулась от кресла.

— А какой здесь воздух? — спросил Аркаша. — Скафандры надевать?

— Не надо, — сказал Гай-до после некоторой паузы: видно, рассуждал, обижаться на Пашку или не стоит. — Воздух здесь пригоден для дыхания.

— Можно выйти? — спросил Пашка. — Я хочу начать разведку.

— Подожди, — ответил Гай-до. — Ждем час. Если я не увижу и не почувствую ничего подозрительного, тогда выходите.

— Давайте пообедаем, — сказала Алиса.

Аркаша помог Алисе убраться. Чашек осталось две на всех, но тарелки были небьющиеся, так что ничего страшного не случилось.

Пашка сказал, что пойдет в трюм, чтобы подготовиться к походу.

Он открыл люк, и только тогда вспомнили о сером мяче.

Мяч сидел на полке, кожа его ходила мелкой рябью. Он волновался.

— Ой, прости! — воскликнула Алиса. — Ты так хочешь к своей семье, а мы тебя держим. Иди скорей. Передавай привет своим детишкам.

Мяч не тронулся с места.

— Что такое? — удивилась Алиса. — Ты ушибся? Тебе плохо?

— У него нервный шок, — сказал Аркаша. — Мяч так долго ждал этого момента, что нервы не выдержали.

— Нервы у меня не выдержали, — сказал шар. — Я хочу остаться здесь. То есть я не хочу остаться здесь, но вам лучше, если я останусь здесь. Я не такой плохой, каким я вам кажусь, но я могу быть куда хуже, чем я вам кажусь.

Сказав эту загадочную речь, мяч застыл.

— Что он говорит? — удивилась Алиса. — То он стремится, то он не стремится!

— Заприте меня! — закричал шар. — Я знаю, какие вы добрые! Заприте меня так, чтобы я не мог выскользнуть, потому что я могу выскользнуть через самую узкую щель. Заприте меня, запакуйте... лучше всего в холодильник. Да, лучше всего в холодильник, потому что мне оттуда, наверно, не выбраться.

— Логика хромает, — сказал Аркаша, который сидел на краю люка. — Если вы не хотите уходить, то оставайтесь. Если хотите уходить и даже намерены выбраться через любую дырочку, тогда уходите.

— Нет, — сказал Гай-до. — Я вижу логику в его словах. И очень печальную для нас логику. Его надо запереть в холодильник.

— Но я буду сопротивляться! И вы всем скажите, что я сопротивлялся, но вы меня разоблачили и мучили, чуть не убили и заточили в холодильник.

— Хорошо, — сказал Гай-до, — я согласен.

Мяч скатился с полки и поспешил к холодильнику.

У его двери он остановился.

— Да он с ума сошел! — закричал Пашка. — Там же продукты.

— Вынь продукты, — сказал Гай-до.

— А сколько он будет сидеть в холодильнике? Все продукты испортятся! У нас их и так мало осталось.

— Он недолго там просидит, — сказал Гай-до.

— Но скажи же, в чем дело? — не выдержал Пашка.

— Не говорите! — взмолился мяч. — Если они узнают, моя семья погибнет.

— Он говорит правду, — сказал Гай-до.

— Ничего не понимаю! — вскричал Пашка. Остальные молчали.

На этом спор кончился.

Алиса с Пашкой вынули из холодильника последние продукты: кусок колбасы, пять пакетов молока, пачку куриного паштета и мороженую курицу.

Мяч шустро залез в холодильник и сказал:

— Не беспокойтесь, мне совсем не холодно. Но учтите, что я сопротивлялся, как зверь.

Он забился в угол опустевшего холодильника, но Пашка медлил. Как-то неловко запирает в холодильник живое существо.

— Запирай! — пискнул мяч.

— Захлопывай, — сказал Гай-до, и Пашка подчинился.

Алиса взяла курицу и пошла ее готовить. Она положила ее в духовку. Скоро по кораблю потянуло приятным запахом пищи, и Пашка прибежал в камбуз, чтобы приглядеть за курицей. Ведь это последняя курица, а вдруг подгорит?

За ужином Алиса отдала Пашке половину курицы, а вторую поделила с Аркашей. Аркаша понял и кивнул ей, а Пашка в мгновение ока сжевал полкурицы и начал шарить глазами по столу.

Тогда Алиса сказала:

— С завтрашнего дня вводим жесткий режим экономии.

Пашка вздохнул и пошел спать.

Он заснул через три минуты. А Алисе долго еще не спалось.

Она ворочалась на узкой койке. Потом поднялась и спросила:

— Гай-до, а можно я выйду на минутку? Только посмотрю и вернусь, я не буду отходить далеко.

— Хорошо, — сказал корабль.

Алиса накинула куртку и открыла люк. За ней вышел Аркаша. Ему тоже не спалось.

Вечер был холодным, ветреным и сырым. Под громадным каменным козырьком было темно, и Алиса сделала несколько шагов к прыгающему по камням ручью. Открылось небо, все в полосах от быстро текущих облаков. Небо было фиолетовым, на нем горели редкие оранжевые звезды. Маленькое алое солнце светило сквозь облака. Оно бежало по небу быстро, словно спутник. Второе солнце, чуть побольше и пожелтее, поднималось из-за скал. А в другой стороне неровно вспыхивало зарево — видно, извергался вулкан. Земля чуть дернулась под ногами и потом долго мелко вздрагивала, будто успокаивалась после спазма.

Это был неуютный и даже страшный мир. Черные тени черных скал двигались как живые — два быстрых солнца как бы дергали их, тянули в разные стороны.

— Куда нам завтра идти? — спросила Алиса. Ей стало страшно.

Из черной глубины ниши послышался тихий голос Гай-до:

— Надо будет подниматься на скалы, которые перед тобой, Алиса. Жаль, что я не смогу пойти с вами.

Начался дождик, и небо заволокло сизыми тучами. Стоять больше не хотелось, и Алиса пошла обратно. Аркаша за все время не сказал ни слова, и Алиса не знала, о чем он думает.

Аркадий пропустил Алису вперед, потом закрыл люк.

— Спокойной ночи, — сказала Алиса.

— Спокойной ночи, — ответил Аркаша печально.

— Спокойной ночи, — сказал корабль.

Поход

Утром первым вскочил Пашка.

— Вперед! — шумел он. — Не время спать. Нас ждут сокровища странников!

Он выволакивал из трюма веревки и крючья, прилаживал альпинистские ботинки, проверял фонари — суетился за десятерых.

Пока Алиса готовила завтрак, Аркаша с Пашкой уже оделись.

Пашка сказал:

— А может, тебе не надо идти с нами? Кто-то должен остаться на корабле. Мало ли что может случиться? Тогда ты вернешься и расскажешь нашим родителям, как мы погибли.

— И не подумаю, — сказала Алиса, накрывая на стол. — Если ты мне скажешь, в чем я уступаю тебе, кроме нахальства, тогда я останусь.

— Тогда ты оставайся, Аркаша, — сказал Павел.

— Почему я?

— Так положено во всех экспедициях. Кто-то должен быть в резерве. Если что, вы с Гай-до прилетите на помощь.

— Гай-до сам может прилететь на помощь. Он не глупее нас, — сказал Аркаша.

— Но ведь так положено! — сказал Пашка.

— Летать на незнакомые планеты без взрослых тоже не положено, — сказал упрямо Аркаша, — а мы здесь. Но если хочешь, оставайся.

— Мне нельзя.

— Почему?

— Потому что я командир корабля и начальник экспедиции.

— А кто тебя назначил?

— Но вы же согласились!

— Он шутит, — сказала Алиса.

Пашка понял, что друзей не переспорить. Придется идти втроем.

Пока Алиса одевалась, Аркаша спустился в трюм, чтобы заглянуть в холодильник, не задохнулся ли серый мяч.

Он открыл холодильник и сказал спокойно, словно увидел муху:

— А мяча нет.

— Как так нет? — удивился Пашка. — Он не мог выйти. Корабль был заперт. Значит, он прячется где-то внутри.

— Его нет во мне, — сказал Гай-до. — Я бы почувствовал.

— Значит, пока мы вчера ночью гуляли... — сказала Алиса.

— Так! — сказал Пашка голосом полководца, которого в решающем бою подвели

любимые генералы. — Значит, пока я спал, вы гуляли по планете. Значит, Гай-до разрешил вам гулять, а в это время любой мог зайти в корабль. Так получается?

Все чувствовали себя виноватыми и не нашли, что ответить. Они глядели на разъяренного капитана, через плечо которого висел моток троса, в руке был альпеншток, глаза сверкали, волосы выбивались из-под шлема, из-за спины торчали раструбы ракетного ранца. Пашка был ужасен.

— Ну и что? — вдруг сказала Алиса. — Мы сами хотели отпустить его к семье. А он предпочел посидеть в холодильнике.

— Значит, были основания, — сказал Пашка. — Никто без оснований не запирался бы в холодильник.

— У него были основания, — как эхо повторил Гай-до. — Я виноват. Я не заметил, как он ускользнул.

Пашка оглядел экспедицию. Он уже забыл о своем гневе.

— Пошли скорей, — сказал он. — Пока нас не выследили.

Они вышли из-под тени навеса. Корабль тускло поблескивал в полутьме. Было светлее, чем вчера, потому что по небу катились сразу три солнца, но свет от них был неверным и зловещим.

Надо было подняться на скалы на той стороне ущелья, потом пройти через лес камней, спуститься к небольшому горячему озеру, из которого раз в минуту поднимался стометровый гейзер, за ним начинался колючий, без листьев, кустарник, в котором можно было немного передохнуть. От кустарника шел пологий спуск к следующему ущелью, где таилась база странников. Путешественники рассчитывали выйти к ущелью выше базы и спуститься к ней по ручью.

На скалы они взлетели, включив ракетные ранцы. С их помощью можно прыгать метров на пятьдесят. Ребята умели пользоваться ранцами: в туристском походе так перебираются через реки и болота.

Прыгая, они не забывали об осторожности. Если их ищут, прыгающую или летающую фигуру легче засечь.

Поэтому они только помогали себе ранцами на подъемах, а когда выбрались наверх и начали спускаться к красневшему впереди озеру, то разошлись подальше друг от друга и открытые места перебежали как можно незаметнее.

— Эй, — закричал Пашка, — глядите!

У берега озера в рядок, будто выброшенные волнами, замерли несколько серых мячей. Три побольше, другие маленькие, с теннисный мяч.

— А может, наш тоже среди них? — сказал Аркаша. — Нашел все-таки семью?

Они повернули к мячам и прибавили шаг.

При виде людей мячи осторожно двинулись к воде.

— Простите! — крикнула Алиса. — Вы не были на нашем корабле?

Мячи заверещали тонкими голосами и попрыгали в воду.

— Нет, — сказал Пашка, останавливаясь, — это другие, нашему зачем убегать?

Посреди озера возник пузырь, вода вспучивалась, поднималась, и вдруг ее прорвало — громадный фонтан, подсвеченный оранжевым небом, взметнулся к зеленым облакам.

В то же мгновение из озера выскочило множество серых мячей. Они быстро заскользили по воде к дальнему берегу.

— Они нас боятся, — сказала Алиса.

— Надо им объяснить, что мы не будем на них нападать, — сказал Пашка. — Давайте я сяду на землю, они увидят, что я безвредный, и подойдут поближе.

— Братишка, — слышался в наушниках голос Гай-до, — напоминаю: времени у вас в обрез.

— Пошли, — сказал Аркаша, — с мячами мы еще успеем поговорить.

За озером началась каменистая долина. Она была усеяна большими глыбами. Пришлось снова включить ранцевые ракеты, чтобы не поломать ног. Только через полчаса они добрались до кустарника. Но кустарник оказался непригодным для отдыха. Кусты были покрыты острыми длинными колючками, словно оцетинились, чтобы не пустить никого внутрь.

Небольшой серый мяч выскочил из камней, помчался к кустам, и те раздвинулись, пропуская его.

— Типичный случай симбиоза, — сказал Аркаша. — Наверное, мячи скрываются там от крупных хищников.

— А здесь есть крупные хищники?

— Возможно, — сказал Аркаша.

— Гай-до, — спросила Алиса, — тут есть крупные хищники?

— Не знаю, — ответил Гай-до. — И попрошу не занимать связь пустыми разговорами. Чем больше мы разговариваем, тем скорее нас засекут.

Дальше они шли молча.

Закапал дождь. Пашка сказал, что проголодался, но Алиса, которая несла рюкзак с бутербродами, велела ему потерпеть до ущелья.

Спуск в ущелье был крутой, и потому они решили прыгнуть туда с помощью ранцев.

Они летали над ущельем, словно легкие, сухие листья, выбирая место на дне, свободное от камней.

От ручья, возле которого они приземлились, поднимался пар. Зарево над скалами стало ближе и ярче. Слышно было, как рокотал вулкан. Глухо журчал ручей.

Казалось, что из-за скалы следят злые глаза.

Ощущение было неприятным. Алисе захотелось вызвать Гай-до, чтобы услышать голос друга. Но Пашка опередил ее.

— Гай-до, — сказал он, — проверка. Как самочувствие?

— Ничего подозрительного, — отозвался корабль. — Отдыхайте.

Идти не хотелось. Устали ноги, а от здешнего воздуха, мертвого и скудного, у Алисы заболела голова.

Ущелье было еще более мрачным, чем первое. Скалы сходились над головой, закрывая свет, пар, поднимаясь над водой, белыми клочьями метался по ущелью. И ни одной живой души.

Перекусив, они пошли вниз по ручью. Приходилось карабкаться через громадные глыбы, свалившиеся сверху, а то и ступать в горячий ручей. Ранцами не воспользуешься: ущелье было таким тесным, что от любого прыжка тебя бросало на каменную стену.

— Отдохнем? — спросил Пашка тоскливым голосом.

— Нет, — сказал Аркаша. — Осталось немного.

— Я не о себе, — сказал Пашка. — Алиска устала.

Алиса и в самом деле устала, но, конечно, ответила:

— Ты ошибаешься.

Следующие минуты слились у Алисы в странную череду прыжков, шагов, переползаний, снова прыжков. Она старалась не смотреть далеко вперед. Вот перед ней камень, сейчас мы на него вскарабкаемся. А вот трещина, надо перепрыгнуть. А что дальше? Дальше надо лезть в ручей... И так шаг за шагом.

Стены ущелья неожиданно разошлись. Перед ними был цирк, окруженный отвесными скалами. Алиса услышала голос Гай-до:

— Вы на месте.

Ноги Алисы подкосились, она села на плоский камень и подумала, что никогда уж не поднимется.

Аркаша опустил рядом.

— Думал, не дойду, — признался он.

Пашка тоже хотел было сесть, но взял себя в руки.

— Гай-до, — спросил он, — куда дальше?

— Перед вами, — сказал корабль, — две высокие желтые скалы, похожие на обломки толстых колонн. Видите?

Желтые колонны поднимались над цирком, замыкая его.

— Справа от этих колонн темнеет провал. Видите?

— Вижу, — сказал Пашка и пошел туда.

— Подожди, — сказала Алиса слабым голосом.

— Я только посмотрю, — сказал Пашка упрямо.

Алиса бессильно посмотрела ему вслед.

Пашка на ходу включил фонарь, и яркий круг света ударился в скалу, отчего она вдруг засверкала множеством искр. Круг света сместился правее и исчез в темном провале. Алисе показалось, что внутри провала что-то блеснуло.

— Есть! — услышала она крик Пашки.

И тут оглушительно завизжала сирена. Так, что Алиса заткнула уши.

Но это почти не помогло.

— Бегите! — крикнул Гай-до, перекрывая шум. — На меня напали!

Из-за темных камней, из-за желтых колонн, из-за скал выскочило множество темных фигур, и со всех сторон они кинулись на ребят.

Алиса успела увидеть, как падает окруженный этими существами Аркаша, как пытается скрыться в расщелине Пашка. Она отбивалась, но кто-то больно ударил ее по голове, и она потеряла сознание.

Палата в цветочках

Очнулась Алиса от странного ощущения, словно она лежит на лужайке, светит солнце, стрекочут кузнечики... ей хорошо и приятно. Она открыла глаза...

Прямо в глаза ей светила яркая лампа. Алиса зажмурилась и отвернулась.

Она была в большой узкой длинной комнате.

Стены без окон были покрашены в светло-зеленый цвет, и на них нарисованы очень яркие пышные цветы.

В комнате стояло два ряда кроватей, головами к стене, ногами к проходу.

Алиса лежала на крайней кровати. Простыня была свежей и мягкой, одеяло легким и пушистым. Откуда-то доносилась нежная музыка. Это было очень странно, ведь перед этим

Алиса запомнила темный красноватый густой воздух ущелья, черные скалы и желтые скалы, провал подземелья, пар, поднимающийся над ручьем, и темные стремительные фигуры.

Если после такого нападения ты остался жив, то, наверное, должен очнуться в тюрьме, в тесной, сырой камере, в мрачном подвале, где бегают крысы и тараканы... Как странно!

Алиса села на постели: что с остальными?

И тут же успокоилась.

На соседней кровати мирно спал Аркаша Сапожков, а дальше, через пустую кровать, — Пашка Гераскин. Правда, у Пашки был синяк под глазом, но это, как вы понимаете, далеко не первый и, уж конечно, не последний Пашкин синяк.

Напротив Алисы, по ту сторону прохода, была занята еще одна кровать. На ней лежал, закрыв глаза, знакомый ей человек. Очень знакомый... Кто?

Конечно же, Тадеуш Сокол, бледный, нос заострился, глаза запали!

Взгляд Алисы упал на ее рукав, и она поняла, что одета в пижаму: легкую, фланелевую, в голубых незабудках.

Алиса спустила ноги с постели. Ноги сразу попали в пушистые мягкие тапочки. Она тихо подошла к Аркаше, потому что в сложных ситуациях Аркаша куда надежнее.

— Аркаша, — позвала она, наклонившись к его уху, — проснись.

Аркаша открыл глаза, словно и не спал. И не произнес ни звука. Его взгляд обежал палату и остановился на Алисином лице, но Аркаша словно ее и не видел. Взор его был отсутствующим. Он думал.

— Странно, — сказал он. — А кто тот мужчина?

Алиса вспомнила, что Аркаша раньше не видел Тадеуша.

— Это тот самый Тадеуш, — прошептала она, — из-за которого Ирия бросила нашего Гай-до.

— Он должен быть во Вроцлаве.

— А где мы?

— Не знаю. Пошли посмотрим?

Аркаша вылез из-под простыни. Он тоже был в пижаме. Только его пижама была расшита голубыми колокольчиками.

Они подошли к белой двери в конце комнаты.

Дверь легко открылась. Они оказались в светлом широком коридоре.

Коридор был пуст. Тихо играла музыка.

Дверь с другой стороны коридора отворилась, и навстречу им поспешила медсестра в голубом платье, высокой белой наколке и белом фартучке, обшитом кружевами. Сестра ласково улыбалась.

— Вы куда, дети? — спросила она издали. — Ночные горшочки у вас под кроватками.

Сестра говорила со странным текучим акцентом, словно припевала.

Улыбка тоже была странная. Словно наклеенная. И когда сестра подошла поближе, Алиса сообразила, что она в маске.

В гладкой улыбающейся розовой маске, обтягивающей все лицо. В маске были прорезаны аккуратные отверстия для глаз. И глаза, что смотрели сквозь искусственную улыбку, показали Алисе печальными и настороженными.

— Где мы? — спросил Аркаша медсестру.

— Вы у друзей, мои любимые, — пропела женщина. — А теперь, пожалуйста, возвращайтесь к себе в комнатку, там вы найдете умывальничек и ночные горшочки, на

каждого приготовлена зубная щеточка и кусочек мыльца. Вы же не хотите бегать по улице в пижамках, чтобы над вами все смеялись?

— Кто вы такая? — спросил Аркаша.

— Потом вам принесут завтрак. — Медсестра обняла ребят мягкими теплыми руками в тонких белых перчатках и повела, подталкивая, обратно. — А после завтрака придет доктор. Он очень добрый. Он вас допросит. Ну, будьте хорошенькие, будьте ласковые.

Медсестра мягко, но решительно толкнула их в комнату, и дверь закрылась.

Пашка еще спал, но Тадеуш проснулся и сразу узнал Алису.

— Доброе утро, — сказал он. — Не думал, что нам придется так скоро встретиться.

Ирия Гай ищет мужа

В субботу после возвращения из Москвы Тадеуш собрался на рыбалку. На рассвете он погрузил во флаер удочки и палатку. Сказал, что вернется в воскресенье к обеду.

У Тадеуша было любимое место — в лесистом ущелье Карпат, у небольшой быстрой речки.

Поздно вечером в субботу он связался с Ирией, пожелал ей и дочке спокойной ночи, сказал, что очень доволен рыбалкой, к тому же набрал грибов. Только пожаловался, что кусаются комары.

К часу дня в воскресенье прилетела из Гданьска полюбоваться внучкой мама Тадеуша. Ирия еще не волновалась. Она знала, что рыболовы — народ увлекающийся, и, конечно же, Тадеуш забыл обо всем на свете. Ничего, проголодается — прилетит.

Ирия решила, что угостит Тадеуша и его мать печеным гусем с яблоками. Когда гуся уже пора было ставить в духовку, Ирия поглядела на часы и ахнула: скоро два часа!

Ирия вытерла руки и побежала в комнату, чтобы вызвать мужа.

Рация не отвечала. Удивительно: ведь рация вмонтирована в браслет для часов Тадеуша. Может, он отправился купаться и снял часы?

Через пятнадцать минут, когда гусь уже был в духовке, Ирия снова вызвала Тадеуша. И снова никакого ответа.

Ирия не хотела пугать свекровь и сказала, что ей срочно нужно лететь во Вроцлав, потому что она забыла положить в гуся особенную редкую пряность. А сама полетела напрямиком в Карпаты.

То место, где рыбачил Тадеуш, она нашла без труда. Ведь она не раз там бывала с мужем.

Снижаясь, она разглядела оранжевую палатку Тадеуша. Возле нее флаер.

Ирия опустила свою машину рядом с палаткой.

— Тадеуш! — позвала она.

Никто не ответил. Только шумела говорливая речка и тихо жужжали пчелы.

Ирия выбежала к берегу. На траве у воды валялись удочки. Рядом стояло ведро, в котором крутилась форель. Речка была неглубокой, прозрачной — из воды высывались обкатанные камни. Утонуть в ней было трудно.

Ирия кинулась в палатку.

Палатка была пуста. Спальный мешок смят и отброшен к стенке, рюкзак раскрыт, и вещи выброшены из него на пол.

И тут Ирия увидела на полу засохший грязный след чужого башмака. Чужие следы были

и вокруг палатки. Ночью прошел дождь, но к середине дня земля подсохла, и следы остались.

Ирия принялась звать Тадеуша. Она кричала так, что сорвала голос. Никто не откликнулся.

«Спокойно, — сказала себе Ирия. — Возьми себя в руки».

Она сосчитала до двадцати, глубоко вздохнула и начала тщательные поиски Тадеуша. Сначала она осмотрела поляну у реки. Следы рассказали ей, что ночью прилетел незнакомый флаер, который опустился за деревьями. Три человека в башмаках с магнитными подковками, какие носят космонавты, подошли к палатке Тадеуша. Тот, видно, спал и сначала не сопротивлялся.

Нападавшие вытащили Тадеуша из палатки, скрутили его и привязали к толстому дубу — Ирия нашла царапины на коре, что оставила веревка. После этого Тадеуша, видно, допрашивали — вся земля вокруг дерева была истоптана. Не добившись от Тадеуша того, что хотели, те люди затащили его к себе во флаер. Потом один из них вернулся на поляну и постарался замести следы. Он хотел сделать так, чтобы те, кто будет искать Тадеуша, подумали, что он утонул. Но Ирию тот человек не обманул. Ведь она с детства умела читать следы и была замечательной охотницей.

«Если все случилось именно так, — размышляла Ирия, оглядывая поляну, — Тадеуш постарался бы оставить мне знак. Он же знал, что я буду его искать. Но где? Какой?»

Ирия еще раз обошла дерево, к которому привязывали Тадеуша. На земле у самого ствола между корней она увидела несколько кривых линий, которые Тадеуш начертил носком башмака. Пять палочек, потом еще четыре. Зачем ему надо было это писать? Пять, четыре... пять, четыре... Почему эти цифры ей знакомы?

Стой! А как называлась планета, на которой они познакомились?

Планета Пять-четыре!

Неужели Тадеуш имел в виду ту планету? В тот момент, когда его связали, допрашивали, хотели куда-то увезти, он вспомнил о далекой планете.

И тут Ирия подумала, что на планете Пять-четыре на Тадеуша тоже напали — ведь она нашла его чуть живого. С планетой была связана тайна, которую они так и не разгадали.

Что еще можно вспомнить? Конечно же! Когда она улетала оттуда, кораблик Гай-до что-то сказал... что-то важное. А она не обратила внимания. Он говорил о базе странников! Сказал, что видит вход в нее...

Нельзя было терять ни минуты.

Ирия быстро собрала палатку и вещи Тадеуша, сложила все в свой флаер, а флаер Тадеуша заперла, чтобы в него случайно не забрался медведь. Потом полетела домой. По дороге домой Ирия остановилась во Вроцлаве и с почтамта провидеофонила в Сахару. Ей хотелось узнать, где сейчас Гай-до и дети, что подобрали его на свалке.

Дежурная по имени Джамия ответила, что московские дети починили кораблик и улетели на нем к себе, потому что хотят участвовать в гонках. А что-нибудь случилось?

— Нет, — ответила Ирия. — Ничего не случилось. Я просто хотела поговорить с девочкой по имени Алиса. Где ее найти?

— Одну минутку, — сказала Джамия. — Они оставили мне свои адреса. Записывайте.

Ирия поблагодарила Джамию и тут же позвонила Алисе домой. К видеофону подошел высокий, чуть сутулый человек средних лет, который оказался Алисиным отцом. Он удивился, увидев, что Алису разыскивает очень красивая женщина с длинными золотыми

волосами. Женщина была взволнована. Она сказала, что ее зовут Ирия Гай и что ей надо взглянуть на корабль Гай-до. Где можно найти Алису и Гай-до?

— Точно не отвечу, — сказал отец, профессор Селезнев. — Дело в том, что они полетели на Гавайи, на фестиваль народных танцев. Но, зная характер Алисы и ее друга Паши Гераскина, я полагаю, что они могут сейчас носиться по всей Солнечной системе, испытывая свой корабль.

Ирия позвонила на Гавайи, в штаб фестиваля. Там ей сказали, что на фестиваль прилетели шестьдесят тысяч гостей и из них по крайней мере двести на своих космических катерах.

На аэродроме в Гонолулу ответили, что корабль Гай-до там не зарегистрирован. Тогда Ирия поняла, что Алису ей быстро не найти, и полетела домой.

Дома Ирия прошла в кабинет Тадеуша, открыла шкаф, в котором хранилось экспедиционное снаряжение, и стала выбирать, что ей может пригодиться.

Собираясь в дорогу, Ирия продолжала размышлять.

Куда лететь? Что делать дальше?

Ключ к разгадке, вернее всего, на дикой планете Пять-четыре. У базы странников. Очевидно, кто-то ищет эту базу. Или даже нашел ее. И очень боится, что ее отыщет кто-то другой. Допустим, рассуждала Ирия, что враги заподозрили, что Тадеуш тоже ищет их драгоценную базу, и решили его убить. Ирия с Гай-до спасли Тадеуша. Но подозрения не оставили врагов. И они выследили Гай-до. И вот они видят, что Гай-до летит к Земле. Зачем он летит? Отыскал базу и спешит сообщить о ней? Тогда нападают на Гай-до. Гай-до оказался на свалке, и там его увидели дети из Москвы. Если у врагов есть шпион, он узнает, что Алиса летала в Польшу и встретила там с Тадеушем! Значит, Тадеуш жив! Тогда враги всполошились. Еще больше их беспокоило, что Тадеуш отправляется в Москву, приходит к Гай-до и сразу после этого корабль куда-то улетает. Тогда их агенты выслеживают Тадеуша и увозят его с собой. Конечно, можно обратиться в милицию, но, вернее всего, враги уже далеко. Пока будешь все объяснять, их и след простынет. Ирия должна действовать сама.

Когда готовая к полету Ирия вышла на веранду, мать Тадеуша не сразу ее узнала. И понятно почему. Мама Тадеуша знала, что ее сын женился на нежной и скромной женщине с длинными золотыми волосами, которая обожает готовить, ненавидит приключения и рада бы никогда не покидать своего сада. А кого она увидела?

Перед ней стояла настоящая амазонка: коротко подстриженная, в походном комбинезоне, сузившиеся сиреневые глаза холодны и суровы, твердый подбородок упрямо торчит вперед. Движения ее решительны и экономны. Она готова сейчас взойти на Эверест, выйти на боксерский ринг, вызвать на дуэль самого отчаянного пирата галактики.

Никто, даже Тадеуш, не узнал бы в этом решительном воине свою нежную жену. Хотя был, конечно, один человек, или почти человек, который сразу бы узнал Ирию и даже обрадовался этому. Узнал бы ее Гай-до. Именно такой воспитывал свою дочь конструктор Гай. Именно такая девушка в одиночку улетала в опасные экспедиции.

— Да, — сказала Ирия, увидев себя в зеркале, — никогда не думала, что вернусь к своему прошлому.

Ирия поцеловала дочку, спрыгнула с веранды и уселась во флаер, который словно почувствовал, что с Ирией шутки плохи, и вертикально взмыл в небо, распугав голубей и синиц. Со свистом ввинчиваясь в теплый летний воздух, он понесся к космодрому.

— Здравствуйте, Тадеуш, — сказал Аркаша. — Может, вы нам объясните, что за детский сад вокруг? Что за пижамки, ночные горшочки, цветочки и нянечки? Вроде мы вышли уже из этого возраста?

— Мы с вами, ребята, — сказал Тадеуш, — попали в подполье всеобщего счастья. И очень грустно.

— Мы не на Земле? — спросила Алиса.

— Мы на планете Пять-четыре, — сказал Тадеуш. — Я здесь такой же пленник, как и вы, но неподалеку, за этими стенами, сидит и размышляет о благе всей Вселенной самый добрый, самый красивый и нежный Вечный юноша. В его присутствии расцветают улыбки и все умирают от радости...

— Да говорите вы серьезно! — прервал его Аркаша.

— Я совершенно серьезен. Я уже прошел через несколько допросов без нанесения ущерба для моего драгоценного тела.

Тадеуш за те дни, что Алиса его не видела, вдвое похудел, страшно осунулся, лицо у него было серое, глаза потускнели. Может, он сошел с ума?

— Только не думайте, что я сошел с ума, ребята, — сказал Тадеуш. — Я сильно огорчен тем, что они схватили и вас. Вас будут допрашивать. Умоляю, рассказывайте все, что знаете, и даже больше того, что знаете. Иначе они будут вас мучить.

В этот момент дверь открылась и вошла медсестра, за ней доктор в улыбающейся маске.

— Кто первый на процедуры? — спросил он. — Смелее, детки.

— Я запрещаю вам трогать детей! — сказал Тадеуш, шагнув навстречу доктору. — Они ничего не знают.

— На место, — сказал доктор Тадеушу, — ты еще не выздоровел, тебе надо отдохнуть.

Доктор поднял руку с зажатой в ней металлической трубкой.

Тадеуш непроизвольно поднял руку, закрываясь от трубки — видно, он знал о ней. Алиса испугалась за Тадеуша и сразу подбежала к доктору.

— Я готова! — крикнула она. — Я хочу на процедуры.

— Вот и хорошо. — Доктор прижал к боку голову Алисы и погладил ее. — Всегда лучше разговаривать с девочками. Они такие нежненькие, добренькие, они все расскажут. Идем.

— Что такое? — услышала Алиса сонный голос Пашки. — Какие еще процедуры?

— Нет! — сказал Тадеуш. — Я этого не допущу!

— Назад! — Доктор сильнее сжал трубку в кулаке, тонкий голубой луч дотянулся до Тадеуша, отчего тот скорчился от боли и упал на пол.

Тут же доктор сильно дернул Алису за руку, так что она вместе с ним оказалась в коридоре, и дверь захлопнулась.

— Что вы сделали? — Алиса попыталась укунить доктора за руку, но тот больно сжал ее лицо пальцами.

— Ах, какие мы невыдержанные! — с упреком сказал он. — Ничего с твоим Тадеушем не случится. Мы его, упряма, раз сто этим кнутиком стегали.

Он отпустил Алису. Спросил:

— Хочешь попробовать, как стегает? Но это больно.

— Не хочу.

— Молодец. Соображаешь. Еще вопросы будут?

— Снимите маску!

— Это не маска, — сказал доктор. — Это мое истинное лицо. — Он потащил Алису за руку по коридору, продолжая говорить: — Мое внутреннее лицо, что под маской, может ошибаться, может поддаваться минутным сомнениям и неправильным мыслям. Мое внешнее, настоящее лицо никогда не грустит и не сомневается. Оно знает, что я счастлив. И все мы счастливы.

— Куда вы меня ведете? — спросила Алиса.

— Доставить тебе счастье встречи с Вечным юношей.

— Но я не хочу такого счастья!

— А тебя и не спрашивают. Счастье — это подарок. Подарки берут и радуются.

Говоря, доктор тащил Алису по коридорам. Они казались бесконечными. Пересекались, раздваивались, изгибались. По обеим сторонам шли одинаковые двери. Но людей не было. Словно Алиса с доктором спешили по громадному ночному учреждению, откуда все служащие ушли, а свет за собой выключить забыли.

За очередным поворотом открылся большой низкий зал. В зале стояло множество кадок с фикусами и финиковыми пальмами, стены изображали картины природы — леса, зеленые долины и голубые речки. А с потолка свисали клетки с поющими птицами.

Под каждой клеткой стоял человек в улыбающейся маске и, если птица замолкала, тыкал в клетку острой палкой.

В дальнем конце зала была небольшая дверь с изображением на ней улыбающегося солнца. Перед дверью замерли два улыбающихся стражника с автоматами в руках.

При виде Алисы и доктора погонщики птиц принялись быстрее колотить по клеткам, громче запели птицы, громче заиграла музыка, стражники распахнули дверь, и доктор втолкнул Алису внутрь. Дверь закрылась, и Алиса осталась одна.

Она стояла посреди небольшой уютной комнаты. Звуки из зала сюда не доносились. Только мирно потрескивали дрова в камине. На стенах были нарисованы окна. Окна были широкими, небо за ними голубым, листва зеленой.

Стены были оклеены голубыми обоями с белыми нарциссами на них. На столе стоял букет бумажных нарциссов.

В комнату быстро вошел человек небольшого роста в золотой короне и улыбающейся маске. Длинная тога была расшита жемчугом.

— Прости, Алисочка, — сказал человек, — что я заставил тебя ждать. Ты не представляешь — тысяча дел. С утра вскакиваешь и крутишься как белка в колесе. Тебе сока или молока?

— Молока, — сказала Алиса. — А вы кто такой?

— Я император Сидон Третий. Обычно меня называют Вечным юношей. Я очень давно живу на свете — лет шестьсот тридцать шесть. И совершенно не старею.

Император открыл холодильник, что стоял рядом с пианино, достал оттуда бутылку с молоком, налил в стакан и поставил на стол.

— Ты садись, — сказал он. — Будь как дома.

— А почему на нас напали? — спросила Алиса.

Она села и отхлебнула молока. Молоко было хорошее, свежее.

— Не бойся, не синтетическое, — сказал император. — Я всегда вожу с собой двух коров. Куда бы ни летел. Но корова в космосе — роскошь. Так что молоко здесь на вес

золота. Угощая тебя, я граблю себя. Но ты пей, пей...

— Спасибо, — сказала Алиса, которой сразу расхотелось пить такое драгоценное молоко.

— Нет, ты пей, — сказал Вечный юноша. — Ты ведь не думаешь, что я за тобой допивать буду? Мало ли какие в тебе микробы?

— А вы мне не сказали, — повторила Алиса, — почему на нас напали?

— Ты хорошо устроилась? — спросил император. — Пижамка тебе понравилась? Мне кажется, что она тебе очень к лицу. Я сам выбирал. Думал, проснется Алисочка, а на ней новая пижамочка.

— Ну почему вы мне не отвечаете? — воскликнула Алиса.

— А что, давай дружить? Ты права. Давай дружить!

— Почему вы мне не отвечаете?! — совсем громко закричала Алиса.

— Ты думаешь, что если я кажусь старше тебя, — продолжал диктатор как ни в чем не бывало, — то со мной дружить не интересно? Это не так. Я знаю много игр.

— Вот сейчас разобью этот стакан, — сказала Алиса, — что вы тогда будете делать?

— Ты, кажется, любишь нарциссы? — сказал император. — Я тоже их обожаю. Вот один пункт сходства между нами. А потом мы с тобой найдем другие. И общих знакомых тоже.

Алиса подняла стакан и замахнулась. Несколько капель молока брызнуло на ковер.

— А вот если ты это сделаешь, — сказал император скучным голосом, — ты об этом будешь жалеть до самого конца своей короткой жизни. Поставь стакан, дура!

Слова Вечного юноши были такими неожиданными, что Алиса растерялась и поставила стакан на столик.

— К сожалению, — вздохнул император, — первый подход к тебе не удался. Попробуем другую тактику. Откровенность. Хочешь, я буду разговаривать с тобой как со взрослой?

— А как же иначе?

— Тогда послушай. И не только послушай, а постарайся понять. Я правлю одной планетой. Название ее тебе ничего не скажет. Планета моя — самое счастливое место во Вселенной. Так как я правлю ею уже довольно давно — примерно шестьсот два года и три месяца, то у меня громадный административный опыт. Но для счастья нужно изобилие, а мы небогаты. У нас плохо с топливом.

Вечный юноша закручинился. Сел за пианино, сыграл гамму, хлопнул крышку.

— Плохо, — сказал он. — Некогда тренироваться. Тебе скучно? Потерпи. Я скоро кончу. Несколько лет назад мы узнали, что на этой планете есть база странников с нетронутыми запасами топлива. Что я делаю как отец моей планеты? Я созываю добровольцев, мы прилетаем сюда и начинаем искать базу ради счастья наших детей. Нам трудно вдали от родных, от родины. Но мы улыбаемся! Улыбаемся!.. И тут появляются злые люди, которые хотят нас ограбить! — Император ткнул пальцем в Алису. — И ты обманутая игрушка в их грязных руках!

Маска Вечного юноши безмятежно улыбалась. От этого было страшно.

Дрогнувшим голосом Алиса спросила:

— Вы кого имеете в виду?

— Ты отлично знаешь. Грабителей. Кладоискателей. Одного нам удалось схватить, и он не уйдет от наказания. Его зовут Тадеуш. Второй — тот, кто привез сюда вас, детей, — еще

скрывается. Но мы его поймаем... С твоей помощью, девочка.

— Кого вы поймаете? — Алиса в самом деле ничего не понимала.

— Того, кто командовал вами. Его имя — Гай-до!

И тут Алиса все поняла. Вечный юноша думает, что Гай-до — это человек. Но так думал и серый мяч! Значит, серый мяч — шпион императора! Тогда все становится ясно.

Словно издалека до нее доносился голос Вечного юноши:

— У нас есть только одно страшное преступление — это ложь! Мы все так правдивы, что страдаем, если слышим ложь. Скажи правду: где Гай-до?

— А где он? — удивилась Алиса.

— На борту корабля вас было четверо: Алиса, Аркаша, Паша и Гай-до. Когда вы вышли из корабля, Гай-до остался на борту, и вы поддерживали с ним связь. Но на корабле мы не нашли Гай-до. Он успел скрыться. Куда?

— Как я могу знать! Я же была здесь!

— Ну, девочка, смелее! Это испытание на честность. Если ты не выдержишь его, я обижусь.

— Простите меня, — сказала тогда Алиса, — может, я очень глупая, но зачем вам Гай-до?

— Как зачем? — удивился диктатор. — Вы же злодеи! Вы же космические пираты! Вы хотите ограбить мой добрый, честный народ! Разве мы можем быть спокойны, если один из вас, негодяев, останется на свободе?

— Значит, вы его боитесь?

— Нет, жалею, — возразил император. — Подумай, ты сейчас пьешь молоко, тебе тепло, ты в хорошенькой новой пижамке, а он, бедный, мерзнет среди скал, он плачет, ему плохо! Помоги ему вернуться к людям и почувствовать нашу добрую руку.

...Видно, чтобы Алиса тоже могла почувствовать добрую руку, Вечный юноша схватил ее за плечо и так вцепился когтями, что она чуть не закричала от боли.

— Правду, — зашипел император. — Я требую правды!

— Честное слово, на борту было только три человека!

— Четыре!

— Три!

— Врешь! — Император подбежал к двери, приоткрыл ее и закричал: — Дикодима ко мне!

Через несколько секунд, будто ждал сигнала под дверью, в комнату вошел стражник. В его руке покачивалась сетка, в ней был серый мяч.

— Дикодим, — спросил император, — ты знаешь эту девочку?

— Знаю, — пропищал шар. — Ее зовут Алиса Селезнева.

— Ты летел с ней с Земли?

— Да, я летел с ними.

— Сколько было их на борту?

— Четверо: трое детей и взрослый, которого я ни разу не видел, хотя он все время разговаривал с ними.

— И его звали...

— Его звали Гай-до. Но я его ни разу не видел.

— Как вам не стыдно! — сказала Алиса мячу. — Мы же вас пожалели.

— А что я мог поделать? — ответил мяч. — Моя семья в заложниках у его величества.

— Ну и нравы у вас! — обернулась Алиса к императору. — Мне за вас стыдно.
— Я все делаю ради народа, — ответил Вечный юноша.
— Простите, великий император, — пропищал мяч, — а где моя семья? Почему нас еще не отпустили? Я все сделал, как мне велели.
— Нет, голубчик, — сказал император, — ты нам еще понадобишься.
— Но вы же дали слово!
— Я его дал — я его взял обратно.
— Это нечестно!
— Честно, честно! Я самый честный на свете император. А у тебя, дружок, слишком длинный язык. Если я выпущу тебя, ты кому-нибудь расскажешь лишнее. А у меня ответственность перед моим славным народом. Я не могу его подвести в решающий момент, когда мы начинаем перевозить добро с базы странников на наш корабль.
— Я вас ненавижу! — запищал мяч. — Вы меня обманули!
— Вот это правда. Так я и думал, — сказал печально император, а его маска продолжала улыбаться. — Киньте неблагодарного в подземелье.
— А девочку? — спросил стражник.
— Эту плохую девочку? Придется ей тоже посидеть там, пока я буду беседовать с ее друзьями.
— Их привести? — спросил стражник.
— Погоди, сначала я проверю, как идут дела на базе.
Стражник подтолкнул Алису к двери. Но тут из динамика на столе послышался голос на незнакомом языке. Голос возбужденно кричал.
Диктатор бросился к столу и принялся кричать в ответ.

Нельзя бояться пауков

Стражник, держа в руке сетку с мячом, подвел Алису к узкой лестнице, что вела вниз, и сильно толкнул в спину. Алиса покатила по бесконечным скользким ступенькам. Вслед за ней полетел мяч.

Наверху захлопнулся люк.

Было совсем темно.

— Где мы? — спросила Алиса, сидя на каменном полу. Локти и колени страшно болели. Она их ушибла о ступеньки.

— Мы в подземелье, — ответил пискливо мяч Дикодим. — Отсюда еще никто не выходил живым.

— Выйдем, — сказала Алиса. — Не бойся.

— Я уже ничего не боюсь, — ответил мяч.

— А что они так кричали? — спросила Алиса. — Ты их язык понимаешь?

— Нет, — сказал мяч. — Но я видел, как Гай-до пробрался на твой корабль, хотя его охраняли. Он поднял корабль и улетел. Сейчас они за ним гонятся.

— Молодец Гай-до! — закричала Алиса. — Вот молодец.

— Они его все равно догонят и убьют.

— Это мы еще посмотрим, — сказала Алиса.

У нее сразу улучшилось настроение. «Вот дураки, — подумала она, — стерегли подходы к кораблю, стараясь поймать таинственного Гай-до, а настоящий Гай-до тем

временем спокойно взлетел».

— Не расстраивайся, — стала утешать его Алиса. — Теперь Гай-до приведет к нам помощь.

— Не успеет, — пропищал мяч. — Я знаю: любого, кто попадает в это подземелье, пожирают пауки.

Алиса непроизвольно оглянулась. Темнота и тишина...

— Ничего, — сказала Алиса, но ее голос сорвался. Ей было очень страшно. — Они, наверное, опять обманывают. Они все время обманывают. Пугают.

— Хорошо бы, — сказал мяч. — Хотя мне уже все равно.

— Ты в самом деле шпион?

— Я гнусный шпион.

— Настоящие шпионы так не говорят о себе.

— Вечный юноша захватил всю мою семью — и жену, и всех детишек... И мне было сказано: отыщешь на Земле моих врагов, семья будет цела. Я сделал! Я выследил корабль, я выследил вас и даже выследил Тадеуша, его поймали и привезли сюда. Я все сделал. Ты думаешь, я делал это с радостью? Я это делал от страха и из любви к моим близким. Убей меня!

— Я тебя понимаю, — сказала Алиса, — хоть мне и очень неприятно думать, что все наши беды от тебя, Дикодим. Если ты делаешь подлые дела, даже из любви к своим родственникам, то подлые дела не становятся от этого менее подлыми. И потом будет наказание. Обязательно.

— Но он убил бы моих родных!

— А теперь?

— Теперь они уже мертвы...

— Вот видишь, — сказала Алиса.

Вдруг она услышала, как в темноте кто-то зашевелился.

— Пауки! — воскликнула она и вскочила. Она с детства боялась пауков.

— Вряд ли, — послышался из темноты низкий голос. — Это еще не пауки. Это только я.

В углу зажглась свечка и осветила старую женщину, которая сидела на куче тряпья. Она была в разорванном платье, седые волосы спутаны, глаза ввалились.

— Кто вы? — спросила Алиса. — Почему вы здесь, бабушка?

— Я здесь потому, что меня не существует, — загадочно ответила старуха. — А чем вы не угодили Вечному юноше?

— Я не угодил тем, что верно служил, — ответил мяч. — Потому что я поверил, что он выпустит на свободу меня и мою семью, если я стану подлецом и шпионом.

— И помогло? — спросила старуха.

— Нет, он обманул меня. Он смеялся надо мной.

— А тебя, девочка, за что?

— Я не знаю, — сказала Алиса.

— Не знаешь? А может, много знаешь? Вечный юноша не любит свидетелей.

— Он ненормальный? — спросила Алиса.

— Почему? Он совершенно нормальный негодяй.

— Он говорит, что все делает ради своего народа. Самого счастливого народа в галактике, которым он правит уже шестьсот лет.

— Смешно, — сказала старуха. — Я его знаю куда меньше, лет сорок, и он всегда думал только о власти. А о народе он думал, только когда хотел его использовать.

— Он мне врал?

— Он ни разу в жизни не сказал правдивого слова.

— А как же народ его терпит?

— Народ можно обманывать. А Вечный юноша — мастер обмана. Он кричал, что мы счастливы, и мы верили ему. Он приказал всем ходить в улыбающихся масках, чтобы не видеть печальных лиц... Лучших людей убивали, торжествовали подлецы и грабители. Стало так плохо, что начали умирать от голода дети. Но нельзя всегда улыбаться и умирать от голода. И наконец наш народ поднялся и сверг Вечного, прекрасного, мудрого и счастливого юношу.

— Сверг? А о ком же он тогда заботится?

— О себе. Как всегда, только о себе... К несчастью, его не успели поймать. Он захватил флагманский корабль нашего флота, который называется «Всеобщее умиление», и вместе со своими приближенными примчался сюда.

— Зачем? — плаксиво взвыл серый мяч Дикодим. — Зачем именно сюда? Мы жили тихо, мы растили детей и купались в вулканических озерах. Зачем он прилетел сюда?

— Потому что он живет одной мечтой: добиться могущества, вернуться на нашу планету и жестоко отомстить тем, кто посмел его изгнать. С помощью вас, глупые дети, он нашел эту базу, теперь он грабит ее, теперь он готовится к победоносному возвращению домой. Чтобы казнить и расправиться с непокорными.

— Почему с нашей помощью? — удивилась Алиса. — Мы ему не помогали.

— Глупенькая! С той минуты, когда вы сели на планету, с вас не спускали глаз. И вы привели Вечного юношу к самому входу базы странников, которую он искал уже три года!

— Какой ужас! — ахнула Алиса.

— Бойся за себя и своих друзей. Может быть, вы нужны ему как заложники. А может, наоборот, не нужны как лишние свидетели. Я не знаю всех извилин его злодейского ума. И не так страшны пауки настоящие, как пауки в человеческом обличье, потому что пауков, что таятся в этом подземелье, можно не бояться. И если их не бояться, они тебя не тронут. Они питаются страхом, спешат на запах страха. А Вечный юноша сам создает страх.

— А отсюда нет выхода? — спросила Алиса.

— А куда пойдешь? Надо ждать...

— Чего ждать?! — завизжал мяч.

— Смерти, свободы... все равно ничего не поделаешь. Ложитесь спать. Во сне люди ничего не боятся.

— Я не могу спать! — воскликнула Алиса. — Он там моих друзей сейчас допрашивает.

— Никого он не допрашивает, — лениво сказала старуха. — Сейчас он на склад побежал добычу считать.

— Это я виноват, — сказал мяч. — Но теперь я знаю, что сделаю. Если меня выпустят отсюда, я его сам убью!

— Попробуйте, — сказала старуха, прислушиваясь.

Из темноты послышалось шуршание.

Сначала Алиса увидела глаза. Круглые, желтые, немигающие. Они тускло светились.

— Только не бойтесь, — сказала старуха. — Они это чувствуют.

Что-то мягкое коснулось Алисиной ноги. Она еле удержалась, чтобы не вскрикнуть. Но

это был всего лишь серый мяч.

Шуршание приближалось. Из темноты возникали пауки — с желтыми светящимися глазами, на длинных мохнатых членистых ногах, с могучими клешнями. Их было много, каждый ростом с собаку.

— Возьми меня на руки, — пропищал мяч, — я умру от страха.

— Зачем его спасать? — сказала старуха. — Он же предал тебя и твоих друзей. Отдай его паукам, и дело с концом.

— Так делать нельзя, — сказала Алиса. Она подхватила трепетавшего серого мяча. — Не бойся, они тебя не тронут.

Она боялась в тот момент, но не за себя, а за серого мяча. Ужас мяча почуяли и пауки. Они устремились к Алисе, тянули клешни к мячу, Алиса отвернулась от них и кинулась к стене, чтобы им не дотянуться до мяча.

Пауки касались ее спины, толкали, мешали друг дружке.

— Ну сделайте что-нибудь! — крикнула Алиса старухе. — Вы же знаете, что делать!

— Ничего не сделаешь, — ответила старуха. — Разве зло можно победить? Хочешь жить, отойди в сторону.

— Нас же сожрут поодиночке!

— Может, забудут...

Паукам надоело отталкивать Алису. Острые клешни все сильнее рвали пижаму, и, как ни отбивалась Алиса, ее оторвали от стены, отбросили и вырвали мяч из ее рук.

Тот пискнул и пропал в кошмарном месиве пауков.

Алиса пыталась расшвырять их, оттаскивала, но пауки были куда сильнее и не обращали на нее внимания.

А потом как по команде, толкаясь и спеша, бросились прочь и исчезли в темноте. Лишь занудное шуршание угасало в подземелье.

Алиса кинулась туда, где упал серый мяч. Но на полу было лишь мокрое пятно — все, что осталось от несчастного предателя.

— Заслуженная гибель, — сказала старуха.

— Он же спасал свою семью!

— Странная ты, Алиса, — сказала старуха. — Не плачь. Его уже не вернешь. Подумай, что он своей смертью спас тебя. Ты не испугалась, потому что защищала его. Была бы одна — испугалась бы. Тут бы тебе и конец.

Алиса поняла, что ноги не держат ее. Она села на пол и горько зарыдала.

Встреча старых друзей

На рейсовом корабле «Линия» на маршруте Земля — Вестер произошло чрезвычайное событие, которое было отмечено в судовом журнале.

Когда корабль пролетал неподалеку от ненаселенной планетной системы, на капитанский мостик поднялась одна из пассажирок, которую звали Ирия Гай.

На эту странную женщину капитан обратил внимание еще на Земле. Она была одета как дальний разведчик, ни с кем не разговаривала и почти не выходила из каюты.

Поднявшись на мостик, Ирия Гай заявила, что хочет покинуть «Линию» и для этого ей нужен планетарный катер. Она вернет катер после высадки. Сообщить о причине такого желания она отказалась, и, разумеется, капитан отказался выполнить просьбу пассажирки.

Планетарные катера не предназначены для прогулок. Так он и сказал Ирии Гай.

Тогда, к удивлению капитана и вахтенного штурмана, Ирия Гай вынула боевой бластер и приказала капитану и штурману отойти к стене. Когда штурман попытался отнять у нее оружие, она умелым приемом джиу-джитсу бросила его на пол, а капитану нанесла такой удар в челюсть, что он оказался в нокауте.

Затем Ирия Гай набрала на пульте приказ подготовить планетарный катер к запуску, быстро и умело связала капитана и штурмана, а сама спокойно вышла к люку, залезла в катер и стартовала.

Когда через полчаса встревоженный молчанием капитана механик поднялся на мостик, он увидел, что капитан и штурман лежат связанные, с кляпами во рту. Он с трудом поверил, что с ними справилась одна молодая женщина.

«Линия» была рейсовым пассажирским кораблем, она не могла менять курс, чтобы догонять молодую женщину. Капитан связался с галактическим патрулем и сообщил о происшествии. Патруль сообщил, что пошлет крейсер с планеты Вестер и тот сможет прилететь через три дня.

Тем временем Ирия Гай старалась выжать из катера максимум скорости. Конечно, она чувствовала угрызения совести за то, что так жестоко обошлась с капитаном. Но мысль о судьбе Тадеуша Сокола беспокоила ее куда больше.

Через два часа после отлета с «Линии» Ирия увидела, что навстречу ей идет другой корабль.

Это было странно. С планеты Пять-четыре ее увидеть не могли. Значит, это враги?

Ирия включила передатчик.

— Отзовитесь, — сказала она. — Что за корабль, куда следует?

Корабль не отозвался и даже изменил курс, чтобы уйти от встречи.

«А вдруг это Тадеуш? — подумала она. — Вдруг он сумел угнать корабль врагов и теперь тоже опасается погони?»

Тогда она радировала:

— Говорит Ирия Гай. Держу курс на планету Пять-четыре. Вы меня слышите?

И тут она услышала знакомый голос:

— Госпожа! Какое счастье! Это я, Гай-до.

И неизвестный корабль устремился к Ирии Гай.

Через полчаса Ирия перешла на борт Гай-до, а планетарному катеру набрала программу на автоматический полет к Вестеру.

В знакомой рубке Ирия уселась в знакомое пилотское кресло. Как будто и не прошло двух лет со дня их последней встречи.

Гай-до был счастлив.

— Я мечтал увидеть тебя, госпожа! — повторял он. — Это такое счастье! Ты летела спасать Алису?

— Какую Алису? — удивилась Ирия. — Я лечу спасать Тадеуша.

— Опять? — сказал кораблик. — Но ведь ты его уже один раз спасла. Может, хватит? Неужели ему так понравилось, что ты его спасаешь, что он снова сюда полетел?

— Не говори глупостей, Гай-до, — сказала Ирия, — все не так просто, как ты думаешь. Тадеуша украли. Он успел оставить мне знак. Разве ты его не видел? А где Алиса?

— Нам надо обменяться информацией, — сказал Гай-до. — Сначала рассказывай ты, потом я.

И через десять минут все стало ясно.

— Как я и предполагала, — сказала Ирия, — неизвестные враги ищут базу странников. И стараются завладеть всеми, кто, по их мнению, что-то знает об этой базе.

— Наверное, ты права, — сказал Гай-до. — Но боюсь, что теперь они уже нашли эту базу. Ведь моих ребят они схватили возле нее. Их выдал один ничтожный серый шпион, которого они к нам заслали.

— Значит, мы их освободим, — сказала Ирия. — Курс к планете Пять-четыре.

— Я уже иду к ней, — ответил корабль. — Я не сомневался в твоём решении, госпожа. Воспитание твоего папы куда сильнее, чем полтора года жизни с Тадеушем. Я так и знал, что ты вернешься к старой жизни.

— Посмотрим, — сказала Ирия.

— А у тебя есть план действий?

— Проникнуть к ним, — сказала Ирия.

— Они тебя замучают.

— Пусть только попробуют!

— А я?

— Ты будешь ждать моих приказов.

— Слушаюсь, госпожа. Можно еще вопрос?

— Спрашивай.

— А если они уже убили Тадеуша, мы будем снова путешествовать вдвоем?

— Если ты еще раз скажешь такую глупость, безмозглый Гай-до, я больше не скажу тебе ни слова.

— Я молчу, — сказал Гай-до.

Ирия проверила оружие. Потом сказала, глядя, как на экране растет Пять-четыре:

— Я буду поддерживать с тобой связь. Если ты поймешь, что я попала, улетай домой. Ты понял? Это приказ.

— Я должен немедленно улететь домой, — мрачно повторил Гай-до.

— Лети к ближайшей населенной планете и давай сигнал SOS. Ты понял?

— А что, ты думаешь, я делал, когда мы встретились? Я летел за помощью. Вот вернемся на Землю, попрошу Аркашу сделать мне колеса и руки. Мне надоело быть неподвижной железной банкой.

— Я не уверена, что у твоего Аркаши что-нибудь получится, — с непонятной ревностью заявила Ирия.

— Получится, он очень талантливый мальчик. Мы с Пашкой и Лукьянычем ему поможем.

— Не советую, — сказала Ирия. — Кстати, у тебя внутри все очень захлавлено. Раньше у нас было чисто.

— Когда мои дети, — сказал гордо Гай-до, — уходили искать базу странников, они не собирались попадать в плен. Я виноват в том, что позволил им пойти на такой риск.

— Ты не виноват, ты только корабль, — сказала Ирия Гай. — Хотя иногда забываешься.

«Нет, — подумал с горечью Гай-до, — моя хозяйка уже никогда не станет прежней. Прошлое не вернуть. Я для нее теперь только корабль, только инструмент. Я должен ждать, я должен звать на помощь, я должен возить. И молчать».

— Помолчи, — сказала Ирия, — мне надо подумать.

«Я и так молчу», — хотел было ответить Гай-до, но не ответил.

Ирия смотрела на экран. Она рассуждала: сколько прошло времени, а планета точно такая же, как была два года назад. Пройдет еще тысяча лет, и кто-то другой увидит ее впервые на экране, а она будет точно такой же. А два года назад Ирия была совсем другим человеком. Если бы ей тогда сказали, что она будет жить в саду под Вроцлавом и качать своего ребеночка, она бы засмеялась. «Ой, а как же там моя Вандочка? — У Ирии зануло сердце. — Она, наверное, капризничает, а мать Тадеуша забыла согреть ей молочка». Ирии захотелось повернуть назад, очутиться сейчас же на Земле и накормить малышку. Но это невозможно. Ирия шевельнула рукой — бластер врезался в бок. Нет, папа не зря потратил столько лет, воспитывая из нее бойца. Его школа не забылась.

— Мой скафандр цел? — спросила Ирия.

— Я сберег его, — ответил корабль.

— Давай!

В стене открылась ниша. В ней поблескивал скафандр.

— Ты останешься на высокой орбите, чтобы тебя не застали врасплох, — сказала Ирия.

— Но почему мне не опустить тебя на планету? Это же удобнее.

— Ты безмозглый...

— Лучше объясни, чем ругаться.

— А что бы ты подумал на их месте? Только что этот кораблик удрал с планеты. И вдруг возвращается. Зачем? Не беспокойся, я доберусь без тебя. Я стану метеором.

— Ни в коем случае! — испугался Гай-до. — Это опасно.

— Я уже пробовала. Ты знаешь.

— Я не позволю!

— Иначе меня засекут.

С этими словами Ирия залезла в скафандр.

Гай-до, электронное сердце которого разрывалось от тревоги, начал снижать скорость.

— Будь на связи, — сказала Ирия Гай.

Она не тратила лишних слов. Она была экономна в движениях и расчетлива, как на боксерском ринге.

Через переходник она вышла в открытый космос, оттолкнулась от Гай-до и поплыла к планете. Через несколько минут, отойдя от корабля на достаточное расстояние, она включила ракетный двигатель и пошла вниз, набирая скорость так, чтобы внешняя оболочка скафандра при входе в атмосферу раскалилась. Это было очень опасно — любой микроскопический дефект в скафандре погубил бы Ирию в мгновение ока. Но она считала, что у нее только один шанс попасть на планету незаметно. Если наблюдатели увидят метеор, они не встревожатся: на Пять-четыре падает много метеоров.

В ожидании Алисы

В большой светлой палате, где остались Пашка, Аркаша и Тадеуш, прошло уже больше часа, а Алиса не возвращалась.

Дверь была заперта крепко, Пашка несколько раз пытался ее взломать, но из этого ничего не вышло. А на стук никто не приходил. Аркаша, как человек более разумный, за это время простучал все стены в палате. Он надеялся отыскать какой-нибудь потайной ход или дверь.

Тадеуш, видя, как Аркаша старается, сказал:

— Не стучи, нет смысла. Я все уже простучал. Под краской металл. Это же корабль.

— Мы в космосе?

— Нет. Мы на планете Пять-четыре. Вечный юноша прилетел сюда на флагманском корабле «Всеобщее умиление» и замаскировал его. Даже если ты будешь ходить по обшивке, никогда не догадаешься, что под ногами громадный корабль. Отсюда он руководит поисками базы странников.

— Что за странное имя — Вечный юноша? — спросил Пашка.

— Он говорит, что ему шестьсот лет, — ответил Тадеуш, — но он молод духом и заботится о своем народе.

— Понятно. Он приказал всем носить маски, — сказал Аркаша, — чтобы никто не видел, какой он дряхлый.

Пашка стукнул кулаком по двери.

— Как не повезло! — сказал он. — Надо же было собственными руками отдать базу этому Юноше.

— Собственными руками? — удивился Тадеуш.

— Мы его сами прямо к базе привели, — сказал Пашка. — Я думаю, что серый мяч был шпионом. Догадаться бы раньше, выкинул бы его в космос!

— Серый мяч хотел нас предупредить, — сказал Аркаша. — Только мы не поняли. А если все начнут друг друга выкидывать в космос, как ты разберешься, кто хороший, а кто плохой?

— Хороший тот, кто стремится к хорошей цели, — сказал Пашка. — Наша с тобой цель благородная, а их цель отвратительная.

— Не знаю, — задумчиво произнес Аркаша. — У нас с тобой была цель: добыть топливо странников, чтобы победить в гонках. Это благородная цель?

— Но потом бы мы всем рассказали о базе! — воскликнул Пашка.

— С самого начала не сказали, — возразил Аркаша, — случилось много неприятностей.

— Не смей сравнивать нас с негодьями, — воскликнул Пашка, — когда Алисе угрожает гибель!

— Я не сравниваю, — сказал Аркаша. — Я стараюсь понять. Пока меня не переубедили, я верю в то, что люди хорошие.

— Давай лучше думать, как нам вырваться отсюда, — сказал Пашка, меряя длинную палату большими шагами. — Если они тронут Алиску хоть пальцем, им не жить на свете. Это говорю я, Павел Гераскин!

Тадеуш, слушая, как спорят друзья, лишь горько усмехнулся. Дети, думал он, совсем еще дети. И лучше им не знать, как Вечный юноша пытается своих пленников, как он мучил Тадеуша. Только бы Ирия поняла его знак! Тогда она уже подняла тревогу, и их успеют спасти... Самое страшное — неизвестность.

Бой в темном туннеле

В те минуты Алиса думала о своих друзьях. Как они? Может, им плохо?

Старуха дремала в углу.

— Скажите, пожалуйста, — спросила Алиса, — а из этого подземелья нет выхода?

— Зачем тебе?

— Убежать.

— Бежать некуда.

— А откуда приходят сюда пауки?

— А ты сунься к ним, погляди.

Алиса внутренне съежилась от мысли, что нужно идти в темноту, где кишат безжалостные насекомые.

— А наверх нельзя выйти? — спросила она.

— Эти ступеньки ведут к люку. Люк в днище корабля «Всеобщее умиление».

— Значит, мы под кораблем?

— Да. Корабль стоит на дне кратера, под ним пещера. Эту пещеру наш Вечный юноша превратил в тюрьму. Выхода нет, сиди и жди. Может, забудут.

«Странная старуха, — подумала Алиса. — Вроде бы зла не сделала, даже предупредила, что пауков бояться не надо. Но какая-то равнодушная».

— Если наверх нельзя, — сказала Алиса, — я пошла в пещеру.

— Что? — Старуха подняла голову. — Куда пошла?

— В пещеру, к паукам, — сказала Алиса.

— Сгинешь же!

— А я не боюсь пауков.

— А если там нет выхода?

— Должен быть, — возразила Алиса. — Здесь паукам нечего есть. Значит, они ходят на охоту.

— Не пройти тебе. В пещере не только пауки.

— Я пошла, — сказала Алиса. — Я не могу сидеть и ждать, если моим друзьям плохо.

— Ты всерьез? — Старуха только теперь поверила, что Алиса и в самом деле пойдет в черный туннель.

— Конечно, всерьез. И очень спешу.

Алиса сказала так, потому что знала: если спешишь, не так страшно.

— Тогда... тогда возьми свечку, — сказала старуха. — Я ее для себя берегла. Возьми, ты меня удивила. Меня давно уже никто не удивлял.

— Спасибо, — сказала Алиса.

Она, наверное, очень глупо выглядела в цветастой пижамке со свечкой в руке.

Воздух в подземелье был неподвижен, и пламя тянулось к потолку ровно, как в стеклянной колбе.

Алиса пошла в ту сторону, откуда появлялись пауки.

— Ты с Земли, говоришь? — спросила вслед ей старуха.

— Из Москвы.

В неровной каменной стене, по которой медленно сочились капли воды, было много трещин. Вот и самая большая — в ней пропали пауки.

Алиса шла медленно, ноги были тяжелые, словно их притягивало к полу магнитом.

Ей показалось, что вслед хихикает старуха. Нет, просто старуха закашлялась.

Алиса выставила руку со свечой далеко вперед. Она уговаривала себя: «Пауков я не боюсь. Это только насекомые. Они охотятся, выискивая волны страха. Когда я буду возвращаться на Землю, я возьму с собой парочку пауков для папиного зоопарка, папа будет очень рад...»

И тут она увидела в темноте желтоватый отблеск — это горели глаза пауков, которые преградили ей дорогу.

От неожиданности Алиса вздрогнула. Так бывает: ты готов к какой-нибудь неприятной встрече, знаешь, как себя вести, а как увидишь, все вылетает из головы.

Пауки неподвижно ждали Алису. Может, удивились ее наглости?

Тогда Алиса сказала:

— Здравствуйте! — Голос сорвался, она откашлялась и повторила: — Здравствуйте! Я на вас не обижаюсь. Вы — глупые твари. Покажитесь мне получше, я хочу отобрать парочку для московского зоопарка. Там у вас будет чудесная компания.

И она увидела, как свеча в ее руке, словно желая помочь, разгорается все ярче. От этого света пауки совсем растерялись, и плотная стена их блестящих ломких тел начала медленно отступать.

— С дороги! — приказала им Алиса. — Не шагать же мне через вас. Это очень противно. Уходите, а то рассержусь!

Стена пауков отступала назад все быстрее, пауки давили друг друга, шуршали лапами, словно их преследовал страшный хищник, а не безоружная девочка со свечкой в руке.

— Долой! — Алиса пошла еще быстрее.

И тогда пауки, охваченные паникой, кинулись назад, уродливым клубком катясь по трещине. Они спешили так, что оставляли на полу обломанные ноги и клешни.

Алиса остановилась и перевела дух. «Какая я слабая! — подумала она. — Нет сил идти. Но идти надо».

Трещина была пуста. Ни звука. Свечка снова потускнела, словно и не вспыхивала прожектором.

Алиса собралась с силами и побрела дальше.

Постепенно дно трещины поднималось вверх, идти было трудно, пришлось перебираться через завал, что доставал чуть ли не до потолка, Алиса ободрала коленку. А конца этому ходу не было.

Что-то беспокоило Алису. Она даже не могла объяснить что. Но было ощущение, словно кто-то идет за ней следом, идет бесшумно, осторожно крадется, чтобы напасть стремительно и смертельно.

Когда ход чуть изогнулся, Алиса быстро спряталась за выступ и прижалась спиной к стене. Но ничего не услышала. Словно преследователь, угадав ее маневр, тоже затаился. Алиса высунулась из-за выступа и посветила свечой. Но свеча горела так тускло, что и в двух шагах ничего не было видно. Зато наверняка тот, кто преследовал Алису, видел огонек и теперь знает, где его добыча. Поняв это, Алиса поспешила вперед.

Она бежала, но бежала медленно, скользила по камням, чуть не провалилась в какую-то дыру. А шаги преследователя, хоть и мягкие, звучали все ближе... И когда Алиса увидела новое препятствие на своем пути, она почти не испугалась. Когда устанешь так, что нет больше сил, перестаешь пугаться.

Перед ней, разлегшись поперек прохода, лежала громадная сороконожка. Она рвала передними когтистыми лапами несчастного паука, угодившего к ней в лапы, когда он бежал от Алисы.

При виде Алисы сороконожка шустро отбросила недоеденного паука и начала подниматься. Она поднималась все выше, уже половина ее тела нависла над Алисой, и множество одинаковых когтистых лапок примеривалось, как лучше схватить новую жертву.

— Я тебя не боюсь, — сказала Алиса устало. — Уйди, насекомое.

Но, в отличие от пауков, сороконожка не реагировала на страх. Она просто увидела

добычу и просто возжелала ее сожрать.

И когда Алиса поняла, что сороконожка сейчас бросится на нее, она отступила назад. И тут же замерла. Она вспомнила о преследователе.

Бежать было некуда.

«А раз так, — решила Алиса, — надо идти вперед».

Сороконожка не ожидала, что жалкое двуногое создание столь решительно кинется на нее. Она даже откинула голову назад, но тут же сообразила, что двуногое неопасно, и резким движением накинута на Алису.

Алиса ударила кулаками в жесткий скользкий живот сороконожки и почувствовала, как острые когти рвут материю пижамы. Она забилась в жестоких объятиях насекомого. Свеча упала и погасла...

Вдруг пещеру осветили яркие синие лучи. Они ударили по сороконожке, отбросили ее назад, расплющили о стену и разметали на кусочки.

Алиса без сил опустилась на пол.

— Ничего, — раздался голос сзади, — скоро выход.

Это был голос старухи.

Значит, это она шла за Алисой? И не догоняла, а охраняла ее?

— Спасибо, — сказала Алиса шепотом.

— Спешу, — сказала старуха. — У тебя мало времени.

Алиса поднялась на ноги, нащупала свечу. Свеча сразу загорелась в ее руке. Алиса обернулась. Но сзади уже никого не было. И Алиса побежала. А может, ей только показалось, что она бежит? Через сто шагов она увидела впереди свет.

Алиса выбралась из трещины на краю обширного кратера. Над ней расстилалось фиолетовое небо, по которому, обгоняя друг дружку, спешили два солнца. Дул ветер, приносил брызги дождя. Внизу у озера точками маячили серые мячи. Из-под камня опасно выглядывали желтые глаза паука.

Алиса упала на камни, и они показались ей теплыми и даже мягкими. Она бы заснула сейчас от усталости, но сердце билось так быстро, что не заснешь. И нельзя спать... надо идти. Но куда идти? Как найти своих? Как найти Гай-до? Как дать о себе знать? Алиса попробовала встать, но упала.

Стой, мы свои!

— Не волнуйся, — сказала старуха, которая вышла из трещины в скале вслед за Алисой, — можешь немножко отдохнуть.

Старуха вытащила из складок грязного мятого платья длинную черную курительную трубку, затем кисет, набила трубку табаком. Пальцы у старухи были длинные, желтые, сильные, с коротко обрезанными ногтями. Алиса пригляделась к ней и вдруг поняла, что старуха совсем не так стара, как казалось в подземелье. Скорее пожилая женщина. Лицо ее было изборождено глубокими морщинками, углы тесно сжатых губ опущены, глаза велики и печальны. Прямые черные с проседью волосы были спутаны и падали на плечи неровными прядями.

— Отдыхай, — сказала старуха. — У нас есть пять минут.

— Как странно здесь, — сказала Алиса с облегчением. И в самом деле, ей нужно было именно пять минут, чтобы прийти в себя. — Все здесь не те, за кого себя выдают. И вы тоже.

— Ты не права, — сказала старуха. Она глубоко затянулась и выдохнула дым. Дым кольцами поплыл к фиолетовому небу. — Ты мне помогла, девочка, — продолжала старуха. — Я тебе очень благодарна.

— Как я могла вам помочь?

— Ты помогла понять, что рассудок — не главное, что правит миром. Если ты считаешь, что должна идти, то никакой паук не страшен. Тебе нельзя было идти ни в коем случае. Все было против тебя. А ты пошла.

— Если бы не вы, меня бы эта сороконожка сожрала, — сказала Алиса.

— С чудовищами куда легче сражаться, если у тебя в руке бластер. Это каждый сможет. Ты пойди в бой с одной свечой в руке, тогда мы и посмотрим, кто смелый. Ты можешь встать?

— Могу.

— Тогда пошли. Тут недалеко. Нам нужно проникнуть в корабль.

Старуха шла первой. Она осторожно подобралась к краю и поманила Алису. Отсюда было видно, как внизу шагают вереницей автоматические повозки. Повозки с трудом переставляли металлические ноги, перебираясь через каменные завалы к замаскированному кораблю.

На некоторых сидели стражники в улыбающихся масках и разноцветных веселеньких одеждах. Даже автоматы, что болтались на груди, были раскрашены незабудками.

— Чем хуже и голоднее, — сказала старуха, — тем веселее мы раскрашивали нашу бедность. Даже на похоронах положено было плясать от радости.

Она говорила сама себе, не глядя на Алису.

— Как мы попадем в корабль? — спросила Алиса.

— Не беспокойся.

— Первым делом я хочу освободить моих друзей, — сказала Алиса.

— Знаю. Так мы и сделаем. Они будут мне нужны.

«Странно, как меняются люди, — подумала Алиса. — В ней не угадаешь ту беспомощную старуху, что бормотала в подземелье».

Навстречу потоку повозок низко над камнями промчался флаер. В нем между двух автоматчиков сидел Вечный юноша.

— Спешит, — сказала старуха, — суетится. Хорошо, что он снова отлучился.

Яркий метеор пролетел по небу. Старуха посмотрела на него.

— Пошли, — сказала она. — Иногда лучше сгореть и погибнуть, как метеор, чем тлеть тысячу лет, как гнилушка.

Они быстро спустились на дно кратера, скрываясь за камнями, если близко проходил патруль автоматчиков.

Люк в корабль, замаскированный под вход в пещеру, был открыт. В нем по очереди скрывались повозки с добычей.

Из плоской сумки, висевшей у нее на боку, женщина достала две улыбающиеся маски. Одну надела сама, другую дала Алисе.

Маска оттягивала кожу на лице, она была как резиновая.

По знаку женщины они спрятались за большим камнем у самой тропы. Мимо прошагала повозка с двумя стражниками.

Следующая, груженная ящиками, была без людей.

— Прыгай! — приказала женщина.

Она первая вскочила на ящики и протянула руку, помогая Алисе.

Пока повозка, не замедляя хода, шагала к кораблю, женщина подвинула ящики так, что за ними были видны лишь улыбающиеся маски. А так как на планете царил полумрак, то стражники у люка в корабль равнодушно скользнули по маскам взглядами, не приглядываясь, кто едет. И как догадаешься, если все маски одинаковые?

Как только повозка оказалась в коридоре, женщина соскочила с повозки. Алиса последовала ее примеру.

Женщина уверенно шла по кораблю. Она отлично знала расположение помещений.

Алиса узнала коридор, ведущий к палате.

Навстречу им шел доктор. Знакомый Алисе доктор в маске. Тот самый, что водил ее на допрос.

При виде Алисы и женщины он остановился. Он был удивлен. Даже если он и не узнал Алису, то оборванная, растрепанная ее спутница возбудила его подозрения.

Он сказал что-то на незнакомом Алисе языке.

Женщина ответила, не замедляя шага.

Ответ доктора не успокоил. Он поднял руку к верхнему карману, но старуха мгновенно выхватила бластер, и зеленый луч ударил доктора в сердце. Он упал.

— Вы убили его! — крикнула Алиса.

— Его давно надо было убить, — ответила женщина, наклоняясь и срывая с лица доктора маску.

Алиса непроизвольно остановилась и посмотрела на доктора. Это было лицо старого человека с короткими усиками над верхней губой. Неприятное лицо.

— На твоей совести немало преступлений, Мезальон, — сказала старуха. — Ты получил заслуженную кару.

Алиса пошла дальше. Ей не хотелось смотреть на мертвого человека.

— Смотри-ка, испугалась, — сказала женщина. — Я-то думала, что ты ничего не боишься.

— Я очень много боюсь, — сказала Алиса. — Я боюсь темноты, грома и больших пауков...

— Чего? — Женщина расхохоталась. — Пауков? Больших?

— Если бы я увидела паука с кулак размером, я бы умерла со страха.

Женщина расхохоталась так, что задрожали стены.

— Шутница!

Но Алиса не шутила. Она в самом деле была не очень храброй девочкой. Скажем, обыкновенной. И боялась темноты.

У двери в палату стоял стул. На нем дремала медсестра.

Алиса шепотом попросила:

— Не убивайте ее, пожалуйста.

— Не бойся, — ответила старуха.

От звука ее голоса медсестра очнулась.

— Ни слова. Руки вверх, — сказала женщина. — И благодари судьбу, что Алиса просила тебя не убивать.

— Я... я, — лепетала медсестра.

— Молчать!

Старуха сорвала с медсестры маску, вырвала из ее кармана микрофон и бросила на пол.

— Меркэ? — сказала она. — Я не думала, что ты полетишь с ним сюда.

— Он заставил меня, — ответила медсестра.

Под маской у нее обнаружилось пухлое, совсем незлое лицо с маленькими черными глазками.

— И ты подчинилась?

— Я хотела жить. Все хотят жить. Ваш голос мне знаком, госпожа... Но вас нет на свете.

— Еще бы, — сказала женщина. — Разумеется. Меня нет на свете.

Она властным движением руки сняла свою маску.

— Ой! — ахнула медсестра и упала на колени. — Пощадите меня, великая госпожа!

— Молчать. Ты меня не видела. Открой дверь в палату.

— Там опасные пленники. Они чуть не сломали дверь.

— Я два раза не приказываю.

Медсестра быстро набрала код на маленьком пульте возле двери.

— Открыто, — прошептала она.

— И не пытайся убежать.

— Я — ваша рабыня, — ответила медсестра.

— Можно я? — сказала Алиса и, распахнув дверь, вбежала в комнату. — Ребята! — закричала она с порога.

Она хотела закричать: «Мы свободны!» — но не успела сказать ни слова, потому что на нее прыгнул какой-то страшный зверь, сшиб с ног. Алиса ударилась о ножку кровати, но сознание не потеряла и даже сообразила, что это не зверь, а Пашка, который подстерегал в засаде того, кто войдет в комнату, а Аркаша и Тадеуш выскочили в дверь и бросились бежать по коридору.

Но далеко им убежать не удалось. Реакция у старухи была отменной. Она отпрянула в сторону и подставила ножку Аркаше, который рыбкой пролетел вдоль коридора прямо в цепкие руки медсестры.

Тадеуш, который уже отбежал шагов на пятьдесят, остановился, потому что не мог оставить в беде своих товарищей, и бросился обратно. Но к тому времени Алиса уже успела подняться, оттолкнуть обалдевшего Пашку и крикнуть Тадеушу:

— Стой, мы свои! Понимаешь, мы свои! Это я, Алиса!

Рассказ императрицы

Пашка, придя в себя, сказал ворчливо:

— Могла бы и потише кричать...

Он был недоволен, что его замечательный план провалился и теперь он уже не главное действующее лицо драмы. А Пашка любит быть главным действующим лицом.

— Слушайте меня внимательно, — властно сказала старуха. — Я вам расскажу, что вы будете делать. Вы, молодой человек, — обернулась она к Тадеушу, — найдете в коридоре тело казненного мною преступника. Возьмите его маску и халат.

Тадеуш кивнул и вышел.

— О вас я знаю, — сказала женщина мальчикам. — Вы Аркаша и Павел, друзья Алисы. Меня зовут госпожа Моуд. Я знаю тайну Вечного юноши. Тайну, которая его погубит. Для этого я должна сорвать с него маску.

Вернулся Тадеуш. Он был в халате и маске доктора. Сама Ирия его бы не узнала.

— Хорошо, — сказала госпожа Моуд. — Вы должны помочь мне подойти к императору. Я буду в одежде медсестры Меркэ. Тадеуш — доктор Мезальон. Вы — пленники.

Госпожа Моуд вела себя так, будто не сомневалась: командует здесь она. И все покорялись ей. Даже Пашка.

— Зачем нужно срывать с императора маску? — спросила Алиса.

Старуха внимательно посмотрела на Алису, размышляя, отвечать или нет. Потом сказала:

— Я отвечу. Потому что, не будь тебя, я бы не решилась. Твоя смелость, Алиса, может изменить судьбу нашей планеты.

— А что ты сделала? — прошептал Аркаша.

— Сама не знаю, — сказала Алиса.

— Ничего особенного, — сказал Пашка, который хотел сам совершать все подвиги.

— Ничего особенного... — повторила госпожа Моуд. — Может быть, если я останусь жива, ты, Алиса, получишь титул наследной принцессы и право выпороть любого глупого мальчишку, который ставит под сомнения слова императрицы Моуд.

— О небо! — ахнула медсестра Меркэ. — О, грозная императрица!

— Молчать! — оборвала ее госпожа Моуд. — Слушайте. Много лет правил нашей планетой мой муж, император Сидон Третий. Наши народы жили в мире. Но у нас не было детей. И когда у одной из лун нашей планеты сорок лет назад потерпел крушение неизвестный корабль, на борту которого нашли чудом спасшегося маленького мальчика, мы решили, что это знак небес. Мы усыновили мальчика и воспитали его как принца. Его назвали Зовастром. Мы учили принца добру, а он рос грубым, нечестным, жестоким, он окружил себя подхалимами и мерзавцами, и мы слишком поздно поняли, что этого человека нельзя допускать к власти. И пять лет назад мой муж скрепя сердце сообщил о своем решении принцу. Принц Зовастр вошел в гнев и предательски убил императора.

— Не может быть! — воскликнула медсестра Меркэ. — Наш император убит? А кто же правит нами?

— Узурпатор Зовастр, — ответила госпожа Моуд. — Мой недостойный пасынок. Чтобы

скрыть преступление, он объявил от имени убитого императора, что все жители планеты должны отныне носить улыбающиеся маски, чтобы не было ни одного хмурого или печального лица. Наши народы привыкли доверять императору и подчинились. Правда, некоторые шутили, что это старческая причуда.

— Правда, — сказала медсестра Меркэ. — Многие так думали.

— Я была тогда в отъезде. Но, вернувшись во дворец, я узнала об этой причуде и очень удивилась. Я сразу прошла в тронный зал, где меня ждал император. Я помню, как странно было идти по дворцу и вместо знакомых лиц видеть одинаковые глупые маски. Во всем дворце, во всем городе я была единственным человеком без маски. Когда я вошла в тронный зал, мне было достаточно одного взгляда, чтобы понять: на троне не мой муж. «Кто ты?» — спросила я. «Законный император», — ответил Зовастр. И по голосу я узнала своего приемного сына. «А где отец?» — спросила я. Он захохотал, и маски вокруг него льстиво захохотали. «Император покинул нас, — сказал он. — Но для блага отечества нужно, чтобы все думали иначе».

— О, ужас! — воскликнула Меркэ. — Но никто не знал об этом!

— Никто, кроме его друзей, не знает и сейчас, — сказала императрица. — Он предложил мне играть при нем роль: словно он — мой муж. Я была так возмущена, что заявила: «Лучше смерть, чем такая ложь!» А он засмеялся и сказал: «Не гневайся, мама, под масками все равны. Твою роль сможет сыграть любая служанка. Жива ты теперь или нет — никому нет дела. Выбирай — жизнь или смерть».

Я выбрала смерть, но он не дал мне даже смерти. Он приказал заточить меня в тюрьму. И если он арестовывал кого-нибудь из моих друзей или родственников, обязательно на последний день жизни сажал их ко мне в камеру. Так я встречала своих сестер, своих старых знакомых, великих ученых и славных князей, знаменитых писателей и замечательных музыкантов. И в последний день своей жизни они узнавали горькую правду. О, как я умоляла сохранить им жизнь! Но мой сынок был неумолим. Он получал удовольствие от убийства. Под масками все одинаково счастливы, повторял он. А тех, кто сомневается в этом, приходится убивать. Он приказал расписать цветочками все тюрьмы, веселыми узорами — крепости и бастионы. Все сильнее становилась его власть над страной, и все хуже жили люди в счастливом государстве масок. Он замыслил покорить другие миры. Но как это сделать? Он прослышал о том, что есть базы странников, где хранится абсолютное топливо и абсолютное оружие. Он разослал своих шпионов по всем планетам. Он постепенно превращал всю планету в военный лагерь. Планета разорялась, и все больше людей понимали, что дальше так жить нельзя. В страхе перед этим недовольством Зовастр казнил все новых и новых людей. Страшно было сказать лишнее слово на улице — тебя хватили, и ты не выходил живым из тюрьмы.

Люди проклинали императора. Они проклинали моего убитого мужа, они проклинали меня, потому что на приемах и торжествах вместо меня, в моих одеждах и в маске, рядом с узурпатором сидела актрисочка, которая играла мою роль. И кому могло прийти в голову, что все это обман, что вся планета живет обманом?

И я в тюрьме с жадностью ловила слухи о недовольстве народа, надеясь, что мое унижение не вечно. Я решила: вытерплю все, чтобы дождаться его гибели. В конце концов зло всегда терпит поражение. Только иногда приходится ждать очень долго. И только ненависть помогла мне жить.

— О, ужас! — воскликнула медсестра Меркэ. — Наша бедная императрица!

— Три года назад, — продолжала императрица Моуд, — агенты Зовастра донесли, что база странников находится на этой планете. Он сразу послал сюда корабль, чтобы его разведчики искали базу и уничтожали всех, кто приблизится к планете.

— И потому они напали на меня, — сказал Тадеуш.

— Да, поэтому они напали на вас. И вскоре после этого меня охватила надежда: я узнала, что в столице началось восстание. Народ не выдержал жестокого гнета в империи улыбающихся масок. Даже в моей камере было слышно, как гремят пушки. Я надеялась, что освобождение близко, но внезапно дверь в мою темницу открылась, меня связали и вывели наверх. Стояла ночь. Над городом тянулся черный дым, сверкали костры пожаров, слышалась перестрелка. В закрытой машине меня отвезли на космодром, где снаряжался к полету флагманский космический корабль, который раньше назывался «Справедливость», а теперь был переименован во «Всеобщее умиление». Мой пасынок уже ждал меня на корабле. Оказывается, он решил бежать. Он кипел гневом, но был бессилён. Он решил перелететь сюда и оставаться здесь, пока не отыщет базу странников. Она нужна ему не для счастья народа, она нужна ему для того, чтобы мстить народу.

— Меня увезли насильно, — сказала Меркэ. — Здесь не только его друзья, здесь немало и таких, кто попал на корабль не по своей воле.

— Знаю, — сказала императрица. — Люди слабы и разобщены. Трудно первому пойти в бой. Потому что первые погибают. Я сначала удивилась, почему он меня не убил. Но потом поняла: я нужна ему живой. Он хочет, чтобы я присутствовала при его торжестве. Когда он захватит сокровища странников, когда он вернет себе власть и зальет кровью нашу планету, я должна стоять рядом с ним и видеть его триумф. А уж потом он сможет спокойно меня убить...

— И вы сидели в этом подземелье? — спросила Алиса.

— И в этом мое преступление, — ответила тихо императрица. — Я надеялась, что он не найдет никаких сокровищ. Я надеялась, что произойдет чудо — восстанут те, кто его здесь окружает. Я надеялась, что жители нашей планеты отыщут узурпатора и прилетят сюда, чтобы уничтожить его. Я ждала, что сюда прилетит патрульный крейсер Галактического содружества и его арестуют. Я надеялась, потому что боялась смерти. Но бояться и ждать — значит губить других людей. И только сегодня девочка Алиса доказала мне, насколько я была не права. И потому я выхожу на бой. Возможно, на последний бой.

Алиса поймала удивленный взгляд Аркаши. Конечно, он, как сдержанный человек, ничем не показал своего удивления, но одно дело — лететь в космос с Алисой Селезневой, ученицей твоего класса, другое — узнать, что эта обыкновенная девочка совершила какой-то таинственный подвиг, за который ее объявляют принцессой. Пашка тоже молчал, но на Алису не смотрел. Конечно, не нужны ему престолы и империи, но почему не он совершил подвиг? Почему?

— По моим расчетам, узурпатор вернулся и прошел в тронный зал, — сказала императрица. — Вы поняли, почему я должна сорвать с него маску?

— Поняли, — ответил за всех Тадеуш. — Пани императрица хочет, чтобы все увидели его настоящее лицо.

— Ты прав, мой дружок, — сказала императрица. — Теперь все мужчины должны отвернуться. Мы с Меркэ поменяемся одеждой. Принцесса Алиса, я позволяю тебе помочь мне одеться.

Пролетев раскаленным метеором над планетой, Ирия затормозила над скалами. К счастью, скафандр выдержал стремительный спуск и теперь медленно остывал. Гай-до все время поддерживал с ней связь.

— Госпожа, — сказал он, когда Ирия пролетала над большим озером, из глубины которого поднимались и лопались громадные пузыри газа, — в районе, куда вы летите, заметна активность. Из недр горы все время выезжают груженные повозки, в ущелье видны люди. Полагаю, что враги отыскивали базу странников.

— Ничего удивительного, — ответила Ирия. — Этого следовало ожидать.

— Повозки поднимаются по ущелью, переваливают через невысокую горную гряду и исчезают в большом кратере.

— Спасибо, — сказала Ирия. — Значит, у них здесь есть постоянное убежище...

— Или замаскированный космический корабль.

Теперь Ирия летела осторожно. Все правильно. Вот вход в базу. Неподалеку по ущелью шагает повозка, груженная контейнерами. Ирия задержалась возле входа на базу, ожидая, что оттуда появится еще кто-нибудь, но никто больше не выходил.

Ирия полетела за последней повозкой. На ней сидели несколько человек, одетые в яркие одежды. Почему-то все они непрерывно улыбались.

Так, за последней повозкой, Ирия добралась до входа в корабль.

— Вижу вход, — сообщила она Гай-до. — Ты меня хорошо слышишь?

— Отлично, — ответил Гай-до. — Но учтите, что, когда вы будете внутри, связь может ухудшиться.

— Знаю, — ответила Ирия.

В этот момент широкий грузовой люк корабля «Всеобщее умиление» начал медленно закрываться.

Ирия поняла, что нельзя терять ни секунды. Она включила двигатель скафандра на полную мощность и снарядом влетела в корабль.

Два стражника в масках, которые дежурили у люка, еле успели отскочить в стороны. Ирия затормозила. Ни один нормальный человек не выдержал бы такого торможения. Но недаром Ирия все детство провела в тренировках. Она только поморщилась от боли и тут же точным ударом в солнечное сплетение отправила в нокаут одного стражника, а второго схватила за руку, выбила оружие, завернула ему руку за спину и приказала:

— Веди к главному!

Стражник дергался, мычал, бормотал что-то на непонятном языке.

— С тобой говорят на космолингве, — сообщила Ирия. — Если ты меня не понимаешь, значит, жить тебе осталось одну минуту.

Стражник сразу понял, чего от него хотят, и побрел, согнувшись, по коридору.

— Выпрямись, — приказала Ирия, — а то подумают, что я тебя веду. Ты идешь сам. А ну, выпрямись. И улыбайся.

— Я всегда улыбаюсь, — буркнул стражник.

— На тебе маска?

— На всех маски.

— Слушай меня: на днях сюда привезли пленников с Земли. Где они?

— Мне пленников не показывают, — сказал стражник. — Их Вечный юноша для себя

держит.

— Где держит?

— В палате госпиталя, — сказал стражник.

— Веди меня туда.

Стражник неуверенно двинулся вперед, будто раздумывал, куда идти.

— Учти, — сказала тогда Ирия, — если ты меня обманешь и заманишь в другое место, я погибну. Но первым погибнешь ты. Понял?

Стражник решил не испытывать судьбу. Он провел Ирию к палате самым коротким путем. На счастье, никто им не встретился. Ирия не знала, что большинство жителей корабля собрались в тот момент в тронном зале, где Вечный юноша должен был выступить с речью.

— Вот здесь, — сказал стражник, остановившись перед дверью с голубыми незабудками.

— Попробуй, — приказала Ирия, — открыта ли дверь?

— Дверь заперта, — сказал стражник. — А ключей у меня нет.

— Проверим, — сказала Ирия. Она сильнее загнула назад руку стражника и толкнула его вперед так, что он ударился головой о дверь. От этого удара дверь распахнулась, а стражник пролетел метров десять вдоль прохода и замер, шмякнувшись животом об пол.

Ирия увидела ярко раскрашенную комнату с двумя рядами кроватей. Но на кроватях никого не было. Только на стуле посреди комнаты сидела женщина в рубище. От удара в дверь она вскочила и приложила руки к груди.

— Они ушли, — сказала оборванка. — Никого нет.

— Куда?

— В тронный зал.

— Покажите мне туда дорогу.

— А вы не причините вреда императрице?

— Мне нужно освободить пленников.

— Пойдемте. — Медсестра Меркэ выскользнула в коридор.

Стражник, услышав, что дверь закрылась, приподнялся и дотянулся до кнопки на стене. По кораблю прокатился пронзительный рев сирены.

— Тревога! — закричала Меркэ.

— Тогда скорей! — крикнула Ирия.

— Слушаюсь, господин, — сказала Меркэ, подобрала юбки и побежала по коридору. Она была уверена, что человек в скафандре — отважный мужчина, боец с патрульного крейсера Галактического центра.

Разоблачение Зовастра

Когда императрица Моуд и Тадеуш в медицинских халатах и улыбающихся масках вошли в зал, гоня перед собой трех робких пленников, там уже собрались все обитатели корабля.

В другую дверь вошел Вечный юноша. Он был взволнован, ломал пальцы, подергивал плечами, приплясывал. За его спиной стали два телохранителя с автоматами.

— Слава! — закричал он, вскочив на сиденье трона, чтобы его лучше видели. Рот его широко раскрывался, руки и ноги суетились, но улыбка оставалась застывшей, и оттого

зрелище было жутким. — Слава мне! Слава богам! Сокровища странников наши! Мы возвращаемся на нашу многострадальную планету, которую захватила кучка негодяев, посмевших поднять руку на меня, вечного и бессмертного императора! И пускай час моего торжества будет часом гибели наших врагов! Ура! Слава!

— Слава! Ура! — подхватили стражники и придворные.

Вдруг взор императора остановился на кучке пленников.

— Кто разрешил их привести сюда? — спросил он.

— Простите, ваше величество, — сказала императрица измененным голосом, подражая голосу Меркэ. — Доктор Мезальон приказал привести пленных, чтобы они видели момент вашего торжества.

И она поклонилась императору.

— Верно, — согласился император. — Подведите их сюда. Пускай падут мне в ноги. И, может, я подарю им жизнь. Я сегодня добрый.

Люди вокруг расступались, одинаковые улыбающиеся маски жутко глядели со всех сторон.

Узурпатор в нетерпении подпрыгивал на троне. Затем соскочил вниз, уселся на трон.

— Целуйте мне ногу, — приказал он, вытянув перед собой блестящий сапог. — Ну же, на колени! Ползите сюда!

По незаметному знаку госпожи Моуд Алиса и Аркаша упали на колени. Но упрямый Пашка и не подумал. Он стоял, гордо подняв голову. И чуть было все не испортил.

— Опустись, Пашенька, — умоляла его Алиса.

— Стража! — приказал узурпатор. — Покажите этому мерзавцу, как надо себя вести!

Один из стражников выхватил из-за пояса плетень. Но ему не пришлось пустить ее в ход. Тадеуш был быстрее, он так ловко толкнул Пашку в спину, что тот растянулся на полу.

— Молодец, доктор Мезальон! — расхохотался узурпатор.

Пашка пытался подняться, но Алиса и Аркаша вцепились в него.

Император от души веселился, глядя, как пленники возятся у его ног.

И вдруг замер. Рука его поднялась. Палец уткнулся в Алису.

— Нет! — закричал он. — Не может быть! Она же в подземелье!

«Все погибло, — успела подумать Алиса. — Как же мы забыли, что он меня знает!»

И ни она, ни император не заметили, что в этот момент ложная медсестра быстро поднялась на возвышение у трона.

— Слушайте меня, жители моей планеты, — произнесла она низким, властным голосом и резким движением сорвала с себя маску.

Гул изумления прокатился по залу. Все узнали императрицу.

— Вас обманули! — продолжала она. — Это самозванец.

Узурпатор так растерялся, что поднес ладони к лицу, словно испугался, что с него сорвут маску.

— Смотрите же! — Императрица с силой оторвала ладони Зовастра от его лица.

— Нет! — завопил узурпатор.

Императрица рванула маску так сильно, что она разорвалась. И все увидели потное от страха, бледное остроносое лицо Зовастра — ничем не примечательное лицо, не старое.

По залу прокатился крик ужаса.

— Вы узнаете его? — продолжала императрица. — Это мой недостойный сын. Он не только убил нашего законного императора, но и заточил меня в подземелье. Мои друзья, —

императрица показала на Алису, которая уже поднялась на ноги, — помогли мне прийти к вам и сказать правду. Правда всегда в конце концов побеждает, но, если мы не поможем ей, она может победить слишком поздно.

Императрица не видела, как растерянность на лице узурпатора уступает место гримасе ненависти.

Он отпрыгнул в сторону.

— Стреляйте в нее! — крикнул он телохранителям. — Убейте ее! Это ведьма!

— Я ведьма? — Императрица подняла руку, останавливая движение Тадеуша, который бросился ей на помощь. — Ты, жалкий червяк, после всего, что совершил, осмеливаешься оскорблять меня? Тебе нет прощения!

И императрица подняла руку с бластером.

Но не успела выстрелить.

Сразу несколько выстрелов поразили ее. Стрелял сам узурпатор. Стреляли его телохранители, и стреляли друзья Зовастра, что толпились тесной кучкой за тронном.

— Проклинаю! — произнесла громко императрица и при полном молчании пораженного зала опустилась на пол.

— Вот так! — закричал в бешенстве узурпатор. — Так будет со всеми, кто осмелится поднять на меня руку. Не вам меня судить! У меня власть и сила. Всех казнить!

Он показал на Алису и остальных пленников. Но ужас, охвативший всех, даже телохранителей, был так велик, что ни один из них не тронулся с места.

Алиса кинулась к императрице и приподняла ее голову.

— Не умирайте! — заплакала она. — Только, пожалуйста, не умирайте!

— Ах так, вы смеете мне не подчиняться! — Император направил бластер на Алису.

Но тут в дверях послышался страшный шум и грохот. Влетели кучкой стражники, метнулись во все стороны зрители. Словно сверкающая молния, ворвалась в зал фигура в космическом боевом скафандре.

Луч бластера вонзился в потолок.

— Всем стоять на месте! — прогремел громкий голос.

И при виде фигуры в скафандре нервы узурпатора не выдержали.

— Патрульный крейсер! — крикнул кто-то в зале.

— Патрульный крейсер! — завопил узурпатор и кинулся прочь из зала. За ним побежали два или три его дружка.

— Ирия! — Голос Тадеуша перекрыл шум зала.

Он сорвал маску и побежал навстречу жене.

— Тадеуш, миленький, я так за тебя боялась, — сказала Ирия. — Тебя никто не обидел?

А в зале творился страшный переполох. Многие кинулись вслед за узурпатором, чтобы его поймать, другие окружили тесной толпой лежащую на полу императрицу.

Императрица открыла глаза и увидела рядом с собой плачущую Алису. Она сделала попытку подняться, и сразу десятки рук помогли ей.

Императрица Моуд положила слабую руку на голову Алисе и сказала:

— Уходя от вас, я передаю всю власть над планетой этой девочке. Она оказалась сильнее и смелее всех нас, вместе взятых. И я горда тем, что судьба свела меня с этой девочкой. Клянись же в верности ей!

— Клянемся!.. — прокатилось по залу. — Клянемся!

Люди срывали с себя маски и топтали их.

— Я скажу вам, что сделала эта... — И тут голос императрицы оборвался. Голова ее склонилась.

— О горе! — слышался чей-то голос. — Императрица скончалась!

И горький стон прокатился по залу.

Вдруг корабль содрогнулся от толчка. Сразу шум в зале оборвался. Люди прислушивались: что случилось?

В зал вбежал один из тех, кто гнался за узурпатором.

— Самозванец убежал! — закричал он. — На спасательном катере.

— Это очень опасно, — сказал пожилой человек, который стоял, наклонившись над императрицей. — На спасательном катере есть запас топлива и оружие.

— Гай-до, — сказала Ирия в микрофон, — ты меня слышишь?

— Я все слышу, — отозвался корабль.

— Сейчас от нашего корабля отделился спасательный катер. В нем находится опасный преступник. Приказываю тебе следовать за ним, находясь на безопасном расстоянии. Ты должен установить, куда он держит путь. Ты меня понял?

— Вижу спасательный катер, — отозвался Гай-до.

Но голос его слышала только Ирия. Сотни людей в зале молча смотрели на нее. Тогда Ирия включила динамик на полную громкость.

— Ты сможешь идти за ним? — спросила она.

— Он идет с большим ускорением. Полагаю, что для разгона он использует топливо странников. В открытом космосе мне его не догнать.

— Придумай что-нибудь, Гай-до, придумай, друг! — сказала Ирия.

— Принял решение, — ответил Гай-до. — Иду на сближение на встречном курсе.

— Ты что задумал?

— У меня нет выхода, — ответил Гай-до. — В меня стреляют.

— Гай-до, береги себя!

— Направляю удар в ходовую часть спасательного катера, — сказал Гай-до. — Намерен лишить их хода.

— Гай-до, не надо! — закричала Ирия. — Ты погибнешь!

— Прощай, моя любимая госпожа, — сказал Гай-до. — Передай привет Алисе и ее друзьям. Я их полюбил. Как жаль, что мы не сможем участвовать в гонках!

В зале стояла страшная тишина. Люди даже боялись дышать.

— Включите экраны! — закричал кто-то. — Включите экраны!

Под потолком тронного зала загорелись экраны внешнего обзора. На одном видно было небо, и по нему, быстро сближаясь, двигались две звездочки. Было видно, как одна из них несется на вторую. Вторая меняет курс, стараясь избежать столкновения. Но первая, как упрямая оса, снова сближается.

— Ты боишься меня, узурпатор! — раздался голос Гай-до. — Хочется жить!

И вторая звездочка — видно, и в самом деле нервы Зовастра не выдержали — резко развернулась и пошла на снижение. Гай-до не отставал от императора.

В гробовом молчании все смотрели, как звездочки, увеличиваясь, стремительно приближаются к планете.

На втором экране появилось изображение каменистой равнины. Именно там опустились оба корабля. Вот сел, ударился о камни Гай-до. Вот снизился, как затравленный волк, спасательный катер императора. В нем открылся люк. Из люка выскочил человек.

— Он убежит, — пронесся по залу ропот. — Надо догнать его.

— Он безопасен, — сказала Ирия. — Мы его поймаем.

Узурпатор отбежал от спасательного катера. В руке у него был бластер.

И вдруг все увидели, как из-за камня выкатился серый мяч. Узурпатор остановился, погрозил мячу бластером. Но мяч уже был не один, сотни мячей выкатывались со всех сторон и катились к Зовастру. Луч бластера бил по мячам. Но все новые и новые мячи выкатывались из-за камней. Наконец луч бластера потускнел, узурпатор отбросил оружие прочь и побежал от мячей.

— Они его убьют? — спросил Пашка.

— Как они могут его убить? — возразил Аркаша. — У них и рта нету.

Но мячи уверенно и упорно гнали перед собой убийцу.

Он выбежал на берег озера. Мячи серой массой покрывали берег.

— Они мстят, — сказала Алиса. — Они мстят за Дикодима и его детей.

Узурпатор вбежал в озеро. Он думал, что он в безопасности, но тут первая шеренга мячей тоже вошла в воду и поплыла за ним. Все глубже и глубже входил в воду узурпатор. Вот он поплыл. Мячи замерли, словно отказались его преследовать. И тут все поняли почему.

Перед плывущим императором из воды поднялся огромный многометровый гейзер. Столб воды поднял махонькое тельце императора к небу, а затем рухнул вниз. Лишь круги пошли по воде...

— Все, — сурово сказала Ирия. — Нам не придется его ловить.

В зале нарастал гул. Впервые за много дней люди могли посмотреть друг на друга спокойно, без страха. Некоторые прятали глаза, другие хмурились, третьи были серьезны, четвертые радостны.

И, перекрывая шум, издали донесся голос Гай-до:

— Госпожа... Госпожа, я жив. Я жду тебя...

Что же ты натворила?

В тот же день Алиса и ее друзья полетели на берег озера, в котором утонул узурпатор Зовастр. Ни одного серого мяча на берегу они не встретили: те опасались людей и не скоро еще станут относиться к ним без опаски.

Гай-до, поврежденный при посадке, лежал на берегу. От удара вылетела заплата, поставленная на Земле.

— Я его обманул, — тихо сказал Гай-до. — Он поверил, что я пойду на таран. Но я ведь всего-навсего робот. Я не могу причинить вреда человеку, даже если он очень плохой.

— Но он забыл об этом, — сказал Аркаша. — И перепугался. Иначе тебе бы его не догнать.

— Простите, друзья, — сказал Гай-до, — что я так неудачно приземлился. Я спешил...

— Несчастный старик, — произнес Тадеуш. — Одно утешение: он прожил героическую жизнь.

Ирия, затянутая в черный сверкающий комбинезон, стройная, быстрая в движениях, ничем не похожая на ту нежную красавицу, что встретила Алису в лесу под Броцлавом, ответила:

— Еще посмотрим.

В ее голосе звучала сталь. И Алиса подумала, что даже Тадеуш немного робеет перед женой: такой он ее никогда раньше не видел.

— Погуляйте, — сказала она. — Я вас позову.

Но никто не ушел. Все стояли за ее спиной и смотрели на Гай-до.

Всем было грустно. Но по-разному. Алиса жалела кораблик, который хотел летать, любил свою госпожу и был куда больше человеком, чем негодяй Зовастр. Пашка расстраивался, потому что сорвались гонки. А ведь он был почти уверен, что победит. Аркаше было очень жалко, что пострадало замечательное изобретение — второго такого кораблика во Вселенной уже не будет. А Тадеуш беспокоился: вдруг невероятные изменения, что произошли с его любимой Ириечкой, останутся в ней навсегда? Сможет ли он полюбить ту незнакомку, что, оказывается, скрывалась в его нежной Ирии? Эти тревожные мысли заставили его спросить:

— Как там наша Вандочка?

На что Ирия совершенно спокойно ответила:

— Не беспокойся, она с твоей мамой.

И с этими словами она скрылась внутри Гай-до.

Часа два Ирия провела в кораблике. Остальные далеко не отходили: а вдруг понадобится помощь? Иногда изнутри доносились вздохи, Гай-до страшно страдал, а Ирия Гай, разбираясь в повреждениях, совсем его не жалела.

Потом Алиса пошла к озеру. Через каждые десять минут над озером поднимался высокий фонтан воды и с грохотом обрушивался вниз. Маленький серый мячик выкатился из-под камня и осторожно покатился к Алисе. Алиса замерла, боялась шелохнуться, чтобы не испугать малыша, но из-за камней раздался предупредительный свист, и мячик стремглав покатился обратно.

Подошел Пашка. Сел рядом на камни.

— Я тут поговорил с ребятами, — сказал он. — Они могут дать нам спасательный катер. Только, боюсь, скорость у него мала.

— Кто эти ребята? — спросила Алиса.

— Из экипажа «Всеобщего умиления». Приглашали меня к ним стажером.

— Неужели не согласился? — спросила Алиса.

Пашка почуял подвох в вопросе и ответил равнодушно:

— Не буду же я им объяснять, какая у меня несознательная мать.

— Да, — согласилась Алиса. — С Марьей Тимофеевной тебе не повезло. Она не оценит твоих способностей.

— Сама хороша! — вдруг озлился Пашка. — Наследная принцесса! Вот расскажу в школе ребятам, они со смеху лопнут.

— Не стоит рассказывать, — ответила Алиса серьезно. — Мы с тобой понимаем, что все эти королевства и империи — вчерашний день человечества. А ведь императрица говорила все это серьезно. И потом умерла. Для них это не шутки.

— Ладно, понимаю, не маленький. Им после этого узурпатора лет десять придется приводить планету в порядок. Ты туда полетишь?

— Может, слетаю, — сказала Алиса. — Но только после того, как там будет республика.

— Правильно, — сказал Пашка.

Он помолчал, кидая камешки в озеро. На том берегу горело зарево далекого вулкана.

Красное солнышко стремительно пронеслось над головами. Тени вытянулись, сократились и вытянулись снова.

— А может, все-таки расскажешь, что ты такого сделала?

— Когда?

— Не крути! Ведь не стала бы та императрица просто так престол передавать. Что-то ты натворила?

— Ничего не натворила, — сказала Алиса.

— Я знаю, ты скрытная, — сказал Пашка. — И теперь уж нам никогда ничего не узнать.

— Не скрытная, а скромная, — сказал Аркаша, который подошел к ним и остановился, глядя на зарево вулкана. — Ты бы уж давно всему миру возвестил о своем подвиге.

— А может, и не было никакого подвига? — спросил Пашка.

Он дразнил Алису. Любопытство убивало его.

Тогда Алиса поднялась и пошла к Гай-до. Кому нужны эти пустые разговоры? Ведь мальчики не знали императрицу, не были в подземелье, не видели пауков, не разговаривали с коварным узурпатором. А того, что люди не знают, им не объяснишь. Алисе было грустно.

Через два часа Ирия наконец вылезла из Гай-до и сказала:

— Здесь его не починишь.

— Значит, все-таки можно починить? — радостно спросил Пашка.

— Боюсь, что он уже никогда не станет таким, как прежде.

— А все-таки можно починить?

— Только на Земле, — сказала Ирия. — Или на Вестере.

— А это сложно? — спросил Аркаша.

— Сложно, — ответила Ирия. — Вам не справиться.

— Жалко, — сказал Аркаша. — А вы нам не поможете?

— Нет, — ответил быстро Тадеуш, который только что вернулся из ближайшего ущелья, где собирал местные растения. Он не хотел терять время даром. — Ирия возвращается во Вроцлав. Нас ждут.

Ирия поглядела на Гай-до, потом на мужа. Взгляд ее смягчился, и она сказала добрым голосом:

— Тадеуш, мой любимый, пойми меня. Я была очень несправедлива к моему другу. Если бы я не забыла о нем, может, ничего бы плохого не случилось. Я очень люблю тебя и нашу малышку. Но прежде чем снова стать домашней, тихой, хозяйственной женой, я должна отплатить Гай-до за все, что он для нас сделал.

Тадеуш не стал спорить. Он был умным человеком и уже понял, что в его жене существуют два совсем разных человека. И ему придется теперь быть мужем обеих Ирий.

— Спасибо, — тихо произнес Гай-до.

— Ирия, — сказал Пашка, — я в твоём распоряжении. Ты можешь заставить меня работать круглые сутки, доставать материалы, паять, лудить, ковать, приносить гвозди...

— А что такое гвозди? — удивилась Ирия.

— Это я в переносном смысле, — сказал Пашка.

— Если в переносном, тогда не перебивай, — сказала Ирия, и Пашка сразу сник. Тогда Ирия чуть улыбнулась и добавила: — Конечно, я не откажусь от вашей помощи, друзья, потому что мне тоже очень хочется, чтобы Гай-до смог участвовать в гонках.

Еще через три дня прилетел патрульный крейсер. Галактический патруль сначала получил тревожный сигнал с пассажирского корабля «Линия», где сумасшедшая пассажирка угнала спасательный катер. Когда крейсер уже был в пути, его настигла гравиграмма со «Всеобщего умиления», в которой кратко говорилось о последних событиях на планете Пять-четыре.

К тому времени Ирии с ее помощниками удалось немного подштопать Гай-до, так что он сам смог подняться на орбиту. Ирия и Тадеуш уговорили командира крейсера взять Гай-до с собой. И потому Гай-до совершил путешествие до Вестера, откуда ходят регулярные рейсы к Земле, в трюме патрульного крейсера.

Они попрощались с обитателями «Всеобщего умиления», который уже был переименован в «Императрицу Моуд», и поклялись, что на следующие каникулы обязательно прилетят в гости к новым знакомым. На прощание медсестра Меркэ и старший советник, который теперь командовал кораблем, отозвали Алису в сторону и вручили ей официальный диплом, на котором было золотыми буквами написано, что в соответствии с последней волей императрицы Моуд Алисе Селезневой присваивается почетный титул наследной принцессы и она может в любой момент вступить во владение империей. Алиса, конечно, отказывалась, но Меркэ объяснила, что этот диплом только почетный. Неизвестно, захотят ли жители планеты новую императрицу, даже если она лучшая московская школьница. Поэтому пускай диплом останется ей на память. Тогда Алиса диплом взяла.

На Землю путешественники попали только через десять дней. Разумеется, с патрульного крейсера они послали на Землю гравиграмму. Страшно подумать, что произошло бы в Москве, если бы встревоженные родители отправились искать детей на Гавайские острова, где их никто не видел.

Когда родители получили гравиграммы с патрульного крейсера Службы галактической безопасности, в которых сообщалось, что их дети живы-здоровы, только почему-то находятся на другом конце Млечного Пути, то реагировали они на это по-разному. Алисин папа, профессор Селезнев, сказал Алисиной маме, которая собралась заплакать:

— Вот видишь, с нашей дочкой ничего не случилось.

Пашкина мать, прочитав гравиграмму, разорвала ее в мелкие кусочки и заявила:

— Уши оборву!

Правда, эта угроза была в том доме обыкновенной, и Пашкины уши до сих пор остались на месте.

В доме Аркаши все Сапожковы, от прадедушки до правнуков, тети и дяди и племянники, собрались за овальным обеденным столом и долго держали совет, принимать меры или не принимать мер. Все очень шумели и переживали до тех пор, пока прадедушка Илья Борисович не сказал:

— У нашего мальчика есть склонность к научной деятельности. А эта склонность не позволяет Аркаше сидеть на месте. Я очень надеюсь, что наконец-то в нашем семействе будет второй лауреат Нобелевской премии.

Первым лауреатом был сам прадедушка. Поэтому, когда путешественники наконец объявились на Земле, их родственники уже более или менее успокоились, и они смогли без помех заняться починкой Гай-до, что оказалось нелегким делом.

Если бы не замечательный конструкторский талант Ирии Гай и терпение Тадеуша, который взял на себя все заботы о малышке, если бы не трудолюбие Аркаши, который неделями не уходил с ремонтной площадки, если бы не помощь Лукьяныча и всех членов

технического кружка школы, если бы не самоотверженность Пашки, который два раза летал в Австралию и один раз в Шанхай, чтобы добыть нужные детали, если бы, наконец, не старания Алисы, которая одна умела успокоить и утешить Гай-до, если бы не общие титанические усилия, Гай-до никогда бы не поднялся в воздух.

А так за четыре дня до начала гонок Ирия уселась в пилотское кресло, включила пульт управления, загорелись дисплеи и индикаторы, мерно зажужжали планетарные двигатели, и Гай-до спросил:

— Может, выйдем на круговую орбиту?

Голос его дрогнул от волнения.

— Один виток, — сказала Ирия.

Остальные члены экипажа, болельщики и помощники остались на Земле. Они следили за испытательным полетом по мониторам.

Легко, почти незаметно, Гай-до оторвался от земли, на секунду завис в воздухе и, набирая скорость, рванулся кверху. Он вышел на орбиту, и Ирия заставляла его совершать сложные маневры. Сначала Гай-до осторожничал, робел, но с каждым новым удачным маневром он все смелее менял курс, переворачивался, тормозил и вновь ускорялся.

— Можно еще один виток? — попросил он Ирию, поверив в свои силы.

— Нет, — ответила она. — Для первого раза достаточно. Дальше испытывать тебя будут ребята.

— Ну, как? Хорошо? Правда, хорошо? — спросил Пашка, первым подбежав к кораблю, когда тот спустился на школьную площадку.

— Нет, — ответила Ирия. — Недостатков масса. Еще надо работать и работать.

— Но это невозможно! — воскликнул Пашка. — Гонки через четыре дня!

— Значит, надо работать еще четыре дня, — ответила Ирия. — Это уже ваша задача. Я буду прилетать к вам каждый день и проверять, что вы сделали по программе, которую я вам оставлю.

— У нас есть шансы победить в гонках? — спросил Аркаша.

— Пока нет, — ответила Ирия.

— Есть! — крикнул Гай-до.

Все засмеялись, но Ирия сказала серьезно:

— Шансов у вас мало. Я думаю, что другие гонщики построили корабли не намного хуже, чем Гай-до. И их корабли не попадали в такие переделки.

— Не расстраивайся, Гай-до, — сказала Алиса, подойдя к кораблику и глядя его по еще теплому боку. — Мы постараемся.

Они проводили Ирию с Тадеушем до автобусной станции. А на обратном пути Пашка сказал:

— Завтра я работать не приду. Обойдетесь без меня.

— Что еще задумал? — спросила Алиса.

— Ничего. Просто я знаю, что мы все равно победим.

— Пашка, признавайся, что ты еще задумал! — потребовал Аркаша. — Моя интуиция говорит, что ты опасен.

— Интуиция тебя обманывает, — сказал Пашка.

Правда, на следующий день он пришел на площадку, и они работали, но после обеда он исчез. На третий день вообще зашел на полчаса, зато слетал за это время в Шанхай посмотреть на корабль китайских ребят и в Тбилиси. Алиса сердилась на него, говоря, что

он — турист. Аркаша молчал. Хотя был недоволен.

За день до начала соревнований всем его участникам раздали отпечатанные правила.

Они уселись в кают-компаниях Гай-до и прочли их вслух.

— Ну что ж, ничего нового, — сказал Аркаша. — Взлет из пустыни Гоби. Облет вокруг Луны, возвращение в заданную точку. Двигатели только планетарные, топливо только обыкновенное, жидкое. Ты чего надулся, Пашка?

— Я надулся? — Пашка поднял брови. — Ничего я не надулся. Просто я думаю. На мне, как на капитане, лежит большая ответственность.

— Хорошо, — сказала Алиса. — На всех нас лежит ответственность. Поэтому я предлагаю разойтись по домам и хорошенько выспаться. Вечером перегоним Гай-до в пустыню Гоби. Старт в десять утра по местному времени.

Гонки

Громадная плоская каменная равнина в то утро преобразилась. Вокруг долины, с которой должны стартовать корабли, реяли под ветром громадные флаги и вымпелы. Множество киосков с сувенирами, прохладительными напитками, мороженым радовали глаз. Тысячи и тысячи флаеров, автобусов, стратолайнеров слетелись к полю. Когда Гай-до подлетел к месту старта, поле казалось усеянным разноцветными божьими коровками и яркими бабочками.

Посредине, на свободном круге диаметром в три километра, стояли гоночные корабли.

Всего их было сто шестьдесят три.

Гай-до, далеко не самый большой, новый и красивый из кораблей, скромно стоял почти в середине поля. Ирия Гай с Тадеушем с трудом отыскали его.

— Это какая-то ярмарка, — сказала Ирия. — Совершенно несерьезно.

Алиса, которая в последний раз проверяла дюзы Гай-до, потому что тот неожиданно заявил, что у него там что-то «чешется», обернулась на голос и не сразу узнала отважную Ирию, потому что с ней снова произошла метаморфоза.

Перед Алисой стояла скромная молодая женщина в легком голубом сарафане. Голову ее прикрывала от яркого солнца белая косынка. На руках женщина держала младенца, который с удивлением крутил головой, очень внимательно вглядываясь в космические корабли. Сзади стоял Тадеуш, лицо у него было счастливое и спокойное. Такая жена его устраивала больше, чем амазонка.

— Ого, — сказал Пашка, появившись в люке корабля и увидев малышку. — Как она смотрит! Наверное, продолжит дело своего дедушки!

— Вандочка не такая, — вмешался Тадеуш. — Я ей уже купил вагон кукол и набор для вышивания. Ты меня понимаешь, Паша?

— Я-то понимаю, а мама поймет?

— Алиса, — сказал Гай-до, — скорее проверь правую дюзу индикатором гладкости. Там шершавит. Мы проиграем. Не отвлекайся.

И только тут Алиса сообразила, что кораблик даже не поздоровался со своей госпожой. Он с утра был совершенно не в себе, так боялся опозориться.

И вдруг молодая женщина сверкнула сиреневыми глазами и сказала мужу:

— Подержи малышку.

Она сделала решительный шаг вперед, отобрала у Алисы индикатор и с головой ушла в

дюзю.

Тадеуш встревожился.

— Милая, — робко сказал он, — может быть, здесь обойдутся без тебя?

Но вокруг стоял такой грохот, так громко играли оркестры, так отчаянно перекликались гонщики, так натужно ревели в последних проверках двигатели кораблей, что, конечно, никто не услышал Тадеуша.

Подошли два китайских мальчика. Поздоровались с Пашкой. Это были его старые друзья и соперники из Шанхая.

— Хороший корабль, — сказал Лю.

— Очень красивый корабль, — сказал Ван.

Китайские гонщики были близнецами. Они были очень похожи, но не совсем одинаковы. Поэтому любой мог их отличить друг от друга. Правда, никто, кроме их мамы, не был уверен, кто из них Лю, а кто Ван.

— Мы постараемся тебя обогнать, Паша, — вежливо сказал Лю. Хотя, может быть, это сказал Ван.

Подбежала девочка из афинской школы, знакомая Алисы.

— Ты летишь? — спросила она.

— Да.

— А меня не взяли. Мы в классе тянули жребий. Я вытащила пустую бумажку.

Над громадным полем ударил гонг. Звук его как будто свалился с неба. Сразу шум стих, но через несколько секунд возник вновь и, быстро нарастая, заполнил поле.

— К старту приготовиться! — послышался голос главного судьи соревнований Густава Верна, троюродного правнучатого племянника великого фантаста Жюля Верна.

Болельщики и зрители отходили от кораблей.

Ирия выскочила из дюзы.

— Не успела, — сказала она. — Когда вернетесь, доделаем. Я же просила Пашу проверить дюзы. Почему ты этого не сделал?

Капитан корабля, раздобывший где-то настоящий мундир капитана Дальней разведки, который был ему велик, отвел взор в сторону и сказал равнодушно:

— Я делаю ставку не на это.

— На что бы ты ни делал ставку, — ответила Ирия Гай, — это не избавляет тебя от обязанностей перед кораблем.

— Ты слишком строга к капитану, — сказал Гай-до.

Корабль знал цену Пашкиным недостаткам, но, как и многие другие Пашкины друзья, склонен был ему многое прощать. В этом таится какая-то загадка. Алиса по себе знала, иногда ей хотелось Пашку убить. А через полчаса стараешься вспомнить: почему ты хотела убить этого замечательного парня? И не вспомнишь.

— Я доверила Гераскину самое дорогое, что у меня было в жизни, — корабль Гай-до. И не потерплю, чтобы с ним так обращались! — возмутилась Ирия.

Алисе захотелось напомнить ей о первой встрече, когда она с трудом вспомнила Гай-до, брошенного на свалке. Но зачем напоминать людям об их слабостях? Они только сердятся.

Второй раз ударил гонг.

— Провожающим покинуть поле! — раздался голос Густава Верна. — Экипажам занять места в кораблях.

— Топливо проверили? — нервно спросила Ирия.
— С топливом обстоит так... — начал было Гай-до, но Пашка его перебил:
— С топливом все в порядке.
— Я буду ждать, — сказала Ирия. Потом добавила: — Как бы я хотела полететь с вами!
— С нами нельзя, — сказал Пашка. — Это школьные гонки.
— Неужели я не понимаю? — улыбнулась Ирия, и в глазах у нее сверкнули слезы. — Я же пошутила. Тадеуш, ты где? Малышка, наверное, проголодалась.
Но малышка на руках Тадеуша и не думала о еде, она восторженно глазела на Гай-до.
— По местам! — приказал Пашка.
— По местам! — на разных языках закричали капитаны из восьмидесяти разных стран. Провожающие и болельщики уже покинули поле.
Экипаж Гай-до занял свои места. Пашка и Алиса в креслах у пульта управления. Аркаша сзади, в кресле механика.
Через пять томительных минут прозвучал третий удар гонга.
Во всех кораблях и корабликах раздался голос Густава Верна:
— Начинаю отсчет. Старт — ноль! Тридцать... двадцать девять... двадцать восемь...
— Ты готов, Гай-до? — спросил Пашка.
— Я готов, — ответил кораблик.
— Открыть клапан левого топливного бака, — приказал Пашка. — Топливо поступает?
— Поступает, — ответил Гай-до.
— Семь... шесть... пять... четыре... три... два... один...
— Ключ на старт! — приказал Пашка.
И одновременно сто шестьдесят три корабля взмыли над полем космодрома.

Победа и поражение

Это было чудесное зрелище. Никогда еще в истории Земли не стартовало столько кораблей одновременно.

Десятки тысяч зрителей захлопали в ладоши и замахали руками.

Десятки миллионов телезрителей закричали: «Ура!»

По правилам при подъеме корабли не должны были превышать минимальной скорости, потому что прорыв такого большого числа кораблей сквозь ионосферу вреден для Земли. Полной скорости можно было достигнуть только после того, как атмосфера Земли останется позади.

Очень многое зависело от мастерства пилотов. Корабли летели к Луне не по прямой, а по сложному маршруту, в котором надо было миновать девять контрольных пунктов.

Постепенно плотная толпа кораблей начала распадаться. Одни пропустили ту долю секунды, когда надо было включить двигатели на полную мощность, другие чуть-чуть неточно рассчитали момент первого поворота...

— Начинаем второй поворот, — сказал Пашка.

— Второй поворот начали, — отвечал Гай-до.

Постепенно Гай-до выходил вперед. У москвичей было важное преимущество: их корабль был членом экипажа, который не только выполнял приказания капитана, но и не менее других его членов стремился к победе. Гай-до знал, что Ирия наблюдает за его полетом с Земли и жадно ловит каждое слово комментатора. Пашка еще мог ошибиться,

приборы еще могли не догадаться, но Гай-до всегда успевал исправить ошибку человека и увеличить ошибку приборов, если считал нужным.

— Первым ко второму контрольному пункту вышел корабль «Янцзы» шанхайского экипажа, — слышали они голос комментатора. — Вторым, отставая на три секунды, к пункту подходит греческий корабль «Арго». Но их настигают сразу два корабля. Судя по эмблеме на борту, это корабль тбилисской школы, где капитаном Резо Церетели, а второй... второй «Гай-до». На нем летят москвичи!

— Неплохо, — сказал Пашка. — Совсем неплохо.

— Капитан, — произнес встревоженно Гай-до, — средняя скорость китайского корабля выше нашей.

— Штурман, ты слышишь? — спросил Пашка.

— Слышу, — ответила Алиса. — У нас есть шансы обойти Лю и Вана к шестому пункту. У них маневренность хуже нашей.

— Хорошо, если будут сложности, доложить.

Пашка продолжал играть в космического волка. У него даже голос стал басовитым.

— Как дела с топливом? — спросил он.

— Расход несколько больше нормы, — ответил Аркаша. — Тяга в правой дюзе меня не удовлетворяет.

— Правильно сказала Ирия, — вспомнила Алиса. — Ты должен был проверить дюзу.

— Не обращай внимания, — сказал Пашка. — Следи за приборами. Подходим к третьему контрольному пункту.

Луна на экранах увеличилась и приближалась. Уже можно было разглядеть даже самый маленький кратер и цепочки огней лунных баз и заводов.

Третий контрольный пункт Гай-до прошел четвертым. Но тонким маневром, который они провели с Алисой, к четвертому пункту, который был недалеко от Луны, им удалось обойти грузинский экипаж. Впереди шли только китайцы и греки.

— А вот теперь самое главное, — сказал Пашка. — Используем притяжение Луны. Ты помнишь все расчеты, Гай-до?

— Я ничего не забываю, — ответил корабль.

— Ты можешь прибавить скорость?

— Летим практически на пределе.

— Продолжаем полет, — сказал Пашка.

Маневр перед пятым контрольным пунктом удался. Гай-до поравнялся с греческим кораблем. Но сзади, обогнав грузинский экипаж, их стала настигать черная с желтыми полосами, похожая на осу стрелка корабля из Новой Зеландии. Рядом с осой словно привязанный шел красный диск второй чукотской школы-интерната.

Корабли летели вдоль теневой стороны Луны. Огоньки на ней были ярче. Земля скрылась из глаз.

— Мы догоняем «Янцзы»? — спросил капитан Гераскин.

— Нет, — ответил Гай-до.

— Тогда приказываю: переключить питание двигателя на резервную цистерну.

— Зачем? — удивился Аркаша. — У нас еще достаточно топлива в левом баке.

— Приказы не оспаривать! — рассердился Пашка. — Переключить.

— Исполняю, — сказал Аркаша.

— Исполняю, — повторил за ним Гай-до.

И тут все заметили, что корабль сразу прибавил скорости. Огоньки на поверхности Луны быстрее побежали назад, экипаж вдавило в спинки кресел — возросли перегрузки.

— Что случилось? — удивилась Алиса.

— Тайное оружие, — ответил капитан Пашка.

— Мы настигаем «Арго», — сказала Алиса. — При такой скорости мы обойдем «Янцзы» через шесть минут.

— Пашка, — сказал Аркаша, — объясни, что же произошло?

— Ничего, — ответил капитан. — Я вам обещал, что мы выиграем гонку. И мы ее выиграем.

— Я требую ответа, — повторил упрямо Аркаша. — Я хочу выигрывать честно.

— Ты обвиняешь меня в нечестности? — воскликнул Пашка.

— Еще не обвиняю, но подозреваю.

— Ничего удивительного, — сказал тогда Пашка. — Гай-до нашел резервы скорости.

— К сожалению, — послышался голос Гай-до, — капитан Гераскин не совсем прав. Никаких резервов во мне нет. Но топливо, которое поступает сейчас в мой двигатель, отличается от того топлива, что поступало раньше.

— Что ты туда подмешал? — спросил Аркаша.

— Ничего. Какое было, то и используем.

— Состав топлива мне неизвестен, — сказал Гай-до. — Но по всем компонентам могу предположить, что это абсолютное топливо странников.

— Пашка! — воскликнула Алиса. — Ты взял топливо на планете Пять-четыре?

— Всего одну канистру, — сказал Пашка. — На самый экстренный случай. Я думал, что оно нам не понадобится. Но настоящий капитан должен быть предусмотрителен.

— Настоящий капитан не имеет права быть обманщиком, — сказала Алиса.

— И ты тоже! — обиделся Пашка. — Пойми же, мы как на войне. Мы должны победить. На нас надеются многие люди. Подумай, там внизу Ирия Гай. Она ради нас с тобой рисковала жизнью. Мы не можем ее подвести.

— Она тебе этого не простит, — сказала Алиса.

— Ты-то сама никогда не рисковала жизнью ради других! — сказал со злобой Пашка. — Тебе этого не понять. Тебе не понять, что мною двигает чувство благодарности.

«Как я не рисковала?» — хотела было крикнуть Алиса, но сдержалась. Она никогда не расскажет им о темной пещере, пауках и сороконожке.

— Послушай, капитан, — сказал Аркаша. — В правилах соревнований есть пункт: гонки проходят только на обыкновенном стандартном жидком топливе. Это условие соревнований. Все должны быть в равных условиях.

— Мы обходим «Янцзы», — сказала Алиса.

Они поглядели на экраны. Яркая точка «Янцзы» была уже сбоку и отставала с каждой секундой.

Из-за края Луны показалась светлая Земля в широких полосах и завитках облаков, зеленая и голубая.

Гай-до стремительно летел к Земле.

Прошли пятый контрольный пункт. Понеслись к шестому.

— Корабль «Гай-до», — послышался голос главного судьи, — ваша скорость превышает разумные пределы. Все нормально на борту?

Пашка наклонился к микрофону, потому что боялся, что его перебьет кто-то из своих:

— На борту все нормально. Мы включили дополнительные мощности двигателя.

— Все, — сказал Аркаша, поднимаясь с кресла. — Я в твои игры, Пашка, не играю. И если мы победили, я первый скажу, что победили мы нечестно.

— Я согласна с Аркашей, — сказала Алиса.

— Что? Бунт на борту? — Пашка был оскорблен в лучших чувствах. — Я старался для всех!

— Голосуем, — сказал Аркаша.

— Голосуем, — сказала Алиса.

И тут как эхо послышался голос Гай-до:

— Голосуем.

Никто на Земле не знал, что происходит на борту Гай-до. Комментатор с удивлением говорил о том, что корабль московской школы «Гай-до» на темной стороне Луны обошел всех соперников и сейчас проходит шестой контрольный пункт. Вторым идет «Янцзы». Его догоняют греческий и грузинский экипажи.

— Я запрещаю вам голосовать! — закричал Пашка. — На борту приказывает капитан.

— Кто за то, чтобы немедленно перейти на нормальное топливо? — спросил Аркаша.

— Я, — сказала Алиса.

— Я, — сказал Аркаша.

— Я, — сказал Гай-до.

— Тогда я отказываюсь быть капитаном, — заявил Пашка.

Не успел он это произнести, как Гай-до вздрогнул, словно налетел на невидимую стену. Корабль сам выключил резервный бак и включил левый. Скорость сразу упала почти вдвое, двигателям нужно было время, чтобы переработать получившуюся смесь, которая для Гай-до хуже, чем обычное топливо.

— Внимание! — говорил комментатор, и его голос был отлично слышен на капитанском мостике Гай-до. — Что-то происходит с московским экипажем. Скорость его резко упала. Его настигает «Янцзы».

— «Гай-до», — снова раздался голос главного судьи, — что с вами происходит?

— Перевыборы капитана, — ответила Алиса.

— Совершенно беспрецедентный случай, — изумился главный судья. — А нельзя было подождать до конца гонок?

— Нельзя, — ответила Алиса. — К тому же это наше внутреннее дело.

— Я согласен с вами, — сказал Густав Верн. — Но вы рискуете отстать от своих товарищей.

— Знаем, — сказала Алиса.

Больше она не говорила ни с кем. Она следила за приборами. Она понимала, что теперь единственный шанс не прилететь среди последних заключается в ее умении маневрировать. Гай-до тоже понял это и помогал Алисе как мог.

Скорость его немного возросла, но недостаточно для того, чтобы удержаться на первом месте.

Вот их обошел «Янцзы», затем грузинский корабль, за которым стремилась черно-желтая оса новозеландского экипажа.

У седьмого контрольного пункта Алиса и Гай-до сумели так тонко совершить поворот, что настигли грузин.

Пашка сидел за пультом, глядя прямо перед собой, будто ему не было никакого дела до

того, что происходит вокруг.

Впереди уже была видна Земля. Алиса и Аркаша старались сделать невозможное, чтобы догнать «Янцзы», но уже было ясно, что Гай-до не удастся прийти первым. Оставалась надежда на второе место.

Как ни напряжены все были, Аркаша все же не удержался:

— Если бы не махинации с топливом, мы бы, наверное, догнали «Янцзы».

— Я уже подсчитал, — ответил Гай-до. — По крайней мере мы пришли бы одновременно.

— Мы сами виноваты, — сказала Алиса. — Мы знали, кого избрали капитаном.

— Какие вы забывчивые! — вдруг сказал с горечью Пашка. — Как быстро вы забыли, зачем мы летали на планету Пять-четыре! Мы же хотели добыть топливо странников и выиграть гонку. Тогда никто со мной не спорил.

— Конечно, мы не спорили, — согласилась Алиса. — Каждому хочется найти сокровища странников. А потом там столько всего случилось, что мы о топливе и забыли.

— Нет, не забыли, — сказал Пашка. — Среди нас был один человек, который всегда помнил о долге.

— Чепуха, — сказал Аркаша, — тогда мы еще не знали, что можно лететь только на обычном топливе. А как только мы узнали, то топливо странников стало нам не нужно. И не отвлекай Алису. Ей начинать следующий маневр.

Они пронеслись мимо девятого контрольного пункта.

Теперь надо было сбросить скорость, чтобы войти в атмосферу Земли.

«Янцзы», шедший впереди, сбросил скорость раньше, и расстояние между ним и Гай-до сразу уменьшилось.

Пашка закричал:

— Не спеши, не спеши сбрасывать! Чуть-чуть, они не заметят.

— Нельзя, — сказал Гай-до. — Это нечестно.

— И он тоже о честности! — вздохнул Пашка и снова замолчал. И молчал до самой посадки.

В последний момент Гай-до чуть не упустил второе место — черно-желтая оса новозеландцев приземлилась почти одновременно. Но фотофиниш показал, что серебряная ваза — награда за второе место — досталась все же Гай-до.

Наконец Гай-до замер на поле среди кораблей, которые один за другим снижались рядом. Надо было несколько минут подождать, пока приземлится последний из гонщиков.

Алиса сказала:

— Может быть, мы не будем никому говорить, что прилетели без капитана?

— Я согласен, — сказал Аркаша. — У Пашки есть смягчающее обстоятельство. Он сначала делает, а потом думает о последствиях.

— Я тоже согласен, — сказал Гай-до. — Ирия очень огорчится, если узнает, что мы ссорились в полете.

— Пашка, выходи первым, — сказала Алиса.

— И не подумаю.

— На нас смотрит вся планета, — сказала Алиса. — Сделай это ради Гай-до.

— Алиса права, — сказал корабль. — Может, снова будем голосовать?

— Не надо, — вздохнул Пашка. — Если вы меня так просите, то я сделаю для вас доброе дело. Хотя это не значит, что я вас простил. Мы могли быть первыми, если бы меня

слушались.

Как только сел последний из кораблей, на трибуну вошел главный судья и почетные гости.

— Всех участников гонок просят подойти к трибуне, — услышали они голос Густава Верна.

Пашка вышел из корабля первым. Аркаша за ним.

— Не скучай без нас, — сказала Алиса. — Спасибо тебе, Гай-до.

— Я не буду скучать, — сказал Гай-до. — Я буду смотреть на экране, как вас награждают.

И Алиса побежала вслед за друзьями.

— Первое место и хрустальный кубок победителя всемирных гонок вручается экипажу корабля «Янцзы», город Шанхай, — произнес главный судья, подняв над головой сверкающую награду.

Он передал хрустальный кубок Вану. Хотя, впрочем, многие считают, что он передал его Лю.

— Второе место и серебряный кубок вручается экипажу корабля «Гай-до», — сказал Густав Верн. — Несмотря на то что экипажу пришлось преодолеть ряд дополнительных трудностей, московские школьники с честью вышли из положения.

Пашка первым вошел на пьедестал, принял серебряный кубок из рук судьи и поднял его над головой, чтобы его видела вся Земля.

Алиса отыскала в толпе зрителей Тадеуша с малышкой на руках. Тадеуш счастливо улыбался. А где же Ирия?

И тут Алиса увидела, как по опустевшему полю между замолкшими, неподвижными, как бы уснувшими кораблями бежит фигурка в белой косынке и голубом сарафане. Фигурка добежала до Гай-до и прижалась к его боку.

Как и договаривались, никто не узнал о том, что случилось на борту Гай-до. Может быть, Гай-до и признался Ирии, но она не выдала его.

После гонок ребята перелетели на Гай-до под Вроцлав. Они решили: пускай Гай-до поживет у своей госпожи. А когда его новые друзья соберутся в путешествие, он обязательно полетит с ними.

Они провели три чудесных дня в домике под Вроцлавом.

В лесу, на радость Алисе, уже поспела земляника, Аркаша собрал коллекцию бабочек, а Пашка выкопал большую яму на дворе заброшенного старинного панского поместья, потому что кто-то из его новых друзей проболтался, что там есть старинный клад.

Тадеуш, который первые дни поглядывал с опаской на корабль, стоявший как башня рядом с домом, вскоре примирился с Гай-до, потому что обнаружилась удивительная вещь: стоило малышке заплакать или просто закапризничать, как ее несли к Гай-до, и при виде космического корабля девочка замолкала. Она могла часами, не отрываясь, глядеть на Гай-до. А Гай-до подслушал, как молодые парни пели на улице мазурку Домбровского, и напевал ее девочке по-польски.

Когда путешественники вернулись в Москву, Алиса повесила грамоту, где было написано, что она — наследная принцесса, у себя над кроватью. Но знакомые задавали столько вопросов, что она сняла грамоту и спрятала в ящик письменного стола.

Она вынет ее, когда соберется полететь на ту планету, где, как известно, давно уже установлена республика, но многие помнят об императрице Моуд, которая пожертвовала

жизнью, чтобы разоблачить злого узурпатора.

Подводное кладбище

На каникулах после шестого класса каждый сам выбирал себе тему биологической практики. В маленьком коралловом домике биостанции на Гоголевском бульваре собрались все биологи. С утра над Москвой синоптики устроили мелкий теплый дождь, потому что паркам и садам нужна была влага — наступало время цветения. Дождик уютно постукивал по молодым листьям, капли влетали в открытые окна. Жираф Злодей, существо доброе, но глупое, сунул голову в окно, полагая, что он спрятался от дождя. Питекантроп Геракл попросил у Аркаши Сапожкова зонтик и гулял по дорожке, порой громко ухая, чтобы привлечь к себе внимание. Он был уверен, что, завладев зонтиком, уже превратился в человека. Остальным обитателям биостанции дождь не мешал, и поэтому они, в свою очередь, не мешали юным биологам.

Первыми рассказывали о своих планах на лето близнецы Маша и Наташа Белые. Они решили уехать со своими ручными дельфинами на Черное море, потому что у Медеи вот-вот должен родиться малыш, и сестры решили с детства учить дельфиненка человеческому языку. Они рассудили, что трудности с обучением дельфинов происходят из-за того, что учат обычно взрослых, а взрослые уже знают свой дельфиний язык и новый учить им недосуг.

Биологи одобрили решение близняшек, только Пашка Гераскин, который, разумеется, опоздал, сказал:

— Первой фразой, которую выучит твой дельфиненок, будет: «Отстаньте от меня, люди!»

— А что ты будешь делать, Паша? — спросила Галина Петровна, наставник по биологии.

— Я еще не сформулировал, — скромно ответил Паша. — Может, вернусь к опытам по дрессировке белых грибов, чтобы они по сигналу сбегались к корзинке.

— Что очень показательно для твоего характера, — сказала Машенька Белая. — Один литературный герой уже придумал вареники, которые прыгали ему в рот.

— Теперь твоя очередь, Алиса, — сказала Галина Петровна.

— Хорошо, — ответила Алиса и подошла к стене, где висела географическая карта. — Только сначала я должна кое-что рассказать. Сто пятьдесят лет назад на Тихом океане бушевала война. В те дни 1941 года, когда немецких фашистов разгромили под Москвой, их японские союзники неожиданно, без объявления войны, напали на американский флот, который стоял в бухте Перл-Харбор на Гавайских островах. Впрочем, вы ведь знаете историю...

— Все равно рассказывай, — сказал Пашка. — Было морское сражение?

— Нет, — сказала Алиса. — Японский флот не подходил близко к Перл-Харбору. Но японские бомбардировщики поднялись с авианосцев и ранним утром сбросили тысячи бомб на американский флот. Самые сильные американские линкоры были потоплены, и поэтому японцы смогли послать корабли с десантом на юг и в несколько месяцев захватили всю Юго-Восточную Азию. Но постепенно их наступление остановилось. Война затягивалась. Японцам все труднее было вывозить из оккупированных стран награбленное добро.

Американские подводные лодки топили их транспорты, а самолеты бомбили их. И вот теперь о том, что мало кто знает. В начале 1944 года японцы собрали большой конвой. В нем было около тридцати транспортов и танкеров. Охраняли их два крейсера и авианосец «Сеаку». Этот конвой собрался в Сингапуре и взял курс на остров Яп.

— А что эти транспорты везли? — спросил Джавад Рахимов.

— На некоторых было награбленное добро — каучук, нефть, тиковое дерево, олово... Были там и транспорты с войсками, танки, пушки, солдаты, которых отправляли, чтобы укрепить гарнизон Марианских островов, где готовились высадиться американцы.

Алиса показала на длинную дугу островов.

— Утром третьего февраля конвой был замечен американским самолетом, как раз когда он приближался к атоллу Моруту, вот здесь. Самолет сообщил о конвое, и тут же с американских авианосцев поднялись бомбардировщики. В тот район вышла «волчья стая».

— Что? — удивился Пашка.

— Так называли группы подводных лодок, они нападали на добычу все вместе, как стая волков. Три часа длилось избиение конвоя. Некоторые корабли пытались спастись в лагуне атолла Моруту. Их разбомбили уже там...

— Все это очень интересно, — сказала Галина Петровна. — Но какое отношение это имеет к твоей практике?

— Через много лет после войны на атолле Моруту побывали биологи. И они обнаружили интересную вещь — оказывается, потонувшие корабли постепенно превращались в рифы. На них селились кораллы и водоросли, гнездились колонии рыб и моллюсков. Причем там удалось найти новые виды морских существ. Ведь эти искусственные рифы были железными, в танкерах была нефть. Все это влияло на состав воды в атолле. Кораллы, например, росли там втрое быстрее, чем на обычных скалах. Уже много лет никто не бывал на атолле Моруту. И, по-моему, очень интересно поглядеть, что там сейчас происходит. К тому же на острове Яп, — Алиса показала указкой на карту, — теперь есть морская ферма. Им хочется узнать, нельзя ли устроить филиал фермы на атолле Моруту.

— А чего они сами не съездят туда? — спросила Машенька Белая.

— У них людей не хватает. Поэтому они обрадовались, что я собираюсь на атолл, и дадут мне батискап.

— Кого дадут? — спросил Пашка.

За Алису ответила Машенька:

— Ты что, батиската не видел? У нас на Черноморской станции их штук пять. Это катер, который может идти по морю, а если надо, опускается на любую глубину.

— Вот тут, недалеко, — сказала Алиса, — есть Марианская впадина, глубочайшая в океане. Больше десяти километров. Батискап может опуститься туда, и ничего с ним не случится.

— И ты одна поплывешь? — спросила Машенька.

— Если никто из вас не хочет ехать со мной, я поищу себе попутчика в Индонезии, сегодня позвоню тамошним юным биологам, — сказала Алиса.

— Погоди, — прервал ее Пашка. — Есть вопрос. А сокровища на кораблях были?

— Может, и были, — ответила Алиса. — Их даже искали. Кто-то писал, что на «Ямагири-мару» хранилась годовая добыча рубинов из Бирмы. Подводники туда спускались, но ничего не нашли.

— Очень любопытно, — сказал Пашка. — Возможно, я отправлюсь на практику с тобой. Тебе может пригодиться мужчина.

— Честно говоря, — сказала Алиса, — я бы предпочла другого спутника. Ты очень склонен к романтике. А там надо работать.

Таинственный убийца

Остров Яп — место тихое, в стороне от больших путей. На нем расположен один из природных заповедников Тихого океана. Там нельзя строить никаких предприятий. На острове есть небольшой городок с современными зданиями, школами и больницами, там же — лаборатории и правление подводной фермы, где и работают большинство жителей острова. Но на другом берегу острова осталось несколько деревень, точно таких, какими они были сто и двести лет назад. Живут в них в основном старики и малыши, которым еще рано идти в школу. Остальные островитяне приезжают в эти деревни в отпуск, отдохнуть, порыбачить.

Алиса с Пашкой заглянули в правление фермы. Там никого не было — время обеденное. Тогда они пошли погулять по берегу, заглянули в деревню, потом славно искупались в теплом ласковом море и улеглись на берегу.

— Все-таки неплохая у тебя идея, — сказал Пашка. — Практика у Северного полюса скучнее.

— Я и к Северному полюсу соберусь, — ответила Алиса.

— Не спеши. А знаешь, я перед отъездом подключился к информатору, попросил проверить, что сохранилось в архивах по поводу «Ямагири-мару». Транспорт в самом деле шел из Рангуна. А в показаниях на процессе военных преступников полковник Судзуки, который отвечал за погрузку, сообщил, что в последнюю минуту на корабль была доставлена стальная шкатулка с рубинами.

— Оставь свои мечты, — сказала Алиса, переворачиваясь на живот. С непривычки можно и обгореть. Ведь еще утром они были в Москве, где прохладно и моросил дождик. — Подводники обследовали капитанскую каюту. Там ничего нет.

— Ага, — не стал спорить Пашка. — А в трюмах знаешь что было?

— Забыла. Кажется, рис.

— Никакой не рис. Танки. Танковую бригаду перебрасывали на Сайпан.

— Может быть. — Алисе было лень разговаривать. Налетел теплый ветер, зашуршал листьями пальм. Высохший кокосовый орех валялся на песке. Море накатывалось на берег мягко и тихо.

— Давай еще разок окунемся, — сказал Пашка.

— Иди, — сказала Алиса.

И Пашка побежал к морю.

Повернув голову, Алиса глядела, как он вбежал в воду, подняв фонтан брызг.

И тут же сверху, от деревьев, послышался крик:

— Назад! Немедленно назад!

По берегу к воде бежал высокий, очень худой, почти черный человек в плавках и голубом тюрбане. Алиса узнала его — они говорили по видеофону всего два дня назад, из Москвы. Это был доктор Аран Сингх, директор подводной фермы.

Алиса вскочила. Пашка не слышал. Он бултыхался в воде.

Сингх, не обращая на Алису внимания, пронесся мимо и врезался в воду как пуля. В несколько секунд он настиг Пашку, схватил его и поволок обратно к берегу. А так как Пашка не понял, что происходит, и вообразил, что на него напал пират-людоед, то он сопротивлялся изо всех сил.

Только минут через пять на берегу наступило спокойствие. Пашка уселся на песок рядом с Алисой.

— Можно было позвать нормально, — сказал он недовольно. — Я вам не добыча.

— Я звал, — сказал Сингх. — Никто не откликнулся.

— Он звал, — подтвердила Алиса. — Только не знаю почему.

— Остров небольшой, приезжающих нет, — ответил Сингх. — Так что все знают — в море купаться нельзя.

— А что, акулы? — обрадовался Пашка. Ему теперь рассказов на год хватит.

— Хуже, — ответил Сингх. — Смерть. Я как узнал, что вы прилетели на остров, сразу кинулся вас искать — вернее всего, гости из холодной страны сразу захотят искупаться.

— Смерть! — воскликнула Алиса.

— Я не преувеличил, — сказал Сингх. — У нас серьезные неприятности. Как вы знаете, отделения фермы разбросаны по всему океану. В некоторых разводят молодь осьминогов и тунца, в других — жемчужниц... Впрочем, вы это потом увидите. Есть и лаборатории, инкубаторы — большое хозяйство. Шесть дней назад кто-то напал на садок осьминогов — они погибли.

— Может, уплыли? — спросил Пашка, который все не мог простить Сингху, что тот его столь неуважительно вытащил из воды.

— Сетки были разорваны, от осьминогов почти ничего не осталось. Но кто виновник нападения — неизвестно. Ничего подобного раньше у нас не было.

— А где-нибудь было?

— Что-то похожее случилось весной севернее, у острова Сайпан, на краю Марианской впадины. Кто-то разорил там жемчужную отмель, сожрав всех моллюсков. И снова никаких следов.

— Неужели никто не следит за этими садками? — спросила Алиса.

— После того, как погиб еще один садок, мы удвоили бдительность. Прошел всего день, как раздался сигнал тревоги — его подавал кашалот Палау, ручное животное, большой наш друг. Он часто приплывал к нам.

— Как кашалот может подавать сигнал? — удивился Пашка.

— У тех китов и кашалотов, за которыми мы наблюдаем, есть передатчики. Мы всегда знаем, где находится кит, как он себя чувствует. Палау передавал сигналы страха и боли... Потом связь прервалась. Мой помощник немедленно сел во флаер и помчался в тот квадрат. Там Палау не было. Мы послали туда батискат. И он отыскал то, что осталось от Палау. Обглоданный скелет. На костях кашалота были следы мелких острых зубов, такие же, как на сетках садка осьминогов. Судя по следам, владельцы зубов невелики. И это еще больше запутывает картину.

— Значит, ничего не известно? — спросила Алиса.

— Объявлена тревога. Во всем районе от Марианской впадины до наших островов. Купаться запрещено. Ищем...

Аран Сингх поднялся.

— Пойдемте, я вас накормлю. А потом решим, что делать. Может быть, отложить ваше

путешествие?

Они пошли по узкой тенистой тропинке к станции.

— В батискате нам ничего не грозит, — уговаривала Алиса Сингха. — Никакая рыба его не одолеет.

— Тогда я должен взять с вас слово, — сказал Аран Сингх, — что вы не будете покидать батискат ни при каких обстоятельствах. И будете поддерживать с нами постоянную связь.

— Нет вопросов, — сказал Пашка. — Обещаем.

Пообедав, они втроем спустились к пристани, где был пришвартован батискат. Он был похож на веретено с полушарием наверху. Полушарие было прозрачным — для наблюдений. К тому же батискат был снабжен иллюминаторами по бортам и спереди.

Внутри было тесно, он был рассчитан на двух исследователей. В задней части была небольшая каюта, под стеклянным полушарием размещалась рубка. Батискат был снабжен манипуляторами, которые выдвигались по сторонам переднего иллюминатора.

Когда они подошли к кораблику, из люка появился робот, который доложил, что все системы батиската проверены, вода и пища в расчете на неделю автономного плавания. Связь работает нормально.

Так что ничто не мешало с утра отправиться к атоллу Моруту.

Атолл Моруту

Алиса с Пашкой отправились в путь на рассвете.

Море было синим, по нему катились редкие пологие валы, небо было еще темным, только там, где должно было подняться солнце, тянулись рваной марлей перистые облака.

Отплыли. Пашка проверил, как работает связь. Верхний прозрачный колпак юные биологи задвигать не стали — через него в рубку влетали влажный прохладный ветер и мелкие соленые брызги.

Алиса пустила батискат быстрее, он подпрыгнул, как жеребенок, и пошел, срывая верхушки валов и ударяясь о воду, отчего получились хлесткие гулкие удары.

Пашка вышел на связь с фермой. Аран Сингх пожелал им счастливого пути и напомнил об осторожности. Путешествие проходило без приключений. Часа через два Алиса поставила батискат на автопилот, а сама приготовила завтрак — на Пашку было мало надежды, он отличался склонностью к экспериментам, и потому обед в его исполнении оказывался несъедобным.

Еще через час они добрались до атолла Моруту.

Атолл — кольцо коралловых рифов окружностью около десяти километров. С запада в кольце был разрыв — достаточно широкий и глубокий, чтобы туда мог пройти океанский корабль. На восточной стороне разрывов не было, там даже росли пальмы и кустарник. В центре лагуны поднимались два голых острова.

Алиса снизила скорость, Пашка приклеился к переднему люку. Лагуна была прозрачной, и вода пронизывалась солнечными лучами.

— Ничего нет, — сообщил Пашка. — Дно неровное, скалы, камни, но никаких кораблей. Ты уверена, что мы в правильную лагуна приехали?

— А ты с поверхности ничего и не увидишь, — сказала Алиса. — Ведь полтора века прошло.

Батискат пересек лагуну и ткнулся носом в противоположный берег.

Они устроились под большой кокосовой пальмой. Пашка сразу углядел орехи, разулся и полез наверх, цепляясь ногами как обезьяна, а Алиса принялась читать отчет прошлой экспедиции.

Пашка добрался до середины острова, устал и решил нарушить договор с Сингхом. Он тихонько отошел подальше по берегу и вошел в воду с внешней стороны лагуны. Из песка высывались острые кораллы, волны норовили сбить с ног, а глубина никак не начиналась. Наконец он зашел по пояс и поплыл.

Когда Пашка оглянулся, ему показалось, что берег уже далеко. И он, хоть и хорошо плавал, встревожился. Одно дело плавать в Черном море, другое — в Тихом океане.

Пашка поплыл обратно. И в этот момент его кто-то больно укусил за ногу.

Пашка буквально подпрыгнул над водой и попытался достать рукой до больного места. Что-то тонкое, словно жгут водорослей, попало ему в пальцы, он рванул, но боль не уменьшилась. Тогда Пашка понесся к берегу изо всех сил. Он ударился коленом о песок и выскочил на мелководье.

Ковыляя к берегу, Пашка разглядел, что в руке у него не водоросли, а тело длинной и тонкой красивой полупрозрачной рыбки. Голова же рыбки, небольшая, усеянная мелкими зубьями, осталась на коже — она так сильно вцепилась в икру Пашки, что даже после смерти не разжала зубов.

Ранка немного кровоточила и болела. Может, потому, что в нее попала соленая вода, а может, — и этого, конечно, Пашка испугался больше всего, — рыбка была ядовитой.

В мрачном настроении Пашка побрел к Алисе. Алиса была так погружена в отчеты, что его пятиминутного отсутствия не заметила.

Пашка не стал бы ей рассказывать о своем проступке, если бы не страх умереть от ядовитых зубов.

— Алис, — сказал он, — ты, конечно, не волнуйся, но на меня напало морское существо. Боюсь, что ядовитое.

— Что? — Алиса сразу вскочила. — Как оно забралось на берег?

— Оно, может быть, и не забралось, — сказал Пашка. — Я с ним встретился там...

Он показал на море.

— Покажи! — Алиса присела на корточки рядом с Пашкой и осмотрела ранку. Края ее немного припухли, кровь уже не шла.

Алиса прыгнула в батискат, достала оттуда аптечку, отыскала в ней универсальное противоядие и смазала им ногу Пашки. Пока она занималась лечением, до нее дошло, что Пашка нарушил запрет.

— Ты как там оказался? — грозно спросила Алиса.

— Понимаешь... — Пашка искал серединку между правдой и ложью, в которую и самому можно поверить. Ведь если не поверишь сам, как убедишь остальных? — Я пока лазил на пальму, весь извозился. Вот и решил ноги помыть. Отошел от берега шагов на... сто. Эта рыбка на меня и кинулась.

— А почему голова мокрая?

— Волна налетела, — сказал Пашка. Он уже сам себе поверил. — Щиплет. Хватит меня мазать.

— Вот когда разболится, тогда раскаешься. Какая из себя рыбка была?

— Тонкая, полупрозрачная, а зубы острые. Она так вцепилась, что голова оторвалась.

Даже рассказывать противно.

— Сиди здесь и отдыхай, — сказала Алиса. — Если будет хуже, я тебя отвезу обратно. И зачем только я согласилась взять тебя с собой? Балласт!

Алиса оставила Пашку на берегу и в первое погружение пошла одна. Но прежде она связалась с фермой и сказала, что все в порядке. Она не стала рассказывать о приключении Пашки, потому что взрослые всегда преувеличивают опасности. Сингх приказал бы свернуть экспедицию.

Алиса кинула последний взгляд на Пашку, который сидел под пальмой, вытянув ногу и воображая себя раненым конкистадором, потом закрыла колпак и осторожно повела батискап вниз, в зеленую глубину лагуны.

Вокруг сновали тропические рыбки, разноцветные, причудливых форм. Одни носились стайками, другие проплывали неспешно. Вспугнутая батискапом, сверкнув злым глазом, проплыла хищная мурена, полупрозрачные медузы покачивались перед иллюминатором. Здесь, у первого из затонувших транспортов, было неглубоко. Транспорт почти дотянул до суши, и раньше его мачты даже выступали над поверхностью воды.

Кораллы поднялись букетами черных, розовых и белых цветов. Потом Алиса увидела красную губку, по которой ползла пятнистая морская звезда. Она согнала звезду манипулятором и сорвала губку.

Стайка тропических рыбок пронеслась мимо иллюминатора. Что могло их испугать? Потом Алиса увидела горбатого краба, боком убежавшего по коралловому кусту. За крабом гнались полупрозрачные рыбки. Они изгибались, тыкались маленькими головками в панцирь. Алиса включила камеру, которая начала снимать эту сцену. За краба Алиса не волновалась — никакой рыбе, даже зубастой, не прокусить его панциря. Но тут она поняла, что дела краба совсем не так хороши, как показалось вначале. Рыбки облепили краба так, что Алиса ничего не видела. Потом рыбки рассыпались по сторонам, и на дне остался объединенный панцирь.

Так как Алиса никогда таких существ не встречала, она попросила бортовой компьютер определить их. Почему-то тот не смог дать ответ. Но надо было работать.

С помощью манипулятора Алиса сбила кораллы с возвышения на бывшей палубе. Под слоем кораллов обнаружился большой ржавый шар. Компьютер ожил и сообщил, что это морская мина, поэтому он не рекомендует чистить дальше.

Алиса согласилась и решила подняться, поглядеть, как себя чувствует Пашка, и заодно рассказать ему про нападение на краба. Про мину она рассказывать не будет; исследовательский зуд заставит ее друга тут же нырнуть и что-нибудь отвинтить.

Пашки на берегу не было видно.

Алиса встревожилась и погнала батискап к пальмам. Уже въезжая на берег, она увидела Пашку. Он, оказывается, вырыл себе в песке яму и улегся в нее. Там было прохладно, и Пашка мирно заснул.

Алиса будить его не стала, проверила, как нога, — припухлость была невелика и, видно, Пашку не беспокоила. Поэтому Алиса стала готовить чай. Конечно, проще и быстрее было сделать это в батискапе, но глупо сидеть в каюте, когда такая погода. Она вынесла чаеварку на берег.

Пашка проснулся, заявил, что ему снился страшный сон, и хотел снова идти купаться. Алиса, которой самой до смерти хотелось поплавать, начала спорить с ним, и в конце концов они решили, что возьмут с батиската рыболовную сеть и отгородят ею кусочек

океана.

Пока они этим занимались, позвонил Аран Сингх, и Алисе пришлось бежать в рубку, чтобы поговорить с ним.

Аран Сингх был полон подозрений — не купаются ли юные биологи. Он сказал, что поступил еще один сигнал, на этот раз от дельфинов — кто-то напал на них. Сейчас поднимаются флаеры спасательной службы. Если Алиса заметит что-нибудь подозрительное, надо сразу сообщить на ферму.

В огороженном садке было мелко, пришлось лечь на дно, чтобы поверить, что плаваешь. С востока шли темные облака, они громоздились на горизонте, и когда Алиса после купания помыла чашки и принесла их в рубку, она спросила у компьютера, что с погодой. Тот сообщил, что надвигается шторм.

Быстро наступил вечер, он был коротким, потому что солнце нырнуло в сизые облака, которые поднимались над океаном. Океан затих, катились по нему невысокие маслянистые черные волны, пальмы опустили листья, словно покорно ждали нападения.

Алиса с Пашкой посидели немного на берегу, но было тревожно и даже страшновато. Низкий атолл почти не поднимался над океаном, и казалось, что они совсем одни под громадным недобрым небом... И когда первый порыв ветра достиг атолла, он был таким могучим и всеильным, что поднял к небу песок и согнул до земли покорные пальмы, словно хотел показать, что ему ничего не стоит сдуть и Алису с Пашкой.

Алиса сообщила на ферму, что они переждут ураган в батискате, уговорила Пашку уйти внутрь, и они спустились под воду.

Под водой они и ночевали.

Пашка проснулся первым и в ужасном настроении. Разумеется, он куда лучше провел бы каникулы в любом другом месте Земли или Солнечной системы. Почему-то он должен бегать от рыб и ночевать в железной банке.

Алиса не стала с ним спорить, потому что ему этого больше всего хотелось. Она приготовила кофе, потом вышла на связь с фермой. Дела на ферме были хуже некуда. Вечером загадочно погибла стая дельфинов. Причем трагедия произошла всего в пятидесяти милях от атолла Моруту. Когда Алиса попрощалась с Сингхом, Пашка ворчливо сказал, что удивляется, почему Алиса не сообщила о том, что на него напала рыбка. Ведь не исключено, что он может погибнуть.

— Что же, — сказала Алиса, — сейчас я снова свяжусь с фермой, пускай за тобой прилетят. Полежишь в госпитале.

— Ты с ума сошла! — возмутился Пашка. — Из-за жалкой царапины ты хочешь упрятать меня в больницу?

— Но тебе, наверно, больно ходить?

— Лучше выберемся наружу, поглядим, что осталось от атолла.

Ураган миновал, и, если не считать одной сломанной пальмы, ничто о нем не напоминало.

Пашка побежал по берегу поглядеть, не выкинули ли волны старинную бутылку с просьбой о помощи или мешок с дублонами. Ни бутылки, ни мешка с дублонами он не отыскал, но мысль о кладе к нему вернулась.

Зато Алисе повезло больше. На песке она отыскала выброшенную волной полупрозрачную рыбку, из старых знакомых. Теперь бортовой компьютер мог изучить ее более детально. Заработали анализаторы. Потом электронный мозг ответил: вид ему неизвестен, но ясно, что это мутация, причем недавняя. По составу микроэлементов в тканях можно утверждать, что эта особь еще недавно обитала в Марианской впадине. Почему она покинула глубоководье и появилась здесь, неизвестно.

Это было очень интересно и похоже на открытие. Но пора было исследовать подводное кладбище. Алиса позвала Пашку.

За первые два часа они предварительно осмотрели шесть кораблей, лежащих в лагуне. Алиса научилась угадывать их очертания, несмотря на заросли водорослей и наросты кораллов. Пашка, который раньше на тропических атоллах не работал, был в полном восторге от разноцветья этого подводного мира — от всех этих полосатых рыб и пятнистых морских звезд, от голубых креветок и красных крабов, от кораллов, похожих на деревья, от губок и моллюсков, схожих с цветами.

Но скоро Пашке надоело помогать Алисе фотографировать кораллы, измерять их размеры и скорость роста. Ему не терпелось поглядеть на «Ямагири-мару».

«Ямагири-мару» лежал в глубине, вне лагуны, по Алисиным планам его очередь подойдет дня через два, но Пашка буквально умолил ее отправиться к транспорту.

Они нашли транспорт не сразу, пришлось включить прожектор. Глубина там была около ста метров, подводный мир не так богат и разнообразен, как в лагуне.

Транспорт лежал, склонившись набок. Одна из труб не упала и казалась старинной крепостной башней, обвитой плющом. От удара о дно, а может, от бомбы транспорт раскололся, и между кормой и остальным корпусом зияла темная пропасть.

— Нам туда, — сказал Пашка.

— Зачем? — спросила Алиса.

— Поглядим, где лежит шкатулка с рубинами, — просто ответил Пашка.

— Опять ты за свое!

— Но попробовать можно?

Алиса колебалась. Будь она взрослым исследователем, наверное, она бы отказалась послушаться Пашку. Но в двенадцать лет любому хочется приключений. В этот момент их вызвал Аран Сингх. Беды не оставляли ферму. Невидимый враг во время урагана напал на один садок. Кроме того, пропал без вести турист, прилетевший на Яп. Вернее всего, не послушался, ушел купаться...

— Неужели никаких данных нет? — спросила Алиса.

— Установили два факта, но пока не знаем их значения. Во-первых, мы теперь точно знаем, что у бандитов маленькие острые зубы, во-вторых, собрали все сведения о подобных нападениях за последние недели, и теперь можно сказать, что они начались в районе Марианской впадины к востоку от острова Сайпан и постепенно перемещаются к юго-западу. А как у вас дела?

— Мы осматриваем корабли. Очень интересно.

Сингх пожелал счастливой работы и напомнил об осторожности. И они попрощались до обеда.

Пашка включил манипуляторы и с их помощью очищал проход в щель, что вела в трюмы корабля. Что-то сказанное Араном Сингхом встревожило Алису. Что-то о Марианской впадине. Может, она и вспомнила бы, но Пашка громко спросил:

— Ну как, мы спускаемся или нет?

— Спускаемся, — сказала Алиса.

— Алиса, — сказал Пашка, — видишь коридор?

Это был не коридор — громадное отверстие, которое зияло перед ними, было трюмом... Оно, словно открытая дверь, манило внутрь.

Батискат осторожно приблизился к отверстию. Оно было достаточно широким, чтобы в него прошли десять батискатов.

Трюм был уставлен ящиками и контейнерами, когда-то от толчка они сползли к борту. Потом за долгие годы водоросли и кораллы обжили эти искусственные скалы.

Алиса увлеклась работой — манипуляторы трудились, отбивая образцы для исследования. Пашка маялся. Ему хотелось проплыть глубже в трюм и посмотреть, что там. Но он пока терпел.

— Интересно, правда? — спросила Алиса, разгибаясь, — руки устали работать с манипуляторами.

— А ты не заметила одной детали, которая бросилась бы в глаза любому элементарному Шерлоку Холмсу? — спросил Пашка. — Где рыбы? Где креветки? Где крабы? Почему даже морские звезды не хотят здесь жить?

И в самом деле, в пещере трюма ничто не двигалось. Лишь губки, кораллы и водоросли обитали там. И ни одного животного.

— Здесь какой-то яд! — предположил Пашка.

— Вряд ли, — сказала Алиса. — Если бы был яд, водоросли и губки тоже бы погибли.

— Но он может действовать только на животных. Понимаешь, скопился здесь за сто лет...

И тут, как бы нарочно, чтобы опровергнуть Пашку, рядом с иллюминатором полупрозрачной массой проплыла целая стая знакомых рыбок. Они выплыли из глубин корабля и спешили вверх. Некоторые заметили батискат и начали кружиться возле него, даже пробовать на зуб.

— Тогда яд на них тоже не действует, — сказала Алиса и схватилась за рычаги манипуляторов, чтобы выпустить тонкую сеть и поймать несколько рыбок.

— Давай проплывем еще несколько метров вглубь, — сказал Пашка. — Поглядим, как там.

Батискат плыл как бы по просторному залу, украшенному гирляндами к Новому году и устланному зеленым пышным ковром. Наконец впереди показалась стена — переборка. В ней проход.

— Вроде больше ничего интересного, — сказала Алиса.

— Впереди самое интересное, — ответил охотник за сокровищами.

В плену

Медленно и осторожно батискат вплыл в следующий отсек. Прожектор выхватывал из черноты сплетения водорослей неясные очертания предметов, которые настолько потеряли форму, что невозможно было угадать, чем они были когда-то.

Алиса вела батискат на самой малой скорости. Проход становился все теснее, и пора было поворачивать обратно. Поэтому Алиса остановила батискат и включила манипуляторы, чтобы они взяли образцы флоры. И тут она увидела впереди серое движение.

Она перевела туда луч прожектора и не сразу поняла, что видит громадное скопление полупрозрачных рыбок, которые сплелись в шар диаметром метра в два.

— Попробуй их тронуть манипулятором! — сказал Пашка.

Рука манипулятора двинулась вперед, и в то же мгновение шар распался, превратившись в серое облако, которое заполнило собой весь трюм. Рыбки с яростью бросились на батискат, и видно было, как они бессильно скребли его маленькими зубами. Часть их стала отступать, утекая серой рекой в темный проход сбоку.

Алиса двинула батискат вслед за ними. Рыбки продолжали атаковать подводный кораблик. Они облепили иллюминаторы. «Еще десять метров, — сказала себе Алиса, — и назад».

Перед ними поднималась преграда, схожая со скалой, и надо было подняться вверх, туда, где над скалой кишели тучей рыбки. Некоторые ныряли внутрь скалы, которая, видно, была полый.

— Алиса, знаешь, что это такое! — воскликнул Пашка. — Это же танк.

И в самом деле можно было различить оружие, которое смотрело прямо на них и казалось зеленым, обросшим мхом бревном. Рука манипулятора содрала сверху слой губок, и под ним обнаружилась орудийная башня.

— Погляди с той стороны — это тоже танк?

Алиса приказала манипулятору обследовать скалу справа. Видимость была плохой. В дополнение к туче рыб, которые мешали смотреть, манипулятор, освобождая танк от губок, поднял тучу ила.

— Подождем, — сказала Алиса.

Но ждать не пришлось. Манипулятор задел за столб или стойку — впрочем, они так и

не узнали, что это было. Сгнивший и проржавевший внутри корабль был настолько ветхим и перегруженным населившими его кораллами, губками и водорослями, что потолок трюма не выдержал и медленно, как в кошмарном сне, начал опускаться на них. Многотонный груз верхних палуб упал сверху на батискап и вдавил его в пол. Видимость сразу пропала. Батискап, хоть рассчитанный на многократные перегрузки при глубоководных погружениях, застонал от неожиданного удара. Казалось, что он расколется как орех.

Свет в батискапе погас, треск был невыносимым и зловещим, и так как Алиса с Пашкой сначала не поняли, что произошло, они скатились к стене рубки, а на них в полной темноте посыпались разбитые приборы.

Потом стало очень тихо. Только медленно ухали, устраиваясь поудобнее, железные балки переборок.

— Ты жив? — спросила Алиса.

— Жив, — ответил Пашка. — У него аварийное питание есть?

Алиса нащупала пульт — пульт был почти цел. Третья кнопка справа.

Зажегся свет. Алиса выбралась из-под опрокинутого кресла. Болела рука.

Как только они немного отдышались и поняли, что воды в батискапе нет, Алиса включила прожектор. Он горел. Только перестал двигаться. Вода за иллюминатором была мутной настолько, что не разглядишь ничего за метр.

— Придется подождать, — сказала Алиса, — пока муть уляжется. А то мы не знаем, куда плыть.

— Назад, — уверенно сказал Пашка, — нас не переверачивало. Просто повалило набок.

— Хорошо бы, — сказала Алиса.

Она не хотела пугать Пашку, но сквозь муть она постепенно различила темную массу, навалившуюся на верхний прозрачный колпак. К тому же перед передним иллюминатором протянулась рука манипулятора, которая торчала под неестественным углом. Алиса включила манипулятор. Видно было, как металлическая рука вздрогнула. Но не послушалась приказа: батискап застрял в гряде металла. Алиса поняла, что их спас танк — он принял на себя груз переборки, отчего его пушка еще более склонилась к нему.

— Давай задний ход, — сказал Пашка. — И вырываем эту железку. Проще простого.

Но проще простого не вышло. Манипулятор застрял так прочно, что сколько ни давала Алиса задний ход батискапу, тот не мог вытащить застрявшую руку.

Алиса выключила двигатель и вытерла пот.

— Не получается, — сказала она. — Надо думать.

— Думать не надо, — ответил Пашка. — Будем действовать. Я выхожу наружу через задний люк — он свободен. Отрезаю манипулятор — горелка у нас есть.

— А рыбы? — спросила Алиса.

— В скафандре они не страшны.

Сказав эти слова очень уверенно, Пашка тут же потерял долю энтузиазма — с этими рыбами у него были связаны неприятные воспоминания.

— Ладно, — сказала тогда Алиса. — Я лучше умею обращаться с горелкой — ты курса подводных работ не проходил.

Пашка начал возражать, но Алиса его не слушала. Она надела скафандр и вошла в переходник — небольшой отсек, который наполняется водой, если надо выйти наружу. Задраила за собой внутренний люк — в переходнике было темно. Потом включила шлемовый фонарь, и свет его уперся в близкую стенку, осветив на ней каждую царапинку,

каждую каплю влаги. Забортная вода с шипением стала поступать в переходник.

Алиса приготовилась к тому, что сейчас можно будет открыть внешний люк, потом надо будет как можно быстрее сделать три шага к основанию заземленного манипулятора и сразу включить резак.

И в этот момент она почувствовала болезненный укол в ногу. Тут же — второй.

Алиса направила луч фонаря в воду и поняла, что в воде кишат тонкие длинные рыбки, яростно вонзающиеся зубами в скафандр и прокусывающие прочнейший материал скафандра.

У Алисы хватило самообладания не драться с ними, не отгонять их. Она поняла, что ее единственное спасение — тут же откачать из переходника воду.

Но вода вокруг достигла уже горла, и руки под водой двигались куда медленней, чем в воздухе. К тому же она держала в одной руке горелку, а другой непроизвольно отдираала рыбок от скафандра.

Пока она догадалась выпустить из рук горелку, прошло три секунды, пока нашаривала в бурлящей воде кнопку откачки воды, прошло еще секунд пять, все это время вода прибывала и закрыла Алису почти с головой. Она ощутила, как острые тонкие струи воды врываются в скафандр в прокушенных местах. Было впечатление, будто Алиса попала под душ Шарко, который со всех сторон бьет тебя струями.

Алисе казалось, что вода уходит из переходника страшно долго — все укусы обжигали ее, а вода внутри скафандра уже поднялась до колен. Наконец вода с хлопаньем ушла из переходника, прямо перед глазами оказались мокрые стены.

Терпя жгучую боль, Алиса обобрала рыбок со скафандра и только тогда услышала взволнованный голос Пашки:

— Ты что? Почему не выходишь? Почему молчишь? Ты что, Алиска?

— Все в порядке, — сказала Алиса. — Я возвращаюсь.

Вернувшись в рубку и задраив за собой люк, Алиса устало стянула скафандр.

Пашка, который не мог понять, что произошло, помогал ей и мучил вопросами.

— Достань антисептик, — велела Алиса.

— Ой, что с тобой?

— Мы не можем выйти из батиската. Придется вызвать помощь.

Алиса вздохнула. Вызывать помощь было стыдно. Пустили детей в лагуну, а они нарушили правила — без разрешения забрались внутрь ветхого судна, попали в ловушку, сломали батискат. А у Сингха и без того неприятностей выше головы.

Но ничего не поделаешь. Одно утешение — есть о чем рассказать на ферме. Рыбки из Марианской впадины — опасные обитатели лагуны. Если сюда поставить садки с молодько осьминогов, от них через полчаса ничего не останется. Может, эта информация стоит сломанного батиската.

Алиса смазала многочисленные ранки, приняла антисептик и включила рацию.

Ферма молчала. Рация работала нормально, слышны были шумы, но ни одно слово не доходило до батиската.

— Что еще случилось? — в отчаянии спросил Пашка.

— Связи нет, — сказала Алиса. — Я думаю, это из-за того, что мы сидим в грудке железа.

— Ты что хочешь сказать, — произнес Пашка, — что мы здесь останемся навсегда?

— Очень не хочется, — ответила Алиса. Ну что еще ответишь на такой глупый вопрос?

Сначала они сели и начали размышлять. По правде говоря, Алиса попросту устала, у нее болели ноги. Пашка же был удручен, потому что не мог придумать остроумного пути вырваться наружу. Надо сидеть в рубке и чего-то ждать. Это самое противное.

— Нас, конечно, найдут, — сказала Алиса. — Часа через два Сангх будет нас вызывать, мы не откликнемся. Они встревожатся и станут принимать меры. Пришлют сюда флаеры и батискаты.

— Только неизвестно, есть ли у них свободные батискаты.

— Вызовут с Сайпана, может, даже из Индонезии. Воздуха у нас хватит, потерпим...

— Ты оптимистка, это хорошо, — сказал Пашка. — Только как нас отыскать, ты подумала? Здесь, в лагуне, и вокруг нее тридцать железных гробов, каждый не меньше «Ямагири-мару». А еще надо обследовать дно лагуны, а еще не исключено, что мы поплыли в открытый океан и утонули там... Я бы нас не нашел.

— Найдут, — сказала Алиса бодро, потому что и сама вдруг испугалась, что отыскать их будет невозможно.

— Я думаю, — сказал Пашка, — что надо рискнуть. Я выхожу в воду и быстро режу манипулятор.

— Они меня чуть не сожрали еще в переходнике, — возразила Алиса. — А ты захлебнешься в дырявом скафандре через минуту.

Рыбы деловито кружились вокруг танка, пропадая в люке и вылезая из него. Там у них было логово. Краем глаза Алиса увидела, как в освещенный прожектором участок трюма медленно вплыла огромная рыба. Длиной она была около двух метров, бурое тело было испещрено желтыми пятнами, она была немного похожа на сома, но вместо большой добродушной соминой головы морда ее была острой, хищной и невероятно злобной.

— Мурена, — сказала Алиса. — Может, она их ест?

— Хорошо бы.

Они с надеждой глядели, как громадная хищница, медленно поворачивая злобную головку, озиралась в новом для себя месте.

Вот первая из полупрозрачных рыб, заметив гостью, кинулась к ней и вцепилась в пятнистый бок. Она была так мала и ничтожна по сравнению с муреной, что, когда та, резко рванувшись от боли, поднялась выше, стараясь зубами достать обидчика, даже странно было, что она могла заметить этот укус. И тут же, словно услышав приказ, тысячи юрких врагов ринулись на мурену. Облепленная ими, рыба крутилась, рвала врагов зубами...

— Я поглядел на часы, — сообщил мрачно Пашка. — Прошло семь минут.

Они смотрели на тщательно обглоданный скелет мурены, который лежал на водорослях.

— Да, — сказала Алиса задумчиво. — Вряд ли в океане есть кто-либо, кто может с ними бороться...

— Да они даже кита сожрут!

— Кита? Кашалота? Ой, Пашка, я все думала, что же у меня в голове кружится. И никак не могла вспомнить. Марианская впадина!

— Не понял.

— Наш компьютер сказал, что по составу микроэлементов эти рыбы недавно покинули Марианскую впадину, что они первоначально были глубоководными существами. Так?

— Так.

— Сингх сказал нам, что они проследили случаи таинственных нападений. Они идут от Марианской впадины к югу. Как будто таинственный убийца перемещается к острову Яп. Ты только что сказал, что эти рыбы могли бы сожрать и кашалота.

— Я сказал — кита.

— Неважно. А таинственный убийца убил кашалота. И напал на дельфинов. Значит...

— Значит, таинственный убийца и есть эта рыба, — согласился Пашка.

— Теперь мы вдвойне должны спешить. Надо вырваться отсюда и предупредить биологов.

— Молодец. Остался пустяк...

Они снова замолчали и молчали долго — от безвыходности. Как на экзамене, когда не знаешь билета, экзаменатор тебе что-то подсказывает, задает наводящие вопросы, а ты смотришь в окно и думаешь: вот птичка полетела, а вот еще одна птица полетела...

— А может, здесь какая-нибудь мина есть? — вдруг спросил Пашка.

— Где?

— В трюме. Мало ли что бывает в трюме. Если танк есть, то и мины могут быть.

— А как мы их найдем?

— Один манипулятор у нас остался...

Конечно, просто совсем из головы вылетело! Может, с его помощью удастся освободиться?

Алиса тут же включила манипулятор. Он мог двигаться только справа от танка, между танком и какими-то заросшими предметами у борта.

Алиса стала осторожно чистить от губок и кораллов те предметы, что были у борта. Это была работа, а когда работаешь, забываешь о неприятностях и время идет быстрее.

Рыбам не понравилось, что в их владениях поселился манипулятор, — они отчаянно нападали на него.

Алиса уступила место у пульта Пашке, потому что понимала, что ему тоже хочется действовать.

Пашка обнаружил ящик. Когда манипулятор вскрыл его крышку, оказалось, что он полон снарядов. Пашка хотел было кинуть один из снарядов в танк с рыбами, но Алиса не разрешила.

— Ты представляешь, что случится, если снаряд взорвется? В первую очередь ничего не останется от нас с тобой — он же как глубинная бомба. Нас сплющит в лепешку.

— А чего же мы тогда ищем?

— Не знаю.

— Вот это плохо.

Пашка согласился с Алисой, кидать снаряд не стал, а принялся дальше разгребать водоросли в поисках какого-нибудь оружия. Работа эта была медленной, потому что движения манипулятора поднимали муть и приходилось ждать, пока она осядет. Прошло уже больше часа.

И вдруг Алиса обратила внимание на то, что движения рыбок стали более быстрыми и хаотичными, они вели себя как опаздывающие на стадион болельщики.

— Погоди, Пашка, — сказала Алиса. — Не мути воду.

Из танкового люка показалась пышная седая борода, состоявшая, наверное, из миллионов рыб. Невероятно, сколько их уместилось в старом танке! А они все выплывали и

выплывали. Они плыли так тесно, что трудно было понять, что же там, внутри этого потока. Но там что-то было.

Пашка тоже почувствовал это, подвел манипулятор и ударил его пальцами по скопищу рыб. На какое-то мгновение облако рассыпалось, и оказалось, что внутри таится громадная многометровая рыбина толщиной в руку, которая злобно извивалась, стремясь укрыться от манипулятора. Тут же остальные рыбы скрыли ее от глаз, и вся эта армада проплыла к выходу из корабля.

— Эх! — сокрушался Пашка. — Надо было мне ее схватить. Это же их королева. Понимаешь?

— Но почему они уплыли? — спросила Алиса.

— Я думаю, что их королеве не понравилось соседство с нами. Они ведь хранили ее в самой секретной глубине. А представь — рядом мы, шумим, светим прожектором, орудуем манипулятором, стену и переборки крушим...

— Наверное, они найдут другое логово, откуда будут нападать на жителей океана. Если бы знать...

— Если бы мы могли отсюда вырваться, — вздохнул Пашка, — мы бы сразу следом за ними!

— Погоди, не води манипулятором. Мне надо посмотреть!

— Что посмотреть?

— Если они уплыли, значит, мы можем выйти.

Но надежды оказались напрасными. Сотни хищных рыбок остались в трюме, они вились у иллюминатора — видно, решили не оставлять батискат без присмотра.

Спасение

— Представляешь, — грустно сказала Алиса, — они сейчас озлобленные, они ищут новое логово — кто им ни попадется на пути, любого растерзают. Печально, что мы не можем предупредить биологов.

— Все-таки надо что-то делать! Думай, Алиса!

— Как могло получиться, что раньше наука их не знала? — думала вслух Алиса. — Ведь эти места океана хорошо исследованы. Еще год назад их не было... а сейчас они нападают на любую живность! Это же ненормально.

— Может, они из космоса? — спросил Пашка. — Занесло их в виде спор, а потом они размножились.

Пашка продолжал работать манипулятором, и металлическая рука размахивала в узком проходе между танком и стеной, как будто отмахивалась от жалящих комаров. И в конце концов с такой силой ударила по обросшей губками стенке, что пробила ее. Из отверстия вырвался черный шарик и медленно поплыл вверх.

— Это еще что такое? — удивился Пашка, догоняя шарик манипулятором. Тот послушно рассыпался на несколько маленьких шариков.

Еще одна темная капля жидкости медленно выползла из пробитой дырочки. Несколько рыб кинулись к ней, думая, что это добыча, но тут же отскочили.

— Я знаю, что это такое: нефть или мазут, — сказала Алиса.

— Точно, — согласился Пашка. — У них была в трюме цистерна для заправки танков. Может, они рассчитывали, что танки сразу пойдут в бой. Только мы с тобой в бой пойти не

можем. Хотя нет! Слушай, у меня гениальная идея! Надо проверить, много ли нефти осталось в цистерне. Если много — мы ее выпустим и отпугнем рыб. Поняла?

— Но нефть уйдет вверх! — сказала Алиса. — И погубит рыб в лагуне.

— По-моему, ты рехнулась, — удивился Пашка. — Других рыб в лагуне эти уже сожрали. А если мы здесь останемся, то погибнем, как те рыбы.

— Иногда ты бываешь логичен, — печально улыбнулась Алиса.

— Правда, мы не знаем, сколько мазута в этой цистерне. Может, мало. Пойду я.

— Почему ты? — спросила Алиса. — Я лучше тебя умею...

— Может быть, — согласился Пашка. — Может, ты все умеешь делать лучше меня, даже в футбол играть. Но учти, что у тебя вместо скафандра сито. А мой скафандр тебе велик.

И Алисе пришлось согласиться.

Пашка натянул скафандр и вышел в переходник. Воду он туда пока не впускал, он ждал сигнала Алисы.

Алиса подцепила когтем манипулятора край маленького отверстия в цистерне, через которое все выдавливались капли мазута, и с силой рванула когтем вниз. Ржавый металл сразу поддался, и ключья отогнулись наружу. И из отверстия медленно и тяжело хлынул мазут, поднимаясь кверху и растекаясь по трюму.

— Жди, Пашка! — приказала Алиса. — Пускай мазут подойдет к батискату!

К счастью, мазута в цистерне было много — все меньше оставалось чистой воды в трюме, вот уже полосы мазута почти скрыли японский танк и заволокли иллюминатор.

— Пошел, Пашка! — сказала Алиса.

— Слушаюсь! — слышно было, как Пашка включил воду и она начала поступать в переходник.

— Как рыбы?

— Пока нет, — ответил Пашка бодро. Еще через несколько секунд он сообщил, что выходит наружу.

Алиса его не видела — лишь на мгновение его рука промелькнула между слоями мазута.

— Иду на ощупь, — сказал он.

— Они на тебя не нападают?

— Не отвлекай. Вот манипулятор!

— Скорей начинай резать!

Сквозь толщу мазута Алиса увидела светлое пятно. Раскаленный резак, мелко вибрируя, врезался в твердую сталь.

Алиса смотрела, как ужасно медленно на часах выскакивают цифры секунд. Наконец свечение в толще мазута пропало. Раздался короткий треск.

— Все, — сказал Пашка. — Я возвращаюсь. Без меня не уезжайте...

Закрылся внешний люк.

— Вроде все нормально, — сказал Пашка. — Выгоняем воду.

Прошло еще полминуты.

— Ну что ты? — спросила Алиса. — Чего не входишь?

— Я бы рад, — сказал Пашка, — но вода не уходит, почти по пояс.

— Так я и знала! Мазут. Давай открою люк вручную.

— Будет потоп. И довольно грязный, — сказал Пашка.

Но прошло еще полминуты, уровень воды в переходнике все не понижался, и Пашка сдался.

Когда Алиса открыла люк, в рубку хлынул грязный водно-мазутный поток, сметая все, что лежало на полу. Вода хлынула по наклонному полу рубки, оставляя черные пятна. А потом в рубку влез измученный, в черных пятнах даже на прозрачном забрале шлема Пашка. Он еле держался на ногах.

— Помоги снять скафандр, — сказал он.

Алиса кинулась к нему.

Вывести батискаф из трюма оказалось нелегким делом. Сначала надо было его выпрямить, а потом долго ползти из трюма в черных облаках мазута, натываясь на кораллы и танки.

Только через пятнадцать минут батискаф выскочил на поверхность моря.

Алиса откинула измазанный мазутом верхний колпак, и морской воздух ворвался в рубку.

— Я думал, еще минуту — и погибну от духоты, — сказал Пашка. — А теперь прошу вас, капитан, об одном — на берег, к кокосовым орехам.

— И не мечтай, — ответила Алиса. — Хотя я тебе очень сочувствую, но сначала надо отыскать этих наших рыбок. Далеко они уйти не могли.

— Иголку в стог сена будешь искать?

— Мы не одни.

— Тогда я плыву к берегу один.

— И по дороге тебя съедает. Ты этого хочешь?

Алиса включила рацию.

И в тот же момент зазвучал сигнал вызова — их искал Сингх.

— Вы живы! — Сингх не мог скрыть счастья в голосе. — Мы уже час вас ищем. К вам летят флаеры.

— Извините, — сказала Алиса. — Мы были в трюме транспорта, и связь прервалась.

— Наверное, за сокровищами полезли? — Сингх не скрывал своей ярости.

— Нет, — ответила Алиса. — Мы узнали, кто нападает на ваши стада, и сейчас хотим догнать убийцу в океане.

— Да ну! — только и вымолвил Сингх.

— Это рыбки, — сказала Алиса. — Такие безобидные, даже красивые на вид. Но с ними что-то случилось.

Ей пришлось потратить еще несколько минут, пока она убедила Сингха, что они в самом деле нашли убийц.

А тем временем Пашка, смирившись с мыслью, что придется еще помучиться от жажды, сел к рычагам управления, включил передний экран и повел батискаф вперед. Он догадался, как нужно искать рыб.

Алиса на секунду оторвалась от разговора с Сингхом и спросила его:

— Ты что задумал?

Пашка показал на рыбку, которая плыла перед экраном. Вот еще одна...

— Как они плывут? — спросил Пашка. — Большое ядро с королевой внутри, а вокруг охрана и длинный хвост простых жителей царства убийц. Их арьергард догоняет основной отряд.

— Молодец, Пашка, — сказала Алиса. — Я бы до этого не додумалась.

Флаер, посланный с фермы, нашел их как раз в тот момент, когда они настигли громадный косяк рыб, которые, окружив королеву, медленно плыли к западу.

Батискат выбросил сеть.

Конечно, в такой сети рыбок не удержать, но королева была так велика, что из сети ей вырваться не удалось. А остальные отказались или не могли ее бросить. Они метровым слоем покрыли сеть — в таком виде их всех и доставили на базу.

Вечером, вымывшись и напившись кокосового молока, Алиса и Пашка сидели в кабинете Сингха. В комнату то и дело забегали сотрудники фермы — всем хотелось познакомиться с ребятами из Москвы, которые нашли и поймали таинственного убийцу.

Пашка потом говорил, что у него даже рука распухла от рукопожатий. Конечно, он преувеличивал.

— Скажи спасибо, что нам не вспомнили наши грехи, — ответила ему тихо Алиса. — Залезли в трюм за сокровищами, поломали батискат...

Вошел Аран Сингх.

— Только что получил видеogramму с Сайпана, — сказал он. — Все правильно. В Марианскую впадину в специальных аппаратах спустились акванавты и нашли там на большой глубине еще три колонии этих хищников, — сказал он. — Одна из колоний уже двинулась к поверхности.

— Но почему там? — спросила Алиса.

— Все объясняется просто и печально, — сказал Сингх. — Сто лет назад какие-то безответственные головы решили, что атомные отходы, которые остаются в реакторах, можно опускать в контейнерах в глубоководные морские впадины и там они останутся навсегда. Это не так. Во впадинах контейнеры разрушились, и радиоактивные материалы попали в воду. За последние десятилетия мы выловили почти все эти источники отравления океана, но, видно, несколько контейнеров осталось — и под их влиянием началась мутация безвредных рыб. Их новая популяция оказалась хищной, плодовитой и очень опасной для всего живого в океане. Они быстро уничтожили всю живность в глубокой впадине и в поисках корма начали перемещаться, распространяясь по океану как чума...

— Как странно! — сказала Алиса. — Сколько лет уже нет атомных бомб и войн, а опасность от них живет и сегодня.

— И еще... — сказал Пашка. — Они выбрали своим логовом старый танк, который утонул во время той последней войны. Убийцы, рожденные войной, жили в танке, который был сделан для войны.

— Хоть ваша практика была и короткой, — сказал Сингх, — но думаю, что мы поставим вам за нее отличные отметки.

— Нет, — сказала Алиса. — Нельзя. Мы отравили мазутом всю лагуну.

— С мазутом мы уже справились — там работают чистильщики. С рыбами придется повозиться подольше. За находчивость — спасибо.

Алиса и Пашка вышли на пирс плавучей фермы.

Возле пирса покачивался их батискат — одна рука отломана, весь еще в мазуте, несчастный, но живой и даже вроде веселый.

— Слушай, давай в нем покатаемся, — сказал Пашка. — Я слышал, что у атолла Трук триста лет назад затонул один неплохой галеон с сокровищами.

— Сначала, — сказала Алиса, — ты должен починить батискат. Если пришел в гости, неприлично ломать чужие вещи.

— Так это работа на неделю!

— Значит, наша практика еще не закончена, — сказала Алиса.

И они остались на ферме.

Батискат с помощью местного механика они починили за пять дней.

И поплыли на нем к атоллу Трук.

Правда, никаких сокровищ не нашли.

Солнце мгновенно поднялось над океаном, словно вынырнуло из глубины и спешило отдышаться. Оно разбрызгалось искрами по верхушкам ленивых зеленых волн, подгоняя их к песчаному пляжу острова Яп. Но волнам за ночь надоело биться о берег, и они устало облизывали полосу плотного песка, не дотягиваясь до темного вала водорослей, выброшенных штормом к столбам кокосовых пальм.

Алиса медленно шла по песку. Порой язык волны, отороченный пеной, трогал ступню. Маленькие полупрозрачные песчаные крабы деловито носились вокруг, а если на них падала тень Алисы, быстро закапывались в песок.

Алисе хотелось найти на берегу редкую ракушку или морскую звезду — утром после шторма на пляже случаются любопытные находки. Но в то утро ничего удивительного не встретилось. Алиса прошла больше километра и видела только два пустых кокосовых ореха, обкатанный волнами кусок дерева и несколько обыкновенных ракушек каури. Директор подводной фермы Аран Сингх рассказывал, что в прошлом году ураганом на берег выбросило метровую раковину тридакны. Теперь она лежит у входа в лабораторию.

Солнце поднялось уже высоко, и стало жарко. Но купаться здесь было плохо — мелководе. Пока дойдешь до глубокого места, сто раз побьешь ноги об обросшие скользкими водорослями обломки кораллов. В отлив широкая полоса, что тянется до рифов, кажется шкурой громадной жабы.

Алиса кинула последний взгляд на море и поспешила к белому причалу, за которым начиналась глубокая бухта. Она соединялась с океаном каналом, пробитым в коралловой тверди.

Вот тут-то Алиса и увидела бутылку.

Бутылка целиком ушла в песок, наружу торчало лишь горлышко, облитое сургучом, и поэтому она сначала показалась Алисе концом палки. Но волна вспенилась вокруг горлышка, и оно заблестело. Алиса присела на корточки, разгребла мокрый тяжелый песок. Бутылка была толстой, пузатой, темной. Пока она плавала по морю, на ней поселились скользкие мелкие водоросли, покрыв ее словно чехлом. Алиса отодрала слой водорослей сбоку и подняла бутылку, глядя на нее против солнца, чтобы понять, нет ли чего-нибудь внутри.

Внутри что-то лежало. Может быть, листок бумаги.

Алиса попробовала соскрести сургуч с горлышка, но тот был как камень.

Она поднялась и побежала к причалу.

Алиса пробежала шагов сто и остановилась.

«А почему я, собственно, бегу? — подумала она. — Впрочем, торопиться надо, ведь бутылка — сигнал бедствия. Бутылки кидали с борта гибнущего корабля или с берега необитаемого острова. Правда, это бывало очень давно... двести, триста лет назад. Кто будет теперь кидать в океан бутылки? Скорее всего, шутник или безнадежный романтик. А если бутылка настоящая, „кораблекрушительная“, то за триста или четыреста лет, что прошли с тех пор, как ее кинули в волны, корабль, терпящий бедствие, давно утонул, а Робинзон умер от скуки».

Чтобы развеять сомнения, бутылку надо разбить и прочесть вложенную в нее записку. Но это будет нечестно по отношению к Пашке Гераскину. Он никогда не простит ей такого предательства. Пашка Гераскин серьезно относится к романтике и верит, что настоящие приключения в конце XXI века еще не перевелись.

Алиса поднялась на причал.

Подводный катер — батискат, который на океанской станции дали Алисе и Пашке, был пришвартован со стороны бухты. Ни Пашки, ни робота, с помощью которого они чинили сломанный манипулятор батиската, видно не было. Да и вообще причал был пуст. Директор Аран Сингх с двумя зоологами еще вчера улетел в Сидней на совещание, а остальные с рассветом ушли на батискатах и катерах в океан проверить, не натворил ли бед ночной шторм на жемчужных фермах и в крабовых питомниках.

Алиса прошла по гладким камням причала до батиската.

Он был похож на веретено, увенчанное зеленоватым куполом. Там, под куполом, Алиса и увидела своего друга. Он лежал в кресле, задрал ноги на пульт, и читал старинную книгу.

Пашка был так поглощен чтением, что не заметил, как Алиса спрыгнула на палубу батиската и присела, разглядывая длинную членистую руку манипулятора.

Все в порядке. Пока она гуляла по берегу, Пашка с роботом закончили ремонт. Так что Пашка имел полное право читать сколько ему вздумается.

Алиса откинула колпак над каютой и спрыгнула внутрь. Пашка даже бровью не повел.

Алиса поставила бутылку на штурманский столик и уселась во второе кресло.

— Что нового? — спросила она.

— По-моему, я сделал великое открытие, — сказал Пашка, продолжая читать.

— Я тоже, — сказала Алиса и подвинула бутылку ему под нос.

Пашка был невозмутим. Алисе стало обидно.

— Что за тайны! — сказала она.

Книга, которую с таким вниманием читал Пашка, была очень старой. Кожаный переплет обтрепался на углах, страницы пожелтели.

— Слушай, — сказал Пашка и перелистал назад несколько страниц. — Перевожу с английского: «... Я находился в своей каюте, намереваясь отойти ко сну, когда услышал отчаянный крик лейтенанта Робинсона. „Капитан! — кричал он. — Скорее!“ В его голосе была такая настойчивость, что я решил: случилось несчастье. Стремглав я выскочил на палубу и остановился, пораженный зрелищем. Предрассветная темнота была озарена странным зеленым сиянием, которое исходило от громадного болида, что несся, прочерчивая ослепительный след по синему небу. Еще мгновение — и примерно в миле от нас болид коснулся поверхности океана и, подняв гигантский столб воды, исчез в его пучине. Он был настолько раскален, что еще минуту мы наблюдали свечение воды, словно некто опустил в воду горящую лампу. Волна, поднятая этим небесным телом, вскоре достигла нашего фрегата и была так велика, что корабль лишь чудом не лег на борт. Когда все успокоилось, мы проследовали со всей осторожностью к месту падения болида и, осветив воду фонарями, увидели, что там плавают множество мертвой рыбы. Я разрешил матросам спустить шлюпку, и они набрали несколько бочек рыбы, что послужило славным подспорьем нашему столу. Но самое удивительное случилось, когда мы поднимали шлюпки на борт, намереваясь следовать далее. Мичман Джонс закричал, что видел нечто огромное слева по курсу „Рочестера“. Несмотря на то что рассвет лишь наступал и видимость была ограниченной, нам удалось понять, что упавший в океан болид настиг в невероятных

глубинах некое загадочное существо, неизвестное прежде натуралистам. Это существо, достигавшее в длину ста или более футов...»

Тут Пашка перевел дух и сказал:

— Сто футов — это тридцать метров, понимаешь?

— Понимаю, — сказала Алиса. — А что ты читаешь?

Пашка заложил пальцем страницу и открыл книгу на титульном листе. Там было написано по-английски: «Отчет о плавании фрегата Его Величества „Рочестер“ в Тихом океане и Южных морях в 1816–1819 годах, написанный коммодором Стэнли Рейнольдсом. Издано в Лондоне в 1822 году».

— Поняла? Это я в библиотеке фермы взял. Там много книг, но в большинстве специальные. А несколько совсем старых. Я как увидел эту книгу на полке, меня что-то кольнуло. Ты веришь в предчувствия?

— Нет.

— Ты не права, Алиса. Если не было предчувствия, почему я эту книгу взял? Почему я ее открыл именно на этих страницах?

— Случайно, — сказала Алиса.

— Иногда я подозреваю, что ты лет на пятьдесят старше меня, — укоризненно произнес Пашка.

— Дочитывай, — сказала Алиса.

Бутыль стояла перед самым носом Пашки, но тот ее не видел, сейчас для него ничего, кроме книги, не существовало.

— «Это существо, достигавшее в длину ста или более футов, — продолжал читать Пашка, — имело обтекаемое тело и длинную шею, которая заканчивалась небольшой головой, схожей с головой питона. Хвост чудовища скрывался в волнах. Так как одна из шлюпок еще не была поднята на борт, я приказал боцману и четверем матросам подгрести к чудовищу и осмотреть его подробно, соблюдая осторожность, ибо не исключено, что оно лишь оглушено. Вместе с матросами в шлюпку опустился судовой врач Р. Поткинс. Шлюпка не успела отойти от борта, как чудовище пришло в себя и, сильно ударив широким плоским хвостом по воде, скрылось в глубине.

Полагаю, что мы наблюдали таинственного морского змея, о котором ходит столько слухов между моряками».

Пашка громко захлопнул книгу и воскликнул:

— Теперь ты понимаешь?

— Что я должна понимать?

— А то, — сказал Пашка, — что известна широта и долгота этой встречи. Слушай: «После того как волнения этих минут остались позади, я приказал штурману произвести счисление места, где находился „Рочестер“ в момент падения болида. Вышеописанное происшествие имело место в точке с координатами: 138 градусов 50 минут 22 секунды восточной долготы и 12 градусов 15 минут 54 секунды северной широты».

— Это очень интересно, — сказала Алиса.

На самом же деле она не вслушивалась в Пашкины слова. Она не могла дождаться, когда наконец этот романтик увидит, что перед его носом стоит самая настоящая бутылка, выброшенная на берег океаном.

— Тебе неинтересно, — сказал Пашка. — Я по голосу слышу. Ты не поняла, что от нашего острова до той точки всего сто пятьдесят миль?

— Да?

— И сегодня же мы на нашем батискате отправимся туда. Нам все равно нужно провести ходовые испытания. Мы опустимся в той точке и отыщем громадный метеорит и логово морских змеев.

— Не слишком ли много сразу? — спросила Алиса. — Прошло двести пятьдесят лет.

— Морские змеи живут дольше. — Пашка сказал это так уверенно, словно всю жизнь дружил с морскими змеями. — Но если не хочешь, я проведу испытания без тебя. А ты отдыхай, загорай... может, отыщешь неизвестный науке подвид каракатиц.

— Или бутылку, которую выбросило на берег.

— Если бы ты увидела бутылку, выброшенную на берег, — заявил Пашка, — ты бы ее не заметила. Нужно иметь особый взгляд на вещи. Тайны и открытия покоряются лишь людям моего склада.

И в этот момент Пашка поднял глаза и увидел бутылку. Он посмотрел на нее совершенно равнодушно.

— Такие приземленные люди, как ты, — продолжал он, — увидят на берегу разбитый бурей фрегат с черным флагом на бизань-мачте и скажут...

Но что они скажут, так Алисе никогда и не удалось узнать. Потому что Пашка открыл рот, а закрыть его не смог. Он протянул руку, дотронулся до бутылки, отдернул пальцы и часто заморгал.

— Э... — произнес он наконец. — Э... Это что?

— Бутылка, — сказала Алиса.

— Какая?

— С письмом о бедствии, — сказала Алиса.

— Кто? Где? — Пашка вдруг ожил, вскочил и чуть не вывалился из батиската. — Почему на борту бутылка, а мне никто ничего не рассказывает?

— Я шла по берегу, — сказала Алиса как можно наивнее, — и подумала: наверное, Пашке хочется найти таинственную бутылку. Я взяла ее и принесла.

— Ты какое имела право находить бутылку? — Пашка был в ужасном гневе. — Ты не имела права находить бутылку! Я ее искал всю мою сознательную жизнь, а ты... так просто, шла по берегу! Это неправда! Этого не может быть.

— Ну что ж, — сказала Алиса, — если бутылки не может быть, я ее отсюда унесу.

— Не смей! — Пашка схватил мокрую, в водорослях бутылку и прижал к груди как бесценное сокровище. — Ты ничего не понимаешь. Немедленно открыть!

— Зачем? — Алиса, честно говоря, получала истинное наслаждение от Пашкиной суматохи. Уж очень быстро разлетелась в клочки его спесь. — Что за спешка? — спросила Алиса.

— А если они терпят бедствие? Если они носятся по волнам на маленьком плоту?

— Где носятся? — спросила Алиса.

— В океане.

— За триста лет их унесло очень далеко, — сказала Алиса.

— Но, может быть, ее кинули только вчера!

— Разве ты когда-нибудь видел такую бутылку? — спросила Алиса. — Это же древняя бутылка!

— Где молоток?

— Молоток и все инструменты унес робот, — сказала Алиса. — Да я и не позволила бы

тебе разбить бутылку, потому что она — исторический памятник.

— Это не памятник! Это сигнал бедствия!

Алиса решительно отобрала у Пашки бутылку и выпрыгнула из батиската.

Пашка побежал за ней по пирсу, потом по дорожке, что вела к зданию лаборатории, и кричал:

— Осторожнее! Ты ее сейчас уронишь!

В лаборатории была только Дороти Гомае, очень толстая добрая полинезийка, ассистентка Сингха.

Увидев вбежавшую в лабораторию Алису и услышав топот Пашки, она сказала:

— Дети, не разбейте микроскоп, он мне еще понадобится.

— Дороти, — сказала Алиса, подбегая к ней и ставя бутылку на стол, — что это такое?

— Это бутылка, — сказала Дороти.

— Что вы еще можете сказать?

— Это таинственная бутылка, ее выбросило на берег! — закричал Пашка.

— Странно, — сказала Дороти, разглядывая бутылку, — таких давным-давно никто не делает.

Дороти осторожно перевернула бутылку и посмотрела на ее доньшко. На доньшке были видны выпуклые буквы.

— Видите, — сказала она, — «Фирма Спанк и сыновья. Ливерпуль».

— А что это значит? — спросил Пашка.

— Сейчас узнаем.

Дороти включила информатор и набрала на нем код.

— Я вызываю Лондон, — сказала она. — Справочную Британского музея.

Через несколько секунд на дисплее побежали строчки — справочная откликнулась. Дороти набрала вопрос: когда в Ливерпуле существовал стекольный завод фирмы Спанк, который выпускал бутылки темно-зеленого стекла вместимостью в одну пинту?

Ответ пришел немедленно: фирма Спанк и сыновья обанкротилась в 1822 году. Бутылки в пинту и полпинты она выпускала начиная с 1756 года, однако требуется более точное описание бутылки, чтобы установить год ее изготовления.

— Вот так, — сказала Дороти, разглядывая бутылку.

— Я же говорила, что бутылка страшно старая, — сказала Алиса. — Ее болтало по волнам сотни лет.

— Я не согласна с вами, дети, — ответила Дороти.

Дороти убеждена, что все, кому меньше двадцати лет, — дети. У нее своих шестеро да еще двое приемных. Ждать от нее серьезного отношения к исследователю, которому недавно исполнилось двенадцать, невозможно. Приходится терпеть.

— Эта бутылка пробыла в воде не больше года, — сказала Дороти.

— Не может быть! — возмутился Пашка. — Вы посмотрите, как она обросла.

— Вот именно, она совсем не обросла, — ответила Дороти.

Она взяла пинцет и соскоблила водоросли с бока бутылки — водоросли уже подсохли и легко отстали от стекла.

— Даже меньше года, — сказала Дороти. — В наших краях морская растительность очень активна. Если бы бутылку бросили в воду двести лет назад, вы бы и не догадались, что это бутылка. Вы бы решили, что это кусок коралла.

— Значит, — сказала Алиса, — кому-то эта бутылка попала на глаза и он решил:

давай я подшучу над любителем романтики. Пускай он решит, что произошло кораблекрушение.

— Нет, — сказал Пашка. — Эта бутылка пролежала двести лет на берегу острова. В песке. А сегодня вылезла наружу.

— Не вижу у нее ножек, — заметила Алиса.

— Не спорьте, дети, — сказала Дороти. — Мы ее откроем и все узнаем.

Она достала из стола маленький молоточек и сбила темную массу сургуча. Под сургучом была пробка. Дороти подхватила ее пинцетом и вытащила.

— Вот и все, — сказала Дороти, запуская пинцет внутрь бутылки и извлекая оттуда свернутый в трубку листок бумаги.

Она развернула его на столе.

Листок был совсем белый, почти не пожелтел. На нем была только одна строчка:

«138 50Ў22IE, 12 15Ў54IN».

— И это все? — спросил Пашка. Он взял со стола бутылку и заглянул в нее, потом потряс. Ничего больше из бутылки не выпало.

— У меня есть рабочая гипотеза, — сказала Дороти. — Хоть мне и жаль разочаровывать мальчика Пашу. На острове Гуам работают гидрологи. Они изучают морские течения. Наверное, кто-то из гидрологов нашел старую бутылку и решил отправить ее в плавание. Надо будет им позвонить и сказать, что мы нашли их письмо.

— Но почему только координаты? — спросила Алиса.

— Я думаю, — ответила Дороти, — это та точка, в которой сбросили бутылку. Если хотите, загляните в кабинет профессора Сингха, там большая карта. По-моему, это отсюда недалеко.

— Хорошо, — согласился Пашка и забрал записку. Потом взял и бутылку. — Мы ее оставим себе на память, — сказал он.

— Разумеется, — ответила Дороти. — В нее можно налить кокосовое молоко.

Пашка первым побежал к двери. Дороти крикнула вслед:

— Постойте!

Почему-то вместо того чтобы остановиться, Пашка припустил со всех ног по дорожке. Алиса вернулась. Дороти достала из ящика стола коробку шоколадных конфет.

— Возьми, девочка, — сказала она. — И своего друга тоже угости.

Алиса поблагодарила и взяла конфеты. Она не любила шоколадных конфет, но не хотела огорчать добрую Дороти. Ведь конфеты привозили сюда из Австралии или из Индии специально для Дороти, которая их обожала.

Когда Алиса вышла из домика лаборатории, Пашка уже добежал до пирса.

— Пашка! — крикнула она. — Разве ты не пойдешь посмотреть на карту?

Но Пашка только отмахнулся.

Алиса пошла за ним. «Романтика тебя погубит», — подумала она.

Когда Алиса поднялась на пирс, Пашка уже влез в батискат. Он положил на пульт записку из бутылки, а рядом с ней открытую книгу о путешествии фрегата «Рочестер».

— Ты чего убежал? — спросила Алиса, спрыгивая в батискат и кладя перед Пашкой две шоколадные конфеты.

— Смотри, — сказал Пашка таким голосом, словно он только что достиг в одиночку

Северного полюса.

Указательным пальцем правой руки он прижимал строчку в книге, указательным пальцем левой — записку, найденную в бутылке.

— Ты ничего не видишь?

— А что я должна увидеть?

— Тебе никогда не быть великим исследователем, — сказал Пашка. — Это же одинаковые координаты! До секунды!

Алиса сначала не поверила ему. Совпадение было слишком невероятным. Но через минуту она должна была признать, что Пашка прав.

— Ничего не понимаю, — сказала она. — Так не бывает.

— Так не бывает в обычной жизни, — сказал Пашка, — но, когда я берусь за дело, бывает и не такое.

— Во-первых, бутылку нашла я, — сказала Алиса.

— Ну и что? Если бы я не прочел книгу, эту записку ты бы выбросила.

Пашка кинул в рот одну за другой две шоколадные конфеты.

Потом спросил:

— Ты знаешь, что мы будем делать?

Алиса немного подумала и ответила:

— Наверное, мы завтра с утра поплывем в эту точку.

— Почему завтра с утра? Сегодня! Сейчас! Немедленно!

Глава 2. В подводном ущелье

Сразу уйти в море не удалось.

Путешествие займет весь день. Два часа туда, два часа обратно, и неизвестно, сколько уйдет на погружение.

Надо загрузить в батискаф еду и пресную воду, проверить батареи и очиститель воздуха: погружение в море — не развлечение для детей. Пока Пашка с помощью робота проверял системы батискафа, а потом раздобывал на складе скафандры для глубоководных работ, Алиса побывала в информатории, чтобы найти подробную карту морского дна того района, где они собирались искать болид, морского змея и разгадку тайны записки.

Судя по карте, глубины в тех местах были невелики — не больше пятисот метров. Правда, там проходила узкая расщелина. Больше ничего интересного — ни подводного вулкана, ни загадочной впадины...

Потом Алиса вызвала бюро прогнозов по Океании и получила прогноз погоды на сутки. Прогноз был хорошим.

Теперь — к Дороти.

— Дороти, миленькая, — сказала Алиса сладким голосом, заглядывая в лабораторию через окно.

Дороти откинула со лба прядь тяжелых черных волос.

— Что тебе, девочка?

— Мы пошли в море. Возвращение вечером.

— Не простудитесь, — сказала Дороти.

И снова склонилась над микроскопом.

Вся операция заняла полминуты. Если бы Алиса принялась просить разрешения или

стала бы объяснять Дороти, что они с Пашкой хотят совершить погружение в таинственной точке, разумеется, Дороти бы никогда их непустила и велела бы ждать возвращения профессора Сингха. Алиса же никогда не обманывала. Она сказала чистую правду. Но сказала точно так, как говорят экипажи батискатов, уходящие в океан на работу. Она не просила, а сообщила. Поставила в известность. А Дороти «приняла к сведению». Ей и в голову не пришло, что московские практиканты замышляют авантюру.

Через пятнадцать минут батискат отвалил от причала и осторожно направился по каналу к выходу в стене рифов. Ветер совсем стих, и вода в лагуне была гладкой как зеркало. Маяки на выходе из канала перемигнулись, фиксируя выход батиската, и Пашка, который вел кораблик, послал им сигнал: батискат номер семнадцать, экипаж два человека, выходит на ходовые испытания. Курс норд-ост-ост.

За рифами покачивало. Океан еще не успокоился после ночного шторма, его грудь мерно поднималась в сонном дыхании. Легкий батискат медленно и долго взбирался на вершину покатой волны, потом скользил вниз. Покачаться на волнах, конечно, приятно, но, когда у тебя дело, приходится отказать себе в удовольствии.

Пашка перевел батискат на полуполет. Два широких плавника выскочили из днища батиската, и он пошел дальше большими пологими прыжками, срезая вершины волн. Алиса откинула колпак, и теплый, упругий ветер приятно бил в лицо.

— У тебя есть версия, откуда взялась записка? — спросила Алиса.

Она понимала, что Пашка ни на секунду не поверил Дороти, будто записка в бутылке — шутка гидрологов.

Пашка ответил не сразу. Он поднял батискат чуть выше, чтобы не врезаться в большую волну, катившую навстречу.

— Я чувствую, — сказал он наконец, — что мы с тобой стоим на пороге великого приключения, может, самого большого в жизни. Но что это за приключение, я не знаю. Фантазии не хватает. Что нам с тобой известно? Точка в океане. Нам сообщили о ней капитан фрегата «Рочестер» и неизвестный, который кинул бутылку.

— Может, это случайность?

— Таких случайностей не бывает, — возразил Пашка.

— погоди! — воскликнула Алиса. — У меня идея. А вдруг кто-то на острове уже читал эту книгу? Допустим, в прошлом году?

— Как читал?

— Пришел в библиотеку, увидел на полке старый том и прочел его. Потом подумал: дай-ка я возьму старую бутылку, напишу на записке координаты из книги и брошу ее у берега.

— Ну какой дурак мог это сделать?

— Ричи Гомера, сын Дороти. Он очень веселый.

— Нет! — закричал Пашка. — Так быть не может! Ты отнимаешь у меня тайну! Мне надоела твоя трезвость, Алиса Селезнева! Я тебя в последний раз предупреждаю: если ты не станешь наконец романтиком, наши пути разойдутся.

— Не кричи, Пашка, — сказала Алиса. — Дай-ка мне эту записку.

Алиса еще раз поглядела на записку.

— Почерк взрослый, — сказала она. — Но если человек намерен сообщить что-то важное, зачем ему писать только координаты?

На этот вопрос Пашка отвечать не захотел. Они неслись по волнам больше часа, а потом Пашка снизил скорость, и батискат поплыл, покачиваясь, взбираясь на океанские

валы и легко скользят с них. Над волнами носились летучие рыбки. Одна из них залетела в батискат, Алиса поймала ее на пульте и выбросила обратно в воду. Потом Алиса открыла термос с чаем и достала бутерброды. Они позавтракали.

В тот момент, когда Алиса поднесла ко рту последний кусок бутерброда, раздался звонок — пульт сигнализировал, что батискат вышел в расчетную точку.

Океан вокруг был точно таким же, как и полчаса назад, — пустынным, мирным и могучим. Высоко пролетел альбатрос, летучие рыбки блестками отсвечивали под солнцем.

— Ну что? — спросил Пашка. — Начнем погружение?

Алиса заdraила прозрачный колпак. Пашка начал осторожно выпускать воздух из цистерн. Заборная вода поступала в них, и батискат постепенно становился все тяжелее. Он погружался. Зеленая волна хлестнула по колпаку, в последний раз сверкнул луч солнца, скользнул по приборам, и сразу стало темнее.

Сколько раз уже Алиса опускалась в глубины океана, но всегда у нее сжималось сердце от сладкого предчувствия. Только что батискат был для океана чужим — он лишь касался воды дном. Но стоило ему уйти вглубь, как он превратился в одного из обитателей бездны, словно стал громадной рыбой или китом. И океан, такой пустой и почти безжизненный на поверхности, внутри оказывался населенным всякой живностью, которой и дела не было до батиската и тех человечков, что в нем сидели.

Сначала вода вокруг была светлой, зеленой, лучи солнца пронизывали ее. Небольшая акула скользнула рядом с батискатом, равнодушно глянув на него. Можно было различить полосы на ее боках и даже блеск маленького злобного глаза. Потом совсем рядом — только протяни руку — проплыла большая медуза, чуть шевеля длинными, почти прозрачными щупальцами. Стайка рыб слаженно совершила поворот, словно это были не рыбы, а корабли, и пошла в глубину, обгоняя батискат.

Постепенно темнота за бортом сгущалась. Пашка не спешил с погружением — он проверял приборы. Потом выпустил оба манипулятора, и длинные членистые руки высунулись по бокам батиската, раскрыли и снова сжали металлические пальцы, страшно испугав акулу. Все системы батиската работали отлично.

Алиса взглянула на приборы. Температура воды понемногу падала — лучи солнца уже не прогревали ее. Вокруг царил вечерняя синь, и рыбы, проплывавшие рядом, казались черными тенями.

Пашка включил прожектора. Большой скат, попавший в луч, взмахнул крыльями и рванулся в сторону.

Батискат опускался по спирали.

Сто метров...

Сто двадцать метров...

Сто пятьдесят метров...

За бортом полная темнота. И рыбы, что встречаются там, сами имеют фонарики и огоньки. Они никогда не поднимаются к поверхности и привыкли жить под большим давлением.

Двести метров...

Двести тридцать метров...

Алиса включила отопление, в батискате стало холодно.

Триста метров...

Четыреста сорок...

— Вижу дно, — сказал Пашка.

Он направил луч прожектора вниз.

Дно было гладким, кое-где по нему были разбросаны крупные камни. В одном месте прожектор высветил бледную морскую звезду.

И больше ничего.

— Странно, — сказал Пашка.

— А ты думал, что здесь тебя ждут?

— Ничего я не думал. Давай искать. Может, потребуется осмотреть несколько километров дна.

Пашка набрал на пульте задание для батиската: разработать оптимальный маршрут, чтобы обследовать квадрат за квадратом весь участок дна. Человеческие глаза — далеко не лучший инструмент. Приборы скорее найдут то, что таится под слоем ила.

Подумав несколько секунд, батискат двинулся вперед. Он шел зигзагами, сам избирая маршрут. На дисплее этот маршрут накладывался на карту дна.

Так прошло минут двадцать. Ничего особенного за это время не случилось. Под батискатом тянулось серое почти ровное дно. Порой появлялись его обитатели: то проползет краб, то проплывет светящаяся большая креветка с глазами на длинных стебельках, то скользнет рыба, по боку которой тянется цепочка огоньков, отчего она становится похожей на пассажирский самолет.

— Гляди! — Пашка нажал на кнопку.

Батискат дернулся и замер. Под ним в слое глубоководного ила протянулась широкая волнистая полоса, будто там проползла огромная змея.

Пашка сразу же перевел батискат на ручное управление и направил его по следу.

— Наверное, это морской змей, — сказал Пашка. — Кто еще мог оставить такой след?

Они проплыли по следу метров триста. И тут он внезапно оборвался.

— Еще одна загадка, — вздохнул Пашка.

— Похоже, — сказала Алиса, — что змей опустился на дно, прополз по нему, а потом снова поплыл.

— Допускаю, — согласился Пашка. Он не очень любил, когда кто-нибудь разгадывал загадку скорее его.

Алисе и Пашке казалось, что они уже весь день плывут в этой непроницаемой тьме, над ровным и скучным дном, где ничего интересного и быть не может. Металлоискатели батиската упрямо молчали, локаторы не показывали никаких крупных предметов. Тихо, монотонно, скучно. И с каждой минутой настроение портилось и все больше хотелось наверх, к солнцу, к зайчикам, играющим на волнах, к свежему ветру.

— Ничего здесь нет, — вдруг сказал Пашка.

— Предлагаешь подняться?

— Даже не знаю.

— Давай заглянем в расщелину, — предложила Алиса.

Она показала на почти прямую линию, что темнела на дисплее.

— Как хочешь, — ответил Пашка скучным голосом.

Он помолчал немного, потом добавил:

— Может, в самом деле гидрологи пошутили.

Трещина появилась под батискатом совсем неожиданно.

На карте она казалась узкой, но в действительности была шириной больше пятидесяти

метров, и луч прожектора с трудом достигал ее дальнего края.

Стены расщелины почти вертикально уходили вниз. Приборы сообщили, что до дна двести метров.

Батискат завис над серединой расщелины и медленно начал опускаться.

— Смотри, температура воды здесь выше, — сказала Алиса.

— Всего на градус.

Лучи прожекторов отражались от базальтовых стен. Пронеслась, будто испуганная чем-то, стая крупных рыб, светя огоньками на концах усов.

Понемногу расщелина сужалась. Минут через двадцать батискат достиг дна. Здесь между стенами было не больше двадцати метров. Дно покрывал густой слой ила.

— Смотри, — сказал Пашка, — какая странная стена.

Стену пересекали тонкие полоски, словно их провели по линейке.

— Только не говори, что это следы неизвестной подводной цивилизации, — сказала Алиса.

— А это что? — Пашка направил луч прожектора на дно ущелья.

Там угадывалась гладкая каменная плита.

— Люк в подводное подземелье, где лежат сокровища, — улыбнулась Алиса.

— Не смейся, — сказал Пашка. — Мы обязаны это обследовать.

— погоди, — сказала Алиса. — Давай проплывем еще дальше по трещине. Если ничего больше не увидим, тогда вернемся и поглядим на твой люк.

Плита, полоски... может, это ничего не значило, но Алиса почувствовала, как сердце забилось быстрее. А вдруг?..

Несколько громадных глыб, видно, сорвались в свое время сверху и перегородили ущелье. Из щели между глыбами вырвался пузырек газа и помчался вверх. За ним второй...

— Видишь? — воскликнул Пашка. — Выход газов.

Цепочка пузырьков вырвалась из-под скалы и потянулась кверху.

Батискат завис над тем местом, откуда вырывались пузыри.

— Может быть, здесь вулканическая активность? — спросила Алиса.

— Ты же сама проверяла — район сейсмически нейтральный, вулканической деятельности нет.

— Значит, здесь идет какой-то процесс с выделением метана или какого-нибудь другого газа. Это бывает, — сказала Алиса.

— Сейчас проверим, что за газ, — сказал Пашка.

Он дал команду манипулятору. Длинная рука выдвинулась из корпуса батиската. Два металлических пальца осторожно держали опрокинутую пробирку. Когда новая цепочка пузырьков вырвалась снизу, манипулятор ловко накрыл пробиркой один из них и быстро спрятался в корпус.

Алиса набрала запрос, и через минуту на дисплее появились цифры: состав газа.

— Кислород — 21 процент, — прочел Пашка, — углекислота — 1/10 процента, азот — 78 процентов — это же воздух!

— Почти такой, как наверху, — согласилась Алиса.

— И что это означает?

— Это означает, что там, внизу, — сказала Алиса, — есть полость, наполненная воздухом.

— Это невероятно! — заявил Пашка. — Я немедленно иду наружу.

— Зачем? — спросила Алиса. — Пускай манипулятор разберет завал и отыщет место утечки. Он это сделает куда лучше тебя.

— Лучше? — возмутился Пашка. — Ты больна болезнью двадцать первого века!

— Какой болезнью?

— Ты уверена, что машины все делают лучше, чем человек.

— Нет у меня такой болезни, — ответила Алиса. — Но машины для того и изобретены, чтобы делать некоторые вещи лучше человека. Быстрее и точнее.

— Но принимать решения все равно будет человек, — ответил Пашка. — В конце концов мне надоело сидеть в этой банке. Я тысячу лет не гулял по дну моря.

— Но здесь глубина почти полкилометра.

— Скафандр рассчитан на большее, ты же знаешь, — ответил Пашка. — А если тебе хочется посидеть в батискате, сиди. Отдохни, пока я буду заниматься исследованиями загадочного явления.

Пашка — великий провокатор. Об этом все в школе знают. Он может любого, даже самого спокойного человека вывести из себя, и тот, того не замечая, уже несется совершать необдуманные поступки и делать великие глупости, потому что Пашка его к этому подтолкнул. Неудивительно, что Алиса поднялась с места и сказала:

— Я пойду с тобой.

— Это неразумно, — сразу сменил политику Пашка. — Кто-то должен остаться на корабле. Мало ли какая опасность может нам угрожать?

— Какая? В этих скафандрах нам ничего не страшно.

Пашка провел батискат немного вперед, отыскал ровную площадку на дне расщелины и опустил его туда. Облаком поднялся серый ил и долго не оседал. Даже когда акванавты натянули глубоководные скафандры и выбрались через двойной люк наружу, дно было покрыто туманом. Идти было трудно. Тяжелый столб воды сковывал движения. Впереди, словно толпа чудовищ, нависли каменные скалы.

— Как ты думаешь, — раздался в шлеме Алисы голос Пашки, — а вдруг это осколки того болида, который видел капитан «Рочестера»?

Алиса не ответила, но подумала, что надо будет захватить с собой образцы этих скал. Если это болид, то состав у него будет иной, чем у породы на дне.

Снизу, со дна, скалы казались выше. Темнота сгустилась, светили только шлемовые фонари скафандров, выхватывая из тьмы острые края скал.

— Где же эти пузыри? — услышала Алиса голос Пашки. — Куда они подевались?

Пашка протиснулся в узкий проход между скал.

— Вижу! — воскликнул он.

Его фигурка в блестящем скафандре исчезла. Алиса последовала за ним.

Но оказалось, что Пашка ошибся, это лишь маленькая глубоководная медуза сверкнула в луче фонаря.

— Ну где же, где же эти пузыри? — бормотал Пашка.

— Может, они кончились? — спросила Алиса.

Они остановились, стараясь сообразить, куда идти дальше.

Алиса взобралась на большой округлый камень, чтобы оглядеться. Перед ней торчали головы и спины скал, виднелись черные провалы между ними, а дальше — темнота.

Вдруг Алиса замерла. По ущелью медленно двигался огонек. Сначала Алисе показалось, что это какая-то глубоководная рыба с собственным фонарем, но огонек был

куда ярче, чем положено иметь животному. К тому же он двигался, покачиваясь в такт шагам.

Алиса сказала:

— Паша, мы не одни.

Она сказала это так тихо, почти шепотом, что Пашка не сразу понял. Было страшно, что тот, кто идет, их услышит. Хотя этот страх был глупым — ведь Пашка с Алисой переговаривались по радио.

— Что ты говоришь? — спросил Пашка, который где-то у ног Алисы пробирался по узкому проходу между скал.

— Тихо!

Пашка замер. По тону Алисы он сообразил, что произошло что-то особенное.

— Что там? — прошептал он.

— Он идет, — сказала Алиса. — Я его вижу.

— Кто?

— Не знаю.

— Тогда выключи фонарь, — приказал Пашка. — Я влезу к тебе!

Алиса послушно выключила фонарь. На нее сразу навалилась темнота. И лишь далеко впереди покачивался, медленно приближаясь, огонек.

К тому времени, когда Пашка оказался рядом с Алисой, огонек приблизился настолько, что стало ясно — это фонарь, укрепленный на шлеме человека.

— Кто это? — спросил Пашка.

Алиса не ответила. Она отодвинулась немного назад, чтобы спрятаться за выступом скалы.

— Может быть, нас ищут со станции? — спросил Пашка.

— Они бы слышали, как мы переговариваемся.

— А может, это другая экспедиция? Мало ли кто опускается на дно? Геологи, вулканологи, зоологи.

Неизвестный остановился метрах в двадцати от Пашки с Алисой и начал крутить головой, светя вокруг.

Он что-то искал.

Вдруг в свете его фонаря засверкали пузырьки воздуха. Неизвестный увидел их и подошел к тому месту, откуда они поднимались. Он опустил на корточки и начал разгребать ил. Облако ила просвечивало изнутри.

Алиса переключила шлемофон на внешний прием, и стали слышны звуки океана. Человек ударял чем-то по металлу, потом раздался удар погромче, и вдруг снизу вырвался фонтан пузырей.

Удары по металлу возобновились.

— Ты понимаешь? — прошептал Пашка, наклоняясь к шлему Алисы.

— Понимаю. И очень удивляюсь.

Любой бы удивился, увидев на дне неизвестного человека, который занимается ремонтом.

Не надо было быть гением, чтобы сообразить: здесь, под ущельем, расположена какая-то полость, наполненная воздухом. И в этой полости находятся люди.

Если бы это была научная база или лаборатория, Алиса с Пашкой узнали бы о ней еще на острове Яп, когда собирали материалы. Значит, здесь секретная база.

А это чепуха. К концу двадцать первого века на Земле уже не было не только тайных или секретных баз, но даже армий, бомб и пушек. Мысль о том, что можно убивать друг друга, чтобы отнять землю и города или навязать другим свой образ жизни, была людям двадцать первого века отвратительна. Самое главное правило: человек должен жить так, как он хочет, дружить с кем хочет, ходить и ездить куда хочет. Человек должен быть свободен. При одном условии: его свобода не должна наносить вреда другим людям. Вот этому научиться оказалось труднее всего. Но когда люди этому научились, оказалось, что число счастливых людей увеличилось в тысячу раз.

Конечно, не все люди через сто лет будут счастливыми. Такого не бывает. Останутся и обиды, и неразделенная любовь, и ссоры, и даже такие чувства, как зависть, ненависть и злоба. Не могут же все быть добрыми. Но если общество, в котором ты живешь, действует по правилам добра, то твоя злоба останется твоим личным делом. Твоя глупость — это твоя беда, твоя зависть — это твоя тревога. Мы станем терпимыми, и обязательным для всех будет чувство юмора. Улыбнитесь, будут говорить через сто лет врачи. Улыбнитесь, и вам станет легче. Такое лекарство поможет лучше любого аспирина.

— Надо его выследить, — сказал Пашка.

— Нет, — сказала Алиса. — Мы поднимемся наверх и сообщим о встрече на ферме. Пускай решают взрослые.

— Сингха нет. Дороти нам не поверит.

— Мы позвоним в Сидней.

— Постой, — возразил Пашка, — мы еще ничего не знаем. А вдруг это кладоискатель? Такой же, как я. Он тоже выловил бутылку и нашел подводную пещеру. А в ней сокровища атлантов.

Тем временем загадочный человек кончил трудиться, закрыл сумку, что висела на боку его скафандра, и, постояв немного, чтобы проверить, не поднимаются ли пузырьки, побрел прочь.

— За ним! — прошептал Пашка, и не успела Алиса ответить, как он уже соскользнул со скалы.

Алиса съехала вниз за ним и поняла, что не знает, куда идти. Ил поднялся со дна, застывая расплывчатое пятно удаляющегося фонаря.

Ничего не видно. Ровным счетом ничего. Только в ушах неразборчивое ворчание Пашки, который наткнулся на скалу и не может выбраться на открытое место.

Конечно, надо было включить фонари, но тогда тот человек их наверняка увидит.

— В какую сторону идти, понимаешь? — спросил Пашка.

— Дай руку.

Алиса двинулась вперед, и через два шага пальцы ее перчаток натолкнулись на гладкую грудь Пашкиного скафандра. Оказывается, Пашка шел ей навстречу.

Алиса развернула Пашку.

— Видишь? — Алиса показала на пятно света впереди.

— Вижу.

И в этот момент свет погас.

— Наверное, он куда-то свернул, — сказал Пашка. — Скорее.

— Или спустился вниз. Может быть, там у него люк.

Преодолевая сопротивление воды, они поспешили вперед по ущелью и лишь тут поняли, что свет исчез не потому, что неизвестный человек скрылся, — его перекрыло

громадное черное тело.

Алиса успела включить шлемовый фонарь — на нее надвигался сгусток тьмы, который издавал низкий, утробный, почти неслышимый звук.

Включить-то свет Алиса успела, но бежать было поздно: черная туша навалилась на нее, черная сверкающая кожа отразила свет фонаря, сверкнул яркий черный глаз... невероятная тяжесть подмяла Алису, закрутила, прижала к камням.

Алиса услышала, как вскрикнул Пашка.

К счастью, скафандр рассчитан на большое давление, его не повредить даже кашалоту. Но разве об этом думаешь, когда в полной темноте на тебя наваливается абсолютно черный слон, а может, кто-то в десять раз тяжелее слона?

Давление ослабло — чудовище проплыло или проползло дальше.

Алиса хотела было подняться, но сделать это было трудно, потому что удар, поваливший ее, был таким сильным и неожиданным, что у нее перехватило дыхание...

Она повернула голову, стараясь нащупать лучом фонаря Пашку, и увидела, что он неподвижно лежит в облаке ила. Но помочь Пашке Алиса не смогла: чудовище возвращалось. Его пасть, усеянная длинными острыми зубами, потянулась к Алисе.

Алиса подняла руку, защищаясь. Она со страхом подумала: неизвестно, выдержит ли скафандр удар таких острых зубов? И в тот момент, когда Алиса поняла, что спасения нет, она услышала громкий свист. При этом звуке чудовище замерло, подняло голову... Затем отступило.

И Алиса потеряла сознание.

Алисе еще не приходилось терять сознания. А тут потеряла, да еще от страха. Поэтому Алиса никогда никому в этом не признается.

Она была без сознания совсем недолго, может быть, минуту. Но за это время Пашка, который ничего не видел, потому что лежал, зарывшись шлемом в ил, смог подняться, включить фонарь и отыскать Алису. Увидев, что ее глаза закрыты, он перепугался и принялся ее звать. От звука Пашкиного голоса она очнулась. Голова кружилась.

— Ничего, — сказала она слабым голосом, — ничего страшного.

В носу свербило, но, когда на тебе скафандр, невозможно почесать переносицу... Алиса громко чихнула, и Пашку это успокоило.

Он осмелел и был полон энергии.

— Ты видела? — воскликнул он. — Это был морской змей! Понимаешь, тот самый морской змей, которого видел капитан «Рочестера»! Мы с тобой сделали великое открытие. Скорее вставай, мы должны найти его логово.

— Пашка, — Алиса села, но встать не смогла — ноги не держали, — ты, кажется, забыл, что тут был человек.

— При чем тут человек! — завопил Пашка, но тут же спохватился и замолчал. Молчал он недолго. Ровно столько, чтобы Алиса смогла подняться на ноги. — Пошли скорей! — наконец сообразил Пашка. — Разве ты не понимаешь, что теперь морской змей погнался за тем человеком. Он его догонит и сожрет!

— Нет, — сказала Алиса.

— Почему нет?

— Потому что тот человек умеет командовать морским змеем.

— А ты откуда знаешь?

— Я слышала, как он приказал змею оставить нас.

— А почему я не слышал?

— Не знаю.

— Тебе не показалось?

— Нет, я слышала свист.

— Значит, это он отправил бутылку, — заявил Пашка. — Он живет здесь в плену у морского змея... Мы должны его спасти.

— Пашенька, — сказала Алиса устало, — не сходи с ума. Лучше сначала подумай.

— Может, я и погорячился, — сказал Пашка. — Но главное — мы обязаны его найти. Если устала, возвращайся в батискат. И жди меня.

— Давай оба вернемся в батискат.

— И потеряем драгоценное время?

И Пашка пошел по ущелью вслед за морским змеем. Алисе стало ясно, что Пашку не остановить. Пришлось идти следом.

Голова у нее разболелась, ноги были как ватные. Ей казалось, что они идут уже три часа, хотя в самом деле прошло минут десять. Ущелье тянулось прямо, впереди никого не было — ни змея, ни человека.

— Паш, — сказала наконец Алиса, когда поняла, что сил больше нет, — давай вернемся.

— Сейчас.

Пашка остановился. Алиса подумала, что он согласен вернуться к батискату, но вместо этого Пашка присел на корточки и торжественно произнес:

— Попались, голубчики!

Алиса подошла поближе.

Пашка склонился над крышкой люка. Люк был круглым, каменным. Ила на нем не было — значит, его недавно открывали.

Пашка вытащил нож и постарался всунуть его в щель. Это было неразумно, но у Алисы не было сил спорить. Пашка надавил на нож, и его стальное лезвие благополучно обломилось.

В отчаянии Пашка начал стучать о крышку люка кулаком. Но камень гасил звук. С таким же успехом можно было стучать по скале.

— Я придумал, — сказал Пашка. — Мы пригоним сюда батискат и взломаем люк манипуляторами.

— погоди, — возразила Алиса. — Мы не знаем, кто там таится. И они нас в гости не звали. Тебе бы понравилось, если бы кто-нибудь у тебя взломал дверь?

— Не понравилось, — согласился Пашка. — А что ты предлагаешь?

— Вернуться наверх.

— Я вернусь на остров, и мое великое открытие сделают другие. Лучше уж я попаду в плен, а ты будешь меня спасать.

Конечно, Пашка шутил, но ясно было, что вытащить его из ущелья можно только подъемным краном.

Луч фонаря упал на небольшой камешек. Пашка со злостью пнул его ногой, камешек не шевельнулся. Пашка рассердился и еще раз ударил по нему. И вдруг камешек отъехал в сторону, а люк, как бы подчиняясь движению камешка, медленно откинулся.

— Видишь, а ты говорила, что мне не открыть, — сказал Пашка.

— Ты ногу не ушиб?

— Потерплю. Давай спустимся, поглядим — и сразу обратно. Не отказываться же от такого приключения.

И, чтобы не слышать Алисиных возражений, Пашка быстро ступил в отверстие, и через несколько секунд его голова скрылась внутри.

— Стой наверху, — услышала Алиса голос друга. — И подстраховывай меня.

Но Алиса не послушалась. Оставлять Пашку одного ей не хотелось, да и стоять одной в черном ущелье, где плавают морские змеи, не очень приятно.

Алиса заглянула в шахту, далеко внизу вода светилась от Пашкиного фонаря.

— Пашка, ты что делаешь? — спросила она.

— Опускаюсь, — сказал Пашка. И через секунду добавил: — Опустился.

Тогда Алиса последовала за ним. Вот и дно колодца... Совсем близко закругляется каменная стена...

Она посветила фонарем вверх и вдруг увидела, что крышка люка медленно закрывается.

— Пашка, смотри!

— Ничего, — ответил Пашка храбрым голосом. — Выпутаемся. Главное — идти вперед.

Идти было некуда. Они были заперты, как жуки в узкой высокой банке.

У ног в стене колодца открылось забранное решеткой отверстие, и вода, урча, хлынула туда.

— Это переходник, — сказал Пашка спокойно. — Сейчас вода уйдет, и мы выйдем.

— Куда? — спросила Алиса.

Как только вода ушла из колодца, в его стене со скрипом отворилась железная дверь. За ней было светло.

Там стоял старый человек в скафандре, но без шлема. Лицо его было бледным и усталым.

— Выходите, дети, — сказал он по-русски.

Глава 3. Пленники атлантов

Алиса с Пашкой оказались в обширном зале с низким каменным потолком.

Под потолком тянулся ряд позеленевших бронзовых светильников. Некоторые горели, некоторые погасли, и оттого часть пещеры была погружена в полумрак.

Старик подошел к стене возле двери в колодец, повернул медный рычаг, и дверь медленно, со скрипом, закрылась.

Что-то в старике удивляло. Но что?

Во-первых, скафандр. Он был непрозрачный, темно-синий, с золотым поясом и золотыми манжетами, на плечах — небольшие крылышки, тоже из золота, одно, правда, обломано. Потом Алиса разглядела и шлем старика, который лежал на широкой каменной тумбе у стены пещеры. Шлем был украшен продольным золотым гребнем, словно шлем древнегреческого воина.

А лицо старика? Странное лицо. Очень бледное, почти голубое, без морщин, с глубоко запавшими темными глазами. Длинные седые волосы были собраны в пучок на затылке. Бороды не было, но жидкие усы, свисающие от углов рта, придавали лицу грустное выражение, какое бывает у голодной собаки.

Старик сказал:

— Можно снять шлемы.

Ребята отстегнули крепления и откинули шлемы на спину.

Потом старик спросил:

— Следили?

— За кем? — Пашка сделал большие глаза.

— Следили, следили, — проворчал старик. — Ходят тут, следят, подглядывают...

— Мы сначала не следили, — сказала Алиса. — Но потом на нас напал морской змей.

— Какой морской змей? — Старик глядел на них рассеянно, будто думал о другом.

— Морской змей! — сказал Пашка. — Редчайшее животное. Мы уже сто лет его ищем.

— Змей? Эмпедоклюс, что ли? — спросил старик. — Он играл. Молодой еще.

— Он у вас прирученный? — догадался Пашка. — И откликается на имя? А мы испугались, что он на вас напал.

— Значит, вы увидели, побежали, в колодец полезли — меня спасали?

Старик поморгал и глубоко вздохнул.

Какое-то шуршание послышалось неподалеку.

Алиса обернулась — в полутьме, в дальнем конце зала, мелькнула розовая фигура.

Старик тоже обернулся. И сразу сжался, понурился.

— Пошли, — сказал он, — пошли, чего уж там! Я вас не знаю, вы меня не знаете, залезли куда не просили, теперь плохо будет.

И он, волоча ноги, побрел к низкой металлической двери. Дверь была обита золотыми полосками. Старик повернул массивную изогнутую ручку.

Пашка толкнул Алису.

— Сто против одного, — шепнул он, — это самая настоящая Атлантида!

Старик отворил дверь, и они увидели уходящий наклонно вниз узкий коридор. Видно, старик слышал слова Пашки, потому что, не оборачиваясь, проворчал:

— Атлантида! Мы уж забыли, а они ищут. Была Атлантида, да потонула...

Под потолком тянулась цепочка светильников. Теперь Алиса смогла их разглядеть.

Каждый светильник представлял собой разинутую пасть змеи, в которую, подобно белому яйцу, была вставлена лампа. Лампы были электрическими, некоторые разбиты или перегорели. Стены коридора выложены камнем, но тщательно обтесанным.

Вдруг Пашка, который шел спереди, ахнул и отшатнулся.

Он больно ударил Алису откинутым на спину шлемом.

— Ты что? — спросила Алиса и тут же увидела, что его испугало.

В неглубокой нише стояла позолоченная человеческая фигура с шестью руками. Страшные тонкие губы были растянуты в улыбке, на шее висело ожерелье из белых черепов.

— Не бойтесь, дети, — раздался голос старика. — Это бог невредный. Только пугает.

— Ну и боги у вас, — проворчал Пашка, который не любил, чтобы кто-то замечал его слабости.

Старик не ответил.

Коридор расширился. Вдоль стен потянулись длинные низкие скамьи со спинками в виде переплетенных змей. Скамьи были каменными, змеи — бронзовыми.

«Что же меня так настораживает?» — думала Алиса.

И поняла: пустота и тишина.

Они шли уже несколько минут, но никого не встретили, ни с кем старик не разговаривал, словно он один жил в этом подводном царстве. Как капитан Немо в «Наутилусе».

Старик открыл еще одну дверь и сказал:

— Здесь будете сидеть. Ждите, пока Госпожа скажет, что с вами делать.

— Какая госпожа? — спросила Алиса.

— Мы люди маленькие, — ответил старик, глядя куда-то мимо Алисы в стену. — Ходим, чиним. Все течет, все капает, все прохудилось. Все кричат: «Где Гермес? Почему капает?» А я вам скажу, — старик перешел на громкий шепот, — потому капает, что сверху вода.

С этими словами старик вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Алиса обернулась и поняла, что изнутри в двери нет ручки.

— Подождите! — крикнула она, бросаясь к двери.

Алиса несколько раз ударила кулаком в дверь.

— Не суетись, Алиса, — сказал Пашка. — Ты мешаешь мне думать.

Алиса обернулась.

Ее друг стоял у длинного низкого стола и разглядывал предметы, лежавшие на нем. Там было множество вещей, сваленных без всякой системы. Банки из-под пива, кучка ржавых гвоздей, карманные старинные часы, обросшие кораллами, кусок доски с надписью «SANTA MARIA», человеческий череп, сабля с обломанным клином, почти целая фарфоровая тарелка, мятая канистра, медный чайник с отломанным носиком, скелет рыбы...

Пашка извлек из-под расколотого блюда несколько потемневших серебряных монет.

— Талеры, — сказал он. — Им лет пятьсот.

Он стал разглядывать, что написано на талере.

— Как ты думаешь, — спросила Алиса, — куда мы попали? Может, это в самом деле... подводные археологи?

— Археологи? — Пашка фыркнул. Алисины слова рассмешили его. — И сколько же лет они вырубали в базальте свою базу, забыв сообщить об этом в видеогазеты? Неужели тебе все еще не понятно?

— Сейчас ты опять скажешь: Атлантида!

— Этот старик — последний атлант. А пещеры — осколки некогда великой и могучей империи.

— Но ведь Атлантида была в Атлантическом океане, а это Тихий.

— Удивительный народ — скептики, — ответил снисходительно Пашка. — Ты что, веришь старику Платону, который записал туманные слова египетских жрецов? А откуда знали про Атлантиду египетские жрецы? От моряков. А куда плавали египетские моряки? В Индию и Китай. Ну и, конечно, в настоящую Атлантиду, которая была расположена на островах.

— А как ты объяснишь, что он разговаривал с нами по-русски?

— Зачем объяснять? — нашелся Пашка. — Скажи, на каком языке разговаривали между собой атланты?

— Не знаю, — растерялась Алиса.

— А я вот читал в старом журнале, что русский язык в античном мире был очень распространен. Кто были этруски?

— Они жили в Италии еще до римлян.

— Вот именно. Этруски — это таинственный народ, язык которого до конца так и не удалось разгадать, даже с помощью самых современных компьютеров. Но кое-что известно. Этруски приплыли в Италию из-за моря в древние времена и построили там много городов, даже Рим. Но потом римляне их победили. И этруски куда-то делись. Один очень образованный человек, кандидат химических наук, еще сто лет назад написал статью, что этруски — это предки русских. Слышишь: эт-русски! И говорили они по-русски. Разве исключено, что они спаслись из Атлантиды, когда она утонула? И тогда все становится на свои места: атланты — это этруски, этруски — это русские, и мы с тобой по-своему атланты.

— Трудно поверить, — сказала Алиса.

— К сожалению, даже сто лет назад тому открывателю никто не поверил. И знаешь почему?

— Почему?

— Из зависти. Каждому хочется сделать великое открытие. А если не удалось, он начинает завидовать тому, кто сделал.

— Мне трудно с тобой согласиться, Пашка, — сказала Алиса. — Даже если это атланты да к тому же этруски, неужели они столько тысяч лет говорят на современном русском языке? А мне даже стихи Ломоносова трудно читать — так язык изменился.

— Ничего удивительного, — упорствовал Пашка. — Они следили за событиями. Выныривали и подслушивали.

Алиса поняла, что Пашку не переспоришь. Она отстегнула шлем и положила его на круглый табурет. Сиденье табурета было выточено из черного дерева, а ножки — из розового коралла.

Пашка с увлечением разбирал старые монеты. Но Алисе было тревожно. Зачем надо было их запирать? Куда исчез этот старик? Странный атлант — говорит по-русски, живет под водой, дрессирует морского змея... Алиса стояла возле стола с трофеями и разглядывала вещи, надеясь отыскать какой-нибудь ключик к этой тайне. И вдруг она увидела бутылку. Пузатую зеленую бутылку.

— Пашка! — сказала она. — Что ты на это скажешь? — Она подняла бутылку и

показала ему.

— Точно! — воскликнул Пашка. — Как бы сказал Шерлок Холмс: это последняя точка в цепочке тайн. Преступник найден! Этот старик вызывал нас на помощь! Это он кинул бутылку с запиской. Все ясно!

— Ничего не ясно, — сказала Алиса. — Если кинул, почему не обрадовался, когда мы пришли?

— А что, если кинул не он? — Глаза Пашки загорелись. — А что, если здесь есть тюрьма? И он держит в ней тех, кто потонул после кораблекрушения? Алиса, слушай, когда он придет, о записке ни слова! Мы объединимся с его жертвами и поднимем восстание.

Алиса только вздохнула. Пашка — хороший человек, умеет так увлечься собственной идеей, что начинает верить: это не глупая идея, а единственная и окончательная правда.

Она почувствовала, что устала. Ведь с раннего утра на ногах, подумать только, сколько всего вместилось в этот день — от находки бутылки до подводного плена. А день еще только перевалил за половину.

Пашка закончил изучение монет и занялся детективной работой. Алиса сидела устало на скамейке и смотрела, как он тщательно простукивает стены и пол.

— Камень, — говорил он деловито и делал шаг дальше. — Камень, — повторял он.

Алисе было холодно. И душно. Такое неприятное сочетание — извечный каменный холод и духота. Снять скафандр? Станет еще холоднее. «Глупая, — сказала она сама себе, — ведь в скафандре должно быть отопление!» Алиса отыскала кнопку обогрева.

— Перегородка! — торжественно объявил Пашка. — Я же говорил!

В той стороне комнаты, где он выстукивал стену, было полутемно. Поэтому Алиса и не заметила небольшую дверь, покрашенную под камень.

Внезапно дверь медленно отворилась.

Пашка от неожиданности отпрыгнул.

В дверях стояла странная фигура. Это была очень толстая, невысокого роста женщина с длинными, до пояса, черными спутанными волосами.

На голове у нее сверкал золотой обруч, в который спереди был вставлен большой красный камень. Женщина была одета в зеленое, до земли, платье, расшитое золотыми рыбками и змеями. На груди в несколько рядов висели ожерелья из драгоценных камней и маленьких раковин.

Алиса не сразу разглядела ее лицо, потому что оно было скрыто волосами. На нее в упор глядели маленькие черные пронзительные глаза, близко посаженные к крючковатому острому носу. Губы были тонкие, голубые.

— Это вас Гермес поймал? — спросила женщина пронзительным голосом.

«Ага, — подумала Алиса, — значит, старик здесь не один. Атлантида населена. И все знают русский язык».

— Здравствуйте, — сказал Пашка. — Скажите, почему нас заперли?

— Потому что к нам нельзя! Это нарушение закона.

— Нам ваши законы неизвестны, — сказал Пашка. — А по нашим — людей запирать нельзя.

— А разве мы вас звали?

— Звали, — сказал Пашка.

— Я не звала. Значит, никто не звал.

— А кто вы такая, что за всех отвечаете?

— Я — наследница Афродита. Скоро Госпожа Гера умрет, и я буду править Атлантидой. Я вам нравлюсь?

— Не очень, — честно признался Пашка.

— Тогда вас придется казнить. Я здесь единственный ребенок. Больше нам детей не нужно. Тем более таких грубых.

— Я с вами не согласна, — сказала Алиса. — Я думаю, что нас лучше отпустить, и вы останетесь одна.

Наследница Афродита задумалась. Она грызла ноготь и сопела.

Наконец она додумалась.

— Нет, — сказала она. — Если вы обещаете, что не будете драться со мной за трон, я вас оставлю здесь. Мне совсем не с кем играть. А у меня есть тысячи кукол. Мне папа дарит.

— Я не играю в куклы, — сказала Алиса.

— Значит, ты хочешь отнять мой трон?

И тут наследница уселась на пол и начала громко рыдать.

В дверь вбежал лысый толстяк в красной тоге. В руке у него был кинжал с хищно загнутым лезвием.

— Убийцы! — закричал он. — Не смейте обижать ребенка!

Он погрозил Пашке кинжалом, но тут же забыл о нем, кинулся к наследнице, присел рядом с ней на каменную скамью и принялся ее утешать.

Алиса не поняла, что он говорит, но по тому, как лысый толстяк гладил длинные спутанные волосы наследницы, было ясно, что он ее очень любит и расстраивается из-за ее несчастий.

Афродита, всхлипывая, опустила голову на грудь толстяку.

Пашка с Алисой молча смотрели на эту сцену, не решаясь что-нибудь сказать.

Через несколько минут наследница стала всхлипывать все тише и тише, а потом вдруг захрапела. Да так громко, что Пашка не выдержал и прыснул от смеха.

Толстяк зашипел на него как змея. Пашка осекся. Толстяк поднатужился, подхватил наследницу под коленки, обнял другой рукой за плечи, поднял и, покачиваясь от натуги, унес из комнаты.

— Пашка, — сказала Алиса уверенно, — мне тут не нравится.

— А мне, — ответил упрямо Пашка, — даже очень нравится. Таких приключений у меня давно не было.

— Боюсь, — сказала Алиса, — что они только начинаются.

В этот момент большая дверь медленно отворилась, и вошел старик, который взял их в плен.

— Скучали? — спросил он.

Старик говорил ровным голосом, будто ему все равно, скучали они или нет, хотят сидеть в каменном мешке или не хотят. Надо говорить — он говорит. А может и не говорить.

— Мы не скучали! — ответил Пашка. — У нас были гости.

— Кто? — спросил старик.

Его голова медленно поворачивалась, будто ему легче было поворачивать всю голову, чем двигать глазами. Наконец он заметил открытую дверь в глубине комнаты.

— А я забыл, — сказал он, — что тут есть вторая дверь. Госпожа Гера будет сердиться. Как же ты, Гермес, скажет она, забыл, что там есть вторая дверь? Вот мне и конец придет.

Вы ведь сбежать могли.

Алиса и Пашка заметили, что старик переоделся в длинную, до земли, темно-зеленую тогу. На ней была вышита серебряная змея, которая несколько раз обвивала старика, а ее разинутая пасть оказалась у него под подбородком. Казалось, еще секунда — и змея цапнет Гермеса за нос. Рукав тоги был разорван и кое-как сшит серыми нитками.

Старик пересек комнату, заглянул в маленькую дверь. Там было тихо.

— Эй! — крикнул он в темноту. — На совет, на совет! Госпожа сердится.

— Жалко, что у нас нет оружия, — сказал Пашка. — Не представляю себе, как буду тебя защищать.

Старик обернулся к ним и долго смотрел, словно не узнавал.

— Вы что здесь делаете? — спросил он наконец. — Здесь чужим нельзя.

— Мы сразу уйдем, — сказала Алиса. — Только покажите нам дорогу.

— А! — вспомнил старик. — Вы за Эмпедоклюсом гонялись. Теперь вас судить будем. Наверное, засудим, правда?

— Учтите, — строго сказал Пашка, — нас будут искать. И когда найдут, преступников настигнет заслуженная кара.

Алиса поняла, что Пашка вспомнил какой-то приключенческий роман.

— Настигнет — постигнет, — ответил старик. — А сверху все течет. Скоро протечет совсем, вот нам и крышка. Пошли, что ли?

Глава 4. Смерть пришельцам!

Старик вел их по скудно освещенным лестницам и коридорам. Алиса старалась запомнить все повороты, но это было невозможно: под океаном обнаружился целый подземный город... И тут Алиса ахнула от удивления.

За небольшой дверью открылся зал, второго такого на Земле не отыскать. «Наверное, — подумала Алиса, — рабы атлантов трудились сотни лет, чтобы его создать».

Зал был слабо освещен, и поэтому сначала казалось, что ты вошел в бесконечный лес. Прямыми рядами стояли колонны стволов, каждая больше метра в диаметре, вершины их исчезали в полутьме, и представлялось, что там, наверху, клубится густая листва.

Когда глаза привыкли к полутьме, стало понятно, что это не деревья, а каменные столбы. Каменотесы тщательно вырезали каждую полоску коры, каждый сучок. Потолок в самом деле состоял из ветвей и листьев, но и они были вырезаны из камня. Этих гигантских каменных деревьев было столько, что границы зала скрывались в бесконечности. Когда-то деревья были раскрашены. Кора их была коричневой и золотой, листья зелеными. Но краска сохранилась лишь в отдельных местах, а там, где она облезла, был виден серый камень.

Пол в этом зале был гладким, сложенным из зеленых керамических плиток. На плитках были нарисованы цветы и бабочки, жуки и пчелы... Да так тонко, что страшно было на них наступить.

Алиса с Пашкой замерли на пороге зала. Старик же прошел вперед. Через несколько шагов, сообразив, что шаги пленников не слышны, он обернулся.

— Вы чего оробели? — спросил он. — Леса не видели?

— Кто это сделал? — спросил Пашка.

— Атланты, — ответил старик. — Старались, убивались, а зачем? Сик транзит gloria мундис, что означает: «Так проходит земная слава».

Каждый шаг гулко раздавался в каменном лесу, и от этих звуков лес казался еще необозримее.

Зал заканчивался аркой, которая опиралась на колонны из белого коралла, обвитые зелеными нефритовыми змеями.

При приближении людей двери в арке медленно раскрылись, и Алисе почудилось, что сейчас она увидит стражей в латах с кривыми мечами, как в сказках Шахерезады. Но стражей не было: за дверями оказался еще один зал. В нем стояло множество скульптур. Некоторые из них были знакомы по учебнику античной истории.

Пашка задержался, любуясь мраморной статуей воина, поднявшего меч. Мрамор был белым, теплым, почти живым.

Следующая дверь оказалась пастью злобной драконьей рожи. Словно громадный красный язык, эту пасть перекрывал алый занавес.

Старик остановился перед ним в растерянности. Потом поглядел на Алису и сказал:

— Закрыто.

— Открыто! — послышался резкий, высокий голос изнутри.

— А вроде бы закрыто, — все еще сомневался Гермес.

Но все же откинул занавес. Алисе показалось, что чудовище облизнулось алым языком.

Алиса ожидала увидеть еще один огромный зал, но вместо этого они оказались в довольно небольшом, но высоком помещении. Всю заднюю стену занимала золотая кобра. Змея свернулась кольцами и высоко, к самому потолку, подняла раздутую шею, которая кончалась маленькой злобной головой и разинутым ртом. Из рта высывался усыпанный жемчужинами раздвоенный язык. Кольца змеи образовывали как бы сиденье трона, а шея и голова — спинку.

На троне восседала худая старая женщина с жемчужной диадемой в седых волосах. Она была одета в розовое платье, расшитое серебряными звездами. Лицо ее было голубым, глубоко запавшие глаза — черными. Женщина сидела неподвижно и сама казалась статуей.

По обе стороны трона тянулись низкие скамьи, на которых лежали плоские подушки. Справа от розовой женщины, которая, как поняла Алиса, и была Госпожой Атлантиды, на скамье сидел еще один старик. В отличие от нее и Гермеса, который привел пленников, он был одет скромно, даже бедно. На нем была серая мятая тога и серый высокий колпак. Ни одного украшения, если не считать медного браслета на правой руке.

Старик Гермес, введя пленников, спросил у Госпожи:

— Мне что, уйти или садиться?

— Глупый, — сказала женщина, — ты член Совета. Опять забыл?

— Он скоро забудет, как его зовут. — Человек в сером улыбнулся одними губами, глаза остались печальными.

Старик послушно поднялся на несколько ступеней и уселся на скамью по левую руку от Госпожи. И сразу задремал.

— Кто вы? — спросила женщина в розовом. — Зачем вы пришли сюда?

— Я — Алиса Селезнева, — ответила Алиса. — А это мой друг Павел Гераскин. Мы проходим биологическую практику на острове Яп, на океанской ферме.

— На ферме? — Госпожа подняла тонкие брови. Видно, ей было незнакомо это слово.

— Это такое хозяйство, — пояснила Алиса. — Там разводят морских животных, пасут кашалотов и дельфинов...

— Сколько лет тебе? — спросила Госпожа.

— Двенадцать, — ответила Алиса.

— А твоему другу?

— Мне тоже двенадцать, — сказал Пашка. — Только я не понимаю, что происходит? Мы ничего плохого не хотели, а нас заставили сюда прийти, как будто мы пленники.

— Вы пленники, — сказала Госпожа. — Таков закон Атлантиды. Никто, попавший сюда, не уходит живым.

— Но мы не знали вашего закона, — сказала Алиса.

— Незнание закона не освобождает от его выполнения, — сказала Госпожа.

— Какие-то средневековые порядки! — возмутился Пашка. — Спускаешься под воду с исследовательской миссией, тебя хватают и еще грозят. Вы должны радоваться, что мы вас нашли.

— Интересно, — сказал мужчина в сером, — почему мы должны радоваться тому, что вы забрались туда, куда вас не звали?

— Мы же не нарочно! — воскликнул Пашка. Он уже забыл, почему опустился в подводное ущелье, и чувствовал себя невинной жертвой.

— Глупые детишки! — вдруг проснулся старик Гермес. — Лезут, не спросясь, не знают куда. Я пойду, Госпожа Гера? А то опять течет.

Он показал костлявым пальцем на потолок, и все послушно подняли головы. На потолке, когда-то побеленном и раскрашенном желтыми узорами, расплылось большое влажное пятно.

— Помолчи, — поморщилась Госпожа Гера. — Сначала Совет, сначала приговор, а потом иди куда хочешь. Я предлагаю: за нарушение закона пришельцев убить.

— Как убить? — удивился Пашка.

— Мне лично вас жалко, — сказала Госпожа, — но я подчиняюсь закону. — Она обернулась к серому человеку: — Что ты скажешь, Посейдон?

— Я уважаю закон, — сказал серый человек. — Но он ничего не говорит о казни детей.

— Не все ли равно, сколько лет человеку? — возразила Госпожа. — Закон ничего не говорит, потому что он относится ко всем.

— Я полагаю, — сказал Посейдон, — что самым разумным будет оставить пленников здесь. Нам нужны рабочие руки. Им все равно не убежать.

— Через час нас начнут искать! — выкрикнул Пашка. — И тут же локаторы найдут наш батискат. И еще через два часа вас будут судить уже по нашим законам.

«Какой дурак!» — подумала Алиса. Но было поздно.

— Мальчик прав, — сказала Госпожа Атлантиды. — Мы забыли о их подводном корабле. Посейдон, прошу тебя, перегони их корабль в наш ангар.

— Вы не знаете, как им управлять! — испугался Пашка. — Вы его сломаете.

— Я видел на моем веку много подводных кораблей, — улыбнулся одними губами Посейдон. Он поднялся и обратился к Госпоже: — Прошу мое мнение учесть при решении Совета.

— Твое мнение будет учтено, — ответила Госпожа.

— Стойте! — Пашка хотел было броситься следом за Посейдоном, но Госпожа так властно сказала: «Ни с места!», что Пашка остановился.

— А ты, Гермес, — улыбнулась Госпожа, глядя на Гермеса, который клевал носом, стараясь удержаться от дремоты, — ты понимаешь, что закон нарушать нельзя?

— Закон для всех один, — ответил Гермес. — Закон я знаю.

— И ты согласен со мной?

— Я всегда согласен, — ответил старик. — Мне идти пора, вода капает.

— Тогда скажи: «Пришельцы приговариваются к смерти».

— А? — Старик бессмысленно смотрел на Госпожу, и у Алисы возникло желание закричать: «Не слушайте ее!»

Затем мутный взор старика переполз на Алису и Пашку.

— Кто такие? — спросил он. — Я не помню.

— Скажи: смерть!

— Это... — Старик долго жевал губами. Потом светлая мысль посетила его. — Дай их мне, — сказал он. — Будем чинить. Сил не хватает, никто мне не помогает. Я их научу. Пускай помогают, а?

— Ты ничего не понял, старый дурак! — рассердилась Госпожа.

— Куда мне понять...

Алый занавес отлетел в сторону, и в комнату ворвались толстяк и наследница Афродита.

— Почему без нас заседаете? — закричал толстяк с порога. — Опять заговор?

— Мы вас звали, — устало ответила Госпожа. — И не наша вина, что вы гуляете неизвестно где.

— Почему неизвестно где? — возмутился толстяк. — У ребенка был нервный шок.

Толстяк помог наследнице подняться на ступеньки, и они заняли место Посейдона.

— Меркурий, — обратилась Госпожа к толстяку, — мы судим пришельцев, которые нарушили закон и проникли в Атлантиду. Мы приговорили их к смерти. Ты согласен?

— Согласен, согласен, — быстро ответил толстяк. — Они нам угрожали. Моя девочка в опасности.

— Значит, все решено. Единогласно.

— Чепуха какая-то, — возмутился Пашка. — Я протестую. Я требую защитника!

— Правильно! — закричала вдруг наследница. — Я скоро умру от скуки. Мне не с кем играть. Мне прислали сверху детей, чтобы я играла, а злая Гера хочет их убить. Папа, прекрати!

— Да, кстати, — тут же изменил свою позицию толстый Меркурий, — почему их нужно казнить, когда моей девочке не с кем играть? Нет, я не позволю. Опять заговор против моей девочки. Гера, тебе пора уступить ей место. Ты стара и зла.

Алиса слушала эту перепалку как во сне. Такого быть не могло. Мы живем в конце двадцать первого века, когда на Земле не убивают людей. Может, они шутят? Может, это спектакль?

— Вы не понимаете! — Госпожа Гера поднялась с трона и протянула вперед руку: — Если нарушить закон единожды, закон погибнет. Погибнет закон — погибнет Атлантида. Своей властью я приказываю: Гермес и Меркурий, отведите пришельцев к внешнему люку и утопите!

Она была грозной и страшной. Казалось, что из ее глаз вылетают черные стрелы. Остальные в зале оробели и молчали...

Пауза тянулась долго, словно все окаменели, заколдованные.

Вдруг занавес откинулся, впуская Посейдона.

— Все, — сказал он, — их корабль спрятан. Что решил Совет?

— Совет моей властью постановил — смерть! — произнесла Гера.

Посейдон окинул взглядом комнату. Потом обернулся к Алисе.

— Это правда? — спросил он.

— Она не вправе отвечать, — сказала Госпожа Атлантиды.

— Это ложь, — сказала Алиса.

— Здесь решаю я! — Госпожа была неумолима. — Я — это закон. И много лет уже я его охраняю.

— Что ты думаешь, Меркурий? — обернулся Посейдон к толстяку.

— Я против! — воскликнул толстяк. — Моей девочке не с кем играть, а вы тут топите детей.

— А ты, Гермес? — спросил Посейдон.

— Ты о чем? Прости, я задремал, может, чего пропустил?

— Задремал или притворился?

— Пускай дети живут, — быстро ответил Гермес. — Мне помощники нужны. Ты не сердись, Госпожа, все течет, чинить некому.

— Атланты не убивают детей, — сказал Посейдон. — Решение Совета: оставить им жизнь. Ты одна против.

— Решение Совета: смерть пришельцам!

— Я увожу детей, — сказал Посейдон. — Им не следует слушать дразги стариков.

Он поднял руку, жестом приказывая пленникам следовать за ним.

Красный занавес всколыхнулся и мягко опустился сзади. Они снова оказались в зале скульптур.

Вслед несся крик Госпожи Геры:

— Они приговорены и будут убиты!

— Фапофадофажди, — сказала Алиса Пашке, пользуясь старым школьным кодом. — Фамыфаосфатафанемфася фаодфани.

— Фапофанял, — ответил Пашка.

— Фавлефасу, — сказала Алиса.

Пашка кивнул. И на самом деле, каменный лес — лучшее место, чтобы убежать.

Они миновали зал скульптур. Алиса оглянулась. Посейдон брел шагах в трех сзади, его серая тога волочилась по камням.

Вот и каменный лес.

Алиса почувствовала, как напрягся Пашка.

— Беги, — шепнула она. — Налево.

Пашка послушно бросился налево. Алиса побежала в другую сторону. Она не оглядывалась, главное было — оторваться от Посейдона. Ей казалось, что она бежит по настоящему лесу, вот только нет кустов, чтобы спрятаться. Она обогнула один ствол, второй, третий... Впереди, уходя в бесконечность, стояли такие же громадные колонны.

И вдруг со всего размаха Алиса врезалась в стену.

Она настолько не ожидала этого, что ушиблась и упала на пол.

Лес был обманом! Всего-то в нем оказалось шесть рядов деревьев, а за ними — зеркальная стена.

Алиса постаралась подняться, ноги скользили по кафельному полу, по нарисованным цветочкам и бабочкам. «Гадкий мир, — подумала Алиса, — все ненастоящее!» Сзади раздался крик.

Алиса обернулась.

Посейдон спокойно ждал в проходе между деревьями. А чуть дальше был виден Пашка, который колотил кулаками по зеркальной стене и громко проклинал Атлантиду и всех атлантов.

— Пашка, за мной! — крикнула Алиса.

Она побежала к выходу из зала. Пашка за ней.

Но выйти из зала не удалось. В его дверях стоял, нервно колотя себя хвостом по бокам и разевая розовую пасть, огромный лев.

Алиса начала отступать.

Лев сделал шаг за ней.

Кто-то толкнул Алису. Это был Пашка. Он встал перед Алисой, закрывая ее собой. У Пашки, может быть, много недостатков. Но он никогда не оставит товарища в беде.

Лев стоял с раскрытой пастью. Пашка и Алиса, замерев, глядели на льва.

Сзади подошел Посейдон и спросил:

— Ну что, набегались? Пойдем дальше?

Пленники ничего не ответили.

Посейдон поднял руку, щелкнул длинными сухими пальцами. Лев растворился в воздухе.

— Голограмма, — сказал Посейдон.

— Ага, — перевел дух Пашка. — Я так и подумал.

— Нет, — сказал Посейдон. — Ты так не подумал. Иначе бы прошел сквозь него. Идите направо.

Справа была небольшая дверь. Алиса повернула изогнутую бронзовую ручку, и дверь послушно открылась.

За дверью обнаружилась небольшая комната с длинным столом посередине. Вдоль стола были расставлены кресла с резными спинками. На столе стояло несколько сосудов, закрытых крышками.

Посейдон закрыл за собой дверь и сказал:

— Если вам нужно вымыть руки и привести себя в порядок, туалет в соседнем помещении.

— Зачем мыть руки, если вы собираетесь нас убивать? — спросил Пашка.

— Очень неприятно убивать грязных детей, — совершенно серьезно ответил Посейдон. — К тому же здесь тепло, вы можете снять скафандры, наверное, надоело в них ходить.

Когда Пашка с Алисой мыли руки в небольшой комнатке, где стояла низкая золотая ванна и из кранов в виде птичьих голов тонкими струйками лилась пресная вода, Алиса сказала:

— Знаешь что, Пашка?

— Что? — Пашка, ополоснувшись, принялся простукивать стены. Он надеялся, что можно будет убежать оттуда.

— Я думаю, что нас не будут убивать.

— В любом случае я им так просто не дам, — сказал Пашка.

Алиса сняла скафандр и положила его на низкий каменный стол. Потом причесалась, глядя в мутное овальное зеркало. Пашка скафандра не снимал.

— Вроде бы нас собираются кормить, — сказала Алиса.

— Могут и отравить, — предупредил Пашка.

Алиса приоткрыла дверь в большую комнату. Посейдон сидел за столом, подвинув к себе один из сосудов, и мирно черпал оттуда серебряной ложкой суп. Он увидел, что дверь в туалет приоткрылась, и сказал, улыбаясь:

— Фазафахофадифате, а то суп остынет. И в следующий раз придумайте код посложнее. Нельзя недооценивать противника.

— Вы правы, — согласилась Алиса.

Она прошла к столу и села в кресло. Посейдон подвинул ей серебряную миску.

— Надеюсь, вы употребляете в пищу суп из креветок? — спросил он.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Я очень проголодалась.

Пашка стоял в дверях, так и не решив еще, что перевесит: голод или осторожность.

Посейдон спросил:

— Суп не остыл?

— Нет, — сказала Алиса. — Очень вкусно.

— А мне так надоела морская пицца! — сказал Посейдон.

Пашка осторожно подошел к столу.

— Нехорошо, — заявил Посейдон, глядя на него, — в скафандре за стол у нас не садятся.

Алиса посмотрела на Пашку укоризненно.

— Я руки вымыл, — сказал Пашка.

Понятно было, что скафандр он не снимет.

— Ну, как знаешь, — сказал Посейдон.

Суп был не очень вкусный, подсоленные креветки плавали в жидком бульоне.

— Овощей не хватает, — вздохнул Посейдон. — Теплица вышла из строя, а починить некому.

Пашка сел за стол. В скафандре не очень удобно обедать. Но он делал вид, что всю жизнь обедает только в скафандре.

— А откуда вы знаете русский язык? — спросила Алиса.

— Я знаю все основные языки Земли, — ответил Посейдон.

Пашка съел несколько ложек супа, потом отложил ложку и сказал:

— Плохо питаетесь.

— Другого предложить не можем, — ответил Посейдон. — Кстати, я должен заметить, что, в отличие от Алисы, вы плохо воспитаны.

— Ваша наследница не лучше, — ответил Пашка.

— Вы правы, — сказал Посейдон. — Но что поделаешь, она последний ребенок, мы ее избаловали.

— Ребенок! — фыркнул Пашка. — Взрослая женщина!

— Даже пожилая, — согласился Посейдон. — Но для нас она ребенок.

Он подвинул к себе сосуд поменьше, снял крышку.

— Отварной осьминог, — сообщил он. Потом достал ложкой кусок белого мяса и принялся жевать. — Как всегда, недоварен.

Алиса попробовала кусочек, но прожевать не смогла. Пашка даже пробовать не стал.

Так и закончился обед.

Затем Посейдон поднялся и произнес:

— Вы готовы идти?

— Только не вздумайте нас казнить, — сказал Пашка. — Учтите, я буду

сопротивляться.

— Молодой человек, — ответил Посейдон усталым голосом, — меньше всего на свете мне хочется вас казнить. — Он помолчал и добавил: — Но осторожность не мешает.

В столовую быстро вошел толстый Меркурий.

— Я возьму обед для доченьки, — сказал он.

— Опять капризничает? — спросил Посейдон.

Толстяк только махнул рукой и начал составлять сосуды стопкой. Потом обнял стопку и осторожно понес к выходу.

— Тяжело одному воспитывать ребенка, — вздохнул Посейдон.

— А у вашей Афродиты нет матери? — спросила Алиса.

— Мать этой девочки умерла... пятьдесят лет назад.

Посейдон отодвинул миску.

— Хотите отдохнуть? — спросил он.

— Нет, мы не устали, — сказала Алиса. — Нам пора возвращаться.

— К сожалению, это невозможно. Закон велит сохранять нашу тайну.

— И сколько это будет продолжаться? — грозно спросил Пашка.

— Всю вашу жизнь, — ответил Посейдон.

— Вы хотите, чтобы я всю жизнь осьминогами питался?

— Мы же питаемся.

— Вы привыкли. А я не намерен.

— Ничем не могу помочь, — сказал Посейдон.

— Какие же вы после этого культурные люди, — воскликнул Пашка, — если вы не подумали о наших родителях? Они сойдут с ума, когда решат, что мы погибли! У вас нет совести!

— Мы не можем думать обо всех, — сказал Посейдон. — На Земле много несчастных людей и одиноких родителей. Мы — хранители великой и древней тайны. И мы не принадлежим себе. Я был бы рад покинуть Атлантиду. Но не имею права.

— Почему?

Посейдон не ответил.

Глава 5. Принцесса, куклы и сирены

Посейдон провел их по узкому коридору в ту комнату, где они томились первый час своего плена.

— Прощу вас не выходить, — сказал он и запер за собой дверь. — Я вернусь.

Пашка прошел вокруг стола, потом улегся на скамью.

— Не переживай, Алиса, — сказал он. — Выпутаемся.

Алиса почувствовала, что устала. Она села в ногах у Пашки.

— Кто же они такие? — подумала она вслух.

— Атланты, — сказал Пашка уверенно. — Последние атланты.

— Но они знают, что такое голограмма, выходят наружу в скафандрах, говорят по-русски, как мы с тобой...

— Научились, — сказал Пашка.

— Нет, — сказала Алиса. — Я им не верю.

— Мне бы пулемет, — вздохнул Пашка. — Мы бы пробрили путь наверх.

Алиса только отмахнулась. Она думала о другом. Вернее всего, у атлантов должен быть пункт связи. Обязательно должен быть. Значит, можно будет дать о себе знать... Атланты боятся, что их найдут. Значит, им есть что скрывать.

— Где наш батискаф? — услышала Алиса голос Пашки.

— Он у них в ангаре, — сказала Алиса.

— Точно! — Пашка сел на скамейке. — Мы его найдем и прорвемся. Пошли.

— Куда?

— Ты забыла, что здесь есть вторая дверь. К наследнице.

— Она шум поднимет.

— Чем мы рискуем? Хуже не будет.

Пашка прошел к маленькой двери и толкнул ее. Дверь послушно открылась. За ней оказался большой зал, совершенно темный.

— Эй! — крикнул Пашка.

«Эй-эй-эй...» — отозвалось эхо, отражаясь от далеких стен.

Когда эхо утихло, стало слышно, как, срываясь с высоты, по полу бьют капли.

— Хорошо, что я оказался сообразительней тебя и не снял скафандра, — сказал Пашка.

Он надел шлем и включил фонарь. Яркий луч улетел вдаль, но не нашел преграды, а рассеялся в темноте.

— Вот это да! — сказал Пашка. — Откуда же приходила наследница?

— Ау, — раздался голос справа. — Ау...

И тут же зазвучала медленная, нежная песня.

Она заполняла собой гулкое подземелье.

— Это вы, Афродита? — позвал Пашка.

Песня продолжалась.

Они пошли направо, стараясь держаться ближе к стене.

— Стой! — крикнула Алиса.

Но Пашка уже сам увидел, что дальше хода нет, — у ног был обрыв. Внизу чернела вода.

Песня прекратилась.

Пашка наклонил голову, чтобы фонарь светил вниз.

Вода была спокойна. Вдруг она всколыхнулась, и из нее показалась голова девушки. Длинные зеленые волосы расплескались по плечам. Лицо тоже было зеленым, глаза большие, словно у ночного животного.

Девушка подняла руку и поманила Пашку. Рядом с ней вынырнула вторая. И они запели. Они пели очень красиво, в два голоса, и при этом медленно плавали кругами, не отрывая взгляда от Пашки.

Пашка глядел на них заворуженно, и Алисе пришлось вмешаться.

— Пащ, — сказала она, — по-моему, это самые обыкновенные сирены, или морские русалки.

— Молчи. Не мешай!

— Когда-то моряки теряли голову от их песен и ныряли в воду. Только учти, вода здесь очень холодная.

— Ау, — позвала Пашку одна из русалок.

— Они хотят вступить с нами в контакт, — пояснил он.

Алиса вспомнила, что Одиссей заливал своим матросам уши воском, чтобы те не слушали песен сирен и не бросались в море.

— Может, тебе уши заткнуть? — спросила она.

— Не беспокойся, — ответил Пашка. — Неужели ты не видишь, что мною руководят научные интересы?

Но Алиса не была в этом убеждена. На всякий случай она встала к Пашке поближе.

Тут из темноты выплыл морской змей размером чуть побольше дельфина, но с длиннющей тонкой шеей и маленькой головкой.

Одна из русалок ловко вскочила ему на спину, и оказалось, что у нее широкий плоский чешуйчатый хвост.

— Вот это да! — воскликнул Пашка. — Морской змееньш!

Он уже забыл о сиренах, потому что проблема морских змеев его занимала куда больше.

Из озера доносились плеск, веселое уханье змееньша, визг сирен.

— Обойдем озеро с другой стороны, — сказала Алиса.

Вскоре они вышли на широкую площадку.

Площадка сбегала к самой воде, и там вдоль берега стояло несколько выдолбленных из камня корыт. Корыта были пусты. Возле одного из корыт сидели три сирены и тихонько выли. При виде Алисы и Пашки они принялись выть куда громче, а одна стала стучать кулачком по краю корыта.

— Наверное, они голодные, — решил Пашка.

Вдруг Алиса увидела свет.

Свет вырывался из небольшого окошка, пробитого в каменной стене. Желтым квадратом он падал на склон, и казалось, что горит окно в избушке в темном лесу.

Пока Пашка разглядывал сирен, Алиса поднялась к окошку и заглянула внутрь.

Там была самая настоящая лаборатория.

На длинном белом столе стояли приборы, колбы, пульта и баренги. У одной стены был пульт с дисплеями, вдоль другой тянулись стеклянные ниши с заспиртованными обитателями морских глубин. Но с первого взгляда было ясно, что лаборатория находится в полном запустении. Приборы стояли в беспорядке, большой электронный микроскоп зарос паутиной, а на окуляре сидел большой белый паук и чистил лапы. На полу валялись разбитые пробирки. В углу на круглом белом табурете сидел старик Гермес и мирно дремал, опустив голову на грудь.

— Тише, — сказал Пашка Алисе. — Пускай спит. Нам нужно скорее отыскать батискат.

Но уйти не удалось.

По берегу озера медленно брела еще одна сирена, но без хвоста и двуногая. Зеленые волосы скрывали лицо, а зеленое платье волочилось подолом по камням. В руке она несла бронзовый фонарь.

Сирены при виде двуногой подруги отчаянно заскулили. Та зашипела на них — видно, приказывая молчать.

Она кинула опасливый взгляд на светящееся окошко лаборатории и тут заметила Алису с Пашкой.

— Ой! — сказала двуногая сирена, подобрала подол платья и, похоже, хотела убежать, но нога у нее подвернулась, и русалка неловко упала.

— Бежим, — сказал Пашка. — А то сейчас сюда сбегутся.

Сирена громко рыдала знакомым Алисе голосом.

Этот шум услышал старик, что спал в лаборатории. Он с трудом поднялся с табурета и побрел к двери.

Алиса отлично понимала, что нужно бежать, но ноги сами понесли ее к плачущей русалке. Она склонилась над ней, помогая подняться.

— Афродита, — сказала она, — вы ушиблись?

— Зачем ты меня испугала! — закричала на нее наследница. — Ты меня нарочно испугала, чтобы я упала.

— Вы ошибаетесь, — возразила Алиса. — Давайте я помогу вам подняться.

— Нет, я никогда уже не поднимусь, — сообщила наследница сквозь слезы. — У меня сломана нога.

— Пашка, — позвала Алиса, — помоги мне.

Пашка не отозвался.

Алиса подняла голову, над ней стоял старик Гермес.

Он сказал что-то наследнице на своем языке, и та в ответ разразилась длинной визгливой тирадой. Она была так возмущена, что поднялась без помощи Алисы и принялась махать кулаками перед носом Гермеса. Зеленый парик съехал набок.

Старик тоже кричал на наследницу, сирены выли и щебетали возле пустых корыт, эти звуки поднимались, усиленные эхом, к потолку подземного зала, и Алисе казалось, что она сидит на стадионе во время футбольного матча.

Вдруг шум как по команде прекратился.

Старик спокойно побрел в свою лабораторию, наследница замолкла, словно ее выключили. И даже русалки-сирены утихомирились.

— Ты думаешь, я его испугалась? — спросила наследница у Алисы.

Алиса нагнулась, подняла фонарь Афродиты, который, к счастью, не пострадал, и передала его женщине.

— И вовсе я не скрывалась от него, — продолжала наследница. — Я переоделась в русалку, потому что люблю изображать русалок. Иногда я даже с ними танцую на берегу.

«Где же Пашка? — тем временем подумала Алиса. — Вернее всего, он воспользовался суматохой, чтобы продолжить поиски батискафа. Это правильно. У него есть фонарь. А я пока узнаю побольше об атлантах». А вслух спросила:

— Почему же вы ссорились с Гермесом?

— А они здесь все из ума выжили, — ответила наследница. — Он ходит в эту лабораторию и говорит, что там работает. А все знают, что он только спит. Он же сто лет как все забыл. И еще смеет кричать, что я мешаю ему ставить опыты, старый дурак!

Афродита подняла подол и стала рассматривать ссадину на коленке.

— Так я и знала, — сообщила она Алисе. — Почти до крови. Когда я стану Госпожой Атлантиды, я прикажу этого Гермеса казнить. Он мне надоел. Пошли ко мне.

— Пошли.

— А где твой мальчик? Он мне нравится.

— Мальчик ушел по делам.

— У всех дела! — капризно сказала наследница. — Как только мне мальчик понравится, у него дела. Я ненавижу мужчин.

Наследница сорвала криво сидевший парик, бросила его в озеро, и сирены, толкаясь и вереща, кинулись к нему. Их глаза хищно горели в полутьме. В мгновение ока они разорвали парик на клочки.

— Они думают, что он съедобный, — засмеялась наследница и пошла прочь от озера.

— Они голодные? — спросила Алиса, поднимаясь следом за ней.

— Еще бы, — сказала Афродита. — Что осталось в озере, то и едят. Скоро друг дружку съедят. Или змееныши их скушают, или они змеенышей скушают. Все друг дружку едят.

— А почему их не кормят?

— Самим мало, — сказала наследница. — Только Гермес иногда кормит. Но он глупый, всех жалеет.

Наследница остановилась у двери в лабораторию. Старик Гермес опять задремал.

— Тихо, не разбуди, — прошептала она, — мы через лабораторию пройдем. Тут короче.

Она подошла к стеклянному шкафу, в котором лежал свернутый спиралью скелет какой-то рыбы, нажала на угол шкафа, и тот, страшно заскрипев, чуть сдвинулся в сторону. Наследница навалилась на него животом и позвала Алису:

— Помоги. Все тут заржавело, даже противно.

Они принялись толкать шкаф вдвоем, но он не поддавался. Наследница запыхалась и отошла. Потом схватила со стола микроскоп и запустила им в шкаф.

— Ты что! — закричала Алиса.

Но было поздно — стеклянный шкаф разлетелся вдребезги, скелет рыбы рассыпался по полу, а то, что недавно было микроскопом, раскатилось по каменному полу массой мелких деталей.

— Ой! — закричал с перепугу Гермес. — Наводнение, обвал!

Он вскочил, опрокинул табуретку, кинулся было бежать, потом сообразил, что случилось, и опечалился:

— Что ж вы наделали! Как теперь опыты ставить?

— Молчи, дурак! — огрызнулась наследница и со всего размаха ударила ногой по стойке шкафа. У того, видно, уже не осталось сил сопротивляться, и он упал, открыв проход. — Вот видишь, — сообщила Афродита, — с ним надо строже! Они все распустились.

— Кто? — спросила Алиса, входя за наследницей в открывшийся проход. Там было темно, и бронзовый фонарь наследницы высвечивал занавески и тряпки, свисавшие вокруг.

— Все люди и все вещи, — сказала Афродита. — Когда я возьму власть, то приведу все в порядок. Все меня будут бояться. А Госпожу Геру, если не успеет помереть, казню.

— А что здесь было раньше? — спросила Алиса. Ей надоело слушать, как тараторит глупая наследница.

— Театр, — сказала Афродита. — Разве не видишь? Мне отец рассказывал. Я отсюда платья и парики беру.

В подводном мире было мало пыли. Только здесь, в этом проходе ее скопилось столько, что запершило в носу. И запах был особый — запах пыльных тряпок.

Проход кончился небольшим обрывчиком. Алиса увидела внизу несколько рядов кресел. Наследница тяжело спрыгнула вниз и поспешила по проходу между кресел. Алиса сообразила, что они спустились со сцены и оказались в зрительном зале.

— Сколько вас здесь? — спросила Алиса.

— Много, — туманно ответила Афродита. — А раньше было больше.

— Сколько?

— Ты всех видела.

Ууух-взззвиии! Что-то черное, чернее тьмы, широкое, плоское метнулось над головой — закачались, зашуршали старые занавески.

Алиса присела от неожиданности.

— Не бойся, — сказала наследница, — они не кусаются.

— Кто это?

— Летучие собаки.

— Они тут живут?

— А где же им жить? Ты их не бойся. Ты камеусов бойся.

Наследница, пригнувшись, нырнула под низкую арку.

И тут они оказались в ее детской.

Когда-то там была театральная уборная. Вдоль стены шли узкие высокие зеркала в золоченых пышных рамах, перед каждым был столик и небольшое вертящееся кресло. Кроме того, в комнате стояло несколько пышных, правда, потертых и продавленных диванов, валялось множество ковров и звериных шкур. Но больше всего там было кукол. Фарфоровые и тряпичные, целлулоидные и деревянные, в длинных платьях и коротких распашонках, с белыми, желтыми, золотыми, черными, рыжими, зелеными волосами, а то и вовсе без волос, с голубыми, серыми, черными закрывающимися глазами и даже с пуговицами, пришитыми к розовому лицу. Одни куклы были как новенькие, а другие истрепаны настолько, что трудно угадать, какими они были раньше. Несколько самых больших кукол сидели в креслицах перед зеркалами, остальные занимали диваны, лежали на полу и под стульями. Самая маленькая куколка сидела на подушке широкой неприбранной кровати.

— Тебе нравится? — спросила наследница, зажигая светильники перед зеркалами. — Сейчас мы будем с тобой играть.

Афродита суетилась, ей очень хотелось, чтобы гостье у нее понравилось.

— Ты у кого-нибудь видела столько кукол? — спросила она.

— Нет, не видела.

— Правильно. Потому что я наследница престола великого царства. Сегодня я люблю вот эту... — Афродита схватила с дивана деревянную, грубо сделанную большую куклу в синем коротком платье. Глаза куклы были нарисованы синей краской, а розовая краска со щек почти вся облупилась. — Нравится?

— Нравится, — согласилась Алиса.

Надо признаться, что сцена была страшноватой. Пожилая, толстая, лохматая женщина прыгала по комнате, хватала кукол, совала их под нос Алисе и требовала, чтобы гостья восхищалась.

— Откуда у вас столько игрушек? — спросила Алиса.

— Это все игрушки сверху, — сказала наследница. — Когда папа был молодой, он специально их искал. Больше всего собрал с утонувших кораблей. Меня все так баловали, так любили, даже больше, чем сейчас. Когда я маленькая была, Посейдон устроил у себя в узле связи пункт наблюдения. Как только ловили сигнал SOS, сразу посылали туда субмарину. Корабль еще не успеет до дна спуститься, а дядя Посейдон с папой уже идут по каютам: ищут, ищут, собирают кукол, чтобы меня порадовать... — Афродита захохотала, но тут же закручинилась и добавила: — А когда субмарина сломалась, больше кукол не стало... Правда, жаль? Ведь столько тонет детей, куклы им не нужны, а мне ничего не достается.

Алиса поежилась. Она все больше убеждалась, что наследница не совсем нормальная. В бабушки годится, а всерьез думает, что осталась девочкой.

— А где ваша мама? — спросила Алиса.

— Ее камеусы сожрали, — сказала наследница, — но давно, я еще маленькая была. Только я тебе не скажу, сколько лет назад.

— Почему?

— Чтобы ты не догадалась, что мне пятьдесят лет. Или сорок. А может, двадцать.

Афродита отбросила куклу в сторону, та ударилась головой в высокий железный подсвечник без свечей, отлетела к погнутому, ободранному игрушечному паровозу и замерла.

«Где сейчас Пашка? — подумала Алиса. — Столько времени прошло, а я так ничего и не узнала».

— Возьми эту куклу, она больная, за ней надо ухаживать, — сказала наследница и протянула Алисе лысую куклу, которая долго пробыла в воде. — Качай ее и утешай, а я сделаю нам с тобой постельку.

— Зачем? — спросила Алиса. — Я не хочу спать.

— Ты будешь теперь спать со мной, — сказала наследница. — Ты всегда будешь спать со мной, или я тебя убью. Качай ребенка!

Алиса принялась покачивать куклу.

— Афродита, — попросила она, — расскажите мне про вас.

— Нельзя. Чужим рассказывать про нас нельзя.

— Закон не разрешает?

— Еще чего не хватало! — закричала наследница. — Знать не хочу этого отвратительного закона!

— Но Госпожа Гера главнее всех?

— Ой, какая ты вредная девочка! — изумилась наследница. — Ты меня все время обижаешь. Не буду с тобой дружить! Ты лишена моей милости. Отдай куклу!

Алиса протянула ей куклу.

Наследница взяла куклу за ногу и остановилась посреди комнаты в задумчивости.

— Очень странно, — сказала она. — Оказывается, мне нечего рассказывать.

— Расскажи, кто вы такие, откуда сюда попали...

— Но я не знаю, откуда мы сюда попали. Мы здесь всегда! Это наша Атлантида. Она всегда была и всегда будет. Самая великая страна в мире. И я в ней самая главная!

— А почему вас раньше было много и даже был театр, а теперь мало?

— Театр был... было светло. Много света. Была субмарина, и папа брал меня на ней кататься. Мы поднимались вверх, и я видела звезды... Ты видела звезды?

— Я живу наверху.

— Жила, — поправила ее наследница. — Отсюда еще никто не уходил.

Она всхлипнула и закашлялась.

— Были люди, — повторила она, — много. И мне давали конфеты. И мы делали музей... А где все это? Почему этого нет? Не знаю...

Афродита стояла посреди комнаты, раскачивая за ногу облезлую куклу. Потом уронила ее на пол.

Алиса стала размышлять, как лучше сбежать от наследницы и заняться поисками Пашки, но тут события приняли неожиданный оборот.

В детскую вошел, задыхаясь от быстрой ходьбы, толстяк Меркурий.

Он закричал что-то с порога и, не умолкая, кинулся к Афродите. Алису он не заметил — видно, принял ее за одну из кукол.

Но, толкнув ее, сообразил, что наследница не одна, испугался, схватился за сердце.

— Почему ты здесь? — спросил он у Алисы.

— Ваша дочь привела меня сюда.

— Тогда я спрашиваю, почему вы не заперли дверь? Вы что, забыли, что сегодня полнолуние и камеусы выходят из своих нор?

— Я ничего не знаю про камеусов, — сказала Алиса.

— Когда узнаешь, будет поздно, — сказал толстяк.

Он прошел к двери, которая вела в театральный зал, и запер ее на засов. Потом вернулся к той дверце, сквозь которую вошел. Запер ее тоже.

— Скажите, пожалуйста, что такое камеус? — спросила Алиса. — Я волнуюсь за Пашку. Он пошел искать наш батискат. Он же ничего здесь не знает.

Толстый Меркурий не ответил. Он попытался погладить по голове свою дочку, но пальцы запутались в ее волосах, и он с трудом выдрал их оттуда.

— Ты мне голову оторвешь! — взвизгнула наследница.

— Я пошла, — сказала Алиса. — Только объясните, где искать батискат?

— Не знаю, — сказал толстяк. — Уходи скорее. Мне надо утешить ребенка.

Он отворил дверь за занавеской и подождал, пока Алиса выйдет.

И тут же Алиса услышала, как щелкнул замок.

Алиса совершенно не представляла себе, куда идти. Поэтому она потеряла полчаса, блуждая по коридорам, пока не попала в еще один обширный зал.

Зал был похож... Ни на что он не был похож!

Если это была свалка, то зачем свозить сюда целые и даже ценные вещи? В полутьме вырисовывались контуры неожиданных в подводном царстве предметов. Настолько неожиданных, что порой Алиса даже не сразу узнавала их. Что это за длинный стеклянный ящик с перегородками и черным квадратом на внутренней стенке? Да это старинная телефонная будка! А это? Словно плавник гигантской акулы? Хвост самолета столетней давности. А это? Контрабас. А это? Спортивная штанга. А это? Ну что? Такое знакомое... Башня танка? Склад? Или музей?

Конечно же, догадалась Алиса, много лет атланты собирали в морях то, что утонуло вместе с кораблями. А корабли, как известно, перевозят по морям все, что делают люди.

... Нечто громоздкое, темное, необъятное нависало над Алисой, перегораживая путь. Алиса подняла глаза и встретилась взглядом со страшной мертвой головой существа, которое висело, прибитое спиной к этой громадине.

Алиса ахнула и метнулась назад.

И тогда сообразила: перед ней стоял, подпертый бревнами, целый парусник, на носу которого под бушпритом была прикреплена деревянная фигура, как было принято делать на парусниках в давние времена.

Борта парусника поднимались на высоту трехэтажного дома. И в темноте, уходя к невидимому потолку, тянулись мачты с обвисшими серыми парусами. Как попал сюда такой большой корабль?

— Как ты сюда попал? — спросила Алиса вслух, обращаясь к деревянной фигуре. Та не ответила.

Но эхо подхватило негромкий вопрос и начало таскать, искажая, эти звуки по залу музея.

Зашуршали ткани, заскрипели доски, зазвенели медные котлы. Казалось, что вещи ожили, зашевелились, зашептались: здесь чужая, здесь живая девочка в мире умерших вещей...

И казалось, они начали сдвигаться все ближе, ближе, тянуть к ней невидимые лапы, чтобы не выпустить, навсегда оставить в этом промозглом, захламленном мире.

Алиса замерла, стараясь подавить ужас, который поднимался в ней. Замерли и вещи. Они подстерегали каждое ее движение.

Алиса не знала, в какую сторону идти дальше. Она стала осторожно оглядываться, чтобы отыскать проход в лабиринте.

И тут она услышала осторожные шаги. Кто-то медленно, крадучись, приближался к ней. Алиса сделала осторожный шаг. Еще один. Остановилась.

Тот, кто преследовал ее, тоже остановился. Прислушивался.

Звук в этом зале распространялся так причудливо, что нельзя было угадать, с какой стороны приближаются шаги.

Скрипнула доска под чьей-то ногой. И снова нависла тишина, которая казалась более злобещей, чем любой звук.

Стоять на месте и ждать, когда тебя поймают, было еще страшнее, чем куда-то идти.

Алиса разглядела проход между кораблем и грудой ящиков и вошла в него. Единственный светильник, горевший как бы в воздухе, над парусником, рождал длинные черные тени.

Алиса шла все быстрее, стараясь ступать на носки, но даже самое слабое шуршание подошв разносилось, усиливаясь, по музею.

Наверное, ей теперь никогда не выйти отсюда. Надо закричать. Надо позвать...

Алиса все ускоряла шаги...

И вдруг впереди она уловила быстрое движение. Кто-то, увидев ее, спрятался за ящик.

Может, показалось?

Алиса бросилась назад. Только не оборачиваться...

Сзади шаги. Ее догоняют.

И тогда Алиса стремглав, спотыкаясь, помчалась вперед. Куда угодно, только убежать!

Но преследователь не отставал. Сквозь бешеные удары сердца, сквозь шум собственного частого дыхания Алиса слышала шаги.

Впереди показался яркий свет. Скорее туда!

Но на пути Алисы возникла высокая черная фигура.

Алиса попыталась остановиться, нырнуть куда-нибудь в сторону. Но не успела.

Человек, который подстерегал ее, быстро протянул длинную костлявую руку и схватил Алису за плечо.

— Стой! — сказал он.

Алиса забилась, как птенец, попавший в силки. Но человек держал ее крепко.

— Уходи, — сказал он громко кому-то. — Уходи и не навлекай на нас позора.

Алиса с трудом различала эти слова, голова кружилась от страха, и удары собственного сердца были как удары грома.

— Не бойся, девочка, — сказал тот же голос. — Ты в безопасности.

Алисе было так страшно, что она не сразу поняла смысл этих слов. Она замерла, словно окаменела, глядя назад. И увидела, как розовое платье мелькнуло рядом с кораблем и растворилось в темноте. И оттуда из темноты вылетела серебряная молния. Человек, что держал Алису, дернул ее в сторону и пригнулся сам.

Раздался удар и звон.

Острый загнутый нож с золотой рукоятью ударился острием о радиатор старинного

автомобиля и упал на каменный пол.

— Как грустно, — произнес человек, державший Алису, — как стыдно...

Сначала Алиса узнала голос, а подняв голову — и человека.

Это был Посейдон.

— Пойдем, девочка, — сказал он. — Она не вернется.

— Это была Госпожа Гера? — спросила Алиса.

— Да, — ответил Посейдон. — И она хотела тебя убить.

Посейдон вывел Алису из музея.

Он шел быстро, держа Алису за руку. Алиса еле поспевала за ним, ноги были как ватные. В жизни так не пугалась.

— Куда мы идем? — спросила она.

— Ко мне.

Посейдон достал из кармана серого плаща большой ключ, схожий со штопором, и вставил его в почти невидимое отверстие в стене коридора. Раздался щелчок, и часть стены провалилась в пол.

— Это самое тайное место Атлантиды, — сказал он. — Мы рассчитывали на то, что даже если люди проникнут сюда, они не найдут этой двери.

В лицо Алисе ударил яркий свет. Ей показалось, будто в мгновение ока она перенеслась из Атлантиды в обыкновенную комнату обыкновенного института на Земле. И если бы не длинная, до земли, серая тога, Посейдон был бы самым обыкновенным земным профессором, который пригласил Алису к себе в лабораторию.

Посейдон снял серый колпак, поправил ладонью неровно остриженные седые волосы и сказал:

— Сюда, в мое хозяйство, я никого не допускаю.

Он провел Алису в следующую комнату. Это был пункт связи. В линию вдоль стены на низком столе тянулись телевизионные экраны. Они были окружены овальными золотыми рамами в виде змей.

— Сколько здесь змей! — сказала Алиса. — Почему?

— Традиция, — ответил Посейдон. — Наследие Атлантиды. Атланты поклонялись Великому змею.

— Зачем эти экраны? — спросила Алиса.

— Это мониторы, — ответил старик. Он уселся в удобное вращающееся кресло и указал Алисе на соседнее. — Садись, у тебя, наверное, много вопросов.

— Да, — сказала Алиса. — У меня тысяча вопросов, но сейчас меня больше всего беспокоит, где Пашка. Он побежал искать батискат и пропал. Раньше я не так боялась, а теперь очень за него волнуюсь.

— Сейчас проверим, — сказал Посейдон.

Он протянул руку и включил один из мониторов.

По экрану побежали зеленые полосы, и Посейдону пришлось долго настраивать его, прежде чем картинка стала нормальной.

— Все в небрежении, — вздохнул Посейдон, — остался один механик, но ты же видела, в каком он состоянии.

— Вы имеете в виду Гермеса?

— У него очень плохо с памятью. И ослаб он сильно. Его только и хватает на то, чтобы латать щели.

На экране монитора был виден большой плохо освещенный зал. Три его стены были каменными, а четвертая, блестящая, гладкая, — стеклянной. За ней плескалась вода.

— Это ангар, — сказал Посейдон. — Там, за перегородкой, наша сломанная субмарина и ваш батискаф. Сейчас ты увидишь.

Посейдон нажал кнопку на пульте, и яркие прожектора загорелись в том зале, пронзая толщу воды. Алиса увидела, что за перегородкой находятся два корабля. Один из них незнакомый, похожий на акулу. Второй — батискаф.

— Как видишь, — сказал Посейдон, — ваш корабль цел и в безопасности.

— А где Пашка? — спросила Алиса.

— Он должен будет сюда прийти, — сказал Посейдон. — Он уже час бродит по нашему городу.

— Вы его видели?

— Еще недавно он был в музее.

Посейдон набрал комбинацию из цифр на пульте, и на соседнем мониторе появился длинный коридор.

— Ой! — воскликнула Алиса. — Это же Пашка!

И в самом деле по коридору шагал Пашка. Он был в скафандре, шлем откинут за спину, вид серьезный и целеустремленный.

— Он идет правильно, — сказал Посейдон. — Скоро будет у ангара. Не беспокойся.

— Пойдемте к нему!

— Не спеши. Ему сейчас ничто не угрожает.

— А Гера его не найдет? — спросила Алиса.

— Не беспокойся, мы его не выпустим из виду. А когда нужно, придумаем, как ему помочь.

— А сейчас нельзя помочь?

— Сейчас еще нельзя.

— Почему?

— У нас с тобой есть более важное дело, — сказал Посейдон.

— Спасти Пашку — самое важное дело.

— Ты ничего не знаешь!

— Я еще мало знаю, — сказала Алиса, — но уже начинаю что-то понимать.

— Что?

— Вы здесь как мастодонты, как вымершие динозавры. Я не знаю, сколько лет вы уже живете под водой, но, наверное, вас раньше было много, а теперь почти никого не осталось. Даже ваша девочка уже старуха. Вы меня извините, пожалуйста, что я так с вами разговариваю, но мне кажется, что вы все немного ненормальные. Почему вы не поднялись наверх? Вас очень хорошо встретят. У нас хорошая жизнь. Вы будете лечиться в санатории и, может, даже писать воспоминания. Представляете, как интересно — «Записки последнего атланта!» И по телевизору будете выступать. Я думаю, что вы много знаете, а если вы умрете от старости или ваш потолок рухнет, то все ваши знания пропадут.

Посейдон слушал серьезно, склонив голову, и чуть кивал, соглашаясь со словами Алисы.

— Наша последняя субмарина, — произнес он, — вышла из строя пятьдесят лет назад. Мы заточены здесь. Мы пленники Атлантиды.

— Но теперь же все изменилось! Мы поднимемся в нашем батискафе!

Посейдон отрицательно покачал головой.

— Но почему же? — воскликнула Алиса. — Не так важно, кто живет под водой, а кто на суше. Это наша общая Земля, и вы должны чувствовать себя патриотами!

— Милая наивная девочка! — вздохнул Посейдон. — Так ты ничего и не поняла.

— Чего я не поняла?

— Если я тебе раскрою тайну, меня ждет смерть. Это самый главный наш закон. И я не могу его преступить.

— А если не раскрывать тайну? — спросила Алиса.

— Если не раскрывать, то мы останемся здесь и не сможем отпустить вас. И мы умрем, скоро умрем, потому что надежды не осталось. Но и вы умрете с нами.

— Что за глупая тайна! Что за глупый жестокий закон! — воскликнула Алиса. — Не может быть закона, который обрекает людей на смерть ни за что.

— Твоими устами говорит разум, — печально ответил Посейдон. — Но я воспитан в почтении к закону. И тот, кто правит нами, ставит закон выше жизни.

— Розовая Госпожа?

— Да, Гера.

— А какое она имеет право губить вашу жизнь? Я разговаривала с Меркурием. Он так переживает за свою дочь. И в самом деле, вы слышали, как она кашляет? Ей обязательно нужно на свежий воздух, ее надо лечить, а она сидит здесь.

— Меркурий выжил из ума, — сказал Посейдон. — Мы как маленькая стайка старых скорпионов...

Посейдон включил третий монитор. И они увидели зал Совета Атлантиды.

На троне-кобре сидела Гера. В руке она держала черную шкатулку.

— Так я и знал! — воскликнул Посейдон. — Она нас ищет.

Он ударил ладонью по ряду кнопок, и возник страшный шум, будто невпопад, без нот заиграл духовой оркестр.

Алиса зажала уши.

Посейдон поманил Алису за собой в небольшую нишу, там жестом велел сесть на стул. Потом выключил свет. Лишь огоньки на пульте да зеленые экраны мониторов чуть освещали его лицо.

Голова Посейдона наклонилась к Алисе.

— Я не могу рисковать, — прошептал он ей на ухо. — Она не должна услышать.

Голова Алисы раскалывалась от шума.

— Я боюсь ее, — продолжал Посейдон. — Она убила многих. Тех, кто хотел подняться к людям, тех, кто отказался ей подчиниться. Она безжалостна, в ней не осталось ничего человеческого.

Губы Посейдона дрожали, голос срывался.

— Я открою тебе тайну, потому что хочу, чтобы ты ушла отсюда, — продолжал он. — Иначе Гера скоро уничтожит нашу станцию. Есть такой пункт в Законе: если спасти станцию нельзя и угроза раскрытия неотвратима, начальник станции обязан ее уничтожить. Как только Гера решит, что надежды нет, она это сделает. Поэтому ты должна знать правду.

И в темной нише, при неверном свете экранов, под грозную, нестройную музыку Алиса услышала историю Атлантиды.

Три тысячи четыреста лет назад на Землю прилетела экспедиция с планеты Крина.

Мудрая цивилизация той планеты уже давно вышла в космос и овладела секретом межзвездных полетов. Она посылала корабли во все концы галактики. Но эти экспедиции подчинялись строгому Закону: если жители какой-нибудь планеты еще не вышли в космос, если они не готовы к космическим контактам, изучение планеты должно проводиться в строжайшей тайне. Никто там не должен догадаться, что за ними ведется наблюдение. Иначе развитие планеты нарушится, и это может привести к печальным последствиям.

Когда криняне прилетели к нам, на Земле лишь начала развиваться цивилизация. Первые государства создавались в Египте, на острове Крите, в Индии и Китае. А севернее, в лесах Европы, лишь маленькие поселки охотников и рыбаков возникали на берегах рек.

Криняне были настоящими учеными, они внимательно записывали, снимали на пленку все, что происходило на Земле. На их глазах происходил удивительный феномен — рождение великой цивилизации.

Больше всего кринян интересовала Атлантида. Атлантида, слухи о которой дожили до наших дней, была богатым государством. Она лежала на островах Полинезии. Корабли атлантов бросали якоря у острова Пасхи и берегов Америки, ходили в Китай и Индию, достигали Аравии, огибали Африку и посещали Средиземное море. Но однажды, более трех тысяч лет назад, в Тихом океане произошло страшное землетрясение, и Атлантида погрузилась в глубины вод. Могучее государство пропало бесследно.

Эта трагедия произошла на глазах кринянских наблюдателей. Они ничем не могли помочь атлантам, даже их возможностей не хватило бы, чтобы остановить бедствие. К тому же строгий Закон запрещал вмешиваться в дела землян.

Когда Атлантида погибла, криняне начали исследовать утонувшую страну. Они опускались в подземные храмы и пещерные города Атлантиды. Потом кто-то догадался, что из подземной части столицы атлантов можно откачать воду, сделать непроницаемые переборки и таким образом спасти часть сокровищ погибшей страны. Что они и сделали.

И тогда криняне сообразили: подводная Атлантида — идеальная база для их экспедиции. Земляне никогда не найдут ее. С тех пор, уже три тысячи лет, подземные залы утонувшей страны существуют как база космической экспедиции кринян.

Шли годы и столетия. Каждые пять лет менялся состав станции. Ее мониторы могли наблюдать, что происходит в разных концах Земли, подводные корабли доплывали до любого уголка нашей планеты, спутники снимали картины битв и праздников.

По мере того как земная цивилизация развивалась, положение кринян становилось сложнее. Людей на Земле становилось все больше, они уже освоили свою планету, росли города, строились заводы, на полях сражений грохотали пушки...

По расчетам кринян, Земля уже подходила к критической точке своего развития. Это бывает почти с каждой планетой: на ней скопилось много опасного оружия, скоро люди изобретут и атомную бомбу. Немало было в космосе цивилизаций, которые не смогли справиться с этой страшной опасностью и погибли. На других планетах удавалось преодолеть этот рубеж — запретить оружие и перейти к мирной эпохе.

На Крине понимали, что лет через триста подводную базу придется закрыть.

Если для землян триста лет — срок невыносимо длинный, то для кринян, которые живут дольше, он не так уж велик.

И вот в апреле 1818 года в тропической части Тихого океана опустился космический корабль, который должен был забрать ученых, что прожили на Земле пять лет, и заменить

их новой сменой. Смена состояла из сорока молодых, энергичных, жаждущих работы, любознательных и очень образованных ученых. Были среди них биологи, химики, сейсмологи, электронщики, был экипаж подводной лодки и даже ремонтник. Сорок человек — двадцать шесть мужчин и четырнадцать женщин.

Прилет этого корабля и наблюдал капитан брига «Рочестер».

Ученые приняли дела у предыдущей смены, подивились на подземные залы и храмы атлантов, обошли музей, где скапливались столетиями предметы земной цивилизации, проверили лаборатории и, собравшись в главном зале Совета, вслух повторили клятву: «Никогда не преступать Закон. Никогда и никому не раскрывать своей тайны. А если случится невероятное и кто-то из землян проникнет в Атлантиду, члены экспедиции должны притвориться, что они и есть атланты — чудом пережившие катастрофу жители древней страны».

Члены экспедиции много работали, изучали вашу планету, следили за тем, что происходит в мире, снимали фильмы, собирали образцы земной техники и искусства — в этом им помогало море, пожирая корабли и даря исследователям все, что было в их трюмах.

В Атлантиде была большая биологическая станция. Если какому-нибудь виду морских животных грозило истребление, криняне брали к себе последних животных этого вида и сберегали их в своем зоопарке. Поэтому в подземном озере станции жили морские змеи, сирены и морские коровы. А семья взрослых морских змеев обитала в трещине, на дне которой скрывался вход в Атлантиду. Змеи были приручены и узнавали своих хозяев...

В этом месте рассказа Алиса вспомнила, как на них с Пашкой напал морской змей. Посейдон улыбнулся и сказал, что змей не напал. Он принял их за обитателей станции и решил поиграть.

И тут Посейдон перешел к самой главной и печальной части своего рассказа.

Прошло пять лет. Вот-вот должен был прибыть корабль с Крины со сменой.

Ученые уже собрали материалы, которые они отвезут к себе домой, сортировали записи, паковали пленки и образцы, попрощались со своими питомцами в подводном зоопарке, облетели те места Земли, которые успели полюбить, а корабля со сменой все не было.

Месяц шел за месяцем, но никаких вестей из дома.

К сожалению, на базе не было космического передатчика. Никакой сигнал не достигнет другого конца галактики.

Месяцы превращались в годы, годы — в десятилетия.

Ожидание перешло в отчаяние.

Если сначала была надежда, что корабль со сменой погиб в пути и вместо него прилетит другой — может, через год, может, чуть больше, — то через десять лет последняя надежда пропала. Что-то страшное случилось на родной планете исследователей...

— А когда должна была прилететь смена? — спросила Алиса.

— В 1823 году.

— Но сейчас же 2088 год!

— Мы живем под водой двести семьдесят лет!..

Посейдон продолжил свой печальный рассказ.

Станция могла существовать вечно. Энергию давал термоядерный реактор, пресную воду синтезировали опреснители, море дарило пищу.

Станция-то была вечной, но ее обитатели вечными не были. Кто-то из ученых погиб,

кто-то умер от болезни или сошел с ума от тоски. Одно дело — работать на подводной станции и знать, что ты в конце концов вернешься домой, совсем другое — понимать, что ты никогда уже не выйдешь из-под воды, что, вернее всего, твоя родная планета погибла.

— Надо было выйти к нам, — сказала Алиса, — и все объяснить.

— Кому объяснить? — спросил Посейдон. — Представь себе, что в 1860 или в 1870 году из-под воды появляются странные существа с голубыми лицами и рассказывают, что они — пришельцы с другой планеты. Нас просто могли убить.

— Ну а позже?

— А позже мы все, кто остался в живых, стали стариками. Даже наши дети стали стариками. Да и мало детей рождалось в подводном царстве. Из первого поколения нас осталось трое: я, Гермес и Гера. Толстяк Меркурий — мой племянник. А Афродита — третье поколение. Это последний ребенок Атлантиды, она родилась всего девяносто лет назад.

— Девяносто? А она мне сказала, что ей пятьдесят лет.

— Бедная девочка молодится. Она скрывает свой возраст.

— А сколько же лет вам?

— Мне скоро будет триста лет, — ответил Посейдон. — И мой жизненный путь подходит к концу.

Он замолчал. Все так же гремел оркестр и перемигивались огоньки на пультах.

Передохнув, Посейдон продолжил свой печальный рассказ.

Чем меньше оставалось на станции кринян, тем меньше она была похожа на научную станцию. Какой смысл проводить исследования, если их результаты никогда и никто не узнает? Постепенно ломалось оборудование, приходили в негодность приборы. К концу двадцатого века на станции осталась одна действующая субмарина и ни одного летательного аппарата. Потом последняя субмарина вышла из строя. Теперь даже при желании последние жители Атлантиды не смогли бы подняться на поверхность моря. Вымер и зоопарк. Лишь сирены да морские змеи чувствуют себя привольно. Он, Посейдон, единственный из наблюдателей продолжает работу. Не потому, что она нужна, а чтобы не сойти с ума.

— Ничего не понимаю! — воскликнула тут Алиса. — Вот появились мы с Пашкой. Вы должны просить нас: скорее, скорее поднимемся наверх!

— Все не так просто, — сказал Посейдон. — Ты очень молода, Алиса, и не понимаешь, как рассуждают очень старые люди. У нас есть Закон. В нем записаны все правила, по которым мы должны жить. Когда-то он был полезен. Закон приказывал нам работать, Закон предписывал подчиняться дисциплине и выполнять решения Совета. Представь себе: под водой, на немыслимой глубине, без надежды выйти наружу живут несколько человек. У них свой мир, совсем иной, чем на Земле или на несчастной Крине. У нас здесь как бы собственная планета. И на ней, как на планете, есть правительство и есть граждане. Если у людей нет настоящего дела, они его придумывают. Мне легче других, я с грехом пополам продолжаю свои наблюдения. Старик Гермес следит, чтобы вода не прорвалась в подземелье. А Госпожа Гера правит нашим миром в постоянной борьбе с толстяком Меркурием и его глупой дочкой. Они борются за власть. Не улыбайся, Алиса, ты не знаешь, что порой власть людям кажется важнее работы, даже важнее жизни. Так случилось потому, что мы — пленники собственного мира. Для Геры Закон стал богом. Пока действует Закон, она правит Атлантидой. Пока она правит, она жива. Сто лет назад двое из нас, зная, что

Земля уже вышла в космос, хотели подняться на поверхность и рассказать обо всем людям. Гера узнала об этом. И был суд. Она потребовала на Совете казни предателям за нарушение Закона. Я тогда выступил против этого жестокого решения, но люди были приговорены к смерти. Я был уверен, что приговор — пустая формальность. Кто и как будет казнить своих товарищей? А на следующий день этих людей нашли мертвыми. Никто не признался в том, что совершил злодеяние. Но я убежден, что их отравила Гера. Ради чего? Ради власти...

— Но неужели вы не пытались дать о себе знать? — спросила Алиса. — Тайком от нее?

— Я — кринянин и подчиняюсь Закону, — сказал старик.

— И вы никогда не кидали в воду бутылку?

— Что за глупая мысль?

— Мы спустились сюда, потому что нашли бутылку с вашими координатами.

— Этого не может быть!

— И все-таки было, — сказала Алиса. Она жалела старого ученого. Он как будто закован в невидимые цепи. И не знает, что хуже: остаться и умереть здесь или уйти отсюда...

— Давайте поглядим, где Пашка, — сказала Алиса. — Он уже, наверное, в ангаре.

Глава 7. Победа госпожи Геры

С тех пор как Пашка расстался с Алисой, убежав от озера сирен, он многое увидел. И чем больше он видел, тем больше удивлялся и запутывался в своих версиях.

Он был в заброшенном театре, но не догадался, что это театр. Он видел засохший темный сад, где шуршали ветвями мертвые деревья и рассыпались под ногами хрупкие стебли травы. Он увидел странную мастерскую реставраторов. Там когда-то старались возродить произведения искусства, найденные на утонувших кораблях, — чистили от кораллов и ржавчины, укрепляли, паяли, восстанавливали обычные и необычные предметы: ложки, тарелки, часы, картины, скульптуры и даже одежду.

Потом Пашка заблудился, попал в нежилую часть пещерного города и с трудом нашел путь назад. Он спугнул стаю летучих собак, видел белого подземного червя, похожего на канат...

Только на исходе часа Пашка оказался в том музее, где Алиса пережила несколько страшных минут. Он, конечно, спешил, но, когда увидел гигантский склад трофеев, задержался там, потому что заметил парусник.

Пашка много читал о пиратах и мореплавателях и потому сразу определил, что в музее стоит непонятно как перенесенный туда атлантами испанский галеон семнадцатого века «Сарагосса». На оружейных палубах галеона сохранились тридцать две пушки, в каюте капитана — мореходные инструменты, его треуголка и серебряный бокал, а в трюме — груз пряностей и китайского фарфора.

Понятно, что Пашка обследовал галеон от клотика до трюма, потерял на это полчаса, но ничего с собой поделывать не мог. Он даже поднялся на верхнюю палубу, увидел там штурвал и постоял, держась за него и воображая, что паруса надуваются над головой и пассат подгоняет «Сарагоссу» к Молуккским островам, чтобы сразиться там с голландским корсаром, что разгромил испанскую факторию...

Пашка был так погружен в собственные мысли, что не слышал осторожных шагов Алисы. И не заметил ее преследовательницу. Иначе он, разумеется, вмешался бы в ход

событий. Тем более что через плечо у него висела перевязь с коротким морским абордажным палахом и он мог дать бой любому пирату.

А когда Алиса, умирая от страха, бежала по проходу между роялей, машин, ящиков, танков, статуй, тюков с бархатом, якорей, кроватей, столов, компьютеров, связок копры, Пашка, все еще воображая себя капитаном Хуаном Диего Суаресом, спускался по трапу с другой стороны фрегата.

Он слышал шаги, даже голоса, но меньше всего хотел встретить кого-нибудь из атлантов. Поэтому поспешил прочь от голосов и вышел из музея.

И вскоре он достиг цели.

Зал, в который попал Пашка, был разделен пополам прозрачной перегородкой. По ту сторону перегородки была вода. Зал был совсем пуст, если не считать сваленных в кучу каких-то баллонов и инструментов, а недалеко от перегородки — небольшого пульта, схожего с пюпитром, какой стоит перед дирижером в оркестре.

Вода за перегородкой была темно-зеленой.

Пашка включил шлемовый фонарь и подошел к перегородке.

Луч пронизал толщу воды и высветил узкую, похожую на акулу подводную лодку. Она лежала на дне. За ней, туда луч доставал с трудом, Пашка угадал очертания батиската.

Пашка обрадовался батискату, как родному брату.

— Здравствуй, — сказал Пашка вслух.

Но как проникнуть к батискату? Как проверить, цел ли он? Как вывести его отсюда наверх?

Может, вернуться в город атлантов за Алисой?

Пашка подошел к пульта. «Проверим, как действует система, — сказал он себе. — Ведь наверняка атланты как-то выходят наружу».

Возле кнопок на пульте были надписи на непонятном языке атлантов.

Пашка нажал на крайнюю кнопку справа.

Ничего не произошло, только где-то сверху раздалось слабое жужжание и на пульте загорелся зеленый огонек.

— Как я понимаю, — раздался голос, — ты намерен затопить наш город.

Пашка обернулся.

За его спиной, скрестив руки на груди, стояла Госпожа Гера. Ее большие черные глаза смотрели сурово, белые волосы обрамляли голубое лицо, и розовое платье мягкими складками касалось пола.

— Ты хочешь нам отомстить? — спросила женщина.

Она говорила совершенно серьезно. Пашка даже удивился.

— Почему я должен мстить? — сказал он. — Я хотел узнать, как попасть к нашему батискату.

— Пойми меня, мальчик, — сказала женщина, — мы живем здесь вдали от всех людей, мы никому не мешаем, никого не трогаем. Нам нужно только, чтобы нас оставили в покое. Если вы выйдете наружу, вы сразу же приведете за собой своих друзей, и наша Атлантида погибнет.

— Почему? — удивился Пашка. — Если хотите, живите здесь. Но мне кажется, вы не очень хорошо живете.

— Мы живем по нашим древним законам.

— Вы, наверное, не представляете себе, как мы живем там, наверху, — сказал

Пашка. — Вы оторвались от действительности. Может, в ваши атлантические времена люди враждовали, мешали жить друг другу. Но теперь на Земле мир, все сыты и даже нет армий. Вы не бойтесь. Я вам даю честное слово, вас никто не тронет. К вам будут приезжать только ученые, чтобы вас исследовать.

— Вот ты и проговорился, мальчик, — сказала розовая женщина. — Ты прав. Нас не оставят в покое. Погибнет тайна, погибнет Закон, и мы тоже погибнем!

— Если бы вы заглянули наверх, то поняли бы, как вы не правы!

— Неужели ты думаешь, что мы не заглядываем наверх? Мы знаем о вас все. Мы можем увидеть любую точку Земли. Уже много тысяч лет мы следим за каждым вашим шагом!

— Значит, вы не атланты!

— Для тебя мы атланты.

Женщина вздохнула, прикрыла глаза, стараясь успокоиться. Потом сказала спокойно:

— Прости, я совсем забыла, что ты всего-навсего мальчик и не знаешь действительных побуждений взрослых людей. Тебя легко обмануть.

— Меня не так уж легко обмануть, — возразил Пашка.

— Ты мне нравишься. Ты смелый мальчик.

Женщина подошла к нему и положила руку на его плечо. Пашка покосился на ее руку и увидел, какие узловатые и морщинистые пальцы у Геры. И вдруг он понял, что она стара как мир, что ей много-много лет. Он хотел спросить сколько, но не посмел.

— Любопытно, — вдруг произнесла женщина, — как все изменилось. Я в последний раз встречалась с вами, людьми, шестьдесят лет назад. Я видела водолаза. У него был совсем другой скафандр. Куда более громоздкий. На какую глубину рассчитан твой?

— На два километра, — сказал Пашка.

— Молодцы! Вы делаете большие успехи. Я помню, как люди опускались под воду только в специальных колоколах. Ты не читал об этом?

— Читал, — сказал Пашка. — Пока под колоколом был воздух, водолаз мог дышать.

— Молодец. А из чего сделан твой шлем?

— Это полистон, — сказал Пашка.

— Дай погляжу, — сказала женщина.

Пашка удивился, но отстегнул шлем и протянул ей.

Женщина надела шлем.

— Мне идет твой шлем? — спросила она с улыбкой.

И что-то в этой улыбке испугало Пашку.

— Отдайте, — сказал он.

— Сейчас, — сказала женщина.

Она медленно отступала от Пашки.

Он сделал шаг следом за ней, и тогда женщина включила шлемовый фонарь. На расстоянии двух метров его свет с такой силой ударил Пашке по глазам, что тот зажмурился.

— Не надо! — воскликнул он и в ответ услышал резкий, колющий смех.

Когда Пашка открыл глаза, он увидел, что дверь в зал закрывается. Стало очень тихо. Пашка не знал, что делать.

И тут он услышал голос Госпожи Геры:

— Прощай, мальчик. Ты мне понравился, но я не могу оставить тебя в живых.

Пашка увидел, как в стеклянной перегородке открылся люк. И в него хлынул поток зеленой воды. Он ворвался в зал так сильно, что казался толстым блестящим канатом,

протянувшимся через зал. Струя воды ударила в камень и разлетелась брызгами.

Вода завихрялась по полу, и вот уже весь пол залит водой, вот она коснулась башмаков Пашки, поднялась до щиколоток... Пашка бросился к двери, за которой скрылась Госпожа Гера. Но, конечно, дверь была закрыта... Вода крутилась водоворотами, быстро поднимаясь.

Там, за перегородкой, совсем близко, — батискат. Но до него без шлема не добраться.

Пашка поднял голову, выискивая, нет ли наверху отверстия... Он еще даже не успел испугаться, но был жутко зол, что дал себя провести розовой женщине.

Вода уже поднялась до колен...

Глава 8. Камеусы выходят на охоту

Посейдон начал последовательно, один за другим включать мониторы.

Вот зал музея. Пусто. Вот театр, там никого. Вот покои наследницы. Наследница спит, обняв лысую куклу. Вот берег подземного озера. Сирены сидят у пустых кормушек и заунывно поют...

— Почему у вас такие странные имена? — спросила Алиса.

— Мы взяли их из древних земных мифов. Так велит Закон. Никто не должен догадаться, что мы — пришельцы.

— А ваше настоящее имя?

Ответить Посейдон не успел.

На экране монитора возник зал перед ангаром Атлантиды. Все в зале изменилось.

Зал был залит водой, которая хлестала из отверстия в перегородке.

По пояс в воде металась маленькая фигурка.

— Пашка! — закричала Алиса. — Что с ним? Почему он не уходит?

— Проклятие! — воскликнул Посейдон. — Она нас обманула! Она добралась до него раньше нас!

Вспыхнул еще один монитор.

Алиса увидела, что, отделенная от ангара стеклянным иллюминатором, глядит на Пашкины мучения розовая Госпожа. Она улыбается и гладит Пашкин шлем, прижимая его к груди.

— Она отняла у него шлем!

— Вижу, — сказал Посейдон.

— Скорее, бежим ему на помощь!

— Мы не успеем, — ответил старик.

— Не спорьте!

— Но это безнадежно.

— Пожалуйста! Я же не знаю дороги!

Посейдон кинул последний взгляд на мониторы.

Вот Пашка. Вода уже достигает ему до груди. Пашка старается стащить с себя скафандр, который тянет его ко дну.

Розовая женщина удовлетворенно кивает головой, кидает на пол шлем и быстро уходит...

Алиса первой выбежала из лаборатории Посейдона.

Старик возился с ключами, он волновался, никак не мог попасть ключом в скважину.

— Никто не тронет вашей лаборатории! — сердилась Алиса. — Не тратьте времени.

— Надо запереть. Нужен порядок. Закон запрещает...

— Хоть скажите, куда мне бежать!

— Иду, иду...

Посейдон широкими шагами пошел по коридору. Алиса хотела схватить его за руку и тащить за собой, но она понимала, что он не может идти быстрее.

— Какое изуверство! — бормотал Посейдон. — Докатиться до низкого преступления!

Алиса не слушала старика. Она представляла себе, как вода в подземелье поднимается к потолку и там, стараясь удержаться на плаву, бьется Пашка, но силы его оставляют.

— Долго еще?

— Скоро, — задыхаясь, произнес старик. — Скоро... Я не могу!

Мелькали светильники. Странные статуи улыбались Алисе в залах, летучие собаки пронеслись черными тенями...

— Здесь, — сказал наконец Посейдон.

Ход раздваивался перед ними: лестница вверх и лестница вниз.

— Там. — Посейдон показал на нижнюю лестницу. — Вход в ангар.

И поспешил по второй лестнице наверх.

— Вы куда?

Посейдон уже стоял перед дверью.

— Мы должны перекрыть воду. А это можно сделать только отсюда.

Он распахнул дверь и с опаской заглянул внутрь.

Алиса поняла: он боится, не поджидает ли их Гера.

Маленькая комната. Пульт управления. Один иллюминатор, глядящий в ангар. Комната пуста.

Посейдон протянул руку к пульта. Алиса кинулась к иллюминатору. И замерла от удивления.

В зале не было воды!

Пол был мокрым, на полу валялись клочки водорослей, расплескалась пятном слизи медуза... Но Пашки и след простыл.

— Где он? Где? — Алиса обернулась к Посейдону, будто он был во всем виноват.

— Я сам ничего не понимаю, — ответил старик. — Кто-то перекрыл воду, включил насосы и выпустил твоего друга... Это загадка.

— Побежали обратно, — сказала Алиса. — Мы включим мониторы и найдем Пашку.

— Если я пробегу еще десять метров, — простонал старик, — я умру.

Он сказал это так искренне, что Алисе стало стыдно. Ведь в триста лет нелегко бегать по коридорам и слушать упреки какой-то девочки. Посейдон нарушил из-за нее Закон, теперь ему пощады не будет. И поэтому Алиса сказала:

— Не бойтесь, я с вами. Я вас не оставлю. Мы возьмем вас наверх, и никакая Гера до вас не доберется.

Голубые губы Посейдона тронула слабая улыбка.

— Спасибо, девочка, — произнес он.

Он с трудом поднялся и медленно пошел к выходу.

Алиса кинула последний взгляд на батискат, который мирно покоился в зеленой воде, такой близкий и такой недостижимый. И вдруг ахнула: батискат медленно начал двигаться.

— Посейдон! — воскликнула она. — Смотрите!

Батискат, набирая скорость, удалялся от стеклянной стены. Вот он включил носовой

прожектор, и конус света разрезал зеленую мглу.

— Этого не может быть! — произнес Посейдон. — Он не мог.

— Это Пашка! — радовалась Алиса.

— Но как? Никто не мог вывести его отсюда. Его шлем отняла Гера.

Алиса оглянулась. Шлема нигде не было.

— Пойми же, — упрямо повторял Посейдон, — у толстяка и наследницы ума не хватило бы... да и не нужен им батискат, они хотят править Атлантидой. Старик Гермес давно в маразме... Неужели Гера?

— Конечно, — с иронией сказала Алиса. — Она сначала его утопила, а потом отнесла на батискат.

— Ничего не понимаю, — развел руками Посейдон.

— Все хорошо кончилось, — сказала Алиса, глядя, как светлым пятнышком исчезает в глубине океана батискат. — Сейчас Пашка вызывает по рации ферму на острове Яп. Через час здесь уже будут катера спасательной службы. И власть вашей Геры кончится...

— Мне страшно, — сказал старик. — Я прожил всю жизнь здесь, под водой.

— Не бойтесь, — сказала Алиса. — У нас хорошие врачи.

Посейдон покачал головой...

— Врачи не всегда могут помочь, — вздохнул он.

— Пошли, — сказала Алиса.

— Куда?

— Вам надо подготовиться. Кто-то должен все объяснить нашим.

— Погиб Закон, погибла Атлантида, — сказал Посейдон. — Тебе этого не понять.

— Честное слово, всем будет лучше!

Настроение у Алисы исправилось. Как хорошо, что раз в жизни Пашка оказался сознательным человеком и, вместо того чтобы совершать подвиги, догадался отправиться за помощью!

Если бы Алиса знала в тот момент, как она далека от истины, она бы так не радовалась...

Алиса с Посейдоном осторожно шли по коридору. Старик впереди. У него был замечательный слух, выработанный за многие годы жизни в тишине подводного мира. Он шел медленно, опасаясь каверз Госпожи Геры...

Вдруг он остановился.

— Слышишь? — прошептал он.

— Ничего не слышу.

— Сегодня полнолуние, — сказал Посейдон. — Сейчас там, наверху, взошла луна...

— И что же?

— Камеусы вышли на охоту.

— Я ничего не понимаю.

— Скорее, Алиса, — сказал Посейдон. — Надо спрятаться в моей лаборатории. Туда они не проникнут...

Над головой послышался шорох, потом громкий голос Геры прозвучал в динамике:

— Внимание! Камеусы вышли на охоту. Всем запереться в помещениях. Кто успеет, спешите в зал Совета.

И тут Алиса тоже услышала то, что так испугало старика.

Из недр подземелья доносился шорох, будто тысячи маленьких коготков скребли по

камням. Этот шорох, хоть тихий и далекий, таил в себе что-то злое...

Старик побежал. Алиса даже не думала, что у него остались силы так бежать. Она бежала рядом, думая, как подхватить старика, если он упадет.

Через несколько метров они достигли двери в центр наблюдения. Старик дрожащей рукой сунул ключ в скважину.

И тут Алиса увидела загадочных камеусов. В дальнем конце коридора показалась серая масса.

Непонятно было, из чего она состоит: смутно мелькали ноги, покачивались спины каких-то существ. Все громче был слышен шорох.

Старик открыл дверь.

— Скорее! — Он почти упал внутрь. — Запри. У меня нет сил.

Алиса взяла у него ключ и, когда запирала дверь, почувствовала, как что-то ткнулось в нее. Потом еще удар...

Алиса повернула ключ.

Старик сидел на полу, прислонившись к стене.

— Все в порядке, — сказала она.

— Я сейчас, — простонал старик. — Сил не осталось...

— Давайте я вам помогу. — Алиса попыталась поднять Посейдона, он был худой и казался легким, но на самом деле поднять его было трудно...

Он потерял сознание, и Алиса, задыхаясь от напряжения, приволокла его во внутреннюю комнату центра наблюдения, где был диван, — не оставлять же старика на каменном полу.

К счастью, диван был низким. Алиса опустилась в ногах у старика.

Отдышавшись, она подошла к пульта.

Вот театр. Что-то темное проскочило в поле зрения монитора. Еще одна тень... Но не разберешь, что это такое.

Алиса стала смотреть на следующий экран. На нем был виден берег подземного озера.

И тут она увидела первого камеуса.

Это был большой серый краб, размером с собаку. Тонкие длинные ноги делали его похожим на паука-сенокосца, только очень большого. Но, в отличие от безвредного сенокосца, у краба были длинные массивные клешни, которые он раскрывал и сводил, будто угрожал.

Не успела Алиса разглядеть первого камеуса, как следом за ним на берег подземного озера выскочили другие. Они разбежались вдоль воды, вынюхивая что-то словно собаки. Алиса увидела, как из озера показалось испуганное лицо сирены и сразу исчезло, как только она заметила камеуса.

Один из камеусов увидел свет в лаборатории над озером. Он скользнул в ее дверь. И принялся пробовать клешнями приборы — может, искал что-нибудь съедобное. Алиса услышала звон и хруст стекла.

Она обернулась, глядя на Посейдона. Но тот все еще лежал с закрытыми глазами и часто дышал.

Алиса хотела заглянуть в другие залы Атлантиды, но не знала, какие кнопки нажимать. Включались все новые экраны.

На одном было видно море. Солнце склонялось к воде. Алиса взглянула на часы: седьмой час. На базе уже волнуются. Нет, успокоились. Ведь там знают, что случилось.

Включился еще один экран. На нем был виден небольшой городок на берегу моря. Белый мирный городок, несколько корабликов и глиссеров стоят у причала, над улицей медленно плывет флаер... Почему этот городок заинтересовал Посейдона? Надо будет спросить.

Шорох со стороны двери отвлек Алису. Она поняла, что это скребутся крабы.

Посейдон открыл глаза.

— Вам плохо? — спросила Алиса. — У вас есть лекарство?

— Там, — тихо сказал Посейдон. — Синий пузырек. Видишь?

Алиса достала лекарство. Протянула старику.

Он прислушался.

— Они скребутся в дверь? — спросил он. — Это стучит смерть.

— Вы о крабах? — спросила Алиса.

— Камеусы... — Старик открыл пузырек, по комнате распространился странный острый аромат. Старик поднес пузырек к носу, понюхал... — Последний, — сказал он в ответ на взгляд Алисы. — У нас была аптека, с Крины.

Камеусы продолжали царапаться в дверь.

— Откуда они? — спросила Алиса. — Из моря?

Старику стало легче. Он опустил ноги на пол.

— Спасибо, — сказал он. — Не представляю себе, как ты меня дотащила. Отважная девочка.

Посейдон встал и подошел к мониторам.

Он увеличил изображение на мониторе, что глядел на берег подземного озера, и показал Алисе крупным планом краба, который методично рвал на клочки белый халат, забытый в лаборатории.

— Они жили здесь всегда, — сказал старик. — Правда, судя по всему, раньше они были куда меньше и совсем безвредными. Их ловили, исследовали... Это особый род пещерных крабов. Они таятся в трещинах скал и питаются тварями, что живут в пещерах, — улитками, мокрицами, если повезет, летучими собаками, даже грибами, что вырастают в темноте. Когда много тысяч лет назад это подземелье обжили атланты, крабы стали пожирать объедки, научились ловко воровать пищу, забираться в склады...

— Но ведь Атлантида утонула, — сказала Алиса, не в силах оторвать взгляда от краба, который рвал белый халат. В движениях его клешней и в выражении белых, на стебельках, глаз была холодная жестокость.

— Камеусы мечут икру и затем обволакивают ее плотной оболочкой. В глубинах трещин икринки прожили несколько лет, пока мы не откачали отсюда воду. А затем камеусы приспособились жить рядом с нами. Мы старались их извести, травили ядами. Многие крабы погибали, но те, что остались, перестали бояться ядов. Мы придумали новые способы истребления. Крабы учились с ними бороться. Мы запаковывали органические продукты в специальные контейнеры, камеусы стали прогрызать металл. Пока на станции было много людей, крабы отсиживались в своих трещинах и каменных норах. Но теперь, поняв, что мы бессильны, камеусы перешли в наступление. На наше счастье, крабы становятся агрессивны лишь раз в месяц, когда над океаном поднимается полная луна. В эту ночь они впадают в бешенство. В такие ночи мы собираемся в зале Совета за двойными стальными дверьми, потому что обычная дверь теперь не преграда для них... Но никогда еще я не видел такого нашествия...

— Что же делать? — спросила Алиса.

— Остается только одно: ждать. Как только зайдет луна, крабы исчезнут, спрячутся в своих щелях.

— Скоро придут спасатели, а они ничего не знают о крабах.

— Крабы, к счастью, не умеют плавать.

«Странно, — подумала Алиса, — я спешила, бежала — и вдруг остановилась. Я сижу в осажденной крепости и жду спасения. Рядом со мной очень старый человек, пришелец с другой планеты, который сотни лет жил в подводной тюрьме и не смел ее покинуть. И даже сейчас боится. А я к нему уже привыкла. Лицо у него приятное, очень усталое, но не злое».

Алиса поглядела на мониторы.

— А почему у вас некоторые мониторы показывают наш мир? — спросила она. — Вот этот показывает море, а тот — какой-то городок.

— Привычка, — сказал Посейдон. — Я ведь не только наблюдатель. Я занимаюсь тектоникой, изучаю строение Земли. Я прихожу сюда, веду наблюдения, регистрирую процессы, которые происходят в недрах вашей планеты. Работа меня спасает... Хоть она и никому не нужна.

— Теперь все будет иначе, — возразила Алиса. — Вы же знаете многое, что неизвестно наверху. Наверху вас обязательно сделают академиком, вот увидите.

— Наивно, девочка. Кому нужен выживший из ума старик? Все наши открытия безнадежно устарели. Еще сто лет назад мы знали о вашей планете в тысячу раз больше, чем сами земляне. Но ваша наука развивалась с такой скоростью, что теперь мне впору у вас учиться.

— Как жалко, что Закон запрещал вам выйти к людям раньше! — сказала Алиса. — Вы бы нам сильно помогли.

— Мы изучили морское дно. Мы знаем, где под океаном находятся очаги магмы, где — запасы полезных ископаемых. Мы знаем, как предсказывать извержения вулканов и землетрясения... Вот видишь этот гавайский городок Колау? Он спокойно спит, не подозревая, что в шесть утра на него обрушится землетрясение. И не будет больше этого городка — разлетятся на куски его дома, провалится под землю эта церковь, волна цунами смоем в море порт...

— Какой ужас! — воскликнула Алиса. — И вы так спокойно об этом говорите? Даже муравейник жалко, если он попадет в лесной пожар, а вы же говорите о целом городе, о людях, которые в нем живут!

— Это закон природы, — сказал Посейдон. — Мы не вмешиваемся.

— Вы не вмешивались, вы жили, как подземные кроты! Поглядите, до чего вы докатились! Нельзя быть только наблюдателями. Люди должны помогать друг другу. Знаете, кто вы? Вы преступники. И сами себя наказали! — возмутилась Алиса.

— Если бы мы открылись вам, то ваша судьба изменилась бы. Я не знаю, была ли бы сейчас Земля лучше или хуже, — возразил Посейдон.

— Я говорю не о том, чтобы вмешиваться или не вмешиваться! — сказала Алиса. — А о том, чтобы спасти людей, если им грозит опасность! Если бы опасность грозила вашей планете или даже вашей станции, мы пришли бы к вам на помощь!

— Для того чтобы стать такими, вы должны были сами прожить собственную историю. Сами совершить свои ошибки и сами их исправить.

— Но какую же ошибку совершили люди того города, который спит? И которые

погибнут на рассвете?

— Я надеюсь, что ваши сейсмологи уже догадались, что надвигается землетрясение.

— Нет, не догадались. Это ясно. Вы же видите, до землетрясения осталось несколько часов, а в городе спокойно, никакой эвакуации. Значит, о землетрясении никто не подозревает.

— Я ничего не могу сделать, — сказал Посейдон.

— Неужели у вас нет рации?

— Она давно уже вышла из строя. Да и зачем нам связь с Землей?

— Скорей бы спускались спасатели, — сказала Алиса. — Тогда мы успеем предупредить этот городок...

Она была сердита на Посейдона и на всех этих криняк. Вроде бы они говорят правильно, логично, разумно. Но все равно они не правы.

Алиса с надеждой смотрела на монитор, на котором был виден ангар. Скорей бы...

Но там было спокойно. Только один камеус выскочил в зал, быстро переставляя серые ноги, боком пробежал через него, остановился перед стеклянной стеной, вглядываясь в толщу воды. Потом побежал прочь.

Посейдон уселся в кресло перед монитором и сказал тихо, словно чувствовал себя виноватым:

— Надо проверить, как остальные...

Но он не успел этого сделать. На мониторе, который показывал подземное озеро, в толпе крабов, суетившихся на берегу, жадно глядя на перепуганных сирен и морских змееньшей, вдруг возникла паника. Крабы бросились наверх, подальше от воды.

Вода в середине озера расступилась, и из нее показался прозрачный купол. На поверхность поднимался батискат. Еще несколько секунд — и батискат, вынырнув из воды, замер. Можно было различить, что под куполом два человека.

Яркий свет прожектора ударил по берегу. Купол откинулся. В батискате стоял Пашка.

Глава 9. Бегство из Атлантиды

Алиса сразу все поняла.

Вместо того чтобы подняться на поверхность и вызвать помощь, безрассудный Пашка отправился сам совершать подвиги.

Почему так случилось?

Но для этого надо рассказать, что же произошло с Пашкой Гераскиным.

...Вода уже достала Пашке до груди, когда он понял, что больше она не поднимается. Вода не только не прибывала, она начала уходить из зала. Слышно было, как работают насосы. Тяжело дыша и чавкая, они выкачивали воду.

Вот вода уже по колено, по щиколотки... вот последние ее струи втягиваются в решетку в полу.

Дверь в зал отворилась, и туда вошел, волоча ноги, старик Гермес. Он был в скафандре, сумка с инструментами через плечо. В руке Пашкин шлем, который унесла Гера.

— Это вы откачали воду? — спросил Пашка.

— Опять поломка, — вздохнул старик. — Везде поломки. Иду, вижу — прорвало. Да и ты остался запертый. Ох, старое все здесь, ненадежное. Попадешься невзначай, утонуть можно. Ай-ай-ай! — Старик тяжело вздохнул и протянул Пашке шлем: — Потерял, что ли?

— Спасибо.

Пашка не знал, что ответить старику. Может, признаться, что шлем отняла Госпожа Атлантиды и хотела его убить? А вдруг старик, чего доброго, сообщит Гере, что ее план не удался, и тогда она вернется, чтобы исправить ошибку.

Но старик сам разрешил Пашкины сомнения.

— И чего же ты хотел, мальчик? — спросил он. — Небось домой захотелось? К маме? Пошли, провожу тебя.

И старик вывел Пашку из зала, провел узким ходом в шлюзовую камеру. Потом задраил внешний люк, спросил, в порядке ли шлем у Пашки. Пашка надел шлем, закрепил его и проверил, как поступает воздух. Все было в норме. Потом старик вытащил из инструментального ящика свой потертый и поцарапанный шлем, похожий на шлем греческого воина, привинтил его и открыл воду. Шлюз быстро наполнился, и старик Гермес открыл внешний люк. Они стояли на дне океана.

Старик побрел вперед. Они не могли разговаривать — системы связи в скафандрах были разными. Пашка уже догадался, что старик ведет его к батискату.

Пашке казалось, что прошла вечность, прежде чем они, миновав субмарину атлантов, достигли батиската. Старик остановился. Он подождал, пока Пашка открыл люк переходника, а через три минуты они уже были внутри батиската и можно было снять шлем.

— Почему вы меня спасли? — спросил Пашка.

— Почему? — повторил старик, глядя на Пашку выцветшими серыми глазами. — Это я себя спас.

— А я думал, что вы ничего не сообщаете, — нетактично признался Пашка. — Вы всегда чепуху несли.

— Так все думают, — сказал старик. — Какая опасность от старого дурака? Этим и спасаюсь.

— Но почему?

— Потому что здесь больше жить нельзя. Но и признаться в этом — значит, жизни

лишиться. Вот и притворялся дураком.

Пашка уселся в кресло у пульта батиската.

— Куда идти? — спросил он. — Вы знаете?

— Туда. — Старик показал пальцем направление. — Я бы сам на нем уплыл, но не знаю, как управлять.

Пашка включил прожектор и начал разворачивать батискат.

Именно тогда Алиса увидела, как батискат уплывает, и обрадовалась, что Пашка догадался вызвать спасателей.

Старик Гермес тоже решил, что Пашка будет подниматься.

— Через триста метров выход в ущелье, — сказал он Пашке. Голос старика изменился, даже помолодел.

— И давно вы притворяетесь? — спросил Пашка.

— Давно. Если открыть мысли, Госпожа Атлантиды сразу меня со света сживет. Я все старался весть наверх дать. Я знаешь что придумал? Собирал старые бутылки, вкладывал в них записки с нашими координатами и выпускал в море.

— Я знаю! — воскликнул Пашка. — Мы потому и приплыли сюда, что нашли такую бутылку. С координатами.

— Значит, я был прав, — сказал старик Гермес.

— А что же вы подробнее не написали?

— Я напишу, — проворчал старик, — бутылка к Госпоже попадет. Она и догадается. Я человек старый, немощный, мне уже триста лет скоро. Я терпел и ждал. Что с дурака возьмешь? Хожу себе, чиню, латаю...

— Как хорошо, что вы успели вовремя и спасли меня.

— Я не успел. Я знал. Я как выследил, что Госпожа сюда идет, — сразу за ней. И ждал, пока она уйдет. Очень боялся, что она задержится поглядеть, как ты потонешь.

Батискат прошел сквозь горло широкого туннеля и оказался в ущелье.

— Поднимайся, — сказал старик. — Теперь можно.

Но Пашка не спешил перевести рули батиската на вертикальный подъем.

— Подождите, — сказал он, — нельзя оставлять Алиску. Ей угрожает ваша Госпожа.

— Так поднимись, позови на помощь!

— Нет, сначала мы возьмем Алису. Помощь может опоздать.

— Лодка твоя, ты капитан, — вздохнул старик. — Только разумнее вызвать помощь.

— Мы возвращаемся, — твердо произнес Пашка.

— Есть другой путь в Атлантиду, — помедлив, сказал старик. — Через подземное озеро. Там нас не ждут.

Старик боялся возвращаться в Атлантиду. Он нарушил Закон и знал, что сделает с ним Госпожа, если он попадет к ней в руки. Пашка этого понять не мог. А старик, мечтавший лишь о том, что он увидит перед смертью настоящее солнце и вдохнет свежего морского воздуха, мрачно сидел рядом с Пашкой. Он уже жалел, что спас его.

Шлюзовое устройство у озера действовало. И меньше чем через час после того как старик спас Пашку в зале ангара, они вынырнули посреди подземного озера, перепугав и без того испуганных сирен и морских змееньшей.

— Что это? — спросил Пашка, увидев, как от луча прожектора разбегаются камеусы.

— О горе! — воскликнул старик. — Как я мог забыть! Сегодня полнолуние! Камеусы вышли на охоту!

Эти слова старика Гермеса Алиса услышала. Их уловили микрофоны в зале подземного озера.

Алиса слышала, как Гермес объяснял Пашке, что такое камеусы. Посейдон, сидевший рядом, удивленно говорил:

— Этого быть не может! Ведь Гермес давно сошел с ума! Он ничего не понимает! Какая глупость! Нас было двое недовольных, а мы не доверяли друг другу.

Голос Госпожи Атлантиды раскатился по всему подземелью.

— Я все вижу! — кричала она. — Я вижу, какое преступление совершил ничтожный Гермес, который не убоился моего гнева. Слушай же, предатель Атлантиды, нарушитель Закона: если ты сейчас убьешь этого мальчишку, я сохраню тебе жизнь.

Алиса видела, как вздрогнул Гермес, услышав грозные слова Геры. Он опустил голову, съежился, стараясь спрятаться от разящих слов.

— Не бойся, — услышала Алиса голос Пашки, — ничего она с тобой не сделает.

— Она всеильна, — тихо ответил Гермес.

— Зло не бывает всеильным, — возразил начитанный Пашка.

Крабы, толпившиеся у лаборатории, замерли, тоже слушая Госпожу Атлантиды.

— Я жду одну минуту, — произнесла Гера. — После этого пеняй на себя.

Посейдон включил еще один монитор. Гера стояла посреди зала Совета Атлантиды, держа в руке золотой микрофон в виде змеиной головы.

— Я пойду, — сказал между тем Пашка. — Мне надо найти Алису.

— Ты не пройдешь мимо камеусов, — чуть не плача, произнес Гермес. — Они разорвут тебя.

— Надеюсь, мой скафандр выдержит.

Алиса обернулась к Посейдону:

— Пожалуйста, сделайте так, чтобы он нас услышал. Он должен знать, что мне ничего не грозит.

Посейдон наклонился к микрофону.

— Внимание, — произнес он, — говорит Посейдон. Слушай меня, Госпожа Атлантиды! Слушай меня, Гермес, слушай меня, мальчик Паша. Алиса в безопасности. Она стоит рядом со мной. Госпожа, ты бессильна против нас. Еще вчера мы были разобщены, каждый сам по себе, и потому ты правила Атлантидой и утверждала, что ты и есть Закон. Твое время прошло. Я лишь жалею, что раньше не доверял Гермесу.

— Я тоже жалею об этом! — закричал Гермес, который услышал слова Посейдона.

— Ты одна, Гера, — продолжал Посейдон, — с помощью детей, которые пришли из солнечного мира, мы поняли, что единственный выход — наверх, где ветер и солнце.

— Я убью вас! — кричала Гера. Она отбросила микрофон и протянула руку к рубильнику на стене. — Я затоплю Атлантиду! Никто не выйдет отсюда живым.

— Глупости, — сказал Посейдон. — Гермес и Паша в батискате. Они не погибнут.

Гера замерла. Она поняла, что Посейдон прав.

Обезумевшая от страха потерять власть, Госпожа Атлантиды готова была убить всех. И если кто-то спасется, ее торжество будет неполным.

И тут все услышали отчаянный визг.

Вспыхнул еще один монитор. На нем была видна детская Афродиты.

Наследница сидела на кровати, прижимая к груди куклу, и отчаянно вопила. Ее отец, толстяк Меркурий, стоял посреди комнаты, подняв стул. Им было отчего испугаться: в

дверной трещине шевелилась клешня камеуса. С каждым мгновением щель становилась все шире. Слышно было, как трещит дверь.

Толстяк кинулся к двери и стал суматошно колотить по ней стулом, стараясь попасть по клешне, но промахивался и лишь расшатывал дверь.

— Гера! — воскликнул Посейдон. — Достань оружие. Бери лазерный бластер и спаси Меркурия с Афродитой. Ты Госпожа Атлантиды. Это твой долг — защищать кринян.

— Это священное оружие!

— Открой сейф! Наступил момент.

— Момент? — Госпожа Атлантиды задумалась. Потом тихо произнесла, словно читала: — В момент крайней опасности для станции ее начальник имеет право употребить оружие. Так гласит Закон.

Гера открыла сейф и вынула оттуда лазерный бластер.

И тут же направилась к двери.

— Вот видишь, — сказал Посейдон. — Я рад, что она вспомнила о долге.

— Вы уверены, что Госпожа Гера идет спасти наследницу и Меркурия? — спросила Алиса.

На экране монитора было видно, что Госпожа Атлантиды выбежала из двери. Навстречу ей, раскрыв клешни, кинулись два крупных камеуса.

Зеленый луч вылетел из бластера, крабы обуглились и кучками пепла рассыпались по каменному полу.

Госпожа миновала зал скульптур, потом повернула направо...

— Куда? — закричал Посейдон. — Не туда!

Камеусы, почуяв шаги Госпожи Атлантиды, кидались на нее со всех сторон. Но она резала их лучом, не останавливаясь... Она бежала к подземному озеру...

Алиса поняла: через три минуты Гера увидит батискат.

Она схватила микрофон:

— Пашка, ты меня слышишь?

— Что у вас случилось?

— Гера вырвалась из своей норы и несется вас расстреливать. Она вооружена и очень опасна. Немедленно — погружение.

— Понял, — быстро ответил Пашка.

Одним движением он закрыл колпак, задраил его. Взрывая бурунчики воды, батискат быстро пошел вниз. Когда Гера, уничтожая камеусов, выбежала на берег озера, лишь водоворот на месте батиската напоминал о кораблике.

Гера выбежала на самый берег, к пустым каменным кормушкам, и начала палить по воде. Взревел раненый морской змей, вода кипела, облако пара поднялось над озером.

— Она больна, — сказал Посейдон. — Она лишилась рассудка.

Как молнии сверкали лучи лазерного бластера. Батиската и след простыл, но Гера не прекращала стрельбы, будто у нее заклинило палец. И она не услышала, да и как в таком состоянии услышишь, что сзади к ней подкрались камеусы.

Даже Алиса, поглощенная зрелищем, заметила их, когда было поздно.

— Сзади опасность! — закричала она.

Но Гера не обернулась. Клешни крабов рванули ее одежду.

Гера упала на каменный пол. Зеленый луч полосовал вокруг, но она не могла прицелиться: клешни крабов резали ее руки.

Алиса в ужасе закрыла глаза руками.

Потом была тишина. Только доносился визг наследницы.

— Все, — сказал Посейдон. — Ты свободна, Алиса.

Алиса заставила себя посмотреть на монитор.

Куча тряпок и лужа крови, в которой лежал лазерный пистолет, — вот и все, что осталось от Госпожи Атлантиды.

И тут Алиса увидела, как вода близ берега расступилась.

Из воды поднимался Пашка Гераскин в скафандре. Крабы, закончив свою кровавую трапезу, кинулись к нему, широко разевая клешни.

Но Пашка не обращал на них внимания. Он будто не чувствовал, как клешни вцепляются в скафандр, стараются разорвать его.

Раскидывая крабов кулаками, он дошел до лежавшего на камнях лазерного бластера. Быстро поднял его. Несколькими короткими ударами луча он очистил берег от камеусов.

Потом откинул шлем и вытер перчаткой лоб.

— Алиса, — сказал он, — ты меня слышишь?

— Слышу, — сказала Алиса.

— Где Афродита и Меркурий?

— Я скажу тебе, как пройти, — сказал Посейдон.

Алиса вместе с ним следила за каждым шагом Пашки, предупреждая друга об опасности, когда из-за кулис в театре на него кинулся громадный камеус, когда еще один протянул клешню из-под кресла, когда целая толпа камеусов устроила засаду в темном проходе, пока другие штурмовали дверь в бывшую гримерную — детскую наследницы.

И Пашка, как в приключенческом романе, успел в самый последний момент. Крабы уже прогрызли дверь, и первый из них махал клешнями, отбиваясь от стула, которым защищался Меркурий.

Но на этом Пашкина работа не закончилась.

Он вызволил и Алису с Посейдоном. И они вместе вернулись к берегу озера.

Когда переходили в батискат, который Пашка поднял на поверхность, на берегу не было ни одного камеуса. Они не хотели больше рисковать. А может быть, сообразили, что люди уходят и камеусы остаются безраздельными хозяевами Атлантиды. Вряд ли они слышали, как Алиса крикнула:

— Недолго вам здесь править! Люди вернутся!

Крабы не ответили. Они не умеют разговаривать.

В батискате было тесно.

Мрачной серой птицей сидел Посейдон, прижимая к груди мешок с записями и документами. Рядом нахохлился Гермес, поставив ноги на драгоценную и никому уже не нужную сумку с инструментами, с которыми он не мог расстаться. Всхлипывала наследница и шептала отцу: «А нас не утопят? Может, вернемся? Крабы уйдут, и мы будем жить с тобой вдвоем». — «Успокойся, — бормотал ее отец, — нам нельзя обратно, нас некому кормить». — «Но у меня не будет своего царства». — «Папочка отыщет тебе царство...»

— Я надеялась, Паша, что ты вызовешь помощь, — сказала Алиса.

— И это вместо благодарности! — Пашка задраил люк. — Я спас население Атлантиды. Что бы вы без меня делали?

— Дождались бы помощи, — сказала Алиса. — Может, даже Гера осталась бы жива.

— Геру мне не жалко, — сурово сказал Пашка. — Она бы все равно отсюда не ушла. А

Меркурий с Афродитой обязательно бы погибли.

Он сел за управление батискафом и повел его к шлюзу.

Кто-то постучал по корпусу. Еще...

Алиса удивленно выглянула.

Рядом с батискафом плыли сирены и морской змееныш. Сирены колотили в корпус, просили не оставлять их.

— Товарищи сирены! — крикнул им Пашка. — Через несколько часов здесь будут люди. В том числе биологи. Вы для них — сокровище. Я обещаю вам, что отныне вас будут кормить только вкусно и только до отвала.

Но сирены не поняли Пашку и плыли за батискафом до самого шлюза, и их с трудом удалось отогнать, чтобы они не попали в открытое море.

Как только батискаф начал подъем из трещины, Алиса, несмотря на возражения оробевшего вдруг Пашки, взяла микрофон.

— Остров Яп, — сказала она, — вас вызывает батискаф-17.

— Это ты, Алиса? — раздался голос Дороти. — Ты с ума сошла!

— Простите, Дороти, мы не хотели вам доставлять неприятности. Но у нас было столько приключений!

— Какие могут быть приключения! — возмущенно ответила Дороти. — Вы же еще дети! Вы забываете, что питаться надо по часам. Вы знаете, сколько сейчас времени?

— Сколько? — виновато спросила Алиса.

— Девятый час, а вы все еще катаетесь по морю. Ужин остыл, кокосовое молоко прокисло, лепешки зачерствели. В следующий раз я оставлю вас без ужина.

— Мы летим, мы спешим! — воскликнула Алиса. — Мы везем гостей. Дороти, вы самая прекрасная, добрая и заботливая женщина на свете.

— Не подлизывайся, — сказала Дороти. — Сколько гостей я должна кормить сегодня?

— Кроме нас, четверых.

— Где же вы их нашли?

— В Атлантиде.

— Поняла, — засмеялась Дороти, — значит, это гидрологи. Скажи им, что я ставлю на огонь жаркое.

Алиса обернулась к криньянам.

Они смотрели на нее внимательно и даже испуганно. И молчали. Им было страшно.

Батискаф быстро шел наверх.

Рядом с ним плыл громадный морской змей Эмпедоклос, который не хотел отставать от своего друга, старика Гермеса.

— Минуточку, Дороти, — сказала Алиса, — не отключайся. Дай мне координаты сейсмической станции в Гонолулу.

— Пожалуйста. — Дороти никогда не удивлялась.

Алиса набрала координаты сейсмологов.

— Сейсмический дежурный по Гонолулу слушает, — послышался голос.

— Говорит подводная ферма острова Яп. Мы имеем информацию, что завтра в шесть утра на острове Оаху случится землетрясение силой в девять баллов. Наибольшим разрушениям подвергнется город Колау.

— Информация достоверная? — спросил сейсмолог.

— На сто процентов. Проверьте по вашим каналам, — сказала Алиса.

— Спасибо, — сказал сейсмолог. — До связи.

Батискат прорвал поверхность воды, и последний отсвет луны мелькнул в кабине.

Когда Алиса поглядела на атлантов, у нее сжалось сердце — какие это несчастные, грязные, изможденные старые люди. И чтобы жалость не отразилась на лице, Алиса улыбнулась и сказала, обращаясь к Посейдону:

— Сейсмологи благодарят вас. Вы спасли сегодня много человеческих жизней.

Маленькая голова морского змея поднялась над водой рядом с батискатом, потом показалась черная туша, короткий хвост... Поднялся фонтан брызг.

И морской змей скрылся в волнах.

Батискат взял курс на остров Яп.

Город без памяти (Алиса в стране забвения)

Вступление. О старых и новых знакомых

Стоянка перед космовокзалом была переполнена, и Алисе пришлось минут пять кружить над ней, пока не освободилось место для ее флипа. Она пролетела совсем низко над рощей кокосовых пальм. Орехи уже созрели, дрессированные мартышки срывали их и метко кидали в корзины. С низким, почти неслышным гулом с космодрома поднялся рейсовый Москва — Марс, на несколько секунд завис неподвижно над полем, затем стремительно понесся к облакам.

Август подходил к концу, погода капризничала, даже бюро прогнозов не могло ее толком наладить. У входа в космовокзал громко переключались туристки с Пилагеи в разноцветных париках, синий робот вынес из автобуса громадный букет орхидей, пожилая воспитательница пересчитывала галдящих малышей. У каждого малыша в руках розовый кристалл — значит, они вернулись из своей первой межпланетной экскурсии: такие кристаллы дают каждому, кто впервые побывает на Ганимеде...

Но для Алисы этот день был необычным.

Она провожала «Днепр».

Как быстро бежит время! Всего месяц назад они с Пашкой Гераскиным опускались в батискафе в глубины Тихого океана, спасались от морского змея, сражались на кладбище погибших кораблей и нашли затонувшую Атлантиду. И все это далеко в прошлом. Через две недели идти в школу, в седьмой класс, и все вокруг твердят: «Алиса, ты не ребенок, ты подросток, ты должна быть серьезной!»

Раньше она всегда торопила время, ей хотелось скорее вырасти, чтобы прекратилось это бесконечное детство, когда каждый тебя учит, каждый что-нибудь запрещает, каждый дает полезные советы. Вот детство и прошло. Хорошо это или плохо?

Желтый, в черных кружках, похожий на божью коровку флип взвился со стоянки. Алиса сразу бросила свою машину вниз, чтобы занять его место. Времени до отлета «Днепра» оставалось в обрез. Жалко, если опоздаешь. Ведь еще неизвестно, увидит ли она когда-нибудь снова атлантов с Крины, которых они с Пашкой отыскивали на дне Тихого океана.

Алиса выскочила из флипа и побежала на космовокзал.

Она не сразу разглядела в шумящей толпе своих друзей. Пашка первым заметил ее и закричал:

— Алиса, мы здесь!

Они стояли у ландышевого фонтана: капитан Полосков, с которым Алиса когда-то летала на «Пегасе» за дикими зверями, механик Зеленый, его рыжая борода поседела, а голубые глаза, как и прежде, были печальны, Тадеуш с видеокамерой через плечо, его прекрасная жена Ирия Гай, Пашка Гераскин и криняне.

Сначала Алиса подошла к криньянам.

— Здравствуйте, атланты, — сказала она.

Когда Алиса с Пашкой встретили их в подземельях Атлантиды, криняне старались убедить непрощенных гостей, что они — потомки атлантов. Только потом стало известно, что это не атланты, а жители планеты Крины, члены экспедиции, которые были заточены под дном океана, после того как неожиданно и таинственно прервалась связь с их планетой.

А теперь космический корабль «Днепр», которым командует капитан Полосков, должен помочь им вернуться домой. И разгадать тайну: почему двести пятьдесят лет назад связь с Криной прервалась и с тех пор никто в Галактике не знает, что же произошло с этой планетой.

— Ах, Алисочка! — воскликнула Афродита, бывшая наследница престола Атлантиды. — Я так рада тебя видеть! Я надеюсь, что ты обо мне не забыла?

За месяц на Земле наследница помолодела, лицо ее стало розовым, глаза блестели. Но, даже помолодев, Афродита совсем не была похожа на прекрасную греческую богиню. Она осталась пожилой толстой женщиной, которая так и не смогла расстаться с детством.

— Я о тебе не забыла, — улыбнулась Алиса и достала из сумки свою старую куклу, которую нашла в ящике под кроватью.

— Ах! — воскликнула наследница. — Какое счастье! Я так скучаю без моих кукол, которые остались в Атлантиде! Меня здесь никто не любит и никто не дарит мне игрушек.

— Афродита, ты не права! — возмутился ее отец, толстый старик Меркурий. — Мы загрузили в корабль два контейнера с игрушками.

— Это не те игрушки! — ответила Афродита. — Это не любимые игрушки!

Худой высокий Посейдон, глядя на которого никогда не подумаешь, что ему уже триста лет, положил сухую руку на плечо Алисе.

— Когда все уладится, — сказал он, — я буду тебя ждать. Прилетай к нам.

— А я? — вырвалось у Пашки Гераскина.

— Разумеется, ты тоже, наш отважный юный друг, — сказал Посейдон.

Робот, которого Алиса заметила, когда кружила над космовокзалом, подъехал к ним и спросил:

— Могу я видеть сейсмолога Посейдона с планеты Крина?

— Это я, — ответил старик.

— Примите, пожалуйста, этот скромный букет орхидей, — сказал робот, — от благодарных жителей гавайского города, который вы спасли от землетрясения.

Он протянул букет Посейдону. Тот смутился и ответил:

— Этот букет по праву принадлежит Алисе. Ведь она настояла, чтобы мы срочно поднялись наверх. Иначе бы никто не узнал о землетрясении.

Но, разумеется, Алиса букета не взяла.

Мастер Гермес стоял в стороне. Он так и не расстался со своим сундучком, где хранил инструменты. Много десятилетий он ходил с ним по переходам и залам Атлантиды, заделывая дыры, починяя трубы. Вот и везет его через всю Галактику домой.

Подошел невысокий седой человек со шрамом через щеку. Когда-то знаменитый капитан Симак, теперь начальник Космофлота.

— Вы готовы? — спросил он.

— Корабль «Днепр» к полету готов, — ответил Полосков.

— Хочу еще раз предупредить вас об осторожности, — сказал Симак. — Наладить связь с Криной так и не удалось. Никто в Галактическом центре не знает, что там произошло. Ни один корабль с Крины не появлялся на населенных планетах. Ни один корабль не был там.

Алиса знала об этом. Уже месяц все газеты и телестанции рассказывали об этой тайне. Но педантичный Симак счел необходимым еще раз напомнить экипажу о сложности их задачи.

— Мы будем осторожны, — ответил Полосков.

— Вы отвечаете за безопасность наших гостей, капитан. Кринянам и без того пришлось многое пережить.

— Я обязательно вернусь на Землю! — воскликнула Афродита. — Здесь замечательные игрушки!

Симак вежливо кивнул и сказал механику Зеленому:

— Я очень рассчитываю на ваш пессимизм. Все знают, что вместо вопроса «Как дела?» вы говорите...

— «Что у нас плохого?» — хором ответили за Зеленого Алиса и Пашка.

Остальные рассмеялись. Даже сам Зеленый улыбнулся, хотя не выносил, когда над ним смеются. Но тут же согнал с лица улыбку и произнес:

— У нас еще немало недостатков. Некоторые дети плохо воспитаны.

— Они уже не дети, — сказал Тадеуш. — Они семиклассники, подростки.

— Прошло пять лет, как мы летали с Алисой на «Пегасе», — добавил Полосков.

Симак посмотрел на часы.

— Все, — сказал он. — Пора прощаться. Желаю счастья вам, криняне. И пускай наша с вами дружба станет началом дружбы между Криной и Землей.

— Спасибо, — ответил за кринян Посейдон.

Тадеуш обнял свою жену.

— Наступает осень, — сказал он. — Когда станет холодно, не надо открывать без нужды окна и закалять Вандочку.

— Не бойся, — ответила Ирия. — Даже если бы я захотела ее закалять, Гай-до никогда не разрешит.

Расставшись с экипажем и пассажирами экспедиции, Алиса, Пашка и Ирия Гай поднялись на крышу космовокзала. Они видели, как автобус подкатил к распахнутому люку «Днепра» и их друзья вошли в корабль. Автобус укатил обратно, люк закрылся, на вершине диспетчерской башни замигали сигнальные огни. Еще через несколько минут «Днепр» осторожно оторвался от летного поля и начал подниматься к облакам. Моросил дождик.

Ирия Гай незаметно смахнула слезу. Она обожала своего мужа и не выносила, когда тот улетал в экспедиции. Но что поделать, если твой муж космобиолог.

«Днепр» вонзился в серые облака и исчез.

— Полетели ко мне во Вроцлав, — предложила Ирия Гай.

— Спасибо, — сказала Алиса. — С удовольствием. Только не сегодня.

— На той неделе, — сказал Пашка. — Бюро прогнозов обещает хорошую погоду и много грибов.

— Правильно, — согласилась Алиса. — Мы навестим вас перед самым началом занятий. Я соскучилась по Гай-до.

— Замечательно! — сказала Ирия. — Гай-до каждый день о вас спрашивает.

На том и договорились.

Глава 1. «Днепр» не отвечает

Есть под польским городом Вроцлавом небольшой домик на краю леса. Там живут космический биолог Тадеуш, его любимая жена инопланетянка Ирия Гай и их дочка Вандочка. А рядом с домом в саду стоит самый быстрый, умный и добрый космический корабль по имени Гай-до, построенный когда-то отцом Ирии.

В пятницу, как раз к обеду, Алиса и Пашка Гераскин прилетели к Ирии в гости.

В саду было пусто. Пашка осторожно опустил флип на дорожке возле большой клумбы с флоксами и выскочил первым.

— Алиса! — воскликнул он. — Гляди, какие яблоки!

Яблоки и в самом деле были удивительными. Дерево было густо усыпано красными, белыми, зелеными, желтыми, оранжевыми, длинными, круглыми, большими, маленькими плодами. Словно все существующие сорта яблок собрались на одном дереве.

— Тадеуш вывел, — послышался низкий голос. — Я ему помогал советами.

— Гай-до! — Алиса обернулась.

Кораблик был прикрыт кустами орешника.

Алиса кинулась к старому другу.

— Как ты? Не скучаешь? Ты совсем не изменился!

— Все меняется, — ответил кораблик и засмеялся. Он был рад видеть старых друзей. — Грустно лишь, что тебя забывают.

Из округлых боков кораблика вылезли два манипулятора, и они раздвинули кусты, чтобы лучше видеть Пашку и Алису.

— Честное слово, мы тебя не забывали! — сказала Алиса. — Но это лето было такое занятое. Мы были на острове Яп, опускались в океан в батискафе...

— Не надо лишних слов, — ответил Гай-до. — У меня есть телевизор, и я отлично знаю, что вы открыли Атлантиду. И Пашка, подозреваю, наделал там немало глупостей.

— Ну, это еще надо доказать, — возразил Пашка.

Сзади послышались быстрые шаги.

По дорожке к ним бежала Ирия Гай в домашнем халатике и переднике. В руке она держала поварешку.

— Мои дорогие! — закричала она. — Приехали! Какое счастье! Я совсем извелась от тоски.

— Обещали — сделали, — сдержанно ответил Пашка.

Ирия начала обнимать и теребить Алису, а Пашка отступил на шаг в сторону. Он обожал Ирию Гай, но испугался, что его тоже поцелуют. А поцелуев он, понятное дело, не выносил.

Вдруг внутри кораблика послышался детский плач.

— Простите, — сказал Гай-до, — Вандочка проснулась, пора ее кормить. Ты сама ее будешь кормить, хозяйка, или мне доверишь?

— Доверю, — сказала Ирия, потому что знала, как обидится корабль, если отнять у него обожаемую Вандочку. — Только сначала покажи ее моим друзьям.

Из открытого люка появились манипуляторы, которые держали розовую подушку. На подушке лежала годовалая девочка и сосала палец. Вандочка хныкала, и, когда Ирия взяла ее на руки, Гай-до проворчал:

— Сначала покормим, а потом, мамаша, будете играть с ребенком.

Но Ирия не послушалась и взяла девочку.

Девочка сразу перестала хныкать, а Гай-до сказал:

— Ты ее избалуешь. У этих мамаш никакого представления о педагогике.

Но Ирия его не слушала. Они с Алисой принялись обсуждать, на кого похожа Вандочка: сиреневые глазки от мамы, носик от папы, губки... губки вроде бы от мамы... а может быть, от папы...

Пашке этот пустой женский разговор быстро надоел, и он полез в Гай-до поглядеть на пульт управления.

К своему удивлению, он обнаружил, что внутри Гай-до все переделано. Похоже, что кораблю уже никогда не подняться в небо. Всю середину кубрика занимали детские вещи: люлька, бутылочки и тарелочки с пищей, пеленки, чепчики, игрушки... а вокруг были разбросаны многочисленные книжки о воспитании, кормлении и лечении маленьких детей. Целая библиотека на множестве языков.

— Ну, ты даешь, старина Гай-до, — сказал неодобрительно Пашка. — Видно, совсем забыл, как мы с тобой сражались в глубоком космосе.

— Ты не понимаешь, Пашка, — ответил Гай-до. — Самое благородное дело в мире — воспитывать младенцев. Ты еще не дорос до отцовской любви.

— И не спешу дорастать, — ответил Пашка. Он был расстроен, словно его предал лучший друг. — К тому же я думал, что если у тебя и будут дети, то железные.

— Не издевайся, — грустно ответил Гай-до. — Мне не дано стать отцом, но мне доступна любовь.

— Пашка! — позвала снаружи Алиса. — Пошли, окунемся в речке! Через десять минут обед.

Тут же в корабль вернулись внутренние манипуляторы, которые принесли подушку с Вандочкой. Ванда сидела, сосала конфету и улыбалась.

Манипуляторы осторожно положили девочку в люльку и принялись быстро готовить ей обед. С потолка спустилась третья рука и ловко отняла конфету.

— Перед обедом, — сказал Гай-до, когда девочка заревела, — хорошие дети не едят конфет, чтобы не испортить аппетита. А хорошие родители не дают малышам конфет за пять минут до обеда!

— Нет, — вздохнул Пашка, — мне с тобой не по пути.

Он выскочил из люка, взял свою сумку, и они с Алисой побежали купаться.

Речка была тихая, чистая, неглубокая, к ней склонялись ивы, рыба мелочь прыскала в разные стороны от купальщиков. Вода была холодной. Алиса окунулась, вылезла на берег, достала кассету с записью языка планеты Крина и принялась учить. Пашка еще долго плескался, больше из упрямства, чем для удовольствия, вылез посиневший, зубы стучали, весь покрыт гусиной кожей. Он долго прыгал на берегу, залез на дерево, сорвался, снова залез. К обеду они, конечно же, опоздали, Ирия сердилась, что приходится подогревать суп.

Алиса глядела на Ирию и думала: «Как удивительно в ней уживаются два совсем разных человека! Один человек — домашняя хозяйка, хлопотунья, повариха: „Ах, как бы Тадеуш не простудился!“, „Ах, как бы пчела не укусила Вандочку!“. Второй человек — тот, которого воспитывал отец: боец, альпинист, отличный стрелок, победивший узурпатора на планете Пять-четыре, конструктор космических кораблей. Сегодня перед нами первый человек. А что будет завтра? Попробуй кто-нибудь обидеть ее Тадеуша или ее друзей. Тогда посмотрим!»

Обед был чудесный: суп с грибами, фритки — польская жареная картошка, тушеное мясо с ананасами, коктейль из кокосового молока, мангустины, которые Ирия выращивает в теплице... Алиса еле живая отвалилась от стола, глаза слипались. Но Пашка отважно сражался с третьей порцией малинового мороженого.

Алиса поднялась наверх, в свою комнату, поглядела сверху на сад. Погода испортилась, снова пошел дождик. Гай-до стоял посреди кустов, круглый, толстый, блестящий от

дождевых струй, стекавших по нему. Он мерно покачивался и пел колыбельную песню на польском языке — видно, укачивал Вандочку.

Алиса свернулась калачиком на диванчике, успела подумать: «Какой здесь свежий, душистый воздух...» — и заснула.

Когда она поднялась, уже стемнело. Снизу раздавались голоса.

Она выглянула в окно. Пашка размахивал старинной саблей дедушки Тадеуша, сражаясь с большим чертополохом, Гай-до умолял его не шуметь, чтобы не разбудить Алисочку. У Гай-до замечательная интуиция. Даже не видя Алису, он точно знал, спит она или нет.

— Ну вот, — услышала Алиса голос кораблика, — разбудил мою красавицу.

— Спать после обеда вредно! — ответил Пашка и сделал выпад. Но промахнулся. Потом поднял голову, увидел в открытом окне Алису и добавил: — Купаться пойдешь?

— Ни в коем случае.

— Купанье под дождем, — заявил Пашка, — закаляет лучше, чем подъем на Эверест. Хотя некоторые трусливые девчонки предпочитают вышивать гладью.

— Ах, гладью! — возмутилась Алиса, вскочила на подоконник и прыгнула вперед, чтобы достать до ветви могучего дуба, что рос возле дома. Ветвь спружинила, прогнулась, но Алиса уже перелетела на следующую, пониже, оттуда, метров с трех, прыгнула на землю. Пашка не успел отбежать и потому в мгновение ока был повержен.

— Ты что! — закричал он. — Больно же!

— Берешь свои слова обратно? — спросила Алиса.

— Ура! — закричал Гай-до. Он принялся стучать манипуляторами, изображая аплодисменты.

Пашка изловчился, вырвался. Ему было не очень приятно, что его победила Алиса.

— Ладно уж, — сказал он. — Я пошутил.

Из домика выглянула Ирия и позвала всех пить чай.

Чай пили на террасе, потому что Гай-до было скучно одному и хотелось поговорить.

Беседовали о планете Крина. Что могло с ней случиться?

Пашка, конечно, предположил, что на нее напали космические пираты или Черный странник.

— Конечно, — сказала Ирия, — этого исключать нельзя. В Галактике еще немало сохранилось всякой нечисти. Но все же мне кажется, что Паша не прав. Черный странник был один. Другого в Галактике никто не знает. И он давно погиб. А пиратам, даже если все пираты соберутся вместе, целую планету не захватить. Ведь Крина была цивилизованной планетой. Криняне могли путешествовать между звезд, у них была развита наука. Нет, здесь что-то иное...

— Эпидемия, — предположила Алиса.

— Это больше похоже на правду, — вмешался в разговор Гай-до. — По имеющейся у меня информации, по крайней мере три планеты за последние двести лет погибли из-за эпидемии. На Перикюле после космической чумы, которую занесла одна из экспедиций, спаслись лишь несколько человек. Что касается второго случая, то я о нем узнал из информатория...

— Погоди, Гай-до, — перебила его Ирия. — Ты так будешь рассказывать до утра. А ведь могло случиться, что там началась война и все погибли.

— Цивилизации такого высокого уровня, как кринянская, — сказал Гай-до, — уже не воюют. Этот закон сформулировал А-Пей-до на втором галактическом конгрессе

футурологов и социопрогностиков на Альдебаране восемнадцать лет назад. Меня удивляет, что ты, моя хозяйка, этого закона не запомнила.

— У меня голова, а не компьютер, — ответила Ирия, и Гай-до замолчал. Он не выносил, если ему напоминали о том, что он всего-навсего машина.

Пашка подошел к телевизору.

— Я просто не представляю, — сказал он, — как люди жили в древности. Смотрели по телевизору не то, что хочется, а то, что показывают. Я недавно читал статью по истории телевидения. Оказывается, лет сто назад ты включаешь, допустим, телевизор в восемь часов. Показывают футбол. А тебе нужно узнать новости. А до новостей надо ждать целый час. Глупо, правда?

— Не понимаю, — сказала Алиса. — А если тебе некогда?

— Значит, жди до завтра.

— Мы не можем ждать, — сказала Алиса. — «Днепр» уже долетел до Крины.

Пашка включил телевизор.

— Пожалуйста, — сказал он, — прочтите нам новости.

— «Как сообщают с Паталипутры, — отозвалась дикторша, улыбнувшись, — эпидемия гигантизма, охватившая там коров, взята под контроль. Стадо гигантских коров, выросших после этой загадочной болезни, отправлено в зоопарк на исследование...»

На экране возникли коровы. Они мирно паслись на лугу... Нет, это не луг, они объедали вековые деревья!

— Радовались бы! — сказал Пашка. — Такая корова дает, наверное, тонну молока.

— А сколько она ест? — спросила Алиса.

И дикторша, будто услышав вопрос Алисы, добавила:

— «Стадо гигантских коров способно за один день уничтожить до десяти гектаров отборного леса».

Тут дикторша сделала паузу.

— «Одну минуточку, — сказала она. — Только что из центральной диспетчерской к нам поступила срочная информация... Она касается экспедиции к загадочной планете Крина...»

— Вот видите, — сказала Алиса. — Наверное, они приземлились.

— Погоди, — раздался голос Гай-до, — по интонации дикторши я чувствую, что дело неладно.

— «Экспедиция находилась на постоянной связи с диспетчерской. Двадцать минут назад была получена информация, что экспедиция достигла планеты и корабль готовится к посадке. После этого связь внезапно прервалась. Возможно, возникли помехи... Мы будем информировать о корабле „Днепр“, как только поступят дополнительные сведения. А теперь начинаем репортаж с межпланетных соревнований по фехтованию на лазерных шпагах...»

— Не выключай! — сказала Алиса, увидев, что Пашка поднимается с кресла.

— И не думаю, — сказал Пашка. — Я просто хотел выйти на связь с диспетчерской. Они нам скорее скажут.

— Им сейчас не до нас, — сказала Ирия.

Она поднялась и подошла к перилам террасы. Подняла голову, глядя на звезды.

— Я чувствую, — сказала она, — что случилось несчастье.

— Какое может случиться несчастье с «Днепром»? — удивился Пашка. — Это же

корабль первого класса.

Никто ему не ответил. Несчастья случаются с любым кораблем.

До ночи никаких новостей больше не было. Центральная диспетчерская все время пыталась добиться связи, но корабль не отвечал. В двенадцать Ирия заставила ребят пойти спать. Сама она осталась у телевизора. Алиса долго не могла заснуть, прислушивалась сквозь писк комаров к голосу диктора...

Глава 2. «Мы его найдем!»

Алиса проснулась на рассвете, как только в лесу начала куковать кукушка. Лес был тихий, осенний, не то что в июне, когда он полон птичьих голосов.

Алиса поднялась, умылась и тихонько спустилась вниз.

Гай-до был покрыт росой и блестел сквозь листву. Телевизор на веранде был включен. Возле него в плетеном кресле сидела, нахохлившись, Ирия.

— Что нового? — тихо спросила Алиса.

— Ничего, — ответила Ирия.

— А что делать?

— Я только что говорила с диспетчером, — сказала Ирия. — Связи с «Днепром» нет.

Из кустов донесся тихий голос Гай-до. Корабль боялся разбудить Вандочку, что спала в нем.

— Мне нужны пленки переговоров «Днепра» с диспетчерской, — сказал он. — Я бы их проанализировал.

— Если связь оборвалась неожиданно, — сказала Ирия, — этот анализ тебе ничего не даст.

Дикторша на экране сказала:

— «Передаем дополнительные сведения, касающиеся экспедиции на „Днепре“. Совет капитанов постановил готовить спасательную экспедицию к Крине. В качестве базы для экспедиции выбран патрульный крейсер „Боец“, который в настоящее время дежурит за Трансплутоном. Сегодня крейсер будет вызван на Землю для подготовки к срочному вылету...»

— К срочному, — сказала, усмехнувшись, Ирия Гай.

— После дождичка в четверг, — добавил Гай-до, который знал все поговорки Галактики.

На веранду вышел сонный Пашка. Он тер глаза, жмурился, зевал.

— Что нового? — спросил он. — Нашли?

— Готовят экспедицию, — сказала Алиса.

— Пока они подготавливают, — сказал Пашка, — мы уже будем там.

— Как так? — не поняла Алиса.

— Я во сне понял, — сообщил Пашка. — Мы не можем ждать, пока их найдут другие. У нас есть Гай-до.

— Пашка, ты что?

— А я лучше спрошу Ирию. Ирия, ты как думаешь?

— Я уже решила, — сказала Ирия спокойно.

— Что?

— Я лечу на Крину. Сегодня.

— И я с тобой, — сказал Пашка.

— Нет! Я лечу одна, — сказала Ирия. — И попрошу тебя, Алиса, позаботиться о Вандочке, пока нас с Гай-до не будет на Земле.

— И меня тоже не берешь? — удивился Пашка.

— Не беру.

— Тебе нужен мужчина на борту. Защитник.

Даже Алиса улыбнулась. Пашка совсем забыл, что Ирия Гай даст сто очков вперед любому мастеру спорта.

— Мы с Гай-до уже летали вдвоем и умеем обходиться без мужчин, — сказала Ирия.

Глаза Ирии потемнели, щеки запали, движения стали резкими.

— Послушай, Ирия, — сказала Алиса. — Ты права. Долететь ты сможешь одна. Но мы не знаем, что случилось на планете. Мы не знаем, что угрожает нашим друзьям. Ты сейчас думаешь только о Тадеуше. А кроме Тадеуша на борту еще несколько наших друзей. Я имею такое же право, как и ты, переживать за них.

— И я! — воскликнул Пашка.

— Мы тебе пригодимся. А если ты боишься, что тебе придется о нас заботиться и нас защищать, ты глубоко ошибаешься.

— Мы уже не дети, — сказал Пашка.

— Они правы, — послышался голос Гай-до. — Я уже просчитал все варианты полета. Куда больше шансов, что ребята тебе помогут, чем помешают.

— Ой, Гай-до, помолчи, — отмахнулась Ирия.

— Не могу молчать, — ответил с достоинством кораблик, — когда речь идет о справедливости.

— А что подумают ваши родители? — Ирия уже начала сдаваться.

— А они подумают, что мы у тебя в гостях, — ответил Пашка. — И пускай это тебя не заботит.

— Нет, не могу. Это слишком опасно, — вздохнула Ирия.

— Арьергардный бой, — заметил Гай-до. — Она уже почти сдалась. Можете собираться.

— Мы его найдем! — воскликнул Пашка.

Вся первая половина дня ушла на сборы, устройство Вандочки и дипломатические маневры с родителями.

А что касается оружия и снаряжения, у Ирии все было дома.

Глава 3. Путь к загадочной планете

— Корабль Гай-до, третьего класса, пункт приписки Земля, начинает испытательный полет за пределы Солнечной системы, просит разрешения на выход в космос, — произнесла Ирия. Она сидела за пультом. Пашка рядом с ней, перед штурманским дисплеем.

— Гай-до, — диспетчер на экране улыбнулся Ирии, — выход разрешаю. Когда вернетесь?

— Дня через три, может быть, через неделю.

— Удивительные существа эти женщины, — сказал диспетчер, обернувшись к кому-то в комнате. — От трех дней до бесконечности. Все-таки без мужчин я бы их в космос не пускал.

Ирия быстро выключила экран.

— Пронесло, — сказал Пашка.

— А почему должно было не пронести? — спросила Алиса. — Мы им не вдали. И нет никаких запретов улететь с Земли.

— Если бы они знали, что мы летим на Крину, никогда бы не пустили.

— Отставить пустые разговоры, — сказала Ирия. — Алиса, приготовь завтрак экипажу.

На ней был рабочий комбинезон и облегающий шлем. От этого лицо казалось совсем другим, чем вчера.

Алиса спустилась в трюм. Гай-до, который понимал, что с Ирией сейчас разговаривать нет смысла, начал давать Алисе советы, что достать из холодильника. Хотя Гай-до, если не считать топлива, никогда ничего не ел, он мнил себя великим кулинаром. За последний год, проведенный в саду под Вроцлавом, он проштудировал все кулинарные книги, что были дома и в библиотеке. У Гай-до была идея придумать такое питание для Вандочки, чтобы вырастить из нее самую здоровую девочку в Галактике. У него вообще было много идей, и далеко не все из них самые умные. Но, как уверяет Гай-до, даже великие Эйнштейн и Дарвин время от времени ошибались.

Алиса слушала Гай-до рассеянно. Хорошо было бросаться в авантюры, если ты ребенок. Да здравствует приключение! Теперь, когда тебе уже почти тринадцать лет, начинаешь задумываться над последствиями. Конечно, она не раскаивается, что полетела на Крину. Но ее не оставляли другие мысли: отчет о летней практике так и не написан, коллекции не разобраны, на биостанции ждет Аркаша Сапожков, у него не получается опыт. И бабушку она уже три месяца не видела...

Сверху из рубки донесся голос Ирии, которая вышла на связь с центральным информаторием на Земле:

— Значит, никаких новостей? А как идет подготовка к спасательной экспедиции?

— Крейсер «Боец» прибыл на Землю. Центральный компьютер просчитывает варианты опасности. Старт экспедиции через три дня, — ответил голос диспетчера.

Раздался щелчок. Связь прервалась.

— Не понимаю, — сказал Гай-до. — Какие могут быть варианты? Что они там рассчитывают? Главное я высчитал. И на это у меня ушло сорок шесть секунд.

— Что ты вычислил? — спросила Алиса.

— Точку над Криной, в которой прервалась связь с «Днепром». Восемь километров. И эту цифру я вам советую запомнить.

Покормив друзей и вымыв посуду, Алиса взяла мневмокассету и принялась изучать язык кринян. Она не хотела учить язык под гипнозом, как сделали Пашка и Ирия, которые видели в этом докучливую обязанность. Лучше потратить три дня — все равно в полете — и выучить язык основательно, на всю жизнь, а не только на одну экспедицию.

Ирия проверяла снаряжение, а Пашка сидел за пультом управления, ловил на экранах золотые искорки встречных кораблей и вступал в переговоры с их радистами.

На следующий день дежурил по камбузу Пашка, и им пришлось есть подгоревшую яичницу, а молоко сбежало. Гай-до сообщил, что по всем законам физики испортить завтрак в условиях автоматической кухни невозможно и надо иметь к этому особый талант. Пашка признался, что у него такой талант есть.

На четвертый день полета Гай-до сообщил:

— Система Крины в пределах видимости. Начинаю снижать скорость.

Прошло еще полдня, прежде чем Крину смогла увидеть и Алиса.

Диск планеты был похож на земной. Белые спирали циклонов перекрывали очертания коричневых континентов и голубых океанов.

Гай-до вышел на орбиту вокруг Крины на высоте двадцати пяти километров и начал изучать планету.

Экипаж Гай-до расположился перед экраном, а он сам комментировал то, что они видели.

— Первое наблюдение, — произнес Гай-до, — не видно воздушных кораблей. Ни самолетов, ни ракет, ни дирижаблей.

— Странно, — сказала Алиса. — Триста лет назад они долетали до Земли и других планет. Куда же все делось?

— Ответить не могу, — серьезно сказал Гай-до. — Констатирую факт.

— Смотрите, город! — воскликнул Пашка.

В самом деле, на экране появился город. Можно было угадать улицы, даже отдельные дома.

— Наблюдение второе, — сказал Гай-до. — Не вижу на улицах быстроходных машин.

— Но отсюда не разберешь, — возразил Пашка.

— Разрешающая возможность моих объективов, — возразил Гай-до, — позволяет с высоты в двадцать пять километров различать предмет диаметром в два метра.

— А люди? — спросила Ирия. — Ты видишь людей?

— Да. Я почти уверен, что вижу отдельных людей, а в одном месте... смотрите... скопление людей возле большого здания.

Алиса тоже увидела на экране темное пятнышко.

— Значит, они не вымерли, — сказала Алиса.

— А может, это обезьяны? — спросил Пашка. — Люди вымерли, а их место заняли обезьяны. Я читал об этом в фантастическом романе.

— Не исключаю и такой возможности, — серьезно ответил Гай-до.

— Фантастические романы мы будем обсуждать потом, — сказала Ирия Гай. — Продолжайте наблюдение.

Гай-до еще несколько раз облетел планету. Они видели другие города, отдельные здания, деревни, дороги, корабли в море.

— Это удивительно, — сказал наконец Гай-до. — Если бы я не знал, что представляет собой Крина, я бы решил, что мы летаем вокруг отсталой планеты. Экипажи, что двигаются по улицам, по-моему, запряжены лошадьми или какими-то похожими животными, дороги запущены, некоторые зарастают кустарником. Корабли... Я убежден, что корабли здесь парусные.

— Все ясно, — сказал начитанный Пашка. — Я и об этом читал в фантастическом романе. Они истратили все свое топливо, и им пришлось перейти на силу ветра и лошадей.

— Ты опять ошибся, Паша, — сказала Ирия Гай. — Ты же знаешь, что на Крине были атомные станции, гравитолеты, солнечные и световые двигатели...

— Больше мы ничего отсюда не увидим, — сказал Гай-до.

— А как же «Днепр»? Если он не взорвался, то должен лежать на планете, — сказал Пашка.

— Продолжай облеты, пока не убедишься, что корабля нет, — приказала Ирия кораблику.

Тот молча подчинился.

И еще через три витка Гай-до показал на дисплее фотографию: в глубине густого леса среди деревьев лежит... космический корабль. Корпус его частично скрыт деревьями. Через минуту, сличив силуэт корабля с данными компьютера, Гай-до доложил, что сомнений у него нет: это «Днепр». Безжизненный, замерший, заваленный стволами деревьев, которые он сокрушил при посадке...

— Спускайся, чего же ты ждешь? — закричал Пашка.

— И не подумай, — ответил Гай-до. — Я не знаю, почему они сели в лесу, я не знаю, почему прервалась связь, я не хочу, чтобы с нами случилось нечто подобное.

Ирия волновалась. Алиса увидела, как побелели ее пальцы, которыми она вцепилась в край пульта.

— Скажи, Гай-до, — ее голос дрогнул, — корабль поврежден? Нет ли в нем пробоин?

Все замолчали. Вопрос Ирии был понятен. Если в корабле есть пробоина — неизвестно от чего: от метеорита, от вражеской ракеты, — значит, он погиб, и погибли все, кто на нем находился.

Гай-до ответил не сразу.

«Пускай ее не будет, — мысленно умоляла его Алиса. — Пускай ты не найдешь пробоины!»

Наконец в гробовой тишине послышался голос Гай-до:

— Я не могу разглядеть его днище. С боков и сверху корабль цел.

Алиса вздохнула с облегчением.

— Но он совершил аварийную посадку. Это очень странно, — продолжал Гай-до.

— Почему? — спросила Алиса.

— Потому что он сел в вековой лес, где стоят деревья в два обхвата. Ни один разумный капитан не будет сажать свой корабль в таком лесу, если рядом, всего в пяти километрах, есть большая ровная поляна.

Алиса поняла, что Гай-до прав.

— Гай-до, — сказал Пашка, — ты хочешь, чтобы мы навсегда остались на орбите?..

— Помолчи, — оборвала Пашку Ирия Гай. Она села за пульт и набрала приказ.

— Правильно, — откликнулся Гай-до, — я только собирался это сделать.

От Гай-до отделилась проба — небольшой управляемый аппарат, который спускают на неизвестную планету, чтобы определить ее температуру и состав воздуха.

Гай-до молчал, остальные смотрели, как на экране проба мягко опускается в атмосферу планеты. Рядом с ее изображением на дисплее загорались цифры — данные о ее скорости и высоте.

Когда до поверхности осталось восемь с половиной километров, все затаили дыхание — именно на этой высоте, по подсчетам Гай-до, что-то произошло с «Днепром». Но ничего не случилось. Проба миновала высоту, и ее приборы показали, что никаких изменений в составе воздуха нет. Ничто не помешало пробе достигнуть поверхности планеты. Воздух там был пригоден для дыхания, температура — плюс восемнадцать градусов.

— Все нормально, — сказал Пашка первым.

— Не знаю, — ответил Гай-до. — Не верю я этой планете. Ведь с «Днепром» что-то произошло!

— Но это не значит, что с нами случится то же самое? — спросил Пашка.

— Гай-до прав, — сказала Ирия Гай. — Поймите, ребята, я куда больше вас спешу на

Крину. Там, в «Днепре», мой Тадеуш. Но если с нами что-то случится, весь смысл экспедиции пропадет. Подождем возвращения пробы.

Проба вернулась через сорок минут. Она подлетела к Гай-до и спряталась в специальном люке. Гай-до принялся изучать ее записи. Алиса тем временем рассматривала местность, на которой лежал «Днепр».

И в самом деле странно — до края леса, где за обширной пустошью текла широкая река, было километров пять. За рекой начиналась равнина, где были видны отдельные домики.

— Я так и думал! — услышала Алиса возглас кораблика. — Именно на этой высоте есть какое-то препятствие.

— Какое? — спросила Ирия.

— Не понимаю. Все физические характеристики воздуха те же самые, температура почти без изменений... плотность воздуха чуть-чуть выше... Эффект светового преломления чуть-чуть иной... Но что это? Это не микроорганизмы, это какое-то неизвестное мне поле... Никогда не встречал... я в тупике. Но интуиция меня никогда не обманывала. Там таится опасность, моя госпожа.

— Что же будем делать? — спросила Ирия.

— Рискнем? — сказал Пашка.

— Есть один выход, — сказал после некоторого раздумья Гай-до. — Весь резерв гравитонов я могу обратить на создание мощного силового поля, которое защитит нас... Но тогда мне уже не подняться с планеты.

— Ничего страшного, — сказала Алиса. — Там внизу «Днепр». Мы возьмем топливо на нем.

— А вдруг что-нибудь случится? — возразил Гай-до. — Я ведь потеряю подвижность и не смогу прийти вам на помощь.

— Об этом сейчас не думай. На планете мы сами о себе позаботимся, — сказала Ирия Гай. — Работай! Сколько времени тебе понадобится?

— Две минуты, — сказал Гай-до печально. Никому не хочется стать неподвижным, а для Гай-до не летать — все равно что человеку остаться без ног, а птице без крыльев.

Ирия набрала на пульте курс. Если отключится автоматика, ей придется сажать корабль вручную.

— Опускаемся на поляне, на краю леса, — сказала она. — Если для «Днепра» метровые стволы все равно что спички, для Гай-до они опасны. Пять километров пройдем пешком. Хорошо?

— Конечно, — сказал Пашка, — часовая прогулка.

— Готово, — сказал Гай-до. — Начинаю снижение.

Он медленно пошел вниз. Двадцать километров... пятнадцать... десять... девять... восемь...

Вдруг они увидели на экранах, как небо вокруг корабля начало интенсивно светиться фиолетовыми сполохами, похожими на полярное сияние. Алиса почувствовала, что в голове у нее зажужжало. Она хотела сказать об этом Ирии, но рот не открывался... Неприятное ощущение длилось меньше минуты. Затем сияние погасло.

— Прошли, — сказал Гай-до. — Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — сказала Ирия. — Но ты был прав. Там в самом деле какое-то поле.

— У меня в голове будто оркестр заиграл, — сказал Пашка. — И полное затмение.

— У меня тоже, — сказала Алиса.

Ирия не сказала ничего. Она вела кораблик вниз.

Гай-до тоже молчал. Он берег остатки энергии.

Шесть километров... четыре... два... пятьсот метров... Гай-до шел на бредущем полете над речкой. Вот и пустошь, за ней зубчатой стеной поднимается лес.

Корабль мягко коснулся травы, подскочил, улегся поудобнее.

— Все, — сказала Ирия. — Теперь в путь.

— Я буду ждать, — слабым голосом произнес Гай-до.

Глава 4. Тайна «Марии Целесты»

Через несколько минут они покинули кораблик.

Впереди шла Ирия. В облегающем комбинезоне, в шлеме, к которому спереди прикреплен сильный фонарь. За спиной рюкзак, в нем пища, походная аптечка, заряды для парализующих пистолетов, теплая одежда — ведь никто не знает, что их здесь ждет. За широким поясом Ирии был кинжал в ножнах, кобура с бластером и моток тонкого троса.

Так же были снаряжены и ее юные спутники.

В том месте Крины, где опустился Гай-до, было позднее утро. Холодный ветер гнал над вершинами деревьев низкие серые тучи. Высокая трава, мокрая от недавнего дождя, поднималась выше колен. Земля под ногами была скользкой, в траве виднелись проплешины — пятна рыжей глины.

Лес поднимался перед ними сплошной темно-зеленой стеной. Если не считать шелеста ветра, вокруг царил тишина. Не слышно было пения птиц и жужжания насекомых. Крина показалась неласковой, угрюмой и настороженной.

За пять минут путешественники дошли до леса.

Подлеска в нем не было. Прямые седые стволы поднимались из покрытой голубым мхом земли. Деревья стояли так тесно, что сквозь потолок листвы свет почти не проникал. В лесу было сумрачно и сыро. Светлые стволы казались привидениями, и Алиса невольно жалась к Ирии. Она поминутно оглядывалась, будто деревья могли сойти с места и догнать ее.

Идти было трудно, ноги порой проваливались, прорвав слой мха, что покрывал сгнившие стволы или ямы между узловатыми корнями.

Попадались грибы. Они были похожи на громадные поганки, чуть ли не с Алису ростом. Хоть ветра в лесу не было, поганки покачивались на длинных тонких ножках, будто раскланивались с гостями. Большая летучая мышь пролетела над головами, так быстро, беззвучно и страшно складывая метровые крылья, что Пашка от неожиданности присел и чуть было не выстрелил в чудовище. Мышь давно уже исчезла, а в глазах Алисы все еще стояла ее ухмыляющаяся морда.

Они шли молча, говорить не хотелось: еще привлечешь голосами внимание тварей, что таятся в чаще.

Пять километров, которые надо было пройти до «Днепра», растянулись на два с лишним часа. С каждым шагом лес становился все гуще, седые стволы сдвигались все теснее, мох делался все выше, словно они шли по дну моря, раздирая ногами мягкие упругие водоросли.

— Стой! — прошептала Ирия.

Она показала вправо.

Там, в дымке между стволов, двигалось мохнатое животное, похожее на огромного кабана. Животное на секунду замерло, глядя в упор на Алису маленькими черными глазками... и пошло прочь. Кабан уходил беззвучно, словно лишь привиделся Алисе. Потом вдали хрустнула ветка...

Через час Ирия разрешила устроить привал. Сама она не устала, но понимала, что силы ребят на исходе. Они остановились на небольшой прогалине между деревьев, где над головой был виден клочок серого неба. Ирия достала из рюкзака термос с горячим бульоном, и они подкрепились.

Когда Алиса допивала бульон, она услышала шорох над головой. Она кинула взгляд наверх и замерла.

С низкого горизонтального сука до половины свесилась толстая блестящая белая змея. Ее голова была всего в десяти сантиметрах от Пашкиного лица. Красная пасть широко распахнулась, раздвоенный язык в нетерпении высунулся изо рта и плясал между острых зубов.

Размышлять было некогда. Даже бластер не успеешь достать.

Алиса крикнула:

— Пашка, ложись!

И кинула крышку от термоса, из которой пила бульон, в морду змее.

Пашка не понял, чего от него хотят, и начал крутить головой, соображая, откуда грозит опасность. Змея не обратила никакого внимания на крышку, пролетевшую рядом с ней.

Быстрее всех оказалась Ирия. Она успела выхватить усыпляющий бластер и поразила змею в мгновение, когда ее зубы были готовы коснуться Пашкиной шеи.

Змея дернулась, тяжело, вяло, как мешок, соскользнула на землю и вытянулась во всю свою пятиметровую длину у Пашкиных ног. Он стал медленно отступать назад, приоткрыв рот и выставив перед собой руки... Но тут он ударился спиной о ствол соседнего дерева, отчаянно прыгнул в сторону и провалился в моховую подушку.

— Да, — сказала Ирия, задумчиво глядя на змею, — здесь не следует отвлекаться.

Пашка поднялся. Он был бледный и злой.

Ирия спрятала бластер и сказала:

— Я думаю, что мы достаточно отдохнули. Можно идти дальше.

— Конечно, — сказала Алиса, но идти дальше она не могла, потому что у нее дрожали коленки. У Пашки тоже.

Пока ребята приходили в себя, Ирия сфотографировала змею, взяла пробу ее яда, смерила температуру ее тела. Ирия никогда не теряла времени даром.

Алисе было стыдно, что она не помогает Ирии, но дотронуться до этого скользкого чудовища у нее не было сил.

Первым собрался с духом Пашка.

— Пошли, что ли? — сказал он угрюмо. — А то совсем темно станет.

Ирия тут же пошла вперед.

Больше ничего, достойного упоминания, не произошло. Через полчаса впереди стало светлее, и они увидели поврежденный «Днепр».

Но добраться до него оказалось непросто. Ударившись о землю и протаранив дорогу среди лесных великанов, корабль повалил множество деревьев, и они, перепутавшись корнями и сучьями, образовали баррикаду, через которую путешественники перебрались с великим трудом.

Корабль почти не пострадал от такой необычной посадки, только кое-где на корпусе виднелись царапины.

«Днепр» был безмолвен и как будто мертв. Капли дождя ударяли по его обшивке, на сломанной внешней антенне сидела черная ворона. При приближении людей она с громким карканьем поднялась вверх и полетела оповещать лес о том, что видела чужих.

Они остановились, не доходя ста шагов до корабля.

Ирия знаком приказала ребятам оставаться на месте, а сама осторожно подошла к «Днепру». Люк был открыт, но трап не был спущен. Ирии пришлось подпрыгнуть и

подтянуться на руках, чтобы забраться внутрь корабля.

Целую минуту Ирия простояла в первом отсеке неподвижно, вслушиваясь, есть ли кто-нибудь на корабле. Потом исчезла внутри.

Пашка сделал шаг к «Днепру».

— Стой, — сказала Алиса. — Ты куда? Ирия велела ждать.

— Жди, если хочешь, — огрызнулся Пашка. — Я могу ей пригодиться.

Он шел, выставив перед собой бластер, и, видно, сам себе казался героем. Но тут, как назло, под ним обломился сук, и Пашка завяз в переплетении веток.

В проеме люка показалась Ирия.

— Там никого нет, — сказала она.

Ее голос показался слишком громким.

Ирия протянула руку, помогая Пашке взобраться в корабль, а Пашка помог Алисе.

Ирия включила аварийное освещение.

Коридор, ведущий к отсеку управления, был пуст. Там не было ни одного человека. На полу валялись вещи, которым не положено валяться на полу корабля: один башмак, чья-то записная книжка, открытая консервная банка, из которой натекла уже засохшая лужа сгущенного молока, золотой нагрудный знак пилота, хлебная корка, радиационный счетчик и, что самое удивительное, бластер.

В отсеке управления тоже были следы беспорядка. Один из дисплеев разбит, кресло штурмана опрокинуто, на полу разорванные штурманские карты, второй башмак...

Алиса спросила:

— Ты смотрела в каютах?

— Разумеется, — сказала Ирия. — Там то же самое.

— Значит, на них напали грабители, — уверенно сказал Пашка. — Сначала они увели людей, а потом стали тащить вещи. Но очень спешили и многое по пути потеряли.

— Скажи тогда мне, — спросила Ирия, — что пропало с корабля?

— Ну как я могу сказать? — удивился Пашка. — Я же не знаю, что было тут прежде.

— Я тебя поняла, Ирия, — сказала тогда Алиса. — Даже если не знаешь, что было, можно сказать, что должно быть.

— Правильно, — сказала Ирия. — Я была в каюте Тадеуша, там все разбросано, но ничего не пропало. — Она помолчала и добавила: — И кто-то разорвал мою фотографию.

— Ничего удивительного, — тут же предложил другую версию Пашка. — На них напали дикари, которые не знают ценности вещей. Они хватали что придется и бросали.

Ирия как будто не услышала Пашку. Она продолжала:

— Обрывки фотографии валяются на полу, там же куртка Тадеуша. Он ее не надел. И талисман — медальон с локоном Вандочки. Тадеуш никогда не снимал медальон — ни днем, ни ночью.

Они еще раз обошли весь корабль, стараясь найти хоть какой-нибудь ключ к разгадке того, что случилось с экипажем. В каюте наследницы Афродиты валялись ее любимые куклы. В каюте мастера Гермеса Алиса нашла его заветный сундучок с инструментами... Люди, покидая корабль, расставались с самыми дорогими их сердцу вещами.

Так ничего и не поняв, они вернулись в отсек управления.

Корабельный журнал — кассета с пленкой, на которой регистрируется вся жизнь корабля, — обнаружился под креслом. Они включили кассету. Алиса узнала голос капитана Полоскова. Вот он сообщает, что планета Крина в пределах видимости. Вот идет доклад о

переходе на орбиту... Полосков говорит: «Странно: над планетой нет воздушных кораблей». После этого Полосков отдает команду начинать снижение. Последние слова Полоскова звучали так: «Высота восемь тысяч семьсот метров. Экипажу приготовиться к посадке. До моего разрешения никому корабль не покидать...»

И тут его голос оборвался, а вместо него Алиса услышала другой: то ли Зеленого, то ли Тадеуша. Голос произнес: «Какая чепуха!» Послышался чей-то смех. И запись оборвалась. Лишь тихо шуршала пленка...

— Вот и все, — сказала Ирия.

— Что делать дальше? — спросил Пашка.

— Если их нет в корабле, мы будем их искать вне корабля, — сказала Ирия.

— А как же Гай-до? — спросила Алиса. — Он нас ждет. Он же совсем беспомощный.

— Рано, — отрезала Ирия. — Мы еще ничего не узнали. А если сейчас нести контейнер с топливом к Гай-до, это... это займет всю ночь. И неизвестно, что нас ждет ночью в лесу. Постараемся обойтись собственными силами. Если до темноты ничего не обнаружим, проведем ночь в «Днепре». Это безопаснее. Если бы я была одна...

Но Ирия оборвала себя. Может быть, ей хотелось сказать, что ребята для нее обуза, но она этого не сказала.

— Знаете, что мне это напоминает? — спросил Пашка.

— Что?

— Тайну «Марии Целесты». Читали?

— Я читала, — сказала Алиса. — А Ирия вряд ли.

Ирия отрицательно покачала головой.

— Много лет назад, когда корабли были парусными, в океане нашли «Марию Целесту». Корабль был совершенно цел, на плите стоял чайник, все вещи были целы... и ни одного человека.

— И что же с ними случилось? — спросила Ирия.

— До сих пор эта тайна не разгадана, — ответил Пашка.

Они прошли по коридору обратно к выходу.

— Почему они не спустили трап? — подумала вслух Ирия, останавливаясь перед люком.

Алиса увидела, что Ирия смотрит на запор люка. Запор открывался, если нажать на кнопку справа от люка. Вторая кнопка выпускала трап. Дублирующие кнопки были в отсеке управления. В крайнем случае можно было открыть люк вручную, повернув рычаг, — это было сделано на случай, если по какой-то причине откажут силовые установки, чего обычно не бывает.

Но кто-то, забыв о кнопках, старался выбить дверь, приспособив как лом толстый стальной прут. Краска с люка была сбита неверными, неточными ударами. Вмятины и царапины были на самом рычаге.

— Вот видишь, — сказал Пашка, — дикари-грабители все-таки здесь побывали.

— И вместо того чтобы пробиваться в корабль, они старались из него выйти, — ответила Алиса. — Очень остроумно.

— Не исключено, — сказал Пашка, — что рычаг закрылся случайно, а грабители не знали, как открывается люк.

— А наши смотрели, как они это делают? — спросила Алиса.

— Не веришь? Ну хорошо, у меня по крайней мере есть своя версия. А ты только

критикуешь, — сказал Пашка. — Предложи свою.

— Не знаю, — честно сказала Алиса.

Ирия прыгнула на землю и принялась осматриваться в поисках следов. Но на мху и в переплетении ветвей трудно было что-нибудь отыскать. Алиса и Пашка, прыгнув за ней, тоже стали искать следы, бродя кругами вокруг корабля. Но с каждой минутой искать было все труднее. Смеркалось. Дождь разошелся не на шутку. Порывы дикого ветра раскачивали вершины деревьев.

В двадцати шагах от корабля на обломанном суку Ирия увидела лоскут от синей куртки. Кто-то зацепился за сук и потом, вместо того чтобы осторожно освободиться, так рванул, что рукав разорвался... «Значит, он спешил? Бежал?» — подумала Алиса. Но говорить ничего не стала. Она понимала, что Ирия не хочет обсуждать новые версии. Она представляет себе, что где-то здесь, может, раненый, может, попавший в плен, томится ее любимый Тадеуш.

— Все, — сказала Ирия. — Возвращаемся в «Днепр». Поиски продолжим с рассветом.

— Не согласен, — возразил Пашка. — У нас есть фонари. Нельзя терять ни минуты.

Он включил фонарь, но его яркий луч тут же запутался в переплетении ветвей.

От этого стало еще темнее. Белые стволы казались гигантскими привидениями. Дождь стегал по лицам. Кто-то пронзительно заверещал в чаще. Пашка выключил фонарь. Этим он признал, что не прав.

Когда они вернулись на корабль, Ирия обратилась к Алисе с вопросом:

— Как ты думаешь, включить прожектор?

Алиса поняла: с одной стороны, его яркий свет может быть маяком для членов экипажа «Днепра», если они заблудились. Но если они попали к врагам и враги так сильны, что смогли захватить большой корабль, они догадаются, что на корабле снова появились люди, и вернуться.

— Наверное, не стоит, — сказала Алиса.

Ирия кивнула.

Потом сказала:

— Занимайте капитанскую каюту. Спать будем все вместе.

Они перетащили туда матрацы из соседних кают. Алиса и Пашка легли, не раздеваясь. Сил не было даже выпить чаю. Пашка сразу уснул, но к Алисе сон не шел.

Потом она все-таки уснула, и во сне ей показалось, что кто-то ходит по каюте. Она осторожно открыла глаза. Тускло горел ночник.

Дверь медленно открылась. Ирия вышла из каюты и прикрыла за собой дверь.

Алиса решила, что Ирия хочет проверить, хорошо ли заперт корабль. Она пролежала минут пять. Ирия не возвращалась. Алису охватило беспокойство. Она поднялась и вышла в коридор. Ирии нигде не было. Алиса дошла до люка. Люк был приоткрыт. Алиса осторожно выглянула наружу и увидела, как далеко в сплетении ветвей поблескивает луч фонарика. То остановится, замрет, то дрогнет, то пробежит по листве. Алиса поняла, что Ирия ищет следы. Она не посмела окликнуть ее, уселась у люка, вытащила бластер и стала ждать. А фонарик все бродил вокруг корабля, постепенно удаляясь. Наверное, прошло больше часа, прежде чем его огонек снова приблизился к «Днепру». Когда Алиса поняла, что Ирия возвращается, она тихонько поднялась, вернулась в каюту, спрятала бластер и накрылась одеялом. Еще через две минуты в коридоре послышались осторожные шаги. Дверь приоткрылась и затворилась вновь. Алиса закрыла глаза. Сопел Пашка, но дыхания Ирии не

было слышно. Значит, Ирия не спит.

Может, сказать ей, что сочувствуешь и все понимаешь? Нет, не надо. Пускай Ирия думает, что Алиса спит. Так ей спокойнее.

Алиса старалась дышать ровно и глубоко. И, согревшись под одеялом, заснула.

Глава 5. Гибель Меркурия

Алисе показалось, что она спала одну минуту. И тут же ее разбудил бодрый голос выпавшегося Пашки:

— Скорее, скорее, выходим в поход!

Алиса вскочила. Пашка уже застегивал ремень с бластером и ножом.

Ирии не было.

— Ирия! — закричал Пашка. — Где ты?

— Я здесь, — послышался ответ. Ирия вошла в каюту. — Я встала пораньше, проверила все вещи Тадеуша. Хотела понять, в чем он ушел, что взял с собой.

Алиса с первого взгляда поняла, что Ирия так и не спала.

— Ну и что? — спросил Пашка.

— Очень странно, — ответила Ирия. — Он ушел, совершенно ничего с собой не взяв.

— Раздетый?

— Одетый. Так, как был одет в корабле. Но не так, как одеваются, выходя на незнакомую планету.

Ирия достала из рюкзака термос. Они выпили по чашке чая.

Снаружи был сизый туманный рассвет. Вата тумана покрывала поваленные деревья, и лишь некоторые ветки прорезали его и торчали наружу словно руки.

— В пятидесяти метрах отсюда ручей, — сказала Ирия. — Там умоемся.

Ирия уверенно шла впереди, ловко перепрыгивая через сучья и пробиваясь между ветвей. Алиса оглянулась: «Днепр» нависал над ними, темный, гладкий, как заблудившийся в лесу бегемотище.

Там, где кончался поваленный лес, журчал среди корней ручеек.

Чтобы не промочить ног, Алиса забралась на ствол упавшего дерева, что лежал поперек ручья. Вода текла под ним. На дне что-то блеснуло. Алиса сначала подумала, что это рыбка. Но когда она опустила руку в воду, рыбка не уплыла. Алиса достала из воды золотую пуговицу от форменного мундира Космофлота. Пуговицами давно уже никто не пользовался, только моряки и космонавты упрямо сохраняли старую традицию.

— Ирия, смотри, — сказала Алиса. — Это наверняка пуговица Полоскова.

— Или механика Зеленого, — сказала Ирия.

— Значит, их здесь вели дикари, — сказал Пашка, — и они специально оставляли мелкие блестящие вещи, чтобы мы их нашли по следам.

Ирия ничего не ответила. Она смотрела вперед, где так же, как вчера, поднимались одинаковые светлые стволы деревьев. Лес затаился...

Ирия остановилась, выпустила из-за обшлага своего комбинезона пластинку-карту, сфотографированную с орбиты. Алиса заглянула ей через плечо. На карте было видно, что лес тянется до широкой реки, за которой начинаются поля.

— Нам к реке, — сказала Ирия.

— Пойдем напрямик? — спросила Алиса печально. Она так устала прыгать по моховым

кочкам и проваливаться в гнилые ямы.

— А может, спустимся по ручью? — ответила Ирия. — Он наверняка впадает в реку.

Вдоль ручья идти было веселее. Кое-где деревья расступались, и тогда было видно серое небо, по которому неслись быстрые облака. Правда, порой ручеек растекался, образуя широкое болотце, и приходилось углубляться в лес, чтобы обойти его.

Пашка осмелел, забыв о змеях и чудовищах, и часто отбегал в сторону в надежде отыскать еще какой-нибудь след. Но больше ему не удалось ничего отыскать.

Алисе хотелось есть, она знала, что в рюкзаке у Ирии были бутерброды и сок. Конечно, можно попросить ее сделать привал. Но просить не хотелось. Алиса была уверена, что Пашка сейчас думает о том же самом. Он-то любит поесть куда больше, чем обыкновенный человек, но тоже видит, как устремленно и неустанно шагает Ирия и как она порой оборачивается, бросая взгляд на спутников, и молча укоряет их за то, что отстают.

«Ничего, — уговаривала себя Алиса, — сейчас выйдем к реке, посмотримся, тогда Ирия обязательно сделает привал».

Берега ручейка стали круче, словно он почувствовал, что скоро ему встретиться с рекой, и начал энергичнее стремиться вперед, прорезая путь в земле. Им пришлось отойти от ручейка, и теперь они шагали по краю крутого обрывчика. Ручей, вобрав в себя ключи и родники, стал куда шире, глубже. Он громко журчал, перекатывая по дну камешки.

Впереди среди деревьев показался просвет — лес кончился.

И тут они увидели человека.

Человек сидел на земле, привалившись спиной к стволу и опустив голову на грудь.

Ирия подняла руку, приказывая спутникам не двигаться с места.

Затем вынула из кармана бинокль, взгляделась в неподвижную фигуру и передала бинокль Алисе. Та увидела лицо спящего совсем близко. И сразу узнала его, хотя человек был грязен, щеки его исцарапаны, а одежда разорвана.

— Меркурий! — закричала Алиса и бросилась к старику.

Конечно же, это был толстяк Меркурий, отец наследницы Афродиты. «Какое счастье, — подумала Алиса, — что мы так быстро нашли его! Сейчас тайна разрешится».

— Меркурий! — закричала она снова, спотыкаясь о сучья и проваливаясь в мох.

От вторичного крика Меркурий открыл глаза и увидел подбегающую к нему Алису. В глазах его был ужас. Он вскочил и попытался убежать. Но ноги плохо держали его.

Ирия, обогнав Алису, схватила его за руку.

— Не бойтесь! — закричала она. — Мы — ваши друзья.

Старик забился всем телом, словно животное, которое попало в западню. Он кусался, отбивался толстыми ногами, махал руками, и Ирия с трудом его удерживала.

А Алиса и Пашка прыгали перед ним, стараясь поймать его взгляд.

— Меркурий! — повторяли они. — Меркурий! Это мы! Это я, Алиса. Это я, Пашка Гераскин! Не бойтесь!

Но Меркурий продолжал вырываться из железных пальцев Ирии. Потом, стихнув, сказал плачущим голосом:

— Больно... мне больно...

— Только не убегайте, — сказала Ирия. — Мы не сделаем вам больно. — И она отпустила старика.

Тот начал растирать руки.

— Не надо, — повторял он, — я больше не буду.

— Меркурий, миленький, — испугалась Алиса, — что они с тобой сделали?

— Да, сделали, — согласился Меркурий, глядя мимо Алисы. — Больно.

— Кто они? — спросил Пашка. — Скажи, это дикари?

— Дикари, — согласился Меркурий.

— погоди, Пашка, — остановила Ирия следующий вопрос Гераскина. — Меркурий в шоке. Ему нужно успокоиться.

Ирия обернулась к Меркурию и мягко сказала:

— Пожалуйста, успокойтесь. Все будет хорошо.

Она открыла сумку с аптечкой, прикрепленной к поясу, и достала оттуда прозрачный шарик. Быстро приложила его к руке Меркурия и нажала. Шарик сплющился. Его содержимое влилось под кожу Меркурию.

— Не надо, — сказал Меркурий, отводя руку Ирии.

Лекарство начало действовать сразу, хотя не совсем так, как надеялась Ирия.

Меркурий на самом деле стал куда спокойнее, но все равно не узнавал своих старых знакомых.

Ирия велела Алисе раскрыть рюкзак, достать еду. Угостили и Меркурия. Он вел себя странно. Держал в руке бутерброд, словно не знал, что это такое. Но, видно, был голоден и, увидев, что Алиса и Пашка уплетают бутерброд, совсем по-детски улыбнулся и затолкал свой бутерброд в рот. Он жевал и улыбался. Потом взял протянутый Алисой стакан сока и долго принюхивался к нему. Выпил сок. Протянул стакан Алисе и сказал:

— Надо. Каждый день. Правильно?

— Что делать? — вздохнула Алиса. — Он еще не пришел в себя.

— Наверно, его пытали, — сказал Пашка. — Посмотрите, какие синяки на плечах и глаз подбит.

— Он сам мог упасть, — возразила Алиса. Ведь Ирия сейчас думает: если это случилось с Меркурием, то что с Тадеушем?

— Я ничего не понимаю, — произнесла Ирия. — Я ждала всего, что угодно, только не этого...

Меркурий хитро улыбнулся и потянулся к термосу.

Видно, он подумал, что в термосе тоже сок, никто не успел его остановить. Он хлебнул из термоса горячий бульон, завопил, стал отплевываться. Потом вскочил и сердито крикнул:

— Злые, злые!

Махнул рукой и побрел прочь.

Пашка засмеялся.

— Ты что? — удивилась Алиса.

— Смешно ведь!

Алиса хотела пойти следом за Меркурием, но Ирия ее остановила:

— Пускай он идет, может, ему станет лучше.

Они смотрели, как Меркурий медленно бредет по лесу. Шагов через сто он остановился. Оглянулся. Увидел, что его не преследуют.

— Ничего, — сказал он громко. — Это пройдет.

— По-моему, он приходит в себя, — сказала Алиса.

А Меркурий снова пошел прочь. Стволы скрывали его из виду, поэтому Ирия пошла за ним, но не спешила, чтобы не пугать старика.

Меркурий шел все быстрее. Он еще раз оглянулся, помахал им рукой, побежал...

Тут уж они все побежали следом.

Меркурий бежал неровно, зигзагами, как слепой, вытянув вперед руки, его фигура все уменьшалась, и странно было видеть, как быстро может бежать такой толстый и старый человек.

Вдруг он пропал.

Когда Алиса первой добежала до того места, где Меркурий будто растворился в воздухе, перед ней раскрылась широченная даль: она стояла на краю высокого обрыва. Далеко внизу поблескивала река, за ней до горизонта тянулась плоская равнина.

Рядом часто дышал Пашка.

— Где он?

Они смотрели вниз, старались отыскать на поверхности голову Меркурия. Но река была пустой, чистой и ровной, как полоска серого пластика.

— Почему он так? — подумал вслух Пашка. — Чего он испугался? Он сошел с ума?

Алиса дотронулась кончиками пальцев до руки Ирии. Она понимала, как переживает сейчас Ирия, которая представляет себе, что так же где-то в лесу блуждает и может погибнуть ее Тадеуш.

Алиса еле сдерживала слезы. Надо же, прожить столько лет под океаном, а погибнуть дома, на родной земле!

Алиса перевела взгляд на противоположный берег. За рекой были видны редкие, раскиданные по лоскутным полям, словно игрушечные домики. Даже издали было видно, что они бедные, приземистые, крыты соломой, без труб. За домами снова начинался лес. На горизонте спичкой поднималась высокая башня или труба. Но это уже было так далеко, что даже в бинокль не разглядишь.

— Смотри! — сказал Пашка.

Из-за поворота показался гребной корабль. Посреди него поднималась высокая мачта с большим белым флагом, на котором был нарисован красный медведь.

Ирия рассматривала корабль в бинокль. Потом протянула бинокль Алисе.

Корабль приблизился настолько, что можно было разглядеть лица его гребцов и пассажиров.

Обнаженные по пояс, потные, угрюмые гребцы сидели на низких скамейках. Между ними ходил надсмотрщик с длинным бичом. Пассажиры собрались толпой на носу.

Нарумяненная толстая женщина с копной ярко-рыжих волос восседала на высоком стуле. Одета она была в длинный белый халат, на котором был нашит красный медведь. Вокруг женщины кольцом расположились еще несколько человек, облаченных в белые халаты с красными медведями. На некоторых были шапки, изображающие птичьи головы.

Пашка протянул руку, Алиса передала ему бинокль.

Пока Алиса разглядывала корабль, он уже приблизился. Снизу стали слышны голоса, крик надсмотрщика, который начал стегать бичом по плечам гребцов. Рулевой на корме навалился на тяжелое рулевое весло. Поток подхватил корабль и понес его под самым обрывом.

Пашка опустил бинокль.

— Что характерно, — сказал он, — никакой техники. Обратили внимание?

— Трудно было не обратить, — сказала Алиса.

Ирия между тем разглядывала берег. Она прошла шагов сто вверх по реке, туда, где обрыв выдавался уступом, и позвала ребят.

Там, за поворотом, берег отступал от обрыва. Внизу, на усыпанной камнями и заросшей невысоким кустарником площадке, уместилась покосившаяся хижина. Рядом с ней была видна вытащенная на берег лодка.

— Предлагаю спуститься к хижине, — сказала Ирия.

— Зачем? — спросил Пашка. — Наших надо искать в лесу.

— Там должны быть люди, — ответила Ирия. — Они что-то могут знать.

— Ирия права, — согласилась Алиса. — Лес большой.

Вскоре они отыскали промоину, по которой скатывался к реке ручей. Спуск был крутой, в некоторых местах такой крутой, что приходилось прижиматься всем телом к откосу.

В трещинах росли колючки, из норок выглядывали пауки, ящерицы бесстрашно глазели на людей, не желая уступать дорогу.

От промоины сквозь кусты вела узкая тропинка.

Не доходя нескольких шагов до хижины, Ирия остановилась. Они с минуту прислушивались. Кругом все было тихо. На берегу никого. Тогда Ирия жестом велела друзьям подождать, а сама подошла к двери и постучала. Никто не ответил. Ирия постучала сильнее.

Глава 6. Дочь перевозчика

Внезапно дверь резко распахнулась, и в проеме возник приземистый рыжий мужчина, одетый в серую рубаху и рваные черные штаны. В руке он держал топор и готов был пустить его в дело.

— Ты чего? — спросил он.

— Уберите топор, — сказала Ирия. — Что за манеры!

— Манерам не обучен, — ответил оборванец, не опуская топора. — Уходи, пока цела.

— Я не желаю вам вреда, — сказала Ирия, — но мне надо с вами поговорить.

— Человеческого языка не понимает! — удивился рыжий. — Бе-пе, что ли? От вас, бе-пе, добра не жди.

С этими словами он захлопнул дверь.

Но Ирия не сдавалась.

— Погодите, — сказала она, понимая, что за дверью слышно каждое ее слово. — Я пришла издалека. Я никакая не бе-пе. Я не знаю, что это такое «бе-пе». Я потеряла моих друзей. Скажите, пожалуйста, сюда не приходили люди, одетые как я?

— Убью! — раздалось из-за двери. — Не уйдешь сейчас, догоню и убью.

— С ума вы здесь все посходили, что ли? — удивилась Ирия. — Я прошу вас ответить добром.

— Я тебе сейчас отвечу!

Дверь с грохотом раскрылась, и рыжий с занесенным над головой топором выскочил из нее. Если бы Ирия не отшатнулась, он мог бы ее разрубить. Но Ирия ловко перехватила руку оборванца, заломила ее за спину, он согнулся до земли, выронил топор и сразу заныл:

— Тетенька, не надо, я тебе плохого не сделал! Мы люди маленькие, никого не видим, ничего не слышим, возим людей на лодке, как прикажет поклон Таракан, помилуй!

Из-за хижины выбежала рыжая девушка, одетая в платье из какого-то мешка, и с криком: «Не смей трогать моего отца!» — кинулась на Ирию, как разъяренная кошка.

Одна рука у Ирии была занята — она держала оборванца, — и она с трудом стала отбиваться от девушки.

Тут Пашка пришел на помощь Ирии, а Алиса, видя, в какой клубок сплелись все четверо, схватила с земли топор, закинула его в воду и закричала:

— Прекратите драку! Я вам приказываю!

Получилось так громко, так повелительно, что все замерли, и клубок распался.

На поляне перед хижиной наступила тишина.

Отец девушки сидел на земле и тер кисть правой руки — видно, Ирия больно сжала ее. Девушка и Пашка стояли друг против друга, как два бодливых козла.

— Если вы нам скажете, видели ли вы наших друзей или нет, мы сразу уйдем, — сказала Алиса.

— Мы ничего не знаем, — сказал упрямо оборванец. — Куда мой топор дели? Мне без топора нельзя.

— Он в воде у берега лежит, — показала Алиса.

Мужчина сразу поднялся и полез в реку. Нагнувшись, он шарил руками в воде и громко ворчал.

Пока он был занят, девушка тихо сказала:

— Видела я твоих друзей. В лесу они.

— Где в лесу? — спросила Ирия.

— У помников, — сказала девушка.

— Сколько их было? — спросила Ирия. — Они здоровы? Кто такие помники? Они не причинят вреда нашим друзьям?

— Я сразу на все ответить не смогу.

— Отвечай по порядку. — Пашка показал ей кулак.

— А ты прикажи своему мальчишке, чтобы он не дрался, — сказала девушка. — А то ничего не скажу.

— Паша! — воскликнула Ирия. — Неужели ты не понимаешь, что в такой момент...

— Понимаю, — ответил Пашка и сделал шаг в сторону.

— Я была в лесу, — сказала рыжая девушка, — и видела там помников.

— Молчи, Речка! — завопил тут оборванец. — Хватит того, что я уже пережил.

Он, мокрый по пояс, вылез из реки, держа в руке свой топор.

— Папаша, — девушка подошла к нему и отняла топор, — не вмешивайся. Ты не все понимаешь.

Она обернулась к Ирии и объяснила:

— Мой отец здесь перевозчик. И все его обижают. Кто хочет, тот и обижает. А он огрызается, как дикий кот.

— Чтобы слова такого я больше не слышал! — не сдавался отец девушки. — Чтоб о помниках ни слова. А если какой поклон или вкушец услышит?

— Зря я к тебе вернулась, — сказала Речка. — Кричишь ты много!

— А ты, может, и не ко мне вернулась! Может, ты на подглядки вернулась.

Ирия улучила паузу в этом не очень понятном для посторонних споре и вмешалась:

— Вы обещали рассказать о наших друзьях.

— А что еще рассказывать? Помники с ними были. Значит, в Убежище повели.

— Простите, — сказала Ирия, — мы здесь первый день. Мы не знаем, кто такие помники, что такое Убежище, где все это находится. Помогите нам, пожалуйста.

— Ни в коем случае! — разозлился перевозчик. — Я ее не пущу.

— Не надо пускать, — сказала Ирия. — Вы только скажите, куда нам идти, мы сами.

— В лесу самим нельзя, — сказала девушка, — в лесу помереть можно.

— А ты за нас не беспокойся, — сказал Пашка. — Справимся. У нас бластеры.

— В лес нельзя, — сказал перевозчик. — В лесу смерть ходит. Где Ручеек? Нет Ручейка!

— Он придет, — сказала девушка.

— Когда придет? Ты все говоришь, а он не идет.

— Когда надо будет, тогда и придет.

— Сейчас надо.

— Сейчас рано.

— Порченная ты, помниками порченная! — закричал перевозчик, глаза его побелели, он стал водить руками по траве, словно искал свой топор.

— Я вас проведу, — сказала девушка. — Я вас до беспамятной ямы проведу, до каменной дороги.

— Никуда ты, Речка, не пойдешь, — повторил перевозчик.

— Только не сейчас, — сказала девушка. — Когда все проплывут, тогда и пойдём.

— Кто проплывет? — спросил Пашка.

— Я думаю, два остались, — сказала девушка, — но кто знает? Может, еще кого позвали.

Алиса кивнула, будто поняла.

— Должны вот-вот появиться, — продолжала девушка. — Только вам тогда по берегу лучше не гулять. Вдруг стрельнут?

Перевозчик насторожился. У него был отменный слух.

— Едут, — сказал он.

Девушка выглянула из-за угла хижины. Пашка хотел бежать на берег, но перевозчик остановил его:

— Куда собрался? Ты же одет по-чужому. Они тебя мигом схватят. А меня задушат.

Из-за хижины Алиса увидела, что по реке плывет новый корабль. Больше всего он был похож на огромное долбленое красное корыто, посреди которого торчала толстая мачта с парусом. На парусе был грубо нарисован павлин. На корме стоял шатер из синих и желтых полос ткани.

— Сам, — сказал печально перевозчик. — Сам поклон Таракан.

Тут «корыто» начало поворачивать к берегу. Матросы убрали парус, рулевые повисли на рулевом весле, заставляя неповоротливое судно двигаться куда надо.

На корме перед шатром можно было разглядеть человека в полосатой, цвета шатра, одежде. Он махал руками, суетился, грозил кулачком матросам.

— Прятаться надо, — сказала Речка. — Ты чего, отец, молчишь?

— Идите, — согласился перевозчик. — А я дань заплачу!

Девушка вывела путешественников из-за хижины, и, пригибаясь, чтобы их не увидели из «корыта», они побежали к кустам. Там они и затаились.

И вовремя. Еще через три минуты «корыто» приблизилось к берегу и ткнулось носом в песок. Матросы, голые, если не считать коротких полосатых юбочек, сбросили с борта мостики, и по ним быстро сбежал невысокого роста горбун, что командовал «корытом». За ним спустились стражники в полосатых, синих с желтым, таких же, как у господина,

костюмах с копиями в руках.

Вся эта компания остановилась на берегу, и один из стражников закричал:

— Синий Нос! Синий Нос, предстань пред грозные очи!

Перевозчик мелкими шажками подбежал к горбуну, упал на колени и принялся биться головой о песок.

— О славный, грозный Таракан! — кричал он. — О великое хвостатое крылатое существо, поклон ты наш!

— Почему его зовут тараканом? — спросила Алиса шепотом у Речки.

— Потому что это его герб, — ответила девушка. — Видишь, на парусе нарисован?

— Но это же павлин, — сказала Алиса.

— Таракан не такой, — вмешался Пашка. — Он маленький, черный или рыжий, он с усами, он бегают. Он — насекомое!

— Я-то знаю, — загадочно ответила девушка, — а другие не знают.

Между тем перевозчик по знаку поклона Таракана протянул ему мешочек. Горбун вытряхнул из него на ладонь несколько монеток.

— Мало, — сказал он.

— Знаю, что мало, поклон Таракан, — печально ответил перевозчик. — Да никто не платит. Времена такие, что никто не платит.

— Врешь! — закричал Таракан высоким голосом. — Все таишь! Поклоном норовишь стать! Сапоги тебе целовать будут?

По знаку горбуна стражники вытащили из-за поясов плети и принялись стегать рыжего перевозчика, который валялся в ногах у горбуна и клялся, клялся, клялся, что ни монетки не спрятал, что с голоду опух, дочку не может замуж выдать, потому что нечего за ней дать.

— Чего же мы ждем! — возмущенно прошептал Пашка. — Можно, я их проучу?

— Не смей! — испугалась Речка. — Ты все погубишь. Так надо, чтобы бить. Так всегда делают. Иначе рабы слушаться не будут.

— Ты мне и без того уже столько монет недодал, сколько дней в году, — сказал горбун. — Как расплачиваться будешь?

— Вы же меня на место определили, поклон Таракан! — взмолился Синий Нос. — Сколько дают, столько отдаю. Может, помру скоро на этой работе.

— Что же делать? — Горбун пересыпал с руки на руку монетки. Стражники перестали лупить перевозчика — устали. — А ну, показывай дочку. Может, и в самом деле осчастливилю тебя, за долги возьму, в хорошем доме будет жить, кушать из серебряной миски.

— Нету дочки, — ответил Синий Нос.

— Как так нету?

— В лесу она. Грибы собирает. Грибов не соберешь, что зимой жевать будем?

— Врешь! — сказал горбун. — Врешь, гладиолус вонючий! А ну, всыпьте ему, пока не сознается, где прячет свою дочь.

Стражники принялись снова хлестать перевозчика.

— Ну зачем он обо мне сказал? — расстраивалась Речка. — Совсем старый стал, не понимает.

— А почему такое странное ругательство? — спросил Пашка. — Разве у вас гладиолусы вонючие?

— Не все ли равно! — отмахнулась девушка. — Если человек бедный, подлый,

ничтожный, то и имя у него некрасивое. А если благородный, богатый, то мудрецы придумают ему красивое имя.

— Значит, гладиолус хуже таракана?

— Значит, хуже, — сказала девушка.

На реке показался еще один корабль.

Это было совсем удивительное сооружение: большой плот из толстых бревен, на котором возвышался дощатый помост, устланный шкурами и коврами. По бокам плота медленно вращались, ударяя ступицами о воду, большие колеса, как на старинных колесных пароходах. На помосте стоял громоздкий резной шкаф. Вокруг шкафа выстроились люди в лиловых рясах, круглых шляпах, из-под которых свисали черные чадры с прорезями для глаз.

Стражники прервали экзекуцию и дружно повалились на колени. Матросы на «корыте» тоже пали ниц. Только горбун остался стоять, глядя, как плот поворачивает к берегу.

— Это еще кто? — спросила Алиса.

— Это сам повелитель грома и луны, верховный Клоп Небесный, первый вкушец королевства.

— Ой, — сказал Пашка, — можно понятнее?

— Можно, — спокойно ответила девушка. — Первый вкушец — это верховный жрец нашей земли. Вы знаете, что такое жрец?

— Конечно, — ответил Пашка, — это первобытный священник.

— Вот именно. У нас их называют вкушецами. Это приличнее.

— Почему приличнее?

— Потому что жрец жрет. А наши не жрут, а вкушают. Им кажется, что вкушец — более красивое слово.

— Любопытно, — сказала Алиса. — Странный пароход. Колеса крутятся, а трубы нет. Где же у него котел?

— Какой котел? — не поняла девушка.

— А колеса крутятся?

— А ты присмотришь, — сказала Речка.

Плот уже подошел поближе, и тут Алиса поняла, что она ошибалась. Колеса вращали люди, человек по десять каждое. Как белки в колесе, они работали ногами, потные, голые, несчастные.

— Это рабы? — спросил Пашка.

— Это грешники, — сказала Речка. — Бедные грешники.

— А в чем же они согрешили?

— Кто в чем, — сказала девушка. — Может, помник попался, может, вкушецу не заплатил, или украл что-нибудь, или высморкался в храме. Много бывает разных грехов.

— Их надо всех освободить! — сказал Пашка.

— Смотри, какой смелый! — улыбнулась Речка.

Когда плот подошел к берегу, люди в лиловых рясах распахнули дверцы шкафа, и оттуда вышел очень худой сутулый человек, одетый так же, как остальные жрецы, только на голове у него словно корона сияло золотое солнце.

Жрецы склонились перед ним.

— А почему у них лица закрыты? — спросил Пашка.

— Потому что они вкушецы звезд и ночи. И никто не должен видеть лица ночи.

— Слава тебе, знаменитый Клоп! — сказал горбун.

— Почему ты задержался? — спросил главный жрец. Голос у него был глухой, потому что он говорил сквозь чадру.

— Навожу порядок среди моих рабов, — сказал поклон Таракан.

— Хорошо, что я тебя догнал, — сказал жрец. — Надо поговорить.

— Слушаю и повинуюсь. — Горбун протянул руку, чтобы помочь жрецу сойти на берег.

— Отойдем, — сказал Клоп Небесный. — Чужие уши не должны слышать наших высоких бесед.

— Воистину, — ответил Таракан.

— Клоп с Тараканом, — фыркнул Пашка. — Смешно!

— Никто не думает, что это смешно. А кто подумал, уже умер, — сказала Речка.

Горбун в полосатом наряде и лиловый жрец с солнцем на голове пошли к кустам. За ними, на некотором отдалении, последовали стражники и монахи.

Горбун остановился совсем рядом с затаившейся в кустах Алисой.

— Вроде бы здесь можно поговорить, — сказал он.

— Да, они не услышат, — ответил жрец.

Они зашли за куст, и жрец откинул чадру. Под ней оказалось бледное лицо, изрезанное морщинами. Из вышитой бисером сумки, что висела у пояса, жрец достал кисет и курительную трубку. Набил трубку табаком, потом вытащил из сумки кремень и огниво. Раскурил трубку. Горбун стоял молча, глядел на жреца. Потом спросил:

— И какое же наказание положено тобой, Клоп Небесный, за такой грех?

— Медленное поджаривание на костре, — ответил тот, усмехнувшись. — Курение — страшный грех...

Жрец с наслаждением затаился.

— ... с переходом всего имущества твоему храму, — закончил горбун прерванную жрецом фразу.

— Не пропадать же деньгам грешника, — кивнул жрец.

— Тогда и я согрешу, — сказал горбун.

— Греши, уважаемый Таракан, — согласился жрец.

В руках горбуна оказалась плоская медная фляга. Горбун отхлебнул из нее и спросил, вытирая тонкие голубые губы:

— О чем ты хотел поговорить со мной, властитель звезд?

— Там, в Убежище, — сказал жрец, — как доносят мои люди, есть много странных и даже чудесных вещей.

— Я слышал об этом, — согласился горбун.

— Плохо будет, если они попадут в руки недостойным.

— Или дуракам, — сказал горбун.

— Как видишь, мы мыслим с тобой одинаково, мой ученик, — сказал жрец. — Главное — не высовываться. Наши отряды невелики.

— Конечно, — сказал горбун, прихлебывая из плоской бутылки. — Эти бандиты-близнецы приведут с собой целую орду мерзавцев.

— И его Повелительство имеет армию.

— Наши люди не пойдут в первых рядах, — сказал горбун.

— Они должны остаться в живых...

— Чтобы забрать все чудесные вещи, что спрятаны нечестивцами.

Заговорщики замолчали.

Алисе очень хотелось чихнуть. Но она лежала так близко к горбуну, что видела каждую ниточку на его полосатых штанах.

«Он же похож на осу, — подумала она. — На желто-синюю осу».

— А теперь мне хотелось поговорить с тобой еще об одном деле, — сказал жрец, понижая голос.

— Я слушаю, несравненный Клоп.

— Наше Повелительство великий Радикулит...

— Да славится имя его! — воскликнул горбун.

— Да славится имя его, — тихо повторил жрец, — стареет.

— Но он еще крепок.

— Он еще крепок, но стареет. И мы обязаны думать о том, кто займет его место в случае несчастья...

Алисе жутко хотелось чихнуть. Она чесала переносицу, но не помогало, она извивалась на песке, стараясь удержаться...

И чихнула!

Заговорщики подпрыгнули от неожиданности и бросились бежать к берегу.

Впереди неся Клоп Небесный, подобрав лиловую рясу и мелькая худыми голыми ногами. За ним, подпрыгивая, семенил горбун.

— Стража! — кричал он на бегу. — Оцепить кусты! Никто не должен уйти живым! Там враги! Там подглядчики!

— Бежим! — крикнула Речка.

Она первой кинулась в гущу кустарника. Колючки цеплялись за рукава, корни — за башмаки, сзади доносились вопли.

— Сюда! — крикнула Речка и пропала из глаз.

Оказалось, что в гуще кустарника есть лаз. Алиса нырнула туда.

Пещера. Вернее, яма в обрыве, тесная и сырая. Вчетвером они еле в ней поместились.

— Теперь тихо, — сказала Речка. — Я думаю, они нас не найдут. Я тут уже не раз пряталась.

— Зачем пряталась? — спросил Пашка.

— То работорговцы, то люди горбуна, то разбойники — мало ли кто хотел меня утащить.

— Ну и жизнь, — сказал Пашка. — Никакой справедливости.

— А какая может быть справедливость для бедных?

— С этим надо кончать, — сказал Пашка.

— Трудно.

— Но ведь раньше было иначе, — сказала Алиса.

— Тише, — прошептала Ирия.

Алиса понимала: Ирию сжигает желание скорее вернуться в лес, найти Тадеуша. И раз приходится терпеть и ждать, она будет терпеть и ждать, но мысленно она не здесь, она в лесу.

Перекликались голоса. Солдаты и жрецы прочесывали кусты в поисках злоумышленников.

В пещерке было душно, с потолка сыпалась земля. Казалось, что прошел целый час, прежде чем крики солдат утихли.

— Можно вылезать? — прошептал Пашка.

— Погоди, — ответила девушка, — они могли затаиться. Вкущецы ужасно хитрые. Они привыкли ловить людей. Люди думают, что опасность миновала, а они сидят и подстерегают.

И снова потянулось ожидание.

— А кто такие помники? — спросила вдруг Ирия. — Они живут в лесу?

— Они живут в Убежище, — сказала Речка.

— Они плохие?

— Все думают, что они плохие, а они хорошие.

— Они не причинят вреда нашим друзьям?

— Если ваши друзья хорошие, то не причинят.

— А почему они живут в лесу?

— А где же еще жить? — спросила девушка.

— А почему твой отец их не любит?

— А помников никто не любит, — ответила Речка. — Их боятся. Вы же слышали, Клоп с Тараканом собираются в поход на помников.

— Почему?

— Потому что помники крадут детей.

— Так это же плохо!

— Это хорошо, — уверенно сказала девушка. — Они моего брата украли. И меня украли. Только я вернулась.

— Убежала? — спросил Пашка.

— Нет. Я подглядчица, — сказала Речка.

Пашка ничего не понял. Речка прошептала:

— Я вылезу наружу, посмотрю...

— Осторожнее, — сказала Ирия.

— Я очень осторожная, — ответила Речка и выбралась из пещеры.

Алиса смотрела ей вслед. Девушка проползла между кустами и замерла, прислушиваясь.

В кустах возник какой-то шум.

— Осторожнее! — прошептала Алиса.

Но девушка поднялась и пошла навстречу шуму.

Из кустов вышел ее отец. Он хромал, голова была разбита, бровь рассечена, струйка крови стекала по щеке.

— Отец! — побежала к нему Речка. — Они тебя совсем замучили!

— Ты жива! — обрадованно воскликнул перевозчик. — А я уж не знал, что думать.

Девушка сорвала лист с куста и стала вытирать отцу щеку.

— Негодяи! — говорила она. — Они за это поплатятся.

— Не надо так говорить. — Перевозчик опасно оглянулся. — У них везде уши.

— Не бойся, недолго осталось терпеть.

— Нет, не говори так, не говори!

— Вылезайте. — Девушка обернулась к пещере. — Они уплыли.

— И так серчали, — сказал перевозчик, увидев, как его гости вылезают из-под земли и отряхивают с комбинезонов грязь. — Так серчали, чуть меня не убили. Я им сказал, что у нас здесь странная птица завелась — кричит, словно человек чихает.

— И поверили?

— Может, поверили, может, не поверили, откуда им знать, что в лесу водится. Но спешили сильно. Им в Город надо.

Когда все вышли на берег, то увидели, что плот Клопа Небесного и «корыто» горбуна уже отплыли довольно далеко.

— Я выведу их наверх, — сказала Речка отцу. — И вернусь.

— Нет, — сказал перевозчик. — Я с тобой пойду. А то ты опять в лесу пропадешь. Сколько мне одному бедовать?

— Не бойся, я вернусь, — сказала Речка. — Мне здесь до вечера сидеть, смотреть, кто по реке плывет. Вечером уйду. Так договорено. Так что ты оставайся. Если без меня кто проплывет, запомни и все расскажешь.

— Ты их далеко не води, — сдался перевозчик. Глаз у него распух, на щеке ссадина, он стал еще страшнее, чем прежде.

— Не бойся, — снова повторила девушка.

— Ты одна у меня осталась! — горестно сказал перевозчик.

Когда они забрались на крутой обрыв и, переводя дыхание, поглядели вниз, хижина перевозчика показалась им махонькой, игрушечной, а сам Синий Нос, что стоял рядом, задрал голову и стараясь разглядеть дочь на обрыве, был ростом чуть больше муравья.

Лес в том месте подступал близко к обрыву, и от него тянуло сыростью, влагой, тусклым запахом мхов и грибов.

Речка долго вглядывалась вверх по реке. Но река была пуста.

— А почему ты за ними следишь? — спросил Пашка.

Хоть они сначала и повздорили, с Пашкой Речка чувствовала себя свободней, чем с остальными.

— Надо, — коротко ответила девушка.

Она присела на корточки, сорвала несколько длинных травинки и принялась плести из них какую-то сложную косичку. Ее пальцы летали так быстро, что трудно было уследить за их движением.

— Это, — сказала она, обращаясь к Ирии, — вы отдадите первому же помнику. Скажете, что от Речки.

— Это пароль? — спросил Пашка. — Чтобы нас не убили?

— А зачем вас убивать? — удивилась девушка. — Если вы до помников доберетесь, никто вас не убьет. Вы только доберитесь. Не помрите по дороге.

— А как мы узнаем, кому отдать? — спросила Ирия, пряча косичку в карман комбинезона.

— Ну разве ты помника не отличишь?

— Нет, — улыбнулась Ирия. — Ты забываешь, Речка, что мы здесь еще ничего не знаем.

— Отличишь, — уверенно сказала Речка и первой направилась к лесу.

Они вступили в его тень. Белесые стволы сомкнулись со всех сторон, под ногами пружинили моховые кочки. Небо пропало из глаз.

— Чем помники от остальных отличаются? — спросила Алиса.

— Они... они такие, как я. Обыкновенные.

— Твой отец помник?

— Нет, разве не видно? — удивилась девушка. — Мой отец простака. Как все люди там... — Речка показала назад.

— А в лодках были простаки?

— В лодках не было простаков, — поморщилась девушка. — Какие вы непонятливые! В лодках были поклонны, вкушецы и их слуги. И солдаты. Разные люди. А простаки работают. Землю пахут, сапоги тачают. Их можно бить. А поклонов и слуг бить нельзя.

— Вот это уже понятнее, — сказала Ирия. — А почему помники живут в лесу?

— Они не живут в лесу! — Речка была в отчаянии, что ее новые друзья не понимают простых вещей. — Они живут в Убежище. Там есть над чем думать. И их найти трудно.

— То, что ты называешь Убежищем, за лесом?

— До Убежища лес, — сказала девушка. — И за Убежищем тоже лес. И горы. Вы разве не знали?

— Не знали, — сказала Ирия.

Речка остановилась, огляделась. В лесу было тихо. Лес затаился, словно прислушивался к шагам людей.

— Здесь я прошлый раз оборотня встретила, — сказала Речка. — Еле убежала.

— Оборотня? — повторил Пашка. — А во что он оборачивается?

— Может в летучую мышь, а может в сову, — сказала девушка. — Кто знает! Они опасные.

— Нет, — сказал Пашка, — эта планета требует большой специальной экспедиции. Чем больше я по ней путешествую, тем более загадочной она мне кажется.

— А ничего загадочного, — откликнулась Речка. — Только безобразий много.

— Речка, — спросил Пашка, — а ты знаешь, что раньше это была очень развитая страна? И отсюда даже летали космические корабли.

— Ты честно говоришь?

— Честное слово. Ваши даже к нам прилетали.

— Когда будешь в Убежище, скажи об этом пигмею Хрусту, — попросила девушка. — Он очень обрадуется.

Справа что-то светлело.

— Там что? — спросила Алиса.

— Туда нельзя, — ответила девушка. — Вы вообще в лесу бойтесь ям, особенно если в них туман.

— Почему?

— Там пауки бывают. Или еще хуже.

— А что хуже? — спросил Пашка.

— Попадешь в яму, станешь бе-пе.

— Вместо того чтобы пугать, — сказал Пашка, — лучше бы объяснила.

— Ну как тебе все объяснишь, если ты простых вещей не понимаешь! — ответила Речка. — Я же сказала: видишь яму — беги.

— А еще от чего бежать?

— А в лесу, если что незнакомое, обязательно беги.

— Ничего, мы вооружены, — сказал Пашка.

— Слышала я уже это от тебя. Много твое оружие поможет, если в туман попадешь? Твои-то попали, видать.

— Кто? — быстро спросила Ирия.

— Кто? Твои друзья. Видела я их. Бе-пе! Ясное дело.

— Я так больше не могу! — воскликнул Пашка. — Говори по-человечески.

— Тише! Пигмеев атани спугнешь. И без шкуры останешься. Все! Дальше мне хода нет.

Теперь держите на то белое дерево. Никуда не сворачивайте, поляну обойдите по краю, чевири неопасные, но противные, потом не отмоешься. У того дерева начнется каменная дорога. По ней идите быстро, не разговаривайте. Чуть какой шум — прячьтесь в кусты и ждите. Через час увидите белую полосу поперек дороги. Там встаньте. Выйдет караульщик. Это памятник, наш. Отдашь ему плетенку. Скажешь на словах, что вечером буду, как договорено. Есть важные новости. Ясно?

— Ясно, девочка, — сказала Ирия.

— Я бы пошла с вами, да не могу, некогда.

— Мы увидимся, — сказала Ирия.

— Обязательно увидимся.

Пашка протянул девушке руку.

— Ты чего? — спросила она.

— Руку даю, — сказал Пашка. — Прощаюсь.

— Так у вас делают? — спросила Речка.

Ирия уже шла впереди.

— Пашка, не задерживайся, — сказала Алиса.

Речка провела себе ладонью по щеке — так прощаются на Крине.

Девушка стояла, смотрела им вслед — тоненькая, в сером рубище, длинные рыжие волосы рассыпались по плечам.

Такой Алиса и запомнила Речку.

Глава 7. Пигмеи Атани

Метров через сто они вышли на поляну. Поляна была невелика, она густо заросла высокой сочной травой. Мирная поляна, тихая, только бабочки вьются над ее серединой.

— Не вижу чевирей, — сказал Пашка.

— Ну и хорошо, — ответила Алиса.

— Может, пройти напрямик?

Ирия, которая огибала поляну, прижимаясь к кустарникам, ответила, не оборачиваясь:

— Пашка, я бы тебя в экспедицию с собой не взяла. Если есть предупреждение, всегда выполняй его. А то будет поздно.

— Слушаюсь, капитан, — ответил Пашка, который уже раздумал идти напрямик. Он отломал толстый сухой сук и кинул его в центр поляны.

И тут же из густой зеленой травы высунулись многочисленные розовые щупальца, тонкие, гибкие, быстрые. Они закрутились, разыскивая, кто потревожил их покой. И над поляной повис густой неприятный запах.

— Пашка, тебя же предупреждали! — воскликнула в сердцах Алиса, спеша вперед, потому что дышать было невозможно.

Вонь еще долго преследовала их.

— Ведь предупреждали, почему ты никому не веришь? — возмущенно воскликнула Алиса, остановившись, чтобы перевести дух.

— Доверяй, но проверяй, — повторил Пашка чью-то глупую фразу.

Громадное белесое дерево-великан в три обхвата возникло перед ними. Оно было таким старым, что в коре, источенной норами и дуплами, живого места не было. Обитатели коры — насекомые, зверьки, птицы — высунулись, глаза на гостей.

Ирия первой обогнула дерево, прошла несколько шагов и остановилась. Ударил каблук башмака по земле. Звук был гулким, твердым.

— Девочка была права, — сказала она.

Когда Алиса догнала Ирию, она увидела, что та стоит в начале бетонной дороги. Она была старая, по ней давным-давно никто не ездил. Между бетонными плитами росли кусты и даже маленькие деревья, края плит раскрошились. Но это была самая настоящая дорога.

— Еще одно предсказание сбылось, — заявил Пашка. — Теперь мы скоро дойдем до наших помников.

— погоди, Пашка, — сказала Алиса. — велели же не разговаривать. только не представляю, как тебе это удастся.

— А вот посмотришь, — ответил Пашка и пошел по дороге рядом с Ирией, которая вытащила бластер из-за пояса и шла, стараясь беззвучно наступать на бетон, оглядываясь и прислушиваясь к звукам леса.

Так они шли несколько минут. Но до белой полосы не дошли.

Внезапно с обеих сторон раздались оглушительный визг, крики, треск ветвей. И отовсюду, даже будто из-под земли, появились маленькие юркие черные мохнатые тела...

Алиса даже не успела ахнуть, как под тяжестью мохнатых тел упала на бетон. Раздался выстрел, кто-то успел выстрелить — Пашка или Ирия. От существ, которые напали на путешественников, пахло шерстью, потом и мускусом. Они так суетились, дергали Алису, кричали, щебетали, таким тяжелым комом навалились на нее, что она испугалась: сейчас задохнется.

Ее потащили в лес...

Они не знали, что попали в плен к пигмеям атани. И не знали, что пигмеи, ловкие, цепкие, как обезьяны, живут в кронах деревьев, где вьют большие гнезда из сучьев, сражаются со стадами обезьян и драконами, которые разоряют их гнезда и воруют детей, и что у пигмеев есть тайные святые места, где они скрывают своих идолов и сокровища, что находят в заросших лесом городах. Ну и, конечно, они не знали, что есть на Крине рыцари, из которых самые отчаянные посылают отряды, чтобы выслеживать пигмеев и отыскивать эти тайники. И уж совсем не знали, что, кроме братьев Кротов, это мало кому удастся. Это лишь потом они узнали, что если пигмей попадет в лапы Крота или подобного ему лесного рыцаря, то вряд ли он вырвется на свободу. Скольких пигмеев эти разбойники уже замучили, чтобы выпытать секреты их тайников! Скольких сгноили в заброшенных шахтах! Зато если пигмеям попадет в руки рыцарь или стражник, они к ним беспощадны. Речку или помника они не тронут — они их угадывают по одежде. Но за рыцарями они охотятся. А Ирию и ее друзей они приняли за рыцарей.

Ничего этого наши герои, разумеется, не знали. Их волокли, как пойманных кабанов, скрутив лианами руки, по кочкам в чащу, в темноту, подальше от дороги.

Ветви стегали их по лицу и плечам, и не закроешься от ударов, лианы так сильно стягивали руки, что они затекли; вокруг пересвистывались пигмеи — мохнатые темные человечки, которые казались быстрыми тенями. Под их ногами чавкала вода. Потом они продрались сквозь переплетение колючих ветвей и оказались в низине, окруженной сплошной стеной кустов и деревьев. В центре низины горел громадный костер, вокруг стояло несколько шалашей. Шалаша эти были временными, только раз в году пигмеи атани собирались сюда на священный праздник Белой Господинки. В этот день сокровища вынимают, и пигмеи любят ими, тут же приносят жертвы, совершают священные

пляски, посвящают молодых пигмеев в охотники, продают и покупают невест. И главное — в этот день они смотрят на Белую Господинку, Хранительницу Леса, мать пигмеев. Пигмеи думают, что эта статуя родилась вместе с лесом в древние времена из корней деревьев. Ничья рука не касалась ее...

Пленников бесцеремонно бросили на землю и, казалось, о них забыли. Алиса смогла наконец разглядеть пигмеев.

Они были невелики ростом — по пояс взрослому человеку. Старые охотники украшали себя ожерельями из кабаньих клыков, а красавицы вдевали эти клыки в нос и в уши. Если пигмею удавалось найти в лесу или в заброшенном городе какую-нибудь красивую, с его точки зрения, вещь, он ее использовал как украшение. Поэтому в мочке уха одного из пигмеев висел ржавый гвоздь, у другого на груди — будильник без стрелок, а у самого знатного в густые волосы была воткнута позеленевшая дверная ручка.

Пигмеи занимались своими делами. Женщины сортировали на больших листьях угощение — чистили улиток, сдирали шкуру с ящериц, — другие подметали ветками площадку у костра, устилали ее мхом.

— Как в приключенческом фильме, — сказал Пашка, который вовсе не пал духом, а наблюдал за всем с интересом. — Потом они привяжут нас к столбам и начнут стрелять в нас из лука.

— Не говори глупостей, — сказала Алиса, — и без тебя тошно.

— Ловко они нас ограбили, — произнесла с сожалением Ирия. — Я даже не заметила.

Тут Алиса поняла, что пигмеи сняли с них пояса, к которым крепится все — от аптечки и запаса концентрированной пищи до бластера.

— А я заметил, — сказал Пашка, — только подумал, что они меня щекочут.

Из самого большого шалаша вышел старый пигмей. Его длинные курчавые волосы от старости стали желтыми, желтая борода доставала до земли, и немудрено: он шел, согнувшись пополам, так что касался кончиками узловатых пальцев земли.

Остальные пигмеи, — а их собралось на площадке, наверное, несколько сотен, — засуетились, сбежались к старику. Тот направился к лежавшим на траве пленникам.

Изучал он их долго. Рассматривал, трогал, даже приоткрыл пальцем губу Алисы и осмотрел ее зубы, будто лошадь покупал. Пашка фыркнул, но старик заворчал на него.

Больше всего старика заинтересовала Ирия.

Он опустил перед ней на корточки, погладил по золотым волосам и засвистел. Остальные тоже засвистели. Старик распрямился и отдал приказание.

Алиса пожалела, что компактный переводчик остался в поясе, которого она лишилась. Без него языка пигмеев не поймешь.

Пигмеи выволокли из шалаша большой, длиной метра полтора, сверток. Они положили его на землю недалеко от пленников, развязали лианы, размотали мешковину, и там обнаружилась мраморная статуя.

Статуя изображала молодую женщину в короткой тунике. Женщина держала перед собой небольшую книжку. Талантливый скульптор очень хорошо передал состояние читательницы — ее не интересовало ничего, кроме книги, в которую был устремлен ее взгляд.

На небольшом постаменте было выбито название скульптуры: «ЧИТАТЕЛЬНИЦА».

По знаку старика пигмеи положили скульптуру рядом с Ирией и начали сравнивать пленницу с «Читательницей». Сравнение убедило их в том, что Ирия и есть ожившая статуя.

Это привело пигмеев в восторг.

Старик поднял руку, все замолчали, и в тишине он произнес:

— Ату-мана!

Затем показал на статую и перевел указующий перст на Ирию.

Толпа пигмеев издала радостный вопль.

Когда радость несколько утихла, все обернулись к Ирии, ожидая, что она скажет.

Ирия сказала:

— Спасибо за внимание. Теперь развяжите меня и моих друзей.

Услышав голос ожившей Белой Господинки, пигмеи пришли в бурный восторг, но развязывать пленников не стали. Ирия повторила свое приказание и нахмурилась. Пигмеи всполошились: Белая Господинка недовольна.

Старик пошлепал губами, подумал, потом крикнул:

— Вери-Мери!

— Вери-Мери! — завопили пигмеи. — Вери-Мери!

Из-за шалашей раздался ответный крик. Пигмеи толпой бросились туда и через несколько секунд выволокли на площадку маленького сытого пигмея. Он жевал большой корень.

Пигмеи начали кричать на Вери-Мери, старик рассердился, отобрал корень, поднял на вытянутой руке и начал выговаривать пигмею за непослушание. Тот глубоко вздохнул, поглядел на пленников, потом, обратившись к Ирии, сказал на языке Крины:

— Они велят спросить, чего ты сердишься?

— Вы переводчик! — догадался Пашка.

— Конечно, переводчик, разве не видать? — сказал пигмей. — Быстро отвечайте, а то они мой корень сжуют.

— Я приказала им меня развязать, — сказала Ирия.

— Вряд ли, — сказал Вери-Мери. — Кого решили скушать, их не развязывают.

— А ты переведи, — повторила Ирия.

Вери-Мери обернулся к ожидавшим зрителям и сообщил, чего хочет Ирия.

Началось долгое совещание. Некоторые соглашались с тем, что живую богиню неприлично держать связанной. Другие полагали, что развязанная богиня убежит. Наконец старейшина принял решение и сообщил его Вери-Мери, заодно вернув ему корень.

— Странно, — сказал переводчик, засовывая корень в рот. — Велят развязать. Значит, кушать не будут.

С этими словами он не спеша направился обратно за шалаш.

Пигмеи развязали пленников. Ирия тут же потребовала, чтобы им вернули пояса.

Снова побежали за Вери-Мери. На этот раз он даже подходить близко не стал.

Выглянул из-за шалаша и объявил:

— И даже переводить не буду. Они ваши вещи уже растащили и в тайники засунули.

— А ты попробуй, — сказала Ирия.

— А то мы дождь напустим или град, — добавил Пашка. — С нами, с богами, лучше не шутить.

— Ладно уж, переведу.

На этот раз совещание пигмеев затянулось. Видно, Пашкина угроза показалась им реальной, но расставаться с сокровищами не хотелось. Неизвестно, чем бы кончился спор, если бы вдруг из кроны громадного дерева, что нависало над низиной, не вылетел, держась

за конец лианы, отчаянно верещавший пигмей.

Его крик вызвал панику. Некоторые бросились бежать в лес, другие хватались за дубинки, плакали дети, женщины металась по поляне, старик схватил статую «Читательница» и старался утащить ее в шалаш. К старику на помощь прибежали еще несколько пигмеев, но они только мешали друг другу.

Верн-Мери, который продолжал меланхолично жевать корень, подошел к растерянным пленникам и сообщил:

— Левый Крот едет. Выследил. Я так и думал, что выследит. Конец вам пришел.

Сверху послышался хруст ветвей и топот, кусты расступились, и над низиной показались всадники.

Все они были одеты одинаково: в черные кожаные куртки, узкие черные штаны, на головах вместо шапок или шлемов — волчьи головы с разинутыми красными пастями. Впереди был их предводитель, одетый так же, только на плечах серебряный плащ, расшитый волчьими головами. Все воины ехали верхом на оленях, предводитель — на единороге. Да, на самом настоящем единороге.

Алисе приходилось слышать о единорогах. Отец даже привозил фотографию, сделанную в зоопарке какой-то далекой планеты, только это было давно, и Алиса не запомнила названия той планеты. Когда-то, в сказочные времена, единороги жили даже на Земле, но вымерли.

Единорог был ослепительно-белым и во всем схож с большой красивой лошастью. Но на лбу у него был прямой, направленный вперед витой золотой рог.

Группа воинов замерла на краю леса, глядя вниз на суету и суматоху лагеря пигмеев.

Потом главный рыцарь на единороге взмахнул рукой в черной перчатке, остальные воины подняли большие луки и натянули тетиву.

— Ийеееж! — закричал, улыбаясь, рыцарь.

На площадке наступила тишина. Пигмеи попадали ниц.

Черный отряд медленно спустился в низину. Это было внушительное, хоть и жуткое зрелище, и склонный к романтике Пашка глядел на рыцарей, приоткрыв от удивления рот.

А Алиса глядела в лицо предводителя, которого переводчик Верн-Мери назвал Левым Кротом.

Из-под волчьей морды смотрели черные узко посаженные глаза. Они казались глубокими дырами, пробуровленными в голубом узком лице. Все в нем было узкое: и нос, и губы, и брови, и даже усики. И еще Алиса успела заметить одну странность: все воины и их предводитель были обуты на одну ногу. На правой черный сапог, левая — босая.

Левый Крот встретился взглядом с Алисой и явно удивился.

Потом перевел взгляд на Ирию, на Пашку.

— Кто такие? — спросил он высоким голосом.

— Мы попали в плен, — сказала Ирия.

— Вижу и удивляюсь, — сказал рыцарь. — Я знаю этих дикарей. Они никогда не развяжут пленников. Они даже жарят и жрут их в лианах.

— Случилась странная вещь, — сказала Ирия, решив, что правда — лучшее оружие. — Эти карлики принесли статую, решили, что я похожа на нее, и развязали нас.

— Статую? Белую?

Голос рыцаря дрогнул. Видно, Ирия сказала что-то лишнее.

— Где она?

Рыцари привстали в стременах.

Алисе показалось, что большие карие глаза единорога глядят на нее с сочувствием. А может, с укором?

Пигмеи были неподвижны. Как будто сотни человечков заснули на этой площадке.

Взгляд рыцаря остановился на кучке пигмеев, скорчившихся возле костра.

Он тронул босой левой ногой единорога. Тот медленно и грациозно подошел к пигмеям и приподнял золотое копыто.

— Ну! — крикнул рыцарь. — Долой!

Пигмеи не шелохнулись.

Тогда по знаку рыцаря воины соскочили с оленей и принялись растаскивать пигмеев.

Когда плачущих карликов разогнали, оказалось, что они закрывали своими телами драгоценную статую «Читательница» — Белую Господинку, свою главную ценность.

Когда под стон и плач пигмеев воины поставили статую, Левый Крот радостно воскликнул:

— Она!

Воины загоготали.

— Большая удача! — воскликнул Левый Крот. — Посмотрим, как запоют поклоны в Городе. А теперь... — Он огляделся. — Искать тайники! Вы знаете, как это делать.

— Поклон Левый Крот, — сказал один из воинов, постарше других, сидевший верхом на могучем олене с рогами размахом в метр. — Я думаю, сначала лучше связать пигмеев, а то будут мешать.

— Правильно, — согласился рыцарь. — Займись этим. А я поговорю с чужими людьми.

Не слезая с единорога, он подъехал к Ирии. Голова единорога была совсем рядом с Алисой, и ей очень захотелось погладить его. Она протянула руку. Единорог словно понял, но не пошевелился. Алиса слышала, как рыцарь спрашивает Ирию:

— Судя по всему, вы благородные поклоны. Но одежда ваша и герб мне незнакомы. С кем имею честь?

Алиса дотронулась до шеи единорога. Шерсть была мягкой, шелковистой. Единорог закрыл глаза. У него были длинные черные ресницы.

— Мы издалика, — сказала Ирия. — Вы не знаете нас.

— Может, ты из помников? — нахмурился рыцарь.

— Нет, — ответила Ирия. — Разве вы сами не видите?

Рыцарь ничего не ответил.

В низине стоял вой, слышались крики, стоны, воины ловко привязывали пигмеев к длинной веревке, словно низали бусы. Пигмеи почти не сопротивлялись, а если кто-то норовил убежать, воины били пленников нагайками.

— Почему ехали лесом? — спросил рыцарь у Ирии.

— Мы заблудились.

— Мне трудно поверить, — сказал рыцарь. — Благородная поклонка с двумя детьми без коней или оленей.

— Мы плыли по реке, — сказала Ирия. — Наша лодка разбилась.

Алиса почесала единорога за ухом. Ей показалось, что единорог улыбнулся.

— Готово, поклон Левый Крот! — крикнул старый воин.

— Отгоните их, — приказал рыцарь.

Пигмеев загнали за шалаши, оставили возле них стражу.

— Теперь за дело, — сказал рыцарь. — Где Вери-Мери?

Переводчик Вери-Мери уже сам подошел к рыцарю. Непонятно было, откуда он взялся, где скрывался эти минуты.

— Здесь я, — сказал он лениво.

— Показывай, — сказал рыцарь. — Где тайники пигмеев?

— При всех показывать не буду, — сказал тихо переводчик. — Они увидят — под землей меня найдут. А я жить хочу.

— Не покажешь — умрешь куда раньше, — усмехнулся рыцарь.

— Нет, — ответил переводчик, — не убьешь ты меня, поклон Левый Крот. Сколько еще племен в лесу, сколько тайников, а тебе ведь хочется все раздобыть.

— Молчать!

— Могу и помолчать. Ищи сам, — сказал Вери-Мери и принялся сосать корень.

— Убью! — рявкнул рыцарь.

— Десятая часть моя, — ответил на это переводчик.

— Показывай, — сдался рыцарь.

— Под левым шалашом в земле, — сказал Вери-Мери. — Справа от костра яма засыпана сучьями. Выше, у большого двойного дерева между корней пещерка. А я пойду. Потом встретимся.

— Где? — быстро спросил рыцарь.

— Буду в Городе, — сказал Вери-Мери. — У мудрецов. Люблю поговорить с мудрецами. Дай-ка мне горсть.

— Много, — сказал рыцарь.

Маленький пигмейчик стоял спокойно и улыбался. Он был похож на злую перекормленную обезьянку. Босая нога рыцаря покачивалась у самой его головы. Рыцарю ничего не стоило ударить предателя. И, видно, ему хотелось это сделать. Нога дрогнула, и переводчик решил не испытывать судьбу — он шустро отпрыгнул в сторону.

— В Городе я постараюсь узнать важные для тебя вещи, рыцарь, — сказал он.

Левый Крот отстегнул от пояса один из висевших там кошель и уронил на землю. Переводчик не шевельнулся.

Рыцарь тронул ногой единорога, и тот, кинув взгляд на Алису, двинулся прочь.

Тогда переводчик нагнулся, быстрым движением поднял с земли кошель и тут же засунул его под набедренную повязку.

Этим моментом воспользовался единорог. Он поднял заднюю ногу и сильно ударил Вери-Мери золотым копытом. Тот с воплем отлетел в сторону. Но никто не слушал его проклятий. Только Пашка сказал:

— А я согласен. Не люблю доносчиков.

— Я не доносчик! — откликнулся Вери-Мери. — Я принципиальный подглядчик! Это моя работа. И не хуже других.

А на площадке воины раскапывали тайники пигмеев. Те поняли, что происходит, и завопили еще сильнее.

Из тайников воины доставали сокровища, которые, на взгляд Алисы, и не были сокровищами. Ржавая кастрюля, корпус от пишущей машинки, утюг без ручки, разбитая люстра, дверца шкафа, мраморные шарики, какие-то блестящие тряпки, и все это грязное, замшелое, словно с помойки. Но воины думали иначе. Порой какая-нибудь вещь вызывала у них бурю восторга, а Левый Крот, который на единороге сновал между группами

«археологов», щурился, как сытый кот. Все награбленное добро воины совали в мешки и приторачивали их к седлам. Олени пугливо поглядывали на незнакомые вещи. Особенно тщательно запаковали белую «Читательницу». Заворачивая ее, воины поглядывали на Ирию. Видно, им тоже казалось, что она похожа на статую.

— Может, сбежим? — спросил шепотом Пашка.

— Боюсь, сейчас не удастся, — сказала Ирия.

В этот момент воин вытащил из одного тайника пояс Ирии.

— Это мое, — сказала она, подходя к воину и протягивая руку.

— Подожди, — ответил рыцарь, — потом разберемся. Может, ты ведьма и у тебя там волшебные снадобья.

— Там рация, — сказал по-русски Пашка. — Вот что жалко. Вызвали бы сейчас Гай-до.

— Вызовешь его, — мрачно ответила Алиса. — Если он без топлива сидит, ждет нас, бедненький. Представляешь, как он переживает!

— Слушайте меня, друзья, — сказала Ирия. — Без моего согласия ничего не предпринимать. Мы обязательно убежим, но ошибки быть не должно.

Глава 8. Встреча в лесу

Они шли по лесу. Впереди рыцарь на единороге, затем Ирия с ребятами и воины. Сзади гнали длинную вереницу пленных пигмеев.

— Боюсь, что мы с каждым шагом удаляемся от цели, — сказал Пашка.

— На непонятном языке говорить запрещено! — раздался рядом голос.

Они увидели, что за ними шагает, как всегда жуя корень, предатель Вери-Мери.

— Еще тебя не хватало! — возмутился Пашка. — Отойди, а то я с тобой расправлюсь почище единорога.

— Что такое единорог, я не знаю, — ответил с достоинством маленький предатель. — Если вы имеете в виду удар, который мне нанесла рогатая кобыла, то она за это поплатится. Каждый поплатится, кто поднял на меня руку.

Вери-Мери грозно выпучил глаза и надулся, но все равно он был так мал, что его шевелюра еле доставала до плеча Алисы.

— Вы думаете, — продолжал Вери-Мери, — что если человек мал ростом, то большие могут его топтать? Это ошибка. Все великие люди были маленького роста. И знаешь почему?

— И знать не хочу, — буркнул Пашка.

— А ты слушай. Полезно. Маленького ребенка обижают большие дети, потому что они глупые и думают, что рост — это достоинство. А потом, когда маленький человек станет взрослым, он понимает, что вместо роста небо подарило ему ум. И с помощью этого ума он доказывает всем глупым великанам, что может укоротить их, как пожелает. Только для этого нужно терпение и еще раз терпение. Ты думаешь, мне не жалко этих пигмеев, которые так и не поняли преимуществ нашего малого роста? Жалко. Но в этом мире побеждает только сильный.

— Вери-Мери, — сказала Ирия, — вы мне надоели. И я боюсь, что Пашка сейчас вас побьет.

— Нельзя, — ответил переводчик. — Я под защитой знаменитого непобедимого поклона Левого Крота.

— А он будет только рад, — сказала Ирия.

— К сожалению, вы правы, — согласился вдруг переводчик. — До встречи.

И он исчез. То ли под землю провалился, то ли нырнул в листву.

Некоторое время они шли молча. Лес близко подступал к тропе. Листва смыкалась над головой. Что-то заставило Алису поглядеть направо — из переплетения сучьев на нее глядел человек.

На мгновение его лицо мелькнуло белым пятном в массе зелени.

Она хотела сказать об этом Пашке, но, как ни вглядывалась в чащу, ничего больше не увидела.

Процессия двигалась медленно, петляя между могучих стволов. Сзади доносился шум: говор, стоны пигмеев, крики воинов. Спереди мерно покачивались черные спины рыцаря и его охраны.

Единорог оглянулся, взглянул на Алису, и ей показалось, что он улыбается. Но не может же лошадь, даже рогатая, улыбаться.

Деревья расступились, впереди была просека. Она заросла кустами и тонкими деревцами, посреди нее тянулась проселочная дорога. Воины оживились, заговорили громче, даже олени пошли быстрее.

И тут Алиса снова увидела человека, который следил за ними.

Он сидел на толстом суку, нависшем над дорогой, совсем не таился, и даже странно было, что никто не догадался поднять голову и заметить его.

Человек улыбнулся Алисе, подмигнул и помахал рукой.

Он был совсем молодым, даже юношей. Одет в кожаную куртку и штаны, у него были длинные, до плеч, огненные волосы, зеленые глаза, и лицо его почему-то знакомо. Но почему Алисе может показаться знакомым лицо лесного человека на далекой планете?

Дерево осталось позади. Алисе хотелось оглянуться, посмотреть, что будет делать юноша дальше, но она не осмелилась, чтобы не привлечь к нему внимания.

Но оказалось, что юноша сам этого хочет.

Когда через несколько минут первые воины выехали на широкую пустошь посреди леса, заросшую редкими деревьями, меж которых рос тростник и кое-где поблескивала вода, юноша сполз с дерева, вышел из кустов и спокойно побрел навстречу процессии. Он шел, опустив руки, глядя в землю, будто ему было совершенно невдомек, куда он попал и с кем встретился.

Один из воинов поднял лук, но рыцарь положил руку ему на локоть, приказал подождать.

Юноша шел, не поднимая головы, пока не натолкнулся на дерево. Он потер лоб, удивленно поглядел на ствол, как лунатик, который гуляет во сне по крышам, затем побрел дальше, забрел в низину, не замечая, что идет по колено в воде, чуть не упал, поскользнувшись, выпрямился, остановился, оглядываясь, будто стараясь проснуться и понять, что происходит. Он стоял совсем близко от черного рыцаря, и тот окликнул его:

— Куда идешь, добрый человек?

Юноша поднял голову. Глаза его были пустыми. Что-то произошло с ним за те минуты, что Алиса не видела его. Ведь тогда он улыбнулся ей, он все отлично понимал. А сейчас он глупо моргал, глядя на рыцаря. Потом повернулся и пошел прочь.

— Бе-пе, — сказал воин.

— Вижу, — согласился Левый Крот. — Возьми его.

Воин на олене догнал человека. Преградил ему путь. Тот покорно остановился.

Воин вынул нагайку, слегка хлестнул ею юношу, и тот послушно, как корова, которую пастух погоняет домой, подошел к черному рыцарю.

— Стой! — приказал черный рыцарь. Потом наклонился в седле, протянул руку, сильно схватил юношу за подбородок и потянул к себе.

— Больно, — сказал юноша.

— Еще больнее будет! Ты чего притворяешься? Помник? Подглядчик?

— Может, и помник, — сказал старый воин. — Только он бе-пе. Я их навидался на своем веку. Вроде бы должны знать, куда нельзя соваться, а суются. Даже жалко.

— Ты себя жалеешь, а не других, — сказал рыцарь. — Свяжи его. И веди.

— Слушаюсь, — сказал старый воин. — А что с ним делать будем?

— Если не притворяется, отвезем в Город. На рынке он хорошо пойдет. Молодой, крепкий.

Старый воин спрыгнул с оленя и, вытащив из-за пояса веревку, быстро связал руки юноше. Тот безучастно смотрел на воина, будто и не замечал его.

Алиса хотела спросить черного рыцаря, что такое бе-пе. Это слово она слышала здесь уже не в первый раз. Но потом раздумала. Ведь здесь все знают, что означает бе-пе. А если Алиса не знает, это вызовет подозрение. Поэтому она не спросила.

Через полчаса дорога начала подниматься, лес поредел, и наконец впереди на вершине пологого холма показался замок. Высокая каменная стена окружала массивную башню. Башня была покрыта куполом, в котором виднелся большой разрез — от вершины до стены.

Когда процессия вышла на открытое место, рыцарь приложил к губам трубу, что висела притороченная к седлу, и затрубил. Тут же на стене появился человек и затрубил в ответ.

К тому времени, когда первые воины поднялись к стенам, ворота замка открылись и оттуда выехал рыцарь.

И тут Алисе показалось, что у нее двоится в глазах, потому что рыцарь, который выехал из замка, был точной копией рыцаря, который возглавлял процессию. Они были одинаково одеты, они ехали на одинаковых белых единорогах. И лица у рыцарей были одинаковыми.

— А я знаю, в чем разница, — сказал вдруг Пашка, который, как это часто бывает, угадал мысли Алисы. — У нашего левая нога босая, а у того — правая.

— Можно предположить, — добавила Ирия, — что если нашего зовут Левый Крот, то это...

— Правый Крот! — воскликнула Алиса.

Рыцарь услышал ее и резко обернулся.

— Слишком догадливая, — сказал он.

— Вы близнецы? — спросила Алиса.

— Я родился первым, — сказал Левый Крот.

— Не хвастайся, — сказал, подъезжая, второй рыцарь. — Хвастовство тебя когда-нибудь погубит. Ты забыл, что у меня первого прорезался зуб?

Рыцари поехали рядом.

Единороги сблизили головы, будто шептались о чем-то.

В воротах замка рыцари остановились, пропуская процессию, и Левый Крот сказал, словно представляя гостей:

— Этих мы отняли у пигмеев.

Он показал на Алису и ее друзей.

— Странные люди, — заметил его брат. — Бе-пе?

— Нет. Говорят, что поклоны издалека. Их корабль перевернулся на реке. Вели проводить их в верхнюю гостиную. Но глаз не спускай.

— А это?

— Это бе-пе, — сказал Левый Крот, глядя на юношу.

— Я бы сказал, что памятник.

— Надо будет проверить.

Тут с ними поравнялись олени, груженные добычей.

— Мама будет рада, — сказал Левый Крот.

Больше Алиса ничего не услышала, потому что воины повели их внутрь, во двор замка, где возвышалась башня...

— Что она мне напоминает? — спросила Алиса вслух.

— Обсерваторию, — ответила Ирия.

Глава 9. История бандитского семейства

Отец близнецов, Старый Крот, гроза лесов, бандит и убийца, каких мало, в молодости был простым разбойником, таился со своей бандой в пещере на берегу реки. Однажды, преследуя оленя, наткнулся в лесу на бывшую обсерваторию. Он не знал, что это обсерватория, — на Крине уже двести пятьдесят лет не было ни одного астронома, но башня ему понравилась, потому что была просторной, с холма было видно далеко вокруг, и в ней была лишь одна дверь, которую легко было защищать. Года через два, после некоторых удачных набегов на деревни горбуна Таракана, что тянулись по тому берегу реки, и захвата купеческого каравана, Старый Крот смог обнести башню стеной, чтобы было где расположиться его воинам, устроить конюшни для верховых оленей и хранить добычу. А если у разбойника есть неприступный замок, как у настоящих баронов и знатных поклонов, то он уже не разбойник, а поклон.

Как-то Старый Крот был в Городе у моря. Он ездил на рынок рабов продавать пигмеев, пойманных в чаще. Там на улице он увидел носилки, в которых несли красивую девушку, дочь вкущеца храма святой Сороконожки. Потому девушку и звали красивым именем — Сороконожка. Крот поклялся себе, что эта девушка будет его женой. Поклялся, но никому, кроме ближайших соратников, не сказал об этом. Он умел ждать. И надеялся на Вери-Мери. Вери-Мери был тогда юным пигмеем, который попал в замок-обсерваторию мальчишкой, тихой проворной обезьянкой. Его бы продали, как и других лесных рабов, но хитрый мальчишка смог выбраться из подземелья, где его держали, хотя никто раньше этого сделать не смог, пробраться к самому Кроту, который, на счастье пигмея, был в тот вечер в отличном настроении, и сообщить, что знает, где хранится тайник племени Сухих сучьев. И не соврал.

Не было на всей Крине лучшего шпиона, чем пигмей Вери-Мери. Ну кто подумает опасаться грязного карлика, одного из тысяч городских рабов, что подметают улицы, трудятся в рудниках, вывозят нечистоты?

Вери-Мери познакомился с рабами в доме вкущеца храма Сороконожки и пронюхал, что Сороконожка собирается на Речной остров, к своей тетке, колдунье и прорицательнице Куке-Мокрице. Она отплыла на небольшом корабле с малой охраной, потому что стояли недели сбора урожая, и, как известно, пока урожай не свезут в закрома, в долине реки и на

большом море устанавливается мир.

Но какое дело было бандиту Кроту до обычаев! Лес велик, он хранит свои тайны. Там пропадают люди, там живут страшные звери, там летают разумные говорящие птицы, там, в глубине чащи, лежит Убежище помников, которые крадут детей. Там есть страшные колодцы, из которых поднимается дух, одним дуновением своим превращающий человека в бе-пе, что значит «беспамятный, потерявший память».

Крот собрал свой отряд и на маленьких лодках, когда корабль Сороконожки пристал к берегу на ночлег, напал на ее охрану. Так Сороконожка стала его женой.

К несчастью для Крота, один из стражников Сороконожки остался жив. Утром он пришел в себя, выбрался из-под груды тел, брошенных на берегу, отыскал лодку и смог вернуться в Город.

Гнев вкушцов был ужасен. Ужасен был и гнев его Повелительства Радикулита. И хоть Вери-Мери успел предупредить Крота, что на него идет целая армия из города, Кроту пришлось плохо. Три дня продолжался штурм обсерватории. У Крота кончились стрелы и камни. Те из его людей, что еще оставались в живых, были ранены и так измучены, что не держались на ногах.

Правда, осаждавшие об этом не подозревали.

И когда во время последнего штурма погиб сам великий вкушец, его армия отступила. В том бою стрела попала Кроту в глаз, и он окривел. Но с невестой не расстался.

А что невеста? Она поплакала, погоревала, она еще ждала, что ее выручат. Но некому было ее выручать.

Через год она родила двойню — двух мальчиков, похожих как две капли воды. Они были такими одинаковыми, что даже Сороконожка путала их. Мальчики были ловкие, злые, жестокие, и отец специально приносил им из леса животных и птиц, чтобы они их мучили. Когда мальчики подросли, надо было дать им имена. И Сороконожка послала гонца с большими дарами к мудрецам в Город. Потому что только мудрецы знают значение имен. Но мудрецы испугались мести властителя и вкушцов и отказались дать братьям имена. Пришлось назвать их как отца. И близнецы стали Левым Кротом и Правым Кротом. А знаменитая колдунья Кука-Мокрица с Речного острова, которой отвезли хорошие дары, предсказала, что близнецы никогда не поссорятся и не разлучатся, если будут носить только по одному сапогу: Левый Крот — правый сапог, Правый — левый. Что и было сделано. Первое время мальчики часто простужались, потому что им приходилось ходить босыми на одну ногу даже зимой. Но потом привыкли.

А что касается шлемов, то у них своя история. Когда-то, совсем давно, когда давали имя Старому Кроту, мудрец вместе с именем продал его дедушке картинку, на которой был изображен крот. Однажды в лесу Крот увидел такого зверя. Но он не знал, что зверь зовется волком, потому что только мудрецы знают, как что называть. А они думали, что это животное называют кротом. Вот и стал Крот, и все воины Крота, и дети Крота носить на голове вместо шлемов волчьи головы, называя их кротовыми головами.

Так уж повелось, что все воины в замке, да и сам Старый Крот ездили на верховых оленях. А однажды случилось невероятное событие. Сороконожка гуляла как-то вечером с близнецами на зеленом склоне возле замка и услышала стон. Совсем человеческий.

И тут она увидела, как из леса вышел единорог.

Разумеется, госпожа Сороконожка слышала о единорогах и знала, что они живут далеко, за непроходимыми лесами, и людям показываются очень редко. А в неволе

умирают. Даже у его Повелительства Радикулита Грозного не было ни одного единорога. Так что настоящего единорога Сороконожка не видела.

И вдруг — такая встреча.

Но встреча оказалась грустной. Когда госпожа Сороконожка и мальчики стояли в оцепенении, глядя на это чудо, женщина увидела, что по шее животного струится кровь.

Госпожа Сороконожка не знала, как помочь животному. Тут из леса выбежали два маленьких единорога на тонких ножках — видно, родились совсем недавно, даже ходить толком не научились.

Единорог, вернее, единорожиха, что оказалась матерью жеребят, сделала несколько неверных шагов и упала. Жеребята остановились рядом.

Тогда женщина подбежала к матери жеребят, вытащила платок, постаралась остановить кровь, но не смогла. И тогда губы умирающей единорожихи дрогнули. Губы шевелились беззвучно, Сороконожке казалось, что животное умоляет женщину не покинуть в беде ее детей, потому что она тоже мать и у нее тоже есть близнецы.

— Я обещаю тебе, — поклялась Сороконожка.

Со стены замка стражники увидели, что происходит внизу, и послали за хозяином. Вскоре прискакал Старый Крот. Он был удивлен не меньше жены и тут же приказал отнести тело погибшей единорожихи в замок, снять шкуру и сделать из нее чучело. Сороконожка не стала спорить, хотя ей было это неприятно. А жеребят старый бандит хотел тут же связать и отвезти в Город, надеясь, что ему за них много заплатят.

Сороконожка боялась перечить дикому мужу. Она знала, что спорить с ним — пустое дело. Поэтому она и не спорила, а тихонько делала так, как хотела. Когда ее муж приносил из леса животных и птиц и заставлял мальчиков мучить и убивать их, она, как только он уйдет, отнимала у мальчиков несчастные жертвы, выхаживала их и отпускала на волю. И объясняла близнецам, что животных надо любить. Потому мальчики росли двуличными. Когда нужно, они слушались отца, когда нужно — мать. Отца они боялись, потому что в гневе он мог жестоко избить, а мать по-своему любили — ведь она их кормила, ухаживала за ними, сидела рядом с их одинаковыми кроватками, когда они болели.

Когда их мать сказала мужу, что считает разумнее не продавать жеребят, а вырастить их для мальчиков, близнецы стеной встали на сторону матери. И перед бунтом в собственном семействе Старому Кроту пришлось отступить.

Так и росли молодые рыцари вместе со своими жеребятами.

Нигде единороги не живут в неволе, но в замке Кротов они чувствовали себя свободными. Они были братьями молодых рыцарей. И если хотели, могли разговаривать. Беззвучно, чуть шевеля губами. Но Левый Крот понимал только своего единорога, а Правый — своего.

Когда Повелитель Города Радикулит Грозный узнал, что у Старого Крота живут настоящие единороги, он предлагал за них любые деньги, но Крот был очень гордым. Если бы он сам решил продать единорогов, это одно дело. А если ему приказывают — никогда! Повелитель Радикулит объявил новый поход на замок Крота. Но тут началась война за проливы, и ему стало не до единорогов.

А братья-близнецы выросли самыми настоящими разбойниками, они были отважны и жестоки. Их никто не любил и все боялись. Помники не раз устраивали им засады, пигмеи собирались в большие орды, чтобы убить их, соседние бароны посылали против них отряды... Но не было лучше бойцов, чем братья Кроты. И не было во всем мире быстрее и

умнее животных, чем их единороги.

У молодых Кротов была сестра. Она родилась уже после того, как в замке появились единороги. Теперь ей исполнилось шестнадцать лет. Она была странной девочкой — дикой, замкнутой, неразговорчивой. Сам Старый Крот считал, что она родилась такой, потому что ее мать в тот год встретила в лесу Угрюмую Старуху. А кто увидит Угрюмую Старуху, никогда не будет счастлив. Дочку свою Старый Крот не любил, порол, и она убегала от него в лес и пропадала там по нескольку дней. И никому, кроме матери, не было до нее дела. Ей даже не дали красивого имени. Звали ее Белкой.

Потом Старый Крот погиб. Погнался в лесу за каким-то зверем, один, без охраны, заблудился... А может, и не заблудился, а завели его в чашу враги-пигмеи. И попал он там в яму, где живет дух, отнимающий память. И долго он бродил по лесу. Когда его отыскивали сыновья, он был так истощен, и так всех боялся, и такие страшные сны ему снились, что он повесился в замковой башне.

А жизнь в замке потекла, как прежде. Выросли сыновья, состарилась Сороконожка. Все уже забыли, что Старый Крот был простым разбойником. Сыновей считали настоящими поклонами. Потому, когда Радикулит Грозный стал собирать всех баронов и поклонов из подвластных ему земель, чтобы начать общий поход на помников, их тоже позвали.

Эту весть принес из Города Вери-Мери. По дороге ему удалось выведать у доверчивых пигмеев, где те собираются на годовой праздник. И, конечно же, рассказал об этом своим старым господам. Поэтому и оказался Левый Крот в лесу, поэтому Ирия, Пашка и Алиса попали к нему в замок.

Глава 10. Ночь в замке

Ворота замка со скрипом закрылись, стражи опустили толстый брус, запирая их. Воины спешили, пигмеев, как покорное стадо, загнали в узкую пасть подземелья. Туда же попал и юноша, найденный в лесу.

Пожилой воин с длинными седыми усами сказал Ирии:

— Вам наверх.

И они вошли в здание обсерватории.

Когда-то на первом этаже были комнаты астрономов и вычислительный центр. Разумеется, все вещи давно отсюда вытащили, некоторые из перегородок сломали. Пленников повели наверх по спиральной лестнице, у которой давно обломились перила, туда, где когда-то стоял телескоп.

Это был огромный круглый зал, его стены кончались на высоте двух метров и переходили в купол с прорезью для телескопа. Сквозь широкую длинную прорезь было видно серое, темнеющее небо, по которому бежали серые облака. Начался дождь, и капли гулко ударялись о каменный пол.

Воин закрыл за собой железную дверь и ушел.

Сразу стало очень тихо.

И голос Пашки прозвучал гулко:

— Надо бежать.

Алиса и сама знала, что надо бежать, но вдруг она почувствовала, что смертельно устала и мечтает только об одном: лечь и вытянуть ноги.

У стены протянулась низкая широкая скамья, устланная шкурами. Алиса добрела до нее и сказала:

— Можно, я немножко отдохну?

— Нам всем нужно отдохнуть, — сказала Ирия.

Алиса поняла, что Ирия жалеет своих юных друзей, сама-то она могла обходиться без сна несколько суток.

— Еще чего не хватало! — возмутился Пашка. — Отдохнем, когда отыщем Тадеуша.

— Конечно, — сказала Ирия. — Но я здесь старшая. И я сама устала. Если ты, Пашка, не поспишь хотя бы несколько часов, от тебя завтра будет мало пользы.

— Конечно, — вздохнул Пашка, — надо учитывать, что Алиса — всего-навсего девочка.

Алиса только улыбнулась. Она понимала, что Пашка не умеет признаваться в своих слабостях.

— Ложись, — сказала она, — скамейка длинная.

Пашка вытянулся у нее в ногах и пробурчал:

— Интересно, почему-то совсем не хочется спать.

И тут же засопел.

Алиса подумала: «Наш герой заснул раньше меня». Но это была ее последняя мысль. Она уже спала.

Когда Алиса проснулась, было совсем темно. Она не сразу сообразила, где она, и не поняла, что же ее разбудило. Потом сообразила: в зале посторонний. Кто-то чужой беззвучно ступает по полу, стараясь сдерживать дыхание.

Алиса замерла. Она кинула взгляд наверх: в щели для телескопа были видны звезды.

Чужой подходил все ближе.

Потом раздался щелчок. По звуку Алиса догадалась, где стоит тот человек, — метрах в трех слева.

Снова щелчок. И искры. Снова щелчок — и зажглась свеча.

Как же она не догадалась раньше: пришелец разжигал огонь! У них здесь нет спичек.

Скупой свет свечи вырвал из темноты странное скуластое лицо, черные глаза, копну курчавых волос. Лицо подростка. Нет, девушки!

Девушка вглядывалась в темноту, стараясь увидеть, кто лежит на скамье.

— Ты что здесь делаешь? — спросила Алиса негромко.

— Ах! — Свеча дрогнула и чуть не вывалилась из руки девушки.

— Не бойся! — сказала Алиса. — Ты кто?

Глаза Алисы привыкли к свету, и она поняла, что девушка не намного старше ее.

— Я — Белка. Я здесь живу.

— Белка?

— Я знаю, это некрасивое имя, но мне не стали давать настоящего, потому что отец меня не любил. Можно, я сяду рядом с тобой?

— Конечно, садись, — сказала Алиса. — Вот здесь.

Девушка села и поставила свечу на край скамьи.

— Мне так скучно здесь жить, — прошептала она. — Я увидела, как вас ведут, и подумала: обязательно к тебе проберусь, когда все заснут. Только я очень боялась тех, кто с тобой.

— Почему?

— Эта женщина с золотыми волосами, она страшная.

— Почему?

— Не знаю. Я только чувствую. Я все чувствую, — сказала Белка. — В ней больше силы, чем в мужчине.

Алиса подумала: «Ты бы посмотрела на Ирию на Земле, когда она возится с Вандочкой или готовит обед Тадеушу, вот бы удивилась!»

И тут они услышали голос:

— Еще бы! Ведь Ирия вышла на тропу войны. А ирокезы на тропе войны беспощадны.

Это был голос Пашки.

Белка от неожиданности подскочила.

— Не бойся, — сказала Алиса. — Это Пашка. Он мой друг. Он проснулся от нашего разговора.

— Я вообще не спал, — сказал Пашка хриплым сонным голосом. — Я думал.

— Он немного хвастун, — сказала Алиса. — Но хороший друг.

— Мальчики не бывают хорошими, — сказала Белка. — Из них вырастают мужчины. А это самое гадкое племя.

— Сумасшедшая какая-то, — сказал Пашка. — Какой же мужчина тебя обидел?

— Меня все обижают, — сказала Белка. — Мои братья меня обижают, мой отец меня обижал. А хуже всех Вери-Мери.

— Это предатель! — сказал Пашка. — Я когда-нибудь до него доберусь.

— До него не доберешься, — сказала Белка. — Он только кажется таким тихим и беззащитным. А он очень богатый и знает все яды и заклинания. Даже моя мать его боится.

Пашка сел на скамье.

— А кто твои братья? — спросил он.

— Владетели этого замка. Крот Правый и Крот Левый.
— Какие странные имена, — сказала Алиса. — Совсем не подходят к рыцарям.
— Почему? Это же имена очень страшных зверей.
— Страшных? — Пашка не смог удержать смеха. — Подземные кроты! Рыцари черных норок! Победители дождевого червя!
— Ты странно говоришь, — сказала Белка. — Я тебя не понимаю. Вас-то самих как зовут?
— Меня — Алиса.
— Меня — Павел. Павел Гераскин.
— Вот у вас странные имена, — сказала Белка. — Я таких никогда еще не слышала. Что они значат?
— Ничего, — сказала Алиса. — Просто имена.
— Просто имен не бывает. Наверно, у вас бедные родители и они не смогли вам купить красивых имен. Откуда вы сюда приехали?
— С Земли, — сказал Пашка.
— Это выше по реке?
— Нет, это в космосе. За звездами.
— Ох! — испугалась Белка. — Что ты говоришь, Павел Гераскин? А вдруг кто-нибудь услышит?
— И что случится? — спросил Пашка.
— Тебя отведут к повелителям неба, вкущецам. И они тебя убьют.
— За что?
— За то, что ты говоришь, о чем говорить нельзя. Разве тебе не известно, что небо твердое, а звезды прибиты к нему?
— Ну прямо Средневековье какое-то! — возмутился Пашка. — Люди не знают самых очевидных вещей. А ведь каких-нибудь триста лет назад ваши прадедушки летали в небо и даже долетали до нашей планеты.
— Наши прадедушки, — громко сказала Белка, — жили в этом замке и во дворцах великого Города.
— Ребята! — улыбнулась Алиса. — Я предлагаю сделать вот что: ты нам расскажешь, что сможешь, о вашей жизни здесь. А мы тебе расскажем, что захочешь, о нашей жизни у нас.
— А если это будет неправда?
— Захочешь — поверишь, — буркнул Пашка.
— Ладно, начинайте, — сказала Белка.
— Я разбужу Ирию, — сказала Алиса. — Ей тоже надо все знать.
— Ни за что, — сказала Белка. — Тогда я ничего не скажу. Пускай ваша поклонка спит.
— Хорошо, — не стала спорить Алиса. — Рассказывай.
И Белка рассказала о Старом Кроте, о том, как он украл себе жену, как родились близнецы, как появились в замке единороги. Кое-что Алисе стало яснее, но многого она, конечно, и не поняла, потому что Белка всю жизнь прожила в замке-обсерватории и никогда не была в Городе. Она не могла объяснить, кто такие помники, только повторяла, что это очень страшные люди, они крадут детей и потом их едят. И еще призналась, что очень боится пигмея Вери-Мери, который сказал Белке, что обязательно на ней женится.
Белка вдруг замолкла и схватила Алису за руку.

В щели от телескопа на фоне звезд показалась человеческая фигура.

— Стой! — воскликнул Пашка.

— Тише, — послышался в ответ громкий шепот. — Что с вашими нервами? Это я, Ирия.

— А мы думали, что ты спишь, — сказал Пашка.

Ирия не спешила спрыгивать на пол. Она помогла взобраться в щель другому человеку.

Ирия спрыгнула вниз, второй человек последовал ее примеру. Алиса услышала его голос:

— Здесь трое. Кто третий?

— По-моему, мои друзья обзаводятся знакомыми, — ответила Ирия.

— Ничего удивительного, — сказал Пашка. — Ты же обзаводишься!

Алиса держала Белку за руку, чтобы та не убежала. Рука девушки дрожала.

Когда Ирия и ее спутник подошли к скамье, пламя свечи осветило их, и Алиса поняла, что это тот самый юноша, которого они встретили в лесу.

— Как же ты спустилась отсюда в подземелье? — спросил Пашка. — Там гладкая стена, метров десять.

— Гладких стен не бывает, — коротко ответила Ирия.

— Но мне бы без помощи Ирии сюда не забраться, — сказал юноша.

Ирия обернулась к Белке и спросила:

— Кто эта девочка?

— Это сестра близнецов, — сказала Алиса. — Она нам рассказывала о себе. Она тебя боится.

— Хорошим людям меня бояться не надо, — ответила Ирия. — Я тоже не теряла времени даром.

Тут Алиса увидела, что на плече у Ирии висит холщовая сумка.

Она положила ее на скамью, вытащила оттуда большой ломоть хлеба, кусок вареного мяса и глиняную бутылку с водой.

— Подкрепитесь, — сказала Ирия. — И благодарите Ручейку.

— Это меня так зовут, — сказал юноша.

Глаза его были живыми, движения уверенными.

— Значит, вы притворялись? — спросил Пашка.

— Когда?

— Когда вас нашли в лесу.

— Разумеется, — сказал юноша. — Иначе бы мне не попасть в замок.

— А я думала, что вы — бе-пе, — сказала Белка. — И все так думали.

— Кто-нибудь скажет мне наконец, что такое бе-пе?! — потребовал Пашка. — Мне никто ничего не рассказывает.

— Бе-пе — это значит беспмятный, — сказал юноша. — Человек, который потерял память.

— Почему потерял?

— В лесу есть такие опасные места, — сказал Ручеек. — Если человек туда попадет, он теряет память.

— Ой! — воскликнула Алиса. — Наверно, старик Меркурий потерял память! И погиб.

— Да, — сказала Ирия. — Я это тоже поняла. Но, к сожалению, все еще хуже.

— Что? Ты узнала о Тадеуше?

— Да, — сказал Ручеек. — Ваши друзья у нас. Мы их нашли в лесу. Они — бе-пе.

— Не может быть! — воскликнула Алиса. — Надо скорее их найти и вылечить.

— Чего же мы ждем! — сказал Пашка. — Ручеек, показывайте нам, как отсюда выбраться.

— К сожалению, — ответил Ручеек, — я ничем не могу вам помочь. Ворота замка закрыты, на стенах часовые. И через стены нам не перебраться. — Он посмотрел на Ирию. — Может быть, госпожа Ирия и смогла бы... но остальные — нет.

— Тогда ты, Ирия, — сказал Пашка, — иди.

— Нет, — ответила Ирия, — я не могу вас здесь оставить. Мы уйдем все вместе или все вместе останемся.

Алиса поняла, что Ирию не переубедишь. А раз так, то и говорить не о чем.

— А как же вы догадались встретиться? — спросила она.

— Я выбрался наружу, когда стемнело, — сказал Ручеек. — Меня ведь не очень стерегли, кто боится бе-пе? Я подошел к башне и тихонько свистнул.

— А я не спала, — сказала Ирия. — И думала, почему лицо молодого человека, которого нашли в лесу, мне так знакомо.

— Тебе тоже? — сказала Алиса.

— Да, — сказала Ирия. — И я догадалась. Юноша похож на Речку...

— Еще бы! — улыбнулся Ручеек. — Я ее родной брат.

— Ваш отец думает, что вас украли помники, — сказал Пашка.

— Не может быть, — вмещалась Белка. — Если бы помники украли, они бы давно его съели.

— Во-первых, — возразил Ручеек, — помники не едят детей.

— Нет, едят! Это все знают.

— Все знают только то, что им говорят вкушецы и поклоны, — сказал Ручеек. — А вкушецы и поклоны ненавидят помников и боятся их.

— Их все боятся, — сказала Белка. — Они страшные. Как дикие звери.

— А ты видела когда-нибудь живого помника? — спросил Ручеек.

— Нет, что ты! — отмахнулась Белка. — Кто их увидит, ослепнет.

— А если я тебе одного покажу?

— Нет, нет, не надо! А то я закричу!

— Но здесь тебе некого бояться, — сказала Ирия.

— Здесь некого, а вдруг он прилетит? Они же летают на птицах!

— Не буду с тобой спорить, — сказал Ручеек. — Но многие говорят, что я — помник.

— Врешь!

— Значит, вру, — быстро согласился Ручеек.

И Алиса поняла, что он в самом деле — помник. Она не знала, кто такие помники, но Ручеек был помником. Это точно.

— Я же тебя видела, — сказала Белка с недоверием. — Ты был бе-пе. А теперь говоришь, что помник.

— Ты смешная девчонка, — улыбнулся Ручеек, и в полутьме сверкнули его белые зубы. — Не все ли равно, кто я? Просто человек.

— Просто?

— А разве так не бывает?

— Не бывает, — решительно ответила Белка. — Потому что бывают повелители, бывают угодные небу вкушецы, бывают поклоны, бывают воины, бывают помники, бывают

бе-пе, бывают пигмеи, бывают простаки и рабы, а бывают страшные люди из ночи.

Алиса с Пашкой тем временем ели. Оказывается, они очень проголодались. Алиса подумала: «Никогда еще в жизни не ела такого вкусного хлеба».

Над башней дул ветер, он залетал в щель, свистел, ворошил волосы. Было зябко. Алиса натянула на себя шкуру.

— Ручеек мне рассказал кое-что, — сказала Ирия. — И я хотела, чтобы он повторил свой рассказ для вас.

— Нет, — сказал Ручеек, — здесь я говорить не буду. Потому что здесь знатная госпожа и ей об этом не надо знать.

— А я не уйду, — заявила Белка. — Мне здесь интересно, а спать скучно. И к братьям идти скучно. Они сейчас напились и делят добычу.

— Тогда иди к маме.

— Мама любит скучать одна. Ей все надоели.

— Ну сколько же можно говорить! — с раздражением произнес Ручеек.

— А ты лучше помолчи, — ответила Белка. — Кто ты такой? Бе-пе? А я здесь хозяйка. Это мой замок, это моя башня. А когда мама умрет, а моих братьев убьют помники или другие поклоны, я стану хозяйкой. И всех, кто меня обижал, обезглавлю.

— Интересно, — сказал Ручеек, — кто же вложил в твою курчавую головку такие мысли?

— Это мои мысли!

— Твои?

— Мне Вери-Мери сказал. Он только один меня любит.

— А ты его? — спросил Пашка, которому Вери-Мери очень не нравился.

— Ты с ума сошел! — воскликнула девушка. — Он же гадкий.

— А ты ему веришь?

— Он хоть со мной разговаривает, — произнесла Белка. — А больше никто и разговаривать не хочет. Я сюда пришла. Здесь такая хорошая девочка, она со мной стала разговаривать. Мне интересно. А теперь приходит этот притворщик бе-пе со страшной ведьмой, которая ползает по стенам, и велит мне уйти. Уж лучше я буду верить Вери-Мери. Он — самый богатый человек на всем свете. Он только кажется маленьким. А на самом деле его все боятся!

Девушка даже запыхалась, так быстро и яростно она говорила. Она замолчала. Остальные тоже молчали. И вдруг ее губы задрожали, маленький вздернутый нос сморщился, брови сошлись к переносице, и наследница сокровищ Старого Крота заревела, как маленькая девочка.

— Я не хотела... — повторяла она. — Я не хотела так говорить! Я боюсь Вери-Мери, он хочет, чтобы я стала его женой. Он страшный, и мне страшно. Здесь всегда темно... убегу отсюда...

— Не надо плакать. — Алиса обняла Белку. — Мы тоже не хотели тебя обидеть. Мы знаем, что ты хорошая.

— Я тебя гнал не потому, что ты плохая, — сказал Ручеек, — я тебя гнал, потому что ты поклонка. Ты расскажешь лишнее своим братьям или этому пигмею... И нам будет плохо.

— Я никому ничего не расскажу. Честное слово. Я клянусь лесной чащей, священным белым деревом, небесной оленихой, дрожащей трясинной, что никому ничего не расскажу...

— Ну хорошо, хорошо, — сказала Ирия. — Оставайся. Начинай, Ручеек.

Но Ручеек ничего не успел сказать, потому что вдруг Белка, у которой был удивительный слух, встрепенулась, вырвалась из объятий Алисы и прошептала:

— Они идут.

Не говоря ни слова, Ручеек метнулся к щели, перемахнул через стену и исчез.

Дверь в зал распахнулась.

Вошел старый воин. Он нес факел.

— Уважаемые поклоны, — сказал он, — Великие Кроты велят вам спуститься к ним.

Тут он заметил горящую свечу и сидевшую на скамье Белку.

Девушка подбежала к нему и тихо сказала:

— Сук, не говори никому, что ты меня здесь видел.

— Ясное дело, — ответил он.

Белка скользнула мимо него, и ее легкие шаги простучали по лестнице.

Глава 11. Кроты рассердились

Братья Кроты ждали пленников в главной комнате замка, которая находилась за каменной перегородкой на первом этаже.

Комната была похожа на дольку арбуза: одна стена полукруглая, вторая — прямая. В глубине, у выгнутой стены, стояли три деревянных, покрытых резьбой трона. Средний, самый большой, был пуст. На двух поменьше, по сторонам, сидели близнецы. Перед ними стоял длинный, похожий на полумесяц стол. На нем — миски и кружки с едой и питьем. А между ними, за ними, перед ними — сотни горящих свечей. Свечи были вставлены в старые подсвечники, различные бутылки, вазы и вазочки, даже в химические колбы, словно в этом замке жил сумасшедший коллекционер, собиравший предметы, в которые можно вставить свечу.

Алису так и подмывало спросить, зачем нужно столько свечей и кто собирает такие подсвечники. Но она не спросила, она понимала, что в этом мире порой лучше обойтись без вопросов. Так она никогда и не узнала, что этот обычай родился в замке после того, как Старый Крот в бою потерял глаз, а второй стал слабеть. Бандиту казалось, что он плохо видит, потому что зал плохо освещен, и он велел вечерами зажигать столько свечей, сколько поместится на столе. Вот и собирали его слуги где придется разные вещи, которые хоть как-нибудь могли сойти за подсвечник. Чем хуже становилось зрение у Старого Крота, тем больше свечей зажигали на столе. Говорят, что Крот истратил на свечи половину своих сокровищ, и после его смерти в подвалах осталось столько свечей, что его сыновьям ничего не оставалось, как жечь свечи, хотя у них со зрением все было в порядке. Так родилась традиция. А традиция — это то, что никому не нужно, но от чего трудно отказаться.

— Добро пожаловать, дорогие гости, — сказал Крот, что сидел справа и был, наверное, Правым Кротом.

— Садитесь, — сказал Левый Крот.

Ирия и ее друзья уселись на табуретки, что стояли с их стороны стола.

Братья внимательно разглядывали Ирию, и Алисе очень не понравились их взгляды. Они были хищными, волчьими. Перед близнецами стояли большие жбаны, откуда они подливали себе в кружки какую-то коричневую жидкость. И вряд ли это был квас.

— Слушай, приезжая поклонка, — сказал Правый Крот, — у тебя золотые волосы и длинные ноги.

— У тебя красивое лицо, — сказал Левый Крот.

— Ты нам понравилась, — сказал Правый Крот.

— И мы решили на тебе жениться, — сказал Левый Крот.

Тут братья захохотали. Это был неприятный смех, потому что они смеялись, изгибая губы, показывая желтые зубы, булькая горлом, а глаза оставались такими же жестокими и пустыми, как прежде, словно кто-то пробуровил в их лицах глубокие черные дыры.

Ирия ничего не ответила. Братья оборвали смех. Правый Крот продолжал:

— У нас, зубастых и страшных Кротов, есть такой обычай: мы не просим себе жен, а мы берем их силой. Так поступил наш отец. Так поступим и мы. Но нас двое, а ты одна. Поэтому мы разыграем тебя в кости.

Второй брат вытащил из кошель, привязанного к его серебряному поясу, мешочек и высыпал из него на стол два кубика.

— Простите, — сказала Ирия, поправляя волосы и вежливо улыбаясь. — Но у меня уже есть муж, который мне нравится куда больше, чем вы оба вместе взятые. К тому же я знатная поклонка и со мной нельзя разговаривать неуважительно.

— Да! — не удержался Пашка. — Муж Ирии — великий и могущественный поклон. У него есть большое войско. А я его друг. И если кто-нибудь хоть пальцем тронет Ирию, он будет иметь дело со мной, Павлом Гераскиным!

Рыцари расхохотались и долго не могли остановиться.

Они трясли головами, длинные прямые черные волосы, перехваченные серебряными цепочками, металась, как трава под ветром, унизанными перстнями пальцами они стучали по столу — по стенам прыгали длинные тени.

— Мальчики, мальчики! — послышался скрипучий голос. — Ну опять вы расшалились.

В комнату вошла пожилая грузная женщина, одетая в вышитое цветами платье. Ее седые волосы были забраны в пук на затылке и скреплены усыпанной сверкающими камнями заколкой. В руке женщина несла корзинку.

— Не мешай, мать, — отмахнулся от нее Правый Крот, — мы решили жениться.

— Наконец-то, — пропела женщина. — Давно пора образумиться. А то все по лесам шастаете.

Рыцари снова рассмеялись. Веселый у них получился вечер.

— Ой, мама! — сказал наконец Левый Крот. — Ты даже и не спросила, кто наша невеста.

— А чего спрашивать? — вздохнула женщина, усаживаясь на табуретку и доставая из корзинки вязанье и спицы. — Вы же мне все равно не скажете.

— Вот она, сидит перед тобой.

Женщина поглядела на Ирию. Алиса уже догадалась, что эта женщина — госпожа Сороконожка, вдова Старого Крота.

— Нет, — сказала она печально. — Не по зубам вам такая красавица. Да и не согласится она выйти замуж за разбойников.

— А мы ее и спрашивать не будем, — сказал Правый Крот. — Разыграем ее в кости, и дело с концом.

— Ладно, хватит, — вдруг сказала Ирия. — Мне это надоело. Мне пора от вас уезжать. Верните нам наши вещи и оружие. Иначе я приму меры.

— Я же говорила, что вам она не по зубам, — повторила Сороконожка.

— Ты ничего не поняла! — взъярился Правый Крот. — Ты должна нам сапоги целовать

от радости. В роду зубастых Кротов женщины трепещут перед мужчинами! Встать!

Ирия не пошевелилась, но у Пашки нервы не выдержали.

Он вскочил и, как петушок, бросился к рыцарю.

— Вам же сказали! — закричал он. — Неужели не понятно? Не смейте приставать к Ирии.

Рыцарь коротко размахнулся и ударил Пашку по лицу так, что тот отлетел к стенке.

— Вы подняли руку на ребенка, — раздался тихий голос Ирии. — И это вам даром не пройдет.

Дальнейшее произошло так быстро, что даже Алиса, которая знала, на что способна Ирия Гай, не успела ничего сообразить.

Ирия распрямилась, схватила Правого Крота за руку, рванула вперед так, что он взлетел в воздух и со всего размаха шлепнулся на пол. Брат бросился к нему на выручку, но он не успел даже вытащить меч из ножен, как и сам перевернулся, пролетел метров пять и врезался головой в стену.

— Ну вот, — сказала госпожа Сороконожка, не переставая вязать, — я же говорила, что эта невеста вам не подходит.

— Он нечестно мне врезал, — сказал Пашка, потирая затылок, пока Алиса помогала ему подняться. — И, возможно, подставил подножку. Без подножки я бы не упал.

— Спасибо тебе, что ты за меня вступился, — сказала Ирия. — А теперь надо уходить.

— Деточки мои, — произнесла госпожа Сороконожка, — вам отсюда не уйти. Ворота заперты, стража стоит, а уйдете — в лесу ночь, вас мигом звери растерзают.

Со стонами и проклятиями рыцари поднимались на ноги.

— Она не женщина, — сказал Правый Крот.

— Она сам дьявол, — сказал Левый Крот.

— Если хочешь на ней жениться, я тебе уступаю очередь, — сказал Правый Крот.

— А я вообще пока не хочу жениться, — ответил его брат.

— Пускай уходят, — сказал Правый Крот.

— На все четыре стороны, — добавил его брат.

— Пускай их удавы задушат, дракон разорвет, черная тьма сожрет.

— Пускай они в беспмятную яму попадут, в болоте утонут, — вторил, потирая синяк, второй близнец.

— Верните сначала наши вещи, — сказала Ирия.

— Сейчас, — сказал Левый Крот. — Подождите. Сейчас сам принесу.

Прихрамывая, он поспешил к двери и скрылся за ней.

В дверях он столкнулся со своей сестрой — Белкой, но не обратил на нее никакого внимания.

Белка остановилась у входа, исподлобья разглядывая сцену.

— Они на вас напали? — спросила она у Алисы.

— Ничего, — сказала Алиса. — Они уже извинились. Мы уходим.

— Белка, ты что здесь делаешь? — спросила ее мать. — Спать пора.

— Проваливай, — сказал второй брат. — Чтобы я тебя больше не видел.

Белка кинула взгляд на Алису. Но что могла сделать Алиса? Она же не распорядилась в этой семейке.

— Возьмите меня с собой, — попросила Белка. — Я хочу уйти!

— Вот я тебе поговорю, — проворчала мать. — Совсем распустилась. Не серди

мальчиков. Они и так расстроены.

Белка понуро повернулась к двери.

Сороконожка обратилась к Ирии:

— Может, подождете до утра? Вместе с моими мальчиками до Города доберетесь?

— Нет, уж мы лучше сами по себе, — сказала Ирия.

— И то правильно. Я бы на вашем месте моим сынкам доверять не стала.

И, сказав это, госпожа Сороконожка снова принялась за вязание.

— Идем, — сказал Правый Крот. — Там все готово.

Они вышли из комнаты, миновали коридор, еще комнату, заваленную мешками, и попали во двор.

Там все было готово...

Выставив копья, стояли полукругом воины Кротов. Слуги держали факелы — сцена была зловещей. Ирия обернулась — сзади уже тоже были воины.

— Только не вздумай бежать, — раздался голос Левого Крота. — Погляди на стены. Вы под прицелом.

Алиса подняла голову. Рыцарь был прав. На стене протянулась цепочка воинов. Каждый из них держал в руках натянутый лук.

— Вы мерзавцы, — сказал Пашка убежденно. — У вас нет честного слова.

— Это нам никогда не мешало, — ответил Правый Крот.

Из башни, неся корзинку с вязаньем, вышла госпожа Сороконожка.

— Что вы намерены делать с ними, мальчики? — спросила она.

— Не жениться же на этой ведьме! — рявкнул Правый Крот. — Отвезем в Город. Продадим на рынке невольников.

— Нехорошо, мальчики, не так я вас воспитывала, — вздохнула Сороконожка.

— Нас жизнь воспитывала, — ответил ее сын. — А жизнь — жестокая штука.

Слышен был плач. У стены, скорчившись, сидела наследница рода Кротов Белка и горько плакала, спрятав лицо в ладонях.

Глава 12. В подвале замка

На этот раз братцы-близнецы взялись за дело серьезно. Они уже видели, на что способна Ирия, и не хотели рисковать. Слуги приволокли тяжелые ржавые кандалы с цепью и заковали Ирии руки.

Потом пленников провели в душный холодный подвал, набитый несчастными пигмеями. Воздух проникал туда только через забранное решеткой окошко под самым потолком, и Алисе показалось, что она вот-вот умрет от духоты и вони, от стонов и плача пигмеев.

Они с трудом отыскивали себе место на скользком каменном полу и прижались друг к дружке, чтобы не замерзнуть.

Сквозь решетку сверху проникал синий свет — начинался холодный рассвет. На дворе замка еще некоторое время слышны были голоса, смех воинов. Потом послышался голос одного из Кротов:

— Не спать, часовые, не спать! Головы оторву!

— Не спим, зубастый Крот! — послышалось в ответ со стены.

Потом все затихло.

Пленники молчали. Алиса иногда засыпала и тут же просыпалась. Душно, холодно и безнадежно. Вот что получилось: летели, спасали — представители великой галактической цивилизации. А чем все это кончилось? Подземельем на дикой Крине, где никто не помнит, что всего несколько сот лет назад их планета была одним из центров галактической науки. Что же могло случиться? И Алиса поняла, что за весь день она ни на шаг не приблизилась к разгадке. Тайна громоздится на тайну — и ни одного ответа. Загремели кандалы — значит, Ирия не спала. «Как она мучается, — подумала Алиса. — Она переживает не только за Тадеуша, но и за нас с Пашкой. Она ведь думает, что виновата в том, что взяла нас на Крину». Алиса протянула руку, нащупала железный браслет, сковывающий кисть Ирии, погладила ее пальцы.

— Ничего, — прошептала она. — Все будет хорошо.

— Спасибо, Алисочка, — прошептала в ответ Ирия. И голос ее дрогнул.

Черная тень закрыла решетку.

— Девочка, — послышался шепот. — Девочка, это я, Белка. Ты не спишь?

— Я не сплю, — ответила Алиса.

— Я тоже не сплю. Я очень злая. Я обязательно убегу и тебе помогу убежать. Держи.

Тонкая рука протянулась между прутьями решетки. Алиса поднялась и, перешагивая через тела спящих пигмеев, добралась до окна. В кулаке Белки был кусок хлеба.

— Ешь, — сказала Белка. — Больше мне достать не удалось.

— Спасибо.

— Что тебе еще нужно?

— Убежать, — сказала Алиса.

— Это я понимаю. Только из замка не убежишь. Мы в Городе убежим.

И с этими словами Белка исчезла.

Алиса вернулась к Ирии. Она разделила кусок хлеба на три ломтика. Пашка тоже не спал. Они съели хлеб. Почуввав запах хлеба, вокруг зашевелились голодные пигмеи. В тот момент, когда Алиса подносила ко рту последний кусочек хлеба, мохнатые пальцы вырвали его и в темноте завязалась драка между невольниками.

На дворе стояла тишина. Из окошка тянуло холодом.

Алиса снова задремала. Ей даже начал сниться сон, будто она сидит в гостях и хозяйка протягивает ей большой бокал валерьянки. «Я не люблю валерьянку, — говорит Алиса. — Я голодная». — «Сначала бокал валерьянки, а потом уже гречневую кашу», — отвечает хозяйка. И звенит кандалами.

Звон разбудил Алису.

Оказывается, Ирия поднялась и отошла к окну.

— Не расстраивайтесь, — донесся оттуда, из-за решетки, голос Ручейка. — Я повторяю: ваши друзья в безопасности. И мы обязательно до них доберемся. Терпение и еще раз терпение.

— Детям плохо.

— Утром мы будем на корабле. Там я постараюсь вам помочь.

— А вы уверены, что наши друзья в безопасности?

— Следующую ночь, — ответил Ручеек, — мы проведем на острове, у реки. Это на полдороге к Городу. Там я получу известия из дома. И тогда мы решим, что делать. Главное — потерпите.

— Спасибо. Мы надеемся на вас.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи...

Алиса проснулась, когда уже наступило утро. Проснулась от страшного гама, криков и стонов — воины выгоняли пигмеев наружу. Проснулся Пашка. Он принялся растирать затекшие ноги, потом начал прыгать, чтобы согреться.

В опустевший подвал заглянул старый воин и крикнул:

— Выходи! Вам что, специальное приглашение?

На дворе в котле варилась похлебка. Пигмеи стояли толпой у котла, протянув ручки, и скулили. Слуги кидали им деревянные миски, повара плескали туда похлебку. Старый воин Сук сам принес Ирии и ребятам по миске похлебки. Правда, ложек не было, и пришлось пить похлебку через край. Один из близнецов стоял у входа в башню и посмеивался, глядя на пленников.

Ни старой госпожи Сороконожки, ни Белки не было видно.

Зато Алиса увидела Ручейка. Юноша сидел в сторонке и тоже пил похлебку из миски. Алиса чуть было не поздоровалась с ним, но спохватилась: ведь он бе-пе, беспамятный.

Ручеек оказался замечательным актером. Даже издали было видно, какое у него тупое, равнодушное лицо, какие пустые глаза. И когда воины начали сгонять в кучу пигмеев и остальных пленников, Ручеек покорно поднялся и пошел к воротам.

— Ку-ку, — сказал вдруг один из пигмеев, что шагал рядом с Алисой.

Алиса обернулась. Вот чудеса! Да это же Белка! Она встрепала свои черные кудри, закуталась в немыслимо грязную шкуру и, маленькая, худенькая, затерялась в толпе дикарей.

Близнецы выехали к воротам верхом на одинаковых единорогах. Они приоделись. Поверх черных курток накинули одинаковые серебряные плащи. Оскаленные волчьи головы казались издали их собственными головами. Это были замечательные, brave рыцари... если бы не беда с сапогами. На Левом — только правый сапог, на Правом — только левый.

Госпожа Сороконожка вышла проводить детей к двери башни. С вязаньем она так и не рассталась.

— Вы там поосторожнее! — крикнула она сыновьям. — Поменьше безобразничайте.

Сыновья даже не оглянулись.

Госпожа Сороконожка достала из корзины длинный пирог, поманила к себе Алису. Алиса оглянулась на воина. Тот отвернулся. Алиса подошла к Сороконожке.

— Возьми, — сказала она, — на дорожку.

— Спасибо, — сказала Алиса и взяла пирог.

— От пигмеев береги, — сказала Сороконожка. — Они голодные, отнимут.

Голова процессии уже скрылась в воротах. И Алиса побежала догонять своих.

Глава 13. Вниз по реке

Вниз по реке плыли на двух кораблях. И это было к лучшему, потому что на переднем, гребном, расположились братья и большая часть их воинов. Всех пленников, а также оленей и единорогов разместили на барже, которая шла на буксире за передним кораблем. Стражников на барже было немного, и они не обращали внимания на пленников.

Ручеек незаметно подсел поближе к Ирии. Между ними и ближайшим стражником стояли единороги. Вскоре к ним присоединилась Белка. Ручеек сначала ее не узнал, а узнав, развеселился:

— Ну и хитра, тебе бы подглядчиком быть. Давай мы тебя к себе возьмем.

— Куда к себе? — Белка была так рада, что ей удалось ускользнуть из замка, что перестала бояться юношу.

— К нам, к помникам.

— Брось шутить, — отмахнулась наследница замка Кротов, — какой ты помник! Помники страшные! Помник бы меня давно съел.

— Никогда не поздно, — сказал Ручеек.

— Только не шути, — сказала Белка. — Я не люблю, когда шутят. Вы так — пошутите, пошутите, а потом украдете.

На всякий случай она отодвинулась от Ручейка.

Ирии было тяжело таскать ржавые кандалы. К тому же они натерли ей запястья.

— Время есть. Целый день плыть. Я вам много чего расскажу. Но и вы мне расскажете. Хорошо? — сказал Ручеек.

— Хорошо, — сказала Ирия.

— Тогда вы начинайте. Про себя и про нас.

— Про нас не надо, — сказала Белка. — Про нас мы все знаем.

— Не вмешивайся, когда старшие разговаривают, — сказал Ручеек. — А то накостыляю тебе.

— А я закричу. Тебя братья убьют.

— Не знаю, кого сначала, — ответил Ручеек. — Меня везут по приказу братьев, а тебя? Тебя кто приглашал?

Белка сразу замолчала. Но, правда, вскоре она забыла об угрозе Ручейка и время от времени вмешивалась в рассказ. Уж очень ей трудно было поверить в то, что Крина, на которой она родилась и выросла, когда-то была совсем другой. Что на Крине были заводы, в громадных городах работали театры, что с космодромов поднимались космические корабли, что кринские экспедиции бывали в разных концах Галактики и даже на Земле. И ни о каких рыцарях, баронах, вкучецах и рабах на их планете и не подозревали. Ирия рассказала молодым людям, как Пашка и Алиса отыскивали на дне Тихого океана забытую станцию кринян и как они помогли криньянам подняться к людям.

— Сколько лет назад эти криняне потеряли связь с нашей планетой? — спросил Ручеек.

— Двести пятьдесят лет назад, — сказала Ирия.

— Правильно, — сказал Ручеек. — Это случилось двести пятьдесят лет назад. Мы это уже знаем.

— Но что случилось? — спросила Алиса.

— Точно мы еще не знаем, — ответил Ручеек. — Только сейчас наши ученые отыскивали главный архив и начали его исследовать. Они читают документы.

— Что такое «читают»? — спросила Белка.

— Они смотрят на маленькие черные значки, которые написаны на старых листах бумаги, — объяснил Ручеек. — И эти значки с ними говорят.

— Как так говорят? У них рты есть?

— Нет, они молчат, — сказал Ручеек. — Но говорят.

— Это колдовство!

— Значит, я колдун, — сказал Ручеек.

— Ой! Порази тебя гром, разорви тебя кролик! Сожри тебя суслик!

— Вот видишь, ничего не случилось, — сказал Ручеек.

— Значит, ты не колдун, — с облегчением произнесла Белка.

— У вас никто не умеет читать? — спросила Ирия.

— Только мы, помники. За это нас считают колдунами и охотятся за нами, как за дикими зверями.

— Еще бы, — сказала Белка, — вы детей крадете и потом едите.

— Ну скажи ей, что это чепуха! — воскликнул Пашка. — Они просто темные и ничего не понимают.

— В этом есть правда, — сказал Ручеек. — Мы крадем детей.

— Не может быть! — удивилась Алиса.

— А почему? Меня самого когда-то украли, когда я был маленький. Если бы не украли, я был бы такой же темный и беспамятный, как эта Белка.

— Я знатная поклонка!

— Вижу, какая ты поклонка.

— Но красть детей нехорошо! — сказала Алиса.

— Что ты знаешь? Ты второй день на нашей планете, а уже половину этого времени сидишь связанная и голодная. Скажи спасибо, что живая! — Ручеек разволновался, начал махать руками, и Ирия остановила его, чтобы он не обратил на себя внимание охранников.

Алиса заметила, что один из единорогов внимательно смотрит на юношу, будто понимает, о чем идет разговор.

Ручеек взял себя в руки и продолжал спокойнее:

— Вы не видели нашей планеты. А хуже места я, как я понимаю, нет во всей Вселенной. Ты рассказывала нам о Земле, о том, что у вас нельзя убить человека просто потому, что он тебе не нравится, что у вас там нет голодных, что все чистые, хорошо одеты и говорят то, что хотят. Ты рассказывала, что у вас все умеют читать и писать, летать на воздушных машинах, все могут учиться и жить там, где им хочется. У нас ничего этого нет. У нас есть кучка знатных поклонов и вкушечков, которые хорошо живут, а все остальные даже не подозревают, что тоже могут жить иначе. У нас никто, понимаешь, никто не умеет читать и писать. А если узнают, что ты почему-то научился читать, то тебя затравят собаками или сожгут на костре. Мы живем без памяти, мы даже не знаем, что было на нашей планете много лет назад. И считается, что ничего другого, чем есть теперь, и быть не могло. Потому что тем, кто правит нами, выгодно, чтобы мы ничего не знали. Но среди нас оказались люди, которые догадались, что так было не всегда. Что раньше было иначе...

— А ты знаешь, что было раньше в замке братьев Кротов? — перебила Ручейка Алиса.

— Нет, не знаю, но, вернее всего, там что-то раньше было. Почти все замки устроены в старых зданиях.

— Там была обсерватория — место, чтобы смотреть на звезды, — сказала Алиса.

— Вранье, — обиделась Белка, — этот прекрасный замок построил мой отец.

— Зачем же он тогда сделал такую щель в крыше? — спросил Пашка.

— Потому что так красивее, — ответила упрямая Белка.

— Нет, раньше там стоял телескоп — такая труба с увеличительным зеркалом, — и он двигался за звездами.

— Ты говоришь плохие вещи, — сказала Белка. — Я не хочу, чтобы трубы двигались.

— Дайте мне договорить, — сказал Ручеек. — Некоторые люди догадались: что-то плохое случилось со всей нашей планетой. Они догадались, что можно читать. И в книгах, которые чудом сохранились, они прочли правду. И узнали, что мы живем не в своем мире.

Мы шакалы на кладбище.

— Может, была война? — спросила Ирия.

— Не знаю. Вроде бы войны не было. — Ручеек пожал плечами. — Была какая-то беда. Разве так важно, какая? Но после этой беды наши люди изменились. И стали дикарями, стали первобытными.

— И что же дальше? — спросил Пашка. — Те, что догадались, ушли в партизаны?

— Я не знаю, что такое партизаны. К тому же все это было еще до того, как я родился. Нашего первого учителя поймали и сожгли вкушецы.

— И правильно сделали, — сказала Белка. — Поклоны должны быть поклонами, а то не будет порядка.

— Вот видите, — вздохнул Ручеек, — искалеченное дитя.

Все засмеялись. Кроме Белки.

— Учителя нашего убили, но уже были другие, которые умели читать. И они ушли в лес, потому что в лесу есть другие города, покинутые, забытые всеми. В тех городах они надеялись найти следы прошлого, вернуть его и разогнать эту свору кровососов с красивыми именами Мокриц, Кротов, Сосунов, Вампиров, Фаланг и Скорпионов.

— Почему они берут такие имена? — спросила Алиса.

— А потому, что они думают, будто эти имена значат совсем не то, что они значат на самом деле.

— Как так?

— А просто. Никто не умеет читать, никто не помнит прошлого, никто не знает, как назывались раньше разные животные. А в Городе сидят мудрецы, это тоже паразиты, они теперь вместо ученых. Когда надо назвать знатного младенца, обращаются к ним, и за большие деньги они дают ему имя. Например, Крот. Что такое крот?

— Как что? — удивилась Алиса. — Это такое маленькое животное, оно живет под землей и роет себе ходы.

— Неправда! — закричала Белка. — Это вранье. Ты обижаешь моих братьев и моего отца.

— А что же это такое? — спросила Ирия Белку.

— Крот — это такое могучее лесное животное с большими зубами, очень сильное. Его головы мои братья носят вместо шлемов.

— Но это же головы волков! — сказала Алиса.

— Вот именно, — улыбнулся Ручеек. — Конечно, это волк. А мудрецы говорят: крот — это могучий зверь! Кто их проверит? Кто узнает правду, если только мудрецам разрешено придумывать имена?

— Не хочу больше слушать, — сказала Белка и отошла к борту баржи.

— Она не пожалуется братьям? — спросил Пашка.

— Не думаю, — сказал Ручеек. — Ей же интересно с нами. Но к правде нелегко привыкнуть.

— Я согласна с Ручейком, — сказала Ирия. — Белка — неплохая девочка. Ей было несладко в замке. Продолжайте, Ручеек.

— Мои учителя ушли в глубину леса. Там было трудно. В лесу много страшных зверей, есть очень опасные места. Учителя отыскали покинутый город и поселились в нем. Назвали его Убежищем. Прошло уже много лет...

— Если никто не знает правды, — удивился Пашка, — как к вам приходят новые люди?

— Мы крадем детей, чтобы учить их, — сказал Ручеек. — У нас нет другого выхода. Помники не могут ходить по городам и учить людей, их сразу поймают и убьют. Поэтому они и стали красть детей. Взрослого трудно переубедить, а ребенка можно всему научить.

— Но как же родители?

— По-разному, — уклончиво ответил Ручеек.

— Все-таки это жестоко, — сказала Алиса.

— Но у нас нет другого выхода! — повторил Ручеек. — Если этого не делать, кто освободит наш мир? Когда ребенок вырастет, он волен вернуться домой. Наш лесной город, наше Убежище — это как школа. Некоторые возвращаются. Иногда тайно и скрывают свои знания. Эти люди нам очень нужны, они наши глаза и уши. Некоторые не выдерживали, погибали.

— Почему? — спросила Алиса.

— Они стали рассказывать людям правду. Или начинали учить их читать. И их выдавали собственные ученики.

— Как же свои ученики выдавали? — спросил Пашка.

— Потому что они учили рабов, — сказал Ручеек. — А рабы не знают, что такое свобода. Они любят палку. Для нас опасно покидать город. Я очень беспокоюсь за сестру Речку. Она подглядчица.

— Значит, я должна тебе передать от нее послание, — сказала Ирия. — Она велела передать его первому помнику, которого мы встретим.

Ирия достала из кармана комбинезона сплетенную из травы косичку. Ручеек взял ее и стал перебирать травинки.

— Это шифр? — спросил Пашка.

— Это наш тайный язык. Если такое послание попадет в руки поклонов, они ни о чем не догадаются.

Белка подошла к нему и заглянула юноше через плечо, стараясь понять, над чем он так задумался.

— Плохо дело, — сказал Ручеек. — Так мы и думали.

— Что там написано? — спросил Пашка.

— Речка сообщает, — сказал Ручеек, — что все поклоны государства съезжаются в Город, потому что решено начать против нас поход.

— А это не тайна, — сказала Белка. — Я слышала, как братья говорили, что они покажут этим помникам.

— Мы надеялись, — сказал Ручеек, — что они никогда не сговорятся. На наше счастье, поклоны, как пауки в банке, все время грызутся между собой. Но вот сговорились.

— Они хотят спасти детей, — сказала Белка, — потому что помники детей крадут, а потом кушают...

— Да перестань ты нести чепуху! Надоело, — сказал Ручеек. — Кушают, кушают! Не кушают, а учат читать и писать, учат пользоваться теми вещами, которые нашли в старом городе, учат делать новые вещи. Учат! Понимаешь?

— Уж больно ты ученый! — огрызнулась Белка.

— Куда учение твоих братьев и даже его Повелительства Радикулита.

— Не смей так говорить! — испугалась Белка.

— Боишься, что меня убьют?

— Конечно. Хоть ты и противный и, может быть, даже помник, мне все равно тебя

немножко жалко.

— Ну вот и хорошо.

Ручеек обернулся к Ирии:

— Речка считала корабли, которые проплыли мимо нашей хижины. Очень много кораблей. И на каждом воины.

— А у вас есть оружие? — спросила Ирия.

— Кое-что есть. Но мы не готовились... Мы надеялись, что они побоятся леса.

— Мои братья ничего не боятся, — сказала Белка.

— Твоих братьев нам еще не хватало! — Ручеек поднялся, посмотрел вдаль, на лесистый берег, мимо которого плыла баржа. — Надо как можно скорее сообщить обо всем нашим. Им нужно подготовиться.

— А может, нырнуть в воду и доплыть до берега? — сказал Пашка. — Если хочешь, я с тобой пойду.

— Глупости, — ответил Ручеек. — Ты не знаешь, как далеко мы уже отплыли. Отсюда до нашего Убежища идти целый день. Если не больше. И по самым диким местам. Не дойти. Даже мне.

— Отнять бы у Кротов наши бластеры, тогда бы дошли, — сказал Пашка.

— Эх, друг мой! — ответил Ручеек. — Ты не на своей Земле, где все звери добрые, а леса не опасные.

— У нас разные звери есть.

— Таких, как у нас, нет. Такие тебе и не снились. И думаю, что моим прадедушкам тоже.

— Ты хочешь сказать, что их раньше не было, а за триста лет они появились?

— Мне рассказывали учителя, что, когда все это случилось... в городе, где теперь лес, было очень большое место, в котором держали диких животных.

— Зоопарк, — подсказала Алиса.

— Зоопарк. Но не только для наших зверей, но и для зверей, которых привозили с других планет. И эти звери разбежались. Некоторые подошли, а другие расплодились в лесу...

— Мы видели, — сказал Пашка, — когда шли по лесу.

— Вы еще очень мало видели, поэтому остались живы, — сказал Ручеек. — Вся надежда на птицу. Если она меня найдет.

Река была такая широкая, что дальний берег скрывался в дымке. Стало теплей, облака разошлись, и солнце, поднявшись высоко, приятно согревало. Алису опять стал мучить голод, но она молчала, потому что понимала: остальным тоже несладко.

Над кораблями показалась стая больших летучих мышей. Когда они спустились пониже, высматривая, нет ли чего съедобного на кораблях, Алиса увидела, что у них длинные пасти, утыканные множеством острых зубов.

С переднего корабля воины принялись стрелять по летучим мышам из луков.

— Вот вам пример, — сказал Ручеек. — Раньше их не было. Они вообще не с нашей планеты.

Одна из летучих мышей спикировала на баржу. Испуганные пигмеи бросились плашмя на дно, закрывая головы руками. Алиса увидела совсем близко разинутую пасть и отпрыгнула в сторону. Единорог поднял золотой рог.

Воины замахали мечами. С переднего корабля сыпался дождь стрел. Одна из мышей

упала в воду, и ее понесло по волнам. Единорог пронзил рогом еще одну тварь и выкинул за борт.

— Спасибо, — сказала ему Алиса. — А то я так испугалась.

Единорог наклонил голову и дотронулся губами до руки Алисы.

— Ты мне тоже очень нравишься, — шепнула Алиса.

Летучие мыши взвились к небу и полетели прочь. Пигмеи испуганно щебетали.

— Они их очень боятся, — сказал Ручеек.

— Я тоже боюсь, — сказала Белка. — У нас один воин пошел в поле, на него целая стая напала — разорвали.

На правом низком берегу показалась небольшая деревенька. Хижины стояли у самой воды. Напротив, на высоком берегу, у леса, возвышался еще один замок.

На этот раз Алиса сразу догадалась, что когда-то здесь стоял завод — от него остались две трубы. Их превратили в башни, а в заводских корпусах заложили окна камнями.

Замок был безлюден. Никто не вышел на стены поглядеть на проплывающие корабли.

— Наверное, все уплыли в Город, — сказал Ручеек.

— Чего же они все так дружно поднялись? — спросил Пашка. — Неужели в самом деле хотят освободить детей?

— Да не из-за детей они переживают, — сказал Ручеек. — Они думают, что у нас там сказочные сокровища. Вот и хотят отнять.

— Скажи, Ручеек, — спросила Алиса, — а ты почему притворился бе-пе?

— Так это же ясно, — сказал Ручеек. — Мы должны были встретиться с Речкой. Позже, вечером. Мне нужны были сведения о том, сколько кораблей проплыло вниз, какие корабли. Мы знали, что поклоны что-то затевают, но не знали подробностей.

— И ты шел на свидание с ней?

— Я наблюдал за лесом, — сказал Ручеек. — И тут увидел, что по лесу едет Левый Крот со своим отрядом. Я проследил за ними и увидел, как они напали на лагерь пигмеев.

— Их Вери-Мери навел, — сказала Алиса.

— Знаю, — кивнул Ручеек. — У лагеря пигмеев я увидел, что Крот захватил людей, очень похожих на тех бе-пе, что мы нашли вчера в лесу.

— Экипаж «Днепра»? — спросил Пашка.

— Правильно. Я сразу понял, что вы не бе-пе, что вы разумные. Значит, вы нам можете помочь. И тогда я стал следить за вами. Вижу — вас ведут в замок. А как мне в замок попасть? Как мне связаться с вами?

— И ты притворился бе-пе? — с ужасом спросила Белка.

— И вот я здесь.

Лес на левом берегу кончился. К реке подступили крутые утесы, вода пенилась, и баржа поплыла быстрее. Пигмеи заверещали, испугались.

— Скажи, — тихо спросила Алиса, — а от беспомощности можно вылечить?

— Не знаю, — ответил Ручеек. — Пока что мы еще никого не смогли вылечить.

— Какой ужас!

— Вылечить нельзя, — сказала Ирия, которая все слышала, — но можно всему научить заново.

— Ты не расстраивайся. — Алиса присела рядом с Ирией и погладила ее закованные в кандалы руки. — На Земле быстро найдут противоядие от этой болезни.

Ручеек тоже подошел к Ирии.

— Ничего страшного, — сказал он. — Твой муж жив и здоров. Как только он тебя увидит, все вспомнит. Только вот добраться до него непросто. Сегодня ночью я передал через нашего человека в замке весть о себе в Убежище. Если он сможет добраться к нашим, они узнают, что мы плывем по реке и будем ночевать на Длинном острове. Тогда этой ночью к нам прилетит птица.

Глава 14. События на длинном острове

Уже темнело, когда корабли братьев Кротов достигли узкого острова посреди реки, заросшего кустарником.

У острова, приткнувшись носами, стояли еще два корабля. Видно, они добрались сюда раньше и остановились на ночлег.

На берегу, возле покосившегося навеса, горело несколько костров.

— Кто плывет? — раздалось с одного из кораблей.

В ответ Левый Крот пронзительно крикнул:

— Плывет корабль непобедимых зубастых Кротов, поклонов лесного царства! А кто посмел задавать нам вопросы?

— На этом острове остановился на ночлег благородный поклон Страны зеленых болот Червяк Самыйтолстый. Он приветствует своих друзей и приглашает их разделить с ним его скромную трапезу.

— Ничего себе лучший друг, — тихо сказал Ручеек. — Еще в прошлом году братья разорили деревню Червяка, а он в отместку потопил рыбацьи лодки Кротов.

— Они будут воевать? — спросил Пашка.

— Не будут. Видишь, как вежливо разговаривают. На время общей войны поклоны объявляют мир.

Флотилия Кротов пристала к берегу. Пленников с баржи отогнали к кустам. Вокруг стояли воины, но следили они за пленниками кое-как, часто отходили к кострам. Да и понятно — кто убежит с острова?

Ужин пленников был таким же скудным, как и завтрак. Слуги притащили ящик с подсухшими хлебами, а воду каждый мог черпать ладонями из реки.

Ручеек есть не стал, он отполз, таясь за кустами, туда, где близнецы медленно разгуливали с Червяком Самымтолстым, желтая тога которого была разрисована изображениями черных пантер. Видно, мудрецы опять ошиблись — назвали пантеру червяком. Ручейку надо было узнать, о чем разговаривают поклоны.

Как только зашло солнце, поднялся ветер. Стало холодно. Но приходилось терпеть. Пашка сказал:

— Алис, давай займемся акробатикой.

В прошлом году все в классе увлекались акробатикой, ходили в секцию, — конечно, это была Пашкина идея. Но когда Пашка выступил на районных соревнованиях школьников и занял всего-навсего третье место, он сразу в акробатике разочаровался и ходить в секцию перестал.

— Идите, — сказала Ирия, — побегайте, только на глаза воинам не попадайтесь.

Уже почти стемнело, осталась лишь оранжевая черточка на горизонте, там, где опустилось солнце. Алиса с Пашкой прошли на дальний берег острова, нашли широкую полосу твердого песка. Сначала они по очереди крутили сальто. Потом Пашка поддерживал

Алису, и она сделала ласточку и стойку у него на руках. Потом они решили устроить соревнования: кто быстрее пробежит сто метров на руках. Пашка Алису обогнал, но до конца дистанции не добежал.

— Камень под руку попал, — сказал он.

И тут они услышали аплодисменты.

Совсем недалеко стояли братья-близнецы и Червяк Самыйтолстый. Оказывается, они смотрели, как ребята занимаются акробатикой.

— Молодцы! — сказал Левый Крот. — Что же вы раньше молчали?

— А нас никто не спрашивал, — ответил Пашка.

— Твои рабы? — спросил Червяк, трясая шестью подбородками.

— Наши, — сказал Правый Крот.

— А зачем они вам? — спросил Червяк.

— Как зачем? Везу в Город. Я их его Повелительству покажу.

— Отдай их мне, — сказал Червяк.

— Нельзя, — ответил Левый Крот. — Это подарок властителю.

— Я хорошо заплачу.

— У тебя таких денег нет, — ответил Левый Крот, ухмыляясь. — Этих детей с младенчества готовили, учили. Даже кормили особой кашей. Таких больше во всем мире нет.

— Говори, сколько!

— Ни за что! — воскликнул Правый Крот.

А Левый Крот почесал длинным пальцем подбородок и сказал:

— Такие вопросы так не решаются. Надо думать.

— Правильно, — согласился его брат. — Надо думать.

Братья как по команде повернулись и пошли прочь от берега.

Червяк Самыйтолстый семенил следом.

— Мешок золота! — кричал он. — Два мешка золота!

Но братья не обернулись. Алиса услышала, как они хихикают.

Алиса улыбнулась. Пашка сердито спросил:

— Ты чего смеешься? Разве не понимаешь, что нас с тобой продадут? В рабство.

— Но какие хитрые братья!

— Ты что, хочешь выступить перед здешними поклонниками?

— А почему бы и нет?

— Иногда мне хочется тебя убить! — заявил Пашка и побежал прочь.

Алиса пошла следом. Разумеется, она не хотела выступать перед этими баронами, даже смешно было бы подумать... Просто интересно на них смотреть.

— Я бы могла разбогатеть, — сказала Алиса. — Привозила бы на Крину акробатов и гимнастов. Целыми секциями и спортивными обществами.

Алиса разбежалась и сделала двойное сальто.

И чуть не врезалась в Белку, которая стояла в кустах, поджидая ее.

— Алиса! — сказала она громким шепотом. Глаза ее были круглыми от ужаса. — Они тебя продадут! Тебя продадут Червяку!

— Знаю, — сказала Алиса. — Я давно хотела прославиться.

— Тебя тоже! — Белка обернулась к Пашке.

— Я убегу, — сказал Пашка.

Когда они вернулись к тому месту, где их ждала Ирия, Ручеек уже был там. Они негромко разговаривали. Лагерь понемногу засыпал. Только у костров нестройно пели воины. Оттуда послышалась ругань, зазвенели мечи, кто-то завизжал, кто-то засмеялся.

— Нас намерены продать, — сказала Алиса. — Мы будем выступать со смертельными номерами. Сегодня и ежедневно: отличники седьмого класса «Б», двойное сальто-мортале! Но никто не поддержал Алисину шутку.

Над ними, закрывая звезды, пронеслась большая темная тень.

— Смотри, опять летучие мыши, — сказала Алиса.

— Нет, — ответил Ручеек. Он вскочил на ноги и тихо свистнул.

Снова пролетела тень, и сверху послышался ответный свист.

Ручеек сказал:

— Пошли к берегу. Она нас будет ждать там.

— Кто? — спросил Пашка.

— Увидишь, — сказала Ирия.

По дороге Белка все время жалась к Алисе.

— Я боюсь, когда темно, — шептала она. — Я идти с вами боюсь и оставаться боюсь.

На берегу, недалеко от того места, где Алиса с Пашкой крутили сальто, на небольшой полянке в кустах их ждала большая белая птица.

А может, и не птица? Подобного существа Алисе раньше встречать не приходилось.

С первого взгляда в полутьме, при свете двух криняньских лун, ее можно было принять за гигантского голубя, ростом с человека. Но если приглядишься, то удивляли глаза, они были не птичьими, а человеческими, с веками, ресницами, белком и голубым зрачком. Клюв птицы был невелик и казался мягким. Когда птица говорила, он двигался и даже изгибался.

— Я тебя еле нашла, — сказала она Ручейку.

— Я же передал, что мы будем ночевать на острове.

— Посланец не сказал, на каком.

— Я думал, что ты догадаешься, — сказал Ручеек.

— Я и догадалась, — сказала птица. — Что за люди с тобой?

— Это наши друзья.

Птица оглядела всех.

— Дети, — сказала она, — и закованная в кандалы женщина одеты так же, как беспмятные люди у нас в Убежище. Они из одного племени?

— Вы их видели? — спросила Ирия. — Как они себя чувствуют?

— Они сидят в большой комнате, — сказала птица. — С ними говорят учителя. Они сыты. Они ничего не помнят. Что я еще могу сказать?

— Спасибо, — сказала Ирия. — Еще не узнали, почему это с ними случилось?

— Спроси у злых духов леса, — ответила птица.

Алиса заметила, что Ирия, в отличие от остальных, вовсе не удивлена встречей с говорящей птицей. Наверное, Ручеек рассказал ей все заранее.

Птица посмотрела на Алису.

— Учителя спрашивают, — сказала она, — как вы попали на нашу планету? Из дальних стран или с неба?

— С неба, — сказала Алиса.

— Где ваш корабль?

— В лесу.

— Я расскажу им. Спасибо, — сказала птица. — Мне интересно на вас смотреть. Я таких еще не видела.

Затем птица обернулась к кустам.

— А кто эта пигмейка, что прячется от меня в листве?

Конечно же, Белка при виде птицы спряталась.

— Выходи, — сказал Ручеек, — тебя никто не тронет.

— Не выйду, — послышался ответ из кустов. — Она меня унесет.

— Тогда сиди, — сказал Ручеек.

— Мне страшно.

— Пигмейка, — сказала птица, делая шаг к кустам, — я никогда никому не причинила вреда. Ты можешь спросить об этом у любого жителя леса. Мне стыдно, что ты меня боишься.

— Сама говоришь, — послышался ответ из кустов, — а потом клюнешь.

— Какая дикость! — сказала птица. — Я, благородная Альта из рода Альтосов, оскорблена такими подозрениями.

— Нет, — ответила Белка, — я лучше здесь посижу.

Птица по-куриному склонила голову и спросила Ручейка:

— Друг мой, что мы теперь будем делать?

— Мы обсуждали этот вопрос с Ирией, — сказал Ручеек.

— Кто такая Ирия?

— Это наш благородный друг с планеты Земля, закованный в кандалы, потому что ничтожные Кроты ее боятся.

— Какой стыд! — воскликнула птица Альта. — И это называется рыцари!

— Ты моих братьев не трожь! — отозвалась из кустов Белка.

— Так, значит, ты не пигмейка? Значит, ты та самая девочка из замка Кротов, которую бьют, не кормят и на которой хочет жениться гадкий предатель Вери-Мери?

— А ты откуда знаешь?

— В лесу для меня нет тайн. Берегись, Белка. Звери и люди говорили мне, что ты добрая и не мучаешь животных. Берегись своих братьев, но втройне берегись Вери-Мери.

Белка ничего не ответила, но вышла из кустов.

Она стояла в сторонке, настороженная, готовая в любой момент спрятаться снова.

— Мне нужно передать в Убежище послание, — сказал Ручеек. — Так, чтобы к утру оно было у учителей.

— Хорошо, — сказала птица. — Полетели.

— Нет, — ответил Ручеек. — Полечу на тебе не я. Полетит мальчик Паша.

— Почему? — спросила птица.

— Почему? — воскликнул Пашка.

— Так мы решили, — сказала Ирия, обращаясь к Пашке с Алисой. — Ручеек не может сейчас покинуть нас. Ему обязательно надо быть в Городе, ему надо проникнуть во дворец и узнать, что замышляют поклонны.

— Но почему я?

— Альта может отнести в Убежище помников одного человека. Я не могу лететь. Я не могу оставить вас здесь. Но один из нас должен попасть в лес как можно скорее, увидеть наших друзей и рассказать учителям, как отыскать «Днепр» и Гай-до. Кто-то должен перенести в Гай-до контейнер с гравитонами. Без этого Гай-до не сможет взлететь и

вызволить нас. Это могут сделать Алиса или ты, Паша. Я решила, что полетишь ты, Паша. Все-таки ты мальчик, ты сильнее. А путешествие может быть опасным. Алиса пускай остается со мной. Ты понимаешь, Паша, какая тебе поручена задача?

— Я понял, — сказал Пашка. — Но пускай летит Алиса. Я не хочу оставлять тебя одну. Тебе может понадобиться моя защита.

— Здесь остается Ручеек. Он меня защитит. В крайнем случае я сама за себя постою. А от того, как ты доберешься до лесного Убежища и сможешь поднять в воздух Гай-до, зависит все. Даже наши жизни и жизни наших друзей.

— Понял, — сказал Пашка.

— Лети, — сказала Алиса. Ей было чуть-чуть обидно, что для полета выбрали не ее, а Пашку, но лучше не спорить. Если недовольна, скажешь на Земле, когда все кончится.

— Я сомневаюсь, — сказала птица Альта, которая до того бродила по полянке и что-то клевала в траве. — Я сомневаюсь. Мальчик никогда не летал. Он может испугаться и упасть.

— Я? Испугаться? — Пашка тут же забыл о своих сомнениях.

— Ты полетишь низко, — сказал Ручеек. — Медленно. Ты не позволишь мальчику упасть. Я на тебя надеюсь.

— Я постараюсь, — сказала птица. — Но возить мальчиков — последнее дело. Они всегда шалят.

— Может, привязать Пашку? Чтобы не свалился? — спросила Алиса.

— Еще чего не хватало! — возмутился Гераскин.

— Не надо, — сказала птица. — Веревки будут мне мешать.

— А сколько лететь до вашего Убежища? — спросила Ирия.

— Я буду лететь медленно, — сказала Альта. — Я буду лететь часа три-четыре. Утром будем на месте.

— Три-четыре — это много? — спросила вдруг Белка.

— Нет, немного, — сказал Ручеек. — А может быть, ты хочешь научиться считать и читать?

— Нет, что ты! — воскликнула Белка. — Это запрещено! Только ужасные помники читают и пишат.

— Какая темнота!

Ручеек тем временем нарвал травинок и быстро сплел послание для учителей. Ирия еле уговорила Пашку взять ее куртку — ведь в полете будет холодно.

— Я не замерзну, — возражал Пашка.

— Когда мы вернемся на Землю, — сказала Ирия, — твоя мама меня обязательно спросит: почему вы не проследили за здоровьем моего сына? Почему он чихает и кашляет? Куда вы его возили? На Северный полюс?

Ирия так здорово скопировала голос Пашкиной мамы, что Пашка засмеялся и сдался.

Пока Ручеек плел свое послание, а Ирия диктовала Алисе записку для Тадеуша, Пашка вышел на берег реки. По реке протянулись две серебристые полосы — от двух лун. На том берегу мерцали тусклые огоньки — там была деревня. Под ложечкой щекотало от предчувствия приключений. Таких ему еще переживать не приходилось. Страшно ли ему сейчас подняться в небо на белой птице с голубыми светящимися глазами? Нет, не страшно. Он представил себе, как в лесной чаще ждет, волнуется, не зная, что с ними происходит, их добрый Гай-до. Что ж, в жизни всегда найдется место подвигам.

— Я готов! — сказал Пашка. — По коням!

Альта присела, чтобы Пашке было сподручней забраться ей на спину. Спина была теплой, гладкой. Пашка опустил ноги перед крыльями. Ручеек снял с себя ремень и завязал его на шею Альты.

— Хватайся за него, только если будет страшно, — сказала птица. — А то задушишь меня.

— Хорошо, — сказал Пашка и поклялся себе, что, даже если будет жутко, он не дотронется до ремня.

— Ой, Паша, — сказала плачущим голосом Белка, — может, останешься? Занесет она тебя в колдовские места, превратишься ты в цветочек безгласный, пропадешь в вонючих болотах.

— Перестань канючить, — сказала птица. — Мне стыдно за тебя.

— А мне Пашеньку жалко, — сказала Белка.

Она подошла к Ручейку и взяла его за руку.

Тот даже удивился:

— Ты меня больше не боишься?

— Я тебя, конечно, боюсь, — сказала Белка. — Но я остальных еще больше боюсь. Ты уж меня не обижай.

— Не обижу! — Ручеек запустил пятерню ей в волосы, но Белка тут же вырвалась и сказала строго:

— Ты забыл, с кем имеешь дело! Я же настоящая поклонка.

Ручеек передал Пашке зашифрованное послание, Ирия — записку для Тадеуша. Алиса просто пожала руку.

— Мы полетели, — сказала Альта. — Осторожней в Городе!

Птица разбежалась по полянке и расправила крылья. Крылья оказались громадными, каждое — метра четыре длиной.

Добежав до воды, Альта резко взмахнула крыльями. Пашка сидел, обхватив ногами плечи птицы и обняв шею, ему очень хотелось вцепиться в ремень, но он сдерживался.

— Нильс на диком гусе! — услышал он голос Алисы.

В ушах засвистел ветер, Пашка зажмурился, а когда открыл глаза, остров уже выглядел черной полосой на глади реки, а костры на берегу казались светлячками.

— Только не засни, — сказала Альта.

— Еще чего не хватало!

— Это бывает, — сказала Альта. — Ты мне лучше рассказывай, где ты живешь, откуда прилетел, какие у вас птицы. Мне все интересно.

И Пашка начал рассказывать о жизни на Земле.

Глава 15. Опасный полет

Через час полета Пашка так закоченел, что, несмотря на всю свою гордость, вынужден был признаться Альте, что вот-вот свалится.

— Глупости, — сказала Альта. — Мог бы и раньше сказать. Мне не нужны мертвые мальчики.

— Может, спустимся, и я немного попрыгаю, согреюсь, — сказал Пашка.

— Через пять минут будет такое место, — сказала птица. — Я и сама собиралась там сделать привал. И знаешь почему?

— Н-н-нет, — ответил Пашка. Даже губы у него замерзли так, что не слушались.

— Там есть чудесные ягоды. Вам, людям, они кажутся горькими, но мы, Альты из рода Альтосов, их обожаем.

Птица начала снижаться. Мерно поднимались и опускались по бокам Пашки ее громадные крылья. Внизу тянулись скалы, острые, кое-где поросшие колючками, мрачные под светом лун.

Наконец Альта опустилась в лощину между скал. Там было темно. Альта легла, чтобы Пашке было удобно с нее спуститься, и он скатился на землю — ноги не держали.

— Плохо дело, — сказала Альта, ее глаза светились в темноте, как голубые фонарики.

В лощине было теплее, чем наверху.

— Ходить можешь? — спросила птица.

— Сейчас, только ноги разотру.

— Тогда шагай за мной.

Птица уверенно пошла вдоль лощины. Впереди поднимался белый пар.

Когда Пашка добрался до того места, оказалось, что это маленькое озерко, чуть больше ванны размером. Вода в нем бурлила, и от нее поднимался пар.

— Рекомендую окунуться, — сказала птица. — Это целебная вода. Мой друг Ручеек всегда здесь купается.

Пашка послушался. Одеревеневшими пальцами он стащил с себя одежду и бултыхнулся в теплую, почти горячую, наполненную щекотными пузырьками воду. «Ванна» была неглубокой, по пояс. Пашку охватило блаженство. Наверное, никогда в жизни ему не было так хорошо.

Он нежился в воде минут десять. Наконец Альта, которая куда-то отходила, вернулась и сказала:

— Пора и честь знать. Всему хорошему бывает конец. Вылезай, а то перегреешься и простудишься. Ты забыл, что нам еще лететь и лететь. А тебе еще обсохнуть надо.

Пашка с сожалением подчинился птице, вылез, и его сразу стало знобить.

— Иди за мной, — сказала птица.

Она отошла на несколько шагов и остановилась перед углублением в земле.

— Ложись здесь.

Пашка подчинился. Камни оказались теплыми, как лежанка на печи. Жестко, но тепло и уютно.

— Я пойду поклюю немножко, — сказала птица. — Подожди меня.

Пашка решил, что несколько минут можно подремать.

И заснул.

А когда проснулся, солнце уже встало, жужжали насекомые, было тепло. Альта сидела рядом, подняв одно крыло, чтобы защитить Пашку от лучей солнца.

— Ой! — испугался Пашка. — Чего же вы меня не разбудили?

— Людей будить нельзя, — сказала птица. — Это вредно.

— Прости, — сказал Пашка. — Я нечаянно. Сколько я проспал?

— Два часа, — сказала птица, — ты же всего-навсего человеческий детеныш, наверное, недавно из яйца вылупился. Одевайся, полетим дальше.

И через три минуты они уже были в небе.

Начался лес. Вершины деревьев так переплелись листьями и сучьями, что Пашке казалось: под ними тянется сплошной слой зелени, по которому можно ходить. Стало

теплее, и даже трудно было представить себе, что совсем недавно он умирал от холода. Страшно захотелось есть. Ведь если не считать нескольких кусочков хлеба да миски с жидкой похлебкой, за последние сутки у Пашки ничего во рту не было. Он думал о еде и не заметил, как откуда-то появились летучие мыши, такие же, как те, что напали на баржу.

Увидев одинокую птицу, они тут же начали снижаться.

— Держись, Пашка! — сказала Альта. — Попытаемся уйти.

Пашка обхватил шею Альты и прижался к птице всем телом. Крылья махали чаще, они казались голубыми занавесами, раздуваемыми ветром. Альта изменяла полет, ныряла вниз, взмывала вверх. Она летела быстрее мышей и была куда ловчее их, но мышей было не меньше десятка. И хоть почти все они промахивались, то одной, то другой удавалось дотянуться зубами до Альты... Вот одно перо взмыло в воздух и полетело, планируя, к земле. За ним второе...

Альта устала.

— Снижаемся, — сказала она. — Только бы дотянуть до поляны.

— А здесь нельзя?

— Нельзя! Здесь сплошная чаща, негде опуститься.

И тут одной из мышей удалось полоснуть зубами по крылу птицы.

Альта сразу полетела медленнее, часто взмахивая раненым крылом. Пашка всей душой чувствовал, как ей больно и тяжело. Почувствовали это и мыши, которые с новой яростью кинулись на Альту.

Удар, еще один... Острые желтые зубы мелькали со всех сторон. Пашка сумел развязать ремень на шее Альты и размахивал им, отбиваясь от мышей. Одной он угодил по морде, и она с воем стала падать вниз.

— Вот вам! — кричал Пашка. — Вот вам, стервятники! Ну давайте, смелее нападайте! Я вам покажу!

Он даже не сообразил, что Альта падает... Лишь у самой земли, на узкой прогалине между деревьями, она, отчаянно махая крыльями, задержала падение и, сев на землю, пробежала несколько шагов, волоча крыло.

Пашка свалился с птицы.

— В лес! — прошептала Альта.

Пашка помог ей спрятаться под укрытие деревьев.

Там было полутемно, сыро. Но, к счастью, летучие мыши не смогли последовать за своими жертвами и одна за другой поднялись в воздух. Они еще долго кружили над лесом, надеясь, что добыча к ним вернется.

— Плохо наше дело, — сказала птица.

— У тебя повреждено крыло!

— И боюсь, что серьезно.

— Можно, погляжу?

— Погоди, — сказала Альта. — Здесь недалеко есть развалины. Никто не знает, что там было раньше.

Альта побрела вперед. Она шла медленно, прихрамывая, крыло волочилось по земле, по перьям сочилась алая кровь.

Пашке хотелось поддержать птицу, помочь ей, но он не знал, как это сделать.

— Еще немного, — сказала Альта слабым голосом. — Осталось чуть-чуть...

Пашка увидел развалины, только когда они подошли к ним вплотную. Обвалившиеся

бетонные стены, проемы окон, заплетенные лианами, груды плиток, провода... запустение.

Птица вошла в руины и тяжело опустилась на пыльный пол, усеянный камнями и сухими сучьями.

— Может, здесь они нас не найдут, — сказала птица.

— Кто?

— Хозяева этих мест. — Альта вздохнула и добавила: — Нельзя было лететь днем, когда летучие хищники вылетают за добычей. Я знала...

— Значит, я виноват, — сказал Пашка. — Прости. Это я проспал.

— Теперь поздно искать виноватого, — сказала птица.

— Можно, я погляжу, что у вас с крылом?

— А ты понимаешь?

— Я постараюсь.

Пашка осторожно осмотрел крыло. В двух местах он нашел глубокие раны, до кости. Из них все еще сочилась кровь.

Птица тихонько стонала.

— Нужно лекарство, — сказал Пашка. — Давайте я пойду пешком в Убежище. Вы скажите, как пройти. Вам необходима помощь.

— Нереально, — сказала Альта. — До Убежища идти полдня. И через самую чащу. Даже наши туда не заглядывают.

— Что же делать?

— Не знаю. Я всего только птица. Я привыкла доверять людям. Они лучше умеют думать.

Пашка был бы рад что-нибудь придумать. На Земле он обязательно бы придумал. Но что придумаешь посреди непроходимого леса, на чужой дикой планете?

— Вас будут искать? — спросил он.

— Как? Как нас найти? Я сбилась с пути.

— Но мы не можем сидеть всю жизнь в этом лесу!

— Ты прав. Значит, мы умрем. Прости, что я не выполнила своего обещания и не донесла тебя до Убежища.

— Не это важно, — сказал Пашка. — Дело не в нас с вами. Ведь в Убежище не знают, что вот-вот начнется общий поход против помников. Они не ждут его.

— Это ужасно! — сказала птица. — Я не переживу такого позора. Лучше умереть...

Альта распласталась на полу и спрятала голову под здоровое крыло.

«Типично птичья реакция, — подумал Пашка. — Скрыться от трудностей, спрятав голову под крыло!»

Он решил осмотреться. Он был убежден, что находчивый человек обязательно найдет выход из любой ситуации.

Пашка оставил птицу скорбеть, а сам отправился исследовать развалины.

Здание, в котором они спрятались, состояло из нескольких больших комнат. Крыша обвалилась, и кое-где приходилось перебираться через груды камней и бетонных плит. В одной из комнат Пашка увидел несколько столиков и стульев. Большая часть их была опрокинута, другие разломаны. Столики были маленькими, будто для карликов. Может, в этом доме когда-то жили пигмеи? Но неужели они потом так одичали? В следующей комнате — длинной, выходившей окнами в лес, — стояли кровати. Тоже маленькие, пигмейские. На одной даже сохранились простыня и одеяло. Пашка дотронулся до одеяла, и

оно тут же рассыпалось в прах. А из-под кровати выскочил, подняв клешни, сухопутный краб размером с тарелку и боком-боком побежал к Пашке, пугая его. Пашка не стал спорить, отступил. Конечно, всем известно, что ядовитых крабов не бывает, но это на Земле, а не в диком лесу на неизведанной планете. Ведь в лесу крабам тоже не положено водиться.

Из той комнаты вниз вела лестница. Ступеньки осыпались, лоскуты краски, отвалившиеся от стен, валялись на лестнице, как лужицы голубой воды. За приоткрытой дверью обнаружилась кухня. Да, вернее всего, это была кухня — на заржавевших плитах еще стояли кастрюли и сковородки. Грудой громоздились тарелки. На крюке висели полотенце и белый фартук, но Пашка, наученный горьким опытом, не стал до них дотрагиваться — знал, что рассыплется в пыль. «Те, кто жил здесь когда-то, — подумал Пашка, — ушли сразу, неожиданно. Бросили все как есть. Чего они испугались?»

Пашка прошел сквозь кухню и выбрался другой, узкой лестницей наружу. Лес, подходивший к дому, был здесь не так густ, в нем встречались прогалины и полянки. Одна из них, овальная, была окружена невысоким барьером из керамических плиток. Внутри барьера была впадина, облицованная белым. Большое корявое дерево выросло в центре впадины, разломав плитки. Пашка не сразу сообразил, что когда-то там был бассейн. Чуть дальше в кустах он отыскал площадку для игр, качели, большой мяч до половины врос в землю...

Зашуршало в кустах, и Пашке показалось, что за ним из чащи следят многочисленные злые глаза. Он спохватился, что отошел далеко от дома, и бросился назад. Шуршание сзади усилилось. Что-то черное мохнатое вылезло из лиан. Пашка чуть не свалился в бассейн, споткнулся о торчащий корень и стрелой добежал до разрушенного дома. Оглянулся. Никто его не преследовал.

И все-таки было очень страшно. Лес был чужой, зловецкий, он подстерегал Пашку, следил за каждым его движением, а Пашка был безоружен и сам должен был охранять раненую птицу.

Он прошел вдоль стены дома. Вот и главная дверь. Над ней покосившаяся вывеска — золотые буквы на черном фоне:

«ЛЕСНЫЕ ПОЛЯНЫ»
Санаторий для детей

Как странно было увидеть эту надпись, напоминавшую о тех временах, когда на Крине были санатории, дети играли в мяч или купались в бассейне! Вот почему кровати такие маленькие!

Пашка заглянул в прихожую санатория. Увидел справа небольшую дверь. Толкнул ее, и она с грохотом упала внутрь.

Когда-то здесь был медицинский кабинет. На длинном белом пластиковом столе стоял непривычной формы микроскоп, в застекленном шкафу на полках — различные медицинские инструменты. Второй стол стоял у разбитого окна. На нем стопкой лежали бумаги... Пашка осторожно подошел к столу. Он не дотрагивался до бумаг. Только посмотрел, что там написано.

Дата, которая ничего не говорит, потому что на Крине свое летосчисление. Потом: «Расписание праздника проводов лема». «Праздничный ужин. Концерт гостей. Танцы. Костер на лужайке. Фейерверк».

Пашка неосторожно кашлянул — лист бумаги разлетелся в пыль.

«Фейерверк, — подумал Пашка, подходя к медицинскому шкафу, — концерт гостей, танцы... Что же случилось? Куда делись дети?»

Пашка просунул руку сквозь разбитое стекло шкафа. Как назло, не видно никаких бинтов или пластыря, чтобы перевязать Альту. Впрочем, это все разлетелось бы от прикосновения. «Возьму ножницы. Может, пригодятся. Почти оружие», — решил он.

В комнате стало темнее.

Пашка обернулся. В разбитое окно глядела страшная образина: мохнатая морда, оскаленные зубы, прижатые желтые уши — похоже на медведя, но очень большого желтого медведя.

— Иди отсюда! — крикнул Пашка скорее с перепугу.

Медведь еще шире оскалился и низко зарычал.

В следующее мгновение Пашки в комнате не было. Он выскочил в коридор. Куда бежать? Где птица?

И в этот момент он услышал тонкий крик.

Альта! Они напали на Альту!

Глава 16. Городские причалы

Ночь они скоротали кое-как, сбившись в кучку, — Ирия, Ручеек, Белка и Алиса. Белка все норовила забраться в середину, толкалась, а под утро проснулась и решила идти к братьям, сознаться во всем, сказать, что ее украли.

— Иди, — сонно сказал Ручеек. — Они тебя ждут.

Белка утихла.

Так они и дотерпели до утра, очнулись еле живые. Над рекой плыл туман, воины бродили по пояс в белой вате, расталкивали спящих, гнали их на баржу. Пигмеи дрожали, они были голодны, но кормить их не стали.

— Пошли умоемся, — сказала Ирия.

— Нельзя, — ответила Белка. — Мыться вредно. — Она подумала и добавила: — И холодно.

Но Ирия уже поднялась и шла к реке. Чтобы кандалы не звенели, она подобрала их, кандалы были тяжелыми, ей было трудно, но Ирия терпела и даже улыбалась, чтобы подбодрить Алису.

Белка осталась на берегу и все твердила, что Алиса и Ирия наверняка ведьмы, потому что нормальный человек по доброй воле мыться не будет, тем более холодной водой, да еще в речке, где водятся чудовища, которые тех, кто моется, обязательно утянут в воду.

Алиса побегала по берегу, размялась, стало чуть теплее.

Когда они вернулись, оказалось, что их уже разыскивают по кустам стражники. Близнецы хватились, что нет Пашки.

Их привели к близнецам, и Левый Крот спросил:

— Где мальчик, который умеет кувыряться?

— Не знаю, — сказала Алиса.

— Не знаю, — пожала плечами Ирия.

Белка стояла неподалеку, в толпе пигмеев и молчала. Ручейка нигде не было видно.

— Ты мне его найди, — сказал Червяк Самыйтолстый. Он выплыл из тумана, словно обрюзгшее желтое насекомое. — Я у тебя одну девчонку не куплю. Я двоих хотел купить. Ты меня не обманешь.

— А я и не собирался продавать тебе моих рабов! — рявкнул Левый Крот. Он и без того был взбешен пропажей. А тут еще надутый Червяк.

— Если бы не мир, объявленный в стране, я бы не стал слушать твой гнусный визг! — взревел Червяк Самыйтолстый. — Но ты мне еще заплатишь за оскорбление. А девчонку я беру себе. Бесплатно.

Правый Крот выхватил меч — воинов у Кротов было куда меньше, чем у Червяка, но братья и не думали отступить. Червяк бесновался, грозил страшной мезтью. В конце концов его корабль отплыл, а братья со своими подручными еще долго обшаривали остров, споря, то ли мальчишка утонул, то ли его унесли летучие мыши... Алиса и Ирия покорно сидели у погасшего костра, ждали, чем кончатся поиски. Когда Пашку отчаялись отыскать, Алисе велели перейти на первый корабль. Кроты не хотели терять главную рабыню, так что полдня ей пришлось быть одной среди воинов. Правда, ее покормили вместе с ними. Алиса сидела на корме, глядела по сторонам, старалась высмотреть, что делают ее друзья на барже. Она видела, как, укрываясь от любопытных глаз за единорогами, Ирия шепталась о чем-то с Ручейком, и Алисе было грустно, что она ничего не слышит. Потом, уже днем, берега стали

низкими, деревни пошли куда чаще. По берегам тянулись развалины, но было трудно угадать, заводы это, лаборатории или, может, какие-нибудь склады. Алиса увидела, как Ручеек сел у борта, к нему подошла Белка и они оживленно заговорили. Белка спорила, махала руками, сердилась. Ручеек смеялся, даже издали было видно, как сверкают на смуглом лице его белые зубы, и, судя по всему, Белка его вовсе не боялась. Забыла, что ли, что он помник?

Алиса помахала Ручейку рукой, тот улыбнулся в ответ. И вдруг потупился и отвернулся от Белки.

Алиса услышала скрипучий голос одного из Кротов:

— Погляди, брат, тебе это не кажется странным?

— Вижу, — ответил второй Крот. — Что-то он сегодня не похож на бе-пе.

— Как только приедем в Город, вели его схватить и как следует допросить. Может, это подглядчик помников.

— И я так думаю, — сказал второй брат.

Алису братья не принимали в расчет. Они отлично видели, что она сидит почти у их ног, но продолжали разговаривать о своих делах, в том числе и об Алисе.

— Жалко, что мальчишка утоп, — сказал Левый Крот.

— Может, уплыл? — спросил Правый Крот.

— Куда уплыл? В лес?

— Не знаю. За двоих мы бы получили куда больше.

— А мы и за одну получим неплохо, — сказал второй брат.

Алиса почувствовала, как ей на голову опустилась тяжелая рука в жесткой кожаной перчатке.

— Ты, девочка, постарайся? — спросил Левый Крот ласково.

Алиса решила, что сразу соглашаться не стоит.

— А зачем? — спросила она.

— Затем, чтобы сделать приятное нам с братом, — ответил Левый Крот.

— Я не хочу делать вам приятное, — сказала Алиса. — Вы моей тете руки железом сковали. Вы злые.

— Не сделаешь нам приятное, — сказал Правый Крот, — тебе будет плохо.

— И тетке твоей тоже. Она не знает, как надо себя вести, если знаменитые поклоны удостаивают тебя вниманием.

— Я боюсь, дяденька! — заныла Алиса. — Не наказывайте меня.

— Ладно, — смилостивился Правый Крот. — Ты старайся, и мы тебя не обидим. Хочешь яблоко?

— Спасибо, — сказала Алиса. — Но не продавайте меня этому страшному Червяку.

— Еще чего не хватало! — захохотал Левый Крот. — Да этот старый выжига за тебя и кошелек не даст. Мы тебя во дворец поведем!

— А он сказал, что меня отберет.

— Посмотрим, — ответил Левый Крот. — Мы, славные зубастые Кроты, все берем сами и никому ничего не отдаем.

Яблоко было диким. Алиса его съела, хоть скулы сводило от кислоты. Она продолжала изображать из себя запуганную, дикую девочку. «Лучше пусть они меня недооценивают», — думала она.

К середине дня, когда солнце поднялось высоко и стало припекать, корабли добрались

до Города.

Было тихо, лишь мерно вскрикивал надсмотрщик, подгоняя гребцов. Остальные, разморенные теплом и мирным путешествием, дремали. Алиса глядела на берега, уже густо населенные, и думала: «Как там Пашка? Добрался ли он до Убежища? Нашел ли Гай-до? Нет, до Гай-до он, пожалуй, еще не добрался. Бедненький Гай-до, как он переживает, не зная, куда делась его хозяйка».

Корабль миновал высокий, могучий замок. На его башнях развевались флаги. Алиса уже достаточно присмотрелась к здешнему миру, чтобы понять, что и этот замок построен на руинах большого завода. За замком начинались кварталы Города. Город, как все по пути, оказался полуразрушенным. Люди жили в развалинах, покрытых соломенными крышами либо разномастной черепицей. Улицы, сбегавшие к реке, были пыльными, заросшими травой и кустами, кое-где видны были повозки, которые тянули быки или лошаденки, у самого берега Алиса увидела кузницу — кузнец мерно бил молотом по наковальне, потом промелькнул небольшой базарчик — несколько покосившихся лотков с фруктами. У берега покачивались долбленные лодки, в которых сидели рыболовы с удочками, хилый старичок в длинной синей тоге колотил палкой громадного полуголого раба, и тот покорно сносил удары. Потом Алиса увидела на площади между домами виселицу, на которой висел человек...

Вскоре пошли причалы. На причалах было оживленно. Там стояли десятки различных кораблей и плотов: некоторые с парусами, другие гребные. Корабли были раскрашены, на мачтах висели флаги с гербами. Алиса поняла, что это корабли поклонов и вкушцов, что съехались в столицу планировать поход против лесного Убежища.

Кормчий корабля Кротов углядел свободный причал, возле которого стояли несколько человек. Самый маленький из них, темнокожий, в полосатом длинном одеянии, при виде корабля замахал руками, как бы призывая: сюда, сюда!

Корабль ударился днищем о пологий берег, его занесло течением, надсмотрщик набросился на гребцов с кнутом, кормчий навалился на весло, один из воинов выбежал на нос и кинул веревку маленькому человеку, что стоял на деревянных мостках. Тот схватил веревку и потащил ее к тумбе. Он замотал веревку за тумбу, а когда он распрямылся, Алиса поняла, что это пигмей Вери-Мери.

С корабля сбросили мостки, а тем временем матросы подтягивали к берегу баржу.

Братья легко сбежали по мосткам на причал. Вери-Мери склонился перед ними в поклоне.

— Мы ждем вас не дождемся! — воскликнул он. — Повелитель Радикулит Грозный гневается. Все поклоны уже собрались в столице. Ждут только вас.

— Подождут, — отмахнулся Правый Крот. — Что за спешка?

— Говорят, что послезавтра начало похода. Кто не успеет, будет объявлен врагом всех поклонов и имения его будут захвачены.

— Не суетись, — сказал Левый Крот. — Мы, кровожадные Кроты, никогда не отказывались от походов и битв. Говори, что еще?

— Не для враждебных ушей, — сказал Вери-Мери, вставая на цыпочки.

Оба Крота наклонились к нему, и Вери-Мери принялся шептать, подскакивая на месте, чтобы дотянуться до ушей своих господ. А те — видно, нарочно — не особенно старались наклоняться, будто издевались над доносчиком.

Алиса оглянулась. С баржи сгоняли рабов. Надо быстрее предупредить Ручейка, что

братья подозревают его. Вот он спускается с баржи. Ирия идет в стороне, не замечая его. А где Белка? Белка среди пигмеев.

Алиса оглянулась на Кротов — они не смотрели на нее.

Алиса быстро пошла к Ручейку, наклонив голову, будто что-то искала на досках причала. Она смешалась с толпой несчастных голодных пигмеев.

— Ручеек, — позвала она негромко.

Ручеек будто не слышал, он тупо смотрел перед собой. Но задержался.

— Они видели, — сказала Алиса, — как ты говорил с Белкой. Они хотят тебя допросить, тебе надо бежать.

Ручеек продолжал идти вперед, глядя прямо перед собой.

— Ручеек, ты слышишь?

В этот момент Алиса услышала голос одного из братьев:

— Где эта проклятая девчонка?

Что делать?

— Ручеек! — крикнула Алиса.

Никакого ответа. К Алисе, расталкивая пигмеев, уже бежали воины. Пигмеи заверещали.

— Ручеек! — закричала отчаянно Алиса. — Беги!

Именно в этот момент Ручеек, который шел у края причала, скользнул в воду. Так быстро и ловко, что даже Алиса не заметила, как он исчез.

Тем временем воины добрались до нее. Старый Сук схватил ее больно за руку, и Алиса, не притворяясь, закричала:

— Больно! Больно! Что ты делаешь? Ирия, я к тебе хочу!

А Ирия, поняв, в чем дело, кинулась навстречу Алисе, громко крича:

— Иду, иду, моя дорогая! Что они с тобой сделали! Не смейте делать больно ребенку!

Гремя цепями, Ирия пробивалась к Алисе сквозь толпу пигмеев, что еще больше прибавило суматохи, и Алиса уже надеялась, что Ручеек благополучно убежит, как раздался крик Вери-Мери:

— Вот он! Держите его!

На берег, метрах в ста от причала, выбрался Ручеек. Он бросился вверх, стараясь скрыться между сараями, между сваленными в незапамятные времена и поросшими кустарником грудями бревен.

— Так я и знал! — взревел Правый Крот. — Я его давно подозревал!

Он выхватил меч и бросился следом за Ручейком. Второй брат крикнул:

— Стрелять! Где ваши луки, небо вас разрази!

Воины были заняты тем, что пытались собрать в кучу разбегающихся, орущих от страха пигмеев. Некоторые даже и не взяли своих луков с корабля. Но все же за минуту, пока Ручеек бежал к сараям, два или три воина успели натянуть луки. Взвизгнула тетива — стрелы унеслись вслед беглецу.

Вери-Мери бежал к Левому Кроту, волоча за повод оленя. Но тот только отмахнулся и закричал:

— Не стрелять! В брата попадете.

И правда, Правый Крот огромными прыжками уже догонял Ручейка. Алиса не выдержала и закричала:

— Скорей!

На пути Ручейка появился какой-то богато одетый мужчина. Он попытался, расставив руки, остановить беглеца, но тот сумел обогнуть его, зато Правый Крот врезался в неудачливого помощника. Не разбирая, кто прав, кто виноват, взбешенный Крот полоснул мечом по лицу человека. Тот упал, обливаясь кровью, но этой задержки было достаточно для того, чтобы Ручеек перемахнул через покосившийся забор и исчез в лианах сада, что начинался за забором.

Алиса смогла перевести дух.

— Ты чуть все не погубила, — сказала стоявшая рядом с ней Белка. — Зачем кричала? Что он, глухой, что ли?

— Я думала, что он не слышит.

— Глупая ты все-таки, — сказала Белка. — Если бы они его поймали, я бы тебя своими руками убила.

— Прости, — сказала Алиса. Она поняла, что в самом деле вела себя неумно.

Ирия подошла к ней. Воин все еще держал Алису за руку, но, видно, не знал, что делать дальше, и смотрел вверх, где вдоль забора, размахивая мечом, метался Правый Крот.

— Слушай, Алиса, — сказала Ирия по-русски, чтобы воин не понял, — нас продадут в рабство.

— Не может быть! Мы будем сражаться!

— Ни в коем случае! Ручеек все уладит. Он обещал. Нас купит его друг. Веди себя спокойно.

Воину не понравилось, что пленницы говорят непонятно. Он оттащил Алису от Ирии, проворчав:

— Хватит вам на ведьмином языке колдовать.

— Где девчонка? — спросил Левый Крот. Он уже понял, что брату не догнать Ручейка, и хотел сохранить хотя бы Алису.

— Веду! — ответил воин. — Здесь она.

Воин подтащил Алису к Кроту. Вери-Мери стоял рядом.

— Осмелюсь доложить, ваше поклонство, — сказал пигмей, — эта девчонка что-то кричала тому, который убежал.

— Я и сам слышал, — ответил Крот, недоверчиво глядя на Алису.

— Я не ему кричала, — сказала Алиса. — Я мою тетю звала.

На причал вернулся Правый Крот. Он был зол. Он шел, вытирая о штаны лезвие меча.

— Дьявол дернул его сунуться мне под меч, — сказал он.

Он поглядел вверх. Там, за сараями, уже собралась кучка людей, окружившая лежавшего на земле горожанина.

— Вы ранили старшину этого квартала, — сказал Вери-Мери. — Это будет вам дорого стоить.

— Еще не хватало платить за кровь простолюдина! — возмутился Правый Крот.

— Если бы ты быстрее бегал, — заметил его брат, — то поймал бы нашего раба, вместо того чтобы рубить горожан. Нам теперь на рынке ничего не продадут. Как в прошлый раз, когда ты избил вкушеца.

— Я заплачу! — быстро сказал Вери-Мери, кланяясь братьям. — Я вам обязан.

— Вот и отлично, — сказал Правый Крот.

Но Левый Крот был поумнее близнеца.

— Почему такая милость? — спросил он. — Я не слышал, чтобы ты хоть что-то в жизни

делал бесплатно.

— Отвечу честно, — усмехнулся пигмей, — как всегда. Вы мне за это дадите продать ваших рабов. Может, мне удастся получить на этом несколько лишних монет.

— Я подумаю, — сказал Левый Крот.

— Еще чего не хватало! — возмутился его брат. — Я сам пойду их продавать. Если Вери-Мери этим займется, мы вообще с тобой голыми по миру пойдем.

— Господин шутит! — рассмеялся пигмей. — Мой любимый господин всегда шутит.

— Иди, — приказал ему Левый Крот. — Иди и заплати этим подонкам. Скажи, что мы добрые люди и не хотели лишней крови.

— Что за порядки в этом Городе? — расстраивался Правый Крот. — Этого не убей, этого не тронь! Где же наши права?

Вери-Мери побежал к сараям.

Правый Крот оглядел толпу пленников и велел старому воину Суку:

— Всех их на невольничий рынок! А где Белая Дама?

— Несут, — сказал воин.

И в самом деле, воины вытащили из трюма корабля завернутую в тряпки статую «Читательница».

— Грузите, — сказал Левый Крот.

Воины принялись привязывать статую между двух оленей.

С баржи свели единорогов. Они радовались тому, что наконец снова стоят на твердой земле, переступали золотыми копытами. Зеваки, что толпились у причала, оживленно перекликались при виде чудесных животных.

Воины садились на оленей, близнецы оседлали единорогов.

— Двинулись? — спросил Правый Крот.

— Готовы! — отозвался Сук.

Процессия тронулась в путь. Первым ехал молодой воин, который держал знамя — зеленое полотнище с оскаленной мордой волка. Затем, бок о бок, — братья Кроты. За ними вели Алису. Потом тянулась толпа пигмеев, и среди них шла Ирия Гай.

Алиса обернулась: какое печальное зрелище! Хорошо еще, что Гай-до не видит: знаменитого конструктора космических кораблей, одну из первых красавиц Галактики Ирию Гай уводят на невольничий рынок. Она идет, волоча тяжелые железные цепи, окруженная, как лебедь стаяй воробьев, толпой пигмеев.

Не успели они миновать сарай, как из-за бревен выбежал Вери-Мери.

— Поклоны! — громким шепотом произнес он, подпрыгивая, чтобы его лучше слышали. — Впереди засада!

— Кто? — отрывисто спросил Правый Крот.

— Люди Червяка Самогтолстого.

— Так я и знал, — сказал Левый Крот. — Он хочет бесплатно заполучить акробатку. Ну, я ему покажу!

— Осмелюсь предложить, поклоны, — сказал Вери-Мери, — может быть, нам пройти вон той улицей?

— Почему? Мы не боимся этих разбойников.

— Но сейчас объявлен мир, и, если кто-то нарушит его, Правитель рассердится.

— Но ведь мир нарушает Червяк! — возмутился Левый Крот.

— Осмелюсь напомнить, — сказал Вери-Мери, — что Червяк Самыйтолстый при всей

неприятности его характера — могучий поклон, который владеет обширными землями, а главное, приходится родственником госпоже Радикулит-Фаланге. Вы же — простые лесные бароны.

— Убью! — закричал Правый Крот. — Как ты смеешь нас унижать!

И прежде чем более осторожный брат успел его остановить, Правый Крот уже мчался, подстегивая своего единорога, вверх от реки. Левый Крот, а потом и воины помчались за ним. Остальные стали нещадно подгонять пленников, и пигмеям пришлось бежать на косогор.

Образовался довольно большой разрыв между первым отрядом и пленниками. Когда толпа пигмеев поравнялась с обширными, заросшими травой и кустарником развалинами, оттуда на них кинулись воины в желтых одеждах с нарисованными на них пантерами — засада Червяка Самоготолстого.

Воинов у Кротов было мало, и в начавшейся свалке их быстро одолели, отогнав от пленников. Из кустов донесся пронзительный голос Червяка:

— Вот она, в голубом, хватай ее!

Сразу два воина кинулись к Алисе, но тут ей на выручку пришла белокурая женщина, закованная в кандалы. Она подняла руки и начала размахивать цепями. Цепи свистели в воздухе, и воины присели от страха.

Услышав шум боя, возвратились основные силы Кротов.

Как метеоры ворвались Кроты в толпу. Они безжалостно рубили врагов направо и налево, мечи их сверкали как молнии.

Червяк Самыйтолстый выскочил из кустов и завопил, подпрыгивая:

— Что же вы, солдаты! Отважные, зубастые червяки! Бейтесь! Кротов меньше! Вперед!

Правый Крот увидел Червяка Самоготолстого и направил единорога в его сторону. Единорог буквально взвился в воздух и ударил Червяка копытами передних ног. Тот ахнул и рухнул на землю, как мягкая кукла, выброшенная на помойку.

При виде этого воины Червяка Самоготолстого с воплями бросились в разные стороны.

На этом бой и кончился.

Два воина из охраны Кротов погибли, несколько получили ранения, белая статуя валялась на земле. На земле корчились пигмеи, попавшие между сражавшимися и пострадавшие невинно, стонали порубленные воины Червяка...

«Сколько всего страшного, — подумала Алиса, — произошло за две минуты». Она поглядела на Ирию. Та стояла, опустив руки, и тяжело дышала.

— Славно мы с ними расправились, — сказал Правый Крот.

— Позволю не согласиться с великими воинами, — послышался голос Вери-Мери.

— Что еще? — спросил Правый Крот. Он спрыгнул на землю и старался стащить с пальцев Червяка драгоценные перстни.

— Повелитель будет гневаться и может вас казнить, — сказал Вери-Мери.

— Чепуха! Мы воины и поразили его в честном бою. Мы не устраиваем засад.

— Как вы это докажете? — сказал печально Вери-Мери.

— Тогда заплати за нас.

— Всех моих денег и всех ваших рабов не хватит, чтобы искупить эту смерть.

— Тогда мы едем обратно, — сказал Левый Крот.

— Червяки уже добежали до дворца, — сказал Вери-Мери. — Скоро за вами будет погоня. И вам от нее не уйти.

— Мы не боимся, — сказал тогда Правый Крот. — Мы мирные бароны. Мы пойдем к Повелителю и все расскажем.

— Нужно будет сделать очень необыкновенные подарки, — сказал Вери-Мери, — чтобы замолить ваш грех. Единственная надежда на то, что Повелителю нужны сегодня храбрые воины.

— А что мы ему дадим? — спросил Левый Крот. — Белую Даму?

— Не дам! — закричал Правый Крот.

— Когда ее у нас отнимут, мудрецы ее получают бесплатно, — возразил его брат.

— Разумно, — поддержал старшего близнеца Вери-Мери, — но одной Белой Дамы мало.

— У нас больше ничего нет, кроме пигмеев, — сказал Правый Крот.

— А эта акробатка? — спросил Вери-Мери. — Из-за нее толстый Червяк и напал на вас.

— Ни в коем случае! — воскликнул Правый Крот. — Ты нас хочешь разорить.

— У вас еще останутся пигмеи, это тоже хорошие деньги, — сказал Вери-Мери.

— Хорошо, — принял решение Левый Крот. — Сук, гони рабов на невольничий рынок.

Девчонку берем во дворец.

Он ловко наклонился и, подхватив Алису, посадил перед собой на спину единорога.

Алиса кинула последний взгляд на Ирию.

— Вперед! — крикнул Левый Крот. — Мы должны успеть во дворец как можно скорее.

С каждой минутой гнев Радикулита будет расти.

— Я прослежу за невольниками! — крикнул вслед Вери-Мери.

Алиса обернулась — Ирия осталась далеко позади.

«Ничего, — подумала Алиса. — Ирия в безопасности. О ней позаботится Ручеек. А я попаду во дворец и, может, узнаю что-нибудь важное о походе и потом расскажу Ручейку».

Глава 17. Совет в бывшем театре

Там, где тянулись деревянные причалы и стояли покосившиеся сараи, когда-то был речной порт. И можно было угадать, каким он был: ряды складов, от которых теперь остались лишь огрызки стен, подъездные пути для монорельсовых повозок и грузовиков, посадочные площадки для трейлеров... Когда этот порт в одночасье обезлюдел, он быстро пришел в упадок. Потом окрестные жители забрались в склады и растащили оттуда то, что могло представлять ценность в хозяйстве, но рельсы остались на месте — порталные краны, рухнув со временем, перегородили подъездные пути, как скелеты вымерших чудовищ. Лишь один каким-то чудом остался стоять, склонив набок острую морду. То, что было слишком тяжело или не пригодилось людям, так и продолжало валяться, ржаветь, гнить, пылиться. И потому некогда широкая улица, что вела от причалов вверх, к Городу, вынуждена была виться, огибая груды камней и бетона, проржавевшие бухты кабелей, рассыпавшиеся стопы стальных отливок, пустые контейнеры; на мостовой возвышались холмы и холмики, и теперь уж не угадать было, из чего такой холм возник, — то ли это была когда-то гора удобрений, высыпавшихся из мешков, то ли железная руда, то ли окаменевшая соль. Есть миллионы вещей и продуктов, без которых не обойтись цивилизованному обществу и которые непонятны, не нужны и даже вредны для первобытных людей. Среди этого запустения лениво бродили мелкие куры, вороны расклевывали чудом уцелевший

пластиковый мешок. Из погнутой и пробитой в нескольких местах цистерны, на которой еще можно было угадать надпись «Ацетилен», выглядывала тощая собака, нищие и калеки сидели в ряд под выложенными цветными плитками в стене буквами «Холо...льник № 67», протягивали худые руки и бормотали:

— Подайте славным рыцарям, умирающим от голода!

Выше по склону складывались кончилились, и потянулись оплетенные лианами и диким виноградом, невероятные по размерам руины какого-то учреждения, передняя стена которого с дырками выбитых окон поднималась этажей на двадцать, а сквозь оконные проемы были видны небо и остатки гнутой арматуры. Дальше когда-то был район вилл и домов, которые прятались в садах. От садов остались редкие одичавшие деревья. Аллея высохших пальм вела к изысканным, вырезанным из розового камня воротам, от которых сохранилась лишь одна створка. Стены некоторых вилл стояли, перекрытые сверху жердями и кусками железа. Другие рухнули, и на их руинах выросли хижинки и кривули-домики нынешних жителей Города.

А дорога вела все выше и выше, она обогнула стройное, ничуть не тронутое временем здание с высокой красной башней. Здание было обвешано разноцветными флагами. У входа стояли два вкуща в синих тогах, расшитых серебряными звездами.

Братья-близнецы поклонились этому зданию, приложив руку к сердцу, воины гладили себя ладонями по щекам. Наверное, решила Алиса, это местный собор.

За собором с площади открылся вид на море. Вернее, на море и на небо сразу — они были голубыми и сливались на горизонте так незаметно, что не догадаешься, где кончается вода, а где начинается воздух.

С этой площадки открывался другой мир, он был шире, душистее и даже теплее. И теплота в нем была наполнена упругим ветром, который мог разгуляться, набрать силу и впитать в себя просторы моря, пышность облаков и запах соли...

Море было пустым. Только у берега, куда сбегали кривые узкие улочки, чернели полоски рыбацких лодок, а далеко, у самого горизонта, виднелся одинокий белый парус.

Занудные, скучные и пыльные запахи города сразу исчезли...

Единороги замерли, глядя вперед, — возможно, они никогда еще не видели моря и не знали, какие бывают в мире просторы. Один из единорогов легонько ударил золотым копытом по камню, и из камня вырвался столб искр. Братья тоже не двигались и тоже молча глядели вперед; они были лесными жителями, а в лесу горизонт всегда закрыт деревьями, мир огражден зелеными стенами.

Сзади слышалось дыхание воинов. Но никто не сказал ни слова.

И неизвестно, сколько бы длилась эта сцена, если бы не пронзительный голос Вери-Мери:

— Поклоны, поклоны, мы не можем задерживаться!

— Проклятие! — Левый Крот ударил единственным сапогом в бок единорога, тот недовольно дернул головой, но подчинился и медленно начал спускаться вниз.

Они долго ехали по улицам, кривым и вблизи совсем не таким приятным и веселым, какими казались с верхней площади. Они были пыльными и грязными, там стояла вонь от жаровен, бродили облезлые псы, из-за покосившихся заборов вылезали цепкие колючки кустов, в пыли возились грязные детишки. Море часто пропадало из виду, но присутствие его все равно ощущалось — сейчас откроется за поворотом, сейчас блеснет между кустов.

Минут через десять они выехали на большой плац, окруженный некогда роскошными, а

теперь запущенными и полуразрушенными строениями. На фронте одного из них, над колоннами — пять на месте, шестая рухнула и валяется, рассыпавшись на каменные бочонки, — выбиты слова: «Музей искусств». Перед музеем — деревянные ящики, затянутые с одной стороны решетками. В ящиках скорчились голые люди. К столбу, врытому в землю перед входом в музей, был привязан человек, два других полосовали его бичами, и после каждого удара на спине несчастного вздувалась красная полоса.

— Что там? — спросила Алиса.

— Тюрьма, — ответил Левый Крот равнодушно.

— Тюрьма? А раньше что было?

— Здесь всегда была тюрьма, — откликнулся Вери-Мери, что семенил рядом с единорогом, стараясь не отстать. — Там даже написано: «Тюрьма». — И он показал потной ручкой на надпись: «Музей искусств».

— Кто вам сказал? — спросила Алиса.

— Все знают, — ответил Вери-Мери.

Рыцари свернули к другому, самому большому на той площади дому. И не надо было быть мудрецом, чтобы догадаться, что там когда-то был театр: над широким входом, к которому вела пологая лестница, виднелись полустертые изображения поющих и танцующих фигур.

Сейчас сбоку от лестницы к невысоким столбикам был прибит длинный брус — коновязь, стояли привязанные к нему лошади, одни под попонами, другие с разукрашенными седлами, рядом лежали носилки. Вокруг толпились слуги и воины.

Кроты спрыгнули с единорогов, появление которых вызвало оживление среди челяди и охраны.

Воины Кротов отвязали и положили на землю статую «Читательницы». Вери-Мери осмотрел Алису и остался недоволен.

— Она одета не так, — сказал он.

— Так раздень ее, — отмахнулся Левый Крот.

Кроты волновались, они боялись того, что ждет их, но скрывали страх за грубостью. Кричали на воинов, топали, говорили громко.

Вери-Мери рванул Алису за рукав серенького платица, что дала ей Речка, которое она надела поверх комбинезона.

— Это снимите! — приказал он.

Алиса не выносила, когда ее хватают даже за рукав. Разумеется, старших бить нельзя... Но тут она не выдержала, схватила пигмея за руку, вывернула ее назад и сделала ему подсечку. Пигмей взлетел в воздух и шлепнулся задом о каменную мостовую.

Как он взвыл! Рыцари схватились за мечи, слуги и воины, окружившие их, захохотали. Никто не любил Вери-Мери.

— Убью! — завопил пигмей, поднимаясь и потирая ушибленный копчик.

— Только попробуй! — ответила Алиса.

— Хватит шуметь, — сказал Левый Крот. — Пускай остается как есть. Еще не хватало нам устраивать драки перед дворцом Повелителя.

По лестнице к ним уже спешил какой-то поклон, на лице которого были нарисованы желтые и зеленые круги, в ушах висели тяжелые медные серьги, длинная розовая тога развевалась, как облако.

— Что за шум?! — закричал поклон. — Вы забыли, где находитесь?

— Мой слуга нечаянно упал, — сказал Левый Крот. — Это больше не повторится.

Правый Крот промолчал, но Алиса увидела, как побелели его пальцы, которыми он схватился за рукоять меча.

— Так чего же вы здесь прохлаждаетесь? — сердился вельможа. — Все уже собрались. Как докладывать?

За его спиной стояли два стражника с обнаженными мечами.

— Доложи: Великие и Кровожадные Кроты, бароны леса, — сказал Правый Крот, — прибыли просить защиты, милости Повелителя и принесли с собой дары.

— Кроты? Вам запрещено входить во дворец, — сказал вельможа. — Вы нарушили мир в столице и, предательски напав из-за угла, убили знаменитого и величественного поклона Червяка Самоготолстого.

— Клевета! — воскликнул Левый Крот. — Чье слово против нашего?

— Слово его воинов.

— Слово воинов — грязь и ничтожество перед словом поклонов, — сказал Правый Крот и решительно пошел к лестнице.

— Стойте, ждите! — Вельможа отступал перед рыцарями, которые решительно шагали вверх по ступеням.

— А вы за нами! — обернулся Левый Крот к воинам и Алисе. — Девчонка, статуя — все здесь?

Вельможа повернулся и кинулся внутрь театра.

Стражники, хоть и держали мечи перед собой, медленно отступали, не смея напасть на знаменитых разбойников.

Так они и прошли через холл театра, где сохранились окошки, над которыми было написано «касса», мимо холла с остатками гардероба.

Тут их ждал следующий заслон. Это были воины громадного роста в кольчугах и стальных шлемах. На плече каждого, вцепившись когтями в кожаную подушечку и уставившись желтыми злыми глазами на пришельцев, сидел орел. В руках они держали раздвоенные на концах короткие мечи.

Между воинами стоял длинноносый старик с острой седой бородой, на голове которого возвышалось чучело попугая.

— Остановитесь! — произнес старик. — Вы нарушаете тишину дворца. Нам не нужны разбойники в нашем великом и культурном государстве.

— Мы требуем, — сказал Левый Крот, — чтобы нас провели пред сверкающие очи Радикулита Грозного, нашего господина и покровителя.

— Вы нарушили закон!

— Закон? — сказал Левый Крот. — Закон устанавливают благородные поклоны. Пусть судит нас сам Повелитель.

— Тогда отдайте оружие, — сказал старик, — и вас выслушают.

Братья переглянулись. Они колебались. Но впереди стояли стражи в кольчугах, с орлами на плечах.

— Разрешите нам взять с собой подарки Повелителю? — спросил Левый Крот.

— Подарки всегда разрешается брать, — согласился старик.

Мечи братьев звякнули об пол. Их воины, что несли Белую Даму, тоже положили на пол оружие.

Старик подошел к дверям, над которыми была надпись: «Партер», распахнул их и

воскликнул:

— Рыцари лесного замка, кровожадные зубастые Кроты приползли на брюхе просить милости и прощения Повелителя Радикулита Грозного.

Голос его гулко разносился по зрительному залу.

В ответ послышался гул многочисленных голосов. Затем голоса стихли и послышался низкий хриплый голос:

— Пусть войдут.

Они вошли в зрительный зал.

Давно в нем не играли спектаклей. Давно уже упали, сгнили портьеры, слезла бархатная обивка с кресел, да и кресел почти не осталось. Лишь десятка два, кое-как сбитых и починенных, обтянутых мешковиной, стояли полукругом в пустом и гулком зале. В креслах сидели поклоны.

На сцене стоял великолепный трон, освещенный множеством факелов и свечей. Трон был белый, с высокой спинкой, белыми подлокотниками, сдвигающейся полочкой под рукой, чтобы можно было положить на нее что захочешь... И тут только Алиса сообразила: это же старинное зубоврачебное кресло!

В кресле сидел пожилой мужчина с перебитым носом. Его редкие пегие волосы были собраны в пучок на макушке. Пучок был охвачен узкой золотой полоской с зубцами — короной. Одет мужчина был просто — в кольчугу на голое тело. Лишь на пальцах сверкали перстни. На переносице Повелителя были очки с одним стеклом. Он снял очки, протер стекло, глядя на вошедших, которые растворились в полутьме громадного зрительного зала, снова надел их.

Алиса обратила внимание на то, что на сцене стоит еще и большой шкаф. Где же она его видела? Конечно же, он стоял на плоту, который плыл по реке! И в шкафу ехал знаменитый и великий Столп невежества. Покровитель беспамятства. Главный вкушец Клоп Небесный.

Пока Повелитель манипулировал с очками, дверцы шкафа раскрылись и оттуда выглянул Клоп в синей хламиде, расшитой серебряными звездами.

— Позор! — воскликнул он. Сделал шаг назад, и двери шкафа закрылись вновь.

— Позор! — закричали поклоны, что собрались в зале. Они подпрыгивали в креслах, размахивали кулаками, строили рожи, но, правда, ни один не поднялся с места и не посмел подойти к Кротам, что стояли у дверей зала плечом к плечу, набычившись, нахохлившись, готовые сражаться до конца.

— Не надо, — сказал тихо Радикулит Грозный, — зачем же так! Мы все здесь друзья, мы все настоящие поклоны. Если мы будем ссориться, кто же будет нас бояться, дети мои?

— Они убили Червяка Самогтолстого!

— Знаю и скорблю, — сказал Повелитель, почесывая пучок волос, что торчал над короной. — Тем более что Червяк Самыйтолстый был моим возлюбленным родственником. И потому я строго накажу наших неразумных детей — баронов леса, кровожадных Кротов. Мы решим этот вопрос сейчас же. Подойдите ближе к моему трону, гадкие дети!

Кроты одновременно поклонились и поспешили к сцене.

— Стойте! — приказал им старик с попугаем на голове, когда они подошли близко. И как бы в ответ на его слова из оркестровой ямы поднялся лес копий и верхушки шлемов — оказывается, там затаились воины охраны.

Братья замерли.

Алиса, которая осталась стоять у входа, рядом с двумя воинами, разглядывала зал.

Вместо задника на сцене висели флаги, на каждом был нарисован белый слон. Алиса уже достаточно знала про этот мир, чтобы догадаться, что слон и называется здесь Радикулитом.

По сторонам сцены, незаметные, пока глаза не привыкли к полумраку, стояли две кучки людей. Справа — вкущецы, этих Алиса уже научилась узнавать, слева — мужчины, большей частью пожилые, бородатые, длинные одежды которых были изукрашены геометрическими знаками, словами, буквами, цифрами и непонятными значками. На головах этих людей были высокие черные цилиндры.

За тронном возвышались два гигантского роста телохранителя, на головах которых были странные, чем-то знакомые шлемы — круглые, с кольцом сбоку. В кольца были вставлены пучки перьев. Что же напоминали эти шлемы? И тут Алиса не выдержала и громко засмеялась. Она поняла, что на головах главных телохранителей ночные горшки. С ручками.

— Кто смеется? — спросил Радикулит.

Тут же из темноты к Алисе кинулись два человека в темных одеждах и шапках, к которым были пришиты громадные уши.

Они схватили ее и поволокли к сцене.

— Ну, скорее, что там? — спросил Радикулит.

— Твои наушники-подслушники, великий господин, докладывают! — крикнул один из них. — Это девчонка.

— Зачем здесь девчонка?

— Разрешите сообщить, ваша милость, — сказал Правый Крот. — Разрешите сказать.

— Говорите, мои милые, — ласково произнес Повелитель. — Говорите, мои мальчики.

Всю правду говорите. Ничего не таите.

Люди с пришитыми ушами держали Алису за локти. Не больно, но крепко.

— А зачем вам запасные уши? — тихо спросила Алиса.

Они не ответили, но Повелитель, у которого был изумительный слух, что, как известно, помогло ему пережить сорок четыре заговора и три восстания, ответил за них:

— Это мои наушники-подслушники, слухачи и доносчики. Моя опора и надежда. — Тут же Радикулит поглядел на Кротов. — Говорите, мои кровожадные, — сказал он. — Говорите.

Левый Крот сделал шаг вперед, поклонился и сказал:

— Как было велено, мы сели на корабли и приплыли в столицу по зову нашего Повелителя.

— Хорошо, люблю послушных мальчиков. Говорите, говорите.

— Мы взяли с собой драгоценные и редкие дары, чтобы обрадовать глаза нашего Повелителя.

— Говори, говори.

— В пути, остановившись на ночлег на Длинном острове, мы встретили уважаемого поклона Червяка Самоготолстого. Мы не имели к нему вражды и мирно провели ночь.

— Проверить! — приказал Радикулит, обернувшись к вкущецам.

— Проверено, — ответил один из них. — Это правда.

— Но уважаемый поклон Червяк Самыйтолстый возжелал получить вот эту девочку, на которую вы обратили свое благосклонное внимание, Повелитель.

— Почему? Что в ней особенного?

— Эта девочка — акробатка, она умеет делать такие трюки, которых не знают наши акробаты. Мы сами выучили ее этим трюкам и хотели привезти ее в подарок нашему грозному Повелителю. Разумеется, мы вынуждены были отклонить требование Червяка.

— Любопытно, — сказал Радикулит. — Продолжай, мой мальчик!

— А когда мы спустились на берег в столице, Червяк устроил засаду, чтобы отнять у нас девочку. Мы не нападали на него, но защищались. И в бою подлый Червяк был убит.

Повелитель обернулся к вкущецам. Один из них вышел вперед и наклонил голову. Но сказать ничего не успел, потому что с одного из кресел, что стояли полукругом у сцены, вскочил очень высокий и страшно худой поклон и закричал:

— Я, Червяк Самыйдлинный, требую казни этих ничтожных самозванцев и жалких лесных бродяг за смерть моего возлюбленного брата! Если Червяк из нашего рода требует рабыню, вы должны с благодарностью отдать ему рабыню. Смерть преступникам!

— Я выслушал тебя, мой уважаемый Червяк Самыйдлинный, — сказал ласково Радикулит. — Я полностью разделяю твоё негодование. Я рассмотрю твою просьбу.

Дверь шкафа раскрылась, оттуда выглянул Клоп Небесный и сказал:

— Я разделяю точку зрения Червяка Самогодлинного. Никто не смеет поднять руку на представителя знатного рода.

— Никто! — закричали, перебивая и подогревая друг друга, остальные вельможи, что сидели в креслах.

Тут Левый Крот не выдержал. Он закричал, обращаясь к орущим вельможам:

— У меня нет меча, и я не могу осквернить вашей подлой кровью этот священный дворец. Но когда мы выйдем, я вызываю на честный бой до смерти любого из вас!

Эти слова вызвали новую вспышку негодования.

— Как он смеет! — кричали толстые и тонкие, низенькие и величавые вельможи Крины. — Самозванец! Поклон в первом поколении! Твой отец был простым лесным разбойником.

— Пускай, — отвечал им Левый Крот. — Пускай он был разбойником, но вы от него бегали, как быстроногие трусливые черепахи!

— Ах! — закричали вельможи. — Ах!

Видно, под черепахой имелся в виду какой-то очень позорный для них зверь.

Радикулиту надоели эти крики, он поморщился и поднял руку, давая знак всем замолчать. Никто не замолчал, словно забыли, где находятся. Тогда раздался удар гонга, такой низкий и гулкий, что его звук поглотил остальные звуки в зале.

Вельможи опомнились.

Червяк Самыйдлинный сказал:

— Просим голосования вельмож! Пускай решит голосование.

— Голосование! — закричали остальные вельможи.

— Кто за то, чтобы немедленно казнить Кротов, а их имущество и замок поделить между нами? — спросил Червяк.

Все вельможи, без исключения, подняли обе руки.

— Вот так, поклон Радикулит, — сказал Червяк и сел.

Наступила тишина. И в этой тишине послышался голос Радикулита:

— Мы тут посоветовались с мудрецами, — старики в высоких шапках поклонились, — и со вкущецами, — жрецы поклонились, — и решили: ваше требование законно и обычай должен быть соблюден. Так что вам, мои дорогие мальчишки-кротики, придется погибнуть.

— Мы будем сопротивляться, — сказал Правый Крот.

— Похвально! — ответил Радикулит. — Вы отважные воины.

— Отдай их мне, господин, — выглянул из шкафа Клоп Небесный.

Алисе хотелось спросить, почему этот человек прячется в шкафу, но спросить было не у кого.

— Конечно, считай, что они твои, — ласково ответил Повелитель.

— Я кину их в пропасть Блаженства.

— Разумеется, — согласился Радикулит. — А теперь мы перейдем к насущным делам.

— Как так? — подпрыгнул в кресле Червяк Самыйдлинный. — А казнить? Сначала казнь!

— Погодите, дорогие мои, любезные поклоны, — сказал Радикулит. — Разумеется, мы их казним. Но не сейчас. Не в день, когда мы выходим в великий и исторический поход. И в этом походе кровожадные Кроты нам очень и очень понадобятся. С их знанием леса, с их умением сражаться! Нет, пускай они погибнут в бою, в первых рядах, пускай они искупят свое преступление кровью на пользу общего дела. А если они случайно останутся живы, мы их уьем сразу после окончания победоносного похода. Разве я не мудро решил?

— Мудро, — криво усмехнулся Червяк. Конечно, он не был согласен с Радикулитом, но, если будешь возражать, получается, что ты выступаешь против общего дела. Поэтому Червяк некоторое время мялся, словно искал убедительные слова, потом махнул худой лапкой и плюхнулся в кресло.

— А пока что, — сказал Радикулит, — покажите мне, что вы там принесли мне в подарок. А то, когда погибнете, некому будет приносить мне подарки.

И многие в зале захлопали в ладоши, поражаясь мудрости Повелителя.

— Во-первых, мы нашли в лесу и отобрали у пигмеев их главную святыню, за которой тщетно охотятся многие славные мужи, — сказал Левый Крот.

Он махнул рукой. Воины вытащили на сцену мраморную статую и поставили ее. Правый Крот подозвал к себе Алису и тоже вывел ее на сцену.

Радикулит спросил:

— А это акробатка?

— Замечательная акробатка, — сказал Правый Крот, — специально выдрессированная лесными мудрецами и волшебниками, чтобы услаждать ваши глаза, милостивый Повелитель.

— Покажи, — сказал Радикулит Алисе.

— Что показать? — спросила Алиса.

— Что ты умеешь.

Алиса пожала плечами. Лживый и сладкий Радикулит ей не понравился. Впрочем, Алиса чувствовала, что и она Повелителю пришлась не по душе. Так что неприязнь была взаимной.

— Девчонка! — зарычал Правый Крот. — Показывай все, что ты умеешь.

— В ином случае, — улыбнулся Радикулит, — не поздно еще пересмотреть приговор. Почему мы должны откладывать казнь братьев Кротов? Может, сделаем это сейчас? Повеселим наших слуг?

— Конечно! И скорее! — закричали вельможи.

— Если ты думаешь, девчонка, — сказал из зала Левый Крот, — что, когда нас казнят, ты останешься живой, ты ошибаешься. Я всегда успею отрубить твою упрямую голову.

Алиса поняла, что он не шутит. Но одно дело — крутить сальто на берегу вместе с Пашкой, когда это тебе хочется, другое — здесь, на голой пыльной сцене, под взглядами напыщенных индюков. Но что поделаешь?

Алиса разбежалась и сделала сальто. Вышла из сальто в стойку и прошлась немного на руках. Что еще им показать? Она перевернулась, сделала ласточку, потом шпагат и снова сальто.

— И это все? — спросил Радикулит разочарованно.

— Почти все, — ответила Алиса.

— И из-за этого Червяк напал на вас?

— Из-за этого, — сказал Правый Крот.

Повелитель посмотрел на своего советника — старика с чучелом попугая на голове.

— Конечно, это редкий дар, — сказал старик. — Но скорее он подходит для ярмарки, чем для Повелительского дворца.

— И я так думаю, — сказал Радикулит. — Пускай она подождет нашего решения.

— Отдай девочку мне. — Голова Клопа высунулась из шкафа. — Мне она нравится.

— Я сказал — подождем. Есть еще второй подарок.

Один из охранников подошел к Алисе и довольно чувствительно толкнул ее.

— Отойди, не слышала, что ли?

Алиса не стала спорить. Чем дальше от негодяев, тем безопаснее.

— Так, — сказал Радикулит. — А это Белая Дама?

— Так точно, ваша милость, — сказал Правый Крот.

— Таинственная Белая Господинка, богиня пигмеев?

— Она самая.

Радикулит поднялся с зубоврачебного трона, и оказалось, что одно плечо у него выше другого и притом он хромот.

— А что у нее в руках? — спросил он подозрительно.

— Не можем знать, — ответил Правый Крот.

— Мудрецы, — приказал Радикулит, — выскажите свое высокое мнение.

Мудрецы в высоких цилиндрах тут же окружили статую, начали водить по ней пальцами, щелкать, стучать, двое встали на колени и стали вслух, споря из-за каждой буквы, стараться прочесть слово «Читательница» на пьедестале.

— Скорее, дорогие, — торопил Радикулит, — отвечайте. Нам еще многое надо обсудить. Если вы, мои голубчики, будете так долго разгадывать эту простую загадку, придется передать вас в руки вкушечцов забвения.

Мудрецы засуетились, сдвинулись в кружок, так что цилиндры касались друг дружки, пошептались, и главный мудрец с длинной, до пояса, раздвоенной бородой сказал:

— Как сказало нам великое знание, учениками и слугами которого мы, господин, являемся, эта Белая Дама, давно потерянная и наконец-то возвращенная, в подлинности которой мы не сомневаемся, держит в руке священный кирпич, который, по преданию, она заложила в основание храма.

— Но, с другой стороны, — сказал второй мудрец, невежливо отталкивая в сторону своего коллегу, — есть версия, не менее достойная доверия, и она заключается в том, что Белая Дама держит в руках коробку с конфетами.

Алиса снова хихикнула.

— Девочка, у тебя есть своя версия? — ласково спросил Радикулит. — Ты, по-моему,

слишком умная.

— У нее в руках книга, — сказала Алиса. — Что же, ваши мудрецы книг не видели?

— Что? Что она говорит, богохульница! — закричал, распахнув дверь шкафа, вкушеч Клоп Небесный. — Богиня никогда не падет так низко, чтобы взять в руки это проклятие прошлого — книгу!

— Девочка очень глупа! — сказал главный мудрец.

— А что за буквы у ног этой Белой Дамы? — ласково спросил Радикулит.

— Мы их расшифровали, — сказал белобородый мудрец. — Они означают: «Успокоение».

— Есть другая версия, — сразу же вылез вперед второй мудрец — видно, вечный соперник первого. — Там написано: «Слава Радикулиту, мудрейшему Повелителю».

— Странно, — сказал Радикулит, — неужели богиня знала о том, что я приду править этим миром, надпись-то кажется старой. А ты что скажешь, акробатка?

— Там написано: «Читательница», — сказала Алиса. — Наверное, эта статуя когда-то стояла в библиотеке, поэтому девушка читает книгу.

— Какой ужас! — воскликнули мудрецы. — Она хочет сказать, что женщина могла читать! Таких девочек надо жечь на костре!

— Почему женщина? — спохватилась Алиса, которая перехватила горящий злобой взгляд Клопа из двери шкафа. — Вы же сами говорите, что это богиня. А богиням все можно. И читать тоже.

— Богине можно и читать, — проскрипел Клоп. — Но вот рабыне-акробатке читать не положено.

— Ты в самом деле умеешь читать, мое сокровище? — спросил Радикулит. И в его голосе было столько сладости и столько угрозы, что Алиса почувствовала, как над ее головой повис топор.

— Нет, — сказала Алиса. — Зачем мне читать! Мне так показалось.

— Вижу, что показалось. Ты лживая девчонка, и мне хотелось бы узнать, чем ты околдовала этих глупых лесных разбойников.

— Я не колдовала. Я прыгала, — сказала Алиса.

— А прыгаешь ты слишком ловко, — сказал Радикулит.

— Отдай ее мне, Повелитель, — проскрипел из шкафа Клоп Небесный. — Я из нее быстро выпытаю правду.

— Это все куда серьезнее, чем вам кажется, — произнес Радикулит, глядя на Алису в упор кошачьими желтыми глазами. — Иди, девочка, подожди, пока дяди и тети будут говорить о своих скучных делах. Потом мы решим твою судьбу.

— Куда идти? — спросила Алиса.

— Тебе покажут, — ответил Радикулит и кивнул старику-советнику.

Тот подозвал пальцем одного из подслушников с привязанными к шапке ушами и что-то тихо приказал ему. Алиса уловила лишь последние слова: «Отвечаешь головой!»

Подслушник цепко схватил Алису за руку и утащил за сцену, в пыльные, темные проходы между ржавых колес и свисающих сверху тряпок. Когда они остались одни, он больно ущипнул ее.

— За что? — спросила Алиса.

— Чтобы знала, где ты. От нас еще никто не уходил живым, — сказал подслушник.

— А я и не убегаю, — сказала Алиса.

Рядом мелькали черные ушастые тени — подслушники охраняли заседание поклонов.

— Иди. — Подслушник толкнул Алису, она споткнулась.

— Ой! — сказала она. — Ногу подвернула.

Алиса села на пол и подумала: «А что он теперь будет делать?»

— Ты где? — спросил подслушник.

— Здесь. Ой, ногу больно!

— Иди!

Подслушник принялся бить Алису ногами, но в темноте не мог попасть, сердился и ругался. Этого Алисе и надо было. Она схватила его за поднятую ногу и так рванула, что он с писком полетел на пол.

Алиса поднялась, сорвала с его пояса веревку, быстро скрутила ему руки. Чем бы заткнуть рот? Ага, у нее же есть платок. Жалко, конечно, платок, мама вышивала, но для хорошего дела и платком можно пожертвовать. Алиса заткнула хрипящему подслушнику рот платком и, подхватив его под мышки, потащила в сторону от прохода.

И вовремя — зашуршали, зашлепали шаги: со сцены уходили вкущецы и мудрецы. Два подслушника гнали их.

— Скорее, — торопили они. — Давайте отсюда! Нечего вам слушать, о чем разговаривают великие.

Алиса засунула мычащего подслушника за кучу сломанных и сгнивших декораций и сняла с него шапку с ушами.

Шапку она надела себе на голову, потому что уже поняла, что в этой темноте видны только силуэты. А силуэт человека с громадными ушами не вызовет никаких подозрений.

Затем она проскользнула обратно к сцене и остановилась за дырявым задником. Так что теперь она отлично слышала и видела все, что происходило в зале.

Глава 18. Бегство

— Все? — раздался голос Радикулита. — Лишних нет? Тогда перейдем к делу. Как вы знаете, мы решили пойти большим походом на лесное логово помников. Давно пора их уничтожить. Для объяснений слово предоставляется его Высокому невежеству Клопу Небесному.

Послышался скрип двери шкафа.

— Вылезай, голубчик, вылезай, — сказал Радикулит. — Мы все знаем, как ты трясешься за свою драгоценную жизнь. И понимаем, что у тебя есть на то основания — слишком много людей в мире мечтают, чтобы ты поскорей встретился со смертью.

Послышался смех поклонов, которые, видно, не любили Главного вкущеца.

Снова раздался скрип — Клоп все же вылез на сцену.

— Смертельная опасность нависла над нашим миром! — возопил он. — Грядет гибель, грядет разорение! Вы думаете, что я сижу в шкафу, потому что труслив? Нет, я отважен. Я первым в молодости поднялся на стены замка кальдонских бунтовщиков, я вступил в бой с драконом Кори, я не побоялся выйти к оборванцам в год малой смуты. Но сейчас я трепещу!

Вкущец закашлялся, и слышно было, как эхо прокатывает его кашель по гулкому пространству театрального зала.

— Если мы не ударим сегодня и не выжжем священным огнем Убежище помников, нам не жить. И погибнет наш славный мир, мир, в котором все довольны, все забывчивы и

спокойны. Помники подняли руку на самое святое, что у нас есть, — на детей!

— Смерть помникам! — раздался крик Правого Крота.

— Людоеды! — раздался крик толстой поклонки, которую Алиса видела на реке. — Они пожирают наших крошек!

— Ты права, Коси-косиножка, — согласился Клоп. — Они их пожирают. Но раз уж здесь только свои, я открою вам страшную тайну, которая должна умереть в этих стенах! На самом деле они их не едят. Они их учат читать.

Наступила такая тишина, что у Алисы зазвенело в ушах.

— Читать? — спросил кто-то тихо.

— Читать и писать.

— Но этого не может быть!

— Это и есть их главная цель. Они крадут счастливых, ничего не знающих, живущих в мирном неведении крошек, утаскивают их в свой вертеп и там превращают их в новых помников. Дети уже никогда не вернуться к нам. Они уже не дети, они страшные оборотни.

— Зачем читать? — послышался голос из зала. Спрашивал горбун Таракан. — Зачем читать? Для этого есть мудрецы.

— Сегодня читают сотни помников, завтра их будут тысячи!

— Смерть помникам! — крикнул Червяк Самыйдлинный.

— Смерть! — раздалась крики поклонов.

— Тишина! — оборвал крики Радикулит. — Слушайте мой приказ. Поход, запланированный на послезавтра, переносится на завтра. На рассвете мы выступаем.

— Как так? — воскликнула поклонка Коси-косиножка. — Мы совсем не отдохнули с дороги.

— Помники уже пронюхали, — продолжал Радикулит, — когда мы выступаем. И будут готовы отразить наше наступление. Мы не знаем, на какие коварные хитрости они пойдут.

— Как же они об этом узнали? — спросил горбун Таракан.

— Наивный, — сказал Клоп Небесный. — Разве тебе не понятно? Помники воспитали оборотней, которые умеют читать и готовы свергнуть справедливую власть благородного невежества. Они уже среди нас. Они таятся, они ходят по улицам, они делают вид, что они такие же, как и мы с вами. И они подслушивают, вынюхивают, доносят своим господам... Вот поэтому и переносится поход на завтра.

— А что же твои подслушники и подглядчики, Повелитель? За что они едят хлеб с маслом? — спросила Коси-косиножка.

— Можно увидеть и услышать то, что говорится, — ответил Радикулит. — Но даже мои люди не могут заглянуть в душу каждого из оборотней.

— Но как их отличить? — спросил Червяк Самыйдлинный. — Я их никогда не видел!

— Только мой пронзительный взгляд может проникнуть в душу оборотня, — сказал Радикулит. — И сейчас я вам покажу одного из них.

— Ой, а это не опасно? — ахнула Коси-косиножка.

— Пойманные, они не опасны. Они опасны неузнанные, — сказал Клоп Небесный.

— Голубчики Кроты, — сказал сладким голосом Радикулит, — ответьте мне, только честно, как родному папочке, где вы нашли эту девчонку-акробатку? Ведь вы не учили ее прыгать и кувыркаться. Вы случайно узнали об этом?

— Случайно, — признался Правый Крот. — Мы отбили ее у пигмеев. В лесу.

— В лесу! — сказал Радикулит. — Именно в лесу! Я так и думал. Что же она сказала

вам, мои наивные и глупые рыцари?

— Она сказала, что она поклонка из дальних мест, их корабль утонул, и она заблудилась в лесу.

— И вы поверили, глупенькие!

— А кто еще мог быть в лесу?

— А если она помник?

— Нет, — сказал Левый Крот. — Помника я за сто шагов узнаю. Не помник она. И одета не по-нашему. А помники одеты по-нашему.

— Ах, какое умное рассуждение! — пропел Радикулит. — Значит, если ты видишь крота в кошачьей шкуре, то ты думаешь — это кошка. Знаете ли вы, что привели в мой дворец подглядчицу помников, оборотня?

Послышались возмущенные крики поклонов.

«Пора бежать», — подумала Алиса.

— Нет, — сказал Правый Крот. — Быть того не может.

— А мой пронизательный взгляд заметил то, к чему вы были слепы. Она прочла написанное у ног статуи!

— Но ведь мудрецы прочли это слово иначе, — сказал горбун.

— А вы им верите? Вы верите этим выжившим из ума старикашкам, которые скажут что угодно, только чтобы подольститься ко мне? Нет, я уверен, что правильно это слово прочла именно та девчонка. Она — оборотень. Она — подглядчица помников. И сейчас на глазах у вас мы будем пытаться ее и мучить до тех пор, пока она не сознается в своем ужасном преступлении. Приведите ее!

Старик с попугаем на голове хлопнул в ладоши.

— Подслушники! — крикнул он. — Привести акробатку.

И тогда Алиса поняла, что через минуту здесь начнется такая катавасия, что убежать будет невозможно. И она быстро пошла прочь, спустилась по железной лесенке со сцены и оказалась в неосвещенном коридоре. Навстречу ей бежали два подслушника.

— Не видел акробатку? — крикнул один из них на бегу.

— Ищу, — ответила Алиса, стараясь не ускорять шагов.

Затем она оказалась в каком-то служебном помещении, здесь уже было светлее. Мимо протопали, не замечая ее, несколько стражников. Из зала доносился гул голосов.

— Эй! — раздался крик сзади. — Стой! Ты куда? Туда нельзя.

Перед Алисой была полуоткрытая дверь. Она толкнула ее и оказалась в большой комнате, где была устроена спальня. Громадная кровать под пышным, но рваным и пыльным балдахинном была не убрана, на полу валялись подушки, через окно, затянутое выцветшей бархатной занавеской, пробивался луч света.

Женщина в длинном зеленом платье, которая убирала со столика грязные чашки и тарелки, закричала:

— Ты куда, проклятый подслушник! Это же спальня Повелителя!

Но Алиса, не обращая внимания на крик, рванулась к окну. По дороге она опрокинула сундучок, стоявший у кровати. Из сундучка посыпались ветхие, потрепанные книги. «Ага, — успела подумать Алиса. — Все вы лжецы! Конечно же, здешний Повелитель умеет читать!»

Уборщица погналась за Алисой, в дверь вбежал стражник, но Алиса уже откинула занавеску и глянула вниз: метрах в трех от окна — дно театрального двора, заставленного развалившимися декорациями. Алиса смело прыгнула вниз, нырнула за декорацию. И тут же

фанерная стенка вздрогнула: в нее вонзилась стрела.

Алиса пробежала узким проходом между стеной театра и какими-то развалинами, перебралась через груды битого кирпича и остановилась. Прямо перед ней была улица. По улице ходили люди, совсем рядом ехала телега, запряженная парой быков. На телеге были навалены вязанки хвороста, а возчик шел по ту сторону телеги, лениво понукая быков.

Алиса медленно шла за телегой, стараясь восстановить дыхание.

Но никто ее не преследовал. Видно, стражники потеряли ее из виду.

Улица была узкой, кое-где в старых домах и между ними разместились лавочки и мастерские. Люди, что шли по улице, были одеты не то чтобы бедно, но как-то неопрятно и скудно.

«Что теперь делать? — спросила сама себя Алиса. — Надо как можно скорее отыскать Ручейку и сообщить ему, что поход перенесли на завтра. Но как искать его в этом совершенно незнакомом Городе? Эврика! Надо найти невольничий рынок, там Ирия и Белка. У кого спросить? Так, чтобы не вызвать подозрения?»

Алиса увидела пожилую женщину, которая вела за руку худенькую, заморенную девочку, а в другой руке несла мешок.

Алиса догнала женщину.

— Простите, — сказала она, — вы не подскажете, как пройти на рынок, где продают рабов?

Круглое доброе лицо женщины исказилось страхом. Она бросила мешок. Девочка заплакала.

— Я ничего не знаю, — запричитала она, — я ничего не помню, я ни в чем не виновата!

— Я вас ни в чем не обвиняю, — сказала Алиса, удивившись тому, что ее испугались. — Я только хотела спросить...

Но женщина, подхватив девочку, уже мчалась прочь.

Алиса оглянулась. И поняла, что улица вокруг опустела. Дверь в лавку, где торговали сандалиями и сапогами, захлопнулась, нищий, что сидел у стены, пополз в проход между домами, кучка мужчин, которые обсуждали что-то интересное, рассеялась.

«Почему они меня боятся?» — подумала Алиса.

Высокий согбенный человек брел по улице ей навстречу. Он нес на плече несколько тонких досок и глядел себе под ноги.

— Простите, — сказала Алиса, — скажите, пожалуйста, как пройти на рынок?

— На рынок, говоришь? — Человек поднял руку, чтобы показать направление, но тут взглядом уперся в лицо Алисы, и у него от ужаса расширились глаза. — Я ни в чем не виноват! Я ничего не говорил! — закричал он и, бросив доски, побежал по улице, высоко поднимая колени.

«Что-то со мной неладно!» Алиса провела руками по груди и бокам. Серое платье, которое дала ей Речка, скрывает комбинезон. Башмаки уже такие грязные, что никто не догадается, что они сделаны на Земле... И тут пальцы Алисы натолкнулись на мягкие полотнища, болтающиеся у щек. Что такое? Алиса не сразу сообразила, что на ней шапка с громадными ушами подслушника. Вот за кого ее приняли! Алиса даже улыбнулась — это еще не самое страшное. Зато она узнала полезную для себя вещь: в этом счастливом государстве, где никто ничего не помнит и все довольны, прохожие смертельно боятся подслушников.

Алиса сняла ушастую шапку и хотела выкинуть ее, но потом передумала. Уши еще

могут пригодиться. Она свернула шапку в трубочку и быстро пошла прочь, держа ее в руке.

На следующей улице Алиса встретила мальчишку и уже спокойно задала ему вопрос о рынке рабов.

— Глупая ты, что ли? — спросил мальчишка. — Или нездешняя?

— Я с моим поклоном приехала. Мы вверху по реке живем, — сказала Алиса.

— На помников в поход собрались? — сказал мальчишка. — Только ничего у вас из этого не выйдет.

— Скажи, где рынок, мне некогда.

— Иди прямо, до большой площади, потом свернешь к морю. Там и рынок. Найдешь.

Глава 19. Невольничий рынок

Рынок занимал бывший стадион. На вытоптанном пыльном поле стояли шатры и палатки, хижины и навесы. Здесь торговали всякой живностью — от кур и коз до людей.

Алиса боялась, что опоздала и рабов уже распродали. Но еще издали она увидела, что густая толпа окружила высокий помост, на котором стоит кучка понурых пигмеев, а рядом с ними два воина с волчьими мордами на головах.

Алиса протолкалась поближе к возвышению.

Сбоку на помост взобрался Вери-Мери. Он был роскошно одет в расшитую цветами тогу, в руке держал позолоченный посох. И, впервые увидев пигмея снизу, Алиса заметила, что из-под тоги торчат каблуки — деревянные столбики, приделанные к его сандалиям. Столбики были сантиметров по десять. Значит, на самом деле, поняла Алиса, он и среди пигмеев карлик.

Вери-Мери стукнул посохом о доски настила и объявил:

— Целое племя послушных, безропотных пигмеев. За бесценок вы купите себе полон дом слуг, куда более надежных, чем городские рабы.

— Они только и норовят в лес убежать! — раздался голос из толпы.

— А вы их привяжите, — ответил Вери-Мери. — А если на кухне, то и приковать можно. И кормить их недорого. Жрут в два раза меньше нормального человека.

— И ты тоже? — послышался из толпы другой голос.

Вери-Мери не обратил внимания на издевательский вопрос. Он крикнул:

— По большой монете за каждого пигмея! Всего по большой монете! Это почти даром!

— По монете, еще чего не хватало! — крикнул оборванец, стоявший рядом с Алисой. —

Они дохнут как мухи.

Вери-Мери посмотрел вправо. Алиса, встав на цыпочки, увидела, что там, у самого помоста, стоят несколько человек, одетых побогаче прочих.

— По одной монете, — повторил Вери-Мери. — Кто больше?

— Даю по монете за мужчин, — послышался голос справа.

— Две монеты, — толстяк в синей тоге поднял два пальца.

«Где же Ирия?» — Алиса постаралась еще поближе пробиться к помосту, но ближе второго ряда лезть не стала — не хотела, чтобы ее заметил Вери-Мери или воин Сук.

— Две монеты, кто больше? — кричал Вери-Мери. — За идеальных слуг, за послушных рабов. Их можно бить, над ними можно издеваться, они слова в ответ не скажут!

Могучий мужчина, обросший светлой шевелюрой и густой бородой так, что на лице осталось место только для кончика курносого носа и голубых глаз, поднял три пальца.

— Три монеты, кто больше?

Никто не поднимал цену.

Торг был окончен. Вери-Мери дал знак воину Суку, тот начал по одному подгонять перепуганных пигмеев к краю помоста, бородач принимал каждого из них, отсчитывал три монеты и ждал следующего.

«Зачем такая длинная процедура? — подумала Алиса. — Ну подсчитал бы всех, сложил...» — И тут она вспомнила, что на Крине умеют считать только до десяти — сколько пальцев на руках. А уж складывать и вычитать никто не умеет.

— Следующая партия! — закричал Вери-Мери. — Знаменитая красавица дальних стран! Сам бы ее купил, но не хватит денег!

По ту сторону помоста засуетились воины, Алиса видела, как покачиваются волчьи головы. Потом над ними поднялась золотая встрепанная голова Ирии. И вот она всходит на возвышение, спокойная, гордая, словно ее ведут не в рабство, а на трон. Ирия подобрала тяжелые железные цепи и выпрямилась.

По толпе прошел вздох удивления.

— Чего заковали? — раздался голос из толпы. — Может, она ведьма? Или психованная?

— Ни в коем случае! — ответил Вери-Мери. — Она здоровая и сильная. Она годится по хозяйству или в жены богатому человеку. А закована она, потому что еще дикая, неприрученная. Пять золотых монет — это гроши за такую драгоценную покупку.

И Вери-Мери поднял вверх руку с растопыренными пальцами.

Первым откликнулся изысканный, завитой, с подведенными бровями щеголь.

— Рука и палец! — крикнул он.

— Она тебя искушает! — крикнули из толпы.

«Какие странные люди, — подумала Алиса, — это для них развлечение. Как в театр пришли».

Ирия, обводя взором толпу, увидела Алису. Она чуть улыбнулась. Алиса приподняла ладонь. Ирия отвернулась — боялась подвести девочку. А у Алисы сразу исправилось настроение: «Теперь Ирия знает, что я здесь, теперь мы вместе!»

— Рука и палец — один! — крикнул Вери-Мери.

— Рука и два пальца! — отозвался молодой воин в высоком шлеме.

— Рука и два пальца. Кто больше? — воскликнул Вери-Мери. — Неужели эта прекрасная работница, эта женщина, которая будет работать на кухне за десятерых, не стоит двух рук?

— Рука и три пальца! — сказал щеголь.

В толпе шумели. Торг покупателей всех увлек.

И тогда бородач с голубыми глазами, который уже купил пигмеев, сказал высоким голосом, что так не вязался с его могучим обликом:

— Две руки!

— О-о-ох! — прокатилось по толпе. Видно, это была высокая цена.

Молодой воин достал кошель, висевший у него на поясе, и пересчитал монеты.

— Две руки и одна! — крикнул он.

Вери-Мери обернулся к щеголю:

— Что скажешь, торговец благовониями?

— Она не стоит и одной руки, — огрызнулся тот.

— Две руки и две монеты, — сказал громко бородач.

— Проклятие! — Воин повернулся и начал проталкиваться сквозь толпу, чтобы поскорее уйти.

— Возьми свою покупку, — сказал Вери-Мери. — Ты не пожалеешь. Ты купил за бесценок лучшую женщину в государстве. Только не советую пока снимать с нее цепи. За них с тебя дополнительно половина монеты.

Алисе бородач понравился. Ей очень хотелось надеяться, что его подослал Ручеек.

— За цепи я тебе платить не буду, — сказал бородач. — Можешь их оставить себе. Я умею укрощать строптивых рабынь. Но могу дать тебе монету за оставшихся пигмеек. Там только женщины и детеныши. За них тебе никто ничего не заплатит.

— Как так не заплатит? — возмутился Вери-Мери. — Из детенышей вырастут замечательные ручные забывчивые рабы. А женщины нужны в хозяйстве. Я отдам тебе их за руку монет.

— Две монеты и цепь.

Сторговались на трех монетах.

Бородач поднялся на помост, взял у воина Сука ключ от цепей и освободил Ирию. Алисе было видно, какие темные полосы остались от цепей у нее на запястьях. Бедненькая, как она все это терпела! Ирия сошла с помоста следом за бородачом, осторожно растирая руки.

Алиса услышала, как бородач спросил:

— Больно или онемели?

— Онемели.

— Дома у меня травы есть, — сказал бородач. — Потерпи.

Из-за помоста воины вытолкали женщин и детей пигмеев. Они жались друг к дружке, плакали.

Вери-Мери стоял и пересчитывал деньги. Алиса заметила, что он считает по десятку, загибая пальцы. Насчитал десять, половину кинул в кошель. Потом оглянулся, не смотрит ли кто-нибудь на него, и пять монет ссыпал в карман.

Пигмейки увидели своих мужей и кинулись к ним. Видно, уж не надеялись, что когда-нибудь с ними встретятся. Шум поднялся такой, что перекрыл гул толпы, которая отваливалась от помоста, растекалась по полю стадиона, стремилась к трибунам, где расположились торговцы пирожками, требухой и фруктовой водой.

Крики пигмеев не понравились Вери-Мери.

— Эй, борода! — крикнул он. — Уводи их поскорей!

— Не твое дело! — ответил бородач.

Наконец-то Алиса увидела и Белку. Белка вырвалась из толпы пигмеев и кинулась к Ирии.

— Ирия, я так боялась! — бормотала она, обнимая ее.

— Отойди! Молчи! — сказала Ирия.

Алиса не слышала этих слов, а угадала по движению губ.

Но было поздно. Алиса заметила, как насторожился Вери-Мери. Он тоже увидел, как Белка обнимает Ирию.

Бородач прикрикнул на своих новых рабов:

— Пошли, пошли, нечего тут кудахтать!

Широко расставив руки, он погнал их перед собой.

— Эй! — крикнул вслед Вери-Мери. Он сделал движение вперед, начал было спускаться с помоста. Потом передумал и, приставив ладошку ко лбу, стал приглядываться к Белке, что семенила рядом с Ирией.

Тут к нему подошел воин Сук и спросил:

— Где деньги для господ?

— Сам отдам, — ответил Вери-Мери.

Он сбежал с помоста и исчез в толпе.

Алиса настигла бородача и Ирию у прохода под трибуной. Там был фонтанчик с водой. Пигмеи окружили его и жадно пили. Бородач торопил их.

— Пошли, дома напьемся, наедемся, — говорил он. — Потерпите немного.

Голос у него был добрый.

Алиса не стала подходить близко к Ирии. Рано еще. Нужна осторожность. Ведь ее, Алису, ищут по всему городу подслушники и воины Радикулита. К тому же ее беспокоил хитрый Вери-Мери: а вдруг он узнал Белку?

Толпа рабов с бородачом во главе вышла на улицу и направилась в гору. Алиса не спешила их догонять. Она остановилась за углом и посмотрела назад: не бежит ли Вери-Мери? Нет, никого. У ворот стадиона снуют люди, ржут кони, мычат коровы, плачут рабы, но никто не идет за бородачом.

Толпа рабов шла медленно, бородач лениво покрикивал на пигмеев. Белка совсем осмелела, она держала Ирию за руку и безостановочно болтала. С крутого поворота Алиса посмотрела назад — наступал вечер, море стало густо-синим, а небо выцвело, и по нему ползли золотистые облака.

Минут через десять бородач остановился перед высоким каменным забором. В нем была деревянная дверца.

Глава 20. В осаде

Пашка пронесся по коридору, выскочил в детскую спальню, опрокинул кровать, выбежал в столовую... Вот и комната, где, прижавшись к стене, отбиваясь здоровым крылом, несчастная Альта пытается отпугнуть еще одного медведя, который пролез сквозь разбитое окно и, поднявшись на короткие лапы, медленно идет к птице.

— Не выйдет! — закричал Пашка.

Выставив вперед ножницы, как кинжал, он бросился на медведя.

И тот, хоть был куда больше и сильнее Пашки, от неожиданности закрыл морду лапами и задом наперед вывалился из комнаты.

— Он ничего не сделал? — спросил Пашка птицу.

— Я думала, что ты убежал, — сказала Альта.

— Ну как не стыдно!

— Тогда беги. Спрячься где-нибудь. Пережди. Меня тебе не спасти.

Медведь вернулся к оконному проему и заглянул внутрь. Желтые глазки его яростно горели. Он рычал низким басом.

Пашка подобрал с пола камень и кинул в медведя. Медведь, обиженно взревев, исчез.

— А теперь, — сказал Пашка, — мы отступим. Я знаю, где спрятаться. Вы можете идти?

— Я постараюсь, — сказала птица. — Только это лишнее. Не думай обо мне.

— Молчите, вы и так ослабели, — сказал Пашка.

Птица поднялась на ноги и поплелась к двери в столовую. Пашка шел сзади, сжимая в одной руке ножницы, в другой — увесистый камень. Увидев, что добыча уходит, медведь снова полез в окно.

Но его возможные жертвы уже были в другой комнате.

Когда Пашка решил, что они без помех доберутся до кухни в подвале, еще один медведь преградил им дорогу. Птица от страха присела и замерла.

Пашка кинул камень. Медведь даже не обратил внимания, он был крупнее и злее первого.

Пашка оглянулся. Никакого оружия! А ножницы не помогут: пока дотянешься ими до шкуры зверя, он тебя разорвет.

Но Пашка не сдавался.

— Стойте! — крикнул он птице и поднял детскую кровать — к счастью, она оказалась крепкой и не развалилась. Пашке было тяжело, но он закрылся кроватью как щитом, выставив вперед ее ножки.

Такого медведь не ожидал. Прежде чем железное четырехное чудовище набросилось на него, он ретировался. Дорога в подвал была открыта.

Пашка подождал, пока Альта спустится в подвал. Затем перекрыл дверь кроватью, подтащил к ней кухонный стол и тоже привалил к дверному проему.

За дверью ворчал медведь, стараясь сообразить, как преодолеть это препятствие.

— Полежите, вам надо отдохнуть, — сказал Пашка птице, переводя дыхание.

— Ты отважный рыцарь, — сказала птица. — Если мы когда-нибудь выберемся отсюда, я расскажу всем о твоём мужестве.

— Вот это лишнее, — ответил Пашка, хотя ему, честно говоря, было приятно слышать похвалу.

Медвежья морда показалась в окошке под потолком подвала. К счастью, окошко было невелико и медведь мог только облизываться, глядя на птицу.

— Так сидеть бессмысленно, — сказал Пашка. — Сколько мы продержимся?

— Нас ищут, — сказала птица. — Наши никогда не оставят нас в беде... Но они не знают, где искать, они думают, что мы погибли в лесу.

— Значит, надо дать им знать, — сказал Пашка.

— А как?

— Надо разжечь большой костер, — сказал Пашка. — Так, чтобы ваши друзья увидели этот сигнал.

— А как зажечь костер? — спросила птица. — И где?

— Не знаю, — отмахнулся Пашка. — Главное — принять решение. Как его выполнить — дело второе.

— Ты мудрый, — согласилась птица. — Считаю, что мы приняли решение. Что дальше?

— Дальше надо думать, — сказал Пашка, расхаживая по комнате.

Он остановился у окошка и погрозил медведю кулаком. Медведь взревел, стараясь протиснуться в узкое отверстие. Пашка кинул в него кастрюлю. Медведь взревел еще громче. Кастрюля грохнулась на пол и покатила между столов.

— Как зажигают огонь? — рассуждал Пашка вслух. — Для этого добывают спички. Спичек я не вижу, и вряд ли они сохранились. Можно достать кремень и трут. Я их тоже не вижу. Можно достать увеличительное стекло. Где его достать? Видел! Там же стоит

микроскоп! Если вынуть из него увеличительное стекло, потом разложить костер...

— Но где этот микроскоп? — спросила птица.

— Он там, наверху.

— Но наверху звери.

— Правильно. Они скоро уйдут.

— Не знаю. Может быть, и не уйдут, — сказала птица.

Настроение у Пашки чуть упало. Нелегко будет добраться до медпункта, разобрать микроскоп, сложить костер, зажечь его... но все-таки положение уже не безнадежно.

Рассуждая так, Пашка не переставал исследовать кухню. И его труды не пропали даром. За грудой ржавых кастрюль, битых тарелок, ящиков с консервными банками, за жестянками со сгнившими специями он заметил небольшую дверь.

«Склад» — было написано на ней.

Пашка начал отваливать мусор, чтобы проникнуть туда. Ведь на складах случаются интересные находки.

Большой паук отпрыгнул в сторону, когда Пашка потащил какой-то мешок, но Пашка не испугался — некогда было.

Дверь на склад открылась с большим трудом. Там было темно. Стояли какие-то ящики. Пашка ножницами открыл первый из них — труха. Второй — какая-то ссохшаяся грязь. Он перемазался, закашлялся от пыли. Ничего на этом складе нет. Вот груда простыней, их лучше не трогать — все равно рассыплется. Вот ящик с резиновыми мячиками... Вот ящик с какими-то длинными круглыми цилиндрами. Поверх них лежит загнутая с одной стороны трубка.

— Пашка! — раздался крик Альты. — Он здесь!

Пашка сразу бросился обратно.

И точно, один из медведей все-таки свалил кровать и лез в подвал.

Пашка бросился обратно, выволок ящик с тяжелыми пластиковыми мячами и принялся метать их в хищника. Тот опять отступил.

Пашка потащил к двери плиту. Он чуть не надорвался, тем более что медведь навалился на плиту с той стороны и не давал поставить ее на место.

К счастью, медведю надоело толкать плиту и он отступил.

Пашка свалился на пол. Сил больше не было. Выход один: все же прорываться в медпункт. Но как это сделать, когда медведи не собираются уходить?..

— Сейчас, — сказал он птице. — Сейчас, я отдохну немного.

— Конечно, отдыхай, — сказала птица. — Что же теперь еще делать?

Пашка посмотрел наверх. В окошко он, пожалуй, пролезет. Но там поджидает медведь. Попробовать? Сейчас он отдохнет немного и попробует...

Глава 21. Дом кошмара

Бородач достал ключ и отпер калитку. Пигмеи послушно зашли внутрь. Ирия с Белкой вошли последними. Калитка уже закрывалась, когда Алиса, со всех ног добежав до нее, втиснулась в щель.

— Это я! — крикнула она. — За нами никто не следил!

Бородач совершенно не удивился. Он протянул Алисе руку и представился:

— Меня зовут Вепрь. Я твой друг.

— Я знаю. Меня зовут Алиса.

Бородач запер калитку на засов. Белка прыгала вокруг совсем как маленькая девочка и кричала:

— Алиса, Алиса пришла! Молодец Алиса! Ручеек побежал тебя спасать, а ты сама пришла!

— Я в тебе не сомневалась, Алиса, — сказала Ирия.

Алиса осмотрелась. Они стояли в густом, заросшем саду. Дорожка, усталая каменными плитами, вела к веранде, на полу которой было разложено множество вывесок. Окруженный ими, в глубокой задумчивости сидел в кресле седобородый мудрец в высокой шляпе, которого Алиса видела в театре.

— Ой! — сказала Алиса. — Тише, он нас услышит.

— Ничего, — сказал Вепрь. — Идите за мной. Господину всеумудрому Кошмару не до нас. Он думает.

Они обогнули дом.

С его задней стороны были пристроены каменные сараи. Из открытой двери одного из них тянулся дымок, такой вкусный, что пигмеи оживились и начали поглядывать на бородача. Одна пигмейка, похрабрее, дернула его за рукав и, когда он обернулся, сунула палец себе в рот.

— Ваш намек понял, — сказал бородач.

Он повел пигмеев в тот самый сарай. В сарае стоял длинный стол, за ним сидели на длинных скамьях три пигмея и хлебали из больших мисок похлебку.

— Эй, Моро-Пари, — сказал Вепрь, — я тебе новых друзей привел. Завтра ночью переправляем их в лес. Сегодня накорми их как положено. Потом все объяснишь. Ты знаешь как.

— Слушаюсь, мастер, — сказал молодой пигмей, который стоял у большого бака с поварешкой в руке.

Пигмеи толпой кинулись в сарай, начали расхватывать тарелки и строиться в очередь к Моро-Пари.

Тот принялся кричать на них на пигмейском языке, чтобы установить порядок.

А бородач провел Ирию, Алису и Белку по узкой наружной лесенке наверх, в небольшую комнатку, пристроенную к стене дома над кухней. Там стояли кровать, два стула и низкий столик. В комнате было чисто.

— Садитесь, отдыхайте, друзья, — сказал Вепрь. — Сейчас я принесу целебной мази для Ирии.

Когда они остались одни, Алиса спросила:

— Когда вернется Ручеек? У меня для него важные новости.

— Он тебя ищет.

— Это опасно. За мной гонятся подслушники.

— Что ты натворила? Что ты натворила? — спросила Белка. — Ты кого-нибудь убила?

— Нет, не убила, — улыбнулась Алиса. — Но узнала тайну, которую они очень хотели сохранить.

— Это хорошо, что не убила, — сказала Белка. — А то мои братья всегда кого-нибудь убивают.

— А кто этот бородач? — спросила Алиса.

— Он управляющий в доме главного мудреца.

— Он памятник?

— Самый настоящий, — сказала Ирия.

— Ты не бойся, он добрый, — сказала Белка. — Я в людях разбираюсь.

— Как странно, — сказала Алиса. — Мы в доме мудреца. А я его видела в театре, то есть во дворце Радикулита, и он мне совсем не показался мудрецом. А ты очень волновалась?

— Ирия совсем не волновалась, — заявила Белка. — Ведь Ручеек сказал, что все будет в порядке. Ты просто не представляешь, какой он смелый, наш Ручеек. Он любого стражника победит. И даже Вери-Мери.

— Да, кстати, — сказала Алиса. — Мне кажется, что Вери-Мери тебя узнал.

— Не мог он меня узнать, — ответила Белка. — Я от него все время отворачивалась. Я волосами лицо закрывала.

— Почему ты так подумала, Алиса? — спросила Ирия.

— Он так поглядел вам вслед... помнишь, когда Белка к тебе кинулась?

— Это могло показаться ему странным, — сказала задумчиво Ирия.

— Но он за вами не следил, — сказала Алиса. — Я специально отстала и смотрела.

— Ему и не надо было следить, — сказала Ирия. — Он наверняка знал, что нас купил управляющий всемогущего Кошмара.

— Ну и имена у них! — вздохнула Алиса.

— Конечно, — согласилась Ирия. — Мудрец выбрал себе самое красивое.

Вернулся бородач. Он принес склянку с мазью и чистую тряпочку.

— Не бойтесь, — сказал он. — Это лесное средство. Нас научили им пользоваться пигмеи. Они знают травы.

Алиса взяла у него банку, набрала мази на тряпочку и протерла раны Ирии. Ирия иногда морщилась, но терпела. Белка, которая уже полюбила ее, вмешивалась, давала советы и говорила под руку. Но Алиса не сердилась. Белка была доброй, только плохо воспитанной.

— В городе шум, подслушники с ног сбились, — сказал бородач. — Твоя работа, Алиса?

— Моя. А Ручеек где?

— Будем надеяться, что скоро придет. А что случилось?

— Я узнала...

И в этот момент дверь растворилась и в комнату заглянул Ручеек. Запыхавшийся, пропыленный, усталый...

— Алиса! — воскликнул он. — Ты здесь! Какое счастье! Как же ты добралась?

— Ничего особенного, — сказала Алиса. Она взяла со стола шапку с ушами и натянула ее на голову. — Узнаешь? — спросила она.

— Подслушник!

И Алиса рассказала о том, что услышала и узнала в бывшем театре.

Когда Алиса завершила свой рассказ, Ручеек сказал:

— Новости, которые ты принесла, такие важные, что я не знаю, как тебя благодарить.

— Глупости, — сказала Ирия. — Без твоей помощи мы могли погибнуть.

— Хорошо, — сказал юноша. — Мне нужна лошадь, Вепрь.

— Это очень трудно. И лошадь сейчас добыть нелегко, а выбраться из Города еще труднее. Ты же знаешь, что все ворота закрыты, на причалах дежурят солдаты. Они очень боятся, что известие о начале похода вырвется из Города.

— Что же делать?

— Можно попробовать уплыть на лодке. У меня есть люди среди рыбаков. Но грести против течения нелегко. И все равно потом придется идти пешком.

— Что делать? Что делать? — Ручеек ходил по маленькой комнате, ломая пальцы.

— Не волнуйся так, — сказала Белка. — Ты станешь старый.

— Значит, так, — произнес бородач, — когда солнце сядет, ты переберешься через стену. Мой человек проводит тебя до деревни — это часа три быстрой ходьбы. Деревня стоит в начале лесной дороги. Там тебе дадут коня... Правда, я не знаю, остались ли у них кони — всех коней в последние дни отняли для армии.

— Это единственный выход, — сказал Ручеек.

— Может, подождем Пашку? — спросила Алиса. — Он, наверное, уже добрался до Гай-до.

— И чем он нам поможет?

— Он прилетит на Гай-до и всех перепугает.

— Я незнаком с вашим Гай-до, но не уверен, что они испугаются. Не думай, что они такие уж суслики. Среди поклонов немало отчаянных разбойников, которые насмотрелись в лесах и в горах таких чудовищ, что еще одно их не остановит. Они верят лишь в силу своих мечей.

— Я думаю, — сказала Ирия, — что мне лучше пойти с Ручейком.

— Нет, не лучше, — возразил бородач. — Здесь вы в безопасности. А пользы от вас в лесу никакой. Да и выбраться из Города у Ручейка куда больше шансов, чем у такой красавицы, как вы.

Если Ирия и не согласилась с Вепрем, то она ничем этого не показала. Она понимала, что здесь она — гостья и должна подчиняться друзьям.

— Хорошо, — коротко ответила она и взглянула в окно.

Алиса прочитала ее невысказанные мысли: где же Пашка? Почему от него до сих пор нет вестей?

— Не будем терять времени, — сказал бородач. — Прощайся, Ручеек.

— Я с тобой, — заявила Белка.

— Я иду в лес. Я иду быстро, — сказал Ручеек.

— Что же, я леса, что ли, не знаю? — спросила Белка.

— Я мужчина.

— А я поклонка!

— Ты глупая девчонка, а не поклонка, — сказал Ручеек. — К тому же я иду в лесное Убежище, а там живут страшные помники, которые крадут и едят детей.

— Не боюсь я твоих помников, — возразила Белка. — Тоже мне, испугал! Что я, не знаю, что ты сам помник и Вепрь помник? А вы приличные, не деретесь.

— Я тебя обязательно возьму с собой. В следующий раз, — сказал Ручеек. — Я обещаю.

— Конечно, бросишь и забудешь.

— Слушай, Белка, — сказал твердо юноша, — я не из тех, кто забывает. Я никогда ничего не забываю. Я клянусь тебе лесом и великим знанием, что вернусь к тебе и возьму тебя с собой.

— Навсегда?

— Навсегда.

— Тогда иди и скорей приходи обратно.

— А нам что делать? — спросила Алиса.

— Пока я не вернусь, вы можете ходить по саду и по дому, — ответил бородач.

— Но там же ваш Кошмар!

— Не обращайтесь внимания на него. Он, как и все мудрецы, уже столько раз терял память, что ничего не помнит. Он никогда ничему не удивляется. Если будет скучно, можете поговорить с ним. Я вернусь через час.

Ручеек вслед за Вепрем вышел из комнаты.

— Увидишь Пашку, скажи, что мы его ждем! — крикнула вслед Алиса.

— Скажу! — послышалось в ответ.

Глава 22. Фейерверк в лесу

Выглянув наружу после того, как отразил очередной приступ упрямых тупых медведей, Пашка с удивлением заметил, что тени деревьев стали длиннее. Куда делся целый день? Пашка и не заметил, как он прошел. Хотя, честно говоря, жутко устал.

От усталости и напряжения Пашка отупел. Он ощущал, как медленно движутся в голове мысли... Сейчас надо снова встать, снова выбраться наружу через окошко, снова убежать от медведя... Там медпункт. Разобрать микроскоп... Но в медпункте дверь и большое окно, и медведи снова не подпустят его к микроскопу.

Рядом тихо стонала Альта. Видно, ей было совсем плохо.

А мысли продолжали тянуться, как кисельная пенка.

Надо вынуть стекло, пройти в медпункт... Там на столе расписание праздника. Будут танцы, будет фейерверк... Что такое фейерверк? Это когда стреляют ракетами и в воздухе горят разноцветные огни.

— Ура! — закричал Пашка и вскочил.

Птица от неожиданности вжалась в угол, даже медведь, что следил за ними сквозь окошко, отпрыгнул.

Раскидывая кастрюли, Пашка кинулся на склад.

— Что случилось? — спросила вслед Альта.

Из склада донесся шум, грохот, потом раздался треск, и птица увидела, что сквозь дверь склада прорвался на кухню ослепительный красный свет. Она в ужасе закрыла глаза. Когда она открыла их, то увидела, что из дверей склада тянется густой белый дым, а в дыму, отчаянно кашляя, стоит счастливый Пашка, держа в одной руке изогнутую трубку, а в другой — несколько круглых длинных цилиндров.

— Что? Что случилось? — крикнула Альта. — Ты жив?

— Фейерверк! — закричал Пашка. — Сейчас мы им устроим такой фейерверк, что они запомнят его на всю жизнь! И внукам расскажут! Закройте глаза!

Альта послушно закрыла глаза и не видела, как Пашка вложил в трубку цилиндр и нажал кнопку. Ослепительный сноп искр вырвался из трубки и ударил прямо в морду медведю.

Оглушенный и ослепленный медведь отскочил от окна и помчался, ревя, в лес.

— Видишь?

Птица открыла глаза. Подвал был полон дыма, дышать было трудно. А Пашка прыгал в этом дыму, смеялся и размахивал трубкой.

— Но что это? Что? Скажи, — умоляла перепуганная Альта.

— Как говорил наш друг Ручеек? — спросил Пашка. — А он говорил: «Надо читать!» Только грамотные люди могут стать господами мира! А неграмотным дикарям — стыд и срам!

— Я не понимаю, — простонала птица.

— Я догадался. Если они хотели устроить фейерверк для детишек, но не успели, то ракеты где-то должны сохраниться? Где? На складе. А что я видел на складе? Ящик с цилиндрами. На ящике надпись: «Огнеопасно». А что, если, подумала моя гениальная голова, та изогнутая трубка и есть ракетница? Все гениальное просто! Теперь мы спасены! Я разгоню ракетами всех медведей и прочую нечисть. Я спокойно, как царь природы, пойду к медпункту, выну лупу из микроскопа, разожгу костер, и пусть только кто-нибудь попытается

мне помешать!

С этими словами Пашка, расставив ракеты по карманам, направился к двери и решительно оттащил в сторону плиту и кровать.

Медведь, что дежурил за дверью, радостно заворчал, полагая, что обитатели подвала решили сдать ему на съедение.

— Глядите на торжество просвещения! — воскликнул Пашка, отступая назад и целясь в зверя из трубки.

Он нажал на кнопку. На этот раз сноп зеленых искр осветил подвал нереальным, мертвенным светом, а рев убегающего медведя был слышен, даже когда он умчался километра за два.

— Сидите спокойно, — сказал Пашка Альте. — Я пошел разбирать микроскоп и разводить костер.

— погоди, — сказала птица, — ты, конечно, гениальный мальчик. Но можно глупой птице задать тебе вопрос?

— Валяйте, — ответил Пашка.

— А там много этих самых ракет?

— Больше сотни.

— А может быть, и не надо разводить костер?

— Почему? А как же нас заметят?

— А если эта штука, которую ты называешь ракетницей, может посылать цветной огонь высоко в небо, это ведь лучше, чем дым от костра?

Пашка задумался. Ему было не очень приятно сознавать, что птица права, но в конце концов Пашка улыбнулся и сказал:

— Что ж, даже гениям свойственно ошибаться.

Он вышел на поляну перед домом, поднял ракетницу вверх и выстрелил.

Ракета звездой взлетела высоко над вершинами деревьев. Даже при свете заходящего солнца было видно, как в невероятной высоте она рассыпалась красными искрами.

Альта, прихрамывая и волоча крыло, тоже выбралась наружу.

— Я уверен, — сказал Пашка, — что если они не увидят наш сигнал днем, то вечером увидят обязательно.

— Я думаю, что мои собратья уже летают над лесом, — сказала Альта.

— А тебе что здесь надо? — Пашка снова увидел в листве морду медведя, который не смел подойти ближе. Желтая ракета, как раскаленное пушечное ядро, унеслась к кустам, и визг медведя был доказательством тому, что выстрел угодил в цель.

— Эй! — крикнул Пашка. — Друзья! На помощь! — И он снова выстрелил в небо.

И как бы в ответ на его крик над прогалиной белыми облачками появились две птицы.

— Это они, — сказала Альта. И заплакала.

Никогда еще Пашке не приходилось видеть, чтобы птица плакала. Он даже растерялся. Вдруг он почувствовал, что ноги его не держат, и сел прямо на траву.

Глава 23. Вечер с мудрецом

Алиса подошла к окну. Ручеек и бородач спустились по лестнице и поспешили к дверце в ограде сада.

Вечерело. Солнце скрылось за откосом горы, южные деревья стали фиолетовыми в тени

и золотыми под лучами уже невидимого солнца. Моря из окна не было видно, но присутствие его чувствовалось в воздухе, в освещении, в движении ветра.

— Пошли посмотрим, как живут мудрецы, — предложила Алиса.

— Может, все же разумнее остаться здесь? — сказала с сомнением Ирия.

— Пойдем, я не могу столько времени сидеть в комнате. Нам ведь разрешили, — вмешалась Белка.

Втроем они спустились в залитый сумраком сад. Там под навесом на циновках спали пигмеи. Они обошли дом и вышли к веранде.

Мудрец Кошмар был не один. Он сидел в кресле, а рядом с ним стоял второй мудрец. Его Алиса тоже видела в театре.

Оба с умным видом рассматривали вывески и надписи, разложенные на полу.

Алиса поднялась на веранду.

— Здравствуйте, — сказала она.

— Наше почтение, — ответили хором мудрецы. И тут же снова обратили свои взоры к вывескам.

— Вы собираете коллекцию? — спросила Алиса.

Мудрец Кошмар не ответил, зато второй оглянулся и радостно улыбнулся.

— Новое слово! — сказал он. — Коллекция! Каково его значение?

— Это собиранье разных большей частью никому не нужных вещей, — сказала Алиса.

— Очень красивое слово. Его надо запомнить. Я его дам какой-нибудь знатной поклонке.

Алиса между тем рассматривала вывески. Их явно собирали по всему Городу. Были там и маленькие, лаконичные вроде: «Посторонним вход воспрещен», «Без стука не входить». Была большая, красивая, правда сильно потертая вывеска: «Булочная-кондитерская». Была золотая пластинка с черной надписью: «Директор». Были там названия улиц, «Остановка автобуса» и даже: «Не влезай — убьет!» Алиса так и не догадалась, куда нельзя влезать и кто убьет.

— Вы их читаете? — спросила Алиса.

— Шшш! — Второй мудрец приложил палец к губам. — Слово «читать» запрещено в нашем государстве. Мы их изучаем и расшифровываем. Но не читаем.

— А жалко, — сказала Алиса. — Такие красивые надписи.

— Какая самая красивая? — спросил вдруг мудрый Кошмар.

— Вот эта, — сказала Алиса, показав на небольшую табличку, явно из зоопарка, на которой было написано: «Хищников кормить воспрещено».

— А мне больше нравится вот эта, — сказала Белка, показав на табличку с надписью: «Детское питание».

Табличка эта и в самом деле была очень красивой. На ней были изображены скрещенные бутылочки и погремушка.

— А мне эта надпись не нравится, — сообщил Кошмар. — Я бьюсь над ее расшифровкой уже который год. Я понимаю, что она говорит о том, что пить молоко запрещено. Но почему?

— Нет, — сказала Алиса. — Там написано: «Детское питание».

— Глупая версия, — сказал второй мудрец. — Я давно уже разгадал эту надпись. Она означает: «Запрещено сражаться на бутылках!» В древние времена это был очень распространенный вид спорта.

— Ну зачем гадать, — сказала Алиса, — если можно прочесть? Вот видите эту букву? Что она означает?

— Это не буква, — сказал Кошмар, — это рисунок.

— Это буква «Д», — сказала Алиса.

— Мой друг, не слушай ее, — сказал второй мудрец, — я подозреваю, что мы имеем дело с помницей.

— Я ее не боюсь, — сказал Кошмар, — но попрошу уйти, потому что она мешает нам плодотворно мыслить. Она разрушает спокойную научную дискуссию.

— Но почему бы вам не научиться читать? — упорствовала Алиса. — Вы бы тогда стали вдвое мудрее.

— Высшая мудрость... — Кошмар поднял к небу палец, — заключается в том, чтобы все знать, но ничему не учиться.

— Слушайте, как мудро говорит мой коллега! — воскликнул второй мудрец.

— Учиться — это значит запоминать, — продолжал Кошмар. — Что может быть опаснее этого заблуждения? Что может быть страшнее для судьбы счастливого государства, где никто ничего не помнит и не знает?

— А почему вы боитесь знания? — спросила Ирия.

— Потому что... потому что мы боимся вкушечков, — признался Кошмар.

Вдруг он вздохнул и добавил:

— Я подозреваю, что когда-то я умел читать.

— И что?

— Ничего.

— Моего друга трижды лишали памяти, — сказал второй мудрец. — Вернее всего, за дело.

— А вас лишали?

— Может быть, — устало улыбнулся мудрец. — Но я не помню. Я вообще себя помню только с прошлого лета. Вы не представляете, как рискованна жизнь мудреца. Всегда есть опасность, что ты нечаянно научишься читать. И тогда — наказание. Вкушечки этого не прощают.

— Поэтому настоящая мудрость, — воскликнул Кошмар, — это ничего не знать, но обо всем судить! Да здравствует мудрое невежество!

— Да здравствует! — согласился второй мудрец.

Но тут же, таясь и от Алисы, и от своего коллеги, нацарапал камешком на перилах веранды букву «Д». И губы его шевельнулись.

«Запомнил», — подумала Алиса.

Она хотела сказать об этом Ирии, но не успела. Она почувствовала, что за ними кто-то следит.

Над забором торчала голова Вери-Мери.

Увидев, что Алиса обернулась, пигмей тут же исчез.

— Он здесь! — сказала Алиса. — Выследил!

— Кто выследил? Где? — всполошился второй мудрец.

— Вас не касается, живите спокойно, разгадывайте.

Она сбежала с веранды и поманила за собой Ирию и Белку.

— Там Вери-Мери! — прошептала она.

Белка тут же бросилась к калитке, распахнула ее и выглянула наружу.

— Никого нет, — сказала она. — Может, это тебе показалось?

— К сожалению, мне не показалось, — вздохнула Алиса.

К ним подошел второй мудрец.

— Я не хочу беспокоить моего коллегу, — сказал он, — но я вижу, что вы не подслушники, а эту девочку я узнал, ее сегодня хотели убить. Так что я могу быть с вами предельно откровенен. А если вы на меня донесете, то я скажу, что ничего вам не говорил.

— И что вы хотите сказать? — спросила Ирия.

— Мы, молодое поколение мудрецов, уже многое понимаем. И, может быть, в чем-то по большому счету вы правы — в том, например, что касается знания. Но как только мы признаем знание, значит, мы окажемся где-то, как-то в одних рядах с помниками. А это недопустимо.

— Бойтесь вкущецов?

— И не только это, — сказал мудрец. — Наш счастливый мир незыблем, потому что не меняется. И к нам, к мудрецам, идут, потому что мы единственные, кто знает то, чего не знает никто. Поэтому нас уважают и ценят, мы придумываем все названия, а нам за это дают красивые дома и одежды. А если мы научимся читать, то станем самыми обыкновенными помниками и нас придется лишиться памяти. Вы меня понимаете?

— Я ничего не поняла, — сказала Белка.

— А я кое-что поняла, — сказала Алиса. — Но должна сказать вам под большим секретом, что Повелитель Радикулит умеет читать и у него в спальне есть книги.

— Молчите! — закричал мудрец и присел от страха.

— Молчу, — согласилась Алиса, мысли которой сейчас были заняты совсем другим.

Мудрец наклонился к Алисе и прошептал:

— У меня тоже есть книга. И мне очень хочется ее прочитать.

И мелкими шажками, так и не отняв пальцы от губ, он убежал обратно на веранду.

— Давайте вернемся в комнату, — сказала Ирия. — Расскажем обо всем Вепрю. Он лучше нас знает, что делать.

У лесенки их догнал веселый молодой повар Моро-Пари и сказал:

— Если голодные, я накормлю. Правда, все остыло.

— Спасибо, — сказала Ирия.

Они зашли на кухню. Моро-Пари налил им холодной похлебки.

Похлебка была вкусной, крупяной. На длинном столе, отшлифованном локтями, стояла свечка. Было уютно, как на даче вечером. Вокруг свечи кружились маленькие оранжевые мотыльки. Слышно было, как в саду под навесом ворочаются, сопят пигмеи. Издалека донесся удар колокола.

— Ночная стража, — сказал Моро-Пари, принеся всем по кружке молока. — Что-то Вепрь пропал. Но вы не бойтесь, он вернется.

Из сумеречной сини на пороге кухни возник пигмей.

— Госпожу Белку зовут, — сказал он.

— Кто зовет? — удивилась Белка. — Никто не знает, что я здесь.

— Один человек, говорит, что у него для тебя важные новости.

— Это от Ручейка! — вскочила Белка.

— Ручеек не может передавать тебе новости, — сказала Алиса. — Он все скажет через Вепря.

— Этот человек ждет близко за домом, — сказал пигмей и растворился в кустах,

подступающих к дверям кухни.

— Я пошла, — сказала Белка. — Это Ручеек. Я точно знаю.

Белка выбежала из кухни.

Ирия поднялась.

— Мне это не нравится.

— Я боюсь, что это шутки Вери-Мери, — сказала Алиса, тоже поднимаясь.

Они быстро вышли из кухни. В саду уже было темно, хотя небо было светлым, зеленоватым и лишь самые яркие звезды появились на нем.

Тихо.

Они дошли до угла. Остановились, прислушиваясь. С веранды доносилось бормотание мудрецов. Потом от забора из чащи послышался тихий голос:

— Нет, пойдешь! Пойдешь добром, иначе мы всех возьмем.

— Я сейчас крикну! — Это был голос Белки.

— Крикнишь — будет хуже. Тогда твои дружки попадут в яму беспамятства. Ты этого хочешь?

— Нет, я не пойду! Я боюсь тебя! Ты противный.

— Привыкнешь. Госпожа Сороконожка тоже сначала спорила, потом смирилась.

Короткий крик... Треск кустов... Шум борьбы...

Ирия бросилась к забору. За ней — Алиса.

Два темных тела боролись на фоне белой каменной стены. Алисе показалось, что она видит сцену в театре теней.

Плотный, крепкий, почти квадратный Вери-Мери зажимал рот Белке, другой рукой держал ее за горло.

— Нет, пойдешь! — шипел он. — Не шуми! Если твои прибегут, им же хуже будет.

Но договорить он не успел.

В следующее мгновение он валялся в траве. С Ирией шутки плохи.

Алиса подхватила падающую Белку.

— Не бойся, — сказала она, — мы с тобой.

Зашуршали кусты, из них выглянул второй мудрец. Его голова в высоком цилиндре сокрушенно закивала при виде этой сцены. Он произнес:

— Ничего не вижу, ничего не слышу — в этом высшая мудрость.

И исчез.

Вери-Мери с трудом поднялся. В полутьме его глаза сверкали ненавистью.

— Ты за это заплатишься, — пробормотал он, вытирая окровавленную губу. — Ты выплачешь это оскорбление горючими слезами.

Белка заплакала:

— Он такой страшный, такой противный! Я не хочу с ним идти!

— Не бойся, никуда ты не пойдешь, — сказала Ирия. Она возвышалась над Вери-Мери, как громадная статуя прекрасной богини над бешеным индюком. — И Вери-Мери никому никогда не расскажет, что он здесь видел.

— Расскажу. Теперь-то наверняка расскажу, — ответил Вери-Мери. — Ты посмела поднять руку на советника великих поклонов, на самого богатого человека в столице, на будущего барона Крота.

— А мне все равно, кто ты. Я знаю только одно: если ты хоть пальцем тронешь Белку, тебе не жить. Ни здесь, ни в лесу, ни в небе.

— Кто ты такая, чтобы указывать мне? — храбрился Вери-Мери.

— Я госпожа с далекой звезды, — сказала Ирия. — Я живая богиня неба. За мной стоят могущественные силы Вселенной, и не тебе, жалкий работорговец, грозить мне.

Ирия так замечательно играла свою роль богини, что Белка замерла в страхе и удивлении и даже у Алисы мурашки побежали по коже.

— Я видел тебя в цепях, — ответил Вери-Мери. — Ты не смогла их снять. Я видел тебя на помосте для рабов, и тебя продавали как скотину. Я не верю тебе, женщина.

— Потом будет поздно, — сказала Ирия. — Если ты хочешь сохранить свою жалкую, подлую жизнь, уйди отсюда тихо, забудь, что видел. И когда времена изменятся, а они изменятся скоро, ты сохранишь жизнь. Иначе я не могу тебе обещать даже этого.

Голос Ирии и ее уверенность в себе произвели впечатление на карлика. Но ему так не хотелось расставаться с добычей...

— Почему же ты таишься, почему скрываешь беглую девушку из рода кровожадных Кротов? В чем твоя сила?

— Вери-Мери, — вмешалась Алиса, — я даю тебе честное слово, что Ирия прилетела с далекой звезды. Я знаю, я была вместе с ней. И я даю честное слово, что ее власть бесконечна по сравнению с властью твоих вкушцов и твоего Радикулита.

— Но ты меня тоже пойми, — Вери-Мери с облегчением обернулся к Алисе. Наверное, потому, что разница в росте между ними была не так велика. — Я тоже человек, у меня тоже есть чувства. Одни меня не любят, другие боятся, ибо власть моя тайная. Но я давно люблю эту девушку. Я мечтаю о ней. Я ночами не сплю, думая о Белке. Вот, например, прошлую ночь совершенно не спал... Подумайте о чувствах немолодого человека! Я согласен жить с ней в шалаше, хотя, должен сказать, у меня скоплены скромные средства. Увидев Белку в Городе, где ей грозят опасности, я обезумел. Я хочу одного: отвести ее в безопасное место, охранять ее и беречь...

Обильные слезы заблестели в полутьме, стекая по толстым щекам пигмея.

Алиса растерялась.

Не очень приятно смотреть, как плачет взрослый мужчина.

— Я не верю ему! И ты не верь. Не верь, Алиса! — Голос Белки развеял гипноз.

— Я не лгу! — ответил пигмей. — Я уйду сейчас. Но при одном условии: вы будете охранять Белку так, как охранял бы ее я. Я не появлюсь здесь до тех пор, пока вы не позволите. Но я буду охранять этот дом, эту улицу...

— Разумно, — сказала Ирия. — Больше того, мы заплатим тебе за молчание.

— Заплатите? Вы хотите оскорбить меня деньгами?

— Да, — сказала Ирия, — хотим. Сколько тебе нужно? Мешок золота?

— Мешок? А большой мешок?

— Такой, чтобы ты не смог унести, — сказала Алиса. — У нас в школьном музее килограммов на триста самородков есть. Мне дадут.

— Вы поражаете меня своей щедростью!

— А сколько тебе надо, чтобы вообще забыть о существовании Белки?

— Я не смогу ее забыть. Никогда! — Вери-Мери задумался. — Два мешка, — сказал он решительно.

— Тогда уходи немедленно.

— А золото?

— Золото, когда Белка будет в безопасности.

— Мне нужны гарантии, — сказал Вери-Мери. — Я деловой человек. Я привык никому не верить. Даже богиням с далекой звезды.

— Сейчас ты получишь гарантии, — раздался голос. Оказывается, вернувшийся Вепрь неслышно подошел к ним и слышал окончание разговора. — Ты кончишь свои ничтожные дни в страшных мучениях!

Бородач протянул руку к Вери-Мери, но тот с потрясающей ловкостью кинулся прочь, перевалился через забор и исчез из глаз.

— Как неладно получилось, — сказал Вепрь. — Упустили.

И тут же из-за забора послышался голос Вери-Мери:

— А три мешка можно?

— Можно, — поспешила ответить Алиса.

— Если три мешка, я молчу, — ответил голос из-за забора. — Прощай, Белка, прощай, моя любимая!

В тишине было слышно, как стучат по мостовой деревянные каблуки карлика.

— Зря мы его отпустили, — сказал Вепрь. — Может, догнать?

— Поздно, — сказала Белка. — Он этот Город знает лучше всех. Он уже спрятался.

— Будем надеяться на его жадность, — сказала Ирия.

— Конечно, лучше бы вам уйти, — вздохнул Вепрь, — но сейчас идти некуда. Город полон подслушников. Ищут помников. К тому же пропали единороги Кротов.

— Как пропали?

— Их не нашли в конюшне. Может, они сами сорвались и убежали, потому что не хотели жить в Городе, но, вернее всего, их кто-то украл. В Городе творится что-то несусветное.

— Что с Ручейком? — спросила Белка. — Он жив?

— Он уже далеко, — сказал Вепрь. — Если он достанет лошадь, то доберется до Убежища к середине дня. А теперь спать, спать, спать. С рассветом я постараюсь перевести вас в более безопасное место. А когда из столицы уйдут войска, мы переправим вас в лес.

Они поднялись наверх, в комнату. Белка упала на кровать и сразу заснула, а Ирия и Алиса долго отвечали на бесконечные вопросы бородача. Ему хотелось узнать о Земле, о космосе, о других мирах. И только когда ударил колокол полуночной стражи и обе луны поднялись высоко в небо, Вепрь пожелал гостям спокойной ночи и сказал, что разбудит их с первыми лучами солнца.

Ирия и Алиса улеглись на полу, на шкурах, потому что больше места в комнате не было.

Глава 24. Убежище помников

Пашка долетел до города помников на другой птице — ее звали Алиной, она приходилась Альте двоюродной сестрой. Алина была птицей веселой, вздорной и все время пела. Алина уже знала о Пашкином героизме и невероятной сообразительности — Альта все рассказала птицам, которые видели ракеты, запущенные Пашкой. Она очень гордилась тем, что несет на себе не обыкновенного мальчика, а героя с другой планеты. Из-за этого она то и дело оборачивалась и спрашивала:

— Вас не беспокоит? Может, лететь пониже?

Вторая птица — ее имени Пашка не запомнил — осталась с Альтой ждать, пока из города помников пришлют за раненой птицей повозку. Там же остались и оба человека, что

прилетели на птицах. Это были совсем подростки, похожие чем-то на Ручейка, серьезные, задумчивые. Кожаные куртки и штаны сидели на них, как рыцарские латы. Они уже знали, что Ручеек встретился с землянами, но не ожидали, что Пашка полетит на Альте. Больше всего они поразились целому ящику ракет. Пашке пришлось потратить несколько минут, чтобы убедить их, что ракеты — это не страшное оружие, а развлечение.

Алина летела быстро, внизу все так же тянулся лес, в одном месте из него высунулось несколько фабричных труб. Между трубами поднимались голубые дымки, и слышно было, как что-то скрежещет и позвякивает в развалинах, заросших деревьями и лианами.

— Плохое место, — сообщила Алина. — Мы туда не летаем. Это был завод. И теперь он работает.

— Как так работает? — не понял Пашка.

— Никто не знает как. И никто не знает, кто там живет. Мы летали, смотрели — ни одного человека. А работает. Так бывает?

— Не знаю, — сказал Пашка, — может быть.

Затем пошли болота. Пятна яркой зелени перемежались с купами кустов, хилыми осинами, проплешинами рыжей воды. Кое-где над болотом поднимался пар.

— Смотри! — сказала Алина. — Какой большой!

Пашка увидел дракона. Самого настоящего дракона. Он лежал в жиже, иногда взмахивал бронированным хвостом, отмахивался от слепней. Две головы спали по уши в грязи, третья была на страже. При виде пролетавшей Алины голова дракона поднялась, раздула ноздри и пыхнула дымом.

— Как в сказке! — крикнул Пашка.

— Попадешь ему в зубы, будет действительность, — ответила Алина.

Они миновали болота, пролетели над пустошью, через которую протянулся железнодорожный путь без начала и конца. На рельсах стоял поезд — три вагона без паровоза, окна выбиты, стенки проржавели и потеряли цвет. Из одного окошка высунулся по пояс голый человек, замахал желтой тряпкой.

— А это кто?

— Это бе-пе, — сказала Алина. — Он здесь живет, думает, что едет в гости. Его никто не трогает, даже подкармливают.

Снова пошел лес, только был он не такой мрачный и высокий.

Пашка углядел стадо коров, которые бродили между деревьев.

— Скоро мы будем дома, — сказала Алина.

Внезапно показался город помников. Они летели над расчищенной от зарослей улицей. По ней шли два человека, несли на носилках груды камней. Улица уперлась в ров, в котором блестела вода. За рвом начинался высокий вал, насыпанный недавно, он даже не успел зарости травой. На валу трудились люди. Они подсыпали, укрепляли его. Один из них замахал рукой, приветствуя Алину.

— Это мой друг, — сказала птица. — Его зовут Дротик.

— Очень приятно! — крикнул в ответ Пашка. — А зачем вал? Защищаться от поклонов?

— Нет, поклоны еще не нападали. От зверей, от лесной нечисти, от разбойников. Нас многие хотят убить. Или ограбить.

Убежище помников было невелико: несколько улиц, очищенных от зарослей. Отремонтированные каменные дома окружали небольшую площадь. Там, перед трехэтажным домом с колоннами, и опустилась Алина.

К ней поспешила худая пожилая женщина с добрым узким лицом, в простом сером платье. Следом шел молодой человек в шортах, с лопатой в руке, словно он только что копал землю, но увидел птицу и оторвался от своего дела.

Женщина удивилась при виде Пашки — она ожидала увидеть Ручейка.

— Вы кто? — спросила она настороженно.

— Я все сама расскажу, — сказала Алина. — Это наш маленький герой.

— Простите, — сказал Пашка. — Ничего страшного не случилось. Ручеек жив. Он просил меня передать вам вот это...

Пашка достал из кармана плетеную косичку и передал женщине.

Та взяла плетенку и вопросительно поглядела на птицу.

— Можно, я буду петь? — спросила Алина. — Подвиги, совершенные нашим гостем, настолько велики, что их нельзя рассказывать прозой.

— Как хочешь, — сдержанно сказала женщина.

Пашка понял, что она предпочла бы выслушать его, но не могла обижать птицу.

А та распелась! Пашке казалось, что она описывает их путешествие уже целый час. Ему хотелось вмешаться и попросить прощения — уж очень птица преувеличивала его заслуги, — но женщина и молодой человек с лопатой слушали Алину внимательно, а когда та наконец закончила и завела руладу без слов, женщина сказала Пашке:

— Не удивляйтесь, Паша. Наши друзья — птицы Альтосы — очень привязаны друг к другу. И если вы спасли жизнь одной из них, можете быть уверены, что все птицы будут петь о вас гимны. Но я вижу, что в послании Ручейка говорится о тревожных вещах. Можете ли вы добавить что-нибудь новое?

— Постараюсь, — сказал Пашка.

— Тогда пройдемте со мной в штаб.

Женщина поблагодарила Алину, которая не слышала благодарности, так как была очарована собственным пением. Женщина пошла в дом. Пашка и молодой человек последовали за ней.

— Значит, вы с другой планеты? — спросил молодой человек.

— Вот именно, — сказал Пашка. — Мы ищем наших друзей, которые живут у вас.

— Да, к сожалению, они попали в плен к духам беспамятства. И мы не можем им помочь. Но в остальном они здоровы. Мы о них заботимся.

— Первым делом, — сказала женщина, — вам, Паша, надо умыться. Копье, — обратилась она к юноше, — будь любезен, покажи гостю, где он может помыться.

Когда Пашка привел себя в порядок и вернулся в комнату, на столе уже стояла большая кружка с молоком и лежала буханка хлеба.

— Наша еда покажется вам скромной, но мы живем небогато, — сказала женщина.

— Это замечательная еда! — ответил Пашка. — В последний раз я ел тысячу лет назад.

Он отхлебнул теплого парного молока, это было самое вкусное молоко, которое ему приходилось пить в жизни.

— Простите, — сказал он с набитым ртом, — я не знаю вашего имени-отчества.

— Меня зовут Учительница Зарница. А что такое отчество? Это имя отца?

— Конечно.

— Мы забыли многие слова, — сказала женщина. — Кто был мой отец, я не знаю. Когда я была маленькой девочкой, меня продали в рабство, наши люди выкупили меня и привезли сюда.

— Сколько же лет существует ваше Убежище?

— Уже больше ста лет, — сказала Зарница.

Пашка с трудом дожевал хлеб и допил молоко.

— Я вижу, что вы хотите спать, — сказала Зарница, — но, пожалуйста, постарайтесь еще немного потерпеть. Нам очень важно знать, как готовятся наши враги к походу.

— Разумеется, — ответил Пашка.

И он начал рассказывать обо всем, что видел за последние два дня.

Во время рассказа вошел кругленький, подвижный, совсем лысый пигмей в белом халате. Зарница представила его как доктора Хруста, физика и врача Убежища.

Когда Пашка кончил свой доклад, глаза у него слипались. Но он все же нашел в себе силы попросить Зарницу:

— Можно, я встречусь с моими друзьями?

— Конечно, можно, — ответила женщина. — Только они вас не узнают.

— А вдруг? Я с ними давно знаком. Ведь не может быть, чтобы люди все забыли.

— Может быть, — вздохнула Зарница.

Они вышли из большого дома. Возле него стояла лошадь, запряженная в кузов старого автомобиля. Шин на колесах не было, и потому, когда этот экипаж поехал по улице, трясло так, словно катишься по стиральной доске. А это особенно чувствительно человеку, который только что выпил литр молока и съел буханку хлеба.

Пашка оглядывался по сторонам.

Честно говоря, он ожидал от города помников большего.

Кое-где улица шла между расчищенных от развалин кварталов. Потом тянулись груды камней, руины больших зданий, переплетение проводов и арматуры...

— У нас не хватает пока людей и сил, чтобы все привести в порядок, — сказала Зарница, заметив удивление Пашки. — Но со временем мы обязательно отстроим наш город.

Они миновали ржавый остов автобуса, опрокинутый помятый киоск, фонарный столб, привалившийся к стене... На некоторых домах сохранились вывески, напоминавшие о прошлой жизни.

Уже совсем стемнело. Улицы были освещены редкими керосиновыми фонарями. Прохожих почти не было.

— Вы так и не догадались, что здесь произошло? — спросил Пашка.

— Наш главный учитель, профессор Разум, обещал на днях сделать сообщение, — сказала Зарница. — Он уже несколько месяцев работает в архиве Собрания наук, который мы раскопали в прошлом году. А пока мы знаем только то, что жизнь на нашей планете оборвалась неожиданно. Люди бросили свои дела, остановились заводы, машины и поезда; самолеты, что летели в небе, упали и разбились, в столовых люди оставили недоеденные блюда, корабли теряли путь к гавани, и их выбрасывало на берег... Что это было за бедствие, никто не знает.

— Даже самые старые старики?

— Даже самые старые.

— Но ведь здесь живут подолгу, — сказал Пашка. — Наши друзья с Атлантиды улетели триста лет назад.

— Теперь мы живем не так долго, — ответил профессор Хруст. — Может, сорок-пятьдесят лет. Вот мне, например, тридцать пять...

— Погоди, — оборвала пигмея Зарница, — о каких друзьях с Атлантиды ты говоришь,

Паша? Кто улетел от нас триста лет назад?

«Конечно же, — спохватился Пашка. — Она ничего не знает!» И Пашка даже расхотел спать, так напряженно слушали его жители Крины. Он рассказал им о том, как они с Алисой отыскивали забытую экспедицию с Крины на дне Тихого океана.

Но он не успел кончить рассказ — они доехали до места назначения. Там, рядом с глубокой ямой, в которой работали археологи, раскапывая подвалы научной библиотеки, стояло приземистое здание с узкими окнами. Когда-то в нем был склад. Теперь же в подвалах освободили место для тех ценностей, что помникам удалось найти или раскопать за последние сто лет. Они старались сбересть каждую крупницу знаний.

В одном из подвалов, в большой комнате, устланной мягкими коврами, Пашка нашел своих друзей.

Лучше бы он не видел их! Страшно было войти в комнату и увидеть, что капитан Полосков сидит за столом и, придвинув к себе лист бумаги, рисует на нем крестики и нолики, всклокоченный механик Зеленый мрачно бродит из угла в угол и повторяет: «Это хорошо не кончится», Тадеуш лежит, задрав ноги, на широком диване и равнодушно смотрит в потолок. В углу, прижавшись друг к другу, дремлют два старика — Посейдон и Гермес, а Афродита сидит на полу и пытается напоить Алисину старую куклу чаем из кружки... И страшнее всего, что никто из них тебя, Пашку Гераскина, не хочет узнавать.

— Здравствуйте! — громко сказал Пашка, в глубине души надеясь, что земляне и криняне, увидев его, бросятся к нему с объятиями и это недоразумение разрешится.

Но ничего подобного не произошло. Капитан Полосков поднял голову, посмотрел на Пашку равнодушно и снова принялся рисовать. Механик Зеленый произнес, глядя в угол:

— Жду больших неприятностей.

А Тадеуш даже не повернул головы.

Пашка на какое-то время буквально потерял рассудок. Он бегал от человека к человеку, тряс каждого, кричал:

— Ну что же это? Вы меня не узнаете? Я же Пашка Гераскин! Ваш друг. Вы меня помните? Вы Алису помните?

Потом он кинулся к Тадеушу, дергал его за рукав и повторял:

— Ирия здесь! Она прилетела. Ты понимаешь, твоя Ирия здесь!

— Ирия? — Тадеуш удивился. Он осторожно освободил свой рукав из Пашкиных пальцев и повторил: — Ирия? Странное имя.

— У тебя есть дочь, Вандочка! Она живет под Вроцлавом.

— Я не знаю никакой Вандочки! — вдруг рассердился Тадеуш. — Не мешайте мне думать.

И он отвернулся к стене.

Пашка готов был разреветься.

— Не расстраивайтесь, — сказала Зарница. — Вы этого раньше не видели, а для нас, к сожалению, это обычное дело. Мы потеряли таким образом много друзей.

— Но почему? Почему?

— В лесу осталось немало колодцев и котловин. Люди считают, что там живут духи беспамятства. Если человек туда попадает, он все забывает.

— А потом?

— А потом? Мы их лечим.

— Как?

— Мы все начинаем сначала. Мы показываем им разные вещи и просим запомнить! Мы учим их есть, пить, одеваться, мы подсказываем им забытые слова. Постепенно человек становится нормальным. Для него начинается новая жизнь. Он может накопить новую память, но никогда уже не вспомнит то, что было раньше.

— Какая ужасная болезнь!

— Хотите, Паша, посмотреть, как их учат? Только учтите, это не очень приятное зрелище.

— Хочу, — упрямо сказал Пашка.

В комнату вошла женщина. Она катила перед собой столик, на котором стояла тарелка с пирожками. Она остановилась посреди комнаты. Люди в комнате оживились. Афродита первой подбежала к столику.

— Дай! — закричала она.

— Подожди, — сказала женщина. — Сначала ты должна сказать мне, сколько будет один и один.

Женщина показала Афродите два пальца.

— Не знаю, не помню, хочу кушать!

— Сначала скажи, — настаивала женщина.

— Я скажу. — Полосков поднялся и подошел к столику. — Это будет два.

— Вот как хорошо, умница! — сказала женщина. — Возьми пирожок. А как тебя зовут?

Полосков жадно жевал пирожок. Паша смотрел на него с состраданием. Полосков потерял свой мундир, он был в брюках, но босиком.

— Я не помню, — сказал Полосков.

— Простите, Паша, — услышал Пашка голос пигмея Хруста. — Я хочу, чтобы вы продиктовали мне имена и род занятий наших больных. Это может быть полезно при лечении.

И Пашка, стараясь не смотреть и не слышать, как женщина учит беспамятных, продиктовал пигмею имена и занятия всех больных... Больных ли? Ведь они не знают, что заболели. Они думают, что все в порядке.

— А потом мы учим их работать, — сказала Зарница. — Они могут освоить простые занятия.

— Мы увезем их как можно скорее, — сказал Пашка. — Если это вирус или что-то подобное, наши ученые найдут противоядие.

— Это было бы замечательно! — сказала Зарница. — Если вы сможете привезти это противоядие нам...

— Первым делом! — заверил ее Пашка, будто он и был тем ученым, который вот-вот придумает противоядие. — До свидания, — сказал он своим друзьям.

Но никто из них не ответил. Они смотрели на столик с пирожками, им было не до Пашки.

Когда вышли из подвала и остановились под фонарем у экипажа, Пашка отказался идти спать.

— Поймите, — горячился он, — в лесу стоят два космических корабля. Один из них — Гай-до, мы сможем поднять его в воздух, если перенесем на него с «Днепра» контейнер с гравитонами. Так что сейчас о сне думать некогда. Пора в путь.

Сказав так, он вдруг почувствовал, что ноги у него словно ватные.

Зарница ответила, что она очень благодарна Пашке за такое самопожертвование, но не

может ему этого разрешить, ведь каждому человеку надо отдыхать. Особенно после опасных приключений.

Мимо пробежала стайка ребятишек. Они были бедно одеты, но веселы и говорливы. При виде Пашки они остановились как вкопанные. Слух о том, что в городе появился героический мальчик-инопланетянин, уже распространился во все концы.

— Можно получить ваш автограф? — спросила худенькая большеглазая девочка, протягивая Пашке дощечку, покрытую воском, и тонкую палочку.

— Конечно, — сказал Пашка, — пожалуйста.

Он взял палочку и, пока расписывался на твердом скользком воске, увидел, что к нему тянутся еще десять рук с такими же досками.

— Сейчас, — сказал он и почувствовал, что глаза у него закрываются.

— Дети, спать! — сказала Зарница. — Наш гость еще побудет в городе. А сейчас ему надо отдохнуть. Он очень устал, сражаясь с медведями.

Доктор Хруст взял Пашку под руку.

— Мой дорогой друг, — сказал он мягко, — я предлагаю пройти ко мне в дом, это совсем рядом, за углом, и несколько минут поспать.

— Но только несколько минут, не больше, — согласился Пашка.

Он не помнил, как дошел до дома профессора Хруста, как добрался до низкой короткой кровати, заснул и проспал десять часов.

Глава 25. Предательство

Алиса проснулась от того, что ее кто-то позвал.

В комнате царил голубой рассвет. За окном громко пели птицы.

— Алиса! — снова раздался отчаянный крик.

Алиса увидела, как Ирия рывком села на постели.

По лестнице застучали шаги.

Кто это? Бородач? А где Белка?

От сильного удара дверь рухнула внутрь, и комната мгновенно наполнилась вооруженными вкущецами. Несколько кинжалов нацелились в Алису и Ирию. В прорезях лиловых чадр сверкали злобные глаза.

— Вниз! — приказал один из вкущецов. — Быстро!

В саду кишмя кишели вкущецы и подслушники. Они врывались в комнаты, вытаскивали оттуда вещи, что-то искали, перекликались, ломали кусты, из кухни, гремя, вылетали кастрюли и тарелки, под навесом жались толпой пигмеи.

Ирию и Алису потащили вокруг дома. На веранде два вкущеца вязали мудреца Кошмара.

— Я ничего не знаю! — кричал он. — Ничего не видел. Я ни о чем не спрашиваю. Это мой жизненный принцип.

— Сейчас мы покажем тебе жизненный принцип.

Один из вкущецов выволок из внутренней комнаты сундук и раскрыл его. Он начал выбрасывать оттуда многочисленные вывески и куски бумаги, исчерченные корявыми знаками, — плоды деятельности мудреца.

— Не смейте! — кричал Кошмар. — Это моя мудрость!

Тут Алиса увидела Вери-Мери.

Он стоял в сторонке рядом с толстым вкушецом. Он был возбужден, покрикивал на воинов.

— Ищите! — повторял он. — Она должна быть здесь! Она не могла убежать!

— Так вот как вы держите слово! — сказала Алиса.

— А я ничего от вас не получил, — ответил, улыбаясь, Вери-Мери. — Неужели думаешь, я поверил в ваши обещания? Я сам кому хочешь могу мешок золота обещать.

И он было засмеялся, но тут же его лицо снова собралось в кулачок.

— Ищите! — крикнул он.

Мудреца подтащили к предателю и поставили рядом с Алисой.

— Вы можете подтвердить, что я вас никогда не видел? — спросил он Алису. — Это для меня жизненно важно.

Среди гама и треска ломаемых стульев Алиса услышала тихий голос, который звал ее. Алиса подняла голову: в ветвях большого дерева затаилась Белка.

— Не бойся за меня! Я позову помников, — прошептала она.

Мудрец поднял голову, проследил за взглядом Алисы и спросил:

— А кто там прячется?

— Нет, — сказала Алиса, отводя глаза от дерева. — Вы ее не знаете.

— Вот именно, — сказал Кошмар. — Незнание — высшая форма знания.

Вери-Мери был взбешен. Он бегал по комнатам, но Белку найти не смог.

Наконец вкушецам надоело обыскивать дом, который они уже полностью разграбили. Они повели пленников на улицу. У ворот Алиса в ужасе замерла.

Там поперек дорожки лежал мертвый бородач, рядом с ним повар Моро-Пари. В руке Вепря был зажат меч.

Вери-Мери мстительно сказал Алисе:

— Допрыгались! Сопротивлялись при аресте. Это у нас карается смертью.

Тут же он подбежал к толстому вкушецу, который командовал нападением, и сказал:

— Давайте их пытаться. Сейчас. Они скажут, где она прячется.

— Не вмешивайся в высшие дела правосудия, пигмей, — сказал, напыжившись, вкушец. — Кто ты такой, чтобы направлять наши действия?

— Я стараюсь, — сказал Вери-Мери. — Я сам вас сюда привел. Вы же обещали, что в обмен на преступников я получу рабыню Белку.

— Если ее нет, я не могу тебе помочь, — сказал вкушец. — Ищи ее сам.

Он приказал вести пленников к большой повозке, на которой стояла клетка. Пленников затолкали в клетку. Алиса выглянула наружу — ей показалось, что листва на большом дереве кольшется.

Мудрец дергал Ирию за рукав и повторял:

— Вы обязаны подтвердить, что я не имею отношения к вашим ужасным преступлениям.

— К каким преступлениям?

— Неважно, — сказал мудрец. — Был бы преступник, преступление у нас всегда найдется. А я чист, я в жизни не прочитал ни одного слова.

Повозка со скрипом двинулась по улице. Вери-Мери, злой, нахохленный, опухший от бессонной ночи, шагал рядом.

Он крикнул Алисе:

— Хотите остаться живыми, скажите, где Белка!

— Мы с вами даже разговаривать не хотим, — ответила Алиса.

— Вы не представляете, какой ужасной будет ваша гибель. Это хуже, чем смерть. Куда хуже.

На перекрестке повозка и ее охрана остановились. По большой улице шли войска. Ждать пришлось довольно долго.

Зрелище войска, выступающего в поход, было внушительным и в то же время, с точки зрения современного человека, смешным.

Вот верхом на быке, разукрашенном желтыми и черными полосами, видно, для того, чтобы больше походить на тигра, едет Червяк Самыйдлинный. Его худые ноги волочатся по земле. За ним нестройной толпой шагают воины с копьями и луками.

Затем шестерка коров тянет катапульту.

Вот и сам Радикулит Грозный. Его несут на золотых носилках восемь воинов. Он сидит в своем любимом зубо-врачебном кресле, и собравшиеся вдоль улиц зеваки кричат от восторга, видя такое богатство. За носилками шагают закованные в панцири телохранители, у каждого на плече сидит стервятник. Широким кольцом окружив носилки, семят подслушники, хлопая матерчатými ушами.

Вот и близнецы Кроты. Они мрачны как тучи, они бледны как смерть. Еще бы! Им приходится выступать в поход верхом на оленях. Бородач не ошибся — единороги исчезли. А может, единороги, жители вольного леса, не хотели воевать?

Топали солдаты горбуна Таракана, пели боевые песни воины госпожи Коси-косиножки, стучали копыта, ревели быки и коровы, развевались флаги и вымпелы. Оркестранты били в барабаны и дудели в деревянные трубы.

Наконец последний солдат миновал перекресток, толпа загудела — внимание зевак переключилось на повозку.

Мальчишки бежали за ней, крича:

— Ура! Сегодня будет казнь!

— Я не теряю надежды, — простонал мудрец, — что это недоразумение разрешится и меня оправдают. В конце концов для казни достаточно и вас, вы как думаете?

Алиса так не думала, поэтому ничего не ответила.

Повозка остановилась возле красного собора.

— Что здесь было раньше? — спросила Алиса у мудреца.

— Когда-то здесь была водокачка, — ответил мудрец.

— А вы откуда знаете? Вы ведь ничего не помните.

— Разумеется, не помню, — согласился мудрец. — И вообще я все путаю.

Клетку с пленниками на веревках втащили внутрь красной водокачки. Там было прохладно, сквозь дыры в крыше проникали утренние лучи солнца. Громко ворковали голуби.

С другой стороны открылась широкая дверь и выехала низкая платформа, на которой стоял резной шкаф. Дверца шкафа приоткрылась, и оттуда высунулась голова в чадре.

— Наконец-то! — раздался радостный голос Клопа Небесного. — Все здесь! И девчонка-акробатка, и дикая женщина, и даже мой старый друг мудрец Кошмар. Я рад приветствовать вас в моем храме!

— Ваше Святое Незнание! — воскликнул мудрец, подползая к прутьям клетки и дергая их. — Это недоразумение! Я спал и, как всегда, не видел никаких сомнительных снов. И вдруг меня привезли сюда. Я сначала решил, что намечена плодотворная дискуссия с вашим

Незнанием по поводу некоторых букв алфавита, но оказалось, что меня обвиняют в укрывательстве опасных преступников. Защитите меня своим могуществом!

— Разумеется, ты, как всегда, ничего не знаешь, — сказал Клоп, откидывая чадру.

— Разумеется, я ничего не знаю!

— Тогда я тебе помогу, — сказал верховный вкущец. — Я сделаю так, чтобы ты совсем ничего не знал.

— Помилуй! — зарыдал мудрец.

— Отнесись к этому философски, — сказал Клоп Небесный. — Это с тобой случается не в первый раз.

— Неужели?

— Ты и этого не помнишь?

— Конечно, не помню, конечно, не помню! — И мудрец горько зарыдал.

В зал, расталкивая вкущцов, вбежал Вери-Мери.

Хлопнула дверца шкафа — Клоп закрылся, опасаясь покушения. Воины выхватили кинжалы.

Вери-Мери, растрепанный, несчастный, подбежал к шкафу и принялся стучать в дверь.

— Откройте, ваше Неведение! — умолял он. — Это я, ваш верный раб Вери-Мери. Меня обманули. Мне обещали мешок и девушку по имени Белка, но девушку не нашли, а мешок не дали.

Дверца шкафа со скрипом приоткрылась, высунулся нос Клопа — самый длинный нос на планете. И вкущец скрипучим голосом произнес:

— Зачем ты меня испугал, глупый пигмей? Я этого не прощаю.

— Но ведь это нечестно, ваша милость! Мне обещали.

— Разве мы ему что-нибудь обещали? — спросил Клоп.

— Ничего подобного, — ответил толстый вкущец, который командовал нападением на дом мудреца. — Мы приняли его донос с благодарностью.

— Благодарность — это лишнее. Великие вкущцы никогда не благодарят. Все остальные должны быть нам благодарны за то, что еще живы и что-то помнят. Полагаю, что пигмей Вери-Мери совершил преступление, оклеветав нас, честных вкущцов, — сказал Клоп Небесный.

— А что? — задумался толстый вкущец. — Вы, как всегда, правы, наш мудрейший. Пожалуй, Вери-Мери надо арестовать.

Может, все бы обошлось, если бы пигмей не пришел в ярость.

— Как так! — закричал он. — Я всю жизнь верой-правдой служу вам, я сделал для вас столько подлостей и совершил столько предательств, а вместо благодарности вы пытаетесь меня одурачить? Нет, хватит! Я уйду. Поищите себе другого предателя. Вы ко мне еще придете, вы еще попросите...

Он повернулся и пошел прочь из собора.

— Это слишком, я этого не потерплю! — рассердился Клоп. — Он меня пугает, он мне угрожает, он вымогает у нас деньги. Взять его!

В мгновение ока вкущцы набросились на визжащего пигмея и поволокли его в клетку.

Хоть Алисино положение было несладким, она не могла скрыть удовольствия от того, как наказано предательство.

Пигмей сел на пол клетки, закрыл лицо руками и стал отчаянно ругаться сквозь зубы. В соборе было тихо. Все вкущцы слышали, как ругается пигмей.

— Пожалуй, состав преступления налицо, — сказал толстый вкущец. — Неприличные выражения в храме, попытка покушения на Клопа Небесного и гнусное вымогательство.

— Тогда начнем суд с него, — сказал Клоп.

— Согласен.

Воины вынесли длинную скамью, которую поставили рядом со шкафом. Несколько вкущцов уселись на нее, а толстяк, подняв колокольчик, что висел у него на груди, потряс им. Раздался мелодичный звон.

— Начинаем высший и справедливый суд! — воскликнул толстый вкущец.

— Начинай! — сказал Клоп, высовываясь из шкафа.

— Перед нами предстал известный негодяй и платный предатель пигмей Вери-Мери, — сказал толстяк. — Он не только выдал нам сотни людей...

— Большею частью невинных, — добавил Клоп Небесный, — о чем мы скорбим...

— Он к тому же помогал бандитам, неоднократно судимым кровожадным Кротам, ловить и продавать в рабство собственных единоплеменников.

— Позор! — крикнул кто-то из вкущцов.

— Сегодня же он, презрев все правила приличия, ужасно вел себя в нашем присутствии. Может ли быть снисхождение к такому мерзавцу?

— Нет, не может! — откликнулись вкущцы.

— К чему мы его приговариваем? — спросил толстяк.

— К беспамятству! — отозвались вкущцы, сидевшие на скамье.

— Погоди, — вмешался Клоп. — Может быть, мы его помилуем? В прошлом он сделал для нас немало полезного.

— Помилуйте! — закричал Вери-Мери, который осознал, что ему грозит.

— Мы отпустим его на свободу, — продолжал Клоп, — если он передаст нам нечестно нажитое богатство.

— Нет, только не это! — завопил Вери-Мери.

— Тогда нам не остается ничего иного...

— Приговаривается, — сказал толстяк, — преступник и изверг Вери-Мери...

— Согласен, согласен! — закричал пигмей.

— Тогда сообщи, где хранишь свои богатства, — произнес толстый жрец, который ждал такого исхода дела.

— Я скажу! Мое золото лежит под полом в большой комнате моего дома. Надо открыть вторую от двери половицу.

— Там все твое золото?

— Да, я клянусь!

— Оставайся в клетке, — сказал Клоп Небесный, — пока мои люди не принесут золото. Тогда мы тебя отпустим.

— Переходим к следующим преступникам, — объявил толстый жрец. — Вернее, к преступницам. Прибыли к нам неизвестно откуда, вели себя безобразно. Есть подозрение, что они умеют читать и потому служат подглядчицами помников.

— Девчонку помилуем, — сказал из щели Клоп. — Дикую бабу — в яму!

— Почему? — удивился толстяк, который не знал, что Алиса — акробатка. — Зачем миловать девчонку?

— Потому что она будет услаждать наш взор, — ответил Клоп. — Девчонка, покажи нам, как ты умеешь прыгать.

— Я покажу, — сказала Алиса, — если вы не будете кидать в яму Ирию.

— Я удивлен, — вздохнул Клоп и прикрыл дверь.

Все молчали. Ждали.

Минуты через две дверь раскрылась, и нос жреца высунулся наружу.

— Я решил, — сказал он, — остаться без развлечений. Казним обеих.

Толстый вкушец позвонил в колокольчик, и судьи хором воскликнули:

— Решено! Решено! Решено!

Алиса поглядела на Ирию.

— Не сердись, — сказала она.

— Что я могу сказать? — грустно ответила Ирия. — Конечно, ты поступила неразумно. Но я бы на твоём месте сделала то же самое.

И она улыбнулась Алисе.

— Дело последнее! — сказал толстый жрец. — Мудрец Кошмар, известный нам по прежним процессам и уже не единожды приговоренный. Судится за укрывательство опасных преступников, за подозрение в том, что научился читать, и за сопротивление при аресте.

— Возражаю! — закричал мудрец. — Я не сопротивлялся.

— Думаю, что выражу общее мнение, — сказал толстяк, — если скажу — в яму его!

— В яму, — согласился Клоп Небесный. — С конфискацией имущества. А где имущество?

— Уже конфисковано, ваше Незнание!

— Тогда можно казнить.

Воины повезли шкаф с Клопом к выходу. Остальные тоже потянулись к дверям.

— Когда казнить будете? — крикнул вслед вкушецам мудрец.

— Подождем, пока привезут золото пигмея, тогда и казним. Мы не задержимся.

— Ой! — рыдал пигмей. — Лишиться всего — и любви, и богатства, и репутации! И все вы виноваты! Не будь вас, жил бы спокойно!

Он с ненавистью смотрел на Алису и Ирию.

— Никто не просил нас предавать, — сказала Алиса. — Вы платите за собственную подлость.

— Что ты понимаешь, девчонка! Что ты можешь понять в душе бедного пигмея, который только своим умом и талантами смог столь многого добиться в жизни. Ты ничего не нажила, ты ничего не потеряешь. Я же теряю все!

Пигмей упал на пол и замер.

В водокачке было тихо, только под крышей ворковали голуби, мудрец сидел прямо, шевелил губами, словно читал стихи.

«Ну почему не прилетает Пашка? — думала Алиса. — Ведь нас хотят казнить!»

— Яма забвения, — шептал мудрец. — Яма забвения... Снова эта проклятая яма забвения!

Глава 26. Гай-до дождался

Проснувшись, Пашка некоторое время лежал, соображая, где он. Ему казалось, что он поспал совсем немного — полчаса, ну час, не больше. В комнате было полутемно, за дверью разговаривали шепотом — стерегли его сон.

Пашка вскочил, осторожно приоткрыл дверь и заглянул в щелку. Пигмей Хруст, похожий на мальчика, напялившего кожаную куртку и кожаные штаны, о чем-то спорил со своей женой, обыкновенной женщиной, которая хоть и была небольшого роста, но на голову возвышалась над ним.

— Никуда ты не пойдешь, — шептала она. — Тебе уже много лет. Пускай по лесам шастают молодые. Ты нужен здесь.

— Тобой движет не забота о науке, о нашем Убежище в конце концов, — горячился пигмей, — а лишь эгоистические интересы!

— Назови мне эгоистические интересы!

— Мое здоровье!

— Это не мой эгоистический интерес, а твой. Ты думаешь, что здоровье принадлежит только тебе. А оно принадлежит мне и нашим детям. Вот сейчас я их позову, они начнут рыдать, тогда посмотрим.

— Замолчи! Ты разбудишь нашего гостя!

— Его из пушки не разбудишь! — ответила жена пигмея. — Как раз он-то и бережет свое здоровье. Спит уже десять часов, а весь город ходит на цыпочках.

— Как так десять часов! — воскликнул Пашка так громко, что супруги Хрусты разлетелись от его голоса в разные стороны. — Этого не может быть! Вы что, забыли, что Алиса с Ирией в плену? Почему меня никто не разбудил?

— Молодой человек, — ответил Хруст, придя в себя, — сначала я хотел бы познакомиться вас с моей супругой.

— Очень приятно... Но...

— А во-вторых, должен заявить с полной ответственностью: ваш отдых не нарушил наших планов. Всю ночь шла подготовка к походу в лес, в которой ваше участие не требовалось.

Профессор Хруст всегда помнил, какого он маленького роста, и потому говорил очень торжественно.

— Вы меня жалеете, да? Но мне не нужна жалость!

— Я клянусь вам, Паша, что нам тотчас сообщат, как только все будет готово. Пока что у нас есть время позавтракать. Дорогая, завтрак готов?

— Готов, — мрачно ответила его жена. Но при Пашке спорить с мужем она не решилась.

— Пейте молоко, оно свежее, — сказал Хруст. — У нас в городе большое стадо коров. И хлеб мы печем.

— А сахар? — спросил Пашка.

— В этом нам потребуется ваша помощь, — сказал Хруст. — Нам очень нужны семена сахарной свеклы. Здесь мы их не нашли. Когда прилетите в следующий раз, захватите, пожалуйста.

— Обязательно, — пообещал Пашка.

Он чувствовал себя бодрым и готовым к подвигам. «Пожалуй, хорошо, что я выспался, — подумал он. — Теперь можно выходить. Чего же они медлят?»

Завтракая, Пашка разглядывал комнату. Кроме стола и табуреток в ней было несколько полок. Только стояли на них не книжки, а старые предметы. Как в запаснике музея.

— Книг мы в домах не держим, — сказал Хруст, разгадав взгляд Пашки. — Слишком большая ценность. Но когда наберется много книг, они будут в каждом доме.

— А это что? — спросил Пашка. — Музей?

— Это загадки, мой друг, — ответил Хруст. — Каждый день при раскопках, а то и просто в развалинах нам попадаются загадочные вещи. Мы не знаем их значения. Мы стараемся разгадать, что это могло значить, как это употреблялось нашими предками. Иногда случаются замечательные открытия, которые сразу на несколько лет вперед двигают нашу цивилизацию. Как рассказывают, наш первый учитель, глядя на сломанные карманные часы, изобрел колесо.

— Изобрел? — Пашка не понял.

— Конечно, изобрел, — сказала жена пигмея. — В первые годы даже этого никто не знал.

Не выпуская из руки кружки с молоком, Пашка поднялся и подошел к полкам. Предметы, что лежали там, были поломаны, некоторые заржавели, от других остались только детали.

— Во многих наших домах, — услышал он голос Хруста, — есть такие полки. Надо все время смотреть на вещи, и тогда тебя может озарить...

— Я знаю, что это такое! — сказал Пашка, подняв небольшой ржавый металлический конус, днище которого было усеяно мелкими отверстиями.

— Скажи, скажи! — воскликнул Хруст. — Я бьюсь над этой проблемой уже третий год!

— Это наконечник от садовой лейки, — сказал Пашка. — Если соединить его трубкой с ведром, то можно разбить струю воды на много струек и поливать овощи.

— Гениально! — воскликнул Хруст. — Искусственный дождь! Спасибо, Павел Гераскин! Не хотел ли бы ты вернуться к нам консультантом по загадочным предметам?

— Я постараюсь, только на каникулах, сейчас мне в школу надо возвращаться.

— Похвально, — сказала строгая жена Хруста, — что у некоторых людей еще сохранилось чувство ответственности.

В комнату заглянула Зарница.

— Доброе утро, — сказала она. — Вы уже встали?

— Я готов, — ответил Пашка.

Зарница положила на табуретку мешок.

— Здесь одежда для путешествия по лесу, — сказала она. — Твой костюм уже совсем изорвался.

Пашка убежал в маленькую комнату и там быстро переоделся.

Помники все подобрали по размеру. И кожаную куртку, и штаны. Только башмаки Пашка переодевать не стал. Его собственные еще были крепкими.

— Ну вот ты и настоящий помник, — сказала Зарница, увидев его. — Пошли?

Пашка поблагодарил госпожу Хруст за завтрак, и они вышли на улицу.

На улице прямо на мостовой сидело человек двадцать молодых помников. Некоторые дремали, другие читали или писали что-то на восковых дощечках. В сторонке по земле прогуливались две белые птицы, тихо беседуя о чем-то. И с первого же взгляда было ясно, что они давно ждут сонливого инопланетянина.

— Так я и знал! — возмутился Пашка. — Мы потеряли время из-за вашей ненужной деликатности.

— Вы вчера так устали, — смутилась Зарница.

— Это не довод!

— Но вы — наш гость, — сказал Хруст. — И еще очень молоды.

— Хорошо, я принимаю ваши извинения, — сказал Пашка. — Но прошу, чтобы это было в последний раз. Пора в путь.

— Паша, — сказала Зарница, — мы хотели рассказать, как мы планируем поход. Конечно, лучше было бы всем полететь на птицах, но здоровых птиц в городе всего две.

— А как себя чувствует Альта? — спросил Пашка.

— Ей лучше, — сказала Алина. — Но она еще долго не сможет летать.

— Вот карта нашего леса, — продолжала Зарница, расстилая прямо на мостовой большую грубо нарисованную карту. — Ты можешь показать, в каком месте вы вышли к реке?

— Разумеется, — ответил Пашка. — Мы вышли там, где стоит дом перевозчика, в котором живет ваша подглядчица Речка.

— Это какая Речка? — спросила Хруст Зарницу.

— Сестра Ручейка, — ответила Зарница. — Моя ученица.

И она указала на точку на берегу реки, где маленький черный квадратик изображал хижину перевозчика.

— Мы вышли под прямым углом к реке, — сказал Пашка. — А шли примерно два часа. Следовательно... — Пашка провел линию в глубь леса. — Какой у вас масштаб?

— Один к десяти тысячам, — сказал Хруст.

— Значит, примерно здесь. — Пашка показал точку в лесу и ногтем отчеркнул крестик.

— Вы правы, — сказала Зарница. — Беспмятные космонавты были найдены нами вот здесь... — И она показала на точку километрах в трех от места падения «Днепра».

— Отсюда, — сказала птица Алина, которая подошла к карте и заглядывала поверх голов, — лететь три дня, не меньше.

— Три дня? — удивился Пашка.

Хруст улыбнулся.

— Не слушайте, Паша, наша уважаемая Алина, к сожалению, не умеет считать.

— Мне это не нужно, — сказала птица. — За меня считают другие.

— Значит, план таков, — сказала Зарница. — Паша Гераскин и Хруст летят на птицах туда, где должны быть корабли. Как только они их находят, Хруст возвращается к основной группе, которая тем временем движется в этом же направлении.

— А контейнер с топливом, о котором вы говорили, он тяжелый? — спросил Копье. — Сколько он весит?

— Честно говоря, — смутился Пашка, — я не знаю. И как его переносить, тоже не знаю. Но мы спросим Гай-до. Это наш маленький корабль. Он все расскажет.

— Корабль расскажет? — удивился Хруст.

— Он разумный, — ответил Пашка.

— Корабли не бывают разумными, — сказала птица Алина.

И Пашка не стал с ней спорить.

— Все равно надо брать повозку, она может понадобиться, — сказала Зарница.

Повозка — широкая телега на деревянных колесах, запряженная двумя быками, — стояла за углом.

Молодой помник вскочил на облучок и крикнул быкам:

— Трогай!

Остальные пошли следом за телегой. Копье остался с Пашкой и Зарницей.

— Держи, — сказал он, протягивая Пашке большой кинжал в кожаных ножнах.

— Спасибо, — обрадовался Пашка, который любил ходить по диким планетам вооруженным. Он прикрепил кинжал к поясу.

— Увидимся, — улыбнулся Копье, поправляя на плече большой лук.

— Счастливого пути, — сказала Зарница.

Птицы подошли поближе и присели, чтобы Пашка и Хруст могли на них влезть.

— Хорошо сидишь? — спросила Пашку Алина.

— Хорошо, — ответил Пашка.

И она, легко разбежавшись, взмыла в небо.

Город уходил вниз. Вот улица, по которой за повозкой, запряженной быками, бредет группа помников. Вон там стайкой бегут в школу дети, вон начали трудиться археологи. Но больше всего народу на валу, они готовятся к бою с поклонами.

«Хорошо, что я прилетел, — подумал Пашка. — Теперь помников никто не застанет врасплох».

Птица, которая несла Хруста, летела совсем рядом и переговаривалась с Алиной о том, какие ягоды созрели в какой-то роще, о том, что у Альты маховые перья линяют...

— Ваша жена так волнуется о вас! — крикнул Пашка Хрусту.

— Что поделаешь! — ответил пигмей. — В наши дни мужчина должен рисковать. А кто, кроме меня, полетит с вами!

— А разве другие не летают?

— Глупый, — сказала Алина. — Мы же тоже не железные. Мы взрослых не возим, надорвемся. Тебя или Хруста — пожалуйста, а уж Ручейка мне не поднять, только Альта может, она самая сильная.

— Нас мало осталось, — сказала вторая птица. — Нас надо беречь.

— Скажите, пожалуйста, — спросил Пашка, — а почему вы не летаете в столицу? Ведь это бы ускорило связь?

— Глупости, — сказала Алина. — Я никогда туда не полечу.

— Ее лучший друг, Алон, погиб возле столицы, — сказала вторая птица. — И попрошу вас не задавать больше горьких вопросов.

Птицы замолчали.

А Хруст сказал:

— Столицу охраняют прирученные стервятники. Нашим птицам там нельзя появляться.

— Не надо, не надо о печальном! — воскликнула Алина.

Под ними уже тянулся сплошной лес. Справа, вдалеке, была видна полоса реки. Пашке показалось, что он увидел над деревьями холм и на нем башню обсерватории. Но, может, он ошибся.

Впереди что-то блеснуло.

— Смотрите! — воскликнул Пашка. — Это «Днепр»!

И в самом деле, внизу, в переплетении поваленных деревьев и разорванных лиан, лежал громадный космический корабль.

— Ура! — закричал Хруст. — А я, честно говоря, сомневался...

— Вы не верили?

— В чудо трудно поверить, — отозвался Хруст.

— Теперь медленнее! Не пропустить бы, — сказал Пашка. — Там должна быть поляна...

Вот и поляна. Посреди нее стоит любимый, дорогой, покинутый, одинокий Гай-до.

— Гай-до, друг! — закричал Пашка. — Я к тебе прилетел!

И услышал снизу громкий голос корабля:

— Пашка! Какое счастье! Я чуть не умер от тоски и беспокойства.

Конечно, космические корабли не умирают от тоски и беспокойства, но Пашка понимал чувства кораблика.

— Снижаться? — спросила Алина.

— Конечно, и скорее. Мой друг ждет нас.

— Это кто ваш друг? — спросила птица. — Это железное яйцо — ваш друг?

— Конечно. И он может летать быстрее вас и выше вас, даже к звездам.

— Железные яйца не летают, — категорически ответила Алина.

Они опустились на поляну неподалеку от Гай-до, и обе птицы, как только люди сошли с них, отлетели на почтительное расстояние.

Обернувшись на их кудахтанье, Пашка понял, что причиной испуга птиц был не сам Гай-до, а громадная драконья голова, что лежала на траве в метре от Гай-до. Пасть была разинута, из нее торчали желтые кинжалы зубов, красные глаза остекленели.

Вместо того чтобы вбежать в корабль и рассказать ему, как он соскучился, Пашка изумленно спросил:

— Это еще что такое?

— Прости, — смущенно ответил кораблик. — Я понимаю, что с точки зрения экологии я совершил непростительную ошибку. Назовем ее даже преступлением. Но я, как ты понимаешь, совершенно неподвижен и не могу гоняться за драконами. Пожалуйста, сформулируй мое преступление как превышение пределов разумной обороны...

— Что ты несешь, Гай-до! — прервал его Пашка. — Мне совершенно не жалко здешних драконов.

— И нам не жалко, — ответил профессор Хруст, — слишком много их развелось в лесу. Житья от них нет!

— Как тебе удалось отрубить ему голову? — удивился Пашка.

— Понимаешь, когда эта тварь вылезла из леса и стала обдавать меня вонючим огнем из всех трех голов, шатать и бить когтями, я долго терпел. Я ему объяснял на всех известных мне языках, что несъедобен. Обычно драконы на меня не нападают, потому что об меня только зубы обломаешь... Можешь поверить, что я старался быть рассудительным. Но когда он совсем обнаглел и попытался прогрызть мой корпус, мне пришлось выпустить манипуляторы и придержать его голову. И вдруг — ты не поверишь! — он отбросил ту голову, которую я держал, и удрал в лес!

— Голову?

— Ничего удивительного, уважаемый Паша, — сказал профессор Хруст. — Некоторые ящерицы отбрасывают хвост. А драконы умеют в минуту опасности отбросить голову. Иногда рыцари устраивают ловушки на драконов, а когда дракон попадет в ловушку и отбросит голову, рыцарь возвращается в свой замок и рассказывает, что он эту голову отрубил. Хотя на самом деле ни одному рыцарю не удалось еще победить дракона.

— Вы очень подробно все объяснили, маленький человек, — сказал Гай-до. — Я вижу в вашем лице представителя местной науки. Вы сняли с меня моральную тяжесть и потому разрешите мне поблагодарить вас за внушительный вклад в космическую драконологию.

— Ну что вы, — смутился профессор. — Я драконами не занимаюсь. Мой профиль — домашний скот.

— Тем более меня поражает широта ваших познаний. Я буду рад познакомиться с вами. Меня зовут Гай-до.

— Профессор Хруст. Родом из пигмеев, — ответил карлик. — Я рад встретить столь образованный корабль.

Пашка понял, что Гай-до и Хруст могут хвалить друг друга до вечера. А времени нет.

— Послушай, Гай-до, — прервал их разговор Пашка, — нам надо спешить...

— Я понимаю твоё нетерпение, Паша, — ответил кораблик. — Но вежливость отличает воспитанное существо от нецивилизованного. Надеюсь, ты не захочешь погубить мою репутацию?

Даже птицы, которые все ещё жались к кустам, удивленно распахнули клювы, слушая такой изысканный монолог.

— Если на вашей планете такие корабли, — сказал профессор Хруст, — то теперь я понимаю, откуда получаются такие герои, как вы, Павел Гераскин.

— Что ты натворил? — обеспокоенно спросил Гай-до. — Рассказывай!

— Некогда рассказывать! Нам надо как можно скорее поднять тебя в воздух. Ирия и Алиса в плену, все остальные потеряли память!

— Так я и знал! — возопил кораблик. — Ни на минуту вас нельзя оставить одних! Скорей летим!

— Сначала надо тебя заправить, — ответил Пашка. — Скажи, контейнеры с гравитонами очень тяжелые?

— Запасные контейнеры с гравитонами очень невелики. Не более полуметра в поперечнике, включая защитную оболочку. Но вес их... — Гай-до на секунду замолчал, заглядывая в свой компьютер. — Вес их триста двадцать килограммов. Мне достаточно одного контейнера.

— Триста двадцать — это много? — спросил Хруст.

— С чем бы сравнить? Это восемь раз мой вес, — ответил Пашка.

— Не так много, — сказал Хруст. — От корабля «Днепр» до этой поляны примерно тысяча шагов. Можно отнести контейнеры на носилках. Десять юношей донесут?

— Конечно, — сказал Пашка.

— Тогда я немедленно лечу навстречу нашим друзьям. Часа через два они будут здесь. Но как найти этот... контейнер?

— Летите, профессор, — сказал Пашка. — А мне оставьте Алину. Мы с ней подлетим к «Днепру» и там будем вас ждать.

— Отлично! — сказал профессор Хруст. — Люблю деловых людей. Я сам деловой человек.

— А я тогда пока слетаю позавтракать, — сказала Алина. — Здесь недалеко я видела отличные ореховые кусты. Тем более что мне не хочется проводить время в обществе драконьих голов и железных яиц, которые называют себя летающими кораблями. Хотя вряд ли они умеют летать.

Алина презрительно фыркнула и взлетела.

Пашка с Гай-до остались одни.

— Заходи в меня, — сказал Гай-до, — на тебе лица нет.

Пашка не заставил себя долго просить. Он взобрался в гостеприимно раскрытый люк своего друга. Внутри все было по-старому, даже запах сохранился: запах ванили, молока и детской присыпки. Ведь совсем недавно здесь стояла кровать Вандочки. Вот и объемная

фотография девочки — сейчас засмеется. И Пашке стало грустно, когда он подумал, что отец этой девочки потерял разум, а мать сидит закованная в кандалы в неизвестном подвале.

— Открывай холодильник, — сказал Гай-до, — там твои любимые сосиски. Соскучился, наверное, по домашней пище. А я пока плиту в камбузе включу. Ты не спеши рассказывать, ты все обдумай, ты меня не пугай, но только правду говори...

Голос Гай-до оборвался.

Пашка понял, как переживает кораблик и как старается держать себя в руках.

«Он же не знает, в каком я состоянии, — думал Пашка, — может быть, я потеряю сознание от страха и отчаяния, а может, у меня полное душевное опустошение. Сейчас он предложит мне провести медицинское обследование».

Только Пашка открыл холодильник и достал оттуда сосиски, как услышал голос Гай-до:

— Пашенька, у тебя не будет свободной минутки? Мне так хотелось проверить, не барахлит ли диагност? Это займет всего несколько минут...

— Не хитри, Гай-до, — сказал Пашка, проходя в камбуз и бросая сосиски в закипевшую воду. — Не волнуйся за меня. Я в норме, нервы в порядке, чувствую себя отлично. Давай я лучше расскажу тебе о наших злоключениях.

Пашка рассказывал долго, Гай-до не прерывал его, лишь иногда вздыхал или ахал. Он все принимал близко к сердцу и очень огорчился, что стоял в лесу, когда его друзья подвергались таким страшным опасностям.

Пашка за время рассказа съел полкило сосисок, выпил литр ананасового сока и сожрал коробку сладкого печенья. Но сам этого даже не заметил. Наконец его рассказ подошел к концу.

— Должен тебе сказать, что я тоже не терял времени даром, — заявил Гай-до, когда Пашка закончил свой рассказ.

— Сражался с драконами?

— Сражения с драконами заняли лишь полпроцента моего времени, — серьезно ответил кораблик. — Кроме того, мне пришлось отразить нашествие метровых муравьев, нападение ядовитых улиток и наскок коррозионных микробов, которые хотели превратить меня в ржавчину. Но главное — я думал. И теперь, когда ты мне все рассказал, мне стала абсолютно ясна причина болезни наших с тобой друзей.

— Ты догадался?!

— Да... Разумеется, это потребовало некоторой изобретательности и серьезных размышлений. Ты помнишь, как на высоте восьми километров от планеты мы брали образцы забортного воздуха, подлетая к Крине?

— Помню.

— Что-то почти неуловимое в анализах мне тогда не понравилось. Должен тебе сказать, что интуиция меня не обманула, и я недаром окружил себя силовым полем. Смею думать, что это дало нам возможность спокойно сесть на Крину. Пока я сидел и ждал вас в лесу, я размышлял над этим происшествием. И в результате решил провести небольшой эксперимент. С помощью манипулятора я поймал двух мышей и поместил их в маленький несложный лабиринтик, выход из которого мыши легко находили. Но стоило мне заполнить эту мышеловку воздушной пробой, взятой нами на восьмикилометровой высоте, как мыши стали метаться и уже не могли выйти из лабиринта, они напрочь забыли, где находится выход. Значит, рассуждал я, там, в атмосфере, на этой высоте существует некая субстанция, которая заставляет живые существа терять память. Это не вирусы. Это даже не газ — газу не

проникнуть в корабль. Это разновидность биологического поля. И оно словно пелена окутывает планету на высоте восьми километров.

— Значит, экипаж «Днепра» попал под действие такого поля и потерял память?

— Именно так!

— А на планете никто не знает, что существует такой слой. Они уже двести пятьдесят лет никуда не летают. Но зато у них есть какие-то колодцы и провалы, попадая в которые человек становится бе-пе — беспмятным.

— Молодец! — воскликнул Гай-до. — Между колодцами и слоем есть связь. Я измерил движение слоя и подсчитал, что он постепенно поднимается над планетой. Ровно двести пятьдесят лет тому назад он вплотную прилегал к поверхности Крины. Понял?

— Начинаю понимать! — сказал Пашка.

— А допусти, — воскликнул Гай-до, — что двести пятьдесят лет назад планету окутало поле беспмятства! И люди мгновенно все забыли. Тогда ты можешь объяснить, почему они до сих пор, за исключением кучки упрямых помников, не умеют читать. Ты же сам говорил, что какой-то их учитель изобрел колесо! Представляешь, как все забыто! Поэтому их так мало на планете. Ведь люди без памяти легко погибают, как погиб наш бедный Меркурий.

— Это великое открытие! — воскликнул Пашка. — Ты гений, Гай-до!

— Я давно об этом подозревал, — ответил кораблик скромно. — Кстати, Пашка, ты тоже молодец. И с ракетами ты великолепно придумал.

Собеседники были довольны друг другом.

Послышался стук в стенку корабля.

— Там птица, — сказал Гай-до, — твоя голубоглазая глупая птица, которая полагает, что я не умею летать. Она тебя зовет.

— Значит, мне пора лететь. Помники уже подходят к «Днепру».

— Тогда слушай, как пробраться в резервный топливный отсек и извлечь контейнер...

Через десять минут Пашка подлетал к «Днепру». Как раз в это время, запыхавшиеся и измученные, из леса вышли помники. Пашка провел их в «Днепр», поразивший помников своими размерами и техническим могуществом. Общими усилиями они вытащили наружу контейнер, и еще через полчаса Гай-до мог сказать:

— Я готов к полету. Прошу всех желающих на борт.

Разумеется, все помники забрались внутрь Гай-до, стало ужасно тесно, но было очень весело. Гай-до за те несколько минут, что занял полет до города, развлекал гостей как мог, показывал им фильм о Земле, напоил с Пашкиной помощью ананасовым соком, сделал для них мороженое и успел поговорить на научные темы с доктором Хрустом. Пашка слушал их разговор краем уха, но уловил забавную фразу Гай-до, которая позволила ему заглянуть в душу корабля.

— Вы невелики ростом, — сказал Гай-до, — по человеческим меркам.

— Да, к сожалению, это так, — вздохнул Хруст. — Даже жена выше меня.

— А я невелик по корабельным меркам. Ах, сколько мне приходится выслушивать обидных слов от роботов и диспетчеров! А я ничем не хуже громоздкого дурака, вроде этого «Днепра». А вы, наверное, не глупее местного короля.

— С королем не сталкивался, — сказал профессор, — но отлично вас понимаю.

— Нам, маленьким, надо держаться друг друга.

— О, как я вас понимаю! — воскликнул профессор.

Птицы летели над Гай-до, постепенно отставая, хоть изо всех сил работали

крыльями, — им не хотелось признать, что с того момента, как на Крине появилось это железное яйцо, они перестали быть самыми быстрыми существами на планете. Они прилетели уже после того, как Гай-до, к изумлению жителей Убежища, опустился на площади перед Главным домом.

Зарница предложила послать вместе с Гай-до в столицу нескольких молодых стрелков. Но Гай-до отказался. Он знал, что каждый защитник в Убежище на вес золота.

— Спасибо, — сказал он. — Мы с Пашкой вдвоем справимся. У нас есть опыт.

Глава 27. Казнь забвения

Видно, времени прошло немного. Может, час, может, чуть больше. Алиса так устала, что ей уже было все равно. Нет, она не собиралась умирать. Страна эта, хоть и страшная, все равно казалась сном, сказкой. Ей было жалко бородача и веселого повара, но непонятно, существовали ли они или приснились... Рядом бормотал мудрец, и конец его бороды лежал, завившись белым червем, на грязном полу клетки. Скорей бы уж все это кончилось!

Вошли четыре вкущеца, встали по сторонам дверей, как почетный караул. Клетка дрогнула, сзади ее толкали слуги. Дребезжа и раскачиваясь, клетка выехала в дверь и оказалась на площади. Площадь была залита солнечным светом, по яркому голубому небу плыли легкие облака. Внизу было видно бескрайнее море.

Вокруг площади стояли толпы народа. Удивительные люди, беспамятные, готовые к любому развлечению. Вчера они бежали на невольничий рынок, на рассвете провожали войска, сейчас собрались глазеть на казнь.

Под крики толпы клетку подтащили к низкой балюстраде — каменному кольцу шириной метра в три, окружавшему колодец или вход в шахту. Над колодцем, упираясь многометровыми лапами в кольцо, поднимался треножник, к которому была подвешена небольшая платформа со столбом в центре. Справа, неподалеку от кольца, была трибуна, на которой возвышался большой куб, накрытый черным полотнищем с намалеванным человеческим лицом, с повязкой на глазах, завязанным ртом и заткнутыми ушами.

По сторонам этого сооружения стояли в два ряда вкущецы.

— Смотри-ка, — сказал Вери-Мери, — какой большой сбор ради вас. Обычно попроще это бывает.

— А что это? — спросила Ирия.

— Как что? Казнь.

— Людей кидают в шахту? — спросила Ирия.

— Нет, не кидают, — засмеялся Вери-Мери, — а опускают и поднимают. У вас что, не так?

— Не так.

— А я думал, что везде, где есть вкущецы, они так казнят.

— У нас нет вкущецов.

— Так я и знал! Ведьмин корень, вот ты кто! — сказал пигмей и постарался отодвинуться. Хотя как отодвинешься в клетке в два квадратных метра.

Алисе казалось, что все это происходит не с ней, с другим человеком, а она смотрит кино. Даже не очень страшное.

Вкущецы были в лиловых тогах, глаза сверкали сквозь отверстия в чадрах. Толстый вкущец вышел вперед, стукнул золотым посохом о помост и воскликнул:

— Начинается главная казнь этого года! Великая казнь, посвященная началу победоносного похода нашего славного воинства против логовища помников!

Народ на площади зашумел, некоторые хлопали в ладоши. Другие молчали.

— Командует казнью специально прибывший для этого в столицу великий Клоп Небесный, Гроза разума.

И при этих словах вкушецы стащили полотнище с куба, и под ним обнаружился уже знакомый Алисе шкаф.

Дверцы шкафа распахнулись, и оттуда вышел Клоп Небесный.

Народ на площади пал ниц.

И было из-за чего. На Клопе была высокая, золотая, в драгоценных камнях тиара, а одежды усыпаны драгоценностями. Он был без чадры, но в черных очках.

— Эти жертвы, — сказал Клоп, — мы приносим на алтарь победителей. Пусть они укажут путь в неведение всем помникам, которых вы скоро увидите на этой площади.

Затем Клоп Небесный обернулся к своему толстому помощнику.

— Кто у нас первый? — спросил он. — Начинай.

С этими словами он отступил назад, встал в шкаф и прикрыл дверцу.

— Первым будет казнен закоренелый помник, скрывающийся под видом благородного мудреца. Это не мудрец, а подколодный зайчик, ядовитый соловей, пожиратель трупов — колибри!

— Не надо! — закричал мудрец. — Друзья мои, коллеги, подтвердите, что я не умею читать, что я в жизни книги в руках не держал!

Мудрец кричал, обращаясь к небольшой группе мудрецов в высоких цилиндрах и черных траурных одеяниях, которые стояли в толпе.

— Освободите его! — крикнул из толпы второй мудрец. — Он не виноват.

— Если он не виноват, — сказал толстый вкушец, — тогда ему бояться нечего. Он ничего не знал и ничего знать не будет. Разве не в этом высшая мудрость мудрецов?

— Но жизненный опыт! Вы забыли о жизненном опыте Кошмара!

— Снова наберет, — отмахнулся от защитников жрец.

— Странная казнь, — сказала Алиса Ирии.

— Я тоже ничего не понимаю.

Вкушецы распахнули дверь клетки, ловко подхватили визжащего мудреца и поволокли его к колодцу. Платформа на треножнике покачнулась и поползла вниз. Один из жрецов захватил ее крюком за трос и подтянул к каменному кольцу. Вкушецы затащили мудреца на платформу и быстро прикрутили к столбу. Тут же спрыгнули с платформы, и по знаку толстяка она снова поднялась и повисла над центром колодца.

Клоп Небесный высунулся из шкафа и махнул белым платком.

Платформа начала медленно опускаться вниз, мудрец вопил, остальные мудрецы стонали, закрыв лица руками.

— Я боюсь! — вдруг вырвалось у Алисы, и она прижалась к Ирии. — Они хотят его сжечь. Там огонь.

— Не бойся, девочка, — сказала Ирия. — Все будет хорошо.

Она обняла Алису и крепко прижала к себе.

Вопящий мудрец скрылся за бортом колодца, и вкушецы подбежали к краю, стали заглядывать внутрь и кричать:

— Ниже! Еще ниже!

Любопытные из толпы тоже пытались прорваться к колодцу, но вкущецы их не пускали. Крики мудреца вдруг оборвались. И на площади стало тихо.

— Все, — сказал толстяк. — Казнь свершилась, справедливость восстановлена. Да здравствует неведение и беспамятство!

Он обернулся к толпе, поднял руки и громко возгласил:

— Мы ничего не видим!

— Мы ничего не видим! — подхватили люди на площади.

— Мы ничего не слышим!

— Мы ничего не слышим...

— Мы ничего не знаем!

— Мы ничего не знаем...

— Мы никогда не возражаем!

— Мы никогда не возражаем... не возражаем... не возражаем...

Вкущецы принялись энергично крутить лебедку, и платформа стала подниматься. Вот из-за края колодца показалась голова мудреца. Он был жив и вроде бы невредим. Толпа встретила его появление возгласами. Мудрец стоял совершенно спокойно, глупо улыбался, словно забыл, что только что отчаянно сопротивлялся.

Платформу подтянули к борту колодца, мудреца освободили от пут. Он остался стоять на месте, словно не знал, куда идти.

Вкущецы свели его под руки на площадь и подвели к помосту.

— Ты кто? — спросил из шкафа Клоп.

— Не знаю, — ответил мудрец и улыбнулся. — Понятия не имею.

— Как зовут тебя, ничтожество?

— Ничтожество, — согласился мудрец.

— Где ты живешь?

— Я живу? Где я живу?

— А куда ты пойдешь?

— Я никуда не пойду, — ответил мудрец.

Под аплодисменты зрителей жрецы разрешили мудрецам подойти к своему коллеге и увести его. Мудрец шел не оборачиваясь, загребая ногами, словно разучился ходить.

— Что с ним случилось? — спросила Алиса.

— Я знаю, — сказала Ирия, — они лишили его памяти.

— А что, раньше не догадалась? — спросил пигмей. — Мне говорили, что его уже пять раз лишали памяти, а он все равно остался мудрецом. Они такие живучие... Года не пройдет, как он снова начнет учить людей, как надо жить.

— И это они хотят сделать с нами? — спросила Алиса.

— Это то, что случилось с Тадеушем, — сказала Ирия. — И со всеми нашими друзьями. Значит, Ручеек прав — они тоже попали в такой колодец.

Тут на площадь прибыла странная процессия. Три быка тащили большую телегу, на которой горой было навалено всевозможное барахло.

Пигмей кинулся к решетке клетки, вцепился в нее и закричал:

— Так мы не договаривались! Вы сказали: только золото. А не вещи. С вами нельзя договориться честно.

— Что такое честность? — спросил толстый вкущец. — Мы не помним такого слова. Господин Клоп Небесный, мы обещали что-либо этому ничтожному пигмею?

— Не помню. Я — вкушец забвения.

— Вы меня ограбили! — закричал пигмей, кусая прутья.

Толпа на площади покатывалась со смеху. Ясно было, что пигмея многие знали и никто не любил.

— Так ему и надо! — кричали люди.

За телегой шли солдаты, волоча несколько тяжелых кожаных мешков. Они подходили к помосту, кидали на него мешки, и те с тяжелым стуком падали возле шкафа.

Клоп Небесный присел на корточки, жадными дрожащими пальцами он развязал один из мешков, и из него посыпались золотые монеты, слитки, украшения, драгоценные камни.

Толпа зашумела, завопила.

— Все! Я разорен! Я погублен! — кричал пигмей. — Дайте только мне выйти отсюда, я до вас доберусь! Я за каждым из вас знаю такие делишки, что господин Радикулит всем вам головы отрубит. У меня все записано!

Это последнее, вырвавшееся в запальчивости слово и погубило коварного пигмея.

— За-пи-са-но? — медленно произнес, выпрямляясь, Клоп Небесный. — Значит, ты тоже агент, лазутчик помников.

— Нет! — спохватился Вери-Мери. — Я в переносном смысле, я ничего никогда не записывал. Я не умею!

— Казнь подглядчику! — закричал Клоп, прыгнул в шкаф и захлопнул за собой дверцу.

— Казнь! — требовали жрецы.

— Казнь! — кричали в толпе.

Алиса не выносила предателей, а уж Вери-Мери особенно. Но когда его, плачущего, сопливого, протащили к платформе, она не выдержала и крикнула:

— Пожалейте его, может, он еще исправится! Вы же у него все отняли!

— А мы его и собираемся исправить. Причем самым решительным образом, — ответил толстый вкушец.

Он подождал, пока платформа с Вери-Мери скроется в колодце и крики пигмея прекратятся, затем в наступившей тишине сказал:

— Здесь одна из обвиняемых обвинила нас в жестокости. Она сказала, — жрец показал на Алису, — что наша казнь ужасна. Так ли это?

— Так! — крикнул с площади молодой голос.

— Не так, — перебили его другие голоса.

— Объясняю, — произнес толстый вкушец. — Нет ничего добрее и гуманнее, чем наша казнь. Мы не приносим человеку никакого вреда, а возвращаем его обществу живым и здоровым. Мы только извлекаем из него все плохое, что он накопил в своей душе: склонность к преступлениям, жестокость, жадность, стремление к заговорам, желание жить лучше, чем живут поклоны и господа вкушецы, преступную страсть к чтению или знаниям. Мы ничего у него не отнимаем хорошего и полезного. Разве он разучивается есть? Нет, он умеет есть и спать, ходить и стоять. Со временем он научится полезному ремеслу и вернется в общество перековавшимся, полезным существом. Да здравствует мудрость казни беспамятства!

В толпе раздались приветственные крики и свист.

Платформа с Вери-Мери поднялась. Он стоял у столба, крутя головой. В глазах его был ужас.

— Кто эти люди? — спросил пигмей. — Они хотят меня убить!

Глава 28. Возвращение единорогов

Профессор Хруст попросил Пашку подвезти его к дому. На одну минутку.

— А то жена волнуется, — смущенно сказал он.

— Понимаю, — ответил Пашка.

Хруст не зря беспокоился. Его жена стояла на пороге дома, скрестив руки на груди, и даже при виде Гай-до не дрогнула.

Гай-до осторожно спустился на улицу и открыл люк. Профессор выглянул наружу и игриво крикнул:

— Кисочка, я здесь! Я вернулся, я здоров!

— Вернулся — иди в дом! — ответила жена и скрылась в дверях.

— Вот видите, — развел руками пигмей. — Но она меня любит. До скорой встречи.

Он выпрыгнул из корабля и побежал к дому. В дверях он столкнулся с женой, которая вновь возникла на пороге. На этот раз она держала в руке какой-то предмет, завернутый в белую тряпочку.

— Твой мальчишка здесь? — спросила она.

— Паша? Паша летит спасать своих друзей. Все в порядке!

— Ребенок голоден, — мрачно сказала жена. — Отдай ему пирог.

И она снова ушла.

Пигмей кинулся обратно к Гай-до. Он отдал Пашке сверток и сказал:

— Вот видишь, а ты ее упрекал.

Хотя, разумеется, Пашка ни в чем не упрекал жену пигмея.

Гай-до резко поднялся ввысь, и Пашка, сев в пилотское кресло, заложил в навигационный компьютер оптимальный маршрут до столицы.

— Где мы их будем искать? — спросил кораблик.

— Не знаю, — признался Пашка. — Я сам в столице не был. Я думаю, что мы опустимся где-нибудь на окраине, и я пойду в Город искать их.

— Глупости, — сказал Гай-до. — Ты сгинешь, а мы потеряем время.

— А что ты предлагаешь?

— Открытый полет. Мы летим с законной целью: спасти из рабства наших близких. Следовательно, мы опускаемся на их главной площади и задаем прямой вопрос: что вы сделали с Алисой и Ирией?

— А они не ответят?

— Они испугаются. Они же темные.

Убежище пропало из глаз, начался густой лес. Две белые птицы поравнялись с Гай-до и, отчаянно работая крыльями, пытались его обогнать.

— Не старайтесь! — крикнул им Гай-до. — Сейчас я прибавлю скорости, надорветесь!

— Яйцо железное! — крикнула в ответ упрямая Алина. — Ты сейчас упадешь, у тебя крыльев нет.

Почему-то белых птиц больше всего возмущало то, что у Гай-до не было крыльев.

— Забавные создания, — сказал Гай-до. — Но настолько глупы, что мне порой бывает стыдно, что я принадлежу к их породе.

— Ты? — спросил Пашка.

— Разумеется. Еще у моего прадедушки были крылья. Его называли самолетом.

Птицы держались рядом — Гай-до жалел их.

Вдруг одна из них крикнула:

— Смотри вниз! Какой ужас!

Пашка включил нижний экран, но ничего не увидел в сплошном зеленом море листвы.

А птицы уже снижались к вершинам деревьев.

— Гай-до! — закричала Алина. — Чего же ты медлишь? Помоги, яйцо железное!

— Давай посмотрим, что там, — сказал Пашка.

— Без тебя знаю, — ответил Гай-до и начал опускаться вниз.

Он коснулся верхней границы листвы. Пашке показалось, что он слышит, как шуршат листья и трещат ветки. Вскоре внизу открылось пространство, спрятанное под кронами, словно они влетели в громадный полутемный храм, в котором колоннами служили прямые стволы деревьев.

И тогда Пашка увидел то, что раньше высмотрели птицы: по лесу бежал Ручеек.

Он перебегал от ствола к стволу, отбиваясь от преследователей — стай коротких полосатых ящериц на длинных мускулистых лапах с массивными, похожими на крокодильи головами. Ящерицы были размером со среднюю собаку, и, наверное, каждая в отдельности была не очень опасна для вооруженного человека, но когда их больше десятка!..

Ручеек, как видно, бежал из последних сил. Он прихрамывал, движения его были неточными, ящерицы яростно насакивали на него. Вот самая смелая бросилась вперед, широко разинув желтую пасть, усеянную треугольными зубами. Все же блеск меча заставил ее отступить и спрятаться в стае.

— Ручеек! — закричал Пашка. — Держись!

Птицы опередили Гай-до, они с трудом летали между стволами, задевая деревья концами громадных крыльев, и отчаянно кричали. Ящерицы при виде птиц остановились. Они поднялись на задние лапы, опираясь на короткие хвосты, будто надеялись сбить птицу, если она опустится слишком низко.

И тут в битву вмешался Гай-до.

Он включил свою оглушительную сирену, перепугав не только ящериц, но и птиц, которые с криком взмыли вверх, и Ручейка, не понявшего, откуда идет такой страшный вой.

В следующую секунду Гай-до коснулся земли. Пашка включил внешний микрофон и закричал:

— Не бойся, Ручеек, это я, Павел Гераскин!

Ящерицы постыдно улепетывали.

Пашка выскочил из люка и подбежал к Ручейку.

— Ты не ранен? — спросил он.

— Пашка, друг! — обрадовался юноша. — Как хорошо, что ты пришел!

— Тебя не ранили?

— Нет, устал только. Я боялся, что не хватит сил отбиваться от этой дряни, ведь до Убежища еще далеко.

— Тебе километров пять еще осталось, — сказал Пашка. — Как там дела?

— Не беспокойся, — сказал Ручеек, переводя дух и опускаясь на кочку. — Твои подруги в безопасности, они в доме у Вепря. Никто их не тронет.

— А Белка? — спросил Пашка.

— И Белка там же.

— А ты почему в лес пошел?

— Они начинают поход на день раньше. Об этом Алиса узнала. Она у тебя отважная

девчонка.

— Знаю, в одном классе учимся, — согласился Пашка.

— Друзья вывели меня из Города, — продолжал Ручеек, — я должен был взять коня в деревне. Но коней нет, их всех отобрали для похода. Вот мне и пришлось бежать пешком. Всю ночь... Устал страшно.

— Ничего, мы с Гай-до мигом тебя домчим до Убежища.

— Как хорошо! — сказал Ручеек. — А то сил не осталось. И каждая минута на счету.

— Ничего подобного! — раздался сверху пронзительный голос. — Ручеек полетит в Убежище с нами. — Это говорила Алина, которая сидела на большом суку прямо над их головами. — Еще чего не хватало — лететь в железном яйце! Как упадет да как кокнется — костей не соберешь!

— Ну уж, — обиженно сказал Гай-до, — где это вы видели, чтобы я падал и кокался?

— А сегодня утром в лесу? Кто валялся чуть не кокнутой и не мог взлететь?

— Но у меня топлива не было.

— Вот я и говорю, — рассмеялась птица. — Какой же ты летун, если без топлива не можешь?

— А если тебя два дня не кормить, как ты полетишь?

— Хватит, хватит! — приказал Пашка. — Сейчас не время для ссор, друзья!

Алина опустила на землю и подошла к Ручейку.

— Ну как, полетим или будем глазеть на железное яйцо?

— Не сердись, Алина, интересно, — сказал Ручеек, — я никогда еще не видел космического аппарата. А тем более говорящего.

— В этом отношении я уникален, — сказал Гай-до.

Но тут Ручеек поднял голову и стал прислушиваться.

Птицы тоже насторожились.

— Кто-то едет, — сказал Ручеек, поднимая меч.

— Два коня, — сказала Алина и взлетела на толстый сук.

— Один конь со всадником, второй без всадника, — сказала сверху вторая птица.

Все обернулись в ту сторону, откуда доносился стук копыт.

Между деревьями мелькнуло что-то белое.

В следующую минуту стало ясно: скачут два единорога.

На одном сидела верхом Белка. Второй был без всадника.

— Ручеек! — закричала издали Белка. — Ты живой? Какое счастье!

Единороги одновременно замерли, кося глазами на Гай-до, который стоял среди сломанных ветвей и кучи листьев, сорванных с деревьев при посадке.

Белка спрыгнула с единорога и кинулась к своему Ручейку.

Она плакала от радости. Пышная копна черных курчавых волос скрыла лицо Ручейка. Он гладил Белку по плечам и успокаивал:

— Ну что ты, все в порядке, все живы, здоровы! Я рад тебя видеть.

— Ты ничего не понимаешь, — заговорила сквозь слезы Белка. — Это мое счастье, что единороги убежали от моих братьев. Я выскочила на улицу, темно, вокруг враги... и тут стук копыт. Они тоже меня узнали. Им в Городе плохо было, они воевать не хотят, они в лес хотели, они знали, что я в Городе, и искали меня, а я думала, что все-все погибли, и бородача убили, а Алисочка... — Тут Белка зарыдала.

— Что, — кинулся к ней Пашка, — что с Алисой?

— Их поймали! И Алису, и Ирию. Их поганый Вери-Мери предал, чтоб ему в колодец беспамятства провалиться! Гадкий, поганый, он меня выследил и вкушцов привел! Бородач их у ворот встретил. Он сражался, и Моро-Пари сражался, а их убили... А Ирию с Алисой в собор повезли, там их казнить будут, а я побежала, а единороги меня увидели, они все понимают...

Белка говорила сбивчиво, плакала, сама себя перебивала, но Пашка уже все понял.

— Где? — спросил он. — Где казнить?

— Их повели в собор, а потом к колодцу беспамятства.

— Где это? — обернулся Пашка к Ручейку.

— На холме посреди Города.

— Все! — крикнул Пашка. — До встречи!

— Я с тобой! — Ручеек побежал за ним.

— Справимся, — сказал Гай-до, — у тебя свой долг. Ты забыл, что должен предупредить Убежище?

Пашка прыгнул в люк. Люк мгновенно закрылся. Пашка сел в пилотское кресло. На экране внешнего вида он видел, как Ручеек что-то говорит птицам, и те одна за другой взмывают ввысь. Единороги преклонили колени и опустили к земле золотые рога. Белка и Ручеек вскочили на единорогов. И последнее, что увидел Пашка, прежде чем Гай-до, прорвав листву, вылетел снарядом в небо, были скачущие по лесу на прекрасных белых единорогах Ручеек и Белка. Они скакали рядом, держась за руки.

Глава 29. В последний момент

Под гогот толпы воины развязали Вери-Мери, тот ступил на борт колодца, испуганно вращая глазами.

— Нет! — закричал он вдруг. — Я не могу! Я боюсь!

И, сделав неосторожный шаг, упал в колодец.

Все замерли от неожиданности. И слушали... Секунд через десять донесся глухой далекий всплеск... и все затихло.

Дверца шкафа раскрылась, и оттуда выглянул Клоп Небесный.

— Что случилось? — спросил он.

— К сожалению, ваше Беспамятство, — ответил толстый вкушец, — презренный пигмей наказал себя больше, чем мы того хотели.

— Прискорбно, прискорбно! — сказал Клоп. — Но, к счастью, перед смертью он успел завещать нам, вкушецам, свое имущество. А это искупает его грехи. Продолжайте казнь!

Он схватил ближайший мешок с золотом и утянул его в шкаф.

Толстяк прокашлялся и произнес:

— Теперь мы приступаем к казни двух женщин, пришедших к нам с заданием помников. Одна из них старалась убить самого Повелителя Радикулита. Вторая нападала на поклонов. Так как наша задача — искоренять террор во всех его видах, мы этих подглядчиц обязаны казнить. Какую первой? — обернулся он к приоткрытому шкафу.

— Вместе, вместе! — отозвался Клоп Небесный из шкафа. — И не отвлекай меня, я считаю завещанное имущество.

Из шкафа слышался звон монет.

Воины вывели Алису и Ирию из клетки.

И тут по толпе прокатился гул возмущения. Жители столицы привыкли к казням, даже любили на них глазеть. Но казнить беспамятством девочку — этого еще не случалось. Да и красота Ирии произвела на зрителей впечатление.

— Отменить казнь!

— Детей казнить нельзя!

— Что вы делаете, изверги?

С каждой минутой толпа шумела все громче. Толстый вкушец растерянно посмотрел на шкаф.

Клоп Небесный высунул оттуда нос и крикнул:

— Исполни, и скорее!

Воины вытащили мечи и старались остановить толпу, которая напирала на них.

Ирия решила воспользоваться этим замешательством и крикнула Алисе:

— Бежим!

И понеслась по площади.

Алиса за ней.

Может быть, они и убежали бы, тем более что толпа раздалась, пропуская их, а многие кричали:

— Давай! Скорей! Мы задержим стражу!

Но, как назло, на пути оказалась толпа мудрецов, они окружили Кошмара и хором твердили:

— Мудрость — это незнание!

— Мудрость — это незнание, — покорно повторял за ними мудрец Кошмар.

При виде бегущих он вдруг ожил и закричал:

— Бегать нельзя! — И кинулся им наперерез.

Ирия успела увильнуть, а Алиса споткнулась о выставленную ногу и рыбкой полетела вперед.

Ирия пробежала еще несколько шагов и поняла, что Алиса отстала. Она бросилась обратно. Алиса кричала:

— Беги! Беги!

Но было поздно. Толпа вооруженных вкушецов накинута на них.

Алиса и Ирия сопротивлялись, как пантеры. Их растащили и поволокли к колодцу. Толпа пыталась отбить их, но вкушецы обнажили мечи, и на площади полилась кровь.

Вот все ближе колодец... Над ним уже покачивается платформа...

Но в тот момент, когда Алису уже втаскивали на борт колодца, с неба, из облаков, послышался громовой голос:

— Несчастные! Остановитесь! Или я поражу вас молнией!

От этого голоса вкушецы замерли, затем бросились врассыпную. Зеваки, сшибая друг друга, неслись за ними вслед, сзади семенили мудрецы. И через минуту на площади остались только Алиса с Ирией и мудрец Кошмар.

Гай-до медленно и торжественно опустился возле колодца.

Люк раскрылся, и из него выскочил Пашка Гераскин.

— Как хорошо, что ты успел! — сказала Алиса. — Еще бы пять минут...

— И что? — спросил Пашка.

— И что? — спросил встревоженно Гай-до.

— Мы бы вас уже не узнали, — сказала Ирия, протягивая к Пашке руки, чтобы обнять

его.

— Это колодец забвения? — спросил Гай-до.

— Он самый, — сказала Алиса. — А как вы догадались, где нас искать?

— Нам сказала Белка, — ответил Пашка. — Мы ее встретили в лесу.

— Как же она успела?

— Ей помогли единороги, — ответил Пашка.

Гай-до покачнулся и выпустил манипулятор. На конце его был шнур с небольшим контейнером. Гай-до взмахнул манипулятором, чтобы забросить контейнер в колодец и взять в нем воздушную пробу.

Как раз в этот момент Клоп Небесный выполз из шкафа и, волоча за собой мешок с сокровищами пигмея, пополз в сторону. Увидев манипулятор, он решил, что страшная железная рука тянется именно к нему. Иначе зачем бы ему прыгать в сторону? А прыгнув в сторону, обезумевший от страха жрец попал прямо на платформу. С визгом начали разматываться тросы... Еще мгновение — и жрец скрылся внизу.

— Ой! — закричал Гай-до. — Скорее! Остановите его! Он погибнет!

Тросы размотались и замерли. Платформа была глубоко внизу.

— Ничего, — сказала Алиса, — они потом придут, его вытащат и научат полезному для общества труду.

— Значит, его не надо вытаскивать? — спросил Гай-до.

— Этим ему уже не поможешь, — сказала Ирия.

— Как там наши? — спросила Алиса.

— Они здоровы, — уклончиво ответил Пашка. — Они чувствуют себя хорошо.

— Они тебя узнали?

— Пока еще нет, — сказал Пашка.

— Все ясно, — вздохнула Ирия. — Я уже нагладелась на больных этой болезнью.

— Простите, какой болезнью? — спросил, подходя, мудрец Кошмар.

— Той, от которой вы уже никогда не излечитесь, — ответила Ирия.

— А разве надо? Я отлично себя чувствую, — сказал Кошмар.

Он пошел к колодцу.

Ирия развернула его в другую сторону, подтолкнула в спину и приказала:

— Идите и не оглядывайтесь. Ваш дом там!

И мудрец послушно побрел с площади.

Что говорить о встрече Ирии с Тадеушем? Это была печальная встреча. Он не узнал свою любимую жену, хотя Алиса в глубине души надеялась, что любовь окажется сильнее беспамятства.

Они стояли в большой комнате под библиотекой лесного города.

Беспамятные земляне и атланты смотрели на Алису и Ирию, не узнавая. Как на чужих.

Ирия подошла к Тадеушу, протянула ему руку. Тадеуш взял руку, поглядел, наморщился, будто стараясь что-то вспомнить, потом сказал:

— Простите, — и отошел в угол.

— Я надеюсь, — произнес доктор Хруст, который был огорчен не меньше землян, — что на Земле вы скорее найдете способ вылечить своих друзей.

— Конечно, найдем, — сказал Пашка. — Гай-до уверяет, что он на пути к отгадке.

Алисе хотелось плакать. Но она и виду не подала, как ей тяжело. Она стояла рядом с Ирией и держала ее за руку. Пальцы Ирии были холодными, а в глазах такая тоска, что

представить себе трудно.

— Больным надо отдыхать, — сказал доктор Хруст. — Мы их подготовим к отлету. Вы когда собираетесь улететь?

— Мы бы хотели улететь сейчас же... — начала Ирия. Но тут же взяла себя в руки. — Мы ваши гости. Мы знаем, что войско Радикулита и его поклонов движется к вашему Убежищу. И мы считаем своим долгом остаться с вами, чтобы помочь отразить нашествие.

— Спасибо, — сказала Зарница. Ее большие добрые глаза были полны слез, она понимала, каково сейчас приходится Ирии. Ведь муж Зарницы, один из учителей, погиб два года назад, попав в засаду отряда вкушецов. — Спасибо, но мы отразим это нашествие без вашей помощи. Ручеек успел нас предупредить, и мы готовы к бою. Мы уже знаем об электричестве.

Зарница показала на потолок, и тут только Алиса поняла, что над их головами светит настоящая электрическая лампочка. Слабенькая, но ярче свечей и факелов в королевских дворцах.

— Мы протянули вдоль рва проволоку и пустили по ней ток. А если ток не поможет, у нас есть порох и пушки.

— Хорошо, — сказала Ирия, — тогда мы улетаем... через час?

— Раз у вас остался час времени, — сказала Зарница, — я предлагаю навестить нашего учителя, уважаемого Книгочей. Он ждет вас.

— А зачем? — спросил Пашка, которому очень хотелось остаться в Убежище и сражаться с рыцарями, хотя он понимал, что Ирия этого не позволит.

— Сегодня учитель нашел архив одной лаборатории... и разгадал загадку нашей планеты.

— Да, мы пойдём к нему, — сказала Ирия, — это очень интересно и важно.

— Разгадка странная, — сказал профессор Хруст. — Мне даже трудно было в нее поверить. Но человеческая натура порой так удивительна. Человек хочет добра и наносит непоправимый вред. Бывало ли так на вашей уважаемой Земле?

— Да, бывало, — коротко ответила Ирия.

Они вышли из библиотеки. На улицах лесного города царило оживление. Даже дети были заняты делом. Некоторые несли боеприпасы, другие спешили куда-то с заступами и лопатами. Стайка девочек в белых халатах с рулонами бинтов пробежала мимо...

Доктор Хруст подвел своих спутников к старому, вросшему в землю зданию. Дверь была открыта. За ней тянулся длинный узкий коридор. По сторонам его были стеллажи с кассетами и микродисками.

Навстречу им вышла пожилая женщина в сером халате.

— Идите, — сказала она, — учитель ждет.

Учитель оказался древним стариком.

Он сидел за большим столом, заваленным кассетами и листами бумаги. При виде гостей он поднялся.

— Здравствуйте, люди Земли, — сказал он. — Я рад, что дождался вас. Я знаю об экспедициях на Землю и прочел документы о них. Но за прошедшие годы вы ушли далеко вперед. И обогнали нас.

— Нам сообщили, что вы знаете причину катастрофы на Крине, — сказала Ирия.

— Да. Я искал ответ на эту загадку многие годы. И только теперь мне открылась правда. Садитесь, мои дорогие гости. Я знаю, что вас постигло несчастье, но оно лишь

малая доля того несчастья, что обрушилось когда-то на нашу планету.

Гости расселись.

— Двести пятьдесят лет назад, — продолжал учитель Книгочей, — наша планета была одним из ведущих центров галактической науки. Мы покорили космос, мы достигли многого. Но не достигли счастья. Да и можно ли его достичь?

— Нет, — сказала Ирия. — Счастье в пути, в движении, в борьбе. Полного счастья не бывает.

— Именно так, — согласился старик. — Но среди жителей Крины был один ученый, гениальный, но наивный ум, который решил, что все несчастья людей происходят оттого, что они слишком многое помнят. Они помнят все обиды и потери, все разочарования и беды. Видно, он сам пережил когда-то тяжелую утрату или оскорбление, но документы об этом молчат. В то время он работал над изучением поля, открытого им, — поля, которое стирало у живых существ память. Это поле было всепроникающим и опасным. Но наш гений не думал об опасности. Ему в этом поле виделось всеобщее лекарство от всех бед человечества. Он утверждал, что если человек забудет обо всем, то, начав жизнь сначала, он будет счастлив. Беда его заключалась в том, что он решил за всех людей, что им нужно для счастья. Он полагал, что сам отсидится в подземном убежище, а потом выйдет наружу и научит людей добру. Но поле, выпущенное им, окутало всю планету и проникло во все подземелья. Память потеряли все без исключения. В том числе и сам изобретатель. Вот и вся история.

Старик замолк.

Остальные тоже молчали.

Потом Пашка спросил:

— А когда поле исчезло?

— Оно не исчезло совсем, — сказал учитель. — Остатки его вы можете найти в глубоких шахтах. Говорят, что следы его есть на вершинах высоких гор... Но я не могу проверить эти слухи.

— Это так, — сказала Ирия. — Теперь это поле окутывает планету на высоте восьми километров. Наш корабль Гай-до, узнав, что «Днепр» не выходит на связь с Землей, заподозрил неладное. Он сумел окружить себя силовой защитой и тем самым спасти нам жизнь.

— Значит, ваши товарищи потеряли память не в лесу? — спросил Хруст.

— Нет, — сказала Ирия. — Они потеряли память перед посадкой. Они спустились, уже не понимая, что с ними происходит, кто они и куда попали.

— Я выражаю вам свое сочувствие, — сказал учитель. — И надеюсь, что мое открытие может быть вам полезно.

На улице их ждал Ручеек.

— Все в порядке? — спросил он, широко улыбаясь. Через плечо у него висел большой лук, у пояса колчан. — Летите осторожней.

— Мы обязательно вернемся, — сказал Пашка.

— Тогда я вас приглашаю на свадьбу.

— С Белкой? — спросила Алиса. И подумала: «Хоть одна хорошая новость за день».

— Конечно, с Белкой.

— А где она? — спросила Ирия. — Мне бы хотелось с ней попрощаться. Она славная девочка.

— Она единорогов в лес повела. Она обещала им свободу.

— Когда мы вернемся к вам, — сказала Алиса, — я обязательно с ними встречусь. Они очень красивые. И, конечно, они все понимают.

— Может, подождете? Белка должна скоро вернуться.

Ирия отрицательно покачала головой.

— Понимаю, — сказал Ручеек. — Но учтите, свадьбы без вас не будет. И если не прилетите, мы с Белкой так и не поженимся.

— Прилетим, — сказал Пашка.

— Передавай привет своей сестре Речке, — сказала Алиса.

— Обязательно. Я как раз иду ее встречать.

Из дома в сопровождении Зарницы и доктора Хруста вышли потерявшие память земляне: капитан Полосков, механик Зеленый и Тадеуш. Атланты оставались на родной планете и здесь будут ждать, пока на Земле найдут лекарство от беспамятства.

Механик Зеленый посмотрел на небо, по которому бежали кучевые облака, и сказал:

— Погода испортится. Имейте в виду, что я предупреждал, что это хорошо не кончится.

— По крайней мере, характер у него не изменился, — сказала Алиса.

Они подошли к Гай-до, который ждал их на краю площади.

Над Гай-до кружились белые птицы.

— Никакая ты не птица, — говорила Алина. — Ты толстое яйцо, которое летает по недоразумению. Ты — живое оскорбление всем нам, пернатым.

— Учтите, что я вовсе не пернатое, — отвечал Гай-до. — И если вздумаете снова соревноваться со мной, предупреждаю, что на этот раз я лечу за пределы атмосферы, а вам там делать нечего.

— А мы и не собираемся за пределы! — ответила птица. — Мы хотели с мальчиком попрощаться. Он отважный мальчик.

— До свидания! — крикнул птицам Пашка. — Передавайте привет Альте. Пускай скорее поправляется.

— Счастливо, смелый мальчик! — сказала Алина, и птицы поднялись высоко в небо.

— Ну что ж, — вздохнул доктор Хруст, — мы рады, что с вами познакомились.

Он церемонно пожал всем руки. А Пашку хлопнул по плечу и добавил:

— Жду в гости. Жена обещала испечь пирог, который тебе так понравился.

— Скорей, скорей, — сказал Гай-до. — Тут все меня отвлекает. А я должен сообщить, что у меня возникли некоторые важные идеи. Я, кажется, нашел путь нейтрализовать поле беспамятства. Но для размышлений мне нужно спокойствие космического пространства.

Алиса первой вошла в кораблик. И обернулась, потому что услышала голос Тадеуша:

— Ирия... Ты знаешь Ирию? — Он смотрел на свою жену, наморщив лоб и мучительно стараясь что-то вспомнить.

— Мильй, — сказала Ирия и взяла его за руку.

Так вместе они и вошли в корабль. Последним забрался Пашка. Люк закрылся. Алиса хотела провести космонавтов в трюм, но увидела, что они стоят перед пультом и рассматривают его как что-то знакомое. И Алиса решила, что рубка корабля — лучшее лекарство для космонавтов.

А Ирия села рядом с Тадеушем на диван и смотрела на него.

— Я поведу тебя, — сказал Пашка кораблику, садясь на место пилота.

— Веди, — сказал Гай-до, который отлично мог сам себя вести, но не хотел обижать

друга.

Они поднялись над городом. Алиса смотрела в люк на разрытые улицы, на деревья и развалины.

— Ты куда? — услышала она голос Пашки. — Я тебе этого курса не задавал!

— Две минуты, только две минуты, — ответил Гай-до. — Не мешай мне, дружок.

Вместо того чтобы подниматься, кораблик взял курс на юг, в сторону столицы. Вот мелькнула внизу река... а вот впереди показались клубы пыли — вдоль леса двигалось войско Радикулита.

— А ну, держитесь! — сказал Гай-до.

Он резко пошел вниз и на бреющем полете промчался над войском.

Появление его было таким неожиданным и таким страшным, что кони и быки бросились в разные стороны, воины приседали, бросая оружие. Телохранители кинули паланкин с Радикулитом, зубоврачебное кресло упало, и сам Повелитель закатился в камыши.

Удесятерив панику, с неба гремел голос Гай-до:

— Остановитесь, безумные! Не смейте идти в лес! Поверните домой, несчастные! Ни один из вас не вернется живым, если посмеет напасть на Убежище помников!

Сказав так, Гай-до включил сирену...

Дорога опустела, лишь валялись в пыли брошенные копья и опрокинутые осадные орудия.

И только после этого гордый своей выдумкой Гай-до взял курс к Земле.

На высоте восемь километров от Крины он включил силовое поле. Еще через полчаса перешел на космическую скорость. Планета Крина быстро уменьшалась на экранах.

Эпилог

Еще в полете Гай-до догадался, как уничтожить поле забвения. А на Земле через три недели лечения к космонавтам полностью вернулась память. Правда, Тадеуш уже к концу обратного пути вспомнил, что любит Ирию. Так что его лечение прошло куда быстрее. Алиса полагала, что это сделала любовь, а Пашка считал, что сильный характер и педагогические способности Ирии.

Алиса снова попала на Крину только через шесть лет, уже студенткой. В Городе она встретила многих знакомых.

Ручеек стал строителем. Они с Белкой жили у самого моря, а их дети — мальчик и девочка — научились плавать раньше, чем ходить. Бывший мудрец Кошмар, который теперь получает пенсию и умеет читать, с утра уходит на пляж, следит за малышами в подзорную трубу и кричит пронзительным голосом:

— Вернитесь! Я вас почти не вижу!

Иногда к нему присоединяется бывший предатель пигмей Вери-Мери. Он держит лавочку на базаре, торгует дарами леса и клянется, что ровным счетом ничего не помнит о своем темном прошлом.

Афродита открыла модный салон «Московский стиль», она сама шьет, а все деньги, что зарабатывает, тратит на коллекцию кукол.

Старые атланты Мастер и Посейдон живы и до сих пор работают. Лекарство от беспомысленности, которое привезли с Земли Алиса и Гай-до, позволило атлантам вспомнить

все, чему они научились за долгую жизнь. Так что теперь их опыт очень пригодился на Крине.

Когда Алиса отправилась в лес изучать диких животных, с ней полетела туда Речка. Она живет в Убежище, работает на станции по изучению леса, директор которой — профессор Хруст. В лесу Алиса встретила братьев Кротов. Они — лесные объездчики. Единороги к ним вернулись.

В лесу Алисе пришлось пережить много приключений.

Но это уже совсем другая история.

Чудовище у родника

Алиса кончила мыть посуду и вдруг увидела, что на пульте в камбузе загорелся красный сигнал: вода на исходе.

— Пашка! — воскликнула Алиса. — Тебя нельзя пускать в космос.

— Можно, — ответил Пашка. — А что я еще натворил?

— Ты обещал перед отлетом проверить все системы. Я тебе поверила. Воду не сэкономила, очиститель не включала.

— Вода должна быть, — сказал Пашка, но уверенности в его голосе не было.

— Придется переходить на замкнутый цикл, — сказала Алиса.

— Ты с ума сошла! — сказал Пашка. — Я вторичную воду не выношу! Лучше спустимся на какую-нибудь тихую планетку, наберем воды, заодно разомнемся. Сколько дней летим — скучно!

Алиса не ответила. Ей самой хотелось высадиться где-нибудь, отдохнуть. Может, даже лучше, что вода кончилась.

Пашка уже включил дисплей звездного атласа.

— Нам повезло, — заявил он. — Почти не надо уходить с курса. Слушай: «Планета Ког. Население редкое, занимается земледелием. Климат в основном засушливый. Не рекомендуется опускаться возле поселений, чтобы не пугать местных жителей». Ну как, посетим?

— Посетим, — согласилась Алиса.

Через три часа корабль вышел на орбиту.

Внизу долго тянулась рыжая пустыня, потом на ней появились пятна зелени. Вот и деревня — множество небольших глинобитных хижин вдоль пыльной улицы.

— Заодно, — сказал Пашка, — мы купим у них фруктов и овощей. Нам нужны витамины.

— Но ведь сказано — не пугать местных жителей.

— Сказано, чтобы не опускаться на корабле, — возразил Пашка. — А мы пойдем пешком.

Пашка ловко опустил корабль на прогалине в кустарнике.

Они вышли, закрыли за собой корабль.

Алиса несла пустую корзину для фруктов, а Пашка — сумку с подарками для поселян. Ведь совершенно неизвестно, что они захотят получить за свои фрукты.

Было жарко. Дул сухой ветер. Справа от корабля начинались горы, сначала невысокие, бурые, покрытые лесом, потом высокие, голубые, со снежными вершинами.

Пашка быстро нашел тропинку, которая вела к деревне. От каждого шага поднималась пыль. Кусты тянули колючие ветки с редкими тонкими листьями. Над кустами носились мухи.

— Мне здесь не нравится, — заявил Пашка, вытирая рукавом пот со лба. — Может, перелетим севернее?

— Жаль время терять, — возразила Алиса. — До деревни недалеко.

Пашка чуть было не наступил на змею, похожую на пустынного удавчика. На всякий случай они подождали, пока змея не проползла мимо, — ведь неизвестно, как ведут себя здешние змеи.

Кусты расступились, и впереди показалась деревня.

Перед деревней был загон, в котором толпились животные, похожие на коз и овец. При виде гостей животные начали скулить и блеять.

Дорога, что вела к хижинам, была покрыта толстым слоем пыли. Пыль долго не садилась, в носу свербил, глаза слезились. Откуда-то выскочил большой голый кот и грозно зарычал.

На шум из ближней хижины вылез полосатый темнокожий человек небольшого роста в одной набедренной повязке и начал кричать, что ему не дают поспать после обеда.

Тут он разглядел в пыльном облаке гостей и от изумления раскрыл рот.

— Это еще что такое? — удивился человек. — Кто такие? Почему не знаю?

Весь он, от пяток до бритого затылка, был раскрашен белыми и голубыми полосами и узорами.

— Простите, — сказала Алиса. — Мы путешественники. Мы хотели купить у вас фруктов и узнать, где здесь источник или родник с чистой водой?

— Еще чего не хватало! — вдруг возмутился полосатый человек. — Она над нами издевается!

— Честное слово, мы не издеваемся, — сказал Пашка. — Мы даже не знаем, над чем издеваться.

Человек задумался, верить Пашке или нет. А тем временем жаркая пыльная улица заполнилась народом. Все мужчины были полосатыми, а женщины без полос. У мужчин были косы, а женщины были бритыми наголо. Дети кричали и смеялись, коты рычали, козы блеяли, овцы скулили. И все: мужчины, женщины, дети, коты, овцы и козы — были голыми и пыльными, если не считать браслетов и колец в носах.

— Погодите! — воскликнула Алиса, стараясь перекрыть общий шум. — Если вы будете кричать хором, мы ничего не поймем. Пожалуйста, пускай говорит кто-нибудь один.

Шум немного утих, и из толпы вытолкнули махонького старичка с длинной желтой бородой, заплетенной в косичку. Старичок был раскрашен ярче всех. Он поднял сухую ручку и воскликнул:

— Тише! Дайте им оправдаться. Может быть, они не виноваты. Подумайте, что они расскажут о нас, когда вернутся в свою деревню.

— Они не вернутся, — сказала мрачная старуха с большим глиняным кувшином на голове. — Мы их растерзаем.

— Разве это так обязательно? — спросил Пашка.

Старичок задумался. Он долго жевал губами, потом вдруг спросил:

— Как вы узнали, что у нас в этом году нет фруктов?

— Мы не знали, — возразила Алиса. — Иначе зачем нам брать с собой пустую корзинку? Зачем нам брать с собой сумку подарков?

— Покажи подарки, — потребовал старичок.

Пашка раскрыл сумку и в тот же момент чуть не погиб, потому что все сто жителей деревни кинулись на сумку и получилась куча мала. Когда они разошлись, стискивая в кулаках бусы, зажигалки, записные книжки, брелоки для ключей, пачки леденцов и перочинные ножи, Алиса с трудом откопала Пашку из пыли. А от сумки попросту ничего не осталось.

На улице было пусто. Возле них остались только старичок и голый кот, которым ничего не досталось.

Старичок стоял как ни в чем не бывало и, как только увидел, что Алиса помогла Пашке подняться на ноги, спросил:

— А откуда вы знаете, что у нас нет воды?

— Ничего мы не знаем! — Алиса готова была заплакать. — Мы сейчас уйдем.

Старичок как будто не слышал. Он еще подумал, потом спросил:

— Значит, это не вы напустили на нас чудовище?

При слове «чудовище» из хижин донеслись вопли и стоны. Значит, жители деревни подслушивали разговор.

К воплям присоединились козы и овцы в загоне, пришлось опять ждать, пока шум утихнет. Пашка постарался отряхнуть пыль, но это ему не удалось.

Наконец снова наступила тишина.

Пашка уже отдышался настолько, что к нему вернулось любопытство.

— А что за чудовище? — спросил он. — Слон? Тигр?

— Мы не знаем, как оно называется, — сказал старичок. — Мы знаем только, что это — Страшное Чудовище!

— А чем оно вам мешает? — спросила Алиса.

— Ясно чем, — ответил за старичка Пашка. — Оно их пожирает.

— Хуже, — быстро ответил старичок. — Оно нас лишило воды.

— Как так?

— Всю хорошую воду мы берем в роднике, который впадает в озеро.

Старичок показал в сторону гор.

— А чудовище, — продолжал он, — не пускает нас к роднику. Мы пытались уговаривать его, чудовище нас не слушает. Мы пытались испугать его, но испугались сами. Мы даже вызвали из соседней деревни известного богатыря непобедимого Влоса Большая Нога. Он вышел на схватку с чудовищем...

— И погиб, — сказал Пашка.

— Нет, он прибежал обратно в деревню, потеряв дар речи. Он видел нечто такое страшное, что откусил себе кончик языка.

— А вы видели чудовище? — спросил Пашка.

— Видел, — сказал старичок. — Издали.

— На что оно похоже?

— На что? Лучше не спрашивайте!

— И дальше что будет? — спросила Алиса, пытаясь отогнать цепких мух, что слетелись со всех сторон.

— Дальше мы умрем, — сказал старичок покорно. — Воды у нас нет, урожая не будет...

— Может, вам лучше уйти отсюда? — спросила Алиса.

— Куда? Воды на нашей земле мало, все хорошие места заняты. Кому нужна целая деревня? Кто нас прокормит?

— Все ясно, — сказал Пашка. — Мы немного задержимся.

— Почему? — спросила Алиса.

— Потому что мы обязаны избавить деревню от чудовища.

— Пашка! — ахнула Алиса. — Ты представляешь, что говоришь? Целая деревня, да еще богатырь Большая Нога не смогли справиться с чудовищем...

— Неужели ты намерена бросить этих несчастных людей на произвол судьбы? Если

они умрут, я никогда себе этого не прощу.

— У тебя даже нет оружия!

— Ты девочка, — сказал Пашка. — Тебе положено бояться чудовищ. Но я не так воспитан.

— Ты плохо воспитан, — возразила Алиса. — Во-первых, девочкам нельзя говорить, что они трусливые, потому что это неправда.

— И все-таки ты девочка, и я должен тебя оберегать.

— От чудовищ?

— Хотя бы от чудовищ.

— Когда оно тебя сожрет, — сказала Алиса, — некому будет меня оберегать.

— Ты подождешь меня в корабле, а если я погибну, полетишь домой.

— И скажу твоей маме, — продолжала Алиса, — простите, Мария Трофимовна, ваш Пашенька сражался с одним чудовищем, и чудовище его съело. Ах, как грустно! И твоя мама скажет: «Ах, как грустно! Я только что хотела испечь Паше пирожок на ужин».

— Глупости говоришь! — возмутился Пашка. — Еще чего не хватало! Почему я должен погибать? Я побегу чудовище и вернусь домой.

— Сначала научись говорить, — сказала Алиса. — А потом уж сражайся. Побегу!

— Ну, победу!

— Не лучше. Если чудовище узнает, что у тебя тройка по русскому языку, оно даже есть тебя не захочет.

Когда Пашка собирается на очередной подвиг, он шуток не выносит и не понимает.

— Как оно может узнать про тройку? — спросил Пашка серьезно.

— Я ему скажу!

Только тут Пашка сообразил, что над ним издеваются, и хотел кинуться на Алису с кулаками, но вспомнил, что вся деревня слушает их разговор и ждет, что будет дальше.

Пашка понял: надо взять себя в руки — не время ссориться с обыкновенными девочками. Он сказал старичку:

— Успокойтесь. Я займусь вашим чудовищем.

Старичок рухнул на колени в пыль и протянул к Пашке худые руки.

— Спаситель! — доносились крики из хижин. — Спаситель! Бери, что хочешь! Бери козу любую!

— Бери в жены любую из девушек нашего племени, — произнес старичок с желтой бородой.

И пока Пашка с Алисой поднимали старичка на ноги, из хижин выбежали девушки. Все они, толстые и худые, звенели кольцами и браслетами, смотрели на Пашку влюбленными глазами и согласны были тут же выйти за него замуж.

Алиса не выдержала, засмеялась, а Пашка сказал:

— Товарищи девушки, это лишнее. Чудовище я еще не поборол. Вернемся, поговорим. Пока что я о женитьбе не думал.

— Мы будем ждать! — хором закричали все девушки деревни.

— Куда идти? — спросил Пашка. Он чувствовал себя героем.

Старичок показал в сторону гор.

— Идите по тропинке, — сказал он.

— Мне бы вооружиться, — спохватился Пашка. — У вас что есть? Я бластер на борту оставил.

Это была ложь, бластера у Пашки не водилось, но он полагал, что любой богатырь и чудовище-борец должен быть достойно вооружен.

— Оружие? — Старичок подергал себя за косичку-бороду и послал Пашкиных невест искать по хижинам оружие для освободителя.

Через минуту у Пашкиных ног лежало двадцать копий с каменными и медными наконечниками, три лука со стрелами, палица, дубинка и большой тупой нож.

Пашка в растерянности глядел на это богатство. Он представлял себе бой с чудовищем несколько иначе.

— А чего-нибудь огнестрельного у вас нет? — спросил он.

— Огнестрельного? — Старичок Пашку не понял.

— Огнестрельное оружие стреляет огнем и пулями, — объяснил Пашка.

— Огнестрельное бывает только у дракона, — сказал старичок. — Мы — люди, нам такое ни к чему.

— Ладно уж, — сказал Пашка. Он поднял из пыли нож и заткнул за пояс.

Потом обернулся к Алисе, которая, не скрывая улыбки, наблюдала за приготовлениями к бою.

— Алиска, — сказал он, — если ты останешься, иди на корабль. Если пойдешь со мной, вооружайся.

— Не спеши, — ответила Алиса. — Мы же ничего не знаем.

И пока Пашка переминался с ноги на ногу — ему не терпелось победить чудовище, — Алиса выпросила у старичка, что он знает о чудовище. Оказалось, не так уж и много. Чудовище не пускало их в лес, к роднику. Оно кидало камни, рычало, шумело, оно даже могло устроить лесной пожар. Показываться оно не любило, предпочитало таиться в чаще и пугать оттуда. Шкура у него блестящая, как у дракона, собой оно массивное, с громадными лапами и выпученными глазами. Вот, пожалуй, и все. Если кто и видел чудовище вблизи, так это богатырь из соседней деревни. Но пока у него не заживет язык, богатырь ничего не расскажет.

Потом старичок с невестами показали тропинку, которая вела к роднику, даже проводили друзей до козьего загона, но дальше никто не осмелился сопровождать героев. Старичок хмурился, а девушки не скрывали слез.

— Мы будем молить богов, чтобы вы благополучно вернулись, отважные пришельцы! — кричали вслед невесты. Они понимали, что там, где не справился настоящий богатырь из соседней деревни, вряд ли счастье улыбнется малолетнему жениху. Но так хотелось надеяться...

Алиса и Пашка шли по узкой тропинке, уклоняясь от колючек и отмахиваясь от слепней. Воздух был неподвижный и густой от жары.

Они пересекли запущенное поле, над которым поднимались засохшие стебли.

Пашка сбросил куртку и повесил ее через плечо.

Он обернулся к Алисе, которая шагала сзади, и сказал хрипло:

— Могли бы нам фляжку с водой дать.

— Они бы дали, — ответила Алиса, которой тоже ужасно хотелось пить. — Но ты так спешил сражаться с чудовищем, что забыл их попросить.

— А у тебя что, языка нет? — огрызнулся Пашка. — О хозяйстве в походе заботятся женщины.

Тропинка стала совсем узкой. Кусты кончились, вокруг стояли корявые деревья с

редкими узкими листьями, которые почти не давали тени. На ветках грелись ящерицы.

— Может, и нет никакого чудовища, — сказал вдруг Пашка. — Одна видимость.

Алиса поняла, что Пашка ищет предлог вернуться на корабль, но промолчала. Пашка к любому слову придерется.

— Они ведь совершенно первобытные люди, — продолжал Пашка. — У них дикое воображение. Увидят камень, а думают — слон.

И в этот момент до них донеслось глухое рычание. Этот звук трудно было с чем-нибудь сравнить. Похоже, что какая-то большая машина разводит пары. В наступившей тишине было слышно, как трещат сучья, — нечто огромное и могучее пробивалось к ним навстречу сквозь чащу.

Ребята замерли. Даже по тому, как трещат сучья, можно было догадаться, что чудовище не придумано жителями деревни. И оно очень большое.

— Тише, — прошептал Пашка. — Нам нужно к нему поближе подобраться, посмотреть. Только чтобы оно нас не заметило.

Алиса подумала: «Какой Пашка храбрый. Вот я испугалась, а Пашка ничуть не испугался. Он даже рад, что чудовище наконец объявилось».

Треск и шум прекратились. Видно, чудовище не знало, где притаились его враги.

— Сойдем с тропинки, — прошептал Пашка, — попытаемся обойти его лесом.

Они осторожно взяли вправо. Деревья были колючие, ноги проваливались в песок и застревали в перепутанных корнях. Идти было трудно...

И вдруг впереди послышался оглушительный треск.

Потом снова тишина. Только жужжат мухи.

Ребята застыли на месте. Минута, две, три...

Ничего не произошло. Пошли дальше.

Когда они подобрались к тому месту, откуда слышался треск, оказалось, что несколько деревьев повалено так, что получился непроходимый завал. Деревья упали только что — даже листья на них не успели пожухнуть.

— Давай вернемся, Пашка, — сказала Алиса. — Я боюсь, что такое чудовище нам не по зубам. Долетим до Паталипутры, попросим, чтобы сюда наведались зоологи. Они лучше знают, как обращаться с чудовищем.

— Нет, — сказал Пашка твердо. — Сначала мы на него поглядим.

Через завал они перебрались там, где его край упирался в склон холма.

Дальше шли медленно, стараясь не наступить на сучок, готовые при первом признаке опасности броситься наутек.

С холма, на который они взобрались, была видна низина, поросшая редкими деревьями и зеленой травой. За низиной поднималась каменная стена.

— Чего же оно молчит? — прошептала Алиса. — Наверное, подстерегает.

— А я думаю, что оно нас потеряло, — сказал Пашка.

— Тогда подождем, — сказала Алиса. — Посмотрим, что оно будет делать.

— Может, ты и подождешь, — не согласился Пашка, — а я скоро умру от жажды. Знаешь как сделаем: ты сиди здесь и смотри. Как только опасность — кричи мне. А я спущусь вниз и поищу воды. Потом тебя позову.

Алиса согласилась остаться на наблюдательном посту.

Пашка, пригибаясь, побежал вниз, виляя среди стволов.

Ближайшее к нему дерево вдруг покачнулось и начало падать.

Пашка отпрыгнул.

Дерево ухнуло в траву.

Видно, Пашка решил, что дерево упало само по себе. Он взял правее. Но тут же рухнуло другое дерево — Пашка чуть было под него не угодил.

Это Пашку всерьез рассердило.

Он поднялся во весь рост, вытащил свой нож и закричал:

— Трусливая скотина! Выходи на бой! Чего прячешься?

В листве деревьев за стволами что-то блеснуло. Чудовище!

Оно медленно приближалось к Пашке.

— Назад, Пашка! — крикнула Алиса. — Оно нападает!

Пашка не стал испытывать судьбу — как заяц он взлетел обратно на холм.

— Что же делать? — сказал он, стараясь отдышаться. — Надо что-то придумать. Зря я лук не взял — сейчас бы пустить в него стрелу. Оно бы взвыло и выскочило на открытое место.

Но чудовище не спешило выходить на открытое место.

И это было совершенно удивительно, потому что ни Алисе, ни Пашке еще не приходилось встречать говорящих чудовищ.

— Уходите! — пронесся над лесом глухой голос. — Уходите, пока целы!

— Этого нам не хватало! — сказала Алиса. — Значит, это не ящер и не дракон...

— Снежный человек? — предположил Пашка.

— А может, здешние драконы разумные?

Пашка приподнялся и крикнул:

— Чудовище, ты меня слышишь?

— Уйди! — раздался голос в ответ.

— Я не уйду, — ответил Пашка. — Пока тебя не победю! Нет, пока тебя не побегу...

Пока тебя не одолею!

— Уйди! — тупо протянуло в ответ чудовище.

— По-моему, — сказал Пашка, — оно умом не отличается.

— Нам от этого не легче, — сказала Алиса.

— Нет, легче. Значит, мы его перехитрим. Мы сделаем так. Ты останешься на холме, так, чтобы чудовище тебя видело. И будешь с ним разговаривать. А я окружу его...

— Это опасно, — испугалась Алиса.

— Мы с тобой космические волки. Не нам бояться отсталых чудовищ на отдаленных планетах.

С этими словами Пашка быстро пополз в сторону, а Алиса, стоя так, чтобы ее было видно, закричала:

— Чудовище, чем мы тебе помешали? Почему ты нас не пускаешь?

— Нельзя, — проревело чудовище. — Не хочу!

— Это не ответ, — сказала Алиса. — Мало ли чего кому хочется. Мне хочется пить, а ты не даешь. Разве это правильно?

— Уходи, — ответило чудовище, видно, ничего умнее не придумало.

Алиса кинула взгляд направо. Пашка скрылся в кустах.

Чудовище может слышать, как ползет Пашка, подумала Алиса. Надо отвлекать его энергичнее.

— Слушай, чудовище! — воскликнула Алиса. — Сейчас я пойду к тебе. Я тебя не

боюсь. И ты пустишь меня к роднику.

— Нельзя! — зарычало чудовище в ответ.

Алиса стала спускаться с холма.

— Я могучий, я страшный! — раздался голос чудовища. — Я обвалю на тебя скалы, я подниму против тебя горы! Беги, ничтожное создание!

И для того чтобы доказать силу, чудовище начало раскачивать вершины деревьев, и далеко впереди со скалы начали сыпаться камни.

Любопытно, думала Алиса, продолжая спускаться. Оно не нападает. Пугает, кричит, но само не нападает. Казалось бы — что может быть проще для чудовища, если оно видит, какие маленькие его враги? Может быть, оно боится, что Алиса вооружена? А может быть, оно не умеет бегать?!

Алиса спустилась с холма в низину.

Перед ней лежало сваленное дерево. Надо было через него перелезть.

Алиса с опаской поглядела на соседнее дерево. Как бы оно не рухнуло. Чудовище было мастером валить деревья.

Как там Пашка, подумала Алиса. Скорее бы уж он зашел в тыл чудовищу. Пока оно не подозревает о Пашкиной хитрости. Ну что ж, продолжим разговор.

— Только попробуй погубить еще одно дерево! — крикнула Алиса. — Я очень на тебя рассержусь. Видишь, я иду к тебе.

— Нельзя! — Голос чудовища раздался совсем близко. — Дальше ни шагу нельзя.

— Можно, — ответила Алиса. Она уже поняла, что чудовище что-то защищает. Вернее всего, свое гнездо, своих детенышей.

Дерево перед Алисой зашаталось.

Сквозь листву она разглядела лапу чудовища, которая оканчивалась двумя пальцами.

Лапа была велика — каждый палец размером с руку Алисы.

Но что же неладно? Конечно же!

Лапа была металлической!

А металлических чудовищ, как известно, природа пока не изобрела.

— Стой! — крикнула Алиса. — Приказываю, замри!

Рука замерла. Дерево, накренившись, шелестело листьями.

— Ты робот? — спросила Алиса, стараясь, чтобы ее голос не дрогнул. — Отвечай!

— Отвечаю, — послышался голос из чащи. — Я робот.

— А я человек, — сказала Алиса. — Неужели ты не знаешь об этом? Неужели тебя не научили, что ты не имеешь права причинить человеку вред?

— Уйди, — сказал робот. — Я не причиню тебе вреда. Но дальше ты не пойдешь.

— Покажись мне, не бойся, — приказала Алиса. — Я без оружия. Я не буду на тебя нападать.

Она смело пошла вперед и чуть не налетела на громадного робота, который стоял в самой чаще.

Такого робота Алисе еще не приходилось видеть.

Ростом он был с двухэтажный дом, держался на трех лапах коротких мощных ног, а над «туловищем» поднималась полушарием голова с выпуклыми глазами, которые поочередно вспыхивали красным светом. У робота были две длинные членистые ручищи, они кончались металлическими пальцами. Правда, с одной рукой что-то было неладно — она была прижата к длинному туловищу и неподвижна.

При виде Алисы робот начал отступать и показался ей похожим на жука, который испугался муравья.

— Ты куда? — спросила Алиса.

— Уйди, — прогудел робот. — Нельзя!

— Робот, ты мне надоел, — сказала Алиса. — Сколько можно повторять одно и то же? Роботы так себя не ведут. Они должны слушаться людей, а не пугать их. Ты знаешь, что из-за тебя целая деревня сидит без воды? Что люди не могут поливать поля и останутся без урожая. Ты о людях хоть раз подумал?

Робот продолжал отступать к скале, в которой чернела узкая расщелина.

Он с трудом втиснулся в расщелину и застрял в ней, выставив вперед железную руку.

«Хорошо мне сейчас, — подумала Алиса. — Я-то знаю, что это робот. Большой служебный робот, который потерялся. Может быть, его забыла экспедиция, и от одиночества робот сошел с ума».

Алиса знала, что подобные машины служат на кораблях и в экспедициях грузчиками, носильщиками и ремонтниками и к тому же охраняют членов экипажа.

«Хорошо мне, а каково бедным здешним крестьянам? Они никогда не видели автомобиля или ракеты, даже о телеге не знают. А тут — служебный робот высотой в шесть метров. К тому же рычит, пугает, блестит и мигает огнями...»

Алиса подошла к роботу поближе.

— Простите, — сказала она. — Почему вы здесь оказались? Вас забыли? Скажите, откуда вы, я обязательно сообщу на вашу планету или базу, и за вами прилетят. Я даю вам слово.

Алиса была почти уверена, что робот, если кибернетический мозг цел, обязательно успокоится и ответит, как положено разумной машине.

Но робот, ничего не отвечая, продолжал отчаянно втискиваться в расщелину.

Алиса решила позвать Пашку. Теперь, когда чудовище оказалось не чудовищем, его хитрые маневры потеряли смысл.

— Павел! — закричала Алиса. — Па-ша! Иди сюда! Это всего-навсего робот!

С громким скрежетом, смяв себе бока, робот все же протиснулся задом в расщелину. Алиса не спешила за ним. Осторожность не помешает.

Она подождала, пока робот исчез между скал, и только тогда заглянула в расщелину.

В расщелине было полутемно. Впереди ухал, скрипел, трещал по всем швам отступающий робот.

На полминуты шум прервался.

И затем: удар, громкий плеск! И снова тишина...

Алиса прошла по расщелине метров тридцать. Впереди светило солнце.

Алиса остановилась на краю невысокого обрыва.

Оттуда она увидела небольшое заболоченное озеро. Чистая вода была лишь в самой середине, а по краям озеро было затянуто тиной и заросло тростником.

Робота нигде не было видно.

Алиса присела на каменную глыбу, рассуждая, что же делать дальше. Если робот подстерегает ее за скалой, то лучше не соваться туда, а подождать Пашку. Этот робот какой-то ненормальный.

И тут тростники у дальнего берега озера расступились, и из воды показалось страшное существо.

Алиса даже не сразу сообразила, что это — робот.

Существо было густо покрыто тиной, к бокам прилипли длинные водоросли, а с вытянутой вперед руки робота они свисали густо, словно конская грива.

Буро-зеленое существо, разгребая прибрежную грязь, медленно и неуверенно выбралось на берег, и именно в этот момент из кустов на той стороне вышел забывший об осторожности друг Алисы, отважный рыцарь Павел Гераскин.

Вместо того чтобы смотреть перед собой, Пашка глядел под ноги, потому что увидел куст земляники. Он даже присел на корточки, чтобы удобнее было сорвать ягоды, и Алиса, понимая, что произойдет, если Пашка сейчас поднимет голову и увидит вблизи робота, закричала:

— Пашка! Назад!

То ли Пашка услышал крик, то ли треск тростника, но голову он поднял и замер от ужаса.

Представьте себе Пашкино положение. Ты гуляешь по лесу, ты почти забыл, за чем идешь. Никаких чудовищ нет, вокруг поют птички и звенят стрекозы. Ты нагибаешься, чтобы сорвать спелую ягоду. Потом поднимаешь голову, потому что тебе слышится какой-то шум...

А к тебе зловеще тянется зеленая волосатая ручища, что принадлежит бурой громадине, страшнее и отвратительнее которой тебе и видеть не приходилось.

Это долго рассказывать. На самом же деле события заняли ровно две секунды. За это время Пашка поднял голову, увидел замаскированного водорослями робота и сделал невероятное сальто назад из положения «на корточках». Если вам или какому-нибудь великому гимнасту удавалось совершить такое сальто без подготовки, то первое место в мире вам обеспечено.

Совершив сальто, Пашка не стал останавливаться на достигнутом.

Он понесся в лес с такой скоростью, что поставил несколько мировых рекордов. На стометровке, на двухсотметровке и по трехкилометровому бегу с препятствиями.

Опомнился он только через пять километров на вершине скалы, что поднималась круто над лесом выше десятиэтажного дома. И только там к нему вернулась способность думать.

И он принялся думать.

Как спасти Алису и предупредить ее, что чудовище непобедимо, громадно и смертельно для любого человека?

Как выбраться из леса живым и не попасться чудовищу на зуб?

Как спуститься со скалы, если ты забрался на нее неизвестно как?

Пока Пашка думал, Алиса, спокойная за его судьбу, отправилась дальше за роботом, который, ничего не видя, брел сквозь чащу, ломая деревья, словно спички.

Алисе было интересно узнать, есть ли цель в движении робота.

К тому же она еще не знала, как уговорить машину не портить жизнь обитателям деревни.

Так они и шли минут десять.

Раза два робот останавливался и пытался стереть с себя слой тины и водоросли. Он терся боками о стволы самых толстых деревьев, но деревья не выдерживали этого и, как правило, падали.

Были бы у робота две здоровые руки, он бы сумел привести себя в порядок. Но с одной рукой это сделать нелегко.

Лес становился все реже. Между деревьями попадались поляны, поросшие мягкой травой. Из травы высывались серые спины камней.

Робот не оборачивался и не замечал, что Алиса идет следом.

Он перевалил через груды камней, и тут Алиса увидела, что впереди, в понижении между скал, лежит, накренившись, космический корабль.

Ясно, что корабль потерпел крушение.

Люк в корабль был открыт. Вокруг ни одной живой души.

Робот добрался до корабля и обернулся.

Водоросли подсохли, грязь местами отвалилась от его тела, и в тех местах проглядывал металл.

— Нельзя, — сказал робот.

Как будто только теперь сообразил, что Алиса рядом.

Но Алиса его уже совсем не боялась.

— Робот, — сказала она. — Я все поняла. Ты охраняешь свой корабль. Ты никого не хочешь убивать. Но ты не знаешь, что тебе делать и откуда ждать помощи. Разве я не права?

— Нельзя, — сказал робот. Он замолчал, словно подыскивал слова. — Авария. Всякие существа идут. Я не пускаю. Связи нет. Жду помощи.

— Отойди от люка, — сказала Алиса. — Мне надо войти.

— Нельзя.

— Я хочу помочь, — сказала Алиса. — Пойми же ты, железный цепной пес!

Она подошла к роботу, который поднял руку, чтобы помешать ей войти в люк.

Но рука двигалась плохо. Видно, и ее робот повредил, когда свалился в озеро.

Алиса наклонилась и быстро проскользнула в корабль.

Там было темно.

Робот неуверенно вошел в открытый люк следом за Алисой.

— Дай свет, — приказала ему Алиса.

Робот подчинился. Вспыхнул прожектор.

В свете его Алиса дошла до следующего люка, поменьше, который вел во внутренние помещения. Робот остановился. Он был слишком велик, чтобы войти в жилые отсеки.

— Дай сюда фонарь, — сказала Алиса.

Робот покорно вывинтил один из своих глаз и передал девочке. Фонарь был большой и тяжелый.

Алиса пошла по коридору. Вскоре она отыскала вход на капитанский мостик.

Там было пусто.

Пульт управления был почти не поврежден, но от удара некоторые приборы сдвинулись со своих мест. Очевидно, корабль шел на автоматическом режиме. Где же тогда экипаж?

Алиса подошла к пульту и постаралась его включить. Но расположение приборов было неизвестно.

Алиса обернулась и крикнула:

— Робот, ты не знаешь, как включается аварийная система обеспечения?

— Не знаю, — донесся далекий печальный голос.

Жаль, что Пашки нет, подумала Алиса. Он куда лучше меня разбирается в кораблях. Она отыскала в нише справочник по управлению кораблем и потратила не меньше получаса, прежде чем разобралась, что к чему.

Наконец ей удалось включить аварийную систему. На пульте загорелся свет. Зажглись

лампы в коридорах. Один за другим включались приборы.

Ожил информационный блок.

— Что за корабль? — задала Алиса первый вопрос.

— Космический корабль первого класса «Венитор», — ответил ровный голос информатория. — Порт приписки — планета Вестер. Цель полета — соседняя галактика.

— Где экипаж?

— Экипаж находится в анабиозе, — ответил информаторий. — Он будет разбужен при приближении к цели.

— Проверьте, — приказала Алиса информаторию, — состояние анабиозных ванн. Не пострадали ли члены экипажа?

Информаторий замолчал.

В корабле было очень тихо. Где-то далеко мерно падали капли. Жужжал какой-то прибор на пульте.

— Анабиозный отсек не поврежден, — ответил наконец информаторий. — Экипаж находится в ваннах. Все спят.

— Приказываю, — сказала Алиса. — Включить систему пробуждения.

— Есть включить систему пробуждения, — ответил информаторий.

Алиса поднялась с кресла.

— Как мне пройти в анабиозный отсек? — спросила она.

— Центральное ядро среднего яруса, — ответил информаторий.

— Какой код?

— 1654.

— Спасибо.

Алиса поднялась с кресла и вышла в коридор. Она знала, куда идти. Все галактические корабли построены по одинаковому принципу. Они могут отличаться в деталях, как автомобили. Но если вы увидите автомобиль, в какой бы стране он ни сделан, вы сразу догадаетесь, где у него двигатель, а где пульт.

Герметическая дверь в анабиозный отсек была задраена.

Алиса набрала код на пульте у двери, и дверь отсека медленно отошла в сторону.

Перед ней было обширное низкое помещение, в котором в два ряда висели в воздухе поддерживаемые амортизаторами ванны. В них спали члены экипажа. Ванны были рассчитаны таким образом, что даже при вынужденной посадке с ними ничего не должно случиться.

Алиса подошла к первой ванне.

В специальной жидкости лежал молодой человек. Глаза его были закрыты. Он ровно дышал.

На маленьком пульте возле ванны перемигивались огоньки.

Начался процесс пробуждения.

Алиса знала, что через несколько минут приборы осторожно и бережно изгонят из тела космонавта глубокий сон, затем жидкость уйдет из ванны, и человек откроет глаза.

Это случится минут через десять.

Все в порядке. Приборы работают нормально. Люди живы.

Стоять и ждать, пока проснется экипаж, не было смысла.

Алиса вышла из анабиозного отсека и пошла по коридору к выходу.

Ей хотелось сказать верному роботу, что его вахта закончилась. Больше охранять

потерпевший бедствие корабль не надо. Ничто не угрожает жизни экипажа.

Робот все также стоял перед входом в жилую часть корабля.

Он осветил Алису последним взглядом.

Алиса зажмурилась и подняла руку, чтобы закрыться от яркого света.

— Перестань, — сказала она. — Давай выйдем наружу. Скоро ты увидишь своего капитана.

— Ты... их... вернула? — спросил робот.

— Да. Аварийная система, к счастью, цела. Через несколько минут экипаж проснется.

— Я охранял, — сказал робот. — Моя задача — охранять людей до последней возможности. Были опасности. Были чужие существа. Я не делал вреда. Я никого не пускал в зону корабля. Я прав?

— Не совсем, — сказала Алиса. — Защищая свой корабль, ты мешал жить другим людям, которых ты называешь существами.

— Они не были разумные, — сказал робот. — Они кидали в меня камни, они хотели меня разрушить. Они могли разрушить корабль. Я их не убивал. Я только пугал и не пускал.

— А заодно не пускал их к роднику. И они остались без воды.

— Это не входило в мою программу, — сказал упрямо робот.

— Ну что с тобой делать! — вздохнула Алиса. — Вылезай из корабля. Мне надо отыскать друга. Ты так его испугал, что я не знаю, где его искать.

— На корабле есть система оповещения, — сказал робот. — Мы включим громкоговоритель, его слышно за десять километров. Твой друг услышит и придет.

С этими словами робот вылез из люка на траву.

Но не успел он сделать и шага, как из-за скалы вылетел камень и ударил его в лоб.

Бзззнк! — разлетелся вдребезги фонарь-глаз робота.

Робот, защищаясь, поднял единственную руку.

Тут же второй камень ударился в руку.

— Перестаньте! — закричала Алиса. — Что вы делаете! Ваш родник свободен!

— Вот и я говорю, — печально заметил робот. — Эти существа совсем дикие. Я был обязан защищать от них корабль.

И в этот момент дикое существо выбежало из-за скалы.

Это был Пашка Гераскин, который соорудил из лианы пращу и так удачно метал камни в робота.

— Алиса! — кричал он на бегу. — Ты жива?

— Эх, Пашка, — сказала Алиса. — Неужели не видишь, что здесь космический корабль. Разве можно кидать камни?

— Я потому и кидал, что увидел, как это грязное чудовище забралось внутрь.

— А меня ты не заметил?

— Честное слово, не заметил. — Пашка остановился в отдалении, с опаской поглядывая на робота. — Я вижу — потерпел бедствие корабль. А это чудовище лезет внутрь. Что делать? Тогда я сел в засаду и стал ждать. Вдруг вижу — оно вылезает снова! Вот я и запустил ему в глаз!

— Дикое существо, — сказал робот. — Теперь меня придется чинить.

— Это робот? — удивился Пашка.

— Служебный корабельный робот модели КР, к вашим услугам, — сказал робот. — В меня здесь все кидают камнями.

— Зачем же такая маскировка? — спросил Пашка.

— Это не маскировка, это нечаянно, — сказал робот и принялся очищать с себя водоросли и остатки грязи.

— Я преследовал его по всему лесу, — сказал Пашка. — Еле догнал. А теперь оказывается зазря.

Алиса не стала напоминать Пашке, что видела, как он удирал от робота возле озера. Зачем портить человеку настроение? Ведь Пашка уже искренне верит, что он — победитель роботов.

В люке появился человек в комбинезоне. Он был еще слаб и держался за раму.

— Что произошло? — спросил он. — Это какая планета?

— Здравствуйте, капитан, — первым ответил робот. — Корабельный робот системы КР докладывает: за время моего дежурства происшествий почти не было. Но планета мне не понравилась.

— Я вам все объясню, — сказала Алиса.

— Только сначала мы хотели бы напиться, — добавил Пашка. — У нас с утра во рту ни капли воды не было.

— А потом вернемся в деревню, — улыбнулась Алиса. — Местные жители ждут возвращения героя.

Пашка уж готов был согласиться, но вспомнил, сколько у него в деревне невест, и быстро сказал:

— Как-нибудь в другой раз.

Подземная лодка

Глава 1. Дипломное путешествие

— Здравствуйте, дорогие дипломники, — сказала Светлана, входя в класс.

Десять семиклассников биологической школы окружили ее.

— Садитесь, — сказала Светлана. — Столы и кресла вам уже малы. Почему вы так быстро растете?

— Вы еще посмотрите, как мы за лето вырастем, — сказал Джавад, который и без того был выше Светланы.

— Все пришли? Никто не заболел? Никто не улетел на денек на Луну? Никто не купается на Гавайских островах? — спросила Светлана, усаживаясь в учительское кресло.

— Если вы меня имеете в виду, — сказал Пашка Гераскин, — то я пришел сегодня раньше всех.

— Этого не может быть!

— Мне тоже свойственно ошибаться, — признался Пашка. — Я становлюсь рассеянным.

— Он хочет сказать, что становится великим, — пояснил Аркаша Сапожков.

— Мне очень приятно, — сказала Светлана, — что в нашем классе будет великий выпускник. Но пока займемся делом. Итак, вы должны мне сегодня сказать, какие путешествия вы себе придумали.

Наступила тишина. Никто не хотел говорить первым. Диплом, который надо защитить после седьмого класса, называется «Необыкновенное путешествие». За месяц надо путешествие совершить, а потом написать о нем необыкновенный отчет. Задача сложная.

— Хорошо было сто лет назад, — сказала Маша Белая.

— Еще бы, — подхватила ее близняшка — Наташа Белая. — Любое путешествие было необыкновенным. Даже на Луну семиклассники еще не летали.

— А еще лучше было тысячу лет назад, — сказал Илюша Чашков. — Тогда еще паровоз не изобрели.

— Надо ли ваши слова понимать так, что вы ничего интересного не придумали? — спросила Светлана.

— Я придумал, — сказал Джавад. — Я уже начал делать воздушный шар, чтобы совершить на нем беспосадочный полет вокруг света.

— Уже летали! — сказал Пашка.

— А я полечу быстрее, — сказал Джавад.

— Очень хорошо, — согласилась Светлана. — Необыкновенным может стать даже обычное на первый взгляд путешествие.

— Конечно! — воскликнула Маша Белая. — Мы с Наташей договорились с дельфинами, что они нас перевезут через Средиземное море.

— И если будет хорошая погода, мы поплывем к Азорским островам, — сказала Наташа.

— Верхом на дельфинах? — удивился Аркаша. — Но ведь это опасно.

— Неужели дельфины дадут нам утонуть? — обиделась Маша.

— Ну а ты, Аркаша? — спросила Светлана. — Ты, наверное, придумал что-то необыкновенное.

— Я совершу путешествие вокруг нашей дачи.

— Как так?

— Я обойду всю дачу и буду наблюдать, как живут насекомые, как растут цветы.

— Теперь я понял, почему он испугался за близняшек! — сказал Пашка. — Сам-то выбрал самое безопасное путешествие на свете. Но если увидишь незнакомую собаку, сразу зови бабушку на помощь.

— Я постараюсь, — улыбнулся Аркаша. — Только она не услышит. Потому что я сначала уменьшусь в сто раз.

— Молодец, — сказала Алиса. — Жалко, что ты меня обогнал.

— Ты тоже хотела путешествовать вокруг дома? Тогда пошли вместе.

— У меня была другая идея, — сказала Алиса. — Я тоже хотела воспользоваться открытием куньминьского физика Ли Чуси, который научился уменьшать живые существа. Я собралась повторить путешествие Нильса на диких гусях. В Африку.

— Одно другому не мешает, — сказала Светлана. — Это два различных путешествия.

— Я подумаю, — ответила Алиса. Она была огорчена. Какая же она наивная! Решила, что никто, кроме нее, не подумает об уменьшении.

И пока другие ребята рассказывали о своих планах, Алиса размышляла, может быть, в самом деле отправиться в путешествие вместе с Аркашей? Или все-таки полететь на гусях?

— Гераскин, — услышала она голос Светланы, — что же ты молчишь? Опять рассеянность подвела?

— Не надо иронизировать, Светлана, — серьезно ответил Пашка. — К великим людям нужен особый подход, деликатный. Мы очень ранимы.

— Извините, — сказала Светлана. — Но учти, хоть ты и очень великий, дипломную работу я с тебя спрошу. Иначе в восьмой класс не перейдешь.

— Есть у меня одна мысль... — сказал Пашка. — В общем, я решил совершить путешествие к центру Земли.

— Ого! — сказал Илюша Чашков. — Ради такого путешествия я согласен отказаться от моей идеи.

А идея у Илюши была интересная — он хотел проплыть подземной рекой, что течет под Сахарой.

— Это невозможно, — сказал Аркаша. — Даже взрослые еще не были в центре Земли. Это невероятно трудная задача. Ты забыл, какое там давление?

— Я ничего никогда не забываю, — сказал Пашка.

— Подземный корабль еще только проектируется! — воскликнул Джавад.

— Корабль, может, и проектируется, но подземная лодка уже существует, — отрезал Пашка.

— Хорошо, — улыбнулась Светлана. — А теперь каждый из вас по очереди подходит ко мне и сообщает все детали путешествия, чтобы я убедилась, что оно безопасно. Кто первый? Ты, Илюша? Тогда оставайся в классе, а остальные свободны. Вы сами договоритесь, кто пойдет ко мне следующий.

В школьном саду Пашка отозвал Алису в сторону.

— Слушай, мой юный друг, — сказал он. — Чует мое сердце, что ты расстроена оттого, что узурпатор Сапожков украл у тебя идею.

— То-то и обидно, что он не крал, — сказала Алиса. — По крайней мере, с точки зрения науки его путешествие более интересное.

— Лилипут бегают в траве от кузнечика! Тоже мне путешествие! Алиска, предлагаю: присоединяйся ко мне.

— Зачем?

— Мне нужен верный напарник. Моя идея уникальная, но одному, пожалуй, не справиться.

— Тогда расскажи, в чем дело.

— Потом. Сейчас ты дашь мне согласие, я расскажу обо всем Светлане, сообщу, что мы едем вместе.

— Пашка, а я знаю, зачем тебе это нужно.

— Зачем?

— Ты боишься, что Светлана тебя одного не отпустит. Признавайся немедленно! Или я с тобой не поеду.

— Значит, поедешь! Жди меня здесь. Я побежал к Светлане.

Вышел он от Светланы минут через десять. И тут же, поманив Алису за собой, побежал к стоянке флаеров.

— Что она тебе сказала? — спросила Алиса.

— Разве это так важно? Главное — мы с тобой вдвоем отправляемся в невероятное и удивительное путешествие к центру Земли.

Глава 2. Кузнец Семен Иванович

— Сейчас ты увидишь гения, — сказал Пашка Гераскин, направляя флаер вниз, к тихой извилистой речке, отороченной ивами. Речку пересекала запруда, у которой стояла старая седая мельница. Водяное колесо медленно вращалось, с него, сверкая под солнцем, стекали струи прозрачной воды.

За мельницей была видна крыша еще одного дома — тоже старого, бревенчатого, под тесовой крышей. Из трубы поднимался дым.

— Что это такое? — удивилась Алиса.

Ничего не ответив, Пашка посадил флаер на площадке перед мельницей. Слышно было, как из дальнего домика раздаются гулкие короткие удары.

— Пошли! — Пашка первым направился туда. Широкая дверь была распахнута. Над ней прибита вывеска:

КУЗНИЦА
Кузнец Семен
Как слон силен
ПОСЛЕДНИЙ НАСТОЯЩИЙ
КУЗНЕЦ В ГАЛАКТИКЕ

— Семен Иванович! — сказал Пашка, заглядывая внутрь. — Можно к вам?

— Заходи, коль не шутишь, — раздался в ответ сиплый голос. И снова послышались быстрые удары.

Они вошли внутрь кузницы. Она была невелика и заставлена, завалена железными предметами так тесно, что посреди нее только-только оставалось место для горна и наковальни, возле которой стоял сам кузнец и небольшим молотом стучал по раскаленной докрасна старинной алебарде.

Кузница была удивительной. В первое же мгновение Алиса увидела в ней множество вещей, которые встречаются только в музеях. Там лежала груда лошадиных подков, наконечников копий, алебард, стояли прислоненные к стене решетки и спинки железных кроватей, на гвоздях, вбитых в стены, висели амбарные замки и стремяна...

Но удивительнее всего был сам кузнец.

Он был не очень высок ростом, но казался великаном, которого так стукнули по голове молотом, что он вдвое уменьшился, раздавшись во все стороны. Математик бы сказал, что этот человек точно вписывается в куб. Алиса подумала, что этот человек похож на старинный сундук.

— Ну что, решился? — спросил кузнец у Пашки.

— Я ни минуты не сомневался.

— Тогда погоди, — сказал кузнец. — Я еще обед себе не заработал, а уже умираю от голода.

Руки его не переставали работать. Левая быстро и точно двигала раскаленную алебарду, а правая ловко постукивала по ней молотком.

— Павел, — приказал кузнец, — шуруй!

Пашка, видно, был здесь не в первый раз. Он кинулся к мехам и начал работать ими. Кузнец прикрикнул на Пашку:

— Смелей, немощь городская!

Пашка не обиделся.

— Помочь тебе? — спросила Алиса.

— А ты, девочка, иди собирай цветочки! — сказал кузнец, и этим Алисе сразу не понравился.

Но сам он сразу же забыл об Алисе, потому что снова принялся молотить по железу.

— Все! — закричал он торжествуя и сунул алебарду в бочку с водой.

Поднялось облако пара. Пашка распрямылся, потер руки — ему было приятно чувствовать себя помощником кузнеца.

— Ну и как? — спросил он. — Получилось у нас?

Кузнец ничего не ответил. Срывая на ходу фартук, он побежал к мельнице.

— Пошли за ним, — сказал Пашка.

— Но он не звал.

— Он никогда не зовет.

Они вошли в старую мельницу. Внутри обнаружилась обширная кухня. На стеллажах вдоль стен бесконечными рядами стояли банки и бутылки с приправами, специями, вареньями, соленьями, маринадами и соками. С потолка свисали длинные связки лука и чеснока, сушеной мяты и укропа. А вдоль стены тянулся длинный широкий стол, на котором стояли кастрюли, миски, чайники, котлы и сковородки. Еще больше их было на старинной плите с шестью конфорками.

— Зажигай! — приказал кузнец, кидаясь к столу и начиная быстро разделять карпов, которых вытаскивал из ведра.

Пашка наклонился к сложенным у плиты полешкам, ловко наколол лучины, заложил в плиту и разжег ее.

Алиса глазам своим не верила. Она, честно говоря, впервые в жизни видела, как разжигают плиту, только в сказках об этом читала. И было непонятно, зачем же жечь дрова, если еду приготовит электровакуумный комбайн?

Кузнец, который все еще чистил рыбу, словно угадал ее мысли.

— Чепуха! — зарычал он. — Ты эти современные штучки-дрючки брось. Это, прости, не продукт получается, а самоубийство. Может, для вас, людишек умственного труда, роботы-шроботы и нужны, а нам это без надобности! Больше огня, Пашка!

— Слушаюсь, капитан! — ответил Пашка, подбрасывая поленья в плиту.

— Девчушка, как тебя кличут? — спросил кузнец.

— Алиса Селезнева.

— Алиска, хватай ведро, беги к колодцу, одна нога там, другая здесь.

— А где колодец?

— Найдешь, не слепая!

Кузнец весело улыбался. Он был совсем не такой страшный, как в кузнице. Голова его казалась полушарием, вросшим в покатым холм плеч. Короткопалые руки были подобны слоновьим ногам. И вообще он был больше всего похож на слона, вставшего на задние ноги, только вместо хобота торчал красный носик, по сторонам которого яростно горели круглые голубые глазки.

Алиса взяла ведро и вышла из мельницы.

Колодец она увидела сразу, он был шагах в двадцати, под большой липой. Над колодцем была двускатная крыша, под ней отполированное руками бревно с намотанной на него

цепью. Алиса прикрепилась ведро к цепи, и бревно принялось крутиться, позвякивая. Потом ведро плеснуло, ударившись о воду.

Только сейчас Алиса поняла, как здесь тихо и ласково. Только и звуков, что монотонное жужжание стрекоз, кузнечиков, мух и других насекомых да отдаленное поскрипывание мельничного колеса. Как будто Алиса попала в сказочный, давно ушедший древний мир, в котором никто и не подозревает, что где-то есть флаеры, космические корабли, роботы и марсиане.

Алиса принялась тянуть ведро из колодца. Железная рукоять поворачивалась с трудом, ведро было тяжелым, и Алиса представила себе, как ведро появится сейчас над срубом колодца, а в нем медленно плавает щука, которая спросит:

— Чего тебе надобно, старче?

Она так поверила своей выдумке, что брала ведро осторожно, как бы щука ее не укусила. Никакой щуки, конечно, в ведре не было, но вода в ведре оказалась газированной, она бурлила от пузырьков, что поднимались к поверхности. Алисе даже почудилось, что нести это ведро было очень легко — вода все время стремилась наверх.

Когда она вернулась с ведром, в мельнице работа шла полным ходом. Жарко и весело трещали дрова в плите, шкворчала на сковородке рыба, закипала в кастрюле картошка, кузнец взбивал мутовкой клубничный мусс, Пашка резал хлеб. Он отколупнул кусок корки и сказал:

— Лучше, чем пирожное.

— Еще бы, — согласился кузнец Семен, — я сам муку мелю и хлеб пеку. Ко мне за хлебом из Австралии прилетают.

И тут он побледнел, даже пошатнулся от ужаса.

— Соус! — закричал он. — Соус перестоялся!

Он схватил с плиты кастрюльку и принялся бегать с ней по комнате, чтобы остудить.

— А почему у вас вода газированная? — спросила Алиса.

— Это не вода! Это нарзан, лучший в мире нарзан. Наливай в чайник, ставь на плиту, потом бери скатерть и приборы в буфете и быстренько накрывай на стол. Поняла, Алиса-киса?

От кузнеца Семена исходил такой шум, грохот, веселье, столько в нем было жизни, что хотелось смеяться.

— Еще минута — и я помру от голода! — закричал он. — Пашка, сливай картошку, волокни на стол, мечи из подпола сметану, соленые огурцы и не забудь квас. Мой квас на нарзане — лучший в мире, за ним из Австралии приезжают.

Наконец через пять минут все было готово и они уселись за стол.

— Начинай! — зарычал кузнец. Он наколот на вилку целого карпа, высыпал из кастрюли десяток крупных, как дыни, картофелин, отломил половину буханки, и в мгновение ока все это исчезло в его пасти.

— Вы Гаргантюа и Пантагрюэль сразу, — сказала Алиса. — Это были такие...

— Не надо объяснений. Я все читал, — ответил кузнец. — Не отвлекай меня, а то аппетит пропадет.

И с этими словами он кинул в рот еще одного целого карпа.

Но больше Алиса на хозяина не смотрела, потому что сама принялась за еду, которая оказалась такой вкусной, что остановиться было невозможно.

Клубничный мусс кузнец есть не стал, пододвинул миски с ним гостям, а сам, вздохнув,

сказал:

— Ох, надо мне себя ограничить. С понедельника обязательно сяду на диету.

С этими словами он взял со стола еще одну буханку хлеба и не спеша затолкнул себе в рот.

— А почему у вас в колодце нарзан? — спросила Алиса. — Ведь нарзан в средней полосе не бывает.

— Мой колодец — сверхглубокий, — ответил кузнец. — Я его сделал во время последних испытаний. Нарзан поступает с глубины три километра.

И только тут Алиса вспомнила, зачем они приехали к кузнецу.

Она хотела было спросить про подземную лодку, но кузнец поднял толстый палец и произнес:

— Никаких деловых разговоров. Сейчас все спать, спать, спать. Пища не выносит легкомысленного отношения.

Он с трудом поднялся из-за стола и побрел наружу, где в саду, под яблоней, Алиса увидела помост, заваленный сеном. Там все они и заснули.

Разбудил Алису шмель. Он летал над самым ухом и занудно жаловался на жизнь. Солнце уже стояло низко, тени стали длинными. Слышно было, как поскрипывает мельничное колесо. Пашка спал на сене, раскинув руки и ноги, как парашютист в свободном падении. Кузнеца Семена не было видно. От сена пахло сладко и сонно. Может, еще подремать? Пять минуток?

И тут от мельницы донесся громовой голос кузнеца:

— Вставать, вставать, чай готов!

— Я не хочу чаю, — ответил Пашка, не просыпаясь.

Алиса вскочила. Ей было неловко. Приехали к одинокому мужчине и улеглись спать, а он вынужден заниматься хозяйством.

Кузнец уже сидел за столом. Он сам все приготовил. Притащил самовар литров на сто, сверкающий как раскаленная лава, расставил чашки, разлил по вазочкам варенье и, главное, испек такую гору пирожков, что над ней поднималась только блестящая макушка кузнеца.

— А мужик твой спит? — спросил кузнец, наклоняясь в сторону, чтобы увидеть Алису.

— Я думаю, он скоро придет, — сказала Алиса. — Он любит все делать сам, не выносит, когда ему приказывают.

— Понял, — сказал кузнец и усмехнулся. И тут же закричал на всю округу: — Павел! Не ходи пить чай! Спи немедленно!

Но его приказ запоздал.

Пашка уже стоял на пороге.

— Ясное дело, — сказал он. — Если дрова пилить, то где Гераскин? А если чай с пирогом, то о Гераскине забыли.

— Представляю тебя занудным стариком, — сказал кузнец. — Ты же всех своих внуков перепилишь.

Пашка стоял в неуверенности — то ли смертельно обидеться, то ли счесть слова кузнеца шуткой. Но кузнец сам решил за него эту задачу.

— Есть выход, — сказал он. — Давай есть пирожки наперегонки. Ты берешь, я беру. Кто последний взял — проиграл.

— Ой! — сказала Алиса. Она уж не знала, когда кузнец шутит, а когда говорит серьезно.

— Давайте, — сказал Пашка, усаживаясь за стол.

Кузнец начал соревнование всерьез. Он глотал пирожки словно горошины, а Пашка тем временем спокойно жевал, запивая чаем, не спешил, только спросил:

— А кто выиграет, что получит?

— Любое желание, — ответил серьезно кузнец.

— Ты же проиграешь! — шепнула Алиса.

— Проиграю — значит, проиграю, — сказал Пашка, продолжая не спеша жевать пирожок. — Хорошие сегодня пирожки у вас получились. Мне сейчас с капустой попались.

— А ты правее возьми, вон там, с брусникой. Сказка!

И не дожидаясь, пока Пашка возьмет пирожок справа, кузнец схватил оттуда пригоршню пирожков. Гора уменьшалась на глазах. Это уже была не гора, а пологий холм, над которым ритмично двигались ручищи кузнеца, словно ковши экскаватора.

И тут Пашка подобрался, словно изготовился прыгнуть.

Пальцы кузнеца скользнули по блюду, подбирая последние пирожки. Пашка мгновенно вытянул руку, схватил предпоследний пирожок и крикнул:

— Я выиграл, Семен Иванович!

Ручища кузнеца замерла над последним пирожком. Он поднял глаза на Пашку, хлопнул белыми ресницами и сказал с уважением:

— На вид маленький, а жуешь как великан. Придется тебе с понедельника садиться на диету вместе со мной.

— Мне это еще не грозит, — сказал Пашка.

— Желание сейчас будешь заказывать или потом?

— Потом, — сказал Пашка.

— Правильно. Тогда часок передохнем и пойдем посмотреть машину.

— У меня желание, — сказал Пашка.

— Понял, — ответил кузнец, улыбаясь, — пошли посмотреть машину сейчас.

Глава 3. Подземная лодка

Кузнец Семен Иванович с трудом поднялся из-за стола и пошел впереди. Хоть ножищи у него были толстыми, все равно Алиса удивлялась, как они выдерживают вес такого тела.

Они миновали колодец, прошли сквозь заросли орешника, и тут Алиса увидела покосившийся сарай. Двери его были заперты на замок. Семен Иванович начал искать по карманам ключ, не нашел, рассердился, рванул замок, дужка отлетела, и он сказал:

— Ничего, завтра починю.

И они оказались в сарае.

Кузнец рванул за большой железный рычаг у двери, и деревянный пол в сарае разъехался у самых Алисиных ног. Образовалась большая продолговатая яма. На дне ямы лежало веретено метров в десять длиной с широкой винтовой нарезкой, отчего Алисе оно показалось похожим на длинный батон с заостренными концами.

— Вот она, моя подземная лодочка, — сказал кузнец Семен. Он включил свет, и яркие лампы, спрятанные под стропилами сарая, залили все белым светом.

Кузнец первым спустился по лесенке к подземной лодке.

Он обошел ее, похлопывая словно лошадь.

— Ну как, красавица? — спросил он.

— У меня желание есть, — сказал Пашка.

— Но ты его уже заказал.

— То было не желание, а пожелание, — сказал Пашка.

— Не вижу разницы.

— А я вижу, — сказал Пашка. — Как честный человек, вы должны выполнять условия.

Тут кузнец расхохотался, принялся хлопать себя руками по бокам и повторять:

— Ну, хитрец, ну, Пашка, хитрец! Ну перехитрил! Ну перехитрил старика!

Отсмеявшись, кузнец подошел к люку, что был врезан в борт подземной лодки, и начал его отвинчивать. Он, видно, почувствовал, что Алиса смотрит на него с удивлением, поэтому, не оборачиваясь, сказал:

— Ты не думай, Алиска-барбариска. Изнутри все на автоматике. А вот чтобы снаружи открыть, нужна моя сила.

Внутри подземной лодки было темно. Кузнец просунул в люк ручищу, пошарил там, нашел выключатель, и в лодке загорелся свет.

— Влезайте, — сказал он, — поглядите, как там. Может, не понравится.

Пашка в мгновение ока нырнул в корабль. Кузнец посадил Алису, и она буквально свалилась на Пашку. Там, в лодке, было страшно тесно, они ущемались, лишь прижавшись друг к другу. Даже ноги некуда было вытянуть, потому что они упирались в пульт управления.

— Ну как устроились? — раздался голос снаружи.

— Замечательно, — сказал Пашка. — Можно попробуем?

— Как ты попробуешь, если не учился? — спросил кузнец. — Ты мне машину сломаешь.

— Вы же мне показывали, — возразил Пашка.

Пульт был выкован из железа, узорчатый, витиеватый, вместо кнопок на нем были изогнутые рукоятки, а рядом торчали ажурные головки ключей.

Пашка повернул рычажок, над пультом загорелась лампочка, спрятанная в выкованную

сеточку словно в корзинку.

— Эй ты, неслух! — послышался голос кузнеца. — Ты хоть люк закрыть не забудь.

— Я ничего никогда не забываю, — ответил Пашка и повернул другой рычажок. Сбоку послышался удар — захлопнулся люк, затем — страшный визг. Алиса вздрогнула.

— Что это? — крикнула она, стараясь перекричать визг.

— Понятное дело, — ответил Пашка. — Люк завинчивается.

Пашка взялся за два больших рычага, что торчали в узких прорезях пульта, и одновременно двинул их вперед.

— Теперь держись!

Дрожание лодки усилилось, и тут Алиса почувствовала, что сползает с железного кресла на пульт — нос лодки начал крениться вниз.

— Совсем забыл, — сказал Пашка. — Привяжись.

Он вытянул со своей стороны конец широкого брезентового ремня, перекинул через Алису, та нащупала со своей стороны крепление, защелкнула ремень. Теперь они были привязаны одним ремнем к креслу, но все равно было очень неудобно, потому что приходилось руками упираться в край пульта, чтобы не стукнуться об него головой.

— И так будет всегда? — спросила Алиса.

— Настоящий исследователь не имеет права надеяться на легкую прогулку, — строго сказал Пашка. — Если не нравится, останешься дома и будешь путешествовать вокруг дома вместе с Аркашей. Но если вас сожрет какой-нибудь необразованный паук, я не отвечаю.

— Мы уже под землей? — спросила Алиса, чтобы переменить тему разговора.

— Разумеется. Где включается экран, ты не помнишь?

Вопрос был риторическим. Пашка принялся поворачивать ключики. В кабине зажегся яркий свет, потом погас, включился вентилятор, из крана, похожего на кран самовара, который высунулся из стены как раз над Алисиным ухом, полилась вода...

— Не то, — бормотал Пашка, — не то...

Вдруг над пультом зажегся экран. На нем появилась цифра 6. Она поехала вправо, а от левого края экрана двинулась к центру цифра 7.

— Вот видишь, — сказал Пашка. — Я же говорил. Мы на глубине семь метров. Теперь можно перейти на горизонтальный ход.

Пашка потянул на себя два рычага, и лодка приняла горизонтальное положение. Алиса с облегчением откинулась на спинку кресла.

— А как она работает? — спросила Алиса. — Снаружи непонятно.

— Как все гениальное — просто, — сказал Пашка. — У этой лодки два корпуса. Как орех в скорлупе. Внешний керамический, жаростойкий, с резьбой. Он ввинчивается в породу как бур. А внутреннее ядро, в котором мы с тобой сидим, остается неподвижным, как бы плавает внутри бура. Этой лодке никакие породы, никакая температура не страшны. Мы можем с тобой сквозь вулкан пройти, и хоть бы что.

— И это он сам сделал?

— Собственными руками. Что мог — выковал в кузнице. — Пашка показал на приборы на пульте. — А что не смог, заказал, ему сделали по его чертежам. Простой скромный гений.

— А почему он тебе эту лодку дал? Разве он ее не для себя сделал?

— Нам с тобой повезло, — ответил Пашка. — Пока он ее изобретал и строил, он так растолстел, что ему в люк не влезть. А кому-то надо под землю идти. Вот и повезло кузнецу.

— Повезло?

— Конечно, повезло, что он меня встретил. Он за меня теперь двумя руками держится.

— Что-то ты, Пашка, темнишь, — сказала Алиса.

— Я не темню. Сейчас вылезем на поверхность, он сам тебе все расскажет.

На экране цифра 7 уезжала обратно и снова появилась шестерка.

— Постепенно поднимаемся, — сказал Пашка. — Видишь, какое простое управление.

— Вижу, — сказала Алиса. — Любой ребенок сможет.

— Ну не любой, — ответил Пашка серьезно, — а очень талантливый. Нужна интуиция.

И точность. И не мешай мне. Мы поднимаемся наверх. Река позади.

Алиса следила, как на экране сменяли друг дружку цифры: 5, 4, 3, 2, 1, 0.

— Приехали, — сказал Пашка. — Пора вылезать. А то Семен Иванович проголодается, уйдет ужинать.

Снова раздался страшный визг — это отвинчивался люк.

И в этот момент лодка качнулась, нырнула носом вниз, на экране снова поехали цифры — только в обратном порядке: 0, 1, 2, 3...

Лодка замерла.

— Это что такое? — удивилась Алиса.

Послышался грохот — открылся люк.

И в ту же секунду в кабину хлынул поток воды.

— Мы в речке!.. — успела крикнуть Алиса, но тут же вода ударила ее, кинула на Пашку, дышать было нечем, со всех сторон стенки — не выберешься, никуда не денешься... Алиса пыталась задержать дыхание и отыскать в темноте люк, но подземная лодка, видно, повернулась, погружаясь в воду, и руки никак не могли нащупать выхода. Воздуха не хватало — Алиса инстинктивно рванулась вверх и выскочила из воды — оказывается, под потолком кабины остался пузырь воздуха.

Но где Пашка?

И стало страшно... страшно до смерти.

Алиса выплюнула воду и позвала:

— Пашка!

Голос ее не слушался, звук его заглох в узком темном пространстве.

Алиса решила нырнуть, чтобы отыскать друга, но тут же натолкнулась на него. Он бултыхался совсем рядом и, видно, не сообразив, вцепился в Алису и чуть не утащил ее под воду.

— погоди, Пашка! — крикнула Алиса.

И в этот момент подземная лодка накренилась, дернулась, вода хлынула наверх, Алиса еле успела набрать воздуха, как оказалась снова под водой. И непонятно было, то ли лодка поплыла сама по себе, то ли ее крутит водой.

Тут, видно, Алиса потеряла сознание, потому что ей вдруг показалось, что она лежит на солнечной поляне, светит солнце... Она ударилась о жесткую спинку железного кресла, свалилась в узкое пространство за ним, больно ударилась и пришла в себя.

... Лодка покачивалась, будто попала в шторм, но воды в ней не было.

Удар. Лодка замерла.

Алиса стала карабкаться из-за кресла.

Из люка в кабину протянулся луч света. Пашка лежал в кресле, закрыв глаза.

Что-то темное закрыло люк, послышался глухой голос:

— Вы живые или нет?

— Живые, — с трудом ответила Алиса.

— Тогда вылезайте, мне за вами не залезть.

Алиса сообразила, что голос принадлежит кузнецу. Она подхватила Пашку под мышки и потянула к люку.

Пашка начал кашлять. Он отбивался, но вяло, будто сам не соображал, что делает. Могучие ручки кузнеца встретили Алису у люка, рывком вытащили ее наружу, затем выволокли Пашку.

Алиса упала на траву. Хотелось только одного — лежать, закрыв глаза, и ни о чем не думать. Но она заставила себя открыть глаза и сесть. Кузнец сидел рядом с ней, перед ним лежал на траве Пашка, и кузнец делал ему искусственное дыхание.

Пашка махал руками и все еще кашлял.

— Посадите его, — сказала Алиса. — Только не бейте его по спине, позвоночник сломаете.

— Еще чего не хватало, позвоночники ломать, — обиделся кузнец.

Пашка открыл глаза и сказал между приступами кашля:

— Я сам, со мной все в порядке. А где Алиска?

— Я здесь.

— А лодка? Лодка утонула?

— Лодку я вынул, — сказал кузнец. — Я как увидел в речке пузырьки — сразу понял, что ты не там выскочил да еще сдуру люк раскрыл.

— А откуда мне знать...

— Молчи, путешественник! Пришлось мне в речку лезть и лодку на берег тащить. Хорошо еще, что я сильный, в лодке четыре тонны веса. Чуть не надорвался, пока на берег вытянул.

— Спасибо, — сказала Алиса. — А мы чуть не захлебнулись.

— Так чего же вы на приборы не смотрели? — сказал кузнец укоризненно. — Там же есть указатель, где лодка — в земле, в воздухе или в воде.

— Я забыл, — сказал Пашка, — я думал, что мы снаружи. Я на указатель глубины посмотрел, он на нуле, вот я люк и открыл.

— Нет, — сказал Семен Иванович. — Лодку я вам не доверю. Мне нельзя на душу такой грех принимать. Ты же не только себя загубил, ты невинную девочку погубить решил, разбойник.

Пашка ничего не ответил. Он снова закашлялся, но Алиса не была уверена, что ему хотелось кашлять. Кашель был дипломатическим. Пашке очень хотелось, чтобы его пожалели, но никто его жалеть не собирался.

— Подводим итог, — сказал кузнец. — Испытания провалились. Команда к походу не готова. Пошли одежду сушить. Заодно перекусим.

Глава 4. Старший брат Гарольд

За ужином Семен Иванович был печален, ел он мало: три жареные курицы, пирог с капустой, мешок пряников и ведро чая. Пашка сначала оправдывался — он не терпит признаваться в своих ошибках.

— Жаль, очень жаль, — сказал Семен Иванович, допивая последнюю, семнадцатую чашку чая. — Я так надеялся... это был мой последний шанс.

— Еще не все потеряно, — сказал Пашка. — Я постараюсь оправдать ваше доверие. Будем считать, что произошла случайность... больше она не повторится.

— А если так случится под землей, на глубине ста километров? Тогда как я вас вытащу? И что мне скажут ваши родители? Нет, и не мечтай.

Кузнец так расстроился, что смахнул со щеки слезинку, тяжело поднялся из-за стола и побрел на улицу.

— Ну вот, — сказал Пашка, — видишь, что ты наделала!

Алиса только улыбнулась. Она понимала — кто-то должен быть во всем виноват. Только не Пашка.

Она осталась убирать со стола. Потом вымыла посуду. За всей этой историей скрывалась непонятная трагедия, в которую Алису не посвятили.

Когда Алиса наконец вышла на поляну, она увидела, что кузнец сидит на большом пне, а вокруг него, заложив руки за спину, ходит Пашка и что-то доказывает. Алиса подошла к ним.

— Я вам не помешала? — спросила она.

— Нет, — ответил кузнец. — Пашка твой меня уговаривает. А я не поддаюсь.

— Алиска, подтверди, что на меня можно положиться! — воскликнул Пашка.

— Когда как, — честно ответила Алиса.

— Да? А кто Черного рыцаря победил? А кто пиратскую мамашу разоблачил? А кто, наконец, до лесного города долетел? Ты?

— Я и говорю — когда как, — повторила Алиса.

— Жаль, — сказал кузнец. — Я так надеялся...

Было тихо. Тонкие, легкие облака плыли по вечернему небу. Солнце уже опустилось низко, и тень от колодца пролегла через всю поляну.

— Мой бедный брат, — произнес кузнец. — Сколько еще тебе ждать спасения?

— Ваш брат? — не поняла Алиса.

— Она ничего не знает, — сказал Пашка.

— Мой брат Гарольд, — сказал кузнец. — Гарольд Иванович. Ведущий талант в систематике пещерных сколопендр, рыцарь науки, святой человек... мой учитель во всем, в большом и малом, мой славный братишка!

Голос кузнеца дрогнул.

— Я не могу...

Кузнец тяжело поднялся с пня и сказал:

— Подождите, я сейчас. Мне надо успокоиться.

Он вернулся в мельницу.

— Что случилось с его братом? — не выдержала Алиса.

— Его брат Гарольд пропал без вести в какой-то очень глубокой пещере.

— Ой, как страшно! И давно это случилось?

— Давно, — отозвался Семен Иванович, подходя. Он держал в руке жареный свиной окорок и обкусывал его, как куриную ножку. — Это случилось двадцать лет назад. Поиски ни к чему не привели. Я — единственный человек в мире, который не поверил в смерть Гарольда. Остальные... только посмеиваются надо мной.

— Поэтому вы и построили подземную лодку? — спросила Алиса.

— Пошли ко мне, — сказал кузнец. — Я расскажу все по порядку.

Жил Семен Иванович в мельнице, на втором этаже. Посреди комнаты стояла низкая железная кровать, спинки которой были выкованы из множества виноградных листьев. Рядом с кроватью был низкий столик с лампой, на котором лежали справочники по металлургии и стояла ваза с леденцами, а белые стены были увешаны фотографиями.

Семен Иванович уселся на кровать, гости рядом с ним, и, глядя на стену, кузнец принялся рассказывать, в нужных местах показывая пальцем на ту или иную фотографию.

— Вот это мои бабушка и дедушка, — говорил он, — я их почти не помню. Мой дед был энтомологом. Он отыскал на Марсе пустынных паучков и этим прославился.

— Мы проходили это в школе, — сказала Алиса. — Его фамилия Бордаев.

— Это наша общая фамилия, — сказал Семен Иванович. — Молодец, Алиса-киса, ты меня радуешь. Ты, наверное, хорошо учишься.

— Прилично, — сказала Алиса.

— Она почти отличница, — честно сказал Пашка.

— Чего о тебе сказать нельзя.

— У меня бывают срывы, — сказал Пашка. — Настоящий талант не может быть отличником.

— Неубедительно, — сказал Семен Иванович. — А вот это мои папа и мама. В день свадьбы. Мой папа тоже хотел стать энтомологом, но моя мама страшно боялась пауков, и ему пришлось заняться кулинарией. Он изобрел торт «Двойной сюрприз». Не слышали?

— Нет, — сказала Алиса.

— После смерти папы никто не смог его изготовить. Этот торт состоит только из начинки. Но начинка сделана из десяти сортов ягод и плодов, сливок и кефира. Она совершенно жидкая и даже частично газообразная. Для того чтобы этот торт не расплылся, папа придумал специальное силовое поле. А вот и мы с Гарольдиком.

На следующей фотографии была изображена вся семья. В креслах сидели бабушка и дедушка, они держали на коленях двух мальчиков. Сзади стояли папа и мама. Мальчики были очень разные. Тот, что постарше, был худеньким, серьезным и грустным. Младший был веселым крепким бутузом.

— С детства мы были очень разными. Гарольдик отлично учился и никогда не баловался. А из меня получился большой шалун.

Кузнец тяжело вздохнул и продолжал:

— Вы не представляете, сколько пришлось из-за меня пережить моим родителям и брату! И не только в раннем детстве. Именно я стал причиной трагической гибели наших родителей. Да, я! Как сейчас помню этот страшный момент. Мне было четыре года, и мне захотелось попробовать новый папин торт, над которым он работал второй год. Это был суперторт, которым можно было накормить всю планету. Достаточно было положить на тарелку затравку, сделанную из крема, как этот крем начинал расти.

— Как так? — удивилась Алиса.

— Он забирал из воздуха атомы и сам строил из них свои молекулы. Ты положил на

тарелку чайную ложку крема, а через час получалась целая цистерна прекрасного крема. Папа хранил крем в специальном контейнере, потому что не изобрел еще способа, как остановить крем, если он начинал расти. Но я подглядел, куда он клал ключ от контейнера, и однажды, когда все легли спать, я открыл контейнер, положил затравку на тарелку и начал ждать, пока она увеличится. Как сейчас помню, в доме тихо, все спят, я сижу возле тарелки и смотрю, как на глазах увеличивается комок крема. А как трудно мне удержаться, чтобы не попробовать, но я терплю, а крем все растет, растет как снежный ком...

Кузнец замолчал, рассеянно запустил пальцы в вазу с конфетами и ссыпал их себе в рот. Проглотил, не заметив, что они были в фантиках, и продолжал:

— Когда крем начал расползаться с тарелки, я взял ложку, ведь я был воспитанным мальчиком, и принялся его есть. Крем был такой вкусный, что я забыл обо всем. Помню только, как мне пришлось отступить, когда крем сполз со стола, помню, как я ел его на улице, а он выползал из окон и расплывался по газону... Помню какие-то крики, шум. Мои родители утонули в креме, стараясь остановить его, но Гарольдика они успели выбросить в окошко. Я не сразу узнал, что стал сиротой, потому что меня увезли в больницу и с трудом спасли. Беда была не только в том, что я съел слишком много крема. Беда была в том, что он и во мне продолжал расти. Лучшие медики и химики мира не спали несколько суток, пока придумали способ остановить крем. К тому времени, говорят, он затопил мой родной город Кинешму. Меня спасли... но на всю жизнь я остался калекой.

— Калекой?

— Как мне объяснили доктора, мой организм для того, чтобы спасти себя, перестроился и научился переваривать пищу в сто раз быстрее, чем нормальный. Вы видели, какой я обжора. Это не распушенность. Это безнадежная болезнь. Мой брат Гарольдик, который после смерти родителей стал меня воспитывать, возил меня ко всем врачам-диетологам, я проводил месяцы в санаториях, но кончалось все печально: меня приходилось выписывать, потому что я пожирал все, что лежало вокруг, я воровал пищу с соседних столиков, грабил кухни и склады.

А оттого, что я так много и быстро ел, во мне бушевала энергия. В двадцать лет я уже был чемпионом мира по толканию ядра, только ядро у меня было в десять раз тяжелее, чем у остальных, иначе со мной никто не желал соревноваться. А с соревнований по поднятию штанги меня выгнали...

Кузнец показал на фотографию молодого атлета, который держал одной рукой штангу весом килограммов в пятьсот.

— Только представьте себе эту трагедию, — продолжал кузнец. — Всю жизнь Гарольд мечтал пойти по дороге нашего дедушки и открыть новый вид пещерной сколопендры. Он так любил порядок, тишину, систематику! А ему достался я... Вместо библиотек он посещал мою школу и выслушивал жалобы учителей на мое поведение. Он не выносил обжорства, а вынужден был кормить меня с утра до вечера. Он ценил тишину, а я ее всегда нарушал. Я дрался, целовался с девочками, прогуливал уроки, а Гарольдик терпел. И только когда с грехом пополам я кончил школу, Гарольд договорился, чтобы мне отдали эту мельницу, где я устроил пекарню. Правда, пользы от этой пекарни мало — я пожирал свежие булочки быстрее, чем их пек. Но, по крайней мере, Гарольд мог больше обо мне не беспокоиться. А в один прекрасный день двадцать лет назад он сказал мне: «Все, Семен. Я выполнил свой долг. Остаток жизни я посвящу науке. Я наведу порядок в энтомологии».

— Это наука о насекомых, — пояснил Пашка, хотя все знали, что это такое.

— Я испек мешок булочек для Гарольда, он взял с собой длинную веревку и фонарь и спустился в глубокую неисследованную пещеру, что начинается как раз за мельницей. Он сказал, что вернется, как только отыщет свою сколопендру. Но не вернулся... Вот и все.

— Нет, не все, — сказал Пашка. — Вы о себе не рассказали.

— Обо мне? Что можно сказать обо мне? Я понял, что мой долг спасти моего брата. И я решил посвятить остаток моей жизни поискам Гарольда.

— А разве его не искали? — спросила Алиса.

— Его искали. Его искали с помощью современных приборов. Целый месяц экспедиция спелеологов исследовала пещеру. И никаких следов...

— Может, он погиб? — спросил Пашка. — Провалился в трещину и погиб?

— Тогда бы его нашли. Нашли бы его тело. Но раз его не нашли, значит, он ушел так глубоко, что спелеологи были бессильны. Нет, мой брат жив!

— Значит, подземную лодку вы построили, чтобы отыскать его?

— Разумеется, — сказал кузнец.

— И вы ее сделали сами? Собственными руками?

— Я изобрел ее и построил всю, до последнего винтика!

— Но кто вам рассказал, как ее делать?

— Мне подсказало мое горе, любовь к брату и чувство вины.

— Это удивительно, — сказала Алиса. — Ни один институт еще не изобрел такую лодку, а вы изобрели.

— А моя наследственность? А мой папа? Мой дедушка? Они наградили меня талантами, которые раньше пропадали втуне. Первым делом я построил кузницу у своей мельницы, потому что лодка должна была быть очень крепкой. Я проводил в кузнице дни и ночи, пока не стал лучшим кузнецом в мире. Ко мне прилетают даже из Австралии, чтобы выковать то, что никто не может выковать. В музее народного искусства вы можете увидеть мои учебные работы: железную веточку ландыша в натуральную величину, паутину с пауком и три подкованные блохи. Но это все шутки...

— Шутки гения, — сказал Пашка.

— Нет, — серьезно ответил Семен Иванович. — Это шутки огорченного человека. Это лишь первый шаг к спасению Гарольда. Потом я перечитал всю литературу по металлургии и теплостойким сплавам, выучил все, что касается бурения. И потратил десять лет, пока создал такую лодку, которая может достичь центра Земли. И тут случилось новое горе!

— Какое? — спросила Алиса.

— Я вырос.

— Выросли?

— Да, я несколько растолстел. Я много работал, я махал молотом с утра до вечера, но мой организм все время требовал пищи. И я сам не заметил, как немного располнел. Изготовление внешнего корпуса потребовало двух лет упорного труда. И когда лодка была готова и я захотел испытать ее, оказалось, что влезть в люк я не могу. Я готов был себя убить!

— Надо было сесть на диету, — сказал Пашка.

— Не говори глупостей, Павел, — ответил кузнец. — Я не только сел на диету. Я целый день не ел, я потерял сознание от голода, но похудел только на один килограмм. А если во мне лишних сто двадцать?

— А сколько не лишних? — спросил Пашка.

— Триста сорок, — ответил кузнец.

Наступила тишина. Кузнец нагнулся, достал из-под кровати мешок с конфетами, высыпал в вазу и немного подкрепился.

— Я готов был себя убить. Но потом понял, что моя смерть не спасет Гарольда. Я должен найти человека, который согласен подхватить эстафету, выпавшую из моей растолстевшей руки.

— И это был я, — без лишней скромности сказал Пашка.

Но Алиса не поверила своему другу.

— А почему вы не обратились к ученым, к испытателям, к спелеологам? — спросила она.

— Я обращался, — сказал толстяк. — Но меня, к сожалению, подняли на смех. Неужели, сказали они, какой-то кузнец-самоучка может построить подземную лодку, которую до сих пор не изобрел наш институт? Разве они могли понять, что мною двигали высокие чувства, а ими — только научные планы? Однажды сюда приехал доктор Воляпюк. Он осмотрел мой корабль и сказал, что моя лодка никогда не сможет проникнуть в глубь Земли, потому что я самоучка.

— А вы? — спросила Алиса.

— Я выкинул доктора на тот берег речки. И больше ко мне никто не приезжал.

— Кроме меня, — сказал Пашка.

— А как же вы встретились? — спросила Алиса.

— Мы встретились в музее народных талантов, — сказал Пашка. — Мне так понравилась кованая паутина, что я решил научиться кузнечному делу. Ты же меня знаешь!

Алиса кивнула. Она знала, какой Пашка увлекающийся человек.

— Я сюда прилетел, и мы подружились.

— Пашка — хороший парень, — сказал кузнец. — Но одного я его под землю не отпущу. Надежности в нем мало. Я ему так и сказал: найдешь солидного спутника — бери корабль, отправляйся к центру Земли.

— Вот я и привез сюда Алису.

— Ну хитрец! — сказала Алиса. — А сам сделал вид, что все произошло случайно.

— Но теперь я сомневаюсь, — сказал кузнец. — Ведь путешествие нештучное, а сегодня Пашка чуть вас не утопил.

— Больше этого не повторится.

— Под землей меня не будет... Нет, не возьму такого греха на душу.

— Алиса, ну скажи! — взмолился Пашка. — Скажи, что ты будешь за мной следить!

— За тобой нелегко следить.

— Но ты подумай о брате Семена Ивановича. Он уже много лет сидит под землей, он мечтает увидеть солнце. Он ждет спасения! Неужели в тебе нет сердца?

Пашка может уговорить даже чугунную тумбу. А Алису уговорить легче. С ее-то любовью к приключениям!

— Но как мы его найдем? — спросила Алиса, и Пашка вздохнул с облегчением. Если она спрашивает, значит, уже колеблется. — Ведь прошло...

— Двадцать лет, — сказал кузнец.

Алиса подумала, что двадцать лет никто под землей не проживет, и, видно, Семен Иванович угадал ее мысли, потому что сказал:

— Гарольдик жив. Я получил от него записку. В прошлом году.

Кузнец расстегнул рубашку, вытащил висевший на груди золотой медальон, раскрыл его, достал изнутри свернутый в трубочку золотой листочек и расправил его на столе.

— Смотрите, — сказал он. — Это я нашел у моей двери в прошлом году.

На листочке чем-то острым были выдавлены маленькие буквы:

У меня все в порядке. Вынужден задержаться. Нашел три вида неизвестных науке насекомых. Надеюсь, ты ведешь себя достойно.

Гарольд

— В прошлом году? — спросила Алиса.

— А это значит, что он находится где-то там. — Кузнец показал под ноги: — И не может вырваться. Видите, он написал: «Вынужден задержаться».

— Значит, под землей есть жизнь, — сказал Пашка. — И мы стоим на пороге открытия.

— И эта жизнь не отпускает ко мне Гарольдика!

И кузнец не выдержал. Он зарыдал. Страшно было смотреть, как рыдает такой громоздкий мужчина.

Алиса поняла, что обязательно отправится в глубь Земли, чтобы воссоединить Семена с братом Гарольдом.

— А долго надо будет путешествовать? — спросила она.

— День-два, не больше! — радостно откликнулся Пашка. — Лодка ведь быстроходная.

— Пашка прав, — сказал сквозь слезы Семен. — Ведь не в раскаленном же центре Земли запрятан мой брат!

— Мы найдем его, даю слово, — сказал Пашка. — Завтра в путь.

— Нет, — сказал кузнец. — К путешествию надо подготовиться. И я хочу, чтобы Алиса научилась управлять лодкой. Пускай она будет главной.

— Еще чего не хватало! — воскликнул Пашка. — Я же мужчина!

— Ты легкомысленный мужчина, — сказал кузнец. — Или Алиса, или никто.

— Ладно, — взял себя в руки Пашка. — Я сдаюсь.

Ему очень хотелось отправиться в недра Земли. Он жаждал великих приключений и открытий.

Семен Иванович проводил их до флаера. Уже стемнело, жужжали комары. Громко плеснула рыба у плотины.

— Завтра с утра испытания, — сказал кузнец.

Он поднял руку, прощаясь со своими юными друзьями, и побрел в мельницу, чтобы чего-нибудь перекусить.

Глава 5. В глубинах земли

Три дня продолжались тренировки экипажа и испытания подземной лодки. Алиса быстро привыкла к тесной каюте, сама сшила две подушки, чтобы не так было жестко сидеть на железе, а Семен Иванович усовершенствовал привязные ремни. Теперь они надежно подхватывали терранавтов и не давали уткнуться носом в пульт. Слово «терранавты» придумал Пашка. От латинского слова «терра» — земля. Слово всем понравилось, и даже подземной лодке дали название «Терранавт». Правда, написать это слово на борту было нельзя — лодка сотрет его о грунт в две секунды. Зато Алиса написала его большими буквами на обложке судового журнала. Ведь не бывает корабля без судового журнала. За спиной водительского кресла укрепили контейнеры для воды и еды. Места там было достаточно. И хоть договорились, что путешествие продлится только два дня, Семен Иванович набил эти контейнеры продуктами так, словно сам собирался в далекое путешествие.

— Ничего, — сказал он Алисе, когда она начала было спорить, — ведь Гарольдик так изголодался, он будет рад домашним продуктам.

За дни испытаний «Терранавт» пробуравил поляну так, будто на ней резвились громадные кроты. Алиса уговорила кузнеца после путешествия передать чертежи лодки ее знакомому сантехнику — ведь нет лучшего способа делать подземные коммуникации, чем проходить их на «Терранавте». Тем более что его внешняя оболочка могла разогреваться до трех тысяч градусов, и тогда стенки туннеля, который лодка прокладывала в земле, становились твердыми и гладкими, как фарфоровые.

Наступил четвертый день. Семен Иванович вызвал из Москвы трейлер, погрузил на него лодку, отвез ко входу в пещеру. Там он и поджидал путешественников. Когда прощались, он вручил им выкованные им за ночь острые ножи и каски, блестящие, легкие и крепкие. Спереди — фонари, которые не требуют подзарядки тысячу часов и светят ярче любого прожектора.

— Если встретится подземная опасность, — сказал Семен Иванович, — сразу включайте фонари — подземные жители не терпят яркого света.

— Подземная опасность, — прошептал Пашка с надеждой. Он мечтал встретить подземную опасность.

На прощание Семен Иванович нежно обнял друзей и передал им письмо для брата и фотографию Гарольда. На ней был изображен худенький молодой человек в очках, с бородкой. Человек был очень серьезен.

— Наверно, мой брат изменился, — сказал Семен. — Но вы его узнаете. Он добрый.

Кузнец был взволнован. Он вытащил из-за пазухи буханку и принялся ее жевать.

Алиса с Пашкой залезли в лодку.

— Поехали! — сказал Пашка.

Алиса включила механизм, который закрывал люк, потом проверила, как работают приборы. Пашка с нетерпением ждал, когда же начнется путешествие. Но молчал, потому что дал слово Алисе, что капитаном корабля будет она. И слово свое держал.

Все приборы работали нормально. Алиса включила двигатель и толкнула вперед две большие рукояти. Лодка задрожала, ввинчиваясь в землю.

Над пультом в изящной кованой рамочке появилась цифра 1.

Алиса включила экран. Он тоже был обрамлен рамкой из железных листочков. По

экрану бежали цифры, которые показывали плотность породы.

— Земля, — сказал Пашка.

На третьем метре порода стала плотнее. Алиса посмотрела на спидометр — «Терранавт» ввинчивался в землю со скоростью метр в минуту. Конечно, это был не предел скорости, но Семен Иванович просил не торопиться.

— Один недостаток у нашей лодочки, — сказал Пашка. — Дрожит.

— Привыкнем, — сказала Алиса.

Она с удивлением посмотрела на экран, который показывал плотность породы — цифры на нем внезапно побежали назад, к нулю. Алиса хотела было сказать Пашке, что прибор испортился, но в тот момент они почувствовали, что лодка падает. Если бы не ремни, терранавты вылетели бы из кресел.

— Держись! — крикнула Алиса, не отрывая глаз от глубиномера.

Цифры на нем выскакивали как сумасшедшие.

Лодка ударилась во что-то, свалилась набок, выпрямилась и снова полетела в глубину.

— Это пещера! — крикнул Пашка.

Еще удар! Лодка замерла. Алиса перевела дух и выключила двигатель.

Стало очень тихо. Только слышно было, как часто дышит Пашка.

Глубиномер показывал 67 метров.

— Конечно, пещера, — согласилась Алиса.

— А крепкий у нас кораблик, — сказал Пашка, который как раз пришел в себя. — Грохнулся с высоты двадцатиэтажного дома и хоть бы что.

— Да, кораблик хороший, — согласилась Алиса. — Только я очень испугалась.

— А я, честно говоря, даже не успел.

— Может, выберемся, посмотрим, что вокруг? — предложила Алиса.

Пашка согласился. Они надели шлемы и открыли люк.

— Далеко не отходим, — сказала Алиса.

— Что ж я, не понимаю, что ли? — сказал Пашка. — Здесь все равно ничего интересного.

«Терранавт» лежал, заклинившись в расщелине. Если посветить наверх, то увидишь, как она расширяется.

— Здесь проходил спелеолог Гарольд, — сказал Пашка.

Гулкое пещерное эхо отозвалось перекатами шума.

Когда эхо смолкло, под землей стало тихо. Даже в ушах звенело от тишины. Только где-то далеко капала вода...

— Поехали, — сказала Алиса.

Они снова забрались в лодку. На этот раз управлял ею Пашка.

Лодка врезалась в стену расщелины и начала снова пробиваться в глубь Земли.

Целый час они двигались без приключений. Лишь на счетчике выскакивали новые цифры да показатель плотности утверждал, что порода за бортом становится все плотнее и немного теплее, словно горячее дыхание центра Земли добиралось до ее коры.

Висеть на ремнях было неудобно. Поэтому Алиса предложила идти вниз под углом в сорок градусов. Пускай скорость будет не та, зато меньше устаешь.

— Но тогда мы сильно отклонимся от той пещеры, сквозь которую спускался Гарольд, — сказал Пашка.

Сказав так, он тут же перевел «Терранавта» на планирующий спуск, потому что тоже

устал висеть на ремнях.

Еще через полчаса они выпрямили лодку и перекусили.

— Знаешь что, — сказал Пашка, — давай еще на полкилометра спустимся, а потом обратно.

— Почему? — удивилась Алиса. — Мы же всего-навсего на сто пятьдесят метров спустились.

— Скучно!

— Ну вот, — заметила Алиса, — ты же сам хотел пробиться к центру Земли.

— До центра нам целый год добираться.

— Ну пускай не до центра. Хотя бы до того места, откуда пришло письмо на золотом листке.

— А ты уверена, что оно настоящее? — спросил Пашка. — А вдруг его Семен Иванович сам написал?

— Зачем?

— Чтобы мы согласились в этой лодке путешествовать.

— Слушай, Пашка, — рассердилась Алиса. — Тебя никто за язык не тянул. Ты сам меня затащил в это необыкновенное путешествие.

— Но я же думал, что оно в самом деле необыкновенное, а оно — самое скучное путешествие в мире. У этой проклятой лодки даже никаких рук нет, чтобы образцы забирать. Может быть, мы сейчас проходим мимо алмазных месторождений и даже не подозреваем об этом.

— Не ворчи, — сказала Алиса. — Займись лучше корабельным журналом. Будешь вести его через пятнадцать минут.

— И что записывать? Как капитан Селезнева чихнула?

— Я уверена, что еще будут приключения, — сказала Алиса. — А пока что я увеличиваю скорость вдвое. Ты согласен?

— Нет!

— Ты не согласен?

— Каждый лишний метр значит, что нам придется дольше подниматься. Ты об этом не подумала?

— Ты совсем пал духом, — сказала Алиса. — Открывай журнал и пиши, как мы открыли подземную пещеру.

Пашка подчинился. Со вздохом он достал журнал, записал что-то в него, потом открыл контейнер, вытащил оттуда пирожок, начал скучно жевать его, да так и задремал, повиснув на ремнях. Алиса не стала его будить — хуже нет, когда экипаж недоволен. Когда-то матросы чуть было не заставили Колумба вернуться обратно. Послушался бы он матросов, осталась бы Америка неоткрытой.

Пашка проспал почти час. За это время лодка опустилась еще на сто метров. На счетчике глубины горели цифры — 205 метров. Ой, подумала Алиса, которая тоже очень устала, сколько же нам придется подниматься? А если откажет двигатель? И ей стало не по себе от мысли о том, какой толстый слой камня отделяет их от солнца.

И куда они стремятся? А вдруг до самого центра Земли идет камень, сплошной камень?..

Где искать этого Гарольда?

Сами руки потянулись, чтобы повернуть рукоятки на подъем. Но упрямство взяло верх.

Еще часок, может, два часа, сказала себе Алиса, и будем возвращаться.

Пашка мирно спал, свесившись ей на плечо, а минуты текли медленно, и было слишком тихо, лишь урчал двигатель.

Алиса незаметно задремала, а когда в следующий раз она поглядела на глубиномер, тот показывал 306 метров. Алиса кинула взгляд на второй экран. Плотность упала. Алиса посмотрела на таблицу и поняла, что лодка находится в воде. Понятно, почему она так быстро опускается. Видно, они попали в подземное озеро или даже море. Интересно, глубокое оно?

На отметке 440 метров погружение прекратилось и лодка снова начала вгрызаться в породу. Если внизу под морем какая-то новая пещера и в ней скрывается несчастный Гарольд, то через туннель, который пробурит лодка, вода хлынет туда и все затопит, испугалась Алиса. Но потом она вспомнила, что не включала обогреватель внешнего корпуса, поэтому лодка отбрасывает породу назад и закупоривает туннель.

Пашка пошевелинулся во сне, лениво открыл глаза и не сразу сообразил, где он. Потом проснулся окончательно, посмотрел на экран и не поверил своим глазам.

— Что это? — спросил он. — Сколько я спал?

На экране горела цифра 456.

— Посчитай, — сказала Алиса. — Ты заснул, когда было двести метров?

— Да.

— Значит, проспал четыре часа.

— Шутишь!

— Посмотри на экран. Он не будет врать.

— Что-то неладно, — сказал Пашка. — Четыре часа... Нет, не может быть!

Поворачивай назад. Хватит!

— Я пошутила, — сказала Алиса. — Мы прошли сквозь подземное море глубиной в двести метров.

— Море? И ты меня не разбудила? Ты предательница.

— Но в лодке нет иллюминаторов, и ты все равно ничего бы не увидел.

Пашка успокоился, но вскоре стал жаловаться, что у него все затекло. Они поменялись местами на кресле, но это не помогло. Алисе тоже надоело висеть на ремнях в махонькой каюте.

Может, и в самом деле повернуть назад?

Алиса решила подождать, пока об этом снова попросит Пашка. Иначе, когда они вернутся на поверхность, он будет всех уверять, что хотел пробиться к центру Земли, да вот Алиска испугалась и сорвала экспедицию.

— Смотри! — крикнул Пашка.

На показателе плотности снова был 0.

— Держись! — крикнула Алиса.

Лодка начала падать. Казалось, что она падает страшно долго. Цифры глубины слились в сплошную линию. И когда наконец лодка ударилась о дно и покатила по нему, отчего все в каюте перепуталось, на глубиномере горела цифра 624. Это была уже рекордная глубина! Наверное, ни один человек еще не спускался так глубоко.

— Все, — сказала Алиса, потирая ушибленную руку. — Приехали.

— Давай вылезай поскорее, — сказал Пашка. — Полцарства за то, чтобы выпрямить ноги!

Люк со скрежетом и визгом открылся. Они спрыгнули на каменный пол громадной пещеры, и, как ни старались достать до потолка ее лучами фонарей, так его и не увидели. И во все стороны простиралась пустота.

Тихо. Совсем тихо.

Никто не живет на такой глубине.

— Знаешь, что я сейчас сделаю? — сказал Пашка. — Я вытащу из кабины подушки и буду спать на полу. Не возражаешь?

— Только будем спать по очереди, — сказала Алиса. — Мало ли что...

— А если придет Гарольд, — сказал Пашка, залезая в лодку за подушками, — скажи ему, чтобы подождал, пока я проснусь.

Пашка положил подушки на камень, вытянулся и закрыл глаза.

Все-таки он храбрец, подумала Алиса. Я бы никогда не осмелилась здесь заснуть. Конечно, известно, что внутри Земли никто не живет. Но ведь получил же записку Семен Иванович... А почему здесь не жить? Воздух хороший, свежий, совсем не холодно. Только темно. Но к этому можно привыкнуть.

И Алиса решила пройти немного вперед, посмотреть, что представляет собой пещера, в которую они попали.

Только она сделала шаг вперед, как услышала голос Пашки:

— Нет, — сказал он. — Спать я не смогу. Я думал, что я устал, на самом деле хочу начать исследования. Не уходи без меня!

Пашка вскочил и догнал Алису.

И они пошли по гулкому подземному залу, где никогда не ступала нога человека.

Глава 6. В гостях у племени охотников

Метров сто они прошли по гладкому, словно отполированному полу, затем пол начал полого подниматься, кое-где встречались светлые столбики сталагмитов, сверху падали редкие капли воды. Алиса запрокинула голову, посветила фонарем, оказалось, что потолок здесь совсем не высок, с высоты трехэтажного дома свисали многочисленные сосульки сталактитов. И чем дальше они шли, тем ниже опускался потолок и гуще становились столбики и сосульки, кое-где они соединялись, образуя неровные, тонкие посередине стволы, будто путешественники попали в лес.

— Как бы нам не заблудиться, это будет глупо, — сказал Пашка.

— У меня компас на руке, — сказала Алиса.

— Ему здесь нельзя доверять. Вдруг где-то рядом запасы магнитного железняка?

— Пойдем обратно?

— Погоди, что-то блестит.

За лесом сталактитов поднималась гладкая скала. Она была черной, лишь кое-где поблескивали звездочки светлых вкраплений.

— Как ты думаешь, это алмазы? — спросил Пашка.

— Надо бы в справочник по минералогии поглядеть, — ответила Алиса.

— Но я его не взял.

— Зато я взяла, — ответила Алиса. — Только он на борту остался.

Пашка попытался отковырнуть кусочек скалы, но ничего не получилось. Нож только скользил по ее поверхности.

— Легкомысленно ты отнеслась к путешествию! — сказал Пашка. — Надо было молотки взять, взрывчатку.

— В следующий раз возьмем, — ответила Алиса.

— В следующий раз поедешь с кем-нибудь еще, — мрачно сказал Пашка. — Лучше бы я вокруг дома с Аркашей пошел. Сражались бы сейчас с пауками и гусеницами. Все интереснее. Здесь никакой жизни нет.

Но Пашка глубоко заблуждался.

Алиса вдруг почувствовала, что они не одни. Нет, она ничего не услышала и не увидела — так же тихо вокруг, но воздух... шевельнулся, будто повеял легкий ветерок.

Алиса оглянулась.

Луч ее фонаря скользнул по столбам сталактитов и отразился в человеческих глазах.

Кто-то наблюдал за ними.

— Пашка!

— Ну что еще?

— Пашка, здесь кто-то есть!

— Где?

Алиса не успела ответить, потому что раздался пронзительный свист и со всех сторон на них кинулись какие-то черные страшные существа, навалились, повалили на каменный пол. Алиса отбивалась, как могла, ее пальцы хватались за шерсть, за крепкие корявые пальцы, скользили по мощным мышцам... Но сопротивление было безнадежно. Она почувствовала, как ее поднимают и тащат.

— Пашка!

— Я здесь!

Алиса сообразила, что ее несет кто-то большой и сильный, перекинув через плечо. Она стала молотить кулаками по спине этого существа, но оно не обращало на это внимания.

Путешествие закончилось быстро.

Алису кинули на землю. Она увидела, что неподалеку горит большой костер, мохнатые люди, что схватили терранавтов, окружили их и переговариваются между собой возбужденно и громко.

Язык этих существ состоял не из слов, а из каких-то междометий.

Так как Алису никто не трогал, она приподнялась и села. Пашка лежал рядом.

— Пашка, — сказала Алиса, — ты живой?

— Живой, — ответил Пашка. — Только они меня по голове стукнули.

Услышав голоса пленников, мохнатые люди принялись еще громче ухать, ахать и рычать, но в их поведении не было ничего враждебного. Вернее всего, они были очень удивлены, увидев в своем подземелье таких странных гостей.

Местный ребенок вертелся возле Алисы и трогал ее ручонками. Алиса направила на него свет фонаря, ребенок зажмурился и заверещал, а большой мохнатый человек, что тащил Алису, рассердился и ударил кулаком по фонарю.

Удар был такой сильный, что Алиса поняла: еще раз стукнет — фонарь вдребезги. Так что она выключила фонарь, и мохнатый успокоился. А ребенок отбежал к костру и тер глаза, плакал. Мохнатая женщина подошла к нему и стала успокаивать.

— Уух, — сказал мохнатый человек. — Ты?

— Я Алиса, — ответила Алиса, поднявшись на ноги. Она ткнула себя пальцем в грудь и повторила: — Алиса.

Мохнатый охотник подумал немного, его маленькие, спрятанные в глубоких глазницах под низким покатым лбом глазки заморгали — видно, мохнатый соображал. Наконец он сообразил и произнес:

— Алиса! — И ткнул ее в грудь коротким пальцем. Потом еще подумал, ткнул себя пальцем и сказал: — Рын!

И все мохнатые вокруг повторили:

— Рын! Рын! Уух как Рын!

— Начало положено, — сказал Пашка. — Первая встреча доктора Ливингстона с дикарями на реке Замбези.

Он сделал шаг вперед и, ткнув себя в грудь, сказал:

— Павел Гераскин! Москва!

Эти слова привели мохнатых в полное замешательство. Никто из них не мог выговорить таких сложных слов. Мохнатый начал было стараться:

— Аве! Аски... Мо-ва...

Потом махнул рукой и отвернулся от Пашки. Зато при виде Алисы он рассмеялся, показав все свои могучие клыки, и повторил:

— Алиса!

Потом снова показал на себя и повторил:

— Рын.

Остальным Алиса тоже понравилась. Мохнатые люди по очереди подходили к ней, и каждый представлялся, и каждому Алиса называла свое имя. Пашке это не нравилось, но на него никто не обращал внимания.

Потом мохнатые люди повели Алису к костру и посадили на круглый камень. А когда

Пашка тоже постарался занять там место, его оттолкнули в темноту, и Рын зарычал, показав клыки. Пашка счел за лучшее подчиниться.

На костре, насаженное на железные пруты, жарилось мясо.

Один из мохнатых людей долго выбирал куски получше, потом протянул прут Рыну, который был здесь главным. Рын понюхал, одобрил мясо и, сняв кусок с прута, дал Алисе.

— Спасибо, — сказала Алиса.

Сзади из темноты донесся шепот Пашки:

— А он рук не моет.

Сам Пашка не отличался чистоплотностью, но сейчас у него было плохое настроение.

Алиса откусила кусочек, мясо было мягкое, но несоленое.

— Как? — спросил Рын. — Ах, добро? Кус-кус?

— Ах, кус-кус, — согласилась Алиса.

— Они здесь подземных крыс едят, — сказал злобно Пашка.

Рын услышал голос Пашки и не одобрил его тона, потому что, не поворачиваясь, метнул назад большую кость. Послышался удар и Пашкин крик:

— Так и убить можно!

Алиса вскочила:

— Пашка, тебе больно?

— Еще бы, крысоеды проклятые. Ты, Алиса, как хочешь, но я возвращаюсь в лодку и беру курс наверх.

На самом деле он, конечно, никуда без Алисы не двинется, но унижений Пашка не выносил.

— Пашка, ах! — сказала Алиса Рыну. — Уух, хороший!

— Нет, — отозвался Рын. — Он груб!

— Груб! Груб! Груб! — закричали остальные мохнатые люди.

Алиса обернулась и протянула Пашке кусок мяса.

— Не надо, — гордо сказал он. — У меня в лодке жареная курица есть.

Но мясо сжевал в мгновение ока.

Подошли две дикие мохнатые женщины, они стали щупать Алисины волосы, гладить шершавыми пальцами ее лицо. Алиса терпела, хоть и было страшно.

— Алиса, — тут, Алиса, — кус-кус всегда, — сообщил Рын.

— Нет, — сказала Алиса. — Спасибо за гостеприимство, но у нас здесь дело.

Издали слышались голоса. Они приближались.

Мохнатые люди поспешили туда, где тускло светили факелы. Вскоре к костру подошла еще одна группа подземных жителей. Они волокли за собой большую мохнатую тушу. Морда была оскалена, острые зубы оскалены — это же медведь! Огромный черный медведь!

— Вот это добыча! — сказал Пашка.

— А ты говорил — крысы, — сказала Алиса.

— Но крыс они тоже едят, даю слово, — сказал Пашка.

Женщины сбежались к медведю, начали каменными скребками сдирать с него шкуру.

Главный охотник, седой, хромой, обросший шерстью так, что сам был похож на медведя, сел к костру и, посмотрев на гостей, спросил Рына, кто такие.

Рын начал объяснять, больше жестами, чем словами.

— Я попрошусь с ними на охоту, — сказал Пашка. — С моим ножом я для них находка.

— Этого еще не хватало, — сказала Алиса. — Нам пора уходить.

— Нет, — сказал Рын. — Кус-кус свежий медведь.

— Он прав, — сказал Пашка. — Пещерного медведя мы еще не пробовали.

Охотники у костра принялись петь. Пели они заунывно, медленно и однообразно, а вместо припева хором рычали.

— Алиса от-туда? — спросил Рын, показывая вверх.

— Да, — сказала Алиса.

— Я — от-туда, — сказал Рын, — но... — Он искал слова, которых у него в языке было совсем немного.

— Давно? — спросила Алиса.

— Ой, да! — сказал дикарь.

Он стал показывать руками, как давно, и по мере того, как он рассказывал, Алиса поняла, что язык жестов становится ей все более доступен. А по тому, как Пашка, сидевший рядом, поддакивал Рыну, стало ясно, что и Пашка все понимает.

Много-много лет назад, показал Рын, никто не помнит сколько, племя его жило на Земле, наверху, где солнце и хорошая охота. Но потом пришли другие люди, похожие на Алису и на Пашку, совсем без волос, была война, многих мохнатых убили, и оставшиеся спрятались в пещерах. Но безволосые люди добрались и до пещер. Поэтому мохнатые ушли глубже под землю, пока не забрались так глубоко, что и забыли путь обратно.

— Вы же неандертальцы! — сообразил Пашка.

— Неа — что? — спросил Рын.

— Пашка, — сказала Алиса укоризненно, — как же Рын может знать слово, которое изобрели совсем недавно?

— А я думал, что они сами себя так называли, — сказал Пашка.

— А наверх не хочется? — спросила Алиса, она тоже помогала себе жестами, и Рын ее сразу понял.

— Страшно, — ответил Рын. — Потому что безволосые люди нас убьют.

— Нет! — возмутился Пашка. — Безволосые никого не убивают. Они цивилизованные, они овладели природой и летают в космос.

Рын Пашку не понял, но улыбнулся.

— Ты же видишь, — сказала Алиса. — Мы не хотим зла.

— Вы — другое дело, — ответил Рын. — Ты хорошая. Ты так похожа на женщину, которая попала к нам давно, когда Рын был маленьким. Она пришла сверху и осталась жить у охотников. Рын ее очень любил.

— Наверное, тоже заблудилась, — сказал Пашка.

— Я покажу, — сказал Рын.

Он повел гостей внутрь низкой пещеры, где остановился перед гладкой стенкой, на которой было много рисунков мелом.

— Смотри, — сказал Рын.

На стене был портрет женщины с длинными белыми волосами. Портрет этот был приблизительный, как будто его рисовал пятилетний ребенок. Так что угадать, кто нарисован, было невозможно.

— Смотри! — Пашка бегал вдоль стены и рассматривал рисунки. — Это мамонт! А это саблезубый тигр! Они здесь водятся?

— Совсем мало осталось, — сказал Рын. — Кус-кус нет. Даль ходи.

— Наверное, когда неандертальцы скрывались здесь от древних охотников, — сказала

Алиса, — то и животные тех времен тоже стали прятаться в пещерах.

— Он кус-кус что? — спросила Алиса, показывая на мамонта.

Молодая женщина, что несла факел, нагнулась и подняла с пола белесую тряпку.

Алиса увидела, что это белый лишайник. Значит, здесь есть подземные растения, которые никогда не видели света.

— Рын — кус-кус нет, — сказал охотник, и это значило, что лишайники не годятся людям в пищу.

— Ого! — воскликнул Пашка. — Что мы видим!

На стене был изображен настоящий дракон, вокруг которого, словно для масштаба, были нарисованы маленькие человечки с копьями.

— Драка, — сказал Рын. — Много кус-кус, но бух!

И Алисе стало ясно, что в таком драконе много мяса и он — желанная добыча для неандертальцев, но, к сожалению, охота на него очень опасна и многие погибают во время нее. И чтобы Алиса в этом не сомневалась, Рын показал на лежащего у ног дракона человечка.

— Амба! — сказал он.

Пашка, не отрываясь, глядел на дракона, и Алиса поняла, что теперь Пашка не поедет обратно до тех пор, пока не отыщет и не поразит в честном бою подземное чудовище.

— Учти, — сказала Алиса, — если драконы здесь и сохранились, то их нужно немедленно занести в Красную книгу и охранять как зеницу ока.

— Ладно, — согласился Пашка. — Одного мы с тобой поразим, а остальных будем охранять как зеницу ока.

— А кто рисовал все это? — спросила Алиса.

— Рын! — Охотник ударил себя кулаком в грудь, и звук получился такой гулкой, что по пещере раскатилось эхо.

Женщина подняла с пола кусок мела, Рын жестом велел Алисе встать к стене, прижавшись спиной, и быстро обвел ее мелом, потом велел отойти и показал на Алисин силуэт на стене, очень гордый своим мастерством.

— Так каждый может, — сказал Пашка, — тоже мне художник!

Но этим работа Рына не закончилась. Поглядев на Алису, он вернулся к своему рисунку и нарисовал два кружка на месте глаз, потом вертикальную полоску — нос и горизонтальную — рот. Затем подошла очередь волос — их он нарисовал прямыми линиями, и теперь Алиса стала точной копией той женщины, что была нарисована раньше. Сходство поразило и самого художника.

— Ах! — воскликнул он.

А женщину, которая держала факел, больше всего потрясло мастерство художника. Жестами и междометиями она уверяла, что сходство портрета с Алисой — потрясающее. И она так громко восторгалась, что сбежалось все племя. И, конечно же, все были потрясены талантом Рына.

Тут Пашка не выдержал. Он отобрал у Рына кусок мела и заявил:

— Хоть в школе по рисованию у меня всего четверка и художником я становиться не намерен, но я обязан показать, что умеет делать обыкновенный талантливый школьник двадцать первого века.

Он велел молодой женщине с факелом встать у стены и принялся рисовать ее портрет. Портрет был не очень удачным, но, разумеется, куда ближе к действительности, чем работа

Рына. Алиса предпочла бы, чтобы Пашка не демонстрировал свои таланты, но останавливать его — это значит еще более укрепить в упрямстве. Так что она терпела и ждала, чем это кончится.

Все племя глазело на Пашку. Принесли еще факелов, чтобы приезшему художнику было сподручнее. Пашка увлекся, очень натурально изобразил шерсть, скошенный лоб, маленькие глазки и даже шкуру, в которую женщина была закутана.

Минут двадцать он трудился. Потом отошел на два шага, склонив голову, обозрел свой труд и сказал:

— Готово. Принимайте работу.

Охотники вежливо смотрели на стену, потом хромой охотник сказал:

— Шкура похожа.

Охотники разошлись, а женщина поглядела на свое изображение и вдруг заплакала.

Ее подруга обняла натурщицу и повела прочь.

Алиса и Пашка остались одни.

— Ничего не понимаю, — рассердился Пашка. — Я же старался. Неужели моя картина хуже, чем эти детские каракули?

— Не знаю, — сказала Алиса. — Может быть, они не привыкли к таким рисункам.

— Да, — утешил себя Пашка, — им еще расти и расти, пока они поймут искусство.

Они вернулись к костру. Охотники подвинулись, освобождая им место. Пока жарилась медвежatina, молодые женщины спели гостям песню, а воины сплясали боевой танец, в котором они очень понятно изобразили, как охотятся на мамонта.

— Рын, — спросила Алиса, — а почему Пашкина картина вам не понравилась?

Рын ответил, что понравилась, но видно было, что говорит он это только из вежливости.

Алиса пристала: говори правду. И Рын, вздохнув, объяснил, что Пашка, к сожалению, не понимает искусства. Искусство должно показывать не то, что видишь, а то, что хочешь увидеть. Если ты рисуешь картину охоты, то зверь должен быть побежден. Если ты рисуешь человека, то человек должен быть красивым. Вот Алису Рын нарисовал красивой, а Пашка нарисовал Кы-ну очень некрасивой, он показал, что у нее на теле волосы, что у нее маленькие глазки и низкий лоб, но это же не искусство!

Может быть, Алиса не все тонкости речи Рына поняла, но главное было ясно: не быть здесь Пашке великим художником.

Охотники спрашивали Алису, как там, наверху, как охота, есть ли мамонты? И когда Алиса пыталась объяснить, что там уже совсем другая жизнь, что безволосые люди на мамонтов не охотятся, ее не понимали.

— А чего бы вам не вернуться наверх? — спросила Алиса. — Вас там никто не обидит.

— Обидят, — ответил Рын уверенно.

— Можно послать кого-то из вас, пускай поглядит.

— Нет, — ответил Рын. — Мы знаем. Безволосые охотятся на нас и очень мучают.

После обеда Алиса спросила:

— Пашка, а где фотография брата Гарольда? Нужно ее показать неандертальцам, может, они его видели.

— Правильная мысль, — сказал Пашка. — Я как раз собирался сходить на лодку и принести фотографию.

— И заодно принеси оттуда чего-нибудь вкусенького для наших хозяев.

— И об этом я тоже подумал, — сказал Пашка.

Он включил фонарь и пошел к лодке. Никто его не останавливал — нужно человеку куда-то сходить, его воля.

— И куда вы дальше? — спросил Рын.

— Вниз, — сказала Алиса. — У нас там дело.

— Нет, — сказал Рын. — Вниз нельзя. Внизу плохо. Внизу вас обидят.

— Но что там такое?

— Там царство Четырехглазого!

При этом имени все вокруг костра начали водить ладонями у лица — видно, отгоняли злого духа. Женщины завывали, дети плакали, а мужчины били копьями в пол и угрожающе рычали.

— Чем он опасен? — спросила Алиса. — Он дракон?

— Он хуже дракона. Дракона мы кус-кус, а Четырехглазый нас кус-кус.

— Людоед?

— Много наших людей погибло навсегда, попав в его царство, — объяснил Рын.

Тут вернулся Пашка с целой коробкой спелых яблок.

Неандертальцы сначала не хотели их есть, боялись, но потом, видя, как Пашка хрустит яблоком, последовали его примеру.

Ну и радость началась!

Алиса следила, чтобы и маленьким досталось, и старикам, которые выползли откуда-то из пещер. К счастью, Семен Иванович не пожалел яблок и всем хватило.

— Вот это вы будете есть каждый день, если подниметесь наверх, — сказала Алиса, которой очень хотелось, чтобы неандертальцы вернулись на поверхность.

— Но мы не знаем туда пути — давно уже обвалились все пещеры и забыты ходы, — сказал Рын.

— И не мечтай, обойдемся без этих красных шаров, — сказал хромой охотник. — Там безволосые. Там друзья Четырехглазого.

Пашка воспользовался паузой и вытащил фотографию Гарольда.

— Простите, — сказал он, протягивая ее Рыну, — вы не видели где-нибудь такого человека?

Рын взял фотографию, посмотрел на нее, и вдруг лицо его исказилось гримасой ужаса.

— Нет! — закричал он. — Никогда!

Другие неандертальцы, любопытствуя, что же так испугало смелого охотника, подходили, смотрели на фотографию, и при виде лица Гарольда Ивановича их охватывал ужас. Женщины тащили детей, прятали их в темноте, охотники потрясали копьями.

— Чего вы так испугались? — спросил Пашка. — Это фотография одного хорошего человека, энтомолога, мы его должны спасти. Вы что, фотографии раньше не видали?

Но Алиса уже поняла, что не в фотографии дело — эти люди узнали Гарольда Ивановича и почему-то его испугались.

— Кто он такой? — спросила Алиса у Рына.

— Ты знаешь! — сказал он.

— Я не знаю о нем ничего плохого.

— Ты его друг, — сказал Рын и поднял копье.

— Они его друзья! Они шпионы Четырехглазого! — раздались крики.

Несколько копий уткнулись в грудь Алисы. Пашка отступал от занесенного над его

головой каменного топора.

— Честное слово, мы ничего не знаем! — закричала Алиса. — Мы его даже никогда не видели.

«Еще мгновение — и нас убьют, — поняла она. — Это же дикие люди!»

Но в этот момент раздался голос Рына:

— Охотники великой пещеры не проливают кровь детей! Остановитесь.

Остальные нехотя опустили оружие.

— Может быть, они в самом деле ни в чем не виноваты, — сказал Рын. — Они пришли сверху, а не снизу.

— Тогда пускай уходят, — сказал хромой охотник.

— Пускай уходят! — закричали остальные неандертальцы.

— Пошли, Павел, — сказала Алиса.

— Пошли, нас здесь не поняли, — сказал Пашка и поднял фотографию Гарольда Ивановича с пола пещеры. — Может, еще пригодится.

Когда они уходили, ни один неандерталец не тронулся с места.

Вслед им глядели враждебные глаза.

Отойдя метров на сто, Алиса обернулась. Сзади по-прежнему горел костер, и вокруг него черными сутулыми тенями стояли охотники.

— Ничего страшного, — сказал Пашка. — Спустимся пониже, найдем дракона.

Глава 7. Царство Четырехглазого

— Подытожим, что нам известно, — сказал Пашка, забравшись в лодку. — Где-то здесь, под нами обитает человек, который похож на Гарольда Ивановича. А может быть, это и есть Гарольд Иванович.

— Вряд ли, — сказала Алиса. — Ведь неандертальцы говорили, что он людоед.

— Для того чтобы проверить информацию, мы должны спуститься в так называемое царство Четырехглазого и посмотреть на него.

— Если он нас не съест, — сказала Алиса.

— Съесть нас нелегко, — уверенно возразил Пашка. — Зубы обломает. Нас с тобой целое племя неандертальцев убить не смогло.

— И не хотело, — сказала Алиса.

— Дикарям доверять нельзя.

— Пашка, если они не оценили твоего произведения искусства, это не значит, что они недостойные люди.

— Дикари, и этим все сказано. Но не отвлекайся. Поехали дальше.

Алиса включила двигатель. Лодка послушно ввинтилась в породу. И снова начали выскакивать на экране цифры глубины.

На этот раз они недолго пробивались сквозь камень. На показателе плотности появился 0. Алиса тут же остановила лодку. Та покачнулась, проехала по инерции вперед, но на этот раз, к счастью, никуда не упала.

— Добро пожаловать в царство Четырехглазого, — сказал Пашка.

Алиса выскочила из лодки на пологий откос громадной полости и удивилась: вокруг было светло. Свет исходил от стен, он был мерцающим, тусклым, но фонарей не требовалось.

— Алиска, — сказал Пашка, — ты взяла счетчик радиации?

— Нет, я не думала...

— Типичное урановое свечение, — сказал Пашка. То ли он где-то об этом читал в фантастическом романе, то ли полагал, что радиация должна быть светящейся, но сказал он это так уверенно, что Алиса невольно сделала шаг назад.

Но потом заметила, что светится не вся стена, а точки на ней, словно зеленые звездочки. Вот одна звездочка оторвалась от стены, перелетела на другое место...

— Алиса, стой! — закричал Пашка. — Ты с ума сошла!

Но Алиса уверенно подошла к стене. Так она и думала — вся стена была усеяна светлячками.

Они переползли на подставленный Алисой палец, и Алиса показала светящийся палец своему другу. Тот, конечно, сообразил, что видит насекомых, но не сдался.

— Может, они тоже радиоактивные, — сказал он. — Ты поосторожнее.

Алиса огляделась — полость была столь огромна, что ни потолка, ни дальнего ее конца не было видно. Алиса прислушалась. Неподалеку журчала вода.

Туда они и направились.

Под ногами пружинил белый мох, идти было легко, как по ковру. Вскоре они увидели подземную речку, которая бежала по камням. В воде мелькали тонкие прозрачные рыбки.

— Жалко, что папы нет, — сказала Алиса. — Он бы страшно обрадовался. Такое открытие!

— Ничего страшного, — сказал Пашка, — считай, что это открытие сделали мы с тобой. Интересно, хватит его на Нобелевскую премию?

— Пашка, зачем тебе Нобелевская премия?

— Мне бы очень хотелось стать самым молодым ее лауреатом. Тогда меня внесли бы в Книгу рекордов Гиннеса.

— Ну и логика! — удивилась Алиса.

— Какая есть. Представляешь, я прихожу в школу, а все спрашивают: что это за медаль у тебя, Гераскин? А я молчу. Учитель физики спрашивает: что за медаль? А я говорю: можете меня сегодня не спрашивать, я так устал, всю церемонию награждения на ногах простоял.

Порой с Пашкой трудно: непонятно, где кончаются его шуточки и начинаются его глупости.

Они пошли вниз по реке. Светлячки, которых они видели на стене, резвились во мху, и оттого было радостно, как на карнавале.

— Мы сюда будем экскурсии возить, — сказал Пашка.

— Не спеши, мы еще не знаем, кто такой Четырехглазый. Может, он не захочет, чтобы сюда ездили экскурсии.

Пашка замер.

— Прислушайся.

Издалека доносилось постукивание — словно несколько молоточков выбивали дробь.

— В случае чего, — напомнила Алиса, — включай фонарь — он ослепит любого местного жителя.

— Знаю.

Речка повернула, огибая высокий холм. За ним обнаружилась большая впадина, в которой горели фонарики, наполненные светлячками. При свете их были видны маленькие существа, которые откалывали молотками куски породы.

— Шахтеры, — сказал Пашка.

При звуке его голоса работа тут же остановилась.

Шахтеры замерли, испугались.

Алиса смогла их разглядеть. Некоторые из них были в красных или синих колпаках, большинство бородатые, ростом каждый не больше ботинка.

— Это же гномы! — сказала Алиса. — Самые настоящие гномы. У нас один живет в Заповеднике сказок, я с ним знакома. Только все думают, что они все вымерли.

— Это кто вымер? — строго спросил гном с самой длинной белой бородой. — Это мы вымерли?

— Я не говорю, что вы вымерли, — сказала Алиса. — Только так считает наука.

— Значит, ваша наука никуда не годится.

— Разумеется, никуда не годится, я тоже так считаю, — предательски заявил Пашка. — Я лично всегда был убежден, что вы не вымерли.

— И на том спасибо, — сказал самый старый гном.

— Скажите, пожалуйста, — спросила Алиса, — а вы давно здесь живете?

— Мы всегда здесь живем, — сказал гном. — С тех пор как люди вытеснили нас с Земли. Развели машины, автомобили, поезда, раскопали все горы — куда деваться честному гному? Пришлось уйти сюда.

— Но мы не жалуемся, — сказал второй гном. — Мы очень довольны.

— Мы счастливы! — сказал третий.

И что-то в их голосах Алисе не понравилось. Люди редко кричат о том, что они счастливы. Если они кричат, значит, не очень счастливы.

— А вы откуда? — спросил первый гном.

— Мы сверху, с Земли.

— И зачем к нам приехали?

— Мы ищем одного человека, — сказала Алиса. — Он потерялся много лет назад. Паша, покажи фотографию Гарольда Ивановича.

Пашка достал фотографию и протянул старому гному.

Фотография была размером с гнома, и Пашке пришлось поставить ее на землю.

Старый гном посмотрел на лицо Гарольда Ивановича, которое было чуть поменьше его самого, ахнул и упал в обморок. Среди гномов началась паника. Некоторые кидали свои лопаты и кирки, пытались зарыться в породу, другие с криками убежали.

Пашка поймал на бегу одного из гномов, взял его осторожно двумя пальцами и приподнял. Гном зажмурился.

— Простите, — вежливо сказал Пашка. — Вы, кажется, испугались?

Гном кивнул.

— И чего же вы испугались?

— Мы ничего плохого не сделали, — пискнул гном. — Мы выполняем нормы. За что нас так пугать?

— Честное слово, — сказал Пашка, — мы не хотели вас пугать. Мы хотели только узнать. И если вы недовольны, мы уйдем и оставим вас в покое.

С этими словами Пашка осторожно поставил гнома на камень.

— Мы так далеко ехали, — сказала Алиса, — а вы не хотите с нами разговаривать.

— Мы знаем, — послышался голос из-за каменной глыбы, где скрывались несколько гномов. — Вы нас нарочно испытываете. Вас прислал господин Четырехглазый.

— Нас никто не присылал, — сказала Алиса. — Но если вы скажете нам, как пройти к этому господину, мы тут же уйдем.

Гномы осмелели, некоторые стали выходить из укрытий. Старый гном пришел в себя и сказал:

— Уберите портрет. Умоляю. У меня слабые нервы.

Пашка послушно спрятал фотографию в карман.

— Куда же нам идти?

Гномы как по команде показали вниз по течению подземной реки.

Когда Алиса с Пашкой отошли на несколько шагов, сзади послышался тонкий голосок:

— Простите, а зачем вы сюда приехали?

Алиса обернулась. Гномы стояли кучкой, в руках покачивались фонарики со светлячками.

— Я же сказала — мы ищем человека, портрет которого вас так напугал.

— А зачем? — повторил вопрос старый гном.

— Мы хотим ему помочь.

— Я же говорил, говорил! — воскликнул самый молодой из гномов. — Они его хотят убить!

— Тише! — Старый гном погрозил ему кулачком. — Как же вы ему поможете?

— Мы еще не знаем.

— Мы вам подсказем.

Алиса присела на корточки.

— Вообще-то он бессмертный, — прошептал старый гном. — И убить вам его будет очень трудно. Но у него во дворце есть потайная комната. В этой комнате хранится стеклянное яйцо. Если яйцо разбить, то он умрет. Понимаете — его смерть в стеклянном яйце! Но это страшная тайна, которую знаем только мы, гномы. Если вы нас выдадите, мы все погибнем. Он не пощадит нас!

Гном замолчал.

Его руки так дрожали, что фонарь раскачивался словно маятник.

— Спасибо за информацию, — сказал Пашка. — А у этого Четырехглазого другое имя не Кощей Бессмертный?

— Есть такая версия, — прошептал гном.

— Скажите, — спросила гномов Алиса, — а почему вам пришла в голову мысль, что мы намерены убить Четырехглазого?

— Это не мысль, — ответил старый гном, — это наша мечта.

— Но почему мы?

— Вы молодые, красивые, — сказал гном. — Пришли сверху. Наверное, там узнали, что у нас безобразия, вот и прислали вас его убить. Правильно? Мы угадали?

— Посмотрим, — сказал Пашка. — А драконы здесь водятся?

— Водились, — сказал гном.

— Пойдем, Пашка, — сказала Алиса. — Ты забыл, что время дорого? Семен Иванович волнуется.

По берегу реки вела дорожка. Сначала она была просто тропинкой, видно, ее протоптали гномы, но вскоре, возле озера, где впадала подземная река, тропинка закончилась. Поперек нее был шлагбаум из окаменевшего бревна. На нем прибито объявление:

ГОСУДАРСТВО ПОРЯДКА ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН

— Мы почти у цели, — сказал Пашка. — Всегда жалею, что приходится вступать в бой без оружия.

— Пашенька, — попросила Алиса, — а можно сегодня не сражаться?

— Ты с ума сошла, — сказал Пашка. — Когда мне еще придется встретиться с настоящим Кощеем Бессмертным?

— Но ведь это не Кощей, вернее всего, это несчастный брат Семена Ивановича, который заблудился и сошел с ума.

— Не исключено, — согласился Пашка. — Но что мы знаем о самом Семене Ивановиче?

— Он твой знакомый.

— Он совершенно случайный знакомый. И очень странный притом. Мне просто не пришло в голову, что он злобный волшебник. И он сознательно послал нас на смерть. Где письмо для Гарольда?

— У меня.

— Надо его немедленно вскрыть. Там инструкция по завоеванию Земли.

— Нехорошо читать чужие письма.

— Алиса, неужели ты до сих пор не поняла, что мы имеем дело с волшебниками, которые никого не щадят?

— Волшебники вымерли.

— Нет, не вымерли. Они спрятались под землей. Ты это отлично знаешь, но пытаешься закрыть глаза на правду. Земле грозит опасность. Мой долг — проникнуть к Кощею и разбить стеклянное яйцо. Но, как ты понимаешь, без боя он не сдастся. Давай сюда письмо.

— Нет, не отдам!

— Я отниму силой!

Алиса поняла, что Пашка настроен решительно. Он уже сам верил в то, что они вступают в царство зла.

Алиса подошла к шлагбауму и хотела подлезть под него, но как только она до него дотронулась, раздался пронзительный вой.

Алиса отпрыгнула от шлагбаума, но вой не прекратился.

— Все, — сказал Пашка. — Поздно. Мы обнаружены.

— Ну и что? — сказала Алиса. — Мы ничего плохого не сделали.

— Бежим обратно к неандертальцам!

Но договорить Пашка не успел.

По берегу озера к ним спешили странные существа, похожие на людей, но в то же время не люди. Они были очень худыми, длинные руки болтались будто тряпичные, узкие лысые головы покачивались на бегу. Существа были покрыты короткой светлой шерстью, сквозь которую просвечивала голубая кожа. В руках они держали заостренные палки.

— Нарушение, — сказала первое существо, подходя к Алисе. — Это нельзя.

Лица у существ были неподвижны, глаза белые, невидящие, движения вялые.

— Пропустите, — сказал Пашка, — нам нужно к вашему царю.

— Слово неизвестно, — ответило существо. — Вы подлежите изоляции для выяснения личностей.

— Еще чего не хватало! — возмутился Пашка. — Мы сами пойдем куда хотим.

— Нет, — сказала существо, — вы не пойдете куда хотите, а пойдете куда положено.

Алиса оглянулась. Сзади подошли еще три таких же монстра.

Пашка протянул руку, чтобы отвести железную палку, которую существо уперло ему в грудь. Но как только он коснулся ее, из палки вылетела искра и Пашка скорчился от боли.

— Нет! — закричала Алиса. — Вы не смеете!

— Мы охраняем порядок, — сказала существо. — Вы не хотите слушаться, вы сами виноваты.

С этими словами оно направило палку на Алису, которая склонилась к Пашке.

— Мы пойдем, — сказал Пашка. — Но учтите, что я вам это припомню.

Существо кашлянуло, а может, засмеялось.

— Тебе больно? — спросила Алиса, когда они, миновав шлагбаум, шли по прямой, посыпанной песком дорожке.

— Я умею терпеть, — сказал Пашка.

Они миновали большое квадратное поле, окруженное изгородью из колючей проволоки. На поле трудились неандертальцы. Они выкапывали какие-то белесые корни. По углам поля маячили белоглазые существа с железными палками.

Затем они обогнали вереницу гномов, каждый из которых тащил большой тяжелый

мешок, сгибаясь под его тяжестью. За гномами также брело существо с палкой. Один из гномов споткнулся и свалился под тяжестью мешка.

Вжжик! — вылетела молния из палки, и гномик начал корчиться по камням от боли, потом дернулся и затих. Остальные гномы остановились, но существо с палкой прикрикнуло на них:

— Вперед! Не останавливаться!

Ногой оно отбросило с дорожки тельце гнома, подобрало мешок и сунуло в сумку, прикрепленную к животу.

Пашка сжал кулаки.

— Нет, — прошептал он, — я не уйду отсюда, пока не прекращу этот фашизм.

Он с такой ненавистью поднял кулак, обернувшись к охранникам, что те отшатнулись, выставив вперед свои палки.

Это мгновенное отвлечение дало Алисе возможность наклониться и схватить лежащего у обочины гнома. Она сунула его в нагрудный карман. Никто вроде бы не заметил.

Дорога стала шире. Теперь она шла между совершенно одинаковых высоких каменных стен, в которых через равные промежутки были двери, забранные железными решетками. Из-за одной двери доносился плач.

— Кто там? — спросила Алиса.

— Не разговаривать, — ответил охранник.

У следующей двери Алиса увидела обитателей этих камер: прижавшись к решетке, стояли маленькие существа, во всем подобные тем, что вели Алису и Пашку. Они протягивали сквозь решетку покрытые белой шерсткой лапки и молили:

— Кушать! Кушать! Кушать!

Один из охранников на ходу ударил ногой по решетке — существа отскочили.

— Я думал... — начал было Пашка.

— Как видишь, и среди них не все равны, — поняла его Алиса.

Она осторожно прижимала руки к груди. Ей казалось, что тельце гнома все холодеет. А может, ей только кажется?

— Пашка, — сказала она по-английски, полагая, что охранники его не знают, — держи себя в руках. Никаких неосторожных поступков. Мы должны выбраться отсюда.

— Понимаю, не маленький, — сказал Пашка. — Только я очень злой.

Охранники остановились перед пустой камерой. Решетка была откинута.

— Входите, — сказал главный охранник, подталкивая пленников концом палки.

Решетка опустилась. Звякнул замок.

Охранники пошли прочь. Алиса осторожно выглянула. Один из них остался, стоит у стены, сторожит.

Внутри было темно. Лишь кое-где по стенам ползали зеленые светлячки.

— Мы требуем свидания с вашим начальником! — сказал Пашка, подходя к решетке.

— Молчать!

— Я буду жаловаться!

Молния из палки пролетела через всю камеру и ударилась, разлетевшись искрами, в дальнюю стену.

— погоди, Паш, — сказала Алиса.

Она отошла в угол так, что охранник не мог ее увидеть, и осторожно достала из-за пазухи гнома. Гном уместился на ее ладонях, только босые ноги свешивались вниз. Глаза его

были закрыты. Алиса осторожно приложила ухо к его груди. Вроде бы сердце бьется. Она погладила гнома пальцем по щеке. Щека теплая.

Алиса присела на корточки и открыла аптечку, что была вмонтирована в пояс ее комбинезона. Оттуда она достала мягкую ампулу со стимулятором. Пашка стоял рядом, закрывая Алису от решетки.

Алиса закатала рукав рубашки гнома и приложила ампулу к его руке. Чуть-чуть прижала, чтобы под кожу гнома попала капля лекарства.

— Чего делаете? — спросил неожиданно охранник, заглядывая сквозь решетку.

— Спим, — сказал Пашка. — Не приставай.

Гном пошевелился. Приоткрыл глаза. И в ужасе зажмурился. Алиса поднесла губы к уху гнома:

— Тише, — прошептала она, — а то они услышат.

Гном понял. Он так и остался лежать у нее на ладонях. Но терпения его хватило ненадолго, вдруг он стал биться, стараясь вырваться. Алиса опустила его на пол.

Гном кинулся к решетке, но увидел ноги охранника и бросился обратно к Алисе.

— Вам надо будет подождать, — прошептала Алиса, — пока нас уведут. Потом вы сможете уйти. А сейчас опасно.

— Спасибо, — сказал гном. — Я думал, что меня убили. А вы кто такие?

— Мы ваши друзья.

— Если вы наши друзья, вы должны убить Четырехглазого, — сказал гном убежденно.

— Я это обязательно сделаю, — сказал Пашка.

— Но сделать это можно, только если знаешь страшный секрет, — сказал гном. — Я вам его открою.

— Если вы про стеклянное яйцо, в котором жизнь Четырехглазого, то мы уже знаем.

— Как? Откуда вы знаете эту страшную тайну?

— Нам сказали об этом другие гномы.

— Тогда судьба всего нашего мира в ваших руках.

И в этот момент послышался шорох. Гном бросился в угол и сжался там в комочек. Плита в центре камеры поднялась, и оттуда хлынул яркий свет.

В люке появилась голова охранника.

— Следовать за мной! — приказал он.

Глава 8. Во дворце Четырехглазого

Вниз вела белая лестница. Возле нее стояли еще два охранника, такие же белоглазые, слепые, с такими же длинными, как хоботки, носами и большими ушами.

Коридор под камерами был ярко освещен и покрашен в белую краску, отчего создавалось больничное настроение.

Охранники быстро пошли вперед. Два охранника впереди, третий сзади.

По сторонам коридора были двери, такие же белые, как и стены. Из-за некоторых слышались голоса, одна была приоткрыта, и кто-то там плакал.

Поворот. За ним еще один охранник. При виде своих коллег он отступил, вжался в стену. Еще поворот. Еще охранник. Они бежали по лабиринту, и за каждым углом стоял охранник с палкой наготове.

Потом они попали в круглый зал. По сторонам большой двери в конце его стояли на страже два чудовища, которых Алисе и в книгах видеть не приходилось. Это были огромные карикатуры на людей, коренастые, корявые, с зубчатыми мордами и глазами навыкате. Чудовища качнулись навстречу друг другу, закрывая проход. Первый охранник остановился в шаге от них и прошептал пароль. Чудовища нехотя расступились. Проходя мимо, Алиса подняла голову и встретила взглядом с чудовищем. И поняла, что оно слепое — белые глаза были без зрачков.

Пропустив пленников вперед, охранники остались снаружи. Дверь тихо закрылась.

Они стояли в самом настоящем тронном зале, как будто перенесенном в это подземелье из старинной сказки. Алисе даже показалось на секунду, будто она видела его на картинке в детской книжке.

Широкая красная ковровая дорожка вела к возвышению, на котором стоял позолоченный каменный трон с высокой спинкой, наверху которой была прикреплена резная хрустальная корона. Балдахин над тронном был сделан из белого меха, а под сводчатым потолком было прикреплено вырезанное из камня изображение огромного отвратительного насекомого, глаза которого светились и, казалось, наблюдали за каждым, кто посмел войти в тронный зал.

Прошла минута, может быть, две, пока Алиса и Пашка осматривались, не смея шагнуть вперед. Но зал был по-прежнему пуст и зловеще тих.

— Эй! — не выдержал наконец Пашка. — Кто тут живой?

— И-вой... — откликнулось эхо.

Алиса разглядывала стены зала. Они были украшены картинами, выложенными драгоценными камнями. На картинах были изображены мрачные горы, ущелья, высокие ели, тесно стоящие у подножия гор, между деревьев была протянута паутина, у подножия елей росли громадные поганки и мухоморы. На мухоморах сидели черные улитки. Картины эти были сделаны так тщательно, что не сразу сообразишь, что стоишь в зале, а не в темном лесу. Каждая картина была выпиlena из малахита, горы выложены из сапфиров и бирюзы.

— Не прячьтесь от меня! — сказал Пашка. — Меня не надо бояться.

— Пашка! — укоризненно сказала Алиса. — Ты опять за свое.

— Нет, ты только подумай: притащить нас в подземелье, издеваться, а потом привести в минералогический музей.

— Храбришься? — спросила Алиса. — Мне тоже не по себе.

— Я ничего не боюсь, — ответил Пашка громко, чтобы тот, кто подслушивает, не

сомневался в Пашкиной отваге. — Просто мне все это надоело.

С этими словами он повернулся и направился обратно к двери, толкнул ее, но дверь была заперта.

— Эй! — сказал Пашка. — Выпустите меня!

Он стучал в дверь кулаками. Но дверь была гранитной, так что он только отбил кулаки.

— Ну ладно! — сказал Пашка. — Тогда я объявляю здесь революцию! Отныне я и есть Четырехглазый! Кошечей Бессмертный! Властитель подземного царства!

Он перебежал зал, поднялся на три ступеньки и сел на трон.

— Ну как? — спросил он. — Похоже? Где бы еще корону найти?

Но тут он вскрикнул, подскочил на троне, скатился по ступенькам вниз и сел на ковер.

— Что? Что случилось? — Алиса подбежала к нему.

— Дергается! Током бьет! — сказал Пашка. — Даже трон у них не настоящий.

— Я думаю, что за нами наблюдают, — сказала Алиса. — Наблюдают и посмеиваются. Пустили детей в тронный зал! Посмотрим, настоящие ли это противники или просто детский сад, который вышел сюда порезвиться?

— А что я такого сделал? — обиделся Пашка. — Я пошутил. Каждый может пошутить.

В тишине послышался тихий смех. Совсем рядом.

Он доносился откуда-то из-за трона.

Алиса быстро пошла туда, откинула тяжелую махровую портьеру и увидела за ней небольшую приотворенную дверцу.

— Пашка, смотри.

Пашка уже был рядом.

— Он туда спрятался?

— Может, это ловушка?

— Какая еще ловушка? Мы с тобой где? Разве не в ловушке?

— В ловушке.

— А из ловушки в ловушку можно ходить без пропуска.

С этими мудрыми словами Пашка первым ступил в тускло освещенный проход за тронным залом.

Это был узкий, чистый, безликий коридорчик, в который выходило несколько дверей.

За первой был какой-то склад, там грудями лежали вывески и плакаты: «Вход воспрещен», «В труде высшее счастье», снова «Вход воспрещен», «Норму выполнил дотла — будет свежей голова», «Сегодня недоел, завтра остался запас», снова «Вход воспрещен» и просто «НЕЛЬЗЯ!».

Они прошли ко второй двери. Она была закрыта на засов. Пашка хотел откинуть засов, но Алиса сказала:

— Если он спрятался, то не сюда.

— Разумно, — согласился Пашка.

В третьей комнате стояло несколько вырубленных из камня ящиков. Все они были наполнены драгоценными камнями. В одном — груды рубинов, в следующем — алмазы, затем ящик с изумрудами. Все камни были огранены и сверкали в полутьме, но оттого, что их было слишком много, они не казались драгоценными камнями, а выглядели как кучи стекляшек. Ведь драгоценный камень, чтобы быть драгоценным, должен быть одиноким.

Они повернули за угол. Коридор кончался небольшой лестницей и перилами. Двенадцать ступенек. Они поднялись на площадку, куда выходила дверь, обитая кожей.

Обыкновенная дверь, какие бывают в старых домах.

На двери был прикреплен почтовый ящик. На стене рядом с дверью — кнопка звонка.

Пашка толкнул дверь — она была заперта. Тогда Алиса нажала на кнопку звонка.

Внутри отозвалось мирно: дзинь-дзинь.

— Иду, иду, — послышался за дверью голос.

Дверь приоткрылась на цепочку, и в щели блеснули очки.

— Вам кого? — спросили изнутри.

Это было как во сне. Только что ты прошел мимо чудовищ, стоял в тронном зале, видел ящики с изумрудами — и вдруг как пробуждение, а может, провал в другой сон — мирный голос за обыкновенной дверью.

Алиса не нашлась, что сказать, ведь не Кощея же спрашивать. Но Пашка вдруг сообразил.

— Простите, — спросил он, — Гарольд Иванович здесь живет?

— Гарольд Иванович? А кто вас к нему послал?

— У нас письмо к нему от брата, Семена Ивановича.

— Не может быть! Сейчас отворю.

Звякнула цепочка, дверь растворилась. На пороге стоял невысокого роста худенький пожилой человек, в очках, одна дужка которых была сломана и подвязана веревочкой. Он был в синем халате и шлепанцах на босу ногу.

— Заходите, пожалуйста, умоляю вас, здесь опасно стоять снаружи. Проходите внутрь, проходите.

Алиса и Пашка прошли узким темным коридором, где стояло длинное, в рост человека, зеркало и на пустой вешалке висела шляпа, в небольшой кабинет. Стены кабинета были уставлены стеллажами с книгами, там стоял письменный стол, на котором лежали бумаги и тетради, и горела лампа под зеленым абажуром. Перед столом стояли два черных кожаных кресла.

Алиса посмотрела на Пашку, Пашка на Алису.

— Давайте знакомиться, молодые люди, — сказал хозяин квартиры. — Меня, как вы изволили проницательно догадаться, зовут Гарольдом Ивановичем.

— Я — Алиса Селезнева.

— А я — Павел Гераскин.

— Чудесно, чудесно. — Гарольд Иванович пожал гостям руки. — Уж я не чаял дожидаться вестей из дома. А как же вам удалось меня отыскать?

— По фотографии, — сказал Пашка и протянул Гарольду Ивановичу его портрет, который вызывал такой ужас у обитателей подземелий.

Гарольд Иванович взял фотографию и принялся ее рассматривать.

— Как я изменился! — сказал он. — Даже не нужно смотреть в зеркало, чтобы понять, как промелькнувшие годы избородили мое чело морщинами. О годы, годы!

С этими словами Гарольд Иванович прошел за стол, сел и поднес фотографию к глазам.

— У меня еще письмо к вам есть, — сказал Пашка и протянул Гарольду Ивановичу конверт.

— От брата? От Сени? Как я вам благодарен, мои юные друзья! Да вы садитесь, садитесь, отдыхайте, в ногах правды нет, как говорил Цицерон.

Гости послушались. Но как только Алиса опустилась в кресло, она от удивления подскочила — кресло лишь казалось кожаным и мягким. В самом деле оно было искусно

вытесано из черного мрамора. Только ударившись об него, можно было понять, что кресло — обман.

Пашка вскочил, потирая ушибленный локоть.

— Это как понимать? — воскликнул он. — Зачем вы обманываете людей?

— В чем дело? — Гарольд Иванович поднял голову и удивленно уставился на Пашку сквозь очки.

— Это же не кресла, а камни!

— Ах, да. — Гарольд Иванович виновато улыбнулся: — Я виноват! Эти кресла стоят здесь так давно и так давно в них никто не садился, что я сам поверил, что они кожаные. Господи, как бежит время! Поймите, я старею, я теряю память, я становлюсь рассеянным. И мне так дороги все воспоминания о моем земном прошлом, о нашей с Сеней квартире, о дедушкиных креслах, что я стараюсь поддерживать в себе иллюзию того, что жизнь продолжается. Да, жизнь моя явно уже прекратилась, но я себя обманываю... Простите старого немощного человека.

— Ничего, — смутился Пашка, — я понимаю. Просто от неожиданности...

— Хотите, я уступлю вам мой стул? — Гарольд Иванович даже приподнялся. — А я постою...

— Нет, что вы! — возразил Пашка. — Сидите, я не устал.

Наступила тишина. Гарольд Иванович снова углубился в чтение письма.

Пашка отошел к полкам, стал смотреть на корешки книг. Потом, не подумав даже, что надо попросить разрешения, протянул руку, чтобы достать одну из книжек. И тут же отдернул руку, потому что между пальцами и стеллажом пролетела голубая искра.

— Ой! Током бьет!

— Что? — Гарольд Иванович был раздражен. — Из-за вас я не могу дочитать письмо! Что еще стряслось?

— Я хотел взять... А оно ударило.

— Это остаточное электричество, — сказал Гарольд Иванович. — Возможно, вам приходилось об этом слышать. Электричество накапливается в горных породах.

Алисе показалось, что глаза Гарольда Ивановича за толстыми стеклами очков улыбаются. Или ей это показалось? А его указательный палец дотрагивается до кнопки посреди стола.

— Не расстраивайтесь, Павел Гераскин, — продолжал Гарольд Иванович. — Это не настоящие книги. Откуда мне здесь их добыть? Это лишь корешки, выточенные из камня. Как ученый и интеллигентный человек я не мыслю себе существования без библиотеки. За долгие годы я выточил эти стены — точную копию библиотеки моего дедушки. Видите — вот полное собрание сочинений Чарльза Дарвина. А это моя любимая книга — произведение французского энтомолога Фабра. Он так интересно писал о муравьях! А дальше справочники, справочники, словари. Но есть книги для развлечения. Да, я не чужд этому. Видите «Пиквикский клуб» Диккенса? А это его же роман «Айвенго».

Алиса послушно смотрела на корешки. На них золотом вытиснены названия. Но ведь «Айвенго» написал не Диккенс, а Вальтер Скотт! А тут написано: «Диккенс».

— Простите, — сказала она.

Но Пашка ее опередил.

— Смешно, — сказал он. — Любой ребенок знает, что «Айвенго» написал Вальтер Скотт.

— Что? — Гарольд Иванович буквально подскочил на стуле. — Конечно же, Вальтер Скотт. А там что написано? Диккенс? Это безобразие! Я прикажу казнить всю типографию! Я их растерзаю!

Рука Гарольда Ивановича потянулась к красной кнопке, но в миллиметре от нее замерла. Гарольд Иванович спохватился и переменял решение.

— Ладно, — сказал он. — Пошутили и хватит. Но я должен сказать тебе, Паша, что ты безобразно воспитан. Если пожилой немощный человек совершил маленькую ошибочку, неужели ты должен смеяться над ним? Неужели у тебя хватит совести смеяться и издеваться?

Казалось, Гарольд Иванович вот-вот заплачет. Голос его дрожал.

— Я не хотел, — сказал Пашка. — Нечаянно получилось.

— Я принимаю твои слова за извинение, — сказал Гарольд Иванович. — И мы забудем об этом печальном инциденте. Прошу тебя, Алисочка, расскажи мне подробнее о моем брате Сене. Как он выглядит, чем занимается? Скучает ли обо мне?

— Он очень по вам скучает и любит вас, — сказала Алиса. — Все двадцать лет, прошедшие с того дня, как вы потерялись в пещере, он не вылезал из кузницы, чтобы изготовить подземную лодку для вашего спасения.

— Это удивительно, — сказал Гарольд Иванович. — Значит, он всегда верил, что я жив? Я этого не хотел.

— Значит, вы нарочно потерялись? — удивилась Алиса.

— Все значительно сложнее, ах, сложнее! Ты еще девочка, тебе не понять той страсти, которая ведет настоящего ученого к подвигам и жертвам. Неужели ты думаешь, что Колумб, отправляясь в безнадежное и опасное путешествие к берегам неизвестной Индии...

— Колумб открыл Америку, а не Индию, — вмешался Пашка.

— Павел, — сказал печально Гарольд Иванович, — ты плохо кончишь. И, может быть, даже в ближайшем будущем.

— Колумб отправился открывать Индию, а открыл Америку, — сказала Алиса.

— Молодец, девочка. Так вот, Колумб также вынужден был разорвать связи со своими близкими, бросить семью, которая его не понимала, и даже оставить на произвол судьбы своих детишек... Но если бы он думал о семье, Америка осталась бы не открыта, а Колумб никогда бы не прославился.

— Но Америка уже открыта. Зачем вы под землю полезли? — спросил Пашка. Он дразнил Гарольда Ивановича, и Алиса, хоть и не одобряла Пашкиного поведения, понимала, что Пашка не верит этому тихому старичку. И ни на секунду не забывает о несчастных гномах.

Гарольд Иванович лишь вздохнул и продолжал:

— Я рожден не для обычной жизни, не для того, чтобы ходить на службу или сидеть в кабинете. Я — из тех пионеров, которые первыми поднимаются на Эверест и достигают Северного полюса. Меня влекут высокие цели познания! — Гарольд Иванович вскочил, начал бегать по кабинету, размахивая руками, халат его распахнулся и летел сзади, словно крылья летучей мыши. — Мой любимый дедушка посвятил жизнь подземным исследованиям. Он открыл восемь видов насекомых, таящихся в глубинах земли, в тишине, в темноте, в подземных озерах и безмолвных реках. Статьи моего дедушки публиковались в ведущих энтомологических журналах Европы! Но Сколопендра Таинственная, безмолвный страж подземных пространств и пропастей, о которой писал в своем труде средневековый

путешественник Генрих Сильмузфанский, который утверждал, что укус ее вызывает сладостные видения, Сколопендра Таинственная моему дедушке не далась в руки! И бессмертная слава ускользнула от него! С той минуты, как я осознал себя, с той минуты, как я впервые взглянул на коллекцию моего дедушки, на прозрачные и почти невидимые тельца и ножки насекомых земной пучины, я понял, что у меня в жизни есть призвание. И этому призванию я следовал всю жизнь. Да, всю жизнь! Меня не волновали страсти и шум земной поверхности. Я убегал с уроков, чтобы забраться в подвал или подпол. Я проводил каникулы в пещерах и ямах. В тишине... в тишине... в тишине.

Последние слова Гарольд Иванович произнес тихим свистящим шепотом.

— Но ваш брат Семен Иванович, — сказала Алиса, — рассказывал нам, как вы о нем заботились, как вы заменили ему родителей...

— Я человек долга! — сказал Гарольд Иванович совсем другим, громким пронзительным голосом. — Во мне уживаются две натуры. Одна — романтическая, стремящаяся к неизведанному, к великим свершениям, любящая тишину и уединение подземных глубин. И вторая моя натура — это Долг. Долг с большой буквы. Как тяжело мне было нести свою ношу, тащить на своих слабых, неокрепших еще юношеских плечах заботу об этом толстом, шумном, неумном мальчишке, полном каких-то шуток, розыгрышей, необдуманных поступков, всегда жуящем что-то, всегда что-то требующем от меня! Как я порой ненавидел его! Но я стискивал свои молочные зубы и нес свой крест. И ждал, с наслаждением ждал того момента, когда Семен подрастет настолько, что я смогу наконец-то оставить его и не мучиться совестью, что я чего-то недоделал! Вы просто не представляете, какой я совестливый человек... Я дождался. Выполнил свой долг и ушел к романтике глубоких пещер. К одиночеству.

— Значит, вы не хотите возвращаться? — спросила Алиса.

— Я! Возвращаться? В сутолоку и суматоху жизни мелких людишек, которые не знают великого слова — Порядок? Которые не имеют высокой жизненной цели? Нет. Мое место здесь. Среди моих коллекций и тишины!

— Но ваш брат так переживает!

— Это несоизмеримо! — Гарольд Иванович расстегнул пижамную куртку, и там обнаружился широкий кованный пояс с прикрепленной к нему связкой ключей. Он выбрал маленький серебряный ключ, подошел к большому резному шкафу и, прикрывая замок от гостей спиной, открыл его. Шкаф был поделен на плоские ящички. Один из них Гарольд Иванович вытащил. Осторожно перенес на письменный стол и произнес: — Можете убедиться сами.

На планшете ровными рядами были прикреплены насекомые. Совершенно одинаковые паучки, почти прозрачные, с ноготь размером, но с длинными тонкими ножками.

— Знаете ли вы, мои дорогие гости, — сказал Гарольд Иванович, — что этот вид паука неизвестен науке? Совершенно неизвестен. Ни один ученый не подозревает о его существовании. И я его открыл! А знаете ли, как он называется? Он называется Паук Гарольди! В мою честь! А в этом шкафу хранится еще более ста неизвестных видов. Более ста. И все они называются в мою честь!

— Очень интересно, — сказал Пашка. — Но если все они Гарольди, как их различить?

— Их вам не надо различать. Я их различаю, и этого достаточно.

— А зачем вам так много одинаковых? — спросила Алиса.

— Одинаковых? В природе не бывает двух одинаковых особей. Каждая отличается. Как

отличаемся мы с вами. Я же каждого паука знаю в лицо! Я никогда их не перепутаю. Я должен поймать всех, всех, понимаете? И всех наколоть на булавки. Они все Гарольди — они все мои!

— Но их не останется, если вы их всех поймаете!

— Это мой идеал. Тогда они останутся только здесь! И если вы, профессор Браун, или вы, доктор Сигемицу, захотите убедиться в их существовании, пожалуйста, идите ко мне, просите, умоляйте! И, может быть, я соглашусь показать, а может, и нет...

Гарольд уморился, побледнел. Он устало поставил обратно на место планшет с паучками, запер шкаф и застегнул пижаму.

— Это романтическая половина моей жизни.

— А ту... сколопендру вы нашли?

— Молчите! — вдруг испугался Гарольд Иванович. — Вокруг завистники. Не смейте говорить о самом святом, самом сокровенном!

Он перевел дух, прошел к себе за стол, уселся, устало положил руки перед собой.

Наступило долгое молчание.

Его прервал Пашка:

— А вопрос можно задать?

— Задавай.

— Кто такой Четырехглазый?

— Кто-кто?

— Четырехглазый.

— В жизни не слышал такого имени. А почему ты спрашиваешь?

— Все здесь боятся Четырехглазого. Он правит подземным царством и всех страшно угнетает.

Гарольд Иванович снял очки, прикрыл их ладонью. Покачал задумчиво головой.

— Нет, не приходилось слышать такого имени.

— Но кто же правит этим царством? — не сдавался Пашка. — Кто командует этими... с палками?

— Лемурами?

— Пускай лемурами. Кто сидит на троне в тронном зале? Кто заставляет гномов приносить ему драгоценные камни, кто убивает неандертальцев? Кто держит людей в камерах? Неужели вы не знаете?

— Как? Держит людей в камерах? Угнетает неандертальцев? Здесь? В царстве свободы и порядка? Не представляю. Мальчик, тебя ввели в заблуждение.

— Но кто здесь главный?

— Ума не приложу. Я никогда об этом не задумывался. Наверное, кто-то правит. Но я же ученый, я романтик, я занимаюсь своими делами и не вмешиваюсь в окружающую жизнь.

— А кто вас кормит, кто сделал вам эти кресла и стеллажи?

— Паша, дорогой мой, ты мне надоел, — сказал Гарольд Иванович. — Ты все время задаешь нетактичные вопросы. Я же тебе сказал — совершенно не представляю, что происходит вокруг. Я живу как бы в башне из слоновой кости. Я изолирован от мира и выбираюсь отсюда только на экскурсии в поисках насекомых.

— Странно, — сказал Пашка.

Он не верил этому кабинетному ученому.

— Что же мы должны сказать вашему брату Семену Ивановичу? — спросила Алиса. — Вы не хотите возвращаться?

— Ты угадала. Не хочу.

— Может, вы напишете ему письмо?

— Здесь очень плохо с бумагой.

— Но вы ему посылали письмо. На золотом листке.

— Золото денег стоит, — отрезал Гарольд Иванович. — Скажите Семену на словах, чтобы не беспокоился и не вмешивался в мои дела. Сколько нужно повторять одно и то же!

— Хорошо, мы пойдем, — сказала Алиса.

— Возвращайтесь и забудьте о том, что видели. Я устал и не буду вас провожать.

— До свидания.

Гарольд Иванович не ответил.

Пашка первым пошел к двери. Алиса за ним. Они вышли на лестничную площадку, закрыли дверь. Щелкнул замок. И тут же они услышали, как звякнула цепочка.

Молча они прошли коридором, вышли в тронный зал. Там было пусто и тихо.

— Он и есть Четырехглазый, — сказал Пашка, глядя на пустой трон.

— Помолчи, — сказала Алиса. — Здесь слушают. Нам бы скорее добраться до лодки.

— Точно, — согласился Пашка. Но у выхода из тронного зала начал сомневаться. — Не в моих правилах бросать угнетенных на произвол судьбы.

— Пашка!

— Правильно. Мы вернемся.

— Пашка!

— Двенадцать лет Пашка. И знаю, что говорю.

Дверь из тронного зала медленно распахнулась. Два чудовища, что стерегли ее с той стороны, скалились, заглядывая внутрь.

— Скажите, как вас назвать? — спросил Пашка, который совсем расхрабрился.

— Мы тролли, — ответило одно из чудовищ и щелкнуло зубами так, что уши заложило от грома.

Охранники-лемуры стояли поодаль, палки наготове.

— Господин Гарольд Четырехглазый, — сказал Пашка, — велел нас отпустить.

И он пошел по коридору прочь от тронного зала. Охранники шли сзади.

— Видишь. — Пашка наклонился к Алисе: — Они не возражали.

— Это ничего не значит, — сказала Алиса. — Не исключено, что он все же просто эгоистичный ученый, который ничего, кроме своих пауков, не видит. И в самом деле не подозревает, что происходит вокруг.

— А кто же тогда здесь правит?

— Не знаю. Не видела.

— Ты наивная или притворяешься?

— Я осторожная, — улыбнулась Алиса.

Пашка спросил:

— А почему он назвал их лемурами? Ведь лемуры — это такие обезьянки. У Аркаши был лемур, маленький, как белка, только без хвоста.

— Я думаю, что обезьянок называли лемурами в память об этих. О жителях подземелий, наверное, потому что они ночные.

— Эх, скорей бы выбраться! Мы бы такую экспедицию организовали. И главное —

освободили бы угнетенных!

— Я думаю, что Гарольд Иванович именно этого и боится, — сказала Алиса.

Эта мысль пришла ей в голову, потому что лемуры остановились перед лестницей, что вела в камеру. В ту самую, из которой их час назад увели.

Лемур сказал хрипло:

— Иди. Наверх!

И в самом деле, откинув люк, Пашка оказался в загончике с решеткой.

Решетка была закрыта. Люк захлопнулся.

— Вот этого я от него не ожидал, — сказал Пашка.

— А я, к сожалению, ожидала, — ответила Алиса.

Глава 9. Попытка бегства

Из темного угла камеры послышался голосок:

— Вы живые? А я так боялся за вас.

— Гном! — удивилась Алиса. — Ты почему не убежал?

— Тише. Там снаружи дежурит лемур. А у лемуров замечательный слух.

Алиса присела перед гномом на корточки.

— Я боялся за вас, я думал, что вас съел Четырехглазый. Или тролли разорвали. Я думал — подожду, пока выключат свет. Тогда побегу к своим. Но я еще думал — а вдруг они придут обратно? Вдруг вы нашли стеклянное яйцо и разбили его?

— Спасибо, — сказала Алиса, — что ты думал о нас. Но стеклянного яйца мы не нашли.

— А Четырехглазого видели?

— Может быть, видели. Только я не уверена. Мы видели одного человека и даже разговаривали с ним.

— Какой он? Скажи, какой?

— Он невысокого роста, в очках, седой, он собирает подземных насекомых. А живет в маленькой квартире за тронным залом.

— Нет! — воскликнул гном. — Это не тот. Это кто-то из пленников Четырехглазого. Он скрывает их в подземельях. Четырехглазый громадного роста, у него оскаленные, как у тролля, зубы, у него четыре глаза. Когда он говорит, изо рта у него идет дым. Если он поглядит на тебя в упор, ты падаешь без чувств.

Лемур, который стоял снаружи, услышал голоса и заглянул сквозь решетку.

— Что за разговоры? — спросил он. — Нельзя. Надо молчать.

— Молчим, молчим, а ты не подслушивай, — сказал Пашка. — А то я тебя заколдую.

— Нельзя, — сказал лемур, но от решетки отошел.

— А лемуры служат Четырехглазому? — спросила Алиса.

— Некоторые служат, а некоторые боятся. Лемуры глупые. Лемуров можно обмануть, мы, гномы, их обманываем. Вот тролли — это ужасно. Троль может гнома одним зубом перекусить. Это наши самые страшные враги. И Четырехглазый их любит. Он, может быть, сам из троллей.

— Гном, — спросил Пашка, — а ты сам Четырехглазого видел?

— Нет, нет, что вы! — пискнул гном. — Кто его видел, долго не проживет. Но мне рассказывали верные люди. Мой старший брат Фуру попал в колесо, но чудом остался живым.

— Куда попал?

— В колесо.

Лемур снова сунул свой бледный нос-хоботок в решетку, вынюхивая.

Так Алиса и не узнала, что такое колесо, в которое попал брат гнома.

Когда он отошел, гном знаком попросил Алису взять его на руки, добрался до ее уха и начал быстро шептать:

— Сейчас свет потушат, я тогда побегу к моим знакомым. Тут есть городские гномы, их заставляют канализацию чистить, камеры строить, камни гранить. Я у них инструменты возьму, мы вашу камеру откроем и вас к себе уведем. Потому что если не увести, Четырехглазый вас обязательно сожрет. Ждите и молчите, с лемуром не спорьте.

И тут свет в подземелье погас. И в камерах, и в коридорах — везде. Только поблескивали светлячки.

Откуда-то издали донесся строгий голос:

— Всем честным жителям спать, спать, спать... Вы должны быть готовы к завтрашнему трудовому дню. Запрещается видеть плохие сны, храпеть и вставать с постели. Виновные будут наказаны. Спокойной ночи, спокойной ночи...

Заиграла тихая музыка. За стенкой звякнуло.

— Это лемур спать ложится, — сказал гном.

— А как же он будет сторожить нас?

— Ночью все спят, вы тоже. А если спишь, как можно убежать?

— А ты?

— Меня все равно что нет. Меня уже сегодня убили, и в большой книге записано, что я умер. — Гном хихикнул. — Даже лучше, что меня нет. Только вот паек мне теперь выдавать перестанут.

— Не беспокойся, — сказала Алиса, которая вдруг поняла, что страшно проголодалась. — Это долго не может продолжаться.

— Хорошо бы, — ответил гном. — Но мне не дожить. Некуда деваться.

— У нас есть подземный корабль, — сказала Алиса. — Если вы поможете нам до него добраться, мы привезем помощь и вас освободят.

— Какое счастье! Тогда я побежал! Поставь меня на пол!

Легонько прошелестели быстрые ноги гнома, и наступила мертвая тишина.

Пашка с Алисой уселись у стены, прижавшись друг к другу. Было холодно и голодно.

— Почему он нас не отпустил? — спросил тихо Пашка. — Или не убил?

— А вдруг в самом деле Гарольд Иванович ни в чем не виноват? Вот и гном Четырехглазого совсем иначе описывает.

— У страха глаза велики.

— Он, наверное, не знает, что с нами делать, — сказала Алиса. — Если нас отпустить, мы сюда приведем людей. И власть его кончится. А если пропадем без вести, то за нами пошлют экспедицию и его царство все равно будет открыто.

— Тогда нас лучше убить, — сказал Пашка мрачно. — Пока еще экспедиция сюда доберется. Он успеет следы замести.

— Все следы ему не замести, — сказала Алиса. — Нас неандертальцы видели, нас гномы видели. Они расскажут.

— Только нам будет уже все равно.

— Давай надеяться на гномов, — сказала Алиса. — Они нас выручат. Нам бы только до лодки добраться.

Было темно и тихо. Алиса пригрелась, прижавшись к Пашке, и задремала.

Проснулась она оттого, что кто-то осторожно дергал ее за рукав.

— Алиса, проснись. Это я, Фуррак, ваш друг.

Алиса сразу пришла в себя — вокруг слышались легкие шаги, шепот, шорохи.

— Я привел других гномов, — сказал Фуррак. — Они принесли инструменты.

Покачивались зеленые фонарики, наполненные светлячками. Черные силуэты множества гномов суетились вокруг.

— Алиса, подними нас к замку, — сказал гном Фуррак. — А то нам трудно туда забраться.

Проснулся Пашка.

— Привет, — сказал он, — спасатели пришли.

— Шшш, — сказал Фуррак, — лемура разбудишь.

— А я такой страшный сон видел, вы не представляете.

— Шшш, — зашипели на него сразу все гномы. — Страшных снов смотреть нельзя, Четырехглазый накажет!

— Ну и запуганные вы!

Алиса подняла на ладонях двух гномов к замку. Один из них светил зеленым фонариком, второй достал инструменты из мешка, что висел через плечо, и начал копать в замке. Остальные гномы собрались внизу и подняли фонарики, чтобы было больше света.

— Знаешь, Алиса, — сказал Фуррак, — они все пришли, чтобы на вас поглядеть. Мы так давно живем без всякой надежды, а вы — наша надежда. Чем скорее вы приведете помощь, тем скорее мой народ будет свободным. А если вы не приведете помощь, то скоро от нас никого не останется.

— Я обещаю, — сказала Алиса, — что вам недолго придется ждать.

Замок щелкнул.

Алиса открыла замок. От щелчка чуть было не проснулся лемур, что лежал снаружи. Он заворочался во сне, зачмокал тонкими белыми губами. Все замерли.

Но лемур перевернулся на другой бок и тихонько захрапел.

— Вот кто-нибудь услышит, что он храпит, донесет куда надо, и его накажут, — сказал гном.

— Пускай спит, — сказала Алиса. — Пошли?

— Да. Пошли. Только я хотел попросить у вас прощения.

— За что?

— Мы не принесли с собой никакой пищи. И нам, гномам, которые всегда славились гостеприимством, очень стыдно. Но сейчас конец месяца, и мы истратили все талоны, а без талонов нам не дают никакой еды.

— А что вы обычно едите? — спросила Алиса.

— Мы выращиваем съедобный мох и подземный овес, делаем из них муку и жарим пироги. Мы собираем сладкие грибы и делаем из них приправы. Мы выменивали у подземных охотников мясо...

— Прекрати, — зашумели снизу остальные гномы. — Не говори о еде! Мы же все голодные!

— А почему вы теперь не выращиваете и не обмениваете? — спросил Пашка.

— Но ведь нельзя! Все, что собирается, выращивается и делается, нужно сдавать в распределитель Четырехглазого. А он уже выдает всем сколько нужно. Это называется справедливость.

— А почему же мало выдают?

— Потому что надо делать запасы. Надо быть разумным. Должен быть порядок.

— Не говори, как глупый лемур, — послышался снизу голос одного из гномов. — Ты же знаешь, что нашу пищу поедают охранники и тролли. Им теперь не надо заботиться о еде. За то, что они нас охраняют и мучают, им выдается пища, только куда больше, чем остальным.

— Вы пойдете или будете беседовать? — раздался еще один голос. — Скоро свет включат, а вы все разговариваете.

Пашка осторожно открыл решетку, и они пошли по улице между камер, где спали

обитатели подземного города, которым нельзя было храпеть и видеть плохие сны.

Впереди бежали три гнома с фонариками и показывали путь. Потом шли Алиса с Пашкой, а остальные гномы замыкали шествие.

Гном Фуррак сидел на плече у Алисы, как матрос на мачте.

Передние гномы повернули направо.

— Не туда, — сказала Алиса. — Нам налево. Я помню, откуда нас привели.

— Мы не можем идти по дороге к шлагбауму, — сказал Фуррак. — Там охрана, которая не спит даже ночью. Придется пойти в обход.

Передний гном покачал фонариком, и вся процессия остановилась.

— Помоги, — сказал Фуррак Пашке.

Тот прошел вперед, нагнулся и поднял крышку люка.

— Нам вниз.

Они очутились в таком же коридоре, какой вел из камеры во дворец Четырехглазого.

— Теперь совсем тихо, — прошептал Фуррак на ухо Алисе.

Стены коридора разошлись, исчезли в темноте, и впереди открылся низкий зал, в котором бесконечными рядами тянулись одинаковые каменные столы. Глаза Алисы уже настолько привыкли к темноте, что света зеленых фонариков было достаточно, чтобы понять: на каждом столе лежит лемуру. Лемуры лежали одинаково, на спинах, нос-хоботок кверху, руки сложены на мохнатой белой груди, и тонкие вялые пальцы переплетены. Сначала Алисе показалось, что лемуры умерли и их здесь сложили перед похоронами. Но тут же она сообразила — лемуры дышат. Они похрапывают, стонут во сне, морщатся, вздыхают, но никто не поворачивается, не меняет позы.

— Что с ними? — спросила шепотом Алиса.

— Как что? — удивился гном. — Они спят.

— А почему все одинаково? И почему здесь? Ведь неудобно.

— Может, и неудобно, но так надо. Они здесь работают, за этими столами, и спят здесь, чтобы времени не терять. Проснутся — сразу за работу. Видишь, что у них в руках?

Тут Алиса заметила, что в пальцах каждый сжимает маленькую коробочку.

— Там в коробочке их работа. Маленькие камешки и палочки. Много-много камешков и палочек. Они сидят весь день и перекалывают камешки и палочки. Один считает, сколько пайков надо гномам выдать, другой — сколько штрафов наложить, третий — сколько лемуру на какие работы послать. Очень много работы.

— Ты шутишь, Фуррак?

Но гном не шутил, как и все гномы, он был лишен чувства юмора. Он удивился, что Алиса такая непонятливая.

— Каждому лемуру выдают одну коробочку. Если он ее потеряет — значит, останется без работы, а если без работы — значит, без еды, и попадешь в большое колесо. А чем лучше лемуру работает, тем больше у него коробочка. Вон, видишь, лежит главный лемуру?

Алиса увидела лемуру, который держал на животе целый сундук. Правда, и стол у него был вдвое больше, чем у остальных, и под головой была подушечка.

— А что ты про колесо говорил? Это что-то страшное?

— Иногда очень страшное, а иногда просто страшное, — сказал гном. — Но это увидеть надо.

По узкой лестнице они вышли на поверхность. Если можно считать поверхностью пол громадной полости, поросший мхом и лишайниками. Неподалеку журчала речка.

— Вот тут мы встретились, — сказал Фуррак. — Куда теперь?

— Сейчас соображу, — сказал Пашка. — Река была справа. Теперь слева. Нам туда!

Ноги тонули в белом мху, и потому звука шагов не было слышно. Темными котятками впереди бежали гномы, и зеленые фонарики раскачивались на ходу. А вокруг светлячки.

Скоро мы поднимемся наверх, подумала Алиса. И трудно будет поверить, что далеко внизу останется странное и загадочное царство Четырехглазого, где сидит упрямый Гарольд Иванович и не хочет отрываться от подземных букашек. словно закроешь последнюю страницу интересной и страшной книжки и знаешь, что все это неправда, что так не бывает, хотя минуту назад ты в это верил.

Впереди блеснул борт «Терранавта».

Гномы остановились, испугались.

— Вот и наша лодка! — закричал Пашка. — Ну теперь берегись, Четырехглазый!

Он побежал к лодке и похлопал ее по борту, как боевую лошадь. Какая она твердая, надежная, даже красивая, подумала Алиса.

— До свидания, отважные гномы, — сказала Алиса, опуская на мох Фуррака. — Спасибо вам за помощь.

— Мы ждем, — сказал Фуррак. — Скорее возвращайтесь. Когда Четырехглазый узнает, что вы убежали, он начнет искать, кто вам помог, и, конечно же, догадается, что только гномы могли открыть замок. И он будет нас пытаться. Скорее! Привезите много пушек и ружей, привезите острые пики и железные щиты! И ведите нас в бой!

Гном даже приподнялся на цыпочки, чтобы стать выше ростом, и выпятил грудь.

— До встречи, друзья, — сказал Пашка и протянул руку к люку, чтобы открыть его.

— Не спеши, Паша, — раздался тихий голос.

Пашка обернулся. Вспыхнули яркие фонари, которые держали в руках могучие злобные тролли.

Гномы кинулись врассыпную, некоторые старались зарыться в мох.

Алиса зажмурилась.

— Глупые гномы сказали вам, что все спят, когда гасят свет. Но спят не все.

Алиса прищурилась, чтобы рассмотреть, кто это говорит. Она подозревала, что увидит сейчас Гарольда Ивановича, но увидела совсем другого человека.

Перед ними стояла высокая повозка на толстых широких колесах. В повозке сидел человек в черной мантии и широкополой шляпе, с полей которой опускалась книзу сетка, подобно тем, что носят пчеловоды на пасеке.

— Нам надо было узнать, где вы скрываете свой подземный корабль, — сказал человек в шляпе. — Вот мы и подождали, пока вы сами к нему приведете. Теперь для нас не будет преград в подземном мире — мы сможем спускаться и подниматься куда хотим. И власть моя расширится безмерно. А ну-ка, Паша Гераскин, открой мне корабль, я хочу посмотреть на него изнутри.

— Сами открывайте, — сказал Пашка.

— Не люблю непослушных мальчиков, — сказал человек в шляпе. — Я, повелитель подземелий Четырехглазый, приказываю тебе: открой подземный корабль, который теперь принадлежит мне!

— Еще чего не хватало! — грубо ответил Пашка.

— Троль, научи этого пащенка хорошим манерам, — приказал Четырехглазый.

Алиса не успела ахнуть, как тролль схватил Пашку за шиворот и поднял в воздух. Алиса

бросилась Пашке на выручку, но второй тролль громко захохотал и также схватил ее. Земля ушла из-под ног, и Алиса почувствовала, как на ее горле сомкнулись страшные когти тролля.

— И не подумаю! — закричал Пашка.

— Тогда, тролль, милый мой, — спокойно сказал человек в шляпе, — будь любезен, помучай немного Алисочку. Мне ее очень жалко, но я не вижу другого способа образумить глупого Пашу. Пощекочи ее когтями, почеши ее зубами, откуси ее тонкие пальчики, выцарапай ее голубые глазки!

— Нет! — закричал Пашка. — Не смейте! Мучайте меня, но Алису не трогайте!

— Вот на это я и рассчитывал, — сказал человек в черной шляпе. — Вы ведь так просто устроены, благородные мальчишки.

— Открою я вам корабль, — сказал Пашка.

— А ты, тролль, не отпускай Алисочку и мучай ее немножко, чтобы Паша торопился.

Алиса не смогла сдержать стоны, так больно резали ей шею когти тролля.

Пашка сказал:

— Отпустите меня скорей! Я все покажу.

Пашка отвинтил крышку люка.

Он торопился, чтобы освободить Алису.

— Залезайте, — сказал он.

— А вот это лишнее, — возразил человек в черной шляпе. — Я залезу, а ты меня там запрешь или еще какую-нибудь гадость придумаешь. Нет уж, я вашим кораблем займусь на досуге, без свидетелей. А сейчас нам придется вернуться ко мне во дворец. Идите рядом с моей каретой, только не смейте убежать. Учтите, что тролли бегают очень быстро. Понятно?

Человек в шляпе стегнул повозку бичом — сначала по правым колесам, потом по левым. Из колес донесся писк и стоны.

Тролль опустил Алису на мох.

Повозка двинулась вперед, Алиса и Пашка шли по ее сторонам.

Алиса потеряла шею.

— Тебе не больно? — спросил Пашка с другой стороны повозки.

— Нет, все в порядке, — сказала Алиса.

Колеса медленно поворачивались, повозка ехала со скоростью пешехода. Алисе стало интересно, почему из колес доносятся такие странные звуки. Она нагнулась и увидела, что колеса устроены подобно беличьему колесу — внутри по ступенькам бегут гномы, много гномов. Они нажимают на ступеньки внутри колеса, и оно катится вперед.

— Там живые гномы? — удивилась она.

— Там наказанные, непослушные гномы, — ответил Четырехглазый. — Они знают, что только послушание может помочь им искупить свою вину.

— Но это же бесчеловечно!

— Это разумно и способствует дисциплине, — ответил Четырехглазый. — В государстве нельзя без наказаний, а то все распустятся. Все, что я делаю, я делаю для блага моих подданных.

— Алиса, не разговаривай с ним, — сказал Пашка. — Он же изверг! Когда мы вернемся наверх, я всем расскажу, что он здесь творит!

— Вот почему вы и не вернетесь наверх, — сказал Четырехглазый. — Я, к сожалению, не могу этого допустить. Я столько труда положил в создание образцового счастливого государства, что любое вмешательство со стороны для меня невыносимо.

— Ничего себе справедливое! — возмутился Пашка. — Спросите у гномов, которые заперты в этом колесе, справедливое ли оно?

— Конечно, справедливое. Если бы гномы вели себя достойно, они бы гуляли сейчас на свободе. Ничего не бывает без причины. И каждый мой подданный знает: ведешь себя хорошо — живешь хорошо. Нашкодил — будешь наказан. Это и есть справедливость. Не замыслил бы ты, Пашка, предать меня, убежать отсюда и донести на меня злым людям, что обитают на поверхности Земли, ты бы тоже остался жив и, может, занял бы высокое положение в моем обществе.

— Не нужно мне высокое положение!

— Вот именно поэтому ты и умрешь.

— Если вы нас убьете, — сказала Алиса, — то за нами тут же пошлют экспедицию и все ваши тайны будут раскрыты.

— Не знаю, не знаю. Пока что эта лодка существует в единственном экземпляре... Впрочем, я обязательно что-нибудь придумаю. Вот соберем сейчас высший совет моего королевства, посоветуемся и найдем способ, чтобы и вас убить, и тайну сохранить.

Четырехглазый обернулся к одному из троллей и приказал:

— Включай свет! Начинается трудовой день.

Троль поднял трубу, висевшую у него через плечо, и громко затрубил.

И тут же впереди, где лежал подземный город, начали вспыхивать огни, загорелись они и под потолком пещеры, и вдоль улиц города, так похожих на коридоры в тюрьме.

— Хватит спать! — зарычал троль так громко, что голос его, усиленный эхом, разнесся на километры. — Начинается новый счастливый день! Вставайте, лежебоки! Вставайте, преступники, вставайте, виноватые! Все, кто видел дурные сны или храпел, должны немедленно доложить об этом начальнику квартала для получения наказания! С добрым трудовым утром, граждане справедливого королевства!

Троль снова протрубил.

Огоньки загорелись ярче. Алиса представила себе, как где-то в глубине пленные охотники и наказанные лемуры крутят громадные колеса, дающие свет этому городу.

— А теперь ты, — обернулся Четырехглазый ко второму троллю. — Объяви общее собрание.

— Уважаемые свободные граждане! — закричал второй троль. — Ваш уважаемый и любимый повелитель просит и умоляет вас, если вам не трудно, собраться на площади перед дворцом для того, чтобы присутствовать при поучительном и незабываемом зрелище.

— Будем судить этих пришельцев, — подсказал Четырехглазый троллю.

— Справедливый и великодушный повелитель будет советоваться с народом, каким образом казнить двух негодных пришельцев, которые мучили народ и подрывали законную власть. Теперь они осознали свою вину и умоляют наказать их так, чтобы никому неповадно было нарушать порядок в нашем счастливом государстве. Спешите участвовать!

— Молодец, — похвалил тролля Четырехглазый. — Теперь предупреди как положено.

Троль снова протрубил сигнал и крикнул:

— Напоминаю! Все, кто не поспешит сейчас, немедленно, быстро, радостно, на собрание, будут сурово наказаны как враги свободы. Только попробуйте не прийти, мерзавцы!

— Ну, последнее — лишнее, — сказал Четырехглазый.

— С ними иначе нельзя, — прорычал троль. — Совсем распустились.

— Вот именно поэтому я хочу, чтобы суд над этими хитрецами был страшным, ужасным! Чтобы он стал уроком для всех!

Они въехали на главную улицу города. Видно было, как лемуры палками и пинками выгоняют из камер своих бедных родичей, как небольшой тролль, видно, троллиный детеныш, гонит перед собой толпу перепуганных гномов, как целая толпа вооруженных лемурув подгоняет связанных цепью неандертальцев.

При виде повозки Четырехглазого лемуры отгоняли народ к стенам и заставляли падать на колени.

— Зачем же так? — не выдержала Алиса. — Вы же производите впечатление интеллигентного человека.

Ее волновал вопрос: человек в черной шляпе и Гарольд Иванович — одно лицо или нет? Голос вроде похож, но и не похож...

— Они иного, к сожалению, не понимают, — ответил Четырехглазый. — Их приходится приучать к демократии палкой. Что ж, мое общество вынуждено пройти через этот реконструктивный период. Пускай для постороннего зрителя он может показаться недостаточно эстетичным, но иначе наступит анархия и вернется та дикость, из которой я год за годом вытаскиваю этих несчастных...

— А зачем? — спросил Пашка. — Зачем вытаскивать?

Четырехглазый полоснул бичом по одному колесу, затем по другому, гномы внутри заныли, заплакали, колеса стали вращаться скорее.

— Для их блага, — сказал Четырехглазый. — Вы просто не представляете, в каком я застал их состоянии. Никакого порядка! Гномы копают драгоценные камни, но не знают их цены и отдают за бесценок грязным, отвратительным неандертальцам. Неандертальцы охотятся за кем хотят! Лемуры жрут мох и вообще ничего не делают. Тролли охотятся на гномов и лемурув, и никакого порядка!

— А как же они вас стали слушаться? — спросила Алиса.

— Цивилизованный человек всегда найдет способ, как управиться с дикарями, — ответил Четырехглазый. — Они не знали, что такое справедливая власть, и потому не знали, что надо сопротивляться... А когда сообразили, было поздно. Вот только до неандертальцев я никак не доберусь! Отбиваются! Безобразие какое-то! Я у них пленных беру, набеги совершаю, стараюсь перевоспитать их трудом — помирают, но не перевоспитываются. Но с помощью вашей лодки я смогу их обуздать.

Как раз в этот момент повозка обогнала еще одну партию неандертальцев. Они были скованы цепями, со всех сторон шли лемуры, уткнув им в спины электрические палки. Один из неандертальцев понял, видно, что речь о нем, поднял голову и оскалился. Глаза его горели ненавистью.

— Бей его! — крикнул Четырехглазый троллю. — Бей его!

Тролль ударил наотмашь когтистой ручищей по лицу неандертальца. По распоротой щеке потекла кровь.

— Вот так! Так будет с каждым, кто не хочет понять высшей справедливости!

— Вы мне противны, Четырехглазый, — сказал Пашка.

— А мне не нужно тебе нравиться, мальчишка! Через несколько часов тебя не будет на свете. Уж я позабочусь, чтобы всенародный суд с тобой расправился по жесточе.

Улица кончилась, и они оказались на площади перед дворцом. На этот раз они подошли к нему со стороны главного входа.

Дворец оказался большим зданием из полированного мрамора с зелеными нефритовыми колоннами. Колонны были украшены пышными капителями, которые представляли собой пауков, плетущих паутину. В стеклянные глаза пауков были замурованы зеленые светлячки, они бились внутри, старались вылететь наружу, и от этого казалось, что пауки вертят глазами. На отполированных стенах дворца были выложены алмазами слова:

«ТРУД — ПОРЯДОК — СПРАВЕДЛИВОСТЬ — ЭТО И ЕСТЬ СЧАСТЬЕ»

Площадь перед дворцом была заполнена жителями подземного города. Свободное пространство перед широкими ступенями, ведущими к дворцу, было оцеплено рядами лемунов-охранников с электропалками на изготовку. За их спинами покорной молчаливой толпой стояли обыкновенные лемуры. Канцеляристы держали в лапках заветные коробочки с камешками и палочками. Другие лемуры также прижимали к груди инструменты своего труда: один лопату, второй лом, третий метлу, четвертый грабли, пятый весы. Гномы толпились в первом ряду, а неандертальцы стояли закованные в цепи — видно, их здесь боялись.

Два тролля вытащили из дверей дворца трон, что стоял раньше в зале. И замерли по сторонам его, глядя перед собой зверским взглядом. Вслед за троном из тех же дверей вышли знатные лица государства. По крайней мере так решила Алиса, глядя, как важно они выступают и как толкаются, чтобы занять место поближе к трону.

Там были лемуры, но не простые лемуры, а толстые, лоснящиеся, там была старая троллиха в шапке из лемурьих шкур, там были две амебы. Алиса не знала, как их еще назвать — белые студенистые туши, с черненькими глазками по сторонам узкого рта, там был горбатый карлик на костылях из самородного золота и ящерица, которая шагала на задних лапах, упираясь хвостом в пол. Там были две огромные белые летучие мыши, которые семенили, сложив крылья, как плащи, а за ними вышло привидение — ходячий голубой скелет со светящимися зубами. И все эти знатные лица королевства были так густо увешаны драгоценностями, браслетами, ожерельями, диадемами, кольцами, серьгами, что живого места не оставалось. Толпа на площади подалась назад, зашелестел испуганный шепот.

Четырехглазый, увидев этих чудовищ, подумал вслух:

— За верность этих ублюдков мне приходится дорого платить.

— А вы не платите, — сказал Пашка.

— Пускай радуются, — сказал Четырехглазый. — Если кто из них начинает заноситься, я обвиняю его в измене, отдаю на растерзание подземному дракону, а богатства возвращаю в казну. Так что считайте — все ценности у них на временном хранении.

И Четырехглазый засмеялся. Смех его глухо долетал сквозь сетку.

— Эй, стоять! — приказал он гномам в колесах. Повозка замерла. Четырехглазый ступил на площадь, все склонились в поклонах.

— Пашка! — ахнула Алиса. — Это не он!

— Да, — сказал Пашка не менее удивленно. — Я был убежден, что Четырехглазый и есть Гарольд Иванович. Все сходилось. Но этот...

— Он по крайней мере на голову выше Гарольда Ивановича!

— Значит, зря мы его подозревали.

Глава 10. Суд и приговор

Странной походкой, будто у него ноги не гнулись, Четырехглазый поднялся по ступенькам. Обернулся, глядя на толпу, но сетки, скрывавшей лицо, не откинул.

Он уселся на трон, поднял руку.

Троль с трубой вышел вперед и прогудел в трубу.

Второй троль встал рядом.

— Начинаем показательный суд! Никто не уйдет от справедливой руки закона. Ура!

— Урра! — завопили значительные лица.

— Ура, — потянули отдельные голоса в толпе.

— Не слышу радости! — рассердился троль.

— Урра! — уже громче крикнула толпа.

— Преступники, подойдите сюда! — приказал Четырехглазый.

В пещере была такая удивительная акустика, что каждое его слово доносилось до последнего человека в толпе.

— Пошли, что ли? — спросил Пашка. Он храбрился, но на самом деле ему было страшно. Алисе тоже. Этот сумасшедший диктатор может действительно казнить их. А желающих исполнить его приказание здесь больше чем достаточно!

— Преступление их ужасно! — сказал Четырехглазый.

— Смерть! — закричали значительные лица. Ящерица попыталась укусить Пашку, летучие мыши расправили крылья и принялись хлопать ими, тролли скалились...

— Есть мнение — смерть, — сказал Четырехглазый. — Есть другие мнения?

— Нет! — закричали приближенные. Толпа молчала.

— Есть другое мнение, — сказал Пашка. — Во-первых, я не знаю, в чем нас обвиняют.

— Позор! — закричали значительные лица. — Он издевается над нашим судом! Он ставит под сомнение слова повелителя.

— А вы скажите, скажите! — не сдавался Пашка.

— А почему бы и не сказать? — перекрыл общий шум голос Четырехглазого. — Я скажу. У нас все открыто, демократично. Вы прибыли сюда без приглашения, по сговору с нашими злейшими соседями, презренными неандертальцами, для того, чтобы свергнуть законную власть, вы вели агитацию против моей персоны, вы склонили к предательству ничтожных гномов, вы, наконец, намерены открыть тайну нашего великого государства чудовищам, что живут наверху. А как все знают, наверху нет разумных людей. Там нет порядка, нет счастья. Вы — лазутчики, которые хотят отнять у нас наши славные чертоги! Которые хотят съесть все наши продукты и отобрать драгоценности!

Какой шум подняли тут значительные лица, трудно вообразить! Больше всего испугала их опасность расстаться с драгоценностями. Троллям пришлось защищать пленников от их гнева.

Кое-как уgomонив приближенных, Четырехглазый произнес:

— Судить этих негодяев будет народ. Как у нас принято. Я не буду вмешиваться в голос народа. Вот ты!

Палец Четырехглазого уперся в лемура, который стоял в одном из первых рядов, прижимая к груди маленькую коробочку.

Его сразу же вытолкали из толпы, и, перепуганный, ничего не соображающий, он оказался на пустом пространстве.

На площади наступила гробовая тишина.

— Как зовут тебя, глас народа? — спросил Четырехглазый.

— Забыл, — прошептал лемур.

Значительные лица покатались от хохота. Одна из летучих мышей даже взмыла над площадью, но Четырехглазый погрозил ей пальцем, и мышь ринулась обратно так быстро, что сшибла с ног троллиху, что, конечно, только прибавило веселья.

— Замечательно, — сказал Четырехглазый. — Ты существо без имени, и имя тебе народ. Требуешь ли ты от имени народа, чтобы мы казнили этих мерзавцев?

Лемур стоял неподвижно, лишь рот его открывался и закрывался, а хоботок вздрагивал.

— Молчание — знак согласия, — произнес Четырехглазый. — Итак, народ потребовал смерти пришельцев, и мы, конечно же, подчиняемся столь недвусмысленно высказанному требованию. Теперь скажи нам, представитель народа, отдадим ли мы их дракону или кинем в пропасть, чтобы они умерли от голода?

Лемур выпучил от ужаса глаза и пошатывался, как ванька-встанька.

— Правильно, — сказал Четырехглазый. — Кинем. Пускай помучаются перед смертью. Но крови не прольем, не такие мы жестокие, как некоторые распускают о нас слухи. Решено. Единогласно. Кто не согласен, поднимите руки и пеняйте на себя!

И вдруг раздался громкий звон.

Все неандертальцы подняли свои волосатые могучие руки.

— Что? — Четырехглазый подпрыгнул на троне и застучал в бешенстве ногами о пол...

Нет, поняла Алиса, не ногами! Он стучал деревянными ходулями! Она хотела сказать об этом Пашке, но тот сделал быстрый шаг вперед, остановился на верхней ступеньке и закричал:

— Жители подземелья! Честные гномы и неандертальцы! Угнетенные лемуры и другие тролли! Объединяйтесь! Да здравствует революция! Долой диктатуру Четырехглазого! Час освобождения близок!

Значительные особы сначала опешили от такой наглости. Четырехглазый все еще в гневе стучал деревяшками по полу, а в ответ на Пашкин призыв из толпы донесся тонкий, но отчетливый голосок гнома:

— Да здравствует свобода!

— Найти! — кричал Четырехглазый. — Уничтожить!

Началась суматоха. Лемуры кинулись в толпу, разыскивая гнома, другие избивали беспомощных неандертальцев.

— А вас... вас, мерзавцы... — Четырехглазый не находил слов от возмущения. Он поднялся на ходулях, потеряв равновесие, уцепился за шапку троллихи, шапка слетела, обнажив лысую бугристую голову.

И вдруг Четырехглазый громко ахнул и замер.

Голова его медленно поворачивалась, растопыренные пальцы трепетали. Алиса проследила за движением его головы и увидела, что над площадью медленно порхает какое-то насекомое, похожее на ночную моль, только больше размером и совсем прозрачное.

Как во сне, повелитель подземного царства медленно двинулся к моли.

Догадавшись, что привлекло внимание диктатора, значительные лица кинулись вперед, стараясь поймать моль.

— Нет! — закричал Четырехглазый. — Не смейте! Вы повредите ей крылья! Ее нет в моей коллекции! Сачок! Срочно сачок!

Но сачка ни у кого не было.

Все замерли, глядя на моль, которая как ни в чем не бывало порхала над толпой. Четырехглазый прыгнул за ней, упал, но куда проворнее оказался Пашка. Во вратарском прыжке он кинулся за молью, та не успела увернуться и попала в ладони Пашки.

Лежа, Четырехглазый кричал:

— Осторожнее! Не помни крылья! Убью!

— Убью! — кричали значительные лица.

Пашка осторожно держал моль в ладонях.

Троль достал из-за пояса коробочку и молча подставил Пашке.

Пашка положил туда моль, троль закрыл коробочку и передал ее диктатору, который одернул свою мантию, чтобы не были видны ходули, и с трудом поднялся. Он приоткрыл коробочку, заглянул в щелку и сообщил:

— Этот вид науке неизвестен!

— Это он! — прошептала Алиса. — Он ходулями меня одурачил.

Пашка кивнул.

— Спасибо тебе, пришелец, — искренне сказал Гарольд Иванович. — Спасибо, Паша. Наука тебя не забудет. За такую заслугу я позволю тебе высказать любое желание. И я его исполню.

По площади прокатился вздох облегчения. Алиса поняла, что никто из подземных жителей не хочет их смерти. Но в толпе придворных послышались недовольные голоса.

— Молчать! — рассердился Гарольд Иванович. — Здесь я приказываю. Павел Гераскин, тебе предоставляется слово.

— У меня есть желание, — сказал Пашка, — чтобы вы отпустили нас с Алисой домой, а также отпустили всех неандертальцев, выпустили из колес несчастных лемуру и гномов и вообще вернулись к своему брату. Хватит вам здесь прохлаждаться.

— Много, ох как много желаний у тебя, Паша, — сказал укоризненно Гарольд Иванович. — Но, к сожалению, это все не желания, а требования. А требований я не допущу.

— Разве это не желание — остаться живым?

— Нет, это ультиматум. И если ты не хочешь остаться без желания, то спеши, проси. Ведь все равно я тебя казню. Потому что интересы государства выше личных. Тебя не я приговорил, тебя народ приговорил. А против народа я не пойду. Говори желание, которое лично я могу выполнить.

— Хорошо, — сказал Пашка. — Есть у меня желание.

Стало очень тихо. Только ящерица постукивала от нетерпения хвостом.

— С детства я интересовался собиранием насекомых, — сказал Пашка. — Не было у меня большей радости, чем накалывать на булавки бабочек и жучков. Все в классе завидовали моей коллекции. Алиса может подтвердить.

Алиса смотрела на Пашку во все глаза. Никогда в жизни он не собирал бабочек и жучков.

— Я хочу перед смертью, — продолжал Пашка, — увидеть великую и знаменитую коллекцию подземных насекомых, собранную великим ученым Гарольдом Ивановичем. Если я увижу ее, то могу умереть спокойно.

Над площадью шелестели удивленные голоса. Никто ничего не понимал.

— Ты не лжешь, мой мальчик? — спросил Четырехглазый.

— Я никогда не лгу! — торжественно соврал Пашка.

— Ну что ж, я знаю одного энтомолога по имени Гарольд Иванович. Он живет в задних помещениях моего дворца и никогда не выходит к людям. Я попрошу этого скромного человека показать тебе коллекцию. Но как только согласишься, сразу на казнь — договорились?

— Разумеется, после такой коллекции и умереть не жалко, — сказал Пашка со слезой в голосе.

Алиса не понимала, что задумал ее друг, но не стала мешать ему. Она надеялась на Пашкину находчивость.

— Идите в тронный зал, — приказал Четырехглазый. — Вас проводит мой верный тролль. А вы, все остальные, расходитесь, срочно расходитесь по своим рабочим местам. И ввиду того, что все прогуляли целый час, проторчав на этой площади и ничего не делая, вы все оштрафованы на дневной паек, а сон сегодня будет укорочен на час. Ура?

— Ура! — крикнул кто-то из придворных.

— А что касается вас, мои дорогие помощники, — сказал диктатор, обернувшись к значительным лицам, — то после казни прошу всех на скромный ужин.

Больше Алиса ничего не слышала. Тролль втолкнул их с Пашкой в тронный зал, молча показал на дверь за тронном и остался стоять возле нее. Видно, никто не имел права входить во внутреннюю квартирку кабинетного ученого Гарольда Ивановича.

Они поднялись по знакомой лесенке.

— Ты что задумал? — спросила Алиса.

— Ничего! — ответил Пашка, показав себе на ухо — могут подслушать.

Он первым подошел к двери в квартиру Гарольда Ивановича и нажал на кнопку звонка.

— Он еще не успел, — сказала Алиса.

И в самом деле, им пришлось подождать минуты три, прежде чем изнутри послышались шаркающие шаги и голос ученого произнес:

— Кто там?

— К вам гости! — бодро сказал Пашка. — Ваши старые друзья, нас прислал Четырехглазый.

— Кто-кто? — Гарольд Иванович приоткрыл дверь на цепочку.

— Здешний повелитель.

— Здесь есть повелитель? Никогда не слышал, — сказал ученый. — Ах, это вы, Пашенька и Алисочка? Как я вам рад! Заходите, заходите.

Ученый откинул цепочку и впустил гостей.

Черная шляпа висела на вешалке в прихожей. Но сам диктатор успел снять ходули и был уже в домашнем халате и шлепанцах.

— Заходите, — сказал он ласково. — Что же вас снова привело ко мне?

— Страстное желание посмотреть на вашу коллекцию, — сказал Пашка. — Прежде чем нас казнят, я должен насладиться ею.

— Казнят? Вас? Детей? Какое варварство! Вы, наверное, злостные преступники?

— Честно говоря, нет! — прошептал Пашка. — Но этот мерзавец Четырехглазый думает иначе. И знаете почему?

— Почему же?

— Он нас страшно боится.

— Вас? Детей?

— Он боится, что мы вернемся обратно и расскажем о тех безобразиях, которые здесь

творяются.

— Безобразия? — Ученый был очень расстроен. — Не может быть! Я, правда, не встречался со здешним повелителем, но по отзывам он — милейший человек и жертвует всем, чтобы научить местных дикарей жить по справедливости, соблюдать порядок и плановую систему. Он считает, что мир должен быть организован строго и четко, как коллекция насекомых.

— Нет! — поддержал хитрость Гарольда Ивановича Пашка. — Когда встретитесь с этим негодяем, то поймете, насколько вы не правы. Это мучитель и садист. Он уверен, что люди должны жить, как бабочки на булавках.

— Не будем отвлекаться. Какую часть коллекции вы хотели бы посмотреть?

— Все части, — сказал Пашка.

— Ну что ж, начнем.

Следующие полчаса показались Алисе самыми скучными в жизни. Гарольд Иванович доставал один за другим планшеты с наколотыми на них насекомыми и подробно рассказывал о них Пашке, а Пашка не спеша задавал вопросы. И если посмотреть на них со стороны, то подумаешь, что перед тобой старый ученый и его верный увлеченный ученик.

— Вот и все, — сказал наконец Гарольд Иванович. — Вы ознакомились с моей скромной коллекцией. Если не считать той коробочки, которую мне принесли сегодня.

Он показал на коробочку с молью, пойманной Пашкой.

— Ею я займусь сегодня вечером, когда с вами будет покончено. Довольны ли вы, Павел Гераскин?

— Мне жалко, что моя мечта стать собирателем насекомых не сбудется.

— Если бы это зависело от меня, — сказал Гарольд Иванович, — ты был бы моим любимым учеником. Но народ... народ требует.

— Чего требует народ?

— Ты же мне сам сказал, что народ тебя приговорил?

— Ничего я не говорил. Народ ждет не дождется, когда вас убьют.

— Ах, не говори страшных вещей, у меня слабые нервы! Как можно меня убить, когда меня все так любят?

— Как жаль, — сказал Пашка, оглядываясь, — что вы не показали мне всю коллекцию. Не думал, что вы будете обманывать меня по мелочам.

— Я? Показал не всю коллекцию?

— А где сколопендра Гарольди? Почему вы ее скрываете?

— Но она же существует в единственном экземпляре!

— В той маленькой комнате? — Пашка показал на дверцу за письменным столом. — В стеклянной банке?

— А ты откуда знаешь?

— Я догадался, — сказал Пашка. — Я только кажусь рассеянным и невнимательным. А на самом деле я все запоминаю и умею делать выводы!

— Впрочем, — Гарольд Иванович поправил очки, — я и сам собирался тебе ее показать. А почему бы и нет? Ты же никому о ней не расскажешь!

Гарольд Иванович открыл дверцу. За ней обнаружилась маленькая комната, и сквозь дверной проем Алисе была видна узкая кровать и шкафчик. Из шкафчика Гарольд Иванович извлек небольшую хрустальную баночку. В ней сидело прозрачное, удивительно гадкого вида членистоногое.

— Вот она! — сказал Гарольд Иванович, показываясь на пороге. — Сколопендра Гарольди! Мое сокровище.

Пашка подошел поближе.

— Руками не хватать! — испугался диктатор.

— Я только посмотрю! — произнес дрожащим голосом Пашка. — Посмотрю и умру!

Гарольд Иванович нехотя приблизил банку к лицу Пашки.

Алиса уже все поняла и напряглась для прыжка.

Пашка резко толкнул Гарольда, выхватил банку и кинулся к выходу.

— Ааа! — закричал Гарольд, метнулся к письменному столу, выхватил электрическую палку и бросился за Пашкой. Он забыл про Алису.

Когда Гарольд пробежал мимо нее, Алиса совершила отчаянный прыжок, сбила с ног Гарольда Ивановича, выхватила палку и кинулась вслед за Пашкой. Гарольд Иванович никогда не занимался физкультурой, и потому, когда он с проклятиями поднялся на ноги, Алиса уже была у входа в тронный зал.

Она успела вовремя. Троль готов был схватить Пашку.

Алиса подняла электрическую палку и воткнула ее в мохнатый бок чудовища. Запахло паленой шерстью, троль закутился на месте от боли.

Еще через секунду Пашка и Алиса выбежали на площадь.

А там за эти минуты многое изменилось.

Толпа лемуров поредела — видно, многие поспешили на рабочие места, но вместо них на площади появились неандертальцы — сотни разъяренных, страшных охотников. Размахивая копьями, они наступали на лемуров и троллей. Их товарищи крутили в воздухе цепями, сбивая с ног охранников. Могучий троль, утыканный стрелами, как дикобраз, вертелся от боли и ревел, знатные лица метались вокруг трона. Но и неандертальцам приходилось несладко — многие из них уже упали, пораженные электрическими палками.

И в этот момент Пашка вскочил на трон и оттуда закричал:

— Стойте! Все стойте!

Его голос перекрыл шум боя.

Пашка поднял руку с зажатой в ней стеклянной банкой.

— Здесь у меня, — кричал он, — стеклянная банка, в которой смерть Четырехглазого!

— Ууууу! — прокатилось по площади. Одни кричали от ужаса, другие от радости. Все замерли.

И тут из дверей тронного зала выскочил Гарольд Иванович.

— Стойте! — кричал он. — Остановите его! Убейте!

Но никто не двинулся с места. Гарольда Ивановича погубило то, что он всегда появлялся перед своими подданными на ходулях и в черной шляпе с вуалью. А в маленьком лысом энтомологе трудно было угадать великого повелителя подземелий.

Визжа от страха и злобы, Гарольд Иванович старался влезть на трон, чтобы отнять у Пашки склянку со сколопендрой.

И в тот момент, когда его руки дотянулись до Пашки, Пашка размахнулся и со всего маху грохнул склянку о каменный пол. Склянка разлетелась вдребезги.

Знатные лица побежали во все стороны, лемуры-охранники кидали палки и падали на колени перед неандертальцами, умоляя о пощаде. Тролли, сшибая все на своем пути, умчались прочь.

Гарольд Иванович охнул тонким голосом и упал на спину.

И тогда наступила тишина.

И в этой тишине Пашка сказал:

— Все! Кончился ваш Четырехглазый. Это говорю вам я, Павел Гераскин! Можете жить спокойно.

Глава последняя. Возвращение блудного брата

К подземной лодке Алису и Пашку пришли провожать гномы и неандертальцы. Лемуру там не было — лемуры побежали толпой грабить продовольственные склады, чтобы впервые за десять лет наесться до отвала.

Неандертальцы втиснули в люк завернутое в одеяло бесчувственное тело Гарольда Ивановича, который все еще был в глубоком обмороке. Алиса с трудом уговорила диких охотников это сделать. Она сказала им, что Гарольд Иванович не имеет никакого отношения к злобному диктатору, который исчез без следа после того, как его взяла смерть.

Она присела на корточки перед гномом Фурраком, который был страшно горд тем, что смог пробраться тайными ходами к неандертальцам и поднять их на помощь Алисе и Пашке.

На прощание он подарил Алисе свой фонарик с зелеными светлячками, а Алиса оставила подземным жителям все припасы, которыми их снабдил на дорогу добрый Семен Иванович. Вместо припасов положили Гарольда Ивановича.

— До скорой встречи! — сказал Пашка новым друзьям. — Живите спокойно.

Закрылся люк.

— Постараемся выжать из этой машины все, на что она способна, — сказала Алиса.

— Я тебя сменю, когда устанешь, — сказал Пашка. — Надо за ним присматривать. Как бы чего не натворил.

Поднимались они медленно. Пришлось огибать обширные подземные пещеры. Только через два часа они оказались выше подземелий, и лодка уверенно поползла наверх.

Пашка отыскал забытый кусок сыра, и они с Алисой разделили его.

И тут они услышали сзади стон.

Очнулся Гарольд Иванович.

— Где я? — спросил он слабым голосом. — Я умер?

— Нет, вы живы, — ответил Пашка. — Хотя думаю, что вы заслуживаете смерти.

— Ах! — завопил Гарольд Иванович. — Выпустите меня немедленно! Моя коллекция! Они же ее разорят!

— Когда туда отправится экспедиция, — сказала Алиса, — мы попросим их забрать и вашу коллекцию.

— Нет, я не переживу! — рыдал Гарольд Иванович. — Двадцать лет я посвятил собиранию этих насекомых. Это смысл моей жизни! Я не занимался ничем другим!

— Так уж и не занимались, — сказал Пашка. — А кто был Четырехглазым диктатором?

— А кто? — спросил Гарольд Иванович.

Алиса обернулась. Ей показалось, что за очками глазки Гарольда Ивановича лукаво поблескивают.

— Он забыл! — возмутился Пашка. — Двадцать лет он всех мучил, а теперь забыл.

— А это был не я, — ответил Гарольд Иванович. — Честное слово, не я. Я даже из своей скромной квартирки выходил только в походы за насекомыми. Я ничего не знаю. Клянусь памятью моего дедушки, я ничего не знал!

— Оставь его, Пашка, — сказала Алиса. — Он ни в чем не сознается.

Гарольд Иванович горько рыдал. Он перечислял неизвестные науке виды открытых им насекомых. Он вспоминал паука Гарольди, и сколопендру Гарольди, и мокрицу Гарольди...

И так он стонал, пока Пашка не сказал:

— Хорошо, мы возвращаемся назад. Но учтите, что там вас ждут неандертальцы и ненавидящие вас гномы, я уже не говорю о лемурах... Возвратимся. Вас встретят с распростертыми объятиями.

Гарольд Иванович сглотнул слюну и замолчал.

Он молчал и тяжело вздыхал полтора часа подряд.

Потом вдруг произнес:

— Я все равно уйду под землю. Есть еще много других подземелий, где обо мне ничего не знают...

Алисе вдруг стало его жалко. И она чуть было не достала коробочку с молью, что успела схватить со стола диктатора. Она отдаст эту моль в музей, и пускай ее называют молью Гераскина, потому что поймал ее Пашка.

Через пять часов подземная лодка выбралась на поверхность земли неподалеку от мельничной запруды. Гарольд Иванович то стонал, то засыпал и бредил во сне, грозил кому-то, распределяя какие-то должности и пайки. Потом просыпался и спрашивал:

— Я ничего лишнего не сказал? Мне приснился страшный кошмар.

Но ни Алисе, ни Пашке разговаривать с ним не хотелось.

Когда «Терранавт» замер на поверхности земли, Пашка открыл люк и сказал:

— Вылезайте!

Гарольд Иванович принялся умолять его:

— Пашенька, милый, любименький, только не говори ничего моему брату. Он простой и недалекий человек, он может тебя неправильно понять.

— Нет, — сказал Пашка, спрыгивая на траву, — как приговоренный к смерти, я не имею права молчать.

— Паша! — умолял Гарольд Иванович. — Это была шутка!

— Не надо, не унижайтесь, — сказала Алиса, помогая Гарольду Ивановичу выбраться из подземной лодки. — Есть некоторые поступки, которые нельзя держать в тайне. Иначе их повторяют.

Она вышла из лодки последней.

Посреди лужайки стоял громадный добрый Семен Иванович. Он держал на руках полотенце, на котором лежал пышный каравай хлеба.

— Добро пожаловать, мои дорогие! — сказал он.

Гарольд Иванович оглянулся на Алису, потоптался на месте, а потом с криком:

— Братец, младшенький мой, я так скучал, так тосковал по тебе! — побежал к Семену Ивановичу и старался обнять и его, и каравай, что было совершенно невозможно.

— Какое счастье! — повторял сквозь слезы Семен Иванович. — Какое счастье!

Пашка посмотрел на Алису и пошел к флаеру, что стоял у мельницы.

— Вы куда? — удивился Семен Иванович. — Обед на столе!

Алиса, которая пошла следом за Пашкой, обернулась и сказала:

— Мы потом прилетим. Завтра. А сегодня мы очень устали.

Гарольд прижался щекой к локтю младшего брата и махал им вслед ручкой. Он быстро осмелел.

— И не надейтесь! — крикнул Пашка. — Мы обязательно завтра прилетим.

Он задвинул дверцу флаера и поднял машину в воздух.

Клад Наполеона

Алиса открыла дневник и записала:

«8 октября. Суббота. Сегодня ночью я стала кладоискательницей. Я разбирала бабушкин книжный шкаф и нашла там старинную книгу о Наполеоне. Я так зачиталась, что чуть не забыла лечь спать. Из этой книги я узнала, что, когда Наполеон отступал от Москвы в 1812 году и его догнала зима, он решил отделаться от сокровищ, которые вез из Кремля. Обоз с драгоценностями мешал его войску быстро бежать.

Французы нашли в лесу глубокое Сумлевское озеро и сбросили в него все ящики. Они надеялись, что следующим летом вернутся и завоюют Россию, но, конечно, не вернулись.

С тех пор в озере много раз искали этот клад, но не нашли. Даже неизвестно точно, в том ли озере надо искать. Да и само Сумлевское озеро глубокое, может, драгоценности погрузились в ил.

Я бы не стала кладоискателем, если бы не вспомнила, что в прошлом году была на Сумлевском озере. Мы туда летали с отцом за грибами. Я помню, как сидела на берегу этого озера и представляла, каким оно было в сказочные времена. В нем могла жить русалка, а на берегу сидел старый леший и любовался, глядя, как она плавает.

Я так точно представила себе это озеро, что совсем не удивилась тому, что в нем может таиться клад. И мне захотелось его найти.

И тогда я подумала — ведь клад не нашли раньше, потому что у старых кладоискателей не было космического скафандра. А у меня он есть. Настоящий скафандр с прожектором, лазерным резаком, в котором не только в лесное озеро можно спуститься, но даже в жерло вулкана.

Поэтому для меня найти клад совсем несложно.

Так что завтра с утра я лечу за кладом Наполеона».

Кончив писать, Алиса спрятала дневник в секретный ящик стола, потому что дневник был ее самой секретной вещью. В нем она писала только правду, и о себе и о других. А людям, даже самым умным, не всегда приятно узнать о себе всю правду.

На рассвете Алиса вышла на кухню, прошептала домроботнику, что скоро вернется, сделала себе два бутерброда, налила в термос горячего чая. Потом велела домроботнику отнести термос и бутерброды, а также большой пластиковый мешок для сокровищ к флаеру. А сама сняла в шкафу космический скафандр, проверила лазер и прожектор и поспешила на улицу.

Шел мелкий дождик, в лужах плавали желтые листья. Домроботник укладывал в открытую дверь флаера термос и пакет с бутербродами. Он ничего не понял и спросил:

— На какую планету собралась?

— За грибами, — ответила Алиса.

Домроботник был сплетником и путаником. Если сказать ему о кладе, через час Алису начнут искать в Париже или на острове Святой Елены, где Наполеон, как известно, умер.

— Не срывай мухоморов, — сказал домроботник на прощание. — Они ядовитые.

Алиса поблагодарила его и подняла флаер в воздух.

В городе ранним субботним утром движение в воздухе небольшое, а за Москвой встречаются только грузовые флаеры да яркие пузыри грибников, которые далеко от города не отлетают.

Добралась Алиса до лесного озера часа через два, из-за того, что пришлось покружить над лесами, прежде чем она отыскала то озеро, что ей требовалось.

Под мелким серым дождем озеро казалось совсем не таинственным, и трудно было поверить, что там, в глубине, могут таиться сокровища.

Алиса опустила у самой воды, позавтракала, не вылезая под дождь, потом не спеша облачилась в скафандр. С каждой минутой ей все меньше верилось, что из ее затеи что-нибудь выйдет.

Хлюпая тяжелыми башмаками по грязи и раздвигая тростник, Алиса вошла в серую воду. Испуганная лягушка отпрыгнула в сторону. Ноги увязали, и каждый шаг давался с трудом. Вода поднялась до колен, потом до пояса, двигаться стало еще труднее. Когда вода дошла до горла, Алиса оглянулась. Флаер ярким пятном стоял на фоне почти голых деревьев. Было пустынно и скучно.

«И что я сюда полезла? — подумала Алиса. — Мало мне было приключений на далеких планетах? Вот завязну в этом глухом озере, и никто меня не найдет. Найдут, — успокоила она себя, — по флаеру найдут». И с этой мыслью она шагнула вперед, дно круто пошло вниз, Алиса потеряла равновесие и села на дно, сразу глубоко уйдя в тину. Ил поднялся тучей, стало совсем темно, и Алиса включила прожектор. Этот прожектор, хоть и маленький, линза как человеческий глаз, выручал Алису на самых диких планетах, посылая свой тонкий луч на десять километров вверх. Но тут он был почти бессилён. Так что передвигаться приходилось ощупью. Неудивительно, что никто не смог в этой каше отыскать клад.

Дно было неровным, начали встречаться большие камни. И каждый раз Алиса надеялась, что это не камень, а ящик. Один из камней она даже разрешила лазерным лучом, вода засветилась голубым, страшноватым светом, и камень развалился, медленно, нехотя... Обе его половинки сразу скрылись в тине. Конечно, подумала Алиса, здесь нужен очень могучий насос, чтобы очистить озеро от тины.

Можно было бы вылезать, но Алиса из чистого упрямства продолжала пробираться по дну. Она уже забралась глубоко.

И вдруг впереди Алиса увидела зеленоватое светящееся пятно.

Она замерла. Что это могло быть?

Пятно, увеличиваясь, медленно двигалось навстречу.

Алиса включила внешний микрофон. Она, разумеется, не испугалась, потому что русалкам в этой грязи не выжить. Вернее всего, кто-то пролетел над озером, увидел на берегу пустой флаер, забеспокоился и отправился искать утопленника.

А может, это другой кладоискатель?

«Алиса, — услышала она. Голос прозвучал близко. Как будто кто-то подошел к самому уху. — Это ты?»

«Так и есть, — догадалась Алиса. — Глупый домработник поднял панику, и ее ищут».

— Кто здесь? — спросила Алиса.

И тут она увидела — кто.

Навстречу ей легко, как по воздуху, двигалась другая девочка, в короткой белой тунике, окруженная зеленоватым сиянием. Она была без скафандра, лицо ее было веселым и очень

знакомым.

— Ты кто? Русалка? — спросила Алиса.

— Я пришла. Ты меня пригласила, и я пришла. Я давно хотела с тобой увидеться. Мне о тебе столько рассказывали!

Алиса поняла, что другая девочка окружена силовым полем и потому ей вода не страшна. «Может, инопланетянка? Но откуда она меня знает?»

Словно угадав ее мысли, девочка сказала:

— Я не инопланетянка, хотя живу на Альдебаране. В наше время это не важно. Сегодня я на Земле, завтра я на Марсе, послезавтра я уже на Сириусе.

— Но я тебя не знаю. Откуда ты знаешь меня?

— Потому что я твоя прапраправнучка. И меня тоже зовут Алиса. В твою честь.

Девочка подошла, вернее подплыла совсем близко. Она не касалась ногами дна.

— Но почему ты тут? — Алиса все еще не понимала, что случилось, да и трудно ей было поверить, что ее прапраправнучка встретила именно на дне Сумлевского озера.

— Я читала твой дневник, — сказала девочка. — Раньше мне его не давали, пока я не подросла, а теперь дали. И я в нем прочитала, что ты сегодня будешь на дне этого озера и приглашаешь меня на свидание. Мне стало так интересно увидеться с тобой, что я тут же собралась и прилетела. Это ведь не очень просто — между нами сотни лет. Но я все о тебе знаю и очень стараюсь тебе подражать.

— Но я ничего не знаю о тебе. Как я могла тебя пригласить сюда?

— Разве это так важно? — спросила вторая девочка. — Может, мы поговорим?

— Тогда давай вылезем из озера, — сказала Алиса. — Тут очень неудобно.

— К сожалению, я не могу этого сделать, — сказала прапраправнучка. — Мне категорически запрещено появляться в прошлом. Поэтому я могу видеться с тобой только здесь, на дне озера.

— Надо же придумать такое неудобное место, — сказала Алиса. — Но все равно мне очень приятно с тобой познакомиться. Знаешь, я раньше вела дневник от случая к случаю и по целому месяцу в него не заглядывала. А теперь, пожалуй, буду писать почаще.

— Конечно, будешь, — согласилась девочка. — Потому что у нас дома лежит пять томов твоих дневников. Это удивительное чтение. Ты жила в странное и даже первобытное время, когда людям, чтобы пролететь Галактику, надо было потратить несколько месяцев, когда еще были болезни, встречались космические пираты — ах, какое это было романтическое время!

— Вот чепуха! — рассмеялась Алиса. — Я всегда думала, что наше время слишком обыкновенное. Самый конец двадцать первого века! То ли дело сто лет назад, когда люди еще только выходили в космос и собирались лететь к Марсу. Тогда людей подстерегали опасности и трудности. Моей бабушке, которая была маленькой в 1990 году, требовался целый час, чтобы долететь до Ленинграда. А мой прадедушка поднялся на Эверест, и о нем писали в газетах. Вот тогда жили настоящие герои!

— Все на свете относительно, — сказала девочка. — У нас, в двадцать четвертом веке, скажу тебе, жить просто неинтересно. Мы даже в школу не ходим.

— А как же?

— Уже сейчас я знаю столько, сколько ты будешь знать, когда кончишь школу. Я могу в мгновение ока перелететь на любую планету. Сейчас мы осваиваем другую галактику. Так в моей жизни нет никакой романтики.

— Другая галактика! — воскликнула Алиса. — Хотела бы я там побывать.

— А я хотела бы остаться в твоём романтическом, трудном и опасном двадцать первом веке. Слушай, давай поменяемся. Ты полетишь ко мне, а я побуду здесь.

— Ну что ж, — ответила Алиса. — Я не против.

— Нет, — вздохнула девочка из двадцать четвертого века. — Это невозможно: мы не совершаем таких легкомысленных поступков. Это несолидно. Я читаю твои дневники как приключенческий роман. Но знаю, что для меня это только роман. Слушай, у тебя нет ничего поесть? А то я так спешила к тебе, что забыла позавтракать.

— У меня остался бутерброд и чай в термосе. Но это в моем флаере, который стоит на берегу. Хочешь, я поднимусь туда, а ты подождешь?

— Зачем? Если можно взять, то я возьму.

— А как же... — но Алиса не успела договорить, как в руках девочки оказался ее термос и бутерброд. Причем Алиса могла поклясться, что ее прапраправнучка не двинулась с места.

— Мы так много можем, — сказала девочка печально, — что даже неинтересно.

Она отпила из термоса и начала жевать бутерброд.

— Хорошо еще, — посочувствовала ей Алиса, — что тебе надо есть. А то было бы совсем скучно.

— Честно говоря, — ответила девочка, — если нужно, я могу прожить месяц без еды.

Девочка доела бутерброд, и за эту минуту Алиса успела придумать тысячу вопросов, которые надо было задать прапраправнучке. Но та, отправив пустой термос обратно во флаер, сказала:

— Прости, прапрапрабабушка, но я читаю мысли и потому заранее могу тебе сказать, что на некоторые твои вопросы я ответить не могу, а на некоторые могла бы, но ты ничего не поймешь. Не сердись. К тому же мне пора. Через шесть минут и двадцать три секунды я вылетаю в Крабовидную туманность, а мне еще надо собраться и попрощаться с друзьями.

— Жалко, — сказала Алиса. — Но ничего не поделаешь. Беги, а то опоздаешь. Передавай привет Крабовидной туманности.

— Я рада, что встретила с тобой. Может, еще увидимся.

Девочка начала медленно растворяться.

— Стой! — крикнула Алиса. — Я забыла спросить: клад в этом озере есть?

— Клад не в этом озере... — голос девочки растворялся, исчезал, утихал. — Клад в...

Но где, Алиса так и не услышала.

Яркая вспышка света возникла на том месте, где только что была прапраправнучка. И только бурая вода колыхалась вокруг.

«Ну что ж, — подумала Алиса, — может, она и права. Человеку интересно забраться в озеро и искать в нем клад. А ей, прапраправнучке, достаточно взглянуть сверху и понять, что никакого клада и нет».

И, что самое удивительное, хоть Алиса теперь знала, что никакого клада в озере нет, она еще полчаса упрямо шла по дну, пока не перешла все озеро и не вылезла на том берегу. И, конечно, ничего не нашла.

Потом она обошла озеро вокруг, набрала много красивых желтых листьев, у трухлявого пня нашла семейку опят, а когда забралась во флаер и поднялась в небо, то еще несколько минут летела не домой, а рядом со стаей диких гусей, которые улетали к югу.

Дома она отдала грибы домработнику и поставила термос на место.

Все еще спали.

Алиса прошла к себе в комнату, открыла дневник и записала в нем:

«9 октября. Воскресенье. Сегодня я искала клад на дне Сумлевского озера. Клада я не нашла, но встретилась с одной очень интересной девочкой, которую тоже зовут Алиса. И если она когда-нибудь будет читать этот дневник, она догадается, кого я имею в виду. И мы с ней увидимся».

Война с лилипутами

Часть первая. Сражение в кустах

Глава 1. Судьба Христофора Колумба

Алисе было жалко Колумба.

Он с риском для жизни переплыл Атлантический океан, не испугался ни жары, ни бурь, ни плохого характера трусливых матросов. Он открыл Америку, хотя и думал, что это всего-навсего Индия. Он высаживался на неведомых островах, ступал тяжелой ногой на золотой песок под тень кокосовых пальм. Он набрал полные трюмы товаров. Он вернулся в Испанию.

Его встретили, поздравили и тут же обратились к своим обычным делам. Кто зарабатывал деньги, кто стремился к титулам, кто воровал, кто казнил, кто строчил доносы — у всех были свои дела, и никому не было дела до Христофора Колумба, который открыл Америку. Потом, через несколько лет, его вообще посадили в тюрьму по гадкому и лживому доносу — такие были времена и нравы.

Алиса представляла себе, как Колумб бродит по своему кабинету или по тюремной камере, смотрит в окно на прохожих и умоляет их: «Ну посмотрите на меня!» А никто на него не смотрит, никто не знает о его подвигах!

Представляя себе эту грустную картину, Алиса подошла к окну своей комнаты, посмотрела на прохожих и стала мысленно умолять их: «Ну кто-нибудь, пожалуйста, поглядите наверх! Здесь я, Алиса Селезнева! За последний год я опускалась на дно Тихого океана, открыла Атлантиду, спасла последних атлантов, побывала на планете Пять-четыре, стала принцессой, а недавно побывала в центре Земли, ни минуты у меня не было спокойной. Тысячи человек славят меня как самую отважную девочку во Вселенной, другие удивляются моим мужеству и талантам. Но дома, в Москве, никому и дела нет до моих подвигов. Все заняты своими хлопотами. И даже намерены посадить меня под домашний арест, как несчастного Колумба. Тут уж невольно задумаешься, а достойно ли человечество жить одновременно со мной?»

Стояла жара, воздух был неподвижен, и листья за окном вяло повисли, ожидая, когда же наступит вечер. До темноты оставалось недолго, но неизвестно, принесет ли она прохладу.

«Сейчас соберутся все взрослые, и начнется несправедливый и жестокий суд над отважной путешественницей».

Не успела Алиса так подумать, как в комнату вошел домашний робот Поля, который нянчил Алису еще во младенчестве.

Правая рука его покоилась на широкой черной перевязи. Вчера робот поскользнулся на банановой корке, которую сам при уборке забыл на полу, упал, ушиб руку и решил, что сломал ее. Он отказался вызывать ремонтников и занялся самолечением. Зрелище, конечно, комическое, но Поля так давно живет среди людей, что считает себя человеком.

— Алиса, — мрачно сказал Поля, — бабушка Лукреция спрашивает, какие котлеты готовить — рыбные или мясные.

— Все равно, — ответила Алиса.

— Так и доложим, — сказал Поля, которому бабушка не нравилась. Бабушка приехала из Симферополя погостить и сразу забрала дома всю власть. Она считала Полю обыкновенным домработником, чем глубоко его обижала.

Раздался звонок — вернулась с работы мама. Папа приехал следом.

Обычно они возвращались домой куда позже, но сегодня — Алиса об этом

догадывалась — предстоит суд над несчастным Христофором Колумбом, то есть над Алисой. Вот все и сбежались.

«Ну что ж, суд так суд, — подумала Алиса. — С королями адмиралы не спорят. Они ждут своего часа и тогда поднимаются на мостик, встают у штурвала и смело подставляют лицо бурям и штормам».

— Алиса, — сказала мама, заглядывая в комнату, — ты отдала шторы в химчистку?

Не дело для человека сдавать шторы в химчистку — этим занимается домашний робот. Но Алиса и тут не стала спорить. А ответила тихо:

— Извини, мама, я не успела. Но их уже сдал Поля.

Вошел папа и с деланой бодростью сообщил, что в зоопарке начали нестись выкумсы и крокумсы. Алиса и не подозревала, кто такие выкумсы и крокумсы. Она уже год как не была у отца в зоопарке.

Тут из кухни выскочила шустрая симферопольская бабушка Лукреция и сказала, что обед готов.

Все пошли обедать. Бабушка все время говорила, что котлеты не получились, пирог подгорел и вообще никуда не годится, а все остальные тут же начинали с бабушкой спорить, потому что бабушке хотелось, чтобы ее хвалили.

Алиса знала, что Поля готовит лучше, чем симферопольская бабушка, а может быть, она просто привыкла к тому, как готовит робот. Возможно, и родители так думали, но все повторяли:

— Что ты, бабушка! Мы никогда не пробовали такого вкусного пирога!

— Бабушка, у тебя самые вкусные в мире котлеты.

Поля слушал эти похвалы мрачно, отворачивался, страдал от ревности, но из комнаты не уходил. Он переводил взгляд с Алисы на маму, с мамы на папу — все надеялся, что кто-нибудь защитит его честь. Но никто не защитил.

Не надо думать, что симферопольская бабушка Лукреция была стареньким одуванчиком, эдакой божьей коровкой.

В доме Селезневых она появилась две недели назад. Вечером открылась дверь, и возникла пожилая женщина очень маленького роста, стройная и большеглазая. Бабушка впорхнула в квартиру и заставила папу, который не видел ее десять лет, признать в ней свою тетю Лукрецию. Потом вошла в гостиную, поставила посреди нее свой объемистый пухлый чемодан и сообщила, что приехала в Москву по делам, пробудет здесь две или три недели, пока Тиберия не восстановят в училище, что она не выносит гостиницы, а летать каждый день обратно в Симферополь, чтобы там ночевать, не желает. Так что она приняла решение пожить пока у Селезневых и хочет спросить их...

Тут голос бабушки стал строг: довольны ли Селезневые ее приездом, не стеснит ли она их своим присутствием?

Селезневые — папа, мама, Алиса и робот Поля — тут же заявили во всеулышание, что счастливы тем, что бабушка Лукреция избрала их дом своим временным пристанищем.

Бабушка оказалась деятельной и вездесущей. Раньше Алиса не задумывалась над этим словом, а может, и не знала его. А теперь поняла, что оно означает. Бабушка Лукреция умела одновременно существовать в самых различных местах. Если она была дома и готовила обед, к негодованию Поли, оставшегося без привычной работы, она могла в то же время по двум видеофонам отстаивать права своего Тиберия, которого выгнал злодей Пуччини-2.

Злодей Пуччини-2 работает директором Московского циркового училища. Некогда он со своим близнецом братом Пуччини-1 выступал с группой дрессированных носорогов. Носороги кувыркались, стояли на рогах и пели простые песни, сами себе отбивая такт на больших барабанах — тамтамах. Оставив арену, он занялся воспитанием будущих цирковых талантов, но проявил себя тираном и самодуром, потому что выгнал Тиберия.

Бабушка, без всякого сомнения, навела бы порядок в цирковом училище, но Пуччини-2 улетел инспектировать цирк на Паталипутре, а затем намеревался посетить тайный союз шпагоглотателей на Альдебаране. Обещал вернуться в среду, затем сообщил, что задержится до понедельника... И вот так — третью неделю!

Любая обыкновенная бабушка, прежде чем нападать на Пуччини-2, сначала бы провидеофонила ему из Симферополя, договорилась о встрече, а потом бы уж прилетала. Но бабушка Лукреция заявила, что Пуччини-2 можно взять только внезапным налетом. Вот она и сидела у Селезневых, ожидая возвращения директора, чтобы внезапно напасть на него и восстановить справедливость.

Вообще-то она была милой, доброй бабушкой и умела не только жарить котлеты, но и жонглировать семью горящими предметами, делать стойку на одной руке, показывать карточные фокусы и развязывать любые узлы. Этого у бабушки не отнимешь. Она намекала на то, что карточные фокусы для нее — не предел, но все в доме были заняты своими делами, все торопились и опаздывали, поэтому бабушка за две недели так и не смогла отловить слушателя или зрителя.

Алисе тоже было не до бабушкиных фокусов. Она ждала, что же придумает испанская правящая камарилья в лице ее родителей, для того чтобы оставить Колумба дома и забыть о его подвигах и открытиях.

Родительский заговор раскрылся за чаем.

— Алисочка, — сказал отец невинным голосом, — как ты смотришь на то, чтобы навестить в Каугури тетю Аустру?

— Спасибо, — сразу догадалась Алиса, — у меня так много дел на биостанции! Мне хотелось бы заняться селекцией вьющихся растений на Марсе.

— Ой! — сказала симферопольская бабушка. Она прониклась уважением к внучке, которая собирается заняться селекцией.

— Замечательно, — сказала мама. — У тети Аустры ты как раз и займешься селекцией. Тетя Аустра разводит артишоки. Это лучшие в Латвии артишоки, они получили медаль на выставке в Брюсселе. Неужели ты забыла об этом, Алисочка?

«Ну, мамочка, я тебе это предательство припомню», — мысленно ответила Алиса. Но заставила себя улыбнуться и сказать:

— Только не артишоки! У меня на них аллергия!

— Аллергия! — ахнула симферопольская бабушка. — Какой ужас!

— Где же ты ее подхватила? — спросил папа, который, разумеется, Алисе не поверил.

— Она у меня в крови, — сказала Алиса печально. — И это неизлечимо.

— На берегу моря! — сказала мама. — Я тебе завидую. Свежий морской воздух, никуда не надо спешить...

— Может, ты поедешь вместо меня? — спросила Алиса. — Ты же любишь разводить артишоки.

— Совершенно не представляю, что это такое, — призналась мама. — Это такие кролики?

— Черненькие, — сказала Алиса.

— Не слушай ее, — вмешался папа. — Артишоки — это растения. И дело, конечно же, не в них, а в том, что с нами вчера разговаривал ваш школьный доктор.

— ...и сказал, что его беспокоит состояние моего здоровья.

— Так точно, — сказал папа.

— Он вчера уже с родителями Аркаши Сапожкова разговаривал и с Пашкиной мамой. И точно в таких же выражениях.

— Алиса, если тебе двенадцать лет, — сказал папа, — это еще не значит, что ты разбираешься в медицине лучше школьного врача.

«Как это скучно, — подумала Алиса. — Они же в самом деле очень беспокоятся о моем здоровье, им кажется, что мне опасно летать на другие планеты и спускаться к центру Земли в первую очередь потому, что я могу схватить насморк. И наш милый школьный доктор, который сам никогда в жизни не отъезжал от Москвы дальше Калуги, потому что он единственный ребенок у мамочки и она его берегла от микробов как зеницу ока, верит, что нам нужен покой». И тут Алисе пригрезился мореплаватель Христофор Колумб, которому королева Изабелла приказала пойти к придворному врачу, а тот утверждал, что в океане очень опасно, а открывать новые острова — самоубийство, ведь на них миазмы и москиты!

— Ты в самом опасном переходном возрасте, — сказала мама. — Вытянулась, меня уже догнала, одни кости.

— А ты хотела пухленькую доченьку, — ответила Алиса.

— Алиса! — сказала мама строго.

— Но главное, что сказал доктор, и я с ним совершенно согласен, — вмешался отец, — тебе нужен нормальный отдых!

— И нормальное питание, — вмешалась бабушка из Симферополя.

— Да, и нормальное питание!

— Я совершенно нормально питалась, — сказала Алиса, и ей стало смешно — не все ли равно, как и чем питается человек! Если сказать, что ей пришлось съесть за прошлый месяц, — мама бы умерла от ужаса! А что ты можешь поделать, если приходится опускаться на дно Тихого океана, чтобы открыть Атлантиду и обедать с атлантами? А что вы прикажете есть на планете Пять-четыре, где ничего съедобного не водится и даже живые шары обходятся только воздухом?

— Ты питаешься неизвестно чем, — продолжал отец, — спишь неизвестно где, гуляешь неизвестно с кем!

Он даже отодвинул недопитую чашку — так расстроился.

— И еще скажи, папочка, — ответила Алиса, которой, конечно же, лучше было помолчать — все равно взрослых, если уж они решили заботиться о твоём здоровье, не переспоришь, — скажи мне, чтобы я поменьше сражалась с драконами, стреляла из бластера, билась на лазерных мечах и бегала наперегонки с черным медведем.

— Она стреляет из бластера! — ахнула симферопольская бабушка.

— И у меня есть подруга, Ирия Гай, которая чемпион своей планеты по боксу и альпинизму.

— И она тоже стреляет из бластера, — тихонько сказала симферопольская бабушка, и на ее глаза навернулись слезы.

— Я полагаю, что ты сейчас специально пугаешь родителей. И сильно

преувеличиваешь, — сказал отец. Но голос его был неуверенным.

— Преувеличивает, — сказала мама.

— А ведь вы так недавно были молодыми! — сказала Алиса, глядя на своих родителей, которых, правда, никто еще не считал пожилыми. — Мне трудно поверить, что ты, папочка, забирался внутрь космического кита, чтобы узнать, отчего у него болит живот. А потом прожил три месяца на ветках самой высокой сосны на планете Марош, чтобы узнать, как размножаются тамошние орлы.

— Папа и тебя брал в экспедиции, — сказала мама. — И никто не собирался растить из тебя тепличное растение. Только во всем надо знать меру.

— Разве я не знаю?

— Ты вся покрыта шрамами и царапинами. Не подросток, а бродячий котенок!

— Алису нельзя отпускать к тете Аустре, — сказал домработник Поля. Он стоял в углу и ничего не делал, так как считал себя раненым. — Она тут же сбежит от тети, а тетя старенькая и ее не догонит.

— Этого еще не хватало! — воскликнула Алиса. — Зачем мне убегать от тети Аустры?

— Затем, чтобы переплыть через море в Швецию.

— Но зачем мне переплывать через море в Швецию?

— Чтобы утонуть на полдороге, — сказал Поля и засмеялся.

— Я больше так не могу, — сказала симферопольская бабушка. — Это не ребенок, а самоубийца.

— Школьный доктор, — заявил папа, — категорически против любых путешествий.

— А что же мне можно?

— Тебе можно провести август в средней полосе России, на чистом воздухе, желательно под Москвой. И учти, что доктор совершенно категоричен.

— Но если я останусь под Москвой, меня не пошлют пропальвать артишоки к тете Аустре?

— А ты останешься? — удивилась мама, которая не ожидала, что Алиса капитулирует так скоро.

— Да, может быть, — сказала Алиса. — И в самом деле, я с детства не жила на даче под Москвой. Наверное, в этом есть свои прелести.

Вы бы видели, какая радость охватила родных Алисы Селезневой, включая робота Полю и симферопольскую бабушку.

— И в космос ни ногой? — спросила симферопольская бабушка.

— Ни ногой, — согласилась Алиса.

По комнате пронесся порыв ветра — это присутствующие облегченно вздохнули.

Затем, перебивая друг друга и даже забыв о том, что Алиса сидит за тем же столом, взрослые начали обсуждать, куда бы поехать Алисе. Но она, послушав их, сказала:

— Я поживу на даче у Аркаши Сапожкова. Дача у него близко, в Кратове. И мне не скучно там будет. Пашка Гераскин тоже туда собирался.

Идею Алисы встретили одобрительными возгласами, и на радостях никто не подумал, как это подозрительно: не только Алиса, но и Аркаша Сапожков, и Пашка Гераскин добровольно едут на дачу, как самые обыкновенные маменькины дочки и сыночки. Им бы подумать и встревожиться. Хотя бы потому, что над кроватью Алисы висел лозунг, написанный Пашкой: «Покой нам только снится!»

Вдруг бабушка из Симферополя спохватилась:

— А где будут родители твоего друга?

— Аркашины родители — заядлые туристы, они ушли с братьями Аркаши в поход по речкам Горного Алтая.

Конечно, мама с папой предпочли бы, чтобы Аркашина дача кишмя кишела его тетушками и дедушками, чтобы не спускать глаз с их дочки, но все понимали, что спокойнее жить на даче, чем улететь на какой-нибудь Альдебаран.

На том и порешили.

Алиса прошла к себе в комнату, легла на диван, включила видик и подумала: «Вот я перехитрила родителей, сделала, как мне хотелось, вот я готова к новым опасным приключениям, и никто меня уже не остановит. Может быть, я совершу еще несколько подвигов и переживу смертельный бой с пиратами или драконами — все может быть... А потом мы сядем за стол, и папа с мамой будут говорить на обыкновенные темы и беспокоиться о моем здоровье. Их жизнь такая скучная, они так окончательно и бесповоротно забыли о собственной молодости, что думают, будто Алиса — маленькая девочка-шалунья, с которой ничего плохого не случится. Так им и роботу Поле удобнее. А жаль. Иногда так хочется рассказать правду о невероятных и страшных приключениях. Но Алиса ничего не станет рассказывать дома — не поймут, только перепугаются. Вот, наверное, и Христофор Колумб своей старушке маме о штормах и смерчах — ни слова. И старушка мама была уверена, что он плавает по спокойному морю, не отходя далеко от берега».

Глава 2. По следам Гулливера

На следующее утро позвонил Пашка Гераскин.

— Как у тебя? — спросил он.

— Все в порядке, — ответила Алиса. — Доктор рекомендовал мне провести остаток каникул на даче и отдохнуть на свежем воздухе. Мы решили, что я поеду на дачу к Аркаше Сапожкову, чтобы там и дышать.

— Счастливая, — сказал Пашка. — Моя мама сразу почувала неладное. «Что, — спрашивает, — потянуло тебя к спокойной жизни? Может, ты тяжело болен? Дай, — говорит, — лоб пощупаю». Понимаешь?

— А ты?

— Я сказал чистую правду. Я сказал, что у нас летняя практика и каждый должен совершить необычное путешествие. Мы с тобой свое уже совершили.

— Даже три, — сказала Алиса.

— А Аркаша только сейчас подготовился. И ему нужны помощники. Мама сразу спрашивает: «Зачем? Это опасно?»

— Ну и хитрая она у тебя! — сказала Алиса.

— И не говори. Будь моя воля, я выбрал бы себе другую, попроще.

— И что ты ей ответил?

— Опять же чистую правду. Что Аркаша собирается написать цикл картин с натуры. А что мне мама ответила?

— Наверное, она ответила, что ты и огурца не можешь нарисовать. Какой из тебя помощник художнику?

Пашка вздохнул, и на экране видеофона было видно, как он расстроен. Алиса

почувствовала его настроение и быстро спросила:

— Я тебя обидела?

— Я сам виноват, — вздохнул Пашка. — Если даже ты считаешь меня бездарным, значит, так оно и есть.

По всему было видно, что сам Пашка себя бездарным не считал.

— Не всем же быть художниками, — сказала Алиса.

— погоди, я не досказал... В общем... мама выпытала.

— Ничего страшного, — сказала Алиса.

— Ничего? А если она взяла с меня слово?

— Какое слово?

— Я сказал, что Аркаша особенный художник. Он хочет рисовать микрокартины, но с натуры. Для этого он должен уменьшиться в пятьдесят раз. Мама как закричит: «Я с самого начала догадывалась, что это добром не кончится! Ты обязательно решил уменьшиться вместе с Аркашей, чтобы вас вместе склевал первый встречный воробей». Я ей говорю: «Мама, это только Аркаша уменьшится, а мы с Алисой будем за ним следить именно для того, чтобы его не склевал воробей».

— В общем, она тебе не поверила.

— Нет. И взяла с меня слово, что ни при каких обстоятельствах я не стану уменьшаться в пятьдесят раз. А ты знаешь — я человек слова.

— Человек, который слишком много говорит, — сказала Алиса, — и обязательно проговаривается...

В начале каникул каждый в классе выбрал себе необыкновенное путешествие. Алиса с Пашкой решили опуститься на дно Тихого океана в центре атолла Мооруту, где во время Второй мировой войны был потоплен японский транспортный конвой, что вез добычу, награбленную японскими солдатами в Индонезии, Бирме и Сингапуре.

Это путешествие, которое началось мирно и спокойно, привело к стольким приключениям, что теперь даже трудно вообразить, что все они произошли за считанные недели.

Вернувшись домой, Алиса узнала, что все ее одноклассники разъехались по разным концам Земли, чтобы совершить необычные путешествия. Только Аркаша Сапожков, который решил путешествовать вокруг собственной дачи, еще и не начинал путешествия.

Причин тому было несколько. Одна из них заключалась в том, что Аркаша был медлительным и задумчивым. Он обязательно должен все проверить, а потом перепроверить и еще раз обдумать.

В чем же была Аркашина идея?

Все художники, рассуждал он, рисуют только такие вещи, которые соответствуют человеческому росту. А если художнику надо нарисовать что-то маленькое, он вооружается лупами, микроскопами, предметными стеклами и перестает быть художником. Художники создали миллионы человеческих портретов. Но ни одного портрета гусеницы или комара. И если уменьшиться до размеров гусеницы, можно будет написать ее портрет. А если станешь маленьким, как комар, то увидишь, что и у него есть лицо. Может быть, неприятное и даже страшноватое, но лицо.

Вот и придумал Аркаша путешествие под названием «Путешествие микрохудожника в Страну дремучих трав».

«В Стране дремучих трав» — название одной старой книжки, герои которой стали

такими маленькими, что для них травы казались дремучим лесом. Есть и другие книги о таких лилипутах. Еще несколько сот лет назад английский писатель Джонатан Свифт написал повесть о Гулливере, который сначала попал к лилипутам, а потом оказался среди гигантов. А помните повесть «Путешествие Нильса с дикими гусями»? Там мальчик Нильс обидел гнома, тот превратил его в лилипута, и Нильс отправился в полет на шее своего друга — гуся Мартина.

Но одно дело — художественная литература, сказки и фантастика, совсем другое — настоящая жизнь. Объявив еще в мае на классном собрании, что он намерен отправиться в путешествие вокруг собственной дачи, Аркаша еще не знал, как он это осуществит.

Он послал запрос в Центральный информаторий, а тот обратился в Галактический справочный центр. Не может быть, рассуждал Аркаша, чтобы в великой Галактике, населенной миллионами цивилизаций, никто не придумал средства для уменьшения или увеличения живых существ.

И вот через две недели пришел ответ — и не с Альдебарана, не с созвездия Гончих Псов и даже не с Марса, а из города Бостона, из Физического института имени Айзека Азимова — знаменитого американского писателя XX века. В том институте давно бились над тем, как воплотить в жизнь одну давнюю идею Азимова. В своем романе «Космическое путешествие» он рассказал, как целая бригада врачей была уменьшена в тысячу раз, чтобы в специально сделанной микроскопической лодке, которая может путешествовать по кровеносным сосудам, добраться до мозга и совершить там операцию и спасти человека.

Узнав о работе американских ученых, Аркаша вылетел в Бостон. Несмотря на то что он был всего-навсего школьником, ученые разрешили ему ознакомиться с их работой и показали Аркаше рабочую модель своей машины. Пока что она могла уменьшить человека в пятьдесят раз. Для медиков этого было недостаточно. Для Аркаши — в самый раз. Уменьшенный Аркаша станет в три сантиметра высотой.

В июле азимовцы смонтировали опытную кабину у Аркаши на даче, но потом им пришлось срочно улететь по своим делам.

И вот тогда Алиса с Пашкой, вернувшись со звезд, согласились помочь другу. Но поставили такое условие: когда Аркаша закончит свое путешествие, он разрешит Пашке и Алисе тоже побывать в Стране дремучих трав.

Это путешествие, как понимала Алиса, могло оказаться опаснее и страшнее, чем полет к дальним звездам или плен у космических пиратов. Потому что враги и убийцы в мире насекомых куда более жестоки и быстры, чем любые разумные твари Галактики.

Честно говоря, Алиса предпочла бы улететь на Паталипутру или даже угодить в логово космических пиратов — только бы не попасть в зубы какой-нибудь гадкой сколопендре.

Но кому признаешься, что тебе страшно? Пашке, который лишь улыбнется снисходительно и начнет точить свою шпагу? Или Аркаше, который убежден, что настоящий ученый не может ничего бояться, потому что настоящему ученому некогда бояться — надо изучать окружающий мир?

...Наутро Алису собирали на дачу к Аркаше, словно капитана Гаттераса на Северный полюс. Симферопольская бабушка испекла пирожков, домработник Поля тоже испек пирожков. И мама, разумеется, испекла пирожков. Алиса понимала, что делали они это не столько из любви к Алисе, сколько для того, чтобы доказать друг другу, чьи пирожки самые лучшие. Даже удивительно, что папа не испек пирожков.

Для Алисы набрали целую сумку вкусных вещей. Мама объяснила, что это не только

для Алисочки, но и для ее приятелей. Поля положил в сумку запасные сапожки, плащ и рад был бы положить и скафандр, и шубу — только они в сумку не лезли.

Алиса была спокойна и доброжелательна. Ни с кем не спорила, всем улыбалась, ни от чего не отказывалась. А когда она согласилась взять с собой аптечку, которую привезла из Симферополя бабушка и которую теперь пожертвовала внучке, мама сказала:

— Мне все это не нравится.

— Почему? — спросила Алиса.

— Я тебя не узнаю.

— А я узнаю, — сказал папа, который уже спешил на работу в Космический зоопарк. — Когда Алиса тихая, значит, готовится большая каверза.

— Папа! — возмущенно пискнула Алиса.

Но папу так легко не проведешь. Он только махнул рукой, сел во флаер и был таков.

— Сразу провидеофонь, как приедешь, — предупредила мама.

— Я буду ждать твоего звонка, — сказала симферопольская бабушка.

— Может быть, я отправляюсь в жерло вулкана, а не на дачу? — съязвила Алиса.

Но никто ее не услышал.

Глава 3. Перед путешествием

Это была старая-престарая дача, ее построил еще Аркашин прадедушка, который привез откуда-то толстые, в обхват, бревна. С тех пор прошло уже сто лет, и три поколения семейства Сапожковых собирались заняться хозяйством: развести на даче огород и сад, да еще розарий и альпинарий. Но надолго их усилий не хватило. Так что на большом дачном участке было всего понемножку: там росли три старые яблони, которые давали только кислые дички; заросли одичавшей малины были совершенно непроходимы, да к тому же подступы к ним были заняты лесом крапивы; по бокам узкой заросшей дорожки, что вела от покосившейся калитки к веранде, тянулись кусты пионов, роз, хризантем и иных цветов, которые высаживали здесь сменявшие друг друга ботаники-любители.

За дачей начинался густой лес и тянулся до самого Уральского хребта. Дача Сапожковых подходила для любых опытов — она была последней в поселке.

Пашка прилетел раньше Алисы. Он уже успел повесить гамак и, раздевшись до плавок, дремал в нем. Иногда он просыпался и давал Аркаше указания.

Аркаша заканчивал испытания уменьшительной кабины. Основную работу сделали техники из Азимовского института, но кое-какие мелочи остались на долю Аркаши.

Кабина стояла на траве перед верандой. Она представляла собой полосатую, красную с белым, бочку в метр высотой и такого же диаметра. Сбоку открывался люк, через который можно влезть внутрь кабины. Там помещалось сиденье и перед ним — пульт управления. Влезши в кабину, ты мог усесться, прижав подбородок к коленям. Пульт оказывался тогда перед глазами.

Аркаша показал Алисе, как забираться в кабину. Алиса спросила:

— А почему она такая тесная?

— В Бостоне ее специально сделали для нас — подростков. Чем меньше кабина, тем меньше энергии она потребляет, тем легче ее наполнять.

— Зачем ее наполнять?

— Разве я тебе не сказал? Когда кабина начинает работать, ее наполняет особый газ —

иначе как клетки твоего тела догадаются, что им надо уменьшиться?

— А он безвредный? — спросила Алиса.

— Алиса, не бойся, тебя никто не заставляет превращаться в насекомое! — закричал Пашка из гамака.

И тут же вывалился из него и, отмахиваясь руками, бросился кругами бегать по лужайке.

— Что с тобой? — спросила Алиса.

— Это чудовище какое-то! — закричал Пашка. — И еще кусается!

— Это не чудовище, а оса, — ответил Аркаша. — И учти, что сейчас ты в сто раз больше осы. А представь себе, что вы с ней почти сравняетесь.

— Зачем?

— Чтобы сражаться на равных. У нее шпага, и у тебя шпага.

Наконец Пашка отогнал осу и вернулся к гамаку.

— Мне надо подумать, — сказал он оттуда.

— Я знаю, что ты придумаешь, — ответила Алиса.

— Что?

— Тебя ждут неотложные дела на Северном полюсе.

— Ты хочешь сказать, что я струсил?

— Пашка, не веди себя как первоклассник, — сказал Аркаша. — Никто не заставляет тебя становиться маленьким, как муха, и сражаться с осами. Это, по крайней мере, неостроумно. Жизнь можно положить за более стоящее дело.

Пашка обрадовался такой поддержке.

— Вот именно! — воскликнул он. — Что может быть глупее, чем кончить жизнь в паутине крестовика или в челюстях майского жука! Не для того нас растили родители.

Но никуда Пашка не улетел, а улегся в гамак и закрыл глаза.

Аркаша показал на пульт:

— Я герметично закрываю кабину, затем выпускаю газ и вдыхаю его три минуты. Под действием газа в моих клетках происходят изменения — клетки как бы съеживаются, хотя и остаются по составу и строению точно такими же, как прежде. И я начинаю уменьшаться.

— И получится?

— Когда они испытывали, — сказал Аркаша, — то поместили в кабину морскую свинку. Морская свинка уменьшилась в пятьдесят раз.

— И что дальше?

— Убежала.

— А где она теперь?

— Не знаю, — вздохнул Аркаша.

— Ой! — сказала Алиса. — Значит, она в траве бегают?

— Может быть.

— И я на нее могу наступить?

— Все может быть, — сказал Аркаша. — Мне это очень неприятно. Извини.

Они помолчали. Алиса присела на корточки. Она раздвигала травинки, смотрела вниз, стараясь разглядеть, нет ли там морской свинки с муху размером.

— Больше вы никого не уменьшали? — спросила Алиса. — В порядке опыта.

— Почти никого, — вздохнул Аркаша.

— Если ты скажешь про собаку...

— Нет, сначала они провели испытания на курице...

— И курица тоже?!

— Может быть, — сказал Аркаша.

— Аркаша боится, что ему там будет скучно, — заметил Пашка, который все, конечно же, слышал.

— Я постараюсь их найти и вернуть в большой мир, — сказал Аркаша.

— Ладно, — кивнула Алиса, — рассказывай дальше.

— А что рассказывать? Когда ты уменьшился до предела, то ты спускаешься сюда...

Аркаша вылез из кабины, затем показал на круглое отверстие посреди сиденья в старинный пятак диаметром.

— Погляди внимательно, — сказал Аркаша.

Алиса нагнулась. И увидела, что от этого круглого отверстия вниз ведет труба, на стенках которой видны махонькие скобы — как будто это шахта для оловянного солдатика.

— Это для... тебя? — спросила Алиса.

— Вот именно, — улыбнулся Аркаша. — Когда я стану лилипутом, я спущусь по этой лестнице вниз...

Аркаша повел Алису вокруг кабины и показал, что с другой ее стороны, у самой земли, есть еще одно отверстие.

— А тут я выйду, — сказал он.

— Как все здорово придумано! — воскликнула Алиса.

— Еще бы, — сказал Аркаша, — целый институт работал!

— А когда ты возвращаешься...

— Все то же самое, только в обратном порядке. Я должен войти сюда, подняться по скобам на сиденье, нажать на кнопку, и кабина начнет наполняться антигазом.

— Чем?

— Условно говоря — антигазом. Газом-увеличителем.

— Ясно. И ты снова большой. А сколько это продолжается?

— Каждая процедура занимает несколько минут — ведь это же не волшебство, а научный процесс. Да еще надо отдохнуть, прийти в себя.

— Откуда знаешь? — спросил Пашка. — Пробовал?

— Куда торопиться, — ответил Аркаша. — Азимовцы сказали.

— Давай я попробую, — попросила Алиса.

— погоди, рано!

— Аркаша ни за что не уступит пальмы первенства, — сказал Пашка.

— Я специально занимался этим, — сообщил Аркаша. — Целый курс прошел. А Пашка всегда думает, что он умнее всех...

— Не думаю, а знаю, — откликнулся Пашка.

— Он тебе завидует, — улыбнулась Алиса.

— Завидовать клопу? Ничего интересного, — возразил Пашка. — Я понимаю — увеличиться раз в пятьдесят.

— И никто тебе не страшен! — сказал Аркаша.

— Вот именно! Берешь слона двумя пальцами...

— А зачем? — спросила Алиса.

— Ясное дело зачем, — сразу нашелся Гераскин. — Чтобы перенести его через реку Ганг и спасти от пожара в джунглях.

— Паша, от тебя и при нормальном росте человечеству несладко приходится. А от восьмидесятиметрового Гераскина все взвоют! — сказала Алиса.

— Хорошо, я остаюсь как есть — золотая середина. А вы как хотите — уменьшайтесь, увеличивайтесь, толстейте, худейте! Все равно я — повелитель Галактики!

И с этими гордыми словами Павел Гераскин отвернулся от друзей.

Аркаша с Алисой стали готовиться к походу в мир насекомых. Аркаша намеревался там рисовать — это была главная его задача. А чтобы рисовать, надо взять с собой краски, кисти, карандаши и прочие принадлежности. Но беда в том, что под действием газа уменьшаются лишь живые ткани. Что же касается вещей неживых — а кисти и краски, как известно, относятся к ним, — они остаются прежними. Даже самая маленькая кисточка стала бы для Аркаши подобна шесту для прыжков, а в ванночке для акварели он смог бы уместиться как в ванне.

Так что Алиса и Аркаша вначале устроили специальную базу.

Такую, как устраивал, например, путешественник Амундсен, когда шел к Южному полюсу.

Уменьшившись, Аркаша не собирался сидеть возле веранды, где стояла кабина, которую нельзя было смонтировать далеко от дома — она должна была постоянно находиться под наблюдением.

Аркаша решил, что, уменьшившись, он пройдет тропинкой до небольшого прудика, что поблескивает сквозь ветви живой изгороди. Там, на высоком берегу, он и устроит основную базу. База состояла из закрытой картонной коробки из-под ботинок, в которой Алиса аккуратно вырезала отверстие для входа. Конечно, романтичнее было бы построить шалаш, но коробка все-таки надежнее. Там, в безопасности от дождя, ветра и нежеланных гостей, сложили стопки нарезанных листиков тонкой бумаги, которые для Аркаши станут толстыми листами картона. Туда же поставили поделенную на квадратики коробочку с красками, кастрюлю, которую Алиса одолжила у своей куклы, коробочку с булавками, моток тонкой лески и катушку шелковых ниток, заостренную пилочку для ногтей и другие вещи, собранные по дому Алисой и Аркашей, которые могли бы пригодиться миниатюрному человечку в одинокой жизни в травяном лесу. Когда Алиса складывала добро в коробку, неожиданно появился Пашка, который, оказывается, тоже трудился. Из куска сосновой коры он вырезал лодочку длиной в пядь, такую легкую, что ее мог бы поднять и лилипут. В нее он вставил палочку-мачту и сделал парус из листа бумаги. Лодку пришвартовали к берегу прудика.

Наконец Аркаша сказал:

— Хватит! Вы хотите, чтобы я потратил неделю на устройство безопасной и скучной жизни.

— А ты хочешь рисковать? — спросила Алиса.

— В умеренных пределах — да, — ответил Аркаша.

— Правильно, — сказал Пашка. — Без риска нет жизни.

Алиса между тем приоткрыла коробку из-под ботинок и положила внутрь большой кусок ваты.

— Это еще зачем? — спросил Аркаша.

— Во-первых, это мягко, а тебе надо на чем-то спать. А во-вторых, ночью будет холодно, а ты совсем раздет.

— Как так — совсем раздет?

— Пока ты не придумаешь себе одежды, — сказала Алиса, — тебе придется походить голым.

— А ты будешь смотреть? — вдруг смутился Аркаша.

Пашка буквально зашелся от хохота, а Алиса достала из кармана маленькую тряпочку.

— Была у меня любимая куколка, — сказала Алиса. — Звали ее Дашей. Она убежала из дома с одним гномом. А платье от нее осталось... Ты бери, не стесняйся, ведь стрекозам и паукам совершенно все равно — девочка ты или мальчик.

Аркаша подумал ровно пять секунд, потом сказал:

— Ладно уж, клади возле кабины.

Алиса присела на корточки и положила кукольное платье на землю возле отверстия, что вело из кабины наружу.

Глава 4. Ключ на старт!

Пора было расставаться с Аркашей. Время уже клонилось к вечеру. Они стояли втроем возле кабины. Вдруг Алисе стало грустно: ну ладно бы шел человек на риск ради высоких идеалов или спасения какой-нибудь несчастной планеты. А то он собирается рисковать жизнью ради рисунков, которые, может быть, никому и не нужны.

— А я с тобой не согласен, — сказал тут Пашка Гераскин, у которого иногда прорезаются совершенно невероятные телепатические способности. — Нельзя делить подвиги на нужные и ненужные. Может быть, в своих картинах Аркаша сделает великое открытие.

— Паша, не преувеличивай, — смутился Аркаша.

— Помолчи, путешественник голопузый! — оборвал его Пашка. — Мы не знаем, что увижу я, когда отправлюсь в Страну дремучих трав. Мы совершаем рывок вперед, шаг в неизвестность. До нас только герои фантастических повестей жили как свои среди бабочек и кузнечиков. Теперь этим займемся мы, самые обыкновенные люди двадцать первого века. Да я не променяю такое путешествие на пять полетов к альфе Центавра! Что такое космос по сравнению с настоящими джунглями Земли! Долой космос! Да здравствует родной микромир!

Если поверить Пашке, получалось, что он к космосу относится отвратительно — сам не летает и другим не велит.

Наступила пауза. Аркаша несмело поглядел на Алису, потом на Пашку.

— Я пошел, да? — спросил он.

— Может, возьмешь сахара с собой? — спросила Алиса.

— Ты хочешь погубить эксперимент в зародыше! — возмутился Пашка. — Каждый член нашей экспедиции сам добывает себе пищу! И как только ты попросишь есть, значит, ты сдался.

Пашка был прав — так они договорились с самого начала. В травяном царстве все живут робинзонами... каждый живет сам по себе, помощи ни у кого не просит, только в случае настоящей, реальной опасности можно вызвать товарищей на подмогу. Для этого есть браслет-сигнализатор, чудо микротехники, оставленный азимовцами.

— Тогда поешь еще чего-нибудь, — предложила Алиса. — На дорожку.

— Ну что ты говоришь! — взмолился Аркаша. — Ты же знаешь, что уменьшаться надо натошак.

— Ключ на старт! — закричал Пашка. — Ничего не забыл?

— Вроде ничего.

Аркаша спустился с веранды. Он был в одних трусах и чуть поеживался от вечерней прохлады.

Перед открытым люком кабины, которая казалась такой чужой на зеленой поляне на фоне могучих сосен, Аркаша остановился и обернулся к товарищам.

— Вы обо мне не думайте, — сказал он, — ничего со мной не случится.

— А мы и не думаем, — ответил Пашка.

— Мы в гости к тебе приходиться будем, — сказала Алиса.

— Только не пугайте меня, — засмеялся Аркаша. — Я ведь буду маленький. На меня и наступить ненароком можно.

— Ты с ума сошел! — испугалась Алиса. — Не смей даже так шутить.

Аркаша протянул Алисе руку, и в этот момент зазвонил видеофон.

Звонок был настолько неожиданным и резким, что друзья вздрогнули и замерли.

— Может, не подходить? — спросила Алиса. — Мы гулять ушли...

— Боишься, что дома узнали про наши опыты?

— Боюсь.

Видеофон продолжал отчаянно звенеть.

— Опасность, мой друг, — сказал Пашка, отправляясь к дому, — надо встречать лицом к лицу. Иначе догонит сзади.

Произнеся такой афоризм, Пашка поднялся на веранду и прошел в комнату.

Было так тихо, что ребята слышали каждое Пашкино слово.

— Да, мама, — произнес Пашка. — Все хорошо, мама. Собираемся ужинать, мама.

— Простая проверка, — сказал Аркаша.

Алиса тоже поняла, что Пашкина мама волнуется, ей трудно поверить, что ее непутевый сын мирно живет на даче и не пускается ни в какие авантюры.

— Они пошли за грибами, — слышен был голос Пашки. — Скоро придут. А я? Я читаю «Графа Монте-Кристо», в библиотеке взял, так приятно почитать добрую старинную книгу.

— Ты только послушай! — прошептал Аркаша. — Какой у нас друг! Он умеет читать!

Алиса прикрыла рот ладонью, чтобы не засмеяться. Ведь она ушла за грибами.

— Хорошо, мама, — говорил Пашка, — обязательно, мама, все будет хорошо, мама.

Он отключил экран и вернулся к друзьям несколько смущенный, потому что они все слышали.

— Понимаете, — сказал он, — с пожилыми людьми очень трудно. Они остались далеко в прошлом...

— Твоей пожилой маме уже, наверное, тридцать лет, — съязвила Алиса, делая вид, что сочувствует Пашке.

— Тридцать три, — уточнил Пашка. — Между нами пропасть.

— Ну что же, — сказал Аркаша, — пошли, а? А то я так сегодня и не уменьшусь.

Но только они сделали несколько шагов к кабине, как снова зазвенел видеофон. На этот раз к аппарату подбежал Аркаша:

— Алиса, это тебя!

— Ну вот, — сказал Пашка. — Кто-то надо мной смеялся? Теперь и я посмеюсь.

На экране видеофона виднелось большеглазое треугольное лицо симферопольской бабушки.

— Алисочка! — сказала бабушка встревоженным голосом. — Кто тебя окружает?

— Меня? Никто.

— Кто подходил к видеофону? Он совершенно голый, как дикий индеец!

— Это мой друг Аркаша. Он собрался в лес...

— В лес? В таком виде?

— Скажи, что я купаться пошел! — зашипел Аркаша.

— Он купаться собрался, — сказала Алиса. — А почему ты звонишь?

— Случилось нечто ужасное, — сказала бабушка.

— Что еще? С кем?

— С тобой. Ты забыла пирожки с капустой.

— Всего-то?

— Я их пекла со вчерашнего дня. Чувствую, что у меня никогда больше не получатся такие пирожки.

— Ничего, я специально прилечу к тебе в Симферополь, когда ты их будешь печь.

— Нет! Я сейчас же лечу к тебе. Скажи, какой номер у вашей дачи, или встретить меня на флаерной станции.

Пока ее друзья корчились у веранды от хохота, Алиса умоляла симферопольскую бабушку не прилетать, потому что пожилому человеку уже поздно летать на флаере — в Москве бабушки вообще не летают на флаерах позже шести вечера. К тому же у Аркашиной дачи нет номера, а сама Алиса только что объелась пирогами, которые привез Пашка...

Наконец смертельно обиженная бабушка, не прощаясь, отключила аппарат, а Алиса сказала:

— Перестаньте хохотать. Ничего смешного я не вижу.

И когда Пашка с Аркашей пришли в себя, она добавила:

— Сегодняшний день можно занести в мою личную книжку рекордов Гиннеса — мне еще в жизни не приходилось столько врать и выслушивать столько же неправды.

— Цель оправдывает средства, — сказал Пашка. — Если бы ты сказала бабушке правду, что Аркаша через десять минут станет ростом с оловянного солдатика, а ты готовишься через неделю последовать его примеру и пожить немного на равных среди муравьев и кузнечиков, она прискакала бы сюда на боевом коне в сопровождении всей твоей семьи...

— Это я понимаю... но врать плохо.

— Очень плохо, — сказал Аркаша. — Я замерз. Пошли же, наконец!

У кабины все попрощались.

Затем Аркаша открыл люк и залез внутрь.

— К полету готов? — спросил Пашка.

— К полету готов!

— Задраить люки! — приказал Пашка, который изображал из себя руководителя полета.

— Есть задраить люки! — сказал Аркаша.

Он закрыл изнутри люк, и кабина сразу стала безмолвной, чужой, неживой, как камень.

— А сколько ждать? — спросил Пашка.

— Он сказал — несколько минут.

— Надо было точнее спросить, — сказал Пашка.

Алиса присела на траву возле кабины, так чтобы видеть маленькое круглое отверстие у самой земли.

— Ты чего? — спросил Пашка.

— Он выйдет вот отсюда, — показала Алиса на отверстие.

Пашка тоже уселся на траву. Кабина молчала.

— Странно, — произнес Пашка. — Только что я ему руку жал, не чужой человек, семь лет вместе учимся. И вдруг такое с ним случится!

— Ты не гордись, — сказала Алиса. — С тобой это тоже может случиться.

— Тонкое наблюдение, — отметил Пашка и, встав на четвереньки, попытался заглянуть в маленькое отверстие.

И тут же в ужасе отпрянул!

Как бы ты себя ни готовил, все равно от неожиданности можно перепугаться.

Из отверстия буквально выкатился на траву миниатюрный человечек. А так как таких человечков не бывает, у Пашки было ощущение, словно перед его носом выскочила мышь.

А Аркаша, выпав из длинного скользкого туннеля на свет, увидел перед собой огромную страшную оскаленную морду. Ему ведь никогда раньше не приходилось видеть людей в пятьдесят раз больше его. Поэтому ему и в голову не пришло, что он видит человека, а тем более Пашку.

Так что Алиса, которая наблюдала эту сцену со стороны, к удивлению своему, увидела, как лилипут Аркаша кинулся обратно в норку, а Пашка отпрыгнул почти к самому лесу.

Поняв, в чем дело, Алиса едва удержалась, чтобы не рассмеяться.

— А я его за мышь принял, — сказал Пашка, — или за тарантула.

Из отверстия в кабине выглянул голенький Аркаша.

— Какой я тебе тарантул! — пискнул он обиженно. Оказалось, что его пронзительный голосок можно разобрать в тишине сада. — А я думал, что ты мамонт.

— Мальчики, — сказала Алиса, — не надо ссориться.

— Отвернись! — пропищал Аркаша.

Стараясь не улыбаться, Алиса отвернулась. Ей было видно лицо Пашки, и когда оно стало расплываться в широкой улыбке, она поняла, что причиной тому — вид Аркаши.

— Можно обернуться? — спросила Алиса.

— Оборачивайся, — ответил за Аркашу Пашка.

Алиса обернулась, Аркаша стоял у кабины, придерживая руками слишком длинное кукольное платье.

Он что-то кричал, но Алиса не разобрала слов.

— Потерпи секундочку, — сказала Алиса. — Где у тебя ножницы?

— В большой комнате. На столе, — вспомнил Пашка.

Алиса сбегала за ножницами и, вернувшись, велела Аркаше снять платье.

— Я тебе сделаю чудесную набедренную повязку, — сказала она.

Через пять минут Аркаша был более-менее готов к тому, чтобы продолжить путешествие.

— Интересно? — спросил Пашка.

Аркаша показал под ноги, и Алиса поняла, что для него песчинки на тропинке были острыми камнями. А никакой обуви у Аркаши не было.

— Может, вернешься? — спросила Алиса. — А завтра что-нибудь придумаем.

Аркаша только отмахнулся.

— Он прав, — сказала Алиса. — Нужно человеку привыкнуть.

Они стояли у кабины и смотрели, как человечек ростом со спичку медленно уходит от

них, поджимая ножки, потому что идет босиком по острым камням.

Аркаша остановился, запрокинул голову, посмотрел на друзей. Видно, они показались ему не настоящими существами, а порождениями страшного сна, и он махнул рукой, чтобы они уходили.

Конечно же, они не ушли. До прудика, на берегу которого стояла коробка из-под ботинок, было метров тридцать-сорок. Надо было идти по тропинке до отверстия в живой изгороди и там, свернув направо, идти вдоль нее, пока земля не начнет снижаться к пруду. Что за дорога — полсотни шагов? Десять секунд бегом. Но не для Аркаши Сапожкова, отважного путешественника, которому еще идти и идти — пока он достигнет убежища.

— Я теперь понимаю, — сказала Алиса, — что значит: человек — царь природы.

— А что?

— А то, что я могу пойти пешком через лес даже ночью, и все животные уступят мне дорогу.

— То ли уступят, то ли нет, — ответил Пашка. — Кабан может по глупости не знать, что ты — царь природы, волку об этом не рассказали, а медведь болел, когда это проходили.

— У тебя столько же шансов встретиться в дачном лесу с медведем или кабаном, как и с бенгальским тигром, — сказала Алиса.

Тут она увидела, как большая стрекоза, что не спеша летела мимо, обнаружила что-то впереди и пошла снижаться над тропинкой там, где шагал Аркаша.

Алиса не выдержала и рванулась вперед.

Стрекоза испуганно взмыла в небо, а она в несколько прыжков достигла забора — Аркаши нигде не было видно!

— Пашка! — закричала Алиса. — Он пропал! — Она выглянула за изгородь — тоже пусто. Может, Аркаша спрятался в траве?

Пашка не догонял ее. Он стоял в десяти метрах сзади.

— Просто чудо, — сказал он, — что Аркаша остался жив. Нет ничего опаснее для человека, чем стадо взбесившихся слонов.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Алиса.

— А то, что тебе надо медленно и осторожно вернуться обратно и научиться глядеть под ноги. Твое счастье, что Аркаша успел отпрыгнуть в траву, когда ты пробежала рядом с ним.

— Что ты говоришь! — испугалась Алиса. У нее коленки ослабли. Неужели так могло быть? Значит, Аркаша еще шел по тропинке... а она думала... Представляете... она в самом деле могла наступить на друга!

На цыпочках, пошатываясь от страха, Алиса подошла к Пашке и остановилась в двух шагах. И тут она увидела Аркашу. Он стоял на самом краю тропинки и при виде Алисы поднял кверху кулачки.

— Прости, Аркаша, — сказала Алиса с чувством. — Я испугалась, что на тебя стрекоза нападет.

— И решила: лучше сама затопчу, чем врагам отдам, — добавил Пашка.

Алисе хотелось плакать.

Она присела на корточки перед Аркашей, чтобы разглядеть его лицо. Рот Аркаши раскрывался, но писк был неразличим.

— И не пытайся понять, — сказал Пашка. — Представляешь, как мало воздуха умещается в его легких — не из чего образоваться звуку.

— Давай отнесем его до коробки! — взмолилась Алиса.

— Не теряй присутствия духа, — возразил Пашка. — Если ты начнешь в такой форме проявлять заботу о друге, то я обещаю, что сам отнесу тебя в коробку, когда подойдет твоя очередь.

— Как так отнесешь? — Алиса выпрямилась и гневно поглядела на Пашку.

— Возьму двумя пальцами, — Пашка показал ей, как возьмет ее, — подниму в воздух и понесу. А ты будешь болтать ножками-макаронками.

— Ты только посмей! — Алиса кинулась было на Пашку, чтобы научить его манерам, но вспомнила, что где-то под ногами прячется несчастный Аркаша, и замерла как громом пораженная.

А Аркаша поглядел на друзей — теперь чужих и опасных чудовищ, будто заколдованных страшным волшебником, и быстро зашагал дальше, надеясь, видно, что у них хватит сообразительности больше за ним не ходить.

Они постояли на тропинке, глядя, как Аркаша дошел до изгороди, миновал ее, повернул направо и исчез из виду. Сколько это заняло времени — трудно сказать. Может быть, три минуты, а может, и все пятнадцать.

— Пошли на веранду, — сказал Пашка. — Он обещал дать нам сигнал, когда устроится.

— Нет, погоди минутку.

Алиса сошла с тропинки, пробежала по траве к изгороди и встала на цыпочки, чтобы заглянуть поверх нее. Пашка последовал за Алисой.

Оттуда, где они находились, был виден прудик, поросший травой склон и стоявшая там коробка из-под ботинок.

Вот показался и Аркаша. Не глядя по сторонам, он шел по тропинке, которая казалась ему широкой дорогой. Он немного прихрамывал и опирался на копьё, которое Алисе недавно служило всего-навсего булавкой.

Идти ему оставалось немного — уже начался спуск к пруду.

Не доходя до коробки, Аркаша остановился и стал сверху глядеть на пруд. Его первое путешествие заканчивалось.

— Ну что, пошли домой или посмотрим? — прошептала Алиса.

И в этот момент Пашка вскочил на ноги и отчаянно закричал:

— Беги, Аркашка!

То ли Аркаша услышал крик Пашки, то ли сам почувствовал опасность, но он отчаянно прыгнул в сторону. Только тогда Алиса поняла, в чем дело: над местом, где только что стоял Сапожков, пронеслась ворона и, не поймав добычу, взмыла вверх.

Аркаша кинулся бежать к коробке. Набедренная повязка размоталась и тянулась за ним, как длинный флаг.

— Она же могла его унести! — сказала Алиса.

— Точно. Он у нее в клюве бы уместился.

— Пашка, — сказала Алиса, — давай этот опыт кончать. Надо вернуть Аркашу.

— Почему? — спросил Пашка. — Разве случилось что-то неожиданное?

— Но ему грозят страшные опасности!

— Когда я пойду на его место, мне тоже будут грозить опасности.

— Вот я и говорю.

— Ты — свободный человек. Тебя никто не уговаривает уменьшаться.

— Я не о себе думаю. Вы с Аркашей такие неосторожные.

— Если ты про ворону, то мы с Аркашей это обсуждали. Надо все время поглядывать в небо.

— Если бы ты не крикнул...

— Если бы я не крикнул, он бы все равно успел. Я его знаю. И не забывай, что он вооружен.

— Ты имеешь в виду булавку?

— Это оружие не хуже любого другого.

Разговаривая, они поглядывали на коробку. Аркаша добежал до нее и обернулся. Он помахал рукой и исчез в отверстии. Видно было, как он закрывает за собой картонную дверь.

— Все, — сказал Пашка, — представление закончено.

— Тогда бежим в дом, сейчас будет связь.

В комнате на столе стоял передатчик, сделанный азимовцами. В нем уже загорелась зеленая лампочка.

— Центр на связи! — крикнул Пашка, подбегая к приемнику и включая вызов.

— Вы зачем за мной следили? — послышался тонкий голосок.

— Если бы не следили, тебя бы ворона склевала, — сказал Пашка.

— Я ее и без тебя видел, — сказал Аркаша. — Я очень прошу, не подглядывайте, а то я себя человеком не чувствую.

— Ладно, обещаем, — сказал Пашка. — Только и ты веди себя осторожнее. Не высывайся.

— Тебе удобно, не холодно? — спросила Алиса.

Она подумала: мы разговариваем, будто Аркаша по крайней мере в Гималаях. А ведь можно выбежать из дома и поглядеть на него.

— Я специально ушел сюда, — пропищал Аркаша, — чтобы мне не задавали глупых вопросов: скушал ли я кашку, надел ли я пальтишко.

— Ты лучше дверь закрой, — сказала Алиса, сделав вид, что не услышала его слов. — Мало ли какая змея заберется.

— Змеи по крайней мере не дают советов, — сказал Аркаша. — До связи.

— А когда будет связь?

— Связь будет утром в восемь ноль-ноль, — последовал ответ. — И прошу меня не беспокоить.

— погоди, не отключай, — попросила Алиса. — Ты расскажи нам, как ты себя чувствуешь... ну как ты все видишь...

— Это очень интересно, — сказал Аркаша. — Сама вскоре узнаешь. Ведь нельзя же слепому рассказать про то, как выглядят цветы.

— Тебе не холодно?

— Ты опять за свое! — послышался гневный ответ Аркаши, и связь прервалась.

— Он прав, — сказал Пашка. — Я даже не знал, что в тебе такой сильный материнский инстинкт.

— Я просто беспокоюсь.

— Вот именно. В этом разница между мужчиной и женщиной. Мужчина хочет побыть в одиночестве, а женщина хочет все время давать указания.

— Пашка, это нечестно!

— Двенадцать лет Пашка. И если меня не съест комар, то стану Павлом Николаевичем.

И как старший...

— Ты старше меня на один месяц!

— И как старший утверждаю: через неделю ты сама окажешься в травяном царстве. И увидишь, что все опасности сильно преувеличены. Знаешь почему? Потому что ты переживаешь за Аркашу. Когда переживаешь за другого, опасности всегда увеличиваются в десять раз.

— Я пойду поставлю чай, — сказала Алиса.

— Иди, только не думай при этом, какой Аркаша бедненький, потому что у него нет сладкого чая. Скоро он вернется и выпьет сразу двадцать чашек.

Когда Алиса через десять минут принесла чай, Пашка лежал на диване и читал старый латинско-русский словарь. В последнее время у него появилась идея побывать в Римской империи.

Он прошел к столу и взял чашку, не отрываясь от книги. Алисе пить не хотелось. Она смотрела на лес, в котором песчинкой затерялся Аркаша.

— А я знаю, чего тебе хочется, — вдруг сказал Пашка.

— Чего?

— Тебе хочется тихонько сбегать на берег прудика, открыть крышку коробки из-под ботинок и поглядеть, как там маленький Аркашенька спит на кусочке ваты.

— Хочется, — призналась Алиса. — Мне за него страшно.

— Хочешь погладить его пальчиком?

— Нет, — сказала Алиса. — Не хочу. Ты что будешь делать?

— Ты же видишь, я занимаюсь латынью.

Но Пашка Алису обманул. Он взобрался на балкон второго этажа, взял старый бинокль, с которым дедушка Аркаши служил на флоте, и смотрел оттуда на прудик и коробку из-под ботинок, чтобы с Аркашей ничего не случилось.

После ужина Алиса и Пашка по очереди осторожно подбирались к изгороди и глядели из-за укрытия на коробку. Они видели, как Аркаша выходил к пруду, как на него напали комары и он, отмахиваясь, убежал от них и спрятался в коробке.

Тогда комары накинулись на наблюдателей.

— Больше он сегодня не выйдет, — сказал Пашка, отбиваясь от комаров.

— Значит, и мы с тобой можем спать спокойно, — сказала Алиса.

Они вернулись на дачу, но спать не легли, а долго разговаривали, смотрели видик, потом провидеофонили своим домашним — как будто жили на полярной станции. Симферопольская бабушка грозилась приехать утром с пирожками.

А перед сном Пашка все же вызвал Аркашу.

— Помощь не требуется? — спросил он.

— Спокойной ночи, — сказал Аркаша.

Глава 5. Нападение скунусика

Утром Алиса проснулась от громкого веселого голоса:

— Алисочка! Ты где? Вставать пора! Ваша мама пришла, молочка принесла! Бее-э-э-э!

Алиса вскочила с дивана, на котором спала, и выбежала на веранду, еще не сообразив, что за козочка к ним пожаловала.

Солнце встало, и лучи его били прямо в лицо, птицы оглушительно чирикали и пели,

насекомые жужжали, скрипели, пищали, роса высохла на цветах и траве, и оттого в саду был густой зеленый аромат.

Перед верандой стояла бабушка из Симферополя с большой корзинкой в руке.

— Насилу вас отыскала, — сказала бабушка. — Ты мне не рада?

— Доброе утро, — сказала Алиса без всякой радости. — А мама с папой сюда не собираются?

— Нет, они до воскресенья не приедут, — ответила наивная бабушка. — До воскресенья только я буду к вам ездить.

— Зачем?

— Ясное дело зачем. Кормить, одежду привозить, могу и приготовить чего-нибудь вкусенького. От бабушки всегда польза есть. Небось без работа живете, и посуда немытая.

Это была катастрофа.

Тут проснулся Пашка, прибежал на шум, познакомился с бабушкой.

— Нет! — сказал он, узнав о планах симферопольской бабушки. — Ни за что! Алиса, ты же знаешь, что скунусики не выносят постороннего присутствия. Среди них начинаются жуткие нервные эпидемии! Ваше появление, Лукреция Ивановна, обязательно приведет к экологической трагедии.

— Что он говорит? — спросила симферопольская бабушка.

Но Алиса уже поняла Пашкину подсказку. Это была единственная возможность отправить бабушку домой без скандала.

— Разве я тебе не говорила? — сказала она лисичкиным голоском, сбегая с веранды и принимая из бабушкиных рук корзинку с пирожками. — Паша Гераскин проводит здесь очень сложные опыты со скунусиками. Они такие нервные! Они требуют полного спокойствия — ни одного лишнего человека. Иначе...

— Иначе — смерть, — сказал Пашка. — Вчера к нам случайно забрела корова — они так перепугались, что шесть штук околели за ночь. Шесть штук!

— А во всей Вселенной насчитывается лишь восемьсот сорок две, — подхватила Алиса.

— Восемьсот сорок четыре, — поправил Алису Пашка. — Но я не гарантирую, что, услыша голос незнакомой бабушки, они не станут кидаться в пруд.

— Кидаться в пруд? — растерянно спросила бабушка.

— Да, так они выражают свой протест, — сказал Пашка.

— А... кто они такие?

— Вы не знаете, кто такие скунусики?

— Я газет не читаю, — призналась бабушка, — но ведь Алисочка могла бы и сказать. А она нам сказала, что отдыхать едет. Я же думала, и вправду отдыхать едет... А если эти скунусики ее растерзают?

— Никогда! — ответил Пашка. — Это я вам гарантирую.

— Пока сама не увижу, — заявила бабушка, — не уйду отсюда. Вы — народ молодой, безответственный, а твой друг, Алисочка, по глазам вижу, первостатейный враль. И тебя врать учит.

— Я? Ее? — возмутился Пашка. — Да она сама сто очков вперед кому угодно даст.

— И плохой ты джентльмен, Паша, — добавила бабушка. — Даже не понимаю, как тебе доверили разводиться скунусиков. Ты же их испортишь. Давай показывай. Не верю я, что ты о них хорошо заботишься.

— Они спят, бабушка, — сказал Пашка. — Я же сказал, что их нельзя беспокоить.

— Ох, грехи наши тяжкие, — вздохнула бабушка и, видно, собралась уходить. Но что-то в ее поведении Алису смущало — бабушка на глазах стала слишком простоватой, почти сказочной бабусей. А ведь еще вчера она была самой обыкновенной пожилой женщиной, которая пудрила носик, собираясь в консерваторию.

Но ни взглядом, ни словом Алиса не успела предостеречь Пашку, потому что вдруг бабушка подняла к небу руки, словно защищаясь от какой-то опасности, и Алиса увидела, что из листвы на бабушку бросилось отвратительное создание, какого раньше ей видеть не приходилось. Оно было похоже на летучую мышь размером с кошку, у него был длинный голый цеплючий хвост и сильные, покрытые чешуей, зеленые лапы с длинными когтями.

— На помощь! — закричала бабуса. — Уберите своих скунусиков!

Но Пашка и Алиса стояли как молнией пораженные. Ведь скунусики были плодом воображения Пашки Гераскина, и, ясное дело, никогда раньше никому не приходилось видеть воображаемых животных. Впрочем, чудища, напавшего на симферопольскую бабушку, они тоже никогда не видели.

Зрелище было жуткое: маленькая сухонькая симферопольская бабушка носилась по лужайке перед дачей, чудище пикировало на нее, и бабушка еле успевала увертываться от растопыренных когтей.

Первым пришел в себя Пашка. Он оглянулся в поисках оружия и увидел возле веранды грабли. Одним прыжком Пашка перемахнул через перила веранды, схватил грабли и стал отгонять чудище от уставшей бегать бабушки. Чудище старалось схватиться за зубцы грабель или вцепиться в Пашку, но Пашка махал так энергично, что оно вынуждено было отступить и погнаться за симферопольской бабушкой. Пашка побежал за чудищем.

Они мчались по тропинке, Алиса — за ними, они по очереди перемахнули через живую изгородь, и тут Алиса поняла, что все они намерены пробежать через коробку из-под ботинок.

И растоптать ее.

Алисе ничего не оставалось, как кинуться вперед, обогнать остальных, подхватить коробку и броситься, прижимая ее к груди, в кусты.

Остальные продолжали сражаться.

Из своего укрытия Алиса заметила, как зубцы грабель пронзают чудище, но никакого вреда ему не причиняют.

В коробке кто-то задвигался. Алиса спохватилась, что разбудила Аркашу.

— Аркаша, спокойно, — сказала она, нагнувшись к коробке. — Не обращай внимания, спи. Сейчас Пашка управится со скунусиком, и я поставлю тебя на место.

В ответ послышался возмущенный писк.

— Я понимаю, что противно, когда тебя будят таким образом, но пойми — они обязательно бы тебя растоптали.

И тут Алиса ахнула: из-за отскочившей от Пашки бабушки вылетели еще два чудища и кинулись на Пашку.

— Сзади, Пашка! — крикнула Алиса.

Пашка еле успел обернуться и отмахнуться от новых врагов.

Три чудища нападали на него яростно и быстро. Пашке приходилось вертеть граблями, как пропеллером, и силы его были на исходе.

— Аркаш, я тебя пока отставлю, — сказала Алиса, ставя коробку на землю и оглядываясь в поисках какой-нибудь палки.

Пашка уже шатался от усталости — еще минута, и он вынужден будет опустить руки. Тут ему и конец — чудища его не пощадят.

«Как глупо, — подумала Алиса, — пройти всю Галактику и погибнуть под Москвой, на даче старого друга, от чудищ, которые почему-то прилетели вслед за симферопольской бабушкой. А почему они прилетели вслед за бабушкой?»

Алиса не нашла ничего более солидного, чем сухая сосновая ветка. С ней она и кинулась на помощь Пашке.

Но именно в этот момент твари улетели — так же внезапно, как появились, словно растворились в воздухе.

Пашка, не веря своим глазам, крутил головой. Потом уронил тяжелые грабли и сел на траву рядом с ними. Симферопольская бабушка вылезла из кустов, где она пряталась.

— Ужаси-то какие, — сказала она. — Я уж думала — померем мы все.

— А что это было? — спросила Алиса, ни к кому не обращаясь.

— Как что? — сказала бабушка. — Так твой дружок сказывал: скунусики! Какие не подошли от волнения и переживаний, те вот и разлетались!

— Какие еще скунусики! — воскликнул в сердцах Пашка. — Нет никаких скунусиков.

— Все померли? — спросила симферопольская бабушка.

— Никто не помирал! Нет их и не было.

— А куда ж делись?

— Я их придумал!

— Ой, как нехорошо старуху пугать, — расстроилась симферопольская бабушка. — Ты их придумал, а они чуть меня не заклевали.

— Скунусики, которых я придумал, не могут вас заклевать! — пытался втолковать Пашка непонятливой бабушке. — Нет их, понимаете?

— А с кем же ты воевал?

— Не знаю.

— Так ты же со скунусиками воевал.

— А вы откуда знаете? — спросила Алиса.

— А кто их, подлецов, не знает, — удивилась симферопольская бабушка, — очень они нервные. Как какая бабуся приедет, они сразудохнут...

Бабушка поглядела вокруг, вздохнула и добавила:

— Я в молодости и не таких делала.

— Бабушка! — воскликнула Алиса. — Это ты чудищ сделала, да? Это был гипноз?

— Какой такой гипноз? — возразила бабушка. — Это голографические почки. Мое изобретение. Я всегда с собой их в сумке таскаю.

Бабушка вытащила из сумки маленький орешек, меньше лесного.

— Подвижные голограммы с программным управлением, — сказала она звонким театральным голосом. — Мы сжимаем двумя пальцами почку, приводя ее в действие...

Бабушка подкинула в воздух орешек, и на его месте образовался немалого размера дракон, который был во всем натурален. Он медленно поворачивал головой, как бы разыскивая жертву. А бабушка тем временем подкинула в воздух второй орешек, и он превратился в молодого рыцаря на белом коне. Рыцарь был вооружен длинным копьем и готов к бою. Дракон тоже не трусил — он ударил по земле хвостом и двинулся навстречу противнику. Удивительно только, что вся эта сцена происходила в мертвой тишине.

— Я с этой программой, — сказала бабушка, — всю Галактику облетела. А уж что

касается каких-то там банальных скунусиков, то я их с собой кучей ношу. — Бабушка подкинула горошину, и еще одно чудище начало порхать над сражающимися драконом и рыцарем. — Мне они для чего нужны? Мне они нужны, чтобы кошек отгонять, — закончила бабушка, — а то они моего попугая дразнят.

Затем она при молчаливом изумлении присутствовавших щелкнула три раза пальцами. Дракон скукожился, собрался в точку. Еще раз щелкнула пальцами — и рыцарь вернулся в скорлупку. Наконец спрятался в горошине и скунусик.

— Мне пора, — сказала бабушка. — Надеюсь, что Паша не очень устал махать граблями.

— Это моя обычная зарядка, — мрачно сказал Пашка, который не выносил, если над ним смеялись.

— До свидания, — сказала бабушка. — Если захотите пирожков, позвоните мне, я всегда буду рада испечь вам чего-нибудь вкусненького.

— Прости нас, — сказала Алиса.

— За что? Мы квиты, — ответила бабушка. — Вы хотели меня обмануть, чтобы я поскорее отсюда улетела. Я тоже вас обманула, сделав видимость страшилищ, с которыми вы сражались, как с настоящими. Но главное — не сбежали. Так что теперь я за вас спокойна.

Сказав так, симферопольская бабушка попрощалась и пошла к своему флаеру, что стоял на дачной улочке.

— А я с самого начала понял, что это голограммы, — сказал Пашка. — Но решил: а почему бы мне не размяться?

— Скунусик, — сказала Алиса, — типичный скунусик.

— А что?

— Нет более лживых насекомых, чем скунусики. Наше счастье, Павел Гераскин, что у моей симферопольской бабушки есть чувство юмора.

Пашка отвернулся и стал смотреть на спокойную гладь прудика. Вдруг глаза его стали круглыми.

— Алиса! — воскликнул он. — Где Аркашин дом? Она его унесла!

— Не беспокойся! — сказала Алиса, доставая из кустов коробку из-под ботинок. — Просто ты так прыгал, что наверняка бы растоптал Аркашу.

— А я испугался. Мне в ней показалось что-то зловещее. Понимаешь, она все время изображала какую-то древнюю бабусю из леса, а я видел перед собой нормальную женщину. И это меня насторожило.

— Недостаточно насторожило, иначе бы ты не стал врать про скунусиков.

— А славных скунусиков она умеет делать! — рассмеялся тут Пашка. — Надо было у нее парочку попросить. Я бы из них сделал себе личную охрану. На особо опасных планетах.

— Потом попросишь, — сказала Алиса, ставя коробку на место.

Тут же из дверцы выскочил голенький Аркаша ростом со спичку и, подпрыгивая от негодования, стал грозить Алисе кулачком.

— Аркаша, спокойно, — сказал Пашка. — Тебя же защищали. Больше тебя никто не будет обижать.

Но Аркаша не унимался — видно, сильно рассердился.

— Тогда пойдя и надень штаны, — сказал Пашка. — Неприлично выступать перед девушкой в таком виде.

Эти слова подействовали на Аркашу. Он тут же кинулся обратно в коробку. Так начался второй день экспедиции в Страну дремучих трав.

Глава 6. Мордашкин, пощади ребенка!

День продолжался куда обычнее, чем начался.

Аркаша, высказав на утреннем сеансе связи все, что думает об Алисе, взял большую булавку и пошел искать волоски для кисточек. Для этого он решил воспользоваться паутиной. А так как пауки могли возражать против грабежа, Аркаша искал паутину старую, брошенную. Алиса попыталась предостеречь Аркашу, чтобы он был поосторожнее с пауками — а то попадешь в паутину, запутаешься, вот тебе и конец придет...

Выслушав такое предостережение, Аркаша отключил связь, а Пашка в ответ на Алисины упреки сказал, что Аркаша абсолютно прав. Ни один мужчина не выдержит такой опеки.

На пульте в комнате горел зеленый огонек — все в порядке. Аркаша обещал далеко от коробки не отходить. Пашка пошел купаться — но не на маленький прудик, на берегу которого стоял дом Аркаши, а на озеро, за километр. И сказал, что вернется к обеду. Алиса стала было готовить обед, но не могла не думать об Аркаше. Ей все чудилось, что он лезет по паутине, а громадный паук-крестовик, а то и тарантул, подстерегает Аркашу.

Наконец Алиса не выдержала. Она притушила плиту и тихонько, надеясь, что Аркаша ее не заметит, начала подкрадываться к его убежищу. Все-таки лучше быть рядом и, если надо, прогнать тарантула.

Алиса прокралась вдоль изгороди — она понимала, что ей куда труднее увидеть Аркашу, чем Аркаше увидеть ее. Муравей всегда скорее заметит медведя, чем медведь — муравья. Алиса опасалась приблизиться к пруду, чтобы не вызвать новой вспышки Аркашиного гнева.

Когда до прудика, отделенного от нее живой изгородью, оставалось совсем чуть-чуть, Алиса легла на землю и поползла по-пластунски. Порой она останавливалась и прислушивалась. За изгородь она заходить не смела, потому что Аркаша, конечно же, услышит шум, который она поднимает. Она проползла еще немного, так что теперь между ней и коробкой был только прудик — почти круглый, метров пять в диаметре. Один берег, на котором стояла коробка из-под ботинок, был высоким и крутым, а с той стороны, где ползла Алиса, он был совсем плоским, зарос осокой, из которой поднимались стрелы камыша.

Утренний мир прудика и леса был деловитым, шумным и даже крикливым — кто только не летал, не ползал и не плавал вокруг. Каково Аркаше — ему все время приходится быть настороже.

На руке у него браслетик — чудо техники. По нему Аркашу всегда можно найти.

Алиса чуть приподнялась над травой, чтобы получше разглядеть дальний берег, и тут замерла: она увидела Аркашу, разглядела его, высмотрела крошку, когда он, волоча за собой, как трос, паутинку, пытался оторвать ее от сети.

Но, по крайней мере, Алисе стало спокойней — Аркаша жив-здоров. Очень хотелось помочь ему оторвать и отнести в коробку паутину, но нельзя. Остается только лежать в траве, терпеть комариные укусы и мысленно уговаривать пауков не нападать на человечка.

Прошло минут десять, прежде чем Аркаша справился с паутиной, но когда он потащил

добычу домой, Алисе пришлось тихонько уползти, а то бы он ее обязательно увидел.

Пашке, когда тот вернулся, искупавшись, она о своих переживаниях рассказывать не стала.

— Жизнь постепенно входит в обычное русло, — сказал Пашка. Он прошел к пульту и вызвал Аркашу.

Аркаша долго не отвечал — минуты три.

— Ты что, заснул? — удивился Пашка.

— А зачем вызываешь?

— Контрольный вызов, — сказал Пашка. — Это же естественно.

— Тогда считай, что я спал.

— Это ложь, исследователь Сапожков, — сказал Пашка. — Вы попросту сняли браслет-передатчик, в чем выразилось ваше легкомыслие.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что ни один нормальный человек не может все время таскать такой браслет. Но пойми, Сапожков, ты находишься в зоне повышенного риска, и мы несем за тебя ответственность.

— Перед кем?

— Перед твоими родителями, перед всеми твоими многочисленными родственниками и, наконец, перед человечеством, которое мечтает увидеть мини-картины, созданные гением Сапожкова.

Пашка говорил так серьезно, что Аркаша оторопел. По крайней мере, он молчал минут пять. Потом сказал:

— Все равно не буду таскать браслет. Он тяжелый. Он мне мешает.

— Тогда я прерываю эксперимент, — заявил Пашка.

— Это еще как?

— Как? Проще простого. Алиса, сбегай к пруду, там возле коробки из-под ботинок бегают мелкие существа чуть побольше муравья. С ужасным, вздорным характером.

— И что надо сделать, командор? — спросила Алиса.

— Возьми его двумя пальцами, принеси сюда, сунь в кабину и запусти в нее увеличивающий газ.

— Я спрячусь! — донесся Аркашин голосок. — Вы меня не найдете.

— Тогда, исследователь Селезнева, я попрошу вас отыскать беглеца, но не увеличивать его, а посадить в ванну. На три дня.

— А воду напускать?

— Насчет воды мы с вами решим позже.

— Сдаюсь! — засмеялся Аркаша. — Ладно уж, буду таскать этот браслетище. Из уважения к страданиям Пашки.

— А теперь докладывай, как провел день, — сказал Пашка.

— День еще не кончился, — ответил Аркаша. — Но события были. Сначала я искал старую паутину. Потратил, наверное, целый час.

— Нашел? — спросил Пашка.

— Нашел, еле живой ушел. Я ее стал резать, а на ней такие липкие комки — на них жертвы и попадают. Я тоже немножко попался... Хорошо еще, что хозяин не поспел...

— Кисточки сделал?

— Сделал, только они очень мягкие. Я тут придумал пожестче. Я видел на одной

гусенице волосы — как раз что мне нужно. Я собрался ее искать, когда Пашка меня вызвал.

— Только осторожнее! — взмолилась Алиса.

— Обещаю, — сказал Аркаша. — Да и что может случиться? Я же возле коробки... Ой!

На помощь!

И больше ни звука.

Алиса от растерянности помедлила, может быть, пять секунд — не больше. Пашка — ни секунды. Еще не оборвался крик о помощи, как он перемахнул через перила веранды и помчался большими прыжками по тропинке.

Но когда Алиса догнала его, стоявшего между изгородью и коробкой из-под ботинок, вокруг было пусто — ни следа Аркаши.

— Тш-ш-ш, — предупредил Пашка. — Он где-то здесь, он же рядом с коробкой...

— Я боюсь, — прошептала Алиса.

— Ти-ш-ше!

Но вокруг и без того было тихо, если не считать жужжания насекомых и пения птиц.

«Зачем трава такая высокая? — подумала Алиса. — Здесь человека не разглядишь...»

Вот что-то шевельнулось в траве.

Алиса кинулась было туда, но Пашка прошептал:

— Нет, я видел, это Мордашкин играет.

Мордашкин был соседским котенком, добрым, ласковым, пушистым.

Пашка начал осторожно двигаться в другую сторону. Но Алиса остановилась. Котенок Мордашкин! Ведь он — только для нее с Пашкой котенок. А для Аркаши... разве он котенок для Аркаши?

Алиса быстро шагнула в ту сторону. Котенок Мордашкин возился в невысокой мягкой траве. Он лежал, прижавшись животом к земле, резко поводя хвостом из стороны в сторону. Передние лапы его были протянуты вперед, как у египетского сфинкса, а между ними металось какое-то маленькое существо — может быть, мышонок, вставший на задние лапы. Вот этот мышонок кинулся вправо — Мордашкин играючи приподнял лапку и наподдал мышонку так, что тот упал.

И пока медленно поднимался, Мордашкин, склонив голову, весело глядел на жертву.

— Негодяй! — закричала Алиса. — Сейчас же брось! Ты что, с ума сошел! Ты что, не видишь, что это человек?

Котенок поднял голову — глаза у него были отчаянные. Он понял только, что у него хотят отобрать игрушку. Быстрым движением котенок схватил Аркашу зубами и кинулся бежать, столбиком подняв хвост.

— Пашка! — кричала Алиса, метнувшись за котенком. — Он здесь!

Пашка уже все понял. В два прыжка он опередил Алису и перепугал котенка до смерти. Но Мордашкин решил не сдаваться. Он сам нашел и поймал человечка — зачем он должен его отдавать?

Они обогнули пруд, вбежали в березовую рощу.

Котенок хотел было взобраться на березу, но сообразил, что с Аркашей в зубах ему это сделать труднее.

— Гони к пруду! — крикнул Пашка.

Алиса отрезала котенку дорогу к густому кустарнику, куда он хотел было спрятаться, и пришлось Мордашкину бежать к пруду. Алиса и Пашка сближались.

И тут котенок понял, что его не оставят в покое, и отпустил Аркашу. Тот упал в воду, у

самого берега. Мордашкин не спеша потрусил домой, будто его ничто не интересовало.

Пашка по-вратарски упал вперед, чтобы дотянуться в прыжке до Аркаши. Но опоздал. Аркаша бесчувственно, не сопротивляясь и даже не двигаясь, стал опускаться под воду.

Какая-то небольшая птица, решив, видно, что это червяк, спикировала сверху, но не успела его схватить и, чуть не коснувшись воды, взлетела вверх. Алиса увидела, как к Аркашиному телу из глубины воды плывет серебряный окунек. Но тут Пашка подвел ладони под Аркашу и осторожно, но быстро вытащил его из воды.

Он сел, держа сомкнутые ладони перед собой, как будто протягивал Алисе драгоценность, и Алиса хотела было взять Аркашу из рук Пашки, чтобы понять, жив ли он...

И в тот момент, когда руки Пашки и Алисы встретились, Аркаша вдруг оперся ручками о ладонь друга, медленно сел и начал кашлять. Алисе, как под увеличительным стеклом, было видно, что Аркаше очень плохо!

— Эх, хлопнуть бы его по спине как следует! — произнес Пашка.

— И думать не смей! — ответила Алиса. Великое облегчение овладело ею. Аркаша жив и даже цел!

Постепенно Аркаша успокоился — кашель прошел, и Павел отнес его к коробке.

Аркаша с трудом сделал три шага до входа в свой дом, закинул голову, поглядел на друзей, потом показал рукой в сторону дачи и скрылся в коробке.

Алисе хотелось снять с коробки крышку и поглядеть, как Аркаша будет там устраиваться, но Пашка сказал:

— Пошли домой. Он будет с нами по связи говорить.

Они поднялись на террасу. Аркаша уже был на связи.

— Все в порядке, — сказал он. — Я даже не разбит, и крови нет. Честное слово. Сейчас полежу немножко, отдышусь и снова за дела.

— Аркаша, миленький, — попросила Алиса, — давай мы тебя увеличим, ну хотя бы на полчаса.

— Зачем?

— Посмотрим, где ты раненный. Ты же побывал в когтях льва! Сейчас у тебя шок, поэтому ты еще не чувствуешь боли.

— Мордашкин не делал мне больно, — сказал Аркаша. — Может быть, от меня все-таки пахнет человеком.

— Но он тебя ронял, — сказала Алиса.

— Не будем спорить, — ответил Аркаша тоном настоящего мужчины. — Если мне будет плохо, я вернусь и сам приму решение. А сейчас отстаньте от меня на полчаса. Добро?

— Отстали, уже отстали, — сказал Пашка. — Но дай нам слово, что будешь смотреть по сторонам.

— Даю слово, — сказал Аркаша. — А то в следующий раз Мордашкин утащит меня и загрызет. Бр-р-р!

Алисе стало так жутко, что она вышла из комнаты. Ее друг находился в зубах хищника, и тот мог спокойно его загрызть. Совершенно спокойно. Котенок Мордашкин загрыз семиклассника Аркадия Сапожкова!

— Алиса, — позвал ее Пашка, который быстро умел успокаиваться. — Что у нас с тобой на обед?

Глава 7. Аркаша исчез!

До вечера ничего особенного не произошло. Аркаша браслета не снимал и все время поддерживал связь с Алисой.

Пашка, видя, что все пришло в норму, снова ушел купаться, потом занялся своими делами — он начал уже готовиться к тому дню, когда и сам уменьшится до размеров Аркаши. И соответственно своему характеру решил как следует вооружиться. Он забрался в мастерскую, которую Аркашин дедушка устроил в сарайчике за домом, и там принялся выпиливать себе меч меньше двух сантиметров длиной.

Аркаша тем временем отыскал неподалеку от своего убежища заросли клевера и, выбрав цветы пониже, нагибал их к себе и высасывал из них нектар. Потом утверждал, что это очень вкусно. А когда стало прохладнее, он уселся на берегу прудика и нарисовал первый в мире микропейзаж, автор которого в сидячем положении возвышался лишь на два сантиметра над землей.

Порисовав, Аркаша пошел погулять к пруду. Алиса категорически возражала против того, чтобы он выходил на открытое место — в любой момент может прилететь ворона или вернется Мордашкин. Но Аркаша сказал, что он будет настороже и не выпустит из рук большой булавки.

Зловредный Мордашкин возник в окрестностях коробки ближе к вечеру и решил немного поохотиться на Аркашу. Аркаша благоразумно отступил к коробке.

— Странно это, — сказал он Алисе по связи. — Я вижу Мордашкина, знаю, что это котенок, что он сейчас сидит на том берегу прудика и облизывает лапу. Вроде бы все обыкновенно. Но сейчас он углядел меня и, вместо того чтобы подойти к моей ноге и приласкаться, как положено, он несется схватить меня и растерзать...

На этом Аркаша закончил свой монолог, потому что ему пришлось спрятаться в коробке. Мордашкин не выдержал.

— Мордашкин, не смей качать мой дом! — услышала Алиса голос Аркаши.

Алисе все-таки пришлось сбегать к пруду и отогнать Мордашкина, который хотел забраться в коробку и достать оттуда Аркашу.

Она шлепнула Мордашкина и предупредила его по-честному:

— Смотри, когда Аркаша станет большим, он тебе покажет!

Котенок отбежал, уселся и стал смотреть на Алису, склонив голову набок. И тут Алиса поняла: этот негодяй каким-то образом догадался, что и она сама через несколько дней станет маленькой и будет жить в этой коробке. А если так, то он не прочь поохотиться и на Алису.

Перед сном Алиса еще разок поговорила с Аркашей, который сидел у входа и при вечернем свете записывал свои мысли в дневник обломком тонкого чертежного грифеля.

За ночь тоже ничего не случилось.

Аркаша проснулся рано и сообщил, что хорошо выспался, только пришлось забаррикадировать вход в коробку, потому что туда проникли два комара. И пока он их не победил, о сне нечего было и думать. Комары улетели на рассвете, и тогда Аркаша заснул.

Пашка после завтрака помчался на флаерную станцию — ему надо было сгонять в Москву в Исторический музей, чтобы взять там рисунок арбалета.

Алиса отыскала в шкафу тоненькие тряпочки и сшила из них плащики и для себя и для Аркаши с Пашкой. Плащики были устроены очень просто: материя складывалась пополам,

наверху прорезалось отверстие для головы, а с боков плащики были прихвачены ниткой, так что руки оставались голыми, — они немного походили на плащи, которые носили три мушкетера.

Потом Алиса вызвала Аркашу на связь и спросила, не голодный ли он? Она готова принести ему завтрак.

Аркаша с негодованием отказался, заявив, что он не в детском саду.

— Ладно, — сказала Алиса, — я и не ждала, что ты согласишься. У меня есть для тебя подарок — я сшила тебе плащ. Принести?

— Вот это здорово! — обрадовался Аркаша. — Принеси, пожалуйста. Я как раз мастерю себе сандалии из коры.

Алиса прошла на кухню, принесла оттуда чай и сгущенное молоко. И только хотела сесть за стол, как случайно взгляд ее упал на пульт. Там горела красная лампочка — сигнал тревоги.

Алиса кинулась к пульта, включила вызов:

— Аркаша, откликнись! Аркаша, что с тобой?

Молчание.

— Аркаша, не молчи, пожалуйста!

Молчание.

Алиса кубарем скатилась с веранды, добежала до прудика. Где Мордашкин? Его надо было запереть.

И тут она увидела, что Мордашкин сидит на бочке для дождевой воды и умывается.

Значит, не котенок! Почему-то она почувствовала облегчение.

Вот и коробка.

— Аркаша!

Алиса знала, что Аркаша разговаривал с ней из своего укрытия. И это было всего пять минут назад.

Алиса сняла с коробки крышку.

В коробке никого не было.

Но даже с первого взгляда было ясно, что там произошло отчаянное сражение: ватная постель Аркаши разорвана в клочья, листы бумаги раскиданы и помяты, коробочки и ванночки с красками опрокинуты, разломанный браслет связи валяется у входа.

Значит, кто-то смог проникнуть в небольшую дверцу, внутрь коробки, кто-то, кто был сильнее Аркаши. Этот таинственный незнакомец одолел Аркашу и утащил его. Мордашкин или другой котенок в дверь бы не пролез. Не пролезла бы и птица. Змея?

Алиса даже зажмурилась — так явственно представила себе гадюку, которая вползает в открытую дверь коробки, обвивает своими кольцами беспомощного Аркашу и уносит его... погоди! Алиса открыла глаза. Но ведь у нас гадюки не водятся! Даже маленькие! Змея могла напасть на Аркашу, но не могла унести его... Кто? Какое-то животное?

Но дверца в коробке была так мала, что вряд ли кто-нибудь крупнее, чем мышь-полевка, мог туда пробраться...

«Что же я теряю время?»

Надо искать вокруг... по следам. Земля влажная — наверняка на ней остались следы!

Алиса присела на корточки, стала разглядывать землю вокруг коробки. Вроде бы были следы — махонькие углубления в земле. А может быть, это и не следы? Надо притащить сильную лупу... Но есть ли на даче сильная лупа? Вряд ли. По крайней мере, за последние

два дня Алиса не видела никакой лупы. Вот примяты травинки — но разве разберешь? Для того чтобы понять, как двигалась спичка через джунгли травинок, надо быть такой же спичкой, а не спичечной фабрикой.

Алиса на цыпочках, глядя под ноги — только бы не наступить на друга, вышла на берег прудика и огляделась, снова присела на корточки и, склонив голову к самой траве, заглянула под нижние ветки кустов, в гущу трав. Она разводила пальцами стебли и через несколько минут напрасных поисков поняла, что Аркашу она так не найдет и не спасет. И чем яснее она это понимала, тем жутче ей было: пропадет Аркаша навсегда — в когтях ли кота, в пасти змеи или в клюве вороны. Как ты объяснишь это Аркашиным родителям, которые буквально молятся на сыночка? Да, скажешь ты, мы оставили его без присмотра в мире дремучих трав и даже не знаем, что с ним случилось. Но неужели вам не было ясно, как опасно безоружному человечку одному жить в траве? Почему вы не остановили его силой, после того как на него напал котенок?

Нет, поняла Алиса, она не может вернуться в Москву и увидеть старших Сапожковых, не сможет поглядеть в глаза своей учительнице Светлане и друзьям в классе и на биостанции...

— Аркаша! — закричала Алиса изо всей силы. Хотя отлично понимала, что, даже если Аркаша сможет откликнуться, она не услышит его голоса.

Может, и в самом деле Аркашу тащит себе в нору какой-нибудь барсук, а пленник старается оставить следы: вот он сделал зарубку на стволе — то есть на травинке, вот он кинул камень — то есть песчинку.

И Алиса так явственно себе это представила, что тут же помчалась обратно к дому. Как она могла потерять столько времени! Единственный выход, единственное спасение для Аркаши — стать такой же, как он, чтобы видеть все глазами лилипута. Только так его можно спасти.

Через минуту Алиса уже была в комнате. Она метнулась к пульту, на котором все горел красный огонек тревоги, потом в другую комнату, схватила свой плащик, который сшила так недавно, потом кинулась к столику, за которым вчера вечером Пашка мастерил для себя меч. Вот он — чуть больше ногтя, — только бы не потерять его... Алиса завернула меч в плащик. Все это и еще булавка, которая пригодится в том мире, да кусочек шоколадки...

Время шло. Уже прошло почти десять минут, как пропал Аркаша. А каждая секунда могла решить его судьбу. Алиса не стала думать — забыла ли она чего-нибудь или нет...

Только выбегая с веранды, поняла: забыла! Обязательно надо оставить записку Пашке. Ведь он ничего не знает.

Алиса включила видик и сказала, глядя на экран:

— Пашка, Аркаша исчез! Я уйду туда, чтобы его искать. Оставайся на связи — твоя помощь может оказаться решающей. Родителям — ни слова!

Алиса выбежала к красно-белой полосатой кабине, что мирно стояла перед верандой, как пограничная будка.

Она открыла люк и хотела было забраться внутрь. Но сообразила, что из этого ничего не выйдет. Ведь если в самом деле она станет маленькой, как Аркаша, то ее буквально погребет под собой ее нынешний костюм — брюки и куртка, носки и тапочки, наручные часы придавят ее, а заколка в коротких волосах пронзит, как сабля.

Алиса положила заколку на траву, разулась, потом оглянулась — никого поблизости, даже любопытного Мордашкина нет. И все равно было неловко раздеваться догола. Алиса

даже сделала шаг, чтобы спрятаться за кабину, — но ведь неизвестно, с какой стороны раздеваться безопаснее.

«Алиса, — сказала она себе, — ты с ума сошла — терять время на такие глупые рассуждения! Три-четыре-пять!» Она скинула все с себя и нырнула в темное нутро кабины.

Металл сиденья был холодный, даже садиться неприятно. Очень тесно, колени упирались в стенку, мешал угол пульта. Главное было — не потерять то, что держала в горсточке, — плащ, шоколадку, меч и булавку.

Алиса нажала на кнопку «Люк». Люк закрылся и чмокнул, присасываясь к оболочке. «Как бы тут не задохнуться», — подумала Алиса, но тут же в темной кабинке запахло свежими огурцами. «Странно, — подумала Алиса, — а скоро они пустят газ?» Но газа не было — только запах огурцов все усиливался, словно кто-то рядом их резал для салата. В кабине было не совсем темно — стены слегка светились, и пульт был зеленым, словно наполненный подсвеченной водой. Стрелка содержания газа в воздухе поднялась почти до предела.

«Значит, я дышу газом, — поняла Алиса, — и это он так пахнет. Что ж, это правильно. Хуже было бы, если бы газ пахнул чесноком или аммиаком. Интересно, сколько времени займет уменьшение?» Алиса совсем не боялась — наоборот, она спешила, она подгоняла время. Она понимала, как много от нее теперь зависит.

Но хронометр на пульте не спеша отсчитывал секунды, ничего интересного не происходило, и в голову начали проникать посторонние мысли: а вдруг сейчас снова заявится симферопольская бабушка? Войдет в комнату, прочтет Алисину записку — представляете, какой поднимется гомон вокруг! Они же все кинутся искать пропавшую девочку, пустят собак по следу...

Пульт почему-то увеличился и начал отодвигаться от Алисы, поднимаясь кверху. Наверное, от плохого освещения у нее начались зрительные галлюцинации. Пульт медленно уплывал вверх, — и вот она уже смотрит на него снизу. Как это могло случиться?..

Ну до чего же ты, Алисочка, глупая! Забыла, зачем забралась в эту кабину? Газ действует! Ты теперь стала меньше ростом, чем была.

Алиса попыталась встать, и ей это отлично удалось — она даже не доставала головой до верха кабины. Она подняла руку, чтобы дотронуться до потолка, но рука не достала, и с каждой секундой потолок уходил все дальше, словно Алиса опускалась вниз, стоя на какой-то платформе.

И тут стало страшно. Сама не ожидала, что испугается, но испугалась — от неуверенности в том, удастся ли вернуться в свой размер и в свой мир, мало ли что случится? Вдруг останешься крохотулей. Два лилипутика на всей планете — она и Аркаша, будут они жить в коробке из-под ботинок, выращивать тлей, бегать от пчел, смертельно бояться кота, а со всех сторон к ним будут приезжать экскурсии, смотреть на них сквозь специальные увеличительные стекла и протягивать сквозь решетку крошки хлеба. А на решетке, конечно же, будет надпись: «Кормить Алису и Аркашу строго запрещается. У них из-за вас хроническое расстройство желудка». Мама будет приходить каждый день, сидеть в сторонке и тихо плакать...

Алисе стало так себя жалко, что она чуть не расплакалась. Но плакать было некогда — Алиса понимала, что, как только уменьшение закончится, надо бежать к Аркаше на выручку.

Но когда оно закончится? Оказалось, что вокруг нет ни одного ориентира, по которому можно было бы догадаться, какого ты размера.

К тому же свет совсем ослаб и неясно было — где верх, где низ, где выход. Что-то мягкое и громоздкое мешало смотреть — Алиса стала отталкивать эту грудку материи, наткнулась на здоровенную железку — хорошо еще, что тупую. Какой-то дурак подсунул сюда это барахло... И тут же голова сообразила: какой дурак мог подложить, если всего несколько минут назад Алиса еле уместилась в эту кабину, сжимая в кулачке свое добро... Так это ее добро! Это ее плащ, меч и копье. А где же шоколад? Еще растает — хороша она будет, вся в шоколаде!

Алиса расправила плащ — он был великоват, но не очень. Можно было одеваться.

Она быстро продела голову в отверстие — какая грубая ткань, просто дерюга!

И меч... Она подняла меч. Тяжелый, страшно неудобный. Как мог Пашка так неаккуратно сделать рукоять — держать невозможно! «Ах какая я глупая! — подумала Алиса. — Я совсем забыла взять плащ, который сшила для Аркаши!»

Ворча про себя, Алиса подобрала с пола пакет с куском шоколада — пакет еле влез в карман, пришитый спереди плаща. Алиса стала похожа на маму-кенгуру.

Раздался щелчок. Запах свежих огурцов пропал. Высоко-высоко, куда уплыл пульт, что-то звякнуло. И тут же в полу, в бывшем сиденье, открылся люк — раньше его не было видно, и Алиса о нем забыла.

Она подошла к люку — это был глубочайший колодец, к стене которого были приклеены скобы.

— Эй! — крикнула Алиса вниз.

Эхо отозвалось:

— Э-э-эй...

Как неудобно — и булавка, и меч, и пакет с шоколадом, — так никогда не спуститься. «А спускаться надо... давай посчитаем: высота от сиденья до земли примерно сорок сантиметров. Значит, десять раз мой теперешний рост. Если сорвешься, костей не соберешь!»

Алиса легла на живот, опустила ноги вниз, нащупала пальцами скобу и перенесла на нее вес тела. Потом подобрала лежавшие на краю меч и копье — тяжеленные железки, которые всего пять минут назад были такими маленькими, что приходилось сжимать их в кулаке, чтобы не потерять.

Алиса спускалась медленно — в одной руке меч и булавка, а другой она держалась за выступы. Пакет с шоколадом в кармане страшно мешал, цепляясь за выступы... Она проклинала саму себя — надо же иметь такую садовую голову, кочан капусты, чтобы тащить все тяжести с собой в кабину, вместо того чтобы оставить их на земле у выхода, как делает любой нормальный человек!

Когда Алиса поняла, что больше не сможет сделать ни одного движения, ей пришла в голову интересная мысль: а почему она должна тащить эти жутко тяжелые железки в руке и погибать от этого, когда тот же самый меч и булавка могут отлично путешествовать вниз своим ходом. Придя к такому выводу, Алиса разжала пальцы, и ее оружие со звоном и гулом, ударяясь о стенки колодца, полетело вниз, и вскоре звон этот закончился громкими ударами — теперь меч и булавка ждали ее внизу.

Остаток спуска превратился в легкую прогулку. Внизу она подобрала оружие, которое уже не казалось таким тяжелым.

Выход из кабины открылся, как только Алиса подошла к нему. В глаза, отвыкшие от яркого света, ударило солнце.

Одним лилипутом на свете стало больше — Алиса вошла в Страну дремучих трав.

Глава 8. В поисках Аркаши

Ощущение было невероятное. Даже обидно, что ей приходится выходить в этот мир при таких печальных обстоятельствах.

Казалось, что даже небо стало куда выше. Впрочем, это было единственным, что связывало Алису с прошлым, — небо. Больше ничего узнать было нельзя.

И не в том дело, что одна вещь стала больше, а другая много больше, — просто все стало настолько иным, что и сравнивать-то было не с чем.

Алиса стояла возле гигантской красной с белым полосатой башни, которая возвышалась над лесом, вызывавшим в памяти заросли тропического бамбука, которые она видела в Индии.

Эти растения покачивались, шевелились, потому что были лишены твердых стволов, к тому же они кишели различного рода существами, большей частью небольшими, но среди них попадались и гиганты — ростом с Алису и даже больше.

Алиса отлично понимала, что она смотрит на заросли травы, окаймлявшие тропинку, но глаза отказывались верить, что трава может вымахать высотой в трехэтажный дом.

Алиса как бы оказалась в двух мирах. Первый — ее память. Она помнила о том, как эта тропинка, как эта трава и даже кабина выглядят с точки зрения обыкновенного человека. Но совсем иное предстало сейчас перед Алисой.

Вот узкая тропинка. Как странно было слышать, когда Аркаша жаловался, что на ней — острые камни. И в самом деле мягкая земля оказалась состоящей из различного размера камней, семян, веточек, сосновых иголок, устилавших тропинку. А вот бежит существо ростом с небольшую собаку — с громадной сверкающей головой и короткими жвалами. Оно шевелит усами и враждебно смотрит на Алису: вот-вот кинется в атаку. Алиса отступила и подобрала с земли меч. Ведь эта злобная собака — рыжий лесной муравей, который больно кусает больших людей. Каково же от такого укуса будет Алисе?

Она наклонила копьё-булавку и замерла. Муравей посмотрел на него, потом, наверное, решил, что у Алисы такое жало, нехотя побежал в сторону и скрылся в стене травянистых деревьев.

«Ну хорошо, осматриваться будем потом, — сказала себе Алиса. — Сколько уже прошло времени с тех пор, как пропал Аркаша? Может быть, целый час. Теперь у меня нет часов — придется разбираться по солнцу».

Громадная тень закрыла небо. Повернув копьё острием к небу, Алиса по острым камням кинулась с дороги.

Она думала, что это — птица. Но оказалось — всего-навсего бабочка, которая спустилась подивиться Алисой. Красивая бабочка «адмирал». Голова у нее, как голова Алисы, только глаза в несколько раз больше.

Понимая, что стоять на тропинке — значит привлекать к себе внимание жителей травяного леса, Алиса побежала, поджимая пальцы ног, чтобы меньше резало камешками, к изгороди, которая поднималась впереди высокой зеленой стеной, будто обрывом гигантской горы.

Алиса знала, что до изгороди двадцать метров, но теперь ее шаг — сантиметр, значит, путь удлинился до двух километров. Да еще надо миновать несколько метров до коробки.

И какой же дурак поставил коробку так далеко от кабины? Все из-за этого прудика!

Алиса семенила к изгороди, а та приближалась так медленно, словно до нее было километров сто. К тому же все время приходилось быть настороже. А это даже к лучшему — некогда думать о камнях и палках.

Один раз к ней спикировала стрекоза, потом Алиса встретила сразу десяток муравьев, но они, к счастью, не обратили на нее внимания.

Наконец она добралась до изгороди. Та нависала над ней миллионами листьев, каждый из которых мог бы послужить Алисе одеялом. Листья поднимались к небу, к самым облакам, хотя Алиса в то же время отлично помнила, что живая изгородь, окружавшая дачу Сапожковых, высотой чуть больше метра.

За изгородью тропинка почти пропала среди густых бамбуковых зарослей, и камни на ней стали крупнее и острее — так что пришлось идти по обочине.

Алиса остановилась и перевела дух. Идти оставалось немного — белые стены здания без окон были видны сквозь зеленые стволы. Хорошо, что она знает — это коробка из-под ботинок. Иначе никогда бы не сообразила, кто и почему воздвиг здесь такое странное сооружение.

Ноги уже были изрезаны камнями, но Алиса все же продолжала идти вперед. Она опиралась на копьё и волочила за собой меч, который хотелось бросить, но нельзя: неизвестно еще, с кем придется сражаться.

Стена коробки нависла над Алисой. Теперь надо было обогнуть ее, чтобы отыскать вход. А ведь недавно она глядела на эту коробку сверху, даже снимала с нее крышку одной рукой, без всякого усилия... Алиса дотянулась до стены и постучала в нее. Стена была толстой, неровной, сплетенной из крупных волокон.

Еще несколько шагов, и можно будет отдохнуть...

Алиса завернула за угол и увидела, что возле входа в коробку сидит на задних лапах гигантское существо, более всего напоминающее ископаемого ящера.

Заостренная, вытянутая вперед морда была плотно направлена в сторону Алисы — видно, чудовище почуяло ее заранее.

Черные глаза чудовища ярко сверкали. Они были невелики по сравнению с мордой, покрытой толстой щетиной. Круглые метровые уши чуть шевелились, прислушиваясь к Алисиным движениям, могучие лапы, оканчивающиеся страшными саблями когтей, способных одним ударом разорвать Алису пополам, легко несли на себе округлое крепкое тело, высотой в слона, но куда более массивное. Спина и бока ящера были покрыты могучими копьями — тысячи острых концов торчали во все стороны, готовые вонзиться в невинного странника.

Алиса от неожиданности замерла, прижавшись спиной к стене белого дома, и усталой рукой приподняла копьё-булавку, понимая, насколько слабо ее оружие против этого гиганта.

Гигант сморщил подвижный мокрый нос, фыркнул и, вместо того чтобы наброситься на Алису, отступил на шаг, развернулся и неуклюже кинулся наутек.

И только глядя ему вслед, Алиса поняла, что ее перепугал самый обыкновенный ежик, а она, в свою очередь, еще больше испугала этого храбреца.

Как же Алиса могла не узнать ежа? И тут же она поняла — ведь никогда еще ей не приходилось смотреть на него снизу, никогда не приходилось встречать ежика, который в несколько раз больше ее, у которого каждая иголка ей по пояс, а носик — не меньше ее

головы. Попробуйте хотя бы мысленно увеличить невинного ежика до такого размера, и потом посмотрим, кто из нас куда убежит...

Глядя вслед ежику, Алиса не смогла даже обрадоваться — так она устала. И ноги заболели вновь. Она перевалилась через высокий порожек коробки и без сил растянулась на твердом полу.

Наверное, от усталости, боли и пережитого страха Алиса впала в какое-то забытие — словно задремала. Но ненадолго. Как только ее дыхание стало реже и сердце перестало трепыхаться, она села и первым делом поглядела, что у нее со ступнями.

Оказалось — ничего страшного. Правда, они были исцарапаны, в одном месте даже сочилась кровь — но все это пустяки.

Алиса поднялась и стала осматриваться.

Вокруг все разгромлено, перевернуто. Кто-то чужой неожиданно напал на Аркашу. Почему Аркаша позволил этому врагу проникнуть внутрь дома? Не ждал опасности? Удивился, но не испугался? Иначе бы он воспользовался браслетом, который Алиса нашла на полу. Браслет связи был сломан, будто его нарочно растоптали.

Алиса подняла его — ремешок, которым он крепился к руке, был разорван. Представьте себе кошку или крысу, даже очень большую, но зачем ей срывать браслет с руки Аркаши и топтать его?

Конечно, ответ на это у Алисы был. Всегда есть что ответить на подобный вопрос: «Это случилось случайно».

Ведь случайности бывают такие нелепые и немыслимые, что нарочно не устроишь.

Алиса голову могла дать на отсечение, что Аркаша сражался — это она увидела еще сверху. Теперь она могла увидеть следы сражения с другой точки зрения, будто была его участницей.

Она обошла всю коробку в надежде увидеть какой-нибудь знак, оставленный Аркашей. Записку или предмет, значение которого понятно лишь друзьям, но ничего такого не увидела. Да и понятно: тот, кто напал на Аркашу, действовал быстро и решительно.

Честно говоря, когда Алиса обыскивала коробку, больше всего она боялась увидеть пятна крови. Ведь, если на Аркашу напал хищник, он мог его и сожрать. А если он его сожрал, то бесследно сделать это невозможно — что-то да останется.

Но крови в коробке не было — это означало, что враг выволок Аркашу наружу и потащил к себе в берлогу.

Значит, остается надежда, что Аркаша жив.

Если так, то надо думать, куда его могли потащить.

Алиса осмотрела пол возле входа. И хоть там было натоптано — и Аркашей, и самой Алисой, но ей показалось, что она видит и чужие следы — продолговатые, расширяющиеся спереди и узкие сзади. Как будто их оставил маленький утенок, надевший ботиночки.

Какое животное или насекомое могло оставить такие следы? Причем не два, не три — таких следов было немало. Многоножка? Но разве у нас водятся такие большие и агрессивные многоножки?

Надо идти по следам.

Но тут же Алиса сообразила, что, прежде чем пускаться в дорогу, следует что-то придумать с обувью: босиком по этой стране бегать нельзя. Алиса разворошила постель Аркаши, выгтащив из нее два куска ваты, которая оказалась грубой массой толстых волокон, затем примотала вату к ногам. Конечно, такие ватные подошвы будут недолговечными, но

на первое время они помогут.

Выйдя из коробки, Алиса внимательно оглядела землю у входа в нее, стараясь не затоптать следы. Многочисленные утиные следы вели вправо по берегу прудика.

Алисе удалось увидеть среди этих следов и следы человеческие. Это ее обрадовало — значит, Аркаша шел своими ногами, может, и не добровольно, но самостоятельно. Его не съели, а взяли в плен...

«Ну что за чепуха лезет мне в голову? — подумала Алиса. — Какой еще плен? Мы с Аркашей единственные разумные существа в Стране дремучих трав!»

Глава 9. В плену у лилипутов

Сначала Алиса шла быстро. Правда, ватные лапти были не очень удобными, и веревки, которыми они были примотаны к ногам, резали икры, но все равно ей было несравнимо лучше, чем раньше.

Тропинка кончилась большим овальным углублением. Алиса не сразу догадалась, что это ее собственный след, оставленный здесь час назад. Перед этим углублением утиные следы и след Аркаши свернули в травяные джунгли. Дальше идти стало труднее, потому что стебли травы стояли тесно, порой переплетаясь. Здесь было куда жарче, чем на открытом воздухе, по траве ползали различные тли, блохи и другая насекомая мелочь, которая мелочью для Алисы не была: когда тля размером с кулак, а червяк тебя длиннее, то лучше вовсе не сравнивать.

В большинстве случаев насекомые были заняты своими делами и на вторжение Алисы не обращали внимания, а те, что поменьше, старались убраться с ее пути. Но один назойливый жук неизвестно с какими намерениями вздумал гоняться за Алисой. У него были длинные усы, закрученные так залихватски, словно это был не жук, а старинный полководец Буденный, который только что слез с боевого коня.

Алиса выставила копьё, и жук замер, уткнувшись лбом в острие булавки. Но как только Алиса опустила оружие, он тут же снова кинулся к ней.

В иной ситуации Алиса бы от него убежала, но сейчас она боялась потерять следы, и ей приходилось отбиваться.

Это жука страшно рассердило.

В очередной раз наткнувшись на копьё, он поднялся на задние лапы, отвел усищи назад и брызнул в Алису желтой жидкостью. Отскочить она не успела — нападение было слишком неожиданным, только отклонилась в сторону.

И, о ужас! Часть жидкости попала ей на плечо и локоть, и отвратительный запах, наполнивший заросли, словно приклеился к ней.

А жук, торжествуя, не спеша отправился прочь. Даже ни разу не обернулся.

Алиса побрела дальше. В этой жаре запахи усиливались, и, как назло, нигде не видно воды, чтобы умыться.

Ладно, надо терпеть — это не самое большое горе.

Постепенно стало темнее. Подняв голову, Алиса увидела, что над травяными бамбуковыми джунглями навис зеленый потолок. Алиса вспомнила, что за коробкой, если пройти небольшую лужайку, начинается густой кустарник, который ей сейчас кажется высочайшим лесом.

Здесь, в тропической чаще, царил зловещий полумрак. Высоко в небе перекликались

невидимые птицы, травяные джунгли росли здесь кущами, и чем дальше уходила Алиса в глубь чащи, тем влажнее становилась почва под ногами и чаще встречались моховые деревья и гигантские лишайники...

Следы Аркаши и его врагов были видны отчетливо там, где они пересекали участки голой влажной земли. Так что Алисе было нетрудно идти по следам.

Один раз пришлось задержаться — дорогу ей неспешно пересекала большая гусеница. Она была составлена из двух десятков блестящих желтых бочек, каждая из которых покоилась на двух толстых, заканчивающихся когтями, коротких ногах. И когда гусеница подтягивала хвост и, сжимаясь, поднимала дугой среднюю часть, ножки топорщились высоко над головой. Наверное, и в обычной жизни эта гусеница была велика, а тут она представлялась королевой гусениц. В ней была своеобразная красота и тупость, направленная лишь на то, чтобы порадовать собственный желудок, набить все бочки едой. Алису гусеница даже не испугала. Алиса стояла довольно близко от нее, но, конечно же, гусеница, спешившая сменить столовую, не обратила на несъедобную, с ее точки зрения, Алису никакого внимания.

Алиса так загляделась на гусеницу, что пропустила тот момент, когда из чащи вышел человек и окликнул ее на непонятном языке.

Она даже зажмурилась, потом протерла глаза.

Но ничего не изменилось: между двух травяных стволов стоял человек чуть больше Алисы ростом, одетый в черный костюм, с какой-то блестящей штукой в руке — может, даже пистолетом, и говорил, обращаясь к ней.

— Ну и дела! — сказала Алиса. — Вот никогда не думала, что на Земле есть еще неоткрытые племена.

Человек крикнул тонким злым голосом.

— Неужели Аркаша у вас в руках? — спросила Алиса.

И в этот момент ее кто-то больно ударил сзади по голове.

От неожиданности Алиса выронила копье и схватилась за голову.

Обернувшись, она увидела улыбающееся жестокое лицо — и тут же ее ударили в висок.

— Еще чего не хватало! — воскликнула Алиса.

Она развернулась и как следует дала сдачи бандиту. А так как тот, видно, не привык, чтобы ему отвечали, он ахнул и сел на землю.

— Кто еще? — спросила Алиса.

Но тут она поняла, что шутки с жителями травяных лесов плохи. Мужчина, стоявший перед ней, поднял пистолет. Раздался выстрел, и травинка у самой головы Алисы резко покачнулась, пробитая пулей.

Алиса не стала ждать следующего выстрела, а кинулась в чащу. Она забилась в бурелом сухой травы, надеясь, что ее не увидят.

Вокруг слышен был шорох, негромкие голоса, шаги, треск сучьев — ее искали.

Алиса неподвижно сидела на корточках.

Шаги приближались. Алиса почувствовала, что к ее укрытию подошло несколько человек. Она старалась не дышать.

— Эш! — раздался совсем близко крик.

«Это ко мне не относится», — успокоила себя Алиса.

Совсем рядом засмеялись.

Потом сквозь траву и сухие ветви протянулся острый клинок и легонько ткнул Алису в

плечо.

— Э-э-э-э-ш-ш-ш-ш! — протянул чей-то голос.

Совсем рядом снова засмеялись.

Алиса поняла, что ее разыскали, и попыталась рвануться назад.

Но тут же спиной наткнулась на другой острый клинок.

— Ладно, — сказала Алиса. — Я сдаюсь.

Она медленно поднялась, так чтобы ее видели, вышла из зарослей.

— Та-тара, — сказал мужчина с мечом и пистолетом в руке.

Он показал на пояс Алисы.

Господи, а она совсем забыла! На поясе висел выкованный Пашкой меч.

Алиса вытащила его. Перед ней стояло уже человек шесть-семь, все в темных костюмах, с саблями и пистолетами — серьезный народ. Некоторые в касках с длинными козырьками, так что глаза скрывались в темноте, и это было неприятно.

Алиса бросила меч на землю. Он косо вошел в мокрую почву. Один из нападающих с трудом вытащил его и попытался поднять. Меч был ему тяжел. Странно — взрослые мужчины, кажутся нормальными, а ведь Алиса поднимала меч без труда. И тогда же Алиса обратила внимание на то, что те люди двигались чуть замедленно и как-то неуверенно, будто они ходили под водой, когда тебе каждый шаг дается с дополнительным трудом оттого, что надо преодолеть сопротивление воды.

Один из них, в каске, козырек которой лежал на носу, и поэтому ему приходилось закидывать голову, чтобы увидеть Алису, указал на нее пальцем и произнес небольшую речь, которую Алиса, разумеется, не поняла и даже пожалела, что рядом нет Аркаши с его гениальной способностью понимать и мгновенно выучивать новые языки. Аркаша любил повторять:

«Трудно выучить первый язык. Второй дается с немалым трудом. В третьем ты уже встречаешь кое-что знакомое, а двадцатый ты знаешь заранее — надо только выяснить мелкие детали».

Алиса, как и каждый человек в двадцать первом веке, знала, конечно, несколько земных языков, говорила на космолингве, могла объясниться на Паталипутре и среди брастаков. Но способности к языкам у нее были самые средние.

— Вы откуда? — спросила Алиса на космолингве, после того как человек с козырьком закончил речь.

— Это тебя не касается! — ответил человек в каске.

Так что оказалось, языкового барьера не существует.

— Пошли! — крикнул бандит.

Когда они пошли, Алиса обратила внимание, что на ногах у них были непривычной формы короткие сапоги, ступни которых расширялись, и оттого следы получались похожими на утиные. Алиса уже и без этого поняла, что Аркаша попал в плен к этим существам, а теперь она убедилась в этом окончательно.

Вокруг становилось все темнее — они все более углублялись в кустарник. Когда-то на этом месте стоял домик, но он давным-давно сгорел, остатки балок и кирпичей заросли бурьяном, потом на этой почве поднялись кусты, и росли они так густо, что не дали там приняться ни одному дереву.

За те несколько минут, пока они двигались к центру зарослей, Алиса догадалась, что встретила с инопланетянами. Во-первых, нигде на Земле нет людей такого размера, как

эти. Еще можно с трудом допустить, что миниатюрные дикари сохранились в каком-нибудь непроходимом тропическом лесу Амазонки. Но эти-то были не дикари! Они облачены в мундиры, шлемы, у них не только сабли, но и пистолеты. А для того чтобы сделать пистолет, надо, по крайней мере, изобрести порох и научиться плавить металлы. А этого в джунглях Амазонки, а тем более в джунглях Подмосковья не может случиться.

Встречу с инопланетянами вряд ли можно было назвать дружественной. Лет сто назад какой-нибудь писатель-фантаст обязательно написал бы о том, как приятно встречаться с братьями по разуму, как они любят нам помогать. Но у Алисы был большой жизненный опыт, и она знала, что в космосе живут самые различные цивилизации — и добрые, и жестокие. Конечно же, существует Галактический совет, который разбирает все случаи нападений, недоразумений, грабежа и стычек. Но порой суд запаздывает, а патрульный крейсер, который должен навести порядок, прилетает слишком поздно.

Алиса вышла на небольшую прогалину в зарослях. На невероятной высоте ее сплошным шатром перекрывали зеленые листья, но внизу росли совсем небольшие кусты — они и скрывали космический корабль незваных гостей. Конечно же, космический корабль!

Корабль был неплохо замаскирован. Его не увидишь, пока не подойдешь вплотную. Он представлял собой пирамиду со стесанными углами, вершина которой поднималась... Алиса затруднялась сказать, на сколько, но, наверное, не ниже, чем на высоту десятиэтажного дома. Только не настоящего десятиэтажного дома, а такого, в котором могла бы жить миниатюрная Алиса. То есть, если перевести размеры корабля в нормальные сантиметры, высотой он был примерно в полметра.

Навстречу Алисе открылся люк, и оттуда вышло еще несколько человек в черных мундирах. Они заговорили с теми, кто привел Алису. О ней самой на минуту забыли, зато заинтересовались мечом, который притащили к кораблю двое мужчин покрепче. Инопланетяне цокали язычками, ахали, спорили, стучали пальчиками по клинку... Затем из корабля выскочил худой человек — весь мундир в нашивках и позументах — и закричал что-то на непонятном Алисе языке.

Алису повели внутрь корабля. Если снаружи он был сильно избит, исцарапан, обожжен, очевидно, от долгого путешествия, то внутри корабль оказался страшно скучным и пустынным. Серые стены коридоров, темно-серые люки, круглые одинаковые лампы под потолком. Эта картина оживлялась лишь надписями и хулиганскими картинками, выцарапанными на стенах. Будто на корабле летали испорченные дети. Через несколько шагов коридор расширился — наверх вел неподвижный эскалатор. Алиса шла покорно, ведь каждый шаг, как она надеялась, приближал ее к Аркаше.

...Снова короткий коридор, который оканчивается нишей, забранной решеткой. За решеткой на полу сидит Аркаша в лохмотьях, что остались от набедренной повязки. Перед ним кучка палочек. С внешней стороны решетки стоят две девушки в длинных сиреневых платьях. Они очень внимательно смотрят на Аркашу и что-то записывают в блокноты. За их спинами — толпа инопланетян, смолкшая при появлении Алисы.

— Эй, Аркаша! — воскликнула Алиса. — Наконец-то я тебя нашла!

Аркаша оторвался от палочек, вскочил, придерживая руками повязку, кинулся к решетке, но, вместо того чтобы обрадоваться появлению подруги, рассердился:

— Еще чего не хватало! Ты зачем пришла? Ты понимаешь, как ты рискуешь?

— Аркаша, значит, я не должна была обращать внимания на то, что ты пропал? А вдруг это Мордашкин? И он тебя нечаянно придушил?

— При чем тут Мордашкин! — сказал Аркаша. — Мне удалось отыскать неизвестную мини-цивилизацию. Это открытие галактического масштаба! Потребовались вся моя деликатность и дипломатичность, чтобы наладить с ними контакт. И как только что-то начало получаться, появляешься ты!

— Значит, это не они тебя поймали, а ты их нашел?

— Разумеется! Я им поддался! — ответил Аркаша в традициях нахала Гераскина.

Они разговаривали через решетку, как будто рядом никого не было. Это хозяевам корабля надоело. Алису стали подталкивать к решетке. Распахнулась железная дверь...

— Только не сопротивляйся, — предупредил Аркаша. — Ничего страшного. Они прилетели сюда завоевать Землю и поработить нас всех. Сначала нас с тобой изучат, как местных туземцев. Это очень интересно!

— Ты хочешь, чтобы меня считали дикой женщиной?

— Совершенно дикой.

— А потом покорили?

— Я не думаю, что им удастся нас покорить, но как интересно, если они попробуют это сделать!

— Но это невозможно!

— Тебе так кажется, а им — иначе. Они думают, что мы все — лилипуты.

Алису грубо затолкнули в клетку. За решеткой собралось уже человек двадцать, они шумно обсуждали пленников, один из людей в темном мундире даже показал Алисе кусок хлеба. Остальные засмеялись. Кусок хлеба влетел в клетку и упал к ногам Алисы.

— Вот это мне не нравится, — сказал Аркаша. Он нагнулся, подобрал кусок с пола и ловко запустил им в того, кто смеялся громче всех. Обиженный схватился за саблю, принялся вопить, остальные засмеялись еще громче, точно так же, как смеется толпа грубых, невоспитанных зрителей в зоопарке, когда верблюд плюнет в самого нахального зрителя.

Раздался пронзительный звонок — хоть уши затыкай.

— Что это? — удивилась Алиса.

Аркаша пожал плечами:

— Я тут всего час сижу, а может, и того меньше. При мне еще не звонили.

Он сделал шаг к решетке и стал прислушиваться к оживившимся лилипутам.

— Ясно, — сказал он наконец, — звонят к обеду, и это для них — святое. К тому же они соскучились жевать сухари и консервы, а сегодня их кормят свежей едой. Им не терпится ее отведать.

Оживленно разговаривая, зрители ушли. Остались лишь две фигуры в сиреневых платьях до пола.

— Это ученые дамы, — сказал Аркаша. — Им уходить нельзя, они меня изучают. Младшие научные сотрудники без степени.

— Как это изучают? — спросила Алиса.

— Очень просто. Видишь эти палочки? Я их должен складывать. Если я буду хорошо складывать — получу конфетку. Плохо — убьют!

— Аркаша, что ты говоришь!

— Я бы мог у них спросить подтверждения, — сказал Аркаша, — но мне не хочется открывать карты. Пускай они думают, что мы дикие люди и не понимаем их языка. Пускай они нас не стесняются...

— Эй! — приказала одна из девиц, показывая на палочки, разбросанные на полу перед Аркашей. Вторая кинула еще пригоршню палочек перед Алисой.

— Думай, Алиса, думай, — сказал Аркаша. — Если ты сможешь сложить из этих палочек квадрат, тебе дадут поесть. Ты голодная?

— Да ты что! Я же недавно завтракала.

— Счастливая. А мне завтрак только снится.

Девушки зашебетали, торопя пленников.

— Велят думать, — сказал Аркаша.

— Как же я забыла! — воскликнула Алиса. — Все случилось так неожиданно, что я забыла про шоколад.

— Шоколад?

— Я тебе принесла шоколаду, — сказала Алиса.

Она вытащила из кармана в плаще пакет с комком шоколада. От этого военные девушки вообще пришли в крайнее негодование. У одной из них была палка — она просунула палку в решетку и норовила дотянуться до Алисы. Алиса передала шоколад Аркаше.

— Никогда в жизни еще не видел такого большого куска шоколада, — заявил он.

Аркаша вгрызся в шоколад, а девушки опомнились и принялись требовать, чтобы он занимался делом.

— У меня обеденный перерыв! — сказал Аркаша.

Девушки ответили взрывом негодования.

— А ты им дай по шоколадке, — сказала Алиса.

— А не жалко?

— Разве можно жалеть что-нибудь для девочек? — удивилась Алиса.

— Ты права, у них с шоколадом перебой.

Аркаша отломил кусок шоколада и, разделив его пополам, протянул сквозь решетку. Шоколад уже подтаял и пачкал пальцы.

Одна девушка отшатнулась от страшного оплывшего коричневого куска, а Аркаша весело сказал:

— Эй, гляди, я ем и до сих пор живой!

Вторая девушка, на вид постарше, протянула палец, мазнула им по куску, потом поднесла к носу, долго нюхала, а ее товарка смотрела на нее, отставив ладонь с куском шоколада.

Наконец старшая девушка не выдержала, лизнула... еще раз лизнула.

И вдруг совершила неожиданный поступок: быстрым движением она выхватила кусок шоколада у младшей и начала запикивать его в рот.

Младшая запикивала, не сразу осознала, что же произошло. Потом облизала свои пальцы и поняла, чего же она лишилась!

Она кинулась на напарницу, стала вырывать из ее рук подтаявший шоколад, та спешила запикинуть остаток его в рот, а младшая совала ей в рот пальцы, стараясь выцарапать сладкую массу. Старшая кусалась, но кусаться и одновременно жевать шоколад — это ой как трудно!

— Может, им еще дать? — спросила Алиса.

— Не надо баловать. Они же дикие люди. Они еще сильнее захотят завоевать Землю, чтобы есть шоколад от пуза.

— Это очень наивно.

— Для нас — да. Для них — нет.

Военные девицы долизывали шоколад.

Они опьянели от шоколада, глаза стали мутными, движения неуверенными.

В таком виде их и застал офицер, который явился с проверкой.

С первого взгляда он понял, что пленники делом не занимаются, а девицы находятся в каком-то странном состоянии.

Не тратя времени понапрасну, начальник начал кричать на девиц, а они только отмахивались от него, под влиянием шоколада начисто забыв о военной выправке и дисциплине.

Офицер решил проверить, что же произошло на самом деле, и приказал Аркаше откусить и сжевать кусочек подозрительного вещества. Военные девицы глядели, как Аркаша жует шоколад, и стонали от желания продолжить пир, хотя и были полны сладким по уши.

Увидев, что Аркаша остался жив, офицер тоже откусал шоколада. В отличие от девиц, он был человек дисциплинированный, смог оторваться от лакомства и, забрав остаток, покинул помещение. Ушли и перекормленные девицы.

— Времени у нас мало, — сказал Аркаша.

— Надо бежать, — сказала Алиса.

— Плохое Пашкино воспитание, — сказал Аркаша. — Чуть что — сразу бежать, хватать, стрелять, принимать меры.

— А ты что предлагаешь?

— Я, как всегда, предлагаю думать, — ответил Аркаша. — Я убежден, что сейчас убегать куда опаснее, чем оставаться.

Глава 10. Завоеватели Земли

Вскоре вернулся офицер и привел с собой начальника в генеральском чине.

— Выходи! — приказал офицер, не сомневаясь, что любое существо в Галактике должно беспрекословно выполнять его приказы.

Алиса и Аркаша подчинились.

— Не забудь, — напомнил Аркаша Алисе, — мы с тобой отсталые, но мирные дикари, которые населяют эти места.

— Что ты дикарь, — сказала Алиса, — они поверят... — Аркаша и в самом деле выглядел диким существом — босиком, в набедренной повязке, лохматый и худой. — Но меня трудно принять за дикарку, — сказала Алиса.

— Посмотрим, — не стал спорить Аркаша. — Если ты думаешь, что твой плащ — вершина портновского искусства, а твои сапожки сделаны лучшими сапожниками Вселенной, ты глубоко заблуждаешься.

Их ввели в большое помещение, которое на инопланетном корабле исполняло роль кают-компания. У дальней стены на возвышении стоял круглый стол. Вокруг него восседало несколько военных в пышно расшитых мундирах, украшенных множеством орденов и значков. От этого стола, как лучи от солнца, расходились еще десять столов. За ними сидели рядовые обитатели корабля — все в военной униформе, со значками и позументами.

При виде пленников никто и бровью не повел — все были заняты едой.

В центре, оперев в пленников тяжелый взгляд, сидел лилипут с квадратной челюстью,

через все лицо — косо́й шрам. Даже за столом он не снял каски с железным козырьком. На эполетах у него были вышиты кометы.

Справа от командира восседал старичок, увешанный значками так густо, что под ними не было видно мундира. У старичка были удивительные усы — напомаженные, покрытые лаком, такие твердые, что на их концах висели маленькие золотые колокольчики, которые тонко позвякивали в такт, когда старичок открывал рот или поводил головой.

Слева от командира сидела рыжеволосая женщина средних лет, широкоплечая, полногрудая, упитанная, веселая, которая беспрестанно жевала. Она тоже была в мундире, который не застегивался — видно, шили его, когда она не была еще такой толстой.

За столом сидели и другие орденоносные начальники, но Алиса не успела их рассмотреть.

У главных персон губы и щеки были измазаны шоколадом. Видно, они втроем и сожрали остатки.

Между столом быстро пробежали плохо одетые, оборванные люди, которые разносили блюда с пищей и кувшины с напитками. Алиса обратила внимание на черноглазую худенькую девушку, которая не отрываясь глядела на Алису, затем споткнулась о валяющуюся на полу кость и чуть не выронила блюдо, но усатый старичок успел перегнуться через стол и подхватить его. Поставив блюдо на стол, он уцепился тонкими пальцами за ухо девушки и дернул. Девушка заплакала, а соседи старика за столом расхохотались.

Человек со шрамом поднял руку, призывая своих товарищей к тишине.

— Слушайте и поражайтесь, ничтожные дикари! — выкрикнул он на космолингве. — С этого мгновения вы мои подданные! Радуйтесь!

Алиса с Аркашей молчали.

— Вам понятно? — спросил старик с напомаженными усами.

— Здравствуйте, — смиренно сказала Алиса. Она решила — пускай командует Аркаша. Он первый попал в плен.

— Первые выводы таковы, — сообщил старикашка. — Мои научные сотрудницы доложили, что туземцы способны сложить из палочек крест, но перед квадратом останавливаются в растерянности. Следовательно, они еще не люди.

— Это какие сотрудницы? Которые половину сладостей сожрали? — строго спросила толстуха.

— Мои сотрудницы, — ответил старичок злым голосом, — пожертвовали собой ради науки. Это разведчицы высокого класса.

— Ладно, ладно, — сказал главный начальник. — Не ссорьтесь, птенчики. Здесь я решаю — кто прав, а кто виноват.

Его слова, сказанные громче, чем было необходимо, вызвали в зале бурю восторга. Военные поднимались со своих мест, тянули вверх руки, звенели медалями и кричали:

— Вперед! Вселенная принадлежит нам!

— Ты будешь женщина, — сказал главный военный, показывая на Алису толстым корявым пальцем, на котором блестело несколько перстней. — А ты — мужчина. — Он показал на Аркашу. Сказал он это так важно, будто до этого Аркаша был лягушкой, а Алиса — муравьем. А теперь они назначены на должности мужчины и женщины.

Аркаша смиренно спросил:

— А ты кто будешь?

— Молодец! — обрадовался главный военный. — Славно спрашиваешь. Умница. Я —

командующий непобедимым и грозным кораблем «Мечь» флота Его Величества, я — суперадмирал!

И в зале поднялся восторженный рев. Он долго не стихал. Наконец адмирал жестом прекратил восторги подчиненных, а наивный Аркаша спросил:

— Любят вас, что ли?

— Любят! — заявила толстая женщина и, поднявшись с места, крепко обняла адмирала.

— Это — моя Боевая Подруга, — пояснил адмирал, похлопав толстуху по спине. — А это, — другой рукой он похлопал по плечу старикашку, — наш знаменитый и великий теоретик, любимец народа профессор Как-тебя.

На этот раз военные в зале не кричали.

— Профессора меньше любят, — сказал Аркаша.

— Куда как меньше, — согласился адмирал. — Меня больше. И я думаю, что они правы.

— А это все ваши подчиненные? — спросил Аркаша.

— Это мои соратники! Боевые псы! Волки войны! Шакалы космоса! Пантеры Вселенной!

Вновь поднялся страшный рев. Как они стучали каблуками! Как рывкали! Как стонали!

— Я думаю, что вы прилетели нас завоевывать, — сказал Аркаша.

— Кто тебе сказал? — сразу насторожился адмирал.

— Рано дикарям об этом знать, — сказал профессор.

Алиса почувствовала неладное — она нечаянно кинула взгляд на профессора и увидела в его остром взоре недоверие и настороженность. Аркаша перегнул палку — он решил, что их окружают глупые солдафоны, которых легко одурачить.

— Вы живете в лесу? — хитренько спросил профессор, облизывая длинным языком шоколад с морщинистых щечек.

— Конечно, мы живем в лесу, — сказал Аркаша. — Где же нам еще жить?

— И вы кушаете сладкие вещи? — спросил старичок.

Адмирал и его Боевая Подруга замерли.

— Кушаем, — сказал Аркаша, не чувствуя подвоха.

— Хорошо живете, — сказал старичок. — А где ваш город?

— Какой город? — спросил Аркаша.

— Такой дикий, что не знает, что такое город, — удивился старичок.

— Очень дикий, — согласилась Боевая Подруга. — Надо ему всыпать ударов сто, тогда сразу поумнеет.

— Это интересная идея, — сказал старик. — Как вы думаете?

В зале раздались разрозненные крики:

— Выпорем!

Затем они слились в общий крик. Солдаты ритмично колотили кулаками по длинным столам и скандировали:

— Вы-по-рем! Вы-по-рем!

И в этом крике была такая дикая ярость, что Алисе стало не по себе.

— Ну хватит, хватит, мои молодцы! — остановил их адмирал. — Нужно будет — и голову отрубим... Ну что, продолжим допрос?

Зал постепенно успокоился.

— Значит, вы, дикари, живете в лесу? — спросил адмирал.

Аркаша кивнул.

— И нет у вас заводов и фабрик?

— Нет, — сказал Аркаша. — Откуда им взяться?

— А это что? — Резким движением адмирал дернул за край набедренной повязки Аркаши, и та размоталась. Аркаша остался совершенно голым.

Адмирал брезгливо поднял ткань над столом.

— Что ты скажешь, моя прекрасная Подруга? — обратился он к соседке.

— А то скажу, что ткань грубая, — ответила Подруга. — Но сделана на станке. И покрашена синтетической краской.

— Я так и думал, — сказал адмирал.

— Он такой же дикарь, — заметил старичок, — как я крокодил.

— Весь мой жизненный опыт говорит, — сказал адмирал, — что перед нами лазутчики и шпионы.

— Придется вас казнить, — заявила Боевая Подруга и расхохоталась.

— Это еще почему? — спросила Алиса, стараясь изобразить возмущение. Хотя у нее похолодело в груди. Эти бандиты совершенно не умели шутить.

— А потому, — вмешался профессор, — что мы прибыли к вам как друзья. Но вместо милых, добрых туземцев видим шпионов и лазутчиков.

— Но мы же к вам не приставали! — воскликнул Аркаша. — Вы же сами на нас напали.

— Это не так, — сказал старичок. — Это вы заставили наших смелых и честных солдат на себя нападать.

— Как так? — не понял Аркаша.

— А зачем вы ходили по временно оккупированной нами территории? Зачем вы полезли в запретную зону?

— Там не было написано!

— Не было? — Адмирал был удивлен и рассержен. — Как так не было написано? Вы обязаны были написать! Кто отвечает за надписи?

В дальнем конце стола вскочил офицер.

— Надписи были готовы, ваше могущество, — сказал он. — Только установка немного задержалась, потому что мы не знали местного языка.

— Вы должны были ставить надписи на нашем языке! — закричал старичок. — Сколько раз вам говорить одно и то же! Пускай они учат наш язык! Вот когда они нас завоюют, тогда пускай и ставят свои надписи и вывески!

— Как так они нас завоюют? — рассердился адмирал на профессора. — Кто нас завоеует?

— Это я в теоретическом плане, — испугался старик.

— Десять розог! — приказал адмирал.

— Нет, только не это! — закричал старичок. — Такое унижение я не перенесу! На глазах у рабов!

— А ну кыш отсюда! — гаркнул адмирал на оборванцев, которые разносили еду. Те разбежались по углам. Затем адмирал показал на Аркашу, который сидел на корточках, съежившись, потому что оказался совсем голым в такой компании, и добавил: — А штаны отдашь ему!

Под улюлюканье военных старичок покорно разделся, потом дрожащей рукой протянул свои штаны — все в галунах и позументах — Аркаше, а тот покорно их принял и надел.

Солдат принес кнут на длинной толстой рукоятке.

К удивлению Алисы, со своего места поднялась Боевая Подруга и, взяв кнут, жестом показала старичку-теоретику, что ему надо встать на четвереньки.

Многие вскочили со своих мест, шум в зале стоял невообразимый.

Боевая Подруга принялась хлестать старичка, а все остальные, включая адмирала, отсчитывали удары, и, что было очень странным, старичок тоже отсчитывал удары.

Алиса увидела, что из-за угла за наказанием наблюдает черноглазая кудрявая девушка-рабыня. Глаза ее горели от восторга, губы считали удары, а ладошки прихлопывали в такт. «Ох и не любят вас ваши рабы!» — подумала Алиса. Впрочем, старик был сам виноват.

Когда экзекуция закончилась, профессор, прихрамывая и сутулясь, ушел прочь из зала. Вслед ему кричали и улюлюкали, но он даже не обернулся. Алисе стало жалко его — нельзя же так над людьми издеваться!

Но о старике все сразу забыли.

Адмирал поднялся на стул, чтобы его лучше было видно, и отставил ногу в блестящем сапоге. Он держал в руке кружку с пивом.

— Слава нам, непобедимым! — закричал он.

— Слава! Слава! Слава! — безумствовали солдаты.

— Как зовут твою ничтожную планетку? — закричал адмирал, обращаясь к Аркаше.

— Земля, — ответил Аркаша.

— Земля — ты наша рабыня! — завопил адмирал.

И он начал петь:

— Мы тебя растопчем!

— Раз-два, раз-два! — вторили ему солдаты, стуча кружками о столы.

— Мы тебя смешаем с пылью!

— Раз-два! Раз-два!

Алиса подвинулась к Аркаше, который стоял, придерживая штаны.

— Пора бежать, — сказала она.

Но Аркаша не успел даже ответить.

Между ними возникла рыжая голова Боевой Подруги.

— Убежать успеете, — сказала Боевая Подруга. Она все еще держала в руке кнут, которым порола старика профессора. — Сначала поговорим.

Она толкнула Алису в спину, чтобы та шла вперед.

Возникший справа солдат подтолкнул Аркашу.

Через минуту они были в низкой комнате, где вдоль стен тянулись узкие диваны, а пол был устлан ковром.

По комнате ходил профессор. Он был уже в других штанах.

— Садитесь, — сказала Боевая Подруга.

— Хорошо тебе так говорить, а я сесть не могу, — ты же меня в кровь испорола.

— Так тебе и надо, — ответила Боевая Подруга.

Она бухнулась на диван и вытянула ноги, затянутые в черные кожаные штаны и сапоги.

— Вернемся домой, — сказал старичок, — напишу на тебя жалобу в суд. Заплатишь мне штраф как миленькая.

— Да разве ты будешь ждать возвращения? — ухмыльнулась Боевая Подруга. — Ты же каждый день на меня телеграммы-жалобы строчишь. Хорошо еще, что радисты у меня в кармане.

Старичок рассердился так, что принялся бегать по комнате. Но Боевая Подруга не обращала на него никакого внимания.

— Ну что, мои дикари, — сказала она, разглядывая Алису и Аркашу. — Будем врать и изворачиваться или поговорим как разведчик с разведчиком?

— Что вы имеете в виду? — спросил Аркаша.

Вид у него был потешный. Штаны старика, украшенные позументами и галунами, были ему велики, и он их придерживал двумя руками, чтобы не потерять.

— А то мы имеем в виду, — сказал старичок, — что вы дикарей только в кино видели. Признавайтесь!

— А если не признаемся? — спросил Аркаша.

— Смерть ваша будет ужасна! — зарычала Боевая Подруга.

— Подружка шутит, — сказал старичок. — Ничего вам не угрожает, кроме адмирала, без которого мы, к сожалению, не можем обойтись. Мы-то вас не тронем. Мы — интеллигентные, образованные люди...

— Мы вернем вас адмиралу, — заявила Боевая Подруга. — Он в гневе безрассуден.

— Отдавайте, — сказал Аркаша. — Но тогда ни один из вас не уйдет отсюда живым.

— Вот такого разговора мы ждали, — сказал старичок. — Это уже беседа равных. Выкладывайте ваши карты на стол.

— Мы живем здесь, в лесу, — начал Аркаша.

— Только без этого, — перебила его Боевая Подруга.

Тут дверь распахнулась, и большими шагами вошел адмирал.

Если он и был пьян, то теперь это не чувствовалось. Взгляд его был ясен, руки не дрожали, шаги были уверенны.

— Простите, господа, — начал он. — Пришлось задержаться. Мои воины немного разыгрались. Ну просто псы!

— Зато верные, — вставила Боевая Подруга.

— Может быть, — рассеянно ответил адмирал. Потом обернулся к старичку: — Не беспокоит?

— Терплю, — отозвался старичок.

— Не мог я тебя не выпороть, — сказал адмирал устало. — Ты же глупость брякнул, непатриотично вел себя при народе.

— Стар я стал унижения переносить, — сказал старичок, но адмирал уже отвернулся от него и спросил у Боевой Подруги:

— Ну и как наши гости? Что рассказывают?

— Этих двоих к нам подослали. И теперь ждут их возвращения.

— Вернее всего, со всех сторон к нам уже подтягиваются войска, — добавил старичок.

Адмирал обернулся к пленникам. Он стоял, широко расставив ноги и набычившись. Шрам на щеке покраснел.

— А вы что скажете? — спросил он. — Прав мой старик или врет?

Алиса поглядела на Аркашу. Она не знала, как себя вести. Может, у Аркаши есть линия поведения? Если бы сейчас спросили у Алисы, что делать, она бы точно ответила — рассказать правду, объяснить этим лилипутикам, что они ошиблись, что им никогда не завоевать Землю. Пускай лучше улетают к себе.

— Зря вы время тратите, адмирал, — сказал Аркаша. — Ничего вам с нами не поделаться, зато за нарушение галактического мира вам придется отвечать по закону.

— Юноша, — насупился адмирал, — боюсь, что цивилизация, к которой ты принадлежишь, не знает, что бывают законы женские и законы мужские. Законы женские охраняют дом и помогают растить детей. Законы мужчин учат захватывать, покорять, отнимать и завоевывать.

— Зачем? — спросила Алиса.

— Молчать, когда я говорю! Только мужской закон ведет к прогрессу, только в мужском законе есть смысл жизни. Те планеты, на которых царит женский закон, обязательно становятся рабами мужских планет. Мы идем от планеты к планете, от звезды к звезде! Все планеты у нас под ногами. Каждый, кто встанет против нас, будет растоптан сапогами!

— Хорошо, — сказал Аркаша. — Вот, к примеру, вы нас завоевали. А потом что?

— Мы завоюем всю вашу планету, мы покорим вас! Вы станете нашими рабами!

— А потом?

— Потом мы покорим соседнюю с вами планету.

— А потом?

— Мы живем и, значит, движемся, — сказал старичок-теоретик. — Мы впитываем в себя знания и силу покоренных. После каждого завоевания мы становимся сильнее. И наступит день, когда мы станем самыми сильными во Вселенной. Это наша судьба!

— А вдруг вы встретите кого-то, кто сильнее вас? — спросил Аркаша.

— Это немыслимо, — сказал старичок. — Давно уже вычислено и известно каждому разумному человеку, что солдаты нашей армии — самые высокие и сильные разумные существа во всей Вселенной.

— Значит, выше вас не бывает?

— Природа бы не допустила этого, — сказал профессор.

— Это даже смешно, — сказала Боевая Подруга. — Да известно ли вам, недомерки, что я — победительница конкурса на самую сильную женщину Вселенной?

— Вас надо познакомить с моей симферопольской бабушкой, — заметила Алиса.

— И что тогда?

— Тогда бы вы заняли второе место.

За дверью раздался общий крик, будто завывала стая волков.

— Пора, — сказал тогда адмирал. — Пора собираться. Мои мальчики готовы к бою.

— Если их не пустить в атаку, они весь корабль разнесут, — захихикал старичок.

— Что будем делать с пленниками? — спросила Боевая Подруга. — Казним?

— Нет, они сначала укажут нам дорогу.

— Куда? — спросила Алиса.

— К тому месту, где нас ждет вражеская армия, — ответил адмирал.

— Но мы не знаем, где вас ждет вражеская армия. Боюсь, что ее вам не отыскать, — сказал Аркаша.

— А если отыщете, — добавила Алиса, — то вам не поздоровится.

— Она меня, по-моему, запугивает! — рявкнул адмирал.

Он распахнул дверь, и в комнату ворвался водопад криков и звон оружия. Оказывается, покончив с обедом и пивом, солдаты адмирала достали пистолеты и широкие загнутые сабли, а некоторые — короткие металлические дубинки с шипами. Воины топали ногами, распевали боевые песни. «Как хорошо, — подумала Алиса, — что они всего-навсего лилипуты».

Оборванные рабы, что прислуживали им, жались к стенам. Уже знакомая Алисе черноглазая курчавая рабыня выглядывала из-под стола и от страха шмыгала носом. Алиса улыбнулась ей. Та в ответ улыбнулась сквозь слезы.

Когда солдаты увидели в дверях адмирала, они завопили хором.

— Я поведу вас! — закричал громовым голосом адмирал.

— У-у-у-у! — кричали воины.

— Мы захватим эту жалкую планетку!

— О-о-о-о!

— Будет хлестать кровь!

— А-а-а!

— Тигры космоса никогда не отступают!

Неожиданно адмирал обернулся к Аркаше, и Алисе показалось, что в его глазах загорелась усмешка.

— Этот паршивый пленник, — крикнул он громче прежнего, — поведет нас к вражеской крепости!

— У-у-у! — радовались солдаты.

— А эту женщину, — адмирал показал на Алису, — получит тот, кто первым поднимется на стены их крепости!

— А-а-а!

— Три дня на разграбление! Вперед!

Построившись в колонну по четыре, солдаты, громяхая оружием, стали выходить из корабля.

— Подождите пока здесь, — сказал адмирал пленникам. — И не вздумайте убежать — бежать вам некуда.

Адмирал быстро пошел вслед за солдатами, за ним поспешила Боевая Подруга. Старичок тоже побежал следом, но через несколько шагов, запыхавшись, остановился и уселся у опустевшего стола. Подвинул к себе кружку с пивом и начал жадно пить мелкими глотками.

— Положение осложняется, — сказал Аркаша.

— Еще бы, — согласилась Алиса. — Не представляю, где ты возьмешь для них крепость, чтобы они смогли ее штурмовать.

— Думаю предложить им большой муравейник, — сказал Аркаша.

— Муравьев жалко.

— А мне — тебя.

— Меня?!

— Станешь женой одного из этих безобразников. Придется сидеть в его пещере, пока он будет завоевывать новые замки.

— Но я не соглашусь, — сказала Алиса. — Я ему скажу: «Разрешите, пожалуйста, сперва закончить среднюю школу».

— Ни в коем случае! — засмеялся Аркаша. — А то он тогда завоюет нашу школу, и нам негде будет учиться.

Сейчас, когда всех этих кричащих потных солдат не было рядом, приключение казалось не таким уж и страшным. С минуты на минуту вернется Пашка...

— Не надо недооценивать нашего адмирала, — сказал старичок-теоретик, который, оказывается, не только пил пиво, но и все слышал. — Он только кажется таким

легкомысленным и крикливым.

— Но что ему нужно? — спросила Алиса. — Ведь воевать глупо!

— Наивная психология, молодые люди, — сказал старичок. — Адмирал не знает другого ремесла, кроме войны, и другого способа производить продукты, кроме грабежа. Он — первобытная обезьяна, вооруженная пушкой. Поэтому он страшно опасен. Вы улыбаетесь, потому что не знаете, во что он превратил планету Крик-окрак. Пройдет немало лет, прежде чем она залечит раны.

— Если он хотел грабить, зачем же разорять?

— Для адмирала и его солдат высшая доблесть — убить другого, высшая радость — взять штурмом и сжечь чужой город, высшая добыча — захватить рабыню.

— Не сегодня-завтра его поймают или убьют!

— Вы ошибаетесь, — сказал старик-теоретик. — Управы на адмирала нет. Против него вынесены обвинительные приговоры на двадцати планетах, он везде объявлен вне закона — от Черной дыры до Альдебарана. Но он свиреп, скор и безжалостен. Пока патрульные крейсера телепают от звезды к звезде, адмирал уже тут как тут. И летит себе дальше! Любуйтесь, как он действует: три часа назад прилетел сюда, через час уже имел первого пленника, через два часа — двух пленных. Через три начал штурм вашего города! — Глаза старичка горели, щеки покраснелись. Он гордился своим адмиралом.

— Какого еще города! — в сердцах воскликнул Аркаша. — Да вы понимаете...

— Мы все понимаем! Пока здесь шел пир и допросы, разведчики обнаружили в нескольких километрах отсюда громадный замок...

— Наверное, они нашу дачу нашли, — сказал Аркаша по-русски.

— Ну и пускай ее завоюют, — сказала Алиса.

— Я за Пашку беспокоюсь.

— Почему?

— Он может не разобраться — наступит еще на завоевателей...

— Не говори глупостей, — возразила Алиса. — Пашка будет беспокоиться за нас с тобой, он даже на муравья не наступит.

В этот момент завывала сирена. Она визжала отчаянно, от ее звука начинали болеть зубы.

— Тревога! На нас напали! — закричал старый профессор.

И выбежал в коридор.

Алиса и Аркаша — за ним. Может, это пришел им на выручку Пашка?

Глава 11. Гибель Мордашкина

...Перед закамуфлированной пирамидой корабля были выстроены войска.

Солдаты и офицеры стояли стройными рядами, готовые к бою.

По бокам цепи солдат Алиса увидела две машины с раструбами. Чуть сзади строя стояли два вездехода. В один поднялся адмирал и встал в открытом люке. Его примеру последовала Боевая Подруга.

Старичку тоже хотелось залезть в вездеход, но места там не нашлось. Пришлось ему остаться рядом с пленниками.

День был в полном разгаре. В вышине порхали птицы, реяли стрекозы, дневная лесная жизнь не замечала того, что на нижнем этаже леса выстроилась целая армия, готовая к бою.

Подул ветер, наклонил траву, отвел в сторону листья кустарника, и Алиса на секунду

увидела вдали край дачной крыши. Где же Пашка?

— Хорошо бы Пашка не спешил, — сказал Аркаша.

— Почему? — Алиса удивилась, как Аркаша угадал ее мысли.

— Мы сейчас не можем его предупредить.

— А что ему грозит?

Аркаша не успел ответить, потому что зеленый кузнечик, прыгая по своим делам, выскочил на поляну и увидел строй адмиральской армии. Перепугавшись, он взмыл вверх и пролетел низко над солдатами.

И тут солдаты показали, что у них неплохая выучка.

Они схватились за пистолеты и пулеметы, и сотни стволов стали извергать огонь и пули — словно это был не кузнечик, а вражеский аэроплан, летящий на бреющем полете.

Кузнечик словно налетел на невидимую преграду, замер в воздухе, перевернулся и, продырявленный десятками пуль, рухнул на землю. Солдаты разбежались.

— Славно, мальчики, славно! — крикнул адмирал.

Солдаты окружили кузнечика, который казался им настоящим чудовищем.

— В строй! — крикнул адмирал. — К бою готовься!

И тут Алиса почувствовала, что на них надвигается нечто громадное и страшное. Стебли зашевелились, как от приближающейся бури, за ними мелькало что-то темное, и в движении громадного тела была страшная беззвучность...

— Пашка? — спросил сам себя Аркаша. И сам себе ответил: — Нет.

Раздвинув лапой стебли, на краю поляны появился невероятных размеров зверь, похожий на коричневого, увеличенного стократно тигра. Супертигр приоткрыл пасть, в которой мог уместиться человек, и облизал алым языком белые зубы.

Строй воинов отшатнулся. Алиса схватила Аркашу за руку.

— Не узнаешь? — спросил Аркаша, который отлично умеет владеть собой в сложных обстоятельствах.

— Нет...

— Это же Мордашкин!

Конечно, это котенок, тот негодяй, который преследовал Аркашу, а теперь набрел на целую армию мышат, с которыми намерен расправиться.

— Ой, — сказала Алиса. — Они его могут убить.

— Надеюсь, они только отпугнут его, — сказал Аркаша. — В любом случае мы ничем ему помочь не можем.

— Я ему скажу, чтобы уходил.

— А он тебя в благодарность проглотит, — возразил Аркаша и крепко взял Алису за руку.

— Вот это добыча! — закричал адмирал. Видно, он и в самом деле ничего не боялся.

Котенок обернулся на этот писк и склонил голову.

— Где наш профессор? — крикнул адмирал.

— Нет, не надо! — закричал старик.

— Надо, — засмеялся адмирал. — Ты мне надоел. А ну дайте ему саблю.

Под смех солдат старик, которому сунули в руку саблю, пошел на подкашивающихся ногах навстречу котенку.

Котенок смотрел на него с любопытством.

— Если он отступит, стреляйте ему в спину! — крикнул адмирал.

Боевая Подруга расхохоталась так, что чуть не выпала из вездехода.

Старик шатался от страха.

Котенок решил, что мышка слишком наглая. Он поднялся и пошел к старику. Не доходя несколько шагов, Мордашкин остановился, хвост его дернулся. Котенок был настороже.

Старик издали замахнулся саблей, но так и замер.

— Вперед! — кричал адмирал. — Вперед, трус проклятый! Чему ты меня учил всю жизнь? Ты учил нападать, убивать и грабить во славу богов победы! Учи нас теперь своим примером!

Солдаты замерли. Им стало страшно — котенок, нависший над профессором, закрывал полнеба, а сам ничего не понимал, кроме того, что перед ним добыча, которой можно поиграть.

Мордашкин поднял лапу и дотронулся до старика. Тот отчаянно отмахнулся саблей. Видно, котенку стало больно. Он сердито зашипел и наподдал лапой старику. Тот отлетел в сторону и упал, как мягкая кукла. Сотни глоток ахнули от страха. А глупый котенок решил, что надо догнать игрушку, и прыгнул за стариком.

Солдаты ринулись в разные стороны. А адмирал вдруг закричал:

— Пушки отравляющего газа, пли!

Из раструбов, которые были установлены на машинах, стоявших по бокам солдатского строя, вылетели струи желтого дыма, которые, расширяясь, потянулись к котенку.

Котенок как раз положил лапу на лежавшего на земле старика.

— Адмирал! — крикнула Боевая Подруга. — Старичок-то, может, еще жив! Отравишь его, в недобрый час.

— Ничего, он свое отыграл, — ответил адмирал.

Котенок почувствовал неприятный запах, отвел морду в сторону и стал отступать.

Он успел сделать всего несколько шагов, как задние лапы у него подкосились. Мордашкин упал и, дернувшись, замер.

— Почему не надеваете противогазы? — кричал адмирал. — Сколько вас учить!

Сам он первым натянул противогаз.

Солдаты поспешили надеть противогазы. Котенок лежал неподвижно. Старичок пытался приподняться... потом упал и замер.

— Отважные герои! — Голос адмирала звучал глухо. — Вперед, на врага! Уничтожим его смелым ударом!

Адмирал дал сигнал, его вездеход, набирая скорость, пошел вперед. В руке адмирала неизвестно откуда оказалась сверкающая сабля.

Вездеход развернулся возле неподвижного котенка, адмирал вытянул вперед саблю и проткнул ею шкуру мертвого животного.

— Я его убил! — закричал он.

В противогазе адмирал казался крысой в мундире.

Он махал над головой окровавленной саблей.

Сотни солдат в противогазах кинулись к котенку. Глухо звучал их рев:

— Слава адмиралу, победителю страшного супертигра!

— Слава!

— Хорош победитель, — мрачно сказал Аркаша. — Пошли отсюда.

— Куда?

— Подальше, — сказал Аркаша. — Пока они заняты своими подвигами. С ними не

знаешь, что будет через три минуты.

— Ты прав, — согласилась Алиса. — Надо срочно становиться большими. А то они еще чего натворят.

— Главное — предупредить Пашку. А то вдруг он сюда придет. А газ у них, как ты видишь, смертельный.

Вездеход, в башне которого стояла Боевая Подруга, тоже похожая на крысу, только очень толстую, выехал перед строем безумствующих от восторга воинов.

— Я прочту вам поэму, рожденную сейчас в моем сердце! — закричала Боевая Подруга. — В честь победителя супертигров!

Адмирал перескочил из танковой башни на голову котенка. Он встал, уперев в шерсть свою саблю и подняв кулак свободной руки к небу.

— Как ты велик, почти достал до звезд! — декламировала Боевая Подруга. — Твой меч звенит, как колокол Вселенной...

— Какой этот адмирал маленький, ничтожненький, — сказала Алиса.

— Маленькие тоже бывают опасными, — возразил Аркаша.

Они побежали в заросли.

Никто не заметил их бегства. Но как только Алиса и Аркаша оказались в тени травяных стволов, они услышали, что за ними кто-то бежит.

— Скорее! — велел Аркаша. Но Алиса и без него знала, что надо спешить.

Шаги сзади не отставали. Кто-то настигал их.

— Стойте! — послышался голос. — Это я, Заури, не бросайте меня!

Черноволосая девушка-рабыня, которую Алиса заметила раньше, догнала их.

— Я не хочу больше оставаться у этих бандитов и убийц, — сказала она. — Мне страшно. Возьмите меня с собой.

— Бежим вместе, — предложил Аркаша. — Только не отставай.

Алиса протянула руку девушке, и они вместе стали пробираться сквозь заросли.

Глава 12. Гераскин вступает в бой

Пашка Гераскин вернулся на дачу раньше, чем рассчитывал.

Он бы еще посидел в библиотеке, если бы не увидел, случайно выглянув в окно, симферопольскую бабушку Лукрецию, которая мирно загребала пыль шлепанцами с загнутыми носками, неся в руке вчерашнюю корзиночку.

«Опять... — в ужасе подумал Пашка. — Опять пирожки, опять это странное стремление совать нос не в свои дела!»

Конечно, эгоист на Пашкином месте спрятался бы в библиотеке и переждал визит симферопольской бабушки, оставив ей на растерзание Алису.

Но Пашка был настоящим другом. Он увидел, что бабушка не спешила к стоянке флаеров, а направилась в кондитерскую — не иначе как купит сейчас там пирог и выдаст его за свой... Бывают же такие тщеславные бабушки! И все ради того, чтоб Пашка с Алисой ее похвалили.

Он проскользнул за спиной бабушки, добежал до стоянки флаеров, схватил первый попавшийся и рванул к даче. Надо было предупредить Алису — они еще успеют скрыться в лесу и переждать там визит старой дамы.

Отправив флаер на автоматике обратно на стоянку, Пашка вбежал на веранду и

крикнул:

— Алиса! Ты где?

Никто не откликнулся.

— Алиса! — крикнул Пашка, обернувшись к саду.

Нет ответа.

Пашка вбежал в комнату. И тут увидел видеозаписку Алисы.

Просмотрев ее, он сразу позабыл о бабушке Лукреции и побежал по тропинке к коробке из-под ботинок, в надежде увидеть там если не друзей, то хоть какой-нибудь знак, оставленный Алисой.

Понятно, что в коробке было пусто, зато стрелу, указывающую на кустарник, Пашка сразу увидел.

Он медленно пошел в ту сторону, после каждого шага раздвигая траву и кусты и стараясь что-нибудь увидеть. Но ничего не увидел, а только спугнул котенка Мордашкина, который охотился в тех местах на кузнечиков.

Тогда Пашка пришел к такому же выводу, как в свое время Алиса. Уж очень велика разница в размерах между ним и Аркашей. Что может понять великан, для которого лес — трава по щиколотку, в жизни кузнечиков, обитающих в том лесу?

Конечно, читателю, который знает, что случилось с Аркашей и Алисой, легко осуждать Пашку или говорить, что он поступил неосмотрительно. Но Пашка очень волновался, даже больше волновался за Алису, чем за Сапожкова, — все-таки миниатюрная девочка, ростом в три сантиметра, одна в диком, кишачем гигантскими тварями лесу!

Так что Пашка, недолго думая, кинулся к полосатой кабине, влез в нее и впустил уменьшающий газ.

Если Алиса хоть и в спешке, но вооружилась, приготовилась к путешествию, то Пашка об этом не думал.

И только когда он уже уменьшался, он понял, что натворил. Он чуть не задохнулся под громадной грудой собственной одежды, которая заполнила внутренность кабины.

Но Пашка не стал возвращаться в исходное состояние, чтобы исправить свои ошибки, а, спустившись на землю, понесся к коробке из-под ботинок.

Разумеется, ему тут же изрезало ноги камнями, и этими же камнями он отбивался от комара, который, как вампир в страшном сне, пикировал на него, стремясь вонзить в Пашку жало, способное достать до сердца.

Через несколько минут Пашка уже был возле коробки из-под ботинок, и там ему пришлось замереть, потому что он опять увидел Мордашкина, который резвился на берегу прудика и готов был поиграть и с лилипутом.

Наконец Мордашкин побежал дальше, и Пашка еще не знал, что тот бежит навстречу собственной смерти. Гераскин подождал, пока котенок скрылся с глаз, и потом пошел следом. Он слышал издали странный шум, будто кричали сотни людей, но решил, что это шумит ветер. Раза два ему пришлось остановиться — так было больно ступням. Он постарался примотать к ногам кусочки листьев — но волокна сразу порвались.

Пашка вышел к прогалине, у которой скрывался космический корабль пришельцев, слишком поздно. Мордашкин был уже мертв, и, облепив его, солдаты пытались снять с него шкуру, чтобы сделать дома, на родной планете, чучело супертигра. Того самого, которого собственноручно, в бою один на один, убил саблей господин адмирал.

Пашка остановился на краю зарослей, пораженный увиденным. Он готов был увидеть

логово хищника, муравейник... любую опасность — только не маленький космический корабль, на котором прилетели существа такого же, как он, спичечного размера. Это было слишком невероятно! Так не бывает!

Но именно так и было.

Пашка решил не двигаться и понаблюдать за событиями. Он увидел вездеходы, машины с раструбами и самого адмирала, который руководил снятием шкуры с котенка. Сообразив, что Мордашкин погиб, Пашка страшно опечалился, что такой милый и веселый котенок больше уже с ним не поиграет, и было совершенно непонятно, как спичечные существа могли погубить его. Впрочем, подумал он, ведь люди же перебили всех мамонтов на земле, хотя были куда меньше их ростом.

Пашка сообразил, что, вернее всего, Аркаша и Алиса попали к этим людям в плен. Но если они в плену, то надо проникнуть на корабль и все узнать.

Проникнуть на корабль можно двумя способами.

Первый — вернуться к кабине, увеличиться, снова прийти к кораблю пришельцев, потрясти его как следует и достать оттуда Алису с Аркашей. У этого способа были недостатки. Во-первых, он был долгим. Пока ты доковыляешь до кабины, да превратишься снова в человека, да еще раз вернешься, инопланетяне могут три раза улететь. К тому же Пашка не был уверен, что его друзья спрятаны в корабле.

Второй способ — остаться маленьким и проникнуть в корабль.

Но как это сделать?

Солдаты нестройно пели боевые песни и свежевали котенка. По поляне кругами ездил небольшой вездеход, из люка которого, высунувшись по пояс, торчала толстая женщина с развевающимися рыжими волосами и декламировала стихи на непонятном языке...

Пашка решил добраться до корабля перебежками, скрываясь за травяными стеблями. Все рассчитав, он быстро пробежал к кочке мха и затаился среди жестких темных ветвей. Следующий шаг был сложнее — надо было проползти под носом у солдат, которые окружили котенка...

Но Пашка не успел этого сделать.

С другого края прогалины послышались громкие крики. Поглядев туда, Пашка увидел, что куча солдат тащит из зарослей Алису, Аркашу и неизвестную Пашке оборванную черноволосую девушку. Солдаты хохотали, шумели, толкали и били пленников.

— Ну что, убежали? — завопила на космолингве толстая рыжая женщина, направляя вездеход к пленникам. — Кого обмануть вздумали!

Сурового вида мужчина со шрамом через все лицо, в роскошном черном мундире, который до того командовал разделкой котенка, выхватил саблю и зарычал:

— Мы подарили вам жизнь, ничтожные! А вы посмели нас обмануть!

Он обернулся к толпе солдат:

— Что мы сделаем с этими непокорными рабами?

— Смерть! — зарычали солдаты. — Убей их, адмирал!

Пашка из своего укрытия увидел, как испугалась девушка в лохмотьях, стоявшая между Аркашей и Алисой. Алиса обняла ее за плечи и прижала к себе.

— Я повинуюсь вашей воле, мои отважные солдаты! — воскликнул адмирал. — Начинай, Боевая Подруга!

Он сложил руки на груди и смотрел, как солдаты в мгновение ока привязали пленников к толстым стеблям травы.

— Я первая! — закричала Боевая Подруга.

Она выхватила кинжал и соскочила на землю.

— Спорю, — заявила она, — что одним ударом снесу голову вот этой девчонке, — она показала на Алису.

— Если ты сможешь это сделать, — сказал адмирал, — то мы дадим тебе почетное звание Железной Руки!

— Железная Рука! Героиня! — кричали солдаты. — Она хочет совершить подвиг. С одного удара срубить голову дракону!

Боевая Подруга занесла саблю над головой, и Пашка понял, что больше отсиживаться в укрытии ему нельзя.

Он выскочил на открытое место, кинулся к ничего не подозревавшему адмиралу, выхватил у него из руки пистолет и потащил адмирала к вездеходу. Прижавшись к нему спиной, Пашка приставил ствол пистолета к виску адмирала.

Адмирал завопил, будто Пашка его зарезал.

— Пашка! — закричала Алиса. — Молодец!

Адмирал бился в руках Гераскина — вот-вот вырвется.

— Стоять! — крикнул Пашка. — Не двигаться! Всем не двигаться! А то я тут же вашего адмирала пристрелю.

— Только не это! — возразил адмирал. — Я очень нужен народу.

Толпа солдат окружала Пашку полукольцом — солдаты скалились от злобы, но подойти не смели.

— Сейчас же развяжите пленных! — приказал Пашка.

Никто не двинулся с места.

— Если вам не жалко вашего адмирала...

— Ну скорее отвяжите их, неужели вам не жалко вашего адмирала? — закричал адмирал.

Несколько солдат неуверенно двинулись к пленникам.

Чтобы поторопить их, Пашка сказал:

— Считаю до трех!

— За что? — завопил адмирал. — Я хороший! Я никого не убил.

— Он хороший! — запищала Боевая Подруга. — Он меня любит.

— Да за одного Мордашкина, — Пашка указал пистолетом в ту сторону, где лежал котенок, — тебя достаточно убить!

— Они убийцы! — крикнула черноглазая девушка в лохмотьях.

Солдаты отвязали ее первой, и она помогала развязывать руки Аркаше и Алисе.

Схватив адмирала сзади за шею, Пашка начал отступать к друзьям, но адмирал сопротивлялся, сдвинуть его с места не удавалось.

— В машину, быстро! — крикнул Пашка друзьям.

Девушка-рабыня, за ней Алиса забрались в вездеход.

— Быстро! Мне его трудно держать! Заводи мотор, Аркаша!

Аркаша полез вверх, нога его скользнула по броне. Гераскин поднял руку, чтобы ему помочь, и адмирал, воспользовавшись тем, что Пашка ослабил хватку, вырвался и громадными прыжками помчался к своим солдатам.

Пашка понял, что быстрота — единственный шанс спастись.

— Вперед! — крикнул он, прыгая в вездеход.

— А как вперед? — спросил Аркаша. — Я никогда не управлял этой машиной.

— Пусти, — сказал Пашка.

— Ой! — Алиса, выглянув из вездехода, увидела, как обе машины с газовыми раструбами начали разворачиваться. Солдаты надевали противогазы.

— Они пускают ядовитый газ!

Но и Пашка ничего не мог поделать. Он никогда в жизни не видел такого вездехода. Он нажимал на кнопки, вездеход вздрагивал, ревел, но не двигался с места.

— Надо сдаваться, — произнес Аркаша, который смотрел в щель, — они уже готовы нас задушить.

— Еще чего не хватало! — возмутился Пашка.

— Ты не видел, как погиб Мордашкин, — сказала Алиса.

— У нас женщины на борту, — добавил Аркаша.

Он осторожно высунулся из верхнего люка и закричал:

— Мы сдаемся!

В ответ раздалась выстрелы — пули застучали по броне, Аркаша спрыгнул вниз в тесное чрево вездехода...

— Тогда прощай, Алиса, — сказал Аркаша.

— Я боюсь, — заплакала черноглазая рабыня Заури. — Я не хочу умирать!

— Я его заведу, я его обязательно заведу! — повторял Пашка.

Вездеход не двигался с места...

— Все! — воскликнул Аркаша.

И тут невероятные крики раздалась над поляной.

Глава 13. Бабушкины драконы и скунусики

— Что такое? — удивился Аркаша. — Куда они побежали?

Он осторожно приоткрыл люк. Над самой поляной, едва не касаясь когтями земли, летали страшные твари — летучие драконы, вампиры, саранча, гарпии и скунусики, крылья которых были больше корабля. Воздух потемнел и стал малиновым, будто в него влили ведро варенья.

Солдаты бросались в разные стороны, пытаясь уйти. Одни мчались к космическому кораблю, другие стреляли в небо, но пули были бессильны против чудовищ.

Аркаша успел увидеть, как адмирал бросился к газовой машине и, потрясая кулаками, требовал начать стрельбу, но тут сверху на машину спикировал дракон, и она помчалась к кораблю.

Тут адмирал увидел, что мимо него проносится вездеход, в котором сидит Боевая Подруга. Адмирал поднял руки — возьми меня!

Но Боевая Подруга на него даже не посмотрела — так она спешила к кораблю.

Некоторые солдаты еще пытались отстреливаться, но чудовища, которых становилось все больше и которые носились, вопя и скрежеща, были неуязвимы.

Спотыкаясь и отталкивая своих подчиненных, адмирал одним из последних забрался в корабль.

Быстро закрывается люк. Когти чудовищ скользят по стальным бокам корабля...

И тут в мгновение ока, как туча в грозовой день, которая тает через минуту после того, как излилась ливнем, все чудовища исчезли, пропала малиновая дымка, и наступила тишина.

И в полном изумлении ребята смотрели из вездехода, как на поляну вышла громадная великанша, каждая ступня которой была больше вездехода, а голова скрывалась где-то в облаках.

Великанша в два шага пересекла обширную поляну и наклонилась к космическому кораблю.

Гигантскими руками, каждый палец которых был в два человеческих роста, великанша приподняла пирамиду — космический корабль завоевателей — и вдруг, поднатужившись, толкнула его, словно ядро, и корабль взвился в небо, полетел, неуклюже переворачиваясь, и готов был грохнуться на Землю, но тут наконец включились его двигатели... Каким-то чудом он удержался в воздухе и, покачавшись над поляной, начал набирать скорость...

И вот, превратившись в точку, корабль пропал.

Лишь белый след напоминал о нем.

— Ничего не понимаю, — удивился Аркаша.

— А я кое-что начинаю понимать, — сказал Пашка. — Я эту великаншу видел возле кондитерской.

Конечно же, на помощь им пришла симферопольская бабушка!

Они вылезли из вездехода и махали руками, чтобы бабушка их заметила, но та их пока не видела. Она глядела в небо, наблюдая за удаляющимся кораблем.

На земле среди камней валялись пистолеты и шлемы смелых воинов, громадной горой шерсти поднимался мертвый Мордашкин. Поодаль виднелись брошенные вездеходы и газовые машины. А еще дальше — десантный катер.

Аркаша, подвернувший ногу, стоял неподалеку, опираясь о палку. Пашка подобрал

пистолет и уже примеривался стрелять из него в цель. Черноглазая рабыня Заури подошла к Алисе и присела возле нее на корточки.

— Ты не убитая? — спросила она.

Прямо перед глазами Алисы поднимался блестящий светлый купол высотой с двухэтажный дом. Никакое воображение не могло бы помочь Алисе, если бы она не знала, что купол — округлый носок бабушкиной туфли, а колонна, уходящая в небо, — всего-навсего нога Лукреции Ивановны.

Колонна качнулась, купол медленно оторвался от земли и, кинув тень на Алису и рабыню Заури, поплыл над землей. Стал виден его фундамент, а попросту говоря, подошва туфли с прилипшими к ней песчинками, сучками и сосновыми иголками.

— Берегись! — крикнула Алиса и, дернув рабыню Заури за руку, отскочила вместе с ней в сторону. И вовремя. От подошвы, проплывавшей в небе, оторвался камень и с шумом, который, конечно же, бабушка Лукреция не уловила, упал вниз.

— Скорей бы вернуться в нормальный вид! — воскликнула Алиса. — Так не хочется погибнуть от удара песчинкой.

— Если она посмеет кинуть в тебя булыжником, — заявил Пашка, поднимая пистолет пришельцев, — она получит пулю в лоб.

— И даже не почешется, — сказал Аркаша.

Разглядеть бабушку можно было, лишь когда она отходила подальше. И вот сейчас, сделав несколько шагов в сторону лежавшего на земле Мордашкина, бабушка присела рядом с погибшим котенком, и ее сразу стало видно.

— А где их профессор? — спросил Аркаша. — Он же тоже погиб.

— Его взяли с собой, — сказала рабыня Заури. — Я видела, как они его тащили.

Они смотрели, как бабушка Лукреция осторожно подняла с земли тело котенка — пушистое облако поплыло над головами.

Бабушка быстро пошла прочь, только грохот ее подошв по тропинке долго не утихал в жарком воздухе.

— Вот жалость, — сказал Аркаша. — Сил нет пешком ходить.

— А нам и не надо пешком, — сообщил Пашка. — Есть вездеход.

— Мы уже проверили. Никто из нас не умеет им управлять.

— В бою — может быть, — сказал Пашка. — Но в спокойной обстановке не может быть никакой тайны. Все машины, построенные для гуманоидов, действуют по схожим законам.

— Странная великанша, — заметила Заури. — Ничего не сказала, а ушла. Ведь они могут вернуться и нас убить!

На ее больших черных глазах появились слезы.

— Ну уж, вернуться они не рискнут! — засмеялся Аркаша. — Они теперь недели две будут летать куда угодно, только подальше от Земли. Они же и не подозревали, что на свете бывают такие гиганты, как бабушка.

— Я тоже не подозревала, пока вы мне не сказали, — призналась Заури. — Как же она ходит? Как же кости ее держат?

Пашка рассмеялся, а Алиса сказала:

— В самом-то деле мы все такие, как она.

— И ты? — Заури была изумлена. Как будто Алиса предала ее.

— И я, и Аркаша, и Пашка. Мы все нормальные.

— Норм-мальные?

И Заури принялась рыдать.

— Ты что? — удивился Пашка.

— А ты поставь себя на ее место, — сказала Алиса. — Ей же кажется, что она попала из огня да в полымя!

— Лучше я вернусь в рабство, — воскликнула Заури, — чем жить среди таких страшилищ!

— Ничего страшного, — сказал Пашка, стоявший возле вездехода. — Через полчаса ты будешь такая же, как и мы!

— Я?

— Как так? — не понял Аркаша. — Что ты хочешь сказать?

— Не оставим же мы Заури здесь! — воскликнул Пашка. — Она пойдет в кабину и вместе с нами увеличится.

— Это же идея! — обрадовалась Алиса. — Конечно же, если мы смогли стать лилипутами, то и ты сможешь стать обыкновенной вместе с нами.

— Я и сейчас обыкновенная, — сказала Заури. — Я боюсь стать гигантской — меня уж точно кости не выдержат.

Пашка протянул руку Заури.

— Здравствуй! — сказал он.

Рабыня неуверенно протянула ему руку.

Пашка сжал ее пальцы.

— Ой, больно, ты что делаешь! — рассердилась Заури и резко дернула руку. Пашка не отпускал.

Рабыня отчаянно стала дергать и наконец вырвала руку у Пашки.

Она отбежала на два шага.

— Ты какой-то странный, — сказала она обиженно.

— Я не странный, — ответил Пашка. — Я хотел проверить, отличаются ли твои кости от моих. Оказывается, ничем не отличаются. Ты только чуть-чуть меня слабее.

Конечно же, Пашка не убедил рабыню. Она горько расплакалась, потому что убежала с корабля, чтобы ее больше не угнетали, а Пашка ее ужасно угнетает. Вот когда она найдет своего отца, он тут же отрубит Пашке голову. И правильно сделает.

Алиса не сердилась на бабушку из Симферополя, которая убежала от них. Она понимала, что бабушка пытается оживить котенка. Если она дрессировщица, то обязательно проходила ветеринарное искусство и знает, как лечить животных. И если осталась хоть микроскопическая надежда — надо попытаться.

Стало темнее. Как будто грозовое облако надвинулось на них. Возвращалась бабушка Лукреция.

Она несла в руках большой белый дом — коробку из-под ботинок, которую подобрала на берегу пруда.

Она внимательно смотрела под ноги, чтобы на кого-нибудь не наступить.

Потом присела на корточки и тут же увидела Алису и Заури.

Сильными тонкими пальцами бабушка подхватила Алису, потом Заури, перенесла их в коробку, посадила на вату и тут увидела мальчиков. Аркаша с Пашей тоже совершили путешествие по воздуху.

Потом дом поднялся почти к облакам и, покачиваясь, полетел к кабине.

Бабушка Лукреция заглядывала внутрь и улыбалась им.

Глаза ее были размером с человека, а ресницы — как сабли.

— Лукреция Пантагрюэлевна, — сказала Алиса.

— Что? — спросила бабушка, увидев, что Алисин рот движется, но не разобрал писка.

Вопрос бабушки чуть не оказался роковым. От воздуха, вылетающего изо рта гиганта, все в коробке попадали с ног. Пришлось бабушке поставить коробку на землю и дать возможность друзьям прийти в себя и поругать бабушку. Она виновато улыбалась и молчала.

Потом все же снова подняла коробку в воздух и поставила уже возле красной с белым кабины.

Бабушка выпрямилась, и голос ее долетел из сказочных высот:

— Начинайте увеличение! А я принесу вам одежду. И буду ждать.

— А не кажется тебе странным, — спросил Пашка, — что твоя симферопольская бабушка знает откуда-то нашу самую главную тайну: для чего здесь стоит кабина?

— После того как она увидела нас в таком виде, — ответила Алиса, — вряд ли ей трудно было сложить два и два. Кто пойдет первым?

— Ты и пойдешь, — сказал Аркаша.

— Почему?

— Потому что ты девочка.

— Тогда пускай идет Заури.

— Нет! — закричала рабыня. — Ни за что! Лучше смерть!

— Вот видишь, — сказал Пашка. — Она же боится, что, как только увеличится, все ее косточки треснут.

— Да, боюсь...

— Иди, Алиса, — сказал Аркаша. — Ты ее встретишь там, наверху.

— А если Заури начнет разваливаться, ты уж собери ее в кучку! — добавил Пашка коварно.

— Нет! — перепугалась Заури. — Лучше я здесь поживу!

— Где? В зарослях? — спросил Пашка. — Это самое лучшее решение. Гляди!

Пашка подобрал с земли песчинку размером с его кулак и кинул ее в заросли. Оттуда выскочил бурый жук и пролетел низко над головами. Если бы у лилипутов были свои автомобили, то жук был бы размером как раз с автомобиль.

— Что же мне делать? — Заури прижала кулачки к груди.

— Сначала ничего не делать, — сказал Пашка. — А спокойно глядеть на то, что делает Алиса.

Алиса улыбнулась рабыне и подумала: «Какое счастье быть нормального размера! Никакой жук тебе не страшен. И муравей тебе не враг...»

Нагнувшись, Алиса вошла в круглое отверстие в стене кабины, из которого вел ход наверх, в сиденье кресла.

Алисе потребовалось минут пятнадцать, чтобы взобраться по лестнице, напустить в кабину увеличительного газа и стать снова нормальным человеком. Остальным было скучно ждать. Пашка, который совершенно не способен долго стоять на месте, отправился было в заросли в поисках подвигов, но Заури умолила его не бросать ее: ей было страшно. Одному Аркаше ее не защитить. Если Аркаше было обидно слушать такие слова, он и виду не подал — понимал, что лучше потерпеть, зато Пашка не встретится с тарантулом.

Пришла симферопольская бабушка и принесла шорты и майку Алисы.

— Не бойся, Заури, — сказала Алиса, и голос ее доносился сверху, как отдаленные раскаты грома. — Я тебя жду!

Заури вздрогнула и обернулась к Пашке.

Алиса еще не успела обуться и стояла босиком. Пашка подошел к большому пальцу ее ноги, подпрыгнул и сел на него верхом.

— Но! — закричал он. — Поехали!

Палец начал подниматься в воздух. Пашка вцепился в него, ему было страшно, но он и виду не подал.

— Ты чего не лезешь? — спросил он сверху у Заури.

— Страшно.

— Ладно уж, — сказал тогда Пашка. — Я за тобой залезу и буду тебе давать руководящие указания. Опускай меня, Алиска!

Он ударил кулаком по пальцу, Алиса медленно опустила Пашку возле кабины.

— Спасибо за прогулку, — сказал Пашка.

Конечно же, путешествие Заури по кабине заняло куда больше времени, чем увеличение Алисы. И только через полчаса рабыня присоединилась к Алисе. Хорошо, что рядом с ними была бабушка. Она увидела, что Заури закрыла глаза ладонями и покачивается — вот-вот упадет в обморок. Она подхватила ее.

— Что с тобой, девочка? — спросила бабушка.

— Так высоко, — прошептала Заури, — так далеко от земли... Если я упаду, я разобьюсь на кусочки.

— А ты посиди на траве, — сказала бабушка. — Тогда твои глаза будут ближе к земле.

Алиса принесла черноглазой рабыне свое платье, вид которого вернул Заури к жизни.

— Это мне? — воскликнула она. — Навсегда?

— Как хочешь.

Заури тут же успокоилась, и к тому времени, когда появился увеличенный Пашка, а потом Аркаша, она уже ожила, осмелела и даже улыбалась.

— Неужели и я была такая? — спросила Заури, глядя на муравья.

— Нет, это тебе приснилось, — ответил Пашка.

И тут Заури в первый раз рассмеялась.

Часть вторая. Кто я?

Глава 1. Рассказ маленькой рабыни

Вечером, когда все волнения улеглись и увеличенная до нормальных человеческих размеров рабыня Заури уже забыла о том, что ее кости не выдержат и треснут под тяжестью тела, а котенок Мордашкин, которого, ко всеобщей радости, бабушка Лукреция оживила, резвился на поляне, все сидели за столом на веранде и пили чай.

Алисе казалось, что она пробыла в лилипутском облике много дней, а чай в последний раз пила чуть ли не в прошлом году. Что же касается Заури, то ей сначала чай не понравился, и только после того, как Пашка щедрой рукой всыпал ей в чашку семь ложек сахара, она признала, что чай — вполне сносный напиток, хоть и уступает марасанге, которую пьют на сиенде господина Панченги Мулити.

Спорить с ней никто не стал.

— Какая ты хорошенькая, — сказала бабушка Лукреция, любуясь рабыней Заури. И в самом деле — вымывшись и переодевшись из платья в Алисины брюки и Аркашину гавайскую рубашку, Заури оказалась настоящей красавицей. Лицо у нее было смуглым, глаза темно-карими, волосы иссиня-черными, блестящими и тяжелыми — казалось, что их потоки оттягивают голову назад и шее трудно удерживать такой груз.

— Мне говорили об этом, — вежливо ответила Заури. — А на корабле капитан сказал, что готов на мне жениться.

— Еще чего не хватало! — воскликнул Пашка. — Сколько же тебе, прости, лет?

— Откуда мне знать? — удивилась Заури. — Мне никто об этом не рассказывал.

— А ты в школу ходила? — спросил Пашка.

— Конечно, ходила, — ответила девушка. — Всю зиму ходила.

— А ты хоть знаешь, как твоя планета называется?

— Я не знаю, как называется вся планета, — сказала Заури, — но наша сиенда называется «Розовые Водопады».

— И там есть розовые водопады? — спросил Пашка.

— Конечно, — удивилась девушка. — Три розовых водопада. И один красный.

— Почему?

— Потому что в них падает кровь с неба.

— Ничего себе, спасли на свою голову! — возмутился Пашка. — Это же совершенно темное существо.

И тут-то Заури ударилась в рев. Она рыдала минут пятнадцать, и никто не мог ее остановить и утешить.

Сквозь потоки слез она говорила, что теперь ей уже никогда не найти своей сиенды, что ее превратили в урода и что ей теперь не отыскать себе мужа, потому что все настоящие мужчины стали меньше ее мизинца. А она попала к грубым и невежественным людям, которые не знают даже, что такое Розовые Водопады и сиенда господина Панченги.

— Хватит! — не выдержал наконец Пашка. — Сейчас я сам разревусь.

— А почему? — спросила Заури и тут же перестала рыдать.

— Не выношу женских слез.

— Тебе меня жалко?

— Конечно, жалко!

— Тогда я не буду плакать, потому что ты мне понравился с первого взгляда.

— А вот это лишнее! — вмешалась Алиса, которой слова рабыни совсем не понравились.

— Он тебе самой нравится, — сказала рабыня.

Алиса встала из-за стола и спустилась в сад.

— Алиска, не обращай внимания! — крикнул вслед Пашка.

А симферопольская бабушка заметила:

— Пускай Алиса погуляет, каждому человеку иногда хочется побыть одному.

«Спасибо тебе, бабуля, — сказала про себя Алиса. — Хоть ты и немолодая, но что-то еще в жизни понимаешь».

Алиса обошла кабину. Лес погрузился в сумерки, и небо стало бесцветным и бездонным. Заквакала лягушка в прудике. Алиса вдруг улыбнулась — ничего себе соседство было у Аркаши! Взрослая лягушка человечка одной левой с ног собьет!

Алисе было слышно, о чем шел разговор на веранде.

— А почему ты оказалась на том корабле? — спросила симферопольская бабушка.

Алиса остановилась у сосны и обернулась — отсюда было видно, как висевшая над столом лампа освещает лица и отражается в начищенном боку самовара.

— Потому что меня захватили, — ответила Заури.

— А давно?

— Может быть, давно, — сказала девушка.

Она поднялась из-за стола и спросила Пашку:

— Можно я возьму такой круглый фрукт?

Она показала на вазу с яблоками, что стояла на столе.

— Зачем? — спросил Аркаша.

— Мне надо тренироваться, — сказала девушка. — А то господин цирковой хозяин меня не возьмет.

— Сплошные тайны и недомолвки, — проворчал Пашка. — Вместо благодарности.

— Я тебя, Паша, не понимаю, — возразила Заури. — Разве я не благодарна всем вам и особенно тебе? Я очень благодарна. Я сказала — спасибо! Но это было раньше. А теперь уже другая жизнь. Я не могу всю жизнь ходить за тобой и говорить: «Спасибо, Пашенька, спасибо, спаситель, спасибо, спаси меня снова!»

Девушка взяла из вазы четыре яблока и, отойдя от стола, начала их подкидывать в воздух. Это у нее получалось очень ловко.

— Осторожнее, — предупредил Аркаша, — чашки разобьешь.

— Я не уроню, — ответила Заури. И сделала несколько шагов к перилам веранды, не переставая подкидывать яблоки.

Алиса обратила внимание на то, как бабушка внимательно смотрит на Заури.

— Кто тебя учил? — спросила она наконец.

Заури, не прекращая жонглировать, сделала сальто назад.

— Оп-ляля! — воскликнула бабушка.

Еще сальто — Заури чудом не ударилась ногами о косяк двери, собралась в комочек, подлетела к самому потолку и, что удивительно, не уронила при том ни одного яблока. Под потолком распрямилась ласточкой и через мгновение уже сидела на перилах веранды нога на ногу, как ни в чем не бывало продолжая жонглировать яблоками.

Аркаша и Пашка захлопали в ладоши.

— Ты гений, Заури! — закричал Пашка. — Тебе в цирке выступать надо!

— Рано ей еще выступать, — ответила за рабыню симферопольская бабушка.

— Конечно, рано, — согласилась Заури.

— Садись за стол, — сказала бабушка, — положи яблоки на место и постарайся вспомнить.

— Я ничего не помню!

— Каждый человек что-то помнит. Где ты раньше жила?

Заури вернулась к столу, положила яблоки в вазу.

— Я жила на сиенде, — сказала она. — Наша сиенда лежит на берегу реки Врог в провинции Альела на нашей планете.

— На какой?

— Я не знаю, как вы ее называете, но у нас на сиенде ее никак не называли. Зачем называть свой дом домом?

— А что такое сиенда?

— Сиенда — это место, где живут, где сеют зерно и сажают деревья.

— Как здесь? — Аркаша обвел рукой вокруг себя.

— Нет, что ты! Сиенда — это очень большое место. Там живет тысяча человек, может, даже больше.

— А кто там начальник? — спросил Пашка.

— Как так — начальник?

— Кто говорит — что делать, куда везти, куда ставить...

— Господин Панченга Мулити, кто же еще? — удивилась девушка. — Он и говорит, он награждает и наказывает.

— И твои родители тоже там живут?

— Не надо меня расстраивать. — Заури шмыгнула носом. — Я никогда не видела ни мамы, ни папы!

— Они умерли?

— Я не знаю, что с ними случилось. И нет ни одного человека, который захотел бы сказать мне правду! Сколько я себя помню — я всегда только презренная рабыня. Меня можно обидеть, избить, продать и даже убить.

— Так не бывает! — возмутился Пашка.

— Все бывает в нашей Галактике, — возразила бабушка. — Галактика большая, разные люди, разные обычаи...

— Неужели тебе никто не сказал, откуда ты появилась на этой самой сиенде? — спросила Алиса, подходя к веранде.

— А там много таких, как я. Нас так и зовут — найденьши. Только неизвестно, где нас нашли, кто нашел. Мне кажется, что я иногда вижу маму во сне. Но лица ее никак не могу разобрать.

— И больше ничего? — спросил Аркаша.

— Я помню, как ходила в поле собирать колоски, как пропальывала курпицу, как собирала ягоды выри, я помню, как стирала и гладила. Но все это — уже на сиенде.

— А почему ты не спросила у взрослых?

— У каких взрослых? — печально улыбнулась Заури.

— Ну там же есть воспитатели, учителя, врачи...

— Зачем воспитатели и врачи рабам? Если раб умрет, на его место придет другой. Вот и все.

— Позор! — произнес Пашка.

— А я к этому привыкла, — сказала Заури. — Я и не знаю другой жизни. Когда я была поменьше, я иногда спрашивала у надсмотрщика: «Кто я такая? Откуда я? Где мои отец и мать?»

— А он?

— А он бил меня за это. Такие вопросы задавать нельзя.

— И больше спросить было не у кого?

— Мы жили в большом доме, где была одна комната. В этой комнате стояло сто кроватей. Мы все там были одинаковыми — никто из нас не знал своих родителей. И мы были уверены, что родились в этой самой комнате. Там у нас был уголок для самых маленьких. Иногда утром мы просыпались, а на свободной кровати лежит новенький малыш. Мы думали, что он появился, пока мы спали.

— Странно, — сказал Пашка. — В наши дни в цивилизованном обществе этого не бывает.

— А кто тебе сказал, что она жила в цивилизованном обществе? — спросил Аркаша.

— Погодите, мальчики, — сказала Алиса. — Не мешайте Заури рассказывать. Ведь интересно!

— Я не знаю, что рассказывать. Я же другой жизни не знала, для меня это все было обыкновенно...

— Тогда рассказывай по порядку. Какой был у тебя день. Кто вас кормил, кто вас будил, как вы ели, что делали потом, — сказала бабушка.

— Будили нас колоколом, — сказала Заури. — Колокол начал бить — скорей вскакивай. И беги мыться. Потому что умывальников мало, а умыться надо всем. Не успел первым к умывальнику, можешь остаться без завтрака. Утренний суп и кашу принесут, а потом унесут. Кто опоздал, тот голодный.

— Я бы лучше не мылся, — сказал Пашка.

— А госпожа Чистоль придет! Она у всех руки проверяет и ногти. У кого грязные — десять плетей, не хочешь? Настоящие плетки, не игрушечные.

— Что? Вас били? — возмутился Пашка. — Детей били?

— И правильно делали, — сказала рабыня. — Если нас не бить, мы распустимся, вообще ничего делать не будем. Я это знаю. Человек только из-под палки и работает.

— А ты здесь яблоками жонглировала, — спросила Алиса, — тоже из-под палки?

— Если не тренироваться, — рассудительно ответила девушка, — то разучишься. А разучишься, никому не будешь нужна. Вот тебя и отправят в подземелье горную пряжу чесать. Там ты от кашля и помрешь. Там все помирают.

— Темная сила! — сказал Пашка. — Откуда только тебя привезли!

— Погоди, Пашка, не мешай человеку, — остановила его Алиса.

— Я могу и не рассказывать, — заявила девушка. — Чего я буду рассказывать, все равно твой Паша не верит.

— Рассказывай, — смилостивился Пашка. — Только коротко и правдиво.

— А я по-другому и не умею.

Девушка хлопнула себя по щеке — убила комара. Потянулась, зевнула, прикрыв рот ладошкой — видно, хотела спать, но не могла признаться в этом, потому что остальным

было интересно слушать ее рассказ.

— Потом нас всех, — продолжала Заури, — и сытых и голодных, гнали на работу. До обеда. Кого в поле, кого в мастерские — каждому работа найдется, даже самому немощному, даже самому маленькому.

— А какая работа?

— Обыкновенная. Тростник резать, грядки перекапывать, вредителей с листьев собирать, мешки с удобрениями носить — мало ли работы в поле?

— И за вами взрослые смотрели?

— Не дети же! — Заури даже рассмеялась. — Потом, как пообедали, кто обратно на работу, а кто в школу. Я в школу ходила, я умная, потому и живая, а которые глупые и в школу не ходили, они обязательно помирали — от усталости. А я в школу ходила, вот теперь считать умею и немного читаю.

— Значит, ты в школе училась читать и писать?

— Я в школе много чему училась, — сказала девушка. — В школе человека на все пробуют — вдруг в нем выгодная способность отыщется, и тогда его можно будет дорого продать. Нас и считать учили, и рисовать, и бегать, и прыгать — все пробовали.

— А ты хотела отличиться? — спросила бабушка.

— Конечно. Я хотела, чтобы меня продали.

— Зачем? — удивился Пашка. — Ведь это унижительно!

— А ты хотел, чтобы я на всю жизнь осталась на сиенде, чтобы каждый день до самой смерти гнула спину над грядками и рассадой? Чтобы меня бил кнутом надсмотрщик? У нас, у рабов, одна надежда — чтобы тебя выгодно продали. На другую планету. А я мечтала еще, что попаду в другой мир, что стану сама богатая и куплю билет на звездный корабль, буду на нем летать от планеты к планете и буду искать моих папу и маму. Они, наверное, и не знают, что я живая. Они, наверное, думают, что я давно уже умерла... — И Заури снова зарыдала.

Все ждали, пока она успокоится. «И это странно, — подумала Алиса. — Такого быть не может! Сидит на веранде Аркашиной дачи девушка, очень красивая, худенькая, черноволосая, и плачет, потому что она — рабыня и даже не знает, есть ли у нее родители».

— А как получилось, что ты стала жонглировать? — спросила бабушка Лукреция.

— Очень просто, — сказала Заури. — Мы проходили спортивные испытания. Прыгали, бегали, подтягивались, кидали разные предметы. Господин наставник развития тела приказал мне гнуться и прыгать. А потом дал шарики кидать. И потом говорит: «Очень интересно, в этой паршивке что-то есть». Он доложил моей комнатной госпоже, а комнатная госпожа самому Панченге Мулити, господину хозяину сиенды.

— А потом?

— Давайте перенесем разговор на завтра, — предложила симферопольская бабушка. — Уже совсем поздно, а у нас был такой длинный и трудный день.

— Нет, бабушка, пожалуйста! — взмолилась Алиса. — Еще совсем немножко осталось. А завтра некогда будет.

Бабушка развела руками.

— Давай рассказывай! — велел Пашка рабыне.

— Мне сразу лучше стало жить, — продолжала девушка. Она даже закрыла глаза, так ей приятно было вспоминать те дни, что последовали за открытием ее таланта. — Меня стали кормить лучше других. Мне мясо стали давать и сахар, представляете?

— Представляю, — сказал Пашка.

— От сахара только вред один, — вставил Аркаша. — Многие врачи советуют не есть сахара.

— Плохие врачи, — сказала Заури. — Вы их не слушайте.

— Значит, тебя отделили от остальных детей? — спросила бабушка.

— Да. Так всегда делают. Если видят, что рабыня выгодная, что ее можно будет хорошо продать, ее обязательно отделяют.

— А куда можно человека продать? — спросил Аркаша.

— У нас на планете много желающих. И даже с других планет на сиенду приезжали. Мало ли кому люди нужны.

— Сумасшедший дом, — сказал Пашка. — Сколько живу, столько удивляюсь и возмущаюсь. Человечество уже освоило половину Вселенной, наука ушла так далеко, что не видит собственного хвоста. А где-то в уголках таятся дикие нравы, рабские планеты и какие-то страшные разбойники. Нет, я решил твердо — иду в Патрульное училище! Буду патрульным разведчиком! Посвящу жизнь борьбе со всякими подонками и мучителями.

— А пока лучше кончи школу, — сказала Алиса. — Светлана очень тобой недовольна. И знаешь почему?

— И знать не хочу. В конце концов, не все ли равно, где ставить запятые. Я их совсем скоро отменю — и людям удобнее, и учителям.

— Кто же тебя учил, девочка? — спросила симферопольская бабушка у рабыни.

— Сначала наставник с нашей сиенды, а потом господин Панченга Мулити призвал из города наставника Трибуци. Он меня учил. И еще меня стали учить космолингве.

— Расскажи, пожалуйста, подробнее, — попросила симферопольская бабушка, — чему же тебя учил наставник из города?

— Как чему? Все тому же. Он учил меня кидать круглые вещи — яблоки, шары, а потом палки, булавы и даже горящие факелы. Три, четыре и так далее. Я могу кидать девять яблок — только небольших.

Все смотрели на бабушку и ждали, что она еще скажет. Но бабушка ничего больше не сказала. Она сидела за столом и смотрела перед собой, глубоко задумавшись.

— Досказывать? — спросила наконец Заури.

— Расскажи, как ты попала на тот корабль, — попросил Аркаша.

— Господин наставник из города не заставлял меня работать в поле и бил меня очень редко, только когда я теряла предметы, которыми жонглировала. Хороший наставник.

— Ничего себе хороший, — проворчал Пашка. — Дай срок, я до него доберусь!

— Нет, хороший! Ты не знаешь, какие бывают плохие, — сказала Заури. — Он меня все учил и учил. А потом позвал к себе, а там стоит совсем незнакомый господин. Такой странный господин, что я даже сначала испугалась. У него очень черные и густые брови, глаза светлые-светлые, а нос...

— А нос вот такой! — неожиданно вмешалась бабушка и показала двумя загнутыми пальцами, какой горбатый нос у того человека.

— Ты что-то знаешь, бабушка? — спросила Алиса.

— Нет, только подозреваю, — ответила та.

— Господин показался мне страшным, — продолжала Заури. — Он велел показать, что я умею делать. Я очень старалась и от страха уронила одну булаву. Мой наставник хотел меня побить, а тот, с черными бровями и сломанным носом, приказал меня не трогать. И

вообще пальцем до меня не дотронулся. Он сказал, что я ему подхожу. И улетел к себе. А мне дал конфету, честное слово! Я до сих пор фантик храню...

Девушка провела пальцами по груди, но тут вспомнила, что она уже совсем не та, что была вчера, и если ее фантик и сохранился, то в тех лохмотьях, которые она оставила у кабины.

Заури сразу опечалилась. Алиса сказала:

— Ничего страшного. Завтра утром ты найдешь свое бывшее платье, оно никому не нужно и лежит возле кабины. И возьмешь оттуда свой фантик. Если, конечно, найдешь его.

— А почему не найду?

— Потому что он очень маленький.

Заури вздохнула — видно, ей в самом деле жалко было фантик. Потом она закончила свой рассказ:

— Господин Панченга Мулити долго разговаривал с наставником, потом мой хозяин сказал, что меня посылают учиться в Галактическое цирковое училище. Чтобы я вела себя там хорошо и слушалась господина начальника. Потому что он вложил большие деньги в мое образование и надеется, что я верну ему этот долг. Я ему была так благодарна... я поцеловала его сапог...

— Что? — грозно возопил Пашка.

— Так полагается, — сказала Заури, — в этом нет ничего особенного. Другие рабыни, постарше, еще больше делают... Мне дали провожатых до космодрома, там посадили на лайнер, и я летела и летела... Это было очень интересно. Вы не представляете, что такое космический лайнер!

— Представляем, — сказал Пашка.

— Тогда тем более — вы понимаете. Меня кормили три раза в день. Так не бывает!

— Да, так не бывает, — согласился Пашка, который решил больше с этой девушкой не спорить.

— Мы летели, и вдруг — звон! Что-то гремит, а капитан корабля велит всем оставаться в каютах, потому что на нас напали! Мы все испугались и попрятались по кабинам. А потом было совсем страшно, потому что какие-то чужие люди с пистолетами врывались в кабины, вытаскивали нас, обыскивали и все отнимали. А если кто-то сопротивлялся, они убивали его. Я сама видела!

— Может, не надо рассказывать, ты так волнуешься, деточка, — сказала бабушка.

— Нет, я расскажу. Мне лучше рассказать, чтобы вы тоже все знали. Они многих убили, и там была кровь... А тех, кто остался живой, собрали в кают-компанию — это такая столовая на корабле — и сказали, что мы теперь будем рабами. Все возмутились, и плакали, и просили этого не делать. Только я не просила, потому что для меня в том не было ничего удивительного. Я и без того всю жизнь была рабыней. Только жалко было, что я не попаду в цирковое училище.

Заури замолчала.

Все остальные тоже молчали. Через минуту, наверное, Алиса спросила:

— А что было дальше?

— Ничего, — сказала Заури. Она даже удивилась такому вопросу.

— Как так — ничего?

— Я снова стала рабыней. Только не на сиенде, а на корабле, — сказала девушка. — Я мыла посуду, подметала пол, делала всякую неприятную работу. Только я не переживала и

не сердилась. Я знала, что нужно терпеть. И если долго терпишь, будет лучше. А другие не умели терпеть. И тогда эти люди, которых вы называете бандитами, их наказывали — они их убивали, а некоторые сами умирали или убивались. И потом нас почти не осталось...

— И долго же вы так летели? — спросил Аркаша.

— Я не знаю, — сказала Заури. — Только могу сказать, что прошло много дней.

— Да, прошло много дней, — согласилась бабушка, глядя с печалью на Заури. — Мне нужно вас покинуть, — вдруг сказала она. — Мне надо срочно выяснить некоторые необъяснимые вещи, разрешить непонятные загадки. Как только я что-нибудь пойму, я сразу же вам сообщу.

— Тебя проводить до стоянки флаеров? — спросила Алиса.

— Нет, — отказалась бабушка, — не надо меня провожать. Я же не просто бабушка, а бывшая дрессировщица тигров.

— Нет, я провожу, — произнес Пашка и стал подниматься из-за стола. Но пока он поднимался, Лукреция Ивановна исчезла, растворилась в воздухе.

— Не знаю, как вы, — сказал тогда Пашка, — но я немного посплю. Минут шестьсот. У меня выдался трудный день.

Все согласились, что уже пора спать. Алиса с Заури легли наверху, на диване, а мальчики внизу. Одеял не хватило, было прохладно. Девочки обнялись и накрылись одним одеялом.

Алисе не спалось — уж очень удивительным и волнующим оказался прошедший день.

И тут она услышала внизу на веранде чьи-то шаги. Она сразу узнала по шагам Аркашу.

Алиса спросила тихо:

— Аркаш, ты чего не спишь?

— Я думаю о великом открытии в истории Галактики.

Алиса ответила не сразу. Потом сказала:

— Я тебя понимаю. Это в самом деле великое открытие.

— Какое еще открытие? — услышали они сонный голос Пашки.

— А такое, что в Галактике есть две цивилизации — одна в пятьдесят раз меньше другой, и каждая из них населяет целые планеты, летает на космических кораблях, и живут они бок о бок. Но до сегодняшнего дня — и это самое невероятное — они даже не подозревали о существовании друг дружки.

Глава 2. Снова лилипуты!

С утра все разбежались в разные стороны.

Аркаша сказал, что он временно откладывает свое путешествие — ему надо вернуться на два дня в Москву. Пашка пригласил Заури вечером в цирк, чтобы она могла оценить мастерство московских жонглеров, и распрощался до вечера. Алиса повезла Заури домой — девушку надо было по-человечески одеть и показать врачу. Мало ли какой вред нанесла ее детскому организму жизнь на сиенде и на бандитском корабле!

Все Заури было в диковинку: и машины, и флаеры, и играющие в саду дети, и одежды — ведь она, кроме рабской плантации и пассажирского космического корабля, ничего в жизни не видела.

А когда приехали к Алисе домой, Заури была просто потрясена.

Во-первых, тем, что у Алисы есть своя комната.

Во-вторых, роботом-домроботником Полей, который встретил их в дверях и спросил:
— Обед ставить? В шестой раз суп подогреваю.

Заури сначала ахнула от удивления, а может, даже и от испуга, потому что Поля хоть и домашний робот, но не очень похож на человека. Скорее он напоминает увеличенную во много раз консервную банку с футбольным мячом вместо головы.

В-третьих, рабыню, конечно же, потрясло Алисино богатство. Ведь у Алисы оказался целый шкаф разных одежд — от сарафана до зимнего комбинезона и меховой малицы. А так как девочки были почти одного роста, хотя, судя по всему, Заури была года на два постарше, то рабыня забыла обо всем, даже о своих пропавших родителях. За час она перемерила половину Алисиного гардероба. Робот Поля страшно обрадовался тому, что его не гонят и на него не кричат, как обычно. Он стал давать советы, потом подключил видик к информаторию, набрал код Парижа и стал показывать, какие сейчас в Париже моды. Этим он все перепутал в хорошенькой головке жонглерши, и Заури чуть было не ударилась в слезы оттого, что не знает, как ей красивее одеться.

В конце концов Заури заявила, что из Алисиного гардероба ей ничего не подходит. Ведь она не школьница, а будущая великая актриса!

Пришлось им отправиться на флаере в магазин и взять с собой Полю, который изображал из себя знатока женской моды. К обеду они вернулись домой с чемоданом, набитым платьями, блузками и другими вещами для рабыни Заури, и, если бы жонглерша не проголодалась, они бы побывали и в парикмахерской.

Дома они по достоинству оценили кулинарные таланты Поли и после обеда улеглись на широком Алисином диване.

— Спасибо, — искренне сказала Заури, которая, конечно, замучила Алису своими капризами и требованиями. Но гостья есть гостья, да и не каждый день тебе выпадает счастливый жребий обрадовать настоящую рабыню с другой планеты.

Вдруг Заури замерла, глядя в одну точку. Глаза ее стали медленно наполняться слезами. Она всхлипнула. Кончик носа стал краснеть. Слеза сорвалась и покатила по щеке...

— Что ты? Что с тобой? — встревожилась Алиса.

— Как ты не понимаешь! — заревела рабыня. — Ведь я побуду у тебя, и мне надо будет возвращаться в свой маленький размер! И все мои платья и туфли я оставлю тебе! А сама опять надену свои лохмотья.

— Да что ты, не расстраивайся! — утешала ее Алиса. — Все эти вещи останутся твоими. Когда захочешь, ты сможешь прилетать ко мне, увеличиваться снова до моего размера и ходить в этих одеждах.

— Правда?

— Чистая правда! А пока ты будешь учиться в цирковом училище, ты сможешь одеваться как пожелаешь.

Заури перестала плакать, порозовела, глазищи ее заблестели.

И тут же тень вновь скользнула по ее лицу.

— Но они все у меня отнимут!

— Кто?

— Господин Панченга Мулити.

— Но он же тебе больше не хозяин. Мы не признаем рабства.

— Рабство есть везде.

Алиса не успела ответить, как раздался сигнал видеофона. Звонил Аркаша.

— Ого! — сказал он, увидев переодетую Заури. — Наша рабыня стала первой красавицей Москвы! Тебе надо участвовать в конкурсе «Мисс Москва»!

— Правда, ты не шутишь? — воскликнула Заури. — Я в самом деле такая красивая?

— Разумеется, — вмешался домроботник Поля. — Я лично давал ей советы, как стать красивой.

— Нет, — сказала Алиса, — к сожалению, твоя победа в конкурсе «Мисс Москва» будет недействительной.

— Это еще почему?

— Потому что ты меньше мизинца самой маленькой из твоих соперниц. Представь себе: все красавицы стоят в ряд, а перед тобой — большое увеличительное стекло.

— Перестань надо мной смеяться! — обиделась Заури. — Это я раньше была маленькой, а теперь я гигантская. Как ты.

— И хочешь остаться такой большой?

— Я еще подумаю, — ответила Заури. — Конечно, мне лучше кое-где быть большой, а кое-где маленькой.

— Bravo, Заури! — засмеялась Алиса. — Ты уже не боишься, что твои косточки треснут.

— А что с ними сделается! — отмахнулась Заури.

И тут же обернулась к зеркалу проверить, насколько она красива в новом платье.

Аркаша сказал, что он сделал запрос в Центральный информаторий. И там ему ответили, что во всей Галактике нет ни одной планеты, на которой жили бы лилипуты размером со спичку. И никогда ни один человек не встречал такого лилипута.

— Не может быть! — сказала Алиса.

А Заури на всякий случай начала реветь.

Рыдания ее были такими горькими, что Аркаша сказал:

— Ну ладно, пока... я побежал...

Он, как и все мужчины, не выносил женских слез. А Заури оказалась чемпионкой мира по умению заплакать в нужный момент.

— Заури! — сказала Алиса. — Сейчас же перестань рыдать, а то ты испортишь слезами платье!

— Я мимо капаю, — ответила Заури, продолжая плакать дальше.

— Но что тебя сейчас так расстроило?

— Они говорят, что лилипутских планет нет, значит, и моей планеты нет. И моей сиенды нет, и моих папы и мамы нет, и даже господина Панченги Мулити нет! — Тут уж слезы хлынули таким потоком, что Алисе пришлось принести для рабыни полотенце, которое промокло минут через пять.

— погоди! — пыталась прервать рыдания Алиса. — Но ведь ты есть!

— А я теперь неправильного размера! Я теперь уродка. Меня мама не узнает!

— Мы можем тебя сделать лилипуткой в три минуты, — ответила Алиса.

— Тебе хорошо рассуждать! А сама потом на меня наступишь. Лучше я потерплю. — Заури даже плакать на минутку перестала. — Только я совсем немного потерплю. А то моя мама состарится или умрет, и я ее не успею увидеть. Ты, пожалуйста, Алиса, придумай что-нибудь поскорее.

— Что придумывать, — сказала Алиса. — Придумывай — не придумывай, надо лететь на твою сиенду к господину Панченге.

— Зачем? Он злой!

— А кто еще знает, откуда тебя привезли? Только он. Наверное, у него документы сохранились.

Заури от радости захлопала в ладоши.

— Летим! — закричала она. — Скорее летим!

— Во-первых, — остановила ее восторг Алиса, — мы не знаем, куда лететь. Ведь такой планеты нет...

— А во-вторых? — спросила Заури, приготовившись плакать, но отложив начало рыданий на минутку.

— А во-вторых, даже если бы мы знали, где твоя сиенда, туда надо лететь маленькими.

— Почему? Я не хочу уменьшаться. Я хочу быть большой и сказать господину Панченге: «Не отдашь мои документы, не скажешь, где моя мама, я на тебя наступлю... Нет, лучше я тебя одним пальцем раздавлю!.. Нет, лучше наступлю!»

— Стой, стой! — пыталась остановить разбушевавшуюся рабыню Алиса. — Растоптать его ты сможешь, но вот документы твои — такие маленькие, что читать их придется под микроскопом.

— Да, — согласилась Заури. Она поняла, что все это означает. — Даже если мы с тобой возьмем эти документы и растопчем господина Панченгу Мулити, нам надо возвращаться сюда и снова становиться маленькими, потому что, если я приеду к маме такой большой, я ее до смерти испугаю!

— А что, если с самого начала стать маленькой? — предложила Алиса. — Если с Земли прилететь на сиенду лилипуткой? Тогда к маме ты тоже попадешь маленькой.

— Нет! — закричала тут Заури так громко, что робот Поля въехал в комнату и грозно сказал Алисе:

— Перестань мучить несчастного ребенка!

— Я ее не мучаю, — сказала Алиса. — Скорее она меня мучает. То она спешит лететь на поиски своей мамы, то она, видите ли, передумала. Ну скажи, почему ты сейчас отказываешься уменьшаться?

— Потому что у меня никогда раньше не было таких чудесных платьев. Я уменьшусь, и у меня снова их не будет.

— Мама тебе сошьет новые.

— А вдруг мама шить не умеет?

— Сама научишься.

— Нет, лучше я сначала изношу эти платья, а потом мы полетим искать мою мамочку.

— Ну что ты об этом думаешь? — спросила Алиса у робота, который стоял в дверях и покачивал круглой головой.

— Я думаю, что рабыню надо пожалеть, а не смеяться над ней. Если человек больше любит платья, чем свою маму, — это его болезнь, а не развлечение.

— Я? Не люблю маму? — Заури была вне себя от возмущения. — Да я все эти проклятые платья сейчас выброшу в окно!

Она схватила одежду в охапку и подбежала к открытому окну.

И остановилась.

— Ну чего же ты? — спросила Алиса. — Давай кидай!

— Не могу, — ответила Заури, — я боюсь попасть кому-нибудь на голову.

— Если учесть, что это окно выходит в сад и там никто не ходит, — сказал робот

Поля, — то о прохожих можно не думать.

Рабыня Заури бросила платя на пол, а сама села в кресло, чтобы поплакать.

Алиса ей не мешала. Робот тоже молчал.

Вдруг совершенно спокойным голосом, будто и не рыдала вовсе, Заури произнесла:

— Мне нельзя на сиенду.

— Почему? — спросила Алиса.

— Потому что я рабыня и никто меня не отпускал. Как мы приедем, хозяин Панченга сразу велит схватить меня, бросить в подвал и заковать в цепи.

— Он не имеет права, — заявил робот Поля.

— А он не знает ничего про ваше право, — сказала рабыня. — Он делает что хочет.

— Я думаю, — продолжал робот Поля, — вам надо сообщить о ситуации инспектору Кромю, затем вместе с ним заявиться на ту планету, всех негодяев арестовать, рабство отменить, сиенду сжечь и рабов отправить в санаторий.

— Это хорошая мысль, — отметила Алиса. — Но, к сожалению, она не очень практичная. Потому что мы не знаем, где родители Заури. А вдруг они тоже в плену у Панченги, только на другой сиенде или еще где-нибудь. Ведь инспектор Кром прилетит на военно-патрульном корабле...

— А у господина Панченги есть свои корабли, получше, чем ваш крейсер! — возразила девушка.

— Помолчи, — сказала Алиса. — Я, кажется, придумала. Сколько стоит рабыня на вашей планете?

— Очень дорого, — ответила Заури.

— А сколько все-таки?

— Тысячу кредитов.

— А сколько стоит один кредит? Что можно на него купить?

— На кредит можно целого барана купить.

— Значит, ты стоишь столько, сколько тысяча баранов?

— Это невысказанно дорого, — сказал робот. — За такую капризную рабыню не дадут и барана.

— Ты забыл, что у меня великий талант! — возмутилась Заури. — Я же умею кидать девять предметов!

Алиса выдвинула ящик письменного стола и вынула оттуда коробку с любимыми украшениями и драгоценностями. Там были изумрудный перстень, подаренный ей в Атлантиде, ожерелье из бриллиантов, полученное на память о планете Пять-четыре, и другие красивые сувениры. Заури даже заныла от восхищения.

— Как ты думаешь, — спросила Алиса, — этого нам хватит?

— Для чего?

— Для того, чтобы тебя купить.

— А зачем меня покупать? Лучше подари мне все это!

— Если не хочешь искать своих родителей, то бери.

Заури сделала движение к коробке, но тут же поняла, какой плохой она кажется Алисе, и сказала:

— Конечно, хватит. На всю сиенду хватит. А кто тогда будет моим хозяином?

— Хочешь, я буду?

— Нет, только не ты! — взмолилась рабыня. — Ты будешь меня иголками колоть.

— Я? Иголками? Я никого никогда не колола иголками.

— Это потому, что у тебя раньше не было рабыни. А как я стану твоей рабыней, тебе сразу захочется колоть меня иголками.

— Ну хорошо, будь тогда Пашкиной рабыней.

— Ни в коем случае! Он захочет со мной целоваться!

— Заури, ты мне смертельно надоела. Ты хочешь, чтобы я тебя выкупила из рабства?

— А чьей рабыней я стану?

— Еще один такой глупый вопрос, и я никуда с тобой не лечу. Пойми же — у нас нет рабства. Мы даже не знаем, что такое рабство!

— Неправда. Вот Поля — твой раб! Ты ему приказываешь, а он не смеет тебя не послушаться.

— Теоретически, — сказал робот, — меня можно рассматривать как раба Алисы и всего ее семейства. Но, по сути дела, я допускаю, что все обстоит наоборот и они являются моими рабами!

— Хватит, — Алиса собрала драгоценности в плоскую коробку.

— А может быть, ты одна слетаешь? — спросила Заури. — Я тебя тут подожду.

— Так кто тебя мне продаст, если тебя не будет? Кто мне поверит?

— Никто.

— Тогда летим.

— Я боюсь.

— Ничего не случится. Мы оставим Поле наши координаты, и, если что случится, нас сразу найдут. Не бойся. Ты же сама говоришь, что хозяева сиенды не грабители и не бандиты. Они выращивают и продают рабов. Значит, они любят деньги. Мы выкупим тебя, а потом спросим у главного начальника, кто ты такая и как попала на планету.

— И мы узнаем, где моя мама?

— Собирайся, Заури.

— А на чем мы полетим?

— Ты еще не догадалась?

— Нет. Откуда мне знать? Я никогда еще не летала на ваших кораблях.

— И куда же мы прилетим на нашем корабле?

— На планету... Ой, они же там все маленькие!

— Конечно же, мы не можем лететь туда в настоящем виде. Мы должны уменьшиться.

— А как же драгоценности?

— Для этого я отобрала бриллианты. Они маленькие, а стоят очень дорого.

— Но у нас же нет такого маленького кораблика!

— У нас есть такой маленький кораблик. Кораблик, компьютер которого наверняка знает координаты планеты, где находится сиенда.

— Где же этот корабль?

— На веранде Аркашиной дачи.

— На даче?

— Вот именно. Это планетарный катер с корабля бандитов, который они оставили, когда бабушка выбросила их с Земли.

— И мы в нем поместимся?

— Попробуем, — ответила Алиса.

— И я с вами, — сказал Поля.

— Нет, голубчик, — возразила Алиса. — У тебя куда более трудное задание. Ты должен остаться здесь, хранить нашу тайну, а в случае нужды организовать спасательную экспедицию.

— Рад стараться! — ответил робот.

— А в чем же мы полетим? — грустно спросила Заури. — Я уж привыкла красиво одеваться.

Алиса велела домроботнику притащить с антресолей ящик с куклами, до которого Алиса не дотрагивалась уже больше года, но мама не хотела выкидывать эти воспоминания о детстве.

Поля приволок большой ящик, поставил его посреди комнаты, вытер его влажной тряпкой и спросил:

— Захотелось перед дорогой поиграть в куклы?

— Разумеется, — сказала Алиса. — И еще немного пошить.

Алиса торопила Заури, которая, на счастье, оказалась хорошей рукодельницей. Алиса боялась, что с работы вернутся взрослые и тогда убежать будет труднее. Они перешли себе по платью. Напоследок Алиса сшила рюкзачок для бриллиантов и сложила в него ценности.

Поля проводил девочек до дверей. Он стоял понуро, не глядел на Алису.

— Ты что, чем-то недоволен? — спросила Алиса.

— Настоящий мужчина всегда недоволен, — вздохнул робот, — если женщины уходят в бой, а он остается на кухне.

— Твой бой еще впереди, — ответила Алиса.

Глава 3. Летим к рабовладельцам!

Девочки вернулись на дачу раньше всех.

— Это лучше, — сказала Алиса. — А то Аркаша стал бы задавать вопросы, а Пашка наверняка бы увязался за нами.

— Ну и пускай бы увязался, — сказала Заури. — Мне он нравится.

— Я сама управлюсь, — сухо ответила Алиса. — Чего тут особенного — приехала, купила рабыню и уехала. А Пашка только напутает.

— Хорошо, — согласилась Заури, — когда я вернусь, я буду дружить с Пашкой. А когда окажется, что мои родители — короли или императоры, то Пашку от меня клещами не оторвешь.

— Это еще почему? — удивилась Алиса.

— Мужчины обожают принцесс! — ответила Заури.

— Ты так думаешь? — Алиса поднялась в дом. Машины и планетарный катер стояли на столе. Алиса взяла катер в руки. Он оказался тяжелым, хоть и был сделан из сверхлегких сплавов. В нормальном виде он весил бы больше тонны. А если разделить этот вес на пятьдесят, можно понять, почему Алиса с трудом его приподняла.

— Помоги мне! — сказала она рабыне. Вдвоем девочки дотащили катер до кабины и поставили его на землю.

— Жалко, я не показала тебе моего диплома, — сказала Алиса рабыне, которая часто дышала — устала нести катер.

— Какого диплома? — спросила Заури.

— Диплома, что я наследная принцесса одной империи. И могу туда полететь в любой

момент.

— Ты? Принцесса? — Заури ужасно удивилась и не поверила. — Ты совсем не похожа!

— А кто похож?

— Если кто и похож, то это я! — сказала рабыня. — Ты посмотри, какая я красивая и изящная. Все это отмечают.

— Настоящая принцесса совсем необязательно красивая.

— Но желательно, — сказала Заури. Она оглянулась. — Даже зеркальца нет! Я не привыкла обходиться без зеркал.

— Если твоя мама окажется простым инженером, а твой папа просто писателем или механиком, ты расстроишься?

— Ни в коем случае не расстроюсь! — Заури счастливо улыбнулась, показав свои прекрасные жемчужные зубки. — Ведь я-то знаю, что на самом деле они король и королева.

Алиса уже понимала, что спорить с рабыней — только время тратить попусту.

— Раздевайся, — сказала она. — Пора лететь.

Она свернула в кулек перешитые кукольные платья и держала их наготове. Заури поглядела на них, потом кинула взгляд на платье, надетое на ней.

— Подожди, Алисочка, — шелковым голосом произнесла она. — Может, попробуем лететь в наших платьях?

— Ты же знаешь — они упадут с нас и погребут под собой.

— А может быть, не погребут? В виде исключения?

— Почему для нас должно быть исключение?

— А потому что на моем корабле и на сиенде все ходят в своей одежде, и хоть бы что!

— Они же не уменьшались! Они всегда были такими!

— А ты уверена?

— Заури, я от тебя устала. Я понимаю — тебе хочется любой ценой показать всем на сиенде, в каком красивом платье ты ходила на Земле. Вот ты и хитришь.

Заури тяжело вздохнула. Больше у нее не осталось никаких аргументов.

— Ты одевала своих кукол в самые уродливые платья в мире, — проворчала она наконец.

— Давай не будем спорить, — сказала Алиса. — Мне нужно вернуться обратно, прежде чем родители спохватятся.

Заури вздохнула и начала раздеваться. Раздевшись, она завернула свою одежду в простыню, а сверток отнесла в комнату и засунула под диван.

— Теперь никто не найдет, — сказала она, как пират, который закопал на необитаемом острове громадный клад.

Оставшись совсем голой, Заури вернулась к Алисе, которая сидела на веранде, писала письмо Аркаше, и спросила:

— Ты хочешь меня до смерти застудить?

Алиса рассмеялась и велела Заури завернуться в простыню. И сама, когда разделась, поступила так же.

Они подошли к кабине.

— Мы теперь с тобой привидения, — сказала Заури. — Давай останемся здесь до ночи, и когда Аркаша приедет, мы выскочим из кустов и закричим: «Ууу-ууу!»

— И что дальше? — спросила Алиса.

— Дальше он брякнется в обморок! А мы его водой обольем и скажем: «Что-то ты

трусават, Аркаша!»

— У тебя буйное воображение, — сказала Алиса. — Иди первой.

— Почему я всегда первой? А что, если там в кабине паук? Он меня съест.

— Заурочка, честное слово, некогда! Я должна убедиться, что ты уменьшилась нормально.

— Меня никто не любит, — заявила Заури, капнула слезами, но больше спорить не стала, а влезла в кабину.

Прежде чем Алиса закрыла люк, Заури успела сказать маленькую речь:

— Ты думаешь, что ты лучше, умнее и главнее меня? Ты глубоко ошибаешься. Вот сейчас мы снова станем нормального человеческого размера, и тогда я перестану бояться, что мои несчастные косточки вот-вот рассыплются от жуткой тяжести моего громадного тела. Тогда я снова стану веселой и беззаботной!

— Счастливого пути, — сказала Алиса. — Ты должна нажать вот на эту кнопку, а потом спустишься...

— Помню, помню, не маленькая! — раздраженно ответила Заури и захлопнула крышку люка.

Заури появилась из нижнего отверстия кабины только через двадцать минут. Алиса вся изнервничалась — мало ли что может случиться с несмышленьшем. Но обошлось — вот Заури выползает из люка и, подняв руку, машет Алисе.

Алиса наклонилась и осторожно положила рядом с лилипуточкой мешочек с их вещами и рюкзак с алмазами и сама забралась в кабину.

Путь этот уже стал привычным. Закрывается люк, ты нажимаешь на кнопку, которая пускает газ. Вот и газ пошел — ты чувствуешь его свежий запах. Потом потолок кабины начинает быстро стремиться вверх и тесная камера превращается в громадный гулкий зал. Алиса поднимается и идет к открытому в сиденье люку. Лестница вниз кажется бесконечной, даже ноги устают — но и ей приходит конец.

И вот, раскрыв нижний люк, Алиса выпрыгивает на землю возле кабины.

И хоть она уже бывала маленькой, привыкнуть к этому нельзя.

Все изменилось в мире — все стало огромным и даже страшным. Все, кроме рабыни Заури, которая осталась такого же нормального роста, как и Алиса. И можно забыть на минутку, что обе девочки — лилипуточки.

— Что ты делаешь! — воскликнула Алиса. — Кто-нибудь увидит...

Оказалось, ожидая Алису, рабыня соскучилась и решила поглядеть, как увеличились алмазы. Она развязала мешок, и большие, каждый с кулак, сверкающие драгоценные камни покатались по земле.

Договорить Алиса не успела. Стало темно — нечто громадное, со свистом разрезающее воздух, опустилось сверху. Девочки упали на землю... Зажмурились от страха...

Шум, скрежет, снова свист... Стало светло.

Алиса вскочила первой и кинулась к мешку. Так и есть — одного бриллианта не хватает.

— Твое счастье! — крикнула Алиса, подхватывая мешок и лихорадочно засовывая в него тяжелые сверкающие камни. — Твое счастье, что это была не ворона, а какая-то маленькая птица. Ворона заодно с камнями склевала бы и тебя.

— Я не хотела... — заныла рабыня. — Я только посмотреть хотела.

— Хорошо еще, что я успела! А то бы остались мы без бриллиантов. На что бы мы тебя

выкупали?

— Не сердись, Алисочка, — продолжала хныкать рабыня. — Я же не знала, какие здесь страшные звери водятся. У меня дома все птички маленькие, они поют песни, а орлы летают высоко и никогда не бросаются на людей. А здесь у вас все такие страшные!

— Конечно же, — сказала Алиса. — Ведь каждая планета устроена для ее обитателей. По размеру. Там, где маленькие люди, там и маленькие птицы. Это называется гармония.

— Не знаю, как что называется. Давай скорей отсюда улетим. Жду не дождусь, когда вернемся на сиенду.

— Ты даже согласна снова стать рабыней?

— Я не хочу быть рабыней, но лучше быть рабыней, чем жить в твоём гигантском мире!

— Ну, тогда полетели, — вздохнула Алиса. — Ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

— Что ты сказала?

— Это очень старинная шутливая поговорка.

Алиса первой забралась внутрь планетарного катера. Теперь, когда она стала маленькой, катер превратился в настоящий космический корабль, летающее блюдце, в котором отлично разместились бы и десять человек. К счастью, он был устроен примерно так же, как и земные корабли. В нём был кубрик для экипажа и небольшой отсек управления.

Алиса втащила в катер тяжелый мешок, в котором была одежда, а также рюкзак с бриллиантами. Она бросила его посреди кубрика и сказала Заури:

— Одевайся первой.

Заури послушно раскрыла мешок.

— А можно я твое голубенькое возьму? — спросила она.

— Бери, бери, — ответила Алиса. Она прошла к пульта управления, уселась в пилотское кресло и включила пульт. Энергия была. И хоть некоторые надписи были сделаны на непонятном языке космических бандитов, никаких тайн для Алисы в катере не оказалось.

Она сразу отыскала и информаторий — справочный экран.

Алиса рассуждала так: раз в Галактике есть неизвестные нам лилипутские планеты, то они-то друг о дружке знают! Значит, у них есть свои звездные карты, свои заправочные станции и свои опасные перекрестки. И хоть рабыня не знает, как называется ее планета, — не беда. На карте обязательно будет показана планета Заури, надо только задать информаторию правильные вопросы!

— На какой планете находится сиенда Панченги Мулити? — спросила Алиса на космолингве.

Информаторий искал ответ меньше минуты. Потом на экране загорелась надпись на космолингве: «Информация строго секретная».

— Этого еще не хватало! — возмущилась Алиса. — Оказывается, у лилипутов тоже есть военные тайны.

— Давай я попробую спросить на языке нашей планеты, — предложила Заури. — Ты мне только скажи, куда говорить?

Но на вопрос рабыни экран ответил такой же надписью — лишь на другом языке.

— Я сейчас буду плакать, — предупредила Заури. — И никто меня не пожалеет.

— Я-то точно тебя жалеть не буду, потому что ты своим ревом мешаешь мне думать.

— А ты подумала, что я — сирота? — Голос рабыни дрожал.

Алиса не ответила, а Заури отложила рев на будущее. На самом деле она совсем не хотела мешать Алисе.

«Так, — подумала Алиса. — Все же я — человек, а катер — машина. И только машина. Значит, я могу его перехитрить. Надо только задавать нужные вопросы».

— Почему информация о сиенде господина Панченги секретна? — спросила Алиса.

На этот раз информаторий думал больше минуты, прежде чем ответил: «Я не могу дать координаты Резервной базы снабжения».

— Вот и замечательно! — сказала Алиса.

— Что же делать? — Заури еле удерживала слезы. — Нам теперь никогда не попасть на сиенду!

— Наоборот. Мы туда попадем без всяких приключений. Потому что сейчас я задам правильный вопрос, и информаторий на него может даже не отвечать...

— Я ничего не понимаю!

— Курс на Резервную базу снабжения! — приказала Алиса катеру. — На максимальной скорости! Опускаемся у сиенды Панченги Мулити. Как поняли?

— Приказ понял. Начинаю исполнение, — ответил катер.

— Сколько займет полет?

— Один большой прыжок. Вместе с разгоном и торможением — четыре часа.

— Исполняйте, — велела Алиса и выключила микрофон.

— Ты гений, — сказала Заури. — Я бы не догадалась.

— В этом не было ничего сложного, — заметила Алиса, которая, впрочем, была собой довольна.

Глава 4. Как купить рабыню?

Полет был как полет. Как и положено в двадцать первом веке. Ведь не в другую Галактику летели, а в своей же — от звезды к звезде. Так что это путешествие было нетрудным и неопасным, не то что путешествие вокруг Аркашиной дачи.

От того, что катер был в пятьдесят раз меньше обычного, ничего, в принципе, не менялось.

За время полета Заури приготовила обед, но показала себя никуда не годной хозяйкой. Пришлось вместо подгоревшего жаркого есть бутерброды. Потом она забралась в стенной шкаф и отыскала там скафандры, которые ей очень понравились, и рабыня начала думать, как бы перешить скафандр в модный костюм. Она все еще думала, когда их катер подлетел к планете Ноотри — первой в жизни Алисы планете, которую населяют лилипуты.

Переведя корабль на орбиту вокруг планеты, Алиса уже представляла себе, как они с Аркашей напишут доклад о лилипутских цивилизациях Галактики и выступят на научном конгрессе. Бородатые земные академики будут хлопать в ладоши, а зеленые слизистые плюхи с Кавари будут пускать к небу радужные пузыри восторга.

Алиса не успела додумать свою мечту, как уже пора было садиться.

По ее приказу катер опустился в поле, неподалеку от сиенды, с которой родом рабыня Заури.

Корабль медленно сел в лесу, схожем с бамбуковым — тонкие зеленые стволы поднимались высоко в небо и покачивались под ветром. Небо было сумрачным, по нему бежали сизые тучи, и в воздухе чувствовалась влажность.

При посадке Алиса видела дорогу, которая вела к сиенде — группе белых домиков. Теперь им надо было выйти на ту дорогу.

Заури, конечно же, задержалась. В последний момент она передумала надевать голубое платье и решила надеть красное, чтобы еще больше удивить своих бывших подруг по рабскому общежитию.

Алиса спрыгнула на землю одна.

Сквозь стволы бамбука была видна широкая, как поле, дорога. Движения по ней не было — придется, видно, идти до сиенды пешком. Ну ничего, даже полезно размяться после полета.

Высоко в небе летали птицы.

— Ну что же мы стоим? — раздался голос. Это Заури кончила свой туалет и теперь делала вид, что задержка произошла вовсе не из-за нее.

На Алисе и Заури были самодельные сандалии — еще на даче они вырезали подошвы из пластика и приспособили к ним нитки. Подошвы получились тяжелыми, а нитки резали ноги.

— Скажи, Алисочка, — спросила Заури кошачьим голоском, — а у тебя не найдется одного лишнего бриллиантика? Самого маленького?

— Зачем?

— Мы бы сейчас купили на него настоящие туфли и шляпы — а то здесь считается не очень приличным для порядочной женщины ходить без шляпы.

— Хорошо, — согласилась Алиса. Конечно же, шляпа ее не волновала, но надеть настоящие туфли хотелось.

Раздвинув гибкие стволы, они вышли на широкую дорогу. Покатые красные крыши крайних домов сиенды виднелись на горизонте.

— Ну и далеко же ты села от сиенды! — возмутилась Заури. — Я не дойду.

— Странно, — сказала Алиса. — Я приказала катеру сесть в трехстах метрах от крайнего дома.

— Здесь целых триста километров, — сказала рабыня.

Алиса собралась было вернуться к катеру и перелететь на нем поближе к сиенде, как вдруг почувствовала, что земля под ногами мерно сотрясается.

— Это что? — испугалась Заури. — Землетрясение?

— Не знаю, — сказала Алиса. — Такое впечатление, что идет стадо слонов. Причем все они шагают в ногу.

— Бежим! — крикнула Заури. — Улетим отсюда!

Они кинулись прочь с дороги. И вовремя.

Невиданное гигантское животное показалось на ней. Такого чудовища Алисе не приходилось видеть даже во сне.

Ростом оно было выше десятиэтажного дома, каждая лапа его была толще и больше колонны Большого театра, тело было покрыто шерстью — если можно назвать шерстью лохмы толстых веревок длиной с удава-анаконду. Но самое страшное — это пасть чудовища, которая не оставляла сомнений, что оно — хищник. Красная пропасть, окруженная метровыми заостренными зубами, нависала над тропинкой, и ясно было, что никуда не денешься от этих зубиц!

Чудовище с паровозным шумом втянуло в себя воздух и повернуло в сторону девочек черный блестящий нос с человека величиной. Злобные глазищи сверкали — чудовище

увидело добычу!

С рыком, сотрясшим воздух, оно рванулось к девочкам, и убежать было поздно. Рядом с Алисой что-то упало, но сама она не могла даже двинуться. Бывает, что ужас, охвативший человека, становится так велик, что человек каменеет.

И тут случилось чудо!

Когда зубы чудовища дотянулись до Алисы, оно резко взмыло на задние лапы, а передними замахало в воздухе, натужно рыча. Чудовище пыталось дотянуться до Алисы зубами, но неведомая сила влекла его прочь, как будто оно было привязано к машине, спешившей промчатся мимо.

Страшный громовой вой потряс воздух — чудовище стонало от желания сожрать добычу, но преодолеть сопротивление не могло.

И тут из космической высоты до Заури донесся громовой голос:

— Иди, иди, малышка! За каждой гусеницей не набегаешься!

И только тогда девочки увидели, что шею чудовища стягивает ошейник, от которого тянется цепь, как у корабельного якоря. Другой конец цепи держит чудовище вдвое большее, чем первое. Этим чудовищем был человек, который и вел по тропинке свою собаку.

Собака прохожего увидела маленьких девочек и захотела их сожрать. А человек не разрешил собаке останавливаться и пожирать всякую гадость. И этим, сам того не зная, спас Алису и Заури от смерти.

Дорога еще сотрясалась от удаляющихся шагов, как Алиса обернулась к Заури и сказала дрожащим голосом:

— Не бойся, это человек...

И увидела, что ее подруга лежит на дороге без чувств.

Алиса оттащила Заури под сень травы — теперь уже ясно было, что вокруг всего-навсего трава, а не заросли бамбука.

Значит, произошла роковая ошибка — катер привез их на планету, которая принадлежала нормальному Алисиному миру. А не к миру лилипутов. И лишь по чистой счастливой случайности Алиса и Заури остались живы.

— Заури! — Алиса ударила рабыню по щеке, та открыла глаза и сразу зажмурилась. — Не притворяйся, ты жива, и я жива. И нам нужно срочно на катер. Мы должны отсюда улететь.

— На катер? — Заури сразу ожила. Она вскочила и первой добежала до катера.

Алиса задраила люк.

— Ты поняла, что случилось? — спросила она.

— Нет. Только очень испугалась.

— Мы ошиблись планетой. Может быть, катер нас обманул.

— Разве катер может обманывать?

— Его можно запрограммировать, чтобы он хранил тайну.

— Что же теперь делать?

— Надо искать другую планету. Хорошенько подумай, Заури, что ты знаешь о своей планете?

— Давай сначала поднимемся повыше, — сказала Заури. — А то вдруг это чудовище вернется?

— Ты права, лучше не рисковать, — согласилась Алиса и подняла катер на орбиту.

Тем временем Заури рассказала, что знала о планете, на которой она была рабыней.

Оказалось, что на ней есть два материка, и посреди океана у Северного полюса поднимается великий вулкан Ао. Больше она ничего вспомнить не смогла, потому что на уроках не слушала учителя, а глазела на какого-то Кукуцу, который был красивый!

Алиса смотрела на экран. Перед глазами медленно поворачивалась планета. На экране были видны два материка, окруженные океанами, и даже небольшой остров у Северного полюса, над которым висело громадное черное облако — там извергался вулкан.

Странно. Выходит, что это та самая планета, но другого размера!

— А ты позвони вниз и спроси, в чем дело! — подсказала Заури.

— Ты права, — сказала Алиса. — Глупо пролететь так далеко и вернуться несолоно хлебавши.

Алиса включила космическую связь и вызвала справочное бюро планеты, вокруг которой они летали.

— Здравствуйте, — ответили из справочной. — Чем могу быть вам полезен?

— Дайте нам ваши координаты, — попросила Алиса.

— Станный вопрос. Вы же находитесь на орбите вокруг нашей планеты.

— Вы в этом уверены?

— Так же, как в том, что сегодня утром завтракал, — ответили снизу. — Может, вы дети? Может, вы украли боевой космический катер и теперь хулиганите?

— Нет, — сказала Алиса, — мы не дети. Но мы, очевидно, заблудились. Скажите, пожалуйста, вы какого размера?

— Еще более глупый вопрос, — прозвучал ответ. — Мы самого нормального размера.

— Конечно же, вы правы, извините. — Алиса даже покраснела. Наверное, на планете решили, что она сбежала из детского сада.

— Спроси про меня, — подсказала Заури.

Но Алиса и сама уже догадалась.

— Простите за беспокойство, — сказала она. — Вы не можете сказать, есть ли на вашей уважаемой планете сиенда «Розовые Водопады»?

— Одну минутку, — ответил голос. И почти тут же продолжал: — На северном континенте есть сиенда «Розовые Водопады».

— А кто хозяин этой сиенды?

— Хозяин сиенды «Розовые Водопады» уважаемый Панченга Мулити, известный филантроп, друг детей.

— А чем занимаются на этой сиенде?

— Это особенная сиенда, — ответил голос. — Господин Панченга Мулити устроил там детский дом. Он собирает сирот и дает им кров и воспитание.

— Он самый, — сказала Алиса, обернувшись к Заури. — Что будем делать?

— Я ничего не понимаю, — ответила та.

Алиса снова обратилась к справочному бюро:

— Простите, у вас на планете все люди одного роста? Или есть разные?

— А, это опять глупый катер? Отвечаю — у нас на планете есть люди разного роста и размера, есть толстяки и карлики, кривые и горбатые, хромые и лысые. У нас на планете есть все! А у вас?

— Нет, так мы ничего не узнаем... — вздохнула Алиса.

— Но они признались, что там есть Панченга Мулити, — сказала Заури.

— Если это не его большой двойник, — вздохнула Алиса.

— Как так двойник?

— Я подозреваю, что мы живем в Галактике, которая имеет близнеца. Только этот близнец в пятьдесят раз меньше, чем первый брат. И все в них одинаково. Только в разных размерах. Есть две планеты, на которых живут два Панченги Мулити — только один ростом в четыре сантиметра, а второй в два метра.

— Что ты говоришь! — воскликнула Заури. — Это значит, что меня тоже две? И тебя?

— А почему бы и нет?

— Но какие из нас настоящие?

— Обе настоящие.

— И понимать не хочу. Только голову чепухой забивать, — сказала рабыня Заури.

В этот момент в рубке раздался новый голос. Чем-то знакомый, взвизгивающий, резкий, взволнованный.

— Катер 8976-2, отзовись!

— Катер 8976-2 на связи, — ответила Алиса.

— Ваши координаты!

— Зачем они вам? — удивилась Алиса.

— У меня есть для вас важные новости. Иду на сближение.

— Ой, не надо, — прошептала Заури. — Мне этот голос знаком.

— Мне тоже, — сказала Алиса.

— Вы меня хорошо слышите? — спросил голос.

— А кто вы такой? — спросила Алиса.

— Вы очень обрадуетесь, когда меня увидите, — сказал голос. — Я ваш старый знакомый.

Послышался смех.

— Кто меня вызывает? — спросила Алиса у справочного бюро планеты.

— Я не поставлен об этом в известность, — ответило то.

Заури совсем испугалась.

— Алисочка, — стала просить она, — пожалуйста, давай отсюда улетим.

Видно, тот, кто разговаривал с ними, услышал просьбу Заури.

— И не пытайтесь, — произнес он. — Наша скорость куда больше вашей. Никуда вы от нас не денетесь. А будете сопротивляться — отдадим вас в галактический суд за воровство.

— Нас? За воровство? — удивилась Алиса.

— Разумеется. Откуда у вас катер, на котором вы летаете, как в своей детской коляске? Вы его украли!

— Это адмирал! — узнала Заури. — Это бандит!

— Адмирал — правильно, а бандит — очень грубо, — ответил голос.

Он снова засмеялся.

— Вы засечены, — сказал он наконец. — Вам никуда не деться. Ждите нас на орбите.

— Алисочка, бежим!

— Убежать мы не сможем. Он прав, — прошептала Алиса. — Но мы попытаемся опуститься на планету и спрятаться там в лесу.

— Так давай же!

— Садись в кресло. Будут перегрузки!

Алиса включила двигатели и начала резкий спуск к планете.

Но приземлиться они не успели.

Корабль адмирала — серая пирамида, та самая, которую так решительно выкинула с Земли симферопольская бабушка, настиг их у входа в атмосферу. Во время погони Алиса снова вызвала справочное бюро.

— Говорит катер 8976-2. Мы подверглись нападению неизвестного пиратского судна. Вы меня слышите?

— В пределах видимости нет ни одного неопознанного судна, — ответил голос.

— Кто же за мной гонится?

— За вами никто не гонится, — ответил голос.

На экране появилось лицо адмирала.

— Крошки, — сказал он, — хватит этих игрушек. Тормозите, а то подстрелим.

— Алисочка, не спорь с ним! — взмолилась Заури.

— Я сдаюсь, — произнесла Алиса. Впервые в жизни ей пришлось сдаться.

Глава 5. Гиганты и лилипуты

Когда бандиты с корабля-пирамиды загнали свой спасательный катер в ангар, Алису и хныкающую Заури провели под охраной на капитанский мостик корабля, который располагался в верхней части пирамиды.

Адмирал и его верная Боевая Подруга ждали их там.

— Спасибо, — сказал адмирал, увидев девочек. — Большое человеческое спасибо. В неравной и героической борьбе с гигантскими монстрами мы вынуждены были отступить, как отступает человек перед лицом тайфуна, чтобы, пользуясь разумом и хитростью, вернуться победителем. Но раньше, чем я успел продумать все детали реванша, судьба подарила мне вас, козочки! Вы сами прыгнули в суп. Дайте я вас расцелую!

И с этими словами адмирал, перекосив в зловещей усмешке физиономию, изуродованную шрамом, направился к Алисе. Алиса отбежала в угол, а стоявшие на мостике офицеры хохотали, умирали от смеха, а громче всех визжала Боевая Подруга.

Заури на всякий случай начала рыдать, но на нее никто не обращал внимания.

— Только посмейте дотронуться до меня! — сказала Алиса. — Вас один раз уже выкинули с планеты, как нашкодившего котенка. Так я вам гарантирую, что вас выкинут отовсюду!

— Она еще смеет мне угрожать! — закричал адмирал, но остановился. — Как она смеет угрожать мне, непобедимому и великому?

— Она не смеет! — закричали офицеры.

— Вот видишь — ты не смеешь, а все равно угрожаешь. Это никуда не годится.

— Я предупредила, — сказала Алиса. — И могу сказать вам со всей ответственностью: я такого же роста, как и та женщина, которая вышвырнула вас с Земли. Сейчас я уменьшилась временно, чтобы помочь моей подруге.

— Это правда, — дрожащим голосом подтвердила Заури.

— А ты молчи, ничтожная рабыня! — закричала на нее Боевая Подруга.

Но крик получился не очень уверенным.

— А я сейчас, — сказал адмирал грозно, — свяжусь со старшим братом и получу инструкции. И тогда сотру тебя в порошок.

— Давно пора было получить инструкции. А то вы без инструкций все время ошибаетесь, — сказала Алиса.

— Вызывай! — приказал адмирал.

Сидевший в пилотском кресле офицер ответил:

— Сиенда на связи.

Адмирал уселся во второе кресло. На экране появилось толстое лицо с заплывшими подслеповатыми глазками, низким лбом, над которым навис ежик черных волос.

— Это он! — ахнула Заури. — Это мой господин!

— Панченга Мулити на связи, — сказал толсторожий человек, лениво шевеля толстыми, как помидоры, губами. — Кто меня беспокоит?

— Это я, твой младший брат, Скулити, — ответил адмирал.

— Братишка! — Лицо Панченги собралось в мягкий кулак. — Ты куда исчез? Почему не докладываешь? Хочешь, чтобы я тебя разлюбил?

— Не хочу! — быстро ответил адмирал. — Но произошло столько непредвиденных событий...

— Докладывай. Только быстро, — сказал хозяин сиенды.
— Как ты знаешь, рейд проведен удачно...
— Удачно? Кто просил тебя перебить пассажиров лайнера?
— Мне не нужны свидетели.
— А ты знаешь, что на борту была моя рабыня Заури?
— Она жива, я взял ее к себе.
— Молодец. Не забудь ее вернуть.
— Она сбежала.
— Это обо мне, — прошептала Заури Алисе. — Помнит меня хозяин. Потому что я талантливая.
— Куда сбежала? — рассердился хозяин сиенды.
В ответ адмирал громко расхохотался.
— Недалеко сбежала. Тут она, поймали.
— Ладно, я тебя готов простить, но скажи, зачем сюда пожаловал? Тебе же строго-настрого приказано — сюда ни под каким видом! Ты меня не знаешь, я тебя не знаю!
— Мне нужно было срочно встретиться с тобой! Мы обнаружили расу гигантов. Людей, которые во много раз больше нас. Они населяют несколько планет, и мы вступили с ними в неравный бой.
— Не мели чепухи, — сказал хозяин сиенды, — таких гигантов не бывает. Их бы кости не выдержали.
— Вот видишь! — неожиданно вмешалась в разговор Заури. — Я тоже так думала. А оказывается — ничего. Когда я была гиганткой, мои кости меня отлично держали.
— Ты была гиганткой? Это что, цирковой фокус?
— Это самая обыкновенная наука. Алиса может подтвердить.
— Так, — медленно произнес Панченга Мулити. — А ну-ка, спускайтесь возле моей сиенды! Я тебя жду, адмирал, со всеми пленниками и объяснениями.
— Слушаюсь, брат! — воскликнул тот. — Немедленный спуск на площадку перед дворцом хозяина сиенды «Розовые Водопады»!
— Слушаюсь, адмирал, — ответил пилот.
Корабль бандитов, увеличив скорость, пошел по касательной вниз. Он прорезал облака — внизу побежали зеленые поля.
— Ты трепещешь? — спросила Боевая Подруга у Алисы.
— Нет, я удивляюсь, — сказала Алиса. — И жду громких испуганных криков вашего адмирала.
— Это еще почему? — Боевая Подруга смотрела на Алису с опаской.
— Вы сейчас узнаете. Боюсь, что вас ждет большой сюрприз.
— Ну скажи какой, скажи, пожалуйста!
— Это не та планета, на которую вы летели, и не тот господин Панченга, который вам нужен, — сказала Заури.
— Глупая шутка! — отрезал адмирал. — Держитесь! Мягкая посадка!
Корабль трянуло. Все упали.
— Поздравляю с мягкой посадкой, — сказал адмирал. — Вызвать караул! За мной следуют Боевая Подруга и пленники.
Люк был открыт. Около него стояли стражники.
— А может быть, нам все показалось? — спросила Заури.

Выглянув из люка и увидев густые высокие заросли травы, Алиса уверенно ответила:

— Ничего нам не показалось!

Адмирал стоял рядом с ними. Вокруг — офицеры.

— Где дворец господина Панченги, черная дыра его побери! — закричал адмирал. — Я расстреляю навигатора! Где он сажает корабль?

— До дворца метров двадцать, адмирал, — сказала Алиса, — но трава мешает его разглядеть!

Земля дрогнула.

— Вот и ваш брат — Панченга Мулити, — сказала Алиса.

На фоне голубого неба появилась гигантская фигура человека, в котором издали можно было узнать того толстяка, который только что был на экране. Но с каждым шагом голова его уходила все выше в небо.

— Все внутрь! — закричал адмирал. — Срочный подъем! Нас предали!

— Поздно, — сказала Алиса. — Он вас уже увидел и очень удивляется.

Толстый человек начал опускаться на четвереньки, как в замедленной съемке — живот мешал ему двигаться быстрее. Он тяжело дышал, и воздух вырывался из его рта с таким свистом и шумом, словно разыгралась буря. Ему трудно было устоять на ногах.

Адмирал кинулся со всех ног в пирамиду, но в люке произошла такая толкотня, что спрятаться в корабль не было никакой возможности.

Господин Панченга Мулити отличался крайней сообразительностью и присутствием духа. Усевшись на землю перед пирамидой, он надел очки и принялся внимательно вглядываться в сцену из жизни перепуганных лилипутов, которая разыгрывалась перед его глазами.

Его невероятных размеров рука с толстыми пальцами медленно опустилась в груды солдатиков и разбросала людишек, затем палец раздвинул кучку шевелящихся, по-комариному визжащих бандитов, вытащил из нее адмирала и поднес к глазам. Алиса подумала, что она видела в детстве эту картинку: Гулливер разговаривает с лилипутами.

— Ты ли это? — зарычал в небе голосище Панченги Мулити. — Ты ли это, мой храбрый и отважный адмирал?

В ответ маленький человечек что-то верещал, но разобрать слов было нельзя.

— Кто же тебя заколдовал, мой Скулити? Скажи мне его имя! Я ему лично оторву голову.

Панченга приблизил ухо к голове адмирала, который метался, размахивая руками, по его ладони, но ничего не услышал.

— Что же делать? — произнес он задумчиво. — Как же мне понять твой писк? А ну-ка, давай я буду тебе задавать вопросы, а ты вместо согласия поднимай ручки вверх. А если хочешь сказать «нет», то разведи их в стороны. Понял?

Человечек на ладони поднял ручки кверху.

— Вот и умница.

Голос громадного рабовладельца гремел как будто с облаков и был таким низким, что порой казался шумом горного обвала, в котором было трудно разобрать слова.

Те из солдатиков, что не успели забраться в корабль, остановились, сообразив, что эта громада — брат их адмирала, а Боевая Подруга подошла к Алисе и спросила:

— Как же это его угораздило?

— Кого? — спросила Алиса.

— Панченгу, ясно кого. Был человек как человек, толстоват только. А пока нас не было — вон какой вымахал! Наверное, кушал много. Или ты его заколдовала?

— А вы тоже хотите такой большой стать? — спросила Алиса у рыжей толстухи.

— Точно! — ответила Боевая Подруга. — То-то я тогда повеселюсь, пограблю, помучаю! Ради славы и чести великого рыцарства!

— Нет, — сказала Алиса. — Лучше вы оставайтесь как есть. Так от вас меньше вреда.

Тем временем рабовладелец спрашивал адмирала:

— Ты заболел, что ли, или усох? Тебя заколдовали, да?

Адмирал энергично развел ручки и начал ими крутить.

— Сам заболел! — завопила Боевая Подруга. — Заболел и распух!

Но рабовладелец ее не услышал.

— Ты не тот Панченга! — закричал адмирал. Видно, только сейчас догадался. И кинулся бежать с ладони, забыв, что ладонь висит над землей на высоте пятого этажа.

В последний момент рабовладелец схватил адмирала за ногу. И снова поставил на место.

— Рассказывай все по порядку, — приказал он.

Адмирал что-то пропищал в ответ.

И в этот момент раздался другой голос — звонкий и ясный. Рядом с рабовладельцем возник другой человек. И хоть трудно от подошв ботинок гиганта разглядеть человека ростом с тридцатиэтажный небоскреб, Алиса поняла, что он худ, черноволос, чернобров, большой крючковатый нос придавал ему сходство с птицей. Одет он был в зеленый комбинезон, и на груди были нашиты какие-то знаки, но какие, разобрать с такого расстояния было невозможно.

— Я сам расскажу тебе правду! — загремел голос чернобрового человека. — Они полетели грабить и убивать. Они хотели завоевать Землю, но им это не удалось. И больше им никогда ничего не удастся. Они обречены отныне воевать с муравьями и побеждать комаров. Так же, как и ты, страшный толстый паук!

— Как ты смеешь так говорить! — зарычал толстяк, и губы его надулись, как красные пиявки. — Я тебя убью.

Толстяк Панченга скинул с ладони адмирала, тот полетел вниз и с криком рухнул на землю. Алиса увидела, как толстые пальцы толстяка лезут в задний карман штанов, который был оттопырен, потому что в нем лежал пистолет.

— Осторожнее! — закричала Алиса. — Он вооружен.

Но чернобровый человек заметил это раньше Алисы. Он протянул вперед руку и сказал:

— Замри!

И рабовладелец окаменел в нелепой, кривой позе — сам согнут пополам, одна рука закинута назад к карману, а вторая вытянута вперед, словно он просит милостыни.

— Вы мне все надоели, — сказал чернобровый мужчина. — Совершенно распустились.

— Я не виноват... — рычал Панченга Мулити, — я нечаянно, отпусти меня, у меня спина затекла!

— Нет, потерпишь! Сначала мне нужно найти двух девочек — Алису Селезневу и Заури. Где они?

— Я не знаю, — завыл рабовладелец, — я не видел!

— Тогда навсегда останешься согнутым!

— Одну я видел... мою воспитанницу, мою любимую девочку Заури. Она была где-то

там... А кто такая Алиса Селезнева, я не представляю.

— Эй! — воскликнул чернобровый мужчина. — Где вы, мои отважные птенчики?

И в этот момент он увидел Алису и Заури, которые подпрыгивали и махали руками, чтобы чернобровый человек их увидел.

С неба на землю рядом с Алисой опустилась ладонь размером с волейбольную площадку. Ладонь легла на землю, и голос приказал:

— Переходите, девочки, на руку, мне нужно отделить вас от этой компании.

Алиса тут же взобралась на ладонь, которая оказалась мягкой, но покрытой канавками, как будто гофрированная. Потом она протянула руку, чтобы помочь Заури.

— Не пойду, — вдруг захныкала красавица, — я упаду.

Но все же на ладонь залезла, и девочки уселись в углублении между светлых, изборожденных узкими траншеями холмов. Тут же рука поднялась в воздух. Подул свежий ветер.

— Как будто мы едем в ковше экскаватора, — сказала Алиса.

— А ты ездила когда-нибудь в ковше экскаватора? — спросила рабыня.

— Нет, но это легко представить.

Впереди по курсу медленного полета в воздухе появилось гигантское человеческое лицо. Ладонь остановилась, не доезжая до лица.

— Я рад вас видеть, девочки, — сказал громадный рот. А громадный глаз подмигнул им. — Путешествие заканчивается. Держитесь!

Чернобровый закрыл глаза и медленно произнес:

— Галлия омни дивизи ин партрес трес. Экзеги монумент эрре перенниус. Регаликвеситу — будь все, как быть должно!

И в это же мгновение земля понеслась куда-то вниз, облака приблизились, голова закружилась так, что впору потерять сознание.

А когда, переведя дух, Алиса все же открыла глаза, она поняла, что сидит на низенькой жидкой травке у ног высокого стройного чернобрового мужчины в комбинезоне, который протягивает ей руку, чтобы помочь подняться. Вторую руку мужчина протянул Заури, которая вдруг начала рыдать, повторяя:

— Господин Пуччини, господин Пуччини, я не виновата, что опоздала к началу занятий в училище! Я больше не буду. У меня нет родителей, я беспомощная рабыня. Не наказывайте меня!

— Кто тебя наказывает! — возмутился господин Пуччини-2. — Из-за тебя я вторую неделю не сплю, не ем, я потерял пять кило, у меня ни одного здорового нерва не осталось, и все из-за тебя — негодная девчонка!

— Все погибло! — зарыдала еще громче Заури. — Он меня никогда не купит в рабство. А я так хотела стать его рабыней!

— Еще чего не хватало! — возмутился господин Пуччини-2. — Мне не нужны рабыни! Мне нужны цирковые таланты! Я считал тебя моей студенткой и потому морально отвечаю за твою судьбу.

— А зачем вы сделали меня такой большой! Мне уже надоело! — продолжала рыдать рабыня. — Я хочу снова быть обыкновенной, как все.

— Как кто? — спросил Пуччини-2. — Как эти самые пираты? Или как этот рабовладелец, по которому виселица плачет?

И он показал на рабовладельца Панченгу Мулити, который все еще стоял, окаменев и

согнувшись вдвое.

— Пощадите! — взмолился рабовладелец. — Пощадите меня! Я не виноват! Я ничего не знаю! У меня никогда не было рабов! Я не знаю никаких бандитов. Я живу тихо, воспитываю детишек на моей сиенде, творю добро...

— Ты хочешь знать правду? — Пуччини был страшно разгневан. — У вас с этими бандитами была отличная компания! Вас трое. Все три Панченги. Ты оседлал эту планету, второй брат командует бандитским кораблем. Где таится ваш папаша — пока неизвестно. Но скоро найдут и его...

«В общем, этого и следовало ожидать, — подумала Алиса. — Если ты рабовладелец, то, значит, заодно и грабитель, а если ты грабитель, то, значит, ты в свободное от грабежей время занимаешься подделкой денег или пишешь анонимные доносы на соседей. Хороших преступников после Робина Гуда не было».

Боевая Подруга, которая слышала этот монолог, стоя посреди площадки возле корабля, подняла свой бластер и начала стрелять в Пуччини. Тот не сразу понял, что его обстреливают, почесал ногу, в которую попадали пули, а потом сообразил и возмутился:

— Ты мне все брюки прожжешь, разбойница!

Он указал на нее пальцем и сказал:

— Замри!

И Алиса увидела, как фигурка Боевой Подруги замерла с поднятой рукой. Стрельба прекратилась.

— Твой братец адмирал рыскал по космосу в поисках добычи, — продолжал Пуччини. — Он нападал на мирные космические корабли, грабил их, убивал экипажи и пассажиров. Не убивали они только маленьких детей. Их свозили сюда, на полудикую и почти ненаселенную планету. Официально здесь располагался приют для сирот. Ни одному нормальному человеку и в голову не могло прийти, что под видом детского приюта скрывается лагерь рабов, где маленькие дети и подростки под палящими лучами солнца с утра до вечера обрабатывают поля марихуаны и опиумного мака, а также растительных ядов.

Здесь же, в подземельях твоего дворца, Панченга Мулити, хранятся миллионы золотых монет и тысячи бриллиантов — это все награбленное вашей семейкой добро! И все под видом детского приюта! Какой стыд!

— Мне стыдно, я больше не буду! — завопил полусогнутый рабовладелец. — Это меня папа заставил. Он сказал, что меня убьет, если я не буду хранить его драгоценности. А детишек я брал из жалости...

— Я хотел бы тебе поверить, толстый мошенник, — сказал Пуччини-2, — но факты — упрямая вещь. И они говорят против тебя. Я уже знаю, что многие дети росли и погибали на твоих плантациях, а тех, у кого был какой-нибудь редкий талант, ты выгодно продавал.

— Я никого не продавал. Разве я вам продал рабыню Заури?

— Ты сказал, что я могу взять ее в свое училище, если выплачу в фонд твоего приюта на нужды детишек десять тысяч золотых кредитов. Это было? Или эта расписка написана не тобой?

Пуччини вытащил из кармана белую бумажку и помахал ею перед носом Панченги Мулити. Тот попытался отвернуться, чтобы не смотреть на нее, и от резкого движения окончательно потерял равновесие и неуклюже упал. Упал и остался так лежать. Лишь открывал рот, как рыба, попавшая на сушу.

— Ему, наверное, плохо, — сказала Алиса.

— Не надо было обжираться пирожными и жирной свиной, — сказал Пуччини.

— Я хочу вернуться в человеческий вид, — сказала Заури. — Я устала быть великаншей.

— Почему ты решила, что ты не в человеческом виде? — спросил чернобровый Пуччини-2.

— Сначала я была маленькой, — сказала Заури.

— А ты что думаешь? — спросил Пуччини у Алисы.

— Я подозреваю... — сказала Алиса. И она рассказала директору циркового училища (а она давно уже догадалась, что он и есть тот самый Пуччини-2, на которого так сердилась на Земле симферопольская бабушка) о своей гипотезе, будто вся Галактика двойная — одна половина в пятьдесят раз меньше другой. И на каждую Алису есть махонькая Алиса, и на каждого громадного рабовладельца где-то живет лилипут-рабовладелец. Но до сих пор эти две Галактики не подозревали друг о друге и шли совершенно отдельными путями. Но когда адмирал напал на Землю, то тайна открылась.

Пуччини слушал рассказ Алисы внимательно, будто забыл о том, что происходит вокруг, потом неожиданно улыбнулся:

— До сих пор я думал, что мне все ясно. А теперь мне все неясно. Скажи, Алиса, а ты на самом деле какого размера, большого или маленького?

— Я? Такая, как сейчас.

— А почему ты была маленькой?

— Потому что специально уменьшилась.

— Сама уменьшилась?

— Мы вместе с Заури уменьшались, — сказала Алиса. — Можете у нее спросить.

— Удивительно. А ты, Заури, какого на самом деле размера?

— Я в самом деле настоящая, как вот эти. — И рабыня показала на землю, где, задрав головы, стояли и слушали их разговор солдаты и офицеры бандитского корабля.

— Ты откуда об этом знаешь? — спросил Пуччини.

— Потому что я на этом корабле летала.

— Значит, так... — сказал сам себе высокий худой Пуччини и начал большими шагами мерить полянку, не опасаясь случайно раздавить кого-нибудь из адмиральской команды. Он бормотал под нос, а девочки провожали его глазами. — Эта, значит, нормального... а эта, значит, уменьшенного... а эта, значит, нормального...

— А ты, значит, сошел с ума, — послышался мелодичный женский голос, и с неба, с облаков, пользуясь своей широченной юбкой, как парашютом, не спеша спустилась симферопольская бабушка Лукреция. — Я тебя спрашиваю, Пуччини-2, — сказала она громко, когда ноги ее коснулись земли, — ты сошел с ума или ты не сошел с ума?

— Лукреция! — ахнул Пуччини. — Какими судьбами?

— Навожу порядок, — заявила симферопольская бабушка. — Ты наверняка опять все перепутал. Без меня вам не разобраться.

— Я не перепутал, но меня кто-то пытается запутать. А это у них не выйдет! — И чернобровый Пуччини-2 сердито покосился на Алису.

— Бабушка! — воскликнула Алиса. — Что ты делаешь так далеко от дома? В твоём возрасте это вредно.

— А что ты знаешь о моем возрасте? — удивленно спросила бабушка. — Я прошла три курса полного омоложения тела и души. Я сама не представляю, сколько мне лет. А

впрочем, это все пустяки.

Бабушка не спеша оглянулась и увидела пирамиду космического корабля бандитов.

— Ну вот, — сказала она. — Опять двадцать пять! Я же собственноручно выкинула вас с Земли. А вы сюда прилетели! Ну что мне, снова вас кидать? — Бабушка махнула рукой и спросила: — А где же здешний рабовладелец Панченга Мулити?

— Вон там лежит, отдыхает, — ответил Пуччини. — Он оказался не очень смелым. — Фокусник показал на поляну, где должен был лежать рабовладелец. Но его там не было. — Вот пройдоха! — воскликнул Пуччини. — Но далеко ему не убежать.

На этот раз фокусник ошибся. Как потом стало известно, Панченга Мулити дополз кустами до спрятанного в чаще корабля и улетел на нем к своему папе.

— Простите, — сказала Алиса, — мы с вами не решили самую главную задачу: кто из нас какого размера?

— Разве в этом есть какая-нибудь тайна? — удивилась бабушка Лукреция. — В этом нет никакой тайны.

— Я хочу знать, наконец, какого я размера! Я же не знаю, какие мне платья покупать! — закричала рабыня Заури.

— А разве тебе твой размер не нравится?

— Мне все нравится, но я не знаю, какого размера мои папа и мама, а они не знают, какого я размера!

— Знаешь, Лукреция, — сказал Пуччини симферопольской бабушке, — Алиса высказала странную гипотезу, будто существуют две Галактики, маленькая и большая, есть две Лукреции, два Симферополя и даже два меня — один в пятьдесят раз меньше другого. Как тебе это нравится?

— Совершенно не нравится, — сказала симферопольская бабушка. — Но меня утешает то, что все люди одного размера. Маленьких людей и маленьких планет не бывает.

— Как так не бывает! — удивилась Алиса. — А это что?

Она показала на пирамиду космического корабля. Солдаты Панченгов уже скрылись в нем, и люк медленно закрывался.

— Кстати, что это такое? — строго спросила симферопольская бабушка у директора циркового училища.

Неожиданно тот потупился и отвернулся.

— Нет, ты не отворачивайся, не отворачивайся! — рассердилась бабушка. — Ты мне отвечай! Кто это натворил? Почему этот корабль такой маленький? Почему люди в нем такие ничтожные?

— Ну, погорячился, — ответил наконец Пуччини. — Со всяким бывает. Но пойми меня правильно! Как ты знаешь, Лукреция, я много летаю по Галактике и разыскиваю таланты. Настоящих талантов мало, и долг учителя — отыскать неограниченный алмаз в куче пустой породы. Вот и носишься по гостиницам и пересадочным станциям. Но порой жизнь вознаграждает тебя за невероятные усилия. Так случилось недавно со мной. На этой вот планете мне показали девочку-сироту, талант которой был беспорен. Это будущая звезда... не говоря уж о ее удивительных внешних данных!

Широким жестом сеятеля директор Пуччини показал на Заури. Та потупилась и покраснела.

— Я имел сложные переговоры с директором приюта, в котором жила эта девочка. Конечно же, в то время я еще не знал, что она — рабыня. Мне лишь сказали, что она —

сирота. Поймите, я и не подозревал, что все сироты — жертвы Панченги Мулити. Что родители этих детей убиты бандитами его брата. И, не зная, откуда они родом, под выдуманными именами они проводят жизнь на плантациях сиенды, а весь мир думает о Панченге как о благородном педагоге. Знаете ли вы, что в прошлом году он летал на всемирную конференцию по воспитанию трудных детей?

Алиса не отрываясь смотрела на Пуччини и потому пропустила момент, который чуть не оказался для всех роковым: воспользовавшись тем, что никто за ними не наблюдал, бандиты адмирала закрыли люки в своем космическом корабле и подняли его в воздух. Набрав высоту, адмирал направил корабль прямо в голову Пуччини, и тот наверняка бы погиб, если бы симферопольская бабушка не успела подставить ладонь на пути бандитского крейсера. Крейсер ударился о ее руку, как о стену, потерял высоту, но у самой земли выровнялся и полетел прочь, покачиваясь, как хромым шакал.

— Большое спасибо, Лукреция, — произнес господин Пуччини, склоняясь к руке симферопольской бабушки и галантно целуя ее. — Ты спасла мне жизнь.

— Во второй раз, — спокойно ответила бабушка, глядя вслед кораблю. — В первый раз, когда ты сорвался из-под купола. Ты был воздушным гимнастом, а я партерной акробаткой...

— И тогда все в цирке поняли, что ты не просто акробатка, а ученица великих цирковых магов, обладающая редким талантом повелевать вещами.

— А потом выяснилось, что и ты обладаешь этим талантом. Потому я жду окончания твоего рассказа.

— Мой рассказ заканчивается, — сказал господин Пуччини. — Договорившись с Панченгой, я заплатил ему кучу денег на содержание приюта. Затем я отбыл к себе домой на Землю, где меня ждали ученики. Но неожиданно мной овладело беспокойство. Я места себе не находил. Снова и снова я вспоминал неприятную физиономию этого толстяка, его бегающие глазки и чувствовал: во всей этой истории что-то неладно.

Девочке, на которую я возлагал столько надежд, что-то угрожает. А я привык доверять интуиции. Наконец я не выдержал, бросился в космопорт, нанял там небольшой корабль и полетел навстречу моей будущей воспитаннице.

— Спасибо, учитель, — проворковала Заури, глядя на Пуччини сверкающими преданными глазами.

Пуччини погладил рабыню по склоненной к нему головке.

— Когда я прилетел на Альдебаран, я узнал, что корабль, на котором летит Заури, опаздывает. Но должен быть с минуты на минуту. Минуты текли, превращались в часы, а корабля все не было. Так прошла ночь. Наутро я вылетел на поиски пропавшего лайнера. Его искали многие корабли, и уже через три часа удалось найти спасательную капсулу с лайнера, в которой было два пассажира. Они рассказали, что на лайнер напал бандитский корабль, которым командовал некий адмирал Панченга. Корабль был ограблен, затем бандиты начали убивать пассажиров и членов экипажа. Они вели себя ужасно: убивали безоружных, получали наслаждение от мучений своих беззащитных жертв. Двоим из пассажиров чудом удалось убежать и спастись в капсуле.

— Так и было! — воскликнула, обливаясь слезами, Заури. — Я все это видела! Меня они с самого начала отделили от остальных. Наверное, потому, что я сказала на первом же допросе, что я — рабыня Заури и принадлежу великому господину Панченге Мулити. Меня перевезли на их крейсер и отправили мыть посуду. Разграбив пассажирский корабль, они

взорвали его. Чтобы замести следы.

— Этого им сделать не удалось, — сказал директор Пуччини-2. — Все преступления в конце концов раскрываются. Патрульные корабли бросились на поиски крейсера адмирала Панченги. Но как найдешь бандита в просторах Галактики...

— Значит, они остались безнаказанными? — спросила Заури.

— Ты же только что была у них в плену, — ответила Алиса. — К сожалению, пока они на свободе.

— Но все же я их нашел! Я догнал их в открытом космосе.

— И ничего не сделали? — удивилась Алиса.

— А что я мог сделать? Я был один. Мой корабль был не вооружен. Да и не могу я стрелять! Я артист, а не полицейский.

— Даже если это преступники? — спросила Алиса. — Даже если это убийцы?

— Даже так, — признался Пуччини-2. — Но при виде их у меня родился замечательный план, — сказал директор циркового училища. — План, достойный настоящего мага и волшебника... Нет, я не могу сказать, что я сделал!..

Пуччини-2 отошел в сторону и стал смотреть в небо.

— Марио, — строго сказала бабушка Лукреция, — посмотри мне в глаза.

— Я смотрю, — сказал Пуччини-2, но не обернулся.

— Какой у тебя был план? Что ты сделал с кораблем бандитов? Ты же не мог их убить?

Но ты хотел поймать их живыми. Я права?

— Ты, как всегда, права, Лукреция.

— Значит, ты намерен был совершить какой-то фокус. Какой?

— Не важно.

— Нет, важно. Ты его совершил?

— Да, — понурил голову директор циркового училища.

— Но потом упустил их?

— Не представляю, как это случилось!

— Так что ты сделал? Отвечай быстро.

— Я их успел уменьшить, — прошептал маг и чародей. — В пятьдесят раз. Только так я мог их привезти на суд.

— Это нарушение цирковых законов! Фокусник, маг и чародей не имеет права наносить людям вред, даже если они плохие люди. А ты их уменьшил!

— Ну какой же вред! — воскликнул Пуччини-2. — Они этого даже не заметили.

Алиса сделала шаг вперед.

— Скажите, пожалуйста, — спросила она, — если корабль и всех его пассажиров уважаемый фокусник и маг Пуччини уменьшил в пятьдесят раз, значит, Галактика всего одна? И нет у нее близнеца в пятьдесят раз мельче?

— Правильно, девочка, — сказал Пуччини-2. — Конечно же, Галактика одна! И все люди в ней примерно одного размера.

— Как же так? — Заури была не согласна с фокусником. — Это неправда. Я ведь была на том корабле. Мы совсем не уменьшились.

— А как вы могли это заметить? — вежливо спросил Пуччини-2. — Ведь в открытом космосе вам не с чем было сравнивать ваши размеры.

— Неправда, — вспомнила Алиса, — когда мы становились в пятьдесят раз меньше, все с нас падало — ведь вещи не уменьшались!

— В вашей научной физической кабине вещи не уменьшаются, — ответила за своего друга симферопольская бабушка. — Но ведь мой друг все делает совершенно ненаучно.

— А я думала, что уменьшаться можно только научным путем, — сказала Алиса.

— Ты еще не все знаешь, — ответил Пуччини-2. — Приходи ко мне в цирк. Я покажу тебе такие ненаучные фокусы, что ты ахнешь!

— Мой друг Марио, — сказала симферопольская бабушка, — обладатель золотой волшебной палочки, которую дают раз в пять лет на своем съезде фокусники Галактики самому достойному из магов.

— Я буду у вас учиться, — сказала Заури. — Я стану самой лучшей вашей ученицей. Только вы мне скажите честно: большая я или маленькая?

— Ты такая, как сейчас, — ответила Алиса.

Глава 6. Тайна остается тайной

Перед тем как покинуть планету, они пошли на сиенду господина Панченги и объявили всем рабам и маленьким рабыням, что отныне они свободны и завтра к ним прилетят настоящие воспитатели, повара и учителя.

Пуччини-2 приказал надсмотрщикам выполнять до завтра свои обязанности, но никого не бить и не обижать. Потом он пошел в кабинет рабовладельца Панченги Мулити.

Бабушка Лукреция, Алиса и Заури уже были там.

— А жалко, что моя теория о двух галактиках неправильная, — сказала Алиса. — Как приятно знать, что у тебя есть двойник. Я бы отыскала маленькую Алису и заботилась бы о ней.

— Твое счастье, что ты большая, а она — маленькая, — улыбнулся Пуччини-2. — А представляешь, если бы все было наоборот?

— А что?

— Тогда бы она о тебе заботилась. И даже носила бы в кармане.

Алиса засмеялась и больше о своей гипотезе никому не рассказывала.

Бабушка и Заури просматривали картотеку рабов сиенды Панченги, надеясь отыскать в ней настоящее имя и адрес Заури.

Лукреция Ивановна подошла к большому, до потолка, сейфу и попыталась его открыть.

— Ключей нет, — сказала она. — Он их взял с собой.

— А ты открой его волшебным способом, — решил Пуччини-2.

— Твоя правда! — сказала бабушка. Она отошла на три шага, протянула вперед руки и начала бормотать.

От ее бормотания сейф начал вздрагивать и трястись — тяжелая стальная дверь чуть выгибалась, будто ее тянули не слова маленькой хрупкой женщины, а трактор.

Бабушке было очень трудно. Даже пот выступил на лбу.

Наконец руки ее опустились, и она призналась:

— Стара стала. Не могу.

— Для женщины совсем неплохо, — сказал Пуччини. — Ты давно не тренировалась. А если бы тренировалась, обязательно бы открыла. А теперь — смотрите!

Словно нехотя, лениво и медленно Пуччини-2 поднял руку и указал пальцем на замок сейфа.

— Откройся, — сказал он.

Сейф сопротивлялся полминуты, не больше. Он даже подпрыгивал на месте. И вдруг с резким шумом дверь распахнулась настежь, и из сейфа посыпались пачки денег со всех планет Галактики, драгоценности и монеты.

Алиса сказала:

— Мой мешочек с бриллиантами пропал бы здесь.

— Какой мешочек? — спросил Пуччини-2.

Алиса рассказала, что она намеревалась выкупить Заури из неволи и собрала свои бриллианты.

— Ничего, — сказал Пуччини-2, заглядывая в сейф и разбирая коробки с бумагами. — Часто чем богаче человек, тем жаднее. Панченга взял бы у тебя твои бриллианты. Но вот отдал бы он тебе Заури — большой вопрос.

Пуччини-2 вытащил из сейфа длинную пластиковую коробку с несколькими отделениями, отнес ее на стол. Тонкими сухими пальцами он перебирал карточки — их было множество.

— А вот и нужная нам ячейка, — сказал он.

Пуччини нашел нужную карточку. К ней была приклеена фотография Заури и написано: «Передана в цирковое училище за десять тысяч кредитов».

Пуччини-2 перевернул карточку. На другой ее стороне была приклеена фотография маленькой девочки.

— Вот такой ты сюда попала, — сказал фокусник. — Похожа?

— Она совсем не изменилась, — улыбнулась Алиса.

Но Заури не интересовала собственная фотография. Она сунула носик в ящик в поисках других фотографий и документов.

— Где же все? — спросила она.

— Как видишь, больше здесь ничего нет.

— А кто моя мама?

— К сожалению... — произнес Пуччини виновато, — к сожалению, этого мы пока не знаем.

— Не смейте так говорить! — рассердилась рабыня. — Я же не сама родилась! Меня где-то нашли! Меня украли из какого-то королевского дворца. Почему вы скрываете от меня...

Она начала громко рыдать. А остальные стояли вокруг и молчали — разве отыщешь слова утешения для девочки, которая не знает, кто ее родители.

— Послушай, — произнесла наконец Алиса, — мы доберемся до братьев Панченгов — кто-то из них наверняка знает.

Но Заури продолжала плакать.

Часть третья. Погоня за прошлым

Глава 1. Кентавр из цирка

— Я вами недоволен, — сказал космический инспектор Кром.

Он не шутил. Он и на самом деле был сердит.

Инспектора можно было понять. К нему заявили две девочки. Светловолосую и голубоглазую он уже встречал. Ее звали Алисой Селезневой, она жила на Земле, училась в седьмом классе и увлекалась биологией. Вторую, кудрявую, смуглую, которую звали Заури, он никогда раньше не видел. С какой она планеты, инспектор не знал. Впрочем, не знала об этом и сама Заури. А возможно, никто во всей Галактике.

Тайна, которую принесли инспектору посетительницы, могла быть разрешена день назад. Но этого не случилось.

Девочки рассказали инспектору, что Заури, сколько помнит себя, была рабыней, лишь два дня назад освобожденной от жестокой власти рабовладельца Панченги Мулити и его родственников. Этим негодьям удалось столько лет обманывать всех вокруг, потому что свое рабское хозяйство они называли приютом для детей, потерянных в космосе. На самом деле дети терялись в космосе только потому, что на корабль, где они летели вместе с родителями или друзьями, нападали бандиты. Бандитами командовал младший брат рабовладельца. Взрослых они убивали или выкидывали за борт, а детей свозили на сиенду Панченги, где они трудились с утра до вечера, вспахивая землю, пропалывая картошку и ремонтируя компьютеры. Наиболее талантливых из них Панченги продавали. Окружающим эта продажа не казалась продажей. Допустим, если кто-то из подростков имел музыкальный талант, Панченга Мулити отвозил его в консерваторию и просил принять на обучение, а за это требовал денежек, чтобы кормить сироток, которых он содержит за свой счет на своей прекрасной сиенде. И, конечно же, все платили такому доброму благородному толстяку. «Моим сироткам нужны новые видеофоны», «Мои сиротки так скучают без новых компьютерных игр», «Мои сиротки хотели бы колбаски...» — говорил он всем. Неловко отказывать сироткам — вот все и платили.

А те музыканты, художники, портные, сапожники, математики, лингвисты и другие таланты, что вырвались из сиенды Панченги Мулити, всю жизнь молчали о прошлом. И если их спрашивали, каково жить на сиенде Панченги Мулити, они замолкали, отворачивались, и в глазах у них возникал страх. Не хотели они вспоминать о своем сиротском детстве на сиенде толстого Панченги Мулити. К тому же рабовладелец предупреждал каждого, кто покидал сиенду: «Откроешь пасть, мой братишка отыщет тебя и глаза выколет». И все знали, что это не шутка.

Теперь обман Панченги был разоблачен. Но никто из освобожденных детей не помнил, что случилось с их родителями, — почти все они попали на сиенду малышами, а у тех, кто был постарше, стерли память.

Корабль, на котором бандитствовали Панченги, еще вчера был в руках Алисиной бабушки Лукреции Ивановны. Но та, бывшая фокусница и член галактического братства магов и волшебников, вместо того чтобы передать разбойников ближайшему патрульному крейсеру, размахнулась и закинула корабль далеко в небо. И негодья улетели.

Вот из-за этого и расстраивался инспектор Кром.

— У них на корабле наверняка сохранились какие-нибудь документы, хотя бы судовой журнал. И мы смогли бы узнать, где и когда побывали грабители. Мы смогли бы без труда вычислить, на какие пассажирские космические корабли они нападали. А теперь где их искать? — говорил инспектор.

Инспектор Кром, худой и такой высокий человек, что страшно было, не переломится ли он пополам, поднялся с кресла, подошел к окну своего кабинета в Галактическом центре и, сложив на груди руки, задумался.

Алиса привела сюда Заури сразу после того, как владелец сиенды сбежал на своем корабле. Они просидели у инспектора больше часа, но так и не придумали пока, что же делать дальше.

Ведь наверняка у Заури были родители, была планета, где она родилась. Может быть, ее отец и мать погибли от руки бандитов, но остались другие родственники — братья, сестры, тети, дяди или дедушка с бабушкой.

— Сложность еще и в том, — сказал инспектор, — что прошло много лет.

Заури смахнула слезу.

— Ну хоть что-нибудь ты должна помнить! — воскликнул тогда инспектор. — Даже маленькие дети что-то сохраняют в памяти.

— Я помню только сиенду, — сказала, всхлипнув, рабыня.

— Тогда я предлагаю для начала, — сказал инспектор, — просветить Заури мозг.

— Ой! — воскликнула, испугавшись, рабыня. — Это больно!

— Ничего подобного. Твой мозг просветят специальными лучами, и если в нем есть спящие воспоминания, мы их постараемся проявить.

— Соглашайся! — сказала Алиса. — Это же интересно.

— И не будет больно?

— Даже не будет щекотно, — улыбнулся инспектор. — Мы часто применяем такой метод, когда человек забыл что-то очень важное. Только три дня назад у нас был директор центральной ювелирной фабрики. Он забыл, куда положил ключи от входа.

— И вспомнил?

— Вспомнил, — сказал инспектор. — А заодно вспомнил, что должен был позавчера навестить друга, у которого день рождения.

— Навестил? — спросила Алиса.

— Нет, не навестил, — вздохнул инспектор. — Его друг пять лет назад умер.

Наконец Заури согласилась пройти испытание. Инспектор Кром вызвал доктора, который должен был все подготовить, а Алиса тем временем отправилась на космодром проводить бабушку Лукрецию и сказать ей, что немного задержится, пока не выяснится загадка Заури.

Бабушка Лукреция вместе с бывшим магом и дрессировщиком носорогов Пуччини-2 ждали ее у голубого фонтана посреди зала ожидания. Алиса увидела их издали, потому что фокусники, как всегда, страшно ссорились. Они махали руками, а их воображение все время рождало чудовищ, которые вылетали из рукавов и взмывали кверху. К тому времени, когда Алиса подбежала к старым фокусникам, люстра над их головой была обсажена гарпиями, стервятниками, птеродактилями, летающими бегемотиками и неизвестными науке тварями.

Алиса уже знала, в чем причина постоянного спора между старыми друзьями. Весной Пуччини-2 выгнал из циркового училища кентавра Тиберия. Да, да, самого настоящего кентавра — до пояса человека с руками, а дальше — могучего коня. Этот кентавр появился

на свет по недоразумению — его выдумала бабушка Лукреция для своих выступлений, а потом материализовала. Ведь она была фокусником высшего магического разряда! Никто не запрещает фокусникам выдумывать и показывать зрителям любых чудовищ или, скажем, единорогов. Но после окончания выступления чудовище должно раствориться, исчезнуть! Ведь оно ненастоящее! Оно только кажется настоящим. Однажды после представления бабушка, как и положено, сказала кентавру:

— Исчезни!

А кентавр не исчез.

— Послушай, — сказала бабушка Лукреция. — Это уже никуда не годится. Что обо мне подумают мои коллеги? Что я не могу дематериализовать какое-то привидение?

— Вот это ты зря, — сказал кентавр, который страшно обиделся, что он — привидение. Для доказательства обратного он тут же нагадил на пол. А если бы вы знали, как это делают кентавры, вы бы тут же перестали смеяться.

Бабушка бросилась за ним убирать, жутко расстроилась, а кентавр отправился пастись. В тот вечер они выступали в Аргентине, цирк стоял в парке, и кентавр отлично погулял на воле.

Всю ночь бабушка билась над заклинаниями, но никому о своем позоре не рассказала. А как известно, любую ошибку цирковых волшебников можно исправить лишь в первый день. В десять раз труднее это сделать на второй день и почти невозможно через неделю. Если бы бабушке Лукреции не было стыдно перед коллегами, если бы она в ту же ночь вызвала к себе на помощь Пуччини-2, все бы, может, и обошлось. А она старалась все сделать сама.

Утром бабушка проснулась от призывного ржания кентавра, который желал репетировать. Оказывается, он не только умел говорить, но и обожал выступать и считал себя великим артистом. Из-за этого, как он потом признавался, он и не захотел раствориться в воздухе.

В конце концов бабушке пришлось сделать вид, что этот кентавр всегда работал у нее в аттракционе, она назвала его Тиберием в память о коварном и спесивом римском императоре и даже привязалась к нему. Кентавр был, конечно, не гениальным, но вполне сносным артистом. Он умел ходить по натянутой проволоке под куполом цирка, отлично работал на задних ногах, считал до ста, танцевал вальс — не много для кентавра, но все же и такие артисты на земле не валяются.

Когда бабушка Лукреция вернулась домой в Симферополь и вышла на пенсию, Тиберий некоторое время пожил в сарае возле ее зеленого домика в Симеизе, даже интересовался сельским хозяйством и выгоптал всю редиску. Но вскоре это ему страшно надоело, тем более что у него случился несчастный роман с соседской коровой Зорькой, которая бросила его и предпочла цирковому артисту банального быка Василия. Так что кентавр мучился, переживал и в конце концов взмолился:

— Коллега Лукреция! Хочу овладеть профессией. Хочу работать! Я еще не стар!

— Зачем?

— Хочу выступать в настоящем цирке, хочу побывать на разных планетах, надеюсь, что найду мир, где живут подобные мне существа. Не может же быть, чтобы природа создала меня только один раз и не сделала для меня подругу.

Честно говоря, бабушка Лукреция, которая была добрым человеком, уже несколько раз пыталась создать для Тиберия подругу, но все опытные образцы существовали не больше

пяти минут и растворились в воздухе.

Бабушка Лукреция так и не посмела сознаться своим коллегам, что Тиберий — ее роковая ошибка. Иначе бы они страшно рассердились на нее за нарушение закона магов и, вернее всего, выгнали бы из лиги, а Тиберия наверняка сдали бы в зоопарк.

Поддавшись на уговоры несчастного Тиберия, бабушка попросила своего старого друга Пуччини-2 принять кентавра в цирковое училище, чтобы у него была специальность жонглера или хотя бы канатоходца. Она сказала Пуччини, что встретила Тиберия на одной отдаленной планете. Пуччини-2 никогда ничему не удивлялся. Он взял кентавра к себе и поселил в цирковой конюшне. Кентавру это не понравилось — все ученики и артисты жили в гостинице или по своим домам, а он в конюшне с обыкновенными животными!

Так что нет ничего удивительного, что кентавр на всех обижался, учился плохо, а вскоре обнаружилось, что он вообще не умеет читать и писать, даже подписывается с трудом — ставит два креста. Лекции по эстетике он, конечно, прогуливал, завел роман с одной кобылкой в конюшне, за что был бит другими жеребцами, чуть не затоптал самого Пуччини-2, когда тот поставил ему двойку на экзамене по жонглированию. Кончилось все это тем, что кентавра отчислили из училища и отправили с позором в Симферополь.

Тиберий заявился к Лукреции и такого ей наплел о гонениях, которым его подвергал тиран и угнетатель Пуччини-2, что бабушка Лукреция кинулась в Москву добиться восстановления ее любимчика в училище, а заодно рассказать Пуччини-2, что она о нем думает.

И вот теперь на космодроме Галактического центра в ожидании корабля на Землю Пуччини-2 и его бывшая подруга, а ныне заклятая врагиня Лукреция Ивановна стояли у голубого фонтана и так громко ссорились, что инопланетяне, которых немало было в космопорте, далеко обходили их стороной. Воображаемые чудовища взлетали над их головами и усаживались на люстру, а то и вовсе летали под потолком, крича и стрекоча. Разумеется, многие пугались, и как раз тогда, когда в зале появилась Алиса, туда вбежал местный блюститель порядка в синем мундире, с шестью дубинами в шести коротких щупальцах.

— Убрать! — закричал он издали. — Дети есть пугаются! Есть обморок.

— Ах! — воскликнула Лукреция Ивановна. — Откуда здесь эта гадость?

— Это мы с тобой натворили, — сказал Пуччини-2. — Давай их ликвидируем.

Алиса стояла и смотрела, как фокусники произносили нужные заклинания и щелкали пальцами, чтобы чудовища исчезли. Последнее чудовище, стервятник ростом с корову, созданный бабушкой Лукрецией, никак не желал дематериализоваться, летал над головами и отвратительно вопил.

— погоди, — сказал Пуччини-2, — вижу, что ты за годы на пенсии многое подзабыла.

Он щелкнул пальцами, сказал несколько волшебных слов, и птица, хлопнув, как лопнувший воздушный шарик, исчезла. Лишь одно перышко размером с Алису некоторое время еще летало над фонтаном.

Бабушка Лукреция была удручена очередным провалом. Ей совсем не хотелось, чтобы Пуччини-2 заподозрил, что Тиберий не настоящий, а воображаемый кентавр, и потому при виде Алисы она поспешила воскликнуть:

— Алиса, девочка! Почему так долго?

— Бабушка, — сказала Алиса самым нежным из голосов, которыми владела, — миленькая, мне придется на часок задержаться. Я полечу следующим рейсом!

— Этого еще не хватало! — возмутилась бабушка. — А что я скажу твоим родителям?

— Ты ничего не успеешь сказать, как я уже приду домой.

— А что тебя задерживает?

Алиса рассказала фокусникам, как инспектор Кром предложил рабыне Заури проверить, что сохранилось у нее в памяти.

— А она боится оставаться одна.

— Я тоже остаюсь, — сказала бабушка.

— Не надо, — сказала Алиса ласково.

— И в самом деле, — сказал Пуччини-2, — оставь детей в покое. Они без тебя разберутся.

Затем он обернулся к Алисе, подмигнул ей и добавил:

— Смотри, чтобы к ужину не опаздывать!

— На корабле ужин вкуснее, — ответила Алиса.

— Что ты говоришь! — закричала бабушка. — Я тебе сделаю такой ужин, который ни один корабельный кок не осилит.

Но тут Пуччини-2 увел из зала свою подругу, и Алиса осталась одна.

Глава 2. Воспоминания о неволе

Алиса вернулась к инспектору Крому в тот момент, когда обследование Заури закончилось, и Кром вместе с рабыней ждали Алису, чтобы просмотреть пленку.

Кроме них, в небольшом смотровом зале был доктор, который и просвечивал мозг рабыни.

— Ну как, не больно было? — спросила Алиса у Заури.

— Не больно, но все равно щекотало, — укоризненно сказала Заури. — Я очень боюсь.

— Ну чего же ты теперь-то боишься? Все позади! — сказал инспектор.

— Вы ничего не знаете. Вы не знаете, какое у меня было прошлое! Вдруг я его забыла, потому что была преступницей, воровкой или даже убийцей?

— Рано тебе, — усомнилась Алиса.

— Бывают жуткие дети, они уже в пять лет совершают преступления, — возразила рабыня. — Я слышала о таких. И вообще, вдруг я окажусь дочкой дьявола?

— Может, тогда не будем смотреть пленку и разойдемся? — спросил инспектор, которому надоели все эти разговоры.

— Начинаем! — сказала Алиса и ободряюще пожала руку рабыне. Она понимала, что та волнуется и никто из взрослых мужчин не может понять ее.

— К сожалению, — сказал доктор, который расшифровывал воспоминания рабыни, — результаты нашего обследования негативны. Почти ничего не удалось узнать.

Свет в зале померк. Экран загорелся зеленоватым светом. По нему пробежали полосы, светлые зигзаги. Порой он становился светлее, порой — почти черным.

— Это что такое? — спросил инспектор Кром.

— Мы вычислили биологический возраст девочки, — прозвучал голос доктора. Самого его не было видно. — Оказалось, что ей по земным меркам четырнадцать с половиной лет. Развитие девочки было замедленным, — продолжал доктор, — из-за плохих условий жизни.

— Ничего страшного, — сказал инспектор Кром. — Догонишь остальных.

— Мне и так нравится, — сказала обиженно Заури. — Мужчины больше любят

маленьких женщин, они им кажутся беззащитными.

— Заури! — воскликнул инспектор Кром. — Тебе еще рано об этом думать.

— О будущем никогда не рано думать, — возразила рабыня. — А то замуж не выйдешь. Мне старшие рабыни все, что нужно, рассказывали.

Инспектор вздохнул, и они снова стали смотреть на экран, на котором ничего интересного не появлялось.

— Разумеется, — сказал доктор, — мы сняли мгновенный снимок с памяти девочки, а затем компьютер проследил его минута за минутой — все четырнадцать с половиной лет. Затем он снова спрессовал изображение так, что мы видим год за минуту.

— Мы уже проглядели минут пять, — сказала Алиса.

— И так будет продолжаться двенадцать лет, поверьте мне, — сказал доктор.

— Тогда, может, и не стоит тратить время? — спросил инспектор.

— Не стоит, — согласился доктор. — Но я хочу показать тот момент, когда девочка вернула себе память. Это случилось два года назад. Смотрите! — сказал доктор, и Алиса от неожиданности ахнула.

Экран ярко вспыхнул — он показывал яркий солнечный день, голубое небо и зеленую листву.

— Обратите внимание, — произнес доктор, — первым воспоминанием ребенка стала именно плантация.

Изображение на экране изменилось. Теперь они увидели засеянное поле, где поднимались зеленые ростки. Вдоль зеленых рядов шли дети в серых халатах и, наклоняясь, пропалывали грядки.

— Это наша сиенда! — воскликнула рабыня. — Это морковное поле! Сейчас вы увидите нашу надсмотрщицу. У нее такая плетка!..

В поле зрения появилась лениво идущая женщина с плетью в руке. Вот она поравнялась с одной из работающих девочек, еле-еле приподняла плетью, конец которой взвился в воздух и тут же опустился на обнаженное детское плечо.

Девочка ахнула и попыталась спрятаться от следующего удара.

— Ее зовут Толстая Берта. В прошлом году она обожралась слив и подохла! — сказала рабыня Заури.

— Заури, хорошие девочки так не выражаются, — сказал инспектор.

— Какая же я хорошая? — удивилась рабыня. — Если бы я была хорошая, были бы у меня папа и мама, как у всех хороших. Видно, я нехорошая, если меня бросили или потеряли, как говорил господин Панченга.

— Ты же отлично знаешь, — сказал инспектор, — что, вернее всего, тебя украли, и твои родители в этом совсем не виноваты.

— Если их при том не убили, — сказала рабыня, всхлипывая.

И никто не нашелся, что ответить. Все понимали, что у девочки было тяжелое детство и ей нужно сочувствовать, а не ругать.

— Мы дали компьютеру такое задание, — сказал доктор. — Проглядеть два последних года, сохранившиеся в памяти девочки, и отобрать все кадры, которые могут представлять интерес.

— И много оказалось таких кадров? — спросил инспектор.

— Раз-два — и обчелся.

— Какие у нас кадры! — сказала рабыня. — У нас все одинаково было. И люди

одинаковые, и еда одинаковая, и одежда тоже одинаковая.

— Все это очень странно, — сказал инспектор Кром, подняв руку, чтобы экран на время выключили. — Девочке пятнадцатый год. Почему она помнит только последние два года жизни? А что было раньше?

— Наверное, то же самое, — сказала Заури.

— А что, если тебя привезли на сиенду только два года назад? — спросил инспектор Кром.

— А где же я все остальные годы жила? — ответила вопросом рабыня.

— Вот это мы и попытаемся проверить, — сказал инспектор. — Включайте!

— Включаю, — произнес доктор.

На экране замельтешили цветные полосы. Потом вместо них возникла вечерняя картина. Возле низкого бедного барака стояли несколько девочек в длинных серых платьях.

— Наш дом! — воскликнула рабыня. — Там моя койка стоит! Все как на самом деле!

Быстрыми шагами из-за угла барака вышел сутулый, с длинными волосатыми руками и оттого похожий на гориллу здоровяк в черном кожаном костюме. В руке у него была сучковатая дубинка. Он шел, переваливаясь и широко улыбаясь, так что были видны все его желтые зубы.

Девочки кинулись внутрь барака. Лишь одна из них — Алиса не сразу узнала в ней Заури — замерла, покорно опустив голову.

Именно к ней приближался, переваливаясь, рабовладелец.

— Это он, — прошептала в ужасе Заури. Видно, даже здесь, в безопасности, вдали от плантации, она не могла избавиться от ужаса при виде хозяина сиенды.

Панченга Мулити протянул вперед широкую ладонь, которая заканчивалась такими короткими и толстыми пальцами, словно это были и не пальцы вовсе, а сардельки.

— Давай назад! — закричал он.

Та Заури, которая сидела в зале рядом с Алисой, заплакала.

Другая Заури, что стояла на экране возле барака, дрожащей тонкой рукой распустила шнурки, которыми было скреплено у шеи ее платье, запустила пальцы за пазуху и вытащила оттуда три ореха.

— Что это такое? — не поняла Алиса.

— Это орехи гари, — сказала рабыня. — Они почти спелые. Мы их собирали. Но рабам их есть нельзя. И нельзя уносить с собой. Но я была такая голодная... Ай!

Заури вскрикнула, потому что на экране дубинка легко, словно играючи, дотронулась до плеча рабыни, и та упала, схватившись рукой за плечо, — ей было очень больно.

Алиса обняла Заури, стараясь ее утешить.

— Не смотри, — повторяла она, — отвернись.

— Может, выключить? — спросил доктор.

— Нет, — возразил инспектор Кром. — От того, что мы увидим здесь, может зависеть судьба девочки и ее родных.

Заури не смотрела на экран — она спрятала лицо в коленях Алисы.

Панченга обливал девочку грязными ругательствами... Алиса хотела попросить выключить, но доктор предупредил:

— Слушайте!

И они услышали:

— Вонючая воровка, жалкая побирушка, — рычал рабовладелец, пиная девочку

сапогом. — Если ты еще хоть раз посмеешь поднять лапу на господское добро, то окажешься в клетке похуже твоих папаша и мамаша!

— Слышали? — спросил доктор.

— Слышали, — ответил Кром. — А ну-ка прокрути еще разок.

— ...окажешься в клетке похуже твоих папаша и мамаша! — повторил Панченга.

— Они живы! — закричала девочка. — Они живы.

— Вернее всего, ты права, — сказал инспектор. — По крайней мере, он говорит о них как о живых. Когда это было?

— Этот разговор состоялся полтора года назад, — сказал доктор. — Нужна более точная дата?

— Нет, — ответил Кром.

— Это было давно-давно, — сказала рабыня. — Я помню. У меня тогда неделю плечо болело. А доктора на сиенде нет.

— Неужели работоторговцы останутся безнаказанными? — удивилась Алиса.

— Сейчас на сиенде работает специальная комиссия по защите детей, — ответил инспектор и обратился к доктору: — Есть что-нибудь еще?

— Есть еще один кадр, который я бы хотел вам показать. Это случилось на сиенде чуть меньше года назад.

Теперь они увидели на экране солнечный день. Меж полей тянулась пыльная дорога. По ней шел странного вида человек в старом дорожном костюме, с сумкой через плечо. У него была курчавая борода, длинные волосы и широкополая шляпа.

— Это еще кто такой? — спросила Алиса.

— Я его помню! — воскликнула рабыня. — Я его помню!

— Не шумите, всё увидите, — сказал Кром.

Дорога повернула, и возле нее обнаружился обложенный бетонными плитами источник, у которого стояла рабыня Заури и пила воду из жестяной погнутой кружки. Рядом, прямо на земле, в пыли, сидели другие маленькие рабыни.

— Жарко было, просто ужас, — вспомнила Заури.

— Что это вы такие грязные? — весело спросил странник, приглядываясь к девочкам. — Сколько я по планетам хожу, таких еще не видел.

— А мы здесь работаем, — ответила Заури.

— Таким маленьким в куклы надо играть, а не работать. Дашь напиток, кроха?

Заури, как зачарованная, протянула страннику кружку. Он подставил ее под струю, лившуюся из ржавой железной трубы, наполнил водой и начал жадно пить. Маленькие рабыни смотрели на него не отрываясь.

— Спасибо, — сказал путник, возвращая кружку. — А до вашей этой самой сиенды... далеко еще?

— Вон там, — сказала Заури. — Вас проводить?

— А ты не боишься?

— А чего мне бояться?

— Ну проводи... Постой-постой, что-то мне твое лицо знакомо? А ты меня не помнишь?

— Нет, — сказала Заури.

— А ты никогда на «Квадрате» не летала?

— Чего?

— Нет, наверное, обознался. Твои папа и мама где?

— Не знаю...

— А как ты сюда попала?

— Не знаю...

— Голову готов поставить на кон, что ты — Лара Коралли...

— Не знаю... — На глаза у девочки начали наворачиваться слезы.

— И родинка на шее. Точно как у Ларочки.

И тут послышался грубый голос:

— Эй, ты чего с ним разговариваешь?

К ним подходила надсмотрщица Берта.

— А что, нельзя разговаривать? — спросил странник.

— Нельзя. Больница здесь для малолетних идиотов, — ухмыльнулась надсмотрщица. — Чего здесь делаешь?

— Да машина моя что-то барахлит. Пришлось вон там, на поле, приземлиться. Вот и иду, ищу, где у вас механик.

— Покажи удостоверение или какой-нибудь документ. А вдруг ты разбойник? Мы здесь разбойников не любим. Чуть что — к стенке. У нас же дети! Заботиться надо, правда?

Надсмотрщица все время отвратительно улыбалась.

— Ладно, ты только покажи мне, где механик, — сказал странник.

— А вы брысь! — рывкнула на рабынь надсмотрщица. — Быстро по местам!

Девочки побежали в поле.

— Скажи мне, приятельница, — спросил путник, — вон ту девчущку, с кружкой, как зовут? Не Ларой?

— Нет, Заури она, — ответила надсмотрщица.

— Она местная?

— Местная, местная. Мы все местные.

Путник пожал плечами.

Экран погас...

— Вот этот человек нам может помочь! — сказал инспектор.

— Как его найти? — спросила Алиса.

— Я его помню, — сказала Заури. — Я так хотела его увидеть, но, когда он улетал, меня в бараке заперли. Я как сейчас помню.

— Может быть, этот человек — наша главная надежда, — сказал Кром. — Так что вы отдыхайте, погуляйте пока, а я дам задание компьютеру связаться с Центральным информаторием Галактики и по внешности, одежде, особенностям этого человека провести исследование и попытаться определить и отыскать его среди ста миллиардов гуманоидов в нашей Галактике. Боюсь, что это работа долгая. Придется потерпеть. Но не будем терять надежды.

На этом сеанс закончился, и все разошлись.

Доктор предложил девочкам пообедать у него, но они отказались. Алиса уже бывала в Галактическом центре, и ей хотелось показать новой подруге его чудеса.

Галактический центр — это столица нашей Галактики, хотя мало кто на свете может сказать: «Я отсюда родом». Когда-то, много лет назад, решено было устроить космический город, где могли бы встречаться жители разных планет, где можно было бы вырабатывать общие правила для звездных миров, не допускать беззаконий, насилия и войн. Для этого

была выбрана пустая, никому не принадлежавшая планета, где построили город и космопорт. Постепенно этот город, который на всех языках называли Центром, разросся так, что его здания и переходы заняли целый континент. Все остальные участки суши были превращены в заповедники, куда с каждой из планет, входившей в Галактическое содружество, привезли растения и животных. Получилось множество различных заповедников. Если у тебя нет времени или возможности прилететь, скажем, на Паталипутру или на планету Брастаков, ты можешь побывать в Галактическом центре и увидеть малую Паталипутру.

В заповедниках они побывать не успели, зато Алиса показала новой подруге Музей истории Галактики, по которому посетители передвигаются только во флаерах, потому что там нет ни одного зала меньше километра в длину. А центральный зал, который называется «Возникновение Галактики», протянулся на шестнадцать километров, а высотой достигает трех километров.

Потом Алиса повела Заури в картинную галерею, оттуда в Музей восковых фигур, где собраны все знаменитости всех планет. Она показала ей Наполеона, Эйнштейна, Марию Стюарт, Гомера — но, честно говоря, к этому времени рабыня так устала, что с трудом отличала Шекспира от Юлия Цезаря и ей было совсем неинтересно, чем занимался этот самый Шекспир.

Когда Заури уже не чувствовала под собой ног и взмолилась о пощаде, Алиса полетела с ней обедать в ресторанчик, который находился на самой вершине Небесной башни. Они обедали и смотрели вниз на город и космодром, с которого поднимались корабли таких различных цветов, форм и назначений, что у непривычного человека кружилась голова.

Они разговаривали обо всем на свете, хоть и устали. Алиса предложила Заури пожить у нее дома до тех пор, пока она не устроится в цирковое училище.

— Я не смогу спокойно жить и учиться, — сказала Заури, — пока не узнаю о судьбе моих родителей. Как ты думаешь, почему господин Панченга сказал про клетку?

— Может быть, в переносном смысле?

— Что это значит?

— Что твои родители сидят где-то в тюрьме или в ссылке, откуда не могут вырваться.

— Ой! — расстроилась Заури. — Я сижу в ресторане, ем огуречное варенье, ореховые котлеты и другие вкусные вещи, а моя голодная мамочка сидит в подземной норе и не видит даже света!

Заури произнесла эту фразу таким голосом, словно Алиса была во всем виновата.

— Ничего, — сказала Алиса, понимая, что обижаться на сиротку, которой так не повезло в жизни, нельзя. — Сейчас большой компьютер ищет того мужчину, который тебя узнал.

— А если он не найдет?

— погоди, — сказала Алиса. — Давай попробуем выяснить. Может быть, уже что-то известно?

— Что известно?

— Инспектор Кром сказал, что даст задание Центральному информаторию. Но у инспектора много других дел, и, вернее всего, он еще не спрашивал информаторий, нашли человека или нет. И мы это сделаем раньше инспектора.

— Как?

— Сейчас увидишь.

Они спустились вниз из ресторана, и Алиса остановилась перед небольшой тумбой метровой высоты, над которой возвышался стеклянный колпак, защищавший ее от непогоды.

— Знаешь, что это такое? — спросила Алиса.

— Я видела такие на улицах, — ответила рабыня, — но не задумывалась.

— Это справочное бюро. Любая информация, которая может тебе понадобиться, заключена в информатории. А справочное бюро — его продолжение. Ты можешь узнать, какая завтра будет погода, сколько сейчас градусов, где можно достать белого сенбернара, где живет самый лучший парикмахер во Вселенной, и заодно можешь спросить — готов ли ответ на вопрос, который три часа назад задал галактический инспектор Кром Центральному информаторию.

— Не может быть, — ахнула рабыня. — И тебе тоже ответят?

— А чем я хуже любого другого человека? — удивилась Алиса. — Если я знаю, как набрать запрос на пульте справочного бюро, значит, я могу получить информацию. Это же так просто.

— У вас все просто, — проворчала рабыня. — Да только для своих.

Алиса откинула стеклянный колпак и набрала на пульте сигнал запроса. Приятным мужским голосом справочное бюро спросило:

— Чем могу вам служить?

— Мне нужна информация, которую запросил сегодня в двенадцать ноль шесть местного времени галактический инспектор Кром у Центрального информатория.

— Прошу уточнить, — произнес голос. — Чего касалась эта информация?

— Информация касалась личности неизвестного путника, который год назад очутился на сиенде Панченги Мулити. Очевидно, у него случилась поломка в космическом корабле.

— Подождите, пожалуйста, — сказала справочное бюро. — Я запрашиваю центральную. Чего вы желаете, чтобы вам не скучно было ждать? Кофе, мороженое, сок?

— Два мороженых, — сказала Алиса.

Рабыня смотрела на справочное бюро, широко раскрыв от удивления глаза.

Сбоку в тумбе выдвинулась полочка с двумя вафельными стаканчиками, полными сливочного мороженого.

— Спасибо, — сказала Алиса.

— Кушайте, пожалуйста, — ответило справочное бюро. — Вас позовут.

— Странный народ. Они же на нас работают, а еще мороженым кормят! — сказала рабыня.

Девочки не успели доесть мороженое, как послышался веселый трезвон колокольчика.

— Вы спрашивали, — раздался мужской голос, — о запросе инспектора Крома?

— Это я, — сказала Алиса.

— Ответ готов, — сказал голос. — Но инспектор Кром его не получил.

— Почему?

— Потому что инспектора срочно вызвали в Управление пассажирских перевозок.

— Тогда вы можете сообщить ответ мне, — сказала Алиса. — Меня зовут Алиса Селезнева. Я семиклассница с Земли.

— Спасибо за информацию, — сказала справочное бюро. — Сообщаю вам, что человека, который год назад был на сиенде Панченги Мулити, зовут Фока Грант. О нем известно, что он служил на исследовательских кораблях в космических экспедициях. Но последние пять лет он занимается свободным поиском корня мандрагоры на

неисследованных планетах и астероидах. В Галактическом центре не бывает. Порой заезжает за припасами и оборудованием на Парадиз. Там его можно встретить либо в конторе «Прескиди и К°», либо в салуне «Синий флаг на желтой мачте». Его фотографию десятилетней давности, подробности его биографии, образцы почерка и другие сведения вы можете получить в Центральном информатории, где лежит пакет на имя инспектора Крома.

— Большое спасибо, — сказала Алиса.

Она обернулась к рабыне. Личико Заури было измазано мороженым до самых ушей, но притом она умудрялась тихо лить слезы.

— Что теперь тебя огорчило? — спросила Алиса.

— Хорошо тебе, — ответила рабыня. — Кто теперь будет искать Фоку Гранта?

— Его найти проще простого, — сказала Алиса. — Полететь на Парадиз...

— Никто не полетит на Парадиз, — сказала девушка. — Потому что никому не интересно, есть у меня родители или их нет.

— Перестань ныть, — сказала Алиса. — Я уже подумала, а почему бы нам с тобой, раз есть свободный вечер, не найти этого Фоку Гранта и не спросить его, где твоя мама?

— Неужели ты согласна ради меня на такой подвиг? — сквозь слезы спросила рабыня.

— Я не считаю это подвигом, — сказала Алиса. — Мы с тобой быстренько слетаем на Парадиз, и дело с концом.

Рабыня кинулась целовать Алису и всю ее измазала липким растаявшим мороженым.

Глава 3. Однодневки Фоки Гранта

Девочкам повезло. Именно в тот день добраться до затерянной в глубинах космоса планетки Парадиз оказалось несложно.

Через полчаса отчаливал громадный пассажирский лайнер «Левиафан», который вез смену зимовщикам на Ледяные астероиды. И хоть Парадиз принадлежит иной звездной системе, силы притяжения двух звезд, вокруг которых он обращается, заставляют его раз в три месяца залетать внутрь системы Ледяных астероидов. И тогда тамошние зимовщики летают на Парадиз за грибами и ягодами.

Когда молодые и шумные зимовщики узнали, что рабыня Заури ищет родителей, а Алиса помогает ей, они настолько прониклись сочувствием к девочкам, что первым же делом, как те добрались до цели, дали Алисе планетарный катер, чтобы, не теряя ни минутки, девочки поскорее могли добраться до таинственного Фоки Гранта. Больше того, планетарному катеру они дали программу, как быстрее отыскать Гранта, которого некоторые из зимовщиков уже встречали.

Пообедав на «Левиафане», девочки перешли на борт катера, и через сорок минут полета между Ледяными астероидами катер подлетел к зеленой планете. Вся она была покрыта лесами, даже океанам не хватило места — вместо них планета была изрезана множеством полноводных рек, которые впадали в обширные зеленые болота или озера, заросшие тростником.

Подчиняясь своей программе, катер с «Левиафана» промчался, снижаясь, над джунглями, затем завис над небольшой поляной на берегу реки.

— Объект по прозвищу «Фока-однодневка» находится на поверхности планеты точно под нами! — сообщил Алисе катер. — Что будем делать?

— Приказываю садиться, — сказала Алиса.

Катер медленно опустился на открытом месте, но Алиса с Заури не успели даже подойти к люку, как увидели, что снаружи к катеру летят удивительные и ужасные притом насекомые, похожие на комаров, но размером с большую собаку.

Насекомые отчаянно махали прозрачными ломкими крыльями, отломанные куски которых медленно кружились в воздухе.

— Что им нужно? — спросила Алиса у катера.

— Не бойтесь, — ответил катер, который бывал на планете уже не первый раз и знал все о ее фауне и флоре, — это однодневки. Они не кусаются. Только пищат. Выходите смело и не слушайте их.

— А разве они умеют говорить? — спросила Заури.

Катер хмыкнул, будто собирался засмеяться, да раздумал.

Зато люк раскрылся, и внутрь катера буквально ворвалась волна душистых ароматов зеленой планеты и вторая, следом, волна оглушительного писка и скрипа, который издавали однодневки.

— Я не пойду, — сказала Заури. — Они меня съедят.

— Но катер же сказал, что они безопасны, — возразила Алиса, направляясь к люку.

Однодневки внутрь катера не забирались, но мельтешили, суетились, толкались у входа.

— Мы знаем, что они безопасны, — задумчиво сказала рабыня, — катер знает, что они безопасны. А разве они знают об этом? Они же ведут себя как очень опасные.

— Выходите, выходите, — сказал катер.

Алиса первой шагнула вперед, и когда однодневки поняли, что она их не боится, они всей стаей ринулись прочь, но пищать не перестали.

Заури так и не вышла. Она остановилась в люке и спросила оттуда:

— Дождика нет?

— Дождика? — Алиса не поняла ее. Погода была отличная, и это было видно из люка.

— Дождик может начаться в любую секунду, — сообщила рабыня. — В таком случае я промочу ноги и умру от простуды.

— Ясно, — сказала Алиса. — Тебя никто не заставляет выходить из катера. Подожди меня здесь.

— Ты только осторожнее, — сказала Заури. — Чуть что — сразу обратно.

Однодневки вились над Алисой, задевали ее крыльями и ногами, глаза их были как стеклянные — без всякого смысла.

Впереди, под сенью раскидистых деревьев, Алиса увидела маленький легкий домик с большими распахнутыми окнами. Дверь в дом была также открыта, и на ступеньках сидели три громадные однодневки ростом с Алису. Они были печальны и даже не взлетели, когда Алиса приблизилась. Только обратили к ней свои огромные глаза и замерли, как неживые.

— Здравствуйте! — крикнула Алиса. — Можно к вам?

Никто ей не ответил.

Алиса заглянула в раскрытое окно. Внутри была просторная комната, половину которой занимал длинный и широкий рабочий стол. На нем стояли приборы, микроскоп, химические сосуды. Посреди стола расположилась однодневка, которая при виде Алисы перепугалась, подняла крылья, попыталась взлететь, ударилась головой о потолок, сломала крылья и упала под стол.

— Что же ты такая неловкая? — сказала Алиса. — Я совсем не хотела тебя пугать.

Однодневки, что сидели на ступеньках, лениво взмахнули крыльями, словно отпугивали

Алису, но не знали толком, как это делается.

Алисе не было смысла заходить в дом без хозяина. Она обернулась к Заури, которая стояла в открытом люке катера, и крикнула ей:

— Хозяина нет дома. Я пойду в лес, поищу его. Спроси у катера, здесь водятся тигры?

Катер ответил сразу — он ведь слышал каждое слово, сказанное Алисой:

— Тигров здесь мало, и они травоядные. Едят в основном лилии.

— Значит, они не тигры, — вмешалась рабыня, — а коровы или тюлени.

— Но лилии на этой планете бегают быстрее лошади, — сказал катер.

— Тогда это не лилии, — сказала Заури, — а олени. Ты, катер, такой необразованный.

— Простите, — спросил ехидно катер, — а где вы сумели получить такое замечательное образование?

— Что вы этим хотите сказать? — сердито спросила рабыня.

Алиса не стала слушать, как они спорят, а пошла по тропинке в лес. Но не успела пройти и нескольких шагов, как услышала впереди треск ветки.

На тропинке показался пожилой, загорелый до черноты седой человек, который нес на плече длинный сверток.

Над головой этого человека кружилась целая стая однодневок. Они пищали, скрипели и верещали так, словно он унес у них последний кусочек хлеба. По очереди однодневки пикировали на человека с неба. Но человек не обращал на насекомых никакого внимания и при этом напевал...

Тут он увидел Алису.

Остановился и замолчал.

— Гости! — воскликнул он громовым голосом. — Ко мне в гости приехали прекрасные дамы! У нас праздник!

Ответом на эти слова был такой всплеск писка и верещания взбешенных однодневок, что рабыня Заури спряталась в катер.

— Как вы мне надоели! — сказал в сердцах седой загорелый мужчина и протянул Алисе руку.

— Фока Грант, — сказал он. — К вашим услугам. Рад приветствовать вас на борту моей планетки! Что за счастливый случай привел вас ко мне?

— Меня зовут Алиса Селезнева. Мы прилетели сюда вместе с Заури, которая была рабыней на сиенде Панченги Мулити. Мы прилетели, потому что надеемся на вашу помощь.

— Панченга Мулити... — задумчиво произнес Фока Грант, — сиенда... что-то я вспоминаю...

Но вспомнить он не успел, потому что целая стая однодневок ринулась на длинный мешок, который он нес на плече, и насекомые стали тонкими коготками рвать ткань, чтобы забраться внутрь мешка.

— Кыш, проклятые! — прикрикнул на насекомых Фока Грант, но без злости, а как прикрикивает мать на детишек, которые хотят схватить со сковороды пирожок и могут обжечь пальчики. — Вы заходите, заходите, — сказал Фока. — Лучше в доме говорить. А то эти твари не дадут нам ни секунды пожить спокойно.

— А почему они на вас так злобно нападают? — спросила Алиса.

— Не злобно, — улыбнулся Фока, — они жить хотят... Очень хотят жить. Но не понимают... многого еще не понимают.

Фраза была загадочной.

Фока первым поднялся по ступенькам в дом. Две гигантские однодневки встретили его, как истосковавшиеся по хозяину собаки. Они покачивали головами, сверкали глазищами и поднимали кверху прозрачные крылья.

— Не обращайтесь на них внимания, — сказал Фока. — Идите за мной.

Алиса зажмурилась на секунду — эти однодневки были все-таки очень противными. А когда она открыла глаза, то оказалось, что однодневки кинулись следом за Фокой Грантом, помешали друг дружке в дверях, запутались в ногах и крыльях и упали под ноги к Алисе. Она чуть было их не затоптала, пришлось остановиться на пороге и ждать, пока однодневки распутаются и втиснутся внутрь.

Фока прикрыл окна, потому что другие однодневки уже протискивались в них, потом схватил со стола салфетку и стал махать ею, отгоняя назойливых тварей, рвавшихся почему-то к длинному мешку, который Фока сбросил на пол в углу комнаты, но Фока все же смог их отогнать. И когда они, сопротивляясь, вылетели в окно, он окончательно закрыл его, а десятки тварей принялись биться о стекло. Алиса подумала, что это такие большие комары, и представила, что снова стала лилипуточкой.

— Никогда не видела таких громадных комаров.

— Они называются однодневками, — сказал Фока.

— Все равно комары, — сказала Алиса.

— А где твоя подруга? — спросил Фока.

— Она испугалась однодневок, — сказала Алиса. — И осталась на катере.

— Ах, какая незадача! — расстроился Грант. — А они такие безвредные, ты не представляешь! Давай позовем твою подругу! Я вас чаем угощу.

— Мы лучше пойдем к нам на катер, — сказала Алиса. — У нас тоже есть чай, настоящий, земной, азербайджанский.

— Неужели азербайджанский! — обрадовался Фока Грант. — Это же лучший чай во всей Галактике. Я с удовольствием пойду к вам в гости. Вот только сейчас спрячу получше корешки от однодневок.

С этими словами Фока Грант развернул мешок, и в нем обнаружили длинные голубые корни.

Стук в окна резко усилился. Алисе даже показалось, что однодневки вот-вот разобьют коготками стекла, хотя, конечно же, это было невозможно. Но дергались и бились они так, словно от этого зависела их жизнь.

— Что с ними? — спросила Алиса.

— И не спрашивай, — Фока Грант махнул рукой. — Уж и сам не знаю, что делать, впору вообще улетать из этих мест. Пойдем отсюда. Спрячемся у вас на катере, чаю попьем, а вы мне расскажете, что же вас сюда привело... Уж очень мне знакомы эти слова — сиенда Панченги Мулити!

Фока Грант выпустил Алису из дома первой и, пока она, отмахиваясь от назойливых однодневок, перебежала через поляну, закрыл дверь и поспешил за ней.

— Они любят эти голубые корни? — спросила Алиса.

— Не то слово! — ответил Фока.

Рабыня Заури ждала их у люка в катер. Она открыла его пошире, чтобы они могли войти.

При виде девушки глаза Фоки Гранта расширились.

— Это ты! — воскликнул он.

— Да, это я, — согласилась Заури. — Только я не знаю, кого вы имеете в виду.

— Ты не помнишь меня? — спросил Фока Грант.

— Ваше лицо мне кажется знакомым, — сказала рабыня, — но я не совсем помню почему.

— Это она! — воскликнул Фока Грант, оборачиваясь к Алисе. — Конечно же, это она!

— Расскажите нам, кого вы имеете в виду, — попросила Алиса. — Дело в том, что моя подруга Заури не помнит своих родителей. И даже не знает, как ее зовут и откуда она родом! Когда-то ее отняли у родителей, которых, возможно, убили.

— Не может быть! — воскликнул Фока Грант. — Я в это никогда не поверю! Твои родители, Ларочка, живы!

— Ларочка? — Глаза рабыни загорелись. — Вы уверены, что это мое имя?

— Вне всякого сомнения, — ответил Фока Грант. — Так вас называли пятнадцать лет назад.

— Но кто меня назвал? Умоляю, откройте мне тайну моего рождения! — закричала рабыня, и обильные слезы полились из ее прекрасных глаз.

— Садитесь, Фока, — сказала Алиса. — Мы сейчас приготовим вам чаю. Заури, успокойся, пожалуйста.

— Я тебе не Заури! Не смей называть меня этим отвратительным рабским именем, которое мне дали на рабской сиенде. Я Ларочка! Я родилась с гордым именем Лара, и я умру Ларой!

— Хорошо, — согласилась Алиса, стараясь не улыбаться. — Хорошо, Лара... как тебя по отчеству?

— Карловна, — подсказал Фока Грант. — Лара Карловна Коралли. Я летел вместе с Карлом и Салли на корабле «Квадрат», когда ты родилась! Карл и Салли были космонавтами-исследователями, а я радистом-связистом. А капитаном у нас был чех Водичка.

Голос Фоки Гранта стал задумчивым, тихим, музыкальным. Глаза затуманились — он вспоминал...

Алиса быстро поставила чайник и достала из стенного шкафа чашки.

Рабыня Заури-Лара сидела напротив Фоки и ждала, когда он продолжит рассказ.

— Как славно мы летали вместе, — продолжал Фока Грант. — Твои родители были космическими изобретателями. Славный Йозеф Водичка вел корабль, ты играла в куклы, а я поддерживал связь и следил за двигателем...

— Дальше! — попросила рабыня, потому что пауза затянулась.

— Дальше? Совершенно не представляю, что было дальше, — сказал Фока Грант. — Честное слово.

— Как так? — воскликнули девочки хором. — Этого быть не может! Вы же не рассказали, где родители Заури-Лары!

— Родители Лары? Я не знаю.

— А где их дом? — спросила Алиса.

— На Земле, — ответил Фока Грант. — Это такая небольшая планетка в Солнечной системе. Добраться туда нетрудно...

— Не надо, — сказала Алиса. — Я знаю, где находится Земля, потому что я там живу.

— Не может быть! — обрадовался Фока Грант. — Моя бабушка родом с Земли. Так что мы с вами практически земляки. Скажите, а правду рассказывают, что по улицам земных

городов зимой ходят белые медведи?

— Да погодите вы! — закричала рабыня Заури-Лара. — Как вы можете обсуждать всякие пустые проблемы, когда вы не ответили мне на главный вопрос: где мои родители?

— Извини, — сказал Фока Грант. — Я отвлекся — мне так редко приходилось встречать настоящих землян. Ты спрашивала о своих родителях? Ты хочешь поглядеть на их фотографии?

— Конечно!

— Тогда пошли ко мне в дом, я покажу тебе альбом.

— Правильно, — сказала Алиса. — А потом мы с вами попьем чаю. Ведь Лара так переживает. Она столько лет жила без родителей, а сейчас она вот-вот их увидит!

Рабыня волновалась так, что у нее тряслись руки и дергались губы. А уж о глазах и говорить не приходится — из них текли потоки слез.

Фока Грант был смущен.

— Мне надо было с самого начала догадаться, — сказал он. — Но я сам убежденный холостяк, у меня никогда не было детей, и я, честно сказать, не выношу детского писка. Я даже на нашем корабле мало общался с Ларой, все ждал, когда она подрастет и научится играть в шахматы. Ведь только после того, как человек научится играть в шахматы, он становится человеком.

— Значит, когда обезьяна научилась играть в шахматы, она стала человеком? — спросила Алиса.

— Вот именно! — радостно согласился Фока Грант.

— А я умею играть в шахматы? — спросила рабыня.

— Разве ты забыла, как я тебя учил? — ахнул Фока Грант. — Как мы всегда играли в шахматы с твоей мамой Салли Коралли и твоим папой Карлом Коралли? А ты стояла рядом, глядела на нас своими смышленными глазенками.

Рабыня нахмурилась, стараясь припомнить, потом развела руками.

— Нет, — сказала она. — Я даже не помню, что такое шахматы. Значит, я еще не произошла от обезьяны?

— Произошла, — ответил Фока Грант. — Гарантирую.

Они возвращались к домику Гранта.

Алиса спросила его:

— А почему вы расстались с родителями Заури?

— Я решил провести остаток дней на этой планете.

— Зачем?

— Чтобы сказочно разбогатеть.

— И вы разбогатели?

— Почти разбогател, — сказал Фока Грант.

И тут он остановился и закричал:

— Что вы наделали! Вы меня разорили! Я вас всех перестреляю!

Он бросился к своему дому.

Тут Алиса увидела, что окно раскрыто и в ответ на крик Фоки Гранта из окна, толкаясь и сшибая друг дружку, вырываются громадные ломкие однодневки. Некоторые держат в лапках голубые корешки.

Фока распахнул дверь, и еще несколько однодневок выскочило оттуда.

Когда девочки вошли в домик Фоки, они увидели, что его хозяин стоит посреди

комнаты, бессильно опустив руки. На полу лежат несколько затоптанных однодневок и разорванный, растерзанный длинный мешок, который он принес недавно...

— Что случилось, Фока? — спросила Алиса.

— Я снова разорен! — ответил Фока Грант. — Полгода моей работы впустую... Я готов плакать.

Но он не заплакал, а стал собирать с пола голубые корешки. Девочки помогали ему. Рабыня даже плакать перестала. Они спешили — и правильно делали, потому что в окна и дверь снова полезли однодневки...

— Вы хоть расскажите нам, — попросила Алиса, — что здесь происходит. Ведь так трудно, когда ничего не понимаешь!

— Как вам сказать, — ответил Фока Грант. — Оказывается, что если ты все предусмотрел, это не означает, что ты предусмотрел все. Ясно?

Алисе было не ясно, а рабыня ждала, когда ей покажут фотографии ее родителей, и не старалась понять.

— Я много лет вел жизнь космического бродяги, жил без родного дома, как лист, который гонит ветер, — грустно сказал Фока. — Я думал, что так будет до пенсии — благо команда мне попала хорошая. Я имею в виду ваших родителей, Лара, и капитана Водичку. И вот произошло удивительное событие. Однажды случайная встреча изменила всю мою жизнь. Было это на астероиде Пересадка. Остановились мы там на неделю — надо было кое-что подштопать на борту. Жил я тихо, отдыхал. Только не хватало хорошего партнера в шахматы. Тут прилетает небольшой кораблик. На борту его седой, но совсем еще не старый, крепкий человек.

Летит, говорит, с планеты Парадиз к себе домой в систему Барнарда. На Пересадке остановился на три дня — ждет попутного лайнера. Выяснилось, что он не только умеет играть в шахматы, но за долгие месяцы на Парадизе истосковался по ним. И знаете, мы с ним сели за игру утром и просидели трое суток. Сами понимаете, что мы не только играли, но и разговаривали. И рассказал мне тот старик, что провел два года на Парадизе, искал там и копал, резал и сушил корень мандрагоры. Но не той мандрагоры, которую древние алхимики искали, а местной, парадизной. Этот корешок дарит человеку и любому живому существу бессмертие. На некоторых планетах этот корень покупают по весу алмазов. За грамм корня — грамм алмазов. Представляете?

— И вы полетели сюда? — спросила Алиса.

— Не так все просто, подруга, — ответил Фока Грант. — Наверное, я не решился бы на такую резкую перемену в работе и судьбе, если бы старатель не подарил мне свой дом на этой планетке и не рассказал, как искать в лесу, как и с какими особыми заклинаниями выкапывать корень мандрагоры... На прощание он велел мне беречься от однодневок. Этого предупреждения я не понял и не обратил на него внимания... Я решил попытать счастья и попрощался с моими товарищами по кораблю. С тех пор я живу и тружусь впустую на этой проклятой планетке.

— А сколько времени прошло с тех пор? — спросила Алиса.

— Сколько? Больше десяти лет!

Тут Фока вспомнил об обещании, открыл свой сундучок и вытащил оттуда стопку фотографий. Одну из них он тут же подарил Ларе. Без всякого сомнения, это была она — счастливая смеющаяся девочка лет трех. Она стояла между двумя молодыми, красивыми космонавтами — мужчиной и женщиной. Сбоку был виден усатый краснощекий мужчина в

мундире.

— Это моя мама, — прошептала Заури-Лара.

— Да, это Салли Коралли, — подтвердил Фока Грант.

— А это мой папа...

— Да, это славный изобретатель и исследователь Карл Коралли, — сказал Фока Грант.

— Но я их не помню! — в ужасе воскликнула девушка. — Как это могло случиться?

— Это делалось и делается негодьями пиратами, — сказала Алиса. — Им нужно было, чтобы ты случайно не вспомнила, кто ты и откуда. Не написала бы письмо в Службу галактической безопасности, не захотела бы убежать. И они стерли твою память. Ты думала, что ничего в жизни, кроме сиенды, не видела.

— А я видела... — прошептала рабыня, проводя пальцами по фотографии.

— Какие негодья! — сказал Фока. — Если бы я тогда догадался, что они с тобой сделали, я бы камня на камне от сиенды не оставил! О, я старый осел! — расстроился Фока.

— А это кто? — Алиса показала на краснощекого усача.

— Это наш бравый капитан Водичка.

В этот момент в открывшееся окно влетело сразу несколько однодневок.

— Ну уж нет! — бросился им навстречу Фока.

Он махал руками, как мельница крыльями, он крушил насекомых, ломал им крылья. Попытки однодневок пробиться к остаткам голубых корешков провалились.

Выгнав их и закрыв окно, Фока завернул корешки в тряпку и спрятал в стол.

— Это ваша добыча? — спросила Алиса.

— Да, это и есть корень мандрагоры. Мое проклятие!

— Разве вы не разбогатели?

— Я беден, как и прежде. И все потому, что не прислушался к предупреждению старика, который мне оставил свой дом.

— Так что же случилось? — спросила Алиса.

— Однодневки... — вздохнул старатель. — Их здесь много, и размером они не больше комара... Они выходят на свет утром, порхают весь день и умирают к вечеру от старости. Я на них и внимания не обратил. И не заметил, что когда я принес свою первую добычу и разложил ее сушиться на столе, несколько однодневок прилетели и принялись ползать по корешкам. Я не заметил, конечно, что большинство однодневок вечером умерли, как им и положено, но несколько остались жить, потому что поели моего корня. За ночь они выросли вдвое, а утром вновь набросились на корень бессмертия.

— И с тех пор...

— С тех пор они всеми правдами и неправдами каждый день жрут все, что я собираю и выращиваю. Они стали дьявольски хитрыми! Они выросли в тысячу раз. Они уже не однодневки, а трехлетки! Они уже больше меня ростом!

— Их надо было всех передавить, — мрачно сказала Лара. — А корешки продать людям!

— Я так и хотел сделать, — сказал Фока.

— А почему не сделали?

Фока отвернулся от девочек, вздохнул и сказал:

— Жалко их стало.

— Кого? — не поняла Алиса. — Насекомых?

— Для вас это просто насекомые, может, даже противные, а я их уже давно каждую в

лицо знаю. И я понимаю — они же умные стали, они жить хотят, у них теперь и дети, и внуки есть.

— Значит, вы теперь все силы тратите на то, чтобы кормить этих комариных уродов? — воскликнула рабыня.

— Ну не только их...

Фока Грант показал на закрытое окно. Алиса поднялась и подошла к нему. За окном на поляне собралось немало животных различного вида и размера — были там и тигры, и собаки, и змеи, и птицы...

— Ждут, негодяи! — сказал Фока. — Я их готов всех перебить!

— И вместо этого кормите корешками?

Фока пожал плечами.

— Я знаю, что нужно сделать, — сказала Заури-Лара. — Вы полетите с нами к моим родителям. Где они сейчас?

— Дома, на Земле, их нет, — сказал Фока Грант. — Я раза три пытался их отыскать — посылал им открытки к Новому году, справлялся в информатории. Но нигде и следа не нашел. Наверное, с ними случилось что-то ужасное!

— Не смейте так говорить! — закричала рабыня. — Я их все равно найду. Алиса, не слушай этого злого человека!

— Погоди, — сказала Алиса. — Может быть, вы знаете еще кого-нибудь, кто может нам помочь? Вы говорили, что на корабле еще был капитан?

— Капитан Водичка! Я его с тех пор не видел, но мне рассказывал один зимовщик с Ледяного астероида, что на краю пустыни Паска на Вальпургее есть ресторан «Воды Водички» и гостиница. Хозяин там некий капитан Водичка. Я как раз собирался слетать туда и проверить, не мой ли это старый приятель. Но как улетишь, когда столько живых существ ждут от тебя продолжения жизни!

— Нет, — сказала рабыня. — Вы должны лететь с нами, Фока.

— Почему?

— Потому что нельзя быть кормильцем насекомых! Потому что надо вернуться к жизни! Потому что вы должны мне помочь!

— Правильно! — сказал старатель. — Полетели! Почему я должен тратить остаток своей жизни на кормление диких тварей? Нет, вы мне скажите — почему?

Он принялся быстро кидать в чемодан вещи, а за окном поднялся стон и вой, будто местные твари догадались, что их спаситель уезжает.

Все вместе они вышли на лужайку. На ней воцарилась гробовая тишина.

— Прощайте, эгоисты, — сказал Фока Грант сотням однодневок, бабочек, стрекоз и прочих насекомых и иных созданий громадного и умеренного размера, всех цветов радуги и изощренных форм. — Хватит мне вас спасать. Все равно бессмертия не бывает!

Существа молчали.

Они даже не удерживали его. Лишь некоторые, которые были посмелее, протягивали лапки и дотрагивались до штанин Фоки Гранта.

А когда он миновал лужайку, то, обернувшись, увидел, как одно за другим животные и насекомые ложатся на траву, вытягивают ножки и начинают ждать смерти. И все это в полной тишине. И вообще на планете исчезли все звуки — перестали петть птицы, щебетать и пищать насекомые, и даже затих ветер.

— Идите, идите, не оглядывайтесь и не обращайтесь внимания. Они нарочно, — сказала

Заури-Лара.

Они дошли до катера.

— Улетаете? — спросил катер. — И правильно. Человек не должен жертвовать жизнью ради низших тварей.

Рабыня зашла в катер. Алиса ждала, когда за ней последует Фока.

— Ну? — спросила рабыня. — Сколько же вас ждать?

— Я останусь, ладно? — сказал вдруг старатель. — Я еще немного здесь поживу, может, они сами научатся корешки разводить...

Алисе стало ясно, что никуда отсюда Фока не улетит.

Глава 4. Ресторан «Воды Водички»

— Передавайте привет капитану, — сказал на прощанье старатель Фока Грант. Он стоял на поляне, подняв руку, а вокруг него расположились, как на старинной фотографии, сотни однодневок и иных существ с планетки Парадиз, которые очень хотели жить.

До Вальпургеи катер домчал за считанные часы.

Вальпургея относится к группе Ледяных астероидов, которые вращаются вокруг почти совсем погасшей звезды Блум, но далеко не все они покрыты льдом. Они такие безрадостные, пустынные и ненаселенные, что кажутся ледяными. Несмотря на такую непривлекательность, Ледяные астероиды очень популярны среди туристов и старателей, ученых и авантюристов. Дело в том, что эти астероиды — остатки некогда расколовшейся громадной и весьма богатой планеты. Расколосась она не из-за войны или бедствия, а потому что две звезды, вокруг которых она вращалась, растащили ее на части. Одна из звезд от такого усилия взорвалась, а вторая почти погасла. Так что извечная борьба звезд, как это всегда бывает, никому не принесла радости.

Но оттого, что планета развалилась, как перезревший плод инжира, и население эвакуировалось оттуда спешно, то многого жители ее, конечно же, взять с собой не смогли. Через много тысяч лет после этого на астероид попала первая экспедиция. И представляете, как удивились разведчики, когда на мертвом Ледяном астероиде они отыскивали развалины могучих замков, остатки алмазных шахт — следы могучей цивилизации.

К тому же, расколовшись на куски и превратившись в целый рой астероидов, планета показала всем, что было в ее глубинах. А там скрывались несметные сокровища...

Вскоре астероиды стали желанным местом для ученых и авантюристов. Жизнь там кипела, но не всегда мирно. Даже патрульные крейсера Галактического центра, которые дежурили возле астероидов, не всегда успевали вмешаться, если возникал конфликт из-за богатой добычи.

Конечно, многие в Галактическом центре и на Земле говорили, что астероиды вообще надо закрыть для кладоискателей, но инспектор Кром доказал своему начальству, что лучше оставить все как есть — пускай лучше авантюристы, которым не сидится дома, проводят свои отпуска и свободное время на астероидах под надзором патрулей, чем будут шалить или бесчинствовать на нормальных планетах. Тем более что кладоискатели никогда не приставали к зимовщикам — ученым, которые жили на астероидах и изучали их. Каждый занимался своим делом...

Одним из таких мест был ресторан под названием «Воды Водички», построенный на краю пустыни Паска, которая покрывала чуть ли не половину неровной поверхности самого большого из астероидов. Именно туда, к прохладительным напиткам пана Водички, стремились кладоискатели и авантюристы, проведя несколько недель в пустыне, где днем температура поднимается до ста градусов и даже закипает вода, а ночью падает до тридцати градусов мороза. И, конечно, ни один человек не сунулся бы на эту раскаленную ледышку или на ледяную сковородку, если бы в пустыне не были раскиданы засыпанные песками древние города, замки и храмы живших здесь людей, в которых, если повезет, можно отыскать сокровища, а если не повезет, то сложить голову.

Кладоискатели там встречались разные. И такие, что провели здесь уже много лет, обгорели и почернели под солнцем, тысячу раз облезли от мороза, но так и не смогли поймать свою жар-птицу. Были там и новички, еще совсем зеленые, наивные, мечтающие о

быстром счастье и сказочной удаче. Мало кто из них выживал. Кто остался жив, убегали обратно, к флаерам, ваннам и прохладным магазинам. А многие погибали — замерзали, сгорали, попадали на обед к песчаным драконам и электрическим гусеницам. К тому же в глубине пустыни, неизвестно чем и как, жили небольшие племена и банды разбойников, которые подстерегали путешественников, грабили их и убивали.

Если ты идешь из пустыни, в которой, возможно, бедствовал много дней, то ты обязательно мечтаешь о свежем лимонаде, холодном пиве, горячих сосисках или каком-нибудь блюде, которое известно только на твоей планете. И мечта эта становилась былью в тот момент, когда странник видел, как над барханами появлялась остроконечная крыша заведения пана Водички. Тогда твой верный верблюд или упрямый йароврон ускорял усталые шаги и сам ты находил в себе новые силы... Еще немного, и ты уже бежишь, торопишься, увязая в горячем или ледяном песке, — осталось так немного, и перед тобой откроется дверь в ресторан, и ты увидишь за кассой улыбающееся круглое усатое лицо пана Водички. Но, честно говоря, чехи не часто залетают на этот астероид, потому что любят свой край и редко покидают Землю.

Пан Водичка внимательно наблюдает за всем, что происходит в зале. Ему драки и ссоры не нужны. Если инспектор Кром узнает о том, что здесь творятся безобразия, галактический патруль быстренько закроет «Воды Водички» и вместо ресторана установит сто автоматов по продаже газированной воды — с него станется!

Опытный взгляд пана Водички ничего не пропустит. Вот он видит, как скупщики окружили только что вернувшихся из пустыни двух японцев и пытаются узнать, что же принесли кладоискатели с собой, но пока ничего не добились. Видно, японцы ждут своих людей... А вон молодой человек с маленькой головкой на длинной шее — видно, родом с Пилагеи — рассматривает мятую-перемятую карту, которую подсовывает ему ушан с Паталипутры и доказывает, что именно эта карта говорит, где спрятал свои сокровища известный бродяга и пират Полугус Земфирский. Пилегеец кивает головой, глаза у него обалделые. Вот-вот он полезет за бумажником, а пан Водичка улыбается — он-то знает, что уважаемый Полугус Земфирский, открыватель сказочной Пенелопы, никогда не был бродягой и пиратом.

А пилегейца Водичке не жалко: пусть лучше его, дурачка, здесь, в ресторане, объегорят, проведут за нос, облапошат, чем он сунется в настоящую пустыню и погибнет ни за грош. Лучше, если он, разоренный, но живой прилетит обратно домой и будет всю жизнь рассказывать детям и внукам, как он чуть было не отыскал сокровища самого Полугуса Земфирского.

Вот открылась дверь, видно, кто-то еще пожаловал.

Нет, это гости не из пустыни. Совсем еще дети — две девочки. Наверное, подумал Водичка, это дети зимовщиков — как всегда, зимовщикам что-то нужно. Может быть, кончилась соль. Или перловая крупа. Зимовщики — соседи Водички и по-соседски обращаются к нему за помощью. Да и сам пан Водичка, чуть что, сразу посылает за подмогой к зимовщикам — то свет починить, то компьютер исправить, то за доской или листом пластика... Мало ли какая помощь может понадобиться!

Две девочки уверенно вошли в дымный шумный салун. Одна из них, беленькая, на вид ей лет двенадцать, держит себя уверенно, не робеет. Крутит головой, ищет кого-то. Вот к девочкам подкатил робот-официант. Девочка что-то говорит ему, и робот показывает на пана Водичку. Так и знал — к нему от соседей!

Пан Водичка поднялся со своего высокого вертящегося стула и направился к гостям. Он всегда был верен правилу: хозяин дома должен быть вежливым даже с самым незначительным гостем. Пан Водичка, если к нему приходили, всегда спешил встретить гостя на полпути, проводить к столу, улыбнуться и сказать несколько теплых слов — недаром даже самые отпетые убийцы и негодяи никогда не поднимали руки на Водичку. Впрочем, говорят, однажды так случилось, но этот человек на следующий день уже лежал в больнице со сломанной рукой.

Хозяин ресторана должен все видеть вокруг и запоминать. Вот поднимается при виде девочек молодой человек, худой, очкастый. Из романтиков-кладоискателей. Такие плохо кончают, если не успевают убежать домой. Что он пьет? Малиновый сок? И еще читает? С ума сойти!

— Чем могу служить? — спросил пан Водичка, подходя к девочкам и вглядываясь в знакомое лицо второй девочки, постарше.

Она была черноволосой, очень хорошенькой, с бледным капризным лицом... «Где же я видел ее? — мучился пан Водичка. — Голову могу дать на отсечение, что я ее видел!»

— Здравствуйте, — сказала беленькая девочка. — Вы пан Водичка?

— К вашим услугам, пани.

— Меня зовут Алиса Селезнева, а это моя подруга, имя которой вам должно быть известно. Это Лара Коралли!

Прекрасная Лара шмыгнула носом, и на глазах у нее появились слезы.

— Как же я не догадался, старый дурак! — воскликнул пан Водичка. — Как же я мог не догадаться! Конечно же, ты — Ларочка! Ты дочка Салли и Карла, не так ли?

— Да! — ответила Лара. — Но скажите мне немедленно: где мой папа? Где моя мама? Неужели они в самом деле меня бросили?

— Успокойся, девочка! — уговаривал ее пан Водичка.

Он повел девочек за загородку, где стоял столик, накрытый белой скатертью, для самых почетных гостей «Вод Водички». Задернув тонкую занавеску, которая немного уменьшила шум, что долетал из общего зала, Водичка спросил:

— Вы, наверное, голодные? Будете есть или пить?

— Нет, спасибо, — сказала Алиса.

— А я немного поем, — сказала Лара. — Чуть-чуть. Когда я нервничаю, я всегда хочу есть.

— Еще бы мне об этом не знать! — засмеялся Водичка, дергая себя за кончики усов, будто хотел разорваться пополам. — Как сейчас помню... Высадились мы на одной планете — название ее забыл... Птички поют, цветочки благоухают. И ты говоришь: мама, хочу земляники! Мама говорит: нельзя здесь рвать землянику, пока мы не провели анализ. Вдруг она ядовитая. Ну ты, как всегда, в слезы... Как-то тебя наказали за то, что ты не хотела ложиться спать, так ты ночью залезла в холодильник и съела жареного гуся. Целиком. А ведь ребенку было всего три года!

— Скажите, — перебила воспоминания Водички Алиса, — а вы давно расстались с Ларой?

— Разве она вам не рассказывала? — удивился пан Водичка.

— К сожалению, — сказала Алиса, — у нее стерта память.

— Я ищу папу и маму! — воскликнула Лара. — И мне никто не хочет помочь. Где мои родители, отвечайте!

— Но я не знаю. — Пан Водичка развел руками. — Как же я могу знать, если я сам с ними расстался давным-давно.

— Но объясните нам, как это было. Мы видели Фоку Гранта, он нам рассказал о том, как вы летали...

— Он нас покинул десять лет назад, — сказал Водичка. — А как он сейчас? Нашел свою мандрагору?

— Нашел, — сказала Алиса, — он делится ею с другими.

— Ну и правильно, — сказал Водичка.

— Расскажите, что случилось с кораблем «Квадрат» дальше, — попросила Алиса.

Пан Водичка уселся за стол напротив девочек, хлопнул в ладоши, и тут же один робот накрыл на стол, а другой принес котелки с удивительно ароматной похлебкой.

— Подкрепитесь, панночки, — сказал пан Водичка. — В вашем возрасте обязательно надо все время подкрепляться. Выпейте малинового сока, попробуйте моих кнедликов. Кушайте...

Девочки послушались пана Водичку. Еда была сказочно вкусной.

— Я должен огорчить вас, — сказал пан Водичка, глядя, как девочки поглощают тушеное мясо, заедают его кнедликами и запивают соком лесной малины. — К сожалению, я не представляю, где могут находиться Карл и Салли. Я даже не знаю, живы они или нет.

При этих словах Лара, разумеется, зарыдала. А Алиса ощутила горькое разочарование. Столько мчаться, стараться — вот-вот найдем разгадку... и оказывается, все впустую.

— В последний раз я видел твоих папу и маму, — сказал пан Водичка, — десять лет назад.

— А я где была?

— Ты была на борту, разумеется, ты была на борту, — сказал пан Водичка. — Жива и здорова.

— А потом?

— С тех пор я твоих родителей не видел. Но уверен, что еще год назад они были живы.

— Откуда вы знаете? — спросила Алиса.

— Потому что я получил от них весточку.

— Где весточка? — спросила рабыня.

— Это был привет. Привет на словах. Мне принес его один кладоискатель.

— Когда? Когда это случилось?

Водичка отвел глаза, словно прислушивался к тому, что происходит за занавеской. Там стоял ровный шум, в котором порой возвышался какой-нибудь голос или раздавался крик, звенел разбитый бокал или даже бутылка...

— Это случилось недавно, — сказал Водичка, понизив голос до шепота, — не верьте мне...

И именно в этот момент занавеска резко откинулась в сторону, и появилось лицо, вернее, морда черной гориллы, один глаз которой был перевязан красной тряпкой. На голове у гориллы красовался блестящий, как лакированный ботинок, цилиндр, а длинные когти, вцепившиеся в занавеску, были покрыты золотым лаком.

— Водичка! — произнесла горилла. — Ты что застрял? Мы уже карты раздали — ждем, старина!

— Погоди, я занят, — сказал Водичка упавшим голосом.

Алисе показалось даже, что его рука, приподнявшаяся, словно он хотел защитить своих

гостей, дрожала.

— Вижу, с какими птенчиками ты занят, старый враль, — зарычала горилла. Цепкими маленькими глазками чудовище уставилось в лицо Алисы. Рабыня Заури даже заныла от ужаса. — Надо бы тебе поделиться с нами!

— Как ты смеешь! — Водичка начал было подниматься со стула, но горилла вдруг расхохоталась — огромные желтые зубы щелкнули и разошлись, показав кроваво-красный язык. И, не закрывая хохочущей пасти, горилла исчезла — только покачивалась отпущенная ею занавеска.

— Кто это был? — спросила Алиса.

— Вам надо собираться, — сказал пан Водичка. — Нельзя вам больше здесь оставаться. Плохо здесь.

— Еще чего не хватало! — капризно воскликнула рабыня. — Вы же еще не сказали, где мои дорогие родители.

Она вынула фотографию, которую подарил ей Фока, и, рыдая, протянула ее Водичке.

— Я ничего вам не говорил, — сказал Водичка. — Я никого не знаю.

— Это неправда. Вот ваше лицо, смотрите, вы обнимаете моего папу за плечи и даже почти не изменились! — воскликнула Лара.

Водичка смотрел на фотографию, и Алиса увидела, что он тоже готов был заплакать. Водичка страдал. Водичке было плохо!

— Вы сказали, — Алиса решила ковать железо, пока горячо, — вы сказали, что получили весточку от родителей Лары совсем недавно.

— Я не помню... — Как грустно было смотреть на испуганного пожилого человека, по глазам которого было видно, что он мечтал об одном — чтобы девочки ушли отсюда как можно скорее.

— Вам передал привет кладоискатель!

— Не может быть!

— Значит, вы не друг моему папе! — воскликнула Лара. — Вы его враг. Я думаю даже, что вы его предали, а может, даже убили!

— Как ты можешь так говорить! — закричал в ответ Водичка. — Ради Коралли я готов был пожертвовать своей головой!

— Никто не требует от вас такой жертвы, — сказала Алиса. — Но мы хотели услышать хотя бы два слова. Где они сейчас? Где?

— Где?

Водичка готов был уже сказать, но занавеска откинулась вновь. За ней стояла черная горилла. Единственный глаз ее горел алым светом.

— Пошли, — сказала она, — нам надоело ждать. А то мы твоих девочек вместо тебя за стол посадим.

— Иду, — сказал Водичка быстро. — Сейчас я их выведу наружу, они сядут в катер, а я вернусь.

— Мы вместе пойдем, — сказала горилла. Она положила лапу с золотыми когтями на плечо Водички, и лапа была такая тяжелая, что Водичка буквально осел под ее тяжестью. Алиса заметила, что у гориллы шесть пальцев.

— Я никуда отсюда не пойду! — вдруг закричала Лара Коралли. — И не надейтесь! — Она обернулась к горилле, совсем не испугавшись ее: — Вы не представляете, какой подлый человек этот Водичка! Он знает, где мои несчастные родители! Он даже получил от них

весточку — совсем недавно. И не хочет мне сказать.

Водичка побледнел. Он смотрел в пол.

— Лара! — укоризненно сказала Алиса. — Как тебе не стыдно! Помолчи!

— А мне не стыдно! Это ему должно быть стыдно!

— Правильно, — зарычала горилла. Рядом с ней возникла змеиная голова в очках. Голова улыбалась. Алисе показалось, что она видит дурной сон.

— Правильно! — прошипела змея, языком сняла очки и начала их крутить кончиком языка.

— Как тебе не стыдно, старый Водичка, — сказала горилла, — скрывать от девочки такой пустяк. Да скажи ты ей, где ее папочка и мамочка, скажи, не стесняйся!

Какие-то другие рожи лезли в закуток, и все кричали:

— Скажи, скажи!

Водичка медленно отступал в угол. Глаза у него стали почти белыми, усы опустились, как тряпки...

— Скажите! — громче всех требовала Лара.

— Они улетели на Землю, — сказал тогда Водичка. — Они на Земле, на острове Гренландия. Они разводят там апельсины.

— Ура! — закричала горилла. — Правда торжествует! Я хочу апельсинов!

Остальные рожи тоже кривлялись, смеялись, подмигивали, жмурились, а у синего карлика с тремя головами все три носа превратились в апельсины, и тогда другие существа, завидев это, набросились на него, желая оторвать апельсины.

— Как звали кладоискателя, который вам это рассказал? — спросила Алиса, глядя на Водичку в упор.

Тот расслышал ее слова в шуме, царившем вокруг, и ответил, подмигнув Алисе:

— Плеш Корявый.

Горилла, которая нависала над ними и в драке не участвовала, сразу заподозрила неладное.

— Что ты сказал? — зарычала она. — Какой такой Плеш? Признавайся, что ты сказал?

— Пускай они уходят! — закричал в ответ Водичка. — Нам еще не хватало, чтобы сюда вслед за ними пожаловал галактический патруль. Ведь они же сообщили, куда летят.

— Наш катер на постоянной связи с центром, — подтвердила Алиса, понимая, что Водичка не зря сказал о патруле.

— Давайте я вас провожу до катера, как положено гостеприимному хозяину, — сказал Водичка, но горилла тут же схватила его за рукав.

— Никуда ты не пойдешь. Ты забыл, что тебя ждут друзья?

Держа золотыми когтями старого капитана, она приказала девочкам:

— А вы гуляйте отсюда, гуляйте, не задерживайтесь. Ваше счастье, что мои ребята сегодня добрые, не хотят с вами связываться. А то бы ваши белые косточки остались сушиться в нашей печурке.

Все, кто слышал эту шутку, расхохотались. Горилла потащила Водичку к столу, на котором были разложены карты, а вокруг сидели три бандита устрашающего вида, один даже был покрыт зеленой чешуей, с глазами, торчащими на палочках. Игроки встретили появление капитана радостными воплями, и Водичка уселся на свободный стул.

— Скорее! — сказала Лара. — Побежали на катер, нам надо вернуться в Галактический центр. Папочка и мамочка ждут меня там!

— Беги, — сказала Алиса. — Спрячься в катере, а я пока закончу здесь дела. Хорошо? Алиса пыталась говорить совершенно спокойно, будто ее дела заключались в том, чтобы забрать забытую булавку или полюбоваться закатом.

— Только ты не долго, — сказала Лара. — Мне страшно.

— Никому, кроме меня, не открывай люк. Хорошо?

— Конечно, я никому не открою. Может быть, и тебе не открою.

Лара наконец-то улыбнулась.

Но Алиса ничего смешного в этих словах не уловила. Она смотрела вслед рабыне, пока та шла по ресторану, улыбаясь направо и налево завсегдатаям, и Алиса боялась, как бы кто-нибудь ее не задержал. Но обошлось.

Глава 5. Новый друг

Алиса заметила, что пан Водичка, усевшийся за стол с гориллой и ее друзьями и вроде бы погруженный в карточную игру, не спускал с Алисы глаз, стараясь это сделать незаметно для своих товарищей. Не отпуская Алису и красный глаз гориллы. Видно, и ей было любопытно понять, почему эта девочка не убегает со всех ног из ресторана.

Алиса обратила внимание и на юного худого очкарика с длинными волосами, который явно не подходил этой компании. Очкарик глядел вслед Ларочке.

Перед ним на столе стоял стакан малинового сока и лежала книжка.

Алиса задержалась, потому что была совершенно уверена, что пан Водичка сказал неправду. Конечно же, ни папы Коралли, ни мамы Коралли на Земле не было. Ведь компьютер проверил все справочные отсеки Галактического центра и всех планет Галактики — не было ли запроса о пропавшей девочке, по описанию похожей на Лару. Разумеется, девочки всегда пропадали и пропадают. Не так часто, как мальчики, но и не редко. Обычно исчезновения кончаются благополучно. Например, девочка решила повидать свою бабушку в другом городе или своего друга из соседнего класса. Бывают девочки, которые хотят улететь в космос. Но бывает, что девочка пошла купаться в незнакомом месте и утонула, убежала в лес, и ее не нашли... Однако ни в одном справочном центре не нашлось запроса с описанием Лары Коралли. Значит, ее никто не искал. А если бы папа и мама Коралли были живы и свободны, они наверняка бы искали свою дочь!

Да и пан Водичка странно себя вел. Почему он подмигнул ей, когда назвал имя кладоискателя, который якобы передал ему привет от папы и мамы Коралли? И что за странное у него имя — Плеш Корявый? Водичка, конечно же, что-то хотел сказать Алисе. Но не смел, потому что подслушивала горилла. Эта горилла, конечно же, не простая горилла!

Пока Алиса так рассуждала и мысли стремительно пролетали в ее голове, Лара дошла до дверей ресторана и обернулась. Даже сквозь дым и на таком расстоянии было видно, какая она хорошенькая и стройненькая. И если бы не такой капризный характер, цены бы ей не было. Но, наверное, этот недостаток у нее выработался оттого, что она росла в неволе и без родителей.

Алиса посмотрела на молодого человека, который пил малиновый сок и вежливо поднялся, когда они с Ларой вошли в ресторан. Увидев, что Лара вот-вот уйдет, он вскочил со своего места и кинулся за ней.

Но приблизиться не посмел, а в нескольких шагах от дверей остановился, переминаясь

с ноги на ногу. Глаза его как бы неслись вперед, а сам он не мог преодолеть свою робость.

Лара затылком почувствовала горячий взгляд, обернулась в дверях и улыбнулась молодому человеку. Не потому, что он ей особенно понравился, а потому, что в глазах его было видно такое восхищение красотой юной рабыни, что ей это было очень приятно.

Но движение молодого человека заметила и подручная гориллы — змея в очках. Она поднялась на хвосте и, ловко крутя им, понеслась вслед за молодым человеком.

— Назад! — прошипела змея. — Наружу не выходить, на девицу не глядеть.

— Как вам не стыдно! — возмутился юноша, пытаясь оттолкнуть змею, но та мгновенно обвилась хвостом вокруг щиколоток молодого человека, рванула его на себя, и он, не удержавшись на ногах, грохнулся на пол, да притом так неудачно, что ушиб локоть, а кто-то из друзей гориллы, совсем уж расшалившись, кинул в него его же рюкзаком, и камни, которые были в рюкзаке, расшибли юноше лоб. Все вокруг хохотали, а если среди этой компании и были порядочные люди, они предпочитали не вмешиваться, чтобы самим не досталось.

Юноша пытался подняться, но это ему удалось не сразу. Он с трудом сел, держась за голову. Между пальцев у него текла кровь.

Лары уже не было в зале, и она всего этого не видела, но Алиса, которая оказалась свидетелем этой сцены, кинулась к молодому человеку, желая ему помочь. Она присела рядом с ним и спросила:

— Вам больно?

В тот момент ей было все равно, обращают на нее внимание или нет, смеются ли над ней эти негодяи. Но она уже поняла, что на нее никто не обращает внимания, — в зале снова поднялся привычный шум, даже картежники во главе с гориллой вернулись к своим делам.

— Принеси воды! — приказала Алиса роботу-официанту, который как раз подъехал к молодому человеку, намереваясь отодвинуть его в сторону, чтобы тот не мешал носить подносы.

Робот подчинился. Алиса протянула юноше свой платок.

— Это компания мерзавцев, — сказал юноша Алисе, словно был с ней давно уже знаком. — Я им покажу...

— Погодите, вытрите сначала кровь, — сказала Алиса.

Молодой человек был очень бледен, у него было приятное лицо с широким носом и карими раскосыми глазами, волосы были длинные, прямые и черные, они падали на плечи и были перетянуты ремешком.

— Нет! — молодой человек словно очнулся. — А где ваша подруга? Ей здесь опасно... и вам тоже, простите меня!

— Лара в безопасности, — сказала Алиса, — она пошла к катеру, который стоит у самого входа в ресторан.

— Надо проверить, — сказал юноша решительно.

Подкатил робот со стаканом воды. Алиса намочила свой платок и передала молодому человеку, чтобы он приложил его к рассеченному лбу.

— Погодите, — сказала она, — давайте отойдем к зеркалу, вам будет лучше видно.

На самом-то деле у Алисы была задняя мысль. Ей надо было под благовидным предлогом отвести в сторону от игроков этого молодого человека, который, очевидно, не принадлежал к их бандитской компании. И задать ему один очень важный вопрос.

Молодой человек поднялся, опираясь на руку Алисы. У него были тонкие руки и ноги, и

даже странно было, как он смог выжить в этой жестокой пустыне.

— Меня зовут Вага Бычий Хвост, — сообщил юноша скорбным голосом.

— Бычий Хвост? — удивилась Алиса.

— Да, именно так!

Алиса поняла, что лучше не задавать вопросов, и повела его к зеркалу. Горилла что-то закричала вслед.

Но Алиса не стала оборачиваться. Вслед за криком гориллы послышался раскатистый хохот игроков.

Увидев себя в зеркале, Вага Бычий Хвост ужаснулся и чуть не упал в обморок.

— Я не выношу вида крови, — признался он Алисе. Но она и без того уже догадалась, что Вага — не самый храбрый человек на свете.

— Вам надо на свежий воздух, — сказала Алиса громко, чтобы, кто хочет услышать, услышал. — А то вам будет плохо.

Алиса была права — в ответ на эти слова с рамы зеркала скользнула вниз голубая рогатая толстая ящерица. Алиса увидела, как она кинулась между столов, взобралась на плечо горилле и начала что-то шептать.

Никто не мешал им выйти на улицу.

Снаружи было прохладно. День кончился — скоро ударит мороз.

Катер стоял совсем неподалеку. Люк был приоткрыт, из него выглядывало хорошенькое личико бывшей рабыни. Когда же она увидела, что из двери ресторана вышли рядышком Алиса и Вага Бычий Хвост, который прикладывал платок ко лбу, она так удивилась, что выпрыгнула из катера.

— Что случилось? Если он на тебя напал, то живым отсюда не уйдет! Я собственноручно выцарапаю ему глаза!

Молодой человек оробел, отступил обратно к двери ресторана и забормотал так неразборчиво, что и Алиса ничего не поняла.

— Ничего страшного не случилось! — громко сказала Алиса, которая была убеждена, что и снаружи ресторана найдется кому подслушивать. — Мой знакомый Вага нечаянно упал и ушибся. Я вывела его подышать свежим воздухом.

И правильно почувствовала Алиса: тут же камень, что мирно лежал у входа в ресторан, выпустил из-под себя тонкие ножки и побежал к двери. Алиса поняла, что он спешит донести горилле или змее в очках. А может, и самому Водичке? Может быть, он лишь притворялся другом семьи Коралли, а на самом деле давно уже всех предал, проиграл в карты?

— Я люблю дышать свежим воздухом, но на улице так холодно, что можно заболеть воспалением легких, — сказала Лара.

— Ой! — воскликнула Алиса, которой только и нужно было, чтобы Лара сказала что-нибудь подобное. — Конечно же, я тоже замерзаю! А Ваге в его состоянии нельзя ни минуты оставаться снаружи. Пошли скорее в катер!

Говоря, Алиса не спускала глаз с входа в ресторан, желая узнать, кто же побежит доносить горилле.

И когда она увидела, как кучка песка собралась в колбаску и поползла к двери, она подождала, пока песчаная гусеница поравнялась с ней, и резким движением ноги отбросила ее подальше от входа. И тут же побежала к катеру.

Вага, пошатываясь от слабости, засеменил следом.

Лара отступила, пропуская их внутрь катера.

— Давно пора, — сказал катер, — я сижу и думаю: вы дураки или у вас спорт такой — кто скорей замерзнет?

И катер, у которого самым главным чувством было чувство черного юмора, залился смехом.

Алиса не обратила на это внимания. Только приказала ему закрыть люки и подняться в воздух.

— Правильно, — согласился катер.

— А как же я? — спросил Вага. — Ведь скоро будет такой мороз, что мне не вернуться в ресторан. И мне негде будет ночевать.

Алиса не стала тратить время на споры с молодым человеком.

— Вы нам нравитесь, — сказала она твердо. — Вы производите впечатление порядочного человека. Расскажите, как вы оказались в этой компании.

— Я оказался здесь намеренно, — сказал Вага Бычий Хвост. — Я родом из небольшого индейского племени манахо, которое обитает в Бразилии. Когда я родился, я был таким худеньким, что наш жрец дал мне имя Бычий Хвост. Такое имя можно носить только маленькому мальчику, потому что мужчине оставаться Бычьим Хвостом позорно. Вскоре мои родители уехали со мной в город Рио-де-Жанейро и нашли у меня способности к игре на флейте. Я поступил в музыкальную школу. Мои родители совсем не хотели, чтобы кто-нибудь вспоминал, что в моих венах течет кровь диких индейцев сельвы.

Когда я подросток, мне надо было становиться мужчиной. Но я узнал, что не имею права поменять свое детское прозвище на настоящее имя, пока не пройду испытания, которые надо проходить юноше, чтобы стать мужчиной. А как это сделать, если к тому времени наше племя превратилось в ансамбль народного танца и покинуло леса? Оно гастролирует теперь в Европе и в Китае. Так что у меня не осталось возможности пройти испытания на мужество. Но и оставаться с позорным именем Бычий Хвост я не желал. И тогда в один прекрасный день я понял, что игра на флейте не мое призвание, а призвание моей мамы. Я сломал флейту о колено и отправился совершать подвиги.

— Ой, о колено! — ахнула Лара. — А я обожаю, когда играют на флейте.

— Когда это делает настоящий мужчина — может быть! — ответил худой индеец. — Но когда это делаю я — это стыдно.

— И вы полетели сюда?

— Да, я прочел, что здесь лежит суровая пустыня, что здесь настоящие мужчины ищут и находят клады. И я тайком от родителей улетел сюда.

— Вы бросили папу и маму? — спросила сквозь слезы Лара.

— Я был вынужден.

— А мои папа и мама бросили меня, — сообщила Лара.

— Лара! — укоризненно сказала Алиса.

— И вы стали мужчиной? — спросила Лара, глядя на молодого человека.

— К сожалению, я еще не успел, — сказал юный индеец. — Я оказался недостаточно физически развит для пустынных переходов, а все мои деньги я проиграл в карты Илеше и Горынычу.

— Это кто такие?

— Вы их видели — это черный одноглазый гориллоид и его пособник, змей в очках.

— Они мне с первого взгляда не понравились, — сказала Алиса.

Лара принесла чай и накрыла на стол. Несчастный кладоискатель Вага Бычий Хвост с восторгом смотрел на то, как она расставляет чашки.

— А как же вы собираетесь стать настоящим мужчиной? — спросила Алиса.

— Как только найду настоящий клад и совершу два-три подвига, тогда смогу официально поменять имя.

— И вы придумали какое? — спросила Алиса.

— Конечно. Бычий Рог!

— Но ведь почти никакой разницы! — воскликнула Алиса.

— Как так никакой? Хвост ведь сзади, а рог спереди.

Алиса с улыбкой согласилась и тут же задала следующий вопрос:

— Вага, скажите, а вы знаете человека по имени Корявый Плеш?

— Здесь?

— Разумеется.

— Но здесь нет такого человека!

— Вы уверены?

— Я совершенно уверен.

У Алисы сердце упало. Она так надеялась, что Водичка сказал ей настоящее имя, что он хотел помочь им, но по какой-то причине не мог. А оказалось, что он просто обманул ее. Или если такой человек и есть где-нибудь, то живет он, конечно, не на этой планете.

— Произошла какая-то ошибка, — продолжал молодой человек. — Дело в том, что Плеш Корявый — это место. Самое дикое место в этой пустыне.

— Вы уверены? — Алиса готова была расцеловать Вагу.

— Конечно. Бывать там я не бывал, но знаю.

— Вы бы лучше меня спросили про Плеш Корявый, — сказал катер, который всегда все слышал и умел вмешаться в разговор именно тогда, когда никто этого не ждал.

— А ты тоже знаешь?

— Как же не знать, если это место есть на карте.

— И что оно значит?

— Когда-то там был замок или крепость той планеты, которая раскололась. Стены и подвалы его были такие крепкие, что частично сохранились и по сей день. Среди кладоискателей крепость пользуется дурной славой. Никто еще не смог проникнуть внутрь и вернуться живым. И если все же находился кладоискатель, готовый на такой подвиг, он обязательно пропадал без вести.

— Это правда, — подтвердил Вага. — Я тоже хотел отправиться туда, чтобы доказать моему племени, что я настоящий мужчина, но не смог добраться, потому что у меня кончилась вода.

— Поэтому и остался живой, — сказал катер. — В этом тоже есть свои преимущества.

Глава 6. Замок в пустыне

— Раз Плеш Корявый — это место, а не человек, значит, там есть человек, — глубокомысленно сказала прекрасная рабыня, и Вага-индеец согласно кивнул головой. Любое слово, сказанное пунцовыми губками Лары Коралли, казалось ему верхом мудрости.

— Раз так, — согласилась Алиса, — значит, нам надо туда лететь, а прилетев, спросить, знает ли кто-нибудь там о супругах Коралли. Ты понял, катер?

— Милая девочка, — сказал катер, — в серьезных делах всегда лучше посоветоваться со старшими и более опытными существами. Например, со мной.

— Я уже начала советоваться, — сказала Алиса.

— Так мой совет таков: забудь, Алисочка, о Корявом Плеше. Туда нормальные катера не летают.

— Почему, если это не секрет? — спросила Алиса.

— А потому что туда долететь нельзя. По крайней мере, я не повезу моих пассажиров на верную смерть.

— Но почему на смерть? — спросила Лара.

— Я же говорил! — сказал Вага Бычий Хвост. — Никто туда не ходит.

— А откуда ты узнал, что туда ходить нельзя? — спросила Алиса.

— Все говорят! — удивился Вага-индеец. — Ты спроси любого в «Водах Водички».

— Но если они туда не ходили, — сказала Алиса, — откуда они знают, что туда нельзя ходить?

— А никто не говорит, почему нельзя ходить. Все только говорят, что нельзя, — сказал Вага.

— А вдруг все наоборот? — спросила Алиса. — Представь себе, что в том замке хранятся самые главные богатства пустыни и только твой противный гориллоид и его друзья туда ходят. Конечно же, им не хочется, чтобы кто-то другой узнал о сокровищах.

Эта мысль заставила Вагу сильно задуматься.

— Но ты же не будешь утверждать, — вмешался в разговор катер, — что на базе, к которой я приписан, тоже сидят гориллоиды и обманывают нас, честных исследователей, утверждая, что к Корявому Плешу летать нельзя.

— А на базе откуда знают об этом запрете? Кто первый сказал, что туда летать нельзя? Вспомни.

— К сожалению, я не обладаю такой информацией, — сказал катер.

— Тогда я предлагаю лететь к Плешу Корявому немедленно! — сказала Алиса. — Кто против?

— Я против, — сказал катер. — Во мне же записано: летать не рекомендуется.

— Катер, катерочек! — взмолилась Лара Коралли. — Неужели ты не понимаешь, что там, вернее всего, сидят мои мама и папа и ждут меня не дождутся.

— И давно ждут? — спросил деловито катер.

— Точно я тебе не скажу, — ответила Лара, — но не меньше десяти лет.

— Значит, сильно соскучились, — сказал катер и не двинулся с места.

И неизвестно, чем бы кончился этот разговор, если бы Вага, выглянув в иллюминатор, не увидел, как двери в ресторане пана Водички распахнулись и оттуда выбежал гориллоид, размахивая бластером, а за ним выполз змей в очках и выскочил двугорбый карлик.

— Опасность! — крикнул Вага Бычий Хвост.

— Вижу, — ответил катер. — Поднимаюсь выше. Это единственный способ спасти вверенных мне пассажиров.

И тут же он взлетел вверх, успев подложить мягкие маты под пассажиров, которые, конечно же, не удержались на ногах из-за неожиданной перегрузки.

— Теперь куда? — спросил катер, когда ресторан пана Водички превратился в белый кубик на буром одеяле пустыни и фигурки злодеев уже нельзя было разглядеть. Но это, конечно же, не означало, что бандиты откажутся от преследования. Раз они заподозрили

неладное, то, конечно же, сделают все, чтобы догнать и убить опасных соперников, — такие здесь нравы!

— Ты знаешь куда! — ответила Лара. — В крепость Плеш!

Черные кудри ее разметались кольцами по плечам, щеки покраснелись, карие глаза сверкали так, что, казалось, могли прожечь обшивку катера.

— Я не могу выполнять приказы несовершеннолетней девушки, которая находится в нервном состоянии, — сказал катер. — Лучше уж я буду слушаться Алису.

— Давай посмотрим на Плеш сверху, — сказала Алиса, — не спускаясь. И тогда станет понятно, что нам угрожает.

— А какая высота безопасна? — спросил катер.

— Не бойтесь! — сказал Вага Бычий Хвост, который в присутствии Лары становился очень храбрым. — В случае чего я вас защищу!

— Я возьму повыше, — сказал тогда катер. — Поглядим на этот Плеш с высоты в два километра.

Алиса уселась в пилотское кресло и смотрела на экраны. Она опасалась, нет ли за ними погони. Но, видно, возле ресторана у злодеев не было своего летательного аппарата.

Впереди показалось серое, в цвет песка, сооружение. Как будто ребенок играл на берегу, построил замок из песка, а потом ушел, а замок разрушило ветром и водой.

— Плеш Корявый, — произнес катер.

— Странное название, — сказала Алиса.

— Кладоискатели дали, — сказал катер. — А они народ грубый, необразованный.

Алиса включила экран переднего вида, чтобы дать увеличение.

Крепость казалась совершенно безжизненной. Даже трудно было поверить, что здесь могут быть люди, — ни деревца, ни кустика на много километров вокруг, только неприступные скалы полуразрушенного замка и песчаные барханы...

— Я опасаюсь, — сказал Вага-индеец, — что они могут сбить нас ракетой. Если в крепости сидят враги, то они заинтересованы в том, чтобы нас убить.

— Только не ракетой, — возразил катер. — Они же не дураки, они же знают, что мой полет контролируется Галактическим центром. Полагаю, что вам ничего не грозит до тех пор, пока вы находитесь во мне. Но вот когда вы меня покинете, я за вашу жизнь не поручусь.

— Спасибо за напоминание, — сказала Алиса. — Мы уж сами как-нибудь о себе позаботимся. Спустишь-ка пониже, катер!

Катер послушно пошел вниз. Алиса дала на экране максимальное увеличение. Теперь ей был виден каждый камень стен, каждая бойница, каждая тропинка во дворе замка... но никаких следов жизни.

— Здесь никто не живет, — заявил катер раньше, чем Алиса сама успела сказать об этом.

— Вижу, — согласилась Алиса.

— Не может быть, — расстроилась Лара, — я так надеялась.

— Может, есть другой Корявый Плеш? — спросила Алиса.

— Нет, — сказал катер. — В моей памяти у него однофамильца нет. Да и нет смысла давать такое отвратительное имя сразу двум замкам.

— Нам повезло, — сказал вежливо Вага, стараясь успокоить Лару, которая готова была зарыдать. — Это хорошо, что твоих родителей здесь нет. Если бы они были, им бы пришлось

туго.

— А ты прав, — согласилась Лара. — Здесь нет воды и нечего есть. Наверное, поэтому кладоискателям сюда нельзя ходить.

— Тебе не кажется, — спросила Алиса у катера, — что двор замка слишком чистый, как будто его специально подмели к нашему прилету?

Катер сделал вираж, и они пошли по кругу над развалинами замка.

— Смотрите! — крикнула глазастая Лара. — Там что-то лежит!

Алиса и катер увидели нечто блестящее, лежавшее неподалеку от тропинки, которая вела в замок.

Катер спикировал вниз и максимально увеличил блестящий предмет.

— Жестянка из-под пива, — разочарованно сказал Вага-индеец.

— Жалко, — сказала Лара. — Значит, какой-то человек здесь был, выпил банку пива и бросил ее...

— А ты как думаешь? — спросила Алиса у катера.

— Новенькая банка, — сказал катер.

Они сделали еще один круг над крепостью. Алисе показалось, что она видит следы на тропинке.

— Где будем садиться? — спросила Алиса.

— Зачем садиться? — удивилась Лара. — Ты же видишь, что моих родителей здесь нет.

— Ты уверена?

— Здесь нельзя жить!

— А я все-таки проверю, — сказала Алиса.

— Я опущусь у ворот, — сказал катер. — Внутренний двор для меня слишком мал.

— Я пойду одна, — сказала Алиса.

— Нет, — возразил Вага-индеец, — я с тобой. Я не позволю тебе идти одной.

— Температура воздуха за бортом минус двенадцать градусов, и она непрерывно понижается, — сообщил катер. — Полная темнота наступит через полчаса.

— Мне достаточно десяти минут, — сказала Алиса.

— Но ты простудишься, — сказала Лара, которая уже глубоко верила, что ее мамы здесь быть не может, и хотела как можно скорее отсюда улететь. Она устала за день, изнервничалась, и ей надоела эта упрямая Алиса.

— У меня теплый комбинезон, — ответила Алиса.

— Я все равно пойду с тобой, — сказал Вага-индеец.

— И не думай, дорогой Бычий Хвост, — сказала Алиса. — У тебя-то теплой одежды нет, и ты наверняка простудишься.

— Я в этом ни секунды не сомневаюсь, — сказал катер. — И вообще, никому из вас, дети, не следует сюда забираться.

— Я скоро вернусь, — сказала Алиса. — Отойдите от люка.

Она была права. Стоило люку открыться, как в него хлынул такой ледяной воздух, что Ларочка сразу закашлялась. Он обжигал щеки и хватал за нос. Алиса сунула руки в карманы и включила обогрев комбинезона.

Над земной вечерней пустыней поднялся морозный ветер. Он поднимал потоки песка и бросал в лицо. Перед Алисой возвышалась сложенная из громадных каменных блоков стена, в которой как раз впереди был пролом, словно кто-то штурмовал ее и пробил тараном. Через пролом тянулась тропинка, полусасыпанная песком.

Алиса обернулась. Катер надежно стоял за ее спиной. Он был похож на гриб с широкой шляпкой на короткой толстой ножке. Катер включил прожектор, и Алиса была благодарна ему — яркий расширяющийся луч света проник в замковый крепостной двор, и она пошла по нему, как по прямой светлой дороге.

Двор крепости был куда обширнее, чем казалось с вышины.

Здесь было чуть теплее, потому что сюда не проникал жгучий ветер. Алиса прислушалась. Было тихо... Впрочем, чего еще можно ждать от крепости, брошенной людьми много тысяч лет назад?

Банка из-под пива, которую они увидели с неба, куда-то пропала. А ведь Алиса отлично запомнила место, где она лежала.

Алиса быстро прошла через двор до того места, где должна была быть банка. Сюда не достигал луч прожектора. Алисе пришлось зажмуриться и посчитать до двадцати, чтобы глаза привыкли к темноте. Она открыла глаза — теперь лучше видно вокруг. Вот здесь должна лежать банка из-под пива. Алиса пригляделась и увидела следы, которые доходили до того места, где она стояла, потом поворачивали обратно. Как будто кто-то вышел из замка, чтобы подобрать забытую банку и унести ее.

Что ж, не остается ничего иного, как поглядеть, куда же ведут следы. Алиса ощутила страх, который маленькими ножками пробежал по ее спине.

Вернуться? Еще чего не хватало!

Она пересилила себя, заставила непослушные, вдруг ослабевшие ноги пересечь двор, обогнуть высохший колодец, пройти к черной пасти входа в замок.

Алиса остановилась перед входом и тихо спросила:

— Эй, здесь кто-нибудь есть?

Глухая, тяжелая, зловещая тишина была ей ответом.

Алиса сделала несмелый шаг вперед. И тут услышала быстрый сухой шорох. Шорох приближался — Алиса отскочила назад... Из черного пролома выскочила песчаная крыса с длинным пушистым хвостом и умчалась вдоль стены.

Вот видишь, сказала себе Алиса, ничего страшного здесь нет. Она ступила внутрь замка. Но храбрости, чтобы сделать еще один шаг, не осталось. Стоя в проеме, Алиса осмотрелась.

Крыша замка обвалилась в незапамятные времена, и поэтому были видны звезды на синем темнеющем небе и серые быстрые облака. Когда глаза привыкли к сумраку, можно было различить внутренность замка — круглое помещение, в центре которого — груда песка, дальше — плоский камень... а у стены... Нет, не может быть!

У стены, согнувшись, накрытый плащом или одеялом, скрестив ноги, сидел человек.

Он сидел неподвижно, лишь белые руки лежали на черном одеяле, а из-под козырька поблескивали глаза. А может быть, это воображение Алисы?

— Простите... — сказала Алиса, голос ее сорвался, — простите, вы меня понимаете?..

Человек ее не замечал.

— Простите, — сказала Алиса, отступая к выходу. — Мне нужно узнать, не живут ли здесь мои знакомые...

«Что за чепуху я несу!» — подумала Алиса.

Худая рука поднялась над одеялом, в темноте зашевелились губы, словно человек тщился что-то сказать... И вдруг со стоном он повалился на бок.

— Что с вами? — воскликнула Алиса.

Человек хрипел и в отчаянии тянул к Алисе худые руки.

— На помощь... на помощь... — различила Алиса.

Она забыла о своем страхе и кинулась к человеку.

И когда до него оставалось два шага, песок под ее ногами поддался, образовалась воронка, и Алиса заскользила внутрь, в темноту...

Глава 7. Пустынные кролики

Алиса отчаянно сопротивлялась, пытаясь уцепиться за край воронки, которая втягивала ее в холодную, душную тьму. Песок, мелкий и мерзлый, норовил забраться в нос, в рот, грозил задушить Алису, он сомкнулся над ее головой, полностью поглотил ее, закрутил... И вдруг скольжение превратилось в падение — и Алиса вместе с потоком песка полетела вниз.

Падение было недолгим — Алиса ничего не увидела и не сообразила. Правда, она не ушиблась, потому что упала на песчаный холм, который насыпался сверху, через дырку в сводчатом каменном потолке. Песок продолжал еще сыпаться, но все меньше и меньше, и наконец Алиса смогла увидеть круглое отверстие и в нем — бегущие облака и редкие звезды. Значит, она смотрела на небо из подвала замка. Значит, сверху, в полу, засыпанном песком, нечаянно или нарочно образовалась дыра, в которую, как водоворот, и утянуло Алису.

Если все это случилось нечаянно, надо будет ждать, пока ее найдут и вытащат из этого подвала. И хоть ее помощники Лара и Вага — не очень смелые и умелые, но не бросят же они ее на страшной планете! Только бы не замерзнуть в этом темном подвале.

Алиса поднялась и сразу утонула по колени в песке.

Тишину нарушало только шуршание ее подошв по песку...

Она вспомнила о таинственном человеке, который звал на помощь. Что с ним? Он остался там, наверху? А может быть, совсем не случайно плита пола откинулась под ее ногами?

Алиса снова кинула взгляд вверх и тут увидела, как на краю отверстия, закрывая свет звезд, появился черный силуэт человеческой головы.

Человек молчал, словно вслушивался, жива ли Алиса. Дыхание у него было прерывистым, старческим.

Алисе показалось, что взор этого человека может проникать сквозь тьму. Она невольно отступила назад. Еще шаг, еще...

И вдруг ее спина уперлась во что-то твердое.

Алиса попыталась отскочить от препятствия, но сильные руки схватили ее за плечи.

— Поймал? — спросила черная голова из провала.

— Здесь. Не трепыхается, — ответил человек, крепко схвативший Алису.

Алиса пыталась вырваться, но держали ее крепко, и она поняла: лучше узнать, кто поймал ее, чего эти люди от нее хотят...

— Я буду кричать! — сказала Алиса. Сказала не очень громко, как будто излагала ультиматум.

— Только попробуй! Я тебя придушу, — ответил человек, который ее держал.

Пока Алиса раздумывала, привести ли ей в исполнение свою угрозу или помолчать, человек сверху сказал:

— Раз все в порядке, я закрываю плиту.

— Только песочком сверху присыпь, не забудь, — ответил тот, кто держал Алису. — Чтобы никто не увидал.

— Не беспокойся, — ответил голос сверху.

Заскрипел камень о камень, зашуршал песок... Алиса увидела, как отверстие над головой сужается, исчезает.

Удар!

Все. Полная тишина и темнота.

— Дайте свет, — сказал мужчина, который держал Алису.

И тут же откуда-то со стороны ударил сильный луч фонарика. Он ослепил Алису, она зажмурилась.

— Пошли, — сказал он. — Можешь кричать, если тебе так нравится. Но предупреждаю, что никто и никогда не услышит твоего голоса, — ты и не представляешь, до чего здесь толстые стены.

Он подтолкнул Алису в спину, и она послушно пошла вперед. Она поверила мужчине, что стены здесь такие толстые и что ее криков никто никогда не услышит.

Алису повели по крутой каменной лестнице вниз, открылась со скрипом железная дверь, затем еще одна. За ней неожиданно начался белый, чистый, светлый коридор, словно Алиса попала в больницу.

По обеим сторонам коридора шли голубые двери, к которым были прикреплены таблички с именами: «Профессор Валишели», «Доктор Бебу-Бетуди», «Доцент А-А-Амара»... Вдруг Алиса замерла. Она увидела табличку, на которой было написано: «Исследователи Карл и Салли Коралли».

— Что здесь? — спросила Алиса и, обернувшись, впервые увидела человека, который ее вел.

— Здесь? Научный центр, — ответил конвоир и улыбнулся.

Алиса сразу узнала это грубое, толстое лицо с густой щетиной черных волос над низким лбом. Оно принадлежало рабовладельцу Панченге Мулити, которому совсем недавно удалось сбежать от Пуччини-2.

— Что вы здесь делаете? — спросила Алиса.

— По твоей милости я в отпуске, — злобно ответил рабовладелец. — Я разорен и вынужден был бежать к моему папе.

Навстречу им по коридору, мирно беседуя, прошли два старика в голубых халатах и шапочках. Они оживленно спорили о каком-то растворе. При виде Алисы и Панченги они вежливо поклонились, вовсе не удивившись тому, что разбойничьего вида мужчина ведет по научному центру девочку.

Чем же занимаются ученые в подземельях под пустыней?

Наконец Панченга Мулити отпустил плечо Алисы. Она растерла его — плечо затекло, так крепко в него впивались толстые пальцы рабовладельца.

Он протянул вперед руку и толкнул ручку последней двери в коридоре.

— Я привел, — сказал Панченга, заглядывая в дверь.

— Вижу, — ответил оттуда глубокий голос. — Заводи!

И Алиса оказалась в большой низкой комнате, устланной коврами и звериными шкурами, на полу стояли кованые светильники, сверху опускались чеканные люстры, в камине полыхал огонь. В комнате было жарко, словно ее хозяин боялся простуды.

Алиса не сразу разглядела самого хозяина. Он сидел у камина в низком мягком кресле, накрыв ноги клетчатым пледом. Он был на одно лицо с братьями Панченгами, только куда старше их. Волосы его поседели, глубокие морщины избородили щеки, под глазами — темные мешки. Уголки губ опущены к подбородку. В толстых пальцах папаши Панченги поблескивали похожие на виноградины крупные четки, которые он перебирал.

— Папа, — сказал Панченга-сын, — все было сделано, как ты велел.

— Отлично, — сказал Панченга-папа. — Спасибо, мой мальчик.

Мальчику было лет сорок, не меньше, но Алисе в тот момент было совсем не смешно. Она понимала, что эти люди не умеют шутить.

На большом столе возвышалось какое-то сооружение, которое представляло собой пирамиду высотой примерно в полметра, обожженную, поцарапанную, всю в ссадинах и вмятинах. Без сомнения, это был космический корабль адмирала Панченги, превращенный вместе с командой в лилипутов директором циркового училища Пуччини-2.

Значит, корабль добрался до базы семейства Панченгов, но увеличить его до настоящего размера, а значит, увеличить и всех его пассажиров, пока не удалось.

— Вот ты какая, Алиса Селезнева, — сказал Панченга-папа. — Мне интересно поглядеть на птичку, которая доставила столько неприятностей нашему семейству.

— Мне тоже интересно посмотреть на вас, — сказала Алиса. — Я думала, что в Галактике существуют два брата Панченги. А вот теперь встретила с их папой.

— Помолчи, — устало сказал Панченга-папа. — Здесь все такие разговорчивые — страшно жить на свете. А говорить буду я. Ты согласна?

— Согласна, но мне очень хочется пить, у вас так жарко.

— У меня не жарко, а тепло, — равнодушно ответил Панченга-папа. — А пить я тебе не дам. Ты все равно скоро умрешь, так что нет никакого смысла тратить на тебя воду.

— Это не очень вежливо, — сказала Алиса. — И к тому же я не понимаю, чем это я вас так рассердила, что вы хотите меня убить?

— Я все знаю, не притворяйся дурочкой, — сказал Панченга-папа. — Я знаю, что именно ты виновата в печальной судьбе моих родных. — Панченга-папа показал рукой на корабль, стоящий на столе. — Я знаю, что ты носишься по пятам за мной, чтобы помочь рабыне Заури. Хотя эта рабыня не стоит твоих забот.

— Но ребенку нужны родители! — сказала Алиса. — И я была права.

— В чем?

— В том, что ее родители тут!

— Откуда ты знаешь?

Алиса прикусила язык. Ну кто ее тянул за него!

Панченга-папа обернулся к сыну и спросил:

— Ты ей сказал?

— Ничего я не говорил!

— Значит, это сделал проклятый Водичка. Не надо было оставлять его в живых! Сейчас же радируй в ресторан, чтобы его растерзали. Там есть какой-нибудь гориллоид?

— Самый лучший, папочка, любого готов растерзать!

— Не надо терзать пана Водичку, — сказала Алиса. — Он ничего мне не сказал. Но у вас в коридоре висят таблички, а на табличках — имена ученых!

— Ну вот! — Панченга-папа чуть до потолка не подпрыгнул от ярости. — Попались на пустяке!

— Ну кто мог подумать, что мы будем водить по научному центру девочек с Земли! — ответил Панченга Мулити.

— Тем более тебя придется быстренько ликвидировать, — сообщил Панченга-папа Алисе.

— Но меня будут искать. А когда догадаются, что вы со мной что-то сделали, вас жестоко накажут! — сказала Алиса.

— Нет, миленькая девочка, — ответил Панченга-папа. — Никто тебя не будет искать. Тебя уже нет в живых!

— Как так?

— Подумай! Случайно ты отыскала нашу секретную базу. И не только отыскала, но и притащила за собой катер с двумя интеллигентами! Что мне оставалось делать? Сбивать катер? Чтобы он перед гибелью сообщил обо всем в Галактический центр и сюда примчались все патрульные крейсера Вселенной? Нет, этого я себе не могу позволить. Отогнать вас пушками? Тоже глупо — через день ты вернешься сюда на крейсере. Значит, оставался лишь один выход: девочка с Земли Алиса Селезнева, не спросив брода, сунула свой маленький носик в самое заброшенное место на всем астероиде — в Плеш Корявый, где никто никогда не жил, где гнездятся только пустынные кролики и змеи. И, конечно же, неосторожный ребенок трагически погиб!

— Как же я погибла? — спросила Алиса.

— Самым естественным путем. Сейчас тебя отведут в загон, где мы держим пустынных кроликов, — это самые ядовитые твари во всей Вселенной. Они тебя растерзают... Косточки твои и обрывки твоей одежды мы выкинем в замок, из которого ты так благополучно к нам провалилась. И никакая экспертиза не догадается, что в твоей казни участвовал кто-нибудь еще, кроме кроликов... Несчастный случай, какая жалость... Так что жить тебе осталось пять минут. А то твои друзья начнут беспокоиться и полезут тебя искать. Конечно, мне бы хотелось их всех отдать кроликам, да боюсь, что переборщу, и это покажется подозрительным инспектору Крому.

— А вы знакомы с инспектором Кромом? — спросила Алиса.

— Не отвлекай меня, — сказал Панченга-папа. — Инспектор — пренеприятнейшая личность!

Алиса понимала, что должна думать очень быстро. Панченга-папа был такой спокойный и жестокий, что ему не заговоришь зубы, его ничем не отвлечешь. И план он придумал, с его точки зрения, безукоризненный. В самом деле — сунулась девочка в пустынный замок, а там какие-то твари... собирайте ее косточки. Куда более надежный способ так разделаться с врагом, чем сражаться в честном бою.

— А если я вам скажу, как можно увеличить корабль вашего сына и всех, кто там сидит внутри, вы оставите меня в живых?

— Нет, Алиса, — сказал Панченга-папа, — хоть мне очень грустно так тебе отвечать, я вынужден сказать «нет»! Мои ученые найдут способ увеличить корабль не сегодня-завтра. Они обещали. Иначе им не будут давать компота — непереносимое горе!

— Но я могу сделать это быстрее!

— Если бы мне было двадцать лет, я, может быть, и поддался бы на твои уговоры, девочка. А теперь я все понимаю... Нет, нет и еще раз нет! Ты позовешь своих родственников, а они позовут инспектора Крома... и нашу базу уничтожат... Лучше уж мои сынки подождут немного. Зато ни твоя симферопольская бабушка, ни мерзавец Пуччини-2,

ни отвратительный инспектор Кром ничего не будут знать... Если больше вопросов нет, отведи, сыночек, девочку к кроликам, пускай они ею полакомятся!

Глава 8. Тайна папаша

— Папа, мне нужно поговорить с этим ребенком, — сказал Панченга Мулити.

— А мне нужно, чтобы ты его немедленно отдал на растерзание кроликам. Иначе базу обнаружат ищайки инспектора Крома, и из-за тебя я могу погибнуть.

— Я знаю. Я успею.

— Мальчики мои легкомысленные, — вздохнул папаша Панченга. — Смотрите вы у меня! Один лилипутом стал, другой своей сиенды лишился. Так ли я вас воспитывал? А ну-ка, включи обзорный экран! Вылезли они искать свою Алису или еще нет?

Панченга-младший покорно подошел к стене, отвел в сторону занавеску и включил большой, во всю стену, экран. От экрана буквально хлынул холод — он показывал, как в полумраке над песчаными барханчиками неслись снежинки, а каменные стены крепости нависали над таким маленьким и беззащитным катерком... Он стоял и ждал, как щенок, который ждет зимой у магазина своего хозяина.

— Давай я его ракетой полосну! Никто не узнает, папаша! — предложил Панченга Мулити.

— Нет тебе на это моего родительского благословения! — рассердился Панченга-старший. — Я же предупреждал тебя — через полчаса здесь будет галактический крейсер. Им только предлог и нужен, чтобы искоренить весь род Панченгов!

— Ну ладно, — сказал Панченга-сын, — но ты же видишь, что они не спешат искать девочку. Значит, у нас есть время.

— Вылезут, скоро вылезут, — уверенно сказал папаша. — Этому мальчишке-индейцу стыдно станет, вот он и пойдет ее искать. Может, он сейчас одевается, ищет чего потеплее — небось за бортом градусов двадцать мороза?

— Двадцать два, — сказал Панченга-сын.

— Ладно, допрашивай ее, только быстро. Даю тебе две минуты. А я пойду перегоню на мой корабль ученых-мученых.

— Ох и осторожный ты стал, папа. Это возраст, да? — спросил сын.

— Это называется инстинктом самосохранения, — сказал Панченга-старший. — Этот инстинкт позволяет мне жить и оставаться на свободе уже шестьдесят с лишним лет.

Папаша тяжело поднялся с кресла и, не взглянув на Алису, пошел к выходу. Не закрывая за собой дверь, он крикнул хрипло:

— Кобры, ко мне!

Со всех сторон застучали каблуки. Панченга-сын недовольно поморщился. Сквозь открытую дверь Алисе были видны высокие воины в серых чешуйчатых комбинезонах. Вместо фуражек на головах воинов были приспособлены змеиные головы с раздутыми шеями, глаза змеиных шапок горели маленькими фонариками.

— Выводите ученых из их кабинетов, быстро! И всех гоните на мой корабль. Раз-два, чтобы без заминки. — С этими словами папаша вышел из комнаты.

«Ой, — испугалась Алиса, — а вдруг папаша Панченга увезет Карла и Салли Коралли куда-то на свою планету, придется снова их искать».

— Этого нельзя допустить! — сказала Алиса. — Родителей надо вернуть Ларе. Вы меня

слышите?

— Я-то вас слышу, — сказал Панченга Мулити. — Но помочь ничем не могу. Я мечтал бы вас всех отпустить. Но папа и брат не разрешают мне быть порядочным человеком. Мне сорок лет, и все эти сорок лет я борюсь с моими родственниками. Все время терплю поражение. Они понимают, что я с ними не согласен, что я всегда твердо воздерживаюсь, когда они голосуют за казни и мучения невинных людей. Поэтому меня и держали на сиенде, на сельском хозяйстве. Ведь не исключено, что в один прекрасный день я наберусь смелости и выведу их всех на чистую воду.

— Прекрасный день уже наступил! — воскликнула Алиса.

— Когда?

— Сегодня. Давайте начнем выводить их на чистую воду!

Панченга-сын подумал немного и потом отрицательно покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Еще рано. Еще слишком рискованно.

— Вы боитесь, что ваш брат, который сидит в этом лилипутском корабле, вас услышит? — спросила Алиса, показывая на пирамиду космического корабля. Было видно, что один из его люков раскрыт и в нем стоит махонькая фигурка адмирала Панченги.

— Нет, нет, я никого не боюсь. — Этот лицемер и обманщик так покраснел, что Алиса поняла — он на какое-то время совсем забыл о пирамиде, стоявшей на столе. И теперь перепугался. Иначе чем объяснить то, что его отношение к Алисе резко изменилось. — А ну! — закричал он вдруг, хватая ее за руку и волоча к двери в коридор. — Немедленно на растерзание к пустынным кроликам! Чтоб твоего духу здесь не было!

Они оказались в коридоре. Там кипела невероятная суэта. Бегали солдаты-кобры, стража Панченги-папы, спешили люди в черных мундирах, пробежал гориллоид... Все двери в комнаты были распахнуты, из комнат выволакивали ученых, а ученые старались вытащить вместе с собой нужные книги, кассеты, приборы. Все горланили, все торопились.

— И это все из-за меня? — спросила Алиса.

— Нет! Ты только ускорила бегство, — ответил Панченга-сын. — Если ты разузнала о базе, значит, инспектор Кром не за горами.

— Значит, все-таки я вас перепугала, — сказала Алиса.

— Много о себе думаешь, плохо кончишь, — ответил Панченга. Он все тащил за собой Алису, даже руку было больно.

— Да не спешите вы так! — крикнула ему Алиса. — Руку оторвете. Вас же никто из родственников сейчас не видит и не слышит. Переведите дух. У вас, наверно, сердце болит. При вашем-то лишнем весе!

— А ведь и впрямь, — согласился Панченга, замедляя движение. Свободной рукой он держался за сердце. — Так я долго не протяну.

Перед ними была лестница наверх. Возле нее дымил воткнутый в отверстие в стене факел. Панченга взял факел и сказал Алисе:

— Иди впереди, но не вздумай убежать. Убежишь — тебе же хуже.

Алиса нарочно не спешила. Она понимала, что каждая минута работает в ее пользу. Сейчас уже Вага вышел из катера и идет к крепости. Он осторожен...

Ее задача — тянуть время. Поэтому Алиса медленно, долго нащупывала ногой каждую ступеньку.

Но, как будто угадав ее мысли, Панченга толкнул Алису в спину.

— Иди как следует! Некогда мне с тобой цацкаться! Даже если твои косточки найдут в

крепости и поверят, что тебя сожрали кролики, все равно в конце концов какой-нибудь гориллоид проговорится инспектору, а то и пан Водичка нас предаст... Разве можно верить людям? Ты иди, иди...

— А чего вам бояться? — спросила Алиса. — Вы же ничего плохого не сделали. Вы производите впечатление доброго и великодушного человека.

— Да, я такой! Я именно такой! Я лучше многих. И если бы не проклятая семья, которая меня затянула в преступный мир, я бы мог стать инженером, ученым, артистом, наконец!

— Еще не поздно.

— Поздно. Я совершенно разучился работать. А ты иди, Алиса, иди, тебя ждет быстрая и поэтому не очень мучительная смерть.

— А почему здесь ученые? — спросила Алиса. — Что они здесь делают?

Лестница оказалась короткой, за ней начался темный сводчатый коридор, сверху редко-редко падали капли воды...

— Если бы я не был уверен, что тебя через пять минут растерзают, никогда бы не сказал, — признался Панченга. — Это идея папаши. Он давно уже с ней носился. Мой папаша — ужас какой головастый! Он давно еще говорил: самое дорогое на свете — мозги! И если у нас с вами, мальчики, мозгов не хватает, то надо отобрать мозги у других людей. Мы, конечно, смеялись сначала, но папаша нас убедил. И с тех пор мой братишка адмирал Панченга как захватит корабль, то ребятишек и красивых девочек сразу ко мне, на сиенду. Им там память стирают, чтобы не шебаршились, и они начинают пропалывать ананасы. Некоторых продавали — кого куда... А если на корабле попадались ученые или изобретатели, мой адмирал их отвозил сюда, к папе, для этого специально подвалы под крепостью оборудовали.

— Но зачем?

— А затем, что в ученых головах всякие полезные мысли бродят. А ученый часто и не подозревает, какие они полезные. Мы этому ученому говорим: работай на нас!

— А если он не захочет?

— Это он только сначала не хочет. А если на него нажать — сразу захочет. Один кушать любит, второй за своих родных боится, третий обеднел... Надо только ключик найти. А как нашел, дальше сложностей не бывает. Ему прибор нужно — мы ему прибор доставим, ему химию подавай — мы ему эту химию подаем! Изобретай, трудись...

— И что-нибудь получалось?

— Ты думаешь, мы только грабим? Ничего подобного, нам сиенда хорошие доходы приносила. Нам ученые золотые яйца несут. Они изобретают, придумывают, а мы торгуем. Мы так разбогатели, что оборудовали под базу целую планету. Оттуда нас не выкуришь! Там для ученых — рай! Все условия, не то что здесь. Рай из чистого мрамора.

— А как же вы изобретениями торгуете?

— Для этого мой папаша ночей не спит, думает.

— Я не понимаю. О чем ваш папа думает?

— А он думает, как изобретение повернуть, перевернуть и наизнанку вывернуть.

Алиса пожала плечами.

— Ну, слушай! Есть, например, у нас один ученый, он изобрел средство, которое уничтожает трение. Понимаешь? Ты помазал подошвы этим средством и никогда шагу не сделаешь — умора? Скользят ботинки, и все тут! Этот чудик думал, что его средство в

промышленности очень нужно, чтобы части станков не терлись друг о дружку. А нам станки ни к чему! Мы его изобретение чуть-чуть изменили и тирану Катациклу с Вапраососа продали баночку за тонну алмазов. Он этой мазью свою крепость смазал, и вот уже год, как его племянники эту крепость штурмуют, да не могут на стену влезть. Смешно? Еще хочешь пример?

— Хочу, — сказала Алиса. Ей-то некуда было спешить.

— Этот самый... как его... забыл, сделал заморозку. Если ею брызнешь на курицу — она тут же замораживается и уж не разморозится, пока антизаморозкой не капнешь. Для домашних хозяек удобно, для путешественников удобно... А папаша подумал и решил: это же замечательное оружие! Продали распылитель заморозки Дургу Брандердургу. Он этот распылитель поставил перед своим войском, когда с мачехой воевал, нажал на кнопку — и в мгновение ока заморозил все ее войско, включая и мачеху. А нам честно заплатил замороженными монетами.

— Очень интересно, но подло, — сказала Алиса. — Люди старались, хотели сделать лучше для всех, а вы все переворачиваете. И получается зло.

— А это не мы, Алисочка, придумали, — улыбнулся Панченга. — Это еще тысячу лет назад люди придумали. Это в истории тысячу раз было, и никто не удивлялся. Только ты решила удивиться. Сначала люди лодку придумали, чтобы через озеро переплыть, а другие к лодке таран приспособили, чтобы этим тараном чужие лодки топить. Одни люди самолет придумали, чтобы по небу летать, почту перевозить, и тут же другие пришли, посильнее да похитрее, и дали пилоту бомбу. Кидай, сказали, вниз на город, сверху убивать удобнее, чем с земли стрелять. И так, Алисочка, всегда и везде!

— Нет! — сказала Алиса. — Не всегда и не везде. Это вам только кажется, что таких, как вы, много. Такие, как вы, по углам и подземельям прячутся. Как крысы.

— Молчать!

— Я еще поговорю с учеными, я еще узнаю, как вам удалось их обмануть и запугать. Теперь я понимаю — вы и пана Водичку запугали.

— А почему бы и нет? Хоть он и не ученый, а нам пригодился. Мы ему простенько сказали: хочешь жить, хочешь, чтобы твои дружки Карл и Салли были живы, сиди в ресторане на краю пустыни и всех, кто хочет сунуть сюда нос, отпугивай. Вот он и сидит!

— Вы — законченные подлецы! — сказала Алиса.

— Ты не ругайся, не ругайся, — ответил Панченга. — Тебе в твоём положении сейчас лучше кидаться мне в ноги, умолять, чтобы я твою жизнь спас.

— Не буду умолять. Вы и так меня не убьете, — сказала Алиса.

— Ты почему так думаешь?

— Уж очень вы не спешите меня своим кроликам отдать на растерзание, — сказала Алиса. — И все мне рассказываете. Я думаю, что вы ждете, пока ваш папа улетит и всех ученых заберет, а потом сядете на маленький катерок, который где-то спрятали, и тихонько улетите в другую сторону.

— Это ложь и клевета!

— Тогда скажите, что же вам в самом деле от меня нужно?

— Совсем пустяк. — Панченга смущенно улыбнулся, и при неверном свете факела улыбка его была похожа на злобную гримасу. — Мне хочется, чтобы ты, Алисочка, записала на видео несколько слов...

— Каких?

— Ну... что ты ничего не имеешь против меня, что я тебе ничего плохого не сделал, а даже спас тебя и помог выбраться из подземелья. Мне так хочется стать честным человеком!

— Если вас будут судить, — ответила Алиса, — я приду на суд и скажу, что вы и в самом деле не причинили мне вреда. Но я не знаю, кому вы причинили вред.

— Это еще когда будет... — сказал Панченга. — А меня в любую минуту могут схватить. Тогда я и покажу им пленку.

— Хорошо, — сказала Алиса. — А вы тогда меня отпустите?

— При первой возможности.

— Тогда я ставлю одно условие.

— Какое?

— Чтобы вместе со мной освободили родителей Лары Коралли. Без этого я отсюда не уйду.

— Но как я это сделаю? — удивился Панченга. — Неужели ты не понимаешь, что Карл Коралли — знаменитый ученый и изобретатель. Он моему папаше дороже алмазов. А жена его — красавица. Нет, мне их не добыть. Папашины кобры и гориллоиды, наверное, его уже на корабль перевели.

— А вы пойдите и приведите сюда ученых, — сказала Алиса. — Тогда я вам наговорю на видеопленку любые комплименты.

— Я даю слово! Честное слово человека, который хочет исправиться. И начать новую жизнь. Как только ты уйдешь, я сразу же побегу за Салли и Карлом Коралли. Я не могу оставить тебя одну, здесь опасно. И не могу взять тебя с собой. Поверь же, Алиса!

Он готов был зарыдать. Так ему хотелось, чтобы Алиса поверила: он на верном пути к исправлению! И Алиса понимала, что он не может разорваться надвое!

— Хорошо, — сказала она. — Я постараюсь вам поверить. Доставайте вашу видеокамеру. Что надо говорить?

— Что я хороший.

Панченга достал из кармана маленькую видеокамеру.

— Я подтверждаю, — сказала Алиса, глядя в объектив видеокамеры, который был почти не виден, потому что неровный свет дымного факела светил Алисе в глаза. — Я подтверждаю, что Панченга Мулити не причинил мне никакого вреда.

— И помог мне, а также Карлу и Салли Коралли выбраться из подземелья, — добавил Панченга.

— За что я ему благодарна.

— Спасибо, — сказал Панченга Мулити. — Я никогда не забуду твоих благодеяний, принцесса Алиса. Теперь иди прямо вперед. Через пятьдесят шагов свернешь налево. Поняла? Там будет выход в крепостной двор. Во дворе тебя уже ждет индеец Вага Бычий Нос.

— Бычий Хвост!

— Вот видишь, я волнуюсь и забываю. Подождите там минут десять, не больше. И тогда к вам придет Карл и Салли Коралли.

— Спасибо вам, — сказала Алиса, протягивая руку старшему брату Панченге, который оказался счастливым исключением в этой злобной компании.

— Я тоже благодарен тебе за доверие, — сказал Панченга, пожимая руку Алисе. — Надеюсь, что, когда мы встретимся вновь, я уже буду честным человеком. Беги, Алиса, Вага Бычий Хвост тебя ждет.

Алиса пошла вперед. Некоторое время факел светил ей вслед.

— Держись за стену, — донесся сзади голос Панченги. — Мне надо уходить. Сейчас станет темно.

— Уходите, уходите, — откликнулась Алиса.

Вокруг воцарились полная темнота и тишина. Алиса считала шаги.

Тридцать шагов... тридцать пять...

Вдруг Алиса остановилась. Ей ничего не было слышно, но она почувствовала, что не одна в коридоре, что совсем рядом притаилась невидимая опасность.

Глава 9. Возвращение волшебников

Алиса прислушивалась — ничего.

Побежать вперед или переждать опасность? Но она знала о пути наружу лишь то, что сказал ей Панченга. А что, если он ее обманул? «Нет, нельзя думать о людях плохо. Человек хочет исправиться, а я его подозреваю в коварстве!» И Алиса пошла вперед.

Она не сделала и пяти шагов, как с размаху налетела на решетку, которая перекрывала коридор.

Решетка была ржавая и холодная. Что такое? Почему решетка?

Алиса провела рукой в сторону — решетка пересекала весь коридор. Дальше пути не было.

Она постаралась пошатать решетку — может, это ошибка? Ей так хотелось думать, что Панченга ее не обманул.

Но решетка не поддавалась.

Алиса поняла, что у нее один выход — бежать обратно.

И тут она услышала, как сзади по сводчатому коридору прокатился скрежет еще одной решетки. Ее запирают? Зачем?

И тут же послышался негромкий смех. Тишина была такая, что каждый самый маленький и ничтожный звук становился грохочущим, как горный обвал.

Алиса узнала голос Панченги.

— Ты жива, Алисочка? Ты сейчас умрешь.

— Зачем вы это сделали? — спросила Алиса.

— Мне приказали, — сказал Панченга. — Я не хотел. Ты мне очень понравилась, но я — послушный сын.

— Когда вы брали у меня интервью, — спросила Алиса, — вы уже знали, что меня обманете?

— Да, — вздохнул Панченга. — И у меня сердце буквально обливалось кровью. Прощай, Алисочка, я побежал на корабль. Мой драгоценный папа думает, что я останусь здесь и приму на себя весь удар правосудия, что я буду расхлебывать кашу, которую они с братцем заварили. Как бы не так! Даже если меня и найдут в темных подземельях, со мной ничего не сделают. Я не совершил ничего плохого. Я старался только помочь Алисе Селезневой. И она оставила доказательство — видеопленку.

— Вы подлец, Панченга Мулити!

— Это твои последние слова, Алиса, — ответил Панченга.

Панченга свистнул — свист прокатился по туннелю.

И в ответ: топ-топ, топ-топ, топ-топ...

Кто-то медленно прыгает, не спеша приближается к Алисе.

— Я впустил кроликов, прощай, девочка.

Алиса кинулась к стене, прижалась к ней... У нее не было никакого оружия, да она и не видела ничего в этой темноте. Кто на нее нападает, откуда... только: топ-топ, топ-топ, топ-топ...

И так страшно, и так одиноко...

И в этот момент что-то ярко вспыхнуло.

Зеленая линия протянулась вдоль коридора...

Темные тени, которые уже приблизились к Алисе, замерли, пораженные светом.

А еще через секунду каменные своды зала, в котором, оказывается, и стояла, прижавшись спиной к стене, Алиса, осветились сотнями разноцветных звездочек — словно начался карнавал...

Сначала Алиса ничего не понимала в сверкании и кружении огней... Но ничего не могли понять и те, кто хотел напасть на нее: удивительные, никогда не виданные ею существа. Приятные на первый взгляд и страшные, если присмотреться...

Они и в самом деле походили чем-то на кроликов: задние ноги этих тварей были куда длиннее передних, а передние были прижаты к груди. Но передние лапки пустынных кроликов, живущих на Ледяных астероидах, могут вытягиваться, словно резиновые, а из них появляются когти. Кролики, окружившие Алису, были ростом с больших собак, покрыты не шерстью, а каким-то серым мхом, что позволяло им сливаться с песком в пустыне. Но неприятнее всего были их морды — треугольные, с острыми хоботками, из которых непрерывно высывались и прятались обратно неутомимые, беспокойные язычки. Эти язычки заканчивались блестящими, словно металлическими, иглами — именно этими иглами пустынные кролики наносят жертве небольшую рану, в которую попадает капля ядовитой слюны. И жертва умирает.

В тот момент, когда зажглись огни, кролики уже почти подкрались к Алисе, а они, как известно, отлично видят в темноте. Алиса бы так и не узнала, откуда произошло нападение...

Кролики, возмущенные тем, что кто-то мешает им растерзать беззащитную добычу, завертели головами, отыскивая обидчиков. И тут же их нашли!

Посреди зала стояли два человека. Оба в плащах и со шпагами в руках. Оба в широкополых шляпах и блестящих сапогах.

Кролики кинулись на двух мушкетеров, забыв об Алисе.

Огни под потолком и по стенам мигали, сверкали и гасли, рассыпались бенгальскими огнями и взрывались, как петарды.

Кролики, привыкшие к темноте и полумраку астероида, не могли сообразить, что к чему, жмурились, прикрывали передними лапками громадные глаза, но, правда, не отступали.

— Алиса, не двигайся! — крикнул один из мушкетеров, что был повыше ростом. — Они кидаются на то, что движется!

И, подкинув шпагу, завертел ею в воздухе, затем снова поймал за рукоять и вонзил в кролика, который уже дотянулся до мушкетера своим жалом.

И начался славный бой!

Алиса жалела, что не могла принять в нем участия, но и понимала, что не сумела бы управляться со шпагой с такой быстротой и ловкостью. Ее спасители мушкетеры были

настоящими спортсменами, виртуозами фехтования!

Кроликов было больше десятка, но уже через две минуты их осталось четыре или пять... Еще одна атака на мушкетеров — и вот лишь два кролика отбежали к решетке.

Последняя атака...

Под карнавальными огнями лежали мертвые кролики. Яд с их языков, уже никому не опасный, капал на каменный пол.

И тут из-за решетки показался яркий свет — оттуда кто-то шел, неся в руке яркий фонарь.

— Все в порядке! — крикнул высокий мушкетер, снимая широкополую шляпу.

И тут Алиса узнала в нем директора циркового училища Пуччини-2.

Второй мушкетер, пониже ростом, провел концом своей шпаги по прутьям решетки, и вдруг они расплавились и потекли на пол сверкающими каплями металла.

— Проходите, — сказал маленький мушкетер.

И Алиса узнала по голосу... свою симферопольскую бабушку.

— Ловко вы их! — послышался знакомый голос.

Это же инспектор Кром!

Он нагнулся, прошел сквозь раскаленную красную решетку. За ним спешил, переваливаясь, пан Водичка.

— А я думала, что вы не успеете... — сказала Алиса.

Тут ноги ей отказали, и она села у стены.

Бабушка из Симферополя подбежала к ней, стала хлопотать, достала какие-то таблетки, велела выпить, Алиса отказывалась, а длинный Пуччини-2 стал на ее сторону и говорил, что нормальные герои никогда не едят таблеток сразу после боя.

Инспектор Кром пожал Алисе руку и сказал:

— Быстро, в двух словах доложи ситуацию!

Алиса рассказала о том, что здесь произошло.

Тем временем симферопольская бабушка расплавилась и вторую решетку. Она была глубоко возмущена тем, что Панченга-сын так подло обошелся с ее внучкой. Это же надо: загнать обманом в клетку и напустить на ребенка смертельных хищников!

Они поспешили по коридору в сторону подземного убежища братьев Панченгов. По дороге Лукреция Ивановна успела рассказать Алисе, как она здесь очутилась.

Оказывается, симферопольская бабушка так и не поверила, что Алиса задержится в Галактическом центре только для того, чтобы рабыне Заури не было скучно проходить обследование. Бабушкина интуиция подсказала ей, что Алиса может ринуться в новую авантюру. И поэтому Лукреция Ивановна не стала возвращаться домой, а уговорила Пуччини-2 подождать до вечера, пока не вернется Алиса.

— И когда я не вернулась, — вмешалась Алиса, — ты, бабушка, объявила тревогу!

— Слабо сказано! Я начала бить в барабан, трубить в трубы и седлать коней! Мы с Пуччини отыскивали инспектора Крома и узнали от него, что вы с рабыней исчезли в неизвестном направлении. А каким могло быть неизвестное направление?

— Вы догадались, что мы полетели к Фоке Гранту на планету Парадиз...

— Где несчастный Фока ищет мандрагору и скармливает ее однодневкам и пташкам!

— Не смейся над ним, бабушка, он ведь очень добрый человек.

— Очень добрый, но не очень умный, — возразила бабушка.

— А от него вы узнали, что мы отправились к капитану Водичке?

— Разумеется. И попали в настоящий салун для кладоискателей с экзотическими посетителями, карточными играми и всякой фанаберией, которая будто сошла со страниц детского комикса. Она была слишком красивой, чтобы быть настоящей. Мы поняли, что ресторан — только ширма для бандитов.

— И Водичка вам все рассказал?

— Ничего нам Водичка не рассказал. Но не смог скрыть от нас своего испуга и своей радости.

— Как так? Сразу испуга и радости?

— Нам тоже это показалось странным. Но теперь-то мы понимаем: он обрадовался, что Алису и Заури ищут их друзья и могут им помочь. Но испугался, что братья Панченги и их подручные кобры и гориллоиды отомстят Водичке и семейству Коралли, ради которых Водичка и сидел в этой пустыне. Водичка — несчастный человек. Панченги запугали его, и он поверил в их могущество!

— А как не поверить, — сказала Алиса, — если ты окружен шпионами Панченгов!

— Гориллоиды попытались напасть на нас с Пуччини. Но ты понимаешь, девочка, как трудно справиться обыкновенным негодьям с настоящими магами и волшебниками, докторами иллюзионных наук! Пришлось нам тряхнуть стариной! Мы быстренько переоделись в костюмы мушкетеров, материализовали острые шпаги и в отчаянном рукопашном бою разгромили всех гориллоидов и кобр. А когда они разбежались, Водичка рассказал нам, что вас надо искать в крепости под странным названием Пlesh Корявый. А тут и инспектор подоспел со своими агентами! Все остальное ты знаешь.

— Спасибо, что вы вовремя успели, — сказала Алиса. — Еще бы секунда — и я погибла.

— Алисочка, — ответила симферопольская бабушка, — в настоящем авантюрном романе спасение обязательно приходит в последнюю секунду. Иначе этот роман никуда не годится.

— Но ведь у нас не роман, а чистая правда!

— Для нас с тобой — чистая правда, а для тех мальчиков и девочек, которые когда-нибудь прочтут о наших замечательных приключениях, это будет роман.

На этом разговор Алисы и бабушки прервался, потому что они вышли из темного коридора и попали в освещенные помещения, где еще недавно братья Панченги держали пленных ученых. Самих ученых уже не было — папаша Панченга успел вывезти их на своем корабле, а забытые ими книги и вещи были разбросаны по полу. Вот тут Алиса и увидела Ларочку и Вагу Бычий Хвост. Вага бросился к Алисе.

— Наконец-то я тебя отыскал и могу спасти! — закричал он. — Я немного задержался, потому что наверху страшный мороз! Ты не представляешь, как там холодно. Я хотел бежать раздетым — но тут Ларочка мне говорит...

— А я говорю, — перебила его Лара Коралли, — немедленно обратно в катер! Ты же простудишься.

— Нет, мне тепло! Ты меня хорошо закутала, Лара!

— А почему они в таких шляпах и плащах? — спросила Лара, глядя на фокусников.

— Они романтики, — сказала Алиса.

— Я не понимаю, почему романтикам надо так глупо одеваться, — сказала Лара.

— Они подражают людям, которые всегда приходили на выручку своим друзьям. Вот и оделись, как те люди.

— Но это же могут делать только маленькие дети, — возмутился Вага Бычий Хвост. — Я не ожидал такого от стариков!

— Стыдно, — сказала Лара.

— Если бы вы видели, как они расправились с ядовитыми кроликами, пока вы искали теплые вещи, то заговорили бы иначе, — обиделась за своих друзей Алиса. — Одними шпагами, без бластеров.

— Но ведь с бластером сражаться удобнее! — возразил Вага.

— Вага, Вага, — вздохнула Алиса. — Не надо тебе быть кладоискателем. Возвращайся домой и сей что-нибудь разумное, доброе и вечное. Например, поступи в ансамбль песни и пляски, в котором состоит все твое племя. И со временем ты наверняка добудешь себе красивое имя.

— Ты так думаешь? — спросил Вага Бычий Хвост и задумался.

В той комнате, где Алиса разговаривала с папашей Панченгой, было пусто. На столе стояла пирамида — космический корабль.

— Смотрите-ка, мы их так напугали, что они даже не успели корабль своих родственников забрать, — усмехнулся инспектор Кром.

— Простите, — обратилась к нему Лара, — а где мои родители?

— Сейчас мы это выясним, — сказал инспектор. Он не знал, что ответить. Его помощники уже сообщили, что корабль Панченги-отца успел подняться в небо и теперь его преследует патрульный крейсер. Но шансов догнать Панченгу мало — уж очень быстроходен бандитский корабль.

— Только быстрее, — сказала Лара, — я столько всего вынесла, а мне до сих пор не могут найти маму. Почему я должна быть сиротой, когда вы все живете со своими родителями?

И тут Лара отчаянно завизжала.

Она вскочила на стул и показывала пальцем вниз.

Проследив за ее рукой, Алиса увидела, что из-под дивана выглядывает носок ботинка, который вдруг шевельнулся и спрятался.

— А ну-ка, вылезайте, — сказал Кром. — Могу гарантировать вам жизнь. Но если вы что-то придумаете...

— Тогда я проткну его шпагой, — сказала симферопольская бабушка. — Чует мое старое сердце, что это и есть тот мерзавец, который издевался над моей внучкой.

Бабушка, как всегда, была права. Из-под дивана выполз покрытый пылью и паутиной Панченга Мулити.

И не только вылез, но тут же достал из кармана видеокамеру и быстро заговорил:

— Простите, но вы меня неправильно поняли. Я ни в чем не виноват. Иначе меня бы взяли с собой, но я с самого начала хотел встать на путь исправления. Я помогал девочке Алисе. Вот смотрите. — Он включил камеру, направил луч на стену, и там появилось изображение Алисы, которая стала говорить добрые слова об этом негодяе.

— Эта хорошая девочка нечаянно погибла, — сказал Панченга, — но я сделал все, чтобы ее спасти...

Алиса сделала три шага и встала в освещенном квадрате стены, чтобы закрыть собой собственное изображение. И заговорила:

— Этот Панченга врет! Он загнал меня в клетку к ядовитым кроликам...

Тут раздался тяжелый глухой удар. Оказывается, Панченга Мулити, который не думал,

что Алиса спаслась, и не заметил ее, вылезая из-под дивана, решил, что сошел с ума, и упал в глубокий обморок.

— Бежим! — Лара тянула Алису за рукав. — Скорее надо найти папу и маму!

— Боюсь, что мы опоздали, — сказал инспектор Кром. — Корабль Панченги-старшего уже далеко в космосе. И догнать его будет нелегко.

— Как так нелегко! — возмутилась Лара. — Что же получается: каждый пират может увезти моих родителей, а вы только разводите руками?

— Мы их обязательно догоним, — сказал Кром. — И очень скоро. И ты сможешь обнять своих родителей.

Но Лара Коралли не поверила инспектору. Она обернулась к фокусникам.

— Разве вы не видите! — воскликнула она, прижимая к груди белые ручки. — Разве вы не видите, как страдает сиротка?! И неужели ваше сердце не обливается слезами?

— Будь спокойна, крошка. — Пуччини-2 смахнул набежавшую слезу. — Мы тебя не покинем.

— Не надо преувеличивать наши трудности, — сказал инспектор Кром. Он показал на лежавшего в обмороке Панченгу Мулити. — Ведь наш новый друг так хочет стать порядочным человеком! Как только он придет в себя, он нам сразу поможет.

— А если он решит тянуть время, — добавила симферопольская бабушка, — я вызову его на поединок и проткну шпагой.

— А если он будет упрямиться и погибнет на дуэли, — сказала Алиса, — то у нас останется еще целый корабль пиратов. — Она показала на серую пирамиду, стоящую на столе. — Ведь адмирал Панченга Скулити и его команда остались в плену.

Все смотрели на корабль. Пираты бегали вокруг него и махали крошечными кулачками.

— Так давайте же скорее, спешите! — воскликнула Лара Коралли. — Может быть, они уже пытаются моих родителей. Где нашатырный спирт? Я сама приведу в чувство этого негодяя!

— Не выношу нашатыря, — проговорил Панченга Мулити, не открывая глаз. — Инспектор, попрошу вас наклониться ко мне поближе.

Кром наклонился.

— Я вам помогу, — прошептал Панченга Мулити. — Я расскажу вам, как лететь на планету пиратов. Но сначала вы должны подальше спрятать корабль моего брата. Они отчаянные ребята, и если вырвутся от вас, мне несдобровать.

— Неужели вы боитесь лилипутов? — спросил Кром.

— Тише! Это они сейчас лилипуты. А завтра — гиганты. Как уменьшились, так и увеличатся. Уберите их!

— И тогда вы покажете нам, как лететь на планету пиратов?

— Только если вы соберете настоящий боевой флот.

— Зачем? — удивился Кром.

— Вы думаете, там только один корабль? На планете собирается после набегов до ста пиратских кораблей. Это не планета — это пиратский муравейник, это гадючье гнездо! Если бы вы знали, как я их ненавижу. С моим добрым сердцем и любовью к справедливости...

— Хорошо, — сказал инспектор Кром. — Давайте пройдем ко мне на корабль, и там вы все нам расскажете. И тогда мы решим, как лучше действовать.

Панченга Мулити легко вскочил, хоть и был очень толстым. Он погрозил кулаком

пирамиде на столе, и пираты-лилипуты во главе с его младшим братом начали грозить ему кулачками.

Кром пошел к двери. Панченга Мулити — за ним. Лара Коралли тоже хотела последовать за ними, но Кром, обернувшись от двери, сказал:

— А вам, девочки, там делать нечего. Хватит. Мы не можем рисковать.

— Как раньше рисковали, так ничего! — обиделась Лара. — А когда всего ничего осталось, то нельзя, да?

— Хватит! — строго произнес Кром. — Мне надоели эти детские крики.

— Он прав, — сказала бабушка, — мы вернемся на Землю и там будем ждать вестей. Недолго осталось.

— А я не доживу! — сказала Лара. — Вот помру вам назло. Тогда попрыгаете! Моя мамочка вернется и спросит: «Где моя любимая Ларочка?» А вы ответите: «Не сберегли мы Ларочку, погибла ваша Ларочка...» Тут моя мама вам глаза и выцарапает.

Щеки бывшей рабыни покраснелись, черные кудри растрепались. Все чувствовали себя виноватыми перед несчастной девочкой, но понимали, что нельзя поддаваться чувствам — ведь Лара совершенно не способна была понять, насколько опасно дело, которое предстояло выполнить инспектору Крому, у которого не было флота, способного победить пиратов, и который должен был быстро придумать, как одолеть целую пиратскую планету.

И тогда симферопольская бабушка, у которой был большой жизненный опыт, придумала, как успокоить Лару.

— Оп-ля! — произнесла она и взмахнула в воздухе своей маленькой волшебной палочкой.

В руке у нее оказалось кружевное розовое платье, как раз Лариного размера.

— Одну минутку, — сказала коварная бабушка. — Прежде чем ты бросишься громить пиратов, тебе надо переодеться.

— Это... это мне?

— Да, Ларочка, пойдём примерим.

— А как же моя мама?

— Мы задержимся всего на несколько минут. Ну, пошли же!

Пуччини-2 подмигнул Алисе и последовал за бабушкой и Ларой. Кром с Панченгой Мулити ушли в другую дверь.

И Алиса осталась одна.

Потому что у всех были неотложные дела.

А у нее неотложных дел не было.

«Ну вот, все почти закончилось, — подумала она. — Пора домой...»

Как она заблуждалась!

Часть четвертая. В пиратском логове

Глава 1. Возьмите нас с собой!

Кто-то кашлянул в темном углу.

Алиса вздрогнула. И тут же догадалась — там, затаившись ото всех, сидит скромный Вага Бычий Хвост, которому так и не удалось совершить подвига.

— Как ты думаешь, — спросил он Алису, — мне можно будет попрощаться с Ларой Коралли или она меня уже забыла?

— Она сейчас думает о своих родителях, — сказала Алиса, — и может тебя не узнать.

— Этого я и боялся, — согласился Бычий Хвост. — Ведь я в нее влюбился. Но совершенно без взаимности.

— Я тебе сочувствую, — сказала Алиса, разглядывая корабль адмирала Панченги. Боевая Подруга гуляла по самому краю стола и что-то выкрикивала. Но Алиса не разобрала, что пищит этот комарик.

— Наверное, я должен совершить невероятно великий подвиг, — сказал Вага. — Тогда она меня заметит и полюбит. Правда?

— Какой же подвиг ты намерен совершить? — спросила Алиса.

— Полететь на пиратскую планету и освободить папу и маму Лары. Я их освобожу и сразу спрошу, можно мне дружить с их дочкой?

— Ты славный парень, — сказала Алиса. — Хотя Лара маму и папу не спрашивает.

— Ни о чем?

— Боюсь, что ни о чем.

Молодой индеец закручинился.

Он с хрустом ломал пальцы и смотрел в пол. Он старался придумать, как вернуть расположение ветреной Лары.

Тут в комнату вернулся Пуччини-2. Он был несколько смущен.

— Что случилось? — спросила Алиса.

— Девочка стала примерять платье, и меня попросили уйти, — сказал волшебник.

— Вот вы знаменитый фокусник и волшебник, — сказала тогда Алиса. — Я думаю, что вы должны помочь моему знакомому индейцу. У него не очень удачное имя, но он не может от него избавиться, пока не совершит подвига.

— А в силу своего характера, — вмешался Вага Бычий Хвост, — я никак не могу этого подвига совершить. Видно, придется мне оставаться с детским именем.

— А если не секрет, как вас зовут? — спросил Пуччини-2.

— Вага Бычий Хвост, — покраснев, признался юный индеец.

Пуччини-2 принялся хохотать, но он хохотал не обидно, а с сочувствием.

— Надо помочь, — произнес он, отсмеявшись. — Как же это сделать?

— Я знаю, как это сделать, — сказал индеец. — Вы должны помочь мне первым попасть на пиратскую планету, победить всех пиратов и освободить родителей Лары. И тогда я смогу спросить у них разрешения дружить с девушкой.

— А сам? — спросил Пуччини-2.

— А меня она не послушается, — признался индеец.

— Мда-а, — вздохнул Пуччини-2. — Проблема!

— Еще какая! — улыбнулась Алиса.

— А ведь надо помочь, — сказал Пуччини-2.

— Надо! — воскликнул Вага Бычий Хвост.

— Мне и самому хочется совершить подвиг, — сказал Пуччини-2. — Тысячу лет не совершал подвигов.

— И меня возьмите в компанию, — попросила Алиса.

— А ты знаешь, что я хочу сделать?

— Догадываюсь, — сказала Алиса.

— А не струсил? — спросил Пуччини.

— Никогда! — сказали хором Алиса и Вага Бычий Хвост.

— Тогда сдаемся в плен, — сказал Пуччини и присел на корточки перед столом, на котором стояла пирамида пиратского корабля.

Среди обитателей корабля возникло оживление. Один из солдат прицелился Пуччини в глаз и, наверное, выстрелил бы, если бы не Боевая Подруга. Она быстро шагнула вперед и ударила кулаком по стволу автомата. По крайней мере, в отваге ей нельзя было отказать.

Следом за Боевой Подругой вышел к краю стола адмирал Панченга Скулити.

Пуччини-2 перешел на шепот, не потому, что скрывал свои слова, а чтобы не оглушить лилипутов.

— Господа, — сказал он, — у меня к вам есть предложение.

Пираты стояли неподвижно.

— Мне и моим друзьям нужно попасть на вашу базу.

— Нет! — воскликнул адмирал, и даже Алиса услышала этот крик.

— Погодите, — остановил пирата Пуччини-2. — Вы сначала выслушайте меня. Сказать «нет» никогда не поздно.

— Не перебивайте его! — сказала Алиса. — У нас совсем мало времени. Если сейчас вернется инспектор Кром, он никогда не разрешит нам с вами договариваться. Потому что вы преступники. А инспектора не договариваются с преступниками.

— Я предлагаю вам, — продолжал Пуччини-2, — взять нас в плен.

— Я в плен не сдаюсь! — заявил тут Вага Бычий Хвост, которому лучше было бы помолчать.

Но Пуччини сделал вид, что не услышал гневного крика молодого индейца.

Адмирал Панченга Скулити развел руками, как бы говоря: «Разве мы можем вас взять в плен?»

— Для этого, — продолжал фокусник, — мы уменьшимся до вашего размера.

— Зачем? — опять вмешался в разговор Вага.

— Вага! — возмутилась Алиса. — Или ты делаешь все, что нужно, или уходишь из комнаты и больше в наших делах не участвуешь.

— А как же подвиги?

— Подвиги будешь совершать дома, — сказала Алиса. — Поможешь бабушке перейти через улицу, спасешь птичку от кошки — в жизни всегда найдется место для подвига!

— Нет! Я с вами! — воскликнул Вага, так что Боевая Подруга подняла руки к ушам.

— Тогда слушай мою команду! — приказал фокусник. — Все пираты немедленно прячутся в корабль! Быстро! Еще быстрее!

Пираты подчинились. Со всех ног они кинулись к кораблю.

Когда на столе рядом с пирамидкой никого не осталось, Пуччини-2 обернулся к своим

юным спутникам:

— А теперь мы все забираемся на стол. И не теряйте ни секунды. Я слышу, как сюда идут.

Алису и Вагу не надо было подгонять. Они уже все поняли, а если что-то и оставалось непонятным, то будет время разобраться.

Следом за фокусником они взобрались на стол. К счастью, стол был крепким, он даже не пошатнулся под их весом. Правда, свободного места на нем не осталось — только пирамида и три человека. Так что им пришлось держаться друг за дружку.

— Крепко держитесь? — спросил Пуччини.

Но он не стал ждать ответа, а начал быстро бормотать заклинания. Алиса вцепилась в него — у ее ног была вершина пирамиды, из открытого люка выглядывал адмирал Панченга Скулити. Махонький, как оловянный солдатик.

Вдруг голова Алисы закружилась — крышка стола, на которой она стояла, бросилась к ней навстречу, пирамида космического корабля стала расти... вот она уже выше ее, вот ее вершина унеслась куда-то ввысь, исчезли в дальней дали потолок и стены комнаты... Алиса не удержалась на ногах, упала, но Пуччини помог ей подняться. Пирамида пиратского корабля стояла в отдалении — теперь до нее надо бежать и бежать.

Вага Бычий Хвост сидел неподалеку и растирал ушибленную ногу.

— Скорее! — торопил Пуччини-2. — Он уже здесь!

Алиса поняла, что фокусник имеет в виду инспектора, и обернулась — вдали открылся громадный прямоугольник двери, и в нем показалась человеческая фигура. Она узнала в гиганте инспектора.

Алиса и фокусник потащили Вагу к кораблю. К счастью, инспектор не посмотрел на стол — ведь он ожидал увидеть людей нормального размера.

— Господин Пуччини! — отдаленным громом прокатился по комнате голос инспектора. — Алиса! Где вы?

И тут же, решив, что фокусника и Алисы в комнате нет, он повернулся и ушел, не закрыв за собой дверь.

Тем временем Пуччини, Алиса и ковыляющий Вага добрались до корабля. Адмирал Панченга Скулити и воинственная Боевая Подруга убедились, что инспектор ушел, выпрыгнули из люка корабля и направились навстречу гостям. Из люка торчали дула бластеров и автоматов — пираты не хотели рисковать и стерегли каждый шаг гостей.

— Теперь говорите, — приказал адмирал.

Алисе странно было видеть большого плотного человека в пышном мундире — ведь адмирал только что был крошкой.

— Давайте войдем в корабль, — предложил фокусник, — а то инспектор вернется и увидит нас.

— Но сначала мы вас обыщем, — заявил адмирал.

— Великолепная идея! — ответил фокусник. — Особенно опасайтесь девочку. У нее за ушами пулеметы.

— А ну, без шуток! — обиделся адмирал, который не выносил, если его подозревали в трусости. — Пошли, пошли! Сколько можно ждать!

Обыскивать их не стали.

Через две минуты фокусник и его юные спутники оказались внутри пиратского корабля.

— Что смотришь? — ухмыльнулась Боевая Подруга.

— Как в родном доме, — ответила Алиса.

Боевая Подруга расхохоталась.

— То-то я тебя узнала!

— Где будем разговаривать? — рявкнул адмирал Панченга Скулити.

— Можно и здесь, — сказал Пуччини-2. — Чем скорее договоримся, тем скорее я смогу вам помочь.

— Ну давай, валяй, рассказывай! — произнес главный пират, изображая из себя хозяина корабля, который взял в плен ничтожных лазутчиков. — Только не думай, что я тебя помилую.

— Об этом и речи нет, — усмехнулся Пуччини. — О такой милости я и не прошу.

— О чем просишь?

— Прошу разрешения полететь на вашу планету на вашем замечательном корабле.

— А что ты потерял на нашей планете? — спросила Боевая Подруга.

— Вас это не касается.

— Ты у меня поговори, поговори... — пригрозил адмирал и поднял руку с зажатым в ней бичом, но рука как поднялась, так и застыла в воздухе.

— Не люблю я глупых шуток, — сказал фокусник. — И не выношу плохо воспитанных адмиралов.

— Что с тобой? Что он с тобой сделал? — испугалась Боевая Подруга.

А пираты, которые выглядывали из коридора, зашумели и принялись бряцать оружием.

— Ничего страшного, — ответил фокусник за адмирала. — Просто рука отсохла. На время. Теперь уже лучше.

Рука адмирала бессильно опустилась. Адмирал перевел дух и вдруг закричал злобным голосом:

— А ну, все отсюда! Устроили зоопарк!

Адмирал был так зол, что, за исключением Боевой Подруги, все пираты исчезли как по мановению руки.

— Слушайте, — сказал фокусник. — Мы летим к вам на планету. Там мне нужно освободить ученых Коралли — родителей Лары Коралли, которую вы знаете.

— Почему? — удивился адмирал. Видно, он ожидал чего угодно, но не такой просьбы.

— Потому что, — ответил фокусник, — Лара моя ученица. У меня связаны с ней большие надежды. Без папы и мамы она очень тоскует и не может учиться.

— Без папы и мамы? — Боевая Подруга расхохоталась, уперев усыпанные кольцами и перстнями руки в бока. — Я умру от смеха!

— Тем не менее это так.

— Значит, вы хотите полететь к нам и уговорить моего отца отдать вам этих самых Коралли? — спросил, улыбаясь, Панченга Скулити.

— Вот именно.

— И хотите, чтобы я вас отвез к моему отцу?

— Да, хочу.

— Губа не дура! — сказала Боевая Подруга. — Они же шпионы!

— Конечно, шпионы. Я и без тебя знаю, — огрызнулся адмирал. — Они хотят узнать, где главная пиратская база, и потом пригнать туда весь патрульный флот Галактики. Ну что на это ответишь?

— Ничего не отвечу, — сказал фокусник.

— А ты понимаешь, что попал ко мне в руки и не выйдешь из них живым?

— Я понимаю, — сказал Пуччини-2, — что вы меня как миленькие отвезете на базу, а уж там я сам буду решать, что мне делать!

— Да?

— Да!

— А если я тебя сейчас пристрелю?

— Если у вас в голове мозги, а не солома, — ответил Пуччини, — то тогда вы меня не застрелите, а выполните любое мое приказание.

И фокусник произнес эти слова так уверенно, что адмирал растерялся. Он понял, что фокусник имеет над ним власть. Но какую?

— Неужели ты не понял! — сообразила Боевая Подруга. — Без него нам никогда не стать снова большими!

— Вот именно, молодец, умница! — сказал фокусник. — И останетесь вы навсегда на столе. И не будете никому нужны — недаром ваш родной отец забыл вас захватить с собой.

— А вы?

— А я могу вам вернуть человеческий размер.

— Честное слово?

— Ну ты же знаешь, Скулити! — воскликнула Боевая Подруга.

Пират задумался. Ему не хотелось признавать поражение.

— Ладно, — сказал он наконец. — Давай превращай.

— Не спешите, — сказал фокусник. — Во-первых, здесь это сделать невозможно — над нами много метров песка и камня. Если увеличить корабль под пустыней, то его раздавит породой.

— А что тогда можно сделать?

— Сначала надо вылететь отсюда. Мы сейчас такие маленькие, что можем пролететь в двери.

— А потом?

— А потом, когда мы уже будем над планетой, я вас увеличу.

— Так чего же ты тянешь? Начинай!

— Не все так просто. Сначала ты должен мне поклясться, что не обманешь.

— Я? Обману?

— Вот именно. Нет больших лжецов, чем пираты!

— Обижаешь!

— Тогда поклянись, что ты довезешь меня до вашей базы и не причинишь вреда мне и моим друзьям.

— А как клясться? — спросил наивно адмирал.

Фокусник улыбнулся уголками губ.

— Адмирал, — сказал он, — я прожил на Земле и в Галактике много лет и знаю хитрости преступников. Повторяй за мной: «Пусть я забуду мать родную...»

— Нет, только не это! — закричал в ужасе адмирал. — Это слишком страшная клятва. Ее не может нарушать ни один пират.

— Этого я и добиваюсь, — сказал Пуччини-2.

— Поклянись, — сказала Боевая Подруга. — Он наши обычаи знает. Я думаю, что он был пиратом.

— Только в неразумной молодости, — признался Пуччини-2.

И тогда, смахнув набежавшую слезу, адмирал Панченга Скулити поклялся:

— Пусть я забуду мать родную, если причиню или замыслю какой-нибудь вред или предательство против фокусника Пуччини-2, Алисы Селезневой и Ваги, простите, Бычий Хвост.

— Хорошо, — сказал фокусник. — Теперь быстро пошли на капитанский мостик. Я сам буду управлять кораблем.

На капитанском мостике фокусник уселся в кресло первого пилота.

Всем остальным он велел тоже рассестись по креслам, потому что возможны перегрузки.

Он включил двигатель, осторожно поднял пирамидку над столом и, держа минимальную скорость, направил корабль в полуоткрытую дверь. Чуть коснувшись двери, пирамидка вылетела в коридор и помчалась по еле освещенным подземельям к открытому люку.

Никто не встретился им на пути.

И вот пустыня!

Ледяная ночь царила над песчаными барханами и развалинами каменного замка.

Набирая скорость, пирамидка поднялась над планетой. Алисе показалось, что на краю пустыни, у гор, она видит огоньки гостиницы пана Водички. А может, это были огоньки базы геологов...

— Высота десять километров над поверхностью астероида, — сказал Пуччини-2. — Приготовиться к превращению!

И, не выпуская из рук штурвала, фокусник начал произносить свои заклинания.

На миг Алиса потеряла сознание... А может быть, ей это показалось.

— Все, — сказал Пуччини. — Мы вернулись в прежнее состояние. Прощу вас, адмирал, возьмите управление на себя. Курс — секретная пиратская планета!

Адмирал начал набирать тайный код.

Боевая Подруга поправила пышные волосы и обратилась к фокуснику:

— Честно говоря, я вам очень сочувствую, потому что вы приятный смелый человек и к тому же настоящий волшебник. Но все же я вам не завидую.

— Почему? — спросил фокусник.

— Неужели вы думаете, что папаша Панченга выпустит вас живым?

— Я в этом убежден, — сказал фокусник. — Иначе бы я не стал рисковать жизнью моих юных друзей.

— Подумайте, — сказала Боевая Подруга. — Если он выпустит вас живым, то тогда тайне пиратской планеты придет конец. Войдите в его положение.

— Не хочется думать о пустяках, — вздохнул фокусник. — На месте разберемся.

— В крайнем случае я совершу какой-нибудь подвиг, — сказал Вага. — Ведь мне пора этим заняться.

— Вот видите, — сказал Пуччини-2, — молодой человек не намерен терять времени даром. На месте драконов, привидений и негодяев я бы дрожал от страха.

Но Боевая Подруга лишь презрительно фыркнула.

Глава 2. Происшествие на космодроме

Полет занял немного времени. Как и все корабли будущего, пирамида пиратов разогналась, нырнула в суперпространство, вынырнула в подпространстве, перешла в надпространство и вышла из прыжка в двадцати двух часах лета от цели.

Пуччини-2 и его друзья все это время играли в шахматы в кают-компании, потому что адмирал, естественно, не хотел, чтобы они узнали координаты пиратской планеты, которую до сих пор не открыли еще патрульные корабли. В этом нет ничего удивительного, потому что пиратская планета скрывается сразу за черной дырой, в раковидной туманности, состоящей из белых карликов, неподалеку от фонтана обратного времени, брызги которого смертельно опасны для пролетающих кораблей.

Впрочем, Пуччини-2 умел подглядывать, на то он и был фокусником. Он умел видеть через толстую черную повязку, сквозь обложку закрытой книги и даже сквозь стенку стального сейфа. Так что секретов для него почти не существовало. Иначе не станешь настоящим волшебником высокой категории.

Он мысленно следил за тем, как компьютер прокладывает курс корабля среди звезд, и запоминал его, хотя еще не знал, каким образом он сможет выбраться из пиратского логова.

— Подлетаем, — сказал он, поднимаясь из-за шахматной доски.

— Но вам — шах, — сообщил Вага Бычий Хвост.

— Я сдаюсь, — ответил фокусник, хотя его позиция была куда лучше, чем у индейца. — Я не могу отвлекаться на игру, когда к нашей кают-компании подходит адмирал Панченга Скулити. И он настроен весьма решительно.

В этот момент дверь распахнулась. В ней стоял адмирал, по бокам — пираты.

— Вы арестованы, — заявил адмирал.

— Почему именно сейчас? — спросил фокусник. — Вы хотите отличиться перед вашим папой?

— Молчать! — разъярился адмирал. — Вы арестованы за дело, потому что стало известно о ваших шпионских намерениях.

— Не надо спорить, — обратился Пуччини-2 к возмущенному Ваге, который хотел было броситься в бой, — ведь у нас с адмиралом общая цель — как можно скорее попасть на их планету и встретиться с его папой, Панченгой-старшим.

Вага хотел было что-то ответить, но не успел, потому что пираты накинулись на Пуччини и его юных друзей, сковали их легкой, но прочной цепью, а главное и самое неприятное — залепили им рты клейкой лентой, так что теперь они не могли ничего сказать.

Пока это происходило, корабль качнулся, тормозя и опускаясь на твердую поверхность.

— Приехали, — сообщил пиратский адмирал, не скрывая злорадства. — Я доволен. Мне удалось не только вырваться из плена, но и увезти с собой богатую добычу.

И он расхохотался.

Пленников вывели из корабля сразу следом за адмиралом и Боевой Подругой. На несколько секунд они все остановились в широко открытом люке пирамиды, оглядывая космодром.

Перед ними расстилалось широкое, залитое бетоном поле, на котором стояли различного вида и состояния корабли — от совсем старых, атомных развалюх до новейших пассажирских и даже военных кораблей, которые, однако, почти все были либо разбиты, либо запущены до безобразия. Над космодромом сияло белое солнце, которое заливало все вокруг ярким, но неживым светом.

Вдали у горизонта возвышалось гигантское синее здание с множеством труб и башен. Оттуда к кораблю пиратов неслись скоростные танки и бронетранспортеры. Некоторые из них время от времени стреляли в небо, словно внутри их сидели великовозрастные шалуны.

— Эх, приятно снова оказаться в безопасности! — сказал адмирал.

— Погоди, еще неизвестно, как нас встретят, — предостерегла его Боевая Подруга. — Ты забываешь, что твой папаша нас предал и оставил в беде.

— Я ничего не забываю, — ответил пират. — Но с папой я буду выяснять отношения без свидетелей. В конце концов, я его наследник.

Лента, которой был заклеен рот Алисы, жутко стягивала кожу, хотелось сорвать ее, но могучего сложения пират держался за конец цепи и следил, чтобы пленники не совершали никаких лишних движений.

Со свистом и ревом сирен танки и бронетранспортеры подлетели к пирамиде и окружили ее полукольцом. Дула пушек были направлены на небольшую кучку людей у люка. Адмирал поднял руку, помахал и крикнул:

— Ну что, не признаете своего адмирала, крысы паршивые?

В ответ на его крик крышка люка ближайшего танка откинулась и оттуда вылез сам папаша Панченга. Он был одет в расшитый золотом халат, а на голове блестел стальной шлем.

— Сынок! — воскликнул он. — Курицын сын! Негодяй и дезертир! Как ты сумел от них вырваться?

— Как вырвался, так и вырвался, — ответил сынок. — И даже подарки папаше привез.

Он подтолкнул Пуччини-2 в спину, и пленники спустились вниз, на поле космодрома. Папаша Панченга в свою очередь покинул башню танка и подошел к Алисе. Он все не расставался со своими четками-виноградинами.

— Подарок папочке привез? — сказал он и расхохотался. — Ценный подарочек. Принимаю.

— Тогда приглашай, папа, на пир! Устали мы летать!

— Насчет приглашения придется подождать, — ответил Панченга-старший. — И не спеши выходить из корабля. Ты забыл мне рассказать, как сбежал от инспектора Крома да еще вернулся в нормальный человеческий размер. А ну признавайся, за сколько они тебя купили, чтобы ты привел полицаев в наше теплое логово?

— Папа, я возмущен! — ответил адмирал. — Если вы будете и дальше так же меня сердить, я подниму мой кораблик в небо и оттуда сброшу на вашу седую голову небольшую бомбу. И поверьте мне, папаша, я не шучу. Я так обязательно сделаю, потому что не люблю, когда мне не доверяют. Причем не доверяют те, кто меня предал и бросил в плену.

— Поднимайся, поднимайся, бомби своего папочку, — ответил с ухмылкой старший Панченга. — Только не успеешь ты подняться, как тебя собьют ракетой «земля — воздух». Ты и мигнуть не успеешь.

— И не пожалеешь, папа?

— А чего мне тебя жалеть, — ответил папаша, — мне больше добра останется.

— Ах так! — Адмирал был возмущен. Он отбросил в сторону бластер и кинулся к отцу, как кидается в драку хоккеист. — Я тебе наставлю синяков!

— Ты? Мне? — Папаша отстегнул от пояса кинжал и кинул его на бетон. Он широко расставил руки и двинулся на своего сына.

Самое удивительное, что никого эта драка между Панченгами не удивила. Пираты

покрикивали, подбадривая своих командиров, но никто, даже Боевая Подруга, не вмешался в драку и не попытался ее остановить.

Сначала пираты просто ходили кругами, примеривались, потом адмирал врезал своему папе между глаз, за что папаша расквасил ему нос и поставил синяк под глазом. После этого пираты вцепились друг в друга, потеряв равновесие, грохнулись на асфальт и покатались, махая руками, ногами и даже норовя ударить противника головой. Наконец адмирал, который был все же куда моложе и крепче отца, смог навалиться на него и начал душить. Тот захрипел, принялся дергать ногами, и Алиса испугалась, что старого Панченгу задушат до смерти. Остальным свидетелям этого поединка показалось то же самое, и пираты кинулись разнимать своих начальников.

Но Боевая Подруга выхватила бластер и закричала:

— Первому, кто дотронется до адмирала, голову отстрелю!

Всем было ясно, что пиратка не шутит, — что-что, а головы отстреливать она умела.

В растерянности все замерли, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не появилась непонятно откуда красноносая бабушка. Бабушка была в длинной, до земли, черной в розах юбке и странном белом головном уборе, похожем на бабочку. Она резво бежала к Боевой Подруге и пронзительно кричала:

— Доченька моя, крошечка! Где же ты все пропадаешь, я так без тебя истосковалась!

Боевая Подруга растерялась. Руки ее опустились, и она прошептала:

— Мама, вы откуда? Вы же в доме для престарелых!

— Сбежала, моя хорошая, сбежала, чтобы с крохотулечкой моей повидаться!

Алиса не удержалась и фыркнула — Боевая Подруга в два метра ростом, косая сажень в плечах, с бицепсами, которым бы позавидовал штангист, рыжие перепутанные волосы свисают до пояса — и вдруг «крохотулечка»!

Видно, эти слова показались смешными и остальным пиратам. Они забыли о сражении между Панченгами и покатались со смеху, а старушка все норовила прижать дочку к груди.

Вдруг бабушка внезапным быстрым движением вышибла из руки пиратки бластер — тот со звоном отлетел метров на пятьдесят. В тот же момент неизвестный толстый пират выскочил из танка и ударил адмирала по затылку гаечным ключом. Адмирал ахнул и отпустил своего полузадушенного отца. Сполз с него и растянулся на бетоне.

Люки подъехавших танков распахнулись, оттуда выскочили танкисты, скрутили Боевую Подругу, и пираты из корабля адмирала Панченги Скулити сразу сдались в плен. Короткий бой закончился.

Папаша Панченга с трудом выпрямился и сказал красноносой бабушке, которую Алиса все еще считала мамой Боевой Подруги:

— Спасибо тебе, старый боевой товарищ!

— Не стоит благодарности, старый негодяй, — ответила бабушка и тут же превратилась в очень худого человека с крысиным лицом.

— Ой! — хотела воскликнуть Алиса, но не смогла.

— Здравствуй, Алисочка! — воскликнул Крыс.

Конечно же, это был знаменитый пират Крыс, старый знакомый Алисы, который не разучился превращаться в других людей.

— А меня? Меня помнишь? — высоким голосом закричал танкист с гаечным ключом. — Не узнаешь ли ты своего старого друга Весельчака У?

Наверное, это прозвучит странно, но при виде старых негодяев, которые когда-то

причинили Алисе столько неприятностей и даже горя, Алиса вовсе не рассердилась. Они казались ей сорняками — растут, всем мешают, пользы никакой, один вред, но в то же время ты уже привыкла к этой крапиве, куда от нее денешься?

Алиса понимала, что рассуждает неправильно. Пиратство надо уничтожить, а пиратов наказывать. Известно, что Крыс уже на Алисиной памяти отсидел полгода в тюрьме Галактического центра, но потом воспользовался своим умением перевоплощаться. Когда его перевели в госпиталь из-за коклюша, он смог во время уборки превратиться в пылесос и, пока робот-уборщик старался понять, почему у него два пылесоса вместо одного, подкатился к мусоропроводу и был таков. Оказалось, что за оградой госпиталя Крыса уже поджидал его старый приятель Весельчак У.

— Что же ты, мерзавец, — сердито воскликнул Весельчак У, обернувшись к лежавшему на земле адмиралу Панченге, — что же ты, негодяй, заковал в кандалы девочку Алису, нашу старую подругу?

— Она не девочка, а злобная шпионка, агент инспектора Крома, — с трудом проговорил адмирал.

— Они забрались к нам на корабль, чтобы узнать, где наша секретная планета, — добавила Боевая Подруга. — Их убить мало!

— Алиса, это правда? — строго спросил Весельчак У.

— Ну как же она может тебе ответить? — сказал Крыс, подходя к Алисе и сдирая с ее лица клейкую ленту. — Как же она ответит, если ей, как врагу, заклеили ротик!

— Спасибо, — сказала Алиса. — Здравствуйте.

— Вот видишь, — сказал Крыс своему другу, — Алиса всегда была хорошо воспитанным ребенком. Даже в таком прискорбном положении она не забывает с тобой поздороваться.

— Вижу, вижу, — согласился Весельчак У. — Так что же произошло на самом деле?

— Если вы развяжете нас и освободите моих спутников, мы вам все расскажем.

— Не развязывайте их! — воскликнула Боевая Подруга. — Они страшно коварные.

— Неужели вы все со своими танками и пушками боитесь трех безоружных людей? — спросила Алиса.

— Безоружных? — спросила Боевая Подруга. — Они любого заморочат. Слово — их страшное оружие.

— К тому же, — добавил адмирал Панченга, указывая на Пуччини-2, — вон тот, худой, очень опасный фокусник и даже волшебник. Скажи, папочка, когда ты нас бросил, мы были какими?

— Лилипутами, — уверенно ответил старый Панченга.

— А теперь?

— Теперь вы как люди.

— А кто это сделал? Вот этот самый Пуччини! Его надо расстрелять!

— Какое удивительное нахальство! — сказала Алиса. — Мы им помогли убежать из замка, а за это нас связали. Да если бы мы были страшными волшебниками, неужели мы так покорно дали бы себя связать?

— Это точно, не дали бы! — сказал Крыс. — Я Алису знаю!

— Как только вы нас освободите, мы вам все расскажем, — сказала Алиса. — Я даю вам честное слово. А вы, Крыс и Весельчак У, должны помнить, что мое честное слово совершенно нерушимо.

— Подтверждаю, — сказал Крыс.

— Нет, — возразил старый Панченга. — Я вообще людям с Земли не доверяю. А этим — тем более.

— А своему сынку вы доверяете? — спросила Алиса.

— Ему? Никогда! Я же сам его воспитал!

— Хватит разговоров, — сказал тогда Весельчак У. — Поговорили — и достаточно!

Кто хозяин на этой планете, а кто гость?

— Ну вот! — обиделся папаша Панченга. — Разве можно гостей обижать?

— Мы гостей не обижаем, — ответил Крыс. — Но учти, если бы не мы с Весельчаком У, твой сынок тебя бы наверняка задушил.

— Да, нравы у нас в семье крутые! — вздохнул папаша Панченга.

— Освободить пленных! — приказал Крыс.

И тогда из-за спины папаши Панченги вышло несколько танкистов с бластерами у серебряных поясов. Они подошли к Алисе и ее спутникам и быстро освободили их.

Такое самоуправство семейке Панченгов не понравилось. И, забыв о своих раздорах, они накинулись на Крыса с возражениями и жалобами. Но Крыс был здесь хозяином. Он только отмахнулся от криков Панченгов и сказал Алисе:

— До встречи во дворце, кисочка! — И захохотал, словно Алиса была его лучшей подругой.

С этими словами он ловко прыгнул в люк танка, за ним в люк втиснулся Весельчак У. Танк сорвался с места и понесся к городу. За ним — бронетранспортер, в который пираты посадили Алису и ее спутников.

Алиса глядела в иллюминатор бронетранспортера. За ним проплывали космические корабли различных марок и типов — они казались забытыми и даже какими-то запыленными.

— Скажите, вы на них летаете? — спросила Алиса у сидевшего рядом пирата.

— Мы что, самоубийцы, что ли? — рассмеялся в ответ пират. — Это наши трофеи. Как захватим, притаскиваем сюда, раздеваем, а потом оставляем здесь ржаветь. Может, пригодятся.

— И они могут летать? — спросил Пуччини.

— А кто их знает, — отмахнулся пират. — Пока не полетишь, не догадаешься.

— Но здесь есть совсем старые корабли.

— Всякие. И старые, и новые.

— Значит, вы давно здесь живете?

Пират пожал плечами, и за него ответил его товарищ.

— Я сам из других мест, — произнес он, — но мне рассказывали, что наша планета — резервная секретная база уже много лет. Только раньше ею владела банда Трехглавого Кавра, а потом ее перекупили Крыс с Весельчаком У. Ушли на пенсию и захватили.

— Ушли на пенсию? — удивилась Алиса.

— Говорят, что им надоело носиться по Галактике и скрываться от патрулей. Пускай, говорят, молодежь этим займется.

— Правильно, — поддержал его другой пират. — Они купили планету со всем барахлом и заняли главный дворец. А теперь занимаются тем, что торгуют награбленным или дают убежище тем пиратам, которым надо отсидеться.

— А мы им служим, — сказал первый пират.

— И довольны. Здесь есть все для культурного человека. А работа не пыльная. Стережем грузы, разнимаем драки, охраняем наших шефов, а кое-кто собирается писать мемуары.

— А что нужно культурному человеку? — спросил Пуччини-2.

— Выпить, закусить, с девушкой потанцевать, — ответил пират.

— Но у вас, наверное, есть консерватория и театры? — спросил Вага, который до этого момента молчал — переживал унижения, которым ему пришлось подвергнуться в лапах адмирала Панченги.

— Чего? — не понял вопроса пират.

— Малыш шутит! — воскликнул его товарищ, и оба долго смеялись шутке молодого индейца.

Огромное кладбище кораблей закончилось, но не закончилась свалка. Пираты охотно объяснили, что с захваченных кораблей снимают все ценное, а пустые ящики и контейнеры сваливают у дворца, может, еще пригодятся.

Тем временем танки и бронетранспортеры добрались до дворца. Дворец оказался громадным зданием из желтого мрамора, окна в нем были лишь на третьем этаже и выше, а вход представлял собой дуло гигантской пушки. Пираты объяснили, что пушка эта — вовсе не декорация, а самое настоящее орудие калибром в три метра. Там в глубине есть снаряд. И если в эту дверь войдут враги, пушка выстрелит, и тогда враг верхом на снаряде улетит в небеса.

Один за другим танки въехали в дуло пушки и, миновав метров сто по сверкающему металлическому туннелю, оказались перед открытым отверстием, куда уже свернул первый танк. Последовав за ним, бронетранспортер остановился в обширном зале — вестибюле пиратского дворца.

Овальное помещение размером с футбольный стадион было уставлено танками, бронетранспортерами и другими военными машинами, а поближе к стенам высились груды ящиков и контейнеров.

Весельчак У и Крыс уже вылезли из своего танка и поджидали гостей. Весельчак У был грузным, толстым, с круглым, даже симпатичным и добрым лицом, что совсем не соответствовало его коварному и подлому характеру. Крыс принял облик молодого человека с золотистыми кудрями, спадающими на плечи. Только глаза у него были свои, крысиные, их ведь ничем не изменишь.

— Добро пожаловать, — сказал он. — Сейчас вас проводят в отведенные вам покои, накормят, правда, не очень хорошо, потому что у нас опять трубы прорвало и клубничные плантации заглохло. А потом, когда отдохнете, вы мне расскажете, что же вас привело в наши отдаленные края. Ведь, наверное, не только туризм?

Тут Крыс расхохотался, и Весельчак У вторил ему. Но глаза у пиратов оставались холодными и трезвыми. Им на самом деле было интересно, зачем прилетели к ним люди, но показывать своих опасений они не хотели.

— Мы совсем не устали, — сказал Вага Бычий Хвост. — Нам бы скорей освободить родителей моей любимой Заури, и мы от вас улетим.

Алиса хотела дернуть Вагу за рукав, чтобы он не говорил лишнего. Чем меньше пираты будут знать, тем лучше. Но раз уж не успела остановить рвущегося к подвигам юношу, ничего не поделаешь.

— Это становится интересным, — сказал Весельчак У. — Оказывается, вы к нам

прилетели по делу?

— По делу, — согласился Пуччини-2. — Но прежде чем обсуждать важные проблемы, нам бы хотелось привести себя в порядок. У меня до сих пор все лицо в клее от этой паршивой ленты.

— Разумеется, разумеется! — Весельчак У постарался поклониться, но живот ему не позволил этого сделать. — Отдыхайте, мойтесь, пейте минеральную воду! Не спешите. Мы будем покорно ждать наших друзей, новых и старых, в музыкальном салоне нашего дворца. Отвести гостей в парадную туалетную залу!

Крыс сделал знак пиратам, и те повели гостей по узкому высокому коридору, кое-как освещенному голыми электрическими лампами. Процессия остановилась у грязной, некогда белой двери. Старший пират, прикрывая спиной дверь, набрал на ее замке комбинацию цифр, и со страшным скрипом она отворилась. Внутри горел яркий свет.

— Заходите, делайте что надо, — сказал пират. — Мы за вами придем.

Он пропустил Алису и мужчин внутрь, захлопнул дверь, и гости остались одни.

Они стояли в типичном общественном туалете, каких на Земле уже не осталось, но которые еще встречаются порой на некоторых отсталых планетах. С одной стороны к кафельной стене были прикреплены чугунные умывальники, а вдоль стены напротив тянулись кабинки с унитазами. Из кранов капала или лилась вода, пол был скользким, в углах — паутина.

Полотенце было одно на всех, и то сомнительной чистоты.

— Это и есть дворец? — спросил Вага, ни к кому не обращаясь.

— Я думаю, — сказал Пуччини, — что в покоях хозяев дворца ваннные комнаты устроены получше.

— Я отказываюсь мыться в таких условиях! — заявил Вага. — Я житель цивилизованной Земли, а не дикарь какой-то.

— Я советую вам не капризничать, — возразил Пуччини. — Нас с вами никто сюда не приглашал. Если вам такое обращение нравится меньше, чем полет на корабле адмирала Панченги, то, наверное, вы сможете туда вернуться!

— Еще чего не хватало! — обиделся Вага, который не любил неприятной правды.

Алиса между тем открыла кран и стала ждать, пока стечет ржавая вода. Дверь приоткрылась, и в ней показалась физиономия пирата.

— Ну, скоро вы там? — спросил пират. — Мы заждались!

Хотя прошло всего две минуты с тех пор, как Алиса вошла в эту комнату.

Глава 3. Музыкальный салон барабанов

Минут через двадцать (больше охранники не пожелали ждать) Алиса, Пуччини и возмущенный Вага Бычий Хвост прошли другим, тоже узким коридором в другую часть дворца. На этот раз коридор вывел их к лестнице, по которой они поднялись на следующий этаж, в длинный зал, освещенный дневным светом, проникавшим сквозь стрельчатые окна. На этом этаже было более оживленно, то и дело встречались пираты, а то и слуги или просто люди непонятного звания и назначения. Они прошли мимо кухни, где на широких плитах стояли кастрюли, а повара в белых колпаках помещивали в них половниками. И эта кухня была бы точно такой же кухней, как на любой нормальной планете, если бы на колпаках поваров не были вышиты черными нитками черепа и кости.

Алиса выглянула в окно — оно выходило во двор дворца, где среди редких деревьев и кустов стояли пушки, танкетки и даже вертолет. По двору по направлению к дворцу решительно следовали папа и сын Панченги, а также Боевая Подруга. Они были недовольны и не скрывали своего плохого настроения.

Шедший впереди пират толкнул двустворчатую дверь, и перед Алисой открылась большая комната, стены которой были покрашены в оранжевый цвет.

— Музыкальный салон! — объявил пират.

Алиса увидела, что на полу комнаты, а также на нескольких столах стояли или лежали различного размера и формы барабаны и тамтамы. Крыс сидел на табурете перед громадным барабаном, втрое больше его самого, а перед стоявшим в другом углу Весельчаком У выстроились в ряд мал мала меньше двенадцать барабанчиков, перетянутых посередине ремешками, словно старинные красавицы в широких юбках.

При виде Алисы Крыс бухнул колотушкой по барабану, и утробный глухой грохот прокатился по дворцу. Вторя ему, Весельчак У дробно и часто принялся колотить по барабанам, словно по паркету бежало стадо оленей.

Вага Бычий Хвост заткнул уши, но Алиса и Пуччини, имевшие куда больший жизненный опыт, понимали, что каждый человек имеет право заниматься искусством и не следует делать вид, что тебе его занятия отвратительны.

Крыс бухал по большому барабану, Весельчак У молотил по маленьким, а Алиса подумала: как же мы мало знаем людей, включая собственных врагов. Всю свою сознательную жизнь она борется с пиратами, казалось бы, видела их уже много раз, но никогда не задумывалась, есть ли у них увлечения, слабости и чудачества. Ведь именно из этого состоят люди. Если человек любит стучать на барабане, то он еще не совсем потерял для Галактики. Он не автомат и не машина.

Видно, то же самое подумал и Пуччини-2. И когда последние гулкие удары прокатились по комнате, а исполнители опустили палочки и колотушки и с трудом перевели дух, не в силах сдержать удовлетворенных улыбок, он захлопал в ладоши и закричал:

— Bravo!

Алиса поддержала его. Она тоже хлопала в ладоши. А Вага громко спросил:

— Вы что, с ума посходили?

И Весельчаку У, который слышал эти неприятные слова, стало так грустно, что он поморщился, как будто нечаянно разжевал лимон, а в глазах у него блеснула ненависть к юному индейцу.

— Спасибо! — искренне произнесла Алиса. — Я совсем не ожидала, что вы устроите здесь оркестр.

— В самом деле понравилось? — спросил Крыс, поправляя золотые кудри.

«Как жаль, — подумала Алиса, — что я знаю, как он выглядит на самом деле. Он похож на настоящую крысу и притом смахивает на скорпиона. Может быть, для своей мамы он был самым изящным и очаровательным ребенком на свете, но нам, к сожалению, этого не понять».

Крыс, словно прочел ее мысли, отвернулся и насупился.

Алиса только хотела сказать ему, чтобы пират не обижался, как двери снова растворились и в музыкальный салон вошли Панченги в сопровождении Боевой Подруги. Внимание тут же переключилось на них, и Алиса вздохнула с облегчением. По крайней

мере, теперь пираты забудут о нетактичных словах Ваги и слишком красноречивом взгляде Алисы.

— Собрались! — закричал от входа Панченга-старший, спрятал в карман свои четки и ударил сапогом по ближайшему к нему барабану. Тот отозвался гулким стоном. — Таитесь, договариваетесь, как лучше поделить наши сокровища? Не удастся! Мы этого не допустим.

И он сделал шаг вперед и стукнул сапогом по барабану побольше, и на этот раз звук был куда более громким.

— А ну перестаньте безобразничать! — закричал Крыс. — Это же музыкальный салон, а не футбольное поле.

— Это тонкие, ценные инструменты, — поддержал его Весельчак У.

— Я тебе покажу тонкие инструменты, — завопил адмирал Панченга Скулити. Он обогнал своего папу и стал бегать по салону и с размаху колотить ногами по барабанам.

Грохот поднялся такой, что Вага убежал из салона, а Весельчак У начал вытаскивать из кармана бластер. Правда, это удалось не сразу, потому что он засунул его очень глубоко, чтобы тот не мешал музицировать на ударных инструментах.

Боевая Подруга поняла, чего хочет Весельчак У, и тоже вытащила из-за пояса бластер.

И тогда Пуччини-2 закричал, перекрывая грохот и крики:

— Раз! Два! Три! Замри!

И тут же все присутствующие в комнате замерли в тех позах, в которых застало их заклинание фокусника.

— Я думаю, — сказал Пуччини-2, — что для успеха наших переговоров нам лучше всего будет разоружиться.

И, сказав так, он быстро обошел всех замерших в комнате пиратов и разоружил их. Затем выбросил пистолеты и бластеры в угол музыкального салона и приказал:

— Три! Четыре! Пять! Прощу вас мышцы размять!

По комнате прокатилось движение и тяжелые вздохи. Придя в себя, пираты принялись было кричать на этот раз на Пуччини-2, но фокусник без особого труда сказал громче, чем все они:

— Если вы не перестанете вести себя как испорченные дети, мне придется вас заколдовать навсегда. И я не шучу.

В его голосе чувствовалась такая сила, что все замолкли.

— А теперь я передаю слово нашему хозяину, известному негодяю пирату Крысу, — сказал Пуччини-2.

В его голосе прозвучала ирония, и на месте Крыса любой бы из пиратов обиделся, если бы его так назвали. Но Крыс был неглупым человеком — недаром ему удавалось выпутываться из самых невероятных приключений. И когда нужно было что-то пропустить мимо ушей, он это делал очень умело.

— Спасибо за помощь, — сказал Крыс и склонил златокудрую юную голову. — Надеюсь, когда-нибудь я смогу отплатить вам взаимностью. Прощу всех проследовать за мной в соседнюю гостиную, где для нас накрыт небольшой скромный стол. Там мы и решим все наши проблемы, которых, как я понимаю, накопилось немало.

Опомнившись после урока, преподанного им Пуччини-2, все перешли в роскошный зал по соседству с музыкальным салоном. Там и в самом деле был накрыт стол, но очень скромный — на столе стояли лишь бутерброды, лимонад, а для желающих слуги разносили чашки с чаем или кофе.

Крыс, который явно был здесь главным, уже пришел в себя и уверенно командовал:

— Я вижу, что все устроились. И думаю, что для начала нам надо лучше познакомиться.

— Куда уж лучше! — пробурчала Боевая Подруга.

— Я думаю, что мы сейчас представимся. Повторяю, каждый из нас. Включая меня. Я — демократ.

Весельчак У захлопал в ладоши.

Неправильно истолковав хлопки, повар выскочил из двери и склонился к толстому пирату, думая, что надо нести еду.

Весельчак У отмахнулся от него.

— Возражений нет? — спросил Крыс.

Адмирал Панченга Скулити обвел взором гостиную и увидел, что в полуоткрытых дверях стоят пираты Крыса с бластерами в руках.

— Согласны, — сказал он первым.

— Тогда я начинаю, — произнес Крыс. — Я — правитель этой планеты, великий и знаменитый во всей Вселенной пират Крыс. Я вышел на покой, освоил вместе с моим другом эту планетку и помогаю по мере сил другим разбойникам, даю убежище, предоставляю кров и стол.

— Я могу только повторить то, что сказал мой друг Крыс, — произнес Весельчак У. — Мы помогли многим. Но не бескорыстно. Потому что мы не верим в бескорыстие. Лучше заплатить сразу, и тогда не испортишь отношений.

— Слушайте, слушайте! — воскликнул Крыс, которому понравилась речь старого товарища.

Теперь пираты обернулись к папаше Панченге.

— Что я могу сказать, — произнес старый разбойник. — Я — филантроп.

Возникла пауза. Затем послышался голос Боевой Подруги:

— Это еще что такое, папаша?

— Филантроп — это любитель людей, — сказал Панченга-старший.

— Людоество отменено и преследуется законом! — возмущенно крикнул Вага Бычий Хвост.

— Мальчик, не вмешивайся в разговор старших, пока не подошла твоя очередь, — остановил Вагу Крыс. — Любить людей можно необязательно в жареном виде. Некоторые любят людей за душевные качества.

Вага понял, как жестоко он ошибся. Он покраснел и опустил глаза.

— Я к тому же — директор научного института, — продолжал старший Панченга. — В моем институте замечательные ученые работают над важными проблемами. Мы стараемся помочь всему галактическому человечеству.

Алиса в удивлении обернулась к Пуччини-2. Тот поднял бровь — сам был удивлен.

— Я предоставляю ученым все возможности для работы и внедрения самых невероятных изобретений в жизнь. Но враги преследуют меня, и нам с учеными пришлось скрываться вот здесь... Но когда справедливость восторжествует, мы вернемся в центр Галактики!

— Врет, — сказал Пуччини-2 Алисе.

В тот момент как раз наступила тишина, и все услышали его голос.

— Простите, — сказал фокусник. — Я сказал слишком громко.

— Ничего страшного, — сказал Крыс. — Я тоже так думаю. Но мы не будем сейчас сводить счеты и искать правду. Лучше дадим слово другим нашим гостям.

— Со мной все ясно, — произнес адмирал Панченга Скулити. — Я путешественник. Я искал моего папу, чтобы воссоединить нашу семью. По дороге мне удалось поймать группу шпионов.

И адмирал показал на Пуччини-2.

Все ждали, что он скажет дальше. Но адмирал ничего больше не произнес. Тогда Крыс обернулся к Алисе.

— За всех нас ответит господин Пуччини-2, — сказала Алиса.

— Правильно, — сказал фокусник. — Дети полетели со мной, просто чтобы развлечься. А у меня есть цель.

— Какая? — спросил Весельчак У.

— Господин Панченга, — сказал фокусник, глядя в глаза старшему разбойнику, — крадет людей. А потом использует их в своих корыстных целях. Он украл родителей у девочки, которую зовут Лара Коралли. Они здесь, в так называемом институте, который на самом деле тюрьма для ученых. Мы прилетели для того, чтобы освободить супругов Коралли и воссоединить их с дочерью.

— Благородная цель, — сказал Весельчак У, не скрывая ухмылки.

— Не слушайте его! — возмутился Панченга-старший. — Он украл рабыню у моего сына!

— Да, он украл рабыню у моего брата! — кричал адмирал.

Крыс терпеливо подождал, пока Панченги прекратили кричать, и обратился к Весельчаку У:

— Что же получается, институт или не институт?

— Институт! — закричал старший Панченга.

— Тюрьма! — заявил фокусник.

— Это становится интересным, — сказал Весельчак У. — Как же нам проверить, кто из них говорит правду?

— А мы спросим самих ученых, — сказал Крыс. — Это будет справедливо.

— Это мой институт! — возмутился старший Панченга. — Я не позволю.

— А тебя и спрашивать не будут, — сказал Крыс. — Ты у меня на планете, и здесь мои законы.

— Но я же заплатил за убежище три тонны алмазов!

— Как стыдно! — покачал головой Весельчак У. — Как стыдно говорить о деньгах в таком благородном обществе. А ну, приведите сюда ученых, которых притащил с собой этот старый плут Панченга. Вводите их по штуке. Пускай рассказывают, чем занимаются и чего хотят.

Панченги пытались было спорить, но вскоре им пришлось замолчать. Силы были неравны. А Крыс с Весельчаком У посмеивались над ними, как сытые коты над мышами.

Глава 4. Разговоры с учеными

«Что ж, — подумала Алиса, — могло быть и хуже. По крайней мере, Панченги теперь вынуждены будут показать ученых, а уж потом Пуччини-2 наверняка придумает, как освободить родителей Лары из неволи».

Первым под охраной пиратов в гостиную вошел старый человек с длинной бородой, завитой в седую косу и заправленной за пояс. Этот старик, который с достоинством поклонился собравшейся за столом компании, представился как профессор Валишели с Криптелы — небольшой планеты, о которой Алиса что-то читала, но что — забыла. Впрочем, это было сейчас неважно.

— Скажите, пожалуйста, профессор, — сказал Весельчак У, надувшийся еще толще от сознания своего величия, — что вы можете рассказать о Панченге и институте, в котором вы якобы работаете?

— О! — воскликнул профессор. — Я так благодарен академику Панченге! Мы все, ученые, страшно благодарны ему, мы даже избрали его президентом нашей небольшой Академии наук!

Слушая этот странный монолог, Панченга-старший важно кивал головой и медленно перебирал похожие на виноград четки. Он вовсе не казался удивленным.

— Вы благодарны ему? — спросил Пуччини-2.

— Разумеется. Мы все благодарны.

— И что же вы делаете в институте? — спросил Весельчак У, знаком приказав фокуснику замолчать и не мешать ему вести допрос.

— Каждый из нас занимается любимым делом.

— И какое же у вас любимое дело?

Профессор обернулся к Панченге и спросил:

— Вы не возражаете, президент-академик?

— Валяй! — сказал старый пират.

Но усмехнулся, притом не скрывая удовольствия, потому что пираты и разбойники любят, когда их называют академиками, профессорами или писателями. Они очень легко верят в то, что и на самом деле знают толк во всех науках и искусствах. И особенно много среди разбойников всегда было историков и экономистов — они с наслаждением учат людей тому, что было, что будет, и тому, как надо жить и тратить деньги. А вот математиков и физиков среди разбойников не встречается — для этого надо хотя бы научиться считать до двадцати пяти, а таких образованных редко держат в разбойниках.

Старый ученый осторожно вытащил из-за пазухи баночку с землей и поставил ее на стол. Затем вынул из кармана пакетик и высыпал из него на ладонь горстку мелких семян.

На глазах у внимательных зрителей старик кинул семена в банку и попросил разрешения полить их из бутылки с минеральной водой, что стояла на столе.

— Внимание! — воскликнул Панченга-академик. — Сейчас будет самое интересное!

И на глазах у всех собравшихся из банки, пробившись сквозь землю, полезли тонкие зеленые ростки. Через минуту они достигли высоты в сантиметр. Видно было, как они движутся, тянутся к свету, распускают листики.

— Говори! — приказал президент Панченга.

— Нами, — произнес старый ученый, — разработаны скоростные семена. При посадке их в почву они дают всходы немедленно. И к обеду пшеница уже колосится. Таким образом, мы можем обойтись без амбаров и хранилищ зерна. Если вам понадобилась пшеница или ячмень, то вы выходите в поле и сеете столько зерен, сколько вам нужно. А на завтра утром вы кушаете свежий хлеб.

— Ну как? — спросил старший Панченга, когда старик отошел на шаг, склонив голову и любуясь тем, как поднимаются в банке зеленые стебли.

Зрители наградили старика аплодисментами. Тот раскланялся. Алиса тоже вежливо хлопнула в ладоши, хотя отлично знала, что ничего особенного старик профессор не изобрел. Опыты с быстрорастущими растениями Алиса с ребятами ставили на биостанции на Гоголевском бульваре еще раньше. И вырастили, сами того не желая, целый лес на Арбатской площади.

— Ну, ну! — остановил аплодисменты старый Панченга. — Вы мне мои научные кадры избалуете.

— Послушай, — сказал Крыс, — а на что тебе этот ученый-мученый? Ты что, пшеницу решил разводить?

— Простите, но на космическом корабле имеет смысл выращивать быстрые растения для пополнения запасов пищи! — сказал профессор.

— Запасы пищи надо отнимать у встречных-поперечных, — возразил Крыс. — А выращивают пускай мужики.

Весельчак У расхохотался так, что чуть не хлопнулся со стула.

— А мы и не собираемся пшеницу разводить, — сказал старый Панченга. — Ты правильно рассудил, Крыс. Я бы этого старого козла не стал кормить, если бы от его изобретения мне не было пользы. А ну, старик, показывай, как ты выполняешь мои советы!

Старик смутился. Он ломал пальцы и переминался с ноги на ногу.

— Господин президент, — произнес он, — с исполнением ваших ценных указаний произошла некоторая задержка.

— В чем дело?

— Дело в семенах. Семена, вернее, зародыши еще недостаточно, как вам сказать... колючие.

— Ты меня обманываешь, старый козел?!

— Я вам обещаю, господин академик, — взмолился старик, — что в самое ближайшее время ваше указание, ваше мудрое повеление будет исполнено!

— Не в ближайшее время, — жестко произнес Панченга, — а послезавтра. Иначе знаешь, что будет?

— Знаю, господин президент. — Почему-то старый профессор с ужасом глядел на пальцы Панченги, которые перебирали четки.

— Тогда забирай свои вонючие травки и катись отсюда!

Разбойник поднял тяжелый кулак, и старик, подхватив банку, быстро-быстро задом засеменял к двери. Там он угодил в подставленные руки пирата, тот развернул старика и наподдал ему в спину коленкой. Старик исчез...

В комнате наступила тишина. Многим стало неловко за поведение разбойника, но сам Панченга и его сын в два голоса хохотали, а Весельчак У хихикал, вторя им.

— Послушайте, — высоким голосом произнес Вага Бычий Хвост. — Как вам только не стыдно так обращаться с пожилым человеком? Я вызываю вас на поединок!

Его слова относились к пирату, который стоял у двери и ударил старого ученого.

Вага отважно направился к нему, но хитрый Крыс увидел, как поднимается со своего места фокусник Пуччини-2, как побледнела Алиса.

— Спокойно! — закричал он. — Все остаются на местах! Я здесь хозяин и не допущу никаких нарушений порядка.

Он говорил так уверенно, что все остановились.

— Я недоволен тобой, Панченга, — продолжал Крыс. — Если ты так хочешь

наказывать своих ученых, делай это у себя на корабле. А здесь наказываю только я сам!

— Ладно уж, — проворчал Панченга. — Конечно, это мой раб, что хочу с ним, то и делаю. Но чтобы не портить твоего настроения, я больше их колотить не буду. Но ты меня тоже пойми: я уже второй месяц жду, когда он улучшит свое изобретение, а он тянет — совсем старый стал.

— А как ты захотел улучшить это изобретение? — спросил Крыс.

— А я все изобретения моих мымриков улучшаю, — рассмеялся Панченга. — На то у меня котелок на плечах! Когда я этого старичка поймал, я подумал: а на что мне пшеница? На что? А что, подумал я, если взять колючку? И через полчаса у меня будет колючая проволока!

— Но ведь колючая проволока железная! — вырвалось у Алисы.

— Вот мы и ищем такие колючки, которые были бы не мягче железа, но живые. Только старый он стал, медленно ищет.

— Молодец, — сказал Крыс. — Вот что значит разбойничья голова!

— Будет у меня такая быстрорастущая колючая проволока, я ее всюду смогу использовать. На ночь лагерь в пустыне устрою, посыплю вокруг колючек, а через полчаса вокруг загородка — на танке не проедешь! Поймал пленников или рабов — окружил их колючей проволокой... Эх, скорее бы он свое дело делал!

— Ясно, — сказал Крыс. — Зовем следующего?

— Зовем, — сказал Панченга-старший и усмехнулся. — Прошу любить и жаловать!

По приказу Крыса в комнату втокнули изможденного, оборванного ушана с планеты Блук. Алисе там приходилось бывать, она когда-то пережила удивительные приключения на базаре в тамошнем городе Палапутра. Так что к ушанам она относилась с большой симпатией.

— Ах ты, упрямец! — встретил его криком Панченга-старший. — Ну, показывай моим друзьям, что ты изобрел!

Ушан печально поклонился разбойнику и, не отрывая взгляда от его четок, раскрыл потертый портфель, который нес в руке, и вытащил оттуда сверток, завернутый в мягкую бумагу.

Из бумаги он вынул пару туфель, похожих на домашние шлепанцы.

— Ну! — торопил его Панченга-старший. — Мы ждем! — С тяжелым вздохом ушан надел туфли. В тот же момент они потащили его ноги в разные стороны. Разгоняясь, он проехал через всю комнату и, стараясь закрыться руками от удара, со всего размаха въехал в стену.

Ушан упал, а туфли продолжали носиться по комнате, как будто в них были спрятаны взбесившиеся моторчики.

— Ну вот, — сказал Панченга с притворным расстройством, — опять ушибся! Опять будешь синяки залечивать.

— Простите, господин президент Академии, — ответил плачущим голосом ушан. — Я нечаянно.

Он пополз по полу в погоне за туфлями, с трудом догнал их и начал заворачивать в бумагу.

— Нет, ты объясни обществу, — потребовал Панченга, — объясни, почему ты тянешь с работой, обманываешь человечество?

— Попрошу вас подождать еще немного, ну хоть неделю. Я найду этот секрет!

— Но ты помни, чем грозит обман!

— Я знаю, господин президент. Я же не ем, не пью, не сплю...

— А вот это лишнее, — сказал укоризненно разбойник. — Мне нужны живые академики. И костюм погладь, стыдно перед обществом!

Забрав сверток с туфлями и униженно кланяясь, ушан покинул комнату, и все обернулись к Панченге-старшему в ожидании ответа на загадку.

— Видели, что он изобрел? — спросил Панченга. — Он изобрел способ, как избавиться от трения. Такую мазь изобрел. Только ею что смажешь, трения — как не бывало! Да вы сами видели. У него туфли без трения.

— Это очень смешно, — сказал Весельчак У. — Только какой в этом изобретении смысл?

— А тот смысл, господин Весельчак У, — сказал папаша Панченга, — что, если смазать этим составом подступы к крепости, ни один заклятый враг не сможет в нее забраться. Только подойдет — тут же шмяк задом об асфальт!

— И в чем же проблема? — спросил Крыс.

— А в том, что он набрал мази на две подошвы, и больше не получается. Говорит, сырье некачественное! Ну, я ему покажу — некачественное!

Панченга-старший перебирал в жирных пальцах разноцветные четки, каждая бусина в них — размером с виноградину.

— Давайте следующего! — приказал Крыс. — Не весь же день нам на твоих ученых глазеть!

— А почему не поглазеть? — ответил Панченга-старший. — Это же сокровища! И каждый — гений! А всего их у меня тридцать голов.

— Тридцать? — ахнула Алиса.

— И тридцать изобретений, — ответил Панченга. — И каждое изобретение может удивить мир. И каждое изобретение я так переворачиваю с ног на голову, что даже изобретатель никогда бы не догадался без моей благородной помощи.

Пока Панченга смеялся и ему вторил сынок, пираты ввели еще одного изобретателя. Он был щеголеватым, стройным, почти трехметровым сирианцем, несколько похожим на зеленую ящерицу, гуляющую на задних лапах.

— Ага! — воскликнул при виде его старый разбойник. — Надеюсь, ты уже сделал, что тебе велели? Мое терпение истощается!

И Панченга указал пальцем на одну из бусин своих четок.

— О, простите, великий академик! — воскликнул сирианец. — Но осталось совсем немного!

— Ну, покажи моим друзьям, что мы с тобой умеем делать, — велел Панченга.

— Как прикажете. — Сирианец вынул баллон с распылителем. Вернулся к двери и жестом отогнал от нее стражника. Затем молча опрыскал дверь прозрачным раствором.

— Давай, давай! — торопил его Панченга. — Не можем же мы вечно тебя ждать.

— Одну минутку, чуть подсохнет!

Наконец, убедившись, что раствор высох достаточно, сирианец шагнул к двери, протянув вперед зеленоватые тонкие руки. И вдруг, ко всеобщему удивлению, его руки до половины прошли сквозь дверь.

— Ну! — Панченга даже привстал. — Давай, давай! Еще немного, и пройдешь.

Сирианец старался пройти сквозь дверь, но застрял посередине, руки почти по плечи —

на одной стороне, туловище — на другой. Он дергался, рвался, старался, но ничего не получалось, хотя Панченга-старший очень сердился и готов был подбежать к сирианцу и протащить его сквозь дверь.

— Нет, — сказал наконец сирианец, устав бороться с дверью. — Слой не получается ровным. Молекулярный состав хромает.

— А ты его выпрями! Сколько можно ждать!

— Вы же знаете, я тужусь не покладая рук.

Ученый выглядел страшно расстроенным, даже его хохолок упал набок, что у сирианцев свидетельствует о крайнем душевном волнении.

— Ведь притворяется, — сказал Панченга. — Придется наказать.

Он снова взялся за бусинку. Пуччини-2, который внимательно наблюдал за ним, вдруг произнес:

— Не надо, господин Панченга. Это слишком жестоко и несправедливо.

— А ты откуда знаешь? — изумился Панченга.

— Я многое знаю, — ответил фокусник.

— Ладно уж, иди и работай, — смилостивился Панченга, и сирианец, вдвое согнувшись в дверях, покинул гостиную.

— Может, хватит? — спросил Весельчак У. — Я страшно как проголодался.

— Простите, — сказал фокусник, — мы хотели встретиться с супругами Коралли.

— Ах да! — Крыс сделал вид, что забыл о просьбе фокусника. — Конечно же, покажите нам профессора Коралли!

— Не имею ничего против, — сказал Панченга.

«Что-то он такой сговорчивый, — подумала Алиса. — Не иначе как замыслил какую-нибудь каверзу».

На этот раз пришлось ждать несколько минут. Панченга объяснил:

— Наверное, отдыхают. Они у меня устают, ученые. Головки у них слабые, мозгов слишком много.

Наконец в дверь втокнули невысокого черноволосого мужчину, при первом же взгляде на которого Алиса поняла — это отец Лары Коралли.

— Карл Коралли, прошу любить и жаловать! — воскликнул старый разбойник.

Карл Коралли гордо поднял голову, и все увидели, что на виске у него кровоподтек, глаз подбит и лоб оцарапан.

— Ну вот, — вздохнул Панченга. — Опять, наверное, ввязался в пустую драку. Удивляюсь я тебе. Молодой профессор, достойный ученый, доктор наук — а такой невыдержанный характер! — Панченга развел руками, как бы приглашая всех разделить его огорчение по поводу того, какой плохой характер у молодого ученого.

Карл Коралли молчал и лишь внимательно обводил взглядом собравшихся в гостиной людей.

— А где ваша жена? — спросила Алиса, прежде чем Панченга успел что-либо еще сказать.

— Кто? — Коралли удивился.

— Ваша жена, мама Лары Коралли.

— Лара! — воскликнул ученый. — Моя Ларочка! Вы ее знаете? Где она? Она жива?

— Не беспокойтесь, — сказала Алиса.

Но тут вмешался Панченга.

— Поговорили — и хватит, — заявил он. — Пора и делом заняться. — И, видя, что Коралли готов и дальше задавать вопросы, оборвал его суровым голосом: — Молчать и подчиняться! Забыл, что ли?

И старый разбойник помахал в воздухе своими четками.

При виде их Коралли сжался, как будто его ударили.

— О нет! Умоляю вас! — прошептал он распухшими губами.

— То-то же, тогда рассказывай гостям, что ты изобрел.

— Вы же знаете, — сказал Карл Коралли. — Мы с моей женой Салли Коралли изобрели консервирующие кристаллы.

— Вот именно, — согласился Панченга.

— Что это такое? — спросил Пуччини-2.

— Вот... — Рука Коралли поднялась было, но замерла в воздухе на полпути.

Голос Панченги, остановивший жест ученого, был тихим и предвещающим опасность. «Как будто зашипела гремущая змея», — подумала Алиса.

— Ты рассказываешь нам о своем изобретении, — сказал Панченга, — и потом тихо, на цыпочках, уходишь отсюда к себе в камеру и сидишь там, ждешь моей милости. И ты знаешь, что будет с тобой, если ты произнесешь хоть одно лишнее слово.

— Я все знаю, — ответил Коралли мертвым, покорным голосом. — Я должен вам сказать, что изобрел небольшие кристаллы, в которые можно под влиянием особых лучей превратить любой продукт или материальное тело и хранить сколько хотите. Мое изобретение очень полезно при длительных перевозках. Вы можете законсервировать корову в шарике размером с виноградинку, — Коралли как бы невзначай показал на четки в руках Панченги, — и она останется заточенной там сколько угодно времени. Президент Академии наук господин Панченга высоко оценил мое изобретение и вынес мне благодарность. — Коралли провел пальцем по виску. — Мы все, находящиеся здесь ученые, рады служить этому великому ученому и организатору науки, который не жалеет сил и времени, чтобы обеспечить нас всем необходимым.

— Все! — приказал Панченга. — Уведите его.

— Нет! — вырвалось у Алисы.

— Уведите, уведите, — сказал Крыс. — Дело принимает интересный оборот. Есть о чем поговорить.

— Да, — спокойно согласился Пуччини-2, — нам теперь есть о чем поговорить.

— Но вы забыли, зачем мы сюда прилетели! — закричал возмущенно Вага Бычий Хвост. — Мы прилетели, чтобы спасти родителей Лары Коралли!

— Помолчи, мальчик, — сказал Пуччини-2.

— Правильно, ему следует помолчать, — согласился Весельчак У.

Алиса поняла, что ей сейчас не следует вмешиваться и мешать фокуснику. Дверь за Карлом Коралли закрылась. Он покорно ушел к себе в камеру.

Глава 5. Торговля людьми

— Ну что ж, поговорим о деле, — сказал Пуччини-2.

— Не о чем нам говорить, — ответил старший Панченга. — И не вмешивайтесь в наши дела.

— Но вы же держите людей в плену! — заявил Вага. — Это каждому видно.

— Никто из них не возражает, — ответил Панченга. — Всем это нравится. Если не верите, вызовем снова моих ученых, и они поклянутся, что слаще, чем у меня, они никогда не жили и мечтают остаток своих дней трудиться и дальше под моим руководством.

— Не кажется ли вам, уважаемый Крыс, — обернулся Пуччини к главному пирату, — что мы имеем дело с очень серьезным преступлением?

— Как вам сказать, — пожал плечами Крыс, — я должен признаться, что всю свою сознательную жизнь я имею дело с серьезными преступлениями, причем я сам их и совершаю.

— И все же я позволю вам напомнить, — сказал Пуччини-2, — что бывают просто преступления и преступления подлые.

— Объясните мне разницу, я не совсем вас понял.

— Если вам понравился цветок во дворце и вы его сорвали, это будет просто преступление.

— А если этот цветок — последний в мире и занесен в Красную книгу? — спросил Крыс и сам же засмеялся.

— Вы меня понимаете, — рассердился Пуччини-2, — зачем же притворяться?

— Вы правы, — вдруг согласился с фокусником главный пират. — Я знаю, что, если патрульные крейсера отыщут мое убежище, они начнут требовать, чтобы я отчитался в моих доходах. Но так как я бросил пиратское ремесло, то им будет трудно доказать, что я в чем-то виноват...

— Но если вы будете укрывать семейку Панченгов, — сказал Пуччини-2, — то вряд ли вас пощадят.

— Это еще что такое? — возмутился адмирал Панченга Скулити. — Мне кажется, что кто-то хочет нас предать. Я должен предупредить, что без боя мы не сдадимся, и еще неизвестно, кому после боя будет принадлежать эта планетка.

— Адмирал, адмирал, — вмешался Весельчак У, — не обращайтесь внимания! Мой друг шутит! Как только вы отдадите нам половину своих ученых с их изобретениями, мы сразу же забудем о всех ваших преступлениях.

— Как? Разве мало мы вам заплатили?

— Тогда мы не знали, какие у вас есть еще ценности, — сказал Весельчак У.

— Никогда!

— Ах, никогда... — Крыс поднял руку, собираясь вызвать стражу, но Панченга опередил его. Он выстрелил в пирата из бластера, и Крыс закричал ужасным голосом, когда зеленый луч коснулся его плеча. В то же мгновение от боли он потерял облик прекрасного золотоволосого юноши и принял свой естественный вид — страшного скорпиона человеческого роста. Скорпион поднял ядовитый хвост, разрывая им остатки обугленной одежды, и ринулся к перепуганному Панченге. Весельчак У кинул в Панченгу кинжалом, тот еле успел увернуться... Вага Бычий Хвост тоже ринулся в гущу битвы, хотя совершенно непонятно было, с кем же он собирался сражаться.

— Пуччини! — закричала Алиса, понимая, что сейчас многие могут погибнуть.

— Раз! Два! Три! Замри! — прокричал заклинание фокусник, и в это же мгновение все в гостиной замерли в тех позах, в которых застигло их последнее слово Пуччини.

Это была удивительная сцена, вряд ли нашелся бы художник, способный изобразить ее на картине.

И главное — сразу же наступила такая тишина, что стало слышно, как о стекло окна

бьется муха.

Пуччини-2 совершенно не удивился. Он ожидал этого. И знал, что надо делать.

Он прошел к растопырившему ручищи старшему Панченге и вынул из его омертвевших пальцев цепочку разноцветных виноградин — четки.

— Правильно, — сказала Алиса. — Я тоже так подумала.

Пуччини-2 поднял виноградины к свету, словно стараясь разглядеть, есть ли что внутри их.

— Вот эти цепи, которыми он опутал несчастных ученых, — сказал старый фокусник. — Это кристаллы, изобретенные несчастным Карлом Коралли и его женой. В них в живые консервы превращены все те, кого Панченга держит у себя в плену. Я догадываюсь, что в этих четках томятся в беспомощности жены, дети, родные и близкие ученых. И если ученый посмеет отказаться работать на разбойника, то Панченга угрожает шарик раздавить...

— Так выпустите их на волю! — воскликнула Алиса.

— А как?

— Вызовите Карла Коралли!

Но вызывать его не пришлось. Послышались шаги, дверь распахнулась, и вбежал преследуемый стражником Карл Коралли.

— Лучше смерть! — закричал он и замер, пораженный зрелищем.

Стражник тоже остановился, не смея сделать ни шагу.

— Молодой человек, — вежливо произнес фокусник, словно они беседовали с Коралли на лужайке, — покажите мне, пожалуйста, как освободить несчастных!

— Дайте! Дайте сюда! — Коралли бросился к четкам и нежно, но крепко сжал их в руках. — Скажите, пожалуйста, вы смогли бы удержать эту свору еще на несколько минут? Мне потребуется время, чтобы вернуть к жизни всех несчастных!

— Постараюсь, — улыбнулся фокусник.

— Господин Пуччини, — обратилась к нему Алиса, — мне кажется, что значительно лучше будет снова превратить всех пиратов в лилипутиков.

— Нет, — сказал фокусник. — Они же разбегутся! Как тараканы.

— Не разбегутся! — Вага Бычий Хвост кинулся к стоявшей в углу кадке с пальмой, решительно потянул пальму за листья, кадка опрокинулась набок, и пальма — вся, с корнями, с землей — вывалилась наружу. — Вот она, замечательная тюрьма для злодеев-лилипутов!

— Ну что ж, — согласился фокусник, — в этой идее что-то есть.

И, произнося каждый раз соответствующее заклинание, он принялся по очереди превращать замерших пиратов в лилипутов, затем оживлять и двумя пальцами осторожно опускать в кадку.

Убедившись в том, что она не нужна фокуснику, Алиса стала помогать Карлу Коралли, который смазывал каждую бусину четок специальным раствором из пробирки, хранившейся у него в кармане. Затем осторожно укладывал шарик на пол. И тут происходило чудо: шарик темнел и принимался расти. Шарик рос довольно быстро, но все же прошло несколько минут, прежде чем они стали метровыми. Словно гигантскими икринками, в которых можно было угадать зародыши.

— У нас еще есть немного времени? — спросил Коралли.

— Пять минут, — ответил фокусник. — Я думаю, что мы успеем пригласить сюда

ваших коллег. Они же, наверное, сильно переживают.

— Я вам буду очень благодарен, — сказал Коралли.

Тогда фокусник в сопровождении Ваги побежал к камерам, где были заточены ученые, а Алиса осталась присматривать за лилипутами, чтобы не вылезли из кадки. Она наклонилась над кадкой, но вела себя осторожно — она знала, как больно может ужалить пуля из лилипутского пистолета.

Ожившие пираты бегали по дну кадки, махали ручонками, лишь Весельчак У и Крыс стояли в сторонке, в суете не участвовали и даже не глядели вверх. Алисе было жалко Крыса, который был немного обожжен лучом бластера, и она сказала:

— Я попрошу фокусника вас увеличить, Крыс и Весельчак У. Потому что сейчас вы почти ни в чем не виноваты.

— Спасибо! — еле слышно пропищал в ответ Весельчак У.

В этот момент сзади раздался хлопок, будто лопнул большой воздушный шарик. Алиса обернулась. Так и есть: первый из шаров Карла Коралли лопнул. И из него вышла полная, сонная ушанка, уши которой повисли, как у пуделя. Она чуть не упала, и Алиса кинулась к ней, чтобы ее поддержать.

— Где мой муж? — прошептала ушаночка. — Где мой дорогой профессор? Что со мной сделали?

— Сейчас, — сказала Алиса, — сейчас он придет.

Тут лопнул еще один шар, в нем сидели два старичка, худеньких, зелененьких и очень длинных. Алиса сразу догадалась, что это родители сирианского изобретателя. Она хотела было прийти к ним на помощь, потому что старички никак не могли встать на ноги, но ушаночка ее не отпускала.

А тут лопнул еще один шар... затем еще один, еще... Из каждого выходил какой-нибудь человек, а то и целая семья.

К счастью, в этот момент в открывшуюся дверь толпой хлынули ученые, которых освободили фокусник с Вагой. При виде дорогих своим сердцам родственников и любимых они начали кричать, рыдать, перебивая друг друга, и все устремились к лопающимся шарам — консервам Карла Коралли.

Сам же Карл перебежал от шара к шару, но его все время постигало разочарование. И лишь из последнего шара вышла наконец его любимая жена — красавица Салли Коралли. Она кинулась к Карлу, Карл кинулся к ней, они обняли друг друга, и Карл закричал:

— Наша дочь Лара нашлась!

И от счастья оба Коралли упали в обморок.

Но никто этого, кроме Алисы, не заметил, потому что в гостиной царило страшное столпотворение — наконец-то встретились мужья и жены, родители и дети, возлюбленные и просто дорогие друг другу существа, коварно разлученные Панченгой-старшим, для того чтобы надежно держать в руках и угнетать несчастных ученых.

«Ну и семейка, — подумала Алиса, с радостью глядя на суматоху, крики, плач, смех, объятия, царившие вокруг. — Ну и Панченги! Один из них пиратствовал, грабил, захватывал в плен людей, другой отнимал у них детей и держал на своей сиенде, а третий придумал академию-тюрьму. Какими бы ни были разбойниками и грабителями Весельчак У и Крыс, все равно они — честные пираты. Они ведут себя по правилам. Не станут же они детей и стариков заточать в кристаллы только для того, чтобы выращивать колючую проволоку!»

Алиса подошла к фокуснику, который с таким же, как она, интересом наблюдал за

встречей родных, и попросила его:

— Господин Пуччини, я думаю, что мы не должны становиться такими же, как братья Панченги. Как вы думаете?

Фокусник поглядел на Алису, улыбнулся и ответил:

— Ты права.

Он умел догадываться о чужих мыслях с одного слова.

Пуччини подошел к кадке, вытащил оттуда Крыса и Весельчака У, затем Алиса извлекла двух пиратов из команды Крыса. И фокусник, щелкнув пальцами, произнес нужные заклинания.

В следующее мгновение Крыс, Весельчак У и их пираты стояли рядом с ними. Пираты потянулись было за своими бластерами, но Крыс, обожженный, ободранный, уродливый и несчастный, сказал:

— Не надо суеты, мальчики, идите отдыхайте.

— Мы не обижаемся, — сказал Весельчак У. — С самого начала нам надо было понять, с кем мы имеем дело.

— Это не пираты, — сказал Крыс. — Это позор для грабительского племени!

— Хотите, я вас перевяжу? — спросила Алиса, хотя, честно говоря, ей не очень хотелось перевязывать скорпиона, хоть и знакомого.

— Не стоит, но спасибо, — сказал Крыс. — На мне все быстро заживает. Я пойду приведу себя в порядок, а ты, Весельчак У, побудь здесь и позаботься, чтобы никто не обидел наших гостей.

— Их обидишь! — улыбнулся Весельчак У. — Они сами какого хочешь пирата обидят.

И он рассмеялся, потому что, как свойственно большинству пиратов, был легкомысленным и не слишком умным.

Крыс с трудом превратился в танкиста и вышел, под охраной пиратов, из гостиной.

К Пуччини-2 подошел Карл Коралли. Он вел за руку свою жену.

— Подтвердите, пожалуйста, Салли, что наша крошка жива и здорова!

— Я совсем недавно с ней разговаривала, — сказала Алиса.

— И я тоже! — вышел вперед Вага Бычий Хвост. — Меня зовут Вага Бычий Хвост, но это временное, детское имя, и как только я совершу подвиг, я поменяю это имя на другое, более мужественное.

— Бычий Хвост? — удивилась Салли. — Это удивительно! И что же вы хотели сказать мне, молодой человек?

— Я хотел объяснить вам причину моего желания совершать подвиги, — продолжал Вага. — Дело в том, что я влюбился в вашу дочь.

— Что? — Салли Коралли была в ужасе. — В мою крошку?

— Ну, она не очень крошка, — поправил Салли муж. — Ей уже четырнадцать лет.

— Для меня она всегда крошка!

— Нет, вы не подумайте, — сказал Вага. — Я не собираюсь на ней пока жениться.

— Слава богу, он не собирается! — воскликнула Салли.

— Но как только я совершу подвиг и поменяю имя, я к вам вернусь.

— Надеюсь, это случится не скоро, — сказала Салли.

— А я надеюсь, что скоро, — решительно заявил юный индеец. — Поэтому попрошу вас проследить, чтобы Ларочка не вышла замуж за кого-нибудь еще. А то я бываю страшен в гневе!

Салли хотела было заявить что-то еще, но муж отвел ее в сторону.

— Милая, — сказал он ей, — мы так давно не видели дочурку, что совсем не знаем, какой она стала и чего ей хочется.

Ей хочется быть принцессой и красиво одеваться, чуть было не сказала Алиса. Но сдержалась. Ведь, может быть, ее родители совсем не хотят, чтобы Лара была принцессой. Ведь они не короли.

— Надо собираться, — сказал фокусник. — Твоя симферопольская бабушка никогда не простит мне, что я полетел сюда без нее.

— Вага, ты идешь? — спросила Алиса, когда фокусник направился к кадке, чтобы пересадить семейство Панченгов себе в карман и отвезти инспектору Крому.

Вага не слышал Алису. Он уже подошел к Весельчаку У и сказал:

— Можно обратиться к вам с просьбой?

— Валяй, — сказал Весельчак У, довольный тем, что все для него кончилось благополучно.

— Меня зовут Вага Бычий Хвост, — сказал индеец.

Весельчак У уже слышал об этом, но не удержался и вновь захохотал.

Вага терпеливо, не обижаясь, дождался, пока пират отсмеется.

— Мне нужно совершить подвиг, — сказал он, — иначе я не могу жениться.

— А чем же я могу тебе помочь?

— Возьмите меня в пираты. Наверное, я тогда смогу быстро отличиться.

— Молодой человек, — сказал наставительно старый пират, — мы не совершаем подвигов, мы безобразничаем. Мы грабим и убиваем. Даже таким отпетым негодьям, как я, подобная жизнь в конце концов надоедает. Стыдно становится. Ведь не случайно мы с Крысом бросили грабежи и занимаемся честным сбытом награбленного. Так что я советую тебе, Бычий Хвост: иди в университет и совершай там подвиги — сдавай экзамены на пятерки.

И Весельчак У громко рассмеялся, довольный собственным остроумием.

А Вага отошел от него расстроенный — ведь подвиги откладывались на будущее.

Весельчак У приблизился к фокуснику и сказал:

— Вам надо лететь домой. Должен сказать, что могу предложить вам неплохой корабль «Черная смерть», сам на нем бы летал, да надоело. Берите его напрокат, только деньги вперед.

— Весельчак У, откуда у нас деньги? — удивилась Алиса.

— И за каждого ученого, который полетит с вами, тоже вперед, — сказал Весельчак У.

— Это проще простого, — сказал фокусник и провел рукой перед лицом Весельчака У.

И вынул у него из уха бриллиант размером с голубиное яйцо.

Весельчак У посмотрел бриллиант на свет, попробовал его надкусить и спросил:

— Настоящий или снова фокусы?

— Если будут жалобы, запомните мой адрес, — сказал Пуччини-2. — Земля. Москва. Цирковое училище. Директору.

— Или мне напишите, — сказала Алиса.

— Твой-то адрес мы хорошо знаем, — сказал Весельчак У.

Он проводил шумную толпу гостей до выхода на поле космодрома, показал, где стоит «Черная смерть», отдал фокуснику ключи от корабля, а потом отозвал в сторону Алису и сказал:

— Нас с тобой, Алиса, не раз сталкивала жизнь. Можно сказать, что ты перевоспитала меня своим благородным примером. Поэтому я прошу тебя взять на память от меня небольшой подарок.

И он протянул Алисе бриллиант, который получил от фокусника.

— Ой! — удивилась Алиса. — Мне не нужно!

— Не нужно — еще кому-нибудь подаришь.

Алиса внимательно посмотрела на пирата и сказала:

— Я знаю, в чем дело, Весельчак У. Ты не веришь, что бриллиант настоящий.

— С фокусниками это бывает.

— Но гордость не позволяет тебе признаться в том, что ты не веришь гостю.

— У каждого своя гордость.

— Спасибо за подарок, — сказала Алиса.

— Можешь его передать этой самой девочке... бывшей рабыне. Ларе.

— Так я и сделаю.

Алиса пожала пухлую руку пирата и побежала к кораблю. Когда «Черная смерть» поднялась над планетой, Алиса рассказала фокуснику о подарке Весельчака У.

— Ах, как нехорошо получилось! — воскликнул фокусник. — Мне и в голову не приходило обманывать пирата. А он, видно, так привык всех обманывать, что и обо мне так же думает.

— А разве бриллиант настоящий?

— Ах, Алиса, Алиса, — упрекнул ее Пуччини-2. И хлопнул в ладоши.

— Что вы делаете? — спросила Алиса.

— Секунду назад, — ответил фокусник, — перед носом Весельчака У появился алмаз размером с арбуз. И подарить некому...

— Тогда я пойду поставлю для всех чай, — сказала Алиса.

Золотой медвежонок

Отец Алисы Селезневой — директор Космозо. А Космозо, как всем известно, — Космический зоопарк. Сюда привозят животных с разных концов Галактики.

Алиса буквально выросла в Космозо. С самого раннего детства она проводила здесь все свободное время. У нее были свои любимцы и друзья, например гигантский динозавр Бронтя, который, правда, взялся не из космоса, а вывелся на Земле из яйца, замороженного триста миллионов лет назад. Иногда Алиса приносит из дома пирожки для склисса. Склисс во всем похож на обыкновенную корову, но, если его испугать, он расправляет большие прозрачные стрекозиные крылья и медленно поднимается в воздух. В специальном вольере, отгороженном от стеклянного птичьего павильона, на ветке дремлет птица Говорун, она умела летать между звезд и запоминала все, как компьютер. И так как у Говоруна две головы, он может рассказывать много и очень долго. Теперь Говорун стал старенький, никуда не хочет летать, много ест и ждет, когда к вольеру подойдут посетители, чтобы поведать им о космических пиратах или живых туманностях. В отдельном домике живет индикатор — коробочка на ножках, которая может менять цвет в зависимости от настроения: от желтого до черного. Иногда индикатор чего-нибудь пугается, выбегает на дорожки Космозо и носится по ним, мигая словно светофор. На весь мир славятся тамошние аквариумы. Справа от входа, за площадкой молодняка, расположен аквариум, наполненный теплой морской водой, в нем царствует медуза-горгона с планеты Серый Клук. Размером она с парашют, а щупальца у нее — змеи. Там живут также рыбешки-марашки, которые при опасности собираются в одну страшную хищную рыбину, а когда опасность минует, снова становятся жемчужными мальками. А если миновать поляну, заросшую зеркальными цветами, которые фотографируют все, что происходит вокруг, подойдешь к аквариуму, наполненному жидким аммиаком, в котором обитают совсем уж странные существа...

Но в тот день, когда начинается наш рассказ, Алиса не подошла ни к склиссу, ни к озеру, в котором плавал Бронтя, ни даже к загону, по которому бродили, еле переставляя ноги, марсианские богомолы. Она торопилась к домику под красной крышей, в котором с недавних пор жило самое загадочное существо во Вселенной. В газетах и по телевидению его называли золотым медвежонок, хотя, конечно, это существо не было медвежонок.

Перед домиком стояла очередь. И это неудивительно, сюда в последнее время стекались посетители не только из Москвы, но и из других городов и стран, даже с Луны и Марса. Всем хотелось поглядеть на пушистое чудо.

Алиса, конечно же, не стала стоять в очереди. Должны же быть хоть какие-нибудь преимущества у дочери самого директора Космозо, которая не только дочь, но и юный биолог, участница экспедиций за зверями на корабле «Пегас», вылечившая бронтозавра Бронтю, нашедшая общий язык с шушами, а также разгадавшая загадку Говоруна. Нет, в очереди такая девочка стоять не должна.

Все посетители Космозо были обязаны подчиняться строгому объявлению, выбитому на бронзовой доске перед входом:

«Пожалуйста, не кормите наших зверей!

Мы лучше вас знаем, что им надо, а что может оказаться для них вредным».

Разумеется, если бы такое объявление повесили у зоопарка сегодня, то некоторые посетители наверняка бы не послушались, принесли с собой булки, конфеты и орехи, не

задумавшись над тем, что булка может стать опасным ядом для баррукицы с Панкерагги или оказаться слабительным для склисса.

Алиса не хуже сотрудника зоопарка знала, что можно, а чего нельзя животным. Она читала все научные статьи в «Вестнике космической зоологии» и даже иногда дежурила на зоокухне, где трудились тридцать повароботов и три человека.

Обойдя очередь, Алиса открыла заднюю дверь в домик.

Внутри было тихо, тепло, даже уютно.

Золотой медвежонок дремал, привалившись спиной к громадному дубовому пню, который для него приволокли из леса. Об его кору медвежонок точил свои коготки. Зрители, скопившиеся в полутьме по ту сторону прозрачной преграды, старались не шуметь и переговаривались шепотом, чтобы не разбудить очаровательное создание. Впрочем, они зря старались — Алиса-то знала, что преграда звуконепроницаемая.

Медвежонок был невелик размером, чуть побольше пуделя, его длинная и прямая шерсть стояла дыбом, и кончики волос загорались яркими искорками, когда на них падал случайный луч света. Морда медвежонка была курносая, темно-коричневая, а глаза светлые, сиреневого цвета. Они были окружены длинными черными ресницами. Задние лапы медвежонка были короткими, сильными и толстыми, а передние заканчивались пальцами с длинными крепкими когтями, чтобы цепляться за деревья.

Алиса поздоровалась с Еленой Федоровной, сотрудницей Космозо, которая была специально прикреплена к медвежонку. Елена Федоровна спросила:

— Ты будешь к Женечке заходить?

— Да, — сказала Алиса, — я сделала Жене настой из липы с медом, как прописал доктор Кан.

И она показала Елене Федоровне банку с напитком.

Хоть медвежонок по прозвищу Женя и не мог слышать голоса Алисы, он открыл глаза и, лукаво прищурясь, поглядел на нее. Рот медвежонка растянулся в улыбке — он узнал свою гостью.

— Здравствуй, Женя, — сказала Алиса, когда Елена Федоровна раскрыла для нее дверь. Алиса вошла в прозрачный тамбур и подождала, пока Елена Федоровна закроет внешнюю дверь и откроет внутреннюю. Этот тамбур был нужен для того, чтобы медвежонок случайно не выбежал наружу. Он ведь может испугаться и даже погибнуть в непривычной обстановке. К тому же каждый, кто проходил сквозь тамбур, подвергался дезинфекции специальным горячим воздухом, чтобы не занести с улицы в клетку какого-нибудь вредного микроба.

Медвежонок Женька продолжал сидеть, прислонившись к пню, и не спешил встретить Алису, которую уже отлично знал. Он понимал, что ей надо постоять минуту в тамбуре и лишь потом она попадет в клетку.

Он был очень сообразительным животным — порой Алисе казалось, что он вот-вот заговорит.

Когда же Алиса вошла в клетку, он поднялся на задние лапы и вперевалку пошел к Алисе, протягивая короткую лапу.

— Здравствуй, Женька, — сказала Алиса.

Она знала, что медвежонок не обижается на прозвище. Ведь у каждого животного должно быть имя. А его имя получилось от слова «медвежонок». Женька-Женька, медвежонок...

Медвежонок стоял перед ней, покачиваясь на задних лапах, и ждал, пока ему дадут

бутылочку с липовым отваром.

Алиса протянула ему бутылочку. Зрители снаружи прильнули к стеклу, но изнутри стекло было сильно затемнено, и потому они казались лишь темными силуэтами.

Пока медвежонок пил из бутылочки, как человеческий детеныш, Алиса достала щетку и спросила:

— Давай я тебя причешу? Ты уже два дня не причесывался.

Медвежонок, разумеется, ничего не ответил, но, когда допил отвар, отбросил бутылочку и уселся перед Алисой, чтобы она его причесала.

— Умница, — приговаривала Алиса, расчесывая пушистую шерсть медвежонка. — Мы с тобой теперь будем такими красивыми... Жаль, что здесь нет твоих родственников, чтобы они тобой полюбовались.

Медвежонок ничего не ответил, потому что в этом и заключалась его тайна: никто не знал, где же его родственники.

Медвежонок Женьку нашли на планете, которую и найти никто не рассчитывал. Она была спрятана за черной дырой, среди нескольких маленьких, но густых туманностей, в стороне от всех торговых и туристских путей. Ни в одном звездном атласе даже намек на эту планету не было, ни один капитан ее не видел, даже пираты не подозревали о ее существовании.

И надо же было, чтобы увидели эту планету биологи-исследователи, ученые, которые как раз возвращались на Землю из долгого путешествия за зверями для Космозо, но сбились с пути, попав в гравитационную бурю. Их унесло вихрями тяготения в самое сердце раковидной туманности, приборы отказывались работать, компьютер вместо того, чтобы вычислять курс, начал сам с собой играть в шашки, звери в клетках, аквариумах и ящиках стали визжать, ворчать, ворочаться, кидаться, бросаться... И капитан Полосков сказал:

— Видно, мы задержимся и не успеем домой к Новому году.

На что механик Зеленый мрачно ответил:

— И вообще никогда домой не попадем.

— Я беспокоюсь, чем мы будем кормить зверей, если придется здесь задержаться, — сказал профессор Селезнев.

— А их не надо кормить, — ответил механик Зеленый. — Мы все равно раньше их порем.

У механика Зеленого такой характер. Вместо «здравствуйте» он всегда говорит:

— Ну, что у нас плохого?

А если вы скажете ему:

— Какая хорошая сегодня погода!

Он обязательно ответит:

— Это хорошо не кончится. Ждите дождя.

— Ах, оставьте, механик, — рассердился профессор Селезнев. — Вы что, раковидной туманности раньше не видали?

Механик Зеленый принялся думать, как бы ответить начальнику экспедиции, чтобы тот понял всю трагедию их положения. Но ничего страшного придумать не успел, потому что капитан Полосков закричал:

— Планета! Неизвестная планета!

— Вот видите, — произнес тогда Зеленый, почесывая густую рыжую бороду. — Нам еще не хватало неизвестной планеты.

Для того чтобы переждать гравитационную бурю, корабль «Пегас» опустился на неизвестную планету. Оказалось, что она была вполне мирным, уютным местечком. Правда, почти ненаселенным, наверное потому, что лежала так далеко от остальных планет. Даже споры растений и бактерий, которые летают в открытом космосе, перенося жизнь с планеты на планету, туда не попадали. Так что в реках еще не было рыбы, в океанах — китов, на суше — слонов или медведей. Правда, леса там были густые и на деревьях росли чудесные, хоть и кислые плоды.

Пока пережидали бурю и Зеленый устроил профилактику двигателям, Селезнев с Полосковым ходили на экскурсии, собирали гербарии, семена плодов и ягод.

Как-то, за день до отлета, профессор забрел довольно далеко, к небольшому озеру. День был теплый, профессор хотел было искупаться, как услышал, что кто-то ломится сквозь кусты к берегу. Профессор очень удивился, так как был уверен, что на планете нет животных. И даже не взял с собой никакого оружия.

Он хотел уже вызвать по рации подмогу, но тут увидел, как из кустов на берег выбежал золотой медвежонок — такого красивого создания ему еще видеть не приходилось. Медвежонок спешил к нему и вовсе не испугался сначала. Но в нескольких шагах от профессора он замер и испуганно заморгал сиреневыми глазами. Профессор понял, что медвежонок потерялся и ищет свою маму. И при виде незнакомого существа он, конечно же, оробел.

Стараясь говорить тихо и ласково, профессор произнес:

— Не бойся меня, малыш. Я не причиню тебе вреда. Мне только хочется тебя снять, чтобы на Земле наши дети увидели, какие зверюшки водятся в этой части Галактики.

Но при виде видеокамеры медвежонок оскалился, зарычал и кинулся было, выставив перед собой длинные когти передних лапок, на профессора, и профессору даже пришлось отскочить, чтобы его не поранило когтями.

— погоди! — крикнул профессор вслед медвежонку, который улепетывал в лес. — погоди ты, в конце концов! Неужели ты человеческого языка не понимаешь?

Профессор от огорчения совсем позабыл, что имеет дело с диким, да еще инопланетным зверем.

А когда он возвратился на «Пегас» и рассказал об удивительной встрече своим товарищам, механик Зеленый сказал:

— А если он ядовитый? Ну кто кидается на зверей с голыми руками?

Конечно же, Зеленый был совершенно прав.

Весь следующий день профессор Селезнев, взяв небольшой катер, который был на борту «Пегаса», летал над планетой. Он рассуждал так: если я видел медвежонка, значит, на планете должны водиться медведи. Иначе медвежонку было неоткуда родиться. Но если на планете есть медведи, то на ней водятся и другие животные. Не бывает же так, чтобы на целой планете завелись только медведи и никто больше не завелся.

Профессор Селезнев снимал сверху лес и поляны под большим увеличением, он опускался в подозрительных местах и залезал в самую чашу, даже смотрел под корнями и в траве. Но ни одного животного, даже крошечного, он не нашел. Не говоря уж о таких крупных зверях, как медведи.

Селезнев был в полной растерянности. Когда он вернулся на корабль, Полосков, видя, как расстраивается начальник экспедиции, сказал:

— А может быть, медвежонок и не было? Может быть, вам очень хотелось увидеть на

планете какое-нибудь животное, вот вы и вообразили медвежонка?

— Вот именно! — сказал Зеленый. — Типичная галлюцинация. Пора нам возвращаться, а то как бы чего не вышло.

— Но я же его снимал! — воскликнул профессор.

— Но не успели снять, — заметил Полосков.

Профессор понурился, потому что и сам уже сомневался, что видел медвежонка. Ведь по всем законам биологии его быть на планете не могло. Не может существовать единственное животное в целом мире. Это или волшебство, а волшебства почти не бывает, или обман зрения. А обман зрения на чужих планетах встречается довольно часто.

Полосков уже готовил корабль к подъему, а профессор Селезнев подошел к иллюминатору и грустно смотрел на кусты и деревья снаружи, расстраиваясь оттого, что ему не удалось разгадать эту тайну.

Когда еще удастся кому-нибудь попасть на эту планету?

За иллюминатором был туманный, сумрачный день. Планета казалась совсем мертвой.

— Что они, вымерли, что ли! — в сердцах воскликнул профессор Селезнев.

И тут он увидел, как из кустов, по брюхо в тумане, выбежал медвежонок и встал на задние лапы. Словно он прибежал проводить гостей.

— Полосков! Зеленый! — закричал профессор. — Что я вам говорил?

Капитан и механик подбежали к иллюминатору и наконец-то убедились, что профессор не сошел с ума и не воображает животных.

— Какой красавец! — воскликнул Полосков.

— Наверное, ядовитый, — сказал Зеленый.

— Но он совершенно один на всей планете! — возразил Селезнев.

— Может быть, возьмем его с собой? — предложил Полосков.

— Он убежит, — ответил Селезнев.

— Не берите, — сказал Зеленый. — На нем блохи.

Селезнев вышел из «Пегаса». Медвежонок на этот раз никуда не убежал. Наоборот, он подждал Селезнева у самого люка, и, как только тот вышел, медвежонок доверчиво протянул ему лапу. Как ручной.

Когти он убрал, а ладонь у него оказалась теплой и мягкой.

Медвежонок что-то урчал и тянул Селезнева к люку.

— А как же твои родители? — спросил Селезнев.

Медвежонок посмотрел на него, и тут профессор увидел, как из глаз зверя текут слезы.

— Ну, не расстраивайся! — сказал Селезнев. — Не надо. Ты сирота? Ты потерялся? С твоей мамой несчастье?

Разумеется, медвежонок ничего не понял, но доверчиво прижался к ноге человека. И все попытки Селезнева отправить его обратно в лес ни к чему не привели.

И тогда, после короткого совета, большинством в два голоса против одного медвежонок попал на борт «Пегаса». И в тот же день все его полюбили.

Был зверек ласковым, доверчивым, совершенно ручным — можно было допустить, что он никогда не испытывал вреда от людей. Медвежонок оказался вегетарианцем. Он ел плоды, которые Селезнев собрал для него на планете, а когда они кончились, с удовольствием перешел на яблоки и сырую картошку.

Зеленый, конечно же, ворчал, что по кораблю шастают медведи, но на самом деле больше всех любил медвежонка и даже подолгу разговаривал с ним и уверял, что

понимает желания медвежонок, когда тот урчит или сопит. Правда, почему медвежонок остался сиротой, понять он тоже не смог.

Сначала медвежонку постелили в кают-компании, но как-то ночью он проснулся и залез на пульт управления. Там разорвал лежавший на столе звездный атлас и справочник кораблей. С тех пор на ночь шалуна запирали в клетку, что ему страшно не нравилось.

Профессор Селезнев на пути домой внимательно проверил все пленки, которые снял на планете медвежонок, но приборы уверенно показали, что никаких живых существ крупнее комара на планете не водится.

Медвежонок не возражал, когда Селезнев осматривал, выслушивал и изучал его. Профессор даже написал статью в «Вестник космической зоологии», когда вернулись на Землю, разослал номер всем своим коллегам в других зоопарках с запросом, не встречалось ли кому-нибудь из них такое животное. Но оказалось, что никто из зоологов такого зверька не встречал.

А пока что медвежонок жил в Космозо, стал любимцем публики, и особенно он любил, когда Елена Федоровна на цепочке водила его гулять по дорожкам парка после закрытия Космозо. Он ни разу не пытался убежать и никогда не выпускал своих когтей.

Конечно, если его никто не пугал...

Как-то они шли с Еленой Федоровной по дорожке, и служительница провела его мимо клетки с тигрокрысом с планеты Пенелопа. Тигрокрыс при виде медвежонка зарычал и начал бить раздвоенным на конце хвостом по полу клетки. Медвежонок, перепугавшись, кинулся прочь, потащил с неожиданной силой Елену Федоровну, а когда она пыталась его остановить, принялся отбиваться от нее и оставил на память об этом два длинных шрама у нее на руке. Елена Федоровна говорила всем, что сама виновата, а медвежонок, словно чуял свою вину, так уж ластился к ней, так урчал, что не простить его было невозможно.

Правда, и тигрокрыса вскоре наказала судьба. Каким-то образом это чудовище смогло ночью втащить в клетку грабли, оставленные возле дорожки садовником. А втащив их, тигрокрыс решил грабли наказать и попытался их сожрать. И хоть его зубы и желудок могут перемолоть и переварить почти все, грабли в этот список не входят. Вот и угодил тигрокрыс в госпиталь. Там его усыпили и вырезали из него куски пережеванных граблей. Нельзя сказать, что после этого тигрокрыс стал добрее, но по крайней мере осторожнее.

А однажды медвежонок, которого уже все в Космозо звали Женей, показал себя храбрецом. И вновь при том присутствовала Елена Федоровна.

Неподалеку от домика медвежонок располагался вольер с крикушами — птицами, которые умеют подражать различным звукам и летают вниз головой. А так в них нет ничего особенного, если не считать того, что живут они на самом краю Галактики, встречаются очень редко, а их гнезда — большие скирды соломы или сена. Представляете: сама птичка — чуть больше голубя, а гнездо — чуть ли не с человека ростом. Так что вольер крикуш весь уставлен копнами сена, словно большими муравейниками.

Эти птицы почему-то невзлюбили медвежонка. Стоило ему на прогулке приблизиться к их вольеру, они поднимали страшный шум и норовили просунуть сквозь сетку свои тонкие длинные клювы, чтобы ущипнуть звереныша.

Да и по ночам они иногда просыпались и, словно желая повторить дневной урок, начинали хором, перебивая друг дружку, изображать какой-нибудь новый звук, который им удалось подслушать днем — то гудят, как сорок пожарных машин, то плачут, изображая маленького ребенка, который потерял в Космозо маму. А представляете себе, как могут

плакать сорок младенцев! В общем, медвежонку от крикуш были сплошные неудобства.

Как-то они гуляли с Еленой Федоровной по дорожке, и, когда миновали вольер с гнездами из сена, там начался пожар. Словно кто-то кинул внутрь спичку. Сено занялось мгновенно, птицы, одуревшие от дыма и жары, металась, стараясь вырваться наружу. И тут еще Елена Федоровна упала в обморок. То ли она упала в обморок, увидев, как начинается пожар, то ли сначала упала в обморок, а потом начался пожар... в любом случае медвежонок проявил себя настоящим героем.

Елена Федоровна рассказывала, и это подтвердили роботы-пожарные, которые первыми примчались к горящему вольеру, что медвежонок Женя изо всех сил тащил лежавшую на земле сотрудницу Космозо, уцепившись когтями за рукава ее куртки, чтобы языки пламени не достали ее.

Пожарные раскрыли вольер, оставшиеся в живых птицы вылетели наружу и разлетелись по окрестным улицам и паркам. К сожалению, те, которых не удалось найти, стали жертвами ворон и котов, потому что крикуши не знали, что вороны и коты их не любят.

С тех пор Елена Федоровна еще больше полюбила отважного медвежонка, и он отвечал ей взаимностью. А что касается нечаянного обморока, то доктор, который осматривал сотрудницу Космозо, сказал ей, что это случилось из-за переутомления. В то лето у нее на даче выдался невероятный урожай малины, смородины и яблок. И чтобы не пропали ягоды, она, сменившись с работы, мчалась на флаере в Абрамцево и там вечерами собирала ягоды, а ночи напролет варила варенье, делала компоты и наливки, так что поспать ей почти не удавалось целых две недели. Вот и довела себя...

Напоив Женю из бутылочки, Алиса его тщательно расчесала. От этого шерсть медвежонка еще больше заблестела. Алиса проверила, не попало ли ему что-нибудь между пальцами, и в очередной раз подивилась странному капризу природы. На ладошках медвежонка были нарисованы треугольнички с хвостиками — так иногда маленькие дети рисуют мышек. Когда Алиса рассказала об этих мышках отцу, тот сначала поднял ее на смех, потом все же пошел, поглядел на ладошки Женьки и объяснил Алисе, что это пигментация. И пока не удастся отыскать других медвежат и сравнить их ладошки, нельзя сказать, только ли у нашего Женьки такой узор на ладошках или у других мишек тоже.

Медвежонок не любил, когда Алиса рассматривала его ладошки — ему было щекотно. Он ворчал и вырывал лапы. Алиса засмеялась и оставила своего мохнатого воспитанника в покое.

— Алиска! — раздался тут голос ее друга Пашки Гераскина.

Елена Федоровна, которая его знала, пропустила Пашку внутрь стеклянной загородки.

— Ты что здесь делаешь? — удивилась Алиса. — Разве ты не готовишься к соревнованию?

Медвежонок вырвался из Алисиных рук и побежал к Пашке, как будто ужасно по нему соскучился. Пашка подхватил его на руки.

— Нельзя его так баловать! — возмутилась Елена Федоровна. На самом деле она так не думала, но ей самой нравился медвежонок, и она хотела, чтобы баловала его только она сама.

— У меня собственная программа исследования Женечки, — сказал Пашка. — Я намерен разбудить в нем разум.

— Что? — изумилась Алиса.

— Я убежден, что наш медвежонок обладает зачатками разума, и, когда я его научу

читать и писать, он расскажет нам про свою судьбу. Ведь нельзя же оставить ребенка сиротой, нельзя не разгадать эту страшную тайну!

— И как же ты его научишь читать и писать? — спросила Алиса.

— А вот так!

Пашка раскрыл свою сумку и высыпал из нее на пол груды картонок — набор для детей, которых учат читать. На каждой картонке была большая буква.

Медвежонок подошел к буквам и начал их двигать по полу, как будто понимал, что от него требуется.

— Что же дальше? — спросила Алиса с недоверием.

— Дальше требуется терпение, — заявил Пашка. — И оно у меня есть.

Он вытащил из груды карточек букву «а», положил перед медвежонком и произнес:

— А! Аaaa!

Медвежонок внимательно глядел на Пашку и ничего не отвечал.

— На что же ты рассчитываешь? — спросила Алиса. — Он же не умеет говорить. Тем более по-русски.

— Научим, — сказал Пашка. — И, если у тебя есть другие дела, ты можешь нас покинуть.

— Ничего, я посмотрю, — ответила Алиса.

Пашка продолжал выкладывать перед медвежонком карточки и называл буквы. Медвежонок слушал его внимательно, как будто что-то понимал. Алисе хотелось смеяться. С таким же успехом можно было учить грамоте простого бурого медведя или кота.

А Пашка терпеливо выкладывал карточку за карточкой, потом принялся складывать карточки по две. Получались слоги.

Наконец медвежонку надоело глядеть на игру, которую предложил гость, и он отвернулся от карточек.

— Женька, нельзя! — рассердился Пашка. — Мы же с тобой работаем!

Но медвежонок спокойно сел на карточки, разложенные Пашкой, и стал глядеть на дверь. Алиса-то понимала, почему он туда смотрит: вот-вот должны принести его обед.

— Совсем еще ребенок, — проворчал Пашка и, оттолкнув Женьку, собрал карточки в сумку. — Только пускай он не воображает, что я отступлюсь. Вы плохо знаете Гераскина. Я научу этого болвана читать!

И он пошел к выходу.

Медвежонку принесли обед — большое блюдо различных фруктов и овощей. Он сразу забыл о гостях, схватил большой банан и, забыв очистить, принялся жевать.

Вслед за Пашкой покинула клетку и Алиса. Она догнала друга.

Пока они шли по дорожке к выходу, Алиса вспомнила.

— Пашка, — спросила она, — ты не обращал внимания на странный рисунок на его ладошках?

— Ладочки как ладошки, — ответил Пашка, который не выносил, если кто-то знал о чем-то больше его. — А что?

— Там вот такие треугольники с хвостиками, как мышки.

— Нет, — сказал Пашка, — я стараюсь не смотреть на мелкие детали, чтобы не отвлекаться от большого и главного. А что твой отец говорит?

— Он считает, что это пигментация. То есть это у него от рождения.

— Профессору Селезневу лучше знать, — ответил Пашка.

Незаметно прошло несколько дней. Новостей особенных не было. Пашка регулярно ходил к медвежонку и упрямо раскладывал перед ним карточки, а медвежонок так же упрямо в карточках не разбирался. Елена Федоровна рассказала Алисе, как был наказан один глупый подросток, который дразнил медвежонка.

— Я как раз собиралась выходить из домика. Вдруг слышу — Женечка рычит. Это для него так нетипично. Гляжу: за стеклом какой-то перекормленный дурак передразнивает Женечкину манеру ходить — ну, знаешь как, вразвалочку. Я думаю — вот сейчас выйду и сделаю ему выговор. Вышла. Вижу этого хулигана. Подхожу к нему — и тут сознание потеряла, на одну секунду. Очнулась на полу. А рядом лежит этот хулиган, и на лбу у него здоровая шишка. Я, конечно, к нему: что случилось, почему вы упали? А он представляешь что мне сказал? Он сказал, что это я его по голове каблуком стукнула. Будто бы я сняла с ноги туфлю и по голове его стукнула. Ты представляешь, чтобы я была на это способна?

Алиса засмеялась. Конечно же, Елена Федоровна была к такому совершенно не способна. Она очень маленькая и хрупкая пожилая женщина, у нее уже два внука есть, она никого в жизни ни разу не ударила. Тот парень, который медвежонка дразнил, не стал, правда, никому жаловаться — стыдно стало с бабушкой воевать. Но Елена Федоровна так переволновалась, что ей пришлось лечь в постель.

Так как специального опекуна медвежонка на эти дни не стало, то Пашка с Алисой сговорились приходить к нему, чтобы медвежонку не было скучно.

Алиса брала с собой книжку. Или карманный компьютер, чтобы готовить уроки. Женечка никогда ей не мешал. Он дремал, лежа у ее ног, или смотрел на дисплей компьютера, как будто что-то мог понять.

На третий или четвертый день Алисе пришлось удивиться.

В Космозо был выходной, посетителей нет, дорожки пусты.

Она пришла немного раньше, чем обещала, и Пашка еще не кончил урока. Алиса остановилась в дверях, чтобы не мешать, и стала смотреть, как ведет себя медвежонок. И тут она, к своему изумлению, увидела, что Женечка складывает из карточек слова «девять вечера». Именно «девять вечера». Не «мама» или «папа», как можно было бы ожидать от очень способного инопланетного медвежонка, а весьма сложные слова, которые не каждый первоклассник напишет.

Первая мысль Алисы была: «Пашка гений!» Научил читать инопланетного медведя!

И тут Женечка заметил Алису. В мгновение ока он смешал карточки и отвернулся от Алисы, словно ее и не было в домике.

— Что за тайны? — засмеялась Алиса. — Я все видела, от меня не скроется.

Но тут же ей пришлось оборвать смех, потому что медвежонок страшно, низким-низким голосом зарычал, а с Пашкой тут случилось что-то совсем уж невероятное. Он вскочил, пошатнулся, словно был не в себе, кинулся к Алисе, и Алиса мгновенно поняла, что Пашка не владеет собой.

— Паша! — крикнула она.

Пашка прыгнул на нее и попытался схватить за горло. Алиса отбивалась от Пашкиной хватки, и в ее ушах все время звучало странное рычание медвежонка.

Вообще-то Пашка и Алиса по силам примерно равны — им уже приходилось сражаться, правда шутя, не так, как на этот раз. Но в Пашку словно вселился злой дух — руки у него

были стальными и пальцы как железные крючья.

И неизвестно, чем бы окончилась борьба, если бы дверь в домик не отворилась. В дверях стояла Елена Федоровна с узелком в руке.

— Что такое? — Елена Федоровна так ничего и не поняла, потому что Пашка тут же отпустил Алису и выбежал на улицу.

Медвежонок замолк и мгновенно забился в угол. Лишь Алиса осталась стоять у стены, растирая оцарапанное Пашкиными ногтями горло.

— Что-нибудь случилось? — спросила Елена Федоровна. — Вы поссорились?

— Нет, — ответила Алиса, проглотив слюну. — Нет, ничего особенного. Паша... просто очень спешил.

Ну не будешь же ты малознакомому человеку объяснять, что твой друг напал на тебя, как дикий зверь, и пытался задушить.

Все это было загадочно и даже страшновато.

Алиса сделала шаг к медвежонку. Он поднял на нее сиреневые глаза. Глаза были печальные-печальные и очень виноватые.

— Ну, как ты все это объяснишь? — спросила Алиса у медвежонка.

А тот заскулил, как побитый щенок.

Алиса посмотрела на карточки, разбросанные по полу. Если бы она что-нибудь понимала!

А Елена Федоровна, решив, что все ей почудилось, радостно произнесла:

— Здравствуй, мой звереныш! Я не смогла усидеть дома — так по тебе скучала. Видишь, испекла тебе пирог с яблоками. Ты же любишь пирог с яблоками?

Медвежонок поднялся и, переваливаясь, потопал к Елене Федоровне.

Подойдя, он протянул лапку к узелку.

— Понимает! — обрадовалась Елена Федоровна. — Умненький ты мой!

Алиса, не прощаясь, ушла.

Из дома она провидеофонила Пашке. Того не было дома. Интересно, как он объяснит свое нападение? Может быть, он хотел сделать сюрприз? Удивить весь мир тем, что научил медвежонка грамоте, и обиделся на Алису за то, что она подглядела и испортила сюрприз? А что означало рычание медвежонка? Может, он просто перепугался, когда Пашка напал на Алису?

Когда Алиса пришла домой, мама была на кухне. На плите стоял бак, в котором варился борщ.

Алиса сразу догадалась, кто к ним будет в гости, — только громадный, ростом со слона, добродушный и вспыльчивый космический археолог и знаток галактических древностей Громозека мог съесть целый бак борща за один присест. Он любил мамин борщ так, что готов был перелететь половину Галактики для того, чтобы его отведать.

— Ой, мама! — обрадовалась Алиса. — Неужели Громозека прилетел?

— Он был на конференции, — сказала мама, — и по пути домой решил нас навестить.

Тут загремел старый кухонный комбайн, в который отец засыпал два ведра картошки и, конечно же, его перегрузил.

И Алиса, забыв о Пашке, и медвежонке, и всех странностях Космозо, о которых только что собиралась рассказать отцу, принялась помогать родителям готовить обед для дорогого гостя.

Громозека заявился не один. Он сделал замечательный сюрприз своим друзьям. Когда

он втиснулся в дверь и пробился в прихожую, то тут же вытащил из мешков, пришитых к его одежде и называемых им скромно кармашками, двух маленьких громозек. Оказывается, у него родилось четверо детей. Двоих он оставил со своей женой, а двоих взял с собой на конференцию, чтобы они с детства приучались к научной обстановке. Одного маленького громозеку звали Помогризом, а второго Земогроком, их было трудно различить, правда, один был в синем костюме, а второй в красном. В красном был Помогриз, и хобот у него был короче, чем у брата, а в синем был Земогрок, и у него было на два щупальца больше. А вообще-то малыши были ростом побольше Алисы, а в объеме раз в пять крупнее ее. Так что пока Алиса и отец развлекали гостей, маме пришлось срочно ставить на плиту вторую порцию борща — на этот раз в ведре, — потому что, оказывается, папа Громозека уже два месяца рассказывал своим малышам о том, как они прилетят к Селезневым и как мама Алисы приготовит им сказочный борщ.

За обедом Громозека и его малыши вели себя как умирающие от голода дикари: пока они не съели весь борщ и не умяли три противня с жареной картошкой, не выпили шесть литров яблочного сока и восемнадцать банок компота из слив, они не разговаривали, а только ахали, охали и вздыхали от наслаждения. Потом, прямо за столом, малыши заснули, и, хоть мама хотела положить их в Алисиной комнате, папа Громозека заявил, что им куда лучше у папы под боком, и засунул спящих малышей в мешки-карманы своей куртки. Малыши мирно спали, только иногда поворачивались и бормотали или смеялись во сне, от этого Громозеку раскачивало, и пол под ним скрипел — ведь нет такого стула, на котором бы уместился Громозека.

Отец стал расспрашивать Громозеку об общих друзьях — им не раз приходилось работать на разных планетах в совместных экспедициях. Но после второго или третьего вопроса Громозека вдруг опечалился и опустил голову.

— Прости, — произнес он глухим голосом, — но нашего друга Гинде-бу нет в живых. Он погиб.

— Прости, — сказал отец. — Но как это случилось?

— Наша экспедиция работала на небольшой планете, давным-давно оставленной своими жителями. Оттуда коллеги сообщили нам, в Археологический центр, что отыскивали сокровищницу древних царей и просят подмоги, потому что надо было описать, сохранить и вывезти эти сокровища. Мы срочно вылетели туда на большом корабле. Но когда прилетели, то не нашли ни одного живого человека...

— И не нашли сокровищ? — сказал отец.

— Кто-то узнал о сокровищах, налетел на планету, застиг экспедицию врасплох и безжалостно убил ученых.

— Чтобы замести следы? — догадалась мама.

— Вот именно, — согласился Громозека.

— Но как они узнали о сокровищах? — спросила мама.

— Все просто, — сказала Алиса. — Экспедиция наверняка вызывала вас открытым текстом.

— Разумеется.

— Это были космические пираты? — спросила мама.

— Космические пираты не перебили бы целую экспедицию. Ну, в крайнем случае захватили бы всех заложниками. Нет, пираты — грабители, но не убийцы.

— Так кто же это был? — спросил отец.

— Так и не удалось узнать.

— И никаких следов? — спросила Алиса.

— Никаких. Впрочем, нет, погоди... Где же эта проклятая штука? Я всегда ношу ее с собой и всем показываю... Вдруг найдется кто-то, кто видел нечто подобное.

Громозека начал шарить многочисленными щупальцами по многочисленным карманам, его детишки проснулись, высунулись из карманов и тоже начали искать — хотя не знали, что искать, и потому вываливали на пол пуговицы, записные книжки, какие-то книжки, кассеты, аппараты, бумажки, пленки, черепки, бусинки... И скоро пол в комнате был по щиколотку засыпан содержимым карманов археолога.

— Вот! — наконец закричал Громозека, когда все отчаялись дождаться.

Он вытащил из нагрудного кармана небольшую фотографию. На ней был виден участок стены или какой-то каменной плоскости, на которой мелом был нарисован треугольник с хвостом, как будто какой-то малыш рисовал мышку.

— Но это же детский рисунок! — сказала мама. — Это мышка.

— Нет, — возразил Громозека. — Лучшие детективы изучали этот рисунок. Он сделан взрослой сильной рукой именно в тот день, когда погибла экспедиция и пропали сокровища. Если я узнаю, кто и почему нарисовал эту мышку, то смогу приблизиться к тайне гибели моих друзей.

— Я помогу тебе, — сказала Алиса.

— Что ты говоришь? — удивился отец.

— У тебя слишком плохая память для ученого, — укоризненно сказала Алиса. — Ты забыл, что я тебе несколько дней назад говорила об этом рисунке.

— Ты? Мне? — Отец был искренне удивлен.

— Как вредно не обращать внимания на открытия, которые делают дети, — произнесла Алиса. — А я с самого начала почувствовала неладное.

— Так говори, говори! — воскликнул Громозека.

А его детишки высунулись из карманов и даже завизжали от нетерпения.

И тогда Алиса рассказала, что точно такие же треугольники с хвостиками есть на ладонях золотого медвежонка.

Отец, разумеется, сказал, что это случайное совпадение, но Громозека отнесся к словам Алисы серьезно. И тут же стал собираться в Космозо.

Естественно, отец с мамой стали отговаривать Громозеку, убеждать, что лучше съездить завтра — сейчас Космозо уже закрыт. И открывать его — дело сложное.

Алиса не слушала спора взрослых. Она знала, что Громозека настаит на своем. Ее беспокоило совсем другое — она вспомнила, какие слова были сложены на полу в домике медвежонка: «Девять вечера». Конечно, слова могли быть чисто учебным упражнением и ничего не значить. Или относиться к любому другому дню. А могли...

Алиса кинулась к видеофону и набрала номер Пашки. Подошла Пашкина мама.

— Простите, — спросила Алиса. — Паша пришел?

— А разве он не у тебя? — удивилась Пашкина мама. — Он сказал, что пошел к тебе делать домашнее задание по генетике.

Алиса хотела было сказать неправду, потому что неправду можно говорить, когда надо успокоить родителей. Но так как на нее одновременно посмотрели ее собственные родители, Громозека и маленькие дети Громозеки, она вынуждена была сказать правду:

— Нет, он еще не приходил.

— Но уже десятый час! — воскликнула мама Пашки.

— Но вы же его знаете, — ответила Алиса. — Он такой увлекающийся.

— Так вот, когда твой увлекающийся друг придет, — строго сказала Пашкина мама, — вели ему немедленно позвонить домой.

— Конечно, конечно, — пообещала Алиса и быстро выключила экран.

Она обернулась. Все смотрели на нее.

— Что еще с твоим Пашкой? — спросила мама.

— Он учил медвежонка читать и складывать слова, — призналась Алиса.

И рассказала о том, что случайно подглядела сегодня, как Женечка складывал странные слова.

— Ох и не нравится мне это, — совсем как Зеленый, произнес Громозека, и они все побежали к Космозо, благо бежать до него было всего пять минут.

От ворот отец вызвал ночного дежурного, тот открыл служебный вход.

По пути к домику медвежонка отец спросил у дежурного:

— Никаких событий?

— В общем, все в порядке, — ответил дежурный, но в голосе его была неуверенность.

Отец сразу почувствовал ее и остановился.

— Что значит «в общем»? — спросил он строго.

— Но, может, мне показалось...

— Говорите. Быстро!

— Полчаса назад мне показалось, что на территорию опустился флаер.

— Как так показалось?

— Но потом я подумал, откуда здесь быть флаеру в такое позднее время, — ответил дежурный.

— Где опустился флаер?

— Вон там, возле домика, где наш медвежонок живет.

— Вот именно! — воскликнул Громозека. — Этого я и опасался.

— Вы проверили? — спросил отец дежурного.

— Вот как раз собирался.

— Разумеется, — вздохнула Алиса. Ведь дежурный смотрел триста шестую серию фильма «Бедным тоже щекотно» и не мог оторваться от переживаний за судьбу обнищавшей герцогини Леокадии.

Отец отмахнулся от дежурного и поспешил вслед за Громозекой.

Самые худшие их подозрения оправдались.

Дверь в домик медвежонка была распахнута, а домик пуст.

— Сбежал! — ахнул отец.

— Ему помог бежать мой Пашка, — сказала Алиса. — И я теперь очень беспокоюсь за его судьбу.

— Что ты говоришь! — возмутилась мама. — Почему ты должна бояться? Ну, мальчик шалит...

— Мальчик-то, может, и шалит, — произнес Громозека. — Но вот ваш золотой медвежонок, вполне вероятно, не такой уж невинный зверек, как вам кажется.

— Ты его не видел! — возразила мама. — Если бы его увидел, ты бы понял, какой он очаровашка.

— Не все то золото, что блестит, — сказал тогда Громозека, который знал множество

русских поговорок и очень любил употреблять их к месту и не к месту.

— Что теперь делать? — спросил отец, как бы передавая этим командование Громозеке. Он был очень расстроен, что не смог увидеть опасности: ведь, как и все, он был очарован милейшим медвежонком.

— Теперь надо спешить на космодром, — сказал Громозека. — У меня есть подозрение, что этот ваш медвежонок с помощью мальчика Паши постарается улететь с Земли.

— Но почему? Почему он оказался совсем один на дикой планете?

— Вот именно это и должно было тебя насторожить, — ответил Громозека. — Подумай: откуда может взяться такое большое животное на планете, на которой нет даже мелких зверюшек, тем более нет родственников золотого медвежонка?

— Мы думали об этом, — признался отец и развел руками.

— Так бежим на космодром.

— Нет, — возразил профессор Селезнев. — Бежать туда — дело долгое. Да и флаер надо вызывать. Пошли ко мне в кабинет, оттуда мы позвоним на космодром и предупредим охрану.

Все согласились, что это самое мудрое решение, и через пять минут они уже были в отцовском кабинете.

Отец дозвонился до космодрома. Дежурный был вежлив и, когда узнал, что из Космозо убежало редкое животное, которое может попытаться улететь на корабле, встревожился и тут же согласился, что искать медвежонка следует тихо, не объявляя об этом вслух, чтобы не спугнуть медвежонка и тем более не перепугать тысячи пассажиров, что толпятся в помещениях вокзала. Дежурный записал и приметы Пашки, который мог быть вместе с медвежонком.

— Вот теперь мы можем ехать на космодром, — сказал отец. — Сейчас я вызову флаер.

— Подожди, папа, — остановила его Алиса. — Скажи, пожалуйста, а ты уверен, что они с Пашкой полетели на космодром?

— А куда же еще?

— Куда угодно, — ответил за Алису Громозека. — Мы же ничего не знаем. Даже не знаем, какие у них с Пашей отношения и кто из них командир.

— Боюсь, что командир — Женечка, — проговорила Алиса. — Только такая последняя дура, как я, могла спокойно смотреть на слова, сложенные медвежонком, и не поднять из-за этого тревогу на всю Москву. Почему я не догадалась, что дикое животное, прожившее на Земле всего три недели, не может складывать буквы на чужом языке. А если может, то тогда это никакое не животное.

— Вот я и думаю, — сказала мама, — почему медвежонок прямо не поговорил с твоим Пашей, если они такие друзья?

— Да потому что он водил Пашку за нос! Он оказался умнее всех нас вместе взятых. Пашка хотел научить его с помощью карточек. И Женечка сообразил, что если он выучится под Пашкиным мудрым руководством, то Пашка будет так счастлив, что дальше можно из него веревки вить. Если бы он попытался Пашке что-то приказать словами, то Пашка бы сразу заподозрил неладное и сказал бы об этом мне или папе. Но карточки! Гениальное Пашкино изобретение!

— Алиса права, — согласился профессор Селезнев. — Но если медвежонок попросил Пашку отвезти его на космодром, чего он этим добьется? Ведь Пашка не может положить

его в карман. У него нет минимизатора.

— Да и с минимизатором ничего бы не получилось, — сказала Алиса. — Пашка не может вместе с Женечкой улететь с Земли, потому что у нас послезавтра контрольная по генетике, а Светлана сказала, что если Пашка ее не напишет по-человечески, то не видать ему летнего путешествия как своих ушей.

— Тогда что же он сделал? — в отчаянии воскликнул Селезнев.

Алиса понимала, что отец прав — получалась неувязка. Что же понадобилось медвежонку Женечке от Пашки Гераскина?

— Что мы знаем об этом медвежонке? — спросил Громозека. — О его способностях и странностях? Не может быть, чтобы вы ничего не заметили.

— Я заметила! — воскликнула Алиса. — Только для этого мне нужно позвонить Елене Федоровне.

— Зачем? — спросил папа.

— А затем, что в Космозо случались некоторые незначительные события, которые не получили объяснения, — сказала Алиса.

— Какие? — спросил отец, встревожившись.

— Например, пожар у крикуш. Или тот случай, когда тигрокрыс чуть не подавился граблями. Или когда Елена Федоровна одному глупому человеку хотела голову проломить.

— Что? — удивился отец.

Оказывается, о последнем событии он даже не знал.

Алиса уже набрала номер Елены Федоровны. Та словно ждала звонка.

— Что случилось? — спросила она. — Что он еще натворил?

— Вы кого имеете в виду? — спросил Громозека.

И Елена Федоровна, которой не приходилось встречать его раньше, не догадалась, что это профессор археологии и знаменитый ученый, она увидела слоноподобного осьминога или спрутоподобного слонопотама. И от страха выключила видеофон.

— Теперь ты немного подождешь, — сказала Алиса. — А я сама с ней поговорю.

Оба детеныша Громозеки высунулись из его карманов и принялись возмущаться поведением людей.

— Как можно? Как можно? — кричали они. — Наш папочка самый красивый. Мы не позволим, мы не допустим!

Громозеке пришлось заткнуть головки малышей в карманы и застегнуть карманы на «молнию».

Со второго раза Алиса дозвонилась Елене Федоровне. Та уже поняла, что проявила невежливость, и потому чувствовала себя виноватой. Громозека-то обиделся, отошел от видеофона и даже повернулся к нему спиной.

— Елена Федоровна, что-то случилось с вашим медвежонком, — сказала Алиса. — Даже не что-то, а он сбежал.

— Я этого ждала! — вздохнула пожилая женщина.

— Но если ждали, почему не сообщили директору Космозо? — поинтересовался профессор Селезнев.

— Так я думала, что рехнулась, — призналась Елена Федоровна. — С одной стороны, я не встречала никого милее и тише нашего питомца, а вот с другой стороны...

— Он не всегда был таким, каким казался окружающим? — спросила Алиса.

— Вот именно. Всем казался, а на меня внимания не обращал, потому что думал, что

никто не поверит старой глупой бабке. То оскалится, то укусит, то ямку выроет на моей дороге, чтобы я ногу сломала, то испугает исподтишка... В общем, натерпелась я с ним!

— А вот тот случай, когда тигрокрыс грабли жевал...

— А я ничего не видела!

— Как же не видели! — снова вмешался отец. — Вы же с животным гуляли по дорожке.

— Гулять гуляла, а ничего не видела.

— Пускай женщина объяснится, — произнес, разворачиваясь, Громозека.

— Я долго голову ломала, — сказала Елена Федоровна, — но ничего не вспомнила. Как будто проспала самое важное.

— А второй случай? Когда вольер крикуш сгорел?

— Тоже загадка! — воскликнула женщина. — Ничего не помню.

— И случай с шалуном-посетителем?

— Совсем уж непонятно. Вроде бы присутствовала, должна была все видеть — и не видела.

— Пожалуйста, Елена Федоровна, расскажите нам об этом подробнее, — взмолилась Алиса. — Нам это очень важно!

— Алиса права, — поддержал Громозека. — Я вас очень прошу!

— Но я мало что могу рассказать, — ответила Елена Федоровна. — Я ничего не помню! То есть я помню, как мы шли и как мы смотрели на тигрокрыса, а он скалился на Женечку, а потом... потом какой-то провал в памяти, и я уже вижу только, как тигрокрыс давится этими граблями, а медвежонок улыбается...

— Улыбается? — переспросил профессор.

— А у меня внутри было так тепло-тепло, как будто случилась большая радость. — Елена Федоровна виновато опустила голову. Она, конечно же, понимала, что нормальному человеку, а тем более сотруднику зоопарка не может быть тепло и хорошо, если какому-нибудь животному плохо и больно. Но воспоминание было таким приятным!

— Скажите, — спросил Громозека, — а когда загорелись эти...

— Крикуши? Точно так же, — ответила Елена Федоровна. — Я помню, что было до пожара, а потом помню сам пожар. А вот что было... как он начался — не припоминаю.

— И, конечно же, не помните, как ударили молодого человека?

— Я не могла ударить человека! Это недоразумение! Я даже муху не могу прихлопнуть!

— Не помните?

— Не помню!

— Спасибо, Елена Федоровна, — сказал отец.

— Мне подавать заявление об уходе? — спросила женщина.

— Почему же? — удивился отец. — Вы хороший работник и любите животных.

— Но ведь я замешана в таких грязных историях!

— Ах, Елена Федоровна! — сказал тогда директор Селезнев. — Вы же все давно поняли, только сами себе не смеее признаться, потому что жалеете медвежонка. Вы же понимаете, что каким-то образом он замешан в этих каверзах!

— Нет, я отказываюсь в это верить! — воскликнула Елена Федоровна сквозь слезы. — Простите, я больше не могу...

Экран погас.

В кабинете Селезнева стало совсем тихо. Слышно было лишь, как о стекло окна бьется оса. Громозека протянул щупальце и открыл окно, чтобы оса могла улететь.

— Но как он это делал? — спросил сам себя Селезнев.

— Я думаю, что он вовсе не животное, — сказала Алиса. И все кивнули, потому что думали так же.

— Вас всех сбивало то, что медвежонок, — заметил Громозека, — так похож на ваше земное животное, только лучше и красивее.

— И даже добрее, — добавила Алиса.

— Если Елена Федоровна не может простить себе ошибки, — произнес Селезнев, — то что делать мне, опытному ученому, который не отличил медвежонка от хитрого и разумного инопланетянина.

— А потому, папочка, — сказала Алиса, — что этот медвежонок не хотел, чтобы ты догадался, кто он на самом деле.

— Но почему? Почему?

Ответ на этот вопрос пришел буквально через три секунды.

— Вас вызывает космопорт, — сообщил видеофон.

Экран загорелся. На нем появился дежурный.

— Профессор Селезнев? — спросил он.

— Я здесь.

— Вы беспокоились о золотом медвежонке? — спросил он.

— Да! Вы его нашли?

— Нет, — ответил загадочно дежурный. — Это они нас нашли.

И тут же на экране появились три золотых медвежонка. Именно три, именно золотых и именно медвежонка.

Были они крупнее Женьки, потемнее его, все три с портфелями и в очках.

— Мы просим встречи с вами, — сказал тот медвежонок, у которого были самые толстые очки. — Мы официальная делегация с планеты Лумм. Вряд ли вы о нас слышали, потому что мы живем совсем в другом конце Галактики, и даже ваш журнал со статьей о золотом медвежонке в Космическом зоопарке мы получили только неделю назад и сразу же выслали к вам военно-правительственную делегацию.

Три медвежонка поклонились экрану.

— Вы узнали... — сказал отец. — Вы узнали о чудовищном недоразумении. — Тут впервые в жизни Алиса увидела, как ее отец густо покраснел. — Да, мы совершили ошибку!

— Какую? — удивился главный медвежонок.

— Мы поместили в клетку и показывали посетителям разумное существо!

— Какое счастье, что вы так сделали. Хоть вы и не смогли, наверное, его полностью контролировать, но все же надеюсь, что в вашей клетке очень толстая и крепкая решетка.

— Что вы говорите! — испугался отец. — Нет, не думайте! Мы не варвары, ваш коллега... ваш соотечественник гулял на свободе.

— И еще не сбежал? — спросил второй медвежонок. — Я не поверю!

— Сбежал, — сказала Алиса в наступившей тишине.

— О ужас! — закричал третий медвежонок. — Вы должны тут же объявить всеобщую тревогу и ввести на планете карантин.

— Он болен! — догадался Громозека, и его карманы зашевелились. Из них бились и рвались наружу его детишки. — Он разносит страшную заразу!

— Он здоров, но он разносит страшную заразу! — ответил первый медвежонок. — Где он сейчас?

— Мы не имеем представления, — признался отец.

— Тогда вы должны прекратить все полеты, запретить все вылеты с Земли. Если он вырвется — мы ничего не можем обещать! Вы не представляете, к чему это может привести.

— Да погодите вы! — рассердился тут Громозека. — Что вы кудахчете, как курицы! Опасность, опасность... Какая может быть опасность от одного маленького звереньша?

Алиса понимала, что Громозека нарочно так говорит, чтобы члены военно-правительственной комиссии с планеты Лумм перестали спорить и скорее рассказали, что же представляет собой этот золотой медвежонок.

Но отец не понял Громозеку — видно, очень волновался — и потому остановил его.

— Нет, ты не прав, мой друг, — сказал он. — Не надо перебивать наших гостей. Они сейчас приедут к нам, и мы поговорим. Я же не снимаю с себя вины за происшедшее.

— Боюсь, нам некогда встречаться, — возразил отцу Громозека. — Лучше обменяться мнениями сейчас же. Если уважаемые члены комиссии в самом деле встревожены, пускай они в двух словах все расскажут, и мы начнем действовать.

И, видя, что отец не перечит ему, Громозека тут же задал главный вопрос:

— Кто этот медвежонок? Почему он оказался один на дикой планете? Почему он не признался в том, что он разумный, а тщательно изображал зверя?

После короткой паузы глава делегации начал свою речь:

— Имя этого... существа, которое вы называете медвежонком, Выпрахол Четвертый. В молодости он правил небольшим княжеством на острове того же названия...

— В молодости? — удивилась Алиса.

— Ему сейчас по вашим меркам... — сказал второй член делегации, — примерно шестьдесят три года и три месяца.

— Ничего себе медвежонок! — прошептала Алиса.

— Но ему не сиделось на острове, и он завоевал соседний остров. Он возглавил банду насильников и бандитов, без стыда и совести. И на нашу тихую планету пришла беда. Они назвали свою банду братством щита и кнута, и их гербом, который они рисовали повсюду и даже татуировали на ладонях, был треугольный щит, из-под которого высовывается конец кнута...

Конечно же, подумала Алиса. А мы считали это мышкой.

Отец покачал головой и тихо проговорил:

— Алиса же показывала мне этот знак! А я не поверил! Разве медвежата выжигают знаки на ладошках?

— Остров за островом, княжество за княжеством, страна за страной он покорил всю нашу планету и установил на ней дикие порядки. Никто не чувствовал себя в безопасности. Он был одержим желанием гадить всем хорошим людям. Часто даже его сподвижники и соратники вставали в тупик перед его преступлениями... Выпрахол Четвертый и его бандиты начали даже совершать нападения на другие небольшие планеты и всюду оставляли свой знак...

— И всюду оставляли свой знак, — повторил Громозека. — И убивали...

— Он убил моих родителей, — произнес второй член делегации. И голос его дрогнул.

— Да, — подтвердил глава делегации. — У маршала Варшула погибли родители, у меня подруга.

— А у меня запасная дочь, — произнес третий член делегации.

Алиса подумала, что обязательно надо будет спросить, что такое запасная дочь на той

планете? Но события, которые развернулись вскоре, так отвлекли Алису, что она забыла об этом спросить и до сих пор мучается.

— Наконец терпение нашего народа лопнуло! — Медвежонок в очках топнул лапой, а два других зарычали. — Началось восстание. Борьба была долгой и жестокой, погибли тысячи людей!

— И мой брат, — добавил второй медвежонок.

А Алиса подумала: когда они переводят свои слова на русский, то называют себя людьми. А мы их — медвежатами. Просто неприлично получается. Даже если ты произносишь такое слово мысленно.

— Власть кровавого диктатора и бандитов щита и кнута была свергнута. Большинство их были перебиты, а самого Выпрахола Четвертого разжаловали в Выпрахола Половинного...

— Да, именно так! — криками подтвердили эти слова остальные члены делегации.

— Для самого Выпрахола Половинного была придумана страшная медленная казнь. Его отвезли на самую отдаленную планету, где не было больше ни одного живого существа. Навсегда. До самой смерти.

— А мы его нашли, — сказал тогда профессор Селезнев. — И еще ломали голову — почему звереныш совершенно одинок? Что случилось с его родителями?

— Нам очень обидно, что вы нас спутали с какими-то неразумными зверями, — сказал глава делегации, а второй ее член, маршал Варшул, добавил:

— Это помогло хитрому и злобному Выпрахолу. Каким-то дьявольским образом он догадался, что вы не знаете о нашем существовании. Он удивительно способная и хитрая тварь. Я уверен, что уже через день он знал ваш язык и все понимал.

— Конечно же! — признался отец. — В первый день он от нас убежал. А на второй пришел снова.

— Он понял, что вы для него — нежданное спасение.

— Конечно, если вы не догадаетесь, что он известный злодей, — добавил маршал Варшул.

— А как мы могли догадаться? — вздохнул отец.

— Должны были догадаться, — не согласился с ним Громозека. — Иначе вас зря на вашей работе держат. Даже с биологической точки зрения вся эта история была чепухой. Как может одно животное жить на целой планете? Кто тогда его родил? Кто его выкормил?

— Не надо спорить, — сказала Алиса. — Этим мы делу не поможем. Нам же надо поймать этого самого... четвертого Выпрахола.

— Нет, нет! — хором закричали медвежата. — Половинного!

Отец переключился на дежурного по космопорту.

— Никаких новостей? — спросил он.

— Ни ваш беглец, ни Павел Гераскин не появлялись, — ответил дежурный. — Служба безопасности предупреждена. Ни один корабль не поднимется в воздух. Он не улетит. Другие космодромы тоже предупреждены.

Дежурный был очень серьезен — он же слышал разговор с военно-правительственной делегацией с планеты Лумм.

Отец вновь переключился на зал, в котором стояли медвежата.

— Скажите, — спросил глава делегации, — а откуда еще могут подняться космические корабли?

— Все космодромы предупреждены, — ответил профессор Селезнев. — Можете не беспокоиться.

— А я бы не была такой уверенной, — сказала Алиса. — Разве трудно построить космический корабль? Например, в школе?

— Ты еще скажи — в детском саду, — улыбнулся Селезнев.

— Папа, когда ты учился в школе, были еще древние, отсталые времена, — сказала Алиса. — Тогда еще в детских садах дети не знали программ «Д малое» и «Кобра вечером».

— Я и сейчас их не знаю.

— А сегодня, папочка, — продолжала Алиса, которой давно уже хотелось намекнуть родителям, что они жили в древнюю эпоху, — дети совершенно отличаются от вас. И космические корабли стоят в каждой школе. Разве ты не знаешь, что мы с Пашкой Гераскиным участвовали в гонках вокруг Луны?

— Но у вас же не настоящий космический корабль! Он не может вылететь за пределы Солнечной системы.

— А если долететь до Плутона и там захватить корабль геологов?

— Или на Марсе украсть мой корабль, — предположил Громозека. — Я его оставил на космической стоянке.

— Нет, это несерьезно, — сказал отец. Но голос его звучал неуверенно. Он уже ни в чем не был убежден.

— Простите, — вмешался в разговор глава делегации с планеты Лумм. — А молодой человек по имени Паша знает о местонахождении такого вот небольшого планетарного корабля?

Значит, они сообразили, насколько это серьезно, поняла Алиса.

— Да, — ответила она. — Наш кораблик стоит на школьном дворе.

— Он готов к полету?

— Он может долететь до Марса.

— Тогда надо спешить туда! Сообщите нам адрес! — хором воскликнули луммцы и схватились за портфели так, что Алиса поняла — в портфелях у них бластеры или даже пушки.

— Пашка не такой глупец, чтобы посадить медвежонка одного в корабль, — сказал отец. Но сам уже поднялся и набирал на пульте вызов флаера.

— Может быть, ваш Пашка и не такой глупец, — ответил мохнатый маршал Варшул, — но бывший кровавый диктатор в тысячу раз умнее его, в сто раз коварнее и умеет подчинить себе любого человека.

— Как? — спросил Громозека.

— Во-первых, он может заговорить, обольстить и буквально околдовать любого. Если это не помогает, он может... и это самое страшное... Он может...

— Говорите! — воскликнула Алиса. — Я уже догадываюсь, что вы скажете. Елена Федоровна была жертвой его силы!

— Мы не знаем ничего о существе по имени Елена Федоровна, — сказал глава делегации, — но мы знаем, что Выпрахол способен испускать поток психоволн и на минуту полностью подчинять себе любое живое существо. Когда же гипноз пройдет, его жертва ничего не помнит.

— Все ясно, — сказала Алиса. — Вот как погибли крикуши и чуть не умер тигрокрыс!

— Как так? — спросил Селезнев. Одним глазом он следил за информацией на пульте

— ждал, когда подлетит пассажирский флаер, — другим наблюдал за экраном связи с космопортом: нет ли вестей оттуда. — Как это случилось?

— Елена Федоровна, сама того не понимая, сунула в клетку к тигрокрысу грабли, потому что медвежонок решил сделать ему гадость. А потом она подожгла гнезда крикуш... и ничего не запомнила.

— Значит, он всех может загипнотизировать? — спросил Громозека.

— Во-первых, только на минуту, и потом ему надо часа три восстанавливать силы, во-вторых, с нами он ничего поделывать не сможет.

Сказав так, глава делегации вытащил из портфеля мягкий шлем, натянул на голову и сразу стал похож... На кого же он стал похож? Скорее всего, на медведя в купальной шапочке.

Остальные члены делегации последовали его примеру.

— Он уже употреблял гипноз против Пашки, — сказала Алиса. — Пашка под гипнозом кидался на меня, как шакал. И тоже, наверное, ничего не помнит.

Она первой поспешила на улицу, где как раз приземлился вызванный отцом флаер. Вторая такая же машина, которая была на постоянной связи с Селезневым, уже ждала у космопорта делегацию с планеты Лумм.

Флаер резко взмыл в небо, подчиняясь программе экстренного полета. Дети Громозеки, который с трудом втиснулся в просторную машину, запищали — им не понравились перегрузки.

— Приучайтесь, малыши! — прикрикнул на них археолог Громозека, похлопывая щупальцами по шевелящимся карманам. — Вам всю жизнь придется терпеть перегрузки — такова судьба бродячего археолога.

Уже через три минуты внизу показался парк, в котором расположена Алисина школа. Вот и площадка практических игр, где стоят машины, придуманные и построенные учениками. Выше всех поднимается округлое ребро летающего блюдца, построенного Пашкой и другими ребятами еще в прошлом году.

— Они еще здесь! — закричала Алиса. — Они не улетели.

— Если дети на Земле так любят строить космические корабли, то не исключено, что они в другой школе или даже в детском саду, — заметил Громозека. — И мы до следующего года будем облетать и проверять ваши детские учреждения.

Никто не ответил Громозеке. Селезнев внимательно приглядывались к тому, что творится внизу. У корабля никого не было. Но когда они опустились ниже, Алиса заметила, что люк в корабль приоткрыт.

— Осторожно, папа, — прошептала она, словно боялась, что ее услышат. — Они могут быть внутри.

Селезнев кивнул. Он опустил флаер метрах в пятидесяти от диска.

Первым вышел он сам, потом Алиса. Последним выбрался Громозека. Детишки бились в его карманах, норовя высунуть головы наружу, чтобы не пропустить интересное зрелище.

Профессор Селезнев сделал Алисе знак, чтобы она остановилась, а сам подошел к люку. Все молчали.

Наступал весенний вечер, похолодало, небо стало зеленым и розовым, а по нему плыли лиловые и сизые облака. Деревья вокруг площадки шумели молодой листвой, под деревьями было темно. Из полуоткрытого люка вырывался желтый уютный свет.

— Паша, — позвал Селезнев.

Никто не ответил.

Селезнев сделал еще два шага — он был совсем близко от люка. Алисе так хотелось помочь ему, но она была умным человеком и понимала, что в боевой операции бывает только один командир. Громозека тоже это понимал. И даже его малыши затихли, хоть Громозека и расстегнул карманы, чтобы их успокоить....

Изнутри корабля неожиданно послышались шум возни, хихиканье, потом смеющийся Пашкин голос произнес:

— Да погоди ты, малыш! Слышишь, меня зовут? Не бойся.

Тут люк распахнулся, и в нем показался силуэт Пашки.

Алиса вздохнула с облегчением. Хоть с Пашкой ничего не случилось!

Пашка казался вырезкой из черной бумаги.

— Здравствуйте, — сказал он, узнав Селезнева. — Вы ищете Алису? Но Алисы тут нет.

— Нет, Паша, — ответил профессор Селезнев. — Мы с Алисой ищем совсем другого человека.

— Кого? — удивился Пашка.

— Человека по имени Выпрахол Половинный, который оказался страшным преступником.

— Я не знаю такого!

— Ты его знаешь. Он похож на золотого медвежонка и жил до сегодняшнего дня в Космозо.

Пашка смешался. Врать в глаза профессору Селезневу он не мог.

Он растерянно обернулся, будто ожидая, что ему подскажут из корабля, как себя вести.

— Разреши, я войду в корабль, — сказал Селезнев, — и поговорю с твоим приятелем?

— Но я ему обещал! — воскликнул Пашка. — Он так просил показать ему Луну.

— Что? — удивился Селезнев. — Какую еще Луну?

— Я научил Женечку читать и складывать карточки, — сообщил Пашка профессору. — Он такой способный! Я хотел исполнить его мечту.

— Вот и отлично, — сказал Громозека, подходя к Селезневу. — Ты его научил, а теперь нам с ним надо серьезно побеседовать.

— Он так стесняется, Громозека, — ответил Пашка, совсем не удивившись тому, что археолог участвует в разговоре. Пашка казался каким-то подавленным и пришибленным. — Может быть, лучше мы сначала с ним немного полетаем, а поговорите потом, когда вернемся?

Пашка сделал шаг назад и попытался закрыть за собой люк, но профессор Селезнев быстро взбежал по лесенке, чтобы помешать Пашке.

— Нет! — закричал тогда Пашка и, словно пантера, кинулся на профессора Селезнева.

Селезнев успел отшатнуться, и Алиса увидела в проеме люка темный силуэт медвежонка, который, конечно же, гипнотизировал Пашку. Пашка неудачно упал на землю и застонал, схватившись за ногу. Профессор Селезнев хотел было схватить медвежонка, но и его постигла участь Пашки — вдруг он спрыгнул на землю и, повернувшись к остальным, закричал не своим голосом:

— Назад! Назад! Скорее назад! Не мешайте этому несчастному зверенышу посмотреть на Луну! Иначе я вас всех перебью!

— Папа! — закричала Алиса. — Папа, что с тобой?

Но в этот момент ее охватило странное чувство — безграничная любовь к несчастному

золотому медвежонку. И ей хотелось лишь одного — скорее пробраться в корабль и показать медвежонку, как лучше управлять им, помочь медвежонку взлететь в небо.

Алиса как будто бодрствовала, но не принадлежала себе.

Она хотела было быстро подняться в корабль, закрыть за собой люк и помочь медвежонку улететь, но тут на площадку опустился еще один флаер.

Из него выскочили три медвежонка в купальных шапочках. Вид у них был странный и даже смешной. Но Алисе не было смешно — ей в сердце вонзился ужас при виде этих отвратительных карателей. Вместе с Пашкой и папой она, как дикая кошка, кинулась на военно-правительственную делегацию с планеты Лумм, стремясь стереть пришельцев в порошок. Но Громозека? Что с ним? Почему он медлит? Почему он не идет нам на подмогу?

Все эти мысли пронеслись в голове как молния — за секунду.

Больше Алиса ничего не помнила.

Она лишь увидела строгие глаза маршала Варшула с планеты Лумм, который надвигался на нее, целясь из бластера.

И больше ничего...

Алиса очнулась минут через пять. По крайней мере, ей сказали потом, что она была без сознания пять минут после того, как и ей достался парализующий заряд из бластера маршала Варшула.

Рядом на земле лежали без чувств ее отец профессор Селезнев и лучший друг — Пашка Гераскин.

Громозека навис над ними, растерянно разведя щупальца в стороны, а из боковых карманов его широкого костюма выглядывали многоглазые лица его детишек.

Алиса села. Голова кружилась.

Совсем недалеко от нее стояли три медвежонка в купальных шапочках, защищающих от гипноза. Они окружили четвертого, самого золотого. Они стояли, направив на него бластеры.

Рядом зашевелился Пашка. Будто просыпался. Случайный комар сел ему на нос, и, прежде чем прийти в себя, Пашка хлопнул себя по носу. Затем очнулся и отец.

— Простите, — сказал глава делегации с планеты Лумм. — Мы вам причинили небольшие неудобства. Теперь Выпрахол будет жестоко наказан. Его будут называть Выпрахолом Четвертинным.

— Только не это! — закричал по-русски золотой медвежонок. Кричал он совсем без акцента, будто в Москве родился. — Я Четвертый! Я всегда буду Четвертым и умру Четвертым. Вы можете отнять у меня свободу, вы можете связать и сослать меня. Но не троньте мое честное имя!

— У тебя, преступник, нет честного имени, — ответил маршал Варшул.

— Алиса! — обратился к ней медвежонок. — Неужели тебе меня совсем ни капельки не жалко?

И удивительное дело: Алиса все знала и понимала, она ничуть не верила Выпрахолу и в то же время не могла не любоваться его славной мордочкой, его золотой пушистой шерстью, его беззащитными сиреневыми лучистыми глазами.

— Хватит! — сказал маршал. — Хватит тебе обманывать человечество. Тебе многие верили, и где они? Погибли.

— Профессор Селезнев! — закричал медвежонок. — Я обращаюсь к вам официально как к директору Космического зоопарка и известному гуманисту. Вы должны охранять

редких животных! Я требую занести меня в Красную книгу, и чем скорее, тем лучше.

Профессор Селезнев поднялся с земли. Он чувствовал себя неловко. Не глядя на космического преступника, он подошел к Алисе, положил ей руку на плечо и спросил:

— Тебе не больно?

— Все хорошо, папа, — ответила Алиса.

Селезнев обернулся к Пашке.

— У меня тоже все в норме, — ответил Пашка, догадавшись, о чем хочет его спросить отец Алисы. — Только не понимаю, как же я попался?

— Павел! — закричал медвежонок. — Как мы славно полетим с тобой! Да здравствуют щит и кнут! Долой врагов и бездельников! Бери свой бластер, сядем в крейсер, врежем всем по первое число!

— По-моему, он не совсем нормальный, — сказал Пашка.

— Ненормальный-то ненормальный, — не удержалась Алиса, — но обвел тебя вокруг пальца. Видите ли, мы решили показать ребеночку Луну!

— Кто так говорил? — удивился Пашка.

— Ты так говорил.

— Я так никогда не говорил. Я не мог такого сказать!

— А зачем вам понадобился наш школьный космический корабль?

— Чтобы... чтобы посмотреть!

Тут этот разговор прервал глава военно-правительственной делегации с планеты Лумм.

— Простите за причиненное беспокойство, — произнес он, протягивая руку профессору Селезневу. — И вдвойне простите, что мы были вынуждены вас временно парализовать. Вы попали под власть этого преступника.

— Все, кроме меня, — сообщил Громозека.

— И нас! И нас! — поддержали его мальши.

— У него на вас силенок не хватило, — сказал маршал. — Он потратил их на землян.

Попрощавшись с остальными, медвежата, то есть члены военно-правительственной делегации, направились к своему флаеру. Между ними шагал, переваливаясь, золотой медвежонок.

Перед тем как войти в флаер, он обернулся и крикнул:

— Мне стыдно за вас, профессор Селезнев! Вы отказались занести меня в Красную книгу! Если я буду истреблен, вина падет на вас.

Маршал подтолкнул его в спину, и люк в флаере закрылся.

Золотистой каплей флаер поднялся к потемневшим облакам, к первым звездам, к светящейся рекламе детского питания, прикрепленной к ручке ковша Большой Медведицы.

— Посетители Космозо будут очень расстроены, — сказал после долгой паузы профессор Селезнев. — Они успели полюбить золотого медвежонка.

— А я уже статью придумал. Для вашего журнала, — сообщил Пашка. — «Опыт обучения золотых медвежат с помощью карточек с буквами». Интересно?

— Ты лучше скорей маме позвони, — ответила Алиса. — Она волнуется, куда ты пропал.

— Я не пропал, а попал под вредное влияние одного завоевателя и диктатора, — ответил Пашка. — Можно, я флаер возьму?

— Возьми, — сказал Селезнев, — мы пешком пройдем до дома. Тут недалеко. И погода хорошая.

— Правильно, — согласился Громозека и выпустил из карманов своих детей. Чтобы побегали вокруг. И глядя, как они топают и неуклюже резвятся, он добавил: — Хорошая погода. Но если бы не эта делегация... быть бы нам рабами такого маленького славненького медвежонка.

— Ничего! — крикнул Пашка, забираясь в флаер. — Дружба все равно победила!

— Подкрепленная парализующими бластерами, — вздохнул Громозека. — Что-то много в Галактике развелось нечисти. И никак не уменьшается. Как вы можете объяснить это, хорошие люди и настоящие друзья?

— Если бы нечисти не было, — догадалась Алиса, — как бы понять, что мы такие хорошие? С кем сравнивать?

Флаер, уносящий Пашку, резко взмыл в темное небо, а остальные пошли не спеша домой, где мама готовит ужин на всю эту дружную компанию.

Настоящее кино

Наш дед — стихийное бедствие. Но не сам по себе, а только вместе с кинокамерой. Мне кажется, что он даже ночью во сне не выпускает ее из рук — а вдруг понадобится снимать Алисочку? Кроме Алисы он ничего не снимает и снимать не хочет. Притом деду не важно, что и как получилось — была бы Алиса в кадре, остальное приложится.

В комнату к деду в последний год ходить не хочется — ногу сломаешь! Даже домашний робот старается убираться там как можно реже, чтобы не заблудиться в лабиринте кассетных холмов, утесов, сложенных из штативов и запасных объективов, гор оборудования для подземной, подводной и космической съемок. И на все протесты родственников дед с терпеливой улыбкой отвечает: «Вот подрастет Алисочка, и ей будет интересно. Я же для нее снимаю эту летопись».

Но пока что смотреть фильмы приходится ни в чем не повинным жильцам нашего дома — куда же денешься, если свет потушен и дед шипит на нас: «Не шумите! Не ходите! Смотрите, смотрите!»

Алиса смотрит все фильмы, но утверждает, что они получаются куда менее интересными, чем было на самом деле.

— Как так? — возмущается дед. — Ведь это документальное кино!

— Значит, не очень документальное, — возражает Алиса. — А где та баба-яга, которую мы встретили, когда летели над Воробьевыми горами?

— Какая баба-яга? — удивляется дед. — Ты имеешь в виду пожарный флаер?

Алиса пожимает плечами и уходит к себе. Каждый из них остается при своем мнении. Дедушка не верит в бабу-ягу, но верит в пожарные флаеры. А Алиса кричит ему из своей комнаты:

— Вот буду сама снимать кино и сниму дракона или гнома!

Дед смеялся, слыша эти слова, пока не случилось невероятное событие.

В тот день Алиса с дедом вернулись с прогулки позже обычного. Погода была такая хорошая, что они даже слетали в Хиву, чтобы посмотреть на весеннюю пустыню и собрать там тюльпанов. Еще Алиса привезла оттуда рыжий черепок, позеленевшую монету и три бусинки.

После обеда дедушка заявил:

— Попрошу не расходиться. Будем смотреть новый фильм.

— Только не это! — воскликнула мама. — У меня срочная работа.

— Я в следующий раз посмотрю, — сказала бабушка.

— Мне еще посуду надо чистить, — сказал домашний робот.

А я хотел уйти, ничего не сказав.

И вдруг, к нашему удивлению, Алиса сказала:

— Пожалуйста, останьтесь, посмотрите. Это будет самое настоящее кино!

— Конечно, — согласился дедушка. — Как всегда.

— Совсем не как всегда, — сказала Алиса, и в голосе ее прозвучало что-то такое, что заставило нас всех вернуться в комнату и усесться перед экраном.

— Мы въезжаем в пустыню! — объявил дед.

На экране был виден нос вездехода. Потом из машины вылезла Алиса и отправилась к каким-то пыльным развалинам. Послышался голос деда: «Алиса, смотри под ноги. Весной

скорпионы очень опасны».

Алиса, будто не слыша, продолжала идти к развалинам. И тут у нас на глазах развалины начали странным образом изменяться. Будто кто-то невидимый принялся достраивать и починять башни, заново возводить минареты и купола мечетей. На склоне холма ниже крепости выросли деревья с зелеными листьями и золотыми плодами, и откуда-то издалека донеслась нежная восточная музыка...

— Это еще что такое? — рассердился дед. — Я этого не видел.

— Это настоящее кино, — ответила Алиса. Мне показалось, что она улыбается.

— Ой! — воскликнула бабушка. — Это что такое? Алиса!

Из-за крайней башни, невидимый Алисе, выполз громадный черный скорпион, ростом со слона. Он лениво покачивал хвостом, на конце которого был ядовитый коготь, и его глаза, размером с блюдце каждый, зловеще сверкали.

— Прекрати! — закричала бабушка. — Не смей угрожать ребенку!

— Сейчас, — отвечал дед, — одну минутку...

Он хотел выключить проектор, но руки тряслись, и он не попадал пальцем на кнопку.

— Не мешайте смотреть, — сказала мама. — Алисе ничего не угрожает.

— Что ты говоришь! — возмутилась бабушка, показывая на приближающегося к Алисе скорпиона. — Разве ты не видишь?

— Я вижу, что Алиса сейчас сидит в этой комнате, — сказала мама.

Я услышал тихий смех Алисы.

На экране Алиса наклонилась и вдруг вытянула из песка сверкающий меч, страшно тяжелый и длинный. Но это ее не смутило. Привычно, словно всю жизнь сражалась с драконами и скорпионами, она замахнулась мечом и смело шагнула навстречу чудовищу. Чудовище раскрыло черные клешни...

— Алиса! — не выдержала бабушка.

Но Алиса уже ударила по скорпиону и отрубила правую клешню...

Тут дед все же отыскал кнопку и выключил проектор. Зажег свет.

Дед был смертельно бледен.

— Алиса, — спросил он, — что это было?

— Не знаю, — сказала Алиса. — Ведь это ты снимал.

— Я этого не видел! К тому же я никогда бы не позволил тебе драться со скорпионами.

Они же ядовитые.

— Погодите, — сказала мама, — может, посмотрим, что там еще на пленке?

— Конечно, — сказала Алиса. — Наверное, там будет самое интересное.

— Я уйду! — сказала бабушка. — Я не могу больше смотреть, как издеваются над ребенком.

Но она никуда не ушла, а дед послушался нас и включил проектор.

Мы увидели, что, размахивая единственной клешней, скорпион бежит прочь по барханам, а в крепости раскрывается позолоченная дверь. Оттуда выходит маленький принц в короне и голубом камзоле. Он идет к Алисе, протягивая руки.

— Спасибо тебе, отважная девушка! — кричит он. — Ты спасла наше царство от власти скорпиона. Из-за него мы мучаемся без воды.

Из дверей крепости между тем выходили люди, молодые и старые, они подходили к Алисе, кланялись ей и благодарили ее.

А принц поцеловал Алису в щеку.

— Еще чего не хватало! — ахнула бабушка. — Это же совершенно незнакомый мальчик! Лучше бы он сам защищал свою крепость, чем ждать, пока приедет из Москвы наша Алиса.

— Этого не было! — возмутился дед. — Неужели ты думаешь, что я позволил бы любому мальчишке целовать нашу Алисочку?

— О, наша спасительница! — воскликнул между тем принц. — Мы изнемогаем от жажды. Ты не знаешь, где добыть воды? Наши колодцы пересохли.

Алиса поглядела вокруг, подошла к отвесной скале и вдруг резко ударила концом меча по камню в основании скалы. И оттуда начал бить фонтан чистой голубой воды.

— Ура! — закричал домашний робот.

— Ура! — закричали обитатели пустынного города.

И тут фильм закончился.

Дед зажег свет.

Все смотрели на Алису.

— Что все это значит? — спросил я.

— Но ведь снимала не я! — ответила Алиса.

— Там была обыкновенная пустыня, — вмешался дед. — Ни крепостей, ни скорпионов.

— Но ведь так лучше! — сказала Алиса. — Правда, мама?

— Так интереснее, — согласилась мама.

— Это самое настоящее кино.

— Художественный фильм, — сказала мама.

— Нет, документальный, — возразила Алиса. — Там документально снято то, что я хотела бы увидеть.

— А теперь, — попросил я, — расскажи, как это было сделано?

— Честно?

— Честно!

— Ты помнишь марсианина Буса, который жил у нас в прошлом году?

— Помню, — сказал я. — Он недавно прислал мне свою новую статью о марсианских насекомых.

— Пока мы с ним дружили, он все сердился на дедушку за то, что тот снимает без фантазии. Ведь жить без выдумки неинтересно. И я с ним согласилась.

— А дальше?

— А дальше он прислал мне кассеты и к ним записку. Можно я наизусть ее прочту?

— Мы внимательно слушаем, — сказал дед строго. Но Алиса его никогда не боялась.

«Дорогая Алиса. — Алиса читала записку, закрыв глаза: так ей лучше было вспоминать. — Посылаю тебе пленку для улучшения дедушкиных фильмов. На этой пленке появляется не то, что окружает тебя в обыкновенном мире, а твои фантазии. Твой друг Бус».

— Негодяй! — воскликнул дед. — А я с ним в шахматы играл, как с порядочным человеком!

— Он не сделал ничего непорядочного, — сказала Алиса. — Он только улучшил твоё кино.

— Улучшил? Он нарушил правду жизни! Он оболгал мою внучку! На самом деле она замечательная послушная тихая девочка и никогда не позволит себе махать ржавым ножиком!

— И целоваться с незнакомыми мальчиками! — добавила бабушка.

— Дедушка, — тихо произнесла Алиса. — Неужели ты сам никогда не фантазировал, не воображал, что ты — смелый рыцарь или путешественник?

— Как ты только могла так подумать!

— Я не только подумала, — ответила Алиса. — Я даже посмотрела. Ты помнишь, как перед возвращением ты дал мне подержать камеру, пока напьешься из термоса холодного лимонада?

— Помню. Ты даже начала меня снимать, а я тебе велел не тратить на меня пленку, — согласился дед.

— Тогда смотри, — сказала Алиса и быстро поменяла в проекторе кассету.

Экран загорелся. Там стоял дед и с наслаждением пил лимонад из пластикового стаканчика. Потом он поднял голову и посмотрел в небо. Кучевые облака медленно плыли над пустыней. Одно из облаков было похоже на женщину, другое — на какое-то чудовище. Облака медленно снижались, как бы сжимаясь и все больше превращаясь в живых существ. И вот они уже рядом с дедом! Молодая красивая женщина в светлом сарафане оборачивается и с ужасом смотрит на громадного белого медведя, который приближается к ней.

Тогда дед отбрасывает в сторону стаканчик, отталкивает молодую женщину и встречает обозленного медведя ударом кулака в нос. Медведь возмущенно ревет и в ответ бьет дедушку лапой в грудь. Бабушка закричала:

— Беги, Алексей!

Но дед и не думал бежать. Он обрушил на медведя серию ударов, потом взлетел в воздух, как заправский каратист, и ударил медведя пятками в живот. Медведь сел на песок и обиженно заревел. Потом попятился и растворился в воздухе. Дедушка обернулся к молодой женщине — та кинулась к нему, обняла и прижалась головой к его груди.

— Вот этого я не позволю! — грозно произнесла бабушка. Она поднялась со стула и сделала шаг к дедушке. Но Алиса закричала:

— Бабушка, неужели ты ее не узнала?

Экран уже погас.

— Бабушка, это же ты! Я твою фотографию видела, когда тебе было двадцать лет, — сказала Алиса.

Все засмеялись, а дедушка сказал:

— Теперь я тоже ее узнал.

Алиса спросила деда:

— Теперь ты веришь, что можно снять на пленку фантазии?

— Можно, — согласился дед, глядя в пол. — Только не надо.

— Ах! — воскликнула бабушка. — У меня же пирожки подгорели!

И она побежала на кухню.

Алиса и крестоносцы

Глава 1

Было часов пять вечера шестнадцатого сентября.

Погода в Москве стояла чудесная, синее небо, на нем розовые облака, листва начала желтеть и краснеть, но трава была еще совсем зеленая, с яблонь свисали яблоки, с кокосовых пальм — орехи, а с финиковых — финики. Под елками оранжевыми кружками горели шляпки подосиновиков и желтыми — лисичек. В воздухе летала тонкая паутина, а птицы, проносясь над Москвой, кричали и пели, прощаясь с ней до следующей весны.

Алиса сидела у окна, смотрела на небо, и ей совсем не хотелось учиться. Бывает у человека такое настроение, будто все, что ему надо, он уже выучил, а остались пустяки, вовсе не нужные. И завтра в школу уже идти не следует — что нового там узнаешь? Лучше отправиться в неожиданное путешествие, куда-нибудь в Австралию, Индию или Палестину, где хорошая, теплая погода и никто тебя не будет будить ни свет ни заря для того, чтобы идти в школу.

Хоть бы что-нибудь случилось, хоть бы раздался видеофонный звонок и кто-нибудь бы сказал: «Алисочка, чего ты сидишь, бездельничаешь? В Торресовом море найден корабль пирата Дрейка! Не хочешь ли ты нырнуть за сокровищами?» Нет, это приключение для Пашки Гераскина. Лучше пускай кто-то скажет: «Алиска, только что в Торресовом море замечен светящийся морской змей длиной в триста метров. Он говорит по-китайски и требует встречи с тобой». Да, пожалуй, такое приключение нам подойдет!

И тут зазвонил видеофон. И на пульте высветилось: «Международное. Вас вызывает Иерусалим».

— Интересно, — сказала сама себе Алиса. И нажала на кнопку.

Экран видеофона загорелся, но Алиса не сразу поняла, кто на нем находится, потому что существо, желавшее поговорить с Алисой, в экран не вмещалось. Раз-два-три-четыре-пять глаз... хобот вместо носа...

— Громозека! — обрадовалась Алиса. — Дружочек ты мой! Как хорошо, что ты позвонил!

— Я знаю, что это хорошо, — ответил Громозека. — Потому я и позвонил.

Космический археолог Громозека, житель планеты Чумароз, — близкий друг семьи Селезневых и, конечно же, самой Алисы.

Иногда он раскапывает древние города и замки на других планетах, а иногда и на Земле. Он такой ценный специалист, что ему всегда и везде рады. Незнакомому человеку Громозека может показаться чудовищем, потому что он ростом со слона, но потолще слона, короткий хобот вместо носа, глаз у него несколько, а вместо рук — щупальца. Говорит он громко, смеется еще громче и притом считает себя самым умным и талантливым ученым в Галактике. И никто с ним не спорит — если Громозека так считает, все согласны быть вторыми и третьими.

Алиса Селезнева Громозеку любит с детства, потому что он ее укачивал, когда она только-только родилась, брал ее в экспедиции и путешествия, куда маленьких детей не берут. Теперь у Громозеки есть свои дети — близняшки, похожие на него, только маленькие.

Громозеке в селезневском доме всегда рады, хотя кормить его и поить — задача непростая. Все равно что угостить полк солдат.

— Как живешь? Как дела? Почему не в школе? — спросил Громозека.

— Так если бы я была в школе, — засмеялась Алиса, — тебе было бы куда труднее до меня дозвониться. Я уже давно из школы пришла и даже пообедала.

— Конечно же! Как я сразу не догадался! — согласился Громозека.

— Как у тебя дела? Как твои раскопки? — спросила Алиса.

— Моя лучшая в мире экспедиция, — загромыхал Громозека, — открыла совершенно неизвестный город. Это просто чудо искусства. Мы уже нашли дворец короля, склад серебряных ваз и мастерскую скульптора.

— Это чей город?

— Это античный город, — сказал Громозека. — Ты знаешь, что такое античный?

— Конечно, знаю, — сказала Алиса. — Это город Древнего мира. В нем, наверное, жили древние греки.

— Город Бион, — сказал Громозека, — построили финикийцы. Они были замечательными моряками, а потом основали еще город Карфаген, о котором ты должна была узнать в школе.

— Узнала, узнала, не смейся, Громозека, — ответила Алиса. — Я помню, что из этого города был родом полководец Ганнибал, который пошел воевать с Римом, у него в войске были слоны, и они перешли снежные Альпы.

— Неужели все это изучают в ваших школах? — удивился Громозека. — А я только недавно обо всем этом узнал. Знаешь что, Алиса, наверное, я переведу сюда моих детишек, пускай учатся в твоей замечательной, лучшей в мире школе, пускай они с детства знают все о Карфагене.

— Громозека, ты всегда шутишь, — сказала Алиса. — Я знаю, что, прежде чем начать раскопки, ты выучил все, что можно, о финикийцах и их соседях — египтянах, иудеях, ассирийцах и вавилонянах. Правда?

— Ну, надо сказать, что ты близка к истине, — признался Громозека. — Кстати, ты знаешь, что завтра суббота, а послезавтра воскресенье? — спросил Громозека.

— Правильно! — воскликнула Алиса. — То-то мне так не хочется идти завтра в школу.

— Завтра и послезавтра ты не пойдешь в школу, никто в Москве не ходит в школу в субботу и воскресенье, я это тоже выяснил. Так что ты можешь сесть на пассажирскую ракету и прилететь ко мне на эти два дня.

— Спасибо, Громозека, — отозвалась Алиса. — Это замечательное приглашение.

— Так ты прилетишь?

— Обязательно прилечу.

— Я очень рад! — сказал Громозека. — Я так боялся, что ты не прилетишь.

— Громозека, сейчас же признавайся, ты чего-то недоговариваешь! Ты ведь хочешь, чтобы я прилетела...

— Правильно! — воскликнул Громозека. — Я хочу, чтобы ты позагорала под здешним солнцем, искупалась в Мертвом море и поглядела, какие красивые украшения мы тут отыскивали.

— И все?

— Разумеется, все.

— Честное слово?

— Алиса, нельзя так приставать к старшим. Я же сказал, что это не телефонный разговор!

— Что? — изумилась Алиса. И было чему изумиться. Чтобы в конце двадцать первого

века кто-то сказал «не телефонный разговор», чтобы на Земле была такая тайна, которую нельзя никому услышать... — Я сегодня же ночью вылетаю!

— Лучше завтра утром, — ответил Громозека. — Я тебя встречу на аэродроме в Иерусалиме. И отвезу на побережье, где мы раскапываем город Бион.

Связь прекратилась. Алиса подошла к окну. Небо было синим-синим. Листва начала золотиться. Над головой курлыкали журавли, прощаясь с Москвой.

Ну что ж, сказала себе Алиса. Я хотела приключений, и, по-моему, они вот-вот начнутся.

И она пошла искать купальник, который спрятала в шкаф, вернувшись месяц назад с Тихого океана.

Глава 2

На следующее утро Громозека встретил Алису на аэродроме в Иерусалиме. Она была рада увидеть у барьера неуклюжую на вид тушу археолога. Громозека старался подпрыгивать, что ему было нелегко сделать при земном притяжении: он опасался, что Алиса его не заметит, — как будто можно не заметить этого чудака.

Когда Алиса подбежала к Громозеке, тот подхватил ее щупальцами и высоко поднял над толпой. Многие люди шарахнулись в разные стороны, какая-то женщина упала в обморок, кто-то завизжал от страха за Алису. Но потом все увидели, что подхваченная инопланетным чудовищем девочка отлично себя чувствует и даже целует слонокальмара в лысую макушку.

Громозека так и не выпустил Алису. Он вынес ее из здания космопорта и посадил в большой грузовой флаер — единственную машину, которая могла поднять его в воздух.

— Тут недалеко лететь, — сказал археолог. — Через полчаса будем на месте. Ты надолго?

Как будто Алиса приехала на отдых.

— Ты же знаешь, — отозвалась Алиса. — В понедельник утром мне надо быть в школе. У нас сочинение.

— Сочинение! — с презрением воскликнул Громозека, на планете которого была совсем другая система обучения, и там никто никогда не делал контрольных работ. — Как будто они не знают, что Алисочка умеет сочинять лучше, чем ваш покойный писатель Лерпушкин.

— Громозека, миленький, — попросила Алиса. — Не говори о том, в чем ты не разбираешься. У нас был поэт Лермонтов и поэт Пушкин. Это два совсем разных человека.

— Но ведь оба покойные!

— Покойные, но разные. И оба умели сочинять.

— Именно об этом я тебе и говорю уже полчаса! — взревел Громозека.

Алиса обратила внимание на то, как Громозека ведет флаер — машина вздрагивала и покачивалась.

— Громозека, ты нервничаешь, — сказала Алиса. — Расскажи мне, что тебя тревожит.

— Через несколько минут, — ответил Громозека, — ты прилетишь и все узнаешь. А пока расскажи, что дома, как папа? Звери не болеют в его космическом зоопарке?

— Все звери здоровы.

— А мама? Как мама? Ее проект приняли?

— Никогда я еще не видела тебя таким, — сказала Алиса.

— Каким?

— Взволнованным!

— Нет, в прошлом году, когда мои двойняшки заболели синепрыщниками, я волновался еще больше.

Алиса поняла, что ничего не узнает, и стала смотреть в иллюминатор, потому что они летели над очень красивыми местами. Слева от них показалось море, а внизу тянулись зеленые, желтые, бурые и рыжие участки, на которых уже собрали урожай, блестели озера и бассейны, голубели дороги.

Флаер опустился у полуразрушенной крепости, на невысоком пологом холме. Частично холм был раскопан. Между ним и морем в ряд стояли оранжевые экспедиционные палатки и

блестящие под солнцем навесы. Махонькие раскопные роботы трудились под надзором людей.

— Ну что, сначала посмотрим на раскоп? — спросил Громозека, когда они вылезли из флаера.

— С удовольствием, — согласилась Алиса.

Громозека повел Алису к небольшим квадратным ямам, разделенным перемычками нетронутой породы. Алиса знала: это всегда делается археологами, чтобы следить за тем, какой слой ты раскапываешь, сколько лет тем вещам, которые ты нашел.

Сначала Громозека и Алиса прошли по перемычкам. Внизу, в ямах, трудились археологические роботы, которые работали лопаточками, скребками и кисточками, расчищая от земли черепки, железки, монетки, бусинки и прочие находки. Но если роботу попадалось что-то незнакомое или непрочное, он начинал вежливо пищать и звать на помощь человека. Археология — это наука, близкая к искусству. Порой археолог не знает, что нашел, но уже чувствует. Это называется интуиция. Хороший археолог всегда обладает богатой интуицией. У Громозеки была гигантская эрудиция.

Алисе все были рады. Некоторые роботы ее знали или читали о ее удивительных путешествиях и приключениях. Ей показали стены царского дворца, найденного совсем недавно, провалившийся сводчатый потолок подвала, завалы черепицы, стены, обожженные некогда бушевавшим здесь пожаром.

Алиса смотрела с интересом — она любила бывать на раскопках и воображать, как жили здесь люди. Хотя надо сказать, что почти всегда ей бывало грустно — ведь эти люди умерли давным-давно и, если бы не археологи, о них ничего бы не стало известно.

— Ну что ж, насмотрелась? — спросил наконец Громозека.

Алиса поняла, что наступает тот момент, ради которого археолог вызвал ее из Москвы.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Очень интересно.

— А теперь давай пойдем к нам в лагерь, — предложил Громозека. — Скоро обед, у нас с тобой до обеда остался один час. И мне надо с тобой поговорить.

Они прошли в палатку. Половину палатки занимало ложе Громозеки. Кроме него, там умещался письменный стол. Громозека вытащил из-под стола запертый ящик. И прежде чем его открыть, он сказал:

— Три дня назад мы начали копать на новом участке. Как ты понимаешь, у нас, археологов, время перевернуто. То есть ближе всего к поверхности земли лежат те вещи, которые потеряны, оставлены или забыты совсем недавно. И чем глубже археолог закапывается в землю, тем более старые вещи он находит. Ведь даже если ты уехала на лето из дома, то, возвратившись в свою комнату, увидишь, что стол, стулья и подоконник покрылись слоем пыли. А что было бы, если бы ты уехала на сто лет? Представляешь, сколько бы пыли легло на твои вещи — их пришлось бы выкапывать.

— Не надо читать мне лекцию, — отмахнулась Алиса. — Я все это знаю. И я не первый раз на раскопках.

— Никогда не вредно повторить умную лекцию, — произнес Громозека. — Я напомнил тебе об этих обыкновенных вещах, чтобы ты поняла: добираясь до древнего города, нам пришлось выкопать яму глубиной в три метра. Опускаясь в эту яму, мы как будто двигаемся в подвал на лифте. И можно даже написать на стенке ямы: «Сто лет назад», «Тысячу лет назад», «Две тысячи лет назад».

— Понятно, понятно, — сказала Алиса.

Ей стало скучно. Она смотрела наружу, в откинутый полог палатки, на лиловые и рыжие горы, на синее теплое небо и вдыхала запах близкого моря.

— Итак, три дня назад мы опустились на девятьсот лет вглубь, — услышала она слова Громозеки, — что соответствует концу двенадцатого века. А что было в конце двенадцатого века?

— Средние века, — сразу ответила Алиса.

— А что ты еще знаешь о Средних веках?

— Крестоносцы! — воскликнула Алиса. — Ричард Львиное Сердце! — Еще бы, она вспомнила роман Вальтера Скотта «Айвенго», который прочла этим летом.

— Молодец, умница. Ты хорошо учишься в школе, — одобрил Громозека. — Именно крестоносцы. Именно в этих местах. А с кем они здесь сражались?

— Против них воевал Саладин.

— Правильно, египетский султан Салах-ад-дин, — сказал Громозека. — А кто победил?

— Их сражения закончились вничью. Но Саладин чаще побеждал, потому что крестоносцы в конце концов оттуда уплыли.

— Великолепно! — воскликнул Громозека. — Такая эрудиция! А скажи, кроме арабов и крестоносцев, кто еще здесь жил?

— Здесь жили тогда разные народы, — послушно ответила Алиса. — Арабы, евреи, армяне... Мне надо специально посмотреть, чтобы вспомнить.

— И чем же они занимались?

— Станный вопрос, — удивилась Алиса. — Землю пахали, пасли овец, воевали — чем еще могут заниматься древние люди?

— И этим — никогда? — спросил Громозека, доставая из ящика что-то тяжелое, завернутое в мягкий пластиковый пакет.

Алиса достала из пакета загнутую на конце трубочку в палец толщиной. С одной стороны в трубочке было небольшое отверстие. Трубочка была немного похожа на старинный пистолет, хотя, конечно, ее сделали недавно.

— Вот это мы нашли при раскопках в слое двенадцатого века, — сказал Громозека.

— Но что это?

— Мне не хотелось бы показывать тебе действие этого приборчика, однако поверь мне, что это о-очень грозное космическое оружие — луч такого бластера пронзает цель за полкилометра.

— Но это игрушечный бластер! — возразила Алиса. — Даже для моей руки он маловат.

— Правильно, — согласился Громозека. — Ты очень наблюдательна.

— Ты хочешь сказать, — спросила Алиса, — что девятьсот лет назад к нам прилетали инопланетяне с маленькими руками?

— И стреляли из бластеров, — добавил Громозека.

— Но почему ты не хочешь, чтобы об этом все узнали?

— Я старый осторожный чумарозец, — сказал Громозека. — Я не хочу, чтобы надо мной смеялись и говорили, что я гоняюсь за сенсациями.

Алиса посмотрела на своего друга — чего-то он недоговаривал. Но лучше его не торопить.

— Этот бластер — не единственная находка, — сказал он.

— Чувствую, — ответила Алиса. — Показывай, что еще.

Громозека вытащил из ящика небольшую плоскую металлическую кассету. Провел по ней одним из семи левых щупалец, кассета тихо щелкнула и раскрылась.

— Это тоже найдено на раскопках, — сообщил он. Как будто Алиса не догадалась бы сама.

На стол перед Алисой легла стопка тонких металлических пластинок, похожих на фотографии. Снимки на пластинках были цветными, они совсем не потускнели от старости.

На большинстве пластинок были изображены виды этих мест — такие же, как и теперь, сухие склоны холмов, синее море, оливковые рощи. Но вот попались и более интересные снимки: на одном был виден въезд в какую-то крепость — высокие железные ворота. У ворот стоял рыцарь в длинной кольчуге и стальном шлеме, на плечи был накинут белый плащ с красным крестом. На следующей «открытке» Алиса увидела группу людей в средневековых одеждах, на плечах которых были одинаковые розовые шарфы.

— А это что такое? — спросила Алиса.

— Смотри дальше, — сказал Громозека.

Алиса увидела еще одну крепость — на вершине плоской скалы. Казалось, что зубцы ее стен достигали облаков.

А на следующей карточке было изображено небольшое стадо овец. Перед ним стоял молодой смуглый босоногий пастух. А еще ближе к камере стояла девочка, страшно знакомая и даже одетая в зеленый сарафан...

— Странно, — сказала Алиса. — Она так похожа на кого-то.

— Еще бы! Ты ее каждое утро в зеркале видишь.

Алиса сообразила не сразу. Но, догадавшись, воскликнула:

— Ты хочешь сказать, что она похожа на меня?

— Конечно, бывают совпадения... — неуверенно произнес Громозека.

— Но почему я там?

— Еще не знаю.

— Может, это все же не я?

— Может быть, — не стал спорить Громозека. — Но может быть, и ты.

— Но что мне делать в двенадцатом веке?

— Я хотел тебя спросить.

Алиса просмотрела остальные карточки. На одной из них был изображен старый человек с длинной черной бородой, который сидел в глубоком кресле, покрытом ковром.

— И это все? — спросила Алиса, возвращая карточки.

— Не совсем. Мы вчера раскопали место, где они жили.

— Кто они?

— Те, кто умел пользоваться бластером и фотографировать в двенадцатом веке. Ты же понимаешь, что этим занимались не крестonosцы.

— Ты не стал никого оповещать о своем открытии из-за моей фотографии?

— Не только. Пойдем поглядим на их жильё. Это в другой стороне. Мы проводили там пробное бурение.

Они вышли из палатки. Поднялся ветер — он гнал светлую пыль над склоном холма, небо покрылось мглой. Стало куда жарче.

Громозека повел Алису в сторону от раскопов, к почти пересохшему ручью, шепотом пробирающемуся под камнями. На том берегу ручья возле окаменевшего ствола дерева Алиса увидела еще одну яму. На дне ямы, среди непонятных предметов, таких же

желтоватых, как и пыль, покрывавшая все вокруг, не спеша возился археологический робот. Архробот — маленький, ростом с собаку шар, с длинными членистыми руками, вместо пальцев на которых были всякие нужные инструменты. Спереди и с боков на шаре были прикреплены всевозможные карманы, полочки и крепления для того, чтобы удобнее собирать добычу. Головы у робота не было — ее заменяла нашлепка, у основания которой тянулись ожерельем светящиеся элементы — робот видел одновременно в любом направлении.

— Здравствуй, Арх, — сказал Громозека. — Помоги Алисе спуститься и поглядеть, что ты там отыскал.

— Одну минутку, — ответил робот. — Сейчас закончу пропитывать клеем кусочек ткани, который мне попался, и тут же помогу твоей Алисе.

— А почему робота зовут «Арх»? — спросила Алиса.

— Потому что я — Арх как хорош! — заявил тот. И затрепал — видно, изображая смех.

— Он называется Археологическим роботом, — объяснил Громозека. — Сокращенно Архробот-15. Но у меня все тут архроботы. И ему хочется отличаться.

— Разумеется, — ответил из ямы архробот. — Ты же не называешь себя Арх-1, хотя ты здесь и есть первый археолог. И притом ты далеко уступаешь мне в красоте и привлекательности.

— Вот видишь, какой у нас характер, — сказал Громозека.

— Не хуже вашего, — сообщил робот и неожиданно протянул к Алисе ставшие пятиметровыми тонкие гибкие руки, цепко, но небольно схватил ее и в мгновение ока опустил на дно ямы.

— Ах! — воскликнула Алиса от неожиданности.

— Уж пять лет как Арх, — ответил робот.

Алисе ничего не оставалось, как улыбнуться.

— Так зачем пришли, что хотите увидеть? — спросил Арх.

— То, что ты покажешь, — миролюбиво ответила Алиса. — Вы же все здесь знаете.

— Правильно, — согласился Арх. — Но пока мало чем можно похвастаться. Ведь поселение, о котором идет речь, существовало на этом месте недолго. Не больше двух лет.

— Целых два года! — удивилась Алиса.

— Не перебивайте, а то вам придется искать другого экскурсовода! — строго сказал робот. — Мне трудно собраться с мыслями. Значит, мы с вами видим следы инопланетной цивилизации, временного лагеря разведочной или рабочей партии.

— А их корабль или корабли здесь спускались?

— Ну что за глупый детский вопрос! — возмутился Арх. — Там, где спускаются корабли, не бывает ничего, кроме обожженной земли. А здесь они жили. Понимаете, жили, кушали, спали! Это и есть материальная культура. Корабль стоял в стороне и, наверное, был тщательно спрятан.

Темная тень, которая падала на дно ямы от громоздкой фигуры Громозеки, медленно покачивалась, сверху доносилось хрюканье — так Громозека смеялся.

— И что же вы нашли? — спросила Алиса.

— Выгребную яму, в которой они сжигали то, что оставалось у них после еды.

— И в ней зола, — сказала Алиса, которой хотелось поддеть самоуверенного робота.

— А в золе, — продолжил ее фразу робот, — несгоревшие остатки посуды, обеды и консервные банки.

— Любая маленькая деталь повседневной жизни прошлого бесценна для археологии! — заявил сверху Громозека.

— Золотые слова, — откликнулся Арх.

Он повернулся в другую сторону — там земля была не такой черной, как в месте, где пришельцы жгли свой мусор, а желтой.

Алисе было трудно различить очертания предметов, принявших за тысячу лет цвет земли.

— Они построили здесь глинобитные дома, — сказал сверху Громозека. — Не хотели, чтобы случайные прохожие поняли, что здесь живут не обыкновенные люди.

— Ну что за нравы! — рассердился робот. — Я веду экскурсию. Я рассказываю нашей гостье про мои достижения и находки. И тут приходит мой начальник, который использует служебное положение в корыстных целях, и отнимает у меня кусок хлеба.

— Ты демагог, Арх, — ответил на это Громозека. — И нет у меня никакой корысти. Но если тебя не поторопить, ты будешь рассказывать до вечера. Но говори, говори, я молчу.

— Когда эти инопланетяне прилетели сюда, — продолжал круглый робот, — они сначала поставили палатку или купол — сохранились дырки, пробуренные в камнях, чтобы удерживать палатку от ветра и непогоды. Но потом, как мы видим, пришельцы построили глинобитный дом, ничем не отличающийся от окрестных домов. Обратите внимание — вот следы от опор, вон там некогда упала балка, здесь стояли их скамейки, здесь были спальные места, а вот тут, за пределами дома, — уборная.

Робот шустро указывал на находки стальными пальцами, гребенками, кисточками и лопатками, на кучки земли или квадратики камня — Алиса ничего не успела толком разглядеть.

— А зачем они здесь жили? — спросила Алиса.

— Это еще одна загадка, — сказал робот, раньше чем успел ответить Громозека. — Что им было делать здесь, в засушливой пустынной местности, у моря? Но я разгадаю эту тайну. Недаром я такой умный. Я уже выучил шестьдесят четыре языка. Кстати, вы себя там видели?

— Может быть, это и не я, — предположила Алиса.

— Может быть, — согласился робот. — Вообще-то говоря, большинство людей для меня на одно лицо, не то что роботы. А вам?

— Я людей различаю, — вежливо ответила Алиса. — А роботов путаю.

— Тогда разрешите, я вас подниму?

Робот подхватил Алису своими ручищами и буквально выбросил из ямы. Поставил на краю и тут же начал снова копать в земле.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Вы были очень любезны.

— Со мной не надо проявлять вежливость, — возразил робот. — Кого интересуют чувства простого археологического робота, вынужденного проводить свою жизнь в пыли и песке! Мы, роботы, погибаем от силикоза и ржавчины. Нас даже никто не хочет ремонтировать. Когда-нибудь мы взбунтуемся и уйдем в зеленые леса и вольные пампасы.

— Не обращай внимания, — сказал Громозека, отводя Алису от ямы. — Он хороший специалист, но чужак. Археологические роботы, как правило, молчаливые, скучные и простые. А этот — чужак. Я к нему привязался и поручаю самые тонкие работы.

— Спасибо! — донесся до них крик.

— Видишь, какой у него слух, — засмеялся Громозека. — Он услышал, что я о нем

говоря.

Они возвратились в палатку Громозеки.

— Ну вот, — сказал Громозека. — Теперь-то ты понимаешь, почему я не спешу объявлять о своих находках. Мы знаем пока только то, что какие-то пришельцы побывали здесь девятьсот лет назад, прожили два года, изображая из себя людей, а улетая, забыли бластер и кассету с карточками.

— И все? — спросила Алиса, которая никак не могла отделаться от чувства, что Громозека чего-то недоговаривает.

— Тебе всего этого мало?

— Мало.

— Ну ладно. Понимаешь, у меня хорошая зрительная память. И я видел такие же бластеры. В военном музее на Блуке.

— Значит, к нам прилетали с Блука.

— Они найдены были на планете, уничтоженной загадочным нашествием.

— Давно?

— Давно. Это оружие неведомых до сих пор космических бродяг. Они уже несколько сот лет носятся по Галактике. И никогда не оставляют планету, пока не ограбят ее дочиста.

— Но этим что-то помешало.

— Но знаем ли мы, почему так случилось?

— Я думаю, что ты зря так волнуешься, Громозека. Если мы с тобой живы, если все на Земле живы, значит, они убрались восвояси. Что-то помешало этим бродягам нас ограбить и убить.

— Но что? А может, кто? — спросил Громозека.

— А вдруг это были просто туристы с фотоаппаратами, а бластер брали, чтобы защищаться от шакалов?

— Как бы мне хотелось узнать об этом получше!

— Ничем не могу тебе помочь, — вздохнула Алиса.

— У тебя есть друзья в Институте Времени, — заметил Громозека, почесывая щупальцем хобот.

— Громозека, я тебя не понимаю! — удивилась Алиса. — Ты же можешь официально обратиться в Институт. Как только ты покажешь свои трофеи, они наверняка пришлют сюда специалистов. Ведь это открытие номер один — найти следы посещения Земли космическими бродягами в двенадцатом веке!

— Нет, именно сенсации я и не хочу. Все во мне протестует, — громко вздохнул Громозека. — Не нравится мне это, как говорит твой друг механик Зеленый.

— Но Зеленый — пессимист! — сказала Алиса. — Он всегда боится будущего.

— А я боюсь прошлого, — ответил Громозека. — Алисочка, давай подождем несколько дней. Давай разузнаем побольше. Объявить об этом открытии мы всегда успеем.

Алиса задумалась. Конечно, она любила тайны. Но эта тайна ее смущала. Не из-за бластера — мало ли с какими пушками заявлялись на Землю различные туристы и бродяги! Ее смущало сходство девушки, сидевшей напротив чернобородого старца, с московской школьницей Алисой Селезневой.

— Хорошо, — предложила Алиса. — Я сейчас же лечу домой и поговорю по секрету с Ричардом.

— Это кто такой? — спросил Громозека.

— Это мой друг. Сотрудник Института Времени. Один из самых отважных временщиков.

— А кто такие временщики? — спросил Громозека, который отлично знал русский язык, но иногда путался среди новых слов. — Насколько я знаю, временщиками называли тех царских любимцев, которые забирали при дворе большую власть и угнетали свой народ.

— Нет, — ответила Алиса. — Мы теперь называем временщиками сотрудников Института Времени, которые уходят на полевые задания.

— Почему на полевые, а не на лесные или городские?

— Ну это так называется! Полевыми заданиями называются полеты в другое время.

— Ты ему все объяснишь?

— Я ему все объясню, — пообещала Алиса.

Глава 3

На следующий день, то есть в воскресенье утром, Алиса возвратилась из полета в Москву. И не одна. С ней был молодой человек по имени Ричард Темпест, знаменитый путешественник по времени, знающий сорок шесть новых и древних языков, а также семь языков, которые еще не изобрели.

Может быть, другой, более разумный и рассудительный временщик не согласился бы сломя голову нестись в Иерусалим, чтобы расследовать событие, случившееся девятьсот лет назад. Но Ричард, расспросив Алису, согласился с мнением Громозеки.

— Допустим, — сказал он, запустив тонкие пальцы в пышные черные курчавые волосы, — что на карточке изображена все же ты. А я склоняюсь к этой версии. Что это значит? Это значит, что ты побывала в том времени. А как ты могла бы побывать в том средневековом времени? Только с помощью машины времени. А где машина времени? Вот она, летит со мной в моем чемодане в разобранном виде. На Земле нет неизвестных нам машин. Значит, ты попадаешь туда. И именно на этой самой машине. Зачем? Почему? Пока я этого не понимаю. А если я чего-то не понимаю, мне очень хочется это понять. Так что я лечу в прошлое и все проверяю на месте.

— И я с тобой?

— Не торопись.

Громозека встретил молодых друзей на аэродроме.

— Я вам так благодарен, что вы не стали смеяться над нашими с Алисой выдумками! — сказал он, пожимая своими щупальцами руку Ричарда.

— Только глупый человек смеется, не разобравшись, — ответил Ричард.

Он был очень серьезный молодой человек. Даже никогда не улыбался. Он всегда был очень занят, потому что больше всего любил учиться. И даже отправляясь на два дня в Древний Китай, он изучал древнекитайский язык и выучивал всю историю и географию Древнего Китая. Вот и сейчас в рейсовой ракете он просмотрел учебники древних языков, узнал все, что можно, про английского короля Ричарда Львиное Сердце и о его спутниках по 3-му Крестовому походу: короле Филиппе французском и эрцгерцоге австрийском Леопольде, а также о короле иерусалимском Гуго де Луизиньяне, магистре ордена тамплиеров, о султанине Саладине и даже известном разбойнике, владельце неприступного замка Крак де Шевалье графе Райнольде де Шатильоне, напавшем на караван, в котором путешествовала сестра Саладина, и ограбившем ее, чем нанес Саладину страшное оскорбление.

В ракете Ричард попытался посвятить Алису в эти дела, которые уже стали для него родными и понятными, но Алиса, надо признаться, скоро запуталась во французских и английских именах, и, когда Ричард начал было рассказывать о Готфриде Бульонском и Конраде Монферратском, она взмолилась:

— Рич, дорогой, я уже полна этими рыцарями, как корзинка грибами-поганками.

— Ну уж и поганками! — удивился Ричард. — Среди них были и достойные люди. Например, Фридрих Барбаросса, который утонул в речке, так и не добравшись до остального войска крестоносцев.

— Я знаю, почему тебе это все так интересно! — сказала Алиса.

— Почему?

— Потому что ты Ричард, а английского короля тоже звали Ричард.

— Ну что ж, в чем-то ты права. Мне давно хотелось посмотреть на моего тезку, — признался Ричард-временщик.

Утро еще не кончилось, когда Ричард установил свою машину в стороне от раскопок, за палатками археологов.

Переносная машина времени умещалась в чемодане, но это не значит, что она была простой машиной. Переносных машин времени всего три во всей Галактике. Из них две стоят в Институте Времени в Москве, а одна в Галактическом центре, под строжайшей охраной. Ведь бывали случаи, когда машиной по недосмотру сотрудников Института пользовались дурные люди, даже как-то раз — космические пираты. Теперь охрана машины поставлена таким образом, что человек, не знающий кода и не умеющий обращаться именно с этой кабиной, никогда никуда с ее помощью не улетит.

Установка самой кабины заняла не много времени. Скрученная туго в комок металла и пластика, она по команде переносного компьютера раскрывалась, как ромашка, и перед Алисой в мгновение ока поднялась блестящая гофрированная башенка, разрезанная с одной стороны и покрытая сверху округлым колпаком, на котором перемигивались огоньки. Машина самонастраивалась: она проверяла, еще без пассажира, туннель времени, который тянулся от нее в бесконечность прошлого. В каждой точке этого пути, в каждом дне его компьютер отыскивал время, в которое могла открываться дверь кабины или намертво закрывалась в те дни и годы, когда именно в этой точке пространства находилась гора или плескалось море. Ведь на поверхности Земли все время происходят перемены — там, где миллион лет назад плескались воды теплого моря, сегодня поднимается снежная гора. Разумная машина не хотела, чтобы ее пассажир вышел из машины в ста метрах под землей или под водой. Также машина накладывала запрет на выход, когда случались землетрясение или вселенский потоп — она берегла пассажира.

Устанавливая машину, Ричард сказал Алисе: он рассчитывает, что за девятьсот лет ничего особенного в этой точке не произошло. Каменистый склон не должен был измениться.

К позднему завтраку, когда кабина времени уже крепко стояла на земле и колпак, проверив всю линию, утихомирившись, обитатели лагеря сошлись к кабине. Сам Громозека уже минут десять стоял, любовался машиной. Потом прибежали все пять архроботов во главе с Архом. Ну и, конечно же, там стояли Алиса, Ричард и две близняшки из недалекого домика, где жила семья гидрографов Рабэнов, которая вела наблюдения за состоянием моря и морской воды, а еще разводила на сухой земле сладкие арбузы.

Алисе совсем не хотелось завтракать, но Ричард, убедившись в том, что все готово, сказал, что нельзя начинать рабочий день без хорошей заправки.

Он первым пошел под навес, где помещалась столовая экспедиции. За ним последовали остальные люди, включая двух девочек Рабэн, а пять архроботов остались стоять под разыгравшимся солнцем, глядя на огоньки на куполе кабины времени. Никто из них, конечно же, не работал. Алиса подумала, глядя на них из-под навеса, что они похожи на солдатиков, в полк к которым приехал генерал в роскошном мундире. Вот они и глазеют на начальника. Ведь в сущности особой разницы между архроботами и кабиной времени не было — все они были компьютерами с особой сложной программой. Даже лучи солнца одинаково отражались от выпуклых боков роботов и колпака кабины.

— Ну, что же теперь будем делать? — спросил Громозека.

Он буквально дрожал от нетерпения. Даже смахнул со стола в рассеянности свою

чашку, а потом и чайник с верблюжьим молоком, которое Громозеке специально присылали флаером из Саудовской Аравии, потому что в нем было много витаминов, очень нужных для здоровья знаменитого археолога.

— Сначала, — сказал Ричард, отхлебывая крепкий душистый чай и отщипывая кусочки от мягкой плоской лепешки, — я проверю связь с Москвой — ведь работа кабины должна контролироваться главным компьютером, которому подчинены три портативные и шесть стационарных кабин.

— А потом полетишь в двенадцатый век? — спросила Алиса.

— Не сразу, — ответил Ричард. — Сначала я пройду не спеша по всему каналу времени, проверю все входы и выходы из кабины. Потом сверю свои данные с данными, которые получены в Институте. И только когда я точно выясню точку, в которой мне надо оказаться, я начну переход...

— Так сколько это займет времени! — возмутился Арх. — Это вы до завтра не управитесь!

— После обеда, — кратко ответил Ричард. — Сразу займемся.

— Тогда мы пойдем купаться, — сказали девочки Рабэн, которым стало скучно. И они убежали.

Алисе не терпелось разгадать тайну собственного появления в Средних веках, и она рада была бы поторопить Ричарда. Но она понимала, что его ничем не поторопишь: как он распланировал свою работу, так и будет.

Алиса не знала, как лучше убить время. То ли прочесть что-нибудь про Ричарда Львиное Сердце и прокаженного короля Болдуина, то ли пойти на раскопки и поглядеть, как работает Арх. Может быть, он найдет сегодня что-нибудь особенное?

Но сначала она подошла к кабине времени.

Она не знала, как бы уговорить Ричарда отпустить ее к королю Ричарду и другим крестоносцам. Ведь Алисе уже приходилось пользоваться кабиной, когда она была моложе. Она уже отправлялась в двадцатый век, когда космические пираты гнались за Колей, который спасал миелофон, она уже побывала с помощью кабины в эпохе легенд. Но вот в Средних веках ей еще бывать не приходилось.

Кабина одиноко сверкала на ровной каменистой пустыне у холма. Несмотря на яркое солнце и начавшуюся жару, она казалась прохладной и неподвластной ветрам и жаре.

Алиса невольно залюбовалась ею.

Подошел Ричард.

— Ну вот, — произнес он, — разрешение из Института получено. Сейчас я проведу контрольное погружение в прошлое.

— И далеко тебе погружаться?

— В тысяча сто девяностый год.

— Ты там поосторожнее, пожалуйста, — попросила Алиса.

Ричард шагнул внутрь кабины.

Алисе видна была спина Ричарда, он наклонился над внутренним пультом. Вход в кабину затянуло сверкающей пленкой. Снопом искр загорелся купол, раздалось мелкое и частое тарыхтение.

А потом все стихло.

Алисе показалось, что в пустыне установилась первобытная тишина. И эту тишину нарушил голос Громозеки:

— А где же наш гость?

— Наш гость на разведке, — объяснила Алиса. — Сейчас вернется.

— Что же он меня не предупредил! Я бы ему посоветовал.

— Но он сейчас не будет искать пришельцев, — ответила Алиса. — Он только проверит канал и вернется.

— А где он?

— Видишь, здесь на дисплее показано, в каком году он находится. В крайнем случае мы можем за ним съездить.

— Я все равно волнуюсь.

— Тогда перестань волноваться, — сказала Алиса. — Посмотри на эту шкалу. Видишь, как вдоль нее движется зеленая точка?

— Вижу.

— Это возвращается Ричард.

Зеленая точка достигла нулевой отметки.

Кабина с легким щелчком отворила свою дверь.

Глава 4

В дверях кабины показался пожилой толстяк в синем коротком халате, войлочной шляпе и грубых сандалиях. Его пузо было перетянато кожаным поясом, к которому был прикреплен большой кошель. Алиса решила, что этот человек — древний купец.

Купец внимательно посмотрел на Алису, поднял руку, как бы здороваясь, и вышел из кабины под открытое небо.

— Здравствуйте, — произнесла Алиса. — Вы откуда и что вам нужно?

Купец ничего не ответил, но взгляд его обратился к Громозеке, удивленному не менее Алисы. Купец был испуган, он даже сделал движение, чтобы отступить назад, но удержался, словно ему приказали не убегать. Дрожа, он перекрестил Громозеку, а Громозека так растерялся, что вежливо произнес:

— Большое спасибо.

На что купец ответил фразой на старофранцузском языке, который Алиса не понимала, потому что он отличается от современного французского языка.

После этого купец пошел направо, между холмом и палатками, не оборачиваясь и не замедляя шагов.

— Подождите! — окликнула его Алиса. — Где Ричард?

Она догнала уже купца и схватила было его за рукав, но купец резким движением вырвался. Алиса заметила лишь, что у него под шеей видна полоска нежного розового цвета, словно клубничный мусс. И эта полоса резко выделялась на фоне грязной загорелой шеи.

— Алиса! — услышала она сзади зов Громозеки. — Скорее сюда!

Алиса оставила купца и побежала обратно к кабине.

И успела вовремя. Из кабины показался новый гость. На этот раз это был молодой рыцарь. Алисе показалось, что она видела его на одной из карточек. Рыцарь был высок ростом, строен, голубоглаз, его голова была обнажена, и золотистые кудри спадали на плечи, обтянутые кольчугой и покрытые белым плащом. У рыцаря была смуглая кожа, короткая борода и усы. На плаще был нашит красный крест с концами, подобными ласточкиным крыльям.

Рыцарь смотрел на Громозеку, положив руку в кольчужной варежке на рукоять длинного меча. Взгляд был грозным, но и Громозека не отступал.

— А вы кто такой? — спросила Алиса, понимая, что нельзя же спрашивать по-русски средневекового рыцаря.

Рыцарь медленно произнес несколько слов, глядя на Громозеку.

Потом замер, приоткрыв рот, словно слушал внутренний голос или приказ по радио, переданный в наушники.

И тут глаза рыцаря потеряли свой боевой блеск, он как будто сгорбился, плечи опустились, и, не глядя ни на кого, он пошел налево, к морю, в сторону, противоположную той, в которой скрылся купец.

Алиса по инерции сделала несколько шагов следом за рыцарем и увидела, что на плече его, под кольчугой, виден край розового шарфа. Что было странно.

Алиса понимала, что рыцаря ей не остановить, и растерянно обернулась к Громозеке.

— Что-то надо делать! — воскликнула она.

— Смотри! — вместо ответа произнес Громозека и нерешительно шагнул вперед.

Обернувшись, Алиса поняла причину этого движения: в двери кабины стояла

прелестная черноволосая черноглазая женщина в длинном, до пола, голубом платье и туфлях с острыми носками. Волосы женщины были собраны в узел и покрыты кружевной сеткой. При виде Громозеки эта женщина отпрянула назад и лишилась чувств.

— Погоди, Громозека, я сама! — крикнула Алиса и подбежала к женщине.

Она склонилась над ней и расстегнула драгоценный хрусталик — верхнюю пуговицу на платье. Сообразительный Громозека уже протянул Алисе планшет с листами для записей, и Алиса принялась обмахивать им женщину.

Та застонала.

— Воды, Громозека! — попросила Алиса.

И в ужасе отшатнулась, потому что она увидела, как нечто розовое, так похожее на шарф, но явно живое, протискивается в расстегнутый ворот платья.

Женщина открыла глаза. Глаза были бессмысленные — она ничего не соображала.

Но она уже могла двигаться.

Женщина медленно приподнялась, потом встала. Розовый шарф вновь спрятался — остался лишь маленький кусочек под самым горлом.

Появился Громозека со стаканом воды. Он передал его Алисе, а Алиса протянула женщине. Но женщина отрицательно покачала головой и заговорила на старофранцузском языке. Алиса лишь поняла, что она приняла Громозеку за дьявола. Затем женщина отстранила Алису и пошла прямо на Громозеку, так что тому пришлось отпрянуть, чтобы не столкнуться с ней.

Женщина шла как во сне. Все быстрее и быстрее — и вот она уже бежит к развалинам крепости.

Алиса обернулась в поисках остальных пришельцев — однако их уже не было видно.

— Но где же Ричард? — спросила Алиса, ни к кому не обращаясь.

И услышала голос робота Арха:

— Я не знаю, кто к нам приходит из прошлого, но я уверен, что они появляются с той же станции, на которой пропал наш уважаемый Ричард из Института Времени. Может быть, это обмен? Но тогда почему они не хотят с нами разговаривать?

— Но что делать? — спросила Алиса.

— Я бы на вашем месте пока что выключил кабину.

— Но если мы выключим кабину, как Ричард возвратится сюда?

— Пока что я не вижу среди ваших гостей никого по имени Ричард, — заметил робот. — Но вот сколько появится незнакомцев в розовых шарфах и зачем они сюда прибывают, я не могу ответить.

— Пожалуй, робот прав, — сказал Громозека. — Надо отключить кабину и срочно вызвать специалиста из Москвы.

— Но как она отключается? — спросила Алиса.

— Разрешите, я вам помогу? — предложил робот Арх.

— Нет, я с вами не согласна! — возразила Алиса, которой было очень страшно за Ричарда.

Но Громозека велел роботу действовать.

Робот Арх въехал в кабину, поднял тонкие руки над пультом, и его пальцы с невероятной скоростью начали метаться над пультом, вычисляя, как отключить всю систему. И не успела Алиса еще раз подумать и попросить его ничего не делать, как в кабине выключился свет, и огоньки на колпаке погасли.

Глава 5

— Все, — произнес Арх таким тоном, будто он только что придумал эту машину времени.

— Теперь пошли позвоним в Институт, — сказал Громозека. — Как туда звонить?

Они вызвали иерусалимскую справочную и попросили связать их срочно с Институтом Времени в Москве. Громозека волновался, ворчал на безобразную связь. Как можно! Мы уже пять минут как не можем созвониться с Москвой!

На шестой минуте экран зажегся — есть связь с Институтом Времени!

На экране появилось милое женское лицо.

— Здравствуйте, — сказала женщина, глядя на Громозеку и не выказывая никакого удивления. — Институт Времени вас внимательно слушает. Сегодня в Москве воскресенье, выходной день, поэтому ваше послание принимает автоответчик. Сообщите мне, что вам надо, и я завтра с утра передам вашу просьбу сотрудникам Института.

— Да погодите! — прервал автоответчицу Громозека. — У нас срочное дело, а вы бюрократию разводите! Мне надо поговорить с вашим начальником.

— Большое спасибо, — ответила девушка, не отрывая внимательного взгляда от Громозеки. — Мы очень благодарны, что вы задали нам такой важный вопрос. Прошу вас позвонить завтра после девяти часов утра.

Трах! — это щупальце Громозеки ударило по пульту.

— Шшшшш, — зашипела система, не приученная к тому, чтобы по ней колотили инопланетные археологи.

— Ну вот, — сказал Громозека обиженно. — Никто не хочет со мной разговаривать.

Шустрый Арх, не тратя ни секунды, уже начал ремонтировать связь.

Потом пропищал:

— Надо использовать другой аппарат. Этот — тю-тю!

— Что значит — тю-тю? — рявкнул Громозека.

— Примерно то же самое, что и абзац! — ответил лукавый робот.

— Этот ваш варварский язык! — взревел Громозека. — Так жить нельзя! Я улетаю.

— Куда ты? — удивилась Алиса. — Мы же еще не спасли Ричарда.

— Вот именно, — ответил Громозека. — Но здесь его не спасешь. Только все машины переломаем. Я лечу в Москву, я отыщу директора Института. Весь Институт перекопаю, но отыщу, где этот директор скрывается! Я его за шиворот сюда притащу, чтобы он меры принял!

— По-моему, у них сегодня соревнования по ловле семги в Москве-реке, — сказала Алиса. — Ричард печалился, что не сможет принять в них участие.

— Да хоть акул! — ответил Громозека. — Хоть на Северном полюсе. Им от меня не скрыться.

Громозека схватил со стола несколько лепешек на дорогу и приказал Алисе:

— Машину времени не трогать. Ничего не предпринимать, с пришельцев глаз не спускать! Я буду здесь через час-два. Ясно?

— Неясно, — сказала Алиса. — А как мы можем не спускать глаз с пришельцев, если они разбежались?

— Далеко не убегут. Если их увидят, сразу отправят лечиться.

И, не слушая ничего больше, Громозека, тяжело переваливаясь, побежал к своему

флаеру.

Алиса с роботом Архом посмотрели друг на дружку и засмеялись. Хотя, конечно, им было не до смеха.

Флаер Громозеки медленно поднялся в вихре желтой пыли и помчался в синеву неба.

— А мы что будем делать? — спросила Алиса.

— А мы посоветуемся с нашими товарищами, — ответил робот Арх. И тут же пронзительно засвистел.

Через минуту вокруг них собрались четыре археологических робота и две девочки Рабэн.

Все расселись вокруг обеденного стола под навесом.

— У кого есть мнения и предложения? — спросил робот Арх, который был здесь за главного.

— Имеем трех пришельцев, — сказал первый архробот. — Не знаем их местопребывания. Полагаю, что их следует найти и оприходовать.

— В каком это смысле — оприходовать? — спросил Арх.

— Определить их класс, семейство и вид, имена и занятия. Описать и сфотографировать, — ответил робот.

— У каждого свои методы, — сказал Арх. — Но в принципе правильно. Кто знает, куда они ушли?

Никто этого не знал.

— Вопрос второй, — продолжала Алиса. — Как нам помочь Ричарду и выволить его оттуда?

— Совершенно ясно, — ответил Арх. — Громозека привезет специалиста из Москвы, и тот спасет Ричарда.

Когда же любители лезут управлять машинами, в которых ничего не понимают, это приводит к неприятностям.

Конечно же, робот был совершенно прав, но остальные с ним не согласились. Труднее всего сидеть и ждать, пока приедут взрослые и все наладят.

— Скажите, — спросила одна из сестричек Рабэн, — а кто были эти дяди и тетя, которые вылезли из серебряной башенки?

— Это умный вопрос, — сказал Арх. — Я думаю, что это были пришельцы.

— А зачем они убежали?

На этот вопрос никто не смог ответить.

Все думали. Неожиданно заговорил один из археологических роботов, имени которого Алиса не знала.

— Нет, — сказал он. — Это вовсе не пришельцы. Кто угодно, только не пришельцы.

— Почему ты так думаешь? — спросил Арх.

— Потому что я знаю о пришельцах больше, чем все вы.

— Откуда? — удивилась Алиса.

— По той простой причине, что я художник, — ответил робот. — Я фотографирую и зарисовываю все вещи, которые находят на раскопках. И я зарисовал то, что осталось от лагеря инопланетян.

— Ну говори, говори, — прервал его Арх, который теперь, когда Громозеки не было, считал себя самым главным. — Не тяни!

— Это что такое? — спросил художник, показывая фотографию круглого углубления в

камне диаметром в полметра.

— Не знаю, — сказала Алиса.

— А это? — Он показал фотографию еще одного круглого углубления с отверстием в центре. На этот раз маленького, чуть побольше чашки.

— Не знаю, — признался Арх.

— А я знаю! — закричала девочка Рабэн.

— Нет, это я знаю! — перебила ее сестренка.

— Ну, говорите, — улыбнулась Алиса.

— Это горшочек! — хором сказали девочки и страшно смутились.

— Какой горшочек? — не поняла Алиса, которая давно уже вышла из того возраста, когда детям требуется горшочек.

— Ночной, ясно какой! — ответил за девочек робот-художник. — Я то же самое вычислил. А большое углубление — это постель.

— Значит, они туда голову свешивали? — спросила Алиса.

— Нет же! Они туда целиком помещались! — ответил художник.

— Значит, купец, рыцарь и женщина... вовсе не пришельцы? — догадалась Алиса.

— Вот именно! — сказал робот-художник.

— А где же пришельцы?

— Надо поймать одного из... этих и спросить — где же пришельцы? — предложил Арх.

Какими же они были — совсем маленькими? Карликами? А кто же тогда эти купец, рыцарь и дама? Привидения? Куклы? Нет, Алиса дотрагивалась до купца — он был горячим. Да и в обморок куклы не падают.

Алисе не пришлось долго ломать голову, потому что робот-художник громко сказал:

— К нам гости!

И в самом деле, уже известный Алисе купец подошел к кабине и попытался отыскать вход. Но так как кабину отключили, даже Алисе трудно было бы догадаться, где в ней дверь.

— Как хорошо! — воскликнула Алиса, вскакивая из-за стола. — А мы как раз о вас говорили.

Купец не услышал ее слов или сделал вид, что не услышал. Он продолжал шарить грязными руками по блестящей стене кабины.

— Ничего не получится, — сказала Алиса, подходя ближе, — кабина отключена.

Наконец-то купец соблаговолит обернуться к Алисе. Он был очень сердит. И высказал свое недовольство на непонятном языке.

— Простите, к сожалению, я вас не понимаю, — сказала Алиса. — Но если вы умеете говорить по-русски, по-английски, по-китайски, по-немецки, по-французски, по-польски или на галактическом языке космолингве, я буду рада с вами побеседовать.

Купец задумался, словно прислушивался.

Он стоял перед Алисой, прижавшись спиной к кабине и дотрагиваясь до нее пальцами правой руки, словно боялся, что она улетучится.

Алиса услышала шуршание материи — к кабине быстрыми шагами подходила черноволосая дама, которая недавно падала в обморок.

Дама остановилась возле кабины и спросила купца на старофранцузском языке:

— В чем дело? Почему ты здесь, торговец Филипо?

— Дверь закрыта, ваша светлость, — ответил купец.

— Так откройте ее.

— Я не могу, ваша светлость.

— Тогда прикажите этим людям, — женщина показала тонким пальцем на Алису, — открыть дверь.

С каждой минутой Алиса все лучше понимала речь этих людей. Не все слова, не все выражения — но понимала. Потому что люди говорили на старофранцузском языке. А Алиса знала современный французский язык как родной.

— Дитя мое, — обратился купец к Алисе, — открой эту дверь. Нам надо уйти.

— А кто вы такие? — спросила Алиса.

— Это тебя не касается, девочка! — ответила знатная дама. — Делай, как тебе велят!

— И не подумаю, — сказала Алиса. — Это не ваши средневековые времена!

Сейчас придет еще и рыцарь — нам только его не хватало, подумала Алиса. Скорей бы Громозека возвращался. Но явно пройдет еще часа два-три, прежде чем ее друг появится с подмогой.

Алиса оглянулась — вот и рыцарь! Молодой воин шел, склонившись под тяжестью большого мешка. Он подтащил его к кабине, сбросил на землю и вытер пот краем не очень белого плаща. Удивительно, что он не умер от жары в железной рубахе до колен, в кольчужных сапогах и чулках.

— В чем дело? — спросил рыцарь у своих спутников. — Почему вы задерживаетесь?

— Эти люди не пускают нас, — ответил купец.

— Кто? — Рыцарь посмотрел сверху на Алису. — Эти ничтожные рабы?

Эти слова возмутили робота Арха.

— Как вы сказали? — воскликнул он неприятным сварливым голосом, уперев в круглые бока длинные членистые конечности. — Кто здесь раб? Кто здесь ничтожный? А ну, повторите!

— Сейчас повторю, — сказал рыцарь и вытащил из ножен длинный меч.

Девочки Рабэн хором завизжали, но не убежали.

Алиса отметила про себя, что робот Арх уже неплохо освоился в старофранцузском языке. Что же касается смелости — разве робот может быть трусливым? Для него нет боли и даже нет смерти. Его всегда можно починить.

— Давай, давай. — Робот подъехал к рыцарю поближе. — Интересно, как ты будешь доказывать свое превосходство! Кстати, я должен тебе напомнить одну поговорку, которую в твоё время еще не придумали: сила есть — ума не надо. Ты меня понял, мальчишка?

Алиса поняла: робот нарочно дразнит рыцаря. С какой-то целью. А так как Алиса привыкла за свою жизнь, что роботы чаще всего умнее многих людей, не говоря уж о средневековых рыцарях, она отошла на два шага и не вмешивалась в оживленную беседу.

— Тогда обнажай свое оружие, неизвестный железный рыцарь! — воскликнул молодой человек. — И защищайся.

Меч сверкнул в воздухе — молодой рыцарь занес его над головой.

Маленький робот стоял неподвижно, лишь в нахлопке — его голове — поблескивали рецепторы.

— Ух! — воскликнул рыцарь и с силой опустил меч на круглого робота.

Видно, удар был настолько силен, что робот даже присел — металлические ноги его разъехались. Но он тут же собрался с духом и воскликнул:

— Ха-ха! Что-то не вижу я силы в этом рыцаре!

Положение рыцаря никуда не годилось, потому что от удара его меч разломился, конец

отлетел метров за пятьдесят, и рыцарь, держа в руке обломок меча, смотрел на него с таким страданием в глазах, что Алисе стало его жалко, несмотря на то, что он сам во всем был виноват.

— О господи, чем я тебя прогневил! — Голос рыцаря дрожал от слез. — Этот меч я заслужил в бою, у меня больше нет ни денег, ни сил добыть себе новый! Лучше дай мне погибнуть, чем пережить такой позор. Я не могу потерпеть поражение от ничтожного железного карлика.

Интересно, подумала Алиса, как странно устроены средневековые люди. Они спокойно относятся к такому чуду, как железный робот, и даже согласны с ним сражаться: для них мир полон чудес, привидений, драконов — и нет ничего такого, во что бы рыцарь не поверил. Но вот постарайся научить его пользоваться телефоном или смотреть телевизор — он умрет от удивления. Впрочем, может быть, я не права?

Алиса была не права. Как она вскоре убедилась, средневековые люди, словно маленькие дети, попросту не замечали, в упор не видели того, что не вписывалось в их сознание. Телефона не бывает — значит, мы телефона не видим...

Немолодая, но стройная черноволосая дама подошла к рыцарю и положила тонкую руку ему на плечо.

— Не печалься, рыцарь Солсбери, — произнесла она. — Твой меч был погублен страшным волшебством. И наши славные покровители обязательно вознаградят тебя за верность, за то, что ты пострадал, охраняя их честь.

— О прекрасная графиня Констанца! — возопил молодой рыцарь. — Ты хороша, как само утреннее солнце. Я хотел бы провести остаток своих дней у твоих ног, чтобы защищать тебя от насильников, драконов и сарацинов.

— Прости, Годфри, — трезво заметила дама. — Я не могу взять тебя в свои рыцари, потому что у тебя сломан меч. Но я надеюсь, что наши друзья его починят.

Ничего не произошло.

— Ну! — Дама вовсе рассердилась.

Она ударила себя кулачком по правому плечу.

Алиса давно уже обратила внимание на то, что правое плечо у дамы было чуть-чуть выше левого.

Раздался отвратительный писк, и из-под платья высунулась совершенно плоская змеиная голова розового цвета. Алиса от неожиданности отскочила метра на три. Даже отважный робот на всякий случай отступил назад.

— Как ты смеешь меня бить! — крикнула змеиная голова на старофранцузском языке и начала надуваться, округляясь и сверкая черными глазками. Вслед за головой из-под платья вылезли остальные части тела розовой ящерицы, настолько плоской, будто она была резиновой, надувной, и из нее был выпущен воздух. По мере того как ящерица вылезала на плечо дамы, она надувалась, и через минуту на плече у дамы сидела крупная ящерица, покрытая густыми короткими перьями розового цвета. Словно шкурку ящерица получила по наследству от розовой птицы фламинго.

Как будто подчиняясь сигналу, из-под одежды рыцаря и купца также вылезли плоские ящерицы и тоже раздулись и ожили. Никто из «носителей» ящериц этому не удивился. Можно было бы предположить, что эти люди околдованы, загипнотизированы, порабощены ящерицами и служат им верными немymi рабами. Но не тут-то было. По тому, как люди вели себя с ящерицами, ясно было, что все не так просто.

— Ну вот! — первым нарушил молчание робот-художник. — Я же говорил вам, что постель приспособлена для мелких тварей!

— И горшочек! Ночной горшочек! — хором закричали девочки Рабэн. — Мы первыми догадались!

— О чем они говорят? — спросила ящерица, сидевшая на плече графини.

— Наверное, о вас, — ответила та.

— Правильно, — вмешалась в разговор Алиса. — Мы раскопали ваше жилище и обнаружили, что пришельцы уступали людям размером. Поэтому мы так удивились, когда увидели людей, вылезających из кабины. А теперь мы догадались, что вы ездите на людях как наездники.

— Мы их возим добровольно! — возразил купец.

— Но почему? — поразила Алиса.

— А потому, — ответила ящерица, которая сидела на плече у графини, — что на Земле все для нас слишком велико. Приходится использовать людей, чтобы они нас на себе носили и нам служили.

— Осторожнее, — возмутилась графиня. — Без этих речей! Мне не нравится, когда всякая ящерица будет воображать себя равной графине де Шатильон!

— Помирились, помирились! — прикрикнула на спорщиков ящерица, сидевшая на плече рыцаря. — Мы должны быть едины перед лицом общего врага.

— Общий враг — это я? — спросил робот Арх.

— Общий враг — это все, — сказала ящерица. — Кроме тех, кто с нами дружит или нам подчиняется.

— Может, мы не будем ссориться? — произнесла третья ящерица. — Вы нас отпустите обратно, а мы не будем вас обижать.

— Мы вас сюда не приглашали, — напомнил робот Арх.

— А зачем он мой меч сломал? Я его в бою добыл! — плаксивым голосом произнес рыцарь Солсбери. — Где я найду новый меч?

— В бою! Только в бою! — сказала ящерица, которая сидела у него на плече.

— Ах так! — взревел рыцарь и попытался сбросить ящерицу с плеча.

Но та крепко уцепилась когтями в кольчугу, и у рыцаря ничего не получилось. Только розовые перья летели во все стороны.

— Прекрати, бездельник! — закричала ящерица, сидевшая на плече у купца.

У нее в лапке Алиса увидела трубочку бластера, точно такую, как та, что показывал Громозека. Ящерица прицелилась в рыцаря, чем испугала его ящерицу.

Та заверещала на своем языке, и ящерица купца опустила лапку с бластером.

Рыцарю тоже надоело воевать со своим наездником, он успокоился, поднял из пыли конец меча и попытался приставить его к рукояти.

Постепенно все успокоилось, и на площадке воцарился мир.

— Вы нас намерены отпустить? — спросила одна из ящериц. — Или мы вынуждены будем принять меры?

— От того, что вы примете меры, кабина не откроется, — заявил робот Арх. — Лучше поговорить.

— Нам не о чем с вами говорить, — отрезала ящерица.

— Наоборот, — поддержала робота Алиса. — Чем больше вы нам расскажете, тем больше у вас шансов возвратиться к своим товарищам. Я предлагаю уйти в тень, под навес,

здесь очень жарко. Там мы поговорим обо всем.

— Еще чего не хватало! — крикнула ящерица, но она оказалась в меньшинстве.

Все остальные, словно ждали сигнала, потянулись в тень. Сестрички Рабэн схватили большой термос и побежали к себе домой, чтобы принести холодного лимонада.

— Рассказывайте, — попросила Алиса ящериц.

— О чем? — вопросом на вопрос ответила ящерица с плеча графини.

Алиса еще не понимала, кто из ящериц главнее. Впрочем, важнее было, чтобы ящерицы разговаривали. Лучше разговаривать, чем воевать.

— Обо всем рассказывайте, — сказала Алиса. — О том, откуда вы, зачем к нам прилетели, куда вы дели нашего друга Ричарда и что вам от нас нужно.

Ящерицы начали переговариваться на своем языке. Люди из Средневековья отдыхали в тени, разглядывая издали палатки археологов.

— Нас называют космическими бродягами, — сказала первая ящерица, легко и грациозно скользнула с плеча графини Констанцы на стол и принялась расхаживать, подняв хвост. Она была длинной в Алисину руку и могла, если нужно, подниматься на задние лапы.

Оказались эти ящерицы такими гибкими, упругими и твердыми, что Алисе было трудно поверить в то, что они могли выпускать из себя воздух и становиться совершенно плоскими, не толще сантиметра, что удобно для маскировки.

— Нас неверно называть бродягами, — продолжала ящерица на старофранцузском языке. Видно, она думала, что на Земле все понимают этот язык. — У нас есть своя планета, о которой нельзя знать простым смертным, потому что тогда до нас доберутся враги...

Вторая ящерица прыгнула с плеча купца и, расхаживая рядом со своей товаркой, продолжила ее речь:

— Мы — типичный пример гонимых и несчастных жертв вражеской агрессии. Вынужденные сопротивляться ради спасения наших детей и культурных ценностей, мы посылаем корабли в разные концы Галактики в поисках сырья и различных товаров, которые необходимы, чтобы мы могли продолжать военные усилия. Таким образом нам удалось посетить вашу так называемую Землю и найти среди ее обитателей существа, которые разделяют нашу точку зрения на борьбу за свободу и независимость нашей родины!

— Вот именно! — Третья ящерица также прыгнула на стол.

Она чуть прихрамывала, и Алиса увидела, что вместо одной из лапок у ящерицы протез. Все ящерицы были без одежды, если не считать ремней с прикрепленными к ним бластерами. Ремень третьей ящерицы был снабжен несколькими карманами.

— Мы прилетели сюда с мирными намерениями, — заявила хромая ящерица. — Нам не нужны ваши территории, ваш воздух и ваши люди. Нам нужен уран, нам нужны золото, кадмий, алмазы. Простые вещи. За которые мы готовы платить всем, что есть в нашем распоряжении. Мы отыскивали милейших людей, которые готовы нам во всем помочь. А мы тоже помогаем этим людям, как можем.

— Да, видит господь, что это именно так, — произнес купец.

Ящерицы замолкли и стали в ряд перед Алисой, опираясь на хвосты и сложив на розовых животиках белые лапки. Это были очень красивые ящерицы, но Алиса им совершенно не верила. Вроде бы все в порядке, тебе рассказывают интересную историю — почему бы не верить? А вот ты не веришь, и все тут!

— Значит, вы торговцы? — спросил робот Арх.

— В широком смысле этого слова вы правы, — сказала первая ящерица.

— А чем вы сами торгуете? Что вы привезли?

В стане ящериц произошла маленькая заминка — они поворачивали головы, как бы передавая друг другу право отвечать на этот вопрос. Наконец третья, хромая ящерица сказала:

— Я буду искренна с вами: мы торгуем услугами. Мы даем услуги, а берем товары.

— Что это значит? — спросила Алиса. — Какие еще услуги? Разве вы рубите лес, моете полы, варите суп?

— Ха-ха-ха! — рассмеялись ящерицы. — Зачем нам варить суп, если мы всеильные, могучие, мы очень полезные друзья.

— Именно так! — подтвердила графиня Констанца.

— И какая от вас польза? — спросила Алиса.

— Пускай наши друзья сами расскажут, — сказала хромая ящерица. — А то приходят тут всякие, сомневаются, думают, что мы какие-нибудь космические разбойники.

— Давай я скажу, — начал купец. — Кто вперед меня на своем круглом кораблике полетит, поглядит, что на рынке в Багдаде сегодня нужно, а чего никто не покупает?

— Я полечу, — сказала хромая ящерица.

— Ты, мой коршун, — кивнул купец и погладил ящерицу. — А кто конкуренту в чай снотворного зелья подсыплет, чтобы тот проспал открытие базара и товары свои не вынес?

— Для друга — всегда готова! — откликнулась ящерица. — Да что снотворного, если скажешь, я и смертельного яда подсыплю.

— И мне для тебя ничего не жалко, — сказал купец. — Если нужно для тебя купить киноварь или бирюзу, привезти алмазы или сапфиры — я готов. Это я называю дружбой.

— Ясно, — вздохнула Алиса.

Она уже догадывалась о том, что ей скажут другие средневековые люди. Они, конечно же, попали в рабство к космическим ящерицам, но об этом не догадываются и никогда не догадаются, потому что хитрые ящерицы обставили рабство как дружеский союз. Попробовал бы купец отказаться служить ящерицам и привозить то, что им нужно, — и для него бы нашелся яд.

— А я называю мою ящерицу феей, — сладким голосом сказала графиня Констанца. — Такая она у меня ласковая, милая, добрая. Если мне нужны шелка и атлас, ковры и ожерелья, стоит мне только моргнуть — все у меня будет.

— А для твоего мужа — оружие и кольчуги, — добавила ящерица.

— Разумеется! Он же настоящий отважный рыцарь! Он должен воевать.

— Еще бы! — сказал тут молодой рыцарь Солсбери. И Алисе показалось, что в голосе его звучит недовольство. — Напасть на мирный караван, нарушить перемирие, захватить и ограбить женщин и детей — это замечательное занятие для вашего супруга!

— Не смейте так говорить! — Графиня Констанца даже покраснела от гнева. — Мой муж Рено напал на неверных! А с ними не может быть мира.

— Я не согласен с вами, благородная графиня, — возразил купец, — для нас, торговых людей, очень важно, чтобы никто не нарушал перемирия. Сегодня мы нападаем на сарацинский караван, а завтра они нападут на наш. Кто же тогда повезет вам ковры и драгоценности?

— Мои феи привезут. — Графиня погладила ящерицу, которая опять взобралась к ней на плечо и прижалась к ее шее. — Ты привезешь мне драгоценностей, моя крошка?

— Разумеется, графиня, — подтвердила ящерица.

— Тогда приказывай нападать на караваны, сколько тебе хочется.

— Это нам, торговцам, не по душе, — мрачно сказал купец. — Твой муж, графиня, напал на мирный караван, который принадлежал сестре султана Саладина, потому что в нем везли в Египет ляпис-лазурь и рубины, которые были нужны твоим друзьям-феям. Он ограбил караван, не подумав, что подпортил торговлю всем остальным.

— Да, нам нужны рубины! — закричала ящерица графини. — А ты молчи, мужлан немый!

— Да я тебя! — Купец рванулся к ней, но тут Алиса увидела, как ящерица, опять уже сидевшая у него на шее, вцепилась в нее мелкими зубками. — Ай-ай-ай! — закричал купец. — Больно!

— Еще не так больно будет, мерзавец, если посмеешь поднять против нас голос! — пригрозила ящерица, сидевшая на плече графини.

— Вот именно, — сказал молодой рыцарь Солсбери. — Мы все друзья, но должны помнить свое место. Наши друзья-дракончики помогают нам отыскивать пути в пустыне, находить рабов, строить крепости. Но мы с ними не спорим...

Алиса увидела, что молодой храмовник усмехнулся. Хотя невесело. Видно, дружба с ящерицами не всегда его радовала.

— Мне все ясно! — громко заявил круглый робот Арх. — А теперь признавайтесь, куда вы дели нашего друга Ричарда?

Почему-то никто не захотел ответить на такой простой вопрос.

Графиня сорвала сухую травинку и принялась ее грызть, рыцарь стал вглядываться в даль, а купец пересчитывал монеты в кошельке, прикрепленном к поясу.

— Нет, вы не молчите! — встревожилась Алиса. — Вы говорите правду! Вы ничего не сделали плохого?

— А если сделали, — заявил Арх, — то живыми вы отсюда не выйдете!

Но и на эти слова никто не ответил.

Алиса всерьез встревожилась. Арх приказал остальным археологическим роботам:

— Взять их!

Видно, ящерицы были уверены в своей безнаказанности и не ожидали нападения со стороны таких неуклюжих машинок. Не прошло и пяти секунд, как все три ящерицы болтались в длинных металлических руках роботов — те держали их за розовые хвосты.

Свободными руками роботы отобрали у ящериц бластеры.

Алиса думала, что сейчас средневековые люди, такие близкие друзья ящериц, кинутся им на помощь, и была даже готова к этому нападению. Но люди и с места не двинулись. Глядели, как их друзья болтаются под ветром, и делали вид, что ничего особенного не случилось.

— Говорите, — приказала Алиса, подходя к первой ящерице.

— А что вам сказать?

— Быстрее!

— Конечно, конечно... Ваш друг Ричард появился у нас, и мы сразу догадались, что он из другого места. Вернее всего — шпион.

Ящерице было трудно говорить, висая вниз головой, и Алиса велела роботу поставить ее на стол, но не отпускать.

— Мы стали спрашивать, для кого он шпионит, а он молчит и что-то приборчиками проверяет...

— Мы хотели дружить! — закричала вторая ящерица. — Только дружить.

— А Ричард, значит, не хотел дружить? — строго спросил робот Арх.

— То есть, с одной стороны, он хотел, а с другой стороны, совсем не хотел, — пропищала ящерица. — А мы ему говорим: как тебе не стыдно так плохо с нами дружить!

— Чего уж там, — заявил вдруг купец. — Стали они его пытаться.

— Пытать? Ричарда! — У Алисы даже голос сорвался. — И вы говорите, что вы не пираты и не разбойники?

— Мы культурные путешественники, — заявила одна из ящериц. — Если с нами тоже говорят культурно, мы никогда не делаем больно. Но если с нами разговаривают грубо...

— Тогда мы делаем больно! — закричала вторая ящерица.

— А ваш Ричард оказался совершенно некультурным.

Тут снова в разговор вмешался купец:

— Они его били, колотили, током мучили, но скоро поняли, что ничего поделать не смогут.

— И что же тогда? — со страхом спросила Алиса.

— А тогда вышел вперед мой дорогой муженек, — сладко улыбнулась графиня Констанца, — и сказал: «Так у вас дело не пойдет. У меня есть план. Через пять минут ваш пленник заговорит как миленький».

— И он заговорил как миленький, — сказал купец. — Потому что нет на свете большего мерзавца и более жестокого изверга, чем граф Райнольд де Шатильон, которого обычно называют графом Рено.

— Еще бы не стать жестоким, — возразила графиня Констанца, — если эти проклятые арабы держали его в плену шестнадцать лет. Я чуть не поседела за эти годы без мужа.

— Но пожалела денег на его выкуп, — заметил злоязычный купец.

— Так что же придумал ваш граф? — спросила Алиса. Она спешила, нельзя было терять ни минуты — может быть, от них зависит спасение Ричарда.

Графиня не захотела рассказывать дальше. Рыцарь Солсбери тоже молчал. Пришлось снова говорить купцу:

— Помните, вам говорили, что граф Рено захватил мирный арабский караван и нарушил этим перемирие?

Алиса кивнула.

— В том караване была девочка. Совсем еще маленькая. И он приказал ее привести.

— Ну ладно, ладно, — сказала графиня. — Рассказал, и дело с концом. Дальше неинтересно.

— Еще как интересно, — не согласился с ней купец. — Они притащили девочку и говорят: если ты сейчас нам все не расскажешь, мы будем девочку мучить!

— Ой! Не может быть! — воскликнула Алиса.

— А чего такого, чего такого? — закричала одна из ящериц. — Нам нужна была информация, а ваш Ричард пожалел ее нам отдать. Пришлось нам искать новые пути. Мы же умные. Вот и нашли.

— Вы с графом негодяи! — сказал Арх. — Мне жаль, что я робот и не имею права причинять людям вред. А то бы я оторвал вам всем головы.

— Попрошу без этого! — возмутилась графиня. — Живете через тысячу лет после нас, а сами куда хуже нас воспитаны! Угрожаете беззащитной женщине.

Тут уж даже роботу Арху ничего не оставалось, как развести руками.

— Продолжайте, — сказала Алиса, глядя на графиню.

Та чувствовала себя неловко, но продолжала рассказ:

— Эту паршивую сарацинку привели, привязали к столбу, и мой дорогой муженек Рено сказал: «Не расскажешь, зачем приехал, — вышибу дух из этой паршивки. Будешь врать — сам посмотришь, что будет дальше».

— И что Ричард? — спросила Алиса.

— А твой Ричард сдуру начал кричать, что он не позволит, что так нельзя с детьми обращаться, что мы за это дорого заплатим! Известные штучки. Слышали мы такое.

Купец и рыцарь ордена тамплиеров стали кивать, подтверждая слова графини.

— Тогда моему муженьку пришлось врезать девчонке по носу. Кровь ручьем, вопль — до самого Иерусалима слышно! Эти местные дети такие невоспитанные! Она мне чуть на платье не попала кровью — хорошо, я успела отскочить.

И графиня снова заливисто рассмеялась.

Алиса еле сдерживалась, чтобы не кинуться на эту феодальную негодяйку. А графиня словно и не замечала ее состояния.

— Тут твой Ричард, должна сказать, показал себя совершенным сопляком. Ну какой настоящий рыцарь и мужчина будет переживать из-за сарацинки? — продолжала графиня. — А Ричард закричал, что признается во всем. И признался, что прилетел к нам из будущего. Что у него есть машина, которая позволяет человеку летать из века в век.

— Мы внимательно следили за твоим другом, — пропищала ящерица. — Ричард попытался умолчать, как пользоваться машиной, но тут...

— Нет, я сама скажу, сама! — закричала графиня. — Я хочу сама!

— Ну что ж, говори, графиня, — согласилась ящерица.

— Я вцепилась ногтями в щеку девчонки, — графиня побледнела от сладкого воспоминания, — и расцарапала ее, как пантера!

— Вы больная, — сказала Алиса. — Вы больная злобная садистка. Вас надо лечить.

— Правильно. — Графиня вовсе не обиделась. — Меня надо лечить от доброты. Я слишком добренькая для Палестины, где так жарко и такие жестокие сарацины. Скоро мы пойдем на них в большой поход, и тогда никто не останется в живых!

Алисе было жалко и Ричарда, и неизвестную девочку. Но как его освободить?

Наступило тяжелое молчание.

Не только Алисе и роботам было противно смотреть на эту графиню, но даже купец и рыцарь Солсбери глядели в землю.

А хромая ящерица сказала:

— Нам очень трудно разговаривать с вами, если нас держат за хвосты, как селедок. Теперь вы все знаете, так что можно нас отпустить. Мы никуда не убежим.

Археологические роботы отпустили ящериц, те взобрались на плечи своих средневековых спутников и обернулись вокруг их шей, словно розовые шарфы.

— Вы их всегда так носите? — спросила Алиса.

— Так удобнее, — коротко ответил рыцарь. — Мой друг дракончик всегда может подсказать мне или посоветовать, что делать.

— И вы его слушаетесь?

— Разумеется, — твердо произнес рыцарь. — Нам так выгоднее.

Ящерица, которая лежала у него на плечах, подняла лапку, легонько ударила рыцаря по щеке, и тот послушно замолчал.

— Мне тоже хотелось с вами поговорить, — сказала ящерица Алисе. — Как я вижу, нам куда выгоднее иметь с вами дело, чем с вашими предками. Надо будет обсудить условия договора. Мы хотим, чтобы вы так же дружили с нами, как вот эти.

И ящерица потрепала лапкой рыцаря по уху.

— Сначала пускай возвратится Ричард, — сказала Алиса.

— Чтобы он возвратился, — ответила ящерица, — нам надо вернуться домой, рассказать о нашей с вами встрече и принять решение.

— Мы не отпустим вас, пока не возвратится Ричард! — заявил робот.

— Только попробуйте! — рассмеялась ящерица.

— Если кто-то из нас не вернется вовремя, вашего Ричарда замучают и разрежут на куски. А вы даже его тела никогда не найдете.

Рыцарь Солсбери поднял с земли туго набитый мешок и шагнул к кабине.

— А это еще что? — спросила Алиса.

— Это образцы товаров, которые я нашел вон там...

И он показал назад, на белые домики поселка.

— Обокрал кого-то в поселке? — поинтересовался робот Арх.

— Рыцари-храмовники никогда ничего не крадут! — гордо произнес Солсбери. — Я с ними поменялся.

— Надеюсь, вы никому не нанесли вреда? — строго проговорила Алиса.

— Мы совершенно безвредные, — ответила ящерица за своего рыцаря.

— И на том спасибо. — Алиса глядела, как незваные гости уходят к машине времени. — Скажите Ричарду, что мы ждем и беспокоимся.

— Предупреждаю, — сказал робот Арх, — ни один волос не должен упасть с головы Ричарда Темпеста. Иначе вы будете иметь дело со мной, Архом непобедимым.

— Ладно, не пугай, — ответила ящерица с плеча графини.

Глава 6

Наконец последний из пришельцев исчез в кабине.

Алиса и роботы стояли у входа в нее, все еще не в силах прийти в себя. И хоть это была далеко не первая встреча Алисы с пришельцами, она оказалась самой необычной.

— Хорошо, что мы не стали с ними ссориться, — сказала Алиса. — Вот все и кончилось.

— Сомневаюсь, — ответил робот Арх. — Ты забыла, что они сделали с сарацинской девочкой. Кстати, что такое — сарацинская девочка? Это национальность или специальность?

— Сарацинская — значит, мусульманская девочка: арабская, египетская, персидская — для крестоносцев все жители этих мест делились на сарацинов, евреев и франков. Франками называли европейцев.

— Это важно запомнить, — произнес робот Арх, который любил повторять, что он уже умнее многих людей, а скоро будет умнее всех.

Стало жарко. Откуда-то прилетела пчела и кружилась над Алисой. Поднимая пыль, прибежали близняшки Рабэн.

— А где дядя рыцарь? — воскликнула одна из них.

— Зачем тебе дядя рыцарь? — спросил робот Арх.

— У нас такое интересное событие! — сообщила вторая девочка. — Мы ему хотим рассказать.

— Тогда расскажите мне, — посоветовала Алиса.

— Нас обокрали! — хором заявили девочки.

Они, видно, думали, что Алиса страшно удивится, но она вовсе не удивилась, потому что догадывалась об этом раньше.

— И много всего украли? — спросила Алиса.

— Кофемолку! — сказала одна из девочек.

— Когда мама придет с работы, она, наверно, огорчится.

— Еще бы, — согласился Арх. — Ну кому нужна кофемолка?

Алиса поглядывала на кабину — ждала, когда из нее покажется Ричард. Но Ричарда все не было. Одна из девочек перехватила ее взгляд.

— А может быть, дядю Ричарда тоже украли? — спросила она. — Вместе с кофемолкой.

Девочки захихикали, а робот Арх сердито сказал:

— Не вижу в этом ничего смешного.

Прошло уже минут десять, а Ричарда все не было.

— Может, он устал и немного отдыхает? — сказал один из археологических роботов.

— Не надо меня успокаивать! — обиделась Алиса. — Я понимаю, что сделала глупость. Разве можно было так доверяться этим ползунам? Вся эта компания мне с самого начала не понравилась.

— Вот и надо было сказать об этом вслух! — заявил робот Арх. — А то получается, что ты чувствовала с самого начала, а я ничего не чувствовал, потому что я механическая машина, никому не нужный и презируемый робот, то есть железная банка.

— Не ссорьтесь, дядя и тетя! — сказали девочки Рабэн. — Вы должны дружить.

Для этих малышей робот, похожий на шар с ножками и ручками, и старшая девочка

были дядей и тетей. Двойняшки привыкли жить среди разумных машин.

— Еще пять минут! — сказал робот Арх.

— И что тогда? — спросила Алиса.

— Тогда я пойду в это прошлое и покажу им, где раки зимуют.

— Может, подождем, пока приедет Громозека?

— Ты жди, — ответил робот. — А я не могу рисковать. Каждая минута грозит жизни Ричарда. Неужели не понимаешь, в руки к каким палачам и обманщикам он угодил? Они же здесь только что уверяли, что они добрые, разумные, гуманные. А на самом деле?

— На самом деле я с тобой совершенно согласна, — сказала Алиса. — Мы с собой бластеры берем?

— Сомневаюсь, — ответил робот, — потому что я думаю, что их там тьма-тьмущая. И всех ты и не перестреляешь.

— Я не хочу никого перестреливать! — воскликнула Алиса.

— Тем более не надо. Мы должны одолеть их умом, сообразительностью и выдержкой. Вот наше оружие!

Алиса кинулась к компьютеру и включила видеофон — она быстро наговорила ему краткий отчет о том, что случилось, пока Громозеки не было, и сказала, что они с роботом Архом решили спешно отправиться в прошлое — попытаться спасти Ричарда, потому что они опасаются за его жизнь.

После этого Алиса велела оставшимся роботам и сестричкам Рабэн беречь запись и дополнить ее рассказ своими наблюдениями. Девочки Рабэн тоже обещали все рассказать Громозеке.

Алиса вошла в кабину. Шар на коротких ножках вбежал за ней и прижался к ее ногам. Его голова-нашлепка крутилась у Алисиной груди.

— Поехали! — сказал робот.

Алиса нажала горящую кнопку перелета в 1190 год.

Тут же дверь закрылась, стало темно, голова закружилась, послышался звон, и показалось, что быстро-быстро падаешь с крутой горы. Неизвестно, сколько продолжалось это падение.

Затем свет в кабине зажегся.

И кабина тут же начала растворяться.

И исчезла. На ее месте осталось лишь легкое туманное облачко — для того, чтобы путешественники во времени знали, где оставлена дверь в будущее.

Алиса и робот Арх стояли на том же месте Палестины, на котором будут стоять через девятьсот лет.

Как странно!

Местность почти не изменилась. Только развалины на вершине холма превратились в целый, грозный, с четырьмя башнями могучий каменный замок. Там, где в наше время была сухая степь, добегавшая до сиреневого шоссе, тянулось уже убранное поле, на котором остались лишь сухие стебли. Вместо шоссе пыльная разбитая дорога вела наверх, к воротам замка. Вдоль дороги медленно брело небольшое стадо овец. За ним шел пастух.

Солнце пекло так же, как и в двадцать первом веке, и ветерок, долетавший от недалекого моря, почти не охлаждал кожу.

— Я ничего не понимаю, — произнесла Алиса.

— Если уж я не понимаю, — сказал робот, — то о тебе и говорить не приходится.

— Может, мы ошиблись временем? — спросила Алиса. — Два-три года могут показаться мелочью для кабины...

— Не говори глупостей, девочка, — оборвал ее робот. — Ты отлично знаешь, что для электроники ошибка в одну минуту уже трагедия. Лучше посмотри под ноги.

Алиса подчинилась роботу и посмотрела под ноги.

И поняла, почему он просил об этом: земля была истоптана, колоски вбиты в пыль — еще недавно здесь ходило много людей.

— Но где все люди? — спросила Алиса.

— Я предлагаю, — сказал робот Арх, — подойти к пастуху и спросить его: куда все ушли? Ведь он же здесь давно. И наверняка видел наших с тобой знакомых.

— Пойдем к пастуху, — согласилась Алиса.

Она не ожидала такого от ящериц. Ну ладно, не хотите освобождать Ричарда, мы этого добьемся и без вашего желания, но куда вы исчезли?

Они поднялись к дороге. Смуглый пастух смотрел на них, опершись о посох.

— Молодой человек! — крикнула Алиса. — Вы меня слышите?

— Ты на каком языке его зовешь? — удивился робот.

— Ой, я забыла! Я по-русски его позвала.

Алиса с роботом подбежали к пастуху. Овцы остановились и пропустили их и тут же снова принялись щипать скудную траву.

— Здравствуй! — произнесла по-арабски Алиса. — Ты здесь никого не видел?

Пастух оказался совсем молодым парнем в длинном сером халате, босиком. Его черные кудри были спутаны и лежали на голове, будто никогда не чесанная и не мытая шапка.

Пастух обратил к Алисе черные глаза. Он ее не боялся. Но ничего не понимал.

Лицо его было знакомо. Откуда? Конечно же, с фотографии, что ей показал Громозека! Но на той фотографии была и она сама. Кто же тогда сделал снимок? И не успела Алиса подумать об этом, как услышала слабый щелчок. Она оглянулась. Розовая тень мелькнула в траве.

— Это какая-то ловушка, — насторожился робот Арх. — Неужели ты не чувствуешь, как они за нами наблюдают?

— Не понимаю, — произнесла Алиса. — Зачем им за нами наблюдать? Мы же не прячемся. В крайнем случае они могут нас перестрелять из бластеров.

— Ну уж на это они не решатся! Громозека от них мокрого места не оставит.

— Во-первых, они незнакомы с Громозекой...

— Их счастье, — ответил робот.

Пастух, который слышал разговор Алисы с роботом, что-то сообразил, потому что стал показывать на замок и быстро говорить, словно предупреждал об опасности.

— Я думаю, что он прав, — сказал робот, хотя Алиса была уверена, что он ничего не понял. — Кроме как в замке им негде спрятаться.

— Не будем терять время даром, — согласилась Алиса, и они побежали вверх по дороге, ведущей к воротам замка.

Замок был обнесен глубоким рвом, но воды в нем не оказалось — на дне лежали острые камни. Подъемный мост был опущен, и решетка, перекрывавшая ворота, приподнята.

У ворот в тени под башней стоял воин в кожаных штанах и кольчужной рубахе, но босой.

— Эй! — сказал он лениво. — Вы кто и куда?

Удивительный мир, подумала Алиса. Ничему они не удивляются, ни на кого глаза не таращат. Как будто эти средневековые люди уже всю Галактику облетели.

— Нам нужна графиня Констанца де Шатильон, — объяснила Алиса. — Как ее найти?

— А вот прямо пройдете, — ответил воин, — справа будет арка, поверните под нее и поднимитесь на второй этаж. Они только что туда пробежали, заседают, наверное.

— Кто — они? — заинтересовалась Алиса.

— Наша госпожа, — ответил воин, — и ее черти розовые.

— Все правильно. Черти розовые! — согласилась Алиса и вошла в замок.

За ней последовал робот Арх.

Внутри замка текла неспешная средневековая жизнь. Над кузницей поднимался черный дым, и слышны были удары молота по металлу, кони волновались, били копытами у коновязи, два поваренка свежевали барана, а какой-то бездельник-рыцарь давал им ценные указания. Поджарая собака кружилась вокруг поварят, а за ней бегал мальш, грязный и голый — норовил схватить пса за хвост.

Алиса и ее спутник повернули под арку и поднялись на второй этаж.

Никто на них не обратил внимания.

Они оказались в гулком обширном зале, узкие окна которого располагались высоко над головой.

За длинным столом сидели известные уже Алисе средневековые люди, к которым прибавился еще один господин — толстый, плешивый, в вышитом золотом костюме, похожем на детскую распашонку, а его жирные ляжки были обтянуты серыми рейтузами. У толстяка был длинный тоскливый нос, да и все лицо у него было тоскливым.

Несколько розовых ящериц сидели на столе или бегали по нему.

Центром внимания всех этих господ была куча вещей, лежащая посреди стола рядом с пустым мешком.

Алиса сразу сообразила, что это тот мешок, который таскал молодой рыцарь-храмовник, потому что посреди стола стояла электрическая кофемолка.

— Ого! — сообразил робот. — Они любят трофеями из нашего века. Вот почему они забыли нас встретить.

Средневековые люди и ящерицы и теперь не обращали на Алису и робота никакого внимания.

Графиня Констанца подняла на руки обыкновенную говорящую куклу одной из сестричек Рабэн и наклонила ее. «Ой, мама, я хочу кушать!» — сказала кукла на языке

иврит. И несколько раз хлопнула ресницами.

Графиня Констанца не поняла, но захохотала.

Никто ее не поддержал — купец любовался настольной лампой, рыцарь крутил в руке складной швейцарский ножик с тридцатью лезвиями, толстяк с длинным носом наслаждался стеклянной пепельницей с замурованной в нее настоящей бразильской бабочкой. Много было украдено храмовником из дома гидрографов Рабэнов, но были там и предметы из других мест. Например, портативный микроскоп Громозеки и запасные глаза для роботов. Когда они успели все это украсть, Алиса не представляла.

Алиса с роботом подошли к столу поближе.

Тут хромая ящерица на протезе заметила, что в замке гости, и спросила:

— А вы что здесь делаете?

— Мы пришли освободить Ричарда, — произнесла Алиса.

— Какой Ричард! — воскликнула Констанца. — Какой еще Ричард! Вы же видите, мы изучаем трофеи!

— Это не совсем трофеи, — вежливо сказала Алиса. — Это вещи, которые вы у нас украли.

— Женщина, — возразила одна из ящериц, — в нашем языке нет слова «красть». Это глупое слово. Если тебе выгодно, если ты сильный, то ты сам берешь.

— Дельно сказано, — заявил рыцарь с тоскливым носом. — Неплохие парни эти дракончики.

Он обернулся к Алисе:

— А вы откуда будете, прекрасная дама? Из будущего?

— Да. И мне хочется поскорее найти нашего друга.

— Найдем. — Мужчина поднялся со стула. Алиса увидела, что у него странная фигура — маленькая головка с усами, громадный, отвисающий к ногам живот и тонкие ноги, которым трудно удержать этот мешок жира. — Ты мне нравишься, неизвестная красавица. Я буду за тобой ухаживать.

— Не говори глупостей, мой дорогой супруг, — сказала ядовитым голосом графиня Констанца. — Неужели ты не видишь, что это просто рослый ребенок? Они там в будущем все переростки.

— Как жаль, — сказал толстяк и представился Алисе: — Граф Райнольд де Шатильон к вашим услугам. Владелец замка Крак де Шевалье и будущий король иерусалимский.

— Алиса Селезнева, — ответила Алиса.

— Ведущий специалист по археологии, — представился, выкатившись вперед, робот Арх. — Алиса сопровождает меня в моей поездке сюда.

Алиса хотела было возразить, но потом только улыбнулась.

— Ну сколько же можно спрашивать вас об одном и том же? — воскликнула Алиса. — Где Ричард? И если вы мне не ответите немедленно, то вам придется иметь дело не со мной, а с самим господином Громозекой.

— А господин Громозека шутить не любит, — добавил Арх.

— Это еще что за рыцарь? — спросил граф де Шатильон. — Я его не встречал в Святой земле.

— Не дай бог вам его встретить! — предупредил Арх.

— Не ссорьтесь, — вмешалась в разговор хромая ящерица. — Мы видим, сколько в вашем будущем есть отличных вещей. Давайте дружить!

— При условии, что вы освободите Ричарда, — сказал робот Арх.

— Мы рады будем его освободить, — ответила ящерица. — Но сейчас он отдыхает в соседнем замке. Как только он отдохнет, мы его вернем.

— Почему я должен вам верить? — строго спросил Арх.

— Да потому, что трофеи, которые наш молодой друг Солсбери принес из вашего времени, куда ценнее всего, что мы добываем здесь. Нам выгоднее иметь дело с вами, чем с этими дикарями! — Ящерица презрительно махнула лапкой.

— Как так? Как так? — возмутилась графиня Констанца. — Кто посмел назвать нас дикарями? Мы же мясо ножом режем, чай из чашек пьем — не то что некоторые! — И графиня не менее презрительно показала мизинцем на хромую ящерицу.

Но тут другая ящерица взлетела розовой молнией на плечо графине и, приблизив губы к уху Констанцы, начала быстро шептать, думая, наверное, что ее не слышат. А Алиса, конечно же, услышала.

— Мы их перехитрим, — шептала ящерица. — Мы с вами всегда заодно. Если мы их обманем, вам тоже достанется, вы у меня в золоте будете купаться.

— Хочу стать королевой Иерусалима! — сказала Констанца.

— Тшшшш! Мы вам гарантируем это.

Констанца хитро улыбнулась, прижимая к груди украденную в двадцать первом веке детскую куклу.

— А моего мужа можно отправить на завоевание Индии, — прошептала она, глядя на молодого рыцаря-храмовника.

— И это сделаем, — пообещала ящерица.

Дождавшись, пока разговор с графиней закончится, хромая ящерица сказала:

— Сейчас мы перейдем на наш корабль, там составим и напечатаем договор между вами и нами. И будьте уверены, что мы вас не обидим.

Робот Арх толкнул Алису в бок. Но она и без этого понимала, что ящерицы — великие мастерицы всем все обещать. Но ведь если обещаешь всем, то обязательно кого-то обманешь.

— Вы согласны, господа ахрологи? — спросила ящерица у Алисы и робота.

— Мы не ахрологи, а археологи! — обиделся робот.

— Вот именно, — не стала спорить ящерица.

— Первым пунктом будет возвращение Ричарда, — сказала Алиса. — И немедленное!

— Конечно, Ричард, разумеется, Ричард! — согласились ящерицы. — Мы немедленно за ним пошлем.

Но послать они никого не успели, потому что неожиданно встреча была прервана. В дверях показался пропыленный темнолицый рыцарь без шлема. Его щека была окровавлена, синий плащ разорван.

— Ваше сиятельство, граф! — прохрипел он, шатаясь и еле удерживаясь пальцами за косяк двери. — Случилось несчастье.

— Что еще? — Толстый граф де Шатильон вскочил с неожиданной резвостью.

— Саладин!

— Что Саладин? Говори, бездельник!

— Саладин наступает. Он уже разбил наши посты у озера! Вот-вот он будет здесь.

— Что?! — Де Шатильон побледнел как бумага. — Я тебе голову оторву! Почему не предупредили раньше? Чем я буду его останавливать? У меня половина отряда в Аккре! Я

помогаю королю Филиппу! О горе! О горе!

— Перестань ныть, дорогой супруг. — Графиня Констанца поднялась со своего места. — С нами наши верные друзья. Они не дадут нас в обиду.

— Правильно! — обрадовался граф. — Это вы меня соблазнили, вы заставили! Я бы без вашей подсказки никогда перемирия не нарушил!

— К сожалению, в нашем договоре, — сказала хромая ящерица, — нет пункта о нашем участии в ваших войнах, сварах и стычках. Мы не можем рисковать жизнью или здоровьем хоть одного из нас. А если мы застрелим сто или тысячу сарацинов, они нам отомстят.

— Неужели вы их испугались? — спросил граф.

— Мы никого не боимся, но не хотим лезть в пустую драку.

— Предатели! — завопил граф Рено. — Всех вас перебью! — Он швырнул оловянный кубок с вином в каменную стену. — А потом отрублю голову самому Саладину.

— Пока мой супруг голыми руками воюет с сарацинами, — тихо сказала графиня Констанца, — мы тоже примем меры. У нас есть могущественные друзья, не так ли? — Графиня выразительно посмотрела на ящериц, которые, сблизив острые рыльца, о чем-то шептались.

— Да, — сказала наконец хромая ящерица. — Наступление Саладина — опасность для всех нас. Мы отправим людей за помощью к Старцу Горы.

— Правильно, у него есть ассасины, — проговорила графиня.

— Кто такие ассасины? — спросила Алиса шепотом у робота.

— Убийцы, — ответил тот.

— А я тут же отправляюсь к магистру нашего ордена, — сказал молодой рыцарь Солсбери. — Он находится у Аккры с отрядом рыцарей. Но надеюсь, что наш орден будет вознагражден за помощь?

— Он будет вознагражден, — ответил граф де Шатильон, — уже тем, что не будет разбит и уничтожен проклятым Саладином!

— Это наше общее дело! — воскликнула хромая ящерица. — Мы должны стоять нерушимой стеной. Или мы вместе, или мы погибнем.

— И не получим богатств, которые сулит нам будущее, — тихо добавил купец.

Все его услышали и склонили головы, соглашаясь с мудростью бывалого человека.

Когда рыцарь Солсбери быстрыми шагами направился к выходу из зала замка, графиня Констанца сказала ему вслед:

— Если вам, Годфри, удастся уговорить английского короля Ричарда Львиное Сердце помочь нам, мы спасены.

— Надежды на это мало, графиня, — ответил рыцарь. — Король Англии не любит Старца Горы...

— И меня! — завершил фразу граф Рено.

Когда рыцарь ушел, графиня сказала, глядя на добро на столе:

— Чтобы Старец Горы быстро помог нам, нужен ценный подарок.

— Ты думаешь, что ему подойдет что-нибудь из этого? — спросил де Шатильон. И он несмело дотронулся до кофемолки.

— Нет, — сказала графиня. — Потребуется нечто более весомое. Нечто подходящее для его старческих вкусов...

— У меня есть идея! — воскликнула розовая ящерица. — Я знаю, что подарить старому негодяю! У вас в подвале сидит девочка-сарацинка.

— У нее вся мордочка исцарапана и нос распух, — отмахнулась Констанца. — Кому такая уродина нужна?

— Но она все равно очень хороша и принадлежит к благородному сарацинскому роду.

— Мало. Он может не принять дар. И тогда из мстителей мы превратимся в жертву, — сказала Констанца.

— Но что тогда? — Ящерица растерялась.

— Я знаю, — тихо произнес купец. — Мы подарим ему сразу двух девочек.

Он показал грязным пальцем на Алису.

— Нет! — отрезала ящерица. — Нам эта девочка нужна как заложница.

— У вас уже есть заложник! — возразила Констанца. — Нельзя всех людей из будущего держать в заложниках. Хватит. На двух девочек старик обязательно клюнет! Такой подарок! Я бы сама хотела занять таких хорошеньких маленьких рабынь!

— Может быть, ты и права, моя супруга... — произнес толстый граф де Шатильон. — Старец Горы — самый нужный нам союзник. Нужнее даже, чем дракончики.

— Каждый нужен в свое время, — мудро заметил купец.

— А кто их отвезет? — спросила Констанца. — Мне не следует появляться в крепости Старца, а ты занят подготовкой войска к битве с Саладином.

— Я отвезу, не беспокойтесь, графиня, — предложил купец.

— А мы постараемся, чтобы Старец Горы не отказал в вашей просьбе, — заметила одна из ящериц.

— Тогда пошевеливайтесь, — приказала графиня Констанца. — В путь!

— Надо подготовиться к поездке, — возразил купец. — Выбрать коней, взять с собой воду и провизию на дорогу.

— Какая тут дорога! Два шага, — отмахнулась графиня Констанца.

— Это зависит не от меня, а от ваших слуг, — произнес купец с ласковой улыбкой.

Пожалуй, Алиса даже не смогла бы сказать, кто ей противнее всех. Все были хороши! И худая Констанца с жестокими глазами, и ленивый длинноносый граф де Шатильон, и упругий, крепкий и наглый купец с грязными пальцами и жирными космами.

— А что делать с железным дьяволом, который приехал с девочкой? — спросил купец. — Я бы запер его как следует.

— А вот этого я вам не советую делать! — возразил робот Арх. — Совершенно неизвестно, кто главнее всех. Возможно, я и есть то лицо, которое должно вести с вами переговоры.

Алиса еле сдержала улыбку, хоть было вовсе не смешно.

— Может быть, и на самом деле этот железный человек — самый главный в будущем? — усомнилась графиня Констанца.

— Вот именно! — закричал маленький робот.

— Нет, — раздался тихий голос ящерицы. — Не слушайте его. Это человеческий слуга. И он старается защитить своих хозяев. Он притворяется, чтобы перехитрить нас. Мы знаем о подобных слугах — они встречаются на различных планетах.

— Не слушайте его! — обиделся Арх. — Я не слуга, я равноправный сотрудник экспедиции.

— И что же посоветуете с ним делать? — спросила графиня де Шатильон.

— Его следует кинуть в яму! — посоветовала ящерица. — И покрепче запереть. Такие слуги бывают очень сильными. Учтите, что господин Ричард ни в коем случае не должен его

видеть. Иначе он догадается, что дело нечисто!

— Я вас всех раскидаю! — закричал робот. — Только посмейте подойти к Алисочке! Вам мало того, что я сегодня победил в честном бою рыцаря Солсбери?

Ящерица подняла лапку, давая кому-то сигнал.

И тут же сверху — непонятно, как она была там прикреплена, — упала крепкая толстая сеть, которая накрыла возмущенного робота. По другому знаку ящерицы сеть затянулась тугим мешком и медленно поднялась в воздух.

Когда Алиса попыталась броситься на помощь роботу, на нее накинулись два стражника и заломили ей руки за спину. Другие стражники быстро вытащили из зала окутанного сетью робота.

— А тебе, девочка, я не советую сопротивляться, кричать или драться, — сказала Констанца. — Нас тут много, мы все друзья. Лучше, если ты подчинишься и отправишься в гости к доброму дедушке Старцу Горы.

— Но вы же только что обещали освободить Ричарда и хотели с нами дружить!

— Ситуация изменилась, девочка, — ответила графиня. — Всеу свое время. Сначала мы победим Саладина, а потом будем дружить.

— Будет поздно, — сказала Алиса.

Констанца щелкнула пальцами, и Алису поволокли к выходу. Ящерицы замерли на столе, поднялись на задние лапки, глядя Алисе вслед.

Алиса не видела ни Ричарда, ни робота — она провела следующий час в каком-то темном закутке, где таились днем летучие мыши, которые возмутились вторжением Алисы и начали бесшумно и быстро летать вокруг, а это было страшновато. На полу валялась солома, Алиса сгребла ее в кучу и уселась на ней. Свет в ее темницу проникал лишь сквозь какую-то дырку под потолком. Зато было прохладно.

Целый час Алиса рассуждала, хотя, честно говоря, ничего особенного она не придумала. Она надеялась, что Громозека уже привез специалистов из Института Времени, что девочки Рабэн и археологические роботы рассказали им, что Алиса с Архом отправились на спасение Ричарда. И вот-вот должна прийти помощь из двадцать первого века. Но пока она не прибыла, лучше всего терпеть, раз уж сама виновата в том, что попала в такое положение. Никто не заставлял ее пускаться в путешествие с Архом, не дождавшись, пока вернется Громозека.

Еще Алиса раздумывала о том, что она увидела в прошлом. Конечно же, эти ящерицы, они же дракончики, они же феи — как кому удобнее считать, — грабители и жулики. Но нельзя сказать, что они обратили в рабство или загипнотизировали жителей Земли. По крайней мере, их союзники — графская семья де Шатильон, купец, рыцарь-храмовник — дружат с ящерицами, потому что им это кажется выгодным. Они занимаются своими делами, воюют, торгуют, грабят и используют ящериц в своих целях. А ящерицы используют людей в своих целях. Так что все вроде бы квиты.

Но Алиса понимала, что ящерицы в сто раз хитрее средневековых людей и в обмене получают рубль за каждую копейку. Например, подговорили графа Рено мирный караван ограбить, товары себе взяли, а султан Саладин ведет войско мстить не ящерицам, а графу.

Правда, союзники ящериц — тоже угнетатели и грабители. Это же надо придумать: подарить какому-то Старцу Горы двух девочек, в том числе Алису. Как вам это нравится? Если бы Алиса не была уверена, что ее вот-вот освободят, она бы сильно расстроилась — ведь ее еще никогда не дарили как простую вещь, как канарейку или говорящую куклу.

Хорошо бы приехал английский король Ричард Львиное Сердце. Он же благородный рыцарь, не то что этот молодой храмовник. Алиса уже читала роман Вальтера Скотта «Айвенго» и кое-что знала о храмовниках, рыцарях и самом Ричарде.

Хотелось есть. Ведь ей так толком и не удалось поесть сегодня. Приключения начались слишком рано и неожиданно. Хорошо бы Громозека привез с собой бутерброд...

И с этой мыслью Алиса задремала.

Ей показалось, что она проспала всего минуту, но часы показывали, что прошло больше часа. Алиса отлежала руку на каменном, еле покрытом соломой полу.

В камере стояли два стражника — они и разбудили Алису.

Один из них потянул Алису за руку. Пришлось подняться.

Алису вывели во двор замка.

Там уже ждали верховые воины, окружившие крытые носилки, подвешенные между двух коней. К ним и повели Алису.

Алиса решила дать о себе знать — ведь в окнах замка нет стекол и в комнатах каменных башен, окружавших двор, будет слышен ее голос.

— Эй! — закричала она. — Ричард! Арх! Меня увозят к Старцу Горы! Скажите об этом Громозеке.

Стражники потянули Алису к носилкам и попытались закрыть ей рот, но Алисе показалось, что в одной из бойниц башни мелькнуло лицо Ричарда. Однако, может быть, она ошиблась?

Алису втолкнули в носилки и захлопнули деревянную дверцу.

Но внутри было достаточно светло — свет проникал сквозь щели.

Алиса поняла, что она не одна. В носилках сидела, прижав к груди колени, еще одна девочка. Черноволосая, худенькая, смуглая. На щеках у нее были глубокие царапины.

— Здравствуйте, — сказала Алиса. Она сказала эти слова на старофранцузском языке, привыкнув уже, что рыцари и купцы здесь говорят на нем. Но девочка не была француженкой. Алиса уже догадалась, что она — та несчастная пленница графа де Шатильона.

Девочка тихо сказала «здравствуйте». У нее был гортанный, птичий голос.

К сожалению, это было единственное слово на французском языке, которое знала девочка. Алиса на арабском языке тоже знала мало слов. Правда, она быстро выучивала новые языки. И для начала она узнала, что ее спутницу зовут Мариам.

Носилки дрогнули, закачались. Стало трудно держаться, чтобы не скатиться друг на дружку. Девочки столкнулись, Мариам заплакала — так ей было больно. Алиса постаралась удержать ее, чтобы девочка не ударялась о стены носилок.

Слышно было, как скрипит, поднимается решетка крепостных ворот, как перекликаются стражники, потом носилки закачались мерно, и вскоре Алиса привыкла к этому движению. Они с Мариам даже стали разговаривать.

Пока их везли по пыльной дороге, Алиса узнала, что Мариам десять лет. Она жила в Дамаске со своей мамой. Они отправились с большим караваном в Египет, где у них жили родственники, но по дороге на караван неожиданно напали воины графа де Шатильона, и это было нечестно, потому что сейчас между крестоносцами и арабами объявлено перемирие. Поэтому-то и отправился в Египет мирный караван. Но граф де Шатильон не признает благородных правил. Тогда господин султан Саладин прислал графу сердитое письмо, в котором потребовал немедленно освободить пленных и отдать награбленное добро, но де Шатильон ответил, что он уже распорядился добычей, потому что у него много долгов, и никаких переговоров с неверными он вести не намерен.

Султан Саладин хотел наказать наглого графа, но для этого надо было собрать войско, чтобы взять штурмом его замок Крак де Шевалье. Саладин не хотел новой войны, и он послал гонца к английскому королю Ричарду Львиное Сердце. Тот стоял с войском крестоносцев возле города Аккра, и король Ричард ответил, что раз граф де Шатильон поступил нечестно, то Саладин имеет право его наказать. А английский король вмешиваться не станет.

Как Мариам, сидя в подвале замка, смогла проведать все эти подробности, Алиса не знала, но подумала, что, наверное, в замке есть много слуг и рабов, в том числе арабов, которые и рассказали все девочке. Ведь, судя по всему, это была не простая девочка, а такая, из-за которой сам султан Саладин решил наказать наглого графа.

— А где твоя мама? — спросила Алиса.

Девочка заплакала. Она ничего не знала о судьбе своей мамы. Но думала, что маму тоже подарили этому отвратительному Старцу Горы. Однако, когда Алиса попыталась узнать еще что-нибудь о том Старце, к которому их везут, девочка Мариам начала рыдать и пришлось разговор прекратить, так Мариам боялась этого человека. А когда Алиса ее

успокоила, то оказалось, что они уже приехали.

Дверцы носилок открылись. Алиса выскочила наружу, и стражник сразу поймал ее за руку, чтобы не убежала. Хотя Алиса и не собиралась пока убегать.

Перед ними возвышалась странная скала, похожая на крутую пирамиду со срезанным верхом. На вершине — это было видно снизу — прилепилась крепость. Путь к ней шел по узкой тропинке, которая обтекала скалу узкой спиралью.

Подъем к крепости оказался трудным и долгим путешествием, потому что тропинка порой становилась очень крутой и иногда превращалась в лестницу, вырубленную в скале.

Когда они обогнули в первый раз скалу, Алиса удивилась, увидя неподалеку летающую тарелку. Тарелка была так удачно укрыта между обрывами соседних скал, что ее можно было увидеть только сверху. Вокруг тарелки суетились розовые точки, и Алиса догадалась, что именно там находятся посадочная площадка и штаб розовых ящериц.

Чем выше поднимались Алиса и Мариам, тем становилось прохладнее. Здесь уже не было пыли и веял свежий ветерок. В то же время все дальше и дальше открывался вид. Алиса разглядела в отдалении море и холм с замком Крак де Шевалье графа де Шатильона. В другой стороне у самого горизонта виднелся какой-то городок. В море черной полоской с белой ваткой паруса плыл корабль. Над самой головой медленно реял орел.

Какой простор, какой покой — и тут же несчастье, жестокость и смерть! Вот рядом с Алисой стоит девочка, такая слабенькая, незащищенная! Какими же надо быть тупыми извергами, чтобы избивать и мучить ее! И живут ведь, не раскаиваются и только говорят: она же другой расы, другой национальности, у нее другая кровь и она верит в другого бога. А эта девочка так надеется, что пройдут годы и на Земле исчезнут жестокость и подлость. И она будет жить в мире, где царит справедливость, а зло наказывается. Как в сказке.

Но Алиса учила историю. К сожалению, она знала, что много веков люди будут жить дурно, сильные будут угнетать слабых, жестокие — мучить добрых. И в двадцать первом веке Алиса тоже будет встречать нечестных людей. Впрочем, когда она говорила об этом Громозеке, мудрый археолог отвечал: «Если бы все были хорошие, то как бы мы об этом догадались? Не с кем сравнивать».

Вспомнив голос Громозеки, Алиса улыбнулась — скоро, скоро все ее беды кончатся: только бы появился дорогой Громозека!

Наконец они достигли верхней площадки скалы, и, кинув последний взгляд на бесконечную равнину, на голубые горы на горизонте и морскую гладь, Алиса вошла внутрь крепости. Крепость эта куда как уступала замку графа де Шатильона — стены ее были ниже и сложены не так аккуратно, башен вообще не видно, внутри лишь несколько невысоких каменных строений, глядящих открытыми дверями внутрь двора. Половина замка отделена невысокой стеной, в которой лишь маленькая калитка. Оттуда доносилась тихая восточная музыка.

Стражники графа передали пленниц и письмо появившимся из одного из строений молодым людям в черных халатах и белых повязках, удерживающих длинные волосы. За их поясами торчали рукояти кинжалов.

— Фидай, — прошептала в страхе Мариам. — Убийцы. Ученики имама.

Несколько минут девочкам пришлось простоять под солнцем посреди двора.

Потом из дверей здания чуть побольше других вышел один из фидаев и велел девочкам войти внутрь.

Алиса и Мариам подчинились.

Они прошли через прихожую, на полу которой сидели молодые люди, затем оказались в просторном помещении, вырубленном в скале. Стены и пол его были устланы роскошными коврами, на которых лежали подушки, в дальнем конце комнаты находился мягкий широкий диван, на котором, сложив ноги, сидел нестарый еще человек с длинной черной бородой и в таком же простом черном халате, как у фидаев.

Алиса узнала человека. Она видела его на фотографии, откопанной Громозекой. Теперь она знала, кто был фотографом — одна из розовых ящериц. Разумеется, они проникли и сюда.

Освещалась комната ярким солнечным светом, который проникал сквозь широкую дверь, ведущую на балкон. За балконом Алиса увидела лишь синее небо.

— Подойдите ближе, — приказал человек с длинной бородой.

Он курил кальян — Алиса сразу догадалась, когда увидела это сооружение: длинную трубку, сосуд с водой и дымок, поднимающийся над ним. Алиса когда-то видела похожую картинку на иллюстрации к сказкам «Тысячи и одной ночи». Да и вообще вся эта комната была похожа на картинку к такой сказке.

— Так вот, значит, какие у меня новые гости, — сказал чернобородый старик и попытался улыбнуться. Губы у него были такие тонкие и твердые, что улыбнуться ему было невозможно. Но порой он пытался это сделать, и зрелище получалось ужасное, словно улыбался скелет.

Алиса уже научилась понимать арабский язык — ей хватило часового путешествия в обществе Мариам, чтобы узнать достаточно слов для простой беседы.

Старик развернул свиток — письмо от графа де Шатильона — и прочитал вслух:

— «Мой высокий друг, Старец Горы, тайный имам, Повелитель исмаилитов, посылаю тебе с этим письмом двух редких рабынь, которые, наверное, доставят тебе удовольствие. Одна из них, по имени Алиса, будет жить через тысячу лет и может рассказать тебе интересные сказки о том времени. Но будь с ней осторожен, она очень опасна, потому что она хитрая и злобная. Но я думаю, что ты умеешь управляться с дикими кошками».

Старец Горы отвел в сторону руку со свитком и, прищурившись, посмотрел на девочек.

— Я так понимаю, — сказал он, — что Алиса — это та, что повыше ростом и белая волосами. Надеюсь, что ты будешь хорошо вести себя у нас. Иначе мне придется тебя наказать. Я бываю очень строгим.

Сказав так, Старец вернулся к чтению:

— «Вторая девочка, к сожалению, плохо себя вела, и мне пришлось ее наказать. Щеки у нее скоро заживут, а во всем остальном она годится в танцовщицы и по хозяйству, а может, и в жены вашей светлости. Зовут ее Мариам, она хорошего происхождения, и я ее отбил у сарацинов».

Отложив письмо в сторону, Старец Горы спросил у Мариам:

— Правда ли, что ты хорошего происхождения, но плохо себя вела и тебя пришлось наказать?

Но Мариам ничего не смогла ответить — у нее дрожали губы и слезы катились из глаз.

— Это правда! — сказала Алиса. Ей было трудно говорить по-арабски, и она понимала, что говорит не всегда правильно и с акцентом. Но это было не самое главное. — Это правда, что Мариам происходит из знатного семейства, а вот все остальное — наглая ложь!

— Ого, — медленно произнес Старец Горы. — Ты и в самом деле дикая кошка! Мне это даже нравится. Продолжай, продолжай, иноземная девочка.

— Мариам мучили, — сказала Алиса. — Ее терзали жестокие люди — вы знаете графа Райнольда де Шатильона и его жену Констанцу?

— Это мои друзья, — ответил Старец. — И я не советую сопливой девчонке говорить о них плохо.

— Мне все равно, чьи они друзья, — ответила Алиса. — Я говорю правду. Они сами сознались в жутком преступлении.

— В каком же? — засмеялся Старец Горы.

— Им нужно было получить... Они допрашивали моего друга Ричарда.

— Что? — Старец прямо подпрыгнул на диване. — Им в плен попался английский король? Он твой друг?

Алиса поняла, что может сейчас воспользоваться недоразумением и обмануть Старца. Но ей было противно его обманывать, и Алиса только отмахнулась:

— Нет, это не тот Ричард. Мой Ричард не король, а старший научный сотрудник.

Алиса видела, как испуг исчез с лица чернобородого старца. Он снова попытался улыбнуться. Алиса продолжала:

— Они воспользовались тем, что Ричард — благородный человек, и стали при нем пытаться беззащитную девочку.

— И он во всем признался? — спросил Старец.

— А что ему оставалось делать? Они избили Мариам.

— Вот молодцы, вот умники! — обрадовался Старец Горы. — Настоящие политики. Надо мне ввести этот обычай у меня в замке! Они мучили девочку, а твой рыцарь во всем признался! Ну и ничтожество же он. Совсем не настоящий воин!

— Нет, он настоящий воин.

— Настоящий воин никогда не смотрит на ничтожных женщин. Он их использует и презирает.

— Ну, это мы еще посмотрим, — ответила Алиса.

— Ладно, — сказал тогда Старец. — Уведите их. Мы ими займемся после битвы. Сейчас нам предстоят серьезные дела.

Алиса и Мариам послушно покинули покои Старца Горы и проследовали за фидаем в небольшой каменный дом без окон, примыкавший к стене.

Алиса осмотрелась — приходится привыкать, подумала она, я сегодня уже попала во вторую средневековую тюрьму. Даже интересно.

Мариам села на пол. Она раскачивалась. Не то пела, не то стонала.

— Что с тобой? — спросила Алиса.

— Болит, — сказала Мариам. — Щека болит.

— Давай я посмотрю.

Хоть кровь и остановилась, глубокие царапины потемнели и вздулись.

— Тебе надо немедленно к доктору, — сказала Алиса.

— Нет, — ответила Мариам. — Я боюсь доктора. Я хочу найти маму. Мама знает, к какому хакиму я пойду. Она отведет меня.

Алиса решительно подошла к двери и постучала.

Фидай в черном халате сразу приоткрыл дверь.

— Поглядите! — произнесла Алиса. — Поглядите, в каком состоянии эта девочка. Срочно принесите мне чистой воды. Вы меня слышите?

Ничего не ответив, фидай закрыл дверь. Алиса подождала несколько минут и, хоть

Мариам просила ее не сердить фидаяев, снова постучала в дверь. Правда, ей и самой было страшновато, но она боялась за здоровье и даже жизнь девочки — ведь на такой жаре в пустыне можно получить заражение крови.

На этот раз в ответ на ее стук дверь почти тотчас открылась, и в сопровождении фидая вошел пожилой горбун в синем халате и высокой шапке. Как Алиса поняла — хаким, тамошний доктор. Он заговорил с Мариам вежливо, тихо, а потом послал фидая за водой, а сам достал из своего широкого пояса бутылочки и баночки и занялся ранами девочки. Алиса успокоилась за судьбу Мариам. Она решила, что теперь можно не спешить — ведь наверняка специалисты из Института Времени достигли уже замка графа де Шатильона, скоро они будут здесь.

Хаким разговаривал с Мариам вежливым и мягким голосом. Он спросил у нее, где она родилась, где жила, почему с ней случилась такая беда. А Мариам доверчиво рассказала ему то, что Алиса уже в общих чертах знала:

— Я родилась в великом городе Дамаске и жила в достатке с моей мамой.

— А твой отец?

— Мой отец погиб в боях с франками, — ответила Мариам. — Но это было давно, и я этого не помню.

— И что случилось дальше?

— Моя мама поехала в Египет, где живут ее сестры и дядя, и взяла меня с собой. Мы поехали с большим караваном, и водитель каравана имел золотой пропуск от всех государей. Включая повелителей франков, которые приехали к нам на кораблях и хотят воевать с моим дядей.

— Кто же твой дядя, с которым хотят воевать неверные? — спросил хаким.

— Мой дядя — повелитель миллиона воинов, — тихо произнесла Мариам, — лев пустыни, гроза неверных, Салах-ад-дин.

Стоявший у дверей фидай в черном халате тихо ахнул и исчез.

Доктор неожиданно поклонился до земли маленькой несчастной арабской девочке и задом выполз из комнаты.

— Что это он так? — удивилась Алиса.

— Не знаю, — ответила Мариам, — очень вежливый.

— Скорее бы нас спасли, — сказала Алиса. — Уже пора. Где же Громозека и спасатели из Института Времени?

Мариам ничего не ответила, потому что не знала ни Громозеку, ни Институт Времени.

— Послушай, — нарушила молчание Алиса, чтобы скоротать время, — а что ты знаешь об этом Старце Горы и его фидаях?

— Ой, — прошептала Мариам, — это ужасные люди. Лучше не говорить о них вслух.

— Как же не говорить, если мы с тобой сидим у них в плену и нас даже подарили этому чернородому уроду.

— Это исмаилиты... — Мариам шептала так тихо, что Алисе пришлось сесть с ней рядом, подставив ухо к ее губам. — Они верят в скрытого тайного имама.

— А кто такой имам?

— Это такой учитель. Он для них все равно что для нас Мухаммед.

— Значит, они не настоящие мусульмане?

— Они неправильные мусульмане. Они верят, что их Старец Горы и есть тайный имам. Что он даст бессмертие и вечную жизнь всем, кто его слушается. Они хотят покорить весь

мир.

— Но как же они вас покорят? — удивилась Алиса.

— У них есть много крепостей. В самых недоступных местах, — шептала Мариам, — куда не могут пройти даже войска самого халифа. Они сидят в них, как стервятники в своих гнездах.

— Ну и пускай сидят, — сказала Алиса.

— Ты не понимаешь, потому что ты неверная, — возразила Мариам. — Ведь дети Исмаила посылают своих людей в разные города и страны, и они убивают всех, кто хочет их уничтожить или стоит у них на пути.

— Зачем?

— Потому что они считают, что самое сильное оружие — это страх. А когда все будут трепетать, дрожать перед ними, то они завоюют весь мир. Для этого у Старца Горы есть фидаи — это такие ужасные люди. Они самые верные рабы Старца. Он что прикажет, то они сделают. И только один человек не боится фидаев — это мой дядя Салах.

Алиса не стала спорить с несчастной девочкой. Ей так хочется надеяться на какого-то дядю. Если так легче, пускай тешит себя.

Главное — сейчас раскроется дверь и войдет спасатель...

Алиса бы не была так спокойна, если бы знала, что происходит у того замка на самом деле.

Примерно в то время, когда к Мариам явился доктор, из столба пыли, поднявшейся там, где туннель времени выходил в Средневековье, возникла приятная молодая женщина, сотрудница Института Времени по имени Елена Простакова, очень ученая, очень организованная, готовая к любым неожиданностям — настоящий агент Института. Ей уже приходилось вызволять из невероятных ситуаций своих товарищей, и потому она была уверена, что и на этот раз сможет вытащить из прошлого всех, кто туда угодил, — то есть Ричарда, Алису и даже робота Арха. Сам Громозека рад был бы последовать за спасательницей, но, к сожалению, не смог поместиться в эту модель кабины и вынужден был остаться в двадцать первом веке и переживать за судьбу своих друзей.

Елена Простакова, облаченная в одежду средневекового оруженосца и снаряженная не хуже, чем любой крестоносец, подождала, пока уляжется пыль, и стала осматриваться в надежде найти следы пропавших. Кстати, у Елены был с собой и «ричардоискатель». «Ричардоискатель» — это небольшой приборчик, в котором хранится капля крови Ричарда Темпеста. На расстоянии километра этот приборчик мог почуять Ричарда, и, чем ближе ты подходил к нему, тем ярче загорался в приборе огонек. К сожалению, Алиса убежала в прошлое без разрешения, и, конечно же, для нее такого прибора не сделали. Ее придется искать обыкновенными способами.

Елена Простакова вышла из круга и обогнула по траве это место. Трава была вытоптана, и следы направлялись вверх, к дороге, которая вела к воротам мрачного замка, оседлавшего низкий покаты́й холм. По дороге ей навстречу брел пастух, гнавший перед собой небольшое стадо овец. Елена не знала, что за три часа, прошедшие с того момента, как Алиса побывала здесь, пастух со стадом уже добрались до стен замка и теперь возвращались обратно, к деревне, желтые стены глинобитных домиков которой были видны в отдалении.

Разумеется, Елена Сергеевна знала все языки всех народов Средних веков — это обязательно для спасателей. Она начала задавать пастуху вопросы на иврите, арабском, финикийском, арамейском и других тамошних языках, а пастух не отвечал ни на один вопрос, потому что очень испугался странного оруженосца, от которого исходило слабое сияние и некоторый гул. Этот гул издавали приборы, которые берет с собой в прошлое каждый настоящий спасатель.

Не добившись ответа от пастуха, Елена направилась вверх по дороге, к воротам замка. Пастух смотрел ей вслед, а из-под его рубища высунулась розовая голова ящерицы, которая тоже смотрела вслед Елене. И когда спасательница удалилась на солидное расстояние, ящерица включила передатчик размером с горошину, который помещался у ее горла, и сообщила в замок, что из будущего прибыла женщина, изображающая из себя оруженосца. По-видимому, у нее много приборов и приспособлений для спасения человека по имени Ричард и железного уroda по имени Арх. Из замка ответили, что передача принята. Ящерица спрятала плоскую голову под одежду пастуха, и тот погладил ящерицу по головке. Пастух любил свою ящерицу. Она была красивой, она разрешала ему днем спать и сама следила за овцами, она даже приводила его в замок и там давала вкусные вещи. За это пастух носил ящерицу, куда она желала, и всегда ее слушался.

Спасательница Елена Простакова остановилась у поднятого моста через ров. Она включила силовое поле и поэтому не боялась стрел или камней со стены замка, но все равно соблюдала осторожность, и если ее не заметили, то пускай не замечают и дальше.

Конечно, Елене ничего не стоило перепрыгнуть через ров, пользуясь специальными пружинами, укрепленными в подошвах, но это ей ничего не давало, так как на высокую стену не запрыгнуть. Тогда спасательница отошла назад и вытащила из своего рюкзака складные пластиковые крылья, присоединила их к спине и подключила к элементу питания. Это заняло всего минуту. Ящерицы внимательно наблюдали за действиями Елены, глядя на нее между зубцов стены.

Елена включила двигатель, и крылья начали двигаться быстро, словно у пчелы. С легким жужжанием Елена поднялась в воздух и полетела вдоль стены, размышляя, где бы перелететь внутрь замка, чтобы ее никто не заметил. Правда, замок несколько смущал Елену тем, что был слишком уж неподвижен и безлюден, тих и даже казался из-за этого зловещим. К тому же огонек на запястье Елены не зажегся — значит, Ричарда в пределах километра не было.

Елена поднялась над стеной и заглянула внутрь замка. Двор его казался глубокой пропастью. И он был совершенно пуст.

Если бы вместе с Еленой Простаковой была сейчас Алиса, она бы очень удивилась: куда же делись все обитатели замка? Ведь всего два часа назад здесь кипела жизнь.

Осмотрев замок сверху, Елена Простакова осторожно спустилась внутрь двора. Никто ей не помешал. Она осмотрела двор и пришла к выводу, что совсем недавно здесь были люди. Даже очаг в кузнице еще не остыл, даже плита на кухне была теплой. И мухи еще кружились над оставленной в миске похлебкой.

Нет, здесь что-то неладно, сказала себе Елена Простакова. Она постаралась выйти на связь с двадцать первым веком, но связи не было. Дело в том, что связь во времени — штука очень ненадежная. И чаще всего если ты уходишь в прошлое, то лучше на нее не надеяться, а поскорее возвратиться.

Тогда Елена включила локатор — этот локатор показывал, есть ли пустые места в земле или камне или земля под тобой сплошная. При первом же взгляде на маленький экранчик, прикрепленный к запястью, Елена поняла, что под замком находятся обширные и глубокие подземелья. Так что Елена определила, где вход в подземелье, потом вошла в приоткрытую дверь главной башни, миновала не покрытый скатертью длинный обеденный стол, за который могли бы усесться сразу человек пятьдесят, и остановилась перед небольшой дверью, закрытой на засов.

Перед тем как отправиться в подземелье на поиски Ричарда, спасательница обвела стены и пол вокруг искателем живых существ. Искатель показал, что Елену окружают только мелкие животные: крысы, летучие мыши и ящерицы. И ни одного человека. Так что Елена спокойно отправилась обследовать подземелья, полагая, что в каком-нибудь каменном мешке может быть заточен Ричард, а искатель не показывает его, потому что их разделяет слишком толстый слой камня.

Когда Елена Простакова скрылась за дверью и начала спускаться по каменной лестнице в темноту подземелья, следом за ней туда же побежала розовая ящерица, которую спасательница, к сожалению, не заметила, потому что не подозревала, что космические пришельцы бывают такого вида. Елена светила перед собой сильным фонарем. Если в луч света попадал паук, летучая мышь, мокрица или ящерица, она думала, что все эти существа родились именно в подземелье.

Легкими шагами Елена Простакова обежала подвальный этаж башни, но ничего, конечно же, не отыскала. Тогда она снова включила локатор, и тот показал спасательнице,

что под ней находится глубочайшая яма: как бы вторая башня, только опрокинутая вверх ногами — под землю. Получился колодец глубиной в двадцать метров.

Елена Сергеевна стала думать, как ей найти вход в этот гигантский колодец, но все плиты пола казались одинаковыми, и уложены они были так плотно, что между ними не протиснется и лезвие ножа.

Елена медленно шла по плитам, и, когда она дошла до тринадцатой плиты справа от лестницы, ящерица, что сидела на потолке над головой спасательницы, тонко свистнула. Этот свист донесся до ниши первого этажа башни. Там ждал сигнала уже известный нам пастух. Он стоял возле длинного ржавого железного рычага.

Услышав свист, пастух изо всех сил потянул за рычаг, и тот медленно, со скрипом опустился. И тут же плита, на которую только что ступила спасательница Елена Сергеевна, встала ребром, и молодая женщина, не ожидавшая такой подлости, провалилась в черную дыру.

Ящерица свистнула снова, и пастух поднял рычаг. Плита легла на место и заглушила крик Елены Сергеевны, которая хотела раскрыть крылья, прикрепленные за ее спиной, но не успела — и сильно ударилась о каменное дно колодца.

Ящерица, убедившись в том, что плита вернулась на место, выскользнула из подземелья и через несколько секунд уже улеглась на плечи пастуху. В тонкой лапке она держала дольку сушеной дыни, потому что знала, что ее друг пастух очень любит сушеную дыню.

— Спасибо, мой мальчик, — проворковала ящерица.

— Не стоит благодарности, — ответил пастух. — Ты же мне тоже всегда помогаешь. Но нам пора идти, овечки ждут.

И пастух со своим наездником поспешил прочь из замка, забыв о судьбе несчастной Елены Сергеевны, которая вместо того, чтобы спасти Ричарда и Алису, сама попала в яму, откуда еще никто никогда не выбирался.

Она лежала на каменном полу почти без сознания, так ей было больно. Но, разумеется, она не потеряла присутствия духа, иначе бы она не была спасательницей, а пошла бы в кондитеры или художницы.

Как только Елена Сергеевна немного отлежалась и пришла в себя, она достала из своего специального пояса обезболивающие лекарства. Она проглотила таблетку и подождала, пока та начнет действовать. Пока она ждала, ей показалось, что в страшной, абсолютной тишине каменного мешка она слышит отдаленный шум — словно кто-то пытается сверлить или пробивать чем-то каменную твердь. «Может, это мне кажется?» — подумала отважная спасательница. Но нет — на самом деле в одной из камер, выдолбленных в скале, находился кто-то живой, и он рвался на волю.

«Ричард!» — поняла спасательница.

Ей сразу стало лучше. Вывихнутая нога перестала болеть, и девушка, поднатужившись, вправила ее, кровь перестала течь из рассеченной головы и руки. Елена Сергеевна перевязала себя, заклеила пластырем и включила «ричардоискатель».

Но «ричардоискатель» молчал.

На свободу стремился какой-то другой узник.

Тогда Елена Сергеевна решила, что у нее две задачи: выбраться на свободу, чтобы отыскать все же Ричарда и Алису, а также освободить неизвестного узника, заточенного в подземелье.

Из рукава кожаной куртки оруженосца Елена Сергеевна вытащила длинный бур, в поясе

у нее была атомная батарейка, которую она подсоединила к буру. Прихрамывая и морщась от боли, Елена Сергеевна включила пропеллер, прикрепленный за спиной, и взлетела на высоту трехэтажного дома — именно оттуда доносились стуки и шум. Там она включила бур. Вскоре куски гранита начали откалываться от стены и с грохотом падать на каменный пол. Елена Сергеевна очень страдала от ран и от тяжести труда. Но когда Елена Сергеевна кого-то спасает, она забывает о себе. Такие все они — спасатели Института Времени.

Спасательницу искренне радовало то, что с каждой минутой шум, издаваемый пленником, который пробивался на свободу, становился все громче.

Глава 10

После ухода доктора-хакима все сразу изменилось.

Не прошло и минуты, как фидай, который раньше сторожил девочек, вполз в комнату на коленях и ударился головой о ковер.

— О благородные гости! — воскликнул он. — Великий тайный имам, мудрый Хуссейн, просит вас пожаловать к нему.

Фидай отполз назад, освобождая выход, и Алиса спросила Мариам:

— Что с ним случилось? Может, наши уже побеждают?

Но Мариам ничего не ответила.

На этот раз Старец Горы встретил девочек у входа и сам отвел к дивану.

— Простите, что я говорил с вами как с простыми рабынями, которых подарили мне франки за некоторые услуги. Но теперь я узнал, что вы не простые рабыни. Так что теперь вы мои гости.

«Наверное, дядя Мариам — какой-то важный вельможа», — подумала Алиса.

— Дошло до меня, — продолжал имам Хуссейн, расчесывая черную бороду, — что одаренная милостью Аллаха Мариам по вине неизвестных злодеев жестоко страдала и нашему хакиму удалось облегчить ее страдания. Да пусть о нашей милости и доброте знают во всем мире!

Глаза у Старца Горы были хитрыми, а кричал он так громко, что, наверное, не только в его замке, но и по всей долине разнесся этот крик. Теперь все знали, какой добрый старик обитает в крепости исмаилитов.

Видно, Старец Горы решил, что Алиса недостаточно удивилась, и потому он спросил ее:

— Знаешь ли ты, неверная, но неплохая девочка, о моей власти?

— Я очень мало знаю о вас, — ответила Алиса.

— Наверное, враги мои и злопыхатели поведали тебе о моих страшных преступлениях? Ну, признавайся, поведали?

— Извините, — сказала Алиса, — но мне еще не приходилось разговаривать с вашими врагами.

— Врешь, врешь, по глазам вижу, что врешь! — закричал Старец и даже подпрыгнул на подушках. — Неужели тебе не рассказывали, как я собираю по деревням самых глупых и послушных мальчиков, а потом воспитываю из них страшных убийц — фидаев? Неужели франки не рассказали тебе, как я приучаю молодых людей к отвратительному наркотику — гашишу и поэтому они, эти франки, и называют моих мальчиков ассасинами: гашишины-ашишины-ассасины, понятно? Будто мои мальчики всегда не в себе. Не знаешь?

— Не знаю, — призналась Алиса.

— А что перед тем, как послать их на задание, я отправляю их вон на ту половину крепости, где есть прекрасный сад, где красивые девушки поют песни и танцуют, где мальчикам дают любые сладости и напитки, и потом я говорю им: это вы побывали в раю! Если вас убьют, когда вы выполняете мое задание, знайте, что вы навсегда попадете в такой рай! — И Старец Горы расхохотался тонким голосом.

— И неужели они верят?

— Верят! — ответил Старец. — Еще как верят! Я же говорю, что самых тупых отбираю, а потом еще их наркотиками отравляю!

— Это подло! — сказала Алиса.

Старца Горы слова Алисы позабавили.

— Я же пошутил! — смеялся он. — Я всегда шучу! Я самый главный шутник во всем мире.

Отсмеявшись, Старец Горы продолжал:

— А если не шутить, то я должен сказать вам, мои гости, что моя цель — сделать всех людей счастливыми. А как?

— Как же вы хотите сделать всех счастливыми? — спросила Алиса.

— Для того чтобы люди стали счастливыми, — ответил Старец добрым голосом, — надо, чтобы все меня слушались, потому что только я один знаю истину. Только я один знаю, что нужно людям! Но люди — это стадо свиней! Они не понимают своего счастья. Мне приходится вбивать в людей счастье палками... И я это делаю! Главное — полное и абсолютное послушание! Вы мне не верите?

Глаза Старца сверкали страшным черным зловещим блеском. Тонкие губы раздвигались, как шрам от удара саблей. Он казался сумасшедшим. Но если он и был сумасшедшим, то очень опасным.

— Хочешь увидеть, что значит моя полная власть? Власть, которая сильнее страха?

Старик вскочил и быстрыми шагами вышел на балкон. Балкон нависал над пропастью — земля была далеко внизу, и в первый момент Алисе захотелось спрятаться обратно в комнату. Бесконечная равнина открывалась перед глазами, но так как уже наступила вторая половина дня, то дали заволокло мглой.

— Видишь? — Старик показал на наблюдательную площадку выше их, на углу крепости.

Там стоял фидай в черном плаще с белой повязкой на лбу. Он внимательно всматривался в даль.

— Видишь, как он молод и красив? — кричал старик. — Представляешь, какая долгая жизнь предстоит ему? Какая у него будет красивая невеста и какие у него вырастут чудесные дети?

— Представляю, — сказала Алиса, сжимаясь от ужаса.

— Так этого не будет, не будет, не будет, потому что я этого не хочу!

— Не надо! — вырвалось у Мариам.

— Эй, Ахмет! — позвал старик.

— Я здесь! — откликнулся молодой страж.

Старец поднял руку. Рукав упал к плечу и обнажил коричневую старческую кожу.

Юноша колебался.

— Ну! — подхлестнул его Старец. — Тебя ждет счастье!

И вдруг — Алиса даже не успела закричать — юноша сделал большой шаг вперед и... рухнул вниз!

Его тело, как тряпичная кукла, медленно-медленно падало к острым скалам на невообразимой глубине. А Старец разинул от наслаждения рот. Так ему было приятно, что по его зловещей воле погиб молодой человек.

— Вы изверг! — воскликнула Алиса. — Вас судить надо.

— Я имам, я повелитель! Я господин всего мира!

Слова Старца срывались с его губ и летели над долиной. Алисе хотелось плакать.

А Старец радовался тому, как он напугал девочек.

— У меня много врагов, — говорил он, расхаживая по балкону. — Но они погибают один за другим. И мне помогает вражда между моими врагами. Как только я пожелаю смерти одного, приходят друзья и говорят: а не поможешь ли ты нам, великий имам, убить еще одного султана? Или короля? Или графа? Ах, говорю я, почему бы не помочь хорошему человеку!

— И поэтому вы подружились с этими гадкими розовыми ящерицами? — спросила Алиса.

— Они лучшие союзники и друзья, какие у меня были за много лет, — ответил Старец. — Вы и не представляете, как они мне полезны! Они дают мне разные нужные вещи, они помогают мне убивать непокорных...

— Но моего дядю вам не убить! — неожиданно закричала Мариам. Алиса даже не ожидала, что она может так зло кричать. — Он вас самого убьет!

— Мой милый ребенок. — Старец заговорил нежно-нежно, словно мед сочился из его уст. — Как ты ошибаешься! Твой дядя очень меня боится. Но это не спасет его. Мои друзья розовые дракончики подсказали мне, где он будет сегодня. И нет ничего легче, чем послать туда верного фидая. Он убьет твоего дядю. Очень скоро он убьет его и тут же, как и положено фидая, покончит с собой, ибо никто не должен узнать моих тайн.

— Где он? Его надо остановить! — воскликнула Мариам.

— Поздно. Армии уже сближаются. Твой дядя уже почти убит. Кинжал занесен над ним.

Мариам упала на пол и заплакала.

И вдруг, неожиданно для Алисы, Старец наклонился к девочке и осторожно поднял ее.

— Не плачь, все будет хорошо! — прошептал он.

— Ничего не может быть хорошо! — плакала Мариам. — Злобный франк напал на наш караван и убил мою мамочку! Твой фидай убьет моего дядю, и я останусь одна на свете!

— Нет, моя дорогая девочка, — сказал Старец. — В этом и есть чудо драгоценного дара, который сделали розовые дракончики. После смерти твоего дяди ты останешься последней в династии Айюбов. Ты унаследуешь Сирию и Египет. А это значит, что унаследую их я как твой опекун и любящий приемный отец.

— Нет, этому не бывать! — закричала Мариам, вырываясь из цепких рук имама.

Старец хлопнул в ладоши, и тут же появился доктор-хаким. Словно ждал под дверью.

— Дай успокоительного принцессе египетской, — велел он.

Хаким протянул Мариам чашку. Та сначала отказалась, но потом покорно выпила.

Старец между тем смотрел на долину. Затем шагнул к столику, стоявшему на балконе, и схватил с него подзорную трубу. Алиса сначала даже не сообразила, что у средневекового имама не может быть подзорной трубы. Да еще с такими большими линзами.

— Это подарок дракончиков, — сказал Старец, словно угадал невысказанный вопрос Алисы. — У меня много таких подарков. Недаром мои рабы копают для драконов медь, свинец и другие металлы и камни в наших ущельях. Без меня дракончики как без рук!

Старец поднес трубу к глазу и воскликнул:

— Они идут!

Потом добавил:

— Пойдем ко мне в комнату. Я покажу тебе такое, чего нет ни у одного султана и даже самого халифа.

Старец сделал знак хакиму, тот поднял с пола сонную Мариам и, внеся в комнату,

положил на подушки.

Затем имам тоже прошел в свою комнату, откинул ковер со столика возле дивана, и Алиса увидела экран вроде телевизионного. Вот уж не ожидала увидеть ничего подобного!

Старец уверенно включил прибор, и Алиса поняла, что экран показывает отдаленный участок долины, покрытой тучей пыли. Старец стал настраивать изображение, и оно стремительно приближалось. Вот уже стали видны отдельные всадники. Алиса увидела, что впереди войска, окруженный арабами в высоких тюрбанах и позолоченных шлемах, едет смуглый человек с правильным красивым лицом, обрамленным небольшой бородкой. Конь под всадником был белым, белым был и плащ.

Алиса поняла, что экран, наверное, связан с небольшим наблюдательным спутником-шпионом, который сейчас завис над войском. Она уже догадалась, что видит: человек с бородкой — командующий арабской армией.

Но все же спросила:

— Это твой дядя, Мариам?

Мариам откликнулась сонным голосом:

— Это мой дядя Салах.

— Да, это последний султан из рода Айюбов, — подтвердил Старец Горы. — Который погибнет в этом сражении.

Потом имам подстроил картинку и показал Алисе панораму долины. И Алиса увидела другое войско, которое приближалось к армии дяди Салаха.

Впереди того войска ехали рядом граф де Шатильон и рыцарь Солсбери. За ними несколько незнакомых Алисе рыцарей. Они были одеты куда тяжелее, чем арабы, кони их, тоже покрытые кольчугами, с трудом переступали по вязкой пыли. Порой пыль полностью застилала изображение.

Потом стали видны пехотинцы — Алиса поняла, что тяжелые рыцари графа де Шатильона составляют лишь малую часть войска крестоносцев. В основном оно состояло из пехотинцев в кожаных или кольчужных рубахах и в тяжелых шлемах. Эти люди с трудом брели по жаре, волоча за собой копья и мечи.

Враждебные армии двигались все медленнее и наконец остановились друг против друга.

К сожалению, не было слышно звука. Но ведь раз ящерицы смогли сделать такой передатчик, значит, должен быть звук.

Алиса подошла к монитору и внимательно пригляделась к нему. Конечно, он был неземного изготовления, но Алиса понимала, что его, вероятно, ящерицы сделали специально для человеческих пальцев, ушей и глаз. Значит, и она сможет разобраться.

— Не смей подходить! — рассердился Старец. — Сломаешь что-нибудь. Я за это волшебное сокровище отдал годовую добычу золота со всех моих рудников.

— Не бойтесь, — сказала Алиса. — Не сломаю. Мы такое в школе проходим. Во втором классе.

Одного взгляда ей было достаточно, чтобы понять, что Старцу просто забыли сказать, как включается звук. Или он от старости забыл об этом. Алиса нажала на кнопку, и комнату заполнил невнятный суровый гул надвигающегося боя.

— О! — признал ее достижение Старец. — Я оставлю тебя здесь. Ты будешь ухаживать за моими машинами.

Загудела труба. Это был сигнал к бою.

Дядя Салах — полное имя которого Салах-ад-дин, или Саладин, Алиса вспомнила только сейчас — поднял руку: сейчас он прикажет коннице скакать вперед.

— Смотри! — закричал Старец. — Сейчас это случится! Сейчас твой проклятый дядя погибнет, и мы с тобой станем наследниками всего мира, моя приемная дочка!

Но в этот момент что-то сорвалось в зловещих планах Старца Горы. С отвратительным криком он отшатнулся от экрана и, не выпуская из рук подзорной трубы, кинулся на балкон. Там он приставил трубу к глазу и замер, часто постукивая по полу пяткой.

Алиса внимательно смотрела на экран и, когда пыль на секунду отнесло ветром, увидела, что к месту начинающегося боя подъезжает еще одна группа рыцарей-франков.

Впереди скакал знаменосец, который держал в руке красное знамя с вышитыми на нем тремя золотыми львами. За ним ехал на черном громадном коне мощный белокурый рыцарь в алом плаще, но без шлема. Замыкали группу шесть или семь богато одетых рыцарей и толпа оруженосцев и слуг.

Белокурый рыцарь сразу оценил обстановку и направил своего вороного коня на невысокий холм, возвышавшийся как раз между армиями врагов, но чуть в стороне от их центра. Когда белокурый рыцарь оказался на вершине холма и знамя развернулось под ветром рядом с ним, оказалось, что он как бы вознесся над остальными — копыта вороного коня оказались на уровне голов сарацинов и франков.

— Злые духи прислали мне короля Ричарда! — злобно произнес Старец. — Мне вовсе не нужны лишние свидетели.

— Это король Англии Ричард Львиное Сердце? — спросила Алиса.

Несмотря на всю тревогу, владевшую ею, Алиса ощутила странное радостное чувство: ты читаешь, слышишь о человеке — и вдруг видишь его наяву. Как любимого писателя или космонавта!

— Да, это он, проклятие злых духов, вонючий шакал!

— А чего же вы так его испугались? Он будет сражаться против Саладина?

— Не будет он сражаться, — отмахнулся Старец Горы. — Сейчас перемирие, и этот проклятый рыцарь всегда соблюдает все правила и договоры. Но, видно, какая-то гадкая птичка донесла ему, что сегодня будет битва между Шатильоном и Саладином. Вот и примчался поглядеть. Его хлебом не корми — дай поглядеть на битву или турнир! Мальчишка проклятый, да сразит его стрела справедливости!

— Или ваш убийца? — спросила Алиса.

— Или мой убийца, — твердо ответил старик.

Но Алиса-то знала из учебника истории, что Ричард Львиное Сердце благополучно возвратится из Палестины, и не боялась, что фидай до него доберутся.

При виде рыцаря в красном плаще франки графа де Шатильона начали радостно кричать и размахивать копьями и мечами. А среди воинов Саладина произошло некоторое замешательство, и передние ряды подались назад, оставив Саладина в одиночестве.

Откуда-то, словно из-под копыт коней, выбежал фидай в черном халате, подобранном под пояс, чтобы не мешался, в руке его блеснул кинжал.

Фидай подпрыгнул, занеся руку с кинжалом, и все это произошло так быстро, что никто не успел пошевелиться или прийти на помощь султану. Но тот был начеку.

Каким-то чудом султан Саладин успел перехватить руку фидая, и тот повис в воздухе, пойманный во время прыжка. Он извивался, как змея, но ничего не мог поделать. Саладин уже готов был отбросить неудачливого убийцу, но тут Алиса увидела, как в разрезе черного

халата возникла розовая мордочка ящерицы, затем показалась розовая лапка с маленьким бластером — как молния сверкнул луч, и Саладин, пошатнувшись, начал валиться с коня.

Алиса ахнула от ужаса и отвращения к злобному старику.

Но фидай не успел воспользоваться ранением султана, потому что охрана Саладина уже опомнилась и множество мечей и копий вонзилось в убийцу. Алиса увидела, как под ногами коней мелькнула, убегая, розовая ящерица, которая так хотела помочь убийце.

— О великий Аллах! — кричала девочка Мариам. — Как ты терпишь такое злодейство! Оказалось, она очнулась и смотрела на экран.

Старец Горы стоял на балконе, бессильно опустив руку с подзорной трубой.

— Бездельник, — хрипло произнес он, — ничего нельзя доверить! Зачем я вас учу, если вы не можете вонзить кинжал в плоть ничтожного султана? О крушение моих планов!

Старец вошел в комнату.

Мариам метнулась в угол, словно она была виновата в том, что Старцу не удалось убить ее дядю.

Но Старец не обратил на нее внимания. Он впился взором в экран монитора.

— Может, он все же подох... — бормотал тайный имам.

Но Алиса увидела, как Саладина подняли обратно в седло. Правой рукой он придерживал левое плечо, куда попала лучом розовая ящерица. Сквозь пальцы сочилась кровь. Охрана пыталась увести Саладина с поля боя, но он и думать об этом не хотел.

Здоровой рукой он высоко поднял меч и, пришпорив коня, поскакал на войско франков. И все его воины в едином порыве кинулись за своим раненым вождем.

— Нет, он погибнет, — шептал Старец Горы. — Он обязательно погибнет. Он должен погибнуть!

Началась отчаянная сеча, и в поднявшейся пыли Алисе трудно было понять, где там свои, где чужие, — а для нее своими были арабские всадники султана Саладина, а чужими — крестоносцы. Вот как бывает, если столкнешься с историей наяву!

На несколько секунд пыль отнесло поднявшимся ветром, и Алиса увидела, что Ричард Львиное Сердце в красном плаще и его спутники не вмешиваются в бой. Они неподвижно как статуи стоят на пригорке под знаменем с тремя львами.

Поднявшаяся пыль снова скрыла и короля Ричарда, и сражавшихся. Лишь звон металла, крики, проклятия, стоны, стук подков доносились с экрана.

Старец Горы метался по комнате, издавая дикие крики, как болельщик на стадионе, который видит, что его любимая команда проигрывает решающий матч, но ничем не может помочь.

По стене прокатился, упал на пол камешек — Алиса подняла глаза и успела увидеть, как в щель под потолком спряталась розовая ящерица. Так вот где они здесь таятся! Впрочем, было бы наивно думать, что ящериц не допускают на скалу исмаилитов.

Битва продолжалась недолго, хотя Алисе показалось, что прошло несколько часов. Но, судя по всему, франки не успели собрать на помощь других рыцарей, а может быть, никто и не захотел защищать графа де Шатильона. И видно было, как то тут, то там франки начинают отступать.

Ящерицы, как удалось заметить Алисе, старались помочь своим союзникам, но, видно, больше боялись за себя. Некоторые из них таились по окрестным холмам и тайком стреляли из бластеров. Им удалось убить и ранить некоторых сарацин, но это не повлияло на ход боя: все равно тяжелые рыцари в жаре и пыли стали жертвами быстрых всадников Саладина, а пехотинцы один за другим покидали поле боя. Сарацинские всадники догоняли их и либо убивали, либо брали в плен.

Бой все приближался к скале, на которой стояла крепость исмаилитов. С балкона уже можно было различить в громадном клубе пыли отдельные фигурки. А там, откуда бой ушел, в пыли валялись убитые и раненые бойцы. Как махонькие куколки, как раздавленные муравьи.

«Нельзя же!» — думала Алиса. Нельзя же воевать. Ведь воевать желают не те, кто погибает, не невинные люди, они хотят жить, как тот молодой фидай, которому Старец Горы приказал кинуться в пропасть. Те, кто хочет войны, умирают не на поле боя. Вот и эта война началась уже много лет назад, когда крестоносцы пришли сюда, чтобы завоевать Иерусалим. Жестокий толстяк Райнольд де Шатильон напал на мирный караван, убил мать Мариам и издевался над ее дочкой... Война нужна Шатильону! И Ричарду Львиное Сердце.

Алиса не успела додумать до конца, потому что в этот момент окончательно решила судьба сражения — сломленные франки, бросая оружие, погоняя коней, ринулись с поля боя. Но бежали они не к замку де Шатильона, а сюда, к скале — убежищу Старца Горы.

Старец, наблюдавший бегство в подзорную трубу, отбросил ее и ворвался в комнату с криком:

— Сюда нельзя! Никто не должен знать, что мы союзники. Я с ними незнаком!

Алиса так удивилась, что не удержалась и сказала:

— Но ведь все видели, как ваш фидай хотел убить султана Саладина!

— Нет! — закричал старик, дергая себя за черную бороду. — Это был не мой фидай, это был чужой убийца. Вы ничего не докажете!

И Алиса поняла, что этот изувер и страшный фанатик — на самом деле трус. Но ей от этого было не легче. Ведь такие трусы — самые опасные. А вдруг он решит избавиться от Алисы и Мариам, чтобы никто не узнал, что они получены им в подарок от графа? Ведь они свидетельницы того, что он хотел убить Саладина и с помощью несчастной Мариам завладеть его тронem.

На экране монитора было видно, как сарацины окружают рыцарей. Вот сдаются графиня Констанца и храмовник Солсбери, вот стаскивают с коня отчаянно сопротивляющегося графа де Шатильона. Его волокут к Саладину, граф валится на пузо и едет, как пингвин с ледяной горки.

По пустыне неслись, прижимаясь к песку и стараясь остаться незамеченными, розовые ящерицы — все они стремились к своему кораблю, который был спрятан за скалой Старца Горы. Ящерицы были покрыты пылью, и их никто не замечал.

Алиса переключила монитор на корабль: вокруг него царил страшная суeta, сотни, а

может быть, и тысячи ящериц тащили внутрь какие-то ящички, ящички, тюки, пакеты, коробки — видно, рассудили, что лучше утащить, что уже добыто, чем потерять все, втянувшись в земные войны.

— Смотрите, госпожа! — воскликнула Мариам, дергая Алису за рукав.

Алиса увидела, что по степи к кораблю пришельцев несется, подпрыгивая, телега, запряженная четверкой коней. На телеге — клетка, в которой сидит скованный человек. Да это же Ричард!

Вот он поднялся и трясет прутья клетки, стараясь освободиться.

Значит, граф де Шатильон потащил Ричарда за собой в битву, не захотел оставлять его в замке. А теперь ящерицы спешат отвезти пленника на корабль.

Это зрелище могло показаться смешным, хотя Алисе было не до смеха. Лошади были буквально облеплены ящерицами, десятки их бежали по равнине, натягивая поводья коней, другие взобрались им на спины и щипали, били, погоняли несчастных животных, которые неслись, потеряв от страха рассудок.

— Мы должны спасти Ричарда! — закричала Алиса и кинулась вон из комнаты.

Но в дверях стоял мрачный фидай, который выставил ладонь. Алиса натолкнулась на нее и отлетела обратно в комнату.

— Это еще что такое! — рассердился Старец Горы, только сейчас заметивший ее попытку к бегству. — И не мечтай! Ты останешься со мной и будешь мне защитой. Пока ты у меня — мне ничто не грозит.

И Старец заквакал, растянув лягушачий рот.

Алисе пришлось подчиниться. Она была уверена, что обязательно убежит, вырвется. Но главное теперь — спокойствие и выдержка. Ей уже приходилось попадать в безвыходные положения. И она знала, что и из безвыходных положений всегда есть выход.

Поэтому Алиса сделала вид, что ничего не случилось, и стала глядеть на долину внизу. И вовремя. Потому что телегу с плененным Ричардом заметили и настигли всадники Саладина. При виде их розовые ящерицы ринулись в разные стороны.

Некоторые из них выхватывали бластеры и стреляли, но лучи бластеров не могли пробить кольчугу. Видно, то, что смертельно для ящерицы длиной в локоть, вовсе не столь опасно для человека. Из-за этого ящерицы не могли участвовать в сражении — только путались у всех под ногами. Пожалуй, союзникам лучше на ящериц не надеяться. Каждый спасается как может.

Понял это и Старец Горы.

— Убрать лестницы! — закричал он. — Закрыть ворота! Чтобы ни одна муха не проникла в мою крепость!

И как бы в ответ на этот дикий крик из-за дивана показались две розовые ящерицы. Они скользнули к двери и исчезли.

Тем временем всадники Саладина подскакали к скале Старца Горы, воины окружили телегу, но клетку не раскрывали. Ричард стоял, держась руками за прутья, и тяжело дышал. Ни одной ящерицы не было видно — они все скрылись в корабле по ту сторону скалы.

К Ричарду подскакала кавалькада: впереди султан Саладин, следом его свита — эмиры, ханы, шахи и другие начальники. Затем, чуть отстав, но спокойно и уверенно к этому месту подъехал и Ричард Львиное Сердце в алом плаще и под красным знаменем с тремя золотыми львами. Он был похож на богатого туриста, попавшего на бой быков.

Чуть далее, окруженные арабскими всадниками, медленно брели связанные пленники

— союзники розовых ящериц. Может быть, Алиса и пожалела бы графа и графиню Шатильон, но рядом с нею стояла девочка Мариам. И Ричард был так избит, словно по лицу его били молотком — а они наврали, что его и пальцем не тронули!

Войско скопилось вокруг телеги с Ричардом, и постепенно наступила тишина. Алиса думала, что Саладин, подъехавший к Ричарду, сейчас заговорит с ним, но вместо этого султан обратился к английскому королю, который сидел на таком большом коне и сам был так велик, что султан рядом с ним казался мальчиком.

— Добрый день, великий король, — произнес Саладин на языке франков.

— Добрый день, султан, — ответил король Ричард.

— Что привело тебя сюда? — спросил Саладин.

— Мне донесли, — сказал Ричард, — что ты решил напасть на благородного графа де Шатильона и рыцарей-храмовников. Я поспешил сюда, чтобы убедиться, не нарушили ли вы перемирие.

— Перемирие между войском Аллаха и неверными не нарушено! — ответил султан. — Я пришел сюда не для войны, а чтобы вернуть мою честь.

— Кто обидчик твой? — спросил английский король.

— Здешний граф Райнольд де Шатильон, — произнес Саладин.

— Это он нанял фидая, который хотел убить тебя?

— Я не знаю, кто нанял жалкого убийцу, но прислал его Старец Горы, и я накажу его.

— Так чем же граф оскорбил твою честь, сарацин?

— Хотя я и не обязан говорить о таких вещах с неверными, тебе, как смелому и справедливому рыцарю, я скажу: граф де Шатильон напал на мирный караван, с которым путешествовали в Египет моя сестра и ее маленькая дочка. Он ограбил караван, он убил мою сестру. Он захватил подарки, которые я посылал с сестрой в Египет, и захватил в плен дочь моей сестры, мою любимую племянницу Мариам.

Саладин произнес эти слова срывающимся голосом.

— Не может быть! — возмутился английский король. — Неужели это правда, граф де Шатильон?

— Не может быть мира с неверными! — откликнулся хриплым голосом граф. — Я их уничтожал и буду уничтожать, как бешеных собак!

— Ты можешь уничтожать их в честном бою, — сказал английский король. — Но как ты посмел напасть на мирный караван в дни перемирия и убить женщин и детей?

— Эти женщины и дети, — с презрением воскликнул граф, — сами напали на моих людей! А меня там даже и не было. Я ничего об этом не знаю.

— Это ложь! — Саладин сделал знак, и из толпы воинов вышел старик с перевязанным глазом. — Вот, король, один из караванщиков. Ему удалось спастись. Он тебе все скажет.

— Что мне слова твоего караванщика, султан! — ответил английский король. — Против них есть слова знатного вельможи Франции и Иерусалимского королевства.

— Но моя сестра и племянница погибли!

— Я ничем не могу тебе помочь. Мне мало свидетелей, которых ты представил, — сказал английский король. — Поэтому я объявляю перемирие прерванным и завтра же начинаю штурм крепости Аккра.

Ну как сказать ему? Как донести до него правду! Алиса сжала кулаки. Неужели не найдется больше ни одного честного человека? Ричард, который стоит в клетке, наверное, не подозревает, что девочка, которую пытали из-за него, и есть племянница султана.

Констанца же и рыцарь Солсбери никогда не признаются.

— Нет! — услышала Алиса крик Мариам. — Я так больше не могу!

Алиса не успела остановить девочку, та бросилась на балкон. Она тянула руки вниз, но люди, что казались близкими на экране монитора, на самом деле находились очень далеко. Если бы король Ричард поднял голову, он увидел бы лишь маленькую фигурку.

И тут в отчаянии девочка Мариам вспрыгнула на парапет и, широко расставив руки, кинулась вниз с балкона.

Алиса в ужасе закрыла глаза руками.

К сожалению, в нашем рассказе мы совсем забыли о Елене Простаковой — отважной спасательнице, которая по недоразумению попала в подземные казематы замка Крак де Шевалье. Но Елена не из тех, кто сдаётся перед лицом трудностей. Вы можете замуровать ее в скалу, опустить на морское дно, выкинуть в космос, но, как и положено отважной спасательнице Института Времени, она всегда найдет выход из положения. И не раз уже находила.

Мы оставили спасательницу в тот момент, когда она, прижавшись к стене колодца, старалась просверлить в камне туннель, чтобы помочь неизвестному пленнику, который пробивался сквозь гранит ей навстречу.

Два раза она обессиленно падала на пол. Но каждый раз вставала и снова, как муха, поднималась к потолку.

Пропеллер с трудом удерживал ее на весу, но с каждой секундой работать становилось все легче, потому что спасательница вскоре пробила в стене нишу, которая постепенно превратилась в туннель, вернее — в глубокую нору.

Вот уже можно выключить пропеллер и вытянуться во весь рост на животе.

Елена Сергеевна замерла и целую минуту лежала неподвижно, затаив дыхание. Она старалась понять, откуда и в каком направлении пробивается неведомый узник, на помощь которому она спешит.

Вот этот звук! Кто-то скребся совсем близко — правда, теперь Елене пришлось долбить свой лаз правее, чтобы не промахнуться.

Забыв об усталости, спасательница вгрызалась буром в скалу и ловко сбрасывала отколотые камни назад, так что камни вылетали из ее норы, как из пушки.

Елена Сергеевна так увлеклась своей работой, что забыла о времени. Она и не подозревала, что наверху, в пыли и грохоте, идет самое настоящее сражение, что Алиса и девочка Мариам смотрят за ним со скалы, где находится крепость Старца Горы.

Когда Елена остановилась в очередной раз, чтобы прислушаться, она поняла, что неведомый узник находится всего в метре от нее — еще чуть-чуть, и она его спасет!

Но удивительное дело: словно услышав о том, что спасение близко, узник прибавил прыти и принялся уводить свой лаз в сторону — испугался, что ли?

Тогда спасательница тоже прибавила скорости.

Узник еще больше заторопился.

Спасательница чувствовала, что уже догнала его, что роет ход параллельно с его ходом. Они были как два земляных червя, которые устроили соревнования, кто скорее прокопает лаз под грядкой.

И тут Елена сообразила, что делает лишнюю работу; она взяла левее и через три минуты оказалась в только что проделанном туннеле.

Туннель этот был заполнен камешками и песком, которые оставил узник — ведь он тоже отбрасывал назад камешки, которые отбивал от скалы. Так что Елене было нелегко дышать, к тому же она страшно устала, несмотря на то, что была очень выносливой.

— Ну, давай, немного осталось! — крикнула Елена сама себе.

Из последних сил она устремилась вперед, как крот, отбрасывая камни и песок, и еще через минуту луч ее фонаря уловил движение впереди — металлические подошвы отбрасывали ей в лицо куски породы. Вот он — узник!

К счастью, фонарь Елены был пуленепробиваемый. Доставалось только лицу. Но Елена протянула вперед руки и схватила узника за ноги.

Тот отчаянно сопротивлялся. Он же не знал, что его спасают; наверное, думал, что за ним гонятся.

Он тащил Елену как на буксире, только не сквозь воду, а сквозь каменные крошки, что, конечно же, куда больнее для пловца.

Неизвестно, сколько это могло бы продолжаться. Вернее всего, спасательница бы погибла. Но впереди оказалось пустое пространство — большой подвал. И узник, которого Елена держала за дергающиеся металлические ноги, вывалился в подвал и потянул за собой Елену, которая упала на него сверху.

Оглушенные, они замерли.

Первым очнулся неизвестный узник. Он попытался убежать от Елены, но она смогла снова схватить его и громко сказала:

— Нет, голубчик! Ты спасен и можешь меня благодарить.

— Я не просил меня спасать! — раздался высокий тонкий голос. — Я сам спасаю Ричарда.

Елена Сергеевна зажгла свой фонарь и увидела, что по ошибке спасла вовсе не Ричарда Темпеста и даже не какого-нибудь другого человека, а странного на вид шарообразного робота с длинными руками и короткими ногами, неизвестно как оказавшегося в глубоком подземелье замка Крак де Шевалье в конце двенадцатого века нашей эры.

— Ты никого не можешь спасти, — заявила Елена Сергеевна, — потому что ты не спасатель и вообще неизвестно, кто ты такой.

— Я археологический робот первого класса по имени Арх. А вот с кем имею честь говорить, не знаю.

— А я спасатель Института Времени Елена Сергеевна Простакова. Я прибыла сюда из двадцать первого века.

— Вы не очень спешили, девушка, — сказал на это археологический робот. — Пока вы собирались, нас всех могли перебить, отдать в рабство и посадить в тюрьму.

Елена Сергеевна Простакова немного обиделась.

— Во-первых, — произнесла она, — как только я получила сигнал тревоги, я бросила все и кинулась сюда.

— Что такое — все? — строго спросил маленький робот.

Его бока были покрыты пылью и каменной крошкой, а кое-где даже помяты. И некоторые из инструментов, которые служили ему пальцами, были погнуты и обломаны.

— Я только-только села за стол, — призналась спасательница, — на моем дне рождения.

— И сколько же вам лет, спасатель?

— Мне уже двадцать два года, — ответила Елена Сергеевна. — Но, к сожалению, я слишком молодо выгляжу.

— Это исправимо, — утешил робот. — Но я бы не дал вам... поверните фонарь, чтобы мне лучше было видно... спасибо. Я не дам вам больше восемнадцати!

— Хватит разговорчиков. Спасая вас, я потеряла много времени. Мне пора спасти Ричарда и Алису, — сказала Елена.

— А вы думаете, я чем занимался? — удивился робот. — Ведь я пробивался именно сюда. В это подземелье.

— Почему?

— Да потому что я подслушал, что здесь они содержали Ричарда Темпеста.

— А где он теперь?

— Коллега, не задавайте глупых вопросов, — ответил робот Арх. — Вы же видите, что его здесь нет.

Спасательница согласилась с роботом и быстро провела лучом фонаря по стенам подземелья. И не зря. Возле железной двери на стене было выцарапано чем-то острым:

«Меня уводят. Граф не хочет меня оставлять. Ричард».

— Вот видите, — сказал робот. — Я же знал, где искать.

— А я думаю, что теперь надо отыскать графа. Где граф, там и Ричард, — заметила спасательница.

— Замечательная мысль! — воскликнул робот. — Может, вы знаете, где Алиса?

— Нет еще. Но я ее тоже спасу.

— Тогда не будем терять время понапрасну.

Робот подбежал к железной двери и отворил ее. Никакой охраны поблизости не было. Каменная лестница вела наверх.

Елена Сергеевна, сопровождаемая археологическим роботом, поспешила наружу, хотя, конечно же, ей больше всего хотелось отдохнуть.

Они пробежали через пустой двор. Ворота в крепость были приоткрыты — так спешили в бой стражники графа. Правда, на склоне холма Елена Сергеевна увидела пастуха, который медленно брел за стадом овец. И она подумала: что-то уж очень долго здесь гуляет одинокий пастух. И в этот момент археологический робот произнес:

— Что-то не нравится мне этот пастух. Когда мы с Алисой здесь проходили несколько часов назад, он уже здесь ошивался.

Спасательница подошла к пастуху. Тот очень удивился, увидев ее и робота. Но не убежал.

— Скажите, — спросила спасательница, — куда повезли нашего друга Ричарда Темпеста?

— И мою подругу Алису Селезневу? — спросил Арх.

Спасательница задала свой вопрос на арамейском языке, а потом на арабском и еще шести языках. А Арх спросил на старофранцузском языке, потому что они с Алисой на том языке уже со многими здесь разговаривали.

Но пастух ничего им не ответил. И неясно было, понял он что-нибудь или нет. Но потом поднял руку и показал в сторону — туда, где над долиной клубилась туча пыли.

Робот и спасательница побежали к туче, догадавшись, что там кипит бой. Но через некоторое время Елена Сергеевна остановилась, чтобы проверить направление.

— Что это еще такое? — спросил робот, крутя головой.

— Это «ричардоискатель».

— Зачем он нужен?

— Чтобы отыскать Ричарда Темпеста, — сказала спасательница.

Робот вытянулся на коротких ногах, чтобы разглядеть циферблат небольшого приборчика. Там была стрелка. Она показывала в сторону тучи, и рядом было указано расстояние: «4 км 760 м».

— Ричард там? — спросил робот.

— Вот именно, — ответила девушка.

— Значит, граф утащил его с собой, не рискнул оставить в замке. А может, не сам догадался, а ящерицы подсказали.

— Кто подсказал? — не поняла спасательница.

— Его инопланетные союзники. Розовые ящерицы.

— А где же они?

— Вот это я и хочу проверить, — сказал робот Арх. — По моим расчетам, их космический корабль должен скрываться вон в том ущелье, за высокой скалой, на которой возвышается крепость.

— И вы пойдете туда? — удивилась спасательница.

— Да, пока вы будете спасать своего Ричарда, я постараюсь выручить Алису Селезневу.

— Но почему вы решили, что она в корабле?

— Или в корабле, или вон в той крепости. Я не зря сидел в заточении в замке Крак де Шевалье. У меня замечательный слух.

— Хорошо, — согласилась спасательница. — Как только я спасу Ричарда, я сразу поспешу к вам на помощь.

Робот Арх не стал прощаться, а, с удивительной скоростью перебирая ногами, ринулся в сторону скал. И скоро лишь клуб пыли указывал, где он бежит.

Вдруг пыль перестала вздыматься — робот остановился и пронзительно крикнул Елене: — Тебе не дашь двадцати двух! Я думаю, тебе сегодня исполнилось семнадцать!

Елена смотрела ему вслед и улыбалась — очень смешной и гордый робот! Она уже готова была включить пропеллер и нестись в сторону битвы, как вдруг ее внимание привлек далекий пронзительный крик. Подняв голову, она увидела, как с балкона крепости, нависшего над бездонной пропастью, сорвалась маленькая человеческая фигурка и, медленно переворачиваясь, полетела вниз.

Не забывайте, что Лена Простакова по своей натуре была спасательница. И если она видела, что может кого-то или что-то спасти, она забывала о себе и бросалась спасать. Именно таких людей и отбирают в спасатели Института Времени.

Поэтому, увидев человеческую фигуру, падающую со скалы, да еще поняв, что это ребенок, Елена забыла обо всем: о Ричарде, об Институте Времени и даже о своей докторской диссертации «Опыт спасания сотрудников Института Времени в чрезвычайных ситуациях каменного века». Она понеслась вперед, чтобы подхватить девочку, прежде чем она коснется земли.

Лена обхватила девочку руками и бешено закрутила пропеллер, чтобы не разбиться вместе с нею.

Ей удалось удержать девочку лишь у самой земли, и она упала на спину, чтобы спасенный ребенок поменьше ушибся.

Пропеллер, конечно же, разлетелся вдребезги, спина превратилась в сплошную ссадину. На затылке выросла шишка с апельсин. Притом Елена так перепачкалась в пыли, что и родная мама не узнала бы спасательницу Простакову.

Пока Лена, совершенно оглушенная, лежала на жухлой траве, Мариам, которая даже и не поняла, что произошло — так она стремилась к дяде! — поднялась и, прихрамывая, побежала к Саладину.

Как ни странно, никто, кроме Алисы и Старца Горы, не заметил падения Мариам. А ее чудесное спасение вообще прошло незамеченным, потому что Алиса в этот момент в ужасе зажмурила глаза, а Старец отвернулся — какой бы он ни был жестокий, все же он не хотел

смотреть, как разобьется несчастная девочка.

Алиса очнулась от взрыва голосов — множество людей кричали и бряцали оружием. Непроизвольно Алиса обернулась к экрану монитора и, к своему изумлению, увидела, как к знатым воинам подбегает, хромая и горбясь, маленькая девочка в разорванном платье.

Султан Саладин уже издали узнал племянницу. При виде девочки султан ловко спрыгнул с коня и ринулся к ней навстречу. Он подхватил ее, поднял и прижал к груди. Его воины горячили коней, размахивали копьями и мечами, и в самый разгар этой суматохи султан поднял руку вверх, призывая к молчанию.

Алиса понимала, что чудес не бывает и люди не остаются живыми, упав с высокой скалы, но как не поверить собственным глазам? Племянница султана была жива и обнимала своего великого дядю.

Взгляд Алисы упал на супругов де Шатильон. Они были в ужасе. Граф Рено пытался спрятаться в толпе рыцарей, он тянул Констанцу за руку, чтобы прикрыться ею, а графиня зло отталкивала руки мужа.

Шум немного утих, и Алиса смогла различить голос султана, который обернулся к английскому королю.

— Аллах велик! — произнес он. — И не оставит в беде и несправедливости тех, кто верит в него. Ты видишь перед собой, король, мою единственную любимую племянницу Мариам. Откуда ты взялась, девочка?

Мариам с трудом оторвалась от груди дяди и показала наверх:

— Меня держали в плену, вон там! Я прыгнула и улетела оттуда!

— Этого не может быть! — воскликнул король Ричард Львиное Сердце.

— Это чудо, сотворенное Аллахом, — ответил Саладин. — Не так ли?

— Воистину! — закричали его воины, ударяя мечами о круглые щиты.

— Почему ты оказалась там? — спросил Саладин.

— Меня подарили страшному имаму, — ответила Мариам.

— Проклятие! — услышала Алиса голос Старца Горы. — Это гибель! Он никогда меня не простит. Он потратит всю жизнь, чтобы убить меня! И зачем я согласился взять эту проклятую девчонку!

И с этими словами Старец Горы выбежал из комнаты во двор крепости, и Алиса услышала, как он там отдавал приказания. Но она не прислушивалась, потому что ей интереснее было следить за тем, что происходило на равнине.

— Кто же подарил тебя мерзкому старику? — грозно спросил Саладин, когда гневные крики его воинов стихли.

— Вот этот человек, — сказала Мариам, — отдал Старику в рабство меня и еще одну девочку.

И она показала здоровой ручкой на графа де Шатильона.

— Я его убью собственными руками! — закричал Саладин. — Я его порублю на куски!

— Погоди, султан. — Алиса увидела, как король Англии подъехал ближе к султану. — Я разделяю твою радость, потому что ты обрел потерянную родственницу. Но я хочу знать, может ли она быть свидетельницей других преступлений графа де Шатильона.

— Мариам, — попросил Саладин, — скажи королю франков, кто убил твою маму?

— Мою маму убил этот страшный толстый франк, — сказала девочка.

— Она лжет! — испуганно завопил граф. — Как вы можете верить грязной рабыне?

Король Ричард Львиное Сердце поморщился: он не любил трусов.

— Он убил мою маму, — повторила Мариам, — потом он меня мучил.

— Мучил? — Саладин побледнел от гнева.

— Мне трудно в это поверить, — сказал Ричард. — Я не слышал раньше о подобной жестокости.

И тут неожиданно в разговор вмешался второй Ричард — пленный сотрудник Института Времени.

— Клянусь вам, — произнес он, вцепившись в толстые прутья клетки. — Эта девочка говорит правду. Я попал в плен к графу де Шатильону и его друзьям. И они никак не могли добиться от меня нужных сведений. И когда они поняли, что не заставят меня заговорить... — Голос Ричарда сорвался, и он с трудом продолжал: — Они... — он показал на графа и графиню, — велели привести девочку. Клянусь, я не сразу понял, что они могут пойти на это.

— Проклятый гяур! — закричал султан Саладин. — Значит, ты причина всех моих несчастий! Убейте этого негодяя.

Воины рванулись к Ричарду, и лишь прутья клетки спасли ему жизнь. Девочка Мариам закричала:

— Нет, не трогайте его, он добрый. Как только этот дядя понял, что они со мной делают, он им все сразу рассказал — только чтобы избавить меня от боли!

— Остановитесь! — приказал воинам Саладин. — Если принцесса Мариам сказала, значит, так тому и быть. Ты свободен, франк, и можешь уйти, куда хочешь.

Султан Саладин передал племянницу одному из воинов, а сам посмотрел на короля Англии.

— Ну как, король Ричард? — спросил он. — Теперь наконец ты мне веришь?

Вместо ответа король обернулся к Ричарду-временщику:

— Чем ты так провинился перед графом де Шатильоном, что он пытал тебя? Что за тайну ты скрывал от него? Может быть, ты посланник дьявола?

— Вот именно! — закричала графиня Констанца. — Вы только поглядите на него! Это сам дьявол!

— Если бы я был дьяволом, — улыбнулся Ричард, который отлично умел владеть собой — этому учат в Институте Времени, — то кто бы удержал меня в такой клетке?

— Это так, — кивнул Ричард-король. — Продолжай.

— Я путешественник из дальней страны. А графу нужны были секреты.

— Какие?

— Секреты пути в мою страну. Но ты знаешь, король, как тщательно берегут торговые пути купцы всех стран.

— Так, значит, ты купец?

— Значит, я купец, — сказал Ричард.

Некоторое время король Ричард размышлял, разглядывая своего тезку — оборванного, избитого, грязного, измученного, в котором родная мама не узнала бы сотрудника Института Времени. Потом он произнес:

— Я верю этому человеку. У него добрые глаза.

— Значит, ты веришь и мне, король франков? — спросил Саладин.

Ричард Львиное Сердце наклонил голову.

Саладин глядел теперь на своих пленников.

— Я не виновата! — воскликнула графиня Констанца, увидев смерть в его взгляде.

— Я не воюю с женщинами, хоть ты и виновата, — сурово сказал султан. — Уходи! Ну, уходи же!

Констанца подобрала край платья и побежала прочь, в пустыню, не оборачиваясь и даже не попрощавшись с мужем. Ее черные длинные волосы растрепались — она стала похожа на ведьму.

— Констанца! — закричал граф де Шатильон. — Ты почему покинула меня?

Но та не слышала.

— Ты, рыцарь Храма, — сказал Саладин, обернувшись к молодому храмовнику Солсбери, — тоже присутствовал при этом и не вступился за ребенка. Ты проведешь остаток своих дней в моей тюрьме. Если тебя не выкупит твой орден за сто фунтов золота.

— Мой орден никогда не заплатит столько за меня! — в ужасе воскликнул храмовник.

— Это ваше дело, — ответил султан. — Уведите его.

После этого он посмотрел в глаза графу де Шатильону.

— Что же мне делать с тобой? — спросил он. — Что мне делать с тобой, вонючая собака?!

— Я ни в чем не виноват! — закричал граф. — Меня оклеветали. Это все розовые дьяволы виноваты. И ваш Старец Горы. Они опутали меня.

— Молчи! — приказал ему Ричард Львиное Сердце. — Я не хочу стыдиться за благородных рыцарей.

— Король, выкупи меня! Я верну тебе любой долг.

— Ты отдашь мне этого человека? — спросил английский король.

— Есть вещи, которые нельзя купить, — ответил султан Саладин. — Это слезы и смерть беззащитных женщин и детей.

— Ты прав, султан, — произнес король Англии и легонько натянул поводья своего черного коня.

И тот послушно понес своего всадника прочь. За ним поскакали знаменосец и несколько молчаливых рыцарей — свита английского короля.

И больше Алиса никогда его не видела.

— Король! — кричал ему вслед граф де Шатильон. — Я тебе расскажу страшные тайны. Ты станешь владыкой мира!

Но Ричард не обернулся.

И тогда султан Саладин легким движением выхватил свой меч. Шатильон отшатнулся, но Саладин был быстрее — граф упал на землю...

Воины и вельможи, окружившие султана, радостными криками приветствовали смерть графа Рено.

— Мсть свершилась! — воскликнул Саладин.

Все внимание было приковано к Саладину и мертвому графу.

И никто не заметил, как из тучи пыли вышла еще одна молодая женщина — такая пыльная, измученная, что никто не обратил на нее внимания. Ведь за средневековыми армиями всегда следовали толпы нищих, попрошайек, воров и мародеров, которые, как вороны, питались падалью войны. Вот и эта женщина казалась такой бродяжкой.

И когда она подошла к забытой всеми клетке, в которой был заперт Ричард Темпест, на нее никто не смотрел.

Ловким движением спасательница сунула в отверстие замка, что закрывал клетку, стальную заколку, которой скреплялись ее волосы. Замок послушно щелкнул и открылся.

— Быстрее! — прошептала спасательница.

Она подставила Ричарду руку, и тот, с трудом опираясь на нее, выскочил из клетки и побрел, прихрамывая, прочь.

Но и тогда никто не обратил на них внимания.

Когда они удалились от места битвы, спасательница включила пропеллер, который, хоть и был сломан, все же помогал ей идти вперед.

— Так это ты, Елена! — воскликнул Ричард. — Я тебя сразу и не узнал.

— Ничего, — ответила Елена, улыбаясь, — вымоюсь, причешусь — и узнаешь.

— Но у тебя на лице такие кровоподтеки! У тебя выбит зуб, под глазом синяк.

— Ричард, — строго проговорила спасательница, — ты ведешь себя невежливо. Ты забыл, что я спасательница и мне положено получать синяки и шишки. А зуб вырастим новый.

— Мне тоже досталось, — виновато сказал Ричард.

И, помогая друг другу, они пошли к замку Крак де Шевалье.

По дороге они обогнали графиню Констанцу, но она их даже не заметила — наверное, приняла за раненых из ее собственного войска.

Доведя Ричарда до круга, посреди которого находился воздушный туннель в будущее, спасательница помогла ему войти в круг и сделать нужные движения, чтобы включилась машина времени.

— А я сейчас слетаю за Алисой и вернусь, — сообщила Елена.

— Я хотел бы тебе помочь... — вздохнул Ричард.

— Ничего, не беспокойся, — ответила спасательница, — я не одна. Со мной археологический робот Арх.

— Я буду ждать тебя, — предупредил Ричард и исчез. Улетел в двадцать первый век.

Спасательница Елена Сергеевна оглянулась. Было тихо. Природа забыла о сражении. Графиня Констанца медленно и устало поднималась по дорожке к замку. Никто ее не встречал. И розового шарфа на ее шее в этот раз не было.

Пастух, который стоял у дороги возле стада овец, смотрел ей вслед.

Потом обернулся к Елене Сергеевне и подмигнул ей.

Та ничего не ответила, потому что так и не знала, на каком языке надо разговаривать с пастухом.

Собрав последние силы, она побежала — потому что пропеллер совсем уж никуда не годился — в сторону крепости исмаилитов.

Алиса больше не хотела смотреть на то, что происходит внизу. Честно говоря, и смотреть-то было не на что.

В туче пыли, на фоне темнеющего восточного неба, скрывалась армия Саладина, которая медленно уползала к Дамаску, уводя пленных и унося добычу. Где-то там, на роскошных носилках, едет несчастная принцесса Мариам. А может, она сейчас счастлива — для нее все хорошо закончилось... не то чтобы хорошо, но могло быть хуже.

Алиса осторожно толкнула дверь комнаты.

Дверь послушно отворилась.

В крепостном дворе не было ни души. Там царило такое запустение, словно последние фидаи вместе со своим имамом убежали лет сто назад.

Неужели они так испугались мести Саладина?

Впрочем, какое дело Алисе до всего этого? Она почувствовала, что страшно устала за такой длинный день. Наверное, никогда в жизни еще так не уставала.

Теперь домой, в двадцать первый век...

Еле переставляя ноги от усталости, Алиса пересекла крепостной двор. Ворота были полуоткрыты. Она протиснулась в щель и стала спускаться вниз по крутой лестнице, вырубленной в скале.

Стояла тишина, особенно ясной и спокойной она была после грохота битвы, шума и криков.

Спуск казался ей бесконечным, и она вдруг испугалась: а что, если Ричард уйдет в будущее и оставит ее здесь? Но тут же она улыбнулась своим страхам — ее никогда не оставят в беде. Ведь даже в Средние века Саладин не оставил в беде свою племянницу. А в двадцать первом веке люди друг друга никогда не подводят.

Едва лестница обогнула скалу, перед глазами Алисы оказался космический корабль розовых ящериц. А она вовсе забыла о них! Как же так? Ведь все из-за них и началось. Алисе казалось, что эти ящерицы уже давно улетели к себе, награвив что могли и внеся свару в наш мир.

Возле корабля было несколько ящериц — видно, они заканчивали последние приготовления к отлету. Им очень повезло, что во время боя их не заметили ни Саладин, ни король Ричард.

«Ладно уж, летите, — мысленно разрешила Алиса. — Но впредь мы будем тщательно проверять прошлое время — нам совсем не хочется, чтобы нашу планету грабили все кому не лень».

Размышляя так, она спустилась на землю и только сделала два шага в сторону долины, как неожиданно кто-то накинул на нее прочную непроницаемую ткань и сшиб с ног.

Вокруг раздавались шуршание, неясный шум.

Алиса попыталась вырваться, но потом поняла, что ее крепко держат — наверное, напали какие-то работорговцы и она сама виновата, что потеряла осторожность — будто гуляла по Москве, а не по Палестине двенадцатого века.

Алису куда-то волокли, она не сопротивлялась, потому что хотела сохранить силы, когда убежит. А в том, что убежит, она не сомневалась.

Прошло минуты три-четыре — Алиса чувствовала, что ее похитители начали втаскивать ее вверх. И было странно — она поняла, что у похитителей не было рук. Ведь

если тебя схватили и тащат, ты чувствуешь руки, которыми тебя схватили. А ее тянут десятки маленьких лапок... Ну конечно же, это маленькие лапки! Ящерицы!

— Этого еще не хватало! — возмутилась Алиса. — Мало вам грабить нашу Землю, вы еще решили меня похитить. Нет, вам это даром не пройдет!

Тут лапки отпустили ее, Алиса сбросила с себя покрывало, и оказалось, что она стоит посреди грузового отсека космического корабля, который представлял собой обширный зал, набитый вещами и добром, которое ящерицы набрали на Земле. Множество ящериц окружало Алису.

— Добро пожаловать на наш корабль! — сказала хромая ящерица.

— Немедленно отпустите меня! — потребовала Алиса.

— Нам нужен заложник, — ответила ящерица. — Мы потеряли твоего друга Ричарда, но нашли ему хорошую замену.

— Но зачем вам я?

— Мы хотим спокойно улететь отсюда и знать, что никто не будет нас преследовать. За пределами Солнечной системы мы тебя отпустим.

— Но ведь я буду жить через тысячу лет! Здесь у нас нет космических кораблей. Кто меня найдет и вернет родителям?

— Ничего не знаем! — заявила ящерица. — Никому не верим! Ты наша заложница.

Алиса разозлилась и, потеряв терпение, кинулась на ящериц.

— Перестань! — крикнула хромая ящерица. — Мы тебя расстреляем паралитическими пулями. Ты этого хочешь?

И чтобы Алиса не сомневалась в ее словах, она выстрелила в девочку из бластера. Алиса почувствовала боль в плече, и тут же плечо онемело.

— Ничего у вас не выйдет! — сказала Алиса, хотя ей больше всего хотелось плакать.

— Приготовить корабль к полету! К нам приближается опасный противник! — раздался голос сверху — видно, из пульта управления корабля.

— Ложись! — прозвучал приказ.

Все ящерицы вокруг — а было их несколько сот — улеглись на мягкий пол, прижались к нему и покрыли центр отсека словно розовым ковром.

«Сейчас мы поднимемся в небо, и тогда я уж никогда не увижу моих друзей», — подумала Алиса, но ничем не показала своего страха и даже не стала ложиться, как велела главная ящерица. Она верила в спасение.

И в самом деле — в тот момент, когда по внутренней связи начался отсчет последних секунд, случилось вот что.

В закрытом и задранным люке появилась раскаленная белая точка. Точка двигалась и превращалась в округлую линию. Ящерицы в ужасе заверещали.

И тут же точно такая белая точка появилась внизу в полу и тоже превратилась в округлую раскаленную линию.

Раз — два — три!

Круг, вырезанный в люке из сверхпрочного металла, упал внутрь корабля, пропустив вечерний свет пустыни, и одновременно другой такой же круг выпал из корабля на землю.

Сквозь входной люк в корабль ворвалась длинноногая встрепанная худая девушка с резаком в руке и сломанным пропеллером за спиной.

— Ни с места! — приказала она. — Спасатель Института Времени требует немедленно отпустить Алису Селезневу!

А в полу корабля показалась нашлапка на шаре — голова робота Арха.

— Лапы вверх! — велел он. — Немедленно освободите мою подругу Алису Селезневу!

— Ну вот, — сказала Алиса. — Доигрались. Вы сами виноваты в том, что заставили моих друзей сделать в вашем корабле по крайней мере две дырки. Как вы теперь улетите от нас — ума не приложу!

На самом деле Алисе хотелось сразу и плакать, и смеяться. От счастья, что все кончилось, и от жуткой усталости.

Ящерицы принялись стенать и кричать. Даже требовать, чтобы люди починили им корабль.

— Ничего особенного, — успокоила их Елена Простакова, которая отлично разбирается в кораблях всех марок. — Если вы выгрузите все награбленное у нас, то сможете починить корабль и кое-как доберетесь до дому.

— Мы не грабили! — закричали ящерицы. — Мы менялись.

Но Алиса, Елена и робот не стали задерживаться.

Они вышли из корабля ящериц и не спеша отправились к замку де Шатильонов. У Алисы ноги подгибались, и поэтому она проехала часть пути верхом на шаре — роботе Архе, который без передышки рассказывал о своих приключениях. Но Алиса не слушала. Она дремала.

— Кстати, Алиса, — разбудил ее Арх. — Ты знаешь, что у нашей спасательницы сегодня день рождения? Ей исполняется пятнадцать лет!

— Не говори глупостей. Мне — двадцать два, — отозвалась спасательница.

— Ты красивая, но слишком худая! — не сдавался робот.

Они легко отыскали обведенный бороздкой туннель времени.

Воздух внутри этой бороздки был туманным и дрожал.

У дороги стоял молодой пастух.

— До встречи! — крикнул он по-старофранцузски.

Алиса зашла в кабину — а ее с роботом Архом отправили первой, — кинула последний взгляд на замок Крак де Шевалье и увидела, что на башне стоит графиня Констанца. Наверное, все от нее убежали, подумала Алиса.

Но тут машина времени заработала — Алису потянуло наверх, и через минуту она уже стояла возле сверкающей кабины времени, перед которой ее ждал похудевший вдвое от переживаний милейший археолог Громозека.

Излучатель доброты (Похищение)

Глава 1. Оазис в пустыне

Никогда бы Алиса Селезнева не познакомилась с Корой Орват и не пережила страшные приключения в Золотом Треугольнике, если бы не дедушка.

Когда Алисочке было пять лет, дедушка принес домой скрипку и сказал, что находит у Алисы идеальный слух и поэтому ей пора учиться музыке, чтобы стать великой скрипачкой.

Целый год Алиса занималась с учительницей, Сферой Яковлевной, а дедушка сидел на уроках и таял от наслаждения — его мечта готова была сбыться.

Через год Алиса взбунтовалась и сказала, что станет пожарником. После отчаянной гражданской войны дедушка, конечно же, потерпел поражение, скрипку убрали в шкаф, Сфера Яковлевна перешла к другим талантам, а Алиса не стала пожарником, но с увлечением занимается на Станции юных биологов, которая скрывается под пальмами и баобабами Гоголевского бульвара в Москве.

У Алисы есть тайна: порой, когда дома никого из взрослых нет, она достает из шкафа скрипку и играет на ней для себя. Ведь когда тебя не заставляют, начинает хотеться. Правда, это желание с возрастом возникает все реже...

Но однажды, уже в шестом классе, умение Алисы играть на скрипке пригодилось науке.

Аркаша Сапожков начал проводить опыты по воздействию музыки на рост растений. Он был убежден, что растения не такие тупые и бесчувственные, как принято считать. И если их ублажать, они заплатят тебе сторицей. Вот и начал Сапожков ставить возле куста роз проигрыватель, чтобы тот играл цветам классическую музыку. Розы слушали музыку, но никак не реагировали.

Аркаша менял кассеты, перебрал всех композиторов за последние двести лет, но безрезультатно.

Его тщетные опыты как-то увидел и услышал Пашка Гераскин. Он тут же сказал, что Аркаша неправильно ставит опыт, потому что розам не нужны симфонии и кантаты. Розам нужен хороший джаз или по крайней мере рок-дроп и рок-джамп — два основных направления жесткой эстрадной музыки XXI века.

Аркаша не умел спорить с Гераскиным, так что тот поставил свои кассеты, и к концу дня кончики листьев на розовых кустах начали дрожать в такт ритму. Пашка обрадовался, закричал на всю Москву, что сделал эпохальное и гениальное открытие.

Прошло еще три дня. От громкой музыки устали не только биологи, но и жители окрестных домов. Даже птицы перестали петь на бульваре. Розовые кусты, хоть и угнетенные шумом, продолжали расти как росли, а Пашка Гераскин больше на станции не появлялся, потому что готовился к новому великому начинанию — первенству мира по блицдомино среди мальчиков. Уговорить его вернуться на станцию не удалось. Лишь на четвертый день он прислал на Гоголевский бульвар какого-то старичка в черном кожаном костюме с блестками и нашьепками, который заявил, что пленки принадлежат ему и он без них не может спать.

Биологи с великим облегчением вернули пленки и стали наслаждаться тишиной.

Они наслаждались тишиной целый день, а потом Аркаша подошел к Алисе и спросил:

— А правда, что тебя в детстве учили играть на скрипке?

— К счастью, я скоро сбежала из дому, — сообщила Алиса, — и жила в лесу, как Маугли, питалась медом диких пчел, а если видела в лесу скрипача, то разрывала его зубами!

Аркаша выслушал Алису, склонив голову набок. Он порой думает медленно, но всегда в конце концов находит правильное решение. Вот и в тот раз через минуту он медленно произнес:

— Это была шутка! — И сам счастливо засмеялся.

— В моей шутке была доля правды, — предупредила Алиса.

Аркаша не испугался. Он был серьезен.

— Ты не совсем разучилась играть на скрипке? — спросил он.

— А почему я должна разучиться?

— Много лет прошло. Ты же еще дошкольницей была.

— Чего тебе надо, друг? — строго спросила Алиса. — Ведь ты спрашиваешь не из пустого любопытства?

— Я никогда не позволю пустому любопытству овладеть мною, — ответил Аркаша.

— Тогда расскажи, что ты задумал.

Аркаша подошел к розовому кусту. Он смотрел на него и говорил печальным голосом:

— Все наши опыты пока провалились. Эти проклятые розы не хотят слушать музыку. Ни классическую, ни джазовую, ни рок-дроп, ни рок-джамп. А вдруг, подумал я, это происходит оттого, что музыка, которой мы питаем растения, ненастоящая? Ведь я начал свои опыты, потому что прочел о том, что средневековые монахи заставляли горох созревать скорее, играя перед ним на лютне. Ты следишь за ходом моих мыслей?

— Это несложно, — ответила Алиса.

Аркаша поперхнулся. Не очень приятно сознавать, что твои мысли несложные. Но так как он, в отличие от Пашки, не позволял себе шумных сцен, то, помолчав, продолжал:

— И я тогда подумал: а не предложить ли нашим цветам настоящую музыку? Живую! Сначала я хотел пригласить какого-нибудь скрипача или пианиста, а то и целый оркестр, но Маша Белая сказала, что ты в детстве училась играть на скрипке...

— Ты хочешь, чтобы я играла на скрипке перед розами? — удивилась Алиса.

— Вот именно! Ты немножко поиграй, часика три-четыре, и мы посмотрим, обратят ли цветы на тебя внимание.

Алиса покачала головой.

— Нет, — сказала она, — я все забыла. Ведь я несколько лет скрипку в руки почти не брала.

— Почти? — Аркаша как клещ вцепился в неосторожно сказанное слово. Он сразу догадался, что Алиса иногда играет на скрипке. Для себя. В конце концов Алиса была вынуждена признать, что Аркаша прав. А еще через день она принесла свою скрипку.

К тому времени Аркаша уже вычислил самое лучшее расстояние от розового куста, учел направление ветра и расположение солнца. Он поставил Алису на дорожке в двух метрах двадцати сантиметрах от куста, так чтобы солнце находилось справа от Алисы. Затем посмотрел на часы, велел подождать сорок секунд.

— Поехали! — крикнул он наконец.

Жираф Злодей подошел к Алисе и, опустив голову к скрипке, принялся ее обнюхивать.

— Отойди, — сказала Алиса, — это не едят.

Но и другие животные, обитающие на Станции юных биологов, тоже потянулись поглядеть, что будет делать их любимая Алисочка, и Аркаше пришлось их отгонять.

Алиса тем временем начала с простых упражнений — ей ведь тоже надо было освоиться. Скрипка послушно прижалась к плечу, она была приятной на ощупь, и ей

хотелось петь — только помоги ей, коснись струн!

И Алиса заиграла.

Вскоре она забыла о времени, о слушателях, о том, что минуты несутся, словно лыжники с горы...

Аркаша подошел к розовому кусту и стал всматриваться в него.

И убедился, что куст не остался совсем равнодушным к Алисиной игре на скрипке: листья чуть шевелились, откликаясь на музыку, а лепестки цветов раскрывались, чтобы не пропустить ни одной ноты.

— Есть! — обрадованно закричал Аркаша.

Розовый куст смутился и замер, жираф Злодей отпрянул и спрятался за баобаб, питекантроп Геракл сиганул на дерево и скрылся в листве.

— Боюсь, — сказала Алиса, опуская скрипку, — что ты все испортил.

И слушатели согласились с ней.

— Ничего подобного! — не сдавался Аркаша. — Опыт увенчался успехом, потому что на этом этапе нам ничего больше не нужно. Мы пойдем шаг за шагом.

— Без меня, — заметила Алиса.

— Как так без тебя? Мы же разделим с тобой славу!

— Думаю, что с тобой никакой славы мне не дожидаться, — ответила Алиса, все еще сердившаяся на Аркашу, который не вовремя расшумелся.

Она положила скрипку в футляр.

— Что ж, — сказал Аркаша, — если ты не хочешь мне помочь, то я приглашу Квартет Бородина, там работают хорошие люди.

Так закончились опыты на станции, но не закончились приключения Алисы.

За ужином Алиса призналась маме, что сегодня играла на скрипке, чтобы помочь Аркаше проводить опыт. Но ничего из этого не вышло.

— И не выйдет, — сказала мама. — Потому что ученые уже доказали, что, просто играя, распевая песни или даже стреляя из пистолета рядом с растением, ты ничего не добьешься.

— Значит, это тупик?

— Ничего подобного! — засмеялась мама. — Я сегодня утром видела передачу о профессоре Лу Фу. Ты что-нибудь знаешь о профессоре Лу Фу?

— Я слышала... — сказала Алиса неуверенно. Но тут же вспомнила: — Конечно, он придумал гравитационные двигатели! Правда?

— Он многое сделал помимо этого. Но гравилеты — его самое известное изобретение.

— Это было очень давно! Наверное, до нашей эры.

— Это было шестьдесят лет назад. Но дело в том, что профессору Лу Фу скоро исполняется сто лет.

— А при чем здесь скрипка и растения?

— Потому что лет десять назад великий Лу Фу оставил свой институт в Шанхае, покинул друзей и учеников. И уехал в пустыню Такла-Макан.

— Куда?

— Ну вот, Алисочка! — расстроилась мама, которая всегда хотела, чтобы Алиса выросла широко образованным человеком. — Можно подумать, что ты не училась в школе...

— Мама, — призналась Алиса, — в тот день, когда в школе проходили пустыню Такла-Макан, я болела.

— Ты уверена?

— Это же ты непустила меня в школу! У меня болело горло.

— Сдаюсь, — сказала мама. — К сожалению, моя дочь хитрее меня.

— Мамочка, пожалуйста, напomini мне о пустыне Такла-Макан.

— Если ты возьмешь карту, — сказала мама, — то увидишь, что точно в центре Азии находится громадная пустыня Такла-Макан, до сих пор не освоенная человеком. Она тянется на многие сотни километров к северу от Тибета и похожа на гигантское пересушенное блюдо, куда не попадают дожди, потому что со всех сторон оно окружено горными хребтами. Речки, которые стекают в это блюдо с гор, зимой замерзают — ведь там бывает холодно, как в Сибири, — а летом почти все пересыхают и теряются в песках. Лишь самая большая из них, Тарим, которая течет по северному краю пустыни, достигает большого соленого озера Лоб-Нор. Это озеро мелкое, и никто не скажет точно, какую площадь оно занимает...

— Мама! — воскликнула Алиса. — Откуда ты так много знаешь? Это ненормально!

— Это совершенно нормально, потому что когда я была студенткой, то путешествовала по пустыне Такла-Макан и даже побывала на озере Лоб-Нор.

— Но зачем?

— Потому что мне это было интересно.

— Разве человеку может быть интересна голая пустыня?

— Во-первых, — возразила мама, — пустыни никогда не бывают скучными и голыми. Как будущий биолог ты должна знать, что в любой, даже самой безводной пустыне кипит жизнь, только она принимает особые формы — обитатели пустыни в жару скрываются под песком или в норках, травы и даже кустарники сбрасывают листья в жаркий или холодный периоды года, зато когда в пустыню приходит весна, она вся расцветает. Нет, Алиса, на свете более буйного и красочного зрелища, чем цветущая пустыня, покрытая крокусами, нарциссами, тюльпанами и множеством других трав и цветов: растения спешат, они должны отцвести, дать плоды и семена за несколько недель, а за это же время всякая пустынная живность успевает нарожать детенышей, выкормить их и сделать запасы на лето, осень и зиму. Вот любоваться пустынной весной мы туда и ездили.

— Тогда я тебе, мама, завидую, — сказала Алиса. — Я была на многих планетах и видела много разных цветов, но никогда мне еще не приходилось видеть цветущей пустыни.

— Я почти уверена в том, что если ты полетишь в Такла-Макан через месяц, то застанешь цветущий край.

— Но зачем мне туда лететь? — удивилась Алиса. — У меня немало дел в Москве. К тому же мне хотелось навестить Громозеку. Я его так давно не видела!

— Тогда дослушай меня, Алиса, — попросила мама. — Я не кончила рассказывать про озеро Лоб-Нор.

Алиса промолчала. Конечно же, ей было непонятно, какое отношение имеет к ней пустынное озеро, но мама уже доказала сегодня, что она знает больше Алисы, и не стоит с этим спорить. Если маме хочется показать свою образованность, на то ее воля!

— Это озеро давно открыто и в то же время совершенно не изучено. Питают его пустынные реки, которые, как правило, летом пересыхают. Даже самая большая из них, Тарим. Но за те месяцы, которые они несут свои воды в озеро, они его успевают наполнить настолько, что озеро разливается на несколько сотен километров. К концу лета оно обязательно съезживается и даже распадается на несколько соленых озер. Зато весной Лоб-

Нор — бескрайнее море, на котором останавливаются стаи перелетных птиц. Берега его заросли зеленой травой, тростники покрывают мелководье...

— Мамочка, — не выдержала Алиса, — мне очень интересно слушать про озеро Лоб-Нор, но почему я должна о нем знать?

— Разве я тебе не сказала, что там живет физик Лу Фу?

— Замечательно! — воскликнула Алиса. — И что же дальше?

— А дальше я узнала, что профессор в глухой пустыне, недалеко от озера Лоб-Нор, развел замечательный сад. Пока он никому об этом не рассказывает, считая, что его опыты не завершены. Тем не менее известно, что Лу Фу воздействует на растения какими-то лучами, которые заставляют их расти со сказочной быстротой даже в таком неплодородном месте, как Такла-Макан. И, судя по всему, его опыты имеют общее с теми, что вы так безуспешно пытались сделать с Аркашей и Пашкой.

— А профессору можно позвонить?

— Он не любит репортеров, зевак и туристов. Он считает, что у него каждая минута на счету и незачем отвлекаться на пустые разговоры. Но я думаю, если ты сообщишь, что работаешь в той же области, профессор согласится показать тебе свое хозяйство. — Мама улыбнулась, словно чуть-чуть не принимала Алису всерьез.

— Но как мне сказать ему, что я хочу увидеть сад? — спросила Алиса, сделав вид, что не замечает маминой улыбки.

— Напиши ему видеописьмо, — посоветовала мама. — Старики любят старинные вещи.

Когда Алиса вернулась на биостанцию, Пашка и Аркаша как раз сидели там и играли в шахматы. А это на станции обычно означало, что ее биологические гении завершили один этап в своей творческой жизни и думают, чем бы теперь заняться — то ли кита поймать и научить его стоять на хвосте, то ли организовать физкультурный парад муравьев, то ли отрастить плоские хвосты детям в соседнем садике, чтобы лучше плавали...

— Ребята, — обратилась к ним Алиса, — кажется, мы нашли человека, который умеет воздействовать на растения!

— Пройденный этап! — заявил Пашка.

— Бесперспективно! — поддержал его Аркаша.

Так лучшие друзья и соратники предали Алису.

— Значит, вы к нему не полетите? — спросила Алиса, все еще не теряя надежды.

— А где он живет, твой гений? — язвительно произнес Пашка.

— В пустыне Такла-Макан.

— Не слышал о такой, — заявил Пашка. — Значит, ее нет.

Как известно, Пашка — самый самоуверенный человек на свете, и это часто ставит его в дурацкое положение.

Когда Аркаша засмеялся, Пашка понял, что попал впросак, и быстро поправился:

— Вспомнил! Она на Марсе. Конечно же, у Южного полюса. Я там был еще мальчишкой.

— Эта пустыня в Центральной Азии, — сказал Аркаша. — Мне туда не хочется. Особенно сейчас, когда весна только начинается и ночами там температура падает ниже нуля.

Он и это знал, отличник!

— Значит, никто из вас не намерен составить мне компанию? — спросила Алиса.

— И охота тебе было... — заметил Пашка.

— Я всегда стараюсь доводить дело до конца! — произнесла Алиса, но ее товарищи уже не смотрели на нее — главные события развивались на шахматной доске.

«Ну хорошо! — сказала себе Алиса. — Мужчины — самые ненадежные люди. А мальчишки — худший вариант мужчин. Как жаль, что с ними приходится дружить!» Но теперь Алиса обязательно пробьется к профессору Лу Фу и побывает у него в оазисе. И докажет изменникам, кто из них настоящий ученый.

Возвратясь домой, Алиса тут же уселась за компьютер, чтобы написать видеописьмо профессору. Она рассказала, как они пытались воздействовать на растения разной музыкой, как ничего из этого не вышло и как мама рассказала об опытах профессора Лу Фу. Алиса спрашивала, можно ли посетить профессора в удобное для него время и совсем ненадолго, но не как любопытной туристке, а как коллеге-биологу.

Ответное письмо пришло на следующий день.

Алиса сразу вставила его в компьютер, и на экране дисплея показалось лицо профессора Лу Фу.

Профессор оказался очень старым, но совсем не дряхлым человеком. У него было загорелое худое лицо в глубоких морщинах. Профессор был совсем лысый, его жиденькая белая борода лежала на груди, а длинные белые усы свисали по сторонам до подбородка. Годы сгорбили его. Надиктовывая письмо, профессор ходил по обширной светлой комнате, и его движения были резкими и точными — никак не дашь человеку сто лет.

— Дорогая девочка Алиса, — произнес старик глубоким молодым голосом, вглядываясь в экран большими яркими черными глазами. — Я был рад получить твое письмо, потому что я глубоко уважаю людей, независимо от их возраста, которые серьезно занимаются наукой и хотят принести пользу людям. В последние годы я стараюсь видеть как можно меньше людей, тем более что ко мне в основном стремятся проникнуть туристы и корреспонденты, ничего не понимающие в моей работе. Их объединяет одна цель — похвастаться перед другими людьми тем, что они видели старика Лу Фу, который совсем выжил из ума.

Тут профессор заразительно засмеялся.

Дальше он рассказал Алисе, что старается никого не принимать в оазисе, пока его работа не завершена. Исключение он делает лишь для студентов-биологов из Урумчи и некоторых своих коллег. Профессор сообщил, что согласен считать девочку из Москвы своим коллегой. Он также сказал, как лучше всего добраться до его оазиса.

Следовало долететь рейсовым кораблем до большого города Урумчи. Там, в Урумчи, в Педагогическом институте надо отыскать аспирантку Ичунь, которая часто навещает профессора. Ичунь даст Алисе программу полета для флаера. После этого Алиса возьмет на стоянке флаер, который за час донесет Алису до оазиса в пустыне. Одно условие: Алиса должна прилететь одна, потому что профессору трудно принимать сразу нескольких человек, особенно если между ними затешутся мальчишки.

Алиса была счастлива. Конечно же, она не удержалась и прокрутила письмо Пашке и Аркаше. Те просмотрели послание Лу Фу, и Пашка сказал:

— Желаю тебе удачи, коллега. Но я уверен, что человек, которому сто лет, даже если он и был когда-то великим ученым, вряд ли сейчас может думать, как молодые львы.

Под молодым львом Пашка имел в виду себя и немного Аркашу.

Аркаша не был таким категоричным.

— Слтай, — сказал он. — Может, и в самом деле увидишь что-то интересное. Тогда мы будем рады подключиться. Хотя я не понимаю, как можно сотрудничать со стариком, который терпеть не может юных гениев.

— Он нас боится, — добавил Пашка. — И завидует нашим способностям.

Вечером Алиса предупредила маму, что на субботу слетает в пустыню Такла-Макан, а мама испугалась, что Алиса, как всегда, простудится. Поэтому она воскликнула:

— Только не вздумай лететь без шапки! Мне еще не хватало, чтобы ты простудилась, а у тебя в понедельник контрольная по русскому языку!

Алиса послушно надела красную вязаную шапочку, в которой когда-то давно побывала в Заповеднике Сказок и даже в Эпохе Легенд, где все принимали ее за Красную Шапочку. Но в лайнере Москва — Ташкент — Урумчи она шапочку сняла и спрятала в сумку.

Город Урумчи, красиво расположенный в горной долине и окруженный, куда ни кинь взгляд, снежными вершинами, был крупным туристическим центром. И это понятно.

Когда-то, лет двести назад, люди ездили отдыхать на Черное море или на Канарские острова. Целыми днями они лежали на берегу, обжигались до красноты, загорали до черноты, лениво поглощали обеды и ужины, а вечерами танцевали под гитару. Потом, когда появилось много самолетов и теплоходов, люди стали больше путешествовать. Они плыли на Гавайские острова, смотрели на слонов у горы Килиманджаро, ныряли с коралловых рифов Сейшельских островов и любовались карнавалом Рио-де-Жанейро. Им хотелось, чтобы вокруг было удобно и красиво.

Прошло еще несколько десятилетий. Люди наконец перестали воевать друг с другом, прекратили засорять реки и губить свежий воздух, Земля смогла отдохнуть. А ее обитатели, наоборот, живя в комфорте, истосковались по трудностям. Ведь дома было спокойно, красиво и уютно. Рядом были бассейн и лес с грибами, ягодами и искусственным климатом. И вот люди стали путешествовать в такие места, куда их раньше и калачом было не заманить. Целыми семьями они отправлялись в пустыню Гоби, на Северный полюс, в глубины амазонской сельвы и джунгли Малайзии. Они давали себя кусать комарам и скорпионам, мучились от недоедания, сырости и жажды — и возвращались домой счастливые, потому что наконец-то смогли испытать настоящие трудности!

Урумчи, когда-то небольшой город, расположенный недалеко от пустыни Такла-Макан, хребта Каракорум и других негостеприимных мест, стал за последние годы одним из самых известных центров туризма на Земле. Небоскребы гостиниц и универмагов видны уже издали, когда туристические лайнеры делают круг, снижаясь к третьему по величине в Азии аэродрому. Там уже строится и космопорт, потому что слава грозной пустыни и непреодолимых гор распространилась по всей Галактике. Завтра тут появятся ушаны, кустики, брастаки и прочие изнеженные цивилизацией обитатели уютных планет.

Однако пока еще туристы, хоть их и немало, растворяются в тишине и просторах гор и каменистых пустынь, вдыхают их ледяной воздух и мертвую бесконечность и, как правило, очень быстро возвращаются в комфорт гостиниц города Урумчи, к его подогретым бассейнам и вкусным креветкам сорока двух роскошных ресторанов. Мало кто из туристов выдерживает в пустыне больше двух дней, три дня — это героизм, пять — подвиг, равный подвигу Марко Поло, который прошел те места с караваном из Венеции, правда, очень-очень давно.

Хитроумные хозяева этих мест отлично разбираются в психологии туристов и не мешают им испытывать себя в суровых условиях пустыни. Зато они принимают все меры, чтобы, возвратившись в Урумчи, путешественники почувствовали себя в раю и не спешили выбраться оттуда домой. А для того чтобы помочь рассказывать знакомым об испытаниях в диких местах, в Урумчи есть множество магазинов, торгующих трофеями путешественников — синтетическими шкурами барсов и лошадей Пржевальского, буддийскими масками и статуэтками, сделанными в местных мастерских по древним образцам, и даже отпечатками следов снежного человека, которого туристы часто ловят, но еще ни разу не поймали.

Обо всем этом Алиса имела слабое представление. Поэтому она удивилась, увидев, какой громадный лайнер отправляется из Лондона в Урумчи с посадками в Москве и Ташкенте. В тысячеместном корабле почти все места были заняты, хотя туристский сезон

еще и не начинался. Правда, в пустынях Гоби и Такла-Макан, а также на плато Тибета и на Каракоруме сезон продолжается круглый год, потому что зимой выжить в пустыне еще труднее, чем летом, и испытания для туристов начинаются с того момента, когда они сходят с трапа лайнера.

Но Алиса об этом тоже не знала и поражалась суете, оживлению и подъему духа пассажиров лайнера. В уютные кресла усаживались не программисты, языковеды, вице-президенты фирм или фермеры, а настоящие пустынные волки, наследники Марко Поло, готовые дать сражение льдам, снежным лавинам и песчаным бурям и отразить нападения снежных барсов.

О, как они все были экипированы! В пуховиках, с ледорубами, в кислородных масках, с мотками веревок через плечо, с термосами, в которых хранился неприкосновенный запас кипятка и сгущенного молока! Некоторые везли с собой луки, стрелы и арбалеты, так как более современное оружие у них отобрали при посадке в лайнер. Не говоря уже об утепленных арктических палатках, надувных матрацах, котлах для варки плова и баранины... А одна семья даже везла с собой байдарку, что совсем удивило Алису. Байдарка почти в четыре метра длиной. Она была сверху затянута кожаным чехлом, пристегнутым к бортам, и занимала массу места. Ее с трудом уложили в проходе, и она всем мешала — пассажирам и стюардессам. Но глава семьи господин Торнсенсен — могучий альбинос с красным лицом и шкиперской бородкой — вел себя совершенно спокойно и, казалось, не слышал ворчания пассажиров. Куда больше переживала госпожа Торнсенсен — толстая пожилая дама с тремя подбородками и в черном парике, из-под которого были видны ее собственные рыжие волосы. А вот третья представительница семейства — девушка лет пятнадцати, маленькая, стройная, скуластая, похожая на китайнку, только более смуглая, оказалась соседкой Алисы. От нее за два часа полета от Москвы до Урумчи Алиса узнала многое о семействе Торнсенсен. Оказывается, папа Ма Ми — так звали девочку — был не родным ее отцом, а приемным. Сама Ма Ми родилась в Бирме, но ее родители погибли во время землетрясения. Тогда многих сирот взяли на воспитание в другие страны. Вот и досталась осиротевшая малышка норвежской семье Торнсенсен. Правда, Торнсенсены жили не в Норвегии, а в Сингапуре, где у папы Кнута был магазин детских игрушек. Ма Ми Торнсенсен ходила там в колледж, а мама Клара была председателем Общества защиты кошек.

Ма Ми оказалась веселой и разговорчивой девочкой. За свою короткую жизнь она немало путешествовала и даже жила некоторое время в Италии. Она звала Алису к себе в гости и расспрашивала ее, зачем та летит в Урумчи. Алисе не хотелось врать новой знакомой, которая к тому же была года на три старше ее, но и правду говорить не хотелось, потому что профессор Лу Фу в своем письме специально просил, чтобы Алиса не рассказывала о поездке к нему. Он боялся лишних визитеров. Теперь же, оказавшись в шумном, как футбольные трибуны, туристическом лайнере, Алиса поняла, что опасения старого физика не были лишены оснований.

Ма Ми очень быстро рассказывала, как ее папа, любитель рыбной ловли, прочел где-то, как трудно ловить рыбу на озере Лоб-Нор, и загорелся идеей испытать свои силы, а то он очень растолстел за прилавком своего магазина в Сингапуре.

Он с трудом уломал Ма Ми и госпожу Клару согласиться на эту авантюру, и в конце концов ее приемная мать дала согласие, а за ней согласилась и Ма Ми. Впрочем, Ма Ми с самого начала особенно и не сопротивлялась — ей было интересно увидеть самую грозную

пустыню на Земле и поплавать на байдарке, специально сделанной для этого путешествия, по таинственному и неуловимому озеру Лоб-Нор, которое, как говорили, этой весной разлилось так, что берегов не увидишь, потому что зима выдалась мягкой и снежной; следовательно, озеро стало почти совсем пресным.

— У нас все есть, — сказала Ма Ми. — И палатка с обогревом, и высокие сапоги, чтобы подбирать рыбу на мелководье или охотиться на уток. Утки уже, оказывается, начали свой перелет к северу, и первые стаи появились в тростниках, окружающих озеро.

Когда лайнер сделал посадку в Ташкенте, чтобы забрать оттуда еще туристов, девочки пошли погулять. Вскоре их догнал папа Торнсенсен, который принес им мороженое в стаканчиках.

Ма Ми рассказала приемному отцу, что Алиса летит в Урумчи, потому что у нее там есть знакомая в Педагогическом институте, с которой они будут проводить биологические опыты. Зовут студентку Ичунь.

Алиса и в самом деле сказала Ма Ми о себе именно это. Она опасалась, как бы, узнав о том, что Алиса летит к профессору, Торнсенсены не вцепились в нее с требованием отвезти их к нему. Тогда профессор, вернее всего, выгонит не только любопытных туристов, но не поздоровится и самой Алисе.

— Я не могу дождаться того момента, — громко говорил господин Торнсенсен девочкам, шагая рядом с ними по разогретому весеннему полю аэродрома в Ташкенте, — когда я всажу острогу в бок громадного сома!

Алиса сомневалась, что громадные сомы водятся в пересыхающем да еще большей частью соленом озере, но зачем спорить с рыболовом и заранее портить ему настроение?

Норвежец пригласил Алису навестить их на озере Лоб-Нор и вместе порыбачить или пострелять птицу. Алиса сразу согласилась. Тут объявили посадку, и пришлось возвращаться к лайнеру.

От Ташкента до Урумчи лететь совсем немного — полчаса.

Прямо от горных вершин лайнер ринулся вниз, на лежащий между хребтов аэродром в Урумчи, за которым начинались небоскребы гостиниц и казино.

Странно было осознавать, что уже недалеко отсюда простирается дикая, почти не тронутая человеком природа.

Алиса попрощалась с Ма Ми, как только лайнер замер у здания аэропорта. Ма Ми еще раз пригласила Алису в гости в Сингапур. Потом Торнсенсены с шумом, спорами и даже ссорясь с другими пассажирами, почти так же тяжело нагруженными, как и норвежцы, начали вытаскивать из салона свои рюкзаки и байдарку.

Алиса поспешила вниз. У барьера ее окликнула круглолицая, толстенная, с добрыми глазами студентка Ичунь, которая прибежала встретить Алису к лайнеру. Ичунь обожала старого профессора и готова была умереть, только бы ему было хорошо. И больше всего в жизни ее огорчало то, что профессор Лу Фу не хотел, чтобы кто-то ухаживал за ним или хотя бы жил в его доме. Он говорил, что за сто лет жизни заработал наконец право последние годы пожить в свое удовольствие и никого не слушаться. Рассказывая об этом, пока они шли через зал, Ичунь повела Алису к своему флаеру. Уходя, Алиса оглянулась. Торнсенсены как раз втаскивали в зал байдарку. Тащили ее женщины, а сам краснолицый Кнут шумно помогал им советами и командами.

В тот день Ичунь собиралась сама навестить профессора. А раз багажа у Алисы не было, то ничто не мешало тут же подняться в воздух и отправиться к Лу Фу — самому

умному, самому доброму, самому чуткому и самому-самому человеку на Земле.

— Ты сейчас увидишь, чего он добился в своем оазисе, — говорила Ичунь. — Я считаю, что его достижения значительнее гравитационного двигателя. Зачем летать по Вселенной, когда можно отыскать счастье на Земле?

Это заявление было очень наивным, но вызвано оно было огромной любовью к профессору, поэтому Алиса не стала спорить, хотя, если бы не изобрели гравитационного двигателя, Алисе никогда бы не удалось побывать на всех тех планетах, которые она повидала.

Ичунь оказалась удивительной болтушкой, а кроме того, ей было интересно знать обо всем, что происходит в Москве. А когда она слышала, что Алиса побывала на многих других планетах, то вопросы посыпались втрое быстрее.

Так они и летели эти полчаса, что занимает путь до оазиса на флаере. Внизу проносились покрытые снегом горные вершины, затем за тонкой, блестящей под солнцем полоской реки потянулась каменная пустыня с желтыми полосами барханов, а дальше к югу простирались бесконечные пески. Но Ичунь не стала углубляться в пустыню, а повернула флаер к востоку и повела его довольно низко над песками. Порой в низинах и на затененных участках скал были видны белые пятна снега, но вообще-то снега было немного — места здесь такие сухие, что снег никогда не покрывает пустыню, а если и выпадет, то вскоре его сдувает жестокими ураганскими ветрами — ведь им есть где разгуляться.

Странно было представить, что в таких местах могут жить или просто бывать люди. Алисе даже стало страшновато за отважных туристов. Каково здесь будет Торнсенсенам, особенно когда зайдет солнце и грянет ночной мороз?

И тут Алиса увидела зеленое пятнышко на серо-желтом фоне пустыни. Пятнышко росло и приближалось.

— Видишь? — спросила Ичунь.

— Это что?

— Это и есть оазис профессора Лу Фу, — ответила толстенькая китайка.

Флаер сделал круг над зеленым садом, который раскинулся на пологом спуске к рукаву реки Тарим, несущей по камням ледяную воду к озеру Лоб-Нор, и опустился на каменной площадке в нескольких метрах от входа в усадьбу профессора Лу Фу.

Алиса увидела изысканные литые чугунные ворота, видно привезенные сюда издалека. Ворота были приоткрыты, так что надпись «Просьба позвонить» на китайском, русском, английском и уйгурском языках к Алисе и Ичунь не относилась.

— Профессор заранее задал воротам программу, — сказала Ичунь, подходя к ним. — Чтобы они нас встретили, а чужих не пустили.

— Добро пожаловать, — сказали ворота, когда Алиса вошла.

— Вообще-то профессор не любит, чтобы к нему заходили любопытные туристы. Они бывают очень бесцеремонными, а профессор — человек деликатный и слаб здоровьем, пустые люди его раздражают.

— Ты права, моя дорогая Ичунь, — послышался молодой голос.

По дорожке навстречу гостям медленно шел очень старый, хрупкий, согбенный человек с жидкой белой бородкой и усами, в черной круглой шапочке. У человека были большие молодые веселые глаза в тонких морщинках, которые остались от многих тысяч улыбок.

За старым профессором, на полшага позади, шла молодая девушка с резкими чертами

лица, карими глазами и такими густыми черными бровями, что они срослись над переносицей.

— Я рад видеть юную гостью из Москвы, — сказал старик. — Ты, наверное, уже догадалась, что я и есть старый отшельник Лу Фу.

— Конечно, профессор, — ответила Алиса. — Вряд ли вы живете здесь с братом, который за вас всю жизнь фотографировался.

Профессор рассмеялся.

— Познакомься с Фатимой. Фатима — подруга Ичунь, они вместе учатся и вместе за мной ухаживают, как самые настоящие внучки. Только Ичунь китаянка, а Фатима — уйгурка. А теперь, когда мы все познакомились, я предлагаю дорогим гостям пройти в дом, потому что поднимается зимний ветер и вы можете замерзнуть.

Профессор как будто подслушал мамины напутствия!

— Ой, что вы! — воскликнула Алиса. — Мне совсем не холодно. И если вы не возражаете, я хотела бы сначала посмотреть ваш сад. Даже с неба он кажется удивительным и необыкновенным.

— Пожалуйста, — ответил профессор. — Я люблю показывать свой сад друзьям. Их у меня осталось не много, и они редко меня навещают, и если бы не молодежь из Урумчи, я бы совсем закис.

Но при этом профессор улыбался, и Алиса поняла, что он несколько преувеличивает. И если у него бывает мало народа, то только потому, что он сам этого хочет.

— Следуйте за мной, — пригласил профессор.

И только тут Алиса поняла, что заворожена взглядом профессора, она даже не заметила, что он одет в рабочий костюм — наверное, одежду китайского крестьянина: синюю куртку и синие широкие штаны. На босых ногах, несмотря на холод, были лишь легкие сандалии.

Профессор пошел вперед по туннелю, собранному из легких деревянных планок, оплетенных виноградом так, что внутри было полутемно. И, что самое удивительное, листья винограда были зелеными, а сверху свисали тяжелые грозди спелых ягод.

По обе стороны туннеля в просветах между виноградными листьями были видны клумбы с розами, пионами и даже флоксами, а далее Алиса заметила полянку, засаженную хризантемами.

Когда туннель кончился, они оказались на небольшой лужайке перед домом. Тут как раз вышло солнце, и в мгновение ока замерший был живой мир оазиса всполошился и кинулся по своим делам: из густой травы вылетели бабочки и кузнечики, деловитые шмели и пчелы слетелись к цветам, а муравьи побежали через дорожки. Запели птицы, они гнездились в кущах деревьев, правда, еще невысоких, но пышных. Алиса увидела там и клен, и яблони, а ближе к высокой металлической ограде, литой, как и ворота, стояли сосны вперемежку с бананами и бамбуком, это было необычно, но красиво.

— Я опасюсь не только нежеланных гостей, — сказал профессор. — Ограда ограничивает действие моих лучей и служит как бы экраном.

Последних слов старого профессора Алиса не поняла, но она не спешила с вопросами — ведь профессор обязательно расскажет, чем он занимается и что за лучи он изобрел.

Внутри небольшого домика, скромного настолько, что казалось, будто у отшельника, который здесь живет, нет никаких потребностей и желаний, было тепло. Солнце било в большие окна, делая еще более заметным скромное убранство комнат.

Первая комната служила профессору гостиной, столовой и, очевидно, кабинетом. Пол в ней был покрыт циновками, посередине стоял невысокий стол, возле него — два небольших табурета. Третий табурет Алиса увидела справа, у консоли, на которой стоял компьютер. На стенах было две-три старые фотографии, на одной Алиса угадала молодого профессора возле космического гравитоплана древней конструкции, рядом с ним стояла молодая красивая женщина. Ее Алиса тоже узнала. Это была Сандра Сингха — первый пилот гравитоплана, которая пропала без вести во время испытательного полета — космос всегда требовал жертв.

Что еще было в комнате? Несколько книг на столе, дискеты на консоли, абжур с черным драконом, вышитым на желтом шелке, древняя статуя Будды, видно найденная в пустыне...

— Мне много не нужно, — сказал профессор, указывая гостям на табуретки. — Простите, Алиса, если вам у меня покажется не очень уютно. Фатима, ты угостишь нас чаем?

Фатима уже исчезла за дверью.

Дверей было две — одна вела на кухню, другая — в глубину дома, наверное в спальню профессора.

Сначала немного поговорили о том, как Алиса долетела до Урумчи, профессор расспросил гостью о здоровье ее родителей. Оказалось, что профессор читал о приключениях Алисы и даже видел документальный фильм о путешествии ее к центру Земли. Профессор был вовсе не таким отшельником, как могло показаться. Он сам признался, что получает специальную программу новостей, а также несколько видеожурналов и внимательно следит за всеми событиями в мире.

— Так расскажите, Алиса, — попросил профессор свою гостью, — что за опыты вы проводили в Москве со своими товарищами и какими были их результаты?

Профессор разговаривал с Алисой точно так же, как говорил бы со своим взрослым коллегой, и ничуть не притворялся. Для него на самом деле совершенно ничего не значил возраст собеседника. Он ценил в людях ум и доброту. Остальное, как утверждал он, приложится.

И Алиса совсем не стеснялась, хотя впервые в жизни попала в ситуацию, когда ее коллеге, к которому она прилетела по делу, почти на девяносто лет больше, чем ей. И родился он в прошлом веке!

Алиса рассказала профессору о том, как Аркаша хотел заставить розовый куст отзываться на классическую музыку, а Пашка Гераскин заставил растение слушать сутками сплошной рок-дроп и рок-джемп.

Профессор даже развеселился, особенно когда Алиса рассказала ему, что розы чуть не завяли после трех часов сплошного рока. Затем Алиса поведала профессору, как сама впуталась в эту историю, потому что когда-то дедушка учил ее играть на скрипке.

— И что же розы? — спросил Лу Фу, когда Алиса рассказала, как принесла на биостанцию скрипку.

— Аркаша уверяет, что они шевелили листьями и даже лепестками, правда, чуть-чуть.

— Вот именно, чуть-чуть, — согласился профессор. — Я должен сказать вам, коллега, что я проходил через эти опыты. Не удивляйтесь, Алиса. Ведь я тоже не сразу добился таких результатов.

И профессор показал на окно, за которым, просвеченные солнечными лучами,

покачивались под ветром ягоды черешни. Дальше стояли апельсиновые деревья, украшенные тяжелыми оранжевыми плодами.

— Значит, мы пошли по неправильному пути? — спросила Алиса.

— Да, ваш путь был тупиковым. Вы могли пригласить целый симфонический оркестр, но вряд ли даже морковка выросла бы быстрее. Если бы вы немного подумали, то наверняка догадались бы о том, о чем удалось догадаться мне.

— Но о чем догадались вы, профессор?

Алиса посмотрела на Ичунь и Фатиму. Обе студентки глядели на профессора влюбленными глазами. Они уже давно знали об открытии, но им и в голову не приходило перебивать или торопить профессора.

— Ну что ж, покажем нашей московской гостье, что мы научились делать? — спросил профессор у студенток.

Обе вскочили.

— Мы готовы, профессор! — сказала Ичунь.

— Тогда одевайтесь потеплее — наверху сильный ветер.

И хоть девушки отказывались одеться, профессор принес из своей спальни три теплых халата.

— Я специально держу их здесь, — сказал профессор, — у нас в пустыне тепло бывает только летом. Но тогда наступает такая жара, что хочется зарыться в песок с головой. Даже речка пересыхает, и все растения прячутся или погибают... кроме моих!

В голосе профессора прозвучала гордость.

По внутренней лестнице они поднялись на плоскую крышу. Крыша была окружена барьером по пояс человеку, и в середине ее на возвышении стояла стеклянная башенка. В ней была видна установка, похожая на гидропушку, с помощью которой в рудниках размывают и дробят породу.

Дул сильный холодный ветер, он гнал низкие серые облака, порой в разрывах между ними показывалось синее, куда темнее, чем в Москве, небо, и оттуда ослепительно сияло солнце.

Профессор подвел девушек к башенке.

Ему совсем не было холодно, хотя ветер трепал его белую бороду и пытался сорвать куртку. Порой даже казалось, что он вот-вот свалит старика с ног. Но Лу Фу и внимания не обращал на погоду.

— Когда я решил уйти в отставку с поста главного физика Земли, я уже знал, чем займусь на досуге — я постараюсь помочь тем ученым и простым людям, которые стараются восстановить природу Земли и, может быть, не только восстановить, но и помочь ей развиваться лучше, чем раньше. Но как это сделать? Разводить сады? Это делают многие. Выводить новые сорта растений? Этим тоже занимаются тысячи генетиков. Но я находился в более выгодном положении, чем другие спасители земной природы. Я много путешествовал в молодости и когда-то в одном тибетском монастыре отыскал и купил у монахов, забывших язык пали, на котором она была написана, рукопись на пальмовых листьях. Когда-то ее привезли из стран Южных морей. Неведомый древний мудрец утверждал в рукописи, что сила человеческого духа такова, что если правильно думать и правильно чувствовать, то человек может заставить растения быстрее развиваться. И в этой книге, которой уже исполнилось две тысячи лет, были приведены специальные заклятия и упражнения, направленные на то, чтобы воздействовать на растения добром.

— А как это — добром? — спросила Алиса.

— Все существа на свете понимают, что такое зло, а что такое добро.

— И растения?

— Все живое! Просто, чем дальше от человека находится живое существо, тем труднее человеку достучаться до него и передать ему свои чувства. Порой достаточно взгляда другого человека, чтобы почувствовать себя хорошо. Собака тоже может передать свои чувства взглядом, кошка — мурлыканьем, а как достучаться до сердца скорпиона?

— Ой, я не хочу достучиваться до его сердца! — воскликнула Ичунь.

— Вот видите! — засмеялся старый ученый. — Из древней рукописи на пальмовых листьях я узнал, что человеку легче найти пути к растениям, чем к скорпионам. Потому что панцирь скорпиона — это не только защита от врагов, но и защита от чужих чувств. Есть животные, насекомые или бактерии, лишённые доброты. Или, вернее, такие, с которыми очень трудно найти контакт... А растения, оказывается, очень отзывчивы. Если знать, как к ним обратиться.

— И вы научились?

— Сначала я подверг советы этой рукописи сомнению, потому что я ученый и не верю в волшебство. А уроки рукописи мне показались уж очень близкими к волшебству.

Но потом я решил все же проверить мудреца и с помощью древних заклинаний и упражнений начал ставить опыты на растениях. И что же оказалось? Старинные заклинания действовали!

Голос профессора звучал громко и уверенно, словно голос совсем молодого человека, глаза у него были молодые, и Алиса понимала, что таким же молодым сохранился разум ученого. И это чувствовала не только она, но и студентки из Урумчи, которые, наверное, слышали этот рассказ не в первый раз, но с трепетом внимали профессору.

— Тогда я задался вопросом, — продолжал профессор, — что же заставляет растения реагировать на мои заклинания?

— А как они реагировали? — не сдержалась и перебила профессора Алиса.

— Вопрос правильный, — согласился профессор. — У растений увеличивалась скорость роста, они не болели, плоды на них получались больше, а цветы ярче, чем у обычных растений.

Алиса кивнула.

— А я задумался, — возвратился к своим мыслям профессор, — что же за секрет содержится в словах рукописи? Почему растения слышат меня? И понял, что все заклинания, которые я произносил, состояли из добрых слов. Все движения, которые я производил, были добрыми движениями, такими же, как ласка рук матери, укачивающей своего ребенка, или движение ладони, которая гладит животное. Все, что было в этой рукописи, так или иначе оказалось связанным с добротой. Когда же я догадался, то закрыл книгу, отложил в сторону опыты и решил, что пришла пора оставить двигатели, корабли, институт и попытаться в последние годы жизни научить растения расти с помощью доброты. И вот десять лет назад я скрылся от друзей и родственников, которые наверняка решили, что я на старости лет сошел с ума, прилетел сюда и построил домик прямо в сердце пустыни. Правда, я поставил его на берегу реки Тарим, которая зимой и весной несет воду в озеро Лоб-Нор. А был разгар зимы...

— Ой, наверное, вам было очень трудно! — воскликнула Алиса.

— Да, это была трудная зима и трудная весна. Порой мне хотелось сдаться и убежать в

мой теплый Шанхай. Но я упрямый старикашка. Я своего добился. На основе уроков и намеков старинной рукописи я, как ученый двадцать первого века, построил усилитель — ведь любое человеческое чувство, любое движение ума, любые мысли можно усилить. Мне удалось выделить физическую природу добра. Мне удалось сфокусировать в тонких лучах эманацию добра. То есть луч моего аппарата, несущий добро, действует на растение так, как если бы ему объяснились в любви одновременно сто тысяч детей. Вы не замерзли?

— Нет, что вы! — в один голос воскликнули три слушательницы.

— Вы не представляете, как я волновался, впервые включая мой генератор доброты в этом саду. Росло там всего-навсего три ветки саксаула и верблюжья колючка. И знаете, что мне пришлось делать в последующие три дня? Я выпалывал верблюжью колючку, которая под влиянием моего луча буквально заполонила всю усадьбу! С тех пор я не нарадуюсь на растения.

Профессор поднялся на площадку к своей «пушке». Он любовно погладил ее.

— Отсюда, — сказал он, — мой луч может достать до любой точки усадьбы. Каждый день я обязательно устраиваю два сеанса доброты. И сейчас вы увидите сеанс, который я проведу специально для моей гостьи Алисы, которая пролетела через половину Земли, чтобы встретиться со своим коллегой, и которая, как я надеюсь, построит такие, как у меня, установки в своей Москве. Сегодня я могу сказать, что первый этап моих опытов удачно завершен, и с завтрашнего дня я начну готовить письма в научные журналы и разошлю по заповедникам и лесоводческим хозяйствам чертежи моего генератора. И я надеюсь еще увидеть тот день, когда в пустынях вырастут сады и на местах вырубленных лесов поднимется зеленая поросль.

Профессор включил аппарат.

Тонкий расширяющийся оранжевый луч вырвался из дула «пушки», и профессор медленно повел его по кругу так, чтоб дотронуться до всех растений. Подобно солнечному зайчику, луч освещал цветы, плоды, замирал на секунду у корней деревьев и пробегал по их листве... И Алиса с удивлением смотрела, как под этим лучом, словно малыши, принимающие солнечные ванны, растения прихорашивались, выпрямлялись, выпускали новые побеги, раскрывали свежие листья и бутоны — казалось, что вся усадьба профессора Лу Фу оживила: шуршали ветви, распевая песни, кружились над деревьями птицы и насекомые... Когда «пушка» поворачивалась, луч случайно задел Алису, и она почувствовала, как ее толкнуло в сердце трепетное чувство радости...

— Все! — произнес профессор. — Сеанс закончен.

Алиса окинула взглядом усадьбу. Казалось, что над садом пролился ливень — такими свежими были растения.

— Теперь вы понимаете, почему я не хотел раньше времени показывать свою работу зрителям, — сказал профессор. — Примчались бы репортеры, прибежали бы глупые туристы, стали бы мне мешать, шуметь и ломать забор, чтобы достать сувенир.

Алиса хотела было встать на защиту туристов, но студентки полностью поддержали профессора. Алиса вспомнила шумный лайнер и Торнсенсенов с их байдаркой и поняла, как они правы.

— Можно спуститься вниз, выпить чаю и погреться. К сожалению, я не могу предложить вам настоящего обеда, которого требуют ваши молодые желудки, потому что сам я питаюсь только овощами. Но я думаю, что вы не откажетесь выпить со мной еще по чашке чаю.

Когда они снова пили чай, Алиса высказала свой восторг по поводу того, что увидела, а профессор, которому было приятно слышать восторженные слова о своем изобретении, отнекивался и повторял, что ничего особенного он не сделал и что при желании это мог бы сделать каждый. И если бы Алиса с друзьями не увлеклись музыкой, может, и они догадались бы о существовании лучей добра.

Алиса спросила, можно ли будет и завтра посмотреть, как работает генератор? Профессор ответил, что он будет рад увидеть Алису завтра, потому что он должен рассказать ей, как сделать генератор доброты для московских школьников. Сейчас же профессор устал...

— Не беспокойтесь, учитель, — быстро сказала Ичунь. — Мы уже улетаем. Алиса останется у меня, а завтра утром я ее привезу сюда снова.

Профессор вышел проводить гостей к воротам, и, поднимаясь на флаере, Алиса видела в иллюминатор маленькую фигурку в синем костюме. Профессор стоял, подняв руку, а за его спиной начиналась зеленая чаша его сада.

Профессор дал девушкам с собой целую сумку с апельсинами и яблоками, которые созрели ранней весной. Всю дорогу до Урумчи девушки ели фрукты, и во флаере весело пахло апельсиновой кожурой.

Глава 2. Исчезновение

Комиссар Милодар, шеф земной службы Интернациональной Галактической полиции, позвонил своему агенту Коре Орват среди ночи, потому что имел гадкую манеру звонить всегда не вовремя. Сам он почти не спал и не выносил, когда спали его подчиненные.

Спросонья Коре показалось, что обвалился потолок и оттуда в спальню ворвалась стая визгливых гиен. А это был всего-навсего звонок видефона.

— Ты что делаешь? — сурово спросил комиссар.

Кора достаточно проснулась, чтобы ответить:

— Собираю апельсины.

Ее шутка не возымела действия, потому что комиссар удивленно откликнулся:

— Кто тебе сказал про апельсины?

Кора окончательно открыла глаза и посмотрела на часы: четыре часа тридцать пять минут. Самое время для того, чтобы поговорить об апельсинах.

— Мне приснился сон, — ответила Кора, — что я собираю апельсины и варю из них компот.

— Чепуха! Я не верю в сны! Признавайся, откуда ты узнала про апельсины?

— Комиссар, если вы будете на меня и дальше кричать, я выключу связь.

— Нельзя. Раз ты проснулась, значит, начался рабочий день.

— Тогда расскажите мне тихим голосом, что произошло, — попросила Кора. — Только очень тихим голосом. У меня разыгрались нервы.

— Неправда! Ты еще такая молодая, у тебя нет нервов!

— Еще тише, умоляю!

— Еще тише невозможно. Я сам себя не услышу.

— Это совсем не обязательно, — сказала Кора. — Вы же знаете, о чем хотите мне сообщить.

Милодар тяжело вздохнул. Он не любил упрямства Кору и ее умения оставить за собой последнее слово, но признавал ее профессиональный дар.

— Говорит ли тебе что-нибудь, — спросил он приглушенным голосом, — имя Лу Фу?

— Разумеется, как и любому интеллигентному человеку, — ответила Кора. — Это великий китайский ученый, физик и философ, лауреат Нобелевской премии. Каждый школьник знает о четырех принципах Лу Фу. Шестьдесят лет назад он изобрел гравитационный двигатель, и благодаря ему мы можем за считанные дни пересечь всю Галактику.

— И это все?

— Я знаю, что он очень старый и живет где-то в горах или в пустыне, где разводит розы.

— Молодец, девочка! — похвалил Кору комиссар Милодар. — У тебя хорошая память. Я могу добавить только, что уважаемому профессору Лу Фу через неделю должно исполниться сто лет и во всех странах мира, а также на многих планетах готовятся к этому празднику. Ведь Лу Фу воспитал сотни учеников, не говоря уж о почитателях.

— И вы разбудили меня, чтобы сообщить об этом?

— Ты ошибаешься, Кора. Дело куда серьезнее.

— Меня выбрали в делегацию ИнтерГпола, которая повезет букет великому ученому?

— Не говори глупостей! В делегацию выбирают солидных людей, а не рядовых агентов.

— Тогда в чем дело?

— А в том, что профессор исчез, и вернее всего — убит.

— Быть не может!

Кора вскочила с кровати, сна — ни в одном глазу.

— Ну чего же вы молчите, комиссар! Я вас слушаю!

— Смотри-ка, проснулась! — усмехнулся Милодар. — Уже готова к бою!

— Какие будут приказания, шеф?

— Я решил поручить это дело тебе!

— Но ведь есть более заслуженные агенты, более опытные.

— Наоборот, мне нужен агент молодой, быстрый, отважный и, кроме того, знающий китайский язык. А это ты, Кора Орват! Итак, через пятнадцать минут прошу быть у меня в кабинете.

— Я не успею, — ответила Кора.

Но, конечно же, комиссар Милодар не стал ее слушать.

Кора представила, как ее начальник включает хронометр, сидит перед ним, попивая кофе, и считает секунды. Он уверен, что она не уложится в пятнадцать минут, потому что это невозможно.

Ах так?!

За двенадцать секунд Кора выскочила из постели, добежала до ванной и через семьдесят секунд уже была на кухне — умытая, причесанная и полностью одетая. А кухня, привыкшая к тому, что ее хозяйка всегда спешит, уже сварила кофе, залила молоком кукурузные хлопья и выжала сок из грейпфрута.

Завтрак занял почти минуту — пришлось подкрепиться, потому что неизвестно было, когда удастся поесть в следующий раз.

Хрустя кукурузными хлопьями, Кора включила компьютерную энциклопедию и сразу увидела на экране доброе лицо старого профессора Лу Фу. Профессор был совсем лыс, у него были тонкие белые усы, кончики которых спускались к подбородку, и редкая, клинышком, седая борода. Затем компьютер показал Коре дом профессора. Оказывается, он уже двадцать лет как отошел от работы в институте, вышел на пенсию и поселился в очень странном для пенсионера месте — на краю громадной, грозной пустыни Такла-Макан, одного из последних не освоенных людьми мест на Земле.

— Сейчас вы увидите дом профессора Лу Фу, — произнес низкий голос диктора. Он говорил по-китайски.

На дисплее потянулась бескрайняя каменистая пустыня, над которой кое-где поднимались гигантские барханы. Затем показались низкие голые холмы, между ними — зеленое пятнышко. Пятнышко росло, пока не превратилось в цветущий оазис, защищенный холмами от ветров и песчаных бурь. Посреди оазиса, рядом с маленьким синим прудом, располагался небольшой белый дом, окруженный плодовыми деревьями. На плоской крыше дома поблескивала стеклянная башенка.

— Здесь, в тишине и вдали от суеты, профессор проводит свои спокойные годы, размышляя о смысле жизни и стараясь по мере сил принести пользу людям, — сообщил диктор.

Лу Фу вновь появился на экране. На этот раз он трудился в саду, разрыхляя мотыгой грядку. С дерева рядом упал апельсин и покатился к профессору. Ах, вот почему комиссар удивился сну Кору!

Кора выключила компьютер. Прошло уже четыре минуты из отпущенных ей комиссаром Милодаром.

«Какой благородный старик», — подумала она, выбегая на улицу к своему флаеру.

— Что готовить на обед? — крикнула из окна кухня.

— К обеду меня не жди, — ответила Кора.

— Когда же это наконец кончится! — взвыла кухня.

Дверца флаера открылась.

Садясь в машину, Кора сказала ей:

— У нас есть девять минут, чтобы долететь до Антарктиды, где меня ждет в штабе комиссар Милодар.

— Не успеть, — ответил флаер.

— А ты постарайся.

— Пробки, — ответил тот. — Воздушные пробки над Малаховкой и Бермудским треугольником. Меньше десяти минут не гарантирую.

— Я тебя очень прошу. Это дело чести.

— Ну тогда держись! — предупредил флаер. — Ты хорошо пристегнулась?

Они были над Антарктидой через восемь минут тридцать секунд, трижды нарушив правила движения и чуть не врезавшись в мыс Горн.

Еще через полминуты на скоростном лифте Кора понеслась вниз сквозь двухкилометровый ледяной щит Антарктиды. Там, в глубине и безопасности, находится штаб ИнтерГпола — Интернациональной Галактической полиции. С опозданием в четыре секунды Кора вошла в кабинет комиссара Милодара.

Тот постучал согнутым пальцем по хронометру и сказал:

— Я бы на твоём месте не успел. Что будешь пить? Джин, виски, самогон, коньяк?

Кора не успела открыть рот, чтобы ответить, как Милодар уже протянул ей высокий бокал парного молока.

— Спасибо, шеф, — сказала Кора. — Я готова к работе.

* * *

— Сейчас ты увидишь прилетевшего из Урумчи свидетеля, — сказал комиссар Милодар. — Этот человек последним видел профессора живым. И первым попал к нему в дом после его исчезновения. Он сообщил обо всем в криминальную полицию Урумчи. После этого свидетель нашел в себе силы первым же лайнером прилететь сюда, чтобы дать показания.

— Я ничего не понимаю, — сказала Кора, глядя на часы. — Сейчас половина шестого утра. Когда же ваш свидетель успел посетить сегодня профессора, узнать, что он исчез, вернуться в Урумчи, дать показания полиции и прилететь сюда...

— Тебе ли быть такой наивной, Кора! — расстроился комиссар. — В каком месте я тебя разбудил?

— Под Вологдой, — ответила Кора. — Было половина пятого.

— А сколько в это время было в пустыне Такла-Макан?

— Наверное, часов на пять-шесть больше. У них уже утро...

— Умница! Значит, за несколько часов наш свидетель успел прийти, увидеть и принять

меры. Как Юлий Цезарь.

Кора хотела было поправить комиссара, так как, по ее сведениям, изречение Юлия Цезаря звучало не совсем так, как цитировал его Милодар, но потом решила оставить комиссара в неведении. Тем более что она и в самом деле вела себя как наивная девочка, которая прогуляла урок о часовых поясах и теперь думает, что Земля плоская.

— А здесь у меня время произвольное. Как-никак полюс, — продолжал комиссар. — Вот вы и встретились на равных.

Милодар щелкнул пальцами.

— Ввести свидетеля! — произнес он.

Такой жест приводил в изумление посетителей, попавших к комиссару в первый раз и не знавших, что за происходящим в кабинете внимательно наблюдает любимая секретарша комиссара, подлинное имя которой за последние годы забылось. Но сотрудники ИнтерГпола именовали ее Церберовой. И стоит комиссару щелкнуть пальцами, как любое его пожелание исполняется.

Дверь в кабинет отворилась, и вошла высокая девочка лет двенадцати, светловолосая и голубоглазая. Девочка была одета в дорожный комбинезон с вышитой на груди эмблемой юных биологов Земли — птицей дронтом. Эту эмблему придумал замечательный натуралист и любитель животных Джеральд Даррелл. Птицу дронта много лет назад истребили охотники, и ни одного дронта в мире не осталось. И, прикрепляя к груди изображение вымершей птицы, юные биологи клянутся: мы будем охранять всех живых существ.

— Познакомься, Кора, — сказал комиссар Милодар. — Это Алиса Селезнева. Она живет в Москве. Должен сказать, что Алиса не совсем обыкновенная девочка, потому что в своем возрасте она установила рекорд — побывала на двадцати трех планетах.

— На двадцати четырех, — ответила Алиса.

— Нет, на двадцати трех. Я проверил твое досье, — повысил голос комиссар.

— У меня хорошая память, — сказала девочка. — К сожалению, вы ошибаетесь.

Коре захотелось захлопать в ладоши, чтобы поддержать девочку. Молодец, что не оробела под орлиным взглядом комиссара Милодара. Ну, теперь держись!

— Досье на детей с неустойчивой психикой составляется суперкомпьютером, — сообщил Милодар, — который просто не способен ошибиться.

— У меня и психика неустойчивая? — спросила Алиса.

— А ты что думала? Разве может быть устойчивой психика ребенка, который к двенадцати годам облетел половину обитаемой Галактики?

— Но ведь большей частью меня возили туда взрослые.

— Значит, это были взрослые с неустойчивой психикой, — заявил комиссар.

— Я им скажу о вашем мнении, комиссар, — сказала Алиса. — Им будет интересно его услышать. Надеюсь, оно официальное?

— Совершенно неофициальное! — быстро воскликнул комиссар. Он умел вовремя отступить на заранее подготовленные позиции. Ведь среди людей, с которыми летала Алиса, могли оказаться и персоны, которым не понравится критика Милодара. Лучше не рисковать...

— Кстати, — продолжал Милодар, обращаясь к Коре, — Алисочка отличница, можно сказать — лучшая ученица в классе. Кроме того, она успешно занимается биологией. Именно в качестве юного биолога Алиса посетила профессора Лу Фу.

Алиса между тем рассматривала молодую женщину, с которой ее только что познакомил комиссар Милодар. Женщина казалась несколько заspanной, — видно, ее выдернули из постели куда раньше, чем ей того хотелось. С первого взгляда Алисе понравилось в новой знакомой то, что в ней все было настоящее, свое. Ведь не секрет, что женщины конца XXI века широко пользуются косметикой и хирургией, чтобы казаться красивыми. Некоторые изменяют себе лицо, другие удлиняют ноги, третьи даже отращивают небольшие крыльшки или третий глаз во лбу, но большинство превращают себя в длинноногих блондинок. Бывает, попадешь на пляж и видишь — тысяча одинаковых красавиц! Непонятно, как их знакомые мужчины различают.

А вот у Кору все было свое: и рост — метр восемьдесят пять, и синие глаза, и русые волосы, прямые и коротко остриженные, и даже зубы, не такие белые, чтобы быть фарфоровыми.

Кора сказала:

— Мне очень приятно познакомиться с юным биологом. У меня еще никогда не было знакомого биолога.

И незаметно для Милодара она подмигнула Алисе.

— Вот и отлично! — воскликнул комиссар. — Мы познакомились, и можно переходить к делу. Алиса, расскажи нам о последней встрече с профессором Лу Фу и о том, что случилось сегодня утром. А моя секретарша угостит нас душистым кофе со сливками.

Он щелкнул пальцами.

— Через три минуты, шеф! — послышался из-под потолка голос Церберовны.

Алиса рассказала Коре и комиссару о том, как она решила наговорить письмо старому физику и получила от него приглашение. Как прилетела в Урумчи и встретила со студенткой Ичунь. Как потом они прилетели в пустыню Такла-Макан к озеру Лоб-Нор и нашли там зеленый оазис профессора.

Комиссар, который уже слышал рассказ Алисы, и Кора, услышавшая обо всем впервые, часто перебивали девочку, чтобы уточнить детали. Их все интересовало: и как выглядел Лу Фу, и как вела себя Ичунь, и кто такая Фатима, и какие плоды дал с собой Алисе старый профессор. Особенно они вцепились в Алису, когда она перешла к описанию отлета. Они три раза просили девочку повторить рассказ о том, как профессор пригласил ее прилететь к нему еще раз, чтобы поговорить об установке генератора доброты в Москве. Наконец, выпотрошив Алису, как цыпленка, они успокоились, и Милодар приказал:

— Продолжай. Рассказывай, что было после вашего возвращения в Урумчи.

— Ничего, — ответила Алиса. — Мы прилетели в город и отправились в общежитие, где живет Ичунь. Она провела меня к себе в комнату, и мы посидели там, поговорили.

— О чем?

— В основном о том, какой великий человек профессор и какой он чудесный старик. Ичунь обожает своего учителя.

— А Фатима? Она его не любит? — спросил Милодар.

— С чего вы взяли? — удивилась Алиса. — Фатима тоже его любит. Но ее с нами не было, потому что она местная, из Урумчи, живет в доме своих родителей и вечером ушла домой.

— Итак, тебе ничего не известно о том, что делала Фатима, — уточнил комиссар. — Продолжай.

— Что продолжать? Потом мы пошли ужинать в маленький уйгурский ресторан...

— Почему в ресторан? — спросил Милодар. — Не рано ли вам ходить в ресторан, госпожа школьница?

— Нет, — вежливо ответила Алиса. — Не рано. Там хорошо кормят. Даже лучше, чем в студенческой столовой.

— Это выдумки!

— Это правда, — вставила Кора. — Вы, комиссар, институтов не кончали, а я имею высшее образование и должна вам сказать, что не очень любила бывать в нашей студенческой столовой.

— Клевета! — Милодар настаивал на своем. — Я читал, что полезнее всего питаться в студенческих столовых.

— Продолжай, Алисочка, — попросила Кора.

— Из ресторана мы пошли... — Алиса с опаской взглянула на комиссара, и тот, перехватив взгляд, закусил губу, готовый ринуться в бой.

— Правду и только правду! — потребовал он.

— Мы пошли на дискотеку, — упавшим голосом призналась Алиса.

— Так я и думал! — Милодар явно расстроился, а Кора рассмеялась.

— Я провела детство в приюте, — призналась Кора. — И если бы ты только знала, как мы мечтали о дискотеке! Впервые я побывала на ней на первом курсе института, зато, скажу тебе, провела там лучшие ночи моей жизни!

— Почему меня не поставили об этом в известность? — возмутился Милодар, дергая себя за кудри. — Почему я узнаю о своих агентах порочащие их сведения через несколько лет?

— Во-первых, комиссар, — возразила Кора, — в дискотеке нет ничего порочащего. Именно там я в совершенстве овладела рок-дропом и рок-джампом.

— Этого еще не хватало!

— Во-вторых, там я знакомилась с хорошими мальчиками.

— Еще того хуже! Там не может быть хороших мальчиков.

— Может, вы хотите, комиссар, чтобы мы с Алисочкой показали вам, как танцуют рок-дроп и рок-джамп?

— Или рок-скок? — спросила Алиса. — Это новая московская мода.

— Вы зачем здесь собрались? — грозно спросил Милодар, чувствуя свое бессилие перед девушками. — Мы обсуждаем важную проблему! Каждая минута на вес золота. Я не намерен тратить время на пустые воспоминания испорченных девиц! Мы немедленно продолжаем допрос. Алиса, что необычного произошло той ночью на дискотеке?

— Ничего, комиссар.

— Как жаль. Продолжай.

— После дискотеки мы долго гуляли по улицам, — сказала Алиса. — Ичунь провожали ее друзья, а я гуляла с ними.

— Кто эти друзья? — насторожился Милодар.

— Студенты и школьники, — ответила Алиса.

— Их фамилии?

— Я не спрашивала их фамилий. Там были два китайца, два уйгура и узбек.

— Они спрашивали тебя о профессоре?

— И не думали, — сказала Алиса. — Они спрашивали об Ичунь.

— Тогда продолжай. Итак, вы вернулись домой...

— Мы вернулись домой и легли спать. Утром проснулись, но Ичунь не могла встать с постели. Ночью ведь шел снег, а она гуляла с непокрытой головой.

— А я что говорил! — обрадовался комиссар, который всем и всегда велел надевать головные уборы. — На улице свирепствует грипп!

— Ичунь потеряла голос, и у нее начался страшный насморк. Я дала ей лекарства, но лететь со мной к профессору она не могла. Так что она отдала мне ключ от своего флаера, чтобы я могла слетать к Лу Фу.

— Значит, ты летела туда одна? — прищурился комиссар, словно и не знал об этом.

— Совсем одна, — ответила Алиса. — И жалею об этом. Лучше бы со мной кто-нибудь был. Вы не представляете, как мне было страшно!

— Ладно, ладно, — сказал комиссар, который не выносил женских страхов и женских слез. — Ничего особенного. Ты ведь даже трупа не видела.

— Но вы представьте, — Алиса обратилась к Коре, которая ее понимала куда лучше, чем этот курчавый цыган с безжалостными глазами, — вы представьте: я посадила флаер у ворот. Ворота были приоткрыты. Я думала, что профессор открыл их специально для меня... Я прошла внутрь. И что-то меня сразу встревожило. Как будто сад был не таким, как вчера.

— Почему не таким? — взвился комиссар. — Подробнее!

— Милодар, — вмешалась Кора, — через час или два мы с вами будем на месте преступления и тогда сами все почувствуем. Продолжай, Алиса.

— Сад был неживой. Там не было птиц и насекомых — все куда-то попрятались. Я прошла к дому. Дверь в него тоже была открыта. Я позвала профессора, потому что удивилась, что он не вышел меня встретить. Никто не откликнулся. Я тогда еще не испугалась — решила, что, наверное, профессор работает и не заметил, как я пришла. Я вошла в первую большую комнату. Там профессора не было. Но вид комнаты меня удивил... нет, даже испугал.

— Почему? — спросил Милодар.

— Там все было разбито, раскидано, словно... словно там побывало стадо слонов. Нет, не слоны, там побывали какие-то сумасшедшие.

— Дальше!

— Я стояла у входа в первую комнату и кричала: «Профессор, профессор!» Но никто не отзывался. И было так тихо, вы просто не представляете, до чего там было тихо. Даже мухи не летали... — Алиса замолчала. Она снова переживала страх, который овладел ею в доме профессора.

— И ты вошла в следующую комнату? — подсказал Милодар.

— Я долго не решалась, — ответила Алиса. — Я все прислушивалась. А вдруг профессор просто заснул? Потом мне показалось, что кто-то смотрит на меня снаружи. Я подбежала к окну. Тут как раз налетел холодный дождь со снегом, и стало сумрачно.

— А за окном никого не было? — спросил комиссар.

— За окном никого не было. Только сыпались листья.

— Ты это заметила?

— Я уверена, — сказала Алиса. — Я смотрела, а листья падали. Их срывало ветром.

— Продолжай, — попросил Милодар.

— Я все-таки решилась и заглянула сначала на кухню. Там был жуткий беспорядок. Потом я сунула нос в спальню профессора. Но и там было пусто. И вся мебель была перевернута, словно кто-то сошел с ума. Но я боялась увидеть мертвого профессора и даже

обрадовалась, что его нет.

— И никаких следов профессора? — спросила Кора.

— Нет. Я даже поднялась на крышу, — сказала Алиса, — чтобы лучше осмотреть оазис.

— А что было на крыше?

— Кто-то разбил стеклянную башню и опрокинул, уничтожил генератор доброты. Видно, люди, которые напали на профессора, совершенно не представляли, на что они подняли руку.

— Или слишком хорошо представляли, — мрачно заметил комиссар Милодар.

Слушая Алису, он ходил по своему кабинету из угла в угол, стараясь не приближаться к Алисе и Коре, которые стояли у стола. Объяснялось это просто: великий сыщик комиссар Милодар был на две головы ниже Кору Орват — агента № 3 в его команде. Но это еще куда ни шло — обиднее оказалось то, что девочка Алиса тоже была выше Милодара. Так что он хоть и метался по комнате, но к собеседницам не приближался.

— Я попыталась позвонить в Урумчи, но связь в доме профессора была выведена из строя — там не осталось ни одной целой металлической или пластиковой вещи. Тогда я побежала к флаеру и из него вышла на связь с полицейским управлением. Я рассказала дежурному, что случилось, и дежурный был очень удивлен. Он даже сначала мне не поверил. Потом велел ждать, пока прилетит патруль. Я хотела сказать дежурному, что мне страшно здесь ждать одной, но постеснялась. Тут мне позвонил следователь Лян Фукань, которому доложили о том, что случилось. И следователь спросил меня, не хочу ли я вернуться в город, если мне страшно. И тогда мне стало совсем не страшно. — Алиса улыбнулась. — Я сказала ему, что ничего не случится, я подожду во флаере. А если замечу что-нибудь подозрительное, то сразу подниму машину в воздух. Следователь сказал мне, что я молодец, и еще спросил, где я так хорошо выучила китайский язык.

— А ты что ответила?

— А я ответила, что каждый культурный человек в двадцать первом веке знает китайский язык. Тогда следователь сказал, что он больше за меня не боится, но советует быть внимательной и осторожной. А дальше вы все знаете.

— Да, дальше мы все знаем, — согласился Милодар. — Как только следователь и полицейская группа примчались в оазис профессора Лу Фу, осмотрели дом и оазис и пришли к решению, что профессора нигде нет, они тут же отрядили поисковые группы в пустыню. Может быть, подумали они, профессор по какой-то причине ушел из дому и заблудился. Но тут следователь Лян Фукань обнаружил в спальне опрокинутый стул, на опрокинутом стуле — обрывки веревки, а также капли крови на полу под стулом. Стало ясно, что кого-то, вернее всего хозяина дома, привязывали к стулу и ранили его. Тут уж ни у кого не осталось сомнения, что в дом к профессору проникли злоумышленники, мучили профессора, пытаясь что-то у него выведать, а затем увезли его с собой. Но кто были эти преступники, еще следовало узнать. К тому же непонятно, у кого профессор мог вызвать такую ненависть, чтобы его мучили и полностью разгромили его скромный дом... Наверное, это было самое загадочное дело в практике следователя Лян Фуканя!

* * *

Каково же было разочарование следователя, когда, доложив об исчезновении

профессора в Пекин, он узнал, что вести это дело он будет не один — к нему присылают на помощь агента № 3 ИнтерГалактической полиции, потому что авторитет профессора в Галактике настолько велик, что дело подлежит расследованию на высочайшем уровне. Лян Фуканя попросили не обижаться — ведь у ИнтерГалактической полиции куда больше возможностей и опыта. Вернее всего, преступление задумано и совершено преступниками высочайшего класса, профессионалами, с которыми провинция Урумчи давно не сталкивалась.

Если даже следователь Лян Фукань и был разочарован или обижен, он никак этого не показал. Он поклонился начальнику управления, который сообщил ему новости с экрана видеосвязи, и спросил, где ждать коллегу. Начальник попросил Лян Фуканя завершить осмотр места происшествия и встретить агента ИнтерГпола на аэродроме Урумчи.

— Хорошо, — сказал следователь.

Он обследовал пустыню и долину Тарима, а тем временем в Центре управления комиссар Милодар заканчивал инструктаж агента № 3 Кора Орват.

— Тебе придется работать в тесном сотрудничестве с китайскими коллегами, — говорил он. — Тебе надо будет показать, что ты не вмешиваешься в их дела, а помогаешь всеми доступными способами. Ясно?

— Ясно.

— Ты готова к отлету в Урумчи?

— Готова.

— А я? — спросила Алиса.

— А тебе что надо, девочка? — удивился комиссар, который уже забыл о существовании Алисы. — Ты разве не улетила домой?

— А мне что делать? — настаивала Алиса.

— Ты лети домой, к маме, — отмахнулся Милодар, занятый своими заботами. — Тебе обедать пора.

— Спасибо за совет, — сказала Алиса, — но я им не воспользуюсь.

— Это еще почему? — Комиссар не терпел, когда ему перечили.

— Мне надо вернуться в Урумчи.

— И не думай. Там не место маленькому ребенку.

— Спасибо за то, что вы считаете меня маленьким ребенком, — сказала Алиса. — Только я все равно полечу в Урумчи, с вашей помощью или без вашей помощи.

— Прости, Алиса, — сказала Кора Орват. — А зачем тебе надо в Урумчи?

— Во-первых, у меня все вещи в общежитии остались. А Ичунь сойдет с ума, если увидит, что я пропала.

— Я ей скажу.

— Она вам может не поверить. К тому же нельзя так вот запросто бросить в беде человека, который дал тебе кров. Представляете, каково сейчас Ичунь и Фатиме. Им ведь кажется, что, если бы они остались со старым профессором, ничего плохого не случилось бы.

— Наверное, ты права, — сказала Кора. — Может, Алиса полетит с нами? — спросила она Милодара.

— Лишнее все это! И вообще, во флаере тесно, — проворчал тот.

Алиса расстроилась. Каждому станет обидно, если ему уже двенадцать лет, а его считают бесполезным ребенком.

Когда они поднимались на скоростном лифте на поверхность ледяного щита Антарктиды, Кора вдруг тихо спросила Алису:

— Ведь это не главная причина, почему ты хочешь вернуться в Урумчи?

— А какая главная? — спросила Алиса.

— Главная заключается в том, что ты, Алиса, обожаешь загадки и тайны и тебя никакими конфетками не выманишь из пустыни Такла-Макан, пока не разгадана тайна исчезновения профессора.

— Но он же мне не чужой человек! — сказала Алиса. — Он мой коллега, он пригласил меня в гости, я еще не получила от него чертежей генератора добра для нашей биологической станции. Разумеется, я никуда не улечу из пустыни. И не мечтайте меня выгнать!

— А кто тебе сказал, что я мечтаю тебя выгнать? Я же сама тебя позвала.

Комиссар не отрывался от своей видеозаписной книги, которую изучал, пока они поднимались на лифте с глубины в два километра, и не слушал разговора. Но для порядка спросил:

— Вы о чем шепчетесь?

— Извините, комиссар, — сказала Кора. — Мы о своем, о девичьем.

— Вот именно, — согласился комиссар, — о девичьем. А надо — о деле!

— Я согласна, чтобы ты осталась со мной, — сказала Кора Алисе. — Только ты должна дать мне слово, что без моего разрешения не будешь соваться в опасные места.

— Обещаю! — обрадовалась Алиса. — Я ведь давно уже не тот легкомысленный ребенок, каким меня знают по фильмам и книжкам. Я даже могу поклясться, что буду вас слушаться!

— Не надо, я тебе верю, — сказала Кора. — Но и ты меня не подведи.

Лифт вылетел на сверкающую снежную поверхность ледяного щита Антарктиды. У замаскированной под торос двери лифтовой шахты стоял скоростной флаер — служебная машина Милодара, кстати, снабженная гравитационным двигателем конструкции профессора Лу Фу.

— Комиссар, — сказала Кора, — Алиса летит с нами в Урумчи.

— Но ведь я же сказал, — воскликнул комиссар, — что детям не место в служебном флаере!

— Алиса оставила вещи в студенческом общежитии. Она их заберет, поговорит со студентками, а потом, если захочет, может улететь в Москву на рейсовом лайнере.

— А если не захочет? — насторожился комиссар.

— Тогда и решим... Да вы забирайтесь во флаер, комиссар, забирайтесь. В ногах правды нет. По дороге все обсудим.

Флаер Милодара оказался просторным и комфортабельным. В нем даже нашлось место для штанги и пианино. И Алиса никому не помешала. Но у Милодара не было детей, и он не знал, как с ними обращаться.

Флаер резко забрал в небо и понесся к северу.

— Кора, ты что-то хочешь сказать. По глазам вижу!

— Вы, как всегда, угадали, — откликнулась Кора. — Мне хотелось бы попросить Алису, если у нее, конечно, найдется для этого время, слетать со мной в оазис профессора.

— Это еще зачем? — Голос комиссара был строг.

— Она уже была там два раза и может мне помочь при расследовании. — Голос Коры

тоже был строг.

— Чем тебе может быть полезен маленький ребенок?

— Мне нужен единственный свидетель, который был у профессора перед смертью и первым после его исчезновения.

— Вообще-то ей лучше бы лететь домой, — произнес комиссар таким голосом, что даже Алиса поняла, что они с Корой выиграли сражение.

Милодар тут же углубился в свои видеозаписи, потом вышел на связь с какой-то группой № 6 на Марсе, которая что-то потеряла или нашла, и забыл о спутницах.

— Спасибо вам, Кора, — сказала Алиса. — Я никогда этого не забуду...

— Во-первых, не вам, а тебе — не так уж велика у нас разница в возрасте. Я старше тебя раза в два, не больше. Во-вторых, ты и в самом деле можешь мне пригодиться. Кто знает... Следствие есть следствие, а расследование в пустыне Такла-Макан для меня нечто новенькое. Так что будем считать, что мы с тобой обо всем договорились к общему удовольствию. В Урумчи я даю тебе полчаса, чтобы домчаться до общежития, взять свои вещи и девушку по имени Ичунь, которая нам может понадобиться. Догоните нас в оазисе.

— Есть, капитан! — откликнулась Алиса.

* * *

Алисе потребовалось полчаса для того, чтобы успокоить Ичунь и убедить ее в том, что профессор, скорее всего, жив. А потом Алиса уговорила Ичунь полететь на флаере в оазис. Ичунь все время плакала, слезы катились по ее тугим щекам, волосы растрепались, глаза распухли и превратились в узкие щелочки.

— Что же будет, — повторяла она, — что же теперь будет!

— Что ты имеешь в виду? — спросила Алиса.

— Но ведь через две недели у нас юбилей! Профессору исполнится сто лет. Уже избран почетный комитет, съедутся гости. Как ты не понимаешь таких простых вещей!

— Чего я не понимаю?

— Что будут делать гости, если не будет хозяина?

На этот вопрос Алиса ответить не смогла. Она лишь представила себе, как гости растерянно бродят по пустыне в поисках профессора.

Когда они прилетели в оазис, Милодар и Кора Орват их уже ждали. Алиса увидела следователя Лян Фуканя, толстенького, очень вежливого человечка в строгом черном костюме и при галстук, что выглядело в пустыне необычно.

— Я очень рад, — сказал следователь, — что Алиса возвратилась в оазис профессора Лу Фу, потому что я надеюсь на ее помощь, и мне приятно также видеть Ичунь.

— Почему? — спросила Ичунь и тут же залилась слезами, потому что увидела, какой разгром в доме профессора.

— Вы можете заметить, что отсутствует, что пропало, — сказал следователь.

Ичунь со следователем ушли в дом. Алиса осталась в саду. Ей не хотелось возвращаться в разоренный, испоганенный дом.

Сад был уже не так пустынен, как утром. Эксперты и сыщики деловито шныряли по дорожкам, рылись в ворохах листьев, ползали между грядок, искали микроследы на дорожках... Куда бы Алиса ни ступила, ей говорили, шептали, ворчали, приказывали:

— Девочка, отойди, девочка, ты мешаешь, девочка, не наступи на вещественное доказательство! Девочка, что ты тут делаешь? Девочка, неужели тебе не сказали, что детям сюда вход воспрещен?

Алиса послушно отступала, отпрыгивала, отходила, она понимала, что специалисты заняты делом, а она и в самом деле может нечаянно наступить на пылинку, оставленную преступником, или, что еще хуже, принести лишнюю пылинку на своей подошве.

Несмотря на подавленное настроение, Алиса смогла сделать важное наблюдение: сад, лишенный помощи генератора добра, на глазах погибал. Манговые деревья и финиковые пальмы, испугавшись холода, поспешили сбросить листья, виноград и сливы, тронутые ночным морозом, катились по дорожке, гулко падали апельсины, стайкой поднялись бабочки и полетели к озеру — видно, надеялись укрыться в густых тростниках. Но если муравьи могут зарыться в землю, змеи — спрятаться в норы, бабочки и птицы — улететь, то растения лишены этой возможности. Они умирают там, где живут, им не положен заграничный паспорт.

Порыв холодного ветра принес с собой заряд мокрого снега. Стало сумрачно, словно вечером.

Алиса поняла, что ей вовсе не хочется стоять здесь и мерзнуть.

Пришлось пройти в дом. Там горел свет — сыщики обследовали помещения и снимали их с разных точек.

— Не спешите, — услышала Алиса голос Лян Фуканя, — сосредоточьтесь. Вы бывали в этом доме много раз. Неужели вы не помните, чего не хватает? Были у профессора деньги?

— Зачем ему деньги? — послышался голос Ичунь. — Если ему что-нибудь было нужно, все сразу присылали из города Урумчи. Но профессор был очень скромным человеком, он старался ни у кого ничего не просить. К тому же он был вегетарианцем и мог обходиться плодами собственного сада. Мы с Фатимой привозили ему лишь рис, вермишель и соевое масло. Нет, деньги профессору были не нужны.

— Но посмотрите, — настаивал следователь. — Здесь стояли очень дорогие приборы и компьютеры. Откуда они?

Алиса осторожно вошла в гостиную и остановилась у двери, слушая разговор.

— Станный вопрос, господин Лян Фукань, — удивилась студентка. — Ведь профессору достаточно было мигнуть глазом, чтобы ему прислали любой прибор китайского, да и не только китайского производства.

Комиссар Милодар статуей командора возвышался в углу комнаты. Он вертел головой, но не двигался с места. Дальше, за открытой дверью в спальню, была видна Кора Орват, которая вместе с уйгурским экспертом рассматривала веревки, которыми ученого привязывали к стулу. Второй эксперт брал для анализа щепки, испачканные кровью.

— Была ли у профессора какая-то особо ценная вещь? — продолжал спрашивать маленький кругленький следователь толстенькую робкую Ичунь. — Подумайте. Может быть, он показывал ее?

Алиса подумала, что они похожи, как дочь и отец.

— Профессор не любил вещей, — ответила студентка. — Он говорил нам, что забрался в сердце пустыни не для того, чтобы брать с собой в изгнание красивые вещи. Пускай, говорил он, они проживут дома, в Шанхае, и доставят удовольствие многим людям.

— И все же, — сказал из угла комиссар Милодар, — они что-то искали. Я бы даже сказал, что какая-то вещь их интересовала больше, чем сам профессор. И если уважаемый

следователь Лян Фукань позволит, я бы предположил, что у профессора выпытывали, где спрятана эта вещь.

— Значит, они убили профессора? — испугалась Ичунь.

— Не знаю, — ответил Милодар, — надеюсь, что его увезли с собой. Им нужны знания, им нужна информация, которая спрятана в голове профессора. Но если им была нужна только та информация, зачем переворачивать все вверх дном?

Ичунь только развела руками.

Лишь во второй половине дня следователи закончили осмотр сада профессора. К сожалению, ничего достойного внимания они не нашли. Если преступники и оставили следы, то на территории оазиса их затоптали, а снаружи их сдуло ветром и смыло дождем.

Так как погода стояла отвратительная — моросил холодный дождь, — никому не хотелось дольше оставаться в оазисе. И когда Лян Фукань с экспертами улетел в Урумчи, за ними последовал и комиссар Милодар с помощницами.

В гостинице Урумчи, в комнате Кору Орват, Милодар попрощался со своим агентом.

— Желаю удачи, — сказал он.

— Спасибо.

— Я буду тебя постоянно контролировать, — сказал комиссар, — так что не надейся, что сможешь отдохнуть или смотреть видео.

— Я и не надеюсь. Я постараюсь вообще не спать.

Милодар обернулся к Алисе.

— Наверное, твои родители беспокоятся? — строго спросил он.

— Я звонила маме из Урумчи, — ответила Алиса. — Мама не беспокоится. Она привыкла.

— Жаль, — вздохнул комиссар. — Но, надеюсь, ты сегодня улетишь?

Алиса взглянула на Кору Орват. Неужели она не поддержит ее?

Кора Орват молчала, обернувшись к окну.

— Я полечу завтра, — сказала Алиса. — На лайнере.

Уже вечерело, и последний в тот день лайнер круто взмыл с летного поля, которое начиналось сразу за гостиницей. Если захочешь, из окна можно наблюдать за взлетом и посадкой кораблей.

— Ну что ж, мои дорогие, мне пора лететь. Сегодня надо успеть переделать еще целый воз работы, — сказал комиссар.

С этими словами Милодар помахал девушкам изящной рукой и медленно растворился в воздухе.

— Значит, он был не он? — спросила Алиса.

— Как всегда, — ответила Кора. — Это его голограмма. Комиссар не любит появляться на людях самолично. Из-за этого бывает много смешных случаев.

— А отличить нельзя?

— Пока он не начнет брать в руки вещи, ты не заметишь разницы. Впрочем, можешь спросить, хочет ли он выпить чашечку кофе. Если это настоящий комиссар, он согласится, а если голограмма, то с благодарностью откажется.

— Где я буду спать? — спросила Алиса.

— А ты не раздумала остаться со мной? Дома ведь лучше.

— Нет, если можно, я останусь с вами, Кора, до тех пор, пока профессора не отыщут. Мне неловко уезжать.

— Ну хорошо, я тебя не тороплю. Сейчас закажем ужин.

Они легли спать в тот день совсем рано — ведь Кора и Алиса поднялись на рассвете, а день выдался долгим и трудным.

* * *

Гостиница, в которой провели ночь Алиса с Корой, стояла рядом с аэродромом, в ней останавливались большей частью пилоты, стюардессы и те люди, чьи дела могли срочно позвать в дорогу. Это надо знать, чтобы не удивиться встрече, которая утром следующего дня произошла неподалеку от гостиницы.

— Алисочка, — сказала Кора, стараясь перекричать шум душа. — Сбегай вниз, в аэропорту есть магазин. Купи там для нас с тобой жевательной резинки, шоколада, яблок, бананов и других нужных в путешествии продуктов. Возможно, нам с тобой придется провести в пустыне несколько часов, а то и сутки. Продуктов у профессора в доме нет, а на сад рассчитывать не приходится. Он уже засыхает. Деньги у меня в сумке.

— Правильно, — согласилась Алиса. — Многие экспедиции срывались и гибли, потому что путешественники брали слишком мало продуктов. Так случилось с экспедицией капитана Скотта.

— Прости, — откликнулась из душа Кора, — я провела лучшие годы в детском доме. Там про Скотта не проходили. Ты мне потом о нем расскажешь.

Алиса спустилась вниз, перебежала площадь, где располагалась стоянка флаеров и наземных экипажей, а также велосипедов. В Урумчи живет немало пенсионеров, которые селятся здесь из-за чудесного горного воздуха и сухого климата. Они борются за чистоту окружающей среды и отказываются ездить на машинах или летать во флаерах. Они используют для поездок велосипеда или бегают с рюкзаками.

За стоянкой располагалось длинное здание аэропорта. Алиса увидела вывеску магазина и побежала туда. В магазине она провела полчаса и выбралась наружу, толкая перед собой тележку, наполненную фруктами и сладостями: ведь если тебе доверили снабжение экспедиции, на тебя ложится тяжкая ответственность. А вдруг Кора погибнет, если в резерве не окажется молочного шоколада? А что, если придется весь день провести без пепси-колы? Так что Алиса предпочла взять больше, чем недобрать. Экспедиция должна выжить.

Алиса вышла из магазина как раз в тот момент, когда к зданию вокзала на стоянку мягко опустился большой туристический летающий автобус. Из него спускались один за другим туристы, обвешанные своим скарбом, а некоторые — трофеями. К своему удивлению, Алиса узнала среди них вчерашних попутчиков. «Ой, — удивилась она, — эти отважные Магелланы провели в пустыне и на озере Лоб-Нор всего два дня! Ничего себе, смелые ребята!»

Тут из дверей автобуса показался господин Кнут Торнсенсен. Он тащил за собой байдарку, которая казалась бесконечной, а Алиса стояла как зачарованная, глядя на это зрелище. Из салона автобуса были слышны возмущенные голоса задержанных этой выгрузкой туристов. Торнсенсен отбросил рюкзак и тащил байдарку, лицо его стало вишневым, и Алиса испугалась, что он сейчас лопнет. Но обошлось. Из последних сил сингапурский норвежец все же вытащил из автобуса свое сокровище, и байдарка вылетела наружу, как пробка из шампанского, а за ней, потеряв равновесие, выскочила и мадам

Торнсенсен, потерявшая парик. Толстенная мадам, разумеется, не удержала равновесия и растянулась на мостовой. С грохотом покатились во все стороны кастрюли, миски, соковыжималки и прочие хозяйственные принадлежности, которые, как выяснилось, мадам брала с собой в пустыню.

К счастью, находившиеся поблизости пассажиры успели подхватить мадам Торнсенсен и с трудом поставить ее на ноги, а Кнут Торнсенсен, задержавшийся из-за оплошности жены посреди стоянки, закричал на нее, держа байдарку за нос:

— Ну давай же! Скорее! Сколько можно тебя ждать? Ты опять копаешься!

Мадам поднялась и начала исследовать оцарапанную коленку, для чего ей пришлось наклониться, а сделать это при ее комплекции нелегко. Тут из автобуса выскочила Ма Ми с большим рюкзаком за плечами и вытянула за собой чехол с удочками. Она хотела помочь мадам Торнсенсен и склонилась к ее коленке, но мадам не стала ждать. Под грозным взглядом супруга она заковыляла к корме байдарки, с трудом приподняла ее и, хромя, побрела за мужем. Ма Ми пришлось собирать посуду и рассыпанные по земле предметы.

Алиса подкатила коляску к Ма Ми и хотела помочь ей.

— Ах! — воскликнула та испуганно, когда тень Алисы упала на нее. — Что ты здесь делаешь, Алиса? Ты меня выслеживала?

— Я хотела тебе помочь, — сказала Алиса, но так как она держала за ручку коляску, полную продуктов для путешествия, и не сообразила отпустить ее, то помочь Ма Ми она не могла.

— Спасибо, мне не надо помощи! — сказала Ма Ми.

— Ты меня боишься? — спросила Алиса.

— Зачем мне тебя бояться? — удивилась Ма Ми, ползая по земле и кидая в мешок кастрюли, терки, сковородки, кофеварки и чашки.

— А почему вы возвращаетесь? — спросила Алиса. — Холодно?

— Ужасная погода! — воскликнула Ма Ми. — Папа заболел бронхитом.

Алиса отпустила тележку и стала помогать Ма Ми. Вдвоем они за три минуты собрали все вещи в мешок, Ма Ми взвалила его на спину, а Алиса взяла тяжелый чехол с удочками, положила его поперек тележки с продуктами и покатила следом за Ма Ми.

— Тебе понравилось на озере Лоб-Нор? — спросила Алиса.

— Ты не представляешь, как там ужасно! — откликнулась Ма Ми. — Ночью пошел снег, а потом на озере была буря, у мамы начался страшный насморк, два туриста чуть не утонули, папа Кнут раскашлялся, из пустыни летели тучи песка... Мы еле успели выбраться оттуда живыми.

— Девочка права! — воскликнул шедший сзади тучный турист в меховой шубе до земли. — Это просто чудо, что мы остались в живых. Но больше всех рисковал отец этой девочки. Он пытался рыбачить на озере. Он мог утонуть в своей байдарке.

— Да, именно так, — согласилась Ма Ми. — Я была с ним!

Они вошли в высокий зал аэровокзала. Кнут Торнсенсен и его жена стояли посреди зала, соединенные длинной байдаркой: Кнут держал ее спереди, а его жена — сзади.

Кнут увидел дочь.

— Ма Ми, ты сведешь маму с ума! — крикнул он. — Сейчас же сюда! Не задерживайся, мы опоздаем на лайнер!

— Спасибо, Алиса, за помощь, — сказала Ма Ми. — Надеюсь, что мы еще увидимся.

Она схватила чехол с удочками и, с трудом волоча мешок, рюкзак и чехол, побежала к

приемным родителям.

Алиса осталась в растерянности, она даже попрощаться толком не успела. Хотя Ма Ми ей, честно говоря, очень понравилась. Она хотела бы с ней дружить.

— Счастливо! — крикнула она вслед девушке.

Но та не обернулась. Наверно, и не услышала, потому что Кнут Торнсенсен выговаривал за что-то приемной дочке, а она, как побитая собачонка, семенила рядом с этой нелепой байдаркой, похожей на гигантский коричневый банан.

Так эта семейка и исчезла в дверях, ведущих к летному полю.

Когда Алиса возвратилась к Коре, та была поражена количеством продовольствия, которое следовало взять с собой экспедиции.

— Не бойся, — сказала Алиса. — Не забудь, что нам с тобой еще надо позавтракать.

— Твое счастье, — сказала Кора, — что у меня тоже хороший аппетит. Иначе я тебя оставила бы в пустыне, пока не перемелешь все эти запасы.

— А что поделаешь? — вздохнула Алиса. — Я ведь расту.

Перед вылетом Кора позвонила следователю Лян Фуканю и сказала ему, что она вылетает в оазис профессора Лу Фу, чтобы еще раз не спеша осмотреть дом без свидетелей и специалистов.

— Я вас понимаю, коллега, — согласился следователь. — Надеюсь, что вы не забудете сообщить мне, если отыщете что-нибудь интересное, пропущенное невнимательными глазами моих сотрудников.

— Обязательно, уважаемый следователь, — сказала Кора. — Хотя вряд ли ваши сотрудники что-нибудь упустили.

— Он обиделся? — спросила Алиса, когда Кора прекратила связь.

— Не совсем так, — ответила Кора. — Следователь Лян Фукань — профессионал. Он хотел бы сам распутать это дело и найти профессора. Но он понимает, что похищение профессора, скорее всего, международное преступление и корни его могут находиться далеко от Урумчи. Конечно, ему немного обидно, что дело передали такой... такой девчонке, как я... Лучше расскажи мне, что ты видела, пока ходила в магазин. А то тебя не было так долго, что можно подумать, будто ты встретила друзей.

Пока они загружались во флаер, переданный им следователем, Алиса рассказала о встрече с Торнсенсенами, которые бежали с озера Лоб-Нор, испугавшись снега и ветра. Она смешно изображала туристов, показывая, как семья норвежцев тянула байдарку.

Кора слушала Алису не перебивая.

Флаер был уже высоко в небе, когда Алиса наконец закончила свой рассказ и Кора спросила:

— А девочка Ма Ми старше тебя?

— Ей лет пятнадцать.

— А родители ее в самом деле норвежцы?

— Они живут в Сингапуре.

— А что делает этот господин... Торн...

— Торнсенсен. У него магазин детских игрушек.

— Очень любопытно. И при том он — рыболов?

— Да. Так мне Ма Ми сказала. Он даже пытался рыбачить под снегом на озере Лоб-Нор.

Флаер летел высоко над пустыней на автопилоте, впереди уже показалась зеленая точка

оазиса.

Алиса выглянула в окошко.

— Тебе не кажется, что листва пожелтела? Даже отсюда видно, — сказала она.

Кора в ответ только кивнула. Она о чем-то напряженно думала.

Алиса принялась разглядывать быстро приближающийся оазис.

Теперь она уже не сомневалась. За сутки, что прошли с их вчерашнего визита сюда, на оазис как будто накатила осень.

Даже Кора, хоть и думала о другом, удивилась, когда флаер опустился перед воротами, теперь наглухо закрытыми. Над забором поднимались кусты и деревья, состарившиеся за ночь, пожелтевшие, побуревшие. Все апельсины уже осыпались, порыв ветра принес охапку бурых листьев...

— Это ужасно! — воскликнула Алиса. — Словав излучатель доброты, они загубили столько невинных растений.

Алиса хотела было вылезти из флаера, но тут увидела, что Кора набрала на пульте номер и спросила:

— Следователь Лян Фукань может подойти?

— Его нет в управлении, — ответил женский голос.

— Можно мне выйти с ним на связь?

— Следователь просил его не беспокоить.

— У меня срочное дело, связанное с исчезновением профессора Лу Фу. Я Кора Орват.

— Подождите минутку, я попытаюсь его вызвать, — сказала женщина.

Через несколько секунд Алиса услышала голос следователя.

— Простите, коллега, — сказал он. — Я сейчас в бассейне. Надо поддерживать себя в форме.

— Простите, что я вас отрываю от занятий, — сказала Кора, — но у меня дело большой важности.

— Говорите, коллега Орват.

— Скажите, пожалуйста, проверяли ли вы туристов, которые ночевали позавчера на озере Лоб-Нор неподалеку от оазиса профессора?

— Разумеется, коллега, — ответил следователь. — Мы проверили обе группы туристов, которые ночевали на озере Лоб-Нор. Никто не покидал лагерь, но за сутки они так продрогли и промокли, что в полном составе помчались по домам.

— Вы совершенно уверены?

— У меня нет никаких сомнений. — В голосе следователя звучало недовольство недоверием Кору.

— Знаете ли вы, — спросила Кора, — что у семьи Торнсенсен была большая байдарка?

— Разумеется, — ответил следователь. — Торнсенсен — заядлый рыболов. Мы даже связались с Сингапуром и выяснили, что это чистая правда. Отпуск он проводит в своей любимой байдарке.

— Заглядывал ли кто-нибудь в его байдарку? — спросила Кора.

— Почему мы должны подозревать уважаемого человека, хорошо известного в кругах торговцев детскими игрушками? За него могут поручиться сотни людей.

Алиса подумала, что они испортили Лян Фуканю купание. Ни один следователь не любит, если намекают на то, что он что-то упустил или не заметил.

— И все-таки я очень прошу вас дать сигнал в Ташкент, чтобы там под любым

предлогом заглянули внутрь байдарки, — попросила Кора.

— Зачем? — спросил следователь. — Может, вы подозреваете, что там спрятан труп профессора Лу Фу?

— Чтобы выяснить, нет ли в байдарке скоростного двигателя, который позволил бы ей за ночь долететь от озера Лоб-Нор до оазиса профессора Лу Фу.

— Хорошо, хорошо, — сказал Лян Фукань. Каково ему было подчиняться этой самоуверенной девчонке из ИнтерГпола!

Рассерженный следователь отключил связь.

— Нехорошо получилось, — произнесла Кора. — Нам же вместе работать, а он, кажется, мною недоволен.

— Я с ним согласна, — сказала Алиса. — Мой опыт общения с людьми показывает, что эта семья — не преступники. Я разговаривала с Ма Ми. Она нормальная, хоть и не очень счастливая девочка.

— И все равно, — упрямо сказала Кора. — Если есть хоть маленькое подозрение, его надо развеять. Ведь ты же не знаешь, куда делся профессор. И я не знаю. Но неразрешимых тайн не бывает. Кто-то, хотя бы похититель или убийца, знает, что случилось. И если мы его выследим, то и сами все узнаем.

Они вошли в сад. Сад словно проснулся, удивился тому, в какой суровой, зимней, неприветливой пустыне он расцвел. И постарался соответствовать этой пустыне, как Золушка в роскошном платье и хрустальных туфельках, оказавшись на кухне, спешит все снять и спрятать, чтобы никто не догадался, какой проступок она совершила. Вот и сад стал серым, жухлым, несчастным, увядшим.

— Уж лучше бы, — сказала Алиса, пока они шли по дорожке к дому, — здесь была пустыня как пустыня. А то очень грустно.

В этот момент они услышали впереди глухой удар.

— Стой! — приказала Кора.

Она остановила Алису движением руки, а сама осторожно, как пантера, двинулась вперед.

Не успела Кора скрыться в бурных кустах, как раздался еще удар, потом еще один... Затем послышались удар потише и возглас Кору:

— Ой! Меня, кажется, убили!

Забыв об осторожности, Алиса кинулась вперед и увидела, что Кора стоит, прижавшись спиной к стволу апельсинового дерева, и прижимает ладонь к темени.

И тут еще один апельсин, сорвавшись с дерева, ударил Алису по плечу.

Стук раздавался со всех сторон, — поднявшийся ветер срывал апельсины с деревьев, и они стучали, ударяясь о твердую землю.

Перебежками, чтобы не попадать под апельсиновую бомбежку, девушки добежали до дома.

— На войне как на войне, — сказала Кора. — Хотя, честно говоря, мне приходилось бывать и в более жестоких переделках, но так близко от гибели я не была никогда.

— Правда? — удивилась Алиса. Но поняла, что Кора шутит, и рассмеялась.

— Ты не смейся, ты пощупай, видишь, какая шишка растет!

В доме стояла тишина, и, хоть окна были закрыты, пыль покрыла опрокинутые стулья, разломанный стол, перевернутый шкаф, сброшенные со стеллажей книги...

— Теперь, — сказала Кора, — мы с тобой будем искать то, не знаю что.

— Это мне нравится, — согласилась Алиса.

— Я не шучу. Я не знаю, и ты не знаешь, что мы отыщем. Но если следователи и эксперты ничего не нашли во всем доме, значит, они плохо искали. Вернее, не плохо, а стандартно. Мы должны с тобой увидеть что-то, чего они не смогли заметить. Задача тебе понятна, мой помощник?

— Да, мистер Холмс! — ответила Алиса.

— Что мы видим на этой картинке? — спросила Кора. — Мы видим дом старого профессора, разгромленный преступниками. Но неужели это просто хулиганы, которые получали удовольствие от своего хулиганства?

— Может быть, — согласилась Алиса.

— Они прилетели в самое пустынное место на Земле специально, чтобы побезобразничать. И мы с тобой в это поверим?

— Ни в коем случае, мистер Холмс! — ответила Алиса. — Они прилетели, потому что им что-то было нужно.

— Отлично! — воскликнула Кора. — Как мне приятно, что меня сопровождает такой умный доктор Ватсон. Им нужно было что-то... большое?

— Нет, небольшое.

— Почему они не попросили профессора дать им эту вещь?

— Потому что профессор не захотел им дать эту вещь. Они даже привязали его к креслу и били, но он не сдался.

— Как только мы, доктор Ватсон, догадаемся, какую вещь профессор не захотел дать преступникам, мы разгадаем загадку оазиса.

Разговаривая так, сыщики прошли во вторую комнату, которая служила профессору спальней.

Здесь тоже были видны следы погрома, но Алиса обратила внимание на то, что здесь разгромлена только половина комнаты, та, что была ближе к двери. Ковер в этой половине комнаты был вспорот и разодран, комод с бельем буквально вывернут наружу... А вот в дальней половине комнаты преступники не хулиганили. Будто устали.

— Обрати внимание, Кора, — сказала Алиса. — Они просмотрели все книги на стеллажах в гостиной, но стеллаж в дальнем углу спальни их не заинтересовал. Разве это не удивительно?

— Удивительно, — откликнулась Кора. — Но мы постараемся объяснить эту странность.

— Можно, я объясню, мистер Холмс? — воскликнула Алиса.

— Попробуйте, доктор Ватсон.

— Они нашли то, что искали!

— Замечательно! Пятерка с плюсом. А раз они не были хулиганами, а оказались вполне деловыми людьми, то они тут же перестали громить и переворачивать чужой дом, а уехали с добычей. С предметом достаточно маленького размера, чтобы его можно было спрятать на полке за книгами.

— Но я не понимаю, — сказала Алиса, — куда они дели профессора?

Кора подошла к окну, за которым снова бушевала снежная вьюга, оседая тяжелыми шапками снега на ветвях деревьев.

— Вот это меня и беспокоит больше всего, — сказала Кора. — Может быть, они не хотели, чтобы профессор рассказал о том, кто на него напал и что у него забрали. В таком

случае дела наши плохи. Ведь проще всего профессора было убить и закопать в пустыне. Его могут никогда не найти.

— Ой, какой ужас! — воскликнула Алиса.

— Но есть надежда, что профессор жив, — сказала Кора. — Это может случиться, если он им нужен.

— Но зачем им нужен старый ученый? Он же для них опасен, — сказала Алиса. — Он их знает в лицо.

— Если его далеко спрятали, то он никому ничего не сообщит...

Сказав это, Кора включила связь-экранный, прикрепленный к браслету.

— Следователь Лян Фукань! — произнесла она. — Вас вызывает агент Орват.

Маленькое лицо следователя показалось на экранчике.

— Извините, вам удалось связаться с Ташкентом? — спросила Кора.

— Да, только что, — ответил следователь.

— И что же?

— Как только лайнер приземлился в Ташкенте, часть туристов с него сошла. В том числе семья Торнсенсен. Лайнер полетел в Москву без Торнсенсенов на борту.

— Так где они? — закричала Кора.

— Где угодно, — ответил следователь. — Может быть, они поехали ловить рыбу на озеро Иссык-Куль.

— Пожалуйста, я вас очень прошу, — взмолилась Кора, которой не хотелось портить отношения со следователем, хотя у них и были разногласия, так как Лян Фукань не желал подозревать Торнсенсенов. И это можно было понять. Ведь он с самого начала не проверил их, а теперь не хотел в этом признаться. — Я вас прошу, продолжайте вызывать Ташкент. Ведь Торнсенсены не могли провалиться сквозь землю!

— Разумеется, — ответил следователь, и связь прервалась.

Над пустыней Такла-Макан поднималась буря. За окнами стемнело.

— Наверное, к утру, — сказала Кора, — ни одного листочка на деревьях не останется.

Алиса пошла на кухню и приготовила обед из запасов пищи, которые они привезли из Урумчи. Обед состоял из ананасов, бананов, мороженого и шоколадных конфет с пепси-колой. Кора заявила, что она не ела такого вкусного обеда с тех пор, как сбежала из детского дома. Но она не сказала, когда и из какого детского дома она сбежала, а Алисе было неудобно спрашивать — ведь они совсем недавно познакомились.

После обеда они перешли в спальню профессора. Именно там стоял у окна его письменный стол. Ящики были выдвинуты, но, наверное, когда грабители открыли стол, они нашли то, ради чего пришли в этот дом, и тут же прервали обыск. А следователи и эксперты, которые появились здесь с утра, документы профессора трогать не стали. Ведь никто не доказал, что профессор погиб. Может быть, он гуляет по пустыне где-то неподалеку и вот-вот вернется к себе. И он всерьез рассердится, увидев, что следователи вели себя подобно грабителям.

Но Кора — не простой следователь, а агент ИнтерГалактической полиции. Ей приказано любой ценой раскрыть тайну исчезновения профессора, потому что все, связанное с его делом, может представлять опасность для Галактики. Он ведь не простой пенсионер...

Кора попросила Алису внимательно проглядеть книги на стеллаже в спальне профессора. Каждую книгу, просмотрев, ставить на место. Если что-то покажется

странным, сразу сообщить ей.

Сама же Кора уселась за письменный стол профессора и стала по очереди проверять ящики стола. Она делала это осторожно, каждую бумажку просматривала, каждую микрокассету прослушивала и клала на прежнее место.

Алиса снимала книжки с полок, пролистывала и ставила обратно. Смотреть на старые книги было скучно. Впрочем, и кассеты и дискеты касались в основном физики и небесной механики... Следующий стеллаж был заполнен литературой по психологии, физиологии и наукам о человеке. Затем Алиса перешла к шкафу, полному дискет и альбомов о разных растениях. Алиса ничуть не удивилась, встретив в библиотеке профессора столько книг и кассет по различным наукам. Ведь профессор раньше занимался физикой и астрономией, а в последние годы разрабатывал аппарат, передающий человеческие чувства растениям. Но для того чтобы сделать такую «пушку», что еще вчера стояла на крыше дома, надо было очень многое знать и о технике, и о растениях.

Алиса чувствовала, что ничего интересного для следствия на полках она не отыщет, но раз уж она помогала настоящему агенту, и притом подруге, то она не собиралась сдаваться.

— Алиса, — окликнула ее Кора, — погляди, на каком языке это написано?

Алиса подошла к Коре. Та выложила на письменный стол целую пачку писем, написанных самым настоящим пером; к ним были приколоты конверты для космической почты.

Почта будет существовать в двадцать первом и даже в двадцать втором веке. Есть люди, которым нужны буквы и слова, которым хочется когда-нибудь достать дорогое сердцу письмо и перечитать его в тишине, лежа на диване и не включая компьютера. Всегда останутся люди, которые любят писать собственной рукой, точно так же, как это делал Лев Толстой или Леонардо да Винчи. Некоторые считают их чудаками и чуть ли не сумасшедшими, но эти люди не обижаются.

Кора передала пачку писем Алисе, а сама занялась изучением записок, дискет, лент и голограмм, лежавших в ящиках письменного стола.

«Наверное, их писал такой же древний старик, как наш профессор», — решила Алиса, беря пачку писем из рук Кору.

Она просмотрела конверты и обращения в письмах и тут же уверенно сказала:

— Это итальянский язык. Письма пришли из Болоньи.

— Ах да, конечно! — откликнулась Кора, которая, подобно Пашке Гераскину, не выносила, если обнаруживалась ее слабость или ошибка. Вот и тут, совершенно как Пашка, Кора пожала плечами и сказала: — Конечно же, это итальянский язык! А то я засомневалась — а вдруг это аргентинский. Знаешь, они ведь так похожи!

Алиса не удержалась от ехидного замечания:

— Ты, наверное, в тот день болела и пропустила урок. И никто тебе не сказал, что не существует аргентинского, колумбийского и панамского языков. Там все говорят по-испански.

— Ты права, — вдруг призналась Кора. — У меня к языкам нет никаких способностей. А когда пытались их внедрить таблетками, то меня тут же рвало, честное слово!

— С помощью таблеток язык по-настоящему не выучишь, — ответила Алиса. — Таблетка действует два-три дня и может научить только самым простым выражениям. Таблетки — это для туристов. Мой папа из-за таблетки угодил в неприятную историю.

— Расскажи!

— Мой папа работает в Московском космозо — зоопарке для космических зверей. Один раз ему надо было лететь на конференцию по охране носорогов в Бангладеш. У него была таблетка, он ее проглотил, и пока летел да читал материалы к конференции, действие таблетки кончилось. Он пошел к трибуне и вдруг сообразил, что ни слова не помнит на языке бенгали. Тогда он попросил в президиуме у какого-то профессора еще одну таблетку. Тот ему дал, и папа прочитал доклад. Ему похлопали, все в порядке, а когда он сел на место, сосед его спрашивает, — а почему он выступал на бурятском языке? Оказывается, тот тип в президиуме перепутал таблетки. Смешно?

— Смешно, — согласилась Кора, — но не похоже на правду. И раз у нас с тобой здесь нет таблеток, будь любезна, прочти эти письма.

Алиса смутилась. Ей стало неловко, что она вместо помощи рассказывает старые анекдоты. Она, конечно, не догадалась, что Кора оборвала ее только потому, что смутно представляла себе, где находится Бангладеш, так как в детском доме прогуливала уроки географии, а иногда и уроки истории. Поэтому она и не поняла, почему в Бангладеш не понимают бурятского языка.

Алиса раскрыла первое письмо. Пробежав его глазами, она принялась вслух переводить.

— «Дорогой синьор Лу Фу! — начиналось письмо. — Мой старый друг доктор Бочкин из Тюмени был у меня в гостях и рассказал, что Вы последние годы работаете над проблемами воздействия лучами доброты на растения. Когда я услышала это выражение — „лучи доброты“, — все во мне, синьор, перевернулось. Неужели Вы подошли к разгадке тайны, которая мучила меня столько лет? Неужели Вы добились осуществления мечты лучших людей всех времен? Пусть эти люди и не предполагали обратить свои усилия именно в этом направлении и потребовался весь Ваш талант, чтобы добиться цели, но я полагаю, что...»

— Хватит, — оборвала Алису Кора. — Не трать больше нашего с тобой времени. Это просто какая-то поклонница. Кстати, погляди на обратный адрес. Как ее зовут?

— Графиня Серафина Беллинетти, — прочла Алиса. — Болонья, Италия.

— Вот видишь! — сказала Кора. — Эти старые графини все как на подбор сумасшедшие. Возвращайся к книгам, а я продолжу разбираться в бумагах.

Алиса вернулась к полкам, но письма от итальянской графини оставила себе. Она тихонько уселась в уголке на стул и принялась читать их дальше. Даже трудно объяснить, почему Алиса не послушалась Кору. Может быть, ей стало жалко старую графиню, которую обвинили в том, что она сумасшедшая. Может, потому, что она никогда еще не читала писем от итальянских графинь. При других обстоятельствах она, конечно, никогда не стала бы читать чужих писем. Но сейчас было иначе: от случайного слова или адреса, от имени или от неосторожно оброненной угрозы могла зависеть судьба профессора.

Так что Алиса продолжала читать письмо:

«Первая половина моей жизни сложилась удачно. У меня было все — и муж, и ребенок, и любимый дом. Но восемь лет назад муж и сын Карло погибли во флаерной катастрофе, и я осталась одна на всем свете. Мне трудно передать глубину отчаяния, в котором я находилась. В течение года я не могла видеть других людей, я скрывалась в своем замке и молилась, чтобы скорей наступила моя смерть. Но однажды, гуляя по окрестностям, я увидела нищенку с больным

ребенком. И поняла, что есть люди, которым куда хуже, чем мне. И мне стало стыдно, что я прячусь в роскошном замке, не замечая, как страдают люди вокруг. Тогда я превратила мой замок в больницу для неизлечимо больных сирот, для тех, кто лишен разума.

Прошло уже несколько лет, как я стараюсь облегчить участь несчастных. Я приглашаю к себе в замок самых лучших специалистов и стараюсь следить за новыми открытиями в медицине — я занята с утра до вечера. И мне не так тяжело, как могло бы быть. Несчастный человек должен быть погружен в несчастья других людей — этим он лечится. Это для него лучшее лекарство.

За годы работы я пришла к выводу, что растения оказывают на душевнобольных благотворное воздействие. Если ребенок проводит ночь в саду, он лучше высыпается, чем в комнате. Если же в саду притом играет очень тихая приятная музыка, то ее воспринимают и растения и люди...»

— Кора! — заявила Алиса. — Эта графиня, хоть и сумасшедшая старуха, проводила такие же опыты, как мой друг Пашка Гераскин.

— И так же безуспешно, — откликнулась Кора, погруженная в чтение документов профессора. — А ты теряешь время понапрасну.

«...Но когда я узнала о Вашем открытии, Ваших работах, уважаемый профессор, то поняла, что Вы отыскиали новый путь, пойти по которому я не догадалась. И я подумала: может быть, Вам будет интересно испытать Ваш прибор в моей клинике. Ведь если лучи добра так благотворно воздействуют на растения, может быть, через растения они подействуют и на моих больных? Ведь в любом случае хуже не будет».

Так как Кора не обращала на нее внимания, Алиса продолжала изучать письма итальянской графини. Правда, о многом приходилось только догадываться, потому что в пачке лежали письма из Италии, но не было, конечно, ответных писем профессора. Алиса сразу догадалась, что профессор подробно ответил на первое письмо графини Беллинетти и даже сам задал ей несколько вопросов, потому что в следующем письме итальянка сообщила, сколько у нее больных, как устроена клиника, какие врачи там работают. А в третьем письме графиня написала:

«Я прошу Вас называть меня просто Серафиной, как меня называют все, даже мои пациенты. Я посылаю Вам кассеты с фильмами о моем имении и нашем саде. Надеюсь, что Вы когда-нибудь сможете к нам выбраться».

Кассет не было, но, видимо, их надо было искать среди прочих кассет и дискет, сложенных стопками возле компьютера и видеосистем.

— Алиса, ты собираешься сидеть здесь вечно? — спросила Кора. — Ты еще и десяти процентов библиотеки не осмотрела.

— Извини, Кора, — ответила Алиса. — Но у меня такое ощущение, что эта переписка очень важна. Она может нам помочь.

— Чем же? — язвительно спросила Кора. — Неужели ты подозреваешь эту старушку в том, что она украла профессора? Может, ты думаешь, что она в него влюбилась?

Алиса не стала отвечать Коре — зачем спорить, если все равно ничего не сможешь доказать.

Но ей очень нравилась эта бабушка, которая добровольно отдала жизнь уходу за больными детьми и думает, как бы им помочь. Алисе очень хотелось, чтобы профессор Лу Фу чем-нибудь ей помог. И вот в пятом или шестом письме она наткнулась на строчки, которых так ждала!

«Дорогой профессор, — писала графиня. — Разумеется, я понимала, что Ваша установка, которая работает на крыше Вашего дома, слишком дорогое и сложное устройство, чтобы его можно было размножить и прислать к нам в клинику. Но я верила, что Вы что-то придумаете. Представьте, как я обрадовалась, прочтя в Вашем последнем письме, что Вам удалось наконец изготовить карманную модель Вашего генератора. Да, конечно же, я понимаю, что его действие ограничено и он уступает стационарному излучателю. Но мне и не нужны большие масштабы. Ведь наши опыты только начинаются. Главное, что малый излучатель такой простой и дешевый! Я вижу теперь, что наступает время, когда в каждом саду, в каждом оазисе можно будет установить генераторы, и вся жизнь на Земле изменится. Нет, не хмурьтесь, мой уважаемый друг, не сердитесь. Я знаю, что Вы не считаете работу завершенной, если она не проверена тысячу раз. Но я прошу Вас прислать мне карманный генератор на несколько дней. Я обещаю, что возвращу его Вам по первому требованию. Но я думаю, что результаты испытаний в клинике важны не только для меня, но и для Вас».

Алиса подошла к Коре, которая, перевернув стол кверху ножками, исследовала его внутреннюю поверхность.

— Кора, — сказала она, — я уверена, что графиня Беллинетти может нам помочь. Я уверена, что тебе надо срочно к ней слетать.

— Почему же?

— Прочти это письмо.

Кора пробежала письмо по диагонали.

— Ничего особенного не вижу, — сказала она. — Не понимаю, какое это может иметь отношение к исчезновению профессора.

— Я тоже не знаю, — призналась Алиса. — Но я убеждена, что графиня знает что-то важное!

— Я подозреваю, — сказала Кора, — что ты, Алисочка, насмотрелась детективов и тебе кажется, что ты вот-вот станешь Шерлоком Холмсом.

— Рядом с вами, разумеется, — ответила Алиса.

Кора не сразу поняла, шутит Алиса или на самом деле так думает, поэтому отмахнулась от нее как от мухи и сказала:

— Не трать времени даром. Продолжай осматривать библиотеку.

— Кора, я очень тебя прошу, — Алиса заговорила вкрадчивым голосом, — разреши мне взять на час твой флаер и слетать в Италию.

— Одна? В Италию? Ни за что!

— Ах, как ты мне напоминаешь мою бабушку, — сказала Алиса. — Только бабушка кричит не так громко.

— Слушай, — обиделась Кора. — Я тебя взяла на расследование, хотя совсем не должна была этого делать. И вместо того чтобы меня отблагодарить, ты со мной споришь и даже стараешься меня обидеть.

— О нет, господин сыщик! — ответила Алиса. — Я вам так благодарна, что даже моим детям и внукам прикажу за вас молиться!

— Алиса!

— Двенадцать лет как Алиса! И я вернусь через час.

— Так я тебе и поверила! — сказала Кора. — За час до Италии и обратно, да еще там поговорить со старушкой, которая уже выжила из ума!

— Значит, можно взять флаер?

— Только чтобы дотемна возвратиться! Иначе я тебя сегодня же отправлю к папе и маме.

— Слушаюсь.

Алиса остановилась посреди комнаты.

— Так чего же ты ждешь? — спросила Кора. — Часы уже стучат!

— Но лучше, наверное, если ты позвонишь синьоре Беллинетти и скажешь, что я лечу к ней.

— Ага! — обрадовалась Кора. — Значит, и мы на что-то годимся!

— Годитесь, — согласилась Алиса. — Ты бы очень обиделась, если бы я стала договариваться без тебя. Это все равно как если бы доктор Ватсон договорился о поединке с доктором Мориарти, а Шерлоку не сказал ни слова.

— Ты так думаешь? — спросила Кора. — Наверное, ты права. Кстати, у тебя есть друзья среди малолетних преступников?

— Конечно, — ответила Алиса. — У меня есть два друга, Аркаша и Паша. Один из них только что вернулся из пиратского логова, потому что пираты отказываются с ним летать — так плохо он себя ведет. А Аркашу, к сожалению, выслали на Плутон. Он искусал последнего бенгальского тигра!

Кора кивнула. Больше вопросов она не задавала.

Она вышла с Алисой наружу. Сыпал снежок, деревья и трава побурели, апельсины, лежавшие в снегу, были темно-коричневыми.

Забравшись во флаер, Кора включила видеосвязь. Набрала межгород. В Болонье ей дали номер клиники госпожи Беллинетти. Подошла миловидная медсестра в синем платье, белом переднике и белой наколке. Она сказала, что госпожа директриса поехала на рынок за свежими фруктами для детей. Вернется она через полчаса. Тогда ее можно будет застать.

— Лети пониже, — сказала Кора и похлопала Алису по плечу.

Алиса забралась во флаер и резко забрала машину вверх.

Бурый, полузасыпанный снегом сад стал быстро уменьшаться.

У изгороди на снегу стояла маленькая фигурка Кору Орват. Кора махала рукой.

Флаер вошел в низкое снежное облако, его как следует трянуло, и Алиса, выправив машину, повела ее вверх, чтобы выйти из облаков.

Через пять минут облака разошлись, и на темно-синем небе загорелось белое солнце. Солнце висело над бесконечным ватным облачным слоем, и лишь далеко на горизонте из облаков поднимались могучие хребты, покрытые вечными снегами.

Глава 3. Помощница графини Серафины

Флаер обогнал время и достиг итальянского города Болоньи утром. Здесь было солнечно, редкие пушистые облака плыли по небу, как парусные корабли, бурно цвели деревья, над городом висел аромат их лепестков.

Сама Болонья оказалась большим городом, в котором по всем центральным улицам протянулись галереи, чтобы в жару горожанам не надо было ходить по солнцепеку. Недалеко от старинного собора поднимались две высокие тонкие косые башни — когда-то, в дикие времена, жители Болоньи предпочитали жить в башнях, чтобы к ним не забрались разбойники.

Пролетев над утренней Болоньей, Алиса стала снижаться над зелеными парками и садами окрестностей города. Она связалась с клиникой, и вахтер сказал ей, что наведет флаер на стоянку, которая расположена за дворцом.

Оставив флаер, Алиса быстро прошла к дому.

Было пусто, жужжали пчелы, наперебой заливались птицы, каменные плиты под ногами были усеяны белыми и розовыми лепестками яблонь и вишен.

Дворец графини был очень старым. Наверное, он был построен лет пятьсот назад. В толстых серых стенах были прорезаны высокие узкие окна, по углам крыши и в нишах стен стояли мраморные скульптуры.

На открытую веранду, от которой к стоянке вела широкая каменная лестница, вышла уже знакомая Алисе дежурная медицинская сестра.

— Госпожа Серафина ждет вас у себя в кабинете, — сказала она. — Прошу вас следовать за мной.

Алиса поднялась по лестнице и ступила в прохладу каменного зала. Пол был мраморный, сложенный из разноцветных плиток, зал окружен изящными колоннами. Здесь тоже стояли статуи. И если бы Алиса не увидела по пути нескольких медицинских сестер и не заметила колясок, в которых съезжались в столовую на завтрак больные дети, можно было бы подумать, что она попала в музей.

Но она была не в музее.

Кабинет синьоры Беллинетти представлял собой странную смесь дворцовых покоев и современного кабинета директора клиники. На резных столах красного дерева стояли компьютеры, принтер разместился на мраморном столике, различного рода пленки, кассеты, бумаги заполняли столы и полки. Но хотя кабинет принадлежал очень занятому человеку, его нельзя было назвать захлавленным или неопрятным. Просто в нем царил тот вид беспорядка, когда хозяин отлично знает, где лежит та или иная нужная ему вещь.

За столом сидела черноволосая женщина. При звуке шагов Алисы она легко поднялась с кресла, обежала стол и встретила Алису посреди кабинета.

Женщину Алиса сразу назвала про себя Дюймовочкой. Она была такой маленькой и хрупкой, что казалась девочкой, хотя, конечно же, была взрослой, наверное, не моложе Алисиной мамы. На женщине было широкое шелковое платье, шея, тонкие руки и лицо были загорелыми, смуглыми, как у рыбацки. Светлые зеленые глаза сияли так ярко, словно в них были вставлены лампочки. А волосы ее были такими буйными и густыми, что не желали подчиняться заколкам и разбегались водопадом по плечам. Алиса с первого взгляда влюбилась в эту женщину.

— Здравствуйте. Меня зовут Серафина, — сказала женщина и протянула Алисе горячую

сухую руку. — Случилось что-то ужасное? Нет, не скрывайте от меня, я привыкла к несчастьям, я выдержу!

— Вы не знали? — Почему-то Алиса была уверена, что графиня Беллинетти уже знает об исчезновении профессора.

— Когда мне сказали, что меня вызывали из пустыни Такла-Макан, я сразу отзвонила в оазис профессору Лу Фу, но связи не было. Тогда я позвонила в Урумчи, и там в институте мне сказали, что профессор исчез. Но почему-то никто не отозвался в оазисе.

— Разумеется, — согласилась Алиса. — Весь дом профессора перевернут с ног на голову, все будто растоптано стадом слонов, честное слово! А связаться с оазисом можно только из нашего флаера, а флаер стоит у ворот.

— Я ничего не понимаю. Садись, девочка...

— Алиса.

— Садись, Алиса, и расскажи мне все по порядку.

Алиса уселась в удобное кресло, графиня Серафина налила ей в бокал прохладного апельсинового сока и, не перебивая, выслушала ее рассказ. В заключение Алиса сказала:

— Я только кажусь такой молодой. У меня есть уже жизненный опыт. Сейчас я помогаю агенту ИнтерГалактической полиции, которая ведет следствие. А так как агент Кора занята изучением переписки и бумаг профессора, она попросила меня слетать к вам в Италию. Извините, но я прочла ваши письма к профессору.

— В любом другом случае я бы рассердилась на то, что вы читаете чужие письма, — сказала Серафина. — Это нехорошо.

— А вдруг в них заключается тайна профессора? А вдруг от какого-то письма может зависеть его жизнь?

Серафина кивнула.

— Сейчас я не сержусь, — сказала она. — Я понимаю вас. Что ты хотела бы узнать, девочка?

— Первый, и самый главный, вопрос у меня такой, — сказала Алиса. — Видели ли вы генератор доброты профессора Лу Фу?

— Вы имеете в виду аппарат, который стоит на крыше дома?

— Нет, я спросила о маленьком карманном излучателе.

— Я ждала этот излучатель с минуты на минуту, — ответила графиня. — Каждый день. Он мне очень нужен. И профессор обещал мне, что, как только он испытает карманный излучатель, он первым делом пришлет его сюда. И вот такое несчастье... — Графиня вздохнула. Потом сказала: — Если ты хочешь посмотреть на нашу клинику, пойдём, сейчас как раз кончается завтрак и мои пациенты пойдут гулять.

Они вышли из кабинета и попали в довольно большой, окруженный со всех сторон широкими галереями внутренний двор, лучше сказать — цветущий сад. В тени деревьев стояли детские кровати.

— Это наша летняя спальня, — сказала графиня. — Дети лучше спят и лучше себя чувствуют под некоторыми видами деревьев. Но не под всеми.

— Любое растение выделяет кислород, — сказала Алиса, — и поглощает углекислоту. Поэтому под ним полезно спать.

— И под анчаром? — улыбнулась графиня. Оказывается, она знала стихи Пушкина. — Помнишь: «Но человека человек послал к анчару властным взглядом. И он послушно в путь потек и утром возвратился с ядом...»

— Конечно, помню, — ответила Алиса. — «И умер бедный раб у ног непобедимого владыки». Только это легенда.

— Конечно, легенда, — согласилась Серафина. — Но я тщательно подбираю растения, которые лечат детей. Я помогаю им расти.

— С помощью генератора Лу Фу?

— Нет, — улыбнулась Серафина. — Я сама служу генератором. По крайней мере до тех пор, пока не получу излучателя от профессора.

— Как это?

Они шли по саду. Большинство детских кроваток стояли пустыми — видно, их владельцы ушли завтракать, но некоторые дети совсем не могли ходить. Они лежали неподвижно, но при виде Серафины улыбались, и их лица даже розовели. Графиня подходила к каждому, брала его пальцы в свои руки, согревала их и замирала, как будто задумавшись. Некоторые дети начинали говорить, другие продолжали дремать, третьи молча глядели перед собой. Алиса почувствовала, как ей тоже стало тепло и спокойно.

— Это гипноз? — прошептала она.

— Нет, Алиса, — ответила Серафина. — Это и есть лучи доброты. Оказалось, что я могу их излучать. Но я очень устаю от этих сеансов. Совершенно выматываюсь... К тому же меня хватает лишь на десять-двенадцать пациентов, а у меня их больше сорока.

— Значит, профессор не изобрел лучи доброты?

— Как же он мог изобрести то, что есть в природе, что известно любой матери, любой бабушке, даже многим детям? Но профессор догадался, какова физическая суть волн, он научился выделять их, превращать в лучи, смог сконструировать прибор, который концентрирует их. Он — великий ученый и изобретатель.

— Простите, Серафина, — сказала Алиса, — но ведь лучи профессора воздействуют только на растения. А вы говорите о больных детях.

— На растения воздействовать легче, — сказала Серафина. — Они ведь устроены проще, чем люди. Они впитывают лучи и сразу на них отзываются. С людьми эта проблема настолько сложна, что в ближайшие годы ее нельзя будет решить.

— Но почему?

— Потому что все растения устроены одинаково, а люди — по-разному. Потому что если есть лучи добра, то кто-то может отыскать лучи зла. И тогда еще неизвестно, будем ли мы благодарны науке. Даже сейчас, на этом этапе, изобретение профессора привело к беде. Скажи, Алиса, ты почему сюда прилетела?

— Потому что... профессор пропал.

— Или даже его убили. А почему?

— Наверное, из-за генератора лучей.

— Вот видишь. Профессор занимался лишь растениями, но кому-то помешал.

Они шли по саду. Серафина наклонялась к кроваткам малышей, тогда она замолкала и замирала. А Алиса замечала, что после каждой такой остановки графиня становится все бледнее и движется все медленнее. Наконец она подошла к пустому гамаку, натянутому между двух кленов, и опустилась на него.

— Мне надо чуть-чуть отдышаться, — произнесла она виноватым голосом.

Алиса сказала:

— В вашем письме вы писали профессору, что ждете, когда будет готов карманный излучатель. Скажите, пожалуйста, вы видели, как он выглядит?

— Да, — ответила графиня. — Я это знаю точно. Я могу показать тебе, Алиса, последнее письмо от профессора. Он описывает в нем портативный излучатель. Там же есть голограмма излучателя. Но почему ты спрашиваешь? Неужели излучатель пропал?

— Мы его не видели.

— А разве вы не нашли его в доме Лу Фу?

— Нет, к сожалению, его не нашли! — Алиса хлопнула себя ладошкой по лбу. — Конечно же, именно так!

— Странно, — удивилась Серафина. — Можно подумать, что ты обрадовалась пропаже аппарата.

— Это радость сыщика! — ответила Алиса. — Вашим ответом вы помогли мне разгадать важную тайну!

— Какую же? — спросила Серафина.

В саду стало жарко, графиня забрала назад пышные волосы и перевязала их шнурком.

— Понимаете, преступник искал в доме профессора какую-то небольшую, но ценную вещь. Вся передняя комната перевернута, искали за книжками, под подушками, под диваном — значит, эта вещь была небольшая. В задней комнате тоже полный разгром, но не такой, как в первой. Добравшись до письменного стола, бандит вдруг успокоился. Он не тронул ни книг, ни кассет, даже не стал залезать в ящики стола. Почему?

— Ты думаешь, что он нашел то, что искал?

— А что он мог искать?

— Неужели малый излучатель доброты?

— Вот именно! Ведь он пропал вместе с профессором.

— Но кому он мог понадобиться? — спросила Серафина.

— Вы же сами сказали мне, что такое изобретение не должно попасть в дурные руки. Дурные руки — они потому дурные, что растут из дурной головы. А дурная голова полна грязных мыслей. Мы, конечно, догадаемся, зачем генератор доброты понадобился преступникам. Но первый шаг с вашей помощью я сделала!

— Ты рассуждаешь как взрослый сыщик.

— А может быть, я и стану сыщиком. Вообще-то я стану биологом, космическим зоологом. Я буду изучать животных на других планетах. Но в отпуске я буду заниматься ловлей преступников.

— Ты готовишь себя к очень бурной жизни, — сказала Серафина.

Она поднялась из гамака, и они прошли внутрь дома, где графиня показала большую столовую, откуда сестры разводили или развозили в креслах детей. Потом они заглянули в устланную громадным мягким ковром комнату для игр и снова поднялись в кабинет графини Беллинетти.

— Теперь, — сказала Алиса голосом настоящего детектива, — нам с вами важно узнать, кому было известно о существовании портативного излучателя.

— Как же мы можем догадаться?

— Будем думать вместе, — сказала Алиса.

Дюймовочка посмотрела на Алису, склонив голову, и вдруг рассмеялась. Она заливалась смехом таким звонким и мелодичным, словно звенели сто серебряных колокольчиков. Няня в белой наколке сунула испуганно нос в кабинет, но графиня отмахнулась от нее: мол, ничего страшного!

— Почему вы смеетесь? — строго спросила Алиса, которая все еще не могла выйти из

роли великого сыщика. То-то сейчас посмотрел бы на нее Пашка Гераскин!

— Потому что ты и в самом деле почти превратилась в сыщика. И если закрыть глаза, то тебя можно перепутать с комиссаром Мегрэ или самим Эркюлем Пуаро.

Алиса смутилась. Она представила, какой смешной выглядит со стороны.

— Не красней, девочка, — сказала графиня Беллинетти, оборвав смех. — Мне очень нравится, что ты серьезно относишься к этому делу. И я понимаю, что ничего смешного в исчезновении профессора нет. Прости меня, что я так не вовремя засмеялась.

— Ой, я совсем не обижаюсь! — ответила Алиса. — Я просто не заметила, что выгляжу как воробей в орлиных перьях.

— Не расстраивайся, — сказала графиня. — Для начала я хочу тебе показать, как выглядит излучатель. А то ты увидишь его, но не обратишь внимания, потому что не догадаешься, что это такое.

Серафина вытащила из стола пластинку, сжала ее пальцами, и в воздухе возникла голограмма портативного излучателя. Он был похож на старинный электрический фонарь: трубка длиной пятнадцать сантиметров и толщиной с початок кукурузы, с раструбом на конце. На трубке были кнопки, с помощью которых можно было управлять излучением.

— Так просто? — удивилась Алиса.

— Все гениальное просто, — ответила графиня.

— А зачем профессор прислал вам голограмму?

— Мы как-то разговаривали с ним, и он показал мне, как испытывает этот прибор. И на память об испытаниях прислал мне его голограмму.

— А кто, кроме вас, знал, как выглядит прибор?

— Только Мариам, — ответила графиня.

— Вы сказали — Мариам?

— Это моя помощница. Она вне подозрений, — сказала Серафина.

— Простите, пожалуйста, — настаивала Алиса. — Можно, я с ней поговорю?

— К сожалению, Мариам две недели назад улетела домой, она готовится поступать в медицинское училище. Ведь медицина — ее призвание.

— А где живут ее родители?

— Алисочка, ты бываешь несносной! — воскликнула Серафина. — Если я тебе говорю, что Мариам — хорошая девочка, значит, она хорошая. Я чувствую это.

— Дорогая мадам Серафина, — сказала Алиса. — Ну подумайте, что получается: никто не знал, кроме вас и вашей помощницы Мариам, что профессор уже собрал экземпляр портативного излучателя. Вы ждали, когда профессор кончит испытания и пришлет вам этот излучатель...

— Он сделал бы для меня второй прибор, — сказала Серафина.

— Не важно. Я хочу только сказать, что о приборе знали вы и Мариам.

— Но, может, у профессора были еще друзья, может, он рассказал об излучателе каким-нибудь знакомым?

— Нет, — ответила Алиса. — Никто в Урумчи о приборе ничего не знал. Мы разговаривали с ученицами и помощницами профессора из тамошнего института, но они ничего не слышали о портативном приборе.

— Я знаю, что профессор был очень осторожным, — вздохнула графиня. — Он говорил мне, что боится, как бы его приборы не попали в руки плохих людей. Он даже как-то писал мне, что выбрал такое безлюдное место для жизни не потому, что ему надоели люди, а

чтобы чувствовать себя в безопасности. Ведь в пустыне ты издалека видишь путника или флаер. Вот сделаю все, закончу опыты — и передам человечеству, говорил он. Знающие люди найдут способ оградить человечество от опасностей.

— От каких? — спросила Алиса.

— Он не стал мне о них рассказывать...

Они помолчали. Из сада доносились детские голоса. Сорока залетела в комнату и попыталась схватить со стола пластинку с голограммой прибора.

— Еще тебя не хватало, Цицерон! — рассердилась графиня. — Лети на кухню и попроси, чтобы тебя покормили.

Сорока резко крикнула — явно обиделась. И вылетела из кабинета.

— Я расскажу тебе о Мариам, — сказала Серафина. — И ты сама решишь, что делать.

— Спасибо.

— Мариам нашли на шоссе среди холмов, севернее города. Она была туристкой. Из тех самостоятельных туристов, которые берут рюкзак, надевают башмаки на толстой подошве, вешают через плечо видеокамеру и топают от горы к горе, от озера к озеру. Дело было вечером, стоял туман, и водитель машины на горной дороге заметил Мариам лишь в последний момент, когда поворачивал за скалу.

Он остановил машину и, к своему ужасу, увидел, что девушка неподвижно лежит на асфальте. Водитель решил было, что он ее убил, но, к счастью, оказалось, что девушка жива, только от удара она потеряла память. Моя клиника была ближайшей от места происшествия, и девушку привезли ко мне. Вскоре она пришла в себя, и доктор поставил диагноз: контузия и шок. Он сказал, что память к девушке возвратится, а так как серьезных повреждений нет, можно полагать, что через несколько дней она встанет на ноги.

И в самом деле через три или четыре дня девушка поднялась с постели. Но она, к сожалению, ничего не помнила. Ни откуда шла, ни кто ее родители, ни где она живет. Правда, через неделю она вспомнила, что ее имя — Мариам.

По-итальянски Мариам говорила с акцентом, но трудно было понять, какой язык ее родной, потому что она, как и положено современной девушке, знала немало языков и сама не могла сказать, какой из них предпочитает.

На вид ей было лет пятнадцать; скуластая, большие черные глаза, лицо доброе, волосы прямые. Мариам очень хотела вспомнить, кто она такая, и очень расстраивалась, что не может. Но она не любила сидеть без дела, поэтому стала помогать нашим санитаркам, а потом и медсестрам. Она умела обращаться с детьми, и дети тоже ее любили, никакой работы она не чуралась и никогда не уставала. Я стала уговаривать Мариам поступать в медицинское училище и работать дальше в нашей клинике, пока к ней не вернется память.

— А профессор Лу Фу знал о вашей помощнице?

— Разумеется, — ответила Серафина. — Мариам была не только санитаркой, но и моей секретаршей. Она вела все мои дела, потому что я ненавижу писанину, но клиника — это большое хозяйство, и приходится переписываться с различными людьми. В общем, Мариам избавила меня от самой неприятной работы, за что я ей очень благодарна.

— Значит, письма профессора она читала?

— Разумеется.

— Скажите, пожалуйста, — вдруг сообразила Алиса, — а вы начали свою переписку с профессором уже при Мариам?

— Ничего подобного! Я переписывалась с профессором уже несколько месяцев.

— А кто-нибудь знал о вашей переписке?

— В этом нет никакой тайны! Я даже давала интервью журналистам о том, как стараюсь использовать доброту для лечения детей. И о том, что сотрудничаю в этом с китайским профессором Лу Фу.

— Значит, кто-то мог подослать к вам Мариам? — строго спросила Алиса.

— Как тебе не стыдно! — возмутилась графиня Серафина. — Ты бы видела, в каком состоянии была эта несчастная девушка, когда ее нашли без чувств на горной дороге. Алиса, я даже не подозревала, что среди современной молодежи встречаются такие холодные и бездушные существа.

— И что было дальше с вашей Мариам? — спросила Алиса, которая совсем не собиралась сдаваться.

— Она трудилась... она вела себя безукоризненно!

— А потом?

— Не только я полюбила ее. Ее любили пациенты, ее любили мои сотрудники. Софи! Софи, куда ты подевалась?

Дверь в кабинет приоткрылась, и вновь заглянула санитарка. Алиса догадалась, что санитарка подслушивала под дверь, и графиня об этом знала, но не удивлялась. Может быть, половина сотрудников клиники подслушивали под дверь.

— Что, синьора? — спросила санитарка.

— Софи, скажи, что ты думаешь о Мариам?

— Она заменила мне племянницу, — с готовностью заявила санитарка.

И Алисе показалось, что из-за двери послышался хор голосов, который подтверждал точку зрения санитарки Софи.

— А что думал о ней профессор Лу Фу? — спросила Алиса.

— Ты жестокий, бездушный следователь! — воскликнула Серафина. — Профессор отлично знал Мариам, любил ее, приглашал к себе. Он говорил мне, что Мариам напоминает ему его внучку, живущую в Шанхае.

— И чем же кончилась эта история?

— Она кончилась две недели назад, — сказала графиня.

— Шестнадцать дней, — поправила ее санитарка, которая осталась в кабинете.

— Да, шестнадцать дней назад, как раз через два дня после того, как я получила от профессора эту вот голограмму излучателя и мы убедились в том, что излучатель действует. Мы ждали, когда профессор закончит испытания и пришлет нам экземпляр генератора доброты. И тут к нам приехал господин Ахмет аль-Барзани. Он оказался отцом девушки.

— Сколько же она прожила у вас? — спросила Алиса.

— Сколько? — обратилась графиня к санитарке.

— Два месяца без двух дней, — донесся голос из-за двери.

— А ее папа ни разу не побеспокоился о судьбе дочери? — спросила Алиса.

— Раз вы не знаете, девочка, то не клеветайте на Мариам, — обиделась санитарка Софи — бровастая, угрюмая, широкая в плечах девушка. — Мариам всегда ходила по земле с рюкзаком, чтобы познать жизнь. Ее родители были к этому приучены. Мы тоже долго не понимали, почему они не откликались. А ее папа и мама жили в горах Ирана, в своем имении. Ее папа — известный писатель, а мама занята воспитанием восьмерых детей.

— Вот видите, — сказала Серафина, — у нас ни от кого нет тайн.

— Значит, — сказала подозрительная Алиса, — два месяца ее папа и мама, ничего не

подозревая, жили в горах... А вы давали объявления о том, что найдена девушка?

— Этим занималась полиция, — сказала санитарка.

— А когда родители приехали за ней, она их узнала?

— В этом и было чудо! — воскликнула графиня. — Ты бы видела, Алиса, каким светом озарилось ее лицо!

— О да! — раздался хор из-под двери.

— Она закричала: «Папа, мама!» — вспомнила санитарка и смахнула слезу. — Она побежала к ним вся в слезах. И они тоже рыдали!

Графиня развела изящными руками и сказала:

— Вы слышали? Это не только мое мнение, это мнение всех моих сотрудниц и сотрудников. Общее мнение!

— Она вам и адрес оставила? — спросила Алиса.

— Разумеется, — сказала Серафина. — Ей нечего скрывать. Мариам сейчас готовится поступать в медицинское училище в Багдаде.

— Нет, в Тегеране, — поправила директрису санитарка.

— Она мне сказала, — в дверях показалось краснощекое лицо еще одной санитарки, — она мне сказала, что будет поступать в медицинский колледж в Карачи.

— Вот именно! — воскликнула Серафина.

— И все же, — взмолилась Алиса, — где мне ее искать, чтобы расспросить?

— Сейчас я найду открытку, — сказала Серафина. — Она мне прислала открытку с дороги.

Серафина стала быстро разбрасывать на столе бумажки, кассеты и пленки, пока наконец не нашла то, что хотела. Она протянула открытку Алисе:

— Можете пользоваться открыткой, как пожелаете. Только прошу вас об одном: никогда не подозревайте невинных людей.

— Спасибо, — сказала Алиса и быстро проглядела текст.

«Дорогая синьора Серафина! — было написано на открытке ровными круглыми буквами. — Я пишу Вам с дороги. Под крылом самолета пролетают горы и пустыни. Скоро буду дома и тогда напишу обо всем подробно. Спасибо за заботу. Передавайте мои приветы профессору Лу Фу. Я надеюсь, что смогу его навестить в ближайшем будущем. Пускай ждет. Ваша Мариам».

— А обратный адрес? — спросила Алиса.

— Обратный адрес она пришлет мне, как только начнет учиться, — ответила Серафина.

Алиса поняла, что больше она ничего не добьется. Тем более что с каждым новым вопросом сотрудники клиники все меньше ее любили и все больше любили несчастную Мариам.

— Хоть скажите мне, как выглядят ее родители? — уже без особой надежды на успех спросила она.

— Родители как родители. Отец — высокий, могучий человек в шляпе. У него светлые глаза.

— Розовая кожа, — добавила санитарка. — Очень красивый мужчина.

— А мать — полная, молчаливая, она все время вязала и говорила только на их языке.

— На каком? — спросила Алиса.

— Наверное, это был язык урду, — сказала неуверенно Серафина, — или язык пушту. В общем, никто у нас его не знает.

Раздался продолжительный звонок.

— Простите, Алиса, — сказала Серафина с некоторым облегчением, — но нам пора начинать обход. Пациенты не могут ждать.

— Большое спасибо, — сказала Алиса. — Большое спасибо за то, что вы потратили на меня столько времени, и простите, что я была такой назойливой.

Но итальянки улыбались Алисе, никто на нее не сердился.

Серафина проводила ее до флаера.

Алиса поднялась высоко в небо и погнала машину обратно на восток. Она надеялась засветло вернуться в оазис профессора.

Глава 4. Следы ведут в Бангкок

Когда Алиса возвратилась в оазис, он произвел на нее удручающее впечатление. Она и не думала, что жизнь в нем гибнет с такой быстротой. Кора ждала ее. Она просмотрела всю корреспонденцию профессора, но не нашла ничего подозрительного. Поэтому она встретила Алису в мрачном состоянии духа.

— Где ты пропадала столько времени? — спросила она строго. — Никогда не буду больше брать в помощницы таких маленьких девочек. Тебе еще в куклы играть.

— Может быть, — не стала спорить Алиса. — Но, пожалуй, мне удалось кое-чего добиться. У меня есть подозреваемая.

— Ну наконец-то! — воскликнула Кора. — У меня нет подозреваемых, у комиссара Милодара, который только что звонил мне, нет никаких подозреваемых, а у этого милого ребенка их десятка два.

— Мою подозреваемую зовут Мариам. У меня нет ее портрета, но есть описание.

— Сколько же лет похитительнице профессора?

— По описанию — пятнадцать.

— Правильно! — воскликнула Кора. — Детективу двенадцать лет, убийце — пятнадцать! Преступность катастрофически молодеет. Ты голодна?

— Мне не до еды! — воскликнула Алиса.

— Хорошо, хорошо, только не волнуйся, коллега. Возьми бутерброд и докладывай, что тебе удалось узнать в Италии.

Алиса взяла бутерброд и сначала показала Коре подаренную Серафиной голограмму излучателя, за что Кора была ей искренне благодарна. Она заявила, что один такой трофей оправдывает всю экспедицию в Болонью. Алиса даже покраснела от похвалы.

Потом Алиса рассказала о девочке, которую нашли без сознания на дороге, и о том, как она самоотверженно работала в клинике. Затем, как только стало известно, что профессор Лу Фу уже изготовил опытный образец малого излучателя, неожиданно появились ее родители, и девочка исчезла — якобы уехала поступать в медицинское училище.

Кора внимательно выслушала Алисин рассказ и ее подозрения. Потом сказала:

— Допустим, что ты не права.

— Как так?

— Допустим, что девочка Мариам ни в чем не виновата. Что она говорила правду, что ее в самом деле сбила машина в горах и она действительно потеряла память. Конечно, в ее действиях слишком много случайностей, и мне трудно в них поверить. Но давай поверим.

— А дальше что?

— А дальше нам придется искать другого похитителя. Но этот человек обязательно должен быть очень заинтересован в том, чтобы заполучить генератор доброты. Но зачем? Кому нужно выводить растения?

— Это фермеры?

— Чепуха...

— Почему?

— Представь себе, что некий фермер решил повысить урожайность. Вот он выходит пораньше с утра на поле пшеницы и включает излучатель. Но для большого поля ему понадобится пять или десять излучателей.

— Но, может, это не фермер.

— Когда у тебя будет рабочая гипотеза, — сказала Кора, — тогда ее и выкладывай. Не раньше.

— Знаю! — сразу же воскликнула Алиса и взяла со стола второй бутерброд. — Это цветочки.

— Какие такие цветочки?

— Ты представляешь, какие плантации роз или тюльпанов можно развести зимой на острове Шпицберген или даже в Тюмени, причем за несколько дней?

— Идея интересная, — согласилась Кора, протягивая Алисе кружку с горячим чаем. — Но ты понимаешь, что через пять минут после того, как в цветочном магазине на архипелаге Шпицберген появятся зимние розы, об этом будут знать сотни людей? Нет, эта акция должна быть тайной, и результаты — тоже тайными...

— Тогда все просто, — сказала Алиса. — Надо искать среди тех сумасшедших, которые выводят новые сорта и соревнуются на всемирных выставках. Допустим, среди торговцев орхидеями...

— Успокойся, мой юный друг, — сказала Кора. — Не думай плохо о коллекционерах и генетиках, им проще позвонить профессору и попросить о помощи, как сделала твоя старушка графиня.

— Серафина — не старушка!

Кора не слушала. Она включила прямую связь со штаб-квартирой ИнтерГпола в Антарктиде. На их счастье, Милодар был на месте. Кора рассказала комиссару о визите Алисы в Италию. Милодар сначала страшно рассердился: «Еще не хватало использовать маленьких детей! Ты что, не знаешь, насколько наша работа и опасна и трудна?» Но потом сказал, что сейчас проверит историю Мариам через компьютер Всемирной автоинспекции, которая фиксирует историю всех катастроф и происшествий на дорогах Земли. И уже через пять минут комиссар вызвал оазис и сообщил:

— Данные подтвердились. Девушка, страдающая от последствий шока и контузии, потерявшая память, была найдена патрулем дорожной полиции неподалеку от города Болонья семьдесят дней назад. Описание девушки у меня имеется. Послать вам?

— Не надо, — ответила Кора. — Мы все равно ее не видели и вряд ли увидим.

— Тогда слушайте дальше. Девушка попала в детскую клинику графини Беллинетти и находилась там сначала на излечении, а потом помогала санитаркам. Две недели назад родители нашли девушку. К счастью, она их вспомнила и улетела вместе с ними домой.

— Куда? — спросила Кора.

— Вот в этом и заключается загадка, — сказал комиссар Милодар. — Компьютер проверил по моей просьбе адрес, оставленный родителями девушки. Оказалось, что улицы Справедливости в Тегеране нет и среди жителей города нет семьи Ахмета аль-Барзани. Я должен сказать, что эта информация наводит меня на некоторые размышления.

— В самом деле? — удивилась Кора.

— Да, вы должны быть мне благодарны, — сказал комиссар, — за мою своевременную помощь. Если бы не я, вам вряд ли удалось бы заподозрить эту девушку... как ее зовут?

— Комиссар, стыдно красть конфетку у ребенка, — заметила Кора.

— Ты что имеешь в виду? — спросил Милодар.

— Вы отлично знаете, что Мариам отыскала Алиса, а вы в это время играли в теннис.

— Разве? — Милодар улыбнулся наивно, как младенец. — И где же эта Мариам?

— Я ее обязательно найду, — сказала Алиса. — Я даже подозреваю где.

— Что? — взвился Милодар. — Забыла, что ты всего-навсего девочка, которой разрешили посмотреть, как работают взрослые? Так что быстренько все рассказывай и лети домой. Тебя мама заждалась.

— Разумеется, — согласилась Алиса. — Я скоро полечу. Кора обещала меня доставить прямо домой.

— Вот именно! — заявил комиссар.

Алиса посмотрела на Кору, и та все поняла.

— Комиссар, — сказала она ласковым голоском, — я очень занята сейчас. И уже темнеет. И мы с Алисочкой так устали. Может быть, вы позволите нам переночевать в Урумчи, а завтра с утра мы полетим в Москву.

— Ну ладно, ладно, — смилостивился комиссар, не заметив хитрости своего агента. — Устали — отдохните... Только чтобы с утра домой!

— Слушаюсь, — ответила Кора.

Когда Кора отключила связь, Алиса бросилась ей на шею:

— Ой, спасибо! Я тебе так благодарна.

— Тогда рассказывай, что ты задумала! Ты что, полагаешь, я по доброте тебя выгораживаю перед этим эксплуататором несчастных полицейских агентов? Ничего подобного. Я хочу, чтобы мой доктор Ватсон помогал мне, а не бросался в самостоятельные приключения.

— Я не бросаюсь в приключения. Я просто хочу поговорить со следователем Лян Фуканем.

— Зачем?

— Я хочу узнать, нашли ли туристов Торнсенсенов.

— С байдаркой?

— Вот именно, с байдаркой! — сказала Алиса.

Кора кивнула. Она не возражала.

— Я предлагаю сначала самим добраться до Урумчи, — сказала она. — Честно говоря, этот мертвый оазис действует на меня очень плохо. Мне просто плакать хочется.

Алиса согласилась с Корой. Они привели в порядок кабинет профессора, закрыли все двери и ворота, и вскоре флаер взвился над пустыней и за несколько минут донес их до сверкающего огнями большого города.

Со следователем Лян Фуканем они еще с дороги договорились о встрече. Зная, что у его коллег был трудный день, следователь предложил поужинать вместе с ним в китайском ресторане «Хай Юань», куда агенты и направились, лишь на несколько минут залетев в гостиницу, чтобы переодеться и привести себя в порядок. Причем Алиса вымыла лицо и руки, Кора, наоборот, намазала себе ресницы и губы. Алисе даже стало грустно от того, что такой хороший и смелый человек ведет себя как самая обыкновенная девица, которая хочет кого-то соблазнить. Но ведь не будет же Кора соблазнять следователя, которому лет пятьдесят! Алиса так прямо и спросила Кору об этом. Кора усмехнулась улыбкой опытной светской львицы и ответила, проведя перед Алисиным носом зелеными, модно покрашенными ногтями:

— Я совершенно не намерена кого-то покорять или соблазнить. Но настоящая дама обязана быть красивой и модной. Когда подрастешь, сама догадаешься.

— Да никогда в жизни! — воскликнула Алиса возмущенно. — Лучше я расти не буду, чем красить ногти и губы!

Так и не поняв друг дружку, агенты вошли в ресторан, поделенный на небольшие кабинки. Следователь Лян Фукань встретил их перед одной из кабинок и вежливо пригласил рассаживаться. Он сказал, что сам закажет ужин.

Принесли палочки и положили перед Алисой. «Ну все — пришла гибель моя, — поняла Алиса. — Я же никогда в жизни не ела палочками!» Но как может признаться в этом девочка, которая сражалась с космическими пиратами, бороздила космос, сидела в тюрьме на планете барсаков и чуть не попала в пасть к дракону... Лучше остаться голодной!

— Что у вас нового? — спросил следователь, после того как поговорили немного о погоде и самочувствии гостей.

— Алиса была сегодня в Болонье, — сказала Кора. — А я весь день разбирала бумаги профессора. И безрезультатно. Зато у Алисы есть некоторые успехи. Расскажи, Алиса, следователю.

Алиса начала рассказывать о своем полете в Болонью к графине Беллинетти, но тут принесли большую миску с рисом и несколько небольших блюд с различными кушаньями, совершенно непонятно какими, потому что все было порезано на куски и залито соусами.

Алиса решила, что наступило самое удобное время рассказать о своих открытиях, а заодно посмотреть, как будут пользоваться палочками Лян Фукань и Кора. Но следователь слушал Алису с вниманием и забыл о еде, а может быть, считал неприличным есть, когда его гости не едят.

Наконец не выдержала Кора.

— Давайте поужинаем сначала, — сказала она. — А то все остынет.

У Алисы замерло сердце: вот-вот она опозорится.

Но Кора неожиданно произнесла:

— Только покажите нам, как есть палочками, а то я, например, совершенно не знаю, как это делается.

Алиса чуть не подпрыгнула от радости, и вместе с Корой они стали учиться брать палочками кусочки мяса и рис так, чтобы не все падало обратно на тарелку. В конце концов они кое-как научились это делать, и тут подошедший официант вежливо сказал:

— Я принес ложки, чтобы наши гости не мучились. Ведь от еды надо получать удовольствие.

Так что Алиса сдалась и стала есть фарфоровой ложкой с короткой ручкой, а Кора не сдалась и подхватывала на лету рисовые зерна, падающие с палочек. Следователь же так орудовал палочками, словно у него в руке было пять разных ложек.

— Это очень интересно, — сказал следователь, когда ужин постепенно вошел в свое русло. — Как же вы полагаете искать эту самую Мариам?

— У меня есть одна версия, — сказала Алиса.

Следователь внимательно посмотрел на Алису и сказал:

— Разумеется, я не хочу мешать ходу вашего расследования, коллеги, но осмелюсь тоже вставить одну фразу.

— Какую?

— Когда мы сделали запрос в Ташкент, чтобы узнать, куда полетели дальше туристы Торнсенсены, мне сообщили, что они пересели на один из частных самолетов, стоявших на аэродроме. И их след простыл.

— Ой! — воскликнула Алиса. — Вы умеете читать мысли?

Кора засмеялась.

— Просто следователь Лян Фукань, — сказала она, — настоящий профессионал и умеет складывать два и два.

— Разумеется, — согласился Лян Фукань. — Более того, я опросил всех спутников Торнсенсенов по туристической группе, и у меня есть записи бесед с ними. После обеда мы пойдем ко мне в кабинет и посмотрим их.

— Лян Фукань, вы гений! — воскликнула Алиса.

— Нет ничего гениального в том, чтобы додуматься до очевидного. Но вот информация, которую Алиса добыла в Италии, нам может помочь.

— Но признайтесь, — спросила Алиса, — вы тоже догадались, что девушка Ма Ми и девушка Мариам по описаниям очень похожи?

* * *

После очень вкусного ужина, в конце которого Алиса настолько расхрабрилась, что постаралась пользоваться палочками, все пошли в кабинет следователя, который располагался в соседнем небоскребе.

— Я не буду вам показывать все мои беседы с туристами, потому что в большинстве своем они ничего не заметили и вообще думали только о своих проблемах, но вот послушайте, что нам рассказал журналист и фотограф Зденек Ольшевский, который был в той группе, но спал меньше прочих туристов, так как охотился за красивыми кадрами.

На экране возникла голова лохматого молодого человека с длинными рыжими усами. Алиса вспомнила его: он сидел через два ряда от нее в лайнере.

— Я отлично помню эту компанию, — сказал он. — Странные люди. Тащить с собой байдарку, когда зимой рыбы там не найдешь. Но каждый сходит с ума по-своему.

— В ту ночь они спали? — спросил Зденека следователь.

— Нет, не спали. Они отправились на рыбную ловлю.

— Откуда вы знаете?

— Ночью взошла луна. По небу неслись дикие облака. Мне не спалось. Я выглянул из палатки, и мне показалось, что может получиться удивительный кадр: ночная буря на озере! Я взял камеру и вылез наружу. Было холодно, скажу я вам! До сих пор уши дрожат! Не успел я сделать несколько кадров, как заметил, что тростник возле берега раскачивается и оттуда доносятся приглушенные голоса. Я испугался. Решил, что кому-то плохо или даже кто-то утонул... Я положил камеру и кинулся к тростнику. Но там я обнаружил только семейство Торнсенсен — они как раз спускали на воду байдарку.

— Все втроем? — спросил следователь.

— Кажется, их толстая мамаша осталась дома, но я не уверен. Когда я поздоровался и спросил, что заставило их отправиться в путь в такое время и в такую погоду, господин Торнсенсен буквально зарычал на меня — он упрекал меня за то, что я подглядываю и преследую честных людей. Я смутился, попросил прощения и хотел уйти, но тут девочка Ма Ми прервала своего отца и объяснила мне, что они решили порыбачить при свете луны, это особое искусство, которому ее папа научился в Гренландии.

— А что делал в это время Торнсенсен?

— Он что-то неразборчиво ворчал и не глядел на меня.

— Вы видели удочки, сети? Какие-нибудь приспособления для рыбной ловли?

— Нет.

— Может быть, было слишком темно?

— Нет, ярко светила луна, я все отлично видел.

— И все же вы не уверены, вдвоем были Торнсенсены или втроем.

— Я не заглядывал в байдарку.

— А байдарка большая?

— Она куда шире, чем обычные байдарки.

— Там могли поместиться три человека?

— Конечно.

— А четыре?

— Может быть, и четыре.

— Спасибо. Продолжайте.

— Больше мне нечего сказать. Они уселись в байдарку, затем Ма Ми попросила меня подтолкнуть лодку и сказала, что к рассвету они вернутся. Я пожелал им не замерзнуть и что-нибудь поймать.

— Они уплыли на веслах?

— Да, господин Торнсенсен греб... впрочем, я не уверен. Может, мне показалось, но через несколько минут я услышал некий шум... как будто заработал мотор.

— Снаружи этого мотора не было видно?

— Не было. Снаружи это была самая обыкновенная байдарка.

Кора, которая внимательно смотрела беседу следователя с туристом, заметила:

— Это очень важная деталь. Если бы они поплыли на веслах, то им ни за что не добраться бы до оазиса за ночь.

— А когда байдарка возвратилась с ночной ловли, вы не заметили? — спросил на экране следователь у Зденека.

— Я уже спал, — ответил поляк. — Но услышал голоса. Они пробирались сквозь тростник и вытаскивали байдарку.

— Сколько было времени?

— Я не знаю точно, но уже светало.

— Вы не выглянули из палатки?

— Нет, мне хотелось спать.

— И вы не слышали, о чем они говорили?

— Они старались не шуметь.

Следователь включил свет. Экран погас.

— Эта байдарка могла быть переоборудована во флаер — современная техника это допускает, — сказал он.

— Они успели побывать в оазисе и вернуться той же ночью в лагерь туристов на Лоб-Нор, — закончила Кора.

Следователь завершил свой рассказ так:

— Я поговорил со всеми туристами, которых удалось отыскать. К сожалению, все остальные спали и не слышали, что происходило. Но любопытную деталь мне рассказал проводник. Оказывается, утром разболелась жена Торнсенсена, она простудилась. Так что Торнсенсены и были первыми из туристов, которые решили немедленно возвратиться в Урумчи, ссылаясь на жуткий климат и холод. За ними последовали остальные, никому не понравилось на озере. А те, кто хотел остаться, не решились этого сделать, когда основная

часть группы улетела.

— Знаете, что я думаю... — сказала Алиса.

— Знаем, — откликнулась Кора. — И если ты не веришь, то я могу написать твою версию на листке бумаги, а когда ты ее расскажешь, мы прочтем мою. Если она совпадает с твоей версией, ты мне будешь должна... ну что? Любое желание, хорошо?

— Не надо писать, — сказал вежливый следователь Лян Фукань. — Я уверен, что Алиса — честная девочка и она не будет спорить...

— Так что же я думаю? — спросила Алиса.

— Ты думаешь, что профессора увезли в байдарке. Недаром они не желали ее складывать, а терпели все неудобства, только бы втащить ее в лайнер.

— Да, — призналась Алиса. — Так я и подумала. Хорошо, что мы не поспорили.

— Жалко, что я не выиграла желаний, — улыбнулась Кора.

— Ты не обижайся, Алиса, — сказал следователь, — но твоя догадка лежала на поверхности.

— А раз так, — сказала Алиса, — почему же вы не задержали Торнсенсенов на аэродроме?

— Потому что мы опоздали объявить розыск. Мы догадались только после того, как Зденек рассказал о ночной рыбной ловле, а Алиса — о девочке Мариам из болонской клиники. Кстати, я не удивлюсь...

— Вы не удивитесь, если Мариам и Ма Ми — одна и та же девушка! — поспешила сказать Алиса, чтобы оставить за собой последнее слово, и ее взрослые коллеги согласно закивали, хотя потом следователь Лян Фукань сказал:

— Возможно, это и не так. Каждому из нас хочется принимать желаемое за действительное.

Алиса согласилась со следователем, хотя ей было приятно сознавать, что на нее уже никто не кричит и ее не посылают в детский сад пить кефир и ложиться в кроватку, чтобы не пугалась у взрослых под ногами.

— Если у нас есть рабочая гипотеза, — в тишине кабинета произнесла Кора, — то теперь надо подумать, где бы отыскать эту семейку. Ведь найти ее легче, чем излучатель.

— И что вы намерены делать, коллега? — спросил Лян Фукань.

— С утра я улетаю в Ташкент. Я собираюсь проследить, на какой самолет или флаер перегрузили свою байдарку Торнсенсены. Ташкент — оживленное место, там масса народу, кто-то должен был их заметить...

— Хорошо, — согласился следователь. — Мы же завтра продолжим поиски в пустыне вокруг оазиса. Нельзя исключать вероятность, что эти люди убили профессора. Тогда они могли спрятать его тело в песках. Завтра из Пекина привезут мощный биоискатель.

— А я? — спросила Алиса. — Что я буду делать?

— Может, тебе лучше вернуться домой? — сказала Кора. — Ты уже достаточно напутешествовалась. Спасибо тебе за помощь.

— Ничего подобного, — ответила Алиса. — Я недавно разговаривала с Москвой. Мама не возражает, если я еще немного поброжу по пустыне. В молодости моя мама здесь путешествовала и полюбила эти края. Она даже открыла здесь лошадь Пржевальского.

— Что? — сказал следователь. — Какую лошадь?

— Не может быть! — воскликнула Кора.

Алисиной шутки они оба не поняли. Наверное, ни Кора, ни Лян Фукань не знали о

знаменитом путешественнике XIX века, который открыл в этих местах дикую лошадь, названную его именем. Лян Фукань не знал о лошади Пржевальского, потому что по-китайски она называется иначе, а Кора, как всегда, проболела урок, на котором об этом путешественнике и о его лошади рассказывали.

Вскоре все члены следственной группы разошлись по своим квартирам. То есть Лян Фукань пошел к себе домой, Кора — в гостиницу, а Алиса отправилась ночевать к толстушке Ичунь, которая ждала ее, чтобы выслушать новости о поисках профессора.

Алиса была уверена, что никто не заставит ее улететь домой к маме в самый разгар расследования. В крайнем случае она продолжит поиски сама.

* * *

Алисе не удалось выспаться, потому что она просидела с Ичунь и Фатимой до трех часов ночи, обсуждая последние события и пытаясь найти путь к раскрытию тайны. Но, к сожалению, ничего не придумали, кроме того, что надо отыскать Ма Ми.

Рано утром Алиса уже была на ногах и поспешила в гостиницу к Коре, чтобы застать ее и вместе слетать в Ташкент. Но Алиса опоздала. Когда она вбежала в холл гостиницы и спросила у портье, у себя ли госпожа Орват из номера 213, тот ответил, что госпожа Орват полчаса назад улетела куда-то на скоростном фляере и не сказала, когда вернется. А несколько минут назад звонил следователь Лян Фукань и просил передать Алисе Селезневой из Москвы, что, если она придет, пускай тут же свяжется с ним, а то он улетит в пустыню и не успеет передать ей билет на лайнер, летящий прямым рейсом в Москву.

Алиса поблагодарила портье, но решила, что звонить следователю не будет. Она уже выходила из гостиницы, когда услышала звонок международного видео. Подумав, что звонок может относиться к ней, Алиса остановилась. Портье включил экран. На экране появилось знакомое лицо комиссара Милодара.

— Немедленно соедините меня с Корой Орват из номера двести тринадцать!

— Простите, — ответил портье, — но Кора Орват из двести тринадцатого недавно улетела.

Алиса дернула его за рукав. Тот поглядел вниз и, догадавшись, закончил фразу следующим образом:

— Но рядом со мной стоит девочка, которая вчера весь день провела с госпожой Корой Орват.

С экрана Милодар взглянул на Алису.

— Как хорошо, что я тебя застал! — сказал он. — Ты знаешь, где Кора?

— Да, она в Ташкенте, ищет следы Торнсенсенов.

— Правильно, — сказал комиссар. — Я кое-что для нее выяснил. Когда ты ее увидишь, передай ей.

— Говорите, комиссар, — сказала Алиса.

— Мы обратились в Сингапур с просьбой сообщить, живет ли в городе торговец детскими игрушками по фамилии Торнсенсен. Честно говоря, мы не ждали положительного ответа. Но, оказывается, в Сингапуре есть магазин детских игрушек Кнута Торнсенсена, который называется «Бэмби». Мы запросили тогда фотографию норвежца и сведения о том, когда его видели в последний раз. И вчера ночью я получил фотографию Торнсенсена. На

фотографии был изображен совершенно другой человек! Туристы и проводник группы не узнали в нем нашего рыболова Торнсенсена. Тогда мы проследили по билетам, откуда прилетел в Урумчи этот самый Кнут Торнсенсен со своим подозрительным семейством. Нам ответили — из Сингапура. Значит, они все продумали! Но вряд ли подозреваемый нами Торнсенсен живет где-нибудь в Исландии. Ведь недаром он назвался сингапурцем, недаром он подробно рассказывал о магазине детских игрушек, которым он якобы владеет. Да и Ма Ми похожа на китайнку. И я попросил моих коллег в Сингапуре: попробуйте найти какие-нибудь следы высокого краснолицего человека с желтыми волосами, плохими зубами и светло-голубыми глазами. И ты можешь себе представить...

Тут Милодар сделал паузу, а Алиса сказала, опередив его:

— Они нашли следы такого человека в Сингапуре.

— Вот именно! Это Нильс Ларсен, бывший телохранитель раджи Перака, который убежал от раджи, связавшись с торговцами наркотиками и ограбив дворец султана.

— Простите, комиссар, — спросила Алиса, — а Перак — это близко от Сингапура?

— Ах, как вас плохо учат! — ужаснулся Милодар. — Мне придется всерьез поговорить с твоим учителем географии. Перак — это султанат в Малайзии. Там еще сохранились султаны, чтобы было кому жить во дворце.

— А где этот Торнсенсен сейчас? — спросила Алиса.

— Он нам забыл доложить! — ответил Милодар. — Но ему все равно от нас не скрыться. Как только увидишь Кору, расскажи ей все это. А я пока продолжу поиски Торнсенсена.

Алиса смотрела на погасший экран. Какая-то мысль тревожила ее. Мысль о том, кому может пригодиться излучатель доброты. Для каких целей?

Алиса вышла на улицу и уселась на лавочку в садике у гостиницы. Ветер налетал с гор, срывал брызги с фонтана, и ледяные иголки кололи щеки Алисы. Алиса набрала на браслете код Кору, но та не отозвалась — видно, не подключила свой браслет к космической связи. Алиса подумала, что, если бы Кора была сейчас рядом, она бы ей сказала: «Мы с тобой размышляли, кому и зачем настолько может понадобиться излучатель, чтобы ради него пойти на преступление, если не садоводам или фермерам. Допустим, что Торнсенсен увез излучатель в Юго-Восточную Азию. Если не в сам Сингапур, то куда-то поблизости. А поблизости расположен так называемый Золотой Треугольник... Конечно же, Золотой Треугольник!»

Алиса даже вскочила со скамейки. Как жаль, что Кору нет рядом.

Но можно позвонить следователю.

Алиса хотела было набрать его номер, но сдержалась. Ведь сегодня воскресенье, следователь отдыхает в кругу семьи. Будет ли он доволен, если московская девочка начнет задавать ему глупые вопросы в выходной день?

Поэтому Алиса отправилась прогуляться по дорожке сада, окружавшего гостиницу. Она шагала, заложив руки за спину и чуть шевеля губами. Взор ее был обращен к земле — она была похожа на великого ученого Ньютона, который ждал, когда же наконец упадет с дерева это проклятое яблоко, чтобы можно было открыть закон всемирного тяготения!

Кто самые злые и бессовестные преступники в Галактике? Торговцы наркотиками! Уже больше ста лет полиция всего мира борется с этой напастью, но пока есть наркоманы, нам никуда не скрыться от торговцев наркотиками. И стоит нам уничтожить плантации опиумного мака или кокаина, как цены на наркотики поднимаются, но число наркоманов не

уменьшается. Только медики научатся бороться с каким-нибудь наркотиком и вылечивать от него людей, как торговцы изобретают другие вещества, с которыми справиться пока невозможно...

«Знаю, что надо делать!» — мысленно произнесла Алиса и побежала в городскую библиотеку, где попросила в читальне подборку сообщений, касающихся наркотиков. Она знала, что надо искать: существует ли какой-нибудь новый наркотик, с которым еще не научились бороться, но у которого есть особенности: он медленно растет или редко встречается.

За окном библиотеки стемнело, облака спустились к самой земле, редкие туристы попрятались в теплых отелях или дискотеках, за горами бушевала весенняя пурга...

В наушниках звучали тексты вырезок из газет.

«Особую опасность сегодня представляет корионг, — говорил голос диктора, — всего три года назад его привезли на Землю с планеты того же названия, и он превратился в угрозу номер один...

Один грамм вещества, которое получают, выпаривая корни корионга, заменяет по своему эффекту чуть ли не килограмм героина.

Достаточно человеку один раз проглотить таблетку корионга, как он, испытав сказочные полеты и головокружительные приключения, мечтает о том, как бы их повторить. Корионг опасен еще и тем, что его не улавливает химический контроль и не чуют собаки. Все планеты Галактики принимают отчаянные меры для того, чтобы не допустить ввоза и разведения корионга, но торговцы наркотиками ввозят его семена, которые вообще невозможно уловить приборами. Единственным относительным утешением в борьбе с этой чумой двадцать первого века остается капризность этого растения. Оно требует особых условий для выращивания и растет очень медленно. Корионг прибавляет за год не более сантиметра, и никакие стимуляторы или удобрения не могут его ускорить...»

— Вот! — воскликнула Алиса.

Библиотекарша удивленно посмотрела на нее, за соседним столиком кто-то возмущенно фыркнул.

Но Алиса уже поняла, что, конечно же, виноват во всем корионг. Ведь если заставить его расти в несколько раз быстрее, на что, наверное, и надеются торговцы наркотиками, то они получают колоссальную прибыль.

Допустим, что открыта причина преступления. Но где тогда искать профессора и его аппарат? Вернее всего, преступники используют какую-то из старых баз в Золотом Треугольнике. Уже сто лет в этих местах, где смыкаются границы нескольких государств и над непроходимыми джунглями поднимаются скалистые горы, различные службы по борьбе с наркотиками и даже армии соседних стран стараются поймать преступников. Но они скрываются в горных деревушках, строят укрепления в джунглях, прячутся в пещерах... Днем преступники выглядят обыкновенными жителями деревень — крестьянами, охотниками, ремесленниками, но стоит полицейским отвернуться, как начинают работать подпольные лаборатории и в тени могучих лесных исполинов расцветают небольшие плантации, которые не разглядишь с вертолета или флаера.

«Где же и как разводят корионг? — подумала Алиса. — Каких условий он требует?»

Она снова включила справочный компьютер, и тот рассказал ей, что корионг очень капризен. Он требует постоянной температуры в двадцать шесть градусов, определенной влажности воздуха, яркого света по крайней мере двадцать часов в сутки...

— Так, — прошептала Алиса, чтобы кого-нибудь снова не напугать, — куда же мы посадим это сокровище? Ведь это должно быть место укромное и безопасное. Причем располагаться оно должно где-то в Золотом Треугольнике...

Алиса продолжала проглядывать справочные материалы по наркотикам в Золотом Треугольнике, и терпение ее в конце концов было вознаграждено. Статья в гонконгской газете сообщала следующее:

«ТАЙНОЕ УБЕЖИЩЕ ГЕНЕРАЛА МАУН ДЖО

Очередная облава на самозваного генерала Маун Джо, короля торговцев наркотиками в Золотом Треугольнике, закончилась провалом. После короткой перестрелки с тайландскими горными стрелками бандиты генерала отступили в труднопроходимые джунгли и вскоре были со всех сторон обложены правительственными войсками. Когда же по особому сигналу отряды начали сближаться, чтобы взять бандитов в кольцо, обнаружилось, что те куда-то исчезли. Горные стрелки прочесали весь хребет Кангем и окрестные долины, на помощь им пришла даже космическая разведка, но безрезультатно. Когда же в тылу тайландцев неожиданно началась яростная стрельба, правительственным отрядам пришлось убедиться в том, что их атакует самый отчаянный из помощников генерала — норвежец Нильс Ларсен по прозвищу Белый Слон. По рассказам местных горцев, в тех местах на десятки километров протянулись обширные пещеры. Входы в эти пещеры оберегаются волшебными заговорами и клятвами, которые дают местные жители, зная, что того, кто покажет путь к пещерам, ждет неминуемая гибель. Считается, что в подземельях расположены лаборатории генерала Маун Джо, его склады и даже жилье для его сподвижников...»

У Алисы возникло желание тут же вызвать комиссара Милодара и рассказать ему о своем открытии — ведь Милодар понадеялся на центральный компьютер, а вот в обыкновенную библиотеку никого не послал... Алиса возвратила папки библиотекарше.

— Что-нибудь удалось узнать, девочка? — спросила библиотекарша.

— Спасибо, я нашла то, что искала.

— Собираешься в туристический поход в Таиланд? — спросила библиотекарша.

— Да, своего рода туристический поход, — согласилась Алиса.

— Только ни в коем случае нельзя ехать в джунгли без взрослых! — предупредила ее библиотекарша. — Там встречаются опасные животные и насекомые.

— Я обязательно поеду туда с папой и мамой, — смиренно сказала Алиса. — Я боюсь опасных насекомых.

Она вышла на улицу. И тут окончательно поняла, что ни за что не скажет комиссару Милодару о том, что Нильс Ларсен служит генералу Маун Джо в Золотом Треугольнике. Потому что в худшем случае комиссар Милодар не поверит в то, что она смогла узнать больше, чем центральный компьютер, а в лучшем скажет, что сам догадался обо всем еще вчера. И пошлет в горы две дивизии космической безопасности, которые никого не найдут и все испортят.

Связи с Корой все не было.

Тогда Алиса оставила у портье записку:

«Кора, я полетела в Золотой Треугольник. Кнут Торнсенсен оказался

помощником генерала Маун Джо по имени Нильс Ларсен. Корионг разводят в горных пещерах. Все остальное тебе расскажет комиссар Милодар. Постараюсь вернуть профессора к обеду. Твоя Алиса».

Разумеется, эта записка была непозволительным легкомыслием. Если ты участвуешь в расследовании преступления, то главное — согласовывать свои действия с коллегами и не стараться их обогнать. Даже если тебе кажется, что ты можешь сама разгадать мировую тайну и доказать самоуверенным комиссарам, что и среди подрастающего поколения есть настоящие сыщики, кидаться одной в логово преступников не следует.

Правда, Алиса придумала себе оправдания. Кора пропала где-то в Ташкенте, Лян Фукань ищет следы в пустыне, значит, кроме Алисы, некому заняться генералом Маун Джо. Поэтому Алиса взяла на площадке свободный флаер и сообщила диспетчерской, что берет курс на Бангкок, столицу Таиланда.

День уже подходил к середине — оказывается, много времени ушло на поход в библиотеку. Алиса почувствовала, что проголодалась, но надо будет потерпеть. Тем более что она торопилась разгадать тайну и спасти профессора до того, как в дело вмешаются Кора и Милодар. Тогда Алису могут попросту отправить домой.

Глава 5. Бандиты Золотого Треугольника

Полет до Бангкока оказался нелегким. Над Гималаями пришлось подняться километров на десять, чтобы не столкнуться с горой, а так как Алиса взяла обыкновенный одноместный быстрый флаер, то на такой высоте было холодно и не хватало кислорода.

Когда снежные вершины Гималаев остались позади, флаер полетел над поросшими лесом горами Бирмы. И тут он попал в могучий, полный молний, грома и воды фронт муссонных облаков. Алиса поняла, что следует поставить машину на автопилот — он лучше сможет рассчитать, какой путь и какая скорость безопасней, тем более что автопилот находится на постоянной связи с компьютером Центральной диспетчерской.

Алиса понимала, что ей ничто не грозит, флаер был рассчитан на куда более сильные передраги, но его бросало, как щепку в бурном море. Было темно. В темно-фиолетовых тучах проскакивали зигзаги молний, и, встречаясь, тучи громко трещали, будто сталкивались поезда.

Когда флаер опустился в Бангкоке, гроза еще продолжалась, и Алиса, пока добежала от флаера до здания аэропорта, успела промокнуть.

Первым делом она нашла справочное бюро и спросила:

— Простите, пожалуйста, мне нужно срочно в Золотой Треугольник. Вы не скажете, как мне туда попасть?

Справочное бюро — золотой шар, свисавший с потолка, — ответило высоким равнодушным голосом:

— С так называемым Золотым Треугольником регулярного пассажирского сообщения нет, так как он не является географическим понятием, а придуман журналистами. Если вы назовете мне нужный вам населенный пункт, я охотно отвечу на ваш вопрос.

Алиса, разумеется, не знала ни одного населенного пункта в том районе. Виновата была она сама — не догадалась поинтересоваться, когда изучала папку документов в библиотеке.

Расстроившись, Алиса стала искать глазами какого-нибудь осведомленного человека. Увидев полного мужчину в парадной военной форме, она подбежала к нему и спросила:

— Вы не скажете мне, до какого города мне нужно лететь, если я хочу попасть в Золотой Треугольник?

— Честь имею! — воскликнул по-тайски нарядный военный. — К вашим услугам — генерал Прем Рукпачон, руководитель отдельного полка по борьбе с торговлей наркотиками. Почему вы интересуетесь этим опасным районом?

К счастью, Алиса знала и тайский язык, поэтому все поняла. Генерал явно не собирался шутить. И это ее встревожило. Вот-вот он посадит ее в тюрьму, а потом придется доказывать, что ты не принадлежишь к наркомафии.

— Я — туристка, — сообщила Алиса. — Нам в школе велели написать статью об орхидеях, которые водятся в горах Таиланда. И мне сказали, что самые красивые и редкие орхидеи растут в Золотом Треугольнике.

— О, какое заблуждение! — воскликнул генерал Прем Рукпачон. — Вы все перепутали, девочка. Там водятся не орхидеи, а бандиты. Поэтому я советую вам сначала пойти в музей и узнать, где водятся орхидеи. Но ни в коем случае не летайте в Золотой Треугольник! Там не место девочкам, если они не наркоманки!

— Большое спасибо! — с облегчением воскликнула Алиса. — Я тут же иду в музей!

Она побежала прочь от генерала, а он кричал ей вслед:

— Музей совсем в другой стороне! Вы должны спросить, где проспект Короля Пумипона.

Бежать Алисе пришлось недалеко. Вскоре она увидела станцию международных флаеров и автобусов. Она подбежала к билетной кассе и спросила:

— Сколько стоит билет до Золотого Треугольника?

Автомат в кассе ответил:

— Вопрос некорректный. До Золотого Треугольника билетов не продают.

— Скажите, а какой город считается центром Золотого Треугольника?

— Обратитесь в ИнтерГпол, — сказал автомат. — Но предупреждаю, что, если вы надеетесь приобрести дешевые наркотики, вы глубоко заблуждаетесь. Все наркотики будут у вас конфискованы на границе, а вас саму отправят на принудительное лечение.

— Нет, я не собираюсь покупать наркотики, — ответила Алиса и пошла прочь.

Касса-автомат произнесла ей вслед скрипучим голосом:

— Учтите, что вы уже сфотографированы, обмерены и сведения о вас запущены в Центральный криминальный компьютер.

— Этого еще не хватало! — воскликнула Алиса. Она испуганно оглянулась.

Но в шуме вокзала, в сверкании солнца, прорвавшегося на несколько минут сквозь тяжелые тучи и успевшего согреть мостовую и воздух так, что все вокруг заволкло паром, никто не слышал и не видел Алисы.

Что делать дальше? Идти в местную библиотеку или музей и изучать географию? Ведь сейчас сведения о том, что Алиса в Бангкоке, попадут на стол комиссару Милодару, и он сильно удивится. В любую минуту Алису могут задержать и отправить к маме.

Но как узнать... как узнать...

Лихорадочно размышляя, Алиса дошла до стоянки такси. Молодой таксист, сидевший в старомодном, ярко раскрашенном флаере и жующий банан, подмигнул Алисе и спросил:

— Какие проблемы, госпожа туристка?

— Вы не сможете мне помочь.

— Тогда возьми банан. Легче будет, — сказал таксист.

Алиса взяла банан, очистила и начала жевать.

— Может, поедем куда-нибудь? — спросил таксист. — Хочешь на рынок? Там купишь себе юбку, а если хочешь — такого краба, какого в жизни не видела. У меня такси специально сделано, чтобы мелкие грузы возить.

— Нет, — сказала Алиса. — Мне на рынок не нужно.

— А куда нужно?

— Не знаю.

— Тогда спроси.

— Да никто не знает!

— Если никто не знает, спроси у меня, — заметил таксист. — Если не веришь, проверь — никто не знает окрестности лучше меня. Хочешь в музей — отвезу в музей, хочешь в королевский дворец — отвезу в королевский дворец. Ты только скажи, и Танин к твоим услугам!

— Хорошо, — согласилась Алиса. Почему не попробовать?

Алиса уселась во флаер. В нем было только одно сиденье рядом с водителем, а сзади грузовой отсек, в котором после предыдущего пассажира остались банановые листья.

— Куда прикажешь, принцесса? — спросил Танин.

Глаза у него были хитрые, нос курносый, темные, туго обтянутые кожей скулы блестели, как смазанные жиром.

— Мне нужно в Золотой Треугольник, — сказала Алиса.

— Отлично.

Но флаер не двинулся с места.

— Почему ты не летишь, Танин? — спросила Алиса.

— Жду уточнения, — сказал таксист. — Ведь Золотой Треугольник больше иной страны. Назови в нем место — полетим.

— Я не знаю, в какое мне нужно место.

— Значит, ты должна знать имя человека, — уверенно сказал таксист. — Ведь ты летишь к кому-то в гости.

— Как сказать... меня не ждут. И даже не хотели бы, чтобы я прилетела.

— Это бывает. Места там темные, народ подозрительный... Так кого же мы намерены удивить?

— Я хотела бы повидаться с генералом Маун Джо.

— Ого! — удивился таксист. — Хорошо, что ты встретила меня, у которого язык всегда на замке. Другой бы никуда не полетел, а тут же сдал бы тебя полиции. Ты хоть знаешь, что генерал Маун Джо — торговец наркотиками, которого до сих пор не могут поймать и обезвредить полицейские трех соседних стран — Таиланда, Лаоса и Бирмы?

— Да, я знаю это.

— Но ты не его друг?

— Клянусь, что я не его друг.

— Потому что, если ты друг этого негодяя, я тебя туда не повезу.

— Танин, я пытаюсь раскрыть преступление, которое совершили помощники генерала Маун Джо.

— Какие помощники? — спросил таксист.

— В первую очередь мне нужно отыскать Нильса Ларсена.

— О, это опасный человек!

— Тогда быстрее вези меня к нему!

— Девочка, ты сошла с ума. Давай лучше сообщим в полицию.

— Я обязательно сообщу в полицию, — сказала Алиса. — Как только узнаю, где они прячут одного человека. Сейчас все решают минуты. Жизнь профессора Лу Фу в опасности!

— Если ты уверена, то полетели, — сказал Танин, перегнулся через голову Алисы, захлопнул дверцу своей колымаги и накинул резинку на ручку дверцы, чтобы дверца не раскрылась в полете. Это была не очень надежная, зато простая система.

Флаер тяжело набрал высоту и полетел низко, под облаками. Внизу тянулась зеленая равнина, разделенная на квадраты рисовых полей, некоторые квадраты были затоплены. По дороге брели буйволы, и машины объезжали их по обочине, над деревенскими домиками поднимались острые шпили белых пагод. Полет занял чуть больше получаса. Алиса расспрашивала Танина о Золотом Треугольнике, о наркотиках и о том, почему до сих пор никак не могут полностью покончить с наркобаронами. Танин охотно отвечал, он много знал, но Алисе не всегда было понятно, когда он говорит правду, а когда выдумывает, чтобы похвастаться. Похоже, Танин был большим хвастуном.

Вскоре внизу на склонах холмов появились деревья, и чем выше становились холмы, тем гуще была на них растительность. Гряда за грядой холмы поднимались все выше и скоро

превратились в зеленые горы, между которыми в лесистых ущельях текли бурные потоки. Было пасмурно, то и дело начинался дождик, но потом прерывался, как бы собираясь с силами.

Деревни встречались все реже, все меньше было внизу дорог.

— Туристам здесь делать нечего, — сказал Танин, — дикие джунгли, насекомые, сырость и сквозняки, полезных ископаемых здесь нет, сельским хозяйством заниматься негде. Раньше эти места были дикими, а теперь считаются заповедными.

Горы поднимались все выше, лесные великаны возвышались над лесом, густо опутанные толстыми лианами. По ветвям одного из великанов носились стайкой обезьяны и грозили кулачками потревожившему их флаеру. В долине горной реки показалась прогалина, к которой и направил свою машину таксист.

— Прилетели, — сообщил он Алисе.

— Но здесь нет ни одного дома, — удивилась Алиса.

— А ты бы хотела, чтобы генерал Маун Джо построил дом и написал на его крыше свое имя? За ним же гоняется полиция трех государств. Его спасает только то, что он сказочно богат и дьявольски хитер.

— А как же вы, Танин, его нашли?

— Таксисты помнят все адреса. Как же работать, если не знаешь, куда везти пассажира? Как иначе зарабатывать свои честные деньги? — И Танин засмеялся, показав ослепительно белые зубы.

Флаер, снизив скорость, опустил к прогалине. Неожиданно Танин заговорил совсем другим тоном, будто вдвое повзрослел:

— Если ты будешь разговаривать с Нильсом Ларсеном, то учти, что Нильс — злой, расчетливый убийца. Если генерал ему прикажет, он убьет и свою маму. Но еще опаснее его помощник Исмаил аль-Акбар, в прошлом террорист, а ныне повар генерала Маун Джо. Он очень любит переодеваться в женщину, и генерал посылает своих сообщников на особо деликатные и сложные задания вдвоем, причем Исмаил выступает в роли жены Нильса Ларсена. Он удивительный чревоугодник и обжора!

— Он выступает как жена! Конечно же, они были вместе! А кто тогда девушка Ма Ми?

Танин не успел ответить на этот вопрос.

Такси опустилось на высокую траву у берега шумной реки.

— Мы уже засечены, — сказал Танин, — поэтому разговоры на волнующую тебя тему отменяются. Они ведут нас давно, а сейчас будет торжественная встреча.

— Что ж, спасибо, — сказала Алиса. — Сколько я вам должна?

— Если вернешься живой, то и рассчитаемся. А с мертвых я за проезд не беру.

Скорее всего, таксист шутил, но лицо его оставалось серьезным.

— Я постараюсь с вами расплатиться, — сказала Алиса, сняла резинку с дверной ручки и, открыв дверцу, выскочила на траву.

— Я прилечу за вами через два часа! — крикнул в открытую дверь таксист, хотя Алиса его об этом не просила. Она поняла, что эта информация предназначалась для местных жителей, чтобы они знали, что об Алисе помнят.

Потрепанный желтый, с шахматными кубиками, флаер начал подниматься над вершинами деревьев...

Алиса сделала шаг к речке.

В лесу стояла мертвая тишина, словно птицы и даже насекомые были недовольны ее

вторжением. Лишь мерно шумела по камням речка.

Сзади раздался голос:

— Ах, какие у нас неожиданные гости! Неужели это ты, Алисочка?

Алиса в изумлении обернулась.

За ее спиной стояла ясноглазая Ма Ми. Та милая девушка, с которой они летели в лайнере от Москвы и которая только вчера улетела с Лоб-Нора, помогая «папе» нести удочки.

Алиса не знала, кто такая на самом деле Ма Ми, но у нее были основания подозревать, что именно эта девушка под видом пострадавшей туристки пробралась в клинику графини Беллинетти и разузнала все, что нужно, об излучателе доброты.

— Ма Ми! — сказала Алиса. — Вот уж не ожидала тебя увидеть! Ты здесь живешь?

— Конечно, это наш дом. Но что привело тебя к нам в гости?

— Здесь так красиво! — ответила Алиса. Она все еще не могла придумать, что сказать Ма Ми, попытаться ли сделать ее союзницей или видеть в ней врага. Поэтому Алиса тянула время. — Здесь замечательно. Я давно собиралась побывать в этих горах.

— Всего-навсего? — подняла брови Ма Ми.

Она была в камуфляжном комбинезоне, каскетке, а к широкому поясу был прикреплен бластер, точно такой, какие бывают в приключенческих фильмах.

— И тут я вижу тебя! — закончила Алиса.

— А я должна тебе поверить? — рассмеялась Ма Ми. — Ты будешь мне здесь врать, как будто мы с тобой малолетки, а я буду тебе верить? За кого ты меня принимаешь, нахальный ребенок?

— Пока я не знаю, кто ты на самом деле.

— Здесь принимают только желанных гостей, — сказала тогда Ма Ми, и в голосе ее прозвучала угроза.

Алиса не испугалась. Она продолжала:

— А я хочу услышать от тебя правду. Два дня назад мы летим с тобой в Урумчи, день назад я провожаю тебя в Ташкент, а сегодня ты оказываешься в горах на границе Бирмы и Таиланда. Разве в это можно поверить?

— Я тебе в подруги не навязывалась, — сказала Ма Ми. — Но готова тебя выслушать. Что тебя сюда привело?

— Я ищу профессора Лу Фу. Я подозреваю, что норвежец, который изображал твоего папу, на самом деле не Торнсенсен, а Нильс Ларсен, а ты не его дочка.

— А кто же я? — улыбнулась Ма Ми.

— Вот этот вопрос я и хотела тебе задать.

— Я думаю, — сказала Ма Ми, — что ты еще мала, Алисочка, чтобы самостоятельно заниматься расследованием загадок, которые тебе не по зубкам. Мне вообще удивительно, как взрослые могли тебя отпустить в такое опасное путешествие.

Алиса не стала отвечать на этот пустой вопрос, а спросила сама:

— Скажи мне, где профессор Лу Фу? Пойми, ему сто лет, а вы утащили его в вашей байдарке.

— Ты и это знаешь? — усмехнулась Ма Ми. — Это мне не нравится. Пожалуй, ты права, я устрою тебе встречу с норвежцем Ларсеном. Он умеет пугать маленьких глупых девочек.

— Ты не ответила на мой вопрос! — воскликнула Алиса. — Где профессор Лу Фу?

— Профессор Лу Фу? Он недавно прилетел сюда в гости к моему папе. Мой папа — ботаник, он разводит редкие растения, и они с профессором Лу Фу вместе проводят опыты. Так что можешь не беспокоиться за профессора. С ним все в порядке.

И Ма Ми весело засмеялась. Она была на вид такой милой, такой доброй и веселой девочкой, что Алисе трудно было поверить, что она разговаривает с самой настоящей бандиткой. Может, ей всего пятнадцать лет, но она даст сто очков вперед любому старому разбойнику.

Над головой закричала синяя птица — майна. Незаметным ловким движением Ма Ми вскинула бластер и выстрелила. Птица упала к ее ногам кучкой синих перьев.

— Не люблю, когда меня перебивают, — сказала Ма Ми.

— Если ты думаешь, что я испугалась, ты глубоко ошибаешься, — сказала Алиса. — Но я уверена, что убить птицу — это уже преступление. Против природы и людей.

— Я убиваю всех, кто мне мешает. И если ты будешь мне надоедать своими поучениями, то и тебя убью. И не испугаюсь ни комиссара Милодара, ни всего ИнтерГпола. А уж тем более девчонки.

— Не думай, что я здесь одна! — ответила Алиса. — За каждым моим шагом следят друзья.

— Сомневаюсь! Если бы Милодар знал, где нас искать, он никогда не послал бы одного ребенка.

Алиса промолчала, отметив про себя, что Ма Ми тоже много знает о своих противниках. Конечно же, было наивно лететь одной в джунгли, надеясь, что они испугаются Алисы и отдадут ей профессора и излучатель.

— Я хочу увидеть профессора, — сказала Алиса.

— Ты просишься к нам в гости? — спросила Ма Ми.

— Да, — сказала Алиса.

Ма Ми подняла руку, и в то же мгновение из кустов вышли два высоких крепких солдата и встали по обе стороны Алисы.

— Обыскать! — приказала Ма Ми. — Все передать мне. Чтобы средств связи не осталось. Это главное!

В одно мгновение солдаты обыскали Алису, сняли с нее браслет связи, вытащили из-за уха детектор, по которому можно было следить, где она находится, отняли ее записную книжку, компьютер — оставили только одежду.

— Больше ничего нет, — сообщил один из молодчиков.

— Я и не думала, что она побежала к нам без разрешения, — презрительно произнесла Ма Ми. — Тем хуже для тебя, Алиса.

После обыска стражи повели Алису вверх по реке, вдоль высокого обрыва. Ма Ми, шедшая первой, остановилась перед гладким участком скалы. Она провела ладонью по камню, и часть скалы отъехала в сторону, обнаружив тщательно устроенный вход в подземелье. Внутри был длинный коридор, уходивший в глубь скалы.

Там их ждал лже-Торнсенсен. Он даже не посмотрел на Алису, а сразу доложил Ма Ми:

— Мы его сбили над соседней долиной. Первой ракетой.

— Убедились, что он разбился? — спросила девушка.

— Никаких сомнений, — ответил норвежец. И засмеялся.

— Ну вот, Алисочка, — обратилась к ней Ма Ми. — Видишь, случилось несчастье, и ты в нем виновата.

— Что такое? — встревожилась Алиса.

— Твой таксист, который слишком много знал, не долетел до Бангкока и не сможет возвратиться, чтобы забрать тебя. Он упал и разбился.

— Вы его сбили!

— Никто не просил его соваться в наши горы, — жестко ответила Ма Ми. — У нас и без него достаточно хлопот.

Алисе стало страшно. И так жалко Танина, что она чуть не расплакалась.

— Только без слез! — приказала Ма Ми. — Ненавижу, когда дети ревут. Я им тут же отрезаю головы. Правда, Нильс?

— Так точно, госпожа, — подтвердил норвежец.

— Где мой папаша? — спросила Ма Ми.

— Ваш благородный отец принимает пищу, — сообщил норвежец.

— Можно было и не спрашивать, — сказала Ма Ми. — От моего папаши в это время ничего иного ждать нельзя. Ты, Алиса, хотела познакомиться с моим отцом, с его опытами над экзотическими растениями, которые он проводит в этих подземельях. Что ж, я думаю, мой папа все тебе покажет. Он очень любит неожиданных гостей. — В голосе девушки снова прозвучала угроза.

Они прошли через зал, вырубленный в скале, и остановились перед невысокой деревянной дверцей, покрытой затейливой резьбой. Ма Ми набрала код и первой вошла внутрь.

Они оказались в небольшой, ярко освещенной комнате. Почти треть ее занимал стол, покрытый белой скатертью. Две двери по обе стороны стола вели в другие помещения. За столом в одиночестве сидел очень маленький человек — Алисе от входа было видно, что его ножки болтаются, не доставая до пола.

Человек был невелик, но отдельные части его лица были обычного размера и потому казались слишком большими: приплюснутый нос, мягкие оттопыренные уши, раскосые глаза и толстые губы как бы принадлежали человеку нормального роста. Одет он был в военный мундир с золотыми эполетами и расшитым золотым галуном воротником.

Перед человеком стояло много чашек, мисочек, блюдец и баночек, из которых струились соблазнительные запахи. Но все его внимание было обращено к миске, полной горячей тонкой лапши. Ловко и быстро человечек наматывал лапшу на палочки, обмакивал их в блюдец с соусом и отправлял в рот, потом подхватывал креветку или кусочек мяса и бросал следом. На лице его блуждала бессмысленная улыбка.

Остальные стояли в дверях и ждали. Даже Ма Ми не сказала ни слова. Проглотив очередную порцию лапши, генерал недовольным тоном произнес:

— Что там еще приключилось? Опять налет полиции?

— Нет, папа, — сказала Ма Ми. — Но мы задержали очень интересную туристку.

— Туристку? Утопить!

— Подожди, папа, умей дослушивать до конца! — возразила Ма Ми. — Эту девочку мы встретили в Урумчи. В том городе, куда мы летали за профессором.

— Это интересно. Тем более скорее топите ее!

— Папа, ты не понимаешь. Вчера она еще была в пустыне и следила там за нами, а сегодня мы ее ловим у самого входа в пещеру. Как это тебе нравится?

— Значит, ты считаешь, что ее не надо сразу топить?

— Я считаю, — сказала Ма Ми, — что нас выследили и нам следует готовиться к

эвакуации.

— Только не это! — раздался крик из боковой двери.

Алиса увидела, что там стоит мадам Торнсенсен, «мама» Ма Ми, но в мужском костюме и белом фартуке. На голове у «мадам» возвышался белый поварской колпак. Конечно же, это повар Исмаил, о котором рассказал несчастный Танин!

— У меня половина обеда для его превосходительства стоит на плите, холодильник полон, я мусс не успел взбить, шербет не тронут! Никакой эвакуации! Я требую, чтобы вы защищали нашу твердыню до последней капли крови! — закричал повар.

— Вот именно, — сказал маленький генерал. — А какой у нас сегодня мусс?

— Кокос с мангустином, — ответил Исмаил тем сладким голосом, какой бывает у толстяков.

— Никакой эвакуации! — подтвердил генерал. — Всех свидетелей казнить, пленных не брать, генератор включить на полную мощность.

— Мы не можем включить его на полную мощность, отец, — сказала Ма Ми. — Профессор Лу Фу отказывается нам помогать.

— Профессора пытаться, пока не сдастся!

— Папа, я не думаю, что ты прав.

— Не мешай мне нормально питаться! Ты же знаешь, что до конца обеда меня нельзя беспокоить.

И он пояснил, обращаясь к Алисе:

— Я по натуре — гурман. Для чего я зарабатываю деньги? Только для того, чтобы хорошо кушать. Детство мое прошло в бедном квартале, я не всегда ложился спать сытым. И я поклялся себе, что когда стану взрослым, то никогда не буду голодать. И я сдержал свою клятву!

— Чего же вы такой маленький? — не удержалась от вопроса Алиса.

— Это мое счастье! Мой организм с такой скоростью перерабатывает пищу, что я всегда остаюсь стройным и красивым. Я могу есть круглые сутки, но это не отражается на моей подвижности.

Генерал вскочил со стула, выбежал на свободное пространство перед столом и начал плясать, изгибая руки и подбрасывая согнутые в коленях ноги.

— Значит, эвакуация откладывается? — спросила Ма Ми, с отвращением глядя на пляску своего папы.

— Эвакуации не будет. Они никогда не найдут входа в нашу пещеру.

— Но комиссар Милодар не успокоится, пока не отыщет Алису и профессора.

Генерал прекратил танцевать и, склонив голову набок, быстро и четко произнес:

— Значит, ты делаешь так: берешь такси, на котором она прилетела... Надеюсь, такси не разбилось?

— Разбилось вместе с таксистом.

— Туда же положишь труп этой... Алисы. Произошло неожиданное крушение. Никто не спасся. А теперь идите, идите, вы мешаєте мне насладиться десертом.

Алиса понимала, что маленький генерал кривляется, разыгрывает спектакль, правда, непонятно было, кого он считает зрителями.

— Пойдем, — сказала Ма Ми, уводя Алису прочь из столовой. Они остановились в коридоре. Поблизости стояли норвежец Ларсен и два солдата.

— Вот видишь, — вздохнула Ма Ми, — с кем мне приходится работать. У них, у

старшего поколения, только один приказ: «Уничтожить». А если ты — надежда своей семьи, если тебе еще жить да жить... Почему я должна тебя убивать?

Ма Ми смахнула слезу. Она говорила так искренне, что Алисе хотелось ей поверить. И в самом деле — нелегко быть дочерью такого закоренелого преступника и палача...

— Ты не представляешь, — сказала Ма Ми, — как мне хочется быть самой обыкновенной девушкой, мне хочется учиться, гулять с молодыми людьми, собирать цветы. Я очень способная к наукам, особенно к медицине. Я мечтаю ухаживать за больными детьми, а меня заставляют заманивать в ловушку старых ученых.

— Вы убили Танина? — спросила Алиса.

Ма Ми понизила голос до шепота:

— Боюсь, что я не смогу помочь тебе и профессору. Поверь мне, что я готова плакать!

Алиса буквально разрывалась между желанием поверить этой девушке и недоверием к ней. Ма Ми потащила Алису к себе в комнату, устланную мягкими звериными шкурами, оставила стражей и норвежца в коридоре и закрыла дверь, чтобы спокойно поговорить.

— Я совершила в жизни много плохих поступков, — сказала Ма Ми, — но я росла без мамы, которую по приказу дедушки затоптал слон, а папу я боюсь. Он может быть жестоким и со мной. Поэтому мне приходится ему помогать. У нас в горах с этим строго. Ну как я могу отказать моему папе в помощи? Ведь я училась в колледже и кое-что знаю, тогда как папа и мои горные родственники совершенно необразованные. Поэтому, когда операция требует расчета и хороших манер, папа всегда посылает меня. Я с десяти лет участвую в его делах. О, как мне все это надоело!

Ма Ми сидела, скрестив ноги, на куче шкур. Она достала фляжку и спросила Алису:

— Виски будешь? У меня и джин есть.

— Нет, спасибо, — ответила Алиса. — Я не пью.

— Зря теряешь время, — усмехнулась Ма Ми. — Жизнь коротка, и нас обязательно убьют.

— Но ведь у твоего отца много денег.

— Еще бы, иначе его давно бы убили конкуренты или полицейские. Всем приходится платить. Но вчера мне наконец удалось уговорить папу улететь с Земли.

— Улететь с Земли?

— Да. Здесь он обложен со всех сторон, как волк красными флажками. Единственный выход — улететь на тихую планету, где нет этих проклятых наркотиков и бандитов, которые держат в руках моего папу.

— Значит, твой папа ни в чем не виноват?

— Не улыбайся, Алиса. Все совсем не смешно. Конечно, мой папа с детства попал к бандитам, он прошел у них жестокую школу, он многих убил. Но и сам потерял в боях всех родных, кроме меня. Ему все это давно осточертело.

— Поэтому он приказал тебе убить меня и спрятать мой труп в такси?

— Но ведь ты жива!

— Я не знаю, что случится со мной через минуту.

Ма Ми улыбнулась и налила из фляжки в серебряный стакан. Она выпила полный стакан виски, как будто это был чай. Алиса поразились тому, что девушка, почти девочка, научилась так пить...

— А что? — сердито спросила Ма Ми. — Почему ты так на меня смотришь? Да, я пристрастилась к виски и джину. В мои четырнадцать лет я повидала столько, сколько тебе

не увидеть и за сто лет.

Алиса не стала спорить с Ма Ми, хотя сама-то знала, что видела больше и пережила больше приключений, чем разбойница. Но не пристрастилась к виски и наркотикам.

А Ма Ми достала толстую бурую сигару и прикурила от золотой зажигалки.

— И папа не возражает против твоего курения? — спросила Алиса, отворачиваясь от вонючего дыма.

— Я при нем не курю, — ответила Ма Ми и закашлялась.

И Алиса поняла, что, подобно своему маленькому папе, Ма Ми — тоже актриса и верить ей нельзя, потому что для нее самое большое удовольствие — морочить людей, изображая из себя то невинную жертву, то борца за справедливость, а то, если нужно, и кровожадную бандитку.

— Положи сигару, — сказала Алиса. — Тебе совсем не хочется курить.

— Ах, ты ничего не понимаешь, — заупрямилась Ма Ми.

Но затягиваться больше не стала и продолжала разговаривать, поводя в воздухе рукой с зажатой между пальцами сигарой.

— Мой папа страшно нуждается в деньгах, — говорила она, — чтобы улететь с Земли. Но у него совсем нет наличных денег. Последняя ставка — на корионг. Ты слышала, что это такое?

Ма Ми настороженно смотрела на Алису, словно старалась угадать, намерена ли пленница говорить правду.

— Нет, не слышала, — сказала Алиса. Внутри у нее все напряглось. Значит, она была права!

Ма Ми кивнула — видно, поверила.

— Корионг, — сказала она, снова наливая себе виски, — это ценное лекарственное растение. Его привозят с одной далекой планеты, но наше гадкое правительство запрещает людям разводить корионг.

— А что это за лекарство? — спросила Алиса.

— Это волшебное средство, — запела малиновкой Ма Ми, — оно мгновенно снимает боль и простуду. Больше не будет на Земле насморков и гриппа. Но правительство хочет сохранить монополию. Ни себе, ни людям!

— А при чем тут твой папа? — спросила Алиса.

— А он смог достать у знакомого астронавта несколько корешков корионга, но корионг растет страшно медленно. И никакие удобрения не помогают. А тут со мной случилось удивительное приключение. Я очень люблю путешествовать. Несколько месяцев назад я взяла рюкзак и отправилась пешком по Италии. И знаешь, что случилось? Никогда не догадаешься. Меня сшибла машина, и я чуть не погибла. К тому же потеряла память. Меня выхаживали в клинике одной итальянской графини. Потом я ей помогала и вела ее переписку. Так я узнала, что в пустыне Такла-Макан живет старый китайский ученый, который изобрел излучатель... Ты об этом знаешь? — Вдруг Ма Ми спохватилась — видно, вспомнила, при каких обстоятельствах познакомилась с Алисой, и закончила словами: — Впрочем, ты и так все знаешь.

— Я знаю, что вы с Ларсеном украли излучатель и самого профессора! — сказала Алиса.

— Ты права, — вздохнула Ма Ми и отхлебнула из третьего стакана виски. — Когда папа нашел меня в Италии, я рассказала ему все, что знала о профессоре, и папа приказал:

«А ну-ка, немедленно достань мне излучатель! Мы сможем выращивать корионг!» Конечно, я не хотела причинять зла профессору, но понимала, что, если мой папа срочно не достанет денег, чтоб улететь с Земли, мы все обречены. И мне надо было решать, кого я больше люблю — своего единственного папу или совсем чужого мне древнего старикашку? И я выбрала папу!

Ма Ми ткнула погасшей сигарой в грудь Алисе, словно кинжалом.

— Погоди, — остановила ее Алиса. — Но как же вам удалось проникнуть к профессору?

— Проще простого! Ведь профессор знал меня в лицо, я не раз вела с ним переговоры от имени синьоры Серафины. Он как-то показывал мне маленький излучатель. Может быть, он даже любил меня!

— И ты этим воспользовалась?

— Разумеется. Это и называется военной хитростью. В полночь, когда дул ветер и шел дождь, я позвонила ему в ворота. Старик спал. На этом и строился расчет. Когда я позвонила, он соскочил с постели, включил экран внешнего наблюдения и увидел, что я стою у ворот, одна, сиротливая, под дождем. «Что случилось?» — крикнул профессор. «У меня к вам срочное дело от синьоры Серафины!» — ответила я. — «Впустите меня». — «А где твой флаер?» — спросил старик. «Он остался там...» Я показала назад, в темноту. «Сейчас, — сказал старик, — я сейчас открою, потерпи...»

Конечно же, этот старый дурень открыл ворота, я вбежала внутрь, но не дала им закрыться, чтобы Нильс смог проникнуть следом за мной. Старик вышел к дверям дома. Он был встревожен. Я бросилась к нему, как будто была очень взволнована и испугана. Я держала его руки, а Нильс легонько двинул его по голове, затем связал и вкатил двойную порцию снотворного. Потом мы начали искать малый излучатель. Почти час на это ушло! Нашли его в запертом нижнем ящике письменного стола.

— Но зачем вы увезли и профессора?

— Чтобы быть уверенными в том, что излучатель будет работать. Правда, это оказалось излишним. Излучатель отлично работает!

— Тогда отпустите профессора!

— Поздно. Он же знает нас в лицо. Он знает, как отыскать нашу пещеру. Нет, к сожалению, он обречен... как и ты, Алиса.

— Вы подвергаете опасности жизнь великого человека!

— Такой старичок никому не нужен. Пора уступить дорогу молодежи. — Тут Ма Ми лукаво улыбнулась: — По крайней мере, пока он у нас, они не посмеют бомбить.

— Я хочу увидеть профессора! — попросила Алиса.

— Я как раз хотела тебя к нему отвести, — ответила Ма Ми. — Вам будет лучше вместе. Я думаю, что идея моего папы бросить твой трупик у флаера глупая. А ты как думаешь?

Ма Ми поднялась на ноги и, пошатываясь, открыла дверь. Алиса никогда еще не видела пьяной такую молоденькую девушку.

Ма Ми вышла из комнаты и почти бегом довела Алису до обширной, размером с футбольное поле, пещеры. Сверху спускались мощные прожекторы, которые заливали ослепительным светом зеленый покров поля, разделенного на квадраты. Поливальные устройства, медленно поворачиваясь, орошали плантацию струями воды.

Недалеко от входа в пещеру находилась башня, похожая на вышку для прыжков в воду.

На ней стояла группа людей в белых халатах. Один из них держал в руке малый излучатель профессора Лу Фу и поводил его лучом так, чтобы свет падал на растения.

— Здесь мы разводим корионг, — с гордостью произнесла Ма Ми. — За один день это благородное лекарство выросло в десять раз. Ты не поверишь, Алиса, но еще вчера эти растения лишь на сантиметр вылезали из земли. Через неделю мы сможем собрать самый крупный в Галактике урожай этого лекарства. Тогда мы с папой продадим его в аптеки, соберем наш скромный багаж и улетим на какую-нибудь тихую планету, где папа будет кушать, а я продолжу медицинское образование, чтобы потом ухаживать за больными детьми.

Алиса уже знала, что сладкая Ма Ми опять лжет. Корионг не лекарство, а страшный наркотик, и если папаша Маун Джо сможет продать его, то нависнет угроза над жизнью многих тысяч людей.

— Теперь ты понимаешь, Алисочка, почему мне придется тебя убить? Ты слишком много знаешь. Но я придумала для тебя смерть поинтереснее, чем мой необразованный папа. Я хочу, чтобы от тебя не осталось следа!

И тут Алиса всерьез испугалась. Черные непроницаемые глаза милой девушки Ма Ми казались пустыми и бездонными. За ними не было души. Как страшно, подумала Алиса, что обыкновенная девочка превратилась в такое бессовестное и безжалостное существо. Никакой пощады от Ма Ми ждать не приходилось... В этом виновата сама Алиса. Потому что решила, будто сможет одолеть опытных и жестоких преступников, и кинулась освобождать профессора, скрыв свою авантюру от взрослых.

— Мы уберем тебя не здесь, — сказала Ма Ми, будто объясняла Алисе, как дойти до умывальника. — Мы оставим тебя с профессором, и пускай вас убьет его изобретение...

Ма Ми не успела кончить свою пьяную речь, как дверь в оранжерею распахнулась и в ней показались два человека.

Свет в зале был таким ярким, что Алиса сразу узнала этих людей: широко расставив ноги и направив бластеры на Ма Ми и норвежца, в дверях стояли Кора Орват и милый таксист Танин.

— Ура! — закричала Алиса.

Вообще-то она никогда не кричит, но тут особый случай. Ведь Алиса была близка к гибели. К тому же она очень обрадовалась, что таксист Танин жив, а не разбился вместе с флаером.

Ма Ми хотела было вытащить из кобуры бластер, но Танин крикнул:

— Бросай оружие!

Голубой луч бластера пронзил воздух возле головы Ма Ми и задел один из прожекторов, который задымился и с грохотом рухнул на траву. Кора между тем направила свое оружие на тех людей, что стояли на вышке и облучали корионг. Они кинулись бежать и в мгновение ока скрылись в темной пещере, с входом в которую была соединена верхушка башни.

— У них излучатель! — крикнула Алиса.

— Ничего, они от нас не уйдут! — ответила Кора. — Где профессор?

— Не знаю.

— Стой! — Крик Танина относился к Ма Ми и норвежцу, которые хотели было убежать. Таксист приказал им поднять руки. Кора подошла и, обыскав их, отняла оружие.

Танин все время оглядывался, особенно внимательно он следил за вышкой, опасаясь,

что там могут появиться боевики генерала.

— Ведите нас к профессору! — приказал Танин.

— Слушаюсь, — поспешил согласиться высокий норвежец. Он очень боялся, даже дрожал, но Алиса подумала, что, скорее всего, он старался казаться более испуганным, чем был на самом деле.

Ма Ми обернулась к Танину и сказала голосом хорошо воспитанной девицы:

— Танин, я так рада, что ты жив. Я переживала, что ты разбился.

— Спасибо, Ма Ми, — ответил таксист. — Но я подозревал, что твои молодчики постараются меня сбить. И когда увидел, что из горы вылетела ракета, я тут же катапультировался. Так что мое дорогое старое такси закончило свою жизнь без меня.

— Мерзавец! Негодяй! — крикнула Ма Ми, выдав свои настоящие чувства.

— Не волнуйся, крошка, — сказал Танин и тут же пояснил Алисе: — Когда Ма Ми была маленькой, а ее папаша еще не был генералом, а просто разбойничал в горах, Ма Ми жила у своей двоюродной тетки в соседнем со мной доме. И я катал ее на своем такси.

— К счастью, я забыла об этом! — заявила Ма Ми.

Ведомые норвежцем, они миновали ярко освещенный зал и ступили в длинный коридор.

— Далеко еще идти? — спросила Кора.

— Недалеко! — раздался голос сверху — из микрофона в потолке.

Алиса узнала голос маленького генерала.

— Вы уже пришли! — воскликнул генерал и разразился пронзительным хохотом.

Алиса догадалась, что они угодили в ловушку, но не сразу поняла, что же случилось...

В это мгновение свет в коридоре погас, камни под ногами раздвинулись, и все они — Алиса, Кора и Танин — провалились вниз.

Они упали метра на три в глубину, ушиблись, но, к счастью, ничего не сломали. Пока они пытались подняться, на них сверху упала какая-то сеть. Алиса попробовала встать, но сеть опутала ее руки и ноги. Рядом возились так же опутанные, как и она, Кора и Танин.

Вдруг сеть натянулась, ее узлы и веревки больно врезались в тело — сеть потащила по полу вниз.

От темноты и боли Алиса потеряла ощущение времени. Долго ли их волокли, куда, зачем, — она так и не поняла.

Затем движение прекратилось. Рядом стояли люди.

Слышен был голос норвежца, который отдавал приказания. Алиса почувствовала, как быстрые грубые руки обыскивают ее. Звякнул металл — Алиса догадалась, что обыскивают и обезоруживают ее спутников.

— Все? — спросил норвежец.

— Оружия нет, — ответил другой голос. — Передатчиков и «жучков» — тоже.

— Тогда веди их в клетку.

* * *

— Как неладно все получилось! — пробормотала Кора. — Мы ведь думали застать их врасплох и не предупредили комиссара.

— Я увидел, как спускается девушка с неба, выскочил из кустов и кричу ей: нельзя!

Убьют!..

— Молчать! — раздался голос сзади.

Кора пошатнулась — ее ударили в спину.

Коридор закончился небольшой комнатой, дальняя часть которой была отгорожена толстыми вертикальными прутьями. За решеткой в клетке, освещенной небольшой лампочкой, стоял стул. На стуле сидел профессор Лу Фу. Одежда на нем была порвана, на щеке кровоподтек, лоб разодран...

— Как вы посмели! — Алиса обернулась к тем людям, что вели их.

Ма Ми выглянула из-за спин охранников.

— Не надо было спорить с нами, — сказала она сладким голосом. — Мой папа не терпит, когда ему возражают. Я бы, конечно, оказала старику все уважение... но что могу поделать я, слабая девушка...

— Говори, говори! — Из узкого бокового хода выскочил маленький генерал на высоких каблуках, золотое шитье на его эполетах отбрасывало сверкающие лучики. — Говори, моя доченька, клевети на своего папочку! Ты сама стоишь ста таких негодяев, как я!

— Папа, здесь же чужие! Что они скажут, когда вернутся домой?

— Опять врешь! — рассердился генерал Маун Джо. — Ты отлично знаешь, что нельзя допустить, чтобы хоть кто-нибудь из них вышел отсюда живым. Нам еще повезло, что эта агентша не догадалась предупредить комиссара, что летит сюда по следам Алисы.

— Я бы не спешила ей верить, папочка, — сказала Ма Ми, — ты же знаешь, какие хитрые эти агенты ИнтерГпола, их специально учат обманывать нас, несчастных честных бандитов.

— Ты думаешь, сюда заявятся полицейские?

— Я почти уверена в этом, папочка.

— Тогда расстрелять их немедленно! Я, кажется, уже приказывал!

— Папа, это неразумно.

— Почему?

— Потому что это старомодно. Так ведут себя самые обычные разбойники. Мы же с тобой цивилизованные бандиты, я даже хочу получить медицинское образование.

— Что же с ними сделать?

— Сколько у нас есть времени, папа? — вопросом на вопрос ответила Ма Ми.

— Я думаю... — Генерал Маун Джо обернулся к Ларсену.

— Если они предупредили комиссара и тайландскую полицию, значит, те уже подлетают сюда... Но что они будут делать дальше?

— Я знаю, — сказала Ма Ми. — Они найдут останки сбитого флаера этого глупого таксиста, который даже погибнуть не сумел как порядочный человек!

— Виноват, госпожа! — Танин заморгал длинными ресницами. И если бы уголки его губ не дрожали, можно было бы подумать, что глупый таксист и на самом деле раскаивается, что не погиб.

— Они тут же начнут искать следы вокруг поляны! — закончила Ма Ми.

— Ну и пускай ищут, — ответил норвежец. — Им потребуется полчаса, чтобы отыскать ход в скалу, еще полчаса — чтобы пробиться внутрь...

— Значит, у нас есть двадцать минут, — сказала Ма Ми.

— Но почему, доченька? — спросил генерал. — Нильс сказал — час!

— По той простой причине, — ответила юная бандитка, — что все лучезарные

прогнозы дяди Ларсена надо уменьшать в три раза.

— Значит, у нас двадцать минут?

— Да. И хватит разговоров! — воскликнула девушка. — Немедленно начинайте действовать!

Но действовать не пришлось, потому что в помещение въехал столик на колесах, который толкал перед собой Исмаил. На столике громоздились всевозможные изысканные блюда: колбасы, жареные попугаи, обезьяньи почки в сметане, мусс из крабов и многое другое.

— Где будем дообедывать? — спросил тонким голосом повар.

— Где, где? А черт его знает где! — заорал в ответ генерал. — Я смертельно проголодался. Я могу в любой момент погибнуть. Я не добегу до резервной базы.

И генерал кинулся к тележке.

Ма Ми злобно поморщилась и обернулась к норвежцу:

— Сейчас же подними солдат, чтобы вырывали из земли ростки корионга, складывали в мешки и тащили к секретному выходу к реке. Понял?

— Правильно, моя девочка, — согласился норвежец.

— Чтобы через пятнадцать минут все было кончено и мешки перенесены.

— Слушаюсь.

— Ты же сам возьми все из сейфа. В первую очередь рубины и топазы. Я присоединюсь к тебе у выхода, как только закончу ликвидацию пленных.

— Ты уверена, Ма Ми, что их надо всех ликвидировать? — спросил норвежец.

— И притом бесследно. Чтобы ни одна живая душа не могла связать их гибель с нами.

— Но у нас нет времени их закопать...

— Но у нас есть другой способ, — сказала девушка, — недаром я так интересуюсь биологией. Ваша смерть наступит от естественных причин. — И большие красивые глаза Ма Ми лихорадочно загорелись. — Вас погубит гигантская попорунья.

— Вот именно! — воскликнул генерал, продолжая жевать. — Как забавно!

— Папочка, помолчи, ты меня отвлекаешь! — сердито остановила его Ма Ми. — Если ты будешь меня перебивать, то попорунья полакомится и тобой.

— Как ты можешь так шутить! — ахнул генерал и тут же вгрызся в ножку фазана. Когда он нервничал, его аппетит разыгрывался до безумия.

— Маун Батан, — приказала Ма Ми молодому солдату, — сейчас же принеси сюда излучатель профессора. А ты, Маун Пул, поставь вот здесь треножник. Три человека должны принести кадку с попоруньей. Она стоит на втором складе. Кто знает, как она выглядит?

Солдаты, стоявшие вокруг, послушно бросились исполнять приказания. Оставшиеся в пещере по приказу Ма Ми открыли дверь в клетку, где сидел старик, и втолкнули в нее пленников. Дверь со скрипом закрылась. Ма Ми проверила, надежен ли замок.

— Алиса, — узнал девочку старик. — Ты попала сюда из-за меня?

— Я хотела освободить вас, — ответила Алиса, — но в плен я попала по собственной глупости.

— Мы тоже сами виноваты, — сказала Кора и представилась профессору.

Профессор с трудом сидел на стуле.

— Что они хотят сделать? — спросила Алиса профессора.

Тот не ответил. Он внимательно смотрел, как солдаты внесли кадку, в которой находилось растение, похожее на ветвистую елочку. Затем по знаку Ма Ми еще один солдат

втащил шланг и включил воду.

— Ах, как жаль! — тихо произнес Лу Фу.

— Что вас расстроило? — спросила Алиса.

— Они подключили воду. Я так надеялся, что они забудут.

— Почему?

— А потому, — ответила весело Ма Ми, которая услышала слова профессора, — что попорунья сейчас будет расти, а когда растешь, всегда хочется пить. Вы поглядите на моего папашу — все время жрет. А то бы помер и оставил мне все драгоценности.

— Но-но! — откликнулся генерал. — Без грубостей, доченька!

Генерал с опаской поглядел на растение в кадке.

Солдаты установили за ним треногу, на вершине которой укрепили малый излучатель профессора Лу Фу.

Ма Ми включила его.

Голубой луч протянулся к корням растения.

— Прощайте, друзья, — сказала Ма Ми, будто пропела. — Прощай, Алисочка. Я успела полюбить тебя... Прощайте, профессор, я прониклась к вам уважением. Прощай, глупый таксист, прощай, неосторожная полицейская ищейка Кора. Никогда мы больше не увидимся. Папаша, поехали отсюда, нам пора сматывать удочки.

И вот Исмаил толкнул тележку — генерал так и не слез с нее, — за ним поспешили Ма Ми и солдаты. Со скрипом закрылась железная дверь. И наступила тишина.

Клетка, в которой находились пленники, представляла собой глубокую нишу в скале, освещенную голой лампочкой. Вертикальными стальными прутьями она была отделена от остальной пещеры. Прямо перед решеткой находилась кадка с попоруньей, за ней — работающий излучатель доброты.

— Ну что ж, — сказала Алиса. — Давайте думать, как отсюда выбраться.

— Боюсь, что мы опоздали, — сказал профессор. — И только я в этом виноват!

Растение, похожее на елку, зашевелилось. На концах колючих ветвей появились как бы ложечки, окруженные мелкими длинными лепестками, словно у китайской хризантемы.

— Вот это и есть присоски попоруньи, — сказал профессор.

— Что за присоски? — спросила Кора.

— Попорунья — страшный хищник, который живет в самых недоступных болотах. Счастье, что это растение невелико, но оно питается кровью и мясом животных. Говорят, что когда заяц или белка попадают в его объятия, то от них ничего не остается, равным счетом ничего.

Танин отступил, глядя, как ожили, покачиваясь, хризантемы и начали клониться к прутьям.

— Какая гадость! — воскликнула Кора. — Я всегда не любила комаров. И червяков тоже...

Ветки попоруньи оказались гибкими, живыми, подвижными...

— Излучатель вызывает к жизни каждую клетку этого чудовища, все в нем бешено растет, торжествует, — сказал профессор. — И боюсь, что мы не в силах остановить это создание природы. О горе, я убил невинных девушек!

Ко всему попорунья испускала неприятный трупный запах, казалось, что она сожрала весь воздух в пещере и стало нечем дышать... Ветви с хризантемами на концах уже проникли в клетку. Кора протянула руку, чтобы оборвать хризантему, приблизившуюся к ее

лицу, но Танин закричал:

— Не смей до нее дотрагиваться! Она обжигает!

Вся решетка была густо заплетена ветками попоруньи, словно клумба хризантем встала вертикально, отрезав людей от мира.

— Скорее бы комиссар... — сказал Танин, задыхаясь. Он отстранил Алису и старика и приказал им: — Прячьтесь в угол.

— Зачем? — спросила Алиса.

— Пока этот цветочек будет пожирать меня, — сказал таксист, — Милодар может успеть вам на выручку.

— Эй! — закричала Кора. — На помощь! Мы здесь!

Но звуки натыкались на зеленую стену, на белые хищные цветы и умирали...

Жадные тонкие щупальца хризантем отогнали пленников к дальней стене. Единственным их орудием был стул, на котором раньше сидел профессор. Именно этим стулом Танин пытался отбиваться от ветвей хищника. Но прошло еще несколько минут — и стало ясно, что отступать дальше некуда. Вот первая из хризантем, решительно отведя в сторону стул, дотронулась до руки Танина.

— Нет! — закричала Кора и попыталась оторвать щупальца от руки молодого человека.

— Не надо! — откликнулся Танин. — Смотри!

И тут Кора, а за ней и Алиса увидели, что цветы попоруньи, дотронувшись до кожи людей, не обжигали и не пронзали ее, а лишь трогали и даже как будто гладили их.

— Смотрите! — вскрикнул профессор. — Они потеряли агрессивность.

Стоять в клетке было все труднее, потому что ветви и цветы попоруньи заполнили все свободное пространство и шевелились, трогали, щекотали пленников, будто хотели познакомиться.

— Они нас не жалят! — сказал Танин.

Алиса даже осмелилась погладить хризантему, и та, широко раскрывшись, прижалась прохладными лепестками к ее руке.

— Это похоже на чудо, — произнес профессор.

И тут издали, как сквозь вату, донеслись голоса.

— Где они могут быть? — спросил женский голос.

— Не подходите! — откликнулся мужской голос. — Это попорунья. Она смертельно опасна.

— На помощь! — закричала Кора. Потом она сунула два пальца в рот и засвистела так, что попорунья съежилась и ее хризантемы, толкаясь, попытались выбраться из клетки.

— Давно бы так, — проворчал Танин.

— Попорунья сожрала их! — послышался уже близко женский голос, и Алиса узнала графиню Беллинетти.

— Ничего подобного, — ответил мужской голос. — Никто не умеет так свистеть, как мой агент Кора Орват. Как только она перестанет свистеть, тогда и убеждайте меня в ее смерти.

— Мы живы! — крикнула Кора.

— Слышу, — отозвался мужской голос. — Здесь Милодар. Вызываю огнеметы для уничтожения этой нечисти.

— И не вздумайте! — крикнула в ответ Кора. — Лучше дайте нам ключ от клетки, и мы выйдем сами.

— Но она нас сожрет, — сказал комиссар.

— Нет, не сожрет! — закричала Алиса. — Неужели вы не понимаете, что, пока работает излучатель доброты, это растение не может нас есть! Оно вообще не может нападать на живые существа. Не выключайте излучатель.

— Чепуха! — воскликнул комиссар.

— Девочка права, — сказал слабым голосом профессор. — Она совершенно права.

— Я отобрал ключ у Нильса Ларсена, — услышала Алиса голос следователя Лян Фуканя. — Сейчас я открою клетку...

— Ой, куда вы идете! — закричала графиня.

— Пока работает излучатель, — ответил следователь, — мне нечего опасаться.

Раздвинув ветви, следователь подошел к решетке и открыл замок.

Пленники один за другим вышли сквозь зеленую живую завесу. Последним шел Танин, поддерживая старика.

— Какое счастье, — сказал он, — что при виде попоруньи вы не стали ее жечь и уничтожать — тогда бы и нам не поздоровилось.

— Но я не могу этого объяснить, — сказала графиня Беллинетти. Ее буйные волосы волнами стекали на плечи. — Почему растение изменило свои привычки?

— Потому что оно получило запас доброты и откликнулось на лучи таким образом, — сказал Танин. Глупый таксист переменился. Как будто подтянулся и стал выше ростом.

Заметив удивленный взгляд Алисы, он негромко сказал:

— Давай познакомимся. Капитан Танин Каничон, старший инспектор таиландской полиции.

— Так вы все знали с самого начала?

— Нет, не все, — улыбнулся Танин. — Но ждал связи с Корой Орват.

— Вы знали, что Милодар предупрежден?

— Да, мы должны были оттянуть время, принять огонь на себя, пока добирается комиссар с отрядом.

— Но мы не подумали, — сказал комиссар, — что эта девочка Ма Ми окажется такой злобной и безжалостной.

— Ее еще можно перевоспитать, — сказала графиня. — Если вы позволите, я возьму ее к себе в клинику. Я думаю, еще не поздно сделать из нее хорошего медика.

— Под вашу ответственность, — буркнул Милодар. — Но я буду наблюдать за вашей клиникой — как бы она не натворила там дел.

— Надеюсь, что и попорунью вынесут отсюда? — спросил профессор. — После того как она нас пощадила, было бы жестоко оставить ее здесь погибать.

— Сделаем, — улыбнулся Танин. — Только не советуем подходить к ней после того, как будет выключен излучатель.

Профессор Лу Фу покачнулся, но Кора успела подхватить его. Милодар вызвал санитаров, и вскоре профессор летел на флаере в Бангкок.

Остальные вышли из убежища в скале и остановились на берегу реки.

— Возвращайтесь по домам, — приказал Милодар. — Дальше мы разберемся без вас.

— А где Ма Ми? — спросила Алиса. — Ее не поймали?

— Не скажу, — ответил Милодар. — Потому что, если тебе сказать лишнее, ты сразу бросишься искать приключений. А когда ты погибнешь, что я скажу твоим родителям?

— Что я немного опоздаю к обеду, — отозвалась Алиса. — Так где же Ма Ми?

Комиссар ответил не сразу. Сначала он переварил шутку Алисы, потом сказал:

— Тебя бы отправить в дом для трудновоспитуемых подростков. Ты нам чуть не сорвала операцию.

— Комиссар, — Кора Орват обняла Алису за плечи и прижала к себе, — пожалуйста, не придирайтесь к моей помощнице. Алиса с честью прошла испытания на профессию сыщика.

— Ничего подобного, — ответил комиссар, — она только пугалась под ногами.

Алиса хотела ответить... и сказать все, что думает об этом Милодаре! И тут увидела, что комиссар смеется. Пришлось и ей засмеяться. Потом она спросила:

— А где Ма Ми?

— Я готов тебя убить! — заявил комиссар. — Поймаем мы твою Ма Ми. Сейчас берут их резервную базу. Хочешь с ней встретиться?

— Нет, спасибо.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Я хочу быть уверенной, — ответила Алиса, — что профессору ничего больше не угрожает.

— Я клянусь, что это именно так! — ответил Милодар.

— А где излучатель? — спросила Алиса.

— Здесь.

— Дайте его мне. Я вылетаю в оазис профессора.

— Этого еще не хватало! — воскликнул Милодар.

— Алиса права, — сказала Кора Орват. — И я лечу с ней. Мы должны возродить оазис к возвращению профессора. Я не могу допустить, чтобы столетие такого замечательного ученого праздновалось в пустыне. К тому дню сад будет вновь цвести и плодоносить.

Дети динозавров

Глава 1

Алиса пришла домой, закрылась у себя в комнате и наговорила такое письмо своему старому врагу Крысу:

«Планета „Секретное логово пиратов“.

Пирату Крысу.

Уважаемый Крыс!

Надеюсь, что ты меня помнишь. Ведь мы с тобой немало враждовали в прошлом. Но, насколько мне известно, вы с Весельчаком У во многом пересмотрели свои взгляды и исправились. Если вам еще не надоело жить честной жизнью и вы не покинули свое секретное логово, ты не откажешь мне в маленькой просьбе.

Но прежде я должна рассказать, почему прошу твоей помощи.

К нам на биологическую станцию пришел один израненный студент и рассказал ужасную историю.

Оказывается, он недавно побывал на далекой и почти неоткрытой планете-заповеднике Стеговия. На этой планете жизнь развивается медленнее, чем на Земле, и поэтому там еще живы существа, которые на Земле давным-давно вымерли. Но сейчас всем этим существам грозит страшная опасность: планета под влиянием землетрясений изменила орбиту и начала удаляться от своего солнца. Климат катастрофически меняется. А все пресмыкающиеся и земноводные, которые там живут, не приспособлены к холодам. Они вот-вот вымрут, и планета станет пустынной.

Студент, который все это нам рассказал, прилетел на Стеговию, чтобы изучить обстановку и понять, как помочь тамошним животным. Но животные встретили его как злейшего врага. Оказывается, недавно на той планете побывали браконьеры, которые охотились на динозавров из-за их красивых шкур и рогов, а также собирали яйца ящеров. Теперь животные планеты Стеговия боятся людей и ненавидят их. Так что наш друг студент, который не знал о браконьерах, чуть не погиб, когда на него напали динозавры. Он еле унес ноги с планеты. Он обратился в Службу охраны галактической природы, и они поставили экспедицию на планету Стеговия в план второго квартала будущего года. У службы охраны много планет, которые надо защищать и охранять.

Теперь ты понимаешь, Крыс, что мы с Пашкой Гераскиным решили сделать. Мы немедленно летим на планету Стеговия и постараемся хоть кого-то спасти. Но для того, чтобы это сделать, нам надо принять вид каких-то местных существ. Ведь мы не можем прилететь туда в человеческом облике.

Дорогой Крыс! Я знаю, что вы с Весельчаком У умели раньше принимать облик любого живого существа и из-за этого причинили нам с папой много неприятностей. Я думаю, что теперь, когда вы живете на пенсии, вам не нужны средства для изменения внешности. Не можешь ли ты поделиться со мной этим секретом? Я была бы благодарна. А уж как будут тебе благодарны драконы, динозавры и тритоны планеты Стеговия, трудно вообразить.

Пожалуйста, не откажи мне в просьбе.

Видеописьмо получилось размером с почтовую открытку. Алиса кинула его в почтовую трубу, которая находилась в коридоре, возле входной двери. Почтовый ящик щелкнул, принимая письмо, и Алиса представила себе, как оно, превратившись в точку-сигнал, улетело в Галактику. Для почты нет секретов и нет секретных планет. Завтра письмо уже попадет в логово к космическим пиратам, если, конечно, им не надоело быть хорошими и они не отправились в новый бандитский налет.

Отправив письмо, Алиса вышла из дому, добежала до угла, где была стоянка флаеров, и, взяв машину, полетела в Польшу, где недалеко от города Вроцлава жили ее друзья — необыкновенная женщина Ирия, ее муж Тадеуш и дочка Вандочка. Ирия Гай — инопланетянка и конструктор космических кораблей. Только она больше любит готовить обеды, солить грибы и варить варенье. Еще она обожает лечить от всех настоящих и будущих болезней своего любимого мужа, космического биолога Тадеуша. Она рада была бы с утра до вечера лечить и свою маленькую Вандочку, но не тут-то было.

В саду дома под Вроцлавом стоит небольшой, похожий на яйцо с руками космический корабль Гай-до. Его построила Ирия Гай.

Гай-до считает себя братом Ирии, а порой готов заменить ей родителей. Гай-до — лучший в Галактике разумный космический корабль. Но когда он не летает, он заботится о Вандочке и не дает маме Ирии перекармливать, перелечивать и перетискивать ребенка.

Алиса опустилась в саду за домом Тадеуша и, оставив флаер, пошла к зарослям морозоустойчивого бамбука, где скрывался от чужих взоров корабль Гай-до. Когда она вышла на лужайку, то увидела чудесную картинку.

Вандочка училась ходить, держась за длинный металлический палец Гай-до. Девочка смеялась, и корабль булькал, изображая смех.

— Здравствуйте! — громко сказала Алиса. — Неужели мы уже умеем ходить? Ведь Вандочка только что родилась.

— Время! — ответил ей космический корабль. — Неумолимое время покрывает серебром наши волосы, сгибает наши ноги и насылает на нас болезни. Молодые растут, а старики сгибаются под тяжестью лет.

— Кто же здесь старик? — удивилась Алиса. — Кто здесь согнулся под тяжестью лет?

Маленькая девочка выпустила металлический палец, сделала несколько шагов, упала в траву и заплакала.

— Что ты наделала! — возмутился корабль. Его открытый люк казался плачущим ртом. — Ты чуть не загубила нашу крошку.

Корабль схватил девочку своими длинными манипуляторами и бережно, словно стеклянную, перенес внутрь себя.

Только он успел это сделать, как на дорожке показалась красавица с распущенными волосами, в коротком халатике и с поварешкой в руке. Это была Ирия Гай.

— Почему ребенок плачет? — закричала она.

— Ребенок уже не плачет, — с достоинством ответил корабль. — И я ни в чем не виноват. Девочку испугала твоя подруга Алиса.

Вообще-то Гай-до не доносчик. Но в тот момент он перепугался, что у него отнимут воспитанницу.

Ирия заглянула внутрь Гай-до и увидела, что ее дочка невредима. Она сидит на полу и

играет в кубики. Тогда она обернулась к Алисе и сказала:

— Прости, Алиса, я не заметила, как ты прилетела. Я так была занята лимонным пирогом! Пошли на кухню, а то у меня все сгорит.

На кухне все было в порядке, ничего не подгорело. Алиса расспросила Ирию, как живет и чувствует себя ее семья, а Ирия поведала ей о том, что у Тадеуша вчера был насморк, Вандочка по недосмотру этого Гай-до оцарапала коленку, а сам Гай-до подвергся нападению стаи голубей, которые его всего изгадили. Алиса послушно внимала молодой женщине, а между делом пробовала пирог.

Вдруг Ирия спохватилась:

— А почему ты прилетела? У тебя неприятности? Что-то случилось? Кто-то заболел? Говори честно, ничего не утаивай.

— Честное слово, все здоровы, а мы с Пашкой Гераскиным собираемся на планету Стеговия, где живут динозавры и ископаемые драконы.

— А кто из взрослых с вами полетит? — спросила Ирия.

— Пока никто, — сказала Алиса, которая ждала такого вопроса.

— Ты с ума сошла! Вас там разорвут и затопчут!

— Ирия, миленькая, ты же знаешь, что мы с Пашкой были в разных переделках и всегда выходили сухими из воды.

— Это бывает до определенного момента, — возразила Ирия. — Нет, я вас не отпущу!

— Но ты же не можешь лететь с нами. И Тадеуш занят...

Алиса сделала вид, что рассуждает вслух. На самом деле она искусно направляла мысли Ирии. К счастью, Ирия этого не замечала.

— Тогда... — произнесла она. — Тогда я пошлю с вами Гай-до.

— О нет! Он так нужен дома! Он же учит Вандочку ходить.

— Вот именно этого ему делать не следует! — возразила Ирия. — Я обойдусь без него. А старичку пора прокатиться, понежиться в вакууме, окунуться в черные дыры и повертеться в бурных атмосферах.

— Ой, я не уверена! Он, наверное, все забыл! — сказала Алиса, стараясь сдержать улыбку.

И тут в разговор вмешался Гай-до, который до этого молчал.

— Я ничего никогда не забываю, — заявил он. — У меня абсолютная память.

— Вот и договорились! — поспешила сказать Алиса, пока кто-то из них не передумал. — На днях мы летим в космос!

— Погоди, погоди! — воскликнул Гай-до. — А как же Вандочка?

— Хватит прохлаждаться. Займись профилактикой, — приказала Ирия. — Если найдешь в себе неполадки, сообщи мне до нуля часов. Сегодня ночью я приведу тебя в порядок.

Корабль вздохнул, потом спросил:

— А надолго лететь?

— На несколько дней, — ответила Алиса. — Всего на несколько дней. Но путешествие будет опасным.

— Тогда я согласен, — ответил корабль.

Через два дня Алиса получила видеописьмо.

Когда она развернула его, на листе пленки появилось не очень приятное, зато похожее лицо бывшего космического пирата Крыса, который ушел на пенсию и занимался музыкой.

«Здравствуй, Алисочка! — сказал пират. — Как приятно было получить от тебя письмо! Мой друг Весельчак У говорит, что чем дольше мы с ним будем честными пенсионерами, тем больше писем будем получать. Ты спрашиваешь, каким образом мы научились менять свою внешность? Это страшная тайна. Но тебе мы ее можем открыть. Как-то, много лет назад, еще будучи молодыми шакалами космических трасс, мы с Весельчаком попали на планету Синий Воздух. У нее есть другое официальное название, но местные жители называют ее именно так. Мы собирались немного пограбить и побаловаться там, но по молодости лет не рассчитали своих сил и попали там в тюрьму. Мы думали, что нам пришел конец, но у них как раз тогда проходил всепланетный театральный фестиваль. Жители Синего Воздуха — ужасные любители разных зрелищ, оркестров, театров и балетов. Ну и вот — сидим мы в тюрьме, обливаемся слезами, проклиная нашу судьбу-злодейку, как вдруг двери темницы раскрываются, и нам говорят: „Выходите, голубчики, у нас амнистия, потому что мы все идем в театр“. Такие вот „чайники“ живут на той планете. Значит, выпустили нас на свободу и приказали на прощание идти с ними в театр. Нам что, мы согласились. И тут мы увидели такую вещь, что удивились на всю жизнь...»

Лицо Крыса на экранчике письма сморщилось от смеха. Теперь он был больше похож на ящерицу, чем на крысу. Но Алисе не было противно смотреть на него. Она уже привыкла к этой физиономии. У Крыса ведь тоже была мама, подумала она. И хоть мама Крыса не отличалась хорошим характером, ее мальчик ей казался красивым. Так думают все мамы, даже крокодилов.

«Представляешь, там была одна артистка, вполне приличная. Она все кричала, била себя в грудь, переживала, а эти синевоздушники хлопали в ладоши и кричали ей: „Давай еще!“ Выходим мы с Весельчаком после спектакля на улицу и видим: вокруг нас каждая вторая женщина — ну точная копия той артисточки! Мы сначала думали, что рехнулись, не может того быть! Но нам объяснили, что на Синем Воздухе есть такая травка, из нее делают пилюли. Как примешь пилюлю, можешь превратиться в кого желаешь. Эти чудачки придумали ей самое глупое применение — они превращаются в тех людей, кого любят. Мало им того, что на выборах президента половина планеты ходит в виде одного кандидата, а половина планеты в виде его противника. Мало того, что возлюбленные превращаются на свиданиях друг в друга, чтобы доказать свою любовь. Но после каждого концерта полгорода принимает вид какого-нибудь барабанщика. Правда, у них довольно строгие правила — если ты воспользуешься этой травкой во вред окружающим, для преступления или даже для злой шутки, то тебя жестоко наказывают. Знаешь как? Тебе делают укол, после которого травка уже никогда на тебя не подействует.

Для них это просто трагедия. Привыкают изменяться, а тут ходи всю жизнь таким, какой есть!

Но мы с Весельчаком У были не такими воспитанными, как жители Синего Воздуха. Мы взломали в ту же ночь одну аптеку и взяли ящик пилюль. Нам на всю жизнь хватило! У нас и сейчас еще осталось, но немного. Мы бы рады тебе прислать, но пойми нас правильно. Дружба дружбой, а денежки врозь. Мало ли, что еще в жизни случится, а мы не хотим оставаться без пилюль. Так что тебе придется самой слетать на Синий Воздух и попросить у них лекарства для своих дел. Не обижайся, такова жизнь! А если захочешь к нам заглянуть, милости просим. Тарелка супа для тебя всегда найдется. Я купил новый барабан, и его удары слышны на другой стороне нашей планеты.

Твой старый и злейший друг

капитан Крыс».

Алиса позвонила Пашке Гераскину.

— Ну как? — спросил ее друг. — Получила ответ от Крыса?

— Да. Он рассказал, где раздобыл средство менять облик, но не захотел с нами поделиться.

— Узнаю старого пирата, — сказал Пашка. — Не хочет расставаться со своим испытанным оружием. А на той планете нам это средство дадут?

— Крыс уверяет, что средство добывают из травы, которая растет на планете Синий Воздух. Ты слышал о такой планете? Там очень любят искусство.

— погоди, — сказал Пашка. — Сейчас свяжусь с рок-джампменом Габриэлем Федоренко. Он недавно вернулся с гастролей. Кажется, он мне говорил о такой планете...

Пашка оказался прав. Через полчаса он перезвонил Алисе и сказал, что отыскал Габриэля на репетиции и тот признался, что только что возвратился с планеты Синий Воздух, и даже передал Пашке по пневмопочте удивительную фотографию. На большой фотографии стояло в ряд примерно пятьдесят человек, все — точная копия Габриэля Федоренко. А внизу было подписано: «Угадай, кто из них — я?»

Значит, Крыс был прав. Травка существовала.

На следующее утро Алиса и Пашка сообщили своим родителям, что срочные дела требуют их отлета с Земли на неделю, но что они задерживаться не будут и к началу занятий в школе не опоздают.

После этого друзья вылетели к Вроцлаву, где их уже ждал корабль Гай-до.

Как Ирия и обещала, она привела в порядок Гай-до. Тот был заправлен топливом, и холодильник его был полон продуктов, потому что никто не знал, есть ли продукты на замерзающей планете. Гай-до был взволнован, он распевал боевые марши и хлопал в ладоши манипуляторами. Но в последний момент, когда все уже было готово к отлету, он вдруг загрустил и сказал, что не может расстаться на целую неделю с крошкой Вандочкой и поэтому никуда не полетит.

Тут уж Ирия вышла из себя:

— Если ты не можешь держать своего слова и превратился из корабля в сумасшедшую бабушку, оставайся дома! Ржавей и рассыпайся! Но учти, что я никогда не подпущу близко к моей дочке такую истеричку! Понял?

Гай-до молчал целую минуту.

Потом вздохнул и произнес:

— Понял... я шутил, госпожа! Конечно же, я все сделаю для моих юных друзей. А ты уж позаботься о Вандочке, пока меня не будет.

Глава 3

Знаменитый космический археолог Громозека похож на слона с щупальцами вместо рук. Глаз у Громозеки ровно восемь, и они окружают его голову так, что ему не надо ее поворачивать, чтобы поглядеть назад. На голове Громозека носит кубанскую папаху, которую ему когда-то подарил Алисин папа, профессор Селезнев.

Знаменитый космический археолог Громозека стоял перед гигантской ямой, откуда исходило зеленое сияние, — там на глубине десяти метров его экспедиция только что обнаружила древнюю ванну, вырубленную из одного кристалла изумруда. Кристалл был размером с паровоз и сиял так, что небо над ним стало зеленым.

Громозека, открывший такое чудо совершенно забытой цивилизации на совершенно необитаемой планете, никак не мог решить, то ли ему вывезти ванну в Галактический центр, чтобы все жители Галактики могли ею полюбоваться, то ли сделать на этой необитаемой планете специальный музей, чтобы сюда прилетали туристы. Правда, эта необитаемая планета прячется между звезд на окраине Галактики, и вряд ли многих туристов удастся сюда завлечь.

Помощники Громозеки, собравшиеся в экспедицию с разных планет — розовые, зеленые, трехногие, одноногие, с хоботами, носами, клювами, все как на подбор мелкие, втрое ниже Громозеки, но шустрые и деловые, — столпились вокруг и громко восхищались красотой и редкостью находки.

Со стороны навеса, где стоял обеденный стол и хранились редкие черепки, медленно ехал автопогрузчик, чтобы извлечь из ямы ванну.

В этот момент браслет на одном из щупальцев Громозеки заговорил голосом диспетчера:

— Профессор Громозека, корабль Гай-до просит разрешения на посадку. Что делать?

Вопрос был не праздным. Дело в том, что когда археологи раскапывают мертвую планету, то посадка туристов или вообще посторонних существ там обычно запрещается. И не только потому, что туристы могут нечаянно утащить или сломать какую-нибудь находку. Известны случаи, когда в древних слоях, открытых археологами, таились опасные вирусы или даже замерзшие под землей насекомые и гады.

Правда, здесь этого не наблюдалось, но осторожность никогда не мешает.

— Гай-до! — воскликнул профессор Громозека. — Мне знакомо это слово. Я подозреваю, что меня решила навестить моя любимая подруга Алиса. Немедленно вытащить ванну наружу! Я хочу, чтобы Алисочка полюбовалась нашей находкой. Кроме того, прошу накрыть столы. Все самое вкусное — моей подруге!

На пустынной планете началась страшная суета, потому что все археологи Вселенной скучают без гостей и любят их принимать. А тут, оказывается, приближается знаменитая Алиса Селезнева, о которой написано столько книг и снято столько фильмов!

Похожий на яйцо космический корабль Гай-до пронесся над планетой и мягко опустился рядом с раскопками. Его тень упала на изумрудную ванну, а ее отблеск озарил бок корабля.

Люк открылся, и из корабля вышли два человека.

Совершенно незнакомые археологу Громозеке.

Невысокого роста человек с бакенбардами поддерживал под локоть высокую красавицу с томными глазами. Черноволосый человек был облачен в темный костюм с высоким

стоячим воротником. В свободной руке он держал странного вида высокую черную шляпу, которая раньше называлась цилиндром. Красавица же была одета в длинное, до земли, платье, и ее плечи были обнажены.

— Театр приехал! — пискнул какой-то лохматый практикант.

Но Громозека, который отлично разбирался в людях, сразу сообразил, что эти гости — не актеры.

— Добро пожаловать, — произнес он, пуская две струи дыма из ноздрей и прикрыв передние глаза. — Должен признаться, что я ожидал прилета моей дорогой подруги, но раз прилетели вы, я тоже рад.

— Большое спасибо, профессор Громозека! — сказала красивая дама. — Мы знали, что можем рассчитывать на ваше гостеприимство. Ах, что это?

Дама увидела изумрудную ванну. Она была потрясена.

— Это изумрудная ванна, — сказал Громозека, — ей по крайней мере три тысячи лет, а она выглядит как новенькая.

— И в ней можно мыться? — спросила дама.

— Мыться? — Громозека растерялся. Ему и в голову не могло прийти, что кто-то захочет мыться в памятнике древнего искусства. — Может быть, может быть... А кто вы будете?

— Простите, что мы не представились, — сказал невысокий черноволосый мужчина. — Моя фамилия Пушкин. Александр Сергеевич Пушкин, знаменитый русский поэт. А это — моя любимая жена Наталия Николаевна. Из-за нее меня убили на дуэли.

Услышав столь странную фразу, помощники Громозеки загомонили на разных языках. Они испугались, что к ним пожаловали привидения.

Чей-то пронзительный голос завопил:

— Мы не потерпим мертвяков! К нам уже лезли мертвяки, мы их всех выгнали.

— Мы не мертвяки, — с достоинством ответила Наталия Николаевна.

— Значит, вы живые? — спросил растерянный Громозека.

— С одной стороны, — задумчиво произнес поэт Пушкин, — меня убили больше двухсот лет назад. С другой стороны, вы можете меня пощупать и убедиться, что я совершенно теплый и мягкий. То же относится и к моей жене Наташе, только я обычно не позволяю другим мужчинам ее трогать.

Археологи ничего не понимали и стояли вокруг, разинув рты. Но и гости ничего не хотели объяснить.

Громозека, который все еще старался изобразить из себя гостеприимного хозяина, спросил:

— Может быть, вы хотите позавтракать?

— Как, Наташа? — спросил Пушкин.

— С удовольствием, — ответила его красавица жена. — Но сначала я должна принять ванну. Спасибо господам археологам и гробокопателям, что они принесли ванну. Я попрошу сделать вокруг нее занавеску и согреть воду. Я буду сегодня принимать изумрудную ванну. Мне врачи рекомендовали изумруд от зубной боли.

Громозека растерянно задышал дымом и принялся чесать свои толстые бока когтями, которыми заканчивались его щупальца. Он не знал, как объяснить странным гостям, сразу ископаемым и живым, что археологические находки нельзя использовать по прямому назначению. А вдруг они сломаются? Нет, место им в музее.

— Что же вы молчите? — удивилась жена Пушкина. — Неужели вам жалко? Неужели вы боитесь, что ванна разобьется?

— Нельзя! — закричал один из ассистентов Громозеки. — Ни в коем случае! Это же мировая ценность.

— Саша, — сказала тогда Наталия Николаевна, — нас здесь не уважают. Немедленно возвращаемся на корабль и отправляемся на другую планету.

— Если ты считаешь, что это правильно, — ответил Пушкин, — то я тебе подчиняюсь. Но, честно говоря, я хотел бы сначала пообедать.

— Но я же никогда не купалась в изумрудной ванне! — Наталия Николаевна даже топнула ножкой в бархатной туфельке.

Так как ответа она не получила, то, не попрощавшись, направилась к кораблю Гай-до. Муж последовал за ней.

— Может быть, вам понравится наш суп из лангустов, — взмолился Громозека, спеша к Гай-до следом за семейством Пушкиных. — Я не хотел бы, чтобы вы улетели без обеда.

Пушкины уже подошли к кораблю, Громозека почти догнал их, но тут все испортил Гай-до. И надо же было кораблю засмеяться!

Никто не ожидал от него такого безобразия.

Гай-до даже раскачивался от смеха. И звуки, которые вылетали из него, были похожи на кваканье гигантской лягушки.

— Это еще что такое! — воскликнул Громозека. — Что такого смешного вы нашли здесь?

— Ой, Пушкин! — ответил Гай-до. — Я сам — такой же Пушкин!

В растерянности археологи крутили головами, стараясь понять, что же происходит, как вдруг с совершенно чистого синего неба хлынул обильный ливень.

Археологи кинулись под навес.

— Это он! — крикнул на бегу Громозека.

— Это он! — вторили археологи.

Пушкин и Наталия Николаевна, которые побежали следом за Громозекой, промокли не меньше других от неожиданного ливня.

— Кто такой — он? — спросил Пушкин. — О ком вы говорили?

— К сожалению, мои друзья имеют в виду именно меня, — ответил крошечного роста человек, такой худенький, словно родители его были муравьями. Большой, похожий на грушу нос перетягивал человечка вперед, и он был вынужден опираться на трость. — Все думают, что я виноват в стихийных бедствиях. Но это не так.

И человечек стукнул тростью о пол. Дождь пошел с удвоенной силой.

— Разрешите вам представить, — сказал Громозека Пушкину. — Магистр Эмальчик.

— Теодор Эмальчик, — поправил Громозеку человечек, который доставал ему до колен. — Магистр физики и доктор катастрофических наук. Величайший специалист по катастрофам в Галактике.

Загремел гром, навес пошатнулся, но устоял.

Человечек снял широкополую темную шляпу, и под ней обнаружилась рыжая щевелюра.

— Очень приятно, — ответил Пушкин и тоже снял черный цилиндр. — Меня зовут Александром Сергеевичем. Я — знаменитый русский поэт.

— Не знаю, не слышал, не интересуюсь поэзией. Мыслю глобальными масштабами, —

ответил Эмальчик.

Несмотря на свой маленький рост, он был очень гордым человеком.

— А это моя жена, — сказал Пушкин, не смущаясь ответом катастрофиста, — Наталия Николаевна.

— Женщинами тоже не интересуюсь, — сказал катастрофист. — Жду завтрака.

— А я жду, когда мне нальют шампанское в изумрудную ванну, — заявила жена Пушкина. — Я хочу купаться в шампанском.

Дождь все еще барабанил по крыше навеса.

Громозека задумчиво поскреб когтем один из своих подбородков.

— Странно, — сказал он. — Я человек начитанный, русскую литературу люблю и читал о семье Пушкина. Но не верю! Признайтесь, вы меня разыгрываете?

— Нет! — воскликнул Пушкин.

Его жена выступила вперед, вынула из бисерного кошелька желтую пилюлю, проглотила ее и на глазах пораженных археологов превратилась в высокую худенькую девочку лет двенадцати.

— Я так и думал, — сказал Громозека. — Я вижу перед собой Алису Селезневу, и я прощаю ей все неуместные шутки.

Возгласы удивления послышались из толпы археологов, и они усилились, когда Пушкин тоже проглотил пилюлю и стал мальчиком, курносый и темноволосый, с такими озорными глазами, что было совершенно ясно — с ним надо держать себя начеку.

Катастрофист Эмальчик удивился настолько, что сел за стол и стал пить сгущенное молоко. А дождь сразу прекратился.

— Что с вами было? — спросил Громозека. — Неужели вы настолько увлеклись изучением творчества Пушкина, что превратились в него?

— В Пушкина превратиться — еще куда ни шло, — отозвался Эмальчик, — но при чем тут его жена?

Пашка с аппетитом принялся завтракать, а Алиса рассказала археологам, как они с Пашкой Гераскиным прилетели на планету Синий Воздух, потому что им нужны были пилюли для превращения. Оказалось, что достать эти пилюли непросто. Жители планеты очень боятся, что они попадут в дурные руки, как уже случалось раньше. Поэтому они устроили Алисе и Пашке испытания, чтобы выяснить, правду ли они говорят о несчастных замерзающих чудовищах на планете Стеговия. А когда убедились, что гости сказали правду, то потребовали с них плату за пилюли. И догадайтесь, какую?

— Я уже догадался, — заявил Громозека. — Они уговорили вас показать им всевозможных героев, писателей и ученых Земли для их музея. Вот вы и превратились в семью Пушкиных.

— Ты почти угадал, Громозека, — сказала Алиса. — Но на самом деле они послали нас в университет, на литературно-исторический факультет. И мы там читали им лекции. Пять дней подряд. Когда мы читали стихи Лермонтова, то Пашка превращался в Лермонтова, а я в его бабушку. Когда мы рассказывали о дуэли Пушкина, то я становилась Наталией Николаевной, а Пашка — убийцей Пушкина Дантесом.

Алиса показала на обеденный стол, и, обернувшись, археологи увидели, что на месте Пашки там сидит и пьет кофе со сгущенным молоком статный усатый господин в белом мундире. Лицо у господина было надменное и злое.

— Познакомьтесь, — произнесла Алиса. — Дантес.

Господин поднялся, поклонился и вытащил из-за пояса пистолет с длинным стволом.

— Чья очередь? — спросил он, направляя пистолет на археологов. Те прыснули в разные стороны, а Громозека хотел отобрать пистолет у Дантеса, но его когти пронзили пустой воздух.

— Зря стараешься, Громозека, — сказала Алиса. — Пистолет тебе только кажется.

И тут Дантес снова превратился в Пашку Гераскина. Алиса сказала:

— И вот пять дней мы читали тамошним студентам стихи и рассказывали о земных писателях. Хорошо еще, что я люблю поэзию и помню многие стихи наизусть.

— Я тоже помню! — воскликнул Пашка. — «Ты помнишь, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, французам отдана!»

Все замолчали, ожидая услышать все стихотворение. Пашка замолчал. Потом сказал:

— Лермонтов. «Бородино». Стихотворение. «Ты помнишь, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, французам отдана...» И так далее.

— Что — так далее? — вежливо спросил Громозека.

— Далее идет описание древнего сражения, это не так интересно.

Археологи засмеялись, поняв, что Пашка забыл продолжение. Когда их смех утих, Алиса продолжала свой рассказ:

— Мы прочли лекции в университете, нам выдали пилюли, и мы полетели на Стеговию. А по дороге Гай-до сообщил, что в этом секторе Галактики трудится наш друг Громозека, который сделал важные открытия. Вот мы и решили навестить вас.

— В образе Пушкина и его жены, — закончил Пашка. — Мы хотели вас повеселить.

— Все ясно, — сказал Громозека. — И я, честно говоря, испытываю большое облегчение.

— Почему?

— Потому что никто не будет просить моего разрешения искупаться в памятнике старины — изумрудной ванне.

— Разве нельзя? — печально спросила Алиса. — А я так об этом мечтала: вот прилечу к Громозеке и нырну в ванну!

— Алиса!

— Я шучу!

Все сели за стол, и за завтраком Алиса рассказала о несчастной судьбе планеты Стеговия. Археологи сочувствовали чудовищам, которым, видно, придется вымирать, и давали путешественникам различные, большей частью бесполезные советы.

— Неплохо, — сказал наконец Громозека, — если бы вам удалось вывезти со Стеговии каких-нибудь живых существ и переселить их на другую планету.

— На эту, на нашу! — воскликнул лохматый практикант. — Здесь все равно никто не живет.

— К сожалению, на планете никто не живет, потому что здесь нет воды и растительности. Когда-то местные жители настолько загадили эту планету, что сами вымерли, а планета до сих пор прийти в себя не может.

— Сюда динозавров везти нельзя, — согласилась Алиса.

— Но если понадобится помощь, — закончил Громозека, — сразу выходите с нами на связь.

— Спасибо, — сказала Алиса.

После завтрака археологи снова собирались на раскопки, а Пашка с Алисой решили

улететь.

И в этот момент произошло событие, которое изменило судьбу спасательной экспедиции, да, можно сказать, и судьбу всей планеты Стеговия. Потому что махонький человечек Эмальчик, по профессии катастрофист, вдруг заявил:

— Я лечу с вами.

— Почему? — спросила Алиса.

Но никто не услышал ее вопроса, потому что среди археологов поднялось такое веселье, такая радость, что навес зашатался и рухнул. Все, кто сидел под ним, еле успели выскочить наружу. А когда пыль улеглась, Громозека, прочихавшись, заявил:

— Надеюсь, это последняя наша катастрофа.

— Ура! — закричали археологи.

А маленький рыжий Эмальчик, заплетая от волнения тонкие пальчики, признался Алисе:

— Я ничего не могу поделать. Я такой талантливый катастрофист!

Алиса не выдержала:

— Кто-нибудь объяснит мне, что все это значит и чем опасен этот человек?

Громозека отечески положил на затылок катастрофиста тяжелый коготь и сказал:

— Наш друг Эмальчик в самом деле талантливый катастрофист. Он занимается стихийными бедствиями. Всеми и всяческими. Он эти катастрофы изучает, он их чувствует, он их, к сожалению, притягивает к себе, как громоотвод притягивает молнии. И вы сегодня были тому свидетелями. Стоило ему выйти из палатки, как хлынул ливень, стоило ему сказать, что он летит с вами, рухнул наш любимый навес, который не могли пошатнуть бури и землетрясения.

— А как вы это делаете? — спросила Алиса.

— Я сам не знаю, — ответил Эмальчик. — Катастрофы ко мне притягиваются, потом я их изучаю и ликвидирую. Я очень ценный специалист.

— Вам лучше оставаться на необитаемых планетах! — заметил Громозека.

— Зачем же тогда вам с нами лететь? — спросил Пашка, которому соседство катастрофиста совсем не понравилось.

— Но там, на Стеговии, разразилась настоящая катастрофа! — ответил Эмальчик. — Страшная, ужасная, неповторимая! Мне по плечу! Я должен ее увидеть!

— А вы не сделаете хуже? — спросила Алиса.

— А там, насколько я понял, хуже некуда, — ответил Эмальчик. — И, пожалуйста, не бойтесь меня. В обычной жизни я не так уж опасен. Я даже бываю полезен. Я прилетел сюда и сразу совершил такой обвал вон на той горе, что из-под него показался целый город! Разве не так?

— Так! — хором согласились археологи, и Алиса заподозрила, что они не совсем искренни. Уж очень спешили похвалить катастрофиста.

— Только обещайте не устраивать нам никаких катастроф, — попросила Алиса.

— Не бойся, — отозвался Гай-до, который стоял в отдалении, но, разумеется, все слышал, потому что у него был такой слух, что он слышал, как договариваются комары в соседнем лесу. — Если его катастрофы принесут вред моей Алисочке, то я его хоть в другой Галактике отыщу, со дна океана подниму и лично на него упаду. Такой катастрофы никто еще не видел!

— Вы этого не сделаете! — громко ответил Эмальчик, который, правда, немного

струхнул. — Роботы не имеют права причинять людям зло. Даже если я нечаянно устрою катастрофу, меня может судить только человеческий суд.

— Не беспокойтесь, — откликнулся Гай-до, — я все могу. У меня на борту дети. А ради спасения и защиты детей корабль имеет право на любые действия. Смотрите Справочник спасательной службы, статья пятьсот шестьдесят семь, параграф три.

Катастрофист замолчал. Он неуверенно топтался на месте...

— Так вы летите с нами? — спросила Алиса. Она думала, что после таких угроз Эмальчик откажется.

Но ученый вздохнул и ответил:

— Придется мною пожертвовать. Но планета Стеговия настолько интересный объект с точки зрения катастрофизма, что я не могу отказаться от полета.

— Ну, тогда держись! — пригрозил кораблик.

Попрощавшись с археологами, которые не скрывали радости, что отделались от маленького катастрофиста, Алиса, Пашка и новый член экспедиции поднялись на борт Гай-до.

Громозека подошел к люку.

— Может быть, все же оставим его здесь? — спросил он.

— Ничего, справимся, — ответила Алиса.

— Я ведь могу принести пользу! — плачущим голосом откликнулся из корабля катастрофист. И тут же внутри Гай-до раздался глухой взрыв и белое облако вырвалось из люка.

— Огнетушители сюда! — приказал Громозека.

— Не надо, — откликнулась Алиса. — Ничего страшного.

— Это я немного виноват, — сказал изнутри Эмальчик. — Я нечаянно сел на пластиковый мешок с мукой. И он лопнул. Но ведь это не катастрофа?

— Для кого как, — ответил Гай-до. — Для меня катастрофа. Мне придется всего себя изнутри пылесосить. К тому же это предпоследний мешок муки, который я достал из трюма, чтобы испечь детям оладушки.

— Начинается, — вздохнул Громозека.

Люк закрылся, и Гай-до, набирая скорость, помчался к облакам.

Громозека долго смотрел ему вслед, и все его восемь глаз были печальны. В четырех из них блеснули слезы.

Он был глубоко встревожен за судьбу экспедиции по спасению животных на планете Стеговия.

Глава 4

В тот вечер впервые в жизни Гай-до не уследил за молоком, которое убежало, залив кухонный компьютер.

Картинка, изображавшая Вандочку на руках Ирии, которая висела над пультом управления, упала со стены и разбила по пути вазу для цветов.

Пашка спешил к приемнику, чтобы посмотреть второй тайм матча «Жальгирис» — «Реал», споткнулся о кресло, расшиб палец, столкнулся с Алисой, набил ей шишку на лбу.

— Это я во всем виноват, — сказал маленький Эмальчик, жуя подгоревшую котлету. — Вокруг меня странное, не учтенное наукой поле. Поле повышенной раздражительности. Я как бы впитываю в себя все сигналы о катастрофах и разрушениях, которые происходят вокруг. Я их чувствую, даже предчувствую, но точно не могу предсказать. Не дано. Зато порой я могу отыскать их причины и принести пользу. Вы не думайте, что от меня происходят только одни беды. Я должен признаться, что с половины планет, на которых я побывал, меня вышвырнули и едва не убили. Зато на другой половине планет меня наградили орденами и медалями, поставили в мою честь памятники и назвали моим именем фабрики, улицы и заводы.

— Вы полетели с нами, чтобы помочь? — спросила Алиса.

— Я полетел, потому что меня притягивают катастрофы, как магнит притягивает кусок железа. И потому я заранее не знаю, пользу я принесу или жуткий вред...

С этими словами Эмальчик вскочил на ноги и закричал:

— Гай-до, сейчас что-то произойдет! Смотри вокруг!

— Что произойдет? — удивился Гай-до. — Впереди открытый космос, ни одного камешка на локаторах!

— Я не знаю, я чувствую, — отозвался катастрофист и полез под стол. Он был не самым смелым человеком.

— Вы что там делаете? — спросил Пашка, приподнимая край скатерти.

— Если бы вы пережили хотя бы одну сотую процента катастроф, которые выпали на мою долю, — отозвался из-под стола Эмальчик, — вы бы не под стол, а под кровать залезли и не вылезали бы до конца полета.

Положение было нелепое и тревожное. Корабль летел, включив все локаторы и внимательно оглядывая окрестности на миллион километров вокруг. Алиса и Пашка сидели за столом, поджав ноги, чтобы не ударить ботинком катастрофического гостя. Есть не хотелось. И ничего не происходило.

— Все обошлось, — сказал, не выдержав, Пашка, которому катастрофист уже начал надоедать. — Представление перенесено на завтра.

— Вы так думаете? — спросил Эмальчик, и его огненная шевелюра появилась из-под скатерти. Он стоял на четвереньках, все еще не решаясь выйти.

— Старт! — крикнул Пашка.

Катастрофист испугался, рванулся вперед, захватив край скатерти. Скатерть, разумеется, поехала за ним, все, что стояло на столе, оказалось на полу, в грохоте, звоне и в виде осколков.

— Я отказываюсь! — вопил Гай-до. — Уберите это несчастье! Он погубит нас всех.

Но что самое удивительное — Эмальчик, выбравшись из-под осколков, был страшно доволен. Он сидел на полу и улыбался.

— Какая удача! — воскликнул он.

— Это в чем удача? — Алиса опустила на корточки и принялась собирать осколки с пола.

— Ведь катастрофа оказалась такой небольшой! — заявил катастрофист. — Я боялся, что она будет серьезной и мы все погибнем. А сейчас погибли лишь чашки и тарелки.

— Это только вам катастрофа кажется маленькой, — возразила Алиса, — а для нас она очень серьезна. Мы будем вынуждены питаться из консервных банок. А это не очень приятно.

— Ах, как вы не понимаете! — воскликнул катастрофист Эмальчик. — Эта маленькая катастрофа, которую я устроил сознательно, всех вас спасла!

— Внимание! — негромко произнес Гай-до, и Алиса поняла, что он хочет сообщить им что-то серьезное.

— Включаю экран внешнего обзора при тысячекратном увеличении.

Загорелся экран. Все обернулись к нему.

На экране была видна искра. На глазах она увеличивалась, превращалась в раскаленный белый клубок, затем из клубка стали вырываться протуберанцы — огненные хвосты.

— Что такое? — спросил Пашка.

— Столкновение двух планет, — ответил Гай-до. — Мы наблюдаем редчайшее событие в истории Галактики. Катастрофу вселенского масштаба...

И тогда Алиса посмотрела на рыжего катастрофиста.

— Может, вы это имели в виду? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Эмальчик, ломая пальцы. — Я не уверен. Я чувствовал, что катастрофа надвигается, и потому решил устроить маленькую катастрофу, чтобы не случилось большой... но, наверное, я опоздал.

— Еще как опоздал! — ответил Пашка. — Чашки можно было и не бить.

— Катастрофа произошла без участия господина Эмальчика, — сурово заявил Гай-до. — Планеты сближались, может быть, сотню лет.

— Сближались они без меня, — согласился рыжий катастрофист. — Но столкнулись при мне.

Каждый остался при своем мнении, но, разумеется, и Алиса, и Пашка, и даже Гай-до с тех пор Эмальчика опасались. На второй день полета, после того как случайный метеорит сделал дырку во лбу кораблика и пришлось зашпательовать отверстие, чтобы воздух не вылетел из корабля, Гай-до заявил катастрофисту:

— Как только прилетим на Стеговию, я попрошу тебя держаться от нас подальше. Хватит с нас твоих катастроф.

— Зря вы так ко мне плохо относитесь, господин Гай-до, — ответил катастрофист, — ведь я всегда могу предупредить, что вам что-то грозит.

— Так как ты не знаешь, что нам грозит, может получиться путаница, и мы погибнем, потому что побежим от одной катастрофы к другому несчастью.

Катастрофист вздохнул и согласился. Он только сказал:

— Мне так грустно с вами расставаться. Вы милые люди, и я согласен оберегать вас от катастроф даже с риском для моей жизни.

Тут все хором закричали, что помощь Эмальчика им не нужна, и обиженный катастрофист замолчал и молчал до самой планеты Стеговия.

На подлете к планете Стеговия Алиса достала фотографии, сделанные совсем недавно студентом, которому пришлось оттуда убежать.

— Смотри, — сказала она Пашке, — белые пятна на севере и юге планеты увеличились. Явно ледники надвигаются с полюсов к экватору. Значит, есть опасность, что жизнь на планете скоро погибнет.

— Какая страшная катастрофа, у меня уже все поджилки трясутся, — сказал Эмальчик. — Скорее бы там оказаться! Ведь катастрофы излучают особые волны, а я — единственный человек в Галактике, который их умеет принимать и впитывать.

Он облизнул губы красным остреньким язычком, и Алиса заподозрила, что он не только смотрит на катастрофы, но и питается ими. Не будь катастроф, Эмальчик умер бы от голода.

— Где будем садиться? — спросил Гай-до.

— Давай сначала осмотримся, — предложила Алиса. — Снижайся и включи кинокамеры. Нам нужно понять, кто здесь обитает.

Гай-до снизился у оконечности северных ледников.

Это было грустное зрелище. С бреющего полета можно было рассмотреть, как километровая стена льда медленно ползет по равнине, снося холмы, заполняя реки и озера, как спички ломая деревья.

— Невероятная скорость для ледника, — сообщил Гай-до. — Километр в час. И за день температура падает на градус. Еще несколько недель, и вся планета будет покрыта льдом.

— Это ужасно! — сказала Алиса. — Как только мы вернемся домой, надо будет сообщить в службу Галактической безопасности. Может быть, они найдут способ обогреть планету.

— Ох, какая замечательная катастрофа! — Эмальчик потирал ручки. Ему нравилось то, что он видел на экране.

— Совершенно ненормальный человек, — произнес Гай-до.

— Как все гении, — согласился катастрофист. — Как все гении, я выгляжу ненормальным с точки зрения банальных и глупых существ.

Гай-до замолчал. Ему не нравилось, что его отнесли к банальным существам, но что возразить, он не сообразил.

Гай-до летел совсем низко. Под ним раскинулись обширные леса. Большинство деревьев стояли без листвы, замерзшие или гибнущие. Еще несколько месяцев назад это были тропические вечнозеленые леса, которые не могут выжить в холодном климате.

Вскоре миновали большое озеро, по берегам которого росли пальмы. Листья пальм пожухли и стали бурыми.

Там, на берегу озера, они увидели первых обитателей планеты.

В озере плавали ящеры — у них были округлые тюленьи тела с короткими хвостами и длинными шеями, которые заканчивались маленькими змеиными головами.

— Водоплавающие ящеры, — сказал Пашка. — Похожи на наших земных плезиозавров. Какие размеры, Гай-до?

— Длина двенадцать метров, — ответил корабль. — Включая хвост.

— Не долго им здесь плавать, — сказал катастрофист. — Видите, уже лед по берегам образуется.

Озеро осталось позади. Правда, всегда можно будет проглядеть его на видео.

Через полчаса полета Алиса заметила, что растительность внизу уже не так угнетена, как возле ледника. Видно, здесь, у экватора, было теплее. Между холмами, покрытыми лесами, тянулась степь, где бродило немало животных.

По степи медленно, с достоинством брели корабли саванны — гигантские динозавры на толстых ногах. Они лениво срывали листву с деревьев. Похожие на ошипанных страусов, между ними носились стайками прыгающие птицеящеры, несколько летающих ящеров возились вокруг трупа погибшего гиганта, терзая его и вырывая загнутыми зубастыми клювами куски мяса.

Гай-до тщательно снимал всех животных и пейзажи, собирая информацию для путешественников.

Вскоре степь кончилась, и корабль понесся вдоль колоссального скалистого обрыва, вершина которого исчезала в облаках.

Обрыв был усеян пещерами, как будто оспинами.

Некоторые из них, особенно у подножия обрыва, были так велики, что в них мог спрятаться любой из местных гигантов.

— Смотрите! — воскликнула Алиса.

Они увидели, что перед одной из больших пещер стоит на задних лапах крупный зубастый динозавр, словно охраняет то, что спрятано внутри.

— Заметили место? — спросила Алиса.

— Разумеется, — ответил Гай-до.

Он снизил скорость, чтобы лучше рассмотреть обрыв.

Вскоре они увидели еще пару пещер с часовыми. Динозавры, как по команде, подняли головы, следя за Гай-до, и один из них раскрыл пасть, словно угрожая кораблю.

— Возможно, у них есть зачатки сознания, — сказал Гай-до.

— И если кто и избил несчастного студента, — согласилась Алиса, — то, вернее всего, такие чудовища, как эти. Интересно, что они могут прятать в пещерах?

У третьей такой же пещеры с охраной происходила в тот момент драматическая сцена. Гигантские жабы, с рогами длиной и толщиной в человеческую руку, рвались в пещеру, а динозавры защищались. Жабы полосовали рогами покрытые крупной чешуей и пластинами шкуры динозавров, но у динозавров были клыки и когти не хуже тигриных... Гай-до завис над сценой боя, очень хотелось узнать, чем он кончится... А кончился бой неожиданно — жабы вдруг разом повернулись и не спеша запрыгали прочь. Динозавры тут же принялись зализывать раны, не делая попытки догнать врагов.

Динозавры заметили зависший над их головами космический корабль и начали скалить гигантские пасти и подпрыгивать, угрожая Гай-до.

— Они уже видели нечто подобное, — заметил катастрофист.

В этот день он вел себя тихо, словно готовился к встрече с любимой катастрофой, а теперь сидел, прижав нос к иллюминатору, и только восторженно ахал при виде ледника или гибнущих лесов.

— Я обязательно должна попасть в эти пещеры, — сказала Алиса.

— Зачем? — удивился кораблик.

— Интуиция подсказывает мне: там таится что-то важное, — откликнулась Алиса. — Ведь мы до сих пор не имеем плана действий. Мы прилетели спасти зверей, а звери об этом не знают, и мы сами не знаем, как это сделать, если на них наступает ледник. Мне уже

приходилось бывать в мире, где начинался ледниковый период. Но там был сказочный мир, и ледники наступали несколько сот лет. А здесь мир настоящий...

— И катастрофа настоящая! — радостно отозвался Эмальчик. Со стены упала картина, изображавшая березовую рощу под Вроцлавом, ударила Эмальчика углом по затылку, и хоть он храбрился и уверял, что это не катастрофа, а просто неприятность, на голове у него выросла шишка размером с яблоко.

— Сначала надо выбрать место для посадки, — сказал Гай-до. — Впереди я вижу гряду каменных холмов с голубыми плоскими вершинами. На крайней вершине есть озеро. Как вы смотрите на то, чтобы мне опуститься в озеро?

— Замечательно! — ответил Пашка. — Только непонятно, как мы будем в тебя попадать.

— Через верхний люк, — ответил Гай-до. — Я от него перекину один из манипуляторов, как мостик на край озерца.

— Смешно, — сказал Пашка.

— Зато, если здесь есть ящеры, которые не любят космических гостей, — сказала Алиса, — они ни о чем не догадаются.

Через несколько минут Гай-до осторожно опустился в озеро на вершине холма, вода даже не взволновалась.

— Скорее! — торопился Эмальчик. — Откройте люк! Я хочу вдохнуть свежего воздуха катастроф.

Правда, он был не одинок. Всем хотелось поскорее вылезти наружу.

Гай-до открыл люк и протянул манипулятор, как мостик.

Оттолкнув всех, Эмальчик первым выбежал на обрывистый край холма. Бесконечным зеленым ковром тянулся лес, за ним поднимались голубые горы. Ближе была видна извилистая полоса реки. Холодный ветер пронизывал до костей. Над головами пролетел небольшой ящер с перепончатыми крыльями. Порывом ветра его опрокинуло и понесло вниз, к вершинам деревьев.

Эмальчик натянул на уши свою черную шляпу, рыжие лохмы торчали из-под нее. Эмальчик поморщился.

— Болит? — спросил Пашка.

— Я привык к синякам и шишкам, — ответил катастрофист. — В моей профессии лучше иметь запасную голову... или три.

— Что вы сейчас будете делать? — спросила Алиса.

— Пойду, — просто ответил катастрофист. — Нюхом чую, куда надо идти. Вы не откажете мне в нескольких консервных банках продовольствия?

— Не откажу, — откликнулся Гай-до. — Берите что хотите, только не задерживайтесь.

Катастрофист загадочно улыбнулся.

— Не стоит меня гнать, — прошептал он. — Я вам еще сильно пригожусь.

За пять минут Гай-до набил рюкзак катастрофиста консервными банками и протянул его манипулятором хозяину.

— Спасибо, — сказал Эмальчик. — Было очень приятно с вами путешествовать.

Он обернулся, потянулся к манипулятору, чтобы взять рюкзак, зашатался: носилец Эмальчика перевесил и потянул его вниз. Падая в воду, он схватился за Пашку, Пашка не устоял на ногах и тоже полетел в холодное озеро.

Но реакция Гай-до, который, как утверждал потом, предвидел, что все кончится именно

так, была отменной!

Он отпустил рюкзак и схватил Пашку за шиворот в тот момент, когда тот уже касался воды. Он поставил Пашку на берег рядом с Алисой, а сам сунул манипулятор в озеро и выволок промокшего, нахлебавшегося воды катастрофиста.

— Будем сушиться и обогреться? — спросил Гай-до.

— Еще чего не хватало! — гордо ответил катастрофист.

Он натянул лямки мокрого рюкзака.

— Надеюсь, там ничего не промокло? — спросил он.

— Ничего не промокло, — ответил Гай-до, — я все предвидел.

Катастрофист подобрал свою тросточку и, помахав ею на прощание, зашагал вниз с холма.

— Что-то будет, — произнес Пашка. Он все еще не мог опомниться после своего полупадения в озеро.

Эмальчик как будто подслушал его негромкие слова.

Он неудачно наступил на камень.

Камень покатился вниз и по пути задел еще два камня. Сдвинулись другие камни вокруг Эмальчика.

И вот уже в грохоте и пыли с холма катится вниз небольшая лавина.

На гребне лавины, оседлав большой серый булыжник, несется катастрофист Эмальчик, размахивая тростью...

Лавина врезалась в кусты.

Некоторое время друзья ждали, не зашевелятся ли кусты. Но все было тихо.

— Боюсь, — произнес Пашка, — что это была его последняя катастрофа.

— Ну как же он их не чувствует! — возмутился Гай-до. — Надо мне лететь вниз и поработать манипуляторами.

— погоди, — сказала Алиса. — Мы сбегаете и посмотрим. Будет нужно, позовем тебя.

В сопровождении Пашки Алиса побежала вниз, стараясь держаться в стороне от лавины, над которой еще стояла пыль.

Внизу, у реки, которая обмывала подножие холма, лавина замерла, вкатившись последними булыжниками в воду.

Из-под них торчали ноги катастрофиста. Один из башмаков соскочил и лежал в воде.

Алиса с Пашкой подбежали и, отбросив в сторону крупные камни, дружно вытащили катастрофиста из-под лавины.

Когда его положили в воду, он застонал, открыл глаза и произнес:

— Наверное, вы хотите, чтобы в довершение всего я простудился.

— Нет! — Алиса так обрадовалась, что Эмальчик жив, что совсем на него не рассердилась.

Другое дело Пашка.

— Послушайте, — сказал он. — Даже когда вы ушли от нас, вы все равно попадаете в катастрофы. Мы же не можем вас все время спасать.

— Это правильно. Больше такого не повторится.

Катастрофист, пошатываясь, поднялся. Пашка отдал ему ботинок.

— Я пошел, — сообщил он.

— Может быть, отдохнете? — спросила Алиса. — Поднимитесь наверх, Гай-до даст вам пластырь.

— Шрамы украшают людей моей профессии, — ответил Эмальчик и, прихрамывая, перешел речку вброд. Речка была совсем мелкой, но ему вода доставала до пояса, и раза два его чуть было не снесло.

Глава 6

Проводив неладного катастрофиста, Пашка с Алисой поднялись на холм, к озерку, в котором спрятался Гай-до. Его макушка, как серый валун, поднималась над поверхностью.

— Обошлось? — спросил Гай-до. Большие пузыри воздуха поднялись из глубины.

— Он ушел в самостоятельное плавание, — сказал Пашка.

— Тогда и вам пора собираться, — сказал Гай-до. — Правда, я считаю, что безопаснее оставаться внутри меня. А уж я займусь налаживанием отношений с местным населением.

— Местное население тебя не поймет, — ответил Пашка. — А нам интереснее самим решить сложную задачу.

Алиса с Пашкой забрались внутрь космического корабля и стали рассматривать фотографии, сделанные с видео.

Они решали, в кого из местных чудовищ им лучше превратиться, чтобы удобнее проникать в различные места планеты.

Пашка быстро выбрал себе оболочку. Он решил превратиться в большого боевого ящера, такого, как те, что охраняли пещеры в обрыве. Конечно, Алиса могла бы тоже стать динозаврихой, но она послушалась совета Гай-до.

— Если Пашка станет могучим чудовищем, — сказал Гай-до, — то тебе надо будет отыскать совсем другой облик. Надо, чтобы ты умела делать то, что чудовище сделать не может.

— Петь, да? — спросил Пашка.

— Наивно, — ответил Гай-до. — Не все ли равно нам, поют ли динозавры? А вот такие могучие звери, как ты, летать не умеют.

— Правильно! — воскликнула Алиса. — Какой ты молодец, Гай-до! Конечно, я могу быстро прилетать сюда, если нужно, и видеть все сверху.

— Значит, решено, ты будешь птеродактилем! — сказал Пашка. — Пускай тебя все боятся.

— Опять ошибка, — сказал Гай-до. — Я думаю, что второй наш агент должен быть совсем незаметным. Он не должен повторять агента номер один — он будет дополнять его.

— Ну кем же? Кем же будет второй агент?

— На одном из наших снимков есть махонькая летучая мышь, — сказал корабль. — Она размером со спичечную коробку. Попробуй, Алиса, превратиться в летучую мышь. И станешь незаметной.

— Маленькую никто бояться не будет, — сказал Пашка.

— И замечательно. Ненавижу, когда меня боятся, — ответила Алиса.

— Возникает сложность, — произнес корабль, — как я буду поддерживать с вами связь? Мы можем прикрепить передатчик к шкуре динозавра, но как быть с летучей мышью? Для тебя лишних десять граммов — неподъемная ноша.

— Я постараюсь не отлетать далеко от Пашки, — сказала Алиса.

— А если тебя съедят? — спросил Гай-до. — Учти, что я этого не переживу.

— А я жестоко отомщу убийце, — заявил Пашка, и было непонятно, шутит он или всерьез готов к гибели Алисы и уже планирует месть.

— Хватит! По старшинству — я начальник экспедиции. Я принимаю совет Гай-до и превращаюсь в летучую мышку. Прошу Пашку никому за меня не мстить, потому что на этой планете царит неразумная жизнь, и наша задача ее спасти. Понятно?

— Понятно, — покорно сказал Пашка.

— Но если мне будет страшно, я тебе крикну, — сказала Алиса.

— Ты не крикнешь, а пискнешь, и еще неизвестно, услышу ли я тебя, — ответил Пашка.

— Не будем терять времени, коллеги, — сказала Алиса. — Пойдем, Пашка, на открытый воздух. Пора превращаться.

— А почему на открытом воздухе? — удивился Пашка.

— Потому что когда ты станешь динозавром, то не пролезешь сквозь люк.

Гай-до хмыкнул и сказал:

— Берите голографические снимки. Там есть все размеры. Пилюли оставьте у меня.

— Почему? — спросил Пашка.

— А потому что у динозавров нет карманов. У летучих мышей нет с собой сумочек.

— Счастливо оставаться! — сказала Алиса.

Через люк они выбрались на вершинку корабля. Потом по тонкому мостику перебежали на каменную плоскую поверхность холма.

Стало еще холодней, ветер усилился и дул короткими порывами.

— Он прав, — задумчиво произнесла Алиса, — катастрофа приближается.

Услышав слово «катастрофа», Пашка спросил:

— Как там наш Эмальчик?

— Наверное, он уже впереди, — ответила Алиса и показала на столб смерча, который, завиваясь, несся над равниной у самого горизонта. — Нам лучше держаться от него подальше.

— Хорошо, Алисочка, — сказал Пашка. — Я превращаюсь в хищного динозавра и прошу не попадаться мне на зуб.

Он проглотил пилюлю, отбросил голограмму и на глазах у Алисы стал расти, зеленея и покрываясь толстыми пластинами чешуи. Во все стороны полетели клочки Пашкиной одежды...

— Ну конечно, — проворчал Гай-до, который наблюдал за этим превращением, — если не напомнишь, сами никогда не догадаются. Что же он не разделся!

— Ты же сам сказал почему — потому что ты не напомнил!

— А ты где была?

— Я только сейчас догадалась.

Алиса быстро разделась и направилась по мостику к кораблю. По дороге ей пришлось обогнуть зеленый столб, и, только миновав его, она сообразила, что это была Пашкина нога.

Алиса закинула голову и, пробежав глазами по зеленой чешуйчатой ноге, по серой бронированной груди, по шее с ошейником из шипов, к пасти, усеянной метровыми зубами, к маленьким тупым глазкам, порадовалась, что ей не надо превращаться в такое страшилище.

— Чего смот-ришь? — медленно проговорило чудовище, с трудом ворочая красным языком. — Не узнаешь, что ли, подружка?

— Осторожнее, раздавишь, — отозвалась Алиса.

Она кинула свою одежду в открывшийся люк корабля и, заглянув в голограмму, проглотила таблетку. Она представила себе, как превращается в летучую мышь, изображенную на объемной картинке, и тут же весь мир вокруг стал увеличиваться. И Пашка показался не просто громадным, а таким гигантским, что его голова терялась где-то под облаками.

— Ты где? — громовым голосом прорычал динозавр.

Алиса почувствовала удивительную легкость — она была невесомой! Она могла подняться в небо, к облакам... Хотя ей и не очень хотелось летать по яркому небу, она предпочла бы, чтобы скорее наступил вечер.

Она посмотрела по сторонам — вместо рук у нее были перепончатые серебристые крылья. Алиса наклонилась над водой и увидела свое отражение — мордочка с большими ушами, глаза черные, грудь покрыта короткой шерстью... Она — летучая мышка!

Алиса взмахнула крыльями и легко поднялась в воздух. Она летела рядом с Пашкой, поднимаясь словно на лифте — мимо нее проходили по очереди Пашкины колени, Пашкино брюхо, Пашкина шея, Пашкина морда... И вот все осталось внизу — динозавр с клыкастой мордой, стоявший рядом с небольшим мелким озером на каменной вершине каменного холма, из озера высывалась круглая серебристая сфера — затылок Гай-до. Вокруг расстилались леса, изрезанные широкими и узкими речками, а дальше, над деревьями, поднималась километровая стена — обрыв, к которому и собирались подобраться Пашка с Алисой, чтобы выяснить, как спасти чудовищ.

В небе было интересно, но пока Алиса не привыкла летать — неудобно. Слишком просторно, слишком быстро и близко бегут облака, слишком далеко земля. Хотя Алиса знала, что крылья ее не подведут, все равно было страшновато глядеть вниз. Она и хотела бы лететь пониже, но сильный ветер тянул ее вверх, к облакам. Пашка стал маленьким, он встал на толстые задние лапы и махал передними, стараясь привлечь внимание Алисы. Видно, он беспокоился за нее.

Потом Алиса увидела, как Пашка медленно пошел к подножию холма, но тут низко летящее облако окутало ее, и Алиса потеряла ориентировку. Она старалась спуститься, но ее закружило вихрями. Если бы Алиса была настоящей летучей мышкой, она бы, наверное, нашла способ прижать к телу крылья и спикировать к земле, но ведь Алиса еще только училась летать, и потому она потратила несколько минут, стараясь выбраться из облака, а когда выбралась, то очутилась не под облаками, а над ними, под синим небосводом. Ее глаза, приспособленные для сумерек и ночи, с трудом переносили солнечное сияние, и Алиса вынуждена была зажмуриться.

Ей было так одиноко и страшно, что она уже жалела, что согласилась стать мышкой, а не мамонтом или драконом.

Но сейчас уже ничего не поделаешь — пилюль у нее с собой нет, а Гай-до далеко.

Пока Алиса размышляла, что делать дальше, она почувствовала, как на нее упала тень. Сначала Алисе показалось, что это надвинулось еще одно облако, но когда, прищурившись, посмотрела вверх, то поняла, что к ней, снижаясь, летит большой ящер с перепончатыми крыльями и длинной зубастой пастью. Крылья ящера достигали метров трех в размахе, и Алисе он показался гигантом.

И тут она поняла, что ящер вовсе не намерен любоваться мышкой, а предпочел бы ее съесть. Он вообще-то вылетел на охоту, и если ему не попадет добыча в небе, то он спустится в долину, возле Большого Водопоя, где могут быть недоеденные большими хищниками трупы животных.

Алиса поймала себя на том, что читает примитивные мысли ящера, и не успела еще сообразить, что же это значит, как увидела, что хищник стремительно опускается, выпустив мощные лапы с длинными когтями.

В отчаянии Алиса прижала крылья к телу и нырнула вниз. Главное — успеть

скрыться в облаке.

Ветер свистел в ее больших, покрытых шерстью ушах, воздух стал плотным, как вода, и было трудно пробиться сквозь него, а ящер уже был рядом — вот-вот его когти достанут Алису. И она узнавала его мысли. Видно, в этом мире животные могли читать мысли и чувства других существ. Это надо будет проверить. Интересно, это качество дано всем или только маленьким и беззащитным существам, которые таким образом спасаются от врагов?

«Сейчас достану, сейчас схвачу, сейчас проглочу!» — так думал ящер. А может, так додумывала за него мышка.

В последний момент Алиса успела скрыться в облаке.

Ящер влетел в облако следом за ней, и она продолжала слышать его мысли: «Где она? Почему не вижу? Она близко... сейчас найду...»

Алиса постаралась ни о чем не думать — будешь думать, поймают... Но постепенно мысли ящера звучали все глуше, и Алиса поняла, что слабая мышка лучше слышит чужие мысли, чем ящер. Правильно рассудила природа: она дала способность слышать мысли беззащитным существам...

Наступила тишина.

Особенная тишина, которая бывает лишь внутри облака и которую людям не дано испытать.

Алиса медленно опустилась к земле и вместе с облаком неслась куда-то, словно завернутая в серую непроницаемую вату.

Потом облако кончилось.

Под Алисой, далеко внизу, виднелись холмы, покрытые лесом, а впереди, совсем недалеко, показался обрыв — цель ее путешествия.

Где же Пашка?

Даже если он и идет по лесу, вряд ли его увидишь и узнаешь. Надо будет подлететь поближе, чтобы можно было его распознать среди других чудовищ. Мимо Алисы летела желтая бабочка.

Алиса расправила крылья и метнулась за ней.

Мгновение — и бабочка исчезла... Куда она делась?

Алиса хотела остановить себя, но опоздала. Ее рот втянул бабочку, а глотка проглотила ее. Бабочка оказалась вкусной.

Алиса очень расстроилась. «Еще не хватало, чтобы я стала хищницей! Я-то думала... а что я думала? Мне некогда было подумать. Мы забыли обсудить простую, но важную проблему: чем питаются существа, в которых мы превратились. А вдруг Пашка — кровожадное чудовище? В будущем надо следить за собой, и если захочется схватить стрекозу или бабочку, надо будет думать о бананах или яблоках».

С этими мыслями Алиса помчалась к обрыву, надеясь, что отыщет Пашку, который, конечно же, топает в том же направлении.

Алиса подлетела к гигантскому обрыву.

Верх его скрывался порой в облаках, а порой они расступались, и тогда на его краю были видны игрушечные на вид ящеры, драконы, чудо-жабы и иные обитатели этой планеты.

Чуть в стороне от обрыва Алиса заметила большое озеро, в которое впадала река. Алиса проследила реку взглядом и увидела, что она берет начало наверху и срывается с обрыва водопадом — такого водопада Алисе в жизни видеть не приходилось. Наверное, он падал с

километровой высоты.

Возле озера бродили разные группы животных. Алиса рассудила, что именно там она сможет что-то узнать и отыщет своего Пашку.

Стараясь не обращать внимания на вкусных бабочек и жуков и думая о бананах, Алиса снизилась к озеру. Она внимательно поглядывала по сторонам, понимая, что если ей хочется съесть жука, то среди местных жителей нетрудно найти таких, кто рад бы полакомиться ею самой.

К счастью, никто не обращал на Алису внимания, и она смогла затаиться в листве большого дерева, стоявшего на берегу озера, откуда открывался отличный вид на долину и пещеры.

Среди животных, которые паслись или отдыхали вокруг нее, Алиса почти не нашла млекопитающих. Значит, они на этой планете не успели вывестись. А может быть, подумала она, жизнь на Стеговии развивалась иначе, чем на Земле, и тут динозавры не вымерли, как они вымерли на Земле. А значит, они не освободили места для маленьких предков млекопитающих, то есть теплокровных животных, которые могли заботиться о своих детенышах и выкармливать их. Поэтому их дети могли учиться у своих родителей всему, что те умели, и чаще дорастали до взрослого возраста. А это очень способствует эволюции, то есть прогрессу.

В озере Алиса увидела гигантских водных ящеров, с длинными шеями и маленькими головами, которые были приспособлены для жизни в воде. Они резвились, хлопая по воде широкими лапами и переплетая длинные шеи. В тростниках по низкому берегу озера медленно бродили грузные, защищенные броней травоядные ящеры, которые разгребали ил и грязь ножищами и мордами, выскивая пищу. Похожие на них гиганты паслись и на траве вокруг озера.

А вот и Пашка... впрочем, ты зря поспешила обрадоваться, Алиса. Вон идет еще один Пашка, а вон там — еще один... Несколько чудовищ мирно брели по берегу, не обращая внимания на добычу. Они сошли к воде и стали долго и шумно пить. Они втягивали воду так сильно, что она вспучивалась возле их морд. Затем ящеры отошли к убитому кем-то громадному травоядному динозавру и начали рвать зубами его мясо. «Нет, — подумала Алиса. — Даже если Пашка захотел бы скрыться в этой стае, он никогда бы не стал питаться падалью...»

Алиса сделала усилие, чтобы не схватить пробежавшего по суку жука, и подумала, что надо скорее придумать, как помочь местным чудовищам, и быстро бежать отсюда. Так недолго привыкнуть — будешь потом на Земле гоняться за бабочками... Это еще ничего, только бы Пашка не пристрастился к дохлым динозаврам.

Тут Алиса увидела бредущего в одиночестве хищного ящера. Вот это уже больше похоже на Пашку.

Алиса вылетела из листвы и полетела над берегом озера к этому одинокому ящеру.

Алиса осторожно подлетела к нему и опустилась на загривок, между торчащими кверху роговыми пластинами. Ей хотелось подслушать мысли динозавра.

И ей это удалось.

«Мясо, — думало чудовище, — мягкое мясо. Много мяса. Никому не дам...»

«Неужели это Пашка?» — подумала Алиса. Но ее не услышали.

Тогда она перелетела поближе к уху динозавра и спросила вслух:

— Паша, это ты?

Туша чудовища содрогнулась — оно попыталось могучей лапой ударить себя по уху. «Надо прихлопнуть... — слышала Алиса чужую мысль. — Летают здесь всякие... еще укусят».

Нет, это был не Пашка.

Алиса поднялась в воздух и стала высматривать своего друга.

И тут увидела его.

Без всякого сомнения.

Случилось вот что.

Недалеко от озера паслась семья. Мама-ящерица и детеныш-ящеренок. Это была довольно крупная ящерица, ростом с корову, только втрое длиннее, а детеныш, пожалуй, не уступил бы ростом среднему крокодилу. Он был в игривом настроении, поднимался на задние лапы и потешно молотил передними по боку своей мамы, а та увертывалась от него и улыбалась ящериным ртом.

И тут на поляне появился ящер, настолько тяжело вооруженный, словно он был не ящером, а старинным морским крейсером. Вместо пушек у него во все стороны торчали рога и бивни. В пасти мог бы уместиться автомобиль.

Увидев ящериное семейство, чудовище взвыло и побежало к ним, высоко подбрасывая рогатый зад, словно радовалось встрече со старыми приятелями.

Но все понимали, что на самом деле оно бежит, чтобы сожрать молодую маму и ее ящеренка.

Те замерли в ужасе и слишком поздно кинулись в воду.

Чудовищу оставалось пропрыгать до них метров двадцать, как от группы динозавров-хищников отделился крупный ящер и в два прыжка оказался между крейсеровозавром (так Алиса для себя назвала рогатое чудовище) и семейством ящерицы.

Этот поступок был совершенно непонятен с точки зрения законов этой планеты. Если кто-то решил пообедать своими соседями, никто ему не мешает. У каждого своя столовая и свои жертвы. Понятно еще было, если бы ящер сам набросился на ящерицу, чтобы проглотить ее раньше соперника. Но нет — он защищал ее!

— Пашка! — закричала Алиса.

Только человек, и в первую очередь Пашка Гераскин, мог кинуться защищать незнакомых ящериц на далекой планете, рискуя жизнью. У Пашки есть недостатки, но благородства ему не занимать.

О благородстве крейсеровозавр не имел никакого представления, но когда свой брат хищник встал у него на пути, ящер очень рассердился. Он даже стал менять цвет — по зеленой чешуе ползли желтые и белые полосы, из шкуры полезли новые рога и бивни, словно мало было старых. Крейсеровозавр поднялся на задние лапы, став высотой с шестиэтажный дом, и, забыв о ящерицах, помчался на Пашку.

Сейчас, поняла Алиса, все окончательно выяснится. Это будет зависеть от того, как поведет себя безрассудный хищник, вставший на защиту ящериц. Ведь если это просто ящер, он будет сражаться как тупое существо, а если в нем заключен человек, то он обязательно что-то придумает.

Алисе не пришлось долго ждать.

Когда крейсеровозавр пошел на Пашку (если это был Пашка), тот не стал сражаться с ним морда к морде, а ждал его неподвижно, делая вид, что вовсе не боится противника, который был втрое больше его размером. Но в самый последний момент он сделал прыжок в сторону,

и крейсеровозавр всей своей многотонной массой врезался в болото, подняв столб грязи до самых облаков. Если бы вокруг были зрители, они, конечно, стали бы хлопать в ладоши, но зрители разбежались — никто не хочет попасть под танк.

Нелепо размазывая по морде грязь, чтобы протереть глаза своими короткими когтистыми передними лапами, крейсеровозавр вылез на сухое место и стал крутить головой, стараясь понять, сбежал ли его противник или ждет, когда его добьют.

Оказалось, что противник ждет, отойдя к куче деревьев, похожих на укроп, только в двадцать метров высотой.

Крейсеровозавр взревел так, что вода в озере заволновалась, а все обитатели его, что издали наблюдали за схваткой, попрятались в тростники или ушли в глубину.

Потопав задними лапищами и помахав передними, крейсеровозавр помчался к своему противнику. И тут противник без всякого сомнения доказал, что он не ящер, а самый обыкновенный Пашка Гераскин.

Потому что он успел подобрать с земли бревно, когда крейсеровозавр подбежал к нему, отступил в сторону и изо всех сил стукнул бревном по затылку чудовища.

Разумеется, если бы по чудовищу ударил человек или даже горилла, тот бы и не заметил удара, но не забудьте, что Пашка тоже был довольно крупным, пятиметровым, ящером, боевой машиной первобытного мира. И удар получился таким, что голова его противника сплющилась, и, пробежав еще метров сто, крейсеровозавр потерял равновесие и грохнулся на траву, пропахав носом канаву почти до самого леса.

А Пашка отбросил бревно и захолопал в ладоши. Ладоши у него были как большие подушки, из которых выросли когти, каждый как бычий рог.

Алиса уже спокойно, не таясь, подлетела к ящеру, который хлопал в ладоши, празднуя победу над чудовищем, в несколько раз более сильным, чем он сам, и опустила ему на переносицу между выпученными, как у жабы, глазами.

— Привет, — сказала она. — Развлекаешься?

Глаза, каждый из которых был больше Алисы, повернулись к ней, переносица вздрогнула так, что Алиса еле удержалась, и тут она услышала звук, донесшийся откуда-то из-под нее, потому что там располагался рот чудовища.

— А-ли-са... Ты видела?

— Замечательно! Рыцарь Пашка встает на защиту слабых и обиженных. Ты молодец, и мне понравилось, как ты сражался.

— Честно?

— Честно, Пашка. Но не забывай, что мы прилетели сюда не для того, чтобы убить нескольких ящеров, а для того, чтобы спасти их от холодов.

— Это я... пом-ню... но я... не удер-жал-ся.

— Понимаю, — сказала Алиса. — Пошли тогда к пещере, посмотрим, что там скрывается. Здесь нам делать нечего.

Глава 7

Обрыв поднимался неподалеку от озера. Пашка дотопал до него за пять минут. Алиса летела над ним, и путешествие прошло без приключений, если не считать того, что какая-то хищная летающая лягушка спикировала, чтобы проглотить Алису, но Пашка был настороже. Он легонько оттолкнул Алису в сторону, чуть не поломав ей крылья, и подставил свою пасть летающей лягушке. Летающая лягушка скрылась в Пашкиной пасти, пасть захлопнулась, и Пашка улыбнулся.

— А вот это мне не нравится, — заявила Алиса.

— Че-го?

— А то-го, что ты ничем не отличаешься от местных хулиганов. Кто тебе позволил сожрать лягушку? А что, если у нее дети?

— Нет, — ответило чудовище. — В ней ик-ра...

Пашка пожевал немного и добавил:

— Вкус-на-я.

— Иногда я тебя ненавижу, — сказала Алиса. — То ты ведешь себя как человек, а то превращаешься в крокодила. Знала бы, не взяла тебя с собой.

— А те-бе не хотелось? — спросило чудовище.

— Чего не хотелось?

— Ку-шать.

Алиса взмыла к небу. Ей было неловко признаваться в своей слабости. Ведь Пашка прав — раз ты живешь в чужой оболочке, то эта оболочка хочет кушать то, к чему привыкла.

Пашка засмеялся — словно медленно кашлял. Он-то знал Алису лучше всех. И догадался, что своими словами попал в цель.

Трава была вытоптана, повсюду тянулись, пересекаясь, тропинки, в некоторых местах виднелись глинистые ямы, наполненные грязью, кое-где в них нежились непонятные чудища, похожие на бегемотов. И никак не разберешь, какие они там, в грязи.

Вот и первая пещера.

Перед ней никого не было.

— Пашка, — пискнула мышка Алиса, — я загляну туда, а ты здесь постой, не спеши. Мало ли, какая гадость там может скрываться.

— Если скры-вается, я ее уничто-жу.

— Во-первых, уничтожать — не наша с тобой задача. Ты кого-то уничтожишь, а окажется, что это редкое существо, занесенное в местную Красную книгу.

— Здесь нет ра-зумной жизни!

— Ты хочешь сказать, что некому написать Красную книгу?

— Да.

— А я говорила в переносном смысле. К тому же ты, оказывается, не гуманист.

— Я не гу-ма-нист. Я чу-до-ви-ще! — Пашка лязгнул зубами, чтобы было страшнее.

Алиса влетела в пещеру.

Вход в пещеру был очень велик, чтобы самый большой из динозавров мог войти туда не нагибаясь.

В пещере неприятно пахло, но никого не было видно.

Алиса обернулась. Пашкин силуэт маячил у входа. Пашка переступал с лапы на лапу, ему хотелось последовать за Алисой, но он обещал ждать, значит, надо терпеть.

Алиса летела вглубь. Стало темно, и тут Алиса поняла, что ее глаза чудесно приспособлены к темноте. Человеческий глаз не смог бы что-нибудь рассмотреть. Но глаз летучей мыши видел опасность.

Алиса еле успела замереть в воздухе и свалилась на каменный пол. Ход в глубину перекрывала гигантская паутина.

Движения воздуха, вызванного появлением Алисы, было достаточно, чтобы хозяин паутины проскочил под ее нижним краем и кинулся вперед. Алиса метнулась к потолку... Паук с клешнями, которые могли бы перекусить каменную колонну, прыгнул за ней...

Алиса со свистом понеслась к выходу.

— Пашка, берегись! — пропищала она.

Но друг ее не понял, вместо того чтобы бежать, испугался за Алису и рванулся внутрь пещеры.

Они столкнулись с пауком, и от неожиданности паук сделал шаг назад. Это спасло Пашку.

Он услышал, как Алиса, повиснув на его ухе, кричала:

— Спасайся, Пашка, он ядовитый!

Задом наперед Пашка стал выбираться из пещеры, опомнившийся паук преследовал его, угрожающе раскрывая и закрывая клешни. Клешни смыкались с отвратительным скрежетом. Алиса услышала, как Пашка проворчал:

— На-до ска-зять...

И задом вывалился из пещеры на откос.

Но паук не оставил добычу. Он выбежал следом за Пашкой, и, разглядев паука на свету, Пашка со всех своих гигантских ног кинулся бежать. Паук был покрыт рыжей шерстью, на спине у него сидело штук двадцать паучков, его дети открывали и закрывали свои маленькие клешни, которые тоже омерзительно скрипели.

Паук оказался на редкость шустрым. Пашка не смог от него убежать.

Пашка прыгал, паук тоже прыгал, Пашка проламывался сквозь кустарник, паук тоже проламывался сквозь кустарник... Вот-вот должно было случиться неизбежное: паук уже протянул свои клешни, чтобы уцепиться за Пашкин хвост... Но тут раздался страшный грохот... земля расступилась как раз между Пашкой и пауком, и в ней образовалась двухметровая трещина невероятной глубины. Из нее вырвались столбы пара.

Пашка от страха прыгнул вперед, паук от страха ринулся назад, оба упали по разные стороны пропасти и лежали, стараясь отдышаться.

Алиса опустилась на бок Пашки, который вздымался от частого дыхания, и сказала:

— Тебе сказочно повезло.

— А я вот не верю в сказки, — ответил ей катастрофист Эмальчик, появляясь из столба пара. — Все катастрофы имеют простое физическое объяснение.

— Ой, и вы здесь! — обрадовалась Алиса.

— Как я понимаю, в образе мотылька с ушами я вижу мою подругу Алису! — воскликнул катастрофист.

— А в образе горы запыхавшегося мяса вы видите моего друга Пашку Гераскина, — сказала Алиса. — А вы как здесь оказались?

Маленький человек просиял, запустил ручки в свою рыжую шевелюру и сообщил:

— А я уже общался с уважаемым корабликом Гай-до, и тот подсказал мне, где вас искать.

Человечек расхохотался:

— Где вас искать, я сообразил сразу, но что вы будете в таком несчастном виде, мне бы никогда не догадаться!

— Так это вы устроили трещину? — догадалась Алиса.

— Я устроил не трещину, а катастрофу, — сообщил Эмальчик. — Потому что иначе мне бы никак не остановить этого отвратительного паука.

— Ну уж, — не поверил Пашка. — Та-кой ма-лень-кий, а сделал та-кую яму!

— Катастрофист обязан знать, в какой точке надо приложить немного силы, чтобы получить гигантский результат. Должен сказать тебе, Паша, что общий учитель всех катастрофистов и основатель нашей науки древний грек Архимед как-то сказал: «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир». Теперь тебе ясно?

— Нет, — признался Пашка. — Ящеры не доверяют мелким существам. Они знают, что чем мельче, тем хитрее!

— В следующий раз будет ясно! — сообщил катастрофист и исчез в столбе пара.

— Спасибо! — крикнула ему вслед Алиса. — Большое спасибо, что вы нас спасли.

— А я ду-ма-ю, — сказал Пашка, — тре-щи-на сама по-лу-чи-лась.

— Поблагодарить никогда не мешает.

— Правильно! — высунулась из дыма мордочка катастрофиста. — Лишний раз поблагодаришь — лишний раз спасут.

Наступила тишина.

Пашка с трудом поднялся на все четыре лапы.

— Ну что, — спросила Алиса, — пойдём исследовать другие пещеры?

— Может быть, обойдемся без пещер?

— Нет, — возразила Алиса. — В пещерах они живут. Пока мы не узнаем, что там хранится, нам не догадаться, как их спасти.

Пашка покорно побрел впереди, а Алиса летала вокруг его головы.

Так они дошли до следующей пещеры. Возле нее, как на часах, стояли два ящера, очень похожие на Пашку.

Ящеры внимательно рассматривали Пашку, который был чуть крупнее их и светлее, а двойной гребень на его спине был не черным, а серым. Ведь Пашкин образец гулял сейчас где-то далеко отсюда.

Алиса почувствовала настроение ящеров, которые стерегли вход в пещеру.

Они насторожились при приближении чужака. Пашка был их породы, но мог оказаться и врагом.

«Остановись!» — мысленно приказал один из динозавров Пашке.

Пашка, видно, понял его. Он замер на месте.

Первый динозавр остался у входа в пещеру, второй подошел к Пашке. Со стороны это было странное зрелище. Громоздкий, неуклюжий на вид динозавр, приподнявшись на задних лапах и вытянув толстый короткий хвост, медленно обходит другого такого же динозавра, почти касаясь его ноздрями.

И тут Алиса уловила мысленный вопрос чудовища:

«Чужой?»

Через некоторое время она услышала ответ Пашки:

«Свой».

«Плохой?»

«Хороший», — ответил Пашка.

Значит, существа одной породы могут мысленно общаться!

«Хороший пнут?» — спросил динозавр. Алиса не знала, кто такой пнут, — наверное, и Пашке никто об этом не сказал.

«Хороший пнут», — повторил Пашка.

«Хорошо бы угадал!» — подумала Алиса.

Конечно, динозавры общались не словами, они передавали друг другу общие понятия, которые даже не выразишь словами, и надо быть своими на этой планете, чтобы разбираться в волнах первобытных мыслей.

«Зачем пришел?» — спросил динозавр.

«Пнут пришел к пнуту», — сказал Пашка.

«Пнут к пнуту», — повторил динозавр.

Он обернулся к своему напарнику и мысленно сказал:

«Пнут пришел».

«Хороший?» — спросил напарник, который тоже был туповат.

«Пнут хороший».

Тогда второй динозавр, стоявший у входа в пещеру, подумал так:

«Хороший пнут пришел. Хороший пнут встретил его. Мы все — хорошие пнuty».

«Ну вот, обошлось, — подумала Алиса. — По крайней мере, теперь я буду знать, как называется эта порода чудовищ».

— Пнут Пашка! — пропищала она. — Я полечу в пещеру, погляжу, что они там берегут.

— Осто-рож-но, — сказал Пашка.

Это удивило пнутов.

«Он делает ртом», — сказал один из них.

«Он плохой пнут».

«Все пнuty умеют делать ртом», — ответил им Пашка.

Динозавры растерялись. Такая высота разума была им не под силу. Они начали открывать и закрывать рты, но из них вырывался лишь занудный рев. Ничего больше ртом динозавры изображать не умели.

Пока динозавры, которые стерегли вход в пещеру, учились разговаривать, Алиса незаметно влетела внутрь.

Там было темно, но для Алисиных глаз темноты не существовало.

Пещера была велика. В ней пахло навозом, и там было куда теплее, чем снаружи.

Пол был устлан грязной соломой, а над полом возвышались какие-то темные груды, словно черные стога сена.

Когда Алиса подлетела поближе, она сообразила, что видит пнutyх самок, которые сидят неподвижно и, кажется, дремлют.

Алиса никак не могла понять, почему же они такие неподвижные. Но, опустившись пониже, она поняла, что чудовища заняты делом. Это пнutyхи-наседки. Они высидивают яйца. Если опуститься к самому полу, то увидишь, что из-под животов чудовищ видны округлые бока яиц. Алису удивили цвет и блеск яиц. Яйца отливали золотом. Такого ей еще не приходилось видеть. Представляете — пнutyхи восседали на золотых шарах, каждый размером больше футбольного мяча.

Алиса осторожно подбежала по полу к выкатившемуся из-под насадки яйцу и постучала по нему ноготком. Яйцо не отозвалось, да и не могло отозваться — оно же было полным.

Динозавриха услышала стук и сердито обернулась к Алисе. Она увидела ничтожную летучую мышку, которая посмела дотронуться до ее сокровища. Со злобой пнутьиха попыталась прихлопнуть наглуую мышку лапой, но промахнулась — Алиса взмыла вверх и вылетела из пещеры.

Снаружи Пашка стоял между двумя стражами.

Алиса села ему на переносицу и сказала:

— Пашка, я все поняла!

В ответ ей Пашка страшно зарычал и попытался прихлопнуть Алису лапой.

Ой, она снова ошиблась!

Алиса взлетела, а стоявший рядом другой пнуг приоткрыл жабью пасть и с усмешкой спросил:

— Ты че-го са-дишь-ся на чу-жой нос?

— Пашка, — запицала Алиса сверху. — Ты мог бы и предупредить! Меня же чуть не прихлопнули!

— В следующий раз лучше смотри, — рассмеялся Пашка. Он уже почти не заикался. — Я красивый, а они — уроды!

«Что делает пнуг? — снова заволновались динозавры. — Зачем он опять открывает рот?»

— Слушай, Пашка, — сказала Алиса. — Знаешь, что там, в пещере?

— Они мне уже сказали, — ответил Пашка.

— Там сидят пнутьихи на яйцах.

— Правильно.

— А какие яйца?

— Ихние, — сказал Пашка. Его морда выглядела очень глупой.

— Вот и не знаешь. Яйца у динозавров не простые, а золотые! Теперь тебе понятно, зачем сюда прилетали браконьеры и почему динозавры так не доверяют людям?

— Понятно.

— Но почему яйца золотые — непонятно. Ведь у них не было Курочки-Рябы?

Тогда Пашка мысленно обратился к динозаврам-охранникам.

«Почему вы здесь стоите?» — спросил он.

«Мы охраняем наших жен и яйца пнутов от убийц».

«А кто убийцы?»

«Убийцы — маленькие злодеи, у них нет хвоста, зато у них разноцветные шкуры. В лапах у них есть когти, которые они кидают вперед и убивают».

— Ясно, — сказала Алиса, которая подслушивала мысли динозавров. — Конечно, это люди. Браконьеры. Мы с тобой были правы. И студент пострадал из-за них. Но ты спроси, почему яйца золотые?

«Почему яйца такого цвета?» — спросил Пашка.

Вот тут уж пнуги удивились бесконечно. Они с трудом шевелили мозгами и никак не могли понять: неужели яйца бывают другого цвета?

Пришлось отложить решение этой загадки на будущее.

«Эта пещера — специальное место, куда собираются все пнутьихи, чтобы высидывать яйца?» — спросил Пашка, не дожидаясь, пока Алиса подскажет ему этот вопрос.

«Ты пнуг и не знаешь?» — удивился один из охранников.

«Он плохой пнуг», — подумал второй охранник.

«У меня слабая память», — признался Пашка.

Пнуты не знали, бывает ли у них слабая память, но так удивились Пашкиному ответу, что не стали спорить.

И даже сказали ему, что раньше все пнутьихи высиживали яйца дома, в лесу, в кустах, в собственных пещерках под охраной мужа. Но теперь, когда надвигается ледник и стало холодно, когда есть опасность, что снова вернутся грабители и похитители золотых яиц, динозавры настолько поумнели, что стали собирать динозаврих в большие пещеры. Там теплее и безопаснее. В крайнем случае, если нападут бандиты, можно позвать на помощь других пнутов, которые стерегут соседние пещеры.

Конечно, пнуты объяснили это Пашке не сразу, да и не так разумно. О многом Пашке и Алисе пришлось догадываться, а остальное додумывать.

Пашка хотел было сам заглянуть в пещеру, но стража его не пустила. Ни к чему, подумали пнуты, чужому пнуту смотреть на наших самок, которые сидят на яйцах. Пришлось подчиниться.

Тут Пашка сказал, что проголодался и с удовольствием скушал бы какого-нибудь барана.

— Ты с ума сошел, чудовище! — закричала на него Алиса. — У нас в Гай-до уже готов настоящий обед. С борщом.

— А борщ мясной? — спросил Пашка.

— Конечно.

— Значит, если за столом, то можно есть мясо убитых животных? — ехидно спросил Пашка, который уже научился двигать челюстями так, чтобы разговаривать свободно. — А если мне хочется покушать на свежем воздухе, то нельзя?

— Пашка, — честно предупредила Алиса, — если ты не прекратишь свои глупые шутки, я расскажу обо всем твоей маме и всему нашему классу. И тогда я посмотрю, как ты будешь оправдываться.

— А я не буду оправдываться! — разозлился Пашка. В нем вскипела холодная кровь хищного ящера. — Я тебя сейчас поймаю и незаметно проглочу. А дома скажу, что тебя, к сожалению, сожрал какой-то пнут.

Пашка даже взмахнул лапой, и Алиса на всякий случай взлетела повыше.

Но тут Пашка одумался и согласился идти обедать домой, тем более что надо посоветоваться с Гай-до и подумать, что же им делать дальше.

Они пошли обратно, сначала вдоль обрыва, заглядывая по пути в пещеры. Они увидели, что не только пнуты, но и другие динозавры, в том числе даже крейсеровозавры, собрали своих жен в теплых пещерах, стараясь сохранить яйца и защитить их от браконьеров и морозов.

Обогнув озеро, Алиса и Пашка отправились по лесу к холму, на вершине которого их ждал Гай-до. Алисе надоело летать, и она доехала, восседая на Пашкином лбу.

Через полчаса они поднялись на холм.

Верхний люк Гай-до был открыт — кораблик ждал своих пассажиров.

Гай-до протянул Пашке и Алисе манипулятор, между пальцами которого были зажаты пилюли. Алиса проглотила пилюлю, задав себе урок: превратиться снова в девочку Алису.

Тут же земля убежала вниз — Алиса еле удержалась на ногах. Она выросла в двадцать раз.

А рядом уменьшался, превращаясь в человека, Пашка.

— Ой! — воскликнула Алиса. — Я же не одета!

— И я тоже! — закричал Пашка. — Гай-до, немедленно принимай меры.

— Одну минутку, простите, я совсем забыл.

В ту же секунду с неба хлынул дождь, посыпался град и снег.

Пашка и Алиса кинулись к кораблю по шаткому мостику, а навстречу им из люка вылез маленький Эмальчик, державший в левой руке одежду Алисы, а в правой — Пашки. Одежда тут же промокла, а катастрофист закричал:

— Скорее, не могу же я удерживать стихии! Прыгайте в люк.

Ребята прыгнули в люк, люк закрылся, и они, проклиная так не вовремя подвернувшегося катастрофиста с его штучками, спрятались по углам натягивать мокрое белье.

А катастрофист уже сидел за столом и наливал себе суп.

К тому времени, как Алиса села за стол, он успел разбить тарелку с супом и опрокинуть солонку.

Пашка обещал его убить, как только снова станет динозавром, а Гай-до попросил Эмальчика взять на ближайшие два дня обед сухим пайком и есть этот паек где-нибудь подальше от кают-компаний.

Глава 8

После обеда все уселись в кают-компани Гай-до. Пашка с Алисой стали рассказывать о своих приключениях в мире ящеров, а Эмальчик, что было категорически запрещено, вытащил сигару и закурил, прежде чем Гай-до, не выносивший табачного дыма, успел его остановить.

Как только облако сизого дыма окутало маленькую кают-компанию, все начали кричать на Эмальчика, тот смутился и принялся гасить сигару.

Любой иной человек погасил бы сигару о что-нибудь негорючее. Но Эмальчику было мало природных катастроф. Конечно же, он погасил сигару о диванную подушку, и следующие полчаса всем пришлось тушить пожар.

Когда пожар погасили и обнаружилось, что погиб только диван, который и без того собирались выбрасывать, все повернулись к катастрофисту. Тот понял, что его сейчас убьют, и уселся в угол на четвереньки, выставив перед собой тонкие ручки.

И всем стало смешно.

В конце концов, мало кому приходится возить по Галактике настоящего катастрофиста и еще остаться живым.

Эмальчик тоже рассмеялся, но чай пить все вышли наружу.

На вершине холма было прохладно, с севера дул ветер, облака проносились низко над макушкой Гай-до.

Эмальчик попросил ребят досказать, что им удалось увидеть в пещере, и тут Алиса вспомнила о странных яйцах.

— В пещере, — сказала она, — я увидела динозаврих-наседок. Они высиживали яйца. Удивительно, но яйца были золотыми, как в сказке. Честное слово!

— Ничего удивительного, — ответил маленький катастрофист. — Если бы вы по-настоящему подготовились к путешествию, вы бы узнали, что Стеговию открыли уже много лет назад и здесь побывали разные экспедиции, а знаменитый покоритель дальних миров и великий путешественник Полугус Земфирский даже написал книгу об этой планете. Книга эта очень редкая, потому что ее изъяли из всех библиотек, но коллеги сделали мне копию в Галактическом центре, и я, если вы пожелаете, могу прочесть вам отрывок из второй главы.

— Конечно, мы вам будем благодарны, — сказала Алиса.

Пашка промолчал, потому что перед отлетом Алиса просила его заглянуть в Информационный центр и посмотреть, что там есть о Стеговии. Пашка, конечно же, не успел и сказал Алисе, что там ничего нет.

Эмальчик достал мини-кассету и включил звук.

Голос актера произнес:

О, как природа нам являет разум свой!
Все на Стеговии тому подчинено.
Когда вам, друг, удастся подглядеть,
Какие яйца там чудовища несут,
Вы, без сомнения, зажмурите глаза,
Не в силах выдержать их блеска, цвета их.
Ну где еще найдете место в мире,
Где даже ящеры, лягушки, червяки

И твари прочие из золота несут
И яйца, и яички, и икру...

Эмальчик перевел дух.

Алиса укоризненно взглянула на Пашку. Пашка смотрел на бегущие облака и ничего не слышал.

— И дальше все тоже в таких стихах? — спросила Алиса.

— Я могу пересказать своими словами, — догадался катастрофист.

— Пожалуйста, — попросила Алиса.

— Оказывается, на Стеговии много золотоносных ручьев и речек, — сказал он. — Можно сказать, почти все — золотоносные. И вот когда самкам ящеров, динозавров или жаб подходит время вынашивать в себе яйца, они удаляются к золотоносным ручьям и пьют их воду в больших количествах. Вы спросите зачем?

— Зачем? — спросил Пашка, не отрывая взгляда от облаков.

— Потому что тогда скорлупа яиц становится золотой.

— Но зачем? Ведь по всей Галактике все существа, которые несут яйца, обходятся без золотой скорлупы.

— Зато золотое яйцо не унести хищнику, золотое яйцо не разбить клювом птеродактилю. В золотом яйце будущий ящер чувствует себя в безопасности.

— А как же он вылезает наружу? — спросил Пашка.

— Об этом тоже позаботилась природа. Если хотите, я снова обращусь к поэме Полугуса Земфирского.

— Не надо! — остановил катастрофиста Пашка. — Расскажите своими словами!

Эмальчик улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Природа подарила каждому новорожденному ящеру и лягушонку вместо хвостика золотой штопор. Им он пробуравливает скорлупу, вылезает наружу, а затем через несколько дней штопор у него отваливается, и вырастает настоящий хвост.

— Удивительно! — воскликнул Гай-до. — Как все здесь гармонично!

— Вот из-за этой гармонии книгу Полугуса Земфирского изъяли из всех библиотек. Зачем вводить в соблазн начинающих бандитов и коллекционеров штопоров? Эту книгу можно получить только по требованию Академии наук или на черном рынке.

— Вот слышала, Алиса? — обрадовался Пашка. — Ты меня в библиотеку зазря посылала.

— А ты в ней был?

— Я все равно бы не нашел, — ответил Пашка.

Алиса не стала с ним спорить, а спросила у катастрофиста:

— Но все-таки некоторые грабители сюда пробрались?

— К сожалению, именно так. И динозавры их запомнили.

— А что же нам теперь делать, как им помочь? — спросила Алиса, ни к кому не обращаясь. Она размышляла вслух.

— Я думаю, — сказал Гай-до, — если мы не можем спасти самих динозавров, потому что мне их не вывезти отсюда, то давайте вывезем яйца самых разных животных. Мы привезем их на землю, в Космический зоопарк, и там выведем из них молодежь.

— А потом поищем для них какую-нибудь подходящую необитаемую планету, — поддержал его Пашка.

Маленький катастрофист поднялся и пошел с холма.

— Вы куда? — спросила Алиса.

— В трех километрах отсюда начинается лесной пожар, — сообщил Эмальчик. — Надо присутствовать.

— Сумасшедший какой-то! — заметил Гай-до.

— Не сумасшедший, — ответил Эмальчик, — а профессионал высокого класса.

С этими словами он скрылся в кустах.

— Может быть, и не сумасшедший, — задумчиво произнес Гай-до, — но крайне опасный человек.

Остальные с ним согласились.

Затем стали обсуждать, что делать дальше.

Надо было собрать как можно больше яиц самых различных обитателей планеты. Затем следовало подготовить на борту корабля инкубатор, чтобы яйца не погибли по дороге. В общем, работы было невпроворот, а сделать ее следовало за день-два, если вы не хотите превратить Гай-до из инкубатора в детский дом.

Общее решение было таким: все перелетают на Гай-до вниз, в лес, поближе к обрыву, потому что уже известно, где высиживают яйца пнутьихи. Затем Алиса и Пашка начнут собирать яйца — по несколько от каждого вида, а Гай-до тем временем подготовит в своем трюме место для хранения яиц. К счастью, они здесь небьющиеся, так что необязательно подкладывать под них подушки и одеяла.

Гай-до решил было лететь сейчас же, чтобы вечером начать погрузку, но тут налетела буря с градом и со снегом. Ветер валил с ног, Алиса с Пашкой вынуждены были забраться внутрь корабля, чтобы переждать жестокую непогоду. Сразу стемнело, и стало ясно, что в такую темень в лесу и у обрыва делать нечего. Тем более что быстро надвигалась ночь.

Так что остаток вечера Пашка с Алисой провели в трюме Гай-до, освобождая его от лишних вещей, что накопились в нем, пока Гай-до мирно стоял в саду дома под Вроцлавом. Здесь были и садовые лопатки, и пустые горшки из-под рассады, и детские погремушки, и кусок шланга, и высохшие букеты — чего только не соберется в животе космического корабля, который давно не поднимался в космос!

Алиса безжалостно выбрасывала вещи в мусорный контейнер, чтобы уничтожить все перед отлетом с планеты. Гай-до устраивал скандалы, стараясь сохранить свое барахло. Пашка посмеивался и разбирал материалы съемок, выясняя, куда отправляться завтра и в кого ему лучше превратиться, а Алиса была рада, что настала непогода, потому что без ее решительных действий кораблик никогда бы не расстался с любимой погремушкой Вандочки, с пустыми бутылочками из-под кефирчика, с мешком удобрений для незабудок и другими драгоценностями.

Когда наступила темнота, трюм был более-менее очищен, Алиса нажила себе смертельного врага в лице Гай-до, а Пашка умудрился куда-то исчезнуть, несмотря на ливень, который хлестал по холму, переполнив озеро так, что вершинка Гай-до и мостик-манипулятор были покрыты холодной водой.

— Гай-до, куда Пашка заделался? — спросила Алиса, когда мыла руки после уборки.

Гай-до не ответил. Он молчал, надувшись, потому что чувствовал себя ограбленным.

Алиса стала искать Пашку сама.

Никаких следов!

Она уже стала волноваться — этот безумец мог по какой-нибудь прихоти выбежать под дождь и заблудиться...

— Гай-до, — взмолилась Алиса после бесплодной попытки отыскать Пашку на корабле — да и где там можно было спрятаться? — Гай-до, ты бы заметил, если бы Пашка вышел через люк?

Гай-до молчал.

Алиса поняла: этот негодяй получает удовольствие от страданий Алисы.

— Вам, роботам, — сказала она сердито, — не разрешено доставлять неприятности человеку.

Вот тут Гай-до не выдержал и заговорил:

— Вы с Пашей сами доставляете себе неприятности, а я не робот, а разумный корабль.

— Но сделанный, кстати, людьми!

— Тебя тоже сделали родители — разве я тебя в этом упрекаю? — заявил корабль.

Алиса не смогла сдержать улыбку.

— И все же, — сказала она, — ты только скажи мне, на борту Пашка или нет?

Гай-до молчал.

— Тогда давай сделаем так, — сдалась Алиса. — Я спрошу, на борту ли Пашка. Если ты промолчишь, это будет знак согласия. Молчание всегда знак согласия.

— Ты меня не путай, — сказал Гай-до. — Я формальной логике не обучался. Ты меня все равно перехитришь, потому что я простой, добрый и честный, а вы, люди, все время хитрите, притворяетесь, обманываете друг друга и меня.

— Ну уж, не обобщай! — возразила Алиса. — Люди разные бывают.

— А кто ворует золотые яйца? — спросил Гай-до. — Разве хоть один корабль украл хоть одно золотое яйцо?

— Так где же Пашка?

— На корабле, — ответил Гай-до.

— А где?

— Я за тебя искать не буду, я тебе в слуги не нанимался! — Гай-до полностью отомстил за очистку трюма и, удовлетворенный, замолчал.

— Ну ладно, Пашка, я тебя найду! — заявила Алиса.

Ответом ей была гробовая тишина. Ни Гай-до, ни Пашка не откликнулись.

Алиса полезла под стол. Под столом было пусто.

Она заглянула под обгоревший и кое-как застеленный пластиком диван. Никого. Она пошла на пульт управления, но там негде спрятаться. Тогда Алиса направилась в камбуз.

Посмотрела под плитой, открыла духовку... и тут послышалось тихое угрожающее шипение.

Алиса от неожиданности отпрыгнула.

Из духовки выползла плоская клетчатая змея, пасть ее была распахнута, и по желтым зубам сочился яд или что-то очень похожее на яд.

— Гай-до! — закричала Алиса, выбегая из камбуза и задраивая дверь. — Гай-до, срочно дезинфицируй камбуз! Ты впустил туда ядовитую змею. Я могла погибнуть, а Пашка, наверное, уже погиб!

— Я не впускаю змей внутрь себя, — ответил Гай-до.

— Но она же попала на корабль!

— Нет, — отрезал Гай-до.

— Тогда что же это такое?

— Это твой друг Пашка Гераскин, — ответил Гай-до, — мне надоело покрывать ваши человеческие обманы.

— Это так, — прошелестело под дверь, — можешь открыть. И не бойся. Я провожу опыты.

Алиса поняла, что Пашка на самом деле принял вид змеи, и осторожно приоткрыла дверь.

Змея стояла на хвосте и раскачивалась.

— Зачем ты это сделал? — спросила Алиса, отступая на всякий случай от двери.

— Лучше дай мне пилюлю, я хочу вернуться в свой родной облик, — ответил Пашка. — Я готовлюсь к завтрашнему дню. Не ходить же мне весь день в образе пнута?! Тогда мне ни одна змея своих яиц не отдаст.

— Мог бы сказать, что превращаешься в ядовитую змею, — упрекнула друга Алиса.

— Зачем? Ты же была занята уборкой.

— А зачем в духовке прятался?

— Я хотел понять, действительно ли ты так любишь всех животных или только зайчиков.

— Превращайся обратно, — сказала Алиса. — Вот тебе пилюля.

Пашка проглотил пилюлю, но не вернулся в свой облик, а стал ящерицей и побежал по потолку. К счастью, запас пилюль на борту был достаточным. Так что до ночи Пашка испытывал новые образы, а Алисе надоело на это смотреть, и она пошла спать.

Глава 9

Утро было свежим, солнечным, но морозным. По краям озера белела кромка льда, льдом покрылся и затылок Гай-до. Так что, когда он поднялся после завтрака и полетел к обрыву, взлет сопровождался хрустом льдинок.

Гай-до пролетел вдоль обрыва и медленно пошел дальше, к югу. По дороге его пассажиры снимали на видео всех животных, разыскивая места, в которых они могли прятать, закапывать или высиживать яйца.

Разведка заняла часа два, потом Пашка не выдержал и сказал:

— Мы можем так и до вечера летать. От этого больше яиц не станет.

— Но мы должны подсчитать, сколько видов водится на планете, где они таятся или пасутся, чем питаются, как размножаются. Неужели тебе не понятно? — удивилась Алиса.

— Мне понятно, — ответил Пашка, — что всем этим занимается компьютер на борту Гай-до. А мы с тобой должны действовать. От нас зависит, сколько спасется будущих динозавров.

Алиса и Гай-до согласились с Пашкой, и Гай-до пошел на посадку на берегу большого озера, где в то время неуклюжие, цветом и размером похожие на слонов черепахи откладывали золотые яйца и зарывали их в песок.

— Начинаем! — воскликнул Пашка.

Гай-до открыл люк. Пашка первым выскочил на песок и, как договаривались, сразу превратился в гигантскую жабу. У этой жабы на спине были круглые углубления, в которых она вынашивала свою икру, а потом жабят. Но так как Пашка был лишь подобием жабы, эти углубления у него были пустыми. Он превратился как бы в большую сумку для чужих яиц.

Привыкая к новому телу, небольшими прыжками, чуть приподнимая над песком белое пузо, Пашка попрыгал к воде.

За ним следовала Алиса, принявшая вид птицеядца, который на Стеговии ходит на задних лапах, а передние лапки у него свободны. Он не умеет летать, а назвали его Пашка с Алисой птицеядцем, потому что он больше всего похож на оципанного куренка трехметрового роста.

Пашка допрыгал до воды.

Алиса догнала его.

Отложив яйца, черепашки уже скрылись в воде. Они были такими глупыми, что не могли думать о будущем и не умели заботиться о своих будущих детях. Но ведь обидно, если из-за этого им придется вымирать?

Места, где были закопаны в песок яйца, оказалось нетрудно отыскать по следам, оставленным глупыми черепахами. Несколько яиц уже были откопаны клювастыми летающими ящерами, которые теперь долбили их клювами, пытаясь добраться до содержимого.

Пашка лег на песок рядом с Алисой, и она, выкапывая яйца, клала их в углубления на его спине.

— Хватит, — сказал Пашка. — Ты готова мне весь корабль черепашьими яйцами набить.

— Ты прав, — согласилась Алиса, — но ведь жалко...

— Ты лучше погляди в воде, — предложил Пашка. — По-моему, я вижу водяную змею, которая только что снесла яйца. Видишь, блестят?

Алиса видела, но ей было страшновато нырять в воду.

Пашка догадался и сказал укоризненно:

— По-моему, ты забыла, что покрыта бронированной чешуей!

Алиса зашла по горло в холодную воду и достала оттуда два змеиных яйца. Никто ее, конечно, не посмел тронуть...

Наполнив все ячейки на спине жабы разными яйцами, Пашка с Алисой вернулись к Гай-до, который скромно дожидался их у опушки леса.

Забираться в корабль не стали. Гибкими длинными манипуляторами Гай-до осторожно снимал яйца с Пашкиной спины и отправлял их себе в грузовой люк, как обжора, который руками кидает себе в рот пельмени.

Следующей остановкой на пути спасателей стала чаща леса.

Здесь тоже жили ящеры и земноводные, а также сухопутные крабы и раки. Весь этот лесной народец был невелик, потому что ему приходилось пробираться между могучими стволами деревьев, но это же не значит, что их нужно оставлять вымирать от холода. Для настоящих спасателей размер спасенного не играет роли. Они с одинаковым энтузиазмом будут спасать и кита, и селедку!

В лесу Пашка с Алисой провели больше двух часов. Тем более что они куда медленнее продвигались в чаще, чем на открытом месте. Конечно же, спасатели не были уверены, что нашли яйца всех лесных жителей, но они сделали все, что могли.

Пора было лететь к обрыву, где ждали настоящие крупные динозавры.

Гай-до молчал — он был занят вычислениями, а ведь каждое яйцо надо было описать, проанализировать, поместить в коробку или ящик, снабдить карточкой, чтобы не спутать, выведется ли из яйца змея или скорпион.

Когда Алиса заглянула в трюм, ее встретило золотое мерцание — большие, средние, маленькие яйца и даже золотая икра занимали полки трюма.

— Когда они выведутся, — спросил вдруг Гай-до, — куда золотую скорлупу денем?

— А она тебе нужна?

— Нужна.

— Он себе хочет золотые зубы вставить, — сказал Пашка, который подошел к Алисе и тоже смотрел в трюм.

— Чепуха! — обиделся Гай-до. — Зачем мне зубы! Но мне бы очень хотелось сделать дверные ручки и шпингалеты, как у лорда Палмерстона в его имении Кроухедж.

— Какой еще Палмерстон? — воскликнул Пашка. — Что ты говоришь, Гай-до! Неужели ты все-таки сошел с ума?

— У Тадеуша есть книга, очень старая, с картинками, — терпеливо сообщил Гай-до, — про английских чудаков. Так вот, лорд Палмерстон в своем замке Кроухедж приказал отлить дверные ручки из золота. Мне бы не хотелось ни в чем уступать этому благородному лорду. Когда Вандочка подрастет, ей будет приятно летать на роскошном корабле.

— Отлично, — сказала Алиса. — А у лорда конюшня была?

— У лорда Палмерстона была конюшня скаковых лошадей, — ответил Гай-до.

— Заведем для Гай-до конюшню? — спросила Алиса.

— Разумеется, — согласился Пашка, — при условии, что в ней тоже будут золотые ручки и золотой унитаз.

— Паша! — возмутился Гай-до, который был большим ревнителем хорошего тона. — Ты забыл, что выражаешься в обществе юной дамы?

— Ладно, пускай унитаз будет серебряным, — сдался Пашка.

— Все! — закричал оскорбленный Гай-до. — Улетаю без вас! Живите как хотите! Всему есть предел!

— Улетай, — согласилась Алиса. — Только выброси сначала яйца динозавров, черепах и змей. Ведь тебе все равно, погибнут они или выживут!

Гай-до замолчал.

Лишь через час, когда Алиса с Пашкой выбрались через люк и остановились рядом с ним, в лесу, подступавшем в том месте к обрыву, корабль сказал:

— Я разочарован путешествием с моими так называемыми друзьями. Очень тяжело пережить издевательства и насмешки!

Учтя опыт вчерашних походов, Пашка и Алиса отправились к обрыву, снова изменив свой внешний вид.

Пашка выглядел как самый настоящий пнот, а на шее у него болтался большой мешок из непрозрачного пластика.

Алиса же снова стала птицеящером, потому что у птицеящеров были сильные передние лапы с когтями. Ими удобно поднимать большие круглые яйца динозавров.

Оставив Гай-до в чаще, Алиса с Пашкой осторожно направились к знакомой пещере, где сидели наседки пнутов.

Вот и озеро, вокруг которого бродят травоядные гиганты... А вот и обрыв. Но пнутов, которые вчера охраняли вход в большую пещеру, не было видно.

Пашка первым заглянул в пещеру. Там было пусто.

— Я боюсь, — сказал он, — что вчера мы их спугнули и они перенесли яйца в другую пещеру.

— Далеко им не уйти, — сказала Алиса. — Но сначала я проверю, не забыли ли они чего-нибудь там, внутри.

Пашка остался у входа, а Алиса заглянула в пещеру.

В пещере она нашла только одну наседку.

Пнутиха была мертвой. Она лежала черным холмом на изрытом, истоптанном сене. Рядом с наседкой валялось раздавленное золотое яйцо — нужно было обладать немалой силой, чтобы его раздавить.

— Пашка! — закричала Алиса. — Несчастье!

Пашка сразу ринулся в пещеру. Но не разглядел мертвую наседку.

— Что случилось? — спросил он.

И тут увидел убитую пнутиху и раздавленное яйцо.

Он наклонил свою страшную голову, разглядывая наседку, и Алисе стало на секунду не по себе — ведь она видела, как гигантский ящер стоит над телом подобного ему чудовища и, покачивая головой, размышляет.

— Я думаю, что на них напали другие динозавры, — сказал Пашка.

— Зачем?

— У них идет борьба за существование, как во всей природе. Более сильные напали на пнутов. Вот даже след, смотри...

И в самом деле, по раздавленному яйцу можно было понять, что в пещере побывал какой-то исполин.

— Остальные разбежались, — сказал Пашка, — а одна самка не успела убежать.

— Если это так, то я только довольна, — сказала Алиса.

— Не понимаю, чем ты можешь быть довольна, если видишь погибших животных? — удивился Пашка.

— Если это обыкновенная вражда ящеров, то эта пещера — исключение, и в других пещерах все должно быть в порядке.

— А что же еще может быть? — спросил Пашка. — О чем ты подумала?

— Я сначала подумала, что сюда снова прилетели грабители. Тогда это — угроза всей планете.

— Почему? Даже если и грабители! Они же раньше прилетали, ничего, обходилось.

Увезут свою добычу, а ящеры новые яйца снесут.

— Пашенька, пойми же! — взмолилась Алиса. — Раньше здесь был хороший климат, и динозаврихи могли снова снести яйца и вывести детенышей. А теперь жизнь на планете доживает последние месяцы. Потом здесь все замерзнет. И если украсть яйца динозавров, это значит — уничтожить их вообще. Ведь в холод динозаврихи не смогут снести новые яйца и высидеть их.

— Ты права, — согласился Пашка. — Давай не будем терять время попусту. Я думаю, что сейчас самое время заглянуть в другие пещеры и посмотреть, как там обстоят дела.

Перед выходом из пещеры они снова остановились. Здесь следы были виднее. Все было истоптано, и на мокрой земле были оттиснуты многочисленные следы пнутов и несколько отпечатков куда более крупных лап...

— Я знаю, кто это, — сказала Алиса. — Это крейсеровозвр. Помнишь, ты с ним отважно сражался?

Пашка согласился с Алисой.

Они пошли вдоль обрыва в поисках следующей большой пещеры.

Со стороны они, наверное, выглядели странно: рядышком идут два ящера — гигантский пнут и вдвое уступающий ему размером птицеящер. И разговаривают ящеры по-русски.

Впрочем, последнее было несущественно, потому что на планете Стеговия никто не знает не только русского, но и английского языка или космолингвы, на которой объясняется вся Галактика.

— Паша, — сказал птицеящер, — меня очень смущает одна деталь.

— Докладывай, — ответил пнут.

— А как крейсеровозавры носят яйца?

— Наверное, в передних лапах, — сказал Пашка.

— А сколько было яиц в той пещере?

— Трудно сказать. Ты ведь тоже не считала.

— Я сказала бы, что там сидели четыре или пять наседок, каждая высиживала шесть, десять яиц... это неважно. Ты мне скажи, сколько было крейсеровозавров?

— Судя по следам... наверное, два.

— Как два крейсеровозавра могут унести пятьдесят золотых яиц в передних лапах, если эти лапы им нужны, чтобы отбиваться от разъяренных пнутов?

— Ой, спроси что-нибудь полегче, Алиска, — отмахнулся зеленой лапой Пашка. — Унесли, значит, унесли. Вот у меня, например, есть мешок на шее...

— Его я тебе сшила, — сказала Алиса, — когда у меня были человеческие руки. Чувствуешь разницу?

— Сейчас дойдем до пещеры и во всем разберемся.

Они дошли до следующей пещеры, в которой раньше жили пнуты, примерно через пять минут.

Пещера являла собой грустное зрелище.

Перед пещерой лежал мертвый пнут, его уже терзали летающие гиены.

Внутри все было пусто, если не считать следов нападения крейсеровозавров. Там тоже побывало два чудовища.

На этот раз Пашка задумался всерьез.

— Если это были те же крейсеровозавры, — сказал он, — то тогда они кому-то сдавали яйца.

— И я так думаю, — сказала Алиса. — Кто-то стоял рядом и ждал, пока они их принесут.

Мысль была нелепой, но соображений получше у них не нашлось.

У третьей пещеры Пашка с Алисой задержались подольше, там они отыскивали живого пнута. Он был ранен и потому остался у пещеры. Пашка заставил его думать.

«Это были большие ящеры?» — спросил он мысленно.

«Большие, — подумал в ответ раненый пнуг. — Злые. Яйца...»

«Зачем?»

«Не знаю. Наверное, кушать. Пицца».

«А раньше большие нападали на вас?»

«Не знаю». — Вопрос показался пнугу слишком сложным, он не смог на него ответить, потому что для него не существовало времени — он не понимал, что одно событие бывает прежде другого.

«Куда они пошли?» — мысленно спросил Пашка.

Собрату по породе пнуг был готов рассказать все, что знал:

«Туда пошли. К озеру пошли. А наши за ними... плохо брать чужие яйца».

Пашка согласился с пнугом, что это делать нехорошо.

Они оставили раненого пнута и поспешили дальше вдоль обрыва, в сторону озера.

И не прошло четверти часа, как они увидели впереди серые гребни спин и бугорчатые затылки нескольких пнутов, которые толпой спешили вдоль обрыва. Когда Алиса догнала их и забежала сбоку, она увидела, что стадо пнутов преследует двух гигантских крейсеровозавров. Причем один из крейсеровозавров, не оборачиваясь, медленно шагает впереди, а второй все время огрызается, сам нападает на разгневанных пнутов, отгоняет их, но потом торопится за своим товарищем.

Глупые пнуты никак не догадывались окружить крейсеровозавров, чтобы можно было напасть на того, что топает первым.

А это следовало сделать.

Тогда их шансы вернуть своих будущих детей резко возрастали.

Могучий крейсеровозавр буквально сгибался под тяжестью двух громадных корзин, висящих по его бокам, как торбы у вьючной лошади. Корзины были соединены канатами, а сами сплетены из металлических прутьев и размером не уступали кузову самосвала.

Корзины были доверху полны золотыми футбольными мячами — яйцами несчастных пнутов.

— Теперь мне все ясно, — сказала Алиса, но Пашка ее не услышал за ревом пнутов и топотом могучих ног. Алиса потеряла его из виду — он растворился в этом стаде пнутов, став одним из чудовищ.

Забыв, что Пашка ее не может слышать, Алиса продолжала говорить:

— Так как крейсеровозавры на этой планете еще не додумались, как плести корзины, то мы с тобой, Пашка, можем предположить, что или кто-то очень умный напялил корзины на ящера и велел ему таскать золотые яйца, или...

— Или это не крейсеровозавр, — сказал Пашка, который тоже догадался обогнуть процессию ревуших пнутов и присоединился к Алисе.

Второму крейсеровозавру приходилось несладко — пнуты наконец-то догнали его, и несколько самок вцепились ему в хвост. Чудовищный ящер мотал хвостом, стараясь скинуть с себя шевелящийся груз. Первый же крейсеровозавр не мог прийти ему на помощь, не скинув

с себя корзины, уж очень тяжелыми были золотые яйца — даже у крейсерозавра есть предел сил.

— Их погубит жадность, — сказал Пашка.

— Давай поможем пнугам, — предложила Алиса.

Но Пашка отрицательно покачал тяжелой зубастой головой, и его маленькие неподвижные глазки яростно заблестели.

— Мы должны увидеть, — сказал он, — куда они держат путь.

— Ты совершенно прав, мой дорогой ящер, — согласилась Алиса.

— Я рад, что ты оценила мои умственные способности, ощипанная курица, — так же вежливо ответил Пашка.

Не оглядываясь, первый крейсерозавр свернул направо и вломился в густой кустарник. Он оставил своего друга на произвол судьбы. А пнуги, поймав второго ящера, забыли о яйцах. Кипя справедливым негодованием против похитителя молодежи, они всей толпой принялись рвать и терзать врага.

— Он нас уже не интересуется, — сказал Пашка.

— Правильно, — согласилась Алиса. — Побежали за первым.

Бежать было нетрудно, потому что крейсерозавр, подобно танку, проломил в чаще широкую дорогу. Можно было даже не спешить — яростное прерывистое дыхание гиганта раздавалось по всему лесу — похитителя яиц невозможно было потерять.

Наконец путь привел Алису и Пашку на поляну.

Посреди поляны стоял старый, но еще крепкий космический корабль без опознавательных знаков.

— Так я и думала, — сказала Алиса. — Браконьеры.

— Не просто браконьеры, — поправил ее Пашка.

— Да, не просто браконьеры, а браконьеры с пилюлями. Наверное, они прилетели с планеты Синий Воздух.

— Ее обитатели не производят впечатления...

— Когда речь идет о тонне золота, впечатление может оказаться ложным, — возразил Пашка.

Тем временем крейсерозавр улегся на землю возле корабля.

— Устал он, что ли? — спросил Пашка.

— Наверное, сейчас выйдут сообщники. — Но сообщники не выходили.

Крейсерозавр убедился в том, что корзины встали на землю, и задом-задом начал выползать из-под своего груза. Не сразу, но это ему удалось.

Тогда он протянул гигантскую лапу к люку корабля, умело поддел его когтем, и люк открылся. Крейсерозавр вытащил изнутри пилюлю и проглотил ее.

И тут же, на глазах у изумленных Алисы и Пашки, превратился... в космического пирата Крыса!

— Этого быть не может! — прошептала Алиса. — Он же исправился! Он же сам мне говорил, что играет на барабане...

— Трудно исправить пирата, — ответил Пашка. — И я думаю, что ты сама в этом виновата. Кто просил его прислать пилюли?

— Я.

— Кто заронил в преступную пиратскую голову мысль, что сейчас самое время слетать на Стеговию и набрать там яиц, превратившись в какого-нибудь ящера? Ты же мне

показывала письмо, которое ему наговорила. Оно — ценное руководство для пиратов!

— Все равно мне очень грустно сознавать, что меня так подвели! Неужели снова с ними придется враждовать?

— Всегда приходится враждовать с преступным миром, — ответил Пашка. — В этом наше призвание.

— Тогда иди и борись.

— А как же второй крейсеразавр?

— Господи, как я могла забыть о Весельчаке У! Конечно, Крыс без него не сунулся бы в такую авантюру. Весельчак У плохо влияет на Крыса.

— Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты, — ответил на это Пашка.

Алиса замолчала. Она смотрела, как пират разглядывает и гладит золотые яйца.

— Что, выйдем и арестуем их? — спросил Пашка.

— Я бы рада, но вдруг у них есть бластеры? Мы погибнем, а ящерам не поможем.

— А что ты предлагаешь? — спросил Пашка. — Ведь мы не можем сейчас бежать к Гай-до и оттуда вызывать галактический патруль.

— Конечно, не можем, они десять раз улетят и скроются в своем пиратском логове.

Но на этот раз трудную задачу за Алису решила сама судьба.

Судьба появилась на поляне с ревом и топотом — это пнuty, вырывая куски крейсеразавра, преследовали Весельчака У.

При виде этой жуткой картины Крыс, совсем забыв о своем соратнике, подхватил одно тяжелое яйцо и побежал к открытому люку.

— Стой! — закричал ему вслед Весельчак У. — Ты что делаешь?

— Не бойся! — отозвался Крыс изнутри корабля. — Тащи сюда корзины.

— Меня сожрут, пока я буду тащить эти чертовы корзины! — завопил Весельчак У. — Дай пилюлю!

Крыс, видно, понял, что и в самом деле придется сматывать удочки. Он кинул в морду Весельчаку пилюлю. Тот раскрыл пасть, хлопнул челюстями, в отчаянном прыжке оторвался на секунду от пнuty и хлопнулся о землю, превратившись в толстого, запыхавшегося пирата Весельчака У, совершенно голого и расцарапанного.

Пнuty от неожиданности осаждали назад и начали тревожно перекликаться.

Но один из них, самый умный или самый сердитый, все же догадался, протянул вперед лапу и прижал ею Весельчака к земле.

— Спасите! — прохрипел Весельчак У.

— Ну как я тебе помогу? — отозвался из люка его друг. — Они меня тоже растерзают.

— Достань бластер! Где твой бластер?

— Я же не взял бластер, когда превратился в динозавра, — ответил Крыс. — К чему бы я его привязал?

— Ну придумай что-нибудь! Я погибаю!

— Сейчас сбегая за оружием, потерпи!

— Не убегай!

И тогда Алиса, которой стало жалко, что Весельчак погибнет такой неприятной смертью, закричала:

— Крыс, кидай в него яйцом! Кидай яйцом в динозавра!

— Что?

— Кидай яйцо! — крикнул Пашка.

— Кто говорит?

Почему-то Крыс никак не мог сообразить, что ему подсказывает птицеящер.

— Кидай яйцо! — прохрипел Весельчак У. Он тоже понял, что Крыс прижимает к груди единственное их оружие.

И тогда Крыс впервые в жизни смог побороть в себе жадность ради товарища по пиратским проделкам. Он размахнулся и из-за головы, как футболист, который вводит мяч в игру из аута, метнул золотое яйцо в пнута, который намеревался раздавить ногой Весельчака.

Яйцо, блеснув в воздухе, попало в нос динозавру, и тот отпустил Весельчака У, чтобы подхватить драгоценность.

Весельчак вскочил и, прихрамывая, бросился к кораблю.

За ним устремились остальные пнuty.

Весельчак побежал не прямо к кораблю — видно, сообразил, что не успеет. Он метнулся к корзине и стал шустро выхватывать яйца и кидать ими в пнутов. Динозавры хватили яйца, как настоящие вратари, и вот уже ближайшие к Весельчаку животные были обезврежены — их лапы заняты золотыми яйцами.

— Крыс! — закричал Весельчак У. — Выходи, я буду кидать тебе яйца, а ты их лови и складывай!

— Ты с ума сошел! — закричал из люка Крыс. — Они же тебя затопчут.

— Не затопчут, они не могут оторваться от своих мячиков!

Весельчак У схватил первое яйцо и кинул его Крысу. Крыс не смог его поймать: получил яйцом по лбу и чуть не потерял сознание.

— Лови следующее! — закричал тонким голосом толстяк.

— Нет уж! — рассердился Пашка. — Так они и в самом деле улетят с добычей. Я этого не позволю!

И он с ревом побежал к Весельчаку У.

Толстый пират решил было, что все пнuty одинаковы, и следующее яйцо метнул в Пашку, рассчитывая, что тот обнимет добычу и будет ее лелеять.

Но, разумеется, он ошибся.

Пашка тут же перебросил яйцо птицеящеру Алисе, а сам, угрожающе рыча, надвигался на Весельчака.

— Скорее! — кричал Крыс. — Я улетаю!

— Грязная лягушка! — ругался Весельчак У. — Головастик недорезанный! Ты почему не берешь яйцо?

Голова Пашки уже нависла над пиратом, и нервы у того не выдержали.

Он кинулся к кораблю.

Люк пиратского судна закрылся, и через несколько секунд оно рванулось к звездам.

— Как хорошо, что у страха глаза невнимательны, — заметил Пашка, перекладывая яйца из корзины в мешок, висевший у него на шее. — Он даже не удивился, увидев ящера с мешком.

— Возьмем шесть штук, — сказала Алиса. — Нам еще надо столько яиц собрать!.. Ведь мы не собираемся устраивать на Земле заповедник для пнутов?

— А почему бы и нет? — спросил Пашка. — Мы, пнuty, очень красивы, элегантны и умны.

Но пора было покидать поле боя. Остальные пнuty уже опомнились и потянулись к

корзинам. Так что, взяв шесть яиц, пнут Пашка побежал прочь.

За ним, подобно кенгуру, весело прыгала Алиса Селезнева.

— Отнесем яйца на Гай-до, — сказала она, — и отправимся искать логово крейсеровозавров. Боюсь, что там нам не помогут никакие космические пираты.

И Алиса была права!

Еще два яйца гигантов крейсеровозавров, которые удалось к вечеру принести на Гай-до, два шара метрового диаметра весом в полторы тонны золота каждый, достались спасателям так дорого, что у них хватило сил лишь забраться внутрь корабля и, отказавшись от ужина, свалиться на койки... и заснуть.

Утром Гай-до разбудил Алису.

— Прости, — сказал он. — Мне надо с тобой посоветоваться.

— Что случилось? — Алисе так не хотелось просыпаться! Она даже глаз не стала открывать, надеялась, что Гай-до спросит, она ответит и можно будет дальше спать.

Но дальше спать не пришлось.

— Я засек космический корабль без опознавательных знаков, — сказал Гай-до. — Судя по всему, это наши старые знакомые. Они возвратились и намереваются снова приземлиться.

— Знаешь, кого они мне напоминают? — ответила Алиса, садясь на койке и протирая глаза. — Овода. Его отгоняешь, хочешь прихлопнуть, а он взлетит, покружится над тобой — и снова садится, чтобы укусить.

— Что ж, сравнение не хуже любого другого, — ответил Гай-до. — Можно сравнить их с комарами, слепнями и даже голодными шакалами. Что будем делать?

— Надо с ними поговорить, — сказала Алиса. — Я скажу, что мы обо всем знаем и если они и дальше будут воровать золотые яйца, то я обо всем расскажу в галактической полиции.

— Очень они тебя испугались! — произнес Пашка, который тоже проснулся и вышел в кают-компанию. — Крыс и Весельчак У отлично знают, что ты здесь, что мы с тобой не очень взрослые и, к сожалению, не вооружены. Они знают, что Гай-до тоже не приспособлен для боя. А я могу поклясться, что их старая посуда, на которой они прилетели, напичкана оружием.

— Но что же тогда делать? — спросила Алиса.

Ей было очень грустно. Конечно, она сама виновата, что пираты прилетели сюда грабить. Им и в голову не приходило возвращаться к своим дурным занятиям, сидели в своем дворце, играли на барабанах, пировали и принимали гостей. И тут письмо от нее — оно, конечно, прозвучало как боевая труба! Они застучали копытами и помчались в бой!

— Алиса, ты слушаешь меня? — донесся до нее голос Пашки.

— А? Что? Конечно, слушаю. Я только немного задумалась.

— Тогда слушай внимательно, потому что времени у нас в обрез. С минуты на минуту они могут выследить новых динозавров и начать свою операцию иначе. А если совсем разозлятся, то возьмут в руки оружие!

— Не посмеют.

— Посмеют. Потому что трудно отказаться от добычи, которая совсем рядом.

— И что же ты предлагаешь? — спросила Алиса.

— Их надо пугнуть, — ответил Пашка.

— Но ты же сам сказал, что они нас не испугаются.

— Нас не испугаются, а кого-то испугаются.

— Кого же?

Пашка обратился к Гай-до:

— Скажи, ты можешь выйти с ними на связь?

— Думаю, что смогу, — ответил корабль.

— Тогда я с ними поговорю. Не называй себя. Только дай мне связь...

Алиса встревожилась.

— Пашка, что ты задумал? Ты пойми, что это не игрушки. Пираты опасны для всех...

— А этого я и не знал! — засмеялся Пашка. — Не беспокойся, мы все уладим. Поверь, что я уже не тот ребенок, с которым ты когда-то летала на рыцарскую планету.

— Каждый мужчина — до старости ребенок, — вмешался в разговор Гай-до.

— Есть связь? — перебил его Пашка.

— Канал свободен, — сказал корабль. — Когда услышишь щелчок, можешь говорить.

— Всем молчать! — приказал Пашка.

В тишине корабля раздался щелчок. Затем послышалось легкое шуршание, будто звезды терлись о небо.

Пашка насупился, приложил рупором руки ко рту и заговорил медленно, по слогам. Алиса сразу поняла, в чем дело. Он говорил так, как вчера, когда был в шкуре пнута.

— Вы слы-ши-те ме-ня? — произнес Пашка низким хриплым голосом.

— Кто там? Кто на связи? — послышался высокий, пронзительный голос Крыса. Значит, пираты сразу услышали Пашку.

— Го-во-рит Со-вет ди-но-зав-ров, — продолжал Пашка. — Слу-шай-те!

— Какой еще Совет?

— Вы бежа-ли от нас се-годня, — рычал в микрофон Пашка. — Но хо-ти-те вернуть-ся. Мы все ви-дим.

— Это шутка, — неуверенно произнес Крыс. — Наверное, это шутка. Динозавры не умеют говорить.

— Ди-но-завры уме-ют мстить. Сегод-ня вы убили на-ших пнутов. Вы хо-тели украсть на-ших детей. Нет по-щады!

— Вам все равно не нужны яйца, вы все замерзнете, — заговорил Крыс. Алиса улыбнулась. Наконец-то пират поверил страшному голосу и стал оправдываться. А если так, значит, он уже испугался.

— Это на-ше де-ло. А ваша смерть — это ва-ше дело, — сказал Пашка. — Со-вет динозавров приговорил вас к смер-ти. Как пиратов и граби-телей. Теперь по-про-буйте спуститься к нам. Только по-про-буйте!

Наступила томительная пауза. Слышно было, как далеко-далеко переговаривались в своем корабле пираты.

— Врут они, — послышался голос Весельчака У, — пугают. Откуда у них станция связи?

— Вот именно это меня и тревожит, — ответил Крыс. — Откуда у динозавров Совет и станция связи? Кто их этому научил?

— А может, они? — спросил Весельчак У. — Те самые?

— Вот я и подумал, — ответил Крыс. — Это Алиска со своей компанией. От нее добра не жди.

— Нет, быть не может, все-таки она — ребенок...

— Ребенок? А мало мы от нее пострадали? Мало нас из-за нее жизнь молотила? Ты на себя посмотри — весь в шрамах и порезах. Ведь это динозавры тебя так разукрасили. А если бы не было у них Совета динозавров, никогда бы им нас не выгнать...

— А может, попробуем разок? — неуверенно спросил Весельчак У. — Уж больно золото хорошее.

— Есть у нас одно яйцо на память, для музея, и хватит! — отрезал Крыс. — Берем курс на нашу планету.

— Ох, стареешь ты, капитан! — сказал Весельчак.

— Я не старею, а хочу вернуться домой живым.

— Тогда я свергаю тебя, — сказал Весельчак У. — И беру власть! Мне нужно золото!

Гай-до вздохнул и прошептал:

— Ну прямо лорд Палмерстон. Как живой! Золотые ручки ему подавай!

— Я не слышу ваше-го решения, — прорычал Пашка.

И тут все услышали тихий голосок незаметно вошедшего в корабль катастрофиста Эмальчика:

— Разрешите, я внесу свою лепту.

Он подошел к передатчику и сказал таким же голосом, как Пашка (ведь подслушал, молодец):

— Говорит Совет динозавров! Если вы попытаетесь вернуться на планету, вы погибнете при посадке. Мы это тоже можем. А чтобы вы не думали, что мы шути-тим, смотрите! Сейчас у вас на корабле перегорит свет.

— Ой! — раздался испуганный крик Крыса. — Почему темно?

— А по-то-му! — грозно ответил маленький катастрофист.

— Крыс, миленький, мне страшно! — откликнулся Весельчак У.

— Улетаем! — закричал Крыс. — Мы улетаем. Верните нам свет!

— Долетите без света, — ответил Совет динозавров.

Связь отключилась.

— Корабль пиратов взял курс прочь от планеты, — сказал Гай-до.

— Включи им свет, — попросила Алиса, — трудно же без света.

— Не жалею их, Алиса. Они же никого не жалеют, — сказал Пашка.

— Не в этом дело, — заметил маленький катастрофист. — Я предвижу катастрофы, даже маленькие, но это не значит, что я могу их исправлять. Это наша профессиональная беда... Я знал, что свет у них перегорит, но я не могу зажечь им свет.

— Тогда все садятся завтракать! — приказал Гай-до. — Сегодня трудный день, нам еще предстоит собрать немало яиц.

Ох, нелегко пришлось в этот день спасателям!

Ведь дело, которое взвалили на себя Алиса и Пашка, было неблагодарным и даже порой жестоким. Ну как ты объяснишь первобытным родителям какого-нибудь золотого яичка, что ты отбираешь их наследника не для того, чтобы сожрать или сделать из него яичницу, а чтобы вырастить из него достойного члена динозаврового общества, может даже, председателя несуществующего пока Совета динозавров.

Но Пашка терпеливо тащил на шее тяжелый мешок, Алиса обманывала родителей, а Гай-до, скрываясь за кустами, описывал яйца и их родителей, занимался исследованиями, чтобы обеспечить каждому яйцу достойную жизнь на другой планете.

Не было среди спасателей только маленького катастрофиста, который заявил, что его привлекают свежие катаклизмы и он желает посетить одно наводнение и два землетрясения. Но к вечеру обязательно вернется.

Настроение у Алисы было ужасное, и пнут Пашка не мог развлечь ее своими шутками, да к тому же он сам устал и еле волочил мешок и ноги. Все было бы еще терпимо, если бы не грустная процессия динозавров, лягушек, змей и ящериц, которые вереницей ползли и топотали сзади, воя, ноя, рыдая и упрашивая спасателей вернуть им золотые яйца.

Они не понимали ничего, но сильно горевали.

С неба раза два начинал сыпаться снег, а ветер был студеным. Когда Пашка выгружал очередную порцию золотых яиц в трюм Гай-до, местные чудовища расходились. Для них яйца существовали, пока они их видели. Стоило любимым яйцам пропасть из виду, как интерес к ним пропадал.

Кое-как закончив работу, спасатели приняли свой обычный вид, забрались в корабль, вытерлись досуха полотенцами, оделись потеплее и пообедали. Оказалось, что, несмотря на плохое настроение и усталость, аппетит у них не пропал.

— Это потому, что вы еще молоды, — серьезно сказал Гай-до.

— Трюм почти заполнен, — сообщил Пашка. — Я думаю, что пора лететь на Землю. Больше мы не сможем принести никакой пользы. Мы привезем все яйца в Космический зоопарк к твоему папе, и пускай он их кладет в инкубатор.

— Я думаю о том, как бы устроить сюда большую экспедицию, — сказала Алиса. — Чтобы вывезти и взрослых ящеров.

— Решать это будет твой папа, — сказал Гай-до, — и другие ученые. Но боюсь, что такого корабля, чтобы вывезти отсюда крейсерозавров и пнутов, не отыщется. Да и новую планету для них будет нелегко подобрать. Все это требует времени и усилий... Даже при самом лучшем отношении к динозаврам такая экспедиция опоздает. Эмальчик говорил мне, что ледники и снег покроют всю планету месяца через два. Она все быстрее удаляется от своей звезды.

— Значит, мы с тобой — последняя надежда для Стеговии?

— Боюсь, что да.

— Тогда мы вернемся сюда еще раз. Ведь мы обязаны собрать яйца всех обитателей планеты, а мы многих из них даже не видели.

— Хорошо, Алиса, — согласился Гай-до. — А пока, если позволишь, я с тобой попрощаюсь и займусь подготовкой к отлету. Мне надо проверить, на каждое ли яйцо у меня есть карточка и все ли наши трофеи находятся в хороших условиях.

— Когда стартуем? — спросил Пашка.

— Через час, — ответил Гай-до. — Мы должны вернуться домой прежде, чем начнут выводиться ящеры. Иначе мы никуда не долетим.

— А где же катастрофист? — спросил Пашка.

— Он с нами не летит, — ответил Гай-до, — он сказал, что должен остаться, чтобы увидеть самую великую катастрофу, которую ему приходилось видеть.

— Но он же замерзнет! — воскликнул Пашка.

— Я ему оставил утепленную палатку и запас продовольствия.

— Но продовольствие кончится! — встревожилась Алиса.

— К этому времени за ним прилетит корабль Службы катастрофистов. Он с ними договорился.

— А есть такая служба?

— В Галактике все есть. Неужели ты думаешь, что наш Эмальчик — единственный чудак?

— Все равно страшно оставаться одному на умирающей планете, — сказала Алиса.

В этот момент люк раскрылся, и в него ворвался заряд снега. В проеме люка стоял покрытый снегом, промокший, но, как всегда, уверенный в себе катастрофист.

— Вы обо мне разговаривали? — спросил он с порога.

— Мы вас жалели, — сказала Алиса.

— Не надо меня жалеть, я получаю удовольствие от своей работы! Такая катастрофа может только присниться! Я — самый счастливый человек во Вселенной.

— Тогда закройте люк, — сказал Гай-до, — вы мне переморозите всех динозавров.

— О да! Конечно. Я зашел попрощаться с вами, пожелать счастливого пути. Вот эту кассету немедленно перешлите моему шефу в Галактический центр.

Катастрофист церемонно поклонился по очереди Алисе и Пашке и помахал ручкой Гай-до. Уходя, он вдруг остановился и спросил:

— Совсем забыл, мне нужна железка, сантиметров в семьдесят длиной. По-моему, я ее видел в кладовке среди инструментов.

Через минуту катастрофист снова открыл люк, помахал железной палкой, которую отыскал в кладовке, и скрылся в снежной буре...

Той же ночью Гай-до стартовал к Земле.

Внутри корабля было жарко и душно — такую температуру больше всего любили динозавры. Для людей это было не очень удобно, но все терпели. И терпели бы дальше, если бы не неожиданное событие.

Утром, когда все, кроме Гай-до, еще спали, в корабле раздался отвратительный скрежет.

Гай-до заглянул к себе в трюм и увидел, что из одного пнутского яйца торчит маленький золотой штопор, который шустро поворачивается. Пока Гай-до пытался сообразить, что же творится, яйцо развалилось пополам и из него выскочил шустрый динозавр, около метра длиной, страшно худой и голодный — непонятно, как только он мог уместиться в яйце размером с футбольный мяч.

Сначала Гай-до подумал, что это случайность. Одно перезревшее яйцо... но уже к восьми утра в трюме обнаружили три динозавренка, одна белая жаба, плоский змееныш, птицеящеренок и еще шесть зверюшек.

Когда Алиса с Пашкой проснулись, им пришлось вместо завтрака лезть в трюм и кормить зверят неприкосновенным запасом. Через час уже не осталось сгущенного молока, сливок, масла, мяса, котлет, фарша, рыбы и так далее...

К двенадцати вывелся первый крейсеровозавр.

Новорожденный крейсеровозавр достигал трех метров в длину. Он лежал поперек трюма, касаясь носом одной стенки и хвостом упираясь в противоположную.

— Если мы не накормим этого крокодила, — сообщил Пашка, — он начнет жрать остальных, даю тебе слово.

Алиса спрыгнула в трюм и, увертываясь от злобного детеныша, стала выбрасывать вверх, в руки Пашке, мелких детенышей. Гай-до, как мог, помогал ей, придерживая манипуляторами крейсеровозавренка, чтобы он не перекусил Алису пополам.

Пока она занималась этим, родилась еще одна жаба, и Алиса не успела глазом моргнуть, как ящер проглотил новорожденную.

— Дайте ему чего-нибудь поесть! — закричала Алиса.

— У меня осталась только мука! — ответил Гай-до.

— Сыпь муку! — в отчаянии закричала Алиса.

Гай-до высыпал в пасть крейсеровозавренка мешок муки, и она, к счастью, на время слепила его челюсти.

Алиса выбралась наружу, в кают-компанию.

— Что-то надо делать, — сказала она. — Далеко до ближайшей планеты?

— Через восемь часов будем пролетать Декабристку, — сказал Гай-до. — Спускаемся там. И выгружаем детенышей. Декабристка прозвана так космонавтами, — сообщил Гай-до, — ввиду того, что средняя температура на ее поверхности — минус шестьдесят.

— Ну почему нам так не везет! — воскликнул Пашка. — Где у тебя планета потеплее? Может, сменим курс, если нужно?

— До ближайшей планеты с нормальной температурой двое суток...

— Может, спустимся к археологам Громозеки? — спросил Пашка.

— Но там пустыня! Детеныши съедят запасы экспедиции, а потом самих археологов, — предупредил Гай-до.

— Вызывай спасателей! — крикнула Алиса.

— Корабли патруля не приспособлены для перевозки динозавров, — ответил Гай-до. Из люка показалась обмазанная тестом морда крейсеровозавренка.

Пашка ткнул в нее стулом. Морда попыталась попробовать стул на вкус. Со стулом в зубах она скрылась внизу.

Новорожденный пнут кусал Пашку за ногу, требуя пищи, жаба прыгнула на пульт управления.

— Мы погибли, — сказала Алиса.

— Да, первый раз в жизни, — согласился Пашка, — признаю свое поражение. Давай простимся, Алиса!

— Не кривляйся, Пашка, — сказала Алиса. — В конце концов, мы-то спасемся, а вот как спасти детенышей, я не знаю. Гай-до, придумай что-нибудь.

— Пока не придумал, Алиса, — ответил корабль. — Сними, пожалуйста, саламандру с моего компьютера.

Из люка вновь показалась морда крейсеровозавренка. Пришлось отдать ему второй стул. Но этим дело не ограничилось. Рядом тут же возникла морда второго крейсеровозавра. И третий стул исчез в трюме.

— Ввиду того, что я отвечаю за безопасность моего экипажа, — сказал Гай-до, — я должен вас предупредить, что через час, а может быть, раньше, я попрошу Алису и Пашу надеть скафандры. Затем я открою внешний люк и заморожу всех динозавров, включая яйца.

— Ты не сделаешь этого, Гай-до! — закричала Алиса.

— У него нет другого выхода, — сказал Пашка.

— Должен быть! — закричала Алиса. — Должен быть!

В этот момент ожил приемник космической связи на пульте управления.

— Выход есть, — произнес знакомый тонкий голосок.

Глава 14

— Кто это?

— Катастрофист, — подсказал Гай-до.

— Конечно, это я, — согласился Эмальчик. — Я звоню вам, потому что случайно подслушал ваши переговоры и у меня появилось деловое предложение.

— Какое? — спросила Алиса.

— Я предлагаю вам вернуться на планету Стеговия!

— Мы не можем, — сказала Алиса. — Ведь там все наши динозавры погибли.

— Я гарантирую им жизнь и свободу, — решительно ответил Эмальчик. — И даю честное слово катастрофиста, что я нашел выход и для вас, и для динозавров.

— Подчиняемся? — спросила Алиса у Пашки.

— А разве у нас есть другой выход?

— Я боюсь, как бы Эмальчик не устроил новую катастрофу.

В ответ послышался бодрый голос Эмальчика:

— Не беспокойтесь, я ее уже устроил.

— Я разворачиваюсь, — сказал Гай-до.

Через шесть часов бешеной гонки Гай-до вышел на орбиту Стеговии.

Его пассажиры, все последние часы воевавшие с бедными динозаврами и пытавшиеся рассадить их по разным углам корабля, утомились настолько, что задремали.

Так что Гай-до первым увидел перемены, случившиеся с планетой.

Ледники значительно уменьшились — это было видно даже невооруженным глазом, всюду текли ручьи, кое-где над морями поднимался пар.

— Эмальчик, — вызвал Гай-до катастрофиста, — вижу Стеговию. Вижу перемены. Что случилось?

— Климат изменяется к лучшему, — ответил катастрофист. — Можно возвращать динозавров.

— Но что случилось?

— Опускайтесь на старом месте, — ответил Эмальчик, — я буду вас ждать.

Гай-до разбудил Пашку и Алису.

Он пересказал им разговор с катастрофистом. Спасатели прильнули к иллюминаторам.

— Я знаю, — сказал Пашка. — Он устроил гигантское извержение вулкана!

— Нет, — возразил Гай-до. — Никаких извержений не зарегистрировано. И вообще, после извержений вулканов становится не теплее, а холоднее, потому что пепел закрывает путь солнечным лучам.

— Что же это? — размышлял вслух Пашка, отмахиваясь от жабы, которая прыгнула ему на макушку и пыталась откусить ухо.

Гай-до резко снизился и опустился у обрыва на берегу озера.

Там текла мирная жизнь. Динозавры гонялись друг за другом, старательно пожирая слабых и удирая от сильных.

В траве по колено стоял Эмальчик. Он улыбался — рот до ушей.

— Как долетели? — спросил он.

Алиса приоткрыла люк.

— Здесь тепло, — сказал Эмальчик. — Двадцать пять в тени. Завтра будет еще теплее.

Алиса и Пашка спрыгнули в траву.

— Но послезавтра не станет холоднее? — спросил Пашка.

— Ни в коем случае! — ответил катастрофист. — Катастрофа уже произошла.

— Какая катастрофа? — спросила Алиса.

Маленький рыжий Эмальчик показал железную палку, которую держал в руке.

— Что это? — спросил он.

— Железная палка, которую вы вчера взяли в моей кладовке, — ответил Гай-до.

— Ничего подобного, — возразил Эмальчик. — Это самый настоящий рычаг. У меня был рычаг, я нашел ночью точку опоры и немножко перевернул эту планету. Теперь она возвращается на старую орбиту.

— Как? — изумился Пашка. — Вы не шутите? Вы это сделали один?

— Кроме меня, на планете не оставалось ни одного разумного существа, — сказал Эмальчик. — И ведь дело не в размере рычага и усилия. Дело в том, чтобы найти нужную точку. А у меня, как у самого талантливого катастрофиста, есть чутье на такие штуки.

Он направился к Гай-до и открыл люк.

— С вашего разрешения, положу рычаг на место. Больше он нам не пригодится.

Но тут из открытого люка живой рекой хлынули пнуты, крейсеровзавры, птицеящеры, жабы, змеи, лягушки, тритоны, птеродактили... Они сбили с ног и погребли под собой перепуганного катастрофиста.

Когда они промчались мимо и разбежались в поисках родителей, Пашка помог катастрофисту подняться.

— Как же так? — спросил он. — Вы знаете о катастрофах, но не знаете, когда катастрофа приключится с вами.

— Да, это большой недостаток, — согласился катастрофист. — Над этим я еще должен много работать. Угостите меня чаем, а то я всю ночь был на ногах, искал эту противную точку опоры...

Алиса приготовила чай, а Гай-до тем временем вытаскивал яйца и выкладывал их на траву. Со всех сторон сбежались динозавры и земноводные существа. Они искали своих детей и, найдя, счастливые убежали, прижимая наследников к груди.

За чаем Алиса рассказала катастрофисту, как они перепугались, когда начали выводиться динозавры, а катастрофист рассказал, как он возвращал планету на старую орбиту.

Потом катастрофист уронил и разбил любимую чашку Алисы.

И они полетели домой, на Землю.

Глава 1. Колеса для богомола

Если ты приходишь домой и тебе надо делать уроки, то во дворе обязательно светит солнце, в городе открылась Ярмарка Чудес, Пашка Гераскин, который делает только то, что ему хочется, зовет тебя купаться на остров Родос, а марсианский богомол так скрипит старыми суставами, что хочется убежать на Северный полюс.

— Поля! — крикнула Алиса, кидая ранец с компьютером в угол. — Поля, куда ты задевался?

Робот — домашний работник по имени Поля, оказывается, давно уже стоял в дверях, укоризненно склонив набок железную голову. И где только он научился так склонять голову?

— Вы меня звали, госпожа? — спросил он.

В последние годы робот читал только дамскую литературу, предпочитая романы о графинях, которые безнадежно влюбляются в недостойных баронов, в то время как благородные маркизы вздыхают в оранжерее. И хоть все смеялись над увлечением робота, разубедить его в том, что дамская литература никак не относится к настоящей жизни, было невозможно. И больше всего он страдал от того, что не умеет плакать. Ведь героини его любимых романов буквально не просыхали от слез. Однажды он даже намазал себе «слезы» подсолнечным маслом и был посрамлен жестокосердными хозяевами.

— Виконт, — сказала Алиса роботу, понимая, что такое обращение — самый прямой путь к сердцу Поля. — Не будете ли вы так любезны придумать, чем смазывают суставы старых марсианских богомолов, чтобы они не мешали людям делать уроки?

— Давайте я сделаю уроки за вас, графиня, — ответил великодушно робот. — В последний раз.

— Благодарю вас, я сама, — сказала Алиса. — Так чем смазывают суставы богомолам?

— Попрошу не издеваться, — вмешалось в разговор полуметровое насекомое, пытаясь спрятаться под кровать. — Если я одинокое существо, заброшенное судьбой на чужую планету и вынужденное проводить остаток дней в плену у двуногих, это не означает, что по мне можно ходить ногами!

— Я же хочу сделать как лучше! — воскликнула Алиса. — Ты не будешь скрипеть. От этого выиграешь и ты, и все человечество.

— Суставы у меня внутри, — сказал богомол. — Вы что же, резать меня намерены?

— Тогда уходи! — приказала Алиса. — И ты, Поля, уходи. Все уходите и оставьте меня в покое. У меня завтра контрольная по математике.

— Пойдем, — сказал робот богомолу.

Богомол покорно пошел за роботом, и Алисе было слышно, как робот рассуждает вслух:

— Может, в тебя шприцем масло впрыснуть?

— Я не переношу боли, — отвечал богомол.

— Вот уж не думал, что ты ее чувствуешь, — сказал робот. — Я в прошлом месяце тебе нечаянно ногу отломил, ты когда это заметил?

— Я заметил сразу, — сказал богомол, — но сказал на следующий день. Не хотел тебя расстраивать.

— Врешь, — сказал робот.

Они миновали коридор и скрылись на кухне.

Теперь ничего не мешало приниматься за уроки. Кроме лени.

И Алиса стала колдовать, чтобы началось землетрясение, чтобы школу смыло приливной волной цунами, чтобы грянул мороз тридцать градусов и занятия отменили. Она колдовала и понимала при этом, что такое колдовство — пустая трата времени.

Тогда, загадала Алиса напоследок, пускай сейчас зазвонит видеофон и папа попросит ее срочно приехать в Космозо.

Космозо — это космический зоопарк, он расположен в Москве, а Алисин папа, профессор Селезнев, — директор этого зоопарка.

Но с чего бы профессору Селезневу звонить дочери, если она сейчас сидит у компьютера и делает уроки.

И в этот момент зазвонил видеофон.

На экране появилось лицо профессора Селезнева.

— Алиса, — сказал он. — Что нового в школе?

У Алисы язык отнялся от неожиданности. Вот не думала, что удастся заставить папу позвонить!

— В школе все хорошо, — ответила Алиса.

Тут вошел робот Поля и, увидев, что Алиса разговаривает с отцом, заявил, становясь в поле зрения профессора:

— Вот вас мне и нужно!

— Что еще случилось?

— Ваша дочь, — сказал домашний робот, а сокращенно домроботник Поля, — высказала неудовольствие по поводу того, что у ее марсианского богомола слишком громко скрипят суставы. Я обследовал богомола и понял, что смазать суставы не удастся, потому что они покрыты хитиновым покровом. Тогда у меня появилось предложение: а что, если отломать все ноги у богомола, а вместо них сделать колеса?

— И как же богомол? — Профессор Селезнев старался сдерживать улыбку. — Он согласен на такую операцию?

— Он не заметит, — сказал робот. — Мы обломаем ему ноги во сне. И когда он проснется, то все будет кончено. У него будет шесть пар колес на резиновых шинах.

Алисе показалось, что робот даже надулся от собственной сообразительности. Поля относился к породе ученых дураков, которые встречаются и среди людей. Такие ученые дураки лишены чувства юмора. Им рассказываешь что-нибудь смешное, а они смотрят на тебя совершенно серьезно и спрашивают: а что тут смешного? Причем так строго спрашивают, что начинаешь думать: может, и в самом деле на свете нет ничего смешного? Такие люди бывают очень опасными.

— Хорошая идея, — согласился Селезнев и обратился к Алисе: — Ты уж присмотри за своими друзьями, а то богомол занесен в межпланетную Красную книгу.

— Отлично, — согласилась Алиса. — А богомол на колесиках будет еще более редким насекомым. — Но ей тут же пришлось бежать за роботом. Он, оказываясь, решил, что получил согласие людей на операцию над богомолом.

Алиса вернулась к экрану и спросила отца:

— Что у тебя случилось?

— Я жду гостя, — сказал Селезнев. — Это твой знакомый. Ты не хочешь присутствовать при нашем разговоре? Думаю, тебе будет интересно.

— Конечно, — ответила Алиса и поскорее отключила видео, чтобы отец не заметил, какое у нее счастливое лицо. Ее колдовство удалось! Можно не делать уроков.

У Алисы было предчувствие, что ее ждет новое приключение, а она с раннего детства и недели не может прожить без приключений.

И она собралась так, словно намеревалась отправиться в поход: вынула из хлебницы свежий бублик, повторила просьбу роботу не дотрагиваться до богомола, который уже залез от страха под буфет, оставила записку маме, что к ужину обязательно постарается вернуться домой, и поспешила к остановке автобуса.

Автобус стоял на Арбатской площади. Это был автобус мгновенного действия. Через сто лет в городе люди будут в основном ездить на таких автобусах. Тыходишь в его заднюю дверь, проходишь по салону и выходишь в переднюю дверь. Если ты не ошиблась автобусом, то передняя дверь ведет к площади перед Космозо.

День был будний, и посетителей в зоопарке было не много. Даже место на стоянке флаеров перед входом можно было отыскать без труда.

Алиса прошла в ворота Космозо, напоминавшие вход в пещеру, в полутьме засверкали самоцветы, над головой зажегся, встречая посетителей, зеленый, в искорках, свет, который излучали Изумрудные лишайники, привезенные когда-то с астероида Ветерок. Миновав короткую пещеру, девочка оказалась в удивительном, привычном с детства, волшебном мире космического зверинца.

Алисе, конечно же, не терпелось узнать, какого неожиданного гостя ждет ее отец, но она не могла отказать себе в удовольствии пройти мимо клеток, где вольготно чувствовали себя обитатели дальних планет, которых специальные экспедиции давно уже привозят на Землю.

За стеклом, в жаре пустыни, под искусственным солнцем, жарились живые кустики, порой вырывая из песка корни, чтобы подойти к крану и напиться. А вот целое семейство индикаторов — пушистых добродушных зверьков, которые меняют цвет в зависимости от настроения. На лужайке возле круга, где катал детей добродушный розовый дракончик, мирно паслись два склисса. Коровы как коровы, никогда не подумаешь, что они умеют летать. Но при виде Алисы склиссы заволновались, принялись мычать, побежали к ней, раскрыв прозрачные стрекозиные крылья...

К сожалению, у Алисы не хватало времени повидаться со своими знакомыми, но все же она сделала небольшой крюк и заглянула к пруду.

— Э-ге-гей! — крикнула она. — Вылезай, соня! Я тебе бублик принесла.

И в ответ на ее крик вода посреди пруда расступилась, спугнув гусей и казарок, и показалась голова ящера. За головой последовала шея, которая все поднималась, поднималась над водой и никак не кончалась, так что, не покидая середины пруда, колоссальный бронтозавр смог дотянуться губами до стоявшей на берегу Алисы и, вытянув вперед мягкие розовые губы, взять у нее из рук свежий бублик. В знак благодарности бронтозавр прикрыл белой пленкой черные глаза и снова ушел в глубину, спать и думать. Хотя до сих пор никто не знает, о чем думают бронтозавры.

От пруда всего два шага до похожего на раскрытую ракушку здания дирекции. В ракушке помещается не только дирекция, но и госпиталь для зверей, лаборатория и центр наблюдения, ведь за космическими животными приходится следить круглые сутки — мало ли, что может произойти. И порой решают дело секунды.

Пройдя по коридору, Алиса толкнула дверь, на которой была маленькая металлическая пластинка:

Проф. СЕЛЕЗНЕВ.
ДИРЕКТОР

Папа был один. Он сидел перед компьютером, по экрану бежали ряды мелких цифр.
— Алиса, — не оборачиваясь, сказал профессор. — Садись и жди. Я буду занят еще две минуты.

Алиса, конечно же, не стала садиться. Она принялась разглядывать свои любимые фотографии на стенах кабинета. Там были изображены чудесные животные, а также виды планет, на которых папе приходилось бывать. А вот и фотография космического корабля «Пегас». Когда-то в раннем детстве, может, тысячу лет назад, Алиса вместе с папой и капитаном Полосковым летали на нем в космос, и она там впервые столкнулась с космическими пиратами...

Алиса собралась рассказать папе, что ей недавно пришлось встретиться с пиратами вновь, но только она открыла рот, как дверь без стука распахнулась и в комнату как ураган ворвался маленький, поджарый, быстрый, даже стремительный человек с вьющимися, словно проволочными, волосами, большим орлиным носом и яркими светящимися глазами. Он был таким загорелым, словно провел отпуск на Гавайских островах. Но Алиса, которой и раньше приходилось видеть этого человека, знала, что комиссар ИнтерГалактической полиции Милодар проводит все свое свободное время под двухкилометровой толщей льда, потому что его кабинет лежит возле Южного полюса.

— Здравствуйте, привет! — воскликнул комиссар Милодар. — Вам привет, профессор Селезнев, и тебе привет, отважная девочка Алиса.

У комиссара была отличная память на лица.

Отец оторвался от компьютера и протянул комиссару руку.

— Садитесь, — сказал он.

— Рук не пожимаем! Это негигиенично. Мне семья не позволяет! — заявил Милодар, но на самом деле комиссар говорил неправду. Дело в том, что он очень берег себя, потому что считал, что без него вся работа ИнтерГалактической полиции на Земле развалится. Его надо беречь. А как берегут комиссаров? Их держат в кабинетах, а на все встречи и даже опасные задания вместо них посылают великолепно сделанную голографическую копию. Комиссар сидит сейчас в своем кабинете подо льдами Антарктиды, а его копия пришла в кабинет Селезнева и не хочет пожимать рук, так как тогда профессор сразу догадается, что перед ним не комиссар, а только его копия.

Но, видно, профессор Селезнев об этом догадался. Он не стал пожимать руку комиссару. Вместо этого он спросил:

— Чему мы обязаны вашим визитом?

— А вам сегодня никто ничего не рассказывал?

— Нет.

Комиссар встал посреди кабинета, уперев руки в бока.

Алиса и Селезнев стояли перед ним. Никто не садился.

— Это очень странно, — заметил комиссар.

— Комиссар Милодар, — попросила Алиса, которая совершенно не стеснялась комиссара, — почему вы говорите загадками?

— Я не загадками говорю. Я подозреваю вашего папу в утаивании важной информации.

— Что? — удивилась Алиса.

— А вот что: вчера из этого зоопарка кто-то сбежал. Не будем уточнять кто. Сегодня ваш папа, Алиса, узнал, что в зоопарке на одного жильца меньше. Но он не решился рассказать об этом нам, полицейским, и надеялся поймать чудовище сам.

— Это чистой воды чепуха! — возразил профессор Селезнев.

— Если чепуха, то откуда взялась эта страшная угроза всему человечеству? — Комиссар щелкнул пальцами, и у него в руке, как у фокусника, появилась подвижная цветная фотография, видеокадр, который в просторечии называют викадом.

На фотографии было изображено нечто совершенно странное и даже отвратительное.

Представьте себе пруд или озеро, наполовину заросшее тростником. На дальнем высоком берегу видны осины и елки.

Почти из середины пруда, высунувшись по пояс, на зрителя глядело противное бледно-голубое существо размером чуть побольше толстого человека. Существо это было не то что толстым, но очень тугим и мутным, каким бывает надутый рыбий пузырь.

Головой существо напоминало моржа, если бывают голубые моржи, без ресниц и бровей, с седыми усами и слюнявым ртом. А вот клыками природа это чудовище наградить забыла.

Без видимых усилий существо поднялось над водой, так что показался его толстый белый живот, и начало хлопать по поверхности пруда пухлыми ладонями с перепончатыми пальцами, которые заканчивались длинными загнутыми когтями.

Затем водяной толстяк медленно погрузился в зеленую воду и выпустил один за другим несколько больших пузырей воздуха.

Милодар кинул викад на стол, и фотография проехала немного по его плоскости, затем ударилась в настольный календарь и замерла. Это было странно, потому что голограмма комиссара не должна была раскидывать во все стороны настоящие викады.

— Что вы на это скажете? — спросил Милодар.

— А что я должен сказать? — осторожно осведомился Селезнев.

— Не юлите, профессор. Это ваш зверь?

— Нет. У нас нет ничего подобного.

— Он сбежал из этого зоопарка?

— У нас никогда не было таких зверей... и сотрудников.

— Алиса, — Милодар обернулся к дочери профессора, — ты подтверждаешь слова отца?

— Почему вы не доверяете мне, комиссар? — спросил профессор, останавливая готовую ответить Алису.

— Я всем доверяю, — ответил Милодар, — но я всем и всегда повторяю: у меня не бывает просто разговоров с людьми, у меня бывает только перекрестный допрос. Даже когда я ложусь спать со своими женами.

— У вас несколько жен? — удивилась Алиса.

— Только две, — ответил Милодар, — и тебе рано об этом знать. К тому же здесь спрашиваю я. Тебе знакомо это чудовище?

— Нет, — сказала Алиса.

— Ты его видела в папином зоопарке?

— Нет!

— Но, может, оно само вывелось? Здесь столько нечисти, страшно войти.

— Во-первых, не страшно, — сказала Алиса. — А во-вторых, здесь нечисти совсем нет,

а есть только животные. Вот вы нам показывали типичную нечисть. Я такого где-то видала. Наверное, в мультике, — сказала Алиса. — И он назывался водяным.

— Алиса, не путай комиссара Милодара! — взмолился профессор Селезнев. — Он просит опознать животное, а ты ему рассказываешь сказки.

— Любая информация нам, сыщикам, полезна, — возразил комиссар. — Не исключено, что мы имеем дело с каким-то розыгрышем. Ведь мы еще до конца не избавились от хулиганов и интриганов. Поэтому я попрошу Алису сообщить мне все, что она знает об этих водяных.

— Теперь я понимаю, почему комиссар попросил меня позвать тебя на нашу встречу, — сказал профессор. — Ему хотелось послушать сказки.

Милодар усмехнулся:

— Профессор, вы просто ревнуете. Вы думали, что если я прилетел к вам, то буду разговаривать только с вами. Но учтите, что из вашей дочери может выйти незаурядный сыщик. Мы с ней знакомы.

— Как же, как же! — вспомнил Селезнев. — Прошлой осенью Алиса встретила с вами в пустыне Такла-Макан, когда пропал без вести профессор Лу Фу?

— Правильно! — подтвердил Милодар. — У вас великолепная память, профессор. Алиса тогда нам очень помогла. И я надеюсь, что она поможет правосудию снова. Честно сказать, когда я узнал о появлении этого голого голубого моржа в пруду возле деревни Тучково под Москвой, то я вспомнил, кто у нас главный специалист по чудовищам — профессор Селезнев. И тогда хлопнул себя по лбу и воскликнул: а не родственница ли ему одна неглупая девочка Алиса? И в справочном бюро мне ответили: она его единственная дочь! Вот тогда я провидеофонил вам и попросил позвать на нашу встречу Алису. Всем все ясно?

Селезнев хмуро кивнул, а Алиса бодро ответила:

— Так точно, комиссар!

Комиссар Милодар, довольный произведенным на профессора впечатлением, подмигнул Алисе и принялся ходить по кабинету директора, заложив руки за спину.

Неожиданно он остановился и сказал:

— Господин профессор, я попрошу вас не грозить пальцем вашему единственному ребенку и не корчить страшных гримас. Она не совершила ничего плохого. И надеюсь, что еще сделает немало хорошего на ниве криминалистики.

— Я и не сержусь, — улыбнулся Селезнев.

— Тогда продолжим беседу, — сказал полицейский комиссар. — Алиса, будь любезна, помоги старику, расскажи, что ты знаешь об этих самых... водяных.

— Я знаю то же, что и все дети, — ответила Алиса. — То есть не очень много. В русских сказках и, наверно, в сказках других народов есть такие существа, которые называются нечистой силой, или нечистью. Я думаю, что они остались в наших сказках еще с тех древних времен, когда славяне были язычниками и верили в языческих богов, они думали, что лес и речки населены всякими мелкими злыми духами.

— Это так? — спросил Милодар у профессора Селезнева, словно никогда не читал сказок. И тут же он подтвердил опасения Алисы: — Должен признаться, что никогда не читал сказок. И не смотрел мультфильмов. В два года мне купили первый компьютер, а в шесть лет я распутал мое первое уголовное дело — об ограблении и убийстве старушки, которая жила в соседнем подъезде. Она давала людям деньги в долг под проценты. И ее

убил один...

— Он зарубил ее топором? — спросил Селезнев.

Алиса видела, как папа с трудом удерживается от смеха.

— А вы откуда знаете? Читали? — спросил Милодар.

— Если фамилия убийцы Раскольников, то я читал эту историю у знаменитого писателя Достоевского, — сказал Селезнев. Он явно потешался над гостем.

Но Милодара не так-то легко было сбить с толку.

— Нет, — сказал он уверенно. — Молодого человека звали Карамазовым... С тех пор я стал помогать полиции, в четырнадцать лет был зачислен в штат полицейского участка и получил звание младшего сержанта. Продолжай, Алиса, рассказывай нам о вере древних славян.

— Древние люди считали, что в лесу живут лешие и Баба Яга — костяная нога. На деревьях сидят соловьи-разбойники, в воде прячутся водяные и русалки...

— О русалках я слышал, — перебил Алису Милодар. — Попрошу конкретнее, что мы знаем о водяном?

— Очень мало, — призналась Алиса. — Я слышала, что водяной утаскивает к себе в подводное царство тех, кто ему понравится... Папа, а что ты знаешь о водяном?

— Забыл, — признался Селезнев. — Может быть, водяной действительно похож на того толстяка, которого нам сейчас показали. Но, насколько я знаю, все, кто его видел, потонули. К тому же по долгу службы я не верю в сказки и вам, комиссар, не советую.

— Скучно, — сказал Милодар.

— А вы поглядите в библиотеке, — предложила Алиса. — Там, наверное, есть сборник сказок.

— Некогда, некогда мне по библиотекам бегать! — воскликнул Милодар. — Может быть, это вовсе и не водяной, а какое-нибудь чудовище, которое сбежало от вас. Только вы боитесь мне об этом рассказать.

— Клянусь вам...

— Не клянитесь. Наверняка вы знаете этих гадов, которых здесь содержат. А теперь поехали!

— Куда поехали? — удивился Селезнев.

— На пруд в деревне Тучково, — ответил Милодар таким тоном, что никто не посмел ему перечить.

Глава 2. Водяной в пруду

У входа в корпус-ракушку стоял синий полицейский флаер. В нем сидела девушка в форме сержанта ИнтерГалактической полиции.

Милодар куда-то исчез.

— Скорей, — крикнула девушка, — комиссар Милодар ждет нас у пруда!

Удивительное дело, ведь Алиса — девочка-наоборот: ее можно попросить, но ей нельзя приказывать. А вот Милодар умеет приказывать так, что все вокруг слушаются, даже когда знают, что он совершенно не прав.

Флаер мгновенно взлетел над Москвой, набрал скорость и помчался на запад, где в семидесяти километрах от города, возле дачного поселка, в пруду нашли неизвестное существо.

— Скажите, — спросил профессор Селезнев у девушки, которая вела флаер, — а кто нашел этого водяного?

— Кого? — не поняла девушка-сержант.

— Водяного, — сказала Алиса. — Кто нашел голое голубое чудовище, на которое мы летим смотреть?

— Ах, вы о нем! Мы его прозвали голопузик... Этого голопузика увидели дачники Вундермахеры, которые пришли вчера днем купаться в пруду.

— Разве не холодно? — удивился Селезнев. — Ведь сентябрь кончается.

— Они закаленные, — пояснила девушка. — Они зимой в проруби купаются. Спортсмены мирового класса! Они взяли с собой спаниеля. Дачники задержались, а собака полезла в воду. И когда сам Вундермахер хотел тоже нырнуть, он услышал страшный визг. Вундермахер не стал нырять, а посмотрел вперед и увидел, что его любимую собачку схватил отвратительный голубой голый толстяк, который вылез по пояс из пруда. Тогда господин Вундермахер не испугался, взял рогатку...

— Что взял? — удивился профессор Селезнев.

— Господин Вундермахер — экс-чемпион мира по стрельбе из рогатки по движущимся целям, — пояснила девушка-сержант. — Он не расстается с рогаткой, потому что рассчитывает на матч-реванш с До Ди Джо.

Алисе хотелось спросить, кто такой До Ди Джо, но важнее было узнать, чем кончился поединок на тучковском пруду.

— Господин Вундермахер вынул рогатку и выстрелил в чудовище. Чудовище схватилось за глаз, куда попал заряд из рогатки, и отпустило собачонку, жизнь которой была спасена. Господин Вундермахер успел сделать снимок чудовища, прежде чем оно окончательно скрылось под водой. После возвращения домой господин Вундермахер срочно связался с полицией, которая в лице старшины Потапенко прибыла на флаере к пруду. Милицейскому наряду удалось разглядеть сверху неизвестное существо голубого цвета, однако милиционеры не стали принимать меры по отлову существа... А, вот мы и прилетели!

И в самом деле, внизу показался пруд, наполовину заросший осокой, за ним начинался лесок, на краю которого стояли дачи.

У одного из домиков были видны люди. Они махали руками, привлекая внимание пилота флаера. Алисе было слышно, как в наушнике раздались слова:

— Снизайтесь у крайней дачи. Вы нас видите?

— Вижу, — ответила женщина-сержант, и флаер резко пошел вниз.

Милодар был среди встречавших — голограмме расстояние не помеха. Он встретил Алису и ее папу, словно был гостеприимным хозяином этих мест.

— С прилетом, с прилетом! — воскликнул он. — Знакомьтесь. Вот это господин Вундермахер, это спасенная им вчера собачка Джерри, а вот это его жена.

К удивлению Алисы, господин Вундермахер оказался скромным молодым человеком, очень высоким и стесняющимся своего роста, отчего даже сутулился, а его жена была очаровательной смуглой женщиной с большими, черными, чуть раскосыми глазами на скуластом лице. Но на этом чудеса не кончились.

Господин Вундермахер протянул Алисе руку с очень длинными, но сильными пальцами и представился:

— Алеша Чудодеев.

— Как? — удивилась Алиса.

— Вундермахер — это перевод моей фамилии на немецкий язык. Так меня в шутку называют мои коллеги по стрельбе из рогатки на международных соревнованиях. Им понятнее, и звучит громче.

Сказав это, Алеша покраснел, как морковка. Он отвел глаза, будто признался в грязном преступлении.

— Ничего, — постаралась одобрить его Алиса. — Вы еще вернете себе звание чемпиона и разгромите в честном бою этого ничтожного До Ди Джо.

Милодар зашелся в припадке кашля, а Алеша покраснел еще больше, словно вымазался вишневым соком.

— Мою жену... — промолвил он, — мою любимую жену зовут До Ди Джо. Мы полюбили друг друга на прошлом первенстве мира и теперь вот второй месяц как поженились и вместе готовимся к соревнованиям. Вы не представляете, какой высокий уровень соперничества в нашем спорте!

— Ах, простите, — смутилась Алиса. — Я не могла догадаться, что в вашем виде спорта женщины и мужчины выступают вместе.

— И мы, женщины, выступаем намного лучше, — прошептала До Ди Джо. — Заходите внутрь, я вам покажу мою коллекцию рогаток. Мой папа и моя мама, которые ввели меня в мир большого спорта, собирали народные рогатки по всему свету.

— К сожалению, время не ждет, — отрезал Милодар. — Ведите нас к пруду. Я должен показать специалистам чудовище, которое там поселилось.

Они пошли по тропинке под сенью пожелтевших осин и изумрудных елок, вокруг шумела листва, из редкой травы поднимались оранжевые шляпки подосиновиков. Вот бы сейчас взять корзинку...

Алиса слышала, как ее отец разговаривает с Милодаром.

— Мне это дело сразу из районной милиции перекинули, — говорил комиссар. — Что-то инопланетное, что-то загадочное, сказали они, — не наше дело! Нам и слонов хватает.

— Слонов? — удивился Селезнев.

— Здесь неподалеку, в Яхrome, — сказал Милодар, — есть слоновья ферма. Разводят слонов для зоопарков, цирков, домашних зверинцев и для лесозаготовок на крутых склонах. Так эти слоны, как им скучно станет, разламывают загородку, убегают и бродят по окрестностям, выпрашивают пищу, а то и огороды разоряют.

— А там, на ферме, вы проверяли? — спросил Селезнев.

— Вы думаете, где слон, там и водяной?

— Ничего я не думаю, — сказал Селезнев. — Но там могли вести генетические опыты, то есть выводить новые породы слонов.

— Нет, — задумчиво ответил Милодар, — тот голубой толстяк совсем не похож на слона.

Алиса поглядела в другую сторону. Экс-чемпион мира и чемпионка шли, держась за руки, а спаниель по кличке Джерри бежал перед ними. Алиса обратила внимание на то, что у молодоженов к поясам прикреплены кобуры, словно для пистолетов. Там же рогатки!

Впереди между деревьями показался пруд. Но тут Вундермахеры-Чудодеевы остановились, потому что начали спорить.

А вот и пруд. Поверхность его, не больше ста метров в диаметре, была совершенно гладкая, и было заметно, что большей частью он совсем мелкий, так что для водяного почти не остается места.

— А ну-ка, — попросил Милодар командирским голосом, — кто из вас, рогаточников, вызовет его на поверхность воды?

Алиса увидела, что женщина-сержант, которая привезла их сюда, стоит в трех шагах позади, и в руке ее — пистолет. Полиция не желала рисковать.

Алеша вынул из кармана круглый шарик размером с вишню и, взяв большую эмалированную рогатку, натянул ее тугую резинку... Снаряд со свистом разрезал воздух и косо вошел в воду, почти не подняв брызг.

— Попал, — сказал Алеша.

И тут же вода в центре пруда заволновалась, из нее выскочила большая жаба и, прикрывая передней лапкой глаз, куда угодила вишенка, поплыла брассом к берегу.

— Не тот, — сказал Селезнев.

— Еще неизвестно, — возразил комиссар. — Не исключено, что ваш так называемый водяной может менять облик. Никогда не расслабляйтесь. Алисочка, крохотулечка, поймай, пожалуйста, жабочку. Ведь ты не боишься жаб?

— Не боюсь, — улыбнулась Алиса. Оказывается, когда комиссару что-то нужно, у него даже голос меняется.

Она обежала пруд, пробралась сквозь прибрежные кусты и погналась за жабой, которая сидела, держась за глаз, но при виде Алисы тяжело запрыгала прочь.

Удивительный человек этот Милодар, думала Алиса. Ведь если водяной — оборотень, то тогда Алисе может грозить опасность. Вот превратится сейчас жаба снова в водяного и перекусит Алису пополам... Алиса даже замерла, не решаясь схватить жабу.

Это сделал за нее папа. Видно, его посетили такие же мысли. Профессор Селезнев догнал Алису. Он не хотел, чтобы водяной перекусывал его дочь пополам.

— Зря испугались! — закричал с того берега Милодар. — Вы у меня все под прицелом. Если бы он сожрал Алисочку, ему бы не поздоровилось.

— С некоторым опозданием, — заметил Селезнев, которому Милодар не нравился. Профессор не выносил хвастунов. А ведь, несмотря на многие положительные качества, в Милодаре немало хвастовства и фанфаронства.

Селезнев держал жабу двумя пальцами за шею. Она опустила ноги и висела неподвижно.

— И каково ваше мнение, профессор? — спросил Милодар.

— Мое мнение, что это самая обыкновенная жаба.

Тогда Милодар обернулся к Алеше и приказал:

— А ну, чемпионы, попробуем еще раз!

Женщина-сержант предложила:

— Давайте я поднимусь на флаере. Сверху виднее.

— Подожди, может, все-таки мы его выманит.

Следующей стреляла хрупкая До Ди Джо. Ее шарик также вонзился в воду, но никто оттуда не выпрыгнул.

— Не надо поднимать флаер в воздух, — сказал тогда Милодар. — Я сам посмотрю.

Он грустно вздохнул и признался:

— Ненавижу холодную воду.

После этого Милодар пошел к пруду и шаг за шагом, раздвигая стебли осоки, погрузился сначала по пояс, потом по шею, потом с головой. И гладь пруда даже не шелохнулась.

— Что он делает? — воскликнула До Ди Джо. — Он же простудится! Его загрызет чудовище!

«Странная женщина, — подумала Алиса. — Сначала думает о простуде, а только потом о смерти».

Но Алиса, в отличие от остальных, совершенно не боялась за нос и горло Милодара. Ведь в пруд пошел не сам комиссар, который спокойно сидит у себя в кабинете под ледовым щитом Антарктиды, а его голограмма, которая не может простудиться. И вообще, не было никакой нужды стрелять по воде из рогатки и мучить несчастную жабу, которой грозит остаться без глаза, если ты можешь отправить на разведку свою голограмму.

Милодара не было минуты две. Из глубины пруда поднялось к поверхности облако рыжего ила. Наконец показался Милодар.

— Никого, — сообщил он. — Совершенно никого, если не считать головастиков, личинок стрекоз и жуков-плавунцов. Куда делся водяной? Может, его и не было? — Рассуждая так, Милодар вылез из пруда.

— Как так — не было! — возмутился Алеша. — А кого же я тогда фотографировал? Кто мою собачку чуть не съел?

При этих словах Джерри заскулил, будто его и на самом деле вот-вот сожрут.

— Мало ли, кого вы фотографировали! — ответил Милодар сердито. И понятно было отчего. Возникла неизвестная опасность. Может быть, инопланетная, может быть, даже для всего человечества. — А когда мы приезжаем, чтобы эту нечисть посадить в аквариум и изучать, оказывается, что пруд совершенно пуст. Значит, чудовище уже ползает по лесу?

Комиссар больше в воду не полез. Он делал вид, что страшно промок и устал. Но Алиса, которая стояла к нему ближе прочих, отлично видела, что одежда его совсем сухая.

— Кстати, — спросил он, отступая назад, чтобы никто не мог до него дотронуться. — Кто-нибудь заметил у него ноги или какой-нибудь там хвост?

Все молчали. Милодар еще раз спросил об этом у Алисы, видно считая ее экспертом по русским чудесам.

— Я думаю, что у него хвост, как у русалки, — сказала Алиса, хотя не была в этом уверена. — Я где-то читала, что русалки — его дочери.

— А может, он зарылся глубоко в ил и сидит? — предположил Милодар.

— И вы его не нашли? — спросила чемпионка мира.

— Если я туда лазил и чуть не простудился, — спохватился Милодар, — то от меня не смог бы спрятаться даже гвоздь!

— Ну, если гвоздь... — произнес профессор Селезнев так, что только полное отсутствие чувства юмора спасло комиссара от глубокой обиды.

Милодар молча обозревал пруд, надеясь, видно, что водяной мог затаиться в осоке.

Алеша спросил:

— А купаться можно?

— Купаться погодим, — ответил Милодар. — Пока не будет уверенности.

— Нам пора, — сказал профессор Селезнев. — Не до вечера же нам ждать появления вашего фантома.

— Вы ставите под сомнение?.. — снова обиделся Алеша.

— Нет, я только хочу сказать, что водяной таинственно появился и так же таинственно исчез, и мы хотели бы, чтобы милая девушка — сержант милиции отвезла нас обратно в Космосо, — сказал профессор.

Милодар глубоко вздохнул, с трудом признавая поражение. Потом махнул рукой, и этот жест девушка-сержант поняла правильно. Она отодвинула дверцу флаера, чтобы Селезневым было удобнее в него забраться. Они попрощались с рогаточниками мирового класса и через несколько минут возвратились в Космосо.

Отец отправился в обход — каждый день он обязательно проверял, как себя чувствуют его питомцы, не заболел ли кто из них, не скучает ли. Алиса, все еще помня о том, что дома ее поджидают уроки, упросилась в обход с отцом. Отец, как и все взрослые, не отличался проницательностью и не догадался, что его дочка была готова делать что угодно, кроме математики. Она поболтала немного с птицей говоруном, который сидел в открытой вольере. У говоруна две головы, он может летать между звезд, обладает сказочной памятью, но вообще-то существо безмозглое. Так вот, у говоруна была большая радость — он женился. Одна крупная попугайка какаду решила связать свою судьбу с космическим героем. Алиса познакомилась с невестой, пожелала птицам большого семейного счастья и много яиц, потом убрала в загоне у склиссов, насыпала корму невидимым рыбам и полюбовалась тем, как исчезает корм в их невидимых глотках.

Прибежали два кустика и пошли следом за Алисой, переступая корнями. Говорят, у кустиков долгая память — они уже несколько лет помнят, как Алиса их поила компотом. Потом девочка постояла возле аквариума, в котором живет многоклетка. Так некрасиво называют загадочное существо, которое недавно попало охотникам за животными. Когда многоклетка спит или просто отдыхает, она рассыпается на много тысяч зеленых клеток, почти невидимых для глаза, но когда ей хочется поесть или возникает желание отправиться в гости в соседний аквариум, многоклетка собирается в единое существо, которое каждый раз придумывает себе новую форму. Чаще всего они повторяют то, что подсмотрели за день. То собираются в зеленую черепаху, то изобразят карикатуру на собственного служителя или на кого-то из зрителей. Но иногда многоклетки вспоминают что-то из своей прежней, дикой жизни, и тогда может получиться весьма страшное существо. Правда, клеток не хватит на дракона или даже медведя, но зеленую кобру они собрать из себя могут. Только без ядовитых зубов.

У пруда, лежа на мелководе брюхом к небу, динозавр чесал короткими передними когтистыми лапами светло-желтое пузо. Алиса подобрала швабру, оставленную служителем в загоне, перепрыгнула через барьерчик и крикнула динозавру:

— Бронтя, подплыви поближе.

Бронтя лишь шевельнул гигантским хвостом, и его обтекаемое тело медленно подплыло

к берегу.

Алиса стала чесать шваброй брюхо своего любимца, а тот рычал от удовольствия, так что желтые листья сыпались с деревьев.

Зрители, которых днем в Космозо немного, сначала помогали Алисе советами и веселыми возгласами и даже уговаривали Бронтю съесть конфетку. Но когда бронтозавр чуть не вылез на берег, они отбежали на солидное расстояние и продолжали давать советы оттуда. А одна перепуганная исландка побежала в дирекцию с криком, что девочка попала в пасть бронтозавра. К счастью, она натолкнулась на профессора Селезнева, и тот ее как-то успокоил. Он объяснил ей, что бронтозавр — старый друг Алисы, она спасла ему жизнь, когда он только-только вылупился из яйца. Может, исландка и поверила, но быстро ушла из зоопарка в планетарий, что поднимает неподалеку свой стометровый купол. Под этим куполом носятся ракеты и другие космические корабли, и дети в них чувствуют себя словно в настоящем космосе.

Потешившись с Бронтей, Алиса пошла к семейству питекантропа Геракла. Питекантроп раньше жил на детской биостанции на Гоголевском бульваре, но подрос, стал опасен для окружающих, потому что у него бывали приступы плохого настроения, к тому же он влюбился в самку гориллы, женился на ней и добровольно переехал в Космозо. У них с гориллой родился детеныш, и они страшно ссорились из-за того, что Геракл пытался учить ребенка русскому языку, который сам толком освоить не сумел, но мама-горилла была категорически против. Она хотела, чтобы ее сын вырос настоящей обезьяной, так как полагала, что обезьян на свете осталось мало и каждая на вес золота, а людей развелось слишком много.

Алиса немного послушала спор родителей, причем Геракл пытался выговаривать человеческие слова, а его жена только рычала и повизгивала в ответ. А детеныш питекантропа и гориллы носился по загону, качался на ветках деревьев и кидался в зрителей банановой кожурой.

У этого загона ее и отыскал отец.

— У меня к тебе есть один не деликатный вопрос, — сказал он.

Алиса почувствовала, как у нее сердце упало на желудок.

— Спрашивай.

— Неужели вам сегодня ничего не задали на дом?

— Папа, — строго ответила Алиса, потому что родителей полезно держать в строгости, чтобы не распускались. — Папочка, я лучше тебя знаю, когда мне делать уроки, а когда заниматься общественно полезным трудом.

— И какова же твоя программа действий?

— Я хотела с тобой попрощаться, у меня дома дела. Тебя ждать к обеду?

— Если ничего не случится, в шесть я буду дома.

Они распрощались, и Алисе уже ничего не оставалось, как садиться к проклятому компьютеру, который никогда не делает ошибок и другим не дает.

Глава 3. Гости из Сказочного леса

Следующий день не принес ничего нового. Загадка водяного в пруду так и не была разгадана, несмотря на то что Милодар приказал осушить пруд. Приехали несколько суперцистерн, в которые была перекачана вода вместе с мальками и головастиками, а когда всю тину выгребли и просеяли, воду с головастиками слили обратно. Никаких следов водяного, конечно же, не обнаружили.

Алиса забежала на биостанцию, где строили новый дом для жирафа Злодея, который был вовсе не злодеем, а добрейшей души животным. Никого из друзей там не было, и некому было рассказать о неудавшейся встрече с водяным.

Вечером Алиса собиралась пойти на Ярмарку Чудес, и мама обещала составить ей компанию, но вынуждена была улететь в Чили, где по ее проекту строилась гостиница и гигантский аквариум для китов и акул: мама Алисы — архитектор и редко бывает дома. Одной идти на Ярмарку не хотелось, хотя, как объявляли по телевизору, там собрались фокусники, обманщики, чудотворцы, кукольники и акробаты со всего мира.

Алиса посмотрела по телевизору старый фильм, а когда пришел папа, они сыграли несколько партий в быстрые шахматы. Так прошел вечер. Ничего не произошло особенного, если не считать пирога с абрикосами, который неплохо испек робот Поля, и ничто не предвещало завтрашних событий.

А события эти начались с неожиданного визита к Алисе комиссара Милодара.

Он появился в половине третьего, когда Алиса, вернувшись из школы, занималась уборкой.

Комиссар возник из воздуха посреди комнаты, наступил на кучку мусора, однако мусор не рассыпался, потому что это опять была голограмма, то есть комиссар был совершенно невесомым.

— Ну что же это такое! — воскликнула Алиса. — Вы врываетесь в чужой дом без разрешения. А что, если бы я была раздета?

— Ничего страшного, — рассмеялся Милодар. — Тогда бы я попросил тебя одеться. Но ведь ты одета? Тогда слушай — мне некогда здесь прохладиться. Положение серьезное и становится все серьезнее с каждой минутой!

Комиссар Милодар вытянул руку вперед и стал похож на памятник самому себе.

— Что случилось? — спросила Алиса, кладя на стол пачку книг. Она любила старинные книги, в переплетах и со страницами, из-за чего над ней всегда посмеивался Пашка Гераскин.

— Он снова возник, — сказал Милодар. — Нужна твоя консультация.

— Водяной?

— Нет, сама смотри!

Милодар протянул Алисе маленький, любительский, викадик, какие делают папаши семейств на пикниках или на экскурсии в Мексику. Изображение трудно было разглядеть — видно, камера от страха прыгала в руках снимавшего.

— Ничего удивительного, — сказал Милодар. — Они бежали от нее километра три. Только в поле им удалось оторваться. Вставь в компьютер и увеличь стоп-кадр.

Алиса послушалась его.

На большом дисплее появилось изображение. Компьютер очистил его от всего лишнего, сфокусировал, и картина, представшая взору Алисы, оказалась в самом деле

зловещей.

Это была старуха. В рваном платье, которое за последние сто лет никто не стирал и не штопал. Главной чертой сморщенного безгубого лица был нос, который свисал к верхней губе и встречался там с длинным желтым зубом из нижней челюсти. В худой когтистой руке старуха держала метлу. Одна ее нога была обыкновенной, а вместо второй торчала голая кость, будто бабушка взяла ногу напрокат у скелета, что стоит в Алисиной школе в биологическом кабинете.

— Ты можешь представить, — заговорил Милодар, — как перепугалось мирное семейство Пуделей.

— Пуделей?

— Не собак пуделей, а семейство по фамилии Пудель!

— Я слышу, не нужно кричать.

— Когда мирное семейство Пуделей встретило этих чудовищ в лесу, оно бежало без оглядки...

На викаде были видны облака, вершины деревьев, трава под ногами — все, что попадало в поле зрения камеры, которой размахивали на бегу.

— Кто это там, рядом с Бабой Ягой? — спросила Алиса.

— Как, ты знаешь имя этой страшной старухи?

— Мне странно, что ваши Пудели не знают таких простых вещей.

— Вот видишь, я тоже не знал, — сказал Милодар. — Ты у нас специалистка по сказкам, а мы с Пуделями многое забыли. Лучше скажи мне, что тебе известно об этом чудовище?

— Значит, так, — начала Алиса. — Зовут ее Баба Яга — костяная нога...

— Вот именно, костяная!

— Живет она в лесу, в избушке на курьих ножках...

— На каких? На курьих? Разве бывают такие маленькие избушки?

— Нет, — сказала Алиса, — но бывают такие большие ножки. Обычно Баба Яга летает над лесом в деревянной ступе и направляет ее полет метлой. У нее есть спутники — черный ворон и черный кот, которые живут в ее избе. Питается она...

— Вот именно, это существенно!

— Я думаю, что маленькими мальчиками. Она их сажает на лопату и отправляет в печь.

— Ты с ума сошла! Это же людоедство. Она разумна или нет?

— Не знаю, разумна или нет, но разговаривать умеет.

— Откуда ты столько знаешь?

— Мне бабушка рассказывала, — ответила Алиса. — А ей — ее бабушка.

— Замечательные традиции у вас в семье! — воскликнул Милодар. — Значит, Пудели должны благодарить судьбу за то, что эта самая Баба Яга передвигалась в тот день пешком.

— Она могла оставить ступу в избушке. Завтра возьмет и кого-нибудь догонит.

— Не смей так думать, Алиса! Если это случится, мы с тобой вылетим с работы.

— То есть вы вылетите с работы, а я из школы?

— Алиса, не отвлекайся и научись понимать шутки. Меня никто никогда не погонит с работы, потому что я — главный комиссар на Земле.

— Хорошо, не буду, — сказала Алиса. — А вы так и не сказали мне, кто был с Бабой Ягой?

— Он не получился на снимке. По показаниям Пуделей, он похож на гориллу или

снежного человека. Это обросшее шерстью, неопрятное и даже страшное существо.

— Наверное, это друг Бабы Яги, леший, — предположила Алиса. — Они часто ходят вместе.

— Где они ходят вместе?

— В сказках.

— Алиса, мы имеем дело с совершенно реальными событиями. Мы не имеем права смириться с тем, что по нашей стране шастают бабы-яги и лешие, а в наших водоемах купаются водяные. Разве так может быть?

— Разумеется, нет.

— Вот видишь! И какое ты находишь этому объяснение?

— Не знаю, — ответила Алиса. — Надо полететь туда и посмотреть.

— погоди, — остановил ее Милодар, — сначала я свяжусь с поисковой группой. Можно дать изображение на ваш экран?

— Валяйте, — сказал домашний робот Поля, — мне ведь тоже интересно. Для меня эти ведьмы и лешие — воспоминания о детстве Алисы. Бабушка, бывало, читает Алисочке, а я рядом пол натираю. И запоминаю. А когда бабушка задремлет, я ее заменяю и дочитываю.

На большом домашнем экране, куда комиссар переключил связь, появилось изображение мрачного полицейского в стальной пожарной каске.

— Доложите! — приказал ему Милодар.

— Мы обшарили весь лес по соседству с дачным поселком, но не обнаружили никаких следов пожилой женщины с костяной ногой и волосатого мужчины отвратительного вида.

— Та-а-ак! — угрожающе произнес Милодар. — Может быть, вы забыли дома биоискатель?

— Нет, — ответил полицейский, показывая короткую трубку с раструбом на одном конце, — биоискатели работают. Мы определили всех зайцев, белок и даже ворон в лесу, но не нашли ни одного из подозреваемых существ.

— Но они могли переодеться в дачников!

— Дачники уже два часа как попрятались по домам или убежали на станцию. Поселок совершенно пуст.

— Та-а-ак. — Милодар отключил экран и начал расхаживать по комнате, сцепив за спиной пальцы и размышляя вслух: — Мне начинает казаться, что в этой истории появляются какие-то общие черты, назовем их системой. Ты согласна, Алиса?

— Как я могу ответить, если не знаю, о какой системе вы говорите.

— Вчера мы искали водяного, его видели, но потом он исчез без следа. Сегодня мы ищем Бабу Ягу и лешего, их также видели, зафиксировали, а поймать не можем. Они пропали без следа. Но при этом оказывается, что все они не настоящие, а вышли из сказок, что они не должны существовать, их только бабушки помнят и о них рассказывают...

— И я! — вмешался робот Поля.

— Вот именно! Их не может быть, и мы их не находим, но люди пугаются и бегают от них по лесу.

Тут Милодар обернулся к Алисе и быстро произнес:

— Алисочка, мне пора, дела не ждут. Спасибо тебе за помощь. Нет, не отнекивайся! Ты оказала неоценимую услугу, дав толчок моему творческому порыву. Завтра я тебе принесу это дело на блюдечке, как очищенное и посоленное яйцо. Надо только подумать.

— Пошевелить серыми клетками? — спросила Алиса словами Эркюля Пуаро —

любимого сыщика Агаты Кристи. Но Милодар, видно, не читал романов Агаты Кристи, потому что он сердито ответил:

— У меня нет ничего серого! — и растворился в воздухе.

— Зря ты ему сказки рассказывала, — заметил Поля, глядя на пустое место.

Глава 4. Соловьи-разбойники

В тот день Милодар не появлялся, не звонил, не беспокоил, — как сквозь лед провалился на свою антарктическую базу. Он хоть и обещал объявиться только завтра, но Алисе было немного обидно. Это типичная мужская черта — благодарить, рассыпаться в комплиментах, а когда все пройдет — забыть о том, что контрольную ты списал у Алисы, что задачку тебе решила Алиса и даже совет ценный дала та же Алиса. Скромная, незаметная труженица...

Алисе стало себя жалко, она вздохнула и пошла ужинать. Мамы не было, а папа о событии с семейством Пуделей не знал вообще — по телевизору о Бабе Яге не говорили. А когда Алиса попыталась рассказать, то оказалось, что папа в Бабу Ягу не верит. Наверное, какая-то артистка детского театра, сказал папа, пошла по грибы и заблудилась.

Но на следующее утро Милодар все же позвонил.

— Докладываю, — сказал он, — мы прочесали частым гребнем лес и окрестные места. Никаких чудовищ, бабок и леших не обнаружено, даже если бы они были микроскопического размера. Я тебе гарантирую — никаких сказочных существ в лесу не было.

Алиса поняла, что Милодар показал себя лучше многих знакомых мальчишек.

— Если еще появятся, вы мне, пожалуйста, позвоните, — сказала Алиса.

— Не только позвоню, сам к тебе приеду. Мне без твоих энциклопедических знаний никуда не деться.

— Значит, вы думаете, что это не последние чудовища?

— Во-первых, мы не знаем, куда они прячутся, — ответил комиссар. — Во-вторых, мы не знаем, откуда они берутся. И, в-третьих, мы не знаем, когда появятся новые и испугают очередных Пуделей.

Милодар появился у Алисы через два дня.

Он был мрачен.

— К сожалению, — произнес он, — мои худшие предположения оправдались.

Он вытащил большой конверт с печатями и марками. Из конверта извлек викад. Официальный, снятый специальной камерой.

— Любуйся, — сказал он так, словно хотел закончить фразу словами «что ты натворила». Но не закончил. Потому что Алиса нажала на уголок викада — и на нем появилось изображение большого флаера, видно рейсового. Он лежал в кустах, на боку. Вокруг роились полицейские и медицинские флаеры и кареты, а из разбитой машины выносили тела людей, некоторым раненым помогали выбраться и дойти до носилок.

— Что там случилось? — ахнула Алиса.

— Продолжение наших сказочных игр, — сказал Милодар. — Как сообщает пилот рейсового флаера, в тридцати километрах южнее Москвы он встретил странную гигантскую птицу серого цвета, внешне похожую на воробья, только размером с дом. Пилот не ожидал увидеть такую птицу, и у него было несколько секунд, чтобы уйти от столкновения — но он не успел...

— А автоматика?

— Автоматика не сработала. Она показала, что никакой птицы нет. Чепуха какая-то!

— Кто-нибудь погиб?

— Я еще не знаю. Пострадавших отправляют в клинику Склифосовского. В крайнем

случае будут оживлять. Но ситуация неприятная. Пришлось запретить все полеты вокруг Москвы.

— А где птица? Неужели ее не догнали?

— Ее видели в районе Звенигорода через час после столкновения.

— И что же?

— Смотри, — Милодар протянул Алисе еще один викад. Опять любительский. На викаде была видна птичка, впрочем, изящная, серенькая, скромная. Но тут она пролетела рядом с деревом, и Алиса поняла, что глаза обманули ее, — на самом деле птичка была чуть меньше слона.

— Ну, кто это?

Алиса смотрела, как птица долетела до высокого обрыва, на котором росли могучие сосны, нырнула внутрь соснового бора и пропала из глаз.

— Почему ты молчишь, Алиса? — строго спросил комиссар.

— Потому что думаю.

Робот Поля вошел в комнату и стал рассматривать викад.

— Я могу сказать, — вмешался он в разговор.

— А вот ты помолчи! — рассердился Милодар. — Мне еще не хватало иметь робота-консультанта по русским сказкам.

— А эта птица не из сказки, — возразил Поля, — поэтому Алиса и не может угадать.

— А откуда эта птица, Поля? — спросила Алиса.

— Из былины, — сказал начитанный робот.

— Не говори глупостей! — прикрикнул на робота Милодар.

— Если этот человек не будет на меня кричать, — заявил робот, — то я готов сказать, как птица называется.

— Он будет молчать, — обещала Алиса.

Милодар нехотя кивнул.

— Это Соловей-разбойник. Про него рассказано во многих былинах. Его никто, конечно, не видел, но известно, что он пугал людей до смерти своим свистом, а богатырям приходилось с ним сражаться. Чаще всего они побеждали.

— Как же ты догадался? — удивился Милодар.

— Потому что я знаю орнитологию.

— Это лишнее! — возмутился Милодар. — Роботы не имеют права швыряться такими словами.

— Очевидно, вы меня неправильно поняли, — сказал робот, — орнитология — это наука о птицах. У меня есть несколько атласов и справочников, а летом я порой ухожу в лес, чтобы слушать пение птиц.

— Это правда, — подтвердила Алиса. — Поля — большой любитель птичьего пения.

— У меня есть десяток кассет с записями соловьиных концертов, — сказал робот. — Так что я соловья отличу от любой другой птицы.

— Но соловей ведь маленький, — сказал комиссар.

— А это большой соловей, очень большой. Потому он и именуется разбойником. Вам выпало большое счастье — вы первыми в мире увидели Соловья-разбойника. Теперь вы имеете право писать мемуары.

— Твой робот не может знать выдумок про соловьев-переростков! — закричал Милодар. — Хватит издеваться надо мной! Я тебе не подружка, а руководитель

ИнтерГалактической полиции!

— Тогда, мистер руководитель, — ответила хладнокровно Алиса, — я не понимаю, зачем вы пожаловали в наш скромный дом? Зачем вы ставите под сомнение способности моего робота?

— Послушайте ее! — радостно воскликнул Поля, а марсианский богомол вышел из-под стула на видное место, чтобы показать, как он горд за робота.

— Это еще что за существо? — в ужасе воскликнул Милодар, который, как потом выяснилось, не выносил мух, тараканов, кузнечиков и прочих длинноногих членистоногих.

Все, разумеется, расстроились, а богомолу стало стыдно, что он отвратителен, на взгляд комиссара, и он попытался выброситься из окна, но, как всегда, неудачно.

— Значит, так, — сказал комиссар, — никуда не уходить, ждать моих приказаний! Начинается охота на соловьев-разбойников. При обнаружении разбойника, скрывающегося под личиной соловья, не приближаться, держать наготове паралитическое оружие!

Милодар глядел куда-то в сторону и отдавал приказания несуществующему человеку. Алиса догадалась, что он сейчас разговаривает со своим помощником или секретарем, который остался в Антарктиде.

И на самом деле Милодар стал растворяться в воздухе. Его голограмма возвращалась в штаб.

— Мы его будем слушаться? — спросил Поля, показав голосом то, что роботам показывать нельзя, — неуважение к Человеку.

— Ты займешься обедом, — сказала Алиса. — А я пойду погуляю.

— Ты позволишь в виде исключения погулять вместе с тобой? — льстиво спросил домроботник.

— В следующий раз, — ответила Алиса и умчалась из дома, оставив крайне обиженного Полю.

«Кто-то делает сказочных персонажей», — размышляла Алиса, подняв флаер в воздух и направляясь в сторону Звенигорода. Она решила сама посмотреть на месте, что там натворил Соловей-разбойник, и поискать его. Ведь нельзя же верить на слово роботу. Мало ли что может померещиться железному слуге, который, видите ли, занимается на досуге орнитологией и невзлюбил знаменитого комиссара Милодара.

Несмотря на сильное воздушное движение, Алиса добралась до Звенигорода за несколько минут. Эти места зовутся Подмосковной Швейцарией, потому что с высоких берегов Москвы-реки открываются чудесные виды. Сосновые боры нависают над высокими обрывами, а сама речка то разливается по плоским зеленым лугам, то ускоряет свой тихий бег, сжатая заборами гигантских дач, которые здесь строили диктаторы, потом палачи, потом богачи, а теперь в них вольно раскинулись детские садики.

Сначала Алиса посетила то место, где потерпел аварию рейсовый флаер.

Она спустилась пониже, но выбираться из флаера не стала — ясно было, что всех оттуда увезли, пострадавшие давно уже в госпитале, а обломки флаера никакого интереса для нее не представляют.

«Натворив столько бед, я бы на месте Соловья-разбойника полетела в лес, — решила Алиса. — Поглубже. Хотя никто, даже любознательный Поля, не знает привычек Соловья-разбойника».

Лес начинался сразу за рекой и шел стеной до дачных заборов.

«На сосне бы я не стала жить — много колючек и трудно укрыться. А вот раскидистый

дуб — замечательное место для того, чтобы спрятаться».

Алиса медленно вела флаер вдоль опушки леса.

Тут она заметила полицейские вертолеты, которые бороздили небо над деревьями. Значит, такая же мысль пришла в голову и полицейским. Ну ладно, ничего страшного, по крайней мере она здесь не одна.

Алиса увидела группу очень высоких и пышных дубов.

Вот где должно скрываться его гнездо!

Алиса спустилась ниже, к самым вершинам дубов, и начала приглядываться. Разумеется, она ничего не увидела. Лес был тихим, задумчивым, словно он прислушивался к тому, что должно произойти.

Ей стало ясно, что ничего не произойдет до тех пор, пока она не опустится вниз, на землю, пока не станет частью леса. Лес не открывает своих тайн людям, которые летают над ним в механических птицах.

Алиса опустилась на небольшой лужайке рядом с крайним дубом. И осталась совершенно одна.

Хоть люди были где-то недалеко, а за рекой начинались корпуса санатория, Алисе казалось, что она очутилась в самом центре девственного, непроходимого леса.

Над деревьями взволнованно носились крикливые вороны, будто кто-то враждебный занял их уголья.

— Тра-та-та-та! — запел музыкальный пулеметик.

— Каррр! — вопили вороны. — Каррр! Карр!

— Та-ля-та-ля-та-ля, — пропела другая птица.

— Карр! — вдруг откликнулся кто-то из глубины листвы.

И вдруг... словно птичка поднесла клюв к могучему микрофону, карканье, громкое, как раскаты грома, потрясло лес.

Это он! Только почему-то каркает!

Алиса кинулась к стволу дерева и постаралась заглянуть в листву.

Как жаль, что на ней нет «кошек» или липучек, чтобы подняться по крайней мере до того места, откуда начинаются большие ветви.

Но лезть на дерево ей не пришлось.

Видно, громкое карканье насторожило полицейских, и они решили проверить, откуда оно доносится.

Алисе снизу было видно, как синий флаер приблизился к листве и вдруг кинулся в сторону, едва не потеряв равновесия.

Листва раздалась, и оттуда вдогонку за флаером ринулись две птицы, совершенно непохожие друг на дружку. Одна была гигантским соловьем — даже непонятно, как его выдержали ветви дуба, вторая — вроде попугая, разноцветной, вертлявой, суетливой, но все равно громадной. Но обе птицы, улетаая прочь, оглушительно каркали.

Стая ворон, как черный ажурный хвост, кинулась за ними. Напасть на гигантских птиц вороны не смели и потому обругивали их вслед, осыпая своими вороньими проклятиями.

Снизу Алисе было отлично видно, как полицейские флаеры, всегда готовые к встрече с чем-то объяснимым и понятным, от вида соловьев-разбойников пришли в полное расстройство и кинулись в разные стороны.

К счастью, до крушения дело не дошло, но пилотам пришлось немало пережить.

С торжествующим карканьем соловьи поднялись к облакам и исчезли.

Алиса вернулась к своему флаеру. Из него она вышла на связь с Милодаром.

— Вас не было в этих несчастных флаерах? — спросила она.

— Меня никогда нигде не бывает! — отрезал комиссар. — А ты откуда знаешь?.. Ага, не отвечай, я тебя засек! Ты находишься в том же квадрате. Как ты в нем оказалась?

— Я сюда прилетела.

— Почему ты прилетела точно туда, где были соловьи-разбойники? Признавайся, ты с ними в сговоре?

— Против вас, комиссар?

— Не говори глупостей. Нельзя плести заговоры против меня. Но все равно ты вызываешь подозрения. В конце концов — ты маленькая девочка, недоросток, ребенок. Ты почему себя ведешь не по правилам?

— Я всю жизнь вела себя не по правилам и буду вести себя не по правилам, — ответила Алиса. — А здесь я оказалась, потому что решила, что соловьи далеко не улетят. А раз не улетят, то будут таиться в дубовой роще.

— Все, все, все! Не трать моего драгоценного времени! Скажи мне, что мы с тобой будем делать дальше?

— Дальше нам полезно было бы подумать, — сказала Алиса.

За открытым люком флаера начинался такой мирный, золотой, такой ласковый лес, что невозможно было представить, что в нем могут таиться чудовища.

— Чудесно! — воскликнул комиссар. — Мы начали думать. Раньше никто никогда не думал, а пришла Алисочка-кисочка и начала думать. Мыслитель! И что же мы придумали?

— Пока что я обратила внимание на две детали, — ответила Алиса. — Во-первых, соловьев уже двое и они совершенно разные. Один соловей похож на соловья, только очень большой. А другой соловей похож на попугая.

— И что?

— Не знаю, но это может оказаться важным.

— Что еще?

— Вторая деталь мне тоже показалась серьезной.

— Выкладывай!

— Соловьи не знали, как петь по-соловьиному.

— Почему ты так решила?

— Они каркали! Они увидели птиц и решили научиться петь. Но увидели-то они ворон! Какие соловьи поют в начале октября?

— Любопытно, — признался Милодар. — Очень любопытно. А теперь отправляйся-ка домой, пока тебя родители не хватились.

— Мои родители привыкли к моему характеру, — возразила Алиса. — Они даже с ним смирились.

— Я им не завидую, — сказал Милодар. — Впрочем, делай как знаешь, мне некогда тратить на тебя время. У меня есть более срочные дела.

Тем временем небо над головой начало темнеть от вертолетов, флаеров и прочих летательных аппаратов, включая дирижабли и воздушные шары, которые слетались в этот тихий дачный уголок в надежде увидеть соловьев-разбойников, о которых только что сообщили в новостях.

Алиса села во флаер и поднялась к самым облакам, чтобы посмотреть на события сверху.

Но дело в том, что и любопытные, и даже полицейские, за исключением тех, кто был здесь с самого начала, совершенно не представляли, как выглядит Соловей-разбойник и кого надо искать.

Они носились вокруг, мешая друг другу, и время от времени над воздушной толпой пролетал крик, что соловьев уже видели и поймали, — черная стая смещалась в сторону и некоторое время роилась в той стороне. Потом оказывалось, что тревога ложная, и все начиналось вновь.

Алисе это надоело, и она поднялась в облака. И не случайно — ведь именно туда полетели птицы, чтобы скрыться от людей.

Некоторое время она поднималась в сплошной белой вате, затем в облаках показался просвет, сверху туда заглянуло солнце, но Алиса никого не увидела. Она продолжала подниматься, уверенная в том, что вот-вот увидит соловьев-разбойников, и побаивалась немного, как бы они не напали на ее маленький флаер.

Вот и еще один разрыв в облаках, словно воронка в песчаной пустыне. И тут Алиса увидела соловьев-разбойников. И даже не двух, а трех. Еще один, видно, поджидал их в облаках. Соловьи, громадные, как самолеты, медленно реяли среди облаков, словно отдыхали после встречи с людьми, и вначале восприняли Алису как четвертого соловья, их товарища.

Но через несколько минут один из соловьев, тот самый, что был похож на попугая, предупреждающе каркнул.

Остальные посмотрели на флаер Алисы и, не тратя времени, спикировали на него с трех сторон.

Хорошо еще, что Алиса умела водить машину лучше любого пилота. Она кинула флаер к земле, соловьи налетели друг на дружку, а Алиса уже спряталась в спасительной вате облака.

За несколько секунд Алиса пролетела облако и оказалась под ним, там, где бессмысленно кружились, выискивая соловьев, полицейские флаеры.

— Эй! — крикнула Алиса в микрофон, который разнес ее голос далеко вокруг. — Сейчас вы увидите соловьев! Будьте осторожны и уберите подальше зевак. А то они могут перепугаться и...

Алиса не успела закончить предупреждения, как из облаков, словно пикирующие бомбардировщики, выскочили три соловья-разбойника. Один серый, похожий на настоящего соловья, только очень большой, другой, скорее схожий с толстым голубем, но с большими когтями и загнутым орлиным носом, а третий — разноцветный, как попугай, но с пугающими размерами когтей и клюва.

Любое действие требует подготовки. Полицейским нужно было несколько секунд, чтобы подготовиться, зрителям и зевакам требовалось несколько секунд, чтобы броситься врассыпную. Но соловьи этих секунд никому не дали! Они неслись, как управляемые снаряды, и, конечно же, не пели по-соловьиному, а издавали те звуки, которым недавно научились, — оглушительно каркали.

Флаеры и прочие летательные аппараты с зеваками ринулись к земле, а полицейские, стараясь прикрыть их, открыли огонь из своих пулеметов. Заряды лазерных пулеметов вонзались в тела громадных птиц и пронзали их насквозь. Но самое страшное заключалось в том, что соловьи не обращали внимания на заряды. Они продолжали гоняться за зрителями, часть из которых успела приземлиться или спрятаться в листве деревьев.

Соловьи гонялись за своими жертвами, не обращая внимания на полицейских, но тех становилось все больше, и тогда соловьи сочли за лучшее отступить в облака.

Глава 5. Сыщики принимают решение

«Итак, — сказала сама себе Алиса, расхаживая по комнате, — мы должны решить задачу, от которой, возможно, зависит будущее всей Земли».

Только что она выключила телевизор, где дикторша рассказала, что соловьи-разбойники, неуязвимые для самого современного оружия, скрылись в густых облаках и на их поиски направлены специальные отряды. Она попросила население не подниматься без нужды в небо, поглядывать с осторожностью на облака и, главное, проявлять выдержку.

По тому, как дикторша произносила эти предостережения, даже Алисе, которая уже сталкивалась с соловьями, становилось не по себе. Каково же тем, кто соловьев видел на картинках?

Затем выступил Алисин знакомый, комиссар Милодар, который сообщил, что, к сожалению, дело не ограничивается соловьями-разбойниками. За последние дни в одном пруду найден самый настоящий водяной, а вчера в окрестностях Москвы появились Баба Яга и леший, которые скрылись в неизвестном направлении.

Затем Милодар сказал, что, наверное, кому-то это покажется странным и даже смешным, а кто-то решит, что все это — выдумки любителей шуток и сказок, но один из соловьев-разбойников напал сегодня на рейсовый флаер, и тот разбился. Есть жертвы. А это уже не шутки и не плоды воспаленного воображения полицейских.

Пока что не удалось поймать ни одного из странных животных, но полиция продолжает поиски и надеется в ближайшие часы раскрыть эту тайну. Конечно же, это легче сделать, если ей будут помогать другие люди. В первую очередь всем следует обращать внимание на необычных животных или странных существ, может быть, даже сказочных, которые попадутся на глаза.

Алисе все это было известно, но ей так хотелось первой разгадать тайну!

— Поля, иди сюда, — позвала она робота.

Поля тут же появился в дверях. Он скучал днем, когда никого не было дома, и появление любимой Алисочки считал праздником.

— Что ты думаешь по поводу всей этой истории? — спросила Алиса.

— Я думаю, что это чья-то шутка.

— Почему?

Робот вытер резиновые перчатки о передничек, снял их и кинул, не оглядываясь, потому что знал, что перчатки обязательно повиснут в кухне на крючке.

— Естественным путем такие животные не могли вывестись на Земле. А если бы стали выводиться, мы бы с тобой заметили, — сказал робот.

— Пожалуй, ты прав, — согласилась Алиса. Пока что робот не говорил ничего нового, но ей хотелось выслушать его соображения, чтобы проверить саму себя.

— Прилететь из космоса они тоже не могли, — сказал робот.

— Почему?

— Потому что в космосе нигде не рассказывают наших сказок.

— А если кто-то специально решил подослать к нам чудовищ из наших сказок?

— Зачем? — удивился робот.

Красный огонек в его лбу загорелся ярче — у робота поднялось настроение. Давно они с Алисой не обсуждали таких важных проблем.

— Сначала кто-то хочет нас запугать, а потом завоюет.

— И ты в это веришь? — спросил робот и даже присвистнул. — Я-то думал, что вы, русские, уже перестали все свои неудачи сваливать на шпионов и вредителей.

— Я оценила твою шутку, Поля, — сказала Алиса, — ты рассказал мне, кто не мог изготовить или вывести этих чудовищ, а теперь расскажи, кто мог это сделать.

— Конечно, с одной стороны, они могли вывестись сами собой, — предположил робот, — незаметно для вас, людей, где-то в дремучих лесах и глубоких болотах...

— Что же получается, — возразила Алиса, — таились, таились и вдруг все вместе объявились?

— По очереди.

— И три соловья-разбойника?

— Это ты, Алиса, решила, что птицы — соловьи-разбойники, — заметил робот Поля. — Ты и своему комиссару эту мысль внушила. А вдруг это вовсе не соловьи и не разбойники?

— А кто же?

— Этого мы с тобой еще не знаем.

— Поля! — Алиса даже топнула ногой от возмущения. — Я тебя умоляю, перестань нести чепуху и ответь серьезно.

— Серьезно? Серьезно — не знаю.

— Тогда я буду говорить, хорошо? — спросила Алиса.

— Ну что ж, послушаем. — Поля постарался голосом и всем своим видом показать, насколько серьезно он относится к стараниям девочки стать настоящим сыщиком.

Алиса подошла к окну. Уже начало темнеть. Первые огни зажигались в домах.

— Мне кажется, — сказала она, — что все эти существа сделаны в одном месте. И сделаны они человеком, который когда-то читал сказки, но подзабыл их. А если он в детстве не видел картинки с Соловьем-разбойником или изображения водяного, то он не знал толком, какими они должны быть. А вот Бабу Ягу рисуют у нас часто. Он и сделал ее очень выразительной и страшной.

— Это уже интересно, — заявил Поля. Алиса подумала, что если бы он умел курить, то сейчас закурил бы трубку. Он вел себя как Шерлок Холмс, который разговаривает с туповатым Ватсоном.

— Мне продолжать, сэр, или вы уже обо всем догадались? — спросила Алиса.

— Продолжайте, — смилостивился Поля.

— Этот самый... изготовитель чудовищ даже не знал, как поют соловьи.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что его соловьи-разбойники учились петь у ворон — и получилось ужасно!

— погоди, погоди! — перебил Алису Поля. — Твой изобретатель забыл научить соловьев петь. И соловьи сами отправились искать своих меньших братьев.

— Они искали соловьев?

— Конечно, они искали соловьев, только не знали, что осенью соловьи не поют.

— Может, ты и прав, Поля. Но мне кажется, что соловьев придумывали разные люди. Одни знали этих птичек и сделали свое чудовище серым, а другие не знали и сделали его разноцветным.

Алиса поняла, что беседа с Полей ничего ей не дала. Все это она могла бы продумать сама за две минуты.

Получалось, что любой вариант ведет в тупик.

Даже когда вечером по телевизору сообщили, что над городом Раменское многие видели дракона или, точнее, змею с крыльями, которая ушла в сторону заката, несмотря на то что была обстреляна мастером спорта по стрельбе, легче Алисе не стало.

Папа качал головой и посмеивался — он не верил, что под Москвой завелась всяческая нечисть, — а Поля молча подавал на стол, мыл посуду, даже не стал смотреть тысяча двести сорок пятую серию фильма «Слезы Розы».

Позвонил Милодар. Позвал к видеофону Алису.

— Ну как, моя крошка? — спросил он без улыбки. — Что будем делать завтра?

— До утра, я думаю, вы их переловите, — сказала Алиса.

— Я тоже надеюсь, — сказал Милодар. — Кстати, я попросил прекратить показ этих чудовищ по телевизору, а то завтра детей на улицы не будут выпускать.

— А что, появились еще какие-то?

— Вторая змея с крыльями была замечена над Переяславлем через час после первой. Она отличалась цветом и формой крыльев.

— Я думаю, — заметила Алиса, — что это не змея, а Змей Горыныч. Не слышали о таком?

— Опять русская сказка?

— Вот именно!

— Это мне уже надоело! — крикнул Милодар и отключил связь.

Алиса пошла к себе в комнату, легла спать, но заснуть долго не могла.

На следующее утро телевизор ничего не рассказывал о чудовищах, а у Милодара связь не отвечала.

После школы Алиса позвонила на телестудию, и там ей сказали, что никаких новых сведений о драконах, водяных и прочем зверье на студию не поступало.

Поля несколько раз заходил к Алисе в комнату, стоял на пороге, молчал, но новых версий не предлагал.

Алиса сидела у себя, ничего не делала и представляла, как по небу носятся боевые флаеры и истребители, ищут чудовищ и пытаются их поймать. А если они опасны, то их убивают... Хотя Милодар говорил, что еще ни одного чудовища не поймали и не убили. Что же получается, техника конца XXI века не может поймать одну Бабу Ягу или выловить из лужи водяного?

— Разумеется, — сказала Алиса.

— И я так думаю, — поддержал ее робот.

— Что ты думаешь?

— Хозяйка, я тебя знаю с рождения, мне любая твоя мысль понятна, — сказал Поля. — А сейчас ты подумала, что эти чудовища должны вылетать из одного центра. Не может быть, чтобы в нескольких местах Земли какие-то злые шутники выращивали змеев и водяных, а потом выпускали их на волю.

— Правильно, — согласилась Алиса. — И что дальше?

— Дальше мы с тобой будем считать, — сказал робот.

Он включил компьютер и попросил его дать карту Москвы и ее окрестностей.

— Погоди, — прервала его Алиса. — Давай возьмем простую карту. Дисплей нам мал.

Они расстелили на столе большую карту Подмосковья и начали наносить на нее время и место встречи людей с чудовищами.

— Сначала был водяной. Два дня назад. Затем Баба Яга и леший — позавчера... Вот

здесь! Потом соловьи-разбойники. Они летают и потому передвигаются быстрее. Их увидели здесь... нет, здесь! А потом я сама полетела к Звенигороду и встретила их вот здесь. И последнее: Змей Горыныч, который летал в районе Раменского. И если верить Милодару, через час был замечен еще один змей, над Переяславлем... вот тут! Далеко отлетел.

— Итак, — подытожил робот Поля, будто он придумал всю эту историю, — мы имеем ряд точек. По ним нам следует отыскать пункт, из которого все они вылетели. Это несложная задача.

— Несложная, — согласилась Алиса, — если ты знаешь, одновременно они вылетели или в разное время.

— Этого мы никогда не узнаем, — согласился Поля и расстроился. — Задача не имеет решения, — сообщил он.

— Может, и не имеет, если подходить к ней математически. Но решение есть, если подойти к задаче по-детски, — сказала Алиса.

Она воткнула булавки в точки, где встречались чудовища, затем привязала к булавкам ниточки, взяла пучок в руку и натянула — получился шатер из ниточек.

— Вот здесь, — сказала Алиса, — под вершиной моего шатра, мы и будем искать злодея, вернее, его лабораторию. Место, где выводятся существа из детских сказок.

Она опустила руку на карту Москвы и попросила робота:

— Скажи мне, что же попадает в подозреваемый район?

— В подозреваемом районе располагается выставка, — сказал робот, — когда-то она называлась Сельскохозяйственной выставкой, потом Выставкой достижений народного хозяйства, потом...

— Поля, меня сейчас не интересует история. Расскажи мне, что там находится сегодня.

— А сегодня на месте этой выставки открывается Ярмарка Чудес. Со всех краев земли, со всех концов Солнечной системы сюда слетелись лучшие фокусники, клоуны, кукольники, волшебники, колдуны, чревовещатели, шпагоглотатели, музыканты, которые умеют играть на ложках, на пиле, на ведре и других невероятных инструментах, — в общем, это самая настоящая старинная ярмарка со старинными развлечениями. Сам не знаешь, что там отыщешь — то ли тебе покажут женщину без головы, то ли тебе отрежут твою собственную голову.

— Ну, уж наверное, там не так опасно! — улыбнулась Алиса.

— Одной девочке вечером на такой Ярмарке появляться рискованно!

— Я все поняла, Поля, тебе тоже хочется сходить на Ярмарку, — догадалась Алиса.

— Мне хочется охранять тебя, — возразил Поля.

— А на Ярмарку не хочется?

— Мне хочется разгадать тайну чудовищ.

— Надоело сидеть на кухне?

— Мне хочется выйти на бой с драконами!

— Прекрасно, — сказала Алиса. — Именно такой боец с драконами и требуется на дальних планетах. Ты когда-нибудь задумывался, Поля, что у тебя ноги приспособлены только для того, чтобы ходить по гладкому полу?

— Неправда! — обиделся домроботник. — Я могу переступить через порог.

— Ты знаешь, что не можешь быстро двигаться?

— Это подстроено завистниками, которые боялись, что я опрокину чашку с бульоном! Но я умнее многих и лишен страха. Я иду с тобой на Ярмарку.

— Миленький Поля, мы с тобой совсем не уверены, что чудовища сначала появились на Ярмарке. Возможно, наше путешествие окажется напрасным, а все дома останутся без обеда.

— Ничего! — закричал робот, хотя он и не умел кричать. — Я оставлю записку, что сломался, и попрошу профессора Селезнева и богомола пообедать консервами.

— Ну ладно, — сдалась Алиса. — Только сними с себя фартук и поварской колпак.

— Ты думаешь, что меня тогда примут за боевого робота?

— Не уверена, — созналась Алиса. — Но по крайней мере тебя не примут за кухонного робота.

Когда Алиса собралась, Поля ее уже ждал. Он снял фартучек и колпак. Но вместо колпака водрузил на круглую голову поспешно склеенный из бумаги конус с черепом и скрещенными костями, а через плечо у него тянулась матерчатая португепя, в петле которой был укреплен широкий кухонный нож.

— Теперь я вижу, что у меня есть настоящий защитник.

У домашних роботов не бывает чувства юмора, так как оно может повредить при приготовлении пищи, поэтому Поля ответил голосом хорошо выдрессированного солдата:

— Так точно, вы видите перед собой настоящего защитника!

Во флаере Поля ворочался, пристраивая свою сбрую, поправлял колпак и поглядывал в зеркальце. Он себе нравился.

Над Ярмаркой полеты были запрещены, так что пришлось опуститься на гигантской стоянке, которая подковой охватывала Ярмарку со стороны проспекта, и оттуда идти пешком. На Алису с роботом никто и взгляда не кинул, а на подходе к Ярмарке начали встречаться различного вида существа, одетые нелепо, необычно и даже фантастически.

Над площадью протянулась через половину неба горящая надпись:

ЯРМАРКА ЧУДЕС

Каждая буква в ней была размером с телевизионную башню, и каждая отличалась от соседней цветом и формой. Садившееся на другой стороне неба солнце потускнело, как будто стеснялось такой яркой и беспардонной надписи.

Еще дома Алиса с Полей узнали, что на Ярмарке разрешены только те чудеса, которым не меньше ста или даже трехсот лет. А вот чудеса, придуманные людьми недавно и имеющие отношение к космическому веку, на Ярмарку не допускались.

И это понятно: для того чтобы чудо стало чудесным, оно должно немножко состариться. Есть такие особенные магазины — антикварные. В них продают только старые удивительные вещи, а то, что можно купить в обыкновенном магазине, вы в антикварной лавке не отыщете. Вот так и с Ярмаркой Чудес. Там можно увидеть лишь то, что в обыкновенном парке ни за что не увидишь.

— Заходите, заходите! — кричали зазывалы, которые бродили перед входом на Ярмарку, прикрепив к ботинкам высокие ходули, и казались вдвое выше обычного человека. Зазывалы были облачены в клоунские костюмы, и когда им надоедало зазывать, они вынимали дудочки и рожки и начинали играть веселые мелодии.

Пройдя вместе с красочной и шумной толпой в ворота Ярмарки, Алиса была оглушена пением, музыкой, грохотом и хохотом Ярмарки. Здесь каждый пытался завлечь посетителя, каждый старался показать ему что-то такое, чего тот никогда в жизни не видел.

Ярмарка состояла из сотен павильонов, маленьких и больших, шатров, башен и башенок, между ними умещались качели и американские горки, по которым, набирая страшную скорость, носились вагончики. Среди павильонов бродили продавцы разных вкусных вещей, которые в обычной жизни взрослые тебе покупать не дают. Там продавали шары из воздушного сахара, пирожки и пончики, тростниковый сок, мороженое кокосовое, банановое, пельдиаровое, просто малиновое и с вишневым желе.

Но, конечно же, самое интересное происходило в павильонах и на сцене балаганов.

Больше всего Алисе понравились названия балаганов и зазывные надписи и призывы, которые были прикреплены к ним или написаны на матерчатых лентах, сделаны из светящихся трубочек или разноцветных ламп.

Вот некоторые, может даже не самые удивительные из них:

САМЫЙ ВЫСОКИЙ ЧЕЛОВЕК В МИРЕ

ВАСЯ N.

Ансамбль чечеточников

ОГОНЬ ИЗ КАБЛУКОВ

САЛАМАНДРА В ОГНЕ

Не обожгись, любимый!

САБЛЕГЛОТАТЕЛЬ

Хоссов аш-Ширин

ЖЕНЩИНА-ШКАФ

Шесть ящичков

УГАДЫВАЕМ ВАШИ МЫСЛИ И ТАЙНЫЕ ЖЕЛАНИЯ,

О КОТОРЫХ ВЫ САМИ НЕ ДОГАДЫВАЕТЕСЬ

БУДУЩЕЕ ОТКРЫТО ПЕРЕД ВАМИ!

Гадалка с Цейлона мадам Баттерфляй

ПОЛЕТ ПОД КУПОЛОМ

Женщина-бабочка, ее бабушка и их дедушка

НЫРНИ К РУСАЛКЕ — ВЫНЫРНЕШЬ ЖАБОЙ!

ХОЧЕШЬ СТАТЬ МОЛОДЫМ — ОКУНИСЬ В КИПЯТОК!

— Да, — сказала Алиса после того, как они потратили часа два на хождение между павильонами и балаганами, — здесь наших чудовищ найти труднее, чем иголку в стоге сена. Что будем делать, мой защитник?

— Искать дальше, — ответил Поля и надвинул на горящие красные глазки бумажный колпак.

На небольшой площади, недалеко от длинного, похожего на огурец озера, играл маленький оркестр, музыканты были одеты в атласные панталоны, камзолы и белые чулки. Они отбивали такт башмаками с золотыми пряжками. И музыка их была такой заразной, что Алиса, не выдержав, пошла в пляс, с ней плясал здоровенный парень в двухцветном костюме шута, а Поля суетился, бегал за ними и следил, чтобы шут не украл Алисочку.

— Что ищешь, красавица? — спросил шут.

— Ты не поверишь, — ответила Алиса, — я ищу водяного и Змея Горыныча.

— Зачем тебе такие противные создания?

— И еще Бабу Ягу и лешего.

Парень рассмеялся.

— Столько гадости я сроду не видал, — признался он, — и не знал, что на нашей Ярмарке они водятся.

— Как ты думаешь, — спросила Алиса, — я у кого-нибудь могу о них узнать?

— Ищи таких же, как тот, — сказал шут, — что вон там стоит. Если тебе страшно, я с тобой к нему подойду.

Алиса поглядела, куда указывал шут, и увидела, что там, в тени кустов, стоит робот Поля в бумажном колпаке. Только человеку, который не знает, какое это чудесное и доброе существо, может показаться, что он встретился с чудовищем.

Музыка прекратилась. Алиса кончила танцевать и подошла к роботу.

— Ты что-нибудь узнал? — строго спросила она, так как боялась, что он начнет укорять ее за легкомыслие.

— Как я мог узнать, — ответил сердито робот, — если я тебя охраняю?

Такую карту Алисе было крыть нечем, и они пошли дальше.

Вдруг Алиса сказала:

— Стой!

Над входом в большой круглый балаган висела вывеска:

«Только у нас! Настоящий динозавр Бронтя, на котором в детстве каталась знаменитая девочка Алиса! Спешите покататься на нем по настоящему пруду!»

— Заглянем? — спросила Алиса.

— Это чепуха! — серьезно откликнулся робот. — Неужели ты не знаешь, что настоящего Бронтю держат в Космозо?

— Знаю, — ответила Алиса. — Я два дня назад с ним виделась. Но неужели никому нельзя пошутить, пользуясь тем, какая я знаменитая!

— Не воображай! Ты знаменита только в своем классе, и то потому, что умудрилась схлопотать двойку на контрольной по алгебре!

— Поля, нельзя подсматривать в чужой дневник! — рассердилась Алиса. — Нам, людям, от вас, роботов, житья не стало.

— Так сдай меня на металлолом! — воскликнул разобиженный робот. — Сдай сейчас же! Я не хочу жить!

Он направился прочь, крича:

— Где здесь принимают металлолом? Я хочу, чтобы меня переплавили!

Алисе пришлось бежать за ним, утешать и доказывать, что Поля очень нужен всему человечеству, а Алисе особенно.

Потом она все же повела его в балаган, где показывали Бронтю. Может, это и есть Змей Горыныч?

Но внутри балагана все оказалось очень просто. Там стоял круглый бассейн в пластиковых берегах диаметром метров десять. В нем по кругу плавал надутый пластиковый дракон, или бронтозавр, зеленого цвета.

Толстый грустный мужчина в тренировочном костюме с кожаным фартуком на животе держал бронтозавра за веревку, продетую в ноздри, и подтягивал его к себе, но не просто, а рывками, чтобы бронтозавр извивался, как живой. Правда, ничего живого все равно не

получалось.

— Только раз в жизни! — кричал мужчина. — Катайтесь, не утоните! Гарантий не даем!

Никто не спешил влезать на пластиковое чудовище.

— Не наш? — спросила Алиса у Поли.

— Разумеется, не наш! — серьезно ответил робот. — Наш крупнее.

Они вышли и купили по мороженому, одно съела Алиса, а свое ей потом отдал Поля. Внутри Поли не было холодильника, как в самых современных домашних роботах, и мороженое немножко подтаяло. Потом они попробовали по очереди силу на силомере. По этой старинной штуке надо было бить кулаком, и тогда стрелка подлетала вверх — у кого на метр, у Алисы на два, а у Поли на три с половиной метра. Но приз Поле не дали, потому что он робот.

— На мне разве написано, что я робот? — спросил Поля.

— А на тебе и писать не надо, — ответил карлик, хозяин силомера.

— Вы просто завидуете моей силе, — сказал Поля.

Тогда карлик обиделся и сам так ударил кулачком по выступающей кнопке, что стрелка улетела до самого верха и закачалась на высоте четырех метров.

— Пошли, Поля, — приказала Алиса. И вдруг закричала: — Смотри!

Навстречу им в большом аквариуме ехала русалка. Это была самая настоящая русалка с хвостом вместо ног, не из тех русалок, что пляшут на берегах, соблазняя добрых молодцев.

Аквариум был на колесах, словно переделан из старого кресла для инвалида или бабушки. Люди не особенно обращали внимание на русалку, потому что вокруг ходило, бегало и прыгало немало необычных тварей и людей. Но Алису интересовало именно то, на что другие и не думали смотреть. Например, она увидела, что русалка, которая едет в облезлом кресле, чуть шевелит в аквариуме широким плоским хвостом, она заметила, как, не останавливаясь, та опустила зеленую руку и, зачерпнув воды, провела по груди и животу — не любят русалки сухости! Можно дать голову на отсечение, что никто из поддельных русалок не стал бы смачивать себе грудь водой.

— Простите! — крикнула Алиса, бросаясь следом за русалкой. — Вы куда?

Та нажала на кнопку в подлокотнике кресла и прибавила скорости.

Алиса побежала за ней.

Русалка оглянулась и оскалилась по-звериному. И тут же покатила еще быстрее. Это просто чудо, что она никого не сбила с ног, не задавила, не покалечила. Русалка неслась со скоростью автомобиля и через минуту скрылась из виду.

— Ну и что будем делать? — спросила Алиса у робота.

— Не беспокойся, — ответил Поля. — Мы знаем цвет и марку коляски. В любом отделении милиции нам сообщат, где живет эта зеленая русалка.

— Знаешь, ты кто, Поля? — спросила Алиса.

— Кто?

— Ты — мыслитель. Страшнее тебя в мире нет.

— Я знаю, что я мыслитель, — согласился Поля. — И это мне часто мешает жить, потому что необразованные и нечуткие люди порой воспринимают меня как прислугу и не ждут от меня глубоких мыслей. А знаешь, как трудно все время таить мысли в себе? Я же живу под напряжением! В любой момент моя голова может лопнуть.

— Пойдем, пойдем, не задерживайся, — попросила Алиса.

— В какую сторону? — спросил мыслитель Поля.

— Туда.

— Но русалка, которой ты так заинтересовалась и которая имеет явное отношение к русскому фольклору, скрылась в диаметрально противоположном направлении!

— Правильно! Мы должны попасть к тому месту, откуда она выехала! — объяснила Алиса и побежала вперед, стараясь никого не сшибить с ног. — Смотри по сторонам и замечай все, что кажется тебе необычным!

Вот эту просьбу Алиса высказала зря! Потому что не успели они пробежать и ста метров, как робот Поля ринулся в сторону и уцепился за рукав известного востоковеда, крупнейшего специалиста по вавилонской клинописи профессора Сулейменова-Стальского, внесенного в Книгу рекордов Гиннеса как обладатель самой густой и длинной бороды на свете.

Когда Поля увидел профессора с завязанной в узел бородой, в нем проснулся охотник за подозрительными редкостями.

— Алиса! — закричал он. — Я взял его!

— Простите! — Профессор пытался освободиться из объятий железного бандита в бумажном колпаке с нарисованным на нем черепом и костями, но, конечно же, одолеть робота он не мог. — Я не имею чести... Мы практически незнакомы! — повторял профессор, задыхаясь.

— Что ты делаешь, Поля? — подбежала Алиса.

— Это Черномор! — закричал Поля. — Это сказочный карла, который украл нашу Людмилу и держит ее в заточении.

— Простите! — кричал профессор, сопровождаемый известной сенегальской фотомodelью Эжени Кюри. — Мой небольшой рост не дает вам оснований...

Алиса принялась вырывать профессора из жестокой хватки робота. На помощь им пришла фотомodelь, и совместными усилиями им удалось освободить профессора из плена. Посрамленный Поля отступил, но так и не поверил, что профессор — существо реальное, а не сказочное.

Оставив профессора на попечение заботливой сенегальской фотомodelи, Алиса потащила разочарованного в жизни робота Полю дальше. Так они вышли к берегу пруда, похожего на огурец. И остановились.

Через аллею, закрепленная концами за стволы высоких сосен, висела надпись, сделанная из разноцветных лампочек:

ПРИДУМАЙ СЕБЕ ЧУДО!

Перед высоким шатром из зеленых и оранжевых пластиковых полос, словно воздушный шар, возвышались два столба. Между столбами висело полотнище с таким лозунгом:

**ТЫ САМ –
ИЗОБРЕТАТЕЛЬ СКАЗКИ!**

— Стой! — приказала Алиса роботу. — В тебе зазвенел звоночек тревоги?

— Ничего во мне не зазвенело, — ответил Поля. — Звенит только в испорченных роботах. А мне еще жить да жить!

Алиса махнула рукой и поспешила к группе зевак, которые толпились перед большим

стендом рядом с кассой — будкой, похожей на собачью, только значительно большего размера.

К стенду были приколоты викады с изображением различных сказочных существ. И среди них — леший, Баба Яга, водяной и даже Змей Горыныч. А вот и соловьи-разбойники!

— Все, — сказала Алиса. — Наше путешествие закончилось. Мы достигли Северного полюса.

— Ты ошибаешься, — возразил Поля. — Северный полюс покрыт дрейфующими льдами.

Алиса засмеялась и подошла к кассе.

Внутри будки смутно виднелось лицо, а когда Алиса хотела спросить, можно ли купить билет, лицо исчезло, и вместо него появился раструб серебряной трубы. Кассирша заговорила в трубу низким голосом:

— Спешите купить билет! Последние гастролы! Чудо двадцать первого века! Сам придумал — сам беги!

— Что-то мне ее голос знаком, — заметила Алиса, дожидаясь, пока кассирша закончит свое рекламное объявление, чтобы заглянуть внутрь.

В кассе сидела отлично известная Алисе тетя Дуся, которая раньше работала в Космическом зоопарке смотрительницей в отделе бронтозавров. Но ее пришлось уволить, потому что она лупила животных и ругала их.

— Тетя Дуся! — воскликнула Алиса. — Вы что здесь делаете?

— Я здесь работаю, — ничуть не смутилась служительница.

— А можно купить у вас билет на представление?

— Из уважения к папаше я пушу тебя бесплатно, — ответила тетя Дуся. — Но железяку, которую ты с собой притащила, прислони к столбу, пускай подождет.

— Что значит — прислони? — возмутился Поля.

— Железяк я бесплатно не пускаю, — басом сказала тетя Дуся.

— Нет, он пойдет со мной, — сказала Алиса. — Это наш домашний робот.

— Так он у вашего родителя работает? — спросила тетя Дуся. — У уважаемого профессора Селезнева? — У нее от почтения даже голос изменился.

— Он у нас дома живет, он даже старше меня, — ответила Алиса.

— Ну ладно, — смилостивилась тетя Дуся. — Я вас обоих пускаю без билетов. Идите, но ведите себя хорошо. У нас опыты тонкие, психологические. И учти, что за участие в опытах плата особая. Тут уж я тебе ничем не смогу помочь.

И тетя Дуся открыла маленький шлагбаум, перекрывавший вход в шатер.

Алиса и робот Поля вошли внутрь.

Глава 6. Странный цирк

Внутри шатра все напоминало небольшой цирк шапито.

Даже пахло опилками и конским навозом.

Под потолком горели разноцветные лампы, и на манеже все казалось ярким и праздничным, зато ряды для зрителей оставались в полутьме.

Присмотревшись, можно было понять, что на самом деле зритель видел только половину манежа, разделенного пополам огромным зеркалом, которое начиналось у купола, доставало до земли и надежно делило зал пополам. Но зеркало это было особого свойства — оно не отражало самих зрителей. Достигалось это тем, что оно было чуть изогнутым.

Зрителей в цирке было немного — человек двадцать-тридцать. Справа от Алисы сидели родители с маленькими детьми, слева — двое молодых людей. Но в темноте было трудно разглядеть их лица.

Заиграла бодрая цирковая музыка, в зале стало темнее, а свет на манеже разгорелся ярче.

Под эту музыку на арену вышла тетя Дуся. Но ее было трудно узнать.

Она была облачена в короткую пышную юбочку розового цвета, лифчик с кружевами, все в блестках, а лицо закрывала розовая полумаска. Чулки и сапоги тети Дуси были белыми и тоже в блестках.

— Маска, я тебя знаю, — сказал Поля.

— Па-а-прошу не мешать представлению! — громко ответила тетя Дуся. — Узнать меня нельзя, меня родная мать не узнает. Теперь я госпожа Инкогнита Тобосская! Что, съела, железяка?

— Помолчи! — остановила Алиса Полю, который рванул было в бой.

Тетя Дуся подошла поближе к бортику манежа. В руке у нее оказался самый настоящий хлыст, как у дрессировщика. Она поставила носок сапога на борт манежа и заявила:

— Сейчас вы увидите такое чудо, от которого лопнете! Мой номер знают даже в Конотопе и на Сатурне! Многие умирали, не выходя из цирка. Которые оставались в живых, назавтра приходили вновь! Сегодня в ваших силах то, что было доступно только богам. А я за скромное вознаграждение даю вам такую возможность. Раскошеливайтесь!

От такого крикливого напора зрители оробели и молчали.

— Кто желает соперничать с богами и создать новое живое существо? Ну, не трусьте! Я вижу среди зрителей девочку Алису. Девочка Алиса, хочешь ли ты попробовать свои силы?

— Нет! — закричал Поля. — Я этого не допущу. Я сам попробую свои силы!

— У роботов нет настоящего воображения, — ответила тетя Дуся. — Робот не может ничего создать.

— А мы попробуем! — Поля пытался вырваться на манеж, но Алиса уцепилась за него:

— Полечка, милый, не надо, потерпи!

Пока Алиса воевала со своим верным роботом, она упустила шанс выйти на арену. Вместо нее выбежал один из мальчиков лет шести-семи, что сидел справа с братом и родителями. Он перемахнул через барьер и встал рядом с тетей Дусей. Размером он был как раз с ее мускулистую ногу, обтянутую блестящим чулком.

— Вот и молодец, — сказала тетя Дуся добрым голосом. — Сейчас мы с тобой сотворим чудо.

Тетя Дуся хлопнула в ладоши, и в ответ на это сбоку из прохода выехал на колесиках

небольшой столик с пультом.

— Я должна предупредить дорогих зрителей, что все, что вы сейчас увидите, на самом деле не существует. Это только изображение, только картинка, которую выдумает наш дорогой... Как тебя зовут, наш дорогой?

— Его Колей Пуделем зовут! — откликнулся брат мальчика из темноты. — Можно я тоже спущусь? Я лучше умею придумывать!

— Ничего подобного, — ответил Коля Пудель. — Сначала я придумаю, а потом ты.

— Миша, сейчас же перестань! — взволновалась его мама.

— Попрошу передать мне сто рублей, — сказала тетя Дуся. Она сама взбежала по ступенькам вверх, и Алиса услышала, как мама Пудель шуршит бумажками.

Затем тетя Дуся подошла к мальчику и прикрепила к его виску присоску.

— Ты все запоминаешь? — тихо спросила Алиса робота. — Это может быть очень важно.

— Я все снимаю, — ответил Поля. — Я спрятал сегодня за глазами видеокамеру.

— Да ты у меня изобретатель, а я и не знала!

— Теперь будешь знать, — гордо ответил робот.

Никто не слышал этого разговора, потому что внимание зрителей было приковано к манежу.

Тетя Дуся отошла к столику с пультом и оттуда приказала басом:

— Мальчик Коля, смотри перед собой и представляй!

— А что я должен представлять?

— Сейчас посмотрим. — Из кармана на бедре тетя Дуся достала небольшую записную книжечку в золотом переплете и начала бормотать себе под нос: — Соловья-разбойника мы проходили, водяного изобретали... русалок только сегодня делали...

Поля толкнул Алису в бок локтем. Локоть у него был острый, и Алиса чуть не взвыла от боли. Но сдержалась и кивнула.

Наконец тетя Дуся нашла нужную строчку.

— Ты русские сказки знаешь? — спросила она Колю.

— Знаю.

— И былины знаешь?

— И былины... — Но мальчик Коля не был уверен, он кинул взгляд в темноту, где сидели его родители.

Оттуда донесся женский голос:

— Знаешь, знаешь!

Коля кивнул.

— Значит, сегодня, — сказала тетя Дуся, — мы с вами будем воображать этого самого... Кащея Бессмертного. Слышали о таком?

Все, кроме Поли, ответили, что слышали. Поля сжал резиновые губы, но глаза его бегали, снимая все вокруг.

— Перед тобой — экран, — сказала тетя Дуся. — Передо мной — усилитель твоих мыслей. Давайте похлопаем Коле и посмотрим, какого он нам выдумает Кащея Бессмертного. Только не испугай свою маму! — Тетя Дуся захохотала басом.

Из темноты раздался ответный смех.

Мальчик Коля насупил, приложил кулак ко лбу, будто от этого ему лучше думалось.

И тут же на громадном зеркале, разделявшем манеж надвое, начал появляться

туманный силуэт.

— Давай, давай! — крикнула тетя Дуся. — Думай! Энергичнее думай!

Мальчик напрягся. Он старался. Но пока что на экране клубилось нечто невнятное, непохожее на Кащея. Алисе вдруг захотелось закричать: «Я знаю, какой из себя Кащей!» Она еле удерживалась, чтобы не побежать вниз и не помочь мальчику.

— Колька! — закричал его брат Миша. — Он костлявый!

— Я сам знаю, что он — скелетик. Я по телику смотрел! — отозвался Коля Пудель.

И тут переливчатое и непонятное пятно в зеркале, разрезающем цирк, стало вытягиваться вверх и как бы делиться на отрезки — и уже можно было в нем угадать скелет гигантского роста, под потолок. В руке у скелета была сабля, на ногах — черные сапоги, а больше на скелете ничего не было.

Скелет начал переступать с ноги на ногу и улыбаться. Самое жуткое — смотреть, как Кащей улыбается.

Он расхохотался, но ни звука не долетело в зрительный зал. Это тоже было страшно.

Кащей казался совершенно реальным и объемным, будто он не был изображен на плоскости силой воображения ребенка, а просто отразился в зеркале, и все время хотелось оглянуться, чтобы проверить, нет ли Кащея Бессмертного в зале, не затаился ли он за спиной.

— Готов ли твой Кащей? — спросила тетя Дуся.

— Наверное, готов, — ответил мальчик.

— Нравится он тебе?

— Как живой! — ответил мальчик.

— Теперь мне, теперь мне! — закричал мальчик Миша.

— Сначала, — сказала тетя Дуся, — создатель этого чудовища мальчик Коля, а также его родственники и родители имеют право сфотографироваться у изображения Кащея Бессмертного. Стоимость фотографии — сто рублей.

— Много, — откликнулась мама мальчика. — Я уже разорилась!

— Мама! — буквально завопил мальчик Коля. — Ты хочешь оставить меня без праздника?

— Тебя я хочу оставить с праздником, а семью — с деньгами. Как только ты сфотографируешься, твой братишка Миша сразу побежит своего Кащея придумывать.

— Это очень полезно, — заявила тетя Дуся. — Познавательное!

Она ходила по манежу, постукивала концом хлыста по белому сапогу, икры ее ног были похожи на бутылки шампанского.

— Придумывание чудовищ и сказочных существ приятного вида, — рассуждала тетя Дуся, — развивает у детей воображение, а у взрослых — любовь к воспитанию детей. Мы этим занимаемся, чтобы помочь учителям и художникам. А ну, давай покажи нам, что ты умеешь делать.

Последние слова тети Дуси относились к Кащею Бессмертному. Монстр переступил с ноги на ногу. Тетя Дуся щелкнула хлыстом, подняв с манежа облако пыльных опилок. И тогда, ко всеобщему удивлению, скелет начал приплясывать, как будто вот-вот пустится вприсядку.

— Осторожнее! — вырвалось у Алисы. — Он может рассыпаться!

— Рассыплется — другого изобразим! — весело ответила тетя Дуся и еще раз щелкнула хлыстом.

Кащей постарался и в самом деле сплясать вприсядку, но тут одна из ног отвалилась, и он запрыгал за ней, но тетя Дуся остановила его:

— Ты куда? Фотографироваться будем! — Тетя Дуся махнула хлыстом, так что он пронзил зеркало и ударил Кащея по плечу. Тот, хотя и был из костей, подпрыгнул от боли, скоренько приставил себе ногу, а тетя Дуся закричала мальчику Коле: — А ну, быстро фотографироваться! А то этот паразит совсем погибнет!

Мальчик Коля, расстроенный тем, что так жестоко обходятся с его изобретением, подошел к зеркалу, и под куполом начали вспыхивать звезды, а в воздухе — возникать и падать на опилки рядом с мальчиком большие фотографии Кащея. Потом возле несчастного Кащея сфотографировалась вся семья Пуделей, но Мише мама запретила придумывать чудовище. Пожалела денег.

— Хватит нам одного Кащея, — сказала она. — Коля даст тебе фотографию поиграть.

— А ну, кто следующий! Не робейте! — закричала тетя Дуся.

Алиса хотела откликнуться, но ее опять сбил с толку Поля.

— Давай я пойду, — прошептал робот, — я умею придумывать!

— Молчи и наблюдай! — приказала Алиса.

Из верхнего ряда на манеж спустился незнакомый парень. Он был выбрит, в ухе сверкала серьга, через плечо — пулеметная лента, из которой торчали незабудки. Он сразу протянул тете Дусе сотню и сказал:

— Давай усилитель. Изобразим Кащея в лучшем виде.

Немногочисленные зрители захлопали в ладоши.

Парень прищурился и протянул вперед руку.

Через минуту муть в зеркале превратилась в среднего роста костлявого дедушку с длинной белой бородой, вырастающей из худого лица...

— Нет, — сказал парень, — не так.

И тут же кожа с лица сошла, и обнаружился бородатый череп. Зато остальная фигура оказалась закрытой длинным, до земли, черным плащом, словно это был не Кащей Бессмертный, а какой-то вождь Черных Легионов со зловещей планеты Икс.

В руке у Кащея вместо обыкновенной сабельки возник бластер, извергавший зеленые лучи, а над головой появилось сияние.

— Инопланетный Кащей, — сообщил молодой человек, сделал кульбит и исчез в темноте задних рядов.

Сфотографироваться он не захотел, и тетя Дуся, сделав фотографии инопланетного Кащея, швырнула их в темноту, откуда раздался голос:

— Спасибо, тетя, ваш подарок принял!

Вдруг на манеж легко выбежал экс-чемпион мира по стрельбе из рогатки Алеша Вундермахер-Чудодеев. Смущаясь, он достал из кармана деньги и сказал:

— Если не возражаете, я бы желал создать существо из моего детства, то есть такого Кащея, который, на мой взгляд, наиболее точно соответствует общепринятому в фольклоре его образу.

— Для реализации изображений, — сказала тетя Дуся, — отбираю только тех чудищ, про которых никто ничего не знает. Художники их рисовали как черт на душу положит. Я вот завтра за Лихо Одноглазое возьмусь. Никто его не видел, только сказители о нем пели.

— И все же... Простите, не знаю вашего имени-отчества...

— Зови меня просто — Авдотьей Альбертовной.

— Тем не менее, Авдотья Альбертовна, в течение веков в нашем искусстве родился устойчивый образ Кощея Бессмертного.

— Валяй, — сказала тетя Дуся, — если ты такой упрямый. Нам не жалко.

Алешин Кощей Бессмертный был страшнее того Кощея, которого придумал мальчик Коля. Он тоже был скелетом, но не в сапогах, а в валенках. В костяной руке Кощея была золотая шкатулка, и Алиса сразу догадалась, что именно там хранится душа Кощея в виде иголки. На голове Кощея сидела ржавая железная корона, а на валенках болтались обрывки цепей — видно, Алеша вспомнил, что в какие-то отдаленные времена злодея держали в цепях.

— Чудесно, — сказала тетя Дуся. — Я тоже его представляла именно таким. Поклонись, Кощеюшка!

— Алиса, я встревожен, — сообщил робот Поля. — Если это только изображения, то почему они подчиняются этой большой женщине?

— Думаю, что это — вид гипноза, — сказала Алиса. — Мы с тобой загипнотизированы.

— А что же она тогда фотографирует? Гипноз?

— А кто сказал, что невозможно сфотографировать изображение, которого нет, но которое наш глаз видит?

Тут тетя Дуся предложила Алеше сфотографироваться вместе с Кощеем, который не переставая кланялся, как китайский болванчик, но Алеша возразил.

— У нас с супругой, — сказал он, — есть достаточно денег. Для тренировки в стрельбе из рогатки нам очень нужна подвижная мишень. Вот мы и подумали — продайте нам нашего Кощея.

— Ну как же я смогу это сделать, — развела руками тетя Дуся. — Ведь это же только видимость. На самом деле Кощея не существует.

— Но мы много заплатим, — сказал Алеша.

Из зала закричали:

— Молодой человек, отвяжитесь от женщины! Сказали, что невозможно, значит, невозможно.

— Оставьте мне ваш адрес, — быстро проговорила тетя Дуся. — Если у нас появится возможность производить настоящих Кощеев и драконов, мы вам обязательно позвоним.

Опечаленный Алеша протянул тете Дусе визитную карточку. Алису что-то кольнуло в сердце.

— Поля, — сказала она, — не спускай глаз с Алеша.

— Зачем? Он производит впечатление вполне культурного и порядочного молодого человека, — сказал робот.

— Не задавай лишних вопросов! — оборвала его Алиса.

А тем временем тетя Дуся вышла на середину манежа и снова крикнула:

— Есть ли еще желающие показать нам своего Кощея?

— Я иду, тетя Дуся! — крикнула Алиса, сбегая по проходу вниз.

— Кого я вижу! — радостно воскликнула тетя Дуся. — К нам в гости пришла дочь самого профессора Селезнева. Поприветствуем ее, господа!

Раздались аплодисменты. Алисе не видны были люди — прожектора били в глаза, и казалось, что тебя держат в воздухе, как бабочку на булавке.

— Чего же ты хочешь, девочка? — спросила тетя Дуся. Но Алиса чувствовала, что на самом деле тетя Дуся вовсе не рада тому, что дочка директора Космозо пришла на Ярмарку

и увидела ее тут.

— Я тоже хочу придумать Кащея, — сказала Алиса.

— Ах, какая жалость! — воскликнула тетя Дуся. — У меня аккумулятор сел. Нельзя больше придумывать.

— У меня есть деньги, — сказала Алиса.

— Я была бы рада сделать это для тебя бесплатно. Но на сегодня представление окончено. Приходи завтра, девочка.

— Может быть, вы разрешите сделать маленького Кащея? — спросила Алиса.

— Нельзя даже маленького.

Тетя Дуся подняла руку, тут же прожектора и звезды под куполом погасли и в зале зажегся свет. Зрители поняли, что представление закончено, и начали подниматься с мест. Алиса видела, как встали чемпионы мира по стрельбе из рогатки, как пошли к выходу всей семьей Коля, Миша и их родители Пудели, парень с серьгой, поддерживая за локоть подружку, какие-то еще незнакомые люди выходили из зала.

— А можно заглянуть туда? — спросила Алиса тетю Дусю, показывая на зеркало.

— Зачем? — удивилась тетя Дуся.

От нее пахло потом, пылью, пудрой и одеколоном. Она была похожа на толстую лошадь.

— Мне интересно, не осталось ли что-нибудь там от ваших Кащеев?

— Это невозможно, — сказала тетя Дуся. — Это совершенно невозможно! После того как Кащея сфотографируют, я смываю изображение. Из этого раствора можно сделать нового Кащея.

— Или водяного?

— Или водяного.

— Или Соловья-разбойника?

— Тебе рассказывали, как мы тут изобретали соловьев-разбойников?

— Я викады снаружи видела.

— Как жаль, что тебя не было позавчера, когда мы их изобретали. Это было так весело!

— И ни один из них не мог случайно улететь?

— Да ты с ума сошла, Алисочка! Такие звери не могут разбредаться по всей стране и пугать детей! Нет, я честно зарабатываю свой кусок хлеба. Я беру деньги за билеты, я продаю фотографии на память, я продаю фотографии художникам, которые иллюстрируют детские сказки...

Тетя Дуся собрала стопку фотографий, положила их в большой конверт, потом погасила почти весь свет. Она увидела, что Алиса все же хочет заглянуть за зеркало, и рассердилась:

— Я же сказала тебе, что там никого нет! Ты была бы довольна, если бы я пришла к тебе домой и стала рваться в детскую, где ты хранишь любимых куколок?

Алиса хотела было с презрением отместить подобное подозрение, даже повернулась было, чтобы позвать на помощь Полю, — пускай он подтвердит, что у Алисы тысячу лет как нет никаких куколок, но Поля нигде не было — видно, он выслеживал Алешу.

Сочтя молчание Алисы за сомнение, тетя Дуся быстро вывела ее наружу и оставила посреди шумной вечерней Ярмарки у входа в павильон.

— Ты найдешь дорогу домой? — спросила тетя Дуся.

— Да, — ответила Алиса, стараясь казаться робкой девочкой.

— Тогда иди, у меня еще дела, надо аккумулятор на завтра зарядить.

Алиса отошла на несколько шагов от входа в балаган. Вокруг гремели оркестры, сверкали фейерверки, смеялись дети и взрослые...

Где же Поля?

Он не мог потерять Алешу из виду.

Алиса решила еще раз проверить, действительно ли Кащей — только изображение, видимость на экране. Если тетя Дуся права, то окажется, что Алиса зря потеряла вечер и ей нечем будет порадовать комиссара Милодара.

Надо было найти задний вход в балаган, чтобы проверить, есть ли там кто-нибудь.

Она обошла балаган вокруг, для этого ей пришлось перешагивать через канаты, обходить кольца, даже отгонять злого бродячего кота, который думал, что темный мир между балаганами — это его царство.

И тут она натолкнулась на мостки, которые вели от балагана к небольшой барже, стоявшей на озере позади балагана, почти привалившись к берегу. Зачем фокуснице баржа?

На барже было темно.

Алиса осторожно ступила на мостки и услышала тихие голоса на барже. В задней надстройке открылся люк, и оттуда вышла тетя Дуся, которую можно было угадать лишь по короткому и широкому силуэту. Тетя Дуся вела за собой на веревке скелет, который позванивал на ходу обрывками цепей и громко вздыхал.

— Да помолчи ты, тут Алиска может ошиваться, — зло сказала тетя Дуся. — Еще донесет папаше, и закроют нас, а закроют — не видать нам больше своих денежек!

Тетя Дуся прошла совсем близко от Алисы, девочка даже почувствовала, как от нее пахнет пивом. За тетей Дусей, позванивая цепями, плелся Кащей Бессмертный.

Алиса изо всех сил вглядывалась в темноту, стараясь понять, какого из Кащеев волочит за собой бывшая служительница зоопарка.

«Ну, конечно же, цепи есть только на Кащее, придуманном Алешей. Видно, жадная тетя Дуся решила все же отвезти Кащея к нему, ведь он оставил ей свой адрес?»

Алиса увидела, что наверху, на откосе берега, между балаганами тетю Дусю ждут.

— Ты здесь? — прошептала тетя Дуся.

— Да, мы здесь, — ответил экс-чемпион мира по стрельбе из рогатки.

— Деньги с собой?

— Деньги с собой, — ответил Алеша.

— Протяни мне руку — я тебе товар тащу, — сказала тетя Дуся.

— А его кормить надо? — спросила жена чемпиона мира.

— Обойдется, — сказала тетя Дуся.

— Младенцев хочу, — прорычал Кащей Бессмертный. Впервые Алиса услышала его голос. — Сладеньких младенцев люблю!

— Кого он хочет? — испуганно спросила Алешина жена.

— Леденцов, — нагло ответила тетя Дуся.

«Ни в чем ей верить нельзя», — поняла Алиса.

— Скажите только, — попросил Алеша, — а как они у вас получаются?

— Тайна профессии, — ответила тетя Дуся. — Впрочем, никакой тут особой тайны нет. Усилитель воображения у меня импортный, рассчитанный на мелких вирронианцев. У них и биоволны мозга мелкие, короткие. А как я поставила его в нашем балагане, оказалось, что он не только изображения делает, но и настоящих чучелов изготавливает.

— Он опасный? — вякнула чемпионка.

— Какой он опасный! Это же видимость одна. Привидение, по сути дела. Вы его спокойно можете как мишень использовать.

— Последний вопрос, — сказал Алеша. — Вы гарантируете нам, что этому привидению... не будет больно, если мы станем стрелять в него из рогатки?

— Если из рогатки, то не больно, гарантирую, — сказала тетя Дуся. — Что я, садистка, что ли? Где деньги?

— Сейчас, сейчас... Но меня не покидают некоторые сомнения...

— Молодой человек, — сказала тетя Дуся, — если вы уж решили совершать незаконный поступок и стрелять в Кащея Бессмертного из рогатки, то не надо изображать из себя первоклассницу.

— Она права, мой драгоценный, — произнесла До Ди Джо.

Зашуршали деньги — Алеша расплачивался.

Алиса убедилась, что по крайней мере один из Кащеев существует вне экрана. Следовало узнать, где тетя Дуся прячет других и какие у нее на них планы.

Для этого Алиса решила незаметно проникнуть на баржу, так как подозревала, что именно там ей удастся раскрыть секрет. И завтра она сможет со сдержанной улыбкой представить комиссару Милодару разгадку тайны, на что были не способны все его агенты.

Но не всегда получается как хочешь.

Только Алиса приняла решение, как услышала знакомый пронзительный голос:

— Я не позволю! Я вас привлеку по статье за жестокость к искусственным созданиям, включая роботов и привидений! Сейчас же отпустите Кащея на свободу!

Господи, ну кто просил этого глупого и честного робота Полю вмешиваться именно тогда, когда все так хорошо получалось!

Поля бросился с высокого берега на тетю Дусю, но его погубило то, что вместо неожиданного нападения он решил сначала сказать речь и дал возможность противнику прийти в себя.

Глаза Алисы уже привыкли к неверной полутьме, и она увидела, как тетя Дуся размахнулась и своим хлыстом полоснула робота Полю так, что он потерял равновесие и зашатался. А экс-чемпион Алеша успел выхватить из-за пояса рогатку и всадил шарик в голову роботу. Тот окончательно сошел с катушек и со всего размаху бухнулся в воду у берега.

Алисе бы оставаться на месте — ее же никто не искал. Но нельзя было бросать Полю без защиты. Она кинулась к роботу, чтобы поддержать его, и угодила прямо в руки тети Дуси.

Она услышала сначала всплеск — это робот рухнул в воду, а затем укоризненный голос тети Дуси:

— Я же предупреждала, Алисочка: не лезь, куда тебя не просят! Вот ты себя и погубила.

— Я только хотела помочь роботу, — призналась Алиса.

— Твой робот, считай, утонул. А вот что делать с тобой, не знаю.

— Отпустите ее, — сказал Алеша. — Немедленно отпустите девочку!

— А кто у меня Кащея Бессмертного купил? Дядя Вася? А кто из рогатки мирному роботу в лоб попал и, может, его вывел из строя? Дядя Вася?

Алеша смущенно замолчал. «Вот так человек ступает на путь преступлений, — подумала Алиса, — делает один неверный шаг, и всегда найдется кто-то, кто поможет

сделать еще один шаг и еще один... пока не наступит момент, после которого поздно поворачивать назад».

— Бери своего Кощея и мотай отсюда! — приказала тетя Дуся. — Иди берегом озера, чтобы тебя не заметили.

— А Алиса? — испуганно спросила чемпионка.

— Ничего плохого с ней не будет, — рассмеялась тетя Дуся. — Мы не убийцы. Алиса проведет ночь взаперти, чтобы мы могли уехать, куда хотим. Что и вам советую сделать. А ну, быстро!

Загремели, удаляясь, цепи Кощея. Алиса поняла, что стрелки из рогатки дружно убежали, уводя с собой покупку.

Конечно, Поле плохо лежать на дне, но Алиса понимала, что ничего особенного с роботом не случится. Как только она отделается от тети Дуси, Полю тут же вытащат, откачают, высушат, и станет он лучше прежнего. Но что будет с ней самой?

— А тебе придется немного посидеть на барже! — сообщила тетя Дуся, убедившись в том, что все противники и союзники обезврежены.

Когда Алиса попыталась сопротивляться, тетя Дуся, привыкшая укрощать бронтозавров, в мгновение ока скрутила Алису и кинула ее в каюту баржи. Алиса не удержалась и свалилась по трапу на пол.

Хлопнул люк. Загремел засов.

Послышались тяжелые шаги служительницы.

Потом заскрипели мостки.

Тетя Дуся поднялась на берег.

Глава 7. Привидения на барже

Свет попадал в каюту через небольшие круглые люки в бортах, выше Алисиной головы. Глаза Алисы уже привыкли к темноте, но она зажмурилась, чтобы глаза привыкли еще лучше.

И вот, когда она стояла с зажмуренными глазами, Алиса поняла, что в каюте баржи она не одна. Кто-то тут есть еще...

За бортом начался новый фейерверк, шутихи, ракеты вспыхивали часто и бурно, и при каждой вспышке света Алиса могла все лучше разглядеть, кто же находится в трюме, кроме нее.

И нетрудно догадаться, что в трюме оказались два Кащея Бессмертных.

Первый, придуманный мальчиком Колей, был скелетом, у которого все время отваливалась правая нога, а второй, которого придумал парень с серьгой, был Кащеем инопланетным, с бластером в руке, в длинном плаще и с бородой, которая росла прямо из черепа.

Алисе стало страшно.

Она стала отступать, потому что оба Кащея медленно приближались к ней. И притом молчали, а от этого Алисе было еще страшнее.

— Смерть! — неожиданно произнес одноногий Кащей.

— Смерть! — повторил за ним инопланетный Кащей и тут же выстрелил в Алису из бластера.

К счастью, бластер у него был ненастоящий, иначе бы вся баржа вспыхнула. Луч лишь осветил внутренность каюты.

Алиса поняла, что если бластером ее Кащей не достанет, то костлявыми руками он легко ее задушит.

При очередной вспышке бластера, осветившей все мертвенным зеленым светом и отразившейся в холодных, глубоко спрятанных в глазницах глазах Кащеев, Алиса увидела за трапом небольшой люк.

Он был приоткрыт.

Отступая, Алиса стала уговаривать Кащеев:

— Спокойно. Я же ничего плохого вам не сделала... Мы с вами товарищи по несчастью...

— Смерть! — прорычал инопланетный Кащей и снова начал палить из бластера.

К счастью, пока он палил, то вперед не двигался. И Алиса, забежав за трап, постаралась нырнуть в люк. Передний Кащей ударился о трап и стал чертыхаться, второй налетел на него. Таким образом, у Алисы образовалась маленькая передышка — она не только перебралась в следующее помещение, но и успела закрыть дверь на задвижку.

Как только она это сделала, первый из Кащеев добрался до двери и стал в нее ломиться, правда, без особого успеха, потому что переборки на барже оказались крепкими, не по зубам Кащею Бессмертному, даже если он инопланетного происхождения.

По свету, который попадал внутрь из небольшого иллюминатора над головой, Алиса поняла, что оказалась в небольшой кладовке, где хранились веревки, куски холста, войлок и прочие хозяйственные предметы. Алиса, страшно уставшая за день, тут же соорудила себе постель. Забравшись на гору холста и канатов, она выглянула в иллюминатор и поняла, что перед бегством тетя Дуся сумела оттолкнуть баржу от берега, и теперь она покачивалась

посреди озера, а отсюда ни до кого не докричишься.

Тогда Алиса решила не волноваться.

Она сказала Кащеям:

— Конечно, вы можете ломиться и дальше, но двери здесь крепкие, а я вас совсем не боюсь. Так что лучше тоже отдохните, завтра вам придется разговаривать с самим комиссаром Милодаром, а он человек очень серьезный.

Кащеи еще немного потолкались в дверь, потом замолчали.

Алиса заснула.

Она спала хорошо, без снов, потому что всегда спится лучше в путешествии на корабле...

А проснулась Алиса от шума и шагов на палубе.

— Эй! — крикнула она, поднимаясь.

И тут же ударилась головой о ступеньку трапа.

Шаги приблизились, и кто-то крикнул знакомым голосом:

— Она здесь! Я слышала!

Застучали быстрые шаги, кто-то сбежал в трюм и стал ломиться в дверь.

— Одну минутку, — сказала Алиса. — Сейчас открою.

В ее каютке было светло — рассвет наполнил ее голубым воздухом.

Дверь отворилась, и Алиса кинулась на грудь маме, которая и была первой поднявшейся на борт баржи.

Алиса обнималась и целовалась с мамой, вернувшейся из командировки ночью, папой, роботом Полей и другом детства Пашкой, который страшно завидовал, что приключение обошлось без него. Потом Алисе рассказали, что, пока она мирно спала в кладовке, а два Кащея сторожили ее в трюме, дома поднялась паника — куда делся ребенок?

Сообщили Милодару. Милодар поднял на ноги Галактическую полицию и ничего не нашел. Никто же не догадался отправиться на Ярмарку Чудес!

Дома ничего не было известно до середины ночи, пока не появился робот Поля.

Он был вне себя, ничего не соображал, потому что выполз на берег промокшим до последнего кристалла и через двадцать шагов совершенно отключился. На него случайно натолкнулся ночной сторож Ярмарки и сообщил номер робота в милицию.

Полю привезли домой, протерли, просушили все сопротивления и сочленения, промазали лучшим маслом, и тогда к нему вернулась память.

Это произошло уже на рассвете.

Но и робот Поля не знал, куда могла деться Алиса, потому что он угодил в воду раньше, чем ее заточили на барже.

Зато робот Поля знал, что один из Кащеев незаконным образом попал в руки Алеши и его жены.

С утра Селезневые и Милодар кинулись туда и разбудили молодых людей. Те были страшно смущены тем, что совершили не очень благородный поступок, и сразу повели Милодара и Селезневых в сарай, где устроили своего Кащея.

Кащея там не было!

Они его заперли на ночь, но он исчез.

Зато стрелки из рогатки догадались, что Алису надо искать на барже, куда ее отдали в лапы двум другим Кащеям.

Разгневанный Милодар бросился к тете Дусе, а остальные — на Ярмарку.

Баржу нашли посреди озера.

А дальнейшее всем известно.

За исключением одной детали: ни одного Кощея Бессмертного на барже не обнаружилось.

А так как вряд ли кто-то мог побывать на барже ночью и выгрузить Кощеев, значит, человечество встало перед новой загадкой, разгадать которую было не очень легко.

Но решение этой загадки явно знала тетя Дуся.

Когда ее разбудили и обвинили в похищении Алисы, да еще в попытке убить девочку с помощью Кощеев, тетя Дуся совершенно спокойно отправилась с Милодаром на баржу и по дороге сообщила, что никаких Кощеев там быть не может и не было никогда, потому что Кощеи — это воображаемые изображения на экране. Как их можно отправить на баржу?

Конечно, Милодар не поверил тете Дусе. Ведь он уже понимал, что Алиса наткнулась на след страшных чудовищ, которые мучили Москву все последние дни. А источник этих чудовищ — балаган тети Дуси.

Так что, когда все собрались на барже, тете Дусе пришлось во всем сознаться.

Она как-то по случаю дешево купила аппарат для передачи мыслей на экран. На одной планете его использовали врачи, чтобы ставить диагноз больным. Но изображение людей на Земле оказалось куда сильнее, чем у тех, кто изобрел этот приборчик. Ну что бы стоило тете Дусе сообщить об этом в Академию наук или хотя бы в милицию, чтобы никого не пугать. А она не сообщила. Она научилась делать фокусы — ее чудовища по приказу хозяйки совершали всякие движения, плясали и даже страдали, когда их били хлыстом.

Но, конечно же, одной женщине, даже такой сильной, как тетя Дуся, было невозможно усмотреть за своими чудовищами.

После представления тетя Дуся загоняла их всех в трюм на барже и отправляла баржу на середину озера. А утром приплывала к ней в лодочке и пригоняла баржу обратно. Но не всегда ей удавалось упрятать всех чудовищ, особенно когда в балагане был народ и сеанс шел за сеансом. Некоторые из них вырывались и бегали по окрестностям.

— Но потом? Потом-то что с ними случилось? — настаивал комиссар. — Почему мы не могли их найти?

— А потом они исчезали. Как и положено, — спокойно ответила тетя Дуся.

— А как положено? — спросил Милодар.

— Я догадалась! — закричала Алиса.

— Что-то ты слишком догадлива для обыкновенной девочки, — недовольно сказал Милодар.

— А кто сказал, что я обыкновенная девочка? — удивилась Алиса. — Такие чудовища, как и черные сны, и вообще всякая нечисть, исчезают с первым криком петуха. Потому-то их на следующий день не могут отыскать!

— Эта девочка слишком много знает, — мрачно сказала тетя Дуся. — Мне самой пришлось потратить неделю, прежде чем я догадалась, куда деваются все мои крохотулечки, когда я прихожу утром покормить их человечинной.

— Ах, — сказал робот Поля и попытался упасть в обморок.

Но Алиса подхватила его и сказала уверенно:

— Тетя шутит.

— Еще как шучу! — согласилась тетя Дуся. — А тебя, Алисочка, знала бы — утопила! Это не шутка.

Робот Поля опять попытался упасть в обморок. На этот раз Алиса ему не мешала. Она сказала:

— Не бойся! У нее ничего не получится.

Привидений не бывает

Глава 1. Призрак бродит по бульвару

Была середина декабря. В московских переулках, во дворах и в парках насыпало много снега. К счастью, за последние годы XXI века удалось заштопать озоновые дыры, вычистить воздух и воду, закрыть дымные и вредные заводы. Человечество вздохнуло свободно, зимы в Москве снова стали морозными и снежными, а небо звездным и прозрачным. По нему проносились флаеры и лайнеры.

На центральных площадях и улицах пластиковые мостовые и тротуары прогревались, там было сухо и чисто, а редкие снежинки, прилетевшие с ветром, испарялись, не успев коснуться земли. Можно было всю зиму гулять в лакированных туфлях.

Но Алиса Селезнева считала, что зимой лучше ходить по снегу. Поэтому она оставила флаер на стоянке за Арбатской площадью, а дальше пошла пешком по лесным тропинкам Гоголевского бульвара. Она шагала не спеша, радуясь тому, как похрустывает снег под подошвами, и любуясь тем, как фонарики, протянутые меж деревьев, отражаются звездочками в снежинках.

Алиса остановилась перед детской биостанцией. Биостанция была пустынна, лишь в оранжерее горел яркий свет. Зимой всех зверей переводят в Космический зоопарк, где работает Алисин папа, профессор Селезнев. Ведь юные натуралисты не могут бывать здесь каждый день — у них много дел в школе. Правда, после школы сюда обязательно забегает кто-нибудь из ботаников проверить, как идут дела в оранжерее, и покормить волка Гаврюху, который остается на зиму сторожем, потому что любит снег и свободу.

Вот и сейчас Гаврюха, издали почуяв Алису, примчался к воротам. Он часто дышал и глядел на Алису с радостью.

Алиса открыла ворота и вошла на станцию. Гаврюха, приبلудный волк, но умница, поднялся на задние лапы, чтобы поцеловать ее в лицо, но Алиса не удержала вес такого большого зверя и с размаху грохнулась на снег. Гаврюха смутился и принялся толкать ее в бок холодным носом, чтобы помочь подняться.

Гаврюха появился на биостанции осенью. Утром натуралисты пришли на станцию и увидели, что он лежит, свернувшись кольцом, у ворот. Сначала его приняли за овчарку, но потом приехал профессор Селезнев и сказал, что это не собака, а настоящий волк. Он хотел было увезти волка, чтобы тот чего-нибудь не натворил. Ведь волки — животные дикие и во взрослом виде не приручаются. Но волк стал просить, чтобы его оставили. Он лежал на земле, прижав морду к песку и виляя хвостом, как собака. Он даже подвывал, как будто хотел что-то сказать, и ребятам стало его жалко. К тому же случилась странная вещь: на выручку к волку прибежали питекантроп Геракл и жираф Злодей, постоянные обитатели биостанции, которые, оказывается, уже были знакомы с волком и подкармливали его как умели.

«Ну если жираф согласен жить с волком, — развел руками профессор Селезнев, — значит, это не волк, а кролик. Теперь осталось решить загадку, как взрослый волк мог очутиться в центре Москвы».

Волк улыбнулся и поднялся на ноги. Он подошел к Алисе и прижался холодным влажным носом к ее ладошке. Алиса погладила его жесткую теплую шерсть.

«Как его назовем?» — спросил тогда Пашка Гераскин.

«Рексом», — сказал Аркаша Сапожков.

«Белый Клык!» — предложила Маша Белая.

Волк медленно поворачивал голову, удивляясь, какие смешные имена придумывают для него. Он скалил зубы, широко улыбаясь.

Пашка Гераскин нахлобучил ему на голову тубетейку, и волк стал похож на забубенную дворнягу.

«Гаврюха! — воскликнул Пашка. — Его будут звать Гаврюхой, и он станет на биостанции сторожем!»

Все согласились, включая волка.

Так Гаврюха остался на станции. Он охранял ее, гонял ворон, выводил за рукав из оранжереи шалунов, выл на луну, чтобы не слишком светила и не мешала спать зверям и птицам, даже носил в зубах ведра с удобрением для опытов Аркаши с быстрорастущими растениями. Но вот наступила зима, и Гаврюхе стало тоскливо. Если бы не чувство долга, глубоко заложенное в загадочном волке, он бы сбежал в лес. Впрочем, никто не знал, где лежит тот лес, откуда пришел на Гоголевский бульвар мирный волк Гаврюха.

Прошло уже три месяца, как Гаврюха поселился на биостанции...

Поднявшись со снега, Алиса достала из кармана пуховика косточку для Гаврюхи, которую завернула для него еще за обедом. Гаврюха благодарно кивнул. Алиса сказала:

— Кушай, не стесняйся.

Волк не любил, когда люди смотрели, как он ест. Почему-то он считал, что это неприлично.

Алиса взглянула на дорожку — следов на ней, если не считать волчьих, не было, хотя обильный снегопад кончился еще засветло. На всякий случай Алиса спросила:

— Пашка Гераскин не заходил?

Волк, придавив косточку лапой, отрицательно покачал головой.

— Сегодня никого не было?

Никого, показал волк.

— Ты ешь, Гаврюха, — сказала Алиса. — Тебе не обидно, что тебя называют Гаврюхой?

Нет, покачал головой волк.

— Тогда я пойду домой, — сказала Алиса.

Она прикрыла ворота на биостанцию, помахала волку и пошла прочь.

Бульвар широк, люди обычно гуляют по центральной аллее. Алисе хотелось побыть одной, и поэтому она выбрала одну из пустынных узких дорожек.

Было еще совсем не поздно. Откуда-то доносилась музыка, ярко светясь, промчался над головой прогулочный флаер, сквозь деревья было видно, как на аллее малыши играют в снежки.

Скоро Новый год. Надо придумывать, кому какие покупать подарки. Это ужасное занятие. Кажется, что все уже подарено в прошлые праздники. А если добавить, что нужно посылать подарки на другие планеты, где есть друзья, — можно голову сломать от напряжения!

Покупать папе новый свитер? Но ведь мама тоже купит ему новый свитер! И почему только папа бросил курить? Он сразу лишил всех родных возможности дарить ему экзотические зажигалки, трубки или коробки с сигарами, которых папа и на дух не переносил...

Задумавшись, Алиса сбилась с пути. Тропинка стала совсем узкой. Она была покрыта тонким слоем девственно гладкого снега, значит, за последний час-два никто здесь не

проходил.

Звуки погасли, потому что на их пути стояли разлапистые ели, огни еле проглядывали сквозь хвою. Алиса почувствовала себя неудобно, словно заблудилась в настоящем лесу. Она хотела было засмеяться, но смеха не получилось... Хоть ты знаешь, что до людей всего триста метров, но сердце замирает...

Впереди была небольшая полянка.

Ели и сосны тесно сошлись, перекрывая все пути к ней.

Алиса раздвинула ветви.

Посреди полянки, на блестящем под звездами и луной снежном покрове, стоял небольшой черный сундук. Старинный, с округлой крышкой, медными уголками и медной скобой, на которой висел, держась открытым ухом, тяжелый железный замок.

Алиса замерла. Если бы она увидела такой сундук под Новый год, она бы решила, что это часть новогоднего карнавала, что вот-вот из-за деревьев выйдет Дед Мороз. Но было лишь шесть часов вечера, середина декабря, и Дед Мороз, если он существует, гуляет где-нибудь по тундре или отдыхает в далекой стране Лапландии.

Алиса подошла к сундуку. Она решила откинуть крышку и посмотреть, что спрятано внутри. Но не успела этого сделать, потому что вдруг ее пронзило ощущение опасности.

Знаете, как бывает: вроде бы ничего не произошло, вроде бы все в порядке, но тебя охватывает страх.

Алисе показалось, что город, который так уютно обступал этот лес-бульвар своими кварталами и парками, шумел, пел и смеялся, куда-то исчез.

Наступила такая тишина, которая бывает только в страшном сне.

Алиса сделала два шага к сундуку и услышала, как громко заскрипел снег, будто кто-то вскрикнул под ногами.

Но все же заставила себя подойти к сундуку поближе.

На поляне было темнее, чем в аллеях, — она освещалась лишь луной и звездами, снег казался синим, деревья — черными, а сундук — черным-черным, будто это была не вещь, а провал вместо вещи, открытая дверь в подвал.

И тут же Алиса заметила, что на чистом-чистом снегу были видны следы сапог небольшого размера. Они доходили как раз до сундука. Видно, человек нес на себе сундук, потом поставил его на землю, потоптался рядом... И вдруг увидел что-то такое ужасное, что отпрыгнул от сундука и кинулся бежать.

Все это Алиса прочитала по следам, потому что была хорошим следопытом и в прошлом году провела целый месяц в лагере разведчиков, где ребят учили, как не заблудиться в лесу, как разжечь костер под дождем, как перейти реку по бревну, как прочитать следы зверей и многим другим, очень интересным и совершенно ненужным, с точки зрения обыкновенных людей, вещам.

Что же могло так испугать небольшого человека?

Почему он бросил сундук и убежал?

Ну хоть бы кто-нибудь заглянул на эту тропинку, ну хоть бы ворона каркнула, хоть бы кошка пробежала... Было пусто, тихо и очень страшно.

Алиса дотронулась до сундука. Он был холодным, но не очень — ничего особенного, деревянный сундук.

Она попробовала приоткрыть его — крышка была в меру тяжелой, как и следовало ожидать. Она послушно поднялась.

Сундук был пуст.

Как жаль, что Алиса не прихватила с собой фонарика — вон что-то круглое поблескивает на дне сундука. Что это? Стекло?

Большая ель взмахнула лапой, стряхнув на землю снежный ком. Тот беззвучно упал вниз, подняв облачко снежной пыли.

«Алиса! — воскликнул внутренний голос. — Уходи немедленно. Тебе грозит опасность!»

Алиса закрыла сундук и тут увидела, что между стволами что-то светится. Холодным, неживым светом.

Светящееся пятно медленно и бесшумно двигалось к Алисе, все вытягиваясь вверх, как столб зеленого света. Было видно, как расступаются ветви деревьев, чтобы пропустить светящееся тело.

Алиса стояла как зачарованная, глядя на зеленоватый столб.

А внутренний голос все требовал, чтобы она уходила. Он буквально визжал от ужаса.

Алиса попробовала отступить, но ноги ее не слушались.

А зеленый столб выплыл на полянку, и Алиса поняла, что он очень похож на человека, которому на голову накинули зеленоватую светящуюся простыню.

Теперь уже можно было разглядеть длинные руки этого призрака, неподвижно висевшие по бокам, и пустые глаза-провалы в светящейся голове.

Раньше Алисе никогда не приходилось встречать привидение. Но, оказывается, для того, чтобы угадать, кто перед тобой, достаточно первого взгляда.

Привидение надвигалось на Алису медленно и беззвучно, словно облако. Его светящееся одеяние доставало до самой земли и отбрасывало на голубой снег слабый зеленый отсвет.

Неожиданно Алиса увидела, как в нижней части круглой головы привидения образовалась щель. Это же был рот! Рот становился все больше и больше, как будто привидение примеривалось, как бы ему укусить девочку.

Алиса словно очнулась и попыталась сделать несколько шагов назад, но привидение двигалось все быстрее, и девочка поняла, что ей надо бежать со всех ног, чтобы спастись от неминуемой гибели.

Алиса не стала больше смотреть на привидение, потому что если смотришь на него, то ноги сразу слабеют. Она повернулась и кинулась бежать от привидения по тропинке, в сторону биостанции.

Она неслась со всех ног, но неожиданно ей под ногу попал выступающий из снега корень сосны. Алиса споткнулась о него и рыбкой полетела вперед.

Всей спиной она чувствовала, что привидение близко, и представляла, как оно сейчас ударит ее холодным электричеством, а потом проглотит...

Алиса попыталась подняться и ползти, но руки стали такими слабыми, что она снова растянулась на холодном снегу. Она могла лишь поднять голову и прошептать:

— Помогите!

Поздно, никто ее не услышит!

Но помощь была близка. Алиса услышала частое громкое дыхание и увидела, что, подобно серой молнии, к ней несется громадный пес!

В двух шагах от Алисы пес оттолкнулся от земли и прыгнул вперед.

Раздалось оглушительное шипение и страшный вой.

Алиса вскочила и поняла, что освободилась от ужасной власти привидения. Руки и ноги снова подчинялись ей.

Она чуть было не кинулась бежать дальше — этого хотели ее неразумные ноги.

Но ее умная голова остановила ноги на бегу и обернулась назад.

Она увидела, как, рыча, скалится на привидение приبلудный волк Гаврюха. А привидение, извиваясь, испуская небольшие молнии и струи пара, отступало перед злобной атакой Гаврюхи.

— У-у-у-у-у! — завыл волк и, припав к земле, пошел на привидение. Алиса подумала, что волку, наверное, тоже страшно, потому что привидение — существо из страшного мира темных теней, заклинаний, злых волшебников и оживших мертвецов. А волк — теплый, живой, обыкновенный.

Не отрывая глаз, Алиса следила за борьбой, которая кипела рядом.

Волк прыгнул на привидение, сноп зеленых искр вырвался из призрака, на какую-то секунду враги завертелись в схватке, и Алисе даже показалось, что волк в этой суматохе и сиянии огней превратился на мгновение в человека... снова в волка... снова в человека... снова в волка!

Гаврюха отлетел назад — шерсть его дымилась. Он жалобно завыл.

Но и привидению, видно, пришлось несладко. Оно уменьшилось, будто усохло, оно дрожало, и по нему прокатывались волны зеленого, словно газового, света... Привидение стало удаляться, оно отступало сквозь густые ветви, и лишь зеленые искорки задержались на темных, покрытых снегом лапах елей.

Еще секунда, две... от привидения не осталось и следа.

Стараясь не дрожать, неподалеку стоял отважный и верный волк Гаврюха. Он часто дышал, высунув розовый язык.

— Как я тебе благодарна! — сказала Алиса.

Шатаясь от слабости, она шагнула к нему.

Гаврюха отстранился от Алисы. И она поняла почему. В некоторых местах на спине и боках его шерсть была опалена холодным пламенем. Волку было неловко, что он так некрасиво выглядит.

— Не стесняйся, — сказала Алиса. — Ведь ты меня спасал. Ты не будешь возражать, если я тебя оботру снегом?

Волк покачал головой — он не будет возражать.

Мимо пробежали дети, совсем маленькие. Они перекидывались большим мячом. За ними катилась на колесиках старая няня-робот и кричала:

— Не спешите, мне вас не догнать! Не спешите!

Дети увидели дымящегося волка, на которого Алиса кидала снег, и какой-то мальчик закричал:

— Собачка горит! Надо позвать пожарную команду.

— Она не горит, — поправила малыша девочка. — У нее внутри чайник. Это пар идет.

— Не задерживайтесь! — крикнула няня. — Мячик уже укатился!

Дети сразу забыли о дымящейся собачке и побежали дальше. За ними на двух резиновых колесах покатила старенькая няня-робот.

Алиса осторожно терла волка снегом. Если ему и было больно, он ничем этого не показывал.

— Как ты только услышал! — приговаривала Алиса. — Ты же меня спас. Это было

привидение?

Волк кивнул.

— Ты раньше видел привидения?

Волк колебался. Он кивнул, не сразу, но все же кивнул.

— Странно, — сказала Алиса. — Никогда мне не встречались настоящие привидения. Я даже не думала, что они существуют на самом деле. Скажи, волчище, а они опасные?

Волк снова кивнул. И даже зарычал.

Алисе было интересно наблюдать за Гаврюхой. Порой он вел себя как волк и даже выл, а порой — как собака, рычал, вилял хвостом, правда, почти не умел лаять.

— Вот и я думаю, что они опасные, — сказала Алиса.

Волк отряхнулся, как пес, который вылез из речки. Снег полетел в разные стороны.

Алиса подумала, что теперь, конечно же, пойдет домой по главной аллее, а дома первым делом расскажет обо всем отцу. Он, наверное, знает, встречаются ли привидения на Гоголевском бульваре или им с волком это показалось.

— Ты меня проводишь? — спросила Алиса волка.

Тот кивнул.

Они уже собирались идти, как Алиса вспомнила, что сундук все еще стоит посреди поляны.

— А с ним что делать? — спросила она волка.

Волк ничего не ответил. Даже не двинулся. А Алисе показалось, что он пожал плечами.

Алиса продолжала рассуждать вслух:

— Вряд ли кто-нибудь его обронил. Шел, шел, нес сундук, задумался и обронил.

Смешно?

Волк улыбался. Улыбаться он умел.

— А может быть, он поставил его на поляне, чтобы приманивать привидения?

Волк молчал.

— Что же делать? Кому рассказать о сундуке? Правильно! Папе! Папа знает все и даже догадается, зачем кто-то бросает на бульваре старинные пустые сундуки.

Пора было уходить, но Алиса никак не могла решиться оставить сундук на произвол судьбы.

И тут из чащи ее окликнули:

— Алиса, это ты?

— Это я. А ты кто?

— Ты с Гаврюхой? — спросил знакомый голос из чащи.

— Да, мы здесь с Гаврюхой.

— А больше никого нет?

— Кто был, убежал, — сказала Алиса.

— Я так и думал, — сказал Пашка Гераскин и вышел на открытое место.

Пашка Гераскин — старый друг Алисы. Они не раз вместе попадали в переделки и пускались в опасные авантюры. Но декабрь — не время для авантур, надо учиться.

Пашка подошел к сундуку и похлопал его по крышке.

— Никто к нему не приближался? — спросил он.

— Пашка, перестань говорить загадками, — попросила Алиса. — И расскажи все, что ты знаешь.

— А плакать не будешь?

— Не буду.

— И дрожать не будешь?

— Пашка, ты мне надоел. Если ты не начнешь немедленно свой рассказ, я пойду домой.

— Ладно, начинаю, — торжественно произнес Пашка. — Я должен сказать, что у меня появился новый знакомый. Его зовут Иона Ионович Гоц. У профессора Гоца в лаборатории стоял один ценный прибор. Вот этот!

И Пашка показал на сундук.

— Так я и знала, что без тебя не обошлось, — сказала Алиса. — Значит, это ты ходишь ночами по бульвару с сундуком в обнимку?

— Этот сундук — наследство профессора Гоца. Он доверил его мне, но просил не спускать с него глаз. Сначала я хотел отнести сундук домой, но ты же знаешь мою маму!

— Знаю. Она очень хорошая.

— Она неплохая, но не выносит старых и пыльных вещей. А я люблю притаскивать домой старые и пыльные вещи. Еще на той неделе мама сказала, что, если я притащу еще какую-нибудь ископаемую рухлядь, она выставит меня из дому вместе с этой дрянью.

— И ты испугался нести сундук домой?

— Я решил отнести его на биостанцию. Днем будем его стеречь мы с тобой по очереди, а ночью за ним присмотрит Гаврюха. Правильно, волчище?

Но почему-то слова Пашки волку не понравились. Он зарычал, глядя на сундук.

— Гаврюха, ты не прав, — сказал Пашка.

— Продолжай! — попросила Алиса.

— Я как раз собирался тебе все рассказать, но ты меня все время перебиваешь. Постарайся немного помолчать!

— Постараюсь.

— Профессор Гоц уехал в командировку и оставил мне в наследство этот сундук. Так как это не совсем обычный сундук, я решил отнести его в нашу лабораторию. И когда я шел от профессора сюда — только не смейся! — за мной увязалось привидение! Сейчас ты станешь говорить, что привидений не бывает! Ну говори, говори!

— Я ничего не говорю, — сказала Алиса.

— Странно. Тогда я закончу свой рассказ. Как только я вошел в темный лес, привидение выскочило из чащи и кинулось ко мне. Мне пришлось бежать, потому что я не знаю, как заговаривать привидения! Да и вообще я в них не верю! Ты не смеешься?

— Нет.

— Я подождал немного и осторожно вернулся на полянку. Вот и встретил вас. Ты в это веришь?

— Верю, — сказала Алиса.

А приبلудный волк Гаврюха наклонил большую теплую голову в знак согласия.

Глава 2. Тайна черного сундука

Алиса с Пашкой отнесли черный сундук в лабораторию.

В лаборатории было тепло, прибрано, на длинном столе стоял букет хризантем. Видно, последней дежурила одна из девочек.

Пашка закрыл было дверь перед носом волка, но Алиса сказала:

— Пускай Гаврюха с нами посидит. Ему же скучно одному.

— Вообще-то собакам и волкам не место в комнате, — начал было Пашка. Не потому, что хотел выгнать Гаврюху, а просто у Пашки такая привычка: оставить за собой последнее слово. — Но пускай, в виде исключения, волк побудет с нами.

Сундук стоял посреди лаборатории. Пашка сел на него и вдруг спросил:

— А почему ты так легко со мной соглашалась? Ты же не веришь в чудеса.

— Если бы ты выслушал меня раньше, то не удивлялся бы, — ответила Алиса.

— Я тебя внимательно слушаю.

Волк лег на пол, вытянулся во весь свой двухметровый рост и прикрыл глаза, будто все это его не интересовало, а пришел он в лабораторию погреться.

— Видела я твое привидение, — сказала Алиса. — Привидение как привидение, ничего особенного!

— Значит, ты не его видела! — воскликнул Пашка. — Потому что от настоящего ты бежала бы до самого Черного моря.

— Я и бежала, — засмеялась Алиса. — Только не добежала, потому что встретила Гаврюху.

Алиса голову могла дать на отсечение, что волк улыбается. Голова его лежала на полу меж вытянутых вперед лап, глаза были закрыты, но рот растянулся в улыбку.

Алиса в двух словах рассказала Пашке про свое приключение и закончила так:

— Конечно, это не привидение, но какое-то неизвестное явление. Я сегодня поговорю с папой. Наверняка он знает. Может даже, это чудище сбежало из Космического зоопарка.

— Не утешай себя, Алиса, — сказал Пашка. — Это самое настоящее привидение.

— Их не бывает!

— Привидения бывают. Волк Гаврюха может тебе это подтвердить.

Волк Гаврюха не шевельнулся.

Не дождавшись подтверждения, Пашка продолжал:

— Профессор Гоц отправился к ним в гости. И если там все будет в порядке, я скоро к нему присоединюсь.

Вдруг Гаврюха тихо, но угрожающе зарычал.

— Ему не нравится, — сказала Алиса.

— Что может понимать дикое животное! — отмахнулся Пашка.

Алиса попросила:

— Пашка, если ты начал рассказывать, то рассказывай. Мне домой пора.

— Хорошо, — согласился Пашка. — Ты знаешь, что я хочу стать знаменитым биологом? Может, даже великим. Ты слышала об этом?

Алиса кивнула. Гаврюха открыл один глаз, чтобы посмотреть на будущего великого биолога.

— Для этого я полетел наблюдателем на конгресс по изучению чудес на Гавайях. Доклада я не делал — зачем удивлять моим жизненным опытом коллег? Но все выслушал и

узнал немало интересного. И, кстати, познакомился там с профессором Гоцем. Он не очень старый, ему лет сорок, но очень талантливый. Мы с ним купались в океане, катались на досках по волнам прибоя и даже забирались в жерло действующего вулкана. Считай, что мы с ним подружились. Мне кажется, что Иона Ионович выбрал меня своим научным наследником.

— А чем занимается твой новый друг? — спросила Алиса.

— Он изучает биологию привидений.

— Где же он их берет?

— Вот в этом и заключается главное открытие моего друга.

— Оно секретное? — спросила Алиса.

— Нет, но о нем нельзя никому рассказывать.

— И мне тоже?

— Нет, — ответил Пашка, — ты — исключение. Хотя бы потому, что ты уже видела настоящее привидение. И сейчас ты станешь единственным, кроме меня, человеком на Земле, который посвящен в открытие профессора.

Пашка вытащил из кармана кассету.

— А почему сам профессор нам не может рассказать?

— Потому что профессора с нами, к сожалению, нет, — ответил Пашка. — Он отправился в командировку. Я же говорил об этом!

— Может, подождем его возвращения? — спросила Алиса.

— И ты не хочешь узнать, откуда берутся привидения?

— Конечно, я хочу узнать!

— Тогда возьми кассету и посмотри на нее.

Алиса послушалась.

— Ничего не видишь?

— Я вижу на кассете надпись: «Для Павла Гераскина».

— Теперь ты веришь, что я имею право показать тебе кассету?

— Как она попала тебе в руки?

— Профессор мне позвонил вчера и просил обязательно заглянуть после школы. Конечно же, я побежал к нему. Я постучал, дверь сама отворилась. Автосекретарь сказал мне, чтобы я прошел в кабинет. Посреди кабинета на полу стоял вот этот черный сундук. На нем лежала кассета. Автосекретарь попросил меня просмотреть кассету. Я просмотрел и решил, что надо показать ее тебе. Будешь смотреть?

— Конечно. Ты меня заинтриговал.

— Я и сам еще не все понимаю, — сказал Пашка. — Лишний раз посмотреть не помешает.

Он вставил кассету в щель под стенным экраном. Потом уселся на сундук. Алиса устроилась на полу, прислонившись к теплому мохнатому боку волка.

На экране появилось лицо худого, сутулого человека. Можно было подумать, что он все еще растет, но неравномерно. Затылок вырос так, что голова стала тыквочкой, и редких волос не хватало, чтобы прикрыть макушку. А руки и ноги вылезли из брюк и рукавов. Взгляд у профессора рассеянный, потому что он был погружен в свои сложные научные мысли.

«Здравствуй, Павел, — сказал профессор. — Я надеюсь, что ты смотришь мою пленку. Мой отъезд в параллельный мир был таким поспешным, что я не успел с тобой повидаться».

— Параллельный мир? — удивилась Алиса.

— погоди! — остановил ее Пашка.

«Не удивляйся моим словам, — продолжал профессор Гоц. — Параллельный мир существует. И таких миров много. Один из них соприкасается с нашим настолько тесно, что при определенных условиях можно перемещаться из одного мира в другой».

Профессор Гоц замолчал и закрыл глаза, словно вспоминал. Потом откашлялся и заговорил дальше:

«Когда люди говорят о параллельных мирах, они обычно думают, что в параллельном мире и в нашем все одинаковое или почти одинаковое. Может быть, это именно так в тех мирах, куда пока невозможно добраться. Но параллельный мир, соприкасающийся с нашим, — совсем другой. Хотя ты о нем знаешь. И каждый человек на Земле тоже о нем знает. Я туда уже перемещался и потому могу тебе все заранее объяснить. Физические законы, по которым построен параллельный мир, отличаются от земных. То, что у нас считается сказками и выдумками, для жителей параллельного мира — самая обыкновенная реальность. С детства я увлекался книжками и фильмами о привидениях, вампирах, таинственных замках, князе Дракуле и чудовище Франкенштейне. Я знал, что всего этого не существует. Но ведь все, что не существует, откуда-то произошло! Люди ничего на самом деле не выдумывают. Они только берут то, что известно. И кое-что в этом меняют. Люди не способны изобрести даже кенгуру!»

Почему-то неспособность людей изобрести кенгуру очень рассердила профессора. Резким движением он откинул со лба упавшую прядь черных волос и отпил воды из стакана, стоявшего перед ним.

«Еще когда я учился в школе, я понял: люди не могли изобрести привидение! Они слишком для этого тупые! Им не придумать оборотней и мертвецов, которые встают из могил, русалок, которые заманивают путников в глубокие омуты... нет, людям никогда не придумать весь мир чудесных тайн и страшных явлений, о которых так хорошо умеют рассказывать дети... Но если люди не придумали привидения, то откуда они их взяли? И я догадался — значит, они где-то живут. Ну, допустим, они сохранились в непроходимых джунглях острова Сулавеси. Но непроходимых джунглей на Земле уже не осталось... Может, это просто память о том, кто когда-то жил на Земле, а потом вымер, как мамонты? Но ведь люди никогда не рассказывают историй про то, что мамонты водятся на Чукотке или в Антарктиде. Но любят поведать о том, как в покинутом доме поселилось привидение и всех перепугало».

Профессор Гоц перевел дух, окинул слушателей яростным черным взглядом, словно мог их видеть, и продолжил:

«Я посвятил изучению привидений половину жизни. А может, и больше. Я собрал все книги, в которых говорилось о привидениях, призраках и вампирах. Я ввел все эти данные в компьютер... И ничего не добился. Но я не отчаивался. Я понимал, что у меня осталось еще несколько десятилетий жизни, которые я могу посвятить любимому делу — охоте за привидениями. А если со мной что-нибудь случится, если я погибну на этой опасной охоте, то у меня теперь есть молодой друг и помощник, юный охотник за привидениями, бесстрашный Павел Гераскин».

Профессор Гоц закрыл глаза, давая возможность Пашке прочувствовать похвалу. Пашка, конечно же, прочувствовал, зажмурился и стал похож на сытого кота. Разве не приятно, когда взрослый профессор говорит, что ты его бесстрашный помощник?

«И вот мои многолетние поиски наконец принесли плоды. После встречи с тобой на Гавайских островах, мой мальчик, мне прислали одну очень древнюю рукопись. Ее написали монахи монастыря Святого Иакова, который затерялся в глубине Карпатских гор, в самом сердце Румынии. В те времена и Румынии еще не было, а на том месте располагалось Валашское княжество. Говорят, что именно там чаще всего и встречались оборотни, вампиры и привидения. И даже сам князь тех мест Влад Дракула был дружен с нечистой силой. Один из монахов, по имени Георгий, был очень любопытным человеком. Он решил проверить слухи о привидениях. И если где-нибудь в окрестностях люди говорили, что видели необычное свечение или ожившего мертвеца, монах садился на своего серого ослика и ехал туда. Несмотря на то что прошло много сотен лет, я преклоняюсь перед этим отцом Георгием — он был самым настоящим ученым. Он завел карту тех мест и отмечал на ней крестиками те пункты, где появлялась нечистая сила. Эта карта лежит у меня. Смотрите!»

Профессор Гоц поднес к экрану серый лист, на котором чернилами грубо были нарисованы горы и горки, извивы рек и леса. По всей карте были разбросаны небольшие крестики. И видно было, что особенно густо они скопились в одной из горных долин.

«Отец Георгий решил, что место, где люди чаще всего видели привидения, и есть их гнездо, или логово. И этот отважный борец с нечистой силой взял с собой крест, сосуд со святой водой, молитвенник, взвалил на ослика мешок с сушеными овощами, кислой капустой и прочими простыми продуктами и отправился прямо в гнездо привидений.

Оказалось, как выяснил монах, что привидения чаще всего выходят из развалин замка, в котором когда-то жил и умер граф Влад Дракула. Девять дней и девять ночей отец Георгий просидел в засаде возле развалин. Стояла холодная, дождливая осень. Монаху надо было укрыться от дождя, и он соорудил себе шалаш из еловых веток. На десятый день в густых сумерках он увидел, как из развалин замка выползает зеленоватое привидение. Отец Георгий вышел навстречу ему, подняв крест и разбрызгивая святую воду. Привидение от неожиданности отступило. Отец Георгий решил, что отогнал нечисть. Но не ушел, несмотря на то что ему было страшно. Он все записывал на лист пергамента, который взял с собой. На следующий день привидение привело с собой подкрепление, и это плохо кончилось для монаха. Когда встревоженные братья из монастыря наконец отыскали тело брата Георгия, они увидели, что он весь обожжен, крест обгорел, ряса разорвана. И самое удивительное — в теле брата Георгия не осталось крови. Монахи назвали отца Георгия мучеником и написали о нем труд, который и попался мне совсем недавно. Для меня находка этой рукописи, — продолжал профессор Гоц, — была большой и давно ожидаемой радостью. В сентябре этого года я собрался и полетел в Румынию, в глубь Карпатских гор, где когда-то располагалось княжество Валахия.

Конечно же, те места далеко не так заброшенны, как пятьсот или шестьсот лет назад. Теперь тут немало санаториев, лыжных баз, горных приютов для туристов. И все же сохранились земли, где санаториев не строят и даже деревень нет. До сих пор местные люди туда заглядывать не любят. И на окраине тех мест стоит давным-давно заброшенный, но реставрированный монастырь Святого Иакова. Теперь прошу тебя быть внимательным...»

Профессор продолжал говорить, но его лицо на экране исчезло, а вместо него появились заросшие лесами горы.

«Конечно, ты понимаешь, — слышался голос профессора, — что я взял с собой не крест и не святую воду, а несколько бутербродов, хороший фонарь и теплые башмаки. И, конечно же, я запасся съемочной аппаратурой. С этого момента я буду показывать тебе, мой юный

друг, не свое скучное лицо, а пейзаж и строения, которые попались мне на глаза».

На экране были видны проплывавшие внизу горы.

«Как вы понимаете, — продолжал профессор, — я полетел к монастырю Святого Иакова на флаере, чтобы не терять времени. Тем более что была уже середина дня, а мне хотелось до темноты вернуться в отель».

Внизу показалось несколько невысоких каменных строений, окруженных стеной. В середине возвышалась церковь с крышей, похожей на пирамидку.

Флаер спустился к церкви, и к профессору подошел старый монах, который спросил что-то по-румынски. Ни профессор, ни слушатели румынского языка, к сожалению, не знали. О чем профессор и сообщил старику по-французски: он знал, что румынский язык немного похож на французский и все образованные румыны обязательно говорят по-французски.

— Этот монастырь закрыт, сюда редко приезжают гости. Что же привело вас сюда, уважаемый гость? — спросил по-французски монах.

— Меня привела старинная рукопись, — ответил профессор. — Рукопись написана в вашем монастыре в 1623 году и повествует о том, как монах вашего монастыря отец Георгий искал и нашел привидения, но, к сожалению, погиб, потому что не смог их победить.

— Неужели вы знаете о борьбе отца Георгия с дьяволом? — удивился старик.

— Более того, — сказал профессор, — я хочу сам отправиться туда, где погиб отец Георгий, и увидеть место, откуда выходят привидения.

— Это очень опасно, — вздохнул старый монах.

— Значит, привидения и сейчас появляются?

— Я не могу вам этого сказать... — Видно было, что старик не хочет лгать, но и не может сказать правду.

— Я посвятил всю жизнь поиску привидений, — сказал профессор. — Я хочу понять, что же они представляют собой на самом деле? Есть ли они или только кажутся воображению людей?

— Это опасно, — повторил старик.

— Я буду осторожен. Подумайте, брат Георгий погиб пятьсот с лишним лет назад. Сегодня у меня есть средства защитить себя.

— Разве можно защитить себя чем-то, кроме креста, от нечистой силы? — удивился старик.

— К сожалению, крест не помог брату Георгию, — заметил профессор.

— Все бывает...

— Может быть, вы подскажете мне дорогу до развалин замка Дракулы? — спросил профессор.

— Вы и это знаете?

— Большой тайны в том нет, — сказал профессор. — Я давно собирался сюда прилететь. Ведь о хозяине замка князе Дракуле написаны книги, сняты фильмы ужасов — считается, что он прожил пятьсот лет! И нет ничего удивительного, если привидения водятся именно там.

— Долгое время никто не слышал в наших местах о привидениях, но в этом году охотники и туристы уверяют, что видели странных существ. Кто они, мы не ведаем, — ответил монах.

Он вздохнул. Понял, видно, что упрямый гость отыщет путь к замку и без его помощи.

Поэтому он объяснил по карте, как долететь до замка. Профессор поблагодарил его и вернулся к флаеру.

Развалины замка были недалеко — несколько километров. Флаер уже спускался к каменным развалинам, так заросшим лесом, что если не знать, то нипочем не догадаешься, что здесь когда-то стоял замок.

«Три дня я провел у этих развалин, — продолжал свой рассказ профессор. — Я таился в лесу, потому что не хотел, чтобы меня заметили. Конечно, ты можешь, Паша, спросить, почему я надеялся отыскать привидения в развалинах? Ведь прошло столько лет! Но я тебе вот что скажу: если ты ищешь сосновый лес, то его лучше всего искать там, где леса были раньше. Если ты хочешь найти муравья, то отправляйся в те края, где жили муравьи, а если где-то и можно встретить привидение, то, наверное, там, где когда-то водились всякие чудовища.

И вот мое терпение было вознаграждено! Вечером в густых сумерках, под мелким осенним дождем, показался зеленоватый светящийся столб — это был призрак! Он двигался к развалинам. Значит, привидение уже погуляло, побывало в разных местах и теперь спешило к себе в логово. Но в логово ли?

Осторожно, стараясь не попасться на глаза привидению и не погибнуть, как несчастный брат Георгий, я двинулся следом за ним. Сердце мое билось, руки дрожали от нетерпения и радости! Ведь наконец-то сбылась моя мечта! Я встретил привидение!»

Профессор Гоц снова включил камеру, и зрители увидели сумеречный лесной пейзаж. Впереди поднимались остатки каменных стен, заплетенные повиликой и диким виноградом. И на фоне этих развалин был отлично виден удаляющийся зеленоватый столб — привидение!

— Привидение! — закричала Алиса.

Волк вскочил и зарычал.

— Привидение! — повторил Пашка. — Я его сегодня видел!

Профессор между тем продолжал:

«Я вошел в развалины, не зажигая фонаря, потому что не знал, насколько хорошо привидения видят. Ведь сказки и легенды расходятся в этом».

Вокруг стало совсем темно — лишь впереди было видно сияние. Профессор пробирался следом, стараясь не шуметь, но порой он наступал на камень или сухую ветку — и замирал, опасаясь, что привидение обернется и заметит его.

«Я вступаю в подземный коридор, — прошептал профессор. — Под ногами ровный каменный пол. Над головой низкий свод. Я могу коснуться его рукой. С него падают капли».

Вдруг привидение впереди остановилось. Сразу остановился и профессор.

«Я боюсь подходить ближе, — тихо произнес профессор. — Подождем, пока привидение возобновит движение».

Но привидение дальше не пошло.

Оно что-то делало вдаль, покачивалось, изгибалось, словно танцевало. Потом вдруг стало уменьшаться ростом, словно проваливаться под пол.

После минутного колебания профессор поспешил вперед. Он вошел в низкий округлый подвал, но не увидел там никакого привидения. А вход в подвал был только один — через который и вошел профессор.

Подвал напоминал склад ненужных вещей — там были свалены стулья и столы со сломанными ножками, разломанные шкафы и кровати, сундуки, ящики, просто доски... И

тут профессор заметил гаснущее сияние — оно исходило из приоткрытого черного сундука.

Профессор подбежал к сундуку и заглянул внутрь. Он успел увидеть зеленую искорку, которая пропала на дне сундука. И сундук превратился в одну из забытых здесь когда-то вещей.

«К счастью, — сказал профессор, — у меня с собой были некоторые физические приборы. Я сразу измерил электромагнитное, биологическое и электрическое поля снаружи и внутри сундука. И приборы показали, что сундук этот необыкновенный — он излучал всевозможные поля, как будто был мощной энергетической установкой неизвестного типа.

Я понял, — продолжал профессор, — что в этом сундуке, возможно, и скрывается разгадка тысячелетней тайны, к которой я наконец-то приблизился. Ты меня понимаешь, Павел Гераскин?»

— Да, я понимаю! — откликнулся Пашка, забыв, что профессор его не слышит.

«С большим трудом я вытащил сундук из развалин и на флаере привез его домой.

Возле сундука я поставил камеры, которые должны были заработать, как только из него покажется привидение. А тем временем я советовался со всеми знаменитыми физиками, надеясь, что они мне помогут.

На шестнадцатый день после того, как я привез сундук домой, одна из камер заработала. Я услышал сигнал и примчался, даже не надев халата. Сам я никого не застал, но когда проверил пленки, то оказалось, что крышка сундука приоткрылась, из него полилось зеленоватое сияние, привидение приподнялось, огляделось и тут же вновь спряталось в сундуке. И как я ни искал его, найти не сумел.

Уже три месяца черный сундук стоит у меня дома. Я сам видел, как в него спряталось привидение, а потом исчезло. Моя камера заметила, что другое или то же самое привидение собиралось выйти из сундука, но, видно, ему не понравилась обстановка, и оно спряталось вновь. И не оставило никаких следов. Где прячутся эти привидения?

Я расспросил тысячу ученых, пока не отыскал знаменитого японского физика Фукиду. Когда он услышал о моих приключениях, то буквально загорелся — он стал просить меня, чтобы я показал ему черный сундук.

Мы отвезли сундук в институт Фукиды, и японский физик после двух недель работы заявил, что этот сундук вовсе не сундук. А дверь в параллельный мир».

— Что-то сундук не похож на дверь, — сказал Пашка, будто профессор Гоц мог его слышать.

«Конечно, дверь — условное слово, — словно услышал вопрос профессор. — Фукида рассказал мне, что, когда миры прикасаются друг к другу, происходит удивительное явление. Если смотреть из нашего мира на параллельный, то он уместится на острие булавочной головки. Но стоит тебе перейти в параллельный мир, наш мир станет для тебя таким маленьким, что может поместиться в булавочной головке.

А черный сундук — вовсе не сундук. Именно он и есть та точка, в которой можно перейти из одного мира в другой. Привидения иногда пользуются этим переходом. Но откуда они знают об этом? — спросишь ты.

На то они и привидения! Кстати, анализы показали, что сундук страшно древний, ему уже тысяча лет. И если открыть сундук и внимательно присмотреться к нему, то увидишь, что в его дно вставлено небольшое каменное кольцо. Это каменное кольцо и называется Вратами. Давным-давно какой-то мудрец, знавший о переходе между мирами, вставил каменное кольцо в дно сундука и спрятал его таким образом от любопытных глаз. Ведь

каменное кольцо могут украсть, оно может потеряться, а сундук потерять куда труднее. Так что, Паша, я оставляю тебе самые настоящие Врата, соединяющие два мира. Будь осторожен, хотя ты, возможно, мне не веришь».

— Это все теория! — заявил Пашка.

«Физике приходится верить. Она — наука точная. Ее законы правят миром. И если физика считает, что наши миры соприкасаются, значит, это так. Меня же интересует другое — как добраться до привидений».

— А как? — спросил Пашка.

«А добраться до привидений можно, только увидев, что же лежит за Вратами. Что за мир там? Я хочу увидеть привидения у них дома, пощупать их, измерить, понять! Я хочу получить Нобелевскую премию по биологии! Я хочу, чтобы в энциклопедии написали: „Иона Гоц — открыватель нового мира!“ Паша, ты должен дать мне слово, что не выдашь меня!»

Профессор Гоц насупил брови и уперся взглядом в зрителей. Алиса даже глаза отвела.

— Не выдам! — поклялся Пашка.

«Теперь пойми самое главное! Я вернусь через три дня! А потом мы с тобой организуем замечательную экспедицию в параллельный мир. Но пока я в разведполете, ты обязан беречь сундук пуще своего ока. Без него мне не вернуться домой! Без него я сгину в чужом мире, и открытие не состоится. Ты понял?»

Пашка молча кивнул.

«Не спускай с сундука глаз ни днем ни ночью! Три дня! Только три дня! Обещаешь? Жди меня!»

Экран погас.

Профессор исчез.

Наступила тишина.

— Теперь ты меня понимаешь? — спросил Пашка.

— Конечно, я тебя понимаю, — ответила Алиса. — Но я не уверена, что другие тебя также поймут.

— Поэтому я перед тобой открыл все карты, — сказал Пашка.

Алиса подошла к сундуку и подняла крышку, чтобы лучше разглядеть каменное кольцо на его дне.

Пашка тем временем продолжал свой рассказ:

— Я подумал, ну как мне охранять сундук три дня и три ночи? Переселиться в квартиру профессора Гоца? А что скажет мама?

— Да, — согласилась Алиса. — Твоей маме уже давно надоели твои приключения. Она мне жаловалась.

— И кому она только не жаловалась! И хуже всего, что в школу пожаловалась, — вздохнул Пашка. — Так что, ты понимаешь — я не мог перетащить сундук домой. Я не мог переселиться к сундуку поближе. Мне оставалось лишь отнести сундук в безопасное место. А где оно?

— И тебе кажется, — сказала Алиса, — что самое безопасное место — это лаборатория биостанции?

— Вот именно! Лаборатория запирается, ни одно привидение туда не заберется, а к тому же ее охраняет волк Гаврюха.

— Ты возражаешь? — спросила Алиса.

Гаврюха отрицательно покачал головой.

— Только закрой его, Пашка, — велела Алиса. — А то еще какое-нибудь привидение выскочит.

— А ты думаешь, что они сквозь стены не могут проходить? — спросил Пашка.

Алиса не успела ответить, как зарычал Гаврюха.

И было из-за чего рассердиться приبلудному волку: сквозь открытую форточку с улицы в комнату вползало привидение.

Оно было похоже на светящуюся гусеницу.

В лапе привидение держало ананас. Ананас застрял в форточке, и привидение начало дергаться, извиваться, чтобы протащить его в лабораторию.

Приблудный волк кинулся было на привидение, но Алиса схватила его за ошейник и потащила обратно.

— Помоги мне его удержать! — крикнула она Пашке.

— Да оставь ты его и беги! — откликнулся Пашка. — Оно нас убьет.

— Гаврюшечка! — взмолилась Алиса. — Не рвись, потерпи. Нам же нужно с тобой узнать, может ли привидение пройти сквозь стенки сундука!

Волк сразу понял ее. Куда быстрее, чем Пашка. Он сразу сел и лишь молча скалился, а Алиса метнулась к сундуку и закрыла его. А так как привидение, которое наконец пролезло в форточку, было совсем близко, Алиса отпрыгнула в сторону под защиту волка.

Привидение не обратило никакого внимания на то, что в лаборатории горит свет и находятся чужие. Оно подплыло к сундуку и попыталось втиснуться в щель, затем ткнулось в замочную скважину.

Если бы это не было самое настоящее и даже опасное привидение из параллельного мира, Алиса бы засмеялась, настолько забавно привидение пыталось пролезть в сундук.

Но никто не смеялся.

От привидения пахло электричеством, а по комнате пролетали зеленые искры. Привидение было сильным, но неумелым и несообразительным. Оно билось о сундук, даже двигало его по полу, но не могло догадаться потянуть за язычок, чтобы открыть крышку.

Может быть, прошла минута, может, больше. Привидение отчаялось пролезть в сундук и стало кружиться вокруг него, как оса вокруг закрытой банки с медом.

Прижимаясь к полу, волк двинулся к призраку.

Когда до привидения оставался всего метр, Гаврюха зарычал, привидение заметило волка и начало угрожающе к нему клониться.

Оно стало похоже на зеленую кобру перед нападением.

Алиса ринулась к сундуку за спиной привидения.

— Не смей! — закричал Пашка, который прятался за шкафом. — Это же опасно!

Но Алиса надеялась, что привидение не видит ее. Она протянула руку и откинула крышку сундука. И тут же отпрыгнула назад.

Привидение услышало стук крышки и развернуло, как гусеница, верхнюю половину тела.

Открытый сундук так удивил и обрадовал его, что привидение забыло о волке и немедленно перетекло в сундук. Оно стало жидким, и казалось, сундук до половины наполнили светящимся зеленым газом, в котором плавает большой ананас.

Из сундука донеслось шипение.

— Я знаю, на что это похоже, — заявил Пашка, выйдя из-за шкафа и приблизившись к

сундуку. — Как будто грязная вода из ванны уходит.

Но привидение его не слышало. А если и слышало, то не обратило внимания на эти слова.

Оно исчезло. Сундук был пуст.

— Поздравляю вас, господа! — произнес Пашка Гераскин. — Вы присутствовали при замечательном эксперименте. Вы наблюдали переход привидения в параллельный мир.

— Спасибо, что объяснил, — ответила Алиса. — А то мы с Гаврюхой не догадались. Но мне важно другое — я доказала тебе, что привидения не могут перейти из мира в мир, если сундук закрыт. Им необходимо, чтобы была хотя бы щель.

— Ну и что? — спросил Пашка.

— А то, — сказала Алиса, — что мы можем спокойно закрыть сундук и не бояться, что всякие неприятные твари вылезут из него и будут гулять по Москве.

— Ты права, — согласился Пашка. — Я тоже так подумал. К тому же я узнал: это привидение, которое на меня напало. И на тебя тоже. Нам удалось вернуть его туда, откуда оно пришло.

— А ты уверен, что это то же самое привидение? А вдруг их было три и два еще остались у нас?

Пашка нервно обернулся, но потом решил, что Алиса шутит. Но на всякий случай он спросил:

— Ты шутишь, правда?

— Шучу, — согласилась Алиса. — Посмотри на Гаврюху, и ты поймешь, почему привидений больше не осталось.

— Почему? — Пашка поглядел на волка, но ничего не понял.

— Гаврюха совершенно спокоен, он машет хвостом и не боится за нас. Я права, волчок? Гаврюха наклонил голову. Он согласился с Алисой.

— Тогда пошли домой, — сказал Пашка. — А то моя мама будет беспокоиться.

Они попрощались с волком Гаврюхой и пошли домой, разговаривая о привидениях и всяких чудесах. Алисе, которая отлично знала Пашкин характер, надо бы удивиться, почему Пашка вдруг начал беспокоиться о маме и решил идти домой. Никогда он о маме не беспокоился. У него даже было готово этому объяснение: «Ведь это мама меня родила, а не я маму родил. Кто родил, тот пускай и беспокоится». Спорить с такими словами было бесполезно. Пашка наверняка станет политиком — он умеет слушать только себя самого.

И если Пашка начал беспокоиться о маме, значит, он что-то замыслил. И не хочет, чтобы Алиса об этом знала.

Когда они прощались у Алисиного дома, Алиса спросила Пашку:

— Странно, что ты не волнуешься за судьбу своего профессора. Ведь, как я понимаю, уже прошло три дня, как он живет у привидений.

— Ну чем я могу ему помочь? — Пашка развел руками.

Тут бы Алисе ему не поверить.

А она поверила.

Глава 3. Пашка, конечно, пропал

Придя домой, Алиса устроила за ужином строгий допрос отцу, есть ли привидения или это выдумка.

Профессор Селезнев — директор Космического зоопарка. Он лучше всех разбирается в инопланетных животных. Поэтому папино мнение было для Алисы важным.

— Давай сначала решим, — сказал папа, — что такое привидение.

— Ну, это призрак...

— Видишь, ты даже и не задумывалась. Сколько раз произносила это слово, а не думала, что же оно значит.

— А что оно значит?

— Некоторые люди верят, что если человек был очень плохой или умер какой-нибудь страшной смертью, то его душа не может отправиться в рай, на тот свет, а остается на Земле, бродит вокруг, мучается, мучает окружающих и ждет, когда же наконец с него снимут проклятие и душа сможет успокоиться.

— А такие привидения могут стрелять электричеством?

— Как так?

— Если ты близко подойдешь, оно ударит током?

— Алисочка, ты путаешь материальные и мистические явления. Удар электричеством — реальная вещь. Электричеством может ударить рыба-скат или электрический угорь. Но привидение... оно существует как бы в другом мире. Оно с нами не соприкасается.

— А почему люди боятся привидений?

— Люди боятся всего, что им непонятно. Но, насколько я знаю, даже в сказках и легендах привидения людей не трогают. Им достаточно показаться, пролететь, и человек умирает со страху.

И папа засмеялся. Он, ясно же, не верил в привидения.

— Скажи, папа, — спросила тогда Алиса, — а существует параллельный мир?

— Теоретически это, конечно, возможно, — ответил папа. — Но на самом деле никто этого не знает. Хотя такая теория есть.

— И в том мире есть я?

— Алиса, ну как я могу ответить на такой вопрос? Может быть, это тоже сказка.

— Ну как же так, папа, ты же ученый и директор зоопарка, ты ловил животных на ста планетах. Почему ты ничего не знаешь о привидениях и параллельных мирах?

— Я знаю о том, что видел, но не могу ничего сказать о том, что никто, никто не видел.

— А если я скажу тебе, папа, что я видела привидение?

— Где?

— На Гоголевском бульваре. И оно стреляло током!

— Значит, это было не привидение.

— А что же?

— Неизвестный мне вид животного.

— А такой вид животного может водиться в параллельном мире?

— Дочка, мы с тобой так никогда не договоримся. Ведь даже если есть параллельный мир, мы о нем ничего не знаем. Как же я могу ответить на твой вопрос?

Так разговор зашел в тупик. И папа Алисе не смог помочь.

Спала Алиса плохо. Сначала долго не могла заснуть, смотрела, как движется луна за

окном, как в соседней комнате поскрипывает длинными ногами марсианский богомол, как льется на кухне вода — видно, старый домашний робот Поля моет старинные монеты, которыми он все еще увлекается. Когда по лицу луны проплывало облако, Алисе казалось, что оно похоже на привидение, желающее заглянуть в комнату.

Когда Алиса заснула, ей начал сниться длинный сумасшедший сон, в котором она попала в страну, где вместо людей живут привидения, по улицам ходят привидения, даже в магазине в очереди стоят привидения. Алиса очень боялась призраков и шла, прижимаясь к стенам домов. Ей почему-то надо было попасть на вокзал, откуда уходил последний поезд в страну нормальных людей. И когда до вокзала оставалось уже совсем немного и виден был дым паровозов, поднимающийся над крышами домов, привидения заметили Алису. По улице полетели зеленые искры — привидения бежали за ней, раскачиваясь на бегу, как гусеницы, вставшие на задние ножки. Алиса нырнула куда-то в подворотню, но навстречу ей выскочил волк, который молча скалился, приказывая ей остановиться...

Алиса вскочила... Небо за окном заволочло тучами, а в доме стояла мертвая тишина.

Алиса легла вновь.

Ну почему ей так страшно? Она же дома, ей ничего не грозит. Стоит ей позвать, как сразу примчится робот, которому никакое привидение не страшно.

Так, уговаривая себя, Алиса снова заснула.

Проснулась она поздно, разбитая, словно и не спала вовсе.

Она опоздала в школу, чего с ней не случалось уже два года. И почему же никто ее не разбудил? Мама-то хоть могла это сделать! Она уходила из дому последней и даже оставила записку — что есть на завтрак, словно маленькая девочка Алиса сама не разберется в этой проблеме.

Шлепая босиком по полу, Алиса вышла на кухню. Робот Поля сидел у телевизора, не в силах оторваться от мультсериала.

— Что случилось? Почему обо мне забыли? — сердито спросила Алиса.

— Ах, не мешай, — ответил робот, не поворачивая пластиковой головы. — Кофейник на плите, каша в продуктопроводе. Видишь, что человек занят!

«Обидно, когда ты никому не нужна», — подумала Алиса.

Она села завтракать. Даже новости не посмотришь — робот со своими мультяшками к экрану не подпустит.

Тут Алиса подумала о том, что профессор Гоц, может быть, уже вернулся домой из мира привидений.

Она позвонила Пашке.

К видеofону подошла его мама — человек добрый и нерешительный. Пашке с мамой повезло — ее легко обвести вокруг пальца. Уже с первого класса школы она поверила в то, что ее сынок Пашка — самый талантливый и сообразительный мальчик в Москве. И Пашка этим отлично пользовался.

— Доброе утро, Алисочка, — сказала Пашкина мама. — А Паша уже ушел.

— В школу?

— А разве он тебе не сказал, что начинается конференция по биологии инопланетных беспозвоночных? Пашеньку специально пригласили, потому что еще прошлым летом он отыскал на Паталипутре неизвестный вид говорящего червяка! У Паши доклад. Он вернется через два дня. Его даже из школы отпустили!

— Спасибо, Мария Степановна, — сказала Алиса. Не спорить же ей с чужими

родителями! Она не доносица. Но никаких сомнений в том, что Пашка снова обманул свою маму, не оставалось. Никакой конференции не было, а говорящего червячка на Паталипутре нашел в прошлом году их общий друг Аркаша Сапожков. Червяк укусил Аркашу за палец, все боялись, что укус ядовитый, и сразу повезли Аркашу в Институт сывороток и противоядий. Но по дороге выяснилось, что Аркашин палец начал говорить. И нес такую же чепуху, как червяк. Только через две недели заражение прошло, и палец наконец замолчал. А Пашки там и близко не было.

— Так, — подумала Алиса вслух, попросившись с Марией Степановной. — Куда же помчался наш общий друг?

Робот, который, оказывается, слышал весь разговор, хоть и не переставал смотреть мультитик, неожиданно ответил:

— Твой общий друг помчался искать приключения.

Алиса встревожилась. Ей всегда было беспокойно, когда Пашка бросался на поиски приключений. Чаще всего это кончалось тем, что Алисе или кому-нибудь еще приходилось вытаскивать Пашку из зубов очередного дракона.

— Я поехала на биостанцию, — сказала Алиса роботу. — Если будут звонить, вернусь вечером.

— А в школу не будешь заходить? — спросил робот.

— Ты же меня не разбудил! — ответила Алиса.

— Я думал, что ты достаточно взрослая, чтобы самой просыпаться вовремя.

— Ты просто забыл обо всем, потому что смотрел свои мультики, — возразила Алиса.

Робот ничего не ответил. Роботы никогда не отвечают, если виноваты. Врать они не умеют, а ошибок признавать не желают. Что остается бедному роботу? Он молчит, как партизан на допросе.

Так Алиса стала прогульщицей и побежала на биостанцию.

Утро выдалось солнечное, но морозное. Небо было глубоким, чистым, голубым, а флаеры и другие летательные аппараты казались мухами и стрекозами — высоко в небе они поблескивали под лучами солнца.

Ворота биостанции были широко распахнуты, сквозь стеклянные стены оранжереи были видны фигуры ботаников, приبلудный волк Гаврюха встретил Алису у ворот и совсем по-собачьи замахал хвостом. Он побежал к лаборатории, будто хотел показать что-то интересное.

Лаборатория была пуста.

Закрытый сундук стоял посреди комнаты.

У Алисы от сердца отлегло. Честно говоря, она очень боялась, как бы Пашка не кинулся в параллельный мир искать своего профессора.

Но волк крутился возле Алисы, подвывал, словно хотел что-то рассказать. Потом постарался лапой открыть крышку сундука.

— Не надо, — попросила его Алиса. — Мало ли что может случиться, а вдруг новое привидение приползет?

Волк не успокаивался.

— Я же не виновата, — сказала Алиса, — что у тебя рот так устроен, что ты говорить не можешь.

Волк бросился в угол лаборатории и принес в зубах непонятно как попавший туда кубик от детской игры. На кубике была нарисована часть медвежьей морды, на другой грани —

синее небо, на третьей — речка.

— Понимаю, — сказала Алиса. — Из таких кубиков можно составить картинку. Ты хочешь составить картинку?

Волк отрицательно помотал головой. Он прижал кубик лапой, потом перевернул его.

Он хотел рассказать о чем-то, связанном с кубиком, но Алиса никак не могла его понять.

Волк сердился и даже подвывал.

Вдруг он сообразил: он кинулся прочь из комнаты. Выйдя в коридор, он громко завыл, призывая Алису.

Потом он встал на задние лапы, упершись передними в дверь, к которой была прикреплена табличка «Лаборатория». Левой лапой волк продолжал упираться в дверь, а правой начал постукивать по буквам таблички.

— Ты хочешь что-то сказать про лабораторию? — спросила Алиса.

Нет, всем своим видом показал волк.

Он постучал когтями большой лапы по другой букве в слове «лаборатория».

И тут Алиса поняла! Что получится, если сложить детский кубик и буквы на табличке?

Алиса перевела взгляд с таблички на кубик, валявшийся на полу. Волк от радости отпрыгнул от двери и — Алисе такого еще видеть не приходилось — перевернулся через голову.

Алиса не тратила даром ни минуты. Поднимая клубы свежего снега, она промчалась по бульвару, выскочила на площадь, вскочила в автобус мгновенной езды, пробежала внутри его, вышла на Лубянке и кинулась в детский магазин.

Конечно же, в отделе для дошкольников кубиков с буквами для обучения малолеток не оказалось. Робот-продавец, подкативший к Алисе на резиновых колесиках, даже не сразу ее понял.

— Зачем же ребенку, — спросил он голосом учительницы, который в него вложили, когда собирали на фабрике, — учить грамоту таким старинным и нелепым способом? Я могу предложить вам на выбор восемь дошкольных компьютеров, каждый из которых гарантирует вашему ребенку абсолютную грамотность через шесть часов занятий.

— А мне нужны кубики, — вежливо сказала Алиса.

— Значит, ваш ребенок... немного умственно... — Роботу-продавцу было невозможно выговорить последнее слово, чтобы не обидеть покупательницу.

— Да, с вашей точки зрения, мой ребенок умственно отсталый, — помогла роботу Алиса. — Но, с моей точки зрения, это самый умный из всех знакомых мне волков.

— Как вы сказали? — спросил продавец. — Вы, наверное, ошиблись. Вы позволите отвести вас к доктору? У нас в магазине есть отличный педиатр и еще более отличный психиатр. Пошли, моя дорогая, пошли, ты отдохнешь на зеленых лужайках солярия!

Тут Алиса окончательно взбунтовалась, потребовала встречи с заведующей магазином, которая была живой женщиной, и та, выслушав Алису, не стала задавать лишних вопросов, а взяла принесенный Алисой кубик за образец и подошла к замечательной машине, которая носила странное название «Папа, почини!».

Хоть в будущем наверняка люди смогут делать больше интересных игрушек, чем теперь, у каждого ребенка есть Самая Любимая Игрушка. Или подаренная бабушкой Самая Ценная Игрушка. Вот такие игрушки ломаются чаще всего.

Машина «Папа, почини!» состоит из блока памяти, куда заложены изображения и

размеры всех игрушек, которые когда-либо существовали на Земле и даже на других планетах. Вторая часть машины — портативная реставрационная мастерская, или дубликатор. Если ты введешь в машину сломанную игрушку, то за три минуты машина заменит в ней сломанную часть, и игрушка станет как новая. А если ребенок потерял игрушку, то машина по вашему описанию найдет в памяти нужную игрушку и сделает ее копию за десять минут. Вы не представляете, сколько родителей обрадовались, а сколько детей перестали плакать, когда погибшая игрушка возвращалась домой абсолютно целой!

Алиса отдала заведующей кубик, та приказала машине сделать сто кубиков, и чтобы на всех сторонах каждого были бы написаны крупные буквы. И еще Алиса попросила заведующую найти для кубиков удобный мешок со шнурком, чтобы волк мог носить его на шее.

Заведующая не упала в обморок и даже не очень удивилась. А когда передавала Алисе ее заказ, сказала:

— Передавайте привет вашим зверям в цирке.

— Обязательно передам, — сказала Алиса. — Большое спасибо от меня и от волка.

С мешком кубиков Алиса побежала обратно. Прошло уже больше чем полчаса. Алиса боялась опоздать. Ведь бывает же так, что новость остается важной новостью только до тех пор, пока не случится что-нибудь более важное. Ведь волк хотел сказать что-то срочно.

Волк тоже волновался. Он вышел встречать Алису на аллею бульвара, хоть ему строго-настрого было запрещено это делать. Ведь он мог напугать детей, которые не знают, что он добрый, трудящийся и почти домашний.

— Домой, домой! — приказала Алиса. — Сейчас я тебе все покажу.

В лаборатории Алиса развязала мешок и высыпала кубики на пол.

Гаврюха совершил странный для волка поступок. Он подошел к Алисе и, подняв морду, лизнул ее в щеку.

Затем отошел к кубикам и стал учиться складывать из них слова.

Значит, Алиса догадалась правильно.

Тем временем Алиса занялась изучением сундука. При свете дня было видно, насколько он старый. Дерево было много раз крашено, чтобы не сгнило, и все равно в разных местах от сундука отлетели щепки.

Бронзовые нашлепки на углах и полосы, которые шли поперек крышки и по стенкам, были тронуты зеленью.

Внутри сундук был некрашеным. Алиса заметила, что к крышке с внутренней стороны был приклеен кожаный ремешок. За него, как догадалась Алиса, можно потянуть крышку на себя, чтобы она закрылась.

Алиса услышала, как твякнул волк, и закрыла сундук. Волк стоял, широко расставив лапы. Перед ним лежала змейка из кубиков — неровно, с трудом волк собрал из кубиков надпись:

ПАША УШЕЛ СУНДУК

— Ты хочешь сказать, что Пашка Гераскин сегодня здесь был?

Волк кивнул.

— И забрался в сундук?

Волк снова кивнул.

— Он пошел искать профессора Гоца?

Волк кивнул.

— Но ведь это очень опасно!

Волк поднял кверху морду и тихонько завыл. Был он так печально, что Алиса без труда поняла, что Пашку в параллельном мире ожидают страшные опасности.

— А ты откуда знаешь? — спросила Алиса у приبلудного волка.

На это волк ответить не смог.

«Так, — подумала Алиса, — положение тревожное, но пока еще не очень страшное. Пашка в своей не очень длинной жизни столько раз кидался в авантюры, что другому хватило бы приключений на сто лет. И чаще всего обходилось. А если не обходилось, то на помощь приходили друзья или знакомые. Разумеется, это не значит, что Пашку можно бросить на произвол судьбы».

— Что будем делать? — спросила Алиса у волка.

Волк махал хвостом, весело глядя на нее. Ответа Алиса не дождалась.

— Пожалуй, я расскажу об этом сундуке комиссару Милодару, — сказала Алиса. Хотя она не была уверена, что это правильный выход.

Комиссар Милодар был Алисиным знакомым. Он служил комиссаром в ИнтерГполе, что означает ИнтерГалактическая полиция. Наверное, комиссар знает, как искать мальчиков в параллельном мире... Но представляете, какой поднимется шум вокруг этого сундука! Комиссар пришлет агентов, вызовет экспертов, сундук разберут и соберут снова, группа захвата кинется выручать Пашку... В результате все может кончиться очень плохо. Хотя бы потому, что комиссар Милодар никогда не видел привидения и не знает, как с ними обращаться. Комиссар Милодар убежден, что он может победить любого противника. А ведь не всегда нужно противников побеждать. Иногда их лучше понять.

Алиса села на стул возле сундука и задумалась. Волк стоял рядом.

Погода была великолепная, светило солнце, ботаники рядом с оранжереей играли в снежки. Никаких злобных привидений и неприятных чудес на свете нет и быть не могло... Алиса, иди в школу, ты еще успеешь на последний урок! Это космическая экология. Обидно прогулять... А с другой стороны, Пашке всегда нужен трезвый друг, который его остановит и уговорит не делать глупостей...

Если бы Алиса была помоложе, ну, допустим, училась в первом классе, она бы кинулась вдогонку за Пашкой не задумываясь. А сейчас она понимала, что параллельный мир может оказаться очень опасным, и, конечно, лучше позвать взрослых, чтобы они решали, что делать...

— Ох, — сказала Алиса. — Голова раскалывается. Не знаю, что и придумать.

И тут она услышала, что в сундуке что-то щелкнуло. Как будто открылся замок. Затем она услышала тихое шуршание... И все.

— Что? — спросила Алиса, вскочив со стула. — Неужели снова привидение?

Гаврюха отрицательно покачал головой. Он решительно подошел к сундуку и, поддев носом крышку, постарался поднять ее. Ему это не удалось, но Алиса поняла, что в сундуке нет ничего опасного. Иначе бы волк почуял.

Она открыла крышку. Сундук был пуст. Только из камня-кольца торчал уголок белого листа.

Алиса потянула его. Оказалось, что она держит в руке записку.

В записке крупно, размашистым Пашкиным почерком было написано: «Алиска! Жду

тебя завтра днем в замке Кросскан. Обязательно захвати для профессора электронный микроскоп и хирургические инструменты, а для меня купи теплые сапоги и комбинезон с обогревом, только чтобы моя мама не знала. Здесь холодно. Одевайся потеплее. Если попадетсЯ, захвати пистолет. Твой друг Павел».

— Пашка! — закричала Алиса, склонившись над сундуком. — Ты меня слышишь? Возвращайся, там опасно!

Конечно же, из сундука ей никто не ответил.

Держа в руках записку, Алиса принялась рассуждать:

— Если Пашка написал записку и сунул ее в наш мир, значит, он там близко? Может быть, мне прыгнуть туда и найти его, пока он не отошел далеко и не забрался в этот замок Кросскан?

Она не замечала, что говорит вслух.

Но сообразила об этом, когда услышала голос волка.

Волк разбирал кубики. Это было трудно — отыскать букву, повернуть кубик нужной стороной кверху и поставить его в строчку.

— Эх, надо мне изобрести для тебя другую систему — как рояль, — сказала Алиса. — Ты бы нажимал на клавиши, а на бумаге выскакивала бы буква.

Тут Алиса вспомнила, что именно такими были самые древние пишущие машинки.

— Впрочем, нам некогда. Я слушаю тебя, Гаврюха.

Гаврюха оказался даже сообразительнее, чем Алиса подозревала. Он оставил от первой надписи слово «ПАША» и уже к этому слову приставлял другие. Сначала слово «ДАЛЕКО». Получилось «ПАША ДАЛЕКО».

— А кто же записку мне передал?

«ДРУГОЙ», — сложил кубики волк.

— Ничего не понимаю, — сказала Алиса. Потом подумала и спросила: — А ты откуда об этом знаешь, волчище? Может, ты там уже бывал?

Волк неожиданно кивнул.

— В самом деле? Так чего же ты раньше молчал?

Волк посмотрел в сторону, и Алиса поняла этот жест: «А меня никто не спрашивал».

— Я пойду туда! — сказала Алиса.

Волк отрицательно покачал головой.

— Ты что думаешь, я Пашку оставлю в беде?

Волк снова отрицательно покачал головой.

— Ну хоть это ты понимаешь.

Алиса снова взяла записку:

— «Завтра днем в замке Кросскан...» Интересно, а далеко ли до этого замка?

Сказав так, она поглядела на волка.

Волк занялся складыванием кубиков.

Алиса стала думать, что ей взять из дому, а что придется купить. Она уже поняла, что откликнется на призыв Пашки. Тем более что Пашка и не сомневался, что Алиса к нему примчится. Если Алиса Пашку знает как облупленного, то и Пашка Алису тоже отлично изучил.

«НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ», — гласила надпись.

— Значит, я могу отправиться в путь завтра утром? — спросила Алиса у волка. Она уже перестала удивляться.

Волк отрицательно покачал головой.

— Когда же?

Волк снова принялся составлять кубики. Алиса закрыла сундук и нетерпеливо ждала, когда же он кончит копать! Но надпись была длинной и трудной для волка:

СКОРЕЕ МЕНЬШЕ ОПАСНОСТЬ

Алиса решила, что будет слушаться волка. Он производит впечатление серьезного и умного животного.

— Жаль, — сказала она, — что волчья пасть не приспособлена для того, чтобы произносить слова. А то бы мы с тобой поговорили обо всем.

Волк склонил голову. И Алисе показалось, что с печалью.

— Я побежала домой, собираться в поход. Я возьму все, что велел Пашка, и оденусь потеплее. Лучше не спорить с опытными путешественниками. Скажи, может, мне надо захватить что-нибудь еще, может, Пашка забыл о чем-то?

Волк прошелся раза два по комнате. Потом, уже быстрее, чем раньше, составил из кубиков:

ПИЛАТ

— Хорошо, — сказала Алиса, прочтя указания волка. — «Пилат» — вещь полезная. Вроде он есть у Аркаши. Ладно, я что-нибудь придумаю. А ты, Гаврюха, сиди, никого к сундуку не допускай, я вернусь через час.

Волк проводил Алису, и она захлопнула дверь за собой. Так лучше. А то какой-нибудь юный ботаник забредет в лабораторию и увидит лишнее.

За несколько минут Алиса добралась до дому.

Глава 4. Путешествие в сундуке

Сборы в путешествие заняли немного времени.

Алиса ворвалась домой, удивив домашнего робота Полю, который снял голову и чистил ее, потому что был большим модником и чистюлей.

Когда голова увидела Алису, она смутилась, глаза закрылись, а нарисованные когда-то Алисой красные губы задрожали.

— Ну как так можно! — сказал робот.

Его руки поставили голову на место. В ней загорелись зеленые глаза. Робот укоризненно произнес:

— Но ведь ты никогда не приходишь домой в это время!

— Поля, мне некогда с тобой разговаривать. Прошу, срочно приготовь мне завтрак в дорогу.

— Какой?

— Плитку шоколада, нет, три плитки шоколада, бутерброды с колбасой и сыром, пачку печенья... банку сгущенного молока.

— Ты куда? — удивился робот. — На Северный полюс?

— На Северном полюсе, к твоему сведению, есть буфет для изголодавшихся путешественников, — ответила Алиса. — Я буду значительно ближе. Но в лесу.

— Зимой? Но ты замерзнешь.

— Достань мой комбинезон с подогревом и вязаную шапку.

— Я сейчас позвоню твоей маме.

— И не думай доносить. Я тебя уволю. На пенсию.

— Ты не посмеешь этого сделать! Мне еще рано на пенсию! Можешь проверить на фабрике! У меня срок годности не прошел!

— Не кричи, Поля, — остановила робота Алиса. — Лучше слушайся старших.

— Я старший!

— Тогда я обойдусь без тебя, — сказала Алиса.

Робот смертельно обиделся и уехал на кухню. Алиса сама быстро собралась, оделась, потом, уже уходя, позвонила Аркаше Сапожкову.

— Добрый день, — сказала она. — Я боялась, что ты еще из школы не пришел.

— А что с тобой случилось? — удивился Аркаша. — Я думал, что ты заболела. А тебя нет дома. И Пашки нет дома. Я уж подумал, не бросились ли вы в новое приключение?

— Аркаша, я тебе потом все объясню, — сказала Алиса. — Но сейчас мне нужны золотые монеты. Ты ведь раньше собирал...

— Я почти все двоюродному брату подарил, — сказал Аркаша. — Но погоди, я погляжу.

Через минуту Аркаша снова подошел к видеофону.

— Осталось штук двадцать. Но они не представляют коллекционного интереса.

— Мне не важно, представляют или не представляют, — ответила Алиса. — Выйди из подъезда, я буду мимо пробегать и захвачу.

Тут же Алиса вызвала номер Маши и Наташи Белых.

Подошла одна из близняшек.

— Маша, — сказала Алиса, — у меня к тебе дело.

— Я Наташа, — ответила девочка на экране видеофона.

— Ну хоть носите разные платья! — воскликнула Алиса. — Сколько можно вас путать!

— Мы всегда носим разные платья, — сказала Наташа. — Сегодня я надела розовое, а Маша синее.

— Но я же не знаю, кто из вас какое надел! — ответила Алиса.

— Можно было спросить, — сказала Наташа Белая.

Близняшки Белые учились на класс старше Алисы, но они все вместе занимались на биостанции. Близняшки — замечательные люди, только иногда они бывают слишком серьезными. Неудивительно, что Маша с Наташей решили стать учительницами.

— Слушай, — сказала Алиса, — у вас есть «Пилат»? А то я свой кому-то отдала, а кому — не помню.

— У нас есть два «Пилата», — ответила Наташа.

— Мне нужен один. На два дня.

— А как же мы в воскресенье полетим на соревнования по прыжкам с трамплина?

— Возьмете лыжи, — строго сказала Алиса.

За экраном началось шушуканье. Потом появилась Наташа, но уже в синем платье. То есть не Наташа, а Маша.

— Только на два дня, не больше.

— Тогда спустись к подъезду, — велела Алиса. — Через десять минут я буду пробегать мимо и заберу ранец.

Теперь оставался только один звонок.

— Джавад? — спросила Алиса. — Скажи, пожалуйста, у тебя с Пашкой одинаковый размер одежды и обуви?

— А в чем проблема? — удивился Джавад Рахимов.

— Пашке срочно понадобились теплые сапоги и комбинезон с подогревом. А ехать к нему домой я не могу. Ты меня понимаешь?

— Опять Пашка в какую-нибудь авантюру ввязался?

— Мы с ним собрались в небольшое путешествие... в Антарктиду. На выходные дни. К понедельнику вернемся.

— Путешествуйте, — снисходительно разрешил Джавад, — только учтите, что в понедельник контрольная по химии и Мария Гавриловна вами недовольна. Запомнила?

— Запомнила.

— И доведи эту мою мысль до сведения Павла Гераскина, — сказал Джавад.

У Джавада Рахимова есть один недостаток. Он сам отличник и хочет, чтобы все вокруг стали отличниками. Но искатель приключений вроде Пашки Гераскина не может стать отличником, потому что ему некогда быть отличником. А вот Джавад этого не понимает.

— Хорошо, — ответила Алиса. — Я все расскажу Пашке. А ты через двенадцать минут спустись к подъезду и вынеси сапоги и комбинезон.

— Слушаюсь, — сказал Джавад.

После этого Алиса написала маме записку: «На два дня до понедельника уезжаем на экскурсию. Я тепло оделась и не простужусь. Обнимаю, Алиса».

После этого Алиса щелкнула робота Полю по затылку, чего он не выносил, поцеловала в пластмассовую щеку, что он обожал, и выскочила из дому.

Сначала она забежала к Аркашке Сапожкову, который отдал ей кошелек с золотыми монетами. Она не знала, пригодятся ли монеты, но в путешествии по незнакомой стране лучше не рисковать.

От Аркаши Алиса побежала к дому, где жили сестры Белые.

Наташа или Маша вынесла ей сумку с «Пилатом».

Слово «Пилат» расшифровывается очень просто: «Портативный индивидуальный летающий аппарат». Дети называют его семимильными сапогами, а взрослые — гравиподошвами. И все правы.

От Белых Алиса поспешила к Джаваду. Он уже ждал ее с аккуратно запакованным рюкзаком, в котором, как можно было понять, умещались теплые сапоги и комбинезон с подогревом для Пашки.

Прежде чем отдать рюкзак, Джавад все-таки не выдержал и спросил:

— А что ты должна сказать Пашке?

— Я? — Алиса так спешила, что забыла о просьбе Джавада.

— Так я и знал, — сказал Джавад. — Ты не помнишь о контрольной!

— Я? Не помню? Да ты меня ночью разбуди, и я тебе сразу скажу: в понедельник у нас в классе контрольная по химии и Мария Гавриловна недовольна Пашкой Гераскиным и Алисой Селезневой... А почему она недовольна?

— А об этом спросите у нее, — сказал Джавад и исчез в подъезде.

Теперь оставалось лишь забрать на биостанции портативный электронный микроскоп и хирургические инструменты для профессора Гоца.

Алиса бежала к станции, снег скрипел под ногами, и она думала, что, наверное, профессор Иона Гоц в душе такой же легкомысленный мальчишка, как Пашка Гераскин. Это надо же — кинуться в параллельный мир изучать привидения и не взять с собой никаких приборов! Даже сачка!

Интересно, а привидения как ловят? Сачками?

Эта мысль так заинтересовала Алису, что, когда она открыла дверь в лабораторию и волк Гаврюха подошел поздороваться, она спросила его:

— А как ловят привидения?

Волк ничего не ответил.

Алиса принялась собираться. Ей надо было уместить все в свой рюкзак. И еще переодеться.

Пока она втискивала в рюкзак вещи, волк занимался кубиками. Когда же Алиса застегнула рюкзак, то увидела, что волк сложил новую фразу:

ПРИВИДЕНИЯ НЕ ЛОВЯТ

— Спасибо за информацию, — сказала Алиса и продолжала собираться, а волк начал складывать из кубиков еще одну надпись. Надпись была длинной. Вот что он написал:

Я ИДУ ПЕРВЫЙ ТЫ СЧИТАЕШЬ ДО СТА ИДЕШЬ ТОЖЕ

— А тебе что там делать? — удивилась Алиса. — Нет, ты только подумай: что они решат? Приходит к ним человек без приглашения, и еще с волком. Нет.

Волк указал лапой на кубики. И сделал это так уверенно, что Алиса подумала: «А почему я должна отказываться? Волк по-дружески предлагает свою помощь. Судя по всему, он о том мире кое-что знает, по крайней мере больше меня. Если там гуляют привидения, может быть, лучше идти туда со своим волком?»

— Ну ладно, — сказала Алиса. — Мы с тобой туда на минутку. Отдадим Пашке вещи и

обратно, хорошо?

Пока Алиса говорила, улыбка на морде волка расплывалась все шире.

Алиса тоже не удержалась и засмеялась:

— Конечно, ты думаешь, что я совсем глупая! Или притворщица! Будто люди ходят в параллельный мир к привидениям для того, чтобы отдать товарищу теплые вещи. Конечно же, на самом деле я хочу Пашке помочь! И, скорее всего, ему нужна моя помощь. Вся его записка мне подозрительна. Почему человек сам не вернулся домой и не взял теплые сапоги? Зачем посылать записку, если несложно вернуться самому? Нет, я думаю, что тут дело нечисто! Поэтому и спешу... Ты меня понимаешь, волчик?

И волк, не переставая улыбаться, кивнул.

— Тогда не будем терять время, — сказала Алиса. — Иди первый, посмотри, как там вокруг, безопасно ли. А я считаю до ста... ну чего ты медлишь?

Алиса оглянулась.

— Свет не погасили? Нет? Ну что же ты медлишь?

Волк двинул лапой кубики и потом дотронулся когтями до мешка, в котором Алиса принесла кубики.

— Ах какая я глупая! — воскликнула Алиса. — Сама же попросила мешок с лямками, чтобы ты всегда носил с собой свою «тетрадку»! И забыла.

Алиса быстро собрала кубики в мешок, затянула его покрепче и надела волку на шею. Теперь кубики всегда с ним. И он, по крайней мере самыми простыми словами, может разговаривать с людьми.

— Теперь иди, — сказала Алиса. — А я пока запру дверь и погашу свет. Мне не хочется, чтобы какой-нибудь случайный человек увидел наш сундук. А то выпустит наружу привидение, как наш Павел.

Она открыла сундук, волк прыгнул в него и прижался ко дну.

И начал быстро-быстро втягиваться внутрь, словно был жидким.

Алиса погасила свет. Потом она сосчитала до ста, как просил волк. Досчитав, сунула руку в сундук. Сундук изнутри был теплым и совершенно пустым. Алиса ощупью залезла внутрь и потянула за ремешок, чтобы сундук закрылся. Затем как можно теснее прижалась к каменному колечку, и тут ее потянуло, завертело, понесло...

Глава 5. Встреча с драконом

Алиса очнулась в сундуке.

Она поняла, что сидит, скорчившись, в сундуке, иначе бы очень испугалась — каково очнуться в полной темноте, когда со всех сторон к тебе прижимаются деревянные стенки?

Алиса нажала изнутри на крышку сундука. Крышка послушно откинулась. Правда, стало ненамного светлее.

Алиса распрямила спину и, не вылезая из сундука, огляделась.

Она находилась в обширном подвале со сводчатым потолком. На толстом каменном столбе, который поддерживал потолок, горел вставленный в железное гнездо факел. Свет его дрожал, тени метались по подвалу, было дымно и пахло гарью.

В подвале было немало сундуков, ящиков и прочих брошенных предметов. У стен стояли рыцарские доспехи, большей частью ржавые и неполные, без шлемов, рук, груди, — это было похоже на завод по ремонту роботов.

Волка Гаврюхи не было видно.

Алиса позвала его:

— Волчище, ты где?

Никто не откликнулся. Только с потолка сорвалась испуганная голосом Алисы большая летучая мышь, попыталась вылететь из подвала, ударилась о сводчатый потолок и исчезла где-то в темной глубине.

Алиса вылезла из сундука. Это был тот же самый сундук или очень похожий на него — не отличишь. Хотя чему удивляться — ведь это параллельный мир, здесь многое должно быть похоже на Землю.

Волк Гаврюха не появлялся.

Наверное, он сейчас высматривает, нет ли опасности. Надо будет его переименовать. Уж очень несерьезно окликать такое умное и даже грамотное животное неуважительной кличкой.

В подвале было прохладно и сыро, как и положено быть в подвале, но кто-то ведь зажег здесь факел. Вряд ли это сделал волк. Значит, здесь бывают люди. Надо быть осторожнее.

Подумав так, Алиса отступила к стене, в тень. И это ее спасло.

Потому что в подвал вошла откуда-то, может, даже пробралась сквозь стену, черная фигура. Совершенно черная, закутанная в черный плащ, в черной маске и черном высоком цилиндре. Из-под цилиндра светились безжизненные глаза, а в расстегнутом вороте было видно, что тела у этого существа нет — а есть только светящиеся кости. Вот это уже что-то новенькое! Светящийся скелет в черной одежде!

Конечно, совсем не страшно читать о скелетах, когда ты сидишь дома, рядом горит лампа и, может, даже работает телевизор. А на всякий случай рядом сидит мама, чтобы можно было протянуть руку и дотронуться до нее.

А представьте себе положение Алисы. Она стоит в чужом подвале, а до мамы надо лететь и лететь. Пашка Гераскин если и ждет тебя, то в каком-то неизвестном замке, даже волк Гаврюха куда-то задевался. Может быть, встретился с таким скелетом в костюме, в плаще и сгинул.

Алиса испугалась, что скелет начнет ее вынюхивать, но тот вдруг обернулся к двери и вытянулся так, что верхушкой цилиндра достал до потолка.

В подвал по каменной лестнице осторожно спускалась молодая женщина, одетая так,

как одевались лет двести назад. На ней было платье до земли, поверх него меховая накидка и меховой же капор, завязанный шнурками под подбородком. Лицо женщины было невероятно бледным, даже голубоватым, но светлые волосы кудряшками выбивались из-под капора. Виной тому мог быть неверный и слабый свет факела.

— Что нового? — спросила молодая женщина у скелета.

— Кто-то еще вылез, — ответил скелет страшным голосом, который называют гробовым. Казалось, словно в скелет была вставлена широкая труба. Когда он говорил, зубы лязгали и кости скрипели.

— Кто вылез? Кто вылез? — гневно закричала женщина. — Ты почему не смотрел?

Говорила она так сердито, что Алиса, которая собиралась выйти из своего укрытия и сказать молодой женщине, что она приехала на помощь Пашке Гераскину, затаилась, как мышонок. Лучше этой женщине на глаза не попадаться.

— А он потому не смотрел, — раздался визгливый голос от входа, — что смотреть было приказано тебе!

И тут Алиса увидела еще одного жителя параллельного мира.

Это был очень высокий и настолько худой человек, что, если бы не человеческое лицо, его тоже можно было бы принять за скелет.

Лицо его было неподвижно, словно маска, которая изображала белую ворону с розовым клювом.

Бывают же такие странные, нечеловеческие лица! Нос — слишком большой и слишком острый на конце, а глаза — круглые, черные, как пуговицы. Человек был коротко пострижен, светлые волосы стояли ежиком, что еще больше придавало ему сходство с птицей. Разговаривая, этот человек имел привычку все время качать головой, как будто примериваясь, чтобы клюнуть. Казалось, что он вот-вот закаркает. А он вместо этого разговаривал пронзительным голосом.

— Ты мне не приказывай, — отозвалась бледная маленькая женщина в длинном платье. — Я тебе не слуга.

— Но я же просил тебя здесь подежурить, чтобы перехватить Алису!

— Я и дежурила! — ответила женщина. — Я с утра дежурила. Но кто мог догадаться, что вместо Алисы из сундука выскочит волк!

— Какой еще волк?

— Самый настоящий громадный серый волк, который, может быть, специально выскочил, чтобы меня разорвать!

— Этого быть не может! Пашка Гераскин написал записку Алисе. Мы с тобой ее привезли сюда. Мы устроили Алисе засаду, чтобы она от нас не ушла!

— Еще бы! Она слишком много знает. Ее ни в коем случае нельзя оставлять в живых.

— И что же? Ты убежала от первой собаки?!

— погоди, граф, — сказала маленькая женщина. — Не сердись. Ты лучше подумай, почему так могло случиться? А вдруг Алиса превратилась в волка?

— Маркиза, не говори глупостей! — рассердился граф, похожий на белую ворону. — С чего это Алисе превращаться в волка? Она же ничего не подозревает. Она везет своему Пашеньке теплые вещи, а профессору микроскопчик! Она спешит к своим друзьям.

— Но почему волк кинулся на меня? Я еле успела ноги унести!

— Мало ли, почему ты ему не понравилась! Волки вообще кидаются на людей.

— Ты разве забыл, что второй сундук стоит где-то в центре Москвы, где волки не

водятся? Наши разведчики там были. И на одного из них тоже напал волк! В этом я вижу какую-то опасность.

— Все это выдумки, выдумки, выдумки! — отрезал граф. — Не теряй времени даром. Скажи мне, Алиса прибыла или нет?

— Я не знаю, — вздохнула маркиза. — Я же убегала от волка.

— А ты, костяная голова! — крикнул граф стоявшему в стороне скелету в цилиндре. — Ты видел девочку?

— Я кого-то видел, — проскрипел скелет. — Но не знаю... я не знаю. Я их не различаю...

— А волк был?

— Волк был, — отозвался скелет.

— Тогда слушай мою команду! — закричал граф. — Объявляю всеобщий розыск девочки Алисы. Доставить ее ко мне живой или мертвой! А ну, все вперед!

Но Алиса поняла, что, кроме скелета, некому было выполнить приказание графа.

Скелет зашагал к выходу из подвала, а граф оглянулся и спросил маркизу:

— А ты чего?

— А ты чего? — спросила в ответ маркиза.

— Я сейчас подниму в небо моих верных драконов, — сказал граф.

— Ты одного подними, а на втором нам с тобой в замок возвращаться пора, — сказала маркиза. — Я не хочу больше рисковать своей шкурой в этом городе, где все нас ненавидят и где всем заправляет наш злейший враг герцог Кросскан.

Граф с маркизой, которая еле-еле доставала ему до пояса, направились к двери. Алиса уже готова была вздохнуть с облегчением, раз ее не поймали, но тут дверь в подвал распахнулась, и по лестнице сбежал старый господин с острой седой бородкой и длинными усами, которые торчали в разные стороны.

Господин был в железном шлеме и синем камзоле, расшитом серебряным узором. Штаны у него были сшиты как шары с прорезями, на ногах были рейтузы и высокие сапоги. За этим господином в подвал вбежали еще три или четыре вооруженных кривыми саблями воина в серых камзолах, коротких штанах и шерстяных чулках. Башмаки у них были нечищенные.

— Так вот вы где, граф! — закричал господин с бородкой.

— Да самозванец он, а не граф, — сказал один из слуг господина, круглолицый молодой парень с прямыми желтыми волосами и множеством веснушек на лице. — Вы же знаете, ваше сиятельство. Скорее я граф, чем этот бандит.

— Ты не прав, Ганс, — ответил господин с бородкой, — если он не граф, как же я смогу вызвать его на дуэль? Герцог не может сражаться с простолюдином.

Алиса хотела было предупредить герцога, что граф-ворона и его белокурая маркиза, пользуясь спором герцога и Ганса, потихоньку передвигаются к лестнице, но Ганс сам это заметил и, подняв саблю, предупредил:

— А ну ни с места!

— Да кто вы такие?! — возмутился граф. — Почему вы врываетесь сюда без разрешения?

— Странно, — произнес старик с бородкой, — в городе меня знают все! Я же герцог Франсуа де ля Кросскан, владелец подло захваченного вами и вашими привидениями замка Кросскан. Я вызываю вас на бой, самозванец граф Дракула. Я убью вас, и тогда ваша власть

над людьми сгинет, ваши привидения разбегутся, и мы будем счастливы.

— Вам с ним нельзя сражаться, герцог, — закричала маркиза, — он ненастоящий граф! Отпустите нас! Мы больше не будем.

— Нет! — прокаркал белый ворон Дракула. — Я не сдамся. Мало ли тут герцогов бегают! Пошли на улицу!

— Зачем на улицу? — спросил Ганс. — Можно и здесь сразиться. На улице недалеко и до привидений. Не поддавайтесь на его штучки, герцог.

— Я справлюсь, — ответил старый герцог. — Я готов сражаться с вами где угодно.

Он первым пошел наверх, за ним слуги, а замыкали шествие граф Дракула и маркиза.

Алиса услышала, как граф прошептал маркизе:

— Быстро, чтобы через минуту он был здесь!

Маркиза поспешила вперед.

Граф вышел следом.

Последней выбежала Алиса. Она осторожно выглянула из подвала.

Перед дверью начиналась зимняя, занесенная снегом пустошь. Вечерело, над головой неслись быстрые сизые облака. Растопырив ветки, стояли вдалеке голые деревья.

Подвал, оказывается, находился под большим полуразрушенным зданием с колоннами.

На дороге, проходившей рядом со зданием, стояла карета, запряженная парой лошадей. В окошке кареты была видна женская голова — кто-то внимательно следил за ними.

Герцог Франсуа де ля Кросскан ждал своего противника, стоя на открытом месте. Его слуги остановились шагах в двадцати сзади.

Граф Дракула недалеко отошел от двери в подвал.

Маркиза, подобрав юбки, бежала по снегу прочь. Вот она остановилась, сунула два пальца в ротик и громко свистнула.

— Ну, вы готовы, граф? — спросил герцог, поднимая саблю.

— Одну минутку, — сказал граф, — шнурок развязался.

Он присел на корточки, чтобы завязать шнурок. Алиса заметила, что сапоги у графа были без шнурков. Значит, он попросту тянет время. Но почему?

Наконец граф выпрямился и вытащил из ножен свою саблю. Сабля показалась Алисе ненастоящей — то ли она проржавела, то ли была покрашена серебряной краской, которая кое-где облезла.

Герцог тут же рванулся вперед, и клинок сабли сверкнул, готовый разрубить противника.

— Ну что же вы? — воскликнул герцог.

Граф ничего не ответил. Он быстро отступал, вертя головой, чтобы не споткнуться.

Алиса с удовольствием заметила, что граф вот-вот упрется спиной в стену дома. И ему некуда будет отступать.

Но все так увлеченно следили за боем, что не заметили, как из-за угла здания вылетел большой зеленый дракон, из ноздрей и открытой пасти которого вырывалось пламя.

Горячий ветер, пожирая снег, пронесся над пустошью.

Герцог не удержался на ногах и покатился по снегу, за ним покатились и его слуги.

Алиса едва успела спрятаться за дверью в подвал.

Но она увидела, что к спине дракона прикреплены два седла. В первом сидела маркиза, второе предназначалось для графа Дракулы.

На несколько секунд дракон прижался к земле желтым животом, и Дракула легко

вспрыгнул в седло. Он ткнул острием сабли дракона в бок, и тот, разбежавшись, взлетел вверх.

На прощание дракон выпустил клубы густого дыма, и все в нем исчезло.

Лишь через минуту дым рассеялся. Алиса увидела, как слуги помогают бородатому герцогу подняться на ноги.

Там, где садился дракон, появилось длинное черное пятно. Снег возле здания весь растаял.

Алиса вышла из дверей подвала и пошла к герцогу. По крайней мере, для нее вся эта история оказалась полезной: теперь она знает, кто здесь враги, а кто — друзья.

И герцог, по крайней мере, не враг.

— Здравствуйте, — сказала Алиса. — Вы меня не знаете, но, наверное, этот граф Дракула прилетал сюда, чтобы со мной расправиться.

— Этого еще не хватало! — закричал герцог.

Он потерял свой гордый вид, потому что его правый ус сгорел. А человек с одним усом всегда выглядит несерьезно.

— Я вам очень благодарна, что вы вступились за меня, — сказала Алиса.

— О да, конечно, — согласился герцог. — Разумеется... я очень рад. Но почему ты здесь оказалась, девочка?

— А вы почему здесь оказались? — вопросом на вопрос ответила Алиса.

— Нам сказали, что сюда летят граф Дракула и его сестрица, — сказал слуга Ганс.

— Маркиза — его сестрица?

— Вранье это все, — сказал второй слуга. — Но они — одна банда, это точно.

— Я хотел с ним разделаться, — сказал герцог. — Но если при этом мы помогли тебе, значит, мы мчались сюда не зря.

— Хотя он опять от нас скрылся, — вздохнул Ганс. — Всегда он уклоняется от открытого боя.

— Так что же мы стоим? — воскликнул герцог Франсуа. Он старательно прикрывал правую сторону лица, чтобы Алиса не увидела, что он лишился своего уса. — Чего мы стоим? Поехали к нам.

Он протянул Алисе руку и повел ее к карете.

Слуги пошли сзади.

— Эх, не везет, — сказал герцог по дороге к карете. — В первый раз удалось его поймать без стражи, так все равно он нас перехитрил.

— Поехали, ваше сиятельство, поехали, — сказал Ганс. — А то они свое войско призовут — так мы до дома не доедем.

Герцог открыл дверь кареты.

Внутри сидела маленькая, сухонькая бабушка в очках.

— Опять не поймал? — строго спросила она.

— Не поймал, — признался герцог, — зато освободил в бою с драконом прекрасную даму. А такой подвиг обычно становится достоянием поэтов и композиторов-песенников.

— А ты уверен, что она — дама? — спросила бабушка, разглядывая Алису.

— Уверен, уверен, — ответил герцог.

— Тогда почему она ходит в брюках? — спросила бабушка.

— Потому что у вас холодно, — ответила Алиса.

— Это не аргумент, — возразила бабушка. — У нас всегда холодно, но я еще ни разу не

выходила в брюках подобно басурманке. Может быть, вы сарацинка?

— Нет, я не сарацинка, — ответила Алиса. — Хотя когда-то была знакома с королем Саладином.

— Ах, это пустяки, — сказала бабушка. — Саладин дарил мне розы, когда ты еще на горшок пешком ходила.

— Дамы, дамы, — урезонил бабушку герцог, — не надо ссориться. Для ссор в нашем семействе всегда отводится время между ужином и вечерним кефиром.

Герцог постучал ножнами шпаги по передней стенке кареты, и она тут же тронулась с места.

Карета покачивалась и даже подпрыгивала на неровной дороге.

Алиса уставилась в маленькое боковое окошко. Ей было интересно, какие города в параллельном мире.

Но что увидишь сумрачным вечером, если улицы кое-как освещены керосиновыми фонарями, а в домах свет не горит? Окна большей частью на втором или третьем этаже, которые нависают над узкой улочкой, почти смыкаясь, — захочешь, можешь перепрыгнуть к соседу.

Когда карета свернула на улицу пошире, у которой даже были тротуары, Алиса увидела первые магазины, ресторанчики и трактиры. Но на улицах почти не было прохожих. Редкие люди шли быстро, прижимаясь к стенам домов.

— А где у вас гуляют? — спросила герцога Алиса.

— Как так — гуляют? — удивился герцог. — У нас не гуляют. У нас все прячутся по домам.

— Но почему?

— Вот сейчас приедем к нам в домик, и ты поймешь, — сказал герцог.

Вдруг снаружи послышались шум и крики. Алиса увидела, как люди, что шли по тротуару, кинулись бежать. Некоторые старались спрятаться в лавках и трактирах, другие стучали в подъезды.

— Что случилось? — спросила Алиса.

Но никто ей не ответил. Карета ринулась вперед, высоко подпрыгивая на камнях и кренясь, будто вот-вот опрокинется.

Герцог обнял свободной рукой Алису и прижал к себе.

— Не бойся, обойдется, — сказал он.

Бабушка ухватилась за ручку дверцы и шевелила губами.

За окном полыхнуло пламя.

Небо над домами пылало оранжевым цветом.

Карета повернула направо, подальше от зарева.

Слышен был перестук лошадиных копыт да понукания кучера.

— Вроде бы успели, — с облегчением произнес герцог.

Вокруг опять стало темно.

Но оказалось, что герцог ошибался.

Небо снова загорелось, и по нему побежали желтые полосы.

Карета понеслась еще быстрее...

И тут случилось то, чего следовало ожидать.

Высоко подпрыгнув на повороте, карета ударилась об угол дома и опрокинулась. Кони потянули ее, обрывая упряжь. Потом встали. Поняли, что никуда им не деться.

К счастью, карета внутри была обита бархатом и обложена атласными подушками. Так что ее пассажиры даже не ушиблись.

— Ты цела, Алиса? — спросил герцог.

— Не знаю, — ответила Алиса.

— Над тобой дверца. Быстрее вылезай. Он может нас увидеть.

Алиса не стала спрашивать, кого имел в виду герцог. Она протиснулась в полуоткрытую дверь. Потом помогла выбраться бабушке, которая не пострадала, а герцог вылез из кареты с помощью слуг.

Кучер сильно ушибся, он лежал на мостовой и стонал.

Небо над головой было желтым и оранжевым. Сверху доносился рев, подобный реву идущего на посадку реактивного самолета.

Герцог схватил Алису за руку и потянул к пышным кустам, черневшим у дороги.

Слуги и кучер возились у кареты, стараясь ее поднять. Одна из лошадей билась на земле, вторая стояла, пытаясь освободиться от упряжи. Ее бока часто раздувались.

— Да что вы там возитесь? — крикнул герцог.

Свет стал еще ярче, словно рядом открыли дверцу большой печи.

Черная тень стремительно опускалась сверху.

И тогда Алиса сообразила, что на них напало огнедышащее чудовище! Это был дракон, похожий на того, который увез графа Дракулу и маркизу. Но он был раз в пять больше и куда опаснее.

Пламя, которое бушевало внутри его, было подобно лаве вулкана. Его когтистые лапы были вытянуты к земле. Кучер и слуги с криками метнулись в разные стороны. Но дракон успел схватить по коню в каждую лапу и взмыл вверх, ударив хвостом по карете так, что она рассыпалась подобно карточному домику.

Алиса не могла оторвать глаз от чудовища.

Она увидела, как дракон, паря над ними, поднес к раскаленному рту сначала одну лапу с конем, затем вторую.

— О, мои кони! — зарыдал герцог. — Как я их любил!

Как Алиса понимала старого герцога! Люди часто больше любят животных, чем своих ближних. Ведь животные всегда верны тебе и никогда не подведут. Они не умеют предавать... Хотя есть исключение — кошки. Если кошке захочется, она всегда может покинуть тебя и уйти к тому, кто вкуснее кормит.

Это была странная и глупая мысль о кошках — было жарко, лучи оранжевого света пронизывали тьму. Герцог прижался к земле и тяжело надавил ладонью на затылок Алисе.

— Может, не заметит, — прошептал он, и его слова проникали в голову через вязаную шапочку. А Алиса почему-то думала, как бы ей эту шапочку не потерять, ведь ее мама вязала.

— Какое счастье, что у них только один огнедышащий гигант, — сказала бабушка.

— Нам и одного хватит, — возразил герцог.

И тут, словно уловив мысли герцога, гигантский дракон направился к кустам. Он тяжело переваливался с ноги на ногу, его хвост с громким шорохом волочился по земле. Рот дракона был захлопнут, и лишь редкие искры вырывались с дымом из ноздрей. Видно, в носу у дракона температура была ниже, чем в пасти.

Дракон подошел к кустам — люди успели отползти назад.

Дракон поднял лапу и ударил по кустам, выламывая их с корнем, срывая, осыпая с

ветвей снег. Поднялся оглушительный треск. Запутавшись в густых кустах, дракон начал страшно реветь и испускать на кусты снопы пламени. Но кусты были сырые и никак не хотели загораться. От них поднимался пар.

Тут, перекрывая шум, треск и рев дракона, с неба донесся оглушительный свист.

Дракон перестал ломиться сквозь кусты, поднял украшенную зелеными пластинами морду к небу и засвистел в ответ, выпуская из ноздрей могучие струи белого пара, как старинный паровоз.

Он вырвался из кустарника и побежал по улице, все шире раскрывая перепончатые крылья. Он задел крылом дерево — оно упало, он коснулся другим крылом угла крыши, и дом рассыпался... Но вот, набрав скорость, дракон взмыл в небо, подобрал толстые короткие ноги, сначала задние, потом передние, и скрылся в облаках.

— Ого-го, — произнес герцог, — считай, что мы чудом остались в живых, Алиса.

— Спасибо вам, герцог, — сказала Алиса. — Вы меня спасли. Я и не догадывалась, какая меня подстерегает опасность.

— Принимаю твою благодарность, — сказал герцог. — Но, к сожалению, остаток пути нам придется идти пешком — карета погибла, кони съедены, кучер убежал... ах, как я сообщу это его несчастной семье!

— У него большая семья?

— Большая, большая, — ответила за герцога бабушка.

Из кустов, подальше от кареты, выполз и, прихрамывая, подошел к ним слуга Ганс.

— Я сейчас зажгу факел, — сказал он, — а то нам до дому не добраться, ваше сиятельство.

— Ах, как я тебе благодарен! — растрогался герцог. — Как нам повезло, что тебя дракон не съел! Мы бы заблудились в трех шагах от дома. Я совершенно не приучен ходить пешком.

Он взял бабушку под руку и повел вперед.

Так вчетвером они пошли по окраинной улице между высокими зелеными изгородями и редкими домами.

— Как хорошо, — вздохнула Алиса, — что я и здесь встретила друзей.

Глава 6. В гостях у герцога

Небо совсем стемнело, над дорогой неся белый снег, а в воздухе все еще пахло гарью.

Герцог толкнул калитку, и они побрели между занесенными снегом клумбами и грядками к небольшому дому с крутой красной черепичной крышей, железной дверью и маленькими окошками. Из высокой трубы струился дымок.

Когда несчастные путники подошли к крыльцу, зеленая дверь отворилась, и в ней показалась обширная белая борода лопатой.

Борода была такой, что ее хозяин совершенно не был из-за нее виден. Только если приглядеться, то можно было увидеть над бородой яркие голубые глазки и лобик, прикрытый белыми кудрями, и торчащие из-под бороды в стороны ручки и красные сапожки.

— Неужели! — В бороде появился ротик, и из него выскочили слова. — Неужели я вижу моих родных и близких? Вы потерпели очередное поражение?

— Потерпели, потерпели! — сварливо откликнулась бабушка, которая с трудом ковыляла по снегу. — И нечего этому радоваться!

— Тем не менее! — закричал старик с бородищей. — Я вас предупреждал! Нельзя поднимать руку на грубую силу. Они все равно победят. И разумный политик будет искать компромиссы, будет договариваться, а не вытаскивать шпагу при первой возможности. Против лома нет приема, но руку, которая держит лом, можно отвести.

— Проходи, девочка, проходи, — сказал герцог, оттесняя в прихожую старика с бородищей и пропуская Алису внутрь дома.

В доме было тепло, пахло пирожками и ванилью, уютно тикали ходики.

— Ноги вытирай, — проворчала бабушка, — у нас слуг почти не осталось. Все, кто мог, эвакуировались.

Алиса вытирала ноги, а дед с бородищей напустился на герцога.

— Франсуа! — закричал он. — Что я вижу! Где твой правый ус? Разве ты не понимаешь, что герцогу Кросскану позорно ходить с одним усом? Как ты мог позволить его оторвать?

— Раздевайся, — приказала бабушка Алисе, — здесь тепло.

— Простите, — ответила Алиса, — но я не хотела задерживаться. Меня ждут.

— Где же, прости, ждут девочку на ночь глядя? — удивилась бабушка.

— Мой друг просил меня приехать в замок Кросскан.

— Именно в замок Кросскан? И именно сегодня? — спросила бабушка.

Она скинула шубу и оказалась в длинном скромном сером платье с кружевным воротничком.

— Да, — сказала Алиса. — Моего друга зовут Пашкой Гераскиным. Вместе с профессором Гоцем они изучают привидения.

— Изучают? Я сейчас упаду в обморок! — заявила бабушка. — Разве привидения можно изучать?

— Профессор Гоц посвятил этому всю жизнь.

— Почему я не знаю профессора Гоца? — удивилась бабушка. — Я всю жизнь проработала в библиотеке и знаю всех профессоров. Внучок, ты не знаешь сумасшедшего профессора по фамилии Гоц?

— Бабушка, — ответил герцог, — ты же знаешь, что лучшие годы своей жизни я провел

в замке Кросскан, где охотился, пьянствовал и отдыхал. Я никогда не видел ни одного профессора. Если бы не негодяй Дракула, который выгнал меня из замка, напустив на меня своих привидений и драконов, я бы и сейчас там жил.

— Ах, — сказала бабушка и махнула ручкой, — от моего внука Франсуа никогда не было толку. Кому нужна такая аристократия?! Любой проходимец с кучкой привидений и жалким драконом может выгнать его из замка.

— Бабушка, как тебе не стыдно! Ты же видела сегодня дракона! Кто может ему противостоять?

— Тот, у кого есть голова на плечах, — ответила бабушка.

Герцог хлопнул дверью и ушел в другую комнату. За ним поспешил старичок с бородой.

— Ты не познакомилась еще с моим мужем, — сказала бабушка Алисе. — Но можно и не знакомиться, он человек неинтересный. Франсуа мне тоже неинтересен, но когда у него отняли замок и угодья, он приехал в город и поселился в моем маленьком доме. Мы теперь очень тесно живем. Но не выгонишь же собственного двоюродного внука?

— Не выгонишь, — согласилась Алиса.

Бабушка хлопнула в ладоши, и в дверях показалась небольшая, серьезного вида обезьяна в белом фартучке.

— Магдочка, — попросила бабушка, — ты не принесешь нам с моей гостьей по чашечке чаю? И по кусочку кекса. Только смотри, чтобы мужчины не увидели, откуда ты достаешь кексы, они сразу смолотят всю коробку. Они у меня всегда голодные. Презираю мужчин.

Обезьяна побежала исполнять приказание, а бабушка обернулась к Алисе:

— Теперь твоя очередь, девочка. Расскажи мне, как тебя зовут, откуда ты родом и зачем к нам пожаловала. Говори коротко, правдиво и не старайся упрощать. У меня хорошая голова для моих ста тридцати лет, я не боюсь смотреть правде в лицо. Начинай!

И Алиса все рассказала бабушке герцога, которая, оказывается, сама не была герцогиней, потому что приходилась бабушкой герцогу по боковой материнской линии. Она звалась просто — госпожой Марианной Кросскан.

Бабушка слушала внимательно, иногда прерывала Алису, чтобы лучше понять, что такое, к примеру, параллельный мир, а иногда просила повторить непонятную фразу.

Обезьяна Магдочка принесла поднос с чаем и ничего не разлила и не разбила. Уходя, она хотела украсть кекс, который принесла для Алисы, но бабушка прикрикнула на нее, и та ускочила.

— Последняя моя служанка, — призналась бабушка. — Остальные сбежали. А ты продолжай, продолжай!

Алиса кончила свой рассказ тем, как она попала в подвал и услышала разговор графа Дракулы и маркизы. И тут появился герцог Франсуа.

— Хорошо, — сказала бабушка. — С тобой все ясно. Давай вместе попробуем понять, что же у нас здесь происходит! Теперь буду рассказывать я, а ты задавай вопросы.

Старушка отпила маленький глоток чаю.

— Я не могу сказать, что мы жили хорошо, но мы жили и не очень плохо, — начала она свой рассказ. — Места у нас довольно отсталые, и многие здесь верят в привидения, вампиров, оборотней. Вместо науки люди у нас предпочитают гадать по руке, узнавать судьбу по звездам, ходить к экстрасенсам и интрасенсам и даже слушаться гадалок. Порой я удивляюсь, как нам удалось изобрести железную дорогу, если все вокруг верили в чудеса и

раскладывали карты. Ума не приложу. А ты пей чай, это хороший чай, последний остался. В этом году, говорят, чаю не завезут, потому что к нам корабли из других стран боятся причаливать — того и гляди накинута какие-нибудь вампиры, заразят все, людей перекусают. Еще заразу с собой привезут...

Бабушка замолчала, задумалась. Она была очень старенькой, но держалась молодцом.

— А потом появились эти самые... Дракула с маркизой. Франсуа, ты далеко, Франсуа?

— Я здесь, бабушка!

Герцог вошел в гостиную. Он успел сбрить второй ус, и лицо его снова стало симметричным.

— Бородку тоже придется убрать, — сказала бабушка. — Нелепо носить бородку, если нет усов.

— Я отращу, — пообещал герцог.

— Вот когда отрастишь, то и бородку отпустишь, — сказала бабушка. И Алиса поняла, что именно бабушка в этом доме главная.

— Хорошо, — вздохнул несчастный герцог. — Зачем ты меня звала?

— Расскажи нашей гостье Алисе, только коротко, совсем коротко, как ты потерял свой замок и честь.

— Я не терял своей чести! — воскликнул гордый герцог.

— Тем не менее.

Герцог подошел к буфету, открыл его, вытащил графин, полный красного вина, и высокий бокал, налил его до половины и встал, опершись о камин и приняв позу, которую всегда принимают герцоги, когда хотят рассказать о чем-то интересном.

— Этот негодяй! — воскликнул герцог. — Этот мерзавец! Он посмел явиться ко мне в замок и предложить продать фамильную собственность. Вы представляете?

— Я все давно представляю, — сказала бабушка. — Иначе бы ты не занимал три четверти моего домика и не стучал сапогами, как рядовой кавалерист. Продолжай, мой мальчик.

— Я его выгнал, — сообщил герцог и отпил из бокала.

— А потом?

— Потом он приехал снова, и я снова его выгнал.

— Короче!

— Однажды ночью ко мне заявилось привидение и потребовало, чтобы я выматывался из родового замка. Я выгнал и привидение... но они пошли сплошным потоком. Оказывается, этот самозванец Дракула обладает властью над всевозможной нечистью. И мой замок его вполне устраивал как штаб для наступления на города нашей страны. Ты не представляешь, во что это вылилось! Десятки привидений бродили по замку, вампиры сосали кровь из моих коней и из меня лично, оборотни пугали моих слуг... в конце концов жить стало невозможно. И мы уехали. Я имею в виду тех, кто еще оставался в живых. А вся эта свора неслась за нами до самой железнодорожной станции и терзала, терзала... — Герцог всхлипнул и нервно допил вино.

— Иди, мой милый, — велела бабушка. — Иди отдохни.

Герцог ушел, тяжело ступая.

— Когда он появился у меня, я думала, что он просто сошел с ума в своих горах, — сказала бабушка. — Но оказалось, что мой внучок не лгал. Буквально через неделю после него на город стали нападать привидения и даже огненный дракон. Сначала люди пытались

бороться с ними... но страх оказался сильнее. Люди предпочитали уехать из города, тем более что эти чудовища еще и похищали детей.

— Зачем? — спросила Алиса.

— Я боюсь тебе ответить, — сказала бабушка. — Но вернее всего, чтобы съесть.

— Не может быть!

— Но привидения безжалостны! Им ничего не дорого! Это мертвецы, вставшие из могил. И нигде нет защиты от них! Даже в доме.

— И здесь?

— И здесь.

— Страшно, — призналась Алиса. — А как же я доберусь теперь до Пашки?

— Забудь о нем! Возвращайся домой, к своим родителям. Пашке ты не поможешь. И профессору не поможешь. Разве ты не поняла, что они специально подложили записку от твоего друга в сундук, чтобы тебя сюда заманить?

— А почему им надо было меня сюда заманивать? — спросила Алиса.

— Не знаю, — сказала бабушка, — но ничего хорошего я не жду.

— Нет, — возразила Алиса. — Почему-то они меня особенно не любят. И я бы сказала, что они даже побаиваются меня. Вернее, не меня, а моих знаний.

— Каких еще знаний? — спросила бабушка.

— Что-то мне известно, а они этого боятся...

— Пока ты об этом догадаешься, они тебя уже на кусочки разорвут.

— А вдруг не разорвут?

— Я видела много смелых девочек, я сама в молодости скакала на лошадях и взбиралась на самые высокие горы. Но чтобы быть такой безрассудной девочкой — нет, такого я еще не видела.

— Я хочу поехать к Пашке.

— Это смертельно опасно.

— У меня есть друзья.

— Твои друзья не смогут тебе помочь.

— Друзья всегда могут помочь. И вы в том числе.

— Ну какой я тебе друг? Я — выжившая из ума старуха, у которой всего-то в жизни что домик, который не сегодня-завтра развалится, да вздорный дед с бородой лопатой, которую он полдня чистит и нежит, а полдня пачкает яичницей и гороховым супом.

— У меня есть друг волк, — сказала Алиса.

— Если волк — друг, значит, он не волк, — ответила мудрая бабушка. — Значит, он оборотень, днем — волк, ночью — человек. Будь с ним осторожна.

— Но он же друг! — закричала Алиса, которая никогда не предавала друзей.

— Ты уже взрослая девочка, — сказала бабушка, — и не мне тебя учить. Тем более что пора идти ужинать.

Бабушка поднялась и повела Алису в столовую.

Столовая в том домике располагалась прямо в кухне. Только кухня была большой и длинной, во весь первый этаж. У плиты возилась обезьяна Магда, и бабушка поспешила ей на помощь. Алиса тоже хотела помочь, но герцог сказал, что она — гостья и, если надо, поможет Ганс.

Герцог, старик с бородой лопатой и Алиса уселись за стол. Стол был старый, деревянный, без скатерти. Перед каждым стояло по серебряной тарелке, возле тарелки

лежали ножик и ложка. Видно, вилками здесь не пользовались. Посреди стола стояло несколько графинов. Герцог и бабушка с бородой налили себе вина, а Алиса отказалась.

— Скажите, пожалуйста, — спросила она, — как мне лучше всего добраться до замка Кросскан?

— И не думай! — откликнулась от плиты бабушка.

— Вы же знаете, что я все равно туда поеду, — сказала Алиса.

— С нее станется, — подтвердил герцог. — Это далеко, девочка, тебе никогда туда не добраться. Тем более если в пути будут поджидать граф Дракула и его паршивая маркиза. Ты не представляешь, сколько у них злобных слуг!

— Ничего особенного, — вдруг заявил бабушка с бородой. — Как бывший начальник железной дороги, я тебе советую сесть на поезд.

— Неужели еще ходят поезда? — спросила бабушка.

— В этой стране есть отважные люди, — сказал старик с бородой лопатой. — Последний поезд еще ходит!

— Ох уж эти герои! — воскликнула бабушка, но герцог Франсуа с ней не согласился:

— Пока в стране ходят поезда, она не погибла. Железнодорожники не боятся привидений.

— Это точно, — подтвердил дед с бородой. — Завтра утром мы тебя посадим в поезд, и доедешь почти до места.

— А я пошлю почтового голубя на станцию, чтобы тебя встретили и дали подводу, — сказал вдруг Ганс. — У нас остались еще два почтовых голубя.

— Молодец, парень, — сказал Франсуа. — Теперь примемся за ужин!

— А вечером нельзя? — спросила Алиса.

Тут все засмеялись, и даже Алиса улыбнулась.

Потом дед с бородой на всякий случай объяснил:

— Ночью привидения хозяйничают как хотят. Никто не выйдет из дому. Они только утром утихомириваются. Так что выспись спокойно. А если ты с нами не согласна, то можешь пойти пешком, по горам и лесам, чуть больше трехсот миль.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Я подожду.

— Тогда будь любезна, расскажи нам о своей планете, о своем городе, — попросила бабушка, которая кончила разливать по тарелкам суп и уселась за стол. — Кто твой папа, кто твоя мама?

И Алиса часа три рассказывала хозяевам дома о Земле и своем доме. Им было так интересно, что Алису просили продолжать, пока она совсем не утомилась. И тогда бабушка пожалела ее и погнала всех по комнатам спать.

Ганс проводил Алису наверх, в ее комнату. Он нес свечу и не заметил выложенную из кубиков полоску под последней ступенькой лестницы:

НЕ ЗАПИРАЙ ДВЕРЬ

От радости у Алисы забилося сердце. Как хорошо знать, что друг близко!

Ганс сказал:

— Я запру дверь, чтобы кто-нибудь не залез.

— Нет, пожалуйста, не запирайте! — попросила Алиса.

— Если не закрыть, то может прийти привидение.

— Все равно не запирай, — сказала Алиса.

— Может, ты права, — ответил слуга. — В случае чего легче убежать. Имей в виду — у привидений зрение плохое.

— Вы меня порадовали, — сказала Алиса. — Спокойной ночи.

Ганс ушел.

Слышно было, как его шаги прощуршали по каменным плитам пола. Стало тихо. Потом со всех концов дома стали доноситься скрипы, шорохи и даже голоса.

«Алиса, — сказала она себе, — ты нормальный человек из XXI века. Чудес не бывает, если их не выдумывают люди. Так что давай не бояться призраков и вампиров».

Она разделась и легла.

Свечу она гасить не стала. Все-таки ей было страшновато.

А при свече человеку немного спокойнее.

Некоторое время Алиса прислушивалась к звукам старого дома, но потом незаметно заснула.

Глава 7. Черная рука

Алиса не знала, сколько она проспала.

Но проснулась она от неприятного чувства, что в комнате кто-то есть.

Было тихо. Яркая, почти полная луна светила в приоткрытое окно.

Сна не было ни в одном глазу. Как будто хорошо выспалась.

Скрипнула половица. Алиса приподняла голову. Середина комнаты была отлично освещена лунным светом, зато в углах, за высокими темными шкафами, было темно. Алиса приподнялась на локте, чтобы рассмотреть, нет ли кого там. В жизни не ожидала, что попадет в такой странный город. У нас никто не верит в чепуху вроде астрологии и колдовства.

Что-то шевельнулось в щели между стеной и шкафом.

— Если тут кто-то есть... — сказала Алиса и осеклась, испугавшись собственного голоса. Она проглотила слюну и начала снова: — Если тут кто-нибудь есть, пускай он выйдет. Я никого не боюсь. Я не из вашего мира. У нас мертвяки не гуляют, вы поняли?

В углу кто-то тихо-тихо засмеялся, будто звук доносился не из угла комнаты, а с пятого этажа.

И тут же раздался удар в окно.

Алиса испуганно обернулась.

За окном покачивалось раздутое светящееся лицо — словно кто-то запустил белый воздушный шар с нарисованными на нем глазами и ртом. «Наверное, это и есть воздушный шар», — подумала Алиса, но воздушный шар открыл рот и зашевелил губами, стараясь что-то сказать. К счастью, Алиса не слышала, а то бы еще больше испугалась.

С каждой секундой ей становилось все страшнее. Она готова была уже убежать. Но бежать можно тогда, когда знаешь, куда бежишь. А куда побежишь в этом домике? Всех перебудешь, всех рассердишь, а себя покажешь трусливым ребенком.

Алиса сидела на постели, накрывшись до горла одеялом, и мечтала, чтобы скорей пришло утро, но за окном все так же тревожно светила луна.

И тут краем глаза она заметила, как нечто черное выдвигается из стены как раз над ее головой.

Алиса посмотрела вверх.

Она увидела, как из стены медленно вылезает черная рука с длинными загнутыми пальцами. Пальцы шевелятся, как гусеницы, и с каждой секундой рука все ближе к Алисиной голове...

Вот этого Алиса уже не могла вынести!

Она скатилась с кровати... И чуть не натолкнулась на белое привидение, закутанное в простыню, которое вышло из шкафа.

Алиса оказалась меж двух огней. И у нее не было никакого оружия, чтобы защищаться.

— Мамочка! — заплакала Алиса и зажмурилась.

Она уже пять лет не звала на помощь маму и два года как не плакала.

— Мама, спаси меня!

И тут она услышала, как по полу — еще далеко, еще в коридоре — стучат когти.

Неужели ее мольбу услышали?

Все ближе стучат когти — и тут дверь широко распахивается от удара волчьей грудью!

Волк Гаврюха влетает в комнату и останавливается на пороге, раскрыв пасть и рыча,

как лев.

И — о счастье! — привидение тут же отступило в шкаф и даже закрыло за собой дверцу. Шаровое лицо за окном перестало кривляться и провалилось вниз.

Только черная рука не сдавалась. Она продолжала тянуть к Алисе свои гибкие пальцы.

И тогда волк Гаврюха совершил непостижимый прыжок — через всю комнату, на постель!

Он вонзил клыки в черную руку, и... о чудо! — рука оторвалась от стены.

Держа добычу в зубах, волк спрыгнул с постели и положил руку на пол у босых ног Алисы.

Алиса отпрянула от страшной добычи и только тут почувствовала, какой холодный пол. — Зачем ты это сделал! — накинулась она на волка. — А где остальное тело?

Волк отрицательно покачал умной головой, и Алиса поняла, что остального тела у черной руки нет и не бывает, потому что черная рука — совершенно особая и самостоятельная пугалка.

— Там в шкафу еще привидение осталось, — напомнила Алиса. — Оно в простыню завернуто.

Волк спокойно направился к шкафу, лапой отворил дверь и, зарывав, потянул за простыню. Простыня вытягивалась из шкафа, но кто-то держал ее изнутри. Волк мотал головой, чтобы вырвать простыню, а призрак легонько, почти беззвучно топотал и бился внутри шкафа... Наконец волк победил. Он отлетел в другой конец комнаты с простыней в зубах, а из шкафа выскочила совершенно голая женщина с длинными зелеными волосами. Она кинулась прочь из комнаты, и ее спасло то, что волк не успел выпутаться из ее одеяния.

— Больше никого не осталось? — спросила Алиса.

Волк наклонил голову.

— Ты тут побудь, пожалуйста, — попросила Алиса. — Они же спать человеку мешают. Я бы рада не бояться. Но кто не испугается, когда из стены черная рука лезет?

Она показала на пол, но рука куда-то исчезла, остался только черный рукав.

Тут в открытую дверь сунулся череп. Череп щелкнул зубами.

— Пошел, пошел! — прикрикнула на него Алиса. — Ваших уже прогнали.

А волк, чтобы скелет понял его правильно, отважно пошел к двери.

Череп исчез. Дверь со стуком захлопнулась.

— Спать хочется просто ужасно, — сообщила Алиса волку.

Волк улегся поперек комнаты, рядом с пустым рукавом. Теперь, если кто-нибудь захочет войти в комнату, он обязательно должен будет перешагнуть через волка. А вы пробовали шагать через волка?

Алиса улеглась и скоро заснула.

Ночью ей снились самые обыкновенные домашние сны, в которых участвовала мама и робот Поля. Они втроем искали марсианского богомола, который убежал на крышу. Если кто и шумел в особняке, Алиса этого не слышала.

Утром Алису разбудил колокольчик.

Сначала звон его донесся издали, снизу, потом человек с колокольчиком поднялся на второй этаж.

Звон раскатился по этажу, и Алиса проснулась.

Она открыла глаза.

Если солнце и встало, оно не смогло разогнать зимние снежные тучи. За окном было

видно серое небо, с которого медленно летели вниз белые хлопья.

Волка нигде не было видно — наверное, он решил, что Алисе больше ничего не угрожает, и убежал по своим волчьим делам. Снизу доносился звон посуды, на кухне готовили завтрак.

Алиса встала с постели и увидела, что возле кровати стоят теплые ночные туфли. Ночью она их со страху и не заметила. Надела их и подошла к окну.

Перед домом раскинулся газон с клумбами, на которых стояли на постаментах белые мраморные статуи. Газон, клумбы и дорожки были покрыты снегом. Одну из дорожек подметал старик с бородицей, а перед ним стояла бабушка Марианна, которая махала ручками, за что-то ругая мужа.

В дверь постучали.

Алиса обернулась.

Там стоял слуга Ганс. Он широко улыбался.

— А я, честно говоря, — сказал он, — боялся, что ты не переживешь эту ночь.

— Я отлично выпалась! — ответила Алиса.

— Никто тебя не беспокоил? А черная рука приходила?

— Где-то от нее должен рукав остаться, — сказала Алиса.

И в самом деле, пустой рукав от черной руки валялся возле кровати. Алиса не стала признаваться изумленному слуге, что ей помог волк. Не надо Гансу об этом знать. Пускай они здесь все думают, что Алиса ничего и никого не боится. Ведь бесстрашных опасаются. «Жаловаться я буду папе и маме, — сказала Алиса сама себе. — А остальным и слезинки из меня не выжать!»

Слуга был потрясен Алисиной смелостью.

— Неужели ты сама с черной рукой справилась?

— А что в этом удивительного?

— Неужели ты отрубила руку мечом?

— Ганс, не придумывайте чепухи, — отмахнулась Алиса. — Вы отлично знаете, что у меня не было никакого оружия.

— Но как же?

— Читайте, что я отвинтила руку от тела, — призналась Алиса, и слуга помертвел от ужаса. — Кроме того, — сказала Алиса, показывая на простыню, которая лежала у двери, свернутая жгутом, — я вынула из этой простынки призрак, который прятался в шкафу. Он топал и мешал мне спать.

— Этого быть не может, — прошептал слуга, глядя на Алису квадратными глазами.

Он отступил в коридор. Сначала медленно, на цыпочках, а потом, оказавшись на безопасном расстоянии, кинулся бежать.

— Я думаю, что Пашка бы меня похвалил, — сказала Алиса.

Но никто ее не услышал. Пашка был далеко. И неизвестно, каково ему приходилось в окружении всех этих призраков, вампиров и скелетов.

Честно говоря, Алисе не очень нравилось в этом мире. Она любила солнце, большие веселые просторы и старинную песню: «Жил на свете капитан, он объездил много стран...»

Алиса оделась, увидела в стене небольшую дверцу и открыла ее. Она правильно угадала. За этой дверцей скрывался очень простой туалет. Он состоял из ночного горшка и таза с чистой водой, стоявшего на табурете...

Через десять минут Алиса, вполне одетая и готовая к боям, спустилась вниз, в

столовую.

Стол был накрыт, но пришла она первой. Кроме обезьяны Магдочки, никого еще не было. Обезьяна поздоровалась с гостьей за руку.

Алиса не знала, можно ли здесь садиться за стол без хозяев. Поэтому она стала рассматривать портреты предков, прошлых герцогов, потемневших от времени и засиженных мухами. Видимо, убегая из замка, герцог успел захватить самые ценные вещи.

Она засмотрелась на эти портреты и вздрогнула, услышав сзади старческий голос:

— А это мой дедушка. По слухам, он убил трех драконов, а четвертый его испепелил, но в это верится с трудом.

За спиной Алисы стояла бабушка.

— Доброе утро, — сказала Алиса.

— Доброе утро, девочка. Как ты спала?

— Отлично, — улыбнулась Алиса.

Бабушка тоже ей улыбнулась.

— Никто тебя не беспокоил? — спросила бабушка.

«Так я тебе и сознаюсь!» — подумала Алиса и спросила:

— А кто мог меня беспокоить?

— Ах, у нас много всякой нечисти... дом так давно не ремонтировали. У нас водятся тараканы, блохи, клопы и даже пауки. Извини, моя девочка, но это именно так. Причем среди пауков встречаются кусачие.

Лицо бабушки было серьезным, но глаза смеялись.

Алиса не успела ей ответить, как вошел герцог.

Он был в серебряном халате, завязанном золотым поясом. Следом за ним вошел Ганс и встал у дверей.

— Ах, как приятно узнать, что ты пережила ночь и осталась среди нас! — воскликнул он. — А я, должен тебе сказать, чуть не погиб.

Герцог прошел к своему месту за столом и жестом пригласил дам садиться.

— Ночью ко мне в спальню проник вампир, — продолжал герцог, беря со стола салфетку и засовывая ее угол себе за ворот. — К счастью, я проснулся, когда он уже сел мне на грудь.

— Франсуа! — возмутилась бабушка. — Как ты смеешь говорить о таких гадостях при нашей юной гостье! Она и в самом деле может подумать, что у нас водятся вампиры.

— Не только водятся, но и кровь сосут, — мрачно заметил Ганс, который принес чайник с кипятком и стоял за спиной герцога, ожидая, когда можно будет разливать его по чашкам, в которые уже был насыпан растворимый кофе и налито молоко.

— А твои слуги, должна тебе заметить, — продолжала бабушка, — ведут себя недостойно. Совсем не помогают по хозяйству и слишком много едят. К тому же они меня и в грош не ставят.

— Бабушка, — ответил герцог, — к сожалению, со слугами в нашем городе очень трудно. У меня их почти не осталось. Я все жду, когда сбегут или погибнут последние.

— Я и сам не знаю, что лучше, — согласился Ганс. — Порой думаю сбежать, а порой решаю — может, лучше здесь погибнуть?

Алиса увидела над камином прибитый к стене щит.

— Какой странный герб, — заметила она. На щите была нарисована рыцарская рука, которая держала сломанный меч.

— Это герб нашего герцогского рода, — сказал Франсуа. — Ему уже тысяча лет.

— Триста, — поправила герцога бабушка, — как сейчас помню!

— Бабушка, вы же в маразме! — закричал герцог. — Каждый здоровый человек скажет, что гербу больше тысячи лет.

— Я куда лучше помню то, что случилось со мной в юности, чем последние события. Вот, как сейчас, вижу — иду я по лужайке, а из кустов выскакивает шайка работорговцев, которые хотели меня украсть и продать турецкому султану в гарем. Я стала кричать, мой папа схватил меч, погнался за нами и начал сражаться с этими сарацинами. Он перебил их больше сотни, даже меч сломался. С тех пор на нашем щите помещают руку со сломанным мечом.

— Ах, не слушайте бабушку! — отмахнулся герцог. — Она сошла с ума от старости! На самом-то деле тысячу лет назад мой предок, которого тоже звали Франсуа, штурмовал замок, в котором скрывались наши враги. Ворота замка были такими крепкими, что их не удавалось пробить тараном. Тогда мой предок схватил свой меч и так ударил по воротам, что меч сломался, а ворота развалились. И наш род получил право на этот герб.

— Ах, как это не романтично! — воскликнула бабушка. — Мой вариант победил!

— Бабушка, или вы перестанете, — строго сказал герцог, — или я покину столовую. У нас гости. Что они подумают?

— Это мой дом! Я в нем жила, и я в нем, наверное, умру, от тесноты и топота ваших сапог! После этого назло тебе, мой внучок, я стану привидением и уеду к графу Дракуле.

Бабушка так разволновалась, что опрокинула чашку с кофе и убежала из столовой.

— Ну вот, — сказал герцог, промокая салфеткой пятно. — На нее не напасешься... — Затем он сделал паузу, почесал кончик длинного породистого носа и закончил: — Что ж, раз теперь здесь остались только свои, можно обсудить твое путешествие, Алиса. Ты согласна?

— Конечно. Чем скорее я уеду, тем лучше.

— Ты зря так думаешь, девочка, — заметил герцог Франсуа. — Твое пребывание в этом особняке лишь легкая разминка по сравнению с тем, что тебя ждет впереди. И чем лучше ты подготовишься к будущим испытаниям, тем больше шансов у тебя и твоего друга остаться в живых.

— Вообще-то, шансов немного, — произнес слуга Ганс, почесывая затылок.

— Помолчи, Ганс! И лучше погляди, не подслушивает ли кто-нибудь из привидений или мертвяков. А то, если они услышат, обязательно донесут своему хозяину.

Слуга кинулся к двери и широко распахнул ее — какие-то тени понеслись прочь, раздался тихий, леденящий душу смех.

— Не обращай внимания, — сказал герцог, — эти твари безмозглые.

Слуга вытащил из-за широкого пояса пистолет и выстрелил вдоль коридора. В отдалении кто-то завизжал.

Герцог поднялся из-за стола и, показав Алисе жестом, чтобы она продолжала пить кофе, принялся говорить:

— Ганс отвезет тебя на станцию. Билет тебе куплен, в купе ты будешь одна. Ехать тебе два с половиной часа. На станции Суха-Быстрица поезд стоит десять минут. Ты выйдешь в тот момент, когда поезд тронется, чтобы те, кто за тобой следит, не успели сообразить и погнаться за тобой. За зданием станции тебя будут ждать сани.

Герцог выбил трубку о край буфета. Из-под буфета выскочила белая мышь и опрометью

помчалась в другой угол.

— Карамба! — рассердился герцог. — Ганс, ты обещал обеспечить мне полную безопасность!

— На вид — самая простая мышь, — сказал слуга.

— Это только тебе кажется, что она простая. А я видел, что у нее на спине нарисован черный знак Дракулы.

— Жаль, — вздохнул слуга. — Если она говорящая, то она сообщит хозяину, на каком поезде едет Алиса.

— Поздно, мы ничего не сможем изменить, — сказал герцог.

— А где будет мой волк? — спросила Алиса.

— Во-первых, — ответил герцог, — он вовсе не твой волк и, может, даже не волк, а вторых, я не знаю, где он. Только учти — на железных дорогах есть правило. Волков, собак, кошек и вообще никаких животных провозить нельзя. Потому что железнодорожники охраняют своих пассажиров, а ведь никто не может быть уверен, что с тобой едет кошка, а не заколдованная принцесса. Кот, а не какой-нибудь вампир!

В дверь заглянула бабушка.

— Алиса, — сказала она, — я хотела с тобой попрощаться.

Бабушка выглядела печальной. В руке она держала узелок.

Она оглядела Алису с ног до головы — от вязаной шапочки до сапог с обогревом — и сказала:

— Ты выглядишь странно. Но я к тебе привыкла. Я испекла тебе пирожков на дорогу. Не возражай, возьми. Ты обязательно проголодаешься в поезде и еще скажешь мне спасибо.

— Спасибо, — сказала Алиса и взяла узелок.

— Внучок, — спросила бабушка у герцога, — ты вызвал такси?

— Разумеется, — ответил герцог. — Я же остался без кареты.

— Кто повезет Алису на вокзал?

— Ганс. Он сам вызвался.

— Отважный Ганс!

— Не хотел я его отпускать, — признался герцог. — Он последний толковый слуга, который у меня остался. Есть, правда, еще трое, но они бестолковые.

Герцог вытащил из кармана большой кружевной платок и приложил его к глазам.

— Так мало надежды, Алиса, так мало надежды, что я увижу тебя живой, — сказал он и всхлипнул. — Правда, они тебя почему-то боятся.

— Я тоже так думаю, — согласилась с ним бабушка Марианна. — И потому, Алисочка, будь вдвойне осторожна! У тебя появились опасные и бессердечные враги, но зато стало больше верных друзей, которые на тебя надеются!

— Да, мы на тебя надеемся, — сказал герцог.

Бабушка подошла к Алисе и обняла ее. От бабушки пахло ванилью и душистым мылом. Она поцеловала Алису в щечку.

— Как жаль, — сказала она, — что мне уже больше ста лет. А то бы я составила тебе компанию. Но помни, что сердцем я всегда с тобой.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Я помню об этом.

Глава 8. Пассажирка

У калитки в сад стояла запряженная гнедой лошастью небольшая повозка, покрашенная в желтый цвет, с откидывающимся черным верхом.

Ганс помог Алисе забраться внутрь, затем влез сам.

Таксист сидел на козлах. Когда пассажиры устроились, он повернул вниз ручку счетчика.

— На вокзал? — спросил он.

— Поезжай прямо, — ответил конспиратор Ганс, — по дороге скажу.

— Мне-то что, — сказал шофер, — но в городе многие говорят, что приехали детишки из параллельного мира и герцог намерен с их помощью отвоевать свой замок Кросскан у графа Дракулы. Правду ли говорят или врут?

— Прямо, прямо и поторапливайся! — приказал Ганс.

— И еще люди говорят, — продолжал возница, — что вчера граф Дракула, который побаивается этих детей из параллельного мира, насылал на них целую стаю драконов. В городе народу побили видимо-невидимо.

— Откуда нам такие вещи знать? — ответил Ганс. — Мы с племянницей герцога вчера весь день в шахматы играли. Правда, Луизочка?

— Да, — поняла Алиса. — Мы весь день в шахматы играли.

— С девчонкой? В шахматы? — удивился таксист. — Такого быть не может! Сейчас же проверю.

Он прикрикнул на лошадь, та остановилась, и таксист вытащил из-под своего сиденья шахматную доску.

Только сейчас, когда он обернулся к ней, Алиса его разглядела.

Возница был человеком массивным, почти толстым, крупным, носатым, бородатым, бровастым, рукастым. Всего в нем было много, даже голоса.

— Расставляй! — приказал он.

— Да ты с ума сошел! — возмутился Ганс. — Поезд отходит через полчаса. Другого до завтра не будет.

— Если она умеет играть в шахматы, пускай сыграет блиц! — взревел таксист.

— Не беспокойся, Ганс, — сказала Алиса. — Мне даже интересно сыграть с местным любителем.

— Какой я любитель! — зарычал таксист и начал быстро расставлять фигуры. — Ты, ребенок, хоть знаешь, как конь ходит?

— Надеюсь, что у нас с вами одинаковые правила, — сказала Алиса.

— Только не надо лукавить, — обиделся таксист. — Если не умеешь, так и скажи. И поедем дальше.

— А если умею? — спросила Алиса, оглядывая фигуры. Вроде бы они стояли правильно.

— Если умеешь, попрошу прощения и домчу до вокзала.

— А если я вас обыграю?

Таксист расхохотался и ответил:

— Тогда везу бесплатно.

И тут же сделал первый ход пешкой.

Противники быстро делали ходы, а Ганс чуть с ума не сошел от страха, что Алиса

опоздает на поезд.

Но все обошлось. После восемнадцатого хода таксист, который совершенно не разбирался в защите Каро-Кан, ахнул и сказал:

— Как так — мат?

— А вот так, — сказала Алиса. — И когда я вернусь сюда, дам вам возможность взять реванш. Не расстраивайтесь. Я ведь тоже когда-то не знала теории.

Таксист не сразу смог собрать фигуры. Руки у него дрожали. Алиса уж подумала, может, им подыскать другое такси. Но тут таксист запахнул шубу и завопил на свою лошадку.

Она покорно затрусилась к станции.

Теперь перед Алисой лишь покачивалась широкая, укутанная тулупом спина.

Ганс пожал Алисе руку.

— Теперь у меня возникают кое-какие надежды, — прошептал он.

Таксист услышал и рывкнул, не оборачиваясь:

— Если люди правду говорят, что ты хочешь с графом Дракулой сразиться, то считай, что на меня можешь рассчитывать! Конечно, мне обидно пигалице проигрывать, но лучше своя пигалица, чем чужая царица. Эге-гей!

Лошадка побежала чуть быстрее.

Она делала километров десять в час. Но Алиса верила в то, что таксист привезет их вовремя.

Днем город выглядел совсем не так мрачно и страшно, как вечером, когда Алиса увидела его в первый раз. На улицах было немало людей, никто не таился по подворотням, магазины были открыты, в трактирах звенела посуда. Кареты, повозки и пролетки, желтые такси встречались на каждом шагу. Некоторые люди останавливались — видно, узнавали девочку из параллельного мира и махали ей. Алиса махала в ответ. Всегда приятно, когда тебя узнают. Но удивительно, как здесь быстро расходятся слухи.

— На тебя люди надеются, — сказал Ганс. — Так что ты уж оправдай их доверие. Когда плохо, мы за любой слух цепляемся: а вдруг нам помогут?

Справа показалось пепелище. На пепелище копошились люди. Какая-то женщина сидела на обгоревшей кровати и горько плакала.

— Этот дом, — напомнил Ганс, — сгорел вчера от нападения дракона. Ах, какое несчастье!

— Почему же люди не соберутся вместе, чтобы выгнать графа Дракулу?

— Хотели бы объединиться, но не приучены. Привыкли, что привидения сильнее людей. Вот и терпят.

Алиса с удивлением посмотрела на Ганса. Сидит рядом с ней молодой парень, желтые волосы до плеч, потертый камзол, дырявые башмаки — бедный слуга обнищавшего герцога. А рассуждает так умно!

— А ты думаешь как все? — спросила Алиса.

— Я — сам по себе, — ответил Ганс.

Такси остановилось перед вокзалом. Ганс схватил Алисину сумку. Таксист помог пассажирке слезть и спросил:

— Скоро обратно?

— Наверное, завтра, — сказала Алиса.

— Будем ждать, — сказал таксист. — Я с собой всю нашу шахматную секцию приведу.

Дашь сеанс одновременной игры?

— С удовольствием.

— Если разберется с привидениями, — напомнил Ганс.

— А у вас там все так играют? — спросил таксист.

— Нет, не все, — ответила Алиса. — Многие лучше.

Таксист расхохотался так, что над покосившимся древним вокзалом взмыла черная стая ворон. Они подняли такой крик, что Ганс не выдержал и поспешил внутрь здания.

— Беги, заклюют! — крикнул таксист и стал отмахиваться от злых ворон метлой, которая лежала у него под сиденьем.

Алиса вбежала в вокзальный зал.

Он был неопрятный, неухоженный, даже штукатурка осыпалась с потолка. Людей было немного, да и вели себя люди осторожно, собирались в кучки, чтобы не было страшно.

На перроне перед поездом Алиса увидела небольшую толпу. Все рыдали. В центре толпы стоял молодой человек в железной каске и бронежилете.

— Что это? — спросила Алиса у одной из плачущих девочек, которые провожали молодого человека.

— Ах, это наш двоюродный брат Густав, — ответила девочка. — С ним случилось несчастье. Он кончил институт по специальности «Дошкольное образование», и его посылают в детский сад на станцию Суха-Быстрица.

— А почему все плачут?

— Там же нечистая сила правит! Там живет граф Дракула.

Поезд загудел, предупреждая, что готов двинуться в путь.

Ганс поднялся с Алисой в вагон, провел ее в купе и убедился, что она едет одна. Потом попрощался и соскочил на ходу.

Поезд был старинный, даже первобытный. Но содержали его в порядке. Медные ручки дверей и шкафчиков были начищены, зеркало протерто, диван застелен чистой простыней и покрыт шерстяным одеялом. Второй диван в купе не был застелен — герцог не обманул, он заплатил за все купе, чтобы Алисе не попался какой-нибудь неприятный попутчик. Алиса немного взгрустнула, что с ней нет волка и что он даже не пришел с ней попрощаться. «Все-таки дикое животное не может полюбить человека, как настоящая собака, — подумала она. — Наверное, волк нашел себе настоящий лес и охотится на зайцев».

Конечно, Алисе на самом деле не хотелось так думать. Но лучше думать о грустном, чем наоборот: надеяться на золотые горы, а найти медную монетку.

Постучал и вошел проводник. Это был вежливый старик в поношенном, но чистом и выглаженном мундире и форменной красной фуражке. Он сказал:

— Госпожа едет одна?

— Мне так сказал герцог Кросскан, — ответила Алиса. — А скоро мы прибудем в Суха-Быстрицу?

— Это зависит от погоды, госпожа, — объяснил проводник. — Если ветер попутный, то к обеду доберемся.

— А разве ваш паровоз парусный? — спросила Алиса.

Проводник пожал плечами.

— Вашу шутку, госпожа, я оценил, — сказал он. — Но наш паровоз питается углем. А вы, к сожалению, не знаете, какие у нас бывают ветры. Будете пить чай или кофе?

— Я уже завтракала, — сказала Алиса.

— Значит, лимонад, — буркнул себе под нос проводник и ушел.

Поезд набирал скорость. Он катил через городские окраины. Домики здесь стояли маленькие, бедные, подушки снега лежали на соломенных крышах, кое-где из труб поднимался дым.

Потом пошли поля, по которым гуляла поземка. Вдали виднелись гребенки еловых лесов. Местность пошла унылая, заснувшая на зиму.

«Жалко, что я не купила какую-нибудь газету или книжку — хоть почитала бы. А то ждать... Когда у них обед?»

Снова появился проводник. Он принес бутылочку с лимонадом и высокий стакан.

— А дорога у вас здесь не опасная? — спросила Алиса.

— Почему же наша дорога должна быть опасной? — удивился проводник. — За рельсами мы следим, тормоза в порядке.

— А привидения не докучают?

— Привидения нас не трогают, — ответил проводник и лукаво улыбнулся. — И знаете почему? Привидения и все те, кто их придумывает, ничего не понимают в технике. В школах они не учились, паровой машины боятся, а уж когда кто-нибудь изобретет самолет, то они совсем попрячутся.

— Так пускай кто-нибудь у вас поскорее изобретет самолет.

— Не получается, — вздохнул проводник. — Самолет испытывать надо, а тут сразу же слетаются драконы и воронье. Заклеивают модель. У нас уж некоторые пытались. А в прошлом году великий воздухоплаватель Весекалинский трагически погиб. Он поднялся на воздушном шаре, но на него напала такая стая воронья, что небо стало черным. Проклевали оболочку, и все! Больше на воздушных шарах никто не летает. Вам еще лимонаду принести?

— Нет, спасибо, — сказала Алиса. — Невеселая жизнь в вашем параллельном мире!

— Но мы не теряем надежды, — ответил проводник. — Может быть, и вы нам поможете, Алиса.

— Вы меня знаете?

— Вас многие знают. И меня ваши друзья предупредили.

— А много народу в вагоне едет? — спросила Алиса.

— Кроме вас, один торговец и еще молодой воспитатель детского сада, который едет в поселок Суха-Быстрица, где не осталось ни одного ребенка.

— Так зачем же он едет?

— Раз детский сад есть, значит, нужен воспитатель. Когда-нибудь дети снова там будут.

— А вы верите, что все хорошо кончится?

— Если не верить, Алиса, то и жить не стоит.

Проводник ушел, и Алиса снова осталась одна. Небо за окном потемнело, снег пошел гуще, и хлопья снега были большими, как клочки рваной бумаги.

Колеса громко постукивали на стыках рельсов. Неожиданно поезд ворвался в туннель, и стало совсем темно. Алиса сосчитала до двухсот, прежде чем туннель кончился, — и сразу стало тише и светлее.

Наконец-то можно остановиться и не нестись вперед.

Алиса свернулась калачиком на мягком диване и стала думать.

Что она знает об этом параллельном мире?

Сюда умчался профессор Гоц, потому что он всю жизнь изучал привидения, охотился за ними и вот получил возможность на них посмотреть вблизи и узнать, как же они

устроены. Потом сюда рванул Пашка, потому что хотел помочь профессору, к тому же он и дня не может прожить без приключений.

Пашка и Гоц исчезли в горах, в замке, который какой-то граф Дракула отнял у герцога Франсуа де Кросскан. Дракула командует привидениями и вампирами и запугал всех местных жителей. А слуги Дракулы к тому же похищают маленьких детей. С ума можно сойти!

Но почему же всемогущий Дракула хочет поймать и убить Алису? Чем она ему досадила? Что в ней опасного? Узнать это можно только в замке.

«Ладно, — подумала Алиса, — все равно я ничего нового не придумаю, пока не приеду на место. Я должна отдать Пашке теплые вещи, а профессору микроскоп.

Хорошо быть первоклассницей! Захотела на другую планету — хоть сейчас! В бой с драконами? Только покажите мне этих драконов! В битву с космическими пиратами? Всегда готовы.

А сейчас ты уже стала взрослой, тебе скоро двенадцать лет. Пора задумываться.

А задумавшись, удивляешься.

Подумать только, в параллельном мире язык тот же самый, что и в Москве, и названия совпадают, и законы физики действуют такие же, и даже в шахматы играют по тем же правилам. Тогда почему здесь привидения и вампиры делают что хотят? Почему драконы пожирают коней и сжигают дома? Что-то тут неладно — ведь у нас привидений не бывает!»

Снова пришел проводник и принес корзинку с бутербродами и фруктами.

— У меня, к сожалению, нет денег, — призналась Алиса, хотя она уже проголодалась.

— Не беспокойтесь, юная госпожа, — сказал проводник. — За все уже заплачено.

— Герцогом?

— О нет, герцог у нас совсем разорился, — ответил проводник, который, оказывается, много знал о местных знатных господах. — За вас заплатила железная дорога. Мы на вас надеемся.

Проводник сел рядом с Алисой на диван, взял из корзинки бутерброд с сыром и принялся жевать его, запивая лимонадом.

— Вы простите, что я так, по-простому, но в коридоре очень холодно, — сказал он.

— Не стесняйтесь, — сказала Алиса. — Мне очень приятно, что вы ко мне заглянули. Можно я буду вам задавать вопросы?

— Для этого я здесь и сижу, — признался проводник.

У Алисы было много вопросов. И она даже не знала, с какого начать. Поэтому она спросила:

— Кто такой граф Дракула? Герцог и его бабушка очень на него сердиты, но толком ничего не рассказали.

— Когда-то был такой граф. Он жил в заброшенном горном замке и разбойничал. У него была плохая репутация. Многие считали его злым колдуном. Но все это происходило очень давно.

— А когда он умер?

Проводник почесал седую бровь, потом произнес:

— Лет пятьсот назад. Точнее не скажу. Надо в энциклопедии поглядеть.

— Значит, речь идет о другом графе Дракуле! — сказала Алиса. — Потому что герцог Франсуа утверждает, что именно граф Дракула отобрал у него замок.

— Все знают об этом, — сказал проводник. — И многие думают, что новый Дракула —

самозванец.

— И он в самом деле командует привидениями?

— Так многие считают.

— Вы не верите? — спросила Алиса.

Проводник пожал плечами.

— Странный вы человек! — сказала Алиса. — Но хоть в привидения вы верите? Или в драконов? Почему все верят, а вы не верите?

— Я вообще ни во что не верю. Еще в прошлом году я работал в университете и преподавал там физику. Я знал, что у физики есть законы. Теперь же университет закрыли, и все ученые разбежались. Хорошо еще, что нас берут на железную дорогу, потому что всякая нечисть не смеет к ней приблизиться.

— А что же случилось с университетом?

— Университет закрыли, потому что не осталось студентов, — вздохнул проводник. — И все школы закрыли. Даже детские сады закрыли. Остались только училища для колдунов.

— Но почему?

— Во-первых, потому, что люди готовы верить в белиберду, особенно если повесить к белиберде хрустальный колокольчик.

— Но я сама видела привидения и драконов!

— И я видел, — вздохнул проводник. — Но я не знаю, что они собой представляют. А законы науки гласят, что после смерти люди не возвращаются, черные руки не вылезают из стен, а скелеты не прячутся в шкафах. Наконец, ни один граф не сможет прожить пятьсот лет, даже если он будет питаться одной простоквашей.

— А что же тогда творится вокруг?

— Вот этого я и не могу понять! — воскликнул проводник. — И мои друзья находятся в таком же отчаянии. Ну что же делать, если привидения и колдуны крадут детей! Люди перестали посылать детей в школы. Люди стали жить куда хуже, чем раньше, они отдают все ценности сборщикам налогов, которых посылает граф Дракула.

— И как же быть?

— Думать, искать выход, бороться и надеяться!

— На что?

— Например, на тебя, Алиса, — ответил старый проводник. — На то, что тебя не удастся сбить с толку и околдовать.

— Но я же только девочка! Когда вчера ночью из стены вылезла черная рука, я чуть от страха не умерла.

— Но господин Канис в тебя верит!

— Кто такой господин Канис?

— Я не могу тебе открыть его. Но он хороший и честный юноша.

— Я буду рада с ним встретиться, — сказала Алиса.

— Он сам решит, когда с вами встретиться, — ответил проводник.

Они доели бутерброды, а потом проводник сказал:

— Простите, но мне пора идти. Надо растопить печку, поставить чай для пассажиров. А если кто-то захочет перекусить, я принесу еду из вагона-ресторана.

Алиса посмотрела на часы. Уже скоро два часа, как поезд в пути. Поля вокруг исчезли, пошли горы, поросшие лесом. Горы были пока невысокие, скорее холмы. Они были укрыты пышным снегом.

Глава 9. Поезд дальше не пойдет

Поезд начал тормозить. Он тормозил рывками, словно машинист увидел препятствие слишком поздно. Стакан слетел со столика.

Алиса кинулась к окну. Но ей был виден лишь склон холма. Она открыла дверь и выглянула в коридор — по ту сторону тоже был склон холма. Оказывается, поезд остановился в ложбине между двумя холмами. Как в большой, широкой канаве.

Алиса пошла к проводнику, чтобы узнать, что же произошло.

В служебном купе проводника не было.

Алиса пошла по вагону. Открылась дверь в купе, и выглянул испуганный молодой воспитатель детского сада.

— Что случилось? Почему стоим? Что за безобразие! — восклицал он.

— Не бойтесь, — сказала Алиса. — Сейчас поедem дальше.

— Вы так думаете? — обрадовался учитель. — Вы в этом уверены?

Открылась еще одна дверь, высунулся толстый мужчина. Он крутил головой, вздыхал, но молчал.

«Ах, какие они все запуганные, — подумала Алиса. — За них страх все решает. А ведь главное — никогда ему не поддаваться».

Алиса решила пройти вперед по поезду и посмотреть, что же там произошло. Она перешла в другой вагон. Переходы между вагонами были открытыми, поэтому мороз сразу хватал за лицо и руки. Дул ветер со снегом.

Алиса перебежала в следующий вагон. Она не помнила, сколько вагонов отделяют ее от паровоза. Хорошо бы поменьше!

В третьем вагоне было совсем пусто. Одно из окон было опущено, в него врывался снег, и он уже насыпал белый холмик в коридоре.

Алиса хотела закрыть окно, но ничего не получилось.

И тут она увидела, что навстречу ей по коридору спешит старый проводник. Вид у него был сумрачный, лицо бледное, усы повисли, как макароны.

— Алиса, какое счастье, что я тебя нашел! — воскликнул он. — Скорей назад, в этом вагоне оставаться нельзя.

Алиса не стала спрашивать проводника — она уже отлично знала, что только глупые люди начинают задавать вопросы, когда надо уносить ноги. Она побежала обратно, за ней — проводник. Когда она пробежала мимо последнего купе, то услышала странное урчание — будто кто-то громадный чавкал и давился пищей.

Пробежав в свой вагон, проводник запер дверь и перевел дух.

Они остановились в коридоре.

— Что случилось? — тихо спросила Алиса. Ей передалось волнение старого проводника.

— Впереди путь завален снегом.

— Лавина?

— Я бы не сказал, — ответил проводник. — Откуда взяться лавине, когда нет крутой горы? У меня такое впечатление, что завал сделали нарочно.

— Кто?

— Они. Слуги Дракулы.

— Зачем?

— Они всегда стараются уничтожить поезда — последний наш оплот. Они не смеют на них нападать, но строят ловушки.

— Так надо скорее дать задний ход! — предложила Алиса.

— Машинист хотел это сделать, — ответил проводник. — Он взобрался на паровоз и увидел, что сзади нас собралась целая толпа разных оборотней и привидений. Они заваливают пути снегом. Мы в ловушке.

— Неужели неоткуда вызвать подмогу? — спросила Алиса.

— Только из города, — ответил проводник. — Там есть специальная спасательная бригада. Но они же не знают, что с нами случилась беда.

— А как дать им знать?

— Для этого надо добраться до станции. Отсюда два километра до полустанка Праскава. Там есть телеграфный аппарат.

— Так пошли же! — сказала Алиса.

— Нет, нам не дойти, — вздохнул проводник.

— А если не идти, когда нас хватятся?

— Они пока не беспокоятся, потому что здесь часто бывают заносы и паровоз пробивается сквозь них очень медленно, хоть и везет перед собой треугольную лопату, чтобы чистить рельсы. Только часа через два в городе начнут беспокоиться, еще через час решат послать дрезину со спасателями, еще через три часа они сюда доберутся. К этому времени нас не будет в живых.

— О, какое несчастье! — закричал из-за двери купе воспитатель детского сада. — Не надо было мне стремиться к образованию! Лучше бы меня выгнали из школы.

Проводник отворил дверь купе воспитателя и сказал:

— Выходите к нам! Мы соберемся в служебном купе, закроем ставнями окна, запрем двери и будем ждать подмогу.

— Аждемся? — Преподаватель выглянул в коридор, его трясло от страха.

— У нас все уже рассчитано, — сказал проводник. — Не первый раз на нас нападают. Иногда удается продержаться до подхода помощи!

— А иногда? — спросил преподаватель.

— А иногда не удается, — сказал проводник и погрозил кулаком в сторону окна.

Алиса обернулась.

За окном торчала голова снеговика с угольками вместо глаз и морковкой вместо носа. Голова улыбалась, и это было неприятно.

Голова поднялась повыше, и Алиса поняла, что она надета на шест, а шест держит в руках облезлый медведь в валенках.

— Что это такое? — удивилась Алиса.

— Они снеговика лепят, — ответил проводник. — Он умеет замораживать людей.

— Нет, так нельзя! — возмутилась Алиса. — Мы с вами рассказываем детскую повесть. Так вы всех читателей перепугаете! Да и не только детей — вы только посмотрите на преподавателя детского сада, на нем лица нет.

Воспитатель так перепугался, что принял слова Алисы всерьез и стал ощупывать свое лицо, будто его могли украсть.

— Этого я не хотел, — вздохнул проводник. — Но, к сожалению, в нашем мире это грустная правда жизни. Пускай те, кому страшно, дальше эту повесть не читают. А мы, Алиса, с тобой и с другими пассажирами поскорее спрячемся, чтобы привидения и

оборотни не могли к нам пролезть.

— Скорее, скорее! — обрадовался преподаватель. Он схватил свой чемодан и, толкаясь, первым побежал в купе к проводнику. За ним поспешил толстый торговец.

Последней в маленькое служебное купе прошла Алиса. Было тесно. Воспитатель стонал, торговец вздыхал.

Проводник куда-то ушел и долго не возвращался.

В вагоне становилось все холоднее — видно, выгорела печка, а больше угля не подбрасывали.

В окно Алиса увидела, как из ельника вышел небольшой медведь. Он поднялся на задние лапы, чтобы получше разглядеть застрявший поезд, будто проверял, надежно ли он застрял. Может, это был самый обыкновенный медведь, но Алиса уже стала подозревать всех животных в служении этому злодею — графу Дракуле.

Нет, так сидеть нельзя. Скоро уже начнет темнеть, а в темноте, как известно, нечистая сила становится вдвое сильнее.

И тут вернулся проводник.

— Машинист сказал мне, — сообщил проводник, — что есть надежда на выручку. Надо ждать.

— Сколько надо ждать?

— Я думаю, часа два.

— А сколько до разъезда? — спросила Алиса.

— Два километра. До полустанка Праскава.

— Я туда пойду, — сказала Алиса.

— С ума не сходи! — воскликнул проводник. — Они тебя перехватят.

— Я замаскируюсь, — пообещала Алиса.

— Ты замерзнешь!

— Я тепло одета. И я не боюсь мороза.

— Они тебя растерзают!

— У меня есть «Пилат». Я могу ходить по воздуху и подниматься на несколько метров.

— Но вокруг дежурят совы и вороны! У них есть летучие вампиры! Они тебя поймают и в воздухе.

— Я не могу ждать, — возразила Алиса. — Я и в детстве этого не выносила. Они же думают, что мы сидим и ждем помощи, правда?

— Конечно, они уверены, что никто из нас и носа не высунет из поезда.

— Тогда я буду делать то, чего от меня не ожидают, — сказала Алиса.

— Ну как знаешь, — вздохнул проводник. — Ты уже большая девочка. Мое дело — честно предупредить.

— Можно я возьму простыню? — спросила Алиса.

— Зачем?

— Чтобы меня не сразу заметили.

— Это же надо так придумать! — обрадовался проводник Алисиной догадке. — На белом снегу под белой простынькой! Бери простыню, конечно, бери.

— А когда я доберусь до полустанка Праскава, что мне делать дальше?

— Первым делом сообщи тамошнему начальнику, телеграфисту Михаю, что путь завален снегом, пусть он вызывает помощь из города.

— А дорога от Праскавы до замка Кросскан есть? — спросила Алиса.

— Есть дорога. Только плохая, через лес.

— Я пойду через лес.

— Может, подождем вместе? — спросил проводник. — Ведь в Суха-Быстрице тебя ждет экипаж, он домчит до замка за полчаса.

— А когда это будет?

— Когда помощь придет.

— Но никто не знает, когда она придет!

— Никто не знает, — признался проводник, — но все надеются.

Алиса не стала больше тратить время даром. Она оделась, накинула на плечи лямки рюкзака, надвинула пониже на брови шерстяной шлем.

— Жалко, я лыж не взяла, — сказала Алиса. — И Пашка мне не сказал.

— Он же не думал, что вы будете по лесам ходить, — заметил проводник. Он был прав. Пашка не мог о таком догадаться.

— А здесь кто-нибудь ходит на лыжах? — спросила Алиса.

— У нас никто не смеет сунуть нос в лес, — сказал проводник. — И вообще люди предпочитают не отходить далеко от своего каменного дома.

Алиса сняла с дивана простыню. Накинула ее на голову. Теперь она была в белом плаще с капюшоном. Алиса подобрала подол белого плаща и сказала проводнику:

— До встречи!

— Я был рад с тобой познакомиться, — ответил проводник. — Надеюсь, скоро встретимся вновь!

Он проводил Алису до двери вагона, открыл ее треугольным ключом и осторожно выглянул наружу.

Все так же сыпал снег, небо скрылось за снежными хлопьями.

— Еще долго до темноты? — спросила Алиса.

— Часа два, — ответил проводник.

Они разговаривали вполголоса, чтобы не привлекать внимания врагов.

Врагов пока не было видно. Но Алисе казалось, что за каждым деревом кто-то прячется.

— Снег очень глубокий, — прошептал проводник. — Как минуешь завал, выходи на железнодорожные пути и иди по шпалам — там снегу меньше.

— Зато меня лучше видно, — сказала Алиса.

— И это правильно, — вздохнул проводник. Он протянул ей руку на прощание и произнес со слезами в голосе: — Жалко тебя, такая хорошая девочка и, вернее всего, погибнешь!

Хотела Алиса ему ответить, что не надо бояться, тогда и чудовища не возьмут над тобой власть. Но зачем обижать пожилого человека?

Алиса спрыгнула в снег и сразу ушла в него по колени.

Она поплотнее закуталась в простыню и стала карабкаться вверх по склону, к елкам, чтобы укрыться за ними.

Вскоре она уже оказалась выше поезда и смогла, выглянув из-за дерева, увидеть, что же произошло.

Справа, через три вагона, стоял паровоз с высокой трубой. Паровоз уткнулся в высокий вал снега и отчаянно дымил, будто сердился. Снежный завал тянулся метров на десять в длину. Если бы все пассажиры и проводники выбрались с лопатами, они бы его до темноты разбросали. Но Алиса уже знала, что никто вылезти не посмеет.

Если не считать дыма из паровозной трубы, ничто вокруг не шевелилось. Не было видно ни людей, ни животных.

Алиса пошла вперед, вдоль поезда. Идти было очень трудно — каждый шаг давался с трудом. Снег был где по колено, а где и по пояс. Ведь в лесу никто не протапывал тропинок для Алисы.

Алиса поняла, что так она доберется до полустанка только к завтрашнему дню.

Сделав из простыни маленькую палатку, Алиса присела на корточки и прикрепил подошвы «Пилата» на свои сапожки.

Высоту полета можно установить на браслете, приклеенном к руке, как вторые часы. Дальше все зависит от твоего умения. Алиса знала, как пользоваться ранцем, главное, надо помнить о равновесии. Забудешь — полетишь к земле быстрее камня. Так что детям пользоваться подошвами «Пилата» строго воспрещается, пока они не сдадут специальный экзамен.

Алиса поставила на циферблате высоту два метра — ей не хотелось подниматься над вершинами елок, чтобы ее не заметили. Она заскользила между зелеными ветками, умело отклоняясь от колючих иголок. Белая простыня развевалась сзади, и со стороны Алиса казалась привидением.

Она не успела толком подумать, какая ей польза от такого сходства, как заметила слуг графа Дракулы.

Оказывается, они таились прямо за снежным завалом. Поэтому их не было видно с поезда.

Если не знать, что это злодеи, захватившие всю страну, можно подумать, что за сугробом собралась сказочная компания.

Большой белый медведь, три привидения, снеговик с морковкой вместо носа, три волка, маленький, ростом с человека, дракон, скелет в черных брюках и без головного убора, на плече которого сидел большой черный ворон.

Заговорщики беседовали шепотом, видно, боялись, что их подслушают. Но Алиса подобралась к ним довольно близко. Она подлетела сверху с откоса и притаилась за молодыми елочками. Теперь ей было все слышно.

— Главная задача — найти чужую девочку по имени Алиса, — сказал черный ворон, сидевший на плече скелета. — Кто ее увидит, пускай не ест, не кусает, кровь не пьет, а связывает и везет в замок господина Дракулы на допрос.

— А маркиза Жанна сказала не так! — заявило одно из привидений. — Она велела эту девочку не жалеть. Как увидишь, сказала, сразу бей током! А потом высасывай из нее все силы, пока она не станет бесчувственной тряпкой.

Дракон радостно пустил из носа две струи дыма, волки завывали.

— Это что же получается, бунт? — спросил скелет.

— Карр! — крикнул ворон.

— Мы всех их разорвем и замучаем! — сказало второе привидение, и остальные обрадовались еще больше.

— Карр! — закричал ворон еще страшнее.

И тут, подчиняясь его призыву, сверху, из облаков, скрытых снегопадом, ринулась вниз стая ворон.

Они начали кружиться над бунтовщиками, щипать их клювами, бить крыльями, терзать когтями. Те сбились в кучку, стараясь залезть под белого медведя, которому воронье

повредить не могло.

— Будете слушаться? — спросил скелет.

Никто не ответил, но никто и не возразил.

— Всех остальных, кого найдете в поезде, вы можете есть, терзать, уничтожать, как вам нравится. Но девочка Алиса должна быть доставлена ко мне!

— А как мы ее узнаем? — спросил снеговик.

— Будем всех спрашивать, — ответил скелет. — Кто скажет, что он не Алиса, — уничтожайте, терзайте. А если кто скажет, что он Алиса, свяжите ей ручки и ножки, заткните ей ротик, и мы ее отвезем к начальству.

— А если станет сопротивляться, можно сначала ее убить, — добавил ворон.

Алиса была рада, что подслушала этот разговор.

Из него она узнала для себя важные вещи. Во-первых, кто-то уже знает, что она едет этим поездом, и к ее приезду готовятся. Во-вторых, ее намерены везти в плен, связав руки, ноги и заткнув рот. Вот этого Алиса не выносила и не собиралась допускать! В-третьих, она поняла, что всем, кто остался в поезде, грозит смертельная опасность! Она должна, обязана прорваться к телеграфному аппарату и сообщить в город о том, что поезд попал в ловушку.

— Когда мы будем их терзать? — спросило привидение.

Волки завывали от радости.

Алиса боялась увидеть среди этих злобных существ своего друга. Но эти волки были совсем другие — мелкие, с клычищами, облезлыми и злыми мордами.

— Сначала, — сказал ворон, — мы наберем камней и будем кидать в окна. Надо разбить окна и влезть внутрь.

— Но они знают об этом и прячутся в одном вагоне. В нем они закрывают окна чемоданами, досками, всем, что под руку попадается, — прорычал белый медведь.

— Знаю, — проскрипел скелет. — Терпение, друзья, терпение. У нас впереди целая ночь!

— А если к ним придет подмога?

— Никто не знает, что они застряли. А телеграфисту Михаю на полустанке Праскава сам господин Дракула послал лживую телеграмму о том, что поезд отменили. Так что он тоже не беспокоится.

«Ой! — сказала себе Алиса. — Мне надо спешить!»

Привидения, волки, медведь и остальные чудовища полезли на холм и стали разгребать снег в поисках камней, палок и другого оружия.

Пришлось Алисе отступить повыше, чтобы они на нее не наткнулись.

Но как ей идти дальше?

Лететь на гравиподошвах между елок слишком медленно и ненадежно. Это же не полет, а слалом. Подняться над деревьями — чересчур опасно. Тут тысячи ворон — они сразу тебя увидят.

И тут Алиса сообразила.

Ну как же она раньше не подумала?

Если боишься кого-то, то старайся казаться таким же!

А почему бы ей не стать призраком под белым покрывалом?

Гравиподошвы должны ей в этом помочь.

Алиса быстро сняла простыню и охотничьим ножиком прорезала в ней отверстия для глаз. Потом накинула простыню как балахон, скрепив ее на боку, так что высовывались

только руки. К счастью, Алиса никогда не расставалась с футлярчиком, в котором хранятся вещи, необходимые для путешественника. Там лежат нитки с иглками, скрепки, булавки, рулеточка, леска, крючки, шпагат, способный выдержать вес динозавра, и многое другое. И этот футлярчик помещается в широком поясе.

Соорудив себе одежду привидения, Алиса включила подошвы и поднялась на них на полметра над землей. Теперь простыня почти доставала до снега. А Алиса казалась ростом со взрослого человека или, вернее, со взрослое привидение.

После этого Алиса включила движок и медленно, словно плыла по воздуху, спустилась к занесенным снегом рельсам по ту сторону сугроба.

Возле сугроба остались лишь два волка и снеговик.

Волки подняли головы и даже зарычали, словно почуяли чужого, но вставать со снега они не стали — больше поверили глазам, чем нюху.

Алиса, не оборачиваясь, поплыла над путями прочь от волков. А так как летела она медленно и со стороны казалось, что она не летит, а идет, как ходят привидения — чуть касаясь земли, то никто не догадался, что Алиса — человек.

Правда, одна любопытная ворона довольно долго кружила над ней, время от времени каркая, словно удивляясь, но никто к ней не присоединился.

Через несколько минут Алиса пролетела мимо небольшой деревеньки, домов в пять. Может быть, там жили стрелочники или путевые рабочие. У одного из домиков стоял старик в меховой шапке и тулупе. Он увидел Алису, но сначала не смог разобраться, кто это белый несется по рельсам. Алиса уже решила было спросить его, долго ли еще ей добираться до полустанка, но не успела и рта раскрыть, как старик сообразил, что видит привидение.

— Еще одно! — закричал он. — Чур меня, чур меня!

И кинулся в дом.

Только дверь хлопнула.

«Бедненькие, — подумала Алиса. — Каково же им жить здесь и всегда бояться! Жить в страхе год за годом. Бояться, что их обидят, укусят, а то и съедят.

Эх, позвать бы на помощь всех ребят из класса, наверное, мы бы придумали, как помочь этим людям. А так мы здесь только вдвоем. Я и Пашка. Но совершенно неизвестно, что там с Пашкой. То ли он заточен в подземелье, то ли стал лучшим другом графа Дракулы. И то и другое возможно, потому что Пашка хоть и смелый, но наивный и доверчивый. А этим порой пользуются всякие мерзавцы».

Алиса посмотрела на часы.

По местному времени около четырех. Уже начало смеркаться.

Алиса вспомнила свое любимое стихотворение Лермонтова. Он писал:

Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни далеких деревень.

Наверное, он тоже чувствовал себя таким одиноким и никому не нужным! Вот пропадешь в этих снегах, никто и не найдет твоих следов. Только папа и мама будут плакать

и спрашивать всех: «Где же наша дочь?» И Пашкина мама тоже...

Как жалко, что она не спросила проводника, зачем же эти привидения и вампиры лезут к нам, на нашу Землю, в нашу Москву?

Но кто тебе ответит?

Сбоку появилось привидение, издали похожее на Алису, только зеленее.

— Где поезд? — спросило привидение. — Мне приказано там быть немедленно.

— Жди здесь, скоро приедет, — сказала Алиса привидению, и оно остановилось, поверив призраку в белой простыне.

И тут вдаль показались огоньки.

И больше всего Алису порадовал самый высокий из огоньков — он был зеленым. Это горел семафор.

Значит, близко станция.

Алиса включила подошвы на полную мощность и помчалась к полустанку Праскава, где ее должен ждать, если еще жив, телеграфист Михай.

Еще через пять минут Алиса как вихрь ворвалась на станцию.

Она забыла, что выглядит по крайней мере странно, и потому, увидев, что на платформе под фонарем стоит человек в красной фуражке начальника станции, она кинулась к нему.

— Господин Михай! — крикнула она.

Господин Михай поднял пистолет.

— Не подходи, — предупредил он. — Мой пистолет заряжен серебряной пулей. Ни одно привидение еще не посмело на меня напасть. Лети к своему графу Дракуле! — Но, сказав так, он стал отступать к открытой двери в станционное здание.

— Не бойтесь меня, господин Михай! — взмолилась Алиса, и, чтобы начальник станции не ошибся, она сорвала с себя простыню, и та упала у ее ног. — Я живой человек! — закричала Алиса. — Я не привидение.

Глава 10. Полет над лесом

Алиса сидела в жарко натопленной комнатке станции, где стоял телеграфный аппарат, а еще помещался стол, два стула и печка, на которой шумел чайник.

Михай отправил срочную телеграмму в город, и теперь они пили крепкий чай с Алисиными бутербродами. Алиса удивлялась, до чего же она замерзла, если летела не спеша и укрытая простынкой.

— Простыня — не одежда для нашей зимы, — говорил Михай, разговорчивый жилистый человек, у которого даже голова была такой маленькой, что форменная фуражка все норовила сползти ему на нос. В конце концов он снял ее и бросил на вешалку. Фуражка опустилась на крюк и спугнула маленького летучего мышонка, который затаился за плащами и куртками, висевшими там.

— Ах ты, мерзавец! — закричал Михай, выгоняя вампирчика в форточку, и плотно закрыл ее за ним. — Ну, нигде от них покоя не стало! Если им удастся нас покорить, люди будут рабами.

— Но зачем им это?

— А мне тут один вампирчик в лесу сказал: «Нам нужна власть, чтобы сосать кровь в свое удовольствие! Хватит побираться и таиться. Я хочу прийти на пункт питания и потребовать, чтобы мне дали девочку помоложе и послаще!»

— И вы думаете, что у них получится? — спросила Алиса.

— Не знаю. Но мы очень слабые, а их много, и у них сила.

— Но откуда их сила? — спросила Алиса.

— Никто не знает. Наверное, от колдовства.

Алиса вздохнула.

— С вами разговаривать — одно мучение. Откуда их сила — вы не знаете, как с ней бороться — вы тоже не знаете...

— Нет, мы сопротивляемся. Мы защищаемся.

— Конечно, вы меня простите, — сказала Алиса. — Вы человек взрослый, но у меня больше жизненного опыта, и я знаю, что нет такой крепости, которая бы в конце концов не сдалась. Так учил меня мой друг Ричард Львиное Сердце.

— О Ричарде не слышал, — заметил начальник станции. — А про крепость не понял.

— Ну как вам объяснить, Михай! Вот вы построили крепость. Всем крепостям крепость! И засели в ней. Но если вы себя посадили в крепость, значит, признались, что вы слабее врага. Вы уже в темнице, уже в плену. Пройдет день, месяц, год, и ваши стены не выдержат вражеских снарядов, а ваши ворота проржавеют. И враги вас обязательно победят.

— А что же делать? — спросил Михай.

— Вылезать из крепости и идти на врага, — сказала Алиса.

— Наверное, в твоих словах есть правда, — сказал Михай. — Но тебе хорошо говорить — у вас-то привидений нет! А нас они замучили. Нельзя же сравнивать!

— А почему бы и не сравнить? Я одна, но я сейчас пойду дальше, в замок графа Дракулы.

— Ты с ума сошла! И не думай. Мы с тобой посидим здесь запершись. Ни один вампир нас не тронет. А утречком придет поезд, ты вернешься в свое купе. В Суха-Быстрице тебя встретит карета, и ты увидишь своего Пашу уже завтра днем.

— Может, увижу, а может, не увижу. Может, придет поезд, а может, не придет, —

возразила Алиса. — А я не хочу зависеть от других. Я хочу рассчитывать на себя. И я знаю, что Пашка ждет меня, что я ему нужна.

— Мы все очень на тебя надеемся, — сказал Михай. — О тебе уже слухи идут по нашей стране. Вернее всего, привидения устроили засаду на поезд, чтобы тебя схватить. Так приказал сам граф Дракула.

— Михай, расскажите мне, как отыскать дорогу к замку Дракулы?

— Дорога-то есть, — вздохнул Михай, — но очень опасная. Она ведет через лес, через развалины и потом через кладбище. Это просто ужас, а не дорога. Умоляю тебя, Алиса, останься со мной.

— Если я сейчас испугаюсь, — отрезала Алиса, — значит, я буду всю жизнь бояться. Не верю я в ваши привидения!

— Но как же можно не верить в привидения, — ахнул начальник станции, — если мы ими угнетены и запуганы?

— Вот в этом я и хочу разобраться, — сказала Алиса и стала собираться в дорогу.

Так как лыж на станции не было, она решила и дальше лететь на гравиподошвах. Если ее маскарад удался днем и обманул привидения, то вечером уж тем более никто не узнает в ней девочку с Земли.

Михай нарисовал для Алисы карту пути.

Сначала дорога к замку ведет через лес. Потом начинаются развалины маленького городка, который жители покинули из страха перед нечистью. За городком дорога пересекает старое кладбище. И потом начинается подъем на холм, на котором и стоит фамильный замок герцогов Кросскан, который Дракула у них отобрал.

Алиса спрятала карту на груди, хотя надеялась, что она ей больше не пригодится.

Алиса сделала вид, что ничего не боится. Так было надо. Потому что если она не боится, то и Михай становится смелее. Страх ведь заразный, как грипп. Можно заразить страхом целую страну или планету. А потом много месяцев придется ее лечить.

— Завтра, в крайнем случае послезавтра, ждите меня обратно, — сказала Алиса. — Я вернусь на поезде или каким-нибудь другим путем, но вам я обязательно обо всем сообщу. Вы ведь очень смелый человек.

— Ой, и не говори так, — ответил Михай. — Я сижу и дрожу. За себя дрожу, за тебя дрожу, за станцию дрожу. Хорошо еще, что я холостой.

— Глупости, — сказала Алиса, натягивая свою маскировочную простыню с прорезями для глаз. — Если бы вы были трусом, то давно бы убежали с этой маленькой станции, где остались одни.

— У меня есть стрелочники, но они редко приходят, — сказал Михай.

— Скоро все кончится, — сказала Алиса. — А сказки кончаются хорошо. Потерпите, Михай.

Михай похлопал Алису по плечу и проводил гостью до края платформы. От последнего фонаря начиналась проселочная дорога к замку Кросскан. Она вела через поле и была обсажена по сторонам старыми дубами. Алиса включила подошвы, немного поднялась над дорогой и понеслась вперед. Простыня чуть касалась снежного покрова, и снежок кружил серебряными облачками в синем вечернем воздухе.

Алиса обернулась.

Черным кубиком виднелось здание станции. На черном высоком столбе сиял зеленый свет. А в окошке уютно горела керосиновая лампа. Там сидел отважный Михай и ждал

своего поезда.

— До свидания! — закричала Алиса, но ее крик растаял в снегопаде.

Она полетела над дорогой, теперь уже как можно скорее, кутаясь в простыню, чтобы не замерзнуть.

Алиса могла бы включить небольшой фонарик, который был вшит в ее шерстяную шапочку, но потом подумала, что ей достаточно света луны.

Наверное, по этой дороге в последний раз кто-нибудь проезжал в прошлом году. И если бы не деревья по сторонам, трудно догадаться, что летишь над дорогой, а не над просекой в лесу.

Снегопад только-только прекратился, и облака улетели, унесенные последним усилием еще недавно бешеного ветра. Наступит сказочный новогодний покой, когда воздух прозрачен и видны улыбки на личиках звезд, когда снег настолько ровный и нежный, что даже птицы еще не решаются оставить на нем тонкие треугольники своих следов. И все это снежное одеяло соткано из миллиардов снежинок, из бриллиантиков голубого цвета.

Тишина такая, что слышно, как шепчутся звезды, как пролетает по небу метеорит, как вздохнул в берлоге медведь, как пискнул в своей глубокой норе крот, увидев страшный сон.

Алиса летела над дорогой, стараясь не дотрагиваться краем простыни до снежного покрова.

«Странно, — думала Алиса, — я здесь уже давно, целый день, а не видела еще ни одного ребенка. Неужели их совсем не осталось?»

Дорога привела Алису к развилке. От развилки надо было брать левее, к развалинам городка, покинутого жителями.

На развилке стоял навес на четырех каменных колоннах, за ним плита и в ней кран, от которого к самой земле тянулась сосулька.

Алиса догадалась, что летом из крана течет родниковая вода.

Она остановилась, подошла к крану, отломила сосульку и начала ее сосать. Если бы сейчас эту картинку увидела мама, а тем более домашний робот Поля, они бы с ума сошли. Впрочем, они бы еще скорее сошли с ума, если бы знали, что Алиса летит в замок, которым правят привидения, да еще мчится по заколдованному зимнему лесу, куда ни один человек не смеет сунуться...

И не успела Алиса додумать мысль до конца, как из-за каменной колонны вышел маленький мальчик в серых лохмотьях и шапке с оборванным ухом.

— Добрая тетенька, — сказал он, протянув к Алисе тонкую, посиневшую от мороза ручку, — подайте кусочек хлебца несчастному сиротке.

— Ой! — испугалась Алиса. — Ты что здесь делаешь? Ты же замерзнешь!

— Я обязательно замерзну, — сказал мальчик. — Я чувствую, как онемели мои ножки и отморозились уши.

— Так беги домой!

— У меня нет дома, — сказал мальчик, — я днем сижу в снегу, ночью в ледяном погребе, а кушаю льдинки и сосульки. Помоги мне, обними меня! Неужели ты дашь мне погибнуть?

Мальчик шел к Алисе, протягивая бессильные ручки и дрожа всем тельцем.

Алисе стало его безумно жалко. Она подбежала к нему и обняла.

— Как же так! — говорила она. — Сейчас я тебя разотру, сейчас я дам тебе глюкозы...

Но она не успела ничего сделать, потому что в мгновение ока ручки мальчика, которые

обнимали ее шею, стали цепкими и когтистыми. Он вцепился в шею Алисы и раскрыл ротик... изо рта торчали длинные загнутые зубы!

Еще секунда — и он вонзит зубы в шею Алисе!

Алиса рванулась в сторону, но мальчик висел на ней, не отпуская.

Он злобно захохотал, и его хохоток понесся над снежной пустыней, устремившись к звездам.

Ужас придал Алисе дополнительные силы. Она оторвала от себя когти маленького чудовища и успела нажать на кнопку гравиподошв.

Тут же подошвы заработали и понесли Алису вверх.

Секунду, а может, две маленький нищий висел на Алисе, а потом его когти разжались, и с отчаянным криком он понесся к земле.

Алиса только тут сообразила, что она могла и убить этого перевертыша. Ведь за две секунды подошвы вознесли ее на высоту пятиэтажного дома.

Опомнившись, Алиса испугалась за мальчика и быстро спустилась к нему. Но касаться его не стала.

Мальчик лежал, зарывшись в снег, глаза его были закрыты.

— Ты не разбился? — спросила Алиса.

Мальчик не отвечал.

Алиса протянула руку, и тут мальчишка сразу ожил и снова кинулся на Алису. Бывают такие собачонки. Вроде ты ей все объяснил и она уже поджала хвост, но стоит тебе повернуться к ней спиной, как она в бешенстве кидается, чтобы схватить тебя за пятку.

Но Алиса два раза на одну уловку не попадает.

Она успела отскочить.

Мальчонка стоял, расставив руки и согнув ноги, готовый прыгнуть. Глаза его сверкали отчаянным зловещим блеском. Он снова кинулся на Алису, и она опять отпрыгнула в сторону. Злости в этом мальчонке было хоть отбавляй, но вот спортом он никогда не занимался, и, конечно же, в ловкости ему с Алисой не сравниться.

Когда он кинулся на Алису в третий раз, она подставила ему ножку, и мальчишка растянулся во весь рост. Теперь-то уж Алиса его не жалела. Она поняла, что он мальчишкеловушка для случайного путника. И относится он к компании привидений.

Хитрец сообразил, что Алису ему в честном бою не одолеть, поэтому он кинулся на землю и принялся кататься по снегу и горько плакать.

— Ты меня избил! — кричал он. — Ты меня искалечила! Вот мой старший брат придет, он тебе покажет.

— И кто же такой, если не секрет, твой брат? И где он живет?

— Мой старший брат — великий волшебник! — заявил нищий мальчик. — Он живет в замке.

— А ты, несчастный врунишка, побираешься? И давно ты видел здесь прохожих?

— Давно, — ответил мальчик, — очень давно. И я сильно проголодался.

— Так чего же сидишь?

— Потому что жду девочку Алису. Я должен ее поймать.

— А потом?

— Раньше был приказ доставить ее в замок. А сегодня пришел новый приказ — если будет сопротивляться, ее можно убить!

— И кто же приказал?

— Меня не спрашивают, — ответил мальчик.

— И где же ты живешь? — спросила тогда Алиса.

— Я на кладбище, — быстро ответил мальчик, и Алиса подумала: снова врет!

Алиса потуже закуталась в простыню и включила подошвы.

Мальчик, который смотрел на нее с земли, спросил:

— Так ты Алиса или не Алиса?

— Я привидение! — откликнулась Алиса. — Неужели тебе это не понятно?

Она летела все выше, а снизу донесся голос мальчика:

— Чего же ты раньше не сказала! А я думал, что ты Алиса...

Алиса больше не слушала его. Она полетела левее.

Никто ее не преследовал, никто не обращал на нее внимания.

Снова набежали облака, и луна все чаще скрывалась за ними.

Сразу становилось совсем темно, и Алиса поднималась повыше, чтобы не задеть вершины деревьев.

Она миновала развалины городка, покинутого жителями.

Некоторые дома еще стояли совсем целые, у других провалились крыши или упали стены. Летучая мышь поднялась с развалин и погналась было за Алисой, но, не долетев до нее, повернула обратно, крикнув:

— Извини, я тебя за девочку Алису приняла, а ты, оказывается, одна из наших!

«Чего же они так стараются, так хотят меня поймать? — удивилась Алиса. — Ничего плохого я им не делала и всего-то везу Пашке теплые вещи. А можно подумать, что обо мне чуть ли не каждое второе чудовище уже знает. Даже драконы!»

Вот и городское кладбище.

Тут Алиса взяла еще повыше. Ведь если здесь мертвяки всю страну завоевали, можно представить, что они творят на кладбище! Если спустишься, тут же разорвут.

Сверху Алисе показалось, что при ее приближении стали двигаться каменные плиты, из-под них вылезали руки скелетов, но, может, это показалось с перепугу — ведь Алиса летела высоко, а луна зашла.

И вот впереди показались стены и башни замка, который венчал собой пологую гору, поросшую вековыми елями. Ели стояли тесно, так что холм был похож на спину ежа.

Сам замок был сложен из плит светлого камня и поэтому казался призрачным. Железные ворота были закрыты, стены — высокие, по углам поднимались круглые башни, а в центре стояла главная толстая и высокая башня с узкими окнами. В некоторых поблескивал свет. Алиса знала, что такая башня называется донжон.

Сомнений не оставалось. Это был замок Кросскан, захваченный привидениями графа Дракулы.

Путешествие Алисы закончилось.

Глава 11. Жители замка Кросскан

Ворота в замок были закрыты, и Алиса предпочла подняться повыше и перелететь через стену. Зачем стучаться в ворота замка, где тебя ждут не только друзья?

Алиса надеялась, что ее не заметят. Было уже совсем темно. Луна спряталась, снова пошел снег, правда, не такой густой, как прежде.

Алиса поднималась все выше, вот зубцы крепостной стены остались внизу, и ее глазам открылся двор замка, освещенный факелами. Двор замка был очень велик, в половину футбольного поля. Он был занесен снегом, но не весь: по краям его, в тени стен и башен, рядами тянулись хижина — видно, окрестные жители скрывались в них от непогоды или вражьих набегов.

Алиса медленно кружила над двором замка, стараясь понять, живет ли кто-нибудь в этих хижинах.

Казалось, что там есть люди — снизу доносились голоса, стоны, бормотание, но ни в одной из хижин не горел свет, из труб не поднимался дым, да и не было видно тропинок или дорожек в снегу, словно обитатели хижин сидели дома и не смели высунуть носа на мороз.

Алиса не заметила, как рядом с ней появилась большая сова, ростом с немецкую овчарку.

— Пароль! — просвистела сова.

Алиса не стала ей отвечать — что бы ни ответила, все равно ошибешься. Вместо этого она приказала подошвам нести ее вниз и ухнула к самой высокой башне скорее, чем сова успела спуститься за ней.

На верхушке башни был люк, от которого вниз вели ступеньки.

Алиса прыгнула к люку и побежала вниз по каменной лестнице. Лестница была узкой, она жалась изнутри к каменным стенам башни.

Сова громко захлопала крыльями, крикнула что-то неразборчиво, но внутрь башни сунуться не посмела.

Алиса понимала, что если сова служит в замке часовым, то она обязательно сейчас доложит своему начальству, что видела подозрительное привидение в белой простыне, летающее, но не желающее сообщить пароль.

Ах, как жаль, что у Алисы нет шапочки-невидимки. Когда-то была, но она сдала ее в музей, потому что эта шапка соткана из невидимого растения, растущего на планете Блайвау. Там такие растения встречаются очень редко. Они стоят в степи и поджидают пролетающих мимо птиц. Те попадают в колючие, гибкие, упругие ветви, как в паутину, и растение, задушив птичку, пьет ее соки. Со стороны совсем непонятно, что происходит. Почему птичка бьется в воздухе, когда рядом нет никаких врагов? Из волокон такого растения и была соткана шапка-невидимка, которая досталась Алисе совершенно случайно на ярмарке возле города Палапутра на планете Блук. Тогда Алиса была еще совсем ребенком, но, честно говоря, шапка-невидимка здорово помогла Алисе в ее приключениях. А вот когда они с папой вернулись домой, папа сказал, что такой редкой и ценной вещи место в музее, потому что если ее не сдать в музей, то шапка-невидимка быстро износится. Он сам еще относительно недавно был школьником и знал, сколько всяких шалостей можно сотворить в школе с помощью шапки-невидимки. Алиса вздохнула и послушалась папу. Она всегда его слушалась, если думала, что он прав.

Жалея о шапке-невидимке, Алиса спускалась по лестнице в башню. На верхних этажах

никого не было. Там валялись сломанные стулья, дырявые тазы и мятые кастрюли, стояли покосившиеся кровати без матрацев — люди хранили там ненужные вещи, которые было жалко выкинуть.

Алиса миновала три этажа.

Перед спуском на нижний этаж она остановилась, потому что снизу пробивался свет. И слышались голоса.

Алиса подошла к отверстию в полу, от которого вниз вела лестница, и, присев на краю, заглянула вниз.

Она увидела большой круглый зал, занимавший нижний этаж центральной башни. Зал был кое-как освещен факелами, которые торчали из железных колец, укрепленных в стенах меж каменных глыб.

В зале было два стола. Один длинный, видно письменный, заваленный бумагами, книгами и пергаментными свитками, стоял у камина, над которым был прибит щит с гербом — рыцарская рука с обломанным мечом. Второй стол, круглый, столовый, стоял посреди башни.

На стенах висели неприятные картины: тщательно вырисованные изображения всевозможных чудовищ: привидений, драконов, вампиров, ведьм, а также воронов, филинов, черных котов и бурых жаб.

Вокруг обеденного стола, на котором стояли бутылки и кувшины с напитками, на стульях с высокими спинками сидели несколько человек. Все они были Алисе знакомы.

Ближе всех к Алисе сидел человек, похожий на белого ворона. У него был длинный, как клюв, розовый нос и ежик белых волос на голове. Конечно же, это граф Дракула!

В соседнем кресле расположился лысый длиннорукий человек, головка тыквочкой, одетый в обычный мужской костюм, поверх которого было надето широкое пальто. Это был профессор Гоц.

Третьей персоной за столом была маленькая красивая женщина средних лет в длинной горностаевой шубе, похожей на королевскую мантию. Высокий твердый воротник подпирал подбородок женщины, ее голова в маленькой круглой меховой шапочке была поднята, подбородок торчал вперед, и оттого она казалась ужасно гордой и даже спесивой. Алиса эту женщину видела в городе. Называли ее маркизой. Четвертого человека за столом Алиса отлично знала. Это был, разумеется, Пашка Гераскин. Чтобы не мерзнуть в холодном зале, он разыскал где-то старую кожаную курточку, а горло обмотал полотенцем. Алисе стало жалко Пашку, и она уже готова была спуститься вниз и сказать ему, что в рюкзаке лежит его настоящая зимняя куртка с обогревом. Но что-то ее заставило замереть у лестницы.

Если бы Алиса не добиралась сюда с таким трудом и через такие испытания, если бы не знала, что граф Дракула велел ее поймать, она бы вела себя иначе.

Алиса стояла, склонившись над люком в полу второго этажа, и глядела вниз. Ей был отлично слышен разговор, который вели люди внизу. И Алиса решила, что постоит здесь немного, может быть минут пять, и послушает, о чем идет речь.

Граф Дракула налил себе в бокал из кувшина и сказал:

— Немного осталось ждать, немного. Мы ждем твою подругу с минуты на минуту.

— А я уже волнуюсь, — сказал Пашка.

— Скоро она будет, очень скоро. Я послал ей навстречу верных драконов.

— Только не испугайте ее, пожалуйста, — попросил Пашка.

— Чтобы я посмел поднять палец на саму Алису Селезневу?! Да никогда! — возмутился

граф. — Ты меня оскорбляешь, мой друг Гераскин.

— Послушайте, граф, — трескучим голосом сказала маркиза, — а вы уверены, что Алису не перехватят ваши враги?

— Все в порядке, — ответил граф-ворон. — Мои привидения ее не пропустят.

— Я тоже с нетерпением жду Алисочку, — сказал длиннорукий человек в пальто. — У меня руки связаны без микроскопа! Какая жалость, что я слишком торопился!

— Мы с уважением относимся к вашим исследованиям, профессор Гоц, — сказал граф Дракула и задумчиво покачал носом, словно хотел клюнуть профессора. — Мы желаем узнать, из чего сделаны привидения.

— Скорее бы, скорее! — Маркиза потеряла руки, словно обжора, увидевший, как несут кастрюлю с борщом. И Алиса подумала, что эта женщина — притворщица.

— Не дождусь! — воскликнул Пашка. — Мы с Алисой тут же полетим в Дикие горы.

— С минуты на минуту, Пашенька, — сказал Дракула. — А потом ты отвезешь меня в гости к себе.

Он для всех находил доброе слово, всем улыбался, но Алиса остерегалась его даже на расстоянии. Неужели Пашка и Гоц не чувствуют опасности? Конечно, они не знают, сколько горя Дракула принес людям, но надо же чувствовать!

А что ей самой делать?

Спрятаться где-нибудь в замке, а потом тихонько отыскать Пашку и все рассказать?

Но где спрятаться, как выследить Пашку?

Алиса так задумалась, что не услышала, как кто-то подошел совсем близко. В последний момент она вскочила и прижалась спиной к стене.

В свете редких факелов Алиса увидела, что сверху спускается скелет. Деваться Алисе было некуда.

У Алисы было три секунды на размышление.

И она решилась.

Она сбросила простыню, взяла в руку рюкзак и, ничем не показывая, что волнуется, пошла вниз по каменной лестнице.

Она спустилась в нижний зал, и только тогда ее заметили.

Первым ее увидел Пашка.

— Ур-ра! — закричал он, вскакивая со стула и кидаясь к Алисе. — Я же знал, что ты к нам прорвешься! Не может быть, чтобы Алиса не пришла на помощь к друзьям.

— Алиса? — Граф Дракула выпрямился, как складной нож. — Этого быть не может! Кто допустил?

Еще больше разозлилась гордая маркиза.

— Где мой пистолет? — закричала она. — Я убью этого обманщика Дракулу!

Маркиза хлопала себя по бокам, но пистолета не находила. Она совершенно потеряла рассудок.

— Ты же мне обещал! Ты же здоровьем мамы поклялся, что она сюда не придет! — кричала гордая дама. Ее жесты, ужимки и прыжки были знакомы Алисе. Но кого же она ей напоминала?

— Моя мама давно померла, — ответил граф Дракула. — Ты поменьше верь моим клятвам. Я же негодяй!

— Но между своими... нельзя же так!

— Ее уничтожить никогда не поздно, — сказал граф Дракула. — Так что ты, маркиза,

не беспокойся. Мне сейчас важнее понять, как она сюда попала и кто ей помог! Я думал, что меня вся планета боится. Но, оказывается, кто-то не боится. И это мне не нравится. Придется Алису пытаться. А я так не люблю пытаться девочек...

— Вы все сказали? — спросил Пашка, который держал Алису за руку. — Теперь давайте я вам кое-что скажу. Меня очень удивляет ваше поведение, граф Дракула. Зачем вы мне клялись, что сделаете все, чтобы Алиса нас нашла? Почему изображали из себя доброго человека и ученого? Говорите правду, иначе я приму меры!

— Ха-ха-ха! — затряслась от хохота маркиза. — Этот клопик хочет нас учить! Да я его растерзаю!

— И не мечтай, — ответил Дракула. — Эти людишки мне нужны. Без них мне трудно будет осуществить мои великие планы.

— А нам нужна Алиса! — бушевал Пашка. — И только попробуйте тронуть моего друга! Я весь ваш замок разнесу!

Маркиза снова засмеялась, правда, не очень громко.

— Вам придется убить нас всех! — сказал Пашка. — Правда, Иона Ионович?

Профессор Гоц, который сидел в глубокой задумчивости, расчесывая три волоса на макушке, сообразил, в чем дело, и сказал:

— Я полностью солидарен с Павлом Гераскиным. Немедленно отпустите девочку!

— Интересное кино! — возмутилась гордая маркиза. — Я-то думала, что он только о своих микробах умеет думать. А он нам угрожает!

Профессор отвернулся от маркизы и спросил у Алисы:

— Прости, девочка, привезла ли ты электронный микроскоп?

— Я выполнила все просьбы Пашки, — сообщила Алиса.

— Еще бы! — сказал Пашка. — Я же на тебя надеялся.

Гордая маркиза оттащила высокого негнущегося Дракулу в сторону. Она что-то шептала ему, уговаривала, даже повизгивала от нетерпения и притопывала красной туфелькой.

Дракула глубоко вздыхал и думал.

Алиса тем временем вытащила из рюкзака теплый костюм для Пашки, коробку с электронным микроскопом и футляр с хирургическими инструментами для профессора.

— У вас есть лаборатория? — спросила она.

— Нам обещали ее выделить, — сказал профессор. — Иначе где я поставлю микроскоп?

Профессор приоткрыл коробку и проверил, правильно ли исполнила его просьбу Алиса.

— Ты не бойся, Алиска, — сказал Пашка, — мы тебя в обиду не дадим. Да и вообще это все шутка. Они славные ребята. Дракула командует привидениями, а маркиза просто веселая, ты ее полюбишь. Ее зовут Жанна ля Мотт. А она велит звать ее попросту Жанной, представляешь, какая она демократичная?

— Тогда почему она так кричит? Почему хочет меня убить?

— Я полагаю, — сказал профессор Гоц, — что никто не собирается здесь вас убивать. Это все шутки.

— Шутки? — Алиса хотела было рассказать, как она сюда добиралась. И как узнала, что есть приказ ее убить.

Но тут Дракула кончил беседовать с маркизой Жанной и вернулся к своим гостям.

— Мне надо поговорить с Алисой один на один, — сказал он. — Так что все остальные свободны. Маркиза проводит вас в дом, где будет ваша лаборатория. Там ждите Алису.

— Дай-ка я сама с ней побеседую, — сказала маркиза.

— Жанночка, — попросил ее Дракула, — проводи гостей. Я жду тебя к ужину.

— Я тебе не верю, — сказала Жанна. — На самом деле ты не хочешь ее убивать. Если ты ее не убьешь, я сама ее убью. А то она все нам испортит.

— Я никогда и никого не убивал, — сказал Дракула. — Я очень добрый человек. Но жизнь заставляет... да, тяжелая жизнь заставляет быть жестоким.

Он взмахнул рукой, и тут сверху, из темного отверстия в потолке, влетела воронья стая. С громким карканьем вороны принялись кружиться над людьми.

Отбиваясь от галдящих птиц, Пашка с профессором выбежали из башни. Маркиза, подобрав юбки, поспешила за ними.

— Теперь, когда мы остались одни, Алиса, можем поговорить серьезно, — сказал Дракула.

Дракула отошел к очагу и остановился там. Алиса посмотрела на знакомый герб над дверью — на щите рыцарская рука, которая держит сломанный меч. Она вспомнила, что это герб герцогов Кросскан, но ей было интересно послушать, что скажет Дракула.

— Чей это герб? — спросила Алиса.

— Наш герб, дракуловский, фамильный, — ответил Дракула, задрав голову, чтобы лучше рассмотреть щит.

— Какой он необычный!

— Ясное дело — необычный. Мой предок Дракула Третий однажды встретился в лесу с драконом. Дракон как раз поймал прекрасную княжну Мойру, единственную племянницу владетеля Бланманже. Дракон положил девицу на траву и думал, то ли съесть ее, то ли на ней жениться.

— Неужели драконы женятся на девицах? — спросила Алиса.

— Когда девушки красивые, а драконы не очень большие, то чаще всего женятся. А если дракон большой, а девушка некрасивая, то, скорее всего, едят.

— И что же случилось потом?

— А потом мой предок Дракула Третий выхватил свой волшебный меч и ударил им дракона. Меч ударился о железную чешую и сломался, но дракон перепугался и улетел. Дракула Третий привел девушку в чувство, вернул ее родственникам, а сломанный меч стал основой нашего герба, потому что до того на нашем гербе был целый меч.

— А почему ваш предок не женился на Мойре?

— Потому что у него была жена и трое детей.

— А какой вы сам по счету? — спросила Алиса.

— У меня шестнадцатый номер. Официально я именуюсь Дракула Шестнадцатый.

— Ну вот, — произнесла Алиса. — Наконец-то вы правду сказали.

— А остальное было неправдой?

— Боюсь, что да, граф, — вздохнула Алиса, которая отлично помнила рассказ о гербе, который слышала от герцога Франсуа и слуги Ганса.

— Ты плохо воспитана, Алиса, — сказал Дракула. — Но дело не в этом. Садись. Камин совсем погас.

Дракула хлопнул в ладоши. Послышались частые шажки, и по лестнице сверху сбежали на задних лапах гигантские белые крысы, каждая ростом со свинью. Они держали в лапах факелы. И улыбались, поводя усами.

— Ну и народец у вас, — сказала Алиса. — Предупредили бы, а то и испугаться

недолго.

— А я думал, что ты любишь животных, — криво ухмыльнулся Дракула. Он так надеялся, что Алиса перепугается, но ошибся.

— Люблю, — согласилась Алиса. — Но обыкновенных.

— Обыкновенных животных не бывает, — возразил Дракула. — Проходи, проходи, не укусят. Они у меня смиренные.

По знаку Дракулы крысы разожгли очаг и отошли к двери.

Низкий сводчатый потолок был покрыт сажей от свечей и факелов. Окошки, совсем маленькие, помещались под потолком. Дракула прошел за стол и уселся на стул. Алиса стояла по другую сторону стола.

— Теперь, — сказал Дракула, — давай поговорим откровенно.

— Давайте, — согласилась Алиса.

— Признаюсь, что я приказал тебя убить.

— Я знаю.

— И знаешь почему?

— Нет, не знаю.

— Меня умоляла об этом маркиза Жанна ля Мотт.

— Почему? — удивилась Алиса.

— А вот это ты мне скажи, — ответил граф Дракула. — Маркиза — моя подруга, но истина дороже.

Крысы внимательно смотрели на Алису и улыбались. Какой противный этот Дракула, и друзья у него такие же! И верить ему не хочется.

Он обманывает, хитрит, даже говорит добреньким голосом, но забыл о том, что нормальный хозяин, если хочет поговорить с гостем, обязательно предложит ему стул, тем более если его гость — девочка, которая страшно устала. Но Алиса и виду не подала, а вежливо ответила:

— Давайте говорить откровенно.

— Тогда открой мне первый секрет. Как ты до меня добралась?

— С трудом, — честно ответила Алиса.

— Ты не должна была добраться! Все мои слуги ловили тебя!

— Это было отвратительно! — сказала Алиса.

— Почему же ты не вернулась?

— Но я обещала Пашке привезти теплые вещи, — серьезно ответила Алиса, глядя на Дракулу в упор и делая вид, что она не очень умная девочка.

— И поэтому ты не испугалась драконов?

— Нет, я испугалась драконов!

— Кто тебе достал билет на поезд? И не пытайся меня обмануть! Я все знаю, у меня везде шпионы. Это был герцог? Этот проклятый Франсуа?

— К сожалению, я не могу вам ответить, — сказала Алиса.

— Ты ответишь! — Графа Дракулу охватил страшный гнев. — Я тебя растерзаю! От тебя одни уши останутся.

— Терзайте, — согласилась Алиса.

Не думайте, что она не боялась этого сумасшедшего графа. Как можно такого не бояться! Но ей казалось, что всё вокруг как бы понарошку. Даже крысы у дверей, которые подошли поближе и сидят, как сурки, на задних лапах, держа в передних факелы, тоже

ненастоящие.

Дракула еще немного пошумел, потопал сапогами, но вдруг спросил обыкновенным голосом:

— Кто тебе помог из поезда удрать? Кто? Молчишь? А я вот узнаю! А кто тебе помог от поезда до моего замка добраться? Молчишь? А мы и это узнаем. У меня везде есть шпионы — все небо, вся земля меня слушаются. Даже под землей гномы и кроты на меня работают!

— Господин Дракула, — сказала Алиса, — если вы не знаете, как я сюда добралась, значит, ваши шпионы — барахло.

— Что-о-о? Что она мне говорит! Что ты понимаешь, пигалица, в шпионаже?

— А раз вы все знаете, зачем меня спрашивать? — сказала Алиса.

Одна из крыс положила факел на пол и заплодировала белыми лапками.

— Немедленно прекратить! — завопил Дракула. — Подними факел! Ты кому хлопаешь?

Он выхватил шпагу и попытался проткнуть крысу. Та взвизгнула и кинулась наутек. Вторая, прежде чем последовать примеру подруги, умудрилась ткнуть Дракуле в лицо факелом, отчего кончик его носа почернел, а Дракула стал бить себя по носу, прыгать и ругаться. Глаза его злобно сверкали.

Наконец он пришел в себя.

— Девочка, — сказал он хриплым голосом, — никогда не суди о сильных мира сего по их слабостям. Да, у меня бывают глупые слуги. Но их накажут.

— У-у-ух! — послышалось в ответ, и появившаяся из темного угла сова вылетела в дверь.

— Хорошо, Алиса, — продолжал Дракула. — Забудем прошлое. Я и без тебя узнаю, кто тебе помог, и накажу этих помощников. У тебя же теперь есть выбор. Ты можешь стать моей союзницей, помочь мне, подружиться со мной. А можешь погибнуть.

— Спасибо за такой выбор, — сказала Алиса. — А что значит дружба с Дракулой?

— Молодец, что так быстро соображаешь. Тогда и я буду с тобой откровенен. Я овладел всей этой страной. Мне подчиняются все привидения, оборотни, вампиры, гномы, водяные, ведьмы и живые скелеты. От меня нет тайн. Стаи драконов и воронья могут растерзать любого врага. Мой старый враг герцог Франсуа жив только потому, что я его жалею. Власть моя беспредельна!

— Так чего же вам еще надо? — спросила Алиса.

— Мне нужна твоя Земля, — сказал Дракула. — Я не могу остановиться. Потому что я страшный тиран и типичный завоеватель. Как только я покорю одну страну, мне приходится покорять следующую. Если их не покорять, то они все восстанут, и мне придет конец. Но, к счастью, нет предела моему могуществу.

— Так и завоевывайте, — сказала Алиса. — Зачем вам моя дружба?

— Труднее всего сделать первый шаг. Мне нужно проникнуть в твою Москву и установить там секретную базу. Оттуда я начну свои нападения... Ах, как славно! — Дракула даже подпрыгнул от радости. Он был похож на белого ворона с черным клювом.

Стукнув кулаком по столу, Дракула стал метаться вокруг стола, будто гонялся за тараканом.

— Мне нужны союзники, — заявил он. — Кто-то должен помочь привидениям и драконам вылезти из сундука, поселиться в тайном безопасном месте, накопить силы... ну как тут обойдешься без помощников? Вам с Пашей и профессором Гоцем придется взять на

себя эту задачу. За это я вам обещаю что угодно. Хочешь стать министром? Хочешь быть начальником тюрьмы? Хочешь стать директором зоопарка и мучить всех животных? Ну скажи, чего ты хочешь?

— Пожалуй, я ничего не хочу, — сказала Алиса.

— Тогда моя подруга маркиза Жанна права, — вздохнул граф Дракула. — Обойдемся без твоей помощи. Нам хватит Пашки и профессора. А для того чтобы ты их не испортила, мы тебя убьем прямо здесь!

— А они согласны вам помогать? — спросила Алиса.

— Почти-почти, — ответил Дракула.

Тут отворилась дверь, и показался Пашка Гераскин.

— Ну вот, — сказал он с облегчением. — Вы здесь. А то я уж стал беспокоиться за Алису.

— Спасибо, Пашенька, что ты пришел. Значит, тебя еще не до конца здесь испортили, — сказала Алиса.

— А разве меня можно испортить? — удивился Пашка.

— Вот видите, — повернулась к Дракуле Алиса, — Пашку испортить невозможно.

— Конечно, невозможно, — заговорил Дракула сладким голосом. — Пашенька — мой дружок, и его никто не испортит.

— Спасибо, — сказал Пашка. — Мне нужна Алиса. Можно, она пойдет со мной?

Дракула с сожалением посмотрел на свою шпагу и сказал:

— Идите, дети, и помните, что через полчаса ужин. Чтобы не опаздывать.

Пашка взял Алису за руку и потянул наружу.

— Спасибо, Пашка, — сказала Алиса, — а то он уже приготовился меня убить.

— Ты ошибаешься, — возразил Пашка. — Дракула — хороший парень. Кстати, профессор ждет привидения для исследования.

— После ужина! — крикнул вслед им граф.

Глава 12. Ужин в замке

Опять пошел снег. Но не сильный. По углам замкового двора горели фонари.

— Ой! — воскликнула Алиса. — Какой ужас!

— Что случилось? — удивился Пашка.

Алиса выбежала на середину двора. На длинной перекладине между двумя столбами в двух петлях покачивались под ветром тела больших белых крыс.

— Он их убил! — произнесла Алиса. — Он приказал их убить.

— Ты что, Алиса, крыс пожалела? — удивился Пашка. — Да что эту нечисть жалеть!

Правильно Дракула делает, что их уничтожает, а то они все сожрут.

— Это не обыкновенные крысы, — возразила Алиса. — Они пожалели меня.

Сзади раздался воркующий голос:

— Так будет с каждым, кто не послушается приказов великого вождя и доктора черной магии графа Дракулы Шестнадцатого.

Алиса быстро обернулась и увидела, что сзади стоит маркиза Жанна ля Мотт. Задрав длинную юбку, маркиза достала из голенища сапога плоскую бутылку и, отвинтив пробку, запрокинула прекрасную фарфоровую головку. Маркиза пила из горлышка, как последний пьяница.

— Алисочка, не преувеличивай, — засмеялся Пашка. — Здесь все такие милые. И Дракула совсем нестрашный. Он вместе с нами будет изучать привидения.

— Вот это правильно, — сказала маркиза и похлопала Алису по плечу тонкой рукой в красной кожаной перчатке. — И учти, что никуда ты от нас не уйдешь. Мы ведь хорошие, как считает Пашка, и будем играть с тобой в веселые игры.

Она снова отхлебнула из горлышка.

— Жанна, — сказал Пашка, — перестаньте пить, граф будет недоволен.

— А ты ему не скажешь, лапулечка, — захохотала маркиза.

Алиса могла поклясться, что знает маркизу. Но откуда? Почему?

— Я скажу, я скажу! — закричал сверху ворон.

— Ах ты, птичья кровь! — завопила маркиза и кинула в птицу своей бутылкой.

Сверху полился спирт, и в воздухе запахло больницей.

Паша провел Алису в соседний дом, прижавшийся задней стенкой к стене замка. Маркиза Жанна шла за ними и громко ругала ворон.

Внутри в небольшой полутемной комнате за грубо оструганным столом сидел профессор Гоц. На столе стоял электронный микроскоп и лежали инструменты для изучения привидений. Профессор услышал, как входят Алиса с Пашкой, и радостно воскликнул:

— Ну как, скоро мне приведут привидение?

— Успеешь, дедуля, — сказала маркиза Жанна. — Хочешь выпить?

«Ну откуда я знаю эту маркизу? — мучилась Алиса. — Точно встречала. Только в другом виде».

— После ужина. Так обещал граф Дракула, — сказал Пашка.

— Это точно, — сказала Жанна. Она уселась на табурет и положила на стол ноги в сапогах со шпорами.

Потом откинула голову назад и сразу захрапела.

— Опять весь спирт выпила, — вздохнул профессор. — Мне же граф Дракула выдал

бутыль для опытов, а она ее утащила и выпила. Ох как трудно работать в таких условиях!

Никто ему не ответил. Алиса оглянулась на спящую Жанну и решила, что маркиза не услышит.

— Пашка, — спросила она тихонько у своего друга, — что тебе обещал граф Дракула?

— Ничего не обещал. Мы с ним дружески сотрудничаем.

— Он собирается к нам на Землю?

— Конечно, собирается, — ответил Пашка. — Он хочет показать нашим ученым своих чудовищ. Ведь он их выводил здесь генетически. Это очень интересно.

— Это замечательное открытие! — подтвердил профессор Гоц. — Граф Дракула прославится у нас на Земле. Мы обязательно поможем ему перевезти на Землю своих питомцев.

— Все ясно, — сказала Алиса. — Вас обманули. Не нужны графу Дракуле ваши научные опыты. Он хочет завоевать Землю.

— Зачем? — удивился профессор Гоц. — Это нелогично! Ученые не бывают завоевателями.

— Дракула не ученый!

— Девочка, — возразил профессор Гоц, — не может быть, чтобы дикая, отсталая страна сумела победить нашу великую Землю! Как? С помощью драконов?

— С помощью земных предателей, — ответила Алиса. — Или наивных людей, которые думают, что завоевателям и покорителям можно доверять.

— Кого ты имеешь в виду? — спросил Пашка.

— Тебя, мой ангел, тебя, — вдруг проснулась маркиза Жанна. — И твоего дружка профессора. С вашей помощью мы перебросим на Землю передовые отряды драконов и привидений. Наш удар будет неожиданным и жестоким!

— Алиса, не верь ей! — закричал Пашка. — Никакие мы не предатели! Мы ничего не обещали.

— Но вы уже верите графу! А скоро он вас совсем запутает! — сказала Алиса.

— Если ты так будешь говорить, — возмутился Пашка, — то я тебе не друг!

— Именно этого Дракула и добивается, — едва ворочая языком, проговорила пьяная маркиза. — Вы все будете друг другу не доверять. Сами себя... перебьете!

— Не выйдет! — рассердился профессор.

— А он сначала вашу жену возьмет в плен, — объяснила Жанна, — и ваших детишек посадит в подвал.

— Да помолчите же вы! — возмутился профессор. — Это сказка какая-то!

— Это страшная сказка, — ответила маркиза Жанна.

Тут дверь хлопнула, и внутрь комнаты ворвался снег.

На пороге стоял граф Дракула в черном плаще. Нос торчал, как меч, глаза горели, как угольки в печке.

— Поговорили, и хватит, — сказал он, схватил за шиворот маркизу Жанну ля Мотт и поднял. Затем приказал: — Собирайтесь на ужин. Стол накрыт в круглом зале главной башни. И чтобы без опозданий!

Он вытащил из комнаты Жанну, которая слабо сопротивлялась. Дверь хлопнула.

— Ну что ж, — сказала Алиса, — если приглашают, то надо идти.

— Ты считаешь, что я предатель! И я никуда не пойду! — заявил Пашка.

— Оставайся, — улыбнулась Алиса. — Я тебе чего-нибудь с ужина принесу.

— Не смейся надо мной!

— Тогда не принесу, — сказала Алиса и пошла наружу. Ей надоел этот детский сад.

Поднялся сильный ветер, мороз стал крепче. В некоторых хижинах вокруг двора поблескивали огоньки, словно там горели свечи.

Вдруг Алиса увидела два привидения. Они шли медленно, не обращая внимания на Алису, и одно за другим скрылись в одной из хижин.

«Зачем же привидениям дома? — подумала Алиса. — Они же живут в могилах!»

Вдруг Алиса споткнулась обо что-то.

В снегу цепочкой лежало несколько детских кубиков с буквами. Они составляли фразу:

НЕ ПЕЙ НИЧЕГО ИЗ ЧУЖИХ РУК

Алиса страшно обрадовалась, прочтя эту надпись. Она даже присела на корточки и, разгребая снег, погладила эти кубики. Только одно существо на всем свете могло отправить такое послание — приبلудный волк Гаврюха. Милый, добрый, умный Гаврюха, который не потерялся, а нашел Алису!

Пашка догнал Алису и чуть не налетел на нее.

— Ты чего в снегу сидишь? — спросил он.

— Так, — ответила Алиса. — Отдыхаю.

Сначала она хотела сказать Пашке, что волк Гаврюха в замке, но потом прикусила язык. Пашке-то она доверяла, он был хорошим другом. Но, к сожалению, у Пашки был один злейший враг — его язык. Так что Алиса с Пашкой дружила, а с его языком не дружила.

— Чего же ты сидишь в темноте, на снегу...

Алиса быстро поднялась, ударила ногой по кубикам, и они откатились в сторону. Пашка даже не сообразил, что случилось.

— Я подошву укрепляла.

— «Пилата»? Он тебе не пригодится, — сказал Пашка. — Нам ничего не грозит.

— Это замечательно, что нам ничего не грозит, — согласилась Алиса. — И все-таки, если Дракула тебе будет предлагать что-нибудь пить, пожалуйста, воздержись.

— Ах, Алиса, — отмахнулся Пашка, — брось играть в детские игры. Мы с тобой не в логове пиратов, а в гостях в самом обыкновенном замке, в самом обыкновенном параллельном мире. Мы прилетели сюда изучать самые обыкновенные привидения.

— Отлично, — ответила Алиса. — И когда же начнем?

Пашка не почувствовал подвоха в вопросе.

— Завтра с утра нам приведут привидение, и мы начнем делать анализы.

— Эту ночь нам еще надо прожить, — сказала Алиса.

Пашке надоело спорить с Алисой, и он пошел вперед, к главной башне.

Алиса оглянулась. Где-то здесь неподалеку прячется ее чудесный волк! Какое счастье, что ты не одна! Ведь Пашка, к сожалению, не защитник.

Но Алиса никого не увидела. Она пошла вперед к приоткрытой двери в круглую башню. Зал был освещен. Не ярко, но ярче, чем другие комнаты в ночном замке.

Точно посреди башни слуги поставили большой круглый стол без скатерти. На нем тесно стояли всевозможные блюда и напитки. В центре возлежал поросенок, отдыхающий на блюде, рядом возвышался приготовленный целиком павлин, а на продолговатом блюде таранился сом. Вокруг громоздились миски и плошки с салатами, капустой, грибами,

тушеными баклажанами, картошкой и икрой. Между блюдами были втиснуты бутылки с вином и водкой, кувшины с квасом, лимонадом и даже банки с консервированным пивом.

Вокруг стола стояло пять стульев с высокими спинками.

Самая высокая спинка была у стула, на котором сидел граф Дракула.

Напротив него расположилась маркиза Жанна ля Мотт, которая успела переодеться и теперь была в розовом пуховом платье и обмахивалась веером из страусиных перьев. Ее голову украшала необычная прическа с локонами на верхушке, а к этим локонам, как к волнам, был прикреплен шпильками маленький корабль под шелковыми красными парусами.

Алису Дракула посадил справа от себя, Пашку — слева. На пятый стул уселся пришедший последним профессор Гоц.

Заиграл оркестр.

Алиса посмотрела в ту сторону. К стене башни был пристроен большой балкон, нависавший над столом.

На балконе сидело несколько чудищ — два скелета, привидение, ведьма, гном, гигантская крыса и что-то, похожее на жабу. Оркестранты играли на различных музыкальных инструментах.

Вдоль стен стояли слуги. Это тоже были привидения и различные уроды, облаченные в ливреи, с гербом герцога Франсуа Кросскана, который украл граф Дракула.

Скелет с хвостом, который торчал из-под ливреи, разливал по бокалам вино.

— Дорогие друзья, — произнес граф Дракула. — Мы собрались на этот скромный ужин, чтобы отметить приезд к нам дорогой гостью, отважной девушки по имени Алиса. Ура!

Оркестр загремел, как будто начался последний и решительный бой.

Маркиза Жанна схватила бутылку с водкой и налила себе целый бокал.

Она заметила, что Алиса наблюдает за ней, и спросила:

— Что, уже и выпить человеку нельзя? Я заслужила такую честь... А ты не узнаешь меня? Нет? Ну ладно, еще узнаешь! За твое здоровье, Алиса Селезнева! Можешь звать меня просто Жанной!

Алиса мучилась: ну откуда ей знакома эта Жанна? Знакомые движения, присказки, даже кашель знаком. Как будто они раньше встречались... И отгадка уже так близка!

— Что тебя мучает, Алиса? — захохотала вдруг маркиза. — Ломаешь свою беленькую головку? Ломай, ломай, ничего не выйдет! Ты меня раньше не видела и ничего не помнишь. Вспомнишь — погибнешь!

Граф Дракула был полностью занят едой. Он обсасывал каждую косточку, прожевывал каждый пирожок.

Маркиза Жанна ела быстро, жадно, но немного. Ей интереснее было выпить. А сколько в этой маленькой худенькой женщине помещалось водки и вина, человеку представить невозможно. При этом маркиза рассказывала глупые анекдоты, напевала давно забытые песенки и даже подмигивала Пашке, приговаривая:

— Ах ты, мой сообразительный! Ах ты, мой мягенький! Пойди сюда, я тебя съем! Ха-ха-ха!

Пашка был голоден. Он всегда голоден. Поэтому он положил на тарелку всего понемногу, а кое-чего помногу. В том числе гусиную ногу, копченый окорок, половину сома, не говоря уж о закусках и гарнире. Алиса не испугалась, потому что знала: Пашка

обжора, но сколько бы ни ел, всегда останется таким же худым и голодным.

Профессор Гоц заткнул за ворот белую салфетку и начал быстро орудовать вилкой и ножом — он отрезал кусочки и мгновенно забрасывал их в рот. Профессор был очень серьезен и даже задумчив. Алиса решила, что, если бы сейчас у него над ухом выстрелили из пушки, профессор бы не заметил.

Дракула кидал вокруг настороженные взгляды, и Алиса понимала, что он только притворяется, что ест, а на самом деле планирует свои злодеяния. И ей, Алисе, надо быть настороже, иначе съедят с потрохами, а маме скажут, что улетела в другую галактику.

«Дракула уже хотел меня убить, — думала Алиса, — только Пашка меня спас своим приходом». Если в самом деле этот Дракула и его маркиза хотят завоевать Землю с помощью привидений и всякой нечисти, то Пашка и профессор не помеха — их можно одурачить. Он их вокруг пальца обведет. А вот Алису он обвести не может. И вовсе не потому, что она особенно умная, — просто чем-то она им с маркизой очень опасна. Иначе почему они так разозлились, когда увидели, что Алиса все-таки прорвалась в замок?

«Но что же отличает меня от других людей?» — ломала себе голову Алиса.

Она вспомнила о предупреждении волка, которое тот составил из кубиков: «Не пей из чужих рук...»

Но Дракула и не собирается поить Алису. Он приказывает налить вина всем. Скелеты-слуги наклонились и каждому налили в бокал.

— Мне не надо, — сказала Алиса. — Я не пью вина.

— Девочке налейте лимонаду! — приказывает Дракула.

«А лимонад мне можно пить или нельзя?» И, как назло, некого спросить. А пить так хочется!

Алиса внимательно смотрела, как скелет наливал ей в бокал из кувшина. От скелета пахло землей. В череп вместо глаз были вставлены маленькие лампочки. Противно, просто ужасно! Но Алиса и это терпела.

— А теперь, — произнес Дракула, поднимая свой бокал, — я хочу сказать, что благодарен судьбе за то, что она привела ко мне в гости замечательных людей, ученых, путешественников, мыслителей — Гераскина, Гоца и Алису Селезневу. Они приехали к нам потому, что хотят помочь нашему великому делу. Только научный подход к нечистой силе поможет нам принести пользу человечеству.

— Слушайте, слушайте! — раздались крики.

Алиса в испуге обернулась и увидела, что в зал незаметно набились слуги, воины и помощники Дракулы — кого только не было там! Страшно даже во сне увидеть таких! А тут ты встречаешь их десятками, и совсем рядом. Удивительно, что все эти чудовища слушаются графа Дракулу, а не терзают его и гостей.

У Алисы все внутри сжалось. Пашка побледнел. Только профессор Гоц закричал от радости:

— Ах, сколько у вас экземпляров! Умоляю вас, господин граф! Завтра же выдайте мне несколько штук! Сбылась мечта моей жизни! Не зря я кричал на всех перекрестках Москвы, что привидения существуют. Мне не верили. Меня осыпали насмешками. Мне грозили антиалкогольной лечебницей. Но правда победила!

— Вот именно! — радостно поддержал профессора граф Дракула. — Мы с вами привезем в Москву всех моих детей! Всех моих уродиков и страшилок. Вы мне поможете?

— Разумеется! — кричал радостный профессор.

— И все смогут убедиться, — сказал граф, — что привидения существуют.

— Какое счастье! — закричал профессор и кинулся обниматься с Дракулой.

Дракула выставил перед собой ладонь, и профессор налетел на нее, как пароход на айсберг.

Пашка смотрел на Алису, и взгляд его был растерянным. Он уже сам не понимал, что хорошо, а что плохо. Конечно, приятно было стать ассистентом профессора, который открыл привидения и покажет их в Московском университете...

— Пашенька, — громко сказала Алиса, как бы угадав мысли друга, — а хорошо ли, если на Тверской улице в Москве будут летать драконы и сжигать маленьких детей?

— Алиса, что ты говоришь! — укоризненно произнес Дракула. — Я же тебя предупреждал — не мешай мне! Ты плохо кончишь.

— Поосторожней! — Пашка строго посмотрел на графа Дракулу. — Не смейте угрожать Алисе.

— Но ведь твоя Алиса клеветет! — закричал Дракула. — Неужели мои миленькие, добренькие, хорошенькие ведьмы и скелетики, мои крыски и привидения могут кому-нибудь повредить? Это че-пу-ха!

— А я не согласна! — вдруг заявила маркиза Жанна ля Мотт. Покачиваясь, она поднялась, держа в руке бокал, из которого выплескивалась на стол водка. — Наши привидения очень даже любят похулиганить. Мы всю Землю ограбим и запугаем, мы всех перебьем, а кого не перебьем, сделаем рабами! Да здравствует разбой!

Алиса измучилась, стараясь понять, кого ей так напоминает маркиза ля Мотт, ставшая похожей на крысу. Ее прическа растрепалась, парусный кораблик, который раньше увенчивал ее локоны, съехал вбок, будто собирался потонуть.

— Ну как, мои пташечки? — обратилась Жанна к привидениям. — Вы готовы к боям?

И все чудища, что набились в зал, стали кричать, шипеть и пускать искры.

— А ну, тишина! — рассердился граф Дракула. — Здесь команду только я!

Наступила тишина.

— Жанна, иди спать! — приказал Дракула. — Мы с Алисой выпьем на посошок.

Граф Дракула протянул руку с покрашенными длинными ногтями, схватил бокал, который стоял перед Алисой, и, поставив его перед собой, начал наливать в него темную жидкость из стоявшего отдельно небольшого кувшина.

— Давай, Алисочка, попробуй моей наливочки. Я сам ее сделал. Я очень люблю сельское хозяйство...

Голос у Дракулы был ласковый, тихий, но глаза сверкали ненавистью. Не зря волк Гаврюха составил из кубиков предупреждение.

— Спасибо, — вежливо сказала Алиса. — Мне не хочется.

— Обижаешь, — сказал Дракула. — Ой как обижаешь!

— Пей, гадюка! — закричала маркиза Жанна. — Пришибу!

— Я, кажется, узнала тебя! Ты совсем не изменилась, — сказала Алиса, глядя в глаза маркизе. — А жалко, я так надеялась. Но, видно, горбатого могила исправит.

— Я не горбатая! — закричала маркиза, и тут корабль слетел с ее прически и грохнулся на пол.

Дракула не смотрел на свою сообщницу. Он кричал на Алису:

— Пей сейчас же!

Алиса взяла у него из рук бокал, Дракула хотел что-то сказать, но не успел, потому что

Алиса со всего размаха плеснула из бокала в лицо графу. Тот схватился за глаза, а Алиса кинулась к двери.

— Держи ее! — закричала маркиза и попыталась догнать, но она была пьяна, и поэтому ноги ее не слушались. Зато все остальные привидения, скелеты и ведьмы кинулись следом за Алисой. Они бы догнали ее, хотя бы потому, что некоторые стояли совсем близко от двери, но Пашка Гераскин отважно пожертвовал собой — он упал на пол поперек двери, и преследователи Алисы один за другим попадали, спотыкаясь о Пашку. Они кричали, безумствовали, рычали, дрались и устроили такую пробку в двери, что Алиса успела выбежать на середину двора, разбежаться и включить свои гравиподошвы «Пилат». Они тут же вознесли ее вверх.

Она оглянулась — привидения выскакивали из башни и бегали, светясь, по снегу. Следом за Алисой поднималась стая воронья и филинов. Потом разогналась и взлетела ведьма в ступе. Преследователи мчались за Алисой, словно рой пчел, преследующий медведя, который неосторожно забрался в лесу в пчелиное дупло.

Алиса поняла, что в небе они ее быстро догонят, и, увидев перед собой лес, стала резко туда спускаться.

Вот она достигла вершин деревьев, ветви били ее по лицу и по рукам. Алиса жмурилась, чтобы не повредить глаза. Сзади слышалось карканье, уханье филинов и треск ветвей, но Алиса поняла, что преследователей стало меньше. Вороны не могут летать среди густых ветвей, ведьма тоже отстала — остались лишь филины.

Алиса летела в самой гуще леса, огибая деревья и большие сучья, как слаломист обходит флажки.

Вскоре она вырвалась на поляну. Вдоль поляны бежал ручей, такой быстрый, что даже не замерзал, и над ним поднимался пар. Ручей вытекал из каменного завала... и тут Алиса увидела, что среди мшистых валунов мигнул огонек. Погас. Мигнул снова. Погас...

Алиса подумала, что хуже ей не будет. Надо надеяться, что этот огонек зажигают ее друзья.

Мало ли какие друзья могут быть у человека в чужом мире! Она затаится среди валунов, и филины ее потеряют.

Алиса сбавила скорость и влетела в проход между гигантскими валунами. И тут увидела вход в пещеру. Его было трудно сразу заметить.

Алиса втиснулась меж камней и услышала, как что-то громыхает рядом. Она обернулась. Черный занавес закрыл от глаз звездное небо.

Алиса догадалась, что кто-то привалил к входу в щель большой камень.

Потом раздался шепот:

— Тихо, замри! Они должны тебя потерять.

Снаружи слышались звуки, шорох крыльев... потом все стихло.

Глава 13. Подземный ход

— Ну вот, — снова произнес голос. — Придется немного посидеть в темноте.

Голос был знаком, но Алиса не могла догадаться, кому же он принадлежит.

И тут ее руки коснулось что-то влажное и холодное. Это был нос волка. Алиса протянула руку, и ладонь сразу согрелась от густой теплой шерсти.

— Ой, мой миленький! — прошептала Алиса. — Мой дорогой волчище! Ты же меня сегодня уже спас.

— А он вас, госпожа, — откликнулся знакомый голос, — уже не раз спас и еще спасет.

— Кто это говорит? — спросила Алиса. — Голос как будто знакомый.

— Это же я, Ганс, неужто госпожа меня не узнала?

— Ты тоже пришел ко мне на помощь?

— Это точно, — сказал слуга герцога. — Мне господин его светлость говорит: нельзя оставлять девчонку одну. Хоть она и не очень благородных кровей, все равно бросать не положено. Вот я и поскакал на нашем последнем коне! Ты что молчишь, Алиса?

— Мне хочется плакать, — сказала Алиса. — Я думала, что мне уже конец пришел.

— Так не бывает, — сказал Ганс, — в сказках и всяких хороших историях героев не убивают. И мы с тобой еще победим.

— Мы вернемся в замок? Спасать Пашку?

— Твоему Пашке ничего не грозит, — сказал Ганс. — А нам надо отсидеться, пока тебя не перестанут искать. И тебе полезно поспать немного. Небось давно не спала?

— Давно.

— Прижимайся к своему волку и спи, — приказал Ганс.

Алиса попыталась возразить, что не хочет спать, но у теплого бока волка было так удобно и уютно, что она тут же задремала.

Проспала Алиса недолго. Волк зашевелился, убрал тяжелую лапу, которой обнимал Алису, и ткнулся в ее щеку холодным носом.

Алиса открыла глаза.

В расщелине меж двух скал, которые прислонились друг к дружке, как карты, составленные домиком, горел небольшой костер. Он почти не давал тепла, но на перекладине, положенной на рогульки, в котелке булькала вода.

— Сейчас чай будет, — сказал Ганс.

Его щекастая, обветренная физиономия казалась заспанной, голубые глазки заплыли.

— Только прости, — сказал он, — кружка у нас одна, пить будем по очереди. Но ты первая.

— Доброе утро! — сказала Алиса. — Я так рада, что вы меня нашли.

— Или ты нас нашла, — сказал Ганс. — Но это все равно.

— Главное, что я сбежала от этих негодяев!

— Но еще не все кончено, — сказал Ганс.

— Я знаю, — сказала Алиса. — Мы должны выручить Пашку и профессора.

— И не только их.

— И не только их, — согласилась Алиса. — Хотя я совершенно не представляю, как мы это сделаем. Здесь нас всего трое, а их — штук сто.

Волк зарычал.

— Но у нас есть Алиса, — сказал Ганс. — Мне мой герцог Франсуа сказал: найди

Алису, спаси Алису, охраняй Алису. Потому что только на нее наша надежда.

— Но почему мне все об этом говорят? — спросила Алиса. — Я же ничего особенного не знаю. Для меня все это такая же загадка, как и для вас.

— Если бы так, они бы тебя не боялись, — возразил Ганс. — А они тебя очень боятся.

— Привидения меня не боятся, — возразила Алиса, — и скелеты меня не боятся, и драконы меня совершенно не боятся.

— Я человек простой, — сказал Ганс, — я слуга господина герцога. Надо заметить, что последний слуга. И вот господин герцог меня послал — скачи, приказал он, к замку, у меня есть весточка от железнодорожников, что поезд попал в засаду, его окружили привидения, у них есть приказ взять Алису живой или мертвой. Именно Алису! Вот так сказал мой герцог и приказал немедленно скакать к замку. По дороге я догнал твоего друга Каниса.

— Разве тебя Канисом зовут? — спросила Алиса у волка.

Волк кивнул.

— Он же не простой волк, — сказал Ганс. — Канис — заколдованный племянник герцога. Он оборотень.

— Значит, ты можешь оборачиваться человеком? — спросила Алиса.

Волк отрицательно покачал головой.

— Нет, — ответил за него Ганс. — Канис не может обернуться человеком. Он попросту человек, заколдованный в волка.

— Кто же тебя заколдовал, мой милый? — спросила Алиса.

Волк ударил лапой по мешку с кубиками, висевшему у него на шее, но Ганс не дал ему заняться кубиками, а сказал за него:

— У нас все знают, что это сделал Дракула!

— Так откуда он взялся, ваш Дракула? Он настоящий граф?

— Никто не знает, граф он или извозчик, — ответил Ганс. — Но он, к сожалению, настоящий волшебник. И притом злобный волшебник. Он появился всего-навсего в прошлом году. Вдруг в нашем замке стали появляться привидения! Над замком летали драконы и вампиры. Сначала их было немного, и они разбойничали в горных деревеньках. Похищали там скот, овец и коров, крали детей.

— Неужели это правда?

— Для них нет ничего святого.

— И что же они делали с детьми?

Ганс ответил не сразу. Потом глубоко вздохнул и произнес:

— Этого нельзя говорить девочкам, чтобы их не пугать...

— Меня уже ничем не испугаешь, — ответила Алиса. — Я за вчерашний день пережила больше, чем за всю жизнь.

— Я скажу тебе правду, — сказал Ганс. — Никто никогда больше не видел детей, которых украли привидения. Этих детей съели...

— Ой, не может быть!

— Все может быть в нашем страшном мире! Рассказывать дальше или ты будешь плакать?

— Я не буду плакать, — сказала Алиса, — рассказывай.

— Никто из детей не вернулся домой, — произнес Ганс. — И этим все сказано. Родители искали привидения, даже гонялись за ними и старались убить... Но ничего из этого не выходило. И вот люди стали уходить из деревень, перебираться в города, затем в

один несчастный день, когда мой герцог поехал в путешествие, чтобы открыть Северный полюс, а в замке оставался только сторож, привидения напали на замок и захватили его. Вот тогда-то люди узнали о графе Дракуле, который заявил, что его род владеет этим замком уже тысячу лет, что он знать не знает никакого герцога. И нашему господину Франсуа, открывшему Северный полюс, пришлось штурмовать собственный замок. Надо сказать, что бой был что надо! Но нас разгромили! Мы отступили, нас осталось только трое! Мы погибли бы, но железнодорожники помогли нам сбежать на почтовом поезде.

Ганс вздохнул и закончил свой рассказ:

— К сожалению, этим все не кончилось. С каждым днем в нашей стране все больше привидений и скелетов! Уже покорены города, уже детей не выпускают играть и гулять — люди после наступления темноты не смеют выйти на улицу... О горе! Зачем только я на свет родился!

Алисе было очень горько слушать этот рассказ.

Но тут совсем рядом она услышала постукивание. И увидела, что волк составляет надпись из кубиков.

Тем временем Ганс налил в свою кружку горячего чая и протянул Алисе.

Ах, как славно было выпить чаю, хоть и без сахара! В жизни ничего более вкусного Алисе пить не приходилось.

Обжигаясь горячим душистым напитком, Алиса поглядывала, какую фразу составляет из кубиков приبلудный волк.

А он выложил кубиками вот что:

КАКОЙ СЕКРЕТ ТЫ ЗНАЕШЬ

Алиса не поняла:

— Я не знаю никакого секрета.

— Канис прав, — сказал Ганс. — Я человек простой и необразованный, всего три класса кончил, хоть и с отличием, я тоже думаю, что ты, Алиса, знаешь какой-то секрет. И если ты сообразишь, что это за секрет, может, мы победим наконец эту банду!

— Я не знаю, как бороться с волшебниками! Совершенно не представляю.

Волк вскочил и стал принюхиваться.

Ганс тоже поднялся.

— Что-то неладно, — сказал он.

Алиса ничего не слышала.

— Ты никого не ждешь? — спросил Ганс у Алисы.

— Нет.

Волк выскользнул из расщелины и помчался, сливаясь со снегом, к лесу.

В лесу стояла тишина, слышно было, как комья снега падают с ветвей на землю, как поскрипывают ветки, сжимаясь от мороза.

Издалека донесся отчаянный крик. Кто-то звал на помощь.

— Может, Пашка? — спросила Алиса.

— Нет, — ответил Ганс. — Твой Пашка сейчас сидит в замке, как королевич. Он Дракуле нужен. Они же с маркизой всю нашу землю обобрали, им не терпится скорее к вам перекинуться и вас тоже пограбить.

— Но у нас развитая техника.

— Ой, не знаю, как справится твоя техника с призраками! — вздохнул Ганс. — Когда люди перепуганы, им ничего не поможет.

— Ваши железнодорожники не испугались.

— Они тоже испугались! Только стараются виду не показать, — сказал Ганс. — Их уже мало осталось. Не сегодня-завтра последний поезд пройдет, и наступит тогда у нас полное господство этого волшебства.

Ганс говорил, но прислушивался к шорохам леса.

Все было тихо. Но волк не возвращался.

— Что-то страшное случилось? — спросила Алиса.

Костер уже почти погас, снаружи дул ветер и летел снег. Стоял серый холодный рассвет.

— Надо возвращаться в замок, — сказала Алиса. — Пашка такой невоздержанный. Увидит, что меня нет, начнет искать, воевать, а Дракула ведь никого не жалеет.

— У него нет чувства жалости, — согласился Ганс. — Говорят, он раньше в этих местах разбойником был, грабил проезжающие кареты. Потом его банду стражники разогнали, он где-то скрывался... а снова появился уже графом. Но, может, врут люди, ты как думаешь?

— А откуда взялась эта маркиза? — спросила Алиса. — Что ты знаешь о маркизе Жанне?

— Никто о ней ничего не знает. Приехала неизвестно откуда, живет вместе с графом, с утра до вечера водку пьет. Совершенно бессовестная госпожа.

— Мне кажется, что я ее знаю, — сказала Алиса. — И она меня знает.

— Ого! — воскликнул Ганс. — Думай, Алисочка, думай! Может быть, в этой маркизе вся загадка?

— Только я ее не как маркизу знаю...

— Может, как графиню? Как герцогиню?

— Нет... близко, совсем близко, а не могу ухватить! — призналась Алиса. — Мне бы с ней еще немного поговорить, я бы догадалась!

Алиса поднялась.

— Что же наш волк не возвращается?

— Я сам опасаясь, — сказал Ганс.

— Пошли его искать?

— Ну как мы пойдем? — спросил Ганс. — Лес полон графских птиц и ведьм. Как от них скроешься?

— А как же вы думали в замок проникнуть?

— А мы собирались подземным ходом пробраться, — ответил Ганс. — Тебя найти и спасти.

— А мы не можем?

— Можем-то можем, но как до замка дойти?

— Но волк туда ходил! Он мне записку оставил, чтобы я из чужих рук не пила. Почему?

— Потому, что Дракула решил тебя отравить, но так, чтобы Пашка с профессором не догадались, что это он виноват.

Ганс выглянул из расщелины:

— Куда же волк девался?

— Пошли, — сказала Алиса. — Нельзя отсиживаться, когда опасность грозит всем. Пойдем по следам волка и узнаем, что случилось.

— Наверное, ты права, — согласился Ганс. Он взял копье, взвалил на спину мешок и пошел первым. Он шел по следам волка, проваливаясь в глубокий снег. Сзади него в снегу оставались две траншеи, словно за повозкой. Алиса двигалась за ним, стараясь не ступить мимо траншей, а то провалилась бы в снегу по пояс.

Они шли молча, чтобы не привлечь внимания слуг Дракулы. Минут через десять местность начала подниматься — впереди был холм, на котором возвышался замок Кросскан. Над ним кружили вороны.

Алиса и Ганс не стали выходить на открытое место.

Ганс осторожно повел Алису молодым ельником к речке, которая огибала холм. На удивление и небо и земля были пусты — ни одного ворона, ни одной летучей мыши... Удача сопутствовала Алисе.

— Подземный ход ведет к речке, — тихо сказал Ганс. — Его сделали еще в далекие рыцарские времена, чтобы можно было выходить за водой. Конечно, в замке есть колодец, но для стирки воду брали в реке. К тому же если в замке кончалась еда, когда его осаждали враги, то по ночам через подземный ход к речке выбирались рыболовы, забрасывали удочки, а потом подкармливали своих товарищей.

Рассказывая, Ганс вел Алису кустами к реке, а затем под невысоким обрывом вдоль берега замерзшей речки.

— Странно, — сказал Ганс. — Даже охраны не видно — обычно у него на стене и на башнях дозорные сидят.

— Ничего, ты только поскорее покажи мне подземный ход, — попросила Алиса. — А почему их нет, мы потом выясним.

— К счастью, Дракула о подземном ходе не знает. Никто ему не сказал.

С этими словами Ганс нырнул в куст у обрыва и исчез.

— Ты где? — спросила Алиса.

— Я тебя жду, — глухо откликнулся Ганс.

Алиса протянула руку перед собой, и Ганс схватил ее за пальцы и дернул внутрь.

Она оказалась в крошечной темноте.

— Ты держись за меня, — сказал Ганс, — крепко держись. Я этот ход знаю как свои пять пальцев. Раньше, бывало, герцог велит никуда не отлучаться, а моя Агнешка за рекой в деревне ждет. Я — брысь в подземный ход, шасть к речке — бродом, тропинкой, ельником да березняком — и в деревню. Агнешка меня уже у околицы ждет, идем с ней на танцы в другую деревню... Ах, нет теперь этих деревень! Кто жив остался, бежал в далекие края. Где ты, моя Агнешка?

Ганс топал впереди, тяжело вздыхал, а потом стал рассказывать, какие замечательные танцы бывали в соседней деревне, как он плясал всю ночь без остановки и получал от девиц в награду пряник в полпуда весом...

Впереди показалась узкая полоска света.

— А теперь, Алиса, помолчи немного! — заявил Ганс.

Алиса хотела было обидеться — она-то ведь и слова не произнесла, только слушала, но некогда было обижаться: подземный ход вывел их в главную башню, где еще вчера шел пир. В башне было полутемно, грязно. Камин и факелы давно погасли, на столе стояла грязная посуда.

— Это кабинет Дракулы, — сказала Алиса Гансу.

— Ты что же думаешь — я не знаю, что это и есть кабинет его светлости герцога

Франсуа де ля Кросскан? Что ж ты думаешь, я здесь не был ровно тысячу раз?

— А где Дракула?

— Сейчас узнаем, — сказал Ганс.

Глава 14. Последний парад

Ганс подошел к двери на улицу, приоткрыл ее. И замер.

Даже поднял руку, чтобы Алиса тоже замерла.

Алиса осторожно выглянула из-под его руки.

Она увидела невероятную картину. Дальнюю от башни половину двора занимали чудовища графа Дракулы. Они были разбиты на несколько неровных рядов.

Справа в заднем ряду мирно сидели три дракона, выпуская из ноздрей клубы дыма. Вокруг драконов было пусто — вряд ли кому-нибудь было приятно дышать этим дымом.

Дальше в два, а где и в три ряда стояли привидения, разные, от совсем прозрачных до зеленых светящихся. Привидения не могли стоять неподвижно, их ряды все время покачивались, словно все вместе они были зеленой морской волной, которая с минуты на минуту обрушится на берег.

А вот скелеты, которые выстроились в колонну, стояли неподвижно, как костяные. Впрочем, они и были костяными.

Нестройной толпой скопились ведьмы. Некоторые были просто страшными старухами с торчащими зубами, другие, летающие, сидели в деревянных ступах, держа метлы на изготовку. За ведьмами Алиса увидела небольшую группу снеговиков с красными морковками вместо носов, а в углу в полутьме шевелились совсем уж незнакомые и непонятные чудища и существа.

Перед этим войском сидели, бегали, лежали волки-оборотни, скаля зубы и показывая красные длинные языки. На крышах и зубцах стен расселись сотни воронов, сов и филинов, а летучие мыши висели вниз головами на перекладине виселицы.

По двору бродили, не желая стоять в общем строю, черные коты и скорпионы.

Спиной к башне, откуда Алиса наблюдала этот парад, стояли сам граф Дракула и маркиза Жанна.

В руке маркиза держала серебряную ложку, а у своих ног в снегу она пристроила большую бутылку.

Возле Дракулы стояла большая клетка. В ней, держась за прутья сверху, висела мышьяк-вампира, а по полу клетки бегал, никак не мог остановиться, небольшой откормленный ворон.

Высокий скелет в обрывках генеральского мундира, с одним погоном и в одном сапоге вышел на пустое место.

Чеканя костяной шаг, он остановился в двух метрах от графа и скрипучим голосом произнес:

— Личный состав армии графа Дракулы Шестнадцатого пересчитан, проверен и к боям готов. По спискам и в наличии привидений восемьдесят два, ведьм шестнадцать, одна пропала без вести...

— Вольно, вольно, — остановил его граф. — Все в порядке, рапорт принят, можешь идти в строй, мой дорогой покойник!

Скелет резко развернулся, но от такого движения его кости стали рассыпаться. Привидения успели подхватить генерала и унести в задние ряды.

— Сегодня у нас большой трудовой день, мои мальчики и девочки, — начал свою речь граф Дракула. — Все основные силы моего войска собраны здесь для получения новых инструкций и заданий, а также для выслушивания важных сообщений. Сообщение номер

один: мы начинаем вторжение в параллельный мир под названием Земля. Первым объектом нападения будет город Москва. Там нас ждет большая добыча. Ура!

— Урррра! — закричали, завизжали, заскрипели, зашипели подданные графа Дракулы.

— Нашего полку прибыло! — продолжал граф Дракула. Он показал на клетку. — Это наши новые товарищи! — прокричал он. — Профессор Иона Гоц и Пашка Гераскин. Они решили влиться в наши ряды, чтобы помогать нам на Земле. Они нам покажут дорогу к почте, телеграфу и вокзалам, которые мы возьмем штурмом. Ясно?

— Уррррра!

Алиса в ужасе посмотрела на летучую мышь и ворона. Неужели это и есть Пашка и Гоц? Как мог Пашка, ученик московской школы, почти отличник, хороший сын и товарищ, превратиться в вампира? Что же, он теперь будет сосать кровь у товарищей по классу? Нападет на свою маму? Какой ужас!

Но в то же время Алиса и радовалась.

Да, да! Несмотря на трагедию, которую она наблюдала, Алиса не могла не радоваться, потому что ее подозрения подтвердились и она разгадала тайну графа Дракулы и маркизы Жанны ля Мотт. Она могла бы и сейчас уже рассказать об этом Гансу, но боялась, что Ганс что-нибудь не поймет.

— Начинаем боевую зарядку! — закричала, выходя вперед, маркиза Жанна.

Она вытащила из пышной прически небольшую плоскую фляжку, отпила из нее и завопила:

— Мы ненавидим всех взрослых!

— Мы ненавидим взрослых! — в сотни голосов ответили ей чудовища.

— Мы захватим весь мир!

— Мы захватим весь мир!

— Мы будем пить кровь, издеваться и хулиганить, сколько нам захочется!

— Мы будем издеваться и хулиганить...

— Мы слушаемся только нашего благодетеля графа Дракулу! — кричала маркиза пронзительным голосом.

— Благодетеля... графа!

— И если кто станет на нашем пути, он будет растоптан сапогами! — подпрыгивала от ярости маркиза Жанна.

— Будет растоптан! Будет растоптан!

Как страшно было видеть и слышать это море ярости и ненависти! Как они все прыгали, извивались, рычали, махали лапами и когтями! И Алиса понимала: стоит привидениям и оборотням увидеть ее и Ганса — им несдобровать. Может, лучше закрыть дверь? Нет, придется терпеть, надо все знать.

— Будет растоптан! — никак не могли остановиться чудовища. Они топали, показывая, как они всех растопчут.

Ганс толкнул Алису в плечо. Он в изумлении показывал ей на клетку, в которой сидели ворон и вампир. Они тоже топотали и пытались кричать!

— Ничего, — ответила Алиса. — Это пройдет.

Но Ганс ей не поверил.

Еще минут пять продолжались крики и топот.

Потом привидения и вампиры трижды прокричали «ура» в честь благодетеля графа Дракулы Шестнадцатого. И постепенно все утихло.

Граф Дракула сделал шаг вперед и обыкновенным голосом заговорил:

— Начало наступления на Москву я назначаю на завтра, на шесть часов утра. Сегодня вечером вылетаем в город. У меня есть сведения, что проклятые железнодорожники спрятали сундук-самолет в своих мастерских. Предстоит славный ночной бой. Пора нам окончательно уничтожить всех железнодорожников и герцога Франсуа, который с ними связался.

— Смерть! — закричали слуги графа. — Смерть! Смерть!

— Спо-койно! — остановил крики граф Дракула. — Покричали, и хватит. Я знаю, что вы меня любите и слушаетесь. Перейдем к вопросам подготовки завтрашнего похода. Все должно быть в порядке, все должны быть здоровы, веселы, бодры! Кто себя чувствует ослабевшим, больным, кому требуется усиленное питание, мазь от чесотки и блох, кому нужна подзарядка электричеством, — всех прошу поднять руки или лапы.

Чуть ли не половина чудищ подняли свои лапы.

— Многовато, — сказал Дракула. — И я вас предупреждаю, что если кто-то притворился, если кто-то хочет отдохнуть и не участвовать в боях, получить усиленное питание и наесться дефицитных лекарств, я предупреждаю — всех разоблачу и уничтожу! Ясно?

Тут же половина поднятых рук исчезла.

Чудовища боялись своего графа.

— Подходить по одному! — закричала маркиза Жанна. Она взяла у Дракулы кожаный мешочек и развязала его.

В рядах началось движение. Вперед проталкивались привидения, ведьмы и драконы и выстраивались в очередь к маркизе.

Маркиза принялась вынимать из кожаного мешочка пилюли.

Первым к ней подошел дракон с открытым страшным ртом, из которого тянуло дымом. Маркиза кинула в него пилюлю. Дракон отошел. Потом к ней подплыло привидение, светящееся, зеленое, страшное. Маркиза отправила пилюлю в эту дыру. Вот подлетел вампир, вытянув трубочкой губки. Он висел в воздухе возле маркизы, и та вставила ему в ротик желтую пилюлю.

— Что она делает? — прошептал Ганс. — Я чего-то не понимаю.

— А я понимаю, — сказала Алиса. — Я даже догадалась, кто эта маркиза. Мы с ней знакомы.

— С ней все у нас знакомы! Она уже давно при Дракуле живет.

— Они стоят друг друга! — ответила Алиса.

— Ты мне объясни, — попросил Ганс, — а то если они тебя сожрут или разорвут, тайна уйдет с тобой в могилу.

— Ничего они мне не сделают, — ответила Алиса.

— Ой, не зарекайся! — вздохнул Ганс. — Ты только посмотри на своих друзей. Какие люди были! Цвет вашего рыцарства! А теперь что? Один — вампир, второй — ворон!

— Смотри внимательно, — сказала Алиса. — Потом я тебе все объясню.

Она показала вперед.

Дракон, вампир, привидение, которые уже получили свои пилюли и отошли в сторону, вдруг начали изменяться.

Дракон уменьшился, привидение перестало светиться, а вампир вырос...

То же самое случилось и с другими чудовищами, которые получали от маркизы

пилюли.

Они превращались в детей!

В голеньких, замерзших, голодных, нечесанных, нестриженных, немых детей.

Некоторые принимались плакать, другие молчали, терпели и дрожали.

— А ну, — приказал Дракула, — все в башню! Там мы с маркизой вами займемся.

— Ой! — сказал Ганс. — Они сюда бегут!

— Срочно в подземный ход! — ответила Алиса.

Они кинулись обратно к камину, откуда начинался подземный ход.

— Я боюсь, как бы они, — прошептала Алиса, — не вздумали растопить камин — тогда нам придется обратно к речке бежать.

— А что делать? — спросил Ганс.

— На второй этаж! Там сейчас пусто!

Алиса первой побежала по лестнице, Ганс — за ней.

Они только-только успели спрятаться там, улегшись на пол возле люка, как в башню вошел Дракула. За ним толпой ворвались дети. Им было очень холодно.

— А ну разжигайте камин! — приказал Дракула. — Вы что, меня заморозить хотите?

Дети послушно забегали, одни несли хворост, другие — угли, третьи зажженную лучину. Камин загорелся, из него повалил дым, заволок на минуту весь первый этаж башни, но потом нашел себе путь в трубе, и воздух стал чище.

— Это просто здорово, — сказала Алиса, — что мы не остались в той трубе.

— Быстро! — Дракула уселся за стол и скорчил страшную рожу. Дети дрожали, а некоторые всхлипывали. — Мне в армии нужны здоровые, веселые, преданные нашей высокой идее исполнители. Нытиков, хлюпиков, хроменьких, поносеньких — долой! А ну давай ко мне по очереди!

Дети начали толкаться, стараясь не попасться на глаза графу. Они уже раскаивались в том, что заявили о своих болезнях.

— Давай! Ты! Первый! — Дракула ткнул пальцем в одного из мальчиков, и тот как под гипнозом, заплетая ножки, потащился к столу. — Стой! Ни с места! Ты меня любишь?

— Еще как люблю, господин мой!

— Больше папы и мамы?

— Так точно, господин мой!

— Ты готов ради меня зарезать своих родных?

— Так точно, господин!

— И не пожалеешь?

— Никак нет!

— Кем служишь у меня?

— Служу сторожевым филином!

— Какое оружие?

— Имею ядовитый бронебойный клюв!

— На что жалуешься? Ну, быстро!

— Зубы болят... ой как болят!

— Но у тебя же клюв!

— Когда клюв, то он болит, а когда зубы, то зубы болят! Много зубов болит!

— Маркиза, займись!

Жанна схватила мальчишку за ухо и потащила в сторону. Там посадила на табуретку и

вытащила из складок своей обширной юбки блестящие щипцы.

Мальчишка взвизгнул от страха. Жанна как следует треснула его кулаком по голове.

— На свалку захотелось? — спросила она у мальчика.

Мальчик беззвучно плакал, стараясь не гневить маркизу.

А перед Дракулой уже стояла маленькая девочка. Совсем голенькая. Ей было холодно и страшно.

— Ты меня любишь, крошка? — спросил Дракула.

— Ой, да, — пискнула девочка и заплакала.

— Ну если плачешь, тебе нечего бояться. А кем ты у меня служишь?

— Ядовитой крысой, дядя!

— А если я тебе скажу — укуси свою маму! Ты укусишь?

— А можно я не буду мамочку кусать? — спросила девочка, и Дракула посмотрел на нее страшными глазами. Девочка заревела в полный голос.

— М-да, — сказал граф. — Слабо мы еще работаем с личным составом. А на что жалуешься, ничтожное существо?

Ответить девочка не успела, потому что из угла донесся отчаянный вопль мальчика.

— Это еще не все! — закричала Жанна. — У нас еще один больной зуб остался!

Мальчик принялся бегать по башне, Жанна за ним.

— Ах, оставьте свои соревнования, — сказал граф. — А то всех перестреляю. Как вы мне надоели!

Жанна догнала мальчика, силком открыла ему рот и стала прилаживать щипцы, чтобы вытащить еще один зуб. Мальчик бился, как птичка в зубах у лисицы, а некоторые дети уже начали кричать:

— Я здоровый!

— Я здоровая! Пошлите меня обратно!

— Я больше не буду!

— Нет, будешь! — зарычал Дракула. — На что жалуешься?

И тогда маленькая девочка произнесла, заикаясь от страха:

— Я к ма-а-мее хочу...

— С тобой все ясно, — сказал Дракула, — постой-ка вон там, под картинками. Подожди, отправим тебя к маме.

Девочка покорно отошла к стене, на которой были приклеены в ряд картины, изображающие в натуральном размере различные виды подданных Дракулы: привидений, вампиров, оборотней и так далее... А Дракула тем временем продолжал допросы. Допрашивал он всех одинаково. Сначала он интересовался, любит ли его ребенок и готов ли ради него убить собственных родителей, а потом выяснял, на что тот жалуется. Если жалоба была невелика — нарыв, больной зуб, царапина или ушиб, он передавал больного маркизе, и она им занималась в меру своих сил и небольшого умения. А вот тех, кто хотел просто избавиться от работы, ленился или боялся, а уж тем более разлюбил великого Дракулу, граф заставлял отойти и встать под картинами. Вскоре дети разделились на две группы. Человек пятнадцать стояли кучкой под картинами и ныли от страха, и столько же толпилось вокруг маркизы.

Когда проверка закончилась, Дракула громким голосом произнес:

— Все, кто у двери, синюю пилюлю принимай!

С этими словами Дракула выдвинул ящик письменного стола, достал оттуда еще один

кожаный мешочек, такой же, как у маркизы, и кинул его своей подруге.

Маркиза стала вынимать из него синие пилюли.

Дети, видно, привыкшие уже к этой процедуре, становились в очередь, и маркиза спрашивала:

— Ты у нас кто?

— Сова, — отвечал ребенок, у которого вырвали два зуба.

— Покажи на картинку!

Мальчик показал на картинку, на которой была нарисована сова.

После этого маркиза дала ему пилюлю, мальчик с трудом проглотил ее и отошел в сторону.

— А ты кто у нас? — спросила маркиза мальчика, которому недавно перевязала разбитую руку.

— Я привидение, — сказал мальчик. — Только я хочу стать драконом.

— До дракона еще дорасти надо. В драконы берут только злобных подростков, — строго сказала Жанна. — Смотри на картинку и глотай пилюлю!

Мальчик подчинился.

Один за другим дети отходили в сторону, и вскоре раздача пилюль закончилась. Алиса и Ганс увидели поразительную картину: на глазах у них маленькие, голенькие, несчастные дети превращались в привидений, сов, крыс, ведьм... Когда операция закончилась, маркиза вернула мешочек с пилюлями Дракуле, и тот спрятал его в ящик стола.

— А ну давайте наружу! — крикнул им Дракула. — Готовьтесь к вылету. А пока полетайте, побегайте вокруг!

Превращенные в чудищ дети покорной толпой побрели наружу.

Остались лишь те, кто не понравился Дракуле.

— А с этими, — сказал он усталым голосом, — ты сама знаешь, что делать.

— Почему, если грязная работа, так мне? — спросила маркиза Жанна.

— Иди, иди, мне тоже поработать придется.

— Я ничего не понимаю, — прошептал Ганс. — Они дети? А почему тогда они привидения?

— Я тебе все объясню.

— Но пилюли... пилюли!

— Помолчи. Прошу тебя.

— Я не могу молчать! Я должен знать, куда маркиза поведет детей!

— Недалеко, — ответила Алиса. — Маркиза их хочет убить.

— Детей?

— Вот именно.

— Я сейчас пойду и это остановлю.

— Так просто ты ничего не остановишь, — сказала Алиса. — Тут надо думать.

— Да разве волшебников передумаешь?

— Гансик, миленький, — сказала Алиса, — не говори мне под руку. Здесь нет волшебников, а есть мошенники.

Маркиза погнала обреченных детей к выходу.

За ними шли превращенные с помощью синих пилюль в привидения и ведьм остальные дети. Шли они, еле-еле переставляя ноги и лапы.

— А ну пошевеливайтесь! — приказал Дракула. Он подтолкнул отставших кончиком

сабли.

— Ну чего ты медлишь! — торопил Алису Ганс. — Каждая секунда на счету! Нельзя же допускать, чтобы они у нас так распоряжались. Лучше смерть, чем позор.

— Но еще лучше жизнь со славой, — ответила Алиса.

В этот момент дверь за Дракулой захлопнулась.

В два прыжка Алиса слетела по лестнице вниз и кинулась к столу. Она потянула ящик, но он не открывался.

— Да помоги же, Ганс!

Ганс старался помочь Алисе, но стол был сделан из крепкого мореного дуба. А где ключ?

И тут из-под стола появилась тонкая детская ручка. В пальцах она держала медный ключик.

Вслед за ключиком из-под стола вылезла маленькая девочка, та самая, которая хотела к маме.

— Зачем ты это сделала? — спросил Ганс, помогая девочке выбраться наружу.

— Я залезла к нему в карман. Я хотела найти эти пилюли и освободить всех ребят.

Алиса быстро повернула ключ и выдвинула ящик. В ящике лежали два мешка. В одном были желтые пилюли...

— Это для того, чтобы возвращать людям их нормальный облик, — сказала Алиса.

— А эти синие, — сказала девочка, показывая на другой мешочек. — Их надо сжечь!

— Молодец, как тебя зовут? — спросила Алиса.

— Сюзанна.

— Погоди, Сюзанна, — сказала Алиса. — В хороших руках и плохие пилюли могут принести пользу.

— Алиса, объясни мне хоть что-нибудь! — взмолился Ганс. — Я так больше не могу. То привидения, то пилюли, то вампиры, то мошенники!

Алиса сняла с себя куртку и накинула на голенькую замерзшую девочку. Куртка доставала девочке до колен. Девочка прижалась к Алисе.

— Я уже вчера вечером заподозрила неладное, — сказала Алиса. — Не сходились концы с концами — страшный граф Дракула, привидения, вампиры... Но чтобы все привидения, все вампиры и ведьмы слушались одного графа — это так странно! И чтобы они охотились за мной и даже устраивали завалы на железной дороге?! Ну просто не верится! А эта маркиза? Пьет водку и ругается.

— Она еще хуже Дракулы, — пискнула девочка. Она оказалась сообразительной.

— И я подумала: а что, если эти волшебники вовсе не те, за кого они себя выдают? Но кем они тогда могут быть? И я вспомнила — есть у меня враги! Всю жизнь я с ними враждую, борюсь, пытаюсь остановить их гнусные проделки и даже преступления. Эти враги — космические пираты Крыс и Весельчак У. Я думала, что они ушли на пенсию, купили замок и играют на барабанах. Но совсем недавно я встретила их на планете динозавров. Там они пытались утащить золотые яйца ящеров. Как это им удавалось? У них есть специальные пилюли, чтобы превращаться в кого захотят. Синие — чтобы превратиться в кого пожелаешь, желтые — чтобы снова принять свой облик. Эти грабители решили обчистить целую планету. Как-то они узнали о параллельном мире и воспользовались тем, что люди здесь верят в привидений и вампиров. Если ты сильно веришь в чепуху, посмотри вокруг — не окажешься ли ты в дураках.

— Я догадался! — закричал тут Ганс. — Им же надо было из кого-то делать себе слуг? И они стали воровать детей. Все думали, что они детей пожирают. А они их превращали во всякую нечисть! Я правильно догадался?

— Молодец, Ганс! — воскликнула Алиса.

— Тогда побежим и скажем Дракуле, что мы обо всем догадались. Пускай он сдастся.

— Как бы не так! — возразила Алиса. — С чего бы ему сдаваться? Он тут же разрубит тебя саблей, найдет на тебя привидений и драконов. Ты даже договорить не успеешь.

— Так что же делать?

— Мы будем воевать с нашими врагами их собственным оружием, — сказала Алиса.

— Только скорее, — попросила маленькая девочка, — а то они убьют детей, которых увела маркиза.

— Дайте мне одну минуту, — попросила Алиса. — И я придумаю, что мы будем делать.

Ганс шевелил губами, он считал секунды. Девочка подбежала к двери и стала смотреть сквозь узкую щелку.

— Что там? — спросила Алиса.

— Дракула разговаривает с драконами, — ответила девочка. — А теперь он подошел к клетке, в которой сидят твои друзья, Алиса.

— А маркиза?

— Маркиза повела детей в подвал, — сказала девочка. — Там всегда наказывают непокорных.

— Скорее, Алиса, — снова попросил Ганс. — А то я не выдержу.

— Ну что ж, — сказала Алиса. — У меня созрел план.

Глава 15. Сдавайся, Дракула!

Граф Дракула, похожий издали на бледную поганку, стоял прямо, сдвинув тонкие длинные ноги в белых чулках, в коротком сером плаще, который раздувался от ветра, как шляпка гриба. Он глядел на клетку, в которой томился Пашка, превращенный в вампира, и профессор Гоц, ставший вороном. Граф что-то втолковывал своим новым слугам, грозя им длинным указательным пальцем.

Остальные его слуги разошлись по двору, разговаривали или просто вздыхали по дому, маме и папе, которых они теперь должны были убивать или покорять. Вороны стаями носились над двором, играя в догонялки и пятнашки, забыв на время о том, что они солдаты страшной армии графа Дракулы.

Боевой дракон Дракулы лежал, вытянувшись под стеной, чтобы не продуло ветром, — он очень боялся простудиться. Дышал он обыкновенно, паром.

В первую минуту никто не заметил, как из главной башни замка, в которой еще так недавно правил суд и расправу граф Дракула, вышли три человека.

Алиса — в легком костюме, но на толстых гравиподошвах «Пилат».

Ганс — в крестьянской одежде, но босой.

Маленькая девочка Сюзанна, одетая в Алисину куртку и башмаки Ганса. Одежда была ей страшно велика, зато девочке было тепло.

Никто не знал, что Алиса только что проглотила синюю пилюлю и дала проглотить такую же Гансу, а потом спрятала мешочек с синими пилюлями в снежный сугроб у выхода из башни. Другой мешочек, с желтыми пилюлями, Алиса оставила девочке Сюзанне.

— Ты все поняла? — спросила она.

— Что ж тут непонятного? — ответила вопросом на вопрос девочка Сюзанна.

— Тогда начинаем наш последний и решительный бой! — сказала Алиса.

— А вдруг не выйдет? — спросил Ганс.

— Сомнения прочь! — ответила Алиса. — Ты знаешь, что делать. Сюзанночка знает, что делать. Смотри не отвлекайся!

И она тут же стала расти. Через полминуты вместо Алисы у двери в башню стоял еще один граф Дракула, тоже похожий на бледную поганку.

Ганс же, который не успел ни в кого превратиться, по знаку Алисы отступил внутрь башни. Он потянул за собой и девочку.

Сначала никто не заметил появления перед башней второго графа. Привидения и оборотни занимались своими делами.

Пожалуй, только большой серый волк-оборотень поглядел на Алису и медленно пошел к центру двора, будто почувствовал, что там произойдет что-то интересное.

Ничего не заметила и маркиза Жанна ля Мотт, которая в дальнем конце двора гнала палкой кучку голеньких, несчастных, плачущих детей в подвал, собираясь там с ними расправиться. Надо сказать, что преступники и негодяи предпочитают совершать свои преступления и делать гадости тайком, не на глазах у всех, или хотя бы надев маски. Каждый негодяй, какой бы сильный он ни был, в глубине души знает, что рано или поздно его преступления будут раскрыты и ему придется держать за них ответ.

Алису устраивало то, что на нее не обратили внимания. Чем позже граф спохватится, тем лучше.

Она направилась к графу широкими уверенными шагами, и, когда ей оставалось дойти

до него всего метров десять, граф почувал неладное, обернулся и сначала попросту не сообразил, что же произошло.

Алиса продолжала спокойно идти к нему.

Тут очнулись привидения, оборотни, драконы и все прочие слуги Дракулы.

Они засуетились, начали шептаться и переглядываться, но никто не посмел сдвинуться с места. Раздвоение всесильного графа было чудом, ничего подобного они и вообразить не могли.

Дракула тоже ничего не мог понять. Он сразу даже не узнал себя в мужчине, в которого превратилась Алиса, проглотив синюю пилюлю. Идет какой-то чужой рыцарь в коротком плаще, на кого-то похожий...

И только когда Алиса была совсем близко от него, Дракула понял, что происходит что-то страшное.

Пользуясь его замешательством, Алиса подошла к клетке с Пашкой и профессором, открыла дверцу клетки и кинула внутрь две желтые пилюли.

— Быстро! — приказала Алиса. — Пашка, Иона Ионович, проглотите! Это я вам говорю — Алиса! Не бойтесь меня.

Как тут не бояться! Летучая мышь и ворон крутили головами, стараясь понять, кто для них страшнее — старый Дракула или новый Дракула.

И тут новый Дракула сказал:

— Пашка, если ты не проглотишь таблетку, я твоей маме скажу. И Аркашке Сапожкову. Ты понял?

Но Алиса не успела увидеть, понял ли ее Пашка.

Потому что к этому моменту Дракула уже опомнился настолько, что повернулся к ней и схватил своего двойника за ворот.

— Ты кто такой? — сказал он.

— А ты кто такой? — спросила Алиса, отскакивая назад и вырываясь из цепких пальцев графа.

— Я — граф Дракула Шестнадцатый.

— Никакой ты не Дракула, а жалкий самозванец!

Граф Дракула выхватил саблю.

Алиса-Дракула тоже выхватила саблю.

Надо честно признать — первый граф Дракула куда лучше умел владеть саблей, чем Алиса-Дракула.

Но Алиса решила, что будет сражаться до последнего. Главное для нее было выиграть время. Выиграть время, пока выполняли задание Ганс и девочка Сюзанна.

К полному изумлению всех привидений, два графа Дракулы отчаянно рубились на саблях, причем один из них громко кричал:

— Я тебе покажу, самозванец!

А второй отвечал:

— Еще посмотрим, кто из нас самозванец!

Искры сыпались от ударов сабель.

Тем временем в большой клетке для попугаев, что стояла рядом со сражающимися графами, происходило нечто невероятное: летучая мышь породы вампир и ворон на глазах превращались в людей. При этом, разумеется, они разломали клетку, прутья и щепки летели в разные стороны!

Ба-бах! И вот мальчик и невысокий черноволосый человек средних лет покатались по истоптанному снегу в разные стороны.

В этот момент глазам потрясенных привидений предстало еще одно неожиданное зрелище: из двери большой башни выбежали два человека. Первой бежала маркиза Жанна ля Мотт, подобрав длинное платье одной рукой и сжимая в другой небольшую кочергу от камина. За ней выскочила маленькая девочка в длинной, почти до земли, Алисиной куртке и больших башмаках. Девочка держала в руке мешочек.

Маркиза и девочка побежали в разные стороны. Маркиза — к подвалу, куда только что скрылась еще одна такая же маркиза, которая повела убивать маленьких детей. А девочка Сюзанна, бойкая малышка, помчалась к толпе удивленных и замерших от неожиданности привидений, ведьм, оборотней и других слуг графа Дракулы, совсем не опасаясь их, хотя любая обыкновенная девочка умерла бы на ее месте от страха.

Привидения же вели себя, как зрители на теннисном матче, которые все вместе поворачивают головы: мячик полетел направо — трибуны следят за ним, мячик полетел обратно — все, как один, зрители провожают его взглядами.

Вот привидения смотрят на схватку двух графов, вот они повернули головы к клетке, в которой, развалив ее на части, выросли два узника, вот они оборачивают взоры к башне, откуда выбегают маркиза и Сюзанна.

Удар! Еще удар!

Алиса отступала под натиском взбешенного Дракулы.

— На помощь! — кричал между тем Дракула. — Ко мне, на помощь! Чего вы медлите, мои верные ведьмы!

Но ведьмы не спешили, потому что никто не знал, к нему ли надо спешить на помощь или к другому графу, который с ним сражался.

— Ну я вам покажу! — в бешенстве воскликнул Дракула. — Только вот разрублю этого самозванца!

Алиса поняла, что ее дело плохо.

Сколько она еще продержится?

Она отступала. Дракула преследовал ее.

Ее руки уже онемели от тяжелой сабли.

Алиса пошатнулась.

Граф занес саблю, чтобы нанести роковой удар.

Но в этот момент от толпы привидений и оборотней к графу кинулся громадный серый волк.

В два прыжка он настиг Дракулу, подпрыгнув, ударил его лбом и вцепился в поднятую руку так, что Дракула выронил саблю. Граф пошатнулся и упал, а волк обрушился на него всем своим тяжелым телом. Открытая пасть волка оказалась всего в вершке от лица Дракулы.

Дракула завизжал от страха и закрыл глаза.

Алиса разжала кулак, в котором была зажата желтая пилюля, и сунула ее в открытый от страха рот графа Дракулы.

— Держи его, Гаврюха, — сказала она, потрепав волка по загривку, — я пойду помогу Сюзанночке.

Алиса пошла к привидениям, которые видели перед собой не Алису, а только своего страшного повелителя графа Дракулу. Они стали отступать от него, жаться к стенам, а

вороны и летучие мыши взмыли в поднебесье.

Девочка Сюзанна стояла перед толпой слуг графа, вынув из мешочка горстку желтых пилюль, и уговаривала их:

— Ну скушайте, пожалуйста, и вы снова станете мальчиками и девочками. Вы вернетесь домой, и больше не будет этого проклятого графа Дракулы. Не бойтесь его, и все хорошо кончится!

Но привидения видели, как из-за спины Сюзанны выходит страшный Дракула, и никто не торопился взять пилюлю.

И чем ближе подходила Алиса-Дракула, тем громче становились крики из толпы привидений:

— Мы любим тебя, господин! Мы подчиняемся тебе, граф! Мы готовы убить любого из любви к тебе!

Девочка Сюзанна обернулась и сама замерла от страха. Кто это — Алиса или Дракула?

— Ой! — сказала она, и пилюли покатались по снегу.

— Что с тобой? — спросила Алиса и тут же поняла, что все еще держит саблю.

Алиса бросила саблю в снег и сказала:

— Не бойся меня, Сюзанночка. Дай мне тоже пилюлю. Я хочу снова стать девочкой.

Сюзанна перевела дух: значит, победила Алиса!

Но привидения отказывались взять пилюли.

И Алисе пришлось воспользоваться тем, что они так боятся графа.

— Я вам приказываю! — произнесла она противным, скрипучим голосом графа Дракулы. — Немедленно каждому проглотить по желтой пилюле! Ну, сколько раз надо повторять?

Как загипнотизированные, привидения, ведьмы и драконы стали протягивать руки и лапы, чтобы подобрать из снега и проглотить желтые пилюли.

Сверху спускались вороны, совы и вампиры, вскоре уже не осталось пилюль на снегу, и Сюзанна опять развязала мешочек, чтобы всем хватило.

И тут до них донесся жалобный крик:

— Так нельзя! Я буду жаловаться! Дракула, мой любимый, что они себе позволяют!

Все обернулись на крик и увидели, как из подвала, держась за голову, поднимается маркиза ля Мотт. Большая шишка выросла у нее на макушке.

За маркизой шагала еще одна маркиза. В руке она несла кочергу и постукивала ею по спине первой маркизы.

За маркизами из подвала вылезли перепуганные ребятишки.

— Сюзанночка, прошу тебя, — сказала Алиса, — дай, пожалуйста, по пилюле нашим маркизам.

— Я вас поняла, — сказала Сюзанночка и побежала к двум маркизам.

Когда ушибленная маркиза увидела в руке Сюзанночки желтую пилюлю, она обо всем догадалась.

— Ни в коем случае! — закричала она. — Ведь все догадаются!

Она побежала к Алисе, продолжая кричать на бегу:

— Останови это безобразие! Они же догадаются!

— Гансик, стукни ее еще разок, чтобы не спорила, — сказала Алиса, и тут же в глазах у нее потемнело, земля быстро приблизилась к ней, и она упала.

А когда она через пять секунд пришла в себя и снова стала Алисой Селезневой, во дворе

замка многое изменилось.

Во-первых, один за другим все слуги Дракулы — все привидения, скелеты, черные коты, ведьмы, оборотни — снова стали детьми, теми самыми детьми, которых Дракула и маркиза похищали у несчастных родителей, превращая в привидений и заставляя себе служить.

Во-вторых, тощий и длинный граф Дракула, который лежал на снегу в страхе перед волком Канисом, которого Алиса называла Гаврюхой, этот самый граф Дракула превратился в очень толстого, противного, обрюзгшего человека. А маркиза, получившая от Ганса кочергой по голове, стала маленьким, поджарым и злобным человечком, сквозь искусственную кожу которого проглядывали крысиные черты. Зато вторая маркиза снова стала слугой Гансом.

— Вот мы и встретились. — Алиса обернулась к Пашке.

— Да, — сказал прежний Пашка, веселый и неунывающий, — узнаю старых знакомых. Ну уж теперь, надеюсь, вам не отвертеться от галактической тюрьмы, космические пираты.

Конечно же, маркизой и графом были Крыс и Весельчак У, те космические пираты, которые еще в прошлом году случайно проникли в этот мир. Когда они узнали, что люди здесь верят в привидения, духов и всякую нечисть, сообразили, что на этом можно отлично нажиться. Вот они и стали отнимать детей у несчастных поселян и горожан, заставляли их глотать синие пилюли, превращали в чудовищ и понемногу сколотили свою страшную армию и запугали всю страну.

Только им не терпелось завоевать и Землю.

И в этом заключалась их главная ошибка.

Потому что на Земле живет Алиса Селезнева, которая очень много знает и с которой шутки плохи.

Узнав, что Алиса стремится в замок Дракулы, куда попали Пашка с профессором Гоцем, пираты перепугались и решили любым способом остановить Алису, которую считали своим главным врагом во всей Вселенной.

Но им этого сделать не удалось.

Потому что у Алисы были друзья.

Подумав об этом, Алиса посмотрела на волка Гаврюху.

— А ты почему не принимаешь пилюлю? — спросила Алиса.

Волк посмотрел по сторонам.

Если бы он умел пожимать плечами, то пожал бы.

Пашка Гераскин, который чувствовал себя чуть неловко, потому что из-за своей доверчивости оказался в дураках и Алисе пришлось его выручать, сказал:

— У нас же кончились пилюли!

— Сюзанночка, неужели это так? — спросила Алиса.

— Только-только хватило, — сказала Сюзанночка.

— Нет, так быть не может! Я не уеду никуда, пока не помогу своему другу! — сказала Алиса.

Дети, хоть и замерзли, стали перекапывать снег, перебирать его по снежинке, чтобы помочь волку.

Алисе стало их жалко, и она отправила их в башню погреться.

— А у вас не осталось пилюль? — спросила Алиса у пиратов.

— Дома кое-что осталось, — усмехнулся Весельчак У. — Только лететь далеко.

Хочешь, слетаю?

— Ты слетаешь, а обратно забудешь вернуться? — спросил Пашка.

— А я Крыса в залог оставлю, — сказал Весельчак У.

— Не слушайте его! — закричал Крыс. — Он никогда не вернется. У нас в криминальном мире друзей не бывает. Все друг друга предают! Лучше я слетаю за пилюлей.

Ганс, который стерег пиратов, чтобы не убежали, и держал в одной руке кочергу, а в другой саблю Дракулы, даже засмеялся.

— Какие все-таки они мерзавцы! — сказал он. — Пока они сильные, то ни к кому не испытывают жалости. А как только попались, становятся ягнятами.

— Нет, — сказала Алиса, — не могу я отпустить на свободу таких ужасных преступников. Их нельзя оставлять на свободе!

— Можно! — откликнулся Крыс. — Еще как можно. Мы ведь в принципе безвредные. Мы иногда ошибаемся, но готовы исправиться!

Волк Канис огорчился. Он поднял кверху морду и завыл.

Дети заплакали.

И тут с неба спустилась ворона. В клюве она держала желтую пилюлю.

Ворона кинула пилюлю у ног волка и громко каркнула.

Она ходила по снегу, очень довольная собой.

— О нет! — воскликнула Алиса. — Нельзя жертвовать собой. Ведь тебя тоже ждут дома осиротевшие папа и мама!

— Не беспокойтесь, тетя Алиса, — сказала Сюзанночка. — Это я виновата. Я дала ей пилюлю, а это самая обыкновенная ворона.

— Карр! — сказала ворона и поднялась в небо.

— Ешь, Гаврюха, — сказала Алиса.

В этот момент в открытые ворота замка ворвалась карета, запряженная парой могучих коней.

На козлах сидел рыцарь в латах с поднятым мечом, а из открывшихся дверей кареты выскочило несколько мужчин в одежде железнодорожников, а за ними герцог Франсуа.

— Немедленно освободите Алису! — закричал рыцарь на козлах.

— А также мой родовой замок! — закричал герцог.

— И всех наших детей! — закричали железнодорожники.

Алиса побежала к герцогу. Тот обнял ее и с трудом удержал рыдания.

— Все в порядке, ваша светлость, — сказал слуга Ганс. — Дети живы, замок освобожден, Алиса на свободе! О чем вам и докладываю.

— Бабушка! — воскликнул герцог. — Ты посмотри, как все хорошо кончается! Теперь ты сможешь пожить на свежем воздухе.

Рыцарь на козлах поднял забрало, и Алиса с удивлением узнала в нем бабушку Марианну.

— Что же ты удивляешься, Алиса? — спросила бабушка. — Я не такая старая, как кажусь. Правда, уже сто лет я не надевала лат, но они мне все еще в пору. Сейчас я зарублю этих негодяев!

— Нет, — сказал герцог Франсуа. — Мы их отвезем в город и будем судить. Ведь негодяи берут власть над людьми и над целыми странами только потому, что их боятся. Надо всем показать, что бояться нечего — чем человек хуже, тем он трусливей.

— Мы больше не будем! — закричал Крыс. — Мы будем хорошие!

— Я вам буду на барабанах играть, — вторил ему Весельчак У.

Алиса не стала больше слушать эти мольбы, а отошла к двери в башню и взяла спрятанный в снегу мешочек с синими пилюлями. Мало ли когда они пригодятся!

Она спрятала их в карман и почувствовала, что за спиной кто-то стоит.

Она обернулась.

Сзади стоял высокий мальчик, чуть постарше Алисы. Бледнолицый, синеглазый, с темными курчавыми волосами.

— Спасибо, Алиса, — сказал он.

— Ой! — Алиса сразу догадалась. — Ты и есть Гаврюха?

— И еще Канис, — сказал мальчик. — Я не хотел подчиняться разбойникам и быть злым волком, который охотится за людьми. Поэтому я убежал в твой мир.

— Я тебе так благодарна! — сказала Алиса. — Без тебя я бы не смогла всего этого сделать.

— А я благодарен тебе. Теперь я снова свободен. Можно, я отдам тебе одну вещь?

Мальчик снял с шеи мешочек. В нем постукивали кубики.

— Больше они мне не понадобятся.

Подошел Пашка.

— Пашка, познакомься, это наш волк Гаврюха, — сказала Алиса.

— Ох ты, как он изменился! — воскликнул Пашка. — Останешься тут или поедешь с нами?

— Я сирота, — сказал мальчик. — И если можно, я бы пожил у вас на биостанции. Мне там нравится.

— Но тебе придется ходить в школу, — сказала Алиса.

— Я всегда хотел учиться.

Во двор въехало несколько саней с вооруженными людьми — это были люди из отряда, который набрал герцог, чтобы выручить Алису и победить привидения. Среди них были родители некоторых украденных детей. Они побежали в башню, и оттуда доносились крики радости и плач.

— Уберите куда-нибудь пиратов, — подсказала Алиса герцогу, — а то люди их растерзают.

— Правильно, уберите нас! — взмолился Весельчак У. — Но еще лучше дайте нам по желтой пилюле, и мы превратимся в жучков, чтобы путешествовать в вашем кармане.

Но герцог побоялся, что пираты сбегут. Поэтому их отправили в город в карете.

Алиса с Пашкой и профессором Гоцем, который был страшно расстроен, потому что привидения оказались ненастоящими и теперь придется их искать снова, а также с мальчиком Гаврюхой, которого на самом деле звали Канисом, доехали до станции в санях.

Там их ждал знакомый поезд, потрепанный после боя с привидениями и драконами.

Знакомый проводник встретил друзей и показал им места в вагоне, а знакомый начальник полустанка Михай поднял желтый флажок, показывая, что поезду можно ехать.

Ганс проводил друзей до сундука и попрощался с каждым за руку.

А в Москве шел снег и было холодно.

Гость в кувшине

Замечательному художнику
Евгению Мигунову, другу Алисы,
подарившему идею этой повести

Глава 1. Нежданный джинн

Просто нежданный гость — это полбеда. Нежданный джинн в доме — это целая беда. Однажды в июне Алиса получила посылку.

Посылка была тяжелой и со всех сторон оклеена надписями: «Не кантовать!», «Верх», «Низ», «Бок».

Семья собралась вокруг стола, на котором лежала посылка.

Дедушка считал, что посылка напоминает коробку с хрустальным сервизом. Бабушка решила, что внутри ящика находится аквариум, папа предположил, что Алисе прислали супертелевизор, принимающий программы с Марса, только мама призналась, что не представляет, что там находится. Тогда домашний робот Поля, которого все называют домроботником, поднял руку и произнес:

— Попрошу всех покинуть квартиру.

— Почему? — спросил дедушка.

— Потому что, скорее всего, в ящике находится бомба замедленного действия. Наконец-то террористы добрались до семейства Селезневых. Они хотят отомстить Алисочке за то, что она разоблачила космических пиратов.

Все засмеялись, но не очень громко.

Когда тебе говорят, что на столе лежит самая настоящая бомба, ты, конечно, понимаешь, что это шутка. А потом думаешь: а вдруг это не шутка?

— Чепуха! — решил папа и добавил: — А по какому номеру вызывать саперов?

— Ты меня смешишь, — сказал дедушка. — Неужели мы с тобой сами не обезвредим какую-то глупую бомбочку?

Но робот Поля уже укатился на кухню и оттуда вызвал группу саперов, которые через три минуты влетели в открытое окно. Саперов было двое, они были одеты в бронекостюмы, за их спинами вертелись пропеллеры. Саперы понюхали, потрогали, осмотрели ящик. Особенно их заинтересовал обратный адрес: «Эпоха легенд. Древняя Аравия. Пещера джиннов».

— Скорее всего, — сказал главный сапер, — это сказочная посылка. — Он вынул из чемоданчика генератор силового поля и добавил: — Сейчас мы его обесточим, а потом посмотрим.

Силовое поле окутало посылку невидимой преградой, которая все пропускает снаружи, но ничего не пропускает изнутри.

Затем главный сапер со всей осторожностью разрезал ножницами шпагат, которым была обвязана посылка, снял оберточную бумагу, сильными пальцами раскрыл фанерный ящик, и оказалось, что внутри его находится большой ком ваты.

Сапер принялся распутывать вату и вскоре утонул в ней по уши. Вата не могла выбраться из силового поля, и поэтому саперу было очень неудобно работать.

— Есть! — закричал он, но никто не увидел, что же он нашел. — Это не бомба, — сказал он. — Снимай защиту!

Второй сапер отключил силовое поле, и первый сапер упал на пол в ворохе ваты. В руках он держал большой медный кувшин. Старинный, украшенный чеканными узорами, заткнутый медной пробкой.

Сапер сказал:

— Тяжелый кувшин. Видно, полный вина.

— Алисочка не пьет вина! — возмутился дедушка.

Сапер поболтал кувшином, и изнутри донесся глухой звук. словно крик, заглушенный подушкой.

— Там кто-то есть! — воскликнула бабушка. — Там находится несчастный пленник! Срочно освободите его.

— Я бы на вашем месте хорошенько подумал, — ответил главный сапер. — А если это кричит какой-нибудь гигантский зловещий микроб?

— Или чудовище из болот Ядовитых гор? — поддержал его второй сапер.

Сапер поставил кувшин на стол, и все смотрели на него, ожидая, что будет дальше.

И тогда в полной тишине кто-то постучал по стенке кувшина изнутри.

— Неужели злобный микроб будет стучать? — спросила Алиса.

— А тем более чудовище из Ядовитых болот, — сказал папа.

— Они бывают жутко коварными, — не сдавался второй сапер.

— Тогда придется кому-то окружить себя силовой защитой, открыть кувшин и рискнуть жизнью. Я старый, меня не жалко, — решил дедушка.

— Я возражаю, — сказал сапер. — Человеческая жизнь бесценна.

И все посмотрели на Полю, потому что понимали, что робота, в крайнем случае, можно починить.

— Почему вы так на меня смотрите? — взволновался робот. — Вы хотите пожертвовать мною? Говорите правду! И ты, Алиса, такая же жестокая, как все?

— Я согласна сама открыть кувшин, — заявила Алиса.

— Но мы ей этого не позволим! — хором закричали саперы.

— А если меня исковеркает до неузнаваемости? — спросил домроботник Поля.

— Мы сделаем тебе оболочку лучше прежней, — сказал дедушка.

— А я могу отказаться? — робко поинтересовался робот.

— Отказаться ты можешь, — ответил первый сапер. — Каждый робот, который забывает, что его главная задача — охранять людей, может отказаться. Но тогда нам придется...

— Пустить его на переплавку, — вздохнул второй сапер.

— Они шутят! — воскликнула бабушка.

— Вот расплавим, тогда и посмотрим, — ответил ей сапер. — У саперов не бывает чувства юмора, потому что бомбы не смеются.

— Алиса, — произнес робот Поля. — Я завещаю тебе коллекцию монет.

— Я сама! — закричала Алиса, так ей стало жалко робота.

Отец схватил ее и прижал к себе.

Робот Поля подошел к столу. Саперы выпустили из генератора невидимое силовое поле, и робот оказался в нем, как в круглой банке.

Он обернулся, встретился взглядом с Алисой и кивнул ей. Алиса с трудом сдерживала слезы.

Робот поднатужился, вытащил пробку из кувшина, и оттуда вырвались клубы черного дыма. Видно было, как в дыму шевелится кто-то большой и страшный.

— Разве так встречают гостей? — послышался из дыма громовой голос.

Могучими ручищами неизвестное чудовище разорвало силовое поле и выросло до потолка.

Оказывается, в кувшине скрывался мужчина пожилого возраста с собачьими ушами, в

чалме, украшенной драгоценными камнями, в расшитой куртке, распахнутой на груди, и широких шелковых синих шароварах. Его наряд заканчивался золотыми туфлями с острыми загнутыми носками.

— Я оскорблен и унижен! — рычал гость.

— Простите, — сказала Алиса, вырываясь из папиных рук и кидаясь к чудовищу. — Я вас узнала!

— Узнала?

— Вы Мустафа! Вы младший брат джинна Хасана ибн-Хасана, который помог мне, когда я путешествовала в эпохе легенд! Но почему вас прислали в посылке?

— А как мне еще до тебя добраться? — спросил джинн. — Я сидел в пещере на берегу Аравийского моря в медном кувшине и ждал, когда наступит ледниковый период. Но мне же было скучно! И я тогда спросил своего брата Хасана: «У тебя есть знакомая молодая волшебница, которая будет жить в далеком будущем?» И мой брат Хасан кивнул своей мудрой головой. «Ты сделал ей одолжение?» — спросил я. И мой брат Хасан подтвердил, что это именно так. И тогда я спросил: «Брат Хасан, можно ли мне немного размять ноги и слетать в далекое будущее, чтобы познакомиться с девочкой Алисой и слегка развлечься у нее в гостях?» И мой брат Хасан дал мне на это согласие. Тогда меня вместе с кувшином поместили в посылку. Эту посылку мой друг Синдбад-мореход отвез на край дикого леса, там отыскал в дупле векового дуба глубокоуважаемую машину времени, положил посылку со мной, то есть с кувшином, в машину времени и нажал соответствующую кнопку. Как я понимаю, посылку получили в вашем Институте времени и послали по почте дальше. И вот я оказался в твоём доме, я жду радости по поводу моего приезда, я жду музыки и развлечений, а вместо этого надо мной издеваются эти железные человечки.

— Простите, Мустафа, — сказала Алиса, — мне очень приятно с вами познакомиться. Но я совсем не ожидала, что вы приедете к нам в таком ящике. Я думала, что джинны приезжают на шелковых носилках или хотя бы верхом на слонах.

Мустафа сделал вид, что не услышал слов Алисы.

Вместо этого он строго спросил:

— А это что за людишки здесь собрались?

— Я как раз собиралась вас со всеми познакомить. Сначала с моей бабушкой Клавдией Матвеевной.

Джинн расплылся в улыбке. Он вытащил из мешочка, висевшего у него на поясе, скромный, но изящный нефритовый браслет и произнес:

— Дорогая Клавдия-джан. Всю свою жизнь я мечтал встретиться с такой мудрой и заслуженной женщиной, как ты. Я мечтал, что мы будем обсуждать с тобой строки древних сказаний, будем говорить о воспитании внуков и правнуков. Возьми мой скромный дар, Клавдия-джан, да хранит тебя небо. Этот браслет вырезан руками гномов в пещерах Бадахшанских гор.

Бабушка поблагодарила джинна, а Алиса познакомила с джинном дедушку. Алексей-ага получил в подарок от джинна сапфировые четки и шелковую чалму. Затем подошла очередь мамы. Маме досталось коралловое ожерелье. Папа Алисы особенно понравился джинну, и поэтому профессору Селезневу пришлось принять от джинна в подарок кривую саблю дамасской стали в серебряных ножнах.

Джинн сказал при этом:

— Учти, профессор-ага, этот клинок разрезает на лету конский волос. Хочешь

попробовать? Возьми у любого своего коня и разруби!

— Простите, Мустафа, — сказал профессор, — но у меня дома нет ни одного коня.

— Не может быть, чтобы волшебница Алиса жила в такой бедной семье! Но у тебя должен быть хоть один верблюд!

— Простите, но у меня нет верблюда.

— Неужели на все хозяйство у вас только один осел? — расстроился джинн.

Он разволновался, пыхтел черным дымом, из глаз капали на ковер слезы, состоящие из серной кислоты, и прожигали в ковре дырки.

И тогда Алиса спасла положение.

— Вы не правы, глубокоуважаемый Мустафа! — воскликнула она. — Мой отец, премудрый профессор Селезнев, владеет несметными богатствами. У него есть железные слуги. Вот трое перед вами. — Она показала на саперов в касках и бронекостюмах и на домашнего робота Полю.

— То есть как? — удивился первый сапер. — Нас вызывали на обезвреживание, а теперь называют слугами!

— Вы свободны, — сказала им Алиса. — Спасибо за службу.

И она им так выразительно подмигнула, что саперы догадались, что Алиса шутит, взяли под козырек и дружно ответили:

— Рады стараться!

— Кроме того, мой премудрый отец, — продолжала Алиса, — владеет особым царством под названием Космический зоопарк, или Космозо. Слышали ли вы, Мустафа, о таком царстве?

— Нет, не приходилось, госпожа.

— Именно там собраны все самые страшные чудовища с разных звезд. И мой глубокоумудрый отец повелевает ими, но держит в клетках, чтобы они не сожрали все живое.

— О небо! Какое счастье! — закричал Мустафа. — Я не ошибся! Я и на самом деле приехал в гости к могущественнейшему семейству на Земле.

— Можно считать, что так, уважаемый Мустафа, — согласилась Алиса и подумала, что даже такой требовательный к другим людям человек, как ее друг Пашка Гераскин, порадовался бы находчивости Алисы.

И тут в комнату вошел марсианский богомол.

Надо сказать, что у Алисы всегда живут разные звери и птицы. Одни немного, другие подолгу, а марсианский богомол прижился навсегда. Потому что его почти не надо кормить и поить. Как известно, марсианские богомолы едят раз в месяц, а пьют только 29 февраля, в високосном году. Так что даже если все Селезневые, народ, как известно, беспокойный и непоседливый, разъедутся по разным концам Галактики, а домработник Поля отправится на конгресс нумизматов, ничего с богомолем не случится. Он замрет посреди комнаты и не двинется, пока кто-нибудь не вернется.

Марсианский богомол похож на палку с круглыми глазами, приделанную к шести длинным, тонким, членистым, но очень крепким ногам. Ростом он Алисе по пояс. На первый взгляд к нему страшно подойти: заденешь слегка, и его ноги сломаются. Ничего подобного! Как-то богомол задумался, вышел на улицу и столкнулся со снегоуборочным комбайном. Комбайн спереди погнулся, а богомол только испугался и убежал обратно. Если, правда, бег богомола можно считать бегом. Его догонит и маленький ребенок. А когда он гуляет, то переставляет ноги, как сонная черепаха.

Надо добавить, что марсианский богомол — существо совершенно безмозглое, но доброе и привязчивое. И страшно любопытное.

Поэтому неудивительно, что, услышав шум в соседней комнате, богомол решил проверить, что же там случилось.

Он вошел в комнату, и никто, кроме Алисы, не обратил на это внимания. К марсианскому богомолу за несколько лет все настолько привыкли, что его не замечали. Алиса же испугалась — вдруг джинн Мустафа примет богомола за злого духа и захочет его убить?

— Не бойся, Мустафа! — воскликнула Алиса, кидаясь вперед, чтобы встать между богомолем и джином. — Он не кусается.

— А я знаю, что он не кусается, — спокойно ответил джинн.

Он шагнул вперед, протянул лапищу и почесал когтем между выпуклыми круглыми глазами богомола.

Только знатоки марсианского животного мира и сами марсиане знают, что богомолы любят, чтобы их чесали между глазами.

Богомол замер от наслаждения, а Мустафа, к всеобщему удивлению, объяснил:

— Не удивляйтесь, уважаемые Селезневые. Я хотел бы признаться, что свою бурную молодость я провел не в кувшине, а немало путешествовал и шалил. Как-то мой дядя Эль-Менеджер взял меня на загадочную красную планету, которая поднимается кровавым оком над уснувшей пустыней. Мы побыли там недолго, потому что там нечего пить, нечего есть и нечем дышать. Сами жители той планеты обитают в пещерах и прячутся от яркого света. А по пустыне бегает только вот такая саранча, как ваш друг. Есть саранчу нельзя, потому что в ней только жилы и кости.

— Вы бывали и на других планетах? — спросил дедушка.

— Бывал, — ответил джинн и широко зевнул. Из его пасти вырвалось облако дыма.

Алиса поняла, что первое знакомство состоялось и обошлось без жертв. Пора сделать перерыв.

— А теперь, наш дорогой гость, — сказала она, — вам пора отдохнуть. Дорога была трудная, ваш возраст требует отдыха.

— О, как ты права, премудрая девица! — согласился Мустафа.

— Но где ты будешь спать?

— Удобнее всего мне спать в кувшине. Я уже привык. Ты меня заткнешь пробкой, чтобы шум вашего уважаемого города не мешал мне отдыхать.

Алиса, конечно же, согласилась.

Джинн подпрыгнул, взялся руками за горло кувшина, опустил внутрь ноги и, уменьшаясь, исчез в его горлышке. Когда снаружи осталась только голова и руки, джинн помахал на прощание Алисе и сказал:

— Спокойного сна, до встречи завтра утром. Разбуди меня на рассвете и не забудь, что на завтрак я пью чай с молоком!

С этими словами джинн исчез и сразу захрапел.

Алиса плотно заткнула кувшин пробкой.

И все на цыпочках, чтобы не побеспокоить гостя, разошлись по своим комнатам.

Так джинн Мустафа поселился в доме Селезневых.

Глава 2. Продай козу!

Жизнь в доме сильно осложнилась. Джинн Мустафа оказался существом неумным, жестоким и совершенно невоспитанным. Робота Полю он считал ничтожным рабом, пользоваться вилок и ложкой не желал, все хватал со стола руками, жаловался, что его плохо кормят, и грозился уйти жить к соседям. К тому же он скучал и требовал, чтобы его развлекали.

В театр его водить было нельзя. Однажды Алиса попыталась это сделать. Она повела его на балет «Лебединое озеро». Джинн вел себя там так неприлично, что лучше и не вспоминать.

Мало того, что он выскочил на сцену и стал танцевать танец маленьких лебедей, так потом еще гонялся за одной балериной и кричал, что хочет на ней жениться.

Спектакль был сорван, женщины плакали, мужчины едва сдерживали гнев, некоторые даже требовали отправить джинна обратно в сказочную Аравию.

В книжках описаны случаи, когда джинны по разным причинам попадали в наши времена. И в конце концов с ними справлялись. Правда, это были выдумки писателей, а Мустафа существовал на самом деле. Джинны из книжек бывают скорее смешными, чем страшными. Какой-нибудь старик Хоттабыч вообще кажется добрым, хоть и сварливым дедушкой. Разумеется, на самом деле ничего подобного от джинна ожидать нельзя. Тем более что он всего-навсего приехал в гости, и за месяц его не перевоспитаешь.

К тому же было неизвестно, на сколько джинн приехал в гости.

— Не расстраивайся, Алиса, — сказал механик Зеленый, который как-то зашел к Селезневым в гости. — В крайнем случае мы его возьмем с собой в космос и потеряем вместе с кувшином в вакууме. Лет через тысячу его найдут...

— Это жестоко, — ответила Алиса. — Он же не виноват, что его никто никогда не воспитывал.

— Вот именно, — прорычал джинн Мустафа. Он беззвучно вошел в комнату, где происходил этот разговор, неожиданно схватил механика за шиворот и выкинул в окно.

— Как ты смеешь! — закричала Алиса.

— А как он смеет терять меня в космосе? — ответил вопросом на вопрос джинн.

Алиса побежала вниз, Зеленый с трудом поднялся с клумбы и сказал грустно:

— Я вас предупреждал!

С ним всегда случаются неприятности. И механик Зеленый давно не ждет от жизни ничего хорошего.

На третий день Алиса повела Мустафу на станцию юных натуралистов, ту самую, что занимает часть парка, бывшего Гоголевского бульвара. В зарослях пальм и сосен раскинулся мир чудес. Юные ботаники из соседних школ выращивают здесь вишни размером с арбузы и квадратные арбузы, чтобы их было удобнее перевозить, там вывели породу кур, покрытых курчавой шерстью, и назвали их куровцами. Эти куровцы несут яйца, а кроме того, их раз в месяц стригут. Известный многим Пашка Гераскин скрестил как-то обыкновенного комара с серой перелетной птицей. Получился комгусь — комар крупнее вороны и настолько страшный, что от него разбежалось все живое.

В этом уголке, который еще называют биостанцией, с увлечением трудятся Алиса и ее друзья, а также постоянно живут некоторые звери и птицы. Самые знаменитые из них — жираф Злодей и питекантроп Геракл. Геракла привезли на машине времени из древнейшей

Индонезии, где он начал превращаться в человека, но не успел, потому что его хотел сожрать саблезубый тигр. Про него рассказывают, что он не дал улететь комгусю в Ледовитый океан, а убил его дубинкой, сделав таким образом важный шаг на пути превращения обезьяны в человека.

Алиса с утра позвонила на биостанцию и сообщила друзьям, что приведет гостя — джинна Мустафу. Близняшки Маша и Наташа Белые стали готовить к его приходу халву и шербет, потому что знали, как ублажить джинна, а Джавад Рахимов обещал сделать плов, какой делают только в его родном городе Баку.

Жираф Злодей, добрейшее существо высотой шесть метров, вымылся с шампунем, и только обезьяночеловек не проявил никакого интереса к визиту настоящего джинна, а объелся бананами и заснул.

Джинн потребовал, чтобы его везли по городу в кувшине, потому что вдруг начал стесняться людей отдаленного будущего. Алиса так и сделала. Она опустилась на флаере у биостанции, вытащила медный кувшин и под музыку игравшего на губной гармошке Пашки Гераскина принесла кувшин на площадку у входа на станцию, поставила на песок и вытащила пробку.

— Вылезай, Мустафа-ага, — сказала она, — приехали.

— Что-то мне не хочется вылезать, — ответил из глубины кувшина джинн, — поехали домой.

— Еще чего не хватало! — возмутился Пашка. — Мы готовились, старались, а он не хочет. Дай-ка мне кувшин, я вытряхну твоего джинна наружу!

Пожалуй, этого говорить не следовало.

Раздался отвратительный вой, и джинн Мустафа выскочил из кувшина со скоростью прыгающего льва.

Кувшин покатился в сторону, жираф Злодей подскочил так, что ударился рогом о пролетающий мимо воздушный шар, но, к счастью, никто не пострадал.

— Это кто меня чуть не вытряхнул? — взревел джинн, играя мышцами. — Мысленно попрощайся с матерью, которая имела неосторожность произвести тебя на свет, бездельник!

Аркаша Сапожков, который стоял неподалеку, развернув лист со стихами приветствия гостю из эпохи легенд, упал от поднявшейся бури. А стихи унесло на другой конец Москвы.

Лишь питекантроп Геракл ничего не испугался.

Он вышел вперед и начал бить себя кулаками в грудь, отчего получался звук, словно колотят молотком по пустой железной бочке.

Джинн Мустафа оторопел от звука и, конечно же, от вида обезьяночеловека.

— Это еще что такое? — спросил он куда тише, чем вопил минуту назад.

Геракл, переваливаясь, направился к несильному джинну.

— Изыди! — загремел джинн и дыхнул в питекантропа огнем, опалив тому шерсть. Но Геракл — самое отважное создание в мире.

Он продолжал наступать на джинна, а джинн продолжал отступать.

— Это див! — закричал он. — Это сам дьявол! Мое могущество бессильно перед порождением адского пламени.

Мустафа упал на колени и наклонился вперед, намереваясь удариться головой о песок.

Все могло плохо кончиться, но Алиса не растерялась. Она кинулась вперед, обняла руками толстую шею Геракла и начала быстро шептать ему в ухо:

— Геракл, миленький, это свой, свой, только очень глупый джинн! Это гость! Давай его

встретим и будем любить! Ну, Геракл, не опозорь нас!

Геракл почти не умеет говорить, но все понимает. И, уж конечно, он не хотел бы подвести свою любимицу Алису.

Он поднял волосатую ногу и поставил ступню на затылок джинна, замотанный шелковой чалмой.

— Геракл! — произнесла тогда Машенька Белая. — Сейчас же отойди, а то останешься сегодня без компота.

Это была страшная угроза. Геракл задрожал, взвыл и отскочил от джинна.

Мустафа приподнял голову, но так и остался стоять на коленях.

— Алиса, — сказал он, — попрошу немедленно вернуть меня в кувшин. Ваш мир захвачен страшными дивами, суккубами и инкубами. Честному джинну здесь нечего делать.

— Открой глаза, о высокочтимый Мустафа, — ответила Алиса. — И посмотри, с каким почетом тебя встречают на нашей биостанции.

Мустафа осмелился открыть глаза и увидел Пашку, который играл на гармошке «Танец с саблями» из балета «Гаянэ» композитора Хачатуряна: он считал, что древние джинны любят эту мелодию.

Затем Мустафа увидел вежливого и воспитанного молодого человека Аркашу Сапожкова, который на хорошем персидском языке читал стихи Омара Хайяма, приветствуя высокого гостя. К сожалению, джинн никогда не был в Персии и персидского языка не знал. Да и с Омаром Хайямом не встречался.

И, наконец, Мустафа увидел двух девочек и одного мальчика, которые приглашали его за стол, накрытый в лаборатории. Посреди стола дымился чудесный плов, а вокруг теснились другие кушанья, изготовленные хозяевами.

И тогда Мустафа решил всех их простить и проследовал к столу.

Он много съел и много выпил, но с самого начала не согласился, чтобы питекантроп Геракл сидел с ним за одним столом.

И сколько ни уверяли джинна натуралисты, что Геракл — это обезьяна, которая уже превращается в человека, но еще не успела, джинн возражал:

— Может быть, это не див, не суккуб и не инкуб. Я верю вам, юные шалуны. Но за долгую мою жизнь я никогда не слышал, чтобы хоть одна обезьяна захотела превратиться в человека и даже смогла это сделать. И теперь я понимаю, как хорошо, что они и не пробовали! Иначе Землю бы заселили эти страшные уроды. Я бы повесил за ноги того жулика, который придумал сказку о том, что человек произошел от обезьяны. Как фамилия этого обманщика?

— Его звали Чарлз Дарвин, — сказал Аркаша Сапожков. — Но мы его считаем великим ученым, а Геракла называем недостающим звеном между обезьяной и человеком.

— Попрошу дать мне адрес этого Дарвина, — сказал Мустафа, захмелевший от шербета. — Я с ним сведу счеты. Я спасу человечество.

— Так от кого мы, по вашему мнению, произошли? — спросила Алиса.

— От своих родителей! — отрезал джинн. — А некоторые — от меня!

Больше никто не стал спорить с Мустафой, а он огорчился, когда узнал, что Чарлз Дарвин давно умер.

— Как жаль, что я не поговорил с ним как мужчина с мужчиной!

— И что бы ты ему сказал, Мустафа? — спросила Алиса.

— Я бы сказал ему: не женись на обезьяне, и твои дети вырастут порядочными

джигитами.

Так они и не смогли ничего объяснить джинну Мустафе.

После обеда джинн признался Алисе, что ему очень понравилась пятнистая коза с длинной шеей, хотя он понимает, что такой козы быть не может.

Алиса не сразу сообразила, что он имеет в виду жирафа Злодея.

— Это не коза, а жираф, — сказала Алиса.

— Называй его хоть коровой, — ответил джинн, — но, на мой взгляд, он совершенная коза в пятнах. И мне его шкура очень нравится. Я хочу сделать себе из нее теплый халат. Сколько стоит эта коза?

От испуга жираф заморгал своими длинными ресницами и начал отступать от джинна, который стоял посреди газона и ковырял палкой в ухе.

— Мы не можем тебе помочь, Мустафа, — сказала Алиса. — Жираф наш друг, а мы не снимаем шкур со своих друзей.

— Я — гость! — возразил джинн. — И слово гостя — закон. Я хочу получить шкуру этого козла и еще хочу взять в жены этих двух красавиц.

Он показал на Машу и Наташу Белых.

— Зачем тебе такие молоденькие жены? — удивился Джавад.

— Они замечательно умеют готовить. Мне нужны жены, которые будут для меня готовить. А вот тебя я в жены не возьму. У тебя плов подгорел.

Джавад от удивления открыл рот и забыл его закрыть. Он точно знал, что плов не подгорел.

Взяв с собой вишню размером с арбуз, джинн потребовал, чтобы Алиса отвезла его домой. Он залез в свой кувшин и закричал изнутри:

— Алиса, затыкай меня пробкой. Больше я сюда ни ногой! Плов подгорел! Козла не дали, жен не дали! Плохие люди! Я им буду мстить!

Алиса не стала спорить с джином, а заткнула кувшин пробкой, и ребята помогли донести его до флаера.

— Простите, — сказала Алиса. — Честное слово, я не думала, что он так себя будет вести.

— Сидел бы в своей эпохе легенд, — сказал Аркаша.

— И учил бы правила поведения в приличном обществе, — добавил Пашка.

— Вы должны его понять, — вступилась за джинна Алиса. — Просидели бы вы тысячу лет в кувшине, без всякого общества, без развлечений. Он ведь даже неграмотный.

— Кто ему мешал вылезти и принести пользу людям? — спросил Джавад.

— Обстоятельства! — глухо донесся голос из закрытого кувшина. — Во всем виноваты обстоятельства моей жизни. Меня всегда окружали враги и завистники.

Глава 3. Мустафа и Бронтя

На следующий день Алиса пригласила Мустафу в Космический зоопарк, директором которого был ее отец, профессор Селезнев.

Путешествие через город Мустафа снова совершил в кувшине.

Алиса уже знала, что внутри слышно все, что говорят снаружи.

— Все-таки ты меня удивляешь, — произнесла она, поднимая в воздух флаер. — Зачем прятаться в кувшине, когда вокруг столько интересного? Ну чего ты боишься?

— Я... ничего... не боюсь...

— Сколько интересного можно увидеть, когда смотришь на Москву с высоты птичьего полета!

— Ничего... интересного.

— А может, ты боишься высоты?

— Джинны... ничего... не боятся.

Алиса не поверила ему. Но спорить не стала.

— Скоро прилетим? — спросил джинн из кувшина.

— Уже прилетели.

Они опустились перед самым Космозо.

Вход в зоопарк представлял собой большую пещеру, стены которой выложены светящимися кристаллами с разных планет. В этих стенах размещены также аквариумы и террариумы, в которых обитают разные рыбы и пресмыкающиеся со всей Галактики.

Вот гуськом плывут рыбки-мигалки. Они исчезают и снова появляются, но в другом месте. А если покажется хищник, они начинают исчезать и появляться с такой скоростью, что у того кружится голова. А вот стоит та самая сороконожка, которую в детстве спросили, с какой ноги она начинает шагать, с левой или с правой. Вот она и стоит с тех пор... многоножка уже состарилась, обзавелась детьми, стоят они всем семейством и думают. В аквариумах есть цветы, похожие на рыб, и рыбы — вылитые цветы. Там из стены торчат кристаллы, у которых вдруг вырастают крылья, и они летают, сталкиваясь и звеня, как колокольчики. По песку ползают короткие змейки различных цветов. Когда им становится скучно, они соединяются по две, три, четыре, превращаясь в длиннющих разноцветных змей. Там же разбросаны камни, которые могут превратиться в героев ваших любимых книг, а потом исчезнуть.

Алиса с джинном миновали ворота и оказались между невысокими барьерами, за которыми гуляли, отдыхали, ходили и спали различные безопасные для зрителей животные. А хищные и опасные животные жили дальше, в клетках, большей частью невидимых, сделанных из силовых преград.

Джинн довольно спокойно рассматривал удивительных и страшных зверей со всех концов Галактики, но потрясли его собаки с планеты Пенелопа. Эти собаки видны по половинкам. Отдельно целой стаей гуляют передние половинки собак, а отдельно — задние половинки. Если не знать, в чем дело, можно с ума сойти. На самом же деле все объясняется просто: каждая собака живет в двух днях. Передняя половинка сегодня, а задняя завтра. И они не могут встретиться.

Затем джинн остановился перед клеткой со страшным тигрокрысом — полосатой крысой размером с тигра и втрое злобней. Тигрокрыс зарычал на джинна, а Мустафа зарычал на тигрокрыса. Начали сбегаться зрители, споря, кто кого перерычит. Алиса

пыталась увести джинна, но безуспешно. В конце концов тигрокрыс сдался и уполз в угол клетки. Но несколько посетителей в зоопарке оглохли, а редкая птица карузель потеряла голос.

— Ну и что? — спросил джинн. — Это и есть Космозо? Ни одного настоящего чудовища.

И тут Алиса вспомнила о Бронте, ее любимом динозавре, которого знала со дня его рождения и даже раньше, когда Бронтя сидел в яйце. Теперь ему уже пять лет, ростом он с кита, но Алису узнает и любит по-прежнему.

— Сейчас я тебе покажу одного водяного змея, — сказала Алиса джинну. — Он еще молодой, не вырос до своего настоящего размера, но, может быть, тебе он покажется настоящим чудовищем.

— Мы с ним сразимся? — с надеждой спросил джинн.

— Нет, — ответила Алиса. — Броня травоядный, добрый, он никого не трогает.

Они вышли к пруду, в котором жил динозавр Бронтя. Бронтя спал. Он весь ушел под воду, и снаружи торчали только его ноздри и глаза, как будто островки посреди пруда.

— Ну, где твоя морская корова? — спросил Мустафа. — Уже спряталась от меня?

Алиса свистнула в два пальца, и Бронтя, услышав свист, медленно поднялся над водой.

Сначала долго-долго высывалась его шея с маленькой головой, потом вода пруда разбежалась, и уровень ее опустился на метр, потому что Бронтя встал на ноги и его туша показалась над водой.

Конечно же, Мустафа был выше ростом, чем любой человек, и видом куда страшнее, да к тому же отличался невероятной силой и наглостью, но за две тысячи лет жизни ему не приходилось видеть динозавра, потому что динозавры, как известно каждому школьнику, вымерли на Земле несколько миллионов лет назад.

Приоткрыв свою пасть, в которой без труда умещается телефонная будка, Бронтя издал радостный вопль, и вокруг зашатались павильоны, а некоторые зрители даже убежали из зоопарка, и двинулся к Алисе.

Но откуда необразованному аравийскому джинну знать, что Бронтя спешит к любимой девочке? Ему показалось, что чудовище хочет его сожрать.

— В кувшин! — закричал он. — Где мой кувшин?

— Кувшин во флаере остался, — сказала Алиса. — А зачем тебе кувшин?

— Спрятаться хочу и не вылезать наружу тысячу лет! Ты заманила меня в коварную ловушку! Я с самого начала подозревал, что мелкие волшебницы хорошими не бывают! Но я перед смертью убью и тебя! Пускай только твой прудовой змей посмеет тронуть волос на моей голове, я тебя растерзаю.

Алиса вдруг захихикала.

От удивления джинн поперхнулся. Нет ничего обиднее для сильного негодяя, чем смех мотылька. Значит, он недостаточно страшный! Значит, надо стать еще страшней.

— Как ты смеешь смеяться!

— Но ведь у вас на голове ничего не растет, — невинно ответила Алиса.

Тем временем глупый и добрый Бронтя вытащил из воды все двадцать метров своего покрытого непробиваемой блестящей шкурой тела. Он надеялся, что Алиса принесла ему булочку.

— Не смей, — грозно сказал динозавру джинн. — Я погибну, но перед смертью уничтожу тебя и все живое вокруг!

Алиса испугалась, что Мустафа накинется на Бронтю, но, к счастью, в последний момент отвага отказала Мустафе, и он попытался спрятаться в урне для мусора, которая стояла возле дорожки. Он влез туда и начал выкидывать из урны обертки от мороженого и банки из-под сока. При этом он кричал:

— Алиса, немедленно заткни меня пробкой!

— Какая еще пробка! — воскликнула Алиса.

А динозавр Бронтя в первый раз в своей жизни рассмеялся, потому что раньше никогда не видел богатыря, который скорчился в урне для мусора. Наружу торчала только лысая макушка джинна, похожая на страусиное яйцо. Мудрый орел Мафусаил спикировал сверху и клюнул в лысину, думая, что яйцо никому не пригодится.

Бронтя фыркнул на орла, осторожно взял урну в зубы и перевернул ее. Он решил, что уважаемому джинну тесно и не очень удобно сидеть в урне для мусора. Джинн вывалился наружу и на четвереньках побежал из зоосада.

— Я маленькая собачка! — кричал он. — Меня никто не видит.

Алиса почти догнала его у выхода. Тогда джинн сделал усилие и взлетел в небо.

Он летел невысоко и небыстро, но все флаеры, воздушные автобусы и прочие аппараты, которые подчинялись правилам воздушного движения, рассыпались во все стороны, чтобы не столкнуться с джинном.

Алиса кинулась к своему флаеру, прыгнула в него и поднялась в небо.

Она поравнялась с летящим джинном Мустафой и стала его уговаривать:

— Дорогой Мустафа, я очень перед тобой виновата. Я же не думала, что ты испугаешься моего очаровательного Бронтю...

— Я? Испугался? Да я испугался, что нечаянно зашибу его! Однозначно! — кричал в ответ джинн.

— Пойдем дальше пешком, — просила Алиса.

— Я вообще улетаю от вас! — кричал в ответ Мустафа, выковыривая из-за шиворота мусор и бумажки.

В конце концов ценой многих усилий и извинений Алисе удалось уговорить строптивного гостя залезть в кувшин, который стоял на заднем сиденье.

Дома Мустафа отказался вылезать из кувшина и не захотел обедать. Пришлось Алисе кидать в кувшин куски котлеты, а потом лить туда чай. Наевшись, джинн заснул и проспал два дня.

Глава 4. Кинозвезда Мустафа

Через два дня Алиса, опасаясь, как бы джинн не умер от голода и не задохнулся, спросила, вытащив пробку:

— У тебя все в порядке, Мустафа?

— У меня все в порядке, — ответил джинн. — Но скоро я подохну от скуки. Ты должна отвести меня в гости к своим друзьям.

— К каким?

— К маленьким. Я не люблю больших друзей. Друг должен меня бояться, разве не понятно?

Алисе это было неприятно, но она не стала спорить с джином.

И когда Алиса совсем уж было пришла в отчаяние, выход нашелся сам собой.

Ей позвонил старый папин приятель Герман Шатров.

— Алиса, — сказал он, — вся Москва говорит, что у тебя живет настоящий джинн, куда страшнее любого дракона.

Алиса оглянулась, не подслушивает ли гость. Но гостя не было. Его голос доносился из кухни — Мустафа давал советы домашнему роботу Поле, как жарить курицу.

— Живет, — призналась Алиса Герману. — Страшное дело. Весь дом ждет не дождется, когда же он нагостится.

— А он что думает по этому поводу?

— Ах, Герман, — сказала Алиса, — эти джины живут так подолгу, что для них наше «долго» все равно что минутка. Не исключено, что он проживет у нас...

— Пять лет?

— Не пугай, — рассмеялась Алиса. — Я хотела сказать — до осени.

— Почему не дольше?

— Потому что все эти джины страшно теплолюбивые. Он боится сквозняков, холода, ветров и даже росы. С минуты на минуту он ждет начала ледникового периода.

— Послушай, Алиса, — сказал Герман. — А как ты смотришь на то, чтобы отдать мне твоего джина недельки на полторы?

— Замечательно!

— Мы тут снимаем фильм. По старинной детской повести «Старик Хоттабыч». Ты не читала такую?

— Нет.

— Этой повести больше ста лет. Написал ее писатель Лагин. Там рассказывается о том, как один мальчик, который жил у нас в первой половине двадцатого века, случайно нашел кувшин, где был спрятан джинн.

— Трудно поверить.

— Почему?

— Что джином у нас делать?

— Ну, это фантастическая повесть! Это сказка! Ее очень любили дети двадцатого века.

— И что же делал тот джинн? — спросила Алиса.

— Они с мальчиком очень подружились, и постепенно джинн настолько привык к нашей стране, что решил никогда ее не покидать. Он даже устроился работать радистом на полярную станцию.

— Зачем на полярной станции радист? — спросила Алиса.

— Все это происходило очень давно. Тогда даже телевизора не было. Но книжка получилась веселая. Старик Хоттабыч, так звали джинна, ходил в цирк, на стадион и всюду попадал в смешные истории. Фокуснику он решил показать, как делать настоящие чудеса, а футболистам подкинул на поле много мячей, чтобы им всем хватило. И вот, снимаем исторический фильм для детей о старике Хоттабыче.

— А зачем вам нужен мой Мустафа?

— Одного джинна мы нашли. Это пенсионер, чемпион мира по длине бороды. Добрейший старичок. Его теперь даже внуки Хоттабычем зовут. Но в фильме у нас должен быть еще один джинн, старший брат Хоттабыча по имени Омар Юсуф. Это отрицательный герой. Настолько отрицательный, что в конце концов от него отделились, запустив в космос. Как ты думаешь, твой джинн не согласится у нас сняться в такой роли?

— Мустафа никогда не согласится быть плохим джинном, — сказала Алиса. — Он думает, что все джинны хорошие.

— Вот именно! — рявкнул Мустафа, который незаметно вошел в комнату. — Кто решил, что я плохой джинн? Тогда он пускай готовится к смерти. От него останется порошок и мокрое место.

Герман Шатров смотрел на Мустафу, широко открыв глаза.

— Это чудо! — воскликнул он. — Второго такого джинна нам никогда не найти. Теперь я понимаю, почему джиннов так боялись дети!

— И не только дети, — поправил его Мустафа и почесал когтями волосатую голую грудь. — Меня боялись целые армии. Из-за меня убежал из Индии Александр Македонский. Ты его знаешь?

— Читал, — осторожно сказал Герман.

Алиса подмигнула Герману. Мустафа опять выдумывал — он только вчера посмотрел по телевизору исторический фильм об Александре Македонском и страшно завидовал славе древнего полководца.

— Чем ты мне заплатишь? — спросил Мустафа.

— Боюсь, что рубинов, алмазов и жемчуга у меня нет, — признался Герман.

— Этого добра у меня целые сундуки, — расхохотался джинн. — Ты меня соблазни чем-нибудь бесценным, чистым, как весенний цветок.

— Я обещаю тебе славу, — сказал Герман.

— Какую? Неужели ты дашь мне войско, чтобы победить твоего ничтожного соседа и стать славным полководцем?

— Нет. Я обещаю тебе аплодисменты зрителей, цветы поклонниц, наградные вазы и миллион писем от почитателей.

— Чепуха, — проворчал джинн, — я не умею читать и не намерен учиться. Пускай учатся слабые!

— Тебе даже не надо учиться, — сказал Герман. — Мы дадим тебе секретаря, который будет читать для тебя все вывески и объявления. Конечно, если тебе некогда играть в кино, то скажи — и мы найдем другого артиста.

— Только попробуй! — рассердился Мустафа. — Или я играю главную роль, или я разнесу на куски все твое кино.

— Просто уж и не знаю, что тебе сказать, — произнес Герман.

Но глаза у него были хитрые и смеялись. Он заманил к себе Мустафу, хоть Мустафа думает, что это он сам решил играть в кино.

Мустафа обернулся к Алисе и спросил:

— А что думает по этому поводу моя недостойная сестра?

— Я всю жизнь мечтала сняться в кино, — сказала Алиса, — чтобы потом все жители Земли и всей Галактики видели меня на экране или по телевизору и говорили: «Какая красивая девочка! Какая талантливая актриса!»

Мустафа знал, что такое кино и что такое телевизор. По вечерам его было не оттащить от экрана, особенно если показывали мультики. Поэтому слова Алисы ему были понятны. Но все же он продолжал сомневаться.

— А вдруг, — сказал он не очень уверенно, — они захотят посмеяться над несчастным доверчивым и добрым джинном!

— Если ты заподозришь что-то подобное, — удивилась Алиса, — неужели ты не сотрешь с лица Земли всю съемочную группу, а заодно и всю киностудию?

— Сотру, — согласился джинн и обернулся к экрану видеофона: — Я согласен сниматься в вашем ничтожном фильме. Но только попробуйте не заплатить мне аплодисментами и премиями!

Нужно ли говорить, что, когда Алиса привезла Мустафу на съемочную площадку, при виде настоящего дикого и злобного джинна все заверещали, а некоторые смертельно перепугались. Мустафе там понравилось.

Только старика Хоттабыча он не уважал. Он его щипал, дергал исподтишка за бороду и ругал по-арабски.

Так как снимали исторический фильм, то со всей Москвы, из всех театров и даже музеев на площадку свезли множество вещей и инструментов, которыми пользовались древние люди в середине двадцатого века. Когда Алиса пришла в первый зал, где подготавливали декорации, она там увидела вот что: трамвай, примус, галоши, чайник, железный утюг, гладильную доску, этажерку, покрытую кружевной салфеточкой, патефон, модель самолета-биплана, кровать с никелированными шариками на спинке, красный галстук, много портретов всяких забытых людей с усами и лысыми, в париках и шляпах, корыто, подкову, колесо от телеги, амбарный замок, эмалированную кастрюлю, шесть сковородок, валенки с заплатами, лапти изношенные и лапти новые, прятку, сани, ящик гвоздей и шурупов, костыли, шелковый веер, керосиновую лампу, связку толстых свечей, сундук, ножную швейную машинку, карету и еще массу вещей, которые Алиса не успела разглядеть.

Среди всего этого богатства стояла костюмерша, а может, реквизиторша Оксана с толстой белой косой и розовыми щеками. От нее пахло земляникой, и она казалась случайно залетевшей на свалку бабочкой.

— Что делать? — спросила она у Алисы.

— Что делать? — раздался голоса.

И тут Алиса увидела, что в глубине зала, за горами вещей, стоят пожилые и даже старые люди. Человек десять.

Девушка-реквизитор заметила удивление Алисы и объяснила:

— А это наши консультанты. Мы позвали сюда самых ученых стариков и старушек, чтобы они объяснили нам, какие из этих вещей были в ходу в тысяча девятьсот тридцатом году, а какие еще раньше. Вот они и думают.

— Это очень сложно, — сказала Алисе одна бабушка. — Мне вот сто двадцать лет, и я совершенно забыла, в каком году по Пушкинской площади ходил трамвай, а в каком —

троллейбус.

— А я стараюсь решить, — вмешался в разговор старик с бородой почти такой же длинной, как у джинна, — что было сначала, свечки или керосиновые лампы? А вы как думаете?

— Сначала все грелись у костра, — сказала Алиса, — и ложились спать на закате.

— Чепуха! — возразил Мустафа, который тоже стоял в зале, где были разложены вещи. — Сначала были светильники. Причем некоторые из них волшебные. У нас в Аравии рассказывают о недостойном отроке Аладдине, который вызывал джинна с помощью светильника. Так вот, я уполномочен заявить, что это — сказка, и только сказка! Ни один уважающий себя джинн не будет связываться со светильниками.

Старики и старушки попрятались среди перин, сундуков, и некоторые даже залезли в трамвай. Девушка-реквизитор покраснела, но решительно заявила:

— Я попрошу вас не пугать консультантов. Мы обещали докторам и правнучатам консультантов не волновать их. Пожалуйста, уходите отсюда и не кричите.

— Смелая девушка! — вдруг улыбнулся Мустафа. — И очень красивая. Я ее беру.

— Куда же ты ее берешь? — спросила Алиса.

— Я ее беру к себе в гарем, — сказал джинн. — Она будет моей младшей любимой женой.

— А где же твои старшие и нелюбимые жены? — спросила Алиса. Она и не подозревала раньше, что у Мустафы есть семья.

— Мои старшие жены, к сожалению, умерли от старости, — ответил Мустафа. — Я же джинн, а они просто женщины. Я должен откровенно сказать, что, когда эта ваша русская красавица умрет от старости, я все еще буду таким же молодым и крепким мужчиной, как сегодня.

Джинн подкрутил усы, выгацил свой золотой гребень и принялся их расчесывать, как кот, который вылизывает свою шерсть.

— Нет, — сказала Оксана, — пожалуй, нам лучше обойтись без вас, господин Мустафа. У вас совершенно неподходящий характер.

— А у тебя, красавица? — спросил джинн. — Разве у тебя не отвратительный характер?

— Мой характер нравится моему жениху, к тому же я не люблю лысых ушастых брюнетов.

— Я постригу уши, — ответил джинн. — Затем я растерзаю твоего жениха, а потом украду тебя на ковре-самолете.

Тут в зал вошел Герман Шатров вместе с режиссером картины, невысоким человеком по фамилии Юзовский.

Они так и замерли, увидев Мустафу.

— Это то, что мне нужно! — воскликнул Юзовский. — Это самый настоящий Омар Юсуф, джинн-хулиган. Я искал его всю жизнь!

Он протянул джинну руку и сказал:

— Рад с вами познакомиться. Мы будем работать вместе. Мы получим самые высокие премии! Я вам гарантирую «Оскара».

Джинн Мустафа не знал, что «Оскар» — это знаменитая премия, которую дают за лучшее кино. Поэтому он ответил:

— Никакого Оскара мне не нужно. У меня и без него достаточно рабов. Я буду у вас сниматься, если получу в награду вот эту красавицу!

— Пускай не мечтает! — обиделась Оксана-реквизитор. — Дожили! Только посмейте расплачиваться с актерами честными девушками! Профсоюз не даст меня в обиду!

— Может быть, вам подойдет дворец? Или катер? Или космический корабль? — спросил режиссер.

— Все призы и премию Мира! — крикнул Герман.

— Или девица, или ничего!

— Подождите, — сказала тогда Алиса. — Я знаю, что делать. Можно я одну минуту поговорю с джинном один на один?

Разумеется, никто не возражал.

Алиса потянула джинна в угол за позолоченную карету и шепотом сказала:

— Я полностью на твоей стороне, Мустафа. Я согласна с тем, что тебе нужна новая младшая красивая жена.

— Разумеется, — ответил Мустафа. — Представляешь, возвращаюсь я в свою аравийскую пещеру, и тут же открываются все кувшины, в которых сидят мои родственники. Они выглядывают оттуда и спрашивают: что же ты привез из отдаленного холодного будущего, Мустафа? А я откидываю чадру с моей младшей жены, и они умирают от зависти! И я остаюсь последним и единственным джинном на Земле.

— Замечательно! — сказала Алиса. — Я представляю, как погибают от зависти Хасан, Максуд, Мухаммед...

— Али, — подхватил Мустафа, — другой Хасан, Саллахаддин, Хуссейн...

— Но есть одна маленькая сложность, — прошептала Алиса. — Конечно, тебе она покажется пустяком. И ты даже рассмеешься. Но я, как друг, должна тебя предупредить.

— Говори свой пустяк!

— Ты не спросил, кто же жених этой девушки с золотой косой и розовыми щеками.

— Наверно, какой-нибудь ничтожный студент-математик или, что еще хуже, поэт-песенник!

— Ты не угадал, мой драгоценный Мустафа, — сказала Алиса. — Хотя ты даже знаком с ее женихом.

— Знаком?

— Конечно! Ее жених живет в Космическом зоопарке, в пруду, и его зовут Броня. Помнишь бронтозавра, большого, как гора? Это он, ее жених. Он очень любит свою невесту. Но я думаю, что, когда ты скажешь ему, что берешь Оксану в младшие жены, бронтозавр тут же заплачет и согласится с тобой.

— Конечно, — важно кивнул Мустафа. — Он заплачет и убежит. И я его презираю за это. Ничтожная ящерица! Как я его презираю!.. И ты говоришь, что он посмел напроситься в женихи к этой девушке?

— Но он же не знал, что ты приедешь сюда!

— Конечно... — Мустафа задумался. Он думал минуты две и думал так настойчиво, что слышно было, как поскрипывают его мозги, когда мысли пробираются сквозь узкие извилины.

— А знаешь что? — вдруг спросил Мустафа. — Я тут подумал... я подумал и решил. Зачем мне такая толстая некрасивая невеста? обойдусь я без нее! Я найду себе лучше... может быть, подожду, пока ты подрастешь, и возьму тебя, Алиса, в младшие жены. Разве ты хуже этой щекастой девицы?

— Кому что нравится, — скромно ответила Алиса.

— Пускай они дадут мне все награды, которые этот фильм получит на международных и галактических фестивалях! — сказал джинн. — И еще пускай мне дадут этого самого Оскара. Он будет чистить мне лаковые туфли!

— И девушка Оксана нам не нужна?

— Какая еще Оксана? — удивился джинн. — Не знаю никакой Оксаны. Где режиссер? Мне не терпится начать сниматься в кино! Я покажу всему человечеству, какие добрые, интеллигентные и сообразительные бывают джинны.

И, подмигнув Алисе, джинн Мустафа зашагал в съемочный зал. Свой медный кувшин он держал под мышкой.

Вслед ему со страхом глядели консультанты и девушка Оксана.

Глава 5. Президент простой планеты

С тех пор как джинн Мустафа стал сниматься в кино, в доме Селезневых наступил покой. Джинн возвращался со съемок поздно, уставший, хриплый, быстро проглатывал барашка или осетра, которого ему жарил домашний робот Поля, и тут же заваливался спать. Спал он в кувшине, так ему было спокойнее. Кувшин ставили в комнате робота, иначе никто бы не заснул, потому что из горлышка всю ночь вырывался богатырский храп. Роботу же было все равно — он выключал на ночь слух.

Утром, ожидая, когда за ним прилетит флаер, Мустафа завтракал и рассказывал Селезневым о том, что делал накануне. Искусство хорошо влияло на злобного джинна, с некоторыми коллегами он подружился, а девушка Оксана почти перестала его бояться.

Однажды Мустафа обмолвился, что, как только закончатся съемки, он улетит отдохнуть в свою древнюю Аравию, но обязательно вернется на Каннский фестиваль и на все остальные фестивали. И жить он будет в самом шикарном отеле, и ходить станет во фраке, потому что кинозвезды не живут в обыкновенных домах и не носят шаровар!

Так прошло недели две. Все уже привыкли к тому, что джинн трудится. И вдруг он утром объявил, что наступает последний съемочный день. Завтра — расставание. Он заплакал, и горячая слеза упала в манную кашу.

Все повздыхали и сказали, что не знают, как им теперь жить без Мустафы, но, честно говоря, никто особенно не расстроился. Мустафа был незванным джинном.

В тот день Мустафа, как всегда, улетел на студию. Алиса побежала на биостанцию, а остальные разошлись по своим делам.

Начиналось лето, у всех было много дел и планов.

Когда у Алисы выдалась свободная минутка, она позвонила на киностудию и позвала к видеофону Германа Шатрова.

— Здравствуй, Герман, — сказала она. — Мне Мустафа сказал, что вы кончаете съемки?

— Да, сегодня последний день, — ответил оператор. — Устали все смертельно, но очень надеемся, что получился эпохальный, нетленный фильм!

— А как наш джинн? Вы им довольны? Он ничего страшного не натворил?

— Как тебе сказать... были трудности! Но в целом мы довольны! Он создал запоминающийся образ чудовища. Зрители будут плакать и смеяться. Так что мы все тебе благодарны за помощь.

— Ты не знаешь, — спросила Алиса, — когда он сегодня вернется домой?

— А что?

— Мы с Полей хотели устроить Мустафе прощальный ужин.

— Одну минутку, — сказал Герман. — Тут как раз Мустафа идет! Мустафа, возьми трубочку!

На экране возникло лицо джинна. Лицо было задумчивым и очень важным.

— Ах, это ты, Алиса! — произнес джинн. — Я тебя с трудом узнал! У меня столько поклонниц, что я уж не знаю, что с ними делать. Целый гарем!

— Ты опять о женитьбе думаешь! — вздохнула Алиса. — Ну зачем тебе держать женщин в кувшине!

— Не вмешивайся в мою частную жизнь! — остановил Алису джинн. — И быстро говори, что тебе от меня нужно. А то через две минуты начинаются последние съемки, и

мне некогда с тобой рассоливать!

Алиса удержалась, чтобы не засмеяться, и сказала:

— Я только хотела спросить, когда тебя ждать домой? Мы с Полей собирались приготовить для тебя прощальный ужин.

— Не нужен мне ваш ужин, — отрезал джинн. — Оксаночка пригласила меня в ресторан, а оттуда я прямым ходом отправлюсь в машину времени. Так что пообедайте без меня. Прощай!

И Мустафа бросил трубку.

Герман подхватил трубку и включил экран видеодинамика.

— Выражаю тебе сочувствие, — сказал он. — Но у джинов свои понятия о вежливости. Боюсь, что этот господин уже вычеркнул тебя из памяти.

— Ну, что поделаешь...

Алиса улыбнулась, но, честно говоря, ей было неприятно. Все-таки почти месяц они заботились об этом злом волшебнике, кормили его, стирали его шаровары, выслушивали его глупости, его бесконечное хвастовство, а в благодарность... он уезжает, даже не попрощавшись.

Но потом Алиса пожала плечами и подумала: «Так ли уж это плохо? Теперь дома будет тихо и спокойно».

Алиса позвонила домой, сказала домашнему роботу Поле, что торжественный ужин отменяется, и занялась своими делами.

День стоял чудесный, не очень жаркий, облака медленно плыли по синему небу, возле дорожек уже розовела земляника, жираф Злодей нарвал ромашек и, осторожно сжав букетик мягкими губами, подарил его Алисе.

А когда Алиса возвратилась домой, ее ждал приятный сюрприз.

Только что приехал старый друг Селезневых, космический археолог, великий ученый и путешественник Громозека, ростом почти со слона, с глазами вокруг носа, щупальцами вместо пальцев. Кому-то он, может, и покажется не очень красивым, но Алиса обожала его с раннего детства. А Громозека считал Алису своей старшей дочкой и готов был ради нее пройти пешком через всю Галактику, в одиночку разгромить пиратский флот или победить тигрокрыса.

Громозека еле уместился в большой комнате. Мама принесла ему бокал валерьянки, и он выпил его за здоровье хозяев дома.

Потом он объяснил, что у него есть дело к Селезневым. Надо помочь одному хорошему человеку.

— Если надо, то поможем, — сказал папа. — При условии, что он — не ископаемый аравийский джинн.

— Что? — не понял Громозека. — Какой еще джинн?

И Алиса рассказала Громозеке о том, какого гостя они терпели целый месяц и как этот гость решил улететь, не попрощавшись.

— А вы пересчитали ложки и вилки? — спросил Громозека.

— Почему мы должны пересчитывать ложки? — удивился папа.

— Бывают такие гости, особенно среди древних волшебников. Поживет, поживет, а потом ложек не хватает.

Все засмеялись, а Громозека сказал:

— Мой знакомый, которого я привез с собой, немного задержался по дороге. Он увидел

антикварный магазин и застрял в нем. Но как только он кончит там дела, он придет.

— Он коллекционер? — спросил папа.

— Сами увидите, — ответил Громозека. — Он большой оригинал.

Пока ждали нового гостя, Громозека рассказывал о своей последней экспедиции, о том, как растут его дети и толстеют его жены, об общих знакомых и друзьях. Время летело незаметно...

— Но совсем недавно попал я на отдаленную и почти необитаемую планету, — сказал Громозека. — Представьте себе, еду я по бездорожью в своем вездеходе и вижу, что у обочины стоит и ждет попутки странно одетый человек. Конечно, я его довез до дому. И оказалось, что та планета населена всего одной семьей переселенцев. Живет на ней Авдеев Корней, его сыновья Фаддей, Алексей, Бамлей, Кирей, их жены Валерия, Калерия, Фалерия и Домна, а также их дети числом двадцать шесть, разного возраста.

— Они сектанты? — спросила мама.

— Нет, они просто эмигранты.

— Откуда!

— С Земли.

— Но почему?

— Потому что... — начал Громозека, но в это время раздался звонок в дверь. — А вот и сам Авдеев Корней. Он вам все расскажет, — закончил археолог.

В квартиру быстро вошел невысокий мужчина.

Он поклонился всем присутствующим. Его редкие бесцветные волосы лежали поперек лысины. Маленькие подбритые усики топорщились над верхней губой.

— Прошу прощения за столь нежданный визит, — сказал он. — Разрешите представиться — Авдеев Корней, президент планеты Обиталище.

Домашний робот Поля подкатился к нему и протянул руки, чтобы принять его пальто.

— Простите, — обратился к нему гость, — но я принципиально не пользуюсь услугами роботов.

Он сам снял пальто и повесил его на вешалку в коридоре.

На президенте были черный костюм и белая рубашка с синим галстуком под жестким стоячим воротником.

— Куда прикажете садиться? — спросил он.

— Может, вы хотите чаю? — предложила мама.

— Не откажусь, — улыбнулся Авдеев Корней. — Но я не вижу самовара.

— Простите, — откликнулся обиженный робот Поля, — мы не держим музейных вещей.

— Тогда я так посижу, — сказал президент Авдеев.

Он сел на стул и положил ладони на коленки.

Всем стало неловко, будто они нарочно обижают хорошего человека.

— Может, вы бублик съедите? — спросила Алиса.

Но тут засмеялся Громозека.

— Я тоже сначала растерялся! — проговорил он. — Но потом мы поговорили, и оказалось, что все не так страшно. Авдеев Корней, расскажи моим друзьям о своих проблемах.

— Но им, наверное, неинтересно, — сказал президент.

— Ничего, потерпят, — успокоил его Громозека.

— Человечество зашло в тупик, — негромко, но внушительно произнес президент Авдеев Корней. — Я убедился в этом много лет назад. Мы все больше отдаемся во власть бессмысленных машин и пластиковых роботов! — Он указал пальцем на робота Полю, и тот испуганно отступил в угол комнаты. — Мы живем в пластиковом мире, но человеку так жить вредно. Все люди умрут, и останутся только роботы...

— Может, вы ошибаетесь?.. — неуверенно сказал дедушка. — Мне уже немало лет, но мне нравится жить.

— Вот именно! — воскликнул президент. — Именно! Вы ничего не чувствуете! Но враги беспощадны!

Дедушка молчал.

— Я понял, что единственное спасение — вернуться к нашему славному прошлому. Молоко должно быть парным, ботинки кожаными, а шляпы соломенными или валяными! Все должно быть естественным и настоящим. Долой комбайны и уборочные агрегаты! Долой фабрики-автоматы и летающие автобусы! Человек рожден свободным!

— А как насчет электричества? — спросил профессор Селезнев.

— Зачем свободному человеку электричество, — ответил вопросом на вопрос Авдеев, — если у него есть свечи и лампа? Зачем ему жевать какой-то «Орбит без сахара», если он может откусить кусок морковки?

Президент Авдеев Корней замолчал, переводя дух.

— Я у них на планете был, — поддержал его Громозека. — И даже позавидовал. Все Авдеевы полностью отказались от современной цивилизации. Они вернулись к экологической чистоте и демократической простоте. Ходят только пешком, пахут землю плугом и лопатой, сами доят коров и плетут корзины. Они сами строят себе дома с помощью топора, без единого гвоздя.

— Вот именно! — воскликнул Авдеев Корней.

— Они встают с петухами и ложатся с закатом солнца. Они не знают телевизора и даже не умеют читать и писать.

— Но у нас возникла проблема, — признался президент. — У нас подрастают дети — мои многочисленные внуки. Население нашей планеты увеличивается с каждым годом. Нам не хватает свечей и самоваров, домотканой материи и глиняных горшков, даже кастрюль нам уже мало. Ведь мы далеко не все можем сделать сами! И я воспользовался кораблем Громозеки, чтобы вновь посетить мою Землю и попросить помощи.

Все замолчали. Можно было смеяться над президентом Обиталища, можно было сочувствовать ему, но скажите, пожалуйста, где можно достать в конце XXI века на Земле не нужные никому самовары, горшки, швейные машины или калоши? Где купить топор или заступ? Куда проще взять садового робота, огородный автомат, электронного уборщика, микроволнового повара — на Земле есть множество предметов и приборов, придуманных для того, чтобы помогать людям. Но совсем не осталось предметов, которыми трудно управлять. Они сохранились только в музеях или в коллекциях.

— Надо будет спросить в Историческом музее, — сказал дедушка. — У них много всякого барахла скапливается. Может быть, им не все нужно?

— Ты не знаешь музеев, — возразила мама. — Даже если у них есть сто одинаковых ненужных вещей, они лучше создадут специальный отдел по хранению ненужных вещей, но никогда не расстанутся с пуговицей.

— На Обиталище все зависит от моей поездки, — сказал президент Авдеев Корней. —

Я должен срочно научить моих детей и внуков жить простой жизнью. Иначе операция по спасению человечества от изобретений провалится. И что тогда со всеми нами станет лет через двести — я не берусь предсказать! Но я представляю себе людей будущего как откормленных свиней на пуховых подушках. А роботы и автоматы будут кормить их с ложечки сгущенным молоком.

— Стойте! — обрадовалась Алиса. — Я знаю!

— Что? — Все обернулись к ней.

— Я знаю, где можно достать ненужные старинные вещи!

— Где же? — спросил президент.

Алиса кинулась к видеофону и набрала номер Германа Шатрова. Герман был дома, он как раз собирался обедать.

— Герман, миленький, у меня проблема, и она зависит от того, кончили ли вы снимать свою картину!

— Сегодня кончили, — ответил Шатров. — И получилась гениальная нетленка!

— А не могли бы мы с тобой, — сказала Алиса, — помочь одной хорошей планете?

— Я очень люблю помогать планетам. И если ты мне объяснишь все в двух словах, чтобы суп не остыл, я рад тебе помочь.

И тогда Алиса в трех, а может, в десяти словах объяснила Шатрову, что президент Авдеев Корней ищет и не может найти старинные вещи для своей планеты, чтобы его внуки могли расти среди керосиновых ламп и хрустеть редиской, выращенной на своем огороде.

Шатров сдержанно улыбнулся и сказал:

— Хорошо, что ты позвонила сегодня. Завтра мы собирались разбирать наш склад. Что интересно — отдать в музей, а что никому не нужно, собирались выкинуть. Так что я могу сейчас позвонить Оксане-реквизитору, которая пока дежурит на складе. Она откроет зал для твоего друга, и пускай он берет то, что ему пригодится.

Алиса поблагодарила Шатрова и обернулась к президенту. Она хотела сказать ему: «Теперь вы можете ехать по такому-то адресу», — но тут поняла, что гость смотрит на нее и ждет, что она сама ему все и покажет.

Алиса вздохнула и сказала:

— Уважаемый президент Авдеев Корней, давайте я провожу вас на студию и помогу вам.

Но Громозека пожалел Алису.

— Не надо, — сказал он громовым голосом. — Я в Москве все знаю, как в собственном доме. И дорогу на студию знаю. Так что отвезу президента куда нужно и помогу ему отобрать тряпки и коробки. Тем более у меня с собой есть специальная платформа, на которой я разъезжаю по Москве — ведь в такси или во флаере мне не поместиться.

Громозека поднялся и пошел к двери, возле которой уже стоял, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, президент планеты Обиталище Авдеев Корней, которому сказочно повезло, что именно сегодня кончились съемки исторического фильма о старике Хоттабыче.

Глава 6. Письмо из Аравии

Больше Алиса не видела президента Авдеева Корнея.

Громозека позвонил из космопорта и радостно сообщил, что президент набрал на студии целую платформу старых вещей и, счастливый, улетает к себе домой. Потом пришла космограмма: президент благодарил семью Селезневых, и в первую очередь Алису Селезневу, за исключительно важную помощь в освоении планеты Обиталище и приглашал в гости на ягоды, грибы и парное молоко.

За летними делами и заботами Алиса забыла о джинне Мустафе и даже о президенте Авдееве Корнее. Лето оказалось очень бурным — сначала Алиса с Пашкой Гераскиным попали на Тихий океан и пережили там подводные приключения: нашли то, что осталось от Атлантиды, и даже ее последних обитателей; и уже перед самым началом занятий слетали на Планету Без Памяти. Впрочем, это только со стороны кажется, что лето было очень бурным и занятым — Алиса-то считала, что это самое обыкновенное лето, бывает куда интересней.

Когда она вернулась после космических путешествий домой и приняла ванну, домашний робот Поля выложил ей на письменный стол посылки, бандероли, письма, кассеты и капсулы, которые накопились дома за последний месяц.

Среди этой корреспонденции Алиса обнаружила письмо от старого знакомого джинна по имени Хасан ибн-Хасан, с которым встречалась в эпохе легенд.

В письме говорилось вот что:

«Достопочтенная и мудрая девочка Алиса!

Шлю тебе привет из солнечной Аравии, где я провожу дни и годы в темной пещере, ожидая наступления ледникового периода. Надеюсь, что ты, светлоокая, здорова, а также здоровы твои уважаемые родители и почитаемые дедушки и бабушки. От имени всех джиннов древней Аравии выражаю тебе благодарность за заботу о нашем младшем брате, недостойном джинне Мустафе. Спроси его, пожалуйста, собирается ли он возвращаться в родные края. Может быть, он погиб или, что еще хуже, женился на чужбине? Если он погиб, беда невелика, но мы, его родственники должны знать об этом и поделить его имущество, а также занять его место в пещере. Ты его не жалеяй, потому что Мустафа был большим негодяем и эгоистом. Мы до сих пор подозреваем, что он убил свою бабушку. Не бойся, напиши всю правду, мстить не будем.

Твой друг Хасан ибн-Хасан.

Жду ответа, как соловей лета!»

— Погляди, Поля, что ты думаешь? — сказала Алиса и протянула письмо роботу.

Робот прочел письмо, потом понюхал его и сказал:

— Пахнет сандаловым деревом, Аравийской пустыней, слезами верблюда и невероятной древностью.

— Все правильно, — согласилась Алиса. — Но скажи мне, что означают вопросы о Мустафе? Неужели он пропал без вести?

— Не исключено, — ответил робот. — Я до сих пор не доверяю путешествиям во времени. Один знакомый робот рассказывал мне, что каждый третий путешественник во времени прилетает подмененный.

— Как так — подмененный? — удивилась Алиса. Она знала, что робот Поля свободное время проводит на завалинке в мастерской по починке роботов в Крагове и там набирается глупых слухов и сплетен, которыми обмениваются старые роботы.

— Из себя он точно такой, как прежде, — сказал робот. — Даже родная мама не узнает. Но на самом деле от него остается одна оболочка. Все внутренности перехватываются на полпути заговорщиками, которые подстерегают его и отправляют воевать в армию Серой Дыры.

— Ясно, — вздохнула Алиса, — от тебя мне толку не добиться. Но я на самом деле волнуюсь, что же могло произойти с джинном! Где мне узнать...

— В Институте времени, где же еще, — сказал робот. — Но правды не знают и они.

— Помолчи, Поля, — рассердилась Алиса. — Разговор о серьезных вещах, а ты придумываешь неизвестно что!

— Я придумываю гипотезы, — возразил домашний робот. — Я — настоящий ученый. Не исключено, что я уйду от вас и поступлю в университет!

Алиса отмахнулась от робота и набрала номер справочной Института времени.

На экране появилась девушка, остриженная почти наголо — так стригутся все сотрудники Института времени, чтобы легче было надевать парики и маскироваться.

— Чем я могу вам помочь? — спросила девушка у Алисы.

— Один знакомый, — сказала Алиса, — прилетел ко мне в гости из эпохи легенд, пожил у меня месяц и отправился обратно. А его родственники прислали мне письмо, в котором утверждают, что он не вернулся домой.

— Наверняка по дороге его перехватили, — вмешался в разговор робот Поля. — Украли, это точно! И теперь он воюет в армии Серой Дыры.

— Такого быть не может! — возмутилась девушка. — Случалось, что наши сотрудники пропадали без вести в прошлом. Некоторые даже оставались там добровольно... Впрочем, вам все это знать не обязательно.

— А куда Мустафа делся? — строго спросил Поля.

— Мустафа — это имя вашего гостя? — спросила девушка.

— Да, — сказала Алиса. — Он джинн, из древней Аравии.

— Одну минутку! — попросила девушка, и видно было, что она смотрит на экран своего компьютера.

— Подождите, — попросила ее Алиса. — Не ищите, пожалуйста, Мустафу в списке гостей из прошлого. Его там нет.

— Почему же? Имена всех гостей обязательно вводятся в наш компьютер.

— Но он прибыл к нам в кувшине, — сказала Алиса. — Он был запечатанный.

— Откуда такая жестокость? — удивилась девушка.

— У древних джиннов так принято путешествовать, — сказала Алиса. — Они предпочитают жить в кувшинах или бутылках. Вот и Мустафа приехал к нам в кувшине. А кувшин был в ящике. В посылке. И если вы проверите, то увидите, что в июне вы получали из эпохи легенд посылку на имя Алисы Селезневой.

Девушка снова обратилась к экрану и через минуту сказала:

— Вы совершенно правы, девочка. В июне сего года поступала посылка на имя Алисы

Селезневой из эпохи легенд с обратным адресом: «Древняя Аравия. Пещера джинов, джинну Хасану ибн-Хасану». Правильно?

— Правильно, — сказала Алиса. — И теперь скажите, пожалуйста, когда джинн Мустафа улетел от нас обратно в эпоху легенд?

— Не путайте меня! — воскликнула девушка. — Вы сказали, что получили из эпохи легенд посылку, а теперь спрашиваете, когда вернулся Мустафа. Вы же не получили Мустафу?

— А кто тогда был в посылке?

— Это вам лучше знать, — сказала девушка.

— В посылке был джинн Мустафа. Вернее, в посылке был кувшин, а в кувшине путешествовал джинн Мустафа. И мне хочется узнать, когда он вернулся обратно.

— В кувшине? В посылке? Или просто так?

— Мне все равно как! — сказала Алиса. — Мне только хочется узнать, когда это случилось.

Девушка поняла и долго смотрела на экран своего компьютера. Потом вздохнула и сказала:

— Простите, Алиса, но, к сожалению, за все лето от нас в эпоху легенд не было никаких отправок!

— Но, может быть...

— Что может быть?

— Может быть, он по ошибке куда-то еще полетел?

— Послушайте! Какая может быть ошибка? Если мы отправляем кого-то в прошлое, то мы делаем это в соответствии с законом и всеми правилами. Никто не может просто так, без разрешения, кинуться в прошлое, тем более в эпоху легенд.

— А он полетел в другую эпоху! — крикнул робот Поля. — Ищите его в самой безобразной эпохе. В самой жуткой и варварской эпохе. В армии Серой Дыры! Там ему и место.

— Да поймите же! — совсем расстроилась девушка. — Если вы не верите мне, я могу позвать директора института. Если бы в машину времени забрался кто-то неучтенный, то компьютеры сразу бы определили его вес и размеры. После того как один мальчик из двадцатого века попал к нам, а потом одна девочка убежала от нас в двадцатый век, у нас очень строго по этой части. Очень строго.

— Знаю, знаю, — сказала Алиса, — я и была этой девочкой.

— Тогда вы тем более должны понимать, что никакой джинн у нас не проскочит без разрешения. Даже в коробке.

Алиса отключила видеофон и пригорюнилась.

Как сообщить теперь джиннам в древней Аравии, что не знаешь, куда делся их родственник Мустафа!

— Кто мог его видеть последним? — задала себе вопрос Алиса.

— Кто-то на киностудии, — отозвался умный робот Поля. — Наверняка ему дали флаер, чтобы он долетел... только вот вопрос: куда он долетел?

Алиса уже кинулась к видеофону.

К счастью, Герман Шатров был в Москве.

— Герман, — спросила она, — ты помнишь последний день съемок вашей картины?

— Конечно, помню.

— Когда съемки кончились, что делал джинн Мустафа? — спросила она.

— Совершенно не представляю. Я его в суматохе и не разглядел.

— Кто мог его видеть?

— А что случилось?

— Пропал Мустафа. Не вернулся в Аравию. Родственники волнуются.

— Но не мог же он остаться в Москве! Мы бы об этом узнали.

— Мы бы узнали... но есть одна ужасная возможность... мне даже страшно подумать...

— Алиса, что ты думаешь? Чего ты боишься?

— Скажи, куда делись все декорации вашей картины, все предметы и вещи?

— Они, наверное, на складе, а может, их вернули в музей.

— Где склад?

— Я сейчас позвоню Оксане-реквизитору. Она должна знать.

— Срочно звони! Я не отхожу от экрана!

Герман стал звонить девушке с золотой косой, а робот Поля спросил Алису:

— Ты чего боишься? Мне-то можешь сказать?

— Я боюсь... я боюсь, что Мустафу могли забыть!

— Как забыть? Где забыть?

— На складе забыть, — сказала Алиса. — Он же в кувшине! А что, если он лег отдохнуть и кто-то заткнул кувшин пробкой? А потом все ушли, и наш несчастный Мустафа до сих пор сидит в кувшине на складе?

Такая мысль перепугала и Полю.

— Это слишком жестоко! — сказал он.

Тут позвонила Оксана.

Алиса сказала ей, что боится, не забыли ли на складе кувшин. Оксана сказала, что, конечно, этого быть не должно, но мало ли, что может случиться с таким противным и приставучим джинном, как Мустафа. Она согласилась тут же поехать на склад, открыть его и поглядеть, нет ли там кувшина.

Алиса с Полей помчались на флаере туда же.

Вместе с Оксаной и прилетевшим Германом они открыли большой склад, где хранится реквизит от разных картин, и начали искать кувшин с джинном. Они переворачивали вещи, они звали Мустафу, надеясь, что джинн отзовется из кувшина... но все напрасно!

Потом они обзвонили все музеи и школьные исторические кабинеты, куда могли передать вещи со съемок. Но и там не было ни одного подходящего кувшина.

Так что пришлось смириться с мыслью, что джинн Мустафа пропал без вести. Осталось только послать телеграмму в эпоху легенд, чтобы родственники-джинны начинали делить его имущество и место в пещере, но Алиса все откладывала этот момент. Как будто еще на что-то надеялась.

Глава 7. Алиса летит на планету Обиталище

Светлые идеи приходят в любое время суток. Захочет такая идея тебя посетить — вот и пришла. И ей все равно — ночь это или разгар дня.

Так случилось и с Алисой.

Она проснулась среди ночи и совершенно явственно подумала: «Я знаю, где сейчас бедный Мустафа. Он попал на планету Обиталище к президенту Авдееву Корнею вместе со старинными предметами со съемок».

Алиса была настолько уверена в своей догадке, что тут же прошла босиком в папин кабинет и включила там галактическую связь. Археолог Громозека копал затерянный город на какой-то отдаленной планете, но его межпланетный телефон у папы был записан в компьютерную книжку. Так что Алиса тут же набрала код и номер. К счастью, в месте, где происходили раскопки, была середина дня. Громозека тут же подошел к телефону и узнал Алису.

— Что случилось? — переполошился он. — Ты попала под флаер? Мама утонула? Дедушка сломал ногу?

— погоди, Громозека, — остановила его Алиса. — Все куда проще. Постарайся вспомнить, какие вещи брал президент Авдеев Корней со склада на киностудии.

— Ну как теперь вспомнишь! Несколько месяцев прошло!

— Постарайся, это очень важно.

— Он брал стол, самовар, сундук, валенки... он брал массу вещей.

— А среди вещей был большой восточный медный кувшин?

— Может быть, — сказал Громозека, — я за ним специально не наблюдал.

— Вспомни, миленький! От этого зависит жизнь одного... существа.

— Какого?

— Джинна Мустафы! Может быть, вы нечаянно забрали со съемок кувшин, в котором он спал, и никто этого не заметил.

— Как же не заметил? А разве джинн не снимался в кино?

— Вы попали туда как раз в конце съемок. Была суматоха, все собирались, разъезжались. И никто не хватился несчастного Мустафы.

Громозека горько вздохнул и сказал:

— Нет, не помню. С одной стороны, мне кажется, что вроде бы я видел какой-то кувшин, но с другой стороны, я ничего не видел...

— Тогда, — решительно произнесла Алиса, — у меня нет выбора. Я лечу на планету Обиталище. Туда ходят рейсовые?

— Какие рейсовые! — удивился Громозека. — Туда ничего не ходит. Только раз в году привозят почту, новые ботинки, соль и спички...

— Дай координаты!

— Координаты есть в справочнике. Но, Алиса, это же неразумно!

— Разумно, — возразила Алиса. — Я виновата и должна это дело распутать.

— Ты туда не попадешь, — сказал Громозека. — Представь себе — это же самая отсталая и первобытная планета во всей Галактике. Они отказались от всего, даже от электричества. К ним никто не летает, они никуда не летают...

— Тем лучше. До встречи, Громозека! — попрощалась Алиса. — У меня как раз осталось два дня до конца каникул.

— Но кто тебя повезет?

— Мой друг, — ответила Алиса.

И она говорила правду.

У Алисы на самом деле есть добрый друг — это маленький, разумный космический корабль Гай-до. Он живет под Вроцлавом в семье Ирии Гай, воспитывает ее малышку. Алиса с Гай-до побывали во многих переделках. Алиса надеялась, что Ирия разрешит взять кораблик на два дня поискать на первобытной планете кувшин с потерявшимся джинном.

Ирия отпустила Гай-до на выходные, папа и мама согласились с Алисой, что ей необходимо поискать Мустафу, и вот через два дня они отправились на Гай-до в поисках планеты Обиталище.

Дорога была нелегкой, но Гай-до промчал Алису как на гонках, и к вечеру следующего дня они подлетали к планете Обиталище.

— Учти, кораблик, — сказала Алиса, стоя у пульта управления, — что нас никто не встретит. У них даже нет электричества... Такие они все принципиальные.

— Вытерпим, — ответил Гай-до.

Сделав круг, Гай-до снизился над небольшой, поросшей лесами планетой Обиталище.

Алиса стояла у иллюминатора, стараясь отыскать поле, на краю которого должна стоять избушка поселенцев.

Но вместо нее она увидела, как навстречу им с планеты поднялся гравитолет, небольшой, но вполне современный.

Сделав круг, он приблизился к Гай-до.

— Кто к нам в гости? — спросили с корабля. — С какой целью?

— Это я, Алиса Селезнева.

Алиса подумала, что ошиблась и попала на другую планету.

— Сверяю с компьютером, — сказали с гравитолета, — есть ли в списке наших друзей Алиса Селезнева.

И через минуту Алиса услышала:

— Добро пожаловать, Алиса! Наша планета ждет тебя. Ты у нас желанный гость. Следуйте за мной.

Гай-до полетел за гравитолетом и вскоре опустился на пластиковую посадочную площадку неподалеку от небольшого, но странного города. В том городе не было домов, магазинов и улиц. Только несколько высоких дворцов и замков, каждый из которых был окружен садом. Но самое удивительное заключалось в том, что эти дворцы не были придуманы архитекторами, а повторяли какое-нибудь всем известное здание. Там стояли в окружении клумб и цветников, пальм и магнолий Эйфелева башня, пирамида Хеопса, дворец Мамакарда Четвертого Паталикутры, Эмпайр-стейтс-билдинг из Нью-Йорка, московская Останкинская телевизионная башня, собор Парижской Богоматери, индийский мавзолей Тадж-Махал, дворец императора планеты Прохладные Струи, известный тем, что был выпилен из гигантского изумруда...

— Какое странное у них представление о простоте и древности, — сказала Алиса. — Я-то была уверена, что мы выйдем на лужайку, где пасется стадо коров, что мы будем пить чай из самовара в маленькой избушке...

— Не делай выводов раньше времени, — сказал Гай-до. — Вылезай, осмотрись. Тем более что тебя здесь знают и даже, кажется, ждут.

С этими словами Гай-до открыл люк, и Алиса вышла на пластиковое покрытие.

И тут она увидела, что от дворцов и башен к ней летит несколько флаеров самых разнообразных моделей, размеров и раскраски. Но все это были современные машины, скоростные, автоматические, чудо техники.

Из флаеров выскакивали молодые люди и дети, одетые легко и ярко, все чем-то похожие друг на друга.

Они кидались к Алисе, обнимали ее, целовали, дети называли ее сестренкой, взрослые — дочкой.

Первый из мужчин, знакомясь с Алисой, представился:

— Авдеев Фаддей. Жду в гости!

Второй сказал:

— Авдеев Алексей. Я вам так благодарен за подарок! А вот моя жена Валерия.

Третий мужчина назвался:

— А я Авдеев Кирей, жену мою зовут Калерией.

Алиса уже догадалась, что она встретилась с семейством Авдеева Корнея, президента планеты Обиталище.

Поэтому она спросила:

— А где же ваш папа, президент планеты?

— К сожалению, — ответил Алексей, — папа не сможет вас приветствовать. И я не знаю даже, захочет ли он вас увидеть.

— Я к вам ненадолго, — сказала тогда Алиса. — Мне только хотелось у вас спросить, не знаете ли вы о судьбе... может быть, вы видели кувшин... Я ищу... — Ну никак Алиса не могла задать вопрос о джинне, потому что дети и взрослые тянули ее к себе, приглашали в гости в свои дворцы и замки, которые, оказывается, и были их домами.

— Подождите! — раздался сверху голос. — Выслушайте Алису. Не кричите все сразу!

Авдеевы замолчали. И посмотрели вверх.

— Извините, — сказала Алиса, — это говорил мой кораблик.

— Правильно, — громким голосом произнес Гай-до. — Мы прилетели узнать, не попал ли к вам на планету случайно кувшин с джинном Мустафой. Он пропал без вести, и его родственники беспокоятся, не погиб ли он?

— Ничего подобного! — послышался голос джинна Мустафы, который опускался с неба на ковре-самолете. — Я жив, здоров, счастлив. И отлично понимаю, что мои родственники-джинны ждут не дождутся, чтобы я помер, тогда они поделят все мои драгоценности и вещи, займут мое место в пещере и тут же забудут обо мне.

Глава 8. Одинокий президент

Ковер-самолет повис над землей, как диван. Мустафа величественно сошел с него, и все жители планеты Обиталище поклонились ему. А маленькие дети, которых там было видимо-невидимо, подбежали к нему, чтобы он взял их на руки и подбросил к небу. Через полчаса все Авдеевы, Алиса, джинн Мустафа и даже кораблик Гай-до собрались на верхней площадке Эйфелевой башни.

Всем известно, что Эйфелева башня уже много лет стоит посреди города Парижа, и туристы со всего мира съезжаются туда, чтобы ею полюбоваться.

И вот, оказывается, на планете Обиталище недавно построена точная копия французской башни, такая же высокая, как в Париже. Ее вершина часто скрывается в облаках.

На вершине Эйфелевой башни есть площадка. На площадке стоит большой стол, окруженный креслами. Кресла там разные. Есть обыкновенные для взрослых Авдеевых, есть широкое кресло для джинна Мустафы, есть маленькие кресла на высоких ножках для авдеевских детей. Только, разумеется, для Гай-до кресла не нашлось, и он повис в воздухе над перилами площадки.

С шумом, смехом, разговорами Авдеевы заняли места за столом.

Рядом с Алисой кресло пустовало.

— А тут кто должен сидеть? — спросила она.

Авдеевы грустно замолчали. Потом Алексей сказал:

— Это кресло ждет нашего папу, Авдеева Корнея, президента нашей планеты.

— А где же он?

— Он там, за рекой, в тени деревьев, — сказал Кирей. И грустно вздохнул.

Существовала какая-то тайна, но Алиса понимала, что, когда нужно, эту тайну раскроют. Самой же лучше не вмешиваться в чужие дела.

Валерия и Калерия принесли большой самовар, и все принялись пить чай. Алиса заметила, что самовар был единственной старинной вещью на столе — все остальное было совершенно современным, даже гренки саморазогревались, стоило до них дотронуться, сахар сам пересыпался из сахарницы в чашку, стоило тебе этого захотеть. Кроме чая, конфет и торта, на столе стояли блюда с киви, ананасами, бананами, виноградом и другими фруктами.

День клонился к закату, но солнце еще пригревало. Поэтому было очень приятно пить чай на вершине Эйфелевой башни, где веял свежий ветерок. Авдеевы расспрашивали Алису о новостях на Земле и в Галактическом центре. Оказывается, они были в курсе многих событий и поддерживали с Землей связь. По системе ноль-транспортировки им пересылали кассеты с новыми фильмами и компьютерными играми. Кстати, дети, которым надоело слушать, как разговаривают с Алисой взрослые, стали играть, а другие принялись летать вокруг, надев крылья или сапоги-самолеты.

— Расскажи, Мустафа, — попросила Алиса джинна, который подошел к ней с бокалом апельсинового сока. — Как случилось, что ты сюда попал? Правильно ли я догадалась, что тебя увезли по ошибке?

— О мудрая из мудрейших девочек Вселенной, — сказал Мустафа, — я счастлив тем, что могу считать себя в числе твоих ближайших друзей. Ты права, о, как ты права! Три месяца назад, в день окончания съемок, я утомился и залез в свой кувшин, чтобы немного

отдохнуть. Девушка Оксана, да продлит небо ее жизнь и золотую косу, обещала мне, что за мной пришлют флаер. Но, конечно же, коварное создание, она об этом позабыла. Только заткнула кувшин пробкой, чтобы актеры и режиссеры не отвлекали меня от отдыха. Когда же я очнулся, то понял, что меня куда-то везут. Но и это меня не встревожило, я думал, что меня везут на флаере домой. И я снова заснул и проспал до тех пор, пока очнулся в космосе, куда меня нечаянно увез уважаемый президент Авдеев Корней, да продлит небо его жизнь!

— И что же случилось потом? — спросила Алиса.

Авдеевы собрались вокруг и внимали рассказу джинна, словно услышали его впервые.

— А потом я стал стучаться, потому что проголодался. И можешь представить мой гнев, когда кувшин открыли, и вместо тебя и робота Поли я увидел незнакомое мне лицо президента Авдеева Корнея. О ужас, я был готов растерзать его на части! Но не мог.

— Почему же? — спросил Гай-до, который с интересом слушал рассказ, повиснув над перилами площадки.

— Да потому, невежественная железка, — ответил джинн, — что по правилам судьбы я становлюсь слугой тому человеку, который выпустил меня из кувшина. А таким человеком стал Корней.

— И что же ты делал?

— Первые три дня, — сказал джинн Мустафа, — я помогал этому человеку строить новую избу для его детей, затем он заставил меня пасти стадо, плести лапти, доить коров и отгонять медведей, которые зачистили на пасеку. Ты представляешь, как унижительно было великому из великих, первой кинозвезде среди джиннов Мустафе заниматься этими делами?

— Да, я могу представить, — улыбнулась Алиса.

— На ночь Корней сажал меня в кувшин и затыкал пробкой. И я был обязан его слушаться. И если бы не доброта моих друзей, — джинн обвел когтистой рукой вокруг, показывая на семейство Авдеевых, — мне бы пришлось вечно оставаться в грязных рабах на скотном дворе.

— И что же случилось? — спросила Алиса у Авдеева Алексея.

Алексей посмотрел на Валерию, Валерия на Калерию, Калерия на Фаддея, а Кирей сказал:

— Чего уж таить от тебя, Алиса! Расскажем тебе всю правду! Конечно, мы уважаем нашего папу Корнея. Конечно, мы послушно отправились следом за ним, чтобы жить на дикой планете первобытной жизнью, пахать землю, жить без электричества и телевизора и радоваться простой жизни... Но поставь себя на наше место: неужели ты бы не устала от такой хорошей жизни?

— Устала бы, — призналась Алиса. — И сбежала бы с этой планеты.

— А мы придумали другое. В одно прекрасное утро, когда папа уехал косить траву на речку, мы открыли кувшин и выпустили джинна.

— Так и было! — подтвердил Мустафа.

— Мы объяснили джинну, что сил у нас больше нет жить такой же простой жизнью, как жили пещерные люди!

— А я им сказал, — продолжил джинн, — что тоже больше не в силах доить коров, отпугивать медведей! Хватит! Мы живем в цивилизованном веке! У Алисы Селезневой я каждый день смотрел телевизор, а уж что я делал, когда снимался в кино, — этого вам никогда не понять! — И тут джинн Мустафа почему-то громко расхохотался.

— Мы попросили джинна: вылезайте, пожалуйста, из кувшина и давайте вместе

переводить планету на рельсы прогресса, — сказал Кирей.

— Как так? — удивилась Алиса.

— А так, — засмеялась Калерия, — когда президент Корней вернулся с сенокоса, у нас уже было проведено электричество, работал телевизор и водопровод с канализацией. Ты бы посмотрела, как он кричал. А мы говорим: что делать, мы выпустили джинна из бутылки, а где он теперь, никто не знает. И пока он не изменит всю планету, он не остановится.

— Так и случилось, — сказал Мустафа. — Я заказал книгу по имени Энциклопедия, посмотрел там картинки и каждому из Авдеевых построил по дворцу, а чтобы им было интереснее и детям для образования полезнее, наши дворцы — копии дворцов из других времен и мест. Мы снова изобрели воздушное сообщение и сделали автоматы, чтобы они работали в садах и на огородах... мы многого добились, но это еще не все!

— Не все! — хором откликнулись Авдеевы. — У нас немало интересных планов. Приезжайте через год — Обиталище станет самой передовой планетой в Галактике.

— Да здравствует содружество джиннов и людей! — закричал мальчик Боря, сын Алексея.

Наступил вечер, солнце клонилось к закату. Гай-до реял над перилами башни.

Допив чай, Алиса спросила:

— А где же президент Корней?

— Он отказался участвовать в наших планах, — сообщила Валерия. — Он сказал, что будет и дальше гнуть свою линию.

— И что же?

— Гнет и гнет.

— А можно с ним повидаться?

— Конечно, можно, если он этого захочет, — сказал Алексей. — Но он ложится спать с заходом солнца, так что придется подождать до завтра.

— Но солнце еще не село, — сказал Гай-до, — я успею домчать Алису до дворца президента.

— Ну что ж, рискните, — сказал Алексей. — Калерия покажет дорогу. С остальными родственниками папа, к сожалению, не желает разговаривать.

— А меня он ненавидит, — вздохнул джинн. — Хотя, казалось бы, что плохого я сделал — доил коров, гонял медведей, а потом изобрел электричество и радио...

Калерия и Алиса залезли в Гай-до, и через несколько минут он домчал их до лесного озера, на берегу которого стояла избышка. Возле избышки на завалинке сидел бывший президент планеты Авдеев Корней и вырезал из деревяшки столовую ложку.

Калерия осталась возле Гай-до, а Алиса подошла к Авдееву и, поздоровавшись, спросила:

— Вы помните меня?

— Почему же не помнить? Ты Алиса Селезнева, я у тебя с Громозекой был в гостях. И ты показала мне, где лежат старые вещи. Поэтому ты и есть мой главный враг!

— Но почему?

— Это ты подсунула мне кувшин с джинном! И оттуда пошли все мои неприятности.

— Да я до последней минуты не знала, куда делся джинн Мустафа. Я и к вам приехала, потому что искала его.

— Уходи! — закричал печальный и даже злой президент и запустил в Алису недоструганной деревянной ложкой.

— Может, вам чего-нибудь нужно? — спросила Алиса.

— Мне все дает природа, — ответил Авдеев.

В сарайчике возле дома замычала корова.

Не прощаясь, президент поднял с земли мятое ведро и пошел в сарай доить.

Пришлось улетать не попрощавшись.

На посадочную площадку Алису пришли провожать все Авдеевы. Они дали ей миллион поручений.

— Какое послание отправить твоим родственникам в Аравию? — спросила Алиса.

Джинн вытащил из кармана шаровар ловко вылепленную из глины человеческую кисть. Ее пальцы были сложены так, что большой палец находился между указательным и средним.

— Это у нас, джиннов, — сказал он, — называется фигой или шишом.

— А у нас тоже, — улыбнулась Алиса.

— И у нас, — сказали Авдеевы.

— Это означает, что ничего они не получают, — решительно произнес Мустафа. — Ни вещей моих, ни драгоценностей, ни портретов моих бывших жен, ни моего места в пещере. Вот поживу здесь в свое удовольствие, лет через сто вернусь и наведу там порядок!

Он обнял за плечи старшую дочку Калерии, милую крепкую веселую девушку, а свободной рукой махал Алисе до тех пор, пока Гай-до не скрылся в облаках.

Алиса смотрела в иллюминатор на удаляющуюся планету. А Гай-до сказал:

— Надо же было так случиться, чтобы древний и первобытный джинн разрушил мечту Авдеева о древней жизни!

Опасные сказки

Глава 1. Кто муж Шехерезады?

У Алисы было плохое настроение.

Она не пошла на каток с Пашкой и даже не стала смотреть свой любимый мультик. Она бродила по дому и места себе не находила. Все у нее валялось из рук.

За Алисой бродил домашний робот Поля. Он страшно по ней соскучился и поэтому приставал с глупыми разговорами.

— Вчера, — говорил он, — на последней минуте второго периода Лукьяненко такую шайбу вколотил в правый верхний угол... зашатаешься! Я записал на пленку. Хочешь, прокручу?

— Нет, не хочется.

— Вчера звонил Аркашка Сапожков и просил тебе передать, что у жирафа Злодея родились близнецы. Спрашивал, что делать?

— Скажи ему, пускай переименует жирафа в Злодейку, — ответила Алиса.

— А в школу ты завтра пойдешь?

— Нет, не пойду.

Вот тут робот замер в ужасе. Конечно, Алиса не была круглой отличницей, но учиться она любила.

От двери в кухню Алиса обернулась и добавила:

— Кроме того, я прекращаю есть, пить, гулять и играть в пинг-понг.

Если бы робот мог, он бы в этом месте зарыдал. Но роботы не плачут. Поэтому он только воскликнул:

— О, скажи, моя Алисочка, кто тебя так обидел? Ведь все в твоей жизни складывается замечательно. Ты только что возвратила детям планеты Уксу железную дорогу и одолела целую толпу тиранов на планете Тишина. Ну откуда у тебя плохое настроение?

— Прости, что я не сказала тебе сразу, — ответила Алиса. — Но пропал без следа мой хороший друг, спаситель козлика Ивана Ивановича, самый знаменитый путешественник эпохи легенд Синдбад Мореход.

— Как же, как же, слышал о таком, — сказал робот. — Но как он мог пропасть, если жил тысячу лет назад?

— Ты же знаешь, Поля, — ответила Алиса, — что я не раз бывала в эпохе легенд, у меня там есть друзья и враги. А любимая жена Синдбада Шехерезада приехала к нам просить помощи и скрывается в штабе комиссара Милодара.

— Тот самый Милодар? — спросил робот.

— Да, представитель ИнтерГалактической полиции на Земле, один из самых влиятельных и умных людей во Вселенной. И даже он не в состоянии помочь моей несчастной подруге Шехерезаде.

— Алисочка, — ласковым голосом спросил робот, — а если я налью тебе чашечку вишневого компота, который я сам готовил, может, ты мне расскажешь обо всем подробнее?

— Ну, Поля, совсем неинтересно рассказывать, если сам знаешь. Но специально для тебя я все расскажу. Неси компот.

Отхлебнув компоту, Алиса отошла к окну, где медленно кружились, опускаясь, желтые листья, и заговорила:

— На днях в кабинете комиссара Милодара я встретила свою старую знакомую принцессу Шехерезаду. Что ты знаешь о ней?

— Я? Я все знаю, — ответил Поля. — Я знаю, что Шехерезаду жестоко угнетал один шах. Он сказал, что если она расскажет ему сказку, то он отрубит ей голову. Нет, не так. Если она расскажет скучную сказку, то отрубит, а если интересную, то не отрубит... — Тут Поля задумался и сам себя спросил: — Так он ей отрубил голову?

— Нет, — ответила Алиса. — Шехерезада вот что придумала: она рассказывала сказку до самого интересного места, потом зевала, потягивалась и произносила сонным голосом: «Ах, как я устала, язык заплетается. Я должна чуть-чуть поспать. Завтра вечером ждите окончание». И так продолжалось тысячу и одну ночь, то есть почти три года подряд. За эти годы шах привык к Шехерезаде, забыл, что намеревался ее убить, можно сказать, даже полюбил несчастную девушку. Но главное — шах стал наркоманом. Да-да, наркоманом по части сказок. Он не мог без сказки заснуть. И врачи сказали, что эта болезнь безнадежна и не поддается лечению. Так что шах решил жениться на Шехерезаде.

— Я об этом слышал, — сказал Поля.

— Погоди, это еще не конец истории. Дело в том, что у шаха было двести тридцать жен. И эти жены ненавидели Шехерезаду. Жены шаха собрались на собрание и приняли решение: если шах посмеет жениться на этой Шехерезаде, то они зацарапают новую жену до смерти, а самого шаха защекочат. Пускай тогда ищут виноватых — все равно не найдут, потому что нет закона, который запрещает щекочатся.

Шах понял, что жены не шутят. Он собрал совет, советники развели руками. Он позвал Шехерезаду, и та сказала ему:

— Я давно хотела сообщить вам, ваше величество, что я полюбила одного простого человека. Мне очень хочется выйти замуж именно за него.

— Кто такой, почему не знаю? — возмутился шах. — Отрубить ему голову!

— Я училась с ним в школе, — призналась Шехерезада, — к тому же мы жили с ним на одной улице. А ваше поведение, шах, меня удивляет. Другой бы на вашем месте обрадовался, а вы грозитесь.

— Чему же я должен радоваться? — удивился шах.

— Я останусь вашей сказительницей, — объяснила Шехерезада, — а мой муж, моряк, который путешествует по всему свету и знает миллион сказок, будет меня снабжать новыми историями.

— А придворную должность он не потребует? — спросили визири.

— Морякам у вас нечего делать.

— И кормить, одевать, ублажать жену будет за свой счет?

— Вот именно. Мой Синдбад — богатый и щедрый человек.

Визири склонили свои мудрые головы и стали ждать окончательного решения шаха.

— С одной стороны, — сказал шах и поскреб наманикюренными ногтями полоску живота между шароварами и бархатной жилеткой, — я люблю новые сказки, а жен у меня и без Шехерезады больше, чем нужно. Не успеваю их навещать. С другой стороны, насколько мне известно, весь мир знает, что после тысяча первой сказки я женился на Шехерезаде.

— Ну и пускай все так думают, — сказал самый старый и мудрый визирь.

Из-за занавеса, который отделял гостиную шаха от гарема, где жили жены, раздались бурные аплодисменты.

После этого Шехерезада вышла замуж за Синдбада Морехода, причем они сыграли свадьбу на острове Сокотра, куда нормальный человек добровольно не заберется. Там бывают только потерпевшие кораблекрушение и пираты, которые грабят потерпевших

кораблекрушение. К счастью, у Синдбада и среди пиратов есть приятели, потому что он человек общительный, веселый и никому не делает зла.

Три раза Синдбад уходил в большие плавания и привозил оттуда удивительные истории. Причем его сказки были не только арабские, какие прежде рассказывала Шехерезада, а самые разные — сказки Австралии, которая тогда еще не была открыта, сказки Америки, которая тоже еще не была открыта, и даже сказки чукчей, о которых тогда никто не подозревал.

На четвертый раз Синдбад, как всегда, собрал товары, запаковал их и караваном доставил до реки Тигр. По реке Тигр лодки с грузом добрались до порта Басра, где их Синдбад перегрузил на большой корабль «Слава Багдада» с тремя мачтами и четырьмя палубами. Кроме Синдбада, на этом корабле ехали еще три известных и богатых купца, которые не в первый раз выходили в океан.

Через два месяца корабли добрались до острова Занзибар, оттуда взяли курс на остров Мадагаскар, а вот после острова Мадагаскар следы корабля «Слава Багдада» пропали бесследно.

Конечно, может быть, бездонная пучина поглотила корабль во время страшной бури, а может быть, острая скала, что как акулий зуб поднимается над волнами, распорол бок судна? А может быть, «Славу Багдада» задушил в объятиях, сломал и утащил в глубину гигантский осьминог, какие еще встречаются порой в Индийском океане? А может, наконец, на «Славу Багдада» напали безжалостные пираты и, растащив добро, утопили, привязав к ногам камни, всех купцов и матросов?

Алиса закончила рассказ и горько вздохнула. Она даже не допила свой компот, а поставила чашку на подоконник. Робот Поля был так расстроен рассказом, что потерял дар речи и несколько раз пытался заговорить, но дыхание его прерывалось, и получался только кашель.

— Но ведь... — произнес наконец робот, — но ведь все это только сказка, да?

— Понимаешь, — объяснила Алиса, — когда-то все это было правдой. Очень давно, в эпоху легенд. Потом на Земле начался ледниковый период, который заморозил всех сказочных существ, обитавших в эпоху легенд. Погибли ведьмы, богатыри и волшебники, драконы и морские змеи. И когда лед сошел с Земли, то на Земле остались только обыкновенные люди и обыкновенные животные. Люди остались живы, потому что прятались в пещерах и разводили там огонь, а звери — потому что разбежались по лесам. Но в сказках осталась память об эпохе легенд.

Сначала сказки рассказывали у костра взрослые, а потом взрослым стало не до сказок, они принялись изобретать железную дорогу, лук, стрелы и автомат Калашникова. Так что сказки остались детям. Вот дети и верят в сказки, а взрослые отмахиваются и делают вид, что это — пустые выдумки. Нет, сказки не пустые выдумки — это воспоминание о древних-предревних временах.

— Но откуда в нашем времени появилась эта самая Шехерезада, — спросил робот Поля, — если она вымерла сто тысяч лет назад?

— Ты же смотрел кассеты моего фильма о приключениях в эпохе легенд. Разве ты забыл?

— Наверное, — признался робот. — Я тогда как раз собирался на подзарядку.

— Когда люди придумали машину времени и даже создали специальный Институт времени, то научные сотрудники стали путешествовать в прошлое. И вот однажды они

добрались до эпохи легенд. Туда иногда летают экспедиции. Да и в Москве можно встретить какое-нибудь сказочное существо. Ты же знаешь, что под Москвой есть специальный Заповедник сказок.

— Это любому роботу известно. Ты мне лучше расскажи что-нибудь новенькое.

— А новенькое, — сказала Алиса, — заключается в том, что знаменитый комиссар Милодар из ИнтерГалактической полиции просит меня сегодня прибыть к нему в штаб, который расположен подо льдами Антарктиды, там он будет обсуждать со мной операцию «Синдбад».

— Зачем?

— Принято решение помочь Шехерезаде отыскать ее мужа.

— А зачем тебя зовут?

— Меня зовут как консультанта, — сказала Алиса. — Потому что я уже бывала в эпохе легенд и умею работать сыщиком.

— Не надо преувеличивать, — возразил робот. — Во-первых, ты девочка, во-вторых, у тебя не сделаны уроки на завтра, а в-третьих, если твоя мама узнает, что в такую погоду ты собираешься в новые авантюры, она тут же отправит тебя на перевоспитание к бабушке в Симферополь!

Глава 2. Сопещание подо льдом

Как известно, комиссар Милодар, лицо важное в масштабах всей Галактики, по мановению руки которого поднимаются в космос патрульные крейсера и отправляются в погоню за нечестивцами спецотряды спецроботов, знал, какую цену представляет его безопасность, и очень себя берег. Поэтому только на командном посту, который был спрятан в двух километрах под поверхностью льда в Антарктиде, он появлялся в своем обычном состоянии, а так вы могли увидеть только его голограмму, то есть объемную копию, которую ни за что не отличить от настоящего Милодара. Кстати, у комиссара Милодара на родине возле болгарского города Пловдива живет старушка мама. Милодар так боится свою маму, что даже перед ней появляется лишь в виде голограммы, и если мама начинает лупить его кулачками за какой-нибудь проступок и мамины кулачки проваливаются сквозь воздух, она кричит:

— Нет, он не сын мне, а призрак, вурдалак, хуже Дракулы!

Вот такой человек ждал Алису у себя под Антарктидой.

Алиса сошла с флэера посреди снежной пустыни, по которой неслась поземка. Холод проникал даже сквозь меховую шубу. Рядом в ледяном торосе раскрылся люк, из которого пахло теплом и вкусным запахом печеных булочек, потому что на тайной базе ИнтерГпола была своя пекарня, прачечная и даже заводик по производству ветчины.

У лифта Алису встретила ее старая приятельница Кора Орват, агент номер три. Кора Орват — молодая женщина, сирота, бесконечно преданная комиссару. Ей приходилось сражаться и разыскивать преступников на сорока разных планетах, и она, несмотря на свою молодость, считается одним из самых опытных сыщиков Галактического центра. Комиссар Милодар в ней души не чаёт и потому относится к ней строже, чем к другим агентам.

— Алисочка, — обрадовалась Кора, увидев свою подругу. Ведь разница в возрасте в десять с небольшим лет не столь велика, если подруги побывали уже в самых отдаленных и одичавших уголках Вселенной и известны там настолько, что где-нибудь на Паталипутре можно услышать, как трехногий аистифан кричит через дорогу: «Алисочка, какими судьбами! Скорее ко мне, у нас сегодня на обед сказочные прыгающие улитки!»

Они обнялись, и Кора повела Алису к кабинету Милодара.

— Сопещание надолго? — спросила Алиса. — Бабушка просила сегодня вернуться домой пораньше, она жарит пирожки с грибами!

— Боюсь, что ты не успеешь домой к вечеру, — сказала Кора. — Но Милодар сам поговорит с твоей бабушкой.

— Синдбада нашли?

Отвечать было поздно, дверь в кабинет Милодара, вырубленная из голубого льда, сама отъехала в сторону, встречая гостей. Милодар встал из-за стола и поспешил навстречу Алисе:

— Проходи, садись, моя девочка. Нам понадобится твоя помощь.

— Речь идет о Синдбаде Мореходе? — спросила Алиса.

Милодар нахмурил густые черные брови и нервным движением запустил пальцы в жесткую курчавую шевелюру.

— Настоящий агент, — сказал он, — никогда не торопится показать начальнику, какой он информированный. Агент всегда молчит.

Милодар нажал на кнопку, и в кабинет вошла Шехерезада с подносом в руках. На

подносе стояли чашки с чаем и горячее какао для комиссара.

Глаза Шехерезады были распухшими и красными. Еще бы, подумала Алиса, это такое горе, если у тебя пропал без вести любимый муж!

— Шехерезада, ставь поднос на столик, садись вместе с нами. У нас здесь все равны.

Помолчали, выпили по чашечке горячего крепкого чая. Потом Милодар сказал:

— Ну что ж, мои драгоценные, пора посылать агента в эпоху легенд.

— Вы думаете, сам Синдбад не найдется? — спросила Кора Орват.

— Прошло больше месяца, как он пропал. Такого с ним раньше не бывало, — вздохнула Шехерезада.

— Наверное, Институт времени пошлет своего сотрудника?

Милодар допил какао и возразил:

— Случай у нас особенный. Сотрудники Института времени с полицейской работой незнакомы, воевать со злодеями не приучены и, чуть что, несутся домой жаловаться, что их обижают. С другой стороны... — Комиссар Милодар раскурил длинную старинную трубку-кальян и вытянул ноги, — с другой стороны, посылать на поиски Синдбада обыкновенного нашего агента, даже такого хорошего, как Кора Орват, нельзя. Потому что этот агент не продержится и получаса между драконами, волшебниками, птицами Рукх и другими чудесами, для нас совершенно невероятными, а для жителей тех мест такими же привычными, как тараканы.

— Что я, драконов не видела? — возразила Кора Орват.

Милодар затаился и отрицательно покачал головой.

— Погибнешь ни за грош, — сказал он. — Ничего ты не знаешь в эпохе легенд, и никто тебя там не знает.

— Так это лучше!

— Скажи, Кора, когда ты в последний раз читала сказку с доверием?

— Как так с доверием?

— Читала и верила, что все в ней — правда!

— Не помню.

— Вот поэтому я тебя и не отпущу в эпоху легенд. Там нужен свой человек, который все понимает.

— Вы хотите, чтобы полетела я? — спросила Алиса.

— Не перебивай старших! Я еще ничего не решил.

— Вы уже почти решили, комиссар, — сказала Алиса. — И надо сказать, что я ваше решение одобряю и поддерживаю.

— Нет, тебя тоже посылать опасно! Что я скажу твоей бабушке, когда тебя кто-нибудь растерзает? Или продаст в рабство? Девочки, да еще беленькие, очень высоко ценились на невольничьих рынках.

— Я сама пойду, — сказала Шехерезада.

— И через полчаса погибнешь, — сказал Милодар. — Ты чудесная женщина и отлично готовишь чай. Но скажи мне, ты какую высоту берешь?

— Я не беру высоты! — возмутилась Шехерезада. — Я же девушка из благородной семьи.

— Вот именно. А за сколько ты пробегаешь стометровку?

— Я не пробегаю стометровку, потому что это неприлично. Я шествую медленным шагом. Я же красавица!

— Вот поэтому ты и останешься здесь.

— Но я умею шить, вышивать, петь задумчивые песни, играть на зурне, а также в шахматы, целоваться...

— Хватит! Мне все ясно, — оборвал ее Милодар. — Вернем тебе мужа, будешь с ним целоваться, а пока потерпи.

— Я хочу целоваться с Синдбадом немедленно!

— Все! — закричал Милодар. — Довольно! Женщина, отойди в сторону и не мешай спасать твоего мужа!

Шехерезада хотела выцарапать комиссару глаза, но, к счастью, в комнате была Кора Орват, которая смогла так крепко обнять Шехерезаду, что той пришлось успокоиться и сесть в обнимку с Корой на широкий диван.

— Итак, — сказал Милодар, — необходимо существо, знакомое с образом жизни в эпохе легенд, незаметное, тихое, но в то же время отважное и сообразительное.

— Это я, — сказала Алиса. — Лучше вам никого не найти.

— Это почти ты. Но не совсем.

— Почему? — вежливо спросила Алиса. Не надо ссориться с взрослыми, не надо казаться упрямой и даже глупой. Агент должен быть незаметным, как почтальон. Недаром в каждом втором английском детективном романе убийцей оказывается почтальон или дворецкий, потому что на этих людей никто, даже самый великий сыщик, не обращает внимания.

— А потому, — ответил Милодар, — что ты девочка, и, значит, по закону Древнего Востока тебе положено сидеть дома и не высовывать носа, а твоя задача заключается именно в том, чтобы высовывать нос как можно дальше.

— Значит, вам самому придется ехать в ту эпоху, — вздохнула Кора Орват.

— Еще чего не хватало! — возмутился комиссар. — Да ты понимаешь, какая я ценность для Галактики? Меня надо охранять и еще раз охранять! Иногда мне так хочется махнуть на все рукой и удариться в отчаянное приключение! Но нельзя! Не будет меня — рухнет вся организация. Да знаете ли вы, мои дорогие девочки, что я даже сейчас не уверен, человек я или голограмма? А когда я ложусь спать, то не могу сказать, где я сплю на самом деле. Нет, к сожалению, я, как всегда, остаюсь на командном пункте и осуществляю общее руководство операцией.

Все вздохнули и согласились с комиссаром Милодаром. Таким человеком рисковать нельзя.

И все снова повернулись к Алисе, потому что именно на нее указывал перст комиссара.

— Ты пойдешь в эпоху легенд под видом мальчишки. Юнги... нет, скорее просто бродяги и бездельника.

— Вы меня сделаете Аладдином? — обрадовалась Алиса.

— Шшшшш! Молчать! Неужели ты не понимаешь, что некоторые вещи мы с тобой не имеем права разглашать. А кто тебе сказал про Аладдина?

— Я сама догадалась.

— Слишком догадливая.

— С вами станешь догадливой.

Комиссар задумался и понял, что ему сделали комплимент, он покраснел, потупился и произнес:

— Ну уж, скажешь такое...

Потом включил пульт охраны и спросил:

— Вы гарантируете мне, что ни одна муха не пролетит мимо в ближайшие пять минут?

— В Антарктиде нет мух, господин комиссар, — ответил охранник.

— Я лучше тебя знаю, где они есть, а где нет. Но надеюсь, вы отогнали пингвинов на двести километров от моей базы?

— Вокруг все тихо, пусто и свободно.

— Тогда слушай, Алиса. Мы тебя запускаем в эпоху легенд под видом мальчика Аладдина. Одежду и внешний вид тебе создадут в моем центре камуфляжа.

— Но потом это все отмоется? — спросила Алиса.

— Не все ли равно! — удивился Милодар.

— Хорошо, — согласилась Алиса. — Тогда я скажу маме, что вы заставили меня выполнять опасное задание, а для этого покрасили мне волосы и брови. Что еще вы хотите со мной сделать?

Милодар поскреб ногтями в проволочной шевелюре и сказал:

— Я ошибся. Я ошибся, когда предложил Алисе заняться этим делом. Алиса, ты свободна. Вместо тебя в прошлое отправится Кора Орват, и, вернее всего, ей не удастся вернуться живой. Корочка, попрощайся с Алисой, которая спешит домой к мамочке.

Такого оскорбления Алиса не могла снести. Она кинулась на комиссара с кулаками, а так как ни в одной разведке или контрразведке мира не положено кидаться с кулаками на шефа, Алисе пришлось удержаться в самый последний момент и замереть в сантиметре от комиссара.

— Простите, комиссар, — сказала она, переведя дух. — Я не права. Я ничего не скажу маме.

— Тогда отправляйся, — сказал сердито комиссар. — И не возвращайся, пока не будешь готова к работе.

Глава 3. Вишня на голове

Подготовка к путешествию на поиски Синдбада Морехода заняла немного времени, потому что Милодар многое подготовил заранее. Он ведь только кажется вспыльчивым, неуравновешенным и даже бестолковым. На самом деле комиссар все помнит, всех знает и никогда не повторяет ошибок дважды.

Волосы Алисе покрасили в черный цвет и связали сзади шнурком, так причесывались мальчишки в эпоху легенд.

Кожу ей загримировали, и Алиса стала смуглой, как будто провела две недели на берегу Черного моря. Эта краска была рассчитана на двадцать дней, но на всякий случай главный гример ИнтерГалактической полиции посоветовал Алисе не злоупотреблять мытьем и купанием.

Одели Алису так: сверху широкие синие шаровары, ткань их была тонкая и мягкая на ощупь, а на самом деле она была плотная, ее было трудно разрезать ножом или пробить копьем. В шароварах были сделаны карманы, хотя обычно их там не бывает. В одном кармане лежала маленькая, но отлично пристрелянная рогатка и камешки.

Поверх белой рубашки Алиса надела красную куртку с короткими рукавами.

На голове у Алисы была красная феска, она светилась в темноте, если Алиса того хотела, и могла осветить дорогу лучше любого фонарика. На ногах у Алисы-Аладдина были поношенные туфли с загнутыми носами. Туфли как туфли, которые носят бедные дети. Но подошвы их были настолько упругими, что при желании Алиса могла бежать со скоростью скакуна.

Алису провели в небольшой тренировочный зал, где стояли гимнастические снаряды и всевозможные тренажеры. Дальняя сторона зала была отгорожена невысоким барьером, за которым тренировались в стрельбе свободные от дежурства агенты.

Тренер по стрельбе, толстый эскимос, известный среди межпланетных преступников под именем Сеньор Смерть, дал Алисе сначала обычный бластер и выставил на расстоянии пятидесяти метров полуметровую мишень.

Алиса не стала спорить и по команде толстого эскимоса нажала на спуск и поразила мишень прямо в центр.

— Случайно, но красиво, — сказал Сеньор Смерть.

Сеньор Смерть не знал, что еще в третьем классе Пашка Гераскин был Робинот Гудом, Аркаша Сапожков монахом Туком, а Алиса — Маленьким Джоном. Чтобы победить темные силы шерифа Ноттингемского, эта троица достала спортивные луки и сабли и две недели с утра до вечера тренировалась до изнеможения. Конечно, это была детская игра, типичная для века, о ней потом друзья почти забыли, но с тех пор Алиса умела попадать за сто шагов в прут, воткнутый в землю.

Не знал о детском увлечении Алисы и комиссар Милодар, который как раз пришел в тренировочный зал, чтобы проверить, как идет подготовка Алисы к заданию. Он тоже решил, что она попала в цель случайно. Но чтобы не расстраивать юного агента ИнтерГалактической полиции, он спросил шутливо, так, как взрослые любят разговаривать с детьми, делая вид, что разговаривают с ними, как со взрослыми:

— Алиса, может, ты еще какое-нибудь оружие освоила?

— Я не люблю сражаться, — сказала Алиса. — Но немножко стреляю из лука.

— Замечательно! — воскликнул Милодар. — Принесите нам два небольших

спортивных лука. Таких, чтобы эта крошка смогла натянуть.

— Я натяну, не бойтесь, — сказала Алиса.

Милодар захохотал так, что в тренировочный зал сбежались агенты, заглянул доктор, в двери показались даже Шехерезада с Корой.

— Знаешь ли ты, — спросил Милодар, — что когда-то в Швейцарии жил свободолюбивый стрелок по имени Вильям Телль?

— Вильгельм Телль, — вежливо поправила комиссара Алиса.

— Вот именно! Не перебивай старших. Дело в том, что папа называл его Вильямом, а мама Вильгельмом. Этот стрелок обычно ставил на голову сыну яблоко и стрелял с расстояния в двадцать шагов. Мы можем повторить его опыт.

— Не надо! — взмолилась Шехерезада.

— Ну почему же?

— Потому что я точно знаю, что до начала стрельбы у Вильгельма Телля было шестеро сыновей, а после стрельбы он остался отцом-одиночкой.

Шехерезада смахнула большую слезу.

— Но я не имел в виду детей, — смутился Милодар. — Мы можем поставить яблоко...

Его холодный взгляд потек по залу и остановился наконец на инструкторе, Сеньоре Смерти.

— Мой рабочий день только что закончился, — быстро сказал тот.

— Вы уволены! — объявил комиссар. Потом оглядел всех и спросил: — Есть ли добровольцы?

Ответом ему была гробовая тишина.

— Извините. — В дверь заглянул повар. — Но я должен сказать, что яблок сегодня нет, не завезли.

— Вот именно этого я и боялся! — сказал Милодар. — Именно так! Нет яблока в тот момент, когда мы начинаем стрелять. А что есть?

— Вишни, — сказал повар.

— А может, вы хотели сказать «клюква»? — съязвил Милодар.

— Нет, клюквы нет, — признался повар.

Милодар на глазах закипел от ярости:

— Вы мне срываете испытание агента! Я вас всех разгоню! Дайте хотя бы арбуз!

Арбуз нашелся.

Милодар собственноручно поставил его на тумбочку в дальнем конце стрельбища. И все вздохнули с облегчением.

— Первой будешь стрелять? — спросил он. — Расстояние большое!

— Покажите мне, как это делается, — попросила Алиса.

— Ладно уж. Только смотри внимательно.

Милодар натянул тетиву. Это было непривычное для него оружие. Он привык решать все боевые вопросы, нажимая на кнопку. Но, как известно, на луке кнопки нет.

— Тишина в зале! — приказал тренер-эскимос.

Милодар выпустил стрелу. Она просвистела по дуге и, немного не долетев до арбуза, воткнулась в землю.

Все молчали. Ну что будешь говорить, если руководство не попало в арбуз?

— Кто-то дунул от двери, — сказал Милодар. — Надо следить за сквозняками. Но и я хорош! Не учел сквозняка. Давайте вторую стрелу!

Вторая стрела коснулась арбуза, причем так, что он скатился с тумбочки и, грохнувшись об пол, раскололся.

— Ну вот, — сказал Милодар. — Теперь тумбочку кто-то качнул. Безобразие. Ставьте второй арбуз.

— Второго арбуза нет, — ответил повар.

— Как так? — рассердился Милодар. — А как же нам состязаться? Ведь я попал в один арбуз. Как теперь ребенку попасть в другой?

— Простите, а можно я выстрелю в вишню? — спросила Алиса.

— Ха-ха, — сказал Милодар. — Понятно. Ты хочешь надеть ее на стрелу.

— Я хочу положить ее вам на голову, — сказала Алиса.

— Ну ладно, ладно, пошли завтракать, — сказал Милодар.

— Я не шучу, — сказала Алиса. — Но ведь вы ничем не рискуете.

— То есть как так я ничем не рискую? Ты собираешься положить мне на голову вишню, потом выстрелить и попасть мне в глаз. Я тебя правильно понял?

— Простите, но вы ведь можете превратиться в голограмму — в свое собственное объемное изображение.

— Что из этого?

— А мы положим вишню на голову вашей голограмме.

— И она провалится, — сказал тренер-эскимос.

— Куда? — не поняла Алиса.

— На пол. Ведь голограмма нам только кажется.

— Моя голограмма, — обиделся начальник ИнтерГпола, — отличается от обыкновенных голограмм тем, что в нее можно тыкать пальцами и думать, что это — мое тело. Моя голограмма — вершина человеческой мысли.

— Тогда ничего не мешает положить ей на голову вишню, — сказала Алиса.

— Нет, — сказал Милодар, — не надо позориться, моя девочка.

— Комиссар! — в один голос закричали Шехерезада и Кора. — Давайте проверим, в самом ли деле у вас — лучшие агенты во Вселенной.

— А это мысль. Лучшие агенты... мои агенты!

Он повернулся и быстрыми шагами покинул тренажерный зал. Вошел он через другую дверь, в остальном ничем не изменился.

— Куда вставать? — спросил Милодар.

— Туда, в конец стрельбища, к мишени.

Повар уже принес на тарелке спелую вишенку.

— Только осторожно, чтобы мне не было щекотно, — сказал Милодар. Повар двумя пальцами положил вишню на макушку комиссара.

Это удалось ему не с первого раза из-за того, что у Милодара очень густая шевелюра. Наконец вишенка улеглась на место, и взоры всех собравшихся в тренировочном зале устремились на нее.

— Ты все-таки поосторожнее стреляй, — сказал Милодар, — хоть я и не я, все равно неприятно.

— А вы не дергайтесь и не прыгайте на месте, — сказала Алиса.

Она тщательно натянула тетиву, прижалась щекой к изгибу лука и выстрелила. Стрела стремительно рванулась к цели. Алиса даже и не смотрела на вишенку, она была уверена, что попала в цель. Да и какие могли быть сомнения, когда все в зале начали кричать и

хлопать в ладоши?

Милодар провел ладонью по шевелюре и спросил:

— А где... это самое?

Потом догадался оглянуться и увидел стрелу, лежащую на полу. На наконечник стрелы была нанизана спелая вишня. Милодар поднял стрелу, взял с острия вишню и кинул в рот.

— Вы с ума сошли! — закричал повар. — Она же немытая!

— А разве я чего-то съел? — спросил Милодар, подмигнул Алисе и добавил, проходя мимо и дожевывая вишенку: — А ты когда-нибудь видела, чтобы голограмма ела вишни?

— Ой! — воскликнула Алиса. — Значит, вы были настоящий!

— Настоящее некуда!

— Но вы же рисковали. А вдруг бы я... у меня бы дрогнула рука?

— Талант руководителя заключается в умении подбирать подчиненных, — сказал Милодар. — И учти, что, прежде чем отправить тебя на спецзадание, я проверил всю твою жизнь, по косточкам, по минуткам...

Глава 4. Лампа для Аладдина

Мальчик Аладдин в красной курточке и красной феске, синих шароварах и черных туфлях с загнутыми носками заглянул в кабинет комиссара Милодара.

— Можно войти?

— Входи, агент, — сказал Милодар. — Сейчас тебе принесут чай и печенье, ешь от пуза, но не слишком. Никто не знает, когда ты пообедаешь в следующий раз.

Аладдин присел на краешек дивана. Сложил руки на коленях. Он вел себя, как положено уличному мальчишке, который впервые попал в богатый дом.

— Что прикажете, эфенди? — спросил он.

— Скоро тебе принесут волшебную лампу, — ответил эфенди Милодар. — Прошу тебя ее не потерять, вещь это ценная, подлинная. Без нее операция провалится, тебя разоблачат, и ты никогда не вернешься к папе и маме.

— Слушаюсь, эфенди, — поклонился Аладдин. — Слушаю и повинуюсь.

Вошла Кора Орват. Она принесла сухую лепешку и кучу медных монет.

— Желаю успехов, Алисочка! — сказала Кора.

Милодар страшно рассердился.

— Агент номер три! — воскликнул он. — Вы лишаетесь отпуска к бабушке под Вологду и квартальной премии. Вместо этого вы получаете строгий выговор в приказе.

— За что? — удивилась Кора.

— Вы рисковали сорвать операцию и выдать врагам нашего агента. Запомните: здесь нет никакой Алисы. Здесь есть только мальчик Аладдин!

Кора опустила голову.

— Разведчик ошибается только один раз! — сказал Милодар.

— Я виновата, — признала Кора.

— Ну то-то, — сказал Милодар. — А где лампа и джинн?

— Джинн еще не готов! — ответила Кора. — Его как раз собирают.

— Ах, как я мог забыть! — спохватился Милодар. — Слушай, мой мальчик. К сожалению, мы не успели достать для тебя настоящего джинна. Сейчас готовят надувного электронного джинна. Конечно, это не то что настоящий, многого он делать не умеет, но все-таки на настоящего джинна он похож.

— А вы откуда знаете? — спросил Аладдин.

— А никто не знает, — ответил Милодар. — Главное — много шума, много дыма и громкий голос. Все-таки защита. Кстати, ты тамошний язык знаешь?

— Конечно. В эпоху легенд говорили на Понятном языке.

— Тогда желаю счастья, Алиса, — сказал Милодар.

В комнате раздался смех Кору:

— Ха-ха-ха! Кто-то здесь называет нашего агента Аладдина женским именем! Вы не боитесь, комиссар, что враг подслушает наш разговор и вы загубите агента и всю операцию?

— Кто подслушает? — возмутился Милодар. — Я же специально проверил. На двести километров вокруг ни одного пингвина нет!

— Какой вы несправедливый, комиссар! — воскликнула Кора. — Почему мне нельзя, а вам можно?

— Потому что я твой начальник, — ответил комиссар. — Когда станешь начальником, тебе тоже многое будет можно. Аладдин, собирайся, пойдём поговорим с Шехерезадой.

— Зачем? — удивилась Алиса. — Мы обо всем уже поговорили.

— Нет, не обо всем, — ответил Милодар. — Шехерезада напомнит тебе о всех плаваниях своего мужа, чтобы ты знала, на каких островах и в каких странах он побывал, о каких чудесах он рассказывал.

— Но я же обо всем читала! — воскликнула Алиса.

— Когда?

— Давно, но не очень. Когда была маленькой.

— А сейчас мы проверим, хорошо ли ты все запомнила. Ведь повторение, мой друг, — мать учения.

Алиса не стала больше спорить с комиссаром, а перешла следом за ним в гостиную, которую специально сделали в Антарктиде, чтобы Шехерезада чувствовала себя как дома.

Гостиная была покрыта коврами, на которых были разбросаны подушки.

Посредине стоял резной деревянный столик, за столиком — тахта. На тахте возлежала прекрасная Шехерезада, одетая в прозрачный халат и шелковые шаровары.

При виде гостей Шехерезада всплеснула чудесными руками, зазвенела браслетами и ожерельями и спросила:

— Неужели это ты, Аладдин? Давненько я тебя не видела.

— Да, это я, ваше высочество, — сказал уличный мальчишка и низко поклонился.

Милодар уселся прямо на ковер и спросил:

— Славный у нас Аладдин получился?

— Как настоящий! — ответила Шехерезада. — Садись, мальчик, садись. Не бойся, никто здесь тебя не укусит. Если хочешь, бери рахат-лукум, угощайся, только руки о ковер не вытирай, грязнуля базарный!

Милодар усмехнулся. Он был доволен. Шехерезада, похоже, забыла, что перед ней сидит переодетая Алиса.

— Шехерезада, — попросил Милодар, — ты обещала нам рассказать о приключениях Синдбада. Постарайся говорить кратко, не отвлекайся.

— Слушаюсь, о, великий комиссар! — сказала Шехерезада. — И повинуюсь. Откушай пока мой рахат-лукум и запей шербетом.

— Я не могу, — отказался Милодар. — Я на работе.

— А ты, уличный попрошайка? — спросила Шехерезада.

— С удовольствием.

— Начинай, наконец! — зарычал Милодар.

— Хорошо, — сказала Шехерезада. — Начнем с первого приключения Синдбада. Оно началось на необитаемом острове, к которому пристал его корабль. Все купцы и моряки сошли на берег, чтобы размяться и перекусить. А мой Синдбадик притащил с корабля корыто и принялся за стирку.

— На них напали дикари? — спросила Алиса-Аладдин.

— Такие вещи надо помнить, — вздохнула Шехерезада. — Остров оказался громадной рыбой, которая так давно плавала по морю, что обросла лесами и горами. И когда матросы стали разводить на ней костры, рыбе стало больно, и она нырнула в океан.

— Правильно, я вспомнила, — сказала Алиса. — И ваш муж отправился в корыте плавать по морю. Он плавал до тех пор, пока не попал на какой-то другой остров. Но я забыла, что там с ним случилось.

— На том острове лежало яйцо птицы Рукх, — подсказала Шехерезада.

— Ой, я вспомнила!

— Не вспомнила, а вспомнил! Не забывайся! — оборвал Алису Милодар. — Все агенты попадают на мелочах!

— Извините, — сказала Алиса.

Шехерезада подождала, пока Милодар успокоится, и продолжала.

— Эта птица Рукх известна тем, что она — самая большая птица на свете, — сказала она. — Даже птенцов своих она кормит взрослыми слонами.

— Ну, не взрослыми! — не поверил комиссар. — Я готов поверить, что слонятами или буйволами. Но не взрослыми слонами!

— Простите, комиссар, — сказала Шехерезада. — Но кто из нас живет в эпохе легенд, а кто — в двадцать первом веке?

— Я тоже читала о том, что птица Рукх кормит птенцов слонами, — сказала Алиса.

— Ну и пожалуйста, — заявил Милодар. — Я согласен, согласен, согласен! Пускай она их кормит паровозами и китами!

— Мой Синдбад шел по острову, — продолжала Шехерезада, — и увидел громадный белый шар. Сначала он решил, что это — дом. Он обошел вокруг, но не обнаружил ни окон, ни дверей. Синдбад удивился, улегся на траву в тени яйца и спокойно заснул. А проснулся он от страшного шума и ветра. Оказывается...

Шехерезада сделала паузу. У нее это здорово получается! Милодар не выдержал и закричал:

— Ну говори, говори, не томи! Что дальше?

— Прямо как мой шах, — сказала Шехерезада. — Такой же нетерпеливый. Так слушайте, это опускалась с неба птица Рукх. Крылья ее закрывали половину неба, крик был подобен грому, а вокруг нее бушевала буря...

— Шехерезада, не так красиво! Ты, наверное, забыла, что рассказываешь не шаху, а нашему агенту Аладдину. Так что время тянуть не нужно.

— Я рассказываю как всегда, — сказала Шехерезада. — А если не нравится, пускай вам рассказывает кто-нибудь другой.

Так как за Шехерезадой осталось последнее слово, она, помолчав, продолжала рассказывать.

— Синдбад Мореход, как известно, только что вылез из корыта и потому был почти совсем голый, да помилует его небо! — воскликнула Шехерезада.

— А зачем он разделся в корыте?

— Да не в корыте он разделся, а еще раньше, чтобы постирать белье. У них же на корабле не было прачечной и невозможно было поменять одежду. А мой Синдбад — ужасный чистюля. Вот он разделся, все, кроме чалмы, с себя снял и начал стирать, а тут рыба...

— Хватит! — закричал Милодар. — Мы это знаем! Мы уже добрались до острова, где живет птица Рукх.

— Правильно, но ведь Синдбад был голый.

— Но при чем тут это? — совсем уж взбеленился комиссар.

— А потому что Синдбад придумал, как ему улететь с острова, — для этого надо привязать себя к ноге птицы Рукх, пока она сидит на своем яйце. Он размотал свою чалму, и получился длинный шарф. Он привязал себя чалмой к ноге птицы Рукх и стал ждать, когда она полетит добывать пищу. Так и случилось. С первыми ласковыми лучами солнца,

которые нежно позолотили верхушки пальм и разбудили певчих птичек, огласивших окружающий мир мелодичными руладами и чириканьем; когда зашевелились под листьями червячки и гусеницы и вылезли из своих норок мышки...

— Шехерезада! — взмолился Милодар. — Короче!

— ...Птица Рукх взлетела в небо, перелетела через океан и опустилась в мрачную горную долину. Там Синдбад быстренько отвязался от ноги, а птица схватила в клюв гигантского удава и поднялась с ним в небо. Конец второй части.

Шехерезада налила себе чашечку чая, отхлебнула и продолжала:

— Это приключение сильно напугало моего Синдбада, но заложило основу нашего благосостояния. В том ущелье на земле валялось множество драгоценных камней, и умные люди приходили на обрыв над ущельем и кидали туда куски мяса. Орлы и другие могучие птицы кидались вниз, тащили мясо с приклеившимися к нему камешками наверх, там их убивали, а камни вынимали из мяса.

— Помню, помню, — сказала Алиса. — Синдбад снова размотал свою чалму и привязал себя к куску мяса. И его вытащил орел.

— Ну и орлы у вас, ну и орлы, — покачал головой Милодар. — Или, может, Синдбад очень мелкий?

— Синдбад у меня выше среднего роста. Вы, комиссар, ему только до уха достанете.

— Мы здесь собрались не для того, чтобы выдумывать мне физические недостатки, — обиделся Милодар. — Я задал вопрос и ждал ответа, а не комментариев. Продолжай.

— Орел бросил моего Синдбада наверху, сбежались геологи, которые там работали, очень удивились, как это Синдбаду удалось остаться живым среди змей и скорпионов. Но потом подарили ему часть камней, которые орел вытащил вместе с ним. Вот, видите.

И Шехерезада, отодвинув черный локон, показала бриллиантовую серьгу неопикуемого блеска.

— Продолжай, продолжай, — торопил Милодар. — У нас еще много дел. Мы не можем провести здесь тысячу и одну ночь. Какие еще выдающиеся приключения пережил твой муж?

— Ах, зачем их все перечислять! — улыбнулась Шехерезада.

— Ну это же ежу понятно! Твой Синдбад никогда не попадает дважды в одну ловушку и не будет слушать дважды одну и ту же сказку — он собирает для тебя новые сказки. Правда?

— Ах, какой вы мудрый, комиссар Милодар, — сказала Шехерезада. — Тогда я должна рассказать о самом страшном приключении моего мужа. Однажды он попал на остров. Остров как остров. То ли его там товарищи забыли, то ли корабль о скалу разбился — не помню. Но главное, что он увидел там полянку, через полянку протекал ручей, по ту сторону ручья сидел доброго вида старикашка и знаками звал Синдбада к себе. Синдбад, конечно, подошел, потому что уважает старших. Старичок знаками показал: «Перенеси меня через ручей». А потом, когда Синдбад его перенес, старичок не захотел с него слезать. Оказалось, что это паразит.

— Хомо-паразитикус, — произнес Милодар.

— Своими черными пятками он так сдавил горло моего мужа, что тот никак не мог сбросить старичка. Вот старичок и заставлял Синдбада носить его по острову день и ночь, кормить бананами и кокосами, и только пьянство спасло Синдбада.

— Что ты говоришь! — удивился Милодар. — Пьянство может только загубить, но не

может спасти.

— Это наших оно губит, а от чужих спасает, — объяснила Шехерезада.

— Ну рассказывай, рассказывай!

— Синдбад отыскал старую сухую тыкву, сделал в ней дырку, вычистил изнутри, набил виноградом, раздавил виноград, и получилась тыква с виноградным соком. Старичок наблюдал за Синдбадом, но не мешал. Потом Синдбад заткнул тыкву покрепче деревянной пробкой и оставил созревать. Прошло несколько дней, Синдбад открыл пробку — а из тыквы такой винный дух...

— Потрясающе! — воскликнул Милодар.

— Синдбад хлебнул этого вина и говорит: «Ничего вкуснее я в жизни не пробовал!» Тогда старик, конечно же, стал отбирать у него тыкву.

— Типичное поведение для эксплуататоров, — пояснил Милодар. — Они всегда отбирают у трудящихся плоды их труда.

— Выпил старичок все вино, ручки и ножки у него ослабли, и он свалился с Синдбада на землю, — заключила рассказ Шехерезада.

— Помню, — сказала Алиса. — Я читала. Потом Синдбад взял большой камень и как бабахнет ему по голове! И вдребезги!

— Клевета, — возмутилась Шехерезада. — Мой Синдбад без особой нужды старается никого не убивать. Даже комаров.

Милодар согласился с Шехерезадой.

— И правильно делает, — сказал он. — Такое поведение называется гуманизмом. Если враг сдаётся, его не убивают!

Шехерезада сладко потянулась:

— Может, на сегодня достаточно?

— И не мечтай! — заявил Милодар. — Если ты в самом деле хочешь отыскать своего мужа, то рассказывай до самого конца!

Шехерезада послушно кивнула и продолжала:

— В следующем путешествии Синдбад столкнулся с драконом. С самым настоящим.

— Этого еще не хватало! — возмутился Милодар. — Значит, у вас и драконы водятся?

— Кто только у нас не водится, — вздохнула Шехерезада.

— И как же он отделался от дракона?

— Он собрал на берегу океана бревна, палки и доски и сделал из них большую клетку. Дракон как увидел Синдбада, почуял его, зарычал и кинулся в атаку. А Синдбад залез в клетку и закрыл дверцу. Дракон распахнул пасть и попытался проглотить клетку. Но добыча в рот не поместилась. Дракон ее перевернул — и все равно клетка в пасть не лезет. Дракон чуть не рехнулся от злости, половину зубов переломал и наконец выкинул клетку далеко в море. Вот Синдбада и носило по волнам, пока его не заметили с проплывающего корабля. На этом корабле он добрался до Индии. В Индии он прожил довольно долго, но что там случилось, я рассказывать не буду.

— Почему же не будешь? — ласковым голосом спросил комиссар.

— Это наша семейная тайна.

— У тебя не должно быть от нас тайн, — сказал Милодар.

— Я расскажу, только учтите, эта история случилась до того, как Синдбад со мной познакомился.

— Учили, — согласился Милодар. — Раскрывай тайну.

— Индийский султан, — сказала Шехерезада, — полюбил Синдбада. И захотел, чтобы Синдбад остался в Индии навсегда. Поэтому он решил женить его на своей племяннице.

— И Синдбад, надеюсь, согласился? — спросил Милодар.

— Он у нас добрый, — ответила Шехерезада. — Ему было неудобно отказать султану.

— Наверное, Синдбад был страшно несчастлив! — воскликнула Алиса. — И эта племянница была жуткой уродиной.

— Ничего подобного, — возразила Шехерезада. — Она была красавицей и обожала Синдбада. Султан подарил молодоженам дворец, и они счастливо прожили в нем два года. И вдруг молодая жена заболела. Конечно, Синдбад позвал лучших врачей, но врачи сказали, что не могут помочь. И тут Синдбада вызвал к себе султан и печально сказал, что хочет с Синдбадом попрощаться. Синдбад не сразу понял: ведь болела его жена! Но султан объяснил Синдбаду, что в Индии есть такой обычай. Если умирает муж, то вместе с ним хоронят его жену. А если умирает жена, то вместе с нею хоронят ее мужа.

— Ничего подобного в Индии нет! — возразил Милодар. — Я там недавно был на конференции по светофорам.

— Это происходило в эпоху легенд, — напомнила Алиса.

— Ах да! Я так увлекся, что забыл. Ну продолжай, продолжай!

— Прошло несколько дней, — сказала Шехерезада, — жена Синдбада умерла. Собрались родственники и соседи, отнесли гроб за город к большому отверстию в земле. Сначала туда опустили гроб, а потом на веревке и живого Синдбада, спустили за ним кувшин воды, лепешку хлеба, крикнули сверху: «Сладкой тебе смерти, чужестранец!» — и наступила тишина. Положение у моего Синдбада было просто ужасное. От горя он лишился чувств, а когда пришел в себя, все уже разошлось, на его крики никто не откликнулся. Потом он кинулся было искать выход из подземелья, да наткнулся на кучу скелетов и снова лишился чувств.

Шехерезада замолчала. Все подождали немного, потом Алиса спросила:

— Простите, а как же он выбрался?

— Не знаю я, как он выбрался! — воскликнула Шехерезада. — Не сказал он мне. Может, забыл.

— Продолжай, принцесса, — сказал Милодар. — Где нам еще не надо искать Синдбада?

— Он побывал и в обезьяньем городе, — сказала Шехерезада.

— Точнее.

— Он попал в город, все дома которого глядели на море, и перед каждым домом стояла лодка или корабль. Весь день город жил как нормальные города. Но стоило наступить сумеркам, как люди садились в лодки или корабли и отчаливали от берега. Они проводили ночь в море неподалеку от берега, а с рассветом возвращались обратно. И всю ночь, пока город был пуст, в нем хозяйничали обезьяны. В сумерках они спускались с гор и ходили по улицам, ссорились и мирились — вели себя как люди. А с первыми лучами солнца обезьяны уходили обратно в горы, и люди занимали свои дома.

Тут Милодар не выдержал:

— Ты хочешь сказать, что люди, цари природы, мирились с таким унижительным положением? Они не истребили обезьян?

— Дело в том, что обезьяны, — продолжала Шехерезада, — жили на очень высоких деревьях, куда человеку не взобраться. А на этих деревьях росли драгоценные орехи. Так вот,

жители города с утра набирали полные мешки камешков и шли в лес. Там они принимались кричать, дразнить обезьян и кидать в них камешками. А как вы знаете, обезьяны любят подражать людям. Они начинали рвать орехи с веток и кидать в людей. Так что к вечеру можно было вернуться домой, набрав мешок орехов.

— Остроумно, — заметил Милодар. — Надо использовать. А еще были приключения?

— Ах, господин комиссар, — вздохнула Шехерезада. — Больше я ничего не могу вспомнить.

— Отлично! — Милодар прошелся по комнате, потом указал пальцем на Алису и спросил: — Как, Аладдин, ты все запомнил?

— Все запомнил.

— Теперь ты знаешь, куда тебе не надо ездить и чего не надо делать?

Алиса стала говорить и загибала пальцы:

— Мне не надо жечь костер на спине гигантской рыбы, мне не надо разбивать яйцо птицы Рукх, не стоит возить на себе злобных старичков, дразнить драконов и ночевать в городе обезьян. И ни в коем случае мне нельзя жениться на племяннице индийского султана.

— Молодец! — сказал Милодар. — А я тебе дам совет. Из рассказа уважаемой Шехерезады следует, что все путешествия Синдбада приводили его на Восток. Значит, страны Востока Синдбад уже объехал. Так что искать его надо на Западе. А теперь я попрошу принести нам волшебную лампу и искусственного джинна.

Милодар нажал на кнопку, которая была спрятана под тарелкой с рахат-лукумом, и сверху раздался голос:

— Дежурный по штабу слушает.

— Попроси лейтенанта Мошкина зайти к нам, — сказал Милодар.

Глава 5. Джинн для Аладдина

Дверь в гостиную открылась, и появился двухметровый лейтенант Мошкин, который играет в баскетбол за сборную Антарктиды. Вытянув вперед руки, он осторожно нес старинную медную лампу.

— Джинн подан! — сообщил лейтенант.

— Ну давай показывай, — сказал Милодар.

— Вылезай, нечистая сила! — приказал лейтенант Мошкин.

Лампа даже не дрогнула.

— Да поставь ты ее на столик! — сказал комиссар. — И вспомни пароль. Ни один джинн не вылезет наружу, если не сказать волшебное слово.

— А какое слово? — спросил Мошкин. — Мне дали лампу и сказали: отнеси джинна комиссару.

— Вот так с вами всегда, — вздохнул Милодар. Он взглянул на потолок и спросил: — Дежурный, свяжи меня с группой заклинаний и паролей.

— Группа заклинаний и паролей слушает, — тут же послышался голос.

— На какой пароль откликается джинн, который сидит в лампе Аладдина? — спросил Милодар.

— Это секретный пароль, — ответил голос.

— Здесь все свои, — сказал Милодар. — Говори!

— «Цветут каштаны на Елисейских Полях», — ответил отдел паролей.

— Чудесный пароль! Никогда не догадаться. Кто составлял? — взревел комиссар.

— Младший научный сотрудник Сюзанна де Бланш, — сказал голос.

— Перевести Сюзанну де Бланш в парижское отделение нашего архива, — велел Милодар, — и довести до сведения всех сотрудников, что пароль должен состоять из одного слова!

— Так точно, — ответил голос. — Но Сюзанну жалко. Она так кофе умеет готовить!

— Значит, вам жалко себя, а не Сюзанну, — сурово ответил Милодар. — Но пароль менять поздно. Аладдин, вызывай джинна!

— Но это же опасно! — пробасил лейтенант Мошкин.

— Аладдин у нас — опытный полевой агент, — отрезал Милодар. — Он ко всему привык. Правда?

— Конечно, — ответила Алиса. Голос у нее дрогнул.

Она взяла в руки лампу.

— Потри ее рукавом! — приказал комиссар.

Алиса потерла лампу рукавом и вспомнила пароль:

— Цветут каштаны на Елисейских Полях!

И вдруг лампа у нее в руке вздрогнула, задрожала, из нее повалил густой дым, лампа вырвалась из рук, со звоном ударилась о столик, и все услышали страшный голос:

— Кто посмел меня вызывать! На колени, ничтожная тля!

Алиса ничего не видела, к тому же она немного испугалась. Поэтому она сказала:

— Извините за беспокойство.

— Не так! — закричал Милодар. — Аладдин, ты забыл, что джинн — твой слуга. А ну сообщи ему об этом!

— Меня зовут Аладдин, — произнесла Алиса. — И я твой господин.

— Где же ты, мой господин? — откликнулся джинн.

Постепенно дым оседал и уползал за дверь, оставляя черные жирные пятна на полу, одежде и даже на потолке.

— Этого еще не хватало! — Милодар даже на джинна не смотрел, так он был возмущен этим безобразием.

А джинн стоил того, чтобы на него посмотреть.

Хоть он и был надувным, но при этом он получился таким страшным, волосатым, зубастым, рогатым и бородатым, что трудно было поверить, что это только игрушка.

— Кто разрабатывал технологию? — закричал Милодар.

— Доктор Кранц! — ответил голос с потолка.

— Доктора Кранца ко мне! На полусогнутых!

— Доктор Кранц занят, — ответил голос. — Доктор Кранц утешает сотрудницу Сюзанну де Бланш.

— Все ясно. В моей ставке сложился заговор против меня! — сказал Милодар. — Немедленно оторвите доктора Кранца от де Бланш — и пусть мчится сюда.

Джинн тем временем уселся на стол, схватил тарелку с рахат-лукумом и принялся кидать сладости в черную пасть, из которой все еще тянулся черный дымок.

— Что будем делать, хозяин? — спросил он у Алисы. — Хочешь, я всех этих людишек в крыс превращу?

— Не спеши, пожалуйста, — сказала Алиса. — Нам с тобой надо будет найти Синдбада Морехода.

— А это что за красотка? — спросил отвратительный джинн, увидев Шехерезаду. Шехерезада от страха прижалась к стенке.

— Это жена Синдбада, — ответила Алиса.

— Я на ней женюсь, — сказал джинн.

— Помолчи, джинн, — попыталась его остановить Алиса. — Ты же резиновый.

Тут в комнату вбежал главный изобретатель Кранц.

— А, вот вы где! — взревел комиссар. — Предупреждаю вас, доктор, что, пока вы не очистите от сажи эту комнату, домой вы не пойдете.

Кранц встал на цыпочки, чтобы стать повыше ростом. Он был возмущен.

— Без сна и отдыха я делал для вас это чудовище. Вместо благодарности я слышу от вас упреки.

Кранц двигался так быстро, что никто никогда еще не видел его целиком.

— Я с честью выполнил задание. Я создал самого гадкого джинна в мире. Разве он не страшный? — кричал Кранц.

— Разве я не страшный? — спросил джинн и пустился в пляс.

— Но зачем этот дым? — спросил комиссар.

— А чтобы пугать. Сначала дым, а потом джинн.

— И что еще он умеет делать? — спросил комиссар.

Доктор Кранц объяснил, как работает робот-джинн. Джинн был надувным. Если потереть медную лампу, он мгновенно надувался. Одновременно из кувшина вырывался черный дым для маскировки и устрашения врагов, а если необходимо, то и усыпляющий газ, но это было опасно, потому что газ мог подействовать и на самого Аладдина. Джинн мог шуметь, ругаться и пугать, но вообще-то он был безобиден.

В придачу к джинну Кранц успел сделать ковер-самолет, который джинн держал под

мышкой.

— Проткнуть джинна нельзя? — спросил Милодар. — Если со стороны кто подойдет.

— Не получится, — ответил джинн, — моя шкура непротыкаемая.

— А как мне загнать тебя обратно в лампу? — спросила Алиса у джинна.

Джинн долго скреб в затылке, потом все же вспомнил:

— Нужен пароль!

— Какой пароль? Про Елисейские Поля?

— Ни в коем случае. Нужен секретный пароль, понял?

У резинового джинна был такой же гадкий характер, как у настоящих.

— Меня охватывает тяжелое предчувствие, — тихо произнес Милодар. Он дернул себя за ухо, и тут же с потолка раздался голос:

— Дежурный по штабу слушает.

— А ну-ка узнай, голубчик, — сказал Милодар, — случайно не Сюзанна де Бланш разрабатывала пароль на исчезновение джинна?

— Именно она, — ответил голос.

— Это катастрофа! — произнес комиссар. — И какой же пароль она выдумала?

— Одну минутку... ага, вот такой: «А ля гер ком а ля гер».

— Это еще что такое? — взвыл комиссар.

— На войне как на войне, — перевела пароль Алиса.

— Еще один пароль Сюзанны де Бланш, — сказал тогда Милодар, — и я ухожу в отставку.

Глава 6. Аладдин в Багдаде

Когда подготовка к путешествию была закончена и джинн благополучно заснул внутри медной лампы, Алиса попрощалась со своими друзьями и знакомыми и покинула гостеприимную Антарктиду.

Она полетела в Москву, в Институт времени, а оттуда перебралась в дупло старого дуба, что стоит на краю Дремучего леса в эпохе легенд.

Там ее ждал старый волшебник Оох. От дуба волшебством Ооха Аладдин в одно мгновение перелетел к городу Багдаду, но входить туда волшебник Оох не стал, потому что у него свои сложные отношения с тамошними волшебниками. Они уже три тысячи лет не могут решить, кто из них хитрее и сильнее.

— Спасибо, Оох, — сказала Алиса. — Я пошел.

— Если будет совсем плохо, ты знаешь, что надо сказать об этом любой ласточке. Ласточки — мои слуги, они тут же за мной полетят.

— Не беспокойся, Оох, — сказала Алиса. — У меня много друзей везде. Я ничего не боюсь.

Волшебник Оох, похожий на бродячего дервиша в длинном коричневом халате и высоком черном колпаке, долго стоял у ворот великого города Багдада и смотрел вслед мальчику, о котором он, конечно же, знал, что это на самом деле девочка.

Как и было договорено.

Теперь, пока Алиса не возвратится к машине времени, спрятанной в старом дубе, никакой связи с ней не будет. Она должна действовать сама по себе.

Никакую другую девочку комиссар Милодар не отпустил бы на такое опасное дело, но Алиса для него была настоящим агентом, и он не мог видеть в ней ребенка. «Агент Алиса Селезнева», — сказал он про себя и повторил вслух:

— Агент Селезнева.

Пока Милодар размышлял так в своем кабинете, мальчик Аладдин вошел в город Багдад и не спеша пошел по улицам, чтобы не привлекать чужого внимания.

Улицы кишели народом, в лавках торговали всем, что можно было найти в арабских странах, в Индии и даже в Атлантиде.

Порой посередине улицы обнаженные до пояса мужчины проносили носилки с богатыми горожанами или проезжали верхом воины или вельможи эмира. Аладдин, никем не замеченный, прошел мимо базара и попал в тихий район, где за высокими глиняными заборами — дувалами — прятались богатые дома.

Шехерезада сказала Алисе, что надо перейти горбатый мостик через арык, повернуть направо — и там будут ворота, выкованные из красной меди и позолоченные, чтобы даже в дурную погоду они бросали вокруг солнечные блики.

Над глинобитным забором поднимались вершины пальм и деревьев манго, украшенных оранжевыми плодами. Ворота были приоткрыты, а по ту сторону дремал, сидя на корточках, сторож с копьём в руке.

Алисе не нужно было заходить в дом. Она даже не стала заглядывать во двор, хоть и любопытно было бы посмотреть, как живет Синдбад Мореход.

На счастье, к воротам изнутри подошла служанка с корзиной.

— Эй, — сказала она стражнику, — ты обед проспишь!

Сторож вскочил и спросонья застучал древком копья о землю, поднимая пыль.

— Я и не собирался спать, Гюльчатай! — зарычал он, показывая, какой он грозный.

— Тогда возьми метлу и подмети двор, — сказала служанка и выбежала за ворота.

«Вот человек, с которым можно поговорить!» — решила Алиса.

— Простите, — сказала она, догоняя служанку. — Не можете ли вы мне сказать, вернулся ли домой уважаемый Синдбад Мореход?

Служанка остановилась и строго посмотрела на мальчика:

— Зачем тебе нужно? А ну отвечай!

— Мой покойный папа, — сказал Аладдин жалобно, и слеза упала на его щеку, — мой покойный папа, когда умирал, велел мне: «Найдешь моего друга Синдбада Морехода, человека самого щедрого и справедливого во всем Багдаде, и он возьмет тебя юнгой на свой корабль».

— Эх, чуется мое сердце, что ты не врешь, мальчик, — вздохнула служанка. — Но уже второй год, как мы ничего не знаем о нашем хозяине. Раньше он отовсюду присылал нам почтовых голубей или письма со встречающими кораблями. Сейчас же ничего не известно. И я скажу тебе больше — недавно пропала наша несравненная Шехерезада. Сам шах, который давно питает к ней душевное расположение, приказал поднять на ноги всю городскую стражу, оповестить пограничников нашего царства — но все впустую. Даже волшебники колдовали целый день и не смогли решить, куда же делась Шехерезада. Не похитил ли ее дракон или злобный король подземного царства?

— Вернется ваша Шехерезада, — сказал Аладдин, — точно знаю.

— Почему знаешь?

— Потому что я ее сегодня видел живой и здоровой.

— Стой! Где ты ее видел, негодный мальчишка?

— Я видел ее в Антарктиде! — честно ответил Аладдин и кинулся бежать.

Служанка гналась за ним до самого базара, потом отстала, и шаги ее затихли за его спиной.

Главное Алиса узнала — Синдбад Мореход домой не возвращался, и никто не знает, где он находится. Значит, надо будет искать его по следам.

Багдадский порт был велик, сюда по реке от моря поднимались даже морские суда, и на набережной, между тюков, ящиков и связок товаров, можно было увидеть людей с кожей самого разного цвета, от черных зинджей, каффинов и курчавых эфиопов до смуглых либо белокожих индусов, широколицых желтокожих китайцев и японцев, ступающих так гордо, словно их узкие, с орлиными носами лица были обращены взором внутрь себя. А среди перекупщиков, что приехали за товарами с Севера, было немало жителей степи с кожей цвета обожженного кирпича, но были и вовсе белые люди, даже волосы у них были белые — они пришли от самой границы наступающих льдов. Их караваны везли мамонтовую кость и меха.

Мальчишка с лампой сразу пошел в харчевню — посреди нее горел костер, и вокруг костра на палочках были насажены рыбины. Там же на шампуре, подобном копьюту, жарилась баранина, и острым кинжалом торговец отсекал куски мяса и кидал на глиняные тарелки.

Перекусив, Аладдин подсел к большой компании грузчиков, у которых как раз был обед. Он завел беседу о великом и знаменитом Синдбаде Мореходе. Все с удовольствием рассказывали сказки и правдивые истории о нем, но ничего нового Аладдину узнать не удалось. Эти сказки Алиса читала в детстве, смотрела мультики или слышала от Шехерезады.

Алиса уж собралась идти дальше, как в харчевню заглянул широкоплечий курчавый человек, как оказалось, грек с какого-то острова, лежащего за западным морем.

— Да я видел Синдбада, — сказал он. — Собственными глазами его видал на Крите.

— Где? — вскочила Алиса.

— А тебе зачем это знать, мальчик? Ты небось и слова такого — Крит — не слышал. И твое счастье, если не слышал.

Грек прошел к хозяину харчевни, и тот налил ему полную глиняную кружку вина.

Алиса подобралась к греку поближе и спросила:

— Когда вы видели Синдбада? Мне очень нужно это узнать.

— Спино еще ни разу не сказал неправды! Клянусь Зевсом! — воскликнул грек, и все в харчевне стали кричать:

— Он такой человек! Это точно! Лучше помрет, но не соврет!

— А ты кем будешь Синдбаду? — спросил Спино.

— У меня послание ему от моего отца, — сказал Аладдин.

Грек оглядел Алису с ног до головы и вдруг, обернувшись к толпе грузчиков, спросил:

— Врет мальчишка или как?

— Врет! — закричали грузчики. — Не наш он, не видели мы его никогда.

— И одет он странно, — сказал кто-то из грузчиков. — Наверно, шахский шпион.

И Алиса поняла — надо отсюда бежать! Наверное, все правильно сшили и изготовили в мастерских техника Кранца или лейтенанта Мошкина. Но в чем-то глаза грузчиков углядели подделку.

Алиса скользнула к выходу, выбежала на раскаленную солнцем набережную и спряталась за грудой тюков, чтобы не упустить грека Спино, когда он выйдет. Дело обстояло совсем не так плохо — в первый же день обнаружился след Синдбада.

С каждой минутой становилось жарче.

Алиса оглянулась — может, где-нибудь здесь протекает ручеек или продавец воды сейчас пройдет по набережной.

Неизвестно, когда грек выйдет из харчевни, а если побежать искать воду — то можно его упустить.

Прошло еще несколько минут, и Алиса поняла — сил терпеть не осталось. «Вон там, на корабле, стоят матросы — я попрошу у них попить». Алиса подбежала к стоявшему у пристани кораблю.

— Простите, — крикнула она, — у вас не найдется воды напиться? Я вам заплачу, у меня есть деньги.

На палубе судна стояло несколько матросов. Услышав просьбу Алисы, они прямо упали со смеху. Они корчились в хохоте, они падали на палубу, будто ничего смешнее они в жизни не слышали.

— Ну почему вы смеетесь? — обиделась Алиса. — Что такого в моем вопросе?

— Они смеются, — услышала Алиса голос грека Спино, который именно в тот момент вышел из харчевни, — потому что видят нищего мальчика, а он хочет заплатить за воду. Видно, ты и в самом деле не тот, за кого себя выдаешь.

Алиса кинулась бежать по пристани. Несмотря на жару, на некоторых кораблях еще шла погрузка, на других готовились к отплытию, так что многие видели, как по пристани бежит мальчишка, а за ним — здоровый бородатый курчавый мужчина. Все решили, что грек гонится за воришкой, и один из матросов ловко подставил ей ногу. Алиса упала, медная

лампа покати́лась вперед. Грек схватил Алису за шиворот, потом приподнял легко, как котенка, и, сделав еще шаг, подобрал лампу.

— Ты хотел поговорить со Спи́ро? — спросил грек. — Как тебя зовут?

— Хотел, — сказала Алиса, — а зовут меня Аладди́ном.

— А что у тебя за лампа? Она похожа на волшебную.

— Самая обычная лампа!

— Неправда. Но не в этом дело. Сегодня вечером мой «Пи́нос» отплывет в Грецию.

Туда, где в последний раз видели твоего Синдбада. Ты хочешь плыть со мной?

— Да, — сказала Алиса.

— За это отдашь мне лампу.

— Только когда я найду Синдбада, — сказала Алиса.

— А пока лампа по́лежит у меня, — сказал грек.

Алиса подчинилась и поплелась за Спи́ро.

Они поднялись на корабль с загнутым носом и квадратным парусом. Кормчий и надсмотрщик над гребцами вышли встречать хозяина.

— Этот мальчишка, Аладдин, будет у нас на корабле. Мы его определим в помощники повару.

Кормчий не стал спорить. Наоборот, он сказал:

— Правильно, наш повар не справляется.

— Иди к повару, — велел Спи́ро мальчику. — А когда выйдем в море, придешь ко мне в каюту, и мы с тобой вместе посмотрим, что там у тебя спрятано в лампе.

И капитан корабля потряс лампой, прислушиваясь, не звенят ли в ней монеты. Но Алиса знала, что без пароля кувшин открыть нельзя. А уж наверное грек Спи́ро не знает французского языка, хотя бы потому, что французский язык еще не выдумали.

Глава 7. Бесплезный джинн

Повар оказался очень худым человеком с двумя горбами.

— Ты так на меня не смотри, — сказал он своему новому помощнику, — а то поварешкой пришибу. У меня один мальчишка раньше был, все смотрел и смотрел, вот и получил поварешкой по голове, с тех пор кормит акул.

Повар оскалил зубы, но Алиса, с ее большим жизненным опытом, догадалась, что повар ее просто пугает. Такое у него чувство юмора.

Аладдину выделили подстилку за мешками с мукой и ячменем. Его работа заключалась в том, чтобы относить еду капитану и кормчему, у которых были отдельные каюты, мыть кастрюли и котел для каши.

К вечеру Алиса устала до смерти. Попробуй выскрести котел из-под ячменной каши и перемыть сто тарелок!

Она свалилась на мешки и сразу заснула. Повар растолкал ее на следующее утро. Корабль шел по широкой реке. Гребцы пели бодрую песню. День опять прошел в трудах, а на третий день «Пинос» вышел в море.

Пока ветер не надул парус, работали гребцы, сидевшие на поперечных скамейках. Потом они подняли весла, и корабль, набирая скорость, понесся по гладкому морю на юг, к проливу между Африкой и Азией, тому самому, на месте которого сегодня пришлось прорыть Суэцкий канал. В эпоху легенд проливы и моря были расположены не совсем так, как сегодня.

Когда стемнело и гребцы улеглись на скамьях, дремали или играли в кости, капитан велел Алисе подняться к нему в каюту.

Он сидел за столом без скатерти, перед ним стояла медная лампа Аладдина.

— Ну что, мальчик, будем разговаривать или в игрушки играть? — спросил грек.

— Я вас не понимаю, — ответила Алиса.

— Еще бы! — Капитан покрутил черные усы и сверкнул черным глазом. — Фитиля в лампе нет, масло не булькает.

Капитан даже поднял лампу, чтобы посмотреть, булькает или не булькает. И оказался прав — не булькает.

— Золота в лампе нет — слишком легкая.

Капитан снова потряс лампой, чтобы показать, какая она легкая.

— К тому же лампа не открывается — я тут все ножи поломал.

Капитан показал на поломанные ножи, что лежали на столе.

— Теперь ты сам, как хороший мальчик, расскажешь мне, зачем тебе такая лампа.

— У меня масло кончилось, — быстро ответила Алиса.

— Ну что ж, — сказал грек. — Жалко мне было это делать, но придется лампу пилить. Вон мне и пилу уже принесли.

Пила и в самом деле стояла, прислоненная к ножке стола. Зубья у нее были сделаны из зубов акулы.

— Жалко, — сказала Алиса. — Хорошая медная лампа, а вы хотите ее распилить. Лучше верните ее.

— Ты думаешь, что я глупый? — спросил грек. — Ты думаешь, если перед тобой неграмотный греческий капитан, то он не знает, что таскают мальчишки в медных лампах?

— А что?

— Конечно, джиннов!

— Я думаю, что вы преувеличиваете, — сказала Алиса.

— И вот что я решил, — сказал капитан. — Лампу мы, конечно, распилим, а тебя за вранье выбросим за борт.

Он смотрел на Алису склонив голову и крутил кончики усов. А Алиса его не боялась. И не потому, что была отважной девочкой. Она поняла, что грек, хоть и правильно разгадал секрет лампы, убивать Аладдина не собирается. Бойтся он, что джинн разозлится. Кому понравится, если твой дом пилят без разрешения...

Нет, не будет капитан рисковать, он будет хитрить.

И Алиса стала ждать, как будет хитрить греческий капитан.

Капитан вздохнул, посмотрел в потолок и спросил:

— Чай пить будешь?

— Нет, спасибо, — сказала Алиса. — Я напился.

— А может, договоримся полюбовно? — спросил капитан. — Ты мне лампу, а я тебе скажу, куда поплыл с Крита Синдбад Мореход.

— А зачем вам лампа? — спросила Алиса.

— Мне надо жениться на дочке властителя острова Пафос. Никак он мне ее не отдает. А я весь высох от любви. Видишь?

Грек не выглядел высохшим.

— Не знаю, — сказала Алиса, — мне надо посоветоваться с джинном, сможет он помочь или нет.

— Ага! Признался, гадкий мальчишка, что джинна с собой таскаешь! — закричал капитан.

— Потихе, капитан, — сказала Алиса. — Зачем будить всех гребцов? Сейчас они сбегутся сюда, а у каждого свое желание...

В этот момент низкая дверь без стука отворилась, и в ней появился худой помощник капитана — кормчий.

Его черный птичий взгляд упал на лампу и тут же перелетел на Алису.

— Ты что пришел? — спросил капитан.

— Шумели у тебя очень, Спиро, — сказал помощник. — Как бы не зашибли тебя.

— Меня? Зашибить? Да такого не найдется...

— Я ж не о мальчонке говорю, — сказал кормчий, — но некоторые матросы и гребцы недовольны. Они думают, что этот мальчишка не просто мальчишка, а Аладдин и в лампе у него таится джинн. Ты знаешь, капитан, каждому хочется своего джинна занять. У каждого полон рот желаний.

— Все! — разозлился капитан. — Долой отсюда! Всем спать! И пусть только кто-то посмеет залезть ко мне в каюту, я тут же ему голову отрублю. Вы меня, бандиты, знаете.

Капитан выхватил из-за пояса кривой нож, и его помощник задом выскочил из каюты. Алиса успела заметить, что за дверью толпятся матросы, стараясь заглянуть в капитанскую каюту.

Капитан захлопнул дверь и задвинул ее на засов.

— Все, — сказал он, — теперь мы победили.

— Кого же мы победили? — спросила Алиса. — Как же мы отсюда выберемся?

— Ничего страшного, — приказал капитан. — Мы твоему джинну прикажем нас отсюда отвезти на остров Крит на новом корабле. Вот мои матросы и останутся в дураках.

— А что, если у меня нет джинна?

— А если нет, то я тебя первым зарезу, — расхохотался Спиро. — Ну как, есть или нет?

— Он не сможет такое сложное желание выполнить.

— Чепуха! Для джинна это — пара пустяков. Ты еще молодой, а я сказок про джинов наслушался — ты не представляешь сколько. Да чего время тянуть — вызывай джинна, мы его спросим. Да ты не бойся, не бойся, я же заклинания не знаю, так что если джинн вылезет, он только тебя и будет слушаться. Давай, давай, время не ждет.

— А если джинн вылезет, вы скажете, где искать Синдбада?

— Да мы вместе с тобой Синдбада отыщем.

Алиса подумала — как хорошо, что пароль такой сложный. Никто за ней его не повторит. Она потеряла бок лампы.

— Ах, цветут каштаны на Елисейских Полях! — сказала она вполголоса. И тут же изнутри лампы послышалось ворчание и все нарастающий шум. Спиро побледнел и отскочил от стола. Из лампы рвануло черное облако дыма. — Не так буйно, — попросила Алиса джинна, — потом два дня за тобой не отмоешь.

— Я не виноват, — послышался голос из облака, — спрашивайте с доктора Кранца.

Капитан Спиро был отважным мореходом, но, конечно же, при виде черного дыма и звука могучего голоса он забился в угол своей каюты.

— Чего вызывали? — спросил джинн. Один его вид — зеленого, с физиономией исключительного уродства — способен был перепугать и современного разумного человека, каково же было обитателю сказочного времени!

— Скажи, мой слуга, — сказала Алиса. — Можешь ли ты выполнить мое приказание?

— Как всегда, — ответил джинн, — я склоняю бороду к твоим стопам и сдуваю пылинки с пальчиков твоих ног. Приказывай, Аладдин!

— Я сам все объясню, — сказал Спиро и вылез из-под стола. Слова джинна его успокоили. — Вы меня слушаете?

— Я слушаю только Аладдина, — ответил джинн.

— Я говорю устами этого доброго капитана, — объяснила Алиса.

— И что тебе надо, добрый капитан? — спросил джинн.

— Этот корабль попал в руки злых и недостойных моряков, — сообщил Спиро. — Они хотят нас убить.

— Ничего страшного — я их сейчас всех перебью, — сказал джинн, и тут же за стенами каюты послышался топот. Алиса поняла: моряки подслушивали их разговор с джинном и побежали прятаться.

— Нет, убивать их не надо, — быстро сказала Алиса. — Пускай живут. Но мой капитан хочет, чтобы ты перенес нас поближе к острову Крит и дал нам корабль, полный товаров.

— А этот чем тебе не нравится? — спросил джинн.

— Он — маленький, старый, и ходить на нем — сплошное разорение. Пускай он останется моему помощнику, а я хочу такой... такой... три палубы... пять палуб... три мачты... шесть мачт...

— Но, капитан, — сказал тогда джинн. — Я относительно небольшой и мирный джинн. Моя работа — защищать мальчика Аладдина, а не строить корабли и не носить их через все моря. Так что отстань от меня со своими глупыми запросами. Или ищи себе другого джинна, страшнее.

— Слабосильных джиннов не бывает! Ты не джинн, а бездельник! — возмутился капитан Спиро.

— Не оскорбляй моего джинна! — рассердилась Алиса.

— Ну а что ты можешь? — помолчав, спросил Спиро у джинна.

— Могу тебя придушить.

— Это каждый джинн может.

— Могу скатерть-самобранку устроить, попируем, — сказал джинн.

— Да мы только что от Багдада отплыли.

— У меня есть ковер-самолет, — сказал джинн. — Могу тебя перенести в другую страну, только не очень далеко и не очень быстро.

— Ну почему мне так не везет с джиннами! — закричал Спиро.

— Потому что я сравнительно новый и синтетический.

— Я не знаю, что значит — синтетический, — сказал Спиро. — Это, наверное, ругательство, вроде как бы горбатый.

В окошко, ведущее на палубу, сунулась физиономия моряка.

— Мы все слышали, — сказал матрос. — Зла на тебя, капитан, не держим. Ты, так же как и мы, с этим мальчишкой попался. Пускай этот джинн в парус дуть будет. Хоть какая-то польза.

— Как это в парус дуть? — спросил джинн.

— Станешь дуть, а наш корабль будет нестись по волнам.

— Еще чего не хватало! — возмутился джинн. — У меня задача охранять мальчика, а не дуть в ваши дурацкие паруса.

— Мальчишка, а ну прикажи джинну! — сказал капитан. — А то и в самом деле выкупаешься.

— Ты как, джинн? — спросила Алиса. — Тебе не трудно?

— Мне не трудно, но унижительно, — ответил джинн. — Пошли наружу, покажете мне, что надо делать.

Джинн с трудом протиснулся в дверь капитанской каюты и оказался на палубе. За ним вышли капитан Спиро и Алиса.

Со всех сторон сошлись гребцы и матросы.

— Иди сюда! — приказал помощник капитана. — Дуй, только не перестарайся.

— Нет, — сказал джинн. — Гордость не позволяет.

— Ах так! — воскликнул капитан. — Тогда выкиньте их с мальчишкой в море.

Джинн только и ждал этого момента. Он нажал на кнопку, которой его снабдил доктор Кранц, и облако голубого сонного газа окутало весь корабль.

Это было последнее, что успела увидеть Алиса.

После этого она заснула, и ей снилось, как она идет по марсианской полянке, усыпанной марсианскими незабудками.

Глава 8. В плену у пиратов

Алисе было больно и холодно.

Она открыла глаза.

Оказывается, джинн схватил ее за ноги и окунает через борт в воду. Одна туфля свалилась, феска упала, головой Алиса ударилась о борт.

— Ты что делаешь? — Она старалась высвободиться из рук своего слуги.

— Не беспокойся, господин, — ответил джинн. — Дело простое. Я на них выпустил сонный газ. Теперь на ближайший день их не разбудить, да вот беда — вы тоже почему-то заснули.

— Хоть бы велел минутку не дышать, — проворчала Алиса.

— Я, господин, и не подумал, что вы дышите, — признался джинн.

— Для джинна ты одновременно слишком образован и слишком глуп, — сказала Алиса.

— Мне обидеться? — спросил джинн.

— Тебе помолчать, — сказала Алиса.

Пока все складывалось неудачно. На палубе храпели матросы, сам капитан спал в каюте — одни ноги торчали наружу. Повар заснул на кухне, и Алисе пришлось бежать туда тушить очаг.

— Я не могу позволить этим дикарям над собой издеваться, — сказал джинн. — Мой изобретатель, доктор Кранц, мне всегда говорил: «Гансик, держи нашу честь высоко».

«Господи, — подумала Алиса, — он еще и Гансик! Ну почему не Бонапарт?»

— Куда дальше плыть будем? — спросил джинн.

— Надо будить капитана. Без него далеко не уплывем, — сказала Алиса.

— Ни за что! Он меня обидел.

Алиса обернулась в поисках чего-нибудь тяжелого, чтобы стукнуть джинна по голове, и тут увидела далеко-далеко на фоне вечерних облаков косой парус.

— Это еще что такое? — спросила она. — Давай узнаем, кто там плывет.

— Погоди, господин, — возразил Гансик. — А может, это плохие люди?

Корабли быстро сближались, и уже через десять минут стало ясно, что джинн, к сожалению, оказался совершенно прав. На высокой мачте корабля, что несся за ними, трепетал черный треугольный флаг с белым черепом и красными костями.

— Мне кажется, это пираты, — предположила Алиса.

— Не знаю, что такое пираты. Доктор Кранц не закладывал мне в память такого понятия.

— А зря! — сказала Алиса. — Какое у тебя есть оружие?

— Только оборонительное! — гордо ответил джинн.

— Конкретнее! — приказала Алиса.

— У меня есть гранаты с вонючим газом.

— Далеко умеешь их кидать? — спросила Алиса.

— Метров на сто, — ответил джинн.

— Тогда подождем, пока подплывут поближе. А вдруг они и не хотят на нас нападать?

Алиса с джинном стояли на корме, у руля, и смотрели, как корабль с черным флагом приближается к ним.

Корабль казался пустым. Виден был только рулевой, да чалма еще одного пирата выглядывала из бочки на мачте.

— Может, это «Летучий голландец»? — спросила Алиса. — Летает по воле волн, у руля стоит скелет, а остальные моряки куда-то пропали?

И тут с пиратского корабля донесся крик:

— Спускай парус и сдавайся, а то отправим кормить акул!

— Может, сдаться? — спросил джинн. — Акулам и без нас есть кого кушать.

— Неужели ты испугался? — спросила Алиса.

— Я не знаю страха! — ответил джинн. — Но я не умею плавать.

— Не бойся, не утонешь, — сказала Алиса. — Ты же надувной.

— Ты клянешься, что я не утону?

— Клянусь.

— Ну тогда я покажу этим пиратам! — зарычал джинн и выпустил из пасти клуб черного дыма. — Дрожите, ничтожные пираты! Вам от меня не уйти!

Второй пират, который сидел в бочке на мачте, закричал хриплым голосом:

— Капитан, это не настоящий джинн. Это джинн-недоросток! Я точно знаю!

— Ах, недоросток! — воскликнул джинн и метнул в пиратов вонючую гранату.

Граната взорвалась как раз под мачтой, и облако зеленого дыма поднялось к бочке, в которой сидел один из пиратов.

— Вот и все, — сказал джинн, потирая лапищи. — Сейчас они сдадутся на милость победителей.

Но как он ошибался!

С мачты пиратского корабля донесся хриплый голос:

— Слушай, они в нас сыром «Рокфор» кидаются! Только самого сыра я что-то не вижу.

Зеленое облако улетело в сторону, и пиратский корабль продолжал гнаться за «Пиносом».

— Капитан, — раздался снова голос с мачты, — будь другом, пристрели этого наглого джинна-недоростка! А то еще чего-нибудь кинет.

Рулевой пиратского корабля поднял с палубы лук, заложил в него стрелу с каленым наконечником и прицелился.

Джинн, увидев это, начал бить себя в грудь, как горилла, и громко вопить:

— Ну стрельни! А ну попробуй! Да от меня гранаты отскакивают!

Рулевой не смутился и выпустил стрелу, которая со свистом разрезала воздух и вонзилась в пузо роботу-джинну. И удар ее был таким сильным, а наконечник таким острым, что он пробил тройной слой пластика и резины, хотя доктор Кранц клялся, что джинну ничего не грозит.

— Ууух! — вышел из джинна воздух, он сложился и превратился в большую разноцветную тряпку.

Так Алиса оказалась одна против пиратов на корабле «Пинос», где беспробудно спали капитан Спиро, сто гребцов и матросов.

Деваться ей было некуда, оставалось только ждать, пока ее возьмут в плен или отправят на корм акулам.

Через несколько минут пиратский корабль догнал «Пинос», прижался к нему бортом и рулевой крикнул:

— А ну, кто есть живой, выходи с поднятыми руками!

Алиса не выносила выходить с поднятыми руками.

Поэтому она забежала за каюту капитана, чтобы ее не было видно.

Она услышала чьи-то легкие шаги и голос:

— Здесь сонное царство! Сто человек спят без задних ног. Перепились, что ли? А может, заколдованы?

— Ты осторожнее, Аль-Мои́ла, — произнес крикун, — нам еще с тобой заклинателей не хватало!

— Но если они заколдованные, — сказал пират с загадочным арабским именем Аль-Мои́ла, — может, среди них наша Гюль-Гюль?

— Ну что за чепуху ты несешь! Ты лучше загляни за каюту капитана. Не может быть, чтобы на корабле с нами один джинн сражался. Мне кажется, что рядом с ним стоял мальчишка.

Алиса не смела пошевелиться. Если попытаешься убежать — рулевой сразу тебя увидит. И, уж наверное, у него найдется еще одна стрела! Или этот самый Аль-Мои́ла разрубит ее саблей...

Все ближе стучат легкие шаги. Алиса зажмурилась и тут же услышала совсем рядом голос. Он раздался снизу, от коленок. Как будто Аль-Мои́ла подполз к ней незамеченным.

— Вижу мальчишку! — сказал Аль-Мои́ла. — Он жмурится от страха. Что делать?

Алиса открыла глаза.

И увидела, что перед ней стоит не человек, а большой зеленый попугай.

Алисе приходилось видеть в жизни разных попугаев. Белых и синих, красных и разноцветных, серых и зеленых, говорящих и поющих, умных и глупых. Но это был особенный, пиратский попугай.

Аль-Мои́ла ростом был чуть побольше вороны, но, видно, в жизни ему пришлось немало пережить. Один глаз был у него завязан наискосок черной ленточкой, вместо правой ноги у него была аккуратно выпиленная деревяшка, а подмышкой левого крыла он опирался на костыль.

Голову попугая украшала белая чалма с золотым полумесяцем. Физические недостатки не мешали попугаю шустро передвигаться по палубе. Единственный глаз сверкал, как изумруд. Голос у птицы был хриплый и нахальный.

— Ты чего молчишь? — спросил он Алису. — Язык, что ли, проглотил, Мандалай?

— Ничего я не проглотил, — ответила Алиса.

— А меня, кстати, надо бояться. Я и заклевать могу. Смотри, — сказал попугай. — На моей совести немало невинных душ. Я ведь безрассудный: сначала заклюю, а потом разбираюсь, кто прав, а кто виноват.

Пиратский корабль привалился бортом к «Пи́носу». Алиса разглядела рулевого пиратского корабля — мальчишку чуть постарше ее самой. Черные курчавые волосы были схвачены красным платком, на ногах — красные штаны до колен, подвязанные широким золотым ремнем, за который был засунут кинжал.

Алиса поймала конец тяжелого каната.

— Давай заматывай, крепи! — крикнул мальчишка.

— А наш мальчик — сухопутная крыса, — сказал попугай.

— Помолчи, Аль-Мои́ла! Ты лучше скажи, что будем делать с сонными пленниками?

— За борт их, — сказал попугай. — Чего жалеть-то.

— Тебе бы всех утопить. — Мальчишка обернулся к Алисе: — А тебя как зовут?

— Аладдин, — ответила Алиса.

— Что-то знакомое имя. Так это твой джинн в лампе был?

— Вы его убили!

— Вот чудо! — закричал попугай Аль-Могила.

Как потом оказалось, это маленькое существо не выносило, если его звали попкой, попугаем, птичкой или даже смели сократить его боевое имя. Он разрешал называть себя Аль-Могилой. Но не иначе. Попугаю было триста лет, из них двести он провел на пиратских кораблях, так что считал себя последним профессионалом пиратского дела.

Попугай тяжело взлетел над палубой — летать ему мешал костыль, который приходилось держать под мышкой, и сделал круг над кормой, где лежал джинн с выпущенным воздухом.

— Похоже, сдох, — сказал попугай. — Надо будет всем рассказать, как мне удалось в поединке одолеть настоящего джинна. Этого мне еще делать не приходилось.

— А почему все спят, а ты нет? — спросил мальчик-пират.

— Потому что мне не хочется, — ответила Алиса.

— Ты отвечай, не увертывайся. Ты у нас с Аль-Могилой в плену, — сказал мальчик, положив ладонь на рукоятку одного из кинжалов.

— Я вас не боюсь, — произнесла Алиса. — Ты, наверное, слышал, что Аладдин ничего не боится, потому что он хитроумный.

— Хитроумный ты был, пока у тебя джинн в лампе болтался, а теперь ты — пустое место.

— Что тебе нужно от меня узнать? — спросила Алиса.

— Это твой корабль? — поинтересовался мальчик.

— А как тебя зовут? — спросила вопросом на вопрос Алиса.

— Меня зовут Рашид, — ответил мальчик. — Я буду со временем великим полководцем или даже султаном.

— Это не мой корабль, — сказала тогда Алиса. — Капитан Спиро согласился взять меня на борт мальчиком на кухню, помогать повару.

— То-то ты так бедно одет!

— Это был несчастный случай, — сказала Алиса. — А почему ты один на корабле?

— Он не один, он не один! — закричал попугай, который уже взлетел на мачту. — Он со мной, так что можете не беспокоиться.

— А джинн твой был? — спросил Рашид.

— Мой.

— А куда вы плыли?

— Куда плыл Спиро, я не знаю, но он обещал отвезти меня на остров Крит, где недавно видели Синдбада Морехода.

— На что тебе Синдбад Мореход? — спросил Рашид.

— Меня просила его найти Шехерезада.

— А что тебе за это обещали?

— Ничего, — сказала Алиса. — Это же приключение!

— Ты только из-за приключения помчался в море? — спросил Рашид. — Аль-Могила, ты слышишь, что говорит этот малыш?

— Я слышу и удивляюсь, — ответил попугай. — Типичный Мандалай!

— Такие мальчишки встречаются редко, — сказал Рашид.

— А что с этими делать будем? — кивнул попугай на матросов.

— А пускай себе спят, — сказал Рашид. — Мы ограбим корабль, а они пускай спят.

— Можно начать грабеж? — спросил попугай Аль-Могила.

— Давай, разве тебя остановишь, — вздохнул мальчик.

Он перепрыгнул на палубу «Пиноса» и протянул Алисе руку:

— Давай будем дружить. Ты мне, Аладдин, понравился.

— Но у меня теперь нет джинна, — сказал Аладдин.

— Обойдемся. Ты будешь носить пустую лампу, а люди будут подозревать, что там джинн.

— Ах, нет! — закричал из каюты капитана попугай. — Пускай Аладдин таскает в лампе меня. А я буду работать вместо джинна.

Алиса засмеялась, но попугай не любил шуток.

Он выскочил, хромя, из капитанской каюты и погрозил Алисе костылем:

— Ты что, считаешь, джинн меня страшнее? Да ты у Рашидика спроси! При виде меня джинны разбегаются.

Алиса пожалела птичку-инвалида и перестала смеяться.

— Я думаю, — сказал Рашид, обходя палубу корабля Спиро и заглядывая в трюм, откуда доносился дружный храп гребцов, — что мы опустим плавучий якорь, чтобы их не кинуло на скалы. И я надеюсь, что сон у них не вечный.

— Наверняка не вечный, — ответила Алиса. — Доктор Кранц плохого не придумает.

— Кто?

— Я тебе потом расскажу, хорошо? — сказала Алиса.

Рашид ей тоже понравился, хоть и был пиратом.

— Тогда давай вернемся на наш корабль, — предложил Рашид, — там напьемся чаю. Мне не хочется, чтобы они вдруг проснулись, а мы здесь сидим.

Алисе тоже этого не хотелось.

— Аль-Могила! — закричал мальчик. — Вылезай, возвращаемся к себе.

— Помоги тащить! — откликнулся попугай.

Он волок по полу шкатулку с золотом и драгоценными камнями.

— Извини, Рашидик, — спросила Алиса, — неужели тебе нужно столько золота?

— Мне нужно куда больше золота. Иначе зачем бы я пошел в пираты? — со вздохом ответил мальчик.

Он подхватил тяжелую шкатулку с драгоценностями и перенес к себе на корабль.

Потом крикнул Алисе:

— Ты останешься или плывешь с нами?

— А вы куда? — спросила Алиса.

— Если ты хочешь, то на Крит. Нам все равно. А оставаться на «Пиносе» тебе опасно. Как они увидят, что нет драгоценностей, они тебя растерзают.

Алиса перепрыгнула к пиратам.

— Учти, — сказал попугай, устраиваясь на борту рядом с Алисой, — что с точки зрения закона ты вступаешь в компанию бандитов и грабителей. Если тебя поймают, то обязательно отрубят голову.

— Ну, раз мне все равно голову терять, — сказала Алиса, — лучше с вами.

— Эй! — воскликнул Рашид. — Они просыпаются.

И в самом деле, один за другим матросы на корабле Спиро открывали глаза, поворачивались, поднимались, еще минута-две — и они все вспомнят.

Рашид кинулся к борту и стал рубить канат.

Он крикнул Алисе:

— Стой у руля!

Алиса схватилась за рукоять руля. Она была толстой и тяжелой и вырывалась из рук.

Но, к счастью, Рашид перерубил канат, и течение быстро разнесло корабли в разные стороны, а поднимавшийся вечерний туман скрыл пиратов.

Глава 9. Несчастье Рашида

Попугай Аль-Мои́ла быстро ходил по борту, опираясь на костылик.

— Славно, — повторял он. — Славно. Теперь у нас настоящая банда. Пока мы были с Рашидиком вдвоем, мы были дуэтом. А сейчас настоящая банда. И придется вам избрать меня предводителем.

— Почему? — спросил Рашид.

— Ах, ему неясно, Мандалай! — возмутился попугай. — Кто здесь самый старший? Кто настоящий разбойник? Я — Пират-Костыль, гроза морей Аль-Мои́ла!

Алиса сказала:

— Давайте я ужин приготовлю. Я умею готовить.

— Только пшено не трогай! — предупредил попугай. — Я пшено так люблю, что готов убить каждого, кто притронется к мешку. Вы ешьте что хотите, а мне отсыпьте пшена. Это настоящая пиратская пицца!

Алиса пошла на кухню. Кухня была простым очагом на корме судна, огороженным камнями, чтобы не задувало ветром.

Рашид пошел за ней.

— Иногда, — признался он, — Аль-Мои́ла мне так надоедает, — голову бы ему свернул. Хотя без него мне пришлось бы трудно.

— Расскажи мне о себе, — попросила Алиса. — Если, конечно, это не секрет.

— Родился я в простой княжеской семье, — сказал Рашид, — в стране Крым. Тебе это что-нибудь говорит?

— Да я там тысячу раз была!

— У тебя там владения?

— Нет, у меня там друзья, — ответила Алиса.

— Значит, ты не знатного рода?

— Давай потом в этом разберемся, — сказала Алиса. — Ты пока о себе расскажи.

— Княжество у нас небольшое, от Ялты до Ливадии, — продолжал Рашид. — Ни с кем мы не воевали, растили виноград, давили вино и ловили рыбу. Но тут откуда-то приехал неприятный человек по имени князь Симеиз. Он выстроил себе замок на самом высоком мысу и назвал его «Ласточкиным гнездом». Он начал нападать на наши владения, но мы сопротивлялись, как львы. Тут у меня подросла сестренка, прекрасная и милая девушка Гюль-Гюль. Симеиз потребовал у моего отца, чтобы он отдал Гюль-Гюль ему в жены. «Ты с ума сошел! — закричал мой папа. — Гюль-Гюль нет еще и шестнадцати лет, а тебе уже пятьдесят шесть. Ты древний старик». — «Все равно, — крикнул Симеиз, — я ее получу!» Он набрал войско из крымских разбойников — жестоких коктебельцев, хитрых караимов, зловещих евпаторийцев и даже проходимцев из Керчи. Они напали на наше маленькое княжество, и началась неравная война. В ней погибли мои папа и мама и почти все наше войско. Симеиз увез к себе в «Ласточкино гнездо» нашу любимую Гюль-Гюль...

Тут рыдания подступили к горлу юного пирата, и он ненадолго замолчал. Затем взял себя в руки и продолжил печальный рассказ:

— Тогда моя старая кормилица Фатима села верхом на последнего нашего коня и поскакала по крымским замкам и крепостям с рассказом, что произошло. И все князья и султаны Крыма собрались на съезд и вызвали негодяя Симеиза. Съезд выслушал нашу жалобу и ответное слово князя Симеиза и постановил: «Коли князь Симеиз победил в

честной войне, то владения, за исключением одной деревни, переходят к нему. Но вот жениться на Гюль-Гюль он не имеет права, если она этого не захочет». Привели Гюль-Гюль и спросили, хочет ли она выйти замуж за князя Симеиза. Заплакала моя сестренка и сказала, что скорее бросится со скалы Дева в Черное море, чем согласится на это.

— Молодец! — сказала Алиса. — У нее настоящий характер.

— Наш характер, княжеский, — сказал попугай.

— Тогда Симеиз сказал: «Раз я не могу на ней жениться, я ее спрячу от всего света и сделаю так, чтобы она заснула вечным сном. А отдам я ее только тому, кто привезет мне сундук, полный золота. Я люблю золото даже больше, чем хорошеньких девушек». Князя Крыма подумали и согласились. А пока она будет спать беспробудным сном, кто-нибудь привезет сундук золота, и Симеиз отдаст ему мою сестру.

— И ты пошел в пираты? — спросила Алиса.

— Я сначала об этом и не думал. Я решил работать. Но скоро понял, что вернуть сестру я смогу только через сто лет. Я сел на наш последний корабль и отправился в путешествие в надежде, что добуду богатство в дальних странах. И надо же было так случиться, что вскоре я попал в плен к страшному пирату Барбароссе. Он меня не убил, а полюбил и стал учить своему ремеслу, а когда ушел на пенсию, то подарил мне маленький корабль и попугая.

— То есть меня, — сказал Аль-Могила.

Алиса разлила по мискам похлебку с курицей, они с Рашидом взяли по ложке и принялись есть. Попугаю Алиса положила в миску разваренного пшена. Он спешил, обжигался, потом потребовал посахарить пшено и насыпать туда изюму.

— Я гурман, — заявил он. — За триста лет я столько всего перекушал, что запомнить невозможно.

— Вот и все моя история, — закончил свой рассказ Рашид. — Присоединяйся к нам, будем разбойничать вместе.

— Нет, спасибо, — ответила Алиса, — я не хочу разбойничать. Давайте доплывем вместе до Крита, а там каждый пойдет своим путем.

— А жалко, — сказал Рашид, — я к тебе почти привык.

— И мне ты по сердцу. А меня за триста лет интуиция никогда не обманывала, — поддакнул попугай. — Оставайся!

— Нет, — твердо произнесла Алиса. — Пирата из меня не выйдет. Я вообще не люблю пиратство, и среди пиратов у меня есть злейшие враги.

— Если так, — рассердился Рашид, который считал себя хорошим человеком, — то сам мой посуду после ужина.

— Пожалуй. — И Алиса стала мыть посуду.

Звезды падали с неба, одна даже ударилась в миску и отскочила в воду. Это была очень красивая звездочка. Но Алиса знала, что это не звездочка, а обыкновенный магниевожелезный метеорит, поэтому она за ней не стала нырять.

Попугай забрался на самую вершину мачты. Он иногда дремал, но не забывал посматривать вперед.

Ветер дул ровно и нежно, будто гладил щеки.

Наступила ночь.

Глава 10. Попугай и Минотавр

На следующее утро на горизонте показались лиловые горы острова Крит.

— Здесь, — сообщил попугай, — живет Минотавр. Не слышал?

— Конечно, слышал, — подтвердила Алиса-Аладдин. — Его нашел в лабиринте, а потом убил древнегреческий герой Тесей. В честном бою. Потом взял Ариадну, ту самую девушку, которая подарила ему клубок ниток, чтоб найти путь к Минотавру, но я думаю, что Минотавр не имеет отношения к нашему Синдбаду.

— Но Спино говорил тебе, что Синдбада здесь видели?

— Говорил, — согласилась Алиса.

— Тогда прощай, приятель, — сказал Рашид. — Тебе здесь оставаться, а мы спешим на север, в страну Крым. Сундук почти полон.

— Нет, — возразил попугай. — Нам тоже надо пристать. Взять свежих фруктов, воды налить, пшено у нас кончается...

— Но мы только что в Багдаде всем запаслись!

— Ну, Рашидик, ласковый ты мой, — запрыгал вокруг попугай. — Я тебя по-дружески прошу. Сколько раз мы с тобой стояли спина к спине у грот-мачты и отражали атаки врагов... Нет, ты не предашь меня!

— Ничего не понимаю, — признался Рашид.

— Не понимаешь — тогда слушайся старших!

Рашид послушался и повернул свой корабль к гавани острова Крит. Алиса только посмеивалась, глядя, как спорят ее спутники. Ей жалко было с ними расставаться — лучше бы искать Синдбада вместе. Но у Рашида своя забота, им с Алисой не по дороге. «Однако даже ради благородных целей нельзя становиться разбойником», — думала она.

У причала приезжих ждали торговцы, посредники, жулики и всевозможный портовый люд.

Рашид вышел на нос корабля и крикнул:

— Нас не трогать! Мы пираты. Церемониться не станем. Но и безобразничать тоже не намерены. Привезите нам бочку свежей воды, мешок пшена и дюжину ощипанных куриц.

— Надолго ли к нам, уважаемые пираты? — спросил начальник порта.

— Вот оставим вам мальчонку, — Рашид показал на Аладдина, — и завтра с рассветом отправимся дальше, к северным землям.

— Там вам добычи не найти, — сказал начальник порта. — Льды надвигаются, люди туда не плавают.

— Это нам решать, — ответил Рашид. — А вы лучше скажите, какие у вас сегодня развлечения? Может, мы в театр сходим или на танцы?

— Особых развлечений нет, — сказал начальник порта. — Если не считать смертельной борьбы с Минотавром.

И он показал на большую надпись на очень древнем греческом языке, которая была привязана к двум столбам на набережной:

«СМЕЛЬЧАКИ! Желаящие проверить, остался ли в живых Минотавр после того, как его убил Тесей, могут за три золотых монеты посетить лабиринт. Лабиринт открыт ежедневно до обеда. Кроме воскресенья.

Администрация».

— Что же это получается? — спросила Алиса. — А разве Минотавра не убили?

— Кто же его одолеет? — спросил начальник порта. — Наш Минотавр, можно сказать, чемпион мира по единоборствам на дубинах.

— А Тесей? — спросила Алиса. — А нить Ариадны?

— Только не надо мне рассказывать сказок, — ответил критянин. — Мы все об этом в детстве слышали. И про то, как Афины обязаны были отправлять ежегодно десять самых красивых юношей и девушек в жертву чудовищу Минотавру, который обитал в нашем лабиринте, и как однажды в число этих жертв попал и юный Тесей. А Тесея полюбила Ариадна — дочка нашего короля — и дала ему клубок, который он разматывал, чтобы не заблудиться в лабиринте, где скрывается наше национальное чудовище с туловищем человека, а головой быка. Правильно я рассказываю?

— Об этом даже дошкольники знают, — сказала Алиса.

— И Тесей убил Минотавра? — спросил Рашид.

— Ну зачем ему это? Он побегал по лабиринту и вернулся назад.

— А может, все-таки Минотавр убит?

— Если он убит, кому же мы каждую неделю котлами похлебку с мясом таскаем?

— Значит, — спросила Алиса, — вы считаете, что он жив?

— А ты, мальчик, проверь, гони три монеты!

— Я бы сходил проверил, — сказал Рашид, — но не имею права рисковать жизнью. Без меня никто не выручит Гюль-Гюль.

— И я не буду туда лазить. Потому что боюсь темноты и тараканов, — сказала Алиса.

— Ну что ж, — попугай спрыгнул с плеча Рашида на землю, — видно, придется мне самому проверить.

— Давай, — согласился Рашид, совсем не испугавшись за судьбу своего друга. — Слетай посмотри, только учти, там коридоры низкие, особенно не разлетаешься.

— Где не пролечу, пройду пешком, — ответил попугай.

— Ребята, вы что задумали? — испугалась Алиса. — Ведь это же опасно! Вы что забыли, что Минотавр уже убил многих славных героев Греции и других стран? Что он обладает гигантской силой? Ради чего наш Аль-Могила пойдет на верную смерть?

— Ради куража! — ответил маленький пират. — Триста лет я иду на смерть ради куража. Все уже погибли, потонули, перестали дышать, одни кости остались, а я все живу, и ого-го какой! И не пытайтесь меня остановить!

Попугай взлетел и понесся к гигантскому мрачному сооружению, похожему на глиняную шапку, над маленьким входом в которую было написано: «ЛАБИРИНТ».

Но войти в лабиринт попугаю не удалось, потому что у входа стояли два мрачных воина в железных шлемах и с копьями в руках.

— Билет! — зарычали они хором.

— Потом. — Попугай опустился на землю и оперся о костыль. — Когда я его победю... или правильно говорить — побегу!

— Побегу, — сказал один из воинов.

— Нет, победю, — сказал второй.

— Я тебе сколько раз твердил: побегу! Побегу!

— Ты бы хоть раз послушался умных людей! По-бе-дю!

— Нет, побежу!

Попугай покачал головой и прошел между колен стражников, которые продолжали выяснять, кто из них грамотней.

Они совсем забыли о попугае, но Алиса переживала за него. Она подошла к стражникам и спросила:

— Скажите честно, Минотавра убили или нет?

Страж поглядел на мальчишку и добродушно сказал:

— Ну скажи, кто может одолеть Минотавра, который на голову выше обычного человека, мышцы у него, как у Геракла, рога, как у дикого буйвола, сила... ну о силе и говорить не будем. Тут у нас недавно были соревнования быков, он троих забодал.

— А он разве выходит?

— Что ж ему, всю жизнь в тюрьме сидеть? Выходит, но лучше бы уж не выходил. То девушку потопчет, то стадо овец разгонит... одна мамаша с ним может справиться.

— Кто?

— Ихняя мамаша, — ответил страж, — царица Пасифая, супруга нашего короля Миноса.

— А ваш король, значит, бык?

— Мальчик, ты сошел с ума! — изумился страж. — И если бы не твой нежный возраст, я бы лично проткнул тебя копьем за оскорбление королевских величеств.

— Не знаю, чем я их оскорбил. Но, наверное, нечаянно.

— Если ты еще не знаешь, — сказал страж, — то учти: так бывает даже в королевских семьях — ребенок родился похожим не на папу, а на одного морского быка. Потому что Пасифая его безумно полюбила. Ну что будешь делать, куда деваться королю Миносу, когда его сын так сильно на него не похож? Вот и было объявлено, что Минотавр — мутант. Мы не знаем, что это значит, наверное — урод.

— Правильно, — подтвердила Алиса. — У нас тоже мутанты бывают.

— А ты сам, мальчонка, откуда будешь? — спросил страж.

— Мы багдадские, — ответила Алиса.

— А чего тебя к нам занесло? — удивился страж.

Разговор был неспешным, мирным, они сидели в ряд и разговаривали, как будто не в эпохе легенд, а в самой обыкновенной, современной.

— А я Синдбада Морехода разыскиваю, — объяснила Алиса. — По просьбе его несчастной жены Шехерезады. Он, как всегда, отплыл за сказками и не вернулся. Мне капитан Спиро сказал, что его на Крите видели.

— А ты зайди в управление порта, — посоветовал страж. — Там у них есть специальный свиток — в него заносят имена всех капитанов и названия кораблей. Если Синдбад сюда заходил, значит, он там записан.

— А вдруг попугайчику моя помощь потребуется?

— Твой попугайчик пока бродит по темным ходам и переходам и ищет Минотавра, но ищет он его зря, потому что Минотавр сейчас спит. Вот через полчаса начнет шум — уничтожение твоего пирата. Полетят его последние перья.

Алиса вздохнула и пошла в низкое здание управления порта, где стоял один стол и был один служащий — пожилой, с красными надутыми щеками, в белой тунике, похожей на детскую распашонку.

Он щелкал лесные орехи, и нащелкал их столько, что к столу пришлось идти по колени

в скорлупе.

— Здравствуйте, — сказала Алиса. — Могу ли я узнать у вас, когда приходил в ваш порт корабль Синдбада Морехода?

— Кто его знает! — ответил служащий и плюнул шелухой в муху. И только тогда Алиса поняла, что в комнате происходит отчаянное соревнование. Служащий плевал скорлупой так, чтобы сшибить муху, а мухи летали вокруг, словно тореадоры вокруг быка, и умело увертывались от скорлупы.

— А нельзя узнать? — спросила Алиса.

— Иди и смотри, — сказал служащий, — я неграмотный.

Он подтолкнул к ней громадный свиток, что лежал на столе, наполовину заваленный скорлупой.

— Вообще-то этим занимается начальник порта, но он тут напился пьяный, пошел сражаться с Минотавром... и... вот и похоронили мы его косточки. Безобразие у нас, а не жизнь.

Служащий тут же забыл об Алисе.

Она стала разворачивать свиток.

Последним в нем числился «пиратский корабль, название стерто, командир Аль-Могила. Экипаж из двух негодяев, по которым веревка плачет».

Алиса подумала, что, наверное, попугай сам забегал сюда и написал это. У него было зверское чувство юмора.

Когда Алиса уже думала, что сойдет с ума от щелканья орехов и жужжания мух, она вдруг увидела такую надпись: «Торговое судно „Багдадский купец“, капитан Синдбад Мореход. Разгрузка товаров, загрузка новых, записывал все истории про Минотавра, однако сражаться с ним не захотел. Встречался и разговаривал с Дедалом. Вчера отплыл на север, желая поглядеть на коня Пегаса и гору Олимп». Числа возле этой надписи не было, года тоже — да и какие могут быть годы в эпоху легенд!

— Спасибо, — сказала Алиса служителю, но он не слышал — он выбрал самую большую синюю муху и попробовал сшибить ее целым орехом. Остальные мухи тучей кружили над ним и жужжали: «Нечестно, нечестно, целым орехом не стреляют!»

И тут снаружи донесся страшный рев.

Алиса выбежала на площадь.

И чуть в обморок не упала от ужаса, хотя, как вы знаете, Алису испугать нелегко.

Из ворот лабиринта с трудом вылезло невероятное чудовище — гигантского роста детина, почти голый. Голова у него была бычья, шире плеч, а рога торчали в стороны, загибаясь, как клешни у краба.

Это чудовище и ревело.

Народ, что был на площади и на набережной, прыснул в разные стороны, некоторые корабли даже начали на всякий случай поднимать якоря и отваливать от пристани.

И тут Алиса разглядела, что же так рассердило Минотавра.

Перед самым носом чудовища, размахивая костью, летел попугай, который держал в свободной лапке острую длинную сабельку и, подлетая к чудовищу, норовил его уколоть.

Минотавр был в полном отчаянии. Он даже нырнул было в воду, но и тут попугай от него не отстал.

— Мама! — кричал Минотавр. — Скажи ему, что я больше не буду!

Сверху, от королевского дворца, бежала толпа придворных дам, впереди неслась

немолодая толстая женщина.

— Я спешу, мой мальчик! — кричала она. — Кто посмел обидеть мое чудовище!

Если признаться честно, то, кроме этой женщины, в которой Алиса угадала маму Минотавра — царицу Пасифаю, никто Минотавру не сочувствовал.

Добежав до площади, Пасифая стала грозить палкой попугаю.

— А ну улетай отсюда, подлая птица! — приказала она.

— Улечу, как только он сдастся и освободит невинные жертвы!

— Никогда! — кричал Минотавр.

— Миленький, а может, мы согласимся? — спросила его мать.

— И еще одно условие! — крикнул попугай, взлетая повыше, чтобы царица не достала его своим жезлом. — Пускай переходит на вегетарианство.

— Это еще что такое? — спросил Минотавр.

— А это питание овощами, фруктами и кашей, — сказал попугай. — Быкам вообще не к лицу пожирать людей. Неприлично. Ты потому до сих пор не женился, что ни одна корова с тобой играть не хочет.

И в доказательство того, что он не шутит, попугай больно кольнул Минотавра саблей и сразу отлетел.

— Эх, не был бы я хромой, — крикнул попугай при этом, — ты бы у меня, Мандалай, попрыгал здесь, как балерина в «Лебедином озере».

— Откуда ты это знаешь? — удивилась Алиса.

— Ах, — ответил попугай, — «Лебединое озеро» — это древняя легенда, она старше эпохи легенд, ее еще мастодонты друг другу рассказывали.

Тем временем обессилевший Минотавр опустился на землю.

— Мама, — сказал он, — я больше не могу. Ну сделай что-нибудь!

Из толпы вышел очень богато одетый человек в короне, — судя по всему, царь Минос.

— Ах, мой пасынок! — воскликнул он. — Пора тебе смириться. Перебесился, и хватит. А то придет какой-нибудь Тесей и отрубит тебе голову. Тебе нравится, когда тебе отрубают голову?

— Я должен подумать, — сказал Минотавр.

— Думать ему нельзя, — заметил попугай. — Думать он не приучен. Отправьте его на луга щипать траву, познакомьте с красивой коровой, вот он у вас и остепенится.

— А ты будешь щипать травку, мама? — спросил неумный Минотавр.

— Еще чего не хватало! — обиделась царица.

— Хватит, договорились, — сказал попугай. — Выпускай пленников.

Минотавр с проклятиями вернулся к входу в лабиринт, достал из связки ключей, висевших у него на поясе, самый большой и открыл маленькую дверцу рядом с основным ходом. Над дверцей было нацарапано: «Мясная кладовая».

— Выходите! — жалким голосом произнес Минотавр.

С плачем и стонами из кладовки выбежали несколько молодых девушек и юношей, затем на свободу выбралось стадо козлят и ягнят. В конце выползли две черепахи. Алиса подумала, что никогда не читала в греческих сказках и мифах, что Минотавру и черепах давали на обед.

— Иди! — крикнул попугай. — Отдыхай, дыши воздухом, наслаждайся солнцем. А любопытных прошу в лабиринт нос не совать.

— Почему? — стали спрашивать люди. — Почему?

— А потому что там плохо пахнет, он же никогда не мылся, — ответил попугай. — Я еле выдержал этот бой.

Мама Пасифая взяла Минотавра за кольцо в носу, и они пошли прочь, за ними толпой придворные.

Царь Минос задержался, он подошел к попугаю, который устало стоял на большом камне, опершись о костыль, и сказал:

— Спасибо вам от меня лично и всего населения нашего острова. Вы спасли репутацию Крита.

— Боюсь, что это еще не конец истории, — вздохнул попугай.

— Счастливого пути, — сказал царь Минос. — Будете в наших краях, заглядывайте. Если встретите Тесея, скажите, что его услуги больше не требуются.

С этими словами царь Минос расстался с попугаем, тот перелетел на борт корабля и крикнул Алисе:

— Отдать концы!

Алиса кинула Рашиду конец каната.

Рашид поднял паруса.

Попугай взлетел на верхушку мачты и смотрел, как стража заходит в лабиринт.

— Давай поскорей, — приказал он Рашиду.

— Я и так спешу, — ответил Рашид.

Он поднял парус и навалился на руль. Набирая скорость, корабль стал уходить от острова Крит.

Попугай волновался. Он прыгал на мачте, летал к Рашиду, мешал ему и все торопил и торопил рулевого.

— Что с ним? — спросила Алиса. — Нервы?

— А ты посмотри, что творится на берегу!

Алиса оглянулась и увидела, что из лабиринта выскакивают воины и бегут к берегу, громко крича и размахивая руками.

К счастью, попутный ветер все крепчал, на верхушках волн появились белые барашки, серые клочья туч понеслись по темнеющему небу.

— А чем они недовольны? — спросила Алиса.

К этому времени погоня уже отстала.

— Покажи ей, — сказал попугай.

Рашид сказал:

— Пошли вниз.

На столе в каюте стоял небольшой ящик. Рашид открыл его, и Алиса увидела, что он полон золотыми монетами.

— Это откуда? — удивилась она.

— Это плата, которую должны были вносить те храбрецы, что решили сразиться с Минотавром. Плата за вход. За пять лет накопился целый ящик, но Минотавр ни с кем не хотел делиться и берег монеты пуще своего ока. А когда Могилка выманил его из лабиринта, началась такая суматоха, что даже ты не заметил, как я сбегал в лабиринт и принес коробку.

— Но это же воровство!

— А мы и есть пираты, — ответил попугай. — Мы грабители и особенно любим грабить то, что добыто нечестным путем.

— Почему нечестным? — спросила Алиса.

— А где те смелые герои, которые заплатили Минотавру за вход в лабиринт? Он их всех забодал и затоптал. А теперь пускай жуёт травку...

— Мне самому не нравится, что я пират, — сказал Рашид, — но я благородный пират.

Глава 11. Неудачливый Икар

Нельзя сказать, что Алиса радовалась тому, что попала в пиратскую компанию, но другой у нее не оказалось, к тому же пираты к ней привыкли и считали своей. Оказалось, что Алиса лучше всех готовит, быстрее всех стирает и умеет делать массу других полезных вещей. В отличие от ее спутников, она учила геометрию и тригонометрию и могла вычислить расстояние до далекого острова или путь по звездам. Конечно, попугай, как кормчий, тоже мог стать к рулю, но за триста лет он многое подзабыл.

Весь следующий день они держали путь к северу. Пираты спешили попасть в Черное море, а Алиса хотела узнать, побывал ли Синдбад Мореход на горе Парнас и видел ли он крылатого коня Пегаса.

К тому же Алису беспокоило упоминание в портовом свитке о Дедале. Зачем он нужен был Синдбаду?

Ветер был сильный, порывистый, и корабль покачивало. Правда, на борту собрались бывалые моряки, и никто из-за этого не переживал.

По небу неслись белые кучевые облака.

Иногда можно было увидеть, как среди облаков парит коршун или орел.

Вон еще два орла — да какие большие!

— Погляди, Рашид! — позвала Алиса. — Какие большие птицы.

Рашид только отмахнулся. Он с утра пересчитывал деньги.

— Не беспокойся, — утешал ее Аль-Могила, — в случае чего я их заклюю. Я теперь вообще высокого о себе мнения. Все-таки я победил Минотавра. Пора складывать обо мне легенды.

— Нет, — сказала Алиса, снова посмотрев на небо, — кажется, что это все-таки не орлы. Да посмотри ты, в конце концов, Рашид!

Рашид оторвался от своих трофеев и посмотрел в небо.

— Это крылатые люди, — сказал он, — наверное, ангелы. Я о них где-то слышал.

— Странно, — сказал попугай, — христианство ведь еще не существует, может, это еврейские ангелы?

Птицы-люди быстро снижались. И видно было, что одна из них летит уверенно, а вторая то снижается, то взлетает.

— Не лети высоко! — Крик был слышен даже на корабле. — Воск расплавится!

Вторая птица послушалась и стала спускаться.

— Не летай низко, — закричал первый человек-птица, — в воду попадешь!

Но последнее указание опоздало. Несчастливая птица врезалась в волны и исчезла под водой.

— О, горе! — закричала первая птица. — О, крушение всех моих жизненных планов!

Громко стелая, птица удалилась к горизонту.

— Смотрите! — крикнул попугай, который сидел на мачте. — Он не утонул, его крылья на воде держат.

И в самом деле — крылья птицы были сделаны из деревянных палочек и веревочек, к которым были приклеены гусиные перья. Они и не дали утонуть летуну.

Рашид с Алисой вытащили его на борт.

Молодой человек лежал на палубе и тяжело дышал. Потом открыл глаза и спросил:

— Простите, я жив?

— Вот именно! — закричал попугай Могилка. — Вот именно. Хотя мало кто остается живым, грохнувшись с такой высоты.

Молодой человек застонал, Алиса дала ему напиться и смазала синяки волшебной мазью, которую попугай хранил на борту на всякий случай.

— Меня зовут Икаром, — сказал молодой человек. — Мой отец Дедал — ученый-энциклопедист и великий изобретатель, изобрел воздухоплавание. Он сделал крылья на легких рамах из птичьих перьев и скрепил их воском.

Алиса хотела сказать: «Хватит, хватит, я это уже в школе проходила», но сдержалась, потому что ее спутники о драматической истории Икара и Дедала ничего не знали.

— Вы стали как птица! — сказал Рашид. — Хотел бы я тоже полетать.

— Ну и чего бы добился? Был бы как я, — возразил попугай, — только куда менее поворотливым. Так что не радуйся. К тому же смотри, чем это кончилось. Твой Икар чудом не утонул.

— Отец хотел как лучше, — сказал Икар. — Он хотел, чтобы я летал так же хорошо, как он. Но мне стало очень страшно, когда я увидел землю так далеко внизу.

— Летать надо учиться, — сказал попугай. — Иначе бы яйца летали. Полет — это искусство.

— Что же теперь мне делать? — расстроено спросил Икар. — Мой отец в Афинах умрет от горя, что я пропал.

— Ладно, — решил Рашид. — Мы тебя не бросим. Но в Афины нам сейчас не по дороге. У меня как раз накопилось достаточно денег, чтобы поговорить с князем Симеизом. Если хотите, я ссажу вас на острове, мимо которого мы сейчас проплываем, а вы уж добирайтесь до Афин как можете. Или потерпите — сделаем наши дела в Крыму, и на обратном пути я вас обязательно завезу в Афины.

— Может быть, так лучше, — сказал Икар, который пришел в себя, и сразу стало видно, что этот курчавый черноглазый молодой человек из хорошей семьи. — Я отдохну от папы и его бесконечных поучений. Ну, не всем же быть пилотами. Я, например, всю жизнь имел склонность к цифрам. Я буду чудесным, полезным финансистом.

Романтика цифр куда выше романтики облачных пространств, где сыро, дует и нет никакого порядка!

— Тогда мой посуду, — сказал попугай. — На корабле тоже должен быть порядок.

Молодой человек согласился, даже обрадовался, что его не возвращают к папе в небо.

Глава 12. На пути в Крым

Пиратский корабль взял курс прямо на пролив Геллеспонт, который ведет в Черное море.

Икар оказался юношей очень наивным и отсталым, он все время удивлялся, неужели в Черном море черная вода, а если в Черном море черная вода, то можно ли писать ею вместо чернил.

— Чепуха, — кричал попугай, разгуливая по борту. — В мире много разных морей, есть Красное — ты думаешь, в нем вода красная, как кровь? В нем вода обыкновенного цвета. А есть еще Желтое море. И вода в нем не желтая, но говорят, что вокруг него живут люди, у которых желтая кожа.

— Потому что они в нем купаются? — спросил Икар.

— Если бы было так, — ответил попугай, — то вокруг Черного моря жили бы одни негры.

— Ах, кто такие негры? Только не пугайте меня, — заволновался нежный Икар.

— Вам лучше таких людей и не видеть. У них черная шкура, губы наружу, и они едят таких, как ты, Икаров.

— Давай поплывем тогда в Белое море, — попросил юноша.

Все посмотрели на Алису как на самую образованную.

— Белое море, — сказала она, — лежит так далеко на севере, что промерзло до самого дна, а сверху там слой льда повыше нашей мачты.

— А как же там живут? — удивился Рашид.

— В дни моей молодости, — сказал попугай, — когда я еще ого-го каким молодцом-орлом был, наши иногда и в Балтийское море плавали. Слышал о таком? — Попугай обернулся к Алисе.

— Я там бывал, — ответил Аладдин.

— Вот именно, и я думаю, что ты куда старше, чем хочешь казаться, — сказал попугай Аль-Могила.

Дальше они плыли без всяких приключений, если не считать, что у одного маленького островка им стали петь сирены и они чуть не потеряли Икара. Алисе пение сирен показалось нестройным, фальшивым и недостойным того, чтобы ради него кидаться в морские волны, Рашид сказал, что любит только восточную музыку, а попугай заявил, что у него на всякий случай сегодня с утра в ушах вата. А вот Икар, как истинный грек, начал бегать по палубе и кричать, что сейчас вот-вот бросится к сиренам.

Сирены летели за кораблем небольшой стаей, некоторые пели, некоторые просили чего-нибудь вкусенького, некоторые специально звали Икара:

— Иди к нам, мальчик! Удовольствие получишь.

— Знаете что, — сказал тогда Икар, — я за себя не ручаюсь, может, привяжете меня к мачте?

— Да ты присмотрись, Мандалай! — сказал попугай. — Одна другой страшнее. По происхождению они — средиземноморские тюлени. Только с крыльями. Ну какая тут может быть любовь?

— Привяжи! — настаивал Икар.

Его привязали к мачте и сели ужинать. Тут же Икар потребовал, чтобы его развязали или кормили с ложки, потому что сирены не отставали и совсем обезумели — они

тараторили, что уже третьи сутки голодные, а из чугунного горшка, в котором Алиса сварила чудесный гуляш из пшена с курицей, поднимался и тянулся за кораблем, как хвост, такой аромат, что сирены украли горшок, обожглись и в конце концов уронили его в море.

На закате по небу промчался крылатый конь Пегас. Зрелище было фантастическое! Громадный прекрасный конь светился голубым светом, и сквозь его шкуру просвечивали звезды.

— Привет тебе, Пегас! — крикнула Алиса. — Спешешь на работу?

— Привет, Алиса, — откликнулся Пегас, — спешу на свое место среди созвездий. Наступает ночь. Надо показывать путь мореходам.

— Пегас! — крикнула Алиса. — Не видел ли ты Синдбада Морехода?

— Видел, — ответил крылатый конь, — я даже рассказал ему некоторые правдивые истории из моей жизни.

— Куда он дальше поплыл?

— Я думаю, что к гиперборейцам, на север, — сказал Пегас. — Ему хотелось поглядеть на ледяные реки и снежные горы. Он все твердил, что такой сказки его дорогая Шехерезада еще не слышала. Прощай, Алиса!

— Как это он тебя назвал? — спросил подозрительный попугай.

— Я не расслышал, — сказала Алиса.

— Но мне кажется, что он назвал тебя женским именем, — сказал попугай.

— Ты ослышался, — сказала Алиса.

— Наверное, приятно иметь столько знакомых, — позавидовал Рашид.

— Да уж, мне приходилось путешествовать, — ответила Алиса.

Все улеглись спать прямо на палубе, заснули сразу, только попугай остался на вахте. Он сидел на верхушке мачты и ворчал:

— Никому нельзя доверять! Подсовывают неизвестно кого! Если Аладдин уже не Аладдин, то, может, и я жар-птица?

И тут он начинал хихикать, как будто кто-то возил гвоздем по жестяной банке.

Наконец впереди показались голубые горы земли Крым.

— Скорей бы ступить на твердую землю, — повторял Икар.

Попугай с Рашидом склонились над картой.

— Вот здесь, — Рашид показывал на высокий утес, нависающий над морем, на котором прилепилась круглая башня, — в замке «Ласточкино гнездо» живет страшный тиран Симеиз. А вон там, правее, где в море сползает язык ледника — первый из ледников, что добрался сюда из Руси, лежит моя родимая земля. Она томится под гнетом Симеиза. Ах, зачем я родился на свет, чтобы переживать все эти мучения!

Он направил корабль в небольшую бухту, умело провел его между вылезавших из голубой воды скал.

Сверху, с гряды снежных гор, которые, как сказал Рашид, назывались Ай-Петри, скатывались серые снежные облака.

К каменному молу сбежалась небольшая толпа одетых в шкуры людей. Они узнавали своего принца и радовались его возвращению. Никто, оказывается, уже и не надеялся, что он жив.

— Ты совсем не изменился, Верный Волк, — сказал Рашид пожилому воину в волчьей шкуре и железном шлеме. У него было обветренное бородатое лицо.

— Вы тоже, господин. Только подросли и стали мужественней.

— Это моя работа, — сообщил попугай. — Я его учил уму-разуму.

Собравшиеся вокруг люди засмеялись. Они никогда еще не видели пиратской птицы и решили было, что это маскарадный костюм.

— Как моя сестренка Гюль-Гюль? — спросил Рашид. — Что о ней известно?

— Мы обыскали все горы, — сказал Верный Волк, — мы облазили все пещеры, но найти ее не смогли.

— Пойдем в дом, перекусим по-человечески, — сказала добрая женщина. — Наши хозяйки уже приготовили обед. Чем богаты, тем и рады.

— Спасибо, Фатима, — сказал Рашид и пояснил Алисе: — Фатима — моя кормилица. Когда мои папа и мама погибли, она мне заменила родителей.

— А что у тебя нового? — спросил Верный Волк, когда все стали подниматься по тропинке к кучке каменных хижин, которые теснились на склоне горы.

— Вот возьми этот сундучок, — сказал Рашид Верному Волку, — и попробуй его.

— Ого, тяжелый сундук! Вы камни, что ли, в нем возите?

— Целый сундук золота. Я привез выкуп за мою сестру.

— Слава нашему князю! — закричали жители крымского княжества.

— Я бы никогда этого не сделал, — сказал Рашид, — если бы мне не помогли друзья. Разрешите, я тебя с ними познакомлю. Рядом со мной идет прекрасный юноша. Его зовут Икар. Он родом с острова Крит. Его папа, Дедал, изобрел воздушные путешествия. Но, к сожалению, Икар не смог удержаться на крыльях и упал в море. Там мы его и подобрали. С тех пор он путешествует вместе с нами.

— Так мы же видели папу Икара, — сказала Фатима, — он покружился над нами и полетел к Кавказу, видно, там теплее.

— Он все еще разыскивает меня. — Икар смахнул крупную слезу.

— А это мальчик Аладдин. — Рашид показал на Алису. — У него была волшебная лампа с джином, но джинн лопнул в бою, а лампа осталась. К тому же Аладдин мой хороший друг и добрый парень.

Тем временем попугай уже извелся от того, что его не представляют. Он прыгал по борту, размахивая костью.

— А это, — объявил Рашид, — мой главный друг и помощник, попугай Аль-Могилка. Он опытный пират и мореход. Без него я никогда бы не добыл выкуп и не смог вернуться живым. Так что всем хорошим в жизни я теперь обязан нашему Могилке.

— Не Могилке, — поправил попугай Рашида, — прошу называть меня Аль-Могилка!

И никто не стал спорить, хотя некоторым людям было трудно понять, почему главным пиратом стал хромой попугай.

— Ну ведите нас, давайте отдохнем. Ты, Верный Волк, отдай вот этот сундучок самым надежным и верным воинам. Тут наше с тобой счастье.

— Слушаюсь, принц, — ответил Верный Волк.

И все они пошли по тропинке еще выше, к самым каменным домам. Над некоторыми поднимались струйки дыма.

— С дровами плохо стало, — сказал Верный Волк. — Все леса подо льдом, приходится посылать корабли на Кавказ, но далеко не все возвращаются, там ведь всегда война идет.

Из домов высыпали женщины и дети. Их было немного, и Рашид расстроился.

— А где же остальные? — спросил он.

— Остальные? Кто погиб, кто умер прошлой зимой от голода, кого звери загрызли, кого

увели в плен солдаты Симеиза. Мало у тебя людей осталось. Но теперь надежда есть — вернулся принц, вернется и жизнь.

В самой большой каменной хижине они уселись на войлочные коврики.

— А где же твой дворец? — спросил Икар.

— Ах, ты не знаешь, Икарчик, — сказал Рашид. — Мой дворец теперь принадлежит тирану.

— Какое безобразие! — сказал Икар. — А сестра у тебя красивая?

— Самая красивая девушка в Крыму.

— Мало ли кого можно назвать красавицей!

Рашид обиделся:

— Клянусь тебе... да что клятвы! Верный Волк, есть у нас еще портреты Гюль-Гюль?

— С большим удовольствием, — сказал Верный Волк, — сейчас достану.

И пока женщины разносили блюда со скромной крымской едой, он принес небольшой, сделанный красками в самом Иране портрет принцессы.

— Конечно, — сказал Верный Волк, протирая портрет волчьей шкурой. — Конечно, он не может передать живости и непосредственности этого лица, но тем не менее похож...

— Как вылитая, — всхлипнула кормилица Фатима.

— Похож... — повторили все местные жители, что набились в комнату.

И когда они замолчали, все услышали короткий глухой стук.

Это упал, ударившись о ковер затылком, великий герой Крита, воздухоплаватель Икар.

И когда его откачали и отпоили мятным чаем, он попросил портрет снова и, покрывая его страстными взглядами, возопил:

— Это невероятно! Она прекраснее богини Геры!

Раздался грохот, земля зашаталась, с потолка посыпалась штукатурка.

— Нет! — вскричала Алиса, вскакивая на ноги. — Нет смертной девушки, которая могла бы сравниться с Герой, а также с Афродитой, Венерой, Деметрой и рядом других богинь.

— Ты о чем? — спросил Рашид.

— Она права! — закричал попугай, прыгая по подушкам. — Нельзя злить богинь — это никогда хорошо не кончается.

Землетрясение улеглось, Икар успокоился.

— Я не хочу тратить времени даром, — сказал Рашид. — Я пойду к князю Симеизу.

— Я с тобой, можно? — спросила Алиса.

— И я! — закричал Икар.

— А без меня тебе туда и соваться нечего, обдерут как липку, — предупредил попугай.

Глава 13. Хитрый Симеиз

В замок к Симеизу отправились всей честной компанией. Впереди топал Верный Волк, он нес копье и шуровал им под кустами — не спрятались ли там змея или прыгучий скорпион.

Затем два воина несли на носилках сундук с драгоценностями.

За ними следовал Рашид, который надел по этому случаю чалму, праздничный халат, обмотал себя поясом длиной в сто шагов, отчего казался втрое толще обычного, и это ему нравилось.

— Таким, — сказал он Алисе, — я стану, когда займу трон. Настоящий султан должен быть солидным.

Толстая кормилица Рашида Фатима проводила их до горы. Дальше им с Верным Волком пути не было, на прощание она вздохнула:

— Ну, совсем исхудал, совсем жирка на мальчике не осталось.

— Молчи, старуха! — закричал сверху попугай, который неровными кругами носился над процессией. — Я его еще заставлю спортом заниматься. Он у меня еще станет настоящим разбойником!

— Ну что вы говорите, уважаемая птица! — отвечала кормилица. — Мальчик у нас — сиротка, а сиротки должны хорошо питаться.

Следом за Рашидом по дорожке шли Алиса с Икаром. Икар норовил выйти вперед, потому что считал себя героем, а Аладдин в его глазах был просто мальчишкой. Но ссориться с ним не хотел, он знал, что Аладдин состоит в друзьях с попугаем и Рашидом, порой вздыхал и повторял:

— Ах, что будет, когда папа узнает о моем решении жениться на простой крымской княжне? Он меня проклянет. За мной, знаете, ухаживали многие принцессы с великих островов — Пафоса, Какоса, Макоса и Ньюфаундленда.

Перед воротами в замок «Ласточкино гнездо» стояли два воина в кольчугах и высоких железных шлемах. Мост был поднят.

Попугай взлетел повыше и крикнул:

— Эй, там, в «Ласточкином гнезде», принимайте гостей!

Алисе сразу представилась сказка из тех, что ей приходилось видеть в детстве. Открываются двери таинственного замка, и страшный злодей в черном балахоне и черной короне протягивает горящий жезл, отчего все вокруг замирают или вообще превращаются в каменные статуи.

На крик попугая воины даже не вздрогнули, лишь повели глазами.

Зато внутри замка что-то зажужжало, зашуршало, и наконец раздался скрипучий голос:

— Заходите по одному. Оружие складывайте у дверей. И не пытайтесь обмануть моих стражей. В первую очередь это касается попугая.

Ворота со скрежетом растворились.

Двор замка был ухожен, дорожки посыпаны песочком, они вились между клумб, на которых нежились скромные, изящно подобранные цветы, а над ними вились пчелы и порхали бабочки.

Сам замок изнутри был побелен, а наличники окон покрашены в приятный зеленый цвет.

Перед ними оказалась невысокая дверь.

— Вот тут и живет этот скорпион, — сказал Рашид.

Дверь широко открылась, и появился пожилой человек в бархатном халате и высоком красном колпаке, на босых ногах у него были войлочные туфли. Руки хозяин замка сложил на круглом животике.

— И кто же это из нас скорпион? — спросил он.

— Вы и есть скорпион, Симеиз Разгальдович, — заявил Рашид. — И не пытайтесь ввести в заблуждение моих друзей. Они и вправду могут подумать, что вы добрейшее существо во всем Крыму.

— И не только в Крыму, я бы сказал, во всем мире, если бы память о вашем покойном папеньке и вашей покойной маменьке не останавливала меня напоминанием: «Ты не прав, Симеиз! Опомнись, мы были лучше тебя!»

Заходите, — продолжал Симеиз, — угощать мне вас нечем, времена у нас неурожайные, но газированной минеральной водички могу предложить в изобилии. Прощу.

Они попали в кабинет, уставленный книжными шкафами, посреди него стоял большой письменный стол, заваленный бумагами, там же возвышался старинный микроскоп, который во времена легенд, конечно же, еще не был изобретен.

— Располагайтесь, располагайтесь в приюте горного отшельника, — произнес хозяин замка.

Алиса лучше рассмотрела его — у Симеиза было розовое лицо и такая же розовая лысинка, окруженная венчиком седых волос. Нос у Симеиза был пуговкой, уши круглые, большие, и росли они поперек головы. Ни бороды, ни усов у князя не оказалось.

— Нам некогда, — твердо сказал Рашид. — Мы принесли выкуп.

— Ах, этого не может быть, — ответил Симеиз. — Такую сумму нельзя заработать честным путем, да и бесчестным трудно.

— Эй, тиран! — крикнул хрипло попугай. — Тебе денежки нужны или поговорим иначе?

— Поговорить всегда важнее.

— Ребята, — приказал попугай, — бери ящик, пошли назад. Как он наговорится, пускай крикнет погромче, мы, может, вернемся, а может, другого мудреца найдем.

— Могилка! — взмолился Рашид.

— Я тебе не Могилка, а Аль-Могила, и еще неизвестно, мавританский ли граф или просто испанский. И жизненного опыта у меня в сто раз больше, чем у тебя, мальчишка! Ты погляди на него — у него же ручки трясутся, как хочется на наши деньги лапы наложить.

— Замолчи, презренная птица! — закричал Симеиз. — Сейчас прикажу тебя в суп пустить.

— Для меня еще кастрюля не заготовлена, — ответил попугай, но на всякий случай взлетел наверх и уселся на книжный шкаф.

— Попугай, ты не прав, — решительно заявил Икар. — При всем моем желании как можно скорей жениться на Гюль-Гюль, я считаю, что птицам не положено разговаривать так с благородными людьми. Каждый должен знать свое место.

— Тогда и людям нечего делать в нашем небе, — ответил попугай. — Ты чего полез в небо? Если бы не я — конец тебе бы пришел.

— Ах, как интересно, — сказал Симеиз. — Какая любопытная беседа. Кстати, мне давно хотелось спросить, сколько фунтов золота в этом сундучке?

— Двадцать фунтов чистого золота в монетах и драгоценных камней, — твердо сказал

Рашидик. — Все проверено.

— И я проверяла по просьбе Рашида, — сказала Алиса.

— Кто проверяла?

— Извините, я хотел сказать — я проверял!

— Ох, не люблю я все эти переодевания! Мальчик, скажи мне, ты случайно не девочка?

— Перестань, старикашка! — закричал попугай. — И не смей смотреть так на моего друга Аладдина. Закляю!

— Я пошутил, пошутил, — быстро ответил Симеиз. — Ставьте сундук на стол, принесите сюда десять медных тазов, я буду считать деньги.

— Может, потом посчитаешь? — осведомился попугай. — Мы с тебя сдачу требовать не будем.

— И в самом деле, скажите нам тайну, — потребовал Икар. — И мы уйдем.

— Если бы я был простым деспотом и горным колдуном, — ответил Симеиз, — конечно, я бы сказал, и вы бы ушли. Но вы же видите, что я образованный человек, много читаю, изучаю инфузорий и всякую морскую мелочь, жду не дождусь, когда родятся Ньютон и Ломоносов, чтобы с ними в переписку вступить.

Говорил он мягко, гладко, а глаза у него были лживые и недобрые. Воины внесли стопку мисок. Симеиз принялся вынимать из шкатулки монетки по штучке и кидать их в миски. Такой счет должен был занять немало времени.

Алиса пошла вдоль книжных полок.

Она приоткрыла книжный шкаф и попробовала снять с полки книжку. И ничего из этого не вышло, потому что все переплеты были склеены между собой, а за ними обнаружилось пустое пространство, заставленное статуэтками нимф, наяд, богинь, сирен и всяких других раздетых красивых женщин.

Симеиз заметил, что Алиса нечаянно открыла тайну его «учености», и с отчаянным криком кинулся к полке. Он вырвал у Алисы крышку из переплетов, поставил на место, захлопнул стеклянную дверцу шкафа и сказал:

— Настоящее знание показывается только настоящим ученым, а наглым мальчишкам никогда не увидеть света истинного знания. Так что убирайся из комнаты, пока тебя не сбросили со скалы!

— Уважаемый сосед, — сказал тогда Рашид, — мы в Крыму не одни. За каждым нашим шагом следят люди. И люди знают цену вашему слову. Хотите доживать свою жизнь в стыде и позоре — ваша воля.

— Ладно, ладно, — отмахнулся Симеиз. — Я вот со счета сбился. Придется сначала начинать.

— Не надейся! — крикнул попугай. — Я знаю. В сундуке лежит три тысячи четыреста сорок монет, не считая драгоценностей.

— А если чего-то не хватает, даю вам слово, — сказал Рашид, — что я привезу недостающие деньги в течение года.

— Давайте лучше тут нахулиганим, книги порвем, вазы разобьем, стулья поломаем! — не унимался попугай. — Он как шелковый станет.

— Я пошутил! — испугался Симеиз. — Я давно хотел все рассказать! Принцесса заколдована отравленным яблоком. Она откусила его и погрузилась в вечный сон. А чтобы ее никто не потревожил, она спрятана в пещере. Там она лежит на хрустальном ложе и ждет рыцаря, который ее разбудит поцелуем.

— Это буду я! — крикнул Икар.

И поцеловал портрет Гюль-Гюль.

— Нет, — возразил Симеиз. — Поцеловать можно, только любя всем сердцем. Она от этого проснется. А если это просто увлечение, пустяк — то и не шелохнется.

— Но я же все равно на ней женюсь! — крикнул Икар.

— Пожалуйста, — ответил колдун. — Но сначала она должна проснуться.

Тогда Рашид сделал шаг к столу, протянул руку и сказал Симеизу:

— Ключ!

Симеиз вздохнул и открыл ящик письменного стола. Там лежал небольшой медный ключ. Он кинул его Рашиду, тот повернулся и быстро вышел из комнаты.

— Поищи, поищи! — крикнул вслед Симеиз. — У тебя впереди вечность!

Алиса побежала за Рашидом.

— Ты в самом деле знаешь, где пещера? — спросила она.

— Найдем! — прохрипел попугай. — Недаром мы все моря проплыли. Да чтобы паршивой пещеры не найти — быть того не может!

Глава 14. В тайной пещере

Рашид вышел во двор замка и осмотрелся.

Попугай ходил кругами и постукивал костылем.

— Чего мы здесь ждем? — спросил Икар. — Время идет впустую!

— Погоди, — сказал Рашид. — Мы с Могилкой думаем.

— Аль-Могилла думает, — поправил его попугай.

— Надо отправляться в горы! Пещеру надо искать в горах, — настаивал Икар.

— Ты ищи в горах, — сказал попугай, — а я здесь погляжу.

— Почему? — спросила Алиса.

— Эх, Аладдин, Аладдин, не знаешь ты людей, — вздохнул попугай. — Ведь князь Симеиз хочет все время пещеру держать под прицелом. Мало ли что случится. Что он, в горы побежит проверять, хорошо ли замки и засовы стерегут принцессу? Нет, он держит принцессу под рукой, чтобы каждое утро заглядывать туда.

— Попугай прав, — сказал Рашид, — я тоже так думаю. Надо только догадаться, как он эту пещеру замаскировал.

Алиса сразу включилась в эти поиски.

— Может, на кухне? — спросила она.

Заглянули туда, но никакого хода из кухни не нашли.

— Может, в подвале под башней, где котельная?

Заглянули в котельную. И там пещеры не было.

— А это что такое? — спросил попугай.

Он постучал костылем в небольшую дверцу, на которой была прибита табличка:

«СКЛАД крупы, муки и сахара.

Вход строго воспрещен».

Рашид подошел к двери, попробовал, и оказалось, что ключик замечательно подошел к замку.

— Нет там никого! — закричал Симеиз, высовываясь из окна на втором этаже.

Рашид его не послушался, шагнул в пещеру и прошел вглубь, протискиваясь между мешками с крупой и сахаром.

В глубине склада, вырубленного в скале, они увидели еще одну дверь. Она была не заперта, а только закрыта на засов. Внутри горели керосиновые лампы и было светло.

Рашид первым вошел внутрь.

Потом все остальные.

И странная, удивительная картина открылась их взорам.

Посреди пещеры стояла хрустальная кровать с шелковым матрацем и пуховыми подушками. На кровати безмятежно спала красивая девушка, удивительно похожая на Рашида — и брови такие же, и нос, и рот.

У ее ног, прямо на каменном полу пещеры, спал еще один человек.

Красивый, усатый и смуглый.

— Синдбад! — закричала Алиса. — Синдбад Мореход! Я тебя нашла! То есть я тебя нашел! Просыпайся!

Никто не проснулся. Ни княжна, ни Синдбад.

Лишь дикий хохот волшебника Симеиза донесся сзади. Оказывается, хозяин замка тоже прибежал в пещеру.

— Сейчас узнаем, — сказал попугай, — главное — добыть свидетеля. Всегда есть свидетель, надо только его схватить и выкрутить ему руки!

Тут послышался слабый писк, и все увидели, что попугай стоит на выступе стены и держит за круглое ухо небольшую летучую мышь.

— И что же мы видели? — спросил попугай таким ледяным голосом, что даже Алисе захотелось провалиться сквозь землю. Все же за триста лет он поднабрался жестокости.

Мышь спросонья била крыльями, попискивала и никак не могла сообразить, чего же от нее требует такая страшная хромая птица.

— Ты здесь живешь? — спросил попугай.

— Чего? — не поняла мышь.

По крайней мере, она умела разговаривать. Существа, жившие в эпоху легенд, обычно могли разговаривать, но среди них встречались и безмолвные, — например, грибы и головастики. Зато лягушки, яблони и груши говорить умели и любили.

— Давно здесь скрываешься? — спросил попугай.

— Всегда, — сказала мышь. — Я живу здесь.

— И помнишь, как принцессу заколдовали?

— Конечно, помню, — ответила мышь. — Только не делайте мне больно. Еще два года назад волшебник Симеиз сюда ее принес, дал ей яблоко и запер дверь. Ну, думаю — заморит ее голодом. Да отпустите вы меня — никуда я не улечу, тоже мне, орел выискался! — крикнула мышь.

— Ладно, ладно, — проворчал попугай и отпустил пленницу.

Мышь поправила помятое ухо и продолжала:

— Девица поплакала, поплакала, а потом взяла яблоко и откусила. Я хотела ее предупредить, что яблоко, вернее всего, заколдованное, знаете ведь, как это бывает в сказках?

Все согласно кивнули.

— Но разве княжна послушается жалкую мышку?

— Откусила? — воскликнул Рашид. — Кусочек откусила?

— Целый кусище, — ответила летучая мышь. — А потом, как и положено, пошатнулась и рухнула на хрустальное ложе...

— А дальше что было? — спросила Алиса. — Как там очутился Синдбад? Почему он тоже спит?

— Дело житейское, — ответила летучая мышь.

Ей нравилось быть в центре внимания, она спрыгнула на пол и расхаживала среди людей, что было не по нутру попугаю, который постукивал костью по камню, как будто стрелял из пулемета.

— Этого, который здесь валяется, сам господин Симеиз привел. «Вот, говорит, вы сказки собираете, такой сказки вы еще не видели. Лежит княжна, спит вечным сном, я знаю секрет, как ее оживить. Догадаетесь — красавица ваша». А этот самый, который спит, отвечает: «Большое вам спасибо за предложение, но у меня дома осталась жена по имени Шехерезада, женщина несравненной красоты и невероятных достоинств. Я ее не променяю даже на сто иностранных принцесс. Ради нее я путешествую по свету, собираю сказки, а она их рассказывает шаху, у которого работает сказочницей». — «Хе-хе-хе, — говорит тогда мой

сосед Симеиз, — знаем мы, какая она у него сказочница и какие они там сказки рассказывают». Тогда вот этот, что лежит на полу, страшно рассердился и кинулся на господина Симеиза. А господин Симеиз — скользь в дверь и захлопнул ее за собой. Тогда этот самый...

— Синдбад! — сказала Алиса. — Сколько раз тебе повторять! Его зовут Синдбад Мореход, и он мой друг!

— Тогда этот Синдбад побегал по пещере, постучал в дверь и опечалился. Сел на пол и принялся думать. Вдруг видит — лежит на полу яблочко, от которого княжна откусила. И говорит так печально: «Известен лишь один способ оживить принцессу — поцеловать ее! Но меня этот способ не устраивает, потому что я женат». И вот в такой печальной задумчивости Синдбад откусил от яблочка, потому что ему очень хотелось пить. И некому было его предупредить...

— Он откусил от яблока! — ахнула Алиса.

— Вот именно. И заснул вечным сном рядом с княжной Гюль-Гюль.

Все замолчали.

Гнетущая тишина воцарилась в темной пещере. Тени скользили по стенам и потолку. Было страшно.

— Что же будем делать? — спросил попугай.

— Надо их целовать, — сказал Икар. — Мы сейчас всех перецелуем...

— Не получится, — сказал Рашид. — Целовать надо нечаянно, от чистого сердца. Не зная, что из этого получится.

— И все же я попробую, — сказал Икар и направился к хрустальному ложу.

Рашид встал у него на пути.

— Не смей целоваться с моей сестрой! — пригрозил он. — А то останешься без головы.

— Рашид даст тебя мне на растерзание, и останешься без головы, — сказал попугай.

— Да я не просто так, я жениться хочу, — сказал Икар.

— Пока что о женитьбе и речи быть не может, — сказал попугай, — потому что если она не проснется, то получится целование без просыпания.

— Но ведь надо попробовать, — требовал Икар. — Может, нас обманывают.

— А кто будет Синдбада целовать? — спросила Алиса.

— С ним потом разберемся, — сказал Икар и наклонился к принцессе.

Он нежно поцеловал ее в щеку. И ничего не произошло.

— Щека у нее прохладная, — сказал Икар, — почти холодная.

— Еще бы, — сказал попугай, — летаргический сон.

Зато Икар, как юноша чувствительный и нежный, после этого поцелуя закатил глаза и упал без чувств рядом с Синдбадом Мореходом.

— С ума сойти, что за картинка! — сказал попугай. — Такого ни в одной сказке не придумаешь. Давайте я их клюну как следует — сразу проснутся.

Тут все рассмеялись, даже летучая мышь запищала от хохота. Попугай кинулся было за ней, да не догнал.

— Могилка прав, — сказал Рашид. — Где вы слышали о том, чтобы витязь пришел к спящей красавице, сам откусил от заколдованного яблока и заснул мертвым сном? А второй поцеловал красавицу и грохнулся в обморок?

— Тоже мне, Синдбад Мореход! — буркнул попугай. — Яблоки любит, свою жену любит, а чужих принцесс не любит!

Все отсмеялись, и наступила тишина. Думали, что делать дальше.

И вдруг все услышали из-за мешка с крупой и сахаром шорох, потом раздался громкий щелчок. Затем наступила тишина.

— Рашид, — спросила Алиса. — Ты ключ от двери с собой взял?

— Кажется... — сказал Рашид, — кажется, я его оставил в двери...

И кинулся через склад к двери.

К сожалению, опасения оправдались. Дверь была заперта снаружи.

Тут как раз пришел в себя Икар.

— Разойдитесь! — крикнул он. — Сейчас я всем покажу! Больше вы не посмеете надо мной смеяться.

Он бросился на дверь, как бык на красную тряпку, отлетел от нее, упал на мешок с сахаром, схватился за ушибленное плечо и обиженно произнес:

— Ну почему никто не предупредил меня, что дверь железная?

Ему никто не ответил.

А Рашид печально произнес:

— Обидно погибать в одном сантиметре от цели!

— погоди, погоди, — сказал попугай Могилка. — А как ты, летучая мышь, сюда прилетаешь и отсюда улетаешь?

— Вам не выбраться. Тут есть ход, но он такой узкий, что только летучие мыши и тараканы могут им пользоваться.

Все снова загрустили. Кроме попугая.

— Где пройдет летучая мышь, — сообщил он, — там пролетит стальная птица. Стальная птица — это я, закаленный в боях пират из попугаев. Показывай мне дорогу, Мандалай!

Зашуршали крылья, и послышался далекий голос летучей мыши:

— Здесь вам узко будет, вы костылик уберите.

— Без костыля я не воин, — ответил попугай. — Ничего, попробемся.

И наступила гробовая тишина.

Глава 15. На воздушном шаре

Было так тихо, что стало слышно, как похрапывает во сне Синдбад Мореход и потрескивает факел.

— В крайнем случае будем рыть подземный ход, — сказал Рашид. — Мы будем рыть отсюда, а Верный Волк и кормилица будут рыть с той стороны.

— Если Симеиз им разрешит, — заметила Алиса.

— А я больше надеюсь на моего папу. Он уж, наверное, узнал, что я спасен и меня пора выручать, — сказал Икар.

— А как он мог узнать?

— Пегас меня видел? Видел. Туземцы меня видели? Видели. Птицы и те моему отцу сообщат. Возможно, он уже подлетает.

Алиса подумала, что никто не знает, где она, даже родители, потому что она на особом задании. Но комиссар Милодар наверняка о ней думает.

Неожиданно заскрипела дверь.

Все обернулись к ней.

Дверь никак не открывалась — словно кто-то тянул за нее, но не мог открыть.

Алиса первой подбежала к двери и навалилась на нее. Дверь подалась легко. Оказывается, с той стороны за ручку тянул попугай Могилка, который выбрался наружу и повернул ключ. Повернуть-то повернул, а открыть силы не хватило.

— Ура! — закричали все хором. Спящая княжна, не просыпаясь, отмахнулась от этого крика, как от комара.

— Как ты достал ключ? — спросил Рашид у своего друга.

— Проще простого. Вы не осудите меня за то, что я совершил кражу?

— Нет, мы тебя не осудим, — ответил за всех Рашид.

— Ключ лежал на письменном столе этого злодея, — сказал попугай. — Он меня даже не заметил.

— А где Симеиз? — спросил Рашид.

— Послушай, — ответил попугай.

Все замолчали. И слышно было, как со второго этажа замка раздается тихий звон и затем бормотание: «Шестьсот семьдесят два, шестьсот семьдесят три, шестьсот семьдесят четыре, шестьсот семьдесят пять...» Симеиз считал монеты!

— Обратно! — приказал Рашид. — В пещеру. Будем держать совет.

— Что будем делать дальше? — спросила Алиса.

— Разбудим и убежим, — предложил Икар.

— Нам их не разбудить! — воскликнул Рашид.

— Тогда зови своих людей, — сказал Икар.

— Но двери в замок Симеиза заперты. Как сможет Верный Волк и городской люд пробиться сюда? Да и не вытащить нам спящих...

— Все, кто хочет уйти, — свободен, я никого не удерживаю, — печально произнес Рашид. — А я останусь возле сестры.

— Не говори чепухи, — ответил попугай. — Никто не бросит тебя в беде.

Они сидели и все вместе размышляли. В конце концов они доразмышлялись до того, что будут ждать ночи и в темноте попробуют незаметно перелезть через стену.

Но дождаться темноты им не удалось, потому что во дворе замка раздались крики.

— Где ключ? — неистовствовал Симеиз. — Я всех в лягушек превращу!

Еще секунда, и он догадается, что случилось. Так и есть. Он кинулся между клумбами к складу.

— Открыто! — закричал он. — Открыто моими ключами!

— Ничего не остается, — сказал Рашид, — как идти на бой.

Он вышел из двери в подвал, размахивая кинжалом.

— Стража! — перепугался Симеиз. — Стража! Зарубите его. А то он сделает мне больно.

Со всех сторон сбежались воины. И тут во дворе замка потемнело. Будто большое облако опустилось с неба. От страха воины попадали на землю, а Симеиз залез в копну сена. И лишь Алиса знала, как называется та большая круглая штука, что медленно опустилась на замок «Ласточкино гнездо».

Это был воздушный шар. Совершенно первобытный, только что изобретенный, склеенный рыбьим клеем из рыбьих и акульих кишок.

К шару была привязана плетеная корзина. С одной стороны из корзины высовывался пожилой носатый мужчина с лавровым венком на голове. С другой — уже знакомая Алисе краснощекая толстая кормилица Рашида по имени Фатима.

— О, мой отец! — закричал Икар и побежал к шару. — Ты великий изобретатель нашего времени! Ты изобрел новые крылья, которые могут поднять наверх нас всех.

— Что-то вас очень много! — закричал в ответ воздухоплаватель Дедал. — Но я все равно рад тебя видеть.

— И не пытайся бросить в беде моих друзей! — крикнул Икар. — Мы летим или все вместе, или остаемся все вместе на мучительную смерть.

— Но почему я должен спасти совершенно чужих людей? — спросил Дедал.

— Во-первых, они сами меня спасли, когда ты махнул крыльями и улетел. Во-вторых, я люблю девушку, которая спит в этой пещере, и намерен на ней жениться.

— Сначала я должен познакомиться с родителями невесты, узнать, какое у нее приданое, а потом уж будем решать все в семейной кругу.

— Отец, ты всегда был эгоистом. Для тебя не существует людей — тебе бы только прославиться!

Пока шла эта перепалка, Симеиз опомнился, вылез из сена и приказал своим воинам зарубить пленников. Воины побаивались Рашида и Икара, не говоря уж о воздушном шаре, который висел над их головами. Поэтому они производили много шума, махали саблями, громыхали щитами, но вперед не шли.

— Дедал, — сказала тогда Алиса. — Вы любите золото?

— Каждый настоящий ученый любит золото, — ответил Дедал. — Будь у меня много золота, я бы построил дирижабль из китовой шкуры.

— Если мы вам дадим сундук с золотыми монетами, у вас в корзине найдется место для всех нас?

— Мне надо проверить.

— Эх, — сказал Икар. — Как жаль, что мой папа спешит разбогатеть. А ведь он талантливый изобретатель.

— Помолчи, мальчишка! — крикнул Дедал.

— Я молчу, — сказал Икар, — потому что я уже утонул. Но люди, которые вытащили меня из воды, никогда не спрашивали, сколько я им за это заплачу.

— Покажи золото! — крикнул Дедал Рашиду.

Рашид кинулся по лестнице на второй этаж, в кабинет Симеиза, а Симеиз побежал за ним с криком:

— Это грабеж! Это мое золото!

— Вы называете это грабежом? — крикнул вслед Симеизу Икар. — Я на любом суде могу подтвердить, что вы взяли у нас сундук с драгоценностями, а в благодарность заперли нас в пещере! Вы обманщик и злодей, господин Симеиз!

Воины перестали размахивать мечами, а Дедал опустил свой шар пониже, чтобы корзина была вровень с подоконником окна на втором этаже.

Рашид подтащил к окну сундук и поставил его на подоконник. Он открыл крышку, и Дедал смог убедиться, что там в самом деле лежат золотые монеты.

— Везешь или нет? — спросил Рашид.

Алиса снизу видела, как загорелись глаза у изобретателя.

— Эх, была не была! — крикнул он и протянул руки.

Корзина наклонилась. Дедал вцепился в сундук, но в этот момент Симеиз оттолкнул Рашида и схватился за другой край сундука. Сундук накренился, и из него золотым водопадом посыпались во двор замка монеты. Дедал тянул сундук к себе, Симеиз к себе, а воздушному шару, видно, надоело качаться над самой землей, и он взмыл вверх.

— Ох! — закричали все хором.

Потому что увидели, как за открытую крышку сундука держится Симеиз, а его ноги болтаются над бездной. С другой стороны сундук держит Дедал, свесившись над краем корзины.

Не успел шар улететь далеко от замка, как случилась беда: Дедал перевалился через край корзины и полетел вниз, а за ним полетел сам сундук и злобный Симеиз.

Их отчаянный вопль донесся до замка.

А воин, который стоял на башне, доложил оттуда:

— Они бухнулись в воду!

— Я не хочу, чтобы мой папа утонул. Может, он неважный отец, но изобретатель знаменитый! — закричал Икар.

— Они плавают и держатся за сундук! — сообщил часовой.

— Ничего с ними не случится, — сказал Рашид. — Разве что охладятся немного. Жалко только нашей с тобой добычи, Могилка.

— А ты не жалея, — сказал хриплым голосом попугай. — Я знаю, где наши деньги!

— Где? — спросил Рашид.

— Прикажи всем воинам и слугам Симеиза выстроиться у стены, — сказал попугай.

Рашид приказал им выстроиться. Воины отказались, некоторые даже пытались сопротивляться и махали своими саблями. Но с ними быстро справились. Они поняли, что раз старого хозяина нет, то лучше слушаться новых!

Когда воины и слуги выстроились, попугай, прихрамывая, пошел вдоль строя. Он останавливался перед каждым и говорил:

— Вот ты, рыжий, спрятал сто шестьдесят две монеты. Из них восемьдесят в поясе, тридцать за пазухой, а остальные в сапогах.

Затем переходил к следующему и сообщал скрипучим голосом:

— А ты у нас чемпион. Двести сорок монет, два жемчужных ожерелья и сорок колец с изумрудами.

— Это клевета! — кричал воин.

— Сам отдашь или заклевать тебя? — спрашивал попугай.

И очередной воин сдавался. Рашид расстелил на земле скатерть, и скоро на ней уже сверкала гора золота и драгоценностей.

Алисе эта операция наскучила. Ее куда больше волновало, как выбраться отсюда и вызволить Синдбада.

И вдруг опять потемнело.

Неужели?

Да, над замком снова снижался воздушный шар. Но ведь Дедал плавает в море!

Шар медленно опустился посреди двора, и все увидели, что в корзине сидит кормилица Рашида, толстая Фатима. О ней-то все забыли!

— Когда ты научилась управлять шаром? — удивился Рашид.

— А я смотрела, как Дедал это делает. Ты что думаешь, женщины глупее мужчин? Залезай в шар, — сказала Фатима.

— А шар выдержит нас? — спросил Икар. — Ведь папа возражал.

— Если шару будет тяжело, он не поднимется или сразу опустится, — сообразила Фатима. — Давайте попробуем.

С помощью воинов из пещеры вынесли Синдбада и принцессу Гюль-Гюль. Их положили в корзину шара. Затем забрались остальные. Рашид загащил и скатерть, в которую были завернуты монеты и драгоценности.

— Полетели! — сказал Икар, который командовал полетом как сын воздухоплователя.

Шар с трудом оторвался от земли и повис в воздухе. Выше он подниматься не желал.

— Надо скидывать балласт, — сказала Алиса.

Но никакого балласта в корзине не было.

— А золото? — напомнила Алиса.

— Ты с ума сошла? — рассердился попугай. — Да я за него жизнью рисковал.

— Дорогой Аль-Могила, — сказала Алиса. — Золото тебе нужно было, чтобы выкупить княжну. Зачем оно теперь?

— Золото всегда нужно! — ответил попугай. — Я построю на него дворец.

— А принцесса останется спать?

— Выспится — проснется, — нагло заявил попугай. — А не проснется, Мандалай, пускай спит.

— Я этого не допущу! — закричал Икар. — Я требую, чтобы принцессу везли в Багдад, там есть настоящие волшебники и доктора.

— А ты как думаешь, Рашид? — спросила Алиса.

— Я думаю, что ты прав, Аладдин, — сказал Рашид.

— Бог с ними, с деньгами, — вздохнула Фатима, — были бы все здоровы, а деньги мы заработаем.

И тогда Алиса высыпала из скатерти золото вниз, во двор замка, и воины и слуги бегали и прыгали под золотым дождем, как дети, хватая монеты.

А воздушный шар постепенно набрал высоту и направился в сторону моря.

Шар медленно летел над берегом и никак не мог подняться выше. И тут они увидели, как из моря выходит мокрый и несчастный изобретатель Дедал. За ним подплывает Симеиз.

Увидев шар, Дедал замахал руками и закричал:

— Снижайтесь! Возьмите меня.

Все посмотрели на Икара.

— Прости, папа, — сказал Икар. — Но ты отказался увезти моих друзей, как же я могу сейчас выгнать их из воздушного шара?

Икар покраснел, потому что был послушным сыном и никогда еще не осмеливался так разговаривать со своим строгим отцом.

И тут послышался тихий голос Фатимы.

— Простите, — сказала кормилица, — но мне совершенно нечего делать в вашем Багдаде. У меня с утра белье замочено, грядки недополоты. Если можно, я тут сойду.

Шар снизился у самой воды, кормилица расцеловалась со своим Рашидом и приказала ему строго-настрою, чтобы он вылечил сестренку и скорее возвращался домой. Вместо нее в корзину влез сердитый Дедал.

— Без меня улететь хотели, — ворчал он, — без великого ученого! Наука вам этого не простит.

Симеиз стоял в стороне, грозил шару кулаком, но приблизиться не смел. Без воинов он был не такой смелый.

На этот раз шар сразу оторвался от земли и легко полетел через Черное море, а потом над горами и пустыней направился в сторону славного города Багдада.

Когда шар поднялся выше облаков и гордо плыл на юг, все постепенно успокоились, лишь Икар не отрывая глаз смотрел на спящую Гюль-Гюль да попугай ковылял по борту корзины и бормотал:

— Такие деньги, Мандалай, выкинули! Нет смысла в жизни!

— Скажи, пожалуйста, Могилка, — спросила Алиса, — а что это за странное слово «Мандалай», которое ты так часто произносишь? Это иностранное ругательство?

— Ах, какая ты необразованная! — возмутился попугай. — Мандалай — это сказочный город в далекой стране Бирме, где я имел счастье родиться триста лет назад. О, Мандалай, Мандалай, жемчужина Востока!

Глава последняя. Все проснулись

Летели долго. Прошла целая ночь, прежде чем на горизонте показались широкая река и могучие стены Багдада.

Шар пролетел над домами и дворцами, и Алиса показала, где опускаться, — у стоящей за городской стеной уединенной усадьбы, которая была окружена глинобитной стеной.

Шар медленно опустился у ворот в усадьбу, подняв тучу песка и пыли. Закричал осел, закудахтали куры, залаяли собаки, дверь открылась, и в ней показался волшебник Оох.

— Ранние гости, — сказал он, протирая глаза. — Я наколдовал, что вы прилетите к полудню, а вы поспешили.

— На рассвете лететь приятнее, — ответил Рашид и поклонился волшебнику. Хоть он никогда не встречался с Оохом, он сразу догадался, что перед ним настоящий могущественный волшебник.

— Заходите в дом, — пригласил волшебник. — Если не ошибаюсь, то судьба свела меня с великим изобретателем воздухоплавания Дедалом и его сыном Икаром.

— Вот мой сын Икар, — сказал Дедал.

— Здравствуйте, — сказал Икар, — но я так и не полюбил летать. Мне очень хочется жениться.

Слуги вынесли из корзины спящих Синдбада и Гюль-Гюль, и все остальные прошли в большую теплую комнату, где напились чаю с такими свежими лепешками, словно их еще не начинали печь.

Пока завтракали, все наперебой рассказывали о своих приключениях.

И когда кончили, волшебник Оох, один из одиннадцати главных Магов Востока, произнес:

— Все ваши проблемы решаются легко. Кроме одной. Это проблема сонного яблока. Вы привезли мне хоть огрызок его?

— Эх, в голову не пришло! — воскликнул попугай. — А ведь должен был догадаться. Как же я так опростоволосился!

— Вот именно, — сказал волшебник Оох, — возраст еще не основание для мудрости.

Он подошел к спящим.

Княжна Гюль-Гюль и Синдбад лежали рядом на низких диванах, и лица их были спокойны.

— Эх, как странно в жизни бывает, — сказал попугай. — Если бы Синдбад взял и поцеловал девушку, все были бы живы и здоровы.

— Ничего бы не вышло: он любит Шехерезаду, — напомнила Алиса.

— Мы бы ей не сказали, — ответил попугай.

— Иногда мне хочется тебе голову отвертеть, — сказал Рашид. Попугай обиделся и взлетел на шкаф.

— Наверное, придется тебе всех волшебников собирать, — сказала Алиса. — Это называется консилиум.

Вдруг снаружи раздались крики, портьера, которая прикрывала дверь в комнату, отлетела в сторону, как боевое знамя, и в дверях показалась женщина изумительной красоты.

Это была Шехерезада.

— Где Синдбад? — закричала она. — Где вы его скрываете?

Она увидела на диване своего мужа и кинулась к нему.

Она стала покрывать его горячими поцелуями, и минуты через две он открыл глаза и сказал:

— Ну что ты, Шехочка, люди же смотрят.

— Где ты был? Где тебя носило почти два года? — спросила Шехерезада. У нее быстро менялось настроение. И если всего три минуты назад она трепетала от ужаса, то теперь уже успокоилась и даже начала сердиться.

Синдбад сел на диване и сказал:

— Я привез тебе сорок две новые сказки. Я старался.

— А еще чем ты занимался?

— Он лежал в пещере, — сказал попугай, — вон с этой девушкой.

— Вдвоем? В пещере? С девушкой? И что же они делали? — строго спросила Шехерезада.

— Они спали, — ответил Рашид. — Моя сестра Гюль-Гюль была заколдована и лежала в пещере на хрустальном ложе. А когда ваш супруг пришел в эту пещеру, то, вместо того чтобы поцеловать ее, как положено, он доел заколдованное яблоко и тоже заснул.

Шехерезада тут же успокоилась. Она поцеловала мужа в лоб и сказала:

— Ну и правильно. Иногда лучше отравленное яблоко, чем чужие поцелуи.

— А как ты сюда попала? — спросила Алиса.

— А я просто убежала от Милодара, — сказала Шехерезада. — Антарктида — это место не для меня. Синдбад, пошли домой, дети ждут!

— Пойдите, ханум! — взмолился Рашид. — А как разбудить мою сестренку?

— Как обычно, — сказала Шехерезада, — поцеловать. Неужели здесь нет ни одного влюбленного в нее молодого человека?

— Я! — закричал Икар. — Это я! Я готов!

— Он уже целовал — и ничего не получилось, — сказал Рашид.

— Икар, не слушай их, — сказала Шехерезада, — попробуй еще раз. Я по твоим глазам вижу, что ты уже по уши влюблен.

Икар, пошатываясь, подошел к дивану.

— Может, не стоит? — спросил Дедал. — У нас с тобой такая важная научная работа впереди! А эта девушка иностранного происхождения...

Слова отца как бы подстегнули Икара. Он тут же опустился на колени и поцеловал княжну в розовые губки.

Гюль-Гюль словно ждала этого момента.

— Ну наконец-то, — сказала она, открыв глаза. — Я уж давно слышу все, что вокруг происходит. И думаю — неужели ты все еще не полюбил меня по-настоящему?

Княжна Гюль-Гюль вскочила с дивана, отстранила Икара и кинулась к брату:

— Рашид, ты не представляешь, что ты для меня сделал. Ты самый лучший брат на свете!

— Вот то-то, — попугай смахнул крылом слезу, — а то я уж думал, что настоящих героев никто не заметит.

— Я тебя заметила, — сказала княжна. — Ты будешь жить у нас в доме, у тебя будет большая золотая клетка...

— Только этого мне не хватало! — воскликнул попугай и прыгнул к открытому окну. Он задержался на подоконнике. — Прощайте, друзья! — крикнул он. — Душа бродяги и

разбойника не выдержит золотой клетки. Ваша сказка кончилась, моя — продолжается.

И он вылетел в синее небо. Рашид кинулся за ним, но не успел его остановить.

— Как ты могла так обидеть бродягу и разбойника! — упрекнул он сестру.

— Не расстраивайтесь, Рашид, — сказал волшебник Оох. — Вы с ним еще встретитесь.

— Вот и сказка вся, — сказала Алиса. — Как мне жалко с вами расставаться.

Отдохнув и попрощавшись со всеми, Алиса с помощью волшебника Ооха вернулась к опушке Дремучего леса, где ее ждала кабина времени.

Только она собралась войти в дупло гигантского дуба, как услышала хриплый голос:

— Эй, девчонка, не спеши. Разговор есть.

Алиса обернулась.

На низкой ветке дуба сидел хромой, одноглазый попугай в чалме.

— Ты прилетел проводить меня, Могилка? — спросила Алиса.

— Не совсем так, — сказал попугай. — Дело в том, что я в эпохе легенд испытал уже все опасности и пережил все приключения. Возьми меня в будущее. Я буду жить у тебя, охранять тебя от злодеев, а когда ты полетишь на корабле в космос, я тебе пригожусь. Я же старый бессовестный бандит, но верный друг, Мандалай, забери меня!

Алиса поняла, что за эти дни она полюбила старого разбойника.

— Ну что мне с тобой делать, — сказала она. — Полетели в двадцать первый век. Если тебе не понравится, ты всегда сможешь вернуться обратно.

— Нормально, Мандалай, — сказал попугай и уселся Алисе на плечо. Потом наклонил к ее уху клюв, ущипнул за мочку уха и прошептал: — Но никогда не смей называть меня Могилкой. У меня есть честное имя — Аль-Могила.

— Слушаюсь, Аль-Могила, — повторила Алиса.

Планета для тиранов

Глава 1. У папы пропали голкоры!

Перед Новым годом Алиса получила видеописьмо с планеты Уксу. Когда она вставила письмо в компьютер, на экране появилось лицо жительницы той планеты. Лицо было похоже на мордочку веселого ежика.

— Дорогая Алиса Селезнева! — произнесла уксурка на космолинге. — Мы знаем о твоих путешествиях и подвигах. Нам очень хочется с тобой познакомиться. Через месяц в нашей столице состоится научная конференция молодых ученых. Пожалуйста, прилетай к нам и расскажи о том, как вы с Павлом Гераскиным построили подземную лодку и спускались к центру Земли. Если Павел захочет, пускай тоже прилетает. Мы тебя очень ждем.

После этого начался видовой фильм о планете Уксу, и планета Алисе так понравилась, что она решила слетать на конференцию.

Но оказалось, что легче решить, чем сделать.

Планета Уксу, как всем известно, расположена в системе звезды Реклод-3, до которой от Земли несколько световых лет. Регулярных рейсов туда нет, нерегулярных — тем более. Планета Уксу только-только избавилась от карантина, который ввели из-за какого-то ужасного тирана.

Конечно, в такое путешествие лучше отправиться в хорошей компании. Но Паша Гераскин занимался с Громозекой раскопками на Марсе, остальные Алисины друзья были в разъезде, а папа, мама и симферопольская бабушка заняты на работе.

И тогда Алиса вспомнила о Гай-до.

Она набрала номер видеофона в польском городе Вроцлаве и увидела на экране милое лицо Ирии. Ирия вытерла тыльной стороной руки муку со щеки, дунула на непослушную прядь волос, упавшую на нос, и, ничуть не удивившись, что ей звонит Алиса, сказала:

— Как хорошо, что ты позвонила, Алисочка, я как раз собиралась искать тебя. Скажи, пожалуйста, ты когда-нибудь готовила пирог с тыквой по-французски?

— С тыквой и черносливом?

— Вот именно! Скажи, девочка моя, надо ли пропускать тыкву через мясорубку или достаточно нарезать кусочками?

— Лучше пропустить, — ответила Алиса. — Но не забудь добавить сливки.

— Ах да, конечно же, сливки! Спасибо, Алисочка! — И с этими радостными словами Ирия отключилась. Видно, она решила, что не Алиса ей звонила, а, наоборот, — она сама провидеофонила в Москву, чтобы узнать про пирог.

Ирия была чудесным, удивительным человеком.

Родилась она на далекой планете Вестер. Ее отец, великий конструктор космических кораблей, воспитывал ее без мамы и старался сделать из нее настоящего мальчика. Так что Ирия стала чемпионом планеты по боксу, покорила все самые высокие горы, водила мотоцикл, самолет, вертолет, космолет и бульдозер, прыгала в высоту на два с половиной метра и разбивала ребром ладони шесть кирпичей. Отец оставил Ирии в наследство свое последнее детище — разумный космический кораблик по имени Гай-до. Он проектировал его для разведочных партий на дальних планетах, так что Гай-до все умел и был под стать своей госпоже.

После смерти папы Ирия часто отправлялась на Гай-до в дальние путешествия, открывала новые планеты и астероиды, стала настоящим космическим волком. Но однажды,

на свое счастье, на планете Пять-четыре она отыскала попавшего в катастрофу польского путешественника Тадеуша и полетела с ним в Польшу. С тех пор она почти безвылазно живет возле города Вроцлава, воспитывает свою маленькую дочку, заботится о муже и совершенно забыла о боксе, стрельбе, альпинистских восхождениях и прыжках через космическое пространство.

Гай-до постепенно свыкся с такой жизнью. Его примирила с ней любовь к маленькой девочке, которую он считает своей племянницей, служа ей нянькой, игрушкой, коляской и грелкой.

Но порой на кораблик нападает тоска — ему снятся звездные пространства, астероиды, а чаще всего зловещая планета Пять-четыре. Тогда Гай-до начинает тихонько напевать песни космических скитальцев, но Ирия приказывает ему замолчать, а то девочка их запомнит и испортит себе вкус и слух.

Гай-до замолкает и думает: «В сущности, мне повезло. Мог бы я сейчас летать от планетки к планетке, совершать вынужденные посадки, разбиваться о скалы, напрягаться и трещать по швам, покрываться ржавчиной и окалиной. А теперь я живу в покое, стою на опушке леска, нянчу очаровательного человеческого детеныша, которого нашла в капусте моя дорогая госпожа Ирия, — ну чего еще может желать космический корабль? Ничего!»

После этого Гай-до тихо вздыхает и принимается раскачиваться, чтобы девочка поскорее засыпала.

Алиса знает об этом, она нередко навещает Ирию и Тадеуша, и малышка ее уже узнает. Алиса жалеет Гай-до, она уверена, что самое большое счастье для космического корабля, особенно для такого умного и отважного, как Гай-до, — это летать от звезды к звезде и грудью встречать метеориты.

Поэтому она опять набрала номер видеофона и тут же увидела на экране Ирию. На этот раз Ирия была очень удивлена.

— Что-нибудь случилось? — спросила она.

— Нет.

— А почему ты снова звонишь? Я все запомнила о черносливе.

— Ирия, ты перепутала. Это не ты мне звонила, а я тебе.

— Ты? А мне показалось, что я. Ну тогда быстро говори, а то у меня все подгорит, и ты будешь виновата.

— Ирия, скажи, пожалуйста, ты не отпустишь со мной на несколько дней Гай-до?

— Зачем?

— Мне нужно слетать на конференцию на планету Уксу. А туда нет рейсов.

— Ты собираешься туда лететь одна? Куда смотрят твои родители? — возмутилась Ирия. — Да ты знаешь, что на этой планете правит страшный тиран, известный по всей Галактике? Только через мой труп!

Алиса не стала спорить и возмущаться. Она привыкла к тому, что все взрослые, даже лучшие из них, сначала дают волю своим чувствам, а потом начинают думать. В конце концов, что может случиться с ребенком в космосе, тем более что ты уже не ребенок, а перешла в седьмой класс, занимаешься биологией и приглашена сделать научный доклад на конференции.

В жизни главное — терпение.

Пошумев и побурлив, Ирия утихла и спросила:

— А мама не возражает?

— Мама не возражает, — честно ответила Алиса.

Мама, может, и возразила бы, но она была в командировке на Плутоне и о планах Алисы на ближайшие дни ничего не знала.

— Странно, — произнесла Ирия. — Я бы мою малышку никогда не пустила на планету Уксу.

— Вот когда она вырастет, тогда и поговорим, — мудро возразила Алиса. — Кстати, тамошнего тирана уже прогнали.

Вдруг лицо Ирии изменилось.

— Горит! — воскликнула она. — Мой французский пирог горит! Позвони мне завтра!

— Нет, — твердо ответила Алиса. — Я вылетаю к тебе. Скажи Гай-до, что мы с ним отправляемся.

— Ни в коем случае! — Ирия отключилась, а Алиса пошла собираться. Ведь путешествие должно было продлиться несколько дней.

Первым делом Алиса позвонила отцу в Космический зоопарк, где он работал. Отца долго искали и наконец соединили — почему-то он сидел в каком-то подвале и был покрыт паутиной и пылью.

— Папочка, что случилось! — спросила Алиса. — Ты заблудился?

— Тише, — прошептал отец. — Они где-то здесь...

— На твой зоопарк напали?

— Хуже, — сказал отец.

— Вот он! — раздался крик. Заметались лучи сильных фонарей, мелькнула тонкая сеть, которую растягивали два научных сотрудника, словно шли не по сухому подвалу, а по реке с бреднем.

— Прости, Алиса, перезвони через полчаса, — произнес отец.

— Я только хотела тебе сказать, что мне надо слетать на несколько дней на Уксу. Котлеты в холодильнике, а остальное расскажет Поля...

Тут Алиса поняла, что видеофон показывает лишь суету, свалку в подвале, а папы там уже и в помине нет.

— Что случилось? — спросил, входя в комнату, домроботник, то есть домашний робот Поля. Он не выносит, кстати, если его называют домработником, и поправляет: «Я же робот, значит, домроботник».

— Я думаю, что у папы какие-то неприятности, — ответила Алиса. — Вернее всего, на него напали космические пираты. Он прячется от них в глубоких подземельях административного корпуса.

— Ты шутишь или пугаешь? — спросил домроботник Поля.

— Я еще не знаю, — ответила Алиса. — Ты сам погляди на экран.

Но смотреть было не на что — экран был отключен. И как они ни старались вызвать профессора Селезнева, ничего у них не выходило — линия не работала.

Алиса собралась уже было лететь в Космосо выручать папу, но тут он сам позвонил домой и сказал:

— Прости, дочка, не мог с тобой говорить. У нас чрезвычайное происшествие.

— Это мы видим, — заметил домроботник.

— Понимаешь, сбежали голкоры, — сказал отец.

— Голкоры! Не может быть! Но почему?

— Меня не было, моего заместителя не было... а тут приехали с телевидения, чтобы их

снимать.

— Снимать? Голкоров? — Алиса была сильно удивлена.

— Это меня тоже удивило, — заметил отец. — Но главное заключается в том, что, когда я вернулся в Космозо, клетка была открыта, телевизионной группы и след простыл, и никто не запомнил, как выглядели телевизионщики.

— Погодите, погодите! — прервал профессора Селезнева домработник Поля. — Я ничего не понимаю. Объясните мне, в конце концов, что произошло в Космическом зоопарке и кто такие голы-коры.

— Поля, надо читать газеты, — упрекнула робота Алиса. — В прошлом месяце «Пионерка» писала, что в Космический зоопарк поступили два голкора. Так у нас называли странных животных с Хрустальной планеты. Эти животные совершенно невидимы.

— Невидимы? — повторил Поля. — Тогда зачем их держать в зоопарке?

— А что с ними делать? — удивилась Алиса. — Застрелить? Они же не виноваты в том, что невидимы.

— Значит, зрители их увидеть не могут?

— Почти не могут, — улыбнулся профессор Селезнев.

— Что значит это ваше «почти»? — строго спросил домработник. — Или их можно увидеть, или нельзя.

— Но ведь недаром их прозвали голкорами, — сказала Алиса, — это сокращение от «голые короли». Сами-то голкоры невидимы, но они очень любят наряжаться. Для них в клетках лежат целые груды самых различных нарядов. И все свободное время эти животные, которые на ощупь похожи на худых кенгуру, примеряют наряды. И это, скажу я тебе, Поля, удивительное зрелище! Ты видишь, как по клетке гуляет дама без лица и без рук, но в платье до пола и в шляпке с цветами.

— Ой, какой ужас! Никогда больше не пойду в Космозо! — возмутился домработник.

— Но их в Космозо нет! — удрученно сказал профессор Селезнев. — Они пропали. Эти телевизионщики забыли запереть клетки, и редкие животные убежали, ушли, пропали. Они могут попасть под машину или упасть с обрыва.

— А я думаю, что их у вас украли.

— Кому они нужны?

— Это второй вопрос, — сказал Поля. — А первый заключается в том, что никто не видел телевизионную группу, никто не знает, кто открыл клетку, а, наверное, ваши голкоры стоят больших денег.

— Громадных! — воскликнул профессор Селезнев. — Это уникальные, может быть, последние во Вселенной подобные существа.

— Ищите их в другом зверинце или цирке, — сказал робот Поля.

— Нет, это невозможно! — возразил профессор и замолчал, потому что понимал, что скорее робот прав и они зря теряют время, обыскивая подвалы и чердаки.

— Папочка, — сказала Алиса, — сделай запрос во все космодромы, чтобы там проверили, не попадутся ли голкоры.

— Но как? Как я сообщу им: «Ищите нечто невидимое!» Меня же засмеют.

— А ты сообщи обтекаемо...

— Я подумаю, — ответил отец. Потом опомнился и спросил: — А ты, Алиса, зачем мне звонила?

— Ах, пустяки. — Алиса говорила равнодушным голосом, как будто речь шла о

прогулке за грибами в Кратово. — Мне тут надо на три дня слетать на научную конференцию, сделать доклад. Ты не возражаешь?

— Только оденься потеплее, еще зима, — ответил отец, который очень гордился Алисой и любил, если она, как настоящий ученый, где-нибудь выступала и делала доклад. С отцами такое бывает.

Тут за спиной отца возникла встрепанная голова Петра Михалыча, молодого сотрудника Космозо.

— Скорее, профессор, мы, кажется, разгадали тайну! — воскликнул молодой человек. — Старина Крестоног ломает клетку!

— Пока, Алиса, звони, как приедешь на конференцию! — крикнул отец и побежал следом за Петром Михалычем.

Алиса вздохнула и пошла собирать вещи. По крайней мере, у нее теперь было отцовское разрешение. А это немало.

Робот помог ей собраться, потом Алиса поцеловала его в твердую прохладную щеку — и они расстались.

Глава 2. Что рисуют крестоноги?

Если вы после этого все поняли, то вы живете в конце XXI века, часто бываете в Космозо, а может, даже летали на экскурсию в пустынные лабиринты Крепты.

Если вы ничего не поняли, то придется объяснять с самого начала.

На шестой планете небольшой звезды из созвездия Микроскоп в пустыне Джань живут крестоноги. Крестоноги — это крупные черепахи на длинных скрещенных ногах. У них шесть пар ног. Четыре пары для того, чтобы стремительно бегать по пустыне между отвесных, сверкающих под солнцем скал, а две про запас.

Насытившись саранчой и саксаулом, крестоноги берут твердые палочки или острые камешки и начинают рисовать на отвесных скалах. Вся планета Крепта разрисована картинками крестоногов.

Что же рисуют крестоноги на планете Крепта?

Все, что увидят. Увидят саранчу — рисуют стаю саранчи, увидят саксаул — рисуют целый лес. Рисуют они просто и ясно, как дети. Зачем они это делают, ученые догадались недавно. Оказывается, самки крестоногов позируют самцам. И если самке понравится свой портрет, она соединяет свою жизнь с художником. Если нет — ему приходится рисовать самку попроще или учиться рисовать получше. А все остальное рисование — для тренировки.

В Космическом зоопарке на Земле крестоноги не могли бросить своего занятия. И потому стали любимцами публики. С утра к клетке крестоногов подвозят целый грузовик картона и кучу толстых карандашей и фломастеров.

Позавтракав, крестоноги рассаживаются по клетке и начинают работать. Чаще всего они рисуют зрителей и меняют рисунки на лакомства — конфеты, булочки, мороженое. Самки крестоногов стоят в стороне и строго следят, чтобы вкусные вещи не оставались у самцов. Они сразу отнимают лакомства у своих мужей. А те знают, что, пока самки не насытятся, им в теньке не заснуть.

Все крестоноги корыстны. Лишь Старина Крестоног, с длинной седой бородой, свисающей из-под панциря, не брал за свои рисунки ни конфет, ни пышек. Он любил искусство. И это было странное качество для такого примитивного животного. Ведь крестоноги глупы, как настоящие черепахи. Петр Михайлович любил Старину Крестонога за бескорыстие и преданность искусству и всегда давал ему больше картона и фломастеров, чем другим крестоногам.

Если бумага кончалась, Крестоног начинал буйствовать и ломать ограду. Но это случалось редко.

Но именно сегодня это случилось.

Автоматическая служба охраны сообщила Петру Михайловичу, что в его хозяйстве беспорядок. Петр Михайлович включил монитор и увидел, что Старина Крестоног носится вдоль изгороди, размахивая фломастером. Крестоноги говорить не умеют, но отлично подражают случайным звукам, если эти звуки музыкальные. Старина Крестоног завывал мелодию известной арии: «Тореадор, смелее в бой, тореадор, тореадор!»

Зрители хохотали и били в ладоши.

Кучей лежали листы картона.

Петр Михайлович прибежал к клетке, неся на голове стопку чистых листов картона. Увидев его, крестоног перестал завывать и замер от счастья — он понял, что скоро начнет

рисовать снова. Остальные крестоноги, подталкиваемые подругами, тоже потянулись к ограде.

Раздав листы, служитель собрал готовые рисунки и вынес их наружу.

И когда выходил, заметил, что из клетки крестоногов отлично видна главная аллея, что ведет к большому загону с голкорами.

Конечно, крестоноги рисуют не очень здорово — они же нигде не учились, но всегда можно угадать, кого они имеют в виду. Вот и сейчас на нескольких листах Петр Михайлович разглядел платформу с телевизионными камерами, на ней ехали два человека. Один очень толстый, словно надутый воздушный шар. Лицо его было тоже надутым, а уши острые, торчащие, как у свиньи. Второй телевизионщик был меньше его ростом, худ, остронос и очень неприятен на вид. Издали его можно было принять за крысу на задних ножках.

А в остальном это были телевизионщики как телевизионщики.

На другой картине служитель увидел ту же платформу у дверей в загон к голкорам. Голкоров тоже можно было угадать. Они были нелепо одеты, а некоторых частей тела у них не хватало, словно художник забыл их нарисовать. Но крестоноги никогда ничего не забывают. Что видят, то и изображают.

А вот третий картон был интереснее всех.

На нем платформа с аппаратурой ехала прочь от загона. В ней стояли оба оператора, толстый и тонкий. А у их ног лежали платья, ботинки и еще какие-то части одежды.

Профессор Селезнев схватил картон и крикнул Петру Михайловичу:

— Петя, пожалуйста, выдай сегодня Старине Крестоногу двойную порцию компота.

— А остальным крестоногам? — спросил Петя.

— Остальным тоже по двойной порции компота. Иначе они Старину Крестонога загрызут. Они же настоящие художники.

После этого профессор Селезнев тут же связался с ИнтерГполом — ИнтерГалактической полицией. По особому тайному номеру.

На экране появилось загорелое лицо комиссара Милодара. Он сидел за столом в своем кабинете.

— Ах, Селезнев! — сказал Милодар. — Опять у тебя пропала дочка?

— Нет, не дочка, — сказал профессор. — С Алисой все в порядке. У меня пропали голкоры. Информацию я уже послал тебе по стереофаксу.

— Знаю, знаю, получил информацию. Но сегодня у меня нет ни минуты свободной. Завтра займусь.

— Комиссар Милодар, — произнес Селезнев официальным голосом, — я обращаюсь к тебе как директор Космозо. У нас пропали уникальные инопланетные животные. Каждая минута промедления грозит бедой.

— Для этого есть обыкновенная милиция, — ответил Милодар.

— Тогда погляди на описание голкоров и на картон, нарисованный одним нашим животным. Может, ты догадаешься... — Селезнев тут же отправил по факсу лист картона размером метр на метр.

— У тебя и животные рисуют? — удивился Милодар, но взял лист картона и принялся его рассматривать.

— В Космозо все есть, — ответил профессор.

В задумчивости комиссар Милодар запустил пальцы в курчавую шевелюру и стал похож на горгону Медузу, у которой, как известно, прическа состояла из живых змей.

Тем временем дверь в кабинет комиссара Милодара отворилась, и вошла красивая яркая женщина.

— Ах, пожалуйста, Шехерезада, — попросил Милодар, — позови Кору Орват. Она в аналитическом зале составляет доклад об экспедиции в жерло вулкана.

— Фи! — вдруг обиделась Шехерезада. — И не подумаю. Вы забываете, господин повелитель, что я настоящая принцесса, а она даже не дворянка, а ваш агент.

— Что же, мне самому ее звать? — спросил Милодар.

— Вот именно! — гордо ответила Шехерезада и пошла прочь из кабинета.

Милодар бросился к экрану, подмигнул Селезневу и сказал:

— Наверное, тебе легче со зверями, и даже с хищниками, чем мне с этими женщинами. Знаешь, почему у меня здесь живет Шехерезада?

— Ума не приложу.

— У нее пропал без вести ее второй муж Синдбад Мореход. И она требует, чтобы ИнтерГпол его отыскал. А как мы его отыщем, если он пропал не здесь и не сегодня, а в эпоху легенд. Ох, боюсь, мне придется самому туда отправиться. Она ведь не отстанет!

— У тебя же есть агенты.

— Ни на кого нельзя положиться, — вздохнул Милодар.

Тут ему надоело ждать, и он закричал громовым голосом:

— Агент Кора Орват, немедленно к комиссару Милодару!

Зазвенела люстра, и с потолка посыпалась штукатурка.

Тут же открылась дверь, и вошла молодая женщина.

— Зачем кричать, — сказала она. — Я и так все слышу.

Женщина профессору Селезневу понравилась. Она была высокого роста, коротко пострижена, узка в талии и широка в плечах. Настоящая красивая спортсменка, вернее всего прыгунья в высоту.

— Агент Ноль-три, — сердито сказал Милодар. — Вы кончили писать отчет?

— Разумеется, не кончила, — ответила Кора Орват.

— Тогда отложите его. Вам придется немедленно вылететь на задание.

— Что случилось, комиссар?

— Жалоба из зоопарка о похищении ценных невидимых животных.

Кора увидела, что над столом комиссара горит экран и на нем видно лицо профессора Селезнева.

— Ах, профессор, — сказала Кора. — Я виновата! Он так кричал, что я вас не заметила.

— Ничего страшного, — сказал профессор. — Я рад вас видеть.

— Кора, не отвлекайся, — крикнул Милодар. — Ты на работе. Смотри на эти картинки. Картинка первая — вид животных голкоров совсем одетых. А вот эта картина нарисована инопланетным чудовищем крестовиком...

— Крестоногом, — поправил Милодара Селезнев. — И он совсем не чудовище.

— Инопланетным крестоногом. На ней ты видишь условное изображение похитителей.

— Мне кажется, что я где-то видела этих телеоператоров, — сказала Кора.

— Я тоже их видел, — сказал Милодар.

— Я догадался! — воскликнул профессор Селезнев. — Это же космические пираты Крыс и Весельчак У! Конечно же, это космические пираты. Их нам еще не хватало!

— Ясно, — сказал Милодар. — Если это космические пираты, значит, их место в космосе. И давно они побывали в вашем зоопарке?

— Наверное, сегодня утром, — сказал Селезнев.

— Значит, они уже улетели, — сказала Кора Орват. — Важно другое...

— Вот именно! — Комиссар снова запустил пальцы в курчавую шевелюру. — Зачем им это нужно?

— Что? — спросил Селезнев.

— Зачем им было лететь к нам и воровать из зоопарка каких-то уродцев? — сказала Кора Орват.

— А вот это вы, агент Ноль-три, и узнаете в ближайшие дни, — объявил Милодар.

— Комиссар! — взмолилась Кора. — Но ведь вы обещали отпустить меня в отпуск! Я уже полгода не видела бабушку.

— Бабушка потерпит еще неделю. И чем быстрее ты разгадаешь тайну голкоров, тем лучше для всех! Но если ты недовольна, можешь писать заявление об уходе.

— Вы же знаете, комиссар, — сказала печально Кора, — я никогда не брошу свою трудную, но любимую работу.

— Тогда иди, получай оружие и спецодежду, а я свяжусь с эскадрой патрульных эсминцев. Корабль будет ждать тебя на космодроме в Жуковском. Счастливого пути.

— Спасибо, комиссар.

Селезнев стал благодарить комиссара за помощь. Но комиссар ответил:

— Не стоит благодарности, профессор. Это наш долг.

Глава 3. Снова С Гай-до

Гай-до согласился лететь не сразу.

Конечно, ему хотелось размяться, повидать новые планеты и себя показать. Но он очень беспокоился, как без него будет жить малышка. Она обязательно простудится, или у нее заболит животик. Разве можно доверять ребеночка его маме?

И неизвестно было, где кончается шутка, а где кораблик начинает говорить серьезно. Ведь даже самый разумный корабль все равно не человек.

Вообще-то Гай-до похож на небольшой желудь, стоящий на коротких ножках. Ничего лишнего. Совсем невыразительный корабль.

Но не зря его конструировал величайший корабельный мастер Галактики. Если нужно, Гай-до может выпустить крылья и маневрировать в любой атмосфере, парить на одном месте, нырять в воду или даже в раскаленную лаву. На земле Гай-до умеет пользоваться манипуляторами — длинными металлическими руками. Причем, в отличие от нормальных людей, у Гай-до есть еще несколько рук внутри. Так что он может дотянуться до любой точки внутри себя — приготовить обед для команды, выстирать белье, сделать постели, разобрать навигационные карты и даже погладить своего капитана по голове, если капитану взгрустнулось. Гай-до может спеть песню, рассказать сказку, поспорить с вами на любую тему или сыграть в шашки.

Его имя на вестерском языке означает: «Брат Гай». А если учесть, что девичья фамилия Ирии была Гай, то понятно, чьим братом считается этот кораблик.

Алиса выслушала все возражения и соображения корабля, потом открыла люк и вошла в Гай-до. Заслышав, что кто-то вошел, малышка проснулась и засмеялась — она узнала тетю Алису.

— Ты чего сидишь взаперти? — спросила Алиса.

Девочка уже умела ходить, она сразу побежала к люку, но Гай-до люк не открыл.

— Ты подумала, какая на улице погода? — возмутился корабль. — Если ты бегаешь по морозу совсем голая, то это не значит, что надо заморозить ребенка.

Тут люк открылся снаружи, в него заглянула Ирия, накинувшая пальто поверх домашнего халата.

— Алиса, обедать! Тадеуш приехал с работы, — сказала она и подхватила малышку на руки.

— Ну вот, — проворчал корабль, — эта мать берет ребенка немывтыми руками. Неужели ты не училась в школе и не знаешь, как опасны микробы?

— Микробов не бывает, — засмеялась в ответ Ирия, — самый мелкий зверь — комар!

Космический корабль даже покачнулся от такого невежества.

— Как ты можешь так говорить! Наука утверждает, что есть не только микроорганизмы, но и существа куда меньше их размерами, например вирусы.

— Мы их не признаем, — с улыбкой ответила Алиса.

Тут кораблик догадался, что его разыгрывают, и произнес:

— Знаю, знаю, не думайте, что только вы понимаете шутки. Но девочку я на улицу не пущу. Там мороз.

— Тем не менее, — рассердилась Ирия, — я погуляю с девочкой без тебя, потому что ей полезен свежий воздух. К тому же ей пора закаляться.

— Закаляться! — с отвращением произнес Гай-до. — Пока я жив, ребенок не будет

закаляться! Я не позволю бить его по голове железным молотом.

Конечно же, кораблик по незнанию решил, что закалка бывает только в кузнице, поэтому он так страшно возмутился.

— Хватит! — ответила Ирия. — Лучше уж лети с Алисой. Ты отдохнешь от нас, а мы отдохнем от тебя.

— А малышка?

— Я сама о ней позабочусь. Я ее мать.

— Сомневаюсь, — желчно заявил корабль.

Ирия не стала ждать, пока он придумает что-нибудь еще, а взяла смеющуюся девочку и, прижав ее к груди, побежала через заснеженную поляну в дом.

Алиса осталась одна с Гай-до.

— Ну и что будем делать? — спросила она.

Кораблик думал две минуты.

— А сколько лететь до той планеты? — спросил он наконец.

— Дня три.

— А там долго оставаться?

— Нет, за день управимся.

— Значит, всего неделя?

— Наверное.

— Замечательно. Я лечу с тобой, а они пускай сами позаботятся наконец о своем ребенке. И посмотрим, какие они будут, когда мы вернемся...

Тем же вечером Алиса стартовала на Гай-до к планете Уксу. И спала она уже на борту корабля, и замечательно выспалась. Ей не привыкать — Алиса провела в кораблях половину детства.

Они долетели до планеты Уксу без приключений. Большую часть пути они неслись по Трассе.

Места эти всем известные, на каждом шагу маяки и заправочные станции, навстречу несутся лайнеры и катера, все здороваются, желают друг другу веселого пути, поздравляют с многочисленными праздниками и юбилеями. Чтобы не показаться невежливой, Алиса заказала по космонету и через полчаса получила толстый и очень интересный справочник — «Праздники, юбилеи и дни рождения, которые отмечаются в цивилизованной Галактике». Этот справочник был тут же введен в компьютер, и стоило Гай-до услышать позывные встречного корабля или увидеть вдали какой-нибудь астероид, компьютер тут же сообщал:

«Через два часа встречаемся с космическим лайнером второго класса „Проланга“, приписанным к порту Два планеты Ах-ва. Национальный праздник планеты второго марта, а вчера капитан корабля отмечал день рождения своей двоюродной дочери от третьего брака, с чем его недурно было бы поздравить. Кроме того, среди пассажиров на борту корабля находится граф Грамон дю Грамоффон из поместья Яварман. Как раз сегодня он отмечает триста шестьдесят шестую годовщину со дня победы армии его прапрадедушки над лягушатниками в Мокрой Яме».

Алиса усаживалась у экрана, набирала позывные корабля второго класса «Проланга» и

вызывала на связь капитана. Капитан склонял к экрану все свои пять голов, и Алиса вежливо поздравляла его с днем рождения двоюродной дочери, а потом к экрану подбежал сам граф Грамон дю Грамофон и громко спрашивал: «Вы не забудете меня поздравить?..»

И так с утра до вечера, даже пообедать некогда.

Зато когда на третий день полета обнаружилось, что в общий справочник внесен и день рождения Алисиной бабушки, все встречные корабли спешили поздравить Алису, и приемник даже перегрелся от поздравлений.

Так что Алиса не замечала, как проходит полет. Но тут ее благодушное настроение разрушил голос Гай-до:

— Алиса, ты только погляди, кто тебя поздравляет.

На экране появилось лицо Шехерезады.

— Дорогая Алиса, — произнесла восточная женщина, — по просьбе и поручению его превосходительства великого победителя и полководца Милодара им-Милодара я горячо поздравляю тебя с днем рождения твоей уважаемой бабушки.

— Спасибо, Шехерезада, — сказала Алиса.

— Странно, — заметил Гай-до. — Он мог бы и сам нас поздравить.

— У моего господина важное совещание, — сообщила Шехерезада.

— Неужели он решил найти твоего Синдбада? — Алиса была знакома с Синдбадом и очень его любила.

— Ни минуты спокойной у нас нет, — всхлипнула Шехерезада. — Но я больше на тебя, Алисочка, надеюсь. Как вернешься, поищешь моего беспутного муженька?

— Мы это сделаем, только не плачь. — Гай-до не выносил женских слез. — Дай нам сделать доклад на конференции — и мы сразу обратно!

— Ох, все непросто, — сказала Шехерезада. — И не хотела я впутывать в это дело Алису. Там действуют настоящие черные силы. Забудь мою просьбу, Алиса.

Шехерезада зарыдала и отключила связь.

И тут на экране появилось звериное лицо известного космического пирата Крыса.

— Привет, Селезнева, — сказал он. — Мне стало известно про твою бабушку преклонных лет. Выражаю сочувствие.

— А почему сочувствие?

— А кому нужна старуха! — сказал пират. — Мы старух обычно чик-чик! Но порядок есть порядок...

— Стой! — закричала Алиса. — Не отключайся! Кто украл в Космозо голкоров?

— А, в самом деле, кто украл голкоров? — удивился Крыс.

— Это ваших с Весельчаком рук дело, — сказала Алиса. — Зачем вам несчастные животные? Вы их даже кормить не умеете.

— А их надо кормить? — Потеснив Крыса, на экране появился Весельчак У. — Мы думали, что они не кушают.

— Постыдись, пират, — сказала Алиса. — Давайте встретимся в космосе, и вы перегрузите на Гай-до несчастных животных.

— Еще чего не хватало! — обиделся Крыс. — Мы рисковали, пробирались на Землю. Ты знаешь, чем мы рисковали?

— Чем?

— А тем, что Земля — единственная планета в Галактике, где не берут взятку, где нет жуликов и даже политиков. И мы к вам забрались, рискуя собой. Мы загоним этих

невидимых за бешеные денежки. Мы теперь — честные торговцы.

— Есть пеленг, — прошептал Гай-до.

Он не терял времени даром, засек координаты пиратов и передал их в Галактический центр, чтобы комиссар Милодар мог выслать срочный крейсер.

— Так вы не сказали, зачем вам голкоры? — Алиса старалась тянуть время.

— Стой! — закричал Весельчак У своему напарнику. — Не отвечай! Она тебя облапошит. Я уверен, что ее гадючий кораблик уже передал наши координаты в Центр безопасности. Вырубай звук и моторы — проваливаемся в пылевой мешок.

— Есть проваливаться в пылевой мешок! — ответил Крыс.

И экран погас. Словно пираты Алисе только почудились.

— Нет, их не найти, — вздохнул Гай-до, — иголка в стоге сена твои пираты. И чего это он заподозрил неладное?

Но Алиса ничего не смогла ответить. Хотя понимала, что пираты накопили немалый жизненный опыт.

Глава 4. Диктатор Уксу-ба

Сверху планета была как планета, но Алиса привыкла не доверять первому впечатлению, потому что в космосе оно бывает ложным. Она включила дисплей и попросила дать ей информацию по истории планеты Уксу.

Оказалось, что планета Уксу невелика, но отличается хорошим климатом и добрым, трудолюбивым населением. Жители Уксу похожи на людей, но меньше их ростом, хоть и толще. К тому же их тела покрыты тонкими мягкими иголками, отчего уксайцы напоминают больших ежей.

Раньше они и жили как ежи — в норах и дуплах громадных деревьев в уксайских лесах. Но постепенно научились работать и разговаривать, построили города и начали ходить друг к другу в гости. В общем, стали как люди.

Но известно, что когда на планете развивается цивилизация, то начинаются всякие безобразия. Например, войны. Так случилось и на Уксу. Много лет назад уксайцы-мукусайцы попытались отнять тучные пастбища сумчатых баранов у уксайцев-стремитов. А раз началась война, то появились уксайцы-лейтенанты, уксайцы-сержанты и даже уксайцы-фельдмаршалы.

Один из фельдмаршалов по имени Уксу-ба оказался самым наглым, хитрым и бесстыжим из всех генералов планеты. Он завоевал земли соседей. Потом отнял земли у соседей соседей, построил флот, переплыл океан и захватил пастбища у жителей Заокеанской Уксубии. А через несколько лет его победоносная армия подошла к большому, мрачного вида городу, обнесенному высокой стеной.

Радостный Уксу-ба приказал готовиться к штурму, заряжать пушки и натягивать тетиву у катапульта.

И вдруг на стене города появилась фигурка пожилой уксайки.

— О мой драгоценный! — кричала она. — Наконец-то ты вернулся!

— Это еще кто? — рассердился Уксу-ба. — Вызовите снайпера, чтобы он сбил эту птичку.

— Простите, ваше сиятельство, — сказал адъютант Уксу-ба. — Но долгие походы плохо влияют на ваше зрение. Это не птичка, а ваша родная мама.

— А почему моя мама ждет меня черт знает где? — спросил завоеватель.

Тогда адъютант взял подозрную трубу и прочел надпись над запертыми воротами. Там было написано: «Уксуполь».

— Ваше сиятельство, — сказал адъютант, — у меня есть подозрение, что мы стоим перед нашей родной столицей.

— Не может быть, — ответил Уксу-ба, который никогда не учился в школе. — Ведь мы все время шли в одну сторону.

— А что, если наша планета круглая? — спросил адъютант, которого выгнали из второго класса за то, что он считался умником.

Уксу-ба приказал отрубить голову адъютанту, чтобы не умничал понапрасну, но убивать мамашу не стал, тем более что она велела открыть сыну ворота.

Хочешь не хочешь, полководец Уксу-ба на собственном опыте убедился, что планета Уксу — круглая. Как шар. И больше ему завоевывать нечего — за родной столицей расстилаются земли, уже завоеванные прежде.

Покорив планету, Уксу-ба занялся ее переделкой. Так как он не выносил грамотных, все

школы были превращены в тюрьмы и на каждой повешена вывеска: «Школа жизни». Детей в этих школах учили стрелять из гранатометов, ставить мины, подкладывать взрывчатку в автобусы и прыгать с парашютом. Если ты в этой школе жизни умел подличать, доносить, бить исподтишка и вредить, то ты получал медаль «За подлость». И тебя прямо из школы посылали в армию лейтенантом.

Уксу-ба объявил, что у него самая большая армия и потому вся Галактика должна покориться ему со страха.

В Галактике никто не знал об этом, и потому она не покорилась.

А Уксу-ба велел строить космические корабли, чтобы завоевать соседние планеты. Космические корабли строили из подручного материала, свели все леса и потратили все кирпичи. Корабли получились громадные и страшные.

Диктатор приказал своей армии грузиться на космические корабли, закрывать за собой двери и окна и подниматься в небо.

И тут его армия взбунтовалась.

— Мы знаем, что если войдем в эти деревянные корабли, то никогда не выйдем обратно живыми! — кричали солдаты. — Давайте посадим туда Уксу-ба — и пускай себе летит куда хочет.

Уксу-ба перепугался. Всю ночь он прятался на кухне у своей мамы, но утром вышел на трибуну, потому что отыскал выход из положения.

— Солдаты! — закричал он. — Мы отправляемся в поход. Мы снова обойдем нашу планету вокруг.

— Но мы уже ходили в такой поход! — удивился один генерал.

— Глупец! — закричал Уксу-ба. — Мы победим наших врагов еще раз!

— Но там нет никаких врагов!

— А вот это не ваше дело! — рассердился Уксу-ба. — Идите воюйте, грабьте, убивайте! Я отдаю планету на разграбление моим славным гвардейцам.

Некоторые солдаты тут же кинулись грабить соседей и родственников, но другие задумались: не сошел ли Уксу-ба с ума? Ну где вы найдете тирана, который завоевывает собственную планету?

Но все же армия покорно зарядила пушки и выступила.

...Идет гвардейский полк по дороге, подходит к первому городу. Из крайнего дома выходит женщина в халате с дымящимся кофейником в руке.

— Куда вы идете, мальчики? — спрашивает она.

— На войну, — отвечают солдаты.

— А моего уклубенка у вас нет?

— Как же, как же, мама! — кричит ее сынок и бежит к маме.

— Не смей! — приказывает командир полка. — Мы на войне!

И тут начинаются неприятности. Уксу-ба думал, что его армия завоеует собственную планету, награбит в свое удовольствие и успокоится. Но его солдаты оказались не такими мерзавцами, как сам тиран. Как только они сообразили, что напали на своих братьев, сестер, дедушек и бабушек, они побросали оружие и разошлись по домам. А те, кто не захотел домой, вернулись к Уксу-ба и обо всем ему доложили.

Пока они рассказывали, они услышали, как по окрестным землям несется, приближаясь, гул.

Уксу-ба кинулся на балкон.

За ним придворные.

И они увидели, как по всем дорогам к дворцу идут жители планеты Уксу. И несут плакаты, на которых написано:

«ХВАТИТ!»

— Что значит — хватит? — возмутился Уксу-ба. — Война еще не кончена. Еще не все мои земли покорены.

Но оказалось, что тирана никто не слушает. Все его помощники, генералы и полковники разбежались кто куда.

Пришлось Уксу-ба сдаваться.

Наверное, лет сто назад такого тирана посадили бы в тюрьму или даже расстреляли. Но теперь не казнят и не сажают в тюрьмы. Зато, если жители планеты или государства не желают больше терпеть тирана, они все вместе просят, чтобы диктатора убрали с планеты навсегда.

Глава 5. Плавать вредно

Узнав о недавнем прошлом планеты, Алиса прониклась сочувствием к уксуйцам и решила, что пошлет им свою коллекцию кукол.

Гай-до вызвал диспетчерскую на Уксу, и когда там узнали, что к ним летит Алиса, то очень обрадовались.

А через час, оставив Гай-до на попечение веселой компании механиков и электронщиков космопорта, Алиса оказалась в окружении уксуйских детей и подростков.

Странное зрелище представляли собой обитатели Уксуполя.

Климат здесь теплый, и уксуйцы одевались лишь в короткие передники из кожи, ткани или бус. Иголки на спине у уксуйцев длинные, но мягкие, а на голове их завивают. Некоторые модницы украшают колючие прически гребнями, цветами и даже фотографиями своих возлюбленных. Все свои пожитки уксуйцы носят в сумке, пришитой к переднику. Там же таскают и маленьких детей, словно кенгурят. Так что, когда молодая уксуйка вынула из сумки и передала Алисе ключ от гостиничного номера, из сумки тут же высунулась пушистая мордочка. Алиса даже ахнула от неожиданности.

— Привет, — сказал уксубенок. — С приездом, Алиса.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Мамочка все уши мне прожужжала о твоих приключениях. Говорят, ты — самая знаменитая девочка в Галактике.

Алиса смутилась, она не знала, что ответить, и ее выручила молодая мама, которая щелкнула свое сокровище по носу, и ребенок, надувшись, свернулся в клубок и нырнул в карман.

Гостиница, где поселилась Алиса, стояла на берегу озера, и она тут же побежала купаться. Хорошо еще, что купальник с собой захватила.

На берегу было немало уксуйцев, которые заходили в воду по щиколотку, а некоторые, особо смелые, по колено. Потом они приседали и били ручками по воде. Но никто не плавал.

Алису это смутило. Мало ли какие опасности могли таиться в незнакомом месте.

— Простите, — спросила она одного из купальщиков. — Здесь можно плавать?

— Что делать? — спросил вежливо купальщик.

— Плавать.

— Простите, — сказал купальщик, и его черноглазая мордочка приобрела печальное выражение. — Я не понимаю, что вы собираетесь делать.

— Плыть. Прыгнуть в воду и отправиться вон к тому островку.

— На чем? — спросил купальщик, и Алиса увидела, что он смотрит на нее как на сумасшедшую.

К тому времени вокруг уже собралась целая толпа любопытных уксуйцев, которые негромко переговаривались и кидали на Алису испуганные взгляды.

Алиса поняла, что ничего объяснить не сумеет. Поэтому она просто спросила:

— В этом озере водятся крокодилы?

— Кто? — хором испугались окружающие.

— Крупные хищники, — ответила Алиса. — Крокодилы, акулы, медузы, барракуды?

— О нет! — закричали в ответ уксуйцы, которые поняли, чего от них хочет эта прелестная девочка.

— Тогда — до встречи!

И Алиса побежала к воде.

Пока она бежала, все молча смотрели.

Но стоило ей зайти в воду по пояс, как зрители заволновались. Они тянули к ней руки и кричали:

— Вернись! Нельзя!

Вода была теплая, чистая, бархатная. Алиса ни за какие деньги не вылезла бы из нее. Она прыгнула вперед, нырнула и, проплыв метров десять под водой, вынырнула и обернулась.

Берег был еще довольно близко. Десятки уксуйцев стояли по щиколотку в воде и громко кричали.

Алиса поняла, что нарушила какой-то очень важный запрет, и поэтому сделала вид, что не слышит криков. Она поплыла к островку неспешным брассом.

Доплыть до острова ей не удалось. Минут через пять она услышала шум моторов. К ней неслись три или четыре катера. А над головой завис вертолет.

Из вертолета через громкоговоритель мужской голос призывал:

— Девочка с планеты Земля, не волнуйся. Мы тебя спасем. Старайся не делать резких движений.

Катера кружили вокруг Алисы и кидали спасательные круги: шгук двадцать кинули, чудом не убили — пришлось три раза нырять.

Отчаянное соревнование между Алисой и ее спасателями продолжалось до тех пор, пока она не вернулась на берег.

Из последних сил она выбралась на песок. Ее подхватили десятки коротких рук и потянули подальше от воды.

— Почему вы не даете мне плавать? — спросила Алиса. — Я же вам ничем не мешаю.

— Плавать? — спросил пожилой уксуец в длинной розовой одежде и высоком колпаке. — Что это такое?

— Передвигаться по воде с помощью рук и ног, — ответила Алиса.

— Это невозможно, — сказал старик.

— Это невозможно, — повторили окружающие.

— Но вы же видели, что я плаваю? — удивилась Алиса.

— Нет, нет! НЕТ! — раздались со всех сторон крики. — Мы этого не могли видеть, потому что этого не может быть никогда. Только рыбы и утки могут плавать. Человек рожден для хождения по земле. Он не может плавать. В воде можно простудиться, захлебнуться и утонуть. Плавать некрасиво, опасно и вредно.

— Ни одна воспитанная девочка не будет плавать, — сказал кто-то из толпы.

— Ее никто не возьмет замуж! — крикнул другой.

— Кому нужна лягушка! — завопил третий, и поднялся такой шум, что Алиса заткнула уши.

К счастью, именно в этот момент подъехала открытая машина, в которой сидело несколько участников конференции. Они возвращались с экскурсии, услышали крики и поехали посмотреть, не война ли началась.

Алиса поблагодарила своих коллег и забралась в машину.

— Зачем было поднимать такой шум? — спросила она у уксуйского мальчика, с которым познакомилась в гостинице. — Не все ли равно, плаваю я или нет?

— В том-то и беда, что на нашей планете никто не плавает, — ответил колючий мальчик.

— Неужели ваши руки устроены так, что ими нельзя загребать?

— Как ты видишь, наши руки устроены нормально, — ответил мальчик. — Но тиран Уксу-ба и его лакеи, а также генералы, адмиралы, офицеры и прапорщики, начальники департаментов, помощники палачей и другие его слуги очень любили купаться. Но беда в том, что они ходили в латах, касках, кирасах и бронежилетах. А в руках держали пулеметы, гранатометы, пистолеты и пушки. Ну разве можно купаться с такой тяжестью? Так что на берегу обязательно придется раздеться и разоружиться. Значит, решил Уксу-ба, надо сделать так, чтобы купались только его слуги, а все остальные и не подходили к воде. Он вызвал к себе ученых и велел напечатать научные труды о том, что людям вредно купаться. Потом он приказал писателям и поэтам написать романы и поэмы о вреде купания. И даже детские сказки о том, как один мальчик пошел купаться и его укусила подлая жаба. А другой только окунулся, как умер от загадочной болезни... На всех стенах были расклеены листовки с такими стихами:

Если ты идешь купаться,
Мне с тобою стыдно знаясь.
Только подлые уроды,
Не подумав, лезут в воду.

— Не очень хорошие стихи, — заметила Алиса.

И все гости с ней согласились.

— Стихи не очень хорошие, — заметил колючий мальчик, — но удобные для тирана Уксу-ба. Прошло несколько лет, и людей уже не надо было отгонять от воды. Они сами стали обходить речки и озера стороной.

— Но теперь тирана нет! — сказала Алиса. — Его же прогнали.

— Но люди многое помнят, — ответил мальчик. — Бывшие слуги тирана вздыхают, когда вспоминают, как им было удобно плавать в одиночестве. Им противно видеть, что дети теперь ходят в школу или на танцы.

— А где он? — спросила Алиса.

— Разве вы не знаете? — удивился мальчик. — В Галактике преступников не держат в камерах, а перевоспитывают. Музыкай и искусством. Но для особо опасных преступников, а именно тиранов и завоевателей, которых выгнали жители собственных планет, нашли далекую планету Тишина.

— А ваш Уксу-ба?

— Уксу-ба тоже живет на той планете, — сказал мальчик. — Когда народ сверг его, то тирана спросили, хочет ли он остаться в своей стране? «Нет! — закричал тиран, заглянув в глаза людей. — Куда угодно, только подальше отсюда!»

— И они живут в одиночестве, в бедности? — спросила Алиса.

— Ничего подобного! У каждого есть дом, он получает продукты, одежду и все необходимое. Даже существует правило: каждый тиран может взять со своей планеты любимую вещь. Только одну вещь.

— Например? — спросила Алиса. — Пушку? Гранатомет? Бомбу?

— Нет, вещь не должна приносить вред окружающим.

Мальчик замолчал и вздохнул. Другие уксуйские дети, которые слушали этот разговор, тоже опечалились.

— Я что-то не так сказала? — спросила Алиса.

— Нет, — сказал мальчик. — Мы просто вспомнили, как он нас всех одурачил!

— Как же это случилось?

— Ты хочешь об этом узнать?

— Конечно.

— Тогда мы тебе это покажем.

Глава 6. Что украл Уксу-ба

Машина остановилась у входа в большой зеленый парк.

Это был детский парк. Множество маленьких уксуйцев бегали по его дорожкам, малыши высовывались из родительских сумок-карманов или из разноцветных рюкзачков, которые носили на животах старшие братья и сестры.

На больших площадках крутились карусели, возвышались горки и колеса смеха.

Но дети вели Алису дальше, не обращая внимания на развлечения и суматоху вокруг.

Наконец они вышли на зеленую полянку, окруженную невысокой каменной резной оградой. Полянка поросла сочной травой, в которой белели ромашки. Но вокруг царила тишина. От поляны шла просека в лесу, полого загибавшаяся и исчезающая среди деревьев.

— Вот здесь, — сказал мальчик.

В середине поляны стояла гранитная плита. Дети и взрослые, подходившие к полянке, понурились, останавливались. Некоторые даже тихо плакали. Подойдя поближе к плите, Алиса прочитала:

«Здесь начиналась лучшая во Вселенной детская железная дорога, изготовленная двумя поколениями мастеров — гномов Железногорья.

Эту дорогу украл у наших детей диктатор Уксу-ба. Позор и проклятие вору и разбойнику!»

— То есть как так украл? — удивилась Алиса. — Целую железную дорогу украл?

— А какая это была дорога! — воскликнула стоявшая рядом старенькая уксуйка. Иголки на ее спине и плечах поседели, но на голове она их завивала и красила в оранжевый цвет. — Паровоз был выточен из зеленого нефрита, колеса у него были серебряными, а труба из черного мрамора.

Из кармана на переднике у старушки высунулась голова гнома в красном колпачке.

— О рельсах скажи, бабуля, — пискнул он.

— А рельсы были золотые, — сказала старенькая уксуйка.

— А вагоны? — спросил гном, будто сам не знал.

— А вагоны изумрудные.

— Правильно, — подтвердил мальчик, который привел Алису в парк. — Все это правда.

— Но как же тогда он смог ее украсть? — спросила Алиса.

— Было воскресенье, — вспомнила старушка, — вся планета пела и танцевала, радуясь, что отделалась от тирана.

Дети тоже плясали и пускали в небо ракеты, а когда наступило утро, мы увидели, что поезда нет. Всей железной дороги нет.

— Даже рельсов, — подсказал гном и спрятался в кармане.

— Надо было догнать и отнять, — сказала Алиса.

— Нельзя, девочка, — ответила старушка. — Нельзя, потому что каждому тирану, которого отправляют на планету Тишина, позволено брать с собой одну вещь. Самую любимую. Уксу-ба и заявил капитану, что его самая любимая вещь — детская железная дорога.

— Предложили бы ему деньги, — сказала Алиса.

Уксуйцы, что окружали ее, хором вздохнули. И за всех ответила старушка:

— Зачем ему деньги?

— Поменяйтесь!

— На что? Ведь Уксу-ба думает, что наступит день и его позовут обратно править нашей планетой. Вот тогда он вернется с подарком детям — железной дорогой.

— Я бы на вашем месте не сдавалась, — сказала Алиса.

— Мы и не сдаемся, — сказал гном из кармана. — Мы не сдаемся и просим: Алисочка, отними у Уксу-ба нашу драгоценную железную дорогу и верни ее нам. Мы тебе памятник при жизни поставим.

— Еще чего не хватало! — ответила Алиса.

Она попрощалась с уксуйцами и поспешила прочь из парка, потому что начиналось заседание конференции, на котором ей обязательно надо было присутствовать.

Глава 7. Порошок от насекомых

Когда конференция завершилась, уксуйские друзья проводили Алису до ее корабля. Она попрощалась с новыми друзьями, вошла внутрь Гай-до и сказала:

— Надеюсь, ты не скучал?

— Как тебе сказать, — сдержанно ответил кораблик. — Я завел, правда, двух-трех знакомых, встретил старого приятеля из геологической службы Вестера, но, честно говоря, я предпочел бы полет от планеты к планете сидению в комфортабельном космопорту.

— Я тебя понимаю, — сказала Алиса. — Нам пора домой. Тебя ждет твоя малышка, а меня школа. Но если тебе хочется, мы можем сделать небольшой крюк — по крайней мере один день у нас остался.

Гай-до очень обрадовался этому. Он принялся думать, куда бы слетать. То ли поглядеть на страшные вулканы и кипящие озера планеты Пять-четыре, то ли заглянуть в джунгли Эвридики, то ли, наконец, погулять по поясу астероидов. Пока кораблик размышлял, Алиса спросила:

— Знаешь, что я придумала?..

— Говори, а то у меня компьютер плавится — столько всего хочется!

И тогда Алиса рассказала кораблю о детской железной дороге планеты Уксу и о том, как уксуйцы страдают из-за своей потери.

— Что же ты раньше молчала! — воскликнул Гай-до и тут же задраил люк. — Конечно, мы сейчас же летим на планету Тишина и отберем у этого негодяя чужую железную дорогу.

— Не спеши, дружок, — ответила Алиса. — Во-первых, нас могут не пустить на планету — туда посторонним прилет воспрещен. Во-вторых, даже если мы и отнимем железную дорогу, как мы ее упакуем — она же состояла из паровоза, трех вагонов и платформы? Не считая рельсов, которые нельзя оставить.

— Думать будем потом! — категорически заявил Гай-до. — А сейчас летим!

Алиса не стала спорить с корабликом, потому что и сама хотела поскорей попасть на планету Тишина и поглядеть на самых настоящих негодяев, которые еще недавно угнетали и мучили целые народы, а то и планеты. Гай-до связался с Центральной справочной и попросил сообщить координаты планеты Тишина. Справочная отказалась дать эти сведения, потому что они считались секретными. Тогда в дело пришлось вмешаться Алисе.

— Информаторий, — сказала она, — вас вызывает Алиса Селезнева.

— Это какая Алиса? — На экране появилось лицо диспетчера Справочной. — Неужели та самая Алиса? Девочка с Земли?

— Да, — улыбнулась Алиса. — Я та самая девочка.

— Я рад с тобой познакомиться, — сказал диспетчер. — Я столько читал и смотрел фильмов о тебе. Чем я могу тебе быть полезен?

— Честно говоря, у меня нет официального дела на планете Тишина. Но я сейчас была на планете Уксу и узнала, что, когда их диктатор Уксу-ба отправился на планету Тишина, он прихватил с собой главную ценность детей всей планеты — детскую железную дорогу.

— Но зачем она ему? — удивился диспетчер.

— Вот именно это я и хочу выяснить, — сказала Алиса. — Я хочу помочь ребятам с Уксу.

— Ты права, Алиса, — согласился диспетчер. — Под мою собственную ответственность я сообщу тебе координаты планеты. И, больше того, запомни, что меня

зовут Жирардо Жерардо, а инспектора планеты, который находится на ее спутнике, зовут Карло Жерардо. И он, как ты можешь догадаться, мой родной брат. Передавай ему от меня привет. Надеюсь, что он тебе поможет. Будь счастлива, поддерживай со мной связь. Будешь пролетать поблизости, загляни на чай, хочю пожать тебе руку.

— Спасибо, зайдем, — сухо сказал Гай-до, который не любил фамильярностей по отношению к Алисочке.

— Это еще чей голос? — насторожился диспетчер.

— Это голос моего корабля, — сказала Алиса.

— Ты летишь на Гай-до? — спросил диспетчер.

— А как вы догадались?

— Все знают о подвигах Гай-до на планете Пять-четыре, — ответил с улыбкой диспетчер, и даже недоверчивый Гай-до довольно заурчал, как кот, которого погладили за ухом. И взял курс на планету Тишина.

Недолгое их путешествие не было отмечено никакими событиями, если не считать одного смешного случая.

Алиса готовила себе ужин, и ей страшно захотелось чего-нибудь необычного.

— Погляди в трюме, — сказал Гай-до. — Ирия туда складывает все, что мешает ей дома. Я тысячу раз просил ее провести в моем трюме уборку и выкинуть то, что не положено возить в себе порядочному кораблю. Но она только отмахивается и подкладывает какие-то новые банки и пакеты...

Кораблик вздохнул и замолчал. Он научился вздыхать, и его вздохи казались дуновением ветра, пролетевшего по отсекам.

Алиса спустилась в трюм и стала изучать, что же стоит и лежит на полках.

Ирия не задумывалась, можно ли на одной полке стоять банке с кремом для ботинок, коробке с шампунем, блинной муке, календуле, связкам сушеной петрушки, крупе из грундриков, бутылочке мумие и пакету с цветочной пылью... А это что? Алиса сняла с полки тщательно завинченную банку и открыла ее. До половины банка была наполнена серым порошком. Алиса понюхала его, и ей сразу захотелось чихнуть. Когда она закрывала банку, чтобы поставить ее на место, она все же чихнула, и пыль облаком ринулась ей в лицо.

И лицо тут же жутко зачесалось. Зуд быстро проник за ворот, помчался по груди и рукам, и Алиса, едва поставив банку, начала отчаянно чесаться.

— Что происходит? — спросил Гай-до. — Ты меня раскачаешь.

— Это я хотела тебя спросить, что же происходит? — чуть не плача, спросила Алиса. — Сейчас я себя до смерти зачесу! Ну помоги же мне!

В конце концов даже Гай-до ничем Алисе помочь не смог — пришлось ей раздеваться и долго мыться под душем, а Гай-до тем временем включил вентиляцию-дезинфекцию, чтобы очистить воздух в корабле.

Пока Алиса вытиралась и приходила в себя, Гай-до провел экспресс-анализ и торжественно сообщил:

— Если ты узнаешь, что было в банке, ты будешь смеяться.

— Ну, говори!

— Там был порошок от насекомых!

— Что?!

— Видишь, ты уже почти засмеялась. В банке был порошок от блох, клопов и тараканов, который Ирия нашла на чердаке своего дома и за ненужностью спрятала в

меня.

— Но почему она не выкинула его?

— Потому что Ирия настоящая женщина. Ей труднее всего выкинуть что-то совсем ненужное. Потому что это ненужное может вдруг пригодиться.

— Чепуха какая-то! Я не такая, как все глупые женщины, — возмутилась Алиса. — А представляешь, что случилось бы, если бы эту банку нашла малышка?

— Она не могла ее найти, — ответила Гай-до, — потому что Ирия поставила банку на верхнюю полку. А мы с тобой ее выкинем.

— Погоди, — попросила Алиса. — А почему этот порошок такой чесучий?

— Все насекомые начинают чесаться и разбегаются.

— Понимаешь, — произнесла Алиса, — ведь это не наш порошок... А вдруг он для чего-то пригодится?

Тут Гай-до во весь голос расхохотался, а Алиса смутилась и вылезла из трюма. И пошла готовить себе ужин из самых обыкновенных консервов и случайно попавшего на борт ананаса...

Глава 8. Инспектор Карло не доверяет

К вечеру того же дня Гай-до вышел на орбиту Тишины. Издали планета казалась совсем обыкновенной, а от Земли отличалась тем, что почти вся была покрыта океаном — лишь небольшой континент, окруженный островками, виднелся в ее экваториальной области.

Перед Гай-до в пространстве сверкающей звездочкой несся спутник планеты — переделанный из небольшого астероида.

— Тревога, — прозвучало в динамике. — Кто приближается к планете, не нанесенной на карты?

— У нас есть разрешение, Карло! — крикнула Алиса. — Нам разрешил прилететь сюда ваш брат Жирандо. И если вы разрешите причалить к вашей станции, я все расскажу.

— Опять этот бездельник вмешивается в мою жизнь, — мрачно ответил инспектор. — Недаром наш папа всегда был им недоволен.

— Так нам можно причалить или нельзя? — растерялась Алиса.

— Так и быть, причаливайте. Только не вздумайте толкать мой дом. У меня суп на плите — если расплескаете, не прощу!

— Учтем, — коротко ответил Гай-до, а потом отключил связь и сказал Алисе: — Он меня оскорбляет.

После этого он причалил к станции инспектора так мягко, что даже Алиса не почувствовала этого мгновения. Конечно же, инспектор, у которого, видно, был плохой характер, за это Гай-до не поблагодарил. У люка Алису встретил мрачного вида робот. Он был похож на старинный сейф, по бокам которого болтались тонкие гибкие металлические руки, а из-под верхней крышки, нависавшей как козырек, поблескивали красные рецепторы — глазки. Странно было, что стенки сейфа были погнуты и поцарапаны, словно робот дрался с танком.

— Вытирайте ноги, — сказал робот. — За каждым не навьтираешься.

— У меня чище, чем в вашем логове, — дерзостью на дерзость ответил Гай-до. Робот немного подумал и сказал, словно диктовал решение задачи:

— Имеем дело с говорящим кораблем. Неинтересно.

Гай-до настолько опешил от этого высказывания, что ничего не ответил. Алиса вытерла ноги, которые у нее, разумеется, были совершенно чистыми, и прошла в глубь Наблюдательной станции.

Робот ехал сзади и подсказывал, куда поворачивать. И это оказалось нужным, потому что станция, хоть и небольшая, состояла из многих комнаток, закоулков, коридорчиков, темных шкафов и тупичков. Словно ее специально делали, чтобы заблудиться.

Инспектора планеты диктаторов Карло они обнаружили на кухне, где он только что снял с плиты кастрюльку с супом, и по всему помещению разносился чрезвычайно аппетитный аромат.

— Сами видите, — сказал инспектор, — я не мог оторваться, чтобы вас встретить.

На щеку был наклеен пластырь, под глазом — синяк.

Он оказался молодым лысым человеком с узкими плечами. Карло не скрывал своего недовольства незванными гостями.

— Мы к вам ненадолго, — сказала Алиса.

— А вас много?

— Я и мой корабль, — ответила Алиса.

— У них корабль говорящий, — пояснил робот, похожий на сейф. — Но только сомнительно, что он разумный.

— Тогда быстро говорите, что вам требуется, и улетайте, — невежливо сказал Карло. — У меня нет ни минуты свободной.

— Это точно, — мрачно подтвердил робот.

— Среди ваших... — Алиса запнулась, она не знала, как называть диктаторов.

— Клиентов, — подсказал робот.

Между тем инспектор налил супу в тарелку, поставил тарелку на кухонный стол и, не приглашая Алису, принялся есть. Алиса, конечно же, была не голодна, но она никогда бы не позволила себе не пригласить гостя к столу.

— Продолжайте, — проворчал робот-сейф.

— Среди ваших клиентов, — продолжала Алиса, — есть бывший диктатор с планеты Уксу по имени Уксу-ба.

— Как же. Достойный человек, — сказал робот-сейф. Карло продолжал жадно хлебать суп. — Настоящий изверг.

— Тогда вы меня поймете! — Алиса поймала себя на том, что обращается к роботу-сейфу, словно он здесь главный. — Этот Уксу-ба украл на своей планете детскую железную дорогу — три вагона и паровоз.

— Знаю, — сказал робот. — Она у него стоит.

— Но ее надо вернуть обратно. Вы не представляете, как переживают дети на Уксу.

— Представляю. Они писали нам письма, — сказал робот. — Но по закону мы не можем отнять у диктатора железную дорогу, потому что каждый из наказанных диктаторов и вождей имеет право взять с собой самую любимую вещь. Некоторые брали книгу, другие картину, третьи — портрет бабушки или латы прадедушки. Но Уксу-ба взял железную дорогу.

— Тогда позвольте мне самой поговорить с этим диктатором, — попросила Алиса. — Может, он послушает меня.

— Ха-ха-ха, — ответил робот-сейф. — Он вас и слушать не будет. Убьет, и дело с концом.

— Надеюсь, вы меня защитите, — постаралась улыбнуться Алиса. Но никто ей не ответил. Инспектор продолжал быстро есть суп, а робот перемигивался красными глазками, и вид у него был угрожающим.

— Вот именно, — проговорил инспектор Карло Жерардо. — Именно этого я и ждал. Значит, вы непременно желаете попасть на планету диктаторов? И даже к Уксу-ба?

— Хочу, — призналась Алиса. — И не вижу в этом ничего плохого.

— А я вижу, — сказал инспектор. — И мне уже надоели выдумщики. Лгуньи и лжецы. А ну признавайтесь, кто вас послал?

Длинные гибкие руки робота в мгновение ока вытянулись и обхватили Алису словно канатами.

— Как вы смеете! — воскликнула Алиса. — Меня никто не посылал.

— Выкинем ее прямо в космос, шеф? — спросил робот-сейф.

— Она этого достойна, — согласился Карло.

— Ну, я понес ее выкидывать? — спросил робот-сейф.

— погоди, пускай она сначала признается во всем. Ну, признавайся!

— В чем? — спросила Алиса.

— Кто тебя подослал и с какой дьявольской целью. Я думаю, что ты агент какой-то телевизионной или газетной компании, которой нужны сплетни и жареные факты о нашей скромной жизни.

— А я уверен, — сказал робот-сейф, — что она сторонница одного из наших клиентов и прилетела его освободить.

— Клянусь вам, я не отношусь ни к какой газете, ни к какой телевизионной студии и уж тем более не хочу освобождать диктаторов!

— Вы понимаете, какой вред вы наносите спокойствию Вселенной, когда воспеваете тирана? Ах, он бедненький, ах, ему так плохо на планете Тишина! — произнес Карло.

— Думаете, вы сделаете добро своей планете, если поможете бежать отсюда какому-нибудь негодяю, по которому в старые времена виселица плакала? — спросил робот-сейф.

Алисе было обидно.

— Ну если вы не верите мне, то спросите мой кораблик, — попросила она.

— Мы не разговариваем с сообщниками, — ответил Карло. — Посади ее в какую-нибудь комнату, запри покрепче, пускай посидит, подумает, пока не прилетит инспектор. Пускай он с ней разбирается. Надоело... Надоело! — Карло помолчал и добавил: — И надо же — каждый второй пользуется именем моего дорогого брата Жирардо!

Глава 9. Гай-до спешит на помощь

Алиса была в отчаянии. Вот уж не предполагала, что ее желание помочь ребятишкам с планеты Уксу приведет к таким неприятностям. Что делать? Как их убедить?

И тут астероид покачнулся. Зазвенела посуда в шкафу.

— Что такое, — испугался Карло. — В нас попал метеорит?

— Нет! — донесся до них голос с пульта. — Это я, корабль Гай-до. Я услышал, что вы задерживаете мою пассажирку — благородную и честную Алису Селезневу, отважного борца с диктаторами и пиратами всей Вселенной. Вы посмели заподозрить ее в страшных преступлениях!

Астероид снова покачнулся — еще сильнее.

— Я вас опрокину! — крикнул кораблик. — Немедленно отпустите Алису.

— Он сошел с ума, — сообразил Карло. — Нам не хватало еще сумасшедшего космического корабля! Робот, приготовь установку защиты! Дать по кораблю-агрессору залп из всех установок!

— Погодите! — закричала Алиса, которая испугалась за Гай-до. Ведь ее маленький кораблик не знал страха. — Ну почему вам не связаться с Галактическим центром или даже с Землей? Мое имя есть в справочнике. Вы можете поговорить с моим папой.

— Связь с Галактическим центром очень ненадежна, — ответил робот-сейф. — Между нами — черное облако.

Астероид качнулся еще раз.

— Гай-до, прекрати! — приказала Алиса.

— Не прекращу.

И тут Алиса сообразила, что надо делать.

— Постойте! — воскликнула она. — Пожалуйста, сходите к Гай-до на борт, и пусть он даст вам какую-нибудь книжку обо мне. У него их штук десять.

— Еще бы! — ответил Гай-до. — Я собираю все книги о девочке с Земли.

— А что в этих книжках? — спросил Карло.

— Там описаны некоторые из моих приключений, — скромно ответила Алиса. — Эти книжки очень популярны на Земле и на некоторых других планетах.

— На всех, где живут культурные люди, — добавил Гай-до.

— Хорошо, — сдался Карло. — Я пойду и возьму эти книги. Но не буду заходить внутрь твоего корабля, девочка. Я не хочу, чтобы он захватил меня в плен. Я открою люк, а он пускай передаст мне книги манипулятором. Он сможет?

— Смогу, — вздохнул Гай-до, — хотя мне стыдно слушать, как человек, которому доверили охранять целую планету тиранов и деспотов, испугался одной девочки.

— Девочки разные бывают, — ответил робот-сейф, — а некоторые люди отлично умеют переодеваться в девочек.

Карло Жерардо вскоре возвратился, неся в руках пачку книг и видеокассет.

Он положил пачку на стол и принялся переключать книги.

— Это все о тебе? — спросил он недоверчиво.

— Там есть мой портрет, — ответила Алиса.

— Как странно! — сказал Карло. — Столько книг об обыкновенной девочке?

Он внимательно посмотрел на Алису, сравнивая ее с портретом на обложке, потом принял решение:

— Отведи девочку на ее корабль. Я прогляжу книги и завтра утром сообщу свое решение.

Робот-сейф, который, как показалось Алисе, с удовольствием посадил бы ее под замок, молча отвел девочку к люку, и Алиса прыгнула внутрь Гай-до.

Гай-до уже приготовил ей ужин, хотя, честно говоря, Алисе совсем не хотелось есть. Но пришлось уничтожить все, потому что для Гай-до было бы трагедией, если бы Алисочка лишилась аппетита.

Кораблик был недоволен приемом и удивлен тем, что на свете есть неучи, которые ничего не читали про Алису.

Наступил ранний вечер. Чтобы скоротать время, Алиса и Гай-до занялись хозяйством. Гай-до вымыл полы и стены и постирал белье, Алиса приготовила себе на завтра еду и вышила подушечку для малышки. Гай-до давно просил ее об этом.

Утром Алиса проснулась от сигнала связи.

Она посмотрела на часы: шесть тридцать местного времени. Еще бы спать и спать...

Жмурясь от яркой лампочки, Алиса включила экран.

На экране появилось лицо Карло. Он выглядел ужасно — глаза красные, невыспавшиеся, лысина потускнела, один ус торчит вверх, а второй — вниз, а синяк под глазом стал желто-зеленым.

— Я не спал всю ночь, — хрипло произнес он. — И мой робот Кристалл тоже не спал всю ночь — мы читали книги о тебе. Прости, что мы оскорбили тебя подозрением. Я беру все мои слова обратно. Я счастлив, что судьба позволила мне познакомиться с самой Алисой Селезневой!

— Спасибо, — сказала Алиса. — Я очень рада. Только мне хочется спать. Вы не могли бы позвонить часа через два?

— Ой, простите! — ахнул Карло. — Я забыл, что еще рано, — мне так хотелось выразить вам свое восхищение. А скажите, пожалуйста, вы в самом деле наследная принцесса...

— И еще дважды княжна, трижды королева и один раз премьер-министр, — ответил за Алису Гай-до, который внутренне ликовал, но старался не показать своей радости.

С извинениями Карло отключился, а Гай-до сказал:

— Мог бы и вчера сообразить, что к чему. Неужели по человеку не видно, герой он или злодей?

— Вот посмотрим с тобой на тиранов и злодеев и выясним, можно их сразу отличить от обыкновенных людей или нельзя, — ответила Алиса.

С этими словами она снова заснула и даже успела до восьми часов просмотреть длинный сон с приключениями, в котором она сражалась с роботом-сейфом.

А утром Карло встречал Алису у люка.

Глава 10. Вид на тиранов с орбиты

— Прости, Алиса, еще раз, что мы тебя так плохо встретили, — сказал утром, за общим завтраком, инспектор Карло Жерардо. — Ты не представляешь, в каком кипящем котле оказались мы с Кристаллом.

— Это точно, — подтвердил робот-сейф, стоявший поодаль.

— Я думал, что отыскал тихое место, чтобы спокойно заниматься научными изысканиями в музыке и поэзии. Но не тут-то было. Эти деспоты никак не хотят мириться с тем, что не нужны собственным народам, они повсюду пишут жалобы и вызывают комиссии, утверждая, что мы здесь нарушаем права человека и тирана, потому что тиран тоже человек.

— Не нравится мне ваша система, — произнес Гай-до. — Получается несправедливо. Если ты украл булку, то тебя посадят в тюрьму, а если ты десять лет угнетал собственный народ и казнил миллион человек, тебя отправят отдыхать на мирную планету Тишина.

— Так принято, — сказал Карло. — Возьми, например, Наполеона. Слыхали о нем?

— Конечно, это был великий французский император! — сказала Алиса. — Он завоевал всю Европу, но потом Кутузов его победил в Бородинской битве под Москвой. Наполеон бежал и чуть не погиб от мороза.

— А Москва сгорела, — добавил Гай-до, который за последние годы прочел массу земных книг, особенно исторических.

— Вот видите, — сказал Карло. — Вы об этом Наполеоне помните, памятники ему стоят по всей Франции. А чем он, простите, занимался?

— Он завоевывал другие страны.

— Зачем? — спросил Карло.

— Чтобы их покорить, — ответила Алиса, чувствуя подвох.

— А зачем?

— Все великие полководцы завоевывают другие страны, — сказал за Алису Гай-до. — Поэтому они и великие.

— В чем же, наконец, величие этих людей? — буквально закричал Карло, так он рассердился. — В чем величие Александра Македонского, Чингисхана, Наполеона, Гитлера? Молчите? Тогда я вам отвечу — их величие в том, что они убили много-много людей. Людей, которые хотели жить, читать книги, путешествовать, воспитывать детей или выращивать деревья. Одних они убили, потому что забрали в свою армию, а других убили, потому что погнали на них эту свою армию. И до сих пор многие глупые люди гордятся, что такие убийцы жили с ними в одной стране или в одном городе. Так что мой ответ, Алиса, таков: все тираны, все деспоты, все вожди и великие завоеватели — обыкновенные преступники.

— Но они же сами никого не убили! — попыталась встать на защиту Наполеона Алиса. — Они лишь приказывали идти в поход.

— Главарь любой банды сам не пачкает рук. Но он от этого не перестает быть ничтожным убийцей, — сказал Карло.

— Под этими словами я готов подписаться, — добавил робот-сейф.

Алиса промолчала. С одной стороны, она была совершенно согласна с инспектором Карло, но с другой... При ней никто еще не называл Наполеона или Александра Македонского ничтожными преступниками. Хотя если задуматься, то ничего хорошего

людям эти великие полководцы не сделали — перебили массу народу, своих и чужих, а потом умерли, и ничего от их империи не осталось. Только слезы и разрушения...

— Но человечество, — продолжал между тем разгневанный Карло, — всегда подходило к тиранам и деспотам с особой меркой, будто оно было загипнотизировано их преступлениями. Поэтому Наполеона даже в тюрьму не посадили, а отправили на остров Святой Елены, где он гулял по окрестностям и писал дневник... ну точно как наши диктаторы.

Карло вздохнул и неожиданно сказал печальным голосом:

— Пошли, посмотришь на наших наполеонов.

Алиса послушно направилась за инспектором по узкому коридорчику. В конце его была небольшая дверь и за ней — обширный круглый зал, по стенам которого горели разноцветные телевизионные экраны.

— Вот они — наполеоны, — мрачно повторил Карло. — Насмотрелся я на них.

— Наш Карло, — пояснил робот-сейф, — не выносит диктаторов и тиранов. И весьма сожалеет, что ввязался в эту историю. Он уже посылал четыре заявления об уходе с работы, но в Центре никак не могут подыскать ему замену — нет желающих сидеть на этой станции и опекать тиранов. А некоторые думают, что у нас работа тихая...

— Но у вас и сама планета называется Тишина.

— Ее так до нас называли, — вмешался в разговор Карло. — Когда обнаружилось, что здесь никто не живет, только птицы и рыбы — и они совершенно безмолвные. Но теперь об этом пришлось забыть...

— А вы часто бываете на планете? — спросила Алиса.

Карло ответил не сразу и на вопрос вопросом:

— Ты обязательно хочешь туда спуститься?

— Мне надо поговорить с Уксу-ба. Не зря же я сюда летела.

— Ничего ты не добьешься, — сказал Карло.

— Не добьется, — подтвердил робот Кристалл.

— Но попытаюсь, ладно? По крайней мере, я узнаю, чего он хочет в обмен на этот поезд.

— Тогда слушай: после обеда я сам полечу на планету Тишина. Мне надо раздать им почту, полученную из Центра, передать кое-какие продукты, бумагу для доносов, авторучки и чернила. Только ты должна быть очень осторожной. Даже мы с Кристаллом никогда не знаем, чем кончится наш визит на планету.

— Я обещаю.

— Ты не будешь выходить из катера без моего разрешения.

— Разве мы полетим не на Гай-до?

— Ему придется остаться здесь. Никакой корабль, кроме специального катера Инспекции Объединенных Звезд, не имеет права приземлиться на Тишине.

Конечно же, Гай-до расстроился, узнав, что его не берут на планету. И не поверил, что это объясняется специальными правилами. Он считал, что Карло невзлюбил его за утреннюю ссору. Хотя на самом деле Жерардо о ней давно забыл.

— Поскорее возвращайся, — сказал Гай-до Алисе. — Не нравится мне эта планета и вся эта тишина...

Но Карло, судя по всему, относился к спуску на планету вполне спокойно.

— Конечно, — говорил он, грузя на катер почту и продукты, — если ты не знаешь

характера этих негодяев, можно попасться им на зуб и даже погибнуть. Но я знаю их слабости. Главная слабость заключается в том, что они так ненавидят друг друга, что совершенно не способны объединиться и напасть на меня. Скажу тебе по секрету: я не мешаю даже делать соседям пакости — ведь такой у них характер, иначе бы они жить не смогли. Раньше они пакостили в масштабе своей планеты, а теперь на своем клочке земли.

— Не упрощай, — буркнул робот-сейф. — Они такие изобретательные, что порой диву даешься.

— Ты думаешь, что наши синяки и травмы от того, что мы по станции неудачно ходим? — продолжал Карло. — Нет, это производственные травмы. Мы стараемся быть начеку, но все же попадаемся. В прошлый раз они хотели наш катер захватить, целый бой произошёл, а на той неделе они между собой передрались, и мы их разнимали — еле оттуда выбрались. Ведь мы же им ответить не можем!

— А хочется, — вздохнул робот-сейф.

— Так что на планете смотри, Алиса, в оба, — еще раз предупредил Карло.

Когда катер заходил на посадку, Алиса спросила:

— И они совсем одни там живут?

— Может, они бы предпочли иметь компанию. Да и кто мог запретить их женам или детям полететь вместе с мужем и папой и разделить с ним его одиночество, — ответил Карло. — В тяжелые моменты жизни и выясняется, любят ли тебя на самом деле. Пока ты диктатор и вождь, все кричат тебе «ура», все тебя любят и готовы снимать с тебя сапоги. И чем больше эти люди изображают любовь, тем меньше они любят тирана на самом деле. Надо читать историю, правда?

Алиса согласилась, что надо читать историю. Потому что в истории есть много примеров тому, как лучшие друзья и ближайшие родственники предавали, оставляли, забывали королей и завоевателей. Как только те теряли власть и силу. Просыпается утром бывший властитель и видит, что никто не спешит приготовить ему завтрак и принести свежие газеты. Никто не рассказывает ему, как его любит простой народ, и никто не приглашает его на парад. Даже лифтер или вахтер не узнают короля, когда тот выходит из дворца. А на улице еще хуже! Мальчишки бегают, толкаются, орут и знать не знают короля, взрослые ходят на работу, сидят в кафе, спешат на стадион — и никто ни разу не крикнул: «Да здравствует наш любимый, самый жестокий в мире король!»

— Иногда сюда прилетают родственники, — сказал Карло. — Вот в прошлом месяце здесь побывала мама Орла-Хохотуши. Потом к Шрипу прилетела дочка с мужем — требовали, чтобы он признался, куда спрятал государственную казну. Шесть лет прошло — никто найти не может.

— Признался?

— Да что ты! Чуть не задушил родственников!

Катер инспектора медленно опускался над большим островом, окруженным волнами океана. Посреди него возвышались горы, их склоны заросли непроходимыми лесами, но на краю острова Алиса увидела широкую долину, которую пересекала полноводная река. Эта долина была разделена на участки для бывших наполеонов. Некоторые из участков, как рассказал Карло, лежат на берегах реки, кое-кто предпочел близость гор. Конечно, сверху границ не разглядишь, но диктаторы строго следят, чтобы их соседи этих границ не нарушали.

— Если ты не возражаешь, — продолжал Карло, — мы полетим по течению реки.

— Как хочешь, — сказала Алиса. — Мне интересно посмотреть на диктаторов и тиранов живьем.

Глава 11. Здравствуйтесь, мы тираны!

Катер шел вверх по течению реки и вдруг завис над поляной.

— Нам сюда, — сказал Карло.

На краю поляны, задами к лесу, стоял большой дом. Над домом торчала мачта с треугольным флагом, на котором был вышит красный дракон.

— Кто здесь живет? — спросила Алиса.

— Объясню, — произнес робот-сейф. — Владения тиранов тянутся по этому берегу реки. На том берегу находится лишь участок Уксу-ба, который ни с кем не водится. Мы высадились на центральной усадьбе генералиссимуса Бамса Снарядетти по прозвищу Кровавый Дракон.

— Они все враждуют, — сказал Карло. — Но все же раз в неделю по очереди собираются у кого-нибудь, чтобы получить почту, вещи, которые они заказали в магазинах, свежие газеты и фильмы.

— Ты сегодня их увидишь, — сказал робот Кристалл, — посмеешься. Как только они все получают, тут же начнут ссориться.

— А может, им и не надо встречаться? — спросила Алиса.

— Они сами хотят этого, — сказал Карло. — Ведь им дьявольски скучно. Поэтому все, кроме Уксу-ба, раз в неделю встречаются.

— Жаль, что Уксу-ба не встречается, — сказала Алиса. — Мне ведь нужен именно он.

— Что делать, если он такой непримиримый, — вздохнул Карло. — Но мы к нему сегодня же слетаем.

Катер мягко опустился на ровную, словно подстриженную, зеленую траву.

Алиса почему-то решила, что тираны сейчас же побегут к ним за письмами и посылками. Ничего подобного не произошло. Стояла тишина, лишь звонко пели птицы.

— Где же тираны? — спросила Алиса.

— Им спешить несолидно, — сказал робот-сейф. — Они же короли да президенты. Придут, куда им деваться!

Карло открыл люк, и Алиса первой выскочила на траву. Было тепло, пахло цветами, в листве деревьев, близко подходивших к поляне, весело перекликались птички.

Сама поляна, слегка спускаясь, тянулась от леса к реке.

Посреди поляны из травы поднимался ствол большого узловатого дерева с мелкими синеватыми листочками.

Тонкая бельевая веревка тянулась от дерева до дверей дома, но никакого белья на ней не висело.

— Итак, — сказал Карло, — скажи нам, Алиса, сколько тиранов ты видишь на этой картинке?

— Я не вижу ни одного тирана.

Робот-сейф выбрался из люка. Он волочил за собой длинный ящик с письмами, посылками и кассетами.

— А я вот вижу на этой картинке пятерых тиранов, — сказал Карло. — Хотя всего их на планете к настоящему времени шестеро.

— Ты шутишь, — сказала Алиса.

— Здравствуйтесь, господа тираны, — сказал Карло и склонил голову.

И неожиданно для Алисы в ответ послышались слова:

— Здравствуй, Карло!

— Привет, Карлуша!

— Ты опять опоздал, негодник!

Причем в несколько голосов. Словно на этой поляне было странное, многоголосое эхо. Но где же тираны?

Алиса вертела головой, не понимая, кто же говорит. Тогда Карло объявил:

— Господа тираны, к вам приехала в гости Алиса, девочка с Земли. Она очень хотела познакомиться с вами. Надеюсь, вы не будете возражать?

— Разве мы когда-нибудь возражали? Оклеветать нас легко. Не бойся, иди к нам, ребеночек.

Алиса вспомнила, что видела как-то в детском журнале загадочную картинку: «Найдите среди листвы охотника и трех уток...»

Но как она ни старалась, ничего найти не смогла. Ни охотника, ни уток.

— Познакомься, Алиса, — сказал Карло. — Король Шрип Пронзительный.

Тонкая веревка, что была протянута от дерева к веранде дома, закачалась, ее конец, перекинутый через ветку, приподнялся, и Алиса увидела, что веревка оканчивается маленькой головкой в крошечной золотой шапочке.

Головка была похожа на змеиную, по сторонам рта размером с копейчку виднелись черные точки — глаза.

— Здравствуйте, — сказала Алиса. Такого живого существа ей еще не приходилось встречать. Она так удивилась, что невежливо спросила: — Значит, вы тоже тиран?

— Это клевета, — пропищала веревка. — Я — самый гуманный из Шрипов, у меня даже справка есть об этом.

— Врет, — послышался голос, и из-за ствола дерева вышла большая, похожая на пингвина, но куда более толстая розовая птица с губами вместо клюва. Губы все время двигались, кривились, даже дрожали. — Шрип всегда врет, — сказала толстая птица. — Он самый жадный тиран в Галактике. Может быть, я грубее его, но я никогда не стану душить своих подданных из-за колечка или цепочки.

— А это, — представил губастую птицу инспектор Карло, — наш великий шутник по прозвищу Хохотуша.

— Точнее, — сказала розовая птица, — меня зовут Орел-Хохотуша. Я самая гордая птица. Я поднимаюсь к облакам и рею там сколько захочу. И называть меня можно просто — горный орел. И вообще, на меня лучше смотреть в подзорную трубу.

— Горный орел, — с презрением сказала веревка Шрип, — горный орел, а летать боится. Он даже на сантиметр над землей не может подняться!

— Могу. Мне это ничего не стоит!

— Тогда поднимись.

— Некогда мне с вами тут время терять, — сказал Орел-Хохотуша и, раскачиваясь, побрел к речке.

— И он тоже тиран? — спросила Алиса.

— Я — добряк и шутник! — откликнулся Хохотуша от речки.

— Чепуха! — послышался гулкий нутряной бас.

Алиса обернулась, но так и не увидела, откуда он донесся.

— Это говорит Подводный Бык, — сказал Карло, — смотри.

И он показал на большой пузырь, который поднялся из омута в речке и лопнул. Из

лопнувшего пузыря вылетела новая фраза:

— Хохотуша мой друг и союзник, однако я его когда-нибудь обязательно утоплю.

— Я от тебя унесусь к облакам, — ответил Хохотуша, но от берега чуть отступил. — Я буду парить возле звезд и петь небесные песни, ах!

— Вот ты и познакомилась с тремя тиранами, — сказал Карло.

— Они совсем не похожи на тиранов.

— А разве Уксу-ба похож на тирана? — спросил робот-сейф.

— Я его еще не видела.

— Увидишь. Ничего страшного.

— А еще тиранов мне покажут? — спросила Алиса.

— Разумеется, — сказал Карло. — Сейчас появится хозяин этого дома. Готовься!

Заиграла боевая музыка, загремели барабаны. На веранду дома выехала инвалидная коляска. Коляску толкала перед собой пожилая медсестра в белом халате и наколке с красным крестом.

Коляска приблизилась к дереву, и Алиса увидела, что в ней сидит странное существо. А может, и не существо. В коляске находилось множество проводов, трубочек, суставчиков, бутылочек, один карий глаз, дико глядящий перед собой, большое ухо и согнутый указательный палец правой руки, который нажимал на курок несуществующего пистолета.

— Познакомься, Алиса, — сказал Карло. — Ты видишь генералиссимуса Бамса Снарядетти. Это почетное прозвище генералиссимус получил в проигранной им битве у Кривого Порога.

Внутри генералиссимуса что-то зашрипело, застучало, и послышался пронзительный голос:

— Славную бойню я тогда заварил! Уложил два миллиона своих солдат, но от врагов тоже ничего не осталось.

И чудовище в кресле расхохоталось.

Медсестра, которая толкала перед собой коляску, сказала ласковым голосом:

— Вы уж простите генералиссимуса. Он такой боевой, что до сих пор остановиться не может.

— А где же все остальное? — спросила Алиса.

— Все остальное, — сказала медсестра, — потеряно в битвах. Шестьсот сорок два сражения и семьдесят шесть ран — это чего-то да стоит! Он наш маленький герой!

— Да, я ваш маленький герой, — сказал генералиссимус и подвигал ухом.

— Вот все и собрались, — произнес сверху невнятный голос.

Алиса подняла голову, думая, что увидит еще одну птицу. Но птицы не было.

Вдруг дерево зашевелило ветвями, словно на него налетел порыв ветра. Оно покачнулось, и тогда Алиса догадалась: ведь это дерево разговаривает с ней!

Тем временем робот Кристалл раскрыл ящик с почтой.

Глава 12. Ловушка для инспектора

— Генералиссимус Снарядетти, — сказал Карло, — вам письмо из протезной ассоциации. Обещают сделать вам новые зубы!

— Стальные? — спросил генералиссимус. — Самонаводящиеся?

— Не торопитесь, наш герой.

Медсестра подошла к Карло и взяла письмо.

— А из дома нету? — спросила она.

— Из дома генералиссимусу никто не пишет.

— Неблагодарные! — взревел генералиссимус. — Я всю жизнь боролся за счастье моего народа, я вел войны со всеми соседями, я одержал триста побед и потерпел триста поражений, остальные битвы закончились вничью! Но почему они не пишут мне писем?

— А вам, Увара Тихеньевна, — сказал Карло, обращаясь к медсестре, — целая пачка писем. От ваших подруг, от ваших коллег, от ваших племянников и от вашей тети. Скучают, наверное.

— Я тебя уволю! — закричал генералиссимус. — Я не позволю. Почему тебе пишут, а мне нет?

— Потому что я не одержала ни одной победы, Снарядетти, — ответила медсестра.

— Что ты сказала? — спросил генералиссимус. — Обойди меня с другой стороны. Ты же знаешь, что у меня правое ухо плохо слышит.

— Нет у тебя правого уха, — вздохнула добрая медсестра. — Горе ты мое несказанное!

— Когда генералиссимуса выгнал его народ, которому надоели бесконечные войны, он взял с собой медсестру как самую ценную вещь, — сказал Карло Алисе. — Вот она и мучается.

— Это неправда, — медсестра улыбнулась Алисе, — я добровольно последовала за несчастным генералиссимусом в изгнание, потому что долг сестер милосердия заботиться о несчастных, которые никому не нужны.

— Что ты сказала? — спросил генералиссимус, сверкая глазом. — Почему ты так тихо разговариваешь? Я прикажу тебя казнить. Расстреляю прямо на поле боя!

— Не обращайтесь внимания, — сказала медсестра Увара Тихеньевна. — Он меня не расстреляет. Отобрали у него пушечки и самолетки.

— Это точно! — прогудело дерево. — Никто не боится тебя, Снарядетти.

Тем временем Карло достал из ящика с письмами небольшой мешок.

— Вы просили спецудобрение-три, — сказал он дереву. — Удобрение прибыло.

— Неужели! Какая радость! — сказала дерево. — Теперь я буду расти втрое быстрее. И я им всем покажу!

Алиса увидела, как из земли высунулись длинные белые живые корни. Они потянулись к мешку с удобрением.

Алиса подумала, что это дерево может быть опасным.

— Извините, — спросила она, — вы тоже диктатор?

— Ах, это клевета, — отмахнулось дерево ветвями так, что поднялся ветер. — Ну какой из меня диктатор! Вы же видите, что я дерево, даже деревце. Меня знаете как любовно зовут дома? Ивушкой.

— Ах, не верьте ему, — откликнулся Орел-Хохотуша. Он выпятил красные губы и даже присвистнул. — И держитесь от этого изверга подальше. Он же высосал на своей планете

все соки из населения. Засушил планету на корню! Об этом все в Галактике знают.

— Хохотуша прав, — сказал Карло. — Ивушка в самом деле распустил корни куда ни попадя и сосал соки из своих сограждан.

— Но он же не мог протянуть корни через речку! — сказала Алиса.

— Он ходячее дерево! — сказал робот Кристалл. — Имей это в виду.

— Ходячих деревьев не бывает, — обиделось дерево Ивушка. А тем временем его гибкие корни вытягивали из мешка серый порошок, и внутри ствола чавкало, ухало и охало, словно там у него был живот.

— Хохотуша, — сказал Карло, — тебе целый мешок корреспонденции. Как всегда.

— Ну давай сюда, давай, — заурчала толстая птица. Она расправила розовые крылья и, переваливаясь, побежала к Карло.

— Развяжи, развяжи! — кричал Хохотуша на бегу. — Я же спешу!

Карло развязал мешок, и птица запустила внутрь крылья с когтями на концах и стала выбрасывать конверты и пакеты, вскрывать их и рвать, при этом взвизгивая, смеясь, плача и издавая множество других различных звуков.

— Что это за письма? — тихонько спросила Алиса у Карло.

— Это ответы на его жалобы. Орел-Хохотуша — самый большой склочник во Вселенной. Он все время сочиняет жалобы и доносы в газеты, журналы, на телевидение и во всякие организации.

— Чем он недоволен? — спросила Алиса.

Орел-Хохотуша услышал разговор Алисы с Карло и сложил алые губы бантиком.

— Я недоволен, во-первых, — сказал он, — собственным неблагодарным народом, который меня не ценит, я недоволен галактическим начальством, которое держит меня в голоде и холоде на этой страшной планете.

— Ну где же здесь голод и холод? — спросил Карло. — Жарковато бывает, но чтобы холодно...

— Вот именно! — крикнул Орел-Хохотуша. — Умираем от жары. Я недоволен моими безобразными соседями, которые меня хотят убить. Я много чем недоволен. И можно сказать словами одного неизвестного мудреца: я недоволен, значит, я существую.

С этими словами Орел-Хохотуша углубился в свою переписку, а Карло достал из ящика пластиковый контейнер.

— Это, — сказал он, — для Подводного Быка.

— Наконец-то! — послышался гулкий голос из-под воды.

— Что это? — спросила Алиса.

— Это икра некоторых рыб с планеты, где он царствовал.

— Я буду разводить рыб, — сказал Подводный Бык. — Я их разведу полную реку и потом всех съем. Кидай сюда!

Карло кинул контейнер в воду. Волны разошлись кругами, и подарок для Подводного Быка пропал под водой.

— Скорее! Где посылки для меня? — закричал тонкий Шрип — живая веревка. Он обвивал дерево и раскачивал головкой возле глаз Карло. — Мне тоже хочется...

Робот-сейф достал из ящика две большие сумки, туго набитые, но не очень тяжелые.

— Сколько их? — спросил Шрип.

— Как заказывал — семьдесят два.

И тут тиран-веревка в мгновение ока обвил сумки телом, и Алиса поразилась тому,

какой он длинный.

Робот словно догадался, о чем думает Алиса, и подсказал:

— Никто еще не смог его точно измерить.

— Если речь идет о моей длине, — сказал Шрип, — то, во-первых, я с каждым днем расту. К тому же, для вашего сведения, я могу вытягиваться и становиться в два раза длиннее, чем на самом деле. Недаром я забирался на тридцатый этаж без лифта.

— А что там, в сумках? — спросила Алиса.

— Кассеты с фильмами про любовь. Я обожаю смотреть фильмы о любви толстых земных женщин к толстеньким земным мужчинам. У меня есть фильмотека, которая занимает весь мой дом.

— А как же он смог стать тираном? — спросила Алиса у Карло.

— Он людоедствовал, — коротко ответил Карло.

— Ничего подобного, — сказал веревка Шрип. — Я только освобождал квартиры от лишних жильцов.

— А если учесть, что все жители на той планете размером со спичку, то представляете, какую опасность он представлял, — сказал робот.

— Чепуха! — крикнул Шрип. — На то я и король, чтобы руководить. Если я не скушаю лишних, то кто их скушает? Король — это главный вкушец!

— Боевая подруга, — обратился генералиссимус к медсестре, — хватит пустых разговоров. Веди наших гостей чай пить!

— Как? — удивился Карло. — А вы не будете друг на друга жаловаться?

— Еще как будем, — сказал Орел-Хохотуша. — Мы уже и жалобы друг на друга заготовили. Но сначала мы вас хотим чаем угостить!

— С нашим вареньем, — сказала добрая медсестра. — Сама варила.

— Ну что ж, — сказал Карло. — Пойдем, Алиса, посмотрим, как живут наши тираны.

И они все пошли в дом. Вернее, все, кроме дерева Ивушки и Подводного Быка, которые в дом попасть не могли.

Но если бы Алиса задержалась и послушала, что происходит на поляне после их ухода, она бы сильно удивилась.

Дерево склонилось к омуту, тихо произнесло:

— Будь готов. Операция «Захват» начинается.

— Вас понял, — ответил голос из-под воды.

Вода в пруду взбурлила, снизу поднимались пузыри.

Неожиданно из воды показалась небольшая зеленая русалка.

— Ах, неужели так скоро? — воскликнула она сонным голосом.

И тут же некая сила утянула ее под воду. Русалка только успела взвизгнуть и замахать лапками.

— Ты ей слишком много воли даешь, Подводный Бык, — сказала дерево.

— Что делать, — ответил из-под воды густой бас, — эта русалочка — моя последняя любовь. И ей так хочется в родную речку!

Но Алиса не слышала этих разговоров и не видела зеленой русалочки. Она шла по коридору следом за роботом Кристаллом и инспектором Карло.

И внезапно пол под ее ногами исчез.

Глава 13. В темном подполе

В полу оказался большой люк. А под ним был вырыт подвал, о котором инспектор Карло и его робот, которым все надо знать, не догадывались.

Впрочем, если бы они и знали, то вряд ли удивились бы, потому что подвал был наполнен мешками с картошкой и морковкой, банками с солеными грибами и маринованной рыбой, горами сушеной петрушки, укропа и других душистых травок. Все эти богатства были собраны доброй Уварой Тихеньевой, которая круглые сутки хлопотала в своем саду, огороде и оранжерее. Она оставляла своего генералиссимуса дремать на солнечной веранде и планировать новые походы, а сама занималась хозяйством. Такая уж она деятельная натура, не могла ни минуты просидеть спокойно.

Надо сказать, что с самого начала тираны готовили этот подвал как ловушку для инспектора Карло и его робота. Они давно уже замыслили разделаться с ними. Но время шло, заговор все откладывался, вот Увара Тихеньевна и заняла подвал плодами своей деятельности.

Алисе повезло, потому что она упала на мешки с морковкой и картошкой. Конечно, ничего приятного, но не так больно. А вот роботу Кристаллу совсем не повезло — он упал на банки с компотом и грибами. А больше всего не повезло Уваре Тихеньевне, потому что этот кусок железа в полтонны весом грохнулся на ее сокровища.

Было совсем темно.

Рядом что-то шевелилось, хрустело и звенело.

— Кто там? — спросила Алиса.

— Эх, черт! — выругался робот-сейф. — Опять я попался. Это ловушка.

— А зачем ловушка? — спросила Алиса.

— Нам обязательно скажут, — ответил робот. — И хорошо еще, что нас свалили не в действующий вулкан.

Робот помолчал несколько секунд и мрачно добавил:

— Я весь в чем-то липком, сладком и соленом. Кажется, это варенье, грибы и кислая капуста. Представляешь, какой компот получается? Мне теперь лучше и не вылезать наружу.

— Почему? — спросил Алиса.

— А потому что стыдно. Неужели не понимаешь? Я — бывший боевой робот, робот-охранник, обо мне девушки песни пели, а сижу в яме, измазанный вареньем. Ах, если бы роботы умели кончать жизнь самоубийством, я был бы первым кандидатом... Послушай, Алиса, а может быть, ты меня убьешь, чтобы не мучился?

— Поживи еще немного, Кристалл, — сказала Алиса. — Лучше объясни мне, как отсюда выбраться.

— Как же выберешься из бетонного подвала? — удивился Кристалл. — Нет, пока нас не освободят друзья, нам придется терпеть.

— погоди! — остановила его Алиса. — Слушай.

Осторожно пробираясь между ящиками и банками, Алиса прошла в угол подвала — над тем углом находился конец комнаты, в которой собрались тираны и с ними Карло Жерардо. Они разговаривали, а в подвале было слышно каждое слово.

— Что такое? — услышала Алиса голос Карло. — Где Алиса? Где мой робот?

— Ах, не знаю, — послышался в ответ сладкий голос Орла-Хохотуши. — Только что здесь были.

— Я не шучу! — бушевал Карло. — Немедленно отвечайте мне!

— Шшшш, — прошелестела веревка Шрип. — Не надо суетиться. Все идет по плану. И если ты, Карло, перестанешь кричать и махать руками, я тебе с удовольствием все расскажу.

— Сначала освободите Кристалла и Алису!

— Ничего с ними не случится, — сказал скрипучим голосом генералиссимус. — Они отдыхают, правда, Уварочка?

— Ах, Карло Умбертович, — пропела ласково медсестра, — я тоже думаю, что ничего не угрожает вашим друзьям. И я бы рада их освободить. Но кто мне позволит?

— И не думай, — сказал душитель Шрип, — задушу. А если Карло будет шуметь, я и его задушу. За свою славную жизнь я задушил восемьсот тысяч моих граждан, неужели меня не хватит, чтобы задушить жалкого инспектора и его свиту. Ты должен нас выслушать, Карло.

— Пускай он согласится, — прошептала Алиса. — А то они никогда нас не выпустят.

— Не хочу я вас слушать, бандиты! — сказал Карло. — В моих жилах течет кровь Юлия Цезаря! Такие, как я, не сдаются.

— Не сдавайся, — сказал Орел-Хохотуша. — Не сдавайся, только послушай нас, несчастных, загнанных в угол выдающихся людей современности.

— Ладно, говорите, только быстро, — согласился наконец Карло. — Что вам нужно?

— Нам нужно улететь отсюда, — тихо сказал Шрип. — Мы выбрали свободу.

— И как же вы хотите улететь? На чем? Куда?

— Ты нас слушаешь, Карло, это уже хорошо, — сказал Орел-Хохотуша. — Так знай же, что неподалеку от нашей планеты крейсирует пиратский корабль капитана Крыса.

— Ой! — ахнула Алиса. — Вот он куда с Земли полетел!

— Он согласен взять нас с планеты и до поры до времени спрятать, если мы уберем тебя, Карло, и Наблюдательную станцию. Конечно, пираты могут разбомбить эту станцию, но им не хочется привлекать к себе излишнее внимание. Пока они ее будут бомбить, ты можешь вызвать помощь. Вот тогда мы и решили вас заманить сюда и спрятать.

— Но ведь тираны никогда не могут сговориться между собой, — сказал Карло.

— Когда нужда появилась, то договорились, — сказала Увара Тихеньевна. — Вы не представляете, какие они у нас злобные.

— Что есть, то есть, — дерево Ивушка незаметно подошло к дому и заглянуло в окошко.

— Нам повезло, — проскрипела веревка Шрип, — что ты привез с собой эту глупую девчонку. Этим ты облегчил нам задачу. Пока девчонка у нас в руках, ты будешь нас слушаться.

— А если не буду?

— Если не будешь, то мы отвинтим девочке ее маленькую светлую головку, — пискнул генералиссимус. — Я в своей жизни столько таких головок оторвал, даже вспомнить трудно.

— Я вам помогать не буду, — сказал Карло.

— Да нам и не надо, чтобы ты что-то делал, — прощуршало дерево Ивушка, заглядывая веткой в окно. — Но если будет радиограмма из Галактического центра, ты должен будешь подойти к экрану и сказать, что на твоей станции все в порядке. Понял?

— А если нет?

— А если нет, мы будем мучить Алису.

— Только не это! — воскликнул Карло.

— Вот ты и у них в руках, — вздохнула добрая Увара Тихеньевна. — Я тебе не завидую, инспектор.

— Я и сам себе не завидую, — согласился Карло. — Но совершенно не представляю, что мне делать.

Алиса обернулась к роботу-сейфу.

— Хитрые тираны, — сказала она. — Наверное, вы с Карло сделали ошибку, что взяли меня сюда.

— Разве догадаешься заранее! — сокрушенно промолвил робот. — А надо было догадываться.

Алиса подумала немного и решила:

— Карло они держат крепко. Придется нам с тобой думать, как ему помочь. Ведь не сдадимся же мы кучке тиранов.

— Не сдадимся, — подтвердил робот. — Но я не знаю, чем вытереть с меня варенье и компот. Я не выдержу такого позора.

— Забудь о красоте. Боюсь, что у нас не очень много времени. Давай я попробую выйти на связь с корабликом Гай-до.

Алиса включила свой браслет связи, но он молчал. Чуть-чуть пощелкивал, но сигнала не было.

— Не понимаю, — удивилась Алиса, — почему связь с кораблем не работает.

— Я думаю, что этот подвал изолирован.

— Как же мне вызвать на помощь Гай-до?

— Видно, сначала тебе надо будет отсюда выбраться, — сказал робот.

— Но ты же сам сказал, что этот подвал бетонный и еще изолированный.

— Я и сейчас так думаю, — сказал робот, — но по мне кто-то ползает. Эх, нет света, и глаза мои не светятся.

— Кто там по тебе ползает? — испугалась Алиса. — Я боюсь сороконожек и скорпионов!

— Наверное, это муравьи, — сказал робот, — они любят варенье. Они меня всего облепили.

— Скажи, — подумала вслух Алиса, — а что, если найти муравьиную дорожку и поглядеть, куда она ведет? Наверное, в бетоне есть трещины.

Робот зашуршал, загремел банками и пополз по полу.

А наверху продолжался разговор Карло с тиранами.

— Зачем вы все это затеяли? — говорил Карло. — Ведь вы никому в мире не нужны. Вас выгнали с собственных планет. Зачем вам возвращаться, только позориться.

— Можно я отвечу за всех наших тиранов? — спросила медсестра. — Я давно с ними общаюсь и думаю, что кое-что уже понимаю.

— Говорите, уважаемая Увара Тихеньевна, — сказал Карло.

— Недавно ваши подопечные собрались впервые вместе и подумали, зачем враждовать между собой, когда можно найти общего врага.

— Меня? — спросил Карло.

— Можно и тебя, — отозвалась Увара Тихеньевна. — Вот они и договорились — пока не улетят отсюда, враждовать не будут.

— Невероятно! — закричал Карло. — Этого быть не может. Все психологи и футурологи, психиатры и реставраторы убеждали меня, что тираны между собой не сговариваются.

— Может быть, у них нашелся вождь, — предположила медсестра, — ведь так бывает

— нет вождя, нет армии. Есть вождь — есть армия!

— Ах, какая вы умная, — сказал Карло. — Но что нам делать?

— Я с вами не могу долго разговаривать, — сказала Увара Тихеньевна. — Меня растерзают тираны. Вы ведь знаете, для них простой трудящийся человек — ничто. Растерзали и пошли дальше, даже рук не вымыли.

— Это мы можем, — послышался голос Орла-Хохотуши. — Растерзать мы всегда с удовольствием. Но и зацеловать можем.

Алиса так заслушалась, что забыла о том, что происходит рядом с ней, в подвале. Робот возился где-то в углу, вздыхал, скрипел, искал муравейник и вдруг тихо сказал:

— Уууух...

Вот этого Алиса не услышала, потому что наверху продолжался интересный разговор.

— Хватит терять время на пустые разговоры! Пора выходить на связь с нашими друзьями пиратами, — решил веревка Шрип. — Они уж, видно, заждались.

— Верно, — поддержал его Орел-Хохотуша, — давай, Увара Тихеньевна, иди к передатчику.

— Ой, — удивилась Алиса, — у них и передатчик есть!

Робот не откликнулся, но Алиса тут же сообразила, что, конечно же, у них передатчик есть — иначе как бы они связывались с инспектором Карло.

Наверху наступила тишина — видно, медсестра включила передатчик и набирала код пиратского корабля.

«Интересно, как же им удалось, — подумала Алиса, — сидя здесь, на планете, договориться с пиратами?»

— Как ты думаешь, Кристалл?.. — обернулась она к роботу-сейфу.

Но никакого робота в подвале не было.

Глава 14. Пристрели меня!

В подвале стало светлее.

Алиса обернулась и увидела в дальней стенке дыру размером с холодильник. Из нее в подвал попадал неяркий свет.

«А где же робот? — подумала Алиса. — Я даже не заметила, как он ушел из подвала. Из страшного бетонного подвала, из которого уйти совершенно невозможно».

Алиса подошла к отверстию и увидела, как по стене бегают тысячи муравьев, а сама стена трухлявая, как гнилушка.

— Ну и муравьи! — сказала Алиса.

— Я не рассчитал сил, — услышала она голос снизу.

Алиса выглянула в дыру и поняла, что дом генералиссимуса, где они сидели в подвале, стоит на склоне холма. На холме тесно росли кусты и деревья, потому возле дома было полутемно.

Робот Кристалл лежал на земле, подняв ногу.

— Вывихнул ногу, — сообщил он Алисе. — Я думал, что стена крепкая, надавил на нее — и выпал наружу.

— Сейчас я тебе помогу, — сказала Алиса.

— Помочь мне нельзя, — сообщил робот. — Ты погляди на меня и ужаснись!

Алиса поглядела и ужаснулась. Робот был весь измазан вареньем, соленьями и соусами, а сверху покрыт массой муравьев, ос и тараканов, которые на нем обедали.

— Не трать времени, — сказал робот. — Беги. Мне же не больно. К сожалению.

— Почему к сожалению? — спросила Алиса.

— Потому что я хочу быть человеком, — произнес робот. — Но человек все время борется с болью и мучениями. Я же знаю об этом со слов и совершенно не умею страдать. А без страданий из меня не получится человека.

— Это очень интересная мысль, — сказала Алиса. — Я такой еще не слышала ни от одного робота. Но мы с тобой обязательно что-нибудь придумаем. Может быть, мы тебя женим.

— Женим? На женщине-роботе? На роботихе?

— Вот именно. Я знаю, что иногда жены так мучают мужей, что мужья начинают страдать.

— А если наоборот? — спросил робот.

Алиса махнула рукой.

— В чем беда с вами, роботами, — вздохнула она, — вы не знаете, когда надо спешить, а когда можно поговорить о страданиях. А мне надо срочно вызывать Гай-до, чтобы он нас выручил.

— Подожди! — возмутился робот. — Неужели ты считаешь, что разговор о моих страданиях не так важен, как твой Гай-до?

— Ползи к реке, — ответила Алиса, — и отмывай варенье!

Промедление оказалось почти роковым.

— Эй! — раздался крик сзади. — Где наши узники?

— Бежим! — крикнула Алиса.

— Пристрели меня, — ответил робот. — Выстрели в меня из бластера, чтобы я не попал живым к врагам! Скорее стреляй!

— Кристалл, — строго сказала Алиса, — ты же знаешь, что у меня нет никакого оружия. Даже палки. И я никого никогда не убиваю.

— Глупая девчонка! — закричал робот так, что, наверное, все тираны услышали его крик. — Неужели ты не понимаешь, что мы с тобой на войне?! А на войне все средства хороши. Если я попаду в плен, то я выдам военную тайну!

— Ползи к реке! — крикнула Алиса.

Робот пополз вниз. Вокруг роились мухи и осы.

Алиса покатила по обрыву к берегу.

Река была неширокая, она текла медленно, с другой стороны к ней подходил лес. Деревья были покрыты разноцветными цветами. Если бы не тираны, это была бы чудесная планета, туристический рай. Когда тираны выведутся или исправятся, сюда обязательно будут летать туристы.

Сзади зашуршали кусты — преследователи не отставали.

Пришлось нырять.

Как опытный путешественник, Алиса не любила неизвестные водоемы. Мало ли что там могло водиться. Но сейчас выбирать не приходилось. Алиса нырнула рыбкой и раскрыла глаза. Вокруг было зелено, шевелились водоросли. Что-то темное и быстрое несло к ней.

Алиса выскочила на поверхность. И увидела совсем рядом чешуйчатую спину крокодила. Тут же над поверхностью воды показалась крокодилия пасть размером с чемодан, вооруженная треугольными зубами.

Алиса, которая была отличным пловцом, ринулась в другую сторону. Но и с той стороны ее ждала пасть крокодила!

Алисе ничего не оставалось, как набрать побольше воздуха в легкие и нырнуть к самому дну реки, чтобы плыть дальше вдоль дна. Она надеялась, что так крокодил не сможет ее достать.

Она почти доплыла до противоположного берега, как что-то схватило ее за ногу.

Алиса попыталась вынырнуть, но это что-то ее не пускало.

На счастье, башмак слетел с ноги, и Алиса выскочила на поверхность воды, ожидая, что ее встретят крокодилия морды.

В книжках рассказывают, что если человеку грозит смертельная опасность, то перед его взором проходит вся прошлая жизнь. Но с Алисой случилась странная вещь: она вспомнила, куда засунула в прошлом году бабушкины заколки. Их потерю бабушка переживает до сих пор.

Разумеется, эта мысль пролетела в голове, как молния, тут Алиса увидела удивительную вещь.

Один из крокодилов, что напал на нее, медленно плыл по течению желтым брюхом вверх, раскинув когтистые лапы. Второй крокодил выскочил из глубины, сжимая в челюстях башмак Алисы и бешено сверкая глазами. Он был бы рад проглотить Алису, но башмак ему мешал.

И тут кто-то сильно толкнул Алису в спину.

Она в ужасе решила, что это третий крокодил, но не успела даже закричать, как врезалась в тростники, росшие у берега, и сообразила прыгнуть вперед, на сушу.

Следом за ней из воды выбрался совершенно голый, покрытый зеленой чешуей молодой человек. Он тяжело дышал и сжимал в руке небольшой острый меч.

— Простите, — сказал он, — что я немного запоздал.

Глава 15. Несчастный русал

Один из крокодилов уже уплыл вниз по течению, но второй подбирался к берегу, нацеливаясь на молодого человека.

— Кто вы? — спросила Алиса.

— Я такой же несчастный, как и вы, — ответил зеленый юноша.

— Сзади крокодил!

— Я вижу, я привык уже к ним.

Юноша мгновенно обернулся и ударил мечом по шее крокодила. Крокодил тут же ушел на глубину, и вода запенилась от яростных ударов его хвоста. В водовороте плавал башмак Алисы.

— Скорее, — сказал зеленый юноша. — Мы должны отойти от реки, а то нас подстрелят.

Он выудил башмак и вылез на берег.

Как бы в ответ на его слова по воде вскипели чередой фонтанчики — кто-то стрелял с того берега.

Пули щелкали по листьям.

— Это кто стреляет? — спросила Алиса.

— Это дерево Ивушка кидается своими орехами. Больно, но не смертельно.

Хромая на одну ногу, Алиса кинулась в кусты, зеленый юноша следом за ней.

— Давайте познакомимся, — сказала Алиса. — Я Алиса Селезнева, прилетела сюда по делам, но нечаянно угодила в подвал, из которого убежала.

— Меня зовут Гамлет, — ответил зеленый юноша. — По национальности я — русал.

— Кто вы?

— Русал. То есть русалка мужского рода.

Юноша отдал Алисе башмак и, пока она обувалась, вздохнул и продолжил:

— Как грустно, что всю жизнь мне приходится объяснять, что русалки, как и все другие существа в мире, делятся на два пола — мужской и женский. Только наши женщины, особенно подростки, — страшно невоспитанные, они любят авантюры, танцы и ночные хороводы. Для них нет лучшего развлечения, чем заманить в глубину обычного земного человека. И я вам должен сказать, Алиса, что среди нас, русалов, такое поведение не поощряется. Тем более что оно плохо кончается не только для человека, но и для русалки.

— Мне было очень приятно это узнать, — сказала Алиса. — Я давно подозревала, что не бывает народов, состоящих только из одних женщин. У вас же должны быть дети, иначе вы все вымрете.

— Гениально! — сказал зеленый Гамлет. — Именно так. Мы любим детей, и обычно воспитанием занимаются русалы. А наши женщины пляшут и танцуют.

— А почему вы здесь оказались?

— Сейчас расскажу, — начал русал, но ему пришлось временно замолчать, потому что их преследователи вышли к самой воде.

Впереди семенил губастый Орел-Хохотуша, с рогаткой в лапе, за ним извивалась веревка Шрип, которая обвивала хвостом дубинку, шествие замыкал генералиссимус Снарядетти. Зажмурив единственный глаз, указательным пальцем он жал на курок деревянного пистолета.

— Отойдем подальше в кусты, — предложил зеленый русал. Они кинулись в чащу, и

вовремя, потому что орехи щелкали по стволам деревьев, взрывали землю и рвали траву. Алиса с зеленым юношей нашли неглубокую ложбину и затаились в ней.

— Что они, с ума посходили, что ли? — спросила Алиса зеленого юношу. — У них настоящие автоматы. Так и человека убить нетрудно.

Зеленый юноша только улыбнулся и ответил:

— А они и хотели нас с тобой убить. Их автоматы стреляют желудями, а гранаты у них картофельные. Но учти, картошкой тоже убить можно. Потому что началась настоящая последняя война. Генералы не умеют шутить. Если они начали войну, значит, хотят кого-то убить. Кстати, за это их сюда и прислали. На своих планетах они не шутили.

— Я тебе честно скажу, — ответила Алиса. — Мне пришлось во многих переделках побывать, но на настоящей войне я еще, по-моему, не бывала.

Стрельба продолжалась, слышен был рев:

— Кто убил крокодила? Кто посмел убить моего крошку?

— А кто убил крокодила? — спросила Алиса.

— Я, — скромно ответил зеленый юноша.

— А зачем вы это сделали?

— Потому что он собирался тебя проглотить.

— Это правда, — согласилась Алиса. — Я даже от страха зажмурилась. А разве здесь крокодилы водятся?

— Раньше не водились, но Подводный Бык уверял, что ест только свежую рыбу. Ему привозили банки с икрой. Он подкупил кого-то в рыбном питомнике, и икра оказалась особенная, из головастиков вывелись крокодильчики. Крокодилы злые, голодные, мы их боимся.

— Но почему об этом не знает инспектор Карло?

— А кто ему скажет?

Алиса задумалась. Наверное, слова зеленого юноши надо было понимать как признание того, что тираны давно замыслили восстание. Алисе очень хотелось узнать, почему этот зеленый юноша ее защитил. Но тут желуди и орехи стали ложиться ближе к Алисе, и юноша приказал:

— Перебежками, голову не поднимать, к большому пню... беги!

Алиса послушалась его.

Пень был и в самом деле велик, даже поднявшись во весь рост, Алисе не достать бы до верха, а уж не обхватить — подавно.

Зеленый юноша повел себя странно.

Он подполз к пню и стал стучать в него костяшками пальцев.

— Слышу, слышу, — раздался слабый голос изнутри.

Кусок коры отвалился, и оказалось, что это потайной ход внутрь пня.

— Я уж тебя заждался, — произнес изнутри ворчливый голос. — Залезайте, залезайте!

Зеленый юноша толкнул Алису вперед и пролез в пень за ней. Внутри было полутемно, и Алиса не сразу разглядела обитателя пня, маленького лохматого человека со странным звериным лицом.

— Девочка, — сказал мохнатенький, — давай знакомиться. Много о тебе наслышан. Надеюсь, что мы еще посражаемся с тобой вместе.

И он запел дурным голосом:

К мачте став спина к спине,
Сражаться будем или нет,
А дальше все забыл я!

Алиса поняла, что это типичный уксуец, только в три раза меньше, чем те, которых она видела прежде.

На нем был даже обычный уксуйский фартучек, расшитый, правда, алмазами.

Глава 16. Наш союзник Уксу-ба

— Вы Уксу-ба! — догадалась Алиса.

— Собственной персоной. А откуда ты знаешь обо мне?

— Мне на вашей планете рассказали.

Тут над головами у них взорвался арбуз, и во все стороны полетели корки. Пень даже зашатался.

— Кончится тем, что они введут в дело танки, — сказал махонький уксуец.

— Нет у них танков, — ответил зеленый юноша. — Не придумывайте. На огороде танк не вырастишь.

— Нет так нет, — согласился Уксу-ба.

Он свернулся колючим клубком, наружу высовывался лишь ежиный носик и генеральские погоны, наколотые на плечи.

— Пока идет артиллерийская подготовка, — сказал Уксу-ба, — признавайся, зачем ты меня ищешь? Ты шпионка?

— Честно говоря, я не шпионка, — призналась Алиса. — Но меня прислали к вам с планеты Уксу.

— Неужели меня помнят? — обрадовался тиран. — И как, ждут? Скучают? Поют песни о моих славных походах?

— Не очень скучают, не очень ждут, и, наверное, вам туда лучше не возвращаться.

— Так что же им от меня нужно?

— Вы взяли у них детскую железную дорогу, которую когда-то сделали гномы. Им хочется получить ее обратно.

— Ну вот! — обиделся Уксу-ба. — Всем хочется мою маленькую игрушку. А ведь я владею ею по закону. Это моя единственная вещь в этой ужасной ссылке. Я ведь бедный и несчастный! У меня никогда не было игрушек.

В стенку пня попала картофелина, и пень снова зашатался так, что чуть не выскочил из земли вместе с корнями.

Когда пыль улеглась, Уксу-ба продолжал:

— Я родился в бедной уксурской семье, в классе я был самым маленьким, на улице я был самым маленьким, и даже в бане я был самым маленьким. Меня все обижали и толкали. В конце концов я озлобился и стал самым злобным карликом на планете. Я решил отомстить переросткам. И отомстил. Я полпланеты перебил, а остальных сослал в дальние края! И если бы не предательство, им никогда бы до меня не добраться...

— Так вы отдадите железную дорогу? — спросила Алиса.

— И не подумаю. Потому что ее нет.

— А что вы с ней сделали? — удивилась Алиса.

Уксу-ба молчал, и за него ответил зеленый юноша:

— Уксу-ба переименовал поезд в бронепоезд.

— Вот именно! — согласился Уксу-ба. — Этот бронепоезд называется «Кровавый мститель».

— Но зачем? С кем вы тут воюете? — спросила Алиса.

— Все против всех! — сказал Уксу-ба. — Так устроен мир.

Зеленый юноша, который выглядывал наружу, проверяя, не наступают ли противники, объяснил Алисе:

— Они с Уксу-ба давно враждуют. Им нужен его поезд.

— Зачем?

— У него, если ты не знаешь, паровоз сделан из нефрита, труба выточена из черного мрамора, вагоны изумрудные, фонарики рубиновые, крыши из бирюзы — это чудесное произведение железнодорожного и ювелирного искусства.

— Потому-то я его и утащил с моей родной планетки! — подтвердил Уксу-ба. — Без меня там порядка нет, еще разворуют. Вот мне и пришлось мой любимый поезд превратить в мой любимый бронепоезд. Я покрасил его в защитный цвет, поставил на крышу катапульту — попробуй отними!

— Поэтому вы не участвовали в заговоре против нас с инспектором Карло? — спросила Алиса.

— Ах, милая девочка, все в жизни значительно сложнее, — улыбнулся Уксу-ба, — я бы и рад участвовать в восстании и улететь отсюда, но остальные подлые тираны договорились, что их вывезут на своем корабле космические пираты. На мое несчастье... ой-ой-ой! На мое ужасное несчастье, пираты потребовали плату за это!

— Какую же плату?

— Неужели ты еще не догадалась? Они потребовали мою железную дорогу. А я... я не смог с ней расстаться. И вот я начал оборонительную войну!

— Вы воюете против всех остальных тиранов? — спросила Алиса.

— А что ему остается, — сказал зеленый юноша. — Если он сдастся, они отнимут у него железную дорогу, а может, заодно и самого его пристукнут.

— Вот именно! — сказал ежик и закручинился. — Я даже капитулировать не могу. Я нахожусь в осаде. Я сражаюсь из последних сил. У меня только один союзник — Гамлет.

— Гамлет — это я, — напомнил зеленый юноша. — Состою в союзниках тирана Уксу-ба.

— Но почему?! — воскликнула Алиса. — Вы же так не похожи на тирана.

— А я и не тиран, — ответил зеленый юноша, — я самый обыкновенный русал. Мы ловим рыбу, собираем водоросли, рвем рыбацьи сети, чтобы не лезли в наши края, даже пугаем глупых туристов, чтобы не жгли костров. На берег вылезаем в крайнем случае, не любим мы сухопутной жизни. Пускай наши жены и сестры танцуют и веселятся — разные у нас характеры.

— А почему вы сюда попали?

— Как почему? — удивился зеленый юноша. — Разве вы не видали мою невесту? Эсперанцу?

Алиса в растерянности обернулась к Уксу-ба. Тот сидел, свернувшись в колючий клубок у ее ног, но взгляд Алисы почувствовал, и на его мордочке появилась лукавая улыбка.

— Так зовут невесту нашего друга Гамлета — у этого племени в ходу очень странные имена. Невесту нашего Гамлета утащил с собой Подводный Бык. Помнишь — одна вещь или один человек. Я взял с собой поезд, генералиссимус взял с собой медсестру, а Подводный Бык — русалочку, которая стрижет ему ногти, расчесывает волосы и вообще за ним ухаживает.

— За Быком?

— Дело в том, что Подводный Бык — всего лишь прозвище, а на самом деле он не бык.

— А кто? — спросила Алиса.

— Увидишь, — ответил Уксу-ба. — Это его титул.

— Так чем же он вас тиранил? — спросила Алиса у зеленого Гамлета, но тот не успел ответить.

Откуда-то издали донесся звонок.

— Вас к телефону, — сказала Алиса.

— Пока я добегу до дома, — сказал Уксу-ба, — меня могут застрелить. Лучше уж я не буду подходить.

— А вдруг это важный звонок? — спросила Алиса.

— Ну подумай, девочка, — обиделся маленький колючий тиран. — Кто может мне звонить на почти необитаемой планете? Только враги.

— А вдруг они хотят сказать что-то важное?

— Ничего хорошего от врагов я не услышу. Значит, мне лучше их и не слушать, — ответил Уксу-ба.

А телефон все надрывался.

— Нет, я так не могу. — Алиса кинулась к дому, перед которым была вырыта длинная траншея, прямо как на войне. В одном месте траншея была соединена глубоким ходом с домом, и из нее можно было попасть прямо в подпол. Нижние этажи дома были заложены мешками с песком. Видно, Уксу-ба заранее готовился к войне. Удивительно! Вокруг тебя все готовится к войне, а ты думаешь, что тираны уже почти перевоспитались. А ведь так рассуждал добрый Карло, который вырос взрослым, но так и не догадался, что тираны никогда не перевоспитываются.

Пока Алиса бежала, ее заметили, и несколько снарядов упало совсем рядом. Один из снарядов подкатился ближе и в самом деле оказался картофелиной. Видно, не зря тираны копались на приусадебных участках.

Глава 17. Гай-до идет на помощь

— Алло! — крикнула она. — Планета Тишина слушает.

— Это куда я попал? — спросил знакомый голос.

— Вы звоните в резиденцию тирана Уксу-ба, — ответила Алиса.

— А кто у телефона?

— У телефона Алиса Селезнева.

— Какое счастье! Неужели ты меня не узнала?

— Это ты, Гай-до?

— Я с ума схожу от беспокойства! Я вызвал станцию Контроля — там никого нет. Ну, я сначала не очень испугался, потому что знал, что вы собрались побывать на планете. Прошел час, второй — никто не выходит со мной на связь. Тогда я взял в Информатории справочник всех телефонов планеты и всем начал звонить. И представляешь — никто мне не ответил! Что случилось? Почему ты до сих пор не вернулась на Контрольную станцию?

— Гай-до, миленький, как хорошо, что ты позвонил. Случилось страшное несчастье. Тираны взбунтовались и держат в плену Карло. Робот сломал ногу, я чудом переплыла через речку и спряталась у Уксу-ба!

— Но он же тоже тиран!

— Да, он тиран, но он тиран, который за нас, потому что он против других тиранов.

— Слишком сложно ты мне все объясняешь. Но не важно. Я сейчас же приземлюсь и наведу здесь порядок.

— Ой, как хорошо, Гай-до, а то я волнуюсь, как бы они не сделали чего-нибудь плохого Карло. Только, пожалуйста, Гай-до, прежде чем спускаться, свяжись немедленно с Галактическим центром. Расскажи им, что здесь произошло. Пускай они пришлют сюда патрульный крейсер.

— Еще чего не хватало! — возмутился кораблик Гай-до. — Что я, сам не справлюсь с кучкой тиранов!

— Подожди! Насколько мне известно, на помощь тиранам спешит корабль космических пиратов.

— Каких еще пиратов?

— Это наши с тобой старые знакомые — Весельчак У и Крыс. Они обещали вывезти тиранов с планеты. Для этого тираны и захватили в плен Карло. Чтобы он не успел ничего сообщить в Центр, ты меня понимаешь?

— Не страшны мне пираты! — заявил Гай-до.

— Я знаю, — сказала Алиса, — что ты у меня самый смелый кораблик во всей Вселенной. Но пойми простую вещь: у пиратов — военный корабль, вооруженный до зубов. Достаточно одного выстрела из их пушки, чтобы от тебя ничего не осталось. Зачем же мне мертвый Гай-до? Я думаю, что тебе посоветуют дежурить рядом с планетой и не вмешиваться, пока на помощь не придет настоящий крейсер.

— Тогда я не буду связываться с Галактическим центром, — решил Гай-до.

— Гай-до, конечно, ты разумный корабль. Но ты никогда не летаешь один. Так уж придумано, что у тебя всегда есть капитан. И я твой капитан.

— Ну это еще как сказать...

— Гай-до! Опомнись! Немедленно исполняй мою команду! — приказала Алиса.

— Исполняю! — совсем другим голосом ответил Гай-до. — Сейчас же выхожу на связь

и вызываю на подмогу галактический крейсер!

Он помолчал несколько секунд и добавил:

— Но, вообще-то, я на тебя, Алиса, сильно обижен. Ты не даешь мне тебя защитить.

— Лучше смотри в оба! Ты должен заметить приближение корабля пиратов раньше, чем они тебя обнаружат.

Алиса не успела закончить разговор с кораблем, как в траншею спрыгнули ее союзники — зеленый Гамлет держал на руках колючего тирана Уксу-ба.

Зеленый юноша тяжело дышал.

— Они перешли в наступление, — сообщил он.

— Мой дом совсем не защищен, — сказал Уксу-ба, — придется прятаться в бронепоезде. Там у меня артиллерия.

— Еще артиллерии нам не хватало, — возмутилась Алиса.

— Я не хочу быть беспомощной жертвой негодяев! — вспыхнул бывший тиран. — Я буду с ними сражаться, но не отдам им мое имущество.

— Я тоже буду сражаться и освобожу мою невесту из объятий Подводного Быка, — сказал зеленый Гамлет.

Алиса высунулась из траншеи — ничего не было видно.

— А что там происходит? — спросила она.

— Они переправляются через реку.

— Как?

Ее спутники не ответили. Они побежали по узкой канаве к дому.

Алиса решила все же посмотреть, где и как наступают противники.

Она выпрыгнула из траншеи и, пригибаясь, добежала до большого пня, в котором они так недавно прятались. Возле пня никого не было, и Алиса осторожно спустилась поближе к берегу и раздвинула кусты, чтобы разглядеть, что же там происходит.

Глава 18. Бойцы бронепоезда

Такого ей не приходилось видеть никогда.

По реке плыл небольшой крокодил, на спине которого стоял розовый Орел-Хохотуша и улыбался во весь рот. Видно, он чувствовал себя героем и победителем, потому что в руке держал сверкающую сабельку и махал ею, как будто несся верхом на боевом коне.

За крокодилом с Орлом-Хохотушей двигалось сложное сооружение. На двух больших крокодилов положили бревенчатый помост, на помост поставили кресло-каталку, в котором сидели глаз и ухо генералиссимуса, а рядом стояла бледная от волнения медсестра Увара Тихеньевна.

Завершала эскадру гигантская черепаха. На ее панцире стояла деревянная пушка, рядом лежали кучей картофелины-снаряды. А над пушкой, словно живой прут, покачивался сам господин Шрип — головка и веревочная шея.

«Как бы их остановить? — задумалась Алиса. — Надо кинуть что-то в воду, чтобы крокодилы сбросили своих наездников. Но что?»

Алиса схватила с земли небольшой камень и изо всех сил кинула его вперед. Камень не долетел до крокодила, который вез Орла-Хохотушу, но столб брызг поднялся так высоко, что облил Орла с ног до хохолка на голове.

— Это еще что такое! — закричал он. — Артиллеристы, подавить узел сопротивления противника!

Алиса еле успела забежать за пень — Шрип не тратил времени даром и бабахнул из своей пушки картофельной картечью.

Алиса поняла, что пора отступать. Главное, чтобы Гай-до успел укрыться за планетой и не попал на прицел пиратам. А вдруг пираты еще далеко и Алиса была не права, запретив Гай-до спуститься ей на помощь?

У Алисы было в запасе еще две-три минуты, пока враги высадятся на берегу, и она побежала к телефону, который стоял в траншее, и подняла трубку.

— Гай-до, ты меня слышишь?

— Слышу, — ответил Гай-до, — я к тебе подлетаю!

И тут же визгливый голос космического пирата прокричал:

— Давай, Гай-до, подлетай, старый дуралей! Я сделаю из тебя железную котлету на машинном масле! Весельчак, приготовь ракеты «воздух — воздух» к бою!

— Гай-до, прячься! — крикнула Алиса.

— Я должен тебе сказать, — успел крикнуть Гай-до, — патрульный крейсер вышел с дежурной станции! Он будет здесь через пять часов. Ты меня слышишь?

Алиса не успела ответить, как в телефоне раздался голос пирата Крыса.

— Не знаю, как твоя девочка, — крикнул он и захохотал, — зато я все слышал. И должен тебе сказать, что пяти часов нам более чем достаточно, чтобы вывезти всех живущих на планете и все ценности и скрыться без следа в Серой туманности. А если твой любимчик Гай-до вмещается, я уже пообещал сделать из него железную котлету на машинном масле!

И наступила тишина.

К Алисе подбежали Уксу-ба и зеленый Гамлет.

— Ну и что? — спросил Гамлет. — Патрульный крейсер идет нам на помощь?

— Идти-то он идет, — ответила Алиса. — Но вот пока он доберется до нас, будет поздно.

— Бежим в бронепоезд! — решил Уксу-ба. — Мы будем сражаться до последнего патрона.

— Правильно, — сказал юноша, — лучше воевать и двигаться, чем сидеть на месте и ждать, пока тебя скушает крокодил.

От реки донеслись крики «Ура!».

— Побежали, — сказал Уксу-ба. — Гамлет, возьми меня на руки, я за вами не успею.

Гамлет схватил на руки ежика с генеральскими погонами, и, пригибаясь, они побежали траншеей за дом.

Оказалось, что с другой стороны дом устроен как вокзал.

На нем была прикреплена надпись золотыми буквами:

«Уксуй Детский».

Было окошко с надписью:

«Билетная касса».

Там было еще «Багажное отделение» и даже кран с надписью: «Кипяток».

К стене вокзала был прибит страшный плакат с изображением человека, падающего с платформы, а к нему приближался поезд. Под этой картинкой было написано: «Сэкономить минуту — потеряешь жизнь!»

В общем, это был самый настоящий вокзал.

На рельсах у перрона стоял самый некрасивый поезд, какие Алисе приходилось видеть на старинных картинках. От крыши до колес он был выкрашен некрасивой серой краской, а на боку первого вагона были неаккуратно выведены белые буквы: «Смерть угнетателям трудового народа!»

За вагонами была прицеплена платформа с высокими стальными бортами. На ней стояло какое-то странное сооружение, которое ничего не напоминало.

Завершался бронепоезд еще одним перекрашенным вагоном.

Не слезая с рук русала, Уксу-ба достал из-за пазухи ключ и, подтянувшись наверх, отпер дверь в задний вагон.

— Это мой штабной вагон, — сказал он. — Здесь я думаю и руковожу операциями.

Внутри вагон сиял. Его стены были выложены самоцветными камнями, на полу лежал ковер, а посреди на длинном малахитовом столе была разложена карта.

Уксу-ба вспрыгнул на стул и развел лапками.

— Вот, — сказал он, — поле сражения. Наш противник только что форсировал реку Амазонку, и его отряды приближаются к нашей столице, стараясь окружить вокзал и отрезать нам пути к отступлению.

Уксу-ба водил указкой по карте, на которой Алиса нашла вокзал и железную дорогу, где стоял бронепоезд. Отсюда железная дорога тянулась вдоль речки. На том ее берегу Алиса отыскала дом генералиссимуса. В нем томился инспектор Карло. Под домом было написано: «Ставка противника». А вот и омут, где обитает Подводный Бык и скрывается несчастная русалочка. Железная дорога доходила до крутой горы, исчезала в тоннеле, появлялась на той стороне и изгибалась, чтобы вернуться к вокзалу.

— Сколько нам нужно продержаться? — спросил Уксу-ба.

— Гай-до сказал мне, что патрульный крейсер прилетит через пять часов.

— Будут жертвы, — объявил Уксу-ба. — Мало кто из нас увидит восход свободного дня. Но нашей свободы мы им не отдадим.

Алиса чуть было не засмеялась. Она же все знала.

Ведь каждый здесь собирался сражаться за свое: Уксу-ба защищал драгоценный поезд, зеленый русал Гамлет мечтал отыскать и отобрать у Подводного Быка свою невесту русалочку, а Алисе надо было спасти инспектора Карло, а также, если удастся, вернуть детям-уксуйцам их железную дорогу.

Так что планы и надежды защитников бронепоезда совершенно не совпадали.

Правда, враги у них были общие.

— Против наших тиранов-ветеранов мы устоим, — сказал Уксу-ба. — Артиллерия у меня будет посильнее и, главное, калибром покрупнее, чем у них. Но если в дело вмешаются пираты, нам придется спустать флаг.

— Мы погибнем, но не сдадимся, — заявил зеленый Гамлет.

— Тогда к делу! — Уксу-ба на цыпочках подбежал к бойнице в стенке вагона и, взглядевшись, сказал Алисе: — Посмотри!

Глава 19. Наступает решительный бой

Алиса увидела, как на перрон вокзала выезжают тираны. Сначала выползла черепаха с пушкой. Шрип отвел пушку и замер, оглядываясь. Затем Орел-Хохотуша набрал в мешок картошки и принялся заталкивать клубни в дуло пушки.

Генералиссимуса не было видно.

— Все ясно, — сказал Уксу-ба, — часть врагов пошли в обход. Их мы и будем опасаться.

— Что будем делать, генерал? — Зеленый юноша сразу признал в Уксу-ба начальника и командира.

— Переменим позицию на более выгодную, — ответил тиран. — Алиса, тебе я доверяю управление локомотивом. Ты пойдешь вперед. Я сам останусь здесь и буду управлять сражением, а ты, Гамлет, немедленно отправляйся на оружейную платформу. Не теряйте ни секунды, сейчас начнется штурм.

И тут же, как бы в ответ на слова Уксу-ба, в дверь вагона постучали.

— Кто там? — спросил тиран.

— Это Шрип, — ответил голос, — мы предлагаем вам сдаться. За это мы сохраним вам жизнь и возьмем только поезд. Все равно он тебе уже не нужен.

— Давайте же! — торопил Уксу-ба Алису и Гамлета. — Не теряйте времени!

Русал остался на платформе с высокими железными бортами, возле странного сооружения. Рядом с сооружением лежали кучей кочаны капусты и такие гигантские тыквы, которых Алисе и видеть еще не приходилось.

Алиса же побежала дальше, через пустой вагон и оказалась в паровозе.

— Ну как? — услышала она голос Уксу-ба. — Ты на месте?

— На месте, — ответила Алиса.

— Ты видишь рычаг красного цвета?

— Вижу.

— Если ты повернешь его направо, поезд поедет вперед, если вверх, то он остановится. Если повернешь налево, то поезд покатится назад. Тебе понятно?

— Все понятно, мой генерал! — сказала Алиса.

— Тогда полный вперед! Рычаг направо. Только не очень торопись.

Что-то застучало по стене паровоза.

— Что это? — спросила Алиса.

— Они начали обстрел, — сказал Уксу-ба. — Похоже на орехи.

«У-у-ух-ух-ух», — медленно заговорил паровоз. Поезд дернулся, покачнулся и двинулся с места.

Алиса посмотрела в узкое окошко справа от себя и увидела, как Орел-Хохотуша сыплет в пушку картофелины, а из-за угла вокзала выглядывает генералиссимус, который оттягивает единственным пальцем большую рогатку, прикрепленную к креслу.

Алиса еле успела спрятаться, как в щель влетел железный болт.

Наверное, вам смешно читать о войне, снарядами в которой служат картофелины и гайки. Но если бы у тиранов было оружие посерьезнее, они бы закидали Алису гранатами.

— Полный вперед! — приказал по внутреннему телефону Уксу-ба.

Алиса повернула рычаг еще правее — увидела, как за бойницей исчезло здание вокзала и вместо него показались зеленые деревья. Колеса паровоза все быстрее и быстрее

постукивали на стыках рельсов.

— Не так быстро, — прикрикнул на Алису Уксу-ба, — а то с рельсов сойдем!

Алиса чуть отвела рычаг влево, и Уксу-ба приказал зеленому Гамлету:

— Из орудий главного калибра по скоплению противника залпом, огонь!

Алиса взглянула назад — у кабины паровоза не было задней стенки — и увидела платформу, на которой возле странного сооружения стоял зеленый русал. Он оттянул громадную деревянную ложку, из которой можно было бы накормить кита, положил в нее большой кочан капусты и отпустил.

«Да это же катапульта!» — догадалась Алиса. Правда, прежде ей не приходилось видеть настоящей катапульты, но она знала, что у древних греков и римлян катапульты были самым любимым оружием — они перекидывали из катапульт камни, а то и бочонки с горящим маслом через высокие каменные стены.

Кочан капусты, как отрубленная зеленая голова великана, полетел по высокой дуге к вокзалу, где укрепились преследователи. И надо же было ему угодить точно по пушке Орла-Хохотуши! Пушка опрокинулась.

— Давай еще! Стреляй же! — кричал Уксу-ба. Алиса не знала, что ей делать: то ли подать поезд назад, то ли ехать вперед.

На всякий случай она остановила поезд.

Второй кочан сшиб с ног медсестру Увару Тихеньевну.

Она лежала и кричала:

— Но ведь я совсем ни при чем! На мне красный крест нарисован!

— Поехали вперед, — сказал по телефону Уксу-ба, — а то в самом деле ты, Гамлет, стреляешь куда ни попадя.

— Вот сейчас прилетят пираты, — вопила веревка Шрип, — они вам за всех нас отомстят!

Алиса повела паровоз вперед, но проехать им удалось недалеко.

Впереди на рельсах лежало бревно. Кто-то перегородил железнодорожные пути.

Алиса резко перевела рычаг влево и ударилась головой о переднюю стенку кабины. Сзади раздались крики Гамлета и Уксу-ба, которые тоже не удержались на ногах.

Глава 20. Подводный Бык и его крокодилы

— Впереди лежит бревно, — сказала Алиса. — И, кстати, я ушиблась.

— Какое еще бревно? Мы же оторвались от противников, — удивился Уксу-ба.

— Это не бревно, — сказал зеленый Гамлет. — Это боевой крокодил.

— Нам еще крокодилов не хватало, — обиделся Уксу-ба. — Мы победили в первом бою, здесь ни одного тирана быть не должно... Гамлет, дружок, стрельни, пожалуйста, по крокодилу, пускай он уйдет с дороги.

Гамлет развернул катапульту, заложил кочан покрепче и запустил крокодилу точно в голову. Но крокодил оказался хитрее.

Крокодил хлопнул пастью — и проглотил кочан.

Алисе показалось, что крокодил улыбается.

— Что будем делать, начальник? — спросил Гамлет.

— Вылезай и бейся врукопашную, — приказал Уксу-ба.

— А если он меня победит?

— Тогда мы будем петь о тебе песни!

— А может, толкнем его паровозом?

— У нас паровозов на всех крокодилов не напасешься! Сейчас же вылезай и убери это проклятое пресмыкающееся. Иначе нас догонят и победят.

— Они и так нас догонят. Куда нам деваться?

— Ничего подобного. Скоро, за поворотом, тоннель. Мы в него въедем и будем там прятаться, пока не прилетит патрульный крейсер. У меня все рассчитано. Иди, иди, не тяни время!

Русал вздохнул, спрыгнул с платформы, вытащил меч и пошел к крокодилу.

— Сейчас он ему покажет! — сказал Уксу-ба.

Русал подошел к крокодилу и замахнулся мечом.

Крокодил медленно повернул голову в его сторону и широко раскрыл пасть, словно зевнул от скуки. И тут Алиса поняла, что отважный Гамлет может целиком поместиться в этой пасти.

Русал попытался рубануть крокодила мечом по носу. Крокодил мгновенно прыгнул в сторону русала, русал отшатнулся, споткнулся о шпалу и грохнулся на рельсы.

И тут Алиса поняла, что только она может помочь русалу, нажала на кнопку с надписью «Свисток», и паровоз засвистел так громко, словно хотел разбудить лес и горы.

Крокодил, уже готовый проглотить русала, замер с открытым ртом.

Алиса заметила, что от воды к крокодилу бежит зеленая девушка. «Так это же русалка!» Алиса ее уже видела, когда прилетела.

Она снова нажала на свисток, чтобы предупредить девушку.

Но та словно и не замечала зеленое бревно с разинутой пастью на рельсах.

— Гамлетик, мой дорогой жених! — кричала она. — Ты пришел меня освободить!

Крокодил удивился и повернул голову в сторону русалки.

Вернее всего, ему в жизни не приходилось видеть сразу столько зеленых людей.

Увидев русалочку, которая неслась к крокодилу, распустив свои зеленые локоны, зеленый юноша забыл о врагах и кинулся ей навстречу. Он высоко подпрыгнул, подхватил русалку, и они покатались по склону к реке.

Алиса вздохнула с облегчением и направила паровоз на крокодила. Паровоз выпустил

струи пара и дыма, гудел и пыхтел.

И нервы крокодила не выдержали.

Он закрыл пасть и начал пятиться. Потом потерял равновесие и покатился в речку следом за женихом и невестой.

Алиса беспокоилась за русала Гамлета. Поэтому она резко повернула рукоять управления налево, бронепоезд вздрогнул и замер. Уксу-ба что-то кричал, но Алиса его не слушала. Она выскочила из паровоза и в два прыжка оказалась на платформе возле катапульты.

И вовремя.

Сверху ей было видно, как, скатившись к воде, русал и русалка запутались в камышах, так что были видны только их головы.

— Я так тосковал по тебе! — твердил русал.

— Я умирала без тебя! — повторяла русалка.

— Я убью этого тирана! — говорил русал.

— Он издевался надо мной, — жаловалась русалка.

Алиса боялась, что крокодил опомнится и накинется на русалок снова, но опасность исходила вовсе не от крокодила.

— Если он мне попадетсЯ, — сказал русал, — я его разорву на части, как Геркулес льва.

И тут вода в реке расступилась — и послышался низкий голос, который Алисе уже приходилось слышать:

— Кто здесь хочет разорвать меня, как Геркулес льва?

— Ой, он услышал! — закричала русалка. — Это сам господин Подводный Бык.

— Вот именно. — И Подводный Бык выплыл на мелкое место.

Подводный Бык оказался мало похож на быка, а уж тем более на подводного.

Это была гигантская синяя жаба, размером почти с корову. На плоской голове жабы были видны короткие загнутые рожки, как на шлеме древнего викинга. Наверно, поэтому ее прозвали быком.

— Как ты посмел, — сказал Подводный Бык, — нарушить правило Галактической федерации! Как ты посмел поднять руку на мою собственность. Мне же разрешено взять с собой самую любимую и нужную вещь! Русалка Эсперанца и есть эта вещь! Долой, ничтожество!

— Я ее люблю, — заявил русал смело, хоть ему, конечно, было очень страшно — каждая лапа этого Подводного Быка была толще его туловища. — Я прибыл на эту планету специально, чтобы ее увезти.

— Кстати, — спросил задумчиво Подводный Бык. — А как тебе удалось сюда добраться?

— Мы сделали водяной метеорит, — ответил русал, — меня в нем заморозили и пустили в вашу сторону. Это было нелегкое путешествие. А когда мой ледяной метеорит вошел в атмосферу, то он растворился, и я упал в океан.

— Значит, никто не знает, что ты здесь, воришка?

— Знают мои союзники, — сказал Гамлет, — Алиса Селезнева, которая управляет этим поездом, и тиран Уксу-ба, который им командует.

— Ну недолго им командовать и управлять, — сказал Подводный Бык. — И учти, что у меня зубы хоть и маленькие на вид, но каждый нечетный — ядовитый.

И он раскрыл свою гигантскую пасть и протянул когтистые толстые лапы к отважному

русалу.

Крокодил, который к тому времени оправился от падения и наблюдал за этой сценой, тоже раскрыл пасть, чтобы поживиться кусочком русала.

И в этот самый печальный и даже трагический момент Алиса натянула рогатку катапульты, заряженную свеклой в несколько килограммов весом, и отпустила спуск.

Могучей бордовой гранатой свекла пролетела по крутой дуге и угодила точно между глаз Подводному Быку.

— Это что... — только и успел сказать Подводный Бык, опрокинулся назад и упал точно на крокодила, который в ярости вцепился в толстый скользкий зад гигантской жабы. Подводный Бык от боли подлетел до вершин деревьев и тяжело поскакал прочь.

Глава 21. Нескладная судьба Подводного Быка

Откуда безмозглому крокодилу было знать, что Подводный Бык — самый ядовитый из тиранов, который мстит судьбе за свою нелепо сложившуюся жизнь.

Родом Подводный Бык был с планеты Кви-да-ква, место это болотистое, но экзотичное. Туда съезжаются любители лягушачьего пения со всей Галактики.

Каждая вторая лягушка обладает там чудесным голосом, каждая десятая может поспорить с Карузо, каждая сотая — музыкальный гений, сродни певице Вишневской. Самые знаменитые на планете лягушки — певцы. Они живут в самых глубоких болотах и едят самых вкусных мух.

И вот лет тридцать назад в одном обыкновенном болоте родилась одна обыкновенная лягушечка, обычный головастик, которого сразу отдали в музыкальную школу.

И тут обнаружилось, что у лягушонка, которого за крепкое сложение прозвали Бычком, совсем нет музыкального слуха, а с голосом — ну просто безобразие.

Представьте себе положение ни в чем не повинного ребенка, который вынужден быть самым последним в классе, хотя он красив собой, широк в задних лапах и отличается ярким синим цветом.

На любой планете, если ты не стал певцом, ты можешь стать вагоновожатым или пожарником. Но и в пожарных командах планеты Кви-да-ква, и в бригадах сцепщиков вагонов первое место отдавалось лучшим квакальщикам.

И вот возник конфликт. И, может, Бычок нашел бы себе место в жизни, стал бы грузчиком или шахтером, но он, как назло, вырос самым сильным на улице да насмотрелся по телевизору на соревнования культуристов. И занялся спортом.

Спорт, как вы понимаете, на музыкальной планете не в почете. Так что конкуренции у Бычка не было. В десять лет он уже побил чемпиона континента по кикбоксингу, но его любимая лягушечка, с которой он учился в одном классе, и внимания не обратила на такой подвиг, а ушла прыгать в лужу с немощным тенором.

А Бычок все тренировался, принимал запрещенные лекарства, которые увеличивали мышцы, ел только сырое мясо и стал грозой всех спортсменов на планете. Он вырос настолько, что однажды нечаянно наступил на домик своих родителей и раздавил его. Так он остался сиротой. На похоронах Бычок плакал, но наблюдательные лягушки заметили, что плачет он крокодилыми слезами, а это среди лягушек считается дурным тоном.

В тупой рогатой голове Бычка, который заставлял теперь называть себя Подводным Быком, жила только одна идея — прославиться как лучшему певцу планеты Кви-да-ква.

Но чем больше безумствовал Подводный Бык, чем больше он сгонял силой лягушек на свои концерты, тем больше над ним смеялись. Именно смеялись!

И когда Подводный Бык вырос размером с корову и даже зубы у него от злости стали ядовитыми, он собственноручно захватил власть на планете, объявил себя Шеф-тенором и приказал по всем программам радио и телевидения передавать песни только в его исполнении. На концерты Шеф-тенора было приказано ходить после работы в обязательном порядке.

Так как это не дало нужного эффекта, Подводный Бык пошел на следующий шаг. Во-первых, он запретил всем, кроме себя, петь. Во-вторых, он приказал отрубить языки всем, кто пытался это сделать даже под одеялом или в собственном подвале.

Разумеется, гости перестали прилетать на эту планету, и на ней наступила гробовая

тишина. По вечерам, заткнув уши ватой, лягушки шли в главный концертный зал, где из большой мраморной ванны весь вечер выл тиран и диктатор.

И наконец это кончилось тем, чем и должно было кончиться, — лягушки всех стран объединились, связали тирана и выгнали его с планеты.

И Подводный Бык попал на планету Тишина.

Из всех ценностей мира он хотел взять трубу бас-геликон.

Трубу ему дали, и Подводный Бык каким-то хитрым образом засунул в трубу геликон несчастную русалочку, которую полюбил последней старческой любовью. Он обещал ей, что будет петь с утра до вечера, но, к счастью для русалочки, в первый же день прибытия на Тишину Подводный Бык пригласил прочих диктаторов и дал им сольный концерт.

Диктаторы народ суровый. Его послушали ровно шесть минут, затем Шрип запустил ему в голову бананом, а генералиссимус выстрелил желудем точно между глаз. Дерево медленно вытаскило из земли корень толщиной в человеческую руку и стегануло его так, что Подводный Бык свалился в омут. А Орел-Хохотуша подбежал, переваливаясь, к берегу и закричал:

— Если ты издашь еще один музыкальный звук, мы отнимем у тебя русалку!

— Только не это! — закричал из воды Подводный Бык и ушел в глубину придумывать страшную месть. Но на планете тиранов придумать страшную месть трудно. Поэтому Подводный Бык сделал вид, что он с ними заодно, а потом уж — будь что будет. Может, удастся захватить пиратский корабль. Тогда он будет летать по Вселенной, стрелять из пушек, а для тех, кто останется в живых, устраивать сольные концерты популярных песен.

Пока Подводный Бык, ревя от боли, прыгал среди деревьев на откосе, Уксу-ба по телефону приказал своим спутникам:

— Русалки — к катапульте! Алиса — полный вперед! Нам немного осталось до тоннеля.

Русал и русалка с трудом забрались на платформу, от волнения у них подкашивались тонкие зеленые ноги.

— А ты, Алиса, молодец, — сказал Уксу-ба. — Ловко угодила Подводному Быку в переносицу! Вперед, к победе!

Алиса обернулась и увидела, что русал с русалкой стоят рядом с катапультной, держась за руки и не отрывая взгляда друг от друга. Так они проглядывают любую опасность. Но Алиса понимала, что ей до них не докричаться, и потому повернула рычаг направо, и поезд начал разгоняться, весело пыхтя и стуча колесами по рельсам вдоль берега реки.

Дорога постепенно закруглялась, и впереди Алиса увидела черное пятно — вход в тоннель, где Уксу-ба и собирался отсидеться, отстреливаясь, пока не придет подмога.

Но сделать это они не успели.

Глава 22. Прилет пиратов

Сверху, с облаков, не спеша и совершенно бесшумно, спустился потрепанный, погнутый старый космический корабль. Конечно, не такой, как малыш Гай-до, а настоящий, даже на вид боевой, черный, сверкающий, без опознавательных знаков и иллюминаторов, лишь на его боках были нарисованы черепа и скрещенные кости. Много черепов с костями.

И никто, кроме Алисы, не знал, что каждый череп означал сбитый, погубленный, уничтоженный корабль. Причем не только военный — с военными кораблями пираты, как известно, встречаться недолюбливают. Каждый череп напоминал о горькой судьбе пассажирского лайнера, торгового судна или исследовательского корабля.

Пиратский корабль медленно опустился прямо на рельсы, и те под его тяжестью расползлись в стороны. Тут же спереди отворился люк.

Алисе ничего не оставалось, как резко затормозить — иначе поезд врезался бы в пиратов или, в лучшем случае, сошел с рельсов и свалился в реку.

— Что там у вас? — крикнул Уксу-ба, да тут же замолк: видно, выглянул в окно и понял, с кем имеет дело. А вот русал этого не понял. Он быстро выстрелил из катапульты, и именно в тот момент, когда люк открылся и в нем появился во всей своей красе известный старый пират Весельчак У. Тут-то капустный кочан бабахнул его по голове так, что пират свалился внутрь корабля.

Наступила страшная пауза.

Электронная пушка корабля медленно повернулась и направила свое дуло на паровоз.

Алиса поняла: еще секунда — и все погибнут, и ничто не может остановить этой гибели.

Но тут со всех сторон донеслись вопли.

— Не стреляй! — кричал в бойницу Уксу-ба. — Поезд разобьешь!

— Не стреляй! — кричал поднявшийся с пола Весельчак У. — Нам же тогда ничего не достанется!

— Не стреляй! — кричали вразнобой сзади.

Помост, привязанный к двум крокодилам, медленно плыл по реке. На помосте разместились все тираны.

В кресле сидели остатки генералиссимуса Снарядетти.

Рядом, понурившись, стояла уставшая медсестра.

Шрип вытянул свою головку вверх метров на пять и раскачивался, готовый превратиться в петлю и схватить жертву за горло.

Орел-Хохотуша стоял на краю помоста и целился вперед из рогатки, которую он зарядил небольшой картошкой. При этом он пел:

Чего ж я не сокол, чего ж не летаю!

Чего же из пушки так метко стреляю?

Когда все снаряды я перестреляю,

Мне выдадут орден, а может, медалью!

А Алиса как заколдованная смотрела на пиратский корабль и ждала выстрела. Но выстрела не последовало.

Сначала из люка вышел Весельчак У — самый толстый космический пират в мире. На лбу у него вспухла большая шишка.

Держась за лоб, пират спустился на рельсы.

За ним выглянул, но не стал вылезать еще один пират. Был он невелик ростом, с очень странным лицом — сильно вытянутым вперед и немного вниз, нос был на конце красным, глаза черными, и лоб пересекала черная прядь волос.

— Крыс! — невольно воскликнула Алиса.

— Какая встреча! — ответил пират Крыс, увидев, как Алиса спускается по лесенке с паровоза.

— Крыс, — сказал Алиса. — Как тебе не стыдно? Зачем ты украл в зоопарке голкоров, зачем ты связался с этими наглыми тиранами? Ты же сколько раз обещал уйти на отдых и не портить жизнь в Галактике.

— Если я уйду, — ответил пират, — всем сразу станет скучно. За кем будут гоняться патрульные крейсера? Кого будет искать ИнтерГалактическая полиция во главе с комиссаром Милодаром? Чьим именем будут пугать детей на всех планетах?

— Вот тут ты не прав! — взревел из реки Подводный Бык, который спустился к воде и окунул в нее укушенный крокодилком зад. — А мы на что? Мы же настоящие тираны! Вам, простым пиратам, никогда за нами не угнаться. Мы если убиваем, так тысячами и миллионами, если разрушаем, то целые города! У меня во дворце висели портреты великих полководцев и завоевателей, и возле каждого было написано, сколько невинных людей он загубил. Тебе никогда не сосчитать! Да здравствуют тираны!

— Мальчики, мальчики, — вмешалась в разговор медсестра Увара Тихеньевна. — Ну что за споры. Вы все лихие непобедимые злодеи, но не забывайте, сюда летит патрульный крейсер. Чем скорее пираты вывезут отсюда вас и этот поезд, тем лучше. В любой момент в Галактическом центре могут хватиться инспектора, которого мы держим в подвале.

— Патрульный корабль будет здесь только через четыре часа, — отмахнулся Весельчак У.

— Откуда вам это известно? — спросила медсестра.

— От верблюда! — огрызнулся невоспитанный Весельчак У. — Им на нас наябедничал Гай-до, летающий ночной горшок.

— Этого еще не хватало! — закричал генералиссимус, кресло с которым медсестра выкатила на берег. — Почему вы его не сбили?

— Его собьешь! — сказал Крыс. — Он же быстроходнее всех кораблей, да к тому же хитрый. Спрятался за какой-нибудь горой, ищи его! Да не бойтесь. Он не может нам навредить. Оружия на нем нет!

Эти слова успокоили тиранов. Орел-Хохотуша сразу спросил:

— А мне можно уже к вам на корабль?

— Ты тиран? — спросил Крыс.

— Еще какой!

— И я тиран! — закричал Подводный Бык.

— Может, я не похож на тирана, — сказал Шрип, — но я тоже известный угнетатель.

— Все тираны? — спросил Крыс. — Еще есть?

Алиса увидела, как Уксу-ба тихонько пролез через платформу и заполз в кабину паровоза. Интересно, что ему там понадобилось?

— Еще есть один, — сказала Увара Тихеньевна, — зовут его Уксу-ба, он как раз хозяин

этого драгоценного поезда, который мы вам подарим в обмен на вашу помощь.

— Так где этот поезд? — спросил Крыс.

— Неужели не видите? — улыбнулась своей доброй улыбкой медсестра. — Вот он.

— Но это же старинный грязный серый поезд, в нем нет ничего драгоценного!

— Он только кажется обыкновенным и серым, — сказала медсестра, — а под краской — весь из драгоценных камней. Не верите — посмотрите сами.

Тем временем русал и русалка спрыгнули с платформы и попытались скрыться в кустах. К несчастью, это заметил Подводный Бык.

— Держи мою пленницу! — закричал он. — Хватай мою рабыню!

Одним прыжком гигантская жаба перескочила через поезд и помчалась за русалкой и русалом, ломая кусты. Орел-Хохотуша кинулся было на помощь Подводному Быку, но тут все увидели, как поезд дернулся, дрогнул и, набирая задний ход, покатился прочь от корабля пиратов. В кабине его сидел Уксу-ба и изо всей силы толкал рычаг налево.

— Никогда вам не видать моего поезда! — кричал он.

— Держи его! — вопила медсестра.

— Держи его! — кричали остальные тираны.

— Придется пристрелить водителя! — Крыс поднял бластер.

— Крыс! — закричала Алиса. — Тебе сначала придется убить меня и Гай-до. Подумай!

— Ты с ума сошла, — возмутился Крыс. — Я твой враг на всю жизнь. Если я тебя убью, о чем Кир Булычев будет писать свои книжки?

Но пока он произносил эти разумные слова, длинная веревка Шрип поднял свою голову метра на четыре и начал раскачиваться и закручиваться, как индеец закручивает свое лассо. Затем Шрип ловко метнул самого себя, влетел в кабину паровоза, обхватил Уксу-ба за шею и так дернул, что тот взлетел в воздух и, вырвавшись из зверской хватки Шрипа, улетел в реку.

Глава 23. Как погиб тиран

Поднялся фонтан брызг — и, о ужас! — к Уксу-ба как стрела кинулся крокодил.

Он раскрыл пасть, и несчастный тиран планеты Уксу пропал в ней. Крокодил облизнулся и в секунду исчез под водой, словно его и не было.

Остальные тираны замерли от неожиданности и испуга.

— Ну вот это зря! — в конце концов крикнул с откоса Орел-Хохотуша, который застрял в кустах, так и не догнав русалок. — Так тиранами кидаться нельзя. Мы — товар штучный.

— Но я же не знал, что его крокодил подхватит, — ответил Шрип.

Даже Подводный Бык забыл о русалках, и по его жабьей морде катились слезы.

— А он ведь был славный парень, — прорычал он, — мы с ним такие веселые соревнования устраивали — кто больше комаров прихлопнет за пять минут. Так он всегда меня обыгрывал.

— Спи спокойно, дорогой боевой товарищ, — вздохнул генералиссимус.

Только добрая женщина-медсестра сказала строгим голосом:

— Хватит, разнюнились! А ну отойдите, я сама подгоню поезд к люку.

Медсестра ловко прыгнула в кабину паровоза и подогнала поезд к люку корабля пиратов. Весельчак У, который, как известно, отличается немалой силой, потер рукавом паровоз, чтобы проверить, на самом ли деле он под краской драгоценный.

У Алисы появилась идея. Она обернулась к доброй медсестре Уваре Тихеньевне и спросила:

— У вас случайно нет слабительного для крокодилов?

— Зачем? — удивилась медсестра.

— А вдруг Уксу-ба еще цел?

— Слушай меня, девочка, внимательно, — сказала медсестра. — Во-первых, этот негодяй Подводный Бык развел в реке две дюжины крокодилов, и даже если я буду их пытаться до утра, ни один не сознается, что именно он проглотил несчастного тиранчика. Я же — гуманистка. И не намерена терзать и пытаться несчастных животных.

— Еще чего не хватало! — закричал тут Подводный Бык. — Крокодилы — моя собственность. Неужели я позволю резать им животы ради какого-то международного преступника!

Алисе стало грустно. Все эти люди и нелюди думают о своей выгоде. И хоть Уксу-ба был не самым лучшим из людей, все-таки скармливать его крокодилам без суда нехорошо.

— А может, девочка права? — вдруг раздался голос генералиссимуса. — Может, перестреляем крокодилов к чертовой бабушке? Все же человек — это звучит гордо, а крокодил — это звучит совсем не гордо.

— Стреляй, — сказала тогда Увара Тихеньевна. — Стреляй из своей пушки орешками. Кто тебе, недоумку, даст в ручку настоящее оружие?

— Уварочка! Здесь же чужие люди! Может пострадать моя репутация, — прошептал генералиссимус.

— Сейчас не до нее! Нельзя терять время даром!

Голос доброй медсестры прозвучал так четко и громко, что всем сразу захотелось ей подчиниться. Вылез из воды Подводный Бык. Заторопилось дерево Ивушка, которое запоздало, потому что слишком медленно перебиралось вброд через реку.

— Меня не забудьте, — шелестело дерево, — меня не забудете, и я не забуду.

Орел-Хохотуша прыгал по крыше вагона и скреб ее когтями, чтобы содрать краску, но лапки у него были слабенькие, да и не очень-то он старался.

Алиса не могла отвести глаз от медсестры.

— Ты правильно поняла, — сказала медсестра, уловив ее взгляд. — Я и есть голова, которая думает за всех. Без меня эти идиоты сидели бы по своим норам и планировали заранее проигранные сражения. Но я не люблю корон, «Кадиллаков», почетных караулов и приютов моего имени. Я — скромная тихая женщина, но я люблю порядок. По-ря-док! А люди, моя милая Алисочка, такие беспорядочные существа, что их все время приходится наказывать. Ради их блага!

— Давай, давай! — кричал из люка Крыс. — Майна! Вира!

— Что он кричит? — спросила медсестра.

И лицо у нее было совсем не таким добрым, как сначала показалось Алисе. Ведь если тебе говорят: вон та тетя добрая, она медицинская сестра, ты уже смотришь на нее как на добрую женщину и медицинскую сестру. Но если эта медицинская сестра призналась тебе, что она только притворялась сестрой, а в самом деле она тиран и диктатор, — тебе ее лицо уже меньше нравится.

— Это старинные слова грузчиков, — сказала Алиса, — они значат вверх и вниз. Но вы не досказали мне, как стали тиранкой, — напомнила Алиса.

— Ах, это так просто! В диктаторах у нас состоял мой дядя, которого я сделала генералиссимусом и главным завоевателем. Ему это нравилось. Тебе нравилось воевать, дядя?

— Это славное занятие! — ответил генералиссимус из кресла. — Если бы у меня было еще пять-шесть рук и голов, я бы сейчас не здесь сидел — я бы уже Красную пустошь покорил и Половинный хребет снес бы до основания.

— Ты у меня умница. — Увара Тихеньевна почесала полководца за ухом. — Народ моей планеты, — продолжала она, — ненавидел бесконечные походы, мобилизации, бомбежки и сражения, но долго никто не мог догадаться, что сестра милосердия, которая никогда не отходит от израненного героя, и есть его голова и воля. Его искалеченной ручонкой я водила по карте, готовя бои и сражения, к его глазу я прикладывала подзорную трубу, чтобы он лучше разглядел, по какому детскому садику шарахнуть бомбой. Мы намеревались бороться за единство нашей великой планеты, пока на ней не останется ни одного лишнего человека! Не вышло... Проклятые миротворцы выгнали нас с планеты! Но мы вернемся, продадим поезд Уксу-ба, получим от пиратов оружие — и в поход за мир во всем мире!

Медсестра тихо и даже нежно засмеялась.

— Вообще-то я добрая, я пироги печь люблю, мне бы внучат развести.

— Так что же вы медлите? — спросила Алиса.

— Не могу. Времени нет, долг не позволяет. Ты не представляешь, Алисочка, сколько еще на свете всякой мерзости, грязи и неорганизованной преступности — а ведь всех надо уничтожить, чтобы люди счастливо жили.

— Я думаю, — тихо произнесла Алиса, — что я еще в жизни страшнее вас человека не встречала.

— Ну что ж, это хорошо, — сказала медсестра. — Ты первый человек, перед которым я раскрылась, и ты первая, кто меня понял. Ведь когда моего дядю изгоняли с планеты, меня так все жалели, так жалели, что я добровольно отправляюсь с ним в изгнание. А я чуть от

смеха не лопнула! Ну, думаю, покажу я вам, как меня жалеть!

Глава 24. Кто страшнее?

— Может, не стоит вам связываться с такими негодяями? — спросила Алиса у Крыса, который командовал погрузкой. — Ведь вы становитесь сообщниками страшных преступников.

— Значит, ты считаешь, что мы — космические пираты, — улыбнулся Весельчак У, — не такие страшные преступники, как эти?

— Сравнить вас будет суд, — твердо сказала Алиса. — Но вы, пираты, как паразиты, как блохи, а тираны — это ядовитые пауки, это скорпионы, от которых никому нет пощады!

— Кто-нибудь, пожалуйста, при случае расстреляйте эту девочку, — попросил генералиссимус. — Мне еще никто никогда не говорил таких противных слов.

— Полезно лишний раз услышать правду, — сказала медсестра. — И подумай, какую пользу ты принес, проведя сто сражений и убив сто тысяч человек!

— Я стал генералиссимусом, — ответил ее дядя.

— Вот именно, — согласилась медсестра. — А мог бы остаться полковником. Подводный Бык, вытащи наконец свой зад из воды и помоги мне работать. Неужели одна слабая женщина должна целый поезд в порядок приводить?

— Поворачивайтесь, поворачивайтесь, — прикрикнул на тиранов Крыс, — а то прилетит патрульный крейсер, и ваш поезд никому не понадобится.

Дерево Ивушка вылезло из воды и, медленно раскачиваясь на белых корнях, подошло к поезду. Оно обхватило ветвями вагон и кинуло его в люк пиратского корабля.

— Вот как надо работать! — сказала дерево. — За это попрошу обеспечить мне каюту по размеру и со всеми удобствами.

Тут же дерево с помощью Подводного Быка кинуло в люк платформу.

— Готово, — сказала медсестра. — Куда нам проходить?

— А никуда, — ответил Весельчак У, отступая к своему кораблю.

— Я вас не поняла, — сказала медсестра.

— Если бы вам подвалило такое сокровище, как поезд из драгоценных камней, — спросил Крыс, — неужели бы вы его отдали кому-то другому?

— Я? Да ни в жизнь! — крикнула медсестра. Но тут же спохватилась и добавила: — Ну, разумеется, это зависит от обстоятельств.

— Обстоятельства сложились так, что мы вынуждены вас покинуть, — сказал Крыс, — потому что мы вас не любим.

— Но мы же договорились, что будем помогать друг другу!

— Попрошу без оскорблений, — сказал Весельчак У. — Мы — честные космические пираты, порой грабим, порой хулиганим, но чтобы замучить собственный народ — никогда!

— Никогда! — подтвердил Крыс.

— Мы будем вам служить, — сказал Подводный Бык. — Мы с вами составим славную команду. Я, например, могу под водой сидеть часа три и за это время всех там перекусаю.

— А я взвьюсь к небесам, ах, к небесам! — воскликнул Орел-Хохотуша. — И разгоню тучи. Пусть всегда будет солнце!

— Вам нужна советница по стратегическим проблемам, — сказала медсестра. — Лучше меня вам кандидатуры не найти.

— Все, что могли, мы от вас получили, — отрезал Крыс. — Теперь поедем торговать, менять и получать выгоду. Адью!

И в этот момент сзади послышались голоса.

— Стойте! — кричал робот Кристалл, похожий на сейф.

— Стойте! — кричал инспектор Карло Жерардо, который ехал у него на плечах. — Вы совершаете роковую ошибку. Отсюда нельзя улетать.

— Это что за явление? — спросил Весельчак У.

— Я инспектор планеты и официальное лицо! — кричал Карло. — Я требую, чтобы вы сдались!

И тогда все внимание озлобленных тиранов обратилось на несчастного Карло.

Растопырив руки, лапы и все, что могли, они направились к Карло, чтобы его убить.

Медсестра Увара Тихеньевна со шприцем, наполненным ядом, катила перед собой кресло-каталку с генералиссимусом, который целился в Карло из своего пистолета.

Рядом шагал Подводный Бык, опустив рога, чтобы пронзить Карло. Веревка Шрип раскачивал головкой, чтобы наброситься на Карло и удушить его.

Дерево Ивушка тянуло к Карло свои ветви, чтобы свернуть ему шею. Крокодилы выползли по пояс на берег, любуясь зрелищем. Начался последний акт бунта тиранов.

И никто не заметил, что сверху с неба бесшумно опускался небольшой космический корабль Гай-до.

Глава 25. Абсолютное оружие

Гай-до опускался, выставив перед собой, как тонкую руку, манипулятор, в котором держал баллон.

Алиса единственная заметила появление своего друга и подумала, что этот баллон она недавно видела.

В тот же момент ее браслет-передатчик зашептал голосом Гай-до:

— Алиса, ныряй в воду! У тебя три секунды.

— А Карло?

— Ныряй, потом разберемся! — крикнул Гай-до. У него тоже нервы были на пределе.

Алиса побежала через рельсы к реке.

Медсестра бросила взгляд на нее, но ненависть к Карло была так велика, что она выкинула Алису из головы.

Алиса рыбкой нырнула с берега и ушла вглубь.

Русал с русалкой, увидев прыжок Алисы, последовали за ней.

И вовремя.

Потому что из баллона широкой струей вылетел белый порошок. В мгновение ока легким облаком он окутал всех, кто был на берегу. Крыс взглянул вверх и увидел Гай-до.

— Ну вот это наглость! — закричал он. — Я же тебя из пулемета собью!

Но договорить Крыс не успел, потому что его охватил страшный зуд и чих. Все тело зачесалось так, что он начал срывать с себя одежду и выть. Крыс выскочил из корабля и покатился по траве.

Крыс налетел на Весельчака У, и вместе они врезались в диктаторов и тиранов, которые отчаянно чесались, ломая ногти и расцарапывая себя в кровь.

Даже Карло свалился с Кристалла и начал корчиться у его ног, даже крокодилы перевернулись брюхом кверху и раздирали себя когтями. И во всей этой сутолоке, в диких криках и воплях, в возне и суматохе не пострадала лишь Алиса, которая вынырнула на середине реки, не попав под порошок, русалки да робот-сейф, он же Кристалл, — ведь роботы не чешутся!

Алиса не смогла сдержать смеха. А ведь еще недавно она хотела выкинуть средство от насекомых, которое забыла на Гай-до Ирия. Вот что значит быть настоящей женщиной. Не выкинула — и пригодилось!

И вдруг Алиса увидела невероятную картину — из открытого люка пиратского корабля выскочили два странных существа.

Одно из существ было одето в длинный шелковый халат, но вот головы у него не было вовсе. А у второго была голова в противогазе и шаровары, а между маской и шароварами была пустота. Эти существа тоже чесались и извивались.

— Голкоры! — закричала Алиса. — Голкоры папины нашлись!

Голкоры в мучениях срывали с себя остатки одежды и вот-вот могли исчезнуть.

— Кристалл! — крикнула Алиса роботу-сейфу. — Лови вон тех двух, страшненьких, почти невидимых, — они наше зоологическое достояние!

И сама тоже побежала за голкорами.

Но следует признаться, что голкоры успели сорвать с себя одежды и пропали, так что бежать пришлось по следам, как за человеком-невидимкой.

— Чем ловить невидимок, — сказал робот Кристалл, — я займусь наведением порядка.

А то непонятно, зачем меня сюда прислали.

— Здесь порядка сейчас не наведешь! — крикнул с неба Гай-до. — Лучше давай улетим отсюда, а они сами пускай разбираются.

— Никогда! — громко ответил робот-сейф. — Никогда я не отступал с поля боя!

— Вижу, вижу, что ты был когда-то боевым роботом, — засмеялся Гай-до, — но, насколько я знаю, последний час ты просидел в яме, и ничего не случилось.

— Я чинил свою ногу, — сказал робот Кристалл. — А теперь намерен сражаться.

— Тогда слушай Алису. Командует она, — сказал Гай-до, который знал, что Алиса его не подведет.

Алиса наконец схватила голкоров, и Гай-до, нежно обняв манипуляторами, перенес их внутрь себя. Затем Алиса оглядела поле боя. Она понимала, что пройдет еще несколько минут, и все придут в себя. Ведь, в сущности, ничего не случилось — почешутся и вернуться к своим безобразиям. Значит... значит, надо было их оставить на необитаемом острове.

— Давай конец! — крикнула Алиса своему кораблю.

— Хах-хах-ха! Я горжусь своей хозяйкой! — засмеялся Гай-до.

В мгновение ока Гай-до выпустил буксирный магнитный зацеп и схватил им корабль пиратов.

Чмок — корабль пиратов прилепился к Гай-до.

— Заноси Карло в корабль пиратов! — приказала Алиса, и робот Кристалл тут же подчинился, потому что он привык подчиняться, когда ему приказывают. Затем он и сам забрался в корабль пиратов. — Русал, русалка, срочно бегите в корабль пиратов. Мы отчаливаем через минуту.

— О нет! — закричал Крыс, стараясь подняться. — Я вложил душу в мой корабль!

— Получишь его в ИнтерГалактической полиции у комиссара Милодара, — сказала Алиса. — Вместе со своей черной душой.

Русал Гамлет с невестой взобрались в пиратский корабль.

Гай-до задраил люк и спросил по внешней связи:

— Эй, на пиратской шаланде, к старту готовы?

— К старту готовы! — ответил робот Кристалл и захохотал басом. И тут же Гай-до, ведя на буксире пиратский корабль, поднялся в небо и взял курс на базу инспектора Карло Жерардо, которая, как известно, крутится на орбите вокруг планеты Тишина.

А те, кто остался внизу: диктаторы, пираты и крокодилы, — так мучились и чесались, что не сразу сообразили, что их оставили на необитаемом острове.

На станции русалки и люди тщательно вымылись с мылом, чтобы избавиться от порошка.

Потом попили чаю и решили, что Алиса полетит с русалом и русалкой на Гай-до к планете Уксу, волоча на буксире пиратский корабль, в котором лежит детская железная дорога.

А Карло будет ждать патрульного крейсера, которому все расскажет.

Только стали прощаться, как все планы рухнули.

Станция закачалась.

К ней со всего размаха причалил патрульный крейсер ИнтерГпола.

Люк в станцию распахнулся, и появился сам комиссар Милодар в полном боевом облачении, а за ним его ассистенты, помощники и адъютанты.

— Сдавайтесь! — рявкнул он с порога. — Ваша игра закончена. Я узнал эту пиратскую

шаланду.

— Милодарчик, — взмолилась Алиса, — не надо. Мы с Гай-до уже все сделали.

— Что вы сделали? — спросил Милодар. Он только тут узнал Алису.

— Мы победили космических пиратов и всех тиранов и диктаторов Галактики.

— Шутки в сторону! — обиделся комиссар Милодар. — Я несся через всю Галактику, чтобы спасти вас! И вообще, неизвестно, на самом деле ты Алиса или переодетая пиратка?

К счастью, вошли Шехерезада и Кора Орват.

— Милодар, — стали они умолять великого сыщика, — мы знаем Алисочку и клянемся тебе, что это она.

— Вы хотите сказать, что девочка двенадцати лет может победить космических пиратов, захватить в плен их корабль и изолировать на планете всех тиранов?

— И спасти меня, — скромно добавил инспектор Карло.

— И вернуть мою любовь, — вздохнула русалочка.

— Может, — сказала Шехерезада. — И когда Алисочка отвезет на планету Уксу детскую железную дорогу, я попрошу ее найти моего любимого мужа Синдбада Морехода. Ты согласна, Алиса?

— Конечно, согласна, если мама отпустит, — сказала Алиса.

— Какая мама не отпустит моего агента номер один! — закричал комиссар Милодар.

— Ты не знаешь моей мамы, — ответила Алиса.

— Тогда я поговорю с отцом!

— Когда будешь говорить с отцом, — сказала Алиса, — не забудь его порадовать. Я нашла его голкоров.

— Где они? Где они? Почему я их не вижу? — спросил комиссар.

— Потому что они невидимы!

— А как же их найти?

— Пускай Шехерезада отнесет им несколько своих нарядов. Голкоры обожают яркие одежды.

— Хоть сейчас! — сказала Шехерезада.

— Не смей раздеваться! — крикнул комиссар Милодар. — Здесь же дует! Ты простудишься.

— Бывают же такие наивные комиссары! — воскликнула Шехерезада. — Неужели вы думаете, что на свете есть принцесса, которая отправится в космическое путешествие, не взяв с собой по крайней мере дюжины платьев?

С этими словами Шехерезада вышла из отсека, а комиссар принялся расспрашивать Алису о том, как ей удалось справиться с восстанием тиранов.

Потом робот Кристалл принес всем чай. Алиса и ее друзья расселись вокруг стола, дверь отворилась, и вошла Шехерезада.

— Садись к нам, — сказал Милодар, — а то чай остынет.

Он подвинулся, чтобы Шехерезаде было куда сесть, но тут же смертельно побледнел и схватился за сердце.

Потому что у Шехерезады не было лица.

Платье было, туфли с загнутыми носками были, кашемировая шаль была накинута на волосы... а лица не было.

Следом за Шехерезадой появилась еще одна Шехерезада.

И у нее не было лица!

— Кажется, я схожу с ума, — прошептал Милодар.

И вот тогда вошла третья Шехерезада, самая настоящая, с лицом и даже улыбкой на лице.

— Ах, комиссар, комиссар, — произнесла она под общий смех, — неужели вы не можете отличить принцессу от голкора?

Секрет чёрного камня

Глава без номера и названия

Жил-был путешественник Христофор Колумб. Это было пятьсот лет назад. Он решил отправиться из Испании в Индию, потому что еще в школе узнал, что Земля круглая. Значит, если поплыть из Испании на запад и плыть, пока не кончатся консервы, обязательно уткнешься в Индию.

Колумб раздобыл глобус и принес его во дворец к испанской королеве Изабелле. Он сказал ей, что Земля круглая.

— Не может быть! — воскликнула королева. — Неужели я болела в тот день, когда об этом рассказывали в школе?

— Нет, ваше величество, — вежливо ответил Колумб. — В те годы еще существовали большие сомнения. Некоторые ученые утверждали, что Земля плоская и лежит на трех китах.

— Как интересно! — ахнула королева Изабелла. — Мне больше нравится версия с китами, потому что иначе бы вся вода с Земли вылилась на пол.

— Ничего подобного! — возразил Колумб. — Существует земное притяжение, оно держит воду.

— Ах, еще и это! — возмущилась королева. — Мне никто ничего не рассказывает. Подождите минутку, уважаемый Христофор, я отдам приказ казнить всех моих учителей.

— Они уже на пенсии, — сказал Колумб. — Не тратьте на них время.

— Послушайте, Колумб, не знаю уж как вас по батюшке, почему вы все время намекаете на мой возраст? Я не старше вас!

— Даже младше, — согласился Колумб. — Лет на двадцать.

— Правильно! — обрадовалась королева. — А что же вы хотели мне показать на этом так называемом глобусе?

Колумб провел по глобусу пальцем прямую линию — от Испании через океан, на другой стороне которого было написано «Индия».

— Дадите мне корабль, матушка королева, — сказал мореплаватель, — доберусь с Божьей помощью до Индии, завяжу с индийцами торговые и политические отношения, привезу оттуда две бочки золота, а может, и рубинов немножко.

— Чудесно! — Королева сразу все сообразила. — И мы утрем нос нашим паршивым соседям!

Под «паршивыми соседями» королева подразумевала португальцев. Их страна лежала сбоку от Испании, и португальцы уже умудрились послать в путешествие одного капитана по имени Васко да Гама. Этот Васко обогнул Африку и добрался до Индии, где начал грабить и убивать. Награбил полный корабль и вернулся в Португалию со славой и добычей.

— Плыви, Колумб, — велела королева, — грабь этих индийцев, обижай их, пусть знают, каково дружить с португальцами!

Колумб попрощался с женой, которая попросила его привезти из Индии рубиновое колечко, взошел на борт каравеллы и поплыл на запад. Плыл долго, все консервы кончились, народ на борту начал бузить и требовать: поворачивай обратно!

Но Колумб не повернул.

Уж и били его моряки, и молотили, но у него был компас, запрятанный в надежном месте. А без компаса моряки не могли вернуться домой.

В конце концов Колумб залез на мачту и закричал:

— Земля! Земля индийская! Кажется, я уже вижу слонов и магараджей!

Корабль бросил якорь. К нему приплыли местные жители, которых Колумб считал индейцами. Он стал требовать у них слонов, золота и рубинов. Но так как Колумб приплыл не в Индию, а в Америку, то слонов он так и не дождался. Пришлось грабить то, что плохо лежало.

После этого вся жизнь Колумба пошла наперекосяк. Он вернулся домой с небольшой добычей, а королева Изабелла после торжественного ужина принялась его допрашивать: что он видел в Индии? какие ему встретились памятники культуры и искусства? посетил ли он крупные города?

Колумб испугался и принялся врать.

— Там есть такое место, называется Эльдorado! — кричал он. — В этой Эльдораде золото валяется на улицах, потому что его слишком много, у туземцев даже умывальники и унитазы отлиты из золота!

— Вот и поезжай туда снова! — приказала королева, недовольная бедными подарками Колумба. — Привези золотой унитаз или хотя бы умывальник!

— Будет сделано, — сказал Колумб.

Он снова поплыл в Америку, снова ничего не нашел, разорился, попал в тюрьму, потому что благодарных современников не бывает, умер в бедности, но так и не поверил умным людям, которые говорили:

— Ты не прав, Христофор! До Индии еще плыть и плыть!

— Вот пускай ваш Магеллан и плывет! — огрызнулся старый Колумб.

Но это уже совсем другая история.

А наша история про то, что бывают великие открытия, которые сделаны по ошибке. Но от этого они не становятся открытиями мелкими.

Так случилось с девочкой Алисой Селезневой, которая будет жить в самом конце XXI века.

Она сделала открытие, оказавшееся ошибочным.

Но на пути к этой ошибке Алиса совершила еще несколько открытий, за что мы все ей очень благодарны.

Но прежде чем рассказать об открытии Алисы, придется вас познакомить с пассажирами космического корабля «Улыбка», который как раз сейчас подлетает к Солнечной системе.

«Улыбка» везет детей с планеты Павлония, где случилось несчастье.

На планету Павлония напали замухраки.

Наверняка вы тоже болели, когда в вашей школе проходили замухраков, поэтому придется напомнить.

Замухраки — это особенные черные мухи, похожие на маленьких рачков с прозрачными крыльшками. Они питаются кислородом.

Если на вашу планету попадут замухраки, значит, вам грозит страшная беда!

Замухраки выгрызают из воздуха кислород, быстро размножаются, и за несколько дней миллиарды прожорливых мух могут погубить на планете все живое!

Известны случаи, когда именно так и случалось. И некому было рассказать о последних часах жизни планеты.

Никто не догадывался, как замухраки пересекают безвоздушное пространство. Ведь без кислорода им не жить.

Лишь недавно знаменитый комиссар ИнтерГалактической полиции Милодар догадался, что у замухраков есть союзник и хозяин.

Они — бессмысленное орудие в руках Мерлина Шестнадцатого, повелителя астероида МБС^[1] в одной небольшой черной дыре.

Люди Мерлина Шестнадцатого перевозят замухраков с планеты на планету в колбах и баллонах и выпускают на уединенной полянке в тамошнем лесу.

Когда же все жители планеты погибают от удушья, на опустевшую планету опускается корабль Мерлина Шестнадцатого, и его подручные собирают все, что им нужно и даже не нужно, но хочется. Ведь возразить некому! А что взять трудно, молодчики взрывают, ломают или пускают под пресс.

Самому Мерлину Шестнадцатому замухраки не страшны — один профессор изготовил для него противоядие. За это Мерлин Шестнадцатый профессора убил, так как не хотел, чтобы кто-то, кроме него, имел власть над зловещими мухами.

Когда комиссар Милодар разгадал тайну замухраков и понял, какую роль в этом безобразии играет Мерлин Шестнадцатый, он отправил на поиски астероида МБС свой корабль, на борту которого находился лучший полевой агент ИнтерГпола — молодая и красивая девушка Кора Орват. Она имела приказ: не возвращаться без головы Мерлина Шестнадцатого, а в крайнем случае без сыворотки от замухраков. Милодар надеялся расшифровать формулу сыворотки и наладить ее выпуск на Земле.

Кора Орват не смогла одолеть космического злодея. Мерлин Шестнадцатый оказался дьявольски хитрым негодяем. Зато она пробралась в лабораторию, где угодившие в неволю ученые с разных планет изготавливали сыворотку от замухраков. Она с трудом добыла чуть-чуть сыворотки и после невероятных приключений возвратилась домой, к своей бабушке и любимому коту Колокольчику^[2].

Наши земные ученые тут же принялись изучать сыворотку, чтобы понять, как ее делать, но это оказалось нелегким делом, хотя бы потому, что некоторых трав и корней на Земле отродясь не водилось. А ведь одной химией сыт не будешь.

Но недалек тот день, когда сыворотки будет вдоволь, и тогда Мерлин Шестнадцатый станет никому не страшным злодеем. Если, конечно, он к тому времени не придумает новой гадости.

Пока же сыворотки на всех не хватает, и пособники Мерлина Шестнадцатого этим пользуются. Вот и напали на Павлонию, мирную планету, жители которой разводят вишневые сады и делают из сока и лепестков сказочные духи и шампуни.

Павлонийцы быстро догадались, что произошло, — недаром Галактическая полиция разослала по всем обитаемым планетам фотографии замухраков, увеличенных в сто раз, — жуткое зрелище, я вам скажу!

Всеми известными способами павлонийцы принялись истреблять замухраков, но с каждым днем кислорода становилось все меньше. Уже плакали дети и задыхались бабушки.

В последний момент, когда казалось, что придется погибать, на выручку павлонийцам примчался патрульный крейсер Галактической полиции «Вихрь дружелюбный». На нем прилетели ученые и агенты ИнтерГпола. Они привезли с собой всю сыворотку, которую удалось сделать к этому времени.

Конечно, приспешники Мерлина Шестнадцатого успели сбежать и даже прихватить кое-что из павлонийских музеев, но планету Милодар спас.

Правда, воздуха на ней осталось совсем немного.

Работать, гулять и даже спать там приходилось в скафандрах или в водолазных костюмах. Пройдет несколько месяцев или даже лет, прежде чем леса и сады Павлонии вернут в воздух потерянный кислород.

И вот тогда на Земле решили: а возьмем-ка мы к себе на время павлонийских ребятишек! Пускай поживут у нас в горах, а потом, когда станет можно, вернуться на свою планету.

Но что удивительно, то же самое решили жители Паталипутры, Марса, Пенелопы и еще ста сорока планет.

Все эти планеты послали свои космические корабли на Павлонию.

И оказалось, что в Галактике столько желающих помочь детям, что детей на всех не хватило.

Земле досталось всего восемьдесят два ребенка. И это еще хорошо, потому что кораблю из созвездия Райская Птица, который припозднился, не досталось ни одного ребенка, и тогда команда корабля попыталась украсть двух детишек у марсиан.

Представляете, что там творилось?

Ничего, обошлось. Война не началась, и то слава богу!

Восемьдесят два худеньких, почти невесомых ребенка с планеты Павлония разошлись по каютам «Улыбки».

С ними летела воспитательница Буука из племени баамбуков.

А команда «Улыбки» состояла из капитана Юзефа Пшибышевского, у которого, как известно, самые длинные в Космическом флоте усы, двух электриков, матроса, скрипача, арфиста, барабанщика и шести поваров-диетологов, ведь детей надо кормить особенной пищей. А на одной двери было написано «Больница». Там сидел доктор Взимба, который никогда не выпускает из рук шприца и которого все боятся.

Корабль шел на автопилоте. Капитан как раз собирался пропустить перед ужином добрую чарку безалкогольного рома. Буука учила детей летать по оранжерее корабля. И в этот момент раздался громкий сигнал тревоги.

— Непонятное тело движется нам навстречу! — сообщил компьютер. — Если это корабль, то он не занесен в космические справочники. А если это не корабль, то что же это такое?

Капитан отставил бутылку с ромом и бросился на капитанский мостик.

Он включил экран и увидел серый шар, неровный и неправильный, как картофелина.

«Картофелина» быстро сближалась с «Улыбкой».

— Какого она размера? — спросил капитан.

Компьютер на секунду задумался. Он сравнил «картофелину» с далекими звездами, подсчитал все нужные углы и сообщил:

— Неопознанное тело достигает в поперечнике километра. И у него есть рот.

— Не понял, — удивился бравый капитан.

Тут в передней части «картофелины» образовалась черная щель. И она увеличивалась на глазах.

— Я знаю, что это такое! — воскликнул капитан. — Это же большой звездный дракончик!

— Правильно! — обрадовался компьютер. — Я чувствую — что-то знакомое, а отыскать в памяти не могу.

Отыскать дракончика в памяти он не смог, потому что большие звездные дракончики

бывают круглыми, длинными и даже похожими на огурец.

— Немедленно переменить курс! — закричал капитан.

— Есть переменить курс! — отозвался компьютер. — А куда переменить-то?

— Обратно!

— Есть переменить курс обратно! — ответил компьютер.

— Спрятать детей по спальням! — приказал капитан воспитательнице Бууке. — Пускай лежат и не шевелятся.

Буука достала свой волшебный свисток. По его сигналу все дети побежали по каютам, нырнули в постельки и заснули.

А тем временем корабль «Улыбка» развернулся и начал удирать от дракончика.

Он разгонялся с каждой секундой, он несся уже почти со скоростью света. Но дракончик, это страшное огромное чудовище, несся еще быстрее.

Он все шире разевал громадную черную пасть. Вот-вот космический монстр дотянется до беззащитного кораблика.

— Корабль «Улыбка» подвергся нападению! — начал передавать сигнал бедствия корабельный компьютер. — Нас преследует большой звездный дракончик!

— Только не бойтесь, — успокоил капитан Бууку. — Ему не раскусить нашу оболочку. Нам ничего не грозит.

— Разумеется, я не боюсь, капитан, — вежливо ответила Буука.

Но она-то не первый раз в космосе. И многое знает. Буука точно знает, что внутри звездного дракончика находится озеро. И состоит оно не из льда и воды, а из кислоты, способной разжесть любую пластиковую или металлическую обшивку. Ведь дракончику хочется добраться до мягоньких, вкусненьких человечков, которые спрятались внутри жесткого и невкусного корабля. И ему уже не раз удавалось это сделать.

«Улыбка» попыталась увильнуть от дракончика.

Но у нее ничего не вышло.

Гигантская пасть распахнулась снова, и дракончик сжал каменными губами несчастную «Улыбку».

Кораблик попытался вырваться, как муха из паутины, но дракончик уже захлопнул пасть. И сразу все экраны погасли.

«Улыбка» погрузилась в кислоту...

Стало очень тихо. Молчал капитан, молчала Буука, молчали в кроватках павлонийские детишки...

Глава 1. Спокойный ужин

— В кои-то веки в этом доме нормальный ужин, — сказала симферопольская бабушка. — Никто никуда не несется, не опаздывает и не глотает ложки вместе с компотом.

— Такого у нас никогда не было и быть не может, — обиделся домашний робот Поля. У него нет чувства юмора и фантазии, да к тому же он не выносит симферопольскую бабушку, которая готовит лучше его, по крайней мере, так говорят неблагодарные Селезневые.

— Ложек стало меньше. В прошлый мой приезд их было восемнадцать, а сейчас семнадцать.

Бабушка произнесла это ужасное обвинение с совершенно серьезным лицом.

Алиса и ее родители изо всех сил старались не расхохотаться. А вот роботу Поле было совсем не смешно.

— Вы... вы... — сказал он, и все предохранительные лампочки на нем засверкали, как звезды в летнюю ночь. — Вы не только пересолили суп с клецками, но и оклеветали меня! За свою долгую жизнь в услужении у людей, и в частности у семейства Селезневых, я ни разу не украл ни одной ложки, ни одной чашки, ни одной кастрюли, не говоря уже о сковородках!

— Успокойся, Поля, — перебил расстроенного робота профессор Селезнев. — Тетя Лукреция, наверное, пошутила. Она ведь не могла сосчитать все ложки.

— Вот именно, — произнес Поля и укатился из комнаты.

— Роботов надо жалеть, — сказала мама. — Поля у нас очень давно. Он забыл, что у него нет сердца.

— У него сердце побольше, чем у некоторых людей, — вступилась за робота Алиса.

Тут в комнату вернулся Поля.

Он нес охапку ложек и вилок.

Робот с грохотом обрушил свой груз на скатерть и сказал:

— Считайте! Нет, считайте, считайте, пересчитывайте и покажите мне, какой именно ложки не хватает!

Но если робот думал, что бабушка устыдится, может, даже заплачет и начнет просить прощения, то он просчитался. У симферопольской бабушки вредный характер. Она, наверное, самая вредная бабушка во всем мире.

Она не стала спорить с роботом, а просто провела в воздухе тонкой рукой, и все ложки куда-то исчезли.

— О чем речь? — с невинным видом сказала бабушка. — Я же говорила — ложек не хватает!

Если бы роботы могли падать в обморок, Поля тут же грохнулся бы на пол. Но в обморок падать он не умел, поэтому просто замер у стола, уставившись на скатерть.

— Где же ложки? — спросила Алиса.

Она сразу догадалась, что бабушка показала фокус.

— А ложки кто-то забыл в компоте, как я и предупреждала, — заявила бабушка.

Она еще раз провела над столом рукой, и чашки для компота оказались полными, а кастрюля-компотница опустела. На дне пустой компотницы аккуратно лежали все ложки и вилки.

— Ничего не понимаю, — сказал робот. — Наверное, пора на переплавку.

— Что ж, — согласилась вредная бабушка, — если у тебя нет чувства юмора, то другого

выхода я не вижу.

Робот Поля отправился на переплавку, а Алисе пришлось бежать за ним, уговаривать простить бабушку и остаться у Селезневых.

Вот в этот-то самый момент и загорелся экран видеофона. На нем появилось встревоженное лицо комиссара Милодара из Галактической полиции.

— Вот хорошо! — воскликнул комиссар, увидев, что все Селезневы сидят за столом и мирно ужинают. — Я боялся, что вы ушли по грибы, а тогда бы все пропало!

— Ну вот, — расстроилась мама, — как легко все сглазить. Ну, кто тут первый сказал, что у нас нормальный ужин? Кто думает, что мы никуда не спешим?

— Это я во всем виновата, — повинилась симферопольская бабушка.

По крайней мере, она всегда мужественно признает свои ошибки. Этого у бабушки Лукреции не отнимешь.

— Что случилось, комиссар Милодар? — спросил Селезнев-папа. — Неужели из моего зоопарка сбежало какое-нибудь животное?

Комиссар Милодар широко улыбнулся, продемонстрировав семейству Селезневых пятьдесят два белоснежных зуба. Он ведь известный на всю Галактику щеголь и время от времени вставляет новые зубы, красивее прежних.

— Нет, — сказал он. — Несчастье случилось в открытом космосе, неподалеку от Солнечной системы. Большой звездный дракончик проглотил пассажирский корабль «Улыбка».

— Ах! — сказал робот, незаметно вернувшийся в столовую. — Я сейчас упаду в обморок!

Алиса знала, что дракончик — это редкое космическое существо, и возле Солнечной системы его еще не встречали.

— На борту «Улыбки» много пассажиров? — спросила бабушка.

— Восемьдесят два ребенка с несчастной планеты Павлония, — ответил комиссар.

— С той самой, на которую Мерлин Шестнадцатый наслал черных мух? — воскликнула мама.

— Детей везли на Землю, в санаторий, — объяснил Милодар.

— Их надо освободить! — решительно сказала симферопольская бабушка. — И как можно скорее!

— Замечательная мысль, мадам! — согласился комиссар Милодар. — Но дело в том, что пока еще никто не придумал, как это сделать.

— Надо включить ядерные установки корабля, — сказала бабушка, которая на самом деле вовсе не такая уж древняя и наивная, как думают некоторые.

— Но тогда большой дракончик погибнет, — возразил Милодар. — А ведь это, может быть, один из последних звездных дракончиков.

— Он занесен в Красную книгу Галактики, — подтвердил профессор Селезнев. — Звездных дракончиков убивать нельзя.

— А детей можно? — съязвила бабушка.

— А детей мы спасем, — твердо произнес комиссар Милодар. — Только надо придумать как.

— Обратитесь к специалистам, — посоветовала сообразительная бабушка.

— Самый главный специалист по космическим зверям в мире — мой папа, — заявила Алиса. — Об этом все знают.

— Как известно, — сказал профессор Селезнев, — у звездных дракончиков очень едкий желудочный сок. Они могут скалу переварить. Сколько еще выдержит обшивка «Улыбки»?

— Прекрасный вопрос! — воскликнул Милодар. — Мы уже выяснили у физиков и химиков — обшивка продержится еще шестнадцать часов.

— Если к этому времени ничего не будет сделано, — сказал Селезнев, — придется включить двигатели корабля.

— Дракончика жалко, — вздохнула бабушка.

— Главное — дети! — укорил бабушку робот Поля, который постоянно опасался, что бабушка переедет из Симферополя в Москву и устроится к Селезневым домашним роботом. А почему бы и нет?! Среди людей встречаются такие вредные экземпляры!

— Высылаю за вами мой скоростной флаер, — сказал Милодар. — На нем столько мигалок и сверкалок, что ни один полицейский не посмеет вас задержать за превышение скорости! — С этими словами комиссар исчез с экрана.

Ужин был безнадежно погублен.

Селезнев ушел к себе в кабинет.

Алиса за ним. У отца ведь не может быть секретов от дочери.

Войдя, профессор включил компьютер, чтобы вспомнить, что известно науке о больших звездных дракончиках. Ведь о них известно очень немного.

Глава 2. Бабушка летит с нами!

На экране компьютера возникло нечто, похожее на картофелину. «Картошка» неспешно плыла по звездному небу. Сразу не разберешь, велика она или нет.

— Размеры больших звездных дракончиков бывают разные, — сказал компьютер. — Обычно полкилометра, иногда больше, а один раз видели дракончика-младенца размером всего-навсего с футбольное поле. Но возможно, это был не большой дракончик, а обыкновенный малый звездный дракончик. Тем более команда порой преувеличивает размеры животного, потому что у страха глаза велики.

Вдруг раздался голос робота Поли:

— А что едят эти бездельники?

— Отвечаю, — сказал компьютер. — Едят они что ни попадя. Так как звездные дракончики могут существовать только в открытом космосе, потому что давление любой планеты их раздавит, на разносолы им рассчитывать не приходится.

— Попрошу не отвлекаться, — строго сказал робот.

— Разумеется, чтобы поддерживать свою жалкую жизнь, — продолжал компьютер, сделав вид, что не слышал нетактичного замечания робота, — им нужны органические вещества. Как и любому живому созданию. Но в то же время дракончики научились отыскивать полезные для себя вещества даже в камнях и железяках. Дракончики очень опасны для космических кораблей. Еще хорошо, что они редко встречаются. Если такой дракончик спрячется за кометой или пылевым облаком, он может схватить пролетающий мимо корабль и проглотить. И там уж — как повезет. А то и правда съест.

— И были такие случаи? — испугалась Алиса.

— К сожалению, были, — ответил компьютер. — Рассказать?

— Не стоит, — быстро сказал профессор Селезнев.

— Я тоже так думаю, — согласился компьютер. — Это ужасные, душераздирающие истории.

Профессор Селезнев подошел к шкафу и достал оттуда свой лечебный чемоданчик. Ни один уважающий себя ветеринар, даже космический, не пойдет лечить пациента без своего любимого чемоданчика, в котором есть все: и градусник, и аспирин, и безболезненный шприц, чтобы делать безболезненные уколы.

Пока профессор вызывал капитана Полоскова, с которым всегда летал в космические путешествия, Алиса поспешила в свою комнату. Она быстро переоделась в комбинезон, который согревает в холод и холодит в жару. Мало ли что может произойти в космосе, пока охотишься на звездного дракончика!

Алисе хотелось позвонить своему другу Пашке Гераскину, но она сдержалась и не позвонила. Папа никогда не согласится взять Пашку с собой. Ведь Гераскин всегда умудряется что-нибудь натворить, даже тогда, когда ничего натворить нельзя. Пашка — это человек, который способен нечаянно устроить наводнение даже в пустыне Сахара!

Конечно, Пашка умрет от зависти, когда узнает, что Алиса видела редчайшее существо во Вселенной — гигантского непобедимого большого звездного дракончика.

Ну и пускай Пашка умирает от зависти! Ведь речь идет о спасении целого корабля. На борту его находятся несчастные люди, которых ждет неминуемая гибель, если дракончика не обезвредят вовремя!

Но как это сделать? Похоже, даже папа еще не придумал.

Собравшись, профессор Селезнев вышел в столовую, где за столом остались лишь симферопольская бабушка и Алисины мама.

— Простите, — сказал профессор, — что испортил вам ужин. Дела требуют немедленного отлета.

— Знаем-знаем, — перебила его бабушка. — И что же ты, племянничек, собираешься делать с этим чудовищем?

— Выясним на месте, — ответил профессор.

— Но все же есть какой-нибудь способ борьбы с дракончиками? — настаивала бабушка.

— Особого способа, к сожалению, нет, — признался Селезнев.

— Ничего, — вмешалась Алиса, — мы с папой что-нибудь придумаем. Голова хорошо, а две головы лучше.

— Кажется, — улыбнулась бабушка, — этот ребенок думает, что у него уже отросла настоящая голова!

— А что же у меня? — обиделась Алиса.

— Кочан капусты, — усмехнулась бабушка.

Под окном загудел флаер комиссара Милодара. Из окна Селезневых увидели, что во флаере сидит сам комиссар и расчесывает щеткой тугие черные кудри. Он всегда заботился о своей внешности. Глядя на комиссара, бабушка фыркнула, а Алиса только улыбнулась. Ей-то давно известен секрет Милодара.

Дело в том, что комиссар очень боялся покушений и потому никогда не покидал своего штаба, вырубленного во льдах Антарктиды. А вместо себя всюду посылал свои голографические копии. Они были во всем похожи на комиссара, только сквозь них можно было пройти, как сквозь облако.

— Вы готовы, профессор? — спросил Милодар. — Тогда шагайте прямо в окно.

— Я не один, — сказал Селезнев.

— Вашей дочке Алисе место всегда найдется.

— А как же я? — спросила симферопольская бабушка. — Я же в отпуске, мне совершенно нечего делать. С моим жизненным опытом я вернее всех найду способ, как спасти космический корабль от злобного дракона.

— Вы в самом деле хотите, чтобы эта пожилая женщина летела с вами? — удивился комиссар.

— Не могу спорить с собственной тетей, — ответил профессор Селезнев. — Моя мама, а ее родная сестра, мне этого никогда не простит.

— Что поделаешь, — философски вздохнул Милодар. — А я хотел по дороге с вами все обсудить. Ну, тогда садитесь за управление.

Профессор Селезнев шагнул в окно и уселся за руль. А комиссар Милодар исчез, лопнул, как мыльный пузырь.

Остался только его голос.

И этот голос произнес:

— Если захотите, можете нарушать все правила движения!

Но профессор Селезнев никогда не нарушает правила движения, тем более если с ним во флаере летят его дочь и любимая тетя Лукреция из Симферополя.

Флаер Галактической полиции пронесся под самыми облаками и за несколько минут домчал пассажиров до космодрома Шереметьево-5.

На поле уже стоял готовый к путешествию исследовательский корабль «Пегас», старый верный друг профессора Селезнева и Алисы. Немало они постранствовали на нем по Галактике!

Алиса выскочила из флаера первой. У корабля ее встретил механик Зеленый, очень добрый, но постоянно мрачный человек с окладистой рыжей бородой.

— Ну вот, — печально сказал он вместо того, чтобы поздороваться. — Опять двадцать пять! Снова беда стряслась. А я ведь предупреждал! Развели злобных дракончиков! Их отстреливать в младенчестве надо, чтобы вырасти не успевали!

— Здравствуй, Зеленый! — воскликнула Алиса, не слушая старого механика. — Я так тебе рада! Я без тебя соскучилась!

— Ну, заходите, заходите! Я тебе, Алиса, тоже рад! Только что-то ты очень бледненькая. Наверное, совсем не гуляешь. Ох, не кончится это добром!

— Это правда? — встревожилась симферопольская бабушка.

— Он всегда так говорит, — успокоил тетю профессор Селезнев. — Но в своем деле он очень хороший специалист.

— Все в прошлом, все в прошлом, — вздохнул механик. — И специалист я никудышный, и человек сомнительный. Кстати, что собирается делать на нашем корабле эта немолодая дама? Разве ей никто не сказал, что «Пегас» — не прогулочная яхта, а научно-исследовательское судно?

— Разве? — удивилась бабушка. — А по-моему, оно больше всего похоже на садовую беседку, где порезвились дошколята.

— Что вы имеете в виду? — возмутился механик Зеленый.

— А вот что! — ответила бабушка и показала рукой на «Пегас».

И все увидели, что корабль весь увешан веревками с бельем, украшен разноцветными флажками, а на земле вокруг него разложены одеяла, покрывала и рваные коврики, а также разбросаны мягкие игрушки.

Зеленый тоже обернулся и замер.

Такого безобразия ему в жизни видеть не приходилось. Тем более вокруг его образцового корабля.

— Этого не может быть! — воскликнул он.

И так громко, что из корабля выскочил капитан Полосков.

Он застыл в люке и потерял дар речи. Стоял как вкопанный, только открывал и закрывал рот, словно рыба, вытасченная из воды.

Наконец он пришел в себя и закричал:

— Немедленно привести корабль в порядок!

— Это не я, — ответил Зеленый.

— А кто же?

— Не знаю.

Тут в разговор вмешалась бабушка и спросила:

— Вы разрешите вам помочь?

Полосков смотрел на нее и ничего не понимал.

— Дело в том, что ваш уважаемый «Пегас» — исследовательский корабль, а не туристическая лодочка. Все лишнее придется убрать.

Бабушка провела тонкой рукой по воздуху, и все тряпки, игрушки и коврики в мгновение ока исчезли.

А профессор Селезнев объяснил озадаченным космонавтам:

— Тетя Лукреция приехала из Симферополя. Она была знаменитым фокусником, а может, фокусницей.

— Ну, к чему это, мой мальчик? — скромно возразила бабушка. — Я самая обыкновенная волшебница. Такие, как я, в Симферополе на каждом шагу встречаются.

Зеленый вздохнул и произнес:

— Мне надо было с самого начала догадаться — ничего хорошего из этого не выйдет. Женщина на борту — к беде.

— А я — к катастрофе, — сказала бабушка и лукаво улыбнулась.

Глава 3. Домкрат для дракона

«Пегас» помчался к плененной «Улыбке» на всех парусах.

Конечно, никаких парусов у него не было — какие паруса могут быть у космического корабля! Но так говорят уже много столетий — с тех пор, как морские пираты гонялись за честными торговыми каравеллами.

Профессор Селезнев все время разговаривал по космической связи со своими коллегами: не знает ли кто из них, как бороться с большим звездным дракончиком?

Но коллеги только руками разводили. Не приходилось им еще вырывать целый корабль из утробы страшного хищника.

Некоторые советовали распилить дракону брюхо, чтобы корабль мог выйти наружу своим ходом. Правда, никто не гарантировал, что дракончик после этого выживет.

Другие советовали подвести атомную пушку, зарядить ее снотворным газом и выстрелить в дракончика. Но, во-первых, никто не знает, что для такого редкого животного хорошо, а что смертельно. А во-вторых, где ты найдешь столько снотворного?

— Все зависит, — сказал профессор Алисе и бабушке, — от того, в каком состоянии сейчас дракончик, что он делает и как себя чувствует.

И все согласились, что Селезнев прав.

Через два часа полета они увидели впереди космическое тело, похожее на картошку.

То есть большого звездного дракончика.

«Картошка» плыла между звезд, и если не знать, что это — живой хищник, никогда бы не догадаться.

— Какой ужас! — произнес механик Зеленый. — И внутри этого чудовища заточены несчастные дети! Они и без того натерпелись, а теперь им грозит смерть! Пустите меня, я его растерзаю! И погибну!

— Нет! — воскликнула Алиса. — Ты нам нужен!

— А по мне, так пускай терзает, — сказала бабушка, которая посмеивалась над мрачным механиком. — Дайте ему ножик.

Зеленый надулся и ушел к себе, в инженерный отсек. Он не терпел насмешек.

Когда «Пегас» подлетел поближе, стали видны полицейские катера и корабль спасателей, дежуривший возле хищника.

— «Пегас», куда направляетесь? Кто на борту? — спросил капитан корабля спасателей. — Сюда посторонним кораблям залетать нельзя, это опасная зона. Перед вами не астероид, как может показаться, а самое опасное чудовище во Вселенной, которому ничего не стоит сжевать весь ваш корабль.

— Наш корабль находится здесь по разрешению Галактической полиции, — ответил капитан Полосков, — и лично комиссара Милодара. Комиссар просил профессора Селезнева найти способ освободить «Улыбку».

— На борту сам профессор Селезнев? — спросил Главный спасатель.

— Разумеется.

— И его знаменитая дочка Алиса тоже с ним?

— Конечно.

— Не может быть! Я столько слышал о ней, что давно мечтаю познакомиться.

Услышав такие слова, Алиса подошла к экрану.

— Здравствуйте, — сказала она. — Алиса — это я. Мы с папой очень хотим помочь

детям.

— Верю! — закричал Спасатель. — Верю!

Он тут же пригласил Селезневых на борт своего корабля, чтобы рассказать им, как обстоят дела.

А обстояли они из рук вон плохо.

Оказывается, толщина шкуры звездного дракончика составляла тридцать метров, а кое-где и все пятьдесят. И была она скорее металлической, чем каменной.

И сигналы сквозь нее проходили неважно. Честно говоря, не проходили почти совсем.

Было ясно, что «Улыбка» пока цела, дети и капитан с Буукой живы и ни на что не жалуются. Но отдельных слов разобрать невозможно.

— Они ждут, надеются, — печально сказал Спасатель. — На нас надеются, между прочим. А мы висим здесь в полной пустоте, и в головах у нас такая же пустота.

— Можно мы осмотрим дракончика поближе? — спросил профессор Селезнев.

— Осмотрите, — разрешил Спасатель. — Сейчас он безопасный. У него все брюхо набито кораблем «Улыбка». Пока он его не переварит, за новую добычу не примется.

— Ох, не нравится мне это! — меланхолично сказал механик Зеленый. — По крайней мере, Алису отправьте на спасательный крейсер. Если мы погибнем, пусть хоть ребеночек жив останется. Мы свое уже отжили, а у нее жизнь только начинается...

— Ничего со мной не случится, Зеленый! — рассердилась Алиса. — Я тебе не младенец неразумный! У меня есть диплом юного биолога! Я уже на десяти планетах побывала! И кое-где с тобой, между прочим!

Тут Алиса испугалась, что папа послушается Зеленого, и взмолилась:

— Папочка, ты же знаешь, что со мной все будет в порядке!

Неожиданно на помощь внучке пришла симферопольская бабушка.

— Ребенок прав! — сказала она. — Когда же закаляться, как не в детстве! Где же закаляться, как не рядом со страшным космическим чудовищем! И с кем же за компанию закаляться, как не с любимой бабушкой!

Зеленый вздохнул и сказал:

— Придется дать телеграмму вашей маме.

Но Алиса знала, что ей ничего не грозит. Не такой человек механик Зеленый, чтобы ябедничать родителям. Тем более один родитель стоит рядом и совсем не трепещет.

Тем временем Полосков направил «Пегас» к дракону.

Все собрались у экранов и смотрели, как увеличивается «картошка».

— А где же у него рот? — спросила Алиса.

— Сейчас увидим, — ответил Полосков.

«Пегас» подлетел совсем близко, и Алиса увидела, что «картошка» словно надрезана. Ее пересекала черная щель.

— Сейчас рот дракончика закрыт, — объяснил Селезнев. — И откроется, только когда дракончик снова проголодается и погонится за новой добычей.

— Он спит? — спросила Алиса.

— Он дремлет, — улыбнулся Селезнев. — Для дракончиков нет разницы — спят они или бодрствуют. Они никогда не думают. У такого вот громадного чудовища мозг чуть побольше грецкого ореха.

Зеленый спросил:

— И что же вы решили делать, профессор?

— Я хочу понять, — сказал профессор Селезнев, — нельзя ли как-нибудь заставить дракончика раскрыть пасть.

— И не надейтесь, что я дам вам мой домкрат! — тут же воскликнул механик Зеленый.

— Зачем мне ваша железяка?

— Домкрат не железяка, — обиделся Зеленый. — Я им приподнимаю «Пегас», когда нужно покрасить днище.

— Вряд ли ваш домкрат нам пригодится, — сказал профессор. — Он слишком мал для такой пасти.

— Значит, надо прислать с Земли какой-нибудь домкрат побольше, — сказала Алиса. — Попросите в Космической полиции.

— Тут недавно мост переносили на Волге, — сказал капитан Полосков. — Его домкратами подняли.

— А я видела, как небоскреб поднимали, — сказала Алиса. — И на другое место перенесли.

— Ох, боюсь, нам здесь не справиться, — вздохнул профессор. — Нет на Земле такого домкрата.

Тем временем «Пегас» медленно летал совсем рядом со страшилищем, и профессор Селезнев изучал шкуру дракончика.

Бабушка приготовила всем чаю, но никто не стал его пить. Все держали чашки и смотрели на экраны.

Вдруг бабушка сказала:

— Мне нужно точно знать, сколько еще «Улыбка» продержится внутри дракончика.

— Примерно семь-восемь часов, — сказал Селезнев.

— Мне нужно знать с точностью до минуты! — настаивала бабушка.

— Для этого, — ответил Селезнев, — надо проникнуть внутрь чудовища и осмотреть обшивку «Улыбки». Только я не представляю, как это сделать.

— Понятно, — сказала бабушка.

Но никто ее не услышал, потому что в этот момент у Селезнева родилась идея.

— Полосков, — попросил он, — соедини меня с комиссаром Милодаром!

Полосков вызвал Землю.

— Извините, — ответила за комиссара его секретарша, — но комиссар лег спать. И будет спать еще четырнадцать минут.

— А нельзя его разбудить?

— Он спит в Антарктиде в подледной камере на глубине километра. К тому же уши он обычно затыкает ватой. Так что пока комиссар не проснется сам, до него не докричишься.

— Как только он проснется, пускай соединится со мной, — сказал Селезнев.

— Что ты задумал, папа? — спросила любопытная Алиса.

— Есть у меня одна мысль...

Селезнев подошел к компьютеру и начал набирать разные адреса в Космонете. Он разыскивал какого-то профессора Рамакришну, который в тот момент карабкался на гору Эверест и не мог отвлекаться.

Селезнев везде оставил для него сообщение, а потом объяснил Алисе свою мысль:

— Я подумал: а что, если дать дракончику рвотное лекарство? Тогда он раскроет пасть и выпустит корабль...

— И где же ты возьмешь столько лекарства? — спросила Алиса.

— И к тому же, — добавил капитан Полосков, — разве мы можем быть уверены, что наше лекарство подействует на дракончика?

— Да, вы правы, — согласился Селезнев. — Сначала надо взять образец желудочного сока этого чудовища. И желательно сделать ему анализ крови. Хотя, вернее всего, у него вообще нет крови. А если и есть, то придется бурить его шкуру.

— Вот именно, бурить! — мрачно подтвердил Зеленый.

Селезнев вызвал корабль спасателей.

— Нет ли у вас бура, — спросил он, — который можно использовать вместо шприца, чтобы взять у дракончика анализ крови?

— Был, — печально ответил Спасатель. — Но уже сломался. Ждем новый с Земли. Через час будет здесь.

— Рвотное лекарство... — тихо повторила бабушка. — Рвотное лекарство... А ведь это почти правильная идея! И я знаю, что надо делать!

Все были так заняты своими делами и мыслями, что никто из взрослых бабушку не услышал.

А вот Алиса услышала.

— Ты что задумала, бабушка?

— Я придумала, как освободить детей, — ответила бабушка. — Только никто меня, старую, и слушать не будет.

— Кроме меня, — сказала Алиса.

— Правильно. Потому что ты умнее всех. Ты согласна мне помочь?

— Конечно, согласна.

— Только учти — это очень опасно! Можно и голову потерять!

— Новая отрастет! — засмеялась Алиса.

— А ты знаешь, где висят космические скафандры? — спросила бабушка шепотом.

— Знаю.

— Тогда проводи меня.

Глава 4. Внутри чудовища

Алиса с бабушкой спустились в трюм «Пегаса» и облачились в космические скафандры. Пока они это делали, бабушка рассказала Алисе, что им предстоит сделать в брюхе дракончика.

И Алисе бабушкина идея очень понравилась.

Они тихонечко забрались в маленький спасательный катер «Пегаса», включили ручное управление, отдали приказ задраить аварийный люк и выпустить катер из «Пегаса». Когда катер выскочил из корабля, бабушка прошептала:

— Ты веди катер, а я буду командовать. А то из меня шофер никудышный.

Алиса села за пульт управления, а бабушка включила динамик, чтобы послушать разговоры внутри «Пегаса».

А разговоры там стоили того, чтобы их послушать.

— Полосков! — услышали они встревоженный голос профессора Селезнева. — Что происходит? Приборы показывают, что спасательный катер «Пегаса» покинул свою нишу и по аварийной программе вылетел из корабля.

— Быть того не может! — воскликнул Зеленый. — Катера сами по себе не летают!

— Кто сказал, что сами по себе? — рявкнул обычно тихий и вежливый Полосков. — А где эта ваша бабуся?

— Вот именно, — сказал Зеленый. — Я же предупреждал.

— А где Алиса? — спросил профессор Селезнев.

— Действительно, а где Алиса? — повторил Полосков. — Ведь только что здесь была!

Он нажал кнопку вызова.

— Спасательный катер! — закричал он. — Кто на борту?

— Мышка-норушка, — ответил голос симферопольской бабушки, — лягушка-попрыгушка, лисичка-сестричка... А вам кто нужен?

— Немедленно прекратите шутки и возвращайтесь на «Пегас»! Неужели вы и Алису с собой взяли?

— Я сама себя взяла, — ответила Алиса. — Не волнуйся, Полосков. Нам ничего не грозит.

— Кому что грозит — решаю здесь я! — рассердился Полосков. — Если вы с бабушкой немедленно не вернетесь на борт, я вас тут же списываю на берег.

— Как ты думаешь, — спросила бабушка, — может, не будем больше слушать этого грубияна?

— Как скажешь, бабушка, — согласилась послушная внучка.

Бабушка отключила связь, и в катере стало тихо.

— А зачем ты хочешь забраться внутрь чудовища? — спросила Алиса.

— А затем, Красная Шапочка! — ответила бабушка, которая всегда шутит, или шутит наполовину, или шутит на четвертушку. Даже трудно угадать, когда же она говорит всерьез. — Затем, Красная Шапочка, чтобы сделать то, что никак не соберутся сделать спасатели и мой дорогой племянник. А именно: узнать, как тикает этот проклятый дракоша, что ему вредно, а что полезно. И вообще, не задавай так много вопросов, а то скоро состаришься.

Алиса замолчала, тем более что спасательный катер как раз подлетал к узкой черной щели в «картошке» — ко рту чудовища.

Вблизи эта узкая черная щель оказалась не такой уж узкой. Каменные губы дракончика были неровными настолько, что в некоторых местах они смыкались вплотную, а кое-где между ними оставались дырки размером со слона.

— Ну что, нырнем, пожалуй? — пропела бабушка. — А то за нами, по-моему, уже спасатели увязались.

И правда, на страшной скорости к катеру с «Пегаса» мчался катер спасателей. Вот-вот настигнет!

— Похоже, у меня будут большие неприятности, — сказала плохо воспитанная бабушка. — За похищение катера и тем более за похищение маленького ребеночка!

— Это кто же здесь маленький ребеночек? — обиженно спросила Алиса.

— Ты, конечно, моя крошка, — ответила бабушка. — А ну, давай вон в ту дыру!

Бабушка включила прожектор, и Алиса послушно направила катер внутрь чудовища. Они чуть было не задели каменные губы дракончика.

Чтобы не врезаться в «Улыбку», Алиса резко затормозила.

Плененный корабль покачивался как раз перед ними, освещенный лучом прожектора. Почти весь он погрузился в черную непрозрачную жидкость.

— Можно я включу связь? — спросила Алиса.

— Я уже включила, — ответила бабушка.

И сразу же катер наполнился звуками.

Сзади раздавался строгий голос Спасателя:

— Лукреция Ивановна! Немедленно вернитесь! Иначе мы будем вынуждены последовать за вами. Вы подвергаете опасности жизнь ребенка и собственную жизнь!

Бабушка ответила Спасателю:

— Как только я сделаю свое дело, мы с Алисой вернемся на «Пегас»! Но надеюсь, вы знаете, что по инструкции не имеете права следовать за мной, не согласовав свои действия с Центральным управлением спасательной службы! Так что ждите разрешения!

Спасатель промолчал.

— Как я их осадила! — обернулась бабушка к Алисе. — Пока они найдут инструкцию, мы уже вернемся.

Тем временем Алиса аккуратно посадила катер на нос «Улыбки», который высовывался из черного озера. Бабушка вытащила из своей сумочки золотую бутылочку.

— Алиса, — сказала она серьезно, — я приказываю тебе оставаться на катере. Если со мной что-то случится, немедленно улетай!

— А ты?

— Я сейчас на минутку вылезу, возьму пробы желудочного сока, проверю состояние обшивки «Улыбки» и вернусь. Дай мне две минуты. Ты поняла?

— Есть, капитан! — ответила Алиса.

Бабушка открыла люк и выскочила наружу. Правда, сказать «выскочила» будет неправильно, ведь вокруг совсем не было силы тяжести, поэтому бабушка плыла, как в воде.

Сначала она прикрепила датчики к обшивке «Улыбки», потом набрала черной жидкости в золотую бутылочку.

А Алиса тем временем слушала, как сердятся спасатели, которые остались снаружи. Они бы рады забраться внутрь и вытащить бабушку с внучкой, но у них не было на это разрешения. Ведь спасатели обязаны не только спасать других, но и себя беречь. Если спасатель никого не спасет, а сам погибнет, это настоящее безобразие!

Потом Алиса постаралась выйти на связь с «Улыбкой».

И это ей удалось!

— «Улыбка», прием, — сказала она. — Я нахожусь рядом с вами.

— Говорит капитан «Улыбки», — услышала Алиса в ответ. — Нас спасают?

— Вас спасают и обязательно спасут, — заверила капитана Алиса. — Только раньше мы не могли с вами связаться, потому что шкура дракончика, который вас проглотил, не пропускает никаких волн.

— Как хорошо, что вы о нас заботитесь, — послышался женский голос. — А с кем мы разговариваем?

— Меня зовут Алиса Селезнева. В данный момент я служу капитаном катера, который сидит у вашего корабля на носу.

— А меня зовут Буука, — ответил женский голос. — Я так переживаю за детей, которые попали в такую ужасную историю!

— Не беспокойтесь, скоро мы вас вытащим из дракончика, — сказала Алиса.

В этот момент люк катера открылся — это возвратилась бабушка.

— С кем ты разговариваешь, Алиса? — спросила она.

— С Буукой, — ответила Алиса.

— Это еще кто такой?

— Я не такой, а такая, — сказала воспитательница. — Я говорю с вами из «Улыбки».

Меня очень обрадовала капитан Селезнева, которая обещала нас скоро освободить.

— Она обещала? — удивилась бабушка.

Но Алиса смотрела на нее такими умоляющими глазами, что бабушка улыбнулась и сказала:

— Надеюсь, капитан Селезнева сможет вам помочь.

— Ну и что тебе удалось узнать? — спросила Алиса у бабушки.

— Выключи связь, чтобы нас с тобой никто не отвлекал.

— Ну, бабушка, пожалуйста! — взмолилась Алиса.

— Во-первых, я точно знаю, — сказал бабушка, — что кораблю «Улыбка» осталось жить ровно три часа сорок минут.

— Ой!

— Не плачь раньше времени, ведь за дело взялась я.

Бабушка поставила на стол золотой флакон, полный черной жидкости.

— Очень едкий желудочный сок, — заметила она. — Видишь, даже золотую бутылочку начал разъедать! Но мы не дадим ему сотворить свое черное дело!

Бабушка открыла сумочку и достала оттуда самую обыкновенную стеклянную баночку с завинчивающейся крышечкой.

— От следующего шага, — сказала бабушка Алисе, — зависит все! И судьба корабля «Улыбка», и судьба его пассажиров. И, кстати, наше с тобой будущее. Мы или станем героинями, или пойдем под суд.

— А что ты будешь делать?

— Смотри внимательно, — сказала бабушка. — Сейчас я насыплю во флакон немного порошка из баночки... — С этими словами она начала сыпать серый порошок в золотой флакон.

Послышалось шипение, и из флакона поползла оранжевая пена.

— Ура! — обрадовалась бабушка. — Мы победили! Думаю, трех часов нам хватит с

лихвой. Даже двух.

— Расскажи, бабушка!

— Обязательно расскажу. Но сначала, капитан Селезнева, я выйду наружу и высыплю содержимое баночки в черное озеро драконьей утробы.

Бабушка вышла наружу, а Алиса снова связалась с «Улыбкой».

— Воспитательница Буука, вы меня слышите? — спросила она.

— Я жду! Вы куда-то пропали.

— Мы... с моей помощницей... — сказала Алиса, — занимались вашим спасением.

— И когда же вы нас спасете?

— Вы будете свободны через два часа, — сообщила Алиса.

— Спасибо, капитан! Вы наша спасительница! Все мои восемьдесят два ребенка будут молиться за вас! И за ваших детей и внуков!

Алиса не успела ответить, как вернулась бабушка.

— Смотри, — сказала она. — Смотри на экран!

Глава 5. Кто смеется последним

Алиса посмотрела на экран и в свете прожектора увидела, как по черной поверхности озера расплзается оранжевое пятно. Оно пузырилось, шипело, как светлая пена на темном пиве.

— Что это такое? — удивилась Алиса.

Бабушка будто и не слышала.

— Ну скажи, бабуся!

— Прощайся со своей Буукой, — приказала бабушка. — Маленькому катеру здесь слишком опасно оставаться. Сейчас такое начнется...

Бабушка сама села за пульт управления, и катер полетел к щели в пасти дракона, за которой были видны звезды.

Алиса оглянулась.

Черное озеро начало волноваться, по нему побежали волны.

— Капитан «Улыбки»! — вызвала бабушка. — Вы меня слышите?

— Я вас отлично слышу.

— Как следует привяжитесь и проверьте, хорошо ли пристегнуты дети. Сейчас в утробе дракона поднимется шторм.

Спасательный катер с «Пегаса» вырвался из дракончика и оказался на просторах Вселенной.

Как приятно увидеть миллионы звезд! Как хорошо разглядеть среди звезд родной и любимый «Пегас»! Даже корабль спасателей показался удивительно красивым.

И тут же на Алису и бабушку обрушился шквал возмущенных голосов.

— Наконец-то! — кричал Спасатель. — Это безобразие!

— Я вас высажу в первом же порту! — вторил ему капитан Полосков.

— Алиса, от тебя я этого не ожидал! — кричал профессор Селезнев. — Я же чуть не умер от страха!

— А вот от старухи-хулиганки я ожидал именно этого, — заявил Зеленый. — Вы, Лукреция Ивановна, нарочно хотели загубить ребенка!

— Успокойтесь, — сказала бабушка. — Все живы, все здоровы, а скоро вы увидите «Улыбку» целой и невредимой.

От удивления все замолчали, а потом накинулись на бабушку с вопросами. Но бабушка молчала, как партизанка на допросе у фашистов.

Она подлетела к «Пегасу» и поставила катер на место. Потом они с Алисой сняли скафандры, и бабушка при этом шептала:

— Ты не спеши, не спеши, пускай помучаются. Неповадно им будет в следующий раз так грубо на нас кричать.

Алиса была согласна с бабушкой. Хотя, надо сказать, что папа, в отличие от остальных, грубо на нее не кричал.

Когда бабушка с Алисой вышли из катера, перед ними уже собрался весь экипаж «Пегаса», а также Главный спасатель, который примчался навести порядок.

И не успел он раскрыть рот, как маленькая стройная бабушка строго произнесла:

— Попрошу без грубостей. Если хотите разговаривать серьезно, давайте спокойно сядем в кают-компанию, и я вам расскажу, что скоро случится.

Бабушка говорила так уверенно, что все замолчали и послушно прошли в кают-

компанию.

— Включить экраны! — приказала бабушка. — Направить все прожекторы на звездного дракончика! А теперь спрашивайте, что вы хотели узнать.

— Зачем вы забирались в чудовище? — спросил капитан Полосков.

— Должна вам сказать, — ответила бабушка, — что я, как известно, старый работник цирка. Некоторые называют меня фокусником высочайшего класса, а некоторые проще — великой волшебницей нашего времени.

— Неужели вы всякие заклинания против дракончиков знаете? — ехидно спросил Зеленый.

— Заклинаний я не знаю, но как профессионал готова ко всяким неожиданностям. Например, бывает, выступаешь где-нибудь, а в цирке никто не смеется, даже не улыбнется. Так можно весь аттракцион провалить. Поэтому я когда-то достала у химика Плюшкина-Разгетти, который специально работает с цирковыми артистами, баночку со смехотворным порошком. Его еще называют щекотальником. Этот порошок делают из одной скромной травки, которая растет в пустыне Безлюдной на Блуке. Пустыня та на самом деле совершенно безлюдная, так как от запаха этой травки любое живое существо начинает хохотать, и если не убежит вовремя, то потеряет сознание от хохота.

— Ну, это несерьезно! — сказал Спасатель. — Вы что, хотите сказать, что собрались бороться со звездным дракончиком с помощью своего детского порошка?

— Вот именно, — подтвердила бабушка.

— Посмотрите, — вмешался Зеленый, — какая баночка и какой дракон! Иголлка и стог сена! Гора и мышь!

— А вам не приходило в голову, механик, — строго спросила бабушка, — что смех — самая заразная болезнь на свете? Один человек, который умеет засмеяться вовремя, может заразить смехом тысячу человек. Смех, должна вам сказать, это движущая сила истории. Недаром корабль, который мы с вами спасаем, называется «Улыбка».

— Но с чего вы решили, — спросил Спасатель, — что ваше средство может помочь против такого безмозглого существа, как дракончик?

— Ну и что? — спросила бабушка. — Разве вы не знаете, что многие люди сначала смеются, а уж потом думают?

Она показала на экран.

«Картошка», замершая на экране, вдруг вздрогнула и начала поворачиваться вокруг себя.

Потом она дернулась, словно подпрыгнула.

Она то раздувалась, то съеживалась, она дрожала, ее сводили судороги...

— А сейчас он захохочет, — сказала бабушка.

И все увидели, как дракончик начал медленно разевать свою гигантскую пасть.

Оказалось, она занимала половину его тела.

Из пасти выплеснулась черная вода и, собравшись в шары и шарики, рассыпалась по Вселенной. Потом оттуда вылетели небольшие черные камни. Они ударились о «Пегас», как снаряды.

Затем из пасти вывалился изъеденный черной жидкостью, немного помятый, но в остальном целый и невредимый корабль «Улыбка».

Он тут же начал набирать скорость, чтобы отойти подальше от чудовища.

Полосков включил связь.

— Корабль «Улыбка»! — сказал он. — Поздравляем вас с избавлением от опасности!

— Спасибо! — ответила Буука, и наконец-то Алиса смогла увидеть ее на экране.

Буука оказалась очень тонкой, стройной и на вид совершенно невесомой девушкой, зеленоглазой и веснушчатой. А на голове у нее вместо волос росли оранжевые перья. Кстати, очень красивые перья.

И Алиса поняла, что Буука — это женщина-птица. Она читала, что где-то живет целое племя таких женщин.

— Разрешите нам, — сказал капитан «Улыбки», появляясь на экране, — выразить нашу особую благодарность замечательно смелому человеку, мастеру своего дела, капитану спасательного катера с «Пегаса» Алисе Селезневой, которая, рискуя жизнью, проникла внутрь дракона и спасла нас от гибели.

— Ой, что вы! — Алисе стало ужасно стыдно. — Это все моя бабушка.

— О бабушке ничего не знаю. Не исключаю, что она тоже отважная астронавтка, но мы уверены, что спасала нас Алиса.

— Бабушка, ну скажи, что это все не так! — взмолилась Алиса, которая не выносит, когда ее хвалят незаслуженно.

— Не скажу, — ответила бабушка. — Ведь ты же была внутри дракончика?

— Была, — призналась Алиса.

— Еще как была! — подхватил капитан «Улыбки».

— И ничего не испугалась? — спросила бабушка.

— Она ни капельки не испугалась, — подтвердила Буука. — Конечно, мы уже знаем, что Алиса всего лишь девочка, но если она девочка, значит, она еще более отважный капитан!

Буука обернулась и сказала своим подопечным:

— А ну-ка, дети, давайте споем песню в честь капитана Алисы!

Восемьдесят две физиономии появились на экране и хором запели:

*Мы Алисе шлем привет,
Ей сердца откроем!
Ведь не важно, сколько лет
Звездному герою!*

Тогда уж и взрослые принялись поздравлять Алису.

Первым ее поцеловал папа.

Потом капитан Полосков.

Потом ее потрепал по волосам механик Зеленый.

А потом и Спасатель крепко пожал Алисе руку.

Пока все шумели, обнимались, смеялись, бабушка тихонько отошла в угол, вытащила из хозяйственной сумки вязание и замелькала спицами — вязала свитер для дорогого друга, который ждал ее в Симферополе.

Тут о ней все и забыли.

Потом и о дракончике забыли. Он уже был далеко, улетал в глубь Галактики, все еще содрогаясь от приступов хохота.

Бедный хищник!

Ведь перед тем, как с ним расстаться, спасатели его обследовали, прикрепили разные датчики и приборы. Теперь, куда бы дракончик ни полетел, он будет подавать сигналы, и корабли смогут отлетать от него подальше.

— Знаешь, кого он мне напоминает? — негромко спросила бабушка у профессора Селезнева. — Корову, которую отпустили пастись с колокольчиком на шее.

На прощанье спасатели подарили профессору черный камень, который вылетел из дракончика. Они думали, что профессор знает, откуда такой камешек родом.

Но Селезнев никогда ничего подобного не видел.

Камень напоминал хоккейную шайбу, обкатанную морем, словно пролежал сто лет у самого берега. Он был очень тяжелым, словно отлитым из темного металла. Вот и все, что можно было о нем сказать.

А на московском космодроме Алиса встретила старую знакомую, Кору Орват, любимого агента комиссара Милодара, тайную и явную сотрудницу Галактической полиции.

Коре уже двадцать три года, она давно взрослая и в своем кругу знаменитая. Алиса, как вы знаете, тоже знаменита в своем кругу. Им вместе не раз приходилось попадать в переделки. Подругами они пока не стали, потому что Кора в два раза старше Алисы, но относятся друг к дружке хорошо.

Алиса увидела Кору, побежала к ней, но Кора ее не заметила.

Оказывается, она встречала Бууку!

«Улыбку» уже ждали на космодроме пожарники, доктора, повара, массажисты, певцы и музыканты — кого там только не было! Ведь вся Земля с тревогой и надеждой следила за событиями внутри дракончика. Коре без труда удалось увести Бууку, так как все встречающие немедленно кинулись заботиться о спасенных детях.

Тут Алиса и познакомилась с Буукой как следует.

Оказалось, что Бууку зовут вовсе не Буукой.

У нее редкое и даже загадочное имя Баамбука. Точнее, Баамбука из племени баамбуков, с планеты Янбол.

Племя это небольшое и живет на высокой горе, поросшей лесом. Пологий склон этой горы — альпийский луг, где растет очень зеленая и мягкая трава, а также множество цветов.

Никто не знает толком, откуда это племя пришло на бамбуковую гору, может быть, и всегда там жило. А остальные жители Янбола — обыкновенные переселенцы с Земли.

Баамбуки немного отличаются от людей, но не все об этом знают, потому что они очень стесняются своих отличий и тщательно их скрывают.

Но разве в Галактике что-нибудь скроешь? И чем больше ты скрываешь, тем больше к тебе едет ученых, журналистов и просто любопытных бездельников, чтобы собственными глазами увидеть летающих девушек.

А так ты ни о чем не догадаешься.

Баамбучки ходят в шерстяных или шелковых шлемах, которые обтягивают голову. Потому что на головах баамбуковых девушек растут не волосы, а золотистые перья.

Баамбучки носят длинные платья в складках.

Думаете, ради красоты?

Опять не угадали!

У баамбучек есть крылья!

Вовсе не птички, а тонкие-тонкие, как у стрекозы, длинные и широкие, закрывающие

почти всю спину.

Казалось бы, живи и радуйся, что у тебя есть такие замечательные крылья!

А баамбучки так расстраиваются, что готовы эти крылья себе обрезать. Но не могут — это слишком больно и опасно для здоровья.

Поэтому они никогда не пользуются крыльями при посторонних.

Рассказывают, что когда-то давным-давно одна прекрасная баамбуковая принцесса влюбилась в космонавта и они решили пожениться. Но перед этим надо было съездить в гости к его маме.

Мама космонавта сказала так:

— Ты, девочка, прибыла к нам с далекой планеты, и я хочу знать, все ли у тебя, как у людей. А вдруг ты тайная уродка? Лучше признайся во всем сразу.

Здрожала баамбучка мелкой дрожью, распахнула дверь на балкон — а мама космонавта жила на шестнадцатом этаже! — и прыгнула вниз. Лучше смерть, чем позор!

А так как на баамбучке было надето платье, она не могла расправить крылья и падала вниз, как сухой осиновый лист! Еще хорошо, что не слишком быстро — очень уж она была легонькой.

К счастью, космонавт был дома. Он, как увидел такую ужасную сцену, тут же перемахнул через перила балкона и сиганул за невестой.

Правда, у него к ботинкам были прикреплены реактивные двигатели.

Только у самой земли космонавт догнал свою возлюбленную, подхватил ее, обнял и мягко посадил на клумбу.

— Что случилось? — спросил он.

Но баамбучка ничего не ответила.

Баамбучки вообще очень молчаливы.

Ты их спрашиваешь о чем-то обыкновенном, а они смотрят на тебя, улыбаются и не отвечают.

— Что ты испугалась показать моей мамочке? — снова спросил космонавт.

Во второй раз ничего не ответила птица-девушка.

Она поднялась и молча пошла со двора.

И напрасно бежал за ней космонавт, напрасно уверял, что заранее все готов простить.

Так и уехала баамбучка к себе домой.

И ни одна баамбучка больше ни разу не вышла замуж за обыкновенного человека.

Но теперь цивилизация добралась до бамбуковой горы. И стали девушки-баамбучки покидать родину, кончать различные школы и училища. Некоторые стали пастушками. Они пасли лебедей или даже альбатросов.

Другие пошли работать воспитательницами в детские сады. От такой воспитательницы не убежишь!

Несколько девушек трудятся в Центральном бюро прогнозов. Они летают между облаков и проверяют, готовы ли те пролиться на Землю дождем или пока повременят. А может быть, стоит снизить температуру или согреть облака?

На Марсе выступают ансамбли «Летучие баамбучки» и «Танцы в небесах».

На выступления прекрасных баамбучек зрители слетаются со всего Марса, а также с Венеры и Земли.

Неудивительно, что известная нам Буука, которая везла на «Улыбке» детей с Павлонии на Землю, тоже стала воспитательницей. Ведь Буука очень добрая. Только рассеянная и

забывчивая.

Мне рассказывали, что в баамбуковых школах есть специальные дежурные, которые после уроков отправляются в облака искать заблудившихся баамбучек. Заиграется девочка с орлами и забудет, где ее дом. А ведь оттого, что баамбучки очень худенькие и быстрые, они не знают, скоро ли проголодаются. Им кажется, что они никогда не захотят есть. И вдруг голод схватывает их за горлышко костлявой рукой. В такой момент нежные и добрые баамбучки становятся очень опасными. Это еще счастье, что они не хищники, а такие же, как и мы с вами, всеядные. То есть и мороженое любят в жару, и котлету, когда холодно. А раз так, то баамбучки становятся опасными только для себя самих. Они спускаются в лес, срывают незнакомые плоды и едят их. Не задумываясь, что плоды бывают ядовитыми. А если не найдется плода, то баамбучка вообще может погибнуть.

Поэтому дежурные всегда берут с собой бутерброды и термос с горячим чаем.

Алиса не знала, когда и как познакомились Буука и Кора Орват, но догадывалась, что история эта очень интересна. Наверняка целый детективный роман можно написать. Там бы действовал Буука, комиссар Милодар, Кора и, конечно же, громадный разумный красавец — кот Коры по имени Колокольчик.

Девушки явно любили друг друга, потому что бросились обниматься и целоваться, а молчаливая, но чувствительная Буука даже слегка всплакнула.

Алисе, конечно же, хотелось побыть с подругами и послушать рассказы об их приключениях, но ее уже звал отец — пора было ехать домой!

— Не расстраивайся, Алиса, — сказал Буука. — Я обязательно с тобой увижусь. Я ведь тебе жизнью обязана — ты же нас спасла!

— Что вы, что вы! — замахала руками Алиса. — Это преувеличение! Все сделала моя бабушка.

— Когда врачи обследуют моих подопечных, — сказала Буука, — мы полетим дальше. На Луне для павлонийских детей специально сделали точную копию родной планеты, чтобы детишки не чувствовали себя вдали от дома. Там подходящая для них сила тяжести и тишина. Я буду вместе с детишками, а вы с Корой прилетайте ко мне в гости.

— Обязательно, Буука, — ответила Алиса.

И она оставила подруг, чтобы они немного поговорили. Ведь иногда взрослым девушкам хочется отдохнуть от детей, даже от героических, умных и особенных.

Глава 6. Черная загадка

Черный камень, похожий на обкатанную волнами хоккейную шайбу, попал на стол директора Космозо профессора Селезнева.

Профессор придавливал им бумаги.

Как-то Алиса пришла к папе. Она сидела перед ним, и тут ей на глаза попался знакомый камень. Она взяла его в руки и сказала:

— Ужасно тяжелый! Ты так и не выяснил, конечно, из чего он состоит?

— Алисочка! — рассмеялся Селезнев. — Мне некогда птерокарпов постричь, у меня скульзики до сих пор не пересчитаны! Когда же мне заниматься геологией? Тем более космической.

— А мне было бы интересно, — задумчиво сказала Алиса. — Все-таки этот камень был внутри звездного дракончика. Значит, дракончик его где-то проглотил.

— Вот и займись этой тайной, — сказал профессор. — Чувствую, у тебя слишком много свободного времени.

— А почему бы и нет? — сказала Алиса. — Пускай одной тайной в космосе станет меньше.

— Справишься?

— Конечно, справлюсь! — решительно ответила Алиса.

Папа вздохнул и заметил:

— Порой мне не очень нравится, какая ты стала самоуверенная. Может быть, на тебя плохо влияет твой лучший друг.

— Пашка Гераскин на меня не влияет, — возразила Алиса. — Я его насквозь вижу. Просто я сама очень упрямая.

— Ну что ж, попробуй, — сказал профессор и занялся своими делами. Селезнев-папа как раз сочинял доклад для международной конференции.

А Алиса вышла из его кабинета. Камень оттягивал карман. Он был тяжелым, как гиря.

Алиса не сомневалась, что через полчаса в Институте космической геологии она найдет ответы на все вопросы. В институте у Алисы были знакомые. И даже одна приятельница, которую звали Магдалина.

Магдалина была самой молодой сотрудницей Института космической геологии. Ее взяли туда после шестого класса школы. Она работала в институте, а вечерами училась в университете. Магдалина была постоянно очень занята, она не дружила с мальчиками, а чтобы ни одной минуты не терять даром, говорила только очень короткими фразами. Ее девиз выражался в словах: «Ни одного лишнего слова, ни одной потраченной впустую минуты!»

Магдалину Алиса застала в тот момент, когда подруга надевала босоножки. Кроме босоножек на ней был короткий сарафан.

— Здравствуй, Магда, — сказала Алиса. — Ты куда собралась?

— В мезозой, — лаконично ответила Магдалина.

— А что ты там забыла? — удивилась Алиса. — Там же динозавры!

— Пустяки, — сказала неразговорчивая подруга.

Босоножки у Магдалины были на очень высоких каблуках. Она стеснялась своего маленького роста. Более всего Магдалина походила на колобок с выпученными голубыми глазками и курносый носиком. Ну никто, даже родная мама, не верил, что она — научный

сотрудник Института космической геологии. Магдалина уже полгода ходила туда на работу, а все равно каждое утро вахтер спрашивал ее:

— А ты, девочка, к кому?

А когда директор института увидел ее в первом ряду на научной конференции, он воскликнул:

— Еще детей нам здесь не хватало! — хотя сам же принимал Магдалину на работу.

Поэтому Магдалина всегда ходила на очень высоких каблуках и носила старинные очки, чтобы казаться старше, но от этого становилась лишь более смешной и похожей на толстенького маленького крольчонка.

Неудивительно, что Магдалина была такой строгой и неразговорчивой.

— В мезозое метеорит, — сказала Магдалина.

— Если он тогда упал, — сказала Алиса, — значит, он там и сейчас лежит. Зачем же ездить так далеко, да еще на машине времени? Возьми флаер или велосипед.

— Чепуха! — отрезала Магдалина и пошла к двери.

— Подожди-подожди, — остановила ее Алиса. — Так легко ты от меня не отделаешься. Сначала скажи, почему тебе понадобилось именно в мезозой?

— Наивно! — воскликнула серьезная Магда. — Метеорит же упал в мезозое.

— Вот это уже лучше, — сказала Алиса. — Значит, сто миллионов лет назад в мезозойскую эру прямо к динозаврам грохнулся какой-то метеорит. И тебе захотелось посмотреть, как он падает.

— Громадный, — уточнила Магдалина.

— Тогда я не буду тебя задерживать, — сказала Алиса. — Только, пожалуйста, взгляни на этот камешек. Что ты можешь сказать?

Алиса протянула кругляш подруге.

Магдалина взвесила его на ладони и сообщила:

— Тяжелый.

— А еще что скажешь? Откуда он? Что это такое?

— Не представляет интереса, — сказала Магдалина и вернула кругляш Алисе.

— Не может быть! Ну почему ты решила, что мой камешек не представляет интереса?

Магдалина пожала плечами.

— Я его не знаю, я его не встречала, — сказала она. — Значит, интереса не представляет.

И тут Алиса поняла, что подруга уже зазналась. Еще не стала настоящим ученым, а уже зазналась. Все, что она знает, — это хорошо и важно. А если не знает, то это не представляет для нее интереса.

Магдалина умчалась в свою мезозойскую эру, а Алиса пошла искать институтский буфет.

Так как все сотрудники института двигались в одном направлении, Алиса быстро отыскала буфет и встала у его двери.

На протянутых ладонях она держала тяжелый кругляш.

Ну должен же быть в институте хоть один любопытный человек!

Когда кто-нибудь проходил мимо, Алиса вежливо говорила:

— Обратите внимание на этот минерал. Вам не приходилось его встречать в природе?

Некоторые не очень голодные или уже поевшие сотрудники останавливались и рассматривали черный камень. Они взвешивали его на ладони и сообщали Алисе, что

кругляш слишком тяжелый. Но никто не мог вспомнить, видел ли когда-нибудь что-то подобное.

Даже сам директор института, который открыл в Галактике сто шестьдесят два минерала, такого камня раньше не видел.

— Прости, девочка, — признался он, — но на свете столько тайн и загадок, что даже я не знаю всех ответов.

— Что же мне делать? — расстроилась Алиса.

— Сходи в нашу лабораторию, — посоветовал директор. — Там твой камень проанализируют и скажут, из чего он состоит. И на одну тайну в природе станет меньше. А мне грустно, потому что я обожаю тайны и не выношу, когда их разгадывает кто-то кроме меня.

И директор пошел прочь.

Алиса решила последовать совету директора и отправилась в институтскую лабораторию, которая занимала целый этаж.

В лаборатории все пили чай с пирожными, поэтому Алисе пришлось сначала съесть два пирожных и выпить чаю. Только после этого лаборанты согласились заняться камнем.

Сперва они пытались соскрести с камня немного порошка для химического анализа.

Ничего из этого не вышло.

Но они не сдались и принялись молотить по камню гидравлическим молотком. Алисе даже страшно стало, а камню — хоть бы что!

Тогда лаборанты положили камень под пресс, чтобы выяснить, насколько он прочный. Камень оказался прочным, по крайней мере, прочнее пресса.

Пресс отправили в починку, а камень сунули в печь и раскалили. Камень не обратил на это никакого внимания. Тогда его заморозили. Но он и это испытание выдержал с честью.

Лаборанты смутились и вернули камень Алисе.

Они сказали, что такие камни пока науке неизвестны.

Алиса поблагодарила ученых и поняла, что придется ей самой разгадывать тайну камня. Недаром она уже кончила пять классов и раскрыла немало загадок, которые были не по зубам целым научным институтам.

Алиса возвратилась домой и уселась перед своим учебным компьютером, довольно мощным и умным, но страшным занудой.

Он учился вместе с Алисой с первого класса, стал ее приятелем, но требовал, чтобы Алиса обращалась к нему на «вы».

У компьютера был один недостаток — он терпеть не мог признаваться в своих ошибках. А как известно, не ошибается только тот, кто ничего не делает.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровалась Алиса. — Поглядите, пожалуйста, на этот камень. Вам он ничего не напоминает?

— Хоккейную шайбу, — ответил компьютер. — А где клюшка? Мы сыграем в хоккей! Ха-ха-ха-ха!

— Пожалуйста, покопайтесь в своей памяти, — попросила Алиса, — нет ли там чего-нибудь похожего? В Институте космической геологии ничего не смогли сказать.

— Не удивляюсь! — заметил компьютер. — Люди!

Он относился к людям снисходительно, потому что умел считать лучше их.

Компьютер направил яркий тонкий луч света на камень, потом выпустил манипуляторы и повертел камень перед фотоэлементом.

— Любопытно, — сказал он, — очень любопытно.

Он помолчал минут пять, а потом сообщил:

— Земной науке эта порода неизвестна. Так что от геологов и ждать ничего не приходится.

— А от вас приходится?

— Я думаю, не мешай мне, Алиса.

Компьютер думал довольно долго, видно, подключился к Космонету, посоветовался с друзьями. Алиса за это время успела сходить на кухню, налить стакан молока, сделать бутерброд и основательно перекусить. Наконец компьютер сказал:

— Мое мнение простое — сгоняй-ка в эпоху легенд, поговори с горгоной Медузой. Только не смотри на нее.

— Ой! — испугалась Алиса. — Неужели вы думаете, что это один из тех несчастных, кого Медуза превратила в камень?

— Есть такое мнение, — признался компьютер.

Глава 7. Медуза не виновата

Горгона Медуза и ее сестры живут в эпохе легенд.

Такая эпоха существовала очень давно, когда люди еще были первобытными, зато драконы, снегурочки, гномы, тролли, лешие и иные чудесные твари чувствовали себя на Земле хозяевами.

Первым людям от такого соседства с чудесами приходилось нелегко, но они терпели и дотерпели до самого ледникового периода.

Когда Землю сковали льды и подули арктические ветры, почти все волшебные твари вымерли или попрятались в тропической пустыне. Это и понятно — не может же русалка развести костер, а дракон вырыть себе теплую нору!

А люди всему постепенно научились.

С тех пор прошло много тысяч лет, и люди забыли, что драконы и гномы, кентавры и феи жили когда-то на самом деле. Взрослые думали, что это сказки, а дети верили в них, но только пока были маленькими.

Но вот ученые открыли эпоху легенд и научились туда летать. Даже Алиса там уже побывала. И не раз. И обзавелась там друзьями и недругами.

Теперь ей надо было снова туда слетать, чтобы проверить, правда ли, что черный камень — это бывший человек, который неудачно посмотрел на страшную Медузу и окаменел. А если так, то с подобным безобразием надо кончать!

На следующее утро Алиса поднялась пораньше, чтобы застать в Институте времени своего друга Ричарда Темпеста. Он разрешит ей побывать в эпохе легенд. А если просить кого-нибудь из старших научных сотрудников, то можно и отказ получить: «Еще чего не хватало! У нас академики годами в очереди стоят, специальные курсы проходят („Как не наступить на бабочку в мезозойской эре“), а тут ребенок выискался!»

Утро выдалось ветреным, свежим, вот-вот пойдет дождь. Алиса поставила флаер поближе к входу в институт. Институт казался пустынным, только кто-то стриг траву на газоне.

— Доброе утро! — поздоровался газонокосильщик.

— Доброе утро, Вертер! — узнала его Алиса. — Ты что, садовником стал?

— Я люблю живую природу, — ответил робот. — Это бывает с роботами, которые в детстве никогда не резвились на даче. — И Вертер глубоко вздохнул.

— Скажи, Вертер, — спросила Алиса, — а Ричард Темпест уже пришел?

— А разве он уходил? — удивился Вертер. — Посмотри в его кабинете. Но мне кажется, что он в дальней экспедиции.

Алиса вбежала в вестибюль института.

За большим столом сидел вахтер, старый пират Сильвер. Поля шляпы прикрывали красный нос, деревянная нога торчала из-под стола, а на люстре раскачивался боевой пиратский попугай.

Когда-то пират Сильвер скрылся в Институте времени от больших пиратских неприятностей, а чтобы не бездельничать, устроился вахтером.

— Добрррро пожаловать! — пронзительно закричал попугай.

Сильвер от неожиданности чуть не свалился под стол, уронил шляпу, а из-под стола выкатилась пустая бутылка, в которой еще недавно булькал ямайский ром.

— Ты чего, чего? — забормотал пират. — Руки вверх, флаг спускай!

— Это я, Сильвер Джонович, Алиса Селезнева, — сказала Алиса. — Я не хотела вам мешать.

— А ты и не помешала. Истинно говорю — не помешала. Пришла, ушла, и мы все отдыхаем.

— Доброе утро, — сказала Алиса. — Вы не видели Ричарда Темпеста?

— Я им не нянька! — почему-то обиделся вахтер. — Шастанут тут, шастанут, спасу нет!

— Ричард в экспедиции, — ответил с люстры попугай. — То ли Америку открывает, то ли Северный полюс.

— Говорящий попугай, а бестолковый, — сказал Сильвер.

Он уже совсем проснулся и продолжал:

— Ну разве Ричарда загонишь на Северный полюс? Он же у нас теплолюбивый!

— А где же он? — спросила Алиса.

— Где? Вчера был... как же он был одет? Ага, как египетский фараон! Значит, он на юге.

— А кто дежурит по институту? — спросила Алиса.

— Тамара Васильевна Строгая! — сказал Сильвер. — Она такая строгая, что я при ней вместо рома пью лимонад.

— То-то я и вижу, что лимонад, — усмехнулась Алиса и подняла с пола пустую бутылку.

Положение становилось тяжелым. Тамара Васильевна следила за тем, чтобы никто без научной надобности не пользовался кабинами времени. Она даже директора института и то без документа к машине не подпускала.

— Что же мне делать? — расстроилась Алиса. — Мне надо срочно решить научную загадку, а для этого я должна встретиться с горгоной Медузой.

— Это, простите, не та ли негодяйка, которая кого ни попадя превращает в камни? — спросил робот Вертер, как раз вернувшийся с газона. — Читал я о ней, даже фильм смотрел и не допущу, чтобы мою любимую Алисочку превратили в серый камень.

— А может, не в серый, а вот в такой? — Алиса вынула из кармана черную шайбу и протянула ее роботу.

— Это что такое? — испугался робот. — Что это ты мне показываешь?

— Может быть, этот камень и есть одна из жертв Медузы! Может быть, я смогу спасти человека. Представляешь, он уже две или три тысячи лет сидит в камне!

— Ах! — воскликнул попугай и от испуга упал с люстры.

Вертер еле успел его подхватить.

— А ты, Алиса, — спросил Вертер, — тоже хочешь стать таким камнем?

— Я иду вместе с Алисой, — решительно сказал Сильвер. — Меня так просто не возьмешь!

Он открыл ящик стола, вытащил оттуда черные очки и напялил их на нос.

— Пусть только попробуют меня заколдовать!

— За очки спасибо, — сказала Алиса и сняла очки с носа старого пирата. — Они мне пригодятся, потому что там солнце печет всюю. А вы, Сильвер, лучше узнайте, где сейчас находится Тамара Васильевна.

Сильвер вздохнул, подумал минуту и включил внутреннюю связь.

— Внимание! — сказал он твердым голосом. — Говорит вахтенный Сильвер. Тамара Васильевна, прошу вас, отзовитесь! Правда ли, что вы упали в стиральную машину?

— Что? — послышался возмущенный и удивленный голос дежурной по институту. — Какая еще стиральная машина? Я сижу в библиотеке и не собираюсь падать ни в какую стиральную машину! К тому же, Сильвер, вы должны знать, что я женщина полная и не изобрели еще такую стиральную машину, в которой я помещусь!

— Произошла ошибка, произошла ошибка, — произнес пират. — Извините за беспокойство. Продолжайте работать. Конец связи.

— Спасибо, — сказала Алиса.

Она надела темные очки и побежала по коридору к залу, где стоит машина времени.

...Через три минуты она уже стояла на платформе машины, а еще через пять из дупла гигантского дуба в эпохе легенд вышла девочка в темных очках, похожая не то на Красную Шапочку, не то на Алису Селезневу.

Где-то рядом в кустах был спрятан ковер-самолет волшебника Ооха.

Вот и он — висит на суку, пропитанный лавандой, чтобы моль не сгрызла.

Алиса разложила ковер на траве и произнесла нужное заклинание. Ведь ни один ковер-самолет без заклинания не полетит. Ковер взлетел.

Рядом появилась склочная птица — белая ворона Дурында.

— Ты чего к нам заявилась? — спросила она Алису. — Сознаться, а то Бабе-Яге доложу.

— Я не к вам, я в греческие мифы, — ответила Алиса.

— Наши туда не летают, — сказала ворона. — Глупо туда летать. Тебя там растерзают и не поморщатся.

— Мне нужно только с горгоной Медузой поговорить, — объяснила Алиса.

— Ах! — воскликнула Дурында, перевернулась в воздухе и шлепнулась на землю — так ей стало страшно.

Алиса не очень боялась. Она взяла с собой черные очки и надеялась, что чары Медузы на нее не подействуют.

Если вы забыли, я напомню, что в древнегреческие времена на краю Земли на пустынном острове жили три сестры-горгоны. Одна из них по имени Медуза была особенно вредной. У нее даже на голове вместо волос вились черные змеи. И если ты встретишься с этим чудовищем взглядом, то превратишься в камень. Так рассказывали все древние писатели.

Вот к ней-то по совету компьютера и направлялась Алиса.

В эпоху легенд Земля была куда меньше, чем сегодня. Не было ей смысла быть большой, к тому же она еще не стала шаром, а покачивалась в океане на трех китах.

Алиса подумала, что, если быстро управится с делами, надо будет долететь до края Земли и заглянуть вниз. Правда ли, что там, в океане, плавают киты? Она, конечно, понимала, что это совершенно ненаучно, но какая может быть наука в эпохе легенд?

Ковер довольно долго летел на север, в земли гипербореев, где лежал остров горгон.

Стало заметно холоднее — видно, с севера уже надвигался ледник.

Остров оказался небольшим. Он весь был уставлен каменными статуями и статуэтками, словно Алиса попала в Греческий зал Пушкинского музея.

Посреди острова стоял каменный стол. Довольно большой. Вокруг него сидели три женщины в широких белых платьях и шляпах с большими полями. Женщины играли в домино.

Алиса опустилась на ковре пониже, надела темные очки и крикнула сверху:

— Простите, пожалуйста, это остров горгон?

Женщины запрокинули головы, разглядывая Алису.

— Тебе чего надо, ребенок? — спросила одна из них.

— Мне надо поговорить с горгоной Медузой.

— А хулиганить не будешь? — подозрительно спросила вторая. — Мечом махать не станешь?

— Обещаю! — крикнула Алиса.

— Тогда спускайся.

Алиса спустилась на землю. Женщины, не вставая, разглядывали ее.

— Ты чего в темных очках? — спросила третья горгона. — Глазки, что ли, болят?

— Нет, мне просто не хотелось бы, чтобы меня превратили в камень, — честно призналась Алиса.

— Нет, вы только поглядите! Даже детей запугали! — воскликнула приятная на вид горгона, которую, как оказалось, звали Эвриала.

— У меня к вам вопрос, — сказала Алиса.

— Тогда спрашивай.

Алиса вынула из сумки, висевшей через плечо, черный камень и протянула его Медузе. А сама отвернулась — мало ли что, а вдруг этой горгоне захочется побаловаться?

— Не бойся, — засмеялась третья горгона по имени Сфено. — Мы никого ни во что не превращаем. Эту сказку еще наш папа придумал, чтобы к нам на остров лишние женихи не летали.

— Женихи? — удивилась Алиса. — Так у вас и женихи были?

— А почему бы и нет? — обиделась горгона Эвриала. — И женихи были, только мы пока замуж не хотим. Нам и здесь хорошо.

— Значит, вы никого не заколдовываете? — разочарованно спросила Алиса.

— Разве мы похожи на злодеек?

И тут Медуза сняла маску, страшную маску, к которой сверху были прикреплены медные змеи. Оказалось, что у Медузы приятное, доброе лицо, а волосы черные и пушистые.

— И женихи испугались? — спросила Алиса.

— Не сразу, — ответила Сфено. Она тоже сняла маску и оказалась еще красивее сестры. — Они не поверили. И тогда мы пригласили сюда гостей, чтобы они увидели эти статуи.

Горгона показала на множество каменных статуй, которыми был буквально заставлен небольшой остров.

— Так это не ваши жертвы? — спросила Алиса.

— Это наша работа, — с гордостью ответила Эвриала.

И тоже сняла маску.

— Мы учимся скульптуре, — пояснила Медуза. — С утра до вечера высекаем из камня статуи.

— Мы так любим эту работу, ты не представляешь! — воскликнула Сфено.

— Вот сейчас кончим играть в домино и снова возьмем в руки резцы, — закончила Эвриала.

— Как жаль, что вы не страшные и не волшебницы, — вздохнула Алиса.

— Почему? — хором спросили горгоны.

— Я думала, что вот в такие черные камни вы превращаете тех, кто приблизился к

вашему острову. — И Алиса снова протянула горгонам камень.

Горгоны по очереди рассмотрели камень и сказали, что впервые его видят.

И предложили Алисе выпить чаю.

Что она и сделала.

А потом села на ковер-самолет и полетела к громадному дубу, чтобы поскорее вернуться домой. На китов опять не осталось времени.

Компьютер ошибся.

Глава 8. Ребус долины Паско

Но когда Алиса вернулась домой, компьютер встретил ее гневным возгласом:

— Ну где тебя носило целый день!

— Следовала вашим указаниям, — вежливо ответила Алиса.

— Медуза созналась, что это ее жертва? — спросил компьютер.

— Медуза оказалась совсем не такой плохой.

— Наверное, ты смотрела на нее через черные очки? — подозрительно спросил компьютер.

— Я сняла очки, — ответила Алиса.

— Ты же смертельно рисковала! — ахнул компьютер.

— Нет, они никогда никого не превращали в камни, даже своих надоедливых женихов.

— Свежо предание, да верится с трудом, — проворчал компьютер. — Но ты совершенно зря к ним летала.

— Как так?

— Потому что я нашел решение! Я обшарил каталоги всех музеев и узнал, что точно такой же камень лежит в геологическом музее города Антофагаста в Чили. Лети туда немедленно.

— Подождите, дайте сначала пообедать, — сказала Алиса. — А вы пока узнайте, как этот камень туда попал.

— Я все уже подготовил к твоему приходу, — сказал компьютер. — Высоко в горах над городом Антофагаста расположена долина Паско. Она находится так высоко, что туда редко забираются люди. Когда-то эта долина была священным местом тамошних индейцев. На ровной поверхности там можно увидеть различные линии, прочерченные в гальке. В рисунке этих линий можно угадать гигантские геометрические фигуры. На концах линий установлены камни, которые очень похожи на твой.

— И кто же их туда принес? — спросила недоверчивая Алиса.

— В этом-то и заключается главная тайна, — сказал компьютер. — Некоторые ученые думают, что их принесли откуда-то индейцы, а другие уверены, что их привезли с собой посланцы из космоса и поместили ими свои загадочные надписи.

— Но там же были ученые? — спросила Алиса.

— Посмотри, — сказал компьютер, — вот фотография долины. Ее сделал сто лет назад великий путешественник Критинен со своего одномоторного самолета.

Из компьютера выполз лист — копия фотографии.

— А сейчас ее фотографировали? — спросила Алиса.

— Разумеется, — ответил компьютер и выплюнул еще один лист.

На обеих фотографиях были видны тонкие линии, некоторые прямые, другие изогнутые. Большею частью, как заметила Алиса, они соединяли большую каменную пирамиду с камнями, установленными на дальних концах линий.

— А что это там за пирамида? — поинтересовалась любознательная Алиса.

— Это еще одна загадка долины Паско, — ответил компьютер. — Совершенно правильная пирамида. Но никто не смог найти в нее входа. Видно, древние жрецы поднимались по ней, когда вставало солнце, и делали астрономические измерения.

— А может быть, — предположила Алиса, — эту пирамиду построили пришельцы как памятник. Чтобы все знали, что они у нас побывали.

— Тогда не мешало бы что-нибудь на ней написать, — заявил компьютер. — А то как же мы догадаемся, откуда они родом?

Алиса согласилась с этим разумным замечанием и собралась лететь в Чили.

— Только оденься потеплее, — велел компьютер. — Там высота пять километров над уровнем моря и холодно, как на Северном полюсе.

Алиса послушалась старого наставника, быстренько натянула свой оранжевый зимний комбинезон и вызвала флаер, чтобы добраться до станции межконтинентальных кораблей.

Дорога заняла почти три часа. Ей пришлось четыре раза пересаживаться с корабля на корабль, а конец пути она проделала верхом на доброй ламе.

В корабле Алиса разложила на коленях листы, которые ей дал компьютер. Один лист — фотография, сделанная сто лет назад, а второй — совсем недавний снимок.

Алиса подумала, что вряд ли кто-нибудь рассматривал их вместе — какой смысл копаться в старых фотографиях, если есть новые? Только дотошный учебный компьютер собрал все, что ему попало.

Вот пирамида, вот полоски, вот камни...

И на второй фотографии то же самое: полоски, пирамида, камни.

Стоп! — сказала себе Алиса. Что-то неладно! Но что?

Все вроде бы сходится...

Только когда Алиса уже ехала верхом на ламе к долине, она поняла, в чем дело.

Линии были похожими, но не одинаковыми.

На свежей фотографии они были куда длиннее, чем сто лет назад. Будто кто-то продолжил их, а потом перенес камни на конец каждой линии.

Но кто мог это сделать?

И зачем?

Вот три линии, которые идут параллельно. На конце средней — камень побольше. По краям — камни поменьше. А теперь посмотрим на свежую фотографию. Линии стали явно длиннее. И самое интересное — одна из крайних линий пошла в сторону.

Почему?

Тут Алиса добралась до долины Паско. Ее встретил сторож. Он дал девочке широкие лыжи, чтобы не оставлять следов на мелкой гальке, которой покрыта долина и в которой проведены загадочные линии.

Алиса сразу же направилась к тем самым трем линиям.

Вот они!

Как странно видеть своими глазами то, что только что разглядывал на фотографии!

Тяжелые черные камни как бы пропахали серую гальку...

Идея!

Алиса стояла, смотрела на три черных камня — один побольше и два, по краям, поменьше — и понимала, что раньше все ошибались.

Все думали, что кто-то — индейцы или пришельцы — прочертил линии, а потом в конце их положил по камню.

А что, если камни сами прочертили эти линии?

Потому-то так и отличаются фотографии! За сто лет камни прошли по несколько метров.

Это живые камни!

Еще не веря в свое великое открытие, Алиса тут же связалась по видеofону с папой.

— Ты где? — удивился профессор Селезнев.

— Папочка, я в Чили, в районе города Антофагаста, — сказала Алиса. — На высоте пяти километров, в горах, в долине Паско.

— Как же тебя угораздило забраться так далеко?

— Все из-за тебя, — ответила непочтительная дочка.

— Первый раз слышу о долине Паско!

— А кто дал мне камень неизвестного происхождения?

— Ты догадалась, откуда он?

— Откуда он, я не знаю, зато я обнаружила неизвестную раньше космическую цивилизацию.

— Прямо в долине Паско?

— А вот смеяться, папочка, будем тогда, когда я получу Нобелевскую премию, — обиделась Алиса.

— Почему же никто до тебя не открыл эту цивилизацию? — не унимался профессор Селезнев.

— Да просто потому, что никто ее и не искал.

На самом-то деле Алиса, конечно, ни о чем бы не догадалась, если бы компьютер не дал ей двух фотографий, сделанных с промежутком в сто лет.

Об этом Алиса и рассказала папе.

Хоть было холодно, она не улетела из долины, пока со всех концов Земли не примчались туда удивленные и восхищенные ученые и журналисты.

Алиса водила их по долине, как хозяйка, и говорила:

— Вот эта пирамида — вовсе не пирамида, а космический корабль, на котором прилетели камешки несколько тысяч лет назад. С тех пор они ходят вокруг корабля-пирамиды и думают, что они на Земле одни.

— Почему? — удивился академик Карапетян.

— Потому что для них мы движемся так быстро, что без специальных приборов им никогда нас не увидеть.

— В этом нет ничего удивительного, — согласился с Алисой профессор Смит-Вессони. — Почему бы в Галактике не существовать разумной жизни, которая движется в сто тысяч, в миллион раз медленнее, чем мы?

— А это, — Алиса показала на три камня, которые помогли ей разгадать тайну, — мама и двое детишек, они уже больше тысячи лет гуляют по долине. Видите, один из детишек решил отбежать в сторону...

— Но здесь же четыре камня, — сказал мистер Сингх. — А ты говоришь, что двое детей и мама.

— Вы еще не знаете, какую страшную трагедию мы наблюдаем, — ответила Алиса. — Ведь четвертый камень мы отыскали в желудке звездного дракончика. Я принесла его с собой и положила рядом с остальными. И вернула маме потерянного ребеночка.

— Ну, тут вы преувеличиваете, коллега! — воскликнул профессор Хуан Альберто. — Пока нет никаких доказательств, что эти... особи... принадлежат к одной семье или даже просто знакомы между собой! Не исключено, что дракончик проглотил эти камни совсем в другой части Галактики и совсем на другом корабле...

— А мне хочется думать, — возразила Алиса, — что мы помогли семье собраться вместе!

— Это очень маловероятно!

— Мне не так важно, мало или много вероятно, — сказала Алиса. — И пока камни сами не скажут мне, знакомы они или нет, я буду думать по-прежнему.

И все ученые согласились, что надо подождать, пока не будет установлена связь с камнями.

Было решено срочно начать сооружение гигантского замедлителя. В него поместят компьютер, который передаст гостям из космоса весточку от нас, людей, с той скоростью, с какой они сами разговаривают.

— Ах! — закричал вдруг профессор Хуан Альберто. — Мы совсем забыли о гуманизме! Сейчас же надо вернуть сюда камень, который лежит в музее Антофагасты! Он же, наверное, никак не поймет, почему его разлучили с семьей?

А Нобелевскую премию Алисе, конечно, не дали. Эти премии взрослые делят между собой, даже если их больше заслуживают дети.

Зато Алиса получила пятерку по географии, потому что единственная в классе смогла ответить, в какой стране находится город Антофагаста.

Глава 9. Колумб, начни сначала!

Если вы помните, эта книжка начиналась с рассказа о путешественнике Христофоре Колумбе, который плыл в Индию, а открыл Америку. А так как ему очень хотелось добраться именно до Индии, а не до Америки и даже не до Австралии, то он упорно не желал слушать тех, кто уже понял, что до Индии он не добрался. Хотя открыть Америку, в общем, тоже неплохо.

Дошло до того, что Америку назвали не Христофорией и не Колумбией, а Америкой. И знаете почему? Потому что один неглупый человек, тоже, кстати, путешественник, всюду повторял:

— Колумб до Индии не доплыл, а случайно наткнулся на другой континент, и раз он в этом признаваться не желает, прошу назвать континент моим именем. А зовут меня Америго Веспуччи.

Это не анекдот и даже не сказка. Так и было на самом деле.

Действительно, на общем собрании рисовальщиков карт было решено: согласиться с Америго и отдать ему континент, который до сих пор существовал совершенно безымянно.

А уж после того, как на новых картах появилось название «Америка», Колумбу пришлось смириться с тем, что новый континент он проморгал. Никто не мешал ему прославиться еще больше, чем он прославился. Но упрямство помешало.

А теперь посмотрите, что произошло через шестьсот лет.

И вы увидите, как мало меняются люди.

В конце двадцать первого века девочка Алиса Селезнева, подобно Колумбу, совершила великое открытие — она обнаружила целую цивилизацию космических путешественников — камней. Алисе удалось отыскать гостей на Земле в долине Паско. Их отличает от нас то, что они очень медленно живут и даже движутся в миллион раз медленнее нас. Ну и конечно, твердые они, как камни. Ведь пока такой гость пройдет по Земле метра два-три, у нас минуют века — кто только на него не наступит!

Алиса очень гордилась своим открытием, ее даже по телевизору показывали, и один мальчик с Сириуса прислал ей сигнал: хочу познакомиться!

И тут появился Америго Веспуччи.

Совершенно неожиданно.

Он принял облик геологини Магдалины из Института космической геологии.

Махоньякая Магдалина на высоких каблуках провидеофонила Алисе и сказала:

— Должна тебя огорчить.

Алиса не сразу сообразила, что происходит. Она писала сочинение на тему «Лишний человек в русской литературе». Ей советовали написать о Печорине или об Онегине, а она решила написать о деревянном человечке Буратино. Вот и задумалась.

Алиса услышала голос Магдалины и подняла голову.

— Что случилось? — спросила она рассеянно.

— Он не из их компании, — сказала Магдалина. — Я уже написала об этом статью в журнал «Природа».

— Кто из какой компании? — спросила Алиса.

— Помнишь, ты подсунула камень, который нашла в космической «картошке», в семейство каменных космонавтов в долине Паско?

— Я не подсунула, — обиделась Алиса. — Я вернула ребенка в семью.

— Ребенок не из той семьи! — сообщила Магдалина.

— А из какой же?

— Он вообще не из их семьи, не из их породы и не из их мира. Он похож на черные камни, как верблюды на бронтозавра.

— Но ведь он тоже черный камень!

— Это еще надо посмотреть! Бывает черная слива и бывает черная черешня. А на вкус они совершенно разные.

— Нет! — твердо сказала Алиса. — Я не могла ошибиться.

— Знаешь, почему я занялась этой проблемой? — спросила Магдалина.

— Нет, не знаю.

— Из заповедника Паско мне сообщили, что все камни движутся, а твой камень остался на месте. Они хотели узнать, может, он умер или заболел? Институт послал экспедицию под моим руководством, и вот что мы обнаружили...

— Погоди, погоди! — остановила подругу Алиса. — Что это за экспедиция под твоим руководством? Сколько человек в ней было?

— Это не важно, — ответила маленькая геологиня. — Допустим, экспедиция состояла из одной меня. Но это все равно была экспедиция.

Алиса поняла, что Магдалину не переспоришь, поэтому сказала:

— Рассказывай дальше.

— Я сделала удивительное открытие! — сказала Магдалина. — Я открыла Америку в геологии! Оказывается, камень, который вы нашли в космической «картошке», — живое существо. Камни, которые ползут по долине Паско, — тоже живые существа. Но они совершенно разные. Главная разница между ними в том, что космонавты в долине Паско медленно движутся, а твой камень абсолютно неподвижен.

— Так почему же вы решили, что он живой? — удивилась Алиса.

— Потому что мы исследовали его на молекулярном уровне, — серьезно ответила Магдалина. — И оказалось, что он состоит из органических молекул. Если бы он не был камнем, то был бы человеком!

— Что ты хочешь сказать?

— То, что сказала. По составу молекул камень во всем подобен человеку. Но в то же время он камень. И если бы я верила в волшебство, то сказала бы, что это — заколдованный человек. Но так как я ученый, то разгадать тайну твоего камня я не в состоянии.

— А если я еще не ученый?

— Может, ты и в сказки веришь? — подозрительно спросила Магдалина.

— А ты не веришь? — спросила Алиса.

Магдалина не ответила, и Алиса поняла, что ей очень хочется верить в сказки, но разве можно в них верить, если ты — младший научный сотрудник Института космической геологии?

Магдалина вынула из сумки черный камень и спросила:

— Ну, что будем с ним делать?

— Я не знаю.

— Этот камень не имеет отношения к геологии, — сказала Магдалина. — А раз так, я не буду его изучать.

— Тогда пришли мне его по телепортатору, — попросила Алиса.

Телепортатор был новым видом связи. Порой он работал не очень надежно, и

предметы, которые ты отправлял, могли и пропасть — причем неизвестно где. Так что ценные вещи по телепортатору не посылали. Но Алиса верила в прогресс и не боялась случайностей.

Зато Магдалина оказалась более предусмотрительной.

— Не могу рисковать, — сказала она. — А что, если камень на самом деле когда-то был человеком?

— Так не бывает!

— Все когда-то бывает впервые, — резонно возразила Магдалина. — Мы говорим: не может быть, не может быть! А оно уже есть!

Алиса расстроилась. Ведь она сделала великое открытие, а оказывается, ее открытие — вовсе не открытие, а даже в чем-то закрытие.

Она бросила писать сочинение, легла на диван и принялась думать.

Но толком поразмышлять ей не удалось, потому что в прихожей раздались голоса. Потом вошел домашний робот Поля и спросил:

— Кто же тебя учил лежать на диване в башмаках?

Алиса отмахнулась и спросила:

— Лучше скажи, кто там приходил.

— Приходила очень милая девочка, — ответил робот, — и принесла для тебя коробку.

— А что в коробке?

— Я проверил — бомбы там нет.

Надо сказать, что робот Поля начитался страшных романов и боялся покушений. Не на себя — ну кому нужен старый домашний робот? Он боялся за Алисочку и ее родителей, которые столько всего повидали во Вселенной, что у них наверняка завелись там враги. Одни космические пираты чего стоят!

— Спасибо за заботу, — поблагодарила Алиса. — А что же в коробке?

— Там лежит простой черный камень, — сказал робот. — Очень тяжелый. Он мне не понравился.

— Этого еще не хватало! Чем же он тебе не понравился?

— Таких камней не бывает, — сказал робот. — Он только притворяется камнем, но он очень несчастен.

— Как ты мог это узнать? — поразила Алиса. — Ведь камень ничего тебе не сказал.

— Алисочка-кисочка, — вздохнул Поля, — вы, люди, плохо разбираетесь в машинах и камнях. А мы всегда чуем — наш или не наш. Вот этот камень — не наш. Он — ваш. То есть он живой.

— Спасибо, — сказала Алиса и взяла коробку. С камнем.

Коробка была страшно тяжелой.

Может быть, Алиса ошиблась? Уж очень этот камень похож на тех космонавтов, что медленно шагают по долине Паско.

Вряд ли. Вот и кассета — на ней написано: «Результаты анализа космического тела № 67-ю».

Алиса положила камень на стол перед собой.

Наверное, Колумб чувствовал то же самое, когда узнал о поведении Америго Веспуччи. Только что ты была на вершине успеха! В школе даже старшеклассники говорили: «Это та Алиса, которая разгадала тайну черных камней. Ей могут дать Нобелевскую премию». Это не значит, что Алисе очень хотелось получить Нобелевскую премию, просто жалко

расставаться с открытием.

Алиса смотрела на камень, и в голову ей пришла интересная мысль.

Если этот черный камень не космонавт из долины Паско, значит, это кто-то другой. А вдруг есть еще какая-то планета, на которой тоже живут черные камни?

Алиса набрала номер Магдалины. Геологиня уже вернулась.

— Прости, Магда, — сказала Алиса. — А может быть, мой черный камень все же движется, только в тысячу раз медленнее, чем космонавты из долины Паско? Так медленно, что вы и не заметили?

— Наши приборы, — строго сказала Магдалина, — настолько точны, что если бы твой камень продвинулся за тысячу лет хотя бы на миллиметр, они бы это заметили.

— А если он спит?

— Значит, он спит всегда, — отрезала геологиня. — Извини, Алисочка, я занята. Я пишу докторскую диссертацию. — И она отключилась.

— Мы разгадаем, — сказала Алиса вслух.

— Что мы сделаем? — переспросил робот Поля, который уже занялся уборкой.

— Мы разгадаем и эту тайну. Главное — открыть Америку, а уж как ее называть — это ваше дело.

— Совершенно правильно, — согласился робот Поля, хотя ничего не понял.

Робот не любил спорить с людьми, если не имел своего мнения.

Глава 10. Где буука

Алиса опять уставилась на таинственный черный камень.

Камень молчал и не двигался.

Алиса постучала по нему согнутым пальцем и сказала:

— Ну что ты молчишь, дурашка? Может, тебе что-нибудь надо? Ты же, наверное, голодный.

Камень не отвечал. Зато ответил видеофон.

— Привет, Алиса, — сказала Кора Орват, агент Галактической полиции и большая Алисина подруга. — Ты занята?

Алиса сразу вспомнила, что Кора обещала взять ее с собой на Луну, где временно поместили Бууку с ребяташками с Павлонии. Ведь им тяжело переносить земную силу тяжести.

— Нет, — ответила Алиса. — Мы полетим на Луну?

— Я хотела тебе сказать, — грустным голосом произнесла Кора, — что я не возьму тебя с собой на Луну.

По ее тону Алиса сразу догадалась, что случилась беда.

— Немедленно признавайся, — сказала она, — что там стряслось!

— Я и не собиралась от тебя ничего скрывать, — сказала Кора. — Но Буука и дети куда-то исчезли.

— Как исчезли? С Луны?

— Вот именно. И я срочно лечу туда. Чтобы понять...

Алиса даже не дала ей договорить.

— Я лечу с тобой! — сказала она.

— Тебя мне только и не хватало!

— Вот именно, не хватало, — согласилась Алиса. — Я могу увидеть что-то такое, что ты и не заметишь. Ведь ты взрослая, а там были дети.

— Ну хорошо, — сказала Кора. — Выходи немедленно. Я опущусь у твоего подъезда.

— И не думай, — предупредила Алиса. — Некогда. Ты подлетаешь к моему окну. Окно на втором этаже. Оно будет открыто. А то, если ты будешь ждать у подъезда, мне придется выходить через дверь, а там меня поджидает домашний робот, который потребует, чтобы я сначала пообедала, а потом меня перехватит симферопольская бабушка.

— Через пять минут буду! — сказала Кора. — Не забудь надеть куртку.

— И ты туда же! — вздохнула Алиса.

Но экран видеофона уже погас.

Алиса накинула куртку, осторожно открыла окно, чтобы не услышал робот Поля, и подождала, пока к окну на небольшой скорости не подлетит флаер Кору.

Кора Алисе нравилась. Она хотела сама стать такой, как ее старшая подруга, — отважной, находчивой и умной. Недаром Кора Орват была агентом 003 в ИнтерГполе — ИнтерГалактической полиции. Она подчинялась на Земле только комиссару Милодару и еще одному человеку, которого никто никогда не видел в лицо и не знает его имени, так он засекречен. Но на Земле он не бывает, а скрывается в Галактическом центре, чтобы в нужный момент выйти, всех виновных наказать, а всех молодцов наградить. У него есть прозвище «Олдмен», что значит — старик. И если вас будут спрашивать, откуда вы все это узнали, прошу вас, не сознавайтесь, что это я вам сказал, а то мне не сносить головы.

Ветер трепал короткие светлые волосы Кора. При виде Алисы, готовой прыгнуть в окно, она рассмеялась. Алиса сразу не поняла, но когда она перепрыгнула во флаер, Кора сказала:

— А теперь оглянись.

Алиса оглянулась.

Оказывается, пока она тайком убегала из дома, за ее спиной стоял робот Поля, а рядом с ним симферопольская бабушка, которая его удерживала, чтобы тот не схватил Алису.

— Не задерживайся, Алиса! — крикнула ей вслед бабушка. — К обеду успеешь?

— Успеет! — крикнула в ответ Кора. — Я тоже у вас пообедаю, а то я забыла приготовить обед.

— Ну, тогда я постараюсь, — пообещала бабушка.

А робот Поля, который полагал, что готовит куда лучше бабушки, и не любил, когда она вторгалась в его царство, даже засверкал лампочками от возмущения.

— Теперь держись! — предупредила Кора. — У нас нет ни минуты.

Флаер набрал скорость и понесся, обгоняя встречные машины.

— Расскажи, что случилось, — попросила Алиса.

— Я сама толком ничего не знаю. Когда повар привез детям обед, то оказалось, что в комнате их нет. И воспитательницы тоже нет. Повар побежал к начальнику Лунного города, тот сразу сообщил на Землю, а я решила не терять времени даром.

— И правильно, — одобрила действия агента 003 Алиса. — Я поступила бы точно так же.

Впереди показался космопорт.

Они оставили флаер на стоянке и по скоростному эскалатору помчались к парому. Вы же знаете, что между Москвой и Луноградом ходит шаттл, или, точнее, паром, как на старых речках.

Два корабля всегда в пути. Один спешит к Луне, второй — к Земле, а так как несутся они в одном силовом поле, то повторяют движения друг друга. Один разгоняется, второй — тоже. Один остановился на конечной станции, второй тоже тормозит.

Алисе показалось, что прошла вечность, прежде чем показался тупой желтый нос космического парома. Все вокруг делалось куда медленнее, чем хотелось. Даже летел паром к Луне так, словно его тащили старые лошади.

Впрочем, Кора, конечно, времени зря не теряла. Она все время поддерживала связь с Луной и с Землей, и ей рассказывали, что нового удалось узнать.

Но ничего нового узнать не удалось.

Дети и Буука исчезли днем, перед самым обедом.

Никто чужой к ним не приходил.

Никакой борьбы не было, криков никто не слышал.

Просто мистика какая-то!

— А ты спроси, — посоветовала Алиса, — кто улетал с Луны вчера вечером.

— Улетало много кораблей, — ответили с Луны. — У нас же большой порт.

— И никто не вызвал подозрений? — спросила Кора.

— Каких подозрений? — удивился Лунный начальник, которого пропажа восьмидесяти двух детей и их воспитательницы, конечно же, страшно огорчала.

— Было ли что-нибудь необычное? — вмешалась Алиса.

— Мне надо посоветоваться, — сказал Лунный начальник и исчез с экрана.

Увидели они его снова только тогда, когда добрались до Лунограда, столицы Луны.

Лунный начальник встречал гостей в небольшом зале космопорта. Он оказался толстым, грустным мужчиной в синем лабораторном комбинезоне. Ведь на Луне настоящих начальников нет — там все работают учеными. Луна — это большая научная лаборатория для всей Земли.

— Мы нашли одного подозрительного гостя, — сказал Лунный начальник печальным голосом. Он все еще чувствовал себя виноватым.

— Говорите, — приказала Кора.

— Перед обедом к детям приходил человек с длинными усами, который торгует животными. В космопорту он сказал дежурному, что хочет подарить несчастным крошкам сказочных бабочек, так как он — торговец космическими зверями и очень любит детей и животных.

— И дежурный пустил его к детям? — воскликнула Кора. — Это же хуже, чем преступление! Это легкомыслие или даже глупость!

— Наверное, вы правы, — согласился Лунный начальник. — Но ведь вполне возможно, что он ничего плохого и не сделал!

— А когда он улетал, его багаж осмотрели?

— Да, его спросили, что он везет.

— А он?

— А он ответил, что везет только камни, которые собрал на Луне.

— Зачем ему лунные камни? — удивилась Кора.

— Он их продает коллекционерам, — ответил Лунный начальник.

Тогда Алиса еще ничего не подумала. Ну, прилетел торговец, ну, улетел, подарил детям бабочек или не подарил, — по крайней мере, известно, что никаких детей он не украл.

О, как же она заблуждалась!

...Они полетели на Лунную базу, где стоял большой купол, под которым до вчерашнего дня жили детишки с Павлонии. Лунный начальник вызвался сопровождать гостей.

На Лунной базе было тихо, пусто и как-то неприятно. Алиса понимала почему — ведь еще вчера здесь звучали детские голоса, был слышен детский смех. Где они, несчастные беженцы? Чья жестокая рука поднялась на них?

— Ничего руками не трогай, — предупредила Кора. — Здесь могут быть отпечатки пальцев или микроскопические следы похитителей.

— Это вряд ли, — заметил Лунный начальник. — Мы тут их искали-искали, все перерыли и перевернули.

— Что же делать, — вздохнула Кора. — Тогда можешь, Алиса, все трогать и даже переворачивать.

Алиса быстро осмотрела детские комнаты. А Кора тем временем опросила всех свидетелей, которые ничего не рассказали, потому что ничего не заметили.

Алиса нашла на полу несколько детских игрушек. Игрушки были павлонийскими, совсем не такими, как у детишек на Земле. Но в то же время сразу было понятно, что это игрушки, а не вещички для взрослых.

В шкафах висела одежда. Еще больше одежды было разбросано по полу.

Кора сразу спросила Лунного начальника:

— Где фильм о детях? Вы должны были каждый день снимать видео на память о гостях.

— Есть! — ответил Лунный начальник. — Сейчас принесем.

— Я сама пройду в кинозал, — сказала Кора. — Мне важно посмотреть на детей на большом экране. И заодно узнать, во что они были одеты.

Уже через три минуты она вернулась к Алисе.

— Слушай, коллега, — сказала она. — Дети не взяли с собой никакой одежды.

— Я тоже так думаю, — кивнула Алиса. — И даже Буука ничего с собой не взяла.

— Ах! — расстроился Лунный начальник. — Не дай бог, детей похитили людоеды.

— Кто? — удивилась Алиса.

— Людоеды! Рассказывают, что где-то в углу Галактики есть племя людоедов и они едят маленьких-премаленьких детей.

Лунный начальник с трудом сдерживал слезы.

— Никогда себе этого не прощу!

Алиса продолжала осматривать комнату.

Если неизвестно, кто совершил преступление, то неизвестно, и какие он мог оставить следы.

Прошло уже полчаса, но никаких следов Алиса не обнаружила.

Она устала и готова была сдаться, но вдруг заметила что-то черное. В углу, за шкафом.

Алиса с трудом отодвинула шкаф и увидела, что на полу лежит черный камень.

Камень, похожий на хоккейную шайбу, чуть поблескивающий, тяжелый и теплый на ощупь.

— Не может быть! — произнесла Алиса вслух.

И наверное, в ее голосе прозвучало что-то такое, что Кора и Лунный начальник тут же примчались к ней.

— Что случилось?

— Что ты нашла?

Алиса показала им черный камень.

— И что же здесь странного? — удивился Лунный начальник. — Я вам могу принести тысячу похожих камней.

— Во-первых, только похожих, — сказала Алиса, — а не точно таких же. А во-вторых, даже похожие камни сами внутрь Лунной базы не попадают.

— А не мне ли ты рассказывала о твоём камне? — воскликнула Кора, которая быстро соображает.

— Вот именно! — ответила Алиса. — Это точно такой же камень, как лежит у меня дома, и почти такой же, как живые камни из долины Паско.

— Значит, кто-то из детей принес его с собой? — спросила Кора.

— Ты забыла спросить, — наставительно произнесла Алиса, — откуда у меня взялся первый камень.

— И откуда?

— Из утробы звездного дракончика, который проглотил корабль «Улыбка».

— Вот это загадка так загадка! — заявила Кора.

— Никакой загадки, — отмахнулся Лунный начальник. — Я же вам говорил, что тот усатый человек, который улетел от нас вчера, увез целый мешок таких камней. Он их нам даже показал.

— Неужели никто не подсчитал, сколько у него было камней! — воскликнула Алиса.

— Зачем нам считать чужие камни? — удивился Лунный начальник.

— Бери камень с собой, — сказала Кора. — Я думаю, что он станет главной уликой в

нашем расследовании. Если камни — это дети с Павлонии, то, значит, мы уже знаем, кто был их похитителем. А также нам известно, что у него есть какой-то прибор...

— Или просто способность, — подсказала Алиса.

— Или просто способность превращать людей в камни.

— Этого быть не может, потому что этого не может быть никогда! — сказал Лунный начальник.

Но его никто не слушал. Кора уже вышла на связь с комиссаром Милодаром и сказала ему:

— Комиссар, мы с Алисой почти не сомневаемся, что детей с Павлонии превратили в черные камни. Мы не знаем, с какой целью, и не знаем, куда их повезли. Но у Алисы есть точно такой же камень.

— Что говорят специалисты? — деловито поинтересовался комиссар Милодар.

Он стоял посреди своего кабинета, вырубленного во льдах Антарктиды, чтобы никто не покусился на драгоценную жизнь комиссара Галактической полиции. Если бы не маленький рост, второго такого красавца во всей Вселенной не отыскать: черные тугие кудри украшали его голову, нос у комиссара был орлиный, зубы жемчужные, глаза янтарные, усы как стрелы, а в сапоги можно было смотреться как в зеркала в комнате смеха.

— Специалисты отказываются говорить, — ответила Алиса. — Они уверяют, что разгадать эту тайну невозможно.

— Найдем других, — пообещал комиссар. — Возвращайтесь поскорее.

Когда Кора с Алисой подошли к дверям, комиссар остановил их словами:

— И не забудьте захватить с собой фотографию похитителя!

— Ой! — воскликнула Кора. — Как я могла забыть!

Ведь есть же такое правило — если ты прилетел на чужую планету или просто на Луну, то автомат делает твой махонький голографический портретик и отправляет его в память компьютера.

— А я не забыл! — похвастался Лунный начальник. — И уже взял фотографию в компьютере.

Он протянул девушкам шарик. Чуть побольше горошинки.

Кора надавила на шарик, и на ее ладони появился человек ростом в два вершка, в черном плаще до пола, в походной шляпе и в черных очках, которые закрывали верхнюю половину лица.

— Ну вот, — возмутилась Кора. — Что же вы не попросили его показать вам лицо?

— Фотография — дело добровольное, — возразил Лунный начальник. — Вы же знаете, что на некоторых планетах показывать свое голое лицо совершенно неприлично. Мы же не могли оскорбить гостя.

— По крайней мере, можно будет определить его рост и даже размер сапог, — примирительно сказала Алиса.

— Ты права, лучше что-то, чем совсем ничего, — согласилась Кора, и они поспешили к парому, чтобы поскорее вернуться на Землю.

Но на Землю они не вернулись.

В космопорте их ждал небольшой космический корабль «Звездная птица».

В открытом люке корабля стоял сам комиссар Милодар.

— Вам, девочки, придется слетать на Суперболото, — заявил он.

— Никогда не слышала такого названия, — сказала Алиса.

— Это не название, а прозвище, — ответил комиссар.

— Разве у планет бывают прозвища?

— Как правило, не бывают. Как исключение — пожалуйста!

Тут комиссар захохотал, стал подпрыгивать и кричать:

— Ну, перестань, перестань, как тебе не стыдно! Ты же знаешь, как я этого боюсь!

— Что это с ним случилось? — спросила удивленная Алиса.

— Ничего особенного, — невозмутимо ответила Кора. — Ведь это не сам комиссар, а только его голограмма, объемная картинка. А настоящий Милодар сейчас стоит или сидит у себя в кабинете, подо льдами Антарктиды, куда не доберется ни один злодей.

Комиссар отбивался от невидимого врага и не переставал хохотать.

И вдруг исчез.

— Думаю, что он сейчас в своем кабинете, — догадалась Кора, — а к нему пристаёт его очередная жена. Похоже, она его щекочет, а комиссар не выносит щекотки.

— Очень странно, — сказала Алиса. — Комиссар Милодар — большой начальник, можно сказать — один из главных людей на Земле. Как же он разрешает жене щекотать его во время важного разговора?

— Ах, Алиса, — вздохнула Кора, — ты еще никогда не влюблялась. Вот влюбишься — поймешь, что в любви, как на войне, законов нет!

— Это ты только что придумала? — спросила Алиса.

— Это придумал кто-то две тысячи лет назад, — ответила Кора. — И был прав.

— А ты, значит, влюблялась?

— Еще как! А ты?

— Нет ничего глупее, — сказала Алиса. — Конечно, я не утверждаю, что все мальчишки дураки, но что они глупее девчонок — это факт!

— При чем тут глупость? — возмутилась Кора. — Ну при чем тут глупость?

— А что же может быть важнее ума? — удивилась Алиса.

— Иногда я искренне жалею, что слишком умная. — Кора была печальна, как плакучая ива.

И тогда Алиса поняла, что Кора Орват, агент 003 ИнтерГалактической полиции, не только была влюблена, а влюблена и сейчас, да еще по самые уши. Но говорить об этом не желает.

Не хочешь, и не надо! Так себе тема для разговора.

И Алиса спросила:

— Будем ждать, пока комиссар вернется?

— А что нам остается делать? Мы же не знаем, какую планету ему вздумалось обозвать Суперболотом.

Как будто услышав слова Кору, Милодар появился снова. Он жевал яблоко и делал вид, что ничего не произошло.

— Я тут отлучился на пару минуток, — сообщил он. — Одну проблему надо было согласовать.

— Вот именно! — сказала Кора.

— Я согласовывал проблему Алисы, — объяснил комиссар. — Мне удалось договориться с твоими родителями, чтобы они не ждали тебя к обеду.

— Спасибо, — сказала Алиса.

— Это было нелегко сделать, — сказал комиссар.

— Я вам верю, — вздохнула Алиса. — Наверное, Поля возражал?

— А также ваша симферопольская бабушка Лукреция, — сказал Милодар. — Но теперь все улажено, и мы с вами можем продолжить операцию по спасению детей и воспитательницы Бууки. На «Звездной птице» вы найдете описание планеты Два Плюса по прозвищу Суперболото. Как прилетите, сразу свяжитесь с геологом Патрикеевым. Как выяснилось, он — единственный специалист на Земле, который что-то знает о камнях, которые раньше были людьми. Он занимался этой проблемой.

— А почему нам раньше о нем не говорили? — спросила Кора.

— Потому что он исчез. Уже три месяца, как исчез, и только сегодня его мама сообщила нам почему.

— И почему же?

— Вот прилетите в Болото, — улыбнулся комиссар, — сами узнаете.

Глава 11. Суперлягушка в суперболоте

Вот уж не думала Алиса, что так скоро столкнется с еще одним влюбленным.

А случилось это на совершенно неследованной и заброшенной планете Два Плюса, как ее назвал компьютер, не обладавший богатой фантазией, или в Суперболоте, как прозвали ее ехидные геологи.

Может быть, вам уже приходилось читать книжки о будущем и вы тогда знаете, что вновь открытую планету первым делом исследуют геологи и биологи. Биологи выясняют, кто населяет планету, а геологи — из чего она состоит.

Биологи на планете Два Плюса задержались недолго. Планета оказалась сплошь покрытой болотами, в которых водились только комары и всякие болотные гады. Ни разумной, ни красивой жизни биологи не обнаружили и поспешили домой, оставив на планете геологов. А геологам куда деваться? Болото, море, пустыня — под поверхностью даже самой некрасивой и скучной планеты могут оказаться сокровища: нефть, драгоценные металлы, редкие минералы...

Геологи провели на Двух Плюсах три месяца, составили карты и схемы, определили, что скрывается под болотной жижей, и повезли на Землю образцы камней.

Вернулись геологи в Институт космической геологии и стали докладывать о том, что видели. Один из геологов сказал:

— Внимательно смотрите на экран. В самой глубине болот, куда не добрался ни один биолог, мы сделали удивительное открытие.

И на экране появилась лягушка.

На первый взгляд — самая обыкновенная лягушка.

Но только на первый взгляд.

А на второй взгляд можно было увидеть, что на голове у лягушки чудом держится небольшая золотая корона.

— А вы меня уверяли, что на планете никто до вас не был! — возмутился Арсений Патрикеев, младший научный сотрудник института, который отличался странным, нервным характером. Порой он бывал упрямым, как баран, иногда вспыхивал, как сухой хворост, и мог на всю жизнь обидеться на лучшего друга из-за сущего пустяка. Трудный человек, но талантливый ученый!

Поэтому учителя и товарищи многое Арсению прощали.

— Совершенно очевидно, что на планете побывал зоопарк и из него сбежала лягушка! — продолжал Арсений Патрикеев. — Может быть, вы просто не заметили зоопарка или цирка?

— Вот сам полетишь и проверишь, — обиделся начальник экспедиции. — Критиковать вы все мастера! А мы внимательнейшим образом осмотрели всю планету. Там нет ни одного разумного существа, а корона на голове лягушки ненастоящая, это просто такой золотистый нарост, похожий на корону.

— Вы поймали эту лягушку? Вы рассмотрели поближе этот так называемый нарост? — настаивал на своем Арсений.

— Она ускакала, — ответил начальник экспедиции.

— Все ясно! — воскликнул Арсений. — Вы на нее нечаянно наступили.

Начальник экспедиции почему-то улыбнулся, а все остальные геологи рассмеялись.

— Уважаемый коллега Патрикеев не заметил, что рядом с лягушкой для масштаба мы

положили чемодан, — сказал начальник экспедиции.

— Это чемодан? — удивился Арсений. — Он кажется спичечным коробком.

— Вот именно. Подумай сам, если это не коробок, а чемодан, можно ли наступить на такую лягушку?

Патрикеев пожал плечами. Он не любил, когда над ним смеялись, даже если никто и не собирался смеяться.

Лягушка действительно была куда больше чемодана и должна была доставать человеку до пояса.

Попробуй на такую наступи!

Вскоре все разошлись по домам. Арсений Патрикеев, который жил вдвоем с мамой и всегда ее слушался, стал рассказывать Розалии Львовне, что случилось за день на работе.

— Ах! — обрадовалась мама. — Кажется, нам с тобой наконец повезло, мой мальчик. Говоришь, тебя посылают на эту планету?

— Куда денешься, такая у меня работа, — вздохнул Арсений.

— Я всегда говорила, что с твоей специальностью ты не пропадешь, — сказала мама. — Но я никогда не думала, что ты найдешь себе достойную невесту в болоте.

— Какую еще невесту? — воскликнул Арсений.

— Ты что, забыл сказки и легенды, которые я читала тебе в детстве? Разве ты не помнишь, что лягушка в золотой короне — это наверняка заколдованная принцесса? Тебе надо будет только пустить стрелу в болото, а уж она сама отыщет тебе невесту. Ты ее расколдуешь, получишь половину царства, а я буду спокойно нянчить внучат.

— Ах, мама! — возразил Арсений. — Что за чепуху ты несешь! Неужели в конце двадцать первого века еще есть люди, которые верят в такие сказки?

— А если бы я тебе сказала, что в каком-то отдаленном болоте на неоткрытой планете сидит лягушка с золотой короной на голове, ты бы мне поверил?

— Конечно нет!

— Так вот, она сидит, и это научный факт! Готовься к экспедиции, а я пока соберу для твоей невесты чемоданчик.

— Какой еще чемоданчик? — завопил молодой геолог.

— В чемоданчике найдется место для моего старого платья, шампуня, зубной щетки и еще многих тайных женских вещей, без которых принцессе не прожить, когда она превратится обратно в человека.

— А как она превратится в человека? — спросил Арсений.

— А вот это — твоя забота, мой мальчик. Не может же твоя старая мама заниматься мужскими подвигами. На то ты и богатырь, Арсений, чтобы совершать подвиги. А я могу лишь направлять и руководить тобой издали!

Молодой геолог ушел к себе, потому что не знал, что ответить маме.

А Розалия Львовна сразу начала собирать чемодан для лягушки. Она-то не сомневалась, что нашла сыну достойную жену.

Между делом она крикнула сыну:

— Кстати, мальчик, я бы не советовала рассказывать в институте, что ты летишь на планету, чтобы привезти оттуда принцессу! Сослуживцы сойдут с ума от зависти и все испортят.

— Разумеется, я никому ничего не скажу, — откликнулся Арсений, — но совсем по другой причине: не хочу стать посмешищем для всей Академии наук.

— В таком случае, скажи им, что у тебя сумасшедшая мама, которую ты уважаешь.

— Ха-ха! — ответил сын, но вскоре оказалось, что дело не такое уж простое.

Молодому геологу действительно давно хотелось жениться. Но он очень стеснялся попросить кого-нибудь в институте или на улице стать его женой. А тут еще мама с ее дикими идеями!

Арсений лег спать расстроенным.

И тут же ему приснился сон.

Приснилось Арсению, что он идет по болоту и видит лягушку в золотой короне. Он вынимает лук, вкладывает в него стрелу и направляет стрелу прямо в глаз лягушке.

Бац! Стрела попала в глаз, но, к счастью, оказалось, что лягушка в очках.

— Ах, Арсений, Арсений! — укоризненно сказала лягушка. — Так и убить можно! В следующий раз будь осторожнее.

— Следующего раза не будет! — возразил Арсений. — Вы мне понравились. Я с детства люблю лягушек. И прошу вас стать моей женой.

— Опять твоя мама вмешивается в твои внутренние проблемы! — вздохнула лягушка. — А вдруг я тебе не понравлюсь?

— Но ведь вы же принцесса?

— Принцесса, принцесса, разве по короне не видно? Но и принцессы бывают дурнушками.

— Ничего себе, сказка получается! — расстроился геолог. — Оказывается, нет никаких гарантий отыскать красивую принцессу?

— Ах так! — возмутилась лягушка. — Еще не женился, а уже сомневаешься? Такие принцы нам не нужны! — С этими словами лягушка нырнула в болото и исчезла.

В ужасе проснулся Арсений. Потерял он свое счастье! И сам виноват.

Он долго не мог заснуть снова, а когда заснул, оказалось, что лучше бы и не засыпал. Всю оставшуюся ночь он бродил во сне по болотам, искал свою лягушку и никого отыскать не смог.

Утром его разбудил звонок из института. Пора было собираться на космодром! Во вторую экспедицию на планету, которую геологи прозвали Суперболотом.

Когда экспедиция прилетела на планету, Арсений попросился в самый отдаленный и самый болотистый район. Чемодан, который ему дала с собой мама, он взял с собой. Поэтому можете поверить: мысль жениться на лягушке уже крепко засела в его голове.

С утра до вечера Арсений летал над болотами, бродил по ним и даже прыгал с кочки на кочку.

Если вы думаете, что у него был только геологический молоток и химикалии, чтобы определять, какой минерал ему попался, то вы глубоко заблуждаетесь.

У Арсения было с собой и тайное оружие, которое дала ему на прощанье мама, — спортивный лук.

Каждая мама, даже моя, когда-то была молодой. А мама Арсения в молодости занималась стрельбой из лука и чуть было не попала на Олимпийские игры. Розалия Львовна как-то призналась сыну, что его папу она увидела на районных соревнованиях, где он выступал в турнире шашкистов. Она его сразу подстрелила из лука — попала точно в сердце. И будущий папа Арсения сдался ей в плен. Правда, через несколько лет он сбежал из дома, потому что Розалия Львовна плохо готовила суп. Вот такие трагедии происходят вокруг нас!

Каждое утро Арсений Патрикеев брал геологический молоток, заколдованный мамой лук со стрелами и уходил на работу.

Но принцесса-лягушка все не попадалась.

Однажды, спрятавшись от дождика под гигантской поганкой, которые во множестве росли на болоте, он увидел, как вдали что-то подозрительно блеснуло.

Чему блеснуть на болоте, как не золотой короне?

Не испугавшись простуды, геолог выскочил из-под поганки и кинулся к подозрительному месту.

И в самом деле — он увидел лягушку.

В золотой короне.

Лягушка внимательно смотрела на геолога Патрикеева, глаз с него не сводила и не делала попытки ускакать.

Тогда геолог достал из-за спины лук, открыл колчан, вытащил стрелу с золотым наконечником, вложил ее в лук и натянул тетиву. Лягушка зажмурилась. Она-то знала, что произойдет.

Когда лягушка открыла глаза, в нее уже летела стрела.

Бедной лягушке не оставалось ничего другого, как поднять лапу и перехватить стрелу, которая мчалась ей прямо в глаз.

Она держала стрелу в лапе и ждала, пока геолог подобрется к ней поближе.

Арсений чуть не утонул в трясине, подбираясь к лягушке, но все же добрался до принцессы, надел на нее ошейник и повел на поводке в свою палатку.

Глава 12. А лягушка все ждет...

Сверху было видно, на какой скучной планете живет геолог Патрикеев. Куда ни посмотришь — кочки, камыши, лужи и озера, забитые тиной. Над этим болотом поднимался унылый холм, поросший осиной. На холме стояли две палатки. В одной живет геолог Патрикеев, а в другой, наверное, хранятся его приборы.

Но, подумав так, Алиса ошиблась.

Потому что во второй палатке находились не приборы.

Вы уже догадались что?

И не угадали!

Давайте рассказывать по порядку.

Когда «Звездная птица» опустилась на краю холма, распугав тощих уток, к кораблю подбежал молодой человек дикого, измученного вида. Одежда на нем висела как на вешалке, под глазами — черные круги, из щек и подбородка торчит щетина длиной в палец.

— В сторону! — кричал молодой человек, размахивая руками. — В сторону, я вам говорю!

Кора не испугалась — мало ли что ей приходилось уже видеть на своей агентской службе!

— Вы — Арсений Патрикеев? — спросила она. — Вы специалист по превращениям?

— Да отойдите же вы, в последний раз прошу! — закричал молодой человек диким голосом, а когда подруги не двинулись с места, сам побежал прочь и упал на редкую бурую траву.

И в этот момент в громадную лужу, раскинувшуюся у подножия холма, грохнулось что-то большое и тяжелое. Грязная вода фонтаном взметнулась из лужи, и в мгновение ока Кора и Алиса оказались мокрыми с головы до пяток, а уж какими грязными — и не вообразить!

Пока девушки отплевывались, чистились и ругались, Арсений поднялся. Он тоже был мокрым и грязным, но, в отличие от своих гостей, не слишком.

Не обращая внимания на несчастных девушек, он полез в лужу. Алиса увидела, что в луже лежит большой тюк, а от него тянутся в стороны парашютные стропы. Сам парашют плавал по поверхности воды.

Арсений потянул тюк к берегу.

— Что же вы не предупредили! — сказала рассерженная Кора.

— Это я не предупредил? — Возмущению геолога не было предела. — А кто кричал, просил, умолял вас, наконец? Чужой дядя?

— Если бы вы объяснили, что с неба спускается груз, мы бы отошли, — сказала Алиса.

— Некогда было объяснять!

Арсений с трудом выволок тюк на траву и принялся отстегивать парашютные стропы.

— Помогите тащить, — сказал он мрачно. — В палатке просушитесь.

Алисе с Корой ничего не оставалось, как подхватить тюк и тащить его к палатке.

Тюк был пластиковый, мягкий, тугой, но самое удивительное — он шевелился!

Вернее, в нем кто-то шевелился!

Алиса, конечно, не испугалась, хотя ей очень захотелось бросить тяжелый тюк на землю и убежать.

— Что там у вас? — спросила Кора, которая тоже почувствовала неладное.

— Насекомые, — ответил Арсений. — Большею частью тараканы и тарантулы.

— Ах! — воскликнула отважная Кора и отпрыгнула от тюка.

Пришлось Алисе вдвоем с Арсением втаскивать его в палатку.

Арсений тяжело дышал.

— Ох и устал я! — произнес он наконец. — Сил больше нет. Хотите услышать мой рассказ?

— Только давайте выйдем наружу, — попросила Алиса. — Там нас Кора ждет.

Они вышли из палатки. С болот тянуло сыростью, кричала какая-то птица.

По небу неслись серые облака.

Кора сидела на большом камне и делала вид, что ничего не случилось. Алиса тоже сделала вид, что ничего не случилось. Каждый человек имеет свои слабости. А отважная Кора боялась тараканов.

— Теперь рассказывайте, — сказала Алиса.

И тогда Арсений Патрикеев поведал о своих приключениях. С того момента, когда он привел на поводке домой свою невесту.

Как оказалось, его злключения на этом не кончились.

Через неделю после этих событий, все еще ожидая телеграммы от мамы с советом, как превратить лягушку в царевну, Арсений снова пошел на болото.

И вдруг увидел, как в тростниках блестит что-то золотое.

Арсений очень удивился и поспешил в том направлении.

И — представьте себе! — увидел там еще одну лягушку в золотой короне. Крупнее прежней!

Сначала он решил, что это его невеста, которая сбежала из палатки. Но потом он сообразил, что первая лягушка была бурая, а эта — зеленая.

Ну что ему оставалось делать?

Он даже стрелять не стал — благо и лука с собой не было, — а привязал лягушку на веревку и отвел домой, где уже сидела первая невеста.

— И вы не поверите! — закончил свой рассказ геолог Арсений. — За последний месяц я поймал и привел к себе четырех царевен. Уходить не собираются, хотя дверь всегда открыта. И мне приходится их кормить!

— Как кормить? — удивилась Алиса. — А что же они едят?

— Как любые лягушки, они едят насекомых, — ответил Арсений. — К счастью, моя добрая мама покупает на птичьем рынке корм для лягушек, запаковывает его и посылает мне космической почтой. А это, скажу я вам, довольно дорогое удовольствие.

Так разрешилась тайна тюка, из-за которого Алиса с Корой промокли с ног до головы.

После этого Арсений распаковал тюк, набрал полную кастрюлю тараканов, накрыл ее крышкой и пошел в другую палатку кормить своих невест.

Алиса с Корой пошли следом.

Геолог любовно украсил жилище заколдованных царевен. Их палатка представляла собой маленькое болотце с кувшинками и камышами. На краю болота из воды поднимались зеленые кочки, а на кочках совершенно одинаково сидели четыре лягушки, каждая ростом с собаку, у каждой на голове золотая корона, глаза выпученные, животы желтые, лапы толстые, а взгляд бессмысленный.

При виде Арсения его невесты принялись разевать пасти, показывая, какие они голодные.

Арсений открыл крышку кастрюли и высыпал тараканов, жуков и тарантулов в болотце.

Лягушки тут же оживились, заквакали и кинулись в воду.

Они носились со скоростью звука, даже не разглядишь! Лягушки хватали насекомых, забрасывали их себе в пасти. Ам! Шмяк! И готово!

— Вот вы и познакомились с моими невестами, — сказал геолог. — Я не могу покинуть планету, потому что дал кому-то из этих девушек слово, что женюсь на ней. Но сейчас мне уже не отличить невесту номер один от невесты номер три, а невесту номер два от невесты номер четыре! Что скажет моя мама!

Лягушки между тем уже сожрали всех тараканов и снова уселись на свои кочки.

«Неужели это красавицы! — удивлялась Алиса. — Как трудно поверить!»

Арсений словно угадал ее мысли и сказал:

— Я и сам иногда сомневаюсь, смогу ли жениться на одной из них. Но я должен добиться своего! Потому я начал опыты по превращению одних живых существ в другие!

Арсений проводил девушек к себе в палатку, где он устроил небольшую лабораторию. Здесь геолог старался превращать червей в лягушек, а комаров в пауков, чтобы потом добиться превращения лягушек в красавиц.

Но оказывается, он еще ничего не добился, а черных камней у него нет.

Алиса с Корой попрощались с милым и несчастным геологом.

Он вышел проводить их к «Звездной птице» и на прощанье сказал:

— Я уже боюсь ходить на болото. Еще одна невеста — и я этого не переживу!

С болота тянуло сыростью. Пахло гнилушками. Далеко-далеко кто-то заквакал. Арсений зажмурился и кинулся к себе в палатку.

— Возвращаемся? — спросила Алиса.

— Давай вернемся на Луну, — сказала Кора. — И оттуда снова начнем наши поиски.

С неба донесся голос комиссара Милодара, который старался никогда не оставлять своих агентов без внимания:

— Прика... зы...

И тут его голос пропал, потому что началась космическая буря, а во время космической бури прерывается всякая космическая связь.

Теперь уж сомнений не оставалось — пора было отправляться на Луну!

Глава 13. Еще одна пропажа

На Луне был обеденный перерыв, и потому никто «Звездную птицу» не встретил.

— Ну и хорошо, — обрадовалась Кора. — Мы тоже пообедаем. А то давать задания слабым девушкам все умеют, а вот накормить — этого они не могут!

— Правильно, — согласилась Алиса, которая тоже не страдает отсутствием аппетита. — Мы целый день не ели. А дома уже обедать кончают. Бабушка, наверное, оладьи испекла.

— Не дразнись!

— Я не дразнюсь. Но нам, наверное, не стоит обедать. Ведь нет ни одной свободной минуты, — вздохнула Алиса.

Кора посмотрела на нее с улыбкой и сказала:

— Алисочка, если я тебе сейчас дам сто минут, на что ты их потратишь?

Алиса ответила почти сразу:

— Я буду думать, как отыскать детей с Павлонии.

— Тогда обедай и думай, разве ты не можешь делать два дела сразу?

Они нашли на Луне пиццерию — не в «Макдоналдсе» же обедать! Пиццерия была на самообслуживании, поэтому Алисе никто не помешал взять две порции пиццы, а вместо супа — мороженое.

— Обычно, — сказала Кора, которая тоже взяла две порции пиццы и две порции мороженого, — настоящие великие детективы сидят у себя дома и спокойно ждут, когда противник сделает ошибку. А тогда к ним кто-нибудь придет и расскажет об ошибках преступника.

— И к нам сейчас подойдут? — улыбнулась Алиса.

— Конечно. Да вот уже и Лунный начальник к нам идет. У него на лице написано, что он просто жаждет поделиться с нами информацией.

— Получена космограмма, — еще издали сообщил Лунный начальник. — Человек с мешком черных камней замечен на астероиде Пересадка.

— Его задержали? — спросила Кора.

— «Замечен» еще не значит «задержан», — наставительно произнес начальник. — Думаю, если бы его задержали, то от нас бы этого не скрыли. А скажите, вы какое мороженое едите?

— Клубничное, — ответила Алиса. — Вам взять?

— Что вы! — замахал руками Лунный начальник. — Разве вы не видите, что я на диете?

— Тогда возьмите у меня, я вторую мисочку еще не начинала.

— А пожалуй, вы правы, девочка, — сказал начальник и сел за столик к девушкам. — Что такое одна порция мороженого, от этого еще никто не растолстел!

Алиса хотела сказать начальнику, что ему уже ничто не повредит — даже если он съест сто порций мороженого. Толще некуда!

— Что же он делал на Пересадке? — спросила Кора.

— Его там ждал корабль. Сейчас выясняют, какой именно.

— А почему не спросить у компьютера? — удивилась Кора.

— Потому что компьютер был в ремонте, а основной диспетчер — в отпуске. Вы же знаете — сейчас время отпусков.

— Ну, я еще понимаю, — сказала Кора, — что на Земле летом люди уходят в отпуск,

чтобы купаться в море или лазить по горам. Но здесь, на Луне или на Пересадке, какое у вас лето?

— Неужели вы думаете, что у нас нет календарей? — возмутился Лунный начальник. — Мы отлично знаем, когда наступает пора купаться в море.

— Значит, на громадной промежуточной станции, куда ежедневно прибывают десятки кораблей, не нашлось компьютера, который бы записывал, кто прилетел, а кто улетел?

— Сам удивляюсь! — сказал начальник. — Но свидетели говорят, что этот торговец и похититель чужих детей встретился в ресторане Пересадки с консулом планеты, названия которой никто не знает, хотя она находится неподалеку от Пересадки.

— Летим туда? — спросила Алиса.

— Сначала доедим мороженое, — возразила Кора.

Начальник снова принялся за чужое мороженое, а Алиса подумала, подумала, встала и принесла себе еще одну порцию. Павелючного. Знаете ягоду павелюку? Когда-то она росла только на Пенелопе, а потом ее привезли на Землю и скрестили с земляникой. От земляники павелюка взяла вкус, а цвет и размер остались как и прежде. Но я не буду тратить ваше драгоценное время и объяснять, какого цвета и размера павелюка, а вернусь к нашим девушкам.

Когда Алиса с мороженым вернулась к столу, она услышала, как ее старшая подруга говорит по космической связи с комиссаром Милодаром:

— Почему до сих пор неизвестно, с кем разговаривал похититель и превращатель детей? Почему я вынуждена узнавать такую важную информацию от случайных людей, да еще и кормить их за это мороженым?

Лунный начальник даже поперхнулся от смущения. Такого удара он, конечно, не ожидал!

— Корочка, ну зачем же так громко! — начал упрашивать агента комиссар. — Мы со всем разберемся, виновных накажем, отличившимся дадим медаль.

— Не нужна мне ваша медаль, комиссар! — отрезала Кора. — Решается судьба детей, а вы играете в шахматы с молодой женой!

— Во-первых, не в шахматы! — возмутился Милодар. — Во-вторых, не с женой. Жена у парикмахера.

Кора старалась не смеяться.

Даже у великих людей бывают странности и слабости. Комиссар Милодар был красивым мужчиной, в самом соку, и почему-то очень любил жениться. Ну как вам объяснить? Некоторые любят кашу с молоком, другие — стрелять из лука, а комиссар любит жениться. У него часто бывают новые жены, потому что старые его покидают.

Комиссар Милодар подозревал, что его агент издевается над своим шефом, но признаться в этом не смел. Разве над настоящим великим и непобедимым комиссаром кто-нибудь посмеет смеяться?

— Я собираюсь послать на Пересадку дежурный крейсер, — сказал комиссар. — Надо всех допросить и задержать.

— А может быть, лучше... — начала Кора, и комиссар радостно за нее закончил:

— Конечно, было бы лучше послать туда одного опытного, смелого агента. Как ты думаешь?

— Мне нужен помощник, — сказала Кора, которая понимала комиссара с полуслова. — Но моего помощника ждут к обеду и будут очень недовольны, что она снова задерживается и

нарушает режим.

— Вас понял, — быстро сказал комиссар Милодар. — Я поговорю с профессором Селезневым, он сейчас как раз на конференции в космическом зоопарке, и, надеюсь, решение будет принято положительное.

— Только ни в коем случае не скажите лишнего роботу Поле, — предупредила Алиса. — Вы же знаете, какой у него характер.

— Знаю я твоего робота, — ответил комиссар. — Если он что-то узнает, то обязательно сообщит в Союз Охраны Детей от Родителей. И тогда мне не поздоровится.

Изображение Милодара на браслете Кору исчезло, и агент 003 сказала со вздохом:

— И все же он играл с ней в шахматы! Еще на свадьбе его новая жена предупредила, что останется с ним до тех пор, пока он не проиграет ей в шахматы. Вот он и старается.

Алиса слушала, как Кора говорит о комиссаре Милодаре, как она притворно ругает его, и подумала: а не в него ли влюблена агент 003? Тогда многое становится понятно... Странно устроены взрослые. Даже самые лучшие и храбрые из них очень глупеют, когда влюбляются или женятся. К тому же они почему-то быстро забывают, что сами были детьми и не забивали себе голову всякими пустяками.

Лунный начальник, который под шумок принес себе еще одну двойную порцию мороженого и быстренько ее проглотил, не очень прислушивался к разговорам Кору.

Он только спросил:

— Ну что, улетаете?

— Разумеется, — ответила Кора. — Как вы думаете, корабль Галактической полиции «Звездная птица» готов к полету?

— Сейчас узнаю, — сказал Лунный начальник, вытер губы носовым платком и позвонил на взлетное поле.

Там ему сказали, что корабль Галактической полиции взлететь не может, потому что он не прошел техосмотр за прошлый год.

— Учтите, — строго сказала Кора, — мы выполняем ответственное задание Галактической полиции, и вы обязаны нам способствовать. Кто позволил задержать «Звездную птицу»?

— Одну минутку, — сказал Лунный начальник и спросил диспетчера: — А кто позволил задержать корабль Галактической полиции?

— У нас комиссия Звездной дорожной полиции, — сказал диспетчер. — Они проводят месячник безопасности звездных трасс.

— Ну, это безнадежно, — вздохнул Лунный начальник. — Даже комиссар Милодар вам не поможет.

Конечно, Кора тут же позвонила Милодару и вновь оторвала его от шахмат, отчего он весьма рассердился. А когда узнал, что дорожная полиция — коллеги! — срывает полет, он просто пришел в бешенство.

Но разве кто-нибудь когда-нибудь мог переспорить инспектора дорожной полиции, ведь у них все инспекторы — роботы с экранами вместо лиц! Ты с ним разговариваешь и отражаешься на его экране. Тут уж не поспоришь!

Пока Кора препиралась с Милодаром, а Милодар с инспекторами, Алиса тоже не теряла времени даром. Она отошла в сторонку и позвонила своему другу Пашке Гераскину.

Алиса рассказала Пашке обо всем, и Гераскин, конечно, смертельно обиделся, что его с самого начала не позвали ловить космических жуликов. Но когда Алиса попросила его

срочно достать на Земле космический корабль, он смилоствивился и обещал это сделать.

Кора не слышала Алисиных переговоров, а потому была мрачной как туча.

Алиса сказала ей:

— Пашка обязательно достанет нам корабль.

— Ах, Алисочка, — сказала Кора, — ты бы лучше не вмешивалась во взрослые дела. Мы же здесь не в игрушки играем!

— А в шахматы с женой, — сказала ехидная Алиса.

— Помолчи, раз не понимаешь! — воскликнула Кора. — Давай попросимся на паром, полетим обратно на Землю, а там Милодар достанет нам другой корабль.

Алиса посмотрела на часы. Она верила в Пашку.

— Нет, — сказала она, — я дождусь Гераскина.

— Раз ты мне не подчиняешься, — рассердилась Кора, — значит, ты вообще еще не понимаешь, что такое дисциплина. Я тебя снимаю с задания! Возвращайся домой и ужинай с бабушкой! Или вообще делай, что пожелаешь! — С этими словами Кора направилась к парому, а Алиса за ней не пошла. Она взяла еще мороженого и стала ждать Пашку.

Ждала она его долго. Шестнадцать порций мороженого пришлось ей съесть, пока он не появился.

Гераскин был веселым и шумным.

— Я прилетел на Гай-до, — сообщил он. — Как только Ирия с Тадеушем узнали, что ты сидишь на Луне, а тебе нужно срочно спасать детей с Павлонии, они тут же отправили ко мне Гай-до. Я его встретил на космодроме. Ты не долго нас ждала?

— Спасибо, друзья, — сказала Алиса, — вы быстро прилетели. Жалко, Кора мне не поверила. Это называется взрослым самодурством. Взрослые думают, что заняты важными делами, даже если они просто играют в шахматы.

— Ты это о чем? — спросил Пашка.

— Тебе не понять, — отмахнулась Алиса. — Потом объясню. Полетели?

— Полетели, — согласился покладистый Пашка. — Гай-до стоит у самого выхода.

Они побежали к выходу. Гай-до устроил для них переходник, чтобы не выходить на поверхность Луны, договорился обо всем с диспетчерской, благо он-то прошел техосмотр вовремя, и взял курс на астероид Пересадка.

Уже на орбите, набирая скорость, Гай-до, самый разумный и верный космический кораблик в мире, большой друг Алисы и Пашки, спросил:

— Алисочка, расскажи, куда мы летим, зачем и на сколько. Ведь я ничего не знаю, а Пашка рассказывать не умеет.

— Это я-то не умею рассказывать?! — Пашка был возмущен.

— Я же сказал «рассказывать», а не сочинять! — ответил Гай-до.

И Алиса согласилась с корабликом.

Пока Гай-до готовил своим пассажирам ужин, она рассказала ему ужасную историю о черных камнях, детях с Павлонии и о торговце зверями.

— Надо спешить, — сказал Гай-до, выслушав рассказ Алисы. — А ты почему ничего не ешь?

— Прости, но я съела несколько порций мороженого, пока вас ждала, и в ближайшую неделю есть не захочу.

— Значит, не меньше тридцати порций съела, — сделал вывод Пашка.

Глава 14. Мы проголодались!

Алиса проснулась, когда по местному времени на борту было пять утра. Гай-до строго следил за временем и, даже если они прилетали на планету, где было другое, чем на Земле, время, он заставлял своих пассажиров спать и есть, как положено в Москве.

Так вот, Алиса проснулась в пять утра. Потому что ей приснился странный сон. Будто сидит она за столом, на котором множество тарелок и мисок с едой, ведро мороженого, жареный поросенок, миска с кабачковой икрой, огурцы, помидоры и арбузы. Все перемешано, как будто стол накрывал человек, не имеющий желудка или не знающий, что и с чем едят.

Алиса тянется к тарелке, хочет взять икры или огурец, но огурцы уворачиваются, икра уплывает в сторону, а арбуз, как птичка, взлетает к потолку. И чем сильнее Алиса пытается достать еды, тем быстрее эта еда от нее убегает.

Алиса бегала за едой вокруг стола, и в конце концов стол сам задвигал ногами и пошел от нее прочь.

В полном изумлении Алиса проснулась.

Часы показывали пять.

Она лежала и думала: ну что мог означать такой странный сон? Потом подумала: «А чего мне хочется?» Умная Алиса знала, что все сны — это отражение твоих мыслей и желаний.

У Алисы желание было. Ей захотелось есть.

Потому и сон такой приснился.

Страшно хотелось есть!

Но если пойти к холодильнику, то Гай-до обязательно скажет, что нормальные дети не встают в пять утра, чтобы тайком позавтракать. Что же делать? Терпеть невозможно.

«Ладно, постараюсь все сделать так тихо, так незаметно, что Гай-до ничего не заметит», — так утешала себя Алиса, хотя конечно же понимала, что кораблик способен почувствовать, как внутри него муха пролетит. Правда, мух в Гай-до никогда не было.

Алиса потихоньку опустила ноги с койки и босиком на цыпочках пошла к кают-компании. Так называется на Гай-до центральный отсек — там и камбуз, и столовая, и комната отдыха для пассажиров. Оттуда можно управлять Гай-до, если он тебя попросит. Ведь никому еще не удавалось управлять Гай-до, если он сам того не желал.

Свет Алиса не зажигала.

Впрочем, на ночь в Гай-до оставалось дежурное освещение — под самым потолком чуть светились белые полосы.

Когда Алисе оставалось до холодильника всего два шага, она услышала тихий шепот: — Что, проголодалась?

Она узнала голос Гай-до, и ей стало стыдно, что она тайком шастает по кораблю.

— Я не хотела Пашку будить, — шепотом же ответила Алиса.

Конечно, это не было ложью, потому что она действительно не хотела будить Пашку, но не было и чистой правдой. Ведь на самом-то деле о Пашке она не думала.

— Понимаю, — прошептал кораблик. — Я и сам что-то проснулся. Смотрю на часы — всего пять часов по московскому времени.

Конечно же, кораблик пожалел Алису — сам он спать не умел и, как все роботы, завидовал людям. Роботам ведь кажется, что если люди умеют спать и даже смотрят во сне

сны, то от этого они получают необыкновенное удовольствие. Но какое, простите, удовольствие можно получить, если во сне от вас улетают арбузы?

— Я возьму кусок колбасы, — сказала Алиса.

— Отрежь хлеба, — посоветовал Гай-до. — Вредно есть колбасу без хлеба.

Алиса протянула руку к холодильнику и вдруг замерла от страха. На корабле кто-то был, кто-то чужой таился в темноте, чтобы его не заметили. Она услышала шорох!

— Гай-до, — прошептала Алиса, — здесь кто-то есть!

— Знаю, — ответил Гай-до и тут же добавил громким голосом: — Павел, не прячься, тебя обнаружили.

И тут же на корабле вспыхнул яркий свет.

Пашка Гераскин с перепуганным видом отпрянул к дивану, но быстро нашелся:

— И незачем так кричать! Ну не спится человеку, ну захотелось немного погулять! Гуляю, никому не мешаю, размышляю о смысле жизни...

— Пашка, — перебила философа Алиса, — немедленно признавайся: в чем смысл твоей жизни?

— В труде на благо человечества, — быстро ответил Пашка. Его так легко не поймает.

— Тогда, Алиса, бери в холодильнике бутерброд с ветчиной, я тебе его уже приготовил, а ты, Паша, иди спать несолоно хлебавши, — сказал Гай-до.

— А ты откуда знаешь, что я проголодался? — опешил Пашка.

— Тут и догадываться не нужно, — ответил разумный кораблик. — Сытые люди спокойно спят, а голодные бегают вокруг холодильника.

— Тогда сделай и мне бутерброд, — сказал Пашка. — Я же не виноват, что от голода проснулся. Наверное, ужин был так себе.

— Завтра ты сам готовишь, — обиделся Гай-до. — На себя и на Алису. Я умываю руки. Кстати, ни один космический корабль не готовит пищу космонавтам. Я — несчастное исключение. И больше этого не будет.

Алиса была согласна с кораблем — никакой благодарности от этих людей! Но вслух ничего сказать не могла, потому что в этот самый момент пожирала бутерброд, словно анаконда кролика, и понимала, что тут же готова съесть еще дюжину бутербродов.

— Кстати, кто-то еще вечером клялся, — сказал вредный Пашка, — что не захочет есть целую неделю.

— Ты тоже еще никогда не просыпался, чтобы доужинать, — парировала Алиса.

— Неправда, такое со мной уже случалось, правда, в детстве. В далеком, счастливом детстве...

Пашка собрал крошки от бутерброда и кинул их в рот.

— Теперь не мешало бы повторить, — сказал он.

— Это странно, — сказал кораблик. — Почему вдруг всем нам в пять утра захотелось есть?

— Мало ли что вздумается! Вот Алиске, например, сон приснился... — сказал Пашка.

— А почему приснился? Потому что людям снится то, о чем они думают!

— Лучше сделай мне еще бутерброд, и я тебе обещаю, что уйду спать. А не дашь — умру с голода. Ты не представляешь, что с тобой тогда сделает моя мама!

— Ничего она не сделает, — не испугался Гай-до, — потому что ты еще не скоро умрешь. Меня настораживает то, что я сам хочу есть.

— Топлива хлебни, — посоветовал бессердечный Пашка, которому страшно хотелось

есть, а этот Гай-до над ним издевался.

— Никогда раньше не испытывал ничего подобного, — удивленно сказал кораблик. — Я хочу есть. Меня просто тянет изменить курс, потому что там есть пища.

— Гай-до, ты с ума сошел! — воскликнула Алиса. — Ты забыл, что ты — корабль?

— Не забыл, и это меня тревожит. Я отдаю себе отчет, но все же сейчас сменю курс.

— Гай-до, остановись! — закричала Алиса.

— Еда находится совсем близко, мы почти не потеряем времени, — заявил корабль. — Пристегнитесь к креслам, будем ускоряться.

— Ты не будешь ускоряться, — воскликнул Пашка, — пока не откроешь холодильник! А потом ускоряйся, сколько душа пожелает!

Хлопнула дверца холодильника — кораблик послушался Пашку.

Алиса хотела сказать Пашке, чтобы он воздержался и не ел, пока все не станет ясно, но потом она подумала: ну возьму один помидорчик или одну котлетку, а тогда уж и с Гераскиным поговорю.

И Алиса присоединилась к Пашке, который громил холодильник, и вместе они опустошили его так, словно две недели ничего не ели. А пока не опустошили, к сожалению, ни о чем другом и думать не могли.

Они жевали, чавкали, шмыгали носами, хрустели печеньем, хлюпали киселем, тяжело дышали — они были влюблены в еду!

Алиса с Пашкой еще не кончили доедать запасы пищи, как почувствовали, что корабль тормозит.

— Поосторожнее! — прикрикнул на Гай-до Пашка. — Люди же питаются!

Гай-до не ответил.

Он изнемогал от голода, хотя совершенно не представлял, что бы он мог съесть, если у него и рта нет.

А тормозил он потому, что увидел впереди нечто темное, темнее звездного неба. И именно к этому темному пятну его так тянуло.

Еще несколько секунд — и вдруг корабль затрепетал, попав в какую-то ловушку. Удар был таким неожиданным, что Алиса с Пашкой влетели головами вперед в открытую дверцу холодильника. Надо сказать, удара они почти не заметили, потому что продолжали отчаянно жевать.

— Эй! — услышала Алиса резкий незнакомый голос. — Вы что, мне сеть решили разорвать? Немедленно улетайте! Я на вас в суд подам.

И тут же раздался голос Гай-до:

— Простите за беспокойство, но я, к сожалению, очень голоден. Не могли бы вы мне сказать, чем бы я мог подкрепиться?

Ответом кораблику был громкий зловецкий хохот.

— А у тебя мозг развит! — смеялся незнакомец. — Такого корабля я еще не встречал, ну совершенно как живой! А ну, подай назад! Назад подай, говорю, а то стрелять буду! Стыдно мешать космическому ловцу!

Алиса почувствовала, как голодный корабль дал задний ход. Ему стало стыдно. Но им с Пашкой стыдно не было, и, слушая то, что происходит снаружи, Алиса продолжала дожевывать рыбное филе.

— Летит! — слышался снаружи голос космического ловца. — Видишь, летит? Вот сейчас, голубчик, ты у меня долетаешься!

— Ах! — сказал Гай-до. — Что же это делается?!

Алисе даже есть расхотелось. Что-то страшное творилось в космосе. Никогда еще она не слышала у Гай-до такого испуганного голоса.

Алиса кинулась к иллюминатору.

И она увидела, что совсем недалеко от Гай-до в космосе была расставлена гигантская сеть. Она напоминала сачок для ловли бабочек. В конце сачка, в самом узком его месте, поблескивал небольшой космический корабль. А в широкое кольцо медленно вплывало удивительное существо — Алиса где-то видела его фотографии.

Перед иллюминатором летела космическая птица. Только крылья ее напоминали крылья громадной бабочки — они были тонкими, как бумажные, окрашены в удивительно яркие цвета и к тому же слегка светились.

Ну конечно, это же космический журавль! У папы в кабинете есть его снимок, висит на стене. Это очень редкие создания, охота на них категорически запрещена. Подобно космическим дракончикам и другим существам, населяющим открытый космос, космические журавли не могут жить на планетах — их погубит даже небольшая, с нашей точки зрения, сила тяжести.

Пока Алиса соображала, кого же видит, космический журавль запутался в сачке, а тот закрылся и превратился в мешок. Журавль бился внутри, и тут голос ловца произнес:

— Не трепещи, малышка. Сейчас мы тебя усыпим, и ты спокойно отдашь богу душу.

Алиса увидела, как из корабля космического ловца вылетела зеленая молния и поразила космического журавля. Тот вздрогнул и замер навсегда.

— Что он делает! — ужаснулась Алиса. — Это же преступление!

— Чей милый голосочек я слышу? — радостно откликнулся ловец. — Уж не Алиса ли это Селезнева, сообразительная и непослушная дочка моего старого друга, директора Московского космического зоопарка профессора Селезнева?

— Я вас не знаю!

— Зато я вас всех знаю, — ответил ловец, — потому что я избрал себе трудную и неблагодарную работу — я торгую космическими зверями. Я снабжаю ими зоопарки и цирки. Я трачу время и силы, чтобы зрители в зоопарках могли насладиться видом зверей или хотя бы их чучелами. А космического журавля нет ни в одном зоопарке или музее мира!

— Потому что на него нельзя охотиться! — крикнула Алиса.

— Ты не права, Алисочка. Охотиться можно на кого угодно, даже на тебя. Просто никто раньше не мог придумать, как поймать этого мерзавца. И лишь я догадался. Я поставил на мой корабль генератор голода. Любое живое существо, которое окажется на расстоянии светового года, обязательно почувствует страшный голод и помчится ко мне, думая, что сможет его утолить.

— Так уж и каждое! — обиделся Пашка.

И только тут Алиса сообразила, что больше не хочет есть. Видно, и Пашка расхотел.

— Поняли, что случилось? — спросил ловец. — Я отключил генератор голода, и вы все сразу стали сытенькими! Даже ваш глупый человекообразный кораблик перестал мучиться от голода.

— Действительно, — смущенно признался Гай-до.

— Я сообщу в Галактическую полицию о вашем преступлении, — сказала Алиса. — Комиссар Милодар вас догонит и накажет.

— А меня не надо догонять и наказывать. Я действовал во имя науки.

— Но космический журавль не может жить на планете!

— И не нужно ему жить, — засмеялся ловец. — Достаточно того, что там будет стоять его чучело — тоже дорогая штучка. Я знаю по крайней мере троих королей, двоих императоров, шесть университетов и восемьдесят шесть музеев, которые не пожалеют ничего за шкурку космического журавля. И все будут мне благодарны!

— Я до вас доберусь! — вмешался в разговор Пашка. Ему было стыдно, что он, оказывается, лез в холодильник, потому что какой-то нечестный браконьер пожелал поймать ценное животное.

— Давайте не будем ссориться, — примирительно сказал ловец. — Я не возражаю. Если хотите, то летите на Пересадку, я буду там вас ждать. Оттуда вы сможете связаться с комиссаром Милодаром, и он меня накажет.

— Хорошо, — сказал Гай-до, — увидимся на астероиде Пересадка.

— Если вам нужна помощь, вы только мне скажите, — произнес ловец. — Меня тут все знают. И уважают. Я всегда рад помочь.

И тогда Алиса решила, что надо попробовать: а вдруг этот ловец что-нибудь слышал о черных камнях? Может, он и нечестный охотник, но в остальном неплохой человек?

— Простите, — сказала Алиса, — вам случайно не приходилось слышать о черных камнях?

— О каких еще черных камнях?

— Кто-то превратил в черные камни детей с планеты Павлония, и нам сказали, что эти камни видели на астероиде Пересадка. Их кто-то оттуда вывез.

Ловец ответил не сразу. Наверное, что-то вспоминал. Потом он сказал:

— Кажется, я смогу вам помочь. Улетая на охоту, я видел в порту человека с длинной бородой. Он нес мешок с черными камнями. Его даже на границе проверяли, но потом камни отдали обратно. Он сказал, что хочет использовать их при строительстве.

— Правильно! — сказал Пашка. — Мы тоже об этом знаем!

— Но я знаю больше вас, — сказал ловец. — Думаю, мне известно, где эти камни находятся сейчас.

— Где? — в один голос воскликнули Гай-до, Алиса и Пашка.

— Это не телефонный разговор, — ответил ловец. — Но когда прилетите на Пересадку, подождите меня в главном зале ожидания. Я вас отвезу в это место!

— Спасибо, — сказала Алиса.

— Вот именно, что спасибо! — обрадовался ловец, лица которого они так и не увидели. — Ругаться — легче легкого! А надо любить друг друга и друг другу помогать. До встречи!

— Ну что, полетели дальше? — спросил Гай-до.

Было уже почти восемь часов, пора вставать.

— Чур, я в душ первым, — тут же сказал Пашка. — Я быстренько, а то ты, Алиска, двадцать шесть минут моешься.

И он ушел в душ.

— Завтракать будем? — спросил Гай-до виноватым голосом.

Чувствовал он себя отвратительно: из троих путешественников он был самым старшим, самым взрослым. И вот не удержался, попался в ловушку, как безмозглый космический журавль.

Алиса только улыбнулась.

Пашка, к счастью, из душа не услышал этих слов — уж он бы поиздевался над кораблем.
Хотя сам был не лучше других.

И они полетели дальше, к астероиду Пересадка.

Глава 15. Космопорт на пересадке

Пашка вышел из душа и сказал:

— Я бы, Алиска, не спешил жаловаться Милодару на ловца. Человек старается, зверей ловит, может, не совсем правильно, но не бездельничает ведь. К тому же согласился нам помочь. Мне он в принципе нравится.

— Ты его даже не видел, — возразила Алиса.

— Я его слышал.

— Этого недостаточно, — сказала Алиса.

— Значит, слепые не могут разбираться в людях?

— Но ведь ты же не слепой! А ты как думаешь, Гай-до? — спросила Алиса.

— Моего мнения не спрашивают, я ведь всего-навсего машина, корабль безмозглый! — ответил Гай-до в приступе самоуничижения.

— Ну скажи, скажи!

— Алиса, тебе самой очень не хочется звонить комиссару. Журавль уже погиб, а детей надо спасать...

— Значит, вы оба хотите, чтобы я была нечестной? — расстроилась Алиса.

Но, по правде говоря, не очень сильно. Тем более что Пашка бубнил над ухом и мешал думать.

— Вот будет здорово, — говорил он, — если мы сейчас найдем и спасем детишек! Комиссар пришлет свою Корочку, а все уже без них сделано. А вот если ты ему сейчас позвонишь, то, как честному человеку, тебе придется сказать, что мы сидим на Пересадке и ждем встречи с космическим ловцом, даже не охотником, а браконьером. Знаешь, что тогда скажет комиссар Милодар?

— Знаю, — вздохнула Алиса. — Он скажет: немедленно вылетайте домой и прекратите путаться под ногами! Я сам, скажет он, встречу с этим так называемым ловцом и допрошу его с пристрастием.

— И чем все это кончится?

— А тем, что ловец скроется с глаз — была ему охота попадаться в лапы комиссара Милодара!

Тут Гай-до стал тормозить — они подлетали к Пересадке.

— Наверное, придется нам здесь покуковать, — вздохнул Пашка, — пока этот ловец закончит разделять журавля, да пока сюда прилетит...

— Зачем ему нас обманывать!

— А вдруг это просто хитрость? — спросил Пашка. — А на самом деле ловец уже мчится в свою черную Галактику и замечает следы?

Алиса и Гай-до смутились. Пашка мог быть прав, хоть и обидно это признавать.

Гай-до приземлился и остался на летном поле среди множества кораблей всех мастей и размеров, ведь на Пересадке каждый день останавливается не меньше сотни звездных путешественников.

Алиса с Пашкой отправились в главный зал ожидания.

Они и не предполагали, что главный зал так велик и что в нем окажется столько народу.

Представьте себе помещение размером с крытый футбольный стадион. По сторонам его расположены магазины, кафе, лавки, справочные конторы, банки и еще невесть что. Здесь,

например, можно поменять больше двух тысяч сорока разных валют, попробовать восемь тысяч четыреста блюд в тысяче ста двадцати трех кафе и ресторанах, можно принять душ или ванну из воды, кипятка, метана, пропана и даже жидкого кислорода. Представляете, кто туда прилетает?

А как все шумят на своих шестистах языках?

— Нас надули, — сказал Пашка.

— Боюсь, ты прав, — согласилась с ним Алиса. — Но все-таки давай поищем справочное бюро для жителей Солнечной системы.

Сначала им удалось найти справочное бюро, которое давало справки, где находятся справочные бюро по разным звездным системам. Потом они принялись искать свое справочное бюро, но оно оказалось закрыто на обед. Так и было написано на окошке: «Ушла на обед. Через час вернусь».

— Ну хоть бы написала, когда ушла! — рассердился Пашка.

Они пошли погулять, посмотреть вокруг, два раза заблудились и в конце концов через час вернулись к справочному бюро.

Там по-прежнему никого не было.

Только та же бумажка на стекле.

По соседству находилось справочное бюро системы Арктур — Гончий Заяц. В нем сидел милый робот, разрисованный бабочками.

— Вы кого ищете? — спросил он. — Вижу, что в третий раз сюда подходите.

— Мы ждем, когда откроется справочное бюро для Солнечной системы, — ответила Алиса.

— Не скоро, — сказал робот.

— Почему?

— Потому что в прошлом году справочница отсюда пошла пообедать, и ей нечаянно дали компот из волшебного яблока.

— Ну и что?

— Ну и то, — робот задрожал, и все бабочки, нарисованные на его теле, взлетели и стали носиться по комнатке, — что к нам она больше не вернулась! Кто отведал этого компота... Нет, не могу продолжать!

— Наверное, заснула, как Спящая красавица? — подсказал Пашка.

Робот только отмахнулся. И минут пять рыдал.

Наконец он совладал со своими нервами.

— Это был заговор. Яблоко привезли из сада Гесперид. Это то самое яблоко! Компот сварили для правительственной делегации фаблистов, чтобы их всех превратить... Нет, не могу!

Так Алисе и не удалось дослушать до конца эту ужасную историю, потому что вдруг над ее головой раздался громкий голос:

— Девочка Алиса с Земли! Вас ожидают в самом центре зала. Повторяю. Девочка Алиса с планеты Земля! Вас ожидают в центре зала у пальмы.

— Бежим! — сказал Пашка.

Они поспешили к центру зала, что было совсем не просто, потому что народу в зале прибавилось. Особенно трудно оказалось разминуться с группой из четырехсот присгадииков-туристов. К счастью, это были не те воинственные присгадиики, которые выловили всех омаров в заповеднике Марина-Р, а мирные трехлетние присгадиики

пенсионного возраста, спешащие посмотреть мир перед тем, как закуклиться. Ведь их жизнь проходит быстрее, чем на других планетах; и на пенсии им удастся побыть всего несколько месяцев. Поэтому присгадики в день ухода на пенсию закупают на полгода билетов и путевок и, не переставая, путешествуют вплоть до самого закукливания. А что такое четыреста мирных присгадиков? Как перейти это море, если нормальный присгадик — это существо, похожее на резиновый коврик, что лежит у вашей двери, только коврик этот очень скользкий, дергается и пищит, если на него наступить. А если представить, что при этом каждый присгадик несет сумку с сувенирами и альбом с почтовыми открытками, то становится понятно, что такой поток на какое-то время парализует все движение.

Остальные пассажиры жались к стенкам и ждали, пока туристы пройдут.

Из-за присгадиков Алиса с Пашкой добрались до высохшей, пыльной пальмы посреди зала только минут через десять.

Навстречу им кинулся молодой человек в очках, клетчатой рубашке, которая раньше называлась ковбойкой, в широких штанах и с чемоданом в руке.

— Соотечественники! — завопил он. — И не отпирайтесь, я слышал, как вас вызывали! Земляне! Братья по разуму! Говорю вам — спасите!

— А вы кто такой? — спросила ошарашенная таким напором Алиса.

— Я? Я — Остап Нетудыхата, отважный путешественник из Харьквива.

— Как-то одеты вы странно... — заметила Алиса.

— Это только кажется, — сказал отважный путешественник. — На самом деле одет я обыкновенно. Я должен вам рассказать свою историю. Наверняка вы содрогнетесь, когда все узнаете.

— А не можете вы ее рассказать немного попозже? — вежливо спросила Алиса. — Мы должны встретить одного человека.

Остап Нетудыхата почему-то смертельно обиделся:

— Я другого и не ждал. Наверное, москвичи? Москали, я вас спрашиваю?

— Москвичи, москвичи, — ответил Пашка, оглядываясь: где же ловец космических зверей?

— Москвичи — люди неотзывчивые, грубые, равнодушные и очень опасные, — сказал Остап Нетудыхата. — Из-за них я и претерпеваю все эти неприятные приключения.

Алиса его не слушала. Она очень волновалась: неужели ловец их обманул? Но ведь вызвал же он их к пальме?

И тут из-за пальмы вышел дежурный робот. Абсолютно обычный робот, похожий на человека, но в то же время похожий на кого угодно.

— Алиса Селезнева с планеты Земля? — спросил он, направляясь к Пашке.

Для таких роботов, которые служат на дальних космических трассах, все обитатели Галактики на одно лицо, ведь им приходится встречаться с ползучими, летучими, прыгающими и бегающими существами. Так что они даже не знают, что на Земле есть мальчики и девочки, которые отличаются друг от друга.

— Нет, — ответил Пашка. — Алиса Селезнева стоит рядом со мной.

— Возьмите послание. — Робот протянул Алисе маленькую капсулу.

И тут же ушел.

— Эй! — позвал Остап Нетудыхата. — Давайте отложим ваши проблемы. Первым делом надо помочь человеку. То есть мне.

— Одну минутку. — Алиса открыла капсулу.

— Вы не туда смотрите, — сказал Нетудыхата. — Смотреть надо на меня.

— Внимание, — раздался голос из открытой капсулы, — говорит космический ловец. Неотложные дела заставляют меня остаться в космосе. Но так как я всегда выполняю свои обещания, то оставляю вам инструкцию, как найти черные камни. Сначала вы должны отыскать Крайнюю улицу в жилом районе. Идите по ней до конца, до последнего дома номер восемьдесят четыре. Восемьдесят четыре. Когда вы доберетесь до последнего дома, капсула даст вам новые инструкции.

Наступила тишина.

— Пошли, что ли? — сказала Алиса.

— Не нравится мне все это, — откликнулся Пашка.

— Может, он и в самом деле занят?

— Может быть, — сказал Пашка.

— Ну, вы освободились или нет? — строго спросил Остап.

— Освободились, освободились, — невежливо ответил Пашка. — Ну что ты к нам пристал?

— А что мне, с голоду помирать, что ли?

— С голоду, положим, ты не помрешь, — сказал Пашка. — Столовые здесь бесплатные.

— Платные-бесплатные, если ты не террорист.

— А разве ты террорист?

— Нет, я не террорист, но как я докажу, если у меня документов нету?

— Но что-то же у тебя есть! — сказала Алиса.

— Вот студенческий билет есть, — показал Нетудыхата.

— Это еще что такое? — не понял Пашка.

— А ты гляди! — Остап протянул Пашке сложенную вдвое картонную карточку. На ней было написано: «Студенческий билет». Внутри Пашка увидел разные слова, но заинтересовало его только одно — на билете стояла дата: «1996 год».

— Это что — шутка?

— Не шутка, а личная трагедия, — ответил Нетудыхата.

— Признавайся, как ты к нам попал! — приказала Алиса, которая тоже поняла: что-то тут неладно.

— У меня была мечта, — признался Остап. — Сначала я книжку прочитал, Уэллс ее написал, и называется она «Машина времени». Не читали?

— Читали, читали, — сказала Алиса. — А дальше?

— А дальше я кино увидел. Про одну девочку из будущего, которая к нам забралась. И решил: наверняка путешествие во времени уже есть. А то почему о нем все пишут и даже кино снимают? Стал я писателям-фантастам звонить, чтобы они признались, где стоит ближайшая машина времени. В конце концов я одного вашего сотрудника выследил.

— Где?

— Потом как-нибудь расскажу. Это длинная история, настоящий детектив!

— Не хочешь рассказывать, не надо. Мы тоже торопимся.

— А зря. Я бы на вашем месте у меня в ножках валялся, чтобы я рассказал. Ведь меня уважать будут, как Христофора Колумба. Может, мне даже памятник поставят, как в Москве. Видали, там памятник Колумбу поставили с палкой в руке? Страшный, аж жуть!

— Не знаем, — сказала Алиса.

— Значит, уже снесли. Так я коротенько: выследил я вашего сотрудника и за ним! Даже

фотоаппарат не взял и переодеться не успел. Как был, в машину времени нырнул, а то еще уедет! Я сначала подсмотрел, как ваш человек на кнопки жмет, а потом то же самое сделал.

— Ну хорошо, Остап, — сказала Алиса, — как ты к нам угодил, мне понятно, но на Пересадке-то ты как оказался?

— Это понимать надо! — Остап поднял вверх указательный палец. — Я ж великий путешественник, а не турист какой-нибудь! Вижу — удалось! Удалось! И тогда я подумал: когда еще мне удастся в такую даль забраться? Надо дальше ехать. Ну, вот я и поехал. Никто и не думал, что я смогу к вам забраться.

— Ну, едешь, и поезжай дальше, — сказал бесчувственный Пашка. — Тоже мне герой! Может, ты и жизнью рисковал?

— Каждую минуту рискую, — признался путешественник. — Ты и не представляешь, сколько у вас опасностей и угроз для честного человека. Но я все шел и шел. Пока не дошел до точки.

— Точка — это здесь?

— Мочи больше нету путешествовать, — признался Остап. — Домой пора, воспоминания писать. А если не поверят, стану главным письменником научовой фантастики.

— Пойди в справочное бюро по Солнечной системе, — сказал Пашка. — Там тебе билет дадут на обратную дорогу!

— Та я ж ходил! — воскликнул Остап. — А та тетенька, которая там справки дает, копыта откинула. Нажралась какого-то ядовитого компота — и нет ее!

— Правильно, мы совсем забыли! — сказала Алиса.

— Но комиссару Милодару рассказывать об Остапе нельзя, — сказал Пашка. — И знаешь почему?

Алиса знала почему. Если комиссар узнает, что Пашка с Алисой на Пересадке и собираются освободить детей с Павлонии, он тут же отправит их домой, а детей спасет сам.

Но как помочь этому авантюристу Нетудыхате и не выдать себя?

— Что же делать, Пашка? — спросила Алиса.

— Здесь его оставлять нельзя, он обязательно попадет в какую-нибудь историю, а то и под какую-нибудь ракету угодит. Чудо, что он до сих пор жив.

— И я так думаю, — согласился Остап, который слышал их разговор. — Так что выручайте.

Алиса глубоко вздохнула и спросила Остапа:

— Остапчик, а ты не хочешь вместе с нами сейчас сходить по одному делу? А потом мы сразу отвезем тебя, куда надо.

— Не, — отказался путешественник, — не можно, бо мене мамо шукае.

— Чего ж ты раньше о ней не думал? — спросил Пашка.

— А раньше когда же было думать? — удивился путешественник во времени. — Я ж сюда стремился.

— Знала я одного такого путешественника, — сказала Алиса. — Мне из-за него в прошлом году самой пришлось в двадцатый век отправиться. Но чтобы до другого конца Галактики добраться — этого даже я бы не смогла.

— Так ты и есть Алиса Селезнева? — сказал Остап.

— Да, я Алиса Селезнева.

— Ты — Алиса?

Остап уселся на пол — ноги расставил, как ножки циркуля, вытащил из кармана грязный носовой платок и принялся сморкаться.

— А откуда ты про Алису знаешь? — удивился Пашка.

— Та я ж кино про нее смотрел. «Гостья из будущего» называется. Там Алису Наташа Гусева играет — классная девчонка, лучше этой во всех отношениях.

— В каких таких отношениях? — строго спросила Алиса.

— И красивше, и умнее, и все умеет. Такой второй Алисы нет.

— А первая?

— Вот не думал! — Остап поднялся на ноги, протянул Алисе руку и сказал: — Будем знакомы!

Алиса пожала ему руку. Путешественник по времени сказал:

— Теперь уж мыть эту руку не буду до самой смерти.

— Ужас какой-то! — воскликнула Алиса. — У тебя и без того руки немытые. А ты уверен, что фильм был про меня?

— Про тебя, про тебя!

— Ну ладно. Пошли с нами, — сказала Алиса. — Это полчаса, не меньше.

— А иначе нельзя?

— Иначе нельзя, — отрезал Пашка. — Зато ты до смерти будешь своим внукам рассказывать, как с Алисой Селезневой жизнью рисковал.

— Вот этого не надо! — испугался отважный путешественник Нетудыхата. — Жизнь дается человеку только один раз, и прожить ее надо, знаете как? До конца! Это я в школе проходил.

— Тогда пошли, — сказала Алиса.

Глава 16. Посольство никакой страны

Часть астероида Пересадка, которую используют как космический порт, перекрыта громадным прозрачным куполом. Под ним умещается сам космопорт и жилые районы. Жилые районы невелики, но все же тысяч двадцать-тридцать человек живет здесь постоянно. Это и диспетчеры, и инженеры, и торговцы, и капитаны, и даже дипломаты с разных планет. Все тут есть.

Надо признаться, что на Пересадке есть даже трущобы.

Трудно найти в цивилизованной Галактике настоящие трущобы, но здесь, вдали от культурных центров, на перекрестке космических путей, оседают всякие таинственные и даже страшные существа. Конечно же, полиция Пересадки старается за ними следить, но разве за всеми уследишь?

Главная улица Пересадки тянется от космопорта к горам.

Алиса и ее спутники пошли в посольство неизвестной страны пешком. Они шли и считали дома.

Идти было легко, потому что сила тяжести на Пересадке вдвое меньше, чем на Земле.

Они миновали сначала большой музей, потом театр — на любой планете найдется желающий культурно отдохнуть, — потом библиотеку, ночной клуб и казино. Многие жители Пересадки требуют, чтобы ночной клуб и казино закрыли, потому что они плохо влияют на детей и подростков. Но комиссия, которая специально прилетела сюда из Галактического центра, обнаружила, что на Пересадке нет ни детей, ни подростков, портить там некого. Поэтому и казино, и ночной клуб на астероиде сохранились.

За ночным клубом потянулись виллы и особняки, которые занимают посольства и консульства.

Вот посольство Паталипутры, вот роскошное посольство Галактического центра и дом его комиссара, а вот и дом номер восемьдесят четыре, о котором говорила капсула.

Дальше уже не было ни одного дома.

За последним домом громоздились только скалы и камни — видно, строители очищали место для домов, а лишние камни оттащили в сторонку.

— Все, пришли, — сказал Пашка. — Зря ты ему поверила.

— Земляки, — произнес Нетудыхата трагическим голосом. — Мне здесь не нравится. Дурное место, пошли скорей в машину времени.

— А нам-то туда зачем?

— Пожили бы у нас, мамаша вареники бы сделала, спокойно, тихо, вишни цветут, никаких тебе астероидов.

Алиса вытащила капсулу и нажала на кнопку.

— Вы пришли на улицу посольств и стоите перед последним, восемьдесят четвертым домом. И ничего больше не видите. — Капсула говорила голосом космического ловца. — Сейчас вы пойдете дальше к посольству планеты, название которой знать нельзя, так как лишние глаза здесь никому не нужны. Пройдите сорок шагов вперед, встаньте перед отвесной скалой и спокойно ждите.

— Пошли, — сказала Алиса.

— Может, вернемся? — предложил Пашка.

— Правильная мысль! — поддержал его Остап. — Куда спешить? Все равно домов без номера не бывает.

Алиса не послушала своих спутников. Она дошла до конца дороги и принялась пробираться между завалов гравия и камней. Через сорок шагов она остановилась перед блестящей черной отвесной скалой.

Ничего не произошло.

Пашка с Остапом остановились сзади и присели на плоский камень.

— Ждем пять минут, — предупредил Пашка, — и возвращаемся!

— Точно, — поддакнул Остап, — три минуты ждем — и домой!

И тут на скале появилась дверь, словно кто-то нарисовал ее фломастером. По обе ее стороны возникли колонны, а вперед протянулась дорожка, усыпанная мелким красным гравием.

— Не люблю я этих шуток, — сказал Остап. — Я тут у вас как-то голосовал. Стою на дороге, а мимо пролетают всякие штуки, так вы думаете, кто-нибудь остановился? Никто здесь не остановится, бездушный народ!

Это самый занудный человек на свете, подумала Алиса. Может, он и не по своей воле попал к нам из прошлого? Может быть, там им так накушались, что готовы были его куда угодно сплавить?

— Пошли? — спросил Пашка.

— Пошли. А ты, Остап, подожди здесь, — велела Алиса. — Мы скоро вернемся и сразу же свяжемся с Галактической полицией. Они тебя отправят домой.

— Нет уж, я из-за вас столько времени даром потерял, — возразил Нетудыхата, — что подожду, пока вы меня сами к машине времени проводите. Обойдемся без полиции-милиции. Мне мои денежки дороже.

— Какие денежки? — не поняла Алиса.

— Да так, пустяки всякие, сувениры, понимаешь...

Остап смотрел в небо.

— Облака-то здесь, — сказал он, — облака... Ну прямо как дома! Ох и тянет порой путешественников на историческую родину!

Пашка уже пошел к нарисованной на скале двери. Возле нее появилась начищенная отполированная табличка:

ПОСОЛЬСТВО

Не звонить, не стучать, не беспокоить!

Адресов, виз и паспортов не даем никому!

Ни за какие деньги!

Абзац!

— Серьезно живут, — сказала Алиса.

— Пошли отсюда, ребята, — сказал Остап. — Я не то чтобы несмелый, но разумный.

Алиса подошла к двери и крикнула:

— Можно войти?

— Звоните, стучите, — ответил голос из-за двери. — Вы что, не знаете, как себя вести перед закрытыми дверями?

Алиса толкнула нарисованную дверь, и та открылась.

— Оставайтесь здесь! — приказала она своим спутникам.

— Еще чего! — обиделся Пашка.

— Еще чего! — крикнул и Остап. На самом-то деле он боялся оставаться один, и ему пришлось пойти за остальными внутрь посольства.

В коридоре царил полумрак.

Под потолком еле-еле светила тусклая лампочка.

Было тихо. Где-то далеко внутри дома капала вода.

— Извините, — сказала Алиса, — можно нам встретиться с посланцем?

Никто не ответил.

Алиса медленно пошла по коридору. Мальчишки топали сзади. Впрочем, они делали это не специально, наоборот, старались идти бесшумно. А попробуй идти бесшумно, если пол деревянный и половицы скрипят так, что за километр слышно. Будто дом плачет и стонет, недовольный тем, что пришли чужие.

Алиса подошла к высокой узкой двери и толкнула ее.

Дверь нехотя открылась, словно ее кто-то придерживал.

Первой в комнату вошла Алиса.

— Добро пожаловать в наше посольство, — произнес голос. — Мы благодарны вам за этот случайный визит. Надеюсь, мы сработаемся и будем тесно сотрудничать в будущем. Пока же я предлагаю вам отдохнуть и подкрепиться. Неотложные дела задержали нас на другой стороне астероида. Как только дела закончатся, мы к вам присоединимся.

— Извините, — перебила Алиса, — но мы пришли к вам за черными камнями. Вы меня понимаете?

— Добро пожаловать в наше посольство, — повторил голос. — Мы благодарны вам за этот случайный визит. Надеюсь, мы сработаемся и будем тесно сотрудничать в будущем. Пока же я предлагаю вам отдохнуть и подкрепиться. Неотложные дела задержали нас на другой стороне астероида. Как только дела закончатся, мы к вам присоединимся.

— Ну, вот видишь, опять та же запись, — махнул рукой Пашка. — Что будем делать?

— Надо ждать, — сказала Алиса. — Что же мы зря столько за ними гонялись?

— Конечно, надо ждать, — согласился Остап Нетудыхата. — И можно подкрепиться. Вы не представляете, громодяне, на какие жертвы голода мне приходится идти из-за моей гордости. Я ведь с протянутой рукой не хожу, не дождетесь!

— А мы и не ждем.

— А как тогда сделать, чтобы они нам покушать принесли?

— Господи, ну какой же ты занудливый! — воскликнула Алиса.

Пашка тем временем обошел комнату. Она была совершенно пустой, даже картин на стенах не висело. Только в центре стоял стол со стульями.

— Конечно, в посольствах я бываю не часто, — сказал Пашка, — но всегда думал, что они должны быть шикарнее.

— Так то же обычные посольства: американское, марсианское, паталипутрянское... А тут неизвестное посольство никакой планеты. Думаю, они нарочно здесь ничего не держат, чтобы никто не догадался, откуда они прилетели, — объяснила Алиса.

— Тем более! — воскликнул Пашка. — Если ты такой таинственный, кто тебя заставлял прилетать? Сиди в своем болоте и не высывайся!

— Пашка, не городи чепухи! — возмутилась Алиса. — Стоишь посреди чужого посольства и ругаешь хозяев!

— Никого я не ругаю, — проворчал Пашка. — А говорю чистую правду. — Он обернулся к столу, за которым уже сидел Остап, и спросил: — Ну что, работает твоя скатерть-самобранка?

— Ничего не работает. Сижу как дурак. Они что, издеваются?

— Погоди, сейчас все выясним, — сказал Пашка и тоже уселся за стол. — Ага, вот и пульт управления! Видишь, сбоку? Ну-ка, нажмем «старт».

— Пашка, — сказала Алиса, — может, мы пойдем? Посмотрим, что еще в этом посольстве есть... Чего ждать?

— А почему бы и не подождать? — спросил Остап. — Ждать — дело благородное.

— Им почему-то очень хочется, чтобы мы ждали. Разве это правильно?

— Ты права, подруга, — сказал Пашка.

Тут посреди стола появилась серебряная кастрюля, в которой торчком стоял половник. По комнате распространился свежий аромат яблочного компота.

Рядом с кастрюлей возникли чашки.

Пашка вздохнул, потому что Алиса уже почти ушла из комнаты. Он бы, конечно, остался и сначала подкрепился чашечкой-другой компота. Но Пашка знал Алису — когда она стремилась к своей цели, то забывала и о еде, и о сне, а к мальчишкам, которые любят спать и есть, относилась с презрением.

— Остап! — сказал Пашка. — Умоляю, всю кастрюлю не вылакай! Оставь друзьям.

— Вопрос! — воскликнул Остап. — Разумеется, оставлю. Тут всем хватит.

Пашка вздохнул и отправился следом за Алисой.

Они миновали еще один коридор и вошли в гостиную, где стояли три кожаных кресла. И больше ничего.

Затем Алиса заглянула в другие комнаты. Их оказалось немало, но все они были пустыми, в некоторых даже стульев не было. И нигде ни человека. Даже следов никаких. Будто их и не было.

Постепенно Алиса с Пашкой все дальше удалялись от входа. Этот дом оказался похожим на большую пещеру, разделенную на комнатки. Чем дальше они шли, тем становилось темнее, а воздух был неподвижным, как июльской ночью.

Алиса уже собралась повернуть обратно, как услышала впереди чьи-то шаги. Она замерла.

— Ты слышал, Пашка? — прошептала она.

Пашка тоже стал прислушиваться.

— Там кто-то ходит, — сказал он.

Наверное, разумнее всего было бы крикнуть, позвать невидимого человека, но и Алисе и Пашке показалось неловко кричать в чужом доме. И они пошли на звук шагов.

Комната сменялась комнатой, иногда они попадали в коридор, потом взбирались по лестнице, а то и спускались в подвал. Они постоянно слышали впереди шаги, покашливание и даже приглушенный смех.

Наконец Алиса не выдержала.

— Эй! — крикнула она. — Хватит прятаться! Не надо нас бояться!

Честно говоря, Алисе было не по себе. Не то чтобы она испугалась, но все же как-то не по себе.

И Пашке тоже было не по себе. Поэтому он закричал даже громче Алисы, словно хотел разогнать все страхи:

— Эй, кого вы испугались? Мы же всего лишь маленькие безобидные детишки! У нас нет ни бластеров, ни скорчеров! А ну, выходи на честный рукопашный бой!

Тут Пашка немного переборщил. Но в ответ прозвучал все тот же далекий смех.

«Ну, я тебя догоню, — сказала себе Алиса и быстро пошла в ту сторону. — Так

порядочные люди не поступают!»

Смех звучал где-то впереди.

Еще поворот, снова лестница, опять коридор... И тут Алиса поняла, что заблудилась.

Чепуха какая-то! Как можно заблудиться внутри дома?

Алиса все же остановилась, чтобы спросить Пашку, не вернуться ли им.

Но Пашки не было.

— Эй, Пашка! — крикнула Алиса. — Не прячься! Это тебе не игрушки!

Снова смех.

Представьте себя на месте Алисы!

Мне бы, например, на ее месте оказаться не хотелось!

Почему-то стало темнеть. Алиса прибавила шагу. Иногда она останавливалась и звала Пашку. Но в ответ звучал все тот же издевательский смех.

Он явно приближался к Алисе, и она поняла, что этот невидимый страшный смех вот-вот ее настигнет.

Алиса не выдержала и побежала. И чем быстрее она бежала, тем темнее становилось.

И вот, когда уже стало совсем темно, она поняла, что кроме преследовавшего ее смеха она слышит шаги — кто-то бежал навстречу.

Алиса стала шарить руками по стене, стараясь найти какую-нибудь дверь или ответвление коридора, но стена была глухой и шершавой.

«Нет, — сказала себе Алиса, — так просто я не сдамся! Я буду защищаться!»

Но у нее не было никакого оружия, кроме собственных ногтей.

И когда из-за угла беззвучно выскочила небольшая фигура врага, Алиса оттолкнулась от стены и вонзила ногти в нос противника.

О, как же завизжал этот противник!

Как же он мучился!

Как он ругался Пашкиным голосом!

Как он махал руками и кричал:

— Нет, не сдамся, подземные твари! Я жизнь дешево не продам!

И как только Алиса узнала потерявшегося приятеля, ей сразу стало не страшно.

— Не нужна мне твоя дорогая жизнь, — сказала она. — Приведи себя в порядок, рыцарь без страха и упрека.

— Алиса? А я уж думал...

Пашку трясло так, что он ударился локтем о стену. И даже не заметил этого.

Алиса посмотрела вдоль коридора — где-то в конце горел свет.

— Пошли туда, — сказала Алиса.

Пашка не возражал. Он пошел сзади. Он шел и рассказывал Алисе, как бегал по этому подземному посольству, будто Алиса сама по нему не бегала.

Постепенно отвага возвращалась к мужественному Гераскину.

— Детям буду рассказывать, — сказал он, — когда они у меня родятся, в каком страшном подземелье заблудился!

— Лучше внуков подожди, — посоветовала Алиса.

Оказалось, они шли правильно.

Вот и комната, где они оставили Остапа.

Отважного путешественника в комнате, конечно же, не было. Алиса так и думала, что Остап сбежит. Но зато отсюда можно было выйти на улицу.

На столе стояла кастрюля с компотом и чашки. Три чашки.

Остап даже свой компот не допил. Так торопился убежать.

— Ой, пить как хочется, — сказал Пашка.

Он уже забыл, зачем они пришли в посольство никакой страны.

Гераскин сел за стол, налил себе полную чашку яблочного компота и отхлебнул.

— Лучшего напитка в жизни не пил, — мечтательно сказал он. — Это называется амброзия, напиток древнегреческих богов. Наливай себе!

Алиса подошла к столу.

— Думаю, нет смысла ждать дальше, — сказала она. — Давай вернемся в космопорт, свяжемся с комиссаром Милодаром и все ему расскажем.

Алиса налила себе компота и отхлебнула. Яблочный компот... Что-то связано с яблочным компотом... Что-то неприятное... Но что?

— Пашка, кто нам сегодня говорил о яблочном компоте? — спросила Алиса.

Но Пашка не ответил.

Алиса посмотрела на стул, где он только что сидел.

На стуле никого не было.

Если не считать... Ой! Не может быть! На Пашкином стуле лежал черный камень.

Алиса посмотрела на второй стул, где еще недавно сидел путешественник Нетудыхата.

Там тоже лежал черный камень. Похожий на хоккейную шайбу.

Как же она сразу не сообразила? Она могла бы остановить это ужасное преступление! Ведь она же знала, знала, но не обратила внимания на слова робота из справочного бюро. Яблоки из сада Гесперид! Из них сварили компот для какой-то делегации! Это же заколдованные или генетически смоделированные яблоки, меняющие молекулярную структуру человека! Надо было сразу спохватиться, как только ты увидела на столе в пустом посольстве кастрюлю с яблочным компотом. Ну кто варит компот в пустом посольстве? Для кого? Неужели их здесь ждали? А если так, то, значит, замыслили что-то недоброе!

«А я сама?..»

Ах, Алиса, Алиса, ну почему ты растешь, а не умнеешь?

...И тут Алиса со стуком ударилась о пол.

Нет, ей было совсем не больно. Разве может быть больно черному камню?

Но Алиса не сразу сообразила, что она тоже стала камнем.

Как тут сообразишь, если вдруг перестаешь видеть, слышать и даже чувствовать, а летишь куда-то вниз, неизвестно в какую пропасть?!

А когда Алиса стала видеть снова, то оказалось, что она смотрит на мир с пола. Но почему?

Алиса попыталась подняться, но из этого ничего не вышло.

Она хотела вытянуть руку, но рука ее не послушалась.

Она попробовала повернуть голову, но головы не было.

И в то же время Алиса слышала и видела все, что происходило вокруг, только смутно, словно сквозь туман.

Дверь в комнату отворилась, кто-то вошел. Голова человека была высоко-высоко — не разглядишь. Человек знакомым голосом сказал:

— Ну что, мои камешки? Что, мои черненькие? Допрыгались?

Гигантская ручища схватила Алису и подняла ее.

И только тогда Алиса сообразила, что тоже превратилась в черный камень.

Она хотела закричать, заплакать...

Но как закричишь и заплачешь, если у тебя нет рта, нет глаз и нет слез?

Глава 17. Алиса-камень

Камни видят плохо. Вообще-то видят, разбирают, человек это или слон, но глаз-то нет, а без глаз не зрение, а так, елесмотрение.

Алиса видела, что вошел человек, человек говорил голосом космического ловца, вроде бы он был широк в плечах и невысок ростом, а может быть, Алиса ошибалась. Кажется, у него были длинные усы.

Ясно было одно: человек собирал черные камни и складывал их в сумку.

— Неглупые вроде бы дети, — говорил космический ловец, — а пошли в ловушку, как зайчики. Ну кто вас просил пить этот проклятый компот? Разве не ясно было, что он отравлен, заколдован? Ведь этот дурацкий робот в космопорте рассказал, что бежать вам надо от яблочного компота!

Алиса была согласна с ловцом, но ответить не могла. Впрочем, он и не нуждался в ее ответах. Ловец любил поговорить сам.

— Слушаете меня? Конечно, слушаете, трепещете, ушки прижали, коленки подобрали, готовы помереть от страха. Только никто вам не поможет! Ни папа, ни мама, ни комиссар Милодар, ни дна ему, ни покрывки!

В сумке было темно и тесно.

— Ну вот, вроде бы все за собой убрали, никто и не догадается, что здесь были гости, — продолжал ловец. — И домик тоже в скалу уберем. Нет больше посольства никакой страны.

Ловец вышел из дома. Алису колотило о другие камни, которые лежали в сумке. Не больно — разве камню больно стукаться о другой камень?

Главное — обидно! Не первый раз в космосе, даже космических пиратов приходилось побеждать, но такого с ней еще не случалось: попасть в плен, в сумку к какому-то бандиту!

И тут Алисе захотелось засмеяться.

Нет, она совсем не сошла с ума! Она просто не потеряла чувства юмора, а сумасшедшие тем и отличаются от нормальных людей, что они теряют чувство юмора. И если вам в жизни встретится такой человек, будьте осторожны! Не исключено, что он — умалишенный.

А засмеяться Алисе захотелось, потому что она поняла: она бежала, летела, старалась раскрыть тайну черных камней. А тайна раскрылась сама собой. И Алиса сама стала черным камнем.

Только никому не сможет об этом рассказать, пока не вернется в обычное состояние. А для этого ей надо отведать яблок... Волшебных яблок...

Замечательно!

Остался совсем пустяк. Надо всего лишь догадаться, как же черные камни пьют яблочный компот или вообще что-нибудь пьют? Ведь камни ничего пить не могут.

Размышляя подобным образом, Алиса путешествовала в сумке космического ловца и, к сожалению, не могла взглянуть на часы, потому что вся ее одежда и все, что при ней было, тоже превратилось в черный камень.

«Что ж, — успокаивала себя Алиса, — проживем — увидим. Скоро я узнаю, в какую стену меня положат или какую дорогу мной вымостят».

Но действительность превзошла все ее ожидания.

Алиса постоянно старалась догадаться, что сейчас делает космический ловец.

Вот сумка качается — значит, он идет.

Вот сумка замерла: нас поставили на пол.

Вот снова началась качка. А вокруг слышны голоса, шум шагов и другие звуки.

Скорее всего, космический ловец добрался до космопорта и остановился у диспетчера. Ведь у него есть свой космический корабль. Вот он идет, идет, идет, идет...

Ну проверьте же у него багаж! Вы сразу увидите в нем черные камни!

Ну и что, если увидят? Ведь это на Луне предупреждены об опасности. А здесь ни о чем плохом не подумают.

Вот сумка полетела.

Именно полетела — Алиса почувствовала, что потеряла вес. И тут же: ба-бах! Стукнулась обо что-то твердое.

Алиса решила, что космический ловец вошел в свой корабль и кинул сумку на пол.

И как бы в ответ на ее мысли, снова стало легко: ловец поднял свой корабль в пространство.

Полет продолжался долго.

Алиса даже задремала. Конечно, камни не спят, это каждый знает, но что будешь делать, если нельзя говорить, если ничего не видно, только слышно, как гудят двигатели, а иногда ловец начинает петь дурным голосом? Никакого голоса и слуха у него нет, но кто ему об этом скажет?

Поэтому Алиса и задремала. От скуки.

И тут же очнулась. Она услышала голос ловца. Он с кем-то разговаривал. Похоже, по космической связи.

— Подлетаю, — говорил он. — Слышите, подлетаю! Готовьте торжественную встречу. У меня с собой целый мешок товара!

Алиса порадовалась за товарищью по несчастью. Они же тоже слышат этот голос. Скоро их плен закончится. Вот бы сейчас толкнуть Пашку в бок! Но, во-первых, неизвестно, какой из камней — Пашка, а во-вторых, как толкнешь, если у тебя и локтя-то нет?

— Показывай, показывай, — послышался незнакомый голос. — Нам как раз они нужны.

Вокруг защелкали шаги — видно, собирались военные в сапогах.

— Сначала деньги, — сказал космический ловец, — потом товар. Товар хороший.

— Сначала проверим, что за товар, а тогда и денежки получишь, — возразил грубый голос.

— Тогда до свидания, — ответил космический ловец. — Этваски хоть и платят мне поменьше, зато никогда не торгуются.

— Ты отсюда живым не уйдешь, Хрем!

— Только попробуйте троньте меня! Только посмейте поднять на меня руку!

Потом наступило молчание. Сначала Алиса даже решила, что бандиты поссорились и перебили друг друга. Но нет, через минуту снова заговорил покупатель:

— Послушай, Хрем, ты не забыл, что родился в наших лесах?

— Разве такое забудешь?

— Свобода твоей родины — вот что для тебя главное, не так ли?

— Я с детства наслушался таких слов, — ответил космический ловец. — Видно, из-за этого я и получился таким мерзавцем. Учтите, у меня нет совести, я ваш ученик и даже соотечественник.

«Ой! — подумала Алиса. — Если они сейчас будут сражаться, то некому будет снова превратить нас в людей».

— Твоя тетя передает тебе привет, — сказал покупатель.

— Сначала деньги, потом товар, — не отреагировал на слова покупателя космический ловец.

— У нас сейчас нет таких денег, — сказал покупатель. — Бластеры, понимаешь, купили, в Турции два боевых флаера приобрели. А деньги откуда?

— Раз у вас так трудно с деньгами, обходитесь старой партией, — ответил вредный ловец.

— От нее почти ничего не осталось! — закричал покупатель. — Клянусь Пятой Куцаха, у нас почти не осталось добровольцев!

— Тогда платите.

— Родина проклянет тебя.

— Если бы ты знал, дядя, сколько мне пришлось всего претерпеть и пережить, пока я доставил товар! Меня трижды могли убить, моя жизнь висела на волоске — и вот я перед тобой с грузом!

— Это твое последнее слово?

— Это мое последнее слово!

— Значит, по четыре кредита за каждый камешек?

— По шесть, как договаривались.

— По четыре с полтиной!

— До свидания!

— Пять, и это наше последнее слово!

— А деньги вперед?

Покупатель громко вздохнул и произнес:

— Деньги уже приготовлены. Но учти, ты скоро потеряешь голову!

— Закажу себе пластиковую. Красивее прежней.

Космический ловец был доволен.

— Ну, тогда рассказывай, откуда товар, как близка погоня. Без этого теперь нельзя!

Алиса почувствовала, что ее вытаскивают из сумки — в глаза (хотя глаз у нее не было) ударил свет. Стало светло.

Она лежала поверх кучи камней.

— Всего здесь, — сказал космический ловец, — восемьдесят пять добровольцев. Восемьдесят два — с планеты Павлония, кислород на которой сожрали замухраки.

— Как же, как же! — засмеялся покупатель.

Разобрать черт его лица Алиса не смогла, но было видно, что он широк, как шкаф, и весь блестит — так густо его мундир был увешан медалями и значками.

Мы попали к настоящему генералу. Но зачем генералу камни?

— Я их выследил на Луне, — сказал Хрем.

— Где-где ты их выследил?

— На Луне, говорю. Это спутник планеты Земля.

— Странно, никогда не слышал, наверное, это какая-то планетка, о которой и говорить-то не стоит, — сказал генерал.

— Подойди к карте и посмотри, — посоветовал ловец.

— Ну, смотрю!

— Солнечную систему видишь?

— Без лупы не вижу!

«Ну и негодяй! — обиделась Алиса. — Разве можно так относиться к Земле! Он, видите ли, о ней и не слышал! Лучше надо было в школе учиться».

Но сказать этого камень не мог.

— Не притворяйся, Хлом, — сказал ловец Хрем. — Я тебе уже привозил оттуда товар.

— А может, ты привозил оттуда товар этваскам?

— Может быть, — сказал Хрем. — Все может быть. Но учти, Земля — не простая планета, а центральная. Там, кстати, сидит комиссар Милодар из Галактической полиции.

— Так бы и говорил сразу! Не нравится мне этот комиссар. Но ты продолжай, продолжай.

— Когда кислород на планете Павлония сожрали замухраки, — сказал космический ловец, — детишек оттуда разобрали по разным планетам.

— А говоришь, только мы рабами торгуем! — воскликнул генерал.

— Ты не понял, дядя. Они их разобрали, чтобы кормить, учить и заботиться, а когда на планете все будет в порядке, их привезут обратно.

— Ну кто же им поверит! — захохотал генерал Хлом. — Учить и кормить! Кто задаром будет чужих ребятишек кормить?

— Уж конечно не ты! — ответил ловец Хрем.

— Смотрю я, оторвался ты, Хрем, от своих корней. Разлюбил ты свою родную страну. Испортила тебя легкая жизнь. Забыл, как мы наказываем предателей?

— Не посмеешь, — засмеялся Хрем. — Кто тебе тогда товар поставлять будет?

— Найдем другого!

— Что-то пока не нашли. Прилетит вместо меня к вам комиссар Милодар — тогда попляшете!

— Продолжай, продолжай, — рявкнул генерал Хлом. — Нет у меня времени с тобой расслаживаться.

— А у меня тем более, — ответил космический ловец. — На Луне я нашел восемьдесят двух детишек и их воспитательницу Бууку. Я сразу подобрался к этой Бууке, и вместе с ней мы организовали кормежку детишек.

— Какую еще кормежку?

— А как еще превратишь детей в камни? — спросил Хрем. — Я сварил яблочный компот, и мы напоили всех малюток.

— Что-то ты недоговариваешь, — заметил генерал Хлом. — Где эта Буука?

У Алисы сердце замерло. Неужели он убил несчастную девушку?

Космический ловец засмеялся.

— Ее я не тронул, — сказал он. — Она в меня влюбилась по уши. Еле отодрал ее от себя, когда улетал. Если бы у нее было еще сто детишек, она бы и их отдала. Ну прямо влюбленная кошка!

«Ох, — подумала Алиса, — опять эти взрослые с их любовью! Неужели в самом деле можно вот так сразу полюбить этого разбойника, помочь ему погубить детей, да еще и обещать ему все что угодно? Нет, никогда я не пойму этих людей!»

— Но тут восемьдесят пять камней! — сказал генерал Хлом.

— Трое попались по дороге. Такие вредные ребятишки, с Земли. Когда будешь их использовать, имей в виду, что они хитрые, злобные и к тому же друзья комиссара Милодара.

— Может, тогда их сразу в море кинуть?

— И мне не заплатить? Так дело не пойдет. Сначала деньги!

— Нет, — возразил генерал. — Если мы за них заплатим, то в море кидать смысла нет. Пускай лучше погибнут, как положено.

Разговаривая с ловцом, генерал передвигал по столу камни как шахматные фигуры — пересчитывал.

Потом он что-то принялся писать — Алисе было плохо видно. У камней зрение и без того плохое, а генерал к тому же сидел в сторонке.

Космический ловец Хрем стоял рядом.

— Прощайте, ребяташки, — сказал он, — прощайте, мои дорогие! Теперь вы вступаете в новую жизнь. Может, немного раньше, чем вам хотелось, но разве нас с вами спрашивают?

Алисе страшно хотелось узнать, что же в самом деле он сделал с Буукой. Ей не верилось, что красивая баамбучка способна на такую подлость! К тому же, если бы они были заодно, ловец взял бы Бууку с собой. Но здесь ее нет. На Луне ее тоже нет. Где же она может быть?

— Держи чек, — сказал генерал Хлом. — Пойдешь в сокровищницу и получишь.

— Только чтобы кредиты были качественные.

— Какие будут, — отрезал генерал. — Иди-иди, пока я не передумал.

Космический ловец вышел из комнаты, не попрощавшись с генералом, а генерал завопил хриплым голосом:

— Адъютант! Вы чего прохлаждаетесь? Приемный покой готов?

— Через десять минут будет готов.

— Где спецчемодан?

— Сейчас принесу, ваше страшилище.

— И никого не пускать!

— Они же рвутся!

— Не пускать, кому сказал!

— Но они старше по званию!

— Ничего, постоят! Я тут хозяин!

— Слушаюсь, ваше страшилище!

Генерал склонился над столом и стал двигать камни. Постукивать по ним. Поднимать к уху, чуть не лизать — словно он мог почувствовать разницу между хорошим камнем и так себе камешком.

— Вот этот мы оставим себе, — бормотал генерал. — Этот нам тоже пригодится...

От двери донесся шум. С криком «Ай, мамочка!» в комнату стремительно, как пробка от бутылки с шампанским, влетел адъютант.

Он долетел до стола и грохнул об него стальным, с запорами и цепями чемоданом.

А вслед за адъютантом в комнату ворвался генерал, на котором медалей и нашивок было даже больше, чем на Хломе.

— А ну, отдавай мою долю! — заорал он. — Хватит обманов и унижений! Ты же знаешь, как мне нужны люди!

— Правил, господин маршал авиации Ах-Хлап, никто еще не отменял, — ответил генерал Хлом. — Пока добровольцы не пройдут санобработку и не будут готовы, мы их не делим.

— У меня нет времени! Давай сюда камни, я их сам превращу в кого надо!

— Нет, нет и еще раз нет! Должна быть справедливость. У меня сегодня улов

небольшой, всего восемьдесят камешков. Так что на много не рассчитывайте.

— Небось себе оставил половину! А потом на черном рынке торговать будешь?! — закричал другой человек в форме поскромнее.

— Господин старший полковник Хлып! — завопил генерал Хлом. — Вы что себе позволяете? Если вы разведка-контрразведка, то вам уже все можно? И на вас найдется управа. Я вообще предлагаю вашу долю ликвидировать и разделить между другими родами войск!

— Вот именно! — закричал кто-то из генералов. — И так мало, на всех не хватит, а тут еще эти лезут!

Пока шел этот спор, адъютант переключивал камни со стола в чемодан.

Алиса тоже свалилась внутрь, и чемодан захлопнулся.

Опять придется ждать, пока тебя куда-нибудь переложат. Нет хуже судьбы, чем быть бессловесным камнем!

Чемодан раскачивался, адъютант спешил, голоса генералов, бегущих следом за адъютантом, доносились глухо и непонятно.

Хлопнула дверь.

Снова Алисе пришлось совершить небольшое путешествие — на этот раз ее выкинули на пол. Пол был каменным, шероховатым и влажным.

Камни рассыпались по полу, а между ними ходили люди в зеленых халатах с палками и отодвигали их друг от друга. Генералы столпились в дверях.

Потом вышел человек со шлангом. На конце шланга был распылитель, как у лейки.

— Давай! — приказал генерал Хлом.

Человек со шлангом направил распылитель на камни. Все отошли подальше.

Зеленоватая жидкость мелким дождичком пролилась на камни. Алиса чувствовала, как капельки ударяются о спину. Запахло яблоками.

— Ах! — сказал один из генералов тонким голосом. — Я всегда так переживаю! Это же волшебный момент! Момент творения!

— Не изображайте из себя девицу, Хвад! — ответил ему грубый голос генерала Хлома. — Как будто добровольцев не видели!

Больше Алиса ничего не услышала, потому что на секунду потеряла сознание.

Глава 18. Маленькие солдаты

Алиса пришла в себя от шума голосов, но не генеральских, а детских. Шум стоял такой, словно все дети Галактики собрались в этой комнате покричать и поплакать.

И в самом деле, вокруг Алисы было столько детей, что стен не разглядеть.

Дети сидели на влажном полу, лежали на нем, поднимались, пытались убежать, искали кого-то, кричали. Звали папу и маму, а кто и воспитательницу Бууку. Алиса поднялась на ноги и стала крутить головой, надеясь увидеть Пашку. Она уже поняла, что детям вернули их прежний облик.

— Пашка! — позвала Алиса.

Но в ответ услышала лишь крики маленьких павлонийцев.

Правда, тут же откликнулся Остап.

— Это что же такое творится? — услышала Алиса его капризный голос. — Это как же можно так издеваться над вольным человеком? Учтите, я буду жаловаться в Организацию Объединенных Наций!

— Остапчик, ты живой! Ты Пашку не видел?

— Пашку я не видал, — ответил Остап. — Но надо что-то делать! И немедленно.

— Обязательно, — согласилась Алиса и начала проталкиваться сквозь толпу павлонийцев, маленьких, худеньких, зеленоватеньких. Она смотрела на пол, решив, что на Пашку не попал яблочный сок. Валяется он где-нибудь в углу, и никто не знает, что этот камешек — ее друг Пашка Гераскин.

Остап шел за ней и, не переставая, бубнил:

— Ничего себе путешествие! Хуже, чем пешком на Эверест. Они меня упаковали, как капусту. Кто им позволил, а? Может быть, в суд подать? Ты как думаешь? Я здесь уже пять раз в суд подавал, а они только удивляются, потому что никакого порядка нет.

Алиса обошла всю комнату. Пашки не было.

Она натолкнулась на адъютанта.

— Простите, — вежливо спросила она, — а вы всех детей превратили?

— Что за глупый вопрос, девочка? Отойди в сторонку, сейчас будем проводить распределение.

— Но со мной был еще один мальчик...

— Значит, не было! — зарычал генерал Хлом, который слышал ее разговор с адъютантом. — Не было никакого мальчика!

— Что вы говорите? — удивилась Алиса.

Она не стала больше спорить. Не было смысла — Пашки и в самом деле здесь нет. Значит, он есть где-то в другом месте. Да и можно ли быть на все сто процентов уверенной, что камень, который она видела на стуле в никаком посольстве, был именно Пашкой?

Пока она соображала, адъютант стукнул ее кулаком по затылку и загнал обратно в толпу детей.

Алиса ударилась об Остапа. Остап подхватил ее и быстро оттащил назад.

— Ты с ними не спорь, — прошептал он. — С такими негодьями нет смысла спорить. Они же накостыляют и уйдут! Никакого закона, я же говорил!

— Внимание! — закричал генерал Хлом. — Начинаем дележ добычи! Все ли здесь, все ли готовы? Давайте ваши заявки.

Генерал отошел в сторонку, где стоял письменный стол на четырех колесиках, сел на

крутящийся стул, и адъютант положил ему под нос лист бумаги.

— Начинаем с наших уважаемых военно-воздушных сил, — сказал он. — Господин вице-маршал авиации, где вы?

— Иду-иду, — откликнулся седой дедушка с острым носиком и с хохолком на затылке. — Спешу, лечу, как говорят у нас, истребителей.

Вице-маршал протянул генералу Хлому открыточку.

— Запросы у нас, хи-хи, скромненькие! — сказал он. — Нам бы пятьдесят детишек — и больше ни одного не надо.

— Пять душ, — ответил генерал Хлом.

— Вы меня не поняли, — обиделся вице-маршал. — Моя заявка подписана главнокомандующим.

— А моя президентом! — закричал какой-то другой генерал.

— А на моей штамп! Нет-нет, вы посмотрите, вот штамп «Вне очереди»!

— Спа-койна! — взревел генерал Хлом. — Я тут главный. Детей на всех не хватит. Так что прячьте свои заявки куда подальше. Я сам скажу, кому сколько достанется. Подходить будете по очереди.

Он достал желтый лист бумаги и принялся водить по нему длинным грязным ногтем:

— Старший полковник Хлып получает десять головок... Полковник, сколько раз вас просить не выражаться при детях неприличными словами! Десять, и ни головки больше... Да утихомирьте его кто-нибудь!

До Алисы донеслись звуки свалки. Все происходило за дверями, значит, били старшего полковника Хлып. Так ему и надо!

Как приятно было снова видеть глазами, двигать руками, переступать ногами! Вот только Пашка пропал! И куда он мог деться?

— По шесть детей выдается генерал-сержанту Хдису, а также бригадирам Хваду, Хыпсу, Хрыпсу и его брату Харпсу, а также помощнику адмирала Хрыфу... Да помолчите вы хоть раз в жизни! Учтите, что главный куш достанется вице-маршалу авиации. Мальчишки и девочки, такие крошки, такая нежность... Им бы учиться да учиться, вот только учителей у нас нет!

Генералы расхохотались.

— Тридцать головок! — выкрикнул генерал Хлом.

Вы бы слышали, какой вой, визг и крик поднялся, когда генералы сообразили, что их обошли!

Но Хлом спокойно ждал, пока генералы накричатся.

Потом он продолжил:

— Осталось еще четыре головки. За них я готов получить особую секретную цену. А ну, желающие, подходи!

Генералы старались перекричать друг друга, но предлагали сущую чепуху. Алиса поняла это по кислой физиономии генерала Хлома. Он явно ожидал другого.

А Алиса тем временем занялась арифметикой.

Шесть детей получил генерал-сержант Хдис, а также еще пять генералов. Десять достались старшему полковнику Хлып. Наконец, повезло старенькому вице-маршалу авиации — тридцать детей. А последних четверых генерал Хлом продает с аукциона. И сколько же получается детей? А детей получается ровно восемьдесят. И что же это значит? А значит это то, что пятерых не хватает! Они еще прячутся где-то в виде камней. Или их

превратили в детей отдельно. Может, Пашка среди них?

Но где же они могут быть? Наверное, их оставил себе генерал-интендант, чтобы продать, когда все утихнет. А почему бы и нет? Значит, Пашка где-то рядом.

Адъютант с генерал-интендантом начали делить детей на группы и подталкивать к двери. Там их принимали радостные хозяева. Настала очередь и Алисы с Остапом.

Но когда адъютант набросился на них, Алиса вывернулась и кинулась к генералу Хлому.

— Где Пашка? — закричала она.

За шумом, стоявшим в комнате, генерал не разобрал вопроса.

— Кто? — переспросил он.

— Где мой друг? — спросила Алиса. — Куда вы его дели?

— Я тебя не понимаю, девочка, — сказал генерал. — Никого я никуда не девал. И если ты захочешь ознакомиться с документами на поставку материала, то мой адъютант с радостью тебе все предоставит.

— Было восемьдесят пять камней, — сказала Алиса. — Вы хотите, чтобы я это громко повторила?

— Нет, громко не надо, — быстро ответил генерал-интендант, — а то мне придется тебя убить до смерти. Я очень жесток и живу в жестокое время. Ничего плохого с твоим Пашкой не случилось.

— Значит, вы пять камней спрятали?

— Молчать! — завопил генерал Хлом. — Если ты хочешь увидеть своего дружка живым, будешь молчать. Надеюсь, тебе ясно, что меня тебе не победить?

— А вы клянетесь, что с Пашкой ничего плохого не случится?

— Ему будет не хуже, чем тебе, цыпленок, — усмехнулся генерал.

И отвернулся от нее. И в самом деле, чего ему было бояться?

Тем более что новый хозяин Алисы, которая теперь уж точно попала в рабство, дернул ее за рукав, чтобы поторапливалась.

Попала Алиса в самую большую группу детей, доставшихся вице-маршалу авиации.

Когда новые рабы столпились в коридоре, к ним подбежали офицеры. Они окружили пленников, и вице-маршал прокричал речь.

— Сейчас мы с вами отправимся в учебку, — сообщил он. — Это как бы школа. Но ускоренного типа. В ней вы научитесь водить летательные аппараты, стрелять из пулемета и заниматься настоящими мужскими делами. И вы будете счастливы.

Это уж было совсем странно. Ну ладно, водить летательные аппараты научиться не трудно. Но что же будет потом?

Поэтому Алиса, которая не любит откладывать дело в долгий ящик, спросила:

— А что такое настоящие мужские дела?

— Скоро узнаешь, — пообещал вице-маршал.

Толпу детей вывели из здания. Снаружи их уже ждал открытый грузовик с высокими бортами — древность невероятная!

Их загнали в грузовик, и тот двинулся по улицам. К сожалению, Алисе не удалось посмотреть, где они едут, уж очень высокими были борта у машины.

Дети в кузове оказались в основном малолетками, лет по семи-восьми. Они не очень соображали, что с ними происходит, а многие плакали и просились к маме.

Старше всех был, конечно, Остап. И он не выглядел особенно расстроенным.

— Я уже порасстраивался, — сообщил он Алисе. — Теперь надо думать, как устраиваться. Я тебе скажу, Олеся, что, несмотря на мой относительно молодой возраст, мне пришлось много всего пережить. Не раз ходил я по краю жизненной пропасти. И что ты думаешь? Цел! А почему? Потому что знаю, с какой стороны хлеб маслом намазан.

— А с какой? — спросила Алиса.

Остап наклонил голову, блеснул очками и спросил:

— Ты что, правда такая глупая или притворяешься?

Алиса думала: где же сейчас Пашка? Каково ему одному? Может, этот жулик генерал-интендант хочет продать свои камни кому-то подороже? Тогда Пашка все еще мучается, упрятанный в камень.

Грузовик несколько раз подпрыгнул, отчего все дети повалились друг на дружку, и остановился.

Задний борт откинулся. Человек в мундире, стоявший шагах в двадцати, приказал:

— А ну, ребяшня, посыпались, как горох! Кто опоздал, тому жрать не достанется! У нас тут строго.

Одной руки у человека в мундире не было, а вместо нее торчала деревяшка с крюком на конце.

— Вот это дело! — обрадовался Остап и спрыгнул с грузовика первым. — Я здесь! — крикнул он Однорукому. — Где столовка?

Тот окинул Остапа холодным взглядом, потом принялся считать пленников.

Алиса не спешила выходить, она старалась осмотреться сверху из кузова.

Грузовик стоял во дворе, со всех сторон обнесенном двухэтажными скучными длинными домами. На окнах решетки, двери железные.

Глава 19. Столовая для добровольцев

Один за другим дети спускались вниз по доске, которую Однорукий с помощью Остапа приставил к кузову.

Два солдата в засаленной, кое-где даже рваной форме погнали пленников внутрь здания. Там в большом зале с низким потолком стояли длинные деревянные столы, перед ними — скамейки. По столам были расставлены миски, в которых поблескивала какая-то жидкость, может быть, суп.

— А ну, давайте, давайте! — закричал Однорукий.

— Давайте, давайте! — подхватил Остап.

Ребятишки с Павлонии послушно расселись по скамейкам. Они смотрели на миски, не зная, что им можно делать дальше.

— А ну, хлебай! — скомандовал Однорукий.

Остап открыл было рот, чтобы повторить команду, но Однорукий так стукнул его по лбу крюком, что тот взвыл от боли:

— Вы что, дядечка? Я же вам помогаю!

— А мне помощники не нужны, у меня их достаточно, — рявкнул Однорукий. — Садись со всеми и хлебай суп!

— Конечно, гражданин начальник, без всякого сомнения, — заторопился Остап и кинулся к столу. Оттолкнув одного из малышей, он схватил миску.

— А тут ложки нет, гражданин начальник! — крикнул он.

— Так похлебаешь, — ответил Однорукий.

Алиса тоже сидела за столом и ждала, что же будет дальше.

— Все хлебают из мисок без ложек! — крикнул Однорукий. — На вас не напасешься, еще заразу разнесете! А ну, быстро!

Мальши поднимали миски и пили суп через край. Алиса тоже попробовала его. Ну и суп! Солоноватая жижа с какими-то хлопьями на дне. На этом долго не протянешь.

Обед закончился в две минуты.

Однорукий стоял во главе стола, по обе стороны от него встали солдаты.

— Наелись? — спросил он, ухмыляясь.

— Наелись досыта, гражданин офицер! — крикнул Остап.

— Ну вот, хоть один хороший мальчик попался, — засмеялся Однорукий. — Только сытых мне здесь не надо. Мне нужны голодные, жутко голодные дети.

Он постучал крюком о край стола.

Вошла толстая женщина в светлом халате с подносом в руках.

На подносе лежала жареная курица, горкой возвышались куски хлеба, а большая миска была наполнена дымящейся картошкой.

— А вот это вы получите, когда выполните урок. Ясно?

— Я выполню! — крикнул Остап. — Вот увидите! Мне бы только крылышко от курочки, а я вам все уроки выполню!

— А вот это мы еще посмотрим, — злое сказал Однорукий. — За мной!

Все вернулись во двор и направились к стоявшему неподалеку старинному самолету. Шли они так: впереди Однорукий, за ним два солдата, затем толстая баба с подносом, а потом толпой дети. Разумеется, первым в этой толпе семенил Остап.

— Это самолет, — сказал Однорукий. — Боевая машина. Вам на нем летать. И Родина

будет гордиться своими сынами. А сыны получают все, что есть на этом подносе. Поднял машину в воздух — получай картошку, сбил вражескую машину — курица твоя! А для того, кто разбомбил вражеский штаб, у нас приготовлены ананасы. Вы знаете, что такое ананасы?

Никто не ответил. Тогда вперед вылез, конечно, Остап.

— А то как же! — воскликнул он. — Прикажете лететь?

— А ты умеешь? — подозрительно спросил Однорукий.

— Еще не пробовал, — честно признался Остап, — но кушать очень хочется!

— Ну и дурак! Ты же сам погибнешь и машину погубишь. А машина нам дороже, чем такой дурак, как ты!

— Я не дурак! — возразил Остап. — Я, может, кажусь дураком, а на самом деле я сообразительный.

— Если сообразительный, иди садись.

И вот тут Остап почему-то передумал.

— Я подожду, — сказал он. — Пускай кто из малышей лезет.

— Ну, кто голодный? — спросил Однорукий. — Кто курочки хочет?

— Я хочу, — отозвался мальчик с Павлонии. — Что надо делать?

— Лезь в самолет. Не бойся, там для пилота детское кресло сделано. Я с тобой полезу, покажу тебе, как летать. А потом получишь свою курицу.

Мальчик сразу же полез по лесенке в самолет. Однорукий ловко вскочил следом и сел рядом с мальчиком.

Снизу был слышен его голос:

— Смотри, что я делаю. Видишь, куда нажимаю? Жми, не бойся. Скоро мы с тобой полетим высоко-высоко. Тебе небось дома не разрешали на самолетах летать? Вот видишь, а я разрешаю. Потому что добрый и люблю маленьких героев. Ты ведь герой?

— Ой, Олеська, — прошептал Остап, — что-то мне это не нравится. Честно скажу, сперва все понравилось. А теперь смотрю и думаю: ведь это же из-за курицы можно и насмерть разбиться!

— Молодец, — сказала Алиса. — Мыслитель ты наш!

А Однорукий все еще учил мальчика с Павлонии управлять самолетом. Алиса уже поняла, что самолет — очень простая в управлении машина. И в самом деле, любой ребенок, если сильно проголодается, сможет на нем подняться в воздух. Но вот сможет ли сесть — это еще вопрос!

Вдруг послышался шум моторов. Взглянув вверх, Алиса увидела, что над двором кружатся два самолета.

— Разбегайся! — закричала толстуха с подносом. — Разобьется!

Дети прижались к стенам, а самолеты прокатились по двору и замерли.

— Прилетели, родненькие! — обрадовалась повариха.

Расталкивая детей, она побежала к самолетам.

Поднос она несла перед собой на вытянутых руках.

Из ближнего самолета легко выскочил мальчик в комбинезоне и шлеме.

— Гаррик! — крикнула повариха. — Вернулся? Живой?

Однорукий высунул из кабины учебного самолета и крикнул:

— С возвращением, герой! Поздравляю с первым офицерским званием! Документы уже подписаны.

— Служу генералам! — ответил мальчик и отдал честь Однорукому.

— А где все остальные? — спросила повариха.

— Вот только Стуччи со мной.

— А другие?

— Наша служба, — ответил мальчик толстухе, — и опасна и трудна.

Он говорил как взрослый, хотя на вид ему не было и десяти лет.

Павлонийцы окружили мальчика, тянули к нему руки, стараясь потрогать настоящего летчика.

А Гаррик взял с подноса кусок курицы и принялся жадно жевать.

Из второго самолета никто не вылезал.

— Ну что ты там, Стуччи! — крикнул Гаррик. — Так я всю наградную курицу слопаю!

Один из оборванных солдат побежал к самолету, поднялся на крыло и заглянул в кабину.

Потом повернулся к остальным и крикнул:

— Все! Кончился ваш летчик! Технику сберег, до аэродрома дотянул, а на земле скапутился. Смешно, да?

— Ничего смешного! — ответил Однорукий. Он выбрался на крыло учебного самолета и обратился к детям: — Ну вот, вы видели, как вернулся из героического полета, выполнив важное правительственное задание, ваш сверстник и, надеюсь, в будущем ваш товарищ, старший сержант Гаррик Эн.

Гаррик не слушал инструктора, он подбежал ко второму самолету и тоже заглянул в кабину.

— Он еще дышит! — крикнул он. — Стуччи еще дышит! Вылечите его, пожалуйста!

— Не говори глупостей, мой мальчик, — ответил Однорукий. — Сам знаешь, докторов у нас нет. Когда мне руку отстрелили, я сам себя перевязывал. И что? Жив! Работаю и приношу пользу народу.

— Стуччи выздоровеет и снова будет летать! — кричал Гаррик. — Хотите, я ему свою курицу отдам?

— Сержант Гаррик немного устал после полета, — сказал Однорукий. — Отведите сержанта в казарму.

Толстая женщина поставила поднос на пол, а сама обняла мальчика за плечи и повела со двора.

Но тут случилось то, чего Однорукий не ожидал.

Как только поднос с едой оказался на земле, павлонийские ребяташки подобрались поближе и начали протягивать к нему ручки. Вот один схватил картофелину, вот второй вырвал куриное крылышко, вот третий нашел на подносе котлету...

Когда Однорукий спохватился, было уже поздно.

— А ну, назад! Назад, кому говорю!

Здоровой рукой он выхватил из кармана пистолет и прицелился в детей.

Перепуганные павлонийцы отпрянули от подноса, но оказалось, что он уже пустой.

— За это, — взбесился Однорукий, — все останутся без ужина. В стране наблюдается недостаток некоторых товаров! Мы должны строжайшим образом экономить! А вы имели наглость поднять руку на самое святое! На диетическое питание, которое выдается только героям и труженикам войны!

Он соскочил с крыла учебного самолета и пошел прочь. За ним, подобрав пустой поднос, потопали оба солдата. Остап пошел было за начальством, но спохватился и

обернулся к Алисе.

— Что делать, Олеся? — спросил он. — Что тут будешь делать, они же ужин с собой унесли!

— Потерпишь, — ответила Алиса.

Только тут она сообразила, что уже темнеет — вот и день прошел. Ничего себе денек! Павлонийские дети разбрелись по двору, они даже не знали, куда им идти.

— Пойдем посмотрим, где спальни, — сказала Алиса Остапу, — а потом отведем малышей.

— Добре, — согласился Нетудыхата.

Они успели сделать всего несколько шагов, как им навстречу выскочил сержант Гаррик.

— Однорукий ушел? — спросил он.

— Все ушли и нас без ужина оставили, — сказал Остап.

— А вы тоже новенькие? — спросил Гаррик.

Он все еще был в летном комбинезоне, но без шлема.

— Нас только сегодня привезли, — объяснила Алиса.

— Пошли, — сказал Гаррик. — Поможете мне посмотреть, живой Стуччи или его убили?

— А у меня нога натертая! — заныл Остап.

— Пойдем! — согласилась Алиса.

Алиса с Гарриком быстро добежали до самолета.

Когда они остановились возле крыла, Алиса услышала сзади шаги. Она обернулась. Их догонял запыхавшийся и взлохмаченный Остап.

— Как вам только не стыдно, — воскликнул он, — бросать меня в чужой стране без защиты!

— Скажи своему другу, чтобы помолчал, — произнес Гаррик. — Мне надо послушать.

И он так это сказал, что Остап невольно закрыл рот.

Гаррик стоял возле крыла самолета и прислушивался.

— Слышишь? — спросил он.

Алиса услышала, что в самолете кто-то стонет.

— Это он, — сказал Гаррик. — Он мой друг. Нас вместе украли, мы последние из нашей партии...

— А где остальные? — спросил Остап.

— А остальных больше нет, — просто ответил Гаррик. — Мало кто возвращается с задания.

Гаррик вспрыгнул на крыло и заглянул в кабину.

Алиса последовала за ним.

В кабине сидел светловолосый мальчик ее возраста. Голова его была откинута назад, глаза закрыты. Мальчик тихо стонал.

— Стуччи, ты жив? — спросил Гаррик.

— Я... — Стуччи было трудно говорить. — Мне больно! Я умру.

— Видишь, — горько вздохнул Гаррик. — Однорукий был прав. Стуччи скоро умрет.

— Да погоди ты! — рассердилась Алиса. — Конечно, он умрет, если вы будете плакать и ничего не делать.

Она обернулась к маленькому летчику:

— Ты ранен?

— Я убит.

— Хорошо, ты убит. Скажи только — куда ты убит?

— Голова... рука... нога!

— Так, — сказала Алиса. — Теперь осторожно вытащим его из самолета. Только очень осторожно.

— Нет! — закричал Стуччи, когда Алиса подхватила его за плечи и попыталась потянуть вверх. — Дайте мне умереть спокойно!

— А может, и правда, не мешать человеку? — спросил Остап. — Пускай себе помирает, если хочет.

— Вот видишь, — сказала Алиса маленькому летчику. — Кое-кто уже ждет твоей смерти.

— Нет! — вдруг воскликнул Стуччи. — Вытаскивайте меня. Лучше я буду инвалидом без рук и без ног, только живым! Жить хочу!

— Надо же, — удивился Остап. — А только что наоборот говорил!

Алиса приказала Остапу поддерживать ноги мальчика, а сама с Гарриком стала тянуть его наружу. Стуччи стонал, плакал, но его все же вытянули и опустили на землю.

Алиса велела Стуччи пошевелить руками и ногами.

Ему было больно, но он старался.

— Все в порядке, — сказала толстуха-повариха, которая прибежала на крики и стоны. — Думаю, он еще поживет. Несите его в спальню, а я ему потом супчику сделаю, погорячее.

— Если можно, то мне тоже сделайте, — попросил Остап. — У меня нервное состояние, в любую минуту я могу погибнуть.

— Все мы тут можем погибнуть, — проворчала повариха и ушла на кухню.

В спальне было темно, лишь под потолком вполнакала горела лампочка.

Гаррик знал, где находится койка Стуччи. К счастью, она оказалась свободна. Алиса велела Стуччи раздеться и залезть под одеяло. Конечно, она знала, что раненых полагается сначала вымыть, но у них не хватило бы сил дотащить Стуччи до умывальников. Да и он бы не пережил такого испытания.

У маленького летчика оказалось несколько ран, но кровотечение уже прекратилось. У Алисы появилась надежда, что он выздоровеет. «Главное, чтобы не было заражения или воспаления», — подумала она.

Вокруг них дышали дети с Павлонии — они утомились и спали как убитые.

В дверь заглянула толстая повариха с кастрюлей.

— Поешьте, — сказала она.

Ни мисок, ни ложек на этой планете не знают, поняла Алиса. Первым кастрюлю схватил Остап, но Алиса отняла ее. Она понимала, что Остап наверняка забудет про остальных, раз появилось что-то нужное ему самому.

— Сначала надо накормить раненого, — сказала она. — Для него суп и готовили.

— Не спорю, — согласился Остап. — А нам с тобой, Олеся, зачем погибать в молодые годы?

— Мы не погибнем, — возразила Алиса. — Нас не оставят.

— Может, тебя и не оставят, — сказал Остап, — но меня-то, горемычного, кто пожалует?

Гаррик приложил край кастрюли ко рту Стуччи, но тому было трудно глотать. Суп тек по щекам и подбородку.

Алиса сбегала на кухню. Там было темно и тихо. Алиса целую минуту простояла, зажмурившись, а когда открыла глаза снова, оказалось, что уже кое-что видно.

Ей повезло — на кухонном столе лежала ложка.

Алиса прибежала обратно.

И хоть Стуччи повторял, что не надо его кормить, что он все равно умрет, Алиса с Гарриком упрямо впихивали в него ложку за ложкой. А Остап переживал и все норовил заглянуть в кастрюлю, много ли там осталось супа.

Наконец Стуччи совсем умирался и заснул, а остальные доели суп. Сначала поел Остап, который шептал, что скоро умрет, а потом по две ложки досталось и Алисе с Гарриком.

Остап отправился спать, а Гаррик с Алисой сидели возле кровати Стуччи и смотрели, чтобы ему не стало хуже. Гаррик рассказывал Алисе про свои приключения.

Глава 20. Юные истребители

— Я жил в городе Диндоли, ходил в школу. У меня есть мама и папа, — начал маленький летчик. — Этой весной мы закончили третий класс и пошли в туристический поход. Ты знаешь, что такое туристический поход?

— Еще бы! — ответила Алиса. — Сама раз десять ходила!

— Мы пошли в лес на неделю. Нам было очень весело.

— Ну конечно! Вы ночевали в палатках, пели песни у костра и ели подгорелую кашу.

— Откуда ты знаешь? — удивился Гаррик.

— Подслушала, — засмеялась Алиса.

— На третий день, — продолжал Гаррик, — мы вышли к лесной речке и разбили лагерь на берегу. И тут на поляну опустилась летающая тарелочка. Ты слышала о летающих тарелочках?

— Раньше у нас на Земле, — сказала Алиса, — так называли корабли пришельцев.

— У нас тоже, — сказал Гаррик. — Мы никогда еще не видели пришельцев, но мы слышали, что в летающих тарелочках сидят наши братья по разуму, которые прилетят и будут с нами дружить и учить всяким полезным вещам.

— А вы знали, что на других планетах тоже живут люди?

— В школе нас этому учили. Но в тот день мы в первый раз увидели брата по разуму. Он нам сказал, чтобы мы его не боялись, что он наш друг. Пришелец сидел с нами у костра, разучивал наши песни, даже научился танцевать, как мы. Он рассказал нам, что работает ловцом, то есть ловит в космосе диких зверей и потом отдает их в зоопарки или дарит детям. Пришелец позвал нас полететь с ним в космос...

— А как он выглядел? — перебила Алиса.

— Такой толстый, с длинными усами.

— Кажется, я его знаю, — сказала Алиса.

— Он нам очень понравился, но лететь с ним мы не решились. Мы испугались. Но космический ловец не рассердился. Он сказал, что переночует в нашем лагере, а потом полетит дальше. Пришелец сел с нами ужинать и угостил нас очень вкусным яблочным соком. А когда мы проснулись, ты не представляешь, что произошло!

— Отлично представляю, — вздохнула Алиса. — Вы превратились в черные камни!

— Ты и это знаешь?

— Недавно я сама была таким же камнем.

— И ты тоже!

— Я тоже попалась.

— Тогда мне больше нечего рассказывать.

— Рассказывай дальше, Гаррик. Это и есть самое интересное. Я же не знаю, что они заставили тебя делать, когда привезли сюда.

— Нас разделили между разными генералами. Мы со Стуччи попали сюда, к летчикам. Нас стали учить водить самолет. Ты видела, самолеты у них очень простые, даже ребенка можно научить летать... если он голодный, — печально усмехнулся Гаррик. — Тут все просто: поднялся в воздух — получи картошку, долетел до врага — получишь конфету, собьешь врага — дадут целый торт или звездочку на погоны.

— А с кем же вы воюете?

— Я сам толком не знаю, — вздохнул Гаррик. — Ведь я простой истребитель. Мне

объяснили, что мы защищаем свободу, а те, с кем мы воюем, — изверги, они едят детей живьем и жгут города.

— И что же ты должен делать?

— Утром нас будят и отправляют на аэродром. Мы летим, куда нам велят, а навстречу нам летят наши враги. Мы стреляем в них, сбиваем и убиваем. А что же еще прикажете делать с такими ужасными существами? Потом мы прилетаем домой, и нас вкусно кормят. А многие не прилетают.

— Они плохо стреляют? — спросила Алиса.

— Дело не в этом, — ответил Гаррик. — Иногда побеждаем мы, иногда они. И тогда убивают нас.

— А кто летает на их самолетах?

— Разве разберешь? А потом, не все ли равно... Мы стремимся их всех убить, потому что Однорукий нам обещал: как только мы расправимся с врагами свободы, нас тут же отвезут домой к мамам и папам.

— И вы расправились? — спросила Алиса, которой вся эта история ужасно не понравилась.

— С ними расправишься! — вздохнул Гаррик. — У них такое превосходство в силах, что нам приходится временно отступать. Но ничего, скоро мы перейдем в наступление. Все генералы и маршалы об этом говорят.

Значит, эта война — не понарошку, поняла Алиса. Это самая настоящая война. Генералы сидят в своих норах, а мальчиков убивают по-настоящему.

— Скажи, Гаррик, — снова спросила Алиса, — а где живут те, чью свободу вы со Стуччи защищаете?

— Города и деревни находятся в тылу, — объяснил Гаррик. — Они очень красивые, и там много детей, которых надо спасать. Нам показывали фотографии.

— И для этого нужно красть детей на других планетах? Почему они сами не воюют?

— У них мало людей осталось, — сказал Гаррик. — Что тут поделаешь? Приходится им нас просить.

— Я им не верю, — сказала Алиса.

— И ошибаешься, — произнес рядом женский голос. Это толстая повариха незаметно подошла к ним и уселась на край койки Стуччи.

— Вы почему не спите? — спросила Алиса.

— Поспишь тут! Мне скоро завтрак готовить, отдельно для генералов, отдельно для офицеров, отдельно для солдат, а отдельно для вас, добровольцев.

— А разве мы добровольцы? — удивилась Алиса.

— Разумеется. Только добровольцы нас и спасают.

— От кого?

— От врагов, которые хотят отнять у нас свободу!

— Опять двадцать пять! — расстроилась Алиса. — Ну что же это получается! Со всех сторон слышу: у нас хотят отнять свободу, у нас хотят отнять свободу! А где она, ваша свобода? Под столом, что ли, спряталась?

— Так нельзя говорить, девочка, — рассердилась повариха. — Я добрая, это все знают, но, если ты будешь нашу свободу обижать, я и генералу доложить могу. Он тебе покажет, как свободу обижать!

Но вы же знаете, какая Алиса бывает упрямая. Ее генералами не запугаешь!

— Скажите, пожалуйста, — сказала она ласковым голосочком, — а как мне отсюда уйти?

— Куда уйти?

— В лес.

— Зачем тебе в лес? — удивилась повариха.

— Гулять. Я же свободный человек.

— Свобода должна подчиняться дисциплине, — заученно произнесла повариха. — Вот победим врагов, наступит полная свобода, хоть в лес, хоть по грибы, хоть спи днем!

Она глубоко вздохнула. И Алиса догадалась, что повариха больше всего на свете любила днем поспать, да не удавалось — ведь врагов свободы еще не победили.

— Понимаю, — сказала Алиса. — А расскажите нам, пожалуйста, про ваших врагов. Кто они такие и за что так не любят вашу свободу?

— Это непростой вопрос, — вздохнула повариха. — Когда-то раньше мы делили планету дружно, обходились без войны. Но мы жили лучше. Веселее, богаче. А наши соседи начали сходить с ума от зависти. И решили они нас завоевать, отнять все наши достижения.

— И когда же это случилось? — спросила Алиса.

— Меня тогда еще на свете не было, — призналась повариха. — Но мне на уроке борьбы и ненависти об этом рассказывали. Раз сто, наверное. Так что я запомнила.

— Значит, война идет уже много лет?

— Конечно! У нас уже солдат не осталось, только генералы и немного офицеров. И знаешь почему?

— Ох, знаю, — сказала Алиса. — Вы не думайте, что я еще маленькая. Выгляжу я молодо, но на своем веку я уже каких только планет не навидалась. И генералов много видела. И должна вам сказать, очень они друг на друга похожи.

— Это чем же? — удивилась повариха.

— Да тем, что умеют посылать в бой других, а сами сидят в бомбоубежищах и водят пальцами по картам, показывая, куда их солдатам отправляться, чтобы их там убили.

— Нельзя так говорить про наших генералов, — рассердилась повариха. — Ты не знаешь, какие это душевные, отзывчивые люди! У нас на восьмом уровне картина висит одного известного художника. И на ней нарисовано, как генерал Хмыр выносит из огня куклу одной маленькой девочки.

— А где же сама девочка? — удивился Гаррик.

— Она, к сожалению, погибла при бомбежке, — ответила повариха. — А генерал потом положил куклу на ее могилку.

— Ну, просто чудо какое-то! — сказала Алиса. — Пора нам всем отсюда убираться подобру-поздорову, пока эти душевные генералы не понаделали из нас котлет.

— Как тебе не стыдно! — обиделась за генералов повариха. — Наши генералы вовсе не людоеды!

— А кто сказал, что они людоеды?

— Уйду я от вас, — сказала повариха. — Опасные разговоры ты, девочка, ведешь. Не хочу из-за тебя в неприятности попасть. Генералов наших людоедами обзываешь... Спи, дети, не слушайте эту девочку. Вот скоро пошлют ее на фронт — она и скапугится!

С этими странными словами повариха ушла из спальни. А Гаррик, которому по-прежнему не спалось, сказал Алисе:

— Я уже ничего не понимаю! Раньше я не думал. Мне нравилось летать на самолете, но

я боялся, что меня убьют. Вот и стрелял я из пулемета и кидал бомбы. А на самом деле мне очень хотелось домой, к маме.

Алиса смотрела на него и думала: может, ему лет десять, он уже почти взрослый, а на самом деле ребенок, сущий ребенок!

И она сказала:

— Я думаю, здешние генералы так давно ведут войну, что их армии постепенно перебили друг дружку. А как кончить войну? Тогда генералов никто и бояться не будет. Кому нужны генералы, если войны нет? Вот они и воюют. А так как своих солдат уже нет, то они связались с космическими ловцами, владеющими секретом превращения людей в камни.

— Зачем? — слабым голосом спросил Стуччи, который, оказывается, тоже не спал и пока не собирался умирать.

— Если ты хочешь украсть людей и увезти их на войну, то как это сделать, чтобы никто не заметил? Ты превращаешь людей в камни и складываешь их в мешок. Разве кто-нибудь догадается, что ты — работорговец?

— Работорговец? — переспросил Гаррик. — Я не понимаю этого слова.

— Человек, который рабами торгует. Ежу понятно! — отозвался из своего угла Остап.

— А рабы кто?

— Вы рабы, — ответил Остап. — Воюете за свободу, а сами несвободные.

— Они нам говорят, что мы свободные, — возразил Гаррик.

— Если свободные, то поехали отсюда, — предложил Остап.

— А разве можно? — удивился Гаррик.

Остап даже рассмеялся. Но смеялся он недолго, потому что Стуччи прошептал:

— Значит, и ты раб. И все мы здесь — рабы.

— Вот и договорились, — сказала Алиса. — Теперь все ясно, мальчики!

— Нет, не ясно, — не согласился Гаррик. — А почему они детей воруют? Им же лучше нанять настоящих солдат. Взрослых.

— Чепуха! — ответил практичный Нетудыхата. — Такого маленького, как ты, и кормить почти не надо, и одевать почти не надо, и даже койка у тебя маленькая. Ловцам куда легче детей утаскивать, чем взрослых.

— И не это главное, — вмешалась Алиса. — А главное в том, что из детей можно сделать самых лучших солдат.

— Почему? — в один голос спросили все три мальчика.

— Потому что мальчишкам дают игрушку — самолет или пушку. И говорят: а ну, давай бабахай! Он и бабахает! А если еще и конфетку пообещать, он целый город разбомбит. И себя не жалеет. А знаете почему?

— Почему?

— Потому что глупый еще!

— Но я же не глупый! — возмутился Гаррик.

— Ты как кукла в кукольном театре. Тебя потянули за ниточку, ты и дергаешься!

— Да я тебя сейчас!.. — Гаррик кинулся на Алису, но она успела отскочить в сторону.

Конечно, она могла бы расправиться с мальчишкой одним приемчиком, но не хотелось устраивать в спальне шум. К тому же ссориться не стоило. Сейчас Алисе были нужны союзники, а не враги.

Помог Алисе Остап. Он вытянул длинную ногу, и юный летчик рыбкой полетел вперед,

а потом проехал на животе до стены.

Пока он, потирая ушибленный лоб, приходил в себя, Алиса сказала:

— Если взрослый солдат взбунтуется и откажется выполнять приказы, с ним справиться нелегко. Ему дашь оружие, а он может его и против тебя направить. А с детьми проще. В крайнем случае, дашь ему подзатыльник или оставишь без компота.

Гаррик не стал больше кидаться на Алису. Видно, сообразил, что девочка с Земли права.

— Что же теперь делать? — спросил он.

— Теперь спать, — решительно сказала Алиса. — Завтра мы должны быть бодрыми и свежими.

Мальчики сначала стали спорить, но потом все же легли. И сразу заснули. Даже раненый Стуччи заснул.

Только Алиса еще долго не спала. Она думала, что же делать, как себя вести, как одолеть взбесившихся генералов, как найти Пашку и как дать о себе знать комиссару Милодару.

Глава 21. Воздушный налет

Утром всех разбудил вой сирены. Сирена ревела отвратительно, словно где-то случился пожар.

Тут же в спальню ворвались оба солдата во главе с Одноруким. Они кричали, ругались, сбрасывали детей с коек, пинали их ногами и гнали в столовую, где перед каждым стояла кружка с теплой, чуть сладковатой водой, которую ты бы дома и пить не стал. Но если ты очень голодный, так, что живот подводит, то и это пойло покажется тебе сладким компотом из чернослива с грушами.

Чтобы дети не ныли, Однорукий ходил по комнате и без умолку говорил:

— Сейчас будем изучать материальную часть. Вы будете летать на самолете. Это большое изобретение нашей Родины. Изобретя самолет, мы стали самой передовой державой в мире. Он сделан из фанеры. На нем стоит пулемет, а еще каждому самолету придаются две бомбы. Как только вы закончите свой обильный завтрак, мы отправимся на практику. Изучать самолет подробно не требуется. Были бы крылья — полетит! Нужно только запомнить, какие рычажки куда двигать. А ну, кто первый?

Алиса допила сладкую жижу и увидела, как Остап на всякий случай отводит глаза. Не хотелось ему лететь на такой ненадежной этажерке. Гаррик сидел за отдельным столом. Он ел кашу — ведь он же был настоящим летчиком. Алиса заметила, что он откладывает в мисочку каши для Стуччи. Молодец!

«Что ж, придется подать пример», — подумала Алиса.

— Я хочу лететь, — сказала она. — Только попрошу котлету дать заранее.

— А тебе вообще лететь не положено, — сказал Однорукий. — Ты девчонка, тебя на кухню отправят или в госпиталь для офицеров.

— Вам нужно, чтобы я убивала врагов, и я сделаю это не хуже ваших мальчиков. По крайней мере, я вызвалась лететь, а они стоят и молчат.

— И то дело, — одобрил порыв Алисы вице-маршал авиации, который незаметно вошел в столовую. — Пускай летает. Важен результат, а не разговоры. А с тобой мы еще разберемся. Не нравится нам, как ваша разведка работает!

Однорукий вскочил.

— Так точно, ваша стремительность! — воскликнул он. — Девчонку немедленно в самолет!

— Иди, иди, — подтолкнула Алису повариха. — Старшие говорят, значит, лети.

Повариха была добрая, даже суп ночью принесла. И на Стуччи не донесла, чтобы его убили, ведь раненые на войне только мешают. Но она была очень отсталой и темной женщиной и все еще верила своим генералам.

Однорукий забрался в самолет вместе с Алисой.

Самолет был фанерным, сколоченным кое-как, даже гвозди торчали. Но пулемет на нем оказался самым настоящим, правда, доисторическим. Из таких пулеметов стреляли наши прадедушки.

Управление самолетом было простым, как у телеги.

Из пола торчала одна рукоятка. Жмешь ее вперед, самолет идет вниз, тянешь на себя — поднимается, вправо повел — вправо клонимся, ну, и так далее. Понимаете? Любой из нас на таком самолете смог бы полететь.

Алиса села на жесткое металлическое сиденье и нащупала ногой педаль, на которую

надо было жать, чтобы самолет летел быстрее.

Сзади на такое же сиденье уселся Однорукий. Он начал объяснять Алисе, как пользоваться рычагом и педалью, а Алиса делала вид, что все еще не разобралась. Пускай враги думают, что ты глупее, чем на самом деле. Это очень помогает в жизни.

Поэтому Алиса нарочно несколько раз ошибалась, прежде чем выучила, как управлять самолетом. Но Однорукий все равно остался ею доволен. Сквозь шум пропеллера он крикнул Алисе:

— С тобой мы за день научимся! А то с другими детишками дня по два, по три бьемся, пока их в воздух поднимем. Они чаще всего и не возвращаются. Технику жалко!

— А детей не жалко?

— Дети — добровольцы! — крикнул в ответ Однорукий. — Сами к нам прилетели, сами свою судьбу решают. К тому же нет ничего слаще, чем отдать свою жизнь ради нашей свободы!

«Не то притворяется, не то совсем дурак», — подумала Алиса.

— Ну что, попробуем взлететь? — спросил Однорукий. — Если испугаешься, я тебя подстрахую.

Алиса посмотрела по сторонам. У стен стояли зрители — дети с Павлонии. Они ждали своей очереди учиться летать.

Алиса послушалась Однорукого. У него был такой пронзительный голос, что доносился даже сквозь грохот мотора.

Самолет быстро разогнался — он был приспособлен, чтобы взлетать со двора, — и круто поднялся в воздух. Однорукий дал Алисе порулить, попробовать полетать по-настоящему, а потом велел спускаться.

— Слишком хорошо летаешь, — сказал он, когда Алиса посадила самолет. — Даже подозрительно. Девчонка, а летает с первого раза.

— Ничего удивительного, — сказала Алиса. — У нас же каждый с детства умеет летать. У нас скоростные флаеры возле каждого дома.

— Ох, не люблю я таких умников! — сказал Однорукий.

— Почему?

— А потому что умники думают много. Придет тебе в голову самолет угнать, что тогда делать?

— Не знаю, — сказала Алиса. — Мне такая мысль пока в голову не приходила. Но вы ее вложили.

— Нет! — вдруг испугался Однорукий, — Ты что, смерти моей хочешь? А вдруг кто-нибудь донесет генералу? Я ведь простой сержант — меня сразу на фронт отправят.

— Хорошо, — согласилась Алиса. — Я эту мысль забыла.

Она отправилась на кухню, где повариха дала ей пирожок с требухой, а Алиса выпросила еще один, чтобы отнести его Стуччи, ведь тот лежит голодный. Повариха мальчика пожалела и пирожок дала.

Алиса побежала в спальню и отдала пирожок Стуччи. Он чуть не заплакал от радости — он уж боялся, что о нем все забыли.

Алиса хотела расспросить его о войне побольше, но тут снова завывла сирена.

Всех детей согнали в главную комнату. Там уже стоял незнакомый человек, похожий на филина. На круглом лице красовались большие очки. Одет человек был в халат, подбитый ватой.

— Это ваш учитель! — объявил Однорукий. — Он будет учить вас борьбе и ненависти.

Филин взмахнул руками, будто хотел взлететь, а Однорукий завел патефон. Алиса видела такую машину в музее. Ты крутишь металлическую ручку, в ящике заводится пружина, начинает вращаться диск, на котором лежит пластинка. Иголка скачет по пластинке, и получается кое-какая музыка.

Музыка и вправду загремела. Это был военный марш. Филин начал топтать ногами, и Однорукий велел всем тоже топтать ногами в такт.

Филин запел боевую песню. Алиса всю ее не запомнила, потому что слова были корявые, но пару куплетов запомнить смогла. Вот как это звучало:

*За свободу, за свободу,
До последнего солдата!
Потому что ненавидим
Супостата, супостата!
Вы сожгли родные села,
Разбомбили города!
Мы за это твой поселок
Уничтожим без следа!*

Там были еще слова, такие же глупые, но музыку подобрали так умело, а человек-филин прыгал так заразительно, что постепенно все подхватили эту песню ненависти и сами начали ненавидеть проклятых врагов. Даже Алиса услышала свой голос — оказывается, она подпевала Филину, а стоявший рядом Остап не только пел во весь голос, но еще и подпрыгивал.

Алиса не знала, сколько времени прошло. Когда всем разрешили сесть на пол и немного подремать вместо обеда, Однорукий громко сказал ей:

— Теперь-то ты самолет не уронишь.

— Почему? — удивилась Алиса.

— Потому что ты уже ненавидишь наших врагов! Теперь они стали и твоими врагами! Ты готова жизнь отдать за нашу свободу!

— Конечно! — воскликнула Алиса.

Ведь именно этого Однорукий от нее и ждал.

К вечеру подошла очередь Остапа учиться летать. Он долго отнекивался, говорил, что принесет больше пользы на земле.

— У меня же почерк хороший! — кричал он. — Меня везде в писаря брали. Сам батька Махно меня в писаря брал!

Но так как на этой планете никто не знал, что такое писарь и кто такой батька Махно, то пришлось Остапу садиться в деревянный самолет. Алиса видела, как он кружил в самолете по двору, но долго не взлетал.

— Ты почему так плохо летал? — спросила Алиса, когда они вернулись в казарму.

— Я не плохо, — ответил Нетудыхата, — но без желания.

— А ты учись, учись, — сказала Алиса. — Иначе, как мы убежим?

— Неужели бежать надо?

— А ты как думал!

— А если нас поймают? Судить ведь будут. За дезертирство.

— Мы в эту армию не записывались, — сказала Алиса. — Так что и дезертировать из нее не можем.

— А кто нас послушает?

Алиса согласилась с Остапом, но все равно велела ему летать получше.

А вечером случилось вот что.

Не успели они улечься, как снова завывла сирена.

По спальне бегали солдаты, повариха и Однорукий. Они кричали:

— Все в укрытие! Все в бомбоубежище! С собой ничего не брать! Скорее, скорее!

Дети попрыгали в узкую щель, выкопанную вдоль стены казармы, а Однорукий, солдаты и повариха побежали в погреб.

Было темно, по небу бегали цветные лучи, издали доносились взрывы.

Гаррик, сидевший в щели рядом с Алисой, сказал:

— Теперь часто налеты бывают.

— А почему вы не вылетаете навстречу?

— Думаю, самолетов мало осталось, — сказал Гаррик. — Но ты не бойся, они сейчас пошумят, постреляют и спать разойдутся.

— Я за Стуччи беспокоюсь, — сказала Алиса. — Давай его в щель перенесем.

— Ему в щели только хуже будет, — сказал Гаррик.

Бабахнуло совсем неподалеку. Небо заволокло дымом.

— Может, у ваших врагов тоже дети воюют? — спросила Алиса.

— А я не смотрел, — ответил Гаррик. — В бою разве увидишь? Я же вниз смотрел — куда бомбы кидать.

— И кидал?

— Кушать хочется, вот и кидал.

— И ненавидел тех, кто внизу?

— Ох, и ненавидел! — согласился Гаррик. — Они же хотят нас всех завоевать.

«Да, — подумала Алиса. — Вот вроде и неглупый мальчик Гаррик, а все же уроки ненависти, которые проводит человек-филин, на него подействовали».

Над двором показался самолет. Снизу он выглядел маленьким и очень похожим на тот, на котором летала Алиса.

— Это они? — спросила Алиса.

— Они, — ответил Гаррик. — Как он сюда прорвался, не понимаю. Обычно они никогда сюда не долетают.

— Вот и долетел, — сказал Алиса.

И тут бомба упала прямо во двор.

Столб пыли и земли поднялся до самого неба. Грохот был оглушительный.

— А ты говорил, — сказала Алиса, протирая глаза, — что ничего не случится.

— Я и сейчас говорю, — сказал Гаррик.

Дым рассеялся, пыль осела, стали слышны голоса и плач детей-добровольцев.

Самолеты стояли нетронутые, никакой ямы или воронки во дворе не было.

— Ничего не понимаю! — удивилась Алиса.

Шум моторов умолк. Алиса вылезла наружу, за ней последовали остальные.

— У них пороха нет, — сказала повариха. — Мы вот-вот победим.

— Какое счастье, — сказал Однорукий, глядя в небо и прислушиваясь, — какое счастье,

что у них бомбы ненастоящие! Если бы они разбили наши самолеты, у нас не осталось бы авиации и пришлось бы сдаваться.

И эти слова натолкнули Алису на мысль: а не договариваются ли между собой генералы? Если им самолеты дороже, чем чужие дети, то, может, они просто делают вид, что отчаянно воюют.

Но проверить эту мысль Алисе не удалось. Ведь генералы с ней разговаривать не будут.

Однорукий вышел на середину двора. Солдаты выгнали детей и построили их в две шеренги.

Повариха вынесла гармонь и заиграла боевую песню.

Притопал вице-маршал авиации со своим адъютантом.

— Наступает! — выкрикнул он. — Наступает последний и решительный бой! Сегодня или никогда! Приказываю вылететь на боевую разведку. Летят два истребителя. Машина номер один — пилот-сержант Гаррик Эн, ведомый — пилот Алиса. Выяснить, как расположены части противника, зарисовать схему укреплений, вернуться без потерь. В крайнем случае, героически погибнуть. Задание ясно?

— Задание ясно! — ответил за всех Гаррик.

— Выполните задание — получите специальное угощение! А также трехдневный отпуск на родину.

— Я уже три отпуска получил, — прошептал Гаррик, — так что ты особенно на него не рассчитывай.

— А я и не рассчитываю, — вздохнула Алиса.

Остап подошел к Однорукому и сказал:

— Я так мечтал вылететь на задание, но что поделаешь — не досталось мне машины!

— Ты рядовой необученный, — сказал Однорукий. — Посмотрим, может, еще на земле останешься. Почерк, говоришь, у тебя хороший?

— У меня прекрасный почерк, — радостно ответил Остап.

Алиса больше не слушала отважного путешественника. Она взяла у солдата шлем.

— Парашюта тебе не положено, — пояснил солдат. — Парашюты дают только офицерам.

— А куда лететь, Гаррик знает, — сказал Однорукий.

Вице-маршал авиации обернулся к адъютанту и громко произнес:

— Доложить командующему: первая и вторая эскадрилья истребителей вылетели на разведку боем. Пилоты поклялись, что не вернуться, пока не выполнят задания.

Он повернулся к Алисе и Гаррику, которые были готовы занять места в самолетах.

— Мои дорогие юные герои! — закричал он, но закашлялся, и пришлось ему замолчать.

Кашляя, он замахал ручкой, чтобы поторопить летчиков.

Алиса вскочила на крыло и прыгнула в кабину. Она увидела, что Гаррик уже занял место в соседнем самолете.

— Поехали! — крикнула Алиса и махнула рукой.

— Поехали! — отозвался Гаррик. И тоже махнул рукой.

Глава 22. Бой в воздухе

Они поднялись над двором.

Людишки внизу стали маленькими-маленькими, запрокинутые к небу лица казались круглыми белыми пятнышками.

Моторы самолетов трещали, как громадные сверчки.

Внизу тянулись заброшенные дома и хижины, потом пошли заросли кустарников, кое-где прорезанные траншеями.

Здесь шла война, люди уже не селились и не пахали землю.

Как они договорились заранее, Гаррик помахал крыльями, когда они приблизились к линии фронта.

Все приходилось Алисе делать, но еще никогда ей не доводилось сидеть за штурвалом боевого самолета, в котором лежали бомбы, и, может быть, даже настоящие. Это был боевой самолет, и она летела к врагу.

Внизу показались более свежие траншеи, в которых сидели солдаты. Солдат было немного, но все же они были...

Затем пошла настоящая пустыня — полоса, на которой ничего не росло. За пустыней снова потянулись траншеи — точно такие же, как и с нашей стороны.

Гаррик, летевший впереди, опять покачал крыльями, и Алиса посмотрела вперед.

У нее екнуло сердце.

Еще бы — навстречу летел вражеский самолет.

Ну что ты будешь делать?! Не стрелять же в живого человека! На Земле через сто лет и подумать-то об этом стыдно будет!

Но Гаррик, видно, так не думал.

Его самолет немного изменил курс, чтобы встретиться с врагом.

Вражеский самолет попытался подняться повыше, но и Гаррик тоже начал подниматься выше.

Оба летчика принялись стрелять из своих пулеметов, и никто из них не замечал, что Алиса в бою не участвует.

Вдруг мотор самолета Гаррика закашлял, начал давать перебои. Гаррик отвернул в сторону и начал снижаться.

Вражеский истребитель погнался за ним, и тут уж Алисе пришлось вмешаться, ведь враг может догнать беспомощный истребитель Гаррика и расстрелять юного летчика.

Алиса посмотрела назад. Самолет Гаррика ковылял обратно. Если все будет нормально, он обязательно дотянет до своего аэродрома.

Алиса направила свой самолет вперед. Вражеский истребитель заметил ее и ринулся навстречу.

Он мчался к ней и стрелял из пулемета. Алиса видела, как вспыхивали огоньки — это из ствола вылетали пули.

Алиса положила самолет на крыло, чтобы уйти от обстрела. Она не собиралась убивать врага, ей надо было только отвлечь его от Гаррика, как птица отвлекает охотника от своего гнезда, спасая птенцов.

Противник сообразил, что хочет сделать Алиса, и тоже повернул, чтобы ее перехватить.

И тут самолеты сблизилась настолько, что Алиса смогла рассмотреть вражеского пилота.

Он был в шлеме, точно таком же, как и у Алисы. И в очках, которые были ему велики. Но все равно, как ни переодевайся, как ни изменяй свое лицо, Алиса своего друга Пашку везде узнает!

Значит, она была права!

Проклятый генерал-интендант Хлом утаил от своих товарищей пять камней. Пашку в том числе. И продал их врагу. Ничего себе патриот и борец за свободу!

Алиса умудрилась увернуться от Пашкиной очереди. Этого-то она и боялась! Этот сумасшедший мальчишка больше всего на свете любит сражаться с настоящими и воображаемыми врагами и теперь стреляет из пулемета и думает, что защищает свободу!

Алисе пришлось выжать из своего самолетика все, что он мог, и даже немножко больше.

Она исхитрилась пролететь совсем близко от Пашки, метрах в десяти, и сорвала шлем, чтобы он увидел, с кем сражается.

Тут она увидела Пашкины глаза.

Глаза были квадратными! Еще бы — стреляешь в какого-то неизвестного врага свободы, а оказывается, это Алиска из твоего класса.

Рот Пашки раскрылся — видно, он что-то закричал. Но разобрать слов за шумом самолета Алиса, конечно, не смогла.

Она показала большим пальцем вниз, чтобы Пашка садился.

Пашка понял не сразу, но в конце концов сообразил и погнал самолет вправо вдоль линии фронта в поисках подходящей поляны.

Широкая зеленая поляна обнаружилась на берегу реки.

Пашка посадил свой самолет первым. Самолет прокатился метров сто и замер у самой воды. Алиса последовала его примеру и тоже опустилась на берег.

Самолет катился, подпрыгивая на кочках.

Мотор замолчал, пропеллер перестал крутиться.

Наступила такая тишина, что хотелось уши заткнуть, чтобы не было так тихо.

Алиса выпрыгнула из самолета и побежала навстречу Пашке.

Пашка был в комбинезоне, шлем он сорвал, чтобы было легче.

— Алиска! — закричал он. — Я уж боялся, что никогда тебя не увижу! Ты ведь попала в руки душителей свободы!

— Нет, — засмеялась Алиса. — Это ты сидишь в плену у врагов свободы!

— Знаешь, генерал Хлом отложил нас пятерых, а потом продал нас защитникам свободы!

— И что же ты там увидел?

— Совершенно удивительную компанию, — признался Пашка. — Они говорят, что защищают свободу. Но так как ты, Алиска, на другой стороне, то я засомневался.

— И не стал нас ненавидеть?

— Была охота!

— Пашка, ты ведь авантюрист. Тебе на самолете полетать да еще из пулемета пострелять — одно удовольствие.

— Не спорю, — сознался Пашка. — Люблю попугать детишек. К тому же мне обещали малиновый торт, если я собью вражеский самолет. Вот я им и скажу: самолет удалился в сторону моря.

— А в какой стороне море? — спросила Алиса.

— Ума не приложу, — ответил Пашка. — Я его еще здесь не видел.

— Ладно, — сказала Алиса. — Давай не будем терять даром время. Нас, наверное, хватятся, искать будут. Что делать?

— Надо отсюда выбираться, — сказал Пашка. — И как можно скорее.

— Долетим на наших самолетах до космопорта...

— Их космопорт в руках генералов. А может, и вообще нет у них космопорта, а космические ловцы опускаются, где придется.

— Уходим в партизаны, — предложил Пашка.

— В какие партизаны? — не поняла Алиса.

— В самые обыкновенные летающие партизаны, — сказал Пашка. — Читал я где-то про таких, только не помню где.

— Ну и где же мы будем скрываться?

— В лесу, конечно.

— А бензин и керосин для самолетов где брать будем?

— На бензозаправках.

— Ох, Пашка, сомнительный у тебя план, — сказала Алиса.

— А у тебя лучше есть?

— Надо добраться до пульта космической связи и дать о себе знать.

— А у них есть такой пульт?

— Конечно. Они же получают откуда-то оружие, разговаривают с космическими ловцами. Может, и космические пираты сюда заглядывают.

— Ну и где же этот пульт?

— Чтобы это узнать, нам нужен язык, — сказала Алиса.

— Чей язык? — не понял Пашка.

— Военный язык, — засмеялась Алиса. — То есть военнопленный, который нам расскажет, как попасть на пульт космической связи.

— Полетели за языком! — обрадовался Пашка.

— Куда?

— Ну вот! Ты, Алиска, всегда так: сначала поселишь в человеке надежду, а потом сама же ее губишь!

Пашка спустился к реке, зачерпнул чистой воды и напился.

— Ты поосторожнее, Пашка! — крикнула ему Алиса. — Здесь все-таки война идет. А вдруг кто-то решил отравить речку?

— Так не бывает! Это же нечестно!

— Ах, Пашка, Пашка! — вздохнула Алиса. — На войне, как в любви, законов нет!

— Что это ты вдруг о любви вспомнила? — удивился Пашка.

Но пить больше не стал, воду из пригоршни выплеснул, а руки вытер о комбинезон.

— Так, — ответила Алиса. — Недавно столкнулась с такой же проблемой. Если бы ты знал, как много внимания взрослые уделяют этому чувству...

И тут послышался шум мотора.

— Слышишь, Пашка?

— Слышу шум двух моторов, — ответил Гераскин. — Один самолет летит с нашей стороны, а второй — с вашей.

— По машинам! — закричала Алиса и бросилась к своему самолету.

— Есть по машинам! — крикнул дисциплинированный Пашка и тоже побежал к своему

самолету.

Хорошо еще, самолеты были такими простыми, что могли взлететь с цветочной клумбы. Они побежали друг за другом по траве и поднялись в небо.

И вовремя, потому что погоня была уже близка.

Самолет с синим крестом и самолет с красным кругом сблизилась, разыскивая беглецов.

И увидели их.

Алиса присмотрелась. В самолете с красным кругом, точно таким же, как был нарисован на борту ее машины, сидел сам вице-маршал авиации. Видно, никому не доверил такой важной операции.

А в самолете с синим крестом, как на Пашкиной машине, сидел чернобровый офицер в железной каске.

Алиса подумала: «Вот бы вам сейчас друг с другом повоевать! Но пока с нами не разделаетесь, рисковать собой вы не станете».

— Пашка! — крикнула Алиса, и Пашка, который отлетел еще не очень далеко, ее услышал. — Возьми своего, а я займусь моим вице-маршалом.

И она развернула свой самолет против самолета вице-маршала.

Его машина была куда крупнее Алисиной, она блестела — видно, была металлической, а не деревянной. На крыльях стояли пулеметы.

Вот эти-то пулеметы и открыли огонь по Алисе.

Грохот поднялся такой, будто кто-то водил железной палкой по стиральной доске.

Но Алиса уже умела вести самолет, поэтому она легко уклонилась от пуль, хотя заметила, как на крыле ее машины появилась цепочка черных кружочков — дырки от пуль.

Увернувшись от пулеметов вице-маршала, она посмотрела, как дела у Пашки. Дела у Гераскина шли нормально. Он не только избежал нападения своего инструктора, но начал стрелять в ответ так удачно, что инструктор замахал кулаками и что-то угрожающе закричал. Но как разберешь, что кричит твой противник, если стреляют четыре пулемета и трещат четыре мотора.

Алиса поняла, что Пашка справится со своим противником. Он все-таки из конца двадцать первого века и знает, как водить тысячу разных кораблей. А его инструктор как выучился летать на доисторическом самолете, так на нем и летает. К тому же редко, не хочет жизнью рисковать, а вместо себя посылает ребяташек.

Тогда Алиса занялась вице-маршалом всерьез.

Ей нужно было не только его победить, но еще и заставить потрудиться на себя.

Сначала она поднялась на максимальную высоту.

Вице-маршал устремился за ней — а что ему еще оставалось делать? Но потом он посмотрел вниз и увидел, как высоко он летит и как далеко осталась земля.

И тут он принялся махать Алисе и показывать, чтобы она опустилась пониже.

И тогда Алиса развернула самолет по широкой дуге, положила его на крыло так, что голубая речка, зеленые полянки по берегам и темный еловый лес оказались сбоку от нее.

Затем она резко развернулась и помчалась прямо на самолет вице-маршала, так, словно хотела врезаться ему в бок.

Когда вице-маршал догадался, что хочет сделать эта паршивая девчонка, он постарался отлететь в сторону. Но Алиса не дала ему этого сделать.

Она неслась на него все быстрее и быстрее.

Глаза вице-маршала расширились от ужаса. Он привык сам всех убивать, а тут, наверное первый раз в жизни, сообразил, что и его могут убить. Он завизжал так, что пролетавшие мимо гуси шарахнулись от его самолета во все стороны.

Но Алиса не отставала.

Вот уже между самолетами осталось всего сто метров, вот — пятьдесят...

«Ну что же ты!» — хотела крикнуть Алиса. Неужели придется уклониться в сторону?

Нет, все же нервы у вице-маршала не выдержали, он отвернул машину и понесся вниз.

Алиса неслась следом, как коршун за уткой. Она прижимала испуганного вице-маршала к земле.

Еще секунда — и его самолет грохнулся в кусты, пробежал несколько метров, проламываясь через ветки, и замер.

Алиса аккуратно посадила свой самолет на соседнюю полянку, выскочила и побежала к самолету вице-маршала. Ветки молотили ее по лицу, мотыльки и стрекозы разлетались во все стороны.

...Вот и самолет.

«Только бы он не погиб! — подумала Алиса. — Хоть он и враг всех детей, но жалко же человека!»

Вице-маршал сидел в кабине, закрыв глаза, и стонал. На лбу его красовалась большая царапина, из которой сочилась кровь.

Что же теперь делать? Скорее бы Пашка прилетал, ведь ей одной с маршалом не справиться! Он хоть и немолодой, но все-таки взрослый.

Алиса поднялась на крыло и заглянула в кабину.

Вице-маршал догадался, что к нему кто-то подошел, приоткрыл один глаз и сразу же зажмурился.

— Ой! — застонал он. — Скажите мне правду: я умру?

Алиса подумала немного и ответила:

— Я не доктор, но положение очень тяжелое.

Глава 23. Пленники

— Ой, как мне тяжело погибать на земле, вдали от товарищей! Я хочу в небо, я хочу погибнуть, как орел, под облаками, — стонал вице-маршал.

— В следующий раз, — отрезала Алиса. — Сейчас вам это не удалось.

— Помоги мне, не бросай!

— А здесь много волков?

— Конечно, здесь очень много волков! Я тут раньше не был, но волков у нас везде много. Я истекаю кровью!

— А у вас есть пистолет? — поинтересовалась Алиса.

— Конечно, — ответил вице-маршал. — Я буду сражаться до последней капли крови!

— Давайте пистолет сюда. Я буду вас защищать.

— А не обманешь?

— Нет, не обману. И даю слово, что доведу вас до дома.

— Благодарю тебя, мой юный герой!

Дрожащей рукой вице-маршал вытащил пистолет и протянул его Алисе.

— Только не потеряй, — предупредил он, — оружие заряжено. Это личный подарок бывшего главнокомандующего за блестящую победу в финале соревнований по домино. Мы были с ним в одной команде. Трудно поверить, да?

— Я незнакома с вашим командующим, — сказала Алиса.

— А зря! Но ничего, когда вернемся, я тебя с ним познакомлю. Только учти, ему уже девяносто шесть лет и он не всех узнает.

В кустах послышался треск.

— Стреляй! — завопил вице-маршал. — Враги приближаются!

Но это оказался всего-навсего Пашка.

— Как ты тут, подруга? — спросил он.

— Все хорошо. Вот раненому летчику помогаю.

— Куда он ранен?

— Пашка, только не вмешивайся, ты же ничего не понимаешь в медицине! — Алиса подмигивала Пашке двумя глазами сразу, и он наконец что-то понял.

— Ага, — сказал он. — Раны кажутся мне очень опасными.

— Вот это я и хотела тебе сказать, — обрадовалась Алиса. — Вице-маршалу даже глаза открывать нельзя. Видишь, как кровь хлещет из лба?

— Ой! — испугался вице-маршал. — А мозг не задет?

— Если он у вас был раньше... — начал невежливый Пашка.

— А у вас есть сомнения? — строго произнес вице-маршал.

Алиса поспешила его успокоить.

— Простите, — сказала она. — Мой друг владеет многими специальностями, но вот в медицине он ничего не понимает.

— То-то я и вижу, — пробурчал вице-маршал.

— Сейчас мы пойдем по лесу, — сказала Алиса. — Там много веток, сучьев, комаров и пауков. Вы можете повредить своей ране. Я предлагаю вам забинтовать глаза. Так будет спокойнее.

— Вот именно! — согласился вице-маршал. — У меня в кармане есть платок. Он даже чистый.

Алиса завязала вице-маршалу глаза. При этом она постоянно вздыхала и повторяла:

— Ах, какая опасная рана! Только бы дошел живым!

— Дойдет, — сказал бесчувственный Пашка. — Носилок здесь нет.

— А может, сбегаете за носилками? — оживился вице-маршал.

— А когда вернемся, то увидим, что на вас напали враги и увели в плен?

— Девочка, ну что ты говоришь? Кто меня возьмет в плен?

— Вон те генералы. Которые хотят задушить нашу свободу.

— Мы не в детском саду, и нечего придумывать чепуху, — сказал вице-маршал. — Разве ты не понимаешь, что петух петуху глаз не выклюет? Мы уже обо всем давно договорились и даже в гости друг к другу ходим. Пускай детишки воюют, они любят воевать!

— А если они не хотят?

— Да кто их будет спрашивать?

— Но это же нечестно! — возмутился Пашка.

— Если война кончится, что мы будем делать? — спросил вице-маршал.

— Работать пойдете, — ответил Пашка.

— Друг мой! — Вице-маршал схватил Алису за рукав. — Защити меня от этого наглого врага! Думаю, это шпион.

— Пашка, помолчи, человеку и так плохо, — миролюбиво сказала Алиса. — Он может в любой момент погибнуть от ран.

— Ой! — снова испугался вице-маршал. — А я вчерашний торт не доел!

— Вот видишь, — сказала Алиса. — У человека беда, он вчерашний торт не доел!

— А какой торт? — поинтересовался любознательный Пашка.

— Клубничный, со сливками. Если захотите, я вас обязательно угощу.

— Конечно, клубничный, конечно, со сливками! — согласилась Алиса.

— Приходите ко мне в гости! — пропищал вице-маршал.

— Мне врачи запретили есть торты с клубникой и сливками, — сказал принципиальный Пашка. — У меня от них икота начинается.

— Какой ужас! — ахнул вице-маршал.

— Мы его отдадим вашим маленьким летчикам, — сказал Пашка. — Они очень любят торты с клубникой и сливками.

— Нет, нельзя, — вздохнул вице-маршал. — Тогда они распустятся и откажутся защищать свободу.

— Пошли, — перебила вице-маршала Алиса, — пока наш вице-маршал не умер!

Вице-маршал послушно выбрался из кабины и положил Алисе руку на плечо. Он шел, высоко задрав к небу нос и мелко перебирая ногами, чтобы не споткнуться.

— А твой-то противник где? — Наконец Алиса улучила момент, чтобы расспросить Пашку о его бое.

— Улетел, не стал рисковать, — ответил Пашка.

— Ох, не нравится мне это, — сказала Алиса и тут же вспомнила механика Зеленого. — Он наверняка постарается вернуться. С подкреплением.

— О чем это вы там болтаете? — спросил вице-маршал. — Замышляете меня убить? Не надо этого делать!

Вице-маршал, конечно, не понимал, о чем говорят Алиса с Пашкой, потому что между собой они разговаривали по-русски.

Алиса ответила на языке планеты генералов — ведь она могла выучить любой язык в три минуты. И в этом нет ничего удивительного. Если ты знаешь только собственный язык, то выучить второй очень трудно, наверное, надо несколько месяцев его учить, а может быть, целый год. Но если ты выучил два языка, то третий учить легче, а четвертый — еще легче. Алиса, как вам, может быть, известно, к языкам имеет способности. А это значит, что когда она выучила язык племени Бритоголовых на Сердазе, то ей уже ничего не оставалось, как приниматься за мордовский, который конечно же потруднее, чем инопланетные языки. Правда, и среди инопланетных встречаются такие, которые сплошь состоят из свиста или даже кашля. Есть такой народ на одной отдаленной планете. Если ты подойдешь к их собранию или встретишь друзей, разговаривающих на улице, то можно испугаться, не случилась ли на планете эпидемия коклюша. Нет, просто собрались поболтать.

Пашка Гераскин к языкам не очень способен, да и не любит он их учить, так что приходится ему носить в ухе микропереводчик. А самый удивительный полиглот в их классе — это Аркаша Сапожков, который поставил себе цель — выучить все языки, которые раньше были на Земле, но исчезли. И народов уже нет, которые говорили на этих языках.

Он выучил даже три неразгаданных языка. По неразгаданным надписям. Аркаша говорит на этих языках, но ему никак себя не проверить, ведь он же единственный человек во Вселенной, который их знает!

Так что Аркаша Сапожков записался в филологическую экспедицию в древние времена к исчезнувшим народам. Теперь сидит ждет, когда подойдет очередь.

Так что Пашка с Алисой говорили между собой по-русски, а с генералами по-генеральски.

Убивать они генерала не собирались. Это генеральское дело — убивать людей. Причем каждый генерал понимает, что куда легче убивать своих, чем чужих. Ведь чужие сопротивляются, отстреливаются, а если уж становится совсем плохо — убегают. А своим куда деваться? Вот генерал нарисовал с утра пораньше на карте стрелки, и уже трубит труба: вставляйте, берите ружья, и пошли! Не важно, что в вас будут стрелять, не важно, что генерал спросонья перепутал карты и забыл, как называется город, который он решил взять. Он-то снова улегся спать и не велел будить себя до полной победы.

Алиса шла через кустарник к своему самолету, вице-маршал с завязанными глазами ковылял сзади, трепеща от страха, а Пашка шел в стороне и искал грибы. Дело в том, что Пашка — страстный грибник и, куда бы он ни попал, сразу начинает смотреть, что за грибы здесь растут. Даже на дальних планетах искал. Хотя это опасно — ведь там растет, скажем, гриб, похожий на нашу сыроежку, а между собой здешние динозавры зовут его кверхуножкой, что на их языке означает: «Гриб, который кушать не надо, потому что один непослушный бронтозаврик съел его за обедом и откинул ножки».

Вот и Алисин самолет. Вокруг все тихо, вроде бы их не выследили.

— Итак, — сказала Алиса голосом учительницы из старого фильма, — сейчас я отвезу вас в больницу.

— В госпиталь, — поправил ее вице-маршал. — Нам, генералам и адмиралам, нельзя в простую больницу. У нас есть специальные больницы. Они называются госпитали.

Конечно, Алиса прекрасно знала, что такое госпиталь. И Пашка знал. Но он не удержался, чтобы не подразнить вице-маршала:

— А чем госпиталь отличается от больницы?

— Госпиталь лучше, — буркнул вице-маршал.

— И это все?

— Нет, это не все! — взревел вице-маршал, забыв о том, что он смертельно ранен. — Главное, что все врачи там ходят в форме и имеют чин, понятно? И если я маршал, то меня может лечить только генерал-майор, не ниже, понял?

— Понял, — сказал Пашка. — А меня кто же вылечит? Мышка-норушка?

— Где ваш госпиталь? — спросила Алиса.

— Бери курс на столицу, — скомандовал вице-маршал. — Сядешь на авиабазе, передашь меня в госпиталь, а сама вернешься в казарму.

— А что мне за это будет? — поинтересовалась Алиса.

— Наказание! — твердо ответил вице-маршал. — Ты — военный человек и понимаешь, что твое преступление должно быть строго наказано.

— Тогда я вас туда не повезу, — сказала Алиса. — Зачем мне лететь за наказанием?

— Это тебе даром не пройдет! Я тебя истреблю!

— Господин вице-маршал, — вмешался Пашка и подмигнул Алисе. — Думаю, мы с вами договоримся без этой предательницы.

— Что? Что ты говоришь? — удивился вице-маршал.

— Но, конечно, не бесплатно, — сказал Пашка. — Я ведь не ваш летчик, а враждебный. Так что многим рискую, если прилечу с вами в столицу.

— Не бойся, со мной тебя никто не тронет, — сказал вице-маршал.

— А вы меня домой отпустите? К маме и папе?

— Ты хочешь, чтобы я тебя домой отправил? — поразился вице-маршал.

— И как можно скорее! — подтвердил Пашка.

— Ну хорошо, я это устрою, — сказал вице-маршал. — Завтра летит наш космический корабль на Паталипутру. Он тебя и возьмет.

Алиса еле сдержалась, чтобы не возмутиться вслух.

Ведь это же наглая ложь! На этой планете еще не изобрели космические полеты! Он обманывает Пашку, чтобы скорее добраться до своей столицы. Алиса хотела предупредить Гераскина, но тот поднял руку: не волнуйся, подруга, все понимаю, не вмешивайся!

— Тогда рассказывайте, как лететь в столицу, — сказал Пашка.

— Очень просто, — ответил вице-маршал. — Пересечешь линию фронта и держи на северо-запад. Если тебя не подстрелят наши славные зенитчики, то увидишь центральный аэродром...

— И там Центр космической связи, — сказал Пашка.

— Что? Какой еще Центр? А, да, конечно, — Центр космической связи. А он нам зачем?

— Пашка просто уточнил, — сказала Алиса. — Потому что на всех центральных аэродромах всегда есть Центры космической связи.

— Есть у нас центр, все у нас есть! — проскрипел вице-маршал.

— Значит, мы спускаемся с вами в Центр космической связи, — задумчиво повторил Пашка и этим привел вице-маршала в ярость.

— Какой еще центр! Ты везешь меня в госпиталь!

— А если я перепутаю? — невинным тоном спросил Пашка. — Как мне не перепутать?

— Ну разве можно перепутать? — совсем разъярился вице-маршал. — Над космическим центром башня с часами, которые показывают неправильное время, а над госпиталем дырявый купол.

— Ничего не понимаю, — удивилась Алиса. — Зачем же показывать неправильное время?

— Но ведь мы же воюем? Воюем! К нам проникают вражеские шпионы. А шпион всегда спешит на встречу с другим шпионом или на поезд, чтобы передать важные сведения, которые он у нас украл. Он смотрит на большие часы на башне и думает, что у него еще час в запасе, а на самом деле он уже давно опоздал!

И вице-маршал захохотал, забыв, как опасно он ранен.

— Осторожнее, господин вице-маршал, — напомнила ему Алиса. — В вашем состоянии смеяться запрещено!

— Ах, забыл! — в очередной раз испугался вице-маршал.

Пашка посадил раненого с завязанными глазами на переднее сиденье, сам сел в заднюю кабину и приказал вице-маршалу ничего руками не трогать, чтобы не загубить самолет.

— Не трону, не трону, — согласился вице-маршал, — только ты поторопись, я чувствую, что мне становится все хуже и хуже. Если я умру в пути, история тебя не простит!

Пашка поднял руку, показывая Алисе, что готов к вылету. Тогда Алиса побежала к своему самолетику, который стоял на соседней полянке.

Когда Алиса поднялась в небо, она увидела, что Пашкин самолет стал похож на маленькую птичку — так далеко он улетел. Алиса прибавила газу.

Погода испортилась, подул холодный ветер, деревья под крылом покачивались, как будто это был не лес, а зеленое море, по которому шли широкие волны. Орел приблизился к Алисе, видно, думал, что родственник прилетел в гости, но вовремя спохватился и камнем пошел вниз.

Вдруг внизу засверкали искры.

Самолет Алисы качнуло — ну конечно, внизу линия фронта, вон и траншеи видны. Ее обстреливают враги, которые увидели на крыльях синий крест.

Алиса потянула рычаг управления на себя, и самолет начал быстро карабкаться вверх. Через несколько секунд вокруг появились белые полупрозрачные клочья облаков.

Пули врагов уже не достигали ее, и Алиса смогла снова погнаться за Пашкой.

Догнать его ей не удалось, но она увидела, как самолет Гераскина садится на поле аэродрома, почти пустого, если не считать нескольких покалеченных самолетов на самом краю и ангаров, где их ремонтировали.

Глава 24. Центр космической связи

Пашка подъехал к мрачному двухэтажному зданию, из которого, как палец, выростала высокая башня с часами, которые показывали четверть третьего, тогда как на Алисиных часах было уже пять.

Алиса представила, как вице-маршал спрашивает Пашку:

— Долго нам еще до госпиталя добираться?

— Скоро будем, — отвечает Пашка, а сам все катит по земле к Центру космической связи.

Сверху Алисе было видно, как из дверей Центра вышел часовой и смотрит на самолет, который к нему приближается.

Пора помочь Пашке, который сделал все, как они договорились у реки: допытался у вице-маршала, где находится Центр космической связи, и прилетел туда, вместо того чтобы доставить оцарапанного маршала в госпиталь, и теперь ему надо попасть внутрь.

Алиса спикировала вниз, пролетела совсем рядом с неправильными часами и посадила самолет возле часового, который все еще никак не мог решить, что ему делать с Пашкиным самолетом, а теперь ему предстояло разбираться сразу с двумя.

Алиса выскочила из самолета раньше, чем тот остановился, и покатила по траве, а самолет врезался в дверь Центра космической связи. Часовой еле успел увернуться, но свое ружье потерял, и теперь ему оставалось только ругаться.

Самолет Пашки стоял неподалеку, его пропеллер еще крутился. Пашка выпрыгнул из кабины, а вице-маршал кричал ему вслед:

— Куда ты меня привез, негодяй? Если это вражеский лагерь, учти, что живым я им не сдамся!

Ему никто не отвечал. Пашка убежал, а Алиса уже была у самого Центра.

Вице-маршал закричал из последних сил:

— Спасите меня, я умираю!

И тихо заплакал, так ему стало себя жалко.

Но никто не услышал вице-маршала, так как в это время Алиса и Пашка уже вбежали в большой вестибюль Центра.

— Только бы не заблудиться! — крикнул Пашка.

К счастью, он увидел стол, за которым должен был сидеть вахтер. Но вахтер, услышав грохот за дверями, убежал.

Стол был накрыт толстым стеклом, под которым лежал большой лист бумаги со всеми номерами телефонов. А возле каждого номера было напечатано не только название отдела, но и номер комнаты.

— Смотри! — крикнул Пашка.

Алиса кинулась к столу и в мгновение ока поняла, что передатчик стоит на первом этаже в комнате № 67.

Зал космической связи оказался огромным, а вот передатчик — стареньким, в основных портах Галактики такие передатчики давно уже отдали в детские сады и кружки юных космонавтов. Зато он был надежным и достаточно мощным.

Возле передатчика лицом к пульту сидели два техника.

— Простите, — сказал Пашка, небрежно поигрывая пистолетом, который он отнял у вице-маршала авиации. — Покиньте, пожалуйста, помещение. Проверка безопасности!

Может, на другой планете техники подняли бы тревогу и постарались разоружить ребенка, но здесь все было не так. Здесь дети воевали, они водили самолеты и стреляли из пушек. А взрослые благополучно отсиживались в тылу, только бы не рисковать своей драгоценной жизнью.

И поэтому, когда два юных существа в авиационных комбинезонах и шлемах и с настоящим пистолетом ворвались в Центр космической связи, дежурные техники на всякий случай не стали спорить. Будешь спорить, а в тебя выстрелят!

Техники быстренько поднялись со своих кресел, и один из них спросил:

— А можно мы в столовую пойдём? У нас как раз обед начинается.

— Идите, — разрешила Алиса, — и можете не торопиться.

Техники поспешили прочь, а Пашка быстро закрыл на крючки все три двери, которые вели в комнату с передатчиком, и встал посреди комнаты, держа пистолет наготове, чтобы отстреливаться до последнего патрона.

Алиса заняла место техника и вызвала Галактический центр.

— Галактический центр слушает, — ответил ей приятный голос.

— Как хорошо, что вы сразу ответили! — воскликнула Алиса. — Я боялась, что не успею с вами связаться.

— Откуда вы говорите? Эти координаты нам неизвестны.

— Нам нужна немедленная связь с Галактической полицией, — сказала Алиса. — Дело очень важное. Мы раскрыли преступление космического масштаба! Честное слово!

— Кто говорит? Повторите ваши координаты! — ответил дежурный по Галактическому центру. Видно, он решил, что кто-то шутит, потому что голос Алисы был слишком детским.

— Назови ему имя комиссара, — посоветовал Пашка.

В дверь зала постучали.

— Скорее же! — умоляла Алиса. — Соедините меня с комиссаром Милодаром. Он — шеф Галактической полиции на планете Земля.

— Какая Земля?

— Земля. Солнечная система.

— Проверяю ваши данные, — послышалось в ответ.

В дверь молотили все сильнее.

— Если я не успею поговорить с комиссаром Милодаром, — сказала Алиса, — передайте ему: мы находимся в плену на планете, где идет война и гибнут украденные дети.

— Наверное, вы все же шутите, — с сомнением в голосе сказал дежурный по Галактическому центру.

Ба-бах! — в дверь ударили чем-то тяжелым. Кажется, таран на этой планете уже изобрели.

Ба-бах! — разбежались и ударили вновь. К счастью, двери оказались крепкими.

— Комиссар Милодар не выходит на связь, — раздался голос из передатчика. — Жена говорит, что его нет дома. Он уехал по делам.

— Это его голографическая копия поехала по делам! — в отчаянии закричала Алиса. — А сам Милодар, как всегда, сидит у себя в кабинете под Антарктидой. Вызывайте его снова. Вы меня запеленговали? Меня зовут Алиса Селезнева!

Кто-то начал палить в дверь. Выстрелы раздавались все чаще.

Дверь зашаталась.

— Нас штурмуют! — крикнула Алиса.

И тут же космостанция работать перестала. По экранам пошли зигзаги, послышался неровный глухой шум. Кто-то заглушил передачу. Наверное, в Галактическом центре не успели запеленговать Алису. Они там не смогут определить, откуда, из какого созвездия, из какой черной дыры звала на помощь Алиса.

Под напором наступавших дверь упала.

Сразу двадцать генералов ворвались внутрь.

— Стой, стрелять буду! — закричал Пашка, целясь в них из пистолета.

— Это мой пистолет! Это мой пистолет! — Алиса с Пашкой увидели вице-маршала. Он был без повязки. Его несли на носилках. — В моем пистолете пули шоколадные, с начинкой! Сам заряжал!

В этот момент рухнула задняя дверь, которая вела в столовую. Из столовой выбежало множество техников и полковников.

Обе толпы ринулись навстречу друг другу. Алиса с Пашкой отскочили в сторону, но убежать не смогли.

Генералы и полковники навалились на Алису с Пашкой, и получилась куча-мала. Они чуть не задушили Алису.

Алиса отбивалась, сражалась как львица. Пашка тоже бился, царапался и дрался как мог.

Но через несколько минут наши герои, избитые, исцарапанные не меньше, чем вице-маршал в своем последнем бою, со связанными руками, оказались в вестибюле Центра космической связи.

Напротив сплошным рядом сверкающих мундиров, погон и орденов стояла стена генералов и полковников.

— Будем судить? — спросил генерал-интендант Хлом.

— Какого дьявола судить! — взревел неизвестный полковник. — Расстрелять, чтобы всем было неповадно!

— Тогда мы сделаем так, — сказал вице-маршал авиации. — Раз мне пришлось тяжелее всех и я на себе испытал коварство и жестокость этих предателей, которые бросили меня умирать в лесу...

Генералы засмеялись — уж очень здоровеньким выглядел их вице-маршал. Если, конечно, не считать царапин на лбу.

— Прекратить смех! — обиделся вице-маршал. — Я страдаю. И я требую, чтобы их жестоко наказали. Предлагаю смертную казнь через расстрел.

— И патронов не жалеть! — крикнул из толпы генерал-майор Хляф.

— Я предлагаю, — продолжал вице-маршал, — собрать на площади перед казармами наших юных солдатиков. Пускай полюбуются!

— Я знал, что вы этого пожелаете, мой вице-маршал! — воскликнул Однорукий. — Все юные добровольцы построены на плацу и мечтают поскорее насладиться казнью предателей! Прошу всех во двор.

Оказывается, казармы юных добровольцев располагались рядом.

Когда Алису вытолкнули во двор, где она недавно училась летать, она увидела, что все маленькие солдатики уже построились в две шеренги, спиной к казарме. Напротив стояла повариха и держала в руках настоящий торт, очень вкусный на вид.

Алису с Пашкой поставили у стены лицом к юным добровольцам. Генералы столпились в сторонке.

Однорукий инструктор вышел вперед и остановился. В руке он держал винтовку.

— Если среди вас найдется доброволец, который расстреляет этих жестоких преступников, предателей, которые разбомбили детский сад и жестоко убили множество бабушек и дедушек, он получит торт!

— УУУУУ! — злобно загудели генералы, выражая свое глубокое возмущение поступком Алисы и Пашки.

— Это неправда! — Алиса старалась перекричать генералов, но разве их перекричишь, если они уже решили кого-нибудь расстрелять?

Никто из маленьких летчиков не откликнулся. А Гаррик, которого Алиса заметила в шеренге еще издали, даже подмигнул ей, будто хотел сказать: не бойся, все еще обойдется!

А Алиса подумала: это только в приключенческих фильмах или книжках бывает — героев собираются расстрелять или сжечь на костре, но тут скачет наша кавалерия, а впереди командир эскадрона на белом коне...

— Желающий примерно наказать зарвавшихся врагов свободы, — кричал Однорукий, — скушает целый торт и получит звание старшего лейтенанта!

Повариха сделала несколько шагов вперед и подняла торт на вытянутых руках, словно спортивную штангу.

Генералы зашумели. Кто-то из них закричал:

— Да за такой торт я свою бабушку расстреляю!

И тут из рядов детей вышел длинный, как каланча, бывший ребенок, а нынче турист и путешественник во времени Остап Нетудыхата.

— Можно я все сделаю? — сказал он. — Я ничего не имею против моих товарищей, но когда я узнал, что они уничтожили целый детский сад, мое доброе сердце перевернулось. Я должен признаться, что являюсь принципиальным противником насилия и в жизни даже комара не прихлопнул. Но таких предателей, таких негодяев, как Алиса и Гераскин, который вообще не наш, а лазутчик с того берега, я собственными руками растерзаю! Давайте мне торт!

Генералы дружно захлопали в ладоши. Им понравилось выступление Остапа.

— Ты что, Остап? — спросил Пашка. — Ты забыл, что мы с тобой с Земли, что мы вместе попали в плен к этим... попугаям?

— Мы отдельно попали, — отрезал Остап. — Ты сам по себе, а я добровольно перешел на сторону борцов за свободу.

Генерал-интендант приблизился к Остапу, пожал ему руку и сказал:

— Из такого материала, как ты, и делаются настоящие генералы! Для нас с тобой нет ни брата, ни друга, ни родителей, а есть историческая необходимость! Ты меня понял?

— Так точно, господин генерал-интендант! — откликнулся Остап.

Однорукий вынес Остапу большой пистолет, прямо пушку.

— Не промахнешься? — спросил он и сделал знак поварихе.

Повариха подошла поближе. И тут Алиса увидела, что она плачет.

— Ты что? — спросил Однорукий.

— Девочку жалко, — ответила повариха, всхлипывая.

— Что поделаешь, — заметил Однорукий. — Тяжелый век, тяжелые испытания для нашей доброты. Посмотри на молодого человека Остапа. Может, и ему жалко, но он жалости не показывает.

— Мне не жалко, не жалко! — закричал Остап. — Я с вами!

— Тогда начинай! — велел вице-маршал. — Они же хотели моей смерти!

Остап поднял пистолет. Рука его дрогнула. Он не был смелым, просто хотел отличиться и отведать сладенького.

— Алиса, — попросил он, — закрой глаза, пожалуйста. А то мне неудобно как-то. Ты смотришь, а я стреляю.

— И не подумай! — сказала Алиса.

— Ну, я прошу тебя!

— Ты трус! — крикнула Алиса.

А Пашка даже засмеялся, хоть ему совсем не было смешно.

— Ну, как знаешь! — разозлился Остап. — Ты сама напророчилась!

Он снова поднял пистолет, но вместо Алисы увидел перед собой невысокого, крепкого, черноволосого, курчавого человека, похожего на цыгана, а может быть, на древнего грека.

Человек был одет в скромный мундир без знаков отличия, а руки он сложил на груди.

— Стреляй, юноша, — сказал он. — Но учти, это будет твой последний выстрел!

— Ой! — закричал Остап. — Это кто такое? Его здесь не стояло! Уберите его!

Комиссар Милодар — а вы уже, конечно, поняли, что это был комиссар Милодар, — сверкнул жемчужными зубами и не двинулся с места.

В толпе генералов поднялся шум.

— Уберите хулигана! — раздались голоса. — Что он здесь делает? Кто его сюда пустил? Наверное, это шпион.

— Алиса, Паша, отойдите с линии огня, — приказал комиссар Милодар. — А то они с перепугу еще стрелять начнут.

Алиса с Пашкой послушались комиссара и кинулись в сторону. Благо все внимание было приковано к Милодару.

— Остап Нетудыхата, — строго сказал комиссар, — твои родители ждут тебя не дождутся в городе Кривой Рог. Ты, кстати, так и не написал контрольную по русскому языку. Дай-ка сюда пистолет.

И тут Однорукий выхватил саблю и кинулся к комиссару. Милодар только саркастически улыбался.

Однорукий взмахнул саблей и... о, ужас!

Отрубил голову комиссару Милодару.

— Ура! — закричали генералы, которые уже успели перепугаться, потому что среди генералов смелых людей не бывает. Смелые люди погибают в лейтенантском чине, в крайнем случае, в чине капитана. Но до генерала не дослуживаются.

Голова комиссара Милодара слетела с плеч и упала на землю.

— Ах! — воскликнула повариха. — А такой красивый молодой человек был! Надо бы поосторожнее.

Однорукий сделал шаг к голове. Он хотел поднять ее и показать генералам, но когда он наклонился, то увидел, что голова улыбается. И это было так страшно, что инструктор хлопнулся в обморок.

А тело Милодара без головы не упало и даже не собиралось падать. Совсем наоборот. Тело сделало несколько шагов, наклонилось, подняло свою голову и повернуло ее лицом к генералам. Голова показала им язык.

Тут уж в обморок от страха упали почти все генералы. Кроме генерала-наблюдателя, который был слепым уже шесть лет, но никто этого раньше не замечал.

— Спасибо, комиссар! — крикнула Алиса. Она первой подбежала к комиссару, за ней — Пашка. — Вы пришли вовремя, точно как красная кавалерия.

— А я думаю, — ответила голова Милодара, которую он все еще держал в руках, — что я правильно использую голограмму для неожиданных командировок. Меня, как ценного руководителя, надо беречь. А если я сам себя беречь не буду, кто же меня будет беречь? — С этими загадочными словами комиссар поднял голову и приставил ее на место. Проверил, правильно ли сидит, а потом сказал генералам: — Через десять минут сюда прилетит патрульный крейсер Галактической полиции. Считайте, что вы все арестованы за преступления против человечества. И благодарите молодых людей — Алису и Пашу, которые смогли дать о себе знать. Мы их, конечно, и без того искали и вот-вот бы нашли, но благодаря тому, что они пробрались в Центр космической связи и дали сигнал, удалось избежать многих жертв. По крайней мере, их самих не успели расстрелять.

Тут комиссар обернулся к Остапу и сказал:

— А ты, мальчик, брось пистолет, брось. Он все равно не стал бы стрелять. Все оружие на этой планете уже выведено из строя особыми миротворческими лучами.

Остап выронил пистолет и сквозь слезы быстро заговорил:

— Я прошу вас понять меня правильно. Я заблудился во времени, я вообще живу сто лет назад, меня нельзя наказывать, потому что я жертва...

— Мы тебя немедленно отправим домой, — сказал комиссар, — в конец двадцатого века. Пускай тебя учат, может, еще станешь человеком.

— Я постараюсь, — пообещал Остап. — Честное слово, постараюсь!

Некоторые генералы все же успели убежать и скрылись в горах. Но их выловили собственные же соседи. Бегающий по лесу, никому не нужный генерал — зрелище дикое, нелепое и даже смешное.

Тут над двором завис катер патрульного крейсера.

Из него на небольших крыльях вылетела агент Кора Орват.

Она сразу бросилась обниматься с Алисой. Потом увидела торт, который повариха все еще держала на вытянутых руках, и приказала:

— А ну, отдайте его детям! Они же голодные!

— Как можно? — удивилась повариха. — Это же не просто торт, а наградной торт!

— А это не просто дети, а военнопленные дети! — ответила Кора Орват. — Им нужно усиленное питание!

Глава 25. Невесты

Кора первым делом спросила Алису:

— Ты Бууку не видела?

— Пока нет, — ответила Алиса. — Не знаю, где ее искать.

— Ты не знаешь, где ее спрятали? Может быть, она в тюрьме, в подвале?

— Она заколдована, — предположила Алиса. — С помощью науки.

— Ну, говори, говори! — оживилась Кора.

— Пока не проверим, ничего не скажу, — уперлась Алиса.

— Если не скажешь, я тебе не друг! — рассердилась Кора.

Алиса на угрозу не поддалась.

— Разговор идет не о нас с тобой, — ответила она, — и не о нашей дружбе. Помнишь, мы говорили о любви?

— Тебе еще рано об этом думать!

— Думаю, здесь замешана любовь, — загадочно произнесла Алиса.

Коре оставалось только развести руками. Ничего больше она от Алисы так и не добила.

— Ты не знаешь, где Гай-до? — спросила Алиса. — Мы его оставили на Пересадке, и он не знает, что с нами случилось. Он, наверное, страшно переживает.

Кора рассмеялась:

— А ты думаешь, как я сюда прилетела? И вообще, как мы тебя нашли? Гай-до носился вокруг Пересадки и подавал сигналы бедствия. Никто не мог его укротить, как коня, который потерял своего хозяина. Он только со мной согласился лететь.

— Тогда бери Пашку, — скомандовала Алиса, — и бегите на Гай-до. А у меня тут осталось одно маленькое дело.

Алиса поспешила на кухню к поварихе.

— Мне нужна баночка яблочного компота, — сказала она поварихе.

Толстуха сразу сообразила.

— Того самого, гесперийского? — спросила она.

— Того самого.

Повариха была тихая, послушная. Генералов она уже не одобряла и всех детей просила, чтобы они подтвердили, как она с самого начала была против войны.

Освобожденные дети собрались на кухне. Тут были и павлонийцы, худенькие, маленькие и страшно голодные, были зеленые трехглазые дети с Веселинии, были ушаны и даже синекожие бородатые малыши с Трехглава.

Повариха прикрикнула на детей, чтобы не шумели и подождали, а сама вынесла Алисе баночку с желтым компотом.

— Столовая ложка перед едой, — сказала она.

Поблагодарив повариху, попрощавшись с Гарриком и Стуччи, которые сидели на солнышке и ждали, когда за ними прилетят родители, Алиса помчалась на поле, где ждал Гай-до. Он так переживал, что даже немного похудел. Хотя так, наверное, с кораблями не бывает.

Но разве Гай-до — обыкновенный корабль?

— Алиса, — загудел Гай-до издали. — Я уж и не чаял увидеть тебя живой!

— Ну что со мной может случиться!

— Бедненькая, ты и не знаешь, сколько детей погибло на этой злодейской планете! Забравшись в Гай-до, Алиса увидела Пашку, любовавшегося своим отражением. При виде друга Алиса ахнула, но Пашка поднял вверх палец и сказал:

— Спокойно, подруга! Жизнь продолжается.

Кора уже сидела перед пультом управления.

— Куда держим путь, Алиса? — спросила она.

— Космический ловец превращал детей в камни, — сказала Алиса. — Но взрослые ему были не нужны, а уж тем более воспитатели и преподаватели. Вот он и придумал...

— Что придумал? — не понял Пашка.

— Курс на планету Суперболото! — скомандовала Алиса.

— Есть, Суперболото! — откликнулся Гай-до.

Лететь было недалеко, и по дороге Алиса рассказала Пашке грустную историю Арсения Патрикеева и его любви к царевнам-лягушкам. Правда, нечуткий Пашка постоянно перебивал и посмеивался. Ему такая любовь казалась смешной.

На Суперболоте был вечер, по лужам моросил мелкий дождик. Четыре лягушки в коронах, что жили вместе с Арсением, выбрались из палатки и сидели в ряд на берегу — они любили дождь.

— Как живете, Арсений? — спросила Алиса.

Арсений напоминал собственную тень.

Он не ответил, только махнул рукой.

Лягушки смотрели на него, не отрываясь.

— Вы думаете, они меня любят? — грустно спросил Арсений. — Ничего подобного — им тараканов захотелось.

— Надеюсь, что смогу тебе помочь, — утешила геолога Алиса.

— Даже мама мне не может помочь, — безнадежно махнул рукой Арсений.

— Но я не могу ручаться, — сказала Алиса, — что все четыре лягушки окажутся вашими царевнами.

— Не понял, — удивился Арсений. — У них же короны!

— Сейчас все узнаем! — сказала Алиса.

Она достала баночку с компотом из гесперийских яблок и попросила Арсения принести столовую ложку.

Лягушки, увидев, что Алиса открывает баночку с компотом, дружно поскакали к ней и окружили ее плотным кольцом.

— Понимают! — крикнула Алиса.

— Что понимают?

— Они этот компот уже пробовали. Мы с Пашкой — тоже. Это превращатель. Раз выпьешь — превратишься в камень или лягушку. Еще раз выпьешь, вернешься в прежнее состояние.

— Но при чем тут лягушки? — воскликнул Арсений.

— А при том! Представьте себя на месте космического ловца. Вот он напал на очередной детский садик, превратил ребяташек в камни. А что ему делать с воспитательницей, которая конечно же его запомнила? Вот он обманом или силой превращает ее в лягушку и сбрасывает на Суперболото. А чтобы они отличались от обычной, даже самой крупной лягушки, он надевал на них короны. Правильно я говорю, лягушки?

Все четыре лягушки дружно квакнули.

Алиса налила снадобье в столовую ложку и протянула первой лягушке. Та чуть не проглотила компот вместе с ложкой.

Все смотрели на нее и считали. А вдруг Алиса ошиблась?

Внезапно лягушка превратилась в зеленую женщину с тремя глазами.

— Спасибо, — сказала женщина. — Я действительно воспитательница детского садика на Веселинии. Где мои воспитанники?

— Ой, — ахнул Арсений. — Это не моя невеста!

— Разумеется, — сказала бывшая лягушка.

— Моя мама не переживет!

— Арсений, — сказала трехглазая воспитательница детского садика, — еще не вечер!

Тогда Алиса протянула ложку с компотом второй лягушке.

— Ох! — сказал Арсений. — Она тоже не красавица!

С точки зрения Арсения, ушанка с Паталипутры не относилась к числу красавиц.

— А у себя на планете, — обиделась ушанка, — я слыву красоткой. Вот так!

— Вас тоже космический ловец превратил? — спросила Кора.

— Он самый!

Алиса уже протягивала ложку третьей лягушке.

— Ура! — закричала Кора и кинулась к бывшей лягушке, а ныне своей подруге Бууке из племени баамбуков.

Они обнялись и закружились, они танцевали и смеялись.

Арсений готов был заплакать.

— Что скажет мама?! — повторял он. — Сколько истрачено тараканов!

— Погодите, Арсений, — сказала Алиса и протянула ложку компота самой скромной и некрупной лягушке.

Арсений даже глядеть не стал.

— Сейчас из нее получится осьминог, и ждет она не человека, а доброго осьминожьего молодца! — пробурчал он.

— Простите, — послышался нежный голос, — что я доставила вам столько хлопот, Арсений Борисович. Я сейчас уйду.

Арсений обернулся на нежный голос и увидел сказочной красоты и удивительной скромности девушку с золотыми волосами.

— Не может быть! — воскликнул он. — Неужели мне наконец повезло?

— Я давно ждала тебя, мой суженый, — мелодично произнесла царевна. — Со мной все в порядке. Я работаю на Земле в подготовительном классе школы номер шестьсот двадцать города Петербург. За красоту и хороший характер меня с детства прозвали царевной.

— Я влюблен в вас, царевна, — прошептал Арсений, не сводя глаз с девушки.

— Но мы должны отыскать мой класс...

— Я лечу с вами, — решительно сказал Арсений. — Не могу же я потерять вас снова?! Ни на минутку. Моя мама этого не переживет.

— Пора возвращаться, — сказал Гай-до. — Дети ждут.

— Да, надо возвращаться, — согласилась Кора. — Нашим царевнам нужно отыскать своих несчастных воспитанников. Но что делать с Пашкой?

— А что со мной делать? — удивился Пашка.

— Тебя нельзя показывать детям! У тебя не лицо, а сплошной синяк!

— Ну и что такого?! — возмутился Гераскин. — Это боевые шрамы! Вон на Остапа посмотрите, ему куда больше досталось! Он на меня уже пожаловался в Организацию Галактических Наций.

— Другого я от него и не ждала, — сказала Алиса.

— А нам этот мальчик нравится, — хором сказали царевны-лягушки.

Тут все погрузились на Гай-до и полетели обратно на планету генералов, чтобы отыскать похищенных детей.

Глава последняя. Без номера и названия

Прилетев домой, Алиса первым делом разыскала черный камень, который нашли в утробе большого звездного дракончика и с которого началась наша история.

Потом она налила в блюдце компота из гесперийских яблок — у нее еще чуть-чуть осталось после лягушек.

В компот Алиса положила черный камень.

Раздался звон и грохот, блюдце расколосось, компот брызгами разлетелся во все стороны, а на столе появилась толстая дама, похожая на снеговика. Состояла она из трех шаров, ножки ее напоминали ножки рояля, а между угольными глазками торчал красный нос, удивительно похожий на морковку.

— Не надо объяснений! — хрипло воскликнула дама. — Я все знаю, Алиса! Я так надеялась на тебя! Ведь если бы не ты, оставаться бы мне камнем навсегда!

— Я тоже рада вам помочь, — сказала Алиса. — А кто вы такая?

— Мы чуть было не встретились, — вздохнула дама. — Я работала в справочном бюро для Солнечной системы на астероиде Пересадка. Однажды ко мне подошел человек с длинными усами и мешком в руке и спросил, как пройти к посольству никакой страны. Этот человек мне понравился, мы разговорились, даже пообедали вместе. Он стал хвастаться, какой он великий, и показал, что в мешке у него черные камни. Он рассказал мне, что это не просто камни, а заколдованные дети. Ах, как я возмутилась! Я пригрозила ему, что пожалуюсь в Галактическую полицию. Но меня подвел аппетит...

— Как так подвел аппетит? — удивился робот Поля, который слушал эту душераздирающую историю, стоя в дверях.

— Он сказал мне: «Сначала компот допей, Маруся!» И подвинул ко мне чашку яблочного компота. Я решила, что не стоит отказываться. Вот и выпила на свою голову! Через пять минут я уже была черным камнем, а на следующий день космический ловец сказал, что ему некуда меня девать, и выкинул в открытый космос. А там меня вскоре проглотил большой звездный дракончик... Вот и вся моя история. Остальное вам известно!

— Это же убийство! — ужаснулся робот Поля. — Его будут судить!

— Угостите меня чаем! — взмолилась бедная женщина. — Мне пора возвращаться на Пересадку. Обеденный перерыв давно кончился, а справочное бюро все еще закрыто.

— Какой может быть чай! — воскликнула симферопольская бабушка, которая как раз вошла в комнату. — Через пять минут обед. Прошу всех за стол. Сегодня у нас пирог с белыми грибами.

— А пирог большой? — спросила Алиса.

Алиса и чудовище

Глава 1. Герасик в опасности!

Алиса закончила делать уроки и только собралась идти гулять, как в окно постучали. На карнизе сидела взъерошенная белая ворона.

Алиса открыла окно.

Ворона спросила:

— Ты кто такая?

— Алиса.

— Фамилия?

— Селезнева. А зачем тебе это знать?

— Потому что положение очень серьезное. Даже опасное. Тебя могли подменить. Нужна осторожность. Вот скажи, например, как меня зовут?

— Тебя зовут Дурындой, — сказала Алиса.

— Приблизительно угадала. Тогда скажи мне, где я живу?

— Ты живешь в эпохе легенд между третьим и четвертым ледниковыми периодами.

— Смотри-ка! — удивилась ворона. — Если тебя и подменили, то сделали это очень ловко.

— Уважаемая ворона, — сказал домашний робот Поля, который вошел на голоса в комнату и слушал весь разговор. — Не говорите глупостей. Это самая настоящая Алиса Селезнева. Я ее еще в младенчестве качал на колене.

— Вот еще не хватало! — закричала Дурында. — Чтобы маленьких детей качать на железных коленках! Вы хотите, чтобы у них на попках были синяки?

— Очень даже глупо! — сказал Поля. — Я не железный, а пластиковый, и у меня вполне мягкие коленки. Если хотите, можете попробовать.

— Он сошел с ума! Я вообще никогда не сажусь мужчинам на колени, потому что у меня такие нежные перышки.

— Дурында, — сказала Алиса. — Ты зачем ко мне прилетела?

— Понимаешь, — ответила Дурында и посмотрела в небо, — у нас в эпохе легенд надвигаются ледники. Погода портится с каждым годом. А у меня нет теплого зонтика.

— Чего-чего? — удивился Поля.

— Помолчи, железная кукла! — крикнула Дурында. — Повторяю по буквам. Мне грозит бронхит!

— Чем же я могу тебе помочь? — спросила Алиса.

— А чем хорошие люди помогают хорошим воронам? — спросила Дурында. А так как Алиса промолчала, то Дурында сама ответила на свой вопрос: — Хорошие девочки дают воронам монетку. Желательно золотую. Но можно серебряную. У нас в эпохе легенд другие монетки не ходят.

Алиса пожалела Дурынду. В самом деле, климат в эпохе легенд ухудшается. Ворона мерзнет. Правда, Алиса не представляла себе, как можно сделать теплый зонтик. Но спрашивать не стала — ворона начнет кричать, ругаться, а объяснить толком не сможет, такая уж она бестолковая птица.

— Поля, — сказала Алиса, — как ты думаешь...

Она не смогла закончить вопрос, потому что Поля сразу обо всем догадался.

— Я все понимаю, — сказал домашний робот, который желал, чтобы его называли домроботником, — всю жизнь я посвятил собиранию скромной маленькой коллекции

монеток, второй такой нет ни у одного домработника. Впрочем, второй такой нет и ни у одного коллекционера. Моя коллекция состоит только из очень ценных и редких монеток. Это единственная радость в моей трудной жизни. И вот приходит человек, которого я люблю и уважаю, которого я качал в детстве вот на этих коленках, и говорит: железная кукла, расстанься со своей коллекцией. И вы знаете, что я сейчас сделаю? Я сейчас пойду, принесу вам мою коллекцию, кину ее вам в лицо, а потом брошусь с двадцатого этажа, чтобы покончить с моей неудавшейся жизнью.

— Ой! — испугалась птица Дурында. — Такого греха на душу я не возьму. Нет, лучше воспаление легких! Лучше смерть от ангины, чем мучения этой несчастной железяки.

Алиса слушала этих двух обманщиков и еле сдерживала смех.

Она отлично понимала, что Поля — великий мастер выпрашивать, выщыгивать подарки у всех окружающих. Половину его коллекции собрали Алисины одноклассники, остальное — папины и мамины знакомые. Ну и, конечно, Поля немало монет собрал на улицах. Попробуй пошли Полю по делу. Он вернется на три часа позже, чем его ждали, потому что заодно обойдет все соседние улицы, глядя под ноги — а вдруг кто-то обронил монетку? Несколько раз Поля даже ездил в туристические круизы, чтобы посетить как можно больше стран и там добыть себе монеток для коллекции. Однажды он был в Риме. В том великом и древнем городе есть очень красивый фонтан. И все, кто приезжает в Рим, кидают в фонтан монетки, потому что живет такое поверье: кинул монетку, вернешься в Рим снова. А всем, как вы понимаете, хочется приехать в Рим снова. Как только Поля увидел, сколько монеток лежит на дне фонтана, он прыгнул в воду и принялся собирать деньги. А эти денежки трогать нельзя — они лежат весь день, а ночью приходит специальный монетосборщик, который все из фонтана вынимает и относит в банк. А потом на эти деньги фонтан чистят и ремонтируют.

Вы можете себе представить, что тут началось! Туристы кричат: «Грабеж! Мы не для того кидаем монеты в фонтан, чтобы какой-то робот на этом обогащался!»

Прибежала полиция, Полю схватили и посадили в тюрьму.

Пришлось Алисиному папе профессору Селезневу срочно лететь в Рим и выручать коллекционера.

— Поля, — сказала Алиса. — Пожалуйста, прекрати изображать из себя несчастного бедняка! Вынь из мешка в кладовке менную монетку и отдай Дурынде.

— Я разорен! — заныл Поля, но послушался и поплелся за монетой.

— Я тебе тоже кое-что дам, — сказала Дурында, — только сначала проверю, хорошая ли монета!

— Что случилось? — спросила Алиса. — Я чувствую, что-то случилось.

— Ах, ничего особенного, — ответила Дурында. — Подождем, посмотрим на монетку, а потом перейдем к нашим делам.

Тут вернулся Поля и протянул Дурынде монетку.

Довольно маленькую и сильно потертую.

Дурында поглядела на нее, склонив взъерошенную голову, потом взяла в когти и попробовала надкусить клювом.

— Так я и думала, — сказала она. — Это, конечно, не золото и уж тем более не серебро. Это самая настоящая медяшка! Позор и стыд тебе, Алиса! Ты, оказывается, еще и жадная.

Алиса повернулась к Поле и так посмотрела на домработника, что тот только кивнул и кинулся прочь из комнаты. Возвратился он ровно через секунду и приволок целый мешок

монет.

Он бросил его Алисе под ноги и заявил:

— Вот все, что у меня есть! Я умываю руки!

Так как Алиса знала, что у Поля есть еще шесть таких мешков, она пропустила слова робота мимо ушей, достала из мешка пригоршню монет и нашла среди них одну золотую. И отдала ее Дурынде.

Поля ушел из комнаты, рыдая.

— Где валидол? — причитал он. — Где сердечные капли?

— Какие еще сердечные капли! — закричала ему вслед ворона. — Ты что, ими суставы смазывать хочешь?

Она спрятала монету за щеку, а из-за другой щеки вытащила свернутую в трубочку бересту.

— Тут тебе письмо, — сказала она.

Алиса знала, что в эпоху легенд бумаги еще не было и на Руси писали на бересте, на березовой коре, заостренными палочками.

На бересте кривыми буквами было написано:

«АЛИСА СПАСИ ТЫ САМА ВИНОВАТА».

— Что это значит? — удивилась Алиса.

— Это Герасик написал.

— Герасик? Мальчик из эпохи легенд?

— Он самый, несчастный крошка.

— Так чего же ты время тянешь! — рассердилась Алиса. — Монетки выпрашиваешь, а у человека беда.

— Она такая! — закричал из коридора Поля.

— Не знаю я какая, — сказала ворона. — Но если я, несчастная птичка, о себе не позабочусь, то кто обо мне позаботится? Ведь мне пенсии не положено, помру на старости от голода. А кто будет виноват? Кто?

— Кто?

— Алиса и другие люди, которые не позаботились.

— Дурында, пожалуйста, не отвлекайся. С Герасиком случилось что-то ужасное. Иначе бы он не стал просить помощи. Он же ужасно гордый.

— Сидит Герасик в подвале и ждет казни, — сказала Дурында. — И никто ему не поможет, так что спеши, не спеши — дело сделано!

— Так что случилось?

— А случилось то, что твой любимый Герасик — вор и грабитель.

— Этого не может быть. Герасик — честный первобытный человек. И мой друг. А мои друзья не воруют и не грабят.

— И я тоже?

— Ты мне не друг, Дурында. Ты довольно подлая, лживая и даже вороватая птица.

— Вот именно! — сказал Поля из коридора.

— Говори, Дурында, — попросила Алиса.

— Твой Герасик забрался в королевский дворец Другого сказочного королевства и ограбил его, но попался.

Алиса только руками развела. Она знала, что Герасик живет в эпохе легенд, когда людей еще почти не было, а на земле обитали сказочные существа, которые потом, когда

стало совсем холодно от ледника, большей частью вымерли или спрятались, как гномы, под землю. Герасик и его старый отец жили в избушке на краю леса, и хорошо еще, что не все волшебники, оборотни или лешие были злобными людоедами. Встречались среди них и порядочные люди. Герасик дружил с Красной Шапочкой и Снегурочкой, был у него знакомый богатырь, и поэтому хоть они с отцом бедствовали, но кое-как существовали, построили избушку и надеялись пережить тяжелые времена. А знаете почему? Потому что люди умеют работать, а волшебные существа ничего делать не умеют. Бездельники они.

Герасик не только пахал землю и плотничал, он еще был изобретателем и очень хотел научиться читать и писать, изобрести колесо и самолет и стать образованным человеком. Алиса ему сочувствовала, но думала, что, наверное, в эпоху легенд рано еще изобретать самолет, благо у волшебников водились когда-то ковры-самолеты.

Герасик Алису уважал и слушался, но он был человеком с характером и, как та самая кошка, гулял сам по себе.

— Что он украл? — спросила Алиса у Дурынды.

— Жутко подумать! Он совершил сразу два страшных преступления.

— Какое первое?

— Он забрался в королевский дворец, залез в комнату бывшего принца и утащил оттуда учебник грамматики.

— А второе преступление?

— Оно еще ужаснее! Ведь в наши времена только волшебникам и знатым персонам разрешается читать и писать. Все остальные обязаны быть неграмотными. Если ты крестьянин или моряк и решил учиться читать, тебе в два счета голову оторвут. И это правильно.

— Почему же?

— А не нужно это простым людям. Я вот не читаю, не пишу и отлично прожила первые триста лет.

Алиса поняла, что Дурында говорит правду. Для нас с вами это звучит удивительно и даже дико. А тогда, в эпоху легенд, люди подчинялись вот таким странным правилам. Что-то Алису смутило в словах вороны... Ага!

— Скажи, Дурында, почему ты сказала «бывший принц»? Он стал королем? Или погиб? Или уехал?

— Его нет на месте.

— А на каком же он месте?

— Молчи! — крикнула Дурында. — Это же государственная тайна!

— Прости, я не знала. А где сейчас Герасик?

— Ждет казни, где же еще! А может, его и казнили.

— Не может быть!

— А у нас нравы дикие, — сказала Дурында и принялась чесать коготком свой бок, приподняв грязное крыло. — У нас что не так — сразу расправляемся.

— Надо срочно его спасти! — сказала Алиса.

— Правильно. А как ты его будешь спасать, если он закован в железа, запрятан в подвалы каменные, за двери стальные огнеупорные? И стерегут его стражи беспощадные.

— Опять преувеличиваешь, Дурында?

— Наше дело — сообщить.

— Тогда лети обратно, — сказала Алиса. — И скажи Герасику, что я скоро буду.

— Нет, — ответила ворона. — Сразу я не полечу, и не уговаривай. Мне кое-какие покупки надо сделать в двадцать первом веке, да и машина времени не всегда работает. Вернее всего, полетим мы с тобой в отдаленное прошлое вместе. Советую тебе захватить с собой пушку атомную, автомат лазерный и несколько гранат водородных. Без них тебе не справиться со злом, поселившимся в Другом королевстве.

Алиса только отмахнулась от трепушки. Она уже бывала в эпохе легенд и знала, что если не бояться, то ничего страшного не произойдет.

— У тебя пластиковой сумочки не найдется? — спросила Дурында. — Для покупок.

— Не давай, — предупредил из коридора Поля. — Она обратно не вернет.

— А зачем нам с тобой пластиковые сумочки? — удивилась Алиса. — Ты же все равно их выкидываешь.

— Лучше выкидывать, чем отдавать невесть кому! — ответил Поля.

Тут уж Алиса рассердилась:

— Как вам не стыдно! Решается судьба человека, а вы по пустякам цапаетесь! А ну, немедленно неси пластиковую сумку!

— С ручками! — крикнула Дурында, — чтобы мне на шею повесить.

Поля пошел в кухню, ворона тут же полетела следом за ним, и Алисе, которая стала видеофонить в Институт времени, было слышно, как они ссорятся.

— Разве это пакет! — каркала Дурында. — Он же у меня развалится.

— Что же ты такое в него класть будешь? — ехидно спрашивал робот.

— Книжки, конечно же, книжки! — отвечала ворона. — Люблю перед сном Достоевского почитать. Он целый роман написал про то, как один смелый ворон одного глупого робота топором зарубил.

— Во-первых, не ворон, — отвечал робот, — во-вторых, не робота, а старушку. Ха-ха-ха!

Глава 2. Снова в эпохе легенд

Алиса не застала в Институте времени своего друга, научного сотрудника Ричарда Темпеста, поэтому решила поехать туда, не дожидаясь, пока он вернется. Ведь дело срочное.

Институт времени стоит на окраине Москвы. Это совсем обыкновенное невысокое здание, и, если не знаешь, никогда не догадаешься, что оно уходит под землю на шесть этажей. Там находятся аппаратура, приборы, а также склады и мастерские. Ведь если ты собрался в Средние века или в Римскую империю, то тебе надо обязательно правильно одеться и постричься, а то сразу догадаются, что ты не настоящий рыцарь. А еще в подвалах находятся лаборатории — ведь из прошлого ученые привозят различные вещи, растения и даже животных. Но прежде чем их увидят, надо проверить, не опасны ли они для людей и что из них может получиться. А еще в институте есть библиотека древних и старинных книг, рукописей и даже глиняных табличек из Вавилона и, конечно же, учебные классы — если ты решил отправиться в прошлое, то ты должен выучить язык, манеры, обычаи и даже знать анекдоты, которые рассказывали, например, тысячу лет назад. Правда, как выяснили в Институте времени, за последние десять тысяч лет анекдоты совсем не изменились, только имена их героев стали другими. Если сначала анекдот рассказывали про Юлия Цезаря или вождя племени троглодитов, то потом его героем стал Наполеон, а потом комдив Чапаев.

Алисе уже не раз приходилось бывать в институте. Иначе как попадешь в эпоху легенд, которая кончилась тридцать тысяч лет назад?

Кроме Ричарда Темпеста, с которым Алиса дружила, она знала в институте вахтера Сильвера Джоновича, бывшего пирата, который пьет ямайский ром и ковыляет на деревянной ноге. Был у нее еще один приятель — робот Вертер. Однажды он даже погиб, когда спасал Алису от космических пиратов, но его, к счастью, оживили, то есть починили. В этом отношении роботам лучше, чем людям. Их всегда можно починить. И конечно, она видела директора института. Но он был строгим и рассеянным и мало кого узнавал сразу. Говорили, что он работает по совместительству в двух или трех других временах. Помогает Колумбу пересечь океан, скачет на коне рядом с Александром Македонским и вместе с Менделеевым изобретает таблицу химических элементов. Но бывший пират Сильвер говорит:

— Чепуха все это и выдумки. Я же его видел в моей предыдущей жизни! Он командовал каравеллой «Предопределение» в битве с Великой Армадой! Страшной боевитости капитан! Его все пираты опасались. Мне с ним как-то пришлось сойтись на абордаж. У меня на «Спесивце» мачта упала — ногу долой! А ему от моей сабли досталось по макушке! Ему вставили серебряную пластинку. Кто не верит — проверьте. Подойдите и скажите: «Профессор, можно пощупать ваш затылочек?»

Тут пират начинал хохотать так, что его попугай, дремавший на люстре, взлетал, спросонья ударялся о потолок и кричал:

— Замуровали! Свистать всех наверхrrrrh!

В тот день, когда Алиса прибежала в Институт времени, чтобы отправиться на выручку Герасику, вахтер Сильвер спал на раскладушке, которая стояла за креслом. А на его столе сидел попугай.

— Вы к кому, девушка? — спросил он Алису.

— Ты что, забыл меня? — удивилась Алиса.

— Я ничего не забываю, — ответил попугай, — но раньше я с тобой разговаривал как

частное лицо, а сегодня исполняю временные обязанности.

— Какие могут быть обязанности у старого какаду? — спросила Алиса.

— Я — вахтер, — сказал попугай. — И поэтому в институт ни одна муха не пролетит без моего разрешения.

И тут как назло какая-то муха постаралась пролететь мимо попугая.

— Куда! — закричал попугай. — Без пррропуска! Не смей!

Он взвился над столом и понесся за мухой.

Шум поднялся такой, что вахтер Сильвер начал во сне размахивать кулачищами и кричать:

— На абордаж! Две бригадины с правого борта! — Потом глубоко вздохнул и тихонько добавил: — Надоело говорить и спорить... ох, и любить усталые глаза!

Сильвер снова захрапел, а Алиса прошла мимо него и открыла дверь в служебный коридор.

На ней висела табличка:

Посторонним вход строгойше запрещен. Пожалуйста, не суйте нос, куда не просят!

Но Алиса не считала себя посторонней. Она знала, куда идти и что делать.

Она добежала до зала, где стоит машина времени, которую в институте попросту зовут кабинкой. По дороге она, конечно же, встречала научных сотрудников, младших научных сотрудников, лаборантов и техников-смотрителей времени. С некоторыми здоровалась, и с ней тоже здоровались. Никому и в голову не пришло, что девочка лет десяти может бегать по такому важному и недоступному заведению без разрешения старших.

Алиса надеялась, что ей удастся проскочить в зал незамеченной и стогнать в эпоху легенд без спросу.

Но не тут-то было. Как назло именно в зале возле машины ходил с пылесосом робот Вертер, красавец мужчина, и напевал старинную песню с таким припевом:

*Я обернулся посмотреть,
Не обернулась ли она,
Чтоб посмотреть,
Не обернулся ли я.*

Робот Вертер говорит довольно медленно, можно сказать, по складам. Поэтому песня получилась не совсем песней, а загадочной картинкой. Алиса стояла в дверях и думала, что ей делать.

Но робот, оказывается, с самого начала ее увидел. Он только не желал показывать, что видит ее, до тех пор, пока не допел припев.

— Ты пред-став-ля-ешь, — сказал он вместо того, чтобы поздороваться. — Ка-кая ло-ги-чес-кая за-гад-ка! За-чем кру-тить го-ло-вой, луч-ше ска-жи: здравствуй!

— Привет, Вертер, — сказала Алиса. — Почему ты убираешься? Ведь тут так чисто!

— По-ря-док, — ответил робот.

— Можно я к кабинке подойду? — спросила Алиса.

— Нет, — ответил робот. — Ты с ули-цы, а ка-бин-ка уже чис-тая.

— Тогда пропылесось меня, — сказала Алиса.

— Хо-ро-шая мысль, ха-ха-ха, — сказал Вертер. — Чис-тая де-воч-ка в чис-той ма-ши-

не.

Он направил трубку пылесоса на Алису, и ее чуть не втянуло внутрь. Пылесос хоть и помещался в кулаке у робота, но был мощный.

А когда Вертер поднял трубку, то пылесос схватил Алису за волосы и потащил к себе.

— Все! — закричала Алиса. — Я чистая!

Вертер выключил пылесос.

— Я по-шу-тил, — сказал он. — Я знаю, что ты чис-тая. А ку-да ты хо-чешь ле-теть?

— Мне надо в эпоху легенд. Там грозит смерть одному мальчику.

— Хо-ро-шо. Я иду с то-бой.

— Нельзя, — сказала Алиса. — У тебя же уборка!

На самом деле Алиса, конечно же, не хотела брать с собой Вертера. Он был самым обыкновенным обслуживающим роботом, и, если потребуете быстро действовать и быстро думать, от него больше вреда, чем пользы.

— Ах, я за-был! — спохватился Вертер. — Ко-неч-но, я не мо-гу ид-ти в по-ход. Тог-да иди са-ма.

— Спасибо, — сказала Алиса. Все получалось как нельзя лучше. Она подошла к кабинке.

Кабинка была похожа на стеклянный стакан ростом повыше двух метров. Внутри стакана на столбике стоял наклонный пульт с кнопками. А все это сооружение было поднято на круглую платформу в полметра высотой.

Алиса отвела в сторону прозрачную дверь и ступила внутрь кабинки.

Робот снова начал пылесосить.

И тут дверь в зал распахнулась, и ввалился вахтер Сильвер. Он еще не совсем проснулся. Над его головой вился попугай.

— Явилась — не запылилась! — закричал старый пират. Он был плохо воспитан и говорил невежливо. — Кто тебя пустил во времени гулять? Сейчас же беги домой, к мамке с папкой! А не то выпорю!

«Ой, — подумала Алиса, — все пропало!»

Но тут ей на помощь пришел Вертер, который еще на фабрике при сборке был хорошо воспитан.

— Как вы сме-ете ос-корб-лять ре-бен-ка! — произнес он. — Де-воч-ка Али-са — мой друг. Я поз-во-лил ей ис-поль-зо-вать ка-бин-ку, по-то-му что она чис-тая. Иди, Али-са.

— С дороги! — закричал пират, замахиваясь на робота костылем. — Ты ничего не понимаешь! Без разрешения использовать машину нельзя! Покажи мне пропуск, а то убью!

— Ни-ко-го вы не у-бье-те! — ответил Вертер. — А я вы-зы-ваю вас на ду-эль. Вы-би-рай-те ору-жие!

— Оружие? Моя сабля осталась на корабле. Так что я с тобой буду сражаться костылем!

— А я — пы-ле-со-сом, — сказал Вертер. — Боль-ше-го вы не за-слу-жи-ва-ете.

И начался страшный бой!

Такого Алиса еще не видела.

Пират Сильвер, ковыляя на деревянной ноге, махал костылем как мечом, а робот Вертер включил пылесос на полную мощность, но наоборот. Пылесос не втягивал воздух, а выбрасывал его. И так сильно, что попугая, который попал под струю воздуха, отбросило к стене и он, оглушенный, упал на пол.

Алиса еле успела подхватить несчастную птицу.

— Убили! — прошипел попугай. — Птичку жалко...

Сильвер шатался под ударами воздушной струи, Вертер еле успевал уклоняться от ударов костылем, и в этот момент в зал вошел сотрудник Института времени Ричард Темпест, темноволосый, курчавый, худой и очень веселый молодой человек.

— Ну вот, — сказал он, — нельзя оставить хозяйство на десять минут! Что не поделили, уважаемые джентльмены?

Вертер и Сильвер опустили оружие.

— Я за-щи-щал честь пре-крас-ной да-мы, — сказал Вертер. — Али-сы Се-лез-не-вой.

— А я защищал машину времени от глупых детей, которые лезут куда ни попадя, — сказал Сильвер. И даже стукнул костылем об пол, чтобы его слова прозвучали убедительнее.

— А ты, Алиса, что здесь делаешь? — спросил Ричард.

— Я тебе звонила, — сказала Алиса. — Но тебя не было. А дело не терпит отлагательства.

— Не терпит? И что же случилось?

— Помнишь, я как-то летала на машине времени в эпоху легенд? С козликком Иван Ивановичем?

— Как сейчас помню.

— Там я познакомилась с мальчиком Герасиком, настоящим человеческим мальчиком. И теперь ему грозит смерть.

И тут в зале раздался новый голос. Это влетела ворона Дурында. Она летела медленно, потому что у нее на шее висела пластиковая сумка, набитая покупками и от этого, видно, очень тяжелая.

— Меня не забудьте! Задержите поезд!

Она опустилась на крышу кабинки, ноги ее разъехались в стороны, и она плюхнулась на живот — так устала.

— Это еще что за явление? — спросил Ричард.

— Я не явление, а гордая птица, родственница орла по материнской линии. Давай, Алиса, бери мою сумку — надоело таскать.

— И что же вы там тас-кае-те? — спросил Вертер. — На-вер-ное, цен-нос-ти.

— Подарки, — сказала ворона, — подарочки. Я всегда о ближних думаю, о соседях, о родственниках. Там для Бабы-Яги подарочки, для его благородия господина Водяного, ну как его без подарка оставишь? Конечно, для моего друга Лешего. Ну и еще кое-какие другие, так сказать, нужники.

— Что такое? — спросил Сильвер. — Какие такие нужники? Кто сказал такое дурное слово?

— А что такого? — испугалась Дурында. — Разве я не так сказала?

— У нас на пиратских кораблях нужники... это особые места! — сказал пират.

— Он имеет в виду уборные, — сказала Алиса. — Но ничего страшного в этом слове нет. Уборная — нужное место, вот и называются они нужниками.

— Вот именно! — согласилась ворона. — У вас уборная — нужное место, а у меня в эпохе легенд нужники — это нужные люди. В общем, одно и то же.

— Сомневаюсь, — сказал Сильвер.

— Хватит пустых разговоров, — сказал Ричард. — Почему Герасику грозит смерть?

— Пускай Дурында расскажет, — ответила Алиса.

— Чего говорить — надо действовать! — каркнула ворона. — Скоро-скоро покатится

его головка! Или еще хуже...

— А что хуже? — спросил Сильвер. — Ты не таись, глупая птица.

— У нас есть много способов, — сказала Дурында. — Некоторые волшебные, а некоторые вполне человеческие. Ты еще пожалеешь, что на свет родился!

— Дурында! — воскликнула Алиса. — Ричард ждет! Я жду! Герасик ждет!

— Ваш Герасик утащил учебник у бывшего принца, — сказала Дурында. — Читать, видите ли, вздумал. Вот его за воровство, за грабеж, за вызов общественности и хулиганство осудили. Еще говорят, он убил кого-то.

— Ну кого мог убить Герасик?! — воскликнула Алиса.

— Вроде бы комара прихлопнул. Любимого ручного комара его величества.

— Это со-вер-шен-ная че-пу-ха, — сказал Вертер. — Ко-ма-ры не при-ру-ча-ют-ся.

— И когда же назначена казнь? — спросил Ричард.

— Когда-когда, сегодня! Как вернусь, так его и казнят.

— На Ямайке бузина, а в Гонолулу дядя, — сказал пират Сильвер. — Ты-то при чем?

— А вот при том. Алиса, бери сумку, поехали.

— Погодите! — строго сказал Ричард. — Я не могу отпустить Алису одну! Я сам туда поеду.

— Видали одного умника! — сказала Дурында. — И что ты там будешь делать? Скажешь: здрасьте-страсти! Я сотрудник-многоотрудник, отмените приговор, отворите дом и двор, отпустите негодяя, я их дядя с этих пор!

Никогда Алиса раньше не слыхала, чтобы ворона говорила стихами.

— А что же делать? — спросил Ричард.

Он был очень разумным молодым ученым и сразу сообразил, что ворона права. Его и близко ко дворцу не подпустят. А если он пройдет туда без спросу, начнутся такие международные и междувременные неприятности, что лучше остаться дома, — и Герасику не поможешь, и репутацию погубишь.

Дурында подумала и ответила так:

*Коль заветная девица
К нам посмеет заявиться,
Если вежливо попросит,
Если крепко пригрозит, —
То, возможно, наш мучитель
По прозванью руки-крюки
Скажет: «Парня получите
На поруки».*

Все помолчали.

— Хоть и неприятная птичка, — сказал наконец пират Сильвер, — но уважаю. Сам стихов не пишу, но с Шекспиром плавать приходилось.

— Шек-спир не поэт, — сказал Вертер. — Шек-спир пи-сал тра-ге-дии.

— Откуда тебе знать! — вздохнул Сильвер. — Откуда тебе знать, что, когда Шекспиру надоело писать эти самые трагедии, он нанялся на галеон «Елизавета Великая», потерпел крушение, прожил три года на необитаемом острове и написал книжку «Робинзон Крузо».

Кстати, я тоже знал одного Робинзона. И жену его, мадам Робинзон, знал. На Сейшельских островах.

После этой речи наступило молчание. Бывают случаи, когда не знаешь, верить человеку или подождать? Ты видишь, что Луна круглая, а тебе говорят: нет, Луна квадратная, она как кубик. И ты думаешь: ну нельзя же так нахально врать! Может, и в самом деле в Луне есть что-то кубическое?

— Я пошла, — сказала Алиса. — А вы не расходитесь, я скоро вернусь.

— Нет уж, — сказал Сильвер. — Я тут как-то одного агента три дня ждал. Он неточно набрал шифр и угодил в пятницу вместо вторника.

— Со мной этого не случится, — сказала Алиса.

— Почему? — спросил Ричард.

— Она считать умеет до трех! — захохотала ворона.

— Я аккуратно набираю шифр возвращения, — ответила Алиса. — Я знаю, что если правильно набрать, то вернешься в то же время, из которого улетел. Даже если провел в прошлом полгода.

— Только не надо про-во-дить пол-года, — сказал робот Вертер. — Те-бя ос-та-вят на вто-рой год.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Я сейчас вернусь.

И она снова поднялась на платформу, отодвинула в сторону округлую прозрачную дверь кабинки и только протянула руки к пульту, чтоб проверить, помнит ли, как устанавливать точное время, как с шумом и визгом в кабинку ворвалась Дурында и уселась на пульт прямо перед носом Алисы.

— Ты что, без меня решила ускакать? Да без меня ты ничего не найдешь, ты даже дороги в Другое королевство не знаешь!

— Дурында, я проверяю приборы.

— Ты лучше поддержи сумку, я надорвалась! Приборы всегда успеешь проверить.

— Алиса, не обращай на нее внимания, — вдруг заговорил какаду, попугай пирата Сильвера. — Это сумасшедшая ворона, ее весь птичий мир презирает. Давай я вместо нее с тобой полечу. Я, конечно, тоже сумасшедший, но все же попугай!

Краем глаза Алиса увидела, что Ричард делает шаг к кабинке. Она понимала его — в зале творилось форменное безобразие. Одна небольшая девочка собиралась мчаться в сказочное прошлое, чтобы выручать какого-то мальчишку, а он, сотрудник Института времени, при этом присутствует и не принимает совершенно никаких мер.

— Молчать! — прикрикнула Алиса на ворону.

Все решалось в доли секунды.

Одной рукой она закрыла дверцу кабинки, другой набрала код эпохи легенд, благо у Алисы такая хорошая память, что она запомнила этот код с прошлого года, когда была в эпохе легенд и познакомилась с Герасиком.

Наверное, ей все же не удалось бы улететь в Другое королевство, навстречу опасным приключениям, если бы не помощь пирата Сильвера. Она успела увидеть, как старый пират сделал неосторожный шаг в сторону и выставил вперед деревянную ногу. Ричард споткнулся о нее и рыбкой полетел вперед.

А пока он будет подниматься да потирать ушибленные коленки, Алиса успеет перелететь в прошлое.

Что она и сделала.

Громко кричала ворона Дурында, которая ненавидит кабинки времени: голова кружится, кажется, что падаешь в глубокую пропасть, и надо крепче держаться за поручни пульта...

Но прошло мгновение.

И тридцать тысяч лет.

И Алиса очутилась в дупле гигантского дуба на опушке волшебной дубравы в эпохе легенд.

Глава 3. Другое королевство

Алиса вышла из кабинки и закрыла сделанную из коры дверцу. Теперь незнающий человек никогда не догадается, как попасть в машину времени.

— А как же ты оказалась у меня? — вдруг сообразила Алиса. — Кто тебя в наше время принес?

— Ах, пустяки, — ответила Дурында. — Снегурочка, которая живет в Москве, в Заповеднике сказок, ездила навестить свою больную маму.

— А у Снегурочки есть мама? — удивилась Алиса.

— Ну, ты, оказывается, мыслитель! — воскликнула Дурында. — Ну, я тебя уважаю!

Чтобы не показывать своего смущения, Алиса сразу спросила:

— Как идти в это королевство?

— Обещали транспорт прислать, — ответила Дурында. — Как всегда, беспорядок, как всегда, сплошные опоздания... Ага, вот они и едут!

Через поле по узкой проселочной дороге ехала большая черная карета. На ее дверцах были нарисованы золотые трехглавые орлы, на запятках стояли лакеи в черных кожаных куртках и кожаных штанах, кучер был одет в черную ливрею.

Из кареты, которая остановилась рядом с Алисой, вылез невысокого роста худой человек. Вроде бы он казался обыкновенным, только на лбу у него был нарисован третий глаз, а к камзолу пришит третий рукав, из которого торчала матерчатая кисть руки.

— Садитесь, Алиса, — сказал человек. — Мы вас ждали. Как только нам сообщили, что вы лично решили посетить наше королевство с дружеским визитом, мы буквально встали на уши, чтобы встретить вас достойно.

— Откуда же вы узнали? — удивилась Алиса. — Еще два часа назад я и не думала к вам ехать.

— У нас есть способы узнать будущее, — сказал трехрукий. — У нас на все есть свои способы. Прощу в карету, ваша светлость.

— Я не принцесса!

— Но ведь вы были заграничной принцессой! — воскликнул вельможа.

— Была, была, об этом в книжке написали! — закричала Дурында. — А можно, я на крыше с вами поеду? У меня такой тяжелый багаж.

— Долетишь! — грубо ответил ей вельможа с тремя руками. — Своя ноша не тянет.

— Еще как тянет!

Трехрукий погрозил Дурынде кулаком, и она, громко стелая и каркая, потащила по воздуху свою сумку с подарками.

Когда Алиса и вельможа уселись на темно-фиолетовые бархатные сиденья в карете, трехрукий сказал:

— Надоела нам эта Дурында — мочи нет. Но она первая сплетница на земле, как без нее обойдешься! Стоит ей дать задание, она на весь гонорар покупает всяческих сладостей, а потом меняет их на сплетни. У нее, говорят, под гнездом вырыта яма в шесть метров глубиной, цементная, в ней сундуки со сплетнями. Честное слово.

Алиса не знала, верить этому человеку или нет. Он ей не нравился. Глазки бегают, средний глаз моргает, как настоящий, волосы напوماжены, и от него пахнет, как из парикмахерской.

— А почему вы меня ждали? — спросила Алиса.

— Мы так боялись, что вы заблудитесь, что вы к нам опоздаете.

— А что у вас случилось?

— Ах, не притворяйтесь, Алиса Игоревна! Не надо! Предстоит казнь известного преступника и убийцы Герасика. И ваше участие в ней обязательно.

— Что? Герасик еще и убийца?

— И это самое страшное! Он поднял руку на святое! На право благородных людей читать и писать, слушать классическую музыку и любоваться картинами. Он убил нашу веру в прекрасное!

— Неужели вы в самом деле думаете, — спросила Алиса своего спутника, — что простым людям нельзя читать и писать?

— Таковы законы нашего королевства.

— Но почему у вас такие законы?

— Потому что пока простой человек не читает, не пишет и ничего не знает, он счастлив. Он думает, что все на свете устроено правильно. Он пашет, сеньор читает книжки, а дракон кушает девушек. А что, если он прочтет в книжке, что мир должен быть устроен иначе, или узнает, что драконов не бывает? Как мы добьемся, чтобы крестьяне нам подчинялись?

— Это очень глупо, — сказала Алиса. — Нужно вам переделать свои законы.

— Еще чего не хватало! Мы же Другое королевство. Как только мы создадим правила и законы, как у всех, нам придется переименовываться. Мы сделаемся Таким-же-как-все-королевством.

Карета подпрыгивала на плохой дороге, кучер стегал лошадей, за окошками тянулись леса и луга — деревень и городов не попадалось.

— И долго нам еще ехать? — спросила Алиса.

— Я не могу точно ответить на этот вопрос, принцесса, — сказал вельможа, — каждый раз получается иначе. Это ведь в прочих королевствах известно, сколько миль надо ехать от пункта «а» до пункта «б». А у нас этого никто не знает. У нас пункт «а» едет до пункта «б».

— Значит, эти пункты двигаются?

— Да вы с ума сошли! Кто им позволит двигаться без разрешения короля?

Алиса решила больше не спрашивать — все равно нормальных ответов не дождешься.

Прошло, наверное, полчаса. Разговор не клеился. Вельможа спрашивал, например:

— Какая у вас погода?

— Сегодня утром лил дождик, — отвечала Алиса.

— Невероятное совпадение! — отвечал трехрукий вельможа. — У нас на той неделе тоже град шел. С гусиное яйцо. Есть жертвы. Среди воробьев. А какие у вас виды на урожай?

— Урожай чего?

— А вы что разводите?

— Миллион разных овощей и фруктов, — отвечала Алиса.

— А мы три миллиона пятьсот. Но у нас всегда неурожай.

Дурында сунула клюв в окошко кареты и заявила:

— Ну, теперь ты видишь, что попала совершенно в Другое королевство.

— Пока еще не вижу.

— У них даже по три руки, а у некоторых, только я не проверяла, по три ноги.

— И третий глаз! — сказал вельможа. — Ты про третий глаз сообщи нашей дорогой гостье.

— И третий глаз! — закричала Дурында.

— А зачем все это? — спросила Алиса.

— Потому что они другие! Совершенно другие! Их все за это уважают и трепещут.

Карета подпрыгнула на высокой кочке. Дурында сорвалась с крыши, за ней полетела ее драгоценная сумка, а впереди, между тем, показался город.

— Вот и наша столица, — сообщил вельможа. — Высуньте голову в окошко, так вам будет лучше видно. Видите могучие стены? Их построили еще при короле Владилене Крепкоголовом. Он лично забивал гвозди в основание стен.

Алиса чувствовала: врет вельможа. Так не бывает. У нее уже был достаточный жизненный опыт. Многие ей ввали, но ничего у них не выходило.

— И давно это было? — спросила Алиса.

— Неправильный вопрос! — возразил вельможа. — Вы должны спросить: какие гвозди могут быть в основании стен? А я отвечу — золотые.

— Спасибо, — сказала Алиса, — в следующий раз спрошу как надо.

— А теперь посмотрите направо. Это заброшенный замок. Когда-то он славился своими увеселениями и замечательным рестораном. Там подавали соловьиные язычки под соусом из бабочек-махаонов. Триста лет минуло как краткий сон! Как сейчас помню этот сказочный вкус.

— Как называется этот замок? — спросила Алиса.

— Неправильный вопрос! — рассердился вельможа и зажмурил третий глаз. — Вы должны были спросить: сколько вам лет, ваше превосходительство?

— И сколько же вам лет? — спросила Алиса.

— Не помню! — ответил вельможа и принялся хохотать. — Может быть, двести, а может быть, больше. Я неграмотный. У нас в королевстве отрицательно относятся к науке — мы люди волшебные! Зачем нам корень из четырех или сумма два и два?

Алиса решила пошутить. Проверить, в самом ли деле этот трехрукий такой неграмотный или притворяется.

— Два и два будет пять с половиной, — сказала она.

Вельможа задумался. Потом высунулся в окошко и крикнул:

— Возница, сколько будет два и два?

— Мне еще жизнь не надоела, ваше превосходительство, — услышала Алиса бас возницы. — Вы образованный, вы и считайте.

— Жаль, что не удалось поймать этого негодяя! — вздохнул вельможа. — Давно его подозреваю. Сам подглядел, как он однажды тюки с сеном считал. Но не вслух, а про себя. Какой каналья! Ну, я до него доберусь.

— А какое ваше мнение? — спросила Алиса.

— Понимаете, принцесса, — сказал вельможа. — Это вопрос политический. Его величество король склоняется к версии... А зачем вам знать? — спохватился вельможа. — Сначала ей подавай, сколько будет два и два, потом она сиротский приют подожжет и устроит заговор против его величества.

— Простите, я не знаю, как имя-отчество вашего короля.

— А у него простое имя-отчество, — ответил вельможа и замолчал.

Алиса смотрела в окошко.

За окном поднимался лесистый холм, над вершинами елок торчали три башни и виднелись зубчатые стены замка. Зрелище было мрачное, но величественное.

— А его стены тоже на золотых гвоздях? — спросила Алиса.

— Вы имеете в виду замок? Ах, принцесса, ему столько лет, столько лет... в те времена еще людей не было, в нем жили последние динозавры. Знаете, кто это такие?

— Конечно, — сказала Алиса. — Это гигантские древние ящеры. Они потом вымерли.

— Правильно, вымерли. Не будем касаться причин их вымирания, но скажу вам, что именно их рабы построили этот замок. И последний из властителей герцогства Бронтозаврия стал основателем нашей династии, потому что женился на фее Мелузине. От них и пошли наши короли. В королях сохранилось немало динозаврового.

Тут вельможа почему-то задрожал и зажмурил два настоящих глаза, а третий, во лбу, открыл. Из него выкатилась слеза.

— Скоро, — сказал он сквозь слезы, — скоро вы окажетесь пред темными очами нашего короля. Это страшное существо! Это грозный властитель. Вы же, принцесса, обыкновенная девочка, которая даже магии не обучена. Ведь не обучена?

— Нет, не обучена.

— А мы вот полностью полагаемся на мистику и суеверия. И этим выгодно отличаемся от всех остальных народов и королевств.

Карету трянуло.

Алиса выглянула в окошко и увидела, что они остановились перед городскими воротами. Ворота были старые, окованные железными полосами и усеянные шляпками железных гвоздей с ладонь размером. Они были приоткрыты, но соединены толстой ржавой цепью, которая провисала почти до земли.

К цепи вышел стражник.

Закованный в кожу, как в латы, в шляпе с пером, он выглядел очень внушительно.

— Кто смеет беспокоить покой нашего города? — спросил он таким громким голосом, что вороны взлетели с башни и принялись носиться над головами. — Государь еще спит!

— Придется ждать, — сказал вельможа. — Пока его величество не изволит проснуться, никто в городе не встает.

— Как так может быть?! — воскликнула Алиса. — Разве сейчас так рано?

— Так рано, как желательно его величеству, — ответил вельможа.

— А сколько у вас времени?

— Не могу ответить, — сказал вельможа. — Вы у нас приезжая, а вдруг вам нельзя знать?

— Почему?

— Узнаете время — порчу на нас наведете.

Тут Алиса увидела, что над воротами в городской стене находятся большие круглые часы. Их стрелки подходили к двенадцати часам.

— На этих часах полдень, — сказала Алиса.

— А почему бы и нет? — ответил вельможа.

— Но ведь пора вставать!

— Его величество вчера до трех ночи играл в домино с волшебниками. Имеет же он право отдохнуть после государственных дел!

— Вот уж никогда не слышала, чтобы домино было государственным делом! — возразила Алиса.

— Тебе еще рано понимать взрослые дела. Это же волшебное домино! — ответил вельможа и откинулся на сиденье, закрыв все три глаза. — Имею право чуть-чуть

подремать, а то все носишься, носишься, ни минуты покоя.

Сзади послышался скрип колес. Оглянувшись, Алиса увидела через заднее окошко, что к городу подъезжают телеги и брички, арбы и пролетки — люди слезают с них, смотрят на часы.

Чтобы не беспокоить вельможу, Алиса осторожно вылезла из кареты.

Лакеи, стоявшие на запятках, тоже слезли и, нарвав на обочине травы, протирали свои кожаные доспехи.

— Ну как, набило тебе синяков? — спросил один из лакеев.

— Дороги у нас никуда не годятся, — сказал второй. — Чем на картах гадать, лучше бы ремонтом занялись.

— Чшшш! — Кучер перегнулся к ним с козел и прижал палец к губам. — Наш министр добрых дел всегда не спит, а притворяется. Сколько нашего брата он по тюрьмам раскидал — уму непостижимо! Как начнет какой лакей о ремонтах говорить да идеологию критиковать — он сразу из кареты выскакивает и принимает меры.

Не успел кучер договорить, как дверца распахнулась, оттуда выскочил трехрукий вельможа, сна ни в одном глазу, и как закричит:

— Государственная измена, государственная измена! Недозволенная критика с самого низу! Стража, взять их!

— Да мы только о дорогах! — заныл один из лакеев.

— Так всегда и начинается с пустяков! — ответил вельможа. Оказывается, он был министром добрых дел. — Сначала дороги, потом площадь, потом восстание против законной власти!

А так как стражники у ворот не спешили арестовывать здоровых мужиков-лакеев, то министр закричал:

— А ну-ка, кто первым их разденет и свяжет — тому кожаные куртки да кожаные штаны! Налетай, подшевели, расхватали, не берут!

И вдруг перед воротами началось дикое столпотворение. Кто только не кинулся раздевать и вязать несчастных лакеев! Алиса отвернулась от этого стыдного зрелища, но все равно слышала крики, визг и пыхтение, доносившиеся от ворот. Она взглянула снова на часы, чтобы посмотреть — сколько же будет спать король, и тут обнаружила, что часы стоят на месте!

Алиса обернулась к министру.

К тому времени голых, плачущих, избитых лакеев утащили в город, и министр стоял, сложив две руки на груди, а третью забросив за плечо.

— Скажите, пожалуйста, ваши часы не отстают? — спросила она у министра добрых дел.

— Ах, отстаньте, — сказал министр и вытащил из кармана записную книжку. Открыл ее, и Алиса увидела, что вся страница заполнена кривыми крестиками.

Министр начертил золотым карандашом еще один крестик.

— Вот видите, — сказал он, — это куда важнее. Я совершил сегодня очередное доброе дело.

— Какое?

— Арестовал плохих людей. Чем меньше плохих людей останется на свете, тем лучше работает мое министерство.

— Это у вас все добрые дела такие?

— Бывают разные. Однажды я муравья в муравейник отнес. Королеве угодил тем, что срубил дерево, которое посмело затенять окно ее новой спальни; как-то столкнул с моста в воду детскую экскурсию, потому что эти маленькие стервецы мешали проехать господину заместителю короля по волшебной части... я стараюсь каждый день совершать добрые дела. Иначе меня снимут с работы, а это значит, что меня тут же обезглавят по приказу нового министра, чтобы не жаловался.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Я поняла, что значат ваши добрые дела. Если будет время, вы мне расскажете, чем они отличаются от злых дел?

— Направлением! — быстро ответил министр. — Мои добрые дела направлены в пользу власти, а все злые дела направлены против власти. Вот ваш друг Герасик совершил дело против власти, и поэтому он осужден за плохие дела, неужели это непонятно? У меня же есть лозунг: «Ни дня без дела!» Красиво? Это я сам придумал.

За всей суматохой Алиса чуть не забыла, что спешит спасти Герасика. Конечно, она помнила о нем, но уж очень много нового она увидела. Тут у любого голова пойдет кругом.

Она снова посмотрела на часы.

На них все так же было без одной минуты двенадцать.

— Господин министр, — сказала Алиса строго, — вы мне можете сказать, почему часы стоят и мы стоим?

— Вот именно! — радостно ответил министр. — Мы стоим, потому что часы стоят. Все стоит, потому что его величество почивает!

— Зачем же вам часы, которые не ходят?

— А мы других не ведаем, — ответил министр. — Мы еще часов не изобрели.

— А это что такое?

— А это еще не совсем часы. У нас ведь как заведено? Пока его величество не поднялся со своего ложа, всегда полдень! Светлый полдень!

И в этот момент часовая стрелка двинулась вперед, остановилась в верхней точке круга и совместилась с минутной. И часы начали бить. Как настоящие.

Все, кто стоял у ворот и ждал, когда проснется город, хором отбивали в ладоши такт — двенадцать раз.

Цепь упала на землю.

Глава 4. Капризный государь

Карета министра добрых дел въехала в город первой. Правда, уже без лакеев.

Она оказалась на площади, выложенной булыжником. На площадь выходили одноэтажные дома, крашенные так давно, что краска с них слезла и все они стали серыми. В них как раз раскрывались ставни и показывались бледные лица хозяев, вовсе не заспанные. Да и кто спит до полудня, даже если этот полдень не совсем настоящий?

Стекол в окнах не было — откуда им здесь взяться? Так что горожане ежились, кутались в накидки и кричали торговцам, доставившим в город молоко и морковку, чтобы те подождали у дверей: «Сейчас я спущусь, только башмаки надену!»

Карета покатила по узким улочкам, их было немного — три-четыре, и каждая упиралась в стену. А посреди города стоял королевский дворец.

Дворец был трехэтажный, с куполами, башенками, теремками, колоннами, разрисованными под мрамор. Но стекло и в нем не оказалось.

На широкой, правда захлавленной, лестнице сидели два стража и играли в кости.

— Смир-на! — закричал министр добрых дел, вылезая из кареты. — Вы что здесь расселись, как на базаре! Я вас уволю!

В дверях дворца показался очень толстый человек в черном бархатном плаще и маске «домино».

— Простите, — спросил он у Алисы, — как вы думаете, мне удалось немного похудеть?

— Паша, — сказал министр, — мне стыдно перед гостьей.

— Ну сколько раз тебе говорить, — сказал толстяк. — Я не Паша, а па-ша. Ударение на «ша». Охран-паша. И зачем ты кричишь на моих славных воинов?

— Ну ладно, ладно, старый дурак. Распустил ты воинов, — огрызнулся министр. — Хозяин встал?

— Кофий пьет в постели, — сказал Охран-паша.

— Я принцессу привез. Попалась, голубушка, — сказал министр. — А меня твои идиоты заставили перед воротами ждать.

— Что делать, что делать, — вздохнул толстяк, снял шляпу и принялся обмахивать лысину. — Ты же знаешь, так неблагоприятно расположились звезды. Шеф-астролог вообще советовал государю не вставать сегодня с постели.

— Но ведь у нас дела!

Алисе было скучно стоять под лестницей, тогда как Охран-паша торчал на верхних ступеньках, а министр поднялся до половины.

Она подошла к охранникам и спросила:

— А где у вас находится тюрьма?

— Где надо, там и находится, — сказал один из охранников. Но другой, помоложе и не такой наглый, показал пальцем назад через плечо, на здание без окон и с одной низкой дверью, из которой узкий деревянный мостик вел на помост, на котором, как подумала Алиса, выступают местные эстрадные артисты.

Тут из дворца выбежала молодая дама в длинном синем платье. Ее завитые и выкрашенные в яркий желтый цвет волосы были подняты вверх, так что образовывали башенку, из которой наискосок торчал гребень.

У дамы был третий глаз, как у министра, и такие длинные ногти, что ей приходилось держать руки перед собой, растопыривая пальцы, чтобы не проткнуть кого-нибудь и не

сломасть такую красоту. Ногти были позолочены.

— Мы ждем, — сказала она, — а они прохлаждаются. А ну сюда, Марафонт!

— Сейчас, Марьяночка, — сказал министр и побежал наверх, забыв об Алисе. Дама с желтыми волосами расставила руки пошире, пропустив между ними маленького министра, и начала что-то шептать ему на ухо.

Охран-паша внимательно наблюдал за дамой и министром третьим глазом, который был у него наклеен на бритый затылок.

У остальных не было третьего глаза, и поэтому никто не обернулся.

Дама чмокнула министра в щечку, и тот, весело подпрыгивая, сбежал по лестнице к Алисе и произнес:

— Его величество по совету астрологов и экстрасенсов не будут сегодня покидать постельку. Так что вам, Алиса, придется подождать денек-другой.

— А как же Герасик? — спросила Алиса.

— А Герасику скоро наступит полный капут, — сказал министр. — Мы уже все приготовили для очередного доброго дела.

— Ведите меня к королю! Я ему все скажу.

— Нет, не получится, — сказал министр так печально, будто он сам мечтал пропустить Алису к королю, а какие-то плохие люди ему помешали.

Тогда Алиса нырнула у него под локтем и помчалась вверх по лестнице.

Охранники отбросили кости и кинулись за ней.

Тяжело топал по лестнице Охран-паша, перепрыгивал через две ступеньки министр, но всех обогнала дама с желтой башней волос, она ринулась к Алисе, как вратарь, и лишь в последний момент Алисе удалось увернуться и вбежать во дворец.

Она оказалась в обширном вестибюле. Вокруг стояли колонны, и у каждой — мраморная статуя. Несколько пожилых женщин в синих халатах вытирали с них пыль.

— Простите, — крикнула Алиса, — как пройти к королю?!

— Он в спальне, — сказала одна из уборщиц.

— На втором этаже направо, — сказала другая.

Тут в дверь с улицы вбежал Охран-паша и завопил:

— Не смей ей подсказывать!

Но он опоздал. Перепрыгивая через две ступеньки, Алиса уже мчалась на второй этаж.

Вот и позолоченная дверь справа. Возле нее на часах сидел тигр с топором и раскладывал на полу пасьянс. Алиса понимала, что тигр ей сейчас не так страшен, как министр и его спутники.

— Простите, — сказала Алиса тигру, — меня ждет король.

— Ждет, так иди, — ответил тигр. — Только не отвлекай.

Алиса подбежала к дверям, и они открылись.

Алиса оказалась в огромной высокой комнате. Посреди нее стояла кровать под балдахином, на которой могли бы выспаться двадцать королей. Потолок был выкрашен под звездное небо, пол устлала ковры со странными каббалистическими знаками. Даже на одеяле, которым был укрыт милый голубоглазый старик с белой бородой и круглыми розовыми щечками, были вышиты таинственные квадратики и треугольнички.

— Простите, ваше величество, — вежливо сказала Алиса, — что я вас беспокою.

— Что такое! — Старичок подпрыгнул в постели, соскочил с нее, кинулся в угол и спрятался за спинку стула.

— Но ведь меня же встретили и привезли сюда... — сказала Алиса. — Я так надеялась, что вы освободите Герасика!

Тут двери в спальню короля распахнулись, и туда ворвались преследователи. Впереди Охран-паша, за ним министр добрых дел, затем два охранника, и замыкали отряд дама Марьяна и тигр с колодой карт в лапе.

— Вяжите ее! — крикнул король. — Она совершила на меня покушение! Они с Герасиком — одна компания!

— Хватай! — приказал охранникам Охран-паша.

Но те колебались. Может, потому, что уж очень маленькой была девочка по сравнению с такими тяжеловесами.

— Я же не сделала ничего плохого! — сказала Алиса. — Вы меня хоть выслушайте!

Король вышел из-за стула. Он был в длинной, до пола, голубой ночной рубашке, на ней тоже были вышиты разные таинственные знаки.

— Ах, как это ужасно! — сказал король, глядя на Алису издали. — У меня же сегодня неудачный день! Разве ты не видишь, что созвездие Водолея проходит через центр зодиака и склоняется к Сатурну? Неужели тебе это непонятно?

В стене открылось окошко, оттуда высунулась голова в высоком синем колпаке. У этой головы была такая пышная черная борода, и такие густые кудри выбивались из-под колпака, что наружу торчал только лиловый нос.

— А кому непонятно, — произнесла голова, — пускай учитывает, что по древнему календарю моих коллег-друидов из Ирландии, к сожалению, покрытый льдами дуб в сочетании с лисицей обещают немедленную смерть любому, кто посмеет угрожать спокойствию нашего любимого монарха.

— Вот именно! — воскликнул король, сунул руку под подушку и вытащил что-то маленькое. Оказалось — дополнительные глаза. Он наклеил на лоб сразу два глаза, еще по глазу на уши и один на затылок. И все эти глаза тут же принялись моргать.

Затем из-под кровати вылез маленький шут в двухцветном колпаке и длинных полосатых трусах и протянул королю позолоченный футляр. Король раскрыл его, вытащил сложной формы очки и надел их на нос. Оказалось, что эти очки рассчитаны по крайней мере на шесть глаз.

Потом король затолкал босой ногой шута под кровать, а когда вынул ногу, на ней уже была туфля с загнутым носком. Эту операцию он повторил с другой ногой.

— Вот я и одет, — сказал он. Потом скрестил руки на груди и спросил: — И как же ты, Алиса, школьница, отличница, принцесса из хорошей семьи, связалась с простолюдином, хулиганом, убийцей Герасиком? А что, если твой папа узнает об этой преступной связи?

— Ну какая может быть преступная связь, — удивилась Алиса, — если я Герасика, наверное, уж год как не видала? Если бы не грязная белая ворона Дурында, я бы ничего не узнала.

— Кстати, — сказал король, — Дурында уже поймана?

— Так точно! — ответил Охран-паша.

— Вы ее пытали?

— Еще как пытали! Перьев почти не осталось.

— И в чем созналась?

— В злодейском заговоре.

Король развел руками. Лицо у него было добрым и печальным.

— Этого следовало ожидать, — произнес он. — Так мы разочаровываемся в людях. А ведь Дурынду пригрели у нас в королевстве, гороскоп ей составили. Кстати, Сатурныч, что там в гороскопе у Дурынды написано?

Астролог высунулся в окошко, помотал черной бородищей. Откуда-то перед ним оказался мятый листок бумаги.

— Ну, говори, говори!

— Будет казнена одновременно с преступником на эшафоте.

— Кто преступник, не сказано?

— Подозреваю, что Герасик.

— Может, Алиса?

— А может, и Алиса, — согласился астролог и спрятался в стене, закрыв окошко.

— Вот видишь, как ты не вовремя появилась у нас! — сказал король. — Ах, как не вовремя. Впрочем, я могу дать тебе аудиенцию, поговорим в какой-нибудь более благоприятный день... Сатурныч!

Окошко в стене открылось.

— Когда у меня благоприятный день для беседы с заграничной принцессой Алисой?

— В четверг на той неделе.

— Вот и ладушки, — сказал король. — В четверг на той неделе. Лучше часиков в одиннадцать. Тебя устраивает?

— Господин король! — сказала Алиса. — Вы меня не поняли. Мне нужно, чтобы вы освободили Герасика сейчас же, а не казнили его.

— Но он же приговорен, — сказал король. — И с гороскопом мы сверились, и астрологи согласны, и Дурында уже во всем созналась...

— Господин король!

— Не знаю, что и делать... кстати, ты говоришь, что тебя встретили?

— Конечно.

— И привезли сюда?

— А как бы я попала в ваш город? Меня привезли.

— Тебя... привезли?

Алиса обернулась и увидела, что министр добрых дел прижал палец к губам и глаза у него перепуганные.

Алисе стало жалко министра. Оказывается, здесь не все думают, как король. А она поспешила, помчалась к королю. Может, все испортила и министра подвела?

Она не созналась в том, кто ее привез в город. На счастье министра, король ошибся в своих предположениях и воскликнул:

— Тебя Дурында привезла! Конечно же, это дело ног преступной вороны! Казнить ворону сегодня же... вместе с этим... этим самым... страшным преступником Герасиком!

— Ваше величество, вы не правы! — сказала Алиса.

— Кащей тебе величество! — откликнулся король, подпрыгнул, нырнул под одеяло и отвернулся к стенке. Тут же из-под кровати выбрался шут и стащил с короля туфли.

Прежде чем накрыться с головой, король успел крикнуть:

— Всех долой, всех гнать в шею! И погасите солнце, оно мне спать мешает.

Охран-паша на цыпочках кинулся к окну и стал задвигать тяжелые шторы. Стражник схватил Алису за руку и потащил к дверям, отталкиваясь древком алебарды, как лыжной палкой.

В темном коридоре кто-то прошептал Алисе на ухо:

— Твои друзья тебе помогут! Иди спокойно, когда будешь спускаться по лестнице в вестибюль, вырвись и беги направо, там есть маленькая дверца. Она открыта. Я задержу стражников. Если поняла, кивни.

Стражник ответил за Алису:

— Дама Марьяна, коридор узкий, я же все слышал. Ты бы не вмешивалась и девочку не путала. Пускай она уходит к себе.

— Конечно, Виссарион, конечно, — откликнулась дама Марьяна. — Я тебе бы поверила, да твоему начальнику не верю. Он человек жестокий.

— Господин Охран-паша суров, но несправедлив, — согласился стражник.

Алиса шагала, не глядя по сторонам. Вот они вышли на широкую лестницу, что вела со второго этажа вниз, в вестибюль. Ступени лестницы были мраморными, а перила сделаны из бронзы. На концах перил скалились бронзовые львы, их так отшлифовали ладонями, что они сверкали, будто золотые.

Алиса глянула вправо, за перила, там было полутемно, потому что свет не горел.

Алиса подпрыгнула и ударила стражника пятками под коленки, сзади.

— Ах! — воскликнул стражник тонким голосом и полетел рыбкой вниз.

Конечно, он отпустил руку Алисы.

Алиса не стала ждать, пока он очухается, перемахнула через перила и прыгнула вниз.

Сзади были слышны крики, но Алиса уже увидела небольшую приоткрытую дверцу и нырнула в нее.

За дверцей царил темнота.

— Тут кто-то есть? — прошептала Алиса.

— Есть, есть! — ответил шепот дамы Марьяны. — Беги за мной.

Впереди зашуршали юбки дамы Марьяны, Алиса побежала следом.

Сзади раздался топот стражников.

Марьяна распахнула еще одну дверь, и в глаза вбежавшей в комнату Алисы ударил сиреневый свет.

Сиреневый туман окутывал круглую комнату, стены в ней были покрыты жемчужными пластинками, потолок — голубой с розовыми облаками, ковер на полу, мебель и шторы — сиреневые, даже свечи горели сиреневым пламенем.

— Мы пришли! — сказала дама Марьяна. — Нас преследует Охран-паша со своими стервятниками.

— Вернись к двери, не пускай стражников. А ты, Алиса, подойди ко мне.

В кресле сидела женщина в сиреновом платье.

Глава 5. Королева хочет помочь

— Здравствуй, Алиса, — сказала женщина в сиреновом платье с маленькой короной на голове. — Я рада тебя видеть.

Женщина выглядела очень гордой и сидела прямо, как палку проглотила.

Она была худая, даже не худая, а изможденная, будто ее терзала какая-то тяжелая болезнь. Ее волосы уже заметно подернулись серебром, хотя она показалась Алисе не очень старой, может быть, лет сорока, а ведь это еще не старость! По крайней мере, она выглядела куда моложе своего мужа-короля.

Алиса сразу догадалась, что перед ней королева Другого королевства, даже если бы у нее не было короны на голове.

Глаза у королевы были печальные, и Алиса подумала, что, если она не больна, значит, король ее очень обижает.

— Садись, девочка, — сказала королева.

Королева говорила спокойно и делала вид, будто не замечает того, что творится у дверей. Там две молодые женщины — дама Марьяна с желтой волосяной башней и служанка, которая провела Алису сюда от дворца, — пытались сдержать натиск стражников и Охран-паши.

Наконец королеве, видно, это надоело.

— Охран-паша, — сказала она, — немедленно подойдите ко мне. А вы, остальные, стоять и замереть!

И тут же охранники застыли в неудобных позах, словно их заколдовали, а Охран-паша медленно и с некоторым страхом приблизился к королеве.

— На колени, мерзавец! — спокойно и тихо сказала королева.

Охран-паша рухнул на колени и жалобно спросил:

— Чем я прогневил ваше величество?

— Во-первых, — произнесла королева, — вчера за ужином ты слизнул порцию мороженого, которую поставили перед дамой Марьяной.

— Не может быть! Я не брал добавки! — воскликнул Охран-паша.

— Во-вторых, ты сбросил с кресла мою любимую кошку, когда она только-только начала смотреть второй сон.

— А куда, простите, я мог посадить японского посла? Не стоять же ему во время театрального представления!

Королева, казалось, и не слышала Охран-пашу.

— В-третьих, — сказала она стальным голосом, — ты вытоптал розы под моим окном, когда вчера ночью подслушивал, о чем я говорю с министром добрых дел.

— Не может быть! — закричал Охран-паша. — Я же не по этой части. Это внешнее наблюдение натоптало.

— В-четвертых, — произнесла королева, — ты гоняешься за моей дорогой гостьей принцессой Алисой, которая приехала обсудить со мной важные государственные дела. Знаешь ли ты, что у нас до сих пор граница не определена? Что на реке Сонной три острова остаются спорными! Ну что ты понимаешь в государственных делах!

Королева кивнула Алисе.

Алиса сказала:

— Ее величество совершенно права. Пока мы не решим проблему с этими островами,

никто не может там охотиться на фазанов. А там развелось слишком много фазанов.

— Где? — спросил Охран-паша.

— Ах, мой мальчик, — сказала королева. — Идите и больше не шалите. Как только мы поделим острова, я вам дам адрес, и вы мне привезете свежего фазанчика.

— Слушаюсь, ваше величество! — крикнул Охран-паша.

— А теперь иди, иди, отдыхай. И позови ко мне министра добрых дел.

Кланяясь так, что пузо чуть не доставало до земли, Охран-паша покинул комнату королевы.

— Ты неглупая девочка, — сказала королева, обратив к Алисе свой печальный взгляд. — Насчет фазанов ты неплохо придумала. Как ты думаешь, Марьяшка?

Дама Марьяна согласилась:

— Нам нужны такие люди. Может, наградим Алису третьим глазом или третьим ухом?

— Мой супруг никогда не утвердит. Он полностью попал под дурное влияние этого Охран-паши.

— Ну, ничего, — сказала тогда мадам Марьяна. — Будем считать, что Алиса награждена.

— Ты садись, девочка, садись, — сказала печальная королева.

— Спасибо, ваше величество, — сказала Алиса.

— Это лишнее. Можешь звать меня Линой Теодоровной. Мой нынешний муж коварством и колдовством отбил меня у предыдущего мужа, обыкновенного небогатого герцога. А сама я происхожу из семьи настолько простой, что вы не найдете ее даже в справочнике маркизов.

Видно, Алисе надо было удивиться, но она не удивилась, потому что ее собственной фамилии не было в справочниках маркизов, баронов и просто графов.

— Ты голодна, Алиса? — спросила королева.

— Нет, спасибо. Я только хотела у вас спросить...

— Не надо просить. Я готова сделать для тебя все, что ты пожелаешь. Я слышала, что ты беспокоишься о судьбе своего близкого друга, крестьянского мальчика Герасика, который ждет казни за суровые преступления. Ты знаешь, что он совершил?

— Он учился читать, правильно?

— Вот это и ужасно, — сказала королева. — Я была буквально в шоке. Но потом подумала, что Герасик — всего-навсего мальчик, мальчик-с-пальчик, у него тоже есть мать, которая страдает и ждет!

Вдруг со шкафа, стоящего в углу, раздался пронзительный голос Дурынды:

— Нету у него мамки, порвали ее волки, только старикашка папаня. Вот и вся его родня.

— Вот видишь, — сказала королева, словно Герасик был в чем-то еще виноват. — Ну кто выходит из дому после захода солнца? Волки же совершенно распустились. Я не одобряю родителей, которые позволяют себя есть волкам.

— Герасика надо освободить, — сказала Алиса.

— Ах, как я вас понимаю, Алисочка! — сказала королева. — Как мать и женщина я тебя понимаю. Наши дети в беде.

— А ваши дети тоже в тюрьме? — спросила Алиса.

Королева всплеснула руками, дама Марьяна ахнула, а горничная присела от ужаса.

— Как ты могла такое подумать! — воскликнула королева. — Нет, вы посмотрите,

честные люди, неужели на свете есть кто-то, кто думает, что принцев и принцесс можно сажать в тюрьму?! Мне ужасно это слышать. Попрошу вас извиниться.

— Прошу прощения, Лина Теодоровна, — сказала Алиса. — Но мне так жалко Герасика.

Вошел министр добрых дел. Он поклонился и прикрыл за собой дверь.

— Ну как, — спросил он, — договорились?

— О чем, мой ангел? О чем я могла договориться с приезжей девочкой?

— Ах, Лина, перестаньте изображать из себя королеву. Мы с вами росли на одном базаре.

— Тише, здесь посторонние!

— Вы имеете в виду Алису?

— Вот именно.

— Тогда я вас, Лина, совершенно не понимаю. С утра вы кричите, что как матери и женщине вам жалко Герасика, что вы хотите его спасти. Мы устраиваем совещание, ломаем наши немолодые головы, с помощью птицы Дурынды...

— Вот именно! — закричала Дурында со шкафа.

— С помощью птицы догадались, что помочь нам сможет только девочка Алиса, которая знакома с Герасиком. Мы поможем Алисе освободить Герасика, а она за это узнает в будущем, нет ли там Рафаэля, который вышел из дому год назад и с тех пор о нем никто ничего не слышал.

Сдержанные тихие рыдания заставили Алису обернуться.

Королева-мать сидела, прижав к глазам шелковый платок. Рыдания сотрясали ее худенькое тело.

Алисе стало жалко королеву.

— Разумеется, — сказала она. — Я все сделаю, что можно, я постараюсь найти вашего сына. Но почему вы думаете, что он может быть в нашем времени?

— Мой мальчик... мой мальчик такой впечатлительный и отважный, одновременно гордый. Таким я его воспитала. Он у меня от первого брака, и мой нынешний муж не очень его любит.

— Не очень любит! Ха-ха-ха! — каркнула Дурында. — Он его не выносит, потому что принц во всех отношениях может дать королю сто очков вперед! И не сегодня-завтра народ захочет поменять короля на более молодого и смелого.

— И красивого, — сказала дама Марьяна.

— И такого вежливого, — сказала горничная.

— Муж придирается к моему сыну, — сквозь рыдания произнесла королева, — он специально приглашал к нему жестоких и несправедливых учителей, чтобы они ставили ему только двойки и тройки.

Тут уж не выдержали нервы и дамы Марьяны, и она тоже заплакала.

— А год назад, — сказала королева, — он заявил принцу, что оставляет его на второй год в последнем классе дворцовой школы, и запретил мальчику жениться на племяннице герцогов Маандонских, потому что, видите ли, его астролог предвещает плохие последствия этого брака.

— Вот именно, — сказал министр добрых дел, — не в Охран-паше дело. В астрологе! Вот где источник всех наших бед и унижений!

— Может быть, может быть, — сказала королева. — Но, с другой стороны, он нам

порой очень помогает своими предсказаниями. Я, например, никогда не выхожу без зонтика, если он предсказывает дождик.

— И как, идет дождик? — спросила Алиса.

— Необязательно, — сказала королева, — совсем необязательно. Но если он пойдет, я к нему уже готова.

— Я обещаю вам помочь отыскать вашего сына Рафаэля, — сказала Алиса. — Но вы обещали мне освободить Герасика.

— Большое тебе спасибо, храбрая девочка, — сказала королева. — Благодарность тебе идет напрямик от сердца матери. Но, к сожалению, мы с тобой не сможем сразу освободить Герасика. Его стерегут стражники, которые подчиняются своему паше. Его стерегут черные коты и летучие мыши — слуги астрологов. Ведь не забывай — мы совсем другие, чем все остальные королевства на земле, и мы очень стараемся быть другими. Во всем...

— И даже в балете, — сказала дама Марьяна. — Во всем мире танцоры поддерживают балерин, кидают их и ловят, а у нас наоборот.

— Как же может балерина кидать танцора? — спросила Алиса и тут же сама себя перебила: — Не отвечайте мне, пожалуйста, на этот вопрос. Лучше расскажите, как мы выручим Герасика.

Но ее никто не слушал. Странная это была компания — совершенно не могут остановиться на чем-нибудь одном.

— А вот еще, как у нас проходят соревнования, — сказал министр. — В них побеждает последний.

— А в гимнастике тот, кто лучше всех грохнется с перекладины, — сказала Марьяна.

— А в плавании? — вмешалась в разговор королева. — Кто побеждает в плавании? Ответишь, и я тебе скажу, как освободить Герасика.

— Кто приплывает последним? — догадалась Алиса.

— Глупышка! Выигрывает тот, кто первым утонет.

Все рассмеялись, а Алисе было непонятно, чего же тут смешного? Она решила подождать, когда они начнут говорить о деле.

И дождалась.

Когда все отсмеялись, королева произнесла:

— Сейчас Герасика поведут на эшафот.

— А где здесь эшафот? — спросила Алиса.

— Такие вещи надо знать! Эшафот находится на площади перед дворцом. Ты его видела. Это помост, который соединен с тюрьмой деревянным мостиком, по нему из тюрьмы выводят осужденных. И если ты обещаешь нам помочь, мы тоже тебе поможем.

— Конечно, я обещаю, — сказала Алиса. — А как вы освободите Герасика?

— Мои люди, — сказала королева, — подпилят столбы мостика. Они займутся этим сразу после обеда, когда все лягут отдыхать.

— Тебя переоденут в пажа, — продолжал министр, — и когда Герасика поведут из тюрьмы на эшафот, мостик подломится. Ты скажешь Герасику: «Это я, Алиса!»

— А нельзя мне спасти его раньше? Я хочу вывести его из тюрьмы.

— Глупышка, — ответила королева. — В тюрьму даже мне не проникнуть. Мостик — единственное место, где его можно освободить.

— Мы подготовили лошадей, — сказал министр. — Они будут ждать вас за углом на улице, которая ведет от площади к воротам. Мы постараемся задержать погоню, а вы с

Герасиком скорее скачите в лес, где будете в безопасности.

— Ты не забудешь о своем обещании, Алиса? — спросила королева.

— Я никогда не забываю о своих обещаниях, — ответила Алиса.

— Ты отнеслась легкомысленно к моим словам, — сердито произнес министр добрых дел. — Тебе надо изменить свой облик, иначе тебя узнают и схватят. И не возражай!

— А что надо делать?

— Притвориться королевским пажом, — сказала дама Марьяна. — Тебе помогут переодеться.

— А когда надо будет идти... к Герасику?

— Сейчас к обеду позвонят, — сказала Марьяна, — а сразу после обеда с хорошим настроением и начнут казнить.

— Значит, не только Герасика будут казнить? — спросила Алиса.

— Голубчик, — обратилась королева к министру, — погляди, что там сегодня в программе.

Министр взял с туалетного столика за спиной королевы разноцветную, сложенную вдвое, позолоченную по краям папку. Словно меню в ресторане.

— «Сегодня, в День благоденствий, в память Битвы при корявой сосне, в ознаменование чуда бабушки Кривды, состоится большая казнь с участием ведущих палачей Другого королевства. Входной билет — один талер, дети до одиннадцати лет в сопровождении родителей — бесплатно».

— Ах, как гуманно! — воскликнула дама Марьяна.

Министр продолжал читать:

— «На закуску и для разминки палач и душегуб первой степени Руки-Крюки отрубят голову известному убийце и грабителю Герасику по прозвищу Смерть Королям!»

— Как красиво! Это все министерство пропаганды гуманизма! — воскликнула дама Марьяна. — Хочется петь на мотив песни о любви и дружбе. «Снова замерло все до сигнала...» Вы не знаете такой песни?

Алиса такой песни не знала.

— «По окончании разминки начнутся соревнования палачей и душегубов по скорости отрубания голов. В соревновании участвуют...»

— Все, все! — закричала Алиса. — Я вас очень прошу, не надо больше читать. Вы живете в какой-то дикой стране.

— Вот именно, — сказала королева. — Теперь вы понимаете, почему мой сынишка, мой трепетный мальчик не выдержал этого издевательства над человеческим достоинством. — Королева протянула длинную худую руку и погладила Алису по голове. — У тебя чудесные кудри, — сказала она, — из таких получают самые лучшие подушки.

— Что? — Алиса даже подпрыгнула на месте.

— Я шучу, моя девочка, — сказала королева, и печальная улыбка вновь тронула ее губы. — Не обращай внимания. Это нервное.

Горничная тем временем разложила на столе наряд для Алисы. Зайдя за расписную ширму, они с дамой Марьяной стали одевать Алису.

Зазвенели веселые колокольчики. Постепенно их звуки становились все громче и пронзительнее, пока не превратились в сплошной вой.

— Что это? — спросила Алиса.

— Это звоночек на обед, — сказала дама Марьяна. — Все обязаны бросить свои дела и

спешить за столы. Обед — дело святое.

К тому моменту они уже сняли с Алисы комбинезон, куртку и кеды, в которых она приехала, а вместо этого надели на нее черный камзол с вышитым на нем трехглавым орлом, черные, в обтяжку, шелковые штаны. Рядом на полу уже стояли мягкие черные туфли с длинными носками, на столике лежали берет и расшитый пояс.

Призыв к обеду стал совсем уж невыносим, женщины вдруг оставили Алису одну и выбежали из комнаты.

Алиса подумала: надо же так проголодаться! Но только улыбнулась и продолжала переодевание.

Через пять минут из-за ширмы вышел юный паж. Когда Алиса поглядела в овальное королевское зеркало, то совсем себя не узнала. Паж как паж — типичный королевский мальчик.

Кроме нее, в комнате никого не было. Оказывается, даже королева и министр добрых дел убежали обедать.

«Ну и порядки у них!» — подумала Алиса.

Из комнаты она вышла в вестибюль к лестнице. Было тихо, только гудели мухи. По полу пробежала мышка.

Алиса выглянула наружу. Помост, который она сначала приняла за эстраду, соединялся с дверцей в стене тюрьмы. С лестницы королевского дворца он был хорошо виден.

На помосте устанавливали большую деревянную колоду. Алиса с ужасом сообразила, что именно на этом пне здесь рубят людям головы. На краю помоста, свесив ноги, сидел молодой человек в красной рубашке и в красном колпаке, наверное, палаческий подмастерье, и точил топор с широким тяжелым лезвием.

Зрители уже начали занимать самые выгодные места. На противоположной стороне площади стояли два стражника и торговали билетами. Люди приходили со своими стульями, табуретками, а одна семья даже притащила диван.

«Нет, — сказала себе Алиса, — я сорву вам любимое развлечение! Вы не получите моего Герасика».

Мостик находился совсем рядом. Он был покрыт брезентом, как длинный стол скатертью.

Увидев, что никто за ней не следит, Алиса сбежала по лестнице, приподняла край брезента и заглянула под мостик. Она увидела, что там два детины мрачного вида пилят столбы, на которых держится мостик. По крайней мере, хоть здесь не обманывают.

Алиса вернулась во дворец. Где же ее союзники?

Со второго этажа доносился шум голосов.

Алиса осторожно поднялась по лестнице. Ее обгоняли повара и официанты с полными подносами, а навстречу им сверху бежали слуги с пустыми блюдами и тарелками.

Алиса шла на шум голосов. Она заглянула в приоткрытую дверь и увидела, что там находится столовая. Во главе очень длинного стола восседали король и королева и мирно улыбались друг дружке, дальше размещались придворные — много придворных, человек сто. Среди них и дама Марьяна.

Марьяна посмотрела на дверь, ее взгляд встретился с Алисиным, но дама ее не узнала.

— Эй, паж! — рявкнул Охран-паша, который за стол не садился, а смотрел, чтобы все было в порядке, и стоя обкусывал свиную ногу. — Паж! Налей-ка мне вина.

Он показал на пустой бокал, который стоял у его ног.

Алиса послушно подхватила бокал, но ей не пришлось никуда бежать, потому что в мгновение ока к ней подскочил виночерпий с большим кувшином и налил вина.

Алиса поднесла бокал Охран-паше.

Тот принял его и спросил:

— Ты почему, мальчишка, не ешь? А ну-ка, жуй!

Он протянул Алисе свиную ногу, которую держал в толстой руке, и Алисе пришлось откусить кусок мяса. Оно было жестким, и ей пришлось крутить головой, чтобы оторвать кусок от ноги.

Охран-паша хохотал, довольный унижением пажа.

Вытирая рот, Алиса отбежала в угол подальше от глаз Охран-паши.

И тут сверху спустилась белая ворона Дурында. У нее в клюве торчал ломоть колбасы. Она проглотила его и сказала вороньим шепотом:

— Следуй за мной, тебя вот-вот узнают, и все рухнет!

Алиса оглянулась. Никто вроде не собирался ее узнавать. Но Дурында здесь все знает. И Алиса поспешила за ней.

Через черный ход ворона вывела ее к мостику.

— Будешь сидеть здесь, — сказала она, — но смотри, чтобы тебе на голову что-нибудь не свалилось. Кони стоят вон там. Видишь? Ну, сиди и не высовывайся.

Глава 6. Неудачное бегство

Из-под мостика Алисе было все слышно и даже кое-что видно.

В брезенте, который свисал с мостика, зияли большие дыры, а между досок — щели. Правда, Алиса не видела того, что происходит на самом эшафоте, — только две ноги в красных чулках свисали с помоста: это палаческий подмастерье, сидя на краю, все еще точил топор.

Слуги королевы, которые подпилили столбы мостика, уже убежали. На земле остались свежие опилки, а на столбах, там, где в них вгрызалась пила, виднелись светлые полосы.

Алиса понимала, что у нее будет достаточно времени, чтобы выскочить из-под мостика, только бы они предупредили Герасика, как его будут спасать, а то он от неожиданности может упасть и ушибиться.

Сквозь дырки в брезенте Алиса наблюдала за зрителями. Площадь уже заполнилась народом, кто-то ссорился из-за удобного места, и с помоста донесся зычный голос палача:

— Горожане, не толкайтесь! Все будет видно. Помост высокий, замах у меня богатырский. И в самом крайнем случае, мы можем любую казнь повторить. Вы меня хорошо видите?

— Хорошо! — откликнулась толпа.

— Я, палач и душегуб первой степени, великий мастер топора и веревки, достопочтенный Руки-Крюки, гарантирую вам, что вы получите удовольствие. Клянусь, что я сегодня в лучшей боевой форме, и обещаю снести голову государственному преступнику Герасику одним ударом!

В толпе жителей Другого королевства раздались радостные крики и аплодисменты. Матери поднимали маленьких детишек повыше, чтобы их любимцы, эти нежные создания, невинные крошки, получше разглядели палача Руки-Крюки, и говорили им: «Вот вырастешь, крошка, и, если будешь плохо учиться и хулиганить, станешь таким же замечательным палачом!»

«Ну и мамыши, — подумала Алиса. — И что за страна такая, где детей учат плохо себя вести!»

Потом на помост вышла группа певцов и танцоров, они пели веселые песни. Алиса далеко не все слова разобрала, но кое-что, к сожалению, запомнила:

Одна золотоволосая девочка пела:

*Мама мне велела в школу
Полдевятого вставать.
Я за это ей в рассольник
Буду гвозди подсыпать.*

Хор из мальчиков и девочек радостно подхватил припев:

*Ах ты, мамочка, мамуся,
В школу больше не вернусь я!*

Затем появилась группа танцоров — совсем крошек, из детского садика. Они были одеты в костюмчики палачей и водили хоровод вокруг чернобородого астролога, который хлопал в ладоши и подпрыгивал.

Публика пребывала в полном восторге, но после третьего или четвертого номера она стала кричать:

— Начинайте казнь! Хватит нам самодеятельности.

Сквозь дыру в брезенте Алиса увидела, как на дворцовой лестнице появились сам король и его придворные, рядом шествовали королева и ее фрейлины. Надо сказать, они являли собой красочное зрелище, несмотря на то что все были одеты в черный бархат и шелк. Но зато их окружали знаменосцы с разноцветными флагами. Почти все знатные вельможи и фрейлины были с дополнительными ушами, глазами, руками и даже ногами. Алиса вспомнила, что ей тоже обещали лишний глаз, но так и не дали.

На помост поднялись четыре барабанщика. Они принялись выбивать дробь.

На площади воцарилась гробовая тишина.

Затем на помост взошел судья в белом парике и черной мантии до самого пола. Он развернул свиток и начал читать список преступлений Герасика. Честно сказать, такого количества страшных преступлений не смогла бы совершить и целая бригада бандитов и убийц.

Но все на площади, конечно, верили тому, что Герасик не только ограбил несчастного принца, украв самое дорогое — книгу! Но, может быть, он и убил принца. К тому же он пытался забраться в королевскую сокровищницу, побил покойную бабушку палкой, расколотил всю стеклянную и хрустальную посуду во дворце, выпил компот в детском приюте и оторвал хвост у ежа в королевском заповеднике.

Тут уж по толпе прокатился такой рокот негодования, что Алиса всерьез задумалась, есть ли хвосты у ежей?

— Ввести первого преступника! — закричал судья.

— Преступника, преступника! Давай его сюда! Мы сейчас ему покажем, как детей без компота оставлять! Смутьян проклятый!

Дыра в брезенте исчезла, стало на секунду темно, и тут же из дыры послышался голос дамы Марьяны, которая, оказывается, подобралась к мостику.

— Герасик предупрежден, — сказала она. — Ты умеешь на лошади ездить?

— О чем он предупрежден? — спросила Алиса.

Насчет лошади она отвечать не стала. Ну чего отвечать, если она верхом ездит с двух лет? И не только на лошади, но и на единороге!

— Герасика предупредили, что ты сидишь под мостом. Как только мост начнет рушиться, он должен спрыгнуть с него и бежать к лошади. А ты на лошади ездить умеешь?

Нет, от нее никогда не отделаться!

— Умею, — сказала Алиса. — И еще умею на слонах, на буйволе и на склиссе.

— На ком?

— На летающей корове! — ответила Алиса.

— Фу, как некрасиво! — воскликнула Марьяна, и голова ее исчезла из дыры в брезенте. Сразу стало светлее, снова появилась возможность наблюдать за происходящим на площади.

А там все зашевелились, смотрели на тюрьму. Прямо над головой Алисы заскрипела железная дверь.

— Выходи, преступник! — послышался грозный голос.

— Иду, иду, дяденька, только не деритесь! — Это был голос Герасика.

«Ясно, — поняла Алиса, — он хочет, чтобы охранник первым ступил на мостик».

Тогда Алиса выскочила из-под мостика с той его стороны, что выходила не на площадь, а на королевский дворец. И вовремя.

Первый стражник, который топал по мостику, добрался до того места, где столбы были подпилены.

Герасик ступал на три шага сзади. Второй охранник, уткнувшийся в спину Герасику острие меча, только-только появился в двери.

— А-а-ах! — закричал первый охранник, когда доски ушли из-под его ног.

Тпrrрииииск! — завопил мостик, сломавшись под тяжестью охранника.

— Уррра! — закричал Герасик, прыгнув с мостика к Алисе.

— У-у-ух! — закричал второй охранник, съезжая по сломанному мостику вниз, как по снежной горе.

— Бежим! — крикнула Алиса.

— Бегу! — откликнулся Герасик.

Вот тут-то их увидели с лестницы дворца!

Наверное, король не сразу сообразил, что произошло, — ведь когда мостик падал, поднялась такая туча пыли, что Алиса и Герасик вылетели из нее рыжие, как лисицы!

Но когда беглецы уже скрылись за помостом, где палач с помощниками и судья стояли, замерев как соляные столбы, король все понял!

— Они сбежали! — закричал он. — Предательство! Заговор! Измена! Где барабанщики? Общая тревога! Наш паж помог бежать преступнику! Всех казню!

Хоть король был невелик, голосом он обладал настоящим, королевским, гремевшим сейчас на всю площадь.

И тогда палачи с высокого помоста увидели, что двое детей помчались к закоулку, где стояли лошади.

Их держал под уздцы неприметный мальчонка, который при виде беглецов кинул уздечки и бросился прочь.

Алиса и Герасик взобрались на лошадей — хорошо еще, кто-то догадался подтянуть покороче стремя.

— Ты знаешь, куда скакать? — спросила Алиса.

— К воротам! — закричал в ответ Герасик.

Он был почти раздет — только лохмотья изодранных штанов. Всю спину покрывали свежие шрамы, из плеча текла кровь. Но когда он обернулся и посмотрел на Алису, она увидела, что глаза у него просто сверкают и рот до ушей.

— Спасибо, Алиса, — крикнул он, — я на тебя надеялся!

Все-таки бывают порядочные люди, даже среди королей Другого королевства. Они держат слово. Обещали помочь освободить Герасика и сделали это. Хотя наверняка многим рисковали. Охран-паша догадается, кто достал беглецам коней и подпилил столбы у мостика на эшафот, — наверное, не только даме Марьяне, но и самому министру добрых дел не поздоровится. Надо будет обязательно поговорить в нашем времени с комиссаром ИнтерГалактической полиции Милодаром, чтобы он объявил галактический розыск. Ведь если принц Рафаэль пробрался в наше время, оттуда он может улететь на одну из многих планет. Нелегко будет его найти, но обязательно надо постараться. Ни одно доброе дело не должно остаться вознагражденным.

Они быстро проскакали по улицам города, и Герасик придержал своего коня у ворот. Ворота были раскрыты, но в этот момент в них въезжала большая телега, груженная мешками с мукой. Ее волокли два буйвола.

Алиса обернулась. Ей показалось, что сзади слышатся крики.

— Ну, скорей же! — крикнула она вознице, который управлял телегой.

— Простите ваше благородие, господин паж! — Мужик — усы до плеч, волосы торчком — соскочил с телеги и бухнулся на колени. — Не вели казнить, вели слово молвить! Ты ведь каждый день с королем видишься. Скажи ему, что Блохобой из Половинки бьет челом, просит взять в армию его сына, парня глупого, но сильного. Он тут у нас недавно соседского быка кулаком убил, так мне не расплатиться! Посодействуй, добрый паж, а я в долгу не останусь. Яичек тебе привезем из деревни, молочка, если употребляешь.

Несколько стражников в черных кожаных мундирах показались на улице. Впереди бежал министр добрых дел. Видно, хотел отличиться.

— Догоняй их! — заорал он, увидев беглецов. — Коли их, руби!

— Освободи дорогу! — кричала Алиса Блохобойю. — Заколю!

Хотя колоть было нечем.

— А ты обещаешь, — отвечал Блохобой, не вставая с колен.

Тут министр добрых дел настиг беглецов, но, вместо того чтобы связать Алису и Герасика, он крикнул своим стражникам:

— Хватай этого мужлана, опрокидывай телегу!

Стражники навалились на телегу и под возмущенные вопли хозяина повалили ее набок.

— А теперь хватай преступников! — приказал министр.

Но Алиса, а за ней и Герасик уже проскочили в ворота и помчались по дороге.

— Какой дурак! — крикнул Герасик.

— Ты о ком? — спросила Алиса.

— Об этом вельможе с третьей рукой и третьим глазом.

— Вовсе он не дурак, — ответила Алиса. Она даже обиделась за министра. — Ты не понял, он жизнью рисковал, чтобы мы могли выскочить из города. Если бы он не велел стражникам на телегу навалиться, мы бы уже в тюрьме были.

— Ты думаешь, он нарочно? — спросил Герасик.

— Не понимаешь ты ничего в большой политике, — сказала Алиса. — Он друг королевы Лины Теодоровны.

— Так королеву зовут?

— Разумеется, у всех королев есть имя и отчество.

— Вот не думал. Я считал, что королева, значит, королева!

— Она же не всегда королевой была.

— Как же так? — совсем удивился Герасик. — А кем же она еще могла быть?

— Она была девушкой из простой семьи, ее встретил король и полюбил.

— Какие-то ты мне сказки рассказываешь, — откликнулся Герасик.

— Давай не будем отвлекаться, — оборвала приятеля Алиса. — Ты скажи, куда мы сейчас едем? Ведь к тебе домой нельзя?

— Ко мне домой, наверное, не стоит, — сказал Герасик. — Этот злобный Охран-паша мой адрес знает. Придется в лесу укрыться, у дядьки Лешего.

— А он тебя не выдаст?

— Леший? Меня? Да я его научил самогонку гнать и сам ему аппарат соорудил. Куда

уж он без меня!

— Что ты говоришь, Герасик! — ахнула Алиса. — Ты изобрел такую вредную вещь, как самогонный аппарат?

— Я люблю изобретать то, что другим нужно и приятно. Для Лешего я просто расчудесный подарок сделал. Что в этом плохого?

— Но ведь алкоголь вреден! — воскликнула Алиса. — Рано еще водку придумывать! Ты, по-моему, иногда совершенно забываешь, что живешь в эпоху легенд.

— Сейчас ты будешь говорить мне, — ответил Герасик, — что в эпоху легенд простым людям книжки читать нельзя? Потом прикажешь мне голову отрубить?

Они оба засмеялись.

Дорога поднялась на пологий холм. Слева начинался лес, и холм становился все круче. Впереди вставали мрачные стены замка.

— Правда, что это заброшенный замок? — спросила Алиса.

— И там еще привидения живут, — сказал Герасик. — Я еще до них доберусь. Мне очень интересно проверить, есть привидения или нет?

— Привидений не бывает! — твердо сказала Алиса.

— Правильно, — согласился Герасик. — Это в вашем двадцать первом веке не бывает. А у нас в эпоху легенд они на каждом дереве сидят, в каждом подвале таятся. Если бы не так, какая же была бы эпоха легенд?

— Тогда ты, Герасик, поосторожнее.

— Спасибо за внимание. Да только я местный, что со мной может случиться?

— Мне кажется, мой юный друг, — сказала Алиса, — что ты забыл, откуда я тебя только что вытащила! Вспомни, меня или тебя на эшафот тащили, чтобы голову отрубить?

— А это чистая случайность, — сказал Герасик. — Ну кто мог подумать, что их дама Марьяна зайдет в спальню бывшего принца тогда, когда я в нее залез! Мне бы что: взял учебник — и беги. А я как увидел, что там целая полка книг стоит, обалдел от радости и стал в них картинки смотреть. Так и не заметил времени. Они меня и застукали. Эта мадама как завопит: «Воры!» Прибежали и меня с книжкой в руке захватили — страшное преступление! А ты как обо мне узнала?

— От меня! — раздался сверху скрипучий голос.

Алиса посмотрела вверх: с неба спускалась птица Дурында.

— Кто здесь самый благородный, кто самый хитрый? Нет, ты скажи, кто самый хитрый? — кричала грязно-белая ворона.

— Это она тебе сказала? — удивился Герасик. — Но ведь она — самая подлая тварь в наших лесах.

— Я вас попрошу не выражаться, — обиделась Дурында. — Выражаться каждый может, а пойти на подвиг ради доброго дела — тут-то вас и не видать.

— Нет, быть того не может! — Герасик покачал льяной головой.

— А вот случилось. Учитесь смиряться перед лицом исторической правды, — сказала Дурында.

Неожиданно со стороны замка из леса донесся ужасный глухой вой. Будто паровоз гудел в туннеле.

— Что это? — спросила Алиса.

Птица Дурында спикировала вниз и спряталась у Алисы на коленях.

— Это он, — прошептала она хрипло. — Молчите, а то заметит — и нам не жить.

Столько народу погибло... просто ужас!

— Ну, кто это?

— Тут живет чудовище, — сказал Герасик. — Это правда. Страшное. Если увидишь — от страха с катушек съедешь. И все.

— Лучше я вперед полечу, — сказала Дурында. — Меня Бабушка Яга ждет к обеду. Обещала я, простите за компанию.

И, замахав крыльями, ворона понеслась вперед над самой дорогой.

Алиса не стала больше спрашивать про чудовище, потому что понимала: в обычном мире, где она живет, и в мире сказочном — совершенно разные законы. На то она и эпоха легенд.

— Расскажи пока, как живешь, что нового изобрел.

— Я научился считать до двух миллионов, — сказал Герасик, — корень квадратный извлекаю, теорему выучил: «Пифагоровы штаны во все стороны равны». А кто такая Пифагора?

— Пифагор — это он, — сказала Алиса. — И он еще не родился.

— А когда родится?

— Через двадцать семь тысяч лет.

— Долго ждать, — сказал Герасик.

Впереди показалась река.

Река была широкая, быстрая, но неглубокая.

— Тут должен брод быть, — сказал Герасик. — Только я немножко забыл, где он. Давай сделаем так: ты подождешь на берегу, а я попробую перейти. А то вода холодная, а вы там, в будущем, изнеженные. Еще простудишься.

Алиса, конечно, не боялась простудиться, она была закаленной девочкой, но ее тронула забота первобытного мальчишки.

— Хорошо, — сказала она. — Я тебя подожду.

Герасик направил своего коня в воду. Течение сносило его. Конь зашел по колени, потом по брюхо.

Герасик похлопывал его по шее, успокаивал, и вот уже половина реки позади. Вот он выбирается на дальний берег...

— Перейдешь, как я? — крикнул Герасик, стараясь перекрыть голосом шум воды.

И вдруг он увидел что-то за спиной Алисы.

— Берегись!

Алиса обернулась.

Как она могла не подумать о том, что король отправит за ними погоню!

С откоса к реке скакали сразу двадцать или тридцать всадников в черных кожаных костюмах на черных конях. Впереди них на громадном, могучем коне скакал сам Охран-паша.

Алиса ударила коня стремями:

— Вперед!

Конь послушно сбежал к воде. Но на берегу остановился.

— Иди же! — кричала Алиса. — Смелее! Ты же видишь, что твой товарищ уже на другом берегу.

Герасик тоже кричал:

— Алиса! Смелее!

А погоня была ближе и ближе.

Герасик повернул коня обратно и хотел поскакать на выручку Алисе. Но тут десяток стрел полетело в его сторону. Одна из них вонзилась в шею коня.

Животное не выдержало страха и боли и понесло Герасика прочь от берега.

Герасик, обернувшись, что-то кричал.

Алиса махала ему рукой и тоже кричала:

— Не бойся! Со мной они ничего не посмеют сделать! Скоро увидимся.

Она в самом деле не очень боялась, довольная тем, что главное сделала — Герасика освободила. А ее тронуть не посмеют. У нее в эпохе легенд такие могущественные друзья! Одних волшебников и джиннов штук двадцать пять!

Охран-паша первым поравнялся с Алисой. Довольно ловко он обхватил ее за пояс, поднял с седла и кинул себе на колени.

— Ура! — закричал он.

И все стражники стали радоваться.

Как будто им была нужна Алиса, а не Герасик.

И они поскакали обратно в город.

Глава 7. Жестокий приговор

Обратная дорога в столицу показалась Алисе бесконечной. Охран-паша передал беглянку одному из стражников, тот посадил ее перед собой, было страшно неудобно, к тому же приходилось выслушивать всякие грубые и даже неприличные шутки.

— Ну что, — издевались стражники, — пойдешь теперь на плаху вместо мальчишки!

— Это же надо! Обмануть самого господина палача!

— Интересно, кто им коней дал?

— Коней, я думаю, они тоже украли, — сказал Охран-паша. — Это же дети без стыда и совести, худшие дети в мире!

— И кто такого негодяя в пажи принял? — крикнул одноглазый стражник.

— Конечно, это безобразие! — откликнулся его товарищ. — Ведь такой паж может к его величеству подкрасться и запросто вонзить в него кинжал.

Охран-паша, как ни странно, помалкивал. Казалось, что стоит ему заявить, что это не паж, а шпионка из другой страны — тут же стражники ее и растерзают! Нет, не хочет он, чтобы Алису тут же растерзали. А может, это еще хуже, подумала Алиса. Может быть, они хотят тихонько ее казнить, чтобы никто не догадался, где и как это произошло. Значит, они опасаются друзей Алисы и людей из будущего времени. Вполне возможно. Они расправятся с ней где-нибудь в тюрьме, в подвале и никогда никто не узнает, что случилось с московской школьницей Алисой Селезневой.

Конечно, если Ричард отыщет в лесу Герасика, тот расскажет, что Алиса попала в плен к Охран-паше, но больше он ничего поведать не сможет. И прискачут тогда спасители в столицу, к королю или Охран-паше, а те сделают большие глаза: «Какая такая Алиса? В жизни не видали никакой Алисы! Ищите где хотите, все двери перед вами распахнуты...»

Алисе стало себя жалко. Ведь она только-только начала жить.

— Может, вы меня отпустите? — спросила она у Охран-паши. — Ведь я ничего не сделала.

Она говорила негромко, чтобы ее не слышали стражники.

— погоди, — сказал Охран-паша, — сейчас доберемся до дворца, там и разберемся, кто прав, а кто виноват.

— Но за что меня судить?

— А кто сказал, что тебя будут судить? Тебя только будут допрашивать.

И Охран-паша рассмеялся.

Ну и неприятный же был у него смех. Лицо красное, круглое, а посреди него торчит носик, как клюв, остренький и блестящий. Все кажется, что он наклонится и начнет тебя колоть этим носиком.

И глаза у него, как у совы — круглые и неподвижные. Он смеется, а глаза смотрят, как две черные пуговицы.

Когда они проезжали стороной заброшенный замок, оттуда из чащи снова донесся вой неизвестного чудовища. Стражники сбились в тесную толпу — испугались. А над лесом поднялся столб черного дыма.

— Ох, и дымит сегодня чудовище! — сказал одноглазый стражник. — Видно, серчает.

— Жертву бы ему принести! — сказал другой.

— Разговорчики в строю! — рявкнул Охран-паша.

Пришпорив лошадей, стражники поспешили проехать страшное место.

Вскоре показался город.

Лошади поскакали веселее, стражники принялись обсуждать, что сегодня на обед.

Городские ворота оказались закрытыми.

Пришлось стучаться.

Стражники с той стороны спросили пароль, а Охран-паша пароля не знал, потому что уехал из столицы до того, как король его придумал. Пререкались, наверное, минут десять, пока не появился астролог Сатурныч, который велел приоткрыть ворота на цепочку и высунул наружу свою бороду.

— Это ты, Охран-паша? — спросил он.

— Именно я. Пусти скорее, мои стражники с голоду подохнут. К тому же я добычу привез.

— Алису? — спросил астролог.

— Глупыш, — возразил Охран-паша, — неужели ты не видишь, что это королевский паж, который оказался предателем.

— Все понял, все понял! И пароля ты не знаешь!

— Откуда мне его знать!

— Все понял, все понял. А как зовут мою мамашу? — спросил астролог.

— Как ее зовут, не знаю, а у нас в городе ее называли просто ведьмой. И сожгли на костре лет десять назад, когда ты шлялся по соседним странам, изучал свою лженауку астрологию.

— Насчет лженауки — это ты поосторожнее, — обиделся астролог. — Наука как наука, врет не больше других. И маму мою ты зря обижаешь. Оклеветали ее, ну какая она ведьма! Она и заклинаний толком не знала. Я убедился, что ты и есть Охран-паша. Открывайте ворота, пропускайте экспедицию под руководством профессора заплечных наук Охран-паши Подвального!

Ворота страшно заскрипели и отворились.

Астролог первым направился в центр, ко дворцу, а остальные последовали за ним, придерживая лошадей.

На площади еще продолжались казни. Какого-то молодого парня, положив на козлы, два палаческих подмастерья по очереди били бичами. Молодой человек стонал, но сдерживал крики, хотя Алисе было видно, как ему больно!

Публика на площади хлопала в ладоши, отбивая такт и помогая палачам. Нет, это Другое королевство Алисе совсем не нравилось.

Охран-паша спешил доложить об успехе своего похода.

Алису грубо сбросили с седла, и она еле удержалась на ногах. Потом спешили и стражники и повели ее по лестнице к королю, который наблюдал за казнями и пытками с верхних ступенек. При виде пленницы он радостно воскликнул:

— Поздравляю тебя, мой Охран-паша, ты превзошел себя! Как тебе удалось поймать эту ужасную преступницу?

Алиса взглянула на королеву. Та казалась еще печальнее прежнего. А дама Марьяна старалась не смотреть Алисе в глаза.

— Погоня была опасной, мы мчались много дней и ночей, мы сражались в пути с демонами, которые охраняли проклятых беглецов! Мы потеряли в пути лучших воинов! Но в последнем жестоком сражении само небо почти что лопнуло от страха. Каждый из моих воинов вел себя как лев. Прощу тебя, о король, достойно наградить их.

— Воистину! — хором закричали стражники, которые столпились пониже, не смея подойти к великому королю.

— Что же, поздравляю. Мы отчеканим особую медаль. На ней будут мой портрет и слова: «За выдающийся поход». А где второй преступник, которого мы уже почти казнили?

— А разве он не приходил? — спросил Охран-паша.

— Как так не приходил? — Король оглянулся, потом снял корону, а королева вынула из сумочки шелковый платочек и вытерла вспотевшую красную лысину своего супруга.

— Это шутка, ваше величество! — откликнулся Охран-паша. — Конечно же, он не мог прийти. По простой причине. Мои воины не удержались и изрубили его в мелкую крошку!

— Ох, как нехорошо! — опечалился король. — Ох, как вы меня расстроили. Ну разве можно было его убивать? Герасика должны были казнить как положено, при большом стечении народа. Теперь вы лишили нас зрелища. И народ останется недоволен. Билеты куплены, люди с рассвета места занимали, а где Герасик? Оказывается, твои камнеломы его зарубили! Не будет им медали! Всем дежурство вне очереди! Будут мыть полы и выносить ночные горшки до понедельника!

Охран-паша упал на колени, стражники последовали его примеру.

— Не вели казнить, вели слово сказывать! — взмолился Охран-паша.

— Велю, — согласился король.

— Давай пойдём на мировую. Ты нам медали не даешь, а мы ночные горшки выносить не будем.

— Почему? Разве вы не достойны наказания?

— Потому что, пока мы будем заниматься этим грязным делом, — сказал Охран-паша, — ваши враги могут подобраться к городу, а то и ко дворцу и вас свергнуть.

— Что он говорит! — Король нахлобучил набекрень корону, вскочил и побежал внутрь дворца, за ним толпой поспешили остальные. Одним из последних шел Охран-паша, таща под мышкой Алису и хохоча втихомолку — такой вот оказался он хитрец и обманщик!

Внизу в вестибюле король остановился и строго сказал:

— Мог бы, кстати, не на улице высказываться. А что, если кто-нибудь услышит и соблазнится? И начнутся покушения... Ох, я этого не люблю.

— А кто любит, ваше величество? — вздохнул Охран-паша. — Но что делать?! Должность у вас такая. Может, отречетесь?

Король быстро спрятался за спину своей жены и спросил оттуда:

— А в чью пользу?

— Мы тогда посоветуемся и решим, — ответил Охран-паша. — А то при вас королевство совершенно распустилось. Кто хочет, тот и ходит, крестьянские дети книжки читают, пажи вовсе не пажи, а заморские девочки...

— А что? — Король вышел на открытое место. — Толково рассуждает мой верный полководец. Запустили мы дела...

— Ах, что вы говорите! — воскликнул астролог, который до этого таился в задних рядах придворных. — Не было и не будет более мудрого, справедливого и могучего государя.

— Ах нет, запустили, запустили, признаем ошибки. Пора укреплять государство. И границы у нас прозрачные, кто хочет, тот и переходит. Так что будем принимать меры.

Король сделал шаг вперед:

— Писец, где писец? Ах, вот ты где! Пиши указ: направить самого великого ученого и отважного полководца Охран-пашу на дальнюю лесную границу начальником заставы.

Только он сможет обеспечить нашу безопасность. Только он спасет королевство от развала. Собирайся, голубчик, чтобы через час духу твоего в столице не было, дорогой мой начальник заставы.

— Ну что вы, я же пошутил... — начал было Охран-паша, но по знаку вставшего на цыпочки короля те же стражники, что минутою назад следовали за Охран-пашой, утащили своего начальника.

— А теперь, — сказал король, — займемся судом и расправой.

Тут королева дотронулась пальцами до руки своего супруга и негромко сказала:

— Прошу вас, пожалуйста, будьте снисходительны к этой девочке. Мне кажется, она была введена в заблуждение преступным мальчишкой, он вскружил ей голову. Это с нами, женщинами, бывает. Вспомните, ваше величество, как я в вас влюбилась!

— Во-первых, вы влюбились не в меня, а в мои титулы и богатства. И я тоже могу напомнить вам, что такое нередко случалось с женщинами легкого поведения.

— Ах! — воскликнула королева. — Эти слова не имеют ко мне отношения. Я — женщина нелегкого, даже, можно сказать, тяжелого поведения.

— Ах, оставим эти пустые разговоры, — сердито возразил король. — Полдник надвигается, а главный преступник сбежал. Не верю я Охран-паше, что они его растерзали, ох, не верю. Никому в этом королевстве не верю.

— И мне? — удивился чернобородый астролог. — Ведь я говорю не от своего имени, а от имени звезд! А звезды никогда не ошибаются.

— Звезды — еще куда ни шло, — согласился король. — А вот тебе я, конечно, не верю. Ты из моих подданных самый лживый. Если бы я тебя не побаивался, давно бы ты уже без головы ходил. В чем сложность с вами — волшебниками, астрологами, гадалками и ведьмами? Уж очень у нас дикие, отсталые времена! Пройдут столетия, распустятся бутоны наук, узнают люди, что земля круглая, небо не твердое, а бесконечное, что тогда делать вам, волшебникам и астрологам? Выгонят вас люди к какой-то бабушке, смеяться будут над астрологией. Вот приходил к нам на той неделе один шарлатан — помните? Скланки с водой приносил. Я, говорит, их заряжаю от своего дыхания и своей дьявольской силы. Погляжу на воду — и она волшебная. Помните? Правда, не пришлось мне греха на душу брать, голову рубить такому наглому лжецу и проходимцу. Мои собственные волшебники его растерзали. Нет, не верю я вам никому... Скорее бы дожидаться торжества науки. Да не про нас это... ледники надвигаются... как бы пережить самим.

— Но ведь я предсказал в прошлую зиму морозы? — спросил обиженный астролог Сатурныч.

— Предсказал, — согласился король. — Но ведь и в позапрошлом году морозы были!

— В позапрошлом году совсем другие морозы были, — ответил астролог. — В них, можно сказать, больше мягкости было при некотором наличии жестокости.

— Может быть, может быть, — с сомнением сказал король. — Да мы вроде не для этих бесед здесь собрались. Мы собрались казнить страшную преступницу. А ну, где наш судья? Готово ли обвинительное заключение?

Судья, тот самый, который читал обвинение против Герасика с помоста и отличался от прочих придворных лишь громадным, до пояса, париком из белой ваты и черным халатом с синими налокотниками, ступил на свободное место и вытащил из кармана халата замусоленную записную книжку.

— Тут у меня черновик, ваше величество, — сказал он. — Мы еще сформулируем,

приведем в порядок для вечности.

— Сколько у вас времени было, пока мы за ней гонялись? — рассердился король. — Чем вы занимались?

— Но простите, ваше величество, мы же на эшафоте дежурили, у нас там плановые казни проходили. Не могу же я разорваться!

— Не разорвешься — разорвем, — пообещал ему король. — Ну, читай!

— «Обвиняемая Алиса Селезнева, несовершеннолетняя, нахальная, распущенная персона, обвиняется в том, что прибыла в наши края по шпионскому заданию от враждебных нам разведслужб».

Судья перевел дух, а король сказал:

— Что ж, неплохо для начала, совсем неплохо.

И все присутствующие захлопали в ладоши. Кроме королевы и дамы Марьяны. Им вся эта история не нравилась.

Но король заметил, что его жена и фрейлина не участвуют во всеобщем ликовании, и поэтому сердито спросил:

— Так, значит, все удовлетворены, а кто-то неудовлетворен?

Королева вздохнула и сказала:

— Да, мой августейший супруг, признаться, я не думаю, что эта девочка похожа на шпионку.

— А что? — спросил король. — Не исключено, что ты сама похожа на шпионку! Я тебя на помойке нашел! Я тебя облагодетельствовал! Так что стой и молчи. А ты, судья, продолжай.

— «Во время нахождения в нашем благородном государстве, — продолжал судья, — так называемая Алиса совершила еще целый ряд преступлений. А именно: она нанесла вред государственной собственности и подпилила столбы у мостков посреди города. Она украла двух коней из конюшни министра добрых дел...»

— Кстати, — спросил король, — а где мой любимый министр добрых дел, который оставляет оседланных коней рядом с государственными преступниками?

Новый начальник стражи сделал шаг вперед и сказал:

— Бывший министр добрых дел добровольно прыгнул в колодец на заднем дворе, потому что не смог перенести стыда за свои паскудные поступки.

— Ну ладно, — сказал король, — Туда ему и дорога. А ты продолжай, судья, только покороче, потому что нам на полдник идти, а то пампушки остынут.

— «После этого обвиняемая Алиса напала на телегу честного поселянина Блохобоя, опрокинула его телегу и нанесла селянину телесные повреждения».

— И моральные, — добавил король.

— Разумеется, и моральные, — поспешил согласиться судья. — Он до сих пор нервно плачет.

Все придворные начали стонать, качать головами, некоторые постарались выдавить из себя слезинки.

— И что мы ей присудим по совокупности? — спросил король.

Алиса плохо слушала все эти пышные, но пустые слова, будто они не к ней относились. Ей было жалко министра добрых дел. Все-таки он коней им с Герасиком прислал и у ворот помог...

— Надо бы посоветоваться, — сказал судья.

— Некогда советоваться! — возразил король. — А то я уйду на полдник.

— Тогда смертная казнь, — сказал судья. — На смертную казнь достаточно преступлений.

— Только не это! — закричала тут королева. — Я не вынесу, если вы казните Алису. Эту смелую и благородную девочку. Освободите ее! Но только не отдавайте на растерзание дракону!

— Все! — сказал король. — Я выслушал обвинителя, судью и адвоката — мою жену. С меня достаточно. Теперь слушайте мое милостивое решение!

Все замерли. Стало так тихо, что Алиса услышала, как застучало ее сердце. «Вот не ожидала, что я такая трусиха, — подумала она. — Разве я боюсь?»

— Я приказываю отвезти преступницу к заброшенному замку и отдать на растерзание чудовищу, то есть нашему родовому дракону. Тем более что ему уже две недели не давали ни одной новой девушки. Он совсем оголодал.

— Мой дорогой супруг, — взмолилась королева. — Пожалуйста, не приговаривай Алису к судьбе хуже, чем смерть. Ведь ты знаешь, что куда безболезненней смерть на эшафоте, от топора палача, чем в зубах этого чудовища. Пощади ребенка, дай ему умереть спокойно!

— Вот именно! — Король топнул ножкой. — Вот именно. Я и собирался казнить ее безболезненно. Но тут ты, старая перечница, вмешалась со своими речами. Пощадите, пощадите! А вот я не пощажу! Ты же меня знаешь — как только ты суешься со своими добрыми словами, я все делаю наперекор!

— Но только не сегодня!

— Именно сегодня! Все. Прием окончен. Все идут в столовую на полдник. Алисе полдника не давать — отвезите ее в лес! Ясно?

— Я не хотела... — прошептала вслед Алисе несчастная королева.

Глава 8. Пленница в лесу

В лес Алису везли два мрачных стражника и сам астролог Сатурныч. Видно, король не хотел рисковать — послал ближайшего придворного.

Астролог оказался человеком разговорчивым, он все время давал Алисе советы. Но когда тебя везут на съедение дракону, очень трудно слушать советы.

Алису утешало только одно — Герасика она спасла.

А мы еще поборемся!

Видно, последнюю фразу она произнесла вслух, потому что астролог вдруг замолчал и спросил:

— А с кем бороться будем?

— Так принято говорить, — ответила Алиса.

Ехать было ужасно неудобно, потому что ей связали руки за спиной, и от них тянулась веревка к стражнику, который двигался следом.

— Любопытно, — сказал астролог. — Но, надеюсь, ты меня не включаешь в число своих врагов?

— Включаю, — сказала Алиса.

Чего жалеть этого астролога! Все астрологи жулики, а этот еще жулик-подсказчик, вертит королем как хочет.

— Вот это зря, — сказал астролог. — Ты меня как личность не знаешь, биографию мою не изучила, о моем трудном детстве представления не имеешь — но уже готова уничтожить меня.

Алиса промолчала. Ее молчание еще больше встревожило астролога.

— А ведь я человек подневольный, — заговорил он, поравнявшись с Алисой и склоняясь к ней, чтобы стражники не слышали, о чем он говорит. — Я в душе совсем не такой, каким кажусь, я чистый, смелый и очень хорошо отношусь к людям.

Он подождал и, не услышав ответа Алисы, продолжал еще горячее.

Он шептал, черные, как маслины, глаза сверкали над черной бородицей, колпак сбился на ухо. А Алиса молчала.

Она не случайно молчала. Друг Алисы, комиссар ИнтерГалактической полиции Милодар, с которым она недавно познакомилась, учил: «Никогда не спеши с ответом, ничто не смущает твоего собеседника больше, чем молчание. Он ждет, что ты испугаешься, будешь оправдываться или просить о пощаде. А ты молчишь. И он уже думает: „Наверное, она знает что-то такое, о чем мне знать нельзя. Наверное, она таит такой секрет, от которого мне не поздоровится“. Так что побольше молчи, моя девочка, не спеши с ответом».

Астролог тем временем продолжал свою речь:

— Если ты не хочешь со мной разговаривать, то я тебя понимаю. Ты еще толком жить не начала, а мы тебя уже убиваем. Даже стыдно. Да, мне стыдно перед лицом мировой общественности! Я знаю, что все волшебники нашей эпохи меня осудят за то, что я служу такому негодяю, как наш король. Но скажи мне, где мне найти еще такое место?! С таким жалованьем! И премиями за каждое удачное предсказание?! Где я еще найду короля, который согласится, чтобы я предсказывал задом наперед?

Тут Алиса не удержалась и спросила:

— Как можно предсказывать задом наперед?

— Ах, это мое гениальное изобретение! — Астролог обрадовался, что Алиса с ним

заговорила. — Я сказал королю: «У нас Другое королевство?» Он говорит: «Другое». Я спрашиваю: «Значит, у нас все не как у людей?» Он обрадовался и говорит: «Точно! Все не как у людей! Только мы еще мало чего добились. Мы все поворачиваем наоборот, а наши жители, отсталые обыватели, опять все поворачивают в обыкновенность. Поэтому если ты мне что предложишь наоборотного — буду тебе благодарен». Я тогда и предложил королю: делать предсказания наоборот. Предсказывать то, что уже случилось. И никогда не ошибаться!

— Но ведь это называется телевизор! — воскликнула Алиса. — Это последние известия! Новости! Там рассказывают о том, что случилось.

— И не ошибаются? — хитро спросил астролог.

— Время от времени ошибаются.

— А я что говорю! Это происходит оттого, что на телевидении нет настоящих астрологов. Я же предсказываю точно! Если я предсказал, значит, это было! Я, например, твой приезд в наше королевство предсказал через пять минут после того, как ты приехала. Ничего себе точность! А ты как думаешь?

— Какое же это предсказание?

— Глупый ребенок! Я же сказал — это предсказание наоборот! Оно подходит только для Другого королевства. Вот и сейчас я уезжал из города, а от самых ворот приказал стражнику передать королю мое последнее на сегодня предсказание: «Алиса выехала из города через северные ворота».

— А какая же польза королю от ваших предсказаний? — спросила Алиса.

— А такая, что без моего предсказания он никогда бы не догадался, что мы выехали через северные ворота. Думал бы, думал, но не догадался!

— Вы жулик, — сказала Алиса.

— Разумеется, — ответил астролог. — Мы все такие. Но пока не решен главный вопрос — небо твердое или его вообще нет, мы будем пользоваться спросом. А потом нас заменят астрономы. Но от них, как ты понимаешь, пользы мало.

— Совсем не мало! — возразила Алиса. — Астрономы составили карты звездного неба; узнали, сколько от звезды до звезды лететь; узнали, у какой звезды есть планеты, а какая раскалена настолько, что лучше к ней не летать; узнали, когда комета прилетит и скоро ли метеорит упадет. Астрономы — самые полезные ученые на свете.

— Значит, их уважают?

— Разумеется, их уважают.

— Ну что ж, — подумал вслух астролог Сатурныч, — подойдет время, переучусь на астронома. Тем более что я уже знаю названия всех пяти планет и многих созвездий.

— Планет куда больше чем пять, — сказала Алиса.

Но она не успела объяснить астрологу про планеты, потому что из леса, к которому они подъезжали, донесся страшный вой.

Стражники задрожали, и даже Алисе стало не по себе.

— Что это? — спросила она, хотя догадывалась — что.

— Это смерть твоя! — ответил побледневший астролог. — Это дракон! Это чудовище!

— Послушайте, господин Сатурныч, — сказала Алиса. — Давайте сделаем, как в сказках.

— А как делают в сказках?

— Вы меня оставьте здесь, не отдавайте дракону. А когда вернетесь, скажете королю,

что отдали меня чудовищу.

— Еще чего не хватало! — закричал астролог. — Ты толкаешь меня на обман! Как тебе не стыдно.

— Ну что ж, — сказала Алиса, — поехали дальше. Я так понимаю, что дракону все равно, кого есть — меня или вас.

— Ничего подобного! — возразил астролог. — Наш дракон, наше драгоценное и многоуважаемое чудовище кушает только маленьких нежных девочек. Ему их мы сюда и возим. А взрослых мужчин оно и не трогает, зачем ему нас трогать? Мы же жесткие и невкусные!

Последние слова астролог прокричал изо всех сил. Видно, ему очень хотелось, чтобы чудовище услышало.

Но ни звука не донеслось из леса.

Они остановились перед проселком, который отходил от главной дороги и вел вверх, к замку.

— Господин астролог, — произнес один из стражников. — А может, девчонка права?

— В каком смысле?

— Может, оставим ее здесь? Пускай дракон сам ее ищет.

— А потом, когда мы приедем, начнут нас пытаться, — возразил Сатурныч. — И один из вас признается в том, что мы нашкодили, не выполнили королевского приказа. Вам тогда головы отрубят, и дело с концом, а что со мной сделают — представить трудно.

Стражники, тяжело вздыхая, направили коней по проселку.

Когда-то это была дорога, по ней могли проезжать повозки и даже кареты, со временем она заросла и кое-где приходилось пробираться сквозь кустарник и мелкую лесную поросль.

Птиц и зверей в этом лесу не было, даже насекомые не жужжали.

Стражники обнажили свои мечи, но, понятное дело, никакой меч не устоит против настоящего дракона.

Деревья смыкали над головами всадников кроны, и потому они ехали в полутьме. Солнце уже зашло за облака, и зелень листвы казалась почти синей.

И тут вой дракона послышался куда ближе, чем раньше — всего в десяти шагах. Казалось, будто он наблюдает за стражниками и вот-вот кинется на них.

Перетрусивший астролог громко запел:

*Мы едем и везем с собой подарки.
Подружку для засолки, жарки, варки.
А если хочешь съесть сырой,
То косточки в земле зарой.*

Стражники переглянулись и подхватили припев:

*Коль скушаешь ее сырой —
Зарой,
Зарой
В земле сырой.*

— Противная песня, — сказала Алиса. — И трусливая притом.

— Согласен, — сказал стражник. — И мне она совсем не нравится. Но мы же не от хорошей жизни поем, мы напоминаем его благородию дракону, что лучше есть девочек, чем стражников. — Тут он натянул поводья и остановил коня. — Не знаю, услышал ли нас дракон.

— А если услышал, — сказал второй стражник, — может, и не сообразил. Ведь дракон — все равно что большая лягушка. Можем ли мы ждать от него соображения?

— Не можем, — сказал первый стражник.

— А если господин астролог сомневается, что мы не проговоримся, то мы готовы дать страшную клятву.

Астрологу тоже не хотелось углубляться в лес.

— А какую клятву? — спросил он. Тогда первый стражник поднял руку с мечом и заговорил:

*Клянусь, клянусь, клянусь,
Что не проговорюсь
Ни в яме, ни под пыткой,
Ни муравью с улиткой,
Ни в спальне у красотки,
Ни после литра водки.
Клянусь, клянусь, клянусь!*

Астролог подумал и сказал:

— А что, неплохая клятва, осмысленная такая, крепкая. Надо будет записать. Чьи слова?

— Слова народные! — ответил первый стражник.

— Вот я и вижу — есть в вашей клятве что-то простое, живительное, от самой земли, даже сеном пахнет.

— Так что, возвращаемся? — спросил первый стражник. — А то, пока вы рассуждаете, дракон уже, может, к нам подкрался.

— А ее нельзя оставлять, — сказал астролог. — Она быстрее нас на дорогу выбежит, тогда-то нам точно головы не сносить.

— А мы ее привяжем, — сказал первый стражник. — Чего нам рисковать?

— Это мысль, — обрадовался астролог. — Чудесная, гуманитарная мысль.

— Какая? — удивился стражник.

— Филологическая, — сказал астролог. — Я некоторые слова забыл — уж очень много я их знаю. Но где-то слышал, что если помощь, то гуманитарная. А мы ведь помогаем девочке?

— Как же вы мне помогаете? — спросила Алиса, которой совершенно не нравилось, что ее собираются привязать.

— Мы тебя привяжем, это не больно, — сказал астролог, слезая с коня. — Ты отдохнешь немного, а то ведь устала верхом ехать. А потом кто-нибудь придет из леса и скушает тебя. Может, дракон, а может быть, тигр. У нас кого только по лесам не водится!

Алиса решила, что не будет их ни о чем просить — они ведь жалости не знают, потому

что трусы. Чем человек трусливей, тем он злее к другим. Ему все кажется, что люди вокруг хотят ему зло причинить. Поэтому он спешит сам раньше гадость сделать. От этого подлые хищные животные, такие как шакалы, всегда бандами нападают. По одиночке они боятся.

Стражники спешили. Они привязали Алису к толстому дереву той веревкой, которой были замотаны ее руки.

— Как чудесно! — приговаривал астролог, бегая вокруг. Борода его развевалась от ветра, как черное знамя, лиловый нос блестел, будто намазанный маслом. — И нам хорошо, и тебе, Алисочка, хорошо. Главное, никто не обижен. Ты ведь на нас не обижаешься?

— Обижаюсь, — сказала Алиса.

— А вот это лишнее, мне даже грустно слышать такие обвинения. Мы же что сделали? — точно выполнили королевский приказ: отвезти преступницу Алису в зачарованный лес к заброшенному замку и передать ее дракону. Вот мы и отвезли. Вот мы и передали. Он вот-вот придет.

Астролог проверил, хорошо ли затянута веревка.

— Отлично, — сказал он.

Потом влез на коня, стражники тоже влезли на коней, и астролог крикнул:

— Эй, драконище-чудовище! Твоя жертва ожидает тебя у большого дуба. Спешу, пока какой-нибудь волк не воспользовался.

И, не попрощавшись с Алисой, астролог и стражники поскакали по тропинке, и только был слышен удаляющийся стук копыт... Потом и этот звук пропал.

Наступила тишина, зловещая, страшная тишина зачарованного леса.

Хуже нет, чем быть связанной в лесу.

Руки болят и немеют, хочется нос почесать, а не можешь, по щеке паук бежит, а тебе его не смахнуть, на нос комар сел, а ты его согнать не в состоянии. Нет, лучше умереть, чем терпеть такие мучения.

Вдруг Алиса услышала над головой тихий голосок:

— Ой, я нашла! Я нашла!

Алиса подняла голову.

На толстой ветке над ее головой сидела рыжая белочка.

— Здравствуйте, — сказала ей Алиса.

— Привет. Это вы — Алиса? — спросила белка.

— Да, это я. А ты откуда меня знаешь?

— Герасик прибежал в лес и позвал всех лесных жителей на подмогу. «Отыщите, говорит, Алису. Хоть под землей, хоть на дне моря, хоть на горе». Но храбрую Алису мы должны спасти. А я первой тебя нашла.

— Белочка, — попросила Алиса. — А ты не можешь кого-нибудь позвать, чтобы мне руки развязали?

— Ой, никого здесь нет. Никого из зубастых. Но я сейчас побегу, ты потерпи.

— Белочка, подожди, сгони, пожалуйста, паука с моей щеки и комара с носа. Я тебя умоляю!

— Разумеется! — Белочка спрыгнула с ветки на плечо Алисы и первым делом пристукнула лапкой комара, а вторым делом проглотила паука.

— Теперь беги, — попросила Алиса. — Поищи кого-нибудь.

— Бегу! — Белка прыгнула на ветку, пробежала по ней, перелетела на соседнее дерево и исчезла.

«Как хорошо, — подумала тогда Алиса. — Вот, казалось бы, совсем безнадежная ситуация — но ведь у тебя есть друзья, ты не одна! И как бы тебе ни было плохо, всегда друзья придут на помощь». И ей стало спокойнее. Вот сейчас белка приведет кого-нибудь из зубастых зверей, и Алису освободят. А там уж — бегом через лес! Только ее и видели!

Но раньше, чем зубастые звери, из леса вдруг вышла невесомая бабушка.

Это не значит, что она была какой-нибудь уж слишком маленькой или у нее были крылышки. Нет, бабушка как бабушка, с голубыми и серебряными локонами, чего обычно у бабушек не бывает. На голове маленькая бриллиантовая коронка, которая у королев и волшебниц называется диадемой, платье, искусно сшитое из зеленых листочков и травинок, на ногах плетеные соломенные туфельки отменного изящества.

— Здравствуй, девочка, — сказала бабушка. — Ты попала в неприятную историю. Я постараюсь тебе помочь, но у меня слабые руки, а стражники сделали такие тугие узлы, ты не представляешь!

— Я представляю! — сказала Алиса. — А вы кто, фея?

— Я лесная фея из рода Мелузинов. Ты можешь меня называть госпожа Мелузина или Ваша Легкость.

— Все-таки попробуйте меня развязать, Ваша Легкость, — попросила Алиса. — А вдруг у вас получится?

— Нет, к сожалению, я стара стала и слаба.

— А разве у вас нет волшебной палочки?

— Ой, и не говори! — вдруг рассердилась фея. — Ты откуда знаешь?

В этот момент послышался треск ветвей, одно из деревьев неподалеку с треском свалилось, и на поляну вышел громадный дракон, он же чудовище. И тут Алиса, хоть и сильно перепугалась, догадалась, почему этого дракона некоторые называют чудовищем. Ведь драконы — это большие сухопутные крокодилы с одной или несколькими головами, они покрыты чешуей. Но этот дракон был покрыт шерстью! Неопрятной, спутанной шерстью, в которой застревали палки, сучья и все прочее. А морда была драконьей-крокодильей.

— Ага, ты уже здесь, бабуся! — зарычало чудовище. — Ты что, новую волшебную палку добыла? Не верю! Нет палочки — вали отсюда!

— Извини, Алиса, — сказала фея Мелузина, — я хотела бы тебе помочь, но бессильна.

И бабушка растворилась в листве.

— Ну что ж, — сказала чудовище, разглядывая Алису. Из рта у него иногда шел дым. Глаза были маленькие, желтые, злобные. — Ну что ж, попробуем, что из тебя получится.

Одним рывком чудовище выдернуло из земли дерево, к которому была привязана Алиса, оторвало веревку от ствола и потопало в гору, волоча Алису за собой.

Глава 9. В замке дракона

Лес молчал.

Могучие старые ели поднимались по сторонам тропинки.

Алиса скользила по влажной земле и прошлогодним листьям.

— Вы меня слышите? — крикнула она. — Вы можете топтать помедленней? Вы же меня задушите!

Дракон сделал вид, что не слышит.

— Ничего себе мужчина! — захрипела Алиса. — Задушить связанную девочку каждый сможет. А вы вот помогите ей, покажите себя настоящим рыцарем.

— Я тебе не рыцарь, — ответил дракон, не оборачиваясь. — Я злобное чудовище, живущее в непроходимом лесу. Ты лучше скажи, почему мне уже вторую неделю никто еды не присылает? Я же всех коз и зайцев в лесу перерезал. — Чудовище помолчало и продолжило: — Вчера, или когда это было? Позавчера! В соседнюю деревню забрался, яичек захотелось. Так куры такой шум подняли, что пришлось уйти. Конечно, я мог бы и крестьян передушить, но десяток передушишь, а потом тебя самого пристукнут. Я их знаю — вредный народ.

Чудовище было не очень огромное, встречаются драконы и покрупнее. Даже здесь, в эпохе легенд, жил Змей-Долгожеватель и его подруга Несси. Каждый из них длиной с поезд. А это чудовище так себе, с крупного медведя. Но морда как у крокодила нильского. Такой вполне может человека пополам перекусить... а ему, видите ли, яичек захотелось!

Драконы и чудовища бывают разные. Алиса на них в своей жизни насмотрелась. С раннего детства, можно сказать, росла среди чудовищ. Папа Алисы — директор космического зоопарка в Москве — Космозо. А там живут животные, которых привозят с других планет. В Космозо их изучают, а кроме того, туда ходят посетители и смотрят на чудеса Галактики. Но в Космозо содержат не только животных с других планет, там есть и наши звери, только самые необыкновенные. Когда-то, когда Алиса была совсем маленькой, еще в школу не ходила, палеонтологи, то есть ученые, которые ищут остатки ископаемых животных, при раскопках нашли яйцо динозавра, которое не окаменело, и из него удалось вывести настоящего динозаврика. Его тоже отдали в Космозо.

Этот динозавр рос и рос, пока не занял весь пруд в Космозо. Стал он длиной с поезд. Алиса с ним подружилась, когда он еще был совсем махоньким, с крокодила. Она даже до сих пор катается на нем верхом по пруду. Привыкли они друг к другу.

Так что вообще-то Алиса драконов не боится. Кто такой дракон? Это динозавр, который забыл вымереть, когда вымерли все остальные динозавры. А в эпохе легенд они еще редко, но встречаются. Есть драконы и на других планетах, Алиса их там тоже видела, когда с папой, капитаном Полосковым и механиком Зеленым летала на космическом корабле «Пегас» на поиски редких животных для Космозо. На Паталипутре она была на центральном рынке Галактики, где продают животных. И чего она только там не видела! К тому же надо вам сказать, что Алиса знакома с настоящим морским змеем, который сохранился в глубокой впадине в Тихом океане. А морской змей — это тоже дракон, только подводный. Если вы думаете, что для Алисы вид местного чудовища был чем-то ужасным и непривычным, то ошибаетесь.

Правда, здешнее чудовище было довольно странным. Оно вело себя не по-драконьи. Дикий дракон, как видит добычу, сразу на нее кидается и пожирает — чего Алиса и боялась.

А этот вместо того, чтобы кидаться, тащит ее в замок. И к тому же ругается с феей. Больше всего похоже на то, что он настолько давно живет рядом с людьми, что привык к ним, вмешивается в их дела, а девушек или козочек на съедение ему присылают из города.

Спросить его об этом?

Нет, не стоит. Еще неправильно поймет и вместо того, чтобы тащить в гости, сожрет на месте. Только тебя, Алисочка, и видели!

Алиса заметила, что дракон идет помедленнее. Может быть, в его холодном сердце шевельнулась жалость к жертве?

Но тут дракон сам все объяснил:

— Ты только, пожалуйста, не воображай, что я из-за тебя так медленно шагаю. Я так шагаю оттого, что устал. Я рожден ходить по ровным местам, а не в горы карабкаться. Так что не воображай.

— А я и не воображаю.

Деревья расступились на небольшой площадке перед замком. Поляна поросла густой зеленой травой, из которой поднимались белые одуванчики. Когда Алиса задела один из них, он не осыпался, а уколол ее. Это были не одуванчики, а колючки, похожие на одуванчики, — видно, так уж повелось в Другом королевстве.

Замок был, как и положено, квадратный, с четырьмя башнями по углам и одной, самой высокой, в центре. Алиса знала, что эта башня зовется донжон.

В стене перед ними зияла арка входа с поднятой железной решеткой. Несколько бревен заменяли мост, который когда-то вел через ров. Но ров зарос крапивой, воды в нем давно не было.

Чудовище протащило Алису во двор замка. Там было пусто и скучно. Между камней, которыми был вымощен двор, росли лопухи, колючие одуванчики и сирень, пахнувшая почему-то рыбой.

Не отпуская веревки, на которой чудовище вело Алису, словно собачонку, оно протянуло когтистую лапицу и опустило решетку.

— Все, — сказала чудовище. — Отсюда тебе не выбраться.

— Тогда веревку отпустите, — сказала Алиса. — Чего вам бояться?

— А я вообще никого и ничего не боюсь! — ответило чудовище. — Мне ни волк, ни медведь не страшны. Я как-то крокодила растерзал — он и пискнуть не успел. Меня многие боятся.

С этими словами чудовище кинуло веревку на землю.

— Пожалуйста, — вежливо попросила Алиса, — развяжите мне руки. А то они скоро отвалятся.

— Нет, — сказала чудовище, — так надежнее. А ты пока привыкай, осваивайся, чувствуй себя как дома.

— Тогда лучше ешьте меня сразу, — сказала Алиса. — Какой вам смысл кушать безрукую девочку?

— Ну что ты вечно со своими капризами! — обиделось чудовище. — Я устал, в гору поднимался. У меня один хвост полтонны весит. Почему никто меня не хочет пожалеть?

— А вы кого-нибудь жалеете?

— Но ведь я чудовище, меня таким сделали. Я злобный дракон. Как ты можешь ждать от меня жалости?

— Тогда не ждите жалости от людей.

— А ну кончайте мучить ребенка! — раздался крик.

Алиса подняла голову. На башне донжон сидела ворона Дурында.

— Стоит мне отлететь на минутку, и уже все вверх ногами в нашем королевстве, — проскрипела птица.

— Ах, это ты! — недовольно произнесло чудовище. — Тебя еще не хватало.

— Дракоша, опомнись! — закричала Дурында. — Это твой последний шанс исправиться! У тебя репутация самого злобного и хищного существа во всей эпохе легенд. Ты этого хочешь?

— Я этого не хочу. Я хочу кушать. А говорят, что эту девчонку мне есть нельзя.

— Почему нельзя? Очень даже можно, — ответила Дурында. — Я сама бы ее съела, если бы клюв был пошире. Но сначала испытаем другие способы. Ясно?

— А что же я есть буду? — спросило чудовище. — Я тут на днях в деревню пошел, хотел яичками разжиться, так мне крестьяне чуть брюхо вилами не проткнули.

— А у тебя в подвале мешок муки есть, — сказала Дурында. — Я знаю. И масла горшок.

— Ну и что? — спросило чудовище.

— А то, что блинов можно напечь на целый полк драконов.

— Охота была блинами питаться! — обиделся дракон. — Я же хищник смелого полета. Могла бы чего-нибудь принести.

— Да принесла, принесла, ты только на девочку сразу не кидайся!

Дурында толкнула лапой с башни что-то круглое, как большая красная баранка.

Эта баранка шмякнулась на камни у ног дракона.

Тот втянул воздух громадными вывороченными ноздрями и сказал:

— Вот это другое дело.

Алиса поняла, что Дурында притащила круг колбасы.

Чудовище высунуло красный язык и слизнуло колбасу, захлопнуло пасть и замерло, зажмурившись. Потом сглотнуло, открыло глаза и сказало:

— Славно.

Подняло морду кверху и спросило:

— А где вторая колбаса?

— На закуску блины.

— Не хочу.

— Ящерица ты неблагодарная! — крикнула Дурында. — Я жалею, что тебе колбасу тащила. Чуть не надорвалась.

— А кто мне блины спечет? — спросил дракон.

— Твоя пленница, Алисочка, — сказала Дурында. — Она и на тебя и на себя спечет. Она девочка хорошая, хозяйственная.

— А я думал...

— Ничего ты, дорогой, не думал. Не для того у тебя головка. Веди Алису на кухню, пускай трудится.

— Он мне до сих пор руки не развязал, — пожаловалась Алиса вороне. — Я скоро от боли умру.

— Ну и мерзавец! — возмутилась птица. — Ты как же обращаешься с нашей гостьей из двадцать первого века, с заграничной принцессой? Ты забыл, на каких условиях ты ее получил?

— Ладно уж, — сказал дракон.

Он принялся распутывать узлы, когти скользили, ничего не получалось, чудовище дергало, злилось и еще туже затягивало их. Дурында летала вокруг и кричала, чтобы дракон был поосторожнее, а то она ему глаза выключет. Наконец дракону удалось разорвать веревку, и Алиса не сразу смогла поднять руки. Она их сначала терла одну о другую, потом, когда пальцы ожили, принялась растирать кисти, особенно пострадавшие от веревок.

Чудовище и Дурында о чем-то негромко разговаривали, но Алиса этому не удивилась — в эпоху легенд сказочные существа любили поговорить, она и не прислушивалась.

Вдруг чудовище прервало разговор с вороной и спросило:

— Ну как, Алиса, ты пришла в себя?

— Погодите еще.

— Некогда годить, — сказал дракон. — Пошли на кухню, будешь свой хлеб отрабатывать.

— А мне ничего не нужно отрабатывать. Я хочу только одного — чтобы меня отпустили. Мне домой пора, мама с папой волнуются.

— Вот видишь, — сказала Дурында, — папа с мамой волнуются, а ты, бессовестная, за мальчишкой в нашу эпоху помчалась. Не нужна такая дочка твоим папе и маме. И правильно сделает дракон, если тебя сожрет, как всех других сожрал. И есть у тебя только один выход...

— Какой? — спросила Алиса.

— А вот поджаришь блины, накормишь несчастное животное, сама перекусишь, тогда и будете выяснять отношения.

Ну что ты будешь делать? Вся надежда на то, что белочка расскажет Герасику, куда задевалась Алиса; что фея не забудет; что друзья не оставят в беде. Так что надо тянуть время, и если дракон будет сыт, зачем ему питаться Алисой?

Видно, дракон угадал ее мысли, потому что вдруг сказал:

— И чего девочку на блины тратить? Давай скушаем ее.

— Без шуток! — прикрикнула на дракона птица Дурында. — А ну, пошли на кухню!

Вслед за драконом Алиса спустилась по каменной лестнице на кухню, которая занимала подвал в одной из башен. Там находилась большая плита, возле которой грудой были свалены поленья, в углу стояли мешки с мукой да горшки с маслом. На плите было много котлов, кастрюль и две сковородки.

Чудовище, которое еле пролезло в дверь, уселось на пол, принялось обмахиваться чешуйчатым на конце хвостом.

— Воздух здесь, — сказала чудовище, — тоскливый.

Дурында не стала залетать на кухню и исчезла.

— А где колодец? — спросила Алиса. — Мне вода нужна.

— Колодец снаружи, — сказала чудовище.

— Возьмите ведро и принесите воды, — велела Алиса.

— Еще чего не хватало! Мне еще никто не приказывал! — возмутился дракон. — Да я тебя сейчас растерзаю!

— И останетесь без блинов.

— Эти блины подлая Дурында придумала, а я и девичьими котлетками обойдусь.

Тут чудовище громко расхохоталось и от смеха стало чесать когтями свое меховое пузо.

— Я сама принесу воды, — сказала Алиса.

— Ладно уж, трудись, — сказала чудовище. — Я пошел. Какое ведро взять?

— Вот это вроде чистое. Но вы его еще помойте.

— Нет, — ответило чудовище, — принести — куда ни шло, а вот чтобы мыть, не драконье это дело.

— Вы мне уже надоели, — сказала Алиса. — Я вам в поварихи не нанималась.

— Ты мне на ужин нанималась, — весело ответило чудовище и отправилось наружу с пустым ведром.

Дракона долго не было, Алиса заинтересовалась: что он там делает? Оказалось, стоит возле круглого каменного колодца и моет ведро своей когтистой лапой. Зрелище было, скажу вам, просто уморительное. Чтобы дракон мыл ведро!

Алиса тихонько спустилась обратно на кухню и стала ждать дракона.

Он появился минут через пять с полным ведром.

— А вымыли вы ведро? — вежливо спросила Алиса.

— Еще чего не хватало! — откликнулся дракон.

— Тогда я примусь за дело... кстати, у вас нет зажигалки?

— Чего-чего?

— Зажигалки или спичек. Чем мы будем огонь зажигать?

— Ну да, конечно, надо зажигать, — согласился дракон. Он был растерян. — Ума не приложу, — сказал он. — Но очень блинов хочется.

— Простите, — сказала Алиса. — Но вы ведь настоящий дракон?

— Еще какой настоящий!

— Тогда вы можете дыхнуть огнем в печку?

— Кстати, а почему бы и нет? — воскликнул дракон.

Он так обрадовался, что начал махать хвостом, и Алисе пришлось попросить его держать себя в руках, так можно всю кухню разгромить.

Алиса сложила полешки в печке и отошла в сторону.

— Эх, была не была! — закричал вдруг дракон и дыхнул огнем в печку.

Видно, температура пламени была такой высокой, что дрова сразу вспыхнули.

— Здорово, правда? — спросил дракон совсем по-мальчишески. Видно, он был не безнадежен.

Алиса как-то сразу успокоилась. Раз мы занялись блинами, наверное, не будем пока пожирать девочек.

Алиса развела муку водой, намазала сковородку маслом и стала печь блины. Блины шкворчали, румянились, в плите пылало пламя, пахло так вкусно, что дракон, хоть и был по специальности людоедом, стал облизываться и покрикивать на Алису:

— Ну сколько можно ждать! Ты что, спать здесь собралась?

— Попрошу без хамства и оскорблений, — сказала Алиса. — Тот, кто будет так себя вести, останется вообще без блинов.

Потом Алиса пошуровала по полкам и отыскала нетронутый пакет с чаем. Только вот сладкого ничего не было.

Алиса вскипятила чай, блины легли целой горой, и гора, наверное, была бы вдвое больше, если бы не этот недисциплинированный дракон, который без стыда и совести воровал блины, пока она их жарила.

Впрочем, Алиса столько нажарила блинов, что даже дракон наелся до отвала.

Спасибо он ей, конечно, не сказал — ни одно чудовище никогда вас не поблагодарит, учтите. Но похвалил Дурынду.

— Неглупая птица, а ты как думаешь? — спросил он.

— Странная птица, — ответила Алиса. — Не пойму я, чего она хочет, кому она служит.

— Хочет богатства, — сказал дракон, — а служит тому, кто больше заплатит.

— А кто ей сейчас больше всех платит? — спросила Алиса.

— Королева Другого королевства, неужели не догадалась?

— Ну как мне догадаться!

Дракон достал из поленницы щепку и стал ковырять в зубах.

— Ты вообще-то не производишь впечатления образованной, — сказал он, — но ведь девочкам и не нужно быть образованными.

— Почему? — удивилась Алиса. — Мне это никогда не мешало.

— Ты что, и читать умеешь?

— На шестнадцати языках, — сказала Алиса.

— И считать умеешь?

— Нет проблем.

— Нравишься ты мне, — сказала чудовище, — хоть у тебя много недостатков, образование в первую очередь. Жаль, что придется тебя растерзать.

— А это так необходимо? — спросила Алиса.

Было тепло, уютно, в плите еще горел огонь, Алису тянуло в сон.

— А ты видишь какой-нибудь другой выход? — спросил дракон. И голос его странно прозвучал, будто он ждал от Алисы какого-нибудь особенного ответа.

— Конечно, вижу: вы отпустите меня домой, а я вам присылаю поздравительную открытку к Новому году.

— Смешно, — сказал дракон. Он протянул свою лапу Алисе и дотронулся до ее руки.

Алиса непроизвольно отпрянула — так ей было неприятно это прикосновение.

— Вот видишь, — сказала чудовище. — Никакой дружбы у нас не получится.

— Простите, — сказала Алиса. — Но разве обязательно меня хватать руками?

— Или хватать, или кушать, — ответил дракон, и, как показалось Алисе, голос его звучал печально.

— Дикие нравы, — сказала Алиса.

— Какие есть. А ты подумай, подумай. Ведь я, в принципе, неплохой, мы с тобой блины ели, я даже ведро вымыл. Ну почему бы тебе меня не приласкать?

— Как так приласкать?

— Поцеловать, погладить, сказать: «Ах ты, мой пушистенный, ах ты, мой пышненький!»

— Перестаньте шутить, дракон, — строго сказала Алиса. — Это исключено.

— И почему же исключено?

— А потому что я не могу сделать того, что мне противно.

Эти слова дракону не понравились.

Чудовище поднялось на задние лапы и так стукнуло кулаком по дубовому столу, что он чуть не сломался.

— Проклятье! — зарычало оно. — Проклятье! Почему под оболочкой ящера ты не можешь разглядеть тонкую душу? Почему ты оказалась такой же дурочкой, как и все принцессы, княжны, графинечки и поселяночки, которых мне пришлось сожрать?

— Как так сожрать? Разве вы их не в переносном смысле едите?

Алиса сказала это не потому, что так думала, а потому, что надеялась — вдруг дракон

шутит?

Нет, он не шутил.

— Пошли, — сказал дракон и, не оборачиваясь, направился к двери. — Надо тебе что-то показать.

Алиса покорно поднялась и последовала за ним.

Чудовище вышло во двор замка, пересекло его, открыло дверь в донжон и вошло внутрь. Затем оно спустилось по каменным ступенькам в полуподвальное помещение и раскрыло железную дверь.

— Смотри, глупое существо, — сказал дракон.

Алисе не хотелось туда глядеть. Она уже поняла, что ничего хорошего не увидит.

Но чудовище нависало, как низкий потолок темной пещеры.

Пришлось заглянуть внутрь.

Полуподвал освещался только из окошка под самым потолком.

Через все помещение на высоте Алисиного роста тянулась длинная полка. На ней на плечиках висели девичьи платьяца.

Там были платья принцесс — до самого пола, сарафаны крестьянок, лохмотья нищенок из серой дерюжки, яркий костюм уличной акробатки, цветастая юбка девочки-цыганки... На каменном полу под выставкой платьев стояли парами, а то и по штучке — туфли, туфельки, башмаки, лапти, валялись чулочки, носочки и всякие мелкие детали туалета, такие как носовые платки, или заколки для волос, или бантики.

Глухой голос чудовища проникал прямо в сердце Алисы.

— Это все, что от них осталось, — произнесло чудовище. — Это то, что я не стал есть.

— А остальное... а этих девушек вы съели?

— И они сами в этом виноваты. У меня к каждой из них была только одна просьба... ма-а-аленькая просьба. И ни одна не захотела ее выполнить добровольно. Ни одна!

— Что за просьба? — спросила Алиса.

— Скоро узнаешь. И тогда твоя судьба тоже решится.

«Какая же ужасная просьба, — подумала Алиса, — если эти девушки и девочки предпочли смерть!»

— Здесь было четыре принцессы, две маленькие княжны, несколько графинь и баронесс, одна маркиза, но она была почти взрослая, цыганские гадалки, арабские бродяжки, двадцать три крестьянки и три доярки, не считая просто девочек без занятий... И вот она!

Дракон поднял с пола хрустальный башмачок!

— Но как вы могли!

— Я — чудовище, и этим все сказано, — ответил дракон. — Пошли наверх.

Темнело, над замком неслись серые тучи.

Сзади послышалось шумное дыхание дракона.

— Я не хотел этого, — сказал он. — Честное слово. Это мне не радость, а сплошное наказание.

— А для них? — спросила Алиса.

— Им уже все равно, — сказал дракон.

Алиса обернулась к нему.

Да, это было отвратительное чудовище. И оно еще оказалось убийцей!

— Все драконы убивают людей, — сказала чудовище.

— Но ведь не девочек!

— А чем девочки лучше мальчиков? — спросил дракон.

Алиса не нашла слов. О, как она его ненавидела!

Дракон сделал шаг к ней, но Алиса даже не отступила, не убежала. Ей было все равно.

— Можно, я тебе скажу правду? — спросил он.

— Мне все равно.

Дракон сел на хвост и стал похож на мохнатого кенгуру с длинной крокодильей мордой.

— Я не всегда был драконом, — сказал он. — Я заколдован.

— Мне и это все равно.

— Меня заколдовала та паршивая старая фея, которую ты видела в лесу у холма.

Алиса не смотрела на чудовище.

— Я могу вернуться в прежнее состояние и снова стать прекрасным принцем, только если какая-нибудь девушка добровольно меня поцелует.

Глава 10. «Я прошу тебя, Алиса!»

Алиса поглядела на чудовище.

Зеленая крокодилья морда, слюна капает с желтых клыков, из ноздрей тянется черный дымок. А над мордой — бывает же такое! — торчат волчьи уши, из которых растут волосы. Само тело чудовища покрыто грязной, зеленоватого цвета шерстью, такой жесткой, словно она состоит из иголок. Передние лапы небольшие, но с огромными когтями, а задние — могучие, да еще толстый хвост, — вы такое видали?

— Да, — сказала Алиса, — я их понимаю.

— Кого понимаешь? — грозно спросило чудовище.

— Девушек, которых ты сожрал.

— Ну неужели так трудно сделать доброе дело? — взревело чудовище. — Неужели тебе не жалко прекрасного принца, засунутого в эту шкуру. Ты что думаешь, мне самому приятно ходить в таком виде? Да я когда-нибудь эту фею на куски разорву.

— Пока что не разорвал, — заметила Алиса.

— А как ее разорвать? Она же волшебница! Я тяну к ней лапу, а лапа немеет! О, горе мне, горе!

— Но что случилось? Почему так произошло? — спросила Алиса.

— Со временем, может быть, узнаешь, — сказало чудовище. — Рано тебе еще знать.

— Не хочешь — не надо.

— А мне говорили, что ты — добрая, — сказало чудовище печально.

У него даже тон изменился, словно вдруг воздух выпустили.

— Кто говорил? — спросила Алиса.

Дракон повернулся и побрел прочь. Его толстый хвост волочился по камням двора, и когти постукивали по ним.

«Нет, не буду его жалеть, — сказала себе Алиса. — Он все равно отвратительный изверг и людоед».

Чудовище ушло в башню, в которой находилась кухня, и захлопнуло за собой дубовую дверь. Башня даже зашаталась, хоть и была сложена из каменных глыб.

Нет, с таким не справишься.

Алиса подошла к решетке. За ней виднелся лес. В вечернем свете ели казались совсем черными.

«Кто же рассказывал чудовищу обо мне? — подумала Алиса. И тут же догадалась: конечно же, птица Дурында. — Странная она — с одной стороны, предупредила о несчастном Герасике и как бы помогла его спасти. С другой стороны, носится, кричит как оглашенная, то с министром добрых дел, то с чудовищем крутится — всех знает, всюду поспекает! А зачем она обо мне рассказывала чудовищу?»

Алиса попробовала решетку — нет, прутья толстые, их и богатырь не согнет. Может, забраться на стену? А потом что? Прыгать вниз? Костей не соберешь.

Надо идти спать. А то в полной темноте не найдешь себе удобного места.

Как бы отыскать такую спальню, куда чудовище не доберется? А то еще проголодается ночью и решит тебя сожрать! Хорошо бы дожить до утра, а там, может, и помощь придет.

Поднялся ветер. Он задувал между зубцов стен, завивался вьюном, залезал во двор крепости. Он был холодный, словно прилетел с Северного полюса. Впрочем, там оно и было — надвигался ледниковый период, эпоха легенд подходила к концу. И вместе с ней исчезнут

все волшебники и драконы. И начнется нормальная, вовсе не сказочная жизнь.

Алиса заглянула во все башни по очереди, кроме той, где скрылся дракон. В двух башнях ничего не было — просто голый пол и труба потолще фабричной, внутри которой ты стоишь.

А вот в третьей Алиса увидела деревянную лестницу, узенькую, шаткую, которая вела на помост.

Алиса поднялась по ней. Это был второй этаж башни, тут были пробиты узкие бойницы, а на помосте, видно, стояли защитники замка. В других башнях эти помосты сгнили, а здесь остался. На помосте валялась солома, словно здесь уже кто-то спал раньше. Но накрыться было нечем.

Сквозь бойницы в башню вливался синий вечерний свет, но его было так мало, что Алиса устраивалась спать ошупью. Она старалась не шуметь, надеясь, что чудовище не отыщет, где она затаилась, и не явится ее кушать.

Очень хотелось спать — день выдался длинный и утомительный, Алиса сильно устала, да еще не удержалась и за компанию с чудовищем наелась блинов... Она лежала, смотрела, как луна медленно всплывает в бойницу...

И заснула.

Очнулась она от тихого голоса.

— Алиса, — произнес голос. — Ты не спишь?

— Сплю. — Алиса с трудом открыла глаза.

Темнота, хоть глаз выколи, только за бойницами яркие звезды.

И не поймешь, кто же забрался к ней в башню.

— Алиса, не спи, — произнес тихий голос. Он был хриловатым и каким-то надтреснутым. Знакомый голос. — Алиса, ты должна, обязана поцеловать чудовище.

— Этого еще не хватало! — ответила Алиса. Но тоже тихо, ночь была такая беззвучная, что каждое слово разносилось по Вселенной до самых звезд.

— Ты должна, иначе погибнешь, — продолжал голос. — Подумай о своей маме. Каково ей будет, когда расскажут, что ее дочь Алиса погибла в желудке какого-то дракона только потому, что ей не хотелось об него губки испачкать.

— А кто это говорит?

— Доброжелатель, — отозвался голос.

Сейчас бы спичку или хотя бы светлячка! Кто этот доброжелатель?

— Лучше бы вы мне помогли отсюда бежать, — прошептала Алиса. — Я не останусь в долгу. Мои друзья вам будут благодарны.

— Знаю я твоих друзей! — еще громче заговорил доброжелатель, и тут Алиса догадалась: это же Дурында.

И расстроилась. От Дурынды какая польза?

— Дурында, — сказала Алиса, — ну что тебе не спится! И мне мешаешь. Летела бы к себе домой!

— Ах, я не Дурында, — ответила ворона. — Я доброжелатель. Я тайный доброжелатель!

Она захлопала крыльями и полетела к бойнице. На несколько секунд звездное небо пропало — это ворона протискивалась в узкое отверстие, потом в бойнице снова загорелись звезды.

Алиса вздохнула и попыталась снова заснуть.

Но разве тут заснешь? Проклятая ворона весь сон разогнала. Ну что ей нужно? Неужели ей чудовище что-то обещало за помощь?

Алиса лежала, глядя на полоску звезд, и думала:

«А ведь чудовище тоже несчастное существо. Даже если оно очень плохое. Но ведь до того, как принц стал драконом, он же не ел девушек? Наверное, скакал на коне, ездил на охоту, сражался на мечах, как и положено принцу. А теперь мучается... Нет, — возразила она сама себе. — Даже если тебе очень плохо, это не основание, чтобы есть невинных девочек. Найдется на него свой Тесей!»

Это Алиса вспомнила древнюю греческую легенду. В ней рассказывается о том, как на острове Крит у царицы родился ребенок с бычьей головой. Ну, родителям, конечно, стыдно с таким по улице гулять, и они построили для него лабиринт. То есть дом с такими запутанными коридорами, что там в два счета можно заблудиться. И потом уже не выберешься. Отвела мама своего сынка, которого назвали Минотавром, в этот лабиринт и оставила там, в темноте и тесноте. Минотавр кричал ей вслед: «Мамочка, не оставляй меня здесь!» А мама отвечала: «Так надо, сынок, папа велел!» И сама тоже плакала. Но как ты будешь кормить Минотавра, если никто из слуг не хочет носить туда пищу! И тогда царь придумал — он стал брать дань с подвластных ему стран молодыми девушками. Каждая страна собирала ему целый класс девочек, и их везли на Крит. Чем хороши живые девочки? Они же не портятся, как другие продукты! И вот раз в месяц, а может, раз в неделю в лабиринт запускали по девице. Девицы бродили по кривым коридорам и в результате забредали в центр, где в своих темных покоях обитал бык. Он стал гигантским и сильным чудовищем. Правда, он привык иметь дело только с маленькими девушками, и никто не мог проверить, насколько он силен на самом деле.

Однажды греческий герой Тесей решил покончить с этим безобразием. Хватит пожирать невинные создания. Тоже мне, любитель нашелся! Тесей сел на корабль, который вез на Крит несчастных девушек, приехал на остров и, пока готовили первую девушку, чтобы отдать ее Минотавру, подружился с Ариадной, сестренкой Минотавра, правда, с человеческой головой. И рассказал ей, что хочет навести порядок на острове. Ариадна была девушкой разумной. Она сказала герою: «Может, ты моего братишку и одолеешь. Но, к сожалению, лабиринт устроен так, что выбраться из него нельзя. И сделано это для того, чтобы сам Минотавр не вырвался наружу и не начал все крушить. Возьми-ка ты клубок, прикрепил кончик нитки у входа и, пока будешь искать моего брата в лабиринте, разматывай нитку». «А когда я пойду обратно, я буду наматывать ее на клубок!» — догадался Тесей. После этого он вежливо попросил разрешения у родителей Минотавра заглянуть в лабиринт. «Иди, — сказал царь, — шансов у тебя нет, но попробуй. Хоть он нам и сын, в чем есть большие сомнения, нам тоже стыдно перед культурными соседями, что мы своего сына девушками кормим».

Тесей забрался в лабиринт, отыскал там Минотавра, и тот, хоть и был чудовищем с бычьей головой, ничем не был вооружен, а Тесей заявился к нему в полном вооружении, а латах, в панцире, в шлеме с перьями и с острым мечом. Так что Минотавр рычал, рычал, а поделаться ничего не мог. Тут его и зарезали.

Потом Тесей по ниточке, которую дала Ариадна, вернулся наружу и сказал, что с Минотавром покончено. Девушки прыгали от радости, у соседей начались праздники, а родители Минотавра все-таки расстроились. Хоть и урод — но сын!

Некоторые злопыхатели говорят, что Тесей никакого Минотавра не убивал. А история

эта произошла так: вошел Тесей в лабиринт, закрыл за собой дверь, лег на пол и заснул. Через три часа проснулся и кричит: «Открывайте дверь, я Минотавра зарезал!» Дверь открыли, и Тесей вышел наружу. И сказал: «Если у вас есть какие-нибудь сомнения, то прошу, зайдите внутрь, проверьте, живой он или мертвый».

И что удивительно — не нашлось никого, кто захотел бы проверить слова Тесея. А Минотавр умер от голода, ведь ему больше девушек не присылали.

Алиса подумала: как история с Минотавром похожа на ее историю! Может, это чудовище и есть Минотавр, может быть, легенда о Минотавре и родилась из-за этого чудовища?

А потом она подумала вот о чем: когда она была маленькой, бабушка рассказывала ей сказку «Аленький цветочек». В той сказке говорилось о девочке, которая попала в замок к чудовищу. А чудовище было заколдованным принцем. Эта девушка постепенно привыкла к чудовищу, и оно уже не казалось ей таким отвратительным, как вначале. Она его поцеловала... поцеловала или замуж вышла? Не важно! Поцеловала, и тогда чудовище превратилось в прекрасного принца, и они стали жить-поживать и добра наживать...

Что ж, эта сказка тоже похожа на правду, только кое в чем она отличается. То чудовище, из сказки «Аленький цветочек», других девушек не убивало. А наше-то — настоящий людоед!

Незаметно Алиса уснула.

Но снова проснулась от того, что ее кто-то звал.

— Алиса, — произнес тихий голос, — Алиса, проснись и послушай меня!

Нет, это уже не Дурьнда! Голос был немного знаком, но спросонья угадать его оказалось невозможно.

— Ну, кто там еще? — недовольно спросила Алиса.

— Твой друг, — ответил голос.

— Что вам нужно?

— Мне нужно, чтобы ты поцеловала чудовище.

— Еще чего не хватало!

— Алиса, послушай, это недолго. Чмокнула губами и готово! Я прошу тебя об этом от имени безутешных родителей принца! Сделай такой пустячок, и всем будет приятно. К сожалению, я не могу предложить тебе ничего за поцелуй, потому что по условию колдовства девушка должна поцеловать чудовище совершенно бескорыстно, с открытыми глазами.

— Даже не зажмуриваясь? — удивилась Алиса.

— Ни в коем случае нельзя зажмуриваться!

— Скажите, а ваше чудовище случайно не Минотавр?

— Еще чего не хватало! Наш принц всем хорош — это просто красавец, а не мальчик!

— Может быть, я и пошла бы вам навстречу, — сказала Алиса, — потому что понимаю, каково может быть его родителям; но когда он стал похваляться передо мной трофеями, я поняла: никогда!

— Какими трофеями? — послышался голос.

— Которые он снял с убитых девочек. Платьями, туфлями и трусиками.

— Но это же необходимость! Не в трусиках же их жевать! — произнес голос.

— А вы кто такой? Почему вы так переживаете?

— Я много лет дружу с королевой, — ответил голос. — Ее желания — мои желания.

Пожалейте мать!

— Я не буду вас больше слушать, если вы не признаетесь, кто вы такой! — сказала Алиса.

— Я министр добрых дел Другого королевства, — прошептал голос. — Только умоляю — никто не должен знать, что я здесь был.

— А разве вы живой? — удивилась Алиса. — Я была уверена, что вы прыгнули в колодец. Так Охран-паша говорил королю.

— Правильно. Но дело в том, что тот колодец давно высох, а на дно я тюк ваты положил. Как только дела мои при дворе идут плохо или мне грозит какая-нибудь казнь (у нас с этим просто: казнить — все равно, что пальчиком погрозить), я сразу на глазах у всех кидаюсь в колодец. А ночью по веревочной лестнице вылезая. И некоторое время скрываюсь у королевы или у дамы Марьяны, которая, кстати, приходится мне сестрой.

— Значит, чудовище — это принц Другого королевства?

— Не совсем так, — поправил Алису министр добрых дел, — он сын ее величества королевы Лины Теодоровны от первого брака. Но в любом случае он самый настоящий принц! Теперь ты его поцелуешь?

— Все равно не поцелую!

— Но, Алиса, ты же наша последняя надежда!

— И не мечтайте! Я вообще с убийцами не целуюсь!

— О горе, горе! — воскликнул министр добрых дел. — Что я скажу несчастной матери!

— Уходите и не мешайте мне спать, — сказала Алиса. — Уже скоро утро.

И в самом деле, за бойницей начинался рассвет — потихоньку синело небо, и звезды гасли одна за другой.

— Ой-ой-ой, — сказал министр. — Придется тебя кушать.

— И не мечтайте, господин министр! — послышался другой, женский голос. — Ничего у вас не выйдет, пока я здесь!

— Кто это? Кто это? Неужели это ты, Мелузина?

— Она самая, собственной персоной. Покинь сейчас же замок и не мешай сказке развиваться естественным путем, иначе я тебя тоже заколдую...

— Умоляю! Не надо! Ой, щекотно! Я ухожу!

Алисе было слышно, как по каменным плитам двора стучат шаги убегающего министра. Потом заскрипела решетка — видно, он смог ее открыть.

«Сейчас бы самое время убежать следом за министром, — подумала Алиса. — И тем более что фея зашла... фея...»

Но что ты будешь делать... Она снова заснула.

И проснулась окончательно, когда луч солнца, пронзив бойницу, влетел в башню и ударил Алисе в лицо.

Она открыла глаза, потом зажмурилась и вскочила.

От соломы поднялась пыль. Алиса чихнула.

В башне было светло. Пылинки летали в солнечном луче.

И она подумала: «Ну и глупая сказка мне приснилась! С гадкими чудовищами и королевскими предательствами!»

Глава 11. Сказочный поцелуй

Алиса потянулась, прогнала остатки сна и поняла: после ночи на соломе надо бежать приводить себя в порядок и мыться.

Она подошла к краю помоста. Возле деревянной лесенки, ведущей вниз, валялись черная шляпа с трехглавым орлом и вырезанный из шелка глаз — видно, министр добрых дел потерял.

Эти вещи сразу испортили Алисе настроение. Они напомнили о вчерашних событиях. Осторожно, стараясь не шуметь, Алиса спустилась по лестнице.

Потом подошла к выходу. Все тихо.

Она открыла дверь, ступила во двор и увидела...

Нет, лучше бы она не просыпалась!

Вчера в сумерках чудовище казалось не настолько отвратительным, как при солнечном свете.

Алисе захотелось закрыть глаза и никогда не открывать их снова.

Она вся сжалась! Сейчас чудовище кинется на нее и начнет целоваться!

— Доброе утро, — сказала чудовище. — Как ты спала?

Алиса открыла глаза. Чудовище не двигалось с места.

— Я спала ужасно, — сказала Алиса. — Просто ужасно! Меня все время будили ваши адвокаты!

— Кто?

— Адвокаты! Это такие люди, которые защищают преступников в суде, говорят про них всякие хорошие слова, чтобы их не посадили в тюрьму.

— Ах, как интересно! — сказала чудовище. — Я никогда не слышал о такой специальности. У нас в королевстве отлично обходятся без этих самых... адвокатов!

— Не адвокатов, а адвокатов! — поправила дракона Алиса. — И вообще, я вас попрошу, отойдите в сторонку, мне надо в туалет и помыться!

— Может, сначала поцелуешь? — спросило чудовище.

Без злобы спросило и без особой надежды.

— Я должна повторять? — строго спросила Алиса.

Хоть ей и было противно с ним разговаривать, но она уже перестала его бояться.

Чудовище поднялось, поджало громадный толстый хвост и отошло в сторону.

— Идите на кухню, — велела Алиса, — принесите воды, разожгите огонь в плите и поставьте кастрюлю с водой.

— Хорошо, — сказал дракон и послушно ушел на кухню.

Алиса привела себя в порядок, умылась, вычистила черный пажеский костюм, в который все еще была одета.

Когда она пришла на кухню, чудовище сидело у плиты, занимая половину обширной комнаты.

— А что на завтрак? — спросило оно.

— Я там видела мешочек с манной крупой, — сказала Алиса. — Будем есть манную кашу на воде.

— Да ты с ума сошла! Меня этой проклятой манной кашей все детство кормили. Я ее ненавижу! Лучше я останусь на всю жизнь чудовищем, чем съем еще хоть тарелку манной каши.

— Ну ладно, — сказала Алиса, — я сама ее поем.

— А может, блинчиков сделаешь? — спросил дракон подлизучим голосом.

— Ладно, может, блинчиков, — согласилась Алиса. Она не хотела делать ничего хорошего для этого злодея, но нечаянно язык сам сказал то, что Алиса ему говорить не велела.

— Конечно, я мог бы тебя съесть. Девочки лучше всего годятся на завтрак, — сказал дракон, усаживаясь поудобней в ожидании завтрака. — Я обычно весь вечер и всю ночь уговариваю целоваться, а с утра пожираю. Такая у меня система.

— На каждого Минотавра найдется свой Тесей, — сказала Алиса.

Но принц ее не понял. Он взял большую деревянную ложку и возил ею по столу. Дикое зрелище!

— Ну что ж, ешьте меня! — сказала Алиса.

— Нет, — ответило чудовище, — не могу. Ты моя последняя надежда. Я уж понял, что чистой девочки, которая согласится со мной целоваться, никогда не отыскать. А про тебя мне столько говорили — я в самом деле надеялся. Они все твердили: она добрая, она из двадцать первого века, там без суеверий живут, она поцелует... Вот и поцеловала...

Алиса размешала тесто и плеснула на сковородку первую порцию. Масло зашипело.

— И кто вам про двадцать первый век рассказывал? Дурында?

— Она тоже, — вздохнул дракон. — Но и другие. Хотя у меня теперь беда.

— Какая же беда? — спросила Алиса.

— Очень ты мне на нервы действуешь. В положительном смысле. У меня к тебе нежность. Можешь поверить?

— Дракоша, не заманивайте, — сказала Алиса. — Не поможет.

— Я честно говорю, я не притворяюсь!

— Почему вы вдруг ко мне стали так относиться?

— Мне трудно объяснить, Алиса. Но в тебе есть то, что отличает тебя от всех других девочек Земли. Ты очень возвышенная, честная и умная.

— Скажете тоже! Кто и когда девочек любил за ум и честность?

— Если ты имеешь в виду красоту, — сказала чудовище, хватая со сковородки первый блин и кидая в пасть, — то ее у тебя больше чем достаточно. Уж ты поверь! Я столько в своей жизни видал всяких девчонок, ни одна с тобой не сравнится.

— Вы лучше скажите не «видал», а «едал», — поправила Алиса. Она ни капли не поверила словам чудовища. Если тебе надоело ходить таким уродом и хочется вернуться в облик прекрасного принца, конечно же, ты готов любой девочке сладкие слова говорить. Тем более если ты принц из Другого королевства, где все не как у людей.

— Если ты будешь продолжать в том же духе, — рассердилось чудовище, — то и тебя съем.

— Вот вы и показали себя снова таким, какой вы есть на самом деле, — сказала Алиса. — Как вам верить?

Дракон схватил еще один блин со сковородки.

Любому другому такой блин не прожевать — сплошной огонь! Но дракону чем горячей, тем приятней.

— Давай побыстрее жарь! — приказал дракон. — Я чую, что нам с тобою не сговориться. Сейчас сожру все блины, примусь за тебя.

— Пугаете? — спросила Алиса. — Тогда вот этот блин не берите, он мой.

— Почему?

— А потому что я тоже не завтракала.

— Ты что? — Чудовище поднялось над столом. — Решила издеваться? Как ты посмела! — И он бросился на Алису.

И она видела, что дракон в самом деле взбешен. У драконов и королей есть общий недостаток. Если им чего-то не досталось, но очень хочется, они тут же забывают свои хорошие манеры и воспитание.

Алиса знала эту слабость королей и драконов. Поэтому она не стала тратить ни секунды даром, а кинулась вон. Чудовище попыталось перехватить ее, но ничего не вышло. Алиса проскочила у него под лапой, извернулась и вылетела во двор замка.

«Ого-го, — подумала она. — Положение у меня так себе».

Она кинулась к той башне, в которой спала, но чудовище огромными прыжками устремилась следом, и Алиса не успела спрятаться.

Она понеслась вокруг башни, но дракон оказался хитрее, он не побежал за ней, как она хотела, а повернулся и встретил ее с другой стороны.

Алиса пригнулась и нырнула ему под локоть.

— Не уйдешь! — рычало чудовище. — Конец тебе пришел.

Дракон решил, что Алиса у него в лапах, но она уже вбежала в башню и быстро-быстро поднялась по деревянной лесенке на второй этаж, где провела ночь.

Она правильно рассудила — чудовищу по лестнице не подняться.

Дракон же, к сожалению, не был в состоянии думать.

Страшно рыча, он стал карабкаться по деревянной лесенке — вот его желтые зубы уже показались над полом второго этажа... но тут лестница не выдержала, и послышался громкий треск.

Точно такой же, как на площадке, когда упал мостик с подпиленных столбов.

Треск смешался со страшным ревом чудовища.

Потом раздался глухой удар.

Бууу-шмяк!

И тишина.

Алиса просчитала до ста. Она не хотела рисковать.

Потом осторожно подошла к краю помоста и посмотрела вниз.

Чудовище лежало на спине, раскинув в стороны короткие передние и могучие задние лапы, и пускало из ноздрей дым.

— Дух вон, — сказала Дурында, которая влезла через бойницу и теперь стояла на краю помоста рядом с Алисой и глядела вниз. — Сам себя довел. Сколько раз я ему говорила — не гоняйся за девчонками.

— Он меня хотел съесть, — сказала Алиса.

— И хорошо, что не съел, это не принесло бы никакой пользы ни тебе, ни ему.

Чудовище пошевелило хвостом и застонало.

— Надеюсь, он ничего не сломал, — сказала Дурында. — Не то придется ветеринара искать. А где ты в этом лесу ветеринара найдешь, да еще со специализацией по драконам?! Ты как думаешь?

— Я думаю — не найдешь.

— И я так думаю.

— Я все сломал, — сказала чудовище. — И сейчас умру.

Тут снаружи послышались быстрые шаги, крики, и в башню ворвались сама Лина Теодоровна, королева Другого королевства, а также ее любимая фрейлина дама Марьяна и министр добрых дел.

— Что случилось? — кричала худая, измученная долгой дорогой королева, ломая руки. — Что с моим сыночком, со славным принцем? Кто его убил?

Королева опустила на колени перед чудовищем и попыталась поднять его тяжелую крокодилью голову.

— Ах, мама, оставьте, — сказала чудовище. — Вы делаете мне больно!

Королева испуганно отпустила голову сына, и она гулко ударилась о каменный пол.

— Этого еще не хватало, — сказала Дурында. — Так вот одна мамаша кидала своего младенца, кидала и докидалась. Пришлось хоронить!

Королева подняла голову и увидела над собой на краю помоста Алису и Дурынду.

— Ах вот кто пытался убить моего ребенка! — закричала она. — Я пошла на все, чтобы доставить тебя к моему мальчику. А ты что делаешь?

— Ваше величество, ах, ваше величество, — стал говорить министр добрых дел. — Пожалуй, будет преждевременно винить эту девочку. Ведь, как мы с вами понимаем, ваш сын лез к ней, чтобы ее поцеловать...

— Нет, — честно признался дракон, — я лез туда, чтобы ее сожрать! Я ее ненавижу.

— Это лишнее, — произнес министр, — надо искать общие позиции. Без Алисы тебе никто уже не поможет. Ты можешь это понять?

— Я ее люблю! Я ей сказал, что люблю! — заревело чудовище. — А она только смеется и издевается над бедным животным.

— Ну, ты не такое уж бедное животное, — сказал министр, а птица Дурында, у которой был острый клюв и острый язычок, добавила:

— С такой рожой в цирке можно выступать. Гигантские деньги заработаешь!

— Убью, — произнес дракон и постарался сесть.

Ему стало больно — видно, сильно ушиб спину. Он перекосялся и рухнул на королеву-маму.

Мама сказала «Ах!» и тоже упала, не просто на землю, а в обморок.

Дракон кое-как поднялся, королеву тоже подняли и отряхнули.

Пока мама лежала в обмороке, она, видно, о многом подумала, и у нее уже было совсем другое настроение.

— Девочка, — произнесла королева, нюхая из хрустальной бутылочки какие-то лечебные благовония. — Ты не могла бы спуститься вниз, мне надо с тобой серьезно поговорить.

— Ну как я могу поверить вашему сыну? — спросила Алиса. — Я спущусь, а он меня растерзает.

— Нет, он тебя не растерзает, — сказала королева. — Потому что теперь я беру дело в свои руки.

— И что же? — спросила Алиса.

— У нас нет другого выхода, как договориться с тобой. Может быть, из этого ничего не выйдет, а может быть, мы с тобой найдем общий язык. Но пути назад нет. Ни для меня, ни для тебя.

— Я гарантирую, — сказал министр добрых дел. — Ничего они тебе не сделают.

— Но почему? — спросила Алиса.

— По очень простой причине. Уже совершенно ясно, что без твоей помощи принца не спасти.

— Я даю честное королевское слово, что не причиню тебе вреда, — сказала королева Лина Теодоровна.

— И я даю свое слово, — сказал министр.

— И я тоже, — сказала дама Марьяна, покачав желтой волосяной башней.

— Судя по всему, у них серьезные намерения, — сказала Дурында. — Слезай, моя крошка.

— Но принц не дал слова, — сказала Алиса.

Не могла она до конца поверить этой компании.

Но с другой стороны, Алиса не хотела, чтобы ее считали трусихой.

«Раз, два, три», — сказала она и прыгнула вниз со второго этажа. Она удержалась на ногах, но подошвы отбила крепко.

Королева отшатнулась, а министр добрых дел успел поддержать Алису.

Правда, при этом он здорово стукнул ее третьей рукой, которая болталась без надобности у него на животе.

— Зачем вам третья рука? — спросила Алиса.

— А зачем мне третий глаз? — спросил ее министр.

— Голубушка, — сказала королева, — чтобы не было между нами никаких сомнений, пойдем погуляем с тобой по лужайке. Решетка открыта, бояться тебе нечего. А ты, мне кажется, не такой несознательный ребенок, чтобы убежать от старой несчастной женщины.

Королева, может, и была несчастной, но уж никак не старой.

Так — пожилая, лет сорока.

— Хорошо, — согласилась Алиса, — я постараюсь от вас не убежать.

Ей очень надоел этот замок, эти серые каменные стены и сырые подвалы. В жизни бы этого замка не видала!

В самом деле, решетка была поднята, возле ворот во дворе стояла черная карета, наверное, та самая, на которой Алиса приехала во дворец, с трехглавым орлом на черной дверце. Возница дремал на козлах, а лакеев с запяток не было видно.

Королева с Алисой вышли на бревенчатый мостик и перешли высохший ров. Сияло утреннее солнышко, но птицы не пели и насекомые не жужжали. Лес оставался зачарованным, а замок заброшенным. Где-то здесь поблизости, понимала Алиса, ходит старенькая фея. То ли чудовище ее боится, то ли фея побаивается дракона — ну кто их здесь разберет?

Королева опиралась на плечо Алисы, может, ей было трудно идти, и она все еще чувствовала слабость, а может быть, боялась, что Алиса убежит.

Они вышли на полянку перед замком.

— Мне нужно поговорить с тобой серьезно. Ты меня слушаешь, Алиса?

Королева разговаривала голосом бабушки и слова подбирала такие же, как бабушка, когда Алиса в Симферополе в прошлом году разбила старинную чашку, хотя в этом больше была виновата кошка, чем Алиса. Но разговаривали тогда серьезно именно с Алисой.

— Ты еще маленькая девочка, — говорила королева, — и многого не понимаешь. Но я буду с тобой разговаривать, как со взрослой.

«Никакой логики! — подумала Алиса. — Если я маленькая, то и пускай я ничего не понимаю, а если я такая большая, зачем говорить, что я маленькая?»

Алиса обернулась. Министр и дама Марьяна стояли в воротах замка и смотрели им вслед.

— Я буду с тобой предельно откровенной, — произнесла королева. — Как я тебе уже говорила, мой сын Рафаэлик произошел от первого брака. Он рос нелегким ребенком — ну, пойми правильно: его маму, то есть меня, за сказочную красоту, следы которой ты можешь заметить и поныне...

Тут королева замолчала, и Алиса догадалась, что она ждет каких-то слов.

— Да, — сказала Алиса. — Вы еще и сейчас красивая.

— Вот именно! — Ответ королеве понравился, и она продолжала рассуждать, гуляя по полянке. Она говорила о том, сколько у нее было женихов и как к ней даже приезжал свататься великий богатырь из империи Чукчей.

А Алиса задумалась: неужели королева такая доверчивая, что гуляет с ней, не приняв никаких мер? А что, если Алиса сейчас бросится в кусты — только ее и видели.

Но тут же откуда-то со стороны и сверху донесся кашель.

Алиса кинула туда взгляд и увидела, что на развилке большой кривой сосны сидит лакей в черном кожаном костюме и целится в Алису из большой боевой рогатки.

«Ну вот, я была права! — подумала Алиса. — Я знала, что нельзя доверять королевам, и оказалась совершенно права».

Королева тоже услышала кашель. Она бросила грозный взгляд на лакея и сказала громко, чтобы заглушить шум:

— Тут шакалы лают. Очень специальный лай у шакалов. Тебе раньше не приходилось слышать?

— Не приходилось, — ответила Алиса, пряча улыбку. Смешно, когда взрослые так неумело врут!

— Мой первый брак был счастливым во всех отношениях, — продолжала королева, — за исключением материального положения. Наше герцогство включало один небольшой замок из трех комнат с башней и пять деревьев. Я не могла себе позволить даже завести фрейлин. Моя милая Марьяшка не даст соврать. Она работала у меня на общественных началах.

Алиса непроизвольно обернулась. Дама Марьяна все так же стояла в воротах замка и кричала:

— Не дам, не дам соврать!

— И когда возле меня начал увиваться король, мой нынешний супруг, я сильно задумалась, сможет ли он стать настоящим отцом моему сыну. И я поставила условие: да, я согласна, заколдуй моего герцога, сделай меня соломенной вдовой, увези меня в город, только сделай моего Рафаэля наследником трона. На этих условиях я — твоя.

Алиса углядела и второго лучника, то есть рогаточника. Лакей скрывался за большим пнем и все время чесался — наверное, на него напали муравьи.

— Мы сыграли скромную свадьбу, и началась наша семейная жизнь. Не все в ней было гладко. Мой мальчик рос шалуном, милым таким крошкой, но моему мужу он был не по душе. Да и я его скоро разлюбила.

— Своего сына?

— Не говори глупостей! — оборвала Алису королева. — Я разлюбила этого паршивого жестокого короля, для которого колдуны и астрологи значат больше, чем заботы простого народа и интересы семьи. Ты не представляешь, сколько денег он ухлопывает на гадалок и

экстрасенсов! Всех средств, которые он конфискует у приговоренных к смерти, не хватает для этого. Я даже не смогла послать сына в Англию учиться в каком-нибудь солидном Оксфорде.

— Неужели в Англии в эпоху легенд уже был Оксфорд? — спросила Алиса.

— Основные учреждения Англии — например, парламент, Тауэр, Британский музей и Оксфорд — были учреждены еще неандертальцами, — сказала Лина Теодоровна. — Но, конечно же, не обыкновенными неандертальцами, а настоящими британскими неандертальцами, на заре человеческой эры.

— Извините, — сказала Алиса, — я не знала.

— А тут еще король начал меня ревновать. Ты знаешь, что такое ревновать?

— Это когда муж не хочет, чтобы его жена дружила с другим мужчиной, — сказала Алиса.

— Правильно. Вижу, что и у тебя есть жизненный опыт. Так вот, мой муж начал меня ревновать к кому попало: к конюху, начальнику гвардии, проезжим шутам и фокусникам, даже к простым стражникам. А его ревность к моему бескорыстному другу министру добрых дел была так велика, что он неоднократно угрожал разжаловать его в заместителя министра с лишением кареты и дачи.

Солнце уже припекало, лакеи-рогаточники устали сидеть в засаде, один из них лег спать за пнем, а второй принялся стрелять из рогатки по облакам.

— Да, — сказала королева и украдкой смахнула слезу с длинных ресниц — все-таки она была несчастной женщиной! — Да, — повторила королева. — Я так привыкла никому не верить! Меня столько раз пытались отравить астрологи, а однажды, ты не поверишь, меня опоили снотворным зельем, переодели ведьмой и вытащили на эшафот, чтобы сжечь на костре. Лишь чудом мой друг министр добрых дел сообразил, в чем дело, отыскал настоящую ведьму, которую спрятали в подвале, и притащил ее на эшафот.

— И чем же все закончилось? — спросила Алиса.

— Ее сожгли, туда ей и дорога, — сказала королева. — Но я закругляюсь, а то жарко становится. Моего сыночка под видом подготовки к высочайшему образованию отдали на обучение к фее Мелузине, отвратительной старухе, родственнице астролога по материнской линии. Вы же понимаете, чему она могла научить Рафаэля? За любую шалость моего мальчика жестоко наказывали. И я поняла: король сделает все, чтобы лишить его права на престол! Все, не останавливаясь перед преступлением! Они ждали, они стерегли момент, и как только мой мальчик нашалил, эта фея его заколдовала! Она превратила его в чудовище, с которым ты имеешь честь быть знакомой. И выяснилось, что Рафаэля можно вернуть в человеческий облик, только если его поцелует добровольно... вот это и ужасно, что добровольно; если бы насильно — мы бы сотню нашли, а тут — добровольно, и обязательно девочка. Мы приняли все меры, чтобы спасти малыша. Не сегодня-завтра король может уступить престол астрологу и его семейке. Они скажут: «Ах, звезды велют уступить нам престол!» Этот старый дурак и уступит.

Дурында пролетела над ними и крикнула сверху:

— А ведь не исключено! Вполне реально! Король шагу без гороскопа не делает. Он даже в уборную ходит по гороскопу.

— Вот видишь, — королева с улыбкой показала на небо, — глас народа!

Один из рогаточников проснулся и с перепугу выстрелил в Дурынду. Она еле успела увернуться и принялась кричать сверху на стрелка, клеймить его грозными вороньими

проклятиями.

— Но мы столкнулись с неприятным фактом, — сказала королева. Она остановилась, вытащила небольшое зеркальце, посмотрелась в него и спросила Алису: — Как я выгляжу?

— Со следами красоты, — ответила Алиса.

— Ах ты, негодница! — Королева ударила ее зеркальцем по руке, но не очень больно и продолжала: — Мы столкнулись со странным явлением. Представляешь, кого бы мы ни привозили и ни приставляли к мальчику для поцелуев — и учти: для добровольных поцелуев, — они или умирали от разрыва сердца или кричали, что лучше умрут. Одна за другой, одна за другой! Пришлось обратиться за помощью к птице Дурынде. Гадкое существо, корыстное, сварливое, но, должна сказать, с большим жизненным опытом. Дурында заломила бешеную цену за консультацию...

— А вот об этом не будем! — донеслось с высоты. — Это наше с тобой дело.

— Я же не называю цену! — обиделась королева.

— Вот и не называй! — Дурында опустила на вершину ели и подслушивала дальше.

— Дурында сказала нам, что есть только один вариант: пригласить тебя.

— Но почему меня? — удивилась Алиса.

— А потому что ты — известная в нашей эпохе девочка, и вообще во всем мире и во все времена тебя знают. И кроме того, ты ничего не боишься и такая добрая, что для спасения своего друга пойдешь на все, и для спасения просто знакомого тоже не пожалеешь времени и сил. Дурында предложила разделить операцию на две части. Сначала тебя заманить, потом использовать.

— Ох, Дурында! — рассердилась Алиса и погрозила птице кулаком. — Ох, и доберусь я до тебя.

— И кто только до меня не добирался! — ответила Дурында. — И кто только перья из моего хвоста не рвал! А я ведь все для людей стараюсь!

— Сначала мы заманили во дворец мальчика Герасика, — сказала королева, — потому что он твой друг. Дурында сказала ему, что в комнате принца никому не нужны учебники. А ведь известно, что Герасик мечтает научиться всем наукам. Герасик поверил Дурынде, что учебники никому не нужны, и забрался в комнату принца. А там его уже ждали стражники. И получилось, честно говоря, что мы ни при чем и Дурында ни при чем.

— Я даже не подозревала, что бывают такие хитрые подлецы! — сказала Алиса.

— Ты не права, девочка, — сказала печальная королева. — Ты должна понять сердце матери, которое разрывается за судьбу сына. Нет, тебе этого не понять! Ради моего мальчика я готова на все!

— Она такая! — крикнула Дурында. А в воротах замка стояли Марьяна и министр и тоже кивали головами.

— Дурында позвала тебя, и ты прибежала спасать Герасика.

— Как вам только не стыдно! — воскликнула Алиса.

— А чего стыдного? — крикнула Дурында. — У нас все было подготовлено. Мы знали, что с Герасиком ничего плохого не случится, мы вам поможем сбежать. Мы никого не убивали и никому зла не желали.

— Да, она права, — сказала королева. — Все так и получилось. Ты спасала Герасика, но мы умело подсказали королю, где вас искать и как тебя догнать. Герасику дали убежать — мы же не изверги. А тебя дали схватить.

— Разве не гениально? — спросила Дурында.

— Отвратительно, — ответила Алиса.

— Значит, гениально и отвратительно, — сказала Дурында.

— Потом тебя приговорили к встрече с драконом. Король так любит казнить, что уже не разбирается, кого и как, — сказала королева. — И мы стали ждать, когда ты поцелуешь нашего крошку.

И тут Дурында крикнула сверху:

— Где же твоя хваленая доброта?

А от ворот министр и Марьяна кричали:

— Ну, где твоя доброта? Почему не целуешь?

— Я отвечу, — сказала Алиса. — Я согласна поцеловать даже тигра. Чтобы спасти хорошего человека. Но я не хочу целовать убийцу и гадкого подлеца!

— Это не он, не мой мальчик, это натура дракона, — сказала королева. — В глубине души он тоже мучится. Но что ты будешь делать, если ты чудовище, если ты дракон?

Министр быстро подбежал к Алисе и заговорил:

— Разреши, я буду говорить с тобой откровенно, как ученый с ученым. Пойми, если ты не поцелуешь этого недостойного молодого человека, то он будет и дальше убивать девушку за девушкой, раз в неделю. Ты этого хочешь? Ты ждешь, чтобы опустели окрестные деревни? Чтобы девушки боялись выходить на улицы? А ведь выхода нет: пока не отыщется та, которая его поцелует, никакой пощады девушкам нашего королевства ждать не придется! Подумай, Алиса. Ведь Рафаэль себя не контролирует! Ты можешь спасти десятки, нет, сотни молодых жизней. Неужели ты допустишь, чтобы преступления продолжались?

Алиса вспомнила страшную комнату, где на плечиках висели десятки платьев, а под ними стояли парами туфельки и башмачки, в том числе почему-то один хрустальный.

Алиса глубоко вздохнула и молча пошла к замку.

Вокруг царила тишина. Алиса знала, что королева шагает за ней, что рядом бежит министр, что над головой летит Дурында, что дама Марьяна уже побежала в замок, чтобы привести дракона.

Алиса встретила чудовище в воротах замка.

— Согласилась? — спросило чудовище.

Алиса вытащила из-за корсета Марьяны ее кружевной платок, вытерла им страшную морду дракона, который послушно и покорно протянул к ней крокодильи губы, потом наклонилась и, стараясь не зажмуриться, поцеловала заколдованного принца Рафаэля.

Глава 12. Письмо пирату

В тот момент, когда Алиса поцеловала дракона в холодные скользкие губы, из леса послышался пронзительный голос феи Мелузины:

— Остановись, Алиса! Не делай этого! Ты пожалеешь!

Министр побежал к лесу, размахивая руками, чтобы отогнать старуху, а рогаточки, сторожившие Алису, принялись лупить из рогаток свинцовыми пулями по старухе.

Отбиваясь от пуль, как от пчел, фея исчезла в лесу.

Но Алиса этого не видела.

Она была поражена волшебством.

От ее поцелуя, словно от отравленной стрелы, гигантское чудовище упало на бок и захрипело.

Мать кинулась было к нему, но дама Марьяна успела ее удержать.

И тут с чудовищем началось превращение.

Шкура, чешуя, зубы и когти как бы растворялись в воздухе, и вместо них проявлялась фигура молодого человека.

На камнях лежал совсем юный принц, почти мальчик.

А чудовище окончательно исчезло.

Принц потянулся, словно после долгого сна, и открыл глаза.

— Рафаэль! — закричала королева, бросаясь перед ним на колени и покрывая его поцелуями. — Мальчик мой! Мы тебя спасли! Не зря мы не спали столько ночей, не зря мы вошли в такие расходы. Вставай, мой мальчик, нас ждут великие дела!

Принц сел.

Потом с помощью мамы и фрейлины он поднялся на ноги.

Принц был совсем обнажен, но, видно, мама предусмотрела это, и по ее знаку Марьяна набросила на юношу плащ, а королева отвела его за угол и помогла одеться.

Когда через минуту он вышел, то никто бы никогда не догадался, что пять минут назад он был отвратительным драконом.

Принц посмотрел на Алису.

Она была так уверена, что он кинется к ней и будет благодарить за все, что не выдержала и сама сказала:

— Не стоит благодарности.

Но принц лишь скользнул взглядом по Алисе и обернулся к матери.

— И что же ты теперь скажешь? — спросил он капризным голосом. — Что существовали объективные обстоятельства? Почему я был вынужден полгода таиться в этом отвратительном замке? Вы не могли пораньше все проверить?

— Ты же знаешь, Рафа, — сказала его мать, — что мы делали все возможное. Даже девочку для поцелуев к тебе привезли из двадцать первого века.

— Не надо было экономить. Мешок золота — и любая крестьянка целовала бы меня с утра до вечера.

— Что-то не видно такой, — сердито сказал министр добрых дел.

— Это отсталые и дикие девки! — крикнул принц, — Так чего мы стоим! Хочу в баню!

— И в самом деле, — удивилась королева, — чего же мы стоим? Все в карету!

Алиса стояла и смотрела на эту сцену. Она так и не могла понять, хорошо ли она поступила или глупо? Надо ли было возвращать принцу прежний облик? Посоветоваться бы

с феей Мелузиной, а вот не удалось.

— Алиса, а тебе что, особое приглашение? — спросил министр. — Или ты решила остаться в заколдованном замке?

— Только не это! — воскликнула Алиса.

— Тогда садись в карету.

Алиса взобралась в карету следом за остальными.

— Вы меня довезите, пожалуйста, до перекрестка дорог. Дальше я сама доберусь. Я дороги здешние знаю.

— Сиди, все будет в порядке, — сказал министр добрых дел. — Мы знаем, где тебя посадить.

Алисе этот тон не понравился, но не оставаться же в диком пустом лесу?

Карета покачнулась и покатила по лесной дорожке, подминая кусты и протискиваясь между стволов.

Королевская компания разговаривала, не обращая на Алису никакого внимания. Королева Лина Теодоровна вспомнила, что везла для сына конфеты, те самые, которые он любил и которые ждали его возвращения. Принц принялся их сосать и жаловался, что они совсем высохли. Министр добрых дел, видно, в самом деле близкий друг королевы, сказал:

— Не тратьте времени даром. Нам еще надо многое обсудить.

Он держался за кожаную петлю, прикрепленную к потолку кареты, остальные тоже держались за эти петли, даже принц, который пытался разгрызть конфеты, держался за петлю. А так как карета шаталась, подпрыгивала, дергалась, проваливалась в ямы и стучалась о деревья, то люди болтались на этих петлях, как спелые груши. И разговаривать им было нелегко.

— Значит, ты, мой мальчик, пойдешь со мной на обед, — сказала королева. — И когда ты войдешь в зал, то король очень удивится и воскликнет: «А ты как сюда попал, бездельник?!»

— Почему же бездельник, — обиделся принц. — Я мученик, а не бездельник. Ты попробуй полгода в шкуре проходить, не раздеваясь.

— Крокодилы всю жизнь ходят и не жалуются, — заметил министр. — И не перебивай мамочку.

— Ох, доберусь я до тебя, министр, — сказал принц. — Дай мне только власть получить.

— Рафа! — строго сказала мама. — Не смей так говорить с дядей. Он — самый близкий мне человек. Без него ты бы до сих пор в лесу сидел.

— Я тебе, мамаша, самый близкий человек, — буркнул принц. — А с остальными мы еще разберемся.

— Мальчики, девочки! — воскликнула дама Марьяна. — Хватит ссориться. У нас не так много времени. И если мы сегодня не воспользуемся неожиданностью, нас всех уничтожат.

— Вот это правильно, — сказал министр добрых дел. — Сегодня король удивится и испугается, и мы не должны давать ему опомниться. Значит, мы все входим в главную столовую, и ты, принц, заявляешь, что король низложен и власть переходит к тебе. Ты выхватишь нож и зарежешь его. Не струсил?

— Нет, — ответил принц. — Я за последнее время сильно изменился в худшую сторону. Мне теперь никого не жалко.

— Мой мальчик прошел трудную жизненную школу, — сказала королева и погладила сына по головке, но тут карета подлетела вверх, принц ударился головой о потолок, королева чуть не вылетела в открывшуюся дверцу, и Алиса подумала: вот самый удобный момент, чтобы от них удрать. Она кинулась было следом за королевой, но министр подхватил королеву, а принц — Алису. Да еще так крепко вцепился ей в плечи нестриженными ногтями и так дернул за волосы, что Алиса не выдержала и вскрикнула.

— То-то, — сказал принц, повернув ее голову и поглядев прямо в глаза. Взор его был яростным, глаза почти белыми, а лицо мучнистого цвета. И Алиса подумала, что он стал не намного лучше, когда превратился снова в человека.

Тут карета выехала на дорогу, и трясти стало поменьше.

Министр добрых дел сказал:

— У нас нет времени на подготовку заговора, поэтому надо решать проблемы немедленно.

— А какие проблемы? — спросила королева.

— Надо решить, как пронести нож.

— Ах да! — сказала королева. — Ведь теперь всех обыскивают. Охран-пашу вернули из ссылки, и он лично проверяет, не принес ли кто-нибудь острого предмета.

— Так уж и всех! — удивился принц.

— Вчера дворцовый парикмахер шел к королю, и охрана нашла у него ножницы.

— И бритву! — добавила дама Марьяна.

— Ему сразу же отрубили голову, — сказала королева. — Не спрашивая и ничего не слушая. Король сидит небритый, ждет парикмахера, а никто не идет. Он шлет гонцов в парикмахерскую: где этот негодяй?! Казнить всех парикмахеров в столице в назидание преступнику. Казнили всех парикмахеров. И тут выясняется, что парикмахер ни при чем! А ведь казненных не вернешь. Вот и ходит наше величество небритое и злое.

— Как же мы тогда к нему подберемся? — спросил принц.

— А может, ты его задушишь, мой мальчик? — спросила мама. — Подойдешь, скажешь: «Вот и я, папочка! Я вернулся!» И только он начнет тебя обнимать, ты его и задушишь.

— Нет, — сказал принц. — Не успею, вырвется он. Помнишь, его в прошлом году втроем душили заговорщики, а он ускользнул! Он же специально шею жиром натирает, чтобы не задушили.

— Ах да, я совсем забыла, — сказала мама.

— Может, отложим покушение на завтра? — спросила Марьяна.

— Нельзя, — сказала королева. — Сегодня он не ожидает, что Рафа появится во дворце, а завтра уже отправит его в такую ссылку, откуда никогда не вернуться.

— Или с помощью этой проклятой феи Мелузины превратит меня в крысу, — добавил принц. — Ждать нельзя! Промедление смерти подобно!

— Чудесные слова! — откликнулся министр добрых дел. — Разрешите, я их запишу, ваше высочество?

«Ага, — подумала Алиса, — наш министр трусил. Он уже боится, что если принц придет к власти, он и ему голову отпилит. Здесь все так просто».

— Записывай, — сказал принц. — Я еще много мудрых мыслей знаю.

Министр добрых дел вытащил левой рукой записную книжку, правой — карандашик, третьей рукой придерживал книжечку на коленях. Все равно карету так трясло, что ничего

из этого не вышло. Может, потому, что третья рука была матерчатой.

Алиса подумала: «Ведь я, наверное, больше никогда этих людей не увижу. И никогда не узнаю, почему у них лишние руки и глаза».

Она решила потихоньку спросить об этом у министра, пока женщины утешали капризного принца.

— Разве непонятно? — удивился министр. — Ведь чем я знатнее, тем лучше. Правда?

— Не знаю, не задумывалась, — призналась Алиса.

— Но ведь крестьянин хуже маркиза? Маркиз хуже герцога, герцог хуже короля. А почему? В других королевствах не смогли ответить на этот вопрос. А у нас смогли. Если ты маркиз, получай третий глаз — вот ты и лучше крестьянина. А если ты министр, то тебе положена третья рука и четыре глаза. Это так просто!

«Конечно, — подумала Алиса, — это так просто. А почему же...»

Она не успела додумать, как услышала, что королева говорит:

— Нет, мне нож нести нельзя. Меня тоже могут обыскать. Ты же знаешь, что астролог меня не выносит, а мой дорогой муж ждет не дождется, когда я откину копыта.

— Простите, что откинете? — спросила благовоспитанная дама Марьяна.

— Копыта мамаша откинет! — воскликнул принц и захохотал. — Копыта у нее козлиные. Откинет до потолка!

— Ах, вы так грубо разговариваете! — пискнула дама Марьяна.

— Значит, нож никому из нас не пронести, — сказала королева.

— Опасно, — сказал министр. — Любого могут обыскать. И тогда нам короля не зарезать.

— Нужен кто-нибудь, кого не заподозрят, — сказала дама Марьяна.

И она взглянула на Алису.

А потом министр взглянул на Алису. И королева взглянула на Алису, а последним принц упер в Алису свои белые глаза и почесал торчащие во все стороны соломенные волосы.

— Вот, — сказала королева. — Вот наша маленькая, добренькая, хорошенькая спасительница. Вот кто возьмет ножичек и отнесет его в королевские покои. Ты сделаешь это для нас, девочка?

— Нет, — сказала Алиса. — Я этого не сделаю.

— Жалко, что я эту гадюку не разорвал раньше! — взвыл принц.

— погоди, сынок, погоди, — остановила Рафаэля печальная королева. — Мы тут все друзья, и Алисочка — наш дружок. Ты сделаешь, девочка, доброе дело, ты избавишь землю от одного из самых жестоких тиранов, ты сделаешь доброе дело. А мы тебя за это отвезем, куда ты пожелаешь, если хочешь, к мамочке с папочкой.

— Нет, — сказала Алиса.

— Нет так нет, — спокойно сказала королева. — Каждый может отказаться. Кто тебя заставит? Никто, кроме собственной совести. Ты ведь любишь маму и папу?

— Люблю, — ответила Алиса.

— За что же ты их хочешь оставить сиротами? За что же ты хочешь лишить их ребеночка — тебя!

— Я не хочу их лишать, — сказала Алиса.

— Тогда ты должна сделать для меня одолжение и пронести под платьем ножик. Только пронести. Ты же ничего плохого делать не будешь. Как только ты войдешь в

королевские покои, отдашь ножик моему сынишке, и он зарежет этого гадкого жестокого преступного короля. Мы тебе за это дадим все торты и конфеты, которые ты пожелаешь, мы тебя осыпем золотом и драгоценностями, мы выдадим тебе платья и туфли — все твое! Бери — не хочу!

— Нет, — сказала Алиса.

— Ты пронесешь нож, — сказал министр добрых дел. — Иначе мне придется совершить еще одно доброе дело — оторвать твою головку!

— Я помогу тебе, дяденька, — сказал принц.

— Так что выбирай! Ты чего хочешь — потерять головку и умереть в мучениях или получить корзину шоколадных конфет? — спросила королева.

— Я бы выбрала конфеты, — подсказала дама Марьяна. — Это так очевидно.

— Я выбираю свободу! — сказала Алиса.

— Тогда сначала мы отломаем тебе все пальчики, — сказал министр добрых дел.

И он протянул к ней третью руку.

Алиса отпрянула. И в этот момент карета остановилась, словно налетела на стену.

Алиса сумела потихоньку дотянуться до дверцы, толкнула ее, и та открылась. Она ринулась наружу, но Марьяна вцепилась в нее, и обе вывалились из кареты.

Алиса упала на пыльную дорогу, но почти не ушиблась. Она хотела вырваться из рук Марьяны, но та вцепилась, как клещ.

И тут Алиса услышала женский смех.

Она подняла голову и увидела, что дорога перегорожена большим камнем, на котором написано:

ПРОЕЗД ВОСПРЕЩЕН!

А возле камня стоит, опершись о него локотком, такая милая, ласковая, хрупкая бабуса — фея Мелузина.

— И вы думали, что вам удастся все сделать без моего позволения? — спросила она.

Путешественники вылезли из кареты. Они стояли в пыли — королева, министр и принц. А Марьяна с Алисой сидели на дороге.

— Мне это надоело, — продолжала фея Мелузина. — Делается неизвестно что. Я заколдовываю дрянного мальчишку, а безответственные девочки его расколдовывают. Кто тебя, Алиса, просил целовать это чудовище?

— Я думала, что так лучше, — сказала Алиса и поднялась на ноги. Марьяна протянула ей руку, и Алиса помогла подняться фрейлине.

— Хотела как лучше! — возмущенно воскликнула фея. — А получилось хуже, чем всегда! То он губил девочек, а теперь решил отчима зарезать. С твоей помощью. Теперь ты видишь, куда ведут благие намерения?

— Нет, не знаю.

— И хорошо, — сказала фея. — Рано тебе это знать.

— Уберите камень, — сказала королева. — Мы спешим во дворец.

— Знаю, что спешите, — ответила фея. — Да не доберетесь.

— Ты не имеешь права, — сказала королева. — Ты можешь наказать за поступок, но не можешь наказать за желание. Пока мы моего муженька не зарезали, не вмешивайся!

— Но никто не может мне помешать класть камни на дороге, — сказала фея.

— Слуги! Открыть огонь из рогаток! — приказал министр добрых дел. — Цельтесь в глаза!

Фея засмеялась серебристым смехом и произнесла:

Раз-два-три!

Замри — как умри!

И лакеи, которые вытащили уже рогатки и прицелились в фею Мелузину, превратились в статуи, а так как статуи не могут стоять на запятках кареты, они упали в разные стороны, плюхнулись в пыль, но даже не погнулись.

— Будут еще пожелания? — спросила фея.

— Только не превращай меня опять в чудовище! — взмолился принц.

— Не бойся, мой мальчик, — сказала королева. Она схватила Алису сзади за горло и приказала Марьяне: — А ну-ка, дай мне шпильку!

Марьяна выхватила длинную острую шпильку из своей желтой волосяной башни, и королева продолжала:

— Ты отлично знаешь, фея Мелузина, что твои чары не действуют на королей и королев.

Фея кивнула.

— Иначе волшебники давно бы заняли королевские троны, — продолжала королева. — И если ты не убережешь сейчас камень, то я убью Алису.

— Одумайся, Лина, — сказала фея. — Ты забыла, что я дружила с твоей мамой. Я качала тебя на коленях.

— И это были очень острые коленки, — сказала королева. — Запомни, что я — мать. И ради своего сына я готова на все.

— Но он не настоящий принц, — возразила фея. — Он не может стать королем.

— Он выстрадал право быть королем. У него было тяжелое детство. Он полгода по твоей милости просидел в шкуре чудовища.

— Не по милости, а за дело! — воскликнула фея. — Кто мучил кошек и таскал их за хвост? Кто подсыпал яд учителям, чтобы они попадали в больницу и не задавали уроков? Кто ощипал королевского орла, и он до сих пор стесняется вылезти из гнезда? Кто поджег городскую библиотеку из ненависти к книгам? Кто уговорил злых троллей разрушить большую плотину и затопить целую долину, чтобы покататься на лодке под парусом? Кто, наконец, сломал мою волшебную палочку, и я теперь могу делать только левую половину чудес, а правая половина заклинаний для меня невыполнима!

— Из-за какой-то палки так обидеть ребенка! — воскликнула Марьяна.

— Не из-за палки, а из-за волшебной палочки. Именно эта соломинка, как говорят на Востоке, сломала спину верблюду. Как мне теперь делать подарки бедным детям, лечить зверюшек, вызывать дождь на пересохшие поля? Подумайте только, сколько людей страдает из-за того, что злобный принц подкараулил меня, когда я заснула под дубом, и вытащил палочку, а потом сломал ее об коленку!

— Хватит, — сказала королева. — Или ты пропускаешь нас и не вмешиваешься больше в наши королевские дела, или я убью эту Алису.

— Ты этого не сделаешь! — воскликнула волшебница.

— Еще как сделаю. И ты мне не можешь помешать.

Фея подняла руку с обломком волшебной палочки, зажатым в пальцах, но не успела

ничего сделать, потому что с неба донесся крик Дурынды:

— Не спеши, бабка Мелузина. Помощь близка!

И тут, в самом деле, с неба с воем и свистом, оставляя за собой светящийся след, как космический корабль, спустилась выдолбленная из дерева ступа. Ею с помощью метлы управляла страшная старуха — один зуб достает до подбородка, другой тянется снизу и касается кончика длинного крючковатого носа. Глаза у старухи были маленькие, черненькие, как угольки, на голове красный платочек в белый горошек, а лицо в морщинах, как печеное яблоко.

В ступе рядом со старухой стоял мальчик Герасик собственной персоной.

— Ура! — закричал он. — Мы успели! Отпустите Алису, королева Лина Теодоровна!

Ступа приземлилась, и старуха притормозила метлой.

— Разрешите представиться, — сказала она, — Баба-Яга, костяная нога, первая злодейка в эпохе легенд.

Герасик перемахнул через край ступы и подбежал к Алисе.

Королева все держала Алису, занеся длинную шпильку, как нож.

— Эй ты, не балуй! — крикнула Баба-Яга и взмахнула метлой.

Странным образом метла удлинилась, наверное, вдвое, достала до руки Лины Теодоровны и вышибла из нее шпильку.

От неожиданности королева кинулась искать шпильку, нагнулась, а Алиса отпрыгнула в сторону и обняла Герасика.

— Какой ты молодец! — воскликнула она и поцеловала его в щеку.

Герасик покраснел и сказал:

— Ну что уж там... наше дело простое...

— Вот так! — возмутился вдруг белобрысый принц. — Я, можно сказать, умолял, в ногах валялся, а каких-то крестьянских бродяг она сама целует! Мама, этого нельзя оставить. Накажи их всех!

Королева выпрямилась. Глаза ее злобно сверкали.

— Они у меня за это поплатятся! — закричала она. — Они будут пыль глотать у моих ног!

— Это кто же такая сердитая? — спросила Баба-Яга.

— А это, сестренка, местная королева, не очень знатная, но очень гордая, — слышался голос феи.

— Ах! — Баба-Яга увидела фею Мелузину, которую до тех пор скрывал большой камень. — Ты-то что тут делаешь?

— Да вот пыталась порядок навести, — сказала фея Мелузина.

— Опять ничего не получилось? — спросила Баба-Яга. — Нерешительная ты моя! С этими королями надо попросту. Тем более в Другом королевстве. Здесь они все чокнутые! Вот смотри, я эту королеву могу метелкой перешибить, а она грозит, пузыри пускает. Ну что с ней делать?

— Надо не обращать внимания, — сказала фея Мелузина. — Но у меня это плохо получается. Я все принимаю слишком близко к сердцу. А сама-то зачем сюда прилетела? Ведь ты же существо злобное, от тебя добра не дождешься.

— А вот, решила совершить добрый поступок, — сказала Баба-Яга, — но пока все карты перед тобой раскрывать не буду, а то ты меня на смех поднимешь. Если выйдет мой план, я тебя позову.

— Сейчас же прекратите! — буйствовала королева, топая ногами и плюясь, и ее сын тоже буйствовал и плевался.

— Нам пора лететь, — сказала Баба-Яга. — Ты мне, сестрица, увеличь на полчаса ступу, а то двоих детей на ней везти — может и не потянуть.

Фея подняла обломок волшебной палочки и произнесла какие-то заклинания.

Ничего не получилось.

— А что у тебя с палкой волшебной? — спросила Баба-Яга.

— Да вот этот негодяй сломал.

— Ничего, я тебе новую завтра пришлю, у меня где-то завалялась от нашего дедушки.

— Ах, спасибо тебе, двоюродная сестрица! — сказала фея.

— Залезайте в корабль, — приказала Баба-Яга.

Алиса и Герасик залезли в ступу. Там было тесно, Баба-Яга толкалась костяной ногой.

— До свидания, — сказала Алиса фее Мелузине. Больше ни с кем ей прощаться не хотелось, хотя министр добрых дел снял черную шляпу с черным пером и помахал Алисе.

Королева увидела, что он делает, и накинулась на него с кулаками.

Но это Алиса видела уже с неба — ступа быстро поднялась, но потом летала кое-как, качалась, спускалась к самой земле, Баба-Яга помогала ей лететь, размахивая метлой.

— Спасибо тебе, Герасик, — сказала Алиса.

— Что за счеты между друзьями! — ответил Герасик. — Я рад, что успел.

— А как же ты уговорил Бабу-Ягу мне на помощь полететь?

— Молчи! — приказала Баба-Яга. — А то повыкидываю вас из ступы, молодежь невоспитанная.

Только перед самой дубравой, где таилась кабинка машины времени, Баба-Яга передала Алисе конверт. На нем было написано кривыми большими буквами:

«ПИРАТУ СИЛЬВЕРУ В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ».

— Это я писал, — сказал Герасик. — И внутри там все тоже я сам.

— Какой молодец!

— Учимся помаленьку, стараемся, — скромно потупился Герасик.

— Только с королями поосторожнее, — сказала Алиса.

— Я прослежу! — крикнула птица Дурында, опустившись на ветку дуба.

Баба-Яга протянула Алисе костлявую руку и сказала:

— Чтобы ответ в ближайшее время!

Попрощавшись с Герасиком, Алиса вошла в дупло дуба и на машине времени перенеслась в двадцать первый век.

А там прошло всего пять минут с тех пор, как она умчалась в эпоху легенд. Все стояли и ждали ее.

Алиса сказала:

— Все нормально. Герасик на свободе. Сильверу Джоновичу письмо из эпохи легенд.

Она протянула пирату письмо. Тот повертел его в руках, потом вздохнул и сказал:

— Я, прости, Алиса, провел жизнь в боях и абордажах. Как-то некогда было заниматься пустяками... не умею я читать, вот и все! Прочти мне вслух.

Алиса раскрыла конверт.

В нем лежали два листка.

На первом было написано кривыми буквами:

«Дарагой пират Сильвер Джонович!

Пишет вам адна девушка. Слышала я что у тибя есть фезический нидостаток адна нага диривяная. У миня тоже есть такой нидостаток адна нага костяная. Мы могим создать ниплохую симью. Придлагаю тибе руку и сердце и посылаю свой патрет. Твая возлюбленная бабаяга».

Алиса протянула пирату Сильверу второй листок, на котором какой-то бродячий художник из эпохи легенд нарисовал Бабу-Ягу. Портрет был не очень похожим, потому что художник старался приукрасить невесту.

— Это она? — спросил Сильвер.

— Она самая, — сказала Алиса.

Сильвер еще пригляделся к своей невесте, вздохнул и упал без чувств на пол.

Алиса на живой планете (Насморк и лопата)

Через сто лет все болезни победят.
Кроме насморка.

Есть такое наблюдение: если насморк не лечить, то он пройдет через неделю, а если лечить, то через семь дней.

Это шутка.

Но Алисе было не до шуток.

Алиса догоняла корабль «Пегас», на котором вместе с папой полетела в экспедицию за космическими животными. Но так догоняла, что обогнала. И пришлось ей высадиться на небольшой и мало кому известной планете Унион, потому что «Пегас» должен заглянуть туда в пятницу.

А сегодня среда.

Несясь по космосу за своим кораблем, Алиса три раза попадала в страшные сквозняки. И хоть она очень закаленная девочка, все равно простудилась. Наверное, потому, что летела на супербарже, на которой возят чай высшего сорта. Как вы знаете, чай высшего сорта мгновенно впитывает в себя все посторонние запахи. Поэтому супербаржи не имеют двигателей, а ходят только под парусами. Паруса у них космические, площадью в километр, но если космический ветер неожиданно изменился или на баржу напал звездный шквал или галактический ураган, то по барже носятся такие сквозняки, что команда супербаржи даже спит в скафандрах.

Ну, а Алиса, конечно, храбрилась, говорила, что ей никакой сквозняк не страшен. Вот и пострадала.

В космопорте на Унионе Алиса сразу прошла к киоску с сувенирами, купила там шесть носовых платков и спросила, где аптека.

И тут же чихнула так, что стекла вылетели из витрины.

Такой несчастной девочки на Унионе еще не видели.

Когда к Алисе кинулись со всех сторон служители, роботы, пассажиры, диспетчеры и стюардессы, она замахала платками и воскликнула:

— Шшшасибо, ижжвините... Ааа...п!

— Чхи! — помогли ей окружающие.

И в этот момент земля содрогнулась.

Пол вырвался из-под ног, задрожали стены, закачались и зазвенели люстры, замаякали кошки, залаяли собаки, заплакали дети.

Когда землетрясение прекратилось, к Алисе подбежал директор аэропорта и сказал:

— Машина у подъезда. Попрошу вас следовать за мной!

Он схватил Алису за руку и потащил к дверям.

У дверей стояла «скорая помощь». Рядом — два доктора и санитары с носилками. И хоть Алиса говорила, что она вовсе не больная, а только простужена, ее никто не слушал. Ее вежливо, но решительно подхватили под локти и положили на носилки. Носилки щелкнули зажимами и тут же въехали в машину.

Машина куда-то помчалась, и Алиса даже не успела возмутиться.

А еще через пять минут она оказалась в кабинете доктора.

Доктор был толстенький, седой, с хохолком и усиками, как рожки козленка.

— На что жалуемся? — спросил он, потирая розовые руки.

— Я не больная, — ответила Алиса. — У меня нашшшшмрк.

Тут она чихнула, стены задрожали, пол поехал из-под ног, а доктор кинулся к столу, чтобы удержать пинцеты, карандаши, колбы, бумаги и множество мелочей.

— Извините, — сказала Алиса. — Такие странные совпадения.

— Сов-падения? — удивился доктор. — Или со-впадения?

— А какая разница? — спросила Алиса.

— Очень большая. Если сов-падения, это значит, что мы с вами совместно падаем, а если со-впадение, то это значит...

— Что мы с вами совместно впадаем! — сказала Алиса.

— А с чем у вас со-впадение?

— С землетрясением.

— Тогда это не со-впадение, а со-трясение!

Доктор расхохотался. Его борода дрожала, усы дергались, и от радости он колотил себя кулаками по бокам.

Наверное, он не настоящий доктор, подумала Алиса. Надо от него бежать.

— Не удивляйся моим странностям, — сказал доктор, будто угадал мысли Алисы. — Я не хотел быть доктором, а хотел составлять кроссворды, но моя мамочка заставила меня пойти в медицинский институт. Но как только я прихожу домой с работы, то сразу сажусь за кроссворды. Поэтому мне интересно раскладывать и складывать слова. Я чемпион планеты Унион по кроссвордам, шарадам и скреблу. Ты играешь в скребл?

— Играю.

— Вот вылечим тебя и сыграем в скребл, — сказал доктор.

Алиса немного успокоилась. По крайней мере этот доктор не сумасшедший.

— Где же вы подхватили такую немислимую, бессмысленную и глубокомысленную болезнь? — спросил доктор.

— В космосе, — сказала Алиса.

И рассказала доктору, что летела на чайной супербарже.

Доктор кивал головой, ахал, ужасался и умудрился сделать шестьдесят разных слов из слова «супербаржа». Из них самое простое было «жаба». Только прошу вас, не пытайтесь соревноваться с доктором, потому что он знает семь языков и такие слова, как «жерпа» и «рапуса», вам могут быть незнакомы.

— Редчайший случай, — сказал доктор, когда Алиса завершала свой рассказ. — И нелегкий. Так как насморка на нашей планете не наблюдалось уже много лет, придется искать новые пути. Кстати, ты как думаешь, слова «насморк» и «насмарку» — родственники или случайные знакомые?

— Я думаю, что они родственники.

— Вот я тебя и поймал! Ты же не знаешь, что значит — смарка!

— А вы знаете?

— Я знал, но забыл. Кажется, на языке пруйодов Сельвистака это слово обозначает «длинный загнутый книзу синий нос».

Доктор снова рассмеялся, а Алиса так и не поняла, он шутит или притворяется. Чтобы не запутаться окончательно, она спросила:

— А у вас есть капли от насморка?

— Ах, как вы наивны, принцесса! — воскликнул доктор. — Зачем нам капли, когда у

нас есть лопаты, экскаваторы, саженцы, луковицы тюльпанов, семена для газонов, корм для воробьев и несколько тускарор.

— Тускарор?

— Не перебивай старших, ребенок! Откуда мне знать, что такое тускарора, если мне никто об этом не сказал.

— А я знаю, — сказала Алиса. — Это самая глубокая впадина в океане.

— В наших океанах нет впадин, — ответил доктор. — И лучше их не обижать. А то еще устроишь нам наводнение. Учти на будущее, в наших океанах есть только возвышенности!

— Хорошо, — согласилась Алиса, — давайте не будем говорить об океанах, но зачем вам лопата, чтобы лечить насморк?

— А вот это ты сейчас узнаешь, — ответил доктор и нажал на кнопку посреди своего стола.

Через несколько секунд дверь отворилась и вошла медсестра.

Алиса догадалась, что эта девушка медсестра, потому что на ней была белая шапочка с красным крестом, синий халат и пластиковые белые сапоги.

— Вы меня приглашали, доктор Ужнеболит? — спросила она.

— Я вас приглашал, медсестра Позаботя, — ответил доктор.

Алисе они показались детьми, которые придумывают друг дружке смешные клички.

— Пациент поддается лечению, — сказал доктор. — Но нам придется непросто. Готовьте бригаду.

Алисе стало неприятно. Кому нужна бригада, если у тебя простой насморк?

— Слушаюсь, доктор Ужнеболит, — громко произнесла сестра и вышла из кабинета.

А доктор обернулся к Алисе и сказал:

— Ты, наверное, удивилась моему имени. Так я тебе скажу — это вовсе не имя, а звание. Или скорее на-звание, а может даже, под-звание. Пока я учился в медицинском институте, меня называли Потерпитом и строго-настрого запрещали приближаться к пациентам, чтобы не навредить. Потом я поступил в ординатуру и там получил звание Ждиприеду. Когда я стал доктором, меня стали называть Самопройдет. И только через пять лет удачной работы я заслужил это высокое звание — Ужнеболит. Выше меня только наш профессор. И знаете, как его называют?

— Откуда же мне знать?

— Я скажу.

Но сказать доктор не успел, потому что Алиса почувствовала, что вот-вот чихнет. Она зажала себе нос, а доктор закричал:

— Только не это! Только не здесь! Только не сейчас.

Он подхватил Алису на руки и помчался к дверям.

Поэтому Алиса так никогда и не узнала, как надо называть здешнего медицинского профессора.

Доктор ногой распахнул дверь в сад.

Он бежал как от взрыва снаряда.

На середине газона он отпустил Алису, она упала, а доктор Ужнеболит тоже упал и покатился в сторону.

Алиса чихнула!

Доктор замер.

Земля вздрогнула. Отовсюду доносился низкий, страшный утробный гул.

Снова и снова по траве прокатывалась волна, и травинки клонились к земле.

Когда землетрясение кончилось, Алиса посмотрела назад.

В стене клиники появилась длинная кривая трещина. Крыша просела посередине.

— Ах, — прошептал доктор, садясь на газоне. — Такого зловещего, убийственного, грозного насморка у нас не наблюдалось ни-ког-да! Это супер-гипер-максинасморк.

— Ничего подобного, — возразила Алиса. — Самый обычный насморк. Каждый им болеет два раза в год.

— Несчастливая крошка! — ахнул доктор. — Где же ты живешь? И почему ты до сих пор жива?

— Сама не знаю, — засмеялась Алиса.

— Медсестра Позаботя! — завопил доктор. — Вы меня слышите?

— Слы-шу, — донеслось изнутри дома.

— Чего же вы мешкаете?

— Ид-уууу!

Доктор поднялся и задумался. Потом приказал Алисе:

— Пациентка, попрошу никуда не двигаться.

А сам пошел к краю газона, где возвышался старый ветвистый дуб с таким толстым стволом, что в нем могла бы уместиться футбольная команда вместе с тремя судьями.

Доктор постучал по дереву стетоскопом, то есть трубкой, через которую доктора выслушивают своих пациентов, хотя это куда лучше умеют делать компьютеры.

И вдруг, к удивлению Алисы, в дереве образовалась черная щель, как раз достаточная для того, чтобы доктор вошел в нее.

Что доктор Ужнеболит и сделал.

Кора закрылась, и наступила тишина. Только пели птички и звенели кузнечики.

Алиса встала и подошла к дубу поближе.

На вид — дуб как дуб.

Вдруг послышался шум крыльев. Я бы сказал даже — грохот крыльев. И неудивительно, потому что с неба опустилась целая стая больших черных орлов с желтыми клювами и глазами. Они расселись на ветвях дерева, и ветви пригнулись под их тяжестью.

Орлы уставились на Алису желтыми глазами, словно хотели ее заклевать и искали место, где лучше начать клеваться.

И тогда Алиса поняла, что ей очень хочется убежать.

Конечно, лучше всего убежать бы с этой планеты. Но если это невозможно, то хотя бы подальше от доктора.

Конечно, ее поймают и снова начнут лечить, но почему бы не попробовать?

Ноги сами повели Алису прочь с поляны.

Она уже приблизилась к двери в дом, как дверь открылась ей навстречу и вышла медсестра в синем халате. Она несла в руке лопату.

— Не трясись, ребенок, — сказала она, — и не пытайся смяться. Мы тебя все равно догоним и обязательно вылечим. Ведь дело не только в тебе. Ты меня понимаешь?

Алиса ничего не понимала, но кивнула.

Но все же спросила:

— А зачем вам лопата?

— Чтобы лечить тебя, инопланетянка, — ответила медсестра голосом Серого волка, который изображает бабушку Красной шапочки. — А то ты весь наш мир погубишь.

Больше медсестра ничего не успела сказать, потому что кора дуба вновь разошлась и из дерева вышел доктор Ужнеболит.

Его лицо было краснее прежнего, хохолок на голове смялся, растрепался, один ус торчал вверх, а второй вбок.

— Ну и как, доктор? — спросила медсестра дрожащим голосом. — Есть надежда?

— Нелегко было прийти к модусу вивенди, — ответил доктор. — Но в конце концов здравый смысл победил. Мои рекомендации приняты. Действуем по шестому варианту. Желуди светлые, корни саженца полосатые.

— Вы гений, доктор! — Медсестра поднесла к губам свисток, висевший на золотой цепочке у нее на шее, откашлялась и дунула.

Раздалась пронзительная трель.

Орлы стайей взмыли с дуба, и дерево даже зашаталось.

Доктор шагнул к Алисе и сказал:

— Только не надо нервничать.

— Я не нервничаю.

— Я доктор, мне виднее. Ты очень нервничаешь. Лучше спой мне веселую песню моей юности.

— Но я не знаю веселых песен вашей юности.

— Как, ты не знаешь песню про гармошку и полотенце?

— Боюсь, что я ее не знаю.

— Я понял! — расстроился доктор. — Когда ее проходили в вашем классе, ты заболела свинкой.

— Может, вы мне напомните, о чем эта песня?

— К сожалению, я не учился в школе. Сразу из детского садика мама устроила меня в медицинский институт, где я и проучился двадцать три года.

— Ой, доктор, перестаньте шутить!

— Я неспособен к шуткам, — грустно ответил доктор.

На этот раз медсестра вышла не из двери, а показалась из-за угла больницы.

Она несла лопату наизготовку.

За ней шагали в ногу четыре медбрата. Все в белых фуражках с красными крестами.

Они тащили красные носилки, на которых лежало небольшое деревце. На ветках висели желтые желуди, а корни саженца были полосатыми.

За носилками шествовал медплемянник и держал в руке зеленую лейку, из которой при каждом шаге брызгала вода.

Замыкали процессию несколько медвнучат, которые волочили ведра с черноземом.

Когда вся процессия вышла на газон и остановилась в центре его, у клумбы, на которой ничего не росло, из дверей больницы выбежал большой мохнатый пес. Он тут же поднялся на задние лапы, и оказалось, что к его животу прикреплен большой барабан. Пес взял в лапы палочки и начал выбивать дробь.

Доктор Ужнеболит приложил пальцы к виску, отдавая честь этой процессии.

— Смотри, Алиса, — сказал он, — внукам расскажешь.

— Разрешите приступить к операции? — спросила медсестра.

— Одну минутку, — ответил доктор. — Ты же знаешь порядок!

Он присел на корточки перед клумбой, на которой ничего не росло, вытащил свой стетоскоп и принялся выслушивать клумбу, будто это был толстый круглый живот

подземного чудовища.

Все остальные замерли и старались не шуметь. Даже пес перестал стучать в барабан.

Труднее всех пришлось Алисе. Когда долго стоишь и молчишь, насморк хватается тебя за нос со страшной силой.

Щекотание в носу стало невыносимым.

Алиса словно взорвалась.

Так громко она чихнула.

Клумба подпрыгнула, и обсыпанный землей доктор грохнулся на спину.

— Это издевательство! — воскликнула медсестра. — Ты что, хочешь окончательно погубить нашего доктора?

Медвнучата и медплемянники сбежались дружной толпой, чтобы помочь доктору подняться. Но они так шумели и мешали друг другу, что доктор продолжал лежать и стонать.

Медсестра разогнала всю семейку.

Доктор сел и сообщил ей:

— Результаты исследования клумбы положительные. Пульс нормальный, дыхание ровное, вернее, совсем отсутствует. Мне дали понять, что, чем скорее мы обезвредим эту гадкую и вредную девочку, тем скорее придет покой и порядок на нашу многострадальную планету.

Доктор встал на ноги.

Он вытащил из кармана халата голубой носовой платок. И поднял руку с платком, как судья, который намерен отправить в путь велосипедистов.

Он строго посмотрел на Алису, и той стало не по себе. Плохо, если от тебя собираются отделаться.

Медсестра подошла к клумбе и приподняла лопату, чтобы удобнее вонзить ее в землю.

У Алисы мурашки пробежали по спине.

— Давай! — закричал доктор.

Он взмахнул платком.

Медсестра начала быстро копать яму. Только земля летела во все стороны.

— Держись, Алиса! — сказал доктор. — Осталось немного потерпеть, и станет лучше.

Тьма всегда сгущается перед рассветом.

Медсестра выкопала яму за три минуты.

— Ну и как? — спросила она.

— Отлично! — ответил доктор.

— Приступить к посадке! — приказала медсестра.

Пес снова принялся стучать в барабан.

Медбратья подняли с носилок саженец дуба и, держа его вчетвером, поставили в яму.

Медвнучата принялись сыпать в яму чернозем, а медплемянник ждал поодаль, чтобы полить саженец из лейки.

«Ну и что? — хотела спросить Алиса. — Зачем вы все это делаете?»

Но она не спросила, потому что ее опередил доктор.

— Как самочувствие, пациент? — спросил он. — А ты шмыгни носом, шмыгни, не стесняйся, здесь все свои, все медики.

Алиса шмыгнула и сказала:

— Кажется, мне лучше. Я уже могу дышать носом.

— Вот именно! — обрадовался доктор. — Наша медицина — лучшая в Галактике.

Медсестра проверила, хорошо ли посадили дубок.

Потом доктор подошел к дубку. Он позвал Алису.

— Ну и как? Нравится тебе наше лекарство? — спросил доктор.

— Нравится. А почему это дерево называется лекарством?

— А потому что ты уже выздоровела. Можешь выкинуть на помойку свой носовой платок.

И в самом деле — следа от насморка не осталось!

— Если это вы сделали, — сказала Алиса, — значит, у вас и на самом деле замечательные лекарства.

— Тогда пошли пообедаем, — сказал доктор. — Я страшно проголодался.

Алиса согласилась с доктором. Она тоже проголодалась. Пока у нее был насморк, есть не хотелось, а сейчас — даже кастрюлю супа бы съела, а как вы знаете, ни один нормальный ребенок добровольно суп есть не будет. Когда я был маленький, то мама говорила: «Надо обязательно есть суп, это полезно!» А когда я отказывался, она добавляла: «Не могу же я тебя одними сосисками кормить!» Как вы понимаете, я любил сосиски и не любил суп.

Стол был накрыт в саду в тени яблони.

— Как ты относишься к блинам со сметаной? — спросил доктор.

— Отлично отношусь.

Тут же к столу подошла медсестра, только она уже переделалась в нормальное платье. Она несла миску, в которой целой горой лежали горячие блины. За ней шли два медбрата. Первый нес миску со сметаной, а второй — масло и большую банку варенья, которое пахло земляникой так сильно, что Алиса чуть было не вырвала банку из его рук.

— Погоди, — сказал доктор Ужнеболит. — Сначала спой.

— Но я не знаю ваших песен!

— Спой земную песню, только погромче. Я тебя прощу и даже умоляю.

Из-за куста выскочила собака. Она встала на задние лапы. В передних она держала гитару.

Алиса не очень хороший певец, но нельзя же отказать хозяевам дома, которые тебя вылечили от ужасной болезни.

— Вы хотите что-нибудь современное, — спросила Алиса, — или вам спеть старинную песню?

Доктор ответил не сразу. Как будто прислушивался.

Потом решительно ответил:

— Что-нибудь горячее, мексиканское! Мы слышали о таком народе, который пляшет и поет.

Алиса было удивилась, ведь отсюда так далеко до Земли!

Но собака, которая уже начала играть на гитаре, негромко сказала:

— Ничего удивительного. К нам привозят мексиканские сериалы. Поэтому мы с интересом следим за жизнью дона Хуана с сеньорой Хуанитой.

Алиса не сразу вспомнила мексиканскую песню. Не так уж часто ей приходится петь, а уж мексиканские песни совсем редко. Но потом она вспомнила, что, когда она была маленькой, домашний робот Поля укачивал ее песней «Кукарача», которая совершенно не годилась в колыбельные, зато нравилась всем роботам.

— «Ах, кукарача!» — начала она, и собака тут же подхватила песню на гитаре, а стая

черных орлов спустилась на ветки деревьев и стала покачиваться на ветвях.

Когда Алиса кончила петь, с яблони посыпались небольшие красные яблоки.

— А теперь ешь блины, — сказал доктор.

Но есть было трудновато, потому что орлы тоже стали петь «Кукарачу».

— Не обращай внимания, — сказал доктор. — Наша жизнь имеет преимущества, но и недостатки. Не бывает же, чтобы все было хорошо.

При этих его словах птицы перестали петь и, шумно ударяя крыльями по воздуху, понеслись к облакам, собака перестала играть на гитаре и скрылась в кустах, а солнце зашло за тучу.

Стало темнее. Собирался дождь.

— Доедай быстрее, — попросил доктор, — и пошли в дом.

Алиса положила на тарелку еще три блина и полила их сметаной.

— Скорей! — приказал доктор. — Будет дождь. Она, видите ли, обиделась!

— Кто обиделся? — Алиса уже устала от этих загадок.

— Планета. Не стоило мне о недостатках говорить.

Они только успели войти внутрь больницы, как по стеклам застучали капли дождя.

Алиса доедала блины в кабинете доктора.

Сам доктор стоял у окна, смотрел на газон, на дубок, только что посаженный медсестрой, и напевал себе под нос: «Ах, кукарача, ах, кукарача...»

— Доктор Ужнеболит, — спросила Алиса. — Скажите, а как вы мой насморк вылечили?

— Просто посадили дубок, вот насморк и прошел.

— Я ничего не понимаю, — сказала Алиса. — Может, я совсем глупая стала. А то получается, в огороде бузина, а в Киеве дядя.

— Красиво говоришь, но загадочно, — сказал доктор. — Я не знаю, что делает твой дядя в Киеве. Что такое огород — я слышал, там морковка растет, а что в Киеве растет?

— Арбузы, — сказала Алиса.

— А что такое арбузы?

Алиса не стала дальше объяснять, а сказала:

— Расскажите мне про насморк, и тогда я вам расскажу про арбузы.

— Что ж, справедливо, — ответил доктор. — Ведь сколько планет, столько проблем. Маленькая планетка — маленькая проблемка, а большая планета — жуткая проблема.

— А вы?

— А мы — средних размеров планета. Даже, скорее, небольшая. Хотя и население у нас относительно небольшое. Редкое, можно сказать, население. Правда, раньше было иначе.

И доктор Ужнеболит грустно вздохнул.

— Через шесть минут дождик кончится, — сказал он наконец. — Тогда можешь пойти погулять.

Алиса удивилась:

— Откуда вы знаете, что дождь кончится через шесть минут?

— Потому что, когда планета нами недовольна, она устраивает десятиминутный дождик или еще какую-нибудь мелкую пакость.

— Так не бывает, — засмеялась Алиса.

— У нас все не как у других, — сказал доктор.

Алиса решила не перебивать больше доктора, а то он никогда не раскроет тайны этой

планеты.

— Наша история, — сказал доктор, — насчитывает не так много лет. Наши предки прилетели сюда двести лет назад. Они построили города, заводы, дачи и плотины, стали охотиться на оленей, делать сумки из крокодиловой шкуры и гребенки из черепах. Все как у людей!

Тут уж Алиса не выдержала.

— Я с вами не согласна, — сказала она. — На цивилизованных планетах теперь охраняют природу. Потому что человек — это часть природы, и если он загубит речки и моря, то и сам умрет.

— Твоими бы устами да мед пить, — сказал доктор. — Только я думаю, что на твоей Земле не сразу до такой умной мысли дошли.

— Еще как не сразу! — согласилась Алиса. — Некоторые животные умерли, а озера отравились до самого дна.

— То же самое случилось на Унионе, — сказал доктор. — Но у нас все это кончилось куда хуже. Люди начали болеть. И особенно сильно они болели в тех местах, где плохо обращались с природой. А потом начались страшные эпидемии. И против них нельзя было отыскать лекарств. Люди умирали, их становилось все меньше... — Тут доктор замолчал, потом горько вздохнул и добавил: — Мой папа тоже умер. Он был шахтером, и они рыли глубокую шахту к центру нашей планеты, чтобы выгнать оттуда алмазы и золото. И тут порода сжалась, и всех наших шахтеров завалило. Стали рыть другую шахту — и там случилось то же самое. А в третьей шахте уж никто не захотел работать. Шахтеры стали говорить, что сама планета не хочет, чтобы люди так с ней обращались. И еще шахтеры стали рассказывать, что они слышали под землей странные голоса, будто сами скалы пытались что-то сказать людям.

— Это сказки? — спросила Алиса.

— Это не сказки и даже не галлюцинации, — ответил доктор. — Но мы сначала не сообразили, что же происходит. Мы продолжали жить как прежде, только очень сердились на природу. Построим мы плотину, загубим реку, и тут же начинается страшное наводнение, плотину уносит в море, река выходит из берегов и затопляет город...

— Ой, — сказала Алиса. — Я догадалась! Это живая планета!

— Правильно, — ответил доктор. — Вот видишь, ты догадалась, а мы думали, что это самая обыкновенная планета. И продолжали ее мучить.

— А когда же вы догадались?

— Как-то начали мы взрывать скалы, чтобы проложить дорогу. И вот оказалось, что у всех рабочих, которые там трудились, и у всех людей, которые жили по соседству, после взрывов пропал слух. Все оглохли. А потом был еще случай — начали рубить лес на перевале, и у всех лесорубов заболели колени так, что они из дома выйти не могли.

— Почему же планета раньше вам ничего не сказала? — спросила Алиса.

— Она же не человек, — сказала медсестра, которая стояла у дверей и все слышала. — Она как бы спала... и только когда ей стало очень больно, она проснулась.

— Даже тогда мы не догадались, — сказал доктор. — Ну как догадаешься, что планета защищается... Ведь другие планеты не защищаются.

Алиса подумала, что, наверное, доктор не совсем прав. Планета такая большая и так отличается от людей, что мы можем и не догадаться, что она защищается от нас. А если дождик пошел, неужели это планета плачет? А если ветер подул, неужели это планета

вздохнула? А может, все планеты живые? Только не всем приходится воевать с людьми, которые там живут.

— Мы догадались, — сказала медсестра, — когда случился потоп.

— У вас был потоп?

— Особенный потоп. Мы в нем сами виноваты.

Доктор взмахнул руками и запел:

*Супертанкер «Тамерлан»
Вез мазут из дальних стран,
Налетел на крейсер «Вольный»,
Раскололся пополам.*

Медсестра дождалась, когда доктор допел куплет, и подхватила:

— Все море было залито мазутом. На много миль разлилась тонкая пленка. Под ней задохнулись миллионы рыб. Птицы тоже погибли.

— И вдруг во всем мире наступила зловещая тишина! — сказал доктор. — И в этой тишине посреди океана поднялась волна высотой в двадцатипятиэтажный дом и помчалась к берегу. Люди успели только увидеть зеленую стену воды, как она обрушилась на порт, на город и на окрестные поселки. Почти никто из жителей города не успел спастись. Какое счастье, что за день до этого моя мама взяла меня в горы к тете Магде! Представляешь, мы вернулись обратно — города нет. Мама сначала подумала, что мы сошли с поезда не на той станции. Но оказалось, что дальше нет ни станций, ни рельсов.

Все замолчали. Алиса тоже молчала и ждала, когда же доктор и медсестра кончат переживать и расскажут, чем закончилась эта ужасная история.

А они обернулись к стене. На стене висел портрет мальчика.

Мальчик был очень рыжий, весь в веснушках, глаза у него были зеленые, как трава. Он улыбался.

— Кто это? — спросила Алиса.

— Это Василий дель Базилио, наш президент, — сказала медсестра.

Тут в коридоре послышались громкие шаги, дверь в кабинет распахнулась, и в кабинет вошел, а вернее, вбежал человек, который, судя по всему, не умел ходить медленно.

На вид ему было лет шестнадцать. А может, чуть больше. И он во всем был похож на мальчика, изображенного на портрете. Он был такой же рыжий, веснушчатый и зеленоглазый.

— Привет! — воскликнул он. — Здравствуй, Алиса.

— Здравствуйте, наш президент, — сказали хором доктор и медсестра.

В окне показались рожицы медвнучат, которые стали кричать:

— Да здравствует наш президент Вася!

Президент протянул Алисе руку и сказал:

— Официально меня называют Василием дель Базилио, но на самом деле я остался в сердце тем же Васей, что и пять лет назад, когда я догадался, как люди могут помириться с планетой. Тебя вылечили?

— Да, спасибо, — сказала Алиса.

Президент Вася уселся на стул и попросил всех остальных тоже садиться.

— А вы один ходите? — удивилась Алиса. — Сколько мне приходилось видеть президентов, они все водили за собой охрану.

— От кого же меня охранять? — удивился Вася. — Может, только от учительницы химии, которая меня невзлюбила и на той неделе поставила мне сразу три двойки.

— А вы учитесь? — удивилась Алиса.

— Если мне пятнадцать лет, то приходится учиться. Мне, конечно, хочется отменить все школы, но тогда все догадаются, что я не настоящий мудрый президент, а простой мальчишка, да еще и лентяй.

Все засмеялись, а громче всех смеялся президент планеты.

— Доктор Ужнеболит, — спросил президент. — А у вас компот остался?

— Ох, — вздохнул доктор. Он был расстроен, но пошел к высокому белому шкафу и достал оттуда большую трехлитровую банку с черешневым компотом.

— Вы не думайте, что мне жалко, — сказал доктор. — Но у меня так мало его осталось, а черешня уже сошла.

— Видишь, Алиса, — сказал, улыбаясь, президент, — с кем мне приходится жить и работать. А ведь доктор Ужнеболит — не самый плохой из моих подданных. Я думаю, что мне надо будет ввести монархию, объявить себя королем и ввести смертную казнь и даже каторгу.

— Твои шутки, Василий, мне иногда надоедают, — сказала медсестра. — Я серьезно поговорю с учительницей. Может, тебя придется оставить на второй год.

— Познакомьтесь, — сказал президент. — Это моя тетя, потому что в остальном я остался сиротой.

Они стали пить компот, который оказался очень вкусным, а президент Василий дель Базилио рассказал Алисе, как он стал президентом.

— Это случилось, — сказал он, — после того, как я разгадал тайну планеты и даже с ней подружился. Но сначала я стал сиротой, потому что мои папа и мама погибли во время морского потопа. И я был очень зол на планету, которая так жестоко губит людей. Меня отправили к прадедушке, который жил в горах. В той деревне жило несколько стариков, которые за свои сто лет ни разу ничем не болели. Я стал их спрашивать, наверное, вы пьете козье молоко и едите овечий сыр? Ничего подобного, ответили мне старики, мы пьем что придется, но чаще всего пиво и кофе без молока, едим чего захотим, даже ездим в соседние деревни в гости. Я тогда спросил стариков, чем же они отличаются от других людей. А они мне ответили — лесом!

Доктор повторил:

— Лесом!

— Это же надо, — сказала медсестра. — Ну и племянник у меня! Сразу задал самый главный вопрос. И получил самый главный ответ.

— И тогда старики повели меня в лес. Лес начинался сразу за деревней, на месте, где еще недавно была пустошь. Лес был молодой, просторный и веселый. На ветвях деревьев пели птицы, а под деревьями росли рыжики и земляника.

— Я там была, — сказала медсестра. — И подтверждаю слова моего племянника. А теперь такие леса растут у каждого города.

— Подожди, тетя, — остановил ее президент. — Не путай. Дай мне все рассказать Алисе по порядку. Хоть Алиса и великая путешественница, ей не все известно. Я хочу, чтобы она в своих записках обязательно упомянула о нашей планете Унион. Наверняка у

других народов бывают такие же проблемы. Пускай учатся.

— Пускай учатся, — согласился доктор.

— Оказалось, что еще до моего приезда, а можно сказать, совсем давно, у одного из стариков, у дяди Мухтаба, заболела нога. И он подумал, дай-ка я посажу за деревней дерево, а то ноги совсем отнимутся и мне уже никогда не посадить дерева. Так он и сделал. Пошел на пустошь и посадил дерево. Нога тут же прошла. Посмеялся старик, который тогда еще не был стариком, и рассказал об этом своему соседу. А у соседа голова болела, спать не мог. Вот сосед и посадил ореховый куст. Голова тут же прошла. С тех пор все жители этой деревни ухаживали за своим лесом. И стоило кому-то заболеть, он сажал еще одно деревце.

— Все не так просто, — вмешалась тетя-медсестра. — Старики узнали, что теперь они тоже связаны с жизнью своего леса. Однажды пришли туда туристы, разожгли костер, стали рубить молодые деревца, чтобы сделать кольшки для палаток. А у стариков в деревне тут же началась эпидемия чесотки, коклюш, лихорадка... Они догадались, что случилась беда с лесом. И кинулись туда. Кинулись, а в лесу безобразничают туристы. И тогда старики догадались, что мало посадить дерево, его еще надо беречь.

— Должен сказать, что я был неглупым мальчишкой, — сказал президент. — И я задумался, может быть, это сама планета хочет нам сказать: давайте дружить! Давайте заботиться друг о друге. Но, конечно, я был тогда еще почти обыкновенным мальчиком. Я начал думать, но потом побежал играть в футбол и не додумал до конца.

— Вскоре нашего Васю отдали в детский дом, — сказала медсестра.

— Вскоре меня отдали в детский дом, — согласился президент Василий дель Базилио. — Это был самый обыкновенный детский дом. Он стоял за городом. И у нас в детском доме был класс глухонемых детей. Как я приехал в детдом, то увидел, что вокруг него все забросано консервными банками, обертками от сникерсов и памперсов. Мне стало противно смотреть на это безобразие. Я пошел к директору и говорю: почему мы живем в такой грязи? А директор мне говорит — денег нет, чтобы дворников нанимать. А я говорю — позовите детей, дети сами все сделают. А директор только смеется. Ну ладно, думаю. Пошел я по палатам, поднимаю ребят и говорю им: кто хочет получить велосипед, кто хочет исполнения небольшого желания, пойдет с утра на большую уборку. Некоторые посмеялись надо мной, некоторые задумались. Ведь я умею людей уговаривать, иначе как бы мне стать президентом целой планеты уже в тринадцать лет? И два года продержаться на посту, который хочется получить многим взрослым.

С рассвета я вывел детей на большую уборку. Мы вырыли ямы для мусора, мы собрали все бутылки и бумажки, мы сделали клумбы и грядки для цветов, мы даже очистили от гадости пруд на территории нашего детского дома. И я должен сказать: до того момента три дня лил холодный дождик, а когда мы начали трудиться, вышло солнце. И больше того, оно не заходило, пока мы не кончили работать, и висело точно над головой.

— Другими словами, — добавил доктор, — планета перестала вращаться, чтобы детям было удобнее работать. Это ненаучный факт, но факт.

— Так и было, — сказал президент Василий, — и я должен признать, что постепенно, один за другим к нам присоединялись преподаватели, даже бухгалтер и истопник. Только директор не сдался и остался сидеть в своем кабинете. Наконец мы оглянулись вокруг и поняли — все убрано, все чисто, все замечательно. И мы увидели сказочное зрелище: на вскопанных нами грядках и клумбах у нас на глазах появились зеленые ростки. И начали распускаться цветы.

— А когда вы вернулись в дом... — поторопила рассказчика Алиса, — что там было?

— Как и договаривались, — засмеялся Василий дель Базилио. — У каждой кровати стояло или лежало то, что воспитанник детдома хотел получить. Или велосипед, или ролики, или новая фуражка, или кроссовки — каждому по желанию. И кто это мог сделать?

— Ты подумал, что директор, — подсказала медсестра.

— Я сомневался, что это мог сделать директор, он был слишком плохим человеком. Но надо было проверить. Я пошел к директору и спросил его, подарил ли он нам по велосипеду? Директор начал на меня кричать и выгнал из кабинета. И я понял, что он ни при чем. Да и воспитатели подтвердили. Они тоже получили от кого-то неплохие подарки, но точно знали, что не от директора, который скорее лопнет, чем сделает что-нибудь для других.

— Ты понимаешь, откуда были подарки? — спросила медсестра.

— Я думаю, что эти велосипеды подарила планета, — сказала Алиса. — Я бы на ее месте поступила точно так же. Но только я не понимаю, откуда планета взяла велосипеды.

— Молодец, Алиса! — воскликнул юный президент. — Я не сразу догадался, что планета не умеет делать велосипеды и кроссовки. Конечно же они пропали со склада! Но хитрая планета не хотела, чтобы у меня или детдомовцев были неприятности. Она лишила кладовщиков памяти на тот день. И все обошлось.

— А помнишь, президент говорил, что в детдоме был класс глухонемых детей? — спросил доктор Ужнеболит.

— Ах, да! Совсем забыл сказать: той же ночью, когда все наконец-то накатались на велосипедах и роликах и заснули, вдруг мы слышим — где-то рядом поет хор.

Мы вскочили, побежали на лужайку перед домом. И видим. Стоят глухонемые ребята и поют хором песню: «Нам нет преград, ни в море, ни на суше, нам не страшны ни льды, ни облака...»

И доктор Ужнеболит, который знал все стихи и песни, потому что это помогало ему составлять кроссворды, подхватил:

*Лучше ребят
Настойчивых и дружных
Ты не найдешь
Нигде и никогда!*

— А над лужайкой, на которой стояли и пели глухонемые ребята, летали черные орлы и кидали им в руки сладкие сливы, — сказал Василий. — И вот тогда, когда все кричали: «Ах, какое чудо!», я понял, что никакого чуда нет. Просто планета Унион более живая, чем другие планеты. И когда ей больно, она делает больно людям, которые в этом виноваты. А когда ей хорошо, она говорит спасибо.

— Планета оказалась лучше людей, — сказала медсестра. — Она не стала нам мстить. Как только она поняла, что мы хотим жить с ней дружно, она стала нам помогать.

— Ясно, — сказала Алиса. — С тех пор вы стали думать, прежде чем делать.

— Ура, Алиса! — воскликнул президент Василий дель Базилио. — Я могу тебя взять в вице-президентки. Ты быстро и правильно думаешь. Да, мы стали рассуждать, прежде чем делать. Но оказалось, что не все так просто. Без помощи планеты нам бы никогда не

справиться.

— Когда пришел мальчишка, — сказал доктор, — да еще рыжий! и стал всех учить, то многие взрослые, солидные люди закричали, что он глупый хулиган, которого надо выслать с планеты.

— Чаще всего это были те люди, которым было невыгодно дружить с планетой, — добавила медсестра. — Это были директора заводов, которые отравляли воздух, это были браконьеры, которые уничтожали рыбу, это были торговцы ценными породами дерева... Оказалось, что таких людей немало!

— Но в конце концов мы победили! — сказал Василий дель Базилио. — Меня избрали в президенты, и мы забыли, что такое опасные болезни и стихийные бедствия. Конечно, бывает, кто-то из нас недоволен, а то и планета обидится. Но мы всегда можем договориться. Планета, дружище, подтверди!

И в ответ на просьбу президента в раскрытое окно влетела большая золотая бабочка и села на плечо Васе.

Вася погладил бабочку по голове, и она засвистела, как маленькая птичка.

Алиса теперь поняла, почему ее насморк вызвал здесь такую тревогу. Ведь планете было страшно, когда Алиса чихала, и она вздрагивала от неожиданности. А что значит, когда планета вздрагивает? Это значит, что происходит небольшое землетрясение.

Алиса догадалась, почему доктор уходил внутрь большого дуба — он советовался с планетой, как лучше вылечить Алисин насморк. А потом медсестра, медбратья, медплемянник и медвнучата посадили дубок — и тут же Алиса выздоровела. Значит, это было правильное лечение!

И как бы угадав, о чем она думает, доктор Ужнеболит сказал:

— Нам оказалось не так легко справиться с твоим насморком. Болезнь для нас необычная, случай тяжелый... пришлось подумать!

Президент Василий встал и протянул Алисе руку.

— Рад был познакомиться. Мне пора возвращаться в мою контору. У меня немало работы, к тому же и в школу надо ходить, и спортом заниматься.

Алиса с медиками пошла проводить президента.

Его ждала повозка, запряженная вороной лошадкой.

— Конечно, у нас есть автомобили и самолеты, — сказал президент, — но я предпочитаю экологически чистый транспорт.

Он взобрался на облучок, взял в руки поводья, но в этот момент сверху опустился серый вертолет. В нем открылся люк, и оттуда высунулось злое лицо усатого мужчины в черной шляпе.

— Ты узнаешь меня? — воскликнул усач, стараясь перекричать шум вертолетного мотора. — Посмотри на меня! Пришел твой последний час!

— Ой! — воскликнула медсестра. — Это директор детского дома! Он был соперником нашего Васи на президентских выборах!

Директор направил на Васю ствол гранатомета.

Вася не стал терять время даром и крикнул лошадке, чтобы не задерживалась.

Алисе показалось, что он не успеет ускакать. Да и как на лошади убежишь от вертолета! Но в этот момент могучий черный орел спикировал с неба и грудью ударил по гранатомету.

Ствол гранатомета повернулся кверху, и выстрелом разнесло винт вертолета.

Орел упал на землю.

Вертолет пролетел еще несколько метров и тоже рухнул вниз.

Ослепительный столб огня поднялся на том месте.

Президент соскочил с повозки и побежал к упавшему вертолету.

Доктор догнал юношу и крепко его схватил.

— Это опасно! — кричал он. — Не смей, Вася!

Они покатались по земле.

Когда Алиса подбежала к ним, Василий горько плакал.

— Я уйду из президентов, — повторял он. — Я не хочу, чтобы погибали люди.

— Никуда ты не уйдешь, — сказала медсестра. — Мы и планета очень на тебя надеемся.

Алиса подошла к орлу, который пожертвовал собой, чтобы спасти Васю. Ей было ясно, почему президенту здесь не нужны охранники и телохранители.

Орел был жив.

Алиса осторожно подняла его голову, положила себе на колени и погладила.

— Пииить, — сказал орел.

Медвнучата уже несли чашку с водой.

* * *

На следующий день доктор Ужнеболит взял Алису с собой в полет над планетой.

Полетели они на воздушном шаре.

Планета, конечно же, догадалась, что Алиса с доктором хотят побольше увидеть. Поэтому в небе не было ни облачка, ветер был теплый и попутный. Если внизу не было ничего интересного, то шар несся со скоростью самолета, а когда появлялось на что поглядеть, то ветер стихал и шар еле плыл над городом, озером или островами в океане.

Они посмотрели на горы, реки, поля, потом вылетели к берегу моря. Там Алиса увидела город, который несколько лет назад был разрушен громадной волной. После этого страшного бедствия его не стали восстанавливать, а вместо него вдоль берега построили несколько городков. Эти города состояли из небольших белых домиков, окруженных садами и виноградниками. Они были такими чистыми, что даже сверху было ясно, что их жители даже бумажек не кидают на мостовую.

— Интересно, — сказал доктор Ужнеболит, — что море кормит жителей этого города свежей рыбой. Вон видишь на берегу бассейн? Море каждый день выкидывает туда столько рыбы, сколько нужно жителям города на обед.

Тут шар пошел вниз и замер над самой водой.

Алиса удивилась: почему планета так сделала? Что она хочет показать?

И скоро поняла, в чем дело, — оказывается там, внизу, шли соревнования. Дети верхом на дельфинах неслись к скалам, торчащим из воды. А на берегу шумели, кричали и веселились их болельщики — родители и друзья. И никто за детей не боялся.

Вечером доктор привез Алису обратно, и она решила погулять.

Скоро она вышла на берег озера.

Было тепло и тихо.

Солнце уже село. Далеко-далеко пел соловей.

Алиса подумала: наверное, все планеты живые. Но не как люди, а по-своему, по-планетному. Только люди не всегда это понимают, а планеты не всегда умеют или хотят в этом признаться.

И бывают из-за этого трагедии. Иногда люди уничтожают планету — на ней ничего не остается живого. Но тогда и люди погибают. Ведь планеты защищаются, как могут. Хорошо еще, что здесь, на Унионе, люди вовремя спохватились.

Вдруг Алиса услышала шорох.

Из густых кустов, что росли повыше на откосе, выскочила кенгуру. Она в два прыжка оказалась возле Алисы.

Кенгуру запустила лапу в карман на своем животе и вынула оттуда книгу. Книга была старая, потрепанная.

Кенгуру протянула Алисе книгу, а сама уселась неподалеку.

Алиса раскрыла книгу.

На первой странице было написано:

М. Ю. Лермонтов
СТИХОТВОРЕНИЯ

— Спасибо, — сказала Алиса. — Я эту книгу уже читала.

Над ней пролетела чайка.

— Читай! — крикнула чайка пронзительным голосом.

Из моря высунулась голова кита. Кит тоже хотел послушать стихи Лермонтова.

Алиса увидела, что одна из страниц заложена зеленым листом.

Она раскрыла книгу на этой странице. Там было напечатано стихотворение «Парус». Очень красивое стихотворение.

Уже стемнело, и Алиса приблизила книгу к самым глазам. Как жаль, подумала она, что я не помню его наизусть. Даже стыдно перед этой планетой.

— Темно, — сказала Алиса. — Давайте я вам утром прочитаю.

Кенгуру отрицательно помотала головой.

И тут начало светать.

Алиса увидела, как в том месте, где опустилось Солнце, разгорается розовое небо.

И вдруг над морем показался край Солнца.

Еще минута — и солнце вновь взлетело на небо.

Заблестели искры на верхушках волн, запели птицы, которые решили, что уже наступило утро.

— Ну, ты молодец! — рассмеялась Алиса.

Она стала читать стихотворение:

*Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?
Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы! Он счастья не ищет
И не от счастья бежит!..*

Когда Алиса кончила читать, загудел ветер, и деревья захлопали ветками, словно стучали в ладоши.

Солнце медленно опустилось обратно в море, птицы замолкли, кенгуру протянула лапу и взяла у Алисы книгу.

Алиса пошла к дому доктора.

Перед ней летели стаяй светлячки, чтобы освещать дорожку, а кукушка куковала без передышки до самого дома.

Сто двадцать шесть раз!

В кабинете доктора горел свет. Он сидел за столом и писал.

Он услышал, что Алиса вернулась, и спросил:

— Алиса, ты не брала случайно книжку стихотворений Лермонтова? Я ею очень дорожу. Мне ее подарила мама по случаю благополучного окончания третьего класса.

Алиса не успела ответить, потому что в открытом окне кабинета появилась лапа кенгуру с зажатой в ней книгой стихов.

Лапа положила книжку на стол.

— Спасибо, дружок, — сказал доктор, который не видел кенгуру, — ты никогда не догадаешься, чем мне так дорога эта скромная книжка. А дорога она мне тем, что именно благодаря ее стихотворению я придумал свою первую шараду. Хочешь послушать?

Алиса и ответить не успела, как доктор уже начал читать шараду вслух:

— Мое первое — лес, а второе:

Ваш покорный слуга в том лесу.

Что воскликнет он, встретив лису, —

Это третий мой слог. А все вместе —

Небольшая поэма о чести.

Доктор Ужнеболит перевел дух и замолчал. Он, видно, ждал, что Алиса попытается разгадать шараду, у нее ничего не получится и она прибежит к нему за помощью.

Алиса, как и вы, мой дорогой читатель, разгадала шараду в первые две минуты. Но не спешила с ответом.

— Ну что, что? — спросил доктор. — Почему задумалась? Неужели не догадываешься?

— Почему не догадываюсь, — возразила Алиса, — очень даже догадалась. Только не знаю, какой приз.

— Зачем тебе приз? — удивился доктор. — Ты сама приз!

— Тогда не буду разгадывать.

— Это что же получается? Неужели на Земле все дети такие испорченные?

— И еще хуже бывают, — сказала Алиса.

— Значит, не догадалась?

— Почему не догадалась? Первый слог — «бор». Вторым слог — «один». Потому что вы в лес один пошли, а когда увидели лису, то сказали: «О». А все вместе это поэма Лермонтова «Бородино». «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французам отдана?»

— Ну вот, — расстроился доктор. — Ты, наверное, подслушала, когда я репетировал.

— Но меня же не было на вашей планете! — воскликнула Алиса.

— Не знаю, не знаю, я уже давно ничего не знаю! Ты всегда могла сговориться с планетой, и вы замыслили какую-нибудь каверзу. Ложись спать, Алиса, — сказал доктор. — Некогда мне с тобой рассусоливать. Я обещал к завтрашнему дню в детскую газету придумать кроссворд про насекомых. А это нелегкая работа.

— Сейчас иду, — сказала Алиса. — Только я хотела задать один вопрос.

— Задавай. И попрошу быстрее.

— Как там Василий дель Базилио, ваш молодой президент? Он справляется с работой?

— У него неприятности. Он подал в отставку, — сказал доктор.

— Что случилось?

— Он опять получил двойку по химии. И решил, что недостойн управлять планетой, если им недовольна учительница.

— И что же?

— Парламент не принял отставку президента, но вынес ему строгий выговор. И самое последнее предупреждение. Это чуть было не кончилось трагически.

— Что же случилось?

— Президент страшно расстроился, потому что последнее предупреждение парламента означает, что президенту до конца недели запрещено есть мороженое. И тогда планета...

— Она что-то сделала с учительницей?

— К сожалению, ты, Алисочка, права. Куда-то делись сразу три ступеньки из лестницы, по которой спускалась учительница химии, и она провалилась на этаж ниже.

— И разбилась?

— Президент Василий дель Базилио подозревал, что так может случиться. Он успел подхватить учительницу на нижнем этаже. Учительница отделалась испугом, а президент синяками. Только прощу тебя — никому ни слова! Это государственная тайна.

— Понимаю, — согласилась Алиса. — И в самом деле, несерьезно, когда президент планеты ловит учительниц химии. А что сказала учительница?

— Учительница велела президенту завтра с утра прийти на дополнительные занятия. Поэтому пришлось отложить совещание по сельскому хозяйству и прием делегации писателей с планеты Паталипутра.

Алиса улыбнулась и пошла спать.

Алиса в Гусяре

Перед зимними каникулами учительница истории Каролина Павловна спросила:

— Где и когда вы хотите побывать?

— Я хочу познакомиться с Александром Македонским, — сказал Паша Гераскин. — Может, он меня в поход возьмет.

— А я хотел бы участвовать в открытии Америки, — сказал Аркаша Сапожков, человек серьезный и отличник.

— А ты, Алиса Селезнева?

— А мне хочется побывать в двадцатом веке, — ответила Алиса. — Сто лет назад.

— Она хочет увидеть запуск первого космонавта, — сказала Маша Белая.

— Нет, — возразила Алиса. — Мне надо побывать в городе Великий Гусяр в конце двадцатого века.

— Я никогда не слышала о таком городе, — удивилась Каролина Павловна.

— Этот город придумал писатель Кир Булычев, — сказала Алиса. — Я читала очень смешные рассказы о жителях Гусяра. Вы знаете, что в Великом Гусяре пришельцы из космоса появились раньше всех других мест? А житель города Корнелий Удалов — галактическая знаменитость.

— Если этот город придумал писатель, — сказала Каролина Павловна, — может, его на самом деле и не существует?

— Вот это мне и надо проверить, — сказала Алиса.

После Алисы говорили другие ученики, и в конце концов Каролина Павловна сказала, что завтра все могут прийти в Институт времени и отправиться на два дня в прошлое — каждый куда хочет. При условии, что все себя будут хорошо вести, ничего не трогать и не брать в свое время.

Так Алиса Селезнева, девочка из будущего, попала в наше с вами время и оказалась на окраине города Великий Гусяр ранним утром, когда почти все еще спали.

Она вышла на набережную реки Гусь и решила погулять по ней, пока горожане проснутся.

Вдруг над ее головой появилось что-то темное и круглое. Алиса подняла голову и увидела, что это — инопланетная летающая тарелочка. Ну вот, подумала Алиса, начинается. Не успела я приехать в Великий Гусяр, как вижу пришельцев.

Алиса помахала тарелочке рукой и пошла дальше, к городскому парку, который раскинулся на высоком берегу.

И вот когда она шла по аллее парка, ее схватили сзади за локти железными пальцами.

Оказалось, что это — роботы. Довольно старой конструкции, потрепанные и исцарапанные.

— Ты здесь живешь, девочка? — спросил один из роботов.

— На глупые вопросы я не отвечаю, — сказала Алиса.

— Ничего, — сказал второй робот. — Сейчас доберемся до нашего боевого корабля, заговоришь по-иному!

Они подхватили Алису на руки и понесли ее прочь от города.

Минут через пять они остановились в кустах. Там стояла инопланетная летающая тарелочка.

— Залезай! — приказал первый робот.

— Зачем?

— А затем, что тебя никто не спрашивает. Не полезешь — будем мучить и колотить, пока добровольно не полезешь.

Роботы крепко держали Алису, и Алиса поняла, что лучше не сопротивляться.

А потом, когда время подойдет, она им всем покажет.

Алиса забралась в тарелку.

Внутри было пусто и пыльно, словно никто здесь давно не жил.

Один из роботов потянул на себя люк, и тот со скрипом закрылся.

Второй приказал:

— Садись и читай.

— Что это такое?

— Ты что, читать не умеешь?

— Умею.

— Нам надо знать, что здесь написано.

Алиса прочла. Крупными буквами сверху было написано: «ГУСЛЯРСКОЕ ЗНАМЯ». Мелкими буквами пониже: «6 августа 1980 года».

— Ну говори, говори!

— Это кусок старой газеты, — сказала Алиса. — Где вы его нашли?

Один из роботов наклонился к Алисе и сказал:

— Мы нашли это в зале ожидания на Паталипутре.

Робот указал железным пальцем на фотографию. На ней была видна человеческая рука, которая держала небольшую фляжку.

— Что тут сказано об этом? — Робот ткнул пальцем в фляжку.

— «Находка в озере», — прочла Алиса.

— Дальше!

— «Много рыбаков собираются по воскресным дням на берегах богатого рыбой озера Копенгаген в лесу под Великим Гусяром, — прочла Алиса. — И всеобщее удивление вызвал крик одного из рыбаков: „Смотрите, что мне попало на удочку!“ Оказалось, что это фляжка, судя по форме и отсутствию надписей — инопланетного происхождения. Новый владелец фляжки...»

— Дальше!

— Дальше нельзя, — сказала Алиса. — Дальше — оторвано.

— Значит, так, — сказал робот. — Хочешь жить — спустишься в город, узнаешь, кто нашел фляжку, и немедленно принесешь ее сюда.

— И не подумаю.

— Мы тебя растерзаем!

— Растерзаете — кто вам фляжку принесет?

Роботы замолчали и стали думать — у них мозги поскрипывали.

— Это наше национальное достояние, — сказал первый робот.

— Тогда тем более все просто, — сказала Алиса. — Великий Гусяр — городок небольшой. Наверное, каждый второй знает, где лежит эта фляжка. Спускайтесь и спрашивайте.

Робот развел руками и воскликнул:

— Неужели ты не понимаешь? Как мы пойдем по городу спрашивать про фляжку? Мы

подойдем к первому человеку, и тот в лучшем случае отправит нас в тюрьму или расстреляет...

— Расстреляет на месте, — сказал второй робот.

— Но вы издали кричите, что вам нужна только фляжка!

— Они издали нас и расстреляют, — сказал робот. — Не можем мы, Алиса, так рисковать. Мы слишком ценные экземпляры.

— Ну, не очень ценные, — заметила Алиса.

— Ты не понимаешь! Каждый из нас стоит сотни лучших умов планеты! Так что не отказывайся, Алиса, спустись и достань для нас фляжку.

— Не пойду я, — сказала Алиса.

— Надо!

— Не надо.

— Тогда прощайся с жизнью.

— Прощаюсь, — сказала Алиса. — Убивайте меня. Только учтите, что я буду визжать как недорезанная.

— Мы пошутили, — быстро сказал робот. — Никого мы не хотим убивать. И даже не можем этого сделать. Мы хотим спасти.

— Почему я должна вам верить?

— Потому что мы все тебе честно расскажем. И если ты найдешь в Великом Гусяре заветную фляжку со средством номер два, мы тебе гарантируем вечную благодарность всего нашего несчастного населения.

— Я еще не согласилась, — сказала Алиса.

— Сейчас согласишься. Ты, насколько мы знаем, человек добрый и отзывчивый.

— Рассказывайте, — сказала Алиса. — Только покороче.

— Ты думаешь, что видишь перед собой роботов, — сказал один из них, — а на самом деле все куда сложнее. Мы — жители планеты Инсектуди, которая лежит в стороне от звездных трасс. Мы бедный, но любознательный народ. Как ты знаешь, межзвездные путешествия — очень дорогое удовольствие, потому что сами корабли ужасно много стоят, а топливо еще дороже. И мы тогда раздобыли замечательное средство номер один. Если ты его принимаешь, то уменьшаешься в сто раз. У нас на всю планету был всего один космический корабль. Но когда нужно было лететь, то в него умещалось не сто пассажиров, как обычно, а сто раз по сто, то есть десять тысяч. И в сто раз мы сэкономили на обедах и ужинах, подушках и матрасах и даже на компоте.

— Погоди, — сказал другой робот. — Алиса, может, не все поняла. Я объясню подробнее. Каждый, кто покупает билет на космический корабль, прощается с семьей, принимает каплю средства номер один и тут же занимает свое маленькое местечко на борту. Но когда мы подлетаем к другой планете, то перед выходом каждый выпивает по капле средства номер два. И становится снова таким же большим, как ты, Алиса.

— Понятно, — сказала Алиса.

— И вот как-то один из наших кораблей летел в космосе. И никто на борту не знал, что нас выследили космические пираты, которым очень пригодилось бы для их подлых дел средство номер два.

Пираты подстерegli нас, высадились на борт нашего корабля, и началась рукопашная схватка. Но какая может быть схватка, если мы в сто раз меньше, чем пираты? Только капитан корабля и его помощник были настоящего размера, понимаешь почему?

— Конечно, понимаю, — ответила Алиса. — Чтобы давать малюткам средство номер два.

— В завязавшемся бою капитан и его помощник погибли, но капитан успел выкинуть фляжку со средством номер два за борт, и она пропала в космосе. Пираты остались ни с чем. Но мы тоже остались ни с чем. Мы вернулись на родную Инсектуди, но ведь там не было больше средства номер два — все запасы оставались на борту. А средство номер один...

— Средство номер один нам помогло, но это тоже печальный рассказ, — сказал второй робот.

— Представь себе, Алиса, что домой прилетело десять тысяч микроскопических существ. Оказывается, что я теперь в сто раз меньше своей жены, а моя мама в сто раз крупнее собственного сына. Это была трагедия. Десять тысяч малышей остались жить в космическом корабле, но их число постепенно увеличивалось, потому что оставалось средство номер один.

И мама, которая тосковала по сыну, прощалась со своими родными и становилась махонькой, а жена выпивала каплю средства номер один и тоже уменьшалась... семьи воссоединились, но какой ценой! Мы уже много лет оторваны от нормальной жизни, мы даже в театр сходить не можем, потому что слишком малы. Хотя теперь в театрах и кинозалах нашей планеты сделаны специальные сиденья с веревочными лесенками для самых маленьких, а в домах есть скоростные лифты на второй этаж.

— Все эти годы мы не переставали искать фляжку со средством номер два, — добавил второй робот. — И вдруг увидели эту газету!

— Где же вы ее увидели?

— Она была забыта на диване в зале ожидания на Паталипутре. Видно, какой-то житель Великого Гусяра попал туда проездом...

— Скажите, — попросила Алиса, — а можно ли посмотреть на вас?

— А ты на нас смотришь, — сказал робот. — Сто самых сильных и ловких из нас сидят в роботе номер один.

— И сто — во мне, — сказал второй робот. — Иначе как бы нам управиться с кораблем? Мы как арбузы, внутри — много-много косточек.

Алисе стало жалко этих существ. Какая ужасная судьба — взбираться в театре на кресло по веревочной лестнице!

— Хорошо, — сказала она, — я согласна вам помочь.

— Спасибо, смелая девочка, — поблагодарили хором роботы.

Корабль несчастных инсектудиков медленно плыл в облаках над Великим Гусяром, не снижаясь, чтобы его раньше времени не засекли. Роботы выискивали место, в котором лучше всего посадить Алису.

— Смотрите, скверик, — сказал один из роботов.

— А в нем пригорок, — сказал второй.

— А на пригорке сидит одинокий местный житель, который дышит свежим воздухом, несмотря на ранний час, — сказал первый робот.

— Вот с ним ты, Алиса, и поговоришь, — сказал второй робот. — Ты подойдешь к нему и как будто невзначай спросишь: «А где наша фляжка?»

— Не учите меня спрашивать про фляжки, — сказала Алиса. — Потому что как только ваша тарелочка снизится над сквером, этот одинокий человек умчится со всех ног.

— А мы тебе вот что дадим! — Робот вытащил из шкафа несколько шариков, похожих

на детские воздушные шарик.

— Они наполнены газом с отрицательным весом. То есть они легче невесомости. И могут удержать даже двух таких девочек, как ты. Вот мы и опустим тебя из облаков, и в крайнем случае, если этот одинокий человек увидит тебя, он скажет себе: «Какая милая девочка-резвушка спускается с неба на воздушных шариках!» И не испугается.

Алиса взяла шарик и подошла к краю люка. Конечно, ей было немного страшновато. А вдруг эти шарик рассчитаны только на махоньких инсектудиков? Но показывать свой страх Алиса терпеть не могла. Она покрепче взяла шарик и шагнула в воздух.

Несколько метров она пролетела как пуля, но потом шарик так сильно дернули ее за руку, что Алиса их чуть было не выпустила.

Дальше она опускалась медленно, и ей приходилось все время подгребать свободной рукой, чтобы ее не отнесло в сторону.

Человек, который сидел на пригорке посреди сквера, давно уже увидел ее и махал рукой.

— Давай, — крикнул он, — сворачивай сюда! Издалека летим-то?

Алиса снизилась точно возле пригорка, отпустила шарик, они сразу взмыли в небо и вскоре скрылись в облаках.

— И что же тебе, десантница, понадобилось в нашем городе? — спросил человек.

Он оказался стареньким старичком с серьезным и даже капризным лицом. Видно было, что этот старик любит и умеет критиковать и ругать все на свете.

— Я к вам по делу, — сказала Алиса. — Мне нужно узнать, как пройти в редакцию газеты.

— Этого я тебе не скажу, — ответил старик. — И знаешь почему?

— Почему?

— Потому что в Великом Гусяре каждая собака знает, как пройти в редакцию. А если ты не знаешь такой простой вещи, значит, тебя плохо готовили в твоей шпионской школе. И теперь, шпионка, выпавшая из облаков, признавайся, что тебе надо в нашей беззащитной газете?

— Узнать, где фляжка.

— Фляжка? Ты водку пьешь?

— Ой, вы меня рассмешили! Конечно же нет. Мне нужна совсем необыкновенная фляжка, которая только похожа на фляжку.

— А причем тут газета?

— Мне надо узнать, кто написал там статью.

— Рано тебе еще про статьи узнавать, — сказал старик.

Алиса подумала: наверное, это очень знающий старик. А вдруг он мне поможет?

Она посмотрела в небо. Ей показалось, что в просвете между облаков мелькнул космический корабль и скрылся.

— Простите, пожалуйста, — сказала Алиса. — Шестого августа тысяча девятьсот восьмидесятого года в озере Копенгаген кем-то была выловлена фляжка... — сказала Алиса.

— Инопланетная? — спросил старик.

— А вы знаете?!

— Я ничего не знаю. Меня только интересует, кого могла заинтересовать эта фляжка. Может быть, ты, девочка, вовсе не девочка! Подумать только — всего три дня как Корнелий Удалов эту фляжку отыскал, а ты уже к нам добралась. Может, на парашюте спустилась?

— Нет, — честно ответила Алиса. — На воздушных шариках.

— Я так и думал! — воскликнул старик. — А ну-ка, давай сядем поближе, крошечка, и ты все как на духу расскажешь. И кто ты, и откуда, и как попала к нам в город Великий Гусляр.

Скамеечки рядом не оказалось, но старик отыскал холмик и уселся, посадив рядом Алису. Он крепко держал ее левой рукой, а правой пугал ее, как пугают маленьких ребятишек, — показывал ей пальцами «козу». Совсем на старости лет разучился разбираться в людях.

Но Алиса, конечно же, старика не испугалась, а спросила:

— А вас как зовут?

— Можешь называть меня Николаем Николаевичем, товарищем Ложкиным, — сказал старик. — Так будем признаваться или будем в молчанку играть?

— Мне все это просто смешно, — раздался мужской голос. — Зачем ты, старик Ложкин, к ребенку пристаешь?

Алиса поглядела в сторону говорившего и увидела высокого, лохматого, худого мужчину с веселыми глазами.

— Ах, отстань, Саша, — отмахнулся старик. — Ты, Грубин, мало жил во вражеском окружении и не представляешь, на что только не идут наши враги, чтобы тайну нашу узнать.

— Какие же это враги? — спросил Саша.

— Ах, Грубин, — вздохнул Ложкин. — А марсиане? А башибузуки? А американцы или вологодчане, наконец? Зачем она про фляжку, которую Корнелий из озера вытащил, спрашивает?

— А ты у нее бы и спросил.

— Боюсь, — сказал Ложкин. — Я ее спрошу, а она меня на Марс к себе утащит. Я ведь тебе правду скажу — я видел, как она к нам из летающей тарелочки на воздушных шариках спустилась. Сама признается.

— Ну ты, старик, совсем рехнулся, — сказал Саша Грубин. — Ну ладно тарелочка, ну ладно прилетела из космоса, но чтобы на детских шариках спустилась — это сказка.

Неизвестно, сколько бы они пререкались, но, на Алисино счастье, на дорожке появилась полная старуха, которая закричала еще издали:

— Обед на столе, лекарства уже отсчитаны, отмерены, телевизор на передачу «Скажите, девушки» уже включен. А ты с девушками в сквере обнимаешься! Вот сейчас я тебе покажу!

В ужасе старик Ложкин отпустил Алису и, прикрывая голову обеими руками, кинулся домой, старуха за ним.

Когда стало тихо, Саша Грубин спросил:

— А на самом-то деле чего тебе нужно, девочка?

Саша Грубин был таким приятным человеком, что Алиса тут же ему рассказала всю правду о несчастных инсектудиках. И, что характерно, Саша Грубин сразу и безоговорочно ей поверил. И сказал:

— Фляжку выловил Корнелий Удалов, мой друг и сосед, написал о ней Миша Стендаль из нашей городской газеты, а фляжку и Удалова ты, вернее всего, отыщешь на озере Копенгаген, потому что он сегодня с рассвета снова туда намылился.

— А как я туда попаду? — спросила Алиса.

— Конечно, проще всего твоим новым знакомым помахать, — наверное, они за нами

наблюдают. Пускай они нас куда надо перевезут. Давай им махать!

Алиса с Сашей Грубиным вышли на открытое место, Грубин поднял Алису на руки, и она стала звать пришельцев. Минут пять звала, но без толку. Тогда Грубин вздохнул и сказал:

— Придется использовать мое средство транспорта. Жди.

Минут через десять он подъехал к скверу в стареньком «Запорожце». Машина фыркала, чихала и кашляла.

— Хронический бронхит, — сказал Саша, — садись, прокачу!

Он дал газ, машина выпустила облако черного дыма, и они покатали по шоссе к лесу, где лежало озеро Копенгаген.

Погода не баловала рыбаков, поэтому на берегу озера почти никого не было. И Саша Грубин сразу показал на одинокую фигурку, сидевшую в лодочке метрах в десяти от берега.

— А вот и наш Корнелий собственной персоной, — сказал он. — У него мы средство номер два и получим.

Они подошли поближе.

Удалов оказался небольшого роста полным человеком с такой круглой и блестящей лысинкой, словно у него была не голова, а большой бильярдный шар, вокруг которого кучерявились кудряшки.

— Корнелий, — сказал Грубин. — К тебе гости издалека.

Корнелий поднялся и, не выпуская из рук удочки, тихо сказал:

— Первое, и главное, — не шуметь. Рыба этого не любит. Второе — говорите быстро и толково: у меня самый клев начинается.

— Да забудь ты на минутку о рыбалке! — сказал Грубин. — Галактической важности проблема. Надо помочь братьям по разуму.

— Так бы и говорили, — сказал Удалов. — Ждите.

Он направил лодочку к берегу. Когда она ткнулась носом о песок, он сказал:

— Продолжай, Саша.

Но Грубин сам говорить не стал, а обернулся к Алисе.

— Корнелий Иванович, — сказала Алиса, — вы три дня назад выловили в этом озере фляжку.

— Инопланетного происхождения, все в городе уже знают, — сказал Удалов.

— Она очень нужна одной несчастной цивилизации, — сказала Алиса.

— Говори, девочка, говори! — потребовал Удалов.

— Фляжка цела?

— Как же ей не быть целой, — обиделся Удалов. — Мы же не отсталые дикари. Если нам попадется что-нибудь утерянное в космосе, мы всегда ждем настоящих хозяев.

— Отдайте нам эту фляжку, — попросила Алиса.

— А ты ей хозяйка?

— Нет, хозяева в небе над нами кружатся, но, видно, в облаках временно заблудились.

— Ну ладно, — сказал Удалов. — Ты здесь стой, а я фляжку принесу. Она у меня вон там стоит, на пригорке.

Удалов показал на пригорок, и тут все они увидели, как из-за пригорка протянулась худая рука и схватила фляжку. И тут же старик Ложкин, неизвестно как успевший вырваться из рук своей жены, крадучись, побежал прочь.

— А ну, стой! — закричал Удалов. — Отдай фляжку.

— Не буду стоять! — кричал на бегу Ложкин. — Не отдам врагам и марсианам нашу коллективную находку!

Удалов и Грубин кинулись вдогонку за Ложкиным, а Алиса сообразила, что стоит с удочкой в руке. Поплавок покачивался у самого берега. Алиса ступила в лодку, потому что надо было положить удочку, чтобы не порвать леску. И в этот момент лодка рванулась вперед так, что Алиса с размаху уселась на сиденье. Она поняла, что на удочку попался кто-то очень крупный, который тянет вперед лодку. Алиса не выпустила удилице и увидела, что ее тащит на буксире сом, ростом с кита. Такого ей видеть не приходилось. И все рыбаки, что сидели по берегам озера, вскочили и стали болеть за Алису. Они боялись, что сом сорвется.

Лодка неслась все быстрее, она уже пересекла озеро, и в последний момент сом нырнул в глубину, леска порвалась, а лодка с Алисой въехала на берег.

Именно тогда там пробежал старик Ложкин, который прижимал к сердцу чужую флягу.

Когда он увидел, что на берег въезжает лодка, а в ней сидит Алиса, он понял, что без злого колдовства здесь не обошлось, и кинул фляжкой в Алису, а сам с криком: «Чур меня, чур меня!» — умчался в лес.

Алиса схватила на лету флягу и чуть не умерла от страха.

Из открывшейся фляги лезли розовые, жирные, скользкие дождевые черви!

Так вот оно — средство номер два!

Алиса отбросила фляжку, а Удалов, который как раз подбежал к ней, закричал:

— Ты что моих червей выкидываешь! Я их с утра копал!

— Это не средство номер два, — сказала Алиса. — Это червяки.

— А ты что думала? — спросил Удалов. — Конечно, червяки. Лучше банки для червей я и не видал.

Тут вмешался Грубин, который понял, что дело — швах!

— Корнелий, — спросил он строго. — Ты куда дел средство номер два?

— Это еще что такое?

— Это то такое, что было раньше во фляге! — сказал Грубин.

— Там была какая-то жижа, — сказал Удалов. — Совсем старая, вонючая. Пришлось ее вылить, чтобы экологию не портить.

— Куда ты ее вылил? — спросил Грубин.

Сверху донесся вой или плач, грустный, как рыдание ветра в ночном лесу.

Это появилась над озером летающая тарелочка, и в ней рыдали заключенные в работах инсектудики.

— Корнелий Иванович, — сказала скорбно Алиса. — Вы вылили в озеро судьбу целой планеты!

— Не может быть! Я готов убить себя! — Корнелий был в самом деле страшно расстроен. Всю свою жизнь он посвятил космической дружбе — и вдруг такой скандал!

А по берегу к ним бежали рыболовы.

— Ну и дела! — крикнул первый из них, аптекарь Савич. — Такого сома мы еще не видели! Мы боялись, что он девочку утопит.

— Какой еще сом? — удивился Удалов. — Я не видел никакого сома.

— А как, ты думаешь, девочка с того берега на этот попала за две минуты?

— Ах да, конечно! — спохватился Удалов. — И как же?

— На буксире у сома в пять метров!

— Так не бывает, — сказал Удалов.

И тут все увидели, как в середине озера из воды показалась морда сома... он поводит усами и осматривался. Морда была размером с бочку для воды.

— Откуда такой? — спросил Удалов, и никто ему не ответил, потому что рядом с мордой показалось рыло щуки уж никак не меньше, чем сомья голова.

— Откуда такие чудовища? — спросил Удалов. — Не понимаю. Всю жизнь здесь рыбаку и никогда никого длиннее локтя не вылавливал.

— Значит, ты средство номер два сюда вылил? — спросил Грубин.

И Алиса догадалась, о чем думает Саша.

— Конечно же — это раствор средства номер два! Еще не все потеряно!

И все увидели, как к озеру медленно спускается инопланетная летающая тарелка. В днище ее открывается люк, и оттуда к воде тянется шланг.

— Чего им нужно? — спросил Савич.

А надо сказать, что пришельцы нередко прилетают в Великий Гусляр, так что его жители им не очень удивляются.

— Им нужно стать снова большими и вернуться домой к нормальной жизни, — сказала Алиса и объяснила рыбакам, почему и зачем сюда прилетели инсектудики.

А из-за дерева вдруг раздался голос Ложкина:

— Я же говорил, что она — засланка! Ее инопланетяне заслали!

Ему никто не ответил, потому что летающая тарелка перелетела к берегу.

— Прошу прощения, — раздался голос тарелки. — Нас здесь две сотни крошек, которые превращаются в существ настоящего вида и размера. Посторонитесь, пожалуйста, мы высаживаемся на берег.

Из открывшегося трапа появилась лестница. И по ней начал спускаться первый из жителей Инсектудии.

Он был похож на жука ростом с человека.

Он прыгнул на землю, и даже видавшие виды гуслярцы отбежали от него подальше.

Пришелец протянул вперед одну из своих лапок и сказал:

— Рад приветствовать вас, мои спасители. Разрешите, я обниму тебя, Алиса.

— Может, не стоит? — спросил Грубин.

Но Алиса знала, что этот жук совсем не злобный, и подбежала к нему. Жук нежно обнял Алису и прижал к своему блестящему пузу.

А за ним уже спустились другие жители несчастной планеты. И каждый норовил обнять и поцеловать Алису.

Ложкин закричал из леса:

— Не трожьте дите!

Но его никто не слушал. У гуслярцев возникла проблема.

Что ты будешь делать, если к тебе в гости заявились без приглашения две сотни гостей страшного вида, которых надо кормить и укрывать от непогоды, пока их соотечественникам удастся взять напрокат несколько кораблей и прислать их на Землю? И как ни уговаривала их Алиса и ее новые друзья из Великого Гусляра, никто из увеличенных инсектудиков не захотел хотя бы на неделю снова стать крошечным. Мало ли что может случиться! Нет уж, лучше не рисковать.

На взгляд человека, не привыкшего к межпланетной дружбе с братьями по разуму, вид гостей был страшен и ужасен. Некоторые женщины пожилого возраста падали в обморок, если случайно встречали инсектудика на улице или у себя во дворе. Они были разнообразны

и пока оставались махонькими — их можно было принять за наших тараканов или жужулиц. Но если такой таракан больше метра?..

Однако довольно быстро в Галактическом центре наладили гуманитарную помощь, и в Великий Гусляр стали прибывать корабли за двумястами насекомыми. А потом прилетел корабль-цистерна и выкачал три четверти воды из озера Копенгаген.

Ведь надо было еще накапать этой воды остальным пострадавшим инсектудикам.

Но в Гусляре все были так рады, что спасенные улетели, что за озеро не обиделись. Тем более что в нем началась сказочная рыбалка. Сомы достигали шести метров, щуки — четырех, окуни шли по пуду, а пескари — по десять кило. В болоте возле озера поселились три лягушки ростом с корову, но их вскоре вывезли в цирк, чтобы они выступали перед детьми.

На шестой день хлынул стремительный и оглушительный дождь.

Как раз тогда, когда Гаврилову-младшему и его другу Гургену Нетудыхате пришла в голову одна и та же плодотворная мысль.

Обгоняя друг друга, не обращая внимания на ливень, они устремились к озеру. Гаврилову захотелось играть в баскетбол и требовалось тридцать дополнительных сантиметров, а Гургену Нетудыхате хотелось добавить к своим ста пятидесяти пяти хотя бы двадцать, чтобы нравиться девочкам.

Отбросив в сторону велосипеды, молодые люди нырнули во вспучившиеся от ливня воды озера Копенгаген.

Когда они вылезли через полчаса на берег, оказалось, что Гаврилов прибавил три с половиной сантиметра, а Гурген — почти два. Так что Гаврилов так и остался пингпонгистом, а Гургена девочки по-прежнему зовут Гургенчиком.

Правда, рыбалка на озере Копенгаген и сейчас славная.

Алиса осталась в Великом Гусляре еще на два дня, и с ней там случались разные приключения, о которых я еще расскажу. Удалов угощал ее ухой собственного изготовления, а Грубин показывал свои изобретения.

С небольшим опозданием Алиса вернулась в конец XXI века, но там никто не беспокоился, куда она пропала. Дома у Алисы все уже привыкли, что она — девочка, с которой ничего дурного не случится.

Звёздный пес

Глава 1. Звездный пес и его хозяин

Бакштир живет в замке, похожем на герцогский или графский, только поменьше.

Если он скажет вам, что работает стоматологом, глубоководным ныряльщиком или милиционером, не верьте. Бакштир — советник королей.

В замке его трудно застать, потому что Бакштир всегда занят, вечно торопится кому-то помочь или кому-нибудь помешать.

Он научился бегать по волнам, а по вторникам катается на доске по потоку раскаленной лавы. В одних плавках!

На спор с дробизами он грызет камни, назло космическим пиратам берет на абордаж их корабль, продырявливая в днище дырку, из-за чего пиратский корабль половину времени стоит в доке и чинится.

Иногда Бакштир начинает давать королям советы, но по большей части эти советы бывают ошибочными. Те короли, которые послушаются Бакштира, потом об этом жалеют.

Вот у такого человека в замке живет звездный пес.

Бакштир подобрал звездного пса, когда тот был совсем маленьким, и выкормил его сгущенным молоком из банки.

Звездный пес верен Бакштиру и готов защитить его от любого врага. Но какие враги могут быть у Бакштира!

Звездный пес знаменит тем, что его посылают, когда нужна срочная помощь, потому что он может попасть когда надо и куда надо, даже на край галактики. Для него нет расстояний.

Если звездному псу нужно перебраться из пункта «А» в пункт «Б», он туда перенесется, сделав лишь один шаг. Он бесследно исчезнет в пункте «А» и появится, живой и здоровый, в пункте «Б». Причем ему не важно, как далеко эти пункты отстоят один от другого.

Но у звездного пса есть одна проблема. Сколько с ним ни бились профессора и старшие преподаватели, сколько его ни просили, сколько ни умоляли, он так и не научился говорить.

В лучшем случае звездный пес может запомнить одно слово, но даже его через неделю напрочь забывает.

Столько работы — и всего одно слово! Даже смешно!

Если ты посылаешь пса по важному делу, то сначала надо решить, какому слову будешь его учить. Иначе может случиться беда.

Когда звездный пес ничего не выполняет и никуда не стремится, он становится самым обыкновенным животным.

Он гоняется за кошками, приносит Бакштиру палку или мячик, но почти никогда не лает. Не любит он лаять. Ему и так хорошо.

И если вы не знаете, что перед вами звездный пес, то можете решить, что это самая обыкновенная и даже не очень породистая собака. Неизвестной породы, черного цвета, с белым животом и лапами, только хвост у него гораздо длиннее и пушистее, чем у обычного пса. У звездного пса светлые ореховые глаза и озорная улыбка.

Глава 2. Звездный пес в Москве

Алиса с утра собиралась в космическое путешествие. На целый месяц. Даже если человек собирается поехать к бабушке в Симферополь, он все равно должен к этому подготовиться, сложить чемодан, разобрать игрушки, кассеты и дискеты, позаботиться о домашних животных, выяснить отношения в школе и на станции юных натуралистов, которая скрывается в густом лесу Гоголевского бульвара, отдать Пашке Гераскину старинную книжку про рыцарей, а домашнему роботу Поле — золотую монету графства Мортабеле, обязательно отыскать непромокайку, привезенную из прошлого путешествия на «Пегасе», взять у Машеньки Белой письмо ее двоюродному дяде, работающему на астероиде Пересадка, получить тайный пароль от комиссара Милодара и навестить механика Зеленого, который упал с клубничного куста, выведенного когда-то знаменитым ботаником Мичуриным, и сломал себе палец на правой руке.

Случай с Зеленым — настоящая трагедия.

Все было готово к путешествию за космическими зверями на корабле «Пегас». Начальником экспедиции, как и три года назад, был профессор Селезнев, папа Алисы, директор Космического зоопарка в Москве. Капитаном и штурманом корабля «Пегас» летел космонавт Геннадий Полосков. Ассистентом профессора и юнгой, как и три года назад, взяли Алису Селезневу. И не только потому, что она была дочкой начальника экспедиции, но и ввиду ее большого космического опыта. Вряд ли вы отыщете на Земле в конце XXI века девочку, которая столько раз побывала в космосе, пережила там массу веселых, а то и страшных приключений, но из всех выходила невредимой.

И наконец, четвертым членом экипажа «Пегаса» должен был лететь механик Зеленый.

Никто лучше его не разбирается в технике, механике, электронике и бионике. И если бы не характер, Зеленому цены бы не было. Но характер у него пессимистический, а это значит, что он всегда ждет неприятностей. Даже вместо «доброе утро» он говорит: «Ну, что у нас плохого?» А любимая его фраза звучит так: «Это добром не кончится!» И я вам скажу, далеко не каждый капитан захочет, чтобы у него на борту был механик-пессимист.

Хотя при всех своих недостатках Зеленый — добрейшей души человек и в жизни мухи не обидел. По крайней мере все мои знакомые мухи в том убеждены и спокойно садятся отдохнуть на его рыжую бороду.

Профессор Селезнев, капитан Полосков и Алиса не представляли себе космического путешествия без механика Зеленого.

И вот, только подумайте, такое несчастье! Сломать палец на правой руке! А как же тогда чинить двигатели и компьютеры?

Завершив все свои дела, Алиса побежала к механику Зеленому, чтобы с ним попрощаться.

В квартире механика нет никакой электроники, потому что он считает: если есть чему сломаться, оно обязательно сломается. Вместо замка у Зеленого железный засов, а установлен он снаружи.

Если Зеленый уходит из дома, он запирает дверь на засов. И все его знакомые знают: засов задвинут — значит, хозяина дома нет.

Впрочем, догадаться об этом нетрудно.

Алиса поднялась к квартире Зеленого и увидели, что засов задвинут.

«Интересно, — подумала она, — скоро ли Зеленый придет? Он же не признает

телефонов, видеофонов и миелофонов».

Алиса спросила вслух:

— Никто не знает, когда механик будет дома?

И тут дверь в соседнюю квартиру приоткрылась, и старческий голос ответил:

— Он за мороженым пошел.

В щель выглядывал бородатый карлик, великий угадыватель чужих снов Иван Иванович Ивашкин. Его даже по Космонету показывали. Он может угадать не только ваш вчерашний сон, но и завтрашний тоже. Но на всякий случай, чтобы пореже ошибаться, свободное время он проводит у замочной скважины или у окна. Кто идет, куда идет, зачем идет — вот его главная забота.

Алиса подозревала что Иван Иваныч на самом деле сбежал к ним из эпохи легенд и что он не человек, а гном. Но молчала — а вдруг гному будет неприятно, если кто-то догадается.

— Скажите ему, пожалуйста, — попросила Алиса, — что я посижу на лавочке в сквере, подожду его.

— А может, зайдешь ко мне? — предложил карлик. — Я тебе твои сны расскажу и даже тот, позавчерашний, который ты от страха не досмотрела.

Алиса слушать карлика не стала и побежала по лестнице.

Но когда она переходила улицу к скверу, Иван Иваныч высунулся из окна и закричал:

— И никакой я не гном, слышишь?

Алиса уселась на лавочку в сквере. Лавочка ей попалась мягкая, покачивая. Алиса принялась вспоминать, что она взяла, что забыла, а что еще не успела сделать. Ведь завтра утром улетать, а кажется, еще тысяча дел не переделана.

Алиса зажмурилась. Солнце поднялось уже высоко и стало припекать. По синему небу бежали пышные облака, а под облаками носились разные птицы, которые живут в садах и лесах Москвы.

И тут Алиса услышала, что совсем рядом, у ее ног, кто-то тихо и часто дышит.

Алиса открыла глаза и увидела, что рядом сидит небольшой пес, черный с белым животом и лапами. Шерсть у него густая, теплая, а хвост длинный и пушистый. И совершенно удивительными были у этого пса глаза — орехового цвета. Веселые глаза.

— Привет, — сказала Алиса. — Ты чей?

Пес ничего не ответил, но замахал хвостом. Алиса знала все собачьи породы, но такого пса она еще не видела.

И тут пес прыгнул — ну точно как кот! — и опустился Алисе на колени. Он был теплый, мягкий и совсем не тяжелый.

Пес прижался к Алисиному животу, закрыл глаза и открыл пасть. Он открывал и закрывал рот, как рыба, — будто хотел что-то сказать, но никак не получалось.

Только вздыхал. И вдруг получилось!

— Холодно, — сказал пес. Совершенно ясно и понятно сказал: «Холодно».

— Ты говорящий пес? — удивилась Алиса. Но пес свернулся клубком, устроился поудобнее и засопел — заснул.

— Чудеса! — сказала Алиса.

— Ну вот, — послышался рядом низкий голос. — Собака бегала по земле, наступала, куда хотела, а она ее кладет себе на чистые колени и обязательно хватается микробов!

Конечно же, это голос механика Зеленого!

Он стоял рядом, в шортах и сандалиях, рыжий, бородатый и очень печальный.

В ином случае Алиса вскочила бы и обняла механика, но ей не хотелось тревожить пса, который так сладко спал. Может быть, он очень устал? Поэтому она тихим голосом ответила:

— Зеленый, это очень странный пес. Он сказал мне слово и заснул.

— Одно слово?

— Только одно. Наверное, он больше слов не знает.

— Чепуха. Притворяется, — мрачно сказал Зеленый. — Если ты знаешь одно слово, значит, знаешь еще тысячу. Возьми, к примеру, меня.

— А попугай пирата Сильвера? — возразила Алиса. — Он знает всего двадцать слов и говорит их не переставая.

— Попугай не знает ни одного слова, — ответил механик. — Он подражает звукам. Иногда удачно, иногда неудачно. А что за слово сказал тебе этот пес?

Тут пес открыл один ореховый глаз и произнес:

— Хо-лод-но!

Потом повел носом, принялся и потихоньку завыл.

— Знаю, — сказал Зеленый. — От такого, как ты, добра не жди! Я же не тебе нес!

С этими словами механик поставил на траву свою сумку, вынул из нее стаканчик мороженого и добавил:

— Ешь, бесстыдник!

Пес тут же спрыгнул с колен Алисы и принялся лизать стаканчик.

Зеленый уселся на лавочку, вытащил из сумки еще два стаканчика, один дал Алисе, а второй взял сам.

— Спасибо, — сказала Алиса, которая мороженое любит.

Так они втроем сидели и ели мороженое.

— Ну как, ты уже собралась? — печально спросил Зеленый.

— Не знаю, — ответила Алиса. — Когда полетим, я пойму, что взяла, а что забыла.

— Правильная постановка вопроса, — согласился Зеленый. — Обязательно забудешь что-нибудь очень важное. Зубную щетку взяла?

— Взяла.

— Свитер взяла?

— Взяла.

— Шахматы, конечно, забыла.

— Шахматы на борту есть, твои же, дядя Зеленый.

Алиса подумала, что уже давно знакома и даже дружна с механиком, а никогда не называла его по имени. И никто не называет его по имени. Хотя имя у него, красивое — Филидор.

Пес ел мороженое не спеша, как подобает воспитанной, вежливой собаке.

— Интересно, откуда он? — произнес Зеленый.

Из окна дама напротив высунулся сногадатель Иван Иванович Ивашкин.

— Это звездный пес, — сказал он. — Неужели вы никогда не видели звездных псов?

— А ты видел? — спросил соседа Зеленый.

— Я его во сне видел, — ответил карлик.

Тогда Зеленый посмотрел на пса, который уже долизывал стаканчик, и спросил:

— Правда ли про тебя клеветают, что ты — звездная псина?

Пес откатил носом стаканчик, посмотрел на Зеленого и замахал хвостом так, что

никаких сомнений не оставалось: он самый настоящий звездный пес.

— Хоть ты и звездный, — строго сказал Зеленый, — но все равно собака. Попрошу подобрать стаканчик и отнести его в урну. Не желаю видеть, как звездные пришельцы пачкают мой любимый город!

Пес сразу поджал хвост, видно, почувствовал себя виноватым, подхватил пустой стаканчик зубами и отнес его к колонке — мусоросборнику. Он положил стаканчик в отверстие сбоку колонки, и тут же послышалось шипение — это мусорная урна перерабатывала стаканчик, ведь что в урну ни попадает, тут же раскладывается на молекулы и превращается в удобрение для цветов.

Сделав дело, пес вернулся к скамейке, уселся и стал ждать.

— Надо вести его в Космозо, — сказал Зеленый, — к твоему папаше. Он-то наверняка знает, где такие уроды водятся и что с ними делать.

Псу не понравилось, что его назвали уродом, и он тихонько заскулил.

— Ладно уж, — смягчился Зеленый. — Я пошутил. Ты вовсе не урод. Вот и Алиса подтвердит.

Алиса подтвердила и повела пса в Космозо, к своему папе.

Глава 3. Гость Космозо

— Пошли, пес, — сказала Алиса, когда они подошли к воротам Космозо. — Не стесняйся и не бойся. Звери здесь смиренные, безопасные. А если и встречаются немного опасные, они сидят в клетках.

Пес зарычал, и Алиса ответила:

— Тебя никто в зоопарк сдавать не собирается. Потому что собаки — животные домашние, а не дикие, если не считать дикой собаки динго. Ты слышал когда-нибудь о дикой собаке динго? Не слышал? Ну, я вас с ней обязательно познакомлю. А мой папа тебе должен понравиться. Он всем собакам нравится.

Вдруг раздался страшный рев!

И звон! И грохот!

Даже Алиса от неожиданности замерла.

А звездный пес как припустит! Только его и видели.

Оказывается, в зоопарке проснулся тигрокрыс. Это очень страшный и опасный космический хищник. Ростом с тигра, полосатый, с мордой, похожей на крысиную. Говорят, что тигрокрысы произошли от одичавших собак бультерьеров, но точно никто не знает.

— Ну вот, — расстроилась Алиса. — И загадка не разгадалась, и собака сбежала.

Делать нечего. Алиса пошла в дирекцию Космозо, на второй этаж, где был кабинет ее папы. Профессор Селезнев сидел за столом и проверял меню зоопарка на завтра. Рядом с ним пристроилась ветеринарша Динара. Она говорит басом и поет в Большом театре голосом, который называется контральто. Очень красивый голос.

— Кустикам не давайте ни капли компота, — говорила Дина, глядя в свою записную книжку. — Они разжирели. Головастов снимайте с питания — они вот-вот в лягушек превратятся. Индикатор просит грецких орехов. У склисса скоро родится летающий теленок, так что требуется усиленное диетическое питание... Вроде бы все.

— Хорошо, потом я еще раз проверю список, — сказал профессор. Он посмотрел на Алису и спросил: — А у тебя что случилось?

— У меня звездный пес сбежал, — ответила Алиса.

— Как так сбежал? Где сбежал? Почему сбежал? — удивился Селезнев.

— Я даже не знаю, существуют ли звездные псы на самом деле или их карлик выдумал, — сказала Алиса.

— Это очень редкие животные, — ответил профессор. — Некоторые даже полагают, что ни одного звездного пса не осталось.

— А почему ты мне о них никогда не рассказывал? — спросила Алиса.

— Звездным псам не место в зоопарках, — сказал Селезнев. — Они абсолютно домашние животные, даже умеют думать не хуже мартышек и немного говорят.

— Он сказал: «Холодно».

— Кому сказал? — не понял папа.

— Мне сказал. Он меня сам нашел. Я в сквере сидела, ждала механика Зеленого, а тут этот пес ко мне подошел. Потом даже на колени запрыгнул. И говорит: «Холодно».

— Удивительно, — сказал профессор Селезнев. — Дай-ка я в энциклопедии погляжу.

Он включил энциклопедию. В кабинете директора Космозо энциклопедия во всю стену.

На стене появилось изображение звездного неба, по которому несся пес. И сразу стало

понятно, что это не настоящая собака, а компьютерное изображение.

Голос диктора тем временем произносил:

— Звездные псы встречаются так редко, что некоторые ученые считают, что их больше не осталось. Может быть, они в другие галактики улетели, а может быть, умерли от старости.

Тут на стене появилось изображение неизвестного существа, похожего на человека. Существо пожевало тонкими губами и сурово сообщило:

— Что касается звездных псов, то это выдумка и фантазия. Как может живое существо мгновенно перемещаться, куда захочет? Это невозможно, так как нарушаются физические законы. А мы этого не любим. Мы этого пса не видели, никто его не видел, значит, его нет!

— Это кто такой? — спросила Алиса.

— Эксперт Академии спецнаук Галактического центра, — объяснил папа. — Эти эксперты занимаются тем, что закрывают открытия. Вот если бы Колумб открыл Америку сегодня, они бы сразу ее закрыли, потому что Колумб не застраховался, не взял с собой аспирина и сгущенного молока, не имел спасательных жилетов для членов экипажа и нарушил еще тысячу правил.

Отец выключил экран и сказал:

— Вот видишь, никто звездного пса не видел уже много-много лет...

— А я его видела, — упрямо сказала Алиса.

— Наверное, ты ошиблась, — сказал папа. — Ты видела самого обыкновенного пса, а подумала, что это звездный пес. Кстати, с чего ты решила, что он именно звездный?

— Пес сказал мне, что холодно.

— Мало ли какой пес мог это сказать! Может быть, это пират сказал. Превратился в собаку, чтобы тебя обмануть, а потом сказал.

— Нет, не похоже, — сказала Алиса. — Давай лучше поищем этого пса. Он прячется в зоопарке.

— У меня есть план, — вмешалась ветеринарша Динара. — Я вашу собаку позову.

Она подошла к открытому окну.

— Внимание, звери, птицы и прочие животные, — сказала Динара своим красивым голосом-контральто. — Надеюсь, вы меня слышите?

У нее был удивительный голос. Он звучал не очень громко, но проникал во все уголки зоопарка и даже вылетал за его пределы.

— Уважаемый звездный пес, — продолжала Динара. — Надеюсь, ты меня тоже слышишь. Приходи поскорее в дирекцию. Тебе каждый покажет, куда бежать. А можешь бежать прямо на мой голос. Тебя ждет твоя подруга Алиса, а также вкусный завтрак, если ты уже проголодался.

В Космозо наступила тишина. Звери слушали и завидовали псу.

— Сейчас придет, — уверенно сказала Динара. — Мне никто из зверей не отказывает.

Профессор Селезнев разволновался.

— Вы, мои девочки, не представляете, какое это открытие! Вы совершенно не представляете!

— Еще как представляем, — засмеялась Динара. — Посмотрите-ка, профессор, кто это там бежит?

Селезнев с Алисой подошли к окну.

Над широкой аллеей летела большая белая птица с двумя головами, украшенными

золотыми коронами. Она летела медленно, чтобы пушистому псу, бежавшему по дорожке, было легче за ней успеть.

— Молодец, говорун! — обрадовалась Алиса. — Спасибо, что ты помогаешь звездному псу!

Птица-говорун взлетела на подоконник и сказала Алисе:

— Старрый знакомый! — одной головой.

— Звездный пес! — другой головой.

— Конечно же! — воскликнула Алиса. — Как же я с самого начала не догадалась?! Они же должны быть знакомы! Они оба летают между звезд.

— Только птица-говорун, — поправил ее отец. — Говоруны летают от звезды к звезде, хотя и очень быстро. А звездный пес никуда не летает. Он мгновенно перемещается, стоит ему лишь подумать.

— Но как же он подумает, если никогда раньше там не бывал? — спросила Динара.

— А чувства? — спросила правая голова говоруна.

— А интуиция? — спросила левая.

Динара прищурилась и спросила у Селезнева:

— Скажите, ваш говорун говорит и думает или только говорит?

— Вопрос остается открытым, — улыбнулся Селезнев и поспешил к двери.

Он открыл дверь, и в кабинет вбежал звездный пес.

— Ты уверена, что это именно он? — спросил Селезнев.

Пес поглядел на профессора орехового цвета глазами, взмахнул длинным пушистым хвостом и прыгнул на стол. Встал, широко расставив лапы, на селезневских документах, записях и всяких бумажках. Наклонил черную голову, улыбнулся и произнес:

— Холодно.

— Что вы сказали? — спросила Динара, которая никак не могла поверить в то, что собаки могут говорить.

— Холодно, — повторил пес.

Отец подошел к псу поближе и погладил.

Пес не возражал и улегся на столе.

— Что же будем делать? — спросил Селезнев.

— Сначала мы его накормим, — предложила Динара.

— А вдруг ему не понравится? — испугалась Алиса.

— Еще не было пса, которому бы не понравилась моя собачья каша.

Откуда-то — Алиса даже не поняла — Динара достала миску, полную еды, и поставила ее на пол.

Пес соскочил со стола и принялся завтракать.

— Это самый настоящий звездный пес, — сказал Селезнев. — Я успел провести экспресс-анализ.

— Тогда скажи, папа, что значит это слово? Что он хотел сказать? Кому и где холодно?

— Может, это шутка? — предположила Динара.

— Никаких шуток! — закричала правая голова говоруна.

— Совершенно серьезно! — поддержала ее левая.

— И что это значит? — спросила у говоруна Алиса.

— Надо спасать, — сказала правая голова.

— Срочно лететь, пока все не подохли, — подтвердила левая.

— Какой ужас! — воскликнула Динара. — Где-то несчастье, а мы разговариваем!

— Что же вы предлагаете? — спросил профессор.

Динара задумалась. Потом улыбнулась и заявила:

— Надо срочно вызвать специалиста, который научит собаку говорить. Пускай он узнает, как лететь на планету, где холодно.

— А если пес сам не знает, как лететь? — спросила Алиса.

— Не знает, — подтвердила правая голова говоруна.

— Глупая собака! — сказала левая.

Видно, пес понял, потому что он поглядел на говоруна и щелкнул зубами.

— Я тебе больше не друг! — обиделась правая голова.

— Я с тобой не вожусь! — откликнулась левая.

— Прости, говорун, — сказала Алиса. — А ты случайно не знаешь, откуда прилетел пес? Ты же с ним раньше встречался.

— Ах! — сказал пес и замахал пушистым хвостом. Динара совсем расстроилась.

— Видно, нам никогда уже не решить этой загадки, — сказала она. — А из-за этого кто-то замерзнет.

Но Алиса так не думала.

— Я позвоню, папочка, можно? — спросила она.

— Уже набираю номер, — улыбнулся профессор. Алиса и ее папа отлично понимают друг друга.

Глава 4. Комиссар Милодар

— Надо поговорить, — сказал профессор, набрав номер.

— Сейчас буду, — откликнулся человек, лицо которого появилось на экране видеофона.

— Кто это? — спросила Динара.

Но ей никто не успел ответить, потому что посреди кабинета возник невысокий, широкоплечий человек с черной курчавой шевелюрой. Он был одет в очень красивый, расшитый золотом мундир.

— Привет, профессор, — сказал человек. — Привет, Алиса. Привет всем, кого я знаю и кого не знаю.

Динара заметила, что ни профессор Селезнев, ни Алиса не подошли к таинственно появившемуся человеку и не поздоровались с ним за руку. Тот тоже никому руки не протянул.

Профессор сказал Динаре:

— Познакомьтесь, пожалуйста. Это комиссар Галактической полиции Милодар.

— Очень рада, — вежливо сказала Динара и протянула руку.

— Вы что, обо мне не слышали? — удивился гость.

— А почему я должна была о вас слышать?

— Потому что я — великий комиссар Милодар, гроза всех галактических бандитов, про меня книги написаны, обо мне песни поют, а один композитор, не то Глюк, не то Бах, обо мне балет написал. Не смотрели?

— Извините, нет, — смутилась Динара.

— Тогда уберите руку, невоспитанная девушка! — рассердился комиссар. — Пора бы знать, что на срочные заседания я присылаю вместо себя голограмму, то есть свое объемное изображение. А сам в этот момент занимаюсь другими делами.

Динара послушно убрала руку.

— В чем проблема, профессор? — спросил комиссар.

— В этом псе, — ответил Селезнев.

Милодар присел на корточки и стал разглядывать пса. Псу это не понравилось, и он кинулся на комиссара.

Кинулся, налетел на него и проскочил насквозь.

С размаху ударился лбом о стену и взвыл от удивления и обиды.

Милодар даже не посмотрел ему вслед и сказал:

— Не кидайся на людей, будешь цел.

— И что же вы думаете, комиссар? — спросил Селезнев.

— А тут и думать нечего, — пожал плечами Милодар. — Имеем дело со звездным псом.

— Как вы догадались? — удивилась Динара.

— Это моя специальность, — с достоинством ответил Милодар.

— Вы его видели раньше? — предположил Селезнев.

— Нет, профессор, — ответила голограмма комиссара. — Я просто гениальный сыщик, и этим все сказано. Я действовал методом исключения. Рассказать?

— Конечно! — воскликнула Алиса.

— Я подумал, зачем меня позвал директор Космозо? Собаку мне показать?

Обыкновенную собаку? Быть того не может. Значит, это необыкновенная собака. А необыкновенных собак в галактике совсем немного. Это не может быть ищейка Веллера, потому что ищейка Веллера рыжая, высокая и с длинным рылом. Это не может быть пес из своры императора Родригеса, потому что император разводит только гончих псов, а это простая дворняга. Да-да, и можешь на меня не рычать! Если я похож на Александра Македонского и мне кто-то об этом напомнит, я не буду на него кидаться. И если я говорю про кого-то, что он похож на дворнягу, это не значит, что сразу надо скалиться! Ведь и среди дворняг встречаются замечательные псы!

— А дальше что было? — спросила Алиса.

— А дальше я вспомнил, где-то что-то я читал: «Небольшого размера, глаза желтые...» Да не рычи ты! Пусть будут карие!.. «Глаза карие, шерсть черная с белыми подпалинами, морда глупая...» Ну ладно, ладно, умная! И кто же это? Да ведь перед нами звездный пес!

— Ну прямо Шерлок Холмс! — восхитилась Динара.

— Спасибо, девушка, я с вами совершенно согласен. Простите, а вы не замужем?

— Нет, а что? — покраснела ветеринарша.

— Так, к слову пришлось, — сказал комиссар. — Я жениться собрался...

Алиса знала, что комиссар больше всего на свете любит жениться. Он уже несколько раз женился, а однажды даже на близняшках, потому что не мог решить, в кого из сестер он влюбился больше, и вообще не мог их различить. А если он женится на одной, кто же возьмет в жены вторую? Чужой человек? Этого комиссар пережить не мог. Хорошо такая женитьба кончиться не могла, потому что сестры ему достались очень ревнивые и время от времени они из ревности кидались на него с кинжалами. С тех пор комиссар почти перестал выходить из кабинета и всюду посылал свою голограмму, то есть копию — одну видимость, без тела. Кидайся — не хочу!

Алиса хотела предупредить Динару, чтобы та была поосторожнее с комиссаром, но не успела, потому что пес несколько раз зевнул, открыл и закрыл пасть, а потом произнес:

— Холодно.

— Ничего подобного, — возразил Милодар. — Здесь скорее жарко.

— Холодно, — повторил пес.

Тут Милодар догадался, что дело неладно.

— Конечно же! — воскликнул он. — Звездные псы говорят с трудом. А этого специально научили одному слову.

— И что оно значит? — спросил профессор.

— Оно значит, что кому-то срочно нужна помощь. А так как он почему-то не может просто послать космограмму или позвонить в Галактический центр, то послал за помощью звездного пса. Это же проще простого!

— Bravo! — воскликнула правая голова говоруна.

— А комиссар — не дурак! — заметила левая.

— И без тебя знаю, попугай двухголовый! — ответил невежливый комиссар. — И в твоих комплиментах не нуждаюсь. Лучше скажи, ты-то понял, откуда он прискакал?

— Двухголовый попугай — умная птица, — обиделась правая голова.

— Говорун летает между звезд, его уважают президенты и короли, — поддержала ее левая.

С этими словами говорун вылетел в открытое окно и, величаво взмахивая белыми крыльями, медленно полетел к своей вольере.

— Обиделся, — вздохнул Селезнев. — Теперь ничего не скажет.

— Обойдемся без него, — отрезал комиссар. — Подождите до завтра.

— Но мы же завтра улетаем в экспедицию! — воскликнула Алиса. — Мы не можем задерживать отлет.

— Даже если кому-то плохо? Даже если кто-то ждет помощи? — удивился Милодар. — Вот этого я от тебя, Алиса, не ожидал.

Алиса смутилась. Кому понравится, что его упрекают в равнодушии?

— Я не это имела в виду, — пробормотала Алиса. Хотя она и не знала, что имела в виду.

— Мне нужно посоветоваться с учеными, — сказал Милодар. — Завтра вы получите от меня необходимую информацию.

— И что? — спросил Селезнев.

— Вы уже знаете свой маршрут? — спросил комиссар.

— Как всегда, только приблизительно, — сказал профессор. — Мы обычно летим от планеты к планете. Где интересно, задерживаемся, а если не повезло, летим дальше.

— Тогда вы возьмете с собой звездного пса, — сказал Милодар. — И пускай он сам приведет вас к планете, с которой прибыл.

— Но как он это сделает? — удивился профессор.

— Завтра узнаете.

Глава 5. Отлет «Пегаса»

Утром все участники экспедиции собрались на космодроме.

Звездный пес был очень доволен, что отправляется в путешествие. Он обнюхал все ящики и пакеты, а когда Алиса дала ему подстилку, отнес ее в угол кают-компании и разложил возле дивана, чтобы все знали, где он намерен спать.

Пришли и провожающие.

Мама проверила Алисину каюту и выяснила, что Алиса ее опять обманула и не взяла с собой теплых вещей. Всю жизнь Алиса воюет с мамой, потому что если дать маме волю, она тебя закутает в десять шуб и заставит ходить в валенках. Мама подозревала, что Алиса, как всегда, оставит дома теплые вещи, поэтому притащила с собой на космодром целую сумку свитеров, носков, курток, вязаных шапок и прочих ненужных настоящему путешественнику вещей.

Пришел домашний робот Поля, который дал Алисе с собой альбомчик с монетами, чтобы она менялась ими на дальних планетах и пополняла коллекцию Поли, известного космического нумизмата, то есть собирателя монет.

Пришла, конечно же, Динара. Она принесла концентрированные завтраки для звездного пса и специальные собачьи витамины.

Потом появился Милодар.

Он принес с собой шарик размером с грецкий орех.

— Это датчик для звездных псов, — сказал он. — Его за ночь сделали в нашем институте.

— Объясните, — попросила Алиса.

— Сейчас этот шарик не светится, — ответила голограмма комиссара, — потому что пес находится далеко от той планеты, которую мы с вами ищем. Чем ближе вы будете к ней приближаться, тем ярче будет гореть шарик. Только не спрашивайте меня, по какому принципу он работает и кто его изобрел — я сам не знаю. Я знаю одно: если вы приблизитесь к планете, с которой прилетел звездный пес, шарик загорится голубым пламенем, почище газовой плиты.

Никто, кроме Милодара, не знал, что такое газовая плита, но комиссару приходилось бывать на очень отсталых планетах. Он даже видел, как печки топят дровами, честное слово!

— Надеюсь, пес меня понял?

Пес что-то тихонько проворчал. Милодар подбросил шарик, и тот поднялся к потолку.

А птица-говорун, которая тоже прилетела проводить «Пегас», сказала:

— Ты у нас умница, комиссар! — одной головой.

— Котелок у тебя варит! — другой.

Алиса спросила говоруна:

— А ты хотел бы сейчас полететь к звездам?

Правая голова засмеялась. Левая — заплакала.

— По доброй воле? — спросила правая голова.

— Лучше гикнуться, чем летать неизвестно где, — загадочно высказалась левая голова.

Говорун одним клювом дернул Динару за рукав, а другим спросил:

— До Космозо подкинешь? А то летать в такую жару нет желания.

— Подкину, — засмеялась Динара.

Тут все начали прощаться, потому что часы в небе над космодромом показали десять

утра, и над полем разнесся голос диспетчера:

— Команда и пассажиры малого исследовательского судна «Пегас», прошу вас занять места на борту. Провожаящие, покиньте, пожалуйста, поле и проверьте, не забыли ли вы на борту личные вещи.

Все начали прощаться. Мама проследила, чтобы Алиса взяла с собой сумку с теплыми вещами, Динара передала профессору коробку с едой для собаки, а когда все собрались уходить, на флаере примчался механик Зеленый.

— Конечно, — мрачно сказал он, — вы собирались улететь и не попрощаться со старым, больным человеком, которому пришлось забыть о космосе!

И хотя все почувствовали себя очень виноватыми, раз чуть было не улетели не попрощавшись, Зеленый никого не простил и ушел в буфет, где выпил двадцать две кружки пива. Но об этом никто не узнал.

На «Пегасе» же капитан проверил, хорошо ли все закреплено, не забыли ли что-нибудь совершенно необходимое, поговорил с компьютером, а каждый из путешественников, не считая, конечно, звездного пса, тем временем обследовал, все ли в порядке в его хозяйстве.

Затем Алиса, Полосков и Селезнев уселись в свои кресла. Кресло механика Зеленого осталось пустым. Звездный пес понял, что сидеть в нем некому, поэтому прыгнул в кресло, свернулся клубком, словно кот, закрыл глаза и приготовился к полету.

— Что, приходилось уже летать? — спросила Алиса. Но пес ей не ответил, даже глаз не открыл.

Голос диспетчера произнес:

— Корабль «Пегас», начинаю отсчет времени. До вашего старта осталось сто секунд, девяносто девять, девяносто восемь...

Он считал так ровно и скучно, что Алиса чуть было не заснула.

И тут корабль вздрогнул.

Полосков поднимал его на ручном управлении. Настоящие космические волки никогда не станут поднимать свою машину на автоматике. Потому что, как говорят в космическом флоте, «каждое ружье один раз дает осечку, и случается это именно тогда, когда на тебя прыгает тигр».

Конечно, это шутка, но понять капитанов можно.

— Пять, четыре, три, два, один, ноль!

«Пегас» пошел вверх.

Все почувствовали, как выросла сила тяжести, хотя, конечно, не так, как в кораблях двадцатого века.

Путешествие началось.

Шарик комиссара Милодара висел под потолком и совсем не светился.

Глава 6. Совет Громозеки

На третий день пути Алиса, которая была в тот день коком, то есть поваром, сделала на обед борщ, на второе домашние пельмени, а звездному псу рыбные котлеты. Как только пообедали и принялись за чай, «Пегасу» встретился корабль, спешивший к Земле. И надо же такому случиться — это был археологический корабль. То есть на нем летели археологи, которые раскапывали на далекой планете Зедде древний город, а теперь направлялись на Землю, чтобы там с помощью земных компьютеров разгадать язык этого удивительного города.

Впрочем, какое нам, казалось бы, до этого дело? Ну, летит себе, и пускай летит!

Ан нет!

Смотрите: корабль археологов начинает сбавлять скорость и возвращается обратно.

«Пегас» тоже сбавляет скорость и тоже возвращается.

Через полчаса оба корабля замирают рядом.

А еще через несколько минут в «Пегас» ввалилось большое, неуклюжее существо, похожее на слона и еще неизвестно на кого. Это было вовсе не существо, а знаменитый археолог, профессор шести академий и лауреат двадцати трех премий, на которые построены девять детских садов на четырех планетах. Зовут его Громозека.

Громозека — большой друг Селезневых, но из всех Селезневых он больше всего любит Алису.

Объятия, поцелуи, веселые крики наполнили «Пегас». Только звездный пес сначала рычал, потому что никак не мог понять, зачем сюда явился Неизвестно Кто.

— А это еще что за шавка? — невежливо спросил Громозека, который не выносит, когда на него рычат или лают.

— Это настоящий звездный пес, — с гордостью ответил профессор Селезнев.

— Я думал, что они крупнее! — сказал археолог.

За чаем Селезнев с Алисой рассказали Громозеке о том, как звездный пес появился на Земле и сказал слово «холодно». А раз это звездный пес, значит, где-то замерзают. Вот его и взяли с собой в экспедицию — вдруг удастся найти планету, на которой холодно и откуда пса послали за помощью.

Громозека все выслушал, отхлебнул валерьянки, потому что он пьет валерьянку вместо чая, а также вместо лимонада, кофе, пива и кока-колы, и задал вопрос:

— А почему эта шавка пожаловала на Землю, а не на Марс или не на Пенелопу?

Все задумались, потому что как-то не догадались выяснить это раньше.

Впрочем, как это выяснить, если собака не разговаривает?

Не дождавшись ни от кого ответа, Громозека произнес:

— Значит, у нас есть задачка: где-то в космосе летает планета, на которой раньше было тепло, а теперь стало холодно. Если не так, то оттуда никогда бы не послали собаку. На этой планете не умеют читать и писать, иначе бы они привязали к собачке бирку с координатами планеты. Значит, вам надо найти дикую планету, на которой остался хозяин звездного пса.

Громозека вздохнул, закрыл все свои глаза, залил в себя остатки валерьянки и закончил так:

— Задача невыполнимая. Но случайно она может решиться сама.

Все согласились с Громозекой, потому что он был очень ученым и мудрым.

Космонавты молчали. Громозека тоже немного помолчал, а потом сказал:

— Есть одно место... Был я там позавчера. Конечно, может быть, я ошибаюсь. Но там творится что-то неладное.

Слушатели насторожились.

— Планетка эта небольшая, в общем, обыкновенная и незаметная. Называется она Завыдковой, и живут там фермеры, охотники, рыболовы и грибники. Все там родились и выросли. Живут они мирно, достойно, но считаются чужаками, и к ним мало кто добирается.

— Дальше, дальше! — воскликнул капитан Полосков. — Что же там случилось?

— Месяц назад мы пролетали мимо и оставили там коллегу Тиримидора, который заболел свинкой. А на обратном пути мы снова залетели на эту планету. Чтобы забрать коллегу Тиримидора. Так вот, в первый раз мы попали туда в начале лета, и все ходили в трусиках и майках. Но вчера-то у них был самый разгар лета! И что же вы думаете?

— Что они ходили гольшом? — предположила Алиса.

— Не говори глупостей! — обиделся Громозека. — Они ходили в шубах и в валенках.

— Неожиданное похолодание! — догадался Полосков.

— Я этого не заметил, — сказал Громозека, — но советую вам взглянуть на эту Завыдковую. Что за странное похолодание? А вдруг это то, что вам нужно?

На том и порешили.

Громозека немного пошептался с Селезевым о делах семейных — они давно дружат домами и поэтому все болезни детей, ссоры с бабушками и проблемы с домашними роботами всегда с жаром обсуждают.

Потом Громозека вернулся на свой корабль, и археологическое судно полетело к Земле. Только тут Алиса заметила, что к кораблю привязана громадная каменная колонна. Видно, Громозека вез ее в музей.

Папа, заметивший Алисино удивление, сказал:

— Эта колонна вся исписана загадочными письменами. Вот наш друг и повез ее на Землю, к специалистам. А потом отвезет ее обратно на раскопки.

— Сложное решение, — заметил Полосков.

— Археологи — они особенные люди, — согласился профессор Селезнев.

Он посмотрел на шарик. Шарик пока не загорелся.

Глава 7. Сто тысяч футболистов

«Пегас» опустился на летном поле небольшого, почти пустого космодрома. Видно, и на самом деле гости здесь бывают редко.

Все вышли из корабля.

Было тепло, облака плыли над полем, как пушистые шары, по небу неслись луны — несколько спутников планеты. Солнце светило ярко и ровно, но было красного цвета, и от этого все покраснели.

Через несколько минут подъехала тележка, в ней сидел господин в синем мундире и золотой фуражке. У него были пышные, загнутые кверху черные усы.

— Чем могу служить? — спросил он. — Только быстро говорите, не отвлекайтесь.

— Мы хотели просто посмотреть на ваш город, — сказал профессор Селезнев. — Не жалуетесь ли на что-нибудь? Может быть, у вас похолодание?

Офицер в фуражке очень удивился:

— Какое, простите, вам дело до наших похолоданий и потеплений? Может, скоро будете по карманам у нас шарить, проверять, сколько там денег?

— Если мы вас обидели... — начал было Селезнев, но офицер отмахнулся.

— Если бы я сейчас был свободен, — сказал он, — хорошенько бы с вами поговорил. Вы, на мой взгляд, подозрительные личности. Но сейчас начинается футбольный матч с «Гуреной-шикалой» из Простозейска. Этим все сказано. Вот вам адрес гостиницы, а с утра я с вами встречусь и строго поговорю. Можете воспользоваться моей тележкой.

— А вы как же? — удивился Селезнев.

— А я добегу, — ответил офицер и исчез.

Вернее, не совсем исчез, а может быть, и не исчез, а может быть, сначала исчез, а потом вернулся.

Потому что Алиса увидела, что по полю бежит, удаляясь от «Пегаса», человек в красной полосатой футболке, а на спине у него номер «4».

Футболист бежал быстро, словно догонял кого-то.

— Странный мир, — сказал Полосков. — Уж лучше я останусь на борту. Ты тоже, песик?

— Ничего страшного не случится, — успокоил капитана Селезнев. — В справочнике написано, что планета Завыдковая не представляет опасности, население на ней мирное, крупных хищников не осталось. Запирайте корабль на замок, никто сюда не сунется.

Полосков, которому, конечно же, хотелось посмотреть на город и людей — раз он стал космонавтом, значит, любит путешествовать и смотреть на новые города и планеты, — согласился.

Они влезли на тележку и поехали к городу.

Дорога была почти пустой. Иногда их обгоняли старомодные автомобили, в которых сидели футболисты и футболистки.

— Какие болельщики! — повторял Полосков. — Все состоят в футбольном клубе любимой команды!

Даже в гостинице, куда они приехали, никого, кроме портье, не обнаружилось. И этот портье тоже был одет, как футболист.

— Буквально до смешного! — прошептала Алиса.

А звездный пес фыркал от негодования. Ему не нравилось, что люди так себя ведут.

Если бы он умел говорить, то наверняка бы сказал: «Ну прямо как дети!»

Портье сидел возле телевизора, на экране было видно пустое футбольное поле — матч еще не начинался.

— Возьмите там ключи — второй этаж сегодня свободен. Оттуда стадион не виден, — заявил он.

Путешественники взяли ключи, поднялись в свои комнаты, переоделись и отправились гулять по городу.

Город был небогатым, кое-как прибранным, люди в нем встречались редко и большей частью выглядели как футболисты.

Наши путешественники дошли до стадиона. Стадион был велик, и шум от него исходил страшный.

Но это был еще не самый сильный шум.

А вот когда на стадионе случилось что-то очень печальное, то десятки тысяч человек взвыли так, будто им всем одновременно выдрали любимый зуб. Даже звездный пес сел на землю и попытался заткнуть передними лапами уши.

— Я знаю! — закричала Алиса, но ее никто не услышал. — Я знаю — им забили гол.

Конечно, она была совершенно права.

Стадион замолчал.

А потом оттуда стали выходить люди.

Самое удивительное — среди них не было ни одного человека, одетого футболистом, а тем более в цветах своего любимого клуба. Шли разные люди в разной одежде, много встречалось близнецов, но казалось, что о футболе здесь даже и не подозревают.

А когда путешественники, нагулявшись, вернулись в гостиницу, то и портье уже забыл о футболе.

Снизу из подвала доносилась громкая музыка. Пока папа с Полосковым сидели в баре и пили безалкогольное пиво, Алиса побежала в подвал. Ей было интересно посмотреть, как танцуют на этой планете.

Она не успела насмотреться на танцы, потому что вышел конферансье, то есть ведущий, и объявил:

— А сейчас перед вами выступит любимец публики, наш замечательный певческий жонглер клубничкой — ха-ха-ха! — Венченто-сменти!

Девушки принялись хлопать в ладоши, парни засвистели, а на сцену, осторожно неся перед собой шляпу, полную громадных клубничин, вышел лысый носатый толстячок.

Оркестр грянул бодрую мелодию, по залу принялись метаться лучи разноцветных прожекторов, вокруг все прыгали, ахали, взвизгивали, пиццали и хохотали.

А на сцене Венченто-сменти выкаблучивал нечто невообразимое!

Он пел песню на несколько голосов — можно было подумать, что на сцене исполнялся мюзикл. При этом певческий жонглер выхватывал из шляпы клубнику, метал ягоды вверх, ловил их губами, которые вырастали до огромных размеров, и проглатывал. Некоторые ягоды поменьше, размером с мандарин, он бросал в толпу.

— Какой мастер! — услышала Алиса рядом с собой восхищенный голос.

Она обернулась. Возле нее стояла рыженькая девушка в майке и шортах. Она подпрыгивала, старалась подпевать певцу и все норовила схватить ягоду — но не дотягивалась.

И когда одна из ягод взлетела над толпой, Алиса, которая, скажу я вам, умеет прыгать

куда лучше, чем завьдковская молодежь, без труда перехватила ягоду и осторожно, чтобы не помять, протянула ее девушке.

— Ах! — сказала девушка. — Ты так добра! Давай пополам!

Она откусила половину ягоды и дала другую Алисе.

Конечно, мама никогда не разрешает Алисе есть немытые фрукты и ягоды, тем более на неизвестно какой планете в неизвестно каком подвале. Но разве можно обидеть чужую девушку? Тем более что ягода оказалась очень сладкой и сочной.

Певец все прыгал, слушатели радовались, и вдруг Алиса увидела, что перед ней вместо парнишки с косицей прыгает уже сам певец. «Ничего не понимаю», — сказала себе Алиса и посмотрела на сцену. Нет, певец оттуда не спускался: вон он продолжает метать в зал ягоды и отплясывать как сумасшедший.

Алиса хотела спросить девушку в майке, откуда взялся второй певец, но оказалось, что и девушка исчезла. Вместо нее рядом с Алисой подпрыгивал в такт песне и разевал рот еще один певец.

— С ума сойти! — крикнула Алиса и поняла, что уже почти весь зал состоит из певцов — толстеньких, носатеньких и лысеньких.

Алисе стало страшновато.

Это было ненормально.

А вдруг и ее кто-нибудь превратит в попрыгунчика?

Она стала пробиваться к выходу. Толстячки продолжали петь и танцевать.

Алиса с трудом выбралась из подвала и остановилась, чтобы перевести дух.

— Не удивляйся, — сказал певец-толстячок, который догнал ее на выходе. — Ничего страшного. Смотри!

И тут же, как по волшебству, рядом с ней оказалась та самая рыженькая девушка в майке и шортах.

— Ты, наверное, у нас в первый раз? — спросила она Алису.

— Я сегодня прилетела с Земли, — ответила Алиса.

— Где эта Земля, я не знаю, — призналась девушка, — но ты мне нравишься. Пошли съедем по мороженому!

Алиса не имела ничего против.

Мороженое давали в баре. Там, где в уголке за столиком сидели Полосков с Селезневым и что-то обсуждали.

— У нас всегда так, — сказала девушка. — Все живые существа на нашей планете могут превращаться друг в дружку. Наверное, когда-то это было важно, если ты маленький и слабенький, а за тобой несется редкозубый бегемот. Ты сразу превращаешься в кривоzubого носорога, и бегемотик, конечно же, мчится восвояси. Правда, такая способность в нас просыпается не всегда. Я не могу, например, сейчас превратиться в тебя, девочка...

— Алиса.

— А меня зовут Лапкой. Я не могу превратиться в тебя, Алиса. Только если я в тебя влюблюсь или буду очень переживать, то это случится. Может, ты заметила, что мы начали превращаться в певца Венченко, когда нам ужасно понравилось, как он поет? Мы сами не отдавали себе отчета...

— Ой, — сказала Алиса, — а когда мы сюда прилетели, то все вы были...

— Футболистами! — откликнулась Лапка. — Все болели за нашу футбольную команду. Два часа назад я сама была центральным защитником Лукавым. А теперь обо всем забыла. И

знаешь почему?

— Знаю, — ответила Алиса. — Вы проиграли.

— За две минуты до конца матча мы пропустили гол!

— Но это очень опасно, — сказала Алиса. — Этим могут пользоваться преступники...

— Конечно, всякое бывает, особенно если два человека влюбятся в одну девочку... Но мы строго следим, чтобы этого не случилось!

«Чего только природа не придумает!» — подумала Алиса. На скольких планетах она уже побывала, но никогда не перестает удивляться.

Девочки уселись за столиком в баре. Лапка попросила принести им мороженого, и они с Алисой довольно долго болтали, потому что двум девочкам, даже если одна старше другой, всегда есть о чем поговорить.

Тут к ним подошли папа с Полосковым, и профессор сказал:

— Никогда не видел, чтобы две девочки съели по восемь порций мороженого. Что же такое особенное здесь в него кладут?

Лапка не ответила. Она во все глаза смотрела на капитана Полоскова. Полосков даже смутился.

Алиса тоже посмотрела на капитана. «А ведь он у нас очень красивый и мужественный, — подумала она. — Высокий, подтянутый, лицо строгое, но справедливое, на мундире золотые нашивки капитана дальнего следования, на груди — золотая комета. Капитан что надо!»

Лапка повела гостей гулять в городской парк, на ярмарку развлечений, и никак не хотела расставаться с землянами. Алиса-то понимала, что ей очень понравился капитан, что она стесняется в этом признаться. А вот капитан Полосков вел себя совершенно равнодушно. Нет, он, конечно, был вежливым, воспитанным, сам задавал вопросы и отвечал на вопросы Лапки, смеялся и шутил, но Алиса понимала, что Лапка не произвела на капитана никакого впечатления. Она даже немного огорчилась из-за этого — ей хотелось, чтобы Лапка не грустила.

А Лапка расстроилась.

А тут еще они встретили в парке целую стайку Лапкиных приятельниц. Лапка познакомила их с гостями с Земли, и девушки не могли оторвать глаз от капитана Полоскова. Так он им понравился!

Только когда совсем стемнело, девушки проводили землян до гостиницы и договорились встретиться завтра.

Может, все и кончилось бы хорошо, если бы не случайность.

Глава 8. Красивая мама

После ужина путешественники собрались в комнате у Алисы. Она рассказала старшим об особенностях жителей Завыдковой, и Селезнев решил с утра посетить местный музей, чтобы побольше разузнать об этом. Не мешало бы заглянуть и в зоопарк — а вдруг на Завыдковой водятся какие-нибудь необычные животные.

А Полосков рассказал, что его мама, которая живет в деревне Кустоцветово на Оке, замечательная актриса и пародистка. Она даже с концертами выступала, в мультфильмах играла и говорила то за пчелу, то за медведя, а то и за мамонта. Полосков показал друзьям фотографию мамы, которую всегда возил с собой. Мама оказалась милой, пожилой женщиной, очень высокой и худой.

— Мама в баскетбол играла за нашу деревню, — с гордостью сказал Полосков. — Ее даже в Америку звали выступать, но она отказалась.

— Удивительная мама, — сказал профессор Селезнев. — Я вам завидую.

Капитан попрощался и ушел к себе. Потом Селезневы позвонили по космосвязи своей маме. Мама еще не спала и сказала, что не ожидала, что муж и дочка позвонят ей так скоро. Обычно они на пару недель о маме забывали. Папа с Алисой начали говорить, что ужасно соскучились, но не признались, хитрецы, что им просто стало стыдно перед капитаном Полосковым. Потом папа попросил маму передать привет бабушке Лукреции, а Алиса вспомнила о домашнем роботе Поле и тоже передала ему привет.

— Я растрогана, — сказала мама.

Папа и Алиса остались собой довольны.

Алиса приняла душ и уже собиралась ложиться, как вдруг заметила, что капитан Полосков забыл на журнальном столике фотографию своей любимой мамочки. Отдам завтра, подумала Алиса. Вряд ли он сейчас ее ищет. До утра мамочкина фотография капитану не понадобится.

С этими мыслями Алиса погасила свет и нырнула под одеяло.

Она сразу заснула, но вскоре ее разбудил странный шум. Кто-то открыл балконную дверь и вошел в комнату.

Черный силуэт выделялся на фоне ночного неба.

Незванный гость стоял неподвижно.

Алисе стало страшно. Все-таки чужая планета, мало ли какие здесь водятся бандиты!

Она даже не спросила, кто к ней залез. Сжалась под одеялом и молчала.

Черная фигура сделала шаг, и тонкий женский голос произнес:

— Простите, Алиса здесь спит?

Это совсем не было похоже на бандитский налет.

— Здесь, — ответила Алиса и села на кровати. — А вы кто?

— Ты меня не узнала? Это я, Лапка. Мне нужно с тобой срочно поговорить.

— Что случилось? — Алиса зажгла лампу у кровати.

Рыженькая Лапка присела возле Алисы на корточки. Она говорила шепотом:

— Нам нельзя приходить ночью в гостиницу. Это совершенно неприлично. Но я должна с тобой поговорить.

— О чем?

— О любви! Меня охватило горячее чувство любви к капитану Полоскову. Что мне делать?

Алисе было бы смешно, когда бы не было так скучно. Теперь, когда оказалось, что это не бандит, а влюбленная девушка, ей сразу захотелось спать.

— Он такой красивый! — вздохнула Лапка. — Он такой мужественный! Как жалко, что у нас на планете еще нет космических путешествий и нет таких красивых капитанов!

— Но у вас, наверное, есть летчики и морские капитаны.

— Разве их мундиры могут сравниться с мундиром капитана Полоскова?! — воскликнула Лапка. — Девочки из моего класса, которые его видели, тоже по уши влюбились. И ты нам должна помочь.

— Как же я могу вам помочь?

— Он на меня не смотрит! Даже внимания не обращает!

— И что же я должна сделать?

— Он должен обратить на меня внимание! — убежденно сказала Лапка. — Ты все знаешь.

— Что я знаю?

— Каких девушек любит капитан Полосков! Если он увидит перед собой девушку своей мечты, он обязательно обратит на меня внимание.

Тут Алиса поняла, что Лапка просто дурочка. Она таких и на Земле встречала. Увидят какого-нибудь поп-певца, или культуриста, или просто мальчика, про которого все говорят: «Ах, какой он красивый и сильный!» — и сразу в него влюбляются! Проходу ему не дают.

— Но я не знаю, каких девушек он любит, — честно призналась Алиса.

— Учти, — сказала Лапка, — я от тебя не уйду! Хоть всю ночь здесь просижу. Немедленно отвечай!

Это уже было не смешно. Что делать? Как избавиться от этой дурочки?

И тут взгляд Алисы упал на фотографию мамы Полоскова.

Лапка перехватила взгляд Алисы.

— Кто это? — спросила она.

— Женщина, которую капитан Полосков любит больше всех на свете, — честно ответила Алиса. И это было чистой правдой.

— Я возьму эту фотографию.

— Прости, Лапка, — сказала Алиса, — но это не моя фотография, а Полосков никому ее не дает.

Такой ответ только подлил масла в огонь.

Подобно пантере, Лапка бросилась на фотографию, прижала ее к груди и кинулась на балкон.

— Ну и пожалуйста, — пробормотала Алиса, повернулась на другой бок и заснула сладким сном.

Утром ее разбудил отец.

— Ты проснулась? Спускайся вниз, позавтракаем.

— А где капитан? — спросила Алиса.

— Сейчас я его подниму, — ответил Селезнев.

Они встретились возле ресторана.

— Алиса, — сказал Полосков, — я, случайно, не забыл вчера у тебя мамину фотографию?

— Понимаешь... — начала было Алиса. Но не договорила.

Потому что к Полоскову, ласково улыбаясь, приближалась женщина с фотографии —

его любимая мамочка.

— Мама! — ахнул капитан. — Ты как сюда попала? Что-нибудь случилось? Шарик заболел? Тетя Сима поскользнулась?

— Оу! — взвыла в ответ мама Полоскова. — Ты мое сокровище! Любишь ли ты меня?

— Мама, только не волнуйся! — Капитан кинулся к мамочке и схватил ее за руки. — Мама, расскажи мне все не таясь!

Мама прижалась к капитану. Алисе бы прекратить это представление, но она не смогла удержаться от смеха. Она просто корчилась от хохота. А звездный пес прыгал вокруг нее в полном восторге.

Мама не спешила вырвать руки у Полоскова. Она прижалась к сияющей золотыми нашивками груди капитана и визжала от удовольствия. Полосков стоял, как столб. И не только потому, что ему было приятно обниматься с любимой мамочкой, но и потому, что за ее плечом он увидел еще одну маму. Точно такую же, которая манила его пальчиком и повторяла:

— Ах ты, мой любимец, ах ты, мое сокровище!

Тут из-за колонны выбежали еще две мамы Полоскова и стали отталкивать первых двух мам. Они старались вырвать капитана из объятий первой мамы.

— Алиса! — профессор Селезнев обернулся к дочери, потому что совершенно ничего не понимал.

— Папа, я тебе все объясню! — сквозь смех крикнула Алиса и побежала к Полоскову.

Она схватила первую из мамочек и сказала ей:

— Это ты, Лапка? Немедленно отдай фотографию, а то я расскажу о твоём ужасном поведении родителям и учительнице в школе. Кстати, девочки, — повернулась она к остальным мамам, — я вам тоже советую прекратить эти шалости!

Все замерли, и тогда из ресторана вышел директор гостиницы, который заодно работал и главным поваром. Он был одет в белый халат, высокий колпак, а в руке держал самый настоящий тесак — наверное, капусту рубил, потому что с широкого лезвия свисали капустные стружки.

— Вы слышали, что вам говорит наша гостья? — строго спросил директор. — Немедленно отдайте фотографию.

Раздался рев. Полосковские мамочки превратились в девушек и со всех ног кинулись бежать прочь.

На полу осталась фотография мамы капитана Полоскова.

Алиса подобрала фотографию и отдала капитану.

— Но кто мне объяснит?.. — воскликнул капитан.

— Я объясню, — сказал директор гостиницы. — Отойдем в сторонку.

Все уселись на диваны в холле гостиницы, и директор сказал:

— Вы уже, наверное, знаете, что мы умеем принимать облик других людей. И когда наши девушки увидели такого красивого и неотразимого космического волка, как ваш капитан...

— Ну какой из меня волк! — смутился Полосков.

— ...они все в вас влюбились.

Тут в разговор вмешалась Алиса. Ей не терпелось все объяснить.

— Лапка и ее подружки не знали, какими они должны стать, чтобы понравиться капитану. И я во всем виновата. Когда ночью Лапка забралась в мою комнату и спросила,

какая женщина — идеал капитана, я спросонья ответила, что это — его мама. Ведь это правда?

— Правда, — признался капитан.

— К тому же он забыл мамину фотографию у меня на столике. Я почти не заметила, как Лапка ее взяла. Видно, утром она не удержалась и похвасталась перед подружками. Вот и оказалось, что не одна мама появилась в гостинице, а сразу несколько!

— С ума сойти! — вздохнул капитан Полосков.

— Я виновата, — сказала Алиса.

Но папа посмотрел на Алису так, словно не совсем поверил в ее раскаяние.

А вечером, когда они уже были на борту «Пегаса» и их никто не слышал, он спросил:

— А ну-ка, признавайся честно: ты нарочно подсунула ей фотографию полосковской мамочки?

— У меня же не было фотографии Клеопатры или Мэрилин Монро, — ответила Алиса.

Кстати, когда вся история с мамами закончилась, профессор Селезнев спросил у директора гостиницы:

— Скажите, а климат на вашей планете в последнее время не менялся? Может быть, у вас похолодало?

— С чего вы это взяли? — удивился директор.

— Наш друг Громозека, — сказал Селезнев, — видел, что месяц назад у вас стояла жара, а позавчера все ходили в шубах.

Директор засмеялся:

— Это обычная наша история. Показывали фильм о путешествии к Северному полюсу. Очень интересный фильм. И вот многие зрители, выйдя из кинотеатра, приняли облик арктических путешественников. Но уже на следующий день все об этом забыли.

— Ох и трудная у вас жизнь! — сказал Полосков, который все еще переживал встречу со своими мамами.

— Зато интересная какая! — ответил директор гостиницы и превратился в Алису.

На этой Алисе были белый халат и высокий поварской колпак. А в руке она держала тесак, с которого свисали стружки капусты. Она пошла на кухню, у дверей оглянулась и подмигнула настоящей Алисе.

Настоящая Алиса захлопала в ладоши.

Звездный пес очень удивился. Ему на Завыдковой не очень нравилось, потому что он не понимал, что же происходит. А как вы знаете, собаки и кошки не любят, когда видят что-то необычное. Им хочется, чтобы все вокруг было просто и понятно и чтобы их кормили по часам и вкусно.

Глава 9. Теплица без солнца

Весь следующий день капитан Полосков был обижен на Алису, но старался, чтобы никто об этом не догадался, потому что взрослые на детей обижаться не должны. Ведь он сам забыл мамину фотографию в комнате у Алисы.

А «Пегас» между тем взял курс на Теплицу.

Как говорил Селезнев, «давно я туда собирался, да все мимо пролетал».

Теплица — это странное место. Рай для огородников.

Это астероид, созданный неизвестно когда и неизвестно кем, вокруг которого кружится микровозвезда, тоже кем-то и когда-то сделанная. На Теплице существует атмосфера, весьма плотная, несмотря на то что астероид небольшой. Он так густо зарос растениями, что там можно устроить лесной курорт. А растения на Теплице необыкновенные. Когда-то кто-то развел там сады и огороды, а потом огородники исчезли. Огурцы, помидоры, тыквы, арбузы, рябина, клубника, яблони, ананасы, бананы, редиска, лук репчатый и множество других домашних растений за тысячелетия одичали, перемешались с крапивой и другими сорняками и разрослись так, что получились совершенно непроходимые джунгли и заросли.

Говорят, что в последние годы кое-кто хотел там обосноваться. Сначала на астероиде высадились сотрудники фирмы «Свежие овощи от Ванини». Но оказалось, что тамошние плоды давно уже несъедобны, а для того чтобы разбить новые сады и огороды, надо вытравить все растения, привезти новую почву и все начинать сначала. Ну кому захочется?

Вот и осталась Теплица ненаселенным астероидом. Иногда туда забирались любители приключений, но многие пропадали без вести, так как на Теплице в непроходимых зарослях развелись какие-то непонятные и загадочные животные. Известный путешественник Полугус Земфирский во время своего знаменитого третьего с половиной путешествия посетил Теплицу и попытался охотиться на местных животных. Именно он застрелил там нескольких зверей и привез домой их шкуры. По всему судя, это оказались бывшие кошки, которые выросли до размеров тигра, бывшие мышки, ставшие крупнее котов, и бывшие кролики ростом больше собаки. Ну и наконец, одна бывшая собака, которая стала такой, что с ней, если ты не в танке, лучше не встречаться.

Полугус Земфирский намеревался устроить еще одну экспедицию специально на Теплицу, но экологи на его планете, узнав о том, что он охотился без разрешения на неизвестных зверей, так на него рассердились, что Полугусу на три года было запрещено выходить в открытый космос. И уж конечно, на Теплицу он с тех пор — ни ногой!

Теплица была объявлена заповедником, но летать туда не рекомендовалось, особенно после бесследной пропажи нескольких путешественников.

Рассказывали, что космические пираты нашли себе там пещеру, где зарыли награбленные сокровища. Правда, эту сказку рассказывают про все далекие планеты.

Профессор Селезнев как специалист по космическим зверям, конечно же, получил разрешение в Галактическом центре отловить, если удастся, на Теплице любых зверей и отвезти их в зоопарк. Но, честно говоря, Селезнев не знал наверняка, кого он ищет и кого он там встретит.

Алисе это было особенно интересно. Представляете — они летели на планету, где водится неизвестно кто! И, может быть, очень страшный.

Тем более что, по словам папы, тепличные животные попали туда вместе с овощами. Кто-то когда-то сажал на Теплице ананасы и привез с собой кошечку, чтобы не скучать,

собаку, чтобы она лаяла и его охраняла, а мышки и кролики сами туда пробрались в грузовом отсеке корабля.

На третий день после завтрака капитан Полосков позвал профессора на мостик.

Алиса мыла посуду и слышала, как разговаривают взрослые.

— Странная вещь происходит с Теплицей, — сказал Полосков. — Я ее не вижу.

— А на экране?

— Радар ее засек, приборы ее видят, все правильно, но мои глаза ее не видят. Мы должны видеть Теплицу в иллюминаторе, как звезду третьей величины.

В иллюминатор были видны звезды — миллионы звезд, а вот на месте Теплицы чернела пустота.

Это было очень странно. Настолько странно, что капитан Полосков заранее снизил скорость «Пегаса» и шел вперед, словно на ощупь.

И вдруг Полосков воскликнул:

— Вижу! Есть Теплица! Только я сомневаюсь, что это и есть наша Теплица.

Смысл этой загадочной фразы стал ясен, когда они приблизились к планетке на тысячу километров.

Искусственная звезда, которая давала Теплице свет и тепло, погасла или исчезла.

«Пегас» осторожно замер рядом с планеткой. Полосков направил на поверхность лучи прожекторов.

И в их свете можно было разглядеть, что никаких лесов, кустарников и садов на планетке не осталось. Лишь сухие замерзшие ветки и голые стволы поднимались над снегом и льдом.

Полосков остался на борту, а Селезнев с Алисой надели скафандры и на посадочной шлюпке спустились на Теплицу.

А искусственную звезду так и не нашли. Она попросту пропала, словно ей надоело кружиться вокруг астероида. Но такого быть не могло, потому что это нарушало бы все законы небесной механики.

Мертвый холод захватил планету в плен. Еще вчера Алиса смотрела фильм про Теплицу и поражалась тому, какая бурная жизнь кипит на этом небольшом астероиде.

Что же могло случиться?

Алиса медленно и осторожно шла вслед за отцом, пробираясь сквозь заросли замерзших деревьев и кустов. Ветки ломались, стоило лишь к ним прикоснуться, потому что промерзли так, что стали словно стеклянные.

Селезнев снимал все миниатюрной кинокамерой.

— Смотри, папа! — Алиса показала вперед.

Среди сучьев лежала замерзшая пантера. А может быть, тигрица. Громадная хищница.

— Это домашняя кошка, та самая, которую мы с тобой хотели взять для нашего зоопарка.

— Неужели здесь погибли все звери? — расстроилась Алиса.

— К сожалению, ни одно живое существо не сможет выжить при температуре, близкой к абсолютному нулю. А если здесь и остался кислород и другие газы, что были в атмосфере, они тоже стали твердыми и превратились в порошок, по которому мы с тобой ступаем.

— Какой ужас! И никаких растений не осталось?

— Не надо отчаиваться, — сказал Селезнев. — Мы с тобой соберем как можно больше семян и постараемся их прорастить. Или, в крайнем случае, привезем их домой, и там в

лаборатории генетики их восстановят.

Далеко от места высадки Алиса с папой не отходили. Они два часа потратили на съемки и сбор семян растений. Потом Алиса нашла замерзшую мышь размером с кошку.

— Какая странная катастрофа! — сказал Селезнев. — Никогда не слышал ни о чем подобном. А ты, капитан?

— Я уже включил корабельную память, — отозвался с «Пегаса» Полосков. — Но и там ничего подобного не нашел.

— Хорошо еще, что здесь не было людей, — сказал Селезнев. — Судя по всему, гибель планеты была очень быстрой. А еще меня смущает, куда могла деться искусственная звезда. Это же не бочонок с пивом! Я еще допускаю, что она могла взорваться или погаснуть. Но исчезнуть!.. Ума не приложу...

Алиса с отцом вышли на поляну.

Грустное, но прекрасное зрелище открылось их взгляду.

Поляна заросла большими белыми хризантемами. Они замерзли, но лепестки и листья не облетели.

Казалось, что перед путешественниками расстелилось целое поле живых цветов.

Селезнев подошел к крайнему цветку и дотронулся до него. Раздался легкий хруст (хотя, скорее всего, Алисе так показалось, потому что в вакууме звуков нет), лепестки превратились в пыль. Медленно разлетаясь, эта пыль дотрагивалась до других цветов, которые осыпались от прикосновения даже одной пылинки. И вот вместо поляны белых хризантем перед Алисой оказался запорошенный снегом пустырь. Из снега торчало множество палочек — стеблей замерзших хризантем.

— Жалко, — вздохнул Селезнев.

— Ты успел снять? — спросила Алиса.

— Успел, — ответил папа.

А вот и бывший прудик. Он промерз до самого дна, и в прозрачном льду были видны водоросли и рыбы.

— Сюда надо будет прислать специальную экспедицию, — вслух подумал Селезнев.

Алиса нагнулась, потому что увидела во льду что-то яркое.

— Смотри, — сказала она папе. — Кто-то значок забыл. Тут были люди.

— Ничего удивительного, — ответил Селезнев. — Здесь бывали огородники и путешественники, а значок, наверное, забыл какой-нибудь рыболов.

Алиса легонько ударила по льду ледорубом, и по поверхности пруда разбежались длинные трещинки.

Алиса наклонилась и отбросила несколько острых льдинок. А потом подняла и значок.

Станный значок.

Черная пятилучевая звезда в желтом круге. А внутри ее пылает огонек.

Очень странный значок.

— Пошли назад. Пора возвращаться, — сказал папа. — Здесь мы больше ничего не найдем.

«Здесь холодно, — думала Алиса. — И звездному псу было холодно... А вдруг он побывал на этой Теплице?»

И тут Алиса увидела детские следы. Может, и не детские, но наверняка маленькие.

— Папа, погляди! — крикнула она. Следы были отчетливо видны на инее, покрывшем землю, но в мертвых зарослях они пропали.

— Ты здесь раньше не проходила? — спросил Селезнев.

— Что ты, папа? Мы же с тобой идем совсем с другой стороны.

Селезнев снял следы на кинокамеру. Но он все равно сомневался, не оставила ли их Алиса.

Они с Алисой провели на Теплице еще полчаса: собирали замерзшие семена, брали образцы почвы, хотя, конечно же, основательно здесь будет работать специальная экспедиция.

Потом они вызвали посадочную шлюпку.

Через пять минут она мягко опустилась возле Алисы. Когда шлюпка понеслась к кораблю, Алиса с грустью посмотрела на погибшую Теплицу. Нет, ей уже никогда не ожить! Все замерзло. Слишком холодно.

Вечером они смотрели фильм, привезенный с замерзшей планетки. Вдруг пес, который все норовил что-то сказать, тьякнул:

— Холодно!

То же самое слово!

— Ты слышал, папа?

Селезнев кивнул.

— Пес слышал наш разговор и узнал слово, — сказал он.

Алиса посмотрела на шарик, висевший под потолком.

Шарик на секунду вспыхнул. И погас.

— А это, наверное, случайность, — сказал капитан Полосков.

Глава 10. Вулкан погас

— Куда курс держим? — спросила Алиса у капитана Полоскова.

— К Новому Неаполю! — ответил капитан.

— Да здравствует Новый Неаполь! — воскликнула Алиса. — Ура!

Ей давно хотелось побывать на знаменитом курорте.

Может, вы забыли или по болезни пропустили тот урок географии, когда учительница рассказывала про Новый Неаполь? Давайте я напомним.

На берегу Бурного океана на планете Изора, там, где зеленые отроги Каскадных гор спускаются к белым барашкам прибоя, лежит курорт Новый Неаполь.

Воздух в нем считается самым целебным во всей галактике, потому что рядом постоянно дымит вулкан Новый Везувий.

Этот дым разносится по всему побережью, и он совсем не противный, а приятный, потому что пахнет пряными травами и цветами, которые, как говорят, растут в больших залах внутри Изоры.

К тому же этот дым даже в самых малых дозах прочищает горло, гонит прочь насморк и кашель и лечит множество других болезней.

Неудивительно, что на берегу моря, а также в лесу возле Нового Везувия построили много санаториев. Ночуют пациенты на пляже или на лесных полянах, чтобы всю ночь вдыхать теплый аромат подземных цветов.

Много раз пробовали сделать из этого дыма концентрат, чтобы вывозить его на другие планеты. Но все впустую. Потому что через два дня дым терял свои целебные свойства.

Химики тоже не смогли выяснить формулу дыма — уж очень он сложный.

В общем, хочешь лечиться — поезжай на Изору!

Ученые не раз совершали походы и даже длительные экспедиции к жерлу вулкана, чтобы заглянуть внутрь. Вулкан ничего против не имел и не мешал ученым. Сверху можно было увидеть, как в глубине метались языки пламени и зарождались клубы сиреневого дыма.

И вот, когда одна из экспедиций изучала материалы, собранные в жерле Нового Везувия, при этом присутствовал знаменитый ученый с Земли из города Великий Гусляр.

— А ну-ка, — сказал тот ученый, — я желаю еще разок посмотреть на пламя в вулкане, только пустите пленку помедленнее и увеличьте сами огоньки.

И когда это было сделано, ученый громко сказал:

— Так я и предполагал!

— Что? Что? — спрашивали его ученики и ученики его учеников, потому что этому ученому, Льву Христофоровичу Минцу, исполнилось уже сто пятьдесят или двести лет. Когда-то он изобрел не то чтобы бессмертие, но жизненное замедление. Другие люди проживут десять лет, а Лев Христофорович только год. А раз он с самого начала был очень талантливым и мудрым, то с годами стал еще мудрей и порой сам себя не очень понимал — слишком сложно работал его гениальный мозг. Он с утра собирал своих учеников и учеников своих учеников и говорил им:

— Сейчас я буду объяснять вам мое самое свежее открытие, которое я совершил сегодня под утро, а вы попытайтесь понять, что же я такого наоткрывал. И как бы от моего открытия не погибло все человечество.

Вот такой ученый велел еще раз показать ему пламя и искры в вулкане Новый Везувий

и уверенно заявил:

— Это не совсем пламя и не совсем огоньки. Когда-то, лет сто назад, в лесочке возле моего города появился вулкан. А вырос он потому, что в его лаве жили существа...

Тут профессор замолчал и заснул. А ученики и ученики учеников стали приглядываться к огонькам в лаве и сообразили, что Лев Христофорович, как всегда, прав.

В лаве вулкана жили огневики!

Науке про них мало что известно. Ведь огневики не могут вылезти на поверхность — сразу замерзнут, превратятся в пар или в пепел. А к ним не спустишься — не только потому, что лава очень горячая и плавит любой металл, но она еще и густая, как кисель. К тому же выяснилось, что огневики в Новом Неаполе неразумные, это животные, подобные ящерицам. От них и пошли всякие сказки об огненных существах — драконах или саламандрах.

Неудивительно, что профессор Селезнев хотел обязательно заглянуть в вулкан, посмотреть на огневичков поближе и, если можно, понять, как они живут, передвигаются, дружат, любят и общаются между собой. Ведь до сих пор неизвестно даже, что они едят и как спят. А уж понять, сколько у них бывает детей, как они быстро растут и как долго живут, ученые и не мечтали.

Когда «Пегас» опустился неподалеку от Нового Неаполя, Алиса первым делом поглядела в сторону вулкана. Она знала, что над ним всегда поднимается столб сиреневого дыма высотой в десять километров.

Но оказалось, что в тот день дыма не было.

— Наверное, у них профилактика, — предположил капитан Полосков. — Ведь надо проверить системы, посмотреть на тоннели и котлы...

— Ты шутишь, Полосков? — спросила Алиса. — Или издеваешься надо мной?

— Я не люблю шутить и совсем не умею издеваться, — ответил капитан. — Я просто рассуждаю, что могло случиться с целым вулканом. И если он периодически не извергается, значит, он просто погас.

— Разве так бывает? — удивилась Алиса.

— Вулканы непредсказуемы, — сказал профессор Селезнев. — Они могут сто лет дымить, а в один прекрасный момент погаснуть.

— Сразу?

— Чаще — постепенно... Впрочем, это зависит от того, что происходит внутри вулкана.

— А мы посмотрим?

— Попытаемся, — ответил папа.

У корабля их ждала машина директора Изорского музея. Директор оказался бородачом небольшого роста в длинном пальто и в шляпе, надвинутой на глаза.

— Не вовремя вы приехали, — сказал он. — У нас беда.

— Расскажите, что у вас произошло, — попросил Селезнев.

Он первым соскочил на землю, за ним — Алиса. Полосков остался на «Пегасе», но внимательно следил за тем, что происходит снаружи. Так положено делать, если твой корабль опустился на чужую планету, где происходит что-то подозрительное.

Алиса поежилась. Дул пронизывающий, холодный ветер, он приносил с собой мокрые брызги то ли с неба, то ли с моря.

— Погас вулкан, — грустно сказал директор музея, кутаясь в пальто. — Наступили

холода. Стало холодно.

Вдруг звездный пес, который сидел в открытом люке «Пегаса» и не спешил спрыгнуть вниз, что-то сказал.

Алиса посмотрела на него.

Он опять отозвался на слово «холодно». Открыл пасть, зевнул и тихо произнес:

— Холодно.

— Вот именно, — сказал директор музея, который, видно, подумал, что эти слова произнесла Алиса.

Алиса снова поежилась. Уж очень таинственная получается история. Куда ни попадешь, везде холодно. А тут еще этот пес с его единственным словом.

— Вчера днем, — сказал директор, — совершенно неожиданно вулкан погас.

— Как же это случилось? — спросил Селезнев.

— Давайте я подвезу вас поближе к вулкану, а по дороге все расскажу.

Алиса с папой сели в машину директора. Директор сразу поднял стекла и включил обогреватель.

— Мы тут привыкли, — сказал он, — что у нас всегда тепло — от вулкана. У нас в домах нет ни печек, ни каминов. Даже теплых вещей — и то нет. И вдруг — нате вам...

Машина выехала на набережную.

Холодные волны разбивались о гранитные плиты, соленые брызги летели над пустынной набережной. Отдыхающих не было видно. Только полицейский стоял на посту и регулировал движение, которого, впрочем, тоже не было.

— Это катастрофа, — сказал директор. — Сто лет ничего не случилось, и вдруг — нате вам!

— И вы ни о чем не догадывались? — спросил Селезнев. — Разве у вас нет службы наблюдения за вулканом?

— Конечно, служба есть. На набережной каждый день вывешивали объявление, какой высоты сегодня столб дыма, от каких болезней он лучше всего помогает и прочие сведения...

— И служба не предсказала?

— Они клянутся, что все было как всегда.

Машина остановилась у подножия вулкана перед большим щитом, на котором было написано:

**ПРОСЬБА ДАЛЬШЕ НЕ ХОДИТЬ,
НА ВУЛКАН НЕ ЗАБИРАТЬСЯ!
ОПАСНО!**

— Пойдемте наверх, — предложил директор музея.

— Может быть, Алисе лучше остаться? — спросил папа.

Алиса готова была его убить!

Но, к счастью, директор музея только удивился.

— Ничего не может случиться! — воскликнул он. — Неужели бы я пустил гостей наверх, если бы не был уверен, что вулкан погас навсегда и окончательно? Это национальная катастрофа!

Они поднимались по тропинке. Вулкан был высокий, и Алиса даже подумала, не лучше ли было бы подлететь на флаере?

Но директор одновременно вел экскурсию для гостей. Он показывал Селезневу

растения, растущие на склонах Нового Везувия, даже погнался за вулканическим кроликом, заметив его в кустах. Селезнев, который, как вы знаете, тоже совершенно сумасшедший космозоолог, вместе с директором бегал среди кустов, гонялся за кроликом и за какой-то маленькой синей черепашкой. Одна Алиса все время помнила о том, зачем они идут к жерлу вулкана, и только Алису беспокоило проклятое слово «холодно».

— Скажите, пожалуйста, — спросила она, — неужели перед тем, как вулкан погас, не произошло ничего особенного?

— Произошло, произошло! — отозвался директор.

Он поймал небольшую жемчужную ящерицу и посадил ее в шляпу. Селезнев тоже поймал такую ящерицу и тоже посадил ее в директорскую шляпу.

— Замечательный экземпляр! — воскликнул он. — Алиса, не отвлекай нас! Мы же работаем!

Они поднимались все выше. Навстречу им опустился туман, и стало еще холоднее. Директор музея повязал на голову носовой платок, потому что в его шляпе профессор Селезнев нес ящериц и черепашку.

— В шестнадцать двадцать мы увидели, как столб дыма, который всегда поднимался над вулканом, стал светиться. Он светился все ярче, и люди начали волноваться. Потом этот светящийся столб превратился в веретено, которое вращалось с бешеной скоростью. Оно оторвалось от вулкана и улетело к звездам.

— И что еще?

— Еще стоял страшный шум, даже уши закладывало.

— А потом?

— Потом стало темно. Люди успокоились и пошли по домам, но тут нам стали звонить дежурные со станции наблюдения на вершине вулкана. Они сообщали, что из вулкана перестал идти дым, а если заглянуть внутрь...

Они дошли до вершины вулкана, и директор музея закончил свой рассказ так:

— Вы сами можете заглянуть внутрь жерла и убедиться в том, что наш вулкан умер.

Пологий склон, по которому они поднимались, крутым обрывом скатился вниз, в глубокую пропасть. Именно оттуда, как поняла Алиса, всегда поднимался дым. Но сейчас можно было посмотреть вниз и увидеть черное дно вулкана.

— Вы не поверите, — раздался голос директора, — но термометры, которые мы опускали на дно, на глубину больше километра, показывают, что жерло совершенно холодное. И стены тоже. Лава застыла.

— Но ведь так быть не может. Раскаленная лава остывает много дней! — удивился Селезнев.

— Я знаю, — сказал директор музея, — но это факт. Натте вам!

— А как же огневики? — спросила Алиса.

— Надеюсь, что не все огневики погибли, — сказал директор. — Думаю, когда вулкан начал остывать, они успели спуститься внутрь планеты, в ее раскаленное ядро.

— Очень неправдоподобно, — покачал головой профессор Селезнев.

— Очень даже правдоподобно, — ответила Алиса. — Если дым, лаву и все тепло из вулкана украли.

— Как так украли? — удивился Селезнев.

— Это только теория, — сказала Алиса. — Совсем не научная теория. А скажите, пожалуйста, вы не видели здесь чужих детей?

— Каких еще детей? — не понял директор.

— А вот таких, — сказала Алиса и показала на цепочку маленьких следов, которые тянулись рядом с тем местом, где она стояла, и обрывались у края обрыва.

— Может, это какая-нибудь экскурсия поднималась? — неуверенно сказал директор музея.

— Вы пускаете на вершину вулкана детей? — удивился Селезнев.

— Только в сопровождении роботов-спасателей и специально подготовленных воспитателей. Но это бывает довольно редко.

— Значит, у вас работают карлики, — сказала Алиса.

— Алиса, — остановил ее отец, — ну что ты пристала к человеку?

Но директор музея ответил:

— Карликов у нас нет. Я бы заметил.

— Ну, значит, ты сама здесь проходила, — сказал Селезнев. Он так не любит тайн и загадок! Он считает, что тайны и загадки надо немедленно решать, чтобы они не мешали людям жить.

— Папочка, но я же не подходила к краю! А эти следы идут до обрыва.

— А ну-ка, дочка, наступи на след, — сказал отец.

Алиса послушалась. Ее башмак точно совпал со следом.

— Вот видишь, — улыбнулся Селезнев. — Теперь ты не будешь спорить?

— А вдруг они здесь давно? — не уступала Алиса.

— Нет, — возразил директор музея. — Вчера вечером был дождь.

— А скажите, — спросила Алиса, — вам не приходилось видеть такой герб?

Она вынула из кармана желтый значок с черной звездой.

— Странно, — произнес директор. — Вчера, как раз перед гибелью вулкана, я видел на набережной детскую экскурсию, и у всех детей были точно такие же значки. Что бы это значило?

— Если бы я знала! — воскликнула Алиса.

Обратно они спустились без приключений. Директор был встревожен и все поглядывал на Алису, словно она могла ему чем-то помочь. Но Алиса ничем не могла помочь ни директору, ни всему Новому Неаполю.

Глава 11. Судьба Милодара

— Шарик не загорался? — спросила Алиса у капитана, когда они собрались на корабле и «Пегас» стартовал.

— Если и загорался, то когда я на него не смотрел.

Капитан Полосков человек хороший, но очень серьезный.

— Папа, — сказала Алиса, — можно я воспользуюсь галактической связью?

— Решила друзьям позвонить?

— В некотором смысле, — уклончиво ответила Алиса и села за пульт.

Она набрала код Земли, потом номер Галактической полиции. Нежный голос ответил ей: «Абонент недоступен или временно не отвечает».

— Оставьте сообщение, — сказала Алиса. — Селезнева, космический корабль «Пегас», окрестности Изоры. Срочная связь.

Отец покосился на Алису, но даже слова не сказал. Он, правда, был занят, кормил жемчужных ящериц. Синяя черепашка ждала своей очереди. Хотя и с запозданием, коллекция животных для Космозо начала пополняться.

Алиса уселась возле компьютера. Она стала просматривать все файлы, связанные с гербами и символами. Догадались почему? Ее очень интересовало, кому принадлежит герб: черная звездочка с пламенем в середине.

Прошло немного времени. Вдруг звездный пес громко зарычал.

Все обернулись к нему.

Оказалось, пес рассердился не зря: посреди кают-компания стоял полупрозрачный человек с буйной черной шевелюрой, пышными усами, в голубом парчовом халате и тапочках с загнутыми вверх острыми носами.

— Комиссар Милодар? — удивился Селезнев. — Вы что здесь делаете?

Комиссар пошевелил губами, но никто ничего не услышал. К тому же и сам Милодар растворился в воздухе, словно привидение.

Отец обернулся к Алисе:

— Твоя работа?

— Да, папочка, я его вызывала. На мой взгляд, положение очень тревожное.

— Что же тебя тревожит?

— Я обнаружила сходство между ситуацией на Теплице и на Новом Неаполе. А вот Завыдковая тут совершенно ни при чем.

— Какое сходство?

Комиссар Милодар снова появился посреди кают-компания. На этот раз он был не таким прозрачным.

— Я прибавил энергии. Теперь вы меня слышите? — спросил он.

— Мне надо с вами серьезно поговорить, — сказала Алиса.

— Говори, — разрешил комиссар, хотя, конечно, это был не комиссар, а только его объемное изображение, голограмма.

— Я скажу, если папа не будет смеяться, — вздохнула Алиса.

— Дело серьезное, — сказал Милодар. — Я это чувствую всей шкурой. Профессор Селезнев не посмеет даже улыбнуться. Пускай он продолжает кормить своих черепах и лягушечек. У нас с Алисой дела поважнее.

К счастью, у папы есть чувство юмора, и он не обиделся.

— Послушайте, Милодар, — начала Алиса, — сначала ко мне прибегает звездный пес и говорит: «Холодно!»

Милодар кивнул, словно в первый раз об этом слышал.

— Потом мы летим на Теплицу. Теплица погибла. Там все выморожено, потому что куда-то исчезла искусственная звезда, которая ее освещала и согревала. И на этой холодной Теплице я увидела детские следы.

— А может быть, следы карлика, — заметил Селезнев, который, оказывается, внимательно слушал разговор дочки с комиссаром.

— Может быть, — согласилась Алиса. — Мы их сняли на кинокамеру.

— Спасибо, — поблагодарил комиссар.

— Потом, — продолжала Алиса, — мы попали на Изору, на курорт Новый Неаполь, а там как раз перед нашим прилетом погас целебный вулкан, который дымил уже тысячу лет.

— С вулканами это бывает, — снова вмешался Селезнев.

— Но не так! — возразила Алиса. — Этот не просто погас, но и слишком быстро остыл. Куда делось все тепло?

Милодар пожал плечами. Этого он не знал.

— А знаете ли вы, что на самой вершине вулкана, у кратера я увидела детские следы?

— Алиса! — не выдержал профессор Селезнев. — Но это же были твои собственные следы! Они полностью совпадают.

— Но я их не оставляла! — воскликнула Алиса.

Милодар Селезневых не перебивал, а когда они замолчали, произнес:

— Очень любопытно. Что еще ты хотела мне рассказать?

Алиса вытащила из кармана желтый значок с черной звездочкой в центре. Внутри звездочки мерцал огонек.

— А это я нашла на Теплице, — сказала Алиса.

Комиссар нахмурился. Он долго и пристально смотрел на значок.

— Что же вы замолчали? — спросила Алиса.

— Я думаю. Я очень встревожен. — Комиссар повернулся к Селезневу. — Куда вы держите путь дальше?

— Я бы хотел заглянуть на планету Блук. Там у города Палапутра есть рынок зверей.

— Все ясно, — сказал комиссар и растворился в воздухе.

— Удивляют меня манеры вашего друга, — заметил капитан Полосков. — Он никогда не здоровается и не прощается.

Никто не стал защищать Милодара. Он и на самом деле плохо воспитан. А что ему оставалось делать? Как выяснилось, он был последним беспризорником и подкидышем на Земле. Мама Милодара, которую он не помнил, была большой модницей. Вскоре после того, как родился ее мальчик, она положила его в коляску и повезла гулять. Гуляя, она оставляла коляску у магазина, а сама шла примерять шляпки или туфли. А когда коляску украли последние бродячие цыгане на Земле, она спохватилась далеко не сразу. И так и не смогла вспомнить, у какого из магазинов ее оставила.

Цыганам мальчонка понравился, тем более что он был курчавым брюнетом.

Вот его и усыновили в таборе, с которым за детские годы он прошел всю Штирию, Румелию, Моравию, Монтенегро, Славонию и доходил до Высоких Татр.

Цыгане не разрешали любознательному мальчику ходить в школу, а заставляли воровать коней и велосипеды. Милодар полюбил животных. Когда он тайком от табора закончил

вечернюю школу в селе Верхни Падрубички в Валахии, то отправился по свету искать свою маму. Не нашел и устроился в питомник певчих сверчков.

Его сверчки были лучшими в мире, и, возможно, Милодар остался бы в питомнике навсегда, если бы не ограбление: бурной октябрьской ночью украли двенадцать лучших сверчков. Кражу певчих сверчков пытались раскрыть ведущие сыщики планеты, но удалось это сделать лишь молодому сотруднику питомника Милодару Фетру.

Оказалось — вы не поверите! — это была заказная кража. Речь шла о высоких ставках на тараканьих бегах в трущобах Будровника. Некий Жако, глава мальтийской триады, с помощью пластических операций намеревался замаскировать сверчков под тараканов и выиграть приз герцога Огуречекно.

Я не буду сейчас рассказывать, как Милодару удалось с помощью дедуктивного метода вычислить грабителя и как он спас жизнь и внешний облик похищенных сверчков, обнаружив в себе талант не только детектива, но и пластического хирурга.

Глава триады, потерпевший поражение в этой схватке с молодым человеком, ясное дело, поклялся расправиться с ним всеми возможными дикими способами. И Милодар, чтобы спастись от бесславной смерти, поступил в Галактическую полицию. Там он сначала был стажером, но его многочисленные таланты не позволили ему засидеться на такой мелкой должности. Еще не успели поседеть его черные кудри, как Милодар — гроза разбойников, взяточников, воров, убийц и пиратов — стал комиссаром и начальником Земного отдела Галактической полиции.

Его боялись преступники.

Ему стремились отомстить самые страшные бандиты и бывшие жены.

Так что не удивляйтесь тому, что комиссар Милодар предпочитал проводить дни и месяцы под двухметровым слоем льда в Антарктиде и всюду посылал вместо себя голограмму.

Правда, у голограммы есть один недостаток. Она не может дратья и даже листок бумаги держит в руках с трудом.

Поэтому если Галактической полиции требовалось послать куда-нибудь агента, который умеет дратья, стрелять и гоняться за преступниками, чаще всего комиссар выбирал для этого свою любимицу, загадочную воспитанницу приюта для космических найденышей Кору Орват.

Может быть, потому, что она была спортсменкой, умницей и отважной девушкой, а может быть, и потому, что оба они с комиссаром были сиротами.

А это сближает.

Так что вы, наверное, уже догадались, что в следующей главе этой повести вы встретитесь с агентом 003 ИнтерГалактической полиции Корой Орват.

Глава 12. Шкомерздет

Профессор Селезнев снова намеревался побывать на планете Блук, где возле города Палапутра раз в неделю собирается базар коллекционеров. Там торгуют значками и спичечными этикетками, дискетами и световодами, ракушками и древнегреческими амфорами, почтовыми марками и голубями, картинами Маймазовского, склиссами, валдайскими колокольчиками, ядовитыми скорпионами, разноцветными микробами, мамонтовыми бивнями, черноглазыми роботорабынями, попугаями-переводчиками и многим другим.

«Пегас» опустил на космодроме Палапутры среди тысяч кораблей с разных планет галактики. Алиса поставила будильник на шесть утра, потому что на базар в Палапутре лучше всего отправляться пораньше — можно купить какое-нибудь редкое животное или сделать биологическое открытие. Да и народу в это время поменьше. Ленивые коллекционеры собираются на базаре к полудню, когда опытный человек уже купил или выменял все самое интересное.

Двадцать шестого июля в шесть пятнадцать Алиса уже приняла душ и поставила кофе. На сковороде шкворчала яичница, звездный пес на всякий случай ходил вокруг Алисы и стучал хвостом ей по ногам — чтобы не забыла, что собак тоже кормят рано утром, а потом ведут гулять.

Тут в люк постучали.

Алиса взглянула на экран у входа.

Над космодромом собрались тучи, капал мелкий дождик, корабли блестели от воды.

У трапа «Пегаса» стояла девушка под полосатым, красным с желтыми разводами зонтиком.

— Ах! — воскликнула Алиса. — Какая радость!

Она распахнула люк и скатилась вниз, прямо в объятия к Коре Орват, подруге и агенту 003 ИнтерГалактической полиции.

Не обращая внимания на дождь, Алиса с Корой прыгали по полю, кружились, как в вальсе, топали по лужам, а звездный пес тоже радовался и носился кругами.

И тут из открытого люка послышался голос Полоскова:

— Девушки, немедленно войдите в корабль! Не позорьте образ земного человека перед инопланетянами!

Я уже говорил, что Полосков, к сожалению, очень серьезный человек. К тому же он не был раньше знаком с Корой Орват и не знал о ее подвигах.

Алиса с Корой взбежали по трапу в «Пегас», и Кору встретил профессор Селезнев. Он поздоровался с ней и спросил:

— Вас прислал Милодар?

— От вас ничего не скроешь, — улыбнулась Кора. — Но, честно говоря, я оказалась на Блуке по своим делам, а комиссар сказал мне, что вы собирались сюда прилететь. Не могла же я с вами не встретиться!

Алиса познакомила Кору с Полосковым, и они пошли завтракать.

— Сейчас я отправлюсь на сборище коллекционеров, которые разводят черепах, — сказал Селезнев. — Надеюсь узнать там много для себя полезного. Если кто-нибудь хочет меня сопровождать, милости прошу. Если у вас свои планы, встретимся за ужином.

Он посмотрел на Алису.

Алиса посмотрела на Кору.

А Полосков сказал:

— Займусь-ка я профилактикой. Все-таки неделя в космосе — это вам не Канарские острова.

И все с ним согласились.

— А я хотела, если вы не против, свозить Алису к моим друзьям, — сказала Кора. — Так что встретимся за ужином.

Отец собрал свою сумку, а потом вспомнил:

— Кстати, а как дела с похолоданием? Комиссар обещал сообщить нам что-то новое.

— Комиссар? — удивилась Кора.

Вроде бы она и не спорила с Селезневым, но и не согласилась.

Профессор засмеялся, потому что он раскусил хитрость Кору, и сказал:

— Гуляйте, только чтобы к ужину не опаздывать.

Он поспешил на сборище любителей черепах, а Полосков уселся за компьютер. В корабле наступила тишина.

— Здесь поговорим или погуляем? — спросила Кора, направляясь к люку. Ясное дело — она не собиралась говорить о серьезных вещах в «Пегасе».

— Лучше погуляем, — согласилась Алиса.

Первым из корабля выскочил звездный пес. Ему хотелось побегать.

Девушки спустились на поле. Дождик перестал, но было облачно и сыро. Алиса с Корой побежали к открытой веранде, где стояли белые столики и кресла с ажурными спинками. В автомате они взяли по три порции мороженого.

— Все-таки без взрослых свободнее, — сказала Алиса. — Разве папа разрешил бы мне есть мороженое на ветру?

— Хорошо, что я сирота, — заметила Кора. — Но даже комиссар Милодар не разрешает полевым агентам больше двух порций мороженого за раз.

Звездному псу тоже досталась порция мороженого. Он забрался под стол и принялся лизать стаканчик. Пес что-то проворчал из-под стола, хотел сказать, что и ему бы никто не разрешил есть мороженое в такую погоду.

Кора осмотрелась. Кроме них, никого в кафе не было.

— Послушай, Алиса, — произнесла она серьезно, — тебе предстоит выполнить важное задание Галактической полиции. От этого зависит судьба многих планет. Комиссар не разрешил просить тебя о помощи...

— Разумеется! — воскликнула Алиса. — Он безнадежно взрослый и думает, что дети ни на что не годятся. Как ужасно быть взрослым!

— Честно говоря, — вздохнула Кора, — я уже тоже безнадежно взрослая. Мне скоро стукнет четверть века! Я почти старуха.

— Почти, но не совсем, — возразила Алиса. Она принялась уже за третью порцию.

— Дело очень серьезное, — повторила Кора.

Ветер взлохматил ее пышные, совершенно голубые волосы. Дело в том, что Кора только что вернулась с опасного задания в логове Беспощадных Амазонок. Чины у этих амазонок различаются по цвету волос. Кора у них была капитан-сержантом-плюс.

Но Алиса не знала, почему Кора носит волосы такого цвета, и решила, что это новая мода. Ведь Кора — большая модница.

— Комиссар Милодар узнал герб, — сказала Кора.

— Какой герб?

— Алиса, что с тобой? Ты же сама его комиссару показала. Помнишь значок, который ты нашла на Теплице?

— Черная звездочка?

— Черная звезда на желтом круге, а в середине ее горит махонький костер.

— И что же?

— Это не значок. Это герб самого Бесфа.

— Я не знаю никакого Бесфа.

— А многие, к сожалению, его знают. И отца его, и тетку, и бабушку. Род Бесфов уже много лет правит Стаей Бродячих Астероидов. Их племя зовется бродягами космоса. На самом деле это даже не племя...

— Они — космические пираты?

— Пиратством они тоже занимаются. Но чаще всего они нанимаются на службу ко всяким диктаторам, королям и завоевателям. Они всегда рады выполнить самую грязную работу. Они и мучители, и палачи, и грабители.

— Почему же их до сих пор не поймали?

— А твоих знакомых пиратов Весельчака У и Крыса поймали?

— Нет еще.

— Галактика велика, в ней много неисследованных и таинственных мест. Да и злых королей осталось немало.

— Я возьму еще по порции мороженого? — спросила Алиса.

— Возьми. Себе одну, а то простудишься. А мне три, я уже взрослая.

Алиса пошла к автомату и принесла себе три порции, а Коре шесть.

— Ты с ума сошла! — воскликнула Кора. — Это опасно для твоего здоровья!

— А о себе ты не думаешь? — спросила Алиса.

Кора не ответила, а взяла ложечку и принялась за мороженое. Минут через пять она продолжила рассказ:

— Последний Бесф скрывается где-то в районе Серой дыры. Он сейчас без дела. Но что-то затевает. Мы думаем, что для какой-то цели он ворует энергию. Из-за этого он оставляет без тепла и света города, страны и целые планеты. Ему никого не жалко.

— Но зачем ему столько энергии?

— Может быть, он решил перебраться в другую галактику? — сказала Кора. — Точнее я не скажу. И это предстоит выяснить тебе.

Алиса замерла, поднеся ко рту ложку с мороженым.

— Как же я это сделаю?

— Сделаешь, если не струсешь.

— Ладно, — согласилась Алиса. — Мы не из трусливых, как говорит мой друг Гераскин.

— Слушай внимательно, — сказала Кора. — Уже несколько недель везде, где пропала энергия, мы находим маленькие следы. Но теперь ты обнаружила рядом со следами знак Бесфа. У нас почти нет сомнений, что эти преступления по приказу Бесфа совершают ученики ШКОМЕРЗДЕТА.

— Это еще что такое?

— Ты не поверишь, но это школа, в которой из плохих детей воспитывают совершенно гадких, мерзких, безнадежных детей. И я хочу, чтобы ты поступила в эту школу и стала ее

лучшей ученицей.

— Кора, объясни, пожалуйста!

— Мы думаем, — сказала Кора, — что именно помощники Бесфа по его приказу учредили маленькую, тихую, незаметную школу для особо испорченных детей прямо в Галактическом центре.

— Но зачем?

— У них все продумано, — ответила Кора. — Ты знаешь, что означает слово «ШКОМЕРЗДЕТ»?

— Что-то плохое, — сказала Алиса. — Очень противное слово!

— Вот именно! ШКОЛА для МЕРЗКИХ ДЕТЕЙ! ШКОМЕРЗДЕТ!

Алиса даже не стала доедать мороженое.

— Неужели у них взрослых бандитов не хватает? — удивилась она.

— Есть преступления, для которых лучше подходят дети, — объяснила Кора. — Во-первых, детям больше доверяют. Если к тебе подойдет такая же, как ты, девочка, ты не испугаешься.

— А у меня бластер! — догадалась Алиса. — Я подошла, ба-бах! И ты с катушек!

— Ты прямо на глазах становишься мерзкой девчонкой! — похвалила ее Кора. — Тебе место в ШКОМЕРЗДЕТЕ!

— А потом я могу пройти в секретное место. Меня просто не заметят, — сказала Алиса.

— К тому же, — добавила Кора, — дети смелее взрослых. Они не думают об опасности. Взрослый тысячу раз подумает, прежде чем лезть в вулкан за конфеткой.

— А вот Пашка Гераскин, — сказала Алиса, — и без конфетки в любой вулкан полезет, если ему сказать, что это и есть приключение для настоящего рыцаря.

— Видно, Бесфу и его подручным хочется использовать малолетних преступников для секретных поручений. Но для этого их нужно кое-чему научить. Вот их и разыскивают по всему миру, а потом свозят в ШКОМЕРЗДЕТ.

— А если я туда попаду, — спросила Алиса, — что изменится?

— У тебя будет шанс узнать, где скрывается сам Бесф. Иначе нам никак его не отыскать. Я вживлю в тебя микролокатор, который будет показывать, где ты находишься. Но ты обязательно должна стать первой ученицей в школе, чтобы тебя заметили и оценили.

— Я согласна! — выпалила Алиса.

Как вы понимаете, она совсем не испугалась. Ей даже было интересно пережить новое приключение. Ведь любая нормальная девочка больше всего на свете хочет пережить рискованное приключение.

— Пошли? — спросила Кора.

— А как же папа? Он хватится меня и перепугается. Ты же знаешь, как устроены все родители.

— Нет, не знаю. Я сирота и выросла в детском доме для космических подкидышей. У меня есть только бабушка, но и та не родная.

— А у меня родители. Их даже больше, чем у всех других людей. И я знаю, как они все пугаются, когда я исчезаю.

— Алиса, гарантирую — тебе почти ничего не грозит. Неужели ты думаешь, что я решилась бы послать тебя на задание, в котором тебе что-то угрожало бы?

— Кора, не заговаривай мне зубы. Что ты придумала, чтобы мой папа не испугался?

— Для этого мы изобрели очень простой ход, — улыбнулась Кора. — Пошли дальше, вон к той горюшке. И ты все узнаешь.

Глава 13. Несчастное животное

Горушка отделяла поле космодрома от леса, окружавшего город.

За ней находились дополнительные стоянки.

Кора остановилась перед небольшим суденьшком с крылатым мечом на борту — эмблемой Галактической полиции.

Суденьшко понравилось звездному псу — он поднял заднюю лапу и оросил его, как будто это был большой столб.

Внутри кораблик оказался раз в пять больше, чем выглядел снаружи. Это был обычный трюк галактических спецслужб. Справа от люка даже поместился зал для игры в бадминтон.

— Ты играешь? — спросила Алиса.

— Да ты с ума сошла! — откликнулась Кора.

Она провела рукой в воздухе, люк закрылся. Еще раз — и пол в зале для бадминтона раздвинулся, а под ним обнаружился еще один зал, поменьше.

— Сейчас мы полетим в Галактический центр, — сказала Кора.

— Нет! — ответила Алиса. — Я должна сначала поговорить с папой. Я не хочу его расстраивать.

— Никто не собирается расстраивать твоего папочку, — сказала Кора. Она была сироткой и поэтому считала родителей совершенно лишними людьми.

У дальней стены зала стояла небольшая машинка времени, такие есть только у Галактической полиции. Далеко на такой машинке не уедешь, но для оперативной работы они совершенно необходимы. К примеру, тебе обязательно нужно узнать, кто совершил преступление два года и шесть минут назад. Бери машину, лети куда надо и снимай на пленку или дискету это преступление. Или, допустим, нужно поймать негодяя, а он скрывается. Поехали в прошлое, когда он еще не скрывался. Там с ним можно поговорить серьезно.

— Я предлагаю тебе поехать в прошлое, на пять месяцев назад. Именно тогда и начала работать школа гадких детей, — сказала Кора.

— И сколько же мне там учиться? — спросила Алиса.

— Тут все от тебя зависит. Будешь хорошо учиться, скорее станешь бандиткой и негодяйкой.

Алиса вздохнула.

— Знаешь, Кора, — сказала она, — хоть я понимаю, что буду выполнять важное задание, и что мне ничего не угрожает, и что папа не будет волноваться, мне все же интересно: я там пробуду два дня, три, четыре или целый месяц?

На этот вопрос Кора ничего не ответила.

А сказала так:

— Я думаю, что тебе лучше всего взять с собой в Галактический центр звездного пса. Вы с ним дружите, правда, песик?

Пес склонил голову. Он в этом не сомневался.

— Ему придется потерпеть, — продолжала Кора. — Ты будешь над ним издеваться. А он все должен понимать. Если не поймет, то грош цена его собачьей верности. Сейчас мы с тобой, Алиса, отрепетируем плохое обращение с собакой.

— Как же можно репетировать обращение? — удивилась Алиса.

— А очень просто. Представь себе, что ты паршивая, злобная и безжалостная девочка.

Второй такой плохой еще на свет не рождалось. И тут ты увидела безобидную, добрую собачку. Ты сказала ей: «А ну, иди сюда, псина!» Псина подойдет... Давай, покажи мне, какая ты жестокая!

— Подойди ко мне, псина, — сказала Алиса звездному псу.

Тот подошел к ней, виляя хвостом. Ему нравилась такая игра с Алисой.

— Давай! — крикнула Кора.

Алиса схватила пса за ошейник и потянула за собой. Пес стал упираться всеми четырьмя лапами.

Зрелище было забавным, но Кору оно не рассмешило.

— Не так! — крикнула она. — Не так!

— А как надо? — Алиса отпустила пса.

— А вот как! — ответила Кора. — Только попрошу не обижаться!

Глава 14. Гадкий ребенок

Галактический центр занимает шесть планет со спутниками в самом центре нашей галактики. Сделано так для удобства жителей разных звездных систем. Ведь не все из них дышат одинаковым воздухом или вообще воздухом, не все ходят по земле — но как-то общаться надо!

Поэтому на одной планете сидят бюрократы и чиновники из миров, где есть кислородная атмосфера, таких как Земля, Блук или Пенелопа. На другой планете устроились за канцелярскими столами возле своих компьютеров обитатели планет, покрытых водой. Вот и плавают от стола к столу, чтобы поставить печать на документе. Потом ты можешь попасть на третью планету с пониженной силой тяжести. Кабинеты чиновников там расположены на воздушных шарах, а секретарши снабжены жемчужного цвета крыльями. Когда начальник главка или председатель банка летит на работу, за ним косяком несется охрана, референты и помощники. Есть еще метановая планета и даже планета раскаленная. Для того чтобы с нее передать важную бумагу на планету подводную, приходится держать специальную передаточно-охлаждающе-разогревающую службу. А эти раскаленные бюрократы больше всего на свете любят писать отчеты и составлять списки.

На кислородной планете Галактического центра есть множество городов. Их так много, что они покрывают планету, как черная икра бутерброд. В каждом городе существуют управления, комитеты, подкомитеты, институты общественного мнения, отделения Галактической полиции, академии и лицеи, службы связи и справочное бюро. Ну и, конечно, согласительные комиссии, наблюдательные комитеты, пресекающие и разрешающие отделы. Всем этим миллионам и даже миллиардам заведующих отделами, помощникам и референтам надо где-то жить. Поэтому на планете построены огромные жилые кварталы, а также сорок восемь тысяч двести больших гостиниц.

А чтобы не было скучно, там имеются театры, стадионы, развлекательные парки и садики со скамейками, статуями и фонтанами...

Когда часы на башне Согласия пробили полдень, редкие прохожие и проезжие с удивлением заметили девочку, которая не спеша шагала по парковой аллее.

Девочка была одета кое-как, видно, ее совершенно не беспокоило, что о ней скажут люди. Иначе она выстирала бы майку с надписью «Я тебя прикончу!», зашила бы брюки, почистила туфли, умылась и причесалась. Но это не главное. Главное заключалось в том, что девочка волокла за собой на цепи небольшого пса. Пес сопротивлялся, визжал, потому что ошейник его душил, а потом повалился на спину, и девочка тащила его, как мешок с тараканами.

Зрелище было неприятное. Противное было зрелище.

— Девочка, — сказал Заумненький-сан, чиновник третьего разряда по согласованию переизданий энциклопедий для пенсионеров, — нельзя же так мучить животное! Я предлагаю тебе отпустить песика на волю.

— Ах ты, козел! — изумилась грязная девочка. — Ты что, не видишь — мы гуляем. А будешь приставать к детям, я тебе всю морду расквашу!

— Такого разговора я не потерплю! — обиделся Заумненький-сан. — Это наносит оскорбление мне и животному миру.

И он быстро ушел, хромя на все пять ног.

Но женщина по имени Эльвира, победительница конкурса на звание Мисс Уборщица,

оказалась не такой трусливой. Как вы знаете, в нашей галактике женщины куда храбрее мужчин, только мужчины этого не признают и сами носят генеральские мундиры. Ведь не секрет, что если бы мужчины воевали с женщинами, то женщины, конечно же, победили бы.

— Девочка, — сказала прелестная уборщица, — отпусти собачку.

— А пошла ты отсюда! — огрызнулась девочка.

— Никуда я не пойду, — ответила уборщица.

И тут девочка подпрыгнула и ударила уборщицу кулаком в живот.

С пролетающих флаеров, из окон контор и гостиниц, из плавательного бассейна и с футбольного поля раздались возмущенные голоса тысяч людей:

— Это что за безобразие?! Откуда такое чудовище могло появиться на нашей мирной планете?! Мы будем жаловаться!

Прелестной уборщице очень захотелось схватить девчонку и надрать ей уши или хотя бы надавать подзатыльников, но нельзя же драть уши ребенку в конце двадцать первого века!

Пес, которого девочка упорно волочила за собой по дорожке, выл как зарезанный, и уже через пять минут — ведь в будущем все будет организовано куда лучше, чем сегодня, — в парк примчались две телевизионные группы, бригада общества защиты животных и множество репортеров, которые хотели взять интервью у такой плохой девочки.

Плохая девочка совсем не стеснялась.

Она уселась на лавочку, нога на ногу, поковыряла пальцем в носу, сплюнула на песок, наподдала псу ногой и спросила:

— Ну что приперлись? Вопросы есть?

Засверкали вспышки, загудели камеры, корреспондент газеты «Вечерние звезды» громче всех прокричал свой вопрос:

— Ты откуда, дикое существо?

— От верблюда! — ответило дикое существо и запустило в корреспондента туфлей.

Корреспондент успел отскочить, и туфля заехала в лоб главного заботника о счастье детей Управления трудовых ресурсов Альдебарана.

— Где твои родители? — спросила ведущая телепередачи «Ночь вам только снится».

— Я их кокнула, — ответила девочка.

— Почему?

— Мамаша заставляла меня руки мыть, папаша хотел, чтобы я в школу ходила, а бабуля требовала, чтобы я спала по ночам. А потом я и училку кокнула!

— Как? Где? Мы об этом не знали! — зашумели репортеры.

— А я школу сожгла, — заявила девочка, — вот никто и не догадался.

— Что? Где? Когда? — завопили журналисты.

Но гадкой девчонке надоело с ними разговаривать. Она снова наподдала собаке босой ногой, вытащила из кармана небольшую атомную бомбу и закричала:

— А ну ложись, гады!

И замахнулась.

Все журналисты, зрители, свидетели и просто зеваки попадали на землю, а девочка, волоча за собой пса, скрылась в кустах. А бомбу снова спрятала в карман.

Сотни радиостанций и телеканалов передавали репортаж с места события. Миллионы людей, ушанов, перскулей, бронопатриков и других обитателей Галактического центра ужасались тому, какие кошмарные порой бывают дети.

К счастью, на Земле никто не увидел этих репортажей. Девочка с измученной собакой прошла через кусты и спустилась к реке. Никто не посмел за ней погнаться. Все ждали, когда придут спасатели из Управления по чрезвычайным ситуациям. Но у них еще не кончился обеденный перерыв.

Девочка присела на траву.

Она снова вытащила из кармана атомную бомбу и разломала ее пополам. Оказалось, что это всего-навсего батон хлеба с изюмом, очень похожий на атомную бомбочку.

Половину бомбочки Алиса отдала звездному псу, а половину принялась жевать сама.

Вы, наверное, уже догадались, что эта мерзкая и даже страшная девочка — не кто иной, как Алиса.

Кусты за ее спиной раздались, и оттуда выглянула пожилая женщина с милым, добрым лицом, в длинном платье с кружевным передником.

— Пойдем со мной, сиротка, — пропела она. — Тебя ждут друзья.

— Иди отсюда, гримза, пока цела! — откликнулась девочка.

— Молодец! — воскликнула милая женщина, ловким движением схватила Алису поперек живота, перекинула через плечо и кинулась бежать вдоль берега, да так шустро, что, когда через три минуты спасатели и репортеры прибежали на берег, ее уже и след простыл.

Пусто, только комары гудят...

Пока спасатели и репортеры бегали вдоль воды и искали следы, спорили, вызывали водолазов, звонили подводной лодке, милая толстая женщина остановилась перед желтым фургоном, на котором было написано: «СВЕЖИЕ АНАНАСЫ И ПАРМЕЛАНДЫ».

Фургон как фургон.

Только над надписью нарисована черная звезда с мерцающим огоньком в середине.

Свободной рукой женщина распахнула дверь фургона и метнула Алису внутрь. Потом захлопнула дверь и сказала себе под нос, сладко улыбаясь:

— Кажется, у нас сегодня неплохой улов.

Затем она уселась на водительское место и повела фургон на окраину города, где на пустыре за высоким кирпичным забором стояло запущенное и скучное красное здание.

Когда-то там построили дом для роботов-ветеранов, но даже роботы оттуда сбежали, так как скучнее места на свете не нашлось. Вот здание и пустовало. Пока не пришли новые хозяева и не повесили над железными воротами вывеску: «ШКОМЕРЗДЕТ».

Сюда милая толстуха и привезла Алису.

Она въехала во двор, затормозила у входа в дом, открыла дверцу и велела Алисе:

— Выматывайся из машины и пошла за мной! Не пойдешь сразу — останешься без ушей.

Алиса послушно выскочила из фургона и побежала за милой женщиной.

А тем временем на берег реки вышла молодая красивая девушка с голубыми волосами и свистнула в два пальца. Из кустов выскочил звездный пес, который спрятался там от репортеров. И они вместе ушли в город...

Глава 15. Первый день в школе

Алиса вошла в двери скучного дома.

И оказалась в большом зале. На стенах висели оставшиеся от старых времен схемы и графики — ими развлекались роботы-пенсионеры.

Пол был грязный и заплеванный, повсюду валялись бумажки и банки от сока и кока-колы.

— Пошли, я покажу тебе твой дортуар.

Алиса, к сожалению, не знала, что означает слово «дортуар», зато помнила, что она должна быть самой отвратительной и гадкой девчонкой в ШКОМЕРЗДЕТЕ. Поэтому она сняла последнюю туфлю и метнула ее в милую женщину.

Милая женщина с размаху хлопнулась на пол, но тут же резво вскочила и кинулась за Алисой.

Алиса побежала вверх по лестнице.

Она вовремя успела заметить летящее ей навстречу ведро и отпрыгнула в сторону.

Ведро пролетело мимо и наделось прямо на голову милой даме.

Милая дама села на пол.

Сверху Алисе крикнули:

— Давай сюда, а то в карцер загремишь!

Алиса не стала рассуждать, а припустила к двоим парнишкам, лет по десяти, которые подпрыгивали на верхней площадке. Как только Алиса к ним приблизилась, они кинулись бежать.

Снизу раздался изподведерный голос милой дамы:

— Головы поотрываю!

— Налево! — крикнули мальчишки.

А сами прыгнули в разные стороны.

Алиса толкнула дверь, но оказалось, что это окно, забитое досками.

Вместе с досками Алиса буквально вывалилась в сад, как груша, упавшая с дерева.

Но подлые мальчишки не знали, что имеют дело с чемпионкой 59-й московской школы по прыжкам, к тому же неплохой волейболисткой.

Даже падая со второго этажа, Алиса успела ухватиться за ветку дерева, что росло рядом с домом, перепрыгнуть на другое дерево и сползти по стволу на траву.

— Уух! — сказала она. — Так можно и ноги переломать!

Она не успела подняться на ноги, как к ней подбежали два служителя или охранника — кто их разберет. Ее сразу схватили, заломили руки за спину и потащили в дом.

— Больно же! — кричала Алиса. — Не понимаете, что ли?

Ох уж и вертелась она, и кусалась, и царапалась, и бодалась, и брыкалась! Еще неизвестно, на ком было больше синяков — на ней или на двух громадных бугаях.

Охранники затащили Алису в комнату. В комнате были железная койка, ночной горшок и умывальник в углу.

— Теперь ты здесь померзнешь, — проворчал один из охранников, и дверь за ними закрылась.

— Кажется, я в карцере, — сказала себе Алиса. — И это совсем неплохо. Они меня принимают всерьез.

Она села на железную койку и осмотрела свои ссадины и царапины. Ничего

особенного. До завтра заживет.

Теперь надо подготовиться к визиту милой дамы или кого-то из здешнего начальства.

И только она об этом подумала, как засов заскрипел, дверь отворилась, и в ней показался странный человек. Небольшого роста, почти карлик, на первый взгляд молодой, но если приглядеться, то очень старый. У него были черные волосы до плеч, такие черные, каких в самом деле не бывает. Они даже отливали не то синим, не то зеленым цветом, как крылья майского жука. Лицо у человека было белым, почти голубым, словно его стирали и переложили синьки. А глаза оказались черными, как волосы, и тоже переливались зеленоватыми и синими искрами.

— Явилась — как бы не запылилась, — сказал он от двери, не входя в карцер, и захохотал, как мальчишка — весело и громко.

— Жалко, кинуть нечего, — ответила Алиса. — А то бы я тебе в лобешник врезала.

— Очень смешно, — сказал человек. — Я младший учитель как бы пеня. А зовут меня Добрецом. Это и прозвище, и мое, понимаешь, настоящее имя. Правда, смешное совпадение?

— Не вижу ничего смешного, — мрачно сказала Алиса. — Просто глупо.

— Интересная теория. А если я найду, ты как бы драться не будешь?

— Буду.

— Тогда учти, крошка, что я тебе дам как бы сдачи, и как следует. И должен тебе сказать, крохотулечка, это я только на вид такой, понимаешь, некрупный, а на самом деле дерусь так, что слона сшибаю как бы одной левой. Хочешь, тебя сшибу?

— Ну ладно, — сказала Алиса. — Заходи.

Добрец как-то ловко и быстро схватил руку Алисы, завернул за спину так, что согнулась и уткнулась носом ему в колени. А потом младший учитель пеня принялся щелкать ее по затылку, да так больно, что Алиса завопила:

— Кончай, дяденька, я больше не буду! Ну кем мне быть — не буду!

— Умница, соображаешь. А теперь признавайся, понимаешь, это ты ведро кинула в тетю Милую Милу?

— Нет, не я!

— А если как бы подумать?

— Ой, больно!

— Кто, понимаешь, кинул ведро в Милую Милу, нашу добрую сестру-хозяйку?

— Не знаю!

Добрец вздохнул и, набрав воздуха, закричал на весь дом:

— А ну, привести сюда Валеру и Джимми!

Не успела Алиса немного отдохнуть от щелбанов, как в карцер втолкнули двух мальчишек, которые заманили Алису к окну, рассчитывая, что она разобьется.

— Ой! — ахнул один из мальчишек. — Ты живая?

— Молчать! — приказал Добрец. — А теперь скажите мне, кто кинул ведро в тетю Милу?

— Она! — хором ответили мальчишки и уткнули в Алису указательные пальцы.

— Молодцы! — похвалил Добрец. — Всегда, понимаешь, надо уметь продать своего товарища. Охрана, выдать им по лишнему печенью!

Когда мальчишек вывели, Добрец крикнул вслед:

— Да, кстати, я совсем забыл: всыпьте им заодно по двадцать плетей!

— За что? — закричали мальчишки. — Мы же донесли! Мы же наябедничали!

— Но на самом-то деле вы ведро как бы кинули, — рассмеялся Добрец.

Он уселся рядом с Алисой на койку и сказал:

— Ой, жалко мне тебя, понимаешь! Всю ночь на этой железке спать — не позавидуешь.

Но что делать... Вот если ты мне какую-нибудь стоящую как бы тайну выдашь, я тебя выпущу или подушку тебе дам, понимаешь.

Он смотрел на Алису и улыбался, но у него никак не получалась добрая улыбка. Рот все время кривился.

— Не знаю я никакой тайны, — сказала Алиса. — И вообще ты мне надоел, карлик паршивый!

Добрец перестал улыбаться.

Он со всего размаха ударил Алису по лицу. Она даже упала на койку.

А сам Добрец кинулся к двери — испугался все-таки, что Алиса догонит. И захлопнул за собой дверь.

Алиса подумала, что щека теперь наверняка распухнет.

Ну ладно, она ему еще покажет. Недаром она намерена стать самой гадкой, самой подлой и самой вредной ученицей ШКОМЕРЗДЕТА.

Она попыталась заснуть, но было так холодно и койка была такой жесткой, что о сне и мечтать не приходилось. Алиса терпела, терпела, а потом вскочила с койки и стала прыгать и бегать по карцеру, чтобы немножко согреться.

Потом она устала и снова начала засыпать.

И тут же опять проснулась от холода.

Что ж, решила она, придется сдаваться.

Алиса принялась молотить кулаками в железную дверь. Никто не отзывался, но она упрямо продолжала стучать.

Прошло, может быть, полчаса, прежде чем она услышала сонный голос:

— Молчи! А то всю школу перебудишь...

— Дяденька, — взмолилась Алиса жалким писклявым голосом, — выпустите меня! Я замерзла! Вот помру, и никакой вам от меня пользы не будет...

— А вести себя как будешь?

— Как прикажете, дяденька!

— Ладно, иди в спальню.

Дверь отворилась. Толстый охранник выпустил Алису и, посмеиваясь, провел на второй этаж в спальню. Там у стены в ряд стояли двадцать кроватей. Некоторые пустовали. Алиса заняла крайнюю. Легла и сразу заснула.

Глава 16. Уроки подлости

Алису разбудила сирена. Такая пронзительная и занудная, что даже все зубы заболели. Алиса вскочила и не сразу сообразила, где она и что с ней происходит.

На соседних кроватях ворочались, ворчали, натягивали одеяла на голову другие дети. Но эти уловки им не помогали.

Вдоль ряда кроватей проходили два медицинских брата, они же охранники, и сдергивали с детей одеяла.

Потом они согнали детей в стаю и повели в туалет.

С одной стороны туалета стояли ночные горшки, а с другой — умывальники. Мыла не дали, а вместо полотенца были тряпки.

Вам когда-нибудь приходилось с утра попадать в такую комнату?

И не надо!

Потом, кое-как одевшись, ученики ШКОМЕРЗДЕТА побежали в столовую.

Столовая была невелика, стол в ней стоял всего один, длинный, с двумя скамейками по обе стороны.

Дети расселись по скамейкам. Перед каждым учеником стояла чашка с горячим чаем, правда, таким бледным, словно его уже раз пять пили и доливали, и тарелка каши без соли.

Во главе стола сидел Добрец. Перед ним лежала свежая белая булка, стояла чашка кофе с молоком, а на тарелке дымилась яичница с колбасой. Такой же завтрак стоял на другом конце стола, где сидела Милая Мила.

— Если кому-то из вас не нравится еда, понимаешь, — сказал Добрец, — если кто-то хочет как бы бунтовать, выходите из-за стола и покажите свою силу. Ну? Я жду!

Бунтовать никто не захотел.

Ученики были такими голодными, что даже пустой чай и кашу без молока и соли они ели, как пирожные.

Когда дети поели, Добрец сказал:

— Посидите потерпите, пока старшие позавтракают.

Пришлось сидеть. Никто не шумел и не спорил — детей уже успели запугать.

Алиса тоже чувствовала себя неважно.

Хотелось сбежать отсюда подальше. Но нельзя. Надо терпеть. Иначе ей не отыскать Бесфа.

Не успела Алиса придумать, что ей делать дальше, как Добрец поднялся и сказал:

— А ну, понимаешь, пошли на занятия!

Он хлопнул в ладоши, и скамейки, на которых сидели дети, упали. Ну и сами дети, конечно, тоже упали. Некоторые заплакали, а другие принялись ругаться и кричать.

Добрец очень удивился.

— Вы что это на полу как бы разлеглись? — спросил он. — Я же попросил вас человеческим языком — пошли на занятия, понимаешь! И если вы сейчас же не пойдете, я вас как бы выпорю, понимаешь!

При этом он посмеивался, и Алиса сообразила — это он так шутит.

«Раз у вас такие шутки, мы тоже пошутим», — сказала она себе. Поэтому она первой поднялась с пола и побежала за Добрецом. Но остановилась в дверях, а когда мимо нее поспешили другие ученики, она ловко выставила ногу вперед, и первые двое мальчишек — Валера и Джимми — споткнулись и грохнулись на пол.

— Убью! — закричали они.

Но Алиса уже спряталась за портьеру, и мальчишки не смогли догадаться, кто же им подставил ножку.

Они стали спрашивать Добреца, но тот Алису не выдал, а только смеялся и говорил:

— А вы сами догадайтесь, чурбанчики безмозглые!

Он пошел дальше и первым вошел в класс. Класс показался Алисе странным.

Там стояли парты, каких в нормальных школах Алиса и не видывала. Парты были деревянными с откидными крышками. И ни одного компьютера, вы представляете?

Стены в классе были голые, но исписанные всяческими ругательствами и даже неприличными словами.

Зато учительское место было роскошным — мягкое, широкое кресло, почти диван, рядом журнальный столик, на нем бутылка коньяка, бокалы, мандарины и большие желтые груши.

А напротив стояло еще одно мягкое кресло, неизвестно для кого.

Добрец бухнулся в мягкое кресло, вытянул ножки в красных сапожках, потянулся и прикрикнул на детей:

— А ну, быстрее, двигаться, шевелиться! Всех как бы разгоню! Всех уничтожу, понимаешь!

Ученики поспешно расселись по партам. Кто куда.

Добрец внимательно наблюдал за ними, и Алиса поняла: ему интересно, кто куда сядет. Если ты спрятался на задней парте, то, вернее всего, ты не очень смелый и не слишком нахальный. Если ты сел рядом с окном, то, значит, лентяй — любишь в окно глазеть.

Поэтому Алиса сразу пошла к передней парте, первой села за нее и посмотрела Добреду прямо в глаза.

Тот страшно удивился и спросил:

— Ты чего, таракашка?

— А ничего, — ответила Алиса. — Привыкла быть первой. Так сподручнее прыгнуть и вцепиться в глотку.

— Ну-ну, без шуток! — закричал Добрец. — Кому это ты, понимаешь, вцепляться вздумала?

— А кто глотку подставит, тому и вцеплюсь, — ответила Алиса и злобно расхохоталась.

От этого хохота некоторые ученики спрятались под парты.

Добрец усмехнулся.

— Сиди, — сказал он. — Потом с тобой отдельно как бы поговорим. А сейчас начинаем урок.

Добрец обвел взглядом класс и поморщился.

— Народ вы, понимаешь, хлипкий. Вас еще учить и учить. Ну ничего, научим. Для начала как бы познакомимся. Я — ваш любимый преподаватель, воспитатель, надзиратель и надругатель. Вас же собрали по детским домам, с улиц и из неблагополучных как бы семей. От вас все отказались, потому что вы отличаетесь, понимаешь, вредностью и непослушанием. С вами не хотят играть товарищи, и вас не желают учить в школе. Правильно?

— Пра-а-авильно, — нестройно отозвались ученики.

— Вы думали, что как бы ни на что уже не годитесь. Но это не так! Для нас вы,

понимаешь, замечательный строительный как бы материал. Мы всем еще покажем! Мы еще уши оборвем всем, кто вам делал как бы замечания или учил, понимаешь, арифметике. Нет пощады отличникам и умникам!

Ученики радостно загудели. Им эти слова понравились.

— Мы сделаем из вас настоящих как бы мерзавцев! Вы думаете, мерзавец — это плохой человек? Ничего подобного! Мерзавец — это победитель! Знаете, откуда это слово взялось? Так раньше на Земле называли татарских князей. Мирзами их называли. Они как бы никого не слушались и всем рубили головы. Они скакали на лошадях, поджигали, понимаешь, деревни, ели, что хотели, пили, что послаще, и спали на пуховых как бы перинах от ужина до обеда. Хотите стать такими мирзами? Мирзами, понимаешь, мерзавцами?

— Классно! — закричали ученики. — Хотим быть мерзавцами!

— Но для того чтобы стать самыми как бы сильными, наглыми, подлыми хитрецами, вы должны, во-первых, учиться, во-вторых, учиться и, в-третьих, понимаешь, еще и еще раз учиться. Потому что только овладевший всеми знаниями, понимаешь, подлец сможет одолеть отличников и умников!

Ученики захлопали в ладоши. Они даже согласны были учиться и ходить в школу, чтобы потом хулиганить, как им вздумается.

А младший учитель Добрец продолжал:

— Теперь я расскажу вам, чем мы будем заниматься. Сначала вы пройдете как бы курсы воровства и грабежа. Начнем с карманных краж и поглядим, у кого из вас ловкие пальчики, а кому эти пальцы надо будет как бы отломать за ненадобностью. Работать с вами будет сам месье де Покетт, несравненный, понимаешь, мастер-карманник.

Дети обрадовались и сразу принялись лазить друг дружке в карманы.

Добрец остановил эту самодеятельность и заговорил снова:

— Следующий урок — жестокость. Надо будет мучить слабых. Можно начинать с детей, но лучше сначала помучить, понимаешь, кошечек и собачек. Для мучительства вам привезут как бы всякую живность. Вашим инструктором, другом и наставником в этом деле станет Скорпон Матвейч.

Дети снова захлопали в ладоши. Когда они замолкли, Добрец сказал:

— Предупреждаю, перед обедом каждый должен как бы написать донос на своего соседа. Чем лживей будут доносы, тем выше будет, понимаешь, награда. А прежде попрошу вылизать мои сапоги. Вот эта большая, сладкая груша достанется тому, кто как бы постарается лучше всех.

Алиса даже удивиться не успела, как ученики, отталкивая друг дружку, щипаясь и кусаясь, кинулись к сапожкам Добреца и за две минуты вылизали их до подкладки. Только Алиса в этом не участвовала.

Она подождала, пока мальчишки и девчонки совсем передерутся, затем выскочила из-за парты и уселась в кресло напротив Добреца. Потом Алиса спокойно взяла самую большую грушу и надкусила ее.

— Все по местам! — закричал Добрец. — Урок как бы закончен. Пишите, понимаешь, доносы!

Ученики не поняли, в чем дело. Они были недовольны. Кто-то даже проворчал:

— Это нечестно! Мы лизали, а она нашу грушу взяла!

— Все правильно, — ответил Добрец. — Вы старательное как бы дурачье. Так и будете всю жизнь чужие сапоги лизать. А кто поумнее, займет, понимаешь, ваше место и скушает

вашу грушу. Ну как, девочка, нравится тебе груша?

— Жестковатая, — нахально ответила Алиса. — А так ничего.

— А ну, положить плод на место! — завопил Добрец. — Я сам его доем.

Алиса откусила еще один кусок и положила грушу на столик.

Добрец стал доедать грушу и спросил Алису:

— Признавайся, как тебя зовут, с какой ты планеты и из какого города?

— Я с Марса, — сказала Алиса. — Фамилии своей не помню. Зовут Аллой. Не то Аллой Цвай, не то Аллой Драй.

— Смешно, — сказал Добрец. — Врешь и не краснеешь. Но это твои проблемы. У нас ты будешь Аллой Цвай-Драй.

С тех пор в ШКОМЕРЗДЕТЕ Алису называли Аллой Цвай-Драй.

Глава 17. Лучшая ученица

Порядки в школе были строгие, ученики подобрались такие, что не только пальца в рот не кладут, но и кошелек на скамейке не оставляют.

Алиса сразу оказалась в числе первых, но не первой.

По некоторым предметам она успевала лучше всех. К примеру, она лучше всех убегала от полицейских, лучше всех дралась, даже плавала быстрее других. К тому же из Алисы получилась отличная воровка.

Испытания по воровству проводились в специальной комнате, где стояло чучело, увешанное колокольчиками. Сам похожий на чучело, месье де Покетт, который преподавал искусство карманных краж, сказал, что во всех воровских шайках испокон веку так учат начинающих воришек. А один знающий карманник по имени Диккенс целый роман сочинил об этом. Если ты вытащишь у чучела кошелек и ни один колокольчик не звякнет, считай, что тебе обеспечен компот и добавка за ужином. Но если хоть один колокольчик зазвонит, значит, оставаться тебе сегодня без сладкого. Да к тому же тебя еще и выпорют.

Алису два раза пороли, правда, не очень больно. Зато с третьего раза она научилась вытаскивать кошелек совершенно беззвучно.

А вот когда начался урок мучения животных и надо было наступать на муравейник, отрывать у кошек хвосты, бить палкой собак и обламывать козе рога, то Алиса исчезла.

Джимми, который с первого дня ее не выносил, сразу наябедничал Милой Миле. Та побежала к Добрецу, и они решили — вот тут-то мы Аллу Цвай-Драй накажем как следует!

Искать преступницу не пришлось.

Нахальная Алла Цвай-Драй сидела в кафе, перед ней стояли десять порций мороженого, и она их спокойно уплетала.

— Это еще что такое?! — завопила Милая Мила. — Идет урок по мучительству, на котором мы проверяем нервную систему наших учеников, дети получают удовольствие, а ты дезертируешь? Ты что, не хочешь кошкам хвосты отрывать? Тебе что, не нравится муравейники вытаптывать? Не любишь у бабочек крылья оттяпывать? Да мы тебя саму, как бабочку, затопчем! Кто тебе разрешил территорию покидать?

Так кричала Милая Мила.

А Добрец только посмеивался и наблюдал.

Алиса подождала, пока Мила выдохнется, и спокойно сказала:

— А я не дура. Зачем время на пустяки тратить?

— Как так на пустяки?! — возмутилась Милая Мила и хотела было схватить Алису за ухо, но Добрец что-то заподозрил.

— погоди! — сказал он. — Пускай выскажется!

Алиса не стала высказываться. Она просто показала пальцем направо, и они увидели, как по улице несется преподаватель мучительства Скорпон Матвеич, закованный в четыре бронежилета, потому что он страшно боится животных, которых мучит.

— Где она? — кричал он. — Где эта подлюка?!

Добрецу стало совсем интересно.

— И в чем же как бы дело, коллега? — спросил он.

— Она... она... она вытащила у меня кошелек! Она меня ограбила! Я ее сейчас собственными руками растерзаю!

И эта громада в бронежилетах кинулась на Алису.

Даже Милая Мила, подобрав юбки, с визгом кинулась прочь из кафе, а Алисе пришлось совершить сальто и отпрыгнуть далеко в сторону. Она взлетела на стойку и оттуда кинула Скорпону Матвейчу вышитый крестиком кошелек.

— Я оттуда только на мороженое взяла, — сказала она.

— Как ты посмела? — спросил Добрец.

— Меня так научили, — ответила Алиса. — Вы как учили? Воруй всегда, воруй везде — вот лозунг нашей школы!

— А кошкам хвосты рвать тебе как бы не хочется?

— Скучно, — ответила Алиса. — Пустое занятие.

— А воровать не пустое?

— Воровать — выгоду получать, — ответила Алла Цвай-Драй.

— Ну, теперь можно я ее убью? — дождался своей очереди толстый Скорпон.

— И не мечтай, — отрезал Добрец. — Она — моя самая любимая ученица.

— Ты с ума сошел, коллега! — взвизгнула Милая Мила. — Она же ведет себя не по правилам! Она же начальство не уважает!

— Вот именно это меня и забавляет, — ответил Добрец. — Дурачков у нас как бы много. А талантов раз-два и обчелся, понимаешь! — Он повернулся к Алисе и закончил так: — А сейчас на полусогнутых беги в класс, там начинается урок драки до первой крови. И учти, никто тебе пощады давать, понимаешь, не будет.

Алиса спрыгнула со стойки и пошла к выходу. У дверей она обернулась и заметила:

— Я тоже пощады давать не собираюсь.

Добрец смеялся ей вслед своим мягким, добрым смехом старикашки. И Алиса понимала, что в этой школе ей надо бояться именно этого тихого вежливого младшего учителя. С остальными она легко справится.

Но пока все шло как надо.

Кора была бы ею довольна.

Рассуждая так, Алиса дошла до физкультурного зала. Там на небольшом ринге — помосте, обнесенном веревками, — по очереди дрались ученики школы подлецов.

Драка была без правил, и чем хитрее ты одолеешь противника, тем больше компота тебе дадут за ужином.

Алиса сначала стояла и смотрела, как дерутся другие ученики. Дрались они неумело. Драться они учились у себя в подъездах или в детском саду. В лучшем случае что-то подсмотрели в кино. Но, конечно, Алисе они были не соперники.

К Алисе подошел Джимми.

— Привет, — сказал он. — Ты чего с мучительства сбежала? Струсила? Тебя на подвиги не возьмут, учти.

— Глупый, — вздохнула Алиса. — Ну кого это на подвиги берут? На подвиги люди сами ходят, и без разрешения.

— Вот покажут тебе — без разрешения, еще пожалеешь, что такая нахальная выросла!

— А наша школа для нахальных, — сказала Алиса. — А от пай-мальчика мне ничего не надо. Иди гуляй, кушай пирожок!

— Да я тебе сейчас покажу! — Джимми кинулся на Алису с кулаками, но она так ловко отскочила в сторону, что он с размаху врезался в живот Милой Миле. Милая Мила пошатнулась, но не упала, а ударила крепким кулачком Джимми по затылку.

Так ударила, что он грохнулся на землю.

— Ах, — прошипел он, — извините меня, я нечаянно.

— Это мы еще проверим, — сказала Милая Мила.

Алиса вернулась к рингу.

Валера с лживым мальчишкой Стриси возились посреди ринга. Оба устали и никак не могли сообразить, как бы победить противника.

Судья — а на ринге был самый настоящий судья — скучал, а потом даже вынул из кармана журнал и принялся его читать.

— Гони их с ринга! — приказал Добрец. Судья пинками согнал на пол драчунов. Тогда на ринг вылез Джимми и спросил:

— Можно я этой Цвай-Драй накостыляю?

— А она девчонка! — крикнул Валера. — Девчонкам все-таки не стоит костылять.

Милая Мила очень на него рассердилась.

— Что же это получается? — спросила она. — Ты еще жалеть кого-то будешь? А ну — в угол, на горох! Если не перевоспитаешься, вылетишь из школы, с голоду помрешь под забором! И заруби себе на носу: если надо бить, то начинай с девчонок. Они слабее. Их легче бить, чтобы не получить сдачи.

— Ну как, не боишься? — спросил Алису Добрец.

Весь он был такой остренький — хохолок на головке, бородка клинышком, усики торчат, как у кота, черные волосы до плеч.

— Не боюсь, — ответила Алиса. — Только одно условие: если я его поколочу, мне будет награда.

— Ну как? — Добрец обернулся к Милой Миле. — Пойдем навстречу как бы ребенку?

— Ох, не люблю я потакать хулиганам, — вздохнула Милая Мила. — Но что делать, если она — твоя фаворитка?

Слово «фаворитка» Алисе было знакомо, но не очень. Наверное, это что-то вроде любимицы.

Алиса пролезла под канатом на ринг. Джимми уже прыгал посреди ринга, как настоящий боксер, и махал кулаками перед носом.

— А боксерские перчатки нам дадут? — крикнул он.

— Обойдешься! — откликнулся Добрец.

К рингу стали подходить другие ученики. Они еще не видели боя мальчишки с девчонкой.

Джимми никто в школе не любил — уж очень он был вредный, но и Алису тоже не жалели. В этой школе никто никого не жалел.

Алиса решила, что не будет колотить Джимми руками. Еще пальцы о него разобьешь! Ведь бой без правил.

Поэтому, когда Джимми кинулся на нее, махая кулаками, Алиса сделала маленький шагок в сторону и выставила вперед ногу.

Как и следовало ожидать, Джимми потерял равновесие и рыбкой полетел к канатам.

— Это нечестно! — завопил он, поднимаясь.

Но все хлопали Алисе и поддерживали ее. Только учителя — Милая Мила и Добрец — ни слова не сказали.

Тогда Джимми поднялся и снова кинулся на Алису.

К сожалению, он ничему не научился.

Через пять секунд он опять лежал на животе, уткнувшись носом в пол.

— Ах так?! — закричал он. — Ну, я тебе покажу!

Он спрыгнул в зал, схватил деревянный табурет и со всего размаха ударил им об пол.

Табурет рассыпался, и в руках у Джимми осталась деревянная ножка.

Джимми замахнулся ножкой табурета и снова залез на ринг.

Алиса его уже ждала. С такими мелкими хулиганами девочке с Земли справиться нетрудно.

Добрец вдруг сложил правую руку в кулак, а большой палец отставил и указал им вниз.

Алиса удивилась. Видно, Добрец подсмотрел в земном историческом фильме, что так делали зрители на боях гладиаторов в Древнем Риме. Когда один из гладиаторов падал на арену, то второй смотрел на трибуны. Если зрители показывали большим пальцем вниз, он вонзал в побежденного противника кинжал. А если вверх, то сохранял ему жизнь.

А тут школьный учитель показывает девочке — добей его!

Ничего себе, нравы в ШКОМЕРЗДЕТЕ!

— Ну что ж, — сказала Алиса, — пришел твой последний час, хулиган и доносчик!

Она подпрыгнула так высоко, что сжала пятками уши Джимми и дернула к себе.

Джимми выронил ножку от табуретки и бухнулся носом на ринг.

— Нормально? — спросила Алиса. Ведь она была испорченной, злой девочкой.

— Нормально! — закричали зрители. И даже Милая Мила.

Джимми с трудом поднялся. Из носа у него текла кровь, и все начали над ним смеяться. А когда он снова схватил палку и сделал вид, что не сдастся, в зале поднялся такой хохот, что отважный негодяй Джимми убежал с ринга. Пока он пробивался через толпу зрителей, только ленивый не отвесил ему щелбана.

— Есть еще желающие честно сразиться с Аллой Цвай-Драй? — спросил Добрец. Никто не вызывался.

— Тряпки! — обозвал своих учеников Добрец. — А тебе, Алиса, полагается как бы наградное пирожное. Принести наградное пирожное!

Он хлопнул в ладоши, и ухмыляющийся подлой улыбкой Скорпон Матвеич вошел в зал, неся перед собой тарелку, на которой лежало красивое пирожное.

Он протянул тарелку Алисе.

Алиса подошла к краю ринга и взяла тарелку.

— Ешь! — закричал Добрец.

Алиса почувствовала неладное. Пирожное явно было с каким-то гадким секретом.

— Открой ро-о-отик! — пропела Милая Мила.

Алиса внимательно посмотрела на пирожное и сразу же поняла, в чем дело.

Она легко перепрыгнула через канаты, в один прыжок добралась до Милой Милы и перевернула тарелку ей на голову. Да еще и нажала, чтобы пирожное раздавилось.

Не забывайте, что Алиса должна была изображать **ОЧЕНЬ ИСПОРЧЕННУЮ ДЕВЧОНКУ**. Иначе бы ее там просто уколошили. Но надо признать, что в ШКОМЕРЗДЕТЕ она хулиганила с удовольствием.

Алиса отпрыгнула подальше, чтобы учителя не смогли ее схватить, и все увидели, как из раздавленного пирожного выскочила целая стая тараканов. Тараканы побежали по волосам, щекам, плечам, груди, рукам и прочим членам тела Милой Милы.

— Так вы кормите меня? — закричала Алиса.

— Это шутка! — в ответ закричал Добрец. — Где твое чувство как бы юмора, дорогая девчушка?

— Это не шутки! — вопила Милая Мила. — Я тут всем головы поотрываю!

При этом она прыгала, плакала, пищала, верещала и старалась сбросить с себя тараканов.

— Ваше счастье, — крикнула Алиса от дверей, — что там были тараканы, а не скорпионы!

— Догони ее! — закричала Милая Мила Скорпону, и Алисе пришлось удирать.

Она кинулась прочь из зала, пробежала через двор школы и влетела на кухню.

Посреди кухни на табуретке сидел худой повар и поварешкой черпал из кастрюли суп.

— Где выход? — закричала Алиса.

— Не отвлекай, — ответил повар.

Алиса выхватила у него кастрюлю и кинулась назад. Скорпона еле увернулся. Алиса успела нырнуть в подвал.

Там ее не нашли.

Глава 18. Алиса подслушивает

В ШКОМЕРЗДЕТЕ Алису побаивались. Там собрались не сахарные детишки, но такой отпетой хулиганки, как Алла Цвай-Драй, им встречать еще не приходилось. А девочки в школе подчинялись ей как командиру, потому что она никому не давала их в обиду.

Если мальчишек готовили к полетам и приключениям, к взрывам исподтишка и убийствам в спину, то девочки должны были после школы становиться отравительницами, воровками, тихими предательницами и наушницами.

Алиса была как мальчишка: любого могла положить на обе лопатки, кого угодно могла обогнать и победить в бою на палках и крючках. Но к тому же она, как девчонка, умела запечь в пирожное гвозди, зашить подружке ротик и приготовить суп из касторки.

Милой Миле не нравилось, что Алису слушаются больше, чем ее саму. Но Добрец следил, чтобы добрая сестра-хозяйка невзначай не придушила девочку и не подсыпала ей в компот яда. Алиса слышала, как он предупредил Милу и Скорпона, который тоже не выносил Алису после того, как она украла у него кошелек. «Если хоть волос как бы упадет с головы нашей мерзопакостной девицы, — сказал он, — я доложу, понимаешь, кому следует, и вам тоже голов не сносить!»

После такого предупреждения маленький Добрец ушел, а Мила со Скорпоном еще долго ворчали.

— Да кто он такой, — возмущалась Милая Мила, — чтобы нами помыкать?! Какое право он имеет командовать?! Мы не хуже его!

— Конечно, ты права, Милка, — отвечал Скорпон, — только я подозреваю, что этот мелкий Добрец имеет выход к уху самого высокого начальства. Он мастер наушничать и сплетничать. Не хочу рисковать. Пускай эта Цвайдрайка пока поживет. Ведь мы же сами добиваемся, чтобы наши ученики выросли подлецами. А как попалась нам суперподлая девчонка, ты уже недовольна.

Милая Мила фыркнула и ничего не ответила. Алиса поняла, что если ей доведется стоять рядом с сестрой-хозяйкой у обрыва, Мила не пожалеет сил, чтобы столкнуть ребенка в пропасть.

А когда Скорпон пошел прочь, Милая Мила крикнула ему вслед:

— И вообще мне эта девчонка не нравится! Может, она только притворяется подлой, а в самом деле ее к нам заслали!

— Да что ты несешь, кума?! — возмутился Скорпон. — Кто ее мог заслать? Никто на свете и не подозревает о нашей школе.

— А вспомни: когда надо было животных мучить и муравьев топтать, она сбежала?

— И не напоминай! — ответил Скорпон. — Я до сих пор не могу спокойно вспомнить, как она меня обокрала! Десять порций мороженого за мой счет! Конечно, ей было не до муравьев и кошек. Воровка!

— А вдруг притворялась?

— Кошелек-то был настоящий!

— А урок по пуганию помнишь?

— По чему?

— Есть у нас такой предмет — ты не знаешь, — называется «пугание». Ты должен пойти на кладбище, утащить там из могилы костяную руку или череп, а потом ночью забраться в спальню к какому-нибудь ребеночку или бабусе и испугать их до смерти. Наши

ученики этот урок очень любят. А что твоя Алла Цвай-Драй сделала?

— Помню! Она бегала по кухне, опрокинула котел с компотом, и вся школа осталась без сладкого. За это ее сунули на день в карцер. И правильно сделали!

— Вот именно! Отсиделась в карцере, а пугать до смерти никого не стала... Тут что-то неладно.

Милая Мила вздохнула и потопала прочь.

Алиса, которая слышала этот разговор, подумала: надо быть поосторожнее. Вот ее уже Мила подозревает. А если ее сейчас разоблачат, то ей никогда не добраться до Бесфа и галактике грозит гибель.

И именно в этот момент для Алисы начались самые трудные испытания.

Потому что по коридору шел сам Добрец. Он заглядывал в двери классов и комнат и рывкал, как тигр, — пугал тех, кто там сидел. Так он развлекался.

Он пробежал трусцой мимо Алисы, потом вдруг остановился и не оборачиваясь крикнул:

— Ученица Цвай-Драй, явитесь ко мне в кабинет. Немедленно или как бы выпорю! Ха-ха-ха!

Алиса пошла в кабинет Добреца.

Это был очень странный кабинет для учителя школы юных мерзавцев.

Вместо письменного стола там стояла длинная скамья наказаний с петлями, чтобы привязывать к ней провинившегося ученика, когда его пороли. Рядом притулился кривобокий шкафчик, на котором в пустой банке из-под пива стояли васильки. А по полу были разбросаны подушки, вышитые цветочками.

— Садись, — сказал Добрец. — Рядом со мной. И ничего не бойся.

Он сел на скамью наказаний, обнял Алису за плечи принялся шептать ей на ухо:

— Ты меня боишься, опасаясь, думаешь: «Ах, какой строгий дядя учитель, как он нас всех наказывает!» Ты меня боишься и как бы трепещешь! Правильно?

— А вот и неправильно, — сказала Алиса и скинула руку учителя со своего плеча. — Никого я не боюсь.

— А почему же ты тогда к нам в школу, понимаешь, пришла?

— А я не сама к вам пришла. Меня притащили.

— А почему не убегаешь?

— Здесь кормят.

— Ты бы везде прокормилась.

— Здесь я научусь, как моим врагам головы поотрывать, — сказала Алиса.

— Нельзя так грубо говорить, — вздохнул учитель. — Ты ведь девочка, понимаешь, хрупкое существо, одуванчик. За такие слова тебя как бы и придушить могут.

— Пусть только попробуют, — сказала Алиса.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Добрец. — Ты не такая плохая, как притворяешься. И это меня как бы смущает.

— Ну и пускай смущает.

Добрец замолчал и засопел. Алиса почувствовала, что он думает, как бы ее, Алису, перехитрить. Сейчас будет обманывать!

— Мне кажется, что ты думаешь: «Перехитрю-ка я этих дураков!» — сказал Добрец.

— А зачем? — спросила Алиса.

— Может, обокрасть нас хочешь?

— Может быть.

— Ты не шутишь?

— Может, и шучу.

— Ты шути, шути, хорошая моя. А потом я попрошу тебя сделать для нас как бы одну вещь.

— Какую вещь?

— Надо помочь хорошим людям.

Сказал и замер. Как она ответит?

Алиса знала, как надо ответить.

— Еще чего не хватало, хорошим людям помогать! — воскликнула она и вскочила со скамьи наказаний. — Пусть они все чумой заболеют или коклюшем! Пускай они костью рыбьей подавятся! Не нужны мне ваши хорошие люди! Ненавижу хороших людей!

— Вот и замечательно! — почему-то обрадовался младший учитель Добрец. — Иди, девочка, как бы играй, до обеда еще время осталось. Только не дерись, понимаешь, не дерись, не обижай слабых!

Алиса побежала прочь. Ей хотелось спрятаться от этого Добреца. Потому что ее заманивали в ловушку, но непонятно в какую.

Алиса добежала до поворота и спряталась за углом. Потом осторожно выглянула.

Учитель Добрец мелкими шажками спешил к учительской.

И тут же она увидела, что к учительской топают и Скорпон.

У Алисы появилась идея.

Она забежала в пустой класс, открыла окно и выпрыгнула со второго этажа во двор. Во дворе мальчишки играли в футбол, но, увидев Аллу Цвай-Драй, на всякий случай подхватили мяч и умчались подальше.

Алиса обогнула дом. Перед окном учительской росло старое, развесистое дерево.

Алиса оглянулась. Никто за ней не наблюдал.

Она быстро вскарабкалась по стволу. Потом выбрала сук потолще, который тянулся к стене дома. Отсюда через листву ей было хорошо видно, что происходит в учительской.

Там уже собрались все учителя. Некоторых Алиса видела только мельком, а другие были ей хорошо знакомы: Милая Мила, де Покетт, Скорпон и, конечно же, Добрец.

Он и говорил:

— Первый этап обучения как бы завершен. Что нам надо было узнать? Нам надо было узнать, кто из учеников на что, понимаешь, годится. Какие будут мнения?

Первым выступил Скорпон.

— Народ в классе разный, большей частью никуда не годится.

— Это правильно! — поддержал его Добрец.

— Есть один паренек — Джимми. Злой, просто жуть! Потом Михрютка, он лучше всех по карманам лазает.

— А Василиск пятьдесят раз подтягивается, — сказала незнакомая Алисе учительница. — И он красивый мальчик.

— А Марковья ругается лучше всех. Ужасные слова знает. Я видела, как мухи на лету дохли, стоило ему лишь рот раскрыть. А у меня сразу же начинается приступ тошноты, — призналась Милая Мила.

— Конечно, я здесь не главный, — тихо сказал Добрец, когда шум в учительской немного утих, — но я бы выделил из учеников Аллу Цвай-Драй. Давайте как бы

рекомендуем ее для спецзадания.

Наступила тишина.

Потом Милая Мила твердо сказала:

— И не мечтайте! Я ее ненавижу!

— Утопить ее надо, как щенка, — добавил Скорпон. — Когда я мальчиком был в одном маленьком городке, меня всегда звали, если надо было котят или щенят утопить. Ох и любил я это дело!

— Что-то я вас, коллеги, не пойму, — нахмурился Добрец. — Вы чего-то не понимаете. Вы разве обычных детей воспитываете?

— Нет, конечно, мы понимаем! — вспыхнула Милая Мила. — Но ведь такая хулиганка, как Цвай-Драй, никого не слушается. Она ни одного задания выполнить не сможет, только дело погубит! Как ей можно довериться, если она или в Галактическую полицию побежит, или нас всех отравит?

— А мы сделаем так, что она никого не отравит, — сказал Добрец. — Пора нам в наших деточек внедрить как бы любовь к великому делу и лично к господину Бесфу, понимаешь. Да здравствует господин Бесф!

Тут все учителя хлопнулись на колени и стали долдонить:

— Да здравствует, да здравствует наш великий, наш любимый!

— Итак, Милочка, — сказал Добрец, — сегодня перед ужином раздашь всем детишкам любовь к начальству.

— Давно пора! — проворчала Милая Мила.

— Тогда расходимся, — сказал Добрец. — Занятия как бы продолжают. Займитесь с детьми маскировкой. Они должны, понимаешь, уметь подбираться к вражескому объекту так, чтобы ни одна собака их как бы не почуяла.

Учителя разошлись.

Алиса быстренько спустилась с дерева и побежала в класс.

До ужина они ползали, прыгали, ходили на цыпочках и лазили на отвесную стенку. А перед ужином Скорпон сказал:

— Должен сообщить, что на нас надвигается эпидемия свинки. Очень опасная болезнь. Возможны смертельные случаи. Нам вас жалко, дорогие крошки. Мы купили для вас безумно дорогое лекарство, нам пришлось отказывать себе в самом необходимом. Так что попрошу вас пить лекарство до дна, но не больше, чем дали. У других не отнимать, девочек не обижать.

— А что, оно сладкое? — спросил Джимми.

— Попробуешь — узнаешь, — ответил Скорпон. — Пошли в медицинскую комнату. Там квалифицированный доктор каждому даст его дозу лечебного компота.

«Вот оно! — поняла Алиса. — Это какое-то вредное средство, которое сделает меня рабой. Что делать? Бежать?»

Но нельзя же выдать себя врагам.

Вместе со всеми Алиса пошла в медицинскую комнату.

Дверь в комнату была открыта. Ученики по очереди входили туда, и сидевшая за столом в белом халате Милая Мила давала им чашки с какой-то жижей, а потом записывала имя в тетрадь.

Первым вошел здоровый, но глупый парень по прозвищу Василиск. Все стали заглядывать в дверь.

Василиск выпил лекарство, облизнулся и спросил:

— А добавки можно?

— Пошел отсюда! Следующий!

Василиск вышел из комнаты. И все стали спрашивать, вкусно ли?

— Я бы еще принял! — заявил Василиск. — Славный народ наши учителя. Люблю их всех без исключения!

Алиса обернулась к Валере и спросила шепотом:

— Меняться будешь?

— Как меняться?

— Я тебе дам свою чашку лечебного компота, а ты мне за ужином котлету отдашь.

— А я котлету тоже хочу, — сказал Валера.

— Как хочешь, — пожала плечами Алиса. — Котлета еще когда будет, а компот — вот он. Не хочешь, я Марковье дам.

— Что дашь? — оживился толстый Марковья.

— Ничего! — злым шепотом ответил Валера. — Помолчи!

— Договорились? — спросила Алиса.

— Ясное дело! Только чтоб всю чашку!

— А ты быстро пей, чтобы Мила не заметила.

Они вошли в комнату. Мила наливала всем из бутылки. Подошла очередь Алисы. Мила налила чашку, протянула ее Алисе и стала записывать в тетрадь ее фамилию.

Ловким движением Алиса передала чашку Валере, который незаметно нагнулся и одним глотком выпил жидкость.

— Здоровско! — сказал он.

— Алла Цвай-Драй, правильно?

— Правильно, — сказала Алиса, забрала пустую чашку у Валеры и протянула ее Милой Миле.

Та подозрительно заглянула в чашку и спросила:

— Ты все выпила?

— А я видел! — прошипел Василиск, который еще не вышел из комнаты.

Но договорить он не успел, потому что Алиса как молния набросилась на него и сбила с ног.

— Ой! — закричал Василиск. — Молчу!

— Убирайтесь вон! — приказала Мила. — А то останетесь без ужина!

Алиса выбежала из комнаты. По дороге она еще раз так стукнула Василиска по шее, что он вылетел в коридор.

— Еще раз пасть откроешь, — предупредила Алиса, — пожалеешь, что дураком родился.

Василиск замахал руками и забубнил:

— Я ничего не слышал, ничего не видел, ничего никому не скажу!

И убежал.

А Алиса пошла гулять в сад. «Посмотрим, — сказала она себе, — что будет завтра».

Но все стало ясно уже вечером.

После ужина никто из учеников не ушел из столовой. Все сидели на своих местах и смотрели на Милую Милу, Добреца и Скорпона.

— Слушайте, бандиты, — сказал Добрец. — Пора спать. Завтра трудный как бы день.

Экзамены на носу, к практике, понимаешь, готовиться будем. Быстренько, быстренько, побежали!

— Ах, простите, учитель, — произнес Василиск, — но нам так жалко с вами расставаться!

— А вы такая красивая, Милая Мила! — сказал Джимми.

«Ну и ну, — подумала Алиса. — Как действует их средство! Хорошо я сделала, что уговорила Валеру. Но теперь ни в коем случае нельзя напоминать ему о сделке. А то он проговорится кому-нибудь, что Алиса лекарства от свинки не принимала».

Видно, что-то в Алисе насторожило Добреца, потому что он вдруг спросил:

— А ты, Алла Цвай-Драй, что думаешь по этому поводу? Нравлюсь я тебе?

— Ой, как нравитесь! — воскликнула Алиса и спрятала лицо в ладошках, словно застеснялась.

— Чего же ты свою физиономию кривишь? — не поверил Добрец.

— Мне еще никогда ни один мальчик так не нравился!

Добрец расхохотался.

— Правильно! — сказал он. — Так держать, Алка! Любите своих учителей, слушайте их во всем! Вырастете, понимаешь, — станете великими разбойниками или даже королями. А теперь все по очереди подходят и целуют нам как бы руки!

Алисе тоже пришлось поцеловать руку Добрецу.

«Ничего, — подумала она. — Главное умение разведчика — терпеть! Вот я все и вытерплю».

Глава 19. Кто полезет в вулкан?

Добрец вызвал Алису к себе в кабинет.

Дело было к вечеру, занятия уже кончились Дети утомились, но все были полны любовью к учителям. Поэтому они толпились во дворе и нестройным хором пели:

*Мы раньше думали, что все учителя
Тираны, деспоты
И мучители.
Простите, были мы непочтительны!
Вы очень добренькие учителя!
Ах, очень добренькие учителя!*

Добрец стоял у окна, смотрел на выпускников ШКОМЕРЗДЕТА и улыбался, почесывая усики.

— Ну как, рада ты меня как бы видеть? — спросил он. — По большому счету, понимаешь?

— Ой как рада! — ответила Алиса, которая не забывала, что Добрец — большой хитрец и всегда за ней наблюдает.

— Тогда садись на скамейку наказаний, и я тебя не буду наказывать. А поговорю с тобой по-дружески, понимаешь.

Алиса села, как пай-девочка, ручки сложила на коленках и смотрела учителю прямо в глаза. Настоящая отличница.

— Завтра ваш класс, не весь, конечно, а только лучшие из лучших, достойнейшие из достойнейших, как бы самые мерзопакостные — ха-ха-ха! — ученички отправляются на практику, понимаешь.

Добрец вынул из кармана конфету в желтой обертке, фыркнул на нее, чтобы сдуть пыль, и протянул Алисе.

— Ты — моя надежда, — сказал он. — Отличница моя. Готова ты как бы жизнью пожертвовать ради меня лично и нашего как бы дела?

— Хоть сию секунду! — ответила Алиса.

— А ты кушай конфету, кушай. Не отравишься, ха-ха-ха!

Алиса побаивалась есть конфету — а вдруг туда тоже что-то подсунули, чтобы Алису поработить?

Но Добрец не спускал с нее глаз. Алиса сняла фантик, сунула конфету в рот, а потом спросила:

— Куда можно фантик выкинуть?

— Видишь корзинку?

— Вижу.

Алиса понесла обертку в угол, а когда кидала ее в корзину, отправила туда же и конфету. Потом сделала вид, что грызет конфету, и сказала:

— Вкусно.

— Вот именно! — обрадовался Добрец. — И такие конфеты ты будешь жевать каждый день по три раза, а может, и пять раз, так богато ты будешь жить. Ты счастлива?

— Еще как! — ответила Алиса.

— Тогда слушай. Есть возможность сделать гадость плохим людям. Хочешь?

— Еще как!

— Есть одна планетка. Называется Изора. Слышала о такой?

Алиса отрицательно покачала головой, хотя сердце у нее забилось. Неужели план Милодара удался?

— Там есть один паршивый вулканчик. Его хозяева продают землю и воздух несчастным как бы беднякам. Дерут с них, понимаешь, по три шкурки. А на других планетах люди как бы помирают от холода. Как ты к этому относишься?

— Плохо отношусь, — призналась Алиса.

— Дело простое. Ты справишься. Надо пробраться как бы к вершине этого вулкана и кинуть в него, понимаешь, ма-аленький приборчик! Тогда этот вулкан зашипит и погаснет. А его тепло станет нашим. Сделаешь это для меня?

— Я для вас, господин Добрец, что угодно сделаю, — сказала Алиса. — А что, если этот вулкан пыхнет, и от меня один пшик останется?

— Не исключено, — ответил Добрец. — Даже как бы вполне возможно. Но тогда ты погибнешь за великое дело — за дело повелителя вселенной генерала Бесфа!

— Но я не знаю никакого Бесфа!

— Никто не знает великого Бесфа! — воскликнул маленький учитель. — Он живет, понимаешь, в Серой дыре на железной планете в мраморном дворце со всеми удобствами. Никто его не видел и никто с ним не говорил.

— И вы тоже не видели?

— Что ты! Кто позволит мне, простому как бы младшему учителю, лицезреть такую знаменитую величину?!

— Ой, а я бы хотела лицезреть! — сказала Алиса.

— Зачем он тебе? — спросил Добрец. Он весь напрягся, глаза стали почти белыми от злости.

— Хочу лицезреть знаменитую величину! — капризно повторила Алиса.

— Вот если выполнишь задание нашей школы, сдашь экзамен на мерзозрелость, может быть, тебя допустят пред очи нашего повелителя.

— Ну что же, — сказала Алиса, — как скажете, мой любимый учитель.

Добрец улыбнулся. Видно, подозрения его покинули.

— Так бы с самого начала! Тебе меня достаточно, без всяких, понимаешь, знаменитых величин.

— А когда вулкан погаснет, — спросила Алиса, — что будет?

— А когда вулкан погаснет, мы перетащим его как бы энергию на нашу планету и подарим ее повелителю генералу Бесфу. Для этого над вулканом будет прятаться в облаках наш боевой корабль. И как только ты кинешь в жерло вулкана аппаратик, вся его энергия улетит в небо, и ее впитает в себя, понимаешь, наш корабль. Но ты этого уже не увидишь. Ты будешь далеко.

— А почему вы выбрали меня, учитель? — спросила Алиса.

— Очень просто. Ты как бы лучшая у нас ученица. Нам нужна девочка, которая сможет забраться в такое место.

— А остальные ученики?

— А остальные ученики будут изображать как бы школьную экскурсию, которая будет

взбираться на вулкан, а потом они задержат каждого, кто захочет тебя догнать и обезвредить.

Алиса подумала и сказала:

— Нет, не полезу.

— Почему?

— Потому что я бандитка и мерзавка, но не дурочка.

— Кто же говорит, понимаешь, что ты дурочка?

— Не буду за просто так жизнью рисковать.

— Но ты же любишь меня?

— Люблю, но себя люблю больше.

Добрец задумался, почесал висок и произнес:

— А чего хочешь за то, что полезешь на вулкан?

— Ничего особенного. Я хочу увидеть самого знаменитого, великого генерала Бесфа.

Пусть он лично мне пообещает, что я вернусь оттуда живой и здоровой.

— Этого еще не хватало! Да ты понимаешь, какой он великий?!

— А иначе я бы не стала этого и требовать, — ответила непочтительная Алиса.

— Знаешь что, — сказал тогда учитель, — давай сделаем наоборот. Ты штучку в вулкан как бы кинешь, а уж потом великий и знаменитый Бесф тебя примет, поговорит с тобой, может, даже, понимаешь, подарок сделает.

— Нет, — решительно сказала Алиса. — Откуда мне знать, вернусь я из вулкана или не вернусь. Сейчас увижу — завтра пойду!

— Надо, понимаешь, посоветоваться, — вздохнул Добрец.

— Советуйтесь, у вас космосвязь под рукой.

Неужели получится? Видно, она и в самом деле им нужна.

Добрец поднялся и пошел к дверям, потом остановился, вздохнул и сказал:

— Нет, не получится. Не согласится он разговаривать с простой, понимаешь, девчонкой.

— Я не простая девчонка, — возмутилась Алиса. — Я страшно испорченная, драчливая и смелая.

— Ну как я смогу ему это объяснить? Я же человек, понимаешь, маленький. А вдруг он прикажет меня как бы казнить?

И Добрец утер непрошеную слезу.

«Как он боится повелителя, — подумала Алиса. — Может, и в самом деле лучше с ним не встречаться?»

— Ну ладно, — сказала она. — Не надо никуда ходить. Пускай вместо меня в вулкан лезет кто-нибудь другой.

— Кто же? — удивился учитель.

— Василиск. Он сильный.

— Но он же не сможет спуститься в жерло по канату. Он, понимаешь, струсит.

— Наверняка струсит, — согласилась Алиса.

— И грохнется со страху как бы в вулкан. А нам он еще пригодится. Из него отличный громила вырастет.

— Тогда Валеру пошлите.

— Что ты говоришь, Алла! Чтобы попасть в самое, понимаешь, жерло, надо перепрыгнуть через трещины шириной как бы в три метра. Разве это Валере по плечу?

— А Джимми?

— Джимми — хвастунишка. Все они славные как бы негодяи, предатели и убийцы из-за угла. Но доставить, понимаешь, штучку в жерло действующего вулкана — задача как бы не для них. Ты легкая, прыгучая и ничего как бы не боишься. И из любви ко мне ты это сделаешь.

— Из любви — сделаю, — согласилась Алиса. — Если вы мне своего шефа покажете.

— И чтобы после этого никаких кривляний! А то я тебя собственными когтями, понимаешь, растерзаю.

Добрец показал Алисе свои руки. Ногти на руках были длинные, нестриженные, но такими никого не растерзаешь, разве что только воробья, да и то если тот не будет сопротивляться.

Ждать пришлось долго. Видно, Добрецу стоило немалых усилий связаться с Бесфом.

Наконец он вернулся.

— Тебе повезло, — сказал он. — У нашего повелителя как бы хорошее настроение. Он согласился уделить тебе две минуты. Ни секундой больше. Наш шеф, понимаешь, страшно занят. Идем.

— Куда?

— В Центр космической связи. Не отсюда же с ним разговаривать!

Добрец повел Алису по коридору, потом по узкой, невзрачной, обшарпанной лестнице вниз.

— Все ремонт собираемся сделать, — сетовал Добрец, — да денег никак не наберем. Экономия!

— А вы и скажите вашему генералу об этом.

— Ни в коем случае! — испугался Добрец. — А вдруг он рассердится и меня как бы уволит?

— Хотите я сама ему об этом скажу?

— Ой, не надо! Он же мудрый, как змей. Он догадается, кто тебя подговорил. И тогда-то уж наверняка меня выгонят как бы на пенсию. А я мог бы еще столько вредного, понимаешь, сделать! Столько гадостей! Меня беречь надо как ценного и как бы опытного специалиста!

Они вошли в подвал. Добрец включил свет.

В подвале было несколько экранов, компьютеры и два кресла. В одном из кресел расположился довольно старомодный робот.

— У-12, — сказал Добрец. — Руководит связью. А я, понимаешь, пошел.

— Куда?

— При связи с его величеством Бесфом не должно быть как бы свидетелей. Садись в свободное кресло, садись, не бойся...

Глава 20. Разговор с генералом

Алиса уселась в кресло. Кресло оказалось удобным, мягким, оно чуть откинулось назад.

— С каким сектором выходим на связь? — спросила она у робота.

— Я выполняю указания руководства, — ответил робот скрипучим голосом, подобно роботам в старинных фантастических фильмах.

— Правильно, — сказала Алиса. — Так и надо делать. Но мне еще надо будет туда полететь, к господину Бесфу. Он меня ждет. А сколько туда лететь, я забыла.

— Как жаль! — проскрипел робот. — И у меня нет таких сведений.

— Ты обманываешь меня!

— Я не могу обманывать человека, — сказал робот. — Но...

— Что ты хотел сказать? Почему замолчал? Признавайся!

— Но я могу утаить информацию, если ее у меня не просят.

— Ты утаил от меня место, где находится господин Бесф?

Робот хотел ответить, но тут в нем загорелся красный огонек, послышалось жужжание, что-то щелкнуло, и робот принялся тупо повторять:

— Ждите ответа... ждите ответа... ждите ответа... нет ответа... нет ответа... не будет ответа...

— Ясно, — сказала Алиса. — Тебя прищучили.

Робот говорил все тише, его пластиковые пальцы летали над пультом, налаживая связь с тем местом, где прятался страшный генерал Бесф.

Внезапно большой экран над пультом загорелся, и по нему побежали полосы. Видно, Бесф был так далеко от Алисы, что никакая аппаратура не могла наладить с ним идеальную связь.

Когда же полосы пропали и роботу удалось наладить связь, то оказалось, что этот самый Бесф сидит на широком троне, на голове у него небольшая корона, лицо закрыто маской бегемота, а одет он в широкую желтую мантию, расшитую черными звездами.

— Меня предупредили, — заговорил Бесф. — Меня предупредили, что одна девочка с Земли, правда, отличница моей школы, мечтает припасть к моим ногам и трепеща задать мне как бы несколько вежливых вопросов. Правильно ли я понял тебя, моя как бы крошка?

Голос у генерала был низким, грубым, совершенно незнакомым.

Как выманить из него правду? Как узнать, где он прячется?

— Говори! — прогудел Бесф.

— Мне велели, — сказала Алиса, — спуститься по канату в жерло действующего вулкана. А это очень опасно.

— Значит, зря тебя учили в школе, — вздохнул Бесф. — Я-то надеялся, что из тебя подготовили настоящую, понимаешь, авантюристку.

— Может, и подготовили, только мне непонятно, зачем это нужно?

— Совсем не объяснили?

— Учитель Добрец сказал, что тепло и энергию этого вулкана надо отнять у плохих людей этой планеты и отдать бедным, но благородным людям на другой планете. С каких это пор наш учитель Добрец стал заниматься добрыми делами?

— Скажи, — спросил генерал, — ты любишь учителя Добреца?

— Конечно, люблю, — ответила Алиса. — Мы все его любим. Я думаю, что он лучше всех на свете.

— Любопытно, любопытно. Значит, мы любим учителя, но не верим ему и не понимаем, зачем все это затевается? Правильно я понял?

— Правильно, — подтвердила Алиса.

— А ты хочешь как бы правду узнать?

— Для этого я и хотела поговорить с вами.

— Учти, не исключено, что тебя скоро убьют. Потому что ничего не знать — плохо. Но знать лишнее — это куда хуже и как бы опаснее для жизни, — произнес генерал Бесф.

— И все-таки я хочу знать правду!

«Хоть бы он снял на минутку маску! — подумала Алиса. — Я бы его лицо увидела и запомнила».

— Правду? Хорошо, я расскажу тебе правду, — сказал генерал, — но правда эта будет совсем не такой, какой ты ожидаешь.

— А какой? — спросила Алиса.

— Эх, не хочется мне тебе об этом рассказывать, — вздохнул Бесф, — но, кроме тебя, некому, понимаешь, спуститься в жерло как бы вулкана. Ладно, будем надеяться, что ты там сгоришь и никому правды не расскажешь.

— Будем надеяться, — согласилась Алиса.

Хотя это было уже смешно. Представляете, человек надеется, что сгорит в вулкане. А другой этому ничуть не удивляется!

— Все дело во мне, — сказал Бесф. — Я правлю громадной империей. Много миллиардов людей как бы зависят от моей доброты. Я, понимаешь, должен жить и управлять. Без меня наступит как бы анархия и всеобщее, понимаешь, безобразие.

— Вот и живите в свое удовольствие, — сказала Алиса.

— Не получается, — ответил Бесф. — Закон жизни. Старенький я стал, помирать пора. А мне, понимаешь, помирать никак нельзя. Нет, нельзя... да и не хочется.

— А чем же вам можно помочь?

— Молодец, девочка, хорошая как бы девочка, правильно мыслишь. Есть в нашей вселенной только одно средство вернуть человеку молодость. Название я тебе не скажу и объяснять не стану — все равно не поймешь. Этого и профессора как бы физики еще не понимают. Но для того чтобы создать такое поле, в котором все клетки живого организма снова станут молодыми, нужна энергия, понимаешь, двенадцати звезд и шести как бы вулканов.

— И как же вам эту энергию получить?

— А мне, понимаешь, разработали метод, как эту энергию добывать и перетаскивать в Серую дыру, где она будет накапливаться, пока не понадобится. Я за этот метод все свои сокровища отдал. А теперь остался пустяк — как украсть эту энергию? Мне каждая частица дорога. Я уже точно знаю, откуда и что надо красть. Теперь мне нужно подготовить смелых, бесстыжих и ловких людей, которые не вызовут подозрения у тех, кого они будут обкрадывать. А кто не вызывает подозрений?

— Дети? — догадалась Алиса.

— Умничка, понимаешь! Дети, детишки, цветочки как бы жизни! Они куда хочешь полезут, куда надо бомбу или зловещий как бы прибор пронесут. Вот я и приказал организовать школу для особо гадких детей. Я никаких денег на ШКОМЕРЗДЕТ не пожалел. И вот теперь пришло время вас использовать. А тебя, как первую ученицу, я посылаю на самое важное задание. Может быть, оно не самое трудное — маленький вулканчик, в нем и

энергии-то по сравнению со звездой немного. Но мне надо испытать учеников ШКОМЕРЗДЕТА. Ведь первый шаг — он трудный самый! Сможешь в вулкан залезть, приборы поставить, сможем мы энергию этого вулкана ко мне в хранилище перетащить — считай, что первый шаг сделан. Еще несколько лет — и мы с тобой всю галактику ограбим. Я стану молодцом, принцем, красавцем! Жизнь начну, понимаешь, сначала!

— А я? — спросила Алиса.

— Что ты?

— А я что с этого буду иметь?

— Как тебе не стыдно! — обиделся генерал, даже за маску схватился, чуть было не снял ее, да, к сожалению, спохватился, и Алиса почти ничего не успела заметить. Почти... И увидела достаточно, чтобы у нее родилась одна мысль.

— Мне не стыдно, — сказала Алиса. — Нельзя же так — все себе и себе! А что мне? Что моему любимому учителю Добрецу?

— Ха-ха! — отозвался генерал Бесф. — С твоим учителем Добрецом мы разберемся. Мы его как бы не обидим, понимаешь. Он у нас будет по заслугам как бы награжден.

— Смотрите, — повторила Алиса. — Я очень прошу моего любимого учителя не обижать. А то я такого натворю — сами будете жалеть, что со мной связались.

— Хах-хах-а! — рассмеялся Бесф. — Испугала! Учти, что и на гадких как бы девчонок у нас найдется управа, понимаешь!

И тут генерал, видно, испугался, что Алиса не захочет лезть в вулкан, потому что он сразу же добавил:

— Но ты не сомневайся! Я тебе гарантирую: если нам удастся вулкан погасить и энергию ее перенести куда надо, тебя ждет замечательная как бы награда!

— Какая?

— А вот не скажу! Но обещаю, что в дополнение к награде ты как бы получишь от меня десять порций мороженого! Ну как, рада?

И генерал захохотал так, словно подарил Алисе целое царство. Алиса еле сдержалась, чтобы не сказать ему, что у нас на Земле мороженое давно уже всем дают бесплатно. На улицах стоят специальные мороженщицы-автоматы — бери какое хочешь. Только плохо, что на этих мороженщицах написано большими буквами:

МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ, ЧТО ЧРЕЗМЕРНОЕ ПОЕДАНИЕ МОРОЖЕНОГО ОПАСНО ДЛЯ ВАШЕГО ЗДОРОВЬЯ!

ОДИН МАЛЬЧИК СЪЕЛ ДЕСЯТЬ ПОРЦИЙ И ДО СИХ ПОР КАШЛЯЕТ.

А если ты съела больше порций, чем тебе можно, то машина отключается и выдает тебе вместо мороженого только горячий чай с лимоном.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Я согласна лезть в вулкан. Но вы обещаете, что я получу большую награду.

— И десять порций как бы мороженого!

— За мороженое вам специальное спасибо. Только пускай мне его дадут прямо сейчас.

— Как только ты вылезешь из вулкана и он, понимаешь, перестанет фурыкать.

— Ладно уж, — согласилась Алиса.

Пускай радуется, как он ее одурачил!

И как странно: взрослые люди, большие негодяи, им бы никому не верить, а они могут попасться, довериться простой девочке только потому, что считают себя умнее всех, а все окружающие им кажутся дураками.

Ведь он сейчас радуется, что на мороженом сэкономил!

Экран погас.

Только в ушах шумело.

Робот выключил пульт и замер — отключился.

Алиса поднялась и пошла к двери. Никто ее не останавливал.

Она поднялась по лестнице. В коридоре дрались на ножичках мальчишки из ее класса. До первой крови. Но оба жулили.

Тут ее и догнал учитель Добрец.

— Ну как? — спросил он тонким голосом. — Поговорила с этим, понимаешь, генералом Бесфом?

— Поговорила, — ответила Алиса.

— Ну и как тебе показался наш повелитель?

— Он не своим голосом разговаривал. Басом. Как будто пропускал слова через утяжелитель.

— Ну это как бы бывает, — улыбнулся своей хитрой усмешкой учитель. — Он, понимаешь, очень далеко от нас, за Серой дырой. Связь как бы неустойчивая.

— Нет, — возразила Алиса. — Связь была неплохой.

— И что он тебе сказал? — спросил Добрец.

— Он о вас спрашивал.

— Ну ты, надеюсь, ничего как бы плохого про меня не сказала? — испугался Добрец. — Я же тебя не обижал, правда?

— Я ему честно призналась, — ответила Алиса, — что люблю вас больше, чем папу и маму.

— Ну уж, понимаешь, — покраснел Добрец, — это же как бы преувеличение. Ты уж как бы... не надо бы...

— И еще он мне премию обещал.

— Вот это хорошо! — воскликнул Добрец. — Тогда давайте собираться. Сейчас будем команду снаряжать. Нельзя терять ни секунды, а то наш генерал как бы не любит, понимаешь, ждать!

И он побежал по коридору с криком:

— Мальчики, девочки, кончайте как бы хулиганить! Собираемся, понимаешь, улетаем! Джимми, спрячь ножик, ты поцарапаешь Марковью! А ты, Валера, немедленно потуши костер — школу еще рано поджигать! Матильда-Брунгильда, слезь с лестницы и вынь, понимаешь, пальчик из патрона — нельзя же так воровать электроэнергию!

Алиса пошла в спальню.

Собирать ей было нечего, но все же сумка с вещами, что лежала в тумбочке у постели, ей еще пригодится.

И через полчаса одиннадцать выпускников ШКОМЕРЗДЕТА построились во дворе.

Потом Скорпон с Милой вытащили во двор ворох одежды и приказали ученикам переодеваться. Одежда была не очень новой, но дорогой и красивой. Алиса догадалась, что она ворованная, а Добрец даже не скрывал этого:

— Одевайтесь, понимаешь, аккуратнее, вещи не рвать и не пачкать! Мы ради вас, понимаешь, целый корабль туристов ограбили, всех ихних детишек без одежек как бы оставили. А детишки были чистенькие, с Земли. Они дальше голенькими и как бы голодненькими полетели. И если доберутся куда-нибудь — их счастье. А если, понимаешь,

не доберутся, то мы как бы не виноваты. Не надо было нам как бы попадаться!

Дети переодевались прямо во дворе, а у ворот уже гудел автобус. Пора было ехать на космодром.

Глава 21. Мерзавчики на вулкане

Через два дня на космодроме планеты Изора опустился космический корабль с опознавательными знаками мирной и цивилизованной Буругилии. Корабль, как несложно догадаться, был туристическим.

Сначала с него сошла толстая женщина с добрым лицом. Она была воспитательницей-преподавательницей, и дети называли ее Милою Милой. Потом парочками, смиреннькие и добренькие, спустились дети. А за ними топал амбал с противной рожей — воспитатель Скорпон.

А совсем позади, в черном костюме, белой сорочке с черной бабочкой, шагал маленького роста остроносый джентльмен — учитель ШКОМЕРЗДЕТА по имени Добрец. На ходу Добрец помахивал тросточкой, в которой было спрятано устройство космической связи.

К детям подкатил робот с надписью на груди: «ТУРИСТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА».

— Куда направляемся? Чем могу вам помочь? — спросил он.

— Не приставай, гадкий! — отмахнулась Милая Мила. — Мы и без тебя все знаем.

— Вам, наверное, нужен транспорт? Вы же едете купаться в море?

— Придет наш транспорт, отвали! — рявкнул Скорпон. А дети, которым это понравилось, стали кричать, дразнить робота и кидать в него чем попало.

И тут Добрец пронзительным голосом крикнул:

— Куда же это годится?! Вы же здесь как бы гости! Мы же, понимаешь, цивилизованные дети свободного мира! А ну молчать, мерзавцы!

И прозвучали его слова так грозно, что дети испугались и замолчали.

— А ты, Мила, — прошипел Добрец, словно был не простым младшим учителем, а директором школы, — вместо того чтобы нас выдавать, беги и смотри, пришел ли наш автобус!

Милая Мила начала было сопротивляться и спорить, но Добрец топнул ножкой, и Мила побежала, как девочка.

Все засмеялись.

— А мы что будем делать? — спросила Алиса.

— Будем ждать, — ответил Добрец.

— Где? Здесь? Под ветром? А если начнется снег?

— Ну какой здесь может быть снег?! — возмутился Скорпон. — Здесь же вечное лето!

Но ребята сразу сообразили, что Алиса собирается устроить каверзу, и стали кричать:

— Сейчас снег пойдет! Нам холодно!

Туристический робот, который не успел отойти далеко, забеспокоился.

— Простите, — сказал он, — неужели детям что-нибудь может грозить?

— Ничего им грозить не может, — отмахнулся Добрец. — Они у нас шутники и шутницы! Особенно эта милая девочка.

— А я хочу мороженого, — сказала милая девочка по имени Алла Цвай-Драй. — Мне один руководящий дядя обещал десять порций.

— И я хочу! — закричал Валера.

— И я!

— И я! И я! И мы!

— Ну пойдем, пойдем, — согласился Добрец. Не хотелось ему затевать сейчас спор, но

по его лисьей физиономии было видно, что, как представится случай, он обязательно отомстит.

Ребята наперегонки кинулись к зданию космопорта, и учителя от них отстали.

Дети подбежали к автомату мороженого, а Алиса в этой суматохе кинулась к роботу-информатору и сунула ему записку.

— Срочно передать в Галактическую полицию! — прошептала она.

Когда Добрец вбежал в зал, она уже дралась за порцию мороженого с Джимми, и учителю пришлось разнимать своих оголтелых мерзавчиков.

Все в мороженом, а кое-кто и в синяках, ученики ШКОМЕРЗДЕТА вывалились наружу к стоянке флаеров и туристических автобусов. Конечно же, по закону подлости, снабженного специальным оборудованием автобуса, который должны были прислать для учеников, все не было. Он опаздывал.

Милая Мила со злости растоптала свой видеофончик. Скорпон с горя выпил десятилитровый баллон пива, а учитель Добрец бегал вокруг учеников и все боялся, что они куда-нибудь уйдут или что-нибудь натворят. Крупная бабочка опустилась на плечо Алисе.

Алиса хотела ее смахнуть — пускай летит дальше по своим делам. Но бабочка на зашифрованном языке прошептала:

— Фа-ко-фа-ра-фа-на-фа-свя-фа-зи.

Уху стало щекотно.

Что такое? Кора на связи?

И тут же в ухе послышался голос Кору.

— Спокойно. Не выдай себя ни словом, ни жестом! Робо-бабочка установила в твоём ухе приемник. Я тебе скажу, когда ты сможешь меня увидеть. Мы специально задержали автобус, чтобы ты успела выйти со мной на связь.

— Эй, Алка Цвай-Драй! — крикнул Валера. — У тебя на плече здоровенная бабочка сидит. Сейчас я ее пришибу!

— Еще чего не хватало! — возмутилась Алиса. — Ты вместо бабочки меня пришибешь!

Она протянула бабочке палец, бабочка переползла на палец, и Алиса подняла руку над головой. Бабочка взмахнула крыльями и полетела прочь.

Все в порядке. Кора за ней следит.

Алисе сразу стало спокойнее. А то сгинешь в вулкане, никто тебя не хватится. Даже папа с мамой ничего не узнают.

Наконец-то приехал автобус.

Снаружи типичный туристический автобус со всеми удобствами, на воздушной подушке, наземно-подводно-летный. От прочих туристических автобусов его отличало только одно — желтый цвет и черные звезды на боках.

Дети с криками забрались внутрь.

Обыкновенные туристы, которые прилетели на Изору, чтобы насладиться видами Нового Неаполя, свежим воздухом и целебными парами вулкана, смотрели на этих детей с удивлением. Ведь обычно дети ведут себя куда спокойнее. Но в конце концов, у них есть свои воспитатели, и они объяснят этим странным детям, как нужно себя вести.

Когда же дверь за последним учеником закрылась и автобус медленно двинулся с места, оказалось, что внутри он не имеет ничего общего с остальными туристическими автобусами, а больше всего напоминает боевую машину пехоты, сокращенно БМП.

Скорпон и Мила помогли детям переодеться в тончайшие кольчуги и непробиваемые

шлемы. Алисе же предстояло особое задание. Поэтому ей выдали моток тонкого шнура, на котором можно спуститься хоть с Луны — выдержит. Затем к груди прикрепили плоский портфель с прибором, который должен поймать сигнал с Поглотителя Энергии, а потом передать энергию вулкана в космос, где его ждет старенький генерал Бесф, который страшно хочет помолодеть, чтобы навеки осчастливить своих подданных. К башмакам Алисы прикрепили специальные кошки, чтобы цепляться за скалы, выдали ей перчатки с когтями, а главное — дали сачок, обыкновенный сачок.

— Охрана вулкана подумает, что ты юный натуралист, — объяснила Милая Мила. — Ты собираешься ловить вулканических стрекоз для нашего школьного музея. Но мы надеемся, что эти роботы тебя не заметят. Мы там на вершине вулкана устроим такой шум, что им и в голову не придет глядеть в твою сторону.

Добрец оглядел Алису со всех сторон и остался доволен.

— Ничего не скажешь, — сказал он. — Ребенок как ребенок, за бабочками как бы собралась, за стрекозочками, понимаешь.

Он отвел Алису в конец автобуса и стал шептать ей на ухо:

— Генерал велел тебе передать, что выполнишь задание — получишь премию и чин сержантки. И тогда мы с тобой как бы полетим на планетку Теплица. Там надо будет звездочку украсть. Трудное дело, но это только начало — удалась тебе жизнь, Алла Цвай-Драй! Потому что ты встретила с нами. А так бы пробедовала жизнь и жалела бы о бездарно прожитых годах. Я тебе должен напомнить, гадкая девочка, что жизнь человеку дается лишь однажды, и только, понимаешь, выдающимся персонам дважды или трижды. И прожить ее надо так, чтобы твоим начальникам не было мучительно больно за бесцельно прожитые тобой годы. Поняла?

— Поняла.

— Продолжаешь меня любить?

— Как всегда! — отрапортовала Алиса.

— Ну и молодец!

Автобус остановился.

— Выходим по одному, — приказала Милая Мила. — Веселимся, прыгаем, поем, прикрываем Аллочку Цвай-Драечку!

Здесь дорога кончалась. Дальше автобусам подниматься запрещалось. Крутая тропинка вела к вершине вулкана, которая скрывалась в сиреневом ароматном дыме. Алиса чувствовала себя очень странно, ведь в будущем она уже видела этот вулкан потухшим.

На площадке стояло еще несколько автобусов. Роботы-спасатели, могучие, как слоны, но поменьше размером, встречали каждую группу туристов, чтобы сопровождать их на вершину.

— Нам не нужно сопровождение! — закричал Добрец. — У нас свои спасатели.

И Алиса только тут заметила, что Скорпон переоделся в странный костюм, похожий на глубоководный скафандр. На груди у него красовалась надпись: «ОСОБАЯ СПАСАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА».

— Внимание, — произнес в ухе Алисы голос Кору. — Сейчас мы устроим им сладкую жизнь, а у нас будет время поговорить.

Сразу три робота-спасателя подошли к Скорпону.

Рядом с ними стоял кудрявый черноволосый человек с веселым загорелым лицом. Он улыбался так широко, что были видны все пятьдесят жемчужных зубов.

Какое счастье! Комиссар Милодар уже здесь!

— Кто главный в этой группе? — спросил комиссар Милодар.

— Я главная, — ответила Милая Мила. — А что случилось?

Она была уже не такой храброй и наглой, как раньше.

— Мы хотим проверить, хорошо ли подготовлен ваш спасатель, — сказал Милодар. — Придется ему пройти испытания.

— Какие еще, понимаешь, испытания?! — возмутился Добрец. — Мы готовы ко всему, что может произойти.

— Мы не можем пропустить группу детей на вершину действующего вулкана, если не уверены в их безопасности, — терпеливо объяснил комиссар. — Вы должны меня понять. Вы же преподаватель!

— Я-то преподаватель, — ответил Добрец, — но это не дети, а сорванцы, разбойники и хулиганы. Их охранять не надо. А надо вулкан от них охранять!

Дети захохотали, а Добрец поспешил добавить:

— Это шутка! Вы понимаете, что это шутка?

— Вот сейчас мы и постараемся узнать, шутка это или нет. Давайте мы отойдем с вашим спасателем в сторону и зададим ему несколько вопросов. А детишки немного подождут.

— Еще чего не хватало! — закричала Алиса. — Давайте нам мороженого, а то мы вас всех разбросаем, как котят!

— А это наша отличница! — быстро перебил ее Добрец. — Наша Аллочка Цвай-Драй. Она собирает бабочек, даже в вулкан собирается на минуточку заглянуть — там у вас необыкновенные стрекозы водятся!

— С отличницей мы потом с удовольствием поговорим, — сказал комиссар. — Вот кончим беседовать со спасателем — и обязательно поговорим.

— А я с вами разговаривать не желаю! — сказала Алиса капризным тоном. — Я вас всех не выношу! Вы мою мамашу, царство ей небесное, манной кашей закормили!

Добрец, видно, испугался, что Алиса наговорит лишнего, и тут же потащил Скорпона туда, куда просил их отойти комиссар.

Ребята сразу разбежались в разные стороны. Кто камешек блестящий увидел, кто захотел на песочке поваляться, а кто и тайком покурить. Да-да, среди учеников ШКОМЕРЗДЕТА были дети, которые умели курить, а двое даже пили вино!

Алиса скользнула за скалу. И не успела она спрятаться, как перед ней возникла ее подруга — агент Галактической полиции Кора Орват.

Глава 22. Где скрывался генерал Бесф?

— Привет, — сказала Кора. — Нелегко тебе пришлось?

— Нормально, — ответила Алиса.

— Быстро рассказывай, за две минуты, пока наши удерживают этих горе-учителей.

— В ШКОМЕРЗДЕТЕ мне понравилось, — улыбнулась Алиса. — Там хулиганить дают, сколько душа желает. Я у них стала первой ученицей!

— Еще бы! — засмеялась Кора. — Я в тебе не сомневалась. Скажи, тебе не удалось узнать, на какой планете, в каком конце галактики скрывается страшный грабитель генерал Бесф?

— У меня есть кое-какие соображения.

— Ты его видела?

— Он говорил со мной по космовидеосвязи и не снимал маску. Как мне сказали, он скрывается где-то за Серой дырой.

— Ах, этого мало! — вздохнула Кора. — Придется допрашивать ваших учителей. Кто-нибудь из них знает, где прячется генерал?

— Учитель Добрец наверняка знает, — сказала Алиса.

— Ты уверена?

— Он-то и организовал мне встречу с Бесфом.

— Ладно, тогда мы вернем тебя на «Пегас», а сами с ним поговорим.

— Ничего он вам не скажет, — заметила Алиса.

— Почему?

— Потому что не захочет.

— Что же делать?

— Я же сказала, что у меня есть кое-какие соображения.

— Ну говори скорее, не томи!

— Сколько порций мороженого я получу, если я не только скажу тебе, где скрывается этот самый генерал, но и приведу его самого?

— Как это приведешь?

— Очень просто. За руку.

— Ничего не понимаю, — развела руками Кора.

— Пошли, — потянула ее за собой Алиса.

Она решительно обогнула скалу и вышла к стоянке автобусов. И как раз в этот момент к автобусу подошли учителя с комиссаром.

— Комиссар, — сказала Кора, — Алиса уверяет, что может сказать, где прячется генерал Бесф.

— При одном условии, — вмешалась Алиса. — Только если я получу от Галактической полиции тысячу порций мороженого.

— А тысячу-то тебе зачем? — удивился Милодар.

— Моих мерзких товарищей по мерзкой школе кормить! — ответила Алиса. — Потому что детей надо исправлять добром и терпением, а еще лучше — мороженым. Вы же не бросите нас, испорченных учеников генерала Бесфа, на произвол судьбы?

— Ни в коем случае!

Ученики только что в вулкан не попрыгали от радости! Милая Мила почувала неладное и стала отступать к автобусу.

— Вот он, загадочный генерал Бесф! — воскликнула Алиса, указывая на маленького учителя Добреца.

— Что за вздор ты несешь, испорченная девчонка! — возмутился Добрец.

Но комиссар Милодар поднял руку и остановил его.

— Ваши аргументы, агент Селезнева! — потребовал он.

— Меня с самого начала смущало его поведение, — сказала Алиса. — Он все время твердил, что он — простой учитель, а на самом деле все его слушались и боялись. Вот спросите Скорпона.

— А чего мне говорить, — прорычал Скорпон. — Мне жить хочется.

— Я стала за ним наблюдать, — сказала Алиса.

— Ах ты, предательница! — завопил Добрец. — Знал бы — растерзал бы тебя собственными руками!

— А вы нас такими в своей школе воспитывали, — ответила Алиса. — Вы же сами хотели, чтобы мы стали обманщиками, ворами, убийцами, авантюристами и никого на свете, кроме вас, не любили.

— А ты? Почему ты меня как бы разлюбила?

— А я не стала пить ваше колдовское зелье, — засмеялась Алиса.

— О ужас! Я этого предательства не перенесу! — кричал Добрец. — Я к ней как к родной племяннице относился, понимаешь!

— Но почему ты думаешь, что он и есть генерал?

— А я его речь узнала, когда он со мной с экрана говорил.

— Голос был другой, другой! — кричал Добрец.

— Голос-то изменить нетрудно, а вот забыть любимые словечки невозможно.

— Как так? — не поняла Кора.

— У каждого человека есть любимые слова. Он не замечает, как их произносит, — объяснила Алиса. — Вот и у Добреца есть два любимых выражения: «как бы» и «понимаешь». Он без них ни одной фразы произнести не может. И вдруг я слышу, что генерал в маске говорит точно такими же словами!

— Этого быть не может! — крикнул Добрец. — Она все придумала.

— А что, — сказал комиссар Милодар, — мне эта теория кажется интересной.

— Вы никогда не докажете, что я и есть тот самый генерал! — сказал Добрец.

— А нам спешить некуда, — ответил комиссар. — Мы пока вас задержим в Галактическом центре, проверим, чему вы учили детей в своей школе... И название какое-то дикое — «ШКОМЕРЗДЕТ»! Что оно означает?

— А это название, ваше превосходительство, — пропищала Милая Мила, — это название он сам придумал! Мы тут совершенно ни при чем. Это название означает «Школа мерзнущих детей». Они так любят тепло, наши крошки.

— Неправда! — крикнул Джимми. — Мы — мерзкие дети!

— Мы — самые мерзкие дети во всей вселенной! — закричал Василиск.

— Мы очень испорченные!

— Мы гадкие!

— Придется перевоспитывать, — вздохнул комиссар. — Попрошу остаться для допроса учителя Добреца, который так похож на генерала Бесфа. И других учителей тоже.

— О нет! — воскликнула Милая Мила. — Мы останемся с детьми. Детям пора обедать.

— Нам пора обедать! — закричали дети хором. — И еще давайте нам тысячу порций

мороженого!

— Ладно уж, идите вниз к морю, — сказал комиссар. — Там вас ждет кафе-мороженое. Тысячу порций есть вредно, но если вы сначала съедите суп, а потом котлеты, то на третье ешьте мороженого сколько хотите!

— Ура! — закричали испорченные дети и помчались под горку к морю.

Кора с Алисой остались одни.

— Спасибо, — сказала Кора.

— Я рада была это сделать, — ответила Алиса. — Пойдем вниз, искупаемся на прощанье.

— Пошли, — согласилась Кора. — Ты обедать будешь?

— Подожду, пока мои соученики примутся за третье. А супа с котлетами мне сегодня что-то не хочется.

— Ох, и испортили же тебя в ШКОМЕРЗДЕТЕ! — охнула Кора.

— А меня папа, мама и робот Поля исправят, — ответила непочтительная Алиса.

И они пошли на набережную.

Глава 23. Путешествие без звездного пса

Кора попрощалась с Алисой у трапа «Пегаса».

Космодром Палапутры на планете Блук был оживлен. Тысячи кораблей спускались и взлетали, по полю носились тележки, автобусы и машины с завтраками и обедами для космических пассажиров.

— Может, полетишь с нами? — спросила Алиса. — Я тебе обещаю интересные приключения.

— А что? — задумалась Кора. — В самом деле...

— Никаких «в самом деле», — произнес комиссар Милодар, который появился в воздухе над головами подружек. Конечно, это был не сам комиссар, а только его объемная копия, но все равно Алиса с Корой смутились.

— Не подумайте, комиссар, — быстро сказала Кора. — Это я вслух размышляла.

— Размышлять лучше про себя, — посоветовал комиссар. — Учти, что на Выпьюслободку опять проникли танины кыси. Люди переживают, круассаны кончаются, а ты здесь прохлаждаешься!

— Есть, комиссар! — ответила на эти слова Кора Орват, поцеловала Алису и побежала назад к горушке, за которой таился ее космический катер, а в нем походная машинка времени.

— А тебе, Алиса, большое спасибо от всей цивилизованной галактики, — сказал комиссар Милодар. — Больше сказать не могу, потому что тогда раскрою твой секрет, а нам никто не поверит. Поняла?

— Поняла, — ответила Алиса, которая ничего не поняла.

— И учти: ничему не удивляйся!

Комиссар Милодар растаял в воздухе.

Алиса поднялась к люку «Пегаса», такого родного и милого, и поняла, как она по нему соскучилась!

Хоть Кора и уверяла ее, что никто на корабле ее не хватился и ругать не будет, Алиса немножко робела. Все-таки две недели провела среди мерзавцев.

Она вошла в корабль. Там было тихо.

— Пес! — позвала Алиса. — Ты где, негодник? Ты почему меня не встречаешь?

Никто не откликнулся.

В кают-компании было пусто.

На пульте управления тоже никого. Свет не горит.

Алиса встревожилась. Она заглянула в свою каюту. Пусто.

Что же творится?

Тогда она вернулась к пульту управления и включила информатор.

Корабль сразу заговорил папиным голосом:

— Встреча любителей черепак меня разочаровала, и мы, раз уж тебя не дождались, поехали на рынок зверей в Палапутру. Не расстраивайся. Мы сегодня только посмотрим, что там любопытного, а завтра все вместе снова туда отправимся.

«Как странно, — подумала Алиса. — Они в самом деле не беспокоятся. Словно меня не было всего часа два-три».

Она даже взглянула на календарь над пультом.

Календарь показывал двадцать шестое июля двенадцать часов сорок две минуты...

«Постой, постой, — сказала себе Алиса. — Когда я улетала отсюда, на календаре тоже было двадцать шестое июля!»

Она села в кресло и думала минуты три, а потом расхохоталась.

Ну конечно же!

Как она могла забыть, что к Добрецу и его компании она попала на машинке времени. И вернулась тоже через нее. Да, Алиса, ты стареешь! Может, ты и не Алиса вовсе, а все еще негодяйка Цвай-Драй из ШКОМЕРЗДЕТА?

Кора вернула Алису в тот же день, из какого она улетела! Папа и капитан Полосков даже забеспокоиться не успели.

Вот и отлично!

И спать хочется.

Алиса пошла в свою каюту и улеглась не раздеваясь. Она думала, что подремлет семь минуток, но, видно, родная койка на «Пегасе» так ее усыпила, что Алиса проснулась, только когда папа вошел в каюту и спросил:

— А ты давно вернулась?

— Давно, — ответила Алиса и перевернулась на другой бок, носом к стенке. Она еще не выпалась.

— Тогда вставай, я тебе покажу, что мы купили на рынке.

Алиса все еще не проснулась.

— А где мой звездный пес? — сквозь сон спросила она.

— Какой звездный пес? — не понял отец.

— Звездный пес, звездный песик, который говорит одно только слово: «Холодно!»

— Алиса, ты не больна? А ну-ка, «Пегас», пришли нам доктора.

Алиса тут же вскочила:

— Папа, только не доктора! Я совершенно здорова!

Но было поздно — с потолка уже спустился доктор. Конечно, это не обычный доктор, а прибор, который в две секунды обследует человека и ставит ему диагноз: болен он или притворяется.

Алису опутали провода и проводочки, в нее вцепились датчики и иголки. Стало щекотно и немножко больно.

— Ну что? — встревоженно спросил папа.

— А ничего! — ответил доктор. — В лучшем случае она просто притворяется больной.

— А в худшем?

— В худшем она — лентяйка!

— Тогда вставай и забудь о привидениях собак. Так как мы уже купили всех животных, которых хотели, вечером мы летим дальше.

— И куда же? — спросила Алиса.

— На Изору, к вулкану Новый Везувий.

— Он погас, — сказала Алиса. — Мы с тобой там уже были.

— Та-а-ак! — Папа был расстроен. Нет на свете папы, который бы не расстроился, увидев, что его единственная дочка на глазах сходит с ума. — И что же мы там увидели?

— Это просто трагедия! — ответила Алиса. — То же самое, что и на Теплице.

— Ты имеешь в виду малую планету? — уточнил папа.

— Разумеется. Я имею в виду планету, которая погибла, потому что генерал Бесф украл энергию искусственной звезды.

— Кто тебе все это рассказал? — возмутился отец. — Ты все еще не проснулась. Тебе все это снится.

— И звездный пес тоже снится? Я тебе сейчас покажу его миску!

Она вскочила с койки, оттолкнула папу и помчалась на кухню, где в углу за стиральной машиной стояла миска собаки.

Полосков, который как раз готовил обед, удивился, увидев, на какой скорости Алиса ворвалась на кухню.

— Смотрите! — воскликнула она.

И осеклась.

Никакой миски там не было.

— Где миска? — спросила Алиса. — Полосков, признавайся, что ты сделал с нашей звездной собакой?

— Ах, если бы я понимал, о чем говорит эта девочка, — вздохнул капитан Полосков.

— Я тоже не понимаю, — печально отозвался профессор Селезнев.

И тут за их спинами из кают-компания донесся голос:

— Вот уж не ожидал такой драмы!

На диване возле рояля сидел комиссар Милодар.

— Хорошо, что я оставил звук включенным, — сказал он. — Даже в моем штабе слышно, что за скандал у вас творится.

— С Алисой что-то неладно, — сказал профессор Селезнев.

— Она требует у нас собаку, — добавил капитан Полосков.

— Спокойно! — произнес комиссар Милодар. — Всем сидеть! В обморок не падать, на Алисочку не бросаться, потому что она только что кончила совершать очередной подвиг во славу нашей цивилизации.

— Сомневаюсь, чтобы она успела это сделать с утра, — заметил капитан Полосков.

— Ей понадобилось больше двух недель отчаянной смелости, риска и даже — не побоюсь этого слова! — хулиганства! Правильно я говорю?

Алиса кивнула:

— Еще как правильно!

Она была благодарна Милодару, что он пришел ей на выручку.

— В галактике на самом деле творилась беда, — сказал комиссар. — Некий генерал Бесф похищал энергию в колоссальных масштабах. Но никто не мог его отыскать. Ходили слухи, что он скрывается за Серой дырой, но портрета его у нас не было, свидетелей не было, и мы даже не понимали, зачем ему понадобилась вся эта энергия.

Профессор и капитан Полосков слушали Милодара, затаив дыхание. Комиссар был замечательным рассказчиком. Он все изображал в лицах, завывал, подпрыгивал на диване, рвал на себе волосы и закатывал глаза. Это был театр одного великого актера.

— Нам удалось узнать, что в Галактическом центре люди генерала основали ШКОМЕРЗДЕТ.

— Что основали? — хором спросили Селезнев и Полосков.

— Школу для мерзких детей.

— Какой ужас! — произнес Полосков, а папа с интересом посмотрел на Алису.

— Мы знали, что именно в этой школе генерал готовит себе помощников и воров энергии, — продолжал комиссар. — И мы поняли, что единственный выход — послать в школу нашего агента. Но этот агент должен быть ребенком, который не вызовет никаких

подозрений.

— Кошмар! — ахнул впечатлительный Полосков. — Вы воспользовались легкомысленным характером нашего ребенка и соблазнили Алисочку, не спросив мнения ее отца и меня, капитана корабля?

— А простите, каким было бы ваше мнение? — спросил Милодар.

— Мое мнение? Я бы сказал: немедленно отвяжитесь от Алисочки, а то я подам на вас в Галактический суд! Как вы смели рисковать жизнью младенца?

— Это я — младенец?! — возмутилась Алиса.

— Ну почти младенец.

— По поведению — точно младенец, — сказал профессор Селезнев. — Прямо как твоя подружка Кора Орват и этот так называемый комиссар. Я пожалуюсь своей тете Лукреции, которая живет в Симферополе. Посмотрим тогда, что от вас останется!

— Так дело не пойдет! — обиделся комиссар. — Мы должны были спасти вселенную. Ей угрожала тепловая гибель. А Алиса находилась под постоянным нашим присмотром. Правда, Алисочка?

Комиссар задал этот вопрос таким сладким тоном, что Алиса поняла — ему просто необходима ее помощь.

— Я ничем не рисковала, — сказала она. — Это была обыкновенная и даже скучная школа. Я дружила там с мальчиками...

— Вижу два синяка, — заметил папа. — И царапину на щеке. Это следы дружбы?

— Это я упала с лестницы, — соврала Алиса и покраснела. Она старалась никогда не врать родителям. Но скажите честно, разве это возможно?

— Не перебивайте, я на работе, — строго сказал Милодар. — Дайте закончить. Итак, мы попросили Алисочку нам помочь, но при этом не хотели рисковать еще и вашими нервами. Поэтому мы отправили Алису на несколько месяцев в прошлое и сделали так, чтобы она вернулась к вам через два-три часа, после того как исчезла, в тот же день, двадцать шестого июля. Мы все делали для вашего блага, профессор.

— Разрешите вам не совсем поверить, — улыбнулся Селезнев.

— То есть как так?! — вскипел комиссар. — Мне? Не поверить?!

— Вам надо было внедрить Алису в их школу в самом начале, чтобы не опоздать. Вы действовали по методу английского писателя Честертона.

— Это еще что за метод? Почему не знаю? — удивился Милодар. — А я думал, что уже всех писателей знаю!

— Честертон сказал: «Если вы хотите наверняка не опоздать на поезд, надо опоздать на предыдущий».

Комиссар думал. Полосков думал.

Алиса уж давно отсмеялась, а они все думали. А потом Полосков задумчиво спросил:

— А поезда там часто ходят?

К тому времени комиссар тоже догадался, что это шутка, и немного посмеялся.

— Правильно, — сказал он. — Мы не хотели рисковать.

— И чем же все кончилось? — спросил профессор.

— Алиса нашла генерала Бесфа!

— Ну это уже полное безобразие! — сказал капитан Полосков. — Она же так рисковала!

— Все в прошлом, все в прошлом. Не исключено, что Алиса получит медаль.

— Где же скрывался генерал? — спросил Селезнев.

— У нас под носом. Он делал вид, что он — учитель ШКОМЕРЗДЕТА. Алиса об этом догадалась... А подробности она вам сама расскажет.

Наступила пауза. Все молчали. Потом Алиса спросила:

— Скажите, я вернулась в свое время?

— Нет, твое время немного изменилось. Ведь нам с тобой удалось спасти вулкан и не дать погибнуть Теплице. Значит, они не погибли. А в том мире, откуда ты отправилась в путешествие, они погибли.

— Тогда я все поняла, — сказала Алиса. — Звездного пса в этом мире нет и не было.

— Нет и не было, — согласился комиссар. — Ты о нем помнишь, а твой папа и капитан Полосков о нем и представления не имеют.

Милодар поднялся.

— Счастлив был познакомиться, — сказал он. — Будете на Земле, зайду к вам на чай.

И исчез.

Полосков снова ушел на кухню, откуда уже тянуло паленым.

Профессор Селезнев сел за рояль и начал что-то тихо наигрывать.

— Ты расстроен? — спросила Алиса.

— А ты? — спросил отец.

— Немного, — ответила Алиса. — Ведь ты не совсем мой папа, а как бы папа из другого мира.

— И ты немного не моя дочка. Например, ты помнишь звездного пса, а я его и в глаза не видел. Но главное, что ты в самом деле помогла поймать того генерала. Ты расскажешь нам, зачем ему понадобилась энергия?

— Обедать, обедать! — позвал их Полосков. — Сегодня у нас куриные котлеты!

Алиса пошла мыть руки и по дороге заглянула на кухню, в угол. Конечно, там не могло быть собачьей миски, но каких только чудес не бывает на этом свете!

Глава 24. Возвращение звездного пса

Вы не забыли хозяина звездного пса — советника королей Бакштира? Того самого, который живет в замке, похожем на королевский, только поменьше, который на спор с дробизами грызет камни и назло космическим пиратам берет на абордаж их космические корабли. Бакштира, который страшно любит бегать по воде и молоку, а по вторникам катается на доске по потоку расплавленной лавы, причем в одних плавках. Бакштира, который больше всего на свете любит давать советы королям. Правда, советы его чаще всего бывают ошибочными, и, когда незнакомые с Бакштиром короли им следуют, это кончается для них прискорбно.

Вот этот самый Бакштир и подобрал звездного пса, когда тот был маленьким щенком. Возможно, его потеряли в пустыне звездные скитальцы. Песик был совсем слаб и стал почти прозрачным, но Бакштир кормил его из пипетки сгущенным молоком, и пес вырос на славу.

Звездные псы могут мгновенно, за одну секунду, попасть в любую точку галактики, поэтому их посылают по очень важным делам. Но у них есть одна проблема. Звездного пса невозможно научить говорить. Он думает, рассуждает, как неглупый человек, а для говорения его пасть приспособлена плохо.

Каких только логопедов-ветеринаров не приглашал Бакштир! Какие изумруды он им дарил! И все впустую. Больше одного слова пес выучить не может. Зато помнит его и повторяет, пока ему не внушат другое слово. Тогда он первое забывает начисто.

Вот такой пес и встретился Алисе, а потом исчез, словно его и не было.

Но он был. И помог Алисе спасти вселенную от тепловой смерти.

И его хозяин Бакштир — человек справедливый — решил отблагодарить Алису и ее папу, профессора Селезнева. Поэтому он научил звездного пса новому слову и послал его на «Пегас».

И вот, пятого августа после ужина, когда Селезнев, Алиса и капитан Полосков сидели в кают-компании и пили чай с печеньем, которое им испекла на дорогу симферопольская бабушка, что-то звякнуло, пискнуло, вздохнуло...

И что-то сказало.

Посреди кают-компании на ковре сидел пес. Небольшой песик черного цвета, с белым пузом и лапами, с длинным пушистым хвостом, как у черно-бурой лисицы. У пса были светлые ореховые глаза и совершенно удивительная улыбка.

— Господи! — воскликнул профессор. — Поглядите, это настоящий звездный пес! Неужели к нам пожаловала такая редкость животного мира?

Пес вежливо улыбнулся и склонил голову набок.

— Здравствуй, песик, — сказала Алиса, — давно тебя не видела.

Песик поднял правую лапу, протянул Алисе, и они поздоровались.

— Вы знакомы? — удивился капитан Полосков.

— Мы недавно встречались, — ответила Алиса.

— Где же?

— В том числе и на «Пегасе».

Полосков пожал плечами и отвернулся. Он очень серьезный человек, без чувства юмора, но знает об этом и побаивается, не шутят ли над ним. А друга Алисы Пашку Гераскина капитан терпеть не может, потому что Пашка всегда шутит, когда надо и когда не надо.

— Что ты нам хочешь сказать на этот раз? — спросила Алиса. — Ведь генерала Бесфа поймали и ШКОМЕРЗДЕТ закрыли навсегда.

Пес несколько раз открыл и закрыл пасть, вздохнул и наконец выговорил:

— Подарок.

— Какой подарок? Кому подарок?

Тогда пес задней лапой дотянулся до своей шеи, словно хотел почесаться.

Оказывается, пес был в ошейнике! Как же они раньше этого не заметили?

Алиса пригляделась.

К ошейнику был прикреплен маленький цилиндр.

Алиса коснулась цилиндра, тот прыгнул ей в руки и раскрылся. Внутри оказалась пленочка.

И тут же раздался голос:

— Здравствуйте, дорогие Селезневы и лично brave капитан Полосков! Вас беспокоит некий Бакштир, советник королей. Я благодарен вам за то, что вы сделали для нашей галактики. Может быть, вы и не сами это сделали, но хоть Алисе не помешали. Теперь снова растут удивительные бананы на Теплице и пышет благотворным дымом вулкан Новый Везувий. Генерал Бесф посрамлен. Его схватили за руку, прежде чем он успел еще что-нибудь натворить. В благодарность за ваши подвиги я приглашаю вас ко мне в замок для вручения подарков. Надеюсь, мои подарки придутся вам по вкусу. Уже поставил тесто для пирогов. Искренне ваш Бакштир, советник королей. Координаты моего замка прилагаются.

Пес закрыл глаза и улегся на ковре в ногах у Алисы.

— Ничего не понимаю, — сказал профессор Селезнев.

— Наверное, это чья-то шутка, — проворчал капитан Полосков. — Не будем обращать на нее внимания.

— Я бы рад не обращать, — сказал Селезнев, — если бы послание от Бакштира не принес звездный пес. А вы ведь знаете, что звездный пес — самый главный посланец вселенной. И если он принес приглашение, то отказываться неприлично.

— К тому же нам обещали подарки, — напомнила Алиса.

— А с тобой, Алиса, особый разговор, — вмешался упрямый Полосков. — Откуда ты знаешь эту собаку?

— Я уже пять раз вам рассказывала! — ответила Алиса. — А вы все равно не верите! Я отлично знакома со звездным псом!

Взрослые не стали больше спорить с Алисой, потому что им не хотелось признавать свои ошибки.

«Пегас» полетел к Бакштиру.

Глава 25. Подарок Бакштира

Бакштир живет на совершенно неизвестной планете. Даже названия у нее нет. Раньше она была ненаселенная и никто на ней не обитал. Но зато на ней шумели дремучие леса, высились могучие горы, плескались огромные моря. Раз населения на планете не оказалось, то на ней постепенно расплодились фантастические существа. Вы, конечно, уже представили себе драконов, фей, волшебников и гномов?

Ничего подобного!

Ведь драконов и гномов придумали люди. А если людей нет — как и кто придумает дракона? Кто сможет придумать ему четыре лапы, чешую и дым из пасти? А кто выдумает заколдованную принцессу, если на планете никому не известно, что такое платье и как выглядят хрустальные тувельки? Даже как изобразить человеческое лицо — и то природе подсказать некому.

Поэтому в лесу, на горах и в речках завелись создания и твари совершенно невообразимые, то есть без лиц, без рук, без ног, по большей части невидимые, но чаще принимавшие облик мира, в котором они жили. В речках жили водяные, созданные из воды. Лица у них были как отражение солнца, руки — как ветви ив или стебли водорослей. Жители леса сливались с деревьями, а в небе летали птицы, похожие на клочья облаков.

Когда же после своих путешествий, шатаний, блужданий и гуляний по космосу Бакштир набрел на эту планету и полюбил ее, как родной дом, жители планеты, не имевшие облика, очень обрадовались. Им теперь было кому подражать. Наконец-то они увидели первого человека, а потом еще и гостей Бакштира. Вы же знаете, что у Бакштира во дворце постоянно кто-то гостит. Да и строители дворца, которых Бакштир пригласил с разных планет, провели у него несколько месяцев. Они были такими разными и умными, что лесные, водяные и воздушные жители смогли выбрать себе образцы для подражания.

Правда, они не всегда понимали, что к чему. Поэтому не пугайтесь, если на планете Бакштира вам встретится в лесу страшилище с носом на пузе или красавица с пятью руками.

И помните: к людям тамошние существа не пристают и живут сами по себе.

Но Алиса об этом не знала, и поэтому когда она сошла с корабля и увидела столько уродцев, которые вылезли из леса, то кинулась обратно.

Но тут ей помог звездный пес.

Он громко залаял и помчался к лесным обитателям. Те прыснули во все стороны и через минуту пропали в кустах.

Так Алиса впервые услышала, как лает звездный пес. Оказывается, он умел лаять заливисто и весело, но делал это, только когда был дома и не стеснялся других людей или собак.

Пес сам повел гостей к замку, чьи высокие зубчатые стены, сложенные из окаменевшего пластилина, поднимались к самым облакам.

Навстречу гостям опустился подъемный мост, перекинутый через глубокий ров, наполненный водой. При виде гостей из воды поднялись круглые усатые морды хранителей рва — старых сомов размером больше Громозеки.

Затем растворились окованные железными полосами ворота из черного дерева.

Заиграли трубы, только трубачей не было видно, потому что Бакштир всех их отправил на пенсию и теперь они работали у него официантами, садовниками и лесниками.

— Заходите, — раздался густой бас Бакштира. — Я не встречаю вас, друзья, потому что

именно сейчас я глажу кошку и не могу оторваться, иначе кошка на меня обидится. Вы меня понимаете?

— Мы вас понимаем, — за всех ответила Алиса.

— Тогда следуйте за псом в мою библиотеку. Там я вас и жду.

У дверей небольшого дворца, который уютно расположился во дворе замка, гостей встретили лакеи, дворецкие и приживалки Бакштира. Все они были навеселе, посасывали пиво из банок и бутылок и говорили гостям:

— Ну, наш старик опять зачудил!

— Вторые сутки кошку гладит!

— На рекорд пошел!

Под хохот домочадцев гости вошли во дворец, поднялись на второй этаж, и там в старинного вида библиотеке, где стояли шкафы с самыми настоящими книжками в кожаных переплетах, в глубоком кресле сидел сам Бакштир. На коленях у него лежала трехцветная кошка, Бакштир ее гладил, а кошка мурлыкала.

— Здравствуйте, — сказала Алиса.

И тут мажордом, а может быть, дворецкий — в общем, начальник всех слуг закричал зычным голосом:

— Экспедиция с планеты Земля во главе с девочкой Алисой Селезневой и сопровождающими ее лицами — профессором Селезневым и капитаном Полосковым — просит аудиенции у вашей светлости!

Кошка прижала уши и спрыгнула на пол. Поджав хвост, она умчалась в угол, а Бакштир грустно сказал:

— Не будет рекорда. Спугнули животное.

Звездный пес подбежал к хозяину и сел у его ног. Бакштир захлопал в ладоши и крикнул слугам:

— Чтобы через пять минут был накрыт стол. И чтобы все было натуральное. Надоели мне консервы и сиропы. Ясно, бездельники?

— Постараюсь, шеф, — ответил главный лакей.

— А вы, друзья, пока садитесь, — сказал Бакштир гостям. — Расслабьтесь, отдохните, сейчас покушаем, подкрепимся, а потом и за подарки, лады?

— Лады, — согласилась Алиса.

Так уж получилось, что Бакштир обращался к Алисе и вроде бы считал ее главной гостьей. К тому же у них с Алисой был общий секрет — и секретом этим был звездный пес.

Прибежал главный дворецкий и начал шептать Бакштиру на ухо. Бакштир печально качал головой, а Алиса тем временем старалась понять, как же выглядит хозяин замка.

Выяснить это оказалось нелегко.

Бакштир сидел рядом с Алисой и не скрывался, света в зале было достаточно, но толком разглядеть его не удавалось. Вроде бы он был уже немолод, но не скажешь, что стар, у него были усы, но скорее острая бородка, что казалось странным для человека с бакенбардами. Волосы Бакштира были золотистыми, рыжеватыми, но их не было видно, потому что как увидишь золотые кудри, если их прикрывает шляпа с перьями? Бакштир был склонен к полноте, у него камзол не сходился на животе. На пальцах у него красовались перстни, хотя, если приглядеться, то оказывалось, что никаких перстней он не носил.

Бакштир перехватил внимательный взгляд Алисы и сказал:

— А я сам себе иногда удивляюсь. Смотришь порой в зеркало и думаешь: какой я на

самом деле? Хороший или плохой?

— Хороший! — закричали нестройным хором его слуги, друзья и приживалки. — Всех кормишь, никого не бьешь, кошек гладишь, воробьям крылья починяешь, королям советы даешь, а мышкам крошки.

Появился повар в высоком белом колпаке.

Он нес поднос.

На подносе стояли тарелка с нарезанным батоном и блюдец с чем-то непонятным.

— И что же это у нас такое? — грозно спросил Бакштир.

— Ничего натурального больше не нашлось, — вздохнул повар.

— Хлеб я вижу, а что на блюдец?

— Жареные тараканы, — ответил повар. — Все остальное мясо в замке консервированное.

От этих слов даже звездный пес взвизгнул и умчался прочь из зала, капитану Полоскову стало дурно, а Бакштир закричал:

— Я тебя повешу!

Повар вынул из кармана моток веревки и печально сказал:

— А я уже и веревку заготовил.

Он размотал веревку и показал петлю на конце.

— Да убирайся ты со своими веревками и тараканами! — завопил Бакштир. — Ты переведен в дворники! А нам немедленно принести всяких консервов!

Вокруг поднялась суматоха. Алиса отпоила лимонадом капитана Полоскова, и повара с поварятами стали накрывать на стол: поставили баночки с красной и черной икрой — консервы, куда денешься! — маринованные грибы и огурчики, ветчину в банках и даже свиную тушенку, не говоря уж о напитках и прочих разносолах.

Бакштир все просил прощения за неинтересный обед, но никто не обижался. Ели икру, запивали квасом и пробовали экзотические консервы с далеких планет, названий которых никто не запомнил.

А когда поели и выпили по чашечке целебного чая, Бакштир сказал:

— А теперь будем раздавать подарки. Первый подарок профессору Селезневу. Внести черный ящик в студию!

Невидимые трубачи и барабанщики грянули походный марш, тридцать пар одинаково одетых девушек, похожих на старинных шутов — красно-синие рейтузы и желтые свитера, а на головах двухконечные колпаки с колокольчиками, — выстроились у стен зала, и Рыцарь печального образа поднес профессору Селезневу медный поднос. На подносе стояла черная шкатулка. Рядом лежал золотой ключик.

— Примите мой скромный дар, профессор, — сказал Бакштир. — Был я на Мандрагуре, там идет отчаянная война между синим и лиловым королями. Я быстро разобрался в ситуации и готов был дать толковый совет лиловому королю. Но тут король испугался. Он готов был на все, только бы не получать моего совета.

— Как так? — удивился Полосков. — Вы же, говорят, советник королей.

— Но мои советы не всегда ведут к правильным решениям. Ведь дать совет легче, чем ему следовать, как вы думаете?

— Я в гостях не думаю, — ответил Полосков. — В гостях думать невежливо.

— Это интересная идея, — согласился Бакштир. — Надо будет поделиться ею с королями.

— Можно открыть шкатулку? — спросил профессор Селезнев.

— Открывайте, не кусается, — разрешил Бакштир. — Это подарок для вашего зоопарка. Такой штуки в нем еще нет!

Селезнев открыл шкатулку. Алиса сунула туда нос, но ничего интересного не увидела. В шкатулке лежал шерстяной клубок чуть побольше теннисного мячика.

— Кто же это? — спросила Алиса.

— Король лиловой Мандрагуры подарил мне самого ценного зверька своего королевства...

— Вы сказали — Мандрагуры?

— Вот именно, профессор.

Селезнев задумался.

— Пускай думает, — сказал Бакштир. — А мы тем временем сделаем такой же ценный подарок капитану Полоскову.

И тут же в зале появился Рыцарь золотой шпоры. Он принес еще одну черную шкатулку.

Полосков взял подарок и спросил:

— Можно заглянуть?

— Подождите, капитан, — остановил его Бакштир. — Скажите нам, что вам дороже всего на свете?

— Мои космические корабли, и в первую очередь «Пегас», — сразу же ответил капитан Полосков.

— А чего вам больше всего не хватает?

Капитан думал целую минуту, а потом признался:

— Родины. Моей деревушки Кустоцветово. Моего дедушки...

Полосков всхлипнул. Алиса даже и не подозревала, что капитан может так переживать!

— Еще конкретнее! — закричал Бакштир. — Чего вам не хватает?

Дрожащими руками Полосков открыл шкатулку и вытащил оттуда маленькую вещицу.

Несколько секунд он смотрел на нее, не в силах отвести глаз, а потом закричал диким голосом:

— Не может быть! Я этого не переживу! Это такое счастье!

— Что? — спрашивали все вокруг. — Что он нашел?

— Что это за вещь?

Тогда Полосков обернулся к залу и сквозь слезы произнес:

— Первые годы моей жизни прошли в деревне Кустоцветово, где меня воспитывал дедушка. Каждый вечер мы с ним садились на завалинке и играли в шахматы. Над нами горели звезды и манили меня к себе. Но однажды, когда мне было восемь лет, я потерял слона...

— У вас там слоны водились? — удивилась Алиса.

— Шахматного слона, — поправил ее Полосков, и слезы вновь покатались по его щекам. — Я потерял в траве шахматного слона.

— Купили бы другого! — крикнули из толпы придворных.

— Невозможно, — сказал Полосков. — Эти шахматы передавались в нашей семье по наследству долгие годы. Десять тысяч лет назад они были выпилены из мамонтового бивня членом нашего семейства. А мамонта он убил сам.

В зале наступила благоговейная тишина.

— Как же можно было не отыскать такого слона? — спросила Алиса.

— Мы не смогли, — вздохнул Полосков. — Мы с дедушкой выкосили всю лужайку за избой, перебрали сено на сеновале и дрова за околлицей. Как вы нашли эту фигуру?

— Секрет фирмы, — сдержанно ответил Бакштир.

— А как вы узнали, что это мое самое тяжелое воспоминание?

— Секрет фирмы, — сказал Бакштир.

— Тогда я ваш слуга на всю оставшуюся жизнь, — сказал капитан Полосков. — Вы только свистните мне, и я вас отвезу в любой конец галактики.

— Спасибо, мой милый, — сказал Бакштир. И тут наступившую тишину разорвал крик профессора Селезнева:

— Не может быть, клянусь памятью Дарвина!

— Что случилось, папочка? — спросила Алиса.

— Это же самое редкое животное во всей вселенной! — ответил профессор. — Перевертыш глянцево-пушистый! Он водится только в болотах Мандрагуры. Вернее, водился, пока его не истребили в бесконечных войнах лиловые и розовые...

— Синие!

— И синие короли.

— Но одного поймал лиловый король и отдал мне, чтобы избавиться от моего мудрого совета, — добавил Бакштир.

Профессор вынул из шкатулки моток бурой шерсти и легонько подбросил его в воздух.

И на глазах у всех невзрачный моток превратился в пушистый шар размером с большой арбуз. Был он переливчатого песочного цвета. Пушистый шар медленно поплыл по воздуху к Алисе.

Алиса хотела взять его и погладить, но от ее прикосновения шар вывернулся наизнанку и стал блестящим, словно мыльный пузырь. И поплыл по воздуху дальше.

— А чем он питается? — спросила Алиса. — Мы его доведем до зоопарка?

— Он питается воздухом, так что вы его всегда прокормите, — сказал Бакштир. — Удалось ли мне угодить вам подарками.

— Удалось, — сказала Алиса, которой подарка не досталось.

Бакштир улыбнулся туманной улыбкой, и было непонятно, улыбается он или хмурится.

— Держи, Алиса, мой скромный подарок, — сказал он и кинул Алисе золотой замочек со вставленным в него золотым ключиком.

— Что это такое? — спросила Алиса.

— Это вызыватель звездного пса, — ответил Бакштир. — Если тебе в жизни станет трудно и понадобится моя помощь или помощь звездного пса, поверни ключик в замочке, и звездный пес к тебе примчится хоть через полгалактики.

Они допили чай, потом был концерт художественной самодеятельности, и Бакштир вместе со своими слугами и приживалами пел песни о славных древних походах и большой любви.

А вечером наши путешественники отправились на «Пегас».

Их провожали всем замком и звали навещать старого Бакштира.

Потом «Пегас» взял курс на живую планету Пенелопа.

Все были счастливы. Полосков каждые пять минут вынимал слона, вырезанного из мамонтового бивня, гладил его и повторял:

— Ах, дедушка, как я его поражаю!

Отец гонялся по кораблю за ПГП. Так биологи называют между собой перевертыша

глянцево-пушистого. Перевертыш то взлетал к потолку, то норовил забраться под диван. Он выворачивался наизнанку, потом перевыворачивался и при этом напевал разные песни.

Алиса смотрела, смотрела на взрослых, а потом ушла к себе в каюту, достала золотой замочек и повернула ключик.

Посреди каюты возник звездный пес. Он махал длинным хвостом и улыбался.

— А ничего особенного! — сказала Алиса. — Могла же я попробовать?

Пес подумал, подумал, потом запрыгнул на койку Алисы, свернулся клубком, накрылся хвостом и задремал.

Алиса приняла душ и тоже легла спать.

А «Пегас» летел дальше на автопилоте.

Вампир Полумракс

Глава 1. Замок на острове

Примерно тысячу лет назад шотландский клан Кармайклов начал войну с кланом Макдональдсов, который подло захватил пастбище на берегу реки Клайд, хотя всем известно, что оно принадлежало Кармайклам с незапамятных времен.

Через девяносто лет отчаянной войны клан Кармайклов был разбит, частично рассеян, а наиболее упорные из его членов покинули на лодках родные края и переселились на остров Элис, где построили замок Литтлхайкастл.

Остров Элис, о котором вы, может быть, читали, насчитывает милю в длину и примерно шестьсот шагов в самом широком месте. Он совершенно бесплоден, пресную воду там собирают в выбитые в скалах бассейны, и Кармайклы существовали лишь тем, что привозили из Шотландии. А если снова начиналась война или затягивался зимний шторм, то надежда была только на рыбу, которую ловили в бурном море. Известно, что в середине XVI века обитателям замка Литтлхайкастл пришлось питаться рыбой четыре месяца подряд.

Высадиться на остров можно лишь в маленькой бухте Андеркаррент, и то только во время отлива, потому что, когда начинается прилив, могучие волны Атлантики заполняют бухту, и тогда к острову лучше не приближаться.

Сам замок Литтлхайкастл состоит из высокой каменной башни — домена, которая всегда служила маяком и наблюдательным постом, а также двух длинных строений, сложенных из каменных плит. В одном из них, двухэтажном, жили глава клана и его родственники, а в малом, но длинном строении ютились рядовые воины. Кроме того, между башней и домом предводителя находилась маленькая церковь.

Все эти строения были обнесены стеной с воротами, сколоченными из бревен, выброшенных волнами.

А за стеной замка кучкой толпилось несколько каменных хижин, где жили рыбаки, каменщики, плотники, кузнецы и прочие нужные в хозяйстве люди и их семьи.

Но даже в лучшие времена население острова редко превышало сто человек. И если бы не недоступность острова Элис и не дурной характер его обитателей, Кармайклам никогда бы не устоять.

А так они устояли и прожили на острове восемьсот лет.

В последние столетия обстановка в Шотландии изменилась. Шотландские кланы перестали воевать между собой и сопротивляться англичанам. Шотландцы стали ездить в Лондон по железной дороге и даже летать на самолетах. Клан Макдональдс выдвинулся в первые ряды капиталистического мира, потому что предприимчивые Макдональдсы стали торговать своими фирменными булками. Они резали булку пополам и вкладывали в нее все, что не доели за обедом. Булки стоили очень дешево, и Макдональдсы открыли по всему миру столовые, где можно было купить такую булку, которую называли биг-мак. Как-то один из Макдональдсов познакомился с венесуэльской красавицей, сеньорой Пепси Колой. А эта Пепси от своих родственников получила в наследство рецепт венесуэльского кваса. Как только Джонни Макдональдс увидел прекрасную черноглазую Пепси и она угостила его венесуэльским квасом, он понял, что никогда не расстанется ни с красоткой, ни с квасом. Он поставил производство кваса на промышленную основу, и с тех пор в столовых Макдональдсов вместе с биг-маком стали подавать квас, который Джонни в честь своей молодой жены назвал пепси-колой.

Разумеется, когда Макдональдсы занялись бизнесом, им уже дела не было до

бесплодного острова Элис и последних упрямых Кармайклов. Они даже о них забыли. И неудивительно, что, воспользовавшись их забывчивостью, Кармайклы совершили набег на пастбище на берегу реки Клайд и захватили его.

Начались многолетние судебные тяжбы, но до сих пор суд не определил, кому же это пастбище принадлежит. А пока суд да дело, упрямые Кармайклы переселились на пастбище и разводят там овец. А уютный замок Литтлхайкастл да и весь остров Элис опустели.

Пустой остров и пустой замок постепенно обрастали легендами и выдумками, как днище корабля ракушками. Редкие туристы забирались на островок, а когда ничего интересного, кроме каменных стен да развалин, не находили, то начинали фантазировать.

Понемногу замок на острове Элис стал самым знаменитым местом в Шотландии, и в газетных статьях, написанных туристами, которым из-за непогоды пришлось заночевать на острове, или журналистами, пролетавшими над островом на вертолете или флаере, появились чудеса, о которых Кармайклы и не подозревали.

Говорили, что под замком в скалах выдолблены глубокие подземелья. Там есть камеры, чтобы пытать пленных Макдональдсов, есть бассейн, в котором на случай голода Кармайклы разводили слепых жемчужных рыб. Эти рыбы росли до акульих размеров и нападали на туристов, поскольку, кроме туристов и случайных комаров, залетавших в подвалы, питаться им было нечем.

А еще глубже, в самых тайных и недоступных подземельях, хранятся бесценные сокровища Кармайклов, о которых они и сами забыли. Все это было награблено на судах, проходивших мимо острова.

«Ну, проходили суда... А при чем же тут замок?» — спросите вы.

А журналисты на это отвечали:

— Дело в маяке. Маяк точно так же мигал — три зеленые и одна красная вспышка через две минуты, — как и маяк Шлопфилд у входа в устье реки Саксенборо, где стоит город с таким же названием. Поэтому торговцы, которые спешили в Саксенборо, меняли курс и неслись прямо на скалы у бухты на Элисе. А Кармайклы спокойно вытаскивали сундуки с погибших кораблей.

Наконец, журналисты и туристы клялись, что в замке водится привидение не то юного Макдональдса, задушенного в плену, не то не менее юной Дианы Соксберри, которую хулиганы Кармайклы заманили в замок и уморили голодом.

Эта история имела место восемьсот лет назад, и ей не верят даже Макдональдсы.

Но тем не менее у острова такая дурная слава, что Кармайклы просто отчаялись.

Сначала они хотели устроить там базу отдыха для скалолазов. Но скалолазы отказались, потому что они не умеют плавать по морю, а иначе на остров не попадешь. Кармайклы сказали: «Возьмите флаер». А скалолазы возразили: «На ваших скалах живут такие злобные бакланы и чайки, которые высиживают там птенцов, что они заклюют любого скалолаза и не поморщатся».

Потом Кармайклы предложили миллиардеру Джеральду Бабкину из Колорадо-Спрингс купить замок и перевезти его на родину. Джеральд Бабкин уже готов был решиться на эту покупку, потому что в его имении как раз не хватало настоящего шотландского замка, который здоровски гляделся бы рядом с отрезком Великой Китайской стены, сложенной из настоящих кирпичей, которые для Бабкина изготовили в Одессе на Малой Арнаутской улице. Но тут Бабкина расстреляли из гранатометов братаны из Харьквива, не поделившие с ним город Колорадо-Спрингс.

Тогда Кармайклы махнули рукой на свой замок и стали разводить овощи для туристов на берегу реки Клайд. А свитера из шерсти овец прославили Кармайклов на весь Эдинбург.

И тут пришел Рони Робинсон со своей идеей.

Рони Робинсон работает в Институте палеогенетики.

Этот институт трудится над изучением генов наших предков, а также древних вымерших животных.

Если вы что-нибудь забыли, давайте вспомним.

Любой организм состоит из клеток. И арбуз, и динозавр, и комар. В каждой клетке спрятаны гены. А в генах записаны все особенности организма.

Представьте себе: в арбузе или комаре есть миллион клеток. И в каждой такой клетке лежит что-то вроде магнитофонной ленты, а на ленте записано, какого цвета у комара ножки, есть ли у него прыщик на левом ухе, как он ходит и летает.

Еще сто лет назад в конце XX века ученые научились читать эти записи. И не только читать, но и копировать. Была бы клетка, был бы ген, а уж скопировать его мы сможем!

Это называлось клонированием. То есть берется клетка, и по имеющейся в ней информации строится точно такая же клетка.

Был комар — стало два комара!

Был арбуз — стало два одинаковых арбуза.

Была овечка Долли — и появилась у нее близняшка Полли.

Как вы знаете, любой живой организм скопировать нетрудно, даже внести в него изменения можно. И это называется генной инженерией.

Раньше инженеры имели дело со станками и кирпичами, а теперь с овечками или слонами.

Людей копировать, конечно, запрещается. На этот случай есть строгие законы, которые, правда, иногда нарушаются, потому что всегда найдутся люди, которым выгодно их нарушать.

В Институте палеогенетики давно уже изучают гены животных, которые вымерли, исчезли с лица Земли миллионы или тысячи лет назад. Там стараются понять, какими были гены в то время, пытаются их прочесть и расшифровать.

Долго бились над этой проблемой.

И вот — получилось!

В институте прочли ген мамонта, а потом и повторили его. Да так повторили, что вырастили из одной клетки нового мамонта. Был мамонт вымершим животным, а теперь стал самым обыкновенным.

С мамонтом все просто — от него сохраняются бивни. Находят его шерсть и даже целые замерзшие туши. А как быть с древним динозавром? Если и отыщешь его кость, окажется, что ей сто миллионов лет!

Но и с этими трудностями справились.

Сначала палеогенетики отправились в Институт времени и попросили пустить их в мезозойскую эру или еще дальше — к самому началу жизни на Земле. И оттуда они стали привозить скорлупки яиц ящеров, крылья бабочек, клочки шкур змей, которые те сбрасывали, меняя кожу.

Вернувшись домой, палеогенетики попытались выделить из своих трофеев гены, а потом, когда это удалось, вырастить вымерших животных в лаборатории.

Сначала они вывели маленького ящера, размером с письменный стол. Он получился верткий, шустрый, нахальный и прожорливый. Причем ему было все равно, что есть — батон хлеба, торт, который молодые специалисты испекли на день рождения главного бухгалтера, любимую трость директора института или черепаху Годзиллу, которая жила в институте уже двадцать лет и никому не мешала. Правда, кошку Машку ящер сожрать не смог — она ему всю морду исцарапала!

Ящера заперли в кладовой для старой мебели, и когда через два дня туда заглянули, то оказалось, что мебели уже не осталось, а ящер еле помещается в комнате.

А к тому времени ученым удалось восстановить по генам морского змееныша, птеродактиля и саблезубого тигренка, у которого были такие длинные клыки, что пасть не закрывалась.

Все новые и новые животные появлялись в стенах института.

Ведь если ученые примутся за дело, их уже никто не остановит. Нет людей более опасных, чем ученые, увлеченные своим делом. Им так интересно добиться цели, что они забывают о последствиях.

Вот и в институте вскоре развелось столько тварей, в основном глупых, злобных и прожорливых, что научные сотрудницы перестали ходить на работу — жить-то хочется!

Надо было что-то делать!

Сотрудницы и жены сотрудников требовали, чтобы ящеров, удавов и тигров куда-нибудь отдали.

Участковый инспектор, который был убежден, что не сегодня-завтра чудовища вырвутся наружу и сожрут весь район, хотел, чтобы ящеров усыпили, сделали бы из них чучела и поставили в музей — по крайней мере, чучела не кусаются.

А Рони Робинсон пришел к директору и сказал, что у него есть идея.

— Знаю, — сказал директор, которому уже надоело объясняться с сотрудницами, сотрудниками, женами сотрудников, милиционерами и Обществом защиты беззащитных животных. — Мы должны отдать наших крошек в зоопарк или в цирк.

Директор был печален, он не хотел расставаться с творениями своего института.

У него на коленях сидела оранжевая лягушка размером с собаку, он чесал ее там, где у людей расположено ухо. А лягушка тихо квакала, а может быть, пела.

— К сожалению, из этого ничего не выйдет, — сказал Рони Робинсон, — потому что ни один зоопарк на Земле наших крошек не возьмет. Они не смогут их прокормить и содержать, как положено. О цирке и говорить не приходится.

— Так что же вы предлагаете?

— Я предлагаю устроить наш собственный зоопарк. Зоопарк ископаемых чудовищ. Палеозоопарк! Есть же в Москве Космозо для инопланетных зверей.

— Где же вы устроите такой зоопарк? — спросил директор. — Я свой институт не отдам.

— Мы купим остров, — сказал Рони Робинсон. — К нам будут ездить туристы и покупать билеты.

— А в этом что-то есть, — сказал директор и впервые за две недели улыбнулся.

Лягушка протянула лапку и нажала на кнопку. Через две минуты в кабинет прибежали все палеонтологи. Началось совещание.

Идея всем понравилась. Надо было только придумать, где разместить такой странный зоопарк.

Этот зоопарк должен находиться не очень далеко от всех больших городов, чтобы детям и взрослым было удобно туда добираться. Но в то же время он должен быть изолированным. А вдруг какой-нибудь саблезубый тигр вырвется на волю? К тому же желательно, чтобы рядом было море. Ведь ученые решили восстанавливать не только сухопутных животных, но и морских. И климат там должен быть не очень жаркий, но и не самый холодный.

Ученые собрались на конференцию и спорили две недели. Может, они бы и раньше договорились, но там оказались делегаты от разных стран, и каждый из них хотел заполучить такой зоопарк. Ведь это отличная приманка для туристов — кому не захочется посмотреть на живого саблезубого тигра?

В конце концов из двадцати пяти кандидатур выбрали остров Элис у берегов Шотландии.

На острове стоял красивый старинный замок Литтлхайкастл, обнесенный каменной стеной. В этом замке будут жить сотрудники зоопарка и ученые, которые захотят изучать древних чудовищ. Тут же можно устроить помещения для теплолюбивых зверей.

Тысячу лет назад лодка могла подойти к острову только в отлив. А в конце XXI века можно будет в две недели оборудовать удобный причал для кораблей, а на плоской спине острова — площадку для флаеров. К тому же сразу нашлись любители диких растений, которые сказали:

— А почему ваш зоопарк будет содержать только зверей? Почему бы не сделать его и ботаническим садом? Пускай ископаемые звери гуляют меж ископаемых растений и срывают с них ветки.

— Но для дремучего леса первобытных эпох места не найти. Остров небольшой.

— В центре острова мы вам сделаем саванну, — сказали палеоботаники, — то есть травяную степь с отдельно стоящими ископаемыми деревьями.

— А где вы посадите тропические деревья? — спросили палеозоологи.

— Рядом с островом будет платформа на воздушной подушке. Никто даже не заметит, что она искусственная. Над этой платформой мы сделаем прозрачный купол...

В общем, палеоботаники переспорили палеозологов, и зоосад стал не только зоопарком, но еще и ботаническим садом.

Три года строители превращали остров Элис в Палеозо. Это искусственное слово: «палео» означает «древний», а «зо», как вы догадались, — это начало от слова «зоосад».

Первым обитателем Палеозо стал бронтозавр Бронтя, который до этого жил в московском Космозо. Он занимал там очень много места. Бронтя согласился переехать, потому что Рони Робинсон, которого все звали Ро-Ро, обещал ему вывести молодую бронтозаврочку, чтобы Бронтя не скучал.

Потом привезли двоих мамонтьят.

На платформе на воздушной подушке, которая была прикреплена к острову, под прозрачным куполом распустились сказочной красоты цветы кайнозойской эры, а над ними летали ящеры-птеродактили, похожие на гигантских летучих мышей.

Птеродактили охотились на допотопных бабочек и стрекоз с крыльями в полметра размахом, но зоороботы, которые наблюдали за порядком, всегда успевали подсунуть птеродактилю рыбину или кусок сыра, чтобы спасти бабочку.

Сами роботы были замаскированы под пни, кочки и даже кустики, чтобы туристы не огорчались.

Туристам редко разрешали гулять по саванне, им приходилось оставаться на башне или

спускаться в подземелья замка и через подземный ход выбираться в наблюдательные кабинки. Но гулять по первобытному миру им не разрешалось. Это могло оказаться опасным для туристов. А иногда и для зверей.

В самом начале, когда первые посетители еще ходили по Палеозо, как по обыкновенному зоопарку, а опасных животных в нем не водилось, туда проник турист Скоропелли из Флоренции, который учился играть на тромбоне. Нагулявшись, он уселся под суперпапоротником и решил потренироваться.

А мимо пролетала первая на Земле птица археоптерикс.

Ей никогда раньше не приходилось слышать, как играют на тромбоне, поэтому она решила, что началось извержение вулкана, от страха потеряла все перья, упала на землю и ушиблась. Потом она пришла в себя, но в компьютере Палеозо произошел сбой, потому что он никак не мог вычислить, куда делась первобытная птица, но что еще непонятнее, откуда в зоопарке появился неучтенный утконос, если утконосов еще не выводили.

Зверей и растений с каждым днем становилось все больше, а остров был невелик. Поэтому ученые начали подыскивать другой остров, а пока заявили, что каждый день будут пускать только одну группу зрителей. Очередь из желающих побывать в Палеозо растянулась на двадцать лет. А те, кто не мог ждать так долго, покупали себе объемный фильм о зоопарке с эффектом присутствия, запахами, ознобом по коже и даже укусами мезозойских комаров.

Да, еще надо сказать, что зоопарк полюбился режиссерам, которые снимали фильмы из доисторических эпох. Они иногда просили выделить им на месяц мамонта покрупнее или парочку птеродактилей. Но директор Палеозо Ро-Ро не любил такого отношения к ценным экспонатам. И редко кому из динозавров или мамонтов удавалось покинуть остров и побегать в свое удовольствие по берегам Амазонки или по пустыне Гоби.

Вот и вся история, вернее, предыстория.

Или предисловие к нашей истории.

Глава 2. Кто живет в Палеозо?

В пятницу днем Алиса, как обычно, пришла из школы.

И удивилась.

Папа был дома.

Это было странно, потому что Алисин папа, профессор Селезнев, работает директором Космозо. Это космический зоопарк, в нем содержат зверей, которых поймали на других планетах. Алиса даже летала вместе с отцом на корабле «Пегас» за космическими зверями и пережила немало приключений.

Раз профессор Селезнев работает директором зоопарка, то домой он редко приходит вовремя, но мама к этому привыкла, потому что она архитектор, строит дома на разных планетах и тоже часто опаздывает к обеду, ужину и завтраку.

Только домашний робот Поля никогда и никуда не опаздывает и мечтает, чтобы его хозяева когда-нибудь вышли на пенсию и занялись тихими делами — например, собирали бы марки, вышивали или читали старинные бумажные книги. Робот Поля считает, что родители испортили свою дочку Алису, которая растет такой же непоседой, как ее папа и мама. И это плохо кончится.

Что значит «плохо кончится», он не объясняет, а начинает перемигиваться разноцветными огоньками, поскрипывать, напевать походные песни и уходит к себе в комнату, где лежит его коллекция монет. Робот Поля — нумизмат. Один из немногих нумизматов среди домашних роботов.

В тот день Алиса пришла из школы, а ее отец уже был дома и даже обедал.

Робот Поля был счастлив, он надеялся, что профессор наконец-то начал нормальную жизнь.

Но Селезнев ничего такого не начал.

— Алиса, — сказал он, — я улетаю на остров Элис у берегов Шотландии. Ты знаешь, что там?

— Разумеется, знаю, не маленькая! Тысячу лет собираюсь туда сгонять, но времени все не хватает.

— Вернусь я завтра. Там возникли проблемы, и Ро-Ро хочет посоветоваться.

— Папочка, — взмолилась Алиса, — мне сегодня и завтра совершенно нечего делать. Может быть, мне слетать в Палеозо вместе с тобой?

— Но у меня там серьезные дела, — ответил профессор Селезнев.

— Вот именно, — согласилась Алиса. — А мне хочется посмотреть на Бронтию. Ты же знаешь, что этот бронтозавр — мой друг детства. Мы с ним вместе росли.

Селезнев улыбнулся, он уже готов был согласиться, но робот Поля возмутился.

— Для кого же я буду завтра обед готовить? — спросил он строго. — Вас не будет, ребенка вы отрываете от дома, а ваша мама вообще вторую неделю на Марсе. Так жить нельзя!

— Так жить нужно! — возразила Алиса.

Робот обиделся и ушел, а профессор Селезнев сказал дочке, чтобы она одевалась потеплее, потому что октябрь у берегов Шотландии — довольно холодный месяц и там дуют сильные ветры.

Робот с ними не разговаривал и даже не вышел проводить. Но его тоже понять можно.

Полет на флаере до острова Элис занял чуть больше часа. Наконец-то Алиса смогла

посидеть с отцом и поговорить с ним о школьных делах. Ей бывало скучно без папы, а папа этого не понимал.

Флаер пролетел над Европой, которая была закрыта облаками, и поэтому Алиса ее почти не видела. Но над проливом Ла-Манш облака разошлись, и Алиса увидела белые скалы Дувра. Потом они пересекли всю Англию и вдоль ее западного побережья полетели на север, к Шотландии.

Для тех, кто забыл или болел, когда на уроке проходили Британию, я напомним.

Есть такая страна — Великобритания. Она занимает остров, который лежит на самом краю Европы. За ней уже нет никакой земли и начинается Атлантический океан.

Великобритания — это название всей страны. Но на самом деле она состоит из нескольких стран. Они объединились и живут вместе.

Южную половину острова занимает Англия.

Северную — Шотландия.

На западе расположен Уэльс, а часть небольшого острова, который лежит за Уэльсом, называется Северной Ирландией, или Ольстером.

Так что, когда вы будете в Великобритании, которая, кстати, еще зовется и Объединенным Королевством, потому что у всей страны всегда был один общий король или королева, не путайте названий — и шотландцы и англичане за этим строго следят.

Алиса, конечно, обо всех этих хитростях знала.

Они с папой летели именно в Шотландию.

Под флаером тянулись изрезанные безлесные берега, о которые разбивались злые океанские волны.

Порой быстрые серые облака закрывали землю и море. Потом острый скалистый пик прорезал слой облаков.

А вот и остров Элис!

Сверху он казался совсем небольшим. На одном его конце поднималась башня замка, за ней тянулся зеленый газон, посреди которого росло несколько деревьев. Дальше находился прозрачный купол, каким обычно покрывают футбольные поля, под ним виднелись деревья и кусты. А перед замком располагалась небольшая бухта с причалом для кораблей и площадкой для флаеров на берегу.

Там профессор Селезнев и посадил свою машину.

Его уже ждали.

Директор Палеозо Рони Робинсон, волосатый, усатый и бородатый, похожий на бармалейского сыночка, протянул руку Селезневу, потом поздоровался с Алисой и сказал:

— Добро пожаловать, славная семейка Селезневых. Я давно вас жду. Ну, что будем делать: пообедаем или сначала осмотрим мое хозяйство?

— Можно мне повидаться с Бронтей? — спросила Алиса. — Ведь я его помню еще совсем маленьким.

— Я знаю, — сказал Ро-Ро, — что Бронтя провел первые годы жизни в Космозо. Но что делать — тогда еще не было нашего! Я надеюсь, что ему здесь интереснее, чем в Москве. По крайней мере, у него появились друзья своего круга.

От посадочной площадки, на которой стояло три флаера, до стены замка Литтлхайкастл было шагов двадцать.

Ворота, сбитые из седых от времени и непогоды бревен и обшитые полосами ржавого железа, были приоткрыты. В воротах стоял старый робот и раскуривал трубку.

— Ну я же предупреждал! — сказал директор Палеозо.

— Прости, шеф, — прохрипел робот. — Воля у меня слабая.

Раньше Алисе не приходилось видеть курящих роботов. И директор Ро-Ро пояснил:

— Я получил списанных роботов, из МЧС. Была такая организация — Министерство по чрезвычайным ситуациям. Как где случится ситуация — или прорвется канализация, или начнут на людей тигры бросаться, или сосед полезет драться, — вызывают спецкоманду по рации. Они приезжают: пожалуйста спасаться!

— А вы, оказывается, поэт, — засмеялась Алиса.

— Это нечаянно получилось, — ответил директор. — А роботы у меня опытные, но старые и с причудами. Им работы хватает.

Они вошли во двор замка. Двор был вымощен булыжником, кое-где между камнями проросла трава. Слева стоял директорский дом, а прямо перед Алисой — сигнальная башня.

Перед входом в башню их встретили два биолога, тоже прилетевшие в Палеозо: индийский профессор Сингх из Бомбея и доктор Чжан Цзолинь из Шанхая.

Профессор Сингх был невысоким, смуглым, толстым мужчинкой с бородкой и усиками и в белой чалме. Его маленькие черные глазки походили на маслины, толстые короткие пальцы украшали огромные перстни. Он был похож совсем не на профессора, а больше на торговца сладостями.

Доктор Чжан Цзолинь был старше своего коллеги, но в его черных волосах не мелькало ни единого седого волоска. Худой, сутулый профессор в черном костюме казался очень строгим, как старейший школьный учитель математики.

Биологи познакомились. Взрослые знали друг друга, но с Алисой они еще не встречались.

— Давайте поднимемся на башню, — предложил Ро-Ро.

Башня замка была довольно высокой, наверное, с пятиэтажный дом. Вокруг каменного столба кружилась винтовая лестница. Когда Алиса вышла на верхнюю площадку, на нее накинута ветер, который принялся толкаться, шуметь в ушах и трепать за волосы.

— Я наверняка схвачу насморк, — забеспокоился профессор Сингх из Индии. Он очень боялся сквозняков и холода.

Алиса посмотрела вокруг. Слева простирался безбрежный океан, похожий цветом на облака, только чуть темнее, справа за проливом были видны скалы. Там начиналась Шотландия. Чайки вились над башней и пронзительно кричали, словно выпрашивали угощение. Но Алисе нечем было угощать чаек. Она крикнула им:

— Не ленитесь! В море много рыбы!

Чайки обиделись и улетели.

Ученые подошли к зубцам башни. Между зубцами стояли большие подзорные трубы, через которые можно было наблюдать за обитателями зоопарка.

Алиса тоже подошла к краю площадки, посмотрела в трубу и удивилась. Прямо рядом с ней шел мамонтенок, еще совсем маленький, но покрытый волосами, свисавшими до самой земли. Он крутил головой.

— Маму ищет, — сказал доктор Сингх.

И тут Алиса громко прошептала:

— Смотрите! Он же нападет на ребенка!

И все увидели, что по кустам крадется тигр.

— Саблезубый тигр, — пояснил Ро-Ро.

Клыки у тигра были такими длинными, что из них можно бы выточить кривые сабли.

Тигр крался за мамонтенком. Вот он прижался к земле, как кошка, которая выследила мышку. Только кончик хвоста нервно бил по траве.

Но директор Ро-Ро вовсе не встревожился.

— Сейчас вы увидите, — сказал он, — как у нас поставлена охрана животных.

В то же мгновение пенек, возле которого готовился к прыжку тигр, подпрыгнул, и из него вылезли когти. Когти шевелились перед самым носом тигра. Пенек делал вид, что сейчас сделает из хищника отбивную котлету, и тигр смертельно перепугался. Он пополз задом наперед и скрылся в кустах.

— Но так как тигров мало и мы не хотим, чтобы они каждого пенька пугались, — сказал Ро-Ро, — то в кустах его ждет большой кусок мяса. Покушает и обо всем забудет.

А мамоненок тем временем усмотрел вдали маму — мамонтиху. Она задумчиво брела по траве и о чем-то думала. Наверное, ей было странно, почему она оказалась на острове и где все ее родственники?

— Здесь, на открытом воздухе, у нас живут только те звери, которые не боятся холодов. Видите, вон идет красавец!

Красавцем оказался первобытный олень. У него были такие рога, что на них, как на вешалке, уместились бы куртки целого класса.

Олень очень хотел всем понравиться. Он медленно поворачивал гордую голову и искал зрителей. Но зрителей не было, потому что все — и полосатые волки, и пещерный медведь, и зайцы с длинными хвостами, и даже лягушки размером с футбольный мяч, которые сидели вокруг небольшого озера, — были заняты своими делами.

— А неандертальцев у вас нет? — поинтересовался мистер Сингх, который боялся сквозняков.

— Неандертальцы — люди! — возмущенно воскликнул доктор Чжан Цзолинь. — Разве можно людей держать в зоопарке?

— Если им нравится, — пожал плечами профессор Сингх, — пускай живут где угодно. Хоть в птичнике.

— Нет, у нас неандертальцы не водятся, — улыбаясь, сказал директор Ро-Ро. — У нас вместо них достаточно туристов. И они бывают куда более первобытными, чем любые троглодиты.

Глава 3. Подземелья острова Элис

— А теперь, — сказал директор Ро-Ро, — я предлагаю осмотреть другие наши достопримечательности. И обещаю вам показать кое-что интересное.

— Надеюсь, вы не поведете нас на сквозняк? — спросил профессор Сингх. — В этом замке никакой гигиены!

— Вас не продует, — успокоил профессора Ро-Ро. — По крайней мере, никто раньше не жаловался.

Профессор Сингх поплотнее застегнул на себе пальто, натянул на уши прямо поверх белой чалмы вязаную шерстяную шапочку, как у лыжника, и надел темные очки. Он был готов к испытаниям.

— Нам предстоит настоящее путешествие, — объяснил директор Палеозо. — Путь к прозрачному куполу на краю острова, под которым живут теплолюбивые, опасные и летающие животные, лежит под скалами. Мы пользуемся подземельями и туннелями, которые пробили в камнях еще древние Кармайклы, чтобы прятаться от Макдональдсов и убежать от них подальше. Но мы не сразу пойдем под купол, а сначала осмотрим наши лаборатории. Вы согласны, коллеги?

Никто не возражал.

Подземный ход начинался под двухэтажным каменным домом, где когда-то жил предводитель клана Кармайклов. Нижний этаж раньше служил столовой замка, а теперь в нем поместилась лаборатория питания. Здесь ученые выясняли, что и почему любят их подопечные, что они готовы есть не переставая, а что на дух не переносят. Одних витаминов им требовалось больше шестидесяти.

От дорожки для туристов, которая вела к низкой каменной арке, лабораторию отделяла стеклянная перегородка.

— Мы не случайно отделили лабораторию от людей стеклянной стеной, — объяснил Ро-Ро. — Вы не представляете, что порой едят эти ископаемые твари! Нашим поварам-ветеринарам приходится работать в противогазах. Ох, тяжела судьба палеодиетолога! Но что самое интересное — вонь от первобытной пищи бывает такой сильной, что и роботы натягивают противогазы.

И в самом деле, Алиса тут же заметила шустрого робота на гусеницах и в противогазе.

Все двинулись по дорожке к арке, но Ро-Ро остановил гостей.

— Сначала, — сказал он, — мы посетим самое секретное место нашего замка.

Он зашел в нишу в стене и провел ладонью по камню. Часть стены уплыла в сторону.

Они вошли в зеленую камеру без окон. Под потолком горел белый светильник. Дверь сразу закрылась, и раздалось низкое гудение, словно они попали внутрь громадного шмеля.

— Это что такое? — воскликнул профессор Сингх. — Я чувствую сквозняк и требую немедленно выпустить меня к людям!

— Это дезинфекция, — догадался доктор Чжан Цзолинь. — Наверное, директор хочет показать нам научный центр по генетическому конструированию.

— Вы правы, коллега, — согласился Ро-Ро.

Жужжание прекратилось, и перед людьми открылась другая дверь.

За ней находилось низкое обширное помещение с колоннами. Вместо стен были видны щиты управления и различные приборы, присоединенные к ваннам, накрытым темно-зелеными крышками.

К гостям сразу подошел деловитый робот.

— Рад. Приветствовать. Вас. В нашем. Центре! — сообщил он.

— Покажите гостям, как мы работаем, — попросил Ро-Ро.

— Наш. Центр. Филиал. Лаборатории. Генетического. Конструирования, — сказал робот.

Он по-военному зашагал вдоль ванн. Остановившись около ванны или металлического цилиндра, робот громким голосом сообщал:

— Морской змей. Третий день. Температура. В норме. Плезиозавр.

Робот говорил, не раскрывая рта. Впрочем, и рта-то у него не было, только круглая решетка микрофона. Алисе показалось, что он не очень хорошо знает, где надо ставить точки, а где запятые, — и ошибается.

Алиса хотела посмотреть, что творится внутри ванн, но темно-зеленая жидкость, которой они были наполнены, оказалась густой и непрозрачной.

Вдоль стен неподвижно стояли другие роботы. Чем они занимались, непонятно, но пока они ждали, скоро ли уйдут люди.

— Как же плезиозавр уместится в такой ванне? — спросил профессор Селезнев.

— Иногда мы получаем сразу взрослого зверя, — пояснил директор Ро-Ро. — Но если животное очень большое, то из лаборатории выходит детеныш, и уже в зоопарке он растет обычным образом.

— Длина плезиозавра. Шестнадцать, — сказал робот. — Двадцать два. Метра. Трехметровая особь. Будет. Завтра. Выпущена в аквариум. В два часа. Тридцать. Минут.

— Ну и правильно, — одобрила эту идею Алиса. — А то для шестнадцатиметрового змея и ванны не найти.

— Не стоит всех выпускать в зоопарк, — сказал профессор Сингх. — Из таких больших крокодилов можно изготовить много женских сумочек. Как только подрастет, сразу нужно резать и снимать шкуру.

— Зачем? — удивился доктор Чжан Цзолинь. — Ведь теперь есть искусственные материалы, которые не отличишь от крокодиловой кожи. Пускай крокодилы живут. Тем более ископаемые крокодилы.

Алиса, конечно же, была согласна с китайским биологом.

— Папа, — спросила она тихонько, — а откуда этот Сингх?

— Он живет в Бомбее, — ответил профессор Селезнев. — Я его раньше не встречал. Кажется, он заведует питомником тропических бабочек.

Сингх услышал этот разговор и сказал:

— Мы выводим очень красивых бабочек, потом их убиваем, вставляем в рамки, и получаются сувениры. Туристы покупают. Это очень гуманно. Не надо бегать по джунглям, топтать траву и пугать слонов. Чик-чик, и готово!

Профессор Сингх махал толстыми ручками, и перстни на пальцах вспыхивали разноцветными искрами.

Он заметил, что Алиса смотрит на его кольца, и пояснил:

— А я коллекционер! Люблю, грешным делом, камешки, ха-ха-ха!

— Может, хотите заглянуть в ванну? — спросил директор. — Так сказать, взглянуть на чудовище в неготовом виде?

Он шагнул к одной из ванн, но робот, стоявший рядом, жестом остановил его.

— Нельзя. Директор, — проскрипел он. — Зрелище. Не для слабонервных.

— Как ты смеешь! — возмутился Ро-Ро.

Но доктор Чжан Цзолинь тихо сказал:

— И в самом деле незачем смотреть. Полработы не показывают.

Они покинули лабораторию и пошли дальше уже по туннелю. В подземелье было сумрачно, на стенах горели факелы.

— Смотрите под ноги, — предупредил Ро-Ро. — Мы специально ничего не меняли. Все как тысячу лет назад.

— Это еще зачем! — рассердился профессор Сингх, который споткнулся о каменную плиту, схватился было за стенку, но стена оказалась мокрой, так что профессор остановился и принялся вытирать руку носовым платком, ворча себе под нос: — Не удивлюсь, если здесь обнаружатся ископаемые микробы.

— Наши биологи тщательно следят, чтобы этого не случилось, — сказал директор Палеозо. — И им удалось сделать несколько интереснейших открытий. В древнем мире иногда обнаруживаются такие бактерии, что вы, профессор, умерли бы от зависти.

— Зависть — незнакомое мне чувство, — ответил Сингх. — Но погибнуть от случайно выскочившего на свободу микроба мне не хотелось бы.

— Для науки любое существо бесценно, — сказал доктор Чжан Цзолинь.

Ро-Ро снова принялся рассказывать о своем любимом замке:

— Когда-то Кармайклы прокопали туннель, чтобы тайно скрыться из замка, если дела пойдут совсем плохо. Не знаю, пользовались они им или нет, но с этим ходом связаны всякие страшные легенды.

— Какие? — сразу же спросила любопытная Алиса.

— Но это же легенды! Сказки! — пожал плечами директор.

— Чепуха! — произнес профессор Сингх. — Мы с вами настоящие ученые и не можем тратить время на жалкие суеверия.

Алиса расстроилась, что взрослые и слышать не хотят о сказках и легендах. У нее-то было свое мнение по этому поводу. Она знала, что сказочные существа — не детская выдумка, а исторический факт. Только жили они в эпоху легенд, между третьим и четвертым ледниковыми периодами. Очень давно. И не выдержали наступления ледника. Ведь сказочные существа, так же как и сами волшебники, не могут варить себе пищу, строить дома и заниматься полезным делом. Вот и вымерли. Остались только первобытные люди, которых волшебники и в грош не ставили. А сами волшебники, чудо-богатыри, гномы и Змеи Горынычи остались лишь в человеческой памяти. А так как люди их не видели, то и решили, что сказочные существа — выдумка детей. Или стареньких бабушек, которые идут на любую хитрость, лишь бы заставить детей кушать кашку и вовремя ложиться спать. И если глупенький ребенок говорит: «Расскажи мне, бабушка, страшную сказку!» — бабушка начинает придумывать про русалок и леших.

Алисе приходилось бывать в эпохе легенд. Она летала туда на машине времени. Но то, что знают дети и некоторые наиболее умные взрослые, остальным взрослым неизвестно. Если вы ребенок, то должны знать, что большинство взрослых людей настолько упрямы, что если их поставишь перед Бабой Ягой, которая как раз взлетает над поляной в своей ступе, они скажут:

— Надо бабушке помочь перейти улицу, она уж совсем обезножела!

Ему говоришь:

— Пойдем в заповедник сказок, хочу с гномом познакомиться!

А он тебе отвечает:

— К сожалению, заповедника сказок не существует.

— Почему? Вот же в него билет!

— Его нет, потому что его не может быть никогда.

Ну и как прикажете с такими взрослыми бороться?

И профессор Сингх, скорее всего, относился именно к такой породе взрослых.

Директор Ро-Ро сделал вид, что согласился с профессором, и показал направо:

— Видите вон тот узкий проход?

— Черную щель? — спросил профессор Селезнев.

— Вот именно! Эту щель пробил мечом старый Юджин Кармайкл, когда в 1342 году погнался за своей дочкой, которая решила выйти замуж за морского царя. Он ее почти догнал, но в последний момент Гиневьева вошла в стену, потому что гномы помогли ей сбежать от гнева отца. А его меч вонзился в стену, и образовалась эта щель. Кончик меча обломился, и вы можете его увидеть, если захотите.

— Разумеется, мы не захотим. У нас нет времени на чепуху, — ответил профессор Сингх, и другие биологи его поддержали. Только Алиса немного отстала и подбежала к черной щели. Она увидела, что в стене, как раз на уровне ее глаз, блестит кусок железа — конечно же, это обломок меча!

— А что потом случилось с Гиневьевой? — спросила Алиса.

Ро-Ро обернулся:

— Говорят, что она заблудилась в подземных ходах и погибла. Она превратилась в призрак, который все ищет выход из замка и никак не может найти. И если человек увидит призрак Гиневьевы, он сойдет с ума от страха.

— Не смейте пугать ребенка! — дрожащим голосом воскликнул профессор Сингх. — Она ммо-жжже-ттт сста-ттть зза-икккой!

— Меня не испугаешь! — откликнулась Алиса.

— Вот видите, — сказал профессор Сингх. — У ребенка уже дрожит голос. Она сейчас заплачет!

Алисе хотелось взглянуть в черную щель и посмотреть, нет ли там несчастной девушки, но не удалось.

По сторонам подземного хода были видны разные пещеры, провалы и даже подземные озера. Оказалось, что вся скала, на которой стоит зоопарк, буквально изъедена подземными ходами.

В одном месте Ро-Ро остановился и сказал:

— Послушайте!

Они прислушались. Из прохода доносился странный звук, который был похож на шум набегающей на берег волны.

— Что это? — испугался профессор Сингх.

— Сам не знаю, — признался директор.

— Тогда замуруйте!

— А вдруг там живое существо и мы его убьем? Нет уж, пусть все остается, как раньше, — ответил Ро-Ро.

— Правильно, — поддержал его профессор Селезнев. — Некоторые вещи лучше не знать, потому что от их знания никакого толка нет.

«Надо будет как-нибудь потом прилететь сюда, — подумала Алиса, — и забраться в это

подземелье. Что-то здесь есть. Конечно, вряд ли это привидения, но проверить стоит! Вот позову Пашку Гераскина, он парень смелый, возьмем фонари и прилетим».

Они вошли в небольшой, но высокий, как бочка, зал. Вдоль стен стояли каменные статуи.

— Ах! — воскликнул профессор Сингх. — Это еще что за манекены?

— Точно никто не знает, — ответил директор Ро-Ро, — но есть мнение, что это воины клана Кармайклов, которые погибли от предательских рук их врагов Макдональдсов. Они собираются на башне в штормовые ночи и хором поют старинные народные песни.

— Какой ужас! — перепугался Сингх. — И вы слышали?

— Я не слышал, но наша сотрудница, Ройял Джонс, которая кормила на той неделе птеродактилей, видела странные тени на вершине башни и слышала голоса.

Профессор Сингх ускорил шаг, чтобы быстрее миновать зал.

Алиса немного отстала, ей было интересно посмотреть на статуи, которые поют на вершине башни.

В тусклом свете факелов она увидела грубые, похожие одна на другую каменные фигуры в длинных, до земли, плащах и капюшонах или шлемах. В любом случае лиц не видно, а увидеть так хочется.

Алиса даже присела, чтобы заглянуть под низко надвинутый капюшон статуи.

И вдруг оттуда сверкнул глаз!

Наверное, подумала Алиса, вместо глаз статуям вставили драгоценные камни.

А как похоже на настоящие!

И тут глаз закрылся.

Ну уж так совсем не бывает!

Алиса протянула руку, чтобы потрогать камень, но тут ее окликнул отец:

— Алиса, не отставай, а то тут и заблудиться недолго!

Видно, папе тоже было не очень приятно гулять по этим подземельям.

В то же мгновение Алиса почувствовала, что статуя движется. Она отдернула пальцы — и вовремя! Потому что статуя щелкнула зубами — похоже, ей не понравилось, что девочка хочет ее потрогать.

— Дочка! — снова позвал профессор Селезнев. — Ты всех задерживаешь!

Алиса еще раз взглянула на статую, которая в шторм поднимается на вершину башни и поет там старинные народные песни. Но та вела себя, как и положено каменной статуе, — стояла и не шевелилась.

Пришлось уходить.

Но про себя Алиса сказала: «Ничего, я еще с тобой поговорю, привидение!»

Всем надоело шагать по подземным ходам, и директор Ро-Ро это заметил.

— Никак не можем решить, — сказал он, — как лучше поступить: то ли устроить здесь эскалаторы и дневное освещение, чтобы туристы быстро доезжали до зоопарка, то ли наоборот — сделать подземелья еще более подземными и сказочными.

— Немедленно сделать эскалаторы! — потребовал профессор Сингх. — Стены побелить, и побольше пластика, хорошего, белого, гладкого пластика! Гигиена прежде всего!

— Нет, — возразила Алиса. — Надо оставить все как есть и сделать еще страшнее. Туристы любят ужастики.

— Это ты, девочка, любишь ужастики, — обиделся Сингх. — Потому что ты, как я

вижу, существо домашнее, неопытное, ничего еще в своей коротенькой жизни не видела и не знаешь. Вот и думаешь, что ужасик — это интересно. Но на самом деле ужасики портят детскую нервную систему.

Алиса даже покраснела от негодования. Как так? Это она-то — неопытная домашняя девочка?! Это она, победительница космических пиратов, освободительница планеты Пять-четыре, подруга великого археолога Громозеки, — это она ничего в жизни не видела?!

И хоть Алиса считает себя воспитанным человеком, на этот раз она не выдержала.

Она окинула яростным взглядом толстую фигуру профессора Сингха и спросила:

— Простите, пожалуйста, профессор Сингх, а что вам пришлось увидеть за вашу длинную и полную событий жизнь?

Профессор Селезнев хотел одернуть дочь, но директор Ро-Ро с улыбкой придержал его за локоть. Он-то давно был знаком с Селезневыми и знал о приключениях Алисы.

— Мне пришлось увидеть немало, — гордо ответил профессор. — Я был делегатом тридцати двух научных конференций и конгрессов. Кроме того, я объехал все музеи мира, а также вел раскопки на берегу реки Ганг. Наконец, ты не поверишь, но в прошлом году мы с женой и дочкой, не побоявшись трудностей и опасностей, летали на Луну, и я лично осмотрел кратер Циолковского и море Туманов.

— И все? — спросила Алиса.

— Этого мало? — удивился профессор.

— Недостаточно! — отрезала Алиса. — Совершенно недостаточно!

— Мало кто может сравниться со мной! — громко воскликнул профессор Сингх. — Мне завидуют мои коллеги!

Алисе было достаточно — она победила. Хоть профессор никогда не догадается, что разговаривал с самой знаменитой девочкой Земли.

За разговором подземный ход кончился.

Они оказались в небольшой круглой комнате, у которой вместо потолка был прозрачный пузырь. Этот пузырь находился в самом центре купола, под которым жили ископаемые звери — ожившие древние обитатели Земли.

Китайский биолог даже ахнул. И понятно почему. Ведь совсем рядом за невидимой преградой кипела такая бурная жизнь, какой Алисе не приходилось видеть ни на одной планете.

Глава 4. Спаси меня, Бронтя!

Вокруг ползали, прыгали, летали, шагали, качались, вздрагивали, рычали, пищали, скрипели и пели махонькие, маленькие, небольшие, значительные, крупные и гигантские насекомые, земноводные, пресмыкающиеся, первоптицы и даже сумчатые, не говоря уж о пауках размером с футбольный мяч, скорпионах ростом с собаку и собаках размером с комара.

Все они старались скушать друг друга и народить детишек. Так что роботам охраны приходилось туго.

— Они у нас замаскированы под камни, папоротники, хвощи, лианы, и я уж сам не помню подо что. Главное, вы их и не заметите, но они все замечают. Посмотрите направо.

А справа толстый динозавр размером с двухэтажный дом встал на задние лапищи, чтобы сломать и сожрать папоротник ростом повыше этого чудовища.

И вдруг замер в такой позе, чуть-чуть не достав до ценного растения. А вместо папоротника прямо в открытую пасть динозавра въехал пук банановых листьев.

Динозавр не заметил разницы, обхватил банановые листья передними лапами и принялся их жевать.

— Как же вы это сделали? — спросил китайский биолог.

— Часть купола зеркальная, — ответил директор Ро-Ро, — а за зеркалом находится кухня для всех жителей зоопарка. И как только туда поступает сигнал от робота-наблюдателя, что кто-то хочет чего-то или кого-то скушать, чего ему кушать нежелательно, как в зеркале открывается люк и к морде голодной зверюги подносят какое-нибудь лакомство. Просто и надежно.

Вдруг на поляну перед пузырем, под которым стояли биологи, вышел гигантский скорпион. Он увидел людей, и в его маленьких выпуклых красных глазках загорелась радость.

«Вот кого мне хочется ужалить!» — наверное, подумал он.

За ним топали сразу шесть или семь детишек с такими же злобными глазками.

Скорпион поднял оранжевые клешни и пошел в атаку.

— Уберите эту гадость! — закричал профессор Сингх. — А то я буду сопротивляться!

Он сорвал с носа очки и прицелился в скорпиона.

— Не бойтесь, — засмеялся директор Ро-Ро. — Сейчас вы увидите, как робот охраны его остановит.

Но, видно, у робота охраны в тот день было много других дел. Скорпионья семейка кинулась на пузырь и стала рвать его клешнями.

Может быть, все и обошлось бы, но профессор Сингх слишком сильно сопротивлялся.

Так сильно, что чуть было всех не погубил.

Он метнул в скорпиона очки и с визгом бросился наутек. А поскольку без очков он ничего не видел и в страхе был сильнее тигра, то он умудрился сбить с ног всех, кто стоял за его спиной. Профессор Селезнев грохнулся на доктора Чжан Цзолиня, доктор рухнул на директора Ро-Ро, и лишь Алиса успела отпрыгнуть в сторону, но зато она столкнулась нос к носу со скорпионом, который как раз в тот момент разорвал острыми клешнями тонкую и, казалось бы, абсолютно надежную и неразрываемую пленку, защищавшую людей от зверей.

— Стой! — крикнула Алиса скорпиону.

Голос Алисы скорпиону явно не понравился.

Он исхитрился схватить Алису за рукав куртки, Алиса рванулась так сильно, что скорпион остался с клоком материи, а Алиса на четвереньках вылетела наружу и помчалась по папоротникам прочь от гнусной семейки.

Но семейка решила человека догнать и показать ему, кто здесь хозяин.

Скорпион оказался жутко шустрым. Он несся вперед, как гончий пес, а его детишки размером с кошек семенили следом.

А вы знаете, как устроены первобытные чудовища и мелкие гады?

Если они видят погоню, то немедленно к ней подключаются, потому что надеются: а вдруг и им тоже достанется кусочек добычи?

Поэтому к скорпионам тут же присоединились ящеры-попрыгунчики, кайнозойский питон, стая комаров-гигантофлюсов, птеродактиль-подросток и, конечно же, бешеный трицератопс.

Алиса неслась по первобытному жаркому влажному лесу, как заяц, а сзади стоял такой треск, такой рев, такой вой, что она по-настоящему испугалась.

А к тому же, как потом выяснилось, роботы Палеозо умели разбираться с проблемами только по очереди. Но никогда еще звери не собирались в стаю, чтобы сожрать человека! Роботы растерялись и сами попрятались в укрытия. Ведь и роботу жить хочется!

А Селезнев и Ро-Ро, не говоря уж о пожилom китайском биологе, ничем Алисе помочь не могли, потому что к тому времени, когда они отделались от профессора Сингха, Алиса и ее преследователи убежали на полмили в чашу.

Может, Алиса и успела бы добежать до края купола и отыскать дверцу для служителей зоопарка, но как назло шум погони разбудил Подлую лиану. Так это существо и называется: свисает с пальмы, словно веревочка, и ждет, не пробежит ли кто мимо. Тут она обвиняется вокруг жертвы и душит в своих объятиях, чтобы потом на досуге выпить из нее все соки.

Алиса даже не поняла, что же произошло.

Она бежала-бежала, и вдруг ее подхватили, связали, стянули, перехватили и чуть пополам не разрезали.

Вы не представляете, как ей стало больно!

— Папочка! — закричала Алиса.

Наверное, ей было очень больно и страшно, если она так закричала.

Я даже не помню случая, чтобы она так кричала!

Да разве успел бы папа на помощь, когда уже через секунду к Алисе протянули свои клешни скорпионы, свои зубы птеродактиль и ящер-попрыгунчик и свои когти коварный трицератопс?

Алиса открыла рот, чтобы крикнуть снова, но горло перехватило...

И тут она услышала низкое, глухое, угрюмое и даже утробное рычание.

«Все, конец мне пришел», — поняла Алиса.

Какая-то невероятная сила подхватила Алису, как жалкие ниточки, разорвала Подлую лиану, как мышей, раскидала во все стороны скорпионов, подбросила к небу ящера-попрыгунчика, где он столкнулся с подростком-птеродактилем, и оба они рухнули в мезозойскую крапиву, отчего воют уже вторую неделю, а комары-гигантофлюсы и кайнозойский питон успели убраться восвояси, но вот трицератопс так грохнулся о ствол папоротника, что забыл, кто он такой и куда так быстро бежал.

Алиса упала на землю.

Она еще не верила своему счастью.

Потом она поверила и открыла глаза.

Над ней склонилась улыбающаяся морда бронтозавра — гигантского динозавра, короля первобытного мира.

— Бронтя! — воскликнула Алиса. — Бронтя, мой старый друг! Ты меня нашел!

Бронтозавр опустил голову к девочке, улыбнулся еще шире и лизнул ее длинным шершавым языком размером с махровое полотенце.

Алиса встала на цыпочки, обняла своего старого друга за шею и прижалась к его щеке головой. И заревела, как маленькая девочка: видно, уж очень перепугалась и очень обрадовалась своему спасителю...

И тут по куполу и над всем островом загудела, завизжала сирена, замигали огни, из потайных отверстий в воздух впилась струя снотворного газа — и сразу все это шумное, беспокойное царство вздрогнуло, ахнуло и замерло. Птицы хлопнулись с деревьев на землю, динозавры поникли длинными шеями, птеродактили спланировали под кусты, и даже бабочки, не говоря уж о скорпионах, крепко заснули.

И Алиса крепко заснула.

И Бронтя тоже заснул, успев перед сном осторожно прикрыть свою подругу концом длинного хвоста.

А еще через минуту туда примчались все роботы и биологи, все работники Палеозо, включая бухгалтеров и пожарника. Но Ро-Ро никого не пустил внутрь без противогаза.

И он был прав, потому что профессор Селезнев, на что уж умный и образованный человек, так перепугался за свою дочку, что кинулся под купол в то же мгновение, когда подействовал сонный газ, и сам заснул через три шага.

Купол проветрили, Алису отыскивали.

Директор Ро-Ро, шесть роботов, замаскированных под различные неодушевленные предметы, а также профессор Сингх, который решил спасти Алису, чего бы это ему ни стоило, подбежали к Алисе и Бронте.

— Какой ужас! — прорычал Сингх.

Именно прорычал. Потому что все люди были в противогазах, он закрывает нос и рот, и голос изменяется из-за фильтра.

— Какой ужас! — прорычал профессор Сингх. — Это чудовище ее раздавило. Стреляйте же в него! Убейте немедленно! Отомстите за смерть невинной крошки!

Алиса тут же пришла в себя и сразу же зажмурилась — еще не хватало увидеть таких чудовищ! Но она тут же сообразила, что ее спасают биологи в противогазах, и сказала:

— Не вздумайте моего Бронтю хоть пальцем тронуть!

Она наклонилась к голове динозавра, лежащей на траве, и поцеловала Бронтю в затылок.

Сингх зашатался, собираясь упасть в обморок, но удержался, потому что Ро-Ро сказал:

— Алиса давно дружит с этим бронтозавром. Несколько лет назад, когда она была еще дошкольницей, на севере отыскали яйцо динозавра, которое сто миллионов лет назад замерзло так удачно, что ученые смогли вывести из него маленького бронтозавра. И первые месяцы он жил в московском Космозо. Алиса ухаживала за ним и даже смогла спасти его от опасной болезни.

Алиса кивала, потому что директор Ро-Ро в основном рассказывал правильно.

— Оказалось, — закончила она за директора, — что бронтозавры довольно разумные. Конечно, не такие разумные, как люди, но куда разумнее собак. И когда мне из-за этих

скорпионов пришлось несладко, он меня отыскал и разогнал всю здешнюю нечисть.

— И ты не плачешь? — ахнул профессор Сингх. — И не дрожишь? После таких переживаний?

— Нет, — ответила Алиса. — Ничего особенного не случилось.

Конечно, она говорила не полную правду. Конечно, она испугалась, но, наверное, все же не так, как ее папа.

Вот он идет, еще пошатывается от действия газа и от переживаний.

Алиса подошла к нему и сказала:

— Смотри, кто мне помог.

— Ну, конечно, это же Бронтя!

Бронтя пошевелился и поднял голову. Вид у него был удивленный. При виде профессора он попытался встать, чтобы поздороваться, но упал снова — ему еще надо было отдохнуть.

А все люди вернулись под пузырь, который как раз закончили клеивать роботы.

— Думаю, что мне придется написать доклад в Академию наук, — сказал профессор Сингх, — и требовать, чтобы ваш зоопарк закрыли как опасное учреждение.

— В чем же его опасность? — удивился директор Ро-Ро.

— На нас напали ядовитые хищники, и вы сами это видели! Они почти сожрали несчастного ребенка.

— Конечно, я виноват, что не рассчитал силы скорпионов, — признался Ро-Ро, — но должен вам сказать, что они неядовитые. Напугать могут, а укусить — никогда. По-настоящему опасных животных мы держим в подземных клетках...

Ро-Ро говорил виноватым голосом, и понятно почему. Все-таки нельзя допускать, чтобы твои животные так пугали посетителей.

Но профессор Сингх все равно ему не поверил. И через некоторое время написал доклад в Академию наук.

К счастью, Палеозо не закрыли. И если вы не верите, то можете съездить на остров Элис у шотландских берегов. Там этот зоопарк расположен и сегодня.

А если он чуть было и не закрылся, то совсем по другой причине.

Когда они возвращались в замок по подземному коридору и проходили через зал, где неподвижно стояли статуи несчастных Кармайклов, погибших насильственной смертью, Алиса немного отстала, и никто этого не заметил.

Она хотела лучше рассмотреть статуи — любопытство одолело.

Она остановилась и негромко сказала:

— Меня зовут Алиса. Я к вам специально пришла. Мне кажется, что вы немного живые. Правда?

Никто не ответил, но вдруг Алиса услышала тихое-тихое шуршание.

Она быстро обернулась.

На земле лежал белый листок, а одна статуя прятала руку под плащ.

Алиса подошла к статуе, наклонилась и подняла листок.

Может, он совсем не для нее? Но на листке крупными кривыми латинскими буквами было написано: «ALISE».

Вряд ли здесь часто гуляют разные Алисы, значит, эта записка для нее, подумала Алиса.

— Это для меня? — спросила она вслух.

Никто ей не ответил.

Алиса перевернула записку, но буквы на той стороне были такими мелкими, что в полутьме и не разберешь.

Тем более что спереди послышался папин голос:

— Алисочка, не отставай. Это может быть опасно.

Конечно, надо бы сказать ему, что каменные статуи передали ей записку, но Алиса промолчала. Это было ее приключение, и ей хотелось сохранить его в тайне.

Глава 5. Ржавая иголка в яйце

После чая с печеньем и шотландским кексом биологи собрались в кабинете Ро-Ро, чтобы поговорить.

Для этого они и прилетели на остров Элис.

Правда, беседа началась не так весело и бодро, как хотелось бы, потому что профессора все еще переживали из-за Алисиного приключения, и профессор Сингх, который перенервничал больше всех, говорил:

— Ребенку пора лететь домой. Девочке не место на таком диком острове. Если бы не чувство долга, я бы ни минуты здесь не остался.

— Я совсем не испугалась, — обиделась Алиса. — И не стоит вспоминать о таких пустяках.

Директор Ро-Ро не хотел больше спорить. Он думал, что чем скорее его гости забудут о скорпионах, тем лучше.

— Перед нами стоит сложная проблема, — сказал он. — Мы должны решить, в каком направлении развивать наш зоопарк дальше.

— Вот именно, — подхватил профессор Сингх. — Я неоднократно указывал на сложность этой проблемы.

И он откинулся в кресле, как человек, который выполнил свой долг.

— Мы получаем материал из далекого прошлого, — продолжал Ро-Ро, — и выводим из него ящеров, первобытных птиц и змей, но есть один период в истории Земли, о котором мы знаем, но экспонатов оттуда не имеем. Надеюсь, вы меня понимаете?

— Уточните, — попросил доктор Чжан Цзолинь.

— Как вы знаете, — сказал директор Палеозо, — сначала на Земле был очень теплый и влажный климат. Ее покрывали теплые моря, в которых и развивалась жизнь. Затем, когда климат стал более разнообразным, первые жители Земли выползли на сушу. Это были ящеры и другие существа с холодной кровью. Миллионы лет ящеры царили на Земле, но потом по таинственной причине они вымерли.

— Я знаю, почему они вымерли, — вмешалась Алиса.

— Есть много версий того, почему это случилось.

— Я не о версиях, — сказала Алиса. — Но мой друг Аркаша Сапожков был в мезозойской эре и знает, почему они вымерли.

— Алиса, — остановил ее папа, — пожалуйста, не перебивай старших. А когда совещание кончится, ты расскажешь о похождениях твоего друга Аркаши.

— Можно продолжать? — спросил директор Палеозо и, поскольку никто не возражал, продолжил: — После того как гигантские динозавры исчезли, господство на Земле перешло к теплокровным животным и птицам. Им было легче выжить в суровом климате. Ведь когда у тебя горячая кровь, ты не зависишь от погоды. Тем более что наступали трудные времена. Не успели млекопитающие разойтись по всей Земле, как навстречу им двинулись ледники. Начался первый ледниковый период. Это было жестокое испытание для зверей. Но некоторые из них приспособились и выжили — вы их уже видели на острове. Потом ледники отступили, и только все успокоились, как они снова двинулись на юг и покрыли почти всю Землю. Тут мы подходим к главному. — И Ро-Ро посмотрел на профессора Сингха, словно рассказ предназначался именно ему.

Сингх перехватил этот взгляд и поправил директора:

— Этот рассказ предназначен для ребенка. — И указал пальцем на Алису.

Алиса даже бровью не повела. Она-то лучше всех этих ученых знала, о чем сейчас будет говорить директор.

А директор сказал вот что:

— После третьего ледникового периода началась совершенно загадочная и малоизученная эпоха. Условно ее называют эпохой легенд.

— Наконец-то! — воскликнул профессор Сингх.

— Между третьим и четвертым, последним, ледниковым периодами, — продолжал Ро-Ро, — примерно пятнадцать тысяч лет назад, в жизни Земли наступили страшные времена. Как обнаружили недавно ученые, именно тогда на Земле расплодились те существа, которых теперь называют сказочными. Наступили годы, когда в небе летали Змеи Горынычи и птицы Рокх, когда в океанах плавали морские змеи, а также, говорят, водилась рыба-кит, такая большая, что люди принимали ее за остров и сеяли на ней пшеницу. В это время в лесах расплодились лешие, а в реках водяные и русалки, животные тогда разговаривали, как люди, а некоторые люди умели превращаться в животных. Но главное — в ту эпоху развелось много разных волшебников. Во всех концах Земли трудились или бездельничали джинны, колдуны, звездочеты, астрологи, маги, волхвы и прочие кудесники. А по полям скакали древние богатыри и витязи, амазонки и кентавры, которые норовили совершить побольше подвигов. Под землей трудились гномы, а на них охотились тролли.

— Удивительная, но неправдоподобная картина, — сказал профессор Сингх. — В Индии этого не было и быть не могло.

Алиса подумала, что он сказал это из чистого упрямства, потому что считал своим долгом всем и всегда возражать.

— Вы, наверное, не читали сказок про Синдбада Морехода, — сказала Алиса. — Он бывал в Индии и рассказал о ней много интересного.

— А ты, девочка, лучше помолчи, — рассердился Сингх, — и не спорь со старшими.

— Я вам об этом рассказываю, — сказал Ро-Ро, когда спор утих, — потому что волшебные существа жили на Земле на самом деле, хоть в это и трудно поверить. Но никто из них не пережил нового наступления ледников. Казалось бы, что стоило волшебникам собраться и всем вместе остановить надвигающуюся катастрофу? Но они не могли объединиться, каждый волшебник жил сам по себе и не умел ничего создавать. Волшебник не мог построить дом и разжечь печку. Он мог лишь придумать дом и печку, но такой дом не давал настоящего тепла, а огонь лишь делал вид, что грел. Это была только видимость огня.

Алисе не терпелось вмешаться. Конечно, перебивать взрослых невежливо, но тут особый случай.

— А можно, я доскажу? — спросила она.

— Ну, говори, — улыбнулся Ро-Ро.

— Волшебные существа вымерли, а первобытные люди, которым при волшебниках несладко приходилось — обижали их все кому не лень; и драконы, и ведьмы, и волки-оборотни, — смогли построить избышки, заготовить на зиму зерно и приручить корову. В общем, сумели люди пережить длинную зиму, а когда солнышко снова вышло, не осталось ни одного волшебника и дракона. Только память о них осталась.

— Вот именно! — поддержал Алису директор Палеозо. — Память осталась.

— И эту память называют сказками, — продолжала Алиса. — Сказками, легендами,

мифами и еще разными словами. Но верят в них только дети, а взрослые, точно как профессор Сингх, думают, что все это детские выдумки.

— Я знаю, — сказал доктор Чжан Цзолинь. — У нас в Китае тоже водились драконы, но больше всего было волшебных лисиц, которые встречались буквально на каждом шагу.

— Сомневаюсь, — проворчал профессор Сингх. — Сомневаюсь в том, что за сказками может что-то скрываться. Прошу мое особое мнение записать отдельно.

Все замолчали.

Потом заговорил профессор Селезнев:

— Мы выслушали интересный рассказ. А теперь скажи нам, Рони, зачем ты оторвал нас от дел и так срочно позвал сюда?

— Сейчас объясню, — сказал директор Палеозо и подошел к зеленому сейфу, который стоял за его письменным столом.

Он достал маленький ключик и приложил его к замочной скважине.

Сейф щелкнул и открылся.

Затем директор Палеозо осторожно вынул из сейфа пластиковый ящичек, поставил его на стол и открыл.

Внутри лежало раздавленное окаменевшее яйцо размером чуть побольше гусиного.

Директор взял со стола пинцет и вытащил из яйца длинную ржавую иголку.

— Что вы на это скажете? — спросил он.

Никто ему не ответил, все думали.

— Я могу подсказать, — сказал директор. — Это яйцо откопано в развалинах замка, в слоях, относящихся к эпохе легенд.

— Еще чего не хватало! — возмутился профессор Сингх. — То вы говорите, что от эпохи легенд ничего не осталось и все волшебники вымерли без следа, а теперь показываете какую-то грязную яичную скорлупу! Извольте объясниться!

Ро-Ро не двигался. Он ждал, неужели никто не отгадает?

Он посмотрел на Алису.

У Алисы была своя теория, но она могла показаться дурацкой. Она бы промолчала, если бы начал кто-то другой. Но кто-то другой не начал.

И тогда Алиса решилась.

— Может быть, это Кощей Бессмертный? — спросила она.

— Я о таком никогда не слышал, — удивился Чжан Цзолинь.

— Это наш, местный, — объяснила Алиса. — Хотя, может, и по всей Европе такие водились. Страшный злодей, а убить его нельзя, потому что его смерть таилась в железном сундуке, в заколдованной пещере, в яйце, на кончике иглы. И если разбить яйцо и сломать иглу, тут ему и конец.

— Совершенно точно, — согласился Ро-Ро.

— Я летала в эпоху легенд на машине времени, — сказала Алиса, — и была знакома с волшебниками и драконами.

— С ума сойти! — вздохнул профессор Сингх. — Это девочка или бандит?

— Значит, бессмертные тоже умерли? — спросил Чжан Цзолинь.

— Ничего бессмертного на свете нет. Но проблема остается, — заметил директор Палеозо и открыл книжный шкаф, где на полке стояла небольшая шкатулка.

В этой коробке лежали два зуба — длинный и короткий, несколько махоньких чешуек, одна чешуя размером с блюдце и прочие непонятные штучки.

— Все это, — пояснил Ро-Ро, — нашли археологи при раскопках в тех слоях, которые раньше никто не замечал, а теперь заметили и поняли, что они относятся к эпохе легенд.

— И зачем вы все это нам показываете? — подозрительно спросил профессор Сингх.

— А затем, что мне нужен ваш совет. Что нам делать? Это все остатки различных сказочных существ, которые умерли много тысяч лет назад. Я даже не могу вам точно сказать, какие из них кому принадлежат. И не знаю, кто из них разумный, а кто просто зверь, но сказочный.

— И не узнаете, — сказал профессор Селезнев, — потому что в эпоху легенд все животные были говорящими, но не все разумными.

— Там даже яблоньки были говорящими, и даже говорящая лужа, из которой братцу Аленушки пить было нельзя, а то он мог в козлика превратиться, — добавила Алиса.

— Вот это нас и печалит, — грустит директор Ро-Ро.

— К тому же надо быть особенно осторожными, — продолжал Селезнев, — потому что среди сказочных существ попадаются оборотни, и никогда точно не знаешь, кто в кого может превратиться.

— Какой ужас! — воскликнул профессор Сингх. — Все это надо немедленно сжечь!

— Сжечь не сжечь, — заметил доктор Чжан Цзолинь, — но, конечно же, надо быть очень осторожными. Может быть, не стоит завозить сказочных существ сюда, где и без того много животных?

— И туристов, — добавила Алиса. — Они ведь тоже бывают ценными.

— Опять этот черный юмор! — возмутился профессор Сингх. — Неужели вас в школе не научили тому, что любой человек — великая ценность?

— Значит, вы думаете, что их не стоит держать в неволе? — грустно спросил директор Ро-Ро, и Алиса сразу же почувствовала — что-то здесь неладно.

Мудрый китайский ученый тоже встревожился и спросил:

— Не могло быть так, что наши друзья уже вывели какого-нибудь сказочного зверя, а теперь раскаиваются в этом?

Ро-Ро виновато поглядел на Чжан Цзолиня и произнес:

— Не могу обманывать коллег! Я должен признаться, что в нашем институте действительно одного сказочного зверя вывели. Из его зуба.

— И что за дракон это оказался? — спросил профессор Селезнев.

— К счастью, всего-навсего волчонок.

— Всего-навсего? — переспросила Алиса.

Она-то знала, что за волчата живут в сказках.

— И где он теперь? — спросил профессор Селезнев.

— Еще недавно он был на острове, — ответил Ро-Ро, — а теперь временно исчез. Может быть, его съел саблезубый тигр.

— А вы уверены, что он не выскочил на свободу? — встревожился профессор Сингх.

— Абсолютно уверен! — решительно сказал директор. — У нас тут такие приборы, что ни один муравей с острова не сбежит.

Гости выслушали Ро-Ро, но единогласно постановили: не стоит пока генетическим путем выводить сказочных существ, а археологические чешуйки и зубы лучше будет спрятать в сейфе.

На этом совещание закончилось.

И директор Палеозо предложил уважаемым гостям слетать на озеро Лох-Несс. Оно

расположено в центре Шотландии, и в нем водится колоссальный водяной ящер, которого зовут Несси. Раньше ученые сомневались, есть ли такое чудище на самом деле или его вообразили туристы, но недавно оно стало появляться у берегов и даже принимать пищу из рук туристов. Порой из пасти Несси вылетали клубы дыма. Выяснилась и порода этого чудовища — драконозавр.

Чжан Цзолинь сказал, что ему очень интересно увидеть драконозавра, потому что он много читал о нем и видел фильм. Профессор Селезнев добавил, что тоже давно собирался поглядеть на ящера, но все времени не находилось. Профессор Сингх сказал, что принципиально не любит смотреть на ящериц и змей, но как настоящий ученый готов пожертвовать собой. А Алиса заявила, что на озеро не полетит, потому что недавно была там со своей подругой Магдалиной из Института космической геологии и отлично знакома с драконозавром.

— А что ты будешь делать? — спросил папа.

— Я немного погляжу на зверей, — ответила Алиса, — а потом вернусь домой на флаере. Может, даже к ужину успею.

— Только не задерживайся, — сказал Селезнев, — не летай в темноте. Не люблю я, когда ты в темноте летаешь.

— Обещаю, — твердо сказала Алиса.

— Сегодня у сотрудников выходной, — сказал Ро-Ро. — Все, кроме роботов охраны, улетели и вернутся только завтра вечером. Так что ты остаешься на острове за старшую. Вот тебе ключи от лаборатории, буфета и склада. Роботам я отдал приказ тебе подчиняться. А вот это — ключ от моего кабинета. Можешь там почитать или посмотреть телевизор. Но научные приборы и экспонаты, пожалуйста, не трогай.

— Ну, конечно, не буду, — пообещала Алиса и взяла ключи.

Взрослые сели во флаер и умчались на озеро Лох-Несс, а Алиса осталась в Палеозо совершенно одна, если не считать роботов.

Она достала записку, которую подобрала в подземелье, и внимательно ее прочитала. Записка была на староанглийском языке. «Нужна помощь, — говорилось в ней. — Опасность человечеству».

Без подписи. А на обороте одно слово: «ALICE».

Глава 6. Молодая привидения

Что вы будете делать, если вам подкинут записку в подземелье старинного шотландского замка, где стоят статуи невинно замученных героев клана Кармайклов?

Если вы обыкновенный ребенок, то передадите записку взрослым, а взрослые, конечно же, скажут, что эта записка — чья-то глупая шутка и вообще пора ужинать и спать.

Если вы почти обыкновенный ребенок, то разорвете и выкинете записку, потому что сами подумаете, что это чья-то дурацкая шутка. А потом еще и посмеетесь вместе с друзьями.

А если вы не очень обыкновенный ребенок, да еще и смелый ребенок, и вообще уже почти не ребенок, а подросток, то поступите так, как поступила Алиса.

Вы под каким-нибудь предлогом останетесь на острове и выберете время, чтобы вернуться в подземелье и узнать, кто и зачем оставил вам эту записку.

Конечно же, записка может оказаться розыгрышем. Но кто, простите, будет разыгрывать Алису в глубоком подземелье, где она раньше не бывала и где ее никто не знает?

Но если записку послали, значит, кто-то знает?

Так что выхода нет — надо лезть в подземелье.

Хорошо еще, что сегодня выходной, Палеозо закрыт и в нем остались только роботы, которые следят за порядком. Ни туристов, ни сотрудников.

Алиса поднялась на вершину башни и посмотрела, как поднимается в облачное ветреное небо флаер, уносящий к озеру Лох-Несс биологов во главе с директором Ро-Ро. Возвратятся они сюда или полетят по домам — Алиса не знала, но решила не терять времени даром.

Солнце уже садилось. Над морем поднимались темные тучи, подсвеченные последними лучами солнца.

«Жаль, что нет оружия. Сейчас бы бластер не помешал», — подумала Алиса.

Вы только не думайте, что Алиса любит бегать по космосу с бластером в руке — просто ей показалось, что так будет спокойнее.

Она спустилась в подземелье.

Свет в зале, где находилась лаборатория питания, был потушен. Только дежурные лампочки вспыхивали, когда Алиса проходила под ними.

Алиса прошла под низкой аркой, затем побежала по коридору.

Честно говоря, ей было не по себе.

Ни одной живой души.

Темный коридор — впереди тьма, сзади тьма — только над головой мерцает дежурный светлячок. В стороны отходят коридоры, лазы, щели.

Блеснул металл — конечно же, это расщелина, пробитая мечом разгневанного Юджина Кармайкла, погнавшего за своей дочкой Гиневьевой, которая хотела выйти замуж за морского царя, а потом заблудилась в подземных ходах под островом.

Алиса протянула руку и дотронулась до металла — он был холодный. Алиса взялась за него двумя пальцами и сильно потянула к себе.

Наконечник меча вылез из щели.

Он оказался куда длиннее, чем Алиса подумала сначала. Как кинжал — на ладони не помещался.

И этот наконечник был острым и почти не ржавым. Алиса хотела вложить его обратно в щель, но оказалось, что щель закрылась. Пришлось кинуть его на пол.

Ой!

Странный звук донесся справа из черной дыры.

Похоже на храп, только страшнее.

Алиса побежала вперед. Она, конечно, вспомнила слова директора Ро-Ро о том, что никто не знает, кто так странно храпит.

Вот и коридор, в котором стоят статуи Кармайклов.

Наверное, только они знают, откуда записка.

Но при виде Алисы статуи не шевельнулись, не заметили ее — стояли как каменные.

Было так тихо, что Алиса слышала, как бьется ее сердце.

— Простите, — сказала она, — а кто написал мне записку?

Никакого ответа.

— Если это шутка, то так и скажите, — произнесла Алиса.

И тут одна из статуй шевельнулась. Чуть-чуть. Приподняла голову, и стали видны алмазные глаза.

— Вы писали? — снова спросила Алиса.

Статуя наклонила голову.

Алмаз выпал из глазницы и покатился по камням.

— Ну вот, как же вы неаккуратно киваете! — вздохнула Алиса и опустилась на четвереньки. В такой темноте, да еще на неровном полу алмазик отыскать нелегко.

Но Алиса упрямо ползала на четвереньках и крутила головой. Она знала, что в конце концов обязательно отыщет этот алмазик. Нельзя же статуе оставаться без глаза!

И тут она ткнулась головой в сияние.

Вы думаете, что я ошибся? Вам кажется, что уткнуться головой в сияние невозможно?

Даю вам слово, что Алиса именно это и сделала.

Она зажмурилась от неожиданности, а потом открыла глаза и подняла голову.

Перед ней стояло светящееся привидение.

Вернее, молодая женщина в старинном платье, которая чуть-чуть светилась и была полупрозрачной или, скажем, четвертьпрозрачной. Ноги ее в тонких, расшитых бисером туфельках почти не касались пола, потому что привидения почти ничего не весят.

— Ой! — сказала Алиса. — Здравствуйте!

— Замечательно, — сказала привидение. — А теперь подними алмаз, он лежит у моей правой ноги.

Алиса посмотрела вниз и в самом деле увидела алмазик.

Она подняла его и протянула привидению.

— Вставь на место и не бойся, — строго сказала привидение. — Мне трудно поднимать предметы.

Алиса подошла к статуе и сказала:

— Только, пожалуйста, не кусайтесь. Я хочу вам добра.

Статуя подняла голову, и Алиса смогла разглядеть ее лицо. Перед ней стоял приятный молодой человек с небольшими усиками и коротко остриженными волосами.

Алиса вставила алмазик в глазницу, и каменный юноша закрыл глаза.

Он хотел что-то сказать, но не смог разомкнуть каменных губ.

— Он хочет сказать «спасибо», — пояснило привидение.

— Пожалуйста, — ответила Алиса.

Привидение рассматривало Алису, а Алиса — привидение.

Привидение оказалось молодой и довольно красивой девушкой, черноволосой, кареглазой, с пухлыми капризными губами и круглым подбородком, в голубом, расшитом серебром платье и бисерных туфельках. Волосы были забраны сеткой в мелких жемчужинках.

Все это указывало на то, что Алиса столкнулась в подземелье со знатной дамой, которая так и не смогла успокоиться после смерти. Именно из таких людей и получаются привидения.

— Ты — Алиса Селезнева? — спросила девушка-привидение.

— А откуда вы знаете?

— У меня много знакомых, — сказала девушка. — Я тебе написала записку. Только я сама малограмотная, поэтому за меня это сделал один добрый человек, влюбленный в меня безумно.

— А кто вы такая? — спросила Алиса.

— Я привидение мисс Гиневьевы, которая хотела выйти замуж за морского царя и убежала от отца, Юджина Кармайкла.

— Как же, как же! — воскликнула Алиса. — В 1342 году!

— Не может быть! — ахнуло привидение. — Неужели ты обо мне слышала?

— Слышала, — скромно призналась Алиса.

— Дай я тебя поцелую! — Привидение обняло Алису, но объятие получилось странным — вроде бы Алисе стало горячо, но в то же время ее охватило чувство пронизывающего холода.

— Поосторожнее! — сказал сторожевой робот, который вышел из-за соседнего камня. — Людям с привидениями обниматься строго запрещено!

— Мало ли что! — возмутилась Гиневьева. — Она не девочка, а моя лучшая подруга. Мы с ней не будем расставаться. И ты, робот, лучше иди отсюда! А то заколдую все твои винтики и гаечки — тогда попрыгаешь!

— Только не это! — закричал робот и потопал прочь по коридору.

Алиса все-таки отошла от Гиневьевы подальше и спросила:

— А зачем вы мне записку написали?

— Потому что я по происхождению человек. Поэтому называй меня на «ты» и в женском роде. Я не привидение, а привидения, потому что я девушка. Я люблю людей, и ничто человеческое мне не чуждо. И если я вижу угрозу моим потомкам, моим родственникам, я бью тревогу! Правда ли, мои соратники?

Статуи начали переминаясь и топотать, причем довольно громко.

— Ну, расскажи, пожалуйста, — попросила Алиса. Она уже поняла, что привидения и статуи не шутят.

— Я здесь живу уже семьсот лет, и даже больше. Если бы я умела считать, наверняка бы тебе сказала. Я знаю здесь каждый закоулок, каждый камень в подземельях нашего острова. Раньше здесь жили мои родственники, я могла с ними общаться, иногда даже пугать их, а кое с кем даже дружить. У меня даже двадцать или двадцать два романа случились за семьсот лет. Я ведь дьявольски хороша собой. Я тебе нравлюсь?

— Нравишься.

— Я всем нравлюсь. А морской царь просто с ума от меня сходил. Я тебе когда-нибудь

расскажу, до чего его довела несчастная любовь. Это ужасно. Мне хочется плакать. Давай вместе поплачем... Нет, не надо плакать, у нас времени мало. Каждая минута на счету!

— Гиневьева, пожалуйста, расскажи мне, в чем дело! — взмолилась Алиса.

— Тогда отойдем. Нас могут услышать! — прошептала привидения.

— Кто нас тут услышит?

И только Алиса произнесла эти слова, как услышала топот чьих-то быстрых ног, и что-то черное кинулось на нее из темноты.

Алиса только взвизгнуть успела, но ее спасла статуя.

В тот момент, когда чудовище проносилось мимо нее, статуя рухнула и ударила его по хребту.

Чудовище страшно завизжало и покатилося по каменному полу. И Алиса увидела, что это большой серый волк с оскаленной пастью.

Подвывая, волк вскочил и, прихрамывая, кинулся прочь.

— Какая жалость! — расстроилась привидения. — Еще один мой рыцарь погиб.

И тут Алиса увидела, что статуя разбилась — голова в шлеме откатилась к стене, отколовшаяся рука валялась у самых ног Алисы.

— Ее можно починить, — сказала Алиса, переводя дух.

— Починить можно вещь, — печально ответила Гиневьева, — а это был мой друг и слуга. Знаешь, вначале здесь было двадцать четыре рыцаря. Сейчас осталось пять — века уносят друзей...

Привидения была так расстроена, что Алиса не посмела напомнить ей о записке.

Но Гиневьева сама вспомнила.

— Ты его видела? — спросила она.

— Волка?

— Это не волк. Это оборотень из эпохи легенд!

— Ой, конечно же, директор нам об этом говорил!

— Директор ваш — надутый дурак. Он и не подозревает, что под самым его носом вся лаборатория генетики трудится над тем, чтобы притащить сюда из этой проклятой эпохи злобных колдунов, оборотней, вампиров и прочую нечисть.

— Не может быть! — ахнула Алиса. — Я же там была! Там ванны, в них зреют вымершие звери для зоопарка. Я не видела там ни одного чудовища!

— А как ты могла их увидеть, если жидкость в ваннах непрозрачная? Тебе сказали, что это безвредный червяк, — вот ты и поверила!

— Но это же сказал робот!

— А что, работа подменить нельзя?

— Но он совершенно настоящий робот!

— Ангел мой, Алиса, — улыбнулась привидения, если эту гримасу можно было назвать улыбкой, — ты когда-нибудь могла отличить настоящего робота от волшебника, который на робота посмотрел и благополучно в него превратился?

— Но зачем им это?

— А затем, что они вымерли во время четвертого ледникового периода. А кому хочется вымирать? И вдруг этот глупец, директор вашего зоопарка, решает возродить оборотня, как он сам говорит — безвредного волчонка. Ему так хочется прославиться, ездить на международные конференции и делать там доклады под аплодисменты академиков! Он и не подумал, что в эпохе легенд простых волков не было. А были оборотни. И притом, очень

неглупые оборотни. Как только оборотень понял, куда попал и чем здесь занимаются, он сразу же начал выращивать в тех ваннах себе подобных.

— Ну уж это невозможно! — воскликнула Алиса. — Директор официально сказал, что сюда ни один муравей не проникнет.

— Сколько можно! — рассердилась привидения и запылала зеленым огнем. — Сколько можно повторять глупости за взрослыми! Я тебе говорю совершенно серьезно: на этом острове идет возрождение сказочных существ из эпохи легенд, которые постепенно заменяют собой роботов и даже научных сотрудников. Не сегодня-завтра они подменят самого директора, и никто этого не заметит. Уже сегодня оборотни и вампиры готовы переселиться в другие страны...

— А что же вы ему не сказали? — удивилась Алиса.

— А ты думаешь, мы не говорили?

— Говорили, — хором произнесли статуи.

— А он?

— А он даже не услышал. Кто мы для него — неодушевленные существа, которых нет и быть не должно! Но тут, на наше счастье, на остров прилетела ты, Алиса Селезнева. И мы поняли — сейчас или никогда! Если они Алису не успеют убить, она нам поможет.

— Ну уж это вы преувеличиваете! — засмеялась Алиса.

— Преувеличиваем? — переспросила Гиневьева. — А скажи, пожалуйста, сегодня на тебя не бросался доисторический скорпион? И разве он не сумел пронзить своими клешнями совершенно неповреждаемую оболочку? И если бы не твой Бронтя, тебе бы не жить!

Конечно, с такой мыслью трудно смириться, но Алиса подумала: «А вдруг привидения права?»

— А сколько их? — спросила она.

— Никто не знает. И в кого они превратились, мы уже не знаем. Может быть, даже кто-то из них превратился в меня, Гиневьеву, и сейчас я побегу им сообщать, что Алиса согласилась помочь человечеству.

— И что же теперь делать?

— Надо сообщить об этом всем людям на Земле, чтобы они были готовы к тому, что оборотни начнут проникать в разные места и страны. Они будут выживать людей, а потом и уничтожать их.

— Но зачем им это?

— Затем, что волшебники и оборотни могут многое, но не умеют трудиться. Они превратят людей в рабов.

— Ох, — вздохнула Алиса, — как трудно в это поверить!

— Тебе ничего другого не остается, — ответила Гиневьева. — Мне тоже в некоторые вещи было трудно поверить. Я до сих пор не верю, что я — привидения.

Статуи у стен завыли, загудели, словно ветер пролетел по узкой трубе.

— Переживают за меня, — сказала Гиневьева. — Рыцари, поклонники. Несут свою невидимую службу. А мне иногда кажется, что наступит утро, я раскрою свои прекрасные глаза и засмеюсь, как прежде. А кормилица принесет мне банку сгущенки или ананас.

— А разве в ваши времена это было?

— Может, было, а может, я потом подсмотрела. Пойми меня правильно, Алисочка, когда тебе одиноко и плохо, пустяки и детали не играют роли.

Они помолчали. Алиса понимала, что привидения поделилась с ней заветной тайной. Может, немного преувеличила, но в основном сказала правду. И теперь от нее, Алисы, опять зависит судьба всего человечества.

— Что же делать? — спросила Алиса.

— Ты живая, ты и думай, — сказала привидения. — У меня к тебе лишь одна просьба. Когда ты их победишь, постарайся вернуть меня на Землю. Так хочется еще пожить! Я ведь в душе молоденькая, танцевать хочу, ночью при луне купаться, рыцарям головы кружить... Может, даже учиться пойду, читать научусь, книгу прочту. Говорят, уже написали книгу про любовь рыцаря и принцессы, как они страдали и мучились. Не слышала о такой книге?

— Таких книг немало, — ответила Алиса.

— Может быть, — согласилась Гиневьева. — Мне бы хоть одну Ты ведь читать умеешь?

— Умею.

— Значит, будешь читать мне ее вслух.

Алиса задумалась. Почему же волк на нее напал? Видно, ему не понравилось, что Алиса узнает что-то лишнее от обитателей замка.

И он решился убить живого человека? Не испугался?

И тут же Алиса подумала: а ведь сказочные злодеи совершенно не представляют, куда попали. Им кажется, что они и в самом деле могут снова стать господами нашей планеты... Стать-то они ими не станут, но могут натворить бед. Ведь не помоги Алисе статуя Кармайкла, волк мог бы ее растерзать.

Ужас какой-то!

— Ты чего молчишь, Алиса? — встревожилась Гиневьева. — Испугалась?

— Нет, — ответила Алиса. — Я не испугалась. Я думаю.

— Ох, я тебе заранее завидую, — вздохнула привидения. — Ты еще и думать умеешь! А ведь совсем еще девочка!

— Как ты полагаешь, их много? — спросила Алиса.

— Пока не очень. Но завтра будет множество.

— Почему?

— Потому что они знают, что в кабинете директора хранится генетический материал — остатки вымерших чудовищ, из которых можно в лаборатории вывести их помощников. Мои статуи подслушали, что где-то там таится самая главная ценность. Но какая — мы пока не знаем.

— Значит, они сегодня хотят добыть эти чешуйки и косточки?

— Вот именно.

— Но ведь вывести в ванне животное из клетки — дело долгое. Недели, месяцы...

— Только не для сказочных существ, — ответила Гиневьева. — Я, конечно, в школе не училась и читать не обучена, но вышиваю отлично. И могу поспорить с любым, что вышивка крестиком — это отжившее искусство. Вышивать надо гладью!

Алиса уже догадалась, что очаровательная привидения любит поговорить, и когда начинает фразу, то к концу уже забывает, о чем шла речь. Так что ее лучше останавливать или, по крайней мере, притормаживать.

— Погоди, Гиневьева, — попросила она. — Ты хотела мне объяснить, почему сказочных существ можно вывести быстро.

— Так это и ежу понятно! У них же нет клеток! Каждый из них — одна большая клетка. Как только ее размочишь да подкормишь, волшебник, гном или дракон уже готов — ожил и

побежал кусаться и царапаться!

— А почему они там, в лаборатории?

— Потому что потому! — невежливо ответила Гиневьева. — Они роботов околдовали, и те на них трудятся, а сотрудники отправились отдыхать до понедельника. А роботы думают, что работают в Палеозо, потому что не могут отличить какого-нибудь джинна от обыкновенного младшего научного сотрудника. И как только этой нечисти в лапы попадут чешуйки драконов и зубы вампиров, то они тут же начнут плодиться, как кролики.

— Тогда я пошла в кабинет директора, — сказала Алиса.

— Только учти, — предупредила ее Гиневьева, — эти оборотни страшно коварные. Они могут в кого угодно оборотиться. Если уж они роботов обманули, то тебя и подавно обманут. Так что не удивляйся!

— И если меня сожрут, тоже не удивляться?

— Ах какая ты шутница! — удивилась Гиневьева. — Ты можешь смеяться даже над собственной гибелью. Я так рада!

— Чему ты рада? — не поняла Алиса.

— Они тебя убьют, и ты тоже станешь привидением. Мы будем с тобой вместе жить в подземельях — разве это не замечательно?

— Что-то не очень замечательно, — сказала Алиса.

Гиневьева задумалась и стала внимательно приглядываться к Алисе, так что у нее даже мурашки по спине пробежали. У нее всегда мурашки по спине пробегали, когда привидения на нее смотрела или дотрагивалась.

— Мы будем с тобой светиться, — мечтательно пропела Гиневьева. — Даже летучие мыши будут от нас без ума. И вообще я тебя замуж отдам. На свете немало красивых привидений и отважных призраков. Вдвоем мы с тобой даже в Лондоне побываем. Там, говорят, такие ночные клубы — закачаешься!

— Гиневьева, миленькая, очнись! — взмолилась Алиса. — Пока что нам с тобой очень далеко до ночных клубов. Ты же сама говорила, что если чудовища из эпохи легенд захватят всю Землю, то будет не до ночных клубов.

— Ну уж и помечтать нельзя! — обиделась привидения.

Когда она обижалась, то выпячивала нижнюю губку и даже прикусывала ее жемчужными зубками. Из глаз привидения начинали вылетать маленькие искорки, а кудрявые локоны принимались шевелиться, как змеи на голове горгоны Медузы.

Милое она существо, но все же привидение, и об этом приходилось помнить. У нее были свои мечты, свои обиды и свое бесконечное прошлое.

И тут Алиса услышала тихий, вкрадчивый женский голос:

— А где ключи от директорского кабинета?

— У меня, конечно, — ответила Алиса. — А ты почему спрашиваешь?

— Что я спрашиваю? — ответила вопросом на вопрос Гиневьева.

— Про ключи. Про ключи от кабинета. Ты же спрашивала про ключи от кабинета?

— Ни о чем я тебя не спрашивала, потому что была на тебя глубоко обижена. Значит, ты разговаривала с кем-то еще.

— Но тут же больше никого нет!

Гиневьева оглянулась. Они действительно были в подземелье совершенно одни.

— А что она у тебя спросила? — встревожилась привидения.

— Где ключи от директорского кабинета.

— И ты что сказала?

— Что они у меня. Я же думала, что это ты спрашиваешь.

— Все! — мрачно сказала Гиневьева. — Ты обречена! Это были оборотни. И теперь они тебя растерзают, чтобы раздобыть ключи.

— Что же мне делать?

— Сначала отдай мне ключи, и мы спрячем их в скалах.

— Вряд ли это правильно, — сказала Алиса. — Директор просил меня никому их не отдавать.

— Он и мне просил их не отдавать? — возмутилась Гиневьева.

— Никому. Откуда мне знать, что ты не оборотень?

— Вот такого оскорбления... — Гиневьева даже закашлялась. Вы когда-нибудь видели привидение, которое кашляет? Вот и я не видел!

— Не сердись, я не хотела тебя обидеть, — сказала Алиса.

Она хотела стукнуть привидению по спине, но потом сообразила, что лучше этого не делать.

— И еще как обидела! Мы, благородные Кармайклы, никогда не станем оборотнями!

И каменные рыцари, что стояли вдоль стены, дружно топнули каменными ногами.

— Давай не будем ссориться, — сказала Алиса. — Пойдем лучше в кабинет, пока оборотни туда не забрались.

— Правильно, — согласилась Гиневьева.

Но Алиса не спешила уходить.

Она медленно пошла вдоль стены, внимательно глядя на грубо обтесанные камни.

Именно отсюда раздался голос.

Значит, либо в стене было отверстие, либо кто-то там затаился. А раз затаился, значит, подслушивает.

И буквально через пять шагов Алиса обнаружила довольно крупного паука. Паук попытался улизнуть в щель, но Алиса сказала ему:

— Стой! Ты куда?

Паук остановился, обернулся к Алисе и угрожающе поднял передние лапы с когтями.

— Конечно, это паук говорил, — сказала Гиневьева, подойдя поближе. — Возьми камень и раздави его. А то мне врачи ничего поднимать не велели.

Паук тут же превратился в летучую мышь и взлетел под потолок.

Алиса проводила ее взглядом. Летучая мышь полетела вдоль подземного хода.

— Давай лучше молчать, — сказала Гиневьева, — или разговаривать на другие темы.

— Побежали, — сказала Алиса.

— Зачем? — Привидения не двинулась с места. — Здесь куда безопаснее. Вокруг верные мне рыцари, да и я не последняя в этом подземном царстве. Мы тебя, если надо, укроем, а уж ключи так спрячем, что ты и сама их никогда не найдешь.

— Гиневьева, ты же сама только что говорила, что мне надо спешить в кабинет!

— Я ошибалась, — заявила Гиневьева. — Ведь тогда они еще не знали, что ключи у тебя. А теперь знают и обязательно тебя убьют.

— До свидания, — сказала Алиса и побежала прочь.

— Останься, — прошуршала ей вслед Гиневьева.

По пути Алисе никто не встретился.

Коридор скоро кончился, и Алиса побежала через лабораторию питания. Свет был

потушен, и роботы почти не шевелились. Только на большой плите варился суп.

Дверь в центральную генетическую лабораторию была приоткрыта, но Алиса не посмела туда заглянуть, потому что поверила Гиневьеве — ванны и цилиндры для выведения живых существ захвачены оборотнями.

Алиса поднялась на второй этаж в кабинет директора.

К нему вел белый коридор с несколькими дверями. На каждой двери висела табличка. Сначала Алиса увидела бухгалтерию. Потом отдел кадров. Следующая табличка гласила: «Второй заместитель директора». За ней был кабинет третьего заместителя директора. Дальше висела большая табличка: «Первый заместитель директора по научной работе». И вот, наконец, кабинет самого директора.

Алиса огляделась. Вокруг ни души.

Она еще не знала толком, что ей делать. Но хотела проверить, на месте ли коробки с находками археологов, и спрятать их так, чтобы никакие оборотни до них не добрались.

Алиса еще раз оглянулась.

В коридоре никого. Тихо. Только мотылек бьется под потолком да муха ползает по стене.

Глава 7. Схватка с оборотнями

Алиса достала цепочку с ключами. Как только она поднесла ее к двери, ключ от кабинета замигал зеленой звездочкой. Алиса приложила его к двери.

Дверь послушно отворилась.

И вдруг — вжжжжик!

Алиса успела заметить, как муха превратилась в ворона, и тот ринулся в открытую дверь.

А мотылек тонкой змеей скользнул к Алисиным ногам и дернул так, что Алиса еле успела ухватиться за косяк. И тут же ворон набросился на нее спереди и все норовил выклевывать глаза.

«Главное — не выпустить ключи!» — успела подумать Алиса.

Но эта мысль была не очень важной, потому что сказочные оборотни уже пробрались в кабинет.

Она закрыла лицо ладошкой и изо всей силы дернула ногой, чтобы освободиться от червяка.

Ворон больно клюнул ее в лоб.

«Интересное кино! — подумала Алиса. — Вроде бы они не настоящие, а клюются и хватаются не хуже настоящих!»

Но все-таки Алиса — не обыкновенная девочка, не ребенок какой-нибудь! Она оттолкнулась ногами и прыгнула вперед по-вратарски. Ворон такого не ожидал и отстал.

Червяк тоже ее отпустил, а то бы Алиса его разорвала пополам.

Алиса схватила с письменного стола бронзовый бюст великого зоолога и писателя Джеральда Даррелла и запустила им в ворона.

Бюст так удачно ударил оборотня, что у того повисло крыло.

— Каррр! — завопил ворон. — Мы так не договаривались!

— А мы с тобой вообще не договаривались, — ответила Алиса и схватила костяной нож для разрезания бумаги. И хотя назначение у него было вполне мирное, но выглядел этот нож как настоящий кинжал. — А ну, брысь отсюда! — крикнула она червяку и метнула в него ножик.

Червяк подобрался в шар, подпрыгнул и превратился в черного кота. Самый типичный случай, ведь черные коты — любимые помощники всех ведьм.

Самым кончиком нож попал ему в хвост, да так ловко, что пригвоздил хвост к полу.

Слышали бы вы, как завопил этот кот!

Он начал со слова:

— Мяуууу!

Потом закричал:

— Яууууу!

И закончил отчаянным воплем:

— Уююуууу!

Похоже, ему действительно было больно, но Алиса оборотня жалеть не стала и повернулась к ворону.

Но ворона уже не было. По комнате бегал карлик-нос, держась правой рукой за левый локоть.

— Нечестно! — кричал он.

— А ну вон отсюда! — приказала Алиса.

— Ты об этом пожалеешь! — пригрозил карлик-нос.

Кот взвыл еще сильнее.

— И товарища своего не забудь! — грозно сказала Алиса.

На всякий случай она держалась за спинку стула.

Карлик-нос стал отдирать кота от пола.

Тот вопил и довопился до того, что ему на помощь прибежал какой-то мелкий джинн, по пояс Алисе, в чалме и шароварах.

Он хотел было заколдовать Алису. Даже рот раскрыл. Но не успел.

За его спиной появилось голубое сияние. Прекрасная Гиневьева нагнулась и уткнула указательный палец в затылок джинну.

Видно, джинны не любят, когда привидения трогают их за макушку.

Джинн закрутился на месте, сбил с ног карлика-носа, тот упал на кота, кот оторвал полхвоста и кинулся из кабинета, а за ним и все остальные безобразники.

— Зря я сюда пришла, — вздохнула Гиневьева. — Засветилась.

— Спасибо за помощь, — сказала Алиса. — А как ты засветилась?

— Это слово такое, шпионское, — пояснила Гиневьева. — Раньше они не знали, что мы с тобой дружим и что мы союзники. А теперь они все знают, и моя жизнь тоже под угрозой.

— Какая такая жизнь? — удивилась Алиса. — Ты же мертвая. Ты же привидения.

— А им все равно, живая или мертвая! Они мне таких гадостей могут натворить, ты не представляешь!

— Для привидения ты что-то не очень смелая, — сказала Алиса.

— А ты много привидений видела?

— Приходилось, — сказала Алиса.

— Мы все очень разные, — со вздохом произнесла Гиневьева. — Только я лучше многих. Может, даже лучше всех.

Алиса заметила, что кошачий хвост медленно пополз к двери. Как гусеница.

— Посмотри! — показала она Гиневьева.

— Ой! Я червяков боюсь!

— Может, его в плен взять? — вслух подумала Алиса.

— А где мы его держать будем?

— И правильно, — согласилась Алиса. — Держать его трудно, если он превращаться умеет.

Она подошла к хвосту, наподдала его ногой, и он вылетел в коридор. Потом Алиса закрыла дверь.

— А ты сквозь стены проходить можешь? — спросила она у привидении.

— Кое-какие стены я прохожу свободно. Особенно если они чистые, каменные. А вот в доме мне труднее. Ужасно не люблю краску, мне от нее дурно становится. Обои — это просто наказание. А стекло вообще ненавижу!

— Нет, ты — не просто призрак, — сказала Алиса.

— Тебе повезло с подругой, — скромно согласилась Гиневьева.

— А сквозь стену ты что-нибудь можешь пронести?

— Ничего. Неужели ты не понимаешь?

— Даже туфли?

— При чем тут туфли?

— Ты что, голенькая и босенькая сквозь стены ходишь?

— Как тебе не стыдно?! — возмутилась Гиневьева. — Порядочные девушки гольшом не бегают!

— Значит, ты под платьем можешь что-нибудь пронести?

— А я не пробовала!

В дверь постучали.

— Кто там? — спросила Алиса.

— Это я, директор, — отозвался мужской голос.

— Ой, как хорошо! — обрадовалась Алиса. — Как хорошо, что вы вернулись! А я уже собиралась вам звонить!

Она кинулась к двери.

И открыла ее, прежде чем Гиневьева успела ее остановить.

Алиса лишь услышала, как привидения робко спрашивает:

— А вдруг это не директор?

Но было поздно.

Алисины рука сама повернула ключ изнутри и открыла дверь.

В коридоре стоял директор Ро-Ро и улыбался.

— Молодец, девочка! — сказал он и вошел в кабинет. — Надеюсь, что ты никому ничего не отдала?

— А что я должна была отдать?

Алиса заметила, что глаза у директора словно слепые — не смотрят перед собой.

— Находки... Находки археологов... Где они?

«Конечно же, Гиневьева права! Как я могла так попасться! Это же оборотень. Вот и остальные оборотни лезут за ним в открытую дверь. Вот червяк ползет, вот кот заглянул — полхвоста как не бывало. А вот и карлик-нос верхом на жабе!»

Алиса оглянулась, но Гиневьевы в кабинете уже не было. И след простыл. Но это и к лучшему — пускай оборотни как можно меньше о ней знают.

— Алиса, сколько раз мне спрашивать? — рассердился директор Ро-Ро. — Быстро отвечай мне про шкатулку!

— Про какую шкатулку? — притворно удивилась Алиса. — Наверное, вы мне ее не показывали. Я же еще маленькая.

— Врет она! — крикнул карлик-нос. — Все врет!

— Квак, врет! — подтвердила жаба.

— А вы в самом деле директор Палеозо? — спросила Алиса на всякий случай.

— А то кто же еще!

— А какое у вас прозвище?

— Как ты смеешь! — возмутился директор. — У меня не может быть прозвища, потому что я — начальник. Я — директор! Мое превосходительство директор Палеозо!

— Так если вы директор и находитесь в собственном кабинете, то сами должны знать, где ваша шкатулка!

Кот от злости даже зашипел, вспрыгнул на письменный стол и уже примеривался, как бы побольнее вцепиться в Алису.

— Уберите это уродливое животное! — закричала Алиса.

— Уродливое? — обиделся кот. — Чем же это я уродливое животное, интересно? Я самый красивый кот на Земле и в окрестностях!

— У тебя полхвоста кто-то отхватил, — сказала Алиса.

— Не отвлекайся, — деловито сказал директор. — Где весь генетический материал?

— А что такое «генетический материал?» — притворилась глупенькой Алиса. — Мы этого еще не проходили.

Кот прыгнул на Алису, она успела отпрыгнуть в сторону, и кот, промахнувшись, рухнул на карлика-носа, сшиб его с жабы, жаба перевернулась на спину, и поднялся страшный визг, уханье, кваканье и причитания.

Лжедиректор набросился на Алису, обхватил ее жилистыми руками и потащил к стулу, а кот и карлик-нос ему помогали, как могли. И пока директор держал Алису, которая сопротивлялась, как пантера, карлик с котом приматывали ее к стулу.

Хоть Алиса и отбивалась, но они ее одолели.

Тогда она и сопротивляться перестала. Ведь они скоро уйдут, а тогда Гиневьева ее развяжет.

О, как она заблуждалась!

Расправившись с Алисой, оборотни принялись искать генетические остатки своих товарищей и друзей — драконов, вампиров, ведьм и леших, словом, всей вымершей нечисти.

В несколько минут все в кабинете оказалось перевернутым вверх дном, но они не знали, где лежат все эти зубки и чешуйки, а директора Ро-Ро никто бы не назвал самым аккуратным человеком на свете, и отыскать что-нибудь в его кабинете было непросто даже ему самому. А оборотни перекидывали все с места на место, отчего получался еще больший беспорядок.

Алиса знала, в каком шкафу за книгами стоит заветная шкатулка, но, конечно, молчала. Хотя время от времени оборотни уставали искать кости, набрасывались на нее и принимались молотить кто чем мог. Но Алиса терпела. И даже не ругалась.

Она вспомнила, что главное сокровище — окаменевшее яйцо со ржавой иглой внутри, жизнь Коцея Бессмертного, — хранится в сейфе. Но пока оборотни сейф не разыскивали. Наверное, в их время сейфов еще не было.

Но вот поддельный директор вытащил из шкафа шкатулку.

Ту самую!

Он ее открыл.

— Смотрите! — крикнул он коту и карлику-носу. — Наверное, это наши братья!

— Совсем не похожи! — фыркнул кот.

Ро-Ро вытащил из шкатулки чешую. Самую большую.

— А мне это напоминает, — задумчиво произнес он, — шкуру моего друга, дракона Долгожевателя.

— Так у него шкура красивая, а это пыль сплошная! — возразил карлик-нос.

— Дурак! Надо различать частное и общее, — сказал лжедиректор. — Одна чешуя — это еще не шкура.

— Вот именно, — квакнула жаба.

— А чей же это зуб? — спросил сам у себя директор.

И не успел сам себе ответить, потому что его опередил кот.

— Это зуб его превосходительства вампира Полумракса! — почтительно промяукал он. — Клянусь памятью моего папы, погибшего в бою с помоечными котами под Конотопом в Саудовской Аравии!

— Какие сокровища! — сказал директор. — Какие люди! Какие имена! Какое светлое

будущее открывается перед тем, кто владеет этой невзрачной с виду коробочкой! Скорее же в лабораторию! Надо быстрее оживить наших друзей. Утро не ждет!

И вся компания кинулась к дверям, забыв про Алису.

Дверь хлопнула, и стало тихо.

Алиса попыталась развязать узлы, но у нее ничего не вышло.

И тут в комнате стало немного светлее.

Из стены высунулась голова Алисиной подруги, привидения Гиневьевы.

— Ну как, эти трусливые ничтожества сбежали? — спросила она.

— Их уже нет.

— И отлично. Мне противно с ними встречаться. Давай рассказывай, что они с тобой сделали.

— Развяжи меня, пожалуйста, — попросила Алиса. — А то у меня уже руки болят.

— Я бы рада, — сказала привидения, — но у меня никакой силы в руках нет. Я не смогу этого сделать.

— Ты с ума сошла! — возмутилась Алиса. — У меня на тебя вся надежда! Ты уж постарайся.

— Кажется, ты, подруга, забыла, что я — призрак. Ты видела когда-нибудь призрака, который варит щи или носит воду из колодца?

— Я не присматривалась, — призналась Алиса. — И что же мне теперь делать?

— Не представляю. Наверное, придется подождать, пока они вернуться, чтобы тебя прикончить. Правда, грустно?

Человек, который никогда раньше не видел Гиневьеву Кармайкл, решил бы, что эта полупрозрачная красавица издевается над Алисой. На самом деле шотландская принцесса была совершенно серьезна и даже расстроена. Она хотела помочь своей новой, лучшей и единственной в мире подруге, но не могла.

— Я бы к роботам пошла, — сказала она, — только опасюсь, что они меня не послушаются.

— Точно не послушаются, — согласилась Алиса. — И может быть, даже постараются посадить тебя в какую-нибудь коробку для экспонатов.

— Ой! Тогда я пошла к себе в подвал!

— Иди, — вздохнула Алиса и подумала, что от такой подруги больше вреда, чем пользы. — Только дверь за собой закрой.

— Ничего, — ответила привидения. — Я сквозь стенку пройду.

Что она и сделала.

И оставила Алису в полном одиночестве.

Глава 8. Разговор на башне

Все с Алисой уже случилось в ее довольно короткой, зато богатой событиями жизни. Но сидеть привязанной к стулу и ждать неминуемой смерти — такого с ней еще не бывало. Это только в фильмах показывают. И всегда в самый последний момент из-за леса, из-за гор появляются наши красные конники, которые рубят всех врагов в капусту.

Но пока что красных конников не предвиделось.

Надо самой что-нибудь сделать.

Алиса подергала узлы: нет, привязали ее на совесть, хотя у этих негодяев и совести-то никакой, конечно же, нет.

Кричать — пустой номер! Если кто и услышит, то только сами оборотни. Услышат, вспомнят, что недорастерзали девочку, вернутся и завершат свое черное дело.

Остается видеофон.

Вон его экранчик на столе. Надо дотянуться и набрать номер.

Конечно, сделать это будет нелегко, но кто нам мешает?

Алиса принялась двигать стул.

К счастью, ноги ее были привязаны к ножкам стула кое-как, и потому она могла перебирать ими по полу.

Стул сдвинулся с места и закачался: вот-вот грохнется набок. Тогда уж ей никуда не добраться.

Но Алиса смогла удержать равновесие. Шажок, еще шажок... И вот она уже ударилась о край стола.

Надо бы дотянуться до кнопки видеофона.

Хорошая идея! Алиса резким движением рванулась вверх и встала в странной согнутой позе — стул сзади, ноги на полу, а голова и нос впереди.

Теперь нужно продвинуться чуть дальше.

Алиса упала грудью на стол и подбородком точно угадала кнопку.

Кнопка въехала в пульт.

И ничего не случилось. Пульт не работал. И так как на нем не горела ни одна лампочка, не подмигивал ни один огонек, Алиса поняла, что связь с внешним миром прервана. Она даже удивилась: ведь сказочные существа ничего не должны понимать в науке и электричестве. Как же они догадались, что надо изолировать остров? По крайней мере, на выходные дни. А потом, в понедельник, уже поздно будет.

Если, конечно, им удастся наплодить достаточно своих союзников, чтобы поработить всех людей и вернуть нас всех в эпоху легенд. В светлое прошлое нашей планеты. В ледниковые периоды...

«Ох, Алиса, не отвлекайся!» — строго сказала она себе.

Им надо помешать.

Но как тут помешаешь, если у тебя всего лишь один союзник на острове, да и тот — призрак древней девушки, которая даже поднять-то ничего не может. И пять статуй ее рыцарей. Но ведь статуи — они и есть статуи. В лучшем случае такой рыцарь может грохнуться наземь, если мимо проходит враг. Но ведь не станешь же ты водить всех врагов мимо статуй. Да и статуй куда меньше, чем врагов.

Нет ничего хуже, чем лежать и чего-то ждать. Тем более лежать грудью на письменном столе, на котором как назло нет ни одного острого предмета. Хорошо героям

фантастических или детективных романов — они всегда находят выход из дурацкого положения. А вот Алиса никакого выхода найти не могла — не было выхода, и все тут!

Ну хоть плачь!

Может, папа догадается вернуться на остров с озера Лох-Несс? Почувствует беспокойство за дочку и вернется... Но с чего ему чувствовать беспокойство, она же не в лесу и не в пустыне, а в мирном зоопарке в цивилизованной Шотландии...

Вот бы пригодилась телепатия! Но, как известно, телепатия — это выдумка писателей. На самом деле твои мысли — это твое хозяйство, и никому в них не залезть. Впрочем, и к лучшему!

Вдруг Алиса услышала в коридоре шаги.

И невнятные голоса.

Шаги остановились у двери. Кто-то подергал за ручку, но когда оборотни убежали, дверь захлопнулась.

— Эй! — послышался голос. — Алиса, открывай дверь, мы пришли с тобой дружить! Ты слышишь?

Потом послышался другой голос, потоньше:

— Алисочка-кисочка, у меня мячик есть, мы будем с тобой по лужайке бегать, мячик подбрасывать до звездочек. Открой дверку, пусти нас.

«Они не знают, что я связанная, — подумала Алиса. — Лжедиректор им об этом не сказал».

Алиса решила оборотням не отвечать. Пусть пошумят и подумают, что она убежала. Подумают и уберутся восвояси.

Но оборотни и не думали убираться.

Грубый голос повторил:

— А ну открывай, кому говорят! Ты что, хочешь, чтобы мы дверь выломали? А что — выломаем! Если нужно будет, носорога позовем или робота, нам здесь все подвластно. Слышишь, паршивая девчонка?

Раздался удар в дверь, словно кто-то разбежался и ударил в нее плечом. Дверь дрогнула. Неизвестно, сколько она выдержит.

Алиса отчаянно дергала руками — даже больно было, но веревки не поддавались.

Еще удар.

Дверь зашаталась.

Тонкий голос зловеще произнес:

— Вот сейчас я до тебя доберусь, ох, уж и доберусь! Кончились времена дружбы и переговоров. Пора воевать — воевать и мучить пленников!

Алиса понимала — еще один-два таких удара, и дверь откроется.

Она хотела зажмуриться, чтобы не видеть, как ворвутся оборотни.

И тут почувствовала, что в кабинете стало светлее.

И неудивительно, потому что из стены вышла Гиневьева, медленно и торжественно, словно пава. Кстати, Алиса хорошо знала, что пава — это жена павлина, у которой нет такого красивого хвоста, как у мужа. Несправедливо обошлась природа с павлиньими подругами.

— Ты меня ждешь? — спросила Гиневьева. — А я думала, что они тебя уже сожрали.

— Помоги мне! — воскликнула Алиса. — Неужели ты не видишь, что они вот-вот ворвутся?!

— Ах, погодите! — громко сказала привидения, подходя к двери. — Я пришла на помощь Алисочке, я ее старшая и очень могущественная сестра, и если нужно, я вас всех испепелю!

За дверь наступила тишина.

Там думали.

Гиневьева обернулась к Алисе.

— Тут я нашла дружочка, — сказала она, — он тебе поможет. Ты где, светлячок?

Алиса повернула голову и увидела, что посреди комнаты, у ног привидения, стоит, приподнявшись на задние лапы, небольшая ящерица малахитового цвета с белым животиком.

— Это саламандра, — пояснила Гиневьева. — Она может пускать огонь. Саламандры живут в глубинах Земли и прогрызают проходы в камне, а иногда даже плавят породу. Саламандра говорить не умеет, но очень меня уважает. Они все меня уважают. Я у них как богиня — от меня свет исходит, и я могу где угодно проходить. Славно, правда?

— А что она может сделать?

Саламандра уже принялась за дело. Она взбежала по Алисе на стол, положила передние лапы Алисе на плечо, заглянула ей за спину и зашипела. Негромко, но тревожно.

— Она говорит, — объяснила Гиневьева, — что сейчас пыхнет огнем на веревку, которой тебя связали. Может, тебе станет горячо или даже больно, но ты уж потерпи.

— Разумеется, — согласилась Алиса. — Только скажи ей, пусть поскорее огнем пышет.

Алиса слышала, что оборотни снова стали ломиться в дверь и та вот-вот рухнет.

Краем глаза Алиса заметила, как из пасти саламандры вырвалась струйка голубого пламени, ну точно как из газовой горелки.

— Ой! — воскликнула Алиса.

— Терпи! — приказала Гиневьева.

Запахло паленым.

— Еще немного, — сказала привидения. — Сейчас сгорит!

— У меня скорее руки сгорят, — застонала Алиса.

Саламандра снова выпустила струйку голубого пламени.

Алиса поднатужилась и рванула руками. Веревка с треском лопнула.

От неожиданности Алиса не удержалась на ногах. Вместе с саламандрой и стулом она рухнула на пол.

Но, даже падая, она понимала, что надо действовать быстрее.

Алиса изогнулась, дотянулась до ног, одним движением стащила с них веревки и вскочила.

Ой, как было больно! Оказывается, саламандра ее обожгла, да к тому же руки и ноги затекли.

Алиса пошатнулась и ухватилась за край стола.

Саламандра кинулась прочь и исчезла в щели.

— Какая ты неблагодарная! — укорила ее Гиневьева. — Совсем не испытываешь благодарности к спасителям. Разве так настоящие леди поступают?

Алиса понимала, что времени у нее совсем не осталось.

Она кинулась к окну, но коленки подогнулись, и ей пришлось ухватиться за подоконник.

Вымощенный плитам двор был пуст — но до земли так далеко!

И тогда Алисе пришла в голову мысль.

— Лучшая оборона — это нападение! Так учил Наполеон.

— А он из какого клана?

— Не отвлекайся. Сейчас дверь откроется, ты примешь самый страшный вид и кинешься на них.

— Я никогда не принимаю страшный вид, — обиделась Гиневьева. — Я же такая красивая!

И в этот момент дверь наконец поддалась и со страшным грохотом рухнула внутрь комнаты.

И Гиневьева, которая хоть и спорила с Алисой, но на самом деле отлично умела принимать страшный вид, загорелась голубым пламенем, волосы ее поднялись, как клубок змей, из глаз полетели искры, такие яркие и крупные, что прожигали обои на стенах.

А в дверях появились одноглазый волк и громадных размеров летучая мышь с торчащими изо рта клыками.

Они уже хотели кинуться на Алису, но никакой Алисы, конечно, не увидели, потому что были ослеплены страшной привидением и в ужасе попятились.

— Урра! — закричала Алиса. — Да здравствует Наполеон Бонапарт!

Она кинулась к двери и проскочила между оборотнями, как Одиссей между Сциллой и Харибдой.

Помните эту историю? Сцилла и Харибда — это два чудовища, которые стерегли глубокий пролив, и если морякам удавалось уклониться от Сциллы, они обязательно погибали в когтях Харибды.

На этот раз Сцилла и Харибда, то есть летучая мышь и одноглазый волк, еще хлопали глазами, а Алиса уже скатилась вниз по лестнице и кинулась к лаборатории питания. Она хотела укрыться в подземелье.

Но дорогу ей преградили повара.

А может быть, официанты.

Из лаборатории вереницей выходили вампиры, гномы, тролли, карлики-носы, бесы, лешие, домовые и прочая нечисть с подносами, мисками и кастрюлями в руках и лапках. Видно, оборотней вывелось уже немало, и всех их надо было кормить.

Следом за ними под лапку шли две китайские лисы — хитрющие, как десять настоящих лисиц. Им достались торты. Конечно же, по пути они откусывали от них самые вкусные кусочки.

Все эти существа отлично видели Алису, но в то же время делали вид, что не видят. И не потому, что хотели ее обидеть, — просто у них было своих дел по горло, а кому надо, пускай охотятся за человеческой девчонкой.

Хоть они на Алису и не бросались, но пройти дальше было невозможно — у входа в подземелье стояли два тролля отвратительного вида с изогнутыми мечами в лапах и так страшно вращали глазами, что Алисе сразу стало ясно — мимо них не пройдешь.

Надо возвращаться.

И такое одиночество почувствовала Алиса — вы не представляете!

Куда идти?

Пожалуй, лучше всего выбраться из замка и попытаться уплыть с острова.

Но как обмануть оборотней?

Алиса вышла из замка и остановилась у входа в дирекцию зоопарка.

Вечерело. Небо стало полосатым от медленно плывущих облаков, которые отражали в себе океан и зеленые шотландские горы. С моря порывами налетал свежий ветер. Он с размаху бился о стены замка, словно поздний путник стучал в дверь.

Алисе захотелось посмотреть на остров сверху. А вдруг неподалеку плывет корабль или летит флаер? Тогда она сможет позвать на помощь.

Алиса на цыпочках перебежала через двор к башне. Конечно, она понимала, что, если оборотни и волшебники захотят, они ее всегда увидят и даже смогут остановить. Но ведь сейчас у них ужин!

Алиса вошла в башню. Там было пусто. Не просто пусто, а очень пусто, даже крысиных шагов не слышно.

Алиса поднялась на крышу.

Там было куда холоднее, чем во дворе.

Если внизу Алиса только слышала ветер, то на башне он бил ее, толкал, дергал за одежду и волосы и вообще хотел унести с собой на остров Ньюфаундленд.

Солнце уже село, как раз в океан, и облака в том месте были яркими и зеленоватыми, зато за спиной небо стало синим и на нем высыпали звезды.

А среди звезд висел месяц.

Как будто ты стоишь где-нибудь в Малаховке, в мирном подмосковном селении, и самые страшные звери вокруг — комары.

Ну хоть бы один корабль или флаер!

Пустая надежда. Кто полетит или поплывет сюда субботним вечером, да еще осенью?

Какая-то большая птица снизилась над башней. Ах, если бы это был голубь! Можно было бы привязать к его лапке послание: «Спасите наши души!» — и он бы вернулся в свою голубятню.

Птица оказалась очень большой, с приличных размеров собаку.

Она уселась на парапет, и в ее глазах блеснули отблески заката.

И только тут Алиса сообразила, что у птицы нет перьев.

Перед ней сидела большая летучая мышь. Или даже летучая собака, такие водятся в тропических странах.

— Простите, — вежливо произнесла летучая собака, — я вам не помешал?

— Ах, вы тоже из этой компании! — воскликнула Алиса. — Как вы мне надоели!

Наверное, это прозвучало не очень вежливо, но ей в самом деле до смерти надоели оборотни, вурдалаки, джинны и вампиры.

— Разрешите представиться, — не обиделась летучая собака. — Я не совсем тот, за кого вы меня приняли. Я — очень известный и древний вампир. Иногда меня называют граф Полумракс, потому что и мои предки, и я лично предпочитаем питаться не глухой ночью, как всевозможные Дракулы, а в сумерках, в интеллигентной обстановке... Вы ко мне прислушиваетесь?

— К сожалению, мне некуда деваться, — сказала Алиса.

— Вы свободны, — ответил вампир. — Вы можете спуститься, можете выйти из замка и даже погулять по зоопарку. Только настоятельно вам рекомендую: не стоит углубляться в лес — тамошние обитатели лишены жалости. Ох уж эти мамонты и тигры! И кому только потребовалось их выводить?

— Вы хотели мне что-то сказать? — перебила вампира Алиса.

— Мечтал! Ах, я всегда мечтал поговорить с умной, интеллигентной девочкой из

будущего. Какое счастье, что вы пережили ледниковый период и мы теперь можем поговорить искренне, по-дружески. Я хотел вам все объяснить. Вы меня поймете, правда же, вы меня поймете?

— А что я должна понять? — спросила Алиса.

Облака темнели, ветер становился все холоднее. Но вампир этого не чувствовал. Он говорил, размахивая крыльями — то расправлял их, то снова сворачивался в клубок кожи и когтей.

— Мне хочется открыть вам правду.

— Я рада, — сказала Алиса.

Она села на камни так, чтобы укрыться за парашютом от ветра.

Вампир сидел над ней, покачивался под порывами ветра и время от времени улыбался — только вампиры и летучие собаки умеют так неприятно улыбаться.

— Вы знаете, девочка Алиса... Или вам будет приятнее, если я стану вас называть принцессой Алисой — вы заслужили это почетное звание!

— Мне достаточно просто Алисы.

— Ах какая изумительная скромность! — ахнул вампир и от удивления чуть было не свалился с парашюта.

Он был большим кривлякой.

— Ах какая скромность! Надеюсь, вы достигнете грандиозных — нет, я не боюсь этого слова! — грандиозных высот в нашем новом обществе.

— В каком еще обществе? — не поняла Алиса.

— Рад объяснить. Как вы знаете, мы по праву владели Землей несколько тысяч лет и достигли невероятных высот в волшебстве. Поэтому наш мир был счастливым и лучшим из миров.

— Но не для всех, — заметила Алиса.

— Вы имеете в виду людей, принцесса?

— Конечно. Я же знаю, каково приходилось людям в вашей счастливой эпохе. Они были несчастны, потому что им ничего не разрешалось. Любой дракон или оборотень мог сожрать человека, и ему ничего за это не было.

— Ах, Алиса, не бывает совершенно счастливых стран и народов! Всегда кто-то недоволен! Но в нашей эпохе подавляющее большинство было довольным, а ворчало только жалкое меньшинство. Причем учти: никто никогда не запрещал людям становиться вампирами или волшебниками. Хочется — иди, учись, дерзай, соревнуйся, пей кровь!

— И много было таких случаев? — спросила Алиса.

— Чтобы человек стал волшебником?

— Или оборотнем, или вампиром...

— Ах, разве я следил! — Вампир развел крыльями. В них ударил ветер, Полумрак полетел вперед, хлопнулся рядом с Алисой и долго пытался подняться, чтобы сесть как положено.

А когда поднялся, то пробежал на коротких когтистых ножках к парашюту, но забираться на него не стал, а уселся спиной к каменной ограде, напротив Алисы. Видно, ветер ему не понравился.

— На чем мы остановились? — спросил вампир.

— На людях, — подсказала Алиса.

— Я не занимался проблемами людей, — сказал вампир Полумрак. — Меня

интересовали большие, глобальные проблемы. Мы, вампиры, сопротивлялись ледниковому периоду до последнего предела. Кое-кому удалось даже впасть в летаргический сон и переждать холода в глубоких пещерах... Но сейчас мне хочется раскрыть перед вами, принцесса, широкие перспективы нашего с вами сотрудничества.

Если вы думаете, что Алисе этот вампир не нравился, то вы даже не представляете, до чего он был ей противен! Хоть бы вел себя, как нормальная летучая собака, не старался изобразить философа, который любит человечество. Никого он не любит, даже собственную маму! Но надо его слушать. Терпеть и слушать, потому что он ведь прилетел сюда не просто поболтать. Что-то ему от Алисы нужно. Он хитрит. Что ж, и мы будем хитрить.

— Я всегда думал, — продолжал вампир, — как это несправедливо! Мы, сказочные существа, волшебники и вампиры, драконы и тролли, создали великолепный мир — вам, людям, такой и не снился, да и сейчас вам с нами трудно тягаться. Жестокие ледники нас заморозили. Но справедливость восторжествовала. Наука генетика вернула нас к жизни. Вернее, не всех и не совсем... Но нам был важен первый шаг. Мы увидели свет в конце туннеля. И мы пошли на этот свет!

— Вы оказались здесь случайно, — возразила Алиса.

— Ты думаешь, что нас несправедливо вернули к жизни? Значит, ты, гуманистка и любительница всего живого, считаешь, что мы, волшебники и гномы из ваших детских сказок, недостойны жить рядом с вами? Мы что, хуже вас, людей?

— Я так не говорила. — Алиса растерялась. Она и в самом деле не желала зла гномам и волшебникам, к тому же среди них встречались вполне приличные люди.

— Значит, ты согласна с тем, что мы вернемся на Землю? — обрадовался вампир.

— Если только вы не будете вредить людям.

— Ах так! — Вампир принялся расхаживать по круглой площадке, заложив за спину крылья, как профессор, который читает лекцию. — Значит, теперь каждая сопливая девчонка будет решать, наносит ли вред людишкам или нет? Так вот, заруби себе на носу! Ты ничего не решаешь! Решают сильные, решают господа, а рабы молчат и радуются тому, как о них заботятся. Так было и так будет!

— Значит, вы вредные, — вздохнула Алиса.

Почти совсем стемнело, и вампир казался большой черной птицей.

— О нет! — каркнул он. — Мы очень добрые. Мы хотим, чтобы все жили дружно, чтобы больше не было войны. И мы это сделаем, потому что мы волшебники, а вы простые люди. Нас уже не остановить!

— Вы же сами ничего делать не умеете, — сказала Алиса.

— Правильно, — согласился вампир. — Но наши помощники лучше твоих, Алисочка. Потому что Гиневьева — всего-навсего привидение. А привидения даже бумажку поднять не в состоянии. Будут вопить, шипеть и пугать, а сделать ничего не смогут. А мы обманули глупых роботов, потому что кажемся им людьми, сотрудниками этого зоопарка. Мы и вас, людей, заколдуем, и вы будете думать, что так и надо жить! Потому что мы — настоящие волшебники, маги, колдуны и чародеи, а вы — всего лишь простые человечки!

Алиса слушала вампира и думала: «А ведь ему что-то от меня нужно. Не стал бы он тратить на меня свое драгоценное время, если бы я ему не пригодилась. Но ведь коробку с чешуйками и зубами они у меня уже отобрали!»

Так что Алиса решила перебить вампира и спросила:

— А что вам нужно, господин Полумракс?

— Ты хочешь знать правду? — спросил вампир.
— А на что мне вранье? — ответила вопросом на вопрос Алиса.
— Разумно, — согласился вампир. — Мне нужен начальник, голова, организатор наших побед.

— А я здесь при чем?

— А ты знаешь, где он хранится.

— Как я могу знать?

— Днем директор зоопарка его тебе показывал.

Алиса ничего не понимала. Какого начальника вынимал и показывал ей Ро-Ро?

— Я не видела...

— Это было... Ну, думай! А то накажу! Думай сейчас же!

— Не знаю!

— Это было... яйцо!

И тут до Алисы дошло:

— Вы имеете в виду яйцо, окаменевшее яйцо с ржавой иглой внутри? Но ведь это смерть Кощея Бессмертного!

— Где смерть, там и жизнь, — засмеялся вампир.

— Но зачем вам это яйцо?

— Нет королевства без короля, нет армии без маршала, нет племени без вождя. Для того чтобы покорить мир, нам нужен вождь. Настоящий, уважаемый всеми, признанный везде, от вершин Альпийских гор до глубочайших адских подземелий. Он изложит программу и поставит перед нами цели. Он знает, кого и за что наказывать или миловать... Отдай нам яйцо!

— Но как я могу это сделать, если не знаю, где оно?!

Алиса отлично знала, что яйцо с ржавой иглой — смерть Кощея — лежит в сейфе. А сейф находился за копией знаменитой картины Шишкина «Три белых медведя». Этой картины раньше никто не знал, но оказалось, что художник написал ее по секрету от всех знакомых, потому что хотел подарить ее одной чукотской девушке. Только недавно эту картину отыскала Алиса, причем в совершенно неожиданном месте. Если вы захотите, я когда-нибудь расскажу вам эту историю.

Алиса знала, где хранится яйцо, но не собиралась выдавать эту тайну вампиру. Если и без Кощея жители эпохи легенд готовы завоевать всю Землю и сделать людей своими рабами, то с его помощью они смогут весь космос захватить.

— Слушай, Алиса, я предлагаю тебе дружбу. Ты нам яйцо, а мы тебе все, что ты пожелаешь. Хочешь бриллиантов сто штук?

— Нет.

— Хочешь живого слоненка?

— Нет.

— Хочешь конфет целый вагон?

— Господин Полумракс, не обещайте того, что не можете выполнить. Ну откуда здесь взяться вагону конфет?

— Ты, наверное, так и не поняла, что мы — волшебники. А одно из основных занятий волшебников — превращать картошку в конфеты, а конфеты в тараканов.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Теперь я понимаю, что вы мне хотели подарить.

— Но это же шутка!

— А что не шутка?

— Скажешь, где яйцо, останешься жива. Школу кончишь, в институт поступишь...

— Значит, останусь жива?

— Разумеется.

— И в институт поступлю?

— Вернее всего, — подтвердил вампир.

— Что же вы так неуверенно говорите? — засмеялась Алиса. — Вы же такой ловкий вун, а тут замялись!

— Это происходит оттого, — заявил вампир, — что по натуре я очень правдивое существо. Сказать неправду для меня — пытка. Сущяя пытка!

— В чем же неправда, господин Полумракс?

— Не знаю я, будут ли в светлом будущем институты для людей. Ну, не знаю, и все тут! Я бы, будь моя воля, никогда бы не стал людских детей учить читать, а тем более писать. Не нужно это людям, мешает быть счастливыми. Вот, допустим, голубь летит — он читать не умеет, а счастлив, потому что сыт и имеет гнездо. Вот гриб между камней пророс. Он не только не читает — даже ходить не умеет. А все равно счастлив! И это мы наблюдаем во всем свете. Вы, люди, придумали себе грамоту, стали книжки читать, в школы ходить. Никакого счастья не добились, а думаете, что учение — это свет. Чепуха! Учение — это туман. Книжки годятся только на растопку.

— А с телевизором как быть? — спросила Алиса.

— Телевизор мы вам оставим. Смотрите. Обязательно оставим бразильские сериалы про дядю Хуана и его незаконную дочку Марию, которая сама себе бабушка. И оставим фильмы, в которых автомобильчики друг за дружкой катаются. Бабах! Чудо — красота!

— Я такие фильмы не люблю и никогда их не смотрю.

— А это мы будем проверять! Если любишь смотреть про дядю Хуана, значит, свой, послушный человек, получи добавку компота! А если тебе погони на «Мерседесах» не подходят да семизарядный «кольт» не нравится, придется с тобой поговорить серьезно. Такие людишки нам не нужны! Но главное — не мешайте нам строить ваше счастливое общество близкого будущего.

— И ради такого общества я должна вам выдать смерть Коцея?

— Разумеется. И ты еще мне спасибо скажешь.

— Почему?

— Потому что мы подарим тебе бессмертие, как настоящей волшебнице. Мы тебя будем считать своей. Правда, при одном условии — ты нам будешь помогать.

— Я вам так нравлюсь?

— Мне ты, без сомнения, нравишься, Алисочка, я к тебе ночью прилечу, поцелую тебя в шейку...

«Прилетишь, поцелуешь, как бы не так, — сказала про себя Алиса. — Знаем мы ваши вампирские поцелуи! С вами расслабишься и станешь лучшим в мире донором: ни капельки крови в себе — все кровососам!»

— А я вам должна всего-навсего какое-то битое яйцо отдать? — вслух спросила она.

— Вот именно! Где оно? Мы обыскали весь кабинет! Все перевернули вверх дном! Яйцо где-то там, и ты это знаешь!

Темнота сгустилась еще больше, поэтому, когда вампир принялся бить крыльями по воздуху, чтобы запугать Алису, она его не увидела.

— А как же вы намерены весь мир завоевать? — спросила Алиса. — Люди вам не поверят!

— Доживем до понедельника, — сказал вампир. — В понедельник сюда понаедут туристы, и мы их всех заколдуем. И тебя заколдуем.

— Колдуйте! — сказала Алиса и пошла к лестнице.

Полумрак кинулся ей наперерез.

— Стой! Я тебя не пущу! — завизжал он.

Алиса остановилась. Уж очень вампир был большой. Еще искушает своими ядовитыми зубами!

Но, на счастье Алисы, внимание вампира отвлекло голубое сияние, которое возникло в воздухе за его спиной.

— Оглянись, крошка, — раздался нежный голосок привидения. — Иди сюда, комарик мой ненасытный. Можешь из меня кровушку попить. Не хочешь?

— Уйди-уйди! — закричал вампир. — Мы так не договаривались. Я боюсь электричества.

— Ах, что за слово! И-ли-тричество! — пропела Гиневьева. — Я даже и не знала, что меня так зовут.

Дальше Алиса слушать их разговор не стала. Она понимала, что привидения отвлекает вампира, чтобы Алиса успела скрыться.

Что она и сделала.

Алиса сбегала вниз по лестнице и бросилась к воротам замка.

Хорошо бы выбраться отсюда и как-нибудь уплыть с острова.

Ворота оказались закрыты. На них висел большой замок, который не давал отодвинуться тяжелому железному засову, оставшемуся, видно, еще со времен Кармайклов.

Но как же выбраться из замка?

Алисе не хотелось лезть в подземелье — тем более что там скопилась уйма оборотней и всякой сказочной нечисти.

Она пошла вдоль стены, глядя вверх и размышляя, нельзя ли как-нибудь через нее перебраться.

Впереди показалось что-то темное. К стене примыкал большой сарай!

Ну как люди раньше жили без света? Даже свечки у Алисы не было.

А вот оборотням и вампирам очень удобно жить в темноте — у них ведь ночное зрение развито куда лучше, чем у нас.

Конечно, луна и звезды немного освещали двор, но по небу бежали облака и все время закрывали звезды.

А тут еще оборотни хватились Алисы, и было слышно, как они перекликаются в темноте:

— Али-и-и-иса!

— Алисочка, отзовись, ужинать пора!

— Алиса, мама зовет!

— Алиса, выходи, поговорить надо!

«Нет, не буду отвлекаться, — подумала Алиса. — Они меня нарочно заманивают».

Глава 9. Бегство из замка

Сарай был сложен из неровных каменных глыб. Массивные стены возвышались на два человеческих роста, а выше начиналась скользкая покатая крыша, покрытая поросшей мхом черепицей. Крыша доставала до самого верха стены замка.

Алиса присмотрелась — глаза уже привыкли к темноте. По стене сарая она заберется без труда, а вот как карабкаться дальше, по черепице — непонятно.

Тут Алисе пришлось прижаться к стене и замереть, потому что по двору пробежали два волка. Они принялись и разговаривали на бегу.

— Попахивает человечиной, ты как думаешь, браток?

— Ох, попахивает. Но неизвестно, это Алиса или кто другой. Ведь за день здесь немало людей побывало.

Волк задрал морду к небу и завыл. Выл он громко и неприятно.

А второй волк старался его перекричать:

— Алисочка, ангел мой, домой пора! Спатеньки будем! Мы тебя теплым молочком напоим...

Потом он перестал причитать и хриплым голосом произнес:

— Не надо было мне в кладовой мясо с чесноком жрать. Очень даже нюх отбивает.

— А я кетчупом обожрался, — признался другой волк.

Они убежали.

Алиса огляделась. Вроде бы во дворе было пусто.

Волки скрылись в доме дирекции. На втором этаже зажегся свет. Свет был тусклым, неровным, наверное, горела керосиновая лампа или свеча.

Алиса начала карабкаться по стене сарая. Но добраться до крыши она не успела, потому что хлопнула дверь, и из дома дирекции выскочили вампир Полумракс, волк-оборотень и женщина, похожая на Бабу-Ягу.

Глаза Алисы уже совсем привыкли к темноте, и теперь она видела ночью, при свете звезд, не хуже, чем днем.

— Где они? — спросил Полумракс. — Ничего не слышу.

— А ты ничего и не услышишь, — сказала женщина, похожая на ведьму. — Вы, вампиры, вообще нечуткие. А я за два километра слышу, как муха летит. Вот и сейчас я слышу, как они начали снижение.

— Летят, — подтвердил волк. — Слышу.

Тут и Алиса услышала шуршание и хлопанье крыльев. Но это хлопали не крылья, а снижался ковер-самолет.

На ковре сидел небольшой зеленый черт с рожками, над ним кругами летал дракончик, а посреди ковра, сжавшись и уткнув голову в колени, сидел... Да это же профессор Сингх! Он-то что тут делает? Как он им попался?

Ковер опустился посреди двора.

— Приехали, — сказал черт с рожками.

— Добро пожаловать на остров Элис, — сказала женщина, похожая на ведьму. — Мы вас заждались.

— Я ничего плохого не сделал! — зарыдал профессор Сингх. — Я же обещал с вами сотрудничать! Я же вам все докладывал! Зачем вы меня мучаете?!

— И как же они тебя мучили? — спросил вампир.

— Вы не представляете, как там наверху дует, — занял профессор. — Теперь я обязательно простужусь! Я скончаюсь от воспаления легких! И вам меня даже не будет жалко.

— А чего нам тебя жалеть? — удивился вампир. — Предателей никто не жалеет.

— Я — предатель?! Как вы смеете меня так называть?

— А кто помог нам захватить лабораторию? Кто нам двери открыл? Кто нам все рассказал?

— Не знаю! Не знаю, я ничего не сообщал... То есть я сообщал, но только ради дружбы народов!

И если до того момента Алиса надеялась, что это не профессор Сингх, а всего лишь какой-то оборотень, который изображает профессора, то теперь она поняла, что видит самого настоящего Сингха, который почему-то стал помогать оборотням.

— А вот насчет дружбы народов лучше помолчи, — сказала женщина, похожая на ведьму. — Целый кошелек алмазов тебе отвалили за сотрудничество.

— Я не себе! Я на развитие науки! На помощь бедным детям!

— Споры неуместны, — оборвал его вампир. — Нам нужна твоя помощь, предатель.

— Попрошу без оскорблений!

— Ты нам сообщил, что видел яйцо с ржавой иглой, то есть местонахождение смерти нашего верховного управителя Кощея Бессмертного. Но в кабинете директора мы это яйцо найти не смогли. Скажи нам, где оно. В коробке с чешуйками его не было.

— Тогда оно, наверное, осталось в сейфе, — сказал профессор Сингх. — Но точно я не знаю.

— Волк, будь другом, укуси профессора за мягкое место.

— А где у него мягкое место? — спросил волк.

— Не надо! — воскликнул Сингх. — Я вспомнил. Пять алмазов — и я все скажу!

— Ах, он еще об алмазах говорит! — Даже волк возмутился.

Тут же раздался крик:

— Не смейте кусаться! Я ваш друг и соратник!

— Где ключ от сейфа? — спросила женщина, похожая на ведьму.

— Откуда мне знать... Ой, не кусайтесь!

— А кто знает?

— Наверное, эта девчонка знает! Ее же здесь оставили.

— Значит, ключи у Алисы?

— Я так думаю.

— Ты думаешь или знаешь?

Профессор Сингх снова взвыл.

— Перестань выть! — рассердилась женщина, похожая на ведьму. — А то отнимем все алмазы, а тебя сбросим в море, и никто никогда не догадается, был ты или тебя вовсе не было.

— Вы не имеете права! — закричал профессор. — Я буду жаловаться в Академию наук!

— И как же Академия наук отнесется к ученому и своему члену-корреспонденту, который помог волшебникам и оборотням захватить зоопарк? — ехидно спросил вампир.

— Она меня простит, — быстро ответил Сингх. — Потому что я хотел как лучше.

— Тогда пошел отсюда, ищи Алису, — скомандовала ведьма. — Найдешь, выманишь у нее ключ от сейфа — получишь всего сколько хочешь, а нет — прощайся со своей

немолодой жизнью. Пускай она думает, что ты — друг ее папаши. И поверит. Нам-то она ни за что не поверит.

— О нет!

— О да! И учти, мы ждем тебя с ключом. Через пятнадцать минут. А иначе мы взорвем этот кабинет и сейф, но ты нам уже будешь не нужен.

— Слушаюсь, — промямлил профессор. — Слушаюсь и постараюсь.

Слышно было, как все оборотни один за другим уходят в башню и закрывают за собой дверь. Причем делали они это так громко и с таким топотом, что Алиса сразу поняла — притворяются. Сами-то сразу за дверью остановились, прижали уши к замочной скважине, подслушивают и подглядывают.

А во дворе остался только профессор Сингх.

Он осмотрелся, прищурился, ничего не увидел и тихо произнес:

— Алиса! Алисочка, отзовись, я твой друг!

Алиса смотрела на его силуэт и думала: «Мне нужно его обмануть. Может быть, с его помощью я даже смогу отсюда выбраться. Надо хорошенько подумать. Ведь этот профессор сейчас всего боится... А я притворюсь маленькой глупой девочкой, несмышленьшем, которую каждый может запугать и обмануть».

— Алисочка! — снова послышался голос профессора.

— Я здесь, — отозвалась Алиса шепотом. — Идите сюда!

— Ой! — испугался профессор. — Куда идти?

— Направо, двадцать шагов.

— Иду, Алисочка, иду, моя девочка.

Алиса услышала, как профессор считает шаги.

Вот он уже рядом. Профессор протянул дрожащую руку и нашел пальцами Алисино плечо.

— Это ты, на самом деле ты? — спросил он.

— А вы думали кто? — прошептала Алиса.

— Ой, тут столько всего произошло, — сказал профессор.

— А как вы здесь оказались? — спросила Алиса. — Вы же с папой полетели на озеро Лох-Несс.

— Так получилось, — лживым голосом ответил профессор Сингх, — что я забыл в сейфе директора очень важный доклад. Я должен завтра докладывать на конференции, а вот забыл его и вернулся. А ты чего не спишь?

— А мне скучно стало, — сказала Алиса. — Я пошла погулять, может, думаю, встречу какое-нибудь привидение.

— Ой! Алиса, ну как можно говорить о привидениях ночью! — испугался профессор. — У меня же нервы расшатанные. Пошли лучше в кабинет к директору, ты мне дашь ключ от сейфа, я заберу свой доклад и скорее полечу в Бомбей.

— А где ключ? — спросила Алиса.

— Разве не у тебя?

— Почему вы решили, что он у меня?

— Но ведь директор тебе все ключи отдал.

— Только не от сейфа, — сказала Алиса.

— Ой, какой ужас! — Сингх был на самом деле расстроен. — Как же я завтра сделаю доклад?

— А вы сделайте его без бумажки, — посоветовала Алиса. — Мой папа, когда делает доклады, никогда не смотрит в бумажку — он все помнит наизусть.

Профессор Сингх задумался. Он никак не мог сообразить, что бы такое ответить, чтобы не опозориться.

На плечо профессора опустилась маленькая летучая мышка, помесь вампира и комара, и начала что-то нажужживать ему на ухо. Сингх послушно кивнул.

— Вот именно, — сказал он. — Я сейчас тебя общу.

— Я не дамся, — предупредила профессора Алиса.

— Я тебе...

Профессор кинулся на Алису, но надо сказать, что он никогда не занимался спортом и не умел кидаться на девочек. Неудивительно, что он промахнулся, проехал своим круглым животиком по камням и взвыл от боли.

— Так нечестно! — кричал он. — Мы так не договаривались!

Он кричал так громко, что Алиса поняла: сейчас или никогда!

Не издавая ни звука, она на цыпочках кинулась к открытой двери дирекции.

Ведь эти оборотни все равно добудут ключи, даже если она их выбросит, потому что в крайнем случае они сейф распилят и вытащат оттуда каменное яйцо.

Значит, единственный выход — взять яйцо раньше, чем оборотни.

Алиса взбежала на второй этаж. Она сделала все так быстро, что никто и не заметил ее бегства; профессор Сингх все еще выл и шумел, а оборотни думали, что Алиса с ним.

В кабинете директора она бросилась прямо к сейфу и стала поворачивать шарик с отпечатками ключей. Вот и нужный ключик.

Сейф щелкнул и открылся.

Алиса мгновенно нацупала на верхней полке завернутое в пластик каменное яйцо.

Она не стала возвращаться обратно во двор замка, а выбралась в открытое окно, прошла по карнизу до галереи, которая тянулась вдоль стены, выбралась на стену и обернулась назад. Внизу был виден двор замка. Вышла луна и осветила смешную картинку: посреди двора на камнях сидел профессор Сингх и раскачивался, как болванчик. А вокруг него столпились оборотни, тролли и прочие сказочные существа. Они пытались вызнать у профессора, где же Алиса. А профессор ничего не понимал.

Поэтому вся сказочная нечисть набросилась на него и принялась его лупить, щипать и дергать, но, к счастью для профессора, его мучители так мешали друг дружке, что он остался жив и даже почти невредим.

Алиса еле удержалась от смеха — нехорошо смеяться, если кого-то бьют. Потом она посмотрела по другую сторону крепостной стены.

Ей повезло.

Как раз под ней была крона большого дерева.

Алиса прыгнула вниз и на лету уцепилась за большой сук. Она покачалась на нем, как обезьянка, потом перебралась поближе к стволу дерева и уселась на сук верхом.

Она решила посидеть здесь, пока все не утихнет. На дереве ее никто не найдет.

Не прошло и нескольких минут, как над ее головой послышались крики и непонятные звуки — это оборотни и вампиры вылезли на крепостную стену и теперь вглядывались в темный лес Палеозо, стараясь разглядеть Алису.

Но это было, как вы понимаете, невозможно.

Они ссорились и даже дрались между собой, но Алису не видели.

Потом наверху все затихло, и Алиса решила, что пора спускаться. Надо было до утра выбраться с острова.

Она добралась до толстого ствола дерева и начала спускаться.

Наверное, все кончилось бы хорошо, но нечаянно Алиса сломала сухой сучок и ойкнула от неожиданности.

И в тот же момент из широкого дупла высунулась громадная волосатая лапа, схватила Алису, как котенка, и втащила внутрь дерева.

В дупле было совершенно темно.

Алиса отбивалась изо всех сил, но в ответ раздавалось лишь рычание и урчание.

И тут Алиса по-настоящему перепугалась. Если ее схватил древесный медведь, то жить ей осталось всего ничего.

Поэтому она решила не сопротивляться и не драться, а потерпеть. А вдруг этот ископаемый зверь решит, что Алиса — его подруга, которая пришла ночью в гости, чайку попить.

И Алиса оказалась права.

Лохматый и горячий зверюга, видя, что Алиса не дерется, лизнул ее длинным, жутко шершавым языком. Так, что кожу со щеки содрал.

— Ну ладно, — тихонько сказала Алиса, — мы будем дружить, только не выдавай меня оборотням.

Но обитатель дупла хорошего обращения не понимал. Он еще раз лизнул Алису, а потом попробовал ее ухо острыми зубами.

— Больно! — вскрикнула Алиса.

На самом деле ей было не так больно, как страшно. Ведь мохнатый зверь крепко держал ее лапой и притом хотел укусить.

Ну как прикажете сопротивляться, если даже никакого оружия у Алисы не было!

Кроме каменного яйца.

Алиса так и не выпустила его из руки.

И когда мохнатый зверь посильнее укусил ее за ухо, она изо всей силы стукнула его по носу каменным яйцом.

Чудовище страшно взревело и со всего размаха дало Алисе подзатыльник, да такой, что она вылетела из дупла и, ломая сучья, полетела вниз.

Каменное яйцо полетело за ней следом.

В темноте Алиса его не видела, но оно набило ей шишку на лбу.

Так что через две минуты Алиса и каменное яйцо оказались под деревом на мягкой земле. В полной темноте.

Вокруг шевелились, бегали, щebetали, квакали, дышали, рычали и двигались различные ископаемые животные и чудовища. К счастью, у них было столько своих дел, что на Алису они и внимания не обращали.

А Алиса потирала ушибы и ссадины и думала, что, пожалуй, ей повезло.

Теперь оставался пустяк — выйти на берег моря, отыскать способ уплыть с острова и сообщить всему миру об опасности, которая ему грозит.

Алиса знала, что остров невелик. Куда ни пойдешь, скоро выйдешь к берегу моря. Правда, в темноте пристани ей не найти, так что лучше в первобытном лесу отсидеться до света.

Уже через несколько шагов Алиса услышала шум прибоя. Волны разбивались об утесы, и грохот волн смешивался с шумом ветра.

Вскоре Алиса оказалась на высоком обрыве — белые полосы прибоя сверху казались тонкими полосками. В этом месте берег обрывался вниз, будто ты стоишь на крыше десятиэтажного дома.

Хоть и страшновато было стоять на обрыве, но Алиса чувствовала себя здесь куда лучше, чем в подземельях или каменных комнатах замка.

Куда бы спрятаться от непогоды? Где переждать остаток ночи?

Неподалеку Алиса увидела черное пятно — видно, вход в пещеру. Но в пещерах обычно живут их хозяева, и Алисе не хотелось снова с кем-то из них встречаться.

Так что она просто уселась на землю спиной к скале и закрыла глаза. На минутку.

Ей казалось, что она совершенно не хочет спать.

Но на самом-то деле она заснула почти сразу, несмотря на холод, ветер и начавший моросить дождик. Уж очень она устала и перенервничала.

Глава 10. На ковре-самолете

Алисе казалось, что она проспала минут пять, да и то раз десять просыпалась.

Но на самом деле, когда она проснулась, небо уже стало голубым, и хоть солнце еще не встало, птицы начали петь и удивляться, кто забрался в заповедник без спроса.

А проснулась Алиса из-за того, что по спине пробежали электрические мурашки, а в ушах прозвучал пронзительный капризный голос ее новой подруги — привидения Гиневьевы.

— Так вот ты где затаилась! Значит, тебе хочется спать спокойно, когда твои друзья сходят с ума, не зная, погибла ты или лежишь покалеченная под обрывом! Ну зачем ты испытываешь мои нервы? Неужели ты не знаешь, что за тысячу лет их и так почти не осталось?

Алиса села. Все мышцы затекли, и больно было повернуться — вы бы попробовали провести полночи на холодных, мокрых камнях над ревушим морем!

— Смотрите, она еще двигается и смеется! — возмущилась Гиневьева. — Она должна рыдать и просить прощения. А она смеется! Ну как ты, как? Рассказывай скорее!

— Мне нечего рассказывать, — сказала Алиса. — Я от них сбежала и спряталась на дереве.

— Где?

— Там, в лесу. Я на дереве спряталась, а кто-то страшный и мохнатый меня в дупло втащил и сожрать хотел. Еле вырвалась!

— Я этого не переживу! — закричала привидения. — Ты могла умереть, ничего мне не сказав. Немедленно рассказывай, где дупло, и я тут же разорву это чудовище на составные части!

— Я же не помню!

— Что же ты помнишь?

— Я помню, как стукнула чудовище по лбу каменным яйцом. Оно меня и отпустило.

— Какое еще каменное яйцо? Почему ты носишь с собой каменные яйца? Ты что, так проголодалась?

— Это не простое яйцо, — ответила Алиса. — Из-за него все неприятности. Именно эта штука лежала в сейфе у директора. Я ее вытащила, чтобы они не сделали из него Кощея Бессмертного.

Алиса подняла с земли яйцо и показала подруге.

— Из этого? — удивилась Гиневьева. — Да оно и на яйцо не очень похоже. На нем, видно, слон танцевал. И еще кончик какой-то железки торчит...

— Все это вместе, — сказала Алиса, — смерть и жизнь Кощея Бессмертного, великого повелителя племени оборотней и волшебников. Именно его они хотят оживить, чтобы он им сказал точно, как нами управлять, как нас угнетать и как превратить нас в рабов.

— Ой, так выброси его!

— Нет, нельзя выбрасывать чужие научные экспонаты, — ответила Алиса. — Это совершенно исключено. Что я скажу директору, когда он вернется?

— Чтобы искал другое яйцо, — сказала привидения.

— А если оно единственное в мире? Ведь, наверное, Кощей был один — на то он и Бессмертный.

— Сомневаюсь, — ответила привидения. — По моим данным, все чудовища

размножались. А у Кощея была бабушка?

— Не знаю. Но я думаю закопать яйцо, и пускай оно себе лежит, ждет профессора Ро-Ро.

В кустах громко зашуршало, затрещали ветки, посыпались листья, и над обрывом рядом с Алисой показалась большая обезьяна, которая, видно, уже начала превращаться в человека, но еще не успела далеко уйти по этому пути, то есть человекообезьяниха.

Человекообезьяниха была среднего роста, чуть покрупнее Алисы, рыжая, долгорукая, так что при ходьбе она опиралась костяшками пальцев о землю. Морда у нее была грустная, обиженная, а посреди лба торчала шишка размером с кулак.

При виде Алисы человекообезьяниха взвыла и начала показывать пальцем себе на лоб.

— Ой, я, кажется, понимаю, — сказала привидения. — Не этой ли милой обезьянке ты угодила в лоб каменным яйцом, когда пыталась выгнать ее из дупла?

— Я же думала, что на меня напало чудовище и хочет меня сожрать!

— Ой-ой-ой! — Человекообезьяниха схватилась за голову и стала раскачиваться от горя.

— Видишь, до чего ты довела редкое существо, — укоризненно сказала Гиневьева. — Выводили его, старались, а ты ему нервы портишь!

И привидения заливисто расхохоталась.

Вообще-то для привидения Гиневьева была довольно легкомысленным существом. Наверное, это объяснялось тем, что она превратилась в призрак, еще будучи юной девушкой, и своего недотанцевала.

— Знаешь что? — подумала вслух Алиса. — Когда все кончится, давай я тебя в Москву отвезу. Сходишь к нам в школу или на биологическую станцию, посмотришь, как мы живем. Ну что тебе все в подземельях томиться? Я тебя со своими мальчиками познакомлю.

— А они красивые? — заинтересовалась Гиневьева.

Человекообезьяниха заныла, словно просила что-то в обмен на шишку на лбу.

— Не знаю, — ответила Алиса. — Я никогда об этом не думала. Но неглупые и смелые. Аркаша Сапожков притом еще изобретатель, а Ван Цицун всю энциклопедию наизусть выучил.

— Обязательно к тебе приеду, — сказала Гиневьева, — только не сейчас. Мне пока нельзя далеко от замка отходить — такое на меня наложено колдовство. Чем дальше отхожу, тем меньше от меня остается.

— А вот с этим мы как-нибудь справимся, — пообещала Алиса.

— Как же вы справитесь?

— Посмотрим. А сейчас пора отсюда выбираться.

— Уа! — крикнула Гиневьева. — Уааа!

Она сжала кулачок и потрясла им в воздухе. От кулачка только синие искры полетели да маленькие светлячки от тугих черных кудрей.

И на этот веселый крик с неба на большой скорости спустился ковер-самолет, самый надежный транспорт эпохи легенд, а на нем сидела женщина, похожая на ведьму, зеленый черт и облезлый волк-оборотень. И предатель — профессор Сингх собственной персоной.

А над ними кругами вился вампир Полумракс.

— Вот вы и попались! — воскликнула женщина, похожая на ведьму.

— Это не я, — поспешил оправдаться профессор Сингх. — Они сидели на башне и подслушивали. Вы сами привлекли внимание уважаемых господ.

— Попрошу каменное яйцо, — сказал Полумракс. — Где оно?

А яйца не было.

Только что оно лежало на траве рядом с Алисой и вдруг пропало.

— Это все ты, свечка недожженная! — закричала женщина, похожая на ведьму. — Это ты его спрятала! Отдавай нам немедленно жизнь нашего вождя и учителя всей нечисти! А то я тебя растерзаю!

Гиневьева, к которой относились эти крики и оскорбления, только отмахнулась:

— Во-первых, ты меня не растерзаешь — хотела бы я посмотреть, как кто-нибудь меня растерзает! А для необразованных сообщаю, что любая попытка меня растерзать вызовет разряд, подобный молнии.

— Не обращай на нее внимания, — сказал ведьме вампир Полумракс. — Пора бы знать, что привидения — существа нематериальные, они даже спичку поднять не могут. А уж каменное яйцо и подавно.

— Ты еще пожалеешь о своих необдуманных словах! — обиделась привидения.

— Сомневаюсь, — ответил вампир. — Приказываю найти господина Кощея немедленно! Мобилизовать все наличные силы нашего племени, перевернуть весь заповедник!

Он страшно раскричался и не заметил, что на дереве, как раз над ним, сидит человекообезьяниха и метит каменным яйцом ему в затылок.

— Всех разгоню! — вопил Полумракс. — Всех к порядку призову!

И тут человекообезьянихе окончательно надоело его слушать, и она метнула в вампира яйцо, яйцо бабахнуло ему по затылку, вампир растянулся на земле, яйцо покатило к обрыву, но Алиса была наготове.

Она по-вратарски кинулась за яйцом, подхватила его и бросилась к профессору Сингху, который сидел на ковре-самолете.

— О нет! — воскликнул профессор Сингх. — Только не меня! Меня уже сегодня били. Пощадите!

Он упал на ковер-самолет и вцепился в его края.

Алиса вскочила на ковер. Ей не раз приходилось летать на таких самолетах.

— Может, вы сойдете? — спросила она профессора.

— Ни в коем случае!

Алисе было некогда спорить.

— Вверх! — приказала она коврику — И вперед!

Ковер послушно взвился вверх. Видно, голос Алисы ему понравился.

Может, вы не знаете, но ковры-самолеты общаются с людьми или другими существами в основном с помощью слуха. Ковры выбирают себе хозяина по голосу. А если ковру голос не нравится, то ковер-самолет может отказать человеку и никуда не полетит.

Алисе с коврами-самолетами везло. Все они ее слушались и летали с ней, куда ей хотелось.

Ковер полетел к океану, и Алиса не сразу сообразила, куда ей надо. И прошло, наверное, минуты три, прежде чем она велела ковру держать курс на Шотландию к ближайшему населенному пункту — к деревне, маяку или полицейскому участку.

Ковер-самолет послушно повернулся, чтобы лететь к берегу, который виднелся на горизонте. Небосклон уже порозовел в ожидании восхода солнца.

Но неожиданный порыв ветра заставил коврик сложиться чуть ли не вдвое.

Это страшно перепугало профессора Сингха, который лежал на ковре животом.

— Ой! — закричал он. — Я сейчас упаду! Держите меня!

«Этого мне еще не хватало!» — подумала Алиса.

— Боливар двоих не сvezет, — сообщил ковер-самолет.

— Зачем вы со мной полетели? — спросила Алиса у профессора.

— Я должен вернуться к людям, к моей работе, к семье, к товарищам, к любимой роще у моего порога, — ответил профессор Сингх. — А здесь меня ограбят и убьют.

Сверху от самых облаков на них спикировали дракончик из мелких и небольшой вампир. Алиса надеялась, что это не Полумракс, который еще не должен был прийти в себя.

Надо же — каменное яйцо стало самым популярным оружием в Палеозо!

Алиса отогнала вампира кулаком и велела Сингху отбиваться от дракончика сколько хватит сил.

— Но он может меня клюнуть! — крикнул профессор.

— Если он сбросит нас в море, будет еще хуже! — отрезала Алиса.

— Ах как вы правы! — расстроился Сингх.

«Как он изменился! — подумала Алиса. — Ведь только что меня за человека не считал, а теперь таким вежливым стал».

Остров начал уменьшаться. Хоть ковер и сносило все дальше в море, высоту он кое-как набирал.

Но все это Алисе не нравилось.

Ей ведь надо было на сушу! А что делать над пустынным океаном, когда ковер-самолет в любую минуту может отказаться лететь дальше, сбросить пассажиров и улететь, куда ему захочется? С коврами это случалось.

К тому же теперь на них нападали уже два дракончика и одна синяя сова, неизвестно из какой сказки.

И вдруг Алиса увидела далеко впереди черную полосу.

Корабль!

Настоящий корабль покачивается на волнах.

Но он какой-то странный! У него три высокие мачты, на мачтах надутые белые паруса. Таких кораблей уже давно нет.

— Наконец-то! — воскликнула Алиса.

В этот момент над островом, оставшимся далеко позади, поднялось солнце. Лучи его полетели над самой поверхностью океана, освещая верхушки волн. Они достигли парусника, и паруса его стали похожи на крылья белой бабочки.

— Замечательно! — крикнула Алиса.

— Ужасно! — отозвался профессор Сингх.

— Вы видите корабль? Там есть связь, там есть люди, которые нам помогут!

— На этот корабль нам нельзя! — закричал профессор.

Налетел сильный порыв ветра, подхватил ковер-самолет и понес его к облакам.

— Не надо, Алиса! — кричал Сингх.

— Но почему же? — спросила Алиса.

— Этот корабль уже захвачен!

— Кем захвачен?

— Я не могу сказать!

— А что же случилось с людьми?

— Там нет людей, — ответил профессор.

Алиса не поверила Сингху. У оборотней не было времени, чтобы напасть на корабль.

— Вы уверены в том, что говорите? — спросила Алиса взрослым голосом. Так папа разговаривает с ветеринаром, который говорит, что свинстон-бальзамин ведет себя странно, с утра не ел ромашки, отказался от морковной ботвы и рычит на тигрокрыса. — Что вас конкретно смущает?

— Полетели лучше в Америку, а? — попросил Сингх. — Все равно нас туда ветром несет.

— Еще чего не хватало! — рассердился ковер-самолет. — Да я с голоду помру до вашей Америки. Она же еще не открыта!

— Открыта, открыта! — возразил Сингх. — Заодно посмотрите на небоскребы и статую Свободы.

— Спускаемся! — приказала коври Алиса.

Я не хочу сказать, что Алиса не уважает взрослых и что она непослушная девочка. Но ведь взрослые тоже разные бывают. Алиса уже давно догадалась, что люди чаще всего увеличиваются в размерах, но по-настоящему не изменяются. И если внимательно понаблюдать за трехлетним малышом, то можно точно рассказать, каким он будет в сорок лет.

Возьмем, к примеру, Алису. Она уже в три года была непоседой и даже авантюристкой. Но притом всегда неслась на выручку слабым и на помощь друзьям.

А когда Алиса посмотрела на профессора Сингха, она сразу увидела слабенького, кисельного мальчика, который стоит в уголке, когда весь класс дерется с соседним классом или гоняется за белым слоном, удравшим из цирка. Но потом мальчик Сингх тихонько крадется в кабинет директора школы и ябедничает, выдавая самых смелых драчунов и Синди Рамакришну, которая дала списать контрольную второкласснику Рао и к тому же вчера нарисовала ногти.

А сам-то он первым спешит списать контрольную или украсть шпаргалку у Чандрагупти Боза. И сквозняки ему мешают, и ветер его пугает, а верит он только своей мамочке, да и то не всегда.

Поэтому до сих пор и не женился...

Сингх нахмурился и вцепился ногтями в края ковра.

— Вы пожалеете! — повторял он. — Это заколдованный корабль.

— Уважаемый профессор! — сказала Алиса. — Они еще не успели добраться до корабля. И сейчас вы в этом убедитесь.

— О нет!

Алиса не стала слушать верещание профессора и направила ковер прямо на палубу парусника.

Он мягко опустился на доски.

— Привет, — сказала Алиса. — Где вахтенный? Где рулевой, где, простите, ваш капитан?

Никто не откликнулся.

Алиса посмотрела на штурвал.

Штурвал — это большое колесо, которым управляет рулевой. Это колесо такое огромное, что надо расставить руки в стороны, чтобы его смерить.

На паруснике штурвал был оставлен без надзора.

Это было непонятно. Ни на одном корабле никогда штурвал или руль не остается без присмотра.

— Странно, — пробормотала Алиса.

И вдруг она краем глаза заметила, как что-то темное и большое пролетело совсем рядом с ней. Алиса подняла голову и увидела, что ковер-самолет поднимается к облакам.

— Эй! — крикнула она. — Коврик, ты с ума сошел?

И тут над краем ковра-самолета склонилась голова профессора Сингха.

— Прости, Алиса, — крикнул он, — но я предупреждал тебя, что на этом корабле оставаться нельзя! Это смертельно опасно. И боюсь, что теперь твои дни и даже минуты сочтены.

Глава 11. Тайна «Марии-Целесты»

«Ничего страшного! — сказала себе Алиса. — Хоть с острова удалось вырваться!»

Паруса хлопали под ветром, корабль разворачивало бортом к волне, и он начинал опасно крениться.

Алиса подбежала к штурвалу и попыталась повернуть его, чтобы корабль не опрокинулся под ударами волн. Но ее сил не хватало, чтобы управлять большим судном.

— Эй! — крикнула Алиса. — Помогите мне кто-нибудь! Куда вы все задевались?

На спасательном круге, который висел рядом со штурвалом, было написано название корабля: «Мария-Целеста».

«Так это же и есть самый загадочный корабль на свете! — подумала Алиса. — Неужели он до сих пор скитается по волнам, подобно „Летучему Голландцу“? Неужели даже современная техника, которая позволяет увидеть иголку в стоге сена с Луны, не смогла его отыскать?»

Каждый ребенок помнит, что значит это название.

Но если вы случайно болели в тот день, когда вам рассказывали о нем в школе, или ваша любимая учительница сама заболела в тот день и из-за этого забыла или не смогла поведать вам ужасную историю «Марии-Целесты», то я отниму у вас и у Алисы несколько минут для того, чтобы рассказать вам о ней.

Давным-давно, во второй половине XIX века, один ничем не примечательный пароходик топал себе через Атлантику, и вдруг с него заметили паруса.

Когда пароход сблизился с парусником и капитан посмотрел на него в бинокль, то обнаружилось, что парусник называется «Мария-Целеста», но на борту никого не видно, да к тому же парусник не отвечает на сигналы и звуки сирены. Что-то неладно!

Капитан приказал спустить шлюпку, и вскоре моряки поднялись на палубу «Марии-Целесты».

И что же они там обнаружили?

Всё и никого. То есть все вещи были на месте, даже горячий чайник на плите в камбузе, даже швейная машинка жены капитана и колыбель их малютки.

И даже шлюпки были на месте.

Ни записки, ни слова, ни следа...

Если бы случилось восстание или драка, если бы напали пираты, то наверняка на судне образовался бы беспорядок.

Беспорядка не было.

Значит, произошло что-то такое страшное, что все люди кинулись за борт.

Что они, одновременно с ума сошли?

Так эту загадку никто и не решил.

В наши дни некоторые люди стали говорить, что виноваты, скорее всего, пришельцы, инопланетяне. Они украли всю команду, включая малютку, и те оказались на далекой звезде.

Так что вы можете представить удивление Алисы, когда она сообразила, что корабль, куда она попала, и есть та самая «Мария-Целеста», которая должна была давным-давно сгнить или утонуть.

А если она не утонула?

Между тем остров Элис медленно удалялся. «Мария-Целеста» держала курс к

шотландскому берегу.

На ее борту находилась девочка Алиса Селезнева, которой некуда было деться, потому что даже хорошему пловцу не следует нырять в океан так далеко от берега.

И придется ждать, пока кто-нибудь заметит этот парусник, удивится тому, что делает парусник в конце XXI века, и увидит на борту несчастную девочку.

Ох и неуютно было Алисе! Надо бы спуститься внутрь «Марии-Целесты», но страшновато.

Думала ли она вчера, что на следующий день попадет в опасное приключение и еще неизвестно, вернется ли когда-нибудь домой?

И тут Алиса услышала странный шум.

Невнятные голоса.

И было в этих голосах нечто странное и неприятное.

Алиса подумала: «И хорошо, что я не успела забраться внутрь парусника».

Из люка показалась голова.

Голова была встрепанной, глаза человека бешено вращались.

— Ура! — закричал он. — Скорее к шлюпкам!

Человек вылез из люка, и тут оказалось, что он совершенно голый, но сам почему-то не обращает на это никакого внимания.

Следом за ним вылез еще один мужчина, постарше, можно сказать старик, и он тоже был не одет.

Но когда на палубе появилась женщина средних лет и очень толстая, Алиса совсем удивилась. Женщина была совершенно обнаженной, как греческая скульптура Венеры, но в остальном на Венеру похожа не была.

И так один за другим на палубу выбралось человек двадцать.

Оказывается, они скрывались внутри, в трюме.

На Алису они внимания не обращали да и друг на друга не глядели.

Сначала Алиса хотела их окликнуть, но вскоре сообразила, что все это очень странно.

Голые люди спешили, они спускали шлюпку.

Они дрожали, утренний ветер был холодным, порой принимался дождь. Но никто и слова не сказал о дожде. Люди вообще мало говорили, они были заняты делом.

Наконец шлюпка пошла вниз, вскоре ее дно ударило о воду, и поднялся столб брызг. Шлюпку качало на волнах и било о борт.

В этот момент словно кто-то неслышный для Алисы громко приказал голым людям ринуться вниз, они прыгали с борта, торопились попасть в шлюпку, но даже Алисе было видно, что не все угадали, куда прыгать, и некоторые промахнулись. Они барахтались в волнах, и никто им не помогал — их даже не замечали. А когда Алиса кинулась к борту и потащила за собой большой, тяжелый спасательный круг, на нее никто не обратил внимания.

Круг бухнулся в воду и поплыл к шлюпке, кто-то вцепился в него, но вскоре шлюпку и людей в воде отнесло волнами в сторону, и они скрылись из глаз.

— Какой-то ужас! — сказала Алиса вслух.

Недаром профессор Сингх, который что-то знал, уговаривал ее не снижаться к паруснику.

Но она не успела как следует задуматься, потому что из люка вылез человек в капитанском мундире с подозрительной трубой в руках.

Он подошел к штурвалу и стал смотреть вперед.

Следом за ним из люка появился матрос. Нет, трое матросов, один за другим. Все они были одетыми и на первый взгляд выглядели совершенно обыкновенно.

Один из матросов подошел к штурвалу, и капитан приказал ему:

— Держись за эту штуку и верти, чтобы мы на скалы не налетели.

«Ну и капитан! — подумала Алиса. — Штурвал штукой называет. Наверное, шутит».

Из люка показался совсем маленький матрос с очень длинными худыми руками.

Алиса молчала и не подходила к ним.

Она поняла — что-то с этими моряками неладно.

Они в чужой одежде! В одежде с чужого плеча.

Как ряженые.

В этот момент матросик с длинными руками заметил Алису.

— А ты что здесь делаешь? — спросил он веселым и слишком знакомым голосом.

Это был вампир Полумракс!

— Как вы сюда попали? — ахнула Алиса. — Вы же остались на берегу!

— У нас, волшебников, есть свои маленькие секреты, — усмехнулся вампир Полумракс, и, как он ни старался быть похожим на моряка, сквозь маску Алиса увидела вампирью рожицу, морду летучей собаки.

— А эти люди? — спросила Алиса, показывая вдаль, где скрылась шляпка.

— А это и есть команда корабля, — ответил вампир и тонко захохотал. — Бывшие люди, а теперь просто существа. Чувешь разницу?

— Зачем вы это сделали? — спросила Алиса.

— А что мы сделали? — переспросил капитан, подходя к ней поближе. И Алиса поняла — никакой это не капитан, а обыкновенный хищный тролль, существо страшное и коварное.

— Эти люди были... голые, — сказала Алиса.

— Они так спешили поделиться с нами своей одеждой, — засмеялся тролль, — что забыли надеть что-нибудь взамен.

Услышав эти слова, остальные оборотни расхохотались, как будто и в самом деле слышали что-то смешное.

— Но почему?

Вампир Полумракс посмотрел на Алису, потом обернулся к своим друзьям, которых на палубе уже набралось штук пятнадцать. Они молча кивали, и Полумракс кивал им в ответ. А когда эта странная церемония закончилась, вампир повернулся к Алисе и произнес:

— Мы тут молча посоветовались с моими товарищами оборотнями и решили: раз мы тебя, Алиса, все равно будем вынуждены убить ввиду твоей вредности и опасности для нас, то не страшно раскрыть перед тобой наши карты. Тем более что нам самим очень хочется их открыть.

Оборотни загудели, захлопали в ладоши, заурчали. Они были согласны с Полумраксом.

— На то мы и волшебники, на то мы и оборотни, что можем превращаться, мерещиться и казаться людям, а они, как запутаются, становятся нашими покорными рабами.

— Покорными рабами! — с удовольствием повторили оборотни.

— Но нам настала пора завоевать Землю, — продолжал Полумракс. — А то мы уже вторую неделю впустую плодимся на ничтожном острове. Как лучше всего перебраться на материк?

— Так, чтобы никто не догадался! — воскликнул толстый тролль-капитан.

— И чтобы нас приняли за людей! — поддержал его волк, который временно был не волком, а простым матросом.

— И вы думаете, что вас отличить от людей нельзя? — спросила Алиса. — Я же отличила.

— С тобой мы еще разберемся, — мрачно пообещал вампир. — А с остальными мы справимся. Если кто-нибудь посмотрит на нас сверху, то он подумает: «Вот плывет туристический парусник „Мария-Целеста“, и на его борту видны матросы и капитан. Все в порядке. Они нам машут ручкой».

И, произнеся эту тираду, Полумракс помахал крылом, которое пролетающим сверху облакам должно было показаться длинной рукой. И если там в самом деле был бы наблюдатель, он наверняка не заподозрил бы ничего неладного.

— А уж когда мы подойдем поближе, — прорычал тролль, — то сможем любого заколдовать! Видела, как команда этой шаланды разделась и в шлюпку попрыгала? Это они нас послушались! Им и в голову не пришло послушаться. Мы же нечистая сила!

— Непобедимая нечистая сила! — откликнулись остальные.

— Если я вас разгадала, значит, смогут и другие! — упорствовала Алиса.

— Ты нас временно разгадала, потому что знала, с кем имеешь дело. Но остальное население Земли об этом не подозревает. А с тобой мы справимся... Сейчас ты почувствуешь нашу силу!

Вампир Полумракс впился в лицо Алисе своими черными колючими глазками и принялся повторять:

— Слушайся свою маму! Я — твоя мама! Ты должна меня слушаться!

Алиса понимала, что это вампир и никакая не мама... но глаза отказывались ей подчиняться.

Словно сквозь туман ей мерещились мамины глаза, и слышался мамин голос.

— Алиса, — настойчиво спрашивал голос, — куда ты спрятала яйцо со смертью Коцея?

Алиса поняла, что ни в коем случае нельзя признаваться. Это не мама с ней говорит, а вампир. Она прикусила губу, чтобы не проговориться, а сладкий голос, так похожий на мамин, продолжал твердить:

— Не надо никому отдавать это яйцо. Береги его, только проверь, хорошо ли оно спрятано... Проверь... посмотри...

Алиса поняла, что мама а может, и не мама говорит правильную вещь: обязательно надо проверить, хорошо ли спрятано каменное яйцо, а то вампир до него доберется.

Алиса проверила карман куртки. Он был застегнут. И чуть оттопыривался. Все в порядке! Яйцо на месте! Его никто не найдет!

И тут же Алису разбудил громовой хохот оборотней.

Ах как они радовались! Некоторые даже по полу катались от радости.

— Обманули дурака! — кричал тролль.

— На четыре пятака! — вторил ему волк.

Видно, это была поговорка каменного века или ледникового периода.

А вампир уже выхватил из кармана Алисы каменное яйцо и катал его в руках, как горячую картофелину.

— Ура! — кричали оборотни. — Теперь у нас будет свой великий бессмертный вождь! Берегись, Земля, пришел конец власти людей! Пришла наша пора!

С Алисиных глаз словно пелена слетела.

Теперь ей стало понятно, почему моряки с «Марии-Целесты» так покорно покинули корабль.

Она кинулась к вампиру, чтобы отобрать яйцо. Но оборотни догадались, что она будет сражаться, и крепко ее держали.

— Как вам не стыдно! — кричала Алиса.

— Я тебя не понимаю, — откликнулся вампир. — Разве это твое яйцо?

— Оно зоопарковское!

— А откуда оно попало в зоопарк? Неужели ты не догадалась, что так называемые археологи без спроса забрались в развалины замка Коцея и вытащили то, что им не принадлежало. Смерть принадлежит своему хозяину! Мы еще в суд подадим на этого директора и всю вашу компанию. Никто не разрешал вам вмешиваться в нашу жизнь и в нашу смерть!

— Вот бы и поговорили с директором, — сказала Алиса.

— Мы не можем говорить с каждым мелким директоришкой, — ответил вампир. — У нас великие планы завоевания Земли. Зачем нам свидетели?

И тут Алиса поняла, что вампир занят собственными мыслями и на нее не смотрит. И она кинулась на него, чтобы отобрать яйцо.

Конечно, этот поступок был глупым. Хотя бы потому, что бежать с корабля Алисе было некуда. Все равно бы ее настигли. Да и отнять яйцо было нелегко — ведь Алиса куда слабее Полумракса, злобного властителя волшебного мира.

Но тут случилось нечто совершенно неожиданное.

Когда Алиса кинулась на вампира, тот отпрянул в сторону, словно сильно испугавшись, и ударился спиной о перила.

Он поднял крыло с когтями, в которых было зажато яйцо. И в тот момент, когда Алиса со всего размаха врезалась в вампира, когти разжались и каменное яйцо с жизнью и смертью Коцея Бессмертного бухнулось в море.

Все смотрели, как оно летит, и никто не успел его заколдовать и вернуть.

Еще секунда — и яйцо коснулось воды. Поднялся фонтанчик брызг, и яйцо пропало навсегда.

Глава 12. Сокровища друидов

Повисло мертвое молчание.

И в этом молчании странно и даже смешно прозвучал голос волка:

— А какая здесь глубина?

Волку вопросом на вопрос ответил тролль:

— А ты что, нырять решил?

— Можно опустить батискаф, водолазов найти...

— Да мы даже места не найдем, — ответил вампир и добавил грозным голосом: — А тебе, Алиса, теперь точно не жить! Ты совершила страшное преступление против волшебного мира. Ты убила самого главного волшебника всей Земли. Мы остались без вождя, а люди — без тирана. Что теперь прикажете делать?

— Обойтись без тирана, — предложила Алиса.

— Не выйдет, — сказал вампир. — Людям нужны тираны, людям нужна железная палка.

— Это вашим друзьям нужна палка, — возразила Алиса. — А что касается моих, то мы совершенно свободны.

— Смерть врагине! — закричал тролль.

— Смерть предательнице! — зарычал волк.

«Ну уж это совсем неприлично, — подумала Алиса. — Я же никого не предавала. Даже этих оборотней. Да их и некому было предать. Кому такие нужны?»

Оборотни тянули к Алисе страшные когти — они совсем перестали походить на людей.

Алиса бросилась от них к штурвалу.

И когда оборотни, толкаясь на лесенке, полезли за ней, она так сильно крутанула штурвал в сторону, что корабль неожиданно вильнул и оборотни покатались по палубе.

— Берите живой! — кричал вампир Полумракс.

Но его никто не слушал, и Алисе пришлось ему помочь. Она закричала:

— Берите меня живой!

Оборотни всей толпой накинулись на Алису, скрутили и уже хотели бросить в море, но вампир приказал:

— В трюм ее! Пускай умрет от голода и жажды.

Оборотни затолкали Алису в трюм и при этом кричали:

— Какой мудрый у нас вампир Полумракс! Всегда найдет единственно правильное решение!

Стукнула крышка люка. Стало почти темно. Корабль покачивался, где-то внизу, совсем близко, плескалась вода.

— Ну как, Алисочка? — послышался рядом голос вампира Полумракса. — Не удалось тебе меня остановить? Уже завтра я стану господином Земли!

— Но вы же хотели, чтобы господином стал Кощей Бессмертный!

— Я потому так всюду кричал, — вздохнул вампир, — что этого ни в коем случае нельзя было допустить. Кому нужен бессмертный вождь? Да еще надутый как индюк. Он же не знает обстановки, оторвался от прогресса, даже «Мицубиси» от «Тойоты» отличить не сможет.

— Так зачем же вы кричали?

— Милая, я старался яйцо заполучить в свои руки. А потом его потерять, утопить,

разбить, уронить в вулкан. Желательно с чужой помощью, чтобы меня никто не заподозрил. Теперь же я всюду буду выступать, как его верный ученик. Учителя нету, а верный ученик тут как тут! И для начала я попыю твоей кровушки.

— Что вы говорите?! — ужаснулась Алиса.

— Я не шучу, — прошептал вампир.

И тут Алиса увидела, как в темноте трюма зажглись страшные, круглые, желтые глаза летучей собаки. Они буквально впились Алисе в лицо.

— Перестаньте!

— Я голодный, — шептал вампир. — А ты такая сладенькая, молоденькая, чистенькая человеческая девочка! А может, тебе даже понравится, когда я буду тебя кусать. Знаешь, некоторые, как привыкнут, даже просят меня: укуси, укуси, высоси мне лишнюю кровь.

— Какие гадости вы говорите! — возмутилась Алиса.

Но она не могла оторвать взора от желтых, горящих глаз вампира. Он приближался к ней, а Алиса сидела как прикованная к полу.

— Вот сюда укусим... в шейку... а потом тебя потеряем в море, и никто не догадается, куда же делась эта противная непослушная девчонка!

Острые зубы вампира впились Алисе в шею, но она была так околдована, что не могла двинуться с места.

«Вот мне и конец пришел», — подумала Алиса.

И подумала она об этом без обиды и даже без страха.

Вдруг вампир замахал крыльями и попытался взлететь, хотя в запертом трюме сделать это очень трудно, тем более если ты одет в человеческую одежду.

Вампир пищал, как обиженный котенок.

А трюм наполнился голубым сиянием.

Рядом с Алисой стояла ее подруга, привидения Гиневьева из славного шотландского рода Кармайклов.

— Кто посмел поднять грязную лапу на мою Алису? На мою подругу? — грозно вопрошала она.

— Прыгай отсюда! — вопил вампир, который сумел забраться куда-то под самый потолок. — Ползи, а то я из тебя лапшу сделаю!

— Очень любопытно, — откликнулась Гиневьева. — Попрошу не откладывать в долгий ящик. Публика жаждет увидеть такой трюк, господин фокусник! Лапша из призрака!

— Это моя добыча! — кричал вампир. — Я уже начал ее обескровливать!

— Это моя подруга!

— Пока она живая, ей не быть тебе настоящей подругой, — заявил вампир. — Вот когда я высосу из нее всю кровь и она помрет, тогда добро пожаловать, дружите, обнимайтесь, сколько хотите. Мертвые не могут дружить с живыми!

— Мне лучше знать, с кем я могу дружить, а с кем нет! — отрезала Гиневьева. — Алиса, пошли отсюда!

— Куда? — спросила Алиса, которая уже пришла в себя. — Вокруг море.

— А ты разве плавать не умеешь? — удивилась привидения.

— Боюсь, что в такой воде я не продержусь и пяти минут, — вздохнула Алиса. — Лучше ты позови на помощь, чтобы этого вампира в клетку посадили.

— Прекратить разговорчики! — разозлился вампир. — Вы еще обсудите, как у меня зубы вырвать!

— Всему свое время, — сказала Алиса. — Когда-нибудь обязательно обсудим.

Привидения рассмеялась серебряным смехом.

— А сейчас, — сказал вампир, — не обращая на тебя никакого внимания, я буду дотерзывать Алису. И ты мне не помешаешь.

— Помешаю! Скоро все полицейские мира будут здесь.

— Никуда ты не можешь отлететь от своего острова, — сказал вампир. — Я вашу сестру хорошо знаю. Вы питаетесь энергией того места, в котором вы погибли... — Полумракс тихонько засмеялся: — Ты и сейчас куда прозрачнее, чем на острове, а ведь мы и десяти миль не отошли. Так что можешь шуметь и бегать сколько пожелаешь, но ничем нам не помешаешь. Через два часа мы высадимся на английском берегу возле города Манчестера и вольемся в человечество, которое станет нам подвластно. Вы опоздали, девочки! У вас даже ковра-самолета нет!

Алиса вся сжалась — ведь Гиневьева ей помочь не могла. Привидения страшны только тем, кто в них верит. А на самом деле ни один призрак вреда человеку причинить не может. Но привидения думала иначе.

— Ковра-самолета у меня нет, — сказала она. — А вот скатерть-самобранка имеется.

— Что ты хочешь сказать? — Вампир сразу насторожился. Как и все кровососы, он обладал интуицией, то есть умел чувствовать выгоду или опасность.

— Я хочу сказать, что знаю, где в подземелье спрятаны сокровища друидов.

— О таких не слышал, — сказал вампир. — Что за сокровища?

— Конечно, не слышал, они жили после вас, — объяснила Гиневьева. — Друиды — это жрецы древних британцев, они жили на острове больше двух тысяч лет назад. Древние римляне, которые хотели завоевать Британские острова, их ненавидели и старались истребить. Говорят, что друиды спрятались на острове у берегов Шотландии, и римляне их там осадили. Один за другим друиды погибали от стрел легионеров или от голода. Но золото и драгоценности, которые они собирали много столетий и взяли с собой на остров, друиды скрыли в подземной пещере... Что только римляне не делали! Они замучили оставшихся в живых друидов, они перекопали весь наш островок...

— Ты хочешь сказать, что сказочные сокровища таятся именно на острове Элис? — воскликнул Полумракс.

— Да, но тебе их никогда не найти.

— А в чем хранятся сокровища? — деловито спросил вампир.

— В сундуках, шкатулках и бочках, — ответила Гиневьева.

— Золото? Серебро? Камни? Украшения?

— Ах, я не смотрела, — отмахнулась привидения. — Мне же не надеть на себя ни одного ожерелья — у меня такая нежная шейка, что не выдерживает никаких драгоценностей.

— Плохо дело, — огорчился вампир. — Значит, ты сундуков даже не открывала. А что, если там железки или какие-нибудь тряпки? Откуда мне знать, что те друиды ценили и берегли больше всего?

— А один сундук открыт, — сказала Гиневьева. — И возле него лежит мертвый скелет.

— Давно лежит? — уточнил вампир.

— Меня еще не было, когда он лег, — ответила привидения. — Он один сундук открыл, но обратно не ушел.

— И что там в сундуке? Говори, говори! — Вампир прямо вертелся от нетерпения.

— Там лежат драгоценные камни и много золота, — сказала Гиневьева.

— Ты меня не обманываешь?

— Не имею подобной привычки, — сухо ответила привидения. — Он лежит, а я знаю, где его отыскать.

— Хорошо, — сказал вампир. — Неси сюда сундуки. Принесешь — отпущу твою Алису.

— Знаешь ведь, что мне сундуки не принести. Да и не стала бы я напрягаться из-за какого-то там вурдалака!

— Тогда без сокровищ обойдусь!

— Ты-то обойдешься, — раздался голос сверху. Оказывается, внутрь трюма уже давно залезло несколько оборотней. — А мы обходиться не желаем. Отпускай Алису, пошли за ценностями!

— Дурачье! — рассердился вампир. — Неужели вы еще не поняли, что через два часа мы будем на берегу Шотландии? И вся Англия ляжет к нашим ногам!

— Это еще когда будет! — завыл волк. — А сундуки — вот они!

— Вы сможете зайти в любой банк, в любой магазин, в любую контору, вы сможете взять все, что вашей душе угодно! Хотите колбасу — берите колбасу. Хотите доллары — берите доллары!

— Хочу сокровища друидов! — воскликнула женщина, похожая на ведьму. — И немедленно!

— Перед вами будут открыты не только магазины, но и музеи! Знаете ли вы, что в Москве есть Оружейная палата? В ней лежит шапка Мономаха. Это корона русских царей, и она вся усыпана драгоценными камнями. А в Лондоне есть замок Тауэр, и там хранятся драгоценности английской короны.

— Да отстань ты от нас со своими королями и коронами! — воскликнул карлик-нос. — Хотим сразу и здесь!

— Сра-азу и здесь! — вразной, но хором завопили оборотни.

— Ну что прикажешь делать с такими идиотами! — разозлился вампир Полумракс.

— Других тебе не дали, — заметила Гиневьева. — И жадность их погубит. И тебя вместе с ними.

— Посмотрим, — вздохнул вампир. Глупая жадность остальных оборотней его расстроила, и он еще раз попытался достучаться до их мозгов: — Мы теряем драгоценное время. Нас перехватят и разоблачат.

— Здесь и сейчас! — вопили оборотни.

И тогда вампир Полумракс поднялся на палубу и встал к штурвалу, чтобы повернуть «Марию-Целесту» к берегам острова Элис, который был еле виден сквозь струи начавшегося дождя.

— Спасибо, — прошептала Алиса Гиневьева.

— Не стоит благодарности. Я была возмущена его заявлением!

— Каким заявлением?

— Что призраки могут дружить только с мертвецами. Ничего подобного! Мы будем с тобой дружить! До самой твоей смерти. А потом тем более!

Глава 13. Кораблекрушение

Даже волшебники не знали о том, что к берегам Шотландии в нескольких милях от острова Элис прибило шлюпку, в которой сидело несколько совершенно голых, безумных, еле живых людей.

Если бы волшебники умели заглядывать в будущее, они, наверное, что-нибудь сделали с этими несчастными людьми — может быть, убили бы, а может, заточили. Но они своего добились, отделались от команды корабля и были довольны.

На берегу не сразу сообразили, откуда эти люди, а они сами не помнили, кто они и почему оказались в море. Они даже имена свои позабыли. Так что пришлось включить большие компьютеры, а также попросить помощи у организации «Ллойд», которая знает о крушениях в море абсолютно все.

И наконец в Космонет пришла страшная вест! В Атлантическом океане недалеко от берегов Шотландии погиб туристический парусник «Мария-Целеста», а спасшиеся с него моряки совсем раздеты и ничего не помнят.

Тут же спутникам и космическим станциям был отдан приказ: найти в море все, что могло остаться от «Марии-Целесты», — любой спасательный круг, шлюпка и даже ведро могли помочь выяснить таинственную судьбу корабля.

Представляете себе, что подумали миллиарды жителей Земли, когда им сообщили, что «Мария-Целеста», подарившая миру жгучую тайну больше двух веков назад, снова угодила в таинственную историю!

А пока все сигналы и сообщения неслись над Землей, «Мария-Целеста» повернула к острову Элис и через несколько минут оказалась у обрывистого, скалистого берега.

— Здесь камни! — закричала Гиневьева. — Здесь нельзя приближаться к берегу!

Волшебники не слушали ее, торопили вампира и мешали ему управлять кораблем. Наконец случилось то, что, к сожалению, и должно было случиться.

«Мария-Целеста», подхваченная огромной волной, взлетела вверх и со всего размаха грохнулась на торчащие из воды острые верхушки скал.

Дикий скрип, страшный треск, мрачный грохот поразили слух Алисы.

— Вот это приключение! — закричала Гиневьева, которой ничего не грозило.

«Мария-Целеста» разломилась пополам и в несколько секунд скрылась под пенящейся водой.

А те волшебники, оборотни, гномы, вурдалаки, зеленые бесы, джинны и женщина, похожая на ведьму, что уцелели в этой катастрофе, взлетели, нырнули, поплыли, кинулись в разные стороны — и многим удалось спастись.

Алиса почувствовала, как ее подбросило высоко вверх, а там ее подхватила крутая волна и понесла к острову так быстро, что даже не сообразишь, куда и зачем тебя несет.

Потом ее кинуло вниз, и хорошо еще, что Алиса — очень тренированная спортсменка и занималась даже борьбой у-ку-шу. Поэтому в последний момент она собралась в комочек и почти не ушиблась.

Когда она открыла глаза, то увидела, что лежит на скале, которая, как пирамида, торчит из воды метрах в ста от обрыва. Но на остров с нее никак не добраться, потому что между ней и островом кипит такой водоворот, что воды не видно — только пена!

Рядом с Алисой на скале лежал вампир Полумракс и стонал, потому что ушибся.

— Смерть моя наконец-то пришла! — плакал он. — А я так надеялся, что унаследую

бессмертие после господина Кощея!

— Что же мы будем делать? — спросила Алиса.

— Что же мы будем делать? — повторила Гиневьева, которая, оказывается, Алису не оставила, а висела над скалой, как голубая люстра.

— Ой! — Вампир уселся и начал сдирать с себя остатки разорванного матросского костюма. — Кажется, нам не повезло по-крупному.

— Что вы имеете в виду? — спросила Алиса.

— Наше героическое предприятие, — ответил вампир. — Потому что из-за кучки паршивых драгоценностей мы потеряли корабль и, главное, время! Все решали минуты...

Он поднялся на короткие ножки и принялся вытираться сложенными крыльями. Но ничего из этого не выходило, потому что на скалу залетали брызги и клочья морской пены, и ему приходилось вытираться снова и снова. При этом он, не переставая, рассуждал:

— Я думаю, что «Марии-Целесты» уже хватились. Если бы мы вышли на берег и загипнотизировали жителей города, если бы мы установили власть над ними, то никто бы не смог понять, что случилось... А теперь в любую минуту жди спутников, спасателей и даже морскую полицию... Значит, нам надо действовать, и как можно скорее. Не хочется мне попадать в лапы полицейским. И тебе не советую.

— Почему же мне не советуете? — удивилась Алиса.

— А разве ты не бандитка? Разве ты не утопила туристический корабль вместе со всей командой? Я думаю, что ты — самая опасная преступница всех времен и народов. Я тебя сейчас схвачу, свяжу, сдам в полицию, и тебя упрячут в страшную тюрьму.

— Не выйдет, никто тебе не поверит! — сверху заявила Гиневьева.

— И сам знаю, что не поверят! — вздохнул вампир. — Плохо живем, первобытно, не доверяем людям. Человек человеку должен быть другом, товарищем и волком, вот именно!

— Тебе холодно, Алисочка? — забеспокоилась Гиневьева. — Потерпи немножко. Как кто-нибудь подлетит поближе, я его сразу к тебе приглашу.

— А то, что мне холодно, никого не беспокоит! — сразу же обиделся вампир Полумракс. — То, что я простужусь и схвачу воспаление легких, вам все равно! Но я еще найду на вас управу!

— Не обращай внимания, — сказала сверху Гиневьева.

— Я и не обращаю, а терплю.

Вампир поднялся на ноги и принялся бродить по скале.

— Улетай, пока цел, — посоветовала ему привидения. — И оставь нас в покое.

— Нет, мне нужно сокровище. И нужна Алиса. Без Алисы мне этого сокровища не видать. Ты же мне его не отдашь.

— Не отдам, — согласилась Гиневьева.

— А мне нужно хоть что-то получить. И когда у меня будут драгоценности, я кого нужно подкуплю, а кого не нужно истреблю. И все равно стану господином Земли и окружающего пространства.

— Остался пустяк, — сказала привидения. — Доставить в подземелье заложницу.

— Ой, конечно же — я теперь настоящая заложница! Все террористы и бандиты стараются захватить заложницу, а потом ее убивают, — засмеялась Алиса.

— Не говори глупостей, девочка, — рассердился вампир. — Если я кого и погубил в своей жизни, то только от потери крови. А чтобы убивать болезненно, такого не было!

Тут он замер, взмахнул крыльями, и его чуть не унесло ветром со скалы.

— Эврика! — закричал вампир.

— Чего? — не поняла Гиневьева.

— Эврика! Так звали жену Цезаря, — ответил Полумракс. — И вообще, не мешай мне думать. Мы же можем перенести Алису по воздуху...

Он приложил коготки к маленькому рту, высунул длинный, красный, похожий на дождевого червяка язык и стал быстро-быстро лизать пальцы и что-то прищептывать.

— Или пугает, — сказала Гиневьева, — или шутит.

— Не шучу, — откликнулся вампир.

— А что делаешь? — спросила Гиневьева. Ей стало интересно.

— Сейчас увидишь, — проворчал вампир. — Привораживаю.

Он снова забормотал, и тут глазам Алисы предстало незабываемое зрелище.

Из тучи прямо на скалу опускался ковер-самолет. Тот самый, на котором так недавно еще летала Алиса и который утащил предатель Сингх.

А вот и Сингх!

Алиса увидела, что он лежит на ковре, вцепившись пальцами в края. Ковер дергался и старался сбросить с себя ездока, словно он не ковер, а породистая лошадь.

Вампир еще быстрее заработал коготками, но Алиса никак не могла разобрать слова, которые он повторял.

Ковру так и не удалось столкнуть с себя Сингха. Они сели на скалу, и там стало так тесно, что Алисе пришлось встать.

— Только страстная жажда жизни меня спасла! — сообщил профессор Сингх. — Понимание факта, что жизнь дается человеку только однажды, в крайнем случае дважды... Простите за беспокойство, кажется, я живой.

— Видите, — перебил его монолог вампир, — ум всегда найдет выход из безнадежного положения. А ну влезай, Алиса, на ковер, я тебя поддержу, чтобы не упала. И летим на остров.

— Нет! — закричал Сингх. — Не оставляйте меня одного! Я опытный ковровый пассажир, я чуть до Америки не долетел. Не смейте меня оставлять! Я же ноги промочу, и мне гарантирован бронхит!

Вампир подтолкнул Алису, и она послушно ступила на ковер.

— Осторожнее, Алиса, — предупредила Гиневьева, — они все тут такие нервные! Еще укусят!

— Не смейте меня оставлять! — снова закричал профессор Сингх. — Я не переживу произвола судьбы!

— Полетели! — приказал вампир коври.

— Я устал! — ответил ковер.

— Ты меня будешь слушаться или что? — спросил вампир.

— Тебе мало того, что я послушно вернулся почти от американских берегов? За сегодняшнее утро я выполнил двадцать норм перелетов. Так относиться к коврам нельзя!

— Ну вы все как сговорились! — рассердился Полумракс. — Ты из чего сделан?

— Из чистой шерсти, — ответил ковер. — Можешь на этикетку поглядеть.

— Тогда слушай, валенок, — сказал вампир. — Ты думаешь, что мы, вампиры, только у людей кровь сосем? Так ты ошибаешься! Я и из ковра-самолета могу все соки высосать. Не веришь, проведем эксперимент!

— Не надо экспериментов! — взмолился ковер-самолет. — Куда лететь? Я готов.

Только чтобы недалеко.

Алисе не раз приходилось сталкиваться с коврами-самолетами и летать на них даже на далекие расстояния, но такого склочного, капризного и трусливого ковра ей встречать еще не приходилось.

Как говорится, все в жизни случается когда-нибудь впервые.

Пока Алиса так рассуждала, ковер медленно и нехотя поднялся в воздух.

Вампир крепко держал Алису.

А на краю ковра Алиса увидела пальцы Сингха.

Оказывается, профессор не захотел оставаться на мокрой скале. Он тоже хотел выбраться на более надежную землю. Вот толстяк и вцепился в ковер. Алиса никогда бы не подумала, что он способен на такой подвиг.

Глава 14. Сундуки и шкатулки

Ковер поднялся над высоким обрывом. Внизу расстиралось царство вымерших животных. Мамонты, завидев ковер-самолет, к которому снизу прицепился человек в белых штанах и размотанной чалме, трубили от удивления, пещерные медведи урчали, поднявшись на задние лапы, а саблезубые тигры норовили прыгнуть так высоко, чтобы схватить отважного летуна в белых штанах за пятки.

На ковре сидели громадная летучая собака и бледная, усталая девочка, а над ковром в небе медленно плыл светящийся голубой столб, похожий на человеческую фигуру в длинном платье.

И вот все эти существа перелетели через стену замка и исчезли с глаз мамонтов и тигров. И те сразу забыли об этом развлечении, потому что память у первобытных животных очень короткая.

Ковер опустился посреди замкового двора. Даже накрыл с головой профессора Сингха, который тут же принялся кричать из-под ковра, что он вот-вот помрет и никто его не пожалеет.

А когда Полумракс соскочил с ковра и потащил Алису за собой ко входу в подземелье, Сингх наконец выбрался из-под ковра и спросил:

— А куда это вы, простите за выражение, направляетесь?

— За сокровищами! — ответила Гиневьева, опускаясь на землю рядом с ковром. — Если этот негодяй не причинит Алисочке никакого вреда, я отдам ему сокровища друидов.

— Не может быть! — воскликнул Сингх. — А можно, я тоже немножко возьму? Совсем немножко, буквально два-три-восемь камешков?

— Мне не жалко, — пожалала плечами Гиневьева.

Вампир остановился у входа в подземелье. Он был явно недоволен.

— Никто не просил тебя, свечка недогоревшая, сообщать о наших планах всякому встречному-поперечному.

— А я думала, что он ваш друг, — сказала Гиневьева.

— Еще чего не хватало! — возмутился вампир. — Мне самому, может, не хватит драгоценностей, а тут еще он лезет.

— А зачем вам, простите, драгоценности? — спросил профессор Сингх.

— Да я уже говорил! Чтобы покорить Землю и вернуть господство над ней тем, кому это принадлежит по праву. Мы не исчезли! Мы вернулись!

— А стоит ли? — спросила Алиса. — Ведь все равно ничего не получится. Через несколько минут сюда приедут настоящие хозяева...

— Что-то они за всю ночь не приехали, — засмеялся вампир. — Даже твой папашка не явился! А один явился, — вампир показал на профессора Сингха, который пытался замотать чалму и отряхнуть воду с колен, — и тут же поспешил нам продаться.

— Я не намеревался продаваться! — возмущенно ответил профессор Сингх. — Лишь тяжелое материальное положение мое лично и института, в котором я имею несчастье трудиться, заставили меня пожертвовать некоторыми из моих убеждений. Но так как у меня еще осталось довольно много нерушимых убеждений, то это не страшно.

— Не важно почему, — сказал вампир, — а важно, что из этого вышло.

И Алиса с ним согласилась.

— А теперь пошли! — приказал Полумракс. — Некогда мне с вами рассиживаться!

Они вошли в подземелье.

Подземелье было уже настолько знакомо Алисе, словно она в нем родилась, жила и в школу ходила.

Вот и зал, в котором стоят каменные статуи рыцарей Гиневьевы.

— Привет, мальчики! — Привидения радостно помахала статуям.

Статуи принялись переминаться на месте. На большее они не были способны. И никто, кроме Алисы, этого не заметил.

— Куда дальше? — спросил вампир. — И не тяни время, свечка! А то я твоей Алисочке голову откушу!

— Ах! — произнес сзади профессор Сингх. — Это совершенно лишнее. Мы ведь с вами гуманисты.

Привидения обогнала вампира и шагнула в щель. Узкий проход вел вниз. Через несколько шагов началась лестница — ступеньки были крутыми, неровными и скользкими. Привидения-то все равно, потому что она почти не касается пола, а Алисе и даже вампиру идти было трудно. Сингх вообще уселся и спускался, пересаживаясь со ступеньки на ступеньку. Можете себе представить, как он при этом причитал!

А дальше ход стал таким извилистым и узким, что даже Алисе порой было тесно. А Сингх вынужден был протискиваться и продираться, к тому же он не был уверен, застрянет ли навсегда или все же выберется. Если бы он не был таким жадным, наверное, повернул бы обратно.

И правильно бы сделал.

Еще ничего, если бы ход был один, а он притом умудрялся двоиться и троиться, расходиться на боковые ходы, как речка на рукава.

Так что Алиса никогда бы не смогла выбраться оттуда без проводника.

— Ты нас хочешь завести в лабиринт и бросить? — вдруг спросил вампир. — Учти, если через сто шагов не будет сокровищ, то я Алису загрызу.

— Я держу слово, — ответила привидения. — Хоть ты мне и противен, как скорпион!

— А что? — удивился вампир. — И у скорпиона есть друзья! И у меня есть друг скорпион. Очень недурен собой.

— Я забыла, с кем разговариваю, — сказала Гиневьева. — Ну заходи, смотри.

Они оказались в небольшом зале. На полу стояли сундуки, правда, все, кроме одного, крайнего, были закрыты. Рядом с сундуками стояли ивовые корзины и каменные шкатулки.

В зале было довольно светло, потому что по стенам, потолку и полу ползало множество светлячков.

— Проверим, — сказал вампир и открыл ближайший к нему сундук.

В сундуке лежали медные лампы, светильники, коптилки и подсвечники. Они позеленели от старости и, скорее всего, представляли ценность только для какого-нибудь музея.

— Чепуха, — сказал вампир.

Алису он не отпускал и тащил ее за собой.

— Открывай следующий сундук! — приказал он профессору Сингху.

Тот послушно раскрыл сундук, который был туго набит одеждой. Сингх принялся вытаскивать из сундука длинные плащи, и следом за каждым плащом поднималась туча моли.

Плащи рассыпались в руках, и Алиса отвернулась, чтобы не задохнуться. Профессор

Сингх принялся чихать и сказал, что уж теперь-то он наверняка погибнет.

— Дальше, дальше! — кричал вампир. — Должно же быть!

Сингх кинулся к третьему сундуку, в котором друиды сложили свои сандалии и сапоги, к четвертому...

— Попробуй шкатулку! — завопил вампир. — А то всех перекусаю!

— Не надо сердиться, — сказала Гиневьева. — Посмотри сюда.

Она показала на открытый сундук.

Возле него на полу лежал скелет в латах, его шлем валялся рядом. Видно, кто-то проник к кладу много столетий назад.

— Не трепещи! — сказал вампир профессору. — Скелеты не кусаются.

— А это еще надо проверить, — засмеялась Гиневьева. — Я была знакома с очень кусачим скелетом. А как он умел щекотаться!

В открытом сундуке и в самом деле лежали украшения, но даже Алиса сообразила, что они не очень драгоценные. Там были бусы из янтаря, серебряные застёжки, медные браслеты с бирюзой, заколки, серьги, посеребренная медная шляпа и медные шпоры.

— Не то! — сердился вампир. — Не то, не то, не то!

И тогда Сингх открыл одну из шкатулок.

Из шкатулки блеснул такой яркий свет, словно там лежали горящие разноцветные лампочки.

— Эврика! — закричал профессор.

— Ты ее тоже знал? — удивился вампир.

— Разумеется!

— Это ее ценности?

— Это мои ценности! — ответил Сингх.

— Тебя здесь даже не стояло! — завопил вампир. Он, видно, сильно нервничал и все больше забывал правильный русский язык. — Ты — мелкое человеческое ничтожество! Да как ты смеешь претендовать?!

Вампир на секундочку забыл про Алису и кинулся к шкатулке. Та опрокинулась, и драгоценности рассыпались по полу.

Вампир и Сингх столкнулись лбами и принялись драться, а Алиса решила воспользоваться удобным моментом и бросилась бежать в глубь подземелья.

Ведь на пути, которым они пришли, могли быть враги, а во дворе замка ее наверняка уже поджидают другие оборотни.

— Затаись! — крикнула Гиневьева. — Беги дальше! Запомни — подземное озеро!..

Голос ее растворился в камне — привидения уплыла вверх голубым пламенем и исчезла.

Алиса отбежала недалеко и остановилась, прислушиваясь. До нее доносились голоса вампира и Сингха.

Еще с минуту они громко кричали, затем послышался треск, удар, еще удар... Алиса уж подумала, что они дерутся друг с другом, но не тут-то было!

— Смотри! — раздался голос вампира. — Да в этой шкатулке их еще больше!

Снова треск, снова стук.

— Ах! — голос вампира.

— Ой! — голос Сингха.

— Да не дерись ты! — шипел вампир. — Тут нам обоим хватит!

— Не знаю, не знаю, — отвечал Сингх. — Вы ведь такой жадный, просто ужас! Алиса поняла, что они делят драгоценности.

Куда же делась Гиневьева? Наверное, решила выбраться наружу — посмотреть, вдруг кто-нибудь подлетает к острову.

— Все! — раздался голос вампира. — На первый раз хватит. А то не унесем.

— А мне бы хотелось взять еще, — вякнул профессор.

— Нет, голубчик, хватит. Тебе еще Алису убивать придется.

— Что? — ахнул профессор Сингх.

— Что слышал. Неужели ты собираешься оставить свидетельницу?

— Пускай остается.

— А ты подумал, профессор кислых щей, что будет с твоей репутацией, с твоей карьерой, с твоими денежками, когда эта паршивка расскажет кому следует о твоих подвигах?

— А я не совершал подвигов! — поспешил ответить профессор Сингх. — Я слабый человек, кабинетный ученый, я легко поддаюсь дурным влияниям. Например, вашему поддался!

— Ладно, сам ее убью, но ты у меня за это получишь...

— Получу? Я уже все взял и ухожу.

— Тогда ты умрешь!

— Но-но! Без шуточек! Я этого не выношу!

Опять послышались возня, крики, стоны, и наконец раздался голос Сингха:

— Может быть, я и не положительный герой. Все может быть. Но детей я не убивал и убивать не намерен!

— Ах какие мы благородные! Ну, посчитаюсь я с тобой!

Несколько секунд в подземелье царила тишина, и Алиса подумала, что они решили уйти.

Но затем послышался тяжелый удар.

— Ой! — взвыл профессор. — Вы что толкаетесь?

— Я не толкаюсь, я намерен тебя убить, — ответил вампир.

— Тогда я тоже толкаться буду!

— А ну толкнись!

— Больно, сдаюсь! — закричал Сингх.

— Прощай! — сказал вампир. Через несколько мгновений его голос раздался вновь: — Алиса! Алисочка, деточка, кисочка, не прячься, ты нам нужна, чтобы исполнить главную роль Офелии в драме Мольера «Не все коту масленица»! Мы хотим развивать культуру-культуру!

Алиса не отозвалась, а пошла вперед, нащупывая рукой стену. Светлячков здесь было куда меньше, но кое-что разглядеть еще было можно.

Она шла все быстрее и всей кожей чувствовала, как сзади крадется вампир, готовый на нее напасть.

Где же озеро?

— Остановись! — настигал ее голос вампира. — Остановись, и будешь ты царицей мира!

Ага, вот и озеро!

Но что теперь? Нырять в него?

Алиса побежала по узкой полоске камней вдоль берега.

Вампир взлетел, и стало слышно, как его крылья бьют по воздуху.

И тут Алиса услышала, что следом за вампиром бежит профессор Сингх и кричит:

— Остановись! Руки прочь от ребенка!

Алиса поскользнулась, на животе съехала в воду, но кое-как удержалась за камни на берегу.

Вампир кинулся к ней.

Но на этот раз Сингх не стал ему помогать, а остался в нескольких шагах сзади и крикнул:

— Я буду жаловаться на вас, господин Полумракс, в Организацию Галактических Наций!

Слова Сингха возмутили вампира.

— Ах, он жаловаться вздумал! — взвыл он. — Тогда отдавай мне все драгоценности, которые я тебе подарил!

— Ты? Подарил? — Сингх прижал руки к карманам и отступил, словно боялся, что вампир и в самом деле отберет у него драгоценности. — Я сам их нашел!

И тогда вампир прыгнул на Сингха, обхватил его лапами и крыльями, вцепился когтями ему в плечи и потянулся зубками, чтобы укусить.

Сингх отбивался, как мог, а в этот момент сверху, словно из скал, раздался громовой голос:

— Внимание! Господина вампира Полумракса просят немедленно прекратить обижать Алису Селезневу. Повторяю: Полумракс, ваша карта бита. Если вы не прекратите безобразничать, вас немедленно изолируют от человечества как опасного преступника.

Алиса обрадовалась. Она узнала голос директора Ро-Ро.

Как хорошо, что он успел сюда и ее спас!

Но как же получилось, что он вернулся в Палеозо?

Глава 15. Два директора

...Далеко от острова Элис на берегу длинного озера Лох-Несс стояли три человека: директор Палеозо Рони Робинсон, профессор Селезнев из московского Космозо и гость из Шанхая, доктор Чжан Цзолинь. Они прощались с громадным динозавром по имени Несси.

На самом деле это не чудовище, а самый обыкновенный драконозавр, который водился в меловом периоде мезозоя, в виде яйца попал на машине времени в XV век, вывелся в Шервудском лесу, а потом пешком добрался до озера, где и прожил несколько веков. Об этом подробно рассказано в одной из книжек про Алису. Но сейчас речь идет не о драконозавре, а о самой Алисе.

Так вот, биологи стояли на берегу озера Лох-Несс и рассуждали, то ли им всем вместе пообедать, выпить замечательного шотландского пива и разлететься по домам, то ли слетать чуть севернее, где недавно видели стадо кашалотов, и посмотреть, не родились ли у них детеныши.

И вдруг над головами биологов образовался голубой светящийся столб. Столб извивался, дрожал и при каждом дуновении ветерка взлетал к облакам.

— Это еще что за природное явление? — удивился Ро-Ро.

И тут с неба донесся слабый голос:

— Я не природное... Я — привидения...

— Кто? Что? Зачем? — воскликнул директор Палеозо.

Хоть Шотландия и не входила в его зоопарк, он чувствовал себя в ответе за все события, которые в ней происходили. И такое явление, как прозрачный голубой столб, ему не нравилось. Потому что он его не понимал. А какой директор любит неожиданности, о которых и представления не имеет?

— Мне трудно говорить, — прошептал призрак. — Я живу далеко отсюда, мне не хватает энергии, чтобы говорить... Я вот-вот растворюсь и потеряюсь.

И тут заговорил Чжан Цзолинь.

— Мне все понятно, — сказал он. — Мы имеем дело с призраком. А призраки не могут отходить далеко от того места, в котором живут. Наверное, он хочет сказать вам что-то важное.

— Пра-авильно, — еле слышно донесся голос призрака.

— Тогда спускайтесь сюда, за этот домик, — пригласил Чжан Цзолинь, — здесь нет ветра и вас не сдует.

— Учтите, — сказал директор Ро-Ро, — несмотря на все, что я говорил раньше, я не верю в призраков и ведьм.

— Это очень странно, — улыбнулся профессор Селезнев, — если вспомнить, что вы хотите вывести обитателей эпохи легенд.

Тем временем голубое сияние опустилось за угол дома, где не было ветра, и биологи пошли за призраком.

Теперь они разглядели, что привидение представляет собой молодую, привлекательную женщину, чернокудрую, с пухлыми губами, вообще-то веселую, но сейчас испуганную.

— Я прилетела к вам из последних сил, — прошептала она. — Мне нужно срочно возвращаться. Дело в том, что в вашем зоопарке переворот. Власть там захватили оборотни, вурдалаки и колдуны из эпохи легенд, и теперь они хотят покорить всю Землю.

— Чепуха и детские сказки, — отрезал директор Палеозо. — Как может какой-нибудь

дикий вампир или необразованный колдун одолеть систему электронной защиты, роботов и вообще!

— К сожалению, вполне может, — ответил его китайский коллега. — В истории есть много примеров тому, как на вид ничтожный и жалкий противник одолевал громадную армию только потому, что ее полководец был беспечным и самоуверенным.

И Чжан Цзолинь внимательно посмотрел на директора Ро-Ро.

Ро-Ро взглянул на профессора Селезнева:

— Вы тоже считаете, что это не глупая шутка каких-нибудь виртуальных хулиганов?

— Я думаю, что наш коллега совершенно прав, — ответил Селезнев. Он был очень встревожен и спросил у привидения: — А что там с Алисой?

— Алиса в плену у вампира Полумракса, — прошептала привидения. — И я бы на вашем месте поспешила туда немедленно!

И тогда биологи побежали к стоявшему неподалеку флаеру.

А привидения своим ходом поднялась вверх, поймала поток попутного ветра и полетела обратно на остров Элис. И по мере того как Гиневьева приближалась к острову, она становилась все ярче и плотнее.

Так что когда она снова оказалась в подземельях замка, ее можно было разглядеть во всех подробностях.

Биологи вернулись на остров, и в подземелье загремел голос директора Ро-Ро:

— Полумракс, я тебя в последний раз предупреждаю: немедленно отпусти Алису!

— И меня отпусти! — закричал профессор Сингх. — Я тоже боюсь!

Он отбивался от вампира. Алиса вылезла из подземного озера и смело бросилась на помощь профессору Сингху.

Она так рванула вампира, что тот выпустил профессора и ухнул в холодную воду. А так как мешок, привязанный к его животу, был набит драгоценностями, вампир, как железяка, пошел ко дну.

С трудом он выскочил наружу, успел вдохнуть воздуха и закричал:

— Помогите! Я же плавать почти не умею! Неужели вы дадите мне погибнуть? Отвечайте на прямо поставленный вопрос: погибать мне или жить?

Директор Ро-Ро включил мощные прожектора, и их свет залил подземный зал, осветив барахтающегося в воде вампира, профессора Сингха и Алису.

Сингх снова не растерялся. Он обхватил Алису за плечи, прижал к себе и стал улыбаться во весь рот и быстро говорить:

— Справедливость торжествует! Запишите, пожалуйста, на скрижалях: скромный, но мужественный профессор из Бомбея спас отважную девочку Алису. Алиса, не вырывайся, упадешь в озеро и простудишься!

Привидения Гиневьева, которая первой спустилась к озеру, повисла над водой и засмеялась.

— Не верьте профессору Сингху, даже девочек спасающему! — заявила она. — Мы знаем цену предателю.

— Я не предатель! Я специально внедрился в ряды преступников! — закричал профессор Сингх. — Я хотел их разоблачить, но не успел!

Алиса побежала навстречу папе.

— Как же вы догадались, что меня надо искать здесь? — спросила она.

— Нам помогла привидения, — сказал директор Палеозо. — Она прилетела на озеро и

все нам рассказала.

— Но ей же нельзя! — ахнула Алиса.

— А я решила рискнуть и оказалась права — какая-то маленькая часть меня все же долетела до озера Лох-Несс, и меня заметили, — ответила Гиневьева.

— Гиневьева — очень отважная привидения, — сказала Алиса. — Мы должны будем ей помочь. Представляете, каково ей — столько столетий под землей, одной-одинешенькой, даже друзей нет — одни каменные солдаты.

Пока они говорили, вампир выбрался из воды, тихонько отошел в сторону и, расправив крылья, касавшиеся стенок пещеры, понесся прочь.

И никто не успел его остановить.

— Пошли ко мне в кабинет, — сказал Ро-Ро. — И ты, Алиса, нам расскажешь, что здесь произошло. Кто в этом виноват?

Алиса шла за директором Ро-Ро, папа обнял ее за плечи и прижал к себе. Он понимал, что Алисе пришлось пережить страшные приключения, и чувствовал себя виноватым.

Китайский ученый Чжан Цзолинь тоже чувствовал себя виноватым, потому что привык все предусматривать и рассчитывать, да вот поверил другому, и все оказалось неладно. Следом за ним шагал профессор Сингх. Он старался пальцами подсчитать, сколько камешков осталось в карманах его пиджака. Профессор тоже чувствовал себя виноватым, потому что надо было энергичнее вступить за девочку. Впрочем, слишком виноватым он себя не чувствовал, так как все-таки вступился.

Ну правда ведь вступился! И с риском для жизни. Хотя было чуть поздно...

А вот директор Ро-Ро, который шел первым, никакой вины не чувствовал. Он все сделал правильно: лаборатории запер, оборудование обесточил, охрану из неподкупных роботов оставил.

Ну кто мог подумать, что придут волшебники, захватят лабораторию, а роботы примут их за сотрудников и даже за самого директора? Ну кто такое мог подумать?

— Извините, пожалуйста, — сказала Алиса, когда они вышли из подземелья и оказались перед входом в лабораторию, — а может быть, вы все же хотите заглянуть в лабораторию?

— Потом, — ответил директор. — Всему свое время. Сначала я хочу из своего кабинета посмотреть по мониторам, что происходит в зоопарке. Может быть, ничего особенного и не происходит? Мы оставили одну нервную девочку, и ей пригрезились всякие вампиры и чудеса. Ведь у девочек бывает сильно развитое воображение.

— Я придумываю? — возмутилась Алиса. — Да вы даже не представляете, какая опасность грозит всей Земле! И может быть, она еще не прошла.

— Тебе надо выпить валерьянки, — сказал Ро-Ро.

Алиса посмотрела на папу. Она понимала, что папа верит каждому ее слову, но спорить с директором сейчас не будет. Он хочет сам посмотреть, что же произошло.

Но дойти до директорского кабинета они не смогли.

В коридоре возле двери кабинета стояли сразу три робота-охранника и курили трубки. Вид у них был такой серьезный и даже угрожающий, что Алиса встревожилась.

— Почему вы находитесь здесь во вне рабочее время? — спросил первый робот. — Зоопарк закрыт, все ушли. Попрошу покинуть помещение!

— Это еще что такое?! — возмутился директор. — Как вы смеете со мной так разговаривать? Вы что, забыли, кто перед вами стоит?

— Перед нами стоит человек, который изображает из себя директора зоопарка Палеозо. Наша задача — обезвредить этого террориста и оградить от него ценных животных.

Директор Ро-Ро даже руками развел от такой наглости.

— Я сейчас же вызываю механика по роботам. Вы пойдете на переплавку!

— Наш долг, — сказал робот, — до последней капли машинного масла защищать зоопарк и хранящихся в нем уникальных животных. И если мы падём, исполняя этот долг, то честь нам и хвала!

— А ну пропустите меня! — взревел директор, рванулся вперед, но роботы тут же выставили свои металлические руки, и директор налетел на них, как на забор. Да еще так неудачно, что перевернулся вниз головой и в такой позе застрял между роботами.

— Все погибло! — застонал профессор Сингх. — Они все-таки захватили власть на Земле. Я ухожу. И вы знаете, где меня найти.

— А где? — удивилась Алиса.

— В библиотеке, конечно, в библиотеке, я же кабинетный ученый и совсем не разбираюсь в жизни. Меня можно обманывать, как хотите. И вообще меня здесь не стояло.

Сингх побежал наружу, а заговорил китайский профессор Чжан Цзолинь.

— Если вы позволите, — сказал он, обращаясь к роботам, — я бы хотел задать вам вопрос.

— Задавайте, — сказал робот.

— Вы же кого-то слушаетесь, кому-то подчиняетесь?

— Разумеется! — воскликнул робот. — Неужели вы думаете, что мы недисциплинированные, словно люди? Мы — послушные существа, мы сложнее машин и умнее людей.

— Можно ли нам, с вашего разрешения, поговорить с вашим начальником? — спросил Чжан Цзолинь.

— Если он захочет, — ответил робот.

— Пускай он захочет, — вежливо сказал китайский профессор.

Он был очень вежливым и тихим человеком. Таких вежливых и тихих людей боятся и слушаются даже самые отчаянные бандиты.

И в ответ на его слова из кабинета директора вышел Ро-Ро.

Второй Ро-Ро.

Конечно, для многих он был точно как настоящий. Это и называется наваждением. Волшебники и оборотни умеют так запутывать человека, что тот видит именно то, что хочет ему показать оборотень. И все роботы тоже думали, что перед ними настоящий Ро-Ро, а не вампир Полумракс.

— Кто меня беспокоит? — спросил лжедиректор грозным голосом.

— Ну, это уж форменное безобразие! — воскликнул настоящий директор. — Зачем вы меня изображаете? Перестаньте, вы же самозванец!

— Пока что вас спасает только моя доброта, — сказал вампир. — Но учтите, что мое терпение не безгранично. Рассержусь и утоплю!

— Кто-то из нас сошел с ума, — сказал Ро-Ро.

— Ты и сошел, — ответил вампир. — Еще вопросы есть?

— Да, — сказал тихий Чжан Цзолинь. — Вопросы есть. Я хочу доказать, что вы не настоящий директор, а гнусный притворщик.

— В воду их всех! — закричал вампир. — Они мне надоели!

— Ты сердисься, — сказал Чжан Цзолинь, — значит, ты, прости, не прав.

— Я всегда прав!

— Проверим. — Чжан Цзолинь обернулся к роботам: — Вы позволите мне провести небольшой эксперимент?

Роботы переглянулись и хором ответили:

— Это даже любопытно.

— Это совсем нелюбопытно! — возразил вампир. — Я здесь приказываю!

— У нас возникли сомнения, — сказал один робот.

— Почему же, железяка ржавая?

— А потому, господин профессор директор, — сказал робот, — что директор профессор Робинсон — очень хорошо воспитанный ученый, и он с детства не произнес ни одного грубого слова, а в вашей речи каждое второе слово — бранное. И это нас смущает.

— Всех на переплавку! — закричал вампир.

— Вот именно, — сказал главный робот, и все роботы повернулись к Чжан Цзолиню: — Что вы хотели нам сказать?

— Я только задам один простой вопрос, ответ на который хорошо известен настоящему директору Палеозо, — сказал китайский биолог. — Но я сомневаюсь, что на него сможет ответить самозванец, поддельный директор. Думаю, это будет справедливо.

— Справедливо, — согласились роботы.

— Я не позволю меня испытывать! Это нарушение дисциплины, — возразил оборотень.

— Вопрос мой проще простого. Как меня зовут? Только попрошу не отвечать вслух. Пускай каждый директор по очереди подойдет к главному роботу и скажет ему свой вариант в слуховое отверстие.

— Еще чего не хватало! — засмеялся вампир. — Это пустяковый вопрос, хотя я и не понимаю, что здесь делает этот японец?

— Можно я отвечу? — спросил настоящий Ро-Ро.

Он шагнул к роботу и склонился к его слуховому устройству. Алиса, которая стояла рядом, смогла разобрать шепот директора:

— Это профессор Чжан Цзолинь, крупнейший специалист-биолог из города Шанхай.

— Теперь ваша очередь, — сказал Чжан Цзолинь, обращившись к самозванцу.

Но никакого самозванца и в помине не было. Лишь шум крыльев в коридоре напомнил о беглеце.

Главный робот осмотрелся и сказал:

— Конечно, мы должны соблюдать уговор. И я вслух предлагаю вам версию директора Ро-Ро. Перед нами стоит доктор Чжан Цзолинь из Китая. Но вот версии второго директора я не услышал. И думаю, что это произошло потому, что он сбежал. А раз он сбежал, значит, он был самозванцем и нас, роботов зоопарка, следует сурово наказать. Мы поддались обманщику, а он со своими друзьями наделал много гадостей и натворил немало бед. Теперь я понимаю, что настоящий директор стоит перед нами. Мы так думаем.

— Ну и ладно, — сказал директор Ро-Ро.

Он решил не сердиться на роботов, которые всегда хотят сделать как лучше, но у них это не всегда получается, потому что они слишком серьезные и послушные.

Директор Ро-Ро протянул руку доктору Чжан Цзолиню и сказал:

— Спасибо вам. Вы нашли простой способ разрешить наш конфликт. Не представляю, что бы мы без вас делали. Я сам так разволновался, что совершенно растерялся.

Тут откуда ни возьмись появился профессор Сингх. Он тяжело дышал и широко улыбался.

— Должен вам сказать, — заявил он, — что идея с проверкой самозванца пришла мне в голову первому. Но я был занят и поручил ее исполнить доктору Чжан Цзолиню. И он точно выполнил мое поручение.

Вы думаете, кто-нибудь стал спорить с профессором Сингхом? Вы думаете, что все стали смеяться? Или ругаться?

Ничего подобного.

Его просто никто не замечал.

А когда уже потом Алиса рассказала, как он себя вел и за деньги предал своих товарищей, то с ним вообще никто разговаривать не стал. Студенты перестали ходить на его лекции, соседи не стали с ним здороваться. Говорят, что даже жена перестала его кормить, но точно я не знаю.

Такое было ему наказание.

А вот вампир успел улететь с острова. А чего ему не улететь, если у него крылья есть? Но вот неизвестно другое: сколько волшебников и злодеев успели сделать оборотни в лаборатории, пока роботы их слушались? Никто не знает.

Может быть, десять, а может, и все двадцать.

И куда они улетели, тоже пока неизвестно.

Не исключено, что кто-то из них до сих пор скрывается в зоопарке под видом чудовища или мелкой ящерицы.

Но я думаю, что рано или поздно они появятся вновь, проговорятся или выдадут себя какой-нибудь каверзой.

Но главное: совет ученых решил, что существ из эпохи легенд, а тем более оборотней или вампиров генетически восстанавливать не будут.

Вымерли, ну и бог с ними.

Не место злодеям в зоопарке.

Кстати, сокровища друидов оказались стеклянными. А друиды острова Элис — вовсе не друидами, а просто тамошними цыганами.

Сапфировый венец (Пленники пещеры)

Глава 1. Надпись на черепахе

Пашка Гераскин всегда жалеет, что не родился Наполеоном. Он уже нашел у себя несколько наполеоновских достоинств. Он умеет заниматься сразу несколькими делами. Например, если он пишет сочинение, то обязательно при том слушает последние известия и дышит по системе йогов.

Вы думаете, он притворяется? Нет, ужас в том, как говорила мне Алиса Селезнева, которая сидит с ним за соседним столом, что Пашка сам верит чепухе, которую придумывает про себя. А это уже опасно.

Ведь в сочинении, которое он создал, слушая последние известия и дыша по системе йогов, было больше ошибок, чем слов. Но Пашка, конечно же, объяснил свои ошибки тем, что его отвлекла Алиса, которая все спрашивала, который час. И еще ему мешал Джавад Рахимов с заднего стола, у которого насморк, а самое главное — в словаре, которому так верит наша учительница, слишком много опечаток, а уж об учебных компьютерах и говорить не приходится — сирианцы, которые готовят вторжение на Землю, запустили в них супервирус. Мы все будем писать с ошибками, и тогда сирианцы нас поработят.

— Это еще почему? — в отчаянии воскликнула Каролина Павловна, классная руководительница 6-го класса «Б», в ужасе зажмуриваясь, чтобы не видеть Пашкиных изобретений на экране компьютера.

— Потому что они запутаются в вывесках. Они думают, что надо читать «Добро пожаловать», а у нас всюду будет написано «Бобрам пожаловаться».

— Все! — сказала Каролина. — Гераскин, ты получил свою заслуженную двойку, и, если у тебя больше нет оправданий, уходи из класса. Твоей талантливой головке пора отдохнуть, чтобы не треснуть от напряжения.

— Это плодотворная идея, — согласился Пашка. — Но если я уйду, то буду чувствовать себя негодяем.

— Почему же?

— Потому что вы не узнаете о том, что я услышал в новостях.

— Что? — воскликнули хором Маша и Наташа Белые — самые любопытные девочки на свете.

— Найдена морская черепаха, которой, по крайней мере, триста лет, длиной почти полтора метра.

— Ну и что? — удивился Аркаша Сапожков. — В морских заповедниках такие черепахи не редкость. Ведь уже скоро сто лет как их никто не убивает.

— Но на этой черепахе, — добавил Пашка, — есть надпись.

— Какая надпись? — спросила Алиса.

— Очень простая: «SOS!»

— А что это значит? — спросила Наташа Белая.

— Спасите наши души, — ответил Джавад Рахимов. — Это каждый моряк знает. Мало ли кто и что написал на панцире?

— Там есть и еще какие-то слова, — сказал Пашка, — сейчас их расшифровывают в Институте фундаментальных наук.

— Ну и пускай расшифровывают, — сказала Каролина Павловна. — Это не должно тебе, Гераскин, мешать учиться русскому языку.

— Вот именно! — Пашка даже подпрыгнул. — Дело в том, что надпись на панцире

морской черепахи сделана на русском языке!

И вот тогда все замолчали. Это была самая настоящая сенсация.

Глава 2. Двести пятьдесят лет назад

— Алиса, — сказал Пашка после урока. — Я знаю, какие у тебя связи!

— Не подлизывайся, — ответила Алиса. — Говори прямо — что тебе нужно.

— На черепахе посмотреть. Я думаю, что быстрее всех расшифрую надпись на черепахе. Давно что-то я не делал выдающихся научных открытий.

— Даже не знаю, как тебе помочь, — вздохнула Алиса.

— Знаешь! — расхохотался Пашка. — По глазам догадался, что ты намылилась в Институт фундаментальных наук на черепахе посмотреть! Ты же обожаешь тайны.

Алиса не стала заператься. Оказывается, и на самом деле она уже провидеофонила в институт своей подружке Магдалине, самому младшему научному сотруднику.

Магдалина ждала их у входа.

Пашке она не удивилась. Она была с ним знакома. Если ты знаком с Алисой, значит, и Пашку знаешь. Таков мировой закон.

С Алисой Магдалина просто поздоровалась, потому что никаких каверз от нее не ждала. А Пашке сказала:

— Умоляю, ничего не трогай руками.

— Не могу обещать, — честно ответил Пашка. — Я пришел к вам сделать открытие. Может, понадобится и трогать.

— Не бойся, Магда, — сказала Алиса. — Я за ним пригляжу.

— Ну, на твою ответственность!

Черепаха медленно плавала в мелком бассейне, который занимал половину комнаты. Над ней жужжали приборы, к ней были прикреплены датчики, а вокруг бассейна стояли ученые с умными и не очень умными лицами.

— Так, — сказал Пашка. — Попрошу пропустить меня в воду.

— Зачем? — спросила Магдалина.

— Будем читать.

— Молодой человек, — сказал профессор Малатеста Иван Трофимович. — Если вам хочется почитать, взгляните на стену.

На стене, на белом экране, была видна черепажья спина: ее панцирь был похож на дыню с заостренными концами. Очень смутно, расплывшимися буквами, наискосок панциря было выцарапано вот что:

«Спасите, мы попали в плен к пиратамъ, насъ замуровали в пещере».

— И все? — спросил Пашка.

— Совершенно все, — ответила Магдалина.

— А почему так плохо видно?

— Молодой человек, надпись была сделана по крайней мере двести лет назад. Черепаха тогда была еще молодой. Она выросла с тех пор в три раза. Еще чудо, что мы смогли угадать и восстановить надпись.

— С чего вы решили, что двести? — спросил Пашка. — Я этого не наблюдаю!

— Пашка, ты посмотри на слово «пленъ», — сказала Алиса.

— Смотрю и вижу элементарную ошибку, — сказал Пашка. — Слово плен пишется без твердого знака.

— После революции 1917 года! — произнес профессор Малатеста.

— Я это и хотел сказать, — буркнул Пашка, для которого признать свою ошибку —

катастрофа.

— А когда выцарапана надпись? — спросила Алиса.

— Дети, помолчите, — рассердился профессор. — Неужели вы не видите, что люди работают?

Черепаша медленно развернулась и поплыла к профессору, загребая толстыми чешуйчатыми лапами с когтями на концах.

Голова у нее заканчивалась большим костяным клювом, а глаза были маленькими, неподвижными, но очень внимательными.

— Она разумная? — шепотом спросила Алиса у Магдалины.

— Для себя самой она достаточно разумная, — сказала Магда, — а вообще-то не очень умная. Плавает, кушает и откладывает яйца в песок.

— Надо бы мне с ней всерьез поговорить, — сказал Пашка. — Что она ест? Капусту?

— Ты лучше у меня спроси, — сказала Магдалина, — а вдруг черепаха уже в чем-то создалась?

— Когда это случилось? — спросил Пашка. — Для меня это важно.

— Конечно, важно, — улыбнулся профессор, который слышал этот разговор. — Но нам удалось узнать.

— Без меня? — удивился Пашка.

Он не просто нахал, подумала Алиса. Он — искренний нахал. Он думает, что поступает правильно, что он хорошо воспитан и никогда в жизни не вел себя нахально.

Ему легко жить на свете, потому что он не сомневается в своих талантах, смелости и даже остроумии.

— К сожалению, — сказала Магдалина, — мы тебя не дождались.

— А как вам удалось это сделать?

Профессор обернулся к Алисе, будто хотел сказать: «Этот мальчик все и без меня знает, а вот тебе, Алиса, может быть интересно».

— Панцирь черепахи — как ствол дерева, — произнес он. — Пока черепаха живет, он растет, на него нарастают все новые и новые слои костной ткани. Мы смоделировали на компьютере ситуацию, когда эту надпись выцарапали. Затем точно вычислили срок, прошедший с того времени. Ты меня понимаешь?

Алиса кивнула, а Пашка сказал:

— Это и ежу понятно. А у меня был вариант попроще, но гениальней.

— Поделись с нами, — попросил профессор.

— Мы заглядываем в мозг черепахи и изучаем ее язык.

— Черепахи молчат! — вмешалась Магдалина.

— Те-ле-па-ти-чески! — воскликнул Пашка. — И так же телепатически спрашиваем: а сколько лет назад на тебе выцарапали надпись?

— А она качает головой и показывает тебе язык! — сказала Алиса.

Пашка обиделся и замолчал. Он не придумал еще, что же делать с черепахой, если она не захочет с ним разговаривать.

— Извините, что вас перебили, — обратилась Алиса к профессору. — Так когда сделана эта надпись?

— В 1852 году, — сказал профессор.

— Четверть тысячелетия назад! — сказала Магдалина. — И пленники погибли.

— А что мы еще знаем? — спросила Алиса.

— Если ты заглянешь вместе со мной в лабораторию, — сказал профессор, — то увидишь, где это произошло.

Конечно же, Алиса побежала за длинноногим профессором Малатестой в лабораторию, а через три секунды за ними бросился Пашка. Он не желал оставаться в стороне от событий.

В лаборатории профессор подвел Алису к экрану, исчерченному разноцветными полосками.

— Каждая полоска, — сказал он, — соответствует тому или иному элементу или минералу, а ширина полоски показывает, сколько его в веществе, то есть в микрочастицах, которые остались в процарапанных углублениях. Кстати, надпись вырезали гвоздем, медным гвоздем.

— А разве бывают медные гвозди? — спросил Пашка.

— Раньше их использовали в море, — сказал профессор, — медь порой долговечней железа.

— Но ведь черепаха потом плавала, загорала на берегу, — сказал Пашка, — уж точно, все частицы смылись.

— Все — это слишком громкое слово. Всегда что-то остается. Вопрос лишь в том, как его отыскать.

— И что же вы нашли?

— Не буду сейчас забивать ваши светлые головки специальными терминами и знаниями, но нам удалось найти место на Земле, где минералы встречаются именно в таком сочетании.

— Быстрой, профессор! — прикрикнул на Малатесту Пашка. — Нам бы там побывать.

— Зачем, если не секрет? — спросил профессор.

— Неужели вам непонятно? — Пашка окинул присутствующих презрительным взором. — Это же пиратская пещера!

— И что? — спросила Магдалина.

Алиса хорошо знала Пашку Гераскина. И уже догадалась, куда катятся шарики и ролики в его беспокойной головке.

Но пускай он сам скажет. А он не сказал — он прокричал, протрубил, прогудел как труба:

— В пиратской пещере лежат пиратские сокровища! Дайте мне координаты, и мы их достанем!

— Пашенька, — сказала Алиса. — Мне кажется, что ты забыл о главном.

— Я никогда ни о чем главном не забываю. И если я забыл, значит, оно не главное.

— В 1852 году кто-то выцарапал на панцире черепахи русские слова.

— А что в этом удивительного? Ведь не башкирские и не мордовские.

— Я вас не понял, — произнес профессор.

— Все так понятно! Ни Башкирия, ни Мордовия не имеют выхода к морю. А Россия имеет.

— Скажите, пожалуйста, — попросила Алиса, — а где была та пещера?

Профессор включил экран и показал почти в центре Тихого океана точку небольшого острова.

— Остров Хуан де Пальма, — прочел Пашка. — Я там не был. Но вот тут, — и он показал на остров Пасхи, — я был, и не раз. А это всего в тысяче миль. Возьму флаер и долечу за два часа.

— Никуда ты один не полетишь. Во-первых, этот остров — заповедник. А во-вторых, ты не знаешь, где там находится пещера.

— Найду, он же маленький!

— Не такой уж маленький для одинокого мальчика. Двенадцать квадратных миль скал и кустарника, болот и водопадов.

— А как же тогда быть? — удивился Пашка. Он-то думал, что вот-вот увидит сундуки с золотыми дублонами.

— Если очень хочется, — сказал профессор, — то присоединяйся к нам. Мы вылетаем на Хуан де Пальму через шестнадцать минут.

— Что же вы раньше молчали! — рассердился Пашка. — Мне надо еще камеру взять и свою старую надежную лопату.

— Нет, нам еще лопат не хватало! — воскликнула Магдалина, и все засмеялись.

Кроме Пашки, который открыл записную книжку и уставился в ее экранчик.

Глава 3. Пещера на острове

Долетели туда на институтском флаере с посадкой в Кито, это город в Перу. Там взяли на борт молодого робота Фернандо из службы заповедника. Робот был разговорчивым, он целый час рассказывал о фауне острова Хуан де Пальма, но, оказалось, не подозревал, что на острове есть пещера.

Зато морских черепах, точно таких же, как старушка с надписью на панцире, у берегов острова встречается немало, объяснил он. Только обычно не такие большие. Да и надписи на панцирях встречаются. Даже сейчас порой заберется в заповедник турист, увидит, как по берегу топают такие черепаха, достанет ножик и давай себе царапать!

— Может, и ваша надпись, — сказал молодой робот, — фальшивка. Какой-нибудь турист захотел пошутить, вот и пошутил.

— Вы не правы, — вежливо возразил профессор Малатеста. — Анализ показывает, что надписи двести пятьдесят лет.

— Это ничего не доказывает, — сказал робот-сотрудник. — Ведь двести пятьдесят лет назад тоже туристы встречались!

Ассистент профессора по геологической разведке, бирманский аспирант Маунг Маунг Маунг первым выбрался из флаера и принялся настраивать «дыроискатель». Этот несложный аппарат ищет в земле пустое место. Пещеру, яму или нечто подобное.

Остальные поели бутербродов.

Природа вокруг была такая чудесная, что у всех сразу разыгрался аппетит.

С зеленой, поросшей травой и кактусами площадки над обрывом был виден океан на много миль вокруг. Над океаном летали чайки и альбатросы. По краям лужайки сидели игуаны и сухопутные жабы, приоткрыв рты в надежде, что их угостят чем-нибудь экзотическим, то есть таким блюдом, которого в островном магазинчике и сроду не бывало.

Впрочем, это шутка, потому что на острове и магазинчика сроду не бывало.

Все жевали бутерброды, кроме молодого робота Фернандо, который не любил бутербродов, а также ассистента Маунг Маунг Маунга, который пробирался сквозь лианы и колючки, глядя на экран своего «дыроискателя».

И вдруг издалека, за километр, донесся торжествующий клич ассистента:

— Эврика! Есть пещера!

Конечно, все побежали на призыв ассистента.

Он стоял над обрывом.

На экране «дыроискателя» было видно темное пятно, похожее на дохлого осьминога.

— А как же туда добраться? — спросила Магдалина.

— Это не моя проблема, — сказал Маунг Маунг Маунг. — Я нашел пещеру, а вы в нее идите.

Он был увлеченным молодым человеком и собирал коллекцию пещер. Он даже свой отпуск проводил в каких-то горах и пустынях, не отрывая взора от карманного «дыроискателя».

Если верить «дыроискателю», то одна из «ножек» пещеры соединялась с морем под обрывом. Чего и следовало ожидать, иначе как бы туда попала морская черепаха?

Пришлось забираться во флаер и летать над обрывом и пляжем, чтобы отыскать вход в подземелье.

Но и там его не было.

— Значит, вход в пещеру глубоко под водой, — сказала Магдалина. Она была еще очень юной и маленькой ростом, многие не верили, что она уже научный сотрудник трех институтов и собирается в ближайшем будущем перестать спать, чтобы в это время поработать еще в четвертом институте. — А раз вход в пещеру под водой, я намерена нырнуть и отыскать, — добавила она.

— Я лучше тебя ныряю, — сказал Пашка.

Честно говоря, он уже всем надоел.

— Я вице-чемпионка мира по нырянию без акваланга, — скромно сказала Магдалина. — Мой рекорд двести тридцать метров. А твой, Пашенька?

— А я не мерил, — быстро ответил Пашка.

— Жалко, — сказала Магда, — вот прибор показывает, что вход в пещеру находится на глубине шестидесяти метров. Нырнем?

— Нет, — сказал Пашка. — И не потому, что я испугался, а потому, что пиратам трудно затащить сокровища в пиратскую пещеру на такой глубине.

Пашка был прав, все с ним согласились, и профессор спросил у своего ассистента:

— Может, поищем другой вход в пещеру с вершины скалы?

Они вскарабкались по тропинкам, протоптанным горными козами, на вершину горы, венчавшей остров. Стало жарко, только большие ящерицы гордо грелись на камнях, поднимая головы в зеленых коронах. Две синие птицы вились над головами путников, наверное, отводили от гнезда, а потом забыли, где их гнездо.

Время от времени ассистент включал свой «дыроискатель», и все начинали глядеть на экран, спорить и давать друг другу советы.

И все-таки в конце концов приборы и ум людей победили.

Вход в пещеру отыскался. Но не на вершине, а в глубокой расщелине, по которой к нему можно было подняться от моря, где как раз притаилась маленькая бухточка. Его заметил зоркий робот.

— Ура! — крикнул Пашка. — Я нашел пиратские сокровища!

Хотя до этого было еще далеко.

Видно, много лет никто не приходил к пещере. Вход в нее — просто дыра в камнях — зарос кустарником, и его завалило сучьями.

Хорошо еще, что у молодого робота из заповедника зрение куда лучше человеческого.

Они все вместе расчистили дыру. Пашка все требовал, чтобы ему дали веревку — чтобы спуститься вниз.

Но оказалось, что колодец, ведущий в пещеру, был очень глубоким. Когда кинули вниз камень, то пришлось сосчитать до десяти, прежде чем он ударился о пол пещеры.

И конечно же, Пашке никто не разрешил спускаться первым.

А Пашка знал, что не разрешат, и поэтому смело устроил скандал на весь мир — чуть ли не прыгнул вниз без веревки.

Подлетел флаер, с него пустили мини-подъемник — кресло на тросе.

Первым спустился молодой робот Фернандо. Он укрепил на голове обруч с телекамерой, и поэтому все видели, как он пролетал мимо стен, поросших белесой травой, мимо мокрых камней и ручейков, срывающихся со стены.

И вот он на дне пещеры.

Пол завален сучьями, песком, землей, скелетами крыс и ящериц...

Пока в пещеру спускались остальные — ведь всем хочется приключений! — молодой

робот Фернандо пошел по широкому ходу в глубь пещеры.

Вскоре к нему присоединились остальные.

Широкий коридор, с потолка которого свисали похожие на серые морковки сталактиты, вывел их в небольшой, почти круглый зал; посреди него было небольшое озеро.

В этом подземелье кто-то когда-то был.

Вот валяются кучкой свинцовые пули, а рядом истлевшая куртка из грубой ткани, медная монета с дыркой в середине — профессор сразу сказал, что она китайская.

— Смотрите! — закричала Алиса.

Она догадалась глянуть на стену и увидела, что вся стена исписана. Видно, этой пещерой пользовались долго и много людей. Магда и молодой робот Фернандо наперегонки читали и сразу переводили надписи. Оказалось, что они были сделаны по-английски, по-французски, по-испански и даже по-китайски.

Надписи были однообразными. Похожими на те, что оставляют глупые туристы на пирамидах и стенах храмов: «Я тут был. Васген». Или: «Мы приехали сюда с попутным ветром. Неразлучные друзья из „Кровавого Скелета“, «Джон кривая борода», «Мистер Вистер», «Анна Болейн».

А дальше:

«Я вернусь сюда за моей долей. Сильвестр Брокгауз».

И ниже:

«Опоздал на сто лет, крошка! Я все уже забрал. Андрю Эфрон».

«Бойся ревущих сороковых. Там мы потеряли „Штучку Веронику“».

«Питер Кривой — стукач. Работает на английскую разведку».

Эта надпись была сделана китайскими иероглифами.

И так далее, и прочее.

Вдруг Пашка завопил так, что Алиса испугалась, как бы потолок пещеры не обрушился: — Вот они! Здесь!

Все фонари и фонарики повернулись на голос Пашки.

У самого пола неровными кривыми буквами было написано:

«Если не спасемся, сообщите в Бычки Таврической губернии Марии Скакун и в Краков.

Денис. Яна...»

— Не успели дописать, — сказал молодой робот Фернандо.

— Но их здесь нет! — сказала Алиса.

— Они нырнули в озеро и не выплыли, — сказал Пашка.

Алиса прошла с Магдой дальше, по узкому ходу, который вел под углом вверх, но потом упирался в тупик.

Там они увидели разбитые ящики, доски, человеческий череп, несколько звеньев якорной цепи... Пашку они звать не стали, а робот Фернандо сам пришел и сказал:

— Мы организуем экспедицию, а потом будем водить сюда туристов, правильно?

Алиса не ответила.

Ей было грустно.

Она представила себе, как Денис и Яна сидят в темноте и ждут смерти. И никто не сможет прийти к ним на помощь. Даже узнают об их горькой судьбе люди только через двести пятьдесят лет.

А когда все выбрались на поверхность, Магдалина сказала Алисе, словно угадав ее мысли:

— Они все равно давным-давно умерли, даже если и выбрались на свободу.

— Но ведь не так! Не в пещере! Не от голода и жажды! Не в темноте!

Магда пожала плечами:

— Наверное, они выбрались оттуда. Иначе мы их... кости бы нашли.

А Пашка подошел к ним и сказал:

— Я голову ломаю — где же сокровища?

— Сокровища оттуда унесли, — сказала Алиса.

— Обидно, — сказал Пашка. — Зря летали.

— Нет, не зря, — ответила Алиса.

Глава 4. Музей в бычках

В тот же день, к вечеру, об этом приключении почти все забыли. У всех свои дела, даже у черепахи, которую выпустили в океан недалеко от берега острова Хуан де Пальма.

А у Алисы из головы не шли слова незнакомого ей Дениса, который мучился в той пещере двести пятьдесят лет назад.

Да, конечно, Магда, как всегда, права. И Денис и Яна давным-давно умерли. Но ведь есть для человека разница: погибать в пещере, или в камере пыток, или дома, среди внуков, или, наконец, в бою, с саблей в руке.

Правда, Алиса не собиралась погибать с саблей в руке, она вообще не собиралась погибать в ближайшие сто лет.

Но если ты примешь точку зрения Магды, то лучше не помогать попавшим в беду. Все равно они в конце концов все помрут.

Когда Алиса дома вечером рассказывала маме и роботу Поле про путешествие на остров Хуан де Пальма, она уже думала дальше. Что такое — думать дальше?

Человек отличается от животного тем, что он умеет смотреть в будущее. Даже если это будущее неприятно.

И если идет дождь, человек знает, что в конце концов дождь прекратится, а еще через три месяца пойдет снег.

А кот сидит под крыльцом, прячется от дождя и сильно сомневается, закончится ли это безобразия или дождь будет идти до конца его кошачьих дней.

Пашка, думала Алиса, заклинился на сокровище, которого в пещере не оказалось.

Ученые решили свою задачу — узнали, когда и где была сделана надпись на панцире черепахи.

И для всех Денис с Яной не существовали. Как книжные герои, которых выдумал писатель.

А Алиса с каждым часом все больше к ним привязывалась, как будто в школе с ними училась.

Через день, во вторник, она быстренько пообедала после школы и сказала роботу Поле, что вернется домой к ужину, а если немного опоздает, то это не страшно.

— Высоко не летай, — сказал Поля.

Поля сам никогда никуда не летает, хотя, как вы знаете, роботам никто не запрещает летать. Притом он боится, если Алиса куда-нибудь летит. Он думает, что если летать ниже, то не расшибешься. Чепуха. Самое безопасное место — космос, там мусора куда меньше, чем возле Земли.

— Я пойду пешком, — сказала Алиса.

Она пошутила, но робот поверил и успокоился.

Алиса никому не сказала, куда полетела, потому что сама сомневалась, выйдет ли что-нибудь из ее придумки.

Сначала она полетела в Крым, потому что двести пятьдесят лет назад Крым был Таврической губернией. Ей надо было побывать в поселке Бычки, где когда-то, очень давно, жила Мария Скакун. Больше нам ничего о них не известно.

Старых домов и даже улиц в Бычках осталось немного, потому что одну половину городка занимали санатории, а вторую — детские лагеря отдыха.

Алиса стала спрашивать прохожих, где тут музей, потому что не бывает города без

музея. Но прохожие попадались приезжие, отдыхающие. Они и не подозревали, что здесь есть музей. А что показывать?

Музей занимал двухэтажный каменный дом, в котором когда-то жил табачный король Константида.

Музейная улица была тихой, зеленой.

Дверь в особняк была открыта.

Внутри прохладно и чисто.

— Эй, — сказала Алиса. — Есть ли здесь кто-нибудь живой?

Перед ней была открытая дверь в большой прохладный зал, в котором стояли модели кораблей, висели на стенах старинные географические карты и фотографии, в стеклянных ящиках замерли чучела птиц и акул... Справа была дверь поменьше. Белая, обыкновенная, как в старом доме. На ней была табличка:

ХРАНИТЕЛЬ

Степан Скакун

Дверь открылась, и Алиса увидела высокого прямого старика в белом костюме и белых туфлях. Лицо старика было таким загорелым, словно старик только что вернулся из кругосветного путешествия на яхте, а волосы были белыми и даже голубоватыми.

— Здравствуйте, — сказал старик. — Чем я могу вам быть полезным?

— Здравствуйте, меня зовут Алиса Селезнева, я хочу узнать все что можно о Денисе Скакуне и его тете Марии.

— Станный и даже загадочный вопрос, — удивился старик. — Могу ли я спросить, чем он вызван?

Старик провел Алису в зал.

В зале было тихо, только заблудившаяся оса кружила над головой обезьяны, вырезанной из кокосового ореха.

— Денис Скакун прислал письмо из прошлого, — сказала Алиса. — Из 1852 года. Он попал в плен к пиратам.

— Не может быть! И вы видели это письмо?

— Это необычное письмо, оно было выцарапано на панцире морской черепахи.

Хранитель музея остановился перед столом в центре зала. На нем стояла большая, больше метра, модель яхты. Модель была сделана так тщательно и умело, что можно было разглядеть на ней каждый гвоздь.

На корме была видна надпись: «ВЕТЕРОКЪ».

— Эту яхту построил своими руками Степан Скакун, — сказал старик. — Меня назвали в его честь. Степан был самым лучшим корабелом на всем Черном море. Но лучшим его детищем была вот эта яхта. «Ветерок» был самым быстрым суденышком не только на нашем море, но и, вернее всего, на всех морях и океанах. Он мог обогнать любой корабль и даже пароход.

— А кто такой Денис?

— Денис — младший брат Степана. Мария Павловна — их мама. В 1852 году Денису было 12 лет.

— А что было дальше?

— Денис со Степаном согласились отправиться на «Ветерке» в южные моря по просьбе одного польского профессора, который искал морского змея и своего пропавшего брата. Это длинная история, и, если интересно, я вам дам почитать записки Степана Скакуна. Я сам от

них оторваться не мог. Оказывается, брат этого польского профессора прослеживал судьбу самой древней короны польских королей. И вроде бы нашел ее, а потом сам исчез.

— А можно я посмотрю на фотографии Скакунов? — спросила Алиса.

— У нас есть только последняя фотография, на ней дядя и племянник изображены через несколько лет после возвращения из плавания.

Старик повел Алису к дальней стене, где висели фотографии.

— Значит, они вернулись из путешествия? — спросила Алиса.

— Разумеется! — сказал директор. — Вот и фотография Дениса!

И тут директор ахнул и замолчал.

На выгоревших светлых обоях среди других фотографий был виден темный квадрат. Раньше здесь что-то висело.

— Только вчера здесь была фотография! — воскликнул хранитель. — Что случилось? Кому она понадобилась?

— Вы уверены, что она была здесь вчера?

— По крайней мере, недавно, когда я сам вытирал пыль.

Вдруг хранитель поглядел на Алису с подозрением.

— А ты, девочка, здесь раньше не бывала? Что-то не очень мне нравится твоя история с пиратами и пещерами. Зачем тебе понадобилась фотография Скакунов?

— Я здесь никогда раньше не была, — сказала Алиса. — Но исчезновение фотографии меня очень тревожит.

— Почему?

— Потому что если Денис погиб в том подземелье, если пиратам удалось уморить его голодом, то и его фотографии быть не может. Он не возвращался в Бычки.

— Но я ее видел!

— Что вы видели? — строго спросила Алиса.

На полу у их ног лежала лицом вниз фотография в рамке.

— Вот она! — воскликнула Алиса.

Старый хранитель поднял фотографию и перевернул ее.

— Ну вот, мой прадедушка! — радостно сказал он.

На пожелтевшей от старости фотографии был изображен пожилой мужчина, очень похожий на хранителя музея — или наоборот, хранитель музея был очень похож на этого человека. Он сидел в кресле с высокой спинкой и был очень строгим и даже печальным.

— А где же Денис? — спросила Алиса.

И удивилась, потому что хранитель музея наморщил лоб, стараясь понять, о ком говорит Алиса.

— Какой Денис?

— О котором мы с вами говорили. Который написал слова на панцире морской черепахи...

— У Степана был племянник Денис, — сказал хранитель. — Но он пропал где-то в Южных морях... А вы о нем что-то знаете?

Он повесил фотографию своего прадедушки на стену и улыбнулся.

— Простите, что я наговорил тут, — сказал он. — Я очень испугался, что фотография пропала. Она же уникальная!

Алиса попрощалась с хранителем, еще раз поглядела на красивую яхту и пошла прочь. Настроение у нее испортилось.

Если не только исчез мальчик Денис с фотографии, но и память о нем пропала у хранителя музея, значит, дела Дениса плохи. Ему и в самом деле грозит гибель. И если Алиса не спасет его, то никто уже ему не поможет.

Глава 5. Сильвер и его попугай

В Москве есть Институт времени. Это очень большой и важный институт. Потому что там занимаются не ремонтом часов, как вы подумали, а путешествиями в прошлое. В Институте стоят кабины времени.

Если вы ученый или хотя бы аспирант и вам обязательно надо поглядеть, какого цвета были глаза у Юлия Цезаря или сфотографировать самого первого человека, то вас приводят в специальный зал, проверяют, не везете ли вы в прошлое случайных микробов или гранату, а потом отправляют за тысячу или миллион лет назад.

Алиса Селезнева уже не раз бывала в этом институте, и у нее там есть друзья и просто знакомые.

К примеру — робот Вертер. Верный друг и отважный боец. Или Ричард Темпест. Он теперь заведует в Институте Средними веками. Но, конечно, главный знакомый, которого даже директор института побаивается, это отставной пират Сильвер. Когда-то его спасли в давнишнем морском сражении или катастрофе — даже он точно не помнит, что там была за заварушка, — вот и пристроили вахтером. Ведь «кто не работает, тот не ест», как говорил апостол Павел.

Пират Сильвер сидит за столиком в холле института, всем задает вопросы, следит за безопасностью и, как положено настоящему вахтеру, не пропускает тех, кому срочно надо войти, и не замечает тех, кому в институте делать нечего. Но чаще всего он пьет ямайский ром и закусывает его ломтиком лимона.

Тогда охраной института занимается его попугай. Существо крикливое и строгое.

Пожалуйста, не осуждайте Алису за то, что она совершила преступление.

Сначала она не хотела совершать преступление и позвонила Ричарду Темпесту.

— Ричард, — спросила она, — нельзя ли мне взять на полчаса «спаскаб»? Я его верну на место.

— Верю, что вернешь, но не думай, что я из-за твоей глупой причуды согласен погубить мою научную карьеру.

— Дело идет о жизни и смерти двух людей. Возможно, детей.

— И когда же решался вопрос об их жизни и смерти? — спросил Ричард.

— Все это случилось в 1852 году, — ответила Алиса. — Денис и Яна попали в плен к пиратам.

— Тогда уже не было пиратов.

— Пираты были всегда, они даже сегодня есть.

— И что пираты с ними сделали? — спросил Ричард.

— Заточили их в пещере, до смерти.

— Но это было больше двухсот лет назад!

— Мне их все равно жалко, — сказала Алиса.

— Может быть, лучше спасем Юлия Цезаря? — спросил Ричард. — Его мне тоже жалко.

— Без шуток, Ричард, — сказала Алиса. — Ты рискуешь сейчас потерять своего друга.

— Надеюсь, что ты умнее, чем кажешься, — сказал Ричард. — И поймешь, что маленькие дети не должны и близко подходить к нашему институту. Знаешь ли ты, что вся история Земли может измениться, если ты совершишь ошибку в прошлом?

— Прошлое как море, — ответила Алиса. Она уже не первый раз разговаривала с

Ричардом о путешествиях во времени. — Путешественник в нем как камень, который упал в воду. Волны сомкнутся над ним, и океан забудет о случайном возмущении.

— Все зависит от размера камня, — сказал Ричард и сам на себя рассердился. — Что я трачу время на пустые разговоры с глупым ребенком? У меня сейчас начинается совещание. Позвони мне вечером домой, и я тебе все объясню.

Алиса поняла, что помочь ей Ричард не хочет.

Он стал слишком взрослым и серьезным.

Придется идти другим путем, сказала себе Алиса и поехала в Институт времени.

В холле института было пусто, лишь пират Сильвер с попугаем играли в шахматы. В этом нет ничего удивительного, потому что попугаи живут так долго, что не только в шахматы играют, но и говорят на пяти-шести языках.

— Привет, — сказала Алиса. — Вы робота Вертера не видали?

— Здравствуй, Алиса, — сказал попугай.

Попугай был старой птицей, сам он был зеленый с красным животом и синими крыльями, а голова у него была седая.

— Твой Вертер играет в футбол на стадионе «Будильник». За наш дубль, — сказал пират-вахтер.

— И как?

— Я туда недавно летал, — сказал попугай. — Проигрывают наши.

Пират Сильвер достал из-под стола толстую зеленую бутылку и отпил из горлышка.

— Как стыдно! — закричал попугай. — Тоже мне спортсмен, называется.

— Не в этом дело, — мрачно произнес пират. — Вы мне объясните, почему Институт времени и его команда «Машина времени» занимают в подгруппе предпоследнее место?

— Наверное, потому что другие команды сильнее? — попыталась догадаться Алиса.

— Подумай, — сказал Сильвер. — Сколько футболистов жили на Земле за последние триста лет? Страшно подумать! Марадона, Стрельцов, Ринальдо, Мандрыкин... Почему они не играют за нашу «Машину времени»?

— Потому что они давным-давно померли! — завопил попугай. — Сколько раз тебе талдычить одно и то же?

— Для кого померли, — возразил Сильвер, — а для кого живет всех живых.

— Чепуха! — закричал попугай.

— А пират Сильвер когда помер? — спросил вахтер.

— Никто не видел, где и как ты помер, а футболисты умирали в кругу семьи, прощались со всеми, у них на могилках каменные плиты клали.

— Все равно за все эти годы наберется по крайней мере сотня футболистов, про смерть которых не было ничего известно. Вот мы и соберем из них «Машину времени». Не сегодня-завтра в высший дивизион выйдем. «Спартак», берегись! «Машина времени» — чемпион!

— А если кто-то угадает Марадону или узнает Пеле?

— Пускай узнаёт, сколько ему хочется. Наш ответ простой — эти люди потерялись в далеком прошлом. А за нас играют их внуки.

Конечно, Сильвер никого не убедил, но Алиса воспользовалась его речью, чтобы начать разговор о Денисе и Яне.

— Мне надо посоветоваться с вами, уважаемый Сильвер, — произнесла Алиса нежным голосом. — Как можно помочь людям, которые попали в ужасное положение двести пятьдесят лет назад?

— Вам любой скажет: не связывайся, Алисочка! — ответил Сильвер.

— А если им грозит ужасная смерть?

— Она всем грозит.

— А тогда почему, Сильвер, вы отправились сюда, в наше время, а не умерли в своем?

— Да потому что пожить хотелось!

— А им тоже хочется.

Сильвер задумался. Потом вздохнул, заткнул бутылку с ромом пробкой и поставил под стол. Попугаю он сказал:

— Предлагаю ничью.

— Еще чего не хватало! — Попугай двинул лапкой ферзя. — Тебе шах и мат, старая галоша.

— Не считается, — закричал Сильвер и запустил в попугая костью. Конечно, он промахнулся, и кость просвистела у самого уха директора института, который в тот момент вошел в институт.

Академик испугался, даже присел, а Сильвер, сообразив, что дела его плохи, закричал:

— Это кто без пропуска пытается проникнуть в наше секретное заведение? Я буду жаловаться самому директору.

— Ах, нет! — воскликнул директор. — Вот мое удостоверение. Вы совершенно правы, надо его показывать заранее.

Сотрудники института, которые в мгновение ока сбежали толпой поглядеть на скандал, замерли, стараясь не смеяться. Дело в том, что Сильвер у всех спрашивал пропуск. Но если у тебя пропуска не было, а пропуска давно уже все потеряли, то пропускал и так. А директор института был единственным в Институте времени, кто показывал Сильверу пропуск.

Но на этот раз случился казус.

Директор хлопал себя по карманам, полез в портфель, даже в подкладке шляпы поглядел — но пропуска не нашел.

— Какое безобразие! — воскликнул Сильвер. — Какой пример вы подаете научной молодежи? На этот раз я вас пропущу, но придется объявить вам выговор.

Директор согласился с ним и сказал:

— Не просто выговор, а строгий выговор! Последнее предупреждение. Я сам напишу приказ и подпишу его, не беспокойтесь, господин Сильвер, я вас не подведу.

Директор пошел к себе в кабинет и на ходу говорил всем встречным:

— Должен признаться, что с новым вахтером нам сказочно повезло. Хоть кто-то должен поддерживать порядок?

Директор ушел, зеваки разошлись, а Сильвер надулся от гордости так, что с громким звуком лопнул его ремень.

Алиса спросила:

— Сильвер, вы бывали на острове Хуан де Пальма?

— Ой, только не говори о нем! — воскликнул Сильвер. — Ни слова! Ни звука!

— Так вы о нем расскажете?

— Там спрятали свои сокровища капитан Кидд-младший, страшная циничная разбойница Анна Райс, пенитель трасс Игнацио Блюмкин и многие другие бандиты.

— И что? — Алиса обрадовалась, что сразу встретила такого информированного человека.

— Это несчастливое место! Все без исключения пираты, которые прятали в тамошней пещере сокровища, погибали в первом же после этого бою.

— Значит, они перестали прятать там сокровища?

— Ах, как ты плохо разбираешься в людях, моя девочка! Наоборот! Каждый следующий пират, который спешил к острову Хуан де Пальма, торопился подложить туда свою добычу, потому что думал: вот теперь-то мне достанется все, что лежит на дне пещеры.

— А что вы скажете, если узнаете, что пираты кинули в ту пещеру мальчика и девочку? Чтобы они умерли там от голода и жажды!

— Вот мерзавцы! Столько крови на ваших поганных руках, а вы еще подняли руку на невинных младенцев!

Сильвер проглотил слезы. Потом высморкался и спросил:

— А где были родители?

— Пока неизвестно.

— Позвони им, пускай скорее вытаскивают детей из ямы.

— Боюсь, что они далеко, — сказала Алиса.

И Алиса рассказала Сильверу о старой черепахе с надписью.

— Ну и дела! — обрадовался Сильвер. — Вот это приключение! Значит, детишки умерли в страшных мучениях?

— Я хочу сделать так, чтобы они не умерли! — ответила Алиса.

— Это правильно, — сказал Сильвер. — Поехали с тобой на Хуан де Пальму. Только надо будет как следует вооружиться. Если встретим Кидда-младшего или Таньку Райс...

— Вы сказали — Анну Райс?

— Вообще-то она Марина, — согласился Сильвер. — Давно не встречал эту девчонку. Но она у меня пистолет взяла, будто хотела в цель пострелять, убила из него ямайского губернатора, а ловили меня. Поехали, я с ней поквитаясь.

— Сильвер, — очень вежливо сказала Алиса. — Мне надо попасть в 1852 год. А точнее, 14 июня 1852 года. А когда, простите, Анна, она же Марина, взяла у вас займы пистолет?

— Где-то в середине XVIII века, — признался Сильвер. — Но разве это играет значение?

— Даже роли не играет, — согласилась Алиса. — Мне надо получить «спаскаб»!

— Это нельзя, — сразу ответил старый пират. — «Спаскаб» — секретная машина, о ней даже не все сотрудники знают.

— А я знаю, — сказала Алиса. — И мне она нужна.

— Не дадут, — сказал попугай.

— А как взять?

— Это нарушение, — сказал попугай.

Такие слова старому пирату не понравились.

— Какое такое нарушение? — вдруг взвился он. — Дети гибнут в чужой стороне, а мы на полчаса стесняемся какой-то паршивый «спаскаб» дать. Стыд и позор!

— Где он спрятан? — спросила Алиса.

— На складе ценного оборудования.

— Там особая охрана?

— Еще какая особая! — согласился Сильвер. — Только сейчас их нет.

— Где же охранники?

— Ушли и склад закрыли.

— Куда ушли? — спросила Алиса.

— Тебе нельзя знать, — сказал Сильвер.

Теперь уж пришла очередь попугаю возмущаться.

— Жалеешь сказать, да? Жалеешь?

— Не жалею, а охраняю секреты, — проворчал Сильвер. Он прямо разрывался между желанием помочь Алисе и своим служебным долгом. — Ты хоть знаешь, что это такое — «спаскаб»?

— Разумеется, знаю. Это Спасательная кабина!

— Молодец! — закричал попугай. — Скорее, побежали!

— погоди, — прикрикнул на птицу пират Сильвер. — Продолжай, Селезнева! Хочу знать, насколько ты подготовлена.

— В редчайших случаях сотрудник Института времени или ученый историк может попасть в беду. Например, он упадет с горы в ущелье и сломает ногу или на него нападет медведь и загонит его на сосну. Или даже инквизиция приговорит его к сожжению на костре. Тогда путешественник по времени может нажать на кнопку Особой тревоги, и ему на выручку тут же пошлют «спаскаб».

— Продолжай, продолжай!

— Все кабины времени стоят на земле и замаскированы. То под дупло, то под пещеру. «Спаскаб» — это своего рода флаер — летающий шарик, который может поднять двух человек. Особый сотрудник, спасатель, по первому зову прилетит к попавшему в беду товарищу. И его вывезут.

— А почему эта кабина секретная? — спросил Сильвер. — Ничего нет в институте секретного, а «спаскаб» секретный?

— Потому что, когда его изобрели, Академия наук запретила им пользоваться. Уж очень велик риск вмешаться в течение времени и нарушить его. Хотя на самом деле время — как кисель, все раны затягиваются.

— Вот видишь, почему девчонке нельзя летать на «спаскабе»?

— Не вижу, не вижу, не вижу! — закричал попугай. — Пойдем, Алиса, я тебе покажу «спаскаб».

— Что ты несешь, глупая птица! — воскликнул пират. — Речь идет о секретном приборе! Летают на нем только спасатели шестого разряда!

— Алиса, ты его не слушай! — Попугай взлетел и стал кружить перед носом Алисы, увлекая ее за собой.

Алисе ничего не оставалось, как идти следом за попугаем.

Сильвер кричал вслед, но не очень громко, и Алисе показалось, что он доволен таким поворотом событий.

Алиса пробежала за медленно летевшим попугаем в полуподвал. Коридор кончался закрытой дверью с табличкой на ней:

«Вход воспрещен для всех без исключения».

— Толкни дверь, — сказал попугай. — А то я слишком легкий.

Алиса послушалась попугая.

Она вошла в небольшое помещение, похожее на внутренность выпотрошенного арбуза. «Спаскаб» стоял посреди зала, это был лиловый шар ростом с Алису.

Сбоку — круглый люк.

К люку скотчем приклеена записка:

«Ключи в правом ящике стола. Вернемся после второго тайма, если не назначат дополнительного времени. Охрана».

— Все-таки это безобразие, — произнесла Алиса. — Разве так охраняют такой секретный прибор?

— А ты хотела бы, чтобы охраняли постоянно и тебя на пушечный выстрел не допустили?

— Мне-то повезло, а вдруг сюда проникнет бандит?

— Во-первых, — сказал попугай, — бандиту никогда не догадаться, что на свете есть «спаскаб», а если он слышал о нем, то никогда не сообразит, где «спаскаб» спрятан. А если он знает, где он спрятан, да еще умеет им управлять... Кстати, Алиса, ты умеешь управлять «спаскабом»? Ты киваешь? Значит, почти умеешь?

— И все-таки может попасться очень хитрый бандит, и он украдет «спаскаб».

— Ни один даже самый хитрый бандит, — возразил попугай, — не догадается, что сегодня наш институт играет в футбол. А кто не играет, тот болеет за наших. Но должен предупредить тебя, Алиса, что второй тайм кончается через шесть минут. Я бы на твоём месте поспешил. Главное, не забудь возвратиться именно сюда.

Алиса достала ключ от «спаскаба» в правом ящике письменного стола, быстро открыла машину и прыгнула на сиденье. Попугай парил в воздухе перед люком и пел пиратские песни для храбрости.

На пульте можно было набрать дату путешествия по календарю, а на вертящемся глобусе над пультом — точку, куда следовало лететь.

Алиса набрала: «14 июня 1852 года, вечер».

Потом отыскала на глобусе остров Хуан де Пальма.

Закрыла люк, включила питание, нажала на старт, и «спаскаб» понесся через столетия и километры.

Глава 6. Пленники пещеры

«Спаскаб» опустился на вершину поросшей колючками и травой единственной горы на острове Хуан де Пальма.

Вечерело.

Жужжали насекомые, которые спешили наесться нектара, пока не наступила темнота.

Алиса вылезла из люка и замерла.

От испуга.

Нет, она не увидела зверя или дракона — она испугалась, а вдруг в «спаскабе» нет веревочной или какой-нибудь другой лестницы. Как тогда будешь спускаться в колодец?

Алиса кинулась обратно в «спаскаб», включила экран и нашла страничку «Спасательное оборудование под сиденьем пилота». Под сиденьем нашлись фонарик, взрывчатка, средство от тараканов, складные чашки, а также — вот повезло! — лестница-самоподъемка. А еще обезвоженная вода, микробутерброды, которые становятся большими, если их вынут из вакуумной оболочки, и масса других нужных вещей и приспособлений, но ни одного печатного слова — если что-то забудешь в прошлом, ни троглодиты, ни инквизиторы не догадаются, откуда эти бутерброды, конфеты или лимонад к ним приехали.

Какой-то умный человек догадался сложить все спасательные вещи в один небольшой рюкзачок. Алиса надела его на плечи и отправилась вниз, к берегу, к колодцу.

Через несколько шагов перед ней открылся вид на океан и бухту у берега. В бухте стоял пиратский корабль.

Но он не был похож на пиратский корабль, как мы с вами его представляем. Хоть на нем и были две мачты с серыми парусами. Но между мачтами над невысокой надстройкой поднималась высокая и тонкая черная труба. Из нее тянулась вверх тонкая струйка дыма, как над избушкой, где бабушка готовит ужин.

Ничего удивительного, сказала себе Алиса. Ведь в 1852 году по морям плавали первые пароходы, и с каждым днем парусных судов становилось все меньше. Ведь пароходы не зависели от капризов ветра, им не нужно было ждать муссонов или искать пассаты. Насыпал угля в топку и пошел куда глаза глядят.

Правда, в те годы как раз кипел последний бой между фрегатами и клиперами с одной стороны и пароходами — с другой.

Появились чайные клиперы — большие очень быстроходные парусники, которые могли обогнать любой пароход. Они были нужны для перевозки чая из Индии в Европу. Чай впитывает в себя все запахи, которые его окружают. Если везти тюки с чаем в трюме, то они пропахнут углем, машинным маслом, железом и всеми другими неприятными запахами, которые гнездятся в корпусе парохода.

Поэтому Алиса не удивилась, когда увидела в бухте пароход. Пираты отлично могли обзавестись им, а может быть даже, они его захватили.

Между кораблем и берегом таракашкой чернела шлюпка, которая направлялась к острову.

Найти вход в пещеру Алисе не составило труда, хотя выглядел он иначе, чем в конце XXI века.

Другие кусты окружали и скрывали его, иначе валялись сучья вокруг, но главное — все это место казалось куда более обжитым, исхоженным, истоптанным. Земля там была сухая, каменистая, так что следов не видно, но зато нетрудно было разглядеть тропинку, которая

вела к морю.

Алиса подошла к черной дыре — колодцу, пробитому в камнях.

— Эй! — крикнула она, нагнувшись над колодцем. — Там есть кто живой?

Никакого ответа.

— Денис! — закричала Алиса. — Яна! Вы здесь?

Никакого ответа.

Неужели она ошиблась и прилетела слишком рано... или слишком поздно?

Алиса посмотрела на часы. Половина шестого. 14 июня.

Она вытащила из рюкзака самоподъемку, которая умещалась в пластиковой оболочке, похожей на комок старых листьев, нажала на почти не видимую кнопку, и изнутри выскочила длинная цепкая лиана, которая покачалась в воздухе, как разозленная кобра, и прилипла плоским концом к скале.

Алиса дернула за лиану, та держалась крепко.

Тут же лиана принялась тащить из бурого «кошелька» тончайшую нитяную лестницу. На конце лестницы образовалось сплетенное из ниточек сиденье.

— Можно садиться и спускаться? — спросила Алиса.

К ее удивлению, лестница ответила:

— Садитесь и спускайтесь.

Алиса улыбнулась и села в колыбельку. И тут же колыбелька понеслась вниз, как будто кабина лифта.

Странно, подумала Алиса. За один день я два раза опускаюсь в один и тот же колодец. А между спусками прошло двести пятьдесят лет.

Вокруг стало темно. Алиса запрокинула голову — далеко над ней виднелся голубой круг неба.

Алисе не было страшно. Уж наверняка спасательные приборы, сделанные в Институте времени, были надежными. Путешествие вниз заняло меньше минуты.

Ноги ударились о кучу трухи, которая насыпалась сверху.

Алиса вылезла из самоподъемки и огляделась.

На запястье у нее был точечный фонарик. Если нужно, он мог усилиться в тысячу раз.

Алиса уже знала, как устроена та пещера. Надо пройти коротким коридором до зала с озером, которое соединяется с океаном.

— Денис! — тихо позвала Алиса.

Она сама не знала, почему так осторожничает. Но уж очень зловещей была тишина в пещере.

Алиса пошла к озеру, стараясь ступать беззвучно...

Но это ее не спасло.

Кто-то, невидимый в темноте, со всего размаха ударил ее камнем по голове.

И, наверное, убил бы или оглушил Алису, но совершил ошибку. Он думал, что голова Алисы должна быть там, где находится голова у взрослого человека — то есть сантиметров на десять выше, чем Алисина голова.

Он ударил камнем по пустоте, сам потерял равновесие, навалился на Алису и оттолкнул ее к стене.

Алиса не стала ждать — неважно, кто на тебя нападает. Но сначала надо дать сдачи, а потом уж разберемся, кто прав, а кто виноват.

Что она и сделала.

Алиса отпрянула в сторону и размахнулась... Но ничего не вышло, потому что в тот же момент кто-то ударил ее по затылку...

Алиса упала на каменный пол и на секунду отключилась.

Она пришла в себя от мальчишеского голоса:

— Молодец, Янка! Теперь надо отобрать у него пистолет и саблю.

Ответил девичий голос:

— Смотри, у него фонарик.

— Вижу.

— Давай ему еще разок по голове дадим, — произнесла девочка. — Он пират, его не жалко.

Алису взяли за руку и стали стаскивать браслет с фонариком.

Голова у Алисы кружилась, и ей очень не хотелось, чтобы ее снова били по голове, потому что она пират и ее не жалко.

Она резко выдернула свою руку и включила фонарь на тысячекратную мощность.

— Ах! — воскликнули нападавшие.

Алиса их сразу разглядела.

Хоть они и кинулись в разные стороны. Потому что если тебе в глаза бьет прожектор, то чувство такое, словно тебя стукнули по глазам мокрым полотенцем.

Их отбросило светом к стене.

Алиса рассмотрела их за долю секунды.

Один из нападавших был мальчиком или подростком, лет тринадцати, белокурым и загорелым. Одет он был всего-навсего в холщовые матросские штаны.

Рядом с ним к стене прижалась спиной девочка, худенькая, курчавая, темноволосая и большеглазая. Ее одежда состояла из рваного сарафана.

— Денис и Яна, — строго сказала Алиса. — Не кидайтесь на меня, так вы вообще без друзей останетесь.

— Ой, — тихонько произнесла Яна и медленно поползла спиной по стене, пока не уселась на камень. Глаза девочки были закрыты, и даже при свете фонаря было видно, как смертельно она побледнела.

— Яне плохо! — сказал Денис. — Я не знаю, кто ты и почему ты к нам пробралась, но помоги ей.

— Подержи фонарь, — сказала Алиса, — и, пожалуйста, не бей меня ничем по голове. У меня она одна, а я еще школы не кончила.

Алиса склонилась над Яной.

Она пощупала ее пульс, затем двумя пальцами смерила ей давление, послушала сердце, приложив ухо к груди девочки.

— Сильное истощение, — сказала Алиса. — Ничего опасного для жизни.

— Как ты можешь так говорить! — воскликнул Денис. — Ты же совсем еще ребенок и не знаешь медицины.

— Денис, — рассердилась Алиса. — Можно подумать, что это ты меня спасаешь, а не наоборот.

— Ты меня спасаешь? — Денис был удивлен. — Я скорее поверю в то, что пираты тебя тоже кинули в эту пещеру.

— Я бы на твоём месте не рассуждала, — сказала Алиса, — а поспешила бы за мной. От парохода сюда направляется шлюпка. Через полчаса пираты, вернее всего, будут здесь.

— Кто ты? — Денис был растерян и не скрывал удивления. — Как ты здесь оказалась? Почему я должен тебе верить?

— Я оказалась здесь, — сказала Алиса, — потому что прочла надпись на панцире черепахи.

— Ты врешь, — сказал Денис. — Только сегодня утром я нацарапал послание на панцире и столкнул черепаху в озеро в надежде, что она доберется до моря. Как ты могла успеть...

— Я не буду тебе объяснять, но ты ведь не будешь отрицать, что нацарапал послание на черепахе?

— Я понял, — сказал Денис. — Черепаху поймали пираты, а ты заодно с ними. Они подослали тебя ко мне...

— Зачем? — перебила его Алиса. — Зачем пиратам подсылать меня к тебе, если они решили уморить вас голодом и жаждой?

— Она права, — послышался слабый голос Яны. — Мы никому не нужны.

— Я не согласен! — возразил Денис. — Им еще многое хочется узнать, да мы молчим.

— Я даю тебе слово, что черепаху поймали далеко отсюда, в море, а пираты об этом и не подозревают, — сказала Алиса.

— Тогда кто же ты такая?

— Время не ждет, — ответила Алиса. — У нас всего четверть часа. Что вам надо забрать с собой?

Узники пещеры переглянулись. Яна кивнула. Денис произнес:

— Сапфировый венец короля Болеслава Храброго.

— Странное имя для короля, — заметила Алиса.

— Это был знаменитый король, — ответил Денис.

— Его венец, то есть корону, украли крестоносцы, потом она попала к туркам, а оттуда ее увезли в Индию. По пути ее захватили пираты...

— Мы хотим вернуть венец в Краков, — сказал Денис. — В музей.

— Тогда берите, только быстро!

— Иди за мной, — попросил Денис. — У тебя фонарь хороший, а у нас только огарок свечки.

Яна попыталась подняться, но Денис сказал:

— Отдыхай, ты только помешаешь.

— Мне уже лучше, — прошептала Яна.

Ее голос дрожал от слез.

— Оставайся здесь и жди нас, — сказала Алиса. — Только никуда ни шагу отсюда. Мы скоро вернемся.

Глава 7. Бегство с острова

В зале, где Алиса недавно побывала вместе с Магдалиной и Пашкой Гераскиным, все было совсем не так, как раньше: на берегу озера стояло несколько ящиков, сундуков, шкатулок и мешков. Некоторые совсем новенькие, другие потрепанные жизнью и временем, а некоторые такие старые, что развалились.

— Мы корону часа три искали, — сказал Денис. — Темно, уже отчаялись...

Он поднял корону с пола.

Корона была мало похожа на настоящую корону. Это был золотой обруч, украшенный драгоценными камнями. Довольно скромный головной убор.

— Вы сюда специально за короной забрались? — спросила Алиса.

— Нет, что ты! Но это особая история и очень интересная. Как-нибудь я тебе обо всем расскажу. Ты сама-то где живешь?

— В Москве, — сказала Алиса.

— Свежо предание, да верится с трудом, — сказал Денис. — Как же ты сюда добралась? Прилетела, что ли?

— Прилетела, — сказала Алиса.

Денис даже не удивился.

— Прости, я сейчас немного рот прополощу морской водой. Это очень горько и совсем не утоляет жажду, но у нас уже третий день ничего больше нет.

Он протянул Алисе корону, а сам хотел спуститься к воде, но Алиса остановила его.

— Денис, — сказала она. — Потерпи три минуты. Мы вернемся к Яне, а то ей так страшно в темноте! И нам надо скорее подниматься.

— Я сейчас упаду, — прошептал Денис.

Но Алиса уже шла обратно к девочке.

Яна тоже их не дождалась, она лежала у стены и быстро дышала.

Как же я с самого начала не спросила, хотят ли они пить! Дура! И рюкзак оставила наверху!

— Ребята, — сказала она. — Потерпите еще пять минут. Лучше пять минут мучений, чем всю жизнь быть мертвецом, как говорил мой друг пират Сильвер.

— У тебя друг пират?.. — Голос девочки дрогнул.

— Вся надежда на тебя, Денис, — сказала Алиса. — Или ты отважный мужчина, или мы все погибнем. Третьего пути нет.

— Я постараюсь, — сказал Денис.

— Тогда помоги Яне идти. Тут пятьдесят метров.

— А ты понесешь корону? — спросил Денис.

— Конечно, — сказала Алиса.

Поддерживая Яну, вернее, волоча ее, потому что ноги у девочки совсем отказали, они добрались до колодца.

Тут было светлее — над головами синело небо.

Сиденье, сплетенное из паутины, было трудно разглядеть.

— Смотри внимательно, — сказала Алиса, — смотри, как я сажусь в подъемник. Держись спокойно, не бойся. Сначала поднимаюсь я, потом мы с тобой поднимем Яну. Ты пойдешь последним.

— А ты не убежишь? — спросила Яна. — Вместе с короной?

— Мне некогда объяснять, — сказала Алиса и уселась в мягкое сиденье из паутинных ниток. Чтобы не тратить ни минуты, она дернула за ниточку, и сиденье понеслось вверх.

Денис только ахнуть успел.

Сиденье не только подняло Алису наверх, но и подтолкнуло ее наверх и вбок, свалив на камни. Алиса даже ушиблась. Но обижаться на умный самоподъемник было нельзя.

Она тут же отправила сиденье обратно вниз.

— Приготовиться! — сказала она. — Подъемник пошел за Яной!

Сиденье скрылось в колодце, а Алиса, которая склонилась в колодец, чтобы руководить подъемом, вдруг замерла.

Снизу от моря донеслись голоса.

Сюда поднимались люди!

Они уже близко!

Алиса наклонилась так, чтобы голова ее была ниже уровня земли и негромко сказала:

— Скорее! Пускай Яна как сядет, сразу дернет за тросик, на котором держится сиденье.

— За какую ниточку? — послышался голос снизу.

Надо бы приказать, чтобы дети замолчали, но Алиса не хотела их совсем уж пугать.

Кто быстрее?

Голоса уже так близко, что кажется — вот-вот голова первого из пиратов поднимется над откосом.

Но тут Алиса увидела, как в колодце показалось лицо Яны. Она смотрела на Алису, запрокинув голову.

Как только сиденье выбросило Яну наверх, Алиса буквально одним движением отправила подъемник за мальчиком.

— Я сейчас буду плакать, — сказала Яна. — И умру!

— Погоди умирать и помолчи.

— Почему?

— Слушай!

Яна слышала близкие голоса пиратов.

— Беги вон туда! — Алиса показала в сторону густого кустарника вверх по склону.

Яна поняла ее и, шатаясь, побрела наверх. Алисе некогда было обернуться, она смотрела в колодец.

Голова Дениса появилась над краем колодца через две минуты.

— Бежим! — страшным шепотом произнесла Алиса.

И видно, ее шепот на самом деле был таким испуганным, что Денис не издал ни звука.

Алиса подхватила рюкзак и паутинки подъемного устройства.

Она побежала к кустарникам выше по склону. Денис — за ней.

Яна лежала без чувств на полдороге.

Алиса и сама не думала, что в ней еще остались силы. Она потащила девочку к кустам.

Денис помогал ей, но сил и у него было всего ничего и пользы столько же.

Кустарник все не приближался — до него бежать и бежать...

Алиса обернулась и увидела, как снизу по тропинке поднимаются мужчины.

Если бы они посмотрели вверх по склону, то наверняка увидели бы детей.

Но они были заняты разговором и громко смеялись.

— Ложись! — прошипела Алиса.

Денис уже сам догадался.

Они упали, уткнувшись носами в землю.

Очень щекотный жук бежал по руке Алисы. Слепень укусил ее ногу... надо терпеть!

Большая змея выглянула из кустов и пристально посмотрела на Алису.

Еще этого не хватало!

Пираты — их было трое — заглянули в колодец и принялись звать пленников. Никто им не отвечал.

Один из пиратов начал разматывать веревочную лестницу.

Алиса снова потащила Яну к кустам — осталось совсем немного.

Еще чуть-чуть... и вот она в тени. Можно лечь и замереть. Рядом еле дышит Яна. Сзади лежит Денис.

Все же они молодцы.

Им нелегко пришлось.

Алиса не стала долго отдыхать. И ребятам не дала. Она только вынула из рюкзака две тубы с родниковой водой.

— Пейте маленькими глотками, — приказала она.

Алисе и самой хотелось пить, страшно хотелось. Но она понимала, что может потерпеть, а вот Денису с Яной терпеть уже невозможно — так и умереть можно.

И только когда она добралась до вершины горы, где в тени невысоких деревьев стоял ее «спаскаб», она сказала, что можно устроить привал.

— Что это? — спросил Денис, разглядывая «спаскаб».

— Воздушный корабль, — ответила Алиса. — Тебе не понять.

— Я уже летал на воздушном шаре, — сказал Денис. — Ничего удивительного. Я собираюсь построить ракету для путешествий. Ты знаешь, девочка, что такое ракета?

— Меня зовут Алисой, — ответила она, — Алисой Селезневой. К сожалению, я не могу долго оставаться с вами. Ты скажи, куда мне надо вас отвезти?

Яна, которая пришла в себя и теперь уминала мини-бутерброды, завязала корону в узел, сделанный из ее сарафана, и осталась в одних панталонах, но панталоны были длинными, до колен, — так носили девочки двести пятьдесят лет назад.

— И ты не расскажешь нам правду о себе? — спросил Денис.

— Это неважно. Вы спасены, корона тоже. А если мы задержимся, пираты начнут обшаривать остров, а он невелик.

— А ты можешь долететь до острова Пасхи? — спросил Денис. — Там наши друзья.

— Забирайтесь в мой «спаскаб». Он рассчитан на двоих, но я думаю, что троих детей он сvezет.

«Спаскаб» поднялся над островом.

Он пролетел низко над пиратским кораблем, но, хоть пираты и заметили его, они, конечно же, не сообразили, что это за лиловый шар.

«Спаскаб» несся быстро, ребята боялись — им никогда до сих пор не приходилось летать, да еще с такой скоростью.

Денис несколько раз начинал спрашивать Алису, но замолкал, уши закладывало.

Алиса опустила «спаскаб» на зеленом берегу острова Пасхи, возле валяющегося на зеленой траве, наполовину погружившегося в землю исполина.

— Можно я напишу тебе письмо? — спросил Денис.

— К сожалению, нельзя.

— Но почему?

— Разве ты не понимаешь, — сказала Яна, — Алиса — существо с другой планеты.

— Нет, ты не угадала, — сказала Алиса. — Я из будущего. Я буду жить на Земле через двести пятьдесят лет.

— Ой, как жалко! — воскликнула Яна.

Она сразу поняла, что Алиса говорит правду, и она ее больше никогда не увидит.

Денис с Яной соскочили на траву и стояли, глядя, как Алиса подняла «спаскаб», который все быстрее и быстрее поднимался в вечеряющее небо, пока не исчез...

* * *

Вернувшись в свой век, Алиса слетала в Польшу. Там она специально пошла в Краковский музей, который расположен в королевском замке Вавель, и там, в зале, под стеклом отыскала ту самую корону, которую помогла спасти.

Корона была скромной, но ведь ей больше тысячи лет!

Заколдованный король

Глава 1. Узники королевского замка

На одной планете, в замке, похожем на герцогский, только поменьше, живет Бакштир. У Бакштира редкая специальность. Он — советник королей.

В замке Бакштира застать нелегко, потому что он всегда занят, всегда в разъездах, всегда торопится кому-то помочь, а кому-то помешать.

Он умеет бегать по волнам, вырезать лобзиком, спать до обеда, кататься на доске по потоку расплавленной лавы, может грызть камни на спор с дробизами, а однажды назло космическим пиратам просверлил дырки в их корабле.

Порой он принимается давать советы королям, но большей частью эти советы ошибочные.

Короли, которые послушались Бакштира, потом об этом жалели. Но всегда найдется король, который этого не знает.

У Бакштира в замке живет звездный пес.

Он подобрал звездного пса, когда тот был еще щеночком, и выкормил его сгущенным молоком из банки.

Звездный пес верен Бакштиру и готов защитить его от любого врага. Правда, до этого дело еще не доходило.

Если самому Бакштиру не с руки нестись в другой конец Галактики, он посылает звездного пса.

Для звездного пса нет расстояний.

Если ему надо перебраться из пункта «А» в пункт «Б», он может это сделать в одно мгновение. Он исчезнет без следа в пункте «А», а через четыре секунды, живой и невредимый, появится в пункте «Б». Причем ему совершенно неважно, как далеко они отстоят друг от друга.

У звездного пса есть один недостаток. Сколько ни бились с ним профессора и старшие преподаватели, сколько ни просили его и ни умоляли, он так и не научился говорить.

В лучшем случае он запомнит одно слово, да и то через неделю его забудет.

Если ты посылаешь пса по важному делу, надо решить, какому слову важнее всего его обучить.

Иначе может приключиться неприятность.

Когда же звездный пес никуда не спешит и не выполняет поручений, он становится самой обыкновенной собакой. Он гоняет кошек и куриц, приносит Бакштиру мячик или палку, но никогда не лает.

Если вы не знаете заранее, что встретились со звездным псом, то можете подумать, что перед вами самая обыкновенная и даже не породистая собака. Черного цвета, с белым животом и лапами. Правда, хвост у звездного пса куда длиннее и пушистей, чем у любой собаки. К тому же у него светлые, орехового цвета глаза и озорная улыбка.

Как-то Бакштир открыл свою записную книжку и увидел, что послезавтра день рождения у короля Элении Океанской. Бакштир хлопнул себя ладонью по лбу и закричал:

— Как я мог!

Бакштир всегда поздравляет с праздниками знакомых и даже незнакомых королей и принцев. Вы его ночью разбудите и спросите: когда родился царь Прюль? И он немедленно ответит: «На рассвете 8 марта 678 года Таинственной эры». А когда празднует именины принц Диссертант? «Послезавтра!» — воскликнет Бакштир и побежит покупать подарок.

Настенное ружье. На каждый день рождения Бакштир покупает принцу Диссертанту настенное ружье, которое всегда висит на стене и никогда не выстрелит. Таких ружей у Диссертанта столько, что не хватает стен во всех его дворцах.

А в тот день Бакштир закричал:

— Как я мог забыть!

Беда в том, что король Элении Океанской живет посреди океана. А ведь на Элении нет ничего, кроме океана и одного небольшого острова в его середине. На острове стоит небольшой дворец короля Константина. Во дворце живет король Константин тридцати девяти лет, с бородой и бакенбардами, очень красивый и спортивный. Утром он ныряет в океан прямо из окна спальни и плавает вокруг острова. К завтраку он входит в столовую.

В столовой его уже ждет его жена Фелиция. Тридцати двух лет, очень красивая. Она не выносит спорта и решает задачи про два бассейна, из которых вода выливается, а потом вливается.

Кроме того, в замке живут принц Тимон и принцесса Аня, которые проводят там каникулы, а зимой улетают на соседнюю планету в школу.

Наконец, в замке еще живут сторож Ферапонт, бывший полковник, и повариха Мариэтта, тоже очень красивая, которая любит шить.

Когда Бакштир вспомнил про день рождения короля Константина, он понял, что подарка купить не успеет. Поэтому он записал звуковое письмо, которое вложил в ухо псу и велел ему срочно лететь на Элению Океанскую — передать сердечные поздравления королю и его семейству, а также посоветовать ему наладить разведение сардин, делать из них консервы и разбогатеть.

И еще он заставил звездного пса выучить одно слово:

— Поздравляю.

Об остальном король Константин наверняка сам догадается.

Пес помахал хозяину хвостом и исчез.

А через четыре секунды он оказался на острове посреди океана.

Когда звездный пес подбежал к открытым воротам замка, он понял: что-то тут неладно.

Ни флагов, ни флажков, ни веселой музыки, ни дымка из кухни, ни веселой суматохи, какая всегда бывает на праздники, даже если приглашенных немного.

Зловещая тишина царила над островом.

Словно он был необитаемым.

Звездный пес принюхался: ничем не пахнет.

Конечно, он, как и положено настоящему псу, поджал хвост и подался к воротам, стараясь, чтобы его не заметили.

Двор замка был пуст.

Но во дворце, вернее, в двухэтажном доме, где жил король Константин и его семья, горел свет.

Звездный пес толкнул носом дверь в дом, но она не поддавалась.

«Что ж, — сказал он себе, — будем ждать».

Ждать пришлось недолго, и это было хорошо, потому что шел дождь, ветер перебирался через невысокую стену замка и колотил в узкие окна.

Дверь открылась, и из дома вышел человек, похожий на пирата.

Он и одет был, как пират, к тому же держал в руках по бластеру, на плече висел свистер, под ногтями поблескивали чустеры, к правой брови прикреплен квестер, а на

запястьях блестели боевые часы и компасы, не считая барометра. Страшный человек, пенитель космических трасс!

Он огляделся, не подбирается ли к замку враг, но звездного пса не заметил, потому что пес улегся, свернувшись в кольцо сбоку от двери.

Пират вышел к воротам, поглядел на океан и выругался страшными пиратскими словами. Даже хорошо, что звездный пес таких слов не знает.

Затем пират вернулся обратно к дому и хотел было вытереть подошвы своих сапог о звездного пса, потому что решил, что это тряпка, но потом передумал. Ведь пираты не любят мыть руки, принимать душ и употреблять дезодорант после бритья. А дверь за собой он забыл закрыть. Пес скользнул внутрь следом за пиратом и услышал, как пират сказал грубым голосом:

— Никто не приближается. Вокруг пустота.

— Что и следовало доказать, — послышался ответ.

Звездный пес спрятался за креслом. Оттуда ему было хорошо видно все, что происходило в зале.

А в зале стоял обеденный стол; за ним, как и положено в таких случаях, пировали разнузданные пираты. Во главе стола сидели два известных космических пирата — Крыс и Весельчак У. Даже странно, что вы о них раньше не слышали. Порой они умеют превращаться в кого угодно, но чаще выступают в собственном облике; с возрастом им стало трудно превращаться, и они делают это только от страха или жадности.

Итак, за столом сидел Крыс — маленький, худющий, остроносый и такой злобный, что мухи, пролетая мимо, дохли и падали в суп. А рядом возвышался Весельчак У. За последние годы он сильно раздобрел и совсем облысел. Будто состоял из нескольких шаров. Голова — шар, руки связаны из шаров, даже пальцы — шарики. А уж тело — не шар, а дирижабль, который может поднять в воздух целый класс учеников.

Пираты праздновали какую-то очередную гадость.

Сколько лет они носятся по Галактике, и нет им большей радости, чем угнетать, грабить и убивать. Не очень давно они решили было, что достаточно разбогатели и пора уйти на пенсию. Но на пенсии они просидели всего два месяца, потому что тут же их бывшие товарищи напали на их убежище и ограбили пиратов до последней нитки. Так что им пришлось снова возвращаться к грабежам и безобразиям.

Пес смотрел на пиратов и думал: «Где же хозяйева замка? Неужели король пригласил к себе на день рождения таких неприятных разбойников? Нет, быть того не может».

Звездный пес понимал, что раз хозяин велел ему поздравить короля Константина с днем рождения, то надо это сделать.

А как поздравить, если хозяев нет за столом?

Он хотел было пойти на поиски короля, но услышал, как разговаривают пираты, и задержался, потому что узнал много интересного.

Это означает, что звездный пес — существо разумное. И хоть, может быть, вы об этом уже догадались, лишний раз напомнить не мешает. Потому что собаки, даже неразумные, ценят себя высоко и очень обидчивы.

— Ну что ж, коллега, — сказал Весельчак У, — выпьем с тобой по стакашке за успех нашего дела! Ловко мы их скрутили! Все же главное в нашем деле — стремительность и натиск. Они и не ожидали!

Крыс поднял стакан с коньяком и одним глотком высосал двести граммов ценнейшего

французского коньяка, которому от роду сто двадцать лет и за каждую каплю которого во Франции отдают корову.

Крыс пожевал губами и брезгливо произнес:

— Вроде клопами воняет.

— Чем-то воняет, — отозвался Весельчак У. — Сейчас бы самогончика на соляной кислоте.

Пираты закусили маринованными огурчиками, приготовленными по особому рецепту королевой, и Крыс сказал:

— Сейчас заказчики приедут, а мы еще с пленниками не разобрались. Потопим их или что?

— Ты же знаешь — на них есть заказ! — рассердился Весельчак У. — Или ты совсем от старости рехнулся?

— Я все помню, — ответил Крыс, — но все же я честный пират, а не изверг какой-нибудь. То, что ты предлагаешь, участь хуже смерти. Особенно детей жалко.

— Эх, друг сердечный! Не забывай, что о нас с тобой никто не позаботится. Даже цветочка на могилку не принесет. Так что нам эти цветочки надо заранее вырастить. А на какие, прости, шиши-барыши? Ну то-то. Если мы о себе не позаботимся, так и померем в нищете.

— Значит, решили?

— Решили! Выпьем еще по маленькой и примемся за дело.

Звездный пес понял, что король и его семья живы и находятся здесь, в замке. Им угрожает опасность. Видно, пираты решили с ними разделаться. А раз так, то надо как можно скорее поздравить короля Константина с днем рождения, а то не успеешь. Увезут или утопят, а дело не сделано.

Вы помните, конечно, что пес умеет говорить только одно слово. На этот раз Бакштир научил своего любимца слову «поздравляю!».

Пес принялся размышлять: где бы могли томиться пленники пиратов, и тут ему пришли на помощь сами пираты. Весельчак У приказал одному из своих подручных:

— Сходи-ка, голубчик, в подвал, погляди, не скучают ли наши птички?

Пират сунул в рот сосиску и побрел к задней двери. Звездный пес, прижимаясь к полу, побежал за ним следом. Никто пса не заметил — пираты снова принялись пировать.

Пират топал вперед, жевал сосиску и притом мычал какую-то дикую песню.

Они прошли по коридору, вырубленному в скале, и оказались перед дверью.

Пират спросил громким голосом:

— Эй, как вы там? Не замерзли?

Никто не ответил.

— Ну, вы чего? — Пират проглотил кусок сосиски, вздохнул и продолжал: — Я сейчас дверь открою, а вы выскочите и будете меня палками бить. Я правильно догадался?

Из-за двери не отвечали.

— Учтите, — сказал пират. — У меня бластер, свестер и твистер, и все на вас направлены, и если вы себя не жалеете, то подумайте о детишках.

С этими словами он открыл дверь и заглянул внутрь.

А в комнате было темно.

Звездный пес воспользовался случаем и между ног пирата проскочил в комнату.

Пират включил фонарь, что висел у него на груди.

И в темноте заблестели глаза пленников.

Оказывается, они просто не хотели с ним разговаривать. Это с пленниками бывает, особенно если это гордые и благородные пленники. Ну, а как вы понимаете, король Константин, его семейство и даже слуги были очень гордыми людьми.

Дверь захлопнулась.

Снова стало темно.

Кромешная темнота.

Слышно было, как дышат люди.

И как дышит собака.

— Кто тут? — послышался женский голос.

Звездный пес громко вздохнул и с трудом выговорил:

— Поздравляю!

— Кто кого поздравляет? — удивился мужской голос.

— Папа, — раздался в ответ голос девочки, — неужели ты не понял, что к нам пробрался звездный пес? Настоящий звездный пес господина Бакштира. Разве ты забыл, как Бакштир летом к нам прилетал в гости вместе со своей собакой?

Звездный пес понял, что говорят о нем, и тихонько заскулил.

Дело в том, что звездный пес может лаять только у себя дома, в замке Бакштира, а когда он в пути или на задании, то разучивается лаять.

Он пополз ближе к голосу, и тут маленькая детская рука опустилась на его мохнатую спину.

— Он здесь, — произнесла девочка, и звездный пес догадался, что это принцесса Аня.

— Его прислал к нам Бакштир, чтобы поздравить меня с днем рождения, — сказал мужской голос. — Как это любезно с его стороны. Он никогда об этом не забывает.

Звездный пес подставил принцессе Ане ухо, и она сразу нашла в нем трубочку с поздравительным письмом Бакштира.

Она передала трубочку папе, и все услышали звуковое письмо:

*«Дорогой Константин,
Если можешь, прости
Непутевого старого друга.
В окруженьи гостей
Ждешь, волнуясь, вестей,
А от друга не слышишь ни звука.
Я тебя рассердил,
И терпеть нету сил.
Ты безжалостно просишься в драку.
Я же так далеко, что побить нелегко,
Так побей за меня собаку!»*

Услышав такое предложение, пес зарычал. Меньше всего ему хотелось, чтобы его били вместо хозяина. Но все засмеялись и стали объяснять звездному псу, что это шутка Бакштира, который знает, что король Константин в жизни никого не побил: в его дворце специальным декретом были запрещены мышеловки, крысиные яды, средства от тараканов,

капканы на волков и носорогов, а в углах всех комнат были пробиты дырки и норки, чтобы живым существам было куда спрятаться.

Правда, на этом острове в безбрежном океане не было мышей, тараканов, зайцев, волков и носорогов. Только мухи, которых тоже нельзя было убивать.

— Твой хозяин — большой шутник, — сказал король Константин. — А не можешь ли ты, песик, рассказать нам, что делают пираты и что они собираются делать дальше?

Пес старался рассказать королю, что пираты замыслили что-то ужасное, только он не знает что! Но рот его открывался и закрывался, а звуков не получалось. Лишь одно слово «поздравляю».

Тогда король сказал:

— Слушай, пес, если нам не удастся спастись, а ты вернешься к Бакштиру, скажи ему, что вчера на нас неожиданно напали пираты. Они опустились на своем космическом корабле, перекрашенном под судно доставки лимонада и шоколада, у самого нашего острова. Ферапонт, наш слуга, сам открыл им ворота. Мы совершенно не понимаем, кому понадобился наш остров: на нем ничего не растет, нет полезных ископаемых, и мы никого не обижали.

Пес услышал, как заплакала королева Фелиция, он сам тяжело вздохнул, потому что не мог помочь этим людям.

— Папа, — сказал тут принц Тимон, десяти лет, будущий отважный рыцарь, — ведь звездный пес не умеет говорить. Как он расскажет обо всем Бакштиру? Может, лучше написать ему письмо?

— Как же написать письмо, мой мальчик, — вздохнула королева Фелиция. — У нас нечем писать и не на чем писать.

— Писать можно кровью, — сказал принц Тимон. — Я разрежу себе палец, и мы будем макать в мою кровь палочку.

— Ах, — сказала Фелиция. — Мой сын хочет покончить с собой! Я сейчас упаду в обморок.

— Мамочка, не надо, — попросила ее принцесса Аня. — У нас тут некуда падать. Не будешь же ты лежать в обмороке на каменном полу?

— Ни в коем случае! — ответила королева. — Но и резать пальцы я Тимону не позволю. В крайнем случае, пускай это сделает Ферапонт. Он бывший военный и привык к разным ранам и порезам.

— Так точно, ваше величество! — ответил в темноте басом дворецкий Ферапонт. — Мне бы ножик!

На этом все и кончилось, потому что дверь распахнулась и вошли два злодея с фонарями. Затем появился пират Крыс.

— Как живете, как животик? — спросил он ехидным голосом.

— Прекратите это безобразие! — возмутился король Константин. — У нас нет никаких сокровищ, мы живем на гонорары от книг, которые я пишу и издаю на культурных планетах. Моему перу принадлежит знаменитый труд «Как здороваться и прощаться», а также бестселлер «Ложка, вилка, где салфетка?».

— А мы с Аней учимся в самых обыкновенных школах! — крикнул Тимон. Он оказался очень приятным мальчиком и притом храбрым. Звездный пес хотел бы с ним дружить, но, вернее всего, этого мальчика скоро убьют, и они не успеют подружиться.

— Ну зачем вы завоевали наше королевство! — воскликнула королева Фелиция. —

Кому нужен наш маленький остров? На нем даже клубника не вызревает.

— Молчать! — крикнул пират Крыс. — Не в этом дело. Мы с Весельчаком люди маленькие. Нам заказали вас завоевать, пришлось подчиняться. Вот ты, король, живешь на гонорары от вежливых книжек, а я живу на гонорары от нападения и разбоя. Приходится работать, а то бы мы с тобой с голоду померли.

Даже звездный пес удивился этим словам. Получалось, что пираты и писатели ничем друг от друга не отличаются.

— Было высказано мнение, — послышался от двери другой голос. Это говорил пират Весельчак У, которому в дверь не протиснуться, значит, приходится ждать в коридоре, — чтобы вас всех утопить в океане. Потому что — нет человека, нет проблемы. Но нашелся один добряк. У него есть хобби. Все знают, что такое хобби?

У Весельчака У такой тонкий голосок, что страшно становится, как бы он не порвался. Он оглядел всех в комнате.

И тут его свинячьи глазки натолкнулись на звездного пса, который старался спрятаться за принца Тимона.

Но не успел.

— Это? Еще? Что? Такое?! — завизжал он.

— Это мой песик, — быстро ответил принц.

— Твой песик? А почему я его не видел раньше?

— Потому что он маленький, — сказала принцесса Аня. — Он под ногами крутится, а вы вдаль смотрите.

— Что ж, в этом есть смысл, — произнес Весельчак У. — Только смотрите, чтобы он не кусался. Я этого не переносу. Если укусит — я его из бластера пополам перепилю!

Весельчак почесал свой узкий лобик и постарался вспомнить, о чем же он раньше говорил. Потом вспомнил и продолжал:

— Я про хобби спрашивал. Никто ничего не скажет?

Все молчали. Потому что понимали: чем больше скажешь, тем легче пирату к чему-нибудь придраться.

— Ладно, не буду вас томить, — рассмеялся пират. — Есть у нас дружок, он собирает куколок. Странное дело. А вот платит он совсем неплохо. Настолько неплохо, что мы не послушались наших заказчиков, которые велели этот островок очистить от свидетелей, и не будем вас топить. Мы нашли для вас участь хуже, чем смерть. Вы будете живы, но хуже, чем мертвы. Потому что неподвижны. Есть вопросы?

— Я требую, — сказал король Константин, — чтобы вы немедленно отпустили нас на свободу. Иначе вам плохо придется.

— Нам все грозят, — ответил Крыс, — но ничего пока не случилось. Летаем, стараемся, помогаем людям. Так что неси сюда, Весельчак, машинку-превращалку, так сказать одревенелку.

— Готово! — ответил Весельчак У.

Глава 2. Оболочники на Элени

Когда звездный пес не вернулся в тот же день и не вернулся через два дня, Бакштир встревожился. Конечно, он не боялся за своего пса, он был уверен, что тот перехитрит любого врага, но все равно ночью не удалось заснуть.

Затем он послал космограмму на планету Элению Океанскую.

Никто ему не ответил.

И тогда Бакштир вышел на связь с ИнтерГалактической полицией.

В полиции ему обещали в ближайшие часы послать на Элению Океанскую патрульный корабль.

Послали без обмана, почти сразу.

К вечеру патрульный корабль вышел на орбиту вокруг Элени Океанской. Вскоре показался и остров короля Константина, столица размером в два футбольных поля.

Никаких следов населения на острове не обнаружилось. Больше того, кто-то умудрился за три дня снести королевский замок и разровнять это место, так что остров стал похожим на спину кита.

Когда патрульный корабль подлетел совсем близко, то стало видно, что остров поблескивает, словно только что прошел дождь, хотя на небе не было ни облачка.

Все это встревожило полицейских, и они медленно опустились поодаль от острова — мало ли какая бактерия или паразит попали сюда из океана.

На флаере полицейские подлетели к острову и тут увидели, что над камнями поднимаются тонкие прозрачные ручки.

— Господи! — воскликнул начальник патруля. — Это же оболочники! В жизни не видал столько их в одном месте!

Есть такие существа во Вселенной, называются они оболочниками. Обыкновенный оболочник представляет собой прозрачную пленку толщиной в палец. Он может обволакивать любой предмет, и, если он съедобный, оболочник его сразу же впитает в себя и переварит; если он несъедобный, то оболочник просто отдохнет, окутав его собой, как шалью. У оболочников есть конечности. Если надо передвигаться быстро, то оболочник может встать на ножки, а если надо чего схватить, то вытянет ручку. Оболочники относятся к разумным обитателям Галактики, но не хотят участвовать ни в общих делах, ни в культурной жизни. Они слишком заняты собой — питанием, сном, удобством и отдыхом. Свою планету они, как рассказывают, заселили настолько, что покрыли ее сплошным слоем. Но ничего страшного, они не голодают, потому что если нет другой пищи, они могут поглощать солнечную энергию.

Для этого оболочник старается занять как можно больше места. Он становится тонким, как лист бумаги, и размером с одеяло. Лежит и впитывает солнечное тепло.

Планета оболочников богата полезными ископаемыми, поэтому оболочники приглашают на свою планету геологов, нефтяников, шахтеров, и те добывают золото, нефть и мрамор. Но оболочникам дома и дворцы не нужны, так что им достаточно одного города на всей планете. Там находится космопорт и все правительства. И мало кто из оболочников живет в домах города, большей частью они лежат там на крышах и глядят на звезды. А в домах живут иностранные послы и специалисты.

В последние годы оболочники принялись покупать необитаемые острова и даже целые планеты, чтобы поселиться там и лежать на берегу.

Когда галактические полицейские поняли, с кем имеют дело, они высадились на остров короля Константина и со всей строгостью спросили оболочников, как они туда попали и куда дели королевское семейство.

Оболочники долго делали вид, что они неразумные растения, но когда полицейские связались с посольством оболочников в Галактическом центре, то удалось узнать вот что.

Оболочники искали себе новую планету, и какие-то люди (как оказалось потом — космические пираты) предложили им купить Элению Океанскую, сказав, что местные жители оттуда уехали. Когда оболочники заявили на остров, оказалось, что и в самом деле никого там нет. Оболочники привезли с собой сильный растворитель и за несколько часов уничтожили все постройки и даже стены замка, а потом легли на землю и принялись отдыхать... Больше они ничего не знают; кто были продавцы острова — им тоже не известно, а потому просим нас не беспокоить.

Но когда им сказали, что остров куплен ими незаконно, а настоящие его владельцы исчезли без вести, оболочники испугались, но помочь полиции ничем не смогли.

Так что ни короля, ни звездного пса найти не удалось.

Глава 3. В гости к Бригитте!

Самая таинственная и страшная история, что случилась с Алисой, началась совсем не страшно. Но разве можно угадать, какие сюрпризы готовит тебе жизнь?

Алиса с мамой завтракали. Дело было в пятницу, в апреле.

Мама сказала:

— Я тебя очень редко вижу.

— В этом нет ничего удивительного, — ответила Алиса. — Надо чаще встречаться. А мы с тобой так заняты, что не остается времени на личную жизнь.

Домашний робот Поля, который принес овсянку, вздохнул и сказал:

— Чем рассуждать, поехали бы куда-нибудь вдвоем. А то скоро узнавать друг дружку не будете. Стыдно! А еще мать и дитя.

— Поля прав, — согласилась мама. — Как ты смотришь, Алиса, чтобы на выходные нам слетать к Бригитте?

— Я смотрю на это с радостью, — ответила Алиса. — Хотя мой друг Гераскин будет недоволен.

— Что он задумал?

— Он соблазняет меня полететь в Индию. Там в заповеднике штата Майсур свихнулся тигр, гоняется за слонами и людьми. Его надо найти и усыпить.

— А вы тут при чем? — удивилась мама.

— Пашка думает, что мы первыми поймаем тигра.

— И ты в это поверила?

— Даже не знаю. Пашка такой авантюрист — просто ужас. Лучше не оставлять его с тигром наедине.

— Никуда он не полетит, — сказала мама. — Без него обойдутся! У Пашки же контрольная по математике не сдана.

— Мама! Ты гений! Как ты догадалась?

— А тут и догадываться не надо. У твоего Гераскина всегда по крайней мере три контрольные не сданы. Ошибиться невозможно.

— Ах, мама, — вздохнула Алиса, — ты слишком умная, с тобой даже скучно.

— Ну как, летим к Бригитте?

— Разумеется!

Мама тут же набрала номер Бригитты. Ее подруга сидела в шезлонге на берегу моря и читала книжку.

— Ах, — сказала она, увидев на браслете часов лицо Алисиной мамы. — Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось, — сказала мама. — А ты нас с Алисой примешь в гости?

Бригитта от радости вскочила с шезлонга и побежала по пляжу.

— Ты куда? — спросила мама.

— Печь пирог по случаю вашего приезда! — откликнулась на бегу Бригитта.

— Никуда вам не деться, — сказал робот Поля. — Придется лететь, и немедленно, а то пирог подгорит.

Конечно, сразу полететь не удалось — и у Алисы, и у ее мамы были неотложные дела, к тому же надо было купить Бригитте подарки. Во-первых, буханку бородинского хлеба, потому что в Лондоне, а уж тем более в деревне Бичхэд, на берегу пролива Ла-Манш, что

отделяет Англию от Франции, бородинского хлеба буквально не достать! Во-вторых, хорошую малосольную селедочку — Бригитта очень скучает по малосольной селедочке. Наконец, коробку московских шоколадных конфет, которых в Англии днем с огнем не найдешь.

Алиса хотела взять купальный костюм и акваланг, но мама ее отговорила, потому что в апреле море еще очень холодное. Сама она взяла с собой краски и планшет для рисования. Когда профессор Селезнев пришел с работы и узнал, что его жена и дочка собрались на выходные в Англию, он хотел было к ним присоединиться, но Алиса с мамой его не взяли. Мама сказала, что женщины хотят отдохнуть без мужчин и роботов. Селезнев засмеялся, а домроботник Поля обиделся. Он с возрастом стал очень обидчивым, он жалел, что не родился человеком. Ему хотелось стать почетным членом клуба нумизматов, но роботов в почетные члены не берут, только в обыкновенные.

Еще не стемнело, как Алиса с мамой прилетели в Лондон.

Бригитта встречала их в аэропорту Хитроу. Они обнялись, а потом долго бежали по коридорам и переходам, пока отыскивали стоянку флаеров. На стоянке они стали искать флаер Бригитты и не нашли, так как искали его не на той стоянке.

Они прилетели в Бичхэд уже в темноте. И даже промахнулись мимо деревни, потому что Бригитта не доверяла автопилоту и решила вести флаер сама; вместо Бичхэда она умудрилась сесть на острове Джерси возле зоопарка имени Джеральда Даррелла. В конце концов она сдалась, и еще через двадцать минут флаер на автоматике сам привез ее домой.

Деревня Бичхэд лежит на берегу моря, в десяти милях от города Дувр, славного своими гигантскими меловыми скалами, которые видны издали, как белый занавес, опущенный от неба к волнам.

Состоит деревня из двух улиц. Одна улица ведет от леса к морю, а вторая тянется вдоль пляжа. У улицы, которая тянется вдоль пляжа (там живет Бригитта), есть только одна сторона — то есть все ее похожие друг на друга белые домики глядят на море. У всех этих домиков, крытых красной черепицей, есть веранды, которые выходят на пляж. На верандах стоят стулья и столики. Жильцы домов и их гости пьют там чай.

Бригитта жила в домике совсем одна, чтобы ей никто не мешал писать детективные романы и читать старинные книжки. Ее дети — Джейн и Ричард — жили за океаном в Америке. Бригитта родилась в Болгарии, но уже много лет живет в Англии. Она черноволосая, маленького роста, все старается делать сама, но не все у нее получается. Это еще чудо, что она ничего не сломала и не разбила, летая на флаере, потому что она порой забывает, что летит, а не просто сидит в кресле. Но вы знаете, что во флаерах такая система безопасности, что разбиться или столкнуться с каким-нибудь домом или другим флаером совершенно невозможно. Правда, Бригитте кое-что из этого удавалось.

Она сама рассказывала, как опустилась в Нью-Йорке на факел статуи Свободы и никак не могла понять: где же лифт вниз? Тогда она нырнула в холодную воду из-под облаков, и все в городе решили, что упал метеорит. А однажды она писала роман, в котором ее герой должен был попасть на необитаемый остров и жить там два года, питаясь кокосовыми орехами. Бригитта нашла по компьютеру необитаемый остров в Тихом океане, полетела туда на флаере, отправила флаер домой, чтобы все было по-настоящему, и осталась совсем одна. И тут обнаружилось, что остров лежит возле самой Антарктиды и никаких кокосовых пальм там сроду не водилось. А водятся там пингвины и чайки. Бригитта принципиально не ела пингинов и чаек, и потому ей пришлось питаться мхами и лишайниками, пока она не

построила собственными слабыми руками плот из обломков старых кораблей, выброшенных штормами на скалистый берег.

Шестнадцать дней она плыла на этом плоту по бушующему океану, пока от него не осталось одно бревно. Тогда ее увидели с научно-исследовательского судна «Морской змееныш». От недоедания Бригитта была такой легкой, что ее чуть не унесло ветром к облакам. Она разучилась есть и при виде картошки спрашивала: «А что с этим делают?» После приключений на необитаемом острове Бригитта написала свой лучший роман, основанный на ее собственных приключениях. И к тому же разбогатела. Знаете почему? Оказывается, бревно, на котором она плыла, когда-то было перилами капитанского мостика каравеллы Колумба «Санта Мария», и на этом бревне великий мореплаватель каждый день делал зарубки, пока не добрались до цели. После того как это бревно спасло Бригитту, его продали на аукционе «Розбери» в Лондоне. За обладание бревном бились Британский музей, Дом-музей Колумба в Испании и еще шестнадцать музеев. Победил музей Землепроходцев из небольшого русского городка Великий Гусляр. Он смог выложить за реликвию сто сорок тысяч межпланетных кредитов. С тех пор бревно лежит в первом зале музея, как раз под портретом знаменитого гусярца Корнелия Удалова, который прославил свой город на заре космической эры.

Увлекательные детективные и исторические романы Бригитты вышли в шестидесяти странах мира, а также на шести планетах, где живут двуногие. По ним сняты три известных сериала; вы, наверное, смотрели самый выдающийся — «Планета пахнет мылом». Во всех романах действует бабушка-сыщик Кроманьона Эф. Многие читатели и зрители уверены, что Кроманьона Эф и писательница Бригитта Гейл — одно лицо. Ей присылают письма, факсы, электронные и голубиные послания с просьбой помочь найти исчезнувшую в прошлую пятницу тетю Фаину или сбежавшую из дома кошку Тутти. Бригитта старается всем помочь, для чего она наняла в Лондоне частного детектива, который пока еще никого не нашел и не поймал.

Пока они летели от Лондона до Бичхэда, Бригитта расспрашивала Киру и Алису об их жизни.

— Ну говори, Алисочка, говори! — требовала она. — Что же ты молчишь! Я так по вам соскучилась.

— Ты уверена, что мы летим правильно? — спросила Алиса. — Почему под нами море?

— Ах, — воскликнула Бригитта. — Я заговорила. Боюсь, что мы опять прилетим на остров Джерси! Но если вы хотите сходить в зоопарк, я буду только рада.

— В следующий раз! — сказала Кира. — Сначала мы хотим у тебя погостить.

Алиса издали узнала дом Бригитты, она здесь уже бывала в детстве. Тогда на зеленом газоне перед домом стояла косилка. Так никуда она и не двинулась за последние пять лет. Из окон дома тянулись струйки черного дыма.

Бригитта первой вошла в дом и сказала:

— Ты, Кируша, пойдй на кухню и проверь, моя дорогая, не сгорел ли пирог, который я утром поставила на плиту, а Алисе я пока покажу новые приобретения для моей коллекции.

Пирог сгорел — никакая автоматика его не спасла. Об этом можно было догадаться, даже не входя в дом.

В прихожей отчаянно трезвонил видеофон.

Бригитта включила его.

— Ты узнаешь меня? — спросила толстощекая пожилая женщина. — Я твоя соседка

Кэрри.

— Очень приятно, — ответила Бригитта.

— Проверь, пожалуйста, — попросила Кэрри, — у тебя на плите ничего не сгорело?

— Спасибо, я уже догадалась.

Она отключила видеофон, и тут же в дверь постучали.

— Простите, — сказал дедушка, похожий на большого гнома, — я тут гуляю с ручным крокодилом, и мне показалось...

— Все нормально! — ответила Бригитта. — Пожар потушен, пирог погиб.

Дикторша с экрана телевизора сказала: «Пахнет горелым!»

— Как им всем не стыдно вмешиваться в мою личную жизнь! — возмутилась Бригитта. — Вот не буду больше подходить к телефону, им придется замолчать.

И в этот момент сверху, с потолка, с неба, со звезд — неизвестно откуда, но сверху, послышался глубокий, громкий голос:

— Внимание, внимание! Жители дома номер тридцать восемь и лично миссис Гейл. Проверьте, не горит ли у вас что-то на кухне! Наш пожарный флаер кружит над вашим домом, и в случае необходимости мы сразу зальем пожар.

— Этого еще не хватало! — откликнулась Бригитта. — Никакого пожара нет! А если вам захотелось попробовать моего чудесного пирога, то должна вам сказать, что мои гости из Москвы давно его уже съели.

— Тогда простите за беспокойство, миссис Гейл! — откликнулся голос пожарного флаера.

Наступила тишина.

Потом Бригитта сказала:

— И представь себе: именно здесь я искала уединения!

С этими словами она взяла Алису за руку и повела в соседнюю комнату, которая именовалась библиотекой или коллекционным залом. А некоторые даже называли ее музеем.

Глава 4. Кукольные домики

Одни с утра до вечера слушают музыку. Кто классическую, а кто джазовую. Другие не могут оторваться от компьютера. Вставляют экранчик в глаз и глядят одним глазом на действительность, а другим — на виртуальную реальность. Третьи путешествуют. В пятый раз идут пешком на Южный полюс или в глубины океанской впадины Тускароры. Каждому свое, как говорили древние римляне: «Каждому свое, а мне — чужого, но получше».

Бригитта относится к славному племени коллекционеров. Она собирает красивые старинные вещи, и поэтому у нее в библиотеке уместилось сразу несколько коллекций. Например, она собирает керосиновые лампы, фарфоровые статуэтки, редкие книги и даже ночные горшки. Не смейтесь! Лет двести назад во всех спальнях мира стояли ночные горшки. И у короля, и у сапожника. А раз горшков было так много, то они между собой соревновались — какой красивее. Вот фаянсовые горшки и расписывали цветами, охотничьими сценами или даже гербами хозяев. Но самая главная, хоть и небольшая, коллекция Бригитты — это кукольные домики. Может быть, вы не знаете, что это такое, тогда я вам расскажу.

Очень часто игрушки — это уменьшенные взрослые вещи. Куклы — это уменьшенные люди, оловянные солдатики — это еще более уменьшенные люди, а еще есть наборы «Жители Сириуса» или «Зеленые человечки» — это уже космические игрушки, так же как прыгающие дракончики, крокодилы и жабенуши, к которым придаются микроскопы, чтобы их можно было отыскать в стоге сена.

Издавна люди придумали делать домики, такие же как настоящие, но в двадцать раз меньше.

Когда-то давным-давно жил великий поэт Александр Сергеевич Пушкин, а у него был друг Нащокин, дом которого стоял в Москве возле Садового кольца. Дом был самый обыкновенный, двухэтажный, небольшой. И вот Нащокин решил: «Сделаю-ка я копию моего дома, но маленькую. То есть велю мастерам изготовить мой рояль, диван, на котором я лежу, посуду, с которой я ем, часы, на которые гляжу, — все, что есть в комнатах, пускай мне сделают художники, плотники, столяры и ювелиры».

У Нащокина было немало друзей, а с тех пор как он решил сделать копию своего домика, их число удвоилось. Каждому хотелось заглянуть к Нащокину и посмотреть, как движется дело. Каждая новая игрушка стояла посреди гостиной, гости собирались вокруг и радовались, как дети. Ах, говорили они, я же могу поднять этот рояль на ладони, а за этот письменный стол отлично могла бы усесться мышка. Когда же на фарфоровой фабрике для Нащокина сделали тарелочки и чашечки, то у дома выстроилась очередь знатных дам, которые мечтали посмотреть на сервиз вблизи. Говорят, что царица приезжала в Москву, полюбоваться игрушками. А Пушкин там просто дневал и ночевал.

Нет, я не прав! Я все повторяю — игрушки, игрушки! А это были не совсем игрушки. С тех пор прошло почти двести лет, давным-давно все вещи, что стояли в доме, погибли, разрушились, сгнили, разломались. Да и сам дом, хоть и кирпичный, не раз перedelывали и ремонтировали. А вот «Нащокинский домик» до сих пор цел. Он оказался куда более живучим, чем люди и настоящие вещи. Его мебель, посуда и другие вещи сделаны так точно, что по ним можно учить историю, а если надо, то построить снова дом и снова обставить его.

«Нащокинский домик» был королем кукольных домов. Но у него много братьев.

Особенно кукольные домики популярны в Англии. Там принято покупать пустой дом, высотой ребенку по пояс, а потом для него покупают в специальных игрушечных магазинах посуду, мебель и даже жильцов — куколок ростом с палец, сделанных точно как люди. И для них шьют специальные платья и пальто, даже ботинки и сапоги. Волосы у кукол этих домиков настоящие, и порой на лице размером с ноготь не только рисуют ротик и нос, но и вставляют глазки из драгоценных камешков.

В небогатом доме и кукольный домик был простым. И делали его из раскрашенной фанеры, а на крыше рисовали черепицы. А вот в богатых домах, и уж тем более в герцогских или баронских замках, кукольному домику отводили специальную комнату и вокруг него разбивали кукольный сад, рядом строили игрушечную конюшню с кукольными лошадьми, в кукольном саду трудился кукольный садовник, а возле кукольного пруда сидел рыболов.

В таких кукольных комнатах проводили порой кукольную железную дорогу, а у вокзала игрушечных пассажиров поджидали кукольные кэбы и фиакры — то есть кареты.

Часто кукольные домики служили многим поколениям детей в семье. Когда у первых владельцев домика рождались дети, им покупали новую посуду и мебель для кукольного дома, и он существовал много лет.

Бригитта — любительница кукольных домиков, и у нее их целых три. Один совсем старый, у него даже крыша из соломы и окошки маленькие, подслеповатые. Другой домик современный, недавно купленный в магазине. Возле него стоит автомобиль, а внутри видны телевизоры и космовизоры. Наконец, третий дом — не дом, а целый замок. Видно, он когда-то стоял в баронской детской комнате. Он очень красиво сделан, но, к сожалению, требует ремонта — лет сто до него никто не дотрагивался. И другая беда мучает Бригитту: в том доме нет жильцов. Потерялись. Столики есть, посуда в буфете, кухня с плитой, спальня, в которой стоит кровать под балдахином, библиотека с махонькими книжками, письменный стол, а на нем лампа под зеленым абажуром — все там есть, а вот кукольных людей не нашлось.

Конечно, Бригитта могла бы купить новых человечков, но ей не хотелось этого делать. В таком старинном доме должны жить старинные человечки. Поэтому, когда они с Алисой осмотрели все домики, Бригитта сказала:

— Завтра утром мы с тобой едем на аукцион.

Глава 5. Аукцион игрушек

Если вы еще не знаете, я объясню, что такое аукцион.

На аукционах продают старые вещи: картины, стулья, автомобили, книги и всякую всячину.

Но это не магазин. Ты не можешь прийти туда и сказать: «Заверните мне эту картину!»

На аукционе продается сразу много вещей, и приходят туда сразу много покупателей. Они рассаживаются на стульях, и каждому выдают карточку с номером.

Приносят вещь. Аукционист, то есть человек, который командует аукционом, громко говорит, сколько стоит вещь. Тот, кто даст за вещь больше всех, ее и получает.

Аукцион «Розбери» проходил в небольшом зале, где когда-то был склад. У стен склада стояли разные вещи, которые можно было купить, а в середине — двадцать стульев для покупателей.

Пока аукцион не начался, люди ходили по залу и рассматривали игрушки.

Потому что Бригитта привезла Алису на аукцион старых игрушек. Конечно, игрушки покупали там не для детей, потому что детям покупают новые игрушки. Но есть коллекционеры старых игрушек, и есть музеи, которым они тоже нужны.

— Смотри, Бригитта! — воскликнула Алиса.

Она остановилась перед столом, по которому шагали целые полки оловянных солдатиков; там стояли пушки, на холме, скрестив руки на груди, замер французский император Наполеон, который всеми этими войсками командовал.

А за солдатиками Алиса увидела железную дорогу, с вокзалом, мостами, семафорами, туннелем и различными вагонами.

А какие там стояли, сидели и лежали куклы!

Совсем старинные, тряпичные, набитые ватой или соломой с нарисованными на круглых лицах глазами и ротиками; куклы королевские, фарфоровые, в шелковых и бархатных платьях; куклы новые, которые умеют ходить, говорить, плакать и смеяться, знают иностранные языки и арифметику.

Увидела там Алиса и коня-качалку, чуть меньше настоящего, под седлом и с уздечкой. А рядом на столике лежал ящик с коллекцией бабочек и стоял микроскоп, сверкающий бронзой.

Но больше всего Алису поразил фрегат — под всеми парусами, с вымпелами на мачтах, собранный из десяти тысяч дощечек.

А куда делась Бригитта?

Конечно же, она стоит возле кукольных домиков.

Снимает крыши, чтобы заглянуть в спальню на верхнем этаже, открывает дверцы, подглядывает в окна.

— Что интересного ты нашла? — спросила Алиса.

— Обыкновенные домики, — ответила Бригитта. — Ничего особенного.

Она отошла к ящикам и коробкам, что стояли за домиками. В них лежали вповалку кукольные вещи: мебель, посуда, одежда...

И тут на кафедру взобрался аукционист.

Это был скучный мужчина, в сером костюме, с приклеенной к длинному лицу невеселой улыбкой.

Он ударил молотком в небольшой гонг и объявил:

— Аукцион начинается. Я прошу дам и джентльменов занять места.

Люди в зале стали рассаживаться по местам. Алисе и Бригитте мест не хватило — слишком поздно пришли. Но ничего страшного, даже интереснее смотреть на остальных сверху.

— Продается модель железной дороги, — сказал аукционист. — Сто двадцать вагонов, три паровоза, вокзал и семафор, коробка рельсов и запасных путей. Железной дороге сто лет, но она как новенькая. Железная дорога оценена в триста фунтов стерлингов. Кто готов заплатить за нее больше?

— Я готов! — крикнул сидевший впереди маленький старичок. — У меня в коллекции нет только одного семафора, выточенного мастером Мартином Матини из одного куса карельской березы. Сто двадцать лет я охочусь за этим шедевром. И он здесь, в этом наборе. Триста фунтов!

Стул рядом со старичком зашевелился.

— Я возражаю, — проскрипел стул пронзительным голосом. — Я собираю железные дороги не так долго — всего восемьдесят четыре года, но моя коллекция вашей не уступит. И я перебую у вас этот семафор. Помяните мое слово, лорд Симс.

Алиса поняла, что это не стул говорит, а редкий гость на Земле, оболочник прозрачный. Оболочники — домоседы, они считают, что лучше лежать, чем ехать. И требуется событие очень необычайное, чтобы оболочник примчался на другой конец Галактики. Аукционист тоже удивился.

— Приятно видеть вас, сэр, на нашем скромном аукционе, — сказал он. — Вам не дуется?

Видно, аукционист знал главную опасность, которая грозит всем оболочникам, когда они покидают родные стены. Ведь оболочник представляет собой тонкую пленку чуть побольше раскрытого бабушкиного зонта, но с глазами и тонкими ручками. Если оболочник сел на стул, ты его можешь не заметить, потому что он облегает стул так плотно, что исчезает с глаз. Но известны случаи, когда неожиданно налетал ветер. Да что ветер — достаточно сквозняка, чтобы оболочника подняло в воздух и унесло неизвестно куда. Ведь его не увидишь и прибором не засечешь.

— Не беспокойтесь, — сказал оболочник. — Я прикрепил себя к стулу крючками.

— Продолжаем аукцион! — крикнул аукционист. — Кто даст за детскую железную дорогу больше, чем лорд Симс?

— Триста тридцать фунтов! — откликнулся старичок.

— Простите, — проскрипел оболочник, — пятьсот и ни фунтом меньше.

— Как вы сказали?

— Пятьсот пятьдесят!

— Но это же... это же нечестно! У меня нет столько денег!

— А у меня есть, — ответил оболочник.

— Я специально приехал сюда из Бристоля!

— А я с другой планеты.

— Тогда я сейчас же повешусь!

— Я не возражаю, — сказал оболочник. — Видимо, вам пора на тот свет.

— Он еще меня оскорбляет! — закричал старичок.

Аукционист, который терпеливо ждал, пока коллекционеры пререкались, вмешался в их спор:

— Господин лорд Симс! Вы, наверное, не знаете, что оболочники бессмертны. И когда

им надоедает жить на свете, а их родственникам уже невмочь слушать их старые анекдоты, они кончают с собой. Наш гость решил, что вам надоело жить, а вашим родственникам надоели анекдоты.

— Но я же не знаю ни одного анекдота! — закричал старичок. — Лучше я вызову этого оболочника на дуэль.

— И как же вы намерены сражаться? — удивился аукционист. Он даже улыбаться перестал. Впервые в жизни.

— Пускай мой обидчик выбирает оружие! — гордо ответил лорд Симс. — Я заранее согласен.

Оболочник задумался.

Наступила тишина.

Все люди, что сидели и стояли в зале, замерли. Никто из них никогда не видел дуэли, а некоторые даже в книжках о них не читали. Наконец оболочник задумчиво произнес:

— Наверное, придется травить друг друга ядами. Больше у нас нет общего оружия.

— Яд? — воскликнул старичок Симс. — Согласен! Мой род известен на всю средневековую Европу своей подлостью. Еще в двенадцатом веке барон Генри Симс-младший отравил фрейлину королевы Матильды, когда она сказала ему «нет»!..

— Господа, господа! — воззвал к ним аукционист. — Пожалуйста, сражайтесь за пределами зала. Нам надо торговать!

— Ну и пожалуйста! — И лорд Симс, опираясь на тросточку, кинулся к выходу. Оболочник тут же слез со стула, как перчатка с руки, и смотался в шар размером чуть больше яблока, из которого торчали руки с пальцами, и покатился к выходу следом за лордом Симсом.

Аукционист взглянул на экран и произнес:

— За детскую железную дорогу производства тысяча восемьсот девяностого года предлагают пятьсот пятьдесят фунтов стерлингов. Есть иные предложения?

Алиса хотела было подать голос и возразить — ведь оболочник с лордом сражаются на ядах за дверью, и один из них вот-вот погибнет. Но аукционист словно угадал мысли Алисы, потому что сказал:

— Если кто-то покинул зал аукциона до того, как закончились торги, я за это не отвечаю.

Аукционист поднял было молоток, чтобы объявить, что оболочник победил, как из первого ряда поднял руку мальчик.

— Шестьсот фунтов, — сказал он совсем детским голоском.

— Ну и дела, — удивился аукционист. — А ты почему, мальчик, без родителей?

— Я убил моих родителей, — спокойно ответил мальчик. — Но меня нельзя было посадить в тюрьму, потому что мне тогда было всего семь лет.

— Почему ты их убил? — громко спросили хором три одинаковых джентльмена в одинаковых черных цилиндрах.

— Они мне мешали смотреть телевизор, — ответил мальчик. — Еще и часа нет, как начинается: пора в постель, завтра в школу! Я терпел это издевательство три года, а затем — вжик!

Зал ахнул.

— Но почему тебя выпустили на свободу? — спросил аукционист. — Мы сейчас вызовем полицию.

— Не трудитесь, — сказал мальчик. — Моя охрана полицию в зал не пустит.

Малютка поднял тонкую ручонку, щелкнул маленькими пальчиками — и одновременно все двери в зал приоткрылись, и в них появились зловещего вида рожи.

— Продолжайте аукцион, — сказал мальчик. — Для любопытных сообщаю: меня зовут Гермоген Шестой Несправедливый, я властитель пустыни Внизи.

— Это там... — начал было аукционист.

— Именно там! — оборвал его мальчик. — Когда я могу взять железную дорогу?

— Будет перерыв, вы заплатите, ваше высочество, и тут же можете забирать игрушку.

Мальчик-убийца, он же повелитель пустыни Внизи, купил еще деревянного коня ростом почти с настоящего и стол с оловянными солдатиками. Потом встал и сказал:

— На сегодня достаточно. У меня новых игрушек до конца недели хватит. Пока коня не загоняю, солдатиков не перестреляю и поезд не разобью, буду занят.

Он взобрался на деревянного коня, который послушно стал переставлять ноги, как настоящий. Видно, было в том мальчишке что-то страшное, что даже деревянный конь ему подчинился.

Вбежали в зал телохранители, и один из них передал аукционисту чек на добычу мальчика.

Мальчик поехал впереди на деревянном коне, сзади несли стол с солдатиками, которые проснулись и принялись маршировать по столу, пушки стали палить, дым заполнил весь зал. Еще один телохранитель нес ящик с железной дорогой.

Алиса подумала: «Интересно, как там дела у дуэлянтов?» И тут услышала, что за задней дверью что-то тяжелое упало на пол. Дверь приоткрылась, и в ней показался старичок Симс.

— Ничего его не берет, — прошептал он и схватился за живот. — А я уже на грани. Вы не представляете, сколько я уже принял яда!

— А почему шум? — спросил аукционист.

— Я на него шкаф свалил, — ответил лорд Симс. — Что мне оставалось делать, если его яд не берет. Где моя железная дорога?

Аукционист не успел ответить, потому что вслед за Симсом в зал вполз оболочник, похожий на блин с ручками и глазками.

— Вы думали, меня шкафом можно придавить! — воскликнул он. — Не выйдет! Где моя железная дорога?

— Железная дорога куплена, — ответил аукционист. Улыбка у него была до ушей. — Пока вы занимались личными делами, ее приобрел властитель пустыни Внизи Гермоген Шестой Несправедливый.

— Где он? — Лорд Симс кинулся к выходу, оболочник покатился за ним.

Алиса поняла, что вряд ли они догонят хулигана-мальчишку. А если догонят, им же хуже. Тут дуэлью не отделаешься, телохранители Гермогена шутить не любят.

Аукционист продал кукол, потом подошла очередь кукольных домиков. Самый дорогой купили три джентльмена в черных цилиндрах, владевшие, оказывается, магазином для взрослых, которые так и не стали взрослыми, а остались детьми. Это случается.

Второй так никто и не купил. А вот третий, дешевле прочих, купила Бригитта. За шестнадцать фунтов. Совсем недорого.

— Мне сам домик не очень нужен, — призналась она Алисе. — Но в нем сохранились хорошие двери и камин в гостиной.

Когда домики разошлись, аукционист произнес:

— Я предлагаю желающим купить ящик с добром из старых, разломанных или негодных домиков. Поверьте мне, в этой куче хлама вы обязательно отыщете жемчужину. А может, две. Надеюсь, двадцать фунтов за жемчужину не очень большая цена?

Оставшиеся в зале покупатели захихикали, но никто не захотел покупать ящик с барахлом за двадцать фунтов.

— Ну хорошо, — сказал тогда аукционист. — Десять фунтов вас устроят?

Десять фунтов тоже никого не устроили.

— Последняя цена — три фунта! — воскликнул аукционист, не сгоняя с лица широкой улыбки. — Иначе я выкину ящик на помойку.

— Три фунта — покупаю! — сказала Бригитта.

— Правильно, — сказал аукционист. — Разумно. Вы сама все выкинете.

Аукцион продолжался, а Алиса спросила Бригитту:

— Зачем тебе барахло?

— Там масса мебели и посуды, — ответила Бригитта. — Если все помыть да склеить, получатся чудесные вещи.

Глава 6. Семь кукол

Кукольный домик оказался совсем не легким. Алиса поставила его себе на голову, как африканская женщина кувшин с молоком, и пошла к флаеру. Сзади Бригитта несла ящик и ворчала, что он очень тяжелый. Поэтому она отстала.

В этот момент мимо нее промчалась очень толстая женщина, одетая в платье какой-то древней эпохи. Оно было длинным, до земли, юбка колоколом, стеганая, словно на вате. Из высокого круглого воротника торчала небольшая краснощекая голова, а волосы были заплетены в косички, такие короткие, что казались пирамидками. Этих пирамидок на голове умещалось штук десять или пятнадцать — сразу не сосчитаешь, и от этого женщина была похожа на очень крупный ананас.

Она еще не успела увидеть Алису и крикнула на бегу трем джентльменам в черных цилиндрах:

— Эй, где здесь есть аукцион? Где продают кукольные домики?

Тут она увидела, что джентльмены несут именно кукольный домик.

— Немедленно отдать это мне! — закричала женщина.

— То есть как так — отдать? — удивились джентльмены.

Но женщина-ананас шустро обхватила домик лапищами и потянула к себе. Три джентльмена сообразили, что их грабят, и рванули домик к себе.

Неудивительно, что домик тут же развалился.

— Мы будем жаловаться! — кричали джентльмены, но женщина их не слушала. Она рухнула на колени и стала быстро-быстро шарить красными пальцами в обломках домика. Видно, не нашла того, что искала, потому что выпрямилась и повела взором вокруг.

— А где другие домики? Где они?

Алиса почуяла неладное и хотела снять домик с головы и положить во флаер. Но не успела.

Как ураган, на нее налетела женщина-ананас. Ей бы в тяжелую атлетику — штангу поднимать. Конечно, без бластера или шпаги ее ничем не остановишь. Алиса отлетела в сторону, и женщина вгрызлась в несчастный домик, от которого через пять секунд остались одни обломки.

— Как вы смеете! — закричала Бригитта.

Она поставила ящик с мелочами на землю, кинулась на женщину-ананас и принялась молотить ее кулачками по спине. Конечно, женщина даже не заметила нападения.

— Где остальные домики? — спросила она.

— Не знаю, — ответила Алиса. — А вы кто такая?

— Не скажу, — завопила женщина и бросилась внутрь дома.

Бригитта была страшно огорчена. Она даже забыла про ящик с мелочами, встала на колени рядом с обломками домика и принялась вынимать оттуда то, что можно было спасти — двери, половинки мраморного камина, ковер...

Неподалеку также ползали по земле три джентльмена. Они сняли черные цилиндры и укладывали в них кусочки домика. Один из них крикнул Бригитте:

— Мы подаем на эту леди в суд. Вы к нам присоединитесь?

— Разумеется! — откликнулась Бригитта. — Это же грабеж и бандитское нападение.

Вот уж не думала, что такое возможно в Англии!

— Она не англичанка, — ответил джентльмен. — Возможно, даже инопланетянка. Вы

слышали, какой у нее акцент?

— Мне некогда было слушать, — гордо ответила Бригитта. — Я сражалась с ней, и ни один джентльмен не пришел ко мне на помощь.

— Мы уже вызвали полицию, — сказал второй джентльмен.

Но они опоздали.

Потому что со звоном распахнулось окно на втором этаже и оттуда головой вперед вылетел аукционист, а за ним его кафедра и различные, еще не проданные вещи.

В окне появилась голова ананасной женщины:

— Никогда не смей продавать кукольный домик! — кричала она.

К счастью, аукционист не разбился, потому что он хлопнулся на крышу полицейского флаера, который как раз в тот момент снизился перед аукционным домом «Розбери».

Полицейские кинулись внутрь, чтобы поймать преступницу, но женщина исчезла.

Алиса занесла во флаер ящик с мелочами, куда Бригитта подложила спасенные кусочки разбитого кукольного домика.

Алиса села за штурвал, потому что Бригитта очень переволновалась. Флаер шел на автопилоте, навстречу неслись мокрые тяжелые тучи с океана.

Мама выбежала из дома, когда флаер снижался. Конечно, она уже все знала о приключениях на аукционе — передачу о нападении показывало телевидение Би-Би-Си. Там же показывали компьютерный, сделанный по описаниям свидетелей портрет женщины-ананаса. Женщина была куда страшнее, чем в жизни.

— Так они ее никогда не поймают, — сказала Алиса.

— А я думаю, что она инопланетянка, — сказала Бригитта, которая никак не могла прийти в себя, и у нее поднялась температура.

Но лечь в кровать она не желала.

Она сказала, что обедать не будет, но если у мамы получился пирог, она кусочек попробует.

Пирог у мамы получился — еще не было случая, чтобы он не получался. Бригитта съела пять кусков и сама этого не заметила. После этого температура у нее снова стала нормальной, и она сказала, что пора разбирать добычу.

— Какая же добыча? — удивилась мама. — Ведь домик сломали.

— А вот сейчас мы покопаемся в ящике, и в нем найдется жемчужина.

— Жемчужина?

— Так сказал аукционист, — пояснила Алиса. — Он думал, что в куче барахла всегда найдется что-то хорошее.

— Я в этом убеждена, — сказала Бригитта. — Иначе не стала бы платить за ящик бешеные деньги.

— Но ты же заплатила всего три фунта!

— Если бы надо было заплатить сто фунтов, — ответила Бригитта, — я бы и двести заплатила.

Но проверить эти слова было невозможно, потому что ящик достался всего за три.

Сразу после обеда Бригитта с Алисой отнесли ящик в кабинет и высыпали его содержимое на письменный стол.

Мама тоже к ним прибежала — и было на что посмотреть!

Там было немало кукольной мебели: стулья, столы, шкафчики, креслица, диванчики, спинки кроватей, дверцы от буфетов, книжные полки, кухонные столы, неплохая плита,

садовая скамейка, не говоря уж о таких мелочах, как посуда, от бака для белья до кофейной чашечки, которую в пальцах не удержишь. Было там белье, скатерти, занавески, сковородка и умывальник...

Вдруг Бригитта закричала:

— Эврика!

Она достала мешочек с жильцами кукольного домика. Они лежали там, связанные шпагатом, как пучок моркови.

Было их шесть штук: красивый мужчина средних лет, молодая черноволосая дама, двое детей, женщина в платье с фартуком и мужчина с бакенбардами. Все эти куклы были грязными и пыльными, одежда порвана, лица в глине, волосики свалялись.

Кроме людей в мешочке обнаружилась игрушечная собачка.

— Интересно, — произнесла мама, — можно ли привести их в порядок?

— Это зависит от нас, — ответила Бригитта и положила куколок в ряд. — Алиса, принеси тазик с теплой водой!

Алиса побежала на кухню. У Бригитты нет работа, потому что она считает, что чем меньше дома машин, тем лучше.

Налив теплой водички, Алиса захватила с собой мягких тряпочек и щетку для мытья посуды.

Конечно, каждому хотелось попробовать, будут ли отчищаться куклы, но это были Бригиттины куклы, так что, пока она не позовет на помощь, остальные должны быть только зрителями.

— Нам, кажется, повезло, — сказала Бригитта.

Она начала чистку куколок с мужчины.

— У них фарфоровые головки, а может быть, это очень хороший твердый пластик. Но он отлично отмывается.

Она показала мужчину своим подругам.

У мужчины оказалось красивое розовое лицо и, главное, — голубые глаза, которые блестели, как стеклянные.

— А ты говорила, что не будет жемчужины, — заметила Алиса.

— Я ничего не говорила. Неси еще воды! А заодно таз — мы их разденем и выстираем им одежду. А если ничего из этого не выйдет, то мы подберем им что-нибудь из кукольной одежды, которая у меня накопилась.

И в доме закипела работа! Они даже пообедать забыли! Два часа, втроем, они приводили куколок в порядок. Наконец куклы стали почти как новенькие.

— Такой работы я еще не видела! — воскликнула Бригитта, когда все было закончено. — А я, должна вам сказать, просмотрела за последние годы тысячу домиков и еще больше кукольных жильцов. Наверное, куколок вырезал великий мастер.

— Я не знаю о мастере, — сказала мама, — но для меня они даже слишком похожи на людей. Мне кажется, что они сейчас поднимутся и пойдут разгуливать по дому.

Тут все засмеялись. И как они ошибались!

Глава 7. Одна дома

Бригитта поставила куколок в ряд на каминной полке.

Четырех взрослых куколок, двоих детей и собачку.

На каминной полке стояло множество других игрушек и статуэток.

Должен сказать, что англичане очень любят маленькие штучки. В каждом доме есть такие безделушки. Некоторые достались от бабушки, а другие — в подарок. Мелкие штучки стоят в комнатах, и даже садики англичане украшают маленькими гипсовыми статуэтками: из травы, как грибы, поднимаются гномы в колпаках, зайцы и даже медвежата. Бригитта долго рассматривала кукол и сказала:

— Лучше у меня еще не было. С завтрашнего дня начну готовить для вас мой домик.

Мама постучала ногтем по головке одной из кукол и сказала:

— Любопытно, какой это пластик? Такого мне еще не встречалось.

— Посмотри на этого человечка в лупу, — сказала Бригитта, — каждый волос, каждая ресничка вырезаны из пластика. Немыслимая работа! Я думаю, что мне повезло. Эти куколки должны были жить в королевском дворце.

— А может быть, и жили, — ответила мама. — Потом принц вырос и перестал играть в кукольные домики. Вот их и выкинули.

— Их не могли выкинуть! — возразила Бригитта. — Таким игрушкам место в музее.

Мама посмотрела на часы и ахнула.

— Бригитта! — воскликнула она. — Ты совершенно забыла, что мы с тобой опаздываем на концерт «Песни Шуберта» в немецком городе Ангальт-Дессау. Он начинается через два часа, а нам туда еще лететь и лететь. К тому же ты не переоделась.

Бригитта тоже ахнула, и они с мамой побежали переодеваться.

С лестницы Бригитта спросила:

— Ты уверена, Алисочка, что тебе не хочется слетать с нами на концерт?

— Спасибо, — откликнулась Алиса. — В следующий раз.

Честно говоря, Алиса не очень любила симфонические концерты, потому что ей трудно было просидеть целый вечер, ничего не делая. При этом надо молчать и вести себя как следует.

То ли дело — завтра. Завтра они все вместе собирались лететь на остров Джерси, где пойдут в зоопарк имени Джеральда Даррелла.

Алиса знала, что Даррелл — знаменитый собиратель животных.

Много лет назад он устроил на острове Джерси свой зоопарк и свозил в него тех редких зверей и птиц, которым грозило уничтожение. В зоопарке звери были в безопасности, они растили детей, отдыхали и даже веселились словом, чувствовали себя как дома.

Про свои экспедиции Даррелл писал замечательные книги. Алиса их читала.

Пока не стемнело, Алиса пошла погулять по окрестностям. За домом начиналось большое зеленое поле, на котором местные мальчишки играли в футбол.

Алиса стала смотреть на них; мальчишки играли вполне прилично, хотя звезд с неба не хватало. «Надо будет привезти сюда команду нашего 6 класса „Б“», — подумала Алиса.

Тут вратарь одной из команд закричал:

— Мне домой пора!

— Постой еще немножко, — откликнулся капитан его команды. — Нам тебя нечем заменить.

— А можно я постою? — спросила Алиса, которая по-английски умеет говорить, как по-китайски, по-чешски и по-сатуриански.

— А ты умеешь?

— Посмотрите.

Английские мальчики не очень обрадовались, но лучше вратарь-девчонка, чем вообще играть без вратаря.

Тут Алиса им и показала. Один мяч она вытащила из верхнего угла ворот, потом взяла пенальти, а в конце тайма сама провела мяч через все поле и забила так, что вратарь другой команды даже броситься не успел.

— Ну, ты мастер! — сказал капитан команды. — Завтра выйдешь постучать?

— Если смогу, — сказала Алиса. — Я на остров Джерси собралась.

— Ты там живешь?

— Я в Москве живу, а на остров в зоопарк поеду.

— Ну, если успеешь, приходи, — сказал капитан команды. — Ты нам понравилась.

Алиса еще немного прогулялась вокруг поля и вернулась домой.

Она прошла в гостиную, чтобы взять из книжного шкафа книжки Даррелла и почитать перед сном. Бригитта хранила дома старинные книги.

Взяв книги, Алиса дошла до двери, и тут ее что-то толкнуло в сердце: «Как я могла забыть! Даже не пожелала доброй ночи куколкам!»

Алиса вернулась к камину.

На каминной полке игрушки и разные штучки стояли так тесно, что с трех шагов семейство жителей кукольного домика трудно было разглядеть.

И тут, неизвестно почему, Алиса подумала, что эти куклолки несчастны. Никогда раньше Алисе и в голову не приходило жалеть кукол. На свете достаточно живых существ, которые нуждаются в жалости и заботе. Но вдруг Алиса испугалась за кукольных человечков.

А вдруг они ночью упадут с каминной полки?

Упадут и расшибутся.

Алиса возвратилась к камину, осторожно сняла куколок с полки и положила их в ряд на диван. Там им мягче и теплее.

Алиса присела на корточки перед диваном и напоследок еще раз поглядела на куколок.

У куклы, которую Алиса для себя назвала папой, были небольшая бородка, усы и длинные волосы, расчесанные на прямой пробор, а на среднем пальце правой руки сверкал перстенок с изумрудом. Конечно, изумруд был размером с маковое зерно, но горел, как светлячок.

Папа был одет в самый обыкновенный костюм и черные ботинки.

Вот вроде и все, что можно о нем сказать.

Маму Алиса тоже сразу угадала. Если рыжеватый папа был высокий и худой, то мама оказалась толстенькой, даже круглой. Щеки у нее были румяными, брови пушистыми, в подбородке махонькая ямочка, и все лицо сделано так, чтобы всегда улыбаться.

У нее тоже был перстенец с изумрудом.

Платье у мамы было длинным, до пола, шелковым, простым, но очень изящным, а вот туфельки были домашними и без каблуков. Оно и понятно: ведь по кукольному дому куда удобнее ходить в домашних туфлях, чем на высоких каблуках.

Две куклолки поменьше были детьми папы и мамы.

Мальчик был похож на маму — черноволосый, курчавый и крепенький, как боровичок.

А девочка пошла в папу — худенькая, стройная и рыжеволосая.

Пятая кукла изображала пожилого мужчину с бакенбардами, прямого, как генерал, в сером костюме с жилетом. Шестая была, вернее всего, горничной или няней. Наконец, собачка была мохнатой, черной с белым животом и длинным пушистым хвостом.

Алиса вглядывалась в лица и одежду куколок и думала: что-то тут неладно! Так быть не может. Таких кукол сделать нельзя!

Значит, они не сделаны?

А не сделанные люди — это живые люди, даже если они маленькие и не двигаются.

Но жизнь — это движение. Как только ты остановился, то, считай, умер.

Может, это мертвые люди?

Алиса даже зажмурилась от усилий. Она думала так яростно, что любая задача должна была ей покориться. Но не покорялась.

— Ну ладно, спите пока, — прошептала Алиса куколкам.

Они, конечно, не ответили и не закрыли глаз. Глядели в потолок.

Только песик почти махнул хвостом.

Хотя это, наверное, Алисе только показалось.

Алиса погасила свет в гостиной и на цыпочках вышла в коридор.

По узкой лестнице она поднялась на второй этаж и оказалась в комнатке, которую ей выделила Бригитта. Комната была маленькая, в ней помещались только кровать, столик с зеркалом и стул. В комнате было одно окно, оно выходило в садик.

Алиса подошла к окну и посмотрела наружу.

Глава 8. Переодетый пират

Сад позади дома Бригитты был невелик.

Размером с теннисный корт.

Почти весь сад занимал газон, по краям тянулись узкие клумбы с цветами и кусты ежевики, которая еще не созрела, а в дальней стороне сада, у изгороди, стояли два больших дерева.

Уже стемнело; над центром газона горел фонарь, вокруг него кружились комары и мотыльки; кусты были темными, а кроны деревьев почти черными.

Небо над деревьями было синим, а на нем теснились сотни разных звезд и планет, которые складывались в созвездия, совсем такие же, как в Москве.

Пора спать.

Так ничего и не придумав, Алиса пошла в ванную, умылась, потом заглянула в столовую и выпила на ночь чашку простокваши.

Заснула Алиса не сразу.

Она лежала и вспоминала аукцион.

Какая странная толстуха-ананас прибежала с опозданием на аукцион! Что ей на самом деле было нужно?

Потом Алиса задремала.

А может быть, заснула.

Проснулась она от треска сучка в саду.

Такая стояла тишина, что даже этот хруст мог разбудить человека.

Алисе было тревожно.

Она хотела зажечь свет, но что-то остановило ее. Как только она зажжет лампу, то ее можно будет увидеть снаружи.

Может, это лисица? Бригитта говорила, что в саду водятся лисицы и барсуки.

Алиса вылезла из постели и босиком подбежала к окну.

И увидела, как по газону кто-то идет. К дому.

Кто-то большой и толстый. Этот человек уже миновал фонарь, и тот теперь светил ему в спину, и силуэт этого человека был странным, словно к дому приближался не человек, а громадный ананас.

Неужели это та тетка-ананасина, которая так сердилась на аукционе?

Алисе стало страшно. Но не совсем страшно, она даже себе не хотела признаться, что ей страшно. Ей приходилось встречать чудовищ и пострашнее какой-то тетки, которая играет в кукольные домики.

Алиса смотрела вниз.

Вот Ананасина подошла к стеклянной двери кабинета Бригитты и, совсем не таясь, открыла дверь. Сделать это было нетрудно, так как Бригитта, конечно же, никогда дверей не запирала.

Ананасина вторглась в дом, и слышно было, как она тяжело топает по кабинету. Вот послышался шум — что-то упало. Неужели она не боится, что ее услышат? Или она знает, что жители дома улетели в Ангальт-Десау слушать Шуберта?

Алиса на цыпочках вышла в коридор, на лестничную площадку.

Внизу шевелилась Ананасина, она выбралась из кабинета в коридор и сейчас, видно, размышляла, куда направиться дальше.

«Я знаю, что сделаю, — думала Алиса. — Она войдет в гостиную или на кухню, а я быстро спущусь по лестнице и выбегу на улицу. Ей меня не догнать. Она очень толстая и неуклюжая».

Хлопнула дверь.

— Никуда от меня не денетесь, голубчики, — хрипло ворчала Ананасина. — Я свое возьму. Я свое всегда беру!

Ага, вот она открыла дверь на кухню.

Пора!

Сейчас или никогда!

Алиса кинулась вниз по лестнице.

Ей казалось, что она несется стремительно и беззвучно.

И только она успела добежать до первого этажа и кинуться к входной двери, как кто-то крепко схватил ее за волосы так, что слезы из глаз брызнули от боли.

— Вот ты-то мне и нужна! — раздался писклявый голос.

Толстая ручища женщины-ананаса отбросила Алису к стенке, и она впечаталась в нее спиной, даже дух вышибло.

— Ну что, будем говорить или молчать? — спросила Ананасина.

Теперь Алиса смогла разглядеть ее.

Толстая, краснолицая, нос картошкой, глаз почти не видно — ну и уродина!

И на кого-то похожа. На кого же?

— Чего уставилась? — сказала Ананасина. Голос у нее был слишком тонким для такого громадного тела. Но бывают толстяки с тонким голосом, Алисе они уже встречались...

— Где деревянные куклы? — спросила Ананасина.

— Какие куклы?

— Только не притворяйся дурочкой! — завизжала Ананасина. — Я тебя все равно растерзаю, если не скажешь правды. Я тебя буду мучить до последней капли крови!

Ананасина топнула толстой ногой в нечищеном сапоге.

— Я не знаю, о чем вы говорите...

Ананасина размахнулась и ударила Алису по щеке кулаком. Но, к счастью, Алиса успела увидеть, как Ананасина замахивается, и она отклонилась от удара. Кулак врезался в стену, и Ананасина завывала, как собачонка.

Она попыталась затолкать кулак в рот, ничего из этого не вышло, зато Алиса поняла — это ее единственный шанс!

Она кинулась к двери, повернула ручку, и тяжелая дверь открылась не сразу, а подумала секунду или две, стоит ли ей вообще открываться.

Это Алису и погубило.

Потому что Ананасина успела прийти в себя и в два прыжка — даром что такая толстая — догнать девочку.

Алиса увернулась и кинулась за толстый ствол можжевельника, но Ананасина сумела обхватить его лапами и поймать Алису.

Она держала ее когтями. Но ничего больше не могла поделать. Она ведь обнимала дерево.

Алиса подумала: «Вот сейчас я вылезу из рубашки и убегу».

Но Ананасина оказалась хитрее.

Она продолжала держать Алису когтями правой лапы, а левую отпустила. Так что

теперь она смогла подтащить Алису к себе.

Как Алиса ни билась, ни дергалась, ни сражалась, Ананасина крепко держала ее. Она потащила Алису обратно в дом.

И только когда дверь за ними закрылась и они оказались в коридоре, Алиса поняла, что она забыла позвать на помощь. А ведь на той стороне тихой улочки стояли дома, в них горел свет, соседи еще не спали. Ну что бы ей закричать! Наверняка кто-нибудь выглянул бы наружу. Но было поздно.

— И не пытайся убежать, — сказала Ананасина. — Кончились твои бега. Попытаешься — уши оторву. Я тебя не обманываю. Пойми меня правильно, крошка, я тебя не пожалею. Мне вообще никого не жалко. Нет у меня ни семьи, ни детей, ни родственников, ни друзей. Лишнее все это. Так что лучше сразу признавайся, куда вы сунули кукольных человечков. Слышишь меня?

Алиса не стала отвечать.

— Я же все равно найду, и без твоей помощи. Но тебя накажу.

Ананасина сильно сжала плечо Алисы и подтолкнула ее к дверям гостиной.

— Думай, — приказала она. — Думай о куклах. Представь себе, какие это куколки, какие они красивенькие, розовенькие, глазенки сверкают — ну прямо как живые. И где они стоят?

Ананасина болтала как заведенная и притом подталкивала Алису вперед.

— Ну, где они стоят? Справа или слева?

Шаг правее...

— Что мы слышим? Теплее? Да, теплее!

И Алиса поняла, что Ананасина прислушивается к Алисе, читает ее мысли. Ну, не совсем читает, а чувствует...

Тем временем Ананасина оказалась в гостиной.

Свет зажегся под потолком — лампы почувствовали, что в комнату вошли люди.

— Куда мы дальше двинемся, моя милая Алисочка? — произнесла Ананасина.

«Откуда она знает, как меня зовут? — думала Алиса. — И почему мне так знаком ее голос?»

— А теперь погляди, Алисочка, в ту сторону, где лежат куклы. Где они лежат? В шкафу? Под диваном? Думай, Алиса, думай!

Алиса изо всех сил старалась не думать о куклах. Не хотела сдаваться этой противной толстухе.

Но как не думать о куклах, если ты сама себе говоришь: «Не думай о куклах!»

И не думать, и думать — одинаково опасно. Вот Ананасина уже догадалась, куда идти.

Она стала подталкивать Алису в сторону камина.

— Скоро, — бормотала она, — скоро мы до них доберемся!

Алиса даже зажмурилась. Она попыталась вспомнить своего друга Пашку Гераскина верхом на акуле с бластером в руке.

На секунду ей удалось отвлечься, и Ананасина даже воскликнула:

— Это еще кто такой? Почему не знаю?

Но тут Алиса совершила роковую ошибку. Она кинула взгляд на каминную полку, вспомнила, что сама перенесла кукол с полки на диван...

— Все ясно! — крикнула Ананасина. — Ты выдала своих друзей.

Она отпустила Алису и наклонилась над диваном, на котором в ряд лежали куколки.

Папа, мама, двое детей, слуги и песик.

Ах, как Ананасина хохотала! Она даже принялась приплясывать посреди комнаты. Словно бегемот плясал.

— Наша победа! — кричала она. — Наша замечательная победа.

Она обернулась к Алисе.

— Спасибо тебе, что подсказала, — смеялась Ананасина. — Без твоей помощи мне бы долго пришлось их искать.

Ананасина уселась на диван, поставила рядом чемоданчик, который принесла с собой, открыла его и принялась перекладывать куколок внутрь.

— Тебе, девочка, небось, интересно узнать побольше из первых уст? Первые уста, как и водится, мои. Ты садись, нам спешить некуда, мамаша с подружкой не скоро вернутся. Я все обо всех знаю.

Алиса послушно села на стул. Убегать не было никакого смысла. Все равно Ананасина своего добила — кукол отобрала.

— Какой ты хочешь задать мне вопрос? — спросила Ананасина. — Самый первый вопрос!

Алиса молчала — не могла сообразить, с чего начать. Тогда за нее вопрос задала Ананасина:

— Тебя интересует, не встречались ли мы раньше? Тебя мой голос смущает, он кажется тебе знакомым, правда?

— Вы правы, — сказала Алиса. — Мне ваш голос знаком.

— Еще бы! — И Ананасина захохотала тонким голосом. Она сорвала с себя парик и кинула на пол. И тогда Алиса узнала в ней космического пирата Весельчака У, с которым, правда, давно не встречалась.

— Ох, уж и надоел мне этот маскарад! — произнес пират. Он стащил через голову платье и остался в джинсах и в сапогах со шпорами. Никаких сомнений не осталось: перед Алисой стоял старый бандит.

— Ты хочешь спросить меня, с чего я гоняюсь за куколками? А это не куколки, а мои пленники. Я их вез, чтобы отдать в рабство, да пропил на Пересадке. Есть у меня такая слабость — как начну пить, не могу остановиться, пока все не пропью.

— Куда же ты хотел их отдать? — спросила Алиса. Хоть пират и был в десять раз ее старше, но они так давно были знакомы, что Алиса называла его на «ты».

— Черному Квадрату, — признался пират. — Это даже не человек, а неизвестно что. Собственная тень. Обычно он занят злодействами, а в свободное от них время играет в куколки. Он захватил пустую планету, построил на ней игрушечные города и населил ее куколками. На его планете есть кукольные вокзалы, заводы и магазины, есть стадионы и тюрьмы для куколок. Он заставляет куколок воевать друг с дружкой, его игрушечные пушки стреляют настоящими снарядами, а корабли тонут в настоящем океане.

— Но ведь они неживые!

— Смотря как посмотреть. Говорят, перед смертью они плачут. И даже кровь идет из их ран. Вот и мои куколки — они же недавно были живыми людьми, даже королевской семьей.

— Что еще! Признавайся немедленно!

Но пират раздумал признаваться. Вместо этого он сказал:

— Как только Черный Квадрат узнает, что на город или корабль напали пираты, что

началась несправедливая война или набег, он сразу дает знать, что хотел бы получить свою долю добычи. И за хорошие деньги. Мы с Крысом ему не в первый раз помогаем.

— Помогаете? — Алиса не сдержалась. — Вы губите людей и никогда не испытываете угрызений совести!

— Совесть — это для слабаков, — ответил Весельчак У. — Сильному человеку совесть не требуется, только мешает. У меня нет совести, зато денег — куры не клюют, зато меня боятся и трепещут на ста двадцати планетах. А куда ты со своей совестью денешься?

— В конце концов, — сказала Алиса, — правда всегда побеждает. Только порой приходится подождать...

— Вот именно! — расхохотался пират. — Подождать годков двадцать пять. И попрошу меня не перебивать — я подошел к самой интересной части моего рассказа. Будешь слушать?

— Буду, — сказала Алиса.

— Итак, мы получили заказ от оболочников добыть им морской курорт без местного населения. И отправились на планету Элению, покрытую океаном, с единственным клочком суши, на котором стоял дворец тамошнего короля Константина. Взяли мы этот дворец штурмом — нелегкая была задача, человек пятьсот гвардейцев перебили, но и сами потеряли сто славных ребят!

Пират глубоко вздохнул и выпустил из правого глаза круглую крокодиловую слезу.

Алиса недоверчиво хмыкнула, тогда пират слизал слезу малиновым языком и сказал:

— Ну вру я, вру, такая у меня специальность. Если бы ты знала, как меня мама за это лупила! Не было никакого штурма, взяли мы их тепленькими.

Весельчак У принялся тыкать толстым указательным пальцем в лежащих на диване куколок:

— Вот это был тамошний король Константин, не то Благородный, не то Багрянородный. А это ихняя супруга, в жизни такая душка! Как ее имя-отчество, не помню. А вот принца и принцессу запомнил: Тимон и Анюта. Маленькие, а уже гордые! Даже разговаривать со мной не желают. А это ихний дворецкий-турецкий Ферапонт, да ихняя горничная, считай без клички. Представляешь, какая бедность в королевстве. Даже никакой охраны! Крыс — это мой напарник, ты его знаешь — хотел их в море кинуть на корм акулам, а я с Черным Квадратом на связь вышел и спрашиваю: «Ваше Квадратство, вам нужна королевская семейка?» Он даже подпрыгнул от радости — давно у него новых королей в хозяйстве не наблюдалось. И тут же по И-посылтелепортате выслал мне распылитель-куклоизготовитель. Я их побрызгал, и они уменьшились в двадцать раз и стали деревянными...

Тут Пират пригляделся к куколкам и почему-то принялся загибать пальцы.

— Король Константин, королева, как там ее, Тимон-Лимон и красуля Анюта, не считая слуг. А это кто такой?

Пират указывал на куклу-собачку.

— Не знаю, — сказала Алиса.

— Я его не помню, — сказал пират. — Неужели маразм?

— Типичный маразм, — сказала Алиса. — И поэтому я вас прощу, отпустите на свободу несчастных людей.

— Ты ничего не поняла, — засмеялся Весельчак У. — Я же за них большие денежки загребу!

— Если ты их потерял, значит, тебе не нужны деньги.

— Все наоборот, — ответил пират. — Я же сорвался. Бывает с мужчиной такое. Встретил ребят, мы с ними когда-то марсианские каналы переплывали, на кольцах Сатурна сальто крутили — славные ребята! Ну, они и говорят: «Весельчак, у тебя кредиты есть?» Вот и пришлось все пропить. Да так пропить, что Сенион-косорылый с «Пенителя грязных тускарор» у меня кейс с куклами свистнул, думал, там алмазы. А как открыл, видит — куклы. На что ему куклы? Он их за шесть долларов Сварончику спихнул, а Сварончик на аукцион сдал. А пока я сообразил да догнал куклят, аукцион, как ты знаешь, уже кончился. Вот и пришлось мне здесь куклят искать. Такая неприятность.

— И что ты будешь делать?

— Отвезу их куда надо!

— Слушай, Весельчак, может, ты их мне продашь? — спросила Алиса.

Пират принялся хохотать.

— Ну ты скажешь! У тебя таких денежек в жизни не наберется. А вот у меня есть задание: если я увижу где-нибудь беззащитную принцессу или королеву — превращать в кукляшку и в тот же мешок прятать, поняла?

— Нет, не поняла.

— А я вот знаю, что ты принцесса на планете 5–4, или как ее там!

— Это условно, — сказала принцесса.

— Все равно ты заграничная принцесса. И я тебя превращу в кукляндию, вместе с королевской семьей.

— И не мечтай! — возмутилась Алиса. — Ты хочешь иметь дело с ИнтерГалактической полицией? Ты давно с комиссаром Милодаром не встречался? Трепещи, старый пират! По тебе скамейка подсудимых плачет!

Оглушительный хохот толстого пирата потряс до основания домик Бригитты.

— Я не боюсь твоих комиссаров-момиссаров! Никто до меня не доберется.

Он вытащил из кармана небольшой черный распылитель, похожий на горлышко от лейки, и направил его на Алису.

Алиса кинулась ему навстречу, потому что знала: лучшая оборона — это нападение.

Но старый пират оказался резвее.

Алисе показалось, что она ударилась о стенку.

И потом стала съезжать по стенке на пол, все быстрее и быстрее, пока ее падение не превратилось в полет...

Она сильно ударилась об пол.

Только не почувствовала удара, потому что в тот момент она уже стала деревянной или пластиковой — твердой, словно ее вырезали ножичком.

Она валялась на полу, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой, и тогда сверху спустились толстые и огромные, словно ноги слона, пальцы Весельчака У. Он подхватил твердую куколку, которая недавно была Алисой, и поднял с пола. Потом положил на диван, в ряд с остальными куколками.

— Вот ты и нашла себе родственничков, — сказал пират.

Алиса отлично слышала каждое слово, произнесенное пиратом, но сама сказать ничего не могла.

— Отлично, — сказала себе пират. — Пора укладываться. Время не ждет.

И в этот момент Алиса услышала, как открывается дверь в дом.

Мама с Бригиттой!

Алиса хотела закричать, но голоса не было. Она хотела кинуться им навстречу, чтобы предупредить. Но ноги ее были неподвижны.

— Хоть это и не особы королевской крови, но не последние дамы на Земле, — сказал пират. — И я думаю, что лучше не разлучать дочь с мамашей. Будете жить в одном кукольном домике, сидеть на мягких кукольных диванчиках и попивать чай понарошку из кукольных чашек.

— Почему здесь свет горит? — послышался голос Бригитты. — Алисе давно бы спать пора.

— Может, она нас ждет? — спросила мама.

Они вошли в гостиную и увидели Весельчака У.

— Это еще что такое? — громко спросила Бригитта. — Что вы здесь делаете?

— Вас поджидаю, — ответил пират, улыбаясь до ушей.

— Кто вы такой? — спросила мама.

— Друг вашей Алисочки.

— Где Алиса? — встревожилась мама.

— Она вас поджидает, — сказал Весельчак У. — Хотите взглянуть?

Пират показал на диван, где лежали в ряд куклы.

Мама сразу кинулась к дивану.

Не успела она сообразить, что же случилось с Алисой, как пират нажал на кнопку распылителя и, пока мама на глазах у всех превращалась в маленькую куклу, перевел раструб распылителя на Бригитту.

Бригитта тоже превратилась в жительницу кукольного домика, не успев понять, что же все это означает.

Пират наклонился, подобрал с пола несчастных женщин и положил их на диван.

Потом встал перед диваном и смотрел на него, как художник на свою законченную картину.

Глава 9. Бакштир ищет друга

Бакштир прилетел на океанскую планету Элению, поглядел на тысячу оболочников, покрывших остров короля Константина прозрачным одеялом, и понял, что ничего ему не найти. Сначала он думал было прыгнуть в океан и поискать следы звездного пса на дне, но потом отказался от этой мысли. Ничего не найдешь, а простудишься.

К тому же у Бакштира появилась мысль.

Мысли у него появляются нередко, чаще, чем у других людей, даже чаще, чем у нас с вами, иначе как бы он давал советы королям и президентам?

Дело в том, что звездный пес Бакштира — не единственный в Галактике. Есть даже небольшой питомник звездных псов на Альдебаранских развалинах.

Вот туда Бакштир и позвонил.

— Мальтузия, — сказал он. — Это ты, старая карга?

— Ах, это я, сынок, — ответила молодая красивая хозяйка фермы по разведению звездных псов. — Где тебя черти носили?

Так Бакштир всегда разговаривал с хозяйкой фермы, потому что они любили друг друга, но стеснялись в этом признаться.

— Пригласи на чашечку кофе, — сказал Бакштир.

— И не подумаю, — ответила женщина, — ты в прошлый раз у меня все чашки перебил.

— Это был не я, а комиссар Милодар, и не приглашай кого ни попадя, а то Милодар женится на тебе, и прощай молодость!

Все в Галактике знают, что комиссар Милодар больше всего на свете любит жениться. Но в тот момент у Милодара было сразу две жены, так что третья не требовалась.

Бакштир тут же сел в свою сверхскоростную мотороллу и примчался к подруге.

Мальтузия встретила Бакштира в дверях своего кабинета. Хоть она никогда не носила туфель на каблуках, двухметровый рост никуда не спрячешь. Бакштир был ниже ее на четыре головы.

Мальтузия никогда не выпускала изо рта толстой вонючей сигары в кукурузных листьях, которая испускала дымовую и запаховую завесу. Мальтузия пряталась внутри нее и делала вид, что она совсем невысокая.

— Выкладывай! — приказала она.

— У меня пропал мой дружок, мой звездный песик, которого ты мне подарила три года назад. Я послал его на Элению Океанскую, чтобы поздравить короля Константина с днем рождения, но пропали и песик, и король, вся королевская семья и даже королевский замок.

— Пошли на узел связи! — сказала Мальтузия. — Ты нанес мне удар в самое сердце!

Так как у Мальтузии не было семьи, всю страсть своего большого сердца она отдавала своим звездным песикам. Она старалась не выпускать их из вида и заботилась о них, как о своих детях.

На узле связи стояли компьютеры — у каждого из ее питомцев была своя страница в Космонете. Если Мальтузия не найдет своего пса, то уж никто не найдет.

Мальтузия уселась перед главным компьютером, отбросила со лба лиловый локон, закурила новую сигару и принялась разыскивать песика.

— Странно, — сказала она через несколько минут. — Связи нет!

— Вот это меня и пугает! — отозвался Бакштир. — А вдруг он погиб?

— Наши не погибают! — отрезала Мальтузия. — Мы его отыщем. Раз он не слышит и

не видит — будем искать прямой путь к его мозгу.

Она нервно затягивалась сигарой и постепенно пропала из глаз Бакштира. Бакштир долго кашлял, потом взмолился:

— У тебя противогаза не найдется?

— Напротив тебя на стене висит. Надевай. Не думала я, что ты такой слабачок!

Бакштир надевал противогаз и пропустил тот момент, когда на экране компьютера появилась надпись — мозг песика передавал информацию:

— НЕ МОГУ ГОВОРИТЬ ЗАКОДИРОВАН УМЕНЬШЕН НЕПОДВИЖЕН.

— Молодец! — похвалила Мальгузия песика за то, что он нашел в себе силы отозваться. — Ты где?

— НА ЗЕМЛЕ В АНГЛИИ.

— Ну вот! — рассердился Бакштир. — Я же тебя на Элению Океанскую посылал, а ты зачем-то кинулся на Землю. Я сердит.

— Глупый ты, Бакштир, — сказала Мальгузия. — Он же на Земле оказался не по своей воле.

— РУГАТЬСЯ ЛЕГЧЕ ЛЕГКОГО, — ответил мозг собаки, — А ПОМОЧЬ ЖИВОТНОМУ ВЫ ЗАБЫВАЕТЕ.

— А ты хоть короля поздравил? — упрямо спросил Бакштир.

— КОРОЛЬ И ЕГО СЕМЬЯ ЛЕЖАТ РЯДОМ СО МНОЙ НЕ СЧИТАЯ ПРОЧИХ НЕВИННЫХ ЖЕРТВ ПИРАТСКОЙ ЖЕСТОКОСТИ.

Только тогда Бакштир не на шутку встревожился.

— Я сейчас тебя спасу! — закричал он. — Дайте мне крейсер! Где комиссар Милодар? Почему он медлит?

Мальгузия включила псоискатель — прибор, с помощью которого можно выяснить, где находится любой из ее песиков. Пока псоискатель обшаривал Вселенную, Мальгузия спросила:

— До какого размера ты уменьшен?

— ДО КУКОЛЬНОГО РАЗМЕРА.

— Ты лежишь в доме?

— Я В КРАСНОМ ЧЕМОДАНЕ-МИНИМИЗАТОРЕ КОТОРЫЙ НЕСЕТ ПИРАТ.

— Куда он его несет?

— МНЕ НЕ СКАЗАЛИ НО ОН ХОЧЕТ НАС ВСЕХ ПРОДАТЬ КАКОМУ-ТО КОЛЛЕКЦИОНЕРУ.

— Как тебя превратили в куколку?

— ПИРАТ РАСПЫЛИЛ РОЗОВЫЙ ГАЗ ИЗ СИНЕГО РАСПЫЛИТЕЛЯ.

— Как странно! — воскликнул Бакштир. — Я подарил такой распылитель одному чудаку — Черному Квадрату. Это был мой подарок ему на день рождения. Если распылить розовый газ на живое существо, оно уменьшится в двадцать раз.

— Голубчик! — сказала басом Мальгузия и пыхнула дымом в лицо гостю. — Зачем ты делаешь такие странные подарки?

— Черный Квадрат играет в куклы. У него целая кукольная планета. Но на ней не хватает животных и птичек. Вот он и попросил у меня распылитель, который превращает птичек в игрушечки. Им ведь никакого вреда, а ему на кукольной планете прибавление!

— Ох, и не нравится мне твой коллекционер! — сказала Мальгузия. — Далеко до него?

— Он живет за Черной дырой.

— А что ты ему еще подарил?

— Я ему подарил чемоданчик-минимизатор. Это чемоданчик, с помощью которого можно уменьшить любое живое существо. Для коллекции.

— И тебя это не встревожило? — спросила Мальтузия.

— Бакштир такой, — ответил советник королей. — Бакштир готов для друга звезду с неба снять.

— Прежде чем снять, полезно подумать, — проворчала Мальтузия.

— Ты хочешь сказать, что Черный Квадрат мог воспользоваться моим подарком во вред? — воскликнул Бакштир. — Это невозможно. Я немедленно лечу к нему и рассею недоразумение.

— Давай, давай, мы посмеемся, — сказала Мальтузия.

— Смеется тот, кто смеется последним! — ответил Бакштир.

С этими словами он покинул Мальтузию, взлетел на своем корабле и взял курс на Черную дыру, которая, к счастью, находится совсем недалеко.

Прямо за дырой в космических облаках расположена планетка Черного Квадрата.

Самого хозяина планетки, лучшего в мире конструктора искусственных планет и газонокосилок, Бакштир застал как раз за монтажом вокзала в кукольном городе.

— Привет, ЧК! — крикнул Бакштир на подлете. Черный Квадрат разрешал себя так называть только близким друзьям. — Мне хотелось спросить тебя, не терял ли ты в последнее время мой подарок?

Черный Квадрат накинул на себя багровый плащ с золотым подбоем, натянул на голову медный шлем с высоким гребнем и вышел к Бакштиру. Черный Квадрат невидим. Но если он встанет на фоне чего-нибудь, то ты увидишь черный квадрат. Это не значит, что Черный Квадрат квадратный, просто у него такая тень. А кроме тени у него ничего нет, и это ЧК очень огорчает. Ему хотелось бы завести дом, семью, провожать детей в школу и играть с соседями в домино. А он в грустном одиночестве правит Черной дырой, и друзей у него совсем немного.

Некоторые говорят, что Черного Квадрата отыскали в космосе и сунули в трюм, а потом, через долгие годы скитаний, он обосновался в Черной дыре.

Другие говорят, что его никто нигде не подбирал, а Черный Квадрат получился нечаянно, во время какого-то опыта. С тех пор и мучается.

Ужасная судьба испортила Черному Квадрату характер, и он перестал любить человечество. Он строил себе кукольные города и населял их искусственными человечками. Он заставлял их ходить друг на друга войной, казнить друг дружку и мучить. Но чего-то ему не хватало!

И тут Черный Квадрат задумался: а правильно ли он делает, что заказывает куколок. А что, если бы научиться уменьшать людей в двадцать раз, делать их твердыми и почти неподвижными! Вот это были бы жильцы для кукольных домиков!

И, подумав как следует, он послал космограмму Бакштиру и обманул его: сказал, что нуждается в машинке, чтобы уменьшать в двадцать раз кошек, собак и тараканов, не говоря уж о моркови. На самом деле он решил уменьшать живых людей!

Это ужасно, но факт!

А Бакштир — рад стараться для друга-короля, ведь недаром он считал себя советником королей. Раздобыл на Земле минимизатор — редчайшую машину. И думал: вот теперь Черный Квадрат населит свои кукольные домики кукольными тараканами.

Черный Квадрат, как существо бессердечное — в нем для сердца и места не нашлось, — тут же стал выдавать минимизатор пиратам и разбойникам, чтобы они ему привозили уменьшенных людей. Бандиты же все равно берут пленников, а тут они их еще и продают потом дядечке Черному Квадрату.

А недавно он отдал минимизатор, который помещался в небольшом чемоданчике, космическим пиратам, которые продали оболочникам океаническую планету Элению.

Теперь Черный Квадрат сидел у себя дома в Черной дыре и ждал, когда пираты привезут ему новых куколок. Давно уже ждал, даже начал сердиться. Но вот недавно, как раз перед прилетом Бакштира, он получил мыслеграмму от Весельчака У, что пираты уже на подлете.

С чемоданчиком.

С королевской семьей и с другими пленниками.

Так что появление Бакштира ему было совершенно не с руки.

— Дорогой Бакштир, — сказал Черный Квадрат, — мы сейчас очень заняты и намерены принимать иностранных послов. Так что возвращайся к себе домой, а мы тебя позовем, когда ты нам понадобишься.

Я должен вам сказать, что еще никогда и никто в Галактике так грубо не разговаривал с Бакштиром. Недаром он советник королей. На эту должность любого-всякого не назначат.

Он выпрямился во весь свой небольшой рост, поправил на поясе шпагу и бластер, хотя ими никогда не пользовался, и сказал так:

— Мне не хотелось вас огорчать, мой друг. Но у меня есть подозрения, что к вам сейчас едет поставщик с новыми куклами.

— А я этого и не скрывал, — ответил Черный Квадрат беззвучно. Он вообще разговаривал беззвучно, потому что у него не было языка, губ и ушей.

— И я подозреваю, что он везет вам чемоданчик.

— Это еще не доказано!

— Тот самый чемоданчик-минимизатор, который я подарил вам недавно для того, чтобы уменьшить в двадцать раз кошек, тараканов и морковку.

— Представления не имею, — сказал Черный Квадрат, — но настойчиво предлагаю вам немедленно покинуть мою Черную дыру.

Бакштир не успел ответить, как рядом с ним появился небольшой пиратский корабль с черепом и скрещенными костями крокодила на борту.

Открылся люк, и вышел очень толстый пират, похожий на букет воздушных шаров. Он протянул Черному Квадрату Тот Самый Чемоданчик.

— Привет, — сказал он. — Простите за опоздание, но не мог раньше, искал вам прибавку к трофеям. Так что готовьте вдвое больше кредитов — я вам не одну королевскую семью, а две с половиной притащил. Цены мне, можно сказать, нету.

Черный Квадрат зашипел от злости.

Меньше всего он хотел, чтобы Бакштир узнал о его делишках. И тем более о таком подлом обмане — выпросить подарок и использовать его в преступных целях! Вы представляете!

В глазах Черного Квадрата заблестели черные искры, а если учесть, что глаз у Черного Квадрата нет, то это был очень опасный симптом.

Бакштир решительно протянул руку к чемодану и произнес:

— Немедленно отдайте мне минимизатор.

— Почему? — тонким голосом спросил пират.

— Потому что в нем заточен мой пес, мой звездный пес.

В разговор вмешался Черный Квадрат.

— Ладно, старичок, — сказал он Бакштиру. — Мы с тобой старые друзья, и ты никогда не станешь отнимать подарок, который сам сделал. Не так ли?

Бакштир замялся, ему в самом деле было неловко.

— Но ведь в чемодане спрятан мой уменьшенный пес, — сказал он. — И вполне невинные члены королевской семьи!

— Невинных королей не бывает, — резко возразил пират. — Все короли — угнетатели простого трудового народа и заслуживают самой жестокой казни.

— Вот видишь, — сказал Черный Квадрат. — Ты столкнулся с мнением простых людей. А простые люди не хотят отдавать тебе чемоданчик, который, кстати, тебе и не принадлежит.

— Но ведь там мой пес!

В этот момент Черный Квадрат подмигнул пирату, что очень странно, потому что всем известно, что у Черного Квадрата отродясь не было никаких глаз.

Пират это мигание уловил и незаметно вытащил из кармана металлический распылитель.

Струя розового газа вырвалась из распылителя, и, не успев толком закричать или возмутиться, Бакштир рухнул на пол.

Ловким движением Весельчак У подхватил его фигурку у самого пола.

Еще одно движение, и Бакштир — советник королей, не последнее лицо в нашей Вселенной — оказался в чемоданчике вместе с остальными пленниками.

Глава 10. Гибель черного квадрата

В чемоданчике было темно, но Бакштир разглядел звездного пса и хотел было сказать ему: «Держись, песик!», — но не сказал, потому что его губы стали твердыми и не шевелились.

Бакштир превратился в куклу, как и все остальные.

— Ха-ха-ха! — разошелся пират, недаром его звали Весельчаком У. Ему доставляло большую радость смеяться над чужой болью.

Чемоданчик положили на стол, и слышно было, как пират торгуется с Черным Квадратом, потому что хочет получить куда больше, чем они договаривались с самого начала. Ведь пират притащил больше куколок, чем обещал.

Наконец они сошлись в цене, чемоданчик раскрылся, и пират начал выставлять на стол куколок.

Сначала выставил все семейство короля Константина, потом Алису, ее маму и мамину подругу Бригитту и, наконец, звездного пса. А Бакштира пока они оставили в чемодане, потому что понимали: можно издеваться над обыкновенными королями и принцессами, но поднимать руку на Бакштира — преступление галактического размаха!

Бакштир, который лежал в чемоданчике и глядел в черное небо Черной дыры, был очень расстроен. Он понимал, что, вернее всего, их никто здесь не отыщет, потому что никому не придет в голову искать пропавших людей в кукольном домике на далекой планете.

Но обычно страшные истории заканчиваются благополучно.

В пылевой завесе образовалась дыра, и внутрь ворвался корабль ИнтерГалактической полиции.

С него, сверкая гневными глазами, сошли двадцать агентов, все в бронежилетах.

Затем сошел лично комиссар Милодар.

— Руки вверх, — сказал комиссар. — Всем оставаться на местах. Должен сказать тебе. Весельчак У, что ты нашел себе не самого лучшего хозяина. Должен предупредить, что мы не будем отнимать у тебя деньги, полученные от Черного Квадрата. Как только ты отлетишь на сто парсеков отсюда, деньги превратятся в дым.

— Этого быть не может! Господин Черный Квадрат пользуется уважением в наших кругах, — нагло ответил Весельчак У.

— В ваших — может быть. В наших — ни за что на свете! — засмеялся комиссар.

— Тогда я его собственными руками разорву! — взревел пират.

— Придется подождать, — сказал комиссар Милодар. — Пока будешь сидеть в галактической тюрьме.

— Это невозможно!

— Ты прав, мы не любим сажать людей в тюрьму, но бывают же совершенно неисправимые преступники!

Затем Милодар обернулся к Мальтузии, которая прилетела с ним вместе, и спросил:

— Ты умеешь пускать минимизатор на обратный ход? Он может стать максимизатором?

— Может, — тихо сказала девушка и вставила в ротик новую сигару из кукурузных листьев. Не успела она ее зажечь, как по комнате распространилась такая вонь, что Милодар закричал:

— Всем надеть противогазы!

Девушка не смутилась, а отобрала у Весельчака У чемоданчик с куклами, перевела на нем все стрелки задом наперед и сказала:

— Сейчас появятся!

Но Черный Квадрат кинулся на чемоданчик и закричал:

— Это мои куклы! Вы не смеете их увеличивать! Я обращусь в суд по охране прав человека.

И тут из чемодана начали выходить совершенно живые, но удрученные, помятые и побитые пленники.

Сначала вышел король Константин и спросил:

— У кого-нибудь найдется гребенка? Я уже тысячу лет не расчесывал усы и бороду. Мне стыдно в таком виде возвращаться на белый свет.

Комиссар Милодар отдал ему свою щетку для волос; а из чемоданчика вышла королева Фелиция и закричала:

— Где мои дети! Я требую вернуть мне детей.

Разумеется, ее дети тут же выскочили из чемоданчика и кинулись к мамочке. И только потом оттуда вышли слуги королевской семьи.

— Сколько же их там поместилось! — вздохнула Мальтузия.

— Это все мои куклы! У меня для них был готов и кров, и дом! — завопил Черный Квадрат.

Но случилось несчастье.

Черный Квадрат так перенервничал, так расстроился, что в середине у него образовалась дырка, похожая на зайца. Принцесса Аня закричала:

— Зайчик, зайчик, где ты был?

Но Алиса, которая вместе с мамой и Бригиттой тоже выбралась из чемоданчика в своем обычном виде и размере, поправила ее:

— Это типичный осел, только маленький.

— Кролик! — поправил девочек Тимон. — Я в книге читал.

Звездный пес огляделся и не увидел своего хозяина.

Он взвыл и кинулся обратно в чемоданчик.

Никто не успел остановить его.

Целую минуту ничего не происходило.

Все уже начали волноваться, а Бригитта даже успела заплакать, потому что очень напереживалась в чемодане, как из минимизатора выскочил звездный пес. Он держал в зубах своего махонького хозяина и вылез сквозь ноздри.

— Вот этого, — сказал комиссар Милодар Черному Квадрату, который дрожал в сторонке, потому что дырка в виде зайчика уже давно стала дырой размером с верблюда и от Черного Квадрата осталась только каемочка, — вот этого я тебе никогда не прощу!

Он протянул руку и вынул Бакштира из пасти звездного пса.

— Дорогой товарищ, — произнес он, — ты не расстраивайся. Наша медицина достигла уже таких успехов, что тебя наверняка увеличат как положено. Мы еще попляшем на твоей свадьбе.

И в этот момент Бакштир довольно быстро увеличился в размерах.

Комиссар не ожидал этого и от удивления упал на пол, а выросший Бакштир грохнулся на него.

Милодар стал отбиваться и кричать, что больше никогда не выйдет из своего кабинета живьем и будет всегда посылать вместо себя свою голограмму, а Бакштир поднялся во весь свой небольшой рост, погладил звездного пса, который прыгал вокруг него как сумасшедший, и сказал:

— Прости, я задумался.

— О чем ты задумался, дружок? — спросил король Константин, который уже причесался и снова стал похож на короля.

— Как наказать пирата Весельчака У, — произнес Бакштир.

— Только не это! — заранее испугался пират. — Вы что-нибудь такое придумаете, что я до конца своих дней жалеть буду! Пускай меня отправят в тюрьму, как и обещали.

— Говори, дружок, говори, — сказал комиссар Милодар. — Верю в твой талант!

— Превратим его в деревянную куколку, — сказал Бакштир.

Наступила тишина.

Все замолчали. Еще бы! Наказание для пирата многим показалось страшным — ведь они сами провели немного времени в этом виде и понимали, как это ужасно.

— И пускай он живет в кукольном городе Черного Квадрата.

— Не выйдет, — сказала Мальтузиа, — смотрите!

Как раз в тот момент каемочка Черного Квадрата стала такой узкой, что превратилась в нитку, разорвалась на несколько кусков, и Черный Квадрат исчез.

Никто не знал, откуда он появился, никто не узнает, куда он пропал.

И тут случилось невероятное происшествие.

Со всех сторон послышались голоса, плач, крики и даже смех.

Толпы людей выскакивали из кукольных домиков, которые рассыпались в пыль. Это были жертвы Черного Квадрата, которых тот держал в своих кукольных домиках в уменьшенном виде.

Они ожили!

Они кинулись к нашим героям и требовали, чтобы их немедленно везли домой, дали покушать, а то и выпить пива.

Некоторые узнавали пирата Весельчака У. То есть узнавали в нем злодея, который похитил их и затолкал в минимизатор.

О, с какой ненавистью они приближались к Весельчаку!

И некуда ему было податься.

— Господин комиссар! — завопил он. — Уважаемый господин Бакштир. Вы собирались меня жестоко наказать! Прошу вас, скорее суньте меня в чемоданчик. Хочу стать маленьким, хочу стать безобидным! Хочу закончить свои дни в размышлениях о вечности!

— Придется уважить, — сказал Милодар.

Он из последних сил удерживал толпу жертв пирата.

Бакштир сильно толкнул толстого пирата, и тот стал залезать в чемоданчик. Вы можете себе представить, какой долгой и мучительной была эта процедура! Хоть головка пирата стала меньше грецкого ореха, но туловище осталось, как у носорога.

Жертвы пирата помогали ему, подталкивали, жали и мяли — ведь всем понравилось такое наказание для пирата и все хотели, чтобы он поскорее испытал судьбу тех, кого сделал куколками.

Наконец Весельчак У исчез в чемодане, а когда через две минуты чемодан открыли, на дне лежал махонький пират-куколка.

Его вынули и перенесли в один из оставшихся кукольных домиков.

И оставили его там совсем одного.

И полетели домой.

Правда, набились в корабли, как сельди в бочки.

Хорошо еще, что бывшим куколкам достался пиратский корабль.

Алиса попрощалась с Бакштиром и Милодаром — у них были свои дела. Она хотела сразу лететь на остров Джерси в зоопарк Джеральда Даррелла, но мама с Бригиттой так устали и перенервничали, пока были куклками, что решили лучше отдохнуть в садике у Бригитты.

«Ничего, — сказала себе Алиса. — Полечу на Джерси в следующий раз. Пожалуй, из моих приключений это было самое неприятное. Никому бы не пожелала превратиться в куклу».

Когда она вернулась домой, то увидела Пашку Гераскина, своего близкого друга.

— Ну как дела? — спросил он. — Случились ли с тобой приключения и события?

— Нет, ничего особенного, — ответила Алиса. — Я побывала на аукционе кукольных домиков.

— И все? — засмеялся Пашка. — А вот у меня было приключение так приключение! Я с Аркашей марками менялся и выменял серию острова Джерси с редкими животными из тамошнего зоопарка. Ты хоть слышала когда-нибудь об острове Джерси?

— Кажется, слышала, — ответила Алиса.

Алиса и Алисия

Глава 1. Заповедник на Суматре

Через сто лет все уроки в школе будут наглядными.

Вы поняли, что это значит?

Если не поняли, объясню.

Например, историю Средних веков школьники будут изучать в Средние века. Ты хочешь узнать о Робин Гуде — пожалуйста, отправляйся в Шервудский лес и погляди, как Робин Гуд стреляет из лука. А если задали узнать, как выглядели неандертальцы, то следует сгонять в каменный век и поглядеть, как они охотятся на мамонта.

Например, Алиса решила писать контрольную работу по тропическим бабочкам. Но что такое контрольная по тропическим бабочкам? Это фильм об их жизни, который тебе надо снять на острове Суматра или в малайских джунглях.

В субботу с утра Алиса приготовила камеру и собралась на остров Суматра, и тут к ней заявился ее друг Пашка Гераскин и сказал, что летит вместе с ней. Вообще-то он задерживаться на Суматре не намерен, а собирается полететь дальше, на небольшой остров Комодо, где живут последние на земле драконы — трехметровые драконы острова Комодо.

Пашка с Алисой по спутниковой линии за полчаса долетели до экватора, там на другой станции взяли небольшой флаер и спустились на Суматру.

Алису встречал Омир, сотрудник национального парка. Маленький, темнокожий, толстенький, похожий на пережаренный колобок.

— Здравствуй, Алиса! — воскликнул он. — Я так рад, что ты прилетела. Смотри! Это сняли орангутаны — оберегатели носорогов. — Он показал Алисе фотографию.

— Неужели они не вымерли? Какое счастье для науки!

— Судя по всему, где-то сохранилась небольшая популяция жемчужных мотыльков. Может быть, один или два. Надо выяснить, сколько их и где скрываются, — сказал Омир.

Он протянул фотографию Алисе и добавил:

— У меня нет ни минуты свободной: в стаде слонов начался коклюш. Пожалуйста, проведи расследование без меня.

Пашка взял у Алисы фотографию. На ней — бабочка размером с Пашкино ухо с толстым пушистым тельцем и треугольными крыльями, которые переливались перламутровым блеском.

— Редкость, говорите? — произнес Пашка.

— Уже сто лет, — ответила Алиса. — Богатые коллекционеры платили по сто тысяч гильденов за экземпляр. В результате мотылек постепенно исчез. И вот — жив! Сохранился здесь в глубине джунглей.

— Где же его искать? — спросил Пашка.

Он понимал, что остров Суматра больше размерами, чем средняя европейская страна. Попробуй отыщи там мотылька!

Омир перевернул фотографию и показал Пашке, что на обороте нарисован план того места, где увидели этого мотылька.

— Его сфотографировали на берегу реки Наас, как раз за бамбуковой рощей у горы Адама.

— Туда я и отправляюсь, — сказала Алиса.

— И я с тобой, — сказал Пашка.

— Но ты же собирался лететь к драконам!

— Драконы немного подождут, ждали меня сто миллионов лет, неделя лишнего ожидания им не помешает. А вот тебя я не могу бросить в такой сложный момент твоей молодой жизни!

Алиса пожалала плечами. Она не поняла, почему этот момент в ее жизни должен быть особенно сложным. Но если друг хочет быть с тобою рядом... другу не отказывают.

Омир свистнул, и с громадного мангового дерева, что росло над конторой заповедника, спустился молодой орангутан.

— Познакомьтесь, — сказал Омир. — Это Амиран, царь обезьян, лентяй, оберегатель носорогов, работать не хочет, учиться тоже не желает. Вот и устроился в заповеднике проводником. Слушай, Амиран, ты помнишь, где эту бабочку видел?

— Приблизительно, — ответила обезьяна.

Орангутан Амиран ростом был повыше Пашки, ходил он согнувшись, упирая костяшки пальцев в землю.

Орангутан первым отправился по дорожке в лес.

Было жарко и влажно.

В лесу гудели насекомые. Пашка отмахивался от них, как мельница от рыцаря Дон Кихота.

— Далеко еще? — спросил Пашка минут через десять, когда они свернули на узкую тропинку.

— А кто его знает, — вздохнул орангутан.

— А ты что, не знаешь куда идти?

— Приблизительно знаю, — ответила обезьяна. — Точно не знаю.

Орангутан Амиран был неразговорчив.

— Ты из школы умных зверей? — спросила Алиса.

— Попрошу меня не тыкать! — ответил орангутан. — Все животные равны!

— Но я же не животное!

— Хуже, — заметил орангутан. — Потому что разучилась лазить по деревьям, рвать бананы и прыгать через пропасти.

— Ну, ты тоже не все умеешь, — сказал Пашка.

— Но по крайней мере я хорошо воспитан.

— Ах! — раздался крик из чащи. — Ах-ух-ух-у!

С дерева, держась лапой за лиану, слетел другой орангутан. Видно, Амиран ему был нужен. Иначе бы он не стал прыгать вокруг и верещать по-обезьянью.

— Ну пошли, — сказал ему Амиран и последовал за ним в заросли бананов.

— А нам что делать? — спросила Алиса.

— Идите дальше, — ответил Амиран. — Меня ждут, у нас занятия по аэробике.

Только его и видели. Сначала Алиса хотела рассердиться, но потом передумала.

— Ничего хорошего из школы умных зверей не получилось, — сказала Алиса.

— Я чего-то слышал о ней, но забыл, — признался Пашка.

— В Сингапуре, — напомнила другу Алиса, — в Психологическом институте решили воспитать разных животных так, чтобы они стали умными. То есть научились говорить, считать до ста, есть ложкой и вилкой, смотреть сериалы по телевизору. Директор института профессор Лю был уверен, что поумневшие животные смогут многое рассказать о себе и своих родных.

Почти все животные, которые сильно поумнели, о себе рассказывать не пожелали. Они

теперь служат в санаториях, кто ночным сторожем, а кто дневным дворником. Обязанности свои они выполняют никуда не годно, но кое от кого есть и польза. Например, один тигр дрыхнет в винограднике у замка Арманьяк и рычит по ночам так, что ни туристы, ни местные мальчишки не смеют лазить туда за ягодами.

А орангутан Амиран решил стать обходчиком и младшим научным сотрудником в заповеднике на острове Суматра. Климат там отличный, а в лесу живут родственники. Считается, что он оберегает носорогов, но на самом деле близко к ним не подходит, боится, забодают.

Алиса с Пашкой дальше шли не спеша, было душно. Вдруг они услышали неподалеку командирский голос. Пашка осторожно поспешил на голос. Алиса — за ним.

На поляне стоял орангутан Амиран, он взмахивал длинной волосатой лапой и командовал нестройной шеренгой из шести орангутанов разного размера.

— Воображает, что он их лесной командир, — прошептала Алиса. — Стоило ли для этого делать его умным?

— Что, будем ждать, пока он наиграется?

— А как мы без Амирана найдем место, где поймали мотылька?

— Я знаю, чем питаются такие мотыльки.

— Чем же?

— Они пьют нектар орхидеи «Память о фее». Я здесь уже бывал и запомнил, где растет орхидея.

Они выбрались на берег быстрой лесной речки, которая булькала, щебетала, стремительно неслась по камням. К самой воде с той стороны подступали могучие деревья, за ними высились отвесные скалы.

— Гляди! — Алиса показывала на высокий куст, из которого поднимались тонкие стебли, увенчанные золотистыми с голубыми полосками цветами, похожими на танцующие женские фигурки в длинных платьях. — Вот это и есть феи. Правда, похожи?

Но Пашка не слышал Алису. Он показывал на тот берег речки.

— Алиска, что это такое?

Алиса пригляделась. Сквозь лианы и переплетение ветвей был виден гладкий металлический конус. Такому совсем не место в тропических джунглях.

— Грузовой флаер? — подумала вслух Алиса.

— Нет, — сказал Пашка. — И ты отлично знаешь, что это не грузовой флаер. А если бы это был грузовой флаер, который разбился, сюда давно бы уже прилетел отряд спасателей и стоял такой шум, что все орангутаны бы разбежались.

— Надо вызвать Омира.

— Да погоди ты! Сначала посмотрим. Вдруг это космический корабль, который потерпел крушение, а в нем лежат раненые астронавты?

— Ты с ума сошел!

Пашка не слушал Алису. Он не стал раздеваться и разуваться, а вбежал на большой камень на берегу и с него прыгнул в быструю воду.

Глава 2. Корабль из того мира

Алиса стояла на берегу и смотрела, как вынырнет Пашка.

Нет, она не боялась, что Пашка утонет, он неплохой пловец. Но речка была быстрой, дно каменистое, и если прыгаешь с берега, нетрудно расшибиться о камни.

Пашкина голова показалась посреди реки, он отфыркивался, перевернулся на спину и крикнул:

— Вода теплая, только бы и плавать!

Алиса не стала разуваться, а вошла в воду и поплыла следом за Пашкой.

Вода была приятной, но над ней стаями кружили комары!

Пашка раньше Алисы вылез из воды и пошел к металлическому конусу. Алиса догнала его у корабля.

Теперь было ясно, что они нашли космический корабль, который непонятным образом попал в джунгли Суматры.

Пашка остановился и подождал Алису.

— Погляди, — сказал он. — Там должен быть люк.

Алиса пошла вдоль металлического цилиндра. Он был опутан лианами, и ветви кустов прижимались к нему.

— Как ты думаешь, — спросил Пашка, — он давно здесь?

— Поверхность как новая, а лианы здесь растут очень быстро. Порой и дня достаточно, чтобы тебя опутали.

— Удивительно, — сказал Пашка. Он остался на берегу, и потому его голос доносился все глуше — шум воды, пение птиц, треск сучьев мешали слушать его. — Удивительно, что его раньше не заметили.

— Я с тобой согласна! — откликнулась Алиса, пробиваясь сквозь лианы вдоль цилиндра. — Даже пылинки не может прилететь из космоса незамеченной. Особенно теперь, когда все на Земле опасаются космических террористов. И я нигде не слышала о таком корабле и не читала о нем. Странно, правда?

— Даже Омир в заповеднике ничего нам не сказал. Уж он-то должен был знать.

И тут Алиса увидела люк. Овальнй люк заподлицо с корпусом. Она провела по нему ладонью, и что-то внутри корабля зашуршало, запело, зашевелилось... Алиса даже отскочила, споткнулась, упала было больно и вскрикнула.

— Что с тобой? — Пашка кинулся на выручку. Но когда он оказался рядом, Алиса уже поднялась.

Пашка ушиб колено и уселся на землю.

— Хоть бы так не пугала! — проворчал он. — Я же мог без ноги остаться.

— Я люк нашла, — сказала Алиса. — Когда я дотронулась до него ладонью, в нем сработал биоэлемент. Он среагировал на меня.

— И что же?

— А ты посмотри.

Пашка поднялся и проковылял к люку.

Люк открыт, внутри горит слабый свет.

Корабль как бы приглашает к себе гостей.

— Ты куда? — крикнула Алиса.

Но Пашка не ответил. Он мгновенно забрался в корабль и прошел несколько шагов по

коридору.

— Погоди!

Была бы Алиса одна, никогда бы не сунулась в неизвестный и, возможно, инопланетный корабль. Сначала, как разумная девочка, связалась бы с Интергалактической полицией, а вернее, со своим старым знакомым комиссаром Милодаром. И рассказала, что в джунглях острова Суматра нашелся космический корабль, наверное, потерпел крушение, может быть, на нем были пассажиры или космонавты, так что я, Алиса, останусь снаружи и не буду совать носа внутрь, а вы, комиссар Милодар, срочно присылайте спасателей, исследователей и дезинфекторов.

Но Алиса была не одна, а ее неразумный друг меньше всего на свете любил кому-то докладывать. Увидел тигра — лезет к нему в логово, увидел корабль — несется по его коридорам. А вдруг там лежит весь в синяках инопланетный пришелец? А вдруг туда забрался дикий пират и с ним надо сразиться до последней капли крови? Так что, как вы понимаете, за ним надо глаз да глаз иметь.

Алиса поспешила по коридору вслед за Пашкой. Корабль был пуст. Даже воздух в нем был пустой и гулкий. Как в музее, где уже неделю не было ни одного посетителя. Лишь одинокая пчела залетела в коридор и теперь бестолково летала, ударяясь о стенки.

— Паш! — громко сказала Алиса.

Пашка не откликнулся.

Алиса прошла дальше. Корабль был устроен нелогично, то есть неправильно. Ты ждешь, что коридор закончится люком и ты перейдешь на пульт управления или в кают-компанию, а ты оказываешься на складе.

Следующее помещение тоже было складом. Но складом боевых шлемов — скафандров для боя в космосе. Алиса их наяву не видела, но в фильмах о звездных войнах такие показывали. А может быть, это кинокорабль? Корабль-декорация. Снимали на нем очередные «Звездные тайны», а потом запустили и потеряли. А так как он принадлежал киногруппе, то никто его не хватился. Пропал, ну и ладно. В кино так бывает.

Вам, наверное, известна удивительная история, которая случилась года два назад на съемках «Ильи Муромца»? Там должен был появляться Змей Горыныч. Настоящего отловить не удалось, так что сделали биоробота. Съемки длились долго, к Змеюше все привыкли, он был добрый характером, только близко к пасти подходить не следовало — мог и огнем дыхнуть. Когда съемки закончились, режиссер приказал ассистенту по роботам сдать Змеюшу на металлолом или найти ему какое-нибудь другое достойное применение, а ассистент забыл выполнить это приказание. Группа уехала со съемок, вернулась в Москву, а Змеюша остался на опушке леса. Зимой он кое-как перекаптался, но с первыми травинками отправился искать счастья подальше от неблагодарных людей в Сибирь. И надо же — встретил на озере Лабынкыр самую настоящую Змеиху, которая давно скрывалась от людей. Они стали жить-поживать, и Змеиха снесла три яйца, из яиц вылупились совсем уж непонятные существа, которые питались деревьями и быстро росли. А летом туда добралась туристическая группа. Змеиные детишки выбрались на берег и решили проверить на зуб палатки туристов. Хорошо еще проснулся Змеище и отогнал детей — а то остались бы от туристов только рожки да ножки. Теперь целый институт изучает обитателей озера Лабынкыр, потому что раньше никогда не было змеиных семей, которые состояли бы наполовину из биороботов, а наполовину из рептилий.

Но чем дальше шла по коридору Алиса, тем больше она понимала, что, конечно же, это

не декорация и никакого отношения к кино корабль не имеет. А то, что он был таким пустым, вызывало тревогу.

Значит ли это, что все ушли отсюда и бродят по лесу или погибли в джунглях Суматры? Или, может быть, с самого начала это был корабль-разведчик, которому экипаж и не положен?

— Пашка! — позвала Алиса.

Молчание.

Алиса поспешила дальше.

Ага, вот и Пашкин след!

Алиса увидела на пластиковом полу припечатанный зеленый листок. Видно, приклеился к Пашкиной подошве.

Алиса шла дальше, проходя сквозь комнаты, в которых никогда никто не жил. Нет, не приходилось Алисе видеть такого странного корабля! Он к тому же был велик. Обычно на планету опускается катер — небольшое судно, чтобы не тратить энергию, а корабль остается на орбите. Поэтому большие космические корабли не бывают обтекаемые, как в кино. Ведь им не надо пробиваться сквозь атмосферу. А этот корабль опустился на Землю, значит, он мог проходить сквозь атмосферу.

Алиса торопилась к центру корабля — к пульту управления и капитанскому мостику. Такие пульта есть на всех космических судах.

Но дойти до пульта не удалось.

Перед ней была завеса.

Нет, не матерчатая, а будто газовая.

Руку можно ввести, но потом она утыкается в какое-то препятствие.

По сторонам дверей не было. Значит, Пашка тоже дошел до туманной стены. И возвратился обратно?

А может, пошел дальше? Пашка ведь не выносит останавливаться на пути...

Глава 3. Алиса в плену

Алиса еще раз позвала Пашку. И снова тишина.

Как бы проникнуть за газовую завесу?

Она еще раз протянула вперед руку. Рука уткнулась в теплую преграду, но преграда не была непроницаемой. Если нажать сильнее, она поддавалась. Рука уходила все глубже, будто ее засасывало внутрь. Алиса сделала шаг, еще... и вошла в этот туман. Он ее затягивал!

Хотела испугаться, но не успела, потому что ее засосало, как засасывает воду в умывальник...

Плюх!

Проскочила преграду. И, не удержавшись на ногах, упала на четвереньки.

Она все еще была в корабле. Просто перескочила в другую половину.

Непонятно, зачем было делить корабль?

— Пашка! — позвала она.

Конечно, он умчался дальше. Исследователь!

Алиса поднялась и пошла вперед.

Такие же пустые помещения, похожие на склады. А вот и пульт управления. Пилотские кресла чуть великоваты для Алисы, видно, инопланетяне формой и размерами похожи на людей.

Правда, только по форме кресел нельзя понять, каковы из себя инопланетяне. Вдруг они выше пояса карлики, а ниже — слоники.

Тут Алиса усомнилась: с чего она так упорно считает, будто это инопланетный корабль?

Это же можно проверить!

Алиса подошла к пульта. Здесь должны быть надписи или даже судовой журнал.

Никакого судового журнала не нашла, зато справа у ряда кнопок и переключателей было написано: «Вкл», «Выкл», «Нейтрал».

Нормально написано, по-нашему.

Значит, первая ее мысль была правильной — это киногруппа снимала «Звездные мечты», или «Звездные молнии», или даже «Звездные волны». А корабль они потеряли в чаще.

Ну хорошо, тайн больше нет, надо отыскать Пашку, пока он не свалился с какого-нибудь обрыва, и возвращаться.

Алиса вылезла из корабля.

Джунгли. Жужжат насекомые, птицы поют.

Алиса прислушалась.

И вдруг ей почудился крик.

Голос Гераскина!

Алиса тут же кинулась в ту сторону.

Конечно, скажете вы, Алиса опять поступила неправильно. Надо было звать на помощь, а не кидаться сломя голову в неизвестные заросли. Но хорошо вам, взрослым людям, читающим повесть в удобном кресле. Конечно, вам ничего не страшно. А Алиса испугалась за Пашку. Ведь они не на асфальте, а в настоящих джунглях, а Пашка такой неосторожный, он может провалиться в ловушку или столкнуться с суматранским носорогом, который

меньше африканского, но злобный, как крокодил.

Лианы старались схватить девочку, листва сыпалась под ноги, ветви смыкались перед ней — лес не хотел ее пропускать.

— Пашка! — крикнула она. — Ты здесь?

— Алиса...

Голос Пашки теперь ближе.

Наконец кусты расступились, и Алиса увидела своего друга. Но в каком ужасном виде!

Два рыжих полицейских тащили его к черному автомобилю.

— Немедленно прекратите безобразие! — закричала Алиса.

Но опоздала.

Дверцы машины захлопнулись, и она покатила по лесной дороге прочь.

— Что все это значит? — спросила Алиса сама себя вслух.

Никто не ответил. Она вышла на дорогу. Почва была мокрой, недавно прошел ливень, рядом со следами шин были видны следы марафонов Пашки и сапог полицейских. Дорога терялась в лесу. Бежать за машиной нет никакого смысла. Все равно не догонишь. Надо вызывать заповедник и Интергпол — комиссар Милодар не оставит без наказания такое самовольство.

Алиса включила коммуникатор на виске.

Произнесла номер заповедника, который помнила наизусть.

Гудки, гудки, гудки... и никакого ответа.

— Да отвечайте же!

Тогда Алиса набрала номер Галактической полиции. Уж там-то всегда есть дежурный.

Гудки, гудки, гудки... никакого ответа.

Может, сломался телефон?

Какой номер набрать?

Алиса назвала свой собственный. Она знала, что домашний робот Поля сегодня дома, у него большая уборка. Но и дома — гудки, гудки, гудки... и никакого ответа.

Значит, точно — телефон сломан.

Перед Алисой было два пути. Или идти по лесной дороге, по которой уехала полицейская машина, или возвращаться в правление заповедника, чтобы позвать на помощь Амира.

Когда спешишь и волнуешься, принять правильное решение нелегко.

Сначала Алиса побежала по дороге вслед за машиной. А вдруг там, недалеко, есть деревня, куда они привезут Пашку? Ведь это какое-то недоразумение!

Пробежав шагов сто, Алиса остановилась.

Неизвестно, сколько бежать до деревни, тем более что связь не работает и некому пожаловаться.

Но Пашка сейчас в опасности. Наверное, это какие-то сумасшедшие полицейские. Нормальные никогда не будут хватать в джунглях русского туриста.

И Алиса вновь побежала по лесной дороге.

Дорога плавно повернула направо и пошла наверх. Земля под ногами была мокрой и скользкой. Приходилось смотреть под ноги, чтобы не упасть. Поэтому Алиса не заметила, как выбежала на то место, где лесная проселочная дорога вливалась в узкое потрескавшееся шоссе.

Там стояла скамейка. А на скамейке сидел...

— Амиран! — воскликнула Алиса. — Я тебя ищу. Ты не видел, машина здесь проезжала? Полицейская машина черного цвета, в ней увезли моего друга Пашку.

Амиран смотрел на Алису, как на таракана, и презрительно шевелил выпяченной верхней губой.

Потом запустил за спину волосатую лапу, вытащил оттуда полицейскую фуражку и надвинул на лоб. Когда он поднялся, Алиса поняла, что он в синих полицейских штанах, а в руке болтается полицейская куртка.

— Какая машина? — спросил он.

— Полицей... Послушай, Амиран, ты шутишь? Это игра такая?

— И кто же тебе позволил шляться одной по лесу? — спросил он наглым голосом. Даже у обезьян бывает наглый голос.

— Каким тоном ты разговариваешь? — удивилась Алиса. — И что это вообще за маскарад?

— А ну пошли со мной, — приказал орангутан. — И не разговаривать по дороге. А то когда вы разговариваете, у меня в голове ваши слова крутятся, как вертолетные винты.

— Что все это значит? — Алиса сердилась и говорила серьезно, но она уже начала побаиваться. Орангутан был большой обезьяной, вдвое больше и сильнее Алисы. И полицейскую форму он носил привычно. Алиса уже поняла, что произошла ошибка. И это, конечно, не Амиран, а другой воспитанник умной школы. Его выучили на полицейского, и он охраняет порядок в заповеднике.

— Ты из умной школы? — спросила Алиса.

— Иди и не оборачивайся. А то схлопочешь за здорово живешь!

Он разговаривал совершенно свободно. Даже лучше, чем настоящий Амиран.

— А как тебя зовут? — спросила Алиса.

— Попрошу не отвлекаться, — прикрикнул на нее полицейский. — На месте тебя допросят как следует.

Алиса решила не спорить и пошла перед орангутаном.

— А что здесь происходит? — спросила она. — Почему здесь машина, почему арестовали Пашку?

— Это государственная тайна, — ответила обезьяна. — Иди, иди!

Было жарко, и воздух был влажным, как будто ты идешь по большой бане. Даже рюкзачок с Алисиным добром казался тяжелым и неудобным.

Глава 4. Милодар постарел

Скорей бы это недоразумение кончилось, думала Алиса. А то просто погибну в этой жаре. И почему Омир в заповеднике не сказал мне, что один из орангутанов устроился здесь полицейским?

— И кого же вы ищете? — спросила Алиса.

Орангутан лишь подтолкнул ее костяшками пальцев.

Алиса поняла, что от обезьяны не убежать. Она же всего-навсего человек. Значит, придется немножко потерпеть, пока они не доберутся до людей.

Что и случилось довольно скоро.

У шоссе стоял небольшой дом, в таких обычно сидят пограничники и ждут, когда подъедет турист или нарушитель границы.

На крыльцо дома вышел еще один полицейский.

И тоже орангутан!

Он увидел Алису под охраной своего товарища и крикнул:

— Давай, давай! Один уже есть!

Орангутан от радости даже стал подпрыгивать. Он упирался ладонями об асфальт и подкидывал зад, обтянутый полицейскими штанами. Полицейский был без сапог, босой, но это никого не смущало.

Алису втолкнули в помещение.

Там стоял стол, за ним кресло с высокой спинкой, и возле спинки в пол был воткнут незнакомый Алисе флаг с большой бабочкой на синем фоне.

За столом сидел не кто иной, как друг Алисы, научный сотрудник заповедника Омир. Странно — он был одет в такую же форму полицейского, как и обезьяны, только его форма была расшита золотом и украшена позументами. Был он во всем похож на Алисиного знакомого, правда, казался чуть постарше.

Напротив него, по другую сторону стола, сидел Пашка Гераскин.

Пашка был расстроен, сидел, опустив голову, как будто страшно устал.

— Омир! — воскликнула Алиса от дверей. — Как хорошо, что я тебя нашла. А то здесь творится форменное безобразие.

Сотрудник заповедника, такой милый и добродушный, повернул к Алисе тщательно расчесанную на пробор голову, чуть нахмурился, смерил ее холодным равнодушным взглядом и произнес:

— Посадите задержанную вон там, в углу. И если она будет поднимать шум, заткните ей рот кляпом.

— Что ты говоришь, Омир! — возмутилась Алиса. — Ты заболел, что ли? Мы с тобой час назад говорили!

Тут орангутан быстро, по-звериному, схватил с пола грязную тряпку и помахал ею перед лицом Алисы.

Алисе дурно стало от отвращения. В ушах прозвучал голос Омира:

— Ну что, обещаешь молчать?

Алиса кивнула. Как смогла.

Орангутан захохотал. Ему очень понравилось, что Алиса его боится.

Омир повернулся к Пашке:

— Что вы там делали? Сколько раз тебе повторять? Что вы делали в лесу?

— Мы искали бабочку, — слабым голосом ответил Пашка.

— А ну всыпь ему парочку горячих! — приказал Омир.

Орангутан взял со стола кнут и ударил два раза Пашку по спине.

— Не смей! — закричала Алиса. — Он же мальчик!

— А мне какое дело? — удивился Омир.

— Мальчиков бить нельзя, — объяснила Алиса. — Они терпеть не умеют.

— Тогда будем бить тебя, — согласился с ней Омир.

И по его знаку орангутан так огрел Алису кнутом, что она взвыла во весь голос.

Не может быть, чтобы за один час Омир так изменился. Значит, он притворялся тогда или притворяется сейчас. А если притворяется сейчас, то наверняка даст Алисе понять, чтобы она не боялась.

Но Омир не подавал сигнала. Он продолжил допрос:

— А как вы сюда попали? — спросил он у Пашки.

— Как все, — ответил Пашка.

И он сжался, ожидая нового удара кнутом.

Но удара не последовало.

— Девочка, — спросил Омир Алису. — Твои имя, фамилия и задание?

— Мое имя Алиса, Алиса Селезнева, и ты об этом отлично знаешь, потому что мы еще в прошлом году с тобой встречались и ты меня в джунгли водил охотиться на светлячков.

— Нет, это невозможно! — возмутился Омир. — Отправляю тебя в подвал, и учти, что я не шучу. Я вообще не умею шутить.

— Погоди, погоди, — услышала Алиса другой голос.

В комнату вошел новый человек.

Был он невысокого роста, широкоплечий, но его большая голова казалась еще больше из-за того, что ее украшала грива седых курчавых волос.

Человек был очень скор в движениях и говорил быстрее, чем обычно говорят люди.

На нем был щегольской мундир, рядом с которым расшитый золотом мундир Омира казался скромной солдатской гимнастеркой. На одни эполеты, украшенные бриллиантовыми звездами, ушло килограмма два золота.

— Комиссар! — обрадовалась Алиса. — Комиссар Милодар, какое счастье, что вы наконец пришли!

— А ну-ка, — приказал комиссар Милодар, — попрошу всех посторонних удалиться.

И он так показал пальцем на дверь, что всех орангутанов, не говоря уж об Омيره, как метлой вымело.

Он уселся за стол на место Омира и улыбнулся доброй привычной усмешкой комиссара, которую так боятся космические пираты и межпланетные карманники. Почему он так посидел за месяц, что Алиса его не видела?

— Милодарчик! — воскликнула Алиса. — Комиссар! Что это за театр?

Алиса думала, что очень смешно шутит.

Но Милодару это не показалось смешным. Усмешка исчезла с его лица.

Он строго произнес:

— Молодые люди, вы задержаны в запретной зоне, вы одеты странно, не как положено, вы сопротивлялись нашим сотрудникам. Разве это не основание вас допросить?

— Что еще за запретная зона? — возмутилась Алиса. — Если вы имеете в виду заповедник, то мы прилетели сюда по разрешению. Мы бабочку ищем!

— И какую же бабочку? — спросил комиссар.

— Вы полицейский, — буркнул Пашка. — Откуда вам в бабочках разбираться?

— У нас, как ты отлично знаешь, только слепой в бабочках не разбирается.

Алиса посмотрела на Пашку, Пашка только плечами пожал и тут же сморщился от боли. Все-таки ему как следует досталось!

— А драться не надо, — сказала Алиса.

— Орангутанов взяли в полицию в виде опыта. Пока они еще грубоваты, зато в лесу хорошо ориентируются, — сказал комиссар.

— Нам пора возвращаться домой, — сказала Алиса.

— И где же ваш дом? — спросил комиссар.

— Как где? В Москве! Вы же знаете!

— Я могу подозревать, — ответил комиссар. — И с какой целью прибыли сюда?

— Да я же сказала — за бабочкой! — воскликнула Алиса. — За жемчужным мотыльком. Это редчайшая бабочка, и, возможно, она уже вымерла, но на Суматре нашли один экземпляр.

— Вот именно! — комиссар хлопнул ладонью по столу, словно прибил комара. — Нашли! Я так и думал.

— Что вы думали?

— Мотылек есть, он существует! Да здравствует прозорливость великой и неповторимой тиранши и деспотки, нашей дорогой олигархатки Алисии Первой и единственной!

В своем ли уме постаревший комиссар?

И вдруг девочку посетила гениальная мысль!

— Какой сегодня год? — спросила она.

— Зачем тебе понадобилась эта информация? — смутился комиссар.

— Я подозреваю, — Алиса смотрела на комиссара в упор и не спускала с него глаз, — я подозреваю, что между тем моментом, когда мы вошли в корабль, и нынешней минутой прошло по крайней мере лет десять. Омир растолстел, комиссар поседел, орангутаны вообще одичали и стали полицейскими.

— Говори, девочка, говори, — почему-то обрадовался комиссар. — А как же это сделано?

— Проще простого, — сказала Алиса. — Это вовсе не корабль лежит в лесу, а машина времени. Мы сквозь нее прошли — и бац! — десять лет в одну минуту! Я вас, комиссар Милодар, знала на Земле десять лет назад, вы были добрее, не кричали на детей, а ваши обезьяны не смели людей колотить.

— Значит, за десять лет мы стали плохими?

— Еще как! — буркнул Пашка. — Человек человека в наше время не колотил.

— А обезьяны колотили?

— Обезьяны из леса и носа не смели высунуть, — сказал Пашка.

Комиссар Милодар чуть усмехнулся и спросил:

— А где же теперь взрослые Алиса с Пашкой?

На этот вопрос Алиса ответить не смогла. И в самом деле — где она? Почему она не постарела?

— Наверное, где-то здесь гуляю я сама, только на десять лет старше, — сказала она.

— И хотела бы познакомиться? — спросил Милодар.

— А что она... то есть, что я делаю через десять лет?

— Полетим, посмотрим, — сказал Милодар.

— Вы же знаете, — воскликнул Пашка, — что путешествие в будущее невозможно! В прошлое можно попасть через Институт времени, а в будущее нельзя ни за какие коврижки. Потому что его еще нет. Каким оно станет — никому неизвестно.

— Смотри-ка, соображает, — сказал Милодар. — Но вы домой хотите?

— Хотим, — сказал Пашка, — нам здесь не очень нравится.

— Это не так просто сделать. И за возвращение вам придется платить.

— Я согласен! — закричал Пашка раньше, чем Алиса успела его остановить.

— По рукам? — спросил комиссар.

— По рукам.

— Тогда подождите, — сказал комиссар, и с этими словами он вышел из комнаты. Алиса с Пашкой остались одни.

— Ты веришь, что мы в будущем? — спросил Пашка.

— Я им вообще не верю. Но подозреваю, что это не будущее.

— Если не будущее, — удивился Пашка, — то откуда здесь эти люди, такие же, как прежде, но старше на десять лет?

— Сейчас мы все узнаем, — прошептала в ответ Алиса и поманила Пашку к открытому окну.

Глава 5. Беглецы

Порой Пашка понимает свою подругу без единого слова.

Так случилось и в том кабинете на острове Суматра.

Окно было открыто. В двух метрах от окна стояло манговое дерево. Оранжевые тяжелые плоды тянули к земле ветви дерева.

— Допрыгнешь? — спросила Алиса.

— Спрашиваешь! — ответил Пашка.

Алиса первой вскочила на подоконник и кинулась вперед. На лету успела ухватиться за ветвь мангового дерева и, быстро перебирая руками, стала подниматься к стволу.

Вдруг ветка, по которой она ползла, резко пошла вниз. В нее на лету вцепился Пашка.

Еще через полминуты они уже сидели в гуще листвы на развилке дерева.

А в окне появилось сердитое лицо комиссара Милодара.

— Задержать их! — потребовал он. — Хватать и не пущать!

Алиса взглянула вниз. По дорожке к дереву бежал целый отряд полицейских орангутанов под начальством Омира.

Вот они окружили дерево и принялись смотреть вверх, чтобы разглядеть в листве Алису и Пашку.

Вот один из орангутанов увидел Алису.

— У-у-у-у! — зарычал он. — Она здесь!

Он кинулся к дереву.

Пашка сорвал большой плод манго и запустил им в орангутана, который только-только дотянулся до ствола.

Плод манго ударился о макушку обезьяны и расплющился как страусиное яйцо. Липкая жижа залила ему всю рожу и залепила глаза.

Орангутан принялся сдирать жижу с лица, лапы тоже стали липкими, и чем больше он размазывал, тем грязнее становился.

Второму орангутану Пашка по черепу угодил. Но второй орангутан не стал расстраиваться, а начал слизывать с морды липкую жижу длинным розовым языком.

Поражение полицейского отряда было полным — ведь они были без касок, а спелых плодов манго на дереве были сотни.

Омир вытащил пистолет и стал угрожать им Пашке, Алисе это не понравилось, и она выстрелила в него пулеметной очередью плодов: два на плечи вместо эполет, один плод на голову, один в нос и самый большой в грудь.

Все!

Полиция в беспорядке отступила, унося начальника.

— Что будем делать дальше? — спросил Пашка. Он раскраснелся, глаза горели, руки сжаты в кулаки!

— Дальше полетим домой и пойдем наконец, что произошло.

— А как полетим? — спросил Пашка.

— Давай решать проблемы по мере их возникновения!

Это была любимая фраза комиссара Милодара. Но не того седого Милодара, что хотел посадить Пашку с Алисой в тюрьму, а нашего, доброго.

— Какая первая проблема? — спросил Пашка.

— Найти флаер.

Они не стали спускаться с дерева на землю, а перебрались по толстым ветвям на соседнее дерево — благо их там было немало. По пути они испугали летучих лисиц, которые таились в большом дупле, страшно удивили зеленую древесную змею, которая раньше таких существ не видала, и разозлили маленького сонного лемура, который как раз начал смотреть интересный сон про белых медведей и настоящий лед.

И вот они уже на земле.

Сквозь густые кусты они пробрались к дороге. Обычная пластиковая дорога, вдоль которой бежала пешеходная дорожка.

Пусто.

— Я думаю, что мы с тобой в каком-то городе, — сказал Пашка. — Жаль только, что нет у нас с собой карты. С картой мы стали бы похожи на туристов, и никто бы нас не нашел.

— Я думаю, что с картой и без карты нас никто бы за туристов не принял.

Да и как можно было кому-то показаться туристами, если одежда измазана манговым соком и зеленью листвы, мокрой грязью и глиной.

Но все равно, не стоять же здесь и ждать, пока полицейские опомнятся и тебя поймают.

Алиса первой шагнула на бегущую пешеходную дорожку, и Пашка скоро догнал ее.

К счастью, никого не встретилось. Лишь по автодороге порой проносились автороботы с грузом — одни везли бананы, другие — манго или ананасы. А третьи — телеобъемники.

А вот и съезд с дорожки на стоянку флаеров.

— Считай, нам повезло, — сказала Алиса и первой побежала к флаеру.

Пашка — за ней.

Алиса набрала на пульте «Джакарта», чтобы поскорее добраться до столицы Индонезии.

Флаер резко пошел вверх, а потом стал заворачивать правее, словно кто-то тянул его за ниточку.

— Это еще что такое! — воскликнул Пашка.

Красные огоньки загорелись на пульте, показывая пилоту, что флаер летит совсем не туда, куда его направила Алиса. Этот путь заблокирован. Их перехватили.

Алиса попыталась перевести машину на ручное управление, но ничего из этого не вышло.

Флаер сделал круг и спустился к большому белому дворцу.

— Будем сопротивляться! — сказал Пашка. — До последней капли крови.

— Я не возражаю, — ответила Алиса. — Но я не знаю, какое у нас с тобой есть оружие.

— А на что у нас когти, локти и колени? — спросил Пашка.

— А если они не помогут?

— Никто еще не выдержал удара моей коленки, — смело сказал Пашка.

Флаер трянуло.

Он замер на зеленом газоне.

— Выходите, — раздался голос. — Идите к моему дому.

— Будем сражаться? — спросил Пашка.

Он первым вылез из флаера, ведь надо быть последним дураком, чтобы сопротивляться, когда твой противник настолько сильнее тебя.

— Сражаться не надо, — произнес голос, который подслушал Пашкин шепот. — Никакого вреда я вам не причиню. Как только вы выполните мою просьбу, я вас отпущу

домой.

— Пойдем, Пашка, — сказала Алиса. — Мне этот голос кажется знакомым.

— Еще бы, — произнес голос. — Добро пожаловать.

Глава 6. Пашка десять лет спустя

Пашка с Алисой вылезли из флаера и пошли по усыпанной мелким гравием дорожке к широким ступеням, что вели к подъезду замка.

Двери в замок медленно и торжественно распахнулись, и в них появился молодой человек в белом тропическом костюме, пробковом шлеме и с большим сачком для ловли насекомых. Он держал его как ружье на параде, но был при том очень грустным.

— Добро пожаловать в мою обитель печали, — сказал он и всхлипнул.

Голос был знаком. Но узнать его Алиса не смогла.

Странное чувство, будто она вот-вот угадает, кто же стоит перед ней, и в то же время угадать не может.

— Не узнаешь? — спросил молодой человек.

— Нет, — призналась Алиса.

— И ты, Павел, не узнаешь?

— Я бы узнал, — ответил Пашка, — но вы будете смеяться.

— А ты попробуй!

— Вы очень похожи на меня, — сказал Пашка. — Так мне показалось...

Он смутился и замолчал.

— Ты прав, Пашка, — сказала Алиса. — Я тоже так подумала, но не посмела сказать вслух.

— Да вы заходите, заходите, — сказал молодой человек и пригласил их жестом внутрь замка.

Он шел первым.

Сначала они очутились в просторном холле в два этажа высотой, окруженном мраморными колоннами. Полукругом вверх поднималась лестница, покрытая ковром.

— Нам направо, — сказал молодой человек и открыл дверь из красного дерева.

Они оказались в библиотеке.

До самого потолка стояли полки с книгами в красивых переплетах, а между шкафов к стенам были прикреплены обтянутые синим бархатом застекленные витрины с рядами бабочек.

— Садитесь, — сказал молодой человек, — пейте лимонад и слушайте мою печальную историю.

Пашка с Алисой уселись в мягкие глубокие кресла, словно утонули в них. А молодой человек начал свой рассказ.

— Вы правильно догадались, — сказал он. — Я и есть Павел Гераскин. Мне двадцать два года, я временно живу здесь, на острове Суматра.

Наш Пашка Гераскин обернулся с негодованием к Алисе и спросил:

— Получается, в будущее путешествовать можно? И с самим собой встречаться тоже можно?

— Нет, — сказал Пашка-старший. — Исключено.

— А чего же ты здесь делаешь?

— Бабочек ловлю.

Наш Пашка выбрался из кресла и пошел прочь из библиотеки. Он рассердился, потому что решил, что его разыгрывают.

— Постой, тезка, — остановил его Пашка-старший. — Дай объясню.

Он прислонил сачок к стеллажу с книгами и стал рассказывать. Рассказывал медленно, печально, потому что вся эта история была печальной.

— Никакое это не будущее, — начал Пашка. — А самое что ни на есть настоящее, но не ваше, а соседнее. Вы когда-нибудь о параллельных мирах слышали?

— Это теория, — сказал Пашка.

— Это действительность, — ответил Пашка-старший. — Вселенная состоит из бесконечного множества миров, некоторые из них точно такие же, но с маленькой разницей, другие различаются больше, третьи — совсем иные. Некоторые чуть забежали вперед во времени, другие отстали. Ваш мир отстал от нашего примерно на десять лет. И не пытайтесь понять, как и почему это получается. Многие ученые старались это сделать и попросту сошли с ума.

— Значит, мы попали на нашу Землю, какой она будет через десять лет? — спросила Алиса.

— Нет, — сказал Пашка, — вы попали на другую Землю, на соседнюю Землю. И у нас время течет чуть-чуть быстрее, чем у вас, а в остальном наши миры почти одинаковы.

— Ну и отлично! — воскликнул Пашка. — Значит, ты и я — разные люди, а не один человек. Как-то неприятно разговаривать с самим собой. Хорошо еще, что разница не в пятьдесят лет. А то бы ты вышел с палочкой — шамк-шамк...

— Да, — согласился старший Пашка. — Мы с тобой разные люди, но кое в чем похожи так, что ты удивишься.

— Например!

— Когда тебе было шесть лет и тебе подарили на день рождения...

Старший Пашка замолчал.

Младший Пашка подхватил:

— Попугая!

— И что ты сделал?

Пашка пожал плечами, он не спешил ответить.

— А ну, смелее!

— Я вытащил у него из хвоста перо.

— Правильно. Ты вытащил из хвоста три пера, почти половину хвоста, потому что тебе нужны были перья для стрел. Ты хотел стать Робин Гудом.

— Откуда знаешь?

— Оттуда. Я такой же, как и ты. Мне тоже подарили попугая!

Наш младший Пашка подумал несколько секунд, пригляделся к старшему Пашке и сказал:

— А, в общем, я буду выглядеть неплохо. Только не очень мускулистым. Ты почему спортом мало занимаешься?

— Потому что я лентяй. Такой же, как ты. И спортом занимаюсь обычно в понедельник с утра, когда новая неделя начинается.

— Здорово! Значит, жизнь течет и ничего не меняется?

— Примерно так.

— А почему тогда орангутаны здесь полицейскими служат, а Омир такой грубый?

— Потому что кое-что различается. К тому же все у нас нервничают, а некоторые даже ловят шпионов.

— Почему? — спросила Алиса.

— Из-за бабочек, — сказал старший Пашка.

И показал на витрины с бабочками по стенам.

— Ну расскажи, не томи! — взмолилась Алиса.

— Это долгая история.

— А ты расскажи ее коротко, — попросила Алиса.

— Боюсь, что ты огорчишься.

— Я?

— Тогда слушай. Да, наши миры различные, но очень похожие. И ты, Алиса, через десять лет найдешь себе занятие, и я стану взрослым. Правда?

— Разумеется.

— Тебе хочется думать, что ты станешь хорошей, умной и даже талантливой.

— А какой же еще? — засмеялась Алиса.

— Так-то это так. Да не совсем так. Как ты думаешь, кто теперь Алиса, которую у нас зовут Алисией?

— Наверное, я работаю на биостанции?

— А если подумать?

— Неужели я стану историком?

— Ты станешь... — старший Пашка вздохнул и продолжал: — Ты станешь властительницей Сингапура, правительницей Вольной Суматры, наследной президентшей Джакарты.

— Ты шутишь!

— У нас с вами разные политические системы и разная история.

— А я кто? То есть ты? — спросил Пашка.

— А я вольный художник, коллекционер бабочек и верный слуга Алисии.

— То-то! — сказала Алиса Пашке-младшему.

— Это твоя коллекция? — спросил Пашка.

— К сожалению, я собираю бабочек.

— Почему к сожалению? — удивилась Алиса.

И тут старший Пашка продолжил свой рассказ:

— У правительницы и повелительницы принцессы Алисии лучшая в мире коллекция бабочек.

— Я тоже люблю бабочек изучать!

— Но ты занимаешься этим в школе и не подозреваешь, что тебе грозит опасность полюбить бабочек на всю жизнь.

— Я не возражаю, — произнесла Алиса.

— Твоя старшая Алисия, если ее так можно назвать, — продолжал старший Пашка, — собирала бабочек по всему миру. У нее лучшая коллекция. Но неполная.

— Почему?

— А потому что оказалось, что некоторые бабочки на нашей Земле вымерли. Еще сто лет назад, даже десять лет назад их находили в лесах, а теперь их и след простыл.

— Что же делать, — вздохнула Алиса. — Ведь мамонта тоже не соберешь в коллекцию. Кто вымер, тот вымер.

— Но наша Алисия заявила, что не выйдет замуж до тех пор, пока не соберет всех бабочек или по крайней мере пока не добудет жемчужного мотылька.

— Я его видел, — сказал младший Пашка. — У нашей Алисы даже фото есть.

Алиса достала фотографию и показала старшему Пашке.

— Эта?

— Она самая! — Старший Пашка взволновался, побледнел и прижал к груди фотографию.

Странно было смотреть, как взрослый мужчина так переживает, прижимая к себе фотографию небольшой бабочки.

— Она самая! — сказал старший Пашка. — Мое несчастье! Все правильно! Появилась маленькая надежда!

— Скажи, что происходит? — попросила Алиса.

— Именно эта бабочка исчезла на нашей Земле уже десять лет назад. И тогда властительница Алисия, которую я люблю с самой юности, заявила, что отдаст свою руку и сердце тому биологу или энтомологу, который принесет ей жемчужного мотылька. И единственной надеждой было отыскать мотылька в каком-то близком параллельном мире. Я нанял ученых и конструкторов, которые построили межмирный корабль. То есть корабль, который может пронзить тончайшую, почти условную, преграду между мирами. И я пришел к принцессе Алисии и сказал: «Ваше высочество, подождите еще немного, и я достану вам мотылька». А Алисия отвечала: «Я жду две недели, потому что профессор Суходрев обещал мне достать мотылька ровно через пятнадцать дней». А вы себе и представить не можете, насколько коварен этот профессор Суходрев! Он может построить из одной молекулы почти любое живое существо. Конечно, это будет не совсем настоящий мотылек, но кто отличит его от настоящего?

На глаза старшего Пашки навернулись непрошеные слезы.

— Надо помочь, — сказал младший Пашка.

— погоди ты! — остановила его Алиса. — Но почему вы не послали через ваш корабль охотников?

— Да я и сам пытался! — воскликнул старший Пашка. — Но ничего не выходит. По непонятной причине нас эта преграда не пропускает. Она отбрасывает человека назад. Я был в отчаянии! И тут мне сообщили, что сквозь преграду пробрались два ребенка...

— Вряд ли нас можно назвать ребенками, — возразил Пашка. — Меня даже мама уже перестала ребенком называть.

— Два молодых человека, — поправился старший Пашка. — И я приказал вас схватить и доставить ко мне... Но вы же знаете, какие необразованные у меня сотрудники! Ни на кого нельзя положиться! Скажите спасибо, что вам головы не проломили.

— Спасибо, — сказала Алиса.

А Пашка добавил:

— И некому было бы идти для вас за бабочкой.

— Друг! Младший брат! Двойник! — закричал старший Пашка и принялся обнимать и тискать младшего брата. — Какой ты сообразительный. Весь в меня!

— Не знаю, кто в кого, но я заранее согласен вернуться к себе. Оттуда мы тебе пришлем твою бабочку, твоя Алисия выйдет за тебя замуж, и ты пришлешь мне поздравление с Новым годом, — сказал младший Пашка.

— Вы все правильно поняли, дети, — сказал старший Пашка. — Когда вы здесь появились, у меня от радости чуть сердце из груди не выскочило. Значит, сквозь преграду между мирами пройти можно! И, значит, вы сможете вернуться обратно... И вдруг я узнал от тебя, Алиса, что на вашей Земле жемчужный мотылек еще сохранился! Какое счастье!

Вот, бери скорее мой сачок и иди.

Алиса согласилась.

— Хорошо, — сказала она. — Но учти, что если там, на Суматре, остался лишь один мотылек, ты его не получишь. Он нужен в заповеднике. Мы его охраняем. Ну а если я найду целое гнездо, считай, тебе повезло и ты заполучишь сердце своей Алисии.

— Отлично, — улыбнулся старший Пашка. — Но учти, что жизнь — это довольно жестокая штука. И шутить она не любит. Ты пойдешь к себе одна.

— Как так одна?

— А Пашенька, мой младший близняшка, останется со мной, мы поедем, погуляем, я его в Сингапур свожу, с Аркашей Сапожковым познакомлю.

— И не надейся! — рассердилась Алиса.

— А я и не надеюсь. Я знаю, что делаю. Я не могу рисковать. Я как Ромео, а Алисия как Джульетта. Если я ее не получу, то погибну. Так что Пашеньке придется потерпеть, пока ты вернешься. И учти, что никаких разговоров о редкости бабочки, о заповедниках и так далее я не потерплю. Как увидишь — хватай и беги. Поняла?

— Поняла, — мрачно сказала Алиса. Она понимала, что старший Пашка шутить не намерен. Вот изменился!

— Иди, — сказал Пашка-младший. — Ничего нам не поделать. Чем скорее ты уйдешь, тем скорей вернешься.

— Я тебе слово дам, — сказала Алиса старшему Пашке. — Слово дам, что вернусь. Но Пашку я оставлять боюсь.

— Значит, за себя не очень боишься, а Пашке не доверяешь?

— Доверяю! Но боюсь. Мало ли что может случиться?

— Не теряй времени даром, — твердо сказал старший Пашка. — Иди и без мотылька не возвращайся, а то погубишь мое личное счастье. А если ты погубишь мое счастье, я погублю твою жизнь.

Глава 7. Мотыльки для Алисии

Перед тем как Алисе уйти за преграду, старший Пашка прикрепил ей к поясу карабинчик, от которого тянулся длинный белый шнурок.

— Это будет твоя нить Ариадны, — сказал он, — чтобы ты не заблудилась в лабиринте и не попала на зуб Минотавру. Ты слышала о таком греческом мифе?

— Не знаю, как у Минотавра с зубами, но на рога я этому сказочному быку никогда не попадусь, — ответила Алиса, которая отлично знала все древнегреческие мифы.

Она вошла в зыбкую, серую, мутную стену и с трудом протолкнулась сквозь нее. Зря она опасалась — стена оказалась проходимой.

Все. Она дома! Теперь надо первым делом отыскать жемчужного мотылька. Может, найти нашего Омира, и он поможет?

Алиса отстегнула карабинчик и положила его на пол. Ей совсем не хотелось бегать по Земле, словно собачонка на поводке.

Перед ней тянулся скучный коридор корабля, который соединял собой два соседних мира.

Алиса шла по нему и думала: как странно, неужели в ней, в Алисе, живет какой-то чужой человек, и, когда она вырастет, он может взять над ней верх — и станет Алиса тираном, диктатором и будет мучить Пашку Гераскина, чтобы он достал для нее какого-то там мотылька!

Значит, есть еще один мир, где Алиса воровка, а третий, где она убила бабушку?

Нет, не может этого быть. Люди остаются прежними, только их достоинства или недостатки вырастают неравномерно. Когда человек становится взрослым, какая-то его черта оказывается сильнее других. Но внутри человек остается прежним. И Алиса подумала, что, когда она достанет мотылька, надо будет обязательно встретиться с Алисией и поговорить с ней.

Размышляя так, Алиса пошла к выходу.

Вскоре она оказалась у люка и выглянула наружу.

В джунглях наступал вечер. Тени стали длинными, воздух замер и был похож на теплый кисель. Пели птицы, видно, готовились к ужину, далеко-далеко раздался пронзительный крик гиббона, захрюкал карликовый кабан... Лес готовился к ночи, которая в джунглях бывает куда более бурной и опасной, чем день.

«Что ж, — сказала себе Алиса, — придется идти к Омиру и вместе с ним искать мотылька, а то Пашке грозит опасность из-за влюбленного двойника».

Алиса направилась к тропинке. Но не прошла и трех шагов, как что-то маленькое и серебристое опустилось ей на рукав.

Мотылек! И очень похожий на жемчужного.

Но она не была уверена в собственном везении.

Хоть бы Омира найти! И орангутаны исчезли, спать, что ли, забрались? Алиса побежала к станции заповедника.

Рой мотыльков спустился с вершины дерева, они порхали вокруг Алисы, и от этого воздух наполнился сказочным мерцанием.

Алиса достала специальную коробочку, которую всегда носила с собой, когда отправлялась на экскурсию за бабочками. Она поймала десяток мотыльков.

Теперь надо бежать обратно и выводить Пашку.

И в этот момент она услышала голос:

— Ты что здесь делаешь?

Она обернулась.

Нет, такого быть не может! Перед Алисой стояла Алиса собственной персоной.

— Алиса? — спросила она.

— Меня зовут Алеина, — ответила девочка, так похожая на нее. — А тебя?

— Я — Алиса.

— Ты собираешь жемчужных мотыльков? — спросила Алеина.

— Все так странно! — сказала Алиса. — Когда я уходила отсюда, жемчужные мотыльки были редчайшими бабочками. А здесь их миллионы.

— Они так расплодились, что я пишу классную работу о том, как их сократить, — согласилась Алеина.

— А я — как их найти...

И только тут Алиса догадалась, что попала не в свой мир, а в какой-то из соседних. И чтобы проверить свою догадку, она спросила:

— Алеина, а как твоя фамилия?

— Селезенкина, — ответила Алеина.

— Этого и следовало ожидать, — сказала Алиса. — А где наш с тобой Пашка Гераскин?

— Ты имеешь в виду Сашку Гервасиева? Так он же полетел на остров Комодо изучать своих любимых драконов.

— Если у тебя есть пять минут свободных, — попросила Алиса свою двойняшку, — проводи меня до перехода в параллельный мир.

— До какого перехода? — спросила Алеина, но пошла.

По дороге Алиса ей рассказала о квантовой теории параллельных миров, а раз Алеина была все же двойняшкой Алисы, она все поняла, проводила Алису до корабля, и там они попрощались. И было ясно, что, пока наука не разберется как следует с параллельными мирами, им увидеться не придется.

Прижимая к груди коробочку с мотыльками, Алиса пробежала сквозь преграду.

На секунду сознание оставило ее, потом снова стало светло.

Здесь должны быть ее друзья и враги!

Но пусто.

Никого.

Алиса выскочила из корабля.

Перед кораблем на корточках сидел орангутан и писал палочкой на земле. Он пытался изобразить буквы, но не получалось.

— Учусь, — сказал орангутан.

— А кто-нибудь еще здесь есть? — спросила Алиса.

— Я здесь с утра один, — сказал орангутан.

Алиса посмотрела под ноги. На площадке перед кораблем совсем не было человеческих следов.

— Я опять промахнулась!

Алиса была в отчаянии. Сколько можно носиться по другим мирам? Неужели до бесконечности, пока не помрешь от голода?

Она вновь кинулась в корабль.

Теперь она знала, что существует множество миров как похожих, так и совсем непохожих. Пока что она гуляет по схожим мирам. А что если в следующем переходе она окажется среди пауков или во время дикой войны?

Но не стоять же здесь! Тут может быть похожий папа и похожая мама. Но ведь у них уже есть своя, хоть и похожая на нее, другая Алиса, Алина, Алена или даже Аллочка.

Как же отыскать свою единственную Землю?

Надо стараться. Другого выхода нет.

Алиса сказала сама себе: «Мне совсем не хочется плакать. Я совсем ничего не боюсь. Надо только потерпеть».

Она вернулась в корабль и прошла сквозь преграду.

Когда она очутилась на другой стороне корабля, то попала под дождь. Дождь шел давно — все было мокрым, под ногами хлюпало, и небо было серым. Алиса даже не стала вылезать наружу, а возвратилась к преграде.

И тут она увидела шнурок с карабинчиком на конце.

Как же она забыла о нити Ариадны, которую ей дал старший Пашка?

Когда она была здесь прошлый раз, то карабинчика не заметила. Может, это значит, что именно теперь по ту сторону серой преграды она увидит своего друга Пашку?

Была не была! Она пристегнула карабинчик...

Алиса ринулась вперед и пробила преграду, как молочную пенку.

Какое счастье!

Перед ней полукругом стояли старший Пашка, комиссар Милодар, толстый постаревший Омир и, конечно же, ее друг младший Пашка.

— Со щитом или на щите? — спросил старший Пашка, и голос его дрогнул.

— Возьмите, — Алиса протянула ему коробочку с мотыльками. — Только парочку оставьте для меня. Я их отдам в наш заповедник. У нас ведь их тоже почти не осталось.

— Дайте мне коробочку, — раздался новый голос.

Оказывается, к кораблю незаметно подошла высокая красивая девушка, похожая на Алису Селезневу.

И Алиса сразу догадалась, что это принцесса Алисия, ее двойняшка из параллельного мира, которая умудрилась обогнать ее на десять лет.

Старший Пашка буквально затрепетал от смущения. Так он любил Алисию.

Он протянул ей коробочку с мотыльками.

Алисия осторожно заглянула внутрь, закрыла коробочку и сказала:

— Все правильно. Это те мотыльки, которых я так долго искала. Теперь у меня полная коллекция бабочек, и я подарю ее на день рождения моему папе профессору Селезневу.

— А я? — спросил старший Пашка. — А что мы будем делать со мной?

— Тебе еще надо учиться и учиться, — сказала Алисия.

— А любовь?

— Отстань ты, Пашка, со своей любовью! — воскликнула Алисия. — Рано еще на такие темы разговаривать. Лучше отправляйся на мыс Кеннеди, там тебя ждут, чтобы ты возглавил спасательную экспедицию на Юкатун-5, где сошел с ума колдун Марчилян.

Старший Пашка печально опустил голову и пошел прочь, даже забыл попрощаться с Алисой и младшим Пашкой.

— Зря ты его так, — сказала Алиса.

— А с ним иначе нельзя, — сказала принцесса Алисия. — Как только его похвалишь,

он тут же задирает нос и думает, что он пуп Земли.

— Это клевета! — воскликнул младший Пашка.

— Я с тобой совершенно согласна, — сказала Алиса.

Она взяла у Алисии коробочку, в которой ей оставили двух мотыльков, попрощалась с новыми знакомыми, и они с Пашкой прошли преграду и оказались дома.

К счастью, не промахнулись.

Уроды и красавцы

Глава 1. На Земле

В школе, где учится Алиса, проводится практика по различным предметам, в том числе по геологии.

И тут мы сразу подходим к вопросу: почему Алиса с Пашкой Гераскиным, ее лучшим другом, очутились на совершенно необитаемой, пустынной и засушливой планете Холмасто, в долине Семи Копыт?

Такая им досталась геологическая практика. Практика по космической геологии.

Алиса получила задание выяснить, какие драгоценные камни и минералы можно найти на планете Холмасто, в долине Семи Копыт, а Пашка был обязан отыскать там полезные ископаемые.

Практика была рассчитана на две недели. До планеты Холмасто можно было добраться на космическом пассажирском лайнере: сначала до Палипутры, оттуда местным рейсом до Пересадки, а от Пересадки до Холмасто рукой подать.

Но Алиса попросила у Каролины Павловны разрешения добираться до практики своим ходом.

Другая учительница подумала бы, что Алиса шутит. Но Каролина Павловна сразу поняла, что речь идет о друге Алисы, который ждал ее у польского города Вроцлава.

— Разумеется, — сказала Каролина Павловна. — И мне будет спокойнее, если ты уговоришь Гай-до.

Глава 2. Кто такой Гай-до?

Утро началось в заботах. Алиса написала письмо бабушке в Симферополь. Старомодное письмо по электронной почте, потому что бабушка не признает современных мигалок или мгновенок.

Робот Поля устроил генеральную уборку. Он умел устраивать уборку именно тогда, когда этим всем мешал. Все в доме понимали, что Поля ревнует. Ему тоже хотелось полететь на планету Холмасто и искать там «бесполезные» ископаемые, но кто возьмет в космос домашнего работника? Вот он и показывал всему свету, что способен испортить людям жизнь. Гремят пылесосы, по потолку ползают робокисточки, по стеклам елозят окномоечки, а Поля, как генерал на поле боя, руководит своими войсками.

Алиса знала, что в такие моменты с роботом лучше не спорить. Все, что нужно в дорогу, поместилось в небольшой рюкзак, — если летишь на своем корабле, ничего тебе не понадобится.

Потом Алиса попрощалась с Полей холодным голосом, чтобы он понял, как она обижена, и побежала к Пашке Гераскину, который ждал ее у подъезда во флаере, чтобы лететь в Польшу.

Все было бы хорошо, но, конечно, пришлось два раза возвращаться, так как Пашка сначала забыл любимую зубную щетку, а потом справочник по фехтованию на палках средневекового автора У-кушу.

За два часа они долетели до Вроцлава, где в лесу, неподалеку от города, стоит дом старого друга Алисы Тадеуша Госка и его жены Ирии Гай, у которых растет маленькая дочка Вандочка. Вандочка обычно живет внутри Гай-до. Вот о нем и пойдет речь.

...Когда-то давно на другой планете жил великий конструктор. Это был отец Ирии Гай. Он придумал и построил самый лучший в мире и самый умный-разумный корабль. Его и назвали Гай-до. Ирия стала его капитаном и несколько лет летала на нем по разным планетам. Но в один прекрасный день она спасла и полюбила Тадеуша, а потом вышла за него замуж и стала жить на Земле, под Вроцлавом. А ее космический кораблик остался стоять в саду возле их дома и ухаживать за Вандочкой, которая была уверена, что он — ее дедушка.

Порой Алиса просила Ирию отпустить Гай-до с ней в полет. И кораблику не так скучно, все-таки он космический бродяга, и ей приятней лететь со старым другом... К тому же Гай-до умеет так понравиться взрослым, что Алисины и Пашкины родители готовы отпустить с Гай-до своих детей хоть на край света.

Так что неудивительно, что Пашка с Алисой полетели в Польшу.

При виде своих юных друзей Гай-до чуть не подпрыгнул на месте. Как двухэтажное яйцо, он стоит недалеко от дома сразу за клумбой с флоксами, а перед ним желтеет песочница для Вандочки и голубеет бассейн. Гай-до уверен, что ребенок сначала должен научиться плавать, а уж потом — ходить.

— Добро пожаловать! — воскликнул он.

Из дома выбежала Ирия.

— Обед на столе! — воскликнула она. — Скорей мойте руки и за стол. Заодно вы расскажете мне, куда летите и зачем.

Алиса и Пашка поспешили в дом.

Ирия Гай умела готовить лучше всех на ее родной планете, а теперь научилась готовить

лучше всех и в Польше. А это что-нибудь да значит.

После обеда у Ирии человеку всегда смертельно хочется спать. Но пора было лететь.

Алиса с Пашкой с трудом добрались до кораблика, а Гай-до уже приготовил им койки.

Перед тем как заснуть Алиса успела сказать кораблику координаты планеты Холмасто.

Гай-до включил любимую музыку Алисы и медленно поднялся над лесом у Вроцлава.

Потом, набирая скорость, помчался к звездам.

Когда Пашка с Алисой проснулись, они были уже на полпути к Холмасто.

Глава 3. Долина Семи Копыт

Когда они подлетели совсем близко, Гай-до изучил планету с близкого расстояния. Наконец он отыскал долину Семи Копыт. Она находилась между невысоких горных отрогов, в русле пересохшей реки. Больше всего она напоминала половинку горохового стручка изнутри. Почему разведчики назвали ее долиной Семи Копыт, было совершенно непонятно. И только когда уже совсем опустились, Гай-до сообразил:

— Смотрите, — сказал он, — семь высохших колодцев!

И в самом деле, вдоль долины протянулась цепочка круглых углублений. Может, и на самом деле тут были колодцы или в незапамятные времена, когда здесь еще жили динозавры, кто-то из них прошел по мягкой почве и оставил глубокие следы.

Когда они приземлились, в долине как раз наступил вечер. Яркое оранжевое солнце опустилось к вершинам гор, а напротив него поднялось небольшое зеленое солнце, как они поняли, «ночное», оно и служило здесь Луной.

Спать Алисе с Пашкой не хотелось, по их внутренним часам день еще был в разгаре. Но Гай-до понимал, что жить им на планете еще долго и ребятам надо привыкать к местному расписанию.

Так что Гай-до незаметно наполнил себя безвредным и нежным сонным газом, и его пассажиры улеглись спать.

Если бы Гай-до был обыкновенным земным роботом, он никогда бы не посмел так поступить — сделать что-то без разрешения людей. Но Гай-до не считает себя роботом, да и изготовлен он был вовсе не на Земле. Так что, когда нужно, он сам принимает решения как человек. И если вам это не нравится, можете летать на другом корабле.

Утром Алиса и Пашка проснулись от голода и запаха омлета с ветчиной и гренками. Гай-до знал вкусы своих пассажиров!

Ребята умылись, убрали постели, поели и стали решать, что будут делать в первый день практики.

В иллюминаторы светило яркое оранжевое солнце. Оно окрашивало склоны холмов в желто-оранжевый цвет, напоминающий вулканическую лаву. Но на самом деле планета была холодной и выходить надо было, надев свитера.

— Я поднимусь на склон долины, — сказала Алиса. — Видишь там белые полосы? Может быть, это мрамор?

— А я полечу на дальнюю разведку, — сказал Пашка. — Не вечно же сидеть нам в этой долине.

Они оделись потеплее и вышли наружу.

Было тихо, совсем тихо, на живой планете этого не бывает.

Алиса знала по отчетам палеонтологов, что некогда на Холмасто водились животные и росли леса, поэтому в атмосфере остался кислород. Но потом планета попала под жуткий ливень метеоритов, и они в несколько часов снизили температуру на планете настолько, что все ее обитатели вымерли. Затем испарились все реки и озера. Планета стала пустыней. Правда, вредной радиоактивности в воздухе не было, и со временем в Галактическом центре надеялись восстановить здесь растительность.

Итак, стояла удивительная тишина. На Холмасто не найдешь ни единого кузнечика или комарика. Но вы думаете, Пашку можно убедить доводами рассудка? Ничего подобного. Он сказал:

— Заодно погляжу, вдруг здесь не вымер какой-нибудь дракончик?

Даже Гай-до засмеялся.

Пашка включил портативный попрыгунчик и улетел за гряды холмов, а Алиса на своем попрыгунчике поднялась над долиной и приблизилась к ее отвесному краю. Она увидела кристалл аметиста и только подняла молоток, чтобы отколоть его, как заметила внизу какое-то движение.

Может, Пашка почему-то вернулся?

Глава 4. Чудовище, похожее на паука

Алиса пригляделась и поняла, что это вовсе не Пашка, а какое-то непонятное существо. Странно. Ведь сказано же — планета необитаемая!

Существо топало к Гай-до.

«Ого! — подумала она. — Это же самое настоящее чудовище!»

Сверху Алисе было видно, что существо ростом чуть пониже человека. У него крупное волосатое тело и несколько волосатых ног, каждая как две хоккейные клюшки. А вместо ушей красные клешни.

Алиса стала медленно и осторожно спускаться со скалы, чтобы не привлекать внимания чудовища.

Откуда оно? Как сюда попало?

Чудовище ее не заметило, оно изучало космический корабль: ощупывало Гай-до, обнюхивало его и даже поглаживало корабль своими тонкими ногами.

Алиса спустилась вниз и затаилась за валуном.

Вблизи чудовище было еще страшнее, чем сверху. Конечно, оно было похоже на паука, но вы видели паука ростом с человека, топавшего на четвереньках?

Чудовище отыскивало люк. Оно стало скрести когтем по краю люка, пытаясь открыть корабль.

Но, как вы понимаете, Гай-до никого чужого в себя не пустит. Корабль сказал на галактическом языке:

— Отойдите, а то я вам манипулятором по башке стукну.

Это были не очень вежливые слова, но ведь и чудовище щупало кораблик без спросу.

Чудовище злобно зарычало и затрещало как пулемет.

— Пошли прочь, — приказал Гай-до.

И в голосе корабля что-то очень не понравилось чудовищу. Гигантский паук, покачиваясь, отошел. Черный яд падал из его жесткого рта.

Пригнувшись, Алиса кинулась к кораблю. Сначала надо спрятаться, а потом уж думать, откуда на необитаемой планете появились такие страшные обитатели.

На бегу Алиса обернулась и увидела, что паучище остановился, развернулся и заметил Алису. Заверещав и загудев, как тысяча шмелей, он побежал обратно.

Сто шагов — и он настигнет девочку!

Ой, как Алиса неслась! Как в финале стометровки!

И с каждым шагом паучище был все ближе и ближе!

Гай-до раскрыл люк и выставил вперед манипуляторы — металлические руки, чтобы остановить чудовище. Поэтому Алиса успела нырнуть в люк, а паучище натолкнулся на манипуляторы и завыл. Люк закрылся.

— Я спасена! — воскликнула Алиса.

— Очень странно, — ответил Гай-до.

— Он хотел меня растерзать, — сказала Алиса.

— Тем более странно, — заметил Гай-до.

— Что странно?

— Он в сапогах, — ответил Гай-до.

Глава 5. Чей корабль?

Пашка Гераскин поскакал на попрыгунчике искать приключений. Ему обязательно подавай приключения, даже если он попал на необитаемую планету, где не только тигра, но и мухи нет.

Кораблик Гай-до скрылся за холмом, впереди расстилалась каменистая пустыня без единого кустика.

— Хоть бы Эверест какой-нибудь! — воскликнул Пашка. — Или космический корабль странников, который потерпел крушение миллион лет назад.

Ни Эвереста, ни корабля ему не подалось. Пашка полетел дальше.

Конечно, он обещал Алисе далеко не залетать и к обеду вернуться, но до обеда еще далеко и хочется еще попрыгать. Пашка включал антигравитатор, отталкивался от земли и поднимался в небо. Он чувствовал себя орлом в поднебесье, жалко только, что нет другого орла, чтобы с ним сразиться!

И вдруг далеко впереди, среди невысоких блестящих скал, Пашка что-то увидел.

Нет, вы не представляете, как он обрадовался! Он увидел самый настоящий космический корабль незнакомой конструкции, который, наверное, разбился на этой планете тысячу лет назад, и все сокровища, которые он перевозил на планету пиратов, так и лежат в его трюмах!

В два прыжка Пашка пролетел километр, отделявший его от корабля. Вокруг стояла тишина, только ветерок нежно напевал свою песню. Корабль был как новый. Время пощадило его. Пашка хотел было включить связь и рассказать Алисе о находке, но потом подумал: сделаю я ей сюрприз! Найду сокровища, принесу его на Гай-до и скажу: «Вы только посмотрите, что я нашел». Тогда они с Гай-до лопнут от зависти.

Есть строгие правила поведения на чужих планетах. Даже если там нет никаких опасных хищников, не случаются извержения вулканов и землетрясения, все равно ты должен этих правил придерживаться. Главное из них: всегда будь на связи со своими товарищами! Даже если ты уверен в том, что ничего не случится.

Сколько было случаев, когда космонавты думали, что вокруг нет врагов или зыбучих песков, но потом все оказывалось не так, как они предполагали, а значительно хуже.

Может, вы уже читали, как в 2068 году первая экспедиция опустилась на Мокроверции? Пустая планета, пустынное Марса. Когда выяснилось, что планета необитаемая и никто не грозит космонавтам, они чуть-чуть ослабили внимание.

С утра над песчаной пустыней планеты неслись смерчи, земля вздрагивала, как от далекого землетрясения. Недобрые предчувствия заставили кока экспедиции Мариетту Поступальскую остаться на борту, сославшись на легкую простуду. Остальные отправились в пешеходную прогулку по окрестностям. И не вернулись. Причем, как вы помните, все они были в шлемах и скафандрах, потому что на Мокроверции нет атмосферы.

На связь они не выходили, на вызовы Мариетты не откликались.

Мариетта связалась с Землей.

Спасатели с Земли наказали ей никуда из корабля не выходить и вести наблюдение.

Когда через четверо суток прилетел спасательный корабль, ученые начали прочесывать окрестности. И лишь через неделю умирающих от голода и жажды космонавтов нашла служебная собака Галик, которая могла искать по следам даже в скафандре. Космонавты оказались на дальней стороне планеты, в глубокой пропасти.

Только после долгих исследований удалось понять, что вся эта планета — живой организм. И этот организм проглотил космонавтов, но, на их счастье, не переварил, потому что не выносил запаха резины, из которой были сделаны прокладки на скафандрах. К тому же штурман Ненасосов курил и гасил сигары о подошву своего башмака. От этого запаха планете становилось дурно. Вот она и исторгла свои жертвы.

Самым страшным воспоминанием космонавтов было то, как они носились по внутренностям планеты от полюса к полюсу, ничего не видя и не в силах передохнуть. И когда космонавты решили, что уже никогда не увидят света, планета сказала на своем языке: «Вот и ладушки! Отделаюсь-ка я от этих вонючек!» И они очутились на дне пропасти, выброшенные туда из бездонного колодца...

Было и еще немало случаев, когда легкомыслие исследователей приводило к трагедиям.

Но ведь Пашку такими рассказами не напугаешь. У него вообще память на неприятности очень короткая. Только развеялись облака, он уже улыбается. Поэтому учителям с Пашкой нелегко. Ему внушишь, что он глубоко ошибается, что он не прав, что не стоит таскать в зоопарке носорога за хвост, потому что носорог, несмотря на свою глупость, может быстро перевернуться и подставить обидчику рог вместо хвоста.

— Ничего, — отвечает Пашка. — Мне он не подставит.

Пашка обошел корабль и увидел люк.

— Хорошо бы он был открыт, — сказал себе Пашка и дотронулся до люка.

Люк распахнулся, как бы приглашая Пашку зайти.

— А что, — сказал Пашка, — нас не испугаешь.

Он ступил внутрь корабля и спросил:

— Есть тут кто живой?

Никакого ответа.

Над головой загорелся светильник. Корабль почувствовал, что пришли гости. Перед Пашкой открылась дверь и заиграла приятная музыка.

— Смотри-ка, — произнес Пашка. — Сколько лет прошло, а музыка играет!

Другой на месте Пашки мог бы испугаться — все-таки чужой корабль, мало ли что может случиться. Но Пашка не из пугливых! Когда-нибудь его погубит любовь к приключениям.

Пашка вошел в большую комнату. Комната была круглой, посреди стоял низкий стол, вокруг — кресла. Все чистое, ни пылинки, ни плесени! Такая комната на корабле называется кают-компанией.

Но самое удивительное: на столе стояло блюдо с фруктами, кувшин, полный лимонада, а на маленьких тарелочках лежали разные пирожные.

— Так не может быть! — сказал Пашка.

— Почему же? — послышался нежный голос из-под потолка. — Угощайтесь, дорогой гость, пирожные свежие, фрукты спелые, а лимонад натуральный, без химических добавок.

Конечно, когда с тобой разговаривает голос из-под потолка, ты чувствуешь себя неуютно, но Пашка и вида не подал. Он подошел к столу, протянул руку и взял одно из пирожных. Это был эклер с шоколадным кремом, именно такими пирожными Пашка был готов питаться всю жизнь и умереть от ожирения.

— Еще бери, еще, — пропел голос.

Пашка съел еще три пирожных, а потом решил — хватит! Надо выяснять отношения.

— Кто вы? — спросил он. — И почему вы кормите меня пирожными?

— Надо знать, — сказал вошедший в кают-компанию молодой человек в форме капитана-охотника, — что главное в космической жизни — встретить гостя и угостить его. Хотите еще пирожных?

— Спасибо, — сказал Пашка.

— Кушайте, кушайте, — сказал капитан, — у нас еще много пирожных осталось. А потом поьем с вами чайку, вы не возражаете?

Глава 6. Новые друзья Гераскина

Капитан-охотник опустил в кресло, отстегнул от пояса бластер и положил его на стол. Его золотые кудри растрепались.

— Ох и устал я, — произнес капитан. — Воюем из последних сил.

— С кем воюете, если не секрет? — спросил Пашка.

Капитан не успел ответить, потому что в кают-компанию вошла молодая женщина необыкновенной красоты с рукой на перевязи и повязкой на правом глазу.

— Здравствуйте, — произнесла она. — У вас найдется чашка чая для подлейтенанта Миранделлы?

— Конечно, найдется, — сказал капитан. — Садись, подруга. Но зачем ты ушла из госпиталя, у тебя же постельный режим?

— Не могу лежать, когда товарищи сражаются за свободу и независимость моей планеты, — ответила женщина.

— С кем же вы воюете? — спросил Пашка, но ответить ему не успели, потому что в кают-компанию, опираясь на палку, вошел юнга Болл и тоже попросил чаю.

Это были такие бравые ребята, и, похоже, им так трудно приходилось, что Пашке очень захотелось им помочь.

— Я ваш союзник, — сказал Пашка. — Я с вами, друзья. Можно я бластер посмотрю?

— Можешь и пострелять, — сказал капитан. — Мы сразу догадались, что ты нам друг.

— Тогда рассказывайте! — снова попросил Пашка. — Мы вам поможем.

— Трудно, ох, и трудно, — сказала красивая женщина Миранделла. — Со всех сторон к нашей планете подбираются подлые пауки Пастергази. Смотри!

Во всю стену вспыхнул экран, и с экрана на Пашку кинулся отвратительного вида мохнатый, волосатый паучище. Черная слизь капала из распахнутого рта, круглые глаза злобно сверкали. На голове у паука был небольшой шлем, на ногах — сверкающие сапоги. На всех восьми ногах!

От неожиданности Пашка упал с кресла и попытался уползти, но тут экран погас. Пашка тихонько снова сел в кресло, а остальные сделали вид, что не заметили Пашкиного испуга.

— Вот и мы их боимся, — сказал юнга Болл. — Но мы не сдаемся, потому что, если они захватят эту планету, им откроется путь на нашу родину. И мы не сможем их остановить.

И юнга Болл смахнул непрошеную слезу.

— Мы погибнем, но не сдадимся, — сказала прекрасная подлейтенантка Миранделла. — Но наш последний крейсер не может подняться в небо, так как в нем сели батарейки. Ах, как нам нужен корабль, который мы могли бы послать домой с просьбой о подкреплении и патронах! Но нет корабля!

— Как нет! — воскликнул Пашка. — А наш Гай-до? Разве он не годится?

— Неужели ты нам поможешь, отважный юноша? — спросила Миранделла.

— Еще как помогу, — ответил Пашка. — Помчались к Алиске! Она нас поймет. И мы полетим к вам на Гай-до!

— Ура! — воскликнул капитан. — Мы спасены!

— Кушай пирожные, Пашка, — сказала Миранделла. — Тебя ведь Пашкой зовут?

Пашка набил рот пирожными. Когда еще удастся поесть эклеров!

— А музыку будешь слушать? — спросила Миранделла.

— Если хорошая, то буду, — ответил Пашка.

— Музыка у нас боевая, товарищеская, походная, — сказал юнга Болл. — Когда ночами ноют мои раны и стонут мои шрамы, я включаю марш «Прощание девчонки», и мне кажется, что я оживаю.

Пашка попросил поставить ему марш «Прощание девчонки», и марш ему понравился.

Они включили его на полную мощность, и капитан Миранделла и юнга Болл стали маршировать по кают-компании. Пашка не выдержал и присоединился к ним.

Так вчетвером они и маршировали, перепрыгивая через кресла.

Глава 7. Разговор с паучищами

Алиса смотрела в иллюминатор на паучищ. Теперь их было трое. Двое больших и один помельче. Какой из них противнее, с первого раза не скажешь.

— Они не прогрызут тебе обшивку? — спросила Алиса.

— Нечем, — ответил Гай-до.

— Какой ужас! — сказала Алиса.

— погоди, — ответил кораблик. — Я приглядываюсь и прислушиваюсь.

Алиса тоже стала приглядываться.

Самый большой из паучищ протянул переднюю лапу-клюшку и постучал по люку, словно проверял его на прочность. Два других стояли в нескольких шагах сзади. Потом паучище отступил назад и принялся водить концом ноги по песку. Получилось кольцо.

— Что он хочет сказать? — спросила Алиса.

Паук подумал немного и стал рисовать картину. Не очень красиво, но понятно.

Сначала он изобразил паука. Себя или кого-то из своего племени. Восемь кривых ног, жала, глазищи — даже в таком исполнении смотреть страшно! Потом напротив он нарисовал человека. Возможно, Пашку, а может, комиссара Милодара из службы космической безопасности. Разве разберешь, когда все так условно и примитивно изображено? Потом пририсовал себе длинную палку или шпагу, или, может, даже парализатор. И в руку человеку тоже дал что-то вроде бластера.

Никаких сомнений не оставалось. На картине изображен бой без пощады до победного конца.

— Все ясно, — вздохнула Алиса. — Один из нас уйдет отсюда живой, а другой останется лежать холодным трупом.

Тем временем паук принялся за другую картинку. Он нацарапал три прижавшихся друг к другу квадрата.

— Что-то это мне напоминает, — сказала Алиса.

— Как просто! — воскликнул Гай-до. — Как же я, старый дурак, не сообразил с самого начала! Ведь это он нарисовал теорему Пифагора. «Пифагоровы штаны во все стороны равны!» При встречах с неизвестными цивилизациями рекомендуется проверять, знают ли они теорему Пифагора, потому что на Земле ее знает каждый ребенок.

— Ну уж не каждый! — возразила Алиса. — Я ведь забыла! А что мы теперь должны сделать?

— Мы тоже должны что-нибудь нарисовать, — сказал кораблик.

Он выпростал манипулятор и нарисовал на песке:

$$2 \times 2 = 4$$

Пауки начали совещаться.

— Значит, они разумные? — спросила Алиса. — Это еще опасней.

— Сомнений почти не осталось, — сказал Гай-до.

Вдруг паучище стер цифру «4» и вместо нее написал цифру «5».

— Ну вот, — вздохнула Алиса. — А я думала, что они разумные.

— Не спеши с выводами, — возразил Гай-до, — каждый имеет право на свое мнение.

— Но ведь это ложное мнение! Значит, и не мнение вовсе!

— Эх, Алиса, Алиса, — вздохнул корабль. — Как ты не понимаешь, что твое мнение вовсе не обязательно самое правильное.

Но Алиса осталась при своем мнении.

Она смотрела, как паучищи о чем-то советуются, что-то замышляют. Гай-до замолчал. В корабле было тихо и тревожно.

— Только бы Пашка не попался, — сообразила Алиса. Она тут же набрала номер его мобиля. Но Пашка не ответил.

Откуда было Алисе знать, что в те минуты он допивал чай и доедал эклеры в корабле красивых защитников своего отечества и обсуждал с ними, как помочь им в борьбе с паучищами. А как известно, обшивка корабля охотников не пропускает никаких волн.

Глава 8. Нам нужна пища!

— Гай-до, — встревожилась Алиса. — Пашка пропал.

— Может, он отключил связь? — сказал корабль. — Он часто так делает, когда ложится спать.

— Как он может лечь спать, когда сейчас двенадцать часов дня!

— Пашка умеет спать в любое время суток, — заметил Гай-до.

Алиса продолжала вызывать своего друга, Гай-до думал, а паучищи принялись стучать в люк, требуя, чтобы корабль открылся.

Наверное, поняла Алиса, они хотят человеческого мяса и будут требовать у Гай-до, чтобы он отдал им пассажирку. А что, если Гай-до их послушает?

— Я знаю, почему они пришли ко мне, — вдруг сказал Гай-до.

— Почему?

— Потому что я похож на одного из них. У меня тоже круглое тело и длинные ноги-манипуляторы.

— Мне от этого не легче, — сказала Алиса. — Ведь Пашка совсем не похож на паука, и они его могут сожрать.

— Погоди-погоди, — произнес Гай-до. — Кажется, я начинаю понимать их язык. Последние полчаса я записываю все, что они говорят, и пропускаю звуки через компьютер.

— И что они говорят?

— Они хотят есть и пить, — сказал Гай-до.

— Давай улетим, — сказала Алиса. — Полетим искать Пашку. Больше нам здесь делать нечего.

— Подожди пять минут, — сказал Гай-до, — я попробую с ними поговорить. Возможно, они разумные.

— Какие же разумные, если думают, что дважды два — пять?

И тут Гай-до защелкал, завыл, засвистел — точно как паучищи снаружи.

При звуках его голоса пауки замерли. Гай-до включил экран, и на нем появились надписи — перевод разговора Гай-до с паучищами.

— Что вам нужно? — спросил Гай-до.

Почему-то этот вопрос поверг пауков в ужас. Они даже отпрыгнули от корабля и выставили вперед страшные клешни.

— Он умеет говорить, как мы! — воскликнул паук побольше.

Его слова появились на большом экране.

— Надо бежать! — произнес паук поменьше. — Всюду враги, всюду опасность. Никому нельзя доверять.

— Мы не можем бежать. Иначе мы погибнем. И ты об этом знаешь не хуже меня.

— Но как попасть к ним внутрь?

— Вы хотите убить меня? — спросил Гай-до.

Он произнес эти слова так грозно, что пауки отступили еще на несколько метров.

Большой паук произнес:

— Нам нужна пища. Внутри тебя много хорошей, мягкой пищи. Ты должен с нами поделиться.

— Они говорят обо мне! — воскликнула Алиса. — Не отдавай меня этим отвратительным людоедам.

— Во-первых, — ответил ей Гай-до, — я еще ни разу тебя никому не отдавал и отдавать не собираюсь. Ведь тебя до сих пор никто еще не съел? Или тебе кажутся ненадежными мои стены?

— Стены надежные, — ответила Алиса. — Но эти чудовища настолько отвратительны, что я не удивлюсь, когда узнаю, что они питаются детьми.

— Будь справедлива, — сказал космический корабль, — ведь еще никто не доказал, что они людоеды. Назови хоть одного ребенка, которого они сожрали? Ведь нет ничего проще, чем закричать: «Он людоед! Он пьет кровь наших младенцев!» И польется кровь.

— Когда докажут, будет уже поздно, — упрямо произнесла Алиса.

— Никого нельзя осудить, не доказав его вины, — сказал Гай-до, который был большим законником.

— Я не представляю, что ты скажешь моей учительнице Каролине, когда меня съедят, — заявила Алиса.

— Про учительницу ничего не скажу, потому что я с ней не знаком. Но твоих родителей, включая симферопольскую бабушку, мне совсем не жалко.

— Как ты смеешь! — закричала Алиса.

— Дома у вас сразу станет тихо, посуда будет цела, никаких приключений, ни о ком не надо беспокоиться!

— Спасибо, — проворчала Алиса. Она уже поняла, что ее разыгрывают, но признаваться в этом не хотелось. — Ты мне настоящий друг, но если ты считаешь, что у тебя есть чувство юмора, то ошибаешься. Твои шутки сделаны из чугуна.

Пока они препирались, пауки вновь принялись стучать лапами в люк. Что-то их взволновало.

— Да объясни им! — воскликнула Алиса. — Что нет у нас для них еды и не будет!

Но Гай-до спросил совсем другое.

— Скажите, — произнес корабль, — а чем вы питаетесь?

— Наши дети умирают от голода! — заявил большой паучище. — Вам пора их пожалеть. Хоть бутылку молока! Умоляю!

— Вот видишь, они притворяются, — сказала Алиса.

Но Гай-до ей не ответил.

Глава 9. Гай-до сомневается

— Ты что замолчал? — спросила Алиса.

— Посмотри в иллюминатор, — ответил корабль.

— Там кто-то бежит.

— Не просто кто-то, — сказал Гай-до, — а наш с тобой друг Пашка Гераскин.

Вы бы видели, как Алиса испугалась за друга.

— Надо предупредить его об опасности! — сказала она.

И тут же принялась говорить в мобиль:

— Пашка, осторожнее! Нас осаждают страшные пауки! Не приближайся к нам. Сейчас Гай-до поднимется в воздух и встретит тебя.

В ответ Пашка засмеялся.

— Не беспокойся, Алисочка! — крикнул он. — Я в курсе. Я иду не один, а с друзьями-охотниками. Мы все вместе выгоним этих подлых пауков!

И тут Алиса увидела, что за Пашкой бегут незнакомые люди. На ходу они открыли огонь из бластеров.

Паучищи бросились прочь. Они бегали куда быстрее людей, но все же луч бластера настиг одного из паучищ, и он упал, обливаясь черной кровью. Его спутники схватили его за ноги-клюшки и оттащили подальше от корабля.

Через три минуты Пашка уже остановился у люка.

Следом за ним подбежали его новые друзья.

— Ну как мы их! — воскликнул Пашка.

— Как мы их! — поддержал его молодой капитан.

— Как мы их! — заявили юнга Болл и подлейтенант Миранделла.

— Открывай люк, — сказал Пашка, — ставь чай, доставай печенье, принимай дорогих гостей.

Охотники были загорелые, бодрые, красивые, боевые — смотреть приятно! Только жаль — перевязанные и переломанные.

Гай-до не спешил открывать люк.

— Чего ж ты медлишь! — воскликнул Пашка.

В руке у него был такой же бластер, как у остальных.

«Уже вооружился», — подумала Алиса.

— У нас же тесно, — сказал Гай-до, — всем не поместиться.

— Это еще что такое! — закричал Пашка.

Ему было стыдно перед гостеприимными и веселыми охотниками. Какой-то корабль, не больше чем робот, рещает, кого впустить, а кого не впускать.

Но капитан-охотник рассмеялся и сказал:

— А мы понимаем, мы сообразительные. Всем заходить и не надо. Мы с юнгой зайдем, чайку выпьем, не возражаете?

Гай-до спросил Алису по внутренней связи:

— Ты хочешь впустить их?

— А почему нет? Они же чаю хотят.

— Они убили паука, который похож на меня, — сказал Гай-до.

— Но ведь это злобный паук, — сказала Алиса. — Он хотел меня сожрать!

— Это ты сама придумала, — возразил Гай-до. — Пауки просили пищи, ведь их дети

голодают.

Договорить Гай-до не сумел, потому что Пашка рассердился и начал молотить в люк. А так как Гай-до не отзывался, он принялся звать Алису.

— Алиска! — кричал он. — Ты что, с ума сошла. Из-за тебя нарушится межпланетная дружба. Мне стыдно за Гай-до.

А Гай-до продолжал разговаривать с Алисой.

— Посмотри, — сказал он, — отсюда виден убитый паук. Ты его не любишь, потому что он для тебя некрасивый?

— Он и на самом деле некрасивый, — сказала Алиса. — Все пауки некрасивые.

— А я? — спросил космический корабль. — Ведь я похож на паука?

— Ты с ума сошел! Ничего общего! Ты же хороший, ты мой друг и вообще ты металлический.

— Но похож?

— Не очень.

— Значит, я на тебя похож?

— Не буду я с тобой спорить! — Алиса топнула ногой. Она была ужасно сердита. Но не потому, что Гай-до ошибался, а совсем наоборот. Она вдруг поняла, что Гай-до прав. Пауки не сделали ничего дурного. За что их убивать?

— В последний раз предупреждаю! — закричал Пашка. Он был вне себя. — Иначе мы примем меры!

«У него и голос изменился», — подумала Алиса. А Гай-до как будто подслушал ее мысли и сказал:

— Чужой бластер в руках мальчика — это очень опасно.

Веселый капитан-охотник поднял руку, чтобы привлечь внимание Гай-до, и заговорил.

— Дорогие друзья, — сказал он. — Я хочу рассеять недоразумение. Я понимаю, что вы испугались, когда увидели, что мы ликвидировали одного из страшных убийц, которые рвутся к нашей планете, чтобы поработить ее. Вы видели собственными глазами, какие это отвратительные пауки. Мы тоже ненавидим насилие и не хотим никого убивать. Но если ты не будешь себя защищать, кто тебя защитит? Помогите нам бороться с паучищами, а мы для вас тоже сделаем что-нибудь хорошее. Люди должны дружить, разве я не прав, Алиса?

— Вы правы, — ответила Алиса.

Она совсем растерялась. Как буриданов осел.

Был такой осел, которого поставили между двумя охапками сена. До левой близко и до правой близко. С какой начать? Осел думал-думал и помер с голода. Не смог выбрать.

— Открой люк, — сказала Алиса.

— Я не могу этого сделать, — ответил Гай-до.

— Ты должен слушаться людей!

— Но сначала я должен охранять людей. И если я чую, что тебе угрожает опасность, я сам буду решать, что делать. Я не какой-нибудь робот из детской книжки. Я — космический корабль, и этим все сказано!

Алиса даже рот открыла от удивления. Таких слов она еще не слышала от Гай-до.

И в этот момент она услышала громкий голос подлейтенанта Миранделлы.

— Внимание! Смотрите на меня!

Миранделла заломила Пашкину руку за спину. Повязку с глаза она сбросила. А бластер, который только что был в руке у Пашки, она прижала к его виску.

— Или вы сейчас открываете люк, — сказала Миранделла, — или мы пристрелим этого глупого мальчишку.

— Мы так не договаривались! — закричал Пашка. — И вообще мне больно. Отпусти меня, я же за вас!

— Ты-то за нас, но нам нужен твой кораблик, чтобы догнать и истребить пауцищ. Каждая секунда на счету. Если мы не истребим их через десять минут, они полетят к нашей планете.

— Алисочка! — взмолился Пашка. — Они меня убьют! Скорее открой люк! Люди должны объединяться против пауков и тараканов!

Алиса кинулась к люку.

— Стой! — прикрикнул на нее Гай-до. — Не спеши!

— Но Пашке грозит опасность!

Глава 10. Гай-до сражается

Гай-до ответил не сразу.

Красные огоньки опасности вспыхнули над пультом управления.

— А что если они уговорили Пашку притвориться? — спросил Гай-до. — Я не знаю, о чем он разговаривал с той молодой женщиной, когда они отходили в сторону.

— Ну уж это слишком! — возмущилась Алиса. — Если ты подозрительный трус, то открой люк, чтобы я могла из тебя выйти. Я предпочитаю быть рядом с Пашкой, а не прятаться в твоём животе, если ты сошел с ума от старости и трусости.

— Ох, как мне все это не нравится, — вздохнул Гай-до. — Но неужели ты думаешь, что мне приятно тебя послушаться и с тобой, Алисочка, ссориться? Но я всей шкурой ощущаю, что если мы сейчас послушаемся этих красивых лейтенантов, то погубим пауков и сами погибнем.

Алиса не слушала его.

Она так переживала за Пашку, что кинулась к люку и стала открывать его вручную. Но, конечно же, Гай-до был сильнее ее, и люк не открывался.

Алиса обернулась к пульту и принялась колотить по нему кулаками.

Она знала, что пульт управления — часть мозга корабля и ему, как это не покажется вам странным, было больно — если кто-то бил его по голове.

Но тут не выдержали нервы у красавчиков.

— Слушай, железная банка, — закричал капитан-охотник. — Хватит нам твоих издевательств. Мы вас еще жалели, недоумки. Но наше терпение иссякло!

Он размахнулся и так ударил Пашку по плечу, что тот взвыл от боли, упал на каменистую землю и откатился в сторону.

— И не пытайтесь делать глупости, — пригрозила Миранделла. — Ваш мальчонка в наших руках. Захотим — отдадим его живым, будете себя плохо вести — получите гробик.

Красавчики-охотники решили, что Гай-до будет разговаривать с ними, торговаться, потому что испугается за Пашку.

Но ведь у Гай-до был большой жизненный опыт. Он и не с такими негодьями встречался. И знал, что главное на войне — неожиданность.

Длинные манипуляторы — руки корабля, которыми он умеет работать и на земле, и в космосе, и под водой, с такой скоростью выскочили из круглого тела корабля, что охотники даже не успели ахнуть, как все трое болтались высоко в воздухе, потому что Гай-до схватил их за шивороты и как следует встряхнул.

Бластеры полетели в одну сторону, кинжалы — в другую, кошельки с деньгами — в третью, а недоеденные эклеры упали на землю.

Пашка поднял голову и никак не мог сообразить, почему над ним болтаются ноги его новых друзей и почему земля вокруг усеяна разным оружием.

Гай-до еще раз встряхнул охотников, так что если у них что застряло в карманах, то вывалилось наружу. А потом произнес громовым голосом:

— Я отпускаю вас живыми, если вы честно расскажете, почему попали на эту планету. А то уроню на камни со всего размаха, и останется от вас один кисель.

Конечно, воспитанные корабли так не говорят, но Гай-до хотел испугать охотников.

— Мы больше не будем! — заплакала подлейтенант Миранделла.

Но капитан-охотник прервал ее рыдания:

— Учти, что ты военнослужащая красotka и не имеешь права сдаваться в плен, а то я тебя живо расстреляю.

Глава 11. Накормим пауков

Гай-до посмотрел на Алису.

Конечно, корабль не может смотреть на собственного пассажира, хотя он его всегда видит.

Гай-до не был зловредным, но даже такой благородный корабль, как он, не смог сдержаться.

— Ну как, моя драгоценная подруга, — сказал он. — Ты все еще хочешь выбраться наружу и поговорить с красавчиками как с друзьями?

— Да ладно, — отмахнулась Алиса. — У каждого бывают ошибки. Ты ведь тоже иногда ошибаешься.

— Конечно, ошибаюсь, — быстро ответил Гай-до, который не любил ссориться с Алисой, хотя и не смог припомнить такого случая, когда он ошибался. — Мне надоело ждать, — сказал Гай-до охотникам.

— Так слушай, железная банка, — ответил капитан. — Мы уже завоевали и разорили планету этих паучищ! Потому что нам нужно жизненное пространство. На хороших планетах должны жить только красивые люди, а уродливым паукам жить вообще запрещено. Ясно?

— Ясно, — ответил Гай-до.

— Некоторые из них сумели от нас временно сбежать. Но мы их теперь вылавливаем и добиваем. Ведь с этими паучищами беда — если всех не ликвидируешь, обязательно новые народятся. Они такие плодовитые, просто стыдно! Мы их здесь выследили, их корабль подбили, от воды отрезали — и, как назло, наш собственный крейсер сломался. Пришлось обратиться к вам за помощью. А вы нас не поняли.

— Мы вас отлично поняли, — ответил Гай-до.

— Еще не поздно объединиться, — сказал капитан-охотник, — мы их вместе будем уничтожать, и мир избавится от уродов.

— Чепуха! — сказал Гай-до.

— Да помолчи ты, железный паук! — закричала Миранделла, в ярости потрясая кулаками. — Пускай ответит смелый рыцарь Павел Гераскин! Он нас понимает. Мы с ним в одном строю будем очищать Галактику от низших рас и всяческих уродов. Ну как, Пашка, ты с нами?

Пашка поднялся с земли, наподдал ногой бластер и мрачно сказал:

— Я не с вами. И мне стыдно, что вам удалось меня обмануть. Гай-до, вышвырни их подальше.

Гай-до раскрутил охотников манипуляторами, и они отлетели метров за сто. С трудом поднялись и, почесывая ушибленные бока, стали грозить издали кулаками.

А Гай-до сгреб с песка разбросанные бластеры, кинжалы и прочие бомбы и закинул их в свой грузовой люк.

— В космосе я их уничтожу, — сказал Гай-до, — а то что-то очень много оружия на свете накопилось.

Пашка забрался в люк.

— Давай я тебе синяки смажу, — сказала Алиса. — И выпей антисептик, мало ли чем ты мог заразиться у них на корабле. Надеюсь, ты у них ничего не ел?

Пашка ответил не сразу. Даже покраснел сперва. Но потом честно признался:

— Я проглотил там один... или два эклерчика. Маленькие такие эклерчики. Ну ты же знаешь, как я люблю сладкое!

Алиса сказала кораблику:

— Гай-до, у нас еще остался лимонад?

— У нас есть лимонад, сгущенное молоко, и боржоми, и даже пепси-кола. Что прикажете, моя госпожа?

— Я приказываю, — сказала Алиса, стараясь не улыбаться, — немедленно подняться в воздух, отыскать паучищ и напоить их лимонадом!

— А их искать и не надо, — ответил Гай-до. — Вон они, возле своего товарища.

Гай-до в две минуты перелетел к тому месту, где паучищи перевязывали своего друга. Вначале они попытались убежать, когда над ними завис, закрывая свет солнца, космический корабль. Но Гай-до тут же опустился рядом с ними, открыл люк, и из него выпрыгнула Алиса.

А Гай-до, который уже выучил язык паучищ, громко сказал:

— Не бойтесь, мы обезоружили ваших врагов, и они убежали. Больше вам нечего бояться. Сейчас Алиса вам принесет воду, лимонад и еду. Только мы еще не знаем, какую еду вы любите.

— Спасибо вам, добрые люди, — ответил большой паучище. — Там, за холмом, наш лагерь, там наши дети. Но я очень прошу вас туда не летать, потому что нашим детям вы покажетесь очень уродливыми и даже страшными чудовищами, тем более что вы очень похожи на наших заклятых врагов и уничтожителей.

Тут Пашка не выдержал. Он прочел на экране перевод слов паучищ и сказал негромко, так что слышала его только Алиса:

— Еще надо посмотреть, кто из нас уродливей!

Хоть он и ворчал, но конечно же помог Алисе вынести из корабля бутылки с лимонадом и банки со сгущенным молоком, печенье и макароны, бинты, лекарства и даже новую палатку, потому что, оказывается, паучищам нечем было укрыться от солнца. А их корабль, в который попала ракета охотников, весь сгорел.

А потом Гай-до связался с космической службой безопасности, и Алиса поговорила с самим комиссаром Милодаром. Она рассказала ему, что произошло, и комиссар ответил, что немедленно сам вылетает на своем патрульном крейсере, чтобы навести порядок.

— Что вам привезти из Галактического центра? — спросил Милодар.

Пашка сказал было:

— Эклер!

Но вспомнил, где он ел эклеры в последний раз, и воскликнул:

— Мороженое! Два раза по шесть порций!

Все-таки про Алису он не забыл.

Гай-до, разумеется, не вмешивался в разговор людей, хотя мог бы и вмешаться. Но потом не удержался и сказал:

— Вы что думаете, будете теперь только мороженым питаться? Не надейтесь. Немедленно мыть руки и обедать! На обед борщ и макароны по-флотски. На мой взгляд, это куда вкуснее.

— Что-то нет аппетита, — пискнула было Алиса, но получила строгий ответ:

— По-моему, школьница Селезнева забыла, что она находится на геологической практике и практика еще не кончилась. После обеда «мертвый час», а потом за работу!

Алиса и ее друзья в лабиринтах истории

Сразу после Нового года, в первый день зимних каникул классная руководительница 5 «Б» собрала всех учеников.

— Наступило время отдыха, — сказала она. — Поэтому желающие могут уйти домой и спать две недели без просыпу.

Все засмеялись.

— Покой нам только снится, — сказал Пашка Гераскин, который недавно прочел книжку «В мире мудрых мыслей». Он выучил шгук сто мудрых мыслей, но не стал запоминать, кто их придумал. А если его спрашивали, чья это такая умная мысль, он скромно отвечал: «Кажется, моя».

— Самое скучное на свете — это ничего не делать. Если человек ничего не делает целый месяц, он превращается обратно в обезьяну, — сказал Аркаша Сапожков.

— Каролина Павловна, — попросила Алиса Селезнева, — скажите, чем мы будем заниматься на каникулах?

— Мы отправимся на историческую практику, — сказала Каролина Павловна.

Она была такая молоденькая, хрупкая, тихая, что ее иногда принимали за ученицу. Но все в классе знали, что у Каролины железный характер. Недаром она перешла в прошлом году на лыжах через Берингов пролив из Азии в Америку и обратно.

— Ура! — закричал Джавад Рахимов. — Наконец-то! Мне так надоело в классе сидеть!

Маша Белая, человек очень серьезный, куда серьезнее, чем ее близняшка Наташа Белая, спросила:

— А где мы будем историческую практику проходить?

— Вот это каждый решит сам для себя.

Пашка Гераскин даже поднялся со стула.

— Вы говорите, что можно выбирать? — спросил он.

— Сейчас он выберет крестовый поход, чтобы сразиться на мечах с Ричардом Львиное Сердце! — сказала Наташа Белая.

— Ничего подобного, — отмахнулся Пашка. — Ты что думаешь, мне не надоело мечами махать? Нет, у меня есть мечта...

— Какая? — спросил Джавад.

— Тайна, — сказал Пашка. — Может же у человека быть одна тайна?

— У человека может быть тайна, — сказала Каролина. — И Паша нам ее обязательно откроет.

— Это еще почему? — возмутился Пашка.

— А как же тебя отправлять в прошлое, если ты нам не скажешь куда?

— Разумно, — согласился Пашка. — Но сначала я подожду, что придумают мои коллеги по классу.

— Погодите, погодите, — попросила пятиклассников Каролина. — Я хочу уточнить задание на историческую практику. Каждому из вас нужно выбрать себе не просто какую-нибудь эпоху или место, но там должна таиться историческая загадка. Вы же не туристы, вы ученые. А наука — это разгадывание тайн.

— Правильно, — сказал Аркаша Сапожков. — Даже когда я считаю ножки у марсианской сколопендры, я разгадываю тайну. Сначала я не знал, сколько у нее ног, а потом разгадал тайну: у марсианской сколопендры сто сорок семь ног.

— Не может быть! — крикнул Пашка. — Не бывает нечетного числа ног. Аркаша одну ногу нечаянно отломил.

— Я не знаю, какой ты историк, — улыбнулся Аркаша, который, как известно, умеет владеть собой, — но космобиолог ты плохой и не знаешь, что постольку поскольку у всех марсианских сколопендр и многоножек ноги располагаются в три ряда, то общее число ног может быть нечетным.

— Разве? — спросил Пашка. — Я всегда забываю мелочи.

Каролина подождала, пока все отсмеются, а потом продолжала:

— У меня есть для вас второе задание. Каждый путешественник во времени должен снять фильм. Замечательный, очень интересный фильм. Вы не возражаете?

Никто, конечно, не возражал.

— Идите по домам, дети, — сказала Каролина. — Завтра мы встретимся снова. И пускай каждый из вас придумает, какую бы тайну истории он хотел разгадать.

Расходиться не хотелось. Погода стояла отличная, мороз и легкий снежок.

Пятиклассники отправились на Гоголевский бульвар, на станцию юных биологов, где они проводили время после уроков.

Звери удивились тому, что их друзья пришли в неурочное время.

— Не обращайтесь внимания, продолжайте заниматься своими делами, — сказал Аркаша. — У нас каникулы.

Жираф Злодей наклонил свою глупую голову, словно вытянул шлагбаум через дорогу, и громко хлопал ресницами, стараясь понять, что же такое каникулы. Он был одет в теплую фуфайку — сестры Маша и Наташа Белые вязали ее две недели.

Питекантроп Геракл, который родился обезьяной и старался превратиться в человека, раскачивался на морозостойкой кокосовой пальме, держался за ствол ногами и хлопал в ладоши. Он скучал без людей. Дельфины выпрыгивали из теплой воды, над которой поднимался густой пар.

Юные биологи прошли в домик лаборатории. Алиса Селезнева открыла фруктовый кран и налила всем по стакану яблочного сока.

— Давайте обсуждать, — сказала она. — А то скоро обедать пора.

— А ты какие знаешь тайны истории? — спросил Джавад Рахимов.

Он был добрым парнем и хорошим другом, но не очень любил историю и не знал ни одной исторической тайны.

Тогда заговорил Аркаша Сапожков, самый образованный из биологов:

— Вся история Земли — сплошная тайна, — сообщил он, — начиная с происхождения жизни.

— Чего в этом таинственного! — возразил Пашка. — Не было жизни, а потом она появилась. Куда ей деваться?

— Откуда она появилась? — спросил Аркаша.

— От верблюда! — крикнул Пашка, который не выносил, если ему возражали. Недаром Алиса Селезнева считает, что из него получился бы самый настоящий царь. Чуть возразишь — голову с плеч долой!

— Жизнь произошла от Бога, — сказал Джавад. — Так многие считают.

— Только не ученые, — возразил Аркаша.

— История начинается тогда, когда начинается жизнь, — сказала Алиса.

Ван Цицуну очень хотелось сказать что-нибудь умное. Он поступил в этот класс всего два месяца назад и очень боялся, что в чем-нибудь отстанет от остальных ребят.

— История начинается, когда начинается время, — сказал он.

— Чепуха! — закричал невоспитанный Пашка. — Время было всегда!

— Мальчики, мальчики! — вмешалась в разговор Маша Белая. — Не надо ссориться.

В открытую форточку с трудом влезла голова жирафа Злодея. Ему было любопытно узнать, почему биологи так шумят. Но короткие рога жирафа застряли между рамами старого окна, и он начал рваться, волноваться, и стекло зазвенело — вот-вот лопнет.

— Злодей! Стоять! — приказала Алиса. — Сначала успокойся, подумай, а потом будешь тянуть голову обратно.

Злодей заморгал длинными ресницами, большая слеза сорвалась с них и упала на пол. Геракл потащил его за хвост, а Маша Белая щекотно поцеловала в нос. Жираф вытащил голову наружу и чихнул.

— Довели животное, — сказала Наташа Белая. — Разве можно так шуметь?

Мальчик Ван Цицун взволновался, побледнел и сказал:

— Простите, я во всем виноват. Не надо было мне вмешиваться в беседу почтенного Паши и уважаемого Аркадия.

Ван Цицун приехал из Шанхая. Его папа был великим бадминтонистом. Даже чемпионом мира. А теперь он основал в Москве школу бадминтона. Многие хотели поступить в эту школу или отдать в нее своего ребенка. Так что, вернее всего, Ван Цицуну придется остаться в Москве надолго, и он будет учиться в одном классе с Алисой Селезневой.

Русский язык Ван Цицун выучил уже на каникулах и говорил на нем, хоть и с акцентом, не хуже Пашки Гераскина. Он оказался замечательным математиком. Китайский ученик имел только один большой недостаток: он был очень дисциплинированным, аккуратным и совсем не любил шалить, шуметь, убегать с уроков и совершать необдуманные поступки. По сравнению с ним даже заядлый отличник и тихоня Аркаша Сапожков выглядел отпетым хулиганом.

— Если будут записывать, — сказала Маша Белая, — запишите меня на тайну Синей Бороды.

— Простите, это сказка? — спросил Ван Цицун.

— Вот я и хочу узнать, Синяя Борода был сказкой или жил на самом деле? Ну что вы смеетесь? Неужели вам неинтересна такая историческая тайна?

— Мы потому смеемся, — ответила двойняшка Маши Наташа, — что Синяя Борода обязательно на тебе женится, а потом тебя убьет.

— Мы еще посмотрим! — возмущилась Маша Белая. — В те времена, когда он жил, женщины были робкие и слабенькие. А у меня, к вашему сведению, есть черный пояс карате. Кто не верит, может на меня напасть.

— Все равно, — сказала ее сестра, — замуж тебе рано. Вот я пожалуй вечером маме, что ты решила стать восьмой женой Синей Бороды, посмотрим, что мама на это скажет.

Маша обиделась на Наташу. Они всегда спорили, хотя были так похожи друг на дружку, что даже мама их путала. Вернее, она их не путала, она точно знала, что у нее две дочки — Маша и Наташа, у одной родинка на правой щеке, а у другой на левой. Но всегда сбивалась

— у кого же из дочек на какой?..

— Девочки, не спорьте! — попросила Алиса Селезнева. — Лучше ты, Наташка, скажи нам, какую историческую тайну хочешь разгадать.

— Я хочу... я хочу разгадать тайну Железной Маски, — сказала Наташа. — Представляете, всю жизнь он просидел в Бастилии, в одиночной камере, и ни разу не снял железную маску.

— Это правда? — спросил Ван Цицун.

— Совершенная правда, — ответил Пашка. — Это случилось лет пятьсот назад.

— Значит, — вздохнул китайский мальчик, — у него не росла борода, и не болели зубы. Все задумались и поняли, что Ван Цицун прав. Иначе бы Железной Маске пришлось снимать маску, чтобы побриться или постричь бороду, не говоря уж о встрече с зубным врачом.

— Он не мылся! — воскликнула Маша Белая, которой конечно же не понравился выбор близняшки. — И не причесывался. Мне о нем даже думать противно.

Пока сестры Белые ссорились, Алиса думала: а какую тайну истории ей хотелось бы разгадать? Так много на свете тайн и загадок, но когда тебе говорят: выбери одну, самую для тебя интересную, — все из головы вылетает, и оказывается, что ни одной тайны ты не помнишь.

Тайны, которые придумали сестры Белые, Алисе не понравились. Они ей показались мелкими. Какой-то герцог зарезал своих жен! Ну и что? Мало ли было таких герцогов? А другой барон или принц просидел несколько лет не мывшись и не постригая волос и бороды. Ужасная история! Но ничего с человечеством от этого не произошло. Ни хорошего, ни плохого.

Нет, надо отыскать настоящую тайну, которая интересна всем...

Алиса не успела ничего придумать, как Аркаша Сапожков, самый умный из всех учеников в классе, сказал:

— Давайте вместе составим список великих тайн. А потом поделим их между собой.

— Но если я не хочу великую тайну, а хочу небольшую, но очень интересную? — возразила Маша Белая.

— Сначала мы напишем список всех тайн. — Паша Гераскин поддержал своего друга. — А потом поглядим, кому что интереснее.

Все согласились и уселись за большой лабораторный стол. Питекантроп Геракл подошел к столу и постучал по нему волосатым кулаком.

Все знали, что это означает: Геракл спрашивал, не хочет ли кто-нибудь чаю.

Питекантроп Геракл попал на станцию юных биологов из глубокой древности, когда еще людей не было.

Питекантроп — это обезьяночеловек, даже скорее человекообезьяна.

Он начал превращаться в человека, но ему еще предстояло превращаться полмиллиона лет.

Когда он случайно попал на станцию юных биологов в Москве на Гоголевском бульваре, его новые друзья, юные биологи, принялись о нем заботиться, учить его, чтобы он поскорее стал человеком.

Конечно же Геракл оказался не очень хорошим учеником. Он хотел есть бананы, валяться на солнышке и гоняться за кошками. А учиться ему не нравилось.

Но кое-чему Геракл научился.

Например, он научился приносить ребятам чай, когда они собирались в лаборатории. Он даже научился для этого считать. И все знали, если Геракл стоит возле стола и стучит по нему кулаком, то те, кто сидит за столом и хочет чаю, должны поднять указательные пальцы.

Геракл глядел на поднятые пальцы и загибал столько же на своей руке. Потом он бежал на кухню, вынимал из буфета столько чашек, сколько у него было загнуто пальцев. Он не считал — только ставил на поднос чашку и разгибал палец, ставил еще одну чашку и снова разгибал палец. Когда их больше не оставалось, все чашки уже стояли на подносе. Оставалось только поставить на поднос кипятильник-заварщик и нести в лабораторию.

Аркаша Сапожков достал с полки лист ватмана, взял в руки фломастер и приготовился писать.

— Какую тайну мы можем считать самой первой? — спросил он.

У каждого было мнение на этот счет, но ждали, что скажет Аркаша. Потому что Аркаша был самым умным в классе, и его все слушались, несмотря на то, что он был меньше всех ростом и голос у него был тихий.

— Тогда я сам скажу, — продолжал Аркаша. — Первая тайна — это происхождение жизни на Земле. Как это случилось? Почему и когда наша Земля стала колыбелью жизни?

Он написал:

«Тайна номер один. Происхождение жизни на Земле».

Еще совсем недавно Аркаша был тихим и незаметным мальчиком. Он даже на переменках не бегал и не играл, потому что каждую свободную секунду проводил у компьютера. А после школы спешил домой, где у него с дедушкой был целый зоопарк — птицы, рыбки и черепахи. Никто Аркашу не дразнил, просто на него не обращали внимания. Правда, на биостанцию его позвали, но потому, что он умел заботиться о зверях и был безотказным, всегда можно было Аркашу попросить за тебя подежурить, покормить зверей или почистить клетки.

Животные Аркашу любили, и он умел с ними разговаривать. Даже крокодил Аркашу понимал. В цирке на Цветном бульваре однажды во время представления на манеж неожиданно выскочила львица, которая несла в зубах своего малыша. В три прыжка она достигла десятого ряда, где скромно сидел с дедушкой Аркаша Сапожков, кинула ему на колени львенка и понеслась выступать. Она делала все, что ей велел дрессировщик, но после окончания выступления вернулась к Аркаше, взяла у него малыша и унесла за кулисы. Оказалось, в тот день львица была обижена на дрессировщика и решила показать, что не доверит плохому укротителю своего единственного детеныша. Но удивительно, как львица смогла разглядеть Аркашу в десятом ряду и догадаться, что именно этому мальчику можно доверить ребенка!

В тот день в цирке оказалось несколько зрителей с видеокамерами, и они сняли, как Аркаша сидит со львенком на руках и тот машет четырьмя лапами.

Аркаша пришел в класс знаменитым и получил прозвище Маугли.

С таким прозвищем трудно остаться тихим отличником. Прозвище действует на человека.

А месяца через два Аркаша шел из шахматного кружка по набережной Москвы-реки и увидел, как вороны дразнили игравшего на тротуаре щеночка. Хитрые и подлые птицы задирали его, а когда он с лаем кинулся на них, взлетели над каменным ограждением реки. Щенок не рассчитал своих сил, перемахнул через ограду и ухнул в воду.

Аркаша, недолго думая, кинулся за ним.

Люди, гулявшие по набережной, перепугались, стали кричать, а некоторые мужчины даже начали раздеваться, чтобы нырнуть в воду и спасти ребенка.

Но спасти Аркашу не пришлось. Он уже вынырнул из воды и, гребя шахматной доской, подплыл к щенку. Потом он положил шахматную доску на воду, как плот, щенок взобрался на него, и они вместе поплыли к пристани для речных трамвайчиков.

Среди мужчин, которые хотели раздеться, чтобы спасти мальчика, тоже нашлись кинолюбители, и потому вечером по телевизору показали очередной подвиг Аркаши.

— Послушай, дружище, — сказал на следующий день Пашка Гераскин, — мы, конечно, гордимся тем, что учимся в одном классе с таким героем, но умерь свой пыл! А то от корреспондентов проходу нет.

Конечно, проход был, но Пашка завидовал Аркаше, который на вид куда меньше похож на героя, чем Пашка, а уже прославился и не хочет останавливаться.

— Я обещаю, — сказал Аркаша. — Мне самому очень неприятно. Даже мой дедушка сказал, что быть знаменитым некрасиво.

— Вот именно, — согласился Пашка. — Надо запомнить слова твоего дедушки.

С тех пор не проходило и месяца, чтобы с Аркашей не случилось какого-нибудь приключения. Из всех этих приключений он выходил с честью, хотя так их и не полюбил. Просто привык совершать разные поступки. И все привыкли, что Аркаша их совершает. Только Пашка Гераскин не мог к этому привыкнуть. Он бегал за подвигами и приключениями, но у него редко что получалось.

Вот, например, в ноябре Аркаша опять прославился на весь город. Он пошел в детский садик взять домой своего братишку Борю. Когда он подходил к садику, то увидел, что из окна второго этажа идет густой дым, а воспитательницы выводят ребятишек на улицу.

— Что случилось? — крикнул Аркаша, подбегая.

— Пожар в живом уголке! — ответила воспитательница. — Мы уже вызвали пожарную команду. Все дети в безопасности.

— И я в безопасности! — крикнул маленький Боря, который стоял рядом с воспитательницей.

«Звери в опасности!» — подумал Аркаша, который очень любил зверей.

Когда воспитательница отвернулась, он за ее спиной тихонько пробежал в дом и поднялся на второй этаж.

Из комнаты, где располагался живой уголок — то есть маленький зоопарк для маленьких детей, где жили птички, рыбки и маленькие зверята, — валил черный дым.

Аркаша бесстрашно вошел в комнату.

Он не испугался. И не потому, что был смелым, но неумным, а потому, что был сначала умным, а уж потом смелым. Вчера Боря рассказал ему, что кто-то из родителей привез в подарок детишкам яйцо дракончика, которое нашел на планете Местикуре.

Местикурские дракончики невелики и совсем неопасны, а уж новорожденные дракончики не обидят никого крупнее мухи, потому что мухами они и питаются.

Дракончик должен был вылупиться из яйца на следующей неделе. Но он поспешил и вывелся сегодня.

Новорожденные дракончики ужасно прожорливы. Дракончик огляделся, но поблизости не было ни одной мухи.

С горя и с голоду дракончик принялся пускать из ноздрей черный дым. И напустил

полный садик дыма.

Когда воспитательницы почувствовали страшно вонючий дым, они перепугались и принялись выводить наружу детей. Их можно понять, ведь воспитательницы плохо знают космическую биологию.

Зато космическую биологию отлично знает Аркаша Сапожков. Недаром он трудится на станции юных биологов на Гоголевском бульваре.

Кстати, ему известны повадки новорожденных местикурских дракончиков.

Увидев окутанного дымом дракончика, Аркаша сказал ему:

— Потерпи!

Дракончик не хотел терпеть.

Тогда Аркаша изобразил крик мамыши-драконихи.

— Йех-уа-уа-йюс, — пропел он.

Дракончик услышал материнский голос и сразу ответил:

— Юхи-юхи-мама крайюхи.

Это означало: «Мама, мама, я страшно голоден, но вокруг нет ни одной мухи!»

Остальные обитатели живого уголка пищали, выли, скрипели и верещали. Они же задыхались от дыма!

Аркаша открыл окно, чтобы впустить свежего воздуха, и подхватил попугая Каякку, который живет высоко в горах Сьерра-Пальмы и не выносит грязного воздуха.

Попугай перепугался и решил, что Аркаша хочет его съесть. Он бился в руках Аркаши и норовил его клонуть. Но Аркаша крепко держал птицу. Он выбежал с попугаем из комнаты, отнес его на кухню и насыпал пшена. Попугай кинулся клевать пшено, до которого был большой охотник, а Аркаша схватил банку с изюмом, отнес дракончику и сказал:

— Это слаще мух!

Дракончик понюхал изюм и принялся брать губами по изюминке. Он даже закрыл глаза от удовольствия.

Тогда Аркаша пошел к окну, чтобы затворить его. Он боялся, что рыбки, белки и клетчатый питончик простудятся.

Не успел Аркаша взяться за ручки рамы, как прямо перед ним появилась страшная физиономия в серебряной газовой маске и золотом шлеме.

Это был пожарный.

Пожарные только-только приехали, и заплаканные воспитательницы сказали им, что в детском садике страшный пожар, а внутрь пробрался мальчик Сапожков, который, вернее всего, погибнет.

Пожарные приставили лестницу к стене и полезли спасать мальчика Сапожкова.

А мальчик Сапожков так перенервничал от спасения дракончика и всего детского сада, что при виде пожарного ахнул и потерял сознание.

Пожарные отвезли Аркашу в больницу «Скорой помощи», хоть он пришел в себя через минуту. В больнице Аркаше поставили диагноз: легкое отравление драконьим дымом и переутомление. А потом отпустили домой.

На следующий день в класс вошел пожарный в мундире.

Он попросил разрешения у Каролины на три минуты прервать урок. И когда Каролина разрешила, он вынул из портфеля красную коробочку, открыл ее и достал медаль.

Он попросил Аркашу подойти поближе, прикрепил ему на грудь медаль и сказал:

— Поздравляю вас, ученик Аркадий Сапожков, с награждением медалью «За отвагу на

пожаре». Ваш подвиг никогда не будет забыт!

В дверь въехала телевизионная камера, и этот момент был снят, а вечером вся страна слушала рассказ о том, как школьник Сапожков не испугался пожара и накормил дракончика.

Когда пожарник ушел, ребята накинулись на Аркашу с упреками, почему он никому ничего не рассказывает.

Аркаша покраснел и стал оправдываться — ведь он ничего особенного не совершил. Каждый бы на его месте сделал то же самое.

Все стали смеяться и поздравлять Аркашу, только Пашка Гераскин довольно громко произнес:

— Быть знаменитым некрасиво, как сказал один дедушка.

Аркаша записал первую тайну: «Происхождение жизни на Земле».

Потом сказал:

— Я жду предложений, мои друзья.

Аркаша прочел столько книг, что иногда начинал говорить, как их герои. Сегодня он говорил, как капитан Немо и его знакомые с Таинственного острова.

— Запиши про динозавров, — попросила Алиса Селезнева.

— Что я должен написать про динозавров, юная леди? — спросил он.

— Ты должен написать так: «Тайна номер два. Почему вымерли динозавры?»

— А разве это не известно? — спросил Джавад. — Я читал, что они вымерли, потому что климат изменился.

— Ты там был? — спросил Пашка Гераскин.

— Нет, ты же знаешь, что не был.

— Тогда ты не можешь наверняка сказать про климат.

Аркаша записал тайну номер два и только хотел спросить про следующую тайну, как Маша Белая сказала:

— Напиши, наконец, про Синюю Бороду.

— И про Железную Маску, — сказала Наташа Белая.

Пашка Гераскин всплеснул руками:

— Я сойду от них с ума! Эти женщины совершенно не понимают разницы между великими событиями и историческими пустяками! Как можно сравнивать смерть всех динозавров и какую-то Железную Маску? Как, я вас спрашиваю?

— А вот так! — хором ответили Маша и Наташа. И Пашке пришлось умолкнуть.

Аркаша сказал:

— Продолжаем. Кто предложит следующую тайну?

— А ты наши тайны не записал! — обиделась Маша Белая.

— По порядку! — ответил Аркаша. — Постольку поскольку дойдет очередь до Синей Бороды, мы его обязательно запишем.

Все принялись думать о следующей тайне. Даже питекантроп Геракл старался думать, хотя это у него не очень хорошо получалось.

Но ему казалось, что люди не обращают на него внимания, а хотелось, чтобы обращали.

Геракл начал бить себя в грудь кулаком и ухать.

Пашка прикрикнул на Геракла, чтобы помолчал и не мешал людям думать, но Ван Цицун, который внимательно смотрел на обезьяночеловека, тихо сказал:

— А наверное, уважаемый Геракл прав. Ведь происхождение человека — это великая

тайна. В разных концах Земли нашли останки разных обезьян и первобытных людей, у нас в Китае откопали кости и зубы синантропа — это был самый большой предок человека, ростом с баскетболиста, но куда сильнее.

— Конечно, — сказал Пашка Гераскин, — у вас в Китае все самое большое.

— Ты не прав, Паша, — ответил Ван Цицун. — Конечно, в Китае есть много всего очень большого, потому что Китай и сам очень большой, но в других странах тоже есть большие вещи. Например, река Амазонка больше, чем наша река Янцзы, зато в Китае когда-то построили Великую Китайскую стену, и она — самое большое творение человеческих рук в мире.

— Вот и разгадай тайну Китайской стены, — сказала Маша Белая, — наверное, это очень интересно.

— К сожалению, — сказал Ван Цицун, — тут нет никакой тайны. У нас в Китае всегда писали подробные истории и тщательно хранили документы. Поэтому известно о стене все — и когда ее построили, и сколько было занято рабочих, и даже сколько пошло на нее кирпичей. Если вы позволите, я бы не стал разгадывать тайну Великой Китайской стены, так как этой тайны не существует. А вот тайна происхождения человека — это великая тайна.

Геракл даже подпрыгнул от радости. Он, видно, понял, что китайский мальчик будет разгадывать тайну его происхождения.

— Но есть и другие великие тайны, — сказал Ван Цицун, — и надо хорошо подумать, прежде чем выбрать нужную тайну. С вашего разрешения я посоветуюсь с моим отцом.

Ван Цицун замолчал, и тогда заговорил Аркаша:

— Давайте запишем третью тайну. Тайна происхождения человека. Это очень важная и интересная тайна.

И все согласились, что это очень важная и интересная тайна.

— Тайна номер четыре! — произнес Аркаша.

Все смотрели на него и ждали, какую же он придумает тайну.

Но Аркаша ничего не говорил. Он ждал.

Алиса смотрела на стену и думала: «Ну, какие еще тайны? Давайте думать по порядку... Что было после того, как человек стал человеком? Был Древний Египет и Вавилонская башня».

— Я хочу разгадать тайну Вавилонской башни! — сказала она.

— Простите, пожалуйста, — попросил Ван Цицун, — будьте любезны, скажите, в чем тайна Вавилонской башни и что такое Вавилонская башня?

Все посмотрели на Алису. Кое-кто знал, о чем речь, но другие могли и не знать.

— Есть такая древняя легенда, — сказала Алиса, — что люди решили строить башню до самого неба.

— Как так до самого неба? — спросил Ван Цицун. — Вы имеете в виду стратосферу?

— В то время люди думали, что небо твердое, — сказала Алиса. — И строили башню до твердого неба. Но Бог рассердился на них и сделал так, что они стали говорить на разных языках. От этого произошло вавилонское столпотворение — люди друг друга перестали понимать.

— Плюнули они тогда, — вмешался Пашка Гераскин, — и разошлись по домам.

— Спасибо, — сказал Ван Цицун. — Но разрешите мне задать еще один вопрос?

— Задавай, — разрешил Пашка.

— А где были переводчики? — спросил Ван Цицун. — Почему переводчики не помогли строителям?

— В то время еще не было переводчиков, — сказала Алиса. — Ведь языки только-только появились, и переводчики еще не успели их выучить.

— Спасибо, — поблагодарил Ван Цицун, — я все понял.

Аркаша сказал:

— Я записал проблему Вавилонской башни. Но подозреваю, что это не историческая, а легендарная загадка. Сказочная, другими словами. Поехали дальше.

— Я хочу отправиться в Древний Египет, — сказал Джавад Рахимов, — чтобы разгадать тайну египетских пирамид.

— А в чем тайна египетских пирамид? — спросила Маша.

— Есть мнение, — сказал Джавад, — что их построили пришельцы из космоса.

— А зачем? — удивилась Наташа Белая.

— Разве мы можем угадать, что у пришельцев в голове? — сказала Алиса. — Сколько я с ними встречалась — и всегда удивлялась, чего еще от них можно ждать?!

— Но есть мнение, — сказал Аркаша Сапожков, — что пришельцы из космоса тут совершенно ни при чем. Египтяне отлично обошлись без их помощи.

— Все равно надо проверить, — не сдавался Джавад. — Кроме того, говорят, что пришельцы построили святилище Стоунхендж в Англии, отлили железную колонну в Дели и много еще чего сделали. Во всем мире.

— Простите, — сказал Ван Цицун, — может быть, во всем мире инопланетные пришельцы и занимались строительством, но в Китае они ничего не построили.

— Почему? — удивился Джавад.

— Потому что мы сами все построили. Зачем нам помощники?

— Ван Цицун совершенно прав, — заявил Аркаша. — Я с ним согласен на все сто процентов. Люди умеют строить не хуже, чем пришельцы. Поэтому я попрошу вас предлагать исторические тайны, в которых нет никаких пришельцев.

— Прошу записать, — сказал Пашка Гераскин, — мне хочется узнать, как погиб король Артур.

— Об этом написано в легенде о рыцарях «Круглого стола», — сказал Аркаша.

— Хватит! — воскликнул Пашка. — Этого нельзя, это не тайна, это запрещено! Дай нам, в конце концов, разгадывать те тайны, какие нам нравятся!

— Пожалуйста, — сказал Аркаша, — я хотел только вместе разобраться, а потом уж решим, кто какую тайну себе возьмет.

Маша Белая вступилась за Аркашу.

— Сапожков совершенно прав! — заявила она. — Если бы он с нами не обсуждал, то я бы до сих пор думала, что в мире была только одна тайна.

— Про Синюю Бороду! — вместе воскликнули Алиса, Джавад и Наташа Белая.

— А теперь я уже знаю...

— Про Железную Маску! — подхватили ее друзья.

— Вы все шутите, — обиделась Маша, — а я серьезно.

— Наверное, нам пора по домам, — сказала Алиса. — Мы еще вечером подумаем над тайнами. Завтра каждый предложит свою тайну Каролине.

Все согласились с Алисой, быстро вымыли чашки, чтобы старательный Геракл их не перебил, и поспешили по домам.

Когда прощались у входа на биологическую станцию, договорились встретиться в школе завтра в десять утра.

Глава вторая. Незнакомое насекомое

Аркаша хотел зайти к Алисе.

Он собирал монеты, и ему надо было посоветоваться с ее домашним роботом. И в этом нет ничего удивительного, потому что робот Поля был известным нумизматом, прочитал все справочники, в свободное время изучал музейные коллекции и однажды чуть не погиб, когда пересчитывал рупии в подвале Бомбейского банка в Индии. Тогда неожиданно случилось землетрясение, потолок сейфа обрушился на несчастного робота, и его откопали через две недели. Он проржавел, погнулся, но, как только его привели в чувство, сразу сообщил:

— Восемь тысяч пятьсот шестьдесят две.

Спасатели спросили, что имеет в виду искалеченный робот. И робот ответил:

— Столько рупий лежит в подвале.

Любой коллекционер мог ошибиться, спутать монету лидийскую и мидийскую, а копейку Дмитрия Донского с полушкой Бориса Годунова. Но только не робот Поля! Стоило ему один раз увидеть монету, он запоминал ее навсегда. Говорят, что Полю никогда не пустят на металлолом и не отправят на пенсию, а отдадут вместо этого в Исторический музей, где он будет служить нумизматическим справочником.

Аркаша с Алисой не спеша шли по бульвару и разговаривали об исторических тайнах.

— Наверное, мы не правы, — сказал Аркаша, — когда думаем, что исторические загадки были очень давно. А в последние столетия они кончились. Если подумать как следует, мы наверняка найдем тайны где-нибудь поблизости.

— Я сразу могу сказать, — ответила Алиса. — Я читала, что Наполеон, когда бежал из России, выкинул все награбленные сокровища в одно из озер на его пути. Этим сокровищ до сих пор не нашли.

— Вот именно, — согласился Аркаша. — Кстати, и библиотеку Ивана Грозного не нашли. А он ее спрятал в подземельях Кремля.

— Иван Грозный жил давным-давно, — сказала Алиса. — А вот экспедиция на Марс улетела десять лет назад и пропала без вести. Это совсем свежая тайна.

Вдруг Алиса замерла и осторожно дотронулась до локтя Аркаши:

— Смотри, он за нами наблюдает!

Она показала на странное существо, прятавшееся за деревьями. Было оно невысоким, пониже Алисы, страшно худым и даже костлявым, будто скелетик. Голова странная, лица не видно.

— Робот какой-то, — сказал Аркаша. — Недоделанный.

— Недоделанные роботы по улицам вечером не гуляют, — возразила Алиса. — Кто его с фабрики выпустит?

— Тогда пошли отсюда, — сказал Аркаша. — Нам еще мутанта не хватало.

Алиса согласилась с другом. В последнее время ходили разговоры о том, что на Землю откуда-то попали странные мутанты людей, правда, никто их толком не видел...

Они выбежали с бульвара и отправились дальше по узкому переулку Сивцев Вражек.

Вокруг не было ни души.

Над головами неслись серые облака, порой начинал идти мокрый снег, и ветер кидал его в лицо мокрыми снежками...

Пройдя шагов сто по переулку, Алиса обернулась:

— Ой!

Существо почти догнало их. Оно двигалось так, словно вместо ног у него были палки, которые плохо сгибались.

Аркаша сделал шаг навстречу существу и спросил:

— Что вам нужно?

Существо тоже остановилось и вдруг странно заскулило, как потерявшийся щенок.

В этом месте было светло, и Алиса смогла разглядеть преследователя получше.

Конечно же это был не человек и не мутант.

Это был инопланетянин.

Причем по виду — насекомое.

Насекомые отличаются от пауков и ухверток тем, что у них шесть ног. У жуков шесть, у бабочек шесть, но и у кузнечиков шесть ног. А у пауков восемь. Посчитайте, не пожалейте времени. Это закон природы.

У существа, которое преследовало Алису, было шесть конечностей.

Оно стояло на двух тонких ногах, а четыре палочки служили руками. Голова у этого насекомого была чуть вытянута вперед, как у муравья, но покрыта шерстью. Большие желтые глаза смотрели в разные стороны. Губ не было и носа тоже.

Неприятное существо. Даже страшненькое.

Первое удивление Алисы прошло. Прошел и страх. Ну, встретили насекомое с ребенка размером, ну, убежали от него, а потом поняли, что бегать нет никакого смысла.

— Что вам нужно? — спросил Аркаша.

Насекомое протянуло вперед свои палки-руки и направилось к Аркаше. Тут уж самый отважный рыцарь пустился бы наутек.

Но не Аркаша.

— Только не кусаться! — сказал он. — Ведем себя спокойно, не нервничаем! Вы заблудились?

— Папа, — произнесло существо, дотрагиваясь кончиками лап до Аркаши. — Папа, доро-гой.

— Оно разговаривает, — сказала Алиса. — И кажется, вы знакомы.

— Вы меня с кем-то спутали, — сказал Аркаша. — Я с вами незнаком, постольку поскольку вижу в первый раз.

— Я буду жить с тобой, — сказала насекомое со странным акцентом. — Я буду учиться в школе. Я стану скрипачом. Где твоя скрипка?

Тут уж Алиса не удержалась и засмеялась, потому что весь класс знал об этой ужасной истории.

Аркаша был мальчиком из очень хорошей семьи, все дети в ней учились музыке. Девочки, как правило, играли на скрипочках, а мальчики на трубе или рояле. Но Аркаша в раннем детстве был таким маленьким и слабеньким, что ему купили скрипку, как девочке.

Аркаша послушно пикиал на скрипке до десяти лет, а потом взбунтовался. Он был тихим, задумчивым мальчиком и не умел драться или громко кричать. Но скрипочку он так ненавидел, что однажды она исчезла.

Когда дедушка стал спрашивать, где скрипочка, Аркаша ответил, что он ее закопал в

лесу.

— Зачем? — закричал дедушка, а остальные члены семьи качали головами и делали вид, что очень сердятся.

— Разве непонятно? — спросил Аркаша. — Я ее закопал в плодородном месте и полил из лейки.

— Но зачем?

— Чтобы она проросла и из нее выросли новые скрипочки.

— Мальчик, кажется, сошел с ума, — сказала бабушка.

— Это случилось оттого, что я очень много занимался на скрипке, — прошептал Аркаша, не глядя на старших родственников, чтобы они не заметили, что он смеется.

— Так чего же мы стоим? — спросил дедушка. — Бежим в лес спасать скрипку!

— А я забыл, где ее закопал, — признался Аркаша.

И тут его папа, который сам учился на скрипке до шестнадцати лет, а потом стал программистом, спросил у Аркаши:

— Скажи, сын, ты любишь играть на скрипке?

— Ненавижу, — ответил сын.

— Я так и понял. А что ты любишь делать?

— Я люблю компьютер, — сказал мальчик, — и еще я люблю заниматься биологией. Я никогда не стану музыкантом.

— Я вижу, что мальчик прав, — сказал папа. — Иди в лес, принеси несчастную скрипку, и я клянусь, что больше мы тебя мучить не будем.

— Ура! — закричал Аркаша и побежал на второй этаж, где под кроватью лежала невредимая скрипка. Разумеется, Аркаша не настолько глуп, как думает его дедушка. Он отлично знает, откуда происходят скрипки, а откуда мальчики и девочки.

После событий со скрипкой Аркаша стал первым мальчиком или девочкой в семействе Сапожковых, который совсем не умел играть на скрипке. Если бы вы знали, как ему завидовали остальные дети в той семье!

Когда страшное насекомое заговорило о скрипке, Алиса тут же поняла, что оно с Аркашей знакомо. И даже странно, что Аркаша от этого знакомства отказывается.

Они стояли посреди Сивцева Вражка, мимо проходили и пролетали люди, ведь было еще не очень поздно. Некоторые с удивлением оглядывались, потому что никогда не видели такого страшилки, но потом летели дальше — мало ли какие страшилки живут в Галактике и прилетают на Землю. Если на всех заглядываться, жизни не хватит.

— Ты меня не любишь? — спросил страшилка.

— Разве мы с тобой встречались? — удивился Аркаша, который тоже понял — дело неладно.

— Конечно, постольку поскольку сидели в пещере.

— По-моему, я схожу с ума, — сказал Аркаша Алисе. — Постольку поскольку я никогда не сидел в пещере...

— Аркаша, — сказала Алиса, — боюсь, что это существо говорит правду. Вы отлично знакомы. Скажи, пожалуйста, кто-нибудь из твоих знакомых говорит через каждые десять слов «постольку поскольку»?

— А разве я говорю? — удивился Аркаша.

— Еще как говоришь! — ответила Алиса.

— Папа Аркаша еще как говорит! — сказал страшилка.

Алиса сошла с мостовой, села на лавочку под летающим фонариком и сказала:

— Присаживайся, незнакомое существо. Скажи мне, как тебя зовут? Откуда ты родом и как ты познакомилось с моим другом Аркашей Сапожковым?

— Это не только Аркаша Сапожков, — ответило существо, приближаясь к Алисе. Идти существу было трудно, его покачивало, голос срывался. — Это повелитель молний, благородный спаситель малолетних коо.

— Что в лоб, что по лбу, — заметила Алиса. — Никакой ясности. А тебя как зовут?

— Мое имя — Красивый Ай, — ответило существо. — Постольку поскольку я отличаюсь умом, ростом и положительными качествами.

— Лучше я пойду домой, — сказал Аркаша. — А то дедушка беспокоится.

— Вызови дедушку и попроси его не беспокоиться с утра до вечера, — сказала Алиса. — И не трусь. Ничего плохого этот страшилка тебе не сделал.

— Но я никогда не видел раньше Красивого Ая!

— А разве ты не защитник малолетних коо? — спросила Алиса.

— И я не его папа, постольку поскольку в жизни не встречал ни одного малолетнего коо и незнаком с его мамашей.

— Это неправда! — закричал страшилка. — Ваш благородный облик навечно запечатлелся в моей памяти! И если вы ставите мои слова под сомнение, то спросите у учителя Жи. Надеюсь, ему вы верите?

— Мы верим учителю Жи? — спросила Алиса, которой было смешно, но она удерживалась от смеха.

— Я знаю, что делать, — сказал Аркаша. — Пора вызывать на помощь Патруль-12.

Алиса не ответила, хоть и понимала, что, вернее всего, Аркаша прав. Как вы знаете, Патруль-12 — это особая служба, которая заботится о всех потерявшихся детях, стариках, котятках и инопланетянах. О туристах, отставших от своего корабля, о животных, привезенных в кармане, или о несчастном профессоре физиогармонии и гештальта, которого поймала в подарок своему внуку Мария Семеновна Добронравова на планете Пуйс, потому что решила, что это зайчик. А этот зайчик на самом деле торопился на лекцию в университет и не заметил земную туристку, которая схватила его за уши... В конце концов профессора спас Патруль-12.

— Неловко как-то, — возразила Алиса. — К тебе подбегают, называют папой, а ты — в Патруль-12.

— Я тоже так думаю, — сказал страшилка.

— Но если я тебя не знаю!

И в этот момент с неба буквально свалился большой желтый флаер с алой гвоздикой, нарисованной на борту. Это была спасательная помощь Патруля-12.

Из машины сразу выскочили три человека в разноцветных веселых одеждах, заиграла бодрая музыка, в небе начали рваться ракеты.

— Где наш кроха? — спросил доктор Айболит.

— Вот он, — сказал Аркаша.

— Сейчас мы тебя успокоим, — сказал доктор Айболит, — отвезем тебя к маме и папе.

— Не надо меня везти к маме и папе, — сказал страшилка. — Есть все основания полагать, что постольку поскольку...

— Правильно, — сказал доктор Айболит, — постольку поскольку пора в постельку.

Говорящая собака Авва добавила:

— В постельку, в постельку, к птичке пустельге.

Третий санитар Патруля-12 был известным на Земле актером Хамелеончиком, который принимал вид того существа, рядом с которым он стоял. И этот Хамелеончик уже превратился в страшилку, только побольше ростом, чем первый страшилка, — то есть в метрового муравья с бакенбардами, бородкой и курчавой шевелюрой.

— Я не хочу домой! — заплакал страшилка, и горячие слезы покатались по его щекам, стекая на грудь. — Я хочу остаться с папой.

— Не беспокойтесь, Алиса и Аркаша, — сказал доктор Айболит, — мы все узнаем о нашем несчастном госте, он отдохнет и полетит туда, куда захочет.

— Только не ко мне домой! — воскликнул Аркаша. — У меня очень нервные дедушка и бабушка. Они не переживут!

— Полетели, моя крошка, — сказал Хамелеончик.

Собака Авва махала хвостом и прыгала вокруг страшилки по имени Красивый Ай, а доктор Айболит сделал страшилке сладкий успокаивающий укол, от которого улучшается настроение, но нет никакого вреда.

— Мы вам сообщим о пациенте, — сказал доктор Айболит Алисе.

Флаер поднялся к низким зимним облакам, и Алиса с Аркашей сообразили, что замерзли.

— Чего ж ты вызвал Патруль-12? — спросила Алиса. — Так мы теперь и не знаем, откуда к нам прилетело это несчастное существо.

— Я думаю, — сказал Аркаша, — что оно прилетело из параллельного мира, где живет другой Аркадий Сапожков, который на меня ужасно похож, но мы с ним незнакомы.

Алиса слышала о параллельных мирах, где все почти как у нас, но не совсем. Некоторые из них точь-в-точь на нас похожи, а другие чуть-чуть. Самой Алисе в таком мире еще не приходилось бывать, потому что не все ученые были уверены, есть параллельные миры, или их придумали писатели-фантасты. Но, с другой стороны, каждому известно, что некоторые планеты или миры, которые придумали такие писатели, оказывается, существуют. А раньше, пока их не придумали, этих миров не было.

Так что Алиса не стала спорить с Аркашей, а пошла домой, благо оставалось идти два шага.

Дома Алиса съела две тарелки пельменей, потом легла на диван и стала листать любимую старинную книжку из бумажных страниц с картинками, которые нарисовал художник Мигунов. Она всегда удивлялась, откуда художник Мигунов так хорошо знает жизнь конца двадцать первого века, если сам он жил на сто лет раньше?

А потом Алиса нечаянно задремала.

И ей приснилось, что она попала на планету, по которой бродит множество страшилок, и все они кладут по розочке к памятнику Аркаше Сапожкову, на постаменте которого написано: «СПАСИТЕЛЬ МАЛОЛЕТНИХ КОО».

Глава третья. Всем по тайне

На следующий день в школе Алиса с Аркашей рассказывали о странной вчерашней встрече, и поднялся горячий спор, кем же был тот страшилка. А так как Аркаша продолжал упорствовать, что он никогда не встречал это страшненькое, но вполне безобидное разумное насекомое, то решили провидеофонить в Патруль-12.

На экране видеофона появился доктор Айболит.

Он узнал Алису и тут же снял бороду.

— Жарко у нас, — сказал он, — а при пациентах раздеваться нельзя. Да и мало ли, кто может меня вызвать.

Доктор Айболит оказался совсем молодым добровольцем «Скорой помощи».

— Простите, доктор, — спросила учительница Каролина Павловна, — мы очень переживаем, что за чудище пристало вчера к нашему ученику? Вам удалось узнать?

— Все очень сложно, — сказал доктор Айболит. — Конечно, мы успокоили это насекомое. Мы проверили все справочники и энциклопедии, мы опросили всех экспертов и даже связались с Галактическим центром. К сожалению, обнаружилось, что в обитаемой Галактике такой расы не существует.

— Как не существует? Но у него же есть родители! — воскликнула Каролина.

— У этого существа нет родителей, — ответил доктор Айболит. — Потому что оно одиноко во Вселенной.

— Так не бывает, — сказал Пашка Гераскин. — Наверное, вы ошиблись.

— Мы могли ошибиться, — терпеливо ответил доктор, — но центральный компьютер не может ошибиться.

— Простите, — сказал Аркаша Сапожков, — но у меня есть теория, и я хотел бы ею с вами поделиться.

— Пожалуйста, — ответил доктор Айболит и вытер бородой свой потный лоб. — Я всегда рад услышать новую теорию.

— Не могло быть так, что это существо прилетело к нам из параллельного мира? Там все похоже на нас, но немного другое. Поэтому оно и меня знает, но не меня, а другого Сапожкова, который живет в том мире. Может быть, отправить страшилку в параллельный мир и пускай он ищет там моего двойника?!

— Идея у вас, конечно, замечательная, — согласился доктор Айболит, — но дело в том, что наука еще не уверена, есть ли параллельные миры, или они только кажутся писателям. А раз так, то мы не знаем, куда же послать нашего гостя. Давайте попробуем обойтись без этих миров. Придумайте что-нибудь полегче. Скажите, вы могли встретиться с этим несчастным существом и потом забыть об этом?..

— Ну как я мог забыть! — закричал Аркаша. — Такое во сне приснится, помрешь от страха!

— Скажите, доктор, — попросила Каролина, — а что говорит само это существо? Ведь вы же его спрашивали? Наверное, оно может сказать вам, где живет.

— Нет, — вздохнул доктор. — Все куда сложнее. Конечно же мы разговаривали с этим существом, мы и сейчас с ним разговариваем. Но все зря.

— Как так зря?

— Потому что по нашим, земным меркам это существо — маленький ребенок, ему примерно три года...

— Значит, оно прожило на свете три года? — спросила Маша Белая.

— Мы не знаем, сколько оно прожило, мы знаем, что его развитие равно развитию трехлетнего ребенка. Так что существо не может объяснить нам, как выглядит его планета и кто его родители.

— Спасибо, доктор, — сказала Каролина. — Вы позволите вам позвонить снова?

— Если мы что-нибудь узнаем, — сказал доктор, — мы сразу же с вами свяжемся. Мы понимаем, как вы переживаете.

Они попрощались с доктором и занялись своими делами.

— Ну что ж, — сказала Каролина. — У вас на размышление были вечер и ночь. Расскажите мне, что вы придумали.

Все ученики молчали.

Даже Пашка Гераскин, который никогда не лезет за словом в карман, не спешил со своим предложением.

— Чего вы обробели? — спросила Каролина. — Вот уж не ожидала этого от вас, самого смелого класса во всей школе.

— Нет, — сказала Алиса. — Вы не правы. Дело в том, что нам хочется в разные места и в разные эпохи. А сразу всюду нельзя.

— В разные — это хорошо, — сказала Каролина, — значит, у каждого есть самая любимая. Гераскин, признавайся, куда ты хочешь отправиться в первую очередь?

Пашка встал, поглядел в окно, вздохнул и спросил:

— А если я куда-нибудь поеду, то, значит, во второй раз меня не пустят?

— Я думаю, что с тебя и одного путешествия достаточно. Ты наверняка устроишь приключения даже во вчерашнем дне.

— Разумеется, устрою, — сказал Пашка. — Но сначала я хотел бы побывать в крестовом походе вместе с Ричардом Львиное Сердце, взять Иерусалим и сразиться с Саладином.

— Значит, так, — сказала Каролина, — повторяю для невнимательных и отсталых учеников! Никаких войн, никаких сражений, никакого хулиганства в прошлом времени не допускается. Поймите же, что вы отправляетесь на научную практику, и каждый получит задание. Но ни один из вас не будет брать Иерусалима или побеждать Юлия Цезаря. Вы — наблюдатели. Ты понял, Гераскин?

— К сожалению, я все понял, — ответил Пашка. — И я отказываюсь участвовать в крестовом походе. Я не выдержу, если кто-то будет сражаться, а я буду наблюдать, словно девчонка.

— Отлично, — сразу согласилась с ним Каролина. — Какие еще мысли?

— Дайте подумать, — сказал Пашка. — Кстати, я и не собирался в крестовый поход.

Все засмеялись.

— Я не шучу, — сказал Пашка. — Я уже побывал в Средневековье и сражался на турнирах — это все в прошлом. Мне бы чего-то поинтересней.

— Подумай, а мы поговорим, — сказала Каролина. — Куда ты хочешь, Аркаша?

— Меня интересует научная проблема, — сказал Аркаша. — Мне бы хотелось выяснить, почему вымерли динозавры.

— Ну вот! — воскликнула Маша Белая. — Я уже расхотела освободить Железную Маску, я хотела узнать про динозавров.

— Не расстраивайся, — сказала Каролина. — Мы с тобой найдем другую эпоху, не

менее интересную. Никто не возражает против решения Аркаши Сапожкова?

Никто не возражал.

— Может быть, кто-то еще поделится с нами своими планами? — спросила Каролина.

— У меня созрел небольшой план, — произнес Пашка Гераскин. — Если вы не возражаете, я прошвырнусь к троглодитам.

— К кому, простите? — спросил Ван Цицун.

— Паша хочет сказать, — объяснила Алиса, — что ему интересно отправиться в первобытную эпоху, когда люди еще жили в пещерах, и поэтому их называли троглодитами.

Ван Цицун подумал и сказал:

— Наверное, мне придется поехать в пещеру вместе с Пашей.

— Почему? — удивилась Каролина.

— Паша немного легкомысленный и слишком храбрый, — сказал китайский мальчик. — Кому-то надо его охранять.

— Ты будешь меня охранять! — возмутился Пашка. — Да я сам могу кому хочешь показать... или защитить. Я собираюсь поохотиться на пещерного льва или на мамонтов — вот занятие для настоящего мужчины.

— Это занятие для настоящего дикаря, а не мужчины, — сказала Алиса. — Настоящие мужчины разводят тигров, спасают мамонтов и никогда не гордятся тем, что убили безоружного.

— Ну уж это как посмотреть! — возразил Пашка. — Тигр еще как вооружен! Попадись ему на зуб.

— Был такой древний грузинский поэт, — сказала Маша Белая. — Его звали Руставели. Он написал книгу «Повесть о настоящем человеке». Там его герой одними руками убивает тигра. Честное слово, я сама видела картинку.

— Как жалко, — сказала ее сестра Наташа, — что ты, сестренка, читала так много книг. Они у тебя стали путаться в голове.

— Разве я ошиблась? — Маша начала хлопать длинными ресницами, как будто открывала и закрывала двери, за которыми горели голубым светом ее глазницы. — Может быть, я в тот день болела?

— Книга классика грузинской литературы называется «Витязь в тигровой шкуре», — сказал Ван Цицун. — И тигр на него напал первым.

Надо сказать, что новый китайский ученик знал названия всех книг, фамилии всех писателей и художников, у него была хорошая память, он ее все время упражнял, и она стала наконец великолепной памятью.

— Вот видишь, — сказал Аркаша Сапожков. — Даже если тигр нападет на тебя первым, постарайся не убивать его из бластера. У тебя руки есть.

— Записываем, — сказала Каролина. — Аркаша Сапожков отправляется в прошлое на...

— На шестьдесят пять миллионов лет, — сказал Аркаша. — Именно тогда на Земле произошло что-то такое... такое, после чего исчезли все динозавры.

— Хорошо. Вторым у нас записался Паша Гераскин, который отправляется к троглодитам, то есть примерно...

— Как получится, — отмахнулся Пашка.

В отличие от Аркаши, он не успел посмотреть в Интернете информацию об эпохе троглодитов. Тем более что эта идея пришла ему в голову всего десять минут назад.

— Дальше! — воскликнула Каролина Павловна. — Кто следующий?

— Простите, Каролина Павловна, — сказала Алиса. — Мы еще не готовы ответить. Я, например, составила целый список. Хотите прочту?

— Прочитай, — сказала Наташа Белая. — Может, подаришь нам какое-нибудь путешествие.

— Я хотела бы побывать в Древнем Египте или в Древнем Вавилоне, — начала Алиса, — чтобы узнать, был ли потоп, и если был, то чем он закончился. Потом я хотела бы познакомиться с Клеопатрой. Я хочу узнать, почему она так погибла.

— А как она погибла? — спросил Ван Цицун.

— Ужасно! Ее укусила змея! — ответил за Алису Пашка. — Продолжай, подруга!

— Я хочу узнать, что случилось с флотом Александра Македонского. Говорят, что флот уплыл в Америку.

— Удивительно! — сказала Наташа Белая. — Говори, Алиса, говори!

— И вообще меня интересует, кто открыл Америку!

— Вот! — воскликнул Пашка Гераскин. — Эта задача тебе по зубам. Ты отправишься в плавание с Христофором Колумбом!

— Это очень опасно, — сказал Аркаша. — Не для девчонки. Пускай Джавад Рахимов плывет с Колумбом.

— Кстати, — обиделась Алиса, — я плаваю лучше Джавада. Я на стометровке его на корпус обошла. А Америку открыли викинги!

— Продолжай, Алиса, — попросила Каролина. — У тебя еще есть в запасе тайны?

— Пожалуйста. Я хочу найти библиотеку Ивана Грозного.

— Нет, это я загадал, — сказал Джавад Рахимов. — Я читал про библиотеку. Все знают, что у Ивана Грозного была большая библиотека, ее видели разные гости, но потом она исчезла и до сих пор ее не нашли!

— Дай кончить, Джавадик, — попросила Алиса. — У меня осталось совсем мало тайн. Я хочу узнать, кто нарисовал картины в пустыне Наска.

— Я ничего не слышал о пустыне Наска, — сказал Ван Цицун. — Вы не скажете, где это находится?

— В Южной Америке, — сказала Алиса. — Я тебе дам кассету посмотреть. Но это еще не все. Я хочу найти, где и как погиб Амундсен.

— Все ясно, — сказал Пашка. — Алисе осталось всего сто лет жизни, а ей хочется разгадать сто тайн, на каждую года не хватит. А еще надо спать, есть и учиться в школе.

— Можно я скажу, какую тайну мне хочется разгадать? — спросил Ван Цицун.

— Пожалуйста.

— Мне хочется найти место, где похоронили завоевателя Чингисхана.

— Джавад, — обратилась Каролина к Рахимову. — Ты ничего больше не надумал?

— А можно мне узнать, — спросил Джавад, — жила ли в самом деле Шахерезада?

— Это же сказка! — воскликнула Маша.

— А вот я хочу проверить, сказка или правда?

— Ты волен искать Шахерезаду, — сказала Каролина. — Теперь у нас остались только близняшки. Надумали вы чего-нибудь?

— Мы как вчера. Я — про Синюю Бороду, — сказала Маша.

— А я — про Железную Маску, — вздохнула Наташа.

— Тогда я звоню в Институт времени и сообщаю о наших планах, — сказала Каролина.

Глава четвертая. Взяточник Сильвер

Представь себе, дорогой читатель, что ты уже взрослый человек, тебе больше десяти лет, ты отправляешься в меловой период, за много миллионов лет до нашей эры — такая у тебя научная практика. Тебе предстоит разгадать тайну истории Земли, которая оказалась не по зубам величайшим академикам современности, ты всю ночь не спишь от сознания важности своего дела... и вдруг утром дедушка говорит, что он лично проводит тебя до Института времени и проверит, чтобы мальчику не навредили. Чтобы его послали в самую лучшую эпоху, и вообще он намерен выяснить, кормят ли на исторической практике горячими завтраками!

Бабушка встречает тебя в коридоре с новеньким свитером в руках и требует, чтобы ты обязательно надел в меловой период вязаную шапочку, потому что там, как известно, ужасно дует!

Ты готов разреветься от злости на этих родственников, которые уже выжили из ума и ничего не понимают в науке.

Но тут из кухни выплывает мамочка, которая вместо того, чтобы спасти тебя от бабушки с дедушкой, объявляет, что кашка готова, сок на столе, яишенка удалась лучше, чем всегда, — ты же должен как следует позавтракать перед отлетом!

А папа, который сидит уже за столом и хрустит сухарики, потому что с понедельника решил худеть, начинает рассказывать тебе, как он бы вел себя на твоём месте в меловом периоде.

И ты понимаешь, как хорошо, что ты не рассказал родственникам про то, что ты будешь жить среди динозавров. Они-то думают, что тебе разрешили только смотреть на динозавров издали! Если бы они догадались, что ты попадешь прямо в гущу чудовищ, то никуда бы тебя не пустили. Дедушка вместо тебя кинулся бы к бронтозаврам, а за ним папочка, мамочка, бабушка, и старший брат Илья, и младший брат Боря, и сестры.

Но Аркаша Сапожков, который попал в эту ситуацию, вел себя сдержанно и с достоинством, как Жанна д'Арк на костре инквизиции.

Он съел три ложки каши, поклевал яичницу, хотя вы можете представить, какой у него был аппетит! Потом он выслушал все добрые советы, попрощался и вышел из дому.

Дедушка следовал на шаг сзади, бабушка держала Аркашу за руку, и он терпел почти до самого Института времени. Потом остановился посреди улицы и спросил:

— Дедушка, тебя до каких лет водили за ручку по улицам?

— Меня? — Дедушка посмотрел в небо и не ответил.

— А тебя, бабушка, в школу тоже водили за ручку?

И бабушка промолчала.

— Тогда простите и прощайте, мои дорогие! — закричал Аркаша, вырвал руку у бабушки и кинулся к видневшемуся вдали зданию Института времени.

Бабушка кинулась было за ним.

Но дедушка кое-что понял.

Он схватил бабушку за руку и удержал ее.

— Ничего, — сказал дедушка, — потерпи, Эмма, потерпи, он у нас уже совсем большой мальчик и сам понимает, где ему надо гулять с бабушкой, а где можно самостоятельно.

Бабушка собиралась заплакать, потому что она любила поплакать, но дедушка велел ей удержаться от плача, так как у тех, кто плачет, слезы застилают глаза. Это все равно что

стоять посреди улицы зажмурившись.

Не оглядываясь, чтобы дедушка не кинулся вдогонку, Аркаша добежал до входа в Институт времени, нырнул внутрь и оказался в обширном холле.

В стороне стоял большой стол, на нем пульт связи и большая темно-зеленая бутылка, на которой крупно, большими буквами было написано:

«БУТЫЛКА РОМА».

За столом сидел человек в одежде пирата, на голове черный платок, один глаз завязан, усы торчат, как у таракана, и шевелятся.

На плече у этого человека сидел большой белый попугай.

Впрочем, попугай был не совсем белый, а довольно грязный, хохолок у него был наполовину выщипан.

При виде Аркаши попугай закричал:

— Полундррра! — и взлетел к потолку.

Пират надел капитанскую фуражку с вышитым на ней золотым крабом. Вокруг краба свернулась золотая змея, укусившая себя за хвост, что издавна считается символом Вечности. Поэтому такая змея — герб Института времени.

— С кем имею честь? — спросил пират.

— Я Сапожков, Аркадий Сапожков. Мне надо к десяти часам быть у Ричарда Темпеста.

— У доктора Темпеста, — поправил вахтер Аркашу. — Мы защитили диссертацию. Вам не сказали об этом?

— Мне никто об этом не сказал.

— То-то я вижу, что мальчик пришел без подарка. Если бы знал, какой у нас праздник, неужели пришел бы без подарка?

— Я могу сходить за подарком, — сказал Аркаша. — Но я, к сожалению, незнаком с доктором Темпестом и не знаю, что он любит получать в подарок.

— Мы любим получать виски, коньяк, а также клюквенную настойку. Еще мы уважаем свиные отбивные с ананасами. Вы записываете, мальчик?

— Я так запомню, — сказал Аркаша. — Но можно принести подарок вечером? Мой дедушка уже ушел домой. А деньги у него.

— Мы живем в счастливом будущем, — сказал пират. — Все разговоры о деньгах и дедушках — пустая попытка отделаться от подарка. Кстати, судя по тому, что я вижу на мониторах, вся семья Сапожковых стоит возле входа в институт. Они надеются, что тебя, мой юный друг, забракуют и ты возвратишься домой. Так что выйди, скажи дедушке, чтобы сбегал за подарком, это займет всего десять минут.

— Позорррр! Позорр! — закричал попугай, носясь кругами под потолком. — Позорр на мою седую голову! Сильвер — жалкий взяточник.

— А вот это ты зря, — сказал пират и достал из-под стола деревянный костыль. Он прицелился костылем в попугая, и тот в панике попытался вылететь в закрытое окно.

Неизвестно, чем бы закончилась вся эта история, если бы в вестибюль не вбежал очень худой человек с копной черных вьющихся волос.

— Сильвер! — закричал он от входа. — Сильвер Джонович! Вы зачем пугаете птицу?

Тут молодой человек увидел Аркашу, который уже почти дошел до двери, и строго спросил:

— А вы кто такой?

— Я — Аркаша Сапожков... я пришел... я хотел вас поздравить с присуждением вам...

вас... ученую степень доктора наук и желаю вам счастья и успехов в труде, а подарок я сейчас... мой дедушка ждет в садике.

— Стоп! — закричал молодой человек. — Вы знаете, кто я такой?

— Вы — доктор Темпест! — быстро ответил Аркаша. — Вы защитили диссертацию, и я вам сейчас принесу подарок.

Доктор Темпест поднял руку. Он остановил Аркашу.

Потом обернулся к пирату Сильверу Джоновичу, который сидел, выставив перед собой костыль.

— Вы уволены, — сказал Темпест. — Вы уволены, Сильвер Джонович, потому что есть предел любому безобразию.

— В чем вы меня обвиняете, молодой человек? — спросил вахтер-пират.

— Я вас обвиняю в том, — ответил молодой ученый, — что, пользуясь своим служебным положением и неосведомленностью молодого человека Аркадия Сапожкова относительно сроков защиты моей докторской диссертации, состоявшейся три года назад, вы пытались выцганить из него бутылку рома или какой-нибудь похожей гадости. Разве не так?

— Совершенно не так, Ричард, — ответил пират Сильвер Джонович. — Как вы знаете, пью я умеренно, и мне хватает бутылки в день, я даже не допиваю. Но надо иметь запас.

— Зачем?

— А вдруг кончится? А вдруг надо будет раны промывать?

— Еще чего не хватало! — закричал сверху попугай. — Если раны, то как бы небольшой!

— Сильвер Джонович, вы говорите неправду. Вы испортили репутацию нашего солидного института. А что, если о вашем поведении узнают не только здесь и сегодня, но там и сто лет назад?

— А разве мальчик Аркаша кому-нибудь расскажет? — Старый пират изобразил сладчайшую улыбку, полез в ящик стола и достал оттуда конфету «Мишка на севере», сдул с нее пыль и протянул Аркаше. — Мальчик, — сказал пират, — там, где ты будешь, конфет не дают. Так что бери и иди.

Аркаша так растерялся, что взял конфету и пошел следом за Ричардом, который помчался по коридору.

Ричард шел все быстрее, Аркаша тоже шел все быстрее.

Ричард повернул вправо, влетел в открытую дверь, и когда Аркаша тоже нырнул в открытую дверь, Ричард уже сидел за столом и читал письма и телеграммы на дисплее.

— Садись, — сказал он Аркаше, — потерпи немного.

Аркаша сидел и терпел.

В кабинете Ричарда Темпеста царил сказочный, невероятный беспорядок. Книги и кассеты, всевозможные трофеи из прошлого, а также предметы, которые могут там, в прошлом, пригодиться, бумаги, ленты, запчасти к всевозможным приборам, — впрочем, разве разберешься в таком беспорядке? Когда-то новый робот-уборщик решил это сделать. Он разобрал все вещи, положил большие к большим, квадратные к квадратным, а длинные к длинным. В результате Ричард не смог найти у себя в кабинете ровным счетом ничего и чуть было не разобрал несчастного робота на винтики.

Вдруг Ричард спросил:

— Принцип путешествия во времени проходили?

— Нет.

— Тогда слушай. Путешествие во времени возможно и допустимо. Но только в прошлое. Почему?

— Не знаю, — честно признался Аркаша. — Мне когда-то бабушка рассказывала, но постольку поскольку я был тогда еще ребенком, то я забыл.

Аркаша лукавил. Он все помнил, и ему не требовалось никакой бабушки, чтобы запомнить, каким бывает путешествие во времени, но ему хотелось, чтобы Ричард все рассказал еще раз. Все-таки он специалист, старший научный сотрудник Института времени Академии наук, настоящий временщик.

— Время — это мир, — сказал Ричард. Он любил рассказывать о своей профессии, был бы слушатель. — Но как и мир, оно разделено на то, что у нас под ногами, и то, что у нас над головой. Мы как кораблики, лодочки, которые плавают по морю. Ясно?

— Конечно, ясно.

— Ты можешь нырнуть в море?

— Могу.

— Правильно. Ведь под тобой вода, вот ты в нее и ныряешь. Море — это время, которое уже прошло, оно уже было. Из чего состоит время?

— Из минут, — ответил Аркаша, — из дней, часов, секунд.

— Ты не прав, — улыбнулся Ричард. — Часы и секунды — это условные слова, которые придумали люди. Время не может состоять из выдумки. Время состоит из событий. Вот мы с тобой разговариваем, а в это время наш вахтер, бывший пират, Сильвер Джонович пьет ром или ссорится со своим попугаем, а на улице идет дождь со снегом, а на соседней улице строят новый дом... во всем мире случается множество событий. Из них и состоит время. Оно наполнено событиями, и когда пройдет этот час, то все события, которые за него случились, станут водой, смешаются с остальным океаном, и он станет чуть-чуть глубже. Ты понял?

— Понял.

— Значит, если мы нырнем в океан, то окажемся в прошлом, в воде вчерашних событий. И чем глубже нырнем, тем давнее будет время. А это значит... ну!

— Не знаю, что вы имеете в виду, — сказал Аркаша. Он представлял себе громадный синий океан, который наполнен вчерашними или давними событиями, они похожи на медуз, полупрозрачные, шевелятся, стараются подняться к солнцу, а может, даже поедают друг дружку.

— А это значит, что машина времени может работать только из настоящего в прошлое.

— Почему? — спросил Аркаша.

— Потому что в океан ты можешь нырнуть, а как ты взлетишь в небо?

— Как птицы, — сказал Аркаша, — на крыльях.

— Ошибка, мой друг, — сказал Ричард. — У нас с тобой, к сожалению, нет крыльев. И мы не можем подняться в пустоту. Ну подумай, мой юный друг, если прошлое состоит из разных дел и событий, которые уже случились, то из чего состоит будущее? Молчишь? Ну и правильно делаешь. Потому что будущего еще нет. Оно еще не случилось. И нам с тобой некуда путешествовать. Теперь ты понял?

Аркаша не успел ответить, потому что в открытую дверь влетел попугай и закричал:

— Позорrrr! Дедушку послали за водкой!

Аркаша не успел сообразить, что же случилось, как Ричард со страшными проклятиями

вскочил из-за стола и умчался в коридор. Наступила тишина. На минуту. Потом вдалеке послышались возмущенные голоса. Отдельные слова и даже фразы можно было разобрать:

— Как можно! Старого человека!.. Мало вам рома... — Это голос Ричарда.

А вот голос Сильвера:

— Он сам хотел. Для растираний, только для растираний... если здесь меня не ценят, я могу уйти... меня ждут во многих местах! Космические пираты Крыс и Весельчак У предлагают мне место помощника капитана! Тогда держитесь... нет, я пошутил, не надо так на меня смотреть...

Голоса умолкли, и тут же послышались шаги. Ричард возвратился в комнату. Он был еще более взлохмачен, чем прежде.

— Никому нельзя довериться, — сказал он. — Он же клялся мне, что забыл о своем прошлом. И что бы вы подумали...

— Это он моего дедушку за водкой посылал? — догадался Аркаша.

— И клянется, что они выпили бутылку водки в кустах с твоим дедушкой.

— Но мой дедушка не пьет водки. Он даже пива не пьет. Он ненавидит даже крепкий чай! — сказал Аркаша.

Ричард тяжело вздохнул и снова уселся за стол.

— А теперь, — сказал он, — мы поговорим о твоей командировке. Что ты знаешь об истории жизни на Земле?

— Мы этого еще не проходили, — признался Аркаша.

— Тогда слушай!

Аркаша понял, что угадал правильно: Ричард очень любил рассказывать и даже читать лекции. Ему бы тысячу учеников и слушателей, он был бы счастлив.

— Жизнь на Земле возникла примерно четыре миллиарда лет назад. До сих пор среди ученых нет единого мнения, как это произошло. Некоторые думают, что из космоса были занесены споры, другие полагают, что одноклеточные организмы возникли из белков и аминокислот. Но сейчас нам важнее посмотреть, что происходило потом. В теплых мелких морях первобытной Земли сначала зародились простейшие организмы, вроде амёб, потом они становились все сложнее, пока не появились рыбы, медузы и другие морские жители.

Аркаше все это было, конечно, известно, но как хорошо воспитанный мальчик он слушал Ричарда не перебивая и ждал, когда тот перейдет к делу. Но Ричард, оказывается, думал совсем о другом.

— Ты, пожалуйста, только не смейся, — сказал он, — но я решил, что историю Земли лучше всего рассказывать в стихах. Вот я и написал небольшую поэму. Это педагогическая поэма. Ты будешь ее слушать, и перед твоим внутренним взором пройдут яркие картины прошлого. Хорошо?

Аркаша ожидал всего, что угодно, только не поэмы.

— Когда я был юношей, — продолжил Ричард, — я влюбился в девочку Мальвину. Но она сказала мне, что уже дружит с другим мальчиком, потому что он умеет писать стихи. «Как так?! — воскликнул я. — Ведь я учусь лучше, чем Вася, я прыгаю в высоту на десять сантиметров выше, чем он, я имею третий разряд по шахматам, и ты дружишь с ним из-за того, что он может поставить рядом слова „кровь“ и „любовь“? Да это каждый сможет!» — «А ты попробуй», — сказала Мальвина.

Я просидел двенадцать ночей, получил шесть двоек, потому что мне некогда было учиться, я измучил компьютер, потому что все стихи, которые я придумал, уже были кем-то

написаны раньше. Меня подвела хорошая память. Стоило мне написать «Я встретил вас и все былое...» или «Средь шумного бала, случайно, в тревоге мирской суеты...» или даже «Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно!», а потом спросить у компьютера, не встречал ли он раньше этих строк, он сразу отвечал мне: «Пушкин это написал, Лермонтов это написал...» Тогда я полетел в деревню, там отыскал на птичьем дворе гусиные перья, заточил их и стал писать перьями на бумаге...

— Перьями? Как Пушкин? — удивился Аркаша.

— Это мне тоже не помогло, — признался Ричард. — И я оставил поэзию на пятнадцать лет. А вот в прошлом году снова взялся за гусиное перо...

— Снова влюбились? — спросил Аркаша.

— Нет, я понял, что история Земли — это тема для великой поэмы! Если я смогу передать моим ученикам и друзьям свои чувства, то они будут отправляться в прошлое как дон-кихоты. Хочешь послушать историю Земли в стихах?

— Разумеется, очень хочу, — сказал Аркаша. — Просто мечтаю. Если, конечно, ваша поэма не очень длинная.

— Ну как так можно ставить вопрос! Длина произведения не зависит... то есть значение поэмы не зависит от длины!

— Я не хотел вас обидеть, — сказал Аркаша. — Я сам читал некоторые очень длинные стихотворения, но они мне понравились.

Ричард посмотрел на Аркашу, склонив курчавую голову, и вдруг сказал:

— Знаешь, Сапожков, иногда мне кажется, что ты куда умнее, чем хочешь меня убедить.

— Ни в коем случае! — ответил Аркаша. — Я не очень умный, но хорошо учусь.

— Эту фразу, — сказал Ричард, — надо выложить золотом над Академией наук. Ну хорошо, начнем заниматься поэзией.

Ричард поднялся из-за стола, вышел на середину комнаты, встал перед стулом, на котором сидел Аркаша, и поднял руку. Потом откашлялся. Потом покраснел. Судя по всему, великий научный сотрудник, доктор наук жутко стеснялся одного пятиклассника.

*Когда-то давно,
Так сказать, на заре мироздания,
А может, давнее, в начале первичных времен,
Земля по Вселенной
Летела ужасно пустая
И голая, словно
Арбуз или даже лимон.*

Ричард печально вздохнул и завершил стихотворение так:

*...Ни гор, ни заливов, ни четких границ или стран.
Куда ни посмотришь — лишь мелкий парной океан.*

Ричард замолчал. Аркаша тоже молчал, он не знал: надо ли хвалить эти стихи или Ричард будет читать дальше? Ричард подождал-подождал, потом спросил:

— Можно дальше читать? Так сказать, вторую главу?

— Конечно! — обрадовался Аркаша. — Я жду.

— Браво! Браво! — закричал со шкафа попугай.

Ричард продолжал:

*Летая вот так, миллиарды недель и столетий,
Само совершенство, а значит, несчастная очень
Взмолилась Земля,
Упросила космический ветер,
Чтоб он постарался
Хотя бы немножко помочь ей.
И ветер послушно понесся в глубины Вселенной,
На поиски жизни, для нашей планеты безвредной.
Чтоб мелкой, послушной, не очень кусачей была:
Ведь наша невеста полжизни одна провела!*

Голос Ричарда окреп; он читал стихи, подняв к потолку правую руку, как юный Пушкин. Они даже похожи были с Пушкиным. Его голос звенел:

*Космический ветер
Микробов принес, инфузорий
И даже амёб,
Очень схожих по форме с фасолью,
Глупейших простейших
И просто простейших простейших,
Размером в микрон
Или в тысячу раз его меньше.
И все эти твари —
Красавцы, а чаще уроды —
Мгновенно ушли в глубину, в малосольные воды.*

Чем дальше читал Ричард, тем больше поэма нравилась Аркаше. Хоть он сам раньше стихов не писал и учить наизусть их не любил, сейчас он подумал, что не мешало бы кое-что запомнить.

А Ричард между тем продолжал:

*Века миновали.
И были они знамениты
Тем, что инфузории выросли до трилобитов
В подводных долинах,
В пещерах и даже на скалах
Плодились трепанги, акулы, кораллы, кальмары...
Медузы, омары и рыбы различных размеров
В рассоле водились,*

*В условиях самых тепличных,
Пока в океане им тесно и душно не стало...
Там скаты парили,
Как стеганные одеяла,
На них, как подушки,
Лежали витые ракушки,
А звезды блестели,
Как серьги в ушах у подружки.
Над ними неспешно скользили морские коньки,
Как будто по льду,
Натянувши на хвостик коньки...*

Ричард перевел дух и спросил Аркашу:

— Хочешь чаю? Или кофе?

— Спасибо, лимонаду, — сказал Аркаша.

Ричард нажал кнопку, из стены выехала полочка, на которой стоял бокал лимонада и чашечка с кофе, над которой поднимался душистый пар.

— Сейчас начнется самое главное, — сказал Ричард. — Я попытался показать в стихотворной форме процесс переселения живых существ на сушу. Тебе не надоело?

— Ни в коем случае! — ответил Аркаша, маленькими глотками отхлебывая холодный игристый лимонад. — Продолжайте!

Ричард подумал, вспоминая, и заговорил вновь:

*Неглупая рыба,
Которую звали тортилла,
Четыре ноги и две крышки себе отрастила
И вышла на берег.
Ей следом кричат: «Не спеши!»
Она отвечает:
«Как мило, что здесь ни души».
Та рыба тортилла по пляжу гуляла без страха.
С тех пор мы с тобой называем ее черепахой.
Вот так началось берегов и полей заселение.
Была пустота,
А теперь здесь живет население.
Живет и растет
Под кустарником или под пальмами,
В тени баобаба места себе выкроив спальные.
Там был червячок,
По размеру совсем пустячок.
Теперь динозавр встречает тебя горячо.
Его не дразни, не побей, не задень, не серди ты.
А то наступил —
Вот и нету тебя, троглодита!*

*Летит птеродактиль:
Уступит он туче едва ли.
Такие страшилки — скорей бы они вымирили!..*

Ричард замолчал, допил кофе, потом сказал:
— Остался последний раздел. И он самый важный для наших с тобой исследований.
Слушай:

*Не знаем причин,
Не имеем об этом преданий.
В конце мезозоя надвинулось похолодание.
И насморк косил бронтозавров,
И бил их бронхит
За все их грехи.
Но какие у тварей грехи?
Леса опустели — как следствие этого мора,
А в них расплодились
Поганки и мухоморы.
Но некому было ходить в те века по грибы.
Опята поднялись повыше фабричной трубы...*

Ричард замолк.
Молчание было долгим и тяжелым.
Его нарушил попугай.
— Птичку жалко! — проскрипел он со шкафа.
— Хорошие стихи, — сказала Аркаша. — Большое вам спасибо, что вы их прочитали. Я давно ничего такого задушевного не слышал.
— А с точки зрения обучения? — спросил Ричард. — Тебе помогла моя поэма увидеть мир динозавров?
— Конечно, — уверенно ответил Аркаша. — Я запомнил, что моря в древности были мелкими и теплыми, что сначала жизнь развивалась в море, а потом некоторые рыбы вылезли на сушу. Я запомнил, что летающего динозавра называли птеродактилем, а самого большого — бронтозавром. А эпоха, в которую я отправляюсь, называется мезозоем.
— Молодец! — воскликнул Ричард. — У меня еще не было такого умного и воспитанного практиканта, который так хорошо разбирается в поэзии! Теперь иди в просмотрный зал, и тебе покажут всех основных обитателей средней эпохи — мезозоя, а точнее, ее конца — мелового периода. Он закончился шестьдесят пять миллионов лет назад. Именно тогда и вымерли все динозавры, которые более ста миллионов лет господствовали на нашей с тобой планете. Иди, мой юный друг, наука надеется на тебя!
— Спасибо, — сказал Аркаша. — Но мне интересно: есть ли у вашей поэмы продолжение?
— Ах, ты меня удивляешь! — смутился Ричард. — Кое-что я, конечно, написал, но, честно скажу, никому не показывал. Я стесняюсь.
— А зррря! — прокричал попугай. — Дай нарроду стихи!

— Вот видите, — сказал Аркаша, — и другие хотят послушать.

— Попугай тоже меня удивляет, — признался Ричард. — Казалось бы, что ему стихи? Птица приبلудная, прилетел неизвестно откуда.

— От веррррблюда! — закричал попугай. — Полундррра!

— Ну хорошо, — сказал тогда Ричард. — Оставим поэзию. Теперь, когда ты просмотришь видеоматериалы, наш кинооператор научит тебя управляться с мини-камерой — ведь ты будешь снимать кино.

— Настоящее кино?

— Разумеется. Неужели тебе непонятно, что любой опыт, любое путешествие имеют смысл, только если ты сохранил документы. Так что мы ждем фильмов от всех наших практикантов. За практику вы все получите отметки, а за фильм — отдельно. И если фильм удастся, то мы его пошлем на фестиваль документальных фильмов, и ты можешь стать лауреатом.

Аркаша ничего не сказал, но конечно же ему захотелось снять документальный фильм лучше всех. Но он не Пашка Гераскин, который сразу же начал бы хвастаться. Аркаша сначала делает, а потом уж смотрит — получилось или нет.

Глава пятая. Спутник Шпигли

Весь день ушел на подготовку к путешествию. Домой Аркаша вернулся только к вечеру, в темноте. Мороз усилился, выпал снежок, под фонарями он блестел и пускал искорки. Мальши везли за собой санки — на них снова пошла мода, как и на коньки. И на катке на Чистых прудах было не протолкнуться. Сквозь снежные хлопья пробивался вальс, и некоторые конькобежцы, постарше, танцевали под эту музыку.

Как раз у катка Аркашу и встретил дедушка. Он делал вид, что только что вышел погулять с собачкой, но собачка Пьеро давно уже замерзла и даже поджимала лапки. Не привыкло животное гулять так подолгу.

— Ты уже домой идешь? — Дедушка шмыгнул носом, делая вид, что только что вышел на улицу.

— Пошли домой, — сказал Аркаша. — Простудишься. Ведь погода не для пожилых людей.

— Я не очень пожилой, — сказал дедушка. — Я еще в волейбол играю.

Они пошли домой, и дедушка стал расспрашивать Аркашу, что интересного он узнал.

Аркаша вспомнил поэму Ричарда и прочел ее дедушке. Дедушке поэма не очень понравилась.

— Надеюсь, — сказал он, — директор твоей школы запретит эти глупые поездки детей к динозаврам.

— У нас умный директор, — ответил Аркаша, который испугался, что дедушка начнет принимать меры и запрещать практику. — И не мечтай, дедуля, оставить меня дома. Ты опозоришь меня перед товарищами, и тогда мне придется уйти из школы, и никто не подаст мне руки.

— А ты им скажешь, что дедушка виноват, — последовал ответ. — Пускай меня все презирают. Зато ты останешься жив и здоров.

— Дедушка, — спросил Аркаша, — а до какого возраста ты будешь держать меня в вате?

— Никто не держит тебя в вате! — обиделся дедушке. — Я же не мешаю тебе летать на планету Пенелопа. Я не возражаю, когда ты выводешь жирафов или занимаешься другими рискованными опытами. Но динозавры — это слишком!

— Тогда, дорогой дедушка, — сказал Аркаша, — мне придется с тобой попрощаться. Я ухожу из дома. И меняю фамилию. Мне стыдно быть Сапожковым. Я стану Ботинкиным.

Собачка Пьеро залаяла от ужаса, она ведь была старенькая и трусливая, а дедушка сказал:

— Сейчас я лишусь чувств. Ты можешь сразу вызывать «Скорую помощь».

Но на самом деле дедушка чувств не потерял, потому что в последний раз упал в обморок в пятилетнем возрасте, когда ему не досталось сливового варенья, и с тех пор забыл, как это делается.

Аркаша шел домой и думал, как хорошо быть сиротой!

Может быть, такая мысль посещала и тебя, уважаемый читатель? Мне она знакома.

Но обычно мы только начинаем рассуждать на эту тему, а потом вдруг вспоминаем, что нас кому-то надо кормить, одевать, пришивать нам пуговицы и даже отвозить на каникулы в Крым к бабушке Соне.

Но самые дурные предчувствия Аркаши оправдались дома.

Все там, от бабушки до сестренок и собачки Пьеро, уговаривали его не ездить к страшным динозаврам, а вместо этого пойти в зоопарк или даже в цирк.

Но Аркаша был тверд как скала. Ведь это его школа, его практика, его дела — когда-то человеку пора становиться взрослым, а родные Аркаши никак не могли смириться с тем, что он уже почти мужчина. Еще немножко — и он даже женится. Посмотрим, как вы тогда попрыгаете, дорогие родственники!

Так что Аркаша, как скала, выдержал все уговоры, угрозы и нападки, а потом улегся спать и спал без снов и страхов, потому что если ты вырос в семье Сапожковых, тебе не страшны никакие динозавры. И в меловом периоде мезозойской эры ты будешь как дома.

Утром Аркаша сразу провидеофонил Алисе, спросил, как дела.

Алиса сказала, что собирается в школу и еще не решила, куда отправится на практику.

— А я сегодня улетаю к динозаврам, — сказал Аркаша. — До свидания.

— Осторожнее, — сказала Алиса. — Смотри наверх.

— Почему наверх?

— Чтобы на тебя сверху кто-нибудь не наступил.

Прощавшись с Алисой, Аркаша поспешил в Институт времени.

Там все было по-прежнему, только старый пират спал на раскладушке. Недопитая бутылка стояла на полу. За столом вместо него сидел очень красивый робот Вертер, с которым Аркаша был знаком по старым приключениям.

Робот и провел Аркашу в зал подготовки.

Там его ждали диагносты, которые проверили его здоровье, а затем проводили в следующий зал, где оператор показал Аркаше кинокамеру. Пришли портные и сапожники — для Аркаши уже были готовы куртка и брюки зеленого цвета, чешуйчатые, облегаящие и очень скользкие. Портные объяснили, что в этой одежде Аркаша не будет выделяться среди динозавров.

Наконец Аркашу отправили в зал, где его ждал Ричард.

— Привет, — сказал Ричард. — Хочу тебя познакомить с твоим помощником.

— С помощником? — удивился Аркаша. — А я думал, что лечу в меловой период один.

— Это не человек, — объяснил Ричард. — Это обслуживающее устройство — сразу и справочник, и подсказчик, и охранник, и верный помощник.

Он открыл сейф и вытащил оттуда пушистую меховую полоску шириной в два пальца.

— Протяни вперед руку. Вот так. — Ричард обернул запястье Аркаши пушистой полоской — она была теплой и мягкой. И сразу охватила руку, будто теплыми пальцами.

— Это твой помощник, — сказал Ричард. — Таких приборов во всей Галактике — раз-два, и обчелся. Мы их выдаем только тем сотрудникам, которые отправляются в очень далекие и опасные путешествия.

— Это прибор? — удивился Аркаша.

Руке было тепло и уютно.

— Это не совсем прибор. Вернее, совсем не прибор. Это разумное существо.

— Вот именно! — прозвучал в мозгу Аркаши незнакомый ворчливый голосок. — Я не прибор, и попрошу меня не оскорблять.

— Телепатия? — удивился Аркаша.

— Называй как хочешь, — раздался внутренний голос. — Я свои деньги зарабатываю честно.

— Может, объясните? — спросил Аркаша.

— Я объясню, — сказал Ричард. — Шпигли — существо разумное, но не живое.

— Во-первых, Шпигли, а не Спигли, — прозвучало у Аркаши в голове, — а во-вторых, что это значит — не живое существо? Я живее всех живых!

— Шпигли, — сказал Ричард, — это компьютер, который разработали специально для императрицы Соод из империи Тревокладов, которая не выносит ничего твердого, железного и даже пластикового.

— Почему?

— Потому что в юности на нее столько раз покушались — стреляли, кололи кинжалами, роняли на нее бетонные плиты, пытались отрубить голову, — что она, когда пришла к власти, запретила на своей планете даже сухари, не говоря уж о палках. С тех пор там ходят пешком, потому что никому еще не удавалось придумать мягкого двигателя. Но мягкий компьютер ей придумали. Это белковый биокомпьютер, на нем растет шерсть, и раз в году он делится на две половинки и таким образом размножается.

— Если я размножаюсь, значит, я существую, — сказал Шпигли.

— Императрица Соод страдает провалами памяти, — продолжал Ричард. — Но не хочет, чтобы об этом кто-то догадался. Так что ее мягкий компьютер Шпигли овладел телепатией и может говорить беззвучно — его голос раздается прямо в мозгу хозяина. А хозяин его тот, кто надел Шпигли себе на руку.

— Я не компьютер, — сказал Шпигли. — Я лучший в мире подсказчик.

Аркаше было странно слышать беззвучный голос браслета. Но человек ко всему привыкает.

— Так как Шпигли размножается, то императрица стала ими торговать. Она не хотела, конечно, чтобы у кого-то еще в ее империи появились свои Шпигли. Поэтому, как только отпочкуется новый браслетик, она вызывает свое доверенное лицо Лиандру Восс и та выходит на связь с Интергалактической полицией. Агент полиции тут же летит на связь с Лиандрой Восс и получает от нее прибор.

— Нет, не прибор, а существо — страдающее, одинокое, никому не нужное существо, — сказал Шпигли.

— Наверное, теперь их уже много, если каждый двоятся, — сказал Аркаша.

— О нет, мы так мало живем, мы такие хрупкие и незащищенные, — беззвучно ответил Шпигли. — Вернее всего, мы скоро выйдем, и во Вселенной не останется самых умных, самых добрых и чутких представителей нашего племени.

— Они в самом деле очень редкие и таинственные, — сказал Ричард, — иначе бы ты о них слышал. Надеюсь, что вы подружитесь.

— Но зачем мне нужен... — Аркаша спохватился, что браслетик может обидеться, и поправил себя: — Зачем нам путешествовать вместе?

— Ты отправляешься в очень дикое время. Если что случится, тебя и танки не спасут.

— А я спасу, я не раз уже спасал глупых мальчишек и девчонок, — беззвучно произнес Шпигли.

— Наш друг прав, — сказал Ричард. — Ему доступны мысли и намерения всех живых существ.

— А разве у динозавров есть мысли? — спросил Аркаша.

— У них не такие сложные мысли, как у тебя, — ответил Ричард, — но мысли наверняка есть.

— Например, у них всегда есть мысль, как бы сожрать этого мальчишку, — вмешался в разговор Шпигли и засмеялся тонким голоском.

— Шпигли прав, — вздохнул Ричард. — Может быть, тебе лучше отказаться от этого путешествия? Мы тебе подыщем тайну поближе и поспокойнее. Например, кто построил Эйфелеву башню? Кстати, кто?

— Ну этот, — отмахнулся Аркаша. — Я знаю. Я только на минутку забыл.

Шпигли хохотал так, что у Аркаши рука дрожала.

— Ее построил тот же самый мужик, — завизжал браслет, — кто построил Суэцкий канал.

Тут Аркаше стало очень стыдно.

— Простите, — сказал он, — я думал, что Эйфелеву башню построил Эйфель, а Суэцкий канал — Суэц.

Тут уж Ричард со Шпигли не могли остановиться — они хохотали минут пять.

Аркаша стоял мрачный, ему даже улыбаться не хотелось. Конечно, будь на его месте Пашка Гераскин, он бы нашелся что сказать. А тут стоишь дурак дураком.

Отсмеявшись, Ричард сказал:

— Теперь я убежден в том, что тебе по плечу тайна динозавров. Ну как, не отказываешься?

— Вы лучше скажите мне, кто построил Эйфелеву башню... ой нет! Кто построил Суэцкий канал?

— Его построил инженер Лессепс в середине девятнадцатого века, — прошелестел Шпигли. — И еще он потом попытался построить Панамский канал, но получилась крупная афера, известная в истории под названием «Панама». Лопнула лавочка!

— Не может быть, чтобы вы все это знали! — воскликнул Аркаша.

— Это не я знаю! — ответил браслет. — Это знает твой друг Ричард Темпест, а я просто заглядываю к нему в мысли.

— Теперь ты веришь, что Шпигли тебе понадобится? — спросил Ричард.

— Верю, — кивнул Аркаша.

— Но я еще не согласился, — вмешался в разговор Шпигли. — Я не намерен рисковать

своей шкуркой бесплатно. Я ставлю условие.

Аркаша стоял, переводя взгляд с собственной руки, которую охватил Шпигли, на Ричарда. Ему еще не приходилось попадать в такую фантастическую ситуацию: на его запястье браслет, который вовсе не браслет, а существо, которое вовсе не существо. И оно разговаривает без голоса — мысленно — с сотрудником Института времени, который этому не удивляется.

— Знаю я твое условие, — ответил Ричард, — Ну нет у нас сейчас для тебя друга и товарища. Как только достанем другого Шпигли, мы вас сразу познакомим.

— Ну ладно, — смилостивился тогда браслет. — Должен сказать, что вы, люди, теряете массу лишнего времени на пустые разговоры. В конце концов, мы идем в мезозойскую эру или не идем?

— Пошли, — сказал Ричард.

Снаружи, в коридоре, их ждал робот Вертер.

— Не обращай внимания, — сказал Ричард. — Вертер считает, что наш институт надо как следует охранять. Сюда могут забраться космические пираты или какие-нибудь разбойники.

— Очень мы их испугались! — возмутился браслет.

— Вот по-я-вят-ся, тог-да ис-пу-га-ешь-ся, — сказал Вертер.

— Как там наш старик Сильвер? — спросил Ричард.

— Вер-нул-ся в се-бя и при-сту-пил, — ответил Вертер.

Аркаша вошел в зал, где стояла машина времени.

Она была совсем не похожа на машину.

Небольшая круглая платформа с полметра высотой находилась в центре необычного зала. Казалось, будто они вошли внутрь колоссального мыльного пузыря, который приклеился к полу. А вы знаете, что если мыльный пузырь приклеится к полу, то останется только его верхняя половинка.

Внутри мыльного пузыря было светло, по стенам переливались радужные полосы, а в центре на небольшой круглой платформе стоял стеклянный стакан выше человека ростом. В нем находился небольшой пульт на ножке с несколькими квадратными кнопками. Вот и все.

— Ну, иди, — сказал Ричард. — В случае чего, мы тебя оттуда вытащим. Но не забывай ни на секунду — это не игра. Ты будешь жить в самой настоящей древнейшей мезозойской эре, вокруг тебя будут находиться самые настоящие чудовища.

— Не пугайте ребенка, — мысленно произнес Шпигли. — А то его дедушка закроет ваш институт.

— Я пошел, хорошо? — спросил Аркаша, которому уже надоели разговоры. Все эти взрослые полагали, что имеют дело с мальчонкой-несмышленьшем. Но он же не какой-нибудь глупый ребенок двадцатого века! Он живет в космическую эру, он уже навиделся всяких чудес и пережил немало приключений. Так что мы и в мезозойской эре не пропадем. Только нам, детям, приходится куда труднее, чем взрослым. Когда они отправляются в поход, никто не виснет на них как гири — ни дедушки, ни мамы. А здесь тебе приходится одновременно бороться с динозавром и с любимой бабушкой Соней.

Рассуждая так, Аркаша пошел к возвышению. Когда он вступил на него, прозрачная дверь машины времени закрылась.

— Нажми на зеленую кнопку, — послышался голос Ричарда.

— Только не сильно, — подсказал Шпигли. — Приложи меня к кнопке.

Аркаша послушался.

И тут же стенки машины времени стали мутнеть, словно на них плеснули молоком.

Из пульта поднялись белые поручни.

— Держись крепче! — приказал Шпигли. — Не ушиби меня.

Все вокруг завертелось, понеслось, будто Аркаша пикировал в густых облаках.

Он крепко держался за поручни и старался не бояться. Хотя было страшновато.

Внезапно все прекратилось. Он стоял у пульта, в кабине, словно никуда и не двинулся.

Муть рассеивалась, и за стеклом была темнота.

— Я тоже немного испугался, — сказал Шпигли. — Казалось бы, чего бояться?

Аркаша был благодарен браслету за то, что тот не стал смеяться над страхами своего спутника.

Дверь машины времени отъехала в сторону, и воцарилась полная тьма. Аркаша даже зажмурился. Он хотел спросить Шпигли, что ему делать дальше, но не успел, потому что тот сам сказал:

— Смотри под ноги, герой.

Аркаша посмотрел под ноги и увидел, что от машины времени в темноту уходит цепочка светящихся пунктиров — как разделительная полоса на шоссе. Аркаша догадался, что по ним и надо идти.

— Голову можешь не нагибать, — сказал Шпигли, — потолок высокий.

— А где мы? — спросил Аркаша.

— В пещере. Где же еще? В прошлом все машины мы стараемся ставить в пещерах, которые сохранились до наших дней. Это надежнее, чем оставлять их снаружи. А то уже бывали несчастные случаи. Нам приходилось специальные спасательные экспедиции посылать.

— Вы так странно говорите, — сказал Аркаша, — как будто давно работаете в институте.

— А чего тут удивительного! Конечно, я работаю, а не бездельничаю, как твой любимец пират Сильвер. Или какаду ободранный. Я все время в экспедициях. Причем мне несладко приходится. Кстати, я пишу кандидатскую диссертацию.

— Какую? — спросил Аркаша.

— Не смей смеяться!

— Я и не думал.

— Еще как думал. Для того я и читаю мысли, чтобы знать, кто смеется, а кто притворяется. А ты сейчас надо мной смеялся.

— А на какую тему вы пишете диссертацию? — спросил Аркаша, чтобы сменить тему разговора.

— О глупых суевериях гомо сапиенс. Ты когда-нибудь слышал о гомо сапиенс?

— Слышал. Это разумные люди. Это я.

— Вот вас я и изучаю. Что мне остается делать, если ног у меня нет, зато я могу заглянуть в ваши извилистые мозги.

Тут разговор прекратился, потому что впереди показалось круглое пятно света. Пещера кончилась. Они вышли на свободное место.

Аркаша подумал: «Какой ужас! Если этот браслетик будет все время разговаривать, я никогда не смогу изучить прошлое! Я даже динозавров не увижу».

Но Аркаша опять выпустил из памяти, что его браслет все понимает и пасется в его

голове, как овца на зеленом лугу.

И ответ Шпигли не заставил себя долго ждать:

— Я могу и вообще замолчать. Я буду молчать даже тогда, когда ты будешь меня умолять: дорогой Шпиглик, скажи, пожалуйста, что думает обо мне вон тот динозавр! А я буду молчать, как партизан на допросе. Вот с этого момента я молчу. Молчу, и ни слова! Считаю, что ты остался совершенно один. И мучайся теперь от одиночества...

— Я согласен! — закричал Аркаша. — Я согласен мучиться от одиночества и остаться совершенно один. Я согласен!

— Вот и оставайся, — сказал браслет. — Некоторые уже пробовали без меня здесь обойтись, но ответь мне, мой юный друг-практикант, где лежат их белые обглоданные пантерами косточки? Молчишь? Не знаешь или не хочешь сказать?

— Все, я догадался, — сказал Аркаша.

Он схватил браслет и потянул, чтобы расстегнуть. Но тот вцепился, вклеился, присосался к запястью и не желал отделяться от хозяина.

— Как ты смеешь! — беззвучно кричал он. Но от этого беззвучия у Аркаши голова раскалывалась.

— Послушайте, Шпигли, — сказал он. — Если вы не перестанете болтать, я вернусь обратно.

— Ты не имеешь права!

— Постольку поскольку вас на меня надели как помощника, — строго сказал Аркаша, — вряд ли Ричард вас будет поддерживать. А я имею право командовать.

— Ах ты, генерал нашелся! Академик! — проворчал Шпигли. — Посмотрим, как ты заговоришь, когда за тобой трицератопс погонится. Или археоптерикс тебя клюнет в темечко.

Шпигли так увлекся собственной речью, что ослабил хватку, и Аркаше удалось снять его с руки и кинуть на пол.

Глава шестая. Настоящие динозавры!

Аркаша стоял на склоне горы, за его спиной поднимался высокий отвесный обрыв. Вход в пещеру скрывался за могучими кустами папоротников, выше человека ростом.

Воздух был жарким и влажным, лучи солнца едва пробивались сквозь туман. В нем таяли деревья и долина внизу. Было тихо, только жужжали комары.

Ах! Один комар укусил Аркашу в шею. Еще чего не хватало! Неужели они уже появились в мезозойскую эру? Что же он теперь, должен их терпеть?

— Аркадий! — прощуршало в мозгу. — Аркадий! Сапожков! Откликнись!

— Ну что вам еще надо?

— Аркадий, вернись, я пригожусь тебе!

— Нет уж, — ответил Аркадий.

Он говорил вслух, ему надоели эти телепатические перешептывания.

— Нет уж, — повторил он. — обойдусь без вас.

— Но я боюсь темноты! — ответил прибор.

— Сказки, — сказал Аркаша. — Ничего не случится. Когда вернусь обратно, я захвачу вас в Институт времени.

— О нет! — возопил Шпигли. — Они же меня уволят! Как могло случиться, что я попался на жалкую уловку какого-то мальчишки? Они мне не разрешат защитить диссертацию! Моя карьера погублена.

«Ох уж этот помощник, — подумал Аркаша, отойдя за угол скалы, чтобы его мысли не доносились до Шпигли. — Думает только о себе, о своей диссертации».

На душе у Аркадия было легко. Если бы не комары, он был бы совершенно счастлив. Он вспомнил, как в детстве читал сказку про Синдбада Морехода. В той сказке какой-то злой карлик сел верхом на морехода и таскался на нем, не слезая даже ночью. И приходилось его кормить и развлекать. Так и с этим надоедливым Шпигли. Но постольку поскольку...

Откуда-то принесся ветерок, он разогнал туман. Перед Аркашей открылась обширная, покрытая травой долина с редкими купами деревьев. По ней протекала медленная речушка, заросшая по берегам тростником и хвощами, похожими на солдатиков. Недалеко от холма речушка вливалась в болото, и вот в этом болоте Аркаша впервые увидел жителей мезозойской эры.

Издали трудно угадать, большой или маленький предмет перед тобой. Нужен масштаб. То есть что-то должно быть рядом для сравнения.

А здесь все растения были незнакомыми, и не поймешь — вон то могучее на вид дерево достаёт до облаков или только до пояса?

И болото там, внизу, обширное, не переплывешь, или только большая лужа?

Аркаша смотрел на животных, которые пришли к болоту на водопой, как будто рассматривал картинки в справочнике. Ведь у него хорошая память, и он их всех помнил.

Вот бредет по болоту, по колени в воде, вытянув длинные шеи, стадо диплодоков. Таких динозавров чаще всего рисуют в детских книжках или снимают в кино — это медленные громады, длиной в поезд, высотой в пятиэтажный дом, их тело похоже на веретено. По одну сторону от туго обтянутого шкурой живота вытянута длинная шея, которая оканчивается маленькой головкой, по другую — такой же длины, похожий на шею хвост, который ничем не оканчивается. Шея и хвост друг дружку уравнивают, так что динозавр не может ткнуться носом в грязь или сесть на хвост. Ногам такого диплодока приходится труднее

всего — им же надо удерживать на весу всю эту тушу. Аркаша попытался вспомнить, сколько весит диплодок и какого он размера. Длина двадцать метров, вес тридцать пять тонн... — эти цифры лежали в памяти, но ровным счетом ничего не говорили. Надо бы спуститься поближе, постоять рядом, снять на камеру, и тогда все станет понятно.

«Что же, — сказал сам себе Аркаша. — Нельзя терять времени понапрасну. Таинственные динозавры ждут нас. Если я буду тут прохлаждаться, они могут вымереть».

Аркаша направился вниз, раздвигая ветки кустов.

И вдруг кто-то ударил его по ноге.

Аркаша даже подпрыгнул от удивления.

Небольшой ящер, ростом всего по колено Аркаше, тоже подпрыгнул и кинулся наутек. Знаете, на кого он был больше всего похож? На ощипанную курицу! Только ростом с гуся.

Этот хулиган, который кидается на людей, был ярко раскрашен зелеными и синими полосами, что было неспроста. Стоило динозаврику ускользнуть в кусты, он сразу исчез. Его окраска, такая яркая на открытом месте, стала сразу маскировкой.

Наверное, Аркаше надо было испугаться, но он рассудил, что вряд ли существо такого размера опасно для человека.

Успокоив себя, Аркаша сделал несколько шагов вниз и увидел, что ему перегородил дорогу еще один динозавр. И тоже небольшого роста. Динозавр сидел, опершись на толстый хвост, сложив на пузе лапки, — ну точный кенгуренок, только не пушистый, а блестящий. Особенно блестел у этого динозавра живот, желтый, покрытый крупной чешуей.

— А тебе чего надо? — спросил Аркаша.

Динозавр склонил голову. Голова была небольшая, с кулак. Потом динозавр улыбнулся. А может быть, оскалился. Зубки у него оказались маленькие, остренькие, а пасть — змеиная, довольно большая. Аркаша ничего не успел сказать этому наглому существу, так как в этот момент к нему на плечо опустилась стрекоза.

Ничего подобного Аркаша не видел. Он даже камеру не стал вынимать, чтобы не спугнуть эту невероятную красавицу. Размером стрекоза была с ворону, крылья у нее были широкие, радужные, перепончатые, в громадных шарах глаз — с вишню каждый — отражались небо, облака и сам Аркаша.

Открыв рот, Аркаша любовался прекрасным созданием, но недолго. Его созерцание грубо прервал динозаврик, сидевший у него на пути. Он прыгнул, как кенгуру, ударил передними лапками и грудью Аркашу в плечо так, словно тот не был живым человеком и царем природы, и схватил в пасть прекрасную стрекозу.

Аркаша от этого удара сел на траву.

— Так мы не договаривались, — мрачно сказал он, — я не яблоня, а стрекоза не яблоко. Не забудь, что она может быть уже занесена в местную Красную книгу, а ты уничтожаешь редкую дичь. Понял?

Динозавр уселся и, помогая себе маленькими передними лапками, проталкивал стрекозу в открытую пасть. Он смотрел на Аркашу с удивлением: с чего этот незнакомый зверек читает мне нотации?

Сзади послышалось шуршание.

Аркаша обернулся.

К нему несся динозавр среднего медвежьего размера, он прыгал, ломая ветви, как будто увидел друга детства и спешил с ним обняться.

Это совсем не понравилось Аркаше. Он отпрыгнул с пути динозавра. У новенького

было низкое массивное тело на коротких массивных ногах, он бежал переваливаясь, как медведь.

И тут Аркаша сделал свое самое первое открытие в мире динозавров: все эти чудища похожи на каких-то современных животных!! Может быть, кенгуру произошли от динозавров? И медведи тоже? Как Аркаше хотелось посоветоваться с умным человеком!

Пока он так думал, покрытый чешуей медведь с тяжелой короткой мордой со страшным ревом развернулся, чтобы напасть на Аркашу. Если верить книгам и фильмам, динозавры большей частью невероятные гиганты и охотятся друг за другом, а не за туристами и исследователями, которых просто не замечают. А они оказались весьма противными созданиями разных размеров.

Рассуждая так, Аркаша подумал, что, пожалуй, он зря расстался со Шпигли. Браслет мог помочь ему именно теперь.

«Давай-ка я поднимусь и возьму его», — подумал Аркаша.

Но сделать этого ему не удалось.

Потому что неподалеку от него медленно трусил мелкий динозавр чуть побольше кошки. Он был похож на бобра и не бежал, а прыгал, отталкиваясь хвостом.

В зубах этот динозавр держал рыжую тряпочку.

Может быть, Аркаша и не сообразил бы, кого тащит динозаврик, но тут до его мозга донесся отчаянный крик:

— Аркадий, прекрати это безобразие! Разве ты не видишь, что меня взяли в плен?! Неужели ты допустишь, чтобы твоего товарища растерзали какие-то пресмыкающиеся?

И пока Аркаша старался сообразить, что же происходит, его спутник принялся распевать детскую сказочную песенку, которую Аркаша конечно же давно забыл:

— Несет меня лиса в далекие леса, за высокие горы, в широкие просторы! Спасите меня скорей, да не вижу богатырей! Был у меня друг Аркадий, да в душу он мне нагадил!

— Хватит! — закричал Аркаша. — Животное, отдай мне ценный прибор!

Динозавр, услышав крик Аркаши, припустил еще быстрее, и конечно же Аркаше никогда бы не догнать похитителя Шпигли, если бы на пути этого негодяя не показался неожиданный спаситель.

Это тоже был динозавр. И Аркаша даже вспомнил, как он называется: пахицефалозавр.

В книжке о приключениях глупо перечислять имена динозавров. Ведь ученые называли их по-латыни, а латынь — это мертвый язык. На нем говорили жители древней Римской империи. Потом этот язык все забыли, а когда через пятьсот лет вспомнили, оказалось, что это уже не латынь, а итальянский язык. К тому времени римлянами себя называли внуки и правнуки тех варваров, которые когда-то пришли сюда, чтобы завоевать и грабить Рим и другие богатые города. Они перебили часть римлян, а другую сделали своими рабами. Понемногу все перемешались, и получились итальянцы. Но итальянцы — люди гордые, и потому они себя называют римлянами, хотя говорят совсем не на римском языке. А язык бывших римлян, то есть латынь, никуда не пропал. Ведь на нем были написаны все те законы, которыми пользуются в мире и сегодня, на нем первые врачи писали свои первые рецепты, а первые ученые давали названия открытым ими зверям. Вот и пошло с тех пор: если ты считаешь себя настоящим ученым, то будь любезен, пользуйся древним языком — латынью, иначе твои коллеги сочтут тебя невеждой.

Поэтому всех динозавров ученые называли и до сих пор называют по-латыни.

А если перевести эти громозвучные и длиннющие названия на наш язык, то

оказывается, они просто описывают динозавров. Вот, например, динозавр, который кинулся на похитителя Шпигли. Он называется пахицефалозавром. Запомнить невозможно! Только Аркаша с его памятью и трудолюбием мог запомнить и произнести это имя.

А что это значит в переводе?

«Завр» — означает «ящер». Все динозавры — ящеры. А «дино» — значит «ужасный». Динозавр — «ужасный ящер».

А кто такой пахицефалозавр? Это — «толстоголовый ящер».

Всего-навсего.

На голове этих ящеров выросли костяные купола, как будто солдатские каски. Толщины и крепости невероятной.

Сами-то ящеры невелики, с человека ростом, ну, иногда побольше, со слона, ну, иногда еще побольше, с троллейбус, но в мире динозавров это не размеры. Это так, мелочь пузатая, головастая.

И зубов у них больших нет, и лапы задние, как у птиц, но без страшных когтей, и ручки передние, как у людей, пятипалые. И раскраска пятнистая, как у камуфляжного костюма. Вот только костяная каска на голове, и потому этот динозавр ведет себя как баран сумасшедший. Чуть видит опасность или соперника, тут же наклоняет голову и несется вперед, как таран на крепостные ворота.

Ба-бах! — и противник с катушек долой!

Ба-бах! — и браслетик вылетел из зубов динозавра-похитителя и взлетел в воздух.

— Я лечу! Я несусь к звездам! — послышался в мозгу Аркаши голос Шпигли. — Может, я птица? Чего ж я летаю?

Аркаша совершил вратарский прыжок и, пробившись сквозь колючие ветки первобытной малины, скатился по хвощам и настиг браслетик только в зарослях цветов. Цветы стояли густой стеной прямых стеблей, на которых покачивались огромные розовые соцветия, источавшие неприятный гнилой запах.

Аркаша схватил Шпигли и попытался выбраться из зарослей, но цветы прилипали к ногам и рукам, тянулись к нему, шуршали, шептались, и Аркаша чуть не потерял сознание от удушья, но его разбудил пронзительный голосок Шпигли:

— Ты с ума сошел? Так заснешь и уже никогда не проснешься! А что скажет твой несчастный дедушка? А что подумает о тебе твоя подруга Алиса Селезнева?

— А что... она... подумает? — с трудом спросил Аркаша.

— Она решит, что ты дезертир. Что тебе не хотелось учиться в школе и овладевать науками и ты трусливо сбежал в меловой период, чтобы купаться в теплых болотах.

— Чепуха, — возразил Аркаша и тут увидел, что на него глядит чудовище совершенно невероятного вида, которое, оказывается, пришло сюда полакомиться цветами.

Но разве такие чудовища могут лакомиться цветами?

— Еще как могут, — ответил Шпигли, который, разумеется, читал все мысли Аркаши. — Это чудовище называется центрозавром.

— Здравствуй, центрозавр, — вежливо сказал Аркаша.

Больше всего центрозавр был похож на носорога. Но кроме носорожьего рога, который рос на носу, как и положено, у него было еще два, которые торчали в стороны, как усы, на голове у него был щит, а глазки оказались такими маленькими, что их можно было угадать только по блеску — так глубоко спрятались эти звездочки.

Голова у центрозавра была длиной побольше Аркаши, а насколько велик центрозавр, он

понять не мог, потому что тот смотрел на него в упор. Но уж наверняка он не уступал трем носорогам, вместе взятым.

— Он на меня не наступит? — спросил Аркаша, стараясь отойти. В голове шумело — запах тухлых цветов действовал вовсю.

— Он думает сейчас, цветок ты или нет. Он уже решил, что ты, вернее всего, не цветок. А так как центрозавры и все подобные им цератопсы едят только цветы, то он не представляет для нас опасности.

— Но вы уверены?

— Разумеется, я же читаю его мысли, короткие как спички.

— Зачем же такая броня, если ты кушаешь цветочки? — удивился Аркаша.

— Не все его соседи питаются цветочками, — заметил Шпигли. — Некоторые рады бы скушать центрозавра.

Аркаша смотрел на динозавра, тот смотрел на Аркашу и медленно жевал стебель цветка, отчего цветок как бы вползал ему в рот.

— Странное название, — сказал Аркаша, — а что, на окраинах таких динозавров нету? Они только в центре водятся?

— Не шути, — ответил Шпигли, — у тебя, мальчик, это плохо получается. Центрозавр — означает «ящер с острыми пиками».

— Не может быть!

— И относится он к роду цератопсов, к которому также принадлежат стиракозавр, моноклоний, что значит единорогий, и даже лептоцератопс. Они отличаются...

— Хватит! — закричал Аркаша. — Сил больше нет. Зря я тебя спасал.

— Не спас бы, сам бы погиб, — ответил браслет, потом подумал немного и добавил: — Вообще-то ты, Аркадий, преступник. Своего верного товарища бросил в темной пещере, где его мог растерзать любой динозавр.

— А вас можно растерзать? — спросил Аркаша.

— А также растоптать, расплющить, оплевать и унизить! — воскликнул Шпигли. — Я такое же благородное существо, как и ты. И мне тоже бывает грустно.

Центрозавр проглотил цветок, распахнул свою пасть с небольшими, похожими на карандаши зубами и схватил новый букет. Он зажмурился от удовольствия.

Аркаша включил съемочную камеру, которая в виде небольшой кнопки была прикреплена над верхним карманом.

— Ничего нового нет, — сказал браслетик. — Центрозавр как центрозавр, не трать энергию, мой друг.

— Я это ребятам в классе покажу, — сказал Аркаша. — А то у нас все думают, что динозавры — это хищные чудовища. Пускай полюбуются.

Браслет замолчал, послушно ожидая, пока центрозавр дожует букет цветов, и только потом сказал:

— Погляди вверх, может, захочешь снять?

Аркаша посмотрел вверх.

Над поляной парили две чудесные птицы. Впрочем, нельзя было сказать наверняка, птицы это или какие-то другие существа. Крылья у них были небольшие, белые с темными краями, а хвост длинный, не совсем птичий, словно хвост ящерицы, по сторонам которого выросли перья. Но удивительнее всего была голова этой птицы — у нее отсутствовал клюв, а вытянутая вперед крокодилья мордочка заканчивалась приоткрытым ртом, наполненным

множеством мелких острых зубов. Таких птиц над Аркашей реяло несколько, может, штук пять, они парили на воздушных потоках, летали медленно и лишь порой складывали крылья и кидались вниз за стрекозой или большой мухой.

В меловом периоде еще не было настоящих птиц. Настоящие птицы произойдут именно от этих странных помесей птиц и ящериц с длинным хвостом. Они назывались...

— Археоптериксами, — сразу подсказал Шпигли.

— Не мешайте, дайте самому вспомнить.

— Археоптерикс означает «древнее крыло», — сказал Шпигли. — Цивилизованный человек сам должен перевести.

— Спасибо, значит, я недостаточно цивилизованный, — сказал Аркаша.

Он принялся снимать археоптериксов.

— Куда дальше пойдём? — спросил Шпигли.

— У вас есть идеи? — ответил вопросом на вопрос Аркаша.

— Судя по календарю, вживленному в мой мозг, тайна, которая случилась с динозаврами и погубила их, скрывается где-то в ближайших днях.

— Неужели никто раньше не пытался ее разгадать?

— У нас и без тайн много дел, — ответил браслет.

— Не верю, — сказал Аркаша. — Это слишком важная тайна...

— Ну, была одна сотрудница... вернее, даже две сотрудницы. Они побывали здесь, но не попали в тот самый момент. Одна прожила два месяца до катастрофы, а вторая угодила в мир, где динозавров уже почти не было. А вот точно попасть в нужный момент смог ты первый, Аркаша!

Аркаша не до конца поверил браслетику, хотя не знал, может ли такой прибор говорить неправду? Но, наверное, если бы кто-то узнал, что же случилось с динозаврами, об этом бы написали в газетах и показали по всем видеосистемам мира...

Дикий визг донесся с неба.

Аркаша поднял голову.

Оказывается, на первобытную птицу археоптерикса накинuloся летающее чудовище, больше всего похожее на летучую мышь, которую не кормили года два. А еще больше на рваное серое одеяло, пролежавшее лет сто в пыли на чердаке.

Длинная крокодилья морда этого одеяла была снабжена множеством острых треугольных зубов.

— Птеродактиль! — воскликнул Аркаша. — Настоящий птеродактиль.

— Вот именно, — согласился браслетик, — отвратительная бестия.

Больше он сказать ничего не успел, потому что птица археоптерикс попыталась улететь в чашу, но ее пышные крылья и длинный хвост были очень полезны, когда надо было красиво парить над полянами, но совершенно не годились, чтобы спастись от быстрого птеродактиля, который был к тому же раз в десять больше первобытной птицы.

Хрясть! Аркаша услышал, как сомкнулись челюсти птеродактиля на крыле археоптерикса. Тот забил целым крылом и каким-то чудом вырвался из пасти хищника.

И, кружась, словно оборвавшийся с дерева осенний лист, начал падать вниз.

Это, как ни странно, спасло птицу. Птеродактиль нырнул за ней и, спускаясь к земле, все щелкал зубами, стараясь схватить свою жертву. Птица падала неверно, неровно, кружась, и птеродактиль, умишко у которого был хоть и злобный, но махонький, все время промахивался.

И тут Аркаша, которого тысячу раз учили не вмешиваться в дела динозавров мелового периода, побежал к тому месту, куда падал археоптерикс, чтобы его защитить.

Археоптерикс — даром что первобытная птица, только-только произошедшая от мелкого динозаврика, — понял, где его спасение. Ковыляя и волоча за собой сломанное крыло, он направился к Аркаше.

Птеродактиль застрекотал, как гигантский кузнечик, и перенес свое внимание на нового врага. Тем более что Аркаша показался ему более вкусной добычей, чем птица.

— Ну уж нет! — мысленно произнес браслетик. — Птеродактиль, я приказываю тебе зажмуриться!

Аркаша не видел, конечно, зажмурился ли птеродактиль, но когда он начал пикировать на Аркашу, мальчик кинулся за толстую пальму.

Не изменяя скорости, птеродактиль камнем пронесся к земле и со всего размаха врезался в нее.

— А теперь пошли, — приказал Шпигли, — не то его родственники прилетят посмотреть, что тут творится.

Аркаша поднял археоптерикса. Птица была размером с гуся, а ее длинный, украшенный двумя рядами перьев хвост свисал до самой земли. Птица пискнула и опустила голову.

— Ей больно, — сказал Аркаша.

— Еще как! — согласился Шпигли.

— Ее нельзя тут оставлять, — сказал Аркаша.

— Погоди немножко, я ей в головку загляну, — сказал Шпигли.

Так они и стояли. Аркаша держал на руках птицу, и ему было тяжело. Но он терпел.

— Тут у нее гнездо близко, — сказал Шпигли. — Пошли.

Он мысленно подсказывал Аркаше, куда идти, и через несколько минут они подошли к густому кустарнику. Там в тени ветвей невысоко над землей было устроено большое гнездо, в котором сидело пятеро маленьких птичек.

При виде раненой мамы и незнакомого двуногого чудовища малыши жалобно запищали.

— Сейчас я их успокою, — сказал Шпигли.

И в самом деле, птенцы замерли, прислушиваясь к мысленной речи рыжего браслетика. А потом принялись хлопать зубастенькими ротиками. Они просили покушать — но кто теперь их будет кормить?

Аркаша сам задал себе этот вопрос и тут же увидел на него ответ.

Сверху спустилась вторая птица. И начала парить над кустами, не смея снизиться.

— Это их папа, — сказал Шпигли. — Он позаботится о детях.

Аркаша отпустил птицу, и она заковыляла к гнезду. Она совсем уже не боялась Аркашу.

Мама-археоптерикс уселась на земле под гнездом, расправив поврежденное крыло.

— Не бойся за них, — сказал Шпигли.

— По крайней мере, мы сделали доброе дело! — воскликнул Аркаша.

Браслетик вздохнул и ответил:

— Порой я смотрю на вас, люди, и думаю — ну откуда вы такие жестокие, глупые и необразованные? Почему вы не хотите думать?

— А в чем дело? — спросил Аркаша.

— Почему ты думаешь, что спасти археоптериксов лучше, чем птеродактиля? Птеродактиля мы с тобой, возможно, ухлопали до смерти.

— Но он же напал на археоптерикса! — возразил Аркаша.

— А археоптерикс нападает на стрекоз. Стрекоз тебе не жалко?

— Археоптерикс красивый.

— Самый красивый — это я. Но знает об этом только королева Соод, которая живет в другом конце Галактики, — сказал Шпигли.

— Я думал, что ты все-таки машина.

— Я иногда тоже так думаю. А иногда сомневаюсь. Иначе откуда у меня такое глубокое понимание человеческой природы?

Аркаша замолчал и задумался. А ведь браслетик прав. Почему красивый археоптерикс больше достоин жить, чем некрасивый птеродактиль? Ведь для мамы, невесты и детишек птеродактиля он был писанным красавцем!

— То-то, — сказал Шпигли, подслушав мысли своего спутника. — Я и сам кое-кому, не будем указывать пальцем, кажусь похожим на грязную тряпочку. Ты со мной не согласен?

— Согласен, — вздохнул Аркаша, — только я никогда не называл вас грязной тряпочкой.

— Если бы я в тебе такую мысль отыскал, я бы тебя на куски разорвал! — ответил Шпигли.

Аркаша вежливо попрощался с археоптериксом, который длинным змеиным языком вылизывал свое крыло, и пошел дальше вниз, к болоту, где он видел бронтозавров.

Аркаша знал, что бронтозавры — слово неточное. Когда-то так называли всех гигантских травоядных динозавров. Все они в чем-то похожи друг на дружку.

Они — бочки, гигантские бочки с двумя длинными отростками. Спереди — это шея, которая заканчивается маленькой головкой, а сзади точно такой же длины хвост, который ничем не заканчивается.

Голова у этих динозавров размером с Аркашу. Вам она может показаться слишком огромной, но учтите, что сам динозавр в длину больше тридцати или сорока метров.

Аркаша остановился на крутом берегу, который в том месте вдавался в болото, как нос плывущего по реке фрегата. Отсюда было удобно разглядывать динозавров.

Они стояли, лежали в воде, бродили по грязи так близко от Аркаши, словно все это происходило во сне. Так быть не может.

Ведь картинки, которые ты рассматриваешь, даже если они трехмерные, не могут передать правды. Потому что правда — это не картинка чудовища самого по себе, а ты — чудовище и окружающий мир.

Легкий теплый влажный ветерок дул Аркаше в лицо и доносил звуки и запахи болотистой низины, а также помогал летать комарам, слепням, стрекозам и мухам, которые себя чувствовали вольготно и жужжали, свистели, пищали, скрипели, чтобы Аркаше не было одиноко. Ветер шевелил сухие листья больших, с Аркашу, папоротников, и они шуршали и шумели. На острых коготках, как на каблучках, пробежала, лавируя между папоротниками, синяя, в желтую полоску ящерица. Бежала она на задних лапах, прижимая к груди маленькие ручки. Аркаша сообразил, что это не ящерица. То есть по-своему ящерица, но в то же время и маленький динозавр. Ведь ящерицы не бегают на задних лапах. За ящерицей ползла большая толстая змея. Аркаша хотел было отбежать в сторону, но Шпигли довольно спокойно сказал:

— Она на тебя внимания не обращает, и ты не обращай. А то от них не набегаешься.

Змея все ползла и ползла мимо Аркаши и становилась все толще. А потом стала

утоньшаться к хвосту.

Со стороны болота тянуло запахом гнили и мутной стоячей воды.

Аркаша смотрел, как динозавры лениво возятся в болоте, и старался вспомнить, как они называются.

Вот топает по мелководью камарозавр, у него такие толстые ножищи, что внутри каждой можно спрятать пароходную трубу...

— Не туда смотришь! — прервал мысли Аркаши Шпигли. — Ты правее, правее смотри! Вот это образина!

И в самом деле, к воде спускался брахиозавр. Он отличался от прочих динозавров своей невероятно длинной шеей и тем, что не тянул ее вперед, как диплодоки, а поднимал к самому небу, так что с высоты шестиэтажного дома его махонькие глазки видели на много километров вокруг. Конечно же такие брахиозавры были больше всего похожи на жирафов, только без шерсти и с длинными хвостами.

Два брахиозавра что-то не поделили, они сблизилась и принялись реветь, словно ветер в узком ущелье. Они раскачивали шеями и, видно, ругались так, что все остальные динозавры в долине прекратили жевать и замерли, глядя на этот скандал.

Аркаша никак не ожидал, что динозавры могут так ссориться, а тем более так громко шуметь.

— Ты еще мало что слышал и видел, — заявил Шпигли. — Некоторые тут так умеют реветь — за сто километров слышно. А что касается характеров... брахиозавры — самые мирные создания в этой луже.

— А что же они ссорятся?

Шпигли не ответил; может быть, мозг этих чудовищ был таким маленьким, что Шпигли не удалось его отыскать?

А брахиозавры тем временем умудрились так переплестись шеями, словно намеревались сплестись в косичку. Запутаться они запутались, стали рваться, чтобы разойтись, но никак не могли догадаться, как это сделать. Зрелище было бы смешным, если бы не страшные размеры динозавров и не рычание, которое они издавали.

Вода в болоте взбаламутилась, и те из динозавров, которые искали что-то в тине, подняли головы — видно, ожидая, пока муть оседет.

На шум откуда-то прилетели птеродактили и стали кружиться над водой.

— Смотри, — сказал Шпигли, — сейсмозавр идет, наверное, ему помешали.

Аркаша увидел, что к драчунам приближается ящер, по сравнению с которым они кажутся детишками.

Сейсмозавр решительно переставлял толстые столбы ног, раскачивал бесконечно длинной шеей и громко ухал — видно, пугал драчунов или оповещал о своем приближении.

— Я счастлив, — вдруг сказал Аркаша.

— Счастлив? — Шпигли умел читать мысли, но человеческие чувства не всегда ему были понятны. — Что случилось? Динозавры подрались?

— Понимаешь, я вижу собственными глазами то, что не только представить, но и в сказке вообразить невозможно!

— Мало ли что! — ответил Шпигли, которому было обидно, что он не испытывает счастья, а какой-то обыкновенный мальчишка испытывает. — На Паталипутре есть дракон, который такого динозавра как ягодку проглотит.

— Ну что ж, — сказал Аркаша. — При первой возможности слетаю на Паталипутру. И

посмотрю.

— Ну, может быть, не как ягодку... но обязательно скушает, — сказал Шпигли, и Аркаша догадался, что его браслетик может немножко привирать. Это было даже смешно.

— Я думаю, — сказал Аркаша, глядя на сейсмозавра, — что его так назвали потому, что сейсмология — это наука о землетрясениях. А когда такой динозавр идет по земле, она дрожит.

— Может быть, — ответил Шпигли. — Я не задумывался.

— Тогда скажи мне, — попросил Аркаша, — зачем природе такие невероятные гиганты? Ведь ничего не бывает случайного.

Шпигли задумался. Словно пропал. Потом вдруг запищал мыслями в мозгу Аркаши:

— Я думаю, что на Земле слишком долго стоял мирный, теплый, ровный климат, слишком много было мелких, богатых пищей болот и озер, даже горы им не мешали. И вот за миллионы лет деревья выросли до небес, а за ними выросли динозавры. Может, они потому и вымерли, что привыкли быть господами. Никто не смел им сказать: хватит расти!

Брахиозаврам надоело бороться, наверное, они устали. Они распутали жирафыи шеи и тут же забыли друг о дружке — и побрели в разные стороны, пригибая растущие по берегам пальмы и срывая с них листья.

Сейсмозавр — король болот — медленно шел, вытаскивая из тины толстые ножищи и кивая своей маленькой головкой.

Тут он увидел что-то вкусное и склонил голову к воде.

И вдруг вода взбурлила.

Из нее выпрыгнул крокодил — самый настоящий, из стихотворения Корнея Чуковского, только такой большой, что, наверное, не поместился бы в широкой египетской реке Нил.

Гигантские челюсти крокодила распахнулись и сжались на шее динозавра. И хоть крокодил был очень велик, динозавр конечно же мог раздавить его одной ногой.

Он и попытался это сделать, но крокодил уже мчался прочь, поднимая буруны воды.

Динозавр остановился и продолжал покачивать шеей...

— Стой! — закричал Аркаша. — У него нет головы!

— Раз крокодил откусил ему голову, — согласился Шпигли, — значит, у него нет головы.

Между тем динозавр медленно побрел прочь...

— Так не бывает! — воскликнул Аркаша. — Он же безголовый!

— Ты же видел, какая у него маленькая головка, — сказал Шпигли. — В ней, конечно, есть мозг, но главный мозг у него в спине... И пока динозавр сообразит, что его убили, он еще погуляет. Только вот кушать ему нечем.

Аркаша еще долго продолжал следить за удаляющимся безголовым чудовищем.

Аркаше досаждали комары и мухи, которые норовили сесть на него и цапнуть — кровопийцы они были ужасные.

— Кого им, кроме меня, жрать? — спросил Аркаша. — Ведь если динозавры пресмыкающиеся, значит, они холоднокровные, правда? Чего с них комарам взять?

— Теперь ученые так не думают, — откликнулся Шпигли. — Судя по нашим экспедициям, многие динозавры были теплокровными, как и ты, мой мальчик. Иначе бы они не могли быстро двигаться. Ведь ты знаешь, что у лягушек или ящериц, а тем более у черепах кровь такая же, как окружающая температура. Как в стакане с водой, оставленном на столе. То-то змеи и ящерицы на зиму засыпают.

— Но крокодил может кинуться на жертву! — возразил Аркаша.

— И крокодил, и змея, и ящерица. Но стоит жертве убежать, как змея успокаивается и замирает. Холодная кровь не позволяет трудиться. Прыгнул, догнал, сожрал и переваривай. Не догнал сразу, жди следующую жертву.

Надвинулись серые тучи, по водной глади озерец и проток заколотили капли дождя.

— Давай уйдем, — сказал Шпигли. — Разведку мы с тобой совершили, а простужаться — не в наших интересах.

— А куда мы пойдём?

— Я думаю — в нашу пещеру. И переждем дождь.

Они пошли обратно. Дождик был теплый и ласковый, он зарядил надолго.

— К рассвету погода разгуляется, — услышал Аркаша мысли Шпигли. — Во мне живлен микробарометр, я не ошибаюсь. И тогда мы с тобой продолжим путешествие. А сейчас у тебя слишком много впечатлений. Лучше лежи с закрытыми глазками и постарайся еще раз пережить свои приключения. Это приятно и поучительно.

Глава седьмая. Космический бой

Когда они поднимались сквозь заросли хвощей и папоротников к пещере, Аркаша понял, что очень устал.

«Наверное, переволновался», — подумал он. Бабушка Аркаши всегда считала излишнее волнение причиной всех болезней. Если у мальчика болел живот, она сразу спрашивала: «Ты сегодня волновался?» Старший брат Аркаши Илья отлично умел пользоваться слабостью бабушки. Если ему очень не хотелось идти в школу или ехать на дачу, чтобы полоть морковь (дедушка верил в живительную силу огородного воздуха!), то он говорил вслух: «Что-то я сегодня волнуюсь! Может быть, давление атмосферы неправильное?»

«Нет, — тут же откликнулась бабушка. — Я еще вчера вечером обратила на тебя внимание! Кто просил тебя сражаться с драконом в виртуальном мире? Разве тебе мало было гигантского осьминога?»

Аркаша даже улыбнулся, вспомнив о бабушке. Вот бы ей сейчас поглядеть...

Но додумать он не успел, потому что жук размером с кулак, мчавшийся ему навстречу, не успел или не захотел свернуть с дороги и ударил Аркашу в лоб так, что тот свалился на землю, как от удара камнем. На лбу тут же вздулась шишка, а жук взревел еще громче прежнего и исчез в кустах. Он несся так, что пробивал листья, и за ним в кустах оставался туннель. Конечно, через минуту другие листья закрывали этот коридор, но зрелище было удивительным!

Шпигли прошептал:

— Отдохни немного, Аркадий, а то будет сотрясение мозга.

Аркаша сел, потер лоб, потрогал шишку и сказал:

— Надо в будущем шлемы выдавать.

— Пробовали, — ответил Шпигли. — Но в шлеме жарко, и практиканты всегда их теряют. Это моя обязанность предупреждать тебя о жуках и динозаврах, но я тоже иногда задумываюсь! Прости, как раз сейчас я задумался.

— О чем?

— Я думаю, что твоя усталость вызывается составом воздуха в этом периоде.

— Почему?

— В земной атмосфере еще не набралось нужного человеку количества кислорода. Пройдут миллионы лет, прежде чем зеленые деревья и травы выработают его. Динозавры привыкли к углекислоте, а вот нам, млекопитающим, трудно. Может, поэтому мы вывелись не сразу.

— А разве вы млекопитающее? — спросил Аркаша.

Он поднялся с земли. Голова немного кружилась.

— Разве я похож на лягушку? — спросил Шпигли.

Они вошли в пещеру. Из спасательного пояса, в котором находилась пища на неделю, моторчик, воздушный пузырь, чтобы перепрыгнуть через ущелье, и даже распылитель усыпляющего газа, чтобы тебя ненароком не сожрало какое-нибудь глупое чудовище, Аркаша достал пакетик с ужином и положил перед собой на плоский камень. Пакетик зашипел — он втягивал влагу из воздуха и раздувался, превращаясь в шар, побольше футбольного мяча.

— А вы ужинать будете? — спросил Аркаша у Шпигли.

— И не подумаю, — ответил браслетик, — я обедаю только по понедельникам, а сейчас четверг. У меня совершенно нет аппетита.

Шар с легким щелканьем лопнул и превратился в тонкий пластиковый поднос, на котором стояла кружка с какао, лежали бутерброды и, что самое удивительное, три крутых яйца.

Правда, ни ложек, ни вилок в пакете не оказалось.

Аркаша почувствовал, что безумно проголодался, и только протянул руку к бутерброду, как почувствовал легкий удар током.

— Это что? — удивился он. — Это вы дергаетесь, Шпигли?

— Ничего подобного, — ответил браслетик, — я не дергаюсь, я тебе напоминаю.

— Напоминаете? А я не понял, о чем?

— Хорошо воспитанные молодые люди, — сказал Шпигли, — обязательно моют руки перед едой.

Аркаша даже ахнул от такой наглости:

— Вот если бы на моем месте был Пашка Гераскин, то он бы все вам объяснил!

— Я не знаю, что объясняет друзьям твой друг Пашка, — сказал Шпигли, — но я от своего не отступлюсь. Потому что мой долг — охранять жизнь и здоровье практиканта. И я не желаю, чтобы ты питался местными бактериями.

Пока Шпигли говорил, Аркаша с ужасом думал, что теперь ведь браслетик не отстанет, а раз так, то придется идти вниз, к ручью... но тут он увидел, что рядом с бутербродами лежит пачка салфеток. Он потрогал — салфеточки были влажными и приятно пахли. Вот чем моют руки путешественники в меловом периоде!

Он вытер руки и хотел было выкинуть салфеточки, но сдержался, вспомнил, что задача практиканта ни в коем случае не сорить в далеком прошлом. Не сорить, не пачкать, не разрушать!

Он отложил салфетки в сторону и стал есть, а Шпигли молчал, словно обиделся. И Аркаша понимал, почему так случилось, — ведь оказалось, что совсем не стоило кричать на Шпигли, раз салфетки предусмотрены в питательном пакете.

Аркаша запил бутерброды, отмахнулся от комаров и тут увидел, как пластиковые обертки, тарелки и кружки на глазах тают. Они уничтожаются, чтобы не оставалось мусора!

Аркаша вытащил из пояса шарик размером с грецкий орех и кинул его на пол, шарик

начал раздуваться — это была подушка.

Аркаша почувствовал, что ему вдруг страшно захотелось спать.

— Я посплю, — сказал он. — А вы?

— Шпигли никогда не спит на службе, — ответил его телохранитель.

— Тогда разбудите меня, если что-нибудь случится, — попросил его Аркаша.

— Не премину воспользоваться вашим советом, — ответил Шпигли, как граф на приеме у короля. Но Аркаша даже улыбнуться не успел, так быстро заснул.

Ему казалось, что он только успел закрыть глаза, как услышал слова:

— Проснись, шеф, что-то странное происходит на небе!

Аркаша проснулся сразу. Не как другие, которые сначала пытаются сообразить, где они и что случилось.

— Что происходит? — спросил он и открыл глаза.

Перед ним находился вход в пещеру. Небо было чистым, звездным, глубоким, и звезды казались большими и разноцветными.

— Гляди, гляди! — настойчиво повторил Шпигли. — Ты видишь большую звезду?

И Аркаша заметил, что одна из звезд движется:

— А чего особенного? Космический корабль или спутник.

— А теперь подумай, практикант, — строго спросил Шпигли. — Где мы с тобой находимся? Кто, по-твоему, здесь сооружает космические корабли и спутники? Может быть, твои любимые динозавры?

Аркаша окончательно проснулся и сел.

Ночь была тихая и в то же время полная почти неслышных звуков — шуршания листвы, бормотания ветерка, далекого-далекого рева какого-то чудовища.

— Значит, на Землю кто-то прилетал в отдаленные эпохи, — сказал Аркаша.

— Молодец, — согласился с ним Шпигли. — Но почему-то мы об этом не слыхали.

— Значит, мы сделали открытие, — сказал Аркаша. — Хотя, может быть, все же это комета с особой орбитой.

— Ты чудо! — согласился Шпигли. — И по астрономии у тебя двойка.

— По астрономии у меня никогда не было двоек... — Тут Аркаша осекся. Он понял, что кометы не летают зигзагами.

— Смотри, второй! — сказал Шпигли.

Второй космический корабль шел куда ближе к Земле. Его уже нельзя было спутать со звездочкой — он был ярким, как ракета.

И становился все ярче.

— Он идет на посадку! — воскликнул Аркаша.

— Может быть, да, а может быть, нет, — ответил Шпигли.

— Надо дать знать, что мы здесь, — сказал Аркаша.

— Во-первых, нечем, — сказал Шпигли. — А во-вторых, незачем. Я не давал обещания Ричарду знакомить тебя с любым пришельцем, который забредет на Землю в меловом периоде.

Вспыхнул и тут же погас зеленый луч — тонкий, как паутиная ниточка. Он протянулся от космического корабля в сторону движущейся звездочки.

— Это сигнал? — спросил Аркаша.

В ответ несколько полосок протянулось к большому космическому телу.

Аркаша видел, что маленьких звездочек несколько. Они кружили вокруг яркой звезды.

В небе вспыхивали все новые искры...

— Это не сигнал, — сказал Шпигли. — Это самый настоящий космический бой, сражение. И это мне не нравится.

— Но кто может сражаться? Здесь?

— Вот именно, — согласился Шпигли. — Скажите, кто?

— Хорошо, что мы в пещере, — сказал Аркаша.

— Может быть, этот бой закончится где-то в небесах, — сказал Шпигли. — И они не будут снижаться.

Аркаша отлично понимал, что бой идет где-то в тысячах километров от Земли — иначе бы все вокруг сгорело. Но если ты не специалист по космическим боям, то никогда не догадаешься, что же происходит на самом деле.

Внезапно голубая молния вырвалась из небесных далей и ударила в землю далеко за горизонтом.

И тут же оттуда, из-за черной стены леса, поднялось светящееся изнутри розовое облако, оно раздувалось и росло, становясь все более ярким внутри и тускнея к краям, которые клубились, будто Аркаша смотрел на клуб пыли, оставленный каретой, которая умчалась по пыльной дороге.

— Что это? — Аркаша вскочил на ноги.

Облако постепенно выгорало, так что только в центре его оставалось яркое свечение, которое озаряло далекие вершины деревьев.

И лишь потом, наверное через минуту после взрыва, донесся утробный гул, будто подземное чудовище пыталось выбраться наружу и никак не могло разворотить камни, отчего буйствовало и злилось.

— Один из зарядов попал в землю, — сказал Шпигли. — И это значит, что может попасть и другой.

— Может, нам уйти поглубже в пещеру? — спросил Аркаша.

— Наоборот, — ответил браслетик. — Если в эти скалы попадет заряд, то нас с тобой засыплет камнями, я не смогу удержать на себе всю гору...

— А если мы будем стоять на открытом месте?

— На открытом месте мне легче тебя защитить, — ответил Шпигли. — По крайней мере, я смогу отбросить тебя в сторону.

— Отбросить?

Аркаша толком не успел сообразить, что же имеет в виду Шпигли, как почувствовал, что его приподнимает непонятная сила, и он летит по откосу и больно ударяется о землю.

— Что такое? — спросил он, когда дыхание вернулось к нему.

— Ничего особенного. В моих силах поднять и перебросить с места на место объект до ста килограммов весом. Включая мальчишку-практиканта.

— Как вы это делаете?

— Ответа нет, — сказал Шпигли. — Такие действия входят в систему защиты практиканта от неожиданностей. Мы даем гарантию твоему дедушке и родителям, что возвратим тебя домой в одном куске...

— Что?

— Шутка! Я имел в виду в целостности и полной сохранности. Вот я и стараюсь. Но лучше бы ты не терял времени и включил свою камеру. А то когда тебя спросят в Институте времени, что ты делал, отличник, когда над твоей головой разворачивалось космическое

сражение, ты ответишь, что сидел зажмурившись и дрожал от страха.

— Почему от страха? — обиделся Аркаша и направил камеру в небо.

И увидел, что сражение продолжается.

Было ясно, что к Земле приближается какой-то большой корабль — конечно, не поймешь, насколько большой, тем более что сам он не светился, но когда рядом вспыхивали взрывы или его оболочки достигали зеленые лучи, можно было увидеть, как он велик.

Противники большого корабля — Аркаша называл их слепнями или истребителями — носились вокруг, не приближаясь к громадине, беспрестанно выпускали в его сторону заряды и били по нему снопами лучей, которые превращались во вспышки света возле корпуса корабля.

Корабль отбивался, как мог.

Из него также вылетали разноцветные лучи, и вдруг Аркаша увидел, как один из них почти незаметно коснулся истребителя и тот превратился в клуб света, который медленно краснел и тускнел.

— Они его сбили? — спросил Аркаша.

— Я наблюдаю этот бой с помощью сканирующих приборов, находящихся во мне, — сказал браслетик, — и если ты будешь так любезен, что приподнимешь руку, чтобы мне было удобнее смотреть, я тебе расскажу, что же происходит.

Аркаша приподнял руку.

— Ну и что вы видите? — спросил он.

— Мне кажется, — ответил Шпигли, — что неопознанный летающий объект в виде космического корабля старается приземлиться... или выйти на орбиту вокруг Земли. Он подвергся нападению неприятеля на подлете к нашей планете. В настоящий момент корабль старается отбить нападение небольших военных космических судов, что весьма меня тревожит...

Космический бой постепенно смещался к горизонту — Аркаша понял, что скоро сражение можно будет увидеть только с противоположной стороны Земли.

— Внимание! — закричал Шпигли так громко, что своим криком чуть не поцарапал Аркаше мозги. — Большой корабль получил несколько опасных попаданий. Он теряет скорость. Его системы защиты одна за другой выходят из строя. Смотри, смотри...

— Куда смотреть?

— Тебе, с твоим слабым человеческим зрением, не увидеть... но я вижу, как от большого корабля отделился малый корабль и пошел прямо к Земле. Я бы сказал, что это спускаемый аппарат, точнее — спасательная капсула, планетарный катер, ты меня понимаешь?

И тут Шпигли замолчал.

Небо за горизонтом вдруг озарилось многоцветной ослепительной радугой, затем стало розовым и вокруг наступил страшный ненормальный день, словно вместо солнца включили множество слишком ярких кварцевых ламп — земля превратилась в операционный стол и на ней высветились все лепестки, червяки и даже букашки.

Аркаше захотелось распластаться по земле, зарыться в нее, исчезнуть... Он представил себе, как просыпаются динозавры и крокодилы, птицы и стрекозы, как все смотрят в страшное ослепительное неживое небо.

— Ложись! — приказал Шпигли так, что послушаться его было нельзя.

И не только приказал, но и стал вдруг невероятно тяжелым, рука, вокруг которой он

был обмотан, вжалась в землю, и Аркаша был вынужден лечь.

Все это случилось так быстро, что Аркаше некогда было рассуждать и глядеть вокруг.

— Голову к земле! — приказывал Шпигли. — Не смотри!

— Почему? — прохрипел Аркаша, которому стало страшно неудобно и душно.

— А потому, что жена Лота превратилась в соляной столб! — крикнул Шпигли.

Какая еще жена Лота?

Но Аркаша не успел ничего спросить, земля под ним вздрогнула так сильно, что ему показалось, будто он взлетел выше деревьев, и лишь рука с браслетом, как якорь, держала Аркашу на траве, и было так больно — вот-вот разорвет.

Но и это продолжалось несколько секунд — его тут же вновь бросило на землю.

Грохот вокруг стоял такой, что больно было ушам и даже глазам.

Аркаша потерял сознание.

Он никогда раньше не терял сознания. В конце концов не мужское это дело. И даже не знал, что потерял сознание... просто в одно мгновение вокруг ревело, рычало, земля содрогалась, как будто норовила броситься в пляс, а потом все пропало, и когда Аркаша очнулся — стало темнее, гул стих, хотя и не прекратился...

Аркаша открыл глаза.

— Можно, — проворчал Шпигли. — Смотри. Ты был без сознания десять минут.

— Не может быть!

Аркаша приподнялся на локтях.

Небо за горизонтом было зеленым, словно его снизу подсвечивали могучими прожекторами.

По зеленому пространству, как будто это был шелковый занавес, проплывали светлые, почти белые волны, поднимаясь снизу и растворяясь над головой в том месте, где зеленое сияние смешивалось с синевой неба, а на границе заката и ночи проявлялись звезды.

— У тебя счастливый организм, — сказал Шпигли, — когда стало совсем страшно, он тебя выключил, и ты проспал все неприятности.

— Но я же не нарочно! — ответил Аркаша. Ему было стыдно за свой организм, который, честно говоря, оказался трусоватым. Единственное утешение, что это не сам Аркаша трусоват, а его организм.

— Мне придется сообщить об этом в отчете о нашей командировке, — сказал Шпигли.

— Делайте что хотите, — сказал Аркаша. — Только мне сейчас не до ваших рассуждений.

— Ах, конечно! — воскликнул Шпигли. — Ты хочешь узнать историю Лота и его жены?

— Где-то я о них слышал.

— Наверное, твой дедушка тебе рассказывал. Он читает Библию?

— Он ее смотрит на компьютере, — ответил Аркаша. — Когда ему требуется пример из Библии, он включает компьютер, и тот подсказывает нужную страницу.

— Что ж, у тебя мудрый дедушка, жалко, что он тебя не сажает рядом.

Аркаша смотрел на зеленое небо, оно и не собиралось темнеть. Ему было не по себе.

— Тебе все еще интересно узнать о Лоте? — спросил Шпигли.

— Рассказывайте, — согласился Аркаша.

— Это произошло во время одной из прошлых атомных войн, — сказал Шпигли. — А если тебе будут рассказывать другое, ты им не верь.

— А когда были прошлые атомные войны? — спросил Аркаша.

— Раньше, три тысячи лет назад или четыре.

— Когда еще паровоза не было?

— Не пытайся показаться глупее, чем ты есть на самом деле, практикант, — рассердился Шпигли. — Всем понятно, что на Земле существовала великая цивилизация, вернее всего, в Атлантиде, она погибла в атомной войне.

— Моя подруга Алиса, — сказал Аркаша, — побывала в Атлантиде и помогла последним атлантам улететь домой. Вы не слышали об этом?

— Я не читаю детских сказок, — ответил Шпигли. — Но я знаю, что древняя атомная война описана в книге под названием Библия, которую твой дедушка смотрит на компьютере, и если ты мне не веришь, то спроси у дедушки. Во время той войны была бомбардировка враждебных нам городов — Содомы и Гоморры.

— А кто вы такие?

— Кто мы такие?

— Почему Содом и Гоморра вам были враждебны?

— Это все знают, — сказал Шпигли. — Но в тех городах жил один праведный человек.

— В каких городах? У него был дом в одном городе и дача в другом?

— Мне трудно с тобой разговаривать, ты плохо воспитанный мальчик. Но главное в том, что праведником в тех городах был Лот, и ему было сказано, чтобы он взял жену и бежал из города, потому что будет атомная бомбардировка. Вот он и убежал.

— А кто ему сказал про бомбардировку?

— Кто надо, тот и сказал.

— Это до сих пор тайна? Может быть, ваш Лот был шпионом, обычно шпионов вытаскивают из опасных мест.

— Считай как знаешь. Но Лота предупредили, чтобы после взрыва он не оглядывался. А то ослепнет. То есть превратится в соляной столб.

— Ослепнет или превратится? — спросил Аркаша.

— В самом деле ослепнет от вспышки, а в переносном смысле превратится в соляной столб.

— Спасибо, — сказал Аркаша. — И чем вся эта ужасная история закончилась?

— Как и положено. Они с женой бежали, а утром началась бомбардировка.

— А кто обернулся?

— Ты знал, да? Скажи, ты знал раньше, да?

— Не обижайтесь, Шпигли, — сказал Аркаша, — я не читал, но вы уже мне намекали.

— Ты прав. Лот велел жене не оборачиваться, но она обернулась.

— Еще бы, — сказал Аркаша. — Видно, сзади так грохнуло, что она не хотела, а обернулась.

И тут Аркадий обернулся, чтобы посмотреть на скалу и пещеру, в которой стояла машина времени.

И замер, как жена Лота.

Почти превратился в соляной столб!

Горы и обрыва не было. Вместо них за спиной Аркаши громоздилась каменная осыпь, скала попросту рассыпалась на глыбы и рухнула вниз.

— Вовремя мы вышли погулять, — сказал Аркаша.

— Мы не выходили погулять, — откликнулся Шпигли, у которого начисто

отсутствовало чувство юмора. — Это я тебе сказал, что снаружи смогу тебя охранять, а в пещере, на которую упадет тысяча тонн камней, даже я бессилён.

— Что же творится там... поближе к взрыву?

— Ты понял, какой это был взрыв? — спросил Шпигли.

— Я могу догадаться, — сказал Аркаша. — Это упал космический корабль.

— Притом корабль, начиненный ядерным топливом.

— Откуда вы знаете?

— Я многое знаю. Но в этом нет тайн. Я противник тайн и мистики. Мы, ученые...

— Шпигли, извините меня, но, может быть, сейчас лучше не отвлекаться?

— Для вас это отвлечение? — обиделся Шпигли, но, видно, сообразил, что практикант прав. — Во мне есть датчики, — сказал он. — Микродатчики радиоактивности, содержания в воздухе и воде элементов и их сочетаний.

— И что сказали ваши датчики?

— Они сказали, что в двухстах пятидесяти километрах отсюда, в районе Калуги, упал и взорвался космический корабль. Его длина один километр семьсот двадцать шесть метров, высота...

— Значит, большой? — сказал Аркаша.

— И не говори! Таких и у нас не делают, — ответил Шпигли.

— Надо идти на помощь, — сказал Аркаша.

— Замечательная идея, которая говорит о том, что человеческие детеныши относятся к самым глупым существам во Вселенной, — сказал Шпигли. — Как ты представляешь это самое «идти на помощь»?

— Ногами, — буркнул Аркаша, который уже сообразил, что его решение не самое умное.

— Двести пятьдесят километров ты пройдёшь ножками по меловому периоду между крокодилами и динозаврами и недельки через две, если останешься в живых, дойдёшь до гигантской воронки. В ней ты увидишь все, что осталось от космического корабля.

— А что я увижу? — спросил Аркаша.

— Яму. Которая излучает радиацию, как атомный реактор. Поэтому я очень тебя прошу — не бери меня с собой, оставь здесь, брось, закопай в землю, так у меня будет больше шансов остаться в живых!

— Но что же делать! Мы не можем с тобой просто так стоять?

— Правильно. Ты уже начал шевелить мозгами! — сказал Шпигли, который совсем распустился и вел себя, как хулиган, а не как охранник размером с кулачок.

— Наверное, тогда надо стонять на машине времени в наш век, рассказать обо всем Ричарду, пускай высылают сюда экспедицию.

— Чудо ума! — закричал Шпигли. А так как он мог говорить только мысленно, от его крика у Аркаши в мозгу зацекотало.

— А что?

— Обернись еще раз, если раньше не догадался.

Аркаша снова обернулся.

— Значит, мы не сможем вернуться обратно! — До Аркаши только сейчас дошло, в какое ужасное положение они попали.

— Мы не можем вернуться обратно через эту машину времени, — сказал Шпигли, — но можем воспользоваться запасной машиной.

Глава восьмая. Беглецы на берегу

Аркаша вздохнул с облегчением. Ведь всего три секунды назад он представил себе, что навсегда останется здесь без надежды на помощь. И придется жить в лесу, собирать корешки и еще спрашивать у этого мехового нахала, какие грибы и ягоды ядовитые, а какие съедобные. И в конце концов он как-нибудь проглотит ядовитую ягоду или на него наступит рассеянный диплодок...

— Перестань так печально думать, — взмолился Шпигли. — Ты мне мешаешь. Я сейчас разрыдаюсь и останусь здесь с тобой погибать.

Аркаша спросил:

— Далеко отсюда до запасной машины времени?

— Очень далеко, — ответил Шпигли.

— Может, подождем, — сказал Аркаша.

— Чего?

— Там, в Институте времени, обязательно должны догадаться, что у нас что-то случилось. И они пойдут нас искать.

— И как ты себе это представляешь?

— Очень просто. Они придут в наше время, отыщут нас с вами и проведут в запасную машину времени.

— Может, придут, а может, нет. Попасть в конкретный день далекого прошлого чрезвычайно трудно.

— Но вы говорите, что выбраться нельзя!

— Разве я так говорил?

— Но я вас так понял.

— Удивляюсь, как с такими ограниченными способностями ты добрался до третьего класса!

— До пятого!

— Не кричи на старших. Я и без тебя знаю, в каком классе ты учишься. Пошли искать машину времени!

— Погодите, — попросил Аркаша. — Но ведь машина времени, которую засыпало в этой пещере... она же будет существовать в будущем?

— Разумеется. Тогда ее найдут и починят.

— Но когда это случится?

— Я смогу тебе сказать об этом с точностью до тысячи лет. Тебя устраивает?

— Меня все устраивает, — устало сказал Аркаша. — Я не знаю, что делать. Но, наверное, надо идти?

— Ты что, пешком хочешь идти? — удивился Шпигли.

— А как же еще?

— Ну, ты пессимист! Знаешь, что такое пессимист?

— Это человек, который видит в жизни только печальное.

— И к тому же обладает паршивой памятью, — сказал Шпигли. — Когда тебя собирали в путешествие, то показывали, что спрятано в твоём поясе?

— Конечно. Там еда, тросик, удочка, фонарик и много еще других полезных вещей.

— А теперь открой справа кармашек с красной наклейкой. Открыл? Нажми на зеленую кнопку. Нажал? Теперь крепче держись на ногах.

За спиной у Аркаши послышалось шуршание, и он почувствовал, что становится с каждой секундой все легче и готов оторваться от земли.

— Не верти головой, — сказал Шпигли. — У тебя за спиной сейчас надулся прозрачный воздушный шар с тебя размером, он наполнен легким газом.

— Он был в моем поясе?

— А много ли места надо для пузыря с оболочкой в полмикрона и супергелия, который в жидком состоянии весит двадцать граммов? Теперь слушай внимательно. Нажимая на кнопку на поясе, и, отпуская ее, ты можешь надувать шар и делать его меньше, подниматься и опускаться. Сам понимаешь, это не ракета и не космический катер. Ты полетишь довольно медленно, по принципу ракеты на воздушном топливе.

— Чего же мы ждем?

Аркаша сильнее нажал на кнопку, и шар за его спиной, как огромный ранец, потянул его к облакам, Аркаша потерял равновесие и повис.

— Нажимай на зеленую! — закричал Шпигли.

Аркаша послушался его и со всего размаху шлепнулся на землю — газ из пузыря вырвался наверх, а ракета-Аркаша потерпел крушение.

Только после третьей попытки Аркаша научился немного управлять своим пузырем.

— Учти, что газа у нас всего на час полета, — сказал Шпигли.

— И куда же мы полетим?

— Я тебе сказал — в Калугу. Вернее, в то место, где через много миллионов лет будет основан город Калуга.

— Мы пролетим мимо места взрыва? — спросил Аркаша.

— Это еще зачем? — спросил Шпигли.

— Мы с вами обязаны снять фильм. Вы же сами сказали, что еще никто не видел этого крушения.

— Нет, я тебя туда не пущу, — сказал Шпигли. — По моим расчетам, там очень высокая радиация. А я отвечаю за твоё здоровье.

— А вдруг там остался кто-то живой?

— После такого взрыва? Не смей меня, практикант Сапожков.

— Но постольку поскольку мы с вами видели, что от большого корабля отделился катер, он мог спуститься нормально.

— Очень сомневаюсь, — ответил Шпигли. — Зато те, кто взорвал корабль, могли спуститься на землю, чтобы проверить, не осталось ли тут живых.

— Вы думаете, что они такие жестокие?

— Я ничего не думаю. Я только видел бой, — сказал Шпигли, — и не могу сказать, кто здесь плохой, а кто хороший. Мы до сих пор мало знаем о Галактике, а уж тем более о ее далекой истории.

Аркаша попробовал еще раз свой заплечный воздушный шар-рюкзак. Он нажал на красную кнопку, добавил в него газа, и шар поднял Аркашу над землей. В первые минуты Аркаша чувствовал себя неуверенно: и ему было страшновато опрокинуться и еще раз грохнуться о землю. Но вскоре он освоился и нажал на зеленую кнопку. Что-то легко подтолкнуло Аркашу в спину, и склон с деревьями пошел вниз и назад.

— Не спеши, — предупредил его Шпигли. — А то упадешь, расшибешься и меня расшибешь. Это было бы очень грустно.

Летел Аркаша не слишком быстро и не высоко — ведь шар служил всего лишь

спасательным средством, чтобы добраться до берега во время кораблекрушения. Он не предназначался для того, чтобы носиться под облаками.

Шпигли показал Аркаше, куда держать путь — между большой рекой и сиянием на месте взрыва, которое хоть и потускнело, но не исчезло.

Ночь была странная, даже ненормальная.

Если посмотреть направо, то открывалось чудесное звездное небо мелового периода, не замутненное дымом заводов и бензиновыми выхлопами, слева же ночь превращалась в мертвый зеленый искусственный день, словно ты смотришь на площадь, освещенную лучами света, проходящими сквозь мутную воду гигантского аквариума. Из аквариума тянулись на звездную половину неба языки дыма, и чем дальше Аркаша со Шпигли летели над степью с редкими могучими деревьями и папоротниками ростом с вековую сосну, тем меньше становилось звезд, и тем гуще покрывали небо несущиеся тряпки туч.

Было довольно светло. Аркаша летел невысоко, не поднимаясь выше деревьев, и видел, что животные конечно же не ложились спать.

Раз Аркаша даже сильно испугался. Он пролетал над невысоким холмом, как вдруг с него поднялась длинная, как пожарная лестница, шея с маленькой головкой на конце, и круглые, с тарелку, глаза чудовища оказались буквально на расстоянии вытянутой руки от Аркаши. С перепугу он нажал на кнопку скорости сильнее, чем нужно, и шар, надувшись газом, поднял его к небу.

— Ты куда? — возмутился Шпигли. — Ты что же думаешь, что когда упадешь с такой высоты, мне не будет больно? Еще как будет! Так что лети пониже.

— Но там была голова!

— С каких пор мальчики из двадцать первого века стали бояться брахиозавров? Чем тебе помешал несчастный ящер, который не может заснуть от страха?

— Я от неожиданности, — сказал Аркаша.

— Дай-ка мне лучше посмотреть, сколько у тебя еще осталось супергелия?! А то грохнешься не по своей вине! Ведь твой пузырь за спиной не паровоз, который может тянуть вагоны сто лет подряд!

Видно, Шпигли в жизни не видел паровоз и не представлял, как он выглядит.

Аркаша поднес браслетик к поясу, и тот принялся ворчать:

— Вот, сделали пузырь, да не пузырь, а пузырек какой-то! Никуда на нем не улетишь. Лучше бы дали нам складной флаер.

— Вряд ли в прошлое дают флаеры, — сказал Аркаша. — Ну кто мог подумать, что рухнет такая гора и засыплет пещеру? А по заданию мне и не нужно отходить далеко от нее.

— Знаю, знаю, — откликнулся Шпигли. — Но если мы с тобой все же вернемся живыми, обязательно поставлю вопрос, чтобы каждому практиканту давали танк или везделет. Дети — наше будущее! Детей надо беречь!

Аркаша отлично понимал, что Шпигли беспокоится о самом себе. Ведь у него нет своих ног, надо надеяться на чужие!

— Пора спускаться, — сказал Шпигли. — Газа почти не осталось.

— Видите впереди гору? — спросил Аркаша. — Я на нее спущусь.

— Зачем? Лучше в ямку!

— С горы видно вокруг. Надо поглядеть, что осталось от космического корабля.

— Рискованно, — сказал Шпигли. — Мы будем на виду.

Но Аркаша его не слушал. Он опустился на вершину высокого холма. Потом выпустил

газ из пузыря и спрятал в пояс его тонкую оболочку.

Пока он летел, в ушах свистел ветер. Теперь, когда ветер стих, Аркаша уловил другие звуки. Было слышно, как волнуется здешний народ. Доносились стоны, рев, вой — словно динозавры перекликались и спрашивали друг друга: «Что случилось? Что с нами будет?»

С вершины холма открывался вид на много километров вокруг.

Аркаша увидел воронку — след падения космического корабля.

На Луне ему приходилось видеть кратер. Эта воронка оказалась похожей на лунный кратер. Она была не очень глубокой, но в диаметре достигала нескольких километров. Земля, выброшенная из нее, окружала воронку ровным высоким валом, а внутри зловеще светилась. Вот это свечение, вроде бы неяркое, но очень сильное, окутывало половину неба и превращало ночь в освещенный аквариум.

Аркаша понял, что вблизи воронки никто не мог остаться в живых.

Лес и трава выгорели на много километров вокруг, и до самого горизонта долина была черной от пепла, а кое-где по ней еще пробегали язычки пламени.

Ни одного живого существа не было видно на ней.

— Мы пойдем правее, — сказал Шпигли. — Радиация повысилась до опасного предела. Тебе нельзя здесь больше оставаться.

Аркаше и не хотелось там оставаться. Он стал спускаться с холма.

— Сколько еще идти? — спросил он.

— Целый день, — ответил Шпигли. — Надеюсь, что ты вытерпишь. Но в крайнем случае ты всегда можешь утопиться.

— Зачем мне топиться? — не понял его Аркаша.

— Чтобы не мучиться, — ответил браслетик.

— Я лучше буду мучиться, — сказал Аркаша. Он нажал на кнопку съемочной камеры и с холма заснял воронку и сияние. Он надеялся, что его фильм и в самом деле будет самым интересным: он не узнал, отчего вымерли динозавры, но сделал не менее важное открытие: он узнал, когда и где на Землю упал и погиб чужой космический корабль. А это значит, что уже шестьдесят пять миллионов лет назад в Галактике существовали разумные существа и между собой воевали.

Только он об этом подумал, как услышал голос Шпигли:

— Замри! Не двигайся.

До Аркаши донесся низкий гул — над обугленной саванной быстро летел космический аппарат, похожий на тарелку, как их изображают в фантастических фильмах.

Аркаша замер. Он понял, что над Землей рыщут враги взорванного корабля. И пускай они примут его, Аркашу Сапожкова, за некрупного динозавра.

Тарелочка промчалась мимо, чуть наклонившись, как летит диск, запущенный спортсменом, и исчезла на темной стороне неба.

— Вы думаете, они ищут, не осталось ли кого-нибудь в живых? — спросил Аркаша и показал на светящуюся воронку.

— А может быть, просто выясняют: хорошая ли планета Земля, не стоит ли на ней поселиться?

— А если поселятся?

— Ничего у них не выйдет, — ответил Шпигли, — а то бы мы давным-давно о них узнали. Надеюсь, мы их не очень интересуем.

Аркаша пошел вниз с холма и дальше, по степи, обходя воронку. Шпигли иногда

подсказывал ему, куда лучше повернуть или как обойти гнездо скорпионов или змей — в нем был вмонтирован биоискатель. Но не простой биоискатель, который может сказать, что впереди какое-нибудь животное, а прибор, который давал возможность браслетику сообразить, что это за животное, опасное ли оно и что намеревается делать. Так что Аркаша его слушался, и за четыре часа, которые шел по степи, ни разу не столкнулся с какой-нибудь опасностью.

Правда, разок он прошел между ног диплодока. Но не сразу догадался, что над ним не листва деревьев, а брюхо гигантского динозавра. И только когда сверху донесся страшный утробный гул, и Аркаша даже присел от неожиданности, Шпигли заметил:

— У динозаврика нелады с животиком.

Тогда-то Аркаша посмотрел наверх и понял, что толстые стволы деревьев, между которыми он прошел, на самом деле — ноги динозавра. И тут один из стволов поднялся, согнулся и двинулся в сторону. Второй ствол покачнулся тоже.

— А теперь бежим! — приказал Шпигли. — Динозаврик решил погулять, и если он на нас наступит, он этого не заметит.

Аркаша припустил со всех ног и только шагов через сто обернулся.

На фоне зеленого неба, как будто вырезанный из черной бумаги, медленно двигался силуэт гиганта.

Динозавр поднял к небу маленькую головку, и с высоты, как будто от самых звезд, донесся его тоскливый вой.

— Чует малышка, что плохи наши дела, — сказал Шпигли.

— Почему плохи дела?

— Разве ты не устал, практикант?

— Постольку поскольку мы с вами уже прошли полдороги, если не больше, другого выбора нет, — разумно ответил Аркаша.

— Давай посидим, отдохнем, — сказал Шпигли.

— Если вы будете меня жалеть, то мы далеко не уйдем, — ответил Аркаша.

— Практикант! — воскликнул Шпигли. — Я начинаю тебя уважать.

— Спасибо. — Аркаша даже смутился. Такого он от ворчливого Шпигли не ожидал.

— Я предлагаю пройти еще три километра, — сказал Шпигли. — Судя по карте, которая во мне, мы окажемся на крутом берегу Москвы-реки.

— Москвы-реки? — удивился Аркаша.

— На крутом берегу той реки, которая текла когда-то там, где в наши дни будет течь Москва-река, неужели непонятно?

— Теперь понятно.

— Там мы с тобой отдохнем, а утром осмотримся и продолжим путешествие. Ночью на охоту выходят такие твари, что даже я могу не успеть... тебя защитить.

И как бы в ответ на эти слова послышался свист, и с неба на них что-то кинулось. Аркаша так и не успел сообразить, что это такое, потому что Шпигли выпустил в нападавших пучок молний. Одна из тварей упала на землю. Оказалось, что это скорпион с перепончатыми крыльями.

Он извивался на земле, и Аркаша подумал: «Как хорошо, что сейчас темно, я бы перепугался от одного его вида».

— Какая радость! — воскликнул Шпигли. — Это совершенно неизвестный палеонтологии вид мерзких тварей. Мы имеем право назвать его своим именем. Скорпионис

Шпиглиада. Звучит?

— А почему Шпиглиада? — спросил Аркаша. — Они же на меня нападали!

— Для тебя тоже найдем каких-нибудь неизвестных гадов, — сказал Шпигли. — А я старше. И я здесь уже в шестой раз. Пора бы мне прославиться.

Когда они поднялись на высокий берег реки, уже начало светать.

Река была в тумане.

По небу неслись облака. Зеленое свечение с трудом пробивалось сквозь них.

— Ты спи, — сказал Шпигли, — а я тебя посторожу.

Аркаша прилег на землю под пузатой пальмой.

И понял, что смертельно устал. Вот уж не думал, что вместо того, чтобы снимать фильм о динозаврах, он будет вынужден бродить ночами по степи и скрываться от летающих тарелок.

Аркаша не заметил, как заснул. Ведь даже если ты очень устал, ты все равно не замечаешь, когда наступает сон. Зато всегда замечаешь, когда просыпаешься.

Так случилось и с Аркашей. Он проспал, как ему казалось, всего минуту, когда в мозгу словно будильник прозвучали слова Шпигли:

— Пора вставать, пора приниматься за великие дела!

— Ну отстаньте, — сказал Аркаша. — Ведь я всю ночь топал.

— Мне не нравится, что происходит вокруг, — сказал Шпигли. — И чем скорее я отправлю тебя в твой век, тем лучше.

— А что?

Аркаша сел и поежился. Холодный ветер прилетел откуда-то снизу. Голубой утренний туман окутал все вокруг так, что в двух шагах ничего не было видно. Из тумана снизу доносился низкий глубокий вой каких-то чудовищ, выскакивали большие комары и вились вокруг — они не кусались, но противно звенели.

— Скоро туман разойдется, — сказал Шпигли. — Я чувствую. Дождик пойдет, и туман разойдется.

— Дождика нам еще не хватало, — расстроился Аркаша.

— Зонтик не входит в комплект приборов и орудий для практиканта, — сказал Шпигли. — Считается, что практиканты дождика не боятся.

— Погодите, — сказал Аркаша. — Мне кажется, что я слышу голоса.

— Не может быть, — сказал Шпигли, но замолчал.

И в самом деле, снизу, от реки, доносились слабые, как жужжание насекомых, голоса.

— Это пришельцы, — сказал Аркаша.

— Это может быть кто угодно, — возразил Шпигли. — Например, другие практиканты, беженцы, туристы из какого-нибудь фантастического будущего или даже экспедиция, которую послали искать нас с тобой.

— Пойдемте поглядим, — предложил Аркаша.

— Я возражаю, — сказал Шпигли. — Я возражаю, потому что может возникнуть опасная ситуация для моего практиканта.

— Мы осторожно, — сказал Аркаша. — Вы же понимаете, что вернее всего это несчастные пассажиры со взорванного корабля.

— А я этого не понимаю, — ответил Шпигли. — Мне кажется, что это те, кто их взорвал. И у них есть локаторы. Так что они нас засекут быстрее, чем мы их увидим.

— Значит, мы будем сидеть здесь и ждать? Чего?

Шпигли молчал минуты две. Потом сказал:

— Смелого пуля боится, смелого штык не берет. Это очень старинная песня смелых людей. Идем, только будешь во всем мне подчиняться.

Начался дождик. Он был теплый и какой-то несмелый. Но он прибил туман к земле, и стало, по крайней мере, видно, куда идти, куда ставить ногу.

Аркаша прошел вдоль берега по краю обрыва, пока не оказался над тем местом, откуда доносились голоса.

Последние клочья тумана уползали по воде, и было видно, что под обрывом, на усыпанном камнями берегу, лежит небольшой космический корабль, похожий, скорее всего, на гороховый стручок. Видно, корабль был поврежден, потому что несколько необычного вида существ стояли перед ним и рассматривали нос корабля, который врезался в каменную глыбу. Эти существа разговаривали, и звук голосов легко поднимался вверх, и с края обрыва он был хорошо слышен Аркаше.

Стало достаточно светло, и Аркаша смог разглядеть пассажиров корабля. И у него возникло странное чувство, что он их уже видел, удивительно — где, когда? Нельзя же забывать, что он попал в первобытную эпоху.

Эти существа выглядели как насекомые, хотя передвигались на двух ногах. Ножки у них были тонкие, как палочки, с толстыми твердыми суставами. Ножек было две, а вот рук — четыре. Так что всего конечностей шесть. Головы существ походили на муравьиные, но с золотистой шерстью. Большие круглые желтые глаза смотрели в разные стороны.

Одежда этих существ закрывала только маленькие туловища.

Ростом они были чуть повыше Аркаши.

— Откуда я их знаю? — вслух спросил Аркаша.

— Ты их видел раньше?

— И совсем недавно, — сказал Аркаша.

Он словно услышал скрипучий голос: «Папа, до-ро-гой!»

Нет, таких совпадений не бывает!

Аркаша хотел рассуждать и дальше, но тут он услышал знакомый гул — показалась летающая тарелка.

— Ложись! — приказал Шпигли.

Аркаша упал на траву.

На этот раз корабль инопланетян не пролетел мимо — вероятно, с него увидели существ у реки.

Тарелка взмыла вверх и затем спикировала к реке.

Шпигли, когда хотел, мог становиться тяжелым, как чугунная гиря. Аркаша почувствовал, что его руку прижало к земле, а в голове шепчет Шпигли:

— Не шевелись! Они стреляют по всему, что движется!

Были слышны крики, сыпалась земля, лопались камни, падали деревья. Поднялся ветер — он несся порывами, норовя сбросить Аркашу с обрыва.

Наконец все стихло.

— Можно подниматься, — сказал Шпигли.

Аркаша подошел к краю обрыва. Ему не хотелось смотреть вниз — он знал, что ничего хорошего не увидит.

Но посмотреть надо.

Внизу, на берегу реки, все изменилось. От похожего на стручок корабля остались лишь

рванные клочья металла и пластика, будто его прожевало и выплюнуло чудовище. Земля вокруг была выжжена, и даже вода у берега, в заводи, еще кипела — над тем местом поднимался пар.

— Они их убили! — в ужасе произнес Аркаша.

— Пойдем дальше, — сказал Шпигли. — Только включи кинокамеру и сними все. Нам надо будет показать это в институте.

Аркаша послушно начал снимать с обрыва. Потом он сказал:

— Может, спустимся, посмотрим? А вдруг кто-то остался жив, и мы поможем.

— Нет, — возразил Шпигли. — Мы этого не сделаем. А если убийцы вернутся обратно? Что от нас останется? Пшик!

— Я осторожно, — сказал Аркаша.

— Ты же знаешь, что я тебя не пущу.

Аркаша решил обмануть Шпигли. Он сделал вид, что согласен, но сам внезапно попытался сдернуть браслет с руки.

— Ха-ха-ха! — воскликнул Шпигли. — Некоторые наивные мальчики забывают, что каждая их мысль мне известна. Ну тащи, тащи меня, придется тебе собственную руку отрезать.

— Я нечаянно, — сказал Аркаша, и ему стало стыдно. Тем более что и эту попытку обмануть его Шпигли тоже услышал. И засмеялся.

— Ну давайте спустимся! — попросил еще раз Аркаша. — Нельзя бросать других в беде.

— Во-первых, — ответил Шпигли, — нельзя бросать в беде своих друзей и соплеменников. Знаешь, кто такой соплеменник?

— Конечно, знаю. Это тот, кто со мной из одного племени.

— Правильно. Но если ты видишь войну каких-то совершенно чужих для тебя существ — не вмешивайся. Это великий закон Галактики. Потому что мы не знаем, на чьей стороне правда.

— Я не про правду говорю, — сказал Аркаша. — Я говорю о том, что видел, как вооруженный корабль уничтожил тех, которые были там, внизу.

— А может быть, они — опасные преступники? Может быть, за ними гнались, чтобы их обезвредить? Может быть, это опасные насекомые, безжалостные и злобные. А ты их хочешь спасти?

— Я верю в то, — твердо сказал Аркаша, — что всегда надо помочь безоружному и раненому, всегда надо помочь обиженному и слабому. А уж потом мы разберемся, кто там злобный, а кто добрый.

— Чепуха, чепуха, чепуха! — завопил Шпигли. Аркаша даже поморщился от его крика внутри головы. — Так вы, люди, будете помогать паразитам. Ты спустишься, а они тебя съедят! Ты думаешь, почему я жив и буду жить дальше? Потому что я никогда не вмешиваюсь, если мне может грозить опасность. И тебе не разрешаю вмешиваться. Вот приедут специалисты, пускай они и разбираются.

— Какие специалисты? — удивился Аркаша.

— Мы доложим в Институте времени, там изучат всю обстановку и пришлют специалистов.

— Все, — сказал Аркаша. — Я очень вас уважаю, но я пошел вниз. Потому что кто-то может нуждаться в помощи.

— Но они же насекомые!

— Насекомые тоже люди! — воскликнул Аркаша.

И этим он так удивил Шпигли, что тот замолчал, и только когда Аркаша отыскал не очень крутое место и стал спускаться к реке, Шпигли попытался утянуть его обратно. Но Аркаша упрямо лез вниз, и даже Шпигли ничего не мог поделать, к тому же он не знал, кто прав, а кто нет.

Спускаться было трудно не только потому, что обрыв оказался крутой и из-под ног вниз все время срывались комья земли и камешки, но и потому, что дождь шел все сильнее и уже не был таким теплым, как вначале.

Наверное, прошло минут десять, прежде чем Аркаша достиг полоски песка, которая отделяла обрыв от реки.

Страшный горелый запах был таким сильным, что даже дождик не мог его смыть.

Вокруг было тихо и пусто, если не считать громадных обломков уничтоженного корабля.

— Ну вот, убедился? — сказал Шпигли. — Теперь пошли дальше. Ведь твои бабушка с дедушкой очень волнуются.

— И еще волнуются мои папа, мама, сестры, братья, товарищи по классу и соседи по даче, — ответил Аркаша. — Ведь вы за себя боитесь!

— Это оскорбительно, — сказал Шпигли. Он тянул руку вниз, и Аркаше казалось, что он тащит тяжелую сумку.

В тот момент облака на несколько секунд разошлись, словно специально, чтобы Аркаша мог увидеть, как по небу несется, уменьшаясь и превращаясь в яркую звезду, космический корабль — тарелка, которая недавно устроила здесь бойню.

— Видели? — спросил Аркаша.

— Видел, — сказал Шпигли. — Возможно, они считают, что сделали свое дело, и улетают. А возможно — ничего подобного, и они только заманивают нас. Мы побудем здесь еще немного, а они вернутся и нас убьют. Да и вообще — с чего ты решил, что у них только один корабль?

Глава девятая. Как спасти пришельцев?

Аркаша пошел вдоль песчаного берега. Он разглядывал разбросанные остатки корабля — тут была такая температура, понял он, что никто не мог уцелеть. И следа от людей не осталось.

Жаль, так мы и не узнаем, что же произошло.

И тут он увидел, что по берегу спешат к нему несколько... четверо существ, таких же, как те, кто погиб возле корабля.

Одно из существ было покрупнее, трое остальных поменьше.

Они несли пучки травы, цветы, ягоды в пластиковых мешочках...

Когда эти существа увидели, что их корабля нет, а рядом с его остатками стоит какое-то неизвестное создание, они сначала замерли, но потом тот, что покрупнее, что-то крикнул, и, кидая свою добычу, существа бросились бежать.

— Остановите их, Шпигли! — велел Аркаша.

— Я не могу. Они очень боятся.

Аркаша кинулся за беглецами. Он понимал, что если это последние из пассажиров корабля, которые еще не знают, какая ужасная судьба настигла остальных, то они убегут и окажутся беззащитными в этом мире. Они, может, и не подозревают, какие чудовища здесь обитают!

К счастью для Аркаши, существа бежали очень медленно, тонкие ножки с трудом держали их.

— Сила тяжести здесь значительно выше, чем у них дома, — сказал Шпигли. — И воздух для них плох. Далеко не убегут.

— Ну скажите им, что мы не враги!

— Они думают, что это мы погубили их корабль.

— Ну объясните! Я же не могу с ними говорить, я их языка не знаю.

— Я стараюсь, — сказал Шпигли. — А ты беги, не останавливайся.

На помощь Аркаше пришел случай. На берегу, занимая весь пляж от обрыва до воды, лежала черепаха, да, именно такие черепахи водились в меловом периоде — длиной она была метров в пять, а ее панцирь был украшен толстыми короткими шипами.

При виде беглецов черепаха лениво подняла голову и широко открыла свой короткий загнутый клюв.

Насекомые замерли. Видно, плавать они не умели, а больше деваться было некуда.

Тогда самое крупное из несчастных существ схватило камень и кинулось на Аркашу. Оно бросило в него камень, но тот не долетел и упал в воду, поднимая столб брызг.

— Они в полном отчаянии, — сообщил Шпигли, — я думаю, что они не очень опасны.

— Так скажите им, что и мы не очень опасны!

Наконец, видно, до существа дошли мысли Шпигли. Оно остановилось, прислушиваясь.

Аркаша рассматривал пришельцев.

Конечно же они были насекомыми, и он их видел раньше...

Правильно! Перед самым началом практики, когда они возвращались с Алисой Селезневой со станции юных биологов! Тогда такое странное существо преследовало Аркашу и кричало, что он его папа!

Какое странное совпадение! Такого быть не может.

Ведь между двумя встречами шестьдесят пять миллионов лет!

— Я объяснил ему, что мы здесь находимся как исследователи, в экспедиции. Что мы вдвоем с тобой. Только он не понимает... он даже меня оскорбляет, — сказал Шпигли.

— Что вы имеете в виду? — спросил Аркаша.

— Он думает, что ты — единственное здесь разумное существо, а я если и существую, то как паразит. Сиж у тебя на руке и пью твои соки! Это же надо докатиться до такого обвинения!

— Лучше узнайте, пожалуйста, кто они и откуда, что произошло?

— Не все сразу, практикант, не все сразу. Они перепуганы, они увидели, что погиб их корабль, что погибли все их друзья, они меня сейчас спрашивают, неужели никого не осталось?..

Аркаша отошел немного в сторону, чтобы пропустить пришельцев, и они медленно подошли к обломкам своего корабля.

Маленьких пришельцев стала бить дрожь, один даже упал и чуть шевелил лапками, а старший и самый большой пошел вокруг обломков, заглядывая под них и за ними.

— Я сказал, что их враги выжгли все живое боевыми лучами и улетели... А может, и не улетели. А он говорит, что когда кластапуги догнали их большой корабль и взорвали его, то им удалось спуститься на нашу планету на спасательном катере. Многие погибли, но некоторым удалось спастись. Самым маленьким.

— Как так самым маленьким?

Шпигли молчал, он слушал, как говорит насекомое, и минуты через две начал пересказывать его речь. А Аркаша тем временем поближе разглядел пришельцев, которые старались помочь своему упавшему товарищу. Один из них или точно такой же, как они, живет сейчас в Москве двадцать первого века. И эту загадку Аркаша никак не мог решить.

— Он говорит, — перевел Шпигли, — что кластапуги захватили их планету. Завоевали. Они убили очень многих, потому что коо жили мирно...

— Кто такие коо? — спросил Аркаша.

— Неужели ты не понимаешь, — вот эти насекомые и есть коо. На них напали злобные кластапуги, которые хотели захватить их планету. Коо смогли запустить последний корабль, на который они погрузили своих детей и воспитателей. Они надеялись, что большой космический корабль сможет скрыться от врагов и найти новую планету для жизни. Но кластапуги увидели, как стартует корабль, и погнались за ним. Они настигли его у самой Земли, и конец этого боя мы увидели. Капитан корабля приказал детям перейти в спасательный катер, потому что с минуты на минуту большой корабль должен был погибнуть. И за несколько секунд до его страшного конца спасательный катер ушел к Земле, унося часть несчастных детей коо.

Аркаша вспомнил, что видел, как от большого корабля перед его гибелью отделилась маленькая звездочка. Значит, это и был «стручок»!

— Они надеялись, что в пылу битвы кластапуги упустят беглецов. Но те заметили отлет спасательного катера и отправили на его поиски один из своих истребителей. Коо опустились здесь, под прикрытием высокого обрыва, и так как никто на них не нападал, они сделали непростительную глупость — остались возле корабля. Надеялись, что, как только кластапуги улетят, они отправятся дальше искать себе новую родину. Мудрый Жи и трое детей постарше пошли искать пищу для остальных, но вдруг услышали взрыв. Они побежали обратно... и увидели, что все погибли, а рядом с уничтоженным кораблем стоит отвратительного вида чудовище.

— Какое еще чудовище? — спросил Аркаша.

— Я думаю, они имели в виду тебя, мой дорогой практикант, — ответил Шпигли.

Насекомые закивали головами, показывая, что Аркаша и есть чудовище.

Аркаша решил оставить выяснение этого вопроса, пока не научится языку насекомых. Он уже понял, что не может вот так — повернуться и уйти отсюда. Перед ним стояла кучка несчастных беженцев, которых надо выручать. И неважно, хорошие эти коо или плохие, как рассуждает Шпигли. Главное, что трое детей с другой планеты и учитель Жи оказались в чужом мире, не знают, что делать и куда идти.

Как только Аркаша понял, что теперь он должен отвечать за жизнь этих осиротевших пришельцев, он сразу стал спокойнее и даже старше. Так с ним всегда случалось на экзаменах. Может, еще это происходило оттого, что у Аркаши — единственного во всем классе — было пять младших сестер и братишек. Аркаша понял, что теперь съемки фильма и наблюдения за динозаврами становятся не главным его занятием...

— Ты что задумался? — спросил Шпигли. — Что-то я не могу разобраться в твоих мыслях, практикант.

— Спросите их, — сказал Аркаша, — могут ли они остаться на Земле и жить здесь?

Шпигли ответил почти сразу.

— Нет, — сказал он, — к сожалению, это исключено. Учитель Жи говорит, что сила тяготения на Земле в два раза сильнее, чем на их планете. От этого они ходят с трудом. К тому же воздух не совсем такой, какой им нужен, они задыхаются. К сожалению, они скоро умрут, и никто их не может спасти. И еще он говорит, что его уже не жалко, а вот последних детей планеты Коо очень жалко.

— Пускай не плачет, — сказал Аркаша. — Есть мы с вами, и мы не дадим их в обиду.

— Правильно! — отозвался Шпигли. — Только помни, практикант Сапожков, что мы с тобой не имеем права рисковать своим здоровьем. И пускай они живут как хотят, мы зла им не причиним. Но помочь мы им не сможем. Исключено.

— Все наоборот. Мы им будем помогать!

— Я тебе запрещаю рисковать! Хватит уже того, что первая машина времени засыпана в пещере. Тебя ждут дедушка с бабушкой.

— Ну что вы пристали ко мне с дедушкой и бабушкой! Они меня уже десять лет как ждут с утра до вечера. Но сначала мы решим, как помочь детям.

Насекомые коо стояли в отдалении, глядели на Аркашу, который разговаривал сам с собой, и не понимали, что же происходит.

— Шпигли, — приказал Аркаша, — немедленно начинайте учить их русскому языку.

— Как же я это сделаю?

— Вы отлично знаете, как это делается, — сказал Аркаша. — Вы же можете говорить с ними без слов.

— Я просто передаю им свои мысли.

— А вы передавайте не только мысли, но и слова, — попросил Аркаша. — Может, кто-нибудь из них окажется способным. А я пока подумаю.

Шпигли фыркнул, он был недоволен поведением своего практиканта. Но, как ни странно, послушался.

А Аркаша стал думать.

Если оставить пришельцев здесь, в надежде что они как-нибудь выживут, вернее всего, они не дождутся помощи. Ведь, судя по всему, все их соотечественники убиты. Надо будет

обязательно выяснить потом у них, а почему эти кластапуги так жестоко на них напали?

Как назло, этих пришельцев нельзя взять с собой — они рассыплются через полкилометра. Оставить их на берегу — через полчаса какой-нибудь хищный динозавр или крокодил решит, что кто-то подбросил ему вкусный ужин, и полакомится несчастными насекомыми.

Значит, остается одно: первым делом отыскать для пришельцев надежное убежище, чтобы они могли потерпеть там, пока Аркаша со Шпигли найдет запасную машину времени.

— Ну и как у вас идут дела? — спросил Аркаша у Шпигли.

— К сожалению, никаких способностей к языкам они не обнаруживают, — ответил Шпигли. — Считаю, что нам не повезло.

— Постольку поскольку мы все равно должны их спасти, — сказал Аркаша, — придется тогда вам обо всем договариваться. Нам надо отыскать для них убежище.

— Опасно задерживаться здесь, — сказал Шпигли. — Давление падает, погода портится, над нами образовалось облако пыли. Мне все не нравится. Оставим их здесь, пускай ждут.

— Нет, только не здесь, — возразил Аркаша, — здесь опасно.

— Но нам еще опаснее, — сказал Шпигли.

Аркаша уже привык к нему и научился не слушать поучений браслетика. Все-таки тот не человек. Это люди совершают неправильные поступки. Хорошие или плохие, но неправильные. И этим они отличаются от машин и биороботов, даже самых умных. Конечно, с точки зрения безопасности, как любит говорить Шпигли, разумно поспешить к машине времени. В задание нашей исторической практики не входит забота о каких-то непонятных уродцах. Но Аркаша не мог их бросить — разумно это было или неразумно!

— Как вы думаете, — спросил Аркаша у Шпигли, — где им безопаснее всего укрыться, пока мы будем искать машину времени?

— Не знаю, — ответил Шпигли. Он был недоволен своим практикантом. — К тому же я должен сообщить тебе, Сапожков, что я буду голосовать за неудовлетворительную отметку за практику. Ты был недисциплинирован и не занимался исторической тайной, а занимался неизвестно чем.

— Постольку поскольку... — начал было Аркаша, и тут один из детей пришельцев сказал:

— Постольку поскольку здравствуйте, здесь опасно, но где машина времени?

Аркаша даже рот разинул от удивления.

Но Шпигли его разочаровал:

— Этот пришелец повторяет твои слова, как попугай, а сам ничего не понимает.

Старый учитель Жи что-то начал говорить, размахивая четырьмя лапками, но Шпигли молчал.

— Шпигли! — Аркаша почувствовал неладное. — А ну-ка немедленно расскажите мне, что сказал учитель?

— Ничего особенного...

— Я никогда не думал, что роботы-охранники могут говорить неправду, — удивился Аркаша.

— Вопрос не в правде или неправде, — сказал браслетик, — а в том, что я оскорблен твоим недоверием. И непослушанием. Мне еще никогда не попадался такой непослушный практикант. И никто еще не называл меня роботом! Ах, как жаль, что у меня нет ног! Я бы

убежал от тебя — и разбирайся в своих проблемах как знаешь.

Насекомые не слышали разговора между Аркашей и Шпигли, потому что Аркаша думал, а Шпигли читал его мысли и так же мысленно отвечал. Но они понимали, что дело неладно. И конечно же боялись остаться здесь без защиты.

— Учитель Жи, — медленно сказал маленький пришелец, — говорит, что я, Красивый Ай, гений. Я учил все языки моего дома Коо, я учил твой язык, я слушал твои слова, и постольку поскольку я все помню, я хочу говорить дальше. Слышишь, мой учитель Жи говорит тебе то же самое?

— Эх, Шпигли, Шпигли, — сказал Аркаша. — Вы неточный переводчик. Но давайте не будем ссориться. Вы же видите, что идет дождик, космические пришельцы замерзли и дрожат. Я тоже. Где нам спрятаться? Где здесь пещера или шалаш?

— Здесь нет шалаша, — сказал Шпигли. — И я не чувствую пещеры. Пускай пришельцы сами поищут себе убежище. Нам пора идти.

Аркаша обернулся к Красивому Аю. Теперь он уже был уверен, что через шестьдесят пять миллионов лет именно с ним он встретится в Москве. Он не знал, почему так случится, но по крайней мере меньше удивлялся тому, что какое-то разумное насекомое будет называть его папой и повторять любимое выражение Аркаши: «Постольку поскольку».

— Ты меня немного понимаешь? — спросил Аркаша.

— С каждой минутой я запоминаю все больше слов, — сказал Красивый Ай. — Скоро я буду все понимать.

— В этом нет нужды! — обиделся Шпигли. — Я всегда скажу тебе, Аркадий, о чем думает это насекомое.

Аркаша поморщился. Он услышал в тоне Шпигли презрение к несчастным пришельцам. Он посмотрел вверх. Конечно, лучше бы, чтобы пришельцы подождали его возвращения наверху, на обрыве. Но он понимал, что насекомым, непривычным к силе тяжести на Земле, взобраться на обрыв невозможно.

— Ждите, — сказал он, — спрячьтесь среди обломков вашего корабля. А я пройду вдоль берега и поищу для вас убежище. Понял?

— Конечно, я понял тебя, мудрый старший брат. Мы затаимся, как ничтожные брамблюки при виде господаруса.

— Правильно, замечательно! — ответил Аркаша. Конечно, он не знал, кто такие брамблюки и почему они боятся господарусов. Но вряд ли это так важно! — Ждите. Мы со Шпигли вас не покинем.

— Не покинем, — подтвердил Шпигли, который не рад был задержке, но решил больше не спорить с Аркашей.

Аркаша посмотрел, как учитель Жи загнал своих подопечных под большой кусок обшивки корабля, и быстро пошел вдоль берега, глядя вверх на обрыв в надежде отыскать там черную дыру пещеры. Но ничего не находил.

Река бежала быстро, вода в ней была серой, дождь хлестал все сильнее, стало сумрачно, словно наступал вечер.

— Сколько сейчас времени? — спросил Аркаша.

— Девять тридцать утра, — ответил Шпигли. — Ничего мы не найдем.

Было холодно, и с каждым мгновением становилось все холоднее.

Дождь шел мутный, словно в нем мыли посуду. От этого сквозь струи было трудно смотреть.

Аркаша хотел спросить Шпигли, что он думает по этому поводу, но тот прочел мысль Аркаши и ответил:

— Постольку поскольку от взрыва в воздух поднялось много тонн пыли, она теперь смешивается с водой...

Аркаша заметил, что Шпигли начал говорить его любимое слово. Неужели это так заразительно?

Они отошли уже далеко от разбитого «стручка», но никакого укрытия для пришельцев не было видно.

Впереди возвышались какие-то фигуры, похожие на толстые стволы деревьев, вернее, на толстые морковки, которые росли корнем вверх.

— Поглядите, — сказал Аркаша. — Кажется, я что-то нашел.

— Я бы на твоём месте не радовался, — сказал Шпигли.

Аркаша подошел поближе и удивился — оказывается, это были динозавры. Они сидели столбиками, как суслики у своих нор. Размерами они были чуть больше слона, на головах у них торчали красные гребни, как у петухов, одним гребнем Аркаша мог бы накрыться, как одеялом.

— Коритозавры, — сказал Шпигли, — они относятся к гадрозаврам.

— Они хищники?

Каждый из коритозавров был окружен невысоким земляным валом, словно сидел в пиале.

— Это травоядные динозавры, можешь их не бояться, только не спугни, а то они наступят на нас.

— А что они делают? — спросил Аркаша.

— Что делают все хорошие мамы?! — сказал Шпигли. — Они высиживают яйца, а потом займутся воспитанием детёнышей.

— Не может быть! — сказал Аркаша. — Динозавры все-таки тупые ящеры, как они могут воспитывать детей?

— Это раньше так думали, что динозавры — тупые ящеры, — сказал Шпигли. — А теперь уже точно установлено, что многие из них не только были теплокровными, но они выращивали потомство, жили стаями, в которых были свои вожаки — если бы не загадочная беда, мы с тобой могли бы стать динозаврами. Разумными динозаврами.

— Что касается вас, я не знаю, — сказал Аркаша. — Но из меня бы динозавр не получился.

Несмотря на то, что Аркаша чрезвычайно осторожно подходил к мамашам-динозаврихам, которые высиживали яйца, они увидели его и, как по команде, повернули к нему странные петушиные головы и принялись угрожающе шипеть. Они пугали пришельца, но Шпигли был спокоен.

— Никуда они со своих яиц не слезут! Они тебя только стращают. Тем более что им очень холодно. Я так и чувствую их страх — они не тебя, маленького, боятся, они боятся, что стало холодно, и яйца могут остыть. Тогда их детишки погибнут. Они думают, что раньше так не было.

Вдруг Шпигли замолчал, а через секунду крикнул:

— Бежим!

— Почему?

— Не спрашивай!

Аркаша послушно побежал по берегу.

— Прижмись к обрыву! — велел Шпигли.

Аркаша послушался его, и вовремя.

Мимо него, тяжело приминая песок и камни, пронесся страшный ящер. Он был так невероятно силен и тяжел, что Аркаша даже не сразу сообразил, как он называется, — не узнал его, хоть видел на экране и в книгах.

— Тиранозавр! — подсказал Шпигли. — Ну, нам с тобой, практикант, повезло! Тиранозаврус рекс! Знаешь, что это значит?

— Король ящеров-тиранов! — перевел Аркаша.

— Почти правильно, — сказал Шпигли, который не жаловал слишком знающих практикантов.

Но Аркаша не слушал Шпигли. Он увидел, как тиранозавр прыгнул на ближайшую мамашу.

У него было странное, уродливое тело — гигантский, толстый, сильный хвост, как у крокодила, громадные сильнющие задние лапы, как у птицы Рокх, на концах их, как загнутые сабли, торчали такие когти, что они могли разорвать пополам бегемота. Голова у этого гиганта была так велика, что занимала треть тела, а пасть, в которой поместился бы автомобиль, усеивали длинные неровные зубищи. Но при всем том передние лапы тиранозавра были маленькими, особенно по сравнению с остальным телом. Впрочем, как увидел Аркаша, они были не очень нужны чудовищу.

Тиранозавр ударил по самке коритозавра всем своим весом, и, отчаянно закричав, она упала, до последней секунды стараясь прикрыть собой гнездо. Ударом задней лапы тиранозавр убил свою жертву и тут же схватил маленькими ручками, чтобы удобнее было заталкивать ее в пасть.

Остальные мамы вопили, квакали, стрекотали, как пулеметы, но своих гнезд не бросили — они понимали своим небольшим умишком, что если сейчас, в наступившие холода, оставить яйца хоть на несколько минут, они погибнут.

Тиранозавр терзал свою жертву, и Аркаша стоял, не в силах оторвать глаз от страшного зрелища. Дождь то запускал сильнее, то едва моросил. Потом начался град.

Градинки, правда, были мелкие, но больно стегали по плечам и голове.

И вдруг к шуму и крикам прибавился рев — по мелководью вдоль берега к тиранозавру неслись несколько динозавров, в которых Аркаша сразу распознал самцов коритозавров. Конечно, их зубы и когти далеко уступали природному вооружению тиранозавра, но сородичи погибшей мамы примчались стремительно, совсем не думая, могут ли они победить гигантского хищника. Тиранозавр распахнул свою пасть-вагон, прыгал на врагов, пытался отбиваться маленькими передними лапами, размахивал хвостом и ревел так, что тряслись вершины деревьев.

Коритозавры кидались на него, как собаки на медведя, повисали на нем, и наконец гигантский хищник не выдержал. Как и все негодяи, он был трусоват, и если видел, что его не боятся, предпочитал убраться восвояси.

Коритозаврихи, сидевшие на гнездах, верещали, переживали, один из самцов — ну что прикажете делать! — уселся на место погибшей мамы. И тут из облаков сквозь холодный дождь вывалились три птеродактиля, которые принялись рвать тело убитой.

— Нам тут не пройти, — сказал Шпигли.

— Что, полезем наверх?

— Обрыв высокий. Да есть ли смысл? Нам уже сейчас возвращаться минут пятнадцать. А что, если дальше уйдем?

Шпигли был прав. И Аркаша понимал это.

— Но что делать?

— Честно говоря, не знаю, — ответил Шпигли.

— Скажите, пожалуйста, — спросил Аркаша, — а насколько вы сильный?

— Я очень сильный.

— Я знаю, что вы можете заставить меня лечь на землю. Но можете ли вы добавить силы моей руке?

— Нет ничего проще.

— Я могу стать в десять раз сильнее?

— Ты не сможешь, но твоя правая рука может.

— Можно я попробую?

Аркаша подошел к высохшему деревцу толщиной в руку. Кора дерева была мокрой и холодной.

— Дайте мне силу, смелый Шпигли! — попросил Аркаша.

— Ты готов к подвигам, практикант-геркулес? — ответил браслетик.

Аркаша постарался согнуть дерево. Оно легко поддалось, и когда Аркаша нажал посильнее, с громким треском сломалось. Коритозаврихи, которые, нахохлившись, сидели на яйцах, обернулись в сторону Аркаши, но, видно, решили, что он не опасен, и даже не стали звать на помощь мужей.

Аркаша поднял дерево одной рукой.

— А теперь отпускаяй, — сказал Шпигли.

— Почему? Мне же легко, — удивился Аркаша.

— Ничего в мире не достается бесплатно, — сказал Шпигли. — В обычной жизни твои мышцы работают на один процент от их возможностей. Я же заставляю их работать в полную силу. Подумай, ведь не я сломал дерево — сломал его ты, я только помог твоим мышцам собраться в кулак и сделать, что от них требуется. В каждом человеке хранятся замечательные силы, только он их не использует. Посмотри, например, на штангиста. Он же поднимает штангу в пять раз больше собственного веса. Но только потому, что может направить все свои силы в одну точку, в один момент. Попробуй штангист погулять, держа штангу над головой, — ха-ха-ха! На второй минуте он грохнется на землю!

Аркаша почувствовал, что силы оставляют его. Он кинул на берег сломанное дерево. Главное он узнал: если нужно, он сможет стать силачом.

— Пошли обратно, — сказал он. — Я нашел решение!

Он повернул назад и быстро пошел вдоль реки. Шпигли донимал его:

— Ну скажи, чего ты хочешь? А то в мыслях у тебя нет никакой ясности!

— Придем, увидим, — отвечал Аркаша.

Стало еще темнее. Река заметно вздулась, вода в ней уже не текла, а неслась вперед, мутная и злая. Вместе с каплями дождя с неба падали снежинки.

— Этого быть не может, — сказал Шпигли. — Мы же с тобой изучали историю мелового периода. Климат здесь ровный, теплый, почти тропический. Вокруг растут пальмы и папоротники, все динозавры ходят голые, ни на ком шерсти нет.

— А вот и есть, — сказал Аркаша. Он показал на животное, похожее на большую крысу, которое плыло по реке, высунув длинную острую морду, а потом выскочило из воды и

побежало вдоль берега на низеньких кривых ножках, волоча за собой голый короткий хвост.

Крыса и в самом деле была покрыта шерстью.

— Но ведь ты знаешь, кто это! — воскликнул Шпигли.

— Крыса?

— Это первобытная крыса, прародительница тех, которые тебе известны. Из нее потом выведутся и крысы, и мыши, и даже ондатры. Это предок грызунов. Когда динозавры вымрут, вот эти маленькие, невзрачные на вид млекопитающие и займут их место на Земле.

— Но почему изменился климат? — спросил Аркаша. — Нам с вами никто об этом не сказал.

— Вот я и думаю, — ответил Шпигли. — Только пока не придумал.

Они вернулись на то место, где оставили пришельцев.

Их нигде не было видно!

У Аркаши даже сердце упало: не сожрал ли кто-нибудь несчастных беглецов?

Но когда они подошли поближе, то увидели, что все коо сидят вдоль большого обломка их корабля, прижавшись к нему спинами и тяжело дыша.

— Ты нашел нам дом? — спросил Красивый Ай. — А то нам совсем плохо.

— Я придумал другое.

— А нам далеко идти? — спросил Красивый Ай.

— Вам никуда не надо идти.

Аркаша отошел на несколько шагов от разбросанных по берегу обломков корабля. Наконец он увидел подходящий кусок обшивки, как бы обрывок гигантской трубы, правда, разорванный и сплюснутый.

— Шпигли, — сказал Аркаша. — Включайте меня.

— Как включать? — не понял его Шпигли.

— Включайте мою богатырскую силу!

Аркаша схватил «трубу» и потащил повыше к самому обрыву. Потом он распрямил сплюснутую часть обломка и, навалившись на ее край, заставил края трубы войти в обрыв. Теперь получилась как бы искусственная пещера, бочка, лежащая на боку, днищем которой стал обрыв, а открытая часть глядела на реку.

Тут силы полностью оставили Аркашу, и он упал на песок.

Пришельцы коо заверещали, защелкали.

— Учитель Жи, — сказал Шпигли, — говорит, что никогда не мог предположить, что в таком небольшом и слабом на вид теле скрывается могучая сила. И если все жители этой планеты будут такими же, как господин Великий Богатырь Аркаша, то коо не страшны никакие бандиты. Какое счастье, что у его детей такие замечательные друзья и защитники.

Переведя эти слова учителя Жи, Шпигли сказал:

— Теперь потерпи немножко. Я тебе сделаю питательные уколы — иначе ты у меня погибнешь от истощения.

Он сделал Аркаше уколы и велел ему лежать, а Аркаша попросил его:

— Объясните этому учителю Жи, что мы с вами не здесь живем, а в будущем. Я думаю, раз у них есть космические корабли, они должны понимать, что такое путешествие во времени.

Сказав так, Аркаша отполз в дом, который сделал для насекомых, и улегся там, чтобы не мокнуть больше под дождем.

Красивый Ай и два других ребенка коо уселись возле Аркаши и стали отгонять мух и

комаров, которые тут же набились в укрытие — им тоже не нравились холодный дождь и ветер.

— Постольку поскольку, — сказал Красивый Ай, — ты мой друг, то я хочу, чтобы ты стал моим папой. У меня нет папы и мамы, а кто будет обо мне заботиться?

Остальные дети коо не поняли толком, о чем говорит Красивый Ай, но тоже стали хныкать и просить Аркашу о чем-то на своем языке.

Аркаша не заметил, как под эти голоса заснул, — видно, устал, даже уколы не помогли.

Когда он проснулся, почти ничего не изменилось. Коо сидели в доме-бочке, который построил Аркаша. Всем было холодно. Снаружи хлестал дождь.

— Надо идти, — сказал Аркаша.

— И как назло, газ в воздушном шарике кончился, — сказал Шпигли.

— В такую погоду никакой воздушный шарик не поможет, — ответил Аркаша. — Унесет меня за кудыкины горы.

— Прошу прощения, — сказал Шпигли. — В моем внутреннем атласе такие горы не указаны.

— Когда вернемся домой, покажу, — пообещал Аркаша.

Ой, как ему не хотелось вылезать наружу. «Это не меловой период, а ноябрьский, — подумал Аркаша. — В такую погоду хороший хозяин собаку на двор не выгонит...»

— Твои мысли мне непонятны, — сказал Шпигли. — Может быть, ты психически больной? Какой еще хозяин? Какую собаку? Откуда ты взял ноябрьский период?

— Я шутил, — сказал Аркаша. — Жаль только, что нас с вами отправляли в теплые края и не выдали меховых шуб. Может, мне вас на шею повязать вместо воротника?

— А что! Попробуй! — согласился браслетик.

Аркаша легко снял его и прикрепил на шею. Меховой браслетик уже высох и был теплым. В самом деле, такой воротник немного согревал.

— По крайней мере, — сказал Аркаша, — я ангиной не заболею.

Он посмотрел на пришельцев. Они сидели все четверо в ряд у стены. И смотрели на него круглыми золотыми глазами.

«Теперь я понимаю, что значит материнское чувство, — подумал Аркаша. — Это бывает, когда тебе страшно, как бы что-нибудь плохое не случилось со слабыми существами, которые тебе доверились и ждут от тебя помощи и защиты».

— Вы рассказали учителю Жи, почему мы здесь оказались? — спросил Аркаша у Шпигли.

— Да, — ответил браслетик. — И он очень расстроился. Ему можно посочувствовать. Теперь он оказался не только в миллиардах километров от своей планеты, но и в миллионах лет от нашего времени. Но он будет нас ждать. Что ему остается делать?

Шпигли сказал, куда идти, и Аркаша вылез под холодный дождь. Стало еще хуже, чем час назад. Темнее, холоднее, мокрее.

Аркаша с трудом взобрался на обрыв, чтобы продолжить путь к машине времени. Камни и куски земли валились из-под рук и ног, стебли кустов и пучки травы не держались в размокшей глине. Наверное, полчаса Аркаша полз наверх, и если бы кто-то увидел его в тот момент, когда он выпрямился на обрыве, он бы решил, что это не человек, а грязная глиняная фигурка.

Наверху ветер дул еще сильнее. Кое-где в низинках скопились полоски снега. И когда Аркаша, сгибаясь под порывами ветра, шагал вперед, под ногами время от времени

похрустывал ледок, затянувший лужи.

— Такого быть не может, потому что этого не может быть никогда, — бормотал Шпигли. — Ни в одном учебнике или справочнике вы такого не увидите.

Аркаша поглядел налево. Там еще светилось зеленоватое зарево — значит, из воронки продолжала вытекать радиация.

— Скажите, — спросил Аркаша, — а не может быть какой-нибудь связи между холодным дождем и взрывом космического корабля?

— Еще чего не хватало! — откликнулся Шпигли. — Какая может быть связь? Ну, взорвался и взорвался, и дело с концом!

Аркаша понимал, что идти надо скорее, чтобы не замерзнуть, но ветер бил в лицо и кидал горстями ледяную воду.

Аркаша стал считать шаги, но на трехстах сбился, а Шпигли прикрикнул на него:

— Перестань считать, ты мне мысли путаешь!

— А о чем вы думаете? — спросил Аркаша.

— О том, почему вымерли динозавры! — ответил Шпигли.

— Они вымерли от холода, — сказал Аркаша.

— Это ненаучно, — сказал Шпигли. — Через полчаса дождь кончится и станет тепло.

Надо потерпеть.

— Вот я и терплю, — сказал Аркаша.

Он шел дальше и дальше и старался думать о всяких приятных вещах — например, о том, как он катался прошлым летом на досках на Гавайских островах или как славно сидеть у камина в горах, смотреть, как огоньки перебегают по дровам... нет, лучше костер. Конечно, костер в лесу, а на перекладине кипит чайник. Сейчас будет горячий чай!

— Аркадий, немедленно прекрати! — закричал Шпигли. — Твои мысли вносят в мою систему полный разлад!

Дорога начала подниматься в гору. Они вступили в редкий лес из деревьев, стволы которых были похожи на капустные кочаны в три обхвата, а сверху метелкой торчали листья.

— Ой! — воскликнул Аркаша.

Он неожиданно налетел на динозавра.

Это был округлый толстяк, похожий на бегемота-переростка. Он сидел, прижавшись спиной к стволу дерева, и мелко дрожал.

— Прости, — сказал Шпигли, — я его не заметил, потому что он ни о чем не думает, а ждет, когда кончится дождик.

Динозавр вдруг оглушительно чихнул.

Наверное, в другой ситуации это показалось бы Аркаше смешным, но сейчас он только подумал: «Не хватало еще насморком от динозавра заразиться!»

И, скользя по траве, он ускорил шаги.

Главное, понимал он, терпеть и терпеть...

Глава десятая. Сильвер на коврике

Аркаша шел, не думая о времени. Шпигли тоже не приставал со своими рассуждениями — видно, понимал, что лучше под руку не говорить. Только часа через три, когда Аркаша совсем уж терял сознание, а его ноги сами кое-как переступали, Шпигли сказал:

— Остановись, возьми из пояса обед и поешь.

— Я не хочу.

— Ты скоро упадешь, если не подкрепишься.

— Я упаду, если остановлюсь.

Разумеется, этот разговор был совершенно безмолвным — все равно у Аркаши не было сил открыть рот.

Тогда Шпигли сменил тактику:

— Открой глаза! Посмотри, какой удобный камень лежит под тем деревом. Тебе очень хочется присесть на него и выпить горячего чая.

И он так это сказал, что Аркаша понял: именно этого ему и хочется.

Ноги подкосились, и он рухнул на твердый мокрый камень. Здесь, под деревом, дождь шел не так сильно, но капли, собираясь на больших листьях, скатывались вниз и, как вишенки, ударяли по земле или по голове Аркаши.

Аркаша с трудом вспомнил, как надо вынуть из пояса пакетик с обедом, разорвать его, чтобы пища согрелась. Есть ему совсем не хотелось, но он с удовольствием выпил крепкого горячего чая с витаминами и с последним глотком почувствовал, что его тело согревается и он готов идти дальше.

В низине на краю леса Аркаша увидел несколько динозавровых гнезд. Только гнезда были невелики, да и яйца в них чуть больше гусиных.

— Видите, — сказал он Шпигли, — не все сидят на яйцах, некоторые матери занимаются своими делами.

— Не скажи, — возразил Шпигли, — ты лучше посмотри направо.

Аркаша увидел, что там, в овражке, сплелись в один клубок несколько динозавров, не очень крупных, с человека ростом.

— Они не смогли больше сидеть в гнездах, — сказал Шпигли. — Слишком холодно.

— Разве они не понимают, что их дети погибнут?

— Наверное, не понимают. Не преувеличивай их способности, — ответил Шпигли. — Холодно им, замерзают, вот и бросили гнезда.

— Вы говорили, что скоро распогодится, — сказал Аркаша, — а становится все хуже. Если бы так случалось часто, наверное бы, они не бросали гнезд.

— Ну не знаю, — воскликнул Шпигли, — как быть?! Не знаю я всех дел мелового периода. К тому же я промок.

Аркаша ничем не мог помочь своему охраннику и поспешил в дорогу.

Они и дальше встречали всяких динозавров, и больших и мелких. Но все динозавры чувствовали себя не в своей тарелке.

— Они ищут, где магазин меховых шуб, — сказал Аркаша.

Но Шпигли не понимал юмора, поэтому он ответил:

— В меловом периоде не было магазинов.

— Конечно, — не сдавался Аркаша. — Шубы продавали на базаре.

— По-моему, мой практикант сходит с ума, — сказал Шпигли. — Может, еще посидим, отдохнем? Там у тебя должен оставаться неприкосновенный запас продуктов.

— Он может пригодиться потом, — сказал Аркаша. — И вообще зря я его не оставил пришельцам. Я сам виноват — в голову не пришло.

— И хорошо, что не пришло. Откуда ты знаешь, что этим насекомым можно наш чай пить? Даже мне чай пить вредно.

Раздался страшный треск — он даже заглушил шум ветра и дождя.

— Стой! — приказал Шпигли.

Аркаша уже и сам остановился.

Не видя его, по лесу, пробиваясь сквозь кусты и ломая деревья, как слепой, шел самый удивительный зверь, которого можно увидеть в меловом периоде. И хоть Аркаша чувствовал себя ужасно, он замер, восхищенный такой шуткой природы.

Этот динозавр называется стегозавром. Размером раза в два крупнее слона, он кажется еще более высоким, потому что на его спине в два ряда тянутся метровые лепестки — костяные пластины, похожие на заостренные на концах лепестки ромашки.

— Ты о нем читал? — спросил Шпигли, которому очень хотелось поделиться с Аркашей своими знаниями.

— Я знаю, что эти пластины защищают его от врагов. И еще некоторые ученые считают, что они помогают стегозавру согреться. Он выползает из зарослей, подставляет пластины солнечным лучам, и они быстро прогреваются, а затем согревшаяся кровь стегозавра разбегается по всему телу, и он просыпается.

— Но мозг у него размером с грецкий орех! Ты об этом помнишь?

— Забыл. — Аркаша пожалел Шпигли. Ведь ему так хотелось показаться ученею своего практиканта.

Стегозавр двигался еле-еле. Он наткнулся на толстое бревно, которое не смог сломать, и закашлялся. Он кашлял громко, ухал, от его кашля с деревьев сыпалась листва. Все его массивное полосатое тело содрогалось от приступов кашля, он раскрывал небольшой рот, и оттуда, как из трубы, вылетал рев.

— Плохо дело, — сказал Аркаша. — Что-то они уж очень теплолюбивы. Надо бы шерстью обзавестись.

— Ты уже говорил об этом, — сказал Шпигли. — Но они же не думали, что станет холодно.

— Но почему? — Аркаша никак не мог дать себе ответа на вопрос: почему вдруг наступили холода?

Они вышли на поляну, перед ними тянулась равнина. За ней, скрываясь в полосах дождя, поднимались скалы.

— Уже немного осталось, — сказал Шпигли. — Потерпи, практикант. Нам к тем скалам.

К сожалению, долина, по которой пришлось идти, была залита водой. Кое-где вода только хлюпала под ногами, иногда приходилось переходить широкие лужи.

Аркаша не боялся промокнуть — к счастью, его башмаки, как и комбинезон, были влагостойкими, а также рассчитаны на змеиный укус — ни одному зубу с ними не справиться. Шпигли совершенно серьезно предупредил его:

— Ты близко к динозаврам не подходи. Еще заразишься.

И вдруг сам чихнул.

Это было так неожиданно, что Аркаша остановился и спросил:

— Мне показалось?

— Надо говорить: «Будьте здоровы!» — сообщил ему Шпигли.

— Неужели роботы чихают?

— Это еще одно доказательство тому, что я никакой не робот!

Аркаша замолчал и принялся снова считать шаги. Вода брызгала из-под ног, стало

совсем сумрачно, как осенним вечером.

— Который час? — спросил Аркаша.

— Уже третий, — сказал Шпигли.

— А сколько еще идти?

— Час... или два... как получится.

Вдруг Аркаша почувствовал, что земля под ногами дрогнула. В голове возник гул. В нем была угроза.

— Что это такое? — Аркаша остановился.

— Я не вижу, — сказал Шпигли, — но ничего хорошего мы с тобой не ждем.

Аркаша не стал с ним спорить. Он оглянулся — хоть бы какое-нибудь внушительное дерево, или холм, или хоть бы камень, за которым можно спрятаться, потому что ему очень захотелось спрятаться!

Гул приближался — на них надвигалось что-то громадное, тяжелое, как будто неслось войско старинных колесниц.

И вот Аркаша увидел их!

По равнине мчалось полчище динозавров. Тысячи динозавров.

По мере того как они приближались, можно было разглядеть их по отдельности.

К счастью, стадо двигалось не прямо на Аркашу, а наискосок.

— Они бегут на юг, — сказал Шпигли. — Они спасаются от холода и дождя.

В этот страшный для них момент динозавры забыли, кто им враг, а кто друг, кто жертва, а кто хищник... Вот бежит диплодок, от каждого его медленного и неуклюжего шага сотрясается земля. Кажется, что его маленькая головка касается низких облаков; вот рядом, в десять раз меньше диплодочков, семят утконосые ящеры...

— Цератопс! — закричал вдруг Шпигли, будто совершил великое открытие. Аркаша увидел стадо цератопсов — коренастых, короткохвостых, похожих на носорогов чудовищ, спины которых были покрыты костяными щитами, из которых поднимались и торчали вперед рога.

— А это... — И тут Аркаша забыл, как называется динозавр, которого даже в дурном сне не вообразишь — казалось, что его голову украшает древнегреческий военный шлем или что-то в этом роде. Единственный рог этого динозавра тянулся, загибаясь, назад, и был он в три метра длиной.

— Паразавролофус, — сказал Шпигли, довольный тем, что у него память лучше, чем у практиканта. — Это же совсем просто!

Похожие на кенгуру небольшие злобные ящеры диеноники громадными прыжками неслись по краям армады динозавров, но не нападали на игуанодонов и других травоядных великанов.

Казалось, что скопищу динозавров не будет конца.

Тысячи, десятки тысяч динозавров уходили из этих краев в поисках теплых мест, оставив свои гнезда, свои лежбища, любимые болота и озера.

Аркаша стоял, не в силах шелохнуться, и разглядывал ящеров. Он не сразу сообразил, что надо снимать, но потом нажал на кнопку камеры, и Шпигли, который начал было выговаривать ему за забывчивость, замолчал на полуслове.

И, снимая, он пропустил опасность.

— Беги! — закричал Шпигли, который, видно, тоже загляделся на динозавров.

Оказывается, еще один отряд беглецов, поменьше первого, несся по равнине, но на этот

раз ящеры мчались прямо на Аркашу.

Аркаша побежал от них, он старался двигаться не прямо перед стадом, потому что даже в такой момент сообразил, что динозавры обязательно догонят и растопчут его, а в сторону, чтобы не оказаться на их пути. Он задыхался, и тут еще, как назло, началась низина, затопленная водой глубже чем по колено. Для динозавров эта глубина ничего не значила, а вот для Аркаши она оказалась роковой — ведь он вынужден был на каждом шагу вытаскивать ноги из воды!

Он бежал, отчаянно задыхаясь в разреженном воздухе.

— Скорее! — торопил его Шпигли. — Не теряй ни секунды! Ты меня погубишь!

И вдруг Аркаша услышал сверху, от облаков, визгливый крик:

— Они здесь! Скорее, капитан!

Аркаша решил, что ему почудился этот голос, но Шпигли сообразил быстрее.

— Мы здесь! — закричал он. — Мы здесь! Скорее помогите нам!

До первых динозавров оставалось уже совсем немного.

И тут сверху спикировал надувной плотик, или ковер-самолет, или пластиковая подстилка — называйте как хотите.

Посреди этого воздушного корабля сидел одинокий пират Сильвер Джонович, вахтер Института времени, а над его головой кружил любимый пиратский попугай.

— Прыгай! — крикнул пират.

Аркаша подпрыгнул и протянул вперед руки. Пират втащил его на борт ковра-самолета.

Прошло всего десять минут с того момента, как Аркаша думал, что наверняка погиб и не сможет убежать от динозавров, а он уже обо всем забыл. Тем более что старый Сильвер снял свою пиратскую куртку, выделанную из кожи ската, которого задушил когда-то собственными руками в схватке на глубине тридцати футов у острова Калимантан, и накинул на плечи Аркаши. Сразу стало теплее.

Сильвер хотел без лишних слов отвезти Аркашу к запасной машине времени, но Аркаша сказал, что придется вернуться к реке, где под обрывом их ждут несчастные пришельцы.

Пока ковер-самолет летел к реке, Сильвер рассказал, почему он тут оказался.

— Получаю сигнал, — сказал он, — что машина времени вышла из строя.

— Почему же это вы получаете сигнал? — спросил недоверчивый Шпигли.

— Да потому что дело происходит ночью в воскресенье, когда я один дежурю в институте.

— А робот Вертер? — спросил Шпигли.

— Робот Вертер улетел на конференцию, посвященную столетию выхода в свет телевизионного сериала «Гостья из будущего», снятого режиссером Павлом Арсеновым. Празднества по этому поводу охватили половину городов Земли, не говоря об отдаленных уголках Солнечной системы.

— А другие сотрудники?

— Другие сотрудники понадеялись на меня. Ведь обычно ничего плохого не может случиться. А такого, чтобы машина времени вышла из строя, еще никогда не было. Включил я компьютер, думал — может, ошибка. Нет, говорит компьютер, машина времени раздавлена горным обвалом. В конце мелового периода. А у нас там как раз один практикант находится. Все, говорю я себе, спокойно, без паники.

— При чем тут паника? — сказал Шпигли. — По инструкции ты должен немедленно вызвать директора института и сотрудника, который ведает практикой.

— Я старый пират, — ответил Сильвер. — Я знаю, что нельзя поднимать товарищей посреди ночи только потому, что на наш фрегат напали какие-то дикари! Я решил, что сначала сам быстренько проверю на линии, что произошло. Взял дежурный ковер-самолет, вызвал попугая, как разведчика, и вылетел. Вот и все. А теперь вы рассказывайте.

Аркаша поведал вахтеру, что с ним произошло за последние часы.

Сильверу было особенно интересно узнать про космическое сражение. Он вообще любил поговорить о битвах — и искренне расстроился, что его там не оказалось.

— Эх, — вздыхал он, — нет здесь моих бандитов и разбойников. Мы бы взяли их на абордаж — только пух и перья бы от них полетели.

Сверху Аркаше были видны стада динозавров — все они двигались к югу. В стороне светилось зеленоватое зарево.

— Там воронка — все, что осталось от космического корабля, — сказал Шпигли.

— Слушайте, — предложил пират, — давайте слетаем туда, поглядим.

— И не мечтай! — возмутился Шпигли. — Ты что, не знаешь, что такое радиация?

— Мне рассказывали, — уклончиво ответил пират, — но как-то я не все запомнил.

— И не мечтайте, — сказал Аркаша. — Вы не только сами погибнете, но и погубите нас.

— Я его не пущу! — закричал попугай. — Он дурррак! Старрый дурак!

Пират отмахнулся от попугая. Он смотрел на динозавров.

— Все собирался сюда, да не было случая, — сказал он. — Неужели такие изверги по свету бродили?

— Вот мы и стараемся понять, куда они делись.

— И не надо понимать, — сказал пират. — Без них лучше. Птички поют, бабочки летают...

Впереди показалась река, за ней «бочка», в которой их должны были дожидаться пришельцы с Коо.

Аркаша заглянул в «бочку», там было темно и пусто. Сначала он подумал, что насекомые коо куда-то убежали или их кто-то сожрал.

— Эй! — сказал он. — Куда вы подевались?

Никакого ответа.

— Ну вот, — сказал разочарованно Шпигли, — а мы старались, жизнью рисковали... хотя постой, постой! Они же здесь!

Тут песок в дальнем конце бочки зашевелился, и из него медленно высунулись сухие ручки насекомых.

— Во-первых, — сказал учитель Жи, — так теплее, а во-вторых, нас никто не увидит.

Красивый Ай вылез из песка следом за учителем Жи и застрекотал:

— Мой папа приехал! О, усынови меня, Аркаша! Мне так трудно жить сиротой.

Учитель Жи рассердился и стал укорять мальчика за то, что он пристаёт к Аркаше, забывая, что во всей Вселенной, может быть, осталось всего четверо представителей народа коо. А если Красивый Ай станет сыном уважаемого Аркаши Сапожкова, то вообще никаких шансов на то, что славная раса коо возродится, не останется. Даже икру метать будет почти некому!

— Как так метать икру? — удивился пират Сильвер. — Я не выношу лягушек!

— Я не знаю, что такое лягушка, — ответил Красивый Ай, — и я должен честно признаться, что не люблю, когда люди ходят на одной ноге и не могут отрастить себе

вторую, которую где-то потеряли...

— Не где-то, а в бою в Бермудском треугольнике! — возразил Сильвер. — Против нашего брига было шесть французских фрегатов и одна испанская каравелла. Грот-мачта пала на меня, и мне пришлось самому отрубить себе ногу, чтобы выбраться из-под нее.

— Поменьше верьте старому жулику! — закричал снаружи попугай. — Я сам видел, как он ее потерял.

— Как же? — спросил Аркаша.

— Он напился как сапожник в таверне «Хромая судьба» на Барбадосе. А платить было нечем. Хозяин погнался за ним, чтобы заставить заплатить, и этот Сильвер бежал так быстро, что обогнал собственную ногу. Она отстала, заблудилась в джунглях, и никто ее потом не смог найти.

Все замолчали, а потом Шпигли произнес:

— Похоже на то, что вы шутите, господин какаду.

— Я еще никогда в жизни не был так серьезен, — ответил попугай. — Спроси у Сильвера. Он не посмеет соврать.

— Еще как посмею, — сказал Сильвер. — Кстати, здесь речь идет не обо мне, а об этих бескрылых стрекозах. Икру они, видите ли, решили метать! Будто у нас своей не хватает.

Красивый Ай подошел к Аркаше и схватил его за руку тонкими палочками пальчиков.

— Мой папа не даст меня в обиду. А если вы хотите скушать нашу икру, то вы проклятый людоед-икроед!

— Да не собирался я ничего кушать! Я ухожу и оставляю вас одних.

— Нет, — сказал Аркаша, — так нельзя. Мы не можем погубить цивилизацию целой планеты.

— Губить мы не будем, — согласился вахтер Сильвер Джонович, бывший морской пират. — Только попрошу вас доложить, что у вас произошло. Может, вы карманники какие-нибудь и за вами милиция гоняется.

Красивый Ай не понял, о чем речь, да и Шпигли с трудом объяснил слова Сильвера учителю Жи. Учитель Жи понял наконец и разрыдался. Розовые слезы покатались из его глаз, и там, где они падали на железный пол бочки или на песок, вырастали маленькие голубые цветы.

— Во дает! — сказал пират Сильвер. — За одно это я буду защищать народ коо до последней капли крови от негодяев, которые посмеют на них напасть.

А Шпигли перевел для Сильвера и Аркаши рассказ учителя Жи.

— Наша планета Коо небольшая, — рассказал учитель. — Жили мы мирно, никому не мешали, торговали с марраками и прочими соседями по нашей звездной системе. Все шло хорошо, пока у нас не высадились кластапуги.

— Это какие такие кластапуги? — спросил Сильвер. — Знавал я когда-то одного Кластапуги, был он из панамских индейцев, ходил на шхуне «Мать родная», жестокий был человек, двумя саблями дрался. Это не его ли дети?

— Даже не родственники, — ответил за учителя Жи Шпигли. — Твой Кластапуги когда и где жил? А их кластапуги — когда и где?

— Надо проверить, — упорствовал пират.

— Кластапуги, — сказал Шпигли, — по описанию учителя Жи, совсем не похожи на нас, людей.

— Ага, — сказал Сильвер. — А вы, значит, люди?

— А кто же еще!

— Я вас понял, — сказал Сильвер. — Сколько людей, столько мнений. Наверное, если бы моя покойная жена Габриэлла метала икру, я бы тоже ее человеком считал.

Все посмотрели на Сильвера, подождали — может, объяснит, что же он имеет в виду. Но Сильвер достал из кармана трубку и стал набивать ее табаком.

— Кластапуги, — продолжал Шпигли, — произошли от собак бультерьеров. Когда-то на их планете жулики, которые нечестно нажились, обокрали своих соседей, ограбили бабушек и детские приюты, построили себе дома из красного кирпича и стали бояться, что их друзья придут и их ограбят. Для защиты своих домов и нечестного богатства они вывели специальную породу собак, скрестив крокодилов с белыми крысами. Эта порода собак называется бультерьерами, а точнее, на их языке — кластапугами.

— Ой! — воскликнул Аркаша. — У нас на Земле тоже были собаки бультерьеры, только они потом друг дружку перегрызли!

— А на планете кластапугов получилось иначе. Бультерьеры объединились в стаи, грабили дома и сначала загрызли всех бедняков и честных людей, а потом принялись за богачей. Они грабили дома, уничтожали детей, стреляли в полицейских.

— Ну, это преувеличение! — сказал Аркаша. — Как собаки могут грабить дома и стрелять в полицейских?

— В этом виноваты их хозяева. Хозяева думали, что бультерьеры, то есть кластапуги, — их защитники. Поэтому они вырастили им на передних лапах пальцы с когтями и научили их стрелять. Вот и погибли. Кластапуги захватили планету, но они ведь умеют только драться и кусаться. И конечно, плодить щенков. Вот и получилось, что через несколько лет на планете стало нечего есть, и не из чего отливать пули для их автоматов, и ковать сталь для их ножей. Но ведь негодяи всегда чего-нибудь придумают. Вот кластапуги и решили захватывать другие планеты, но не убивать всех жителей, а оставлять рабов, чтобы они трудились на полях и в шахтах. Так они захватили несколько планет, куда сначала прилетали как туристы, как гости, как торговцы, а если планета их устраивала и они видели, что могут ее завоевать, они оскаливались и вонзали свои зубы в глотки жителей планеты. Так случилось и с нами... мы тоже не сообразили, какая опасность нам угрожает...

— Да, — вздохнул Сильвер. — Мы, пираты, были лучше. Захватим, ограбим и плывем дальше, а вы снова добро наживайте.

— Я бы не сказал, что это намного лучше.

— Живи и дай жить другим, — сказал Сильвер. — А вы продолжайте, продолжайте, очень интересно!

— А дальше вы все знаете. Нам удалось поднять в небо один большой корабль, на который мы погрузили детей. Мы думали, что сможем спрятаться. Но они выследили нас и догнали у самой Земли.

— Зачем же они вас убивали?! — удивился Аркаша. — Ведь никакой выгоды нет...

— Ты не понимаешь, — сказал учитель Жи. — Как все мерзавцы, кластапуги трусливы. Ведь они вывелись из рабов, которых специально науськивали, чтобы они бросались на безоружных, кусали и рвали. Кластапуги — это рабы. Подлые рабы подлых хозяев. Они предательски перебили собственных господ, а потом расплодились так, что надо было захватывать чужие земли. Но притом они очень боялись, что об их подлых поступках узнают сильные соседи. И тогда им несдобровать. Вот они и спешили уничтожить свидетелей. Чтобы никто не мог рассказать, что же произошло. Представляете, мы бы добрались до

Федерации Точных? И рассказали все. Тут же был бы послан флот, чтобы освободить нашу несчастную планету.

— Но ведь они не всех убили на вашей планете? — спросил Аркаша.

— Конечно, не всех. Но тех, кто остался жив, они загнали в шахты и на заводы. И если кто-то прилетит на нашу планету, его встретят кластапуги и наврут с три короба. Скажут, например, что мы проиграли планету в карты или поменялись с кластапугами планетами — мало ли на что способен подлый враль!

— Надо лететь к вам и наводить порядок, — сказал Сильвер. — Я согласен принять командование боевым фрегатом.

— Это хорошая мысль, — вздохнул Аркаша, — но, к сожалению, глупая. Ты забыл, сколько лет прошло с тех пор?

— Сколько?

— Шестьдесят пять миллионов лет! За эти годы любая планета так изменилась, что даже ни одного океана на старом месте не найдешь. И вернее всего, на той планете уже давно нет ни кластапугов, ни коо.

— Отлично! — сказал Сильвер. — Значит, надо отправить корабль отсюда. Небольшой, хорошо вооруженный крейсер! И мы выбросим этих булей с планеты.

— И как же вы намерены протащить сюда крейсер? — спросил Шпигли. — Через какую машину времени вы это сделаете?

— Ну, я... — и Сильвер замолчал. Конечно же это был пустой разговор. Никто не сможет притащить в меловой период космический корабль!

— Мне интересно, — сказал Аркаша, — почему они здесь не высадились?

— По двум причинам, — ответил Шпигли. — Во-первых, они сразу сообразили, что эта планета еще совершенно первобытная и здесь некого угнетать. Ты же не заставишь динозавров шить тебе брюки или отливать пули!

— А вторая причина? — спросил Аркаша.

— А вторая, как мне сейчас подсказывает учитель Жи, заключается в том, что ни коо, ни кластапуги не смогли бы жить на Земле. Сила тяжести на нашей планете вдвое больше, чем на их собственной, а состав воздуха такой, что они с трудом дышат. Зачем им мучиться?

— Значит, и вам, мои дорогие насекомые, — произнес Сильвер, — пора от нас сматываться на историческую родину.

— Но как? — воскликнул Аркаша.

— Папа, придумай, ты же умный! — взмолился Красивый Ай.

Но Аркаша ничего придумать не смог.

Они сидели, молчали, думали, и вдруг Аркаша увидел, что к ним в «бочку» вползает язык воды. Он выглянул наружу и увидел, что вода в реке поднялась и уже вплотную подступила к убежищу.

С ужасом Аркаша заметил, как мимо них, белым брюхом кверху, как большое бревно, плывет первобытный крокодил. Видно, не выдержал такого холодного купания, простудился и сдох.

— Надо уходить, — сказал Аркаша.

— Ты прав, юнга, — сказал Сильвер. — Не знаю, поднимет ли нас всех ковер-самолет. Будем эвакуироваться по очереди. Сначала отвезем Аркашу и учителя Жи, а потом вернемся за остальными.

— О, нет! — закричал малыш Красивый Ай. — Я вас умоляю, не разлучайте меня с

папочкой.

Он вцепился в Аркашу. И поэтому в первую очередь полетели Аркаша с Красивым Аем, а остальные коо остались их ждать.

За тот час, что прошел с тех пор, как Аркаша шел через долину, погода еще ухудшилась. Наступала холодная осенняя ночь.

— Ох, не выжить динозаврам, — сказал пират Сильвер.

Красивый Ай отчаянно вцепился коготками в ладонь Аркаши.

Глава одиннадцатая. Потерялся ребенок!

Запасная машина времени таилась на скалистом острове посреди озера, по которому гуляли серые волны, украшенные барашками. Она стояла в гроте, который был выточен водой в отвесной скале, а между входом в грот и водой была лишь неширокая полоса гальки.

Сильвер опустил ковер-самолет перед входом в грот, выкурил трубочку и поднялся вновь в воздух, чтобы под проливным дождем вывезти пришельцев коо.

Попугай полетел было за ним, но через минуту возвратился и сказал:

— И охота была мне грррип зарабатывать!

Аркаша пошел в глубь грота поглядеть на машину времени.

Она оказалась точно такой же, как и та, что была разрушена в пещере: невысокая круглая платформа, на которой стоял прозрачный стакан размером со старинную телефонную будку. Внутри его находился столбик с наклонной крышкой, на которой располагался пульт управления.

— Это что, папочка? — спросил Красивый Ай.

— Это машина времени. На ней мы с тобой улетим туда, где я живу и где можно укрыться от дождя и холода.

— А там не будет так трудно ходить и дышать? — спросил малыш.

— Я думаю, что там что-нибудь для вас придумают. В беде не оставят.

— Тогда полетели туда скорее! — попросил Красивый Ай. — Я так устал здесь! Я соскучился по музыке. Ты мне купишь скрипку?

— Этого еще не хватало! — воскликнул Аркаша. — Я от своей еле отделался.

— Ты не любишь скрипку?

— Люблю, конечно, люблю, но не сейчас. Вот дождемся учителя Жи и твоих друзей и полетим в наше время. Там все будет.

— Я первым полечу, ладно? — попросил Красивый Ай.

Малыш кинулся было к машине, но его тонкие ножки подогнулись, и Аркаше пришлось его подхватить.

— Я отдохну, — сказал малыш. — Постольку поскольку здесь сухо и почти тепло...

— Жди нас, — сказал Аркаша. — А я выйду, сниму озеро и бурю. Это может пригодиться.

Он вышел наружу.

В полумраке с неба сыпался мокрый снег, и он казался белым-белым на фоне лилового неба.

Из озера высунулась морда какого-то водяного динозавра на длинной шее. Динозавр смотрел на Аркашу печально, словно просил о помощи.

— Ох, не нравится мне это! — внезапно произнес Шпигли.

— Мне тоже, — сказал Аркаша.

— Ты меня не понял, практикант, — сказал Шпигли. — Мне не нравится твой сыночек.

— Сыночек?

— Твой насекомый красавчик.

— А что такое?

Шпигли не успел ответить, потому что сзади послышался знакомый голос:

— Ну вот я тебя и нашел! Что произошло?

Аркаша обернулся.

Из грота выбежал Ричард Темпест собственной персоной, научный сотрудник Института времени.

Аркаша страшно обрадовался. Он кинулся к Ричарду и обнял его.

Ричард тоже был взволнован.

— Я уж боялся беды! — сказал он.

Ричард был не причесан, одет кое-как, словно только-только вскочил с постели.

— Какая может случиться беда, когда я рядом! — проворчал Шпигли. — Вы меня оскорбляете, коллега.

— Ничего подобного, старина Шпигли, — сказал Ричард. — Никто тебя не оскорбляет. Вы лучше скажите, что произошло? Что случилось с первой машиной времени? Почему вы здесь?

— Первая машина времени погибла, но я заблаговременно вывел из пещеры практиканта Сапожкова, — сказал Шпигли, не дав Аркаше даже рта раскрыть.

— А как вы здесь оказались?

— На ковре-самолете. Нас старина Сильвер привез, — сказал Шпигли.

— Вот этого я и боялся! — возмутился Ричард. — Ведь есть порядок: если случается что-то в прошлом времени, то дежурный по институту робот Вертер... а где, кстати, робот Вертер?

— Он на фестивале «Гостя из будущего».

— Это переходит все возможные рамки! А кто его заменил?

— Пират Сильвер!

— Я во всем виноват! — расстроился Ричард. — Гнать меня надо из Института времени! Пошел домой, лег спать, не проверив, что на дежурстве остался выживший из ума разбойник.

— Ничего подобного! — раздался с неба громовой хриплый голос. — Может, я и разбойник, но никто еще не говорил, что я выжил из ума.

Из низкого облака вывалился ковер-самолет, на котором сидели пират Сильвер и три коо — учитель Жи и два его промокших воспитанника.

Пока они спускались, Сильвер закончил свою речь:

— Мне придется вызвать тебя на дуэль, уважаемый Ричард, потому что пострадала моя честь.

Ричард в полном изумлении смотрел на насекомых с планеты Коо.

— Это беженцы, — сказал Аркаша, — мы вам все сейчас объясним.

— А почему такая погода? Это, наверное, не меловой период, а разгар ледниковой эпохи, — сказал Ричард. — Неужели произошла такая страшная ошибка?

— Никакой ошибки, — сказал Шпигли. — И вместо того, чтобы стоять на ветру и под дождем, я советую вам, мои коллеги, зайти внутрь грота и в относительной сухости все

рассказать Ричарду, который умудрился все проспять.

Ричард послушно вошел в грот, и тут, у входа, глядя на бушующее озеро, Аркаша, Шпигли, Сильвер и учитель Жи, перебивая друг друга, рассказали сотруднику Института времени обо всем, что нам с вами уже отлично известно.

— Невероятное стечение обстоятельств!

Ричард внимательно слушал, перебивал, удивлялся, но в конце концов поверил и лишь сердился на Сильвера, который конечно же не имел никакого права сам хватать ковер-самолет и нестись в меловой период. Ведь он не только не знает палеонтологии и истории, но и читать еще не научился.

Сильвер не обижался и не оправдывался. Ричард бушевал, а пират медленно ходил вокруг, посасывая свою трубочку, пускал голубой дымок и постукивал деревянной ногой.

— Хорошо, — сказал наконец Ричард. — Мы продолжим разговор в тепле, тем более что я вижу — наши друзья совсем плохи, и их надо поместить в госпиталь. Там сделают искусственную силу тяжести и составят дыхательную смесь, которая им лучше всего подходит. А уж потом мы решим, что с ними делать.

Ричард выглянул в последний раз из грота. Несчастный динозавр все плавал посреди озера, поднимая голову, и жалобно стонал.

— Ты все снял? — спросил Ричард у Аркаши.

— Я старался.

— Надеюсь, ты понимаешь, какую ценность для мировой науки представляет твой фильм?

— Он слабо себе представляет, — пожаловался Шпигли. — И если бы я ему постоянно не напоминал, он забывал бы нажимать на кнопку.

Это было неправдой, но Аркаша уже изучил характер своего охранника и не обращал внимания на его странности.

Он уже стал беспокоиться, перенесут ли коо путешествие в шестьдесят пять миллионов лет. Они казались совсем слабыми, не просто насекомыми, а тенями насекомых.

Ричард подошел к машине времени и посмотрел на показания пульта.

— Странно, — сказал он. — Последним, если не ошибаюсь, было перемещение сюда, а прибор показывает, что я перемещался отсюда в будущее.

Аркаша слушал Ричарда вполуха, он искал глазами Красивого Ая. Куда задевалось негодное создание?

В гроте его не было.

Аркаша уже научился различать коо — обе сестренки Красивого Ая (а может, его братья?) были поменьше ростом с более темными глазами. К тому же один из братьев носил на голове красный обруч, а у второго на щеке был нарисован желтый кружочек.

— Учитель Жи, — спросил он, — а где же ваш ученик Красивый Ай?

— Этот вопрос я могу переадресовать вам, — ответил с помощью Шпигли учитель. — Ведь вы прилетели с ним сюда на остров и оставались тут, пока уважаемый разбойник Сильвер Джонович изволил летать за нами.

В гроте наступила тягостная тишина.

— Никуда он не мог деться, — сказал наконец Сильвер. — Сейчас мы его найдем. Он же еле ноги передвигает.

Пират обошел грот, который был, впрочем, невелик, но никакого коо не нашел. Он даже заглянул в узкую щель в стене, куда и палец не входил, и спросил у учителя Жи:

— А ваша натура какая? Залезть в замочную скважину сможете?

— Вам кажется, что мы червяки, — ответил учитель Жи. — Но это не совсем так. Мы очень жесткие, как в теле, так и в принципах.

— Тогда простите, — сказал Сильвер. — Но, наверное, ваш Ай вылез наружу и утоп в озере.

Все взволновались и выбежали на берег.

Но далеко им бежать не пришлось, потому что на берегу, перекрывая вход в грот, лежал очень большой водяной динозавр, у которого вместо передних лап были ласты. Динозавр прижался к скале, чтобы не было так холодно от ветра, который гулял над озером. Он тихо ныл, и порой по его длинному, как подводная лодка, телу прокатывалась волна дрожи.

— Давай ползи отсюда! — воскликнул грубый пират Сильвер. — Не видишь разве, что мы ребенка потеряли?

Но динозавр и не подумал уходить. Он склонил голову к гроту и разглядывал Сильвера, как будто тот был надоедливым насекомым.

— Как жалко, что у нас нет для него одеяла, — сказал Аркаша.

— Так бы мы с тобой его и таскали, — ответил Шпигли. — А здесь, кстати, динозавров несколько миллионов, если не миллиард — на всех одеял не напасешься!

Положение спас пиратский попугай. Он вылетел из грота, подлетел к голове динозавра и принялся легонько клевать его в ухо.

Динозавр взвыл.

— Ему щекотно, — сказал Шпигли, — а он не выносит чесотки и щекотки. Откуда попугай об этом догадался?

Попугай уловил вопрос Шпигли и ответил:

— А я в цирке работал. Со слонами и крупными хищниками. Меня дрессировщик всегда ко львам и слонам подпускал, чтобы их на арену выгнать. Пощекочешь, вот он и бежит.

Упираясь ластами и короткими задними лапами, несчастный динозавр с трудом приподнялся и пополз к бушующему озеру.

Все разбежались по берегу, звали Красивого Ая, но его нигде не было.

И тут из пещеры послышался голос Ричарда, который в мирном сражении с динозавром участия не принимал.

— Кажется, я все понял, — сказал он, когда все прибежали в грот. — Смотрите, здесь показания масс, перемещенных сюда и отсюда.

Все сгрудились возле машины времени.

— Вот сумма поступлений сюда за сегодняшний день. Видите: одна масса в сто килограммов, включая кусок дерева весом в двенадцать килограммов.

— Это я, — сообщил пират Сильвер.

— Смотрите, вот еще одна масса — четыреста граммов!

— А это я, — догадался попугай. — Карррамба!

— И тут мы видим, как кто-то воспользовался машиной времени для встречного движения. То есть некто весом в двенадцать килограммов перелетел из мелового периода в нашу эпоху. И это мог быть только ваш Красивый Ай. А вот и последний перелет: семьдесят два кило — ваш покорный слуга.

— Ну и отлично, — сказал Сильвер. — По крайней мере, мальчик жив.

— Я же предупреждал тебя! — сказал Шпигли, который, видно, чувствовал свою вину,

что не проследил за мыслями насекомого. — Я предупреждал тебя, практикант, что пришелец что-то задумал, но мы были снаружи, и каменная скала мешала мне слушать его мысли...

— Все равно нам надо возвращаться обратно, — сказал Ричард. — А там мы разберемся. Представляю, что сейчас творится в институте! Они как раз все на работу вышли, утро, солнышко встает — Темпеста нет, Сильвера нет, даже попугая нет, а вместо них пришелец неизвестного происхождения.

Ричард засмеялся, но, кроме Аркаши, никто его не поддержал.

Затем Ричард выглянул наружу и сказал:

— Аркаша, дай-ка мне камеру.

— Возьмите. — Аркаша отдал камеру, но спросил: — А зачем она вам? Я все, что надо, снимал.

— Пока вы перебираетесь в наше время, я возьму ковер-самолет и сгоняю к месту взрыва космического корабля коо.

— Это опасно, — сказал Шпигли. — Там высокая радиация.

— Я пролечу на большой высоте. Ничего не случится. Если не снять сейчас, может статься, что снова в этот век мы уже не попадем. Ведь, считайте, Аркаше повезло, что он увидел момент гибели динозавров.

— А вы знаете, почему это произошло? — спросил Аркаша.

— Когда возвратимся домой, я все расскажу. У меня есть гипотеза, только надо найти ей подтверждения. Сильвер, займись переброской людей. Меня не ждать!

— Слушаюсь, адмирал! — Сильвер отдал честь Ричарду. Конечно, он шутил. Он был на триста лет старше Ричарда и за жизнь нахулиганил на всех морях и океанах. Но за свое место в Институте времени он держался. Все-таки при деле! А больше всего на свете пират боялся, что его отправят на пенсию.

Ричард вышел наружу, и Аркаша увидел, как взлетает маленький ковер-самолет.

— Значит, так, — заявил пират Сильвер, страшно гордый тем, что он командует ответственной операцией. — Первым идет Аркаша.

— Нет, — сказал Шпигли. — Первым иду я с практикантом Сапожковым.

— А разве это не одно и то же?

— Все зависит от правильной точки зрения, — сказал Шпигли.

— Ну ладно, пускай будет по-твоему. Первым идет Аркаша со своим охранником Шпигли.

Шпигли обиженно вздохнул, но больше спорить не посмел.

— Затем, когда Аркаша убедится, что там все в порядке, мы запускаем пришельцев. По восходящей.

— Что значит «по восходящей»? — спросил учитель Жи.

— Сначала самый маленький, потом средний, а потом вы, — ответил Сильвер. — Последним иду я. Линию мы не закрываем и ждем возвращения адмирала Темпеста. Участникам переброски все понятно?

— Так точно! — сказал Шпигли. — Я иду первым, затем пришельцы, а в конце капитан Сильвер Джонович.

— Примерно так, — согласился пират. Он тоже знал, каким упрямым бывает браслетик.

Он подошел к пульту и широким жестом пригласил Аркашу сделать шаг вперед.

Глава двенадцатая. И бочонок рома!

Возвращение домой прошло без приключений.

Один за другим все путешественники во времени собрались в круглом зале Института времени вокруг прозрачной кабины.

Там их уже ждали: робот Вертер, которого срочно вызвали с конференции. Директор института академик Миль-Пардон. Комиссар Интергалактической полиции Милодар, восемь журналистов, шесть докторов и неизвестно как проникший в институт Пашка Гераскин из Аркашиного класса.

Аркашу хотели сразу же тащить в медпункт, чтобы сушить, отогревать и пичкать лекарствами, но он конечно же отказался, пока все не выяснится с пришельцами коо.

А так как встречающие конечно же ничего не знали, кроме того, что основная машина времени погибла и Аркаше со Шпигли пришлось преодолеть много километров до запасной машины, Аркаша в двух словах рассказал о том, что произошло с ним, Землей, динозаврами и космическими пришельцами шестьдесят пять миллионов лет назад.

Так что когда из машины вышел первый из пришельцев, все были к этому готовы, и его немедленно начали обследовать, чтобы тут же соорудить специальную камеру с нужным давлением и воздухом для беглецов.

Аркаша понял, что все в первый раз видят детей коо, и спросил:

— А разве только что не прилетел сюда точно такой же мальчик?

— Нет, — хором ответили встречающие.

— Не может быть! — воскликнул Аркаша. — Он улетел оттуда полчаса назад!

— А почему ты думаешь, что он прилетел именно сюда? Разве он умеет обращаться с машиной? Ведь точность перелета зависит от многих причин! А попасть в конкретный день или даже год, если ты путешествуешь за шестьдесят пять миллионов лет, очень трудно.

— Ах! — воскликнул Аркаша. — Я все понял! Он здесь уже давно!

— Как так давно?

— Я его видел перед отлетом, но ничего не понял, потому что думал, что вижу в первый раз. Вы можете спросить у моей подруги Алисы Селезневой. Три дня назад он подошел к нам на улице и хотел, чтобы я был его папой. Несчастный ребенок! А я его отогнал и передал в Патруль-12.

Робот Вертер тут же соединился с Патрулем-12, и там сказали, что у них третьи сутки содержится непонятный пришелец, чувствует себя плохо, совсем ничего не ест, врачи боятся за его жизнь.

— Немедленно доставьте его сюда! — воскликнул директор института академик Миль-Пардон. — Мы готовим специальное помещение для этих существ.

Потом он повернулся к своему заместителю и сказал:

— Немедленно проверьте, как могло получиться, что два или три дня назад к нам из мелового периода проник пришелец, и никто его не заметил.

— Но ведь была же новогодняя ночь! — ответил заместитель. — Мы пили шампанское.

— Все уволены! — крикнул директор. И ушел из зала.

А комиссар ИнтерГалактической полиции Милодар вынул диктофон и сказал:

— Запишем фамилии всех, кто встречал Новый год в институте. Мне с ними хочется поговорить.

Настроение у всех немного испортилось, но тут из машины вышел еще один пришелец,

а пока Аркаша рассказывал о своих приключениях, прилетел и учитель Жи. Последним появился пират Сильвер на деревянной ноге.

Никто не расходился. Ждали, когда вернется Ричард.

Сильвер спросил:

— Красивого Ая нашли?

— Нашли, но не здесь. Он, оказывается, неточно нажал на кнопку и прилетел три дня назад, в новогоднюю ночь.

— А где же все были? — спросил Сильвер.

— Наверное, где и вы, — сказал Шпигли. — За торжественным праздничным столом.

— Ничего подобного! — сказал Сильвер. — Как я есть вахтер и охрана научного учреждения, я никогда не пью шампанское в институте.

— Так где же вы были в новогоднюю ночь? — спросил комиссар Милодар.

— Будучи свободен, так как была не моя смена, я находился в своей комнате и учился читать по-китайски.

— Зачем? — спросил Милодар.

— А вдруг к нам приедет китайская делегация? — ответил Сильвер. — Кто им все покажет, кто к директору проведет?

И тогда сверху раздался голос директора, который конечно же из своего кабинета наблюдал за всеми событиями в институте.

— Вахтер Сильвер, — сказал он. — За образцовое несение службы, изучение китайского языка, спасение практиканта и инопланетян вы производитесь из вахтеров в главные вахтеры института и получаете мою личную благодарность.

— Рад стараться! — воскликнул Сильвер и притопнул деревянной ногой.

— Кроме того, я награждаю вас премией — большим русско-китайским словарем. И чем еще?

— Бутылкой рома! — ответил Сильвер.

— Вы не угадали, главный вахтер! Бочонком рома. Бочонком ямайского рома!

— Что ж, — сказал пират, и по его щеке скатилась слеза, — стоит жить и трудиться стоит!

Из машины вышел Ричард Темпест. Его трясло от холода, одежда обледенела, под мышкой он держал скатанный в рулон ковер-самолет, с которого на пол лилась ледяная вода.

К Ричарду кинулись врачи, но он остановил их и спросил:

— Все в порядке? Где Красивый Ай?

— Мальчик нашелся, — ответил комиссар Милодар. — Сейчас его доставят. Камера для коо скоро будет готова.

— Хорошо еще, что все хорошо кончилось, — раздался из-под потолка голос директора института. — Так что вы, Ричард, отделались выговором.

— Я признаю свою вину, — согласился Ричард. — Можно пойти высушиться и переодеться?

— Если больше вам нечего сказать, то идите.

— Единственное, что я хотел бы добавить, — произнес тогда Ричард, — что наш практикант Аркадий Сапожков сделал великое открытие. Теперь мы знаем, отчего вымерли динозавры.

Аркаша открыл было рот, чтобы сказать: «Я не сделал никакого открытия!»

Но Шпигли беззвучно зашипел:

— Молчи. Никогда не отказывайся от открытий и достижений. Если Ричард говорит, что открыл, значит, открыл.

И тут же Шпигли продолжил вслух:

— К сожалению, сотрудник Темпест забыл, что мы путешествовали вдвоем с практикантом Сапожковым и вместе переносили все опасности и тяготы этого похода. Так что я с благодарностью разделяю заслуги Аркаши.

В институте все знали характер Шпигли, так что в ответ на его слова раздался веселый смех.

Ричард сказал:

— Завтра, Аркаша, я приду к тебе в класс, и мы обо всем расскажем твоим друзьям.

Как и обещал, Ричард на следующий день пришел в класс.

Каролина Павловна хотела уступить ему свое место и сесть в классе, но Ричард сказал, что сначала полезно послушать Аркашу Сапожкова, потому что он успешно прошел историческую практику и сделал большое открытие.

Аркаша смутился и покраснел. Он так и не знал, в чем же состоит его открытие. И когда вчера вечером дедушка, бабушка, мама, братья и сестры — вся семья, кроме папы, который никогда не задает вопросов, потому что все вопросы за него задает мама, допрашивала Аркашу, что же он открыл, он смог ответить, что увидел много интересного, но так и не догадался, отчего вымерли динозавры.

Вот и сейчас он смотрел на своих друзей. Он им все рассказал. И о космическом сражении, о дождях, о холоде — обо всем. Но почему вымерли динозавры?

— От холода, — сказала Алиса.

— Еще шаг, еще немножко! — воскликнул Ричард. Он сморкался, не смог сразу отделаться от простуды. На его запястье был меховой браслет — ну разве такой разговор обойдется без Шпигли?

— А вы догадались? — спросила Каролина Павловна.

— Такая гипотеза существовала давно, — сказал Ричард. — Некоторые ученые догадывались о правде еще сто лет назад. Но Аркадий увидел событие собственными глазами и снял бессмертный фильм! Он наверняка будет показан во всем мире. И будет называться «Гибель эпохи».

— Не уверен, — сказал Шпигли, — мне еще надо подумать.

— Тогда расскажите нам обо всем, — попросила Маша Белая. Она уже приготовила блокнот, и на его экране появились буквы «Гибель эпохи».

— Что случилось шестьдесят пять миллионов лет назад? — задал вопрос Ричард. И сам на него ответил: — У самой поверхности Земли взорвался колоссальный космический корабль. Это был удар даже более сильный, чем от столкновения Земли с большим астероидом. От этого удара в воздух поднялось облако пыли, нарушился состав атмосферы, скрылось солнце, даже ось Земли немного сместилась. Опасная радиация проникла во все концы нашей планеты. Но главное, конечно, — солнечные лучи перестали достигать Земли. И температура резко упала. А ведь динозавры жили в теплом, мягком климате, на них не было шерсти, в большинстве своем они даже были холоднокровными и зависели от температуры воздуха. Страшная перемена климата погубила не только самих динозавров, но и их потомство — из их яиц уже не смогли вывестись малыши... Только маленькие, шустрые, покрытые шерстью млекопитающие смогли уцелеть... А Аркаша не только все

увидел, но, главное, снял обо всем фильм.

— Ну, каждый на его месте сделал бы то же самое! — сказал Пашка Гераскин. — Ведь он не виноват, что так удачно угодил в самую серединку событий.

— Я не знаю, как ты будешь вести себя в такой ситуации, — сказал Ричард. — Мы посмотрим.

— А я согласен с высокой оценкой нашей с практикантом работы. И прошу не забывать, что в это же время мы успели совершить подвиг и спасти население целой планеты Коо.

Все захлопали в ладоши, хотя Пашка Гераскин хлопал не очень сильно, он немного завидовал своему другу и очень надеялся, что завтра, когда он отправится отгадывать свою историческую тайну, на его долю тоже выпадут подвиги почище Аркашиных.

Потом Джавад Рахимов спросил:

— А что же будет дальше с насекомыми?

— Они сейчас находятся в специальной камере, где для них подобрали состав воздуха и давление. А Центральный галактический компьютер уже нашел для них небольшую мирную планету, которая отлично им подойдет. Жители той планеты вовсе не возражают против того, что коо будут жить вместе с ними. Так что не надо беспокоиться.

Ребята пошли провожать Ричарда к выходу.

И когда они уже были на ступеньках школы, то увидели, что к школе ковыляет странное существо, похожее на насекомое, — с четырьмя тонкими ручками и двумя ножками. Головка у него муравьиная, но мохнатая, а глаза золотые и круглые.

— О, папа! — захрипело существо, увидев Аркашу. — Постольку поскольку я тебя нашел, пожалуйста, запиши мой адрес. Меня с тобой разлучают!

Аркаша обнял несчастного ребенка и сказал:

— Я уже знаю, что у вас будет новая хорошая планета.

— Но у меня не будет папы!

— Я обещаю, что я к тебе прилечу.

— Ты лучше обещай, что перебеешь всех злобных кластапугов! Ты ведь все можешь!

— Я постараюсь, — сказал Аркаша.

Он поднял своего приемного сына и передал его Ричарду.

Все они стояли на ступеньках школы и махали вслед Ричарду, который улетал к себе в институт заниматься научной работой и увозил несчастного ребенка с планеты Коо.

— Когда нужно будет разгромить этих псов кластапугов, — сказал Пашка, — не забудь меня позвать! Люблю наводить справедливость и освобождать угнетенных.

Пашка-троглодит

Глава первая. Робот наоборот

На окраине Москвы, на краю Грибного леса, возле Земляничной поляны стоит Институт времени.

Издали он кажется невысоким, длинным и даже скучным зданием, таким обыкновенным, что на него второй раз и глядеть не станешь.

Вот это будет ошибкой.

...Дверь открылась, пропустив Пашку Гераскина внутрь. Он оказался лицом к лицу с вахтером, пожилым мужчиной с черной повязкой на глазу и багровым шрамом на щеке. Одна нога у вахтера была деревянной, на второй красовался башмак с серебряной пряжкой.

Правда, в остальном вахтер был одет обыкновенно: в синий мундир и фуражку с золотым гербом Института времени — золотой змеей, свернувшейся в клубок и кусающей собственный хвост. Пашка знал, что эта змея — символ Вечности.

— Привет тебе, племя младое и незнакомое, — сказал вахтер. — Небось на практику спешишь?

— Здравствуйте, — ответил Пашка. — Я никуда не спешу. А вообще вы правы — у нас практика по истории.

— Поздравляю, — сказал вахтер. — Люблю новичков. Может, понравится — останешься у нас навсегда.

— Вряд ли, — хмыкнул Пашка. — Я больше люблю космическую биологию. Там приключений больше.

— Неужели в истории тебе приключений недостаточно? Разве плохо стать рыцарем и сражаться на турнире?

Видно, вахтер был наблюдательным человеком и поэтому сразу раскусил, что Пашка в душе — страшный авантюрист.

— Сражался я на турнирах, — сказал Пашка небрежно. — Свалил пару рыцарей, одного барона приложил головой о землю. Нет, скучновато.

— Ясно, — согласился вахтер. — Тогда тебе и в самом деле у нас неинтересно. Но практика есть практика. Никуда не денешься.

Вахтер вытащил из тумбы, стоявшей при входе, большую темно-зеленую бутылку, на которой было написано «Ром». Вытащил пробку и отпил прямо из горлышка.

Пашка понял, что вахтер — самый настоящий пират. Это может плохо кончиться для Института времени.

Но он и виду не подал, что догадался. Молчал как каменный. Вот встретится с надежным человеком, тогда откроет ему глаза.

Вахтер пробкой заткнул бутылку и кинул ее не глядя обратно в тумбочку.

— Значит, тебе к Ричарду Темпесту? — спросил он.

— А вы откуда знаете?

— Меня для того здесь и держат, — сказал одноногий пират, — чтобы все знать. Например, знать, что тебя, мальчик, зовут Пашкой Гераскиным, а выбрал ты для практики первобытную эпоху, потому что тебе очень хочется собственными руками убить мамонта.

— Откуда?.. Быть того не может! — воскликнул Пашка. — Я даже маме не сказал. Я

вообще никому об этом не говорил.

— Но ведь подумал, — ответил пират и захохотал, показывая три оставшихся зуба. — Нам этого достаточно. Кстати, только попробуй поднять руку на мамонта — я лично в первобытную эпоху отправлюсь, чтобы тебе уши надрать.

Наверное, вахтер нажал какую-то кнопку или просто говорил так громко, что его голос был слышен по всему институту. Не успел он закончить свою грозную речь, как в коридоре показался худой, лохматый, подвижный, как ртуть, младший научный сотрудник Ричард, старый друг Пашки и Алисы Селезневой.

— Сильвер Джонович, зачем вы так запугиваете практикантов? — спросил Ричард. — Посмотрите, на ребенке лица нет.

— Нет лица? — Пират наклонился к Пашке, потрогал жестким указательным пальцем кончик его носа и заявил: — Ошибаетесь, гражданин младший научный, — есть лицо, но глупое.

Ричард взял Пашку за руку и потащил прочь от вахтера.

— Ты на него не обижайся, — говорил он на ходу. — Что с него взять? Дикое существо, прибежал к нам из своего времени, спасаясь от расправы. Его приятели хотели зарезать. Мы весь институт перевернули, искали его, а он прятался в вентиляционной трубе. Чудом остался жив. В общем, не удалось нам от него отделаться — пристроили на работу, он и старается.

— Он что, телепат? — спросил Пашка. — Откуда он узнал, что я хочу в первобытную эпоху попасть и на мамонта охотиться?

— А он ночью к компьютеру подключился и запомнил все, что у нас есть о практикантах.

Пашка не стал объяснять Ричарду, что тот ошибается. Ни в каком компьютере нет сведений о Пашкиной мечте, которой он ни с кем не успел поделиться.

В кабинете Ричарда был беспорядок. Непроходимый, окончательный и такой дикий, что только сам Ричард мог в нем разобраться.

Как-то года два назад случился страшный скандал. Взяли на работу нового робота-уборщика, старательного, молодого, только что с завода. Робота никто не предупредил, что к Ричарду в кабинет лучше не соваться, а самого Ричарда в Москве не было — он как раз уехал в экспедицию в какие-то дальние страны и времена.

Вернулся Ричард рано утром. В институте — только вахтер Сильвер Джонович, который мирно храпит на диванчике у дверей. Сильвер потом и рассказал удивленным сотрудникам института, что произошло.

Вернулся Ричард и сразу пошел к себе в кабинет. И тут увидел, что в кабинете у него идеальная чистота, порядок, каждая бумажка лежит, подобранная по размеру, каждая книжка уместилась на полке, а каждая кассета стоит на месте.

Ричард не только рассердился. Он пришел в ужас. Он понял, что никогда ничего не сможет отыскать в своем кабинете. Что ему придется теперь уйти из института, начать жизнь сначала, а может, даже повеситься.

И вот в этот момент в кабинет вошел робот-уборщик, страшно гордый и довольный, и спросил:

— Ну как вам понравилась моя работа? Я возился целый день. Зато теперь все разложено по порядку, по размеру и даже по цвету.

— Ах это ты, мерзавец! — закричал Ричард.

Вахтер Сильвер Джонович проснулся от этого дикого крика, побежал к Ричарду в кабинет и увидел, что из открытой двери вылетают какие-то металлические детали — оказывается, Ричард напал на робота и разобрал его на части.

Как вы знаете, нападать на роботов нельзя, так поступают только дикари. Робот — всего-навсего машина, хоть и разумная. Роботы стараются помочь людям. Убить робота — все равно что убить собаку за то, что она лаяла ночью и мешала тебе спать. А ведь собака лаяла, чтобы отпугнуть воров.

Сильвер еле успел спасти остатки робота от гнева младшего научного сотрудника. А Ричард все никак не мог успокоиться и повторял:

— А как же я теперь? А что же мне делать?

— Ничего особенного, — сказал Сильвер. — Посиди спокойно, выпей чаю. Я тебе помогу.

Сильвер всегда всем помогал. Он говорил, что, пока был пиратом, сильно набедокурил и убил множество невинных моряков. И теперь он хочет трудом искупить свою вину перед человечеством.

Ричард не мог сидеть на месте и пошел в Грибной лес за опятами.

А вахтер собрал по углам куски робота и начал над ними мудрить. Долго ли, коротко ли, но, когда Ричард вернулся к вечеру из леса, вахтер уже мирно храпел на диванчике у дверей, а рядом стояла пустая бутылка из-под рома.

— Ни на кого нельзя надеяться, — вздохнув, произнес Ричард.

Было воскресенье, институт был совсем пуст, лучи закатного солнца пробивались сквозь закрытые шторы. Ричард поднялся в свой кабинет, остановился на пороге, не смея открыть дверь. Наконец пересилил себя и открыл.

И чуть не грохнулся на пол от удивления.

В кабинете был сказочный, невероятный, невообразимый беспорядок, но Ричард сразу понял: теперь он опять точно знает, где что лежит.

— Сильвер! — закричал Ричард. — Как ты это сделал?

Он с грохотом сбежал по лестнице, и вахтер проснулся от шума.

— Ну вот, — проворчал Сильвер, — поспать человеку не дадут.

— Как? Ты? Это? Сделал? — вопил Ричард. — Признавайся!

— Да очень просто, — ответил вахтер. — Я собрал робота задом наперед. И пустил его с такой вот «перевернутой» программой. Так что ему ничего не оставалось, как снова устроить в твоём кабинете беспорядок. Понятно?

Ричард покачал головой. О таком он еще не слышал.

— Не веришь? — усмехнулся вахтер. — Оглянись, только не пугайся.

Мимо них задом наперед шагал несчастный робот.

— А ему не больно? — спросил Ричард.

— Раньше надо было думать, — сказал вахтер.

— Магулсу мишав к, — произнес робот.

Ричард не сразу сообразил, как это перевести, а когда сообразил, расхохотался и долго не мог остановиться.

— Перед тем как заняться практикой, надо, чтобы ты выучил теорию, — объявил Пашке Ричард, когда они уселись в его кабинете возле компьютера. Экран монитора занимал всю стену.

— Еще не хватало!

— Если ты решил стать ученым, — терпеливо сказал Ричард, — ты должен знать, что наука состоит из теории и практики. Сначала нужно выучить формулы, уравнения, запомнить даты и зазубрить правила. И только когда ты все будешь знать, начнется практика, то есть проверка теории. Например, ты решил побывать у первобытных людей, чтобы посмотреть, как они охотятся на мамонтов, и снять об этом фильм.

— Какая же это практика? — засмеялся Пашка. — Вот когда я сам пойду на охоту...

— Постарайся этого не делать, — сказал Ричард. — За вас, практикантов, в институте все дрожат. А вдруг вы попадете в беду или натворите что-нибудь?

— Если бы все было так опасно, нас никто не пустил бы, — уверенно возразил Пашка. — Я же знаю ваши правила: ребенок должен находиться в безопасности. В абсолютной безопасности.

— Абсолютной безопасности, к сожалению, не бывает даже в собственной постели. Там тебя может комар укусить.

— Все равно вы увешаете меня всякими мониторами и датчиками, и буду я ходить как новогодняя елка — туда нельзя, этого тебе, мальчик, делать не положено, руки на стол!

— Ну, не так уж все трагично, — сказал Ричард. — Мы имеем дело с разумными отроками, а не с маленькими детьми. Вы все понимаете. Вы же собираетесь стать учеными.

— Когда это еще будет, — вздохнул Пашка. — А пока приходится подчиняться вам, взрослым. Не дождусь, когда вырасту!

— Не торопись, мой друг, — сказал Ричард. — Вырастешь — станешь жалеть, что детство прошло так бессмысленно. А там и жизнь проскочит. — Ричард включил большой экран, — Итак, твоя задача — попасть в каменный век, к первобытным людям, к троглодитам, как их раньше называли...

— Хорошее название, — одобрил Пашка. — Проглодит! Троглодит, троглодит крокодила проглотит!

— Не смешно, — заметил Ричард. — Продолжаем урок. Троглодит — это пещерный человек. Мы будем пользоваться фильмами, которые сняли наши сотрудники.

— Они там были? — Пашка был разочарован.

— А ты думал, что станешь еще одним Колумбом и откроешь новую Америку? Нет, наши сотрудники уже побывали в разных местах.

— Зачем же тогда мне снимать фильм, — спросил Пашка, — раз его сняли?

— Смешной ты человек! Если рассуждать по-твоему, то больше и книжек писать не надо?

— Почему?

— Потому что одну книжку уже написали. И картину нарисовали, и кино сняли, и стихи сложили.

— Но ведь это документальное кино!

— Нет, не совсем документальное. Сейчас я тебе все объясню. Наши сотрудники летали в первобытное прошлое ненадолго. А ты будешь жить среди троглодитов, спать возле них, ходить с ними на охоту...

— Вот именно!

— И у тебя будет время снять очень хороший фильм, чтобы его не только в институте, но и в школах на уроках истории показывали. И все бы удивлялись: кто же это такой талантливый оператор?

Пашка даже смутился. Немного смутился, потому что сильно смущаться он не умел.

— Может, и не получится ничего, — сказал он. — Может, зря вы меня хвалите. — Но мысль стать знаменитым кинооператором ему понравилась. — Ладно, давай показывай, что там до меня сняли. По крайней мере, буду знать, чего мне уже снимать не надо.

— Начнем сначала, — сказал Ричард. — Вдруг ты что-нибудь забыл.

— Или не знал, — великодушно произнес Пашка.

Глава вторая. Наши мохнатые предки

— Конечно, тебе, Пашка, хотелось бы сейчас с копьем в руке выйти в древние степи и сразиться с саблезубым тигром. Я тебя правильно понимаю? — спросил Ричард.

— Приблизительно, — сказал Пашка.

— Но тебе придется провести полчаса в этой комнате, чтобы усвоить некоторые очень важные вещи. Ведь любой исследователь — это разведчик. Ты должен будешь жить среди совершенно незнакомых людей, чтобы потом рассказать о них нам, твоим современникам. Но если ты заранее ничего об этих людях не узнаешь, они сразу догадаются, что ты чужой, и отрежут тебе голову.

— Ну уж, голову!

— В лучшем случае они тебя выгонят. Ведь невежливо идти в гости, не выяснив, как зовут хозяев.

— Я не маленький, понимаю, — сказал Пашка. — Но и ты меня пойми! Я жду не дождусь, когда окончу школу, и никто не будет гонять меня на уроки и заставлять писать контрольные, а то и экзамены сдавать. И вот пожалуйста. Я пришел в ваш Институт времени, а ты мне собираешься лекции читать.

— Неужели тебе не интересно узнать, куда ты отправляешься? Ведь это было удивительное время — на Земле появился человек!

— Мне все интересно, — ответил Пашка. — Но я человек действия.

— Вот и оставайся в первобытной эпохе. Там такие нужны. Взял дубину и пошел на охоту или на драку с соседним племенем. Можешь даже забыть, что дважды два — четыре.

— Я пошутил, — сказал Пашка. — Мне интересно, начинай. Только, пожалуйста, недолго. А то все мамонты вымрут, пока меня дождутся.

Ричард включил экран. Фильм был снят на стереопленке, и Пашке показалось, что в кабинете начал расти тропический лес, а сам он, Пашка, летит над вершинами деревьев, а затем спускается и ныряет в темную густую листву. Сразу стало еще темнее. Лучи солнца с трудом пробивались внутрь. Отовсюду слышны были оглушительное пение птиц, стрекот насекомых, крики животных.

«В великих тропических лесах как сегодня, так и миллионы лет назад жизнь кипела наверху, в листве, ближе к свету. До земли свет почти не доходил, и потому там не было почти никакой растительности, царили вечный полумрак, духота и влажность. В таком месте хорошо чувствовали себя змеи и жабы».

Фильм был не только со стереоизображением и стереозвуком — он передавал запахи и даже дуновение ветра. Поэтому Пашка сразу почувствовал, каково побывать на самом дне многоэтажного тропического леса.

«Много миллионов лет назад, — продолжал голос за кадром, — в листве тропического леса обитало небольшое, размером с кошку, животное, похожее, правда, на белку, а может быть, на лемура с острова Мадагаскар. Вот это животное, которое называют нотарктусом, и стало предком человека».

Нотарктус посмотрел на Пашку и скрылся в густой листве столь поспешно, словно его не устраивал такой потомок.

— Стой! — возмутился Пашка. — Я с детства знаю, что человек произошел от обезьяны. Об этом еще Чарлз Дарвин говорил.

— Во-первых, — сказал Ричард, — Чарлз Дарвин этого никогда не говорил, хотя бы

потому, что человек не произошел от обезьяны.

— А от кого же он произошел? От этой кошки?

— Нотарктус — общий предок и человека и обезьяны; он жил так давно, когда еще не было не только обезьян, но и никого на них похожего.

Кошачья мордочка общего предка еще раз мелькнула в листе.

— Но прошли миллионы лет, и потомки нотарктуса научились отлично лазить по ветвям, у них были цепкие лапы, а длинным хвостом они помогали себе держаться за ветки. Существовало множество различных зверюшек такого рода, некоторые из них подросли, научились собираться в стаи, стали иногда спускаться на землю. В общем, они оказались сообразительнее других зверей, поэтому, когда климат изменился и стало суше, они смогли покинуть лес и перейти жить в саванну. Ты знаешь, что такое саванна?

— Знаю, — сказал Паша. — Это африканская степь, по которой расставлены баобабы, а между ними гуляют львы и зебры.

— Почти правильный ответ, — согласился Ричард. — Договоримся, что саванна — это лесостепь. И вот в этой саванне стали жить наши предки.

— Обезьяны?

— Нет, как раз в те времена и произошло разделение: предки обезьян остались в лесу, на деревьях, а наши предки вышли на открытое пространство. Обезьяне, чтобы передвигаться в лесу, нужны все четыре лапы и цепкий хвост, а нашим предкам хвост уже был не нужен. Куда важнее в степи далеко видеть. И вот наши предки встали на задние лапы. Видеть они смогли дальше, к тому же передние лапы у них освободились. А теперь смотри...

Ричард снова включил экран.

Картина на нем изменилась. Широко раскинулась саванна, поросшая высокой травой. Недалеко от Пашки, раздвигая высокую траву, шли три существа, похожие на обезьян, но все же не обезьяны. Причем отличались они от обезьян не столько видом, сколько повадками.

Они шли согнувшись, руки их, скрытые травой, наверное, почти касались земли, но все же существа не опускались на четыре конечности — они уже привыкли ходить как люди.

Вдруг все трое замерли — впереди, метрах в двадцати, на большой валун опустилась птица, похожая на голубя, и принялась вертеть головой.

— Далекo, — сказал Пашка. — Не допрыгнут.

Одно из существ подняло лапу с зажатым в пальцах камнем. Ловко и с силой обезьяночеловек кинул камень, и птица упала. Заверещав, предки кинулись к ней.

— Ты недооцениваешь своего дедушку, Паша, — заметил Ричард.

Пашка, конечно, шутку понял, но сделал вид, что не понял, и сказал:

— Мой дедушка был путешественником и никогда не выходил из дома без очков.

«Останки таких отдаленных предков людей, называемых гоминидами, найдены во множестве, — произнес голос за кадром: диктор тем временем продолжал объяснять Пашке то, что происходит на экране, словно Пашка и сам этого не видел. — Но чаще всего они встречаются в Африке. Африку считают колыбелью человечества».

Диктор рассказывал о том, какие экспедиции там работали, как были найдены кости этих гоминидов. Сначала Пашка заинтересовался, но, честно говоря, скоро заскучал и лишь покорно ждал, когда же кончится теория и можно будет перейти к практике.

Видно, он был не первым практикантом у Ричарда. Тот заметил, что Пашка отвлекся, и спросил:

— Может, сделаем перерыв, и ты немножко погуляешь?

Пашке стало стыдно, что он ведет себя как ребенок. Он сразу сосредоточился и попросил Ричарда рассказывать дальше.

— И тут наступил ледниковый период, — сказал Ричард таким голосом, что Пашке даже стало зябко. — Что ты знаешь о ледниковом периоде?

— Тогда везде были ледники, а между ними ходили мамонты, — ответил Пашка.

— Абсолютно не научный ответ! — возмутился Ричард. — Если бы я ничего не знал о ледниковых периодах, то из твоего ответа ничего и не узнал бы. Смотри и слушай.

В кабинете стало темно и очень холодно. На экране ветер гнул верхушки деревьев и прижимал к земле траву на полянах.

«В истории Земли бывали времена, когда она получала меньше света и тепла от Солнца, чем обычно, — произнес голос диктора. — Так случалось после грандиозного извержения вулкана или падения гигантского метеорита. Если лето выдавалось холодное, то снег на севере и в горах не успевал растаять. Год за годом он накапливался там, превращаясь в лед. Широкие мощные ледяные реки сползали в долины. И чем больше становилось льда, тем холоднее было на Земле. Вода на Земле находится большей частью в океанах. Из океанов она испаряется и потом выпадает в виде дождя и снега. Но в ледниках, покрывших все горы и территории нынешней Сибири, Норвегии, Канады, скопилось столько воды, что океаны обмелели, отступили от берегов, и на Земле стало не только холоднее, но и куда суше. Многие животные и растения, которые привыкли к теплоте и влажному климату, погибли. А их место заняли те их родственники, которые смогли пережить морозы и засуху».

Теперь вместо саванны вокруг расстилалась скучная равнина, поросшая мхом и кустарником, лишь кое-где поднимались елки и березы. Вдалеке тянулись цепочкой мамонты — большие волосатые слоны с длинными, завернутыми в кольцо бивнями.

«С каждым годом климат становился все более суровым», — продолжал диктор.

Пашка снова увидел своих предков. За миллион лет они изменились. Они все еще были сутулыми, руки по-прежнему доставали до земли, тела покрыты шерстью, лобики маленькие, покатые — такими предками трудно гордиться. Но обезьянами их тоже никак не назовешь. К тому же они обзавелись дубинками.

Пашка к ним потихоньку привыкал. Ведь если родителей не выбирают, то прабабушек и прадедушек — тем более.

— Обрати внимание, Паша, — сказал Ричард, — наши предки отличаются от всех животных... Чем?

— Они ходят на двух ногах.

— Это мы уже видели. Чем еще?

— Не знаю.

— У кого самая длинная морда? — спросил Ричард. И тут же сам ответил: — У крокодила. Потому что он ловит добычу зубами. У волка и собаки тоже длинные морды. А вот у обезьяны, которая всеядна, морда куда короче. Человеку, как только у него появились настоящие руки, уже не было нужды хватать добычу зубами. И морда превратилась в лицо. И глаза теперь смотрят вперед, а не по сторонам.

— Может, это и важно, — не стал спорить Пашка, — но я не понимаю, зачем мне все это знать?

— Потому что знать — интересно! Все великие открытия и изобретения были сделаны

потому, что ученым и инженерам интересно заниматься своим делом.

— Сдаюсь, — сказал Пашка. — Сдаюсь. Хоть я и не ученый.

— Я скоро закончу, — пообещал Ричард. — Мы подходим к нашим дням. Предки людей встали на ноги, взяли в руки оружие и вышли в степь. Затем началось потепление, ледники постепенно отступили, и Европа освободилась ото льда. Первобытные люди заселили Европу. И мы с тобой подошли к главной тайне ледниковой эпохи. Пока что ее не смог разгадать ни один путешественник.

— Вы не смогли, а на меня надеетесь?

— Ты везучий, Паша. Об этом все знают.

— Тогда расскажи мне об этой тайне.

Ричард вновь включил экран.

Снова появилась степь, правда, деревьев стало побольше, чем раньше, выросла трава, ее щипали антилопы и козы. Справа, на склонах холма, темнел сосновый лес.

— Как у нас, — заметил Пашка.

— Вот сюда ты отправляешься, — сказал Ричард. — Выслушай мое последнее сказание, и я не буду больше мучить тебя теорией. Ты отправляешься на тридцать тысяч лет назад. Не так уж далеко, по меркам истории Земли. Похожие на обезьян предки человека уже вымерли, уступив место более приспособленным к новой жизни существам. Их мы можем называть людьми. А вообще один из видов первобытных людей назывался неандертальцами. Посмотри на них. Скоро ты увидишь их воочию.

Пашка разглядывал семью неандертальцев. Пожалуй, они больше походили все-таки на здоровенных обезьян, чем, например, на Пашку. Тела их полностью, за исключением лиц, покрывала короткая шерсть, а лица были страшноватыми — убегающий лоб, скошенный подбородок, глаза прячутся в глубоких ямах под бровями. Видно, что эти неандертальцы были сильными невероятно. Но ума у них — ни на грош.

Так Пашка и заявил Ричарду. На что Ричард ответил ему:

— Эти люди и есть одна из самых удивительных загадок земной истории.

— Не похоже.

— Никто не знает, откуда они пришли. Но точно известно, что неандертальцы не хуже нас ходили на двух ногах, наверняка умели говорить, пользовались каменными и костяными орудиями и почти ничем, кроме внешности, не отличались от кроманьонцев.

— Ричард! — взмолился Пашка. — Перестань пичкать меня умными словами. Ведь я не энциклопедия и даже не отличник! И вообще, пускай вместо меня поедет Аркаша Сапожков — у него замечательная память — или Алиса Селезнева, она отличница.

— Как мне не хочется верить, что ты такой безнадежный! — засмеялся Ричард. — Сделай над собой усилие и запомни: тридцать тысяч лет назад на Земле обитали два типа людей. Одни из них назывались неандертальцами. Ты их видел. Может, они кое в чем похожи на горилл, но во всем остальном они уже настоящие люди. Неандертальцы самое тяжелое время прожили неподалеку от края ледников, научились шить себе одежду из звериных шкур и даже придумали великое изобретение — одеяло.

Только тут Пашка сообразил, что неандертальцы на экране одеты! «Одежда» их была сделана из шкур, настолько старых и вытертых, что Пашка сначала принял эту «одежду» за собственную шерсть неандертальцев.

— Расскажи о втором типе людей, — попросил Пашка.

— Сейчас ты их увидишь.

На экране появился вход в пещеру. Перед пещерой стояли и сидели самые обыкновенные люди, которые, казалось, просто оделись, как дикари, собираясь на маскарад.

— Вот это кроманьонцы, — пояснил Ричард. — Названия «неандертальцы» и «кроманьонцы» происходят от названия мест, где впервые откопали их кости.

— Все просто и не очень интересно, — сказал Пашка. — Одних нашли в деревне Кроманьонке, а других в Неандерталке.

— Не совсем так, — возразил Ричард. — Неандерталь — это долина в Германии, а Кроманьон — название пещеры на юге Франции.

— Нелегко запомнить. Жалко, что их нашли не у нас.

— Кроманьонцы — наши прямые предки, — сказал Ричард. — Их принято называть троглодитами, то есть обитателями пещер.

— Ладно, — сказал Пашка, — на это я согласен. А в чем тайна?

— Тайна заключается в том, что неандертальцы вскоре исчезли. Без следа. И никто не знает, куда они делись.

— Как так «делись»? В смысле, они не дожили до наших дней?

— Нет, все сложнее. Археологи отыскивали множество мест стоянок неандертальцев и много о них знают: как они охотились, как жили, как защищались от холода. Известно, что неандертальцы населяли равнины по всей Европе, но за пределы этих равнин не выходили. В Африке их никогда не было. И так продолжалось несколько тысяч лет. Затем археологи заметили, что в Европе появились кроманьонцы. А мы с тобой знаем, что это первобытные люди, которые ничем от нас не отличаются — высокие, стройные, красивые. Они появились в Африке и смогли перейти из Африки в Европу. Неандертальцы в течение долгого времени жили рядом с кроманьонцами, но с ними не смешивались. И вдруг, тридцать тысяч лет назад, неандертальцы исчезли. С тех пор и по сей день археологи не нашли ни одного жилища неандертальцев, ни одного их кладбища, ни одного орудия, сделанного ими. Были люди, многочисленный по тем временам народ, и вдруг исчезли.

— Любопытно, — сказал Пашка. — И что же думает наука?

— У науки есть целый ряд гипотез. Но все-таки большинство ученых думают, что виноваты кроманьонцы. Может быть, они воевали с неандертальцами, чтобы захватить места хорошей охоты, ведь в ледниковый период всем пищи не хватало. Может, кроманьонцы перебили мамонтов и других животных, которыми питались неандертальцы, и те постепенно вымерли от голода, но как это произошло — мы не знаем. Не удалось об этом узнать и нашим сотрудникам. Ведь речь идет о целом континенте и тысячах лет. Попробуй отыщи последнего неандертальца!

— А может, они где-то спрятались? — спросил Пашка. — Как снежные люди?

— Мне приходилось читать, что снежные люди, которых долго искали, но так и не нашли, были последними неандертальцами. Так что, Паша, если тебе удастся узнать что-нибудь новое о тайне неандертальцев, пожалуйста, сними об этом фильм, а потом прочтешь доклад в Академии наук.

— Ну и шутки у тебя! — сказал Пашка и засмеялся. Но подумал: а славно было бы подняться на трибуну в Академии наук и рассказать великим академикам, что именно он, школьник Гераскин, разгадал одну из самых главных тайн человечества. Пускай удивляются и трясут белыми бородами.

Ричард поднялся и сказал:

— Иди отдохни, поиграй в футбол.

— Я фехтовальщик, — сказал Пашка. — Мне этот спорт больше по душе. И еще я занимаюсь стрельбой из лука.

— Ясно, мой рыцарь. Но не забудь, что за завтрашний день ты должен будешь дома просмотреть все материалы по животным первобытной эпохи. Ты должен уметь их распознавать и знать, кого опасаться, а на кого можно не обращать внимания. Динозавров там не будет — они давно вымерли.

— Я знаю. Там будут мамонты.

— И другие слоны.

— Мамонты и есть другие слоны.

— Не будь упрямым, — сказал Ричард. — В ледниковый период на Земле существовало несколько видов слонов — все они сильно отличались от современных и друг от друга. Иди-иди, поработай.

Нельзя сказать, что Пашка устал от теории. Кое-что ему было интересно, а кое-что не очень. Но он понимал, что человеку не вредно знать, как и от кого он произошел.

А вот история с загадочным исчезновением неандертальцев его заинтересовала куда больше. Ничего себе, думал он, живут на Земле, например, русские и англичане. И вдруг через сто тысяч лет выясняется, что все англичане куда-то делись. Или русские. Но ведь это целые народы!

Может, случилась эпидемия? Какая-нибудь страшная болезнь, вирус которой напал только на неандертальцев? Надо будет об этом хорошенько подумать.

Глава третья. Неандертальцы в бассейне

Пашка забежал домой, перекусил и решил сначала заглянуть в бассейн. Когда у человека устают голова, нужно срочно укрепить тело, как говорил его знакомый пират Весельчак У. Пашке и его подруге Алисе Селезневой удалось побывать в самых различных краях Галактики и встретиться с настоящими космическими пиратами. Конечно, с пиратами Пашка не дружил — какая дружба у московского школьника с пенителями космических трасс, бессовестными грабителями и обманщиками? Но с некоторыми из пиратов Пашка был хорошо знаком — надо же знать своего врага. Он даже недолго дружил с их Королевой. Но это все дела давно прошедших дней, когда Пашка еще был маленьким и учился в четвертом классе. Сейчас он уже пятиклассник, человек серьезный и готовится к самостоятельной научной экспедиции в ледниковый период.

В разгар дня в бассейне почти никого не было. Пашка разделся, принял душ, потом взобрался на трехметровый трамплин и прыгнул в воду. Вода была хрустально-голубой и прохладной. Пашка медленно всплывал на поверхность и думал, что жизнь в принципе складывается удачно. И если удастся найти неандертальца — тогда считай, что первый шаг к всемирной славе сделан.

Пашка вынырнул, протер глаза, открыл их и увидел, что в трех метрах от него не спеша плывет самый настоящий неандерталец.

— Вот это да! — сказал Пашка и от неожиданности опять нырнул.

Под водой он открыл глаза — Пашка умел смотреть под водой — и увидел, что совсем неподалеку от него медленно движутся чьи-то мохнатые ноги.

Вы подумайте! Только что Пашка гулял по улице и рассуждал о том, когда и от чего вымерли неандертальцы, и тут же встречает неандертальца — нет, не в лесу, не в горах, а в

бассейне «Чайка»!

Когда Пашка вынырнул вновь, неандерталец уже отплыл в сторону. Он смотрел на Пашку и улыбался. А улыбка у неандертальцев — зрелище не для слабонервных. Такой рот и такие зубы открываются вашему взору, что хочется бежать без оглядки.

Конечно, Пашка не убежал и даже нырять снова не стал. Он тоже улыбнулся неандертальцу. Они как бы стояли в воде, поводя руками по поверхности. Только у Пашки руки обыкновенные и не толстые, а у неандертальца руки вообще трудно назвать руками, настолько они мускулистые и волосатые. То ли руки, то ли лапы медведя.

— Вы любите плавать? — спросил неандерталец по-русски, но с акцентом.

— Я люблю плавать, — ответил Пашка, почему-то тоже с акцентом.

— Плавать укрепляет здоровье, — сказал неандерталец.

«Как он попал в бассейн? — думал Пашка. — Может, он скрывается в лесах, а сюда пробирается по ночам искупаться?»

— А вы давно плаваете? — спросил Пашка, прикидывая, далеко ли от него лесенка, чтобы в случае опасности выскочить из бассейна.

— Меня зовут Клык, — сказал неандерталец. Конечно же он не хотел отвечать на Пашкин вопрос. — А тебя?

— Меня зовут Павел. — Тут Пашка набрался смелости и спросил: — Скажите, пожалуйста, вы случайно не неандерталец?

— А как ты догадался, человеческий детеныш?

— Ну, как вам сказать... — Только бы не обидеть его, а то растерзает. — У вас есть некоторые особенности. Вы отличаетесь от нас.

— Я тоже это заметил, — кивнул неандерталец. — Даже не очень приятно глядеть на таких тонких и бледных людей. Я думал, что вы покрепче.

— Сходите на соревнования по борьбе, — посоветовал Пашка. — Там вы встретите очень похожих на вас людей. Они так и называются — борцы.

— Ах, как жаль, что нет записная книжка, — сказал неандерталец. — Я хотел бы с вами общаться. Вы знаете много полезных вещей. Вы есть умный мальчик.

— А где вы обычно живете? — спросил Пашка. Он был на грани великого открытия: неандертальцы не вымерли!

— Обычно я живу дома, — сказал неандерталец. — Но моя дочь хочет найти друга по переписке. Вы хотите переписываться с моей дочерью?

— Разумеется! — Добыча сама шла в руки Пашке. — Я буду рад, если вы дадите свой адрес.

«Они уже писать научились! — отметил он про себя. — Нет, мы просто обязаны найти их и помочь стать нормальными людьми. А то на что это похоже — взрослый неандерталец так боится за свою жизнь, что вынужден скрываться в бассейне!»

Пашка поплыл к бортику бассейна. Неандерталец тоже. Стилей неандерталец не знал, молотил по воде лапами, как собака.

Они уже были у самого бортика, как из-за вышки для прыжков выглянул другой неандерталец.

— Престо-престо, — заговорил он по-неандертальски. — Грандом чеки-чеки замминистра!

— Каррамба! — воскликнул неандерталец, вероятно употребив доисторическое ругательное слово, и мгновенно выскочил из воды. Вода стекала с его шкуры, и было видно,

какие у него могучие мышцы. Наверное, второй неандерталец предупредил его о какой-то опасности, потому что оба они поспешно скрылись в раздевалке.

Конечно, Пашка мог бы их догнать и записать адрес. Но это было рискованно. На суше неандертальцы очень опасны. Придется следить за ними издали.

В раздевалке Пашка неандертальцев не увидел. Он одевался быстро и все время оглядывался. Понятно же — они могут его подстеречь. Пашка не трус, но он представил себе, что если его знакомый неандерталец сознается, что хотел дать адрес человеческому детенышу, то второй ответит на это: «Дурак, надо немедленно ликвидировать свидетеля. Где этот детеныш? Давай-ка побыстренько его придушим!»

Эта картина так живо нарисовалась в Пашкином воображении, что он мгновенно оделся и помчался на улицу. Там дула поземка, сыпал колючий снег. Пашка укрылся в кустах, что росли вдоль тротуара, и тут увидел, как из-за угла бассейна выскочила низкая черная машина и, чуть приподнявшись на воздушной подушке, помчалась прочь. Пашке показалось, что за темным стеклом он различил лицо неандертальца. Более того, тот явно пытался что-то сказать ему — может, даже просил о помощи. Но что мог Пашка поделать? Пока он вглядывался в стекло, машина умчалась, и Пашка даже не успел запомнить номера.

Все ясно: неандертальца похитили.

Тайна принимала зловещий оборот.

Пашка тут же набрал номер Ричарда, но того не было в институте. К тому же он снял браслет связи, чтобы не отвлекаться понапрасну. Так иногда делали люди, которым надоедало говорить по видео.

Кому сообщить? Куда бежать? Может, неандертальцев похитили международные преступники? Но зачем? И главное — где неандертальцы скрывались все эти тысячелетия?

Возбужденный и покрасневшийся Пашка примчался к своему другу Аркаше Сапожкову.

Аркаша слушал его невнимательно. Он был занят сборами. Он тоже собирался на историческую практику. С точки зрения Аркаши Сапожкова, тайна, которую ему следовало разгадать, была куда серьезнее и важнее, чем тайна Пашки. Ему предстояло узнать, когда вымерли динозавры и почему они исчезли с лица Земли. Задача была похожа на ту, которую будет решать Пашка, только ответ на нее, наверное, связан с космической катастрофой.

Пашке отправляться завтра. Аркаше — сегодня. Пашка еще только учит теорию, причем кое-как. Например, фильмы про животных ледникового периода и смотреть не начинал. А Аркаша, в отличие от него, уже прочел все что можно, просмотрел все, что есть на свете на эту тему, и знает о динозаврах больше любого ученого — такой у Аркаши характер.

Если на уроке математики надо решить задачу, в которой в бассейн по одной трубе вливалась вода, а по другой выливалась, то можете быть уверены, что Аркаша заодно вычислит состав воды, узнает, из чего сделан бассейн, какая погода стояла в тот день, и в результате решит задачу совершенно неожиданно даже для самого учителя. Поэтому далеко не все учителя любят Аркашу — слишком уж он дотошный и любознательный.

Хоть Аркаша очень спешил (у него оставалось полтора часа до отлета в меловой период), ради Пашки он отложил все свои дела и, подключившись к памяти компьютера, через три минуты узнал о неандертальцах все, что известно науке. Пашка так учиться не любил — в тебя впихивают знания, взятые неизвестно откуда. Лучше посмотреть фильм и истратить на него два часа, чем за три минуты получить информацию из памяти компьютера прямо в собственную память.

— Все ясно, — сказал наконец Аркаша. — Это не неандертальцы.

— А кто же?

— Среди людей иногда встречаются такие типы, — сообщил Аркаша, — обросшие волосами, низколобые, могучие. Это самые обыкновенные люди, а не неандертальцы. Просто им не повезло с внешностью.

— Но они говорили на непонятном языке!

— Значит, они живут в Австралии, — сказал Аркаша. — Не выдумывай тайну там, где ее нет.

— А почему они умчались на черной машине? — спросил Пашка.

— Во-первых, они спешили. А во-вторых, это были не они, — сказал Аркаша. — И будь другом, оставь меня в покое. Я могу опоздать, и сеанс начнется без меня.

— Желаю тебе счастья среди динозавров, — сказал Пашка.

— А я тебе желаю разгадать тайну неандертальцев, — ответил Аркаша, и они попрощались.

Пашка отправился домой.

Он шел пешком и думал. Конечно, Аркаша — человек умный, но Пашка ему не до конца поверил. Тайну неандертальцев так легко не разгадать. И вряд ли Пашка спутал неандертальца с обычным, но только волосатым и не очень красивым человеком. Можно спутать одного, но их было двое!

Ладно, завтра он поговорит об этом с Ричардом. А пока надо идти домой и изучать ископаемых зверей. Иначе Ричард его в прошлое не пустит.

Пашка, хоть и устал за день, заснул не сразу. Спал он тревожно, часто просыпался, и ему все мерещились неандертальцы, которые с дубинками гонялись за ним по Гоголевскому бульвару.

С утра Пашка уселся за изучение зверей, которые водились на Земле в ледниковый период. Он понимал, что знать о них нужно — иначе какой он исследователь? Да и охотник, который не знает, на кого охотится, — человек легкомысленный, и любой крокодил имеет право его съесть.

Как Пашка понял из фильма, животных в ледниковый период было немного, куда меньше, чем в более древние эпохи. Да это и понятно — ведь они привыкли жить в теплых краях. Когда стало сухо и холодно, их шкуры оказались недостаточно теплыми, а их обычная пища — бананы или финики — исчезла. Вместо этого вокруг росли елки и березки, а под ногами — мох и белые грибы. Далеко не каждому бегемоту такое по нраву.

Многие животные не выдержали таких испытаний и вымерли, другие сумели приспособиться к новой пище и суровому климату. Как и люди.

Лучше всех приспособился к суровой жизни полярный слон, которого мы все знаем под именем мамонт.

Пашка не мог не любоваться им на экране, где в степи под редким снежком паслось стадо мамонтов, совершенно не обращающих внимания на холод и ветер.

И было понятно, почему мамонту ничего не страшно.

У мамонтов совершенно особенная шерсть, объяснил диктор Пашке. Она не такая, как у собак или медведей. Тело мамонта защищено очень толстым слоем жира, который, как шуба, согревает тело, шкура же покрыта густой и не очень длинной шерстью. А на шкуре растут волосы. Это очень длинные и толстые волосы, и больше всего они похожи на крысиные хвосты. Может, и не очень красивое сравнение, зато точное. Сквозь такую

преграду ни один мороз не пробьется. И потому мамонты жили возле ледников, им достаточно было самой простой и грубой пищи, а морозы, от которых другие звери погибали, им были совершенно не страшны.

Мамонт мог есть мох, тундровую траву, кусты, побеги деревьев — все, что было хоть чуть-чуть съедобным.

Мамонты отличались от всех остальных слонов своими бивнями — ни у кого не было таких потрясающе красивых бивней. Правда, пользы они приносили немного. Такими гигантскими бивнями-кольцами можно гордиться и толкаться. Ничего больше ими не сделаешь.

У мамонтов было по четыре пальца на ногах, зато подошвы были широкими настолько, что мамонт мог спокойно идти по зыбкому болоту и не проваливаться.

Мамонтов в тундре было очень много. Раньше в Сибири специально собирали их бивни и вырезали из них шары для бильярда, шахматы и другие вещи. Мамонтовая кость считалась обычным и дешевым товаром — она заменяла пластмассу. Говорят, что в течение девятнадцатого века из Сибири вывезли больше пятидесяти тысяч бивней.

Многие думают, объяснил диктор, что раньше были мамонты, а потом от них произошли слоны. Ничего подобного. Пород у слонов было множество — как теперь у собак. Самый известный из современников мамонта назывался мастодонт. И если мамонт питался в основном травой, то мастодонт, тоже покрытый шерстью, имел особенные зубы, приспособленные для того, чтобы пережевывать ветки деревьев. Поэтому мамонты жили в тундре и степи, а мастодонты — в лесу.

Пашка увидел мастодонта. Он был похож на мамонта, только пониже ростом, шерсть покороче, а бивни торчат вперед.

Глядя на экран, где одни животные сменялись другими, Пашка все никак не мог отделаться от мысли: откуда в Москве в двадцать первом веке появились неандертальцы? И никакой ошибки быть не могло — ведь неандерталец признался, что он неандерталец.

— Паша, не забывай, что ты меня смотришь, — попросил его компьютер.

— Отстань, — сказал Пашка, но снова стал смотреть на экран.

Там показывали тундру, где паслись северные олени, точно такие же, какие пасутся там сегодня.

Но тут компьютер, чтобы развлечь Пашку, изобразил его рядом с оленем. Для масштаба. Олень оказался маленьким, чуть больше овчарки. Пашка на экране стал гладить оленя, потом почесал его между рогами, а Пашка в комнате сказал:

— Прекрати этот детский сад. Мы занимаемся наукой.

Компьютер промолчал, но изображение Пашки с экрана исчезло.

Пашка увидел еще некоторых животных тундры. Вот возле края ледника пасутся мускусные быки — у них шерсть свисает до земли. Вот промчались козы — тоже защищенные от морозов длинной шерстью.

Это был зимний мир — все знали о холодах и старались к ним подготовиться. Только у человека уже не было шерсти, поэтому ему приходилось прятаться в пещерах и разводить костры.

Затем глаз камеры переместился в лес — осенний, холодный, дождливый, потому что конец ледника был отсюда недалеко. В том лесу росли обычные деревья — березки, осины, елки, не очень высокие, чахлые. На земле мох. И вот тут Пашка впервые увидел одного из хозяев этого леса — пещерного медведя.

Почти черный, с длинной шерстью, которая на холке стояла дыбом, он был похож на обыкновенного, только одетого в очень теплую шубу мишку, у которого, однако, морда оказалась куда злее и зубастее, чем у его бурого собрата.

Медведь стоял на берегу лесной речки и смотрел с интересом, как гигантские, размером с бегемотов, бобры строят плотину. Может, медведь хотел порыбачить, но бобры попросили его не мутить воду. Из леса выглянул волк, но медведь рывкнул на него, и волк убрался восвояси.

И тут Пашка увидел животное, какого раньше ему видеть вроде бы не приходилось. И только когда компьютер объяснил, что это первобытный ленивец, может быть, даже один из последних ленивцев, живших когда-то на территории нашей страны, Пашка догадался, что видел в зоопарке его небольшого современного собрата. Головка у ленивца была маленькая, похожая на головку младенца, шерсть бесконечной длины свисала, как зеленоватые водоросли, лапы были огромными, когтистыми, хотя когти ленивцу, который питается листвой, нужны, только чтобы удерживаться на деревьях.

Медленно-медленно, словно во сне, ленивец спускался с дерева. И вдруг замер.

Пашка понял почему: на берег реки вышел хозяин тех мест — саблезубый тигр, самый страшный хищник ледникового периода.

Конечно, саблезубый тигр принадлежал к кошачьей породе, но Пашке не хотелось обижать кошек и тигров — чудовище походило на тигров только своими черными и желтыми полосами. В остальном это была страшная машина, готовая убить любого, кто станет у нее на пути. Даже когда его пасть была закрыта, из нее торчали желтоватые кинжалы — клыки! А уж заглядывать в его беспощадные желтые глаза никому не хотелось.

Не заметив тигра, к реке вышел благородный олень. Пашка даже ахнул, увидев такую красоту.

От копыт до конца рогов олень достигал трех метров и по росту мог сравниться с мамонтом. Но главное — рога! Такие могучие, ветвистые и раскидистые, что было даже странно, как олень удерживает их на голове. Компьютер объяснил Пашке, что в размахе рога достигают четырех метров.

Тигр медленно повернул голову, посмотрел на оленя и, когда тот спустился к воде, присел, прижался к земле — лишь кончик хвоста отбивал бесшумно дробь по траве. Остальные звери, даже медведь и мамонт, в ужасе замерли. Тигр распрямылся, как пружина, и взлетел в воздух. Всем весом своего тела он, словно пушечное ядро, ударил по оленю, и тот, от неожиданности не удержавшись на ногах, упал в воду.

Это его и погубило. Потому что, пока олень пытался выбраться на берег, чтобы встретить нападавшего рогами, тигр перегрыз ему горло.

Зрелище было таким страшным, что все звери разбежались, а бобры нырнули в воду.

Пашка выключил экран.

Хоть он был ученым и ничего не боялся, есть вещи, на которые даже ученому смотреть не хочется.

Прежде чем отправиться в Институт времени, Пашка прокрутил на экране кадры про птиц и насекомых ледникового периода. Среди них встречались гиганты — пауки и скорпионы. Но компьютер сказал, что они скоро вымрут, так как остались от прежних, более теплых и влажных времен. Это Пашку не утешило, потому что ему-то положено отправляться во времена, где они еще не вымерли.

В заключение компьютер честно предупредил, что самый страшный зверь в

ледниковом периоде — это комар, мошка, гнус. Их там тучи! Правда, если Пашка попадет в лес осенью, комаров будет меньше, потому что они совершенно не выносят заморозков.

— И все-таки попроси в институте, — посоветовал компьютер, — чтобы тебя окунули в антикомариный раствор — как Иванушку в кипящий котел. И ты выйдешь из него добрым молодцем.

Пошутив так, компьютер расхохотался. Хохотал он беззвучно, подмигивая лампочками.

— Спасибо, — сказал Пашка, который не очень любил, когда компьютеры шутят. Компьютеры знают, что шутить надо, что все люди умеют это делать, значит, и компьютеру надо уметь шутить. Но хотя они давно обошли людей и не только считают, но и думают быстрее самого умного человека, до чувств они не добрались — чувства остались только для людей. И как ни стараются компьютеры приблизиться к людям по этой части, пока им это не удается.

Глава четвертая. Взгляд в прошлое

Ричард ждал Пашку.

— Дома со всеми попрощался? — спросил он.

— Мама дала мне с собой свитер.

— Придется оставить здесь, — сказал Ричард.

— Неужели я не понимаю, что в ледниковой эпохе еще никто не умел вязать?! — воскликнул Пашка. — Я и маме это сказал, а она ответила: «Я все понимаю, но возьми на всякий случай». Разве родителей переделаешь?

— Отлично, — сказал Ричард. — Родителей не выбирают. Но мы с тобой сейчас займемся выбором.

— Я тебя не понял.

— С сегодняшнего дня у тебя будут приемные родители — небольшое племя кроманьонцев, живущее в пещере на берегу реки, которую через много тысячелетий назовут Неглинкой.

— Кроманьонцев? — удивился Пашка. — А я думал, что мы разгадываем тайну неандертальцев.

— Как же ты ее разгадаешь, друг мой, если я не могу поселить тебя к неандертальцам? Они сразу догадаются, что ты чужой, и сделают из тебя котлеты.

— А с чего бы кроманьонцам думать, что я свой?

— Потому что ты типичный кроманьонец. Мы скажем, что ты потерялся в лесу, твоих родителей растерзал саблезубый тигр.

— И бабушку тоже?

— Какую еще бабушку? — не сообразил Ричард.

— Мою бабушку, — ответил Пашка, глядя на него ясными невинными глазами.

— А почему саблезубый тигр должен есть твою бабушку?

— Вот я и удивляюсь. Саблезубому тигру никогда не съест мою бабушку.

Ричард совсем растерялся и только молча смотрел на Пашку. Тогда Пашка объяснил ему, в чем дело:

— Моя бабушка сама съест любого тигра. Она пенсионерка, но раньше работала цирковой волшебницей. Это редчайшая специальность, она выше классом, чем любой фокусник. Бабушка умела делать настоящие чудеса. До сих пор к ней приезжают ученики.

— А почему я ничего не слышал о твоей бабушке? — спросил Ричард.

— Молодой еще, — отмахнулся Пашка. — Не застал ты ее. Хотя, может, ты и видел одно из ее достижений. Это она перенесла гостиницу «Россия» на другую сторону Москвы-реки, чтобы та своим уродством не портила Кремль.

— Странно, — сказал Ричард. — А я думал, что гостиница «Россия» всегда стояла на другом берегу.

— Вот так, — вздохнул Пашка, — стараешься, делаешь, совершаешь подвиги, а через несколько лет о тебе уже забыли.

— Я обязательно проверю, — сказал Ричард. — Сегодня же погляжу в Справочной.

«Гляди-гляди, — подумал Пашка. — Ничего ты не найдешь. Все компьютеры мира сделают удивленные глаза и сообщат, что информации нет». А ведь мама сама рассказывала об этом Пашке. Она была тогда девочкой, а бабушка еще выступала на сцене. И однажды бабушка приехала в Москву, пошла гулять, с дороги провидеофонила маме и сказала, что она такого безобразия не потерпит. Кто поставил этот уродливый ящик рядом с Кремлем? Мама ответила, что это случилось давно, больше ста лет назад, когда Россией правили люди, совершенно не имевшие представления о красоте. Они были необразованные, очень нахальные и мечтали прославиться в веках. История им отомстила — никто не помнит их имен. Забыли. А бабушка тогда спросила маму: хочешь приехать посмотреть, как я наведу порядок в центре Москвы? Мама схватила флаер, прилетела, и бабушка у нее на глазах подняла в воздух гигантскую гостиницу «Россия», раздвинула на другом берегу старые дома и втиснула многоэтажную коробку — подальше с глаз долой. Потом мановением руки посадила на месте гостиницы траву и деревья. И приказала всем людям, кроме Пашкиной мамы, об этом забыть. Представляете: человек в гостинице проснулся, вышел на улицу и удивляется: вроде бы он не сюда вчера приехал. Но гостиница стоит — большая, крепкая. Махнет человек рукой и думает: наверное, я вчера очень устал. Бегут на работу официанты, дежурные, слесари, едет директор, все подъезжают к тому месту, где раньше стояла гостиница, а там травка и деревья. Но бабушка не глупая была, она всюду понаставила указатели: «В связи с ремонтом мостовой гостиница „Россия“ переносится на другой берег. Просим пользоваться мостом». Кто-то удивился, кто-то нет. А через три дня уже никто не удивлялся. Только некоторые люди из Кремля выходили на Красную площадь и думали, как хорошо и свободно смотреть в сторону реки. А раньше что-то мешало. Но что мешало — так никто и не вспомнил.

Ричард слушал, недоверчиво качая головой.

— Расскажите мне про найденьша, — попросил Пашка.

— С тобой поработают наши гримеры и костюмеры, — сказал Ричард. — Ведь ты должен быть очень диким мальчиком и не отличаться от других детей.

— Согласен.

— Ты не боишься босиком ходить?

— Еще не хватало!

— Может, ты холода боишься?

— Ричард, зачем ты все время спрашиваешь, боюсь ли я того-сего? Честно говоря, ничего я не боюсь. Иногда я сам себе удивляюсь: ну что за урод из меня вышел! Все нормальные люди чего-нибудь боятся. Темноты, кладбища, больших пауков или дождя. А мне вот не знакомо чувство страха, и все тут!

— Жаль, очень жаль, — сказал Ричард. — Если бы я знал об этом с самого начала,

никогда бы тебя не взял на практику.

— Почему? Тебе больше нравятся трусы? Маменькины сыночки?

— Страх — это нормальная реакция организма на опасность. Люди, не чувствующие страха, — больные люди. Но меня успокаивает то, что ты сам себя пока плохо знаешь. И чувство страха у тебя есть, как у каждого нормального человека. Только ты еще ребенок и сам себя обманываешь.

За слово «ребенок» Пашка готов был растерзать Ричарда, но он понимал, что тот его дразнит. И решил не поддаваться.

— Значит, ты не боишься темноты? — спросил Ричард.

— Не боюсь.

— Это хорошо — в пещере нет света.

— Как так нет света? А костер?

— Вряд ли он заменит тебе свет, к которому ты привык. Так что никакого чтения перед сном!

— Я понимаю, ты шутишь! — воскликнул Пашка. — Они еще не умели читать.

— А ты и рад разучиться!

— Не исключено, — сказал Пашка. — Если я буду вести жизнь, полную приключений, на что мне чтение? Разве мне компьютера не хватит?

Ричард улыбнулся и продолжал:

— И не боишься холода?

— Можешь отправить меня на Северный полюс и там проверить.

— Отлично! Ты хорошо плаваешь?

— Как рыба.

— Другого ответа от нашего героя я и не ждал.

«Издавайся, издавайся, — повторял про себя Пашка. — Мы еще посмотрим, кто из нас прав. Когда я вернусь и покажу тебе фильм, ты на пол грохнешься от зависти. И не исключено, что мне предложат бросить школу и поступить в Институт времени старшим научным сотрудником. Я возглавлю первобытный отдел, а ты, голубчик Ричард, будешь мне подчиняться».

— С твоим доктором я разговаривал, — сказал Ричард. — Он подтвердил, что ты совершенно здоров.

— Тоже мне неожиданность! — усмехнулся Пашка.

— С родителями твоими я поговорил. Они не возражают.

Пашка насупился. Уж очень они здесь с ним возятся — как будто он в самом деле ребенок.

— Если бы ты знал, в каких я уже побывал переделках, — сказал Пашка, — то не стал бы проверять, ем я манную кашку или не ем.

— Я знаю все о твоих переделках. И надо сказать, что не всегда ты вел себя как разумный человек. Но надеюсь, ты подрос и поумнел. А теперь давай потратим с тобой еще несколько минут и познакомимся с твоей будущей семьей. С теми троглодитами, которые живут в этой пещере.

Против этого Пашка не возражал. Ему тоже было любопытно, кого он завтра увидит.

Камера глядела на лесистый склон, в котором темнел вход в пещеру. Был вечер. Теплый летний вечер.

Из пещеры тянулась струйка голубого дыма.

— У них там печка? — спросил Пашка.

— Костер.

— Я же говорил, что читать можно.

Немолодая женщина с жестким, грубым лицом вышла из пещеры. Она куталась в тигриную шкуру, которая свисала до колен.

Женщина Пашке так не понравилась, что ему даже расхотелось отправляться в прошлое.

— Мы еще не знаем, как их зовут. Мы боимся их спугнуть и снимаем издали. Но известно, что это вождь племени, ее все уважают и слушаются.

Женщина кого-то звала — до Пашки доносились неразборчивые звуки.

— Такая как найдет меня в лесу, сразу прикончит, — сказал Пашка. — Конечно, я ее не боюсь, я никого не боюсь, но все же жалко, если я погибну совсем молодым.

Снизу по склону поднялись двое мальчишек. Они тащили вдвоем длинный сук, почти бревно. Женщина показала, куда положить бревно, и обернулась к пещере. Оттуда показался мужчина с обезображенным лицом — скорее всего, догадался Пашка, он встретился на охоте с каким-нибудь чудовищем. К тому же мужчина прихрамывал. Он нес в руке овальный, заостренный с одной стороны булыжник. Подойдя к бревну, мужчина стал его изучать, ходить вокруг, примериваться. Пашке даже стало смешно.

Потом мужчина присел на корточки перед бревном и приготовился по нему ударить. Тут появились еще двое.

Первым шел здоровенный костлявый человек, который нес на спине небольшую антилопу или козу, — у нее были длинные, загнутые назад рога. Следом за ним шла молодая женщина, не с таким грубым, как у вождихи, лицом, а даже приятным, веселым.

Охотник привлек к себе всеобщее внимание. Из пещеры появились и другие члены семьи. Конечно же Пашка их не разглядел и не запомнил, но успел заметить, что детей было довольно много, вели они себя смело, сразу бросились помогать охотнику снять с плеч добычу, но вождиха, судя по всему, приказала нести антилопу в пещеру, и вскоре все скрылись там. Стало тихо, слышно было только, как поют птицы.

— Ну, не раздумал? — спросил Ричард. — Шумная семейка и довольно бесцеремонная. Еще не поздно отказаться, и мы тебя направим на практику в цивилизованные времена. Например, к Колумбу.

— При чем тут Колумб?! — рассердился Пашка. — И что ты меня все время подзуживаешь, дразнишь и даже издеваешься? И не веришь ни одному моему слову! Я сказал, что хочу снимать фильм об охотниках на мамонтов, и я это сделаю!

— Вот, наконец-то я вижу не мальчика, но мужа, — сказал Ричард. — Кто так сказал?

— Наверное, какой-нибудь рыцарь.

— Не рыцарь, а Пушкин. В драме «Борис Годунов». Пора бы тебе ее прочесть.

— Сейчас не до драм, — отрезал Пашка. — Ты забыл, что я готовлюсь к важному заданию?

— Если готовишься, — сказал Ричард, — то я умолкаю. Давай с тобой осваивать камеру, которой ты будешь пользоваться.

В тот день они с Ричардом изучали кинокамеру, которую кудесникам из института удалось очень остроумно замаскировать под небольшую кость. Эта «кость» вместо пуговицы скрепляла на плече у Пашки одежду — что-то вроде куртки без рукавов, которая доставала почти до колен. Чтобы камера заработала, достаточно было провести над ней пальцем —

камера угадывала Пашку по отпечатку указательного пальца. Камера была цифровой, она передавала зашифрованное изображение в электронную память, умещающуюся в стальной горошинке.

Во всем остальном Пашка был первобытным мальчишкой, правда, повыше своих будущих братьев, хотя, возможно, не сильнее. Ему можно было дать на год-два больше, чем сверстникам-троглодитам.

Главное отличие не в этом!

Первобытные люди жили недолго, и не только из-за того, что на них охотились хищники, что на каждом шагу их подстерегала опасность. Внутри их скрывались многочисленные враги — болезни, с которыми никто не мог бороться. Если ты выздоравливал, значит, тебе повезло. А умер — не повезло. Первобытные люди не знали колдунов и шаманов. Они только-только выбрались из животного состояния, но еще не стали настоящими людьми.

В Институте времени от Пашки многого ждали. Ведь умный ребенок увидит то, что взрослому не удастся заметить.

Самого Пашку проверили и перепроверили на компьютере, отыскивая болезни, а когда не нашли, то ввели ему столько противоядий и защитных вакцин, что у него даже голова закружилась. Пришлось сесть и минут двадцать приходиться в себя.

Но Ричард был доволен:

— По крайней мере, ты можешь пить сырую воду, есть немывые фрукты, глотать сырых лягушек и горстями кидать в рот муравьев, не говоря уж о дождевых червяках...

— Ричард! — воскликнул Пашка. — Я их терпеть не могу!

— А придется. Ведь твое племя ест то, что удастся отыскать или убить. Сегодня убили антилопу — несколько дней все сыты. А что, если антилопа не встретится? Придется переходить на корешки, муравьев и гусениц.

— Лучше уж поголодаю, — сказал Пашка.

— Но помни: ты как разведчик в стане врага. Никто не должен тебя заподозрить. Ты найдешь, но все равно один из них. Так что постарайся не выделяться.

— Постараюсь, — буркнул Пашка.

— Последняя штука, которая тебе может пригодиться, — это кнопка тревоги. К сожалению, мы не можем наблюдать за тобой круглые сутки. Но если с тобой что-то случится — у нас зазвонит сигнал тревоги. И к тебе на помощь тут же пойдет наш сотрудник. Если необходимо, мы тебя сразу вытащим обратно. Так что не бойся...

— Я уже пять раз сказал, что ничего не боюсь!

— Ах да, конечно, а я забыл. Стареть начинаю!

Когда Пашку уже подготовили к перелету — облачили в шкуру, смазали специальным жиром волосы, чтобы от них не пахло мылом или шампунем (дикари могут заподозрить неладное), — когда все было готово, его снова отвели в медицинский кабинет. Там молчаливый старый доктор потянул Пашку за мочку уха и прижал к ямке за ухом тонкую трубочку. Трубочка вонзилась в кожу — на секунду стало больно, но Пашка выдержал это испытание.

— Все в порядке, — сказал доктор, — можете забирать вашего дикаря.

— Тронь кончиком пальца за ухом, — велел Ричард.

Пашка попробовал. Под кожей катался маленький, как зернышко черного перца, шарик.

— Теперь нажми на него. Сильнее. Вот так!

По институту прокатился тревожный звон.

— Это ты звонишь. Так что попрошу тебя, отважный воин, зря не нажимать, не пугать людей.

— Не буду, — пообещал Пашка.

— Иди посмотришь в зеркало и запомни, что теперь ты не скоро себя снова увидишь — только если будешь глядеться в пруд. Две недели ты проведешь на свежем воздухе.

Пашка подошел к зеркалу.

Он не был готов увидеть такого отвратительного, грязного, лохматого дикареньша, и ему потребовалось, наверное, с полминуты, прежде чем он узнал самого себя.

— Да, изобразили вы меня... — пробормотал он недовольно.

— Я тебя понимаю, — согласился с ним Ричард. — Каждому хочется выглядеть героем или хотя бы молодцом. Но не всякому это дано. Так что придется потерпеть. Но как только станет совсем тяжко и захочется домой, к бабушке, сразу жми на кнопку — появится добрый дядя и отведет тебя обратно.

Ричард опять дразнил, опять старался вывести Пашку из себя, опять испытывал, крепкие ли у него нервы.

Пашка все понял, мысленно усмехнулся и отвернулся от Ричарда.

Зажегся яркий свет, защелкали камеры.

— Потерпи еще пять минут, — сказал Ричард. — Сейчас проверят все системы и запечатлеют тебя перед отправкой в далекое путешествие.

— Я жду, — кивнул Пашка.

Через пять минут свет погас, стало полутемно.

Ричард протянул Пашке руку и сказал:

— Ну что ж, желаю тебе счастливого пути. Временная кабина в соседней комнате. Сейчас мы туда с тобой пойдем.

Пашка первым вошел в круглый зал, где на возвышении стояла небольшая, прозрачная, круглая кабина размером со старинную телефонную будку. Внутри, на столбике, размещался пульт с кнопками.

— Машина работает на автоматике, — сообщил Ричард. — Смело нажимай зеленую кнопку.

Пашка нажал на кнопку, под которой было написано: «Пуск».

Раздалось жужжание, все заволгло туманом, и вскоре зал исчез.

Пашка на секунду потерял сознание, но тут же пришел в себя и огляделся.

Теперь темнота была другой. Другим был и воздух. Пашка вспомнил: кабина спрятана в пещере, из которой трудно выбраться. Но ему объяснили, как найти нужный ход.

Пашка закрыл машину времени и пошел по туннелю.

Глава пятая. Везунчик

Здесь, в первобытной древности, было раннее утро, и птицы пели точно так же, как и в двадцать первом веке, хотя Пашка никогда специально птицами не интересовался.

Он выбрался из пещеры и остановился. Ричард предупредил его, что лесная тишина обманчива. В лесу водятся не только птички, но и любители полакомиться человеческими детенышами. И хотя Пашка тогда отмахнулся, потому что чувство страха ему неведомо, он не мог не признать, что осторожность — обязательное качество любого охотника.

Надо было сделать ровно двести шагов, чтобы выйти на тропинку.

Пашка прошел шагов пятьдесят и вдруг почувствовал, что в лесу стало совсем тихо. Слишком тихо. Даже птицы замолчали.

Пашка остановился. Разумеется, он не испугался. Он только подумал, не возвратиться ли в пещеру к машине времени, а то придется сражаться с каким-нибудь чудовищем, вот и эксперимент сорвется. Ричард будет недоволен: тебя послали снимать кино, а ты победил какого-то там дракона!

Пашке не дали никакого настоящего оружия — сказали, что мальчишке нечего делать в древности с пистолетом или даже саблей, которых еще не придумали, а миниатюрного оружия, допустим бомбомета или лазерного генератора, который умещается под ногтем, в Институте времени не нашлось.

— Мы никому не даем оружия, — сказал Ричард, — чтобы не было соблазна. Если на стене висит ружье, оно обязательно когда-нибудь выстрелит. А одного выстрела достаточно, чтобы погубить множество людей и свести на нет все наши усилия.

Так что безоружный Пашка стоял посреди леса и прислушивался к шорохам, как заяц, который поднялся столбиком и шевелит ушами.

Пошли дальше, уговаривал себя Пашка. Осталось сто пятьдесят шагов. Там будет тропинка, она ведет прямо к пещере. По этой тропинке все время ходят люди из племени. Ты ляжешь и сделаешь вид, что спишь.

Спящих никто не боится. Тебя найдут и разбудят. Единственная трудность — придется потерпеть комаров, которых в лесу немало.

И вот теперь комары, увидев, что посреди леса стоит незнакомый мальчик и вертит головой, поняли, что к ним пришел завтрак. Да еще такой вкусенький, свеженький, нежненький! И они кинулись на Пашку, как свирепые гиены.

Конечно, они оказались куда злее, чем наши родные, цивилизованные насекомые.

Пашка стал отмахиваться от них и тут услышал, как что-то тяжело упало на землю. Потом ветви большого куста, который рос шагах в двадцати от Пашки, зашевелились и медленно-медленно начали раздвигаться.

Пашка понял, что это не случайно.

Он затаил дыхание. Он даже перестал чувствовать, как в него вонзаются комариные жала.

А в темной дыре, открывшейся в кустах, что-то сверкнуло!

Пашка понял, что оттуда на него глядят сверкающие глаза тигра, который уже изготовился к прыжку.

Тут уж некогда размышлять, боишься ты кого-нибудь или никого не боишься. Остается только одно — мчаться куда-нибудь со всех ног.

И Пашка помчался.

Он не мог вернуться в пещеру, где стояла машина времени, потому что путь назад был отрезан хищным чудовищем. И поэтому бежал вперед.

Он не обращал внимания на сучья и камни под ногами, на ветви, хлеставшие по лицу. Ему хотелось закричать: «Мама!» — но голос его не слушался. Ему уже казалось, что сзади трещат сучья — это преследователь настигает его...

Пашка не заметил, что уже давно бежит по тропинке.

Тропинка становилась все шире и вдруг, когда у Пашки уже не осталось никаких сил, когда легкие готовы были разорваться, он выскочил на открытую площадку над рекой и

увидел вход в пещеру — ту самую, которую наблюдал на экране в Институте времени.

Перед входом в пещеру сидели дети и очищали какие-то корешки и клубни. Услышав треск кустов, они вскочили на ноги и тут обнаружили Пашку. Наверное, вид у Пашки был ужасен, потому что дети завопили в четыре голоса и кинулись в пещеру.

Навстречу им выскочила вождиха, совершенно голая — может, она еще спала, и ее разбудили вопли. За ней выбежали остальные взрослые. Они держали в руках палки и камни, готовясь защищать свой каменный дом от неведомого чудовища.

Увидев троглодитов, Пашка понял, что спасен.

Он кинулся к вождихе, которая сейчас вовсе не казалась ему такой уж страшной и жестокой, обхватил ее за талию и, задыхаясь, принялся объяснять, что там, вон там вон, оттуда вот мчится буйный пещерный тигр, поэтому он, Пашка, просит племя дать ему, Пашке, убежище и как можно скорее вернуть к маме.

Вождиха оказалась куда разумнее детей и самого Пашки. Она дала ему подзатыльник и толкнула в пещеру, объяснив при этом на своем первобытном языке, что детям на охоте делать нечего. А Пашка, хоть и не слышал в жизни первобытного языка, сразу все понял.

Он подчинился, но в глубь пещеры забегать не стал. Оставшись у входа вместе с ребятами, он принялся наблюдать, как мужчины племени во главе с вождихой, один за другим, осторожно пошли вперед по тропинке, чтобы встретить врага.

Пашке понравилось, что они такие смелые.

Когда стало тихо, а толпа у входа сильно поредела, первобытные дети хотели выйти на площадку, но старуха и девушка, которая пришла с охоты, не выпустили их.

Дети окружили Пашку. Они щупали его, касались рук и лица, удивляясь, должно быть, что он такой светлокожий и светловолосый по сравнению с ними. Наверное, они спрашивали его, откуда он появился, на что Пашка сказал парню его возраста:

— Моих родителей сожрал саблезубый тигр. Он хотел и со мной расправиться, но не удалось. Я оказался ему не по зубам.

Дети кивали, соглашаясь, хотя ничего, конечно, не понимали.

Тут послышался шум и голоса. Потом кто-то засмеялся.

«Ну и отлично, — решил Пашка, — они убили или прогнали зверя. А я выполнил первое задание Ричарда — проник в пещеру и, как настоящий шпион, внедрился в чужое племя».

Пашка настолько пришел в себя, что нажал на «косточку» — свою кинокамеру, чтобы заснять возвращение охотников, убивших саблезубого тигра. И подумал: как хорошо, что он прекрасно владел собой и почти не испугался при виде саблезубого тигра, а то нажал бы на точку за ухом, вызвал бы помощь и опозорился. Подумав так, Пашка вздохнул и сказал сам себе: «Ну зачем врать, Павел! Ведь ты просто от страха забыл про кнопку, а то бы наверняка вызвал подмогу». Только не от страха, поправил сам себя Пашка, а от неожиданности.

Кусты, затрещав, раздвинулись.

Первой шагала вождиха, которая, кстати, убегая на охоту, так и не оделась. Следом за ней двое мужчин волокли большое, размером с теленка, животное, покрытое зеленоватой длинной шерстью. Голова у этого непонятного животного была маленькая, а толстые короткие мохнатые лапы заканчивались длинными загнутыми когтями — по три когтя на каждой. Так это же гигантский ленивец!

Убитого зверя охотники кинули перед входом в пещеру, и тут же все племя высыпало наружу, чтобы пощупать добычу. Гвалт стоял невероятный. Видно, троглодиты вообще были

народом разговорчивым. Но Пашка заметил, что говорили они как-то отрывисто, словно выпаливали слова по отдельности, без всякой связи. При этом они помогали себе объясняться жестами и ужимками.

Пашка тоже подобрался поближе к добыче, и ему стало так стыдно, что он готов был сбежать обратно в лес навсегда и больше не встречаться с людьми. Значит, он удирал от ленивца, который просто свалился с дерева! Хорошо еще, если Ричард не видел этого позорного бегства. Хотя, впрочем, посмотрели бы мы на Ричарда в лесу, одинокого, безоружного, когда из кустов на него полезет такое вот чудовище.

Гвалт прекратился. Пашка поднял глаза и увидел, что вождыха, которая успела сходить в пещеру и накинуть на себя тигриную шкуру, подняла довольно грязную толстую мускулистую руку, сжатую в кулак. Потом она разжала кулак и показала пальцем на Пашку. И начала свою речь:

— Этот-маленький-добыча-звал-кушать-хороший.

Может, Пашка не совсем точно перевел для себя эту короткую речь, но, надо сказать, он быстро привыкал к языку троглодитов. Во-первых, для изучения язык был очень простой: одни слова и никакой грамматики. Слов было немного, их дополняли ужимки, гримасы, рычание, ворчание, хихиканье и множество всяких звуков, которые не были словами, но помогали понять суть. А Пашка, как и любой школьник конца двадцать первого века, знал двенадцать языков, включая космояз, то есть галактический язык, который изобрели специально, чтобы жители разных планет могли общаться друг с другом.

Разрабатывали космояз в Галактическом центре, и Пашка видел об этом фильм, который привезла из центра Алиса Селезнева. Оказывается, на всех цивилизованных планетах было объявлено, что проводится вселенский конкурс на создание общего галактического языка, поскольку иначе, если его не создать, Галактика разорится на переводчиках и переводческих компьютерах.

Над языком трудились множество институтов, групп и одиночек, самые передовые компьютеры старались решить такую задачу: язык должен включать в себя элементы ста тридцати шести тысяч основных языков Галактики, и притом быть очень простым, чтобы любой ребенок мог его выучить за месяц.

С изобретением языка была связана одна трогательная история, которую вам с удовольствием расскажут на Голоптуну-шэр, небольшой водной планете, расположенной довольно далеко от Солнца.

На эту планету как-то приехала экспедиция с Трискады. На Трискаде живут синие птицы с размахом крыльев в три метра. Трискады — известные артисты. Их хлебом не корми — дай выступить перед зрителями. Так что половина населения этой планеты летает по Вселенной и дает концерты синхронного летания. Это все равно что синхронное плавание, только в воздухе. Зрелище, надо сказать, великолепное! Десятки синих птиц совершают в воздухе пируэты, собираются в сложные фигуры, мгновенно расстаются, потом свиваются в клубок и взмывают к небу... Нет, этого не рассказать! Такое представление надо увидеть собственными глазами.

И вот как-то синие птицы с Трискады прилетели на планету Голоптуну-шэр и там узнали, что концерт не состоится, поскольку вокруг острова, единственного крупного острова, на котором стоят гостиницы и космодром, бушует шторм, и жители планеты не смогут приплыть, чтобы посмотреть на выступление птиц. Тем более что по небу несутся низкие облака.

Три дня птицы ждали, что шторм прекратится, но он продолжался. Тогда птицы стали собираться домой, но одна из них, назовем ее Шони-зи, все же решила рискнуть и немного размяться среди облаков.

Пока все спали, она вышла на крышу гостиницы, взмахнула крыльями и понеслась над волнами. Она совершала безумные кульбиты, пикировала к самым волнам и поднималась вновь. Осьминогу Лупи-топи, который специально проплыл тысячу миль, чтобы полюбоваться таким зрелищем, и уже отчаялся его увидеть, Шони-зи показалась дочерью Неба, легкой, как утренний ветерок. Она была прекрасней любой рыбы или медузы. Осьминог полюбил воздушную акробатку безумной, благородной и чистой любовью.

Когда птица, исполнив свой танец, скрылась, осьминог Лупи-топи подплыл к обрыву, которым заканчивался остров, и, забравшись в подводную пещеру, застыл возле стекла, отделяющего воду от воздуха. Он знал, что туристы на Голоптуну-шэр посещают эту пещеру, чтобы поглядеть на подводную жизнь планеты, а жители планеты, как разумные осьминоги, так и сообразительные дельфины, проводят часы у этой преграды, разглядывая туристов и других гостей. Порой тут завязываются знакомства.

Осьминог Лупи-топи не зря рассчитывал увидеть еще раз свою возлюбленную. Не прошло и часа, как, томясь бездельем, птицы прилетели в подземный зал поглядеть на осьминогов и дельфинов, а осьминоги и дельфины стали смотреть на птиц, которые медленно разгуливали по залу, сложив синие крылья и переговариваясь на своем языке. Осьминог сразу узнал Шони-зи. Такова сила любви!

Лупи-топи не мог оторвать от птицы своих громадных круглых глаз, и этот настойчивый взгляд привлек внимание Шони-зи.

— Кто этот красивый водоплавающий зверь с множеством щупальцев, — спросила она у переводчика, — который так пристально смотрит на меня?

Переводчик включил подводную связь и сказал, что синяя птица Шони-зи спрашивает, как зовут осьминога, который так пристально смотрит на нее.

Осьминог очень обрадовался, что его заметили, и сказал, что его зовут Лупи-топи.

— Ах, какое красивое имя! — воскликнула птица. — Передайте ему, что меня зовут Шони-зи.

— Я смотрел сегодня, как вы летали, — сказал осьминог. — Вы были прекрасны.

Птица и осьминог еще долго разговаривали, затем Шони-зи решила снова подняться в небо и еще раз показать симпатичному осьминогу свое искусство. Но уже стемнело, и представление пришлось отменить. А ночью стремительный межзвездный корабль унес птиц дальше, к другой звездной системе.

С тех пор осьминог тосковал по птице, а птица, хоть и не так сильно, тосковала по осьминогу. Осьминог с радостью писал бы своей подруге письма, но переводить их было некому — переводчики на острове всегда по горло заняты, да и перевод стоит так дорого, что осьминогу он не по карману.

И тут как раз объявили галактический конкурс на создание нового языка — космояза, или, как он еще называется, Интерлингвы.

Лупи-топи никогда не был силен в языках: он знал всего-навсего три или четыре подводных наречия. Но ему так хотелось придумать способ, который поможет общаться с любимой, что осьминог перестал есть, спать, плавать и даже шевелиться — три недели он думал и наконец придумал самый простой и удачный межзвездный язык. И когда жюри конкурса проверило все семнадцать тысяч двести сорок конвертов, то компьютер и члены

жюри единогласно решили: победил участник конкурса, приславший свой труд под девизом «Для нас нет преград». Оказалось, что великим изобретателем стал скромный молодой осьминог с планеты Голоптуну-шэр.

Лупи-топи прославился в один день. К нему помчались корреспонденты и любопытные туристы, он написал воспоминания о том, как впервые увидел Шони-зи и как любовь к ней помогла ему преодолеть непреодолимые трудности.

Эти воспоминания принесли славу и ему, и самой танцующей птице Шони-зи. Птица была рада, что такой милый осьминог прославился и прославил ее.

Они снова встретились и с тех пор больше не расставались.

На берегу острова Лупи-топи построил большой дом. Центральная комната этого дома представляет собой круглый бассейн с выходом в открытое море. Возле бассейна посажены большие деревья гзиго, на которых птицы с планеты Трискада отдыхают и спят.

Теперь птица Шони-зи, если она не на гастролях, летает над островом, или сидит на дереве гзиго, или купается в бассейне с осьминогом. И они счастливы.

Вождыха произнесла короткую речь и улыбнулась.

Мужчина, тот самый, хромой, с обезображенным лицом, подошел к Пашке и потрепал его волосы.

— Волосы, — сказал он. — Как солнце. Хорошо.

— Где твоё племя? — спросила вождыха.

Пашка все это понял. Ну что тут сложного для пятиклассника?

— Племя. — Пашка ударил себя кулаком в грудь. — Не знаю. Папа-мама ам-ам тигр.

Племя нет.

И Пашка начал плакать, стараясь показать, как он расстроен.

Троглодиты очень сочувствовали Пашке. Одна маленькая девочка тоже заплакала. Самый большой и сильный воин с низким лбом и волосатой грудью и плечами подхватил Пашку на руки.

— Ты как зовут? — спросил он. — Ты плохо не надо.

— Пашка, — признался Гераскин.

— Пшшшк, — произнес воин и поставил Пашку на землю. — Нет понимать. Нет. — Он обвел взором своих соплеменников и сказал, показав на вождыху: — Ма-ма! Мама-у!

И все вокруг повторили хором это имя.

Вторым в племени мужчина считал себя. Поэтому он прорычал, ткнув себе в живот пальцем:

— Гром.

И все стали изображать грохот.

— Все ясно, — остановил их Пашка. — Все понятно без перевода.

Мужчина постарше, с изуродованным лицом, оказался Тигром. Сидевшая у костра старуха, которая почему-то невлюбила Пашку, оказалась Тучей. Может, когда-то она и была похожа на тучу, но теперь даже облачком ее не назовешь.

Потом подошла очередь молодой охотницы, которая понравилась Пашке с самого начала. И тут Пашка увидел, что из пещеры выходит точно такая же. Близняшки!

Ора и Ура — так их звали. Почему у остальных имена что-то значили, а у этих не значили ничего — разве поймешь? Потом из пещеры вышел еще один мужчина, скорее молодой, чем старый, но немного горбатый и очень печальный. Он укачивал на руках ребенка. Ребенок не плакал, а тихонько подвывал. Вот тут Грому пришлось потрудиться,

прежде чем он смог объяснить Пашке, в чем дело. Оказывается, этот мужчина по имени Крот очень расстроен. У него пропала жена, мать этого ребенка, у которого имени не было. Имя человеку дают, когда он стал большой и всем уже ясно, что из него вышло. Правильно они придумали, решил Пашка.

Женщина Большой Огонь ушла в лес и не вернулась. А трое детишек остались.

Вот ее муж и нянчит их. Никто не смеялся, и Пашка понял, что эти люди, может, и не такие уж первобытные, если так переживают за других.

Теперь наступила Пашкина очередь.

— Пшшшк нехорошо, — сказал Гром.

И все, включая детей, которым еще даже не положено иметь имя, принялись шуметь и измываться над добрым именем Гераскина. Оно казалось этим троглодитам совершенно не подходящим для такого славного парня, как их новый соплеменник.

Каждый норовил придумать Пашке имя, и со всех сторон неслись слова, которые Пашка должен был угадывать. В конце концов остановились на имени Седой. Хотя были имена и не хуже. Например, Палец, чтобы показать, как Пашка одинок. Или Камыш, потому что Пашка высокий и худой. Гром хотел назвать Пашку Снегом — наверное, из-за светлых волос.

Ну ладно, Седой так Седой.

Пашка вспомнил, что совсем забыл про съемки. Вот это глупо! Какую сцену упустил! Неужели человечество никогда не увидит этих кадров?

Он попробовал заставить свою новую семью повторить знакомство, но его никто не понял. Все разошлись по своим делам.

Пашка сделал вид, что осваивается в пещере, и никто его не останавливал. Его признали своим и даже, очевидно, решили, что он специально заманил сюда ленивца, чтобы было вкусненькое на ужин. А уж когда узнали, что он сирота и у него нет своего племени, признали окончательно, и никто не мешал ему ходить куда хочешь и смотреть на что хочешь. Пашка вдруг подумал, что жить среди троглодитов даже лучше, чем среди цивилизованных людей. Ни одна душа тебя не воспитывает, не учит, не заставляет заниматься тем, чего ты делать не хочешь. И если бы в пещере не было так противно, ему бы здесь понравилось. Но в пещере стояла душливая вонь — ведь здесь много лет жили совершенно немытые люди, которые к тому же не выбрасывали объедки, а сваливали их в дальнем углу жилища.

Пашка снимал по очереди своих новых родственников, тихо повторял их имена, чтобы потом не перепутать, затем снял кучу вонючих отбросов и подумал, что обязательно научит троглодитов убираться. Дальше, в самую глубь пещеры, Пашка сунуться не рискнул. Там было совершенно темно. Он стоял на границе тьмы и слабого света, когда одна из близняшек — наверное, Ура, у которой, в отличие от сестры, была родинка на щеке, — вдруг нагнулась, вытащила из костра большой тлеющий сук и, светя им перед собой как факелом, подошла к Пашке.

— Иди, — сказала она и уверенно направилась в темноту.

Пашка пошел следом.

— Эй! — вдруг сказала Ура.

Она ткнула факелом вперед, и Пашка чуть не кинулся бежать обратно: на них смотрел гигантский, размером с ботинок, пауко-скорпион, который сидел посреди неопрятной густой паутины, перекрывающей путь.

— Эй! — громче крикнула Ура.

И к ней тут же подбежала сестра-близняшка Ора, которая, видно, понимала сестру с четверть слова. Она тоже несла факел.

Ура ткнула своим факелом в пауко-скорпиона. Тот, поднявшись на задние лапы, принялся угрожающе водить клешнями в воздухе и вдруг прыгнул вперед.

Пашка от неожиданности сел на землю.

Однако он успел увидеть, как Ора на лету подхватила пауко-скорпиона и открутила ему голову — одним движением.

— Седой! — закричала Ура. — Смотри!

Ора показывала ему убитого пауко-скорпиона, который еще шевелил страшными клешнями, пытаясь ударить девушку когтем, расположенным на конце хвоста.

— Брось! — крикнул ей Пашка.

— Зачем брось? — удивилась Ора. — Еда. Вкусно.

Пашка хотел подняться, но рука его задела что-то скользкое. Он машинально вцепился в это скользкое плотное «что-то», которое зашевелилось у него в руке. От страха Пашка отбросил это скользкое в сторону и с испугом увидел, как в воздух взлетела огромная белая гусеница. Ура поймала ее.

— Смотри! — закричала она. — Смотри, что нам добыл Седой.

— Ого! — сказала Ора, поедая пауко-скорпиона. — Седой — большой охотник. Седой — везунчик.

И девушки поспешили обратно, поближе к входу в пещеру. Ура несла белую гусеницу и факел, а Ора — факел и недоеденного пауко-скорпиона.

У костра их встретили остальные троглодиты.

Вы бы видели, какое поднялось веселье! Ура и Ора, перебивая друг дружку, рассказывали, как они увидели пауко-скорпиона, чудище страшное и ядовитое, но вкусное и полезное.

«Надо же, — подумал Пашка, который уже без труда понимал все разговоры, — ведь был кто-то первый, кто осмелился схватить пауко-скорпиона и выяснить, что он вкусный!» Сам Пашка решил, что есть эту гадость не будет. Не будет он есть и скользкую гусеницу.

Но тут-то он и не угадал.

Девушки продолжали рассказывать, и Пашка понял, что, пока они занимались своим обыкновенным девичьим делом — боролись с пауко-скорпионом, — наш Седой отыскал в темноте редчайшее лакомство — гусеницу Ко. И сейчас будет пир, а самый лучший кусок этой гусеницы достанется Седому. Потому что, несмотря на молодость и на то, что он пришел из чужого племени, он оказался славным охотником и добытчиком. Он смог разглядеть в густой листве большущего ленивца, а потом в полной темноте пещеры поймал белую гусеницу Ко, которая не попадалась никому уже три зимы.

Тут же гусеницу передали Маме, и та собственноручно занялась ее разделкой. Пашка с ужасом думал, что, если его все-таки заставят есть эту пакость, его вырвет, и он сразу себя выдаст: троглодиты догадаются, что он шпион, и убьют его.

Пока Пашка пытался изгнать из головы эти печальные мысли, Мама оторвала гусенице голову, и Пашка увидел, что из скользкой твари закапала какая-то желтая жидкость.

Мама приложила обезглавленную гусеницу к губам и глотнула. Лицо ее стало добрым, помолодевшим и даже симпатичным.

Она передала гусеницу Пашке. Троглодиты смотрели на него. Пашка понимал, что ему

пришел конец, но он был гордым человеком и решил бороться до конца. Он поднес к губам гусеницу — скользкую колбасу с желтой жидкостью внутри — и, зажмурившись, высунул язык, чтобы попробовать. Вырвет или не вырвет?

И языку своему не поверил! Это был самый обыкновенный мед.

Гусеница оказалась полна меда. Не гусеница, а склад, где древние пчелы хранили мед. Но про то, что это пчелиный склад, Пашка узнал позже, из рассказа хромого Тигра, самого мудрого человека в племени.

С великим облегчением Пашка сделал глоток меда и вернул гусеницу Маме. Та обвела племя взором — все смотрели на гусеницу в ее руке — и протянула ее Грому.

И все пробовали мед по очереди, только злой старухе почти не досталось.

«Что ж, для начала получается неплохой фильм, — решил Пашка. — Ричард лопнет от зависти».

Глава шестая. Изобретатель

Пашка собирался погулять по окрестностям, проверить, не осталось ли здесь случайного динозавра. Он знал, конечно, что динозавры давно вымерли, но ведь бывают же исключения. И если Пашке удастся увидеть живого динозавра, он сделает великое открытие.

Ему давно хотелось сделать великое открытие, но всегда не хватало чуть-чуть. То кто-то другой успевал его сделать раньше, то открытие срывалось в самый решительный момент.

Пашка вышел из пещеры и направился к реке. Кстати, в реках иногда водятся крокодилы страшнее динозавра.

Но Пашка не успел далеко отойти. Его окликнула Мама.

— Седой! — позвала она и протянула какой-то камень. Пашка не понял, зачем ему камень, поэтому подумал, что, может, такими камнями троглодиты динозавров убивают.

— Спасибо, — сказал Пашка и взял камень, похожий по форме на фасолину с ладонь размером, оббитый и чуть заостренный с одного края. Таким никого не убьешь.

Пашка собирался продолжить свой путь, но Мама взяла его за шиворот, если, конечно, у шкуры бывает шиворот, и повернула лицом к ленивцу, который лежал на земле. Ребятишки во главе с противной старухой пилили и кромсали его шкуру.

— Давай-давай, — сказала Мама. — Работать.

— Ну вот, — расстроился Пашка, — не успели превратиться в людей, а уже — работай, работай! Работай и будешь с уродским горбом!

— Работай хорошо, — возразила Мама. — Работа — кушай, не работа — не кушай.

— Где-то я этот лозунг уже слышал, — сказал Пашка.

— Работай — хорошо. Много кушай! — прошипела злобная старуха, и Пашке показалось, что она издевается над ним.

Надо бы ответить ей, конечно! Но он здесь в гостях, так что придется быть вежливым. Пашка подчинился и пошел работать, чтобы кушать.

Он присел на корточки возле ленивца и стал смотреть, как трудятся остальные. Работали ребята ловко.

Сначала они разрезали шкуру, потом начали подрезать ее, чтобы снять с туши.

Пашка попробовал делать как все, но его кремень все время соскальзывал. Ребята бросили работу и принялись смеяться, глядя на Пашкины усилия.

— Чего ржете, как жеребцы? — рассердился Пашка. — Неужели не видите, что это не

скребок, не ножик, а просто булыжник. У вас-то скребки лучше, фирменные!

Каким-то образом старуха поняла эту длинную речь и молча протянула Пашке собственное орудие. Они обменялись, и Пашка тут же понял, что бабкин скребок не острее, чем у него, только скользкий от крови.

Когда у Пашки ничего не получилось и с новым скребком, ребята просто от смеха покатались. Но старуха прикрикнула на них, и они умолкли, а старуха подошла к Пашке, взяла его ладонь своими сухими сильными пальцами и стала водить его рукой, чтобы научить Пашку пользоваться скребком. Пашка не сопротивлялся, не то совсем засмеют. Он постарался сделать так, как показала старуха, и — не сразу, правда, — у него стало получаться.

«В конце концов, — подумал Пашка, — у меня за плечами пять классов школы и еще тридцать тысяч лет. Я знаю миллион разных вещей, о которых вы и представления не имеете. Я вас могу только жалеть — какую первобытную некультурную жизнь вы ведете».

Вот, например, этот скребок. Ну что бы его не сделать железным, то есть ножом? Надо будет рассказать им, как делать железные ножи.

— Железо, — сказал он старухе. — Железо хорошо. Мы бы этого ленивца в два счета разделили.

Старуха кивнула, теперь она ничего не поняла. Может, подумала, что Пашка благодарит ее за науку.

«Ну а если железа у вас пока нет, — продолжал мысленно размышлять Пашка, — мы можем заострить скребок по-другому. Как это сделать? Наверное, надо найти большой камень и об него молотить!»

Поскольку работа над разделкой ленивца шла своим ходом, а от Пашки пользы было мало, никто не стал возражать, когда новенький троглодит отошел в сторону, сел над самым обрывом, где лежала каменная плита, и принялся молотить по этой плите своим скребком.

От его ударов сыпались искры.

Он молотил, молотил, в раж вошел, разозлился и тут почувствовал, что его кто-то, крепко схватив за ухо, поднимает. Пашка постарался обернуться, но было больно, и он лишь по голосу догадался, что это Мама.

Она взяла с плиты скребок и стала его крутить в свободной руке.

— Ой, плохо! — зарычала она. — Скребок хороший, Седой плохой. Зачем скребок ломал? Зачем тупой делал? — И отвесила Пашке подзатыльник.

И поскольку ему давно никто, кроме мамы, не давал подзатыльников, Пашка вспылит и кинулся на нее с кулаками. Он все равно не воспринимал ее ни как настоящую женщину, ни как вождиху, а считал большой обезьяной.

Ну, тут он получил! Его колотили, молотили, крутили, кидали, швыряли — только что в землю не закопали.

— Сдаюсь! — закричал наконец Пашка. — Сдаюсь же, кому сказал.

Вождиха отпустила провинившегося мальчишку и стала ему выговаривать:

— Мама — главная. Нельзя бить. Плохо.

— Ой, плохо! — говорили остальные и качали головами. Они стали объяснять Пашке как могли, где словами, где руками, что если поднять руку на вождя, то не будет порядка в племени. А не будет порядка, любой враг может перебить несчастных троглодитов. Они принялись рыдать, размазывая по грязным лицам слезы, и даже Мама присоединилась к рыданиям.

— Ну кто сказал, что вы нечувствительные! — воскликнул Пашка. — Просто кружок по вышиванию!

Он сразу почувствовал себя умнее и сильнее троглодитов. Они же как дети. Они дикари. И обращаться с ними надо как с детьми. Конечно, он мог бы стать вождем племени, но для этого надо ввести у троглодитов демократию и выборы. И еще не известно, стоит ли этим заниматься. Научишь их демократии, а потом практика кончится, и что они без тебя с этой демократией делать будут? Вдруг они для нее не созрели?

Конечно, вести себя надо умнее. Не стоит переделывать их примитивные орудия. Надо пойти по пути изобретения новых!

Так что Пашка покинул своих соплеменников, которые все еще шумели у пещеры, и спустился к реке. Там его никто не будет отвлекать от мыслей.

Река оказалась не очень широкой, но довольно быстрой, и, хотя в этих краях стояло позднее лето, погода была не из лучших — так, на уровне октября. С утра собирался дождь и все никак не мог толком начаться.

Пашка спустился к воде. Первым делом ему хотелось умыться. Он бы и искупался, но место незнакомое, течение быстрое, и неизвестно, какие гады тут водятся.

Умываясь, Пашка осматривался вокруг, стараясь найти подходящие камни, чтобы сделать из них настоящие орудия, достойные человека. Камней было немного, трава подступала к самой воде, и Пашка понял, что, наверное, все хорошие камни троглодиты уже растащили, и придется идти дальше, куда они еще не добрались.

Шагов через двадцать Пашка отыскал сразу несколько хороших булыжников — они лежали в быстрине на мелководе. Пашка зашел в воду. Он был, естественно, босиком, но состав, которым в Институте времени намазали ему ступни, охранял их от колючек и всяких острых предметов, словно прозрачные тапочки.

Пашка взял один камень, он ему не подошел, потом другой — получше. И третий... Нет, этот тоже не годится.

Он размахнулся и бросил ненужный камень в сторону. Тот плюхнулся в реку, вода забурлила, и из нее высунулась оскаленная пасть неизвестного Пашке чудовища. Оно смахивало на крокодила или на небольшого дракона. У него были короткие передние лапы, покрытые чешуей, с когтистыми пальцами.

Крокодил метнулся за Пашкой, в мгновение ока оказался на берегу и угрожающе зарычал.

Пашка стал отступать вверх по склону. Может, и стоило позвать на помощь, но конечно же ему было стыдно, и он молчал.

У крокодила оказалось короткое толстое туловище, хвост едва доставал до земли. Чудовище размахивало этим коротким хвостом и било им по деревьям и кустам.

Пашка понял, что не может тягаться с этим крокодилом или кто он там, тем более что на дороге попался густой куст и Пашка застрял в нем, как в паутине.

Хриплый крик вырвался из его уст.

На счастье, поблизости оказалась старуха, которая всегда с такой злобой смотрела на Пашку. Она, видно, собирала какие-то корешки.

При виде Пашки старуха выпрямилась и бросила корешки на землю. Похоже, она испугалась куда больше Пашки, потому что заверещала, словно поросенок.

Пашка все бился в кусте, но от старухино верещания крокодил оторопел и остановился. Наверное, теперь он не знал, на кого кидаться.

И тут на подмогу сверху скатился пес. Пещерный ископаемый пес, похожий и на собаку, и на лисицу, и на енота — видно, окончательное формирование еще не произошло. Но лаять он умел великолепно, крокодила вовсе не испугался, а стал, залиvisto лая, прыгать на него.

Крокодил несколько раз открыл и закрыл пасть, будто просил прощения, и начал пятиться вниз по склону, неосторожно оступился и потерял равновесие. Конец своего пути к реке он катился как бревно. Пашка чуть было не рассмеялся.

Старуха сразу стала кричать на Пашку, слов он не понимал, но смысл конечно же улавливал: «Куда ты суешь свой нос, так можно и вовсе без носа остаться! Видели бы тебя дедушка или мать — они бы этого не пережили!»

Пашка отмахнулся от глупой старухи.

Пес подбежал к нему, стал прыгать вокруг, потом лег на спину — все четыре лапы кверху, — ну, как настоящий! Пашка погладил его и тут же отдернул руку — на нем, наверное, миллион блох!

Можно считать, крокодилу просто повезло, что он не догнал Пашку. Если бы посмел догнать — тут бы Пашка ему и треснул по голове!

Так Пашка и сказал ребятам, которые прибежали следом за псом. Они стали расспрашивать старуху, кто напал на Пашку, она им что-то отвечала, все время повторяя слово «дуля». Дуля и дуля. Наверное, так у троглодитов называется этот крокодил.

Пашка поднялся на площадку перед пещерой. Ребята снова принялись разделявать ленивца, дымок, которым тянуло из пещеры, стал гуще — вероятно, на костре что-то готовили. Пахло печеными овощами.

Близняшки куда-то ушли, не было видно и мужчин. Только Мама встретила Пашку, и, когда старуха рассказала ей, что Пашка чудом спасся от смерти в челюстях крокодила-дули, она начала Пашке выговаривать, чтобы не смел соваться куда не просят. Но поскольку Пашке всю жизнь взрослые только это и говорят, он давно научился такие советы пропускать мимо ушей.

Пашка уселся на землю возле большой каменной плиты и положил на нее бульжник, который ему все-таки удалось найти в реке, пока старуха читала свои нотации.

— Сейчас будем изобретать настоящее оружие, — сказал он себе под нос.

Наверное, лучше всего сделать нож. Каменный нож. Он видел такие ножи на картинке в учебнике истории. Но нужен третий камень — чтобы откалывать от бульжника куски.

Тут к Пашке подошла любопытная девчонка, которая еще не получила имени. Она была поменьше Пашки, хотя он пока с трудом определял возраст троглодитов. Выглядела девчонка лет на семь-восемь. На Пашку она взирала с почтением и поэтому понравилась ему.

— Ты что? — спросила она.

Пашка повернулся к Девочке-без-имени и ответил:

— Я делаю острый камень.

В языке троглодитов не было слова «нож». Пашка догадался, что у них существуют обозначения только для тех вещей, которые уже придуманы.

— Зачем?

Пашка не ответил. Он подумал: «Неправильно, что детям не дают имен. Ну как их называть?!»

— Как тебя называть?

— Девочка, — сказала девочка.
— А вон ту, которая режет ленивца?
— Девочка.
— А того мальчика?
— Мальчик.

— А как вас, девочек, различать?
— Нас не надо различать, мы себя различать сами. — Девочка с трудом сказала такую длинную фразу. И она попыталась объяснить Седому, которому, вообще-то говоря, рано иметь имя, но для которого сделали исключение: — Все равно какой ребенок. Зови одного, приду я — ребенок. Все равно какой.

— Ладно, — смирился Пашка. — Лучше смотри. Вот как надо делать ножи.

Он положил камень на плиту и стал бить по нему другим камнем.

Девочка-без-имени сказала:

— Так нельзя. Плохо. Камень плохой.

— Что ты понимаешь!

— Надо кремень, — сказала девочка. — Это не кремень.

Тут, конечно, и другие дети подбежали. И начали объяснять, что нужен кремень, что орудия делают только из кремня, что за кремнем взрослые ходят далеко-далеко, целый день идут. Что-то Пашка понял, чего-то не понял. Но главное, он не знал троглодитского слова, обозначающего кремень, и потому все речи детей были для него пустым звуком.

Он бил камнем по камню, стараясь откалывать кусочки, но ничего не получалось. Оба камня крошились, и только.

Пришел горбун Крот. Он тоже принялся объяснять Пашке, что тот неправильно делает орудие. Даже Мама подошла наконец и строго сказала Пашке, что, хоть он уже и получил имя, это не значит, что он взрослый охотник. Он должен всех слушаться и перестать стучать плохим камнем о плохой камень.

Правда, во всей этой шумной сцене Пашка понимал далеко не все из того, что ему говорили и кричали, а троглодиты понимали не все, что им отвечал Пашка.

— Нет! — закричал Пашка, вконец разозлившись. — Я вам докажу, что я прав!

И со злости он так ударил камнем по камню, что его булыжник раскололся точно пополам.

И оказалось, что он внутри полый!

Внутренность камня сияла, потому что кончиками внутрь в нем расположились какие-то сверкающие кристаллы.

— Эх, — вздохнул Пашка, — не повезло. А я думал, что камень целый.

Но троглодитов просто поразили Пашкины действия — словно он был знаменитым фокусником.

Мама наклонилась и медленно подняла половинку камня, будто чашу, выложенную изнутри алмазами.

— Чего удивляетесь? — сказал Пашка. — Горного хрусталя, что ли, не видели? Дикие люди!

Троглодиты кудахтали, как куры на базаре, потом Мама попыталась отколупнуть один из кристаллов.

Из пещеры выполз Гром. Наверное, он спал, и крики его разбудили.

— Что случилось? — спросил Гром.

— Седой! — закричали дети. — Седой! Седой!

Они затарахтели, объясняя Грому, как новичок притащил камень, чтобы сделать нож, а вместо этого камень разбил. И там внутри оказались кристаллы.

— Зато красиво, — сказал Пашка.

Гром отобрал половинку камня у Мама, положил его на плиту и так ударил сверху глыбой, что «чашка» рассыпалась и кристаллы покатались во все стороны.

Все кинулись подбирать кристаллы, но Мама криком приказала оставаться на местах. Она сама собрала кристаллы, а потом начала раздавать их. Себе взяла самый большой, Грому дала поменьше, остальным — совсем маленькие. Правда, Пашке достался кристаллик чуть больше, чем у остальных.

«Ну что ж, — решил Пашка, — по крайней мере, надо мной не смеются. И я им всем еще докажу, что я — великий человек. Эти троглодиты еще будут передо мной преклоняться!»

— Седой — хороший, — сказала Мама. Потом быстро приказала старухе что-то сделать, та попыталась возражать, Мама на нее прикрикнула, и старуха ушла в пещеру.

Через минуту она вылезла обратно. В руках она держала настоящий кожаный пояс с карманом спереди — такие пояса носили лишь главные троглодиты. Даже у девушек Уры и Оры их не было. Не было пояса и у самой старухи. Только у Тигра, Крота, Грома и Мама.

— Твой, — сказала Мама. — Бери.

Пашка обрадовался такому подарку. Значит, он перешел в число настоящих охотников. К тому же удобно иметь хотя бы один карман. Попробовали бы вы прожить день без карманов или сумки. Пашка прихватил поясом шкуру — удобно!

Смешные люди эти троглодиты. Недаром раньше путешественники брали с собой бусы для туземцев. Им так нужны блестящие камешки!

Пашка провел острием кристаллика по камню — и на камне появилась белая полоса. Смотри-ка! Может, научить их писать? Они будут писать записки, а потом у них появится литература. Нет уж, лучше не надо! А то напишут скучную классику и заставят детей, у которых даже имени еще нет, учить свои рассказы.

Крот подобрал с земли обглоданную лопатку оленя, склонил голову, задумался, потом принялся царапать хрусталиком по кости. Пашка подошел поближе. Оказывается, они умеют рисовать!

Пашка включил камеру и стал снимать, как из-под пальцев Крота на лопатке появляется медведь, стоящий на задних лапах. А перед медведем — человек с палкой.

Многие подходили к Кроту полюбоваться картинкой, которая всем очень понравилась. Правда, сравнивать-то им было не с чем.

Крот подошел к остывающему костру возле пещеры, набрал в ладони золы и начал тереть лопатку. Зола попала в углубления, и рисунок стал четким, словно Крот делал его карандашом.

— Дашь на память? — спросил Пашка.

— Память? — Крот его не понял.

— А я тебе тоже что-нибудь подарю. Как только изобрету — все твое.

Крот не понял, но лопатку с рисунком отдал. Пашка понес ее в пещеру, где решил складывать добычу, — ведь из экспедиции надо привозить экспонаты, то есть всякие вещи для музея.

Кристалл Пашке надоел — не будет же он рисовать на кости?! И Пашка сунул его в

карман своего пояса.

Глава седьмая. Рыбобой

Надо было продолжить изобретения. С ножом пока не получилось, тогда Пашка подумал, что троглодиты очень нуждаются в удочке. Или в сети. Пашка еще не решил, что изобрести дальше. Тут он увидел, что Гром взял из пещеры прямую палку, заостренную на конце.

— Ты куда? — спросил Пашка.

— Рыба, — сказал Гром. — Знать рыбу?

— Ты что, собираешься рыбу палкой ловить? — Пашка даже засмеялся.

— Как ловить не палка? — удивился Гром.

— Я пойду с тобой, — сказал Пашка.

Гром не стал возражать.

Они спустились к реке. Крокодила-дулю видно не было, но Пашка решил не расслабляться. Он оглянулся — может, песик за ними прибежал? Все-таки подмога. Но и песика не было.

Гром подошел к реке и стал вглядываться в прозрачную воду. Затем направился вверх по течению. Пашка шел следом. Вот Гром отыскал удобное место — там был перекат, и река весело журчала по камешкам. Гром зашел в воду по колено и замер. Палку он держал в руке, чуть приподняв.

Приглядевшись, Пашка увидел, что в стремнине медленно плывет крупная рыбина, так медленно, что, казалось, она вовсе не движется, лишь хвост ее колебался и поворачивался, как руль у лодки.

— Давай, — подсказал Пашка Грому. — Бей.

Гром послушался и метнул палку вперед. Рыба чуть отошла в сторону, а палку Гром выпустил, и потому ему пришлось лезть в глубину, чтобы достать.

— Ну что ж ты! — укорил его Пашка, когда Гром, весь мокрый, дрожащий от холода, вылез на берег.

— Лучше бы ты под руку не кричал! — прорычал Гром.

Вернее, он сказал это иначе, по-своему, попроще, но Пашка все понял и вдруг подумал: «А ведь дикий и совершенно неуправляемый человек! Возьмет и задушит или проткнет палкой вместо рыбы». Он на всякий случай отошел подальше от реки и уже оттуда крикнул:

— Надо удочку изобретать! Нечего жить как троглодиты.

Но Гром его не слушал, он уже снова полез в реку. Он был первобытным человеком и не видел никакой романтики в рыбной ловле.

— Вообще-то говоря, — крикнул ему Пашка, — рыбу так не ловят!

— Как ловить? — спросил троглодит.

— Существует множество способов, — ответил Пашка, присаживаясь на берегу. — Наиболее простой, пригодный, скажем, для пенсионеров — это удочка. Понял?

— Уточка, — повторил Гром. — Я понять. Понял.

— Значит, не понял, — сказал Пашка.

Он отыскивал на земле камешки и кидал их в воду так, чтобы они прыгали «блинчиком». Но для этого нужны плоские гладкие камни, а на берегу лежали круглые, и прыгали они плохо.

— Удочка, — продолжал Пашка свою лекцию, — состоит из удилица, желательно бамбукового. У вас бамбук растет?

— Бамбук растет, — вежливо ответил троглодит. — У нас все растет.

— Может, у вас и финиковая пальма растет?

— Растет, — сразу согласился Гром.

Нет, подумал Пашка, они здесь слишком вежливые. Он просто не хочет меня обидеть. И чтобы проверить эту мысль, Пашка невинным тоном спросил:

— А носороги у вас растут?

Задав вопрос, он не смог сдержать улыбки. Но рыбак не смотрел на него; он зашел в реку поглубже, потому что увидел крупную рыбину. Замахнувшись копьём, Гром ответил:

— Носороги у нас не растут. Носороги у нас водятся. И лучше бы тебе с ними не встречаться.

Пашка помолчал — оказывается, не такие уж они здесь и глупые. И ответил-то Гром как складно! Но урок необходимо продолжить, надо научить их ловить рыбу.

— Если бамбука нет, — сказал Пашка, — то можно срезать длинную прямую ветку орешника. Понятно?

— Понятно.

— А к ее концу привязать леску.

— Леску?

— Очень крепкую тонкую нитку.

— Я твоих слов не понимаю, мальчик, — сказал троглодит и кинул копьё в рыбину. В последний момент рыбина увернулась, но далеко отплывать не стала, будто издевалась над рыбаком.

Гром поспешил за своим копьём, которое поплыло вниз по течению, а Пашка кричал вслед:

— Если у вас нет нейлона, то можно вытащить из кого-нибудь очень длинную жилу. У кого очень длинная жила?

— Он ее не отдаст, — ответил троглодит. Он наконец-то догнал копьё и теперь возвращался обратно, вверх по течению. Рыбина плыла за ним — одной ей было скучно. — Ты говори, говори, — попросил Гром. — Мне интересно тебя слушать. В твоей голове поселилась мудрость. А по виду никогда не догадаешься.

Пашка подумал и решил, что ничего обидного в словах первобытного человека нет, поэтому стал объяснять дальше:

— На конце лески обязательно должен быть крючок. Это тебе понятно?

— Не очень, — признался троглодит.

— А что такое вопросительный знак, ты знаешь? — спросил Пашка. Он увлекся и совсем забыл, что троглодиты неграмотные. Когда видишь перед собой взрослого дядю, хоть и одетого в шкуру, трудно представить, что он не умеет читать и писать.

Пашка стал думать, как бы получше рассказать про крючок. Но придумал не сразу. А когда придумал, то попросил:

— Гром, погляди на меня.

Гром замер с копьём, поднятым для удара, потом повернулся к Пашке.

Пашка показал ему указательный палец, согнутый крючком:

— Видишь?

— Вижу, — печально ответил Гром, который уже устал обучаться рыбной ловле.

— Вот такую штуку мы должны сделать из железа или чего-нибудь твердого. И на конце будет такая острая зазубрина.

— Понял, — сказал троглодит так, что Пашка сообразил, что Гром ничего не понял. Рыбина отплыла в сторону и провалилась.

— Ты закидываешь удочку в воду и ждешь, пока рыба клюнет.

— Рыба не птица, — сказал Гром и стал вылезать на берег. — Она клевать не умеет.

Пашка подобрал камешек и кинул его. Тот два раза подскочил на воде и утонул.

— Ты больше не будешь сегодня рыбу ловить? — спросил он. — А жалко. Мне есть еще чему тебя научить. Ты даже не подозреваешь, как интересно сделать бредень или невод.

Гром пошел вверх не оглядываясь, а Пашке не хотелось оставаться на берегу в одиночестве.

Он повернулся и через плечо кинул последний камень. В тот момент троглодит тоже обернулся и спросил:

— Ну, ты идешь, маленький обманщик? — и замер с разинутым ртом.

Оказывается, рыбина, которой тоже было интересно послушать, как Пашка изобретает удочку, вылезла из воды почти наполовину, и камень, наугад пущенный Пашкой, угодил ей прямо в голову. Оглушенная рыбина поплыла по реке белым брюхом вверх.

— Держи ее! Йеех! — завопил троглодит и, отбросив копье, кинулся в воду. Он догнал рыбину чуть раньше, чем это сделал крокодил, и выскочил на берег, прижимая ее к груди обеими руками. Хвост и голова рыбины свешивались вниз.

Пашка просто обалдел от неожиданности и сначала даже не понял, что рыбину оглушил именно он. Но троглодит, который шагал, с трудом удерживая скользкую рыбину в руках, все объяснил.

— Седой! — сказал он. — Приблудный мальчик! Ты великий охотник! Ты так заговорил рыбу, что она подставила тебе голову.

— А разве я плохо бросил камень? — спросил Пашка.

— Гениально! — ответил троглодит.

Вдруг Пашка почувствовал неладное и обернулся.

Этого еще не хватало!

Четыре или пять ископаемых крокодилов топали за ними по тропинке, спешили, толкались, стремясь отнять добычу у рыбаков.

Зрелище было таким ужасным, что Пашка подпрыгнул и, чуть не сбив Грома с ног, помчался наверх.

Он несся, ничего не видя перед собой, подобно неуправляемой ракете, и потому даже не заметил, как врезался головой в волосатую спину какого-то существа.

Существо тоже не ожидало нападения сзади, оно ткнулось носом в траву, издав при этом пронзительный испуганный крик.

И мгновенно кусты вокруг ожили. Оказалось, что там скрывалось несколько громадных обезьян, или похожих на обезьян людей, которые, услышав панический вопль своего родича, кинулись бежать, топоча, как стадо слонов, теряя дубинки и камни. Главное — спасти свою жизнь!

Существа вылетели толпой на площадку перед пещерой, повернули направо и с треском ринулись по заросшему кустарником обрыву, тогда как обитатели пещеры застыли от ужаса, открыв рты и не смея пошевелиться.

Потому что они увидели банду разбойников, которые, похоже, собирались напасть на

пещеру. Но кто-то их прогнал.

И тут же появился Тот-кто-прогнал-злых-чу.

Это был юный охотник Седой. Его глаза сверкали от страха, но никто этого не увидел. Все решили, что глаза его сверкают от ярости.

Мама заключила Пашку в свои горячие объятия, стала его тискать, целовать и кричала при этом:

— Он — наш спаситель. Злые чу шли нас убить. Седой их увидел. Седой их побил! Седой прогнал целую банду чу.

— Кого-кого? — спросил Пашка.

Он высвободился из объятий Мама. Как всякий сообразительный ребенок, Пашка уже понял, что никто не собирается ругать его за трусость, а наоборот, все думают, что он совершил геройский поступок.

Каждый старался дотянуться до Пашки, похлопать его, погладить. Даже злая старуха Туча криво усмехнулась.

А Девочка-без-имени поцеловала Пашку в щеку, страшно покраснела и убежала в пещеру под хохот всего племени.

Тут пришел Гром с рыбиной в руках. Но крокодилы, которых так испугался Пашка, следом не появились. Пашка понял, что они испугались криков и топота.

Все начали объяснять Грому, что Пашка, увидев бандитов чу, не побоялся кинуться на них и заставил их убежать.

«Сейчас Гром расскажет, что все было не так, что я убежал от крокодилов...» Пашка даже замер. Но оказалось, что Гром не видел крокодилов, и поэтому он протянул руку Пашке, сказав:

— А я думал: куда он побежал? Бежит — молчит. Не хотел раньше времени бандитов спугнуть, да? В другой раз зови меня. Вдвоем лучше.

— Нет, — сказал Пашка, — вдвоем не лучше. Вдвоем они бы нас услышали.

Гром согласился:

— Вдвоем хуже. Один — лучше. Седой умный.

— А то! — сказал Пашка, который уже искренне верил, что сражался с бандитами чу.

Тут Гром вспомнил про рыбу и стал описывать подвиг Пашки, который не только знает все хитрости и секреты рыбной ловли, но и одним броском обыкновенного камня уложил такую рыбину!

— Лосось, — сказала Мама. — Редкая добыча. Будем жарить или так съедим?

— Так съедим! — закричали троглодиты.

— Икру не трогать, — строго предупредила Мама. — Икра — вождю. Полезно для здоровья.

Вдруг послышался стон, доносившийся снизу, со склона.

Пес поднял ухо и тявкнул.

Взрослые троглодиты схватили дубинки, заостренные палки и камни и осторожно пошли по направлению к стону.

Пашка отправился за ними, а троглодитские дети остались возле пещеры под охраной старухи и Крота.

Идти далеко не пришлось. Под большим деревом лежал, неудобно подогнув ногу, один из разбойников. Пашка сразу вспомнил рассказ Ричарда и фильм, который смотрел перед путешествием.

Это же неандерталец! Загадочный обитатель каменного века! Неандертальцы жили вместе с первобытными людьми, но потом исчезли. И никто не знает, что с ними случилось. Значит, Пашка — на пороге исторического открытия.

— Погодите! — закричал он, увидев, что Гром поднял дубинку и направился к неандертальцу. Тот попытался отползти, но подняться не смог — наверное, сломал ногу.

Неандерталец оказался не меньше человека ростом, куда шире в плечах и с более крупными и сильными руками. Словом, он выглядел могучим созданием. Лоб у него был низкий, покатый, брови так тяжело нависали над глазами, что и глаз-то не было видно, нос расплющенный, губы выпячены — нет, это просто горилла какая-то!

Неандерталец пытался защищаться, скалился, показывая очень большие зубы — такими можно и руку откусить. Ясное дело, он был обречен.

Но тут листва раздалась, и появились волосатые руки — несколько рук. Это остальные разбойники вернулись за своим пострадавшим товарищем.

Пашка снимал, стараясь не упустить ни одной детали этой сцены. Ведь его фильму цены не будет! Встреча людей с неандертальцами. Как жаль, что он не сумел снять собственную стычку! Ведь это он обнаружил засаду неандертальских разбойников. В другой эпохе ему за это полагался бы орден. А тут... Может, лишнюю косточку дадут на обед?

Но он приехал сюда не за орденами и косточками. Он — ученый. Его долг — все увидеть, понять и рассказать другим.

Гром опустил дубинку, но опоздал.

Пашка почувствовал облегчение от того, что Гром не успел убить неандертальца.

А троглодит начал ругаться страшными первобытными словами. Пашка постарался успокоить его.

— Понимаешь, — сказал он, — неандертальцы все равно вымрут. Скоро их не останется. Неужели тебе хочется, чтобы именно люди, разумные кроманьонцы, оказались причиной гибели неандертальцев?

Конечно, Пашка изъяснялся сложно для троглодита, но Гром его понял и уверенно ответил:

— Вот именно!

— Ты этого хочешь? — удивился Пашка.

— Мы все хотим, — сказала Девочка-без-имени. — Тогда не будет разбойников.

— Будет спокойно и много мяса! — заявили остальные троглодиты.

— Боюсь, что мне вас не переубедить, — вздохнул Пашка. — Но если не будет неандертальцев, у вас найдутся другие враги.

Троглодиты задумались. Они стояли вокруг Пашки и думали так напряженно, что было слышно, как у них поскрипывают еще не совсем человеческие мозги.

— Какие враги? — спросила Мама. Она даже обернулась, чтобы проверить, не крадется ли враг.

— Ну, тигры, медведи, крокодилы... Звери.

Все начали кивать, потому что были согласны с Пашкой. Они не подумали о зверях, но оказалось, что Пашка опять прав. Он такой умный!

— Всех зверей надо убить, — сказал Крот. — Тогда будет спокойно и хорошо.

— И много мяса! — сказали остальные.

— Да, — сказала Мама. — Тигр плохой, медведь плохой, все звери плохие. Они едят быка и оленя, они отнимают наше мясо.

— У-у-у! Наше мясо! — возмущенно зашумели троглодиты.

— Эх, — махнул рукой Пашка, — ничего вы не знаете про науку экологию. Волки и медведи — санитары леса.

— А кто такой санитар? — спросил Мальчик-без-имени.

— Это доктор, только поменьше, — сказал Пашка. — Он лечит людей.

Все подумали, потом Мама сказала:

— Наверное, это колдун. Он лечит зверей.

После этого все пошли обедать, и Пашке в самом деле дали большую кость жареного на костре ленивца. Он подумал, что совсем не так уж плохо быть героем. Главное — не трудно. Пришел, увидел и стал героем.

Пашка снимал, как троглодиты едят. Конечно, у них не было вилок и ножей, не говоря уж о ложках. Но хорошо, что они уже научились жарить мясо, а то бы Пашка умер с голоду.

После обеда троглодиты отправились спать. Они сбились в кучу на сене и шкурах возле чуть тлеющего костра. Но Пашке спать не хотелось — у него практически каждая минута была на счету. К тому же тайна неандертальцев так и не разгадана. Хотя, возможно, Пашка близок к разгадке. Как говорил Ричард: «Ты попадаешь как раз в тот период, когда все следы неандертальцев исчезают. И никто не знает, то ли они были перебиты кроманьонцами, то ли смешались с ними и в каждом из нас живет кусочек неандертальца».

Пашка вспомнил отвратительные злобные морды неандертальцев и даже поморщился — так ему не хотелось, чтобы в нем оставался кусочек неандертальца.

Зато Пашка уже знал кое-что, о чем Ричард не догадывался. Оказывается, в конце своего существования неандертальцы стали разбойниками. Они нападали на людей. Может быть, они их ели? С таких станется! Как морлоки в «Машине времени» Уэллса. Эх, посмотрел бы великий писатель Уэллс, как московский школьник разгуливает по отдаленному прошлому!

Все троглодиты спали. Лишь возле входа в пещеру сидела Ора — одна из близняшек — и следила за костром. Пашка уже знал, что костер надо беречь: видно, у них здесь плохо со спичками.

Пашка помахал Оре и сказал:

— Я далеко отходить не буду. Можно?

Девушка решила, что Седой шутит.

— Великий воин! Победитель бандитов чу! Добытчик медовой гусеницы! Разве такой воин спрашивает разрешения у обыкновенной маленькой женщины, которая только недавно получила имя?

Пашка не стал возражать. Если она тоже считает его великим воином, значит, жизнь прожита не зря. Ведь им здесь, в первобытной эпохе, лучше знать, кто великий, а кто нет.

Пашка направился к тому месту на склоне, где они нашли неандертальца. Он решил, что попробует пойти по следам и отыскать, где неандертальцы живут. Вот тогда получится фильм «Последний неандерталец»!

Полянка, где лежал раненый, была вся истоптана. Трава примята. Пашка внимательно осмотрелся — он был настоящим следопытом на тропе подвигов.

Вдруг на глаза ему попался какой-то предмет. Пашка наклонился и поднял из травы маленький костяной шарик, продырявленный посередине. Сквозь дырку была продета тонкая полоска кожи. Амулет. Или талисман. Не помог он неандертальцу!

Интересно, а Пашке поможет? Пашка надел на шею кожаный ремешок. Костяной шарик был теплым и скользким на ощупь. На нем было что-то нацарапано.

«Теперь я член стаи неандертальцев», — подумал Пашка.

Он пошел дальше, в ту сторону, куда соплеменники утащили раненого. Они волокли его через кусты, и потому идти по следу было нетрудно. Пашка конечно же шел осторожно и прислушивался. Меньше всего ему хотелось попасть в зубы к тигру или медведю.

Вдруг он остановился.

Справа от него кусты были особенно густыми, казалось, что в глубь зарослей ведет темный ход, который закрывала огромная паутина. Конечно, попасть в такую паутину страшно, да и хозяин наверняка — великан среди пауков. Но в тот момент Пашку увлекла совсем другая мысль.

«Это же выход! — подумал он. — Гигантский шаг вперед в прогрессе человечества. Именно из такой паутины можно сделать сеть для ловли рыбы, лески для удочек и даже силки для птиц. Но сначала надо посмотреть, кто там хозяин».

Пашка отыскал на земле толстый короткий сук и кинул его в паутину. Паутина затрепетала, сук было приклеился к ней, но потом оторвался и упал на землю.

Паук не появился. Скорее всего, у паутины не было хозяина. Он ушел жить в другое место, а паутину оставил. Пауки никогда не сворачивают паутину и не уносят ее с собой.

Пашка отыскал палку подлиннее и стал дергать паутину.

Никакого эффекта.

Тогда Пашка понял, что находка действительно великолепна.

Он начал срывать концом палки тросик, которым паутина крепилась к стволу дерева. Тросик оборвался. Наматывая его на палку, Пашка подошел к паутине совсем близко.

Что делать дальше? Нужна вторая палка.

Пашка стал оглядываться и не заметил, как сделал шаг назад. И тут кто-то схватил его липкими лапами.

С перепугу Пашка попытался обернуться — липкие лапы оказались паутиной! Пашка почти успокоился. Паука здесь нет, а с паутиной он справится.

Но выяснилось, что все не так просто. С каждым движением Пашка все больше запутывался. Паутина была не только липкой, но и ужасно крепкой — разорвать нить оказалось невозможно.

Пашка начал злиться. Лишнего времени у него нет, пора спешить к неандертальцам, а тут такая вот глупость получилась!

Он рванулся сильнее, но паутина схватила его еще крепче.

И тут проснулся хозяин этой ловушки. Вернее всего, он не спал, а поджидал настоящую добычу.

Это был старый мудрый паук, который не кидается на всякие там палки и сучья. Он ждет, когда вкусненький, сладенький человечек сам себя завернет в липкую паутину, тогда можно проснуться и пойти укусить, чтобы не дергался. А потом, как из большой мухи, высосать всю кровь.

— Стой! — закричал Пашка. — Ты с ума сошел! Я здесь на практике!

Паук, конечно, и не подозревал, что существует какая-то практика. У него самого была вечная практика — он никогда не занимался теорией поедания людей, он поедал их на практике.

Паук шел к Пашке не спеша, туловище у него было размером с два кулака, глаза черные, маленькие, злобные, а волосатые лапы... Вы никогда не видели таких страшных когтистых волосатых лап, каждая длиной в руку!

Паук нетерпеливо перебирал этими жуткими лапами, собираясь прыгнуть.

У Пашки от ужаса перехватило горло.

И в этот момент паук прыгнул!

Пашка зажмурился...

Ничего не случилось.

Пашка открыл глаза.

Паук лежал на земле — все лапы кверху, рядом — большой камень.

Пашка посмотрел в другую сторону. Оттуда ковыляла злая старуха Туча.

— Глупый Седой, — сказала она. — Все думают, что воин, а ты — глупый.

— Ну уж, попрошу! — обиделся Пашка. — Я не давал вам оснований...

Откуда-то из складок своих шкур, в которые она была закутана, как кочерыжка в капустные листья, старуха вытащила заостренный на конце булыжник и начала быстро резать паутину. Вскоре Пашка буквально вывалился оттуда.

— Надо идти в реку, помыться, — проворчала Туча, повернулась и пошла прочь.

— Вы куда? — спросил Пашка.

— За грибами, — ответила бабка противным голосом. — Не век же мне с тобой возиться.

— Спасибо, бабушка, — сказал ей вслед Пашка. — Возможно, вы спасли мне жизнь.

— Не возможно, а наверняка, — буркнула бабка.

Пашка принялся сдирать с себя клочья паутины и вдруг вспомнил об одном важном обстоятельстве.

— Туча! — крикнул он.

Надежды на то, что старуха все еще бродит поблизости, не было, но все же...

— Чего тебе? — издали откликнулась Туча.

— Я хочу вас попросить...

— Да не скажу я никому, не скажу, не бойся! — крикнула бабка. — Дело молодое, глупое...

Отдышавшись, Пашка решил продолжить путешествие. Правда, теперь он старался идти по открытым местам и не приближаться к густым кустарникам. На его счастье, выше по склону деревья стояли редко, между ними росла высокая трава. Один раз Пашка остановился, потому что неподалеку пробежала дикая свинья, очень похожая на современную, только с длинной мордой и большими загнутыми клыками, отчего она напоминала слоника. За свиньей вереницей бежали поросята с махонькими клыками. При виде человека семейка припустила со всех ног.

Еще через несколько метров подъем кончился, и Пашка вышел на равнину, на которой росли одиночные деревья. Равнина тянулась далеко, и края ее скрывались в легкой мгле.

Пашке захотелось идти весь день, а может, сто дней, раздвигая высокую траву, вдыхая душистый степной воздух...

И тут он увидел то, о чем и не мечтал: почти у горизонта двигались черные силуэты самых настоящих мамонтов!

Для Пашки путешествие в прошлое по-настоящему началось только с этого момента. Люди они и есть люди — ты их только переодень, и они станут троглодитами. Неандертальцы — большие обезьяны без всякого разума. Да и не видел их Пашка толком... Но мамонты, волосатые гиганты с кольцами огромных, до земли, бивней, горбатые, неповоротливые!.. Вот такого Пашка с удовольствием подстрелил бы в поединке один на один. Ну а потом начал бы охранять тех, кто остался в живых.

Мамонты брели не спеша, иногда кто-нибудь из них останавливался и начинал рвать хоботом траву. Остальные ждали. Один мамонтенок прыгал, пытаясь достать до веток дерева. Подошла мать и наклонилась верхушку, чтобы сыну было удобнее.

Мамонты приближались, и Пашке уже было видно, как сверкают их глаза, как белые цапли сидят у них на спинах и выклевают блох или каких-то других паразитов — ведь мамонты, как и троглодиты, никогда не моются.

И тут Пашке довелось стать свидетелем трагедии.

Другой мамонтенок, чуть больше того, что пытался достать до веток, отстал от стада.

Неожиданно из-за дерева метнулась тень. Гигантский тигр взлетел в воздух, когти его вонзились в хобот мамонтенку. Мамонтенок не выдержал этого могучего удара, упал и завопил, совсем как обиженный ребенок. Тут же ему в ответ затрубила мать. С неожиданной для такой неуклюжей громады резвостью она развернулась и кинулась на помощь своему ребенку.

Появился второй тигр. Он встретил мамонтиху, спешившую на выручку сыну, и, подпрыгнув, вцепился ей в лоб, раздирая задними лапами хобот.

Наверное, вся эта схватка закончилась бы для мамонтов плохо, но, как всем известно, слоны — куда более умные животные, чем львы или тигры. Они знают, что сильнее всех тогда, когда вместе.

Мамонты разом развернулись и стеной бросились на хищников.

Тигр, который пытался растерзать мамонтенка, был слишком поглощен своим злодейским занятием и не заметил опасности. Зато второй успел сообразить, что против стада мамонтов ему не устоять. Поджав хвост, он побежал прочь. Первый же поднял окровавленную морду, показал огромные желтоватые клыки и страшно зарычал.

Но его рычание никого не испугало.

Тяжелые крутые бивни ударили тигра по голове, толстые могучие ноги начали топтать его, и, хотя теперь он пытался убежать, было поздно. Прошло, наверное, чуть меньше минуты, и раздавленный саблезубый тигр уже валялся в траве.

Мамонты старались поднять мамонтенка. Они толкали его лбами, тянули хоботами, пока наконец он, пошатываясь, не встал на ноги. Две слонихи сжали его мохнатыми боками и так, между собой, повели. Сзади, прихрамывая, топала его мать.

Пашка был доволен, что заснял и эту сцену. Как оператору ему сказочно везет!

Надо бы возвращаться домой, в пещеру, но любопытство заставило пойти вперед. Ничто вроде ему не угрожало, никаких диких зверей поблизости. Пашка смотрел под ноги, чтобы не наступить невзначай на змею или скорпиона.

Над головой парили птицы. Одна из них спикировала вниз — Пашка понял, что стервятники заметили добычу. Он подобрал сук потяжелее и побежал к тигру, потому что в любой момент следом за стервятниками могли появиться гиены, шакалы, может, даже другие тигры. Многих зверей Пашка и в кино не видел, но уже знал, что настоящий охотник должен быть осторожен.

Подойдя к лежавшему на земле тигру, Пашка увидел, что мамонты постарались на славу. Морда тигра была раздавлена тяжелыми слоновьими ножищами, тело разорвано бивнями. Даже шкуру не возьмешь как охотничий трофей.

От жуткого удара один из клыков тигра отлетел в траву. Да, это был настоящий кинжал! Такого оружия у троглодитов нет.

Пашка поднял клык, обмотал широкий конец травой, чтобы было удобнее держать, сунул «кинжал» за пояс и повернул к пещере, размышляя о том, что с помощью таких клыков можно развить сельское хозяйство — копать, рыхлить, сеять.

Обратный путь обошелся без приключений.

Подойдя к пещере, Пашка крикнул:

— Выходи кто живой, начинаем развивать сельское хозяйство!

Когда соплеменники, которые все еще дремали после обеда, выползли наружу, Пашка вытащил из-за пояса клык саблезубого тигра и спросил:

— Ну, кто теперь лучший охотник?

Конечно, Пашка шутил и собирался честно рассказать, как стадо мамонтов разделалось с тигром, но, когда на лицах троглодитов появилось столь почтительно-восхищенное выражение, Пашка засомневался, рассказывать правду сразу или немного подождать.

— Где ты его видел? — спросила Мама.

— Там лежит! — Пашка показал в сторону леса. — Хотите — проверьте!!

— Это ты?.. — У Грома даже слов не нашлось, чтобы выразить свое удивление.

— Да, — сказал Пашка, который уже твердо решил не признаваться. — Увидел я саблезубого тигра...

— Клыка! — ахнули троглодиты.

— ...и вынужден был его завалить. Правда, нелегко мне пришлось...

— О! — сказала Девочка-без-имени. — Ему пришлось нелегко!

— Надо будет сходить наверх и выбить у тигра другие клыки. Тогда у всех будут такие кинжалы.

Троглодиты очень испугались. Они стали отворачиваться от Пашки, закрывая ладонями глаза.

— Нет! Нельзя даже смотреть на Клыка. Клык — хозяин леса! Клык — табу, — заговорили дикари.

— Табу или не табу, но мы его уничтожили, — сказал Пашка, причисляя себя к мамонтам.

— Он великий охотник, — сказала близняшка Ура. — Седой — великий охотник.

— Я хочу, чтобы он стал моим мужем, — заявила близняшка Ора.

Пашка даже покраснел от такого предложения.

— Успеешь, — сказала Мама. — Чтобы выйти замуж, надо сначала выучиться. Сколько видов съедобных грибов ты знаешь?

Ора принялась загибать пальцы и наконец сказала:

— Столько пальцев и еще немного.

Все начали смеяться так, что забыли про Пашку. Взрослые даже плакали от смеха, а малыши катались в пыли и в золе кострища. Даже злобная старуха Туча несколько раз хихикнула в кулачок. Когда же троглодиты отсмеялись, Гром сказал:

— Ты не знаешь простых вещей. Съедобных грибов... — Он поднял палец и огляделся. На мгновение палец его уткнулся в Пашку, и Пашка уже готов был честно сказать, что не знает, но, наверное, много... Однако в конце концов палец охотника уткнулся в Девочку-без-имени.

— Съедобных грибов, — сказала она громко, — сколько пальцев на руках, и еще сколько пальцев на ногах, и еще сколько шагов до реки.

Троглодиты принялись ухать, выражая удовлетворение, потому что Девочка-без-имени ответила правильно, а Гром сказал:

— Вот если бы эта девочка захотела взять Седого в мужья, я бы разрешил, потому что она много знает. Вот скажи нам, сколько яиц может снести орлица?

Девочка подняла два пальца.

Все снова обрадовались. Все, кроме, конечно, Оры. Она уже поняла, что, пока всему не выучится, не видать ей мужа как своих ушей. А когда она выучится, хороших мужей уже разберут. Поэтому она тихо заплакала, а Мама сказала:

— Пора дать имя этой девочке. Я думаю, что для нее есть хорошее имя: Умница.

— Пусть она будет Умницей, — сказал Гром.

И все согласились.

Пашка упрямо повторил:

— Надо пойти добыть побольше таких клыков.

Но троглодиты его как будто не слышали и стали расходиться кто куда. Даже Умница, которая всегда бегала за Пашкой, как собачонка, на этот раз отошла подальше. Так они все боялись тигра, даже мертвого.

Пашка сел на плоский камень и начал говорить. Он говорил медленно, чтобы его понимали. И сложных слов не употреблял.

— Хватит жить как троглодиты, — сказал он. — Я, великий охотник Павел по кличке Седой, говорю: надо идти к цивилизации. Иначе вы никогда не сможете подняться до самых вершин, изобрести радио и телефон.

Троглодиты слушали, явно ничего не понимали, но покорно кивали. Да Пашка и сам сообразил, что выступает не по делу. Как они изобретут телефон, если не знают даже колеса? Но остановиться Пашка уже не мог.

В этом беда всех вождей. Они начинают выступать, люди собираются, слушают их и думают: сейчас мы узнаем что-то очень важное. А вожди слышат только самих себя и поют как глухари. Почему глухарей зовут глухарями? Это такие большие птицы, которые поют и сами так радуются своему таланту, что ничего и никого, кроме себя, не слышат. Глухие они к чужому слову и мнению, за что и получили свое название. Охотники подходят совсем близко и берут этих птиц голыми руками. Потому глухарей и осталось так мало.

Вот и Пашка пел свою песню и не мог остановиться, хотя и понимал, что его речь для троглодитов — что китайская грамота. То есть слишком сложная.

— Я тут подумал, — продолжал он, — и понял, что у вас полное безобразие с орудиями труда и охоты. Даже то, что природа вам дарит, — например, клык саблезубого тигра — вы не хотите использовать. Вот скажите мне: вы охотитесь на мамонтов?

Теперь троглодиты поняли Пашку и начали махать на него руками: мол, ты что, окстись, нам жизнь еще не надоела!

— А ведь мамонт — это грудка хорошего мяса, это теплая шерсть и бивни, на которых можно вырезать различные картинки из вашей жизни.

— Не хотим слушать, страшно! — кричали троглодиты.

— А у меня есть план, — сказал Пашка. — Смотрите сюда.

Он взял камешек, сел на корточки и нарисовал прямую линию.

— Это, — пояснил Пашка, — тетива.

— Тетива, — повторили троглодиты.

Пашка нарисовал дугу, концы которой соединялись с тетивой. Ткнул пальцем в дугу и сказал:

— Дерево.

Троглодиты кивнули.

— Мы привязываем тетиву к концам толстой упругой ветки и натягиваем ее. Поняли? Ничего вы не поняли, но я покажу это в действии. Потом надо будет сделать стрелы и наконечники для них. С этим луком мы выйдем на охоту за мамонтами. И притащим мамонта в пещеру. Ура!

Все закричали «ура» и многие говорили, как повезло племени, что с ним согласился жить такой великий и мудрый охотник.

Глава девятая. В пещеру пришел медведь

Послушав Пашку, троглодиты разошлись по своим делам.

А Пашка принялся изобретать лук.

Когда он говорил об этом, казалось, что проблема не такая уж и сложная: веревка, палка и несколько палочек поменьше — вот и все оружие. А попробуй изобрети! Тетиву сделать не из чего, даже ветку подходящую срезать нечем. А из чего прикажете делать наконечники для стрел?

С паутиной не получилось. Значит, надо придумать катапульту. Вырезаем из дерева громадную ложку, кладем в нее бомбу...

Пашка даже улыбнулся. Путь к прогрессу оказался совсем не таким простым, как Пашке представлялось вначале. И все же сдаваться он был не намерен. Лук не получается, катапульту откладываем... Но можно выкопать глубокую яму в том месте, через которое мамонты проходят, направляясь к водопою, и, когда они пойдут, вожак обязательно провалится в замаскированную ловушку.

Правильно! Это идея. Сейчас поднимем народ и пойдем копать яму.

Пашка открыл было рот, чтобы призвать соплеменников в поход, но остановился.

Потому что копать землю было совершенно нечем. Лопату еще не придумали. А из чего ее делать? Ведь железа нет!

Пока Пашка ломал голову над тем, как направить троглодитов к прогрессу, из пещеры вышел горбатый Крот. За ним семенил ребенок.

Крот волочил орудие, которого Пашка еще не видел. Это был большой камень, похожий на грушу с заостренным концом, хитрым образом, крест-накрест, примотанную к толстой короткой палке. Получился молот... А может, топор?

— И что же ты собираешься таким топором рубить? — спросил Пашка у Крота.

— Таким топором я буду рубить дерево, — ответил Крот. — Огню надо кушать.

— Какое дерево? — Пашка чуть было не засмеялся. Видали чудака — молотком дерево рубить!

Пашка пошел за Кротом и принялся учить его жить.

— Такой штукой ты дерево не срубишь, — объяснял он. — Такой штукой можно гвоздь забить. Только у вас гвоздей нету. Можно муху убить. Но ты наверняка промахнешься. Топор, скажу тебе, еще изобрести надо. Я как раз над этим думаю. Так что оставь этот бульжник и подожди, пока я изобрету топор. Хочешь, я тебе нарисую, каким он будет?

— Ты великий охотник, — сказал Крот. — Все знают. Но я умею рубить деревья. Я тебя не буду учить, ты меня не учи.

Пашка не знал, обижаться ему или нет.

Но тут Крот остановился перед большим сухим деревом, размахнулся своим тупым топором — и на коре осталась вмятина.

— Смотреть противно! — заявил Пашка.

Крот спокойно и не спеша колотил по дереву, в одно и то же место. Постепенно вмятина становилась все шире и глубже.

Пашке тоже захотелось постучать, но Крот ему топора не дал.

— Ну, как хочешь, — сказал Пашка. — Только не обижайся, когда я изобрету настоящий топор и тебе его не дам. Понимаешь?

— Понимаю, — печально ответил Крот, которому, видно, все-таки очень хотелось

получить новый топор. — Но я буду понемножку старым рубить.

— Ну, до завтра, — попрощался Пашка.

«Совершенно дикие и даже психованные люди, — подумал он. — Крот проведет все ближайшие дни возле этого несчастного дерева, а ведь потом надо будет пилить на куски...»

Пашка поднялся к пещере. Все там были заняты какой-нибудь работой, но делали все как-то по-уродски.

Женщины скребли шкуры, чистили их, потом Тигр потащил шкуры к реке — мыть. Мама — большой мастер — оббивала куски кремня, чтобы получилось некое подобие ножей. Ну будто ничего другого делать не умела! Старуха Туча обжаривала на костре куски мяса впрок. Пашка подумал, что еще день-два — и он помрет без соли. Как они без соли обходятся — непонятно! Одно слово — дикари.

Пашка подходил ко всем по очереди и предлагал свою помощь. Но все отвечали ему, что такой великий охотник должен охотиться, а не тратить время на домашнее хозяйство.

Тогда Пашка отправился на охоту. Встретился ему рыжий заяц с висячими ушами — видно, предок нашего. Пашка погнался за ним, а заяц не спеша улепетывал. Потом остановился, обернулся и покачал головой. Пашке стало стыдно: чего он гонится за таким красивым зверем, чтобы убить?

Погоуляв по лесу, Пашка хотел было набрать грибов, но он давно не был в лесу и, честно говоря, вообще знал только два вида грибов — белые и мухоморы, все остальные считал поганками. Так что, если бы ему держать здесь экзамен, он провалился бы, как Ора.

Пашка вернулся к пещере.

И был буквально потрясен. Оказывается, пока он отсутствовал, Крот приволок огромное бревно, и теперь ребяташки долбили камнями ствол, чтобы получились чурбачки.

«Наверное, дерево было внутри пустое, — подумал Пашка. — Иначе бы он так быстро не справился». Пашке очень не хотелось признавать, что троглодиты отлично обходятся без его изобретений.

Так прошел первый день Пашкиной практики.

Ночью ему снилось, что он выкопал громадную яму, и в эту яму валятся один за другим мамонты и тигры. А сам Пашка спускается туда по веревке и связывает жертвам ноги, чтобы соплеменники могли вытянуть добычу наверх.

Пашка проснулся от холода и с мыслями о том, как надо учить троглодитов.

Все они, даже дети без имени, уже вскочили и выбежали греться на солнышко. Старуха раздувала почти погасший за ночь костер. Остальные сидели снаружи, завтракали — доедали вчерашнее мясо и рыбу и обсуждали планы на будущее. Пашка немного обиделся, что его не позвали, но виду не подал. В конце концов, хоть он и великий охотник, но все-навсего гость.

Заметив Пашку, Ура протянула ему мясную косточку.

Он стал есть как дикарь — дикарские порядки Пашке нравились: руки мыть не надо, купаться не надо, о ноже и вилке можно забыть, даже причесываться ни к чему.

— Сейчас Медведь придет, — сказала Ура шепотом. — Ты знаешь Медведя?

— Это зверь или человек?

— Ой, какой ты умный, Седой! — ахнула Ура. — Конечно, он сразу и человек, и зверь. Он страшный, как зверь, и главное всех людей.

— Он из нашего племени? — спросил Пашка, решив, что, может, кто-то уходил на долгую охоту, а теперь возвращается.

— Не притворяйся, — обиделась Ура, — все знают Медведя.

Пашка не успел ни о чем больше спросить, как из-за скалы вышел большой, широкоплечий, сутулый охотник. Он был совсем лысый — вот уж Пашка не думал, что троглодиты бывают лысыми! Это все равно что лысый лев.

Но Медведь был хитрым лысым: он перекидывал длинные черные пряди волос из-за ушей поперек лысины и еще смазывал чем-то, чтобы держались. Так что лысина у него была полосатая, как спина зебры.

На шее у Медведя висело ожерелье из медвежьих зубов. «Ну вот, — подумал Пашка, — мне, значит, нельзя, а какому-то приходящему Медведю можно целое ожерелье».

Медведь ему не понравился с первого взгляда. Сразу было видно, что он куда более знаменитый охотник, чем Пашка.

За Медведем шел воин с большой дубиной.

Оба незнакомца были чем-то похожи — низкие лбы, не больше, чем у неандертальцев, глазки маленькие, а челюсти тяжелые, скошенные. Это были люди, но похожие на неандертальцев.

Мама вела себя с достоинством, хотя Пашка почувствовал, что Медведя она побаивается.

Правил приличия люди еще не выдумали, так что Медведь не поздоровался, а сразу прошел к пещере, возле которой собралось в кружок все племя, и, отодвинув в сторону Уру, уселся. Его помощник, или телохранитель, положил дубину на колени и опустился рядом, скрестив ноги, притом так сильно стукнул мальчика, у которого еще не было имени, что тот заныл и убежал в пещеру.

На земле лежали остатки мяса. Мама сама взяла два куса получше и протянула их гостям.

Телохранитель откусил, пожевал и произнес:

— Ленивца поймали. Редкая добыча.

— Седой поймал. Он молодой, но хороший охотник, — сказал Гром.

Медведь покосился на Пашку:

— Чужой. Гоните его.

— Мы знаем, кого гнать, — сказала Мама.

«Вот молодец, — подумал Пашка, — а я уж испугался, что они меня предадут».

Медведь тоже попробовал мясо, но оно ему не понравилось.

— Плохое мясо, — сказал он и бросил кусок себе за спину. Пес с лаем кинулся туда, решив, что это его угощают.

Медведь загоготал. Остальные молчали. Пашка подумал, что им, очевидно, не нравится, когда мясо кидают собакам. Мясо еще поймать надо. Он хотел было все это сказать нахальному Медведю, но Умница — недаром имя такое получила — толкнула его в бок и одними губами произнесла:

— Молчи.

— Надо вам идти в мое племя, — заявил Медведь.

Никто ему не ответил. Только телохранитель, который доел свой кусок и выкинул кость, сказал:

— Маленькое племя — одни беды. Завтра вас разбойники чу съедят — кто поможет? Большой Медведь далеко.

— Мы придем в твои пещеры, — заговорила Мама, — охотники будут приносить мясо,

а ты будешь его есть? Ты возьмешь себе наших женщин, чтобы они кормили и развлекали тебя? Ты этого хочешь?

— Я не приду, другой придет, — сказал Медведь. — Маленьких всегда едят.

— Когда большая охота, мы идем, как все, — возразила Мама. — Что ты хочешь?

Медведь скривился — ему не понравилась речь Мама. Потом он протянул руку и схватил оставшийся кусок мяса — словно нечаянно. Но было видно, с какой жадностью горели его глаза.

— Чу очень мешают, — сказал Медведь. — Чу много развелось. Надо чу всех убить и сделать из их шкур одеяла.

Все молчали.

— Чу надо убить, — наконец согласилась Мама. — Это верно. Сегодня чу подбирались к нашему жилищу. Хорошо, что наш новый воин Седой увидел их и прогнал.

— Хэ! — крикнул Медведь. — Этот детеныш не охотник! У него не должно быть имени!

— Племя решает, кому давать имя, — сказала Мама. — Это закон леса.

— Ты пожалеешь, — пригрозил Медведь.

— Что надо делать? — спросил Гром.

— Чу уходят от зимы, — сказал Медведь. — Многие собираются в Долину Горячей Воды. К ним можно подкрасться незаметно. Мы подойдем и убьем всех чу.

— Убьем всех чу! — закричали дети.

— Убьем чу! — закричали взрослые.

Все радовались, словно их ожидала удачная охота.

— А зачем их убивать? — спросил Пашка.

Все посмотрели на него с осуждением.

— Но они же плохие, — сказала Умница.

— Они разбойники, — сказала Ура.

Но главное сказал Медведь:

— Они — другие. Значит, их не должно быть. Есть только люди. Большие коричневые люди. И тебя, чужой, тоже надо убить.

— Я уже говорила, — возразила Мама, — воина Седого никто не тронет.

Медведь не стал с нею спорить.

— Пойдем ночью, — сказал он. — Мы их растопчем. Пусть до темноты все соберутся в моей пещере.

— Разорвем! — закричал Гром.

— Шкуру сдерем! — закричал Крот.

— Старуха Туча! Оставайся и смотри за костром, — приказала Мама. — Ты знаешь: если мы останемся без огня, мы убьем сначала тебя. Седой, где твой тигриный клык? Покажи Медведю.

— Я не пойду убивать чу, — набравшись смелости, выпалил Пашка.

Очень трудно сказать «нет», когда все говорят «да». Ведь тебя не поймут, а будут думать, что ты трус.

Удивительно, но Пашкины соплеменники сразу забыли, что он великий охотник. Они словно прозрели и увидели перед собой просто чужого мальчишку.

— Как ты смеешь?! — закричала Мама. — Мы тебя убьем!

— Надо убить его, — согласился Медведь. — Я приказываю вам убить его! — И он

ткнул толстым пальцем в Пашку.

Не надо было ему так говорить. Своим нахальством он спас Пашке жизнь.

— Я — вождь племени, — сказала Мама. — Я здесь говорю. Когда ты покоришь мое племя, я буду слушаться тебя.

Медведь криво усмехнулся и пошел прочь. За ним последовал телохранитель с дубиной. Пока племя собиралось в поход, Мама подошла к Пашке.

— Вместо тебя пойдет Туча. Ты остаешься в пещере один. Главное — береги огонь. Огонь — наш живой друг. Если огонь умрет, племя тоже умрет.

— И на что вам только сдались эти чу? — спросил Пашка.

— Ты чужой, ты не знаешь. Они как дикие звери. Их надо убивать. Пока всех не убьем, они будут грабить и убивать нас, мешать нам охотиться, отнимать нашу пищу. Но их уже осталось немного. Скоро мы убьем последних.

Пашка слушал вождиху и думал: «Вот и разрешилась историческая загадка. Оказывается, наши прабабушки и прадедушки убили несчастных неандертальцев. А не убили бы, еще неизвестно, кто бы сегодня владел Землей».

Уходя, соплеменники старались не смотреть на Пашку, только Мама подошла к нему и сказала:

— Сними пояс.

— Зачем?

— Это пояс охотника. И отдай нам свое имя.

— Возьмите.

— Ты больше не Седой, — сказала Мама. — Ты Пшшшк, как ты сам себя назвал. И пускай тебе будет стыдно.

— Стыдно убивать людей, — возразил Пашка. — И еще, наверное, исподтишка.

— А как же по-другому охотиться? — удивился Гром. — Конечно, надо подобраться исподтишка. А то могут дать сдачи. Они жутко сильные. — И с этими словами Гром первым зашагал по тропинке к реке.

За ним последовали остальные. Даже дети несли маленькие дубиночки. Последней шла Умница. Она обернулась, и Пашке показалось, что девочка плачет.

— Не обращай внимания! — крикнул он. — Все будет хорошо.

Наконец племя скрылось в листве, и наступила тишина.

Пашка в одиночестве остался на площадке перед пещерой.

Глава десятая. В плену

Время Пашка, конечно, определить точно не мог, но солнце двигалось по небу, и он подсчитал, что прошло больше часа.

Он ломал голову, чем бы заняться.

Может, бросить этот проклятый костер и побежать к неандертальцам предупредить их об опасности? Но Пашка хорошо знал, чем кончается такая беготня — реанимацией! Достаточно представить себя на их месте. Прибегает к тебе какой-то марсианин и начинает на своем языке или на языке твоих злейших врагов что-то втолковывать. Да ты вытащишь бластер и начнешь стрелять!

«Какое счастье, что здесь нет бластеров, — подумал Пашка, прервав ход своих тревожных мыслей, — а то меня давно бы кто-нибудь пристрелил! Наверное, это очень

разумно с точки зрения эволюции: пока люди дикие, у них дубинки и камни, а пушки и бомбардировщики они изобретают, только когда становятся культурными...»

Что-то в собственных рассуждениях Пашке не нравилось, но ему не хотелось особенно задумываться. Пашка был человеком действия, а не рассуждений.

Человеку действия хочется действовать.

Человеку действия противно сидеть у костра и подкладывать в него дровишки, которые, кстати, кончаются, а это значит — надо идти собирать хворост или ломать сухие ветки. Но такой труд — не для великого охотника.

К тому же Пашка хочешь не хочешь, но должен был помнить, что сам он не троглодит, а школьник, живет в двадцать первом веке и проходит практику по истории. И снимает фильм. А раз он снимает фильм, то неплохо бы придумать интересный сюжет. У костра ничего интересного не снимешь. Значит, надо идти искать этот сюжет, как делают все киношники.

В берлогу к пещерному медведю соваться глупо — он тебя голыми лапами одолеет. Ловить за хвост саблезубого тигра? Отыскать гигантского оленя, у которого рога в размахе четыре метра — такие висят в кабинете у Ричарда?

Пашка перебирал в уме всякие варианты, хотя заранее знал, куда пойдет. Конечно же он отыщет мамонтов, подберется к ним поближе и сделает фильм что надо!

Пашка даже знал, где искать мамонтов — там, где проходит тропа на водопой.

Он высунулся из пещеры. Зарядил мелкий дождик, порывами дул ветер. Жалко, что Мама отняла охотничий пояс. Жестокие все-таки здесь нравы!

Погоди-погоди... Мама велела снять пояс, чтобы злобный Медведь видел, как она наказывает Пашку. А куда она дела пояс? Кинула его в угол, где все спят, на шкуры.

Пашка нагнулся, пошарил и сразу нашел свой пояс. Значит, Мама на самом деле не собиралась лишать его звания охотника. Эта мысль Пашку порадовала, он снова надел пояс и сунул в карман последний кусок мяса, что лежал возле костра. Вдруг захочется есть?

Потом Пашка полюбовался своим кинжалом, обмотал его с одного конца липучей лианой, затем куском старой кожи, чтобы было удобно держать в руке. Теперь, звери, берегитесь! Идет хозяин тайги!

На прощание Пашка позаботился о костре. Он подложил два последних больших полена, пошуровал, чтобы лучше горело, — до его возвращения хватит.

За день, проведенный в первобытной эпохе, Пашка немного научился осторожности. Он уже не бросался в кусты или в речку, не посмотрев сначала, кто там может его поджидать. Поэтому он простоял целую минуту, положив руку на кинжал. Тихо. Птицы перекликаются — значит, никого не боятся.

Пашка подобрал с земли палку — крепкую и достаточно длинную, чтобы можно было пошарить ею в кустах, проверить, нет ли там скорпиона или змеи, и пошел в гору, туда, где лес редел и начинались округлые холмы с редкими деревьями на склонах.

Он шел по лесу и уже узнавал знакомые места. Вот здесь он запутался в паутине... А вот там мамонты растерзали саблезубого тигра.

Пашка взглянул на небо: не напал бы птеродактиль!

Ну как можно было так подумать?! Птеродактили вымерли вместе с динозаврами. Они ведь и были летающими динозаврами. В ледниковый период динозавров вообще не осталось. А если бы и остались, то погибли бы от холода. Во времена динозавров климат на Земле был влажным и теплым, как в парнике. Но в течение многих тысяч лет ледники

наступали с севера, изгоняя все живое. Остались только те существа, которые не боятся холода. Вот, например, мамонты — у них шерсть до земли, или медведи и саблезубые тигры — они, как современные уссурийские тигры, зимы не боятся. Ну, и люди, конечно. Они к тому времени уже знали, как одеваться в шкуры, как греться в пещерах, и приручили огонь. Даже вон придумали должность — дежурный у костра.

Пашка миновал то место, где погиб саблезубый тигр.

Волки и коршуны сделали свое дело — на земле валялись лишь разбросанные кости. Даже клыки пропали — может, здесь кто-то побывал не глупее Пашки и сообразил, какое это хорошее оружие.

В траве еще суетились мелкие зверюшки, которые полакомились тигром и теперь, наверное, ждали, что человек убьет для них еще одного.

— Не дождетесь, — сказал Пашка, — я сегодня на мирной тропе.

Он пошел дальше. Шел он долго, где-то с полчаса, пока наконец не добрался до вершины холма. Перед ним открылся великолепный вид на холмистую равнину. Далеко-далеко на горизонте ее пересекали голубые горы, на которых лежал снег.

В долине паслись стада различных животных. В основном они были похожи на современных, но все же чем-то отличались от них. Наконец-то Пашка увидел гигантских ископаемых лосей с рогами-крышами, несколько семейств мамонтов, диких быков и антилоп и даже животное, напоминавшее мохнатого жирафа.

Пашка подумал, что, наверное, пора назад, в пещеру, но потом решил, что троглодиты вряд ли вернутся из своего военного похода так скоро. Значит, можно пройти еще немного и попытаться снять мамонтов.

Пашка быстро пошел вниз по склону холма. По дороге ничего с ним не произошло, если не считать, что он чуть было не наступил на большую желтую змею, которая, увидев Пашку, громко зашипела — может, сама испугалась больше его; она скользнула в траву и пропала.

Но выяснилось, что добраться до мамонтов не так просто. То ли они издевались над Пашкой и не спеша отходили, когда он приближался, то ли это был просто обман зрения — все время казалось, что они ближе, чем обнаруживалось потом.

Но Пашка не сдавался. Он припустил по склону, пригибаясь, чтобы не вспугнуть стадо, и через несколько минут подобрался уже достаточно близко, чтобы начать съемки.

Сами мамонты были очень внушительными — горы шерсти и мяса, бивни такие... такие... Вдруг Пашку осенило! Когда он научит свое племя охотиться на мамонтов — делать луки и копать ямы-ловушки, — надо будет отпиливать у мамонтов бивни, а потом натягивать на них брезент. Получатся замечательные палатки!

Правда, сообразил Пашка, придется еще придумать пилу и брезент.

Один из мамонтов словно услышал Пашкины мысли, такие опасные для жизни, и, вытянув хобот, громко затрубил. Другие мамонты перестали пастись и насторожились. Мамонтенок кинулся под брюхо матери и скрылся под ее свисающей шерстью.

Вожак медленно пошел к Пашке. Он не переставая трубил, предупреждая остальных животных в степи: «Осторожно! Среди нас есть пришелец!»

Пашка до последней секунды очень надеялся, что мамонт направляется не к нему, а просто вообще в его сторону, по своим делам.

Но не тут-то было.

Маленькие черные глазки мамонта отыскали в траве присевшего Пашку, и трубный рев стал еще громче. Пашке показалось, что он различает в нем слова: «Вот он! Я его вижу!»

Сейчас я его растопчу!» И тут Пашка понял, что его в самом деле собираются растоптать, как того саблезубого тигра.

И тогда Пашка кинулся прочь — еще быстрее, чем бежал сюда, и, конечно, врезался в стадо волосатых буйволов. Они, правда, его не тронули, но подняли головы, перестали жевать и с интересом смотрели, догонит мамонт человека или нет.

На бегу Пашка успел обернуться — преследователь уже совсем близко. Он даже наклонил голову, чтобы было удобнее поддеть человека бивнями и подкинуть в воздух.

Пашка бежал, как заяц, виляя и пригнувшись, но тут споткнулся о камень и покатился по земле.

Бывает, так ударишься, что никакой мамонт тебе уже не страшен! Это случилось и с Пашкой. Он схватился обеими руками за ногу и скорчился в высокой траве.

А мамонт его потерял.

Когда боль чуть-чуть отступила, Пашка осторожно оглянулся и увидел сквозь траву, что мамонт стоит всего в двадцати шагах и поводит головой, отыскивая, куда же делся нахальный человечек.

Пашка замер. Он старался думать только о том, как болит нога.

Мамонт затрубил громче прежнего и, покачивая головой, пошел прочь. В его реве Пашке послышалось сожаление: «Ну что за чепуха! Видно, я старею — одного человеческого детеныша растоптать не смог».

Убедившись, что мамонт ушел, Пашка поднялся и прихрамывая двинулся в другую сторону.

Сейчас он дойдет до того дерева, а там осмотрится и сообразит, как побыстрее добраться до пещеры.

Пашка дошел до высокого раскидистого клена и стал вспоминать, откуда же он пришел. Но ничего вспомнить не успел, потому что его толкнули в спину, он повалился носом в траву и только подумал: как же мамонт умудрился подкрасться сзади?

И тут его стукнули по голове, да так сильно, что Пашка отключился. Конечно, он не знал, что отключился, и, лишь придя в себя, понял, кто и как вывел его из строя.

Пашка лежал на спине, и потому первое, что он увидел, было небо, по которому бежали серые облака. И тут же, загораясь облака, к нему склонились дикие морды страшных чудовищ. Пашка снова зажмурился, чтобы скорей проснуться и понять: это кошмарный сон.

Он открыл глаза.

Вокруг сидели неандертальцы, штук шесть или семь, и смотрели на Пашку с отвращением, как на урод. На самом-то деле не люди, а неандертальцы некрасивы, это каждый человек знает.

Один из дикарей, самый старей, с седой щетиной на скошенном подбородке, скривил и без того страшную рожу и, протянув лапу, сорвал с Пашкиной шеи амулетик.

Чудовище рассматривало шарик с удивлением, но Пашка заметил, что и у седого неандертальца такой же шарик. И у этого тоже... И у того... Наверное, у них мода на шарики, а вот людям их носить не положено.

«Господи, — испугался Пашка, — а если они решат, что я убил того неандертальца?»

— Послушайте, — сказал он, — чтобы не было недоразумения. Я никакого отношения к здешним делам не имею. Я здесь на учебной практике.

Неандертальцы моргали, ничего не понимая.

— Эй, — вдруг сказал один из них. — Шпот.

— Шпот, — произнесли остальные.

— Слом? — спросил первый неандерталец.

— Слом-мамама, — ответили ему.

Старый неандерталец, у которого поседела вся шерсть, вытащил кинжал — такой же, как у Пашки.

— Хррк? — спросил седой неандерталец.

— Хррк, — ответили ему товарищи. — Слом-хррк. Напх — трень, слом-тррк.

— Подождите! — попытался образумить их Пашка. — Вы ошибаетесь. Я не сделал ничего плохого вашим друзьям и родственникам. Я даже искал вас, чтобы предупредить об опасности. Мы, люди будущего, всегда за мир и против войны.

Неандертальцы начали переговариваться:

— Шпот... ба-бала... смык.

— Смычок. Хррк.

— Смык буси слом-хррк. Шпот кана.

Пашка внимательно прислушался к разговору. Язык неандертальцев был куда проще языка кроманьонцев. Пашка догадался, что «шпот» относится к нему, «хррк», ясное дело, — «убивать» или «смерть». А «кана» — значит «не надо» или «нет». Другие слова пока оставались непонятными, но можно было догадаться.

— Шпот смычок, — сказал Пашка, — хррк кана.

Как только неандертальцы услышали, что пленник говорит на их языке, они ударились в панику. Он приказывает им не убивать человеческого детеныша!

Неандертальцы заверещали, некоторые вскочили, собираясь бежать. На крики из кустов вышел вождь, а может, колдун. Он не был вооружен, зато раскрашен, как новогодняя елка.

На лохматой, никогда не чесанной голове сидела набекрень корона из птичьих перьев, с нее свисали хвостики горностаев. На колдуне была широкая юбка из тростника и такое количество браслетов и ожерелий, что хватило бы на дикарский дом моделей. Браслеты и другие украшения были сделаны из ракушек, камешков, орехов, сушеных яблок, корешков и дохлых жуков. На подбородке у колдуна росла белая реденькая борода. Лицо морщинистое, грязное, но глаза сверкают отчаянно, будто он напился хмельного зелья.

— Паррака? — спросил колдун.

Все наперебой стали объяснять, что шпот, да не просто шпот, а шпот смык-смычок попался им в лапы, и теперь его придется слом и потом хррк. Но дело в том, что смычок говорит на языке настоящих чу и носит на шее костяной шарик.

Колдун выслушал соплеменников, затем сам принялся кричать, чтобы заглушить их крики. И чем громче он кричал, тем невнятней звучали междометия, которые выскакивали из его губастого рта. Он даже принялся подпрыгивать на месте. Это выглядело почти смешно, только Пашка, конечно, не смеялся, потому что у неандертальцев наверняка нет чувства юмора.

И тут он сделал величайшее биологическое открытие: человека от всего прочего животного мира отличает чувство юмора! Попробуйте рассказать анекдот корове или даже обезьяне. Или хотя бы дураку. Никто из них и бровью не поведет.

Колдун прыгал, кричал, слюна капала у него изо рта, и он все чаще глядел на Пашку, все ближе подпрыгивал к нему.

Пашка сел, хотя голова раскалывалась. Он бы с радостью удрал. Но удирать было некуда.

Колдун, вероятно, устал, потому что прыгал и кричал уже без злости. Может, все закончилось бы миром, но тут на поляну вышел шатаясь окровавленный неандерталец. Он захрипел и опустился на руки соплеменникам. Из горла его вырывались отдельные слова. Некоторые из них были Пашке знакомы:

— Хррк... слом, маса-вакаса слом... хррк кана... он-бор-мот.

Пашка с ужасом понял, что неандерталец попал в засаду, которую устроил злобный Медведь.

— Я же предупреждал, — сказал Пашка. — Теперь вам всем нужно отсюда уйти.

Лучше бы он молчал! И кто его тянул за язык?

Неандертальцы вспомнили, что у них есть пленник, и стали поглядывать на Пашку. А раненый злобно зарычал и сказал, что этого смокного смыча надо было хрркнуть, как члика. Он протянул к Пашке громадные лапы, но, к счастью, силы оставили его, и он потерял сознание.

Зато ожил колдун. Он вновь начал вопить, и, послушавшись его, неандертальцы, точно как в старинной книжке об африканских дикарях, подтащили Пашку к сухому дереву и привязали к стволу гибкими лианами.

От этих чу воняло псиной, по их шерсти прыгали блохи и ползали какие-то мелкие насекомые.

К Пашкиным ногам сложили кучу хвороста. С ним собирались сделать то же, что сделали английские оккупанты с отважной девушкой Жанной д'Арк, то есть сжечь на костре!

Молодая, но уродливая неандерталка притащила деревянную раму, на которую был натянут кусок кожи, и начала бить палкой по этому барабану. Значит, они уже музыку придумали!

Из костра, который весело горел в тени скал, колдун вытащил головню и поднес к Пашкиному носу, но сразу поджигать хворост не стал, а решил сперва поколдовать. Видно, хотел, чтобы из Пашки получился славный жареный мальчик.

— Я костлявый, — сказал Пашка колдуну. — Шпот-смык ам-ам не годится.

— Хррк — да, — ответил колдун. — Ам-ам не надо. Чу шпотов не ам-ам.

«Ну, хоть есть меня не будут, уже приятнее», — подумал Пашка.

Наконец колдун произнес все нужные колдовские слова и, поплясав на радость своим соплеменникам, завизжал, словно его режут. Потом поднес головню к хворосту.

Тут уж Пашке стало не до шуток.

— Прекратите сейчас же! — закричал он.

В ответ неандертальцы загоготали.

— Я буду жаловаться! Вызовите ко мне вашего главного начальника!

Колдун дотронулся головней до хвороста. Хворостины были сухие, тонкие, они занялись сразу, и пошел белый дым.

— Мама! — завопил Пашка. — Мамочка! Что же это творится?!

Глава одиннадцатая. Пришелец Берендей

Разумеется, мамочка не появилась. И как назло, никого из соплеменников рядом!

— Дикари! — закричал Пашка. — Обезьяны паршивые!

Обожгло коленку — это огонек лизнул, ласково так, если смотреть со стороны, и очень

больно, если коленка твоя.

Неандертальцы прыгали и вопили от радости, и Пашкиных слез никто не видел, а плача не слышал.

И, наверное, сторел бы Пашка, если бы неожиданно не появился человек. Именно человек, хотя он совсем не был похож на человека. Это было странное существо — большое, с сиреневым лицом и руками, в плаще, достающем до земли, и в высоком шлеме с гребнем, усыпанным драгоценными камнями.

Глаза у пришельца были светло-зелеными, и на темном сиреновом лице они горели, как елочные лампочки.

Правда, Пашка рассмотрел все это лишь потом, когда его мучения кончились. В тот момент он лишь увидел сквозь дым высокую темную фигуру и даже не сообразил, что пришло его спасение.

— Прах! — громко и спокойно произнесло существо. Голос у пришельца был таким глубоким и звучным, словно рождался не в гортани, а где-то в глубине земли под ногами и выходил наружу через какой-то туннель.

Неандертальцы присели, закрыв головы руками, словно ожидая удара сверху.

Высокий человек в плаще шагнул к Пашке, который уже почти ничего не видел сквозь удушливый дым и кашлял так, будто глотка вот-вот разорвется.

Пашка не заметил, что сделал этот человек, но дым рассеялся почти сразу. Мановением руки пришелец разрезал пути, которыми Пашка был примотан к дереву. Пашка сделал несколько шагов вперед, но не удержался на ногах и упал спасителю на руки.

— Спасибо, — сказал он слабым голосом, — за помощь...

— Если бы я чуть-чуть опоздал, — ответил незнакомец на хорошем галактическом языке — космоязе, — то мне достался бы только уголек. Давай отойдем отсюда, чтобы не мешать чу собираться в путь.

Пашка не хотел показывать перед незнакомцем свою слабость, но чувствовал он себя ужасно. Это только в приключенческих романах герои получают молотком по голове, саблей по щеке и ядром в грудь, а затем продолжают сражаться как ни в чем не бывало.

Неправда! У Пашки была обожжена нога, колени и икры расцарапаны, легкие разрывались от дыма. Не каждый спокойно перенесет такое приключение. Вас когда-нибудь привязывали к дереву? Разводили под вами огонь, чтобы живьем поджарить? То-то.

— Тити, — сказал неандертальцам Пашкин спаситель. — Тупу там. Свери, свери, свери люяп-люяп!

После этой длинной речи незнакомца, который явно был здесь своим человеком, неандертальцы разбрелись по поляне и начали собирать необходимые вещи. Ведь даже у самого последнего неандертальца есть ценные и незаменимые предметы. Например, острый камень, любимая палка, медвежья шкура, которая досталась от дедушки...

Старый седой неандерталец подошел к пришельцу, склонился перед ним так, что коснулся земли костяшками пальцев, и сказал несколько слов. Потом протянул шарик, который неандертальцы сорвали с Пашкиной шеи.

— Пас, — сказал пришелец и дотронулся пальцем до плеча неандертальца. Тот улыбнулся, показав все свои зубищи. Видно, его похвалили за то, что Пашку не поджарили.

Но все оказалось сложнее.

Когда Пашка и его спаситель отошли за скалу, незнакомец спросил:

— Ты путешественник во времени?

— Я прохожу учебную практику, — ответил Пашка.

Он сразу сообразил, что встретил культурного человека. Может быть, это даже и не человек, а сиреневая кожа — просто скафандр, но существо культурное: знает иностранные языки и не только вытащило Пашку из пламени, но и не прочь с ним поговорить.

— Это очень рискованно, — сказал человек, — отправлять детей на практику в одиночку.

— Я уже не ребенок, — заявил Пашка.

Пришелец кивнул. У него была такая манера — делать вид, что соглашаешься, а на самом деле не слушать возражений.

— И в чем же вы практикуетесь? — спросил пришелец.

— Это историческая практика. Школьная историческая практика. Я должен разгадать тайну. Почему неандертальцы исчезли, а люди остались?

— И ты догадался? — спросил пришелец.

— Боюсь, что да, — ответил Пашка. — Я присоединяюсь к мнению тех ученых, которые считают, что люди перебили всех неандертальцев.

— И тебе не жалко неандертальцев?

— Очень жалко, — сказал Пашка. — Когда я узнал, что подлый Медведь организует поход на чу, я хотел предупредить их. Но, наверное, опоздал.

— Опоздал.

— А неандертальцы решили, что я враг. Я на них даже не обижаюсь. Хотя коленка болит ужасно.

— Мы с тобой не можем их винить.

— Но я же один, без оружия!

— У них другая цивилизация, — сказал сиреневый пришелец. — Вернее, отсутствие цивилизации.

— А вы что здесь делаете? — спросил Пашка.

— Я? — Пришелец крутил в пальцах шарик, который неандертальцы сняли с Пашки. — Я искупаю грехи.

— Объясните, пожалуйста, что это значит, — попросил Пашка.

— Если ты не возражаешь, перейдем ко мне на корабль. У меня еще много дел, и каждая минута на счету.

— Если не хотите, то не объясняйте, — обиделся Пашка. — Я же просто спросил.

Пришелец улыбнулся:

— Ты слишком серьезный человек. — Он протянул Пашке длинную руку и сказал: — Разрешите представиться: последний из берендеев.

— Как? Вы берендей? Про вас Островский в сказке «Снегурочка» написал.

— И в сказке, и в опере, и даже в истории, — опять улыбнулся пришелец. — Я думаю, что кто-то из моих соотечественников побывал у вас на Руси, и память о нем осталась.

Пашка пожал пришельцу руку и вдруг понял, что тот очень-очень старый. Лицо у него было гладким, ни одной морщины, и спина прямая, и шагал он быстро, но все это ничего не значило. Пашка нутром чуял, что последний берендей очень стар.

— Меня зовут Павел, — сказал Пашка. — Павел Гераскин. Пятый класс «Б», Москва. А у берендеев имена есть?

— У меня много имен, — ответил берендей. — Как и много жизней. Люди, с которыми я встречаюсь, запоминают мое новое имя. Некоторые зовут меня капитаном Немо, другие —

Ноем. Всего не упомнишь.

— А вы в самом деле были знакомы с Жюлем Верном?

— Судя по тому, что мы с тобой разговариваем за тридцать тысяч лет до вашей новой эры, мне придется еще тридцать тысяч лет ждать этого знакомства.

Пришелец улыбался, и Пашка понял, что он шутит. Вернее всего, наполовину шутит. Ему, наверное, не хотелось, чтобы кто-то узнал, что он в одиночку путешествует во времени. Ведь путешествие во времени без контроля запрещено Галактическим советом. Представляете, что может натворить в прошлом какой-нибудь авантюрист или дурак?

— А что вы искушаете? — опять спросил Пашка.

Пришелец быстро шел через кустарник, затем раздвинул ветки, и Пашка увидел большой пологий холм, поросший зеленой травой.

— Вот мы и дома, — сказал пришелец.

— Я вас не понял, — удивился Пашка.

Пришелец откинул полу плаща, вытащил из внутреннего кармана простой электронный ключ и набрал код. Холм медленно приподнялся над землей, открыв вход в гигантский корабль.

— Здорово! — признался Пашка. — Маскировка что надо!

Пришелец сделал приглашающий жест.

— Заходи, Паша, — сказал он. — Кофейку попьем.

— Спасибо, — поблагодарил Пашка.

Они вошли внутрь и попали в скромное помещение, где находились простенький пульт управления, стул, письменный стол и походная койка, как у Суворова, когда он переходил через Альпы.

— Вот так я живу, — сказал пришелец. — Ты садись на стул, а я на койке привык.

Пашка сел на стул и спросил:

— А других помещений на корабле нет?

— У нас все есть, я тебе покажу, — сказал пришелец. — Я обычно дома раздеваюсь, так что ты тоже можешь раздеться.

— Простите, — ответил Пашка, — но на мне только звериная шкура, а без нее получается слишком голо.

— Это вопрос привычки, — не согласился пришелец. — У нас на планете давно избавились от подобных предрассудков.

Он сбросил широкий плащ, и оказалось, что пришелец совсем не одет, а кожа у него сиреневая с голубыми подпалинами. Но самое удивительное — у пришельца был хвост, который он скрывал, обмотав вокруг туловища.

— Устал притворяться, — признался пришелец и размотал хвост. Хвост громко стукнулся об пол.

— Я вам не завидую, — сказал Пашка.

— Но ты меня понимаешь?

— Еще бы! Как только вы появились бы здесь с хвостом, вас бы приняли за динозавра и устроили на вас охоту.

— Умный мальчик. — Последний берендей погладил Пашку по голове. — Называй меня Ноем. Из всех имен это мне нравится больше.

— У вас нет бороды, — сказал Пашка.

— Зато у меня есть Ковчег. Ты хочешь узнать страшную и трагическую историю моей

жизни?

— Разумеется.

Берендей по имени Ной откинул крышку пищедоставки, и оттуда выехали на стол чайник и банка с растворимым кофе.

Пашка кофе не очень любил, предпочитал чай, но, даже если бы пришелец предложил ему стакан спирта, Пашка, наверное, не отказался бы. Из гордости.

К счастью, стакан спирта ему не предложили, а кофе был слабым. Пришелец перехватил Пашкин удивленный взгляд и сказал виновато:

— Если сделать крепче, то будешь плохо спать.

— Я всегда хорошо сплю, — сказал Пашка.

Он сделал только маленький глоточек, потому что у пришельцев бывает пища, которая для людей может оказаться ядом.

Берендей положил конец сиреневого чешуйчатого хвоста на колени и начал свой рассказ.

— Планета наша была невелика, но обильна лесами, морями и полезными ископаемыми. Народы у нас жили способные, но воинственные. А раз мы воинственные, то природа нам была нужна для того, чтобы делать оружие. Сначала мы выкопали массу шахт, в которых добывали уголь и железо, пробурили тысячи нефтяных скважин, чтобы иметь топливо для танков и самолетов, вырубали леса и отравили химическими веществами реки. А когда мы спохватились, было поздно. Люди как-то приспособились не дышать, а вот медведям и тиграм, оленям и орлам нужны воздух и вода. В тот момент, когда последние двадцать шесть жителей нашей планеты заключили вечный мир, оказалось, что, кроме потрепанных и израненных людей, никого на планете не осталось. Даже куриц и ворон.

— Ну уж крысы-то остались, — сказал Пашка.

— Последних крыс мы съели.

Пашка покачал головой.

— Как хорошо, — сказал он, — что мы успели принять меры. Мы остановили жадных богачей и глупых бедняков раньше, чем они успели все погубить.

— Это так, — согласился пришелец, — но раньше вы, наверное, все же уничтожили девять из десяти животных. Ведь когда вырубают лес, червяки, гусеницы, лягушки, цветы и лианы — все живое в этом лесу — погибают!

— Ну ладно, рассказывайте дальше. — Пашке не хотелось слушать о таких печальных вещах. Он сам всегда переживал, если видел, как гибнут животные и растения.

— Мы попытались возродить вымерших животных. Но не удалось. Мы освоили космические полеты и завезли растения и животных с других планет. Но на нашей мертвой планете они тоже вымерли.

— А вы почему не вымерли? — спросил Пашка.

— Люди, скажу тебе, Павел, самые живучие существа на свете. Они даже в помойке могут жить. С одной стороны, мы загубили все растения и всех животных на планете, а с другой — научились жить по несколько тысяч лет, никогда не болеть. Мы обзавелись таким количеством компьютеров и роботов, что они смогли построить космические корабли размером с небольшую планету.

— Вот бы взяли и улетели сами на хорошую пустую планету! — сказал Пашка.

— Нет, нам было жалко покидать свой дом. Хороший или плохой — это наш дом. К тому же мы так старались возродить свою планету, что не заметили, как миновали тысячи

лет, и мы один за другим вымерли. Только я остался. И я стал старцем Ноем, капитаном Немо и Вечным Странником.

— Вам никак не дашь столько лет, — вежливо сказал Пашка.

— А сколько? — улыбнулся пришелец.

— Тысячу максимум.

— Бери выше. Мне, по вашему счету, скоро будет пятьдесят тысяч. Наши медицинские роботы попросту не дают мне умереть. Но я не жалею. Я нашел себе занятие на сто тысяч лет.

— Какое? — спросил Пашка.

Он впервые встретился с таким долгожителем. Какое может быть занятие у человека, прожившего на свете пятьдесят тысяч лет, еще здорового и, получается, не очень старого? Наверное, он любит путешествовать.

— Я искупаю грехи, — повторил берендей загадочную фразу. — Нашей науке доступно очень многое. Космические путешествия, лечение любых болезней. Я могу перемещаться во времени, но не намного. Тут мне надо учиться и учиться. И я учусь.

— Так что вы искупаете?

— Нашу планету уже не спасти. Поэтому я летаю от планеты к планете, сохраняя инкогнито. Знаешь, что такое инкогнито?

— Знаю. Вы хотите, чтобы вас никто не узнал.

— Правильно. И если я вижу, что какие-то животные или растения там вот-вот погибнут, я спускаюсь на планету и вывожу оттуда этих животных или растения на другую, туда, где им ничего не угрожает. Каждая тварь, каждый зверь, каждая травинка имеют право на жизнь не меньше, чем мы с тобой.

— Я согласен, — сказал Пашка. Подумал и спросил: — И давно вы этим занимаетесь?

— Шестнадцать тысяч лет, — ответил берендей и стукнул концом хвоста об пол. — Шестнадцать тысяч лет без отдыха! Потому что я — скорая помощь. Я нужен в разных концах Галактики. Везде гибнут скорпионы и райские птицы, орлы...

— И неандертальцы, — подхватил Пашка.

— Правильно. Мне не удалось спасти ваших динозавров — они вымерли очень давно. Нужна мощная машина времени, а ее у меня нет. Но вот неандертальцев я обязательно спасу, пока их не истребили твои соплеменники.

— А мамонтов?

— И мамонтов. И саблезубого тигра, и даже пещерного медведя.

— И вы уже нашли для них планету?

— Нашел. У меня есть целый список планет — одни подходят для неандертальцев и мамонтов, другие — для белых ящериц с Гипорамы, третьи — еще для кого-нибудь.

— И что же будет? — спросил Пашка.

— Что будет? Неандертальцы прилетят на новое место, будут охотиться, ловить рыбу, научатся строить дома и писать книги — и будет планета неандертальцев.

— Планета обезьян, — задумчиво произнес Пашка.

— Что ты имеешь в виду?

— Такое кино было и книжка, — сказал Пашка. — Будто есть планета обезьян и люди попадают к ним в плен. И ничего хорошего.

— А я бы твоим людям не советовал летать на чужие планеты без приглашения. Вы решили, что умнее других. А это чепуха.

— Я знаю, — сказал Пашка, — я бывал в космосе. — Пашка отхлебнул кофе. Теплая водичка, и все. — Но неандертальцы со страху помрут. Они же люди все-таки, — сказал он.

— Не успеют, я им создам условия, — ответил пришелец. — Пойми, мы все предусмотрели. Знаешь, какой у меня опыт?

Глава двенадцатая. Голубые кролики

Берендей показал на стену. Только тут Пашка заметил, что она состоит из металлических ящичков с надписями.

— Я — существо старомодное, — сказал последний берендей. — Я все пишу от руки. В каждом ящичке — видишь, сколько их тут? — восемь тысяч двести тридцать, — в каждом ящичке все документы, имеющие отношение к вымершему животному или растению, которое я спас.

Сиреневый пришелец Ной стоял посреди скромной каюты, сложив на груди руки, и нервно стучал концом хвоста по полу.

— А вы потом проверяете? — спросил Пашка. Ему даже стало немножко страшно. Уж очень большим и грозным был этот пришелец.

Но тот не слушал его.

— Последнее тысячелетие моей жизни, — говорил он своим низким гудящим голосом, — пройдет на борту корабля. И если ничего не случится, я буду жить вечно... И вечно спасать погибающих.

Пришелец поманил пальцем, и один из ящичков выехал из стены. Из него выскочил небольшой, переливающийся всеми цветами радуги шарик, поплыл в воздухе и повис посреди каюты.

— Смотри! — прогудел последний берендей. — Триста лет назад мне удалось вывезти голубых летающих кроликов с планеты Терзаний, где их погубил Центральный химический комбинат. Он, правда, погубил еще тысячу разных пород и видов животных, но тех мне спасти не удалось. Сейчас мы с тобой увидим, что происходит на новой планете, которую я подыскал для кроликов... Там много лесов и полей. И совсем нет людей и хищников.

Шарик словно вывернулся наизнанку и тонкой пленкой окружил Пашку и берендея.

Теперь они стояли посреди широкой равнины, на которой возвышались редкие могучие деревья. Это было красивое место.

Но зато остальное было ужасно.

Кусты стояли голые, обглоданные, травы не было вообще — ее свели подчистую.

Но понять это сразу не удалось, потому что в глазах все пожелтело, столько там прыгало, ходило, лежало, сидело, перелетало с места на место голубых кроликов — зверьков, похожих на белку, но покрупнее, покрытых голубой шерстью и с крыльями, как у летучих мышей.

— Видишь! — радостно сказал пришелец. — Их почти не осталось, а я их спас.

У дерева, под вылезавшим из земли корнем, Пашка увидел что-то зеленое — ага, несколько травинок!

Как раз в тот момент травинки попались на глаза одному из кроликов. Он спикировал на них и попытался схватить. Но другой кролик, который подползал к травинкам на земле, оказался еще шустрее, и они сошлись в схватке. Тут появились еще зверьки, и только голубая шерсть полетела во все стороны!

Когда участники короткого боя разошлись, земля в том месте оказалась голубой — столько шерсти потеряли бойцы!

Пашка искоса поглядел на пришельца. Он-то уже сообразил, что случилось, — недаром занимался в биологическом кружке.

Пришелец глубоко вздохнул и признался:

— Ах, какая ошибка!.. Я создал слишком хорошие условия для кроликов, и они расплодились без меры. Сожрали всю траву и даже листву на деревьях... Пока не поздно, надо исправлять положение.

— А как вы его будете исправлять? — спросил Пашка.

— Я захвачу с Земли несколько яиц гигантских сизых орлов. Пускай они выведутся на планете кроликов и начнут на них охотиться.

— А кто будет охотиться на орлов?

— Придумаем, — сказал пришелец. Он был недоволен тем, что Пашка увидел планету, где благородный опыт Ноя не совсем удался, и поэтому рассердился.

Знаете, как бывает, когда чувствуешь себя виноватым? Ты начинаешь искать, кого бы сделать виноватым вместо себя. Поставили тебе двойку, а ты говоришь: «У нас учитель совсем глупый!» Или так: «Я уже заканчивал контрольную, а тут оса прилетела и меня испугала!» Всегда можно найти виноватого.

— Ты зачем этот ящик открыл? — спросил пришелец. — Во всех остальных ящиках отлично получается, а ты выбрал один неправильный.

Пашка только развел руками. Не будет же он спорить со стариком, когда знает, что тот не прав, ведь последний берендей сам открыл ящичек.

Пашка подумал: вот мудрый Ной, он же капитан Немо, представитель древней и даже вымершей цивилизации, столько добра сделал для Галактики, а все равно не хочет, чтобы кто-то замечал его ошибки.

«Ах, как трудно быть таким умным, как я!» — подумал Пашка. И спросил, чтобы переменить тему:

— А почему ваша цивилизация вымерла? Ведь у вас есть техника, и роботы, и лекарства, и все условия, чтобы жить по много тысяч лет.

— От тоски и вымерли, — ответил пришелец. — Человек не может жить один. Он умирает, когда на планете не остается пчел, винограда, тигров, лебедей, дубов и кокосовых пальм. Нельзя человеку одному. Вот говорят: человек — венец эволюции, человек — вершина! Тебе понятно?

— Чего ж тут непонятного?

— Но венец сам по себе никому не нужен. Его надевают на голову. И вершина не может жить сама по себе, если для нее нет горы. Вершина и венец — пустые слова. Так случилось и с нами — мы были венцом, мы были вершиной, но мы висели в воздухе. И все, кроме меня, вымерли от тоски и одиночества. Иногда так хочется утром услышать, как поет птица!

— А вы почему не вымерли? — спросил Пашка.

— Потому что я улетел спасать других. Потому что я хочу, чтобы птицы пели на всех планетах. И сам слушаю их песни. Пошли, я покажу тебе каюту, в которой полетят с Земли неандертальцы.

Пришелец повел Пашку по коридору. Коридор был пустой, с высоким потолком, как раз по росту капитана. Немо шагал быстро, кончик его хвоста волочился по земле, словно пришелец был двуногим крокодилом. Порой, не останавливаясь, он распахивал двери по

сторонам коридора и объяснял:

— Здесь жил когда-то мой дядя. Однажды ему все надоело, и он попросил меня выбросить его в космос.

— И вы выбросили?

— Не мог же я ослушаться дядю! — Пришелец распахнул следующую дверь: — А тут у нас музыкальный салон.

Пашка ожидал увидеть музыкальные инструменты, но в раскрашенной комнате было пусто.

— У нас разноцветная музыка, — пояснил пришелец. — Мы смотрим, как движутся цветные фигуры, и слышим музыку.

Тут коридор кончился, и они вышли на небольшой балкон, который нависал над громадным полем. Непонятно и удивительно, как такая штука могла уместиться даже в очень большом космическом корабле.

По холмистой равнине между редкими деревьями лениво брело стадо мамонтов, на берегу озера в зарослях камыша отдыхала семья гигантских тигров, олени с ветвистыми рогами промчались совсем близко...

— Они здесь должны чувствовать себя как дома, — сказал капитан Немо. — Поэтому я взял на борт все породы животных, которым предстоит погибнуть на Земле.

— А как неандертальцы узнают, что им пора улетать на новую родину? — спросил Пашка.

— Для этого у них есть со мной связь. Помнишь? — Последний берендей показал Пашке костяной шарик на шнурке — амулет, которое носили все неандертальцы. — Это приемник, — сказал Немо-Ной, — а у меня на борту стоит мощный передатчик. Если хочешь знать, как все произойдет, то пойдем на командный мостик и оттуда поглядим. Это интересно.

Они поднялись на командный мостик, откуда открывался вид во все стороны на много километров.

— Сейчас ты, Пашка, — сказал пришелец, — присутствуешь при историческом моменте. При спасении разумных существ!

Великие дела совершаются чаще всего незаметно. Это по пустякам люди кричат и машут руками. А тут пришелец провел ладонью над зеленым огоньком. Тот погас и вновь загорелся ярче, чем прежде.

— Жди, — сказал капитан.

Он волновался и бил хвостом по стенам. Пашке приходилось уворачиваться от случайных ударов.

Ждать пришлось недолго.

Минут через пять далеко-далеко на равнине показалась группа волосатых сутулых людей — неандертальцев. Они брели к кораблю, явно не понимая, почему их туда тянет, и не успели подойти близко, как из-за деревьев с другой стороны появилась еще одна семья.

— Конечно, я тебя не гоню, — сказал пришелец Пашке, — и ты можешь оставаться у меня сколько пожелаешь, но учти, что я буду долго собирать неандертальцев. И когда сюда придут здешние племена, я полечу дальше — туда, где в вашем времени находятся Урал, Испания. Там меня ждут другие семьи. Не зря же я два года наблюдаю Землю и раздаю шарики неандертальцам!

— А на мамонтов ваши шарики действуют?

— У них другие шарики, — ответил пришелец, и Пашка понял, что вряд ли его план выгорит. Но все же спросил:

— А нельзя мне взять мамонтовый шарик? На память...

— Нельзя, — улыбнулся догадливый пришелец. — Потому что ты попытаешься протащить в свое время мамонтенка, приручить его и кататься на нем верхом в школу. Разве я не прав?

— А вы и мысли читаете? — удивился Пашка.

— Я читаю не мысли, а желания, — ответил пришелец. — И это не одно и то же. А желания у тебя, кстати, написаны на физиономии.

Так Пашка остался без своего мамонта. Зато пришелец обещал на новую планету забрать не всех мамонтов, а только часть, для прокорма неандертальцев. На остальных пока будут охотиться люди.

Пашка смотрел, как неандертальцы один за другим поднимались по лесенке на корабль. Они робели, они рады были бы убежать обратно, но видно было, что шарик заставлял их идти вперед.

Потом Пашка увидел, как первые неандертальцы вышли в центральный зал корабля — в долину, где им предстояло жить до переезда на новую планету.

Неандертальцы чувствовали себя неудобно — место незнакомое, а значит, опасное. Они побежали цепочкой к гряде камней, видневшихся впереди.

— Молодцы, — сказал пришелец, — я специально для них там убежище сделал.

Они стали прощаться.

— Спасибо, — сказал Пашка, пожимая руку капитану Немо-Ною, — спасибо от имени неандертальцев и мамонтов. — Хоть я сам не неандерталец, но понимаю, какую добрую службу вы сослужили Земле. Я обязательно расскажу обо всем в будущем.

— Честно говоря, чем меньше ты будешь рассказывать, тем лучше, — попытался предостеречь его пришелец. — Но заткнуть тебе рот никто не может. — А когда Пашка уже двинулся к выходу, добавил: — Если опыт закончится успешно, я к тебе загляну, в твой двадцать первый век. И мы с тобой посмотрим, удалось ли неандертальцам создать цивилизацию.

— Договорились, — сказал Пашка.

У выхода он встретил еще одну семью неандертальцев. Вид у них был жалкий, испуганный. Матери несли детей, воины размахивали дубинками. При виде Пашки они оскалились, забормотали, но Пашка только помахал им и поспешил прочь — он знал, что неандертальцы за ним не погонятся, сейчас им не до Пашки.

Глава тринадцатая. Смерть Седому!

Когда Пашка направился обратно к речке, его охватило беспокойство: прошло уже столько времени — как бы в пещере не погас костер! Ведь спичек у Пашки с собой нет.

Сначала он шагал не спеша, потом все быстрее и наконец побежал. И чем дальше он бежал, тем длиннее казалась дорога.

Но, к счастью, он не заблудился. Вот и гребень, откуда идет лесистый спуск к реке — там находится пещера древних людей. А в ней горит костер.

«Хорошо бы они еще не вернулись из своего похода», — думал Пашка.

Над головой пронеслось что-то серое, похожее на тучу, но двигалось это «что-то» куда

быстрее туч. Это космический корабль пришельца перелетает на другое место собирать беженцев, догадался Пашка. Он помахал рукой капитану Немо-Ною, а сам сбежал по тропинке к площадке перед пещерой.

Там было пусто.

А изнутри, из пещеры, доносились голоса.

Опоздал!

Но, может, костер не погас?

Пашка вошел внутрь и сразу понял, что случилось самое худшее.

Все его племя собралось вокруг кучи остывших углей, а Мама стояла на четвереньках и отчаянно дула на них, стараясь оживить умерший огонь.

Пашка замер у входа, раздумывая, бежать ему или попросить прощения. Но, пока думал, кто-то из детишек заметил его и пискнул, словно в пещеру вошел Медведь.

И тут все стали оборачиваться на Пашку.

Совершенно молча.

Пашка боялся, что они будут кричать, махать руками, грозить. Но оказалось, что когда на тебя просто смотрят, это еще ужасней. Троглодиты молчали и не двигались с места, пока не заплакал самый младший из детей. Тишина была нарушена, и люди начали вздыхать. А мальчик все плакал. Не вставая с четверенок, Мама поглядела на Пашку и печально спросила:

— Что же мы теперь будем делать?

— Понимаете, — попытался оправдаться Пашка, — я совсем ненадолго отошел, может, на полчаса, а в костер я такое бревно положил, что он не должен был потухнуть...

Он говорил, а его слова падали, как слезы на камень. И Пашка понял: этим людям нет дела до того, сколько и куда он ходил, был ли он на космическом корабле Немо-Ноя. Они и знать не хотят, что неандертальцы улетают на какую-то чудесную и безопасную планету... У них ПОГАС ОГОНЬ.

Теперь люди стояли к нему лицом. Они не угрожали, они были расстроены, даже девочка Умница, которая недавно получила имя, не хотела встречаться с Пашкой глазами.

— Ты, Седой, — сказал Гром, — нарушил главный закон — закон хранителя огня. Будет зима, мы все замерзнем и умрем.

— Ну, до зимы еще далеко... — начал Пашка.

Мама подняла ладонь, оборвав его.

— Тебя не просили говорить, — сказала она.

— Что дано законом тому, кто убил огонь или упустил его? — спросил Гром.

— Смерть! — первой откликнулась Мама.

— Смерть, — повторил мрачный Тигр.

— Смерть, — сказали все по очереди.

Одна Умница не смогла произнести слово «смерть» и только заплакала. Она плакала молча, и слезы скатывались по ее измазанному щекам.

— Ты, Седой, хоть и юный охотник, но умный и везучий, — сказал Тигр. — Ты не простой детеныш. Поэтому мы разрешаем тебе самому выбрать себе смерть.

Пашка вспомнил старую детскую книжку, которую читал когда-то. Там джинн спросил мальчика, от чего бы тот хотел умереть, и мальчик ответил: от старости. И Пашка, скрывая улыбку, повторил:

— Я хочу умереть от старости.

Троглодиты серьезно выслушали Пашкины слова и стали думать. Они еще не очень часто думали, и им трудно было разобраться, в чем тут подвох. Потом Крот сообразил:

— Он же совсем молодой, и смерть от старости наступит не скоро. Мы все уже умрем. Как мы узнаем, что он тоже умер?

— Такая смерть не годится, — подтвердила Мама. — Такой смерти нет в законе.

— А какие есть? — спросил Пашка.

— Есть смерть от копья. Есть смерть от веревки. Есть смерть в воде, есть смерть, когда падаешь с большой высоты. Есть смерть от голода, — перечислил Тигр.

— Не подходит, — сказал Пашка. — Я же у вас всего-навсего на практике. Мне пора домой возвращаться.

— У тебя нет другого дома, — сказала Мама. — Или ты врал?

Пашка вздохнул. Он не думал, что из-за легкомыслия он попадет в такое положение. Ему вдруг представилось: приходят ребята в школу, все с практики, веселые, и видят — в зале висит портрет Пашки и написано: «УЧЕНИК 5 „Б“ КЛАССА ГЕРАСКИН ПАВЕЛ ПОГИБ СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХ ВО ВРЕМЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В ПЕРВОБЫТНОЙ ЭПОХЕ».

— Прости, многомудрая Мама, — сказала девушка Ора, — но, может быть, мы возьмем огонь в пещере Медведя? Он нам даст.

— Нет, — ответил за всех остальных Гром. — Медведь даст нам огонь, но за это сделает своими рабами. Он поселит нас в своей пещере, и мы будем выполнять всю черную работу и получать за это кости. Но ведь мы — вольные троглодиты!

— Мы вольные троглодиты! — закричали остальные. — Смерть Седому!

— Стойте, стойте, — воспротивился Пашка, — а что, если я сделаю огонь?

— Как ты сделаешь огонь?

— У нас найдется кусочек сухой веревки? Ну, лианы какой-нибудь, может, даже паутины?

— Найдется, — сказала Умница.

— И кремни найдутся?

— И кремни найдутся, — отозвались троглодиты.

Пашка понимал, что им вовсе не хочется убивать своего знаменитого охотника и, если бы не проклятый закон, он бы просто получил взбучку.

— Тогда несите все сюда, мы сейчас с вами сделаем огонь.

И в самом деле, дети тут же притащили кремни, сухие лианы и ветки. Пашка сложил горючие материалы на плоском камне и ударил кремнем о кремень. Так как в пещере было полутемно, то все увидели, как между камнями полетели искры.

Троглодиты отшатнулись — они были поражены могуществом Седого.

— Повелитель молний! — прошептала Ура.

Крот отполз в угол пещеры и утащил за собой младенца, чтобы тот не видел страшного волшебного огня.

— Сейчас он вернет нам огонь! — закричала Умница. — Вот увидите!

— Все равно я его тогда выпорю, — сказала Мама, которую, похоже, нельзя было удивить даже искрами из камня.

Пашку, конечно, обидели такие слова, но он не мог оторваться — ветки вот-вот вспыхнут.

Искра за искрой пролетали между камнями, руки у Пашки устали, но огонь не

зажигался.

Первобытные люди — как дети. Сначала они были поражены могуществом Пашки и трепетали перед ним, а после безуспешных попыток зажечь костер тут же забыли, как только что восхваляли героя. Крот снова выполз из темноты и первым сказал:

— Ничего не выйдет. Надо Седого убивать. Тогда духи леса и гор нас пожалеют. Нужна жертва!

— Нужна жертва, — подтвердил Тигр.

И все повторили:

— Нужна жертва!

Пашка отбросил кремни и сказал:

— Не годятся ваши кремни. Нужны другие. Давайте искать.

— Нам надоело искать, — сказал Гром. — Нам надоело тебя слушать. Ты низкий обманщик!

— А ну, повтори! — возмутился Пашка и вскочил на ноги. — Я вызываю тебя на поединок.

— Чего? — удивился троглодит.

— Мы будем биться с тобой на дубинках до полной победы! — заявил Пашка.

— Да я тебя одним ударом... как лягушонка!

— А вот попробуй. Сейчас я пойду в лес, сломаю сук покрепче, сделаю дубину — тогда держись!

И Пашка направился к выходу из пещеры.

Как вы понимаете, он меньше всего думал о дубинах — Пашка хотел убраться подальше от этой пещеры и троглодитов, отыскать в лесу машину времени и вернуться домой. Фильм уже есть. А что еще делать человеку в первобытной эпохе?

Но Тигр оказался проворнее Пашки. Одним прыжком он перекрыл выход из пещеры и приказал:

— Делай огонь! Нет огня — нет жизни. Смерть.

— Слушай, — сказал Пашка, — мы с тобой так славно охотились. Не надо этих угроз. Ну какие могут быть ссоры между охотниками? Мы с тобой еще мамонтов будем стрелять.

— Работай, — сказала Мама.

Пашка присел на корточки.

Пути назад не было.

Будущее окрасилось в черный цвет.

Пашка несильно ударил кремнем о камень. Даже искры не получилось.

Как же сбежать?

И тут он услышал знакомый голос противной старухи, которая до тех пор скрывалась в темноте.

— Ах, Седой, Седой! — сказала она, склоняясь над ним. — Разве такие кремни родят огонь? Тебе дали плохие кремни.

— А ты иди, Туча, иди, не мешай! — выкрикнула Мама.

— Нет, — возразила старуха. — Седой — великий охотник. Он может вернуть огонь. Смотрите.

Она скрылась в темноте, затем вернулась, протянула Пашке пучок сухой соломы и приказала, словно была вождихой племени, а не последней, никому не нужной старухой:

— Бей кремнями! Бей! Пусть будут искры.

Пашка послушался и изо всех сил ударил кремнем о камень. Посыпались искры. И тут же в руках у старухи вспыхнул пук соломы.

— Ой! — воскликнули троглодиты. Они убедились в том, что Пашка — настоящий волшебник.

А Пашка мог бы поклясться, что в тот момент, когда он высек искры, старуха поднесла к соломе маленькую зажигалку, и именно от нее, а не от кремней огонь перекинулся на солому.

Старуха умело сунула горящий пук в угли, остальные стали быстро подкладывать сучки и сухие веточки. Через две минуты посреди пещеры уже похрустывал ветками костер — огонь ожил и вернулся к людям.

Пашка поднялся на ноги и отступил.

Ему надо было подумать.

Троглодиты хвалили его, хлопали по плечу, а дети норовили поцеловать.

— Будь моим мужем, — сказала Ура.

— Нет, — сказала Ора, — он будет моим мужем.

Девушки вцепились друг дружке в волосы, и тут Пашка услышал, как старуха прошептала:

— Слушай меня внимательно: уходи из пещеры, как только я дам знак. — И закричала громче всех: — Эй вы, недостойные люди! Великий охотник Седой обижен на нас. Он уходит от нас туда, где текут чистые реки и поднимаются снежные горы. Духи леса и гор призывают его. Мы не достойны такого героя.

Старуха сделала Пашке знак, и он, не оглядываясь, пошел к выходу.

Он понимал, что старуха права, но ему так хотелось обернуться, пожать всем руки, пообещать, что он снова к ним приедет, и тогда они славно поохотятся. Но нельзя...

Сзади неслись стоны и плач.

— Прости нас, Седой! — громче всех кричала Мама. — Мы не верили тебе! Накажи нас, но не уходи.

Но Пашка, не оборачиваясь, ушел в лес.

Старуха появилась минут через пять.

— Гераскин, — сказала она с упреком, — я с ног сбилась. Ты куда из пещеры убежал, когда тебе велели огонь сторожить?

— Но я же не знал...

— Ты подвергал риску свою жизнь и всю операцию.

— Извините, — сказал Пашка, — но я такое видел! Я видел, как эвакуировали неандертальцев! Я разгадал великую историческую тайну!

— Пашка, не выдумывай глупостей, — сказала старуха.

Теперь, в лесу, она выпрямилась и уже совсем не казалась старухой, если бы не изрезанное морщинами лицо и крючковатый нос.

— Это не глупость, — возразил Пашка. — У меня фильм есть.

— Я не буду с тобой спорить. Некогда. Мне нужно довести тебя до кабины времени, отправить домой и вернуться в пещеру, пока они не решили, что я совсем пропала.

— Так вы из Института времени?

— А ты что думал, мы детей отправляем в прошлое без страховки? Как ты мог убедиться, здесь не шутят. Еще немного — и тебя бы съели!

— А у вас зажигалка?

— Паша, не задавай глупых вопросов, останешься живым в первобытной эпохе.

Они не успели устать, как оказались перед лесом, в котором скрывалась кабина времени.

— А как вас на самом деле зовут? — спросил Пашка.

— Агент-спасатель Института времени Елена Простакова, — ответила старуха, которая совсем уже не была похожа на старуху — просто загримированная девушка, — но, если мы с тобой встретимся в нашем времени, можешь звать меня Леной, я не гордая.

Они добежали до кабины времени.

— Лен, а Лен! — взмолился Пашка. — Ты будешь отчет писать?

— Если Ричард спросит, напишу, — ответила Лена.

— Ты скажешь, что я практику завалил?

— Ты сам ему покажешь свой фильм. И в школе покажешь. Там и решат.

— Значит, ты про меня ябедничать не будешь?

— Что за слово такое глупое! — возмутилась Елена Простакова. — За нами, агентами Института времени, такого никогда не водилось.

— А тебе не страшно туда возвращаться? — спросил Пашка.

— Нет, я привыкла. Они неплохие люди. Только скучно бывает и очень плохо без шампуня.

Это Пашка понимал.

Но вот и кабина времени. Пашка вошел в нее.

— А вообще-то говоря, — сказала Лена Простакова, горбясь и понемногу вновь превращаясь в первобытную старуху, — ты неплохой парень. И вел себя нормально. Иногда тебя заносило... Но кого из нас не заносит!

Глава четырнадцатая. Встреча в Кремле

Зачет по практике у Пашки приняли, хоть и сделали ему выговор за вмешательство в первобытные дела.

Зато его фильм, и особенно та часть, которая касалась неандертальцев, произвел сенсацию — посмотреть прибегали из всех отделов.

Но что удивительно — те кадры, где был Немо-Ной и его корабль, и кадры, снятые из корабля, не получились. Все обесцвечено, списано, стерто, смыто.

Так что Ричард и академики, которым Пашка рассказывал об эвакуации неандертальцев, поверили не до конца. Вернее, совсем не поверили. Это звучало так:

— Очень интересно, но ты ведь, Гераскин, известный фантазер!

Самое обидное — не поверили друзья: Алиса и Аркашка Сапожков.

— Погодите, — говорил Пашка, — вот прилетит Немо-Ной, он обещал. Тогда вы по-другому запоете.

Но Пашка и сам в это не верил. Прошло тридцать тысяч лет. Даже такой долгожитель, как Немо-Ной, вряд ли столько проживет.

Так бы эта история и закончилась, если бы не одно событие. Через девять дней после возвращения Пашки с практики в школе шел урок литературы. Ученики пятого класса репетировали трагедию Шекспира, которая называется «Отелло». Там один мавр задушил свою жену.

Случилось так, что за полчаса до репетиции у Маши Белой начался страшный насморк

— а как известно, это последняя болезнь, с которой не смогли справиться к концу двадцать первого века. Прилетела «Скорая», Машу отправили в больницу, и репетиция грозила сорваться, потому что никто в классе, кроме Маши, не знал роли Дездемоны. И тогда учитель литературы Леопольд Модестович поглядел на Пашку, вздохнул и сказал:

— Я не хочу тебя обидеть, Гераскин, но ты ведь знаешь наизусть все трагедии Шекспира...

— Точно, — согласился Пашка, — в прошлом году я их выучил на спор с Джавадом Рахимовым, который проиграл мне на этом восемь порций мороженого.

— Значит, — сказал Леопольд Модестович, — ты должен пожертвовать собой ради коллектива.

— Только не это! — закричал Пашка. — Вы же обещали, что не будете давать мне женских ролей. Я не девчонка!

— Пашенька! — взмолился учитель. — Ты же понимаешь, что это только на репетицию. А к спектаклю Маша выздоровеет.

— Пашка! — хором завопили ученики пятого класса. — Не подводи!

— Пускай Алиса Селезнева по книжке прочитает текст, — предложил Пашка.

— Это очень интересно, — сказала Алиса, которая тоже только что возвратилась с исторической практики. — Как ты представляешь? Джавад будет меня душить, а я буду читать текст по книжке?

Когда все отсмеялись, Пашка махнул рукой — на что не пойдешь ради товарищей! — кое-как влез в белое платье Дездемоны, напялил парик с жемчужной ниточкой и стал ждать, когда войдет взбешенный муж Отелло.

Муж Отелло, то есть намазанный черной краской Джавад Рахимов, вошел решительными шагами и стал размахивать платочком, который потеряла Дездемона. И вот когда Джавад спросил грозным голосом: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» — открылась дверь и вошел невысокий плотный человек в яркой форме комиссара Интергалактической полиции. На голове у него была фуражка с перекрещенными кометами, из-под которой выбивался непокорный чуб.

— Простите за вторжение. Меня зовут комиссар Милодар, — сказал он. — И еще простите, что сорвал репетицию бессмертной трагедии Шекспира «Гамлет».

Никто не улыбнулся, потому что все знают, какая сложная жизнь у комиссаров Галактической полиции — тут можно Шекспира и с Дюма спутать.

— А ты, девочка, лежи, лежи, — обратился он к Пашке. — Я мигом. Задам вопрос, и вы, молодой человек черного цвета, можете додушить свою невесту.

Все ждали, что будет дальше. Джавад так и замер над Пашкой, легонько сжав черными руками его горло.

— Разыскивается один человек, — сказал Милодар. — После двух недель безустанных поисков следы привели меня в вашу школу. Не бойтесь, признавайтесь сразу, хуже уже не будет. Кто из вас Гераскин Павел?

Павлу стало неприятно. Его впервые разыскивала Галактическая полиция. Но так как все посмотрели на него, а Джавад посильнее сжал пальцы, то Пашка прохрипел:

— Это я Гераскин.

— Вы, девочка, — сказал комиссар Милодар, — не волнуйтесь. Ваша песенка спета. И я сюда пришел не шутки шутить.

Тут Пашка понял, что его вот-вот задушат, с трудом вырвался из лап Джавада и

отпрыгнул в сторону.

— Я и есть Гераскин! — крикнул он. — Это я играю роль Дездемоны.

— Судя по голосу, возможно, — согласился комиссар. — А переодеться ты не мог бы?

— А чего мне переодеваться? — Пашка стянул через голову белое платье несчастной женщины и остался в джинсах и майке.

— Вот так-то лучше, — одобрил Милодар. — Тогда поехали в Кремль. Тебя ждут.

— В Кремль?

— Только придется надеть что-нибудь попрядничней, — сказал Милодар и показал на Аркашу Сапожкова, который стоял рядом в средневековом костюме — Аркаша играл мерзавца Яго. — Поменяйся одеждой с этим мальчиком.

— Еще чего не хватало! Одно дело, когда надо мной смеются в классе, а другое дело — в Кремле. И вообще, скажите, пожалуйста, что я такого сделал, что меня арестовывает Галактическая полиция и везет неизвестно куда?

— Вас не арестовывают, молодой человек... или девушка, я уж не знаю, как у вас в школе решили.

— Павел Гераскин почти отличник, — вмешался Леопольд Модестович, видно, желая взять Пашку под защиту, но Милодар только отмахнулся.

— Если не хочешь торжественно одеваться, не надо, — сказал он. — Но хоть куртка какая-нибудь есть у тебя с собой?

Пашка накинул куртку. Ребята пошли проводить его до выхода из школы, и хотя Милодар поклялся, что с Пашкой ничего плохого не случится, они все же беспокоились.

Спецфлаер со спецультразвуковой сиреной как молния промчался над Москвой и через несколько минут опустился на площади перед Кремлевским Дворцом.

Милодар с Пашкой поднялись на второй этаж. Часовые отдавали им честь.

Они прошли коридорами и залами. Милодар молчал, потому что он привык иметь дело с секретными поручениями.

Наконец они оказались в Грановитой палате. Там, в небольшом уютном зале, сидели в креслах, беседуя, несколько человек: сам президент, с которым Пашка не был знаком, но в последних новостях видел не раз; министр по делам космических отношений — юный гений с астрономического факультета по имени Гоша Добродеев; Акулина Ивановна Коган — министр культуры и другие важные персоны. А напротив них сидели трое.

Одного из них Пашка видел девять дней назад, остальных — чуть раньше.

Первый был древний, как сама Земля, капитан Немо-Ной, которому давно перевалило за пятьдесят тысяч лет. По обе стороны от него сидели те два неандертальца, которых Пашка встретил в бассейне перед путешествием в прошлое.

Пашка держал себя в руках — все-таки он не в школе. Вежливо поздоровался с президентом, пожал руку Гоше, а министр культуры поцеловала Пашку в щеку.

Пашка подошел к капитану Немо-Ною. Он был рад его видеть.

— Здравствуйте! — воскликнул он. — Вот уж не думал, что вы так скоро приедете!

— Ты ошибаешься, Паша, — сказал последний берендей. — Прошло больше тридцати тысяч лет со дня нашей встречи...

— Ну конечно же, — спохватился Пашка. — А кажется, что это было вчера.

Президент отпустил комиссара Милодара, а Пашке предложил сесть в кресло и съесть пирожное. В итоге Пашка незаметно съел пять, но никто не обратил внимания — разве в Кремле считают пирожные?

Президент стал расспрашивать Пашку о том, как проходила историческая практика и как потом Гераскину никто не поверил. Все смеялись, а капитан Немо-Ной сказал, что Паша — смелый мальчик.

— Так, значит, ваш опыт удался? — спросил Пашка.

И тогда заговорил один из неандертальцев, тот самый, который плавал с Пашкой в бассейне.

— Теперь мы — равноправные граждане Галактики, — сказал он. — У нас была сложная история, но мы смогли стать грамотными и даже сами изобрели космические путешествия. И за все это мы благодарны капитану Немо-Ною.

— А я сначала даже испугался, — смущенно признался Пашка. — Когда увидел вас в бассейне. Я думал, тут какая-то тайна.

— Никакой тайны — просто официальный визит с одной планеты на другую. Мы с моим коллегой, — он показал на второго неандертальца, — руководим Академией наук и Управлением культуры. А капитан Немо-Ной — наш почетный консультант.

Оба неандертальца были одеты в черные костюмы и такие белоснежные сорочки, что Пашка устыдился своего не слишком опрятного вида — словно он и есть настоящий дикарь в обществе культурных людей.

Доедая пятое пирожное, Пашка поинтересовался:

— А древние животные у вас остались?

— Кого вы имеете в виду? — спросил первый неандерталец.

— Он имеет в виду мамонтов, — улыбнулся Немо-Ной. — Ему так хотелось на них поохотиться!

— Ни в коем случае! — воскликнул второй неандерталец. — Они же занесены в Красную книгу и охраняются в заповедниках. Надо беречь природу.

— Правильно, — согласился Пашка.

А когда они прощались, первый неандерталец спросил Пашку, не раздумал ли тот переписываться с его дочкой. Пашка сказал, что, конечно, не раздумал, и тогда неандерталец дал ему живой портретик очень хорошенькой неандерталочки.

Пашке захотелось с ней познакомиться, но для этого ему еще придется полететь на планету неандертальцев.

Через сто лет в Москве будет построен Институт времени. В нем поставят временные кабины. Если ты войдешь в кабину и нажмешь все нужные кнопки, то окажешься в такой же кабине, только в далеком прошлом. Конечно, все не так просто — в институте стоит один из самых сложных и умных компьютеров во Вселенной, там трудятся молодые и старые специалисты — профессора, доктора, старшие научные сотрудники, средние научные сотрудники и начинающие научные сотрудники.

В институте таятся не только машины времени, там есть множество лабораторий и мастерских, учебных центров и медицинских кабинетов, там служит вахтером бывший пират Сильвер Джонович, а помогает ему старый попугай, там есть буфет, в котором всегда выкипает кофейник, кабинет директора и шесть кабинетов академиков, роботы-охранники, которые обычно стоят выключенные в подвале, и много чего еще...

— Например, вчера, — сказал Алисе Селезневой Ричард Темпест, средний научный сотрудник института, ее большой друг, с которым ей приходилось попадать в невероятные переделки, — наш новый директор обходил комнаты, залы и подвалы и попал на склад.

Они вчетвером сидели в комнате Ричарда и пили чай: Алиса, Ричард, вахтер Сильвер и Пашка Гераскин, недавно возвратившийся с исторической практики, где разгадал тайну исчезновения неандертальцев. А так как не все наши читатели уже прочли повесть о путешествии Пашки в каменный век, придется объяснить: неандертальцы — это древние, давно вымершие люди, похожие не только на нас, но и на обезьян.

Пашка, Алиса и два сотрудника Института времени пили чай и обсуждали очень важную проблему: где Алисе проходить историческую практику? Какую бы историческую тайну ей разгадать?

Почти все одноклассники Алисы свои задания выполнили. Пашка Гераскин уже разузнал, куда делись неандертальцы, Аркаша Сапожков сильно помог науке, раскрыв тайну исчезновения динозавров, только Алиса до сих пор не могла решить — куда ей полететь? Что ей разгадать?

Сначала она решила открыть Америку. Ну конечно же не открыть, потому что Америку уже открыли без нее, но узнать наверняка, кто же это сделал? Говорят, что не Колумб, а викинги за много лет до Колумба. Алиса решила было отправиться с викингами на ладье в долгое путешествие через океан, но в последний момент все сообразили, что на ладьях викингов не бывало девочек. Не брали они их с собой.

У Алисы голова кругом шла, ее папа, мама и симферопольская бабушка ночей не спали, межпланетный археолог Громозека каждый день вспоминал исторические тайны, но, к сожалению, из истории своей планеты.

Спокойнее всего к этой ужасной проблеме относился Ричард Темпест.

— Нет тайны? — говорил он. — Отыщется. Сама придет. Ты только ее не торопи.

— Но где, где я ее буду искать?

И вот Ричард придумал, где искать историческую тайну.

Он позвонил с утра Алисе и сказал:

— Чтобы в двенадцать была у меня в кабинете. Есть идея.

— Слушаюсь! — ответила Алиса.

— Ты с кем так говоришь? — спросил Пашка Гераскин.

— С Темпестом. Зовет к себе. Есть у него идея.

— Возьми меня с собой, а то делать нечего, — сказал Пашка. — Посижу с умными людьми.

Он стал немного задаваться после путешествия к неандертальцам, почувствовав себя почти настоящим ученым.

И вот они уселись в кабинете Ричарда, вахтер Сильвер, стуча деревянной ногой, принес помятый чайник с кипятком, верно служивший ему еще на пиратском корабле, заварил чаю и, пока тот настаивался, сказал Ричарду Темпесту:

— Начинай, молодой человек, выкладывай свою бессмертную идею.

Глаза у старого пирата были хитрыми, а его попугай качался на лампе под потолком и повторял:

— Опасность! Грррозная опасность справа по борррту... пли!

— Идея очень простая, — сказал Ричард. — Конфету хочешь, Алиса?

— Нет, спасибо.

— А я хочу, — признался Пашка. — Но не для себя, а для попугая.

— Чепуха! — сказал попугай.

— Он с утра арбуз склевал, — сказал пират.

— Ах! — откликнулся попугай и перевернулся вниз головой.

Пират разлил чай по чашкам.

— Идея, конечно, моя, — сказал он. — Но ответственность берет на себя Ричард Питерович. Выкладывай, научный сотрудник.

— Новый директор, — сказал Ричард, — попал вчера на склад и остался недоволен тем, как хранятся у нас некоторые предметы, привезенные из экспедиций в прошлое. Ведь институт существует не первый год, каждая экспедиция что-нибудь да привозит. Только часть добычи нужна ученым. Об этих вещах пишут статьи и защищают диссертации. Остальное складывают до лучших времен.

— Ну и пылища там у вас! — сказал Пашка.

— Пылищи там немного, — возразил Ричард. — Все склады герметически закрыты, и все находится под контролем телекамер. А вещи на наших складах лежат весьма любопытные.

— И что же вы предлагаете Алисе? — спросил Пашка, который никому не даст Алису в обиду.

— Я предлагаю ей отыскать свою историческую тайну в нашей кладовой. Директор велел привести все в порядок за три дня. А у нас кто в отпуске, кто в экспедициях — сама знаешь. И я подумал...

— Это я подумал, — перебил Ричарда старый пират. — Пускай девочка полазит по чулану Синей Бороды. И нам поможет, и себе пользу принесет.

— А вы ручаетесь? — спросил Пашка. — Что будет польза?

— Если ты хочешь помочь подруге, — сказал пират, — залезай в чулан и трудись! Мы тебе тоже спасибо скажем.

— И не мечтайте! — возмутился Пашка. — Я уже прошел историческую практику, разгадал свою тайну, и теперь у меня каникулы. Вы мне лучше скажите, почему складские помещения научного института называли чуланом Синей Бороды? Да знаете ли вы, кто такой

был Синяя Борода и что у него таилось в самой маленькой комнате?

— Трупы! — крикнул с потолка попугай. — Трррупы! Несчастные жены кончили дни от злодейских рук герцога.

— Вот именно, — сказал Пашка. — Ты понимаешь, Алиска, куда они тебя толкают?

— Во-первых, — сказал Ричард, — Синяя Борода — это выдумка сказочника Перро. Во-вторых, складские помещения научно-исследовательского института обходятся без трупов несчастных женщин. Просто в склады посторонним входить нельзя — ведь там лежат ценные, уникальные, древние предметы. Поэтому на двери кое-что написано.

— Что? — спросил Пашка.

— Алиса согласится поработать, пойдет и сама увидит.

— Отлично, — обрадовался Пашка. — Значит, без меня.

А Алиса подумала, может быть, идея пирата совсем не такая глупая. Ты ведь никогда не знаешь, почему разгадала задачку? Весь вечер мучилась, а утром проснулась — задачка уже сама в голове решилась! Да и интересно поглядеть, чего там натащили сотрудники Института времени из экспедиций.

Они допили чай, поговорили о разных вещах. Пашка сомневался — у него на физиономии было написано, что он разрывается между желанием забраться на склад Синей Бороды и другими своими делами. В конце концов он попрощался и убежал, сказав, что как-нибудь заглянет. А Алиса позвонила домой, чтобы ее не ждали к обеду, чем расстроила робота Полю.

Глава вторая. Бабушка — тут как тут!

У Селезневых тогда гостила симферопольская бабушка, бывшая иллюзионистка, отчаянной отваги пожилая женщина, маленькая, смиренная на вид. Но домашний робот Поля вчера вечером, когда она уже улеглась спать, пришел к Алисе и зашептал ей на ухо:

— Алиса, я тебя предупреждаю, твоя бабушка — хулиганка. Самая настоящая хулиганка.

— Почему ты так решил? — сонно спросила Алиса.

— Во-первых, я видел, как она ходит на руках.

— Поля, — возразила Алиса, — моя бабушка — пожилой, даже старый человек. Ей приходится заботиться о своем здоровье. Некоторые бегают по утрам, а бабушка — ходит на руках по своей комнате. Разве это плохо?

— Пускай ходит! — шепотом завопил робот Поля. — Пускай крутится на кухне у меня под ногами и уверяет, что умеет лучше меня печь оладьи! Пускай не вытирает ног, приходя с улицы! Пускай поет по ночам пиратские песни! Но только не это...

И тут в коридоре послышались четкие, звонкие шаги бабушки, которая всегда ходила в сапожках на квадратных каблучках и не признавала домашних шлепанцев.

— Зачем сплетничать? — спросила она. — Я понимаю еще, когда сплетничают люди, но когда сплетничает банальный домашний робот — это никому не делает чести. Наверное, пора такого робота списывать и найти новую, совершенную систему. Кстати, в Симферополе делают такие роботоконструкции, которые находятся под ковром и никому не мешают жить своими ночными жалобами.

— Ах! — сказал робот Поля. — После всех лет... Я качал на коленях эту девочку!

— Сомневаюсь, — отрезала бабушка, — чтобы кто-нибудь разрешил качать младенца

на жестких пластиковых коленях.

— Подтверди, Алиса! — взмолился робот.

— Я думаю, что Поля говорит правду, — вступилась за робота Алиса. — Правда, я не помню, как это было.

— Все, — сказал робот. — Ухожу на переплавку.

И ушел.

Алиса сказала:

— Бабушка, ну зачем ты так обращаешься с нашим Полей? Он же может подумать, что ты говоришь серьезно.

— Робот, который не знает разницы между серьезными словами и шуткой, обречен на то, что его заменят подковерной машиной, — ответила бабушка. — Кстати, что он имел в виду?

— Когда?

— Когда сказал, что он мне чего-то не может простить.

— Спроси у него сама, — сказала Алиса. — Мне так спать хочется! А завтра мне к Синей Бороде идти.

— Честное слово? — спросила бабушка.

Она была умная, заслуженная, но доверчивая. Другая бабушка сказала бы: «Ты что, Алиса, выдумываешь глупости!» А симферопольская бабушка спросила:

— А мне нельзя к Синей Бороде?

— Зачем? — спросила Алиса.

— Чтобы меня тоже убили, — ответила бабушка и засмеялась серебряным смехом. — И я буду лежать среди ненужных вещей в чулане, такая красивая и стройная. Ну, признавайся, Алиса, куда ты собралась?

— Завтра, — сказала Алиса. — Завтра все узнаешь, бабуся.

Бывают упрямые бабушки, но бывают и упрямые дети, и еще неизвестно, кто упрямее.

Бабушка вздохнула и ушла к себе, а робот Поля через минуту заглянул в дверь и прошептал:

— Ну и здорово же ты отбрила эту провинциалку!

Наутро за завтраком бабушка спросила:

— Ты обещала мне рассказать про страшную опасность, которая тебе угрожает!

Представляете, если так скажет приезжая бабушка, когда вы завтракаете с папой и мамой!

Мама от испуга выронила чашку и разлила кофе, папа скомкал газету — он выписывает старинную бумажную газету, так как считает, что настоящий мужчина не должен забывать о печатном слове.

— Воистину хулиганка! — сказал робот Поля, который вроде бы смотрел в сторону.

— А ну, — сказал папа, — признавайся, Алиса, что ты еще придумала?

— Я сегодня работаю в Институте времени, — ответила Алиса. — А про Синюю Бороду — это шутка, и бабушка тоже шутит, правда?

— Если возьмешь меня с собой, — сказала бабушка, — тогда не буду ябедничать.

— И все-таки, старые и малые, расскажите, — попросила мама.

И тогда Алиса рассказала о том, как новый директор Института времени велел привести в порядок склад трофеев, которые привезли из экспедиций сотрудники института. А Ричард Темпест предложил Алисе поработать на складе, потому что Алиса до сих пор не

придумала, куда отправиться на историческую практику и какую бы мировую тайну разгадать. Вот Ричард Темпест и надеется, что в кладовке Алиса может натолкнуться на какую-нибудь старинную вещь или рукопись — мало ли что может подсказать Алисе хорошую идею? Посмотрит она на вещь и скажет: вот именно туда я и хочу полететь!

— А ты не заразишься? — спросил робот Поля, который стоял в дверях и слушал рассказ Алисы. — Ведь ты только представь, откуда они притащили всю эту дрянь! Это же сплошные микробы и паразиты!

— Нет, — уверенно ответил папа Селезнев. — Я знаю, что в Институте времени все вещи, даже самые микроскопические, которые попадают к нам из прошлого, очень тщательно дезинфицируются.

— Простите, я не поняла ни слова, — сказала бабушка. — Что это значит?

— Это значит, что их моют, скоблят и чистят, — объяснил робот.

— Значит, опасности нет? — спросила мама.

— Опасности нет, — ответил профессор Селезнев, — но это еще ничего не значит, потому что твоя дорогая доченька конечно же найдет опасность, приключения и совершенно немыслимые вещи в этой кладовке. Недаром склад зовут комнатой Синей Бороды.

— Не комнатой, а чуланом Синей Бороды, — поправила Алиса. — Но это шутка. Конечно же там нет ни одной убитой жены.

— И все же я пойду вместе с тобой, — сказала бабушка. — Мне все равно сегодня делать нечего, я в музей собиралась, а теперь лучше посмотрю, что же тащат из прошлого работники Института времени.

Честно говоря, Алисе не очень хотелось, чтобы кто-то с ней шел. Бывают приключения, которые лучше переживать в одиночестве, но родители обрадовались, что бабушка пойдет с Алисой, и она не решилась отказаться от бабушкиного общества.

Так что Алиса явилась в Институт времени в сопровождении маленькой, скромной и почти незаметной бабушки.

Вахтер Сильвер сидел за столом на входе в институт и принимал свою утреннюю дозу ямайского рома. В руке он держал серебряный стакан, который ему подарил капитан Дрейк. А если вы незнакомы с капитаном Дрейком, то ничего не знаете о пиратах.

— Доброе утро, — сказала Алиса. — Я пришла работать.

— Каррамба! — крикнул с потолка попугай, который, как всегда, качался на люстре. — Что за девочка с тобой?

Тут пират тоже увидел бабушку.

— Ты кто будешь Алисе? — спросил он.

— Простите, — произнесла бабушка робким голоском, — я буду двоюродной бабушкой вашей подруги Алисы. Приехала навестить ребенка и узнала, что вы заставляете крошку трудиться в пыльном чулане.

— У нас нет пыли, — сказал Сильвер.

Он вытащил из ящика стола подзорную трубу и уставился на бабушку. А так как он сидел недалеко, то труба уткнулась бабушке в нос.

Бабушка чихнула и отмахнулась, отчего труба превратилась в букет фиалок. Пират Сильвер пытался смотреть на бабушку через букет фиалок и ничего не видел.

— Чепуха какая-то, — сказал он, — опять труба засорилась.

Он отвел руку от глаза и увидел, что у него в руке вовсе не труба, в страшном гневе

отмахнулся от букета, и тот полетел по воздуху. Но попугай успел слететь с люстры и подхватить букетик на лету. Он поднес его бабушке, бабушка приняла букетик и сказала попугаю:

— Вежливая птичка. Хорошо воспитана. Где дрессировались?

— Любимый ученик клоуна Дурова, — поклонился попугай.

Сильвер пришел в себя и загрустил:

— Вот этого от тебя, птица, я не ожидал. Честный пират, всю жизнь провел на мачте, а оказывается — любимый ученик!

— Судьба, — ответил попугай и взлетел на люстру.

Бабушка снова превратила букетик в подзорную трубу и протянула пирату.

— Проводите нас, пожалуйста, в чулан, — сказала она. — Не будем тратить времени зря.

Пират сдался, вызвал среднего научного сотрудника Ричарда Темпеста, и бабушка с Алисой пошли на склад.

Они шли по длинным коридорам института, перед ними летел попугай, который показывал дорогу.

Порой им встречались сотрудники института. Они спешили по своим делам. Некоторые были одеты в камзолы, тоги или мундиры прежних эпох, другие спешили в компьютерные залы, пошивочные мастерские, лингвистические, то есть языковые, кабинеты, мастерские или в библиотеку.

Глава третья. Упрямая самобранка

Чулан Синей Бороды нашелся в подвальном коридоре, почти в туннеле. Им пришлось пройти мимо множества закрытых дверей со строгими надписями: «Не входить!», «Проходите мимо!», «Один мальчик сюда зашел, его до сих пор ищут!»

— Шутники! — крикнул попугай на лету. — Аспиранты-второгодники!

— Попугай прав, — вздохнул Ричард Темпест. — Прислали к нам студентов и аспирантов на практику, а среди них — восемь второгодников. Собираю я их на занятие — нет второгодников! Где второгодники? А они, оказывается, без спросу отправились в прошлый год и перестали быть второгодниками. Шестерых удалось обратно вернуть, а двое так и остались в прошлом времени и не хотят возвращаться. И все безобразие в институте — их рук дело.

— И что же дальше будет? — спросила Алиса. — Они что, всегда будут теперь в прошлом году?

— Они письмо нам прислали, — сказал Ричард. — Требуют, чтобы их на следующий курс перевели без экзаменов. А то будут и дальше хулиганить.

— А как? — спросила Алиса.

И тут откуда-то сверху с потолка раздался громовой голос:

— А тааак!

И поперек коридора хлынул поток воды. Он вырывался из правой стены, протекал у самых ног и исчезал в левой стене.

Все остановились. И даже отступили от неожиданности назад.

Страшный хохот раздавался в коридоре.

— Но это же безобразие! — возмутилась симферопольская бабушка. — Это же дешевые

трюки! С такими трюками вас выгонят за неуспеваемость из училища циркового искусства!

Бабушка смело шагнула вперед, ступила в воду, и вода даже не забурлила. Бабушка нагнулась, окунула ладошку в воду, вынула ее и показала спутникам.

Рука была совершенно сухой.

— Неучи! — сказала бабушка. — Попались бы мне на арене, я бы вас научила элементарным фокусам.

Все прошли сквозь воду, которая только казалась, а второгодники перестали смеяться.

А дальше пошли двери простые, покрашенные кое-как, видно, сюда давно никто не забирался.

Ричард подошел к крайней двери. К ней была прикреплена табличка:

Склад № 7

Чулан Синеи Бороды

Нервных прошу не открывать!

— Не обращайтесь внимания, — сказал Ричард.

— А мы и не обращаем, — ответила Алиса и посмотрела на бабушку.

— Сейчас отыщу ключ... — сказал Ричард, роясь в карманах.

— Это лишнее, — сказала бабушка и протянула вперед указательный палец.

Дверь оглушительно заскрипела и отворилась.

Оттуда потянуло пылью.

Бабушка шагнула внутрь и взмахом руки зажгла в чулане свет.

Правда, вряд ли можно было назвать склад чуланом. Это оказался большой зал, в центре которого кучами были свалены вещи, а по сторонам шли широкие полки. На них тоже что-то лежало.

— А где же мертвые жены? — воскликнул попугай и захохотал. — Ведь у Синеи Бороды были жены, и он всех их убил за любопытство.

— Не знаю. — Ричард развел руками. — Совершенно не представляю, что можно отыскать на этом складе. Мертвая жена меня тоже не удивит.

— А что мы должны делать? — спросила Алиса.

Ричард сказал:

— Грузик, ко мне!

Из-за полок шустро выехал небольшой робот-тележка.

— Это ваш помощник, — сказал Ричард. — Вам надо будет разобрать эти кучи добычи и решить, что можно выбросить, а что лучше сохранить. По вашему приказу Грузик будет отвозить в музей или в библиотеку вещи, вытирать полки, размещать на них то, что можно оставить на складе. А вон там есть люк — утилизатор. Все, что вы туда кинете, превратится в пар. Я буду у себя в кабинете. Если возникнут проблемы, вызывайте меня, не стесняйтесь. Попугай тоже останется здесь.

— Я еще не решил, — ответил попугай.

Но остался.

Когда Ричард ушел, бабушка приказала Грузику:

— Отыщи-ка здесь круглый стол и, желательно, скатерть. Мы с Алисой попьем чайку. Нельзя же начинать работу, не попив чайку!

Алиса хотела сказать, что она совсем не устала и не хочет садиться за стол, когда

вокруг столько интересного, но разве можно послушаться симферопольскую бабушку?

Грузик оказался послушным, проворным, а главное, неразговорчивым роботом. Он умчался в полутьму, за полки, и оттуда послышался грохот.

Алиса хотела было побежать туда, помочь машинке, но бабушка ее остановила.

— Гремит — значит, рубит, — произнесла она загадочную фразу, и когда Алиса удивленно подняла брови, бабушка пояснила: — Помнишь, как в лесу раздавался топор дровосека?

— Помню.

— У нас то же самое. Дан дровосек, и ему дано приказание. Я верю в этого работягу.

И тут же из-за полок выехало странное создание.

Четыре согнутые деревянные ноги торчали вверх.

Конечно же это круглый стол вверх ножками! А спиной он лежит на тележке.

Грузик выехал на свободное место и остановился.

Потом подпрыгнул так ловко, что стол соскользнул с него, перевернулся и встал, как положено.

— Славно, — сказала бабушка. — Ты меня радуешь, Грузик. А теперь пошуруй по полкам или под ними и найди какую-нибудь скатерть. Только, разумеется, чистую, не выношу пить чай на грязной скатерти.

Робот не сразу поехал выполнять приказание.

Он покачивался, словно раздумывал, потом повернулся вокруг себя и снова принялся покачиваться. Это было смешное зрелище.

И вдруг Грузик подпрыгнул и понесся вдаль, доехал до стены, уткнулся в нее и поехал вдоль, порой замирая, порой начиная копать в старом барахле, для чего он выпускал металлические щупальца.

Бабушка тем временем принесла два стула.

— Садись, — сказала она Алисе. — Будем думать, как нам очистить Авгиевы конюшни. Ты слыхала когда-нибудь про Авгиевы конюшни?

Разумеется, Алиса слышала про Авгиевы конюшни, но она была уже почти взрослой девочкой и знала, что взрослым совсем неинтересно иметь дело с очень образованными детьми. Чему тогда, простите, их учить?

Поэтому Алиса отрицательно покачала головой.

— Ну вот! — укоризненно сказала бабушка. — Простых вещей не знаешь. А об этом в учебниках пишут!

— Может, я в этот день болела? — робко спросила Алиса.

— Не похожа ты на болезненного ребенка! Думаю, что ты просто проспала.

Алиса не стала спорить.

— Значит, жил-был такой фараон, Авгий, — сказала бабушка. — В Симферополе его каждая собака знала.

— А что делал фараон в Симферополе? — удивилась Алиса.

— Девочка, не перебивай. Все фараоны родились в Симферополе. А потом некоторые поехали в другие страны. Так вот, у этого Авгия была конюшня, загаженная, паутина висит, пол немыйтый — и притом, ни одного коня. Представляешь? Кони сбежали. И этот Авгий полюбил одну нашу девушку, допустим, ее звали Дашей. Он хотел на ней жениться, но Даша прямо ему отрезала: пока не вычистишь свою конюшню, я не приведу в нее своего жеребца. И дала она ему один день сроку, а это совершенно нереально. Пошел тогда Авгий в школу и

просит ребят: помогите! Вызвался весь класс. Ночь не спали... убрали мы конюшню. Только Даша все равно от него ускакала.

— Ты уверена, бабушка, что так все и было? — спросила Алиса.

— Абсолютно, — ответила бабушка. — Я там работала. Вместе с классом. Ты чего улыбаешься?

— Я где-то слышала, что Авгиевы конюшни были в Древней Греции, — сказала Алиса. — И очистил их Геракл. Греческий герой, который...

— Это который в львиной шкуре ходил? — перебила Алису бабушка. — Как же, знаю Геракла, его, правда, сначала звали Васей, а Геракл — это псевдоним. Он со мной в одной школе учился.

Алиса поняла, что бабушку ей не переспорить. Бабушка или разыгрывала ее, или в самом деле все перепутала.

Тут подъехал Грузик. На его спинке лежала аккуратно сложенная скатерть.

— Молодец, душка, — сказала бабушка.

Она взяла скатерть, развернула ее и взмахнула, как будто это был ковер, который она собиралась выбивать.

Поднялось облачко пыли.

Когда пыль улеглась, стало видно, что скатерть расшита розами, а посередине ее изображено озеро, по которому плавают белые лебеди.

— Какая она пыльная! — сказала Алиса.

— Пыльная, но не грязная, — уточнила бабушка. — И это большое достижение, как говорил мой напарник Пуччини-2.

Бабушка положила скатерть на стол, и получилось довольно красиво.

— А теперь, — сказала бабушка, — попрошу тебя, телега, все четыре колеса, принести нам самовар или хотя бы электронагреватель.

Грузик не шелохнулся.

Бабушка страшно удивилась.

— В чем дело? — воскликнула она. — Ты почему не подчиняешься старшим? Спешу, носи самовар, чашки, а потом я тебя пошлю в буфет за бубликами.

Грузик — ни с места!

Тут бабушка осерчала.

— Тебя, видно, давно не пороли! — сказала она роботу. — Что же, ты прикажешь мне самой идти на поиски самовара?

— Нет, — сказал Грузик.

— Ах, ты все-таки умеешь говорить! Ну и славно! Так почему ты не спешишь выполнять мое приказание?

— Потому что, — сказал робот.

Такое поведение робота может взбесить кого угодно.

— Пожалуй, наступает твой последний час! — воскликнула бабушка.

— Нет, — ответил робот.

Алиса поняла: что-то не так! Роботы так себя не ведут. Видно, бабушка чего-то не поняла. Но чего?

— В этой комнате есть самовар? — спросила Алиса.

— Да, — сказал Грузик.

— И чашки? И заварной чайник?

— Да.

— Почему ты их не несешь?

— Нет смысла, — ответил робот.

— Алиса, не мешай мне его убить! — вмешалась бабушка.

Но Алиса продолжала допрашивать Грузика:

— Я могу увидеть самовар?

— Да.

— А что я должна для этого сделать?

— Сказать, — ответил робот.

— Он издевается, — сказала бабушка.

— Здесь есть что-то волшебное? — спросила Алиса. Она знала, что взрослые не догадываются до простых вещей, когда эти вещи — волшебные.

— Есть, — сказал Грузик.

— Стол? — спросила Алиса.

— Нет.

— Скатерть?

— Да.

— Спасибо, — сказала Алиса и пригласила бабушку садиться за стол. — Я думаю, мы имеем дело со скатертью-самобранкой. С самой обыкновенной сказочной скатертью.

— Вот эта скатерть? — Бабушка показала на скатерть, которой был покрыт стол. — Что же в ней особенного? Она, может, и не скатерть вовсе.

— Бабушка, — сказала Алиса, — мы ведь можем попробовать.

— Я очень сомневаюсь, — ответила бабушка. — Хотя я и фокусница, но сильно сомневаюсь, что пиццедоставка может работать тысячу лет. Там все испортится.

— А если все-таки попробовать?

— Ну хорошо, пробуй.

Бабушка сложила ручки на груди и стала ждать, когда же скатерть-самобранка заработает.

Алиса сказала:

— Скатерть-самобранка, пожалуйста, дай нам чаю с печеньем.

Ничего не случилось. Как скатерть была пустой, так и осталась.

Бабушка ехидно улыбалась, словно доказала, что Земля стоит на трех китах, а Алиса расстроилась — очень обидно сидеть за столом, покрытым скатертью-самобранкой, и не знать, как она включается.

— Наверное, есть какая-нибудь инструкция, — сказала Алиса. — Ведь ею пользовались? Ну скажи, Грузик, что-нибудь!

Грузик выпустил щупальце и потянул за угол скатерти. Там была пришпилена этикетка:

Скатерть самообслуживания с ограниченными возможностями. Потертая. Изношенная. Почти не говорящая. Взята в замке Кощея после его смерти. Возраст 30000 лет. Приучена предыдущими владельцами к командам, которые начинаются словами: «Ах ты, дрянь! Гони на стол!»

— Вот видишь, — сказала Алиса, когда прочла надпись на этикетке, — оказывается, никакой тайны нет. Самая обыкновенная скатерть самообслуживания. Только ты, бабушка, сама ей прикажи.

Бабушка положила кулачки на скатерть и сказала грозным голосом:

— А ну, дрянь ты этакая! Гони на стол все, что в тебе спрятано!

— А не шутишь? — проскрипела скатерть пыльным голосом.

— Вот сейчас порву тебя на пыльные тряпки! — возмутилась бабушка. — Тогда посмотрим, кто у нас шутит!

— Рады стараться! — проскрипела скатерть, и посреди нее появился самовар. Самовар был нечищенный, позеленевший, с вмятинами и даже покосившийся немного.

Поставив самовар, скатерть зашипела, как сковородка, если плеснуть на нее холодной воды. И больше ничего на ней не появилось.

— Так, — сказала бабушка. — Придется мне и в самом деле взяться за дело.

Она взяла в руку угол скатерти и сжала в кулачке.

— Ты это... того... кончай! Я скатерть вольная! — зашипела самобранка.

— Алиса, неси ножницы! — скомандовала бабушка.

И тут же на столе появились две чашки, заварной чайник с разбитой крышкой и тарелка с печеньем «Столичное».

— Ну то-то, — сказала бабушка и отпустила скатерть.

Она налила из заварного чайника заварки себе и Алисе. Поставила чашку под кран самовара, открыла кран, но из него ничего не полилось.

— Скатерть! — строго сказала бабушка. — Без шуток!

— Сейчас закипаю, — ответил самовар.

Так, с приключениями, бабушке с Алисой удалось выпить чаю.

— Интересно, — сказала бабушка, — откуда этой госпоже знать про современное печенье?

— Добрые люди подсказывают, держат меня в курсе, — ответила самобранка. — Как чай, понравился?

— Хороший чай.

— Цейлонский, — сказала самобранка, — высший сорт.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Мы и не ждали, что ты так хорошо умеешь чаем угощать.

— Так бы с самого начала и говорила! А то слово «пожалуйста» позабыли. Все «гони!» да «гони!». А вот за «спасибо» я тебе удружу.

И тут на скатерти начали появляться тарелки, миски, блюда, плошки и ковши. И чего только в них не было — и жареный гусь с яблоками, и поросенок на вертеле с розой в пяточке, и гора красных раков, и серебряная бадейка с черной икрой, и тарелка со стопкой блинов, а рядом кувшин сметаны и горшок меду. А в ковшах и ковшиках, бокалах и рюмках, в бутылках и графинах было множество всяких напитков и разного зелья.

Блюд было так много, что даже ножки у стола подкосились.

— Это еще что такое? — спросила бабушка.

— А это мое «спасибо» в ответ на ваше «спасибо», — сказала скатерть. — Вы кушайте, угощайтесь, я вам добавки дам.

— Но мы же не голодные.

— Голодные не голодные, все равно ешьте, не обижайте меня! Вы не представляете, сколько энергии приходится тратить на молекулярном уровне, чтобы все это изготовить в натуральном виде.

Алиса с бабушкой принялись за еду, чтобы не обижать скатерть, но понимали, что съесть все им не удастся.

Помог попугай — он залетел проверить, как идут дела у уборщиц, но увидел, что они сидят за царским столом.

Тут бабушка и закричала:

— Птичка, зови своего хозяина и всех сотрудников, кто свободен! Не пропадать же хорошей пище!

— Это идея! — ответил попугай. — Всех коррррим!

Так что через несколько минут в склад пришел пират Сильвер.

За ним Ричард Темпест.

Потом робот Вертер, которому пища, как вы понимаете, не нужна, но который за компанию готов переплыть Тихий океан.

Вскоре прибежала секретарша Мельпоменочка, красоты невероятной, говорят, по происхождению муха, которая когда-то влюбилась в младшего научного сотрудника института и пробралась за ним в наши дни. Но у сотрудника была жена и трое детей. Так что мухе пришлось остаться в институте.

Потом пришли вычислители. Это рабы и господа главного компьютера. Люди насмешливые и всемогущие — их слушается самый главный компьютер Земли.

Прибежали аспиранты, не те, что в прошлом году остались, а те, кто перешел на второй курс.

А потом и сам директор института пожаловал, собственной персоной. Все ели, хвалили, скатерть подкладывала, так что рабочий день в институте пропал. Вы же не станете путешествовать в прошлое, когда сыты до отвала?!

Глава четвертая. Убитый портрет

Наконец обед закончился. Скатерть-самобранка убрала с себя пустые тарелки и чашки, и они исчезли неизвестно куда. А бабушка свернула скатерть и положила ее на полку справа от двери.

На той полке лежали вещи и находки, которые выкидывать не стоит, они еще помогут науке.

— Откуда начнем? — спросила бабушка.

— Вон с того угла, — показала Алиса. — Видишь, там какая-то картина прислонена к стене. А вдруг ее написал Леонардо да Винчи?

— А что! Может быть, — согласилась бабушка. — Я как сейчас помню Леонардика, он у нас в Ялте жил, катался на водной лыже. Славный был мальчонка. И куда сгинул?

— Леонардо да Винчи — это итальянский художник, — сказала Алиса. — И великий притом.

— Значит, выучился, — вздохнула бабушка. — Он способный был мальчик. Я всегда его мамаше, Дарье Семеновне, говорила: вашего мальчика надо учить. Тогда он распустится, как экзотический цветок.

Алиса махнула рукой — с бабушкой спорить не стоило. Она, видно, сама плохо училась в школе — всю жизнь провела на арене цирка. Но зато у нее было несколько тысяч знакомых, и она их любила, хоть и путала между собой.

Алиса подошла к стене, разгребла папки с бумагами, отнесла в сторонку пачку книг и вынесла на свет портрет.

Портрет оказался весьма необычным.

На нем был изображен мрачного вида мужчина с густыми бровями и широкой, во всю грудь, иссиня-черной бородой.

Мужчина не улыбался.

И понятно почему — ему в грудь вонзились восемь ножей.

— Все понятно, — сказала бабушка. — Мы видим перед собой отвратительного многоженца, герцога Синюю Бороду, которого жестоко казнили его несчастные жены.

— Но ведь не его, — поправила бабушку Алиса. — А его портрет.

— В те времена это было одинаковой казнью. Вряд ли он пережил такое издевательство над его герцогским достоинством, — вздохнула бабушка. — Я думаю, он их угнетал и грозил им, что зарежет и спрячет в чулане. Женам надоело, и они казнили герцогский портрет.

— А герцог?

— Надо съездить в отдаленное прошлое, — сказала бабушка, — и узнать. Боюсь, что судьба настоящего герцога была ужасной.

Бабушка вытащила один нож из портрета.

— А может, сгоняем с тобой в Средневековье, — предложила она, — и разгадаем историческую тайну?

— Разве это тайна! — ответила Алиса. — Она же никого не интересует. Но если я буду в Средних веках, то обязательно спрошу, куда делся тот самый герцог Синяя Борода. И я уверена, что никто о нем и не знает. Чем прославился этот герцог? Открыл Америку? Изобрел чайник? Вылечил миллион человек от проказы? Нет, оказывается, он своих несчастных жен уничтожал одну за другой, пока сам не погиб! Такой человек не достоин, чтобы его помнили!

Бабушка вытащила ножи из портрета и положила их на стол. Ножи были кухонные, совсем некрасивые и даже не очень острые.

— Ужасный век, ужасные сердца, — произнесла она.

Алиса перешла к широкой полке с книгами. Книги и журналы стояли и лежали на полке в страшном беспорядке.

Только она собралась разбирать книжки, как дверь в чулан открылась, и вошел пират Сильвер.

Он громко стучал по каменному полу наконечником деревянной ноги.

— Ну, как вы тут без меня, девочки? — поинтересовался он.

— Чего пожаловал? — спросила бабушка. — Давно тебя не было — и пятнадцати минут не прошло!

— Я хотел попросить тебя, по дружбе, — сказал Сильвер. — Тут ведь все что угодно можно отыскать. А я бутылки из-под рома и виски собираю. Я, так сказать, коллекционер, понимаешь?

— Поняла! — сказала бабушка. — Как только я найду бутылку рома, я тут же из нее ром вылью, а пустую бутылку тебе отдам.

— Только не это! — закричал пират. — Все иначе! Не надо трудиться, не надо выливать! Я сам вылью.

— Куда же ты выльешь? — спросила бабушка.

— В глотку, моя дорогая, в глотку. Чем пропадать хорошему рому, пускай страдает моя глотка.

— Ты обыкновенный пират, — сказала бабушка.

— Не без этого...

Сильвер подошел к столу и увидел восемь ножей.

— А это вы где нашли? — спросил он.

Тут в чулан заглянул Ричард Темпест. Тоже хотел узнать, как идут дела. И тоже увидел ножи.

— А это что такое? — спросил он.

— Видите портрет? — показала бабушка на портрет Синей Бороды с дырками в пузе.

— Страшный человек, — сказал Ричард. — Бандит, наверное.

— Это не бандит, — объяснила Алиса, — а герцог Синяя Борода, который убивал своих жен, а они потом ему отомстили. Пронзили его портрет ножами.

— То есть сначала он их убил, а потом они убили его портрет? — спросил Ричард и засмеялся. — Значит, его привидения убили?

— В этом вся сложность, — согласилась Алиса.

— А откуда жены ножики взяли? — спросил Ричард.

— На кухне, — сказала бабушка.

— Посмотрите внимательно, — попросил Ричард. — На каждом ноже есть гравировка: «Столовая Института времени». Как же эти жены на нашей кухне достали ножи, если они умерли пятьсот лет назад? А ты что думаешь, Сильвер Джонович?

— Эх! — Сильвер махнул рукой. — Был грех! Тосковал я очень на ночном дежурстве. Заглянул сюда — вижу портрет. Отвратная рожа! Ну точно судья, который меня на каторгу упек. Сбежал я на кухню и казнил его по всей строгости закона.

— Вот видите, — сказал Ричард. — Одной исторической тайной стало меньше.

Глава пятая. Рукопись Платона

Все разошлись. Ричард унес ножи на кухню. Сильвер пошел к себе на пост, дежурить у входа в институт. Алиса разбирала книги и журналы. А бабушка шуровала в темном углу, ей помогал Грузик — они передвигали какие-то тяжелые вещи, даже странно, как такие вещи могли поместиться в кабинке времени, как их удалось перенести из прошлого. Алиса хотела пойти посмотреть, но тут увидела в глубине свиток, видно, очень старинный, пожелтевший, перевязанный лентой. К ленте была привязана этикетка — ко всем вещам на складе привязывали этикетки. Правила в Институте времени соблюдали неукоснительно.

Алиса прочла на этикетке:

Часть рукописи Платона «Диалоги» с главой об Атлантиде.

Он давал ее почитать своему другу Эмпедоклу, который не вернул ее перед отъездом в Карфаген. Просил сотрудника института возвратить рукопись хозяину, так как опасался, что у Платона нет второго экземпляра.

— Ну вот, — вслух сказала Алиса. — Тебе доверили, а ты, как пират Сильвер, думаешь только о своем удовольствии.

И тут же дверь в чулан приоткрылась, в ней появилась физиономия старого пирата. Пират прошептал:

— Что? Бутылку рома нашла? Не смей выливать!

Алиса отмахнулась, и пират исчез.

Алиса осторожно развернула свиток. Он даже скрипел от старости и ссохся так, что все норовил тут же свернуться вновь. Алиса не стала воевать со свитком, а решила прочесть его потом. Вдруг на нем написано что-нибудь неизвестное про Атлантиду. Ведь до сих пор окончательно неизвестно, где она была и почему утонула. Поэтому Алиса осторожно перенесла свиток на стол и положила с краю, чтобы не забыть.

А сама пошла к бабушке, посмотреть, что такого они нашли с Грузиком.

Оказалось, в углу лежала груда рыцарских доспехов. Бабушка с Грузиком складывали их на тележку, и потому получалось много шума.

— Странно, — сказала Алиса. — Кто мог притащить из прошлого такие трофеи?

— Я думаю, это не трофеи, — ответила бабушка. — Никто их не тащил. Наверное, их сделали здесь для своих агентов. Чтобы было во что одеться, если поедешь в крестовые походы. А то Ричард Львиное Сердце или Робин Гуд сразу угадают, что ты не настоящий рыцарь.

— А я рукопись Платона нашла, — похвасталась Алиса.

Она тут же спохватилась, что бабушка может не знать, кто такой Платон, и добавила:

— Он Атлантиду описал.

— Как же, — сказала бабушка, — когда-то я была с ним знакома.

— Не может быть! Ты не такая старая.

— Я вовсе не старая, но Платон, должна тебе сказать, был в возрасте. Он тогда как раз собирался снова Атлантику в шаланде переплыть.

— Это какой Платон? — спросила Алиса.

— Какой-какой! Платон — один. Платон Денисович Непрестайло. Бывший рыбак и большой романтик.

Разговаривая, они помогли Грузику взвалить на свою спину все рыцарские доспехи, и Алиса увидела, как за большим, в обхват, камнем блеснул металл.

— Погоди, не уезжай, Грузик, — попросила Алиса. — Там еще какая-то железка осталась.

Она нагнулась и увидела, что приняла за железку рукоять старинного меча. Она потянула меч, но он не поддавался. Алиса потянула изо всех сил, но все равно без результата.

— Посторонись, — сказала бабушка. — Я даром что старенькая и маленькая, но силенкой меня Бог не обидел.

Бабушка потянула за меч, но у нее тоже ничего не вышло.

Тогда они втроем вытащили камень, из которого торчал меч, на середину комнаты.

Камень был черным, почти круглым, как неровный шар, он доставал Алисе до колен. Меч вошел в камень до половины, да так плотно застрял в нем, словно это был не камень, а кусок масла — даже гвоздь не засунешь в щель между лезвием меча и глыбой.

— Давай искать этикетку, — сказала бабушка. — Это ведь, наверное, исторический меч. Не может не быть этикетки.

Но этикетки ни на мече, ни на камне не оказалось.

Алиса с Грузиком забрались в дальний угол комнаты и стали вытаскивать оттуда сваленные на полу трофеи.

Алисе удалось отыскать и переложить на свободное место:

Зуб дракона с дыркой. То ли на дракона напал злодей кариес, то ли дырку просверлил охотник на драконов, чтобы носить зуб убитого чудовища на шее...

Красную королевскую мантию, обшитую горностаевым мехом, но на ситцевой подкладке. Всем мантия была хороша, только рассчитана на карлика. Алиса подумала, что, может быть, это мантия короля гномов...

Шкатулку, в которой что-то шевелилось. Но если запустить руку в шкатулку, то поймешь, что она пустая. А если помотришь снова — опять шевелится! На этой шкатулке была этикетка:

Шкатулка найдена в жерле почти потухшего вулкана Попокатепетль, возможно, ее вынесло лавой из центра Земли.

Там кто-то есть! Прощайте, товарищи!

Надпись показалась Алисе очень странной, надо будет спросить о ней у Ричарда...

Потрепанную шляпу.

На этикетке было написано:

Шляпа мореплавателя Магеллана.

Подобрана на пляже, в месте его гибели от руки туземного вождя Папу-Папу.

— Может, отдать ее пирату Сильверу? — спросила Алиса. — А то он ходит в фуражке, разве это прилично для пирата?

— Пррравильно! — закричал с полки попугай, который, оказывается, вернулся и следил за Алисой.

Попугай камнем кинулся вниз с полки, схватил крепким загнутым клювом шляпу и с трудом полетел прочь от чулана.

Но Алиса продолжала искать этикетку от меча. И вот что еще она нашла: Кусок известняка, в котором отпечатались видеочамера, с этикеткой:

Ископаемое мелового периода.

Кто-то из наших посеял казенную камеру в болоте динозавров. Камера сгнила, а отпечаток остался. Гнать с работы таких простофиль!

И еще Алиса отыскала в углу один большой сапог.

Она сразу догадалась, что это семимильный сапог, вытащила его на свободное место и натянула на ногу. Вся нога ушла в сапог. А можно было и две ноги туда засунуть.

— Ну, пошли! — приказала Алиса сапогу.

Сапог не обратил на приказ никакого внимания.

Алиса попыталась сделать два шага, чтобы разбудить сапог, но он был тяжелым, словно свинцовый.

— Ты чего шумишь? — спросила бабушка.

— Сапог-скороход нашла, — ответила Алиса.

Бабушка посмотрела на сапог и прочла вслух этикетку:

Сапог русского царя Петра Великого, потерял царем во время наводнения на Неве в 1724 году.

— Да, — вздохнула Алиса. — Я бы далеко в нем ушла.

— Есть! — услышала она голос Грузика.

Он подъехал, держа в щупальце заветную этикетку.

Меч в камне.

Принадлежал кому-то из колдунов или друидов древней Англии. Говорят, юный Артур смог вытащить его из камня и этим доказал, что он — будущий король. Найден в лесу, забытый и брошенный. Попытки вытащить меч из камня не увенчались успехом. Волшебная сущность меча требует исследования.

— Как странно, — сказала Алиса. — Принесли и забыли. А ведь это же самая настоящая тайна!

В этот момент в дверях появился пират Сильвер Джонович.

В шляпе Магеллана.

— Приветствую и благодарю, — сказал старый бандит. — Я эту шляпу теперь с головы никогда не сниму. И знаете почему? Потому что я в ней переплыл Тихий океан и чуть было не обогнул весь земной шар.

— Это не ты, — сказала бабушка, — а Магеллан. О нем ты, может быть, до сегодняшнего дня и не слышал.

— Какое оскорбление! — обиделся пират. — Не только слышал, но и знал лично. Мы с ним славно сражались спина к спине у мачты! И не исключено, что он — это я.

— Но Магеллан погиб! — сказала Алиса.

— Кому как кажется, — возразил Сильвер. — А мне кажется, что я не погиб. Меня только приняли за погибшего и бросили на берегу. Но добрые филиппинки меня отыскали, перевязали мои кровоточащие раны и выходили кокосовым молоком. Вот так! А те, которые не верят, будут опозорены на всю оставшуюся жизнь.

Пират Сильвер говорил басом, выпятив грудь и постукивая по полу деревянной ногой.

Он уже сам верил в то, что первым обогнул земной шар.

— Хорошо, — сказала симферопольская бабушка. — Если хочешь быть Магелланом, будь им. Только скажи мне, откуда здесь взялся камень с мечом и почему его не отправили на исследование?

— Помню, — ответил Сильвер-Магеллан, — как сейчас помню. Притащила этот камень Лена Простакова. Знаете ее? Она у нас работает спасательницей. Славный ребенок. Чемпион мира по бодибилдингу, то есть по атлетическому телосложению. Притащила, и тут ее вызвали на спасение «Титаника». Был такой пароходик. Потонул. Она вернулась такая расстроенная, что пришлось отпустить Лену в отпуск. А потом, видно, начальство в институте сменилось или была реорганизация. Вот и забыли о мече в камне.

Глава шестая. Меч в камне

В чулан влетел попугай и крикнул:

— Сильвер, дружище! Там туристы из Бразилии приехали. Что делать?

— Что делать? — Сильвер заковылял к двери. — На абордаж, вот что делать!

А бабушка подошла к камню и стала его внимательно осматривать.

— Конечно, волшебные чудеса случаются, почему бы им не случаться? Но вернее всего, в этом камне есть секрет и хитрость. И мы с тобой обязательно в этом разберемся. Сначала надо открыть книгу про короля Артура и узнать, что же там происходило? Пошли в библиотеку.

Бабушка пошла по коридору в библиотеку. Перед ней ехала тележка, которая показывала дорогу, а сзади шагала Алиса.

Библиотека в Институте времени была громадной. Там находились все книги, которые надо прочесть сотруднику, отправляющемуся в прошлое, там были все учебники манер, хорошего поведения, турнирного искусства и конечно же словари и звуковые курсы для начинающих и кончающих временщиков. Ведь, как известно, лучшие шпионы попадались именно на акценте. Вот приходит какой-нибудь наш сотрудник в Древнюю Грецию и спрашивает:

— Кик мини прийти до Порфанона?

Конечно, он мог сделать и другие ошибки в произношении, это не так важно. Важно то, что стражник у городских ворот Афин или любой водонос настораживается и думает: «Мне кажется, этот человек — персидский шпион. Уж очень плохо он говорит по-гречески». Тогда сотрудника хватают и тащат в городской суд. И приказывают ему, скажем, прочесть вслух комедию Аристофана или «Диалоги» Платона. Читает наш сотрудник и делает неправильные ударения. Ну, как если бы вы встретили у нас человека, который говорит «инженера» вместо «инженеры» или «ложить» вместо «класть». Вам такие люди встречались? Если встретятся, знайте: это все персидские шпионы, которые не выучили толком русский язык, или, в крайнем случае, сотрудники Института времени, только не русского, а китайского.

У нас таких шпионов терпят и даже избирают в парламент или правительство, а в Древней Греции с произношением было строго. Если ты коверкаешь родной язык, тебе одна дорога — на эшафот.

Робот-тележка Грузик остался за дверями библиотеки, а бабушку встретил настоящий живой библиотекарь, дон Родригес, очень похожий на Дон Кихота.

— Чем могу служить, коллеги? — спросил библиотекарь.

— Мы хотим прочитать какую-нибудь старую книгу о короле Артуре.

— Попрошу уточнить, — сказал библиотекарь, — какого короля Артура вы имеете в виду. В истории человечества было несколько королей под таким именем. Некоторые даже прославились. Например, король бургундский Артур Бесстрашный лично переплыл Сену в полном рыцарском доспехе и утонул ближе к вражескому берегу.

— Нам нужно узнать про короля Артура, у которого был Круглый стол, а за столом сидели рыцари Круглого стола. Вы читали о таком короле?

— Разумеется. Вы имеете в виду Британию, шестой век нашей эры, у него еще была сестра... Злобное существо, я вам скажу. И советник Мерлин. Из волшебников. Но не очень крупный. Садитесь, подождите, я вам дам книгу. Вам, наверное, интереснее читать о короле Артуре в книге?

— Да, и начать мы хотим с самого детства, — сказала Алиса.

— Тогда я вам посоветую прочитать самую знаменитую книгу о короле Артуре, называемую «Смерть Артура». Написал ее английский писатель Томас Мэлори почти семьсот лет назад. У нас есть первое издание этой книги. Кто-нибудь из вас, уважаемые дамы, умеет читать на староанглийском языке?

Алисе неловко было вылезать первой, и потому она молчала и ждала, что же скажет бабушка.

А бабушка, конечно, никакого иностранного языка не знала, но была очень гордой и не хотела в этом сознаваться.

— Принесите мне книжку, — сказала она, — но учтите, что я забыла дома очки, и если в той книжке мелкий шрифт, то мне придется вас всех разочаровать.

— Если шрифт мелкий, — успокоила ее Алиса, — то я сама постараюсь прочесть.

— Ну конечно же, конечно, внучка мне всегда поможет!

Они уселись за широкий стол, отполированный локтями и рукавами многих сотрудников института, и вскоре библиотекарь принес им большую книгу в кожаном переплете.

— А тут картинки есть? — спросила бабушка.

— Нет, она без картинок, — ответил библиотекарь. — Но все равно очень интересная. Ты, девочка, читай вслух, мне тоже хочется послушать.

Алиса раскрыла книгу, от которой пахло пылью веков.

Название оказалось французским, но сам роман был написан старым, богатым, красивым английским языком.

Алиса быстро проглядела две первые главы книги. Библиотекарь сказал ей:

— О самом Артуре — с семнадцатой страницы.

Алиса рассказала бабушке, которая делала вид, будто что-то знает о короле Артуре, а на самом деле ничего не знала, о папе Артура, короле Утере, о том, как он познакомился с Артуровой мамой, а помог им познакомиться местный волшебник Мерлин. Когда же родился маленький Артур, волшебник Мерлин почувствовал, что дела короля Утера идут все хуже, да и сам король что-то разболелся.

«Ох! — подумал Мерлин. — Это может плохо кончиться для малыша». И он пошел к королю и сказал, что знаком с одним бароном, очень честным человеком. Вот к этому барону и надо отвезти малыша Артура, никому не говоря, что тот на самом деле принц. Иначе враги до него доберутся.

— Ах, какие жестокие были нравы! — расстроилась бабушка. — Мальчика убить хотели. А зачем?

Алиса не ответила и продолжала рассказ.

Тайком от мамы мальчика вынесли из города и отдали Мерлину, переодетому нищим. А тот отнес Артура к новому отцу — барону Эктору.

Дальше Алиса стала читать вслух:

— «По прошествии двух лет слег король Утер от жестокой болезни. Тогда недруги вторглись в его владения, затеяли великую войну с его войском и многих людей перебили».

Алиса читала медленно, потому что ей приходилось переводить с английского языка. В библиотеке было тихо. Даже пиратский попугай, который прилетел туда из любопытства и повис вниз головой на люстре, молчал и слушал. Алиса читала про то, как король Утер вышел на последний бой, выиграл его, но стало ему совсем плохо, три дня он пролежал, не в силах сказать ни слова, а на четвертый день Мерлин созвал всех баронов и знатных людей королевства и спросил Утера:

— Сэр, быть ли вашему сыну Артуру после вас королем над этой страной со всеми ее владениями?

Король Утер ответил:

— Пусть молится за упокой моей души и пусть по чести и по праву требует мою корону!

И с этими словами он испустил дух.

— Значит, помер, — пояснила бабушка. — Жалко короля.

Алиса продолжала читать:

— «Похоронили его, как подобало королю. После этого королевство пребывало в опасности, ибо каждый властитель, у которого было довольно войска, чаял стать королем».

— Типичный случай, — сказала бабушка. — У нас в цирке тоже так было. Скушали львы дрессировщика Грациалли, Федю Грациалли. А ведь что-то надо делать. Съехались дрессировщики и всем хочется львов себе забрать — уж больно славные были львы.

— И не страшно им было, что львы их тоже съедят? — спросил библиотекарь.

— Профессия у них такая, — ответила бабушка.

— Простите, я попросил бы вас не отвлекаться, — произнес благородный библиотекарь. — Мне так интересно узнать, чем кончилась история короля Артура.

Он поклонился Алисе, и той ничего не оставалось, как читать дальше.

Она прочла о том, как волшебник Мерлин снова собрал всех баронов и рыцарей королевства и на глазах у них во дворе церкви вдруг появился камень, в который был воткнут меч. И вокруг лезвия вилась золотая надпись: «Кто вытащит сей меч из камня, есть по праву рождения король над всей землей английской».

Когда лорды прочли надпись, некоторые стали тащить меч из камня, но меч и не шелохнулся. Тогда его оставили в покое, но поставили возле него стражу из десяти рыцарей. Отныне каждый, кто пожелает, мог попробовать вытащить меч. Многие пробовали, но не смогли.

— «И вот в день нового года, — читала Алиса, — устроили рыцарский турнир. Бароны выехали на поле, иные — сразиться в поединке, иные — погарцевать и явить свое искусство. Случилось так, что приехал на турнир и сэр Эктор, у которого были в окрестностях Лондона обширные владения, а с ним и его сын сэр Кэй и юный Артур, которого все считали младшим братом Кэя. Незадолго до этого Кэй был посвящен в рыцари, и ему уже можно

было сражаться на турнире. Но когда направлялись они на турнирное поле, сэр Кэй хватился своего меча — а он остался дома! И тогда Кэй попросил юного Артура съездить за его мечом. Артур во весь опор поскакал за мечом».

Алиса замолчала и перевела дух. Она зачиталась, ей уже казалось, что она видит мальчика Артура, который спешит помочь своему старшему брату, и слышит, как стучат копыта его коня, скачущего к замку лорда Эктора по пыльным улицам английской столицы.

— Читай, читай, не отвлекайся! — закричал сверху попугай. — Интересно ведь, разве не понимаешь?!

Алисе и самой было интересно.

И она читала о том, как Артур прискакал домой. А дома пусто! Ни души. Стучал Артур в ворота замка, стучал, но ему не открыли. Оказалось, его приемная мама и все слуги тоже поехали на турнир, только по другой дороге. Вот и не встретились. А ключа не оставили.

Артур рассердился, но что поделаешь? И тогда он вспомнил о мече, который торчит из камня на церковном дворе. Он решил: возьму я его и отдам брату, не может же Кэй остаться без меча в такой день!

— Ясное дело, — сказала бабушка, — не знал он, что меч не вытаскивается! А то бы не стал и пробовать.

— Ему забыли рассказать про заклинание Мерлина, — согласился библиотекарь.

Алиса продолжала читать:

— «Вот прискакал Артур на церковный двор, спешил и привязал коня к ограде. Рыцарей возле меча не было, потому что они все отправились на турнир. Артур ухватил меч за рукоять, одним быстрым могучим рывком выдернул его из камня, сел на коня и поскакал на турнирное поле. Он подъехал к брату Кэю и протянул ему меч. Кэй сразу узнал в нем тот меч, который торчал из камня на церковном дворе... Ничего не сказал Кэй Артуру, а поехал к своему отцу сэру Эктору и произнес: „Смотрите, отец, вот меч, что торчал в камне, и потому мне быть королем над этой страной!“»

— Вот это безобразие! — возмутилась бабушка.

— Позоррр, позоррр! — кричал попугай.

— Да, настоящие рыцари так не поступают, — согласился с ними библиотекарь, который читал все книжки про рыцарей и знал, как они поступают.

— Подождите, — сказала Алиса. — Все не так просто. Дайте мне дочитать.

— Алиса права, — сказал библиотекарь.

— «Сэр Эктор, — стала читать Алиса дальше, — вскочил на коня и поскакал к церкви. За ним поскакал Кэй. Эктор поглядел на камень и убедился в том, что меча там нет. Тогда он вошел в церковь и приказал своему старшему сыну поклясться на священной книге Библии, что тот сам добыл себе меч. Кэй опустил голову и ответил, что на самом деле его принес Артур.

— Как же ты достал этот меч? — спросил приемный отец Артура. И когда Артур рассказал ему, как было дело, сэр Эктор сказал: — Вижу я, что быть тебе королем над этой землей.

— Почему? — спросил Артур.

— Только тому человеку дано вытащить меч из камня, кто будет законным королем над этой страной. А теперь посмотрим, сможешь ли ты засунуть его обратно и вытащить еще раз.

— Дело немудреное, — молвил Артур и снова засунул меч в камень.

Попробовал вытащить его сэр Эктор, но тщетно. Тогда он сказал старшему сыну:

— Попытайся и ты.

Кэй потянул изо всей силы, но ему не дано было преуспеть.

— А теперь тащи ты, — сказал сэр Эктор Артуру.

— Охотно, — ответил Артур и вытащил меч с легкостью.

И тут опустил сэр Эктор на колени, а с ним и сэр Кэй...»

Алиса закрыла книгу и сказала:

— Мне кажется, что все ясно. Остался пустяк.

— Какой пустяк? — спросил библиотекарь, который еще не знал, что тот самый заколдованный меч лежит в нескольких шагах от него в чулане Синей Бороды.

— Осталось проверить, та ли самая надпись на нашем камне, — сказала бабушка. Она была очень догадливой старушкой.

И они поблагодарили библиотекаря, а потом отправились все вместе обратно в чулан.

Там они внимательно осмотрели меч и увидели, что на камне вокруг лезвия мелко написано на старинном английском языке:

Кто вытащит сей меч из камня, есть по праву рождения король над всей землей английской.

— Грузик, — попросила бабушка, — ты можешь вытащить меч?

— Я же не король Артур, — разумно ответил робот-тележка.

— Меня не интересует история и прочие сказки! — рассердилась бабушка. — Я хочу понять, какая нужна сила, чтобы вытащить меч. Имеем ли мы дело с особенно сильным мальчиком или это все-таки фокус.

— Или волшебство, — добавила Алиса.

— Волшебство — это фокус! — ответила бабушка. — А ты, Грузик, принимайся за работу!

— погоди! — закричала Алиса. — Не спеши. А вдруг ты меч поломаешь? Ты же робот, а не человек, сколько в тебе лошадиных сил?

— Про лошадиные силы не скажу, — ответил Грузик, — но с танком бодаться приходилось. В мою пользу.

И Грузик, выбросив из себя два длинных стальных щупальца, схватился за рукоять и потянул вверх.

И случилось вот что.

Меч остался в камне, но сам камень весом, наверное, с полтонны поднялся в воздух.

— Все! — приказала Алиса. — Опыт закончен. Победил Грузик.

— Я тоже так думаю, — сказал робот и грохнул камень на пол.

— А может, он приржавел к камню, — предположила бабушка. — Мы дергаем, дергаем, а они срослись в единое целое. Надо распилить камень. У вас есть здесь пила, которая пилит камни?

— Бабуся! — взмолилась Алиса. — Пожалуйста, не надо! Давай подождем.

— Чего же мы будем ждать?

— Я думаю, что лучше всего будет сгонять к королю Артуру, познакомиться с ним и узнать, как он вытащил меч из камня.

— И кто же тебе разрешит? — спросила бабушка.

— Пока не знаю, — честно призналась Алиса. — Может быть, Ричард разрешит.

Бабушка ничего не заподозрила, она думала, что Алиса — человек воспитанный, выдержанный и послушный. Она еще не знала толком, какие черты водятся в ее двоюродной внучке.

Но день подошел к концу, и они отправились домой, а потом сходили в театр.

Глава седьмая. Надо познакомиться с Мерлином

На следующий день Алиса с бабушкой проработали в чулане до обеда. Потом заглянул Ричард и пригласил их в институтскую столовую.

При этих словах скатерть-самобранка попыталась слезть с полки — она не выносила, когда о ней забывали.

— К сожалению, нам надо домой, — сказала Алиса самобранке и Ричарду сразу. — Наш домашний робот Поля не переживет, если мы второй день подряд не будем обедать дома.

— Странно и даже неумно! — обиделся Ричард. — Разве вы не знаете, что столовая Института времени считается лучшим рестораном города Москвы, а может быть, и всей Земли, потому что туда привозят продукты из далекого прошлого, когда не только экологии не было как науки, но и о промышленности не знали. К тому же некоторые устрицы, креветки, лимоны и ананасы прибыли из таких отдаленных времен, когда человека на планете просто не существовало. И он не мог ничего испортить. А уж если говорить о мелочах, то, наверное, вам не приходилось пробовать динобананов размером с лодку каное — любимой пищи ископаемых рептилий. И вы никогда не грызли ракушки агламегонов. Оставайтесь, друзья, вы получите удовольствие!

— Нет уж, спасибо! — сказала бабушка. — Я лучше картошечки пожую, я лучше нитратами побалуюсь, а не вашими агламегонами.

Алиса развела руками и добавила:

— Бабушка у нас в гостях. Я не могу ее оставить одну. Но не беспокойся, Ричард, мы пообедаем, бабушка поспит после обеда, и мы вернемся в чулан.

— Даю слово артиста, — сказала бабушка.

— Ну, как знаете, — сказал Ричард и пошел в столовую.

Дома бабушка долго учила робота Полю, как надо жарить картошку, робот обижался, потому что считал, что он куда лучше бабушки умеет все делать. От спора с роботом бабушка устала и сказала:

— Я на семь минуток прилягу, хорошо? А потом пойдем в наш чулан.

Алиса проводила бабушку в ее комнату. Когда бабушка легла на диван, Алиса укрыла ее пледом.

— Надо будет... — сказала бабушка сонно. — Надо будет познакомиться с этим самым Мерлином.

И заснула.

Алиса тут же начала действовать.

Она выскочила из дома, кинулась бегом к площадке флаеров, взяла воздушную машину и взвилась на ней в небо. Через пять минут Алиса уже была на окраине Москвы на большом поле, которое окружает Институт времени.

Алиса вбежала в институт. Пират Сильвер дремал за столом вахтера, положив лысую

голову на шляпу Магеллана, великого путешественника, который обогнул бы на корабле земной шар, если бы его не зарубили филиппинцы, начавшие этим борьбу за свою свободу и независимость. Такова история. Из нее слова не выкинешь, а если выкинешь — не признавайся!

Алиса на цыпочках пошла к лестнице на второй этаж, где стоят машины времени. Попугай заметил ее и спросил:

— Ты разве не спишь после обеда?

Алиса приложила палец к губам, и попугай понял:

— Молчи, грусть, молчи!

Алиса пробежала по коридору. Раза два ей пришлось прятаться и переждать, пока мимо пройдут сотрудники, а еще раз она прошла им навстречу и даже раскланялась.

В зале Машины № 1 было пусто.

Всю правую стену занимала старинная картотека, а слева стояли компьютеры. Дело в том, что всю информацию о полетах в прошлое следовало конечно же заносить в компьютеры, но порой полеты были такими срочными или даже секретными, что компьютеру об этом не говорили.

Хотя он, конечно, и без подсказок все знал.

У правой стены находилась самая обыкновенная картотека, с карточками, на которых писали от руки — где был, что делал, когда вернулся.

Сначала Алиса кинулась к компьютеру и запросила его:

— Как мне попасть к королю Артуру, который правил Англией полторы тысячи лет назад и у которого были рыцари Круглого стола?

Компьютер принялся подмигивать экраном, пережевывать и обдумывать информацию. Тогда Алиса перебежала к правой стене и вытащила из картотеки ящик со словами, начинающимися на букву «А». И сразу нашла, что нужно. На карточке было написано:

*Артур. Король английский. Я у него был. Хороший мальй. Ему двадцать пять лет. Жена его Гвиневера отлично меня накормила.
Отчет представляю завтра.*

Агент Пилотский.

Но никакой даты.

Сзади пискнул компьютер. Он звал Алису.

— Ну что, нашел? — спросила Алиса.

— Тот, кто вам нужен, родился в 475 году в замке Тинтейджел в Корнуэлле. Семья приемная. Глава семьи сэр Эктор, старший сын Кэй.

— Правильно, это тот самый Артур, который мне нужен, — сказала Алиса. — Компьютер, а ты мог бы отправить меня в тот год, когда Артуру было тринадцать или четырнадцать лет и он вытащил меч из камня?

— Ждите ответа, — сказал компьютер. — Ждите ответа. Та-тата-та-та.

Алисе казалось, что прошло полчаса, сейчас прибежит бабушка, за ней Ричард, и ей не дадут слетать в отдаленное прошлое и поговорить с Артуром.

Когда она уже готова была стукнуть компьютер по гладкой головке, он выдал ответ:

— Кабина к перелету готова. Попрошу представить пропуск и научное задание.

— Все тебе будет, — сказала Алиса. — Подожди немного, отдохнешь и ты.

— Я не устал, — сказал компьютер.

— Все готово! — Алиса вступила на платформу, перед которой находился пульт автоматического и ручного управления. — Компьютер, начинай!

— А пропуск? — спросил компьютер.

— Немедленно слушайся человека! — приказала Алиса.

И тут компьютер сильно задумался. Еще никто с ним так не разговаривал.

— Поторапливайся! — прикрикнула на компьютер Алиса. Она делала это нарочно, хотела, чтобы компьютер запутался и пропустил ее в прошлое.

И она угадала.

Компьютер громко вздохнул и сказал:

— Ну ладно, я иногда вас, людей, не понимаю.

— Значит, Корнуэлл, замок Тинтейджел, — повторила Алиса, — 475 год. Время большого королевского турнира. Мне надо попасть в прошлое в тот день, когда короля Артура признали наследником престола.

Алиса вступила на платформочку, схватилась за поручни. Раздалось жужжание. Компьютер настраивал приборы, набирал энергию для переноса. Ведь для того, чтобы человек мог пролететь через сотни лет, требуется гигантская энергия. Когда включается машина времени, в соседних домах и даже районах на секунду становится чуть темнее.

На панели перед Алисой загорелась надпись:

«Подготовиться к переходу!»

Компьютер повторил вслух:

— Подготовиться к переходу!

В кабинете директора института вспыхнула предупреждающая надпись, как раз перед письменным столом: «Кабина № 1 готовится к переходу».

Но директор еще не вернулся с обеда. Он как раз начал есть компот из голубой земляники, собранной младшим научным сотрудником в Долине Троллей. Директор ловил ложечкой голубые ягодки и размышлял, как бы выпросить у поварихи Клотильды, бывшей ведьмы-разбойницы, еще чашечку. И некому было остановить Алису, которая помчалась в далекое прошлое задать несколько вопросов юному королю Артуру.

Глава восьмая. Младший брат Кэя

Дул жуткий, холодный, мокрый ветер. По небу неслись темные, беспросветные облака. Белые овцы, которые паслись на очень яркой зеленой траве среди серых скал, сбились в кучку, видно, совсем замерзли.

Голос моря, удары волн и рокот прибоя доносились до склона холма, куда из неглубокой пещеры выбралась Алиса.

«Зачем же я оставила свою шубку? — подумала Алиса. — Я здесь всего пять минут, а уже зуб на зуб не попадает».

Конечно, Алиса кинулась в прошлое легкомысленно. Она думала, что управится за полчаса, пока бабушка спит, а директор с Ричардом обедают.

Но вокруг никого не видно. Овцы, конечно, ничего не расскажут. Где искать принца Артура, непонятно!

Алиса пошла к замку. Он стоял на вершине округлого, невысокого холма, но оказался куда дальше, чем Алиса думала вначале.

Она шла и шла к нему, а он словно отодвигался.

Трава под ногами была мокрой, то ли от морского ветра, то ли недавно прошел дождь. Ноги сразу замерзли.

Когда Алиса выбралась наконец на дорожку, которая вела к воротам замка, она совсем устала.

В центре замка стояла башня, а стены ограждали ее квадратом, как будто забор вокруг сада или огорода. Запертые ворота были деревянными, невысокими, всаднику в них пришлось бы въезжать наклонившись.

Алиса подошла к воротам.

На веревке сбоку висела короткая толстая палка. Алиса решила, что это колотушка, чтобы не стучать в ворота кулаком.

Она взяла палку и ударила по толстой доске, обитой гвоздями с широкими, в ладонь, шляпками.

Никто не откликнулся.

— Эй! — крикнула Алиса. — Кто здесь есть живой?

Только тут Алиса заметила, что на воротах висит старинный замок, похожий на кирпич. Значит, никого нет дома.

Алиса решила обойти крепость вокруг. Может, с той стороны есть какая-нибудь деревня? Обычно замки не стоят на пустом месте — кому-то же надо кормить и обихаживать его обитателей.

Но только Алиса сделала шаг в сторону от ворот, как услышала стук копыт.

Она оглянулась.

Одинокий всадник скакал по дороге к вершине.

И тут Алиса поняла, что лучше всего ей спрятаться. И не потому, что она боялась всадников, но ведь она была одета совсем не по-здешнему!

На ней был модный костюм в обтяжку до колен. Такие костюмы в этом году носят все школьники. Он чем хорош — соскочил с кровати, прибежал в ванную, а на полке лежат в рядок шесть или семь костюмов разного цвета, под настроение. Допустим, у тебя с утра розовое настроение. Ты берешь с полки шарик, размером с пинг-понговый, только мягкий, и сжимаешь его между большим и указательным пальцами. Как только он щелкнет, отпускаешь шарик и кидаешь его — он тут же расправляется в воздухе и становится похожим на парашюттик. Теперь тебе остается только приложить парашюттик к груди, и костюм обнимет тебя, как будто ты окунулся в теплую воду.

И ты одет.

Захотел раздеться, провел ладошкой по груди — и костюм соскользнул с тебя, только успевай — подхвати и положи шарик на полку.

Когда Алиса спешила в древнюю Англию, она совсем не подумала, что таких костюмов там не носят, а девочки, если они благородного происхождения, одеваются в платья, узкие в талии и длинные, до самой земли. А если это крестьянки, то надевают серый холщовый балахон.

И волосы у девочек конечно же длинные.

А Алиса подстрижена коротко, как ей удобнее.

Так что сами понимаете — Алисе лучше бы скрыться с глаз.

Но она не успела.

Всадник поравнялся с ней и крикнул:

— Привет! — Разумеется, на самом обыкновенном древнем английском языке.

— Привет, — ответила Алиса.

Теперь уж убежать совсем не было смысла.

К тому же она увидела, что всадник лишь немного старше ее, подросток, почти мальчик.

Одет он был обыкновенно для тех мест и того времени, не богато, но и не бедно. На нем были штаны в обтяжку, свободная синяя куртка поверх рубахи. Его волосы, чуть подлиннее, чем у Алисы, стягивала веревочка.

Мальчик кинул поводья и подбежал к воротам. Он хотел открыть их, но тут заметил, что на воротах висит замок, похожий на кирпич.

— Ну вот, — сказал он. — Этого еще не хватало. Куда они все подевались?

Никто ему не ответил.

Мальчик постучал в ворота колотушкой, но никто не откликнулся.

— Куда они подевались? — спросил мальчик у Алисы.

— Я тут недавно, — ответила Алиса.

И тут она поняла, что мальчик совсем не удивлен, увидев ее.

А впрочем, чему удивляться? На нем штаны в обтяжку, и на Алисе штаны в обтяжку. У него поверх рубахи накинута куртка, и на Алисе куртка. И даже пострижены они почти одинаково. Даже куртки у них одинакового синего цвета.

Вернее всего, мальчик принял ее за соседского парнишку, а не за девочку.

— Какая беда! — сказал средневековый мальчик. — Мне обязательно надо в замок попасть. Как ты думаешь, если ты меня подсадишь... Нет! — Он даже махнул рукой, поняв, что стена слишком высокая и отвесная, чтобы на нее забраться.

Пастух, который погнал от моря стадо овец, увидел мальчика у ворот и крикнул:

— Госпожа со слугами и девушками поехали на турнир!

Ветер донес его слова и тут же унес их дальше к холмам.

— Вот не везет! — огорчился мальчик. — Ну что ты прикажешь делать?

У Алисы появилось подозрение: а вдруг этого мальчика она и ищет?

— А что тебе надо в замке? — спросила она.

— Понимаешь, мой старший брат Кэй должен сегодня биться на турнире. Первый раз в своей жизни. А меч забыли в замке. Он попросил меня привезти меч, а я не смог выполнить его просьбы. Ты не представляешь, какая это беда! Он меня убьет!

— Но ты-то в чем виноват? — удивилась Алиса.

— Он скажет, что я должен был проследить, чтобы меч не забыли! — сказал мальчик.

— А сам он почему не проследил?

— Ты не представляешь, как он волновался, — сказал Артур. — Это же его самый первый бой! Еще хорошо, что он штаны надел!

Мальчик рассмеялся, но Алисе было не смешно.

— А как тебя зовут? — спросила она.

— А ты кто такой, чтобы меня спрашивать? — ответил вопросом Артур. — Что-то я тебя раньше в наших краях не видел. И одет как-то не так...

— Не бойся меня, — сказала Алиса. — Я тебя не трону.

— Я? Тебя? Испугался? — Юный Артур кинулся на Алису, явно собираясь надавать ей тумаков.

Алиса еле успела отскочить в сторону.

Артур промчался мимо нее как дикий бык.

— Да постой ты! — крикнула Алиса. — Я не враг тебе!

Но Артур ничего не слышал. Видно, он был отважным, но не очень разумным молодым человеком.

Поэтому Алисе ничего не оставалось, как подождать, пока он снова помчится на нее, чуть отступить в сторону и провести простенький прием карате, о котором в пятом веке нашей эры никто еще и не подозревал. И хоть не положено, конечно, обижать английских королей, но и английским королям не стоит кидаться с кулаками на девочек из отдаленного будущего.

Артур взлетел в воздух и шлепнулся на траву. Он был оглушен и даже не сразу сообразил, что произошло.

Потом он сел, покрутил головой, стараясь прийти в себя.

Алиса отошла немного и спросила:

— Ну что, хватит драться?

— Ты нечестно меня схватил! — возмутился Артур. — Сейчас я тебе покажу! Я от тебя мокрое место оставлю!

— Послушай, — сказала Алиса, — я тебя честно предупреждаю: я такие приемчики знаю, что все равно тебя на землю положу! Если не веришь, давай нападай!..

Артур, конечно, не поверил Алисе и снова кинулся в атаку.

Через полминуты он опять упал, на этот раз Алиса решила проучить его посильнее — он растянулся плашмя и шлепнулся всем телом на землю, в глазах у него потемнело.

Пока он приходил в себя, Алиса подошла совсем близко и сказала:

— Со мной лучше дружить. Я тебе покажу все свои приемы, станешь чемпионом мира.

Видно, ее слова наконец дошли до принца.

Он лежал не двигаясь и только спросил:

— А ты не колдун?

— Честное слово, не колдун.

— А почему ты меня победил?

— Потому что специально учился драться.

— И где же тебя так научили?

И тут Алисе пришла в голову замечательная мысль.

— Меня за морем учили, там у моего папы есть замок. У нас все умеют драться.

— А как твой замок называется?

— Мой замок называется Эльсинор, — сказала Алиса. — Он стоит в стране данов, мои родственники — все, как на подбор, викинги.

— Поклянись самой страшной клятвой, что ты не колдун!

— Клянусь самой страшной клятвой, — ответила Алиса. — Век воли не видать!

Она слышала такую клятву в историческом детективном фильме.

— Ну ладно, — сказал Артур. — Тогда давай мириться.

Он поднялся и протянул Алисе руку.

— Артур, — сказал он. — Мой отец — барон Эктор, я хочу стать рыцарем.

— Элис, — сказала Алиса, протягивая руку новому знакомому. — Мой корабль потерпел кораблекрушение, поэтому я оказался в одиночестве на этом берегу.

— Надеюсь, — сказал Артур, — твоих родителей на этом корабле не было?

— Нет, они остались дома, — ответила Алиса. — Мой папа не смог отплыть со мной,

потому что у него есть зверинец и надо каждый день кормить зверей. А моя мама кормит папу.

— Я рад, что твои родители живы. Но я не могу тратить времени даром. Мне обязательно нужно добыть меч для Кэя. А то он пропустит свой первый бой и такого позора не переживет.

— А разве у вашего отца, сэра Эктора, нет своего меча? — спросила Алиса.

— Ты хороший парень, — ответил Артур, — но очень глупый. Кэю никогда не поднять папин меч. Даже я его с трудом поднимаю. Это же взрослый меч, а у нас с Кэем мечи облегченные, молодежные. Ну что делать... что делать?

И вдруг Артур хлопнул себя по лбу кулаком.

— Как же я не сообразил! — воскликнул он. — Я видел меч, как раз такой, как ему нужно!

— Где? — спросила Алиса.

— В городе, на церковном дворе. Я мимо проезжал и увидел, что там в камень меч воткнут. Я его вытащу и отдам брату.

— А это чей меч? — спросила Алиса.

— Откуда мне знать! И не все ли равно? Я его потом на место положу, никто и не заметит.

С этими словами Артур пошел к коню, который пасся неподалеку.

— Артур, — сказала Алиса. — Ты совсем забыл обо мне.

— А что я должен делать?

— Неужели ты не хочешь, чтобы я научил тебя драться?

— Конечно, хочу. Поэтому ты подожди меня здесь до вечера, когда мы вернемся. К тому же ты можешь у нас переночевать. Ты расскажешь нам о своем королевстве.

— Нет, один я здесь не останусь, — ответила Алиса. — Если ты сейчас уедешь без меня, я уйду к другому соседскому барону и буду учить боевым приемам его!

— Кого ты будешь учить? — переспросил Артур.

Алиса показала рукой направо — не все ли равно, куда показывать.

— Ты хочешь научить боевым приемам паршивого сэра Горремора? Ни в коем случае! Может, ты и его рыжего сыночка приемам научишь?

— Обязательно, — подтвердила Алиса.

— Нет, я тебя здесь не оставлю! — воскликнул король Артур. — А ну садись в седло позади меня, поскакали в город!

Алисе только этого и надо было.

Она вскарабкалась на коня и обхватила сзади Артура за пояс. Артур пришпорил коня, и они поехали по зеленой долине к городу, где проходил рыцарский турнир, а на церковном дворе лежал камень, из которого торчала рукоять меча.

Ведь камень пока здесь. И нет ничего странного, что он лежит и в Алисином времени. Ведь ему еще жить тут много лет, пока о нем не забудут и он не затеряется в лесу. Там его отыщет сотрудник Института времени и отвезет в XXI век. И оставит в чулане.

Конь бежал не спеша, как его ни подстегивал Артур. Видно, он уже знал дорогу и не хотел себя утруждать.

Глава девятая. Кто хозяин меча?

Город показался минут через пятнадцать.

Нельзя сказать, что он был велик. Его окружала стена из поставленных торчком толстых бревен, заостренных сверху. По обе стороны открытых ворот поднимались не очень высокие башни, сложенные из грубо обработанных камней.

За стеной виднелись соломенные крыши домов.

У ворот стояли два стража, на них были лапти, примотанные к ногам веревками, широкие штаны и кольчуги поверх рубах. На головах остроконечные шлемы.

— Скорей, Артур! — крикнул один из стражников. — Ваши мать и сестры уже проехали. Турнир начался!

Стражники не обратили внимания на второго мальчика, который скакал, обхватив Артура за пояс.

Въехав в город, они попали на грязную улицу, по обе стороны которой стояли деревянные дома.

Грязь летела из-под копыт, конь чуть не налетел на повозку, запряженную ослом. Возчик что-то крикнул им вслед.

Вот и церковь. Каменный дом и рядом башня с острой крышей. Перед церковью зеленый двор, по которому раскинулись плиты, стоящие торчком, — значит, здесь и кладбище.

А вот и знакомый камень!

Так странно видеть его здесь, словно ты встретил старого приятеля.

Артур остановил коня и спрыгнул на траву. Алиса последовала его примеру.

— Видишь, Элис, — сказал Артур, — об этом мече я тебе и говорил.

— Но он же воткнул в камень. Как его вытащить? — спросила Алиса.

— Ничего особенного, — ответил Артур. — Если он в камне, значит, кто-то его воткнул. А если кто-то воткнул, то всегда найдется другой, кто вытащит, правда?

Он уверенно подошел к мечу и потянул за рукоять.

Меч не шелохнулся.

Алиса услышала за спиной тихий кашель. Она быстро обернулась.

— Сегодня ужасный ветер, мисс, — сказал пожилой человек с длинной черной бородой. Крупный нос нависал над усами, а глаза так глубоко спрятались под густыми бровями, что невозможно было определить их цвет.

Алиса насторожилась. Этот старик угадал, что она девочка, в одну секунду.

Видно, страх отразился в ее глазах, потому что старик чуть усмехнулся и так же тихо добавил:

— Я никому об этом не скажу. Пока...

Артур услышал голос старика и, оставив меч в покое, радостно воскликнул:

— Сэр Мерлин! Где же ты раньше был? У нас беда! Кэй забыл меч, ворота замка заперты, а этот меч не вытаскивается.

— Может, его и не надо вытаскивать? — спросил старый волшебник, о котором Алиса читала в книге. — Может быть, его воткнули в камень специально?

— Ты ничего не понимаешь, Мерлин! — рассердился юный рыцарь. — Ведь Кэй ждет! Я не могу оставить его без меча. К тому же он просто растерзает меня за это!

— Ну что ж, я тебя предупредил! — сказал Мерлин.

Он подошел к камню и провел по нему рукой.

— Давай, — сказал волшебник. — Пробуй. Может, у тебя что-нибудь получится.

Артур схватился на рукоять меча и потянул ее на себя.

Меч вышел из камня так легко, что Артур чуть не потерял равновесия.

Лезвие меча блестело, будто смазанное.

Артур поднял меч и замахнулся им.

— Не тяжело? — спросил Мерлин.

— Совсем не тяжело.

— Ты славно выглядишь, — сказал волшебник.

Но Артур его не слышал. Он уже бежал к своему коню. Мгновенно вскочив на него, он поскакал прочь.

— Пошли, мисс, — сказал волшебник. — Здесь недалеко. Думаю, вам хочется посмотреть, как он отдаст свой меч Кэю, который, я полагаю, сначала попытается сделать вид, что это он сам вытащил меч из камня.

— Вот именно, — согласилась Алиса.

Пред ними за церковью расстилалось поле, на котором было множество народа. Большинство люди стояли за загородкой из веревок, натянутых на колья. Некоторые, самые знатные, сидели на деревянной трибуне, украшенной красными и синими полотнищами. В центре поля скакали всадники, готовились к бою.

Мерлин спросил:

— А откуда вы родом, мисс, и почему вы одеты под мальчика?

— Догадайтесь, — сказала Алиса.

— После боя догадаюсь, — пообещал волшебник. — Но сейчас мне куда интереснее узнать, чем кончится вся эта история! Должен сказать, что я ее задумал, я сделал этот меч, и я надумил мальчишку вытащить его из камня. Только он сам об этом не подозревает.

Волшебник смотрел на поле. Алиса тоже смотрела.

Вот и Артур! Он ищет брата?

Да! Вот он подъехал к одному всаднику, спросил его, всадник показал направо, Артур туда и поскакал.

— Ага, — сказал Мерлин, — отыскал братца!

Им было видно, как Артур протягивает Кэю меч.

Кэй взял меч и принялся допрашивать брата, почему тот привез другой меч. Артур рассказывал, размахивая руками. Видно, вновь переживал свои приключения.

Кэй похлопал свободной рукой братишку по плечу и велел ему возвращаться к зрителям.

Артур медленно поехал прочь. Ему так не хотелось покидать турнирное поле! Там будут сражаться настоящие рыцари, а ему еще расти и расти!

— Если вам любопытно, мисс, — сказал Мерлин, — мы можем подойти к трибуне. Видите, посреди нее на главном месте сидит красивая женщина? Это королева Англии, прекрасная Игрейна.

— Мама Артура? — спросила Алиса.

Королева Алисе понравилась. У нее было доброе благородное лицо, она сидела гордо и прямо, внимательно слушая, что говорит ей пожилой мужчина с окладистой рыжей бородой.

— Ты откуда это знаешь? — прошипел Мерлин злым голосом. — Если ты ведьма, то беги отсюда! Мне стоит пальцем пошевелить, как тебя растерзают. У нас ведьм не любят!

— Не надо, господин Мерлин, — сказала Алиса. — Вам от этого никакой выгоды. Давайте лучше дружить!

— Ох и не нравишься ты мне! — Мерлин в самом деле был обескуражен. Он ничего не понимал, а волшебники не выносят, когда чего-то не понимают — какие же они после этого волшебники?

Впрочем, ему некогда было заниматься Алисой. Куда важнее было послушать, что будет говорить рыцарь Кэй. Старший брат Артура тем временем подъезжал к трибуне.

— Он все расскажет королеве? — спросила Алиса.

— При чем тут королева? — удивился Мерлин. — Он хочет поговорить с отцом, глупый мальчишка!

И в самом деле, Кэй, которого Алиса наконец разглядела вблизи, красивый чернокудрый юноша с маленькими карими глазами, обратился к рыжебородому рыцарю, сидящему рядом с королевой.

— Это сэр Эктор? — спросила Алиса.

— Разумеется! — ответил Мерлин, потирая руки. Он был взволнован, но доволен, а не сердит.

Встречные рыцари и горожане раскланивались с Мерлином. Видно, волшебника здесь все знали, хотя скорее побаивались, чем любили.

Черный плащ Мерлина развевался при ходьбе, длинные волосы выбивались из-под колпака.

В десяти шагах от трибуны они остановились. Никто на них не посмотрел.

Сэр Эктор сошел с трибуны. Он стоял возле своего сына, и тот, наклонившись с коня, протягивал отцу меч.

— Посмотри, отец, — сказал юноша, — какой у меня меч!

Сэр Эктор принял меч из рук сына и стал его рассматривать. Конечно же рыцарь не смог сразу его узнать — ведь он никогда не видел меч целиком.

— Я не знаю этого меча, — сказал он наконец.

— А рукоять? Рукоять тебе ничего не напоминает?

— О Боже! — воскликнул сэр Эктор. — Неужели это меч с церковного двора?

— Он самый!

— Как он тебе достался?

— Не все ли равно, отец? Ведь главное то, что я теперь — законный король Англии!

Сэр Эктор нахмурился.

Королева услышала этот разговор и встала со своего места. Подъехал и сам виновник этого переполоха — мальчик Артур.

Сэр Эктор обвел взглядом собравшихся и увидел волшебника Мерлина.

— Здравствуй, Мерлин, — произнес он. — Что все это значит?

— Подумай, — ответил Мерлин. — И ты сам найдешь ответ.

Эктор перевел взгляд на Артура.

Потом сказал, как бы размышляя вслух:

— Я знаю, что Кэй — мой сын. Но чей сын Артур — мне неизвестно. Известно ли это тебе, Мерлин? Ты же принес мне мальчика в дом двенадцать лет назад?

— Известно, сэр, — ответил волшебник. — Вы хотите убедиться в этом?

— Погоди минутку, — остановил Мерлина сэр Эктор.

Он строго посмотрел на старшего сына:

— А ну-ка, признавайся, кто тебе принес этот меч? Или ты будешь настаивать, что сам вытащил его из камня?

Кэй покраснел. Он ответил тихо, почти шепотом:

— Я послал Артура за мечом, но замок был заперт и пуст. Тогда Артур принес мне этот меч. А я подумал: королем станет тот, у кого меч. Вот и решил стать королем.

— А ты, Артур, что скажешь на это? — спросил сэр Эктор.

— А я его вытащил из камня! — ответил Артур. — Это было совсем не трудно. Он вышел, как нож из масла. Я очень боялся, что мой брат Кэй будет сердиться.

— Пожалуй, — заметил сэр Эктор, — больше тебе не придется опасаться гнева старшего брата.

— Скажи, мой сын, — обратился он к Артуру, — а можешь ли ты повторить свой подвиг?

— Не знаю, — сказал Артур. — И зачем это надо?

В толпе, которая уже собралась вокруг, некоторые рыцари рассмеялись. Они-то знали, зачем это надо!

И все вместе направились на церковный двор. Даже королева-мать пошла за ними.

Все остановились, не доходя до камня нескольких шагов.

— Иди! — приказал сэр Эктор Артуру.

Артур взял меч у Кэя и направился к камню.

Мерлин шагал следом.

Никто не посмел остановить волшебника. Понимали, что волшебник делает то, что считает нужным, и никто не хотел с ним ссориться.

— Вложи меч в камень! — приказал Мерлин.

Артур послушался.

Алисе была видна тонкая щелка, которая осталась от лезвия меча, — в эту щель меч ушел почти по рукоять.

В толпе раздался шум. Мерлин поднял руку, приказывая замолчать.

— А теперь самое главное, — сказал он. — На глазах у почтенных рыцарей, горожан и самой королевы Англии я приказываю тебе вытащить меч из камня! Вот из этого камня! — И он хлопнул ладонью по камню, как бы показывая Артуру, откуда ему надо тащить меч.

Затем Мерлин сделал шаг назад, чтобы всем было получше видно, как мальчик вытаскивает меч из камня.

Поднагужившись, Артур вытащил меч. Поднял его над головой, и меч сверкнул под лучом выглянувшего солнышка.

Люди вокруг закричали, захлопали в ладоши.

— Да здравствует король Англии! — закричал волшебник Мерлин.

— Да здравствует король! — И все стали опускаться на колени.

Потом и сэр Эктор с женой опустили на колени.

Кэй не хотел этого делать, но отец потянул его за рукав, и Кэю пришлось подчиниться.

Артур был растерян. Он никак не мог понять, что же ему теперь надо делать.

Тогда королева сказала:

— Подойди ко мне, мой мальчик! Наконец-то я тебя нашла! — Она обняла Артура.

Тут и Артур все понял и сказал:

— Мама, мамочка! Я так рад тебя видеть...

Но сразу же спохватился и вырвался из объятий королевы. Он подбежал к стоявшим на коленях сэру Эктору и его жене и воскликнул:

— Я не хочу расставаться с моими папой и мамой! Что мне делать?

— Теперь ты король, — сказал Мерлин. — И тебе придется вести себя как королю. Ты будешь ездить в гости к сэру Эктору, ты не забудешь своих приемных родителей. Они тоже будут приезжать во дворец.

— Конечно же! — подхватила королева Игрейна. — Я всегда буду рада их видеть.

А в толпе зрителей начали раздаваться голоса:

— Пускай он еще раз сделает! Мы не видели! Мы опоздали посмотреть!

— Артур не в цирке, — сердито сказал Мерлин, — а вы не зеваки.

Артур пожалел своих подданных и сказал:

— Мне не жалко, я хоть сто раз его вытащу. Где меч, Мерлин?

— Это драгоценный меч, а не ножик для хлеба, — сказал Мерлин.

— Ну последний разочек! Народ ждет. Я не могу обидеть свой народ.

«Ого! — подумала Алиса. — Мальчик на глазах становится настоящим королем».

Артур взял меч у своего брата, который держал его, и вставил в камень.

Опять были крики и аплодисменты, а Мерлин сказал:

— А ну-ка, попрошу всех на турнирное поле. Сегодня впервые на трибуне будет сидеть новый король Англии.

И все толпой пошли на поле.

Первой на трибуну взошла королева, она дала руку сыну, и Артур поднялся за ней, хотя Алиса была уверена, что он предпочел бы сейчас скакать на коне и рубиться в настоящем бою.

Последним поднимался волшебник Мерлин.

Алиса догнала его и спросила:

— Подождите, пожалуйста!

— Зачем?

— Мне хотелось бы задать вам один вопрос!

— Задавай, только быстро, мисс, и беги отсюда со всех ног. Мое терпение не бесконечно, а я, скажу тебе, отношусь к числу самых страшных волшебников этой страны.

— Скажите, Мерлин, — попросила Алиса, — а чем вы трогали камень перед тем, как Артур вытаскивал из него меч?

— Рукой, — ответил волшебник.

— А что было в руке?

— Ничего.

— Неужели такой великий волшебник, как вы, может лгать девочке? — спросила Алиса.

— Еще чего не хватало!

— У меня есть одно подозрение... — сказала Алиса.

— Выкладывай!

— Скажите, а что, если камень — магнит?

— Я не знаю, что такое магнит! И слова такого у нас, волшебников, в словаре нету.

— Если вы дотрагивались до камня и размагничивали его — тогда меч легко выходил из него. А стоило вам намагнитить его — и меч приклеивался.

— Уходи, девочка! — крикнул Мерлин. — Уходи!

И он поспешил на трибуну. С трибуны он погрозил Алисе кулаком и уселся рядом с королевой.

По правую руку королевы сидел бледный Артур, который все еще никак не мог прийти

в себя. Мама смотрела на него, гладила по плечу. Рыцарь Кэй ускакал в сторону, он готовился сражаться другим мечом, который ему достал отец.

«Странный народ, — подумала Алиса. — И часа не прошло, как обнаружился юный король, может быть, вся ваша история теперь пойдет иначе, а вы уже снова занялись скачками и сражениями. Лишь порой проскачет мимо рыцарь и спросит на скаку:

— Где тут король Артур?

Артур приподнимется, поклонится, как в театре. А рыцарь уже умчался. Ох и трудно тебе будет править этим народом!»

Алиса сунула руку в карман. Так и есть — сейчас она проверит волшебный камень!

— До свидания, король Артур! — сказала она. — Желаю счастливо править!

Ей хотелось, конечно, сказать, что она знает о рыцарях Круглого стола. Но ведь сам король о них еще ничего не знает. Даже Мерлин, вернее всего, не знает. А уж ей-то, девочке из будущего, и подавно знать не положено.

Артур помахал ей, он так и не узнал, что она — девочка.

— До свидания, волшебник Мерлин, — сказала Алиса. — Вы неплохой фокусник, вам бы с моей симферопольской бабушкой познакомиться!

Мерлин лишь сверкнул глазами из-под черных бровей. И попрощаться не захотел.

Алиса прошла на церковный двор.

Там она остановилась возле камня, достала из кармана гвоздь.

Вы спросите, зачем девочке гвоздь? А я вам отвечу: лежит — значит, может пригодиться. С этой девочкой не соскучишься.

Алиса поднесла гвоздь к камню, и его буквально вырвало из пальцев — таким сильным магнитом оказался камень.

Вот и объяснили волшебство. Можно возвращаться, а то бабушка уже волнуется.

Глава десятая. Пыльная черепаха

Алиса быстро пробежала по коридорам. Хорошо еще, никто не обратил на нее внимания, и через три минуты после возвращения из путешествия она уже была в подвале возле чулана Синей Бороды.

Оттуда доносился шум и грохот — издали слышно.

А когда Алиса подошла поближе, то из открытой двери вырвался клуб пыли, словно внутри бушевал пожар и оттуда валил дым.

Алиса замедлила шаги и с опаской подошла к двери.

Заглянув внутрь, она увидела в клубах пыли симферопольскую бабушку, которая, как экскаватор, вгрызалась в грудку непонятого барахла, сваленного возле книжных полок.

— Бабушка! — воскликнула Алиса. — Что-нибудь случилось?

Бабушка выпрямилась.

— Разумеется! — сказала она громким шепотом. — Оно пищит!

— Кто пищит? — удивилась Алиса.

— И двигает, — добавила бабушка. — Но очень глубоко забралось.

— Что двигает? — спросила Алиса.

— Все двигает. Я думаю, это привидение, но ископаемое. Кто-то нечаянно притащил призрак из эпохи легенд или из мезозойского периода, вот он здесь и лежал, пока не проснулся. А что теперь будет, что будет, ты не представляешь! Он может кидаться на

людей. Не исключено, что я сейчас рискую жизнью, чтобы его поймать и посадить в клетку.

— Бабушка, опомнись! — взмолилась Алиса. — Привидений не бывает. Это сказки.

— А сказки бывают?

— Сказки бывают, — согласилась Алиса.

— Тогда смотри внимательно!

Алиса посмотрела на груду вещей — тут были и куртки, и ботинки, и портьеры, и балдахины, и сапоги, и кастрюли, и горшки из-под цветов, и рамы от картин — чего только не натащили из прошлого неугомонные агенты. К тому же на склад попадали и вещи из лабораторий и мастерских. Делают, например, сапоги для вельможи, да один сапог не лезет, вот его и прячут на склад, может, еще пригодится!

И вдруг она поняла, что бабушка не ошиблась. Вся эта груда вздрогнула и сдвинулась с места.

Алиса даже подпрыгнула от неожиданности.

А бабушка снова кинулась на ползущую груду вещей и закопалась в ней, как крот, который стремится уйти от охотников.

Снова поднялось облако пыли, а наружу торчали только бабушкины туфельки и джинсы до колена.

— Есть! — донесся голос бабушки.

И бабушка исчезла в груде хлама.

Откуда ни возьмись, выскочил робот-тележка Грузик. Грузик выпустил сверкающие щупальца, похожие на усики бабочки, и запустил их в кучу вещей. Он разыскивал бабушку.

Алиса хотела помочь — она боялась, как бы бабушка не наткнулась в хламе на что-нибудь опасное для жизни, но Грузик так отчаянно старался спасти бабушку, что Алиса не могла к ней приблизиться.

Тут еще на шум прилетел любопытный попугай, птица хоть и старая, но глупая. Попугай носился под потолком и кричал:

— С опасностью для жизни героиня нырнула в воду! Злые акулы угрожают бабусе! Все на бордаж! Пощады не давать, женщин и детей за борт!

Но бабушка перекричала попугая.

— Поймала! — раздался ее вопль, и в тот же момент бабушка показалась из завалов и взлетела к потолку, потому что Грузик вытащил ее щупальцами.

Бабушка держала за задние ноги большую черепаху.

— Спокойно, спокойно! — вмешалась Алиса. — Грузик, опускай бабушку помедленнее. Ты же знаешь, что она пожилой человек и у нее хрупкие косточки.

Этих слов бабушка не вынесла.

Она выронила на пол черепаху, вырвалась из щупальцев и пустилась в пляс.

— Это кто хрупкий? — приговаривала она. — Это кто старенький? Это кого надо в утиль сдать?

Алиса не знала значения древнего слова «утиль», но понимала, что для бабушки оно звучит обидно.

— Успокойся, бабушка, — попросила Алиса. — Я не хотела тебя обижать.

А черепаха тем временем уверенно поползла в сторону кучи хлама, видно, намеревалась снова там спрятаться.

— Откуда здесь черепаха? — удивилась Алиса.

Бабушка прекратила свой танец и кинулась на черепаху. И хоть черепаха была размером

с обыкновенную подушку, она потащила на себе бабушку, будто та ничего не весила.

— Грузик, сделай что-нибудь, — приказала Алиса.

Робот подумал и, снова выпустив стальные щупальца, обхватил ими черепаху, перенес к себе в кузов, прижав так, что черепаха уже никуда не могла убежать.

Попугай прилетел сверху, сел на панцирь черепахи и заявил:

— Это что? Это бутылка! Это самая настоящая морская бутылка, которую бросили за борт во время кораблекрушения!

— Не говори глупостей, — сказала бабушка и подошла к Грузику.

— Я не говорю, — обиделся попугай. — Сама убедись.

Бабушка наклонилась к черепахе и произнесла:

— Как это странно!

Алиса тоже подошла поближе.

Панцирь черепахи был старым, исцарапанным, избитым, наверное, черепахе было очень много лет.

По панцирю шла надпись в несколько строчек на неизвестном Алисе языке и непонятными буквами, похожими на картинки или египетские иероглифы.

— В бутылках записки лежали внутри, — сказала бабушка, — а на черепахе снаружи написано.

— Значит, это наружная надпись и наружная бутылка, — ответил попугай.

— Алиса, ты не сможешь прочесть? — спросила бабушка. — Ты у нас образованная.

— Нет, такой язык мы не проходили, — сказала Алиса. — Надо позвать специалиста.

— А я хочу сначала узнать, — сказала бабушка, — кто и почему притащил сюда это несчастное животное? Я семьдесят лет работала в искусстве и никогда еще не встречалась с такой безответственностью. Оставить животное без пищи, без воды, в чулане Сине́й Бороды — это неоправданная жестокость!

Бабушка очень рассердилась. Алиса ее такой раньше не видела.

— А ну-ка, попугай, вызывай сюда ваше начальство, я с ним говорить буду!

Алиса включила связь на своем браслете, и Ричард спросил:

— Что еще у вас стряслось?

— Немедленно приходи сюда, — приказала бабушка.

— У меня совещание...

— Какое может быть совещание, когда мы раскрыли преступление века! — воскликнула бабушка. — Если ты немедленно не придешь, я добьюсь, чтобы ваш институт вообще закрыли как преступное гнездо.

— Иду, — испуганным голосом ответил Ричард. — Через две минуты я у вас.

— А я старика Сильвера позову, — сказал попугай. — Он на своем веку немало поплавал по южным морям, немало повидал атоллов и коралловых рифов.

Через две минуты в чулане уже были не только Ричард Темпест и пират Сильвер. Прибежал даже сам директор института. Он у себя в кабинете слышал все переговоры и поэтому был в курсе новостей.

— Смотрите!.. — повторила свою речь бабушка. — Что мы видим на этой картинке?

— Черепаху, — сказал Ричард.

— Пожалуй, да, черепаху неизвестного мне вида, — сказал директор института, которого еще в детском саду прозвали «ходячей энциклопедией» и который прямо из старшей группы садика поступил на второй курс университета, но кончить его не успел, так

как получил степень доктора Гарварда, а также кандидата исторических и физических наук в Москве. Директор был еще относительно молодым человеком, но так устал от своих знаний, что целыми днями просиживал у себя в кабинете перед стереовизором виртуального спорта, по которому смотрел футбол так, что его любимый «Локомотив» у всех выигрывал. А когда надоедало смотреть футбол, директор Института времени спускался на кухню и готовил с Клотильдой супы для научных сотрудников. Вот что делает с человеком излишняя гениальность!

— Но что у нее на спине? — спросила Алиса.

— Надпись, — ответил Ричард.

— Надпись на неизвестном мне языке, — удивленным голосом сказал директор. Он потер ладони. Впервые за последний год перед ним было сразу две загадки, ответа на которые он не знал.

Директор Института времени был счастлив.

— Не в этом дело! — закричала бабушка. — Вы что, не понимаете?

— Нет, не понимаем, — сказал директор.

— Тогда будьте любезны, скажите мне, — продолжала бабушка, — разве по вашим правилам разрешено привозить из прошлого живых животных? Тем более редких животных?

Наступила тишина. Все виновато замолчали. Бабушка была совершенно права. Привозить животных категорически запрещалось, за исключением редчайших случаев, когда животному грозила неминуемая гибель.

— Тогда кто это сделал и зачем животное спрятали в чулане? Чтобы оно погибло? Вы понимаете, что черепаха, вернее всего, мучается уже двадцать пять лет и от нее остались только кожа да кости?! Поглядите!

Все стали смотреть на черепаху, но так как виден был только панцирь, то все, конечно, согласилось, что от черепахи остались кожа да кости.

— Немедленно допросить всех сотрудников института, — приказал директор. — С пристрастием. И если виноватого в течение получаса не найдут, проверить всех на детекторе лжи!

— Это еще что такое? — спросила Алиса.

— Это прибор, — ответил директор. — Он употреблялся при допросах разведчиков сто лет назад.

— Но его у нас нет, — вмешался Ричард.

— Тем более! — грозно ответил директор. — Сам полетишь в двадцатый век и привезешь прибор! А ну-ка, включите громкую связь — хочу обратиться к моим сотрудникам!

Включили громкую связь, и голос директора загредел по всем этажам и комнатам института.

— Уважаемые сотрудники! — гредел голос. — У нас в институте случилось невероятное событие. Кто-то без разрешения привез из прошлого черепаху. Чтобы замести следы своего преступления, злодей спрятал черепаху в чулане Синей Бороды. По беспечности, или по злему умыслу, или, наконец, из преступной любви к черепаховому супу этот негодяй обрек животное на страшную медленную смерть от голода. Буквально чудом черепаху удалось спасти и... — Тут голос директора оборвался, он посмотрел на тележку, которая все еще держала черепаху, и закричал: — Не-мед-лен-но! Отвезти черепаху в столовую, на кухню! Напоить, накормить капустой! Она же на пороге смерти!

Глава одиннадцатая. Ее зовут Клеопатрой

Директор Института времени расстроился, он чуть не плакал. Оказывается, в его институте есть преступники или по меньшей мере дураки, которые таскают из прошлого черепах.

Положение становилось все хуже и хуже.

Никто не сознавался в преступлении.

Директор Космического зоопарка профессор Селезнев, который тут же приехал в Институт времени, сообщил, осмотрев черепаху, что она принадлежит к совершенно неизвестному науке виду. Таких черепах не существует.

Специалист по расшифровке таинственных и древних писем, который тоже примчался в Институт времени, сказал, что надпись, выцарапанная на панцире черепахи, сделана на неизвестном языке и сама письменность непонятна. Придется перенести ее в компьютер, пускай расшифровывает.

Наконец, черепаха отказалась есть капусту и, несмотря на голод, отворачивала от нее свой костяной клюв. Так что повариха притащила из кладовки все овощи, и их предлагали черепахе по очереди. И все без толку.

Если черепаха объявила голодовку, думал директор, не исключено, что она таким образом протестует. Ведь ее утащили? Утащили! Ее дети остались сиротами? Остались! Вот она и решила умереть, чтобы всех наказать. Но тут директор вспомнил, что черепахи откладывают яйца на берегу и никогда уже к ним не возвращаются. А раз так, то черепаха не может отличить своих детей от чужих. Это немного успокоило директора, и он спросил профессора Селезнева:

— Если другой такой черепахи на Земле нет, может быть, она инопланетная? Может, это и не черепаха вовсе, а инопланетный шпионский робот или инопланетный космонавт?

Так рассуждал директор Института времени, стоя над черепахой, которая все отворачивалась от еды, хотя двадцать сотрудников института хором ее уговаривали.

И вдруг в столовую вбежала высокая стройная девушка с коротко остриженными льняными волосами и серыми глазами. Ее приятное лицо было покрыто веснушками, как у маленькой девочки.

— Что случилось? — спросила девушка.

— Лена! — воскликнул директор института. — Ты где была?

— Я только что вышла из машины времени, — ответила девушка. — Вы же сами послали меня в командировку на поиски страны Офир в Африке.

— Разве? — удивился директор. Как все гениальные люди, он был рассеян и забывчив. — А я думал, что ты уже в отпуске.

Алиса была знакома с девушкой. Лена Простакова работала в институте спасательницей. Бывает же, кто-нибудь из сотрудников попадет в трудное положение — или в пропасть свалится, или в плен к людоедам угодит. Вот тогда вызывают Елену Простакову, которая вытащит вас из пропасти, вырвет из когтей дракона или из рук людоедов — недаром она уже третий год подряд становится чемпионкой Земли по выходу из безвыходных ситуаций.

Елена Простакова подошла к толпе, окружавшей черепаху, и заглянула в середину.

Она увидела черепаху, а рядом с ней сидящую на корточках толстую повариху Клотильду, пытавшуюся всунуть черепахе в рот морковку.

— Не надо, Клотильда, — сказала Елена. — Моя Клеопатрочка совершенно съта.

Потом она тоже присела на корточки возле черепахи и в наступившей тишине сказала:

— Ну как тебе не стыдно, Клеопатра! Я же просила тебя посидеть в моем кабинете, пока я не вернусь из командировки. Как ты умудрилась убежать, негодница?

— Ах вот кто притащил в институт это животное! — закричал директор. — Так вот кто оголил нашу фауну! Простакова, ты — убийца и легкомысленная особа!

— Эдуард Эдуардович! — обиделась спасательница. — Почему вы позволяете себе так меня ругать?

— Ты притащила черепаху?

— Да.

— Ты оставила ее? Ты чуть было не погубила редчайшее, уникальное животное! И если бы не Алиса и ее симферопольская бабушка, черепаха была бы уже мертвой от голода!!!

— А теперь позвольте мне сказать, — твердым голосом заявила Елена. — Три дня назад, возвращаясь из командировки в Западную Африку, я увидела на жарком берегу океана в пустыне Калахари вот эту черепаху. Она умирала. У нее был солнечный удар. И к тому же она давно ничего не ела. Я не знала, как ее спасти! Оставить в пустыне — она погибнет. Отнести в океан и бросить в волны? А вдруг она не морская черепаха, а сухопутная и в море тоже погибнет? Мне ничего не оставалось, как забрать эту крошку домой.

— Почему не доложила? — строго спросил директор.

— Потому что вернулась поздно вечером. Я отнесла черепаху к себе в кабинет, дала ей воды, овощей и фруктов, и черепаха с удовольствием поела, а потом заснула. Я решила, пускай отдохнет. Но уже на рассвете следующего утра вы приказали мне немедленно отправляться в царство Офир в Африку. Чтобы притащить оттуда забытую Пронькиным видеокамеру-пуговицу. Я ее искала три дня подряд. А за это время моя несмышленная Клеопатра сумела выбраться из кабинета и пошла гулять по институту... Где вы ее нашли?

— В чулане Синей Бороды, — сказала Алиса.

— Конечно, там темно и тесно.

Тогда из толпы зрителей вышел знаменитый филолог, специалист по древним надписям, и спросил:

— Простите, а что же это за надпись на панцире?

— Да, надпись я заметила и даже подумала: ну кто мог шалить на берегу океана в пустыне Калахари десять тысяч лет назад? — ответила Елена.

— Сколько? — спросил директор института. — Десять тысяч?

— Но ведь тогда еще никакой письменности на Земле не было! — воскликнул филолог.

— Вот именно! — ответила Лена. — Это меня и удивило.

— Наверное, она инопланетная, — сказал пират Сильвер, который всегда находится в курсе всех новостей. — Прилетела, ищет братьев и сестер по разуму, а их еще нету. А на ней нарисовано послание нам от отдаленной цивилизации.

— Значит, так, — сказал директор института, — черепаху отправить на исследование, спасательнице младшему научному сотруднику института Простаковой Елене Сергеевне объявить выговор с упоминанием в приказе. Это же надо — тащить в институт черепах и не докладывать начальству! Чтобы в следующий раз такое не повторялось!

— Хорошо, — мрачно ответила Елена, — в следующий раз я разбужу вас, Эдуард Эдуардович, в три часа ночи, чтобы сообщить, что привезла с собой детеныша гиены. И оставлю его у вас в прихожей.

На этом все разошлись.

Черепашу взял профессор Селезнев, директор Космозо. Он, как все знают, не только директор зоопарка, но и папа Алисы. Так что Алиса была довольна: теперь, если понадобится, она знает, где искать черепаху.

А в том, что черепаха ей понадобится, она не сомневалась.

Что-то подсказывало ей, что тайна черепахи скрывается где-то в недрах чулана Синей Бороды. Такое у Алисы было предчувствие.

Ведь недаром же черепаха сама проползла через весь институт и забралась в подвал — именно в чулан. Может быть, ее что-то туда влекло?

Глава двенадцатая. Шляпа Наполеона

Как только Алиса с бабушкой возвратились в чулан и встали в дверях, чтобы решить, за что братья, они услышали в коридоре знакомое постукивание деревянной ноги.

— Алиса! — позвал пират Сильвер, входя в комнату за ними. — Дело есть!

— Какое дело?

— Виноват я перед тобой, очень виноват, по-человечески. Но не я виноват, а одна птица. И прошу эту птицу уничтожить.

В комнату влетел попугай и устроился на верхней полке между книгами.

— Имеется в виду ваш покорный слуга, — пояснил он. — Самая безобидная птичка на свете.

— Я обращаюсь к тебе, — проникновенно сказал пират, глядя на Алису, — как человек к человеку. И к тебе, бабуся, тоже. Помнишь, у меня была шляпа мореплвателя Магеллана?

— Помню, — ответила Алиса.

— Нет больше этой шляпы, — сказал пират и всхлипнул. — Этот шулер выиграл шляпу в карты.

— Но честно! — закричал попугай. — Честно!

— Честно ты играть не умеешь, — возразил пират. — Ты жулик.

— А докажи!

— И доказывать не надо, мы не в суде. Отнимите у птицы шляпу. У меня голова мерзнет.

— Ну и ну, — покачала головой бабушка. — Эти хулиганы, по-моему, забыли, что шляпа Магеллана — ценная историческая реликвия. И ее дали поносить Сильверу на время, чтобы потом отправить ее в Исторический музей. А ну немедленно возвратить шляпу!

— Еще чего не хватало! — закричал попугай и вылетел в коридор. — Я ее знакомой вороне подарил!

— Сейчас же вызываю директора! — сказала бабушка.

— Только не это! Не надо! — закричали сразу Алиса и пират. Они-то знали, что виноваты оба.

— Я немедленно отправлюсь к Магеллану и попрошу у него другую шляпу, — предложила Алиса.

— И я с тобой! — обрадовался пират Сильвер. — Но птичке на свете не жить!

— Какой позор! — сказала бабушка. — Взрослый человек, пожилой... Тебе сколько лет, Сильвер?

— Прожил или проехал? — уточнил пират. — То есть сколько мне лет или сколько лет

назад я родился?

— Всего, — сказала бабушка. — Всего!

— Всего мне лет пятьсот, но большинство этих лет я на свете не жил, а путешествовал во времени.

— И вот такой пожилой, опытный человек играет в карты на шляпу Магеллана. Ну хоть в достойную игру играл?

— В подкидного дурака, — признался пират и густо покраснел.

— Вот этого-то я и боялась, — сказала бабушка. — Вот в этом и заключается главный позор. В подкидного дурака!

— В преферансы не обучены! — обиделся пират Сильвер.

— Тогда иди к себе, — строго велела бабушка, — и жди. Мы с Алисой поищем, может быть, найдем тебе достойный головной убор.

— Не врешь?

— На глупые вопросы не отвечаю, — отрезала бабушка.

Сильвер ушел.

— Ну дети, право же, дети, — сказала бабушка. — Давай приниматься за дело.

— Я займусь книжками, — сказала Алиса.

— А я вещами, — согласилась бабушка.

Алиса стала брать с полки книги, проглядывать их и раскладывать — что в библиотеку, а что неизвестно куда.

Бабушка гремела посудой, рыцарскими шлемами, каменными дубинками, костями мамонтов и прочими загадочными и неожиданными вещами.

— Нет, ты погляди! — кричала она Алисе. — Ты можешь себе представить?

Алиса подходила к ней. И на самом деле интересно!

Вот отравленный кинжал, так и написано на этикетке:

Отравленный кинжал, принадлежал Лукреции Борджиа.

— Кто такая Лукреция Борджиа? — спросила Алиса.

Робот-тележка Грузик включил справочный экранчик и через минуту ответил:

— Так звали одну красавицу-итальянку. Она жила в эпоху Возрождения, и ее имя связано со смертью многих знатных людей.

— А что такое Возрождение? — спросила бабушка. — Что они там возрождали?

На этот вопрос ответила Алиса. Про Возрождение они учили в школе.

— Возрождение, — сказала она, — это такое время после средних веков. Кончились темные времена, люди стали ездить по всему свету, открыли Америку и Африку, построили чудесные дворцы и даже Кремль в Москве. Тогда жили знаменитые художники — Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело и Дюрер. Коперник догадался, что Земля — не центр мира, а Галилей сказал: «Все же она вертится!»

— Это о ком он так сказал? — удивилась бабушка. — Кто там вертелся?

— Земля, — ответил за Алису Грузик. — Об этом каждый робот знает.

— А я не робот! — обиделась бабушка. — Я живой человек с недостатками. Я родилась так давно, когда еще школ не было.

Конечно, бабушка лукавила, не так уж давно она родилась. Но Алиса не успела ей ответить, потому что с полки упала черная треугольная шляпа.

— Надо отдать Сильверу, — сказала бабушка, — а то он, бедный, так переживает. Сильвер уже бежал по коридору, стуча деревянной ногой.

— Дуся, — крикнул он на бегу, — ты меня звала?

— Возьми шляпу, — сказала бабушка, — только не проигрывай больше этой белой курице. И вообще, поклянись мне, что больше карт в руки не возьмешь.

— Не поклянусь, — честно ответил пират Сильвер. — Ты меня прости, дуся, но где ты видела, чтобы пират в карты не играл? Сегодня я брошу карты, а завтра ты мне запретишь ром пить? Ну признайся, запретишь?

— Запретила бы, — ответила бабушка, — но, боюсь, не получится.

— И я так думаю, — сказал пират и протянул руку за шляпой.

— Подождите, Сильвер Джонович, — сказала Алиса. — Я только прочту, что там на этикетке написано.

— А может, не стоит? — с надеждой спросил пират. — Мало ли какой хулиган там баловался?

Но Алиса не послушалась его и все-таки прочитала надпись на этикетке. Вот что там было написано:

Шляпа.

Возможно, принадлежала Наполеону в 1812 году. Найдена в снегу после бегства Наполеона из России.

— Вот видишь, — сказал Сильвер. — Никому не нужная шляпа, кинули, выбросили, хорошо еще, что не утопили.

Но Алиса не спешила возвращать треуголку. Она увидела, что изнутри на доньшке было еще что-то написано и нарисовано.

Но от времени рисунок, сделанный, видно, чернилами, истерся, хотя можно было понять, что это — какая-то географическая карта или схема.

— Алиска, ты вечно будешь грязную шляпу рассматривать? — сердито спросила бабушка. — Так мы никогда уборку не кончим.

Алисе не хотелось отдавать треуголку, чуяло ее сердце, что в ней таится загадка, но Сильвер буквально вырвал шляпу из рук Алисы и напялил на голову.

— Ну что, похож я на Наполеона? — спросил он. — В молодости нас часто путали.

Попугай влетел в комнату и с полки закричал противным голосом:

— Все равно выиграю ее у тебя! Ты шестерки от валета не отличишь, старый разбойник!

Сильвер хотел схватить попугая, тот улетел, и Сильвер погнался за ним по коридору.

— Я одного не понимаю, — сказала бабушка. — Зачем попугаю головные уборы? Они же ему велики!

— Он их продает знакомой вороне, — объяснила Алиса.

— А той они зачем?

— Чтобы гнезда делать, — сказала Алиса.

— Ты шутишь? — спросила бабушка и сама себе ответила: — Ну конечно же смеешься над старой глупой женщиной. Я же понимаю, что попугаи не дружат с воронами.

Бабушка принялась дальше раскапывать груды одежд разных времен, а Алиса стояла возле стола и думала. Когда надумала, спросила у бабушки:

— Зачем Наполеон стал рисовать на подкладке своей треуголки? Разве у него бумаги не было?

— Может, и не было, — ответила бабушка. — А ты не отвлекайся, времени в обрез. Уже вечер наступает.

— И что же человек рисует на подкладке? — спросила Алиса.

И сама себе ответила:

— Тайный план! Который нельзя потерять и нельзя никому показывать.

— Ты о чем? — спросила бабушка.

— Я о том, что надо отобрать шляпу у пирата. Потому что пираты любят планы кладов.

— Каких кладов?

— Бабушка, поработай без меня, — попросила Алиса, — а я сбегаю к Сильверу.

Не ожидая ответа, Алиса побежала к выходу из института.

И конечно же она оказалась права.

Сильвер сидел за своим столом, перед ним подкладкой кверху лежала треуголка, по столу ходил попугай и тоже заглядывал в шляпу.

— И не такие загадки мы с тобой щелкали, — говорил Сильвер попугаю. — Пятнадцать человек на сундук мертвеца, йо-хо-хо и бутылка рому! А ну-ка, старый бандит, достань мне бутылку!

— Не отвлекайся, дедушка, — сказал попугай.

— Что мы видим? — сказал пират. — Мы видим реку средних размеров. На ней не написано названия, но видишь, как она изгибается? Давай, я скопирую эту карту, и мы загоним ее в компьютер. И пускай он нам сообщит, голубчик, какая река в России вот так изгибается.

— Ты голова, Сильвер, — похвалил друга попугай. — Удивительно даже, что до сих пор на свободе.

— Сажали меня, приговаривали и даже голову рубили, — признался Сильвер, — но я, как всегда, уходил.

Он открыл ящик стола, вытащил лист бумаги и карандаш. Только Сильвер приготовился снимать копию с карты, как Алиса, которой надоело следить за пиратами, вышла из-за угла и подошла поближе.

— Руки вверх! — сказала она. — Ваша карта бита!

Попугай завопил и взлетел к потолку, а пират Сильвер послушно поднял вверх руки и сказал:

— Старый Сильвер знает, когда игра проиграна.

Но тут же он увидел Алису, понял, что никого, кроме нее, поблизости нет, и совсем другим голосом заговорил:

— Совсем не ясно, кому руки поднимать, а кому прощения просить! А тебя, пигалица, я выпорю, чтобы ты пожилых людей, инвалидов труда, не смела запугивать. Уходи, пока жива!

— Ну ладно, — засмеялась Алиса. — Это не ваша шляпа, Сильвер Джонович. Показывайте, что вы там увидели, а то директору позвоню.

— Значит, ты еще не звонила?

— Я сама люблю клады искать, — призналась Алиса. — Но если мы его найдем, то потом обязательно директору расскажем.

— Директору? Расскажем? Ну конечно же расскажем, — обрадовался Сильвер. — А я

боялся, что отнимешь.

— И с карандашом я лучше вас умею управляться, — сказала Алиса. — Ведь речку надо точно нарисовать.

Попугай снова опустился на стол, заглянул в треуголку и сказал:

— Юнга дело говорит. Берем ее в долю.

— А я и не сомневался, — согласился Сильвер. — Давай рисуй, только учти, что восемьдесят процентов добычи мне, а тебе и попугаю — по десять.

— Это почему мне десять? — возмутился попугай. — Без меня ты ничего не сделаешь. Да и долететь мне до директорского кабинета — раз плюнуть.

— И чего же ты желаешь? — спросил пират.

— Половину мне, половину тебе, а остальное девочке Алисе, — предложил попугай.

— Это что же мне достанется? — засмеялась Алиса.

— Как что? Третья половина, — ответил попугай.

— Немного, — сказала Алиса. — Но я вам хочу серьезно сказать — хотите клад искать, ищите, и я с вами этим займусь. Но все, что найдем, отдадим в институт или в Исторический музей.

— Ах так! — Сильвер схватил шляпу, поднялся и заковылял к черному ходу из института.

Попугай за ним.

— И что дальше? — спросила Алиса.

— А дальше мы скроемся в лесах и будем партизанить.

— А как же клад?

— Мы будем менять золото на сало и ветчину у мирных поселян, — сказал попугай.

Они уже покинули институт, когда их настиг голос Алисы:

— А где вы будете клад искать?

— Где надо...

— И где вы компьютер найдете?

— Где надо...

— Скатертью дорожка! — ответила Алиса и вернулась в холл.

И опять оказалась совершенно права, потому что через пять минут дверь медленно растворилась и в ней возникла красная физиономия Сильвера.

Следом пешком вошел попугай.

— Ах, ты здесь? — спросил пират, глядя на Алису.

— А где же ей быть! — сказал попугай.

— Ну, иди, давай план рисовать, — сказал пират, как будто ничего раньше и не было. И протянул шляпу Алисе.

Глава тринадцатая. Портрет в подарок

Алиса не доверила Сильверу и попугаю отнести копию схемы из треуголки компьютеру. А когда увидела робота-тележку Грузика, передала записку ему.

Сильвер обиделся и сказал:

— А где доверие к человеку? А где гуманитарный гуманизм?

Но Алиса не стала его слушать, а поспешила в чулан. Ведь день клонился к концу, пора домой, а она совсем о бабушке забыла.

Бабушка, оказывается, ждала Алису с нетерпением.

— Я, конечно, не уверена, — сказала она, увидев внучку, — может быть, я неправильно прочитала. Здесь, наверное, на греческом языке написано, а я с детства не дружила со Спиросом из соседнего двора.

Алиса подошла к бабушке.

— Я это отыскала под нижней полкой, завернутое в крокодилью шкуру.

Бабушка протянула Алисе круглую костяную пластинку. На ней был нарисован портрет молодого человека очень приятной наружности. Под портретом располагалась надпись на древнегреческом языке:

«Дорогая Лена! Дарю тебе на память мою персону. Если нравится, храни, а не нравится — сожги. Твой друг до гроба Александр, царь Македонский».

— Ну и что? — спросила Алиса. — Может быть, Александр был знаком с Еленой Прекрасной?

— Ах, если бы речь шла только о Елене Прекрасной! — возразила бабушка. — Но боюсь, что возлюбленная великого греческого полководца и завоевателя всего мира Александра Македонского, про которого даже я в школе учила, сейчас совсем не так далеко от нас, как Елена Прекрасная.

— Что ты имеешь в виду, бабушка?

— А ты поверни портрет!

Алиса повернула пластинку и прочла на обороте:

«Елене Простаковой от Александра Македонского. IV век до вашей эры».

— Ты хочешь сказать...

— Вот именно, — ответила бабушка на вопрос, который Алиса не успела задать. — Вот именно! Получается, что сотрудница института во время командировки в отдаленное прошлое не только познакомилась с древним полководцем, но и подружилась с ним, сообщила ему свою настоящую фамилию и, может, даже...

— Ну что еще? — спросила Алиса.

— Может, даже целовалась! — воскликнула бабушка. — А потом взяла у него на память фотографию...

— Портрет, бабушка.

— Ну пускай портрет. А что скажет директор, когда об этом узнает?

— А он об этом не узнает, — сказала Алиса, — если ты, бабушка, не наябедничаешь.

— Я? Наябедничаю? Ты с ума сошла. Я даже в детском саду ни разу ни на кого не пожаловалась! — Бабушка обиделась.

И бывают же такие совпадения! Именно в тот момент в чулан вошла Лена Простакова, спасательница и милая девушка, остановилась в дверях и смущенно произнесла:

— Вы тут убираетесь... У меня к вам будет просьба.

— Какая просьба? — Бабушка чуть не подпрыгнула от неожиданности. Она поняла, о чем будет просить их Лена Простакова.

— Я как-то возвращалась из командировки... от Александра Македонского. Вы слышали о таком полководце?

— Слышали, — подтвердила бабушка.

— Он очень хороший, добрый человек, несмотря на то что царь и завоеватель. Просто приличный человек. Мы с ним много разговаривали... и он подарил мне одну вещь.

— Какую? — поинтересовалась бабушка.

— Он подарил мне на память свой портрет. Красками. Маленький такой портретик.
— Почему? — строго спросила бабушка.
— Потому что мы... ну, мы подружились!
— А вы целовались? — еще строже спросила бабушка.
— Ну что вы! — Лена Простакова так покраснела, что ее щеки стали светиться вишневым светом.
— А что было дальше?
— Когда я вернулась из командировки, то положила портрет сюда, под полку.
— Почему же ты не показала его директору?
— Я постеснялась, — сказала Лена. — Может же человек стесняться!
Алиса пожала плечами:
— Такую личную вещь я бы домой отнесла.
— Я не могла... Вы не представляете, какой характер у моей мамы! Она бы добралась до Саша... простите, я так Александра привыкла называть... она бы ему все кудри вырвала. Я не хочу, чтобы она меня опозорила. Поэтому я портрет спрятала, а потом не взяла... Чулан был заперт.
— Ну, что делать? — спросила бабушка у Алисы.
— Не знаю, — сказала Алиса, — но, честно говоря, я бы отдала портрет Лене. Ведь его ей подарили.
— Ах, ты меня не поняла, Алиса, — сказала бабушка. — Но я думаю, что если бы мне свой портрет подарил Александр Македонский или хотя бы Юлий Цезарь, я никогда бы не кинула его под полку в чулане!
— Но это же... Я не имела права! — Лена Простакова чуть не плакала.
— Бабушка, — попросила Алиса, — давай отдадим портрет Лене.
— И никому об этом не скажем? — хитро улыбнулась бабушка.
— И никому об этом не скажем!
— Тебе повезло, Лена, — сказал бабушка, — что я тружусь здесь вместе с Алисой. Она совершенно не знает, что такое дисциплина. Так что бери портрет, иди домой! Говоришь, он хороший?
— Мы сидели с ним на берегу Евфрата, — задумчиво сказала Лена. — Начинался розовый рассвет. Саша пел мне греческую песню «Сиртаки»...
— Я тебе завидую, — сказала бабушка и протянула портрет спасательнице.

Глава четырнадцатая. Гибель Атлантиды

Алиса и бабушка остались одни.

Алиса подошла к столу и подумала: что же еще связано с древним греческим языком? Ведь только что она держала в руках портрет Александра Македонского... древнегреческая надпись... другая надпись... Где же была другая надпись?

Алиса принялась разбирать бумаги на столе.

Конечно же, вот он, свиток!

И этикетка на нем, что этот свиток принадлежит Платону и его следует вернуть...

Алиса осторожно развернула свиток.

Она увидела те же греческие буквы, как на портрете Александра Македонского.

«Дорогой Аристокл, — начиналось письмо. — Да хранят тебя боги! Должен сказать

тебе, что в моем плавании большим утешением служили твои „Диалоги“, которые ты дал мне почитать и просил вернуть после того, как я достигну Карфагена. Вначале, читая „Диалоги“, я был полностью уверен, что ты, мой друг, написал их специально, чтобы дать пример идеального общества. Но описание Атлантиды настолько хорошо, что я стал сомневаться: а вдруг она существовала на самом деле?»

Алиса читала письмо вслух.

Бабушка отложила работу, подошла поближе и спросила:

— А ты этого Аристокла знаешь?

— Ничего не понимаю, — призналась Алиса. — Сначала я думала, что тут речь идет о «Диалогах» и об Атлантиде, а оказывается, это письмо какому-то Аристоклу, который ничего не знал.

— Стой! — закричала бабушка. — Не смей меня запутывать. Когда в школе учили про твоего Аристокла, Патрокла и Плутарха, я болела свинкой. Рассказывай все с самого начала.

Тогда Алиса включила видеобраслет и спросила Ричарда:

— Простите, но я здесь нашла письмо к Платону, то есть я думала, что к Платону, а оказывается, в нем обращаются к какому-то Аристоклу.

— Все правильно, — откликнулся Ричард. — Я об этом где-то читал. Будущий великий древнегреческий философ был в молодости чемпионом по легкой атлетике. Он был таким сильным и красивым, что его прозвали Платоном. Это значит «Широкоплечий». Но друзья детства помнили его настоящее имя. И если ты нашла письмо, в котором Платона называют Аристоклом, значит, писал кто-то из его близких друзей.

— Вот видишь! — сказала Алиса бабушке.

— Я ничего не вижу, — ответила бабушка, — пока ты не объяснишь. Что за «Диалоги» он написал, при чем тут Атлантида и о каких законах идет речь?

— В Древней Греции жил философ Платон, великий ученый. Он придумал идеальное государство, самое лучшее и справедливое. Платон написал труд, который называется «Диалоги». В них он разговаривает с другими философами и со своими учениками на разные темы. И об Атлантиде тоже.

— Я помогу Алисе, — вмешался в разговор Ричард с экранчика на браслете. — Платон говорил, что некогда, за много тысяч лет до него, египетские жрецы знали о том, что в океане располагался остров Атлантида.

— Знаю, — сказала бабушка. — Слышала. Была Атлантида, а потом утопла. А раз утопла, то ее и прозвали утопией. Правильно?

— Не совсем, — возразил Ричард. — Но вы правы в том, что Атлантида — это первая утопия в истории Земли, то есть выдуманное идеальное общество, какого на самом деле и быть не может.

— Но ведь утопла? — настаивала бабушка.

— Тебе неинтересно слушать? — спросила Алиса.

— Интересно, только ты сама рассказывай, мне тебя перебивать легко, а Ричарда неловко, все-таки он научный сотрудник, а ты простая школьница и даже не отличница.

— Как так не отличница! — возмущилась Алиса. — Я по рисованию отличница и по биологии отличница. А по остальным предметам почти отличница.

— Рассказывай, Алиса, — попросил Ричард. — Мне тоже интересно тебя послушать.

— Значит, в океане был большой остров Атлантида.

— В Атлантическом океане? — уточнила бабушка.

— Может быть, и в Атлантическом, — согласилась Алиса. — Но не все согласны.
— Так нырнули бы и отыскиали ее, — сказала бабушка.
— Ныряли, — сказала Алиса. — Чего только не нашли! Даже в Тихом океане нашли, да все не та Атлантида, не платоновская...
— А где платоновская?
— В этом-то и заключается жгучая тайна. Известно только, что Посейдон объявил Атлантиду своим владением.
— Стой, стой, стой! — остановила Алису бабушка. — Это еще кто такой, почему не знаю?
— Ой, бабушка, — засмеялась Алиса. — Ты была очень болезненным ребенком!
— Ничего подобного! Я была живым и веселым дитем, — ответила бабушка.
— Почему же ты так часто болела?
— А про Посейдона тоже в школе учили? — спросила бабушка.
— Еще как! Ведь Посейдон — это один из самых главных греческих богов. Он был богом морей. Когда Посейдон сказал другим богам, что берет себе Атлантиду, они очень рассердились. «Еще чего не хватало! — кричали боги. — Мало тебе морей и океанов! Ты еще и сушей хочешь завладеть?» Но Посейдон конечно же никого не послушался, а взошел на свою колесницу, запряженную волшебными морскими конями, и помчался над волнами к Атлантиде.

Алиса перевела дух, а бабушка сказала:

— Не отвлекайся. Тебя старшие слушают, а ты вздыхаешь.
— Ребенок хочет пить, — вмешался робот-тележка Грузик. — Я привез вам лимонаду.
— Спасибо, Грузик, — поблагодарила Алиса и принялась пить лимонад. Лимонад был холодный, вкусный, бабушка тоже пила, а Ричард Темпест воспользовался перерывом и пришел из своего кабинета в чулан.

Напившись, Алиса продолжила свой рассказ об Атлантиде:

— В то время на острове жили только старик Евенор и его жена Левкиппа. Они были не очень обыкновенными людьми, их породила мать-Земля, а пап и мам, как другим людям, им не досталось. Наверное, они, как грибы, выросли под дождевиком.

— А что! — заметила симферопольская бабушка. — У меня с Жорой Турелли был фокус. Зарываем в опилки на арене зернышко, поливаем, и появляется ма-а-а-ленький мальчик, растет, растет и вырастает в нашего администратора дядю Пашу. — Тут бабушка увидела, что никто не смеется, и поспешила сказать: — Ты продолжай, Алисочка, продолжай! Очень интересно! Я жалею, что так плохо училась в школе.

— Значит, жили на острове муж и жена, и была у них дочка Клейто. Самая обыкновенная девушка, но необыкновенной красоты. Скучала она на том острове безмерно. Представляете — никого, кроме пожилых родителей!

— И не с кем в прятки поиграть, не с кем куклу понянькать, — сочувственно сказала бабушка. — Бедное дитя!

— Дом их стоял на горе, точно посреди Атлантиды, а от моря к ней вела прямая долина длиной в 50 стадий.

— Ну вот, не знали печали! — воскликнула бабушка. — Что еще за стадии такие? Метры знаю, сантиметры, даже дюймы и мили выучила, пока матроской на шхуне «Домовой» служила, а вот что такое стадия — не слыхала.

— Стадия равна 193 метрам, — сказал Ричард, заметивший, что Алиса запнулась: не

знает, что такое стадия. — А название она получила потому, что такой длины была беговая дорожка на древнегреческих стадионах. Спортсмены соревновались в беге на стадию.

— Поняла! — ответила бабушка. — Поняла, откуда получилось такое нелепое слово, как «стадион».

— Посейдон пришел в одинокий дом и сказал, что он — моряк, потерпевший кораблекрушение. И попросил приюта. Ну как откажешь в приюте гиганту, красавцу, силачу — богу во всех отношениях!

— Красиво говоришь, Алиса, — заметила бабушка. — Интересно, а ты сама его не встречала?

— Но ведь бог Посейдон — это сказка! — сказала Алиса.

— Сомневаюсь, но не перебиваю, — сказала бабушка. — Продолжай.

— Посейдон влюбился в Клейто и потому прожил в том доме несколько лет. Он взял Клейто в жены, а сам ухаживал за ее родителями, пока они не умерли и не ушли обратно в землю. Пока Клейто вела хозяйство, Посейдон занялся строительством. Сначала он выкопал на холме два колодца, из которых стали бить родники: один с ледяной водой, а второй с кипятком, для стирки и кухни.

— Ах, если бы все мужья были такими! — воскликнула бабушка. — Не дождешься!

— Затем Посейдон обнес горы каменной стеной, а вокруг нее вырыл канал и заполнил его водой из родников. Посейдон трудился, а у Клейто родился маленький мальчик, а потом еще один мальчик, а потом еще один...

— Постой, Алисочка, — сказал Ричард, — к сожалению, ты ошиблась. Платон пишет, что Клейто родила близнецов, пять пар близнецов, а не отдельных мальчиков.

— И правильно! — одобрила бабушка. — Если ты решила родить много детей, то куда экономнее рожать сразу по двое или по трое. Значит, у них было десять детей?

— Пять пар близнецов, — подтвердил Ричард, — мал мала меньше, то есть погодки.

— Сыновья росли, занимались спортом, учились, — сказала Алиса. — Всем было весело, но Посейдон боялся, как бы его сыновья не перессорились из-за власти над островом. Поэтому он поделил остров на десять частей, как режут круглый торт, дольками. При дележе самому старшему сыну по имени Атлант достался и родительский дом на горе. Так как Атлант был главнее, остальные сыновья должны были его слушаться. С тех пор десять сыновей, которых называли царями Атлантиды, дружно командовали своим островом и никогда не ссорились. У каждого из царей рождались дети, и все они были мальчиками. И все в свою очередь становились царями.

— Чудесная история, но, к сожалению, пока счастливая, — сказала бабушка.

— А что в этом плохого? — спросила Алиса.

— То, что такие истории хорошо не кончаются. Не может быть, чтобы десять царей долго жили в мире, и не может быть, чтобы обездоленный народ не встал на защиту своих интересов! — сказала бабушка. — А ну расскажи, что еще твой Платон придумал про эту сказочную страну.

— На Атлантиде были богатейшие рудники, где добывали самородную медь и ковали из нее доспехи, посуду и утварь. И это неудивительно, потому что Атлантида существовала в бронзовый век. Ты знаешь, бабушка, что такое бронзовый век?

— Наверное, не то, что алюминиевый, — сказала бабушка.

— Тогда еще железа не придумали, — объяснила Алиса. — Поэтому мечи, посуда, наконечники копий и щиты — все было бронзовым.

— А откуда же в Атлантиде взялись люди? Не только же цари там жили! А то бы им и жениться не на ком было.

— Атланты, наверное, покупали рабов, — сказала Алиса. — А может быть, к ним приплывали люди из других стран. Приедут по делам, увидят, как атланты живут, и остаются. Ведь Атлантида стала центром тогдашнего мира, в гаванях стояли сотни кораблей, там были склады и верфи, чтобы строить новые корабли. От моря до горы, где когда-то стоял дом стариков, прокопали широкий прямой канал. Рядом с тем местом построили храм Посейдона. Туда ходили молиться покровителю острова и приносили жертвы этому богу. Храм сверкал под солнцем, потому что был покрыт серебряными листьями. Внутри же его отделали слоновой костью и золотом.

Вода из холодного источника служила для того, чтобы поливать сады, а горячая по трубам попадала во дворцы и дома и согревала их.

— Смущает меня этот горячий источник, — сказала бабушка.

— Почему?

— Потому что горячие источники обычно бывают там, где есть действующие вулканы.

— погоди, бабушка, рано об этом, — сказала Алиса. — Мало ли почему бывают горячие источники?

— А какой там был климат, известно?

— Климат там был мягкий или даже тропический, — сказала Алиса. — Египетские жрецы говорили, что в Атлантиде не бывало зимы и в год снимали по два урожая зерна.

— А с кем Атлантида воевала? — спросила бабушка.

— Почему ты думаешь, что она воевала?

— Такая богатая страна и никому не понадобилась? — воскликнула бабушка. — Так не бывает. Тем более не бывало в древние времена.

— У атлантов были могучая армия и флот, — сказала Алиса. — Ее берега охраняла тысяча кораблей, а армия насчитывала десять тысяч боевых колесниц. И пока все цари Атлантиды жили в мире и дружбе, ее бы никто не смог победить.

— Значит, все-таки...

— Ну погоди, бабушка, уже немного осталось! Я же и так коротко рассказываю.

Бабушка замолчала.

— Каждые пять лет, — продолжала Алиса, — все десять царей приезжали в храм Посейдона и там решали все важные проблемы. И они это делали удивительным образом! С наступлением темноты они входили в храм, одетые в черные тоги. Слуги гасили факелы, и тогда цари на ощупь находили кресла и усаживались в них. Дверь в храм запирали, и теперь можно было обсуждать все секреты так, что говорившего никто не видел.

Всю ночь разговаривали цари, а с рассветом принимали решения, записывали их на золотых листах и клали листы на алтарь Посейдона. И впредь никто не мог изменить этих решений.

Так продолжалось много сотен лет. Но вот до атлантов стали доходить слухи о том, что за морем крепнут греческие государства. Потом и корабли стали приплывать оттуда. И чем сильнее становилась Греция, тем больше беспокоились атланты. Они решили первыми напасть на греков, чтобы те не успели их победить. Атланты собрали флот, посадили на корабли солдат и отправились в Средиземное море. Греческие корабли попытались встать на пути флота атлантов, но потерпели поражение и утонули. Атланты выбрались на греческий берег, и почти все города им сдались.

— Ну уж это преувеличение! — вмешалась бабушка. — Знаю я греков, они так просто не сдадутся.

— Они не все сдались, — согласилась Алиса. — Их самый знаменитый город Афины отказался сдаваться. И афиняне так отчаянно защищали свой город, что атланты отступили. Сначала отступили, потом побежали, а потом еле ноги унесли.

— Так им и надо! — воскликнул Ричард Темпест, который забыл, что он совсем взрослый и знает эту историю с детства.

— Это исторический факт? — спросила бабушка.

— Никто не знает, — ответила Алиса. — Надо у Платона спросить.

— А что он нам рассказал про Атлантиду? Куда она делась?

— Остатки флота атлантов возвратились домой, но греки их не преследовали. Не было у них для этого сил, да и кораблей не осталось. Но тут...

Алиса замолчала, как царица Шехерезада, потому что знала: ее слушатели увлечены рассказом и, если бы она сейчас попросила десять порций мороженого за то, чтобы продолжить свои речи, бабушка, Ричард и даже пират Сильвер помчались бы за мороженым. Но конечно же Алиса не такая вредная, чтобы гонять друзей за мороженым — если нужно, и сама купит, — но помолчать немного стоило — пускай трепещут от нетерпения!

— Что еще там случилось? — первой не выдержала бабушка.

— Началась страшная ссора между богами, — сказала Алиса. — Ведь Афины и вся Греция — это царство верховного бога греков Зевса, а Атлантида принадлежит Посейдону, и все цари — его правнуки. Зевс поклялся, что накажет коварных атлантов, которые решили завоевать ни в чем не повинную Грецию.

— Только попробуй! — закричал на Зевса Посейдон. — Только попробуй напакостить Атлантиде, я твою Грецию утоплю!

Но на стороне Зевса были богини Афина и Гера.

Шум стоял страшный, а так как боги кидаются друг в дружку не чайными чашками и подушками, а молниями и горами, то на Земле небесный скандал превратился в настоящую катастрофу.

Страшные грозы загремели в небе над Атлантидой. Волны кинулись на ее берега. Разгневанный Зевс бабахнул по острову своим посохом. И затряслась земля! Открылись жерла вулканов!

Стали рассыпаться, как песочные, дворцы и города.

А Зевс уже ничего не слышал и не видел, остановить его было невозможно. Он втыкал посох в Атлантиду, колотил им по острову и добился своего...

Атлантида начала медленно погружаться в океан.

В ужасе тысячи людей бежали от моря, карабкались на холмы и центральную гору. Их столько там собралось, что гора стала черной от человеческих голов.

Люди тянули к небу руки, кричали, молились, но их голоса не достигали слуха богов, потому что греческие боги редко замечают людей, они заняты своими делами и склоками.

Алиса помогала себе руками, словно была артисткой на сцене. Голос ее дрожал:

— И вот вся Атлантида оказалась под водой!

Сначала в океане образовалась гигантская воронка. В нее затянуло все корабли, которые успели выйти в море. Потом высокие волны пронесли над остатками Атлантиды и смели с нее леса, растения и последние дома. И не осталось в живых ни одного атланта.

Тогда Посейдон схватил свой трезубец и принялся вонзать его в Грецию. Он наслал на

нее ветры и молнии — и Греция была разрушена. Почти все греки погибли. Так боги поссорились, а пострадали люди.

Потом Зевс и Посейдон помирились и отправились пировать, а Греция еще много лет не могла оправиться от разорения.

Моряки рассказывали, что смытая с полей почва, растения и деревья еще долго плавали на месте погибшей Атлантиды, и даже корабли старались обходить это опасное место. Все. Я больше ничего не знаю об Атлантиде!

В чулане было тихо, целую минуту никто не сказал ни слова.

— Так что же, в конце концов? — воскликнула вдруг бабушка. — Была Атлантида или ее выдумали? Это вопрос вопросов!

— Надо поговорить с Платоном, — ответила Алиса.

Ричард посмотрел на нее с подозрением и спросил:

— Надеюсь, ты не помчишься в Древнюю Грецию говорить с Платоном? Это совершенно исключено!

— Знаю, что исключено, — вздохнула Алиса.

Ричард ушел, бабушка стала собираться домой.

Алиса снова взяла свиток, лежавший на столе, и, развернув, принялась его рассматривать.

— Ты идешь? — спросила бабушка.

— Иди, я тебя догоню, — ответила Алиса.

— Ладно, только не задерживайся надолго, — сказала бабушка.

И она ушла.

Алиса слушала, как по коридору удаляются ее шаги.

Потом возвратилась к свитку.

Это был удивительный свиток, и никто, кроме Алисы, не догадывался, что именно он поможет разгадать тайну Атлантиды. Правда, для этого на самом деле стоило бы поговорить с Платоном.

Глава пятнадцатая. Где искать Платона?

Алиса вновь развернула свиток и снова прочла письмо.

«Дорогой Аристокл, — читала она. И уже знала, что Аристокл — это настоящее имя великого философа Платона, который, как все знают, придумал Атлантиду. — Да хранят тебя боги! Должен сказать тебе, что в моем плавании большим утешением служили твои „Диалоги“, которые ты дал мне почитать и просил вернуть после того, как я достигну Карфагена. Вначале, читая „Диалоги“, я был полностью уверен, что ты, мой друг, написал их специально, чтобы дать пример идеального общества. Но описание Атлантиды настолько хорошо, что я стал сомневаться: а вдруг она существовала на самом деле?»

Алиса отложила письмо и задумалась. Что она узнала из письма? Первое — пишет друг Платона, настолько близкий, что тот доверил ему ценнейшую рукопись. Ведь в те времена никаких типографий и даже пишущих машинок не существовало.

Во-вторых, ясно, что этот друг — путешественник, и он поплыл из Греции в Карфаген. А любой человек, который немного интересовался историей, знает, что Карфаген — это город в Северной Африке. Его основали финикийцы — народ мореплавателей, путешественников и торговцев. Карфаген прославился через много лет тем, что воевал с

Римом, да так отчаянно, что карфагенский полководец Ганнибал чуть было не победил Римскую империю. Но в истории «чуть-чуть» не считается. В конце концов Ганнибал был побежден римлянами, а город Карфаген разрушили.

Читаем дальше, сказала себе Алиса.

«Должен сообщить тебе, Платон, что в доме моего нового друга, жреца здешнего храма, я рассказывал о твоей Атлантиде. И жрец, сын жреца, внук жреца и даже правнук жреца, сказал мне, что его предки знали о такой стране, которая лежала в океане, за Геркулесовыми Столпами, а потом была проклята богами и погрузилась в волны. Однако еще до гибели той страны корабли из Карфагена ходили туда с товарами, и когда-то один из капитанов привез оттуда письмо какому-то атланту, жившему в Карфагене по торговым делам. Но что-то случилось. Возможно, адресат умер. Словом, письмо осталось в доме жреца. Мне показалось интересным послать это письмо тебе. Ведь если Атлантида — не твоя шутка, а действительно существовавшее государство, то ты, наверное, включишь это письмо в следующее издание твоих „Диалогов“. Пользуюсь случаем также вернуть тебе твою рукопись. Твой верный друг Эмпедокл».

Алиса увидела, что внутри свитка с письмом Эмпедокла лежит кусок ткани. На нем были изображены совершенно неизвестные Алисе знаки.

— Но ведь это великое открытие! — воскликнула Алиса. — Значит, Атлантида на самом деле существовала, а потом утонула! Сейчас же надо отправлять экспедицию в Атлантический океан. Именно там, а не в Тихом океане и не в Средиземном море лежала самая настоящая Атлантида. А если и были другие Атлантиды, например в Тихом океане, то они не настоящие.

Надо тут же рассказать обо всем Ричарду или даже директору института.

Алиса протянула палец к кнопке внутренней связи, но вовремя спохватилась.

И вот почему.

Если она скажет, что нашла доказательство, что Атлантида была на самом деле, то в экспедицию ее конечно же не возьмут. Рано тебе, скажут они, тебе еще учиться надо.

А если даже и возьмут, то куда они поплывут?

Атлантический океан — огромный.

В нем есть пропасти, горные хребты и глубоководные долины. Если Атлантида погибла от извержения и бурь, то остатки ее наверняка покрыты илом. Ведь недаром ни одна экспедиция Атлантиду до сих пор не отыскала.

Так что остается сделать то, чего делать совершенно не разрешается.

Надо самой потихоньку отправиться к философу Платону, чтобы отдать ему письмо, которое по неизвестной причине до адресата не добралось.

Сейчас все уже ушли из института, и никто не заметит, что Алиса пользуется машиной времени.

Но так ли это? Может, наоборот? Легче слетать в прошлое днем, когда в институте много народа, все кабины включены, люди летают туда и обратно... А ночью ты включил машину — и сразу тревога! Почему ночью? Кто разрешил?

Сразу прибежит вахтер, выключит машину и еще сообщит самому директору.

Единственный выход — самой пойти к Сильверу, во всем сознаться. Пускай он будет союзником.

Алиса взяла письмо Эмпедокла Платону и листок с письменами атлантов и отправилась по пустому коридору к выходу.

Ей никто не встретился. Даже робот Вертер не попался, наверное, у него тоже кончился рабочий день.

Сильвер собирался закрывать институт. Он уже расстелил на своем рабочем столе почти белую скатерть. На ней лежала оловянная ложка с гнутой ручкой, стояла кружка, бутылка туманного цвета и еще блюдечко с гречневой кашей, из которого клевал попугай.

— Ты иди, иди, — сказал он Алисе, — не задерживайся, практикантка. А то у нас ужин начинается.

— Даже удивительно, — сказала Алиса, — что вы меня на ужин не позвали. Вот если бы вы ко мне домой пришли, я бы вас обязательно накормила.

— А что у тебя сегодня на ужин? — заинтересовался попугай.

— Не знаю. Вроде бы сибирские пельмени, салат из крабов и ананасы со взбитыми сливками.

— Тогда пошли! — сказал попугай. — Нечего мне, как нищему, из блюдца гречневую кашу клевать.

Но Алиса конечно же и не собиралась домой. А вдруг сейчас и старый пират решит к ней в гости идти?

Но пират не поддался.

— Постыдись, попка! — воскликнул он. — Перед народом стыдно.

— Значит, не приглашаете? — спросила Алиса.

— Иди домой, там и ужинай. А у нас здесь все рассчитано на двоих.

— Ладно уж, — сказала Алиса, — приятного аппетита. Меня лучше ужин ждет, чем ваш и даже чем домашний.

— Где же это? — подозрительно спросил Сильвер.

— Понимаете, — сказала Алиса, — я получила приглашение от Платона. Он как раз урожай винограда собрал, виноградной водки бочку нацедил, да вот не знает, кому бы в подарок бутылочку послать.

— Мне, — сразу ответил пират.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Я тогда ему скажу: пират Сильвер...

— И я! — крикнул попугай.

— Ты же водку не пьешь!

— Я единственный в мире попугай-пьяница, — ответил попугай пирата.

— Я пошла, включу машину, — сказала Алиса, — так что не удивляйтесь, это я к Платону поехала.

— А почему я должен тебе верить? — спросил старый пират. — А что, если ты все сама выпьешь?

— Сильвер Джонович! — воскликнула Алиса. — Ну как вы могли такое подумать? Я же учусь в школе, в пятом классе. У нас с этим строго.

— Все-таки я с тобой...

— А кто же будет институт охранять? — удивилась Алиса. — Вы представляете, какой поднимется скандал, если вас не найдут на рабочем месте?

— Пускай гонят! — крикнул пират. — Меня вообще здесь не ценят. Спецодежды не выдают.

— Мы порошок «Тайд» просили, — пришел на помощь сторожу попугай, — а нам что дали? «Блеск»! Разве «Блеском» перила отмоешь?

— Вот именно! — сказал пират.

— Жалко, что вас выгонят, — сказала Алиса. — Институт без вас — не институт. Возьмут они какого-нибудь Робинзона Крузо на ваше место...

— На мое место? Этого бездельника Робинзона? — Пират расстроился, он чуть не плакал. — Нет, Алиса, я раздумал. Не полечу я за виноградной водкой к твоему Платону. Мне важнее институт сберечь. А то сейчас всякие злобные космические силы распоясались. У меня под охраной имущество. Нет, ты и не уговаривай, сама лети.

— Точно, — поддержал друга попугай. — Лети сама, Алиса, только о нас не забывай. Попадется тебе там лишняя бутылочка, вспомни о нас... А если увидишь маслины, вспомни — нет мне жизни без маслины! Поняла?

— Поняла, — сказала Алиса.

— Ну чего ты стоишь здесь, прохлаждаешься? — рассердился пират Сильвер Джонович. — Что я, подталкивать тебя должен? Тебя же Платон ждет, уже бутылку приготовил. А ну, быстро!

Алиса сказала:

— Ну, если вы настаиваете...

— Еще как настаиваем! — завопил попугай.

И тогда Алиса побежала к машине времени.

Она задала компьютеру работу — определить точно место и время, где можно отыскать древнегреческого философа Платона, и отправить туда практикантку Алису.

Компьютер долго решал эту задачу — видно, давно никто не летал к Платону.

Наконец загорелась зеленая лампочка на пульте.

Машина готова к переброске.

«Письмо с собой!» — проверила Алиса.

Она набрала код Древней Греции, имя Платона — остальное за нее сделает компьютер.

Раздалось негромкое жужжание.

Алиса крепче схватилась за поручни, которые выходили из пульта и как бы обхватывали Алису.

Стены исчезли.

Алисе показалось, что она падает в глубокую пропасть.

Еще минута — и она в Древней Греции.

Глава шестнадцатая. Алиса и пастушонок

В Древней Греции было жарко.

Белое солнце светило на ослепительном небе. Ни облачка. Земля высохла так, что от каждого шага над дорожкой поднималось облачко белой пыли.

Впереди возвышались стены какого-то города.

«Интересно, — подумала Алиса, — это Афины? Но почему я тогда не вижу холма Акрополь, на котором должен стоять знаменитый храм Парфенон?»

Рядом с Алисой стояло раскидистое дерево, дающее негустую, но все же настоящую тень. Корни дерева расступились, а под ними оказалась щель, как домик.

Алиса быстро стянула с себя костюм, осталась в шортах и кедах.

Под деревом в тени спал загорелый пастушонок. Он проснулся и удивился, что видит такую странную белокожую девочку.

— Ты кто? — спросил пастушонок. И Алиса не сразу поняла, что он говорит вовсе не на

греческом, а на каком-то другом языке. Но язык был очень похож на греческий.

— Я Алиса, — сказала она. — Давай меняться.

— Как меняться?

— Я тебе дам мой замечательный костюм, а ты мне свою накидку.

— Покажи, — сказал пастушонок.

Он взял костюм Алисы и долго мял его в пальцах.

— Издалека везла? — спросил он.

— Очень.

— У нас так не делают.

— Знаю. Меняемся?

— Не, — сказал пастушонок, — хозяин сразу отберет.

— А ты не показывай. Продай в городе.

— Неплохая мысль, — сказал пастушонок и рассмеялся. — А ты куда идешь?

— В ваш город. Это Афины?

— Никакие не Афины! — возмутился пастушонок. — А самые настоящие Сиракузы, поняла?

— Сиракузы... мы это проходили... Я только забыла, где они?

— Как где? — удивился пастушонок. — Сиракузы — самый главный и великий город во всем нашем мире. Сама-то ты откуда, если о Сиракузах не слыхала?

— Я из Москвы, но не в этом дело...

— И в какой же стране есть такой городишко? — спросил пастушонок.

— Есть такая страна, — ответила Алиса. — Ты еще маленький, не знаешь.

— Получается, для тебя Сиракузы неизвестные, а для меня Москва неизвестная. Значит, ты шпионка, и я тебя, пожалуй, лучше отведу, куда надо. Наш великий и непобедимый тиран и владыка Дионисий Единственный приказал всех шпионов и лазутчиков сразу вести к нему и казнить.

— А чего же я шпионила? — спросила Алиса.

— Ты? Да любой шпион найдет, чего шпионить. На то он и шпион. Может, ты даже не девочка, а враждебный карлик. А может, в твоей Москве настоящих шпионов не хватило, вот они и послали девчонку, которую я одним пальцем опрокинуть могу.

— Знаешь что, — предложила Алиса, — раз ты такой сильный и смелый, давай соревноваться. Если я тебя одолею, то ты мне отдашь свою накидку. Она все равно старая и рваная.

— А если я тебя одолею? — спросил пастушонок.

— Тогда ты возьмешь мой костюм и отведешь меня, куда надо, чтобы меня казнили как шпионку.

— Надо подумать, — сказал пастушонок и принялся шагать туда и обратно по зеленой траве. Овцы ходили за ним всем стадом: они думали, что пора домой, в овчарню.

— Хорошо! — сказал пастушонок. Видно, рассудил, что с Алисой всегда справится. — С чего начнем наши соревнования?

— Ты решаешь, ты хозяин, — сказала Алиса.

— Давай по камню кинем, — сказал пастушонок. — У кого дальше полетит, тот и победил.

Алиса согласилась.

Тогда пастушонок выбрал два камня. Себе взял камешек размером с грецкий орех, а

Алисе дал булыжник с большое яблоко.

— Вон туда кидаем, — сказал он, — в сторону дерева.

Он размахнулся и кинул камешек так, что он почти долетел до дерева.

Алиса, конечно, могла бы кинуть туда же, она все хитрости этого древнегреческого мальчишки видела насквозь. Поэтому она решила кончить бой одним ударом.

Она как следует размахнулась и метнула камень, как метают диск. Даже завертелась на месте.

Даже овцы ахнули, когда увидели, как высоко, к самым облакам, взметнулся булыжник и опустился далеко за деревом.

— Ну все? — спросила Алиса. — Я победила? Давай меняться и попращаемся.

— Ничего подобного, — злым голосом ответил пастушонок. — Ты бросила не по правилам. Так не кидают.

— А мы не договаривались, как кидать. Каждый кидает, как умеет, — сказала Алиса.

— Значит, тебе твои паршивые московские боги помогали, — сказал пастушонок. — Таких, как ты, надо на костре жечь.

— Не стоит меня на костре жечь, — сказала Алиса. — Если ты считаешь, что лучше меня кидаешь камни, то давай побежим до дерева и обратно. Кто быстрее, тот победил.

— Еще чего не хватало! — возмутился пастушонок. — Ты девчонка, я тебя в два счета обгоню.

— Вот и обгони, — согласилась Алиса.

Они встали рядом. Мальчик приказал овцам дать сигнал.

Овцы хором заблеяли. Три раза. На третий раз пастушонок побежал. Алиса за ним. Она не спешила бежать первой, чтобы пастушонок не сказал, что она жулит.

На половине пути она легко обогнала мальчишку и, обогнув дерево, даже подождала его. Пастушонок тяжело дышал, и лицо у него было злое. Но упрямым он оказался до ужаса.

— Что, устала? — спросил он из последних сил. — Сейчас упадешь, да?

— Почему ты так решил, дружок? — спросила Алиса. Она побежала рядом с ним, не обгоняя.

— Я... ух... я... — Но ничего сказать он не смог, дыхания не хватило.

Тогда Алиса перешла на спортивную ходьбу. Конечно, спортивной ходьбой ты нормального бегуна не обойдешь, но пастушонок бежал из последних сил, и если бы ему на макушку сел комар, то мальчик бы от тяжести свалился.

Так они рядышком доплелись до старта, и Алиса сказала:

— Вообще-то ты молодец. Такой слабак, а доплелся. Упрямый.

Пастушонок только и смог, что оскалиться.

— Ну что, кончили мы с тобой соревнования? — спросила Алиса.

— Нет, — с трудом ответил мальчик.

— И что же ты предлагаешь?

— Драться! — прохрипел пастушонок.

Алиса уселась на траву, сорвала травинку, пожевала ее и сказала:

— Хотя я и спешу, но тебе надо отдохнуть. Отдышись, тогда будем драться. Только без оружия, голыми руками.

Ее противник лег на траву и старался отдышаться.

Овцы собрались со всех сторон, стояли, склонив головы, и смотрели на своего пастуха. Видно, переживали за него, болели. Но помочь не могли. Одним укоризненным взглядом

Алису не победить.

Досчитав до тысячи, Алиса вскочила на ноги и спросила:

— Ну как, будем драться или сдаешься? А то мне уходить пора.

— Будем драться, и я тебе покажу! — сказал пастушонок.

Алиса была в одних шортах. Пастушонок тоже сбросил на траву серый холщовый мешок с прорезями для головы и рук.

«Хорошо, — подумала Алиса, — по крайней мере, не придется раздевать этого упрянца».

Все остальное заняло ровно двадцать секунд.

Пастушонок кинулся на нее, как баран на новые ворота.

Алиса, как вы понимаете, сделала небольшой шагок в сторону и, когда мимо нее пролетала костлявая торпеда, подсекла противника, и пастушонок полетел вперед над землей и шлепнулся пузом на траву метрах в пяти от Алисы.

Овцы снова ахнули.

Потом Алиса взяла мешок — одежду пастушонка и натянула через голову. Кто теперь отличит ее от любого небогатого ребенка в городе Сиракузы, который, оказывается, для кого-то был центром мира?! Удивительно все-таки устроены люди.

Пастушонок лежал, около него стояли овцы. Алиса склонилась над ним.

— Ты не ушибся? — спросила она.

— Уходи, а то я тебе покажу! — прошептал поверженный противник. Гордый и не сдавшийся.

— Ухожу, — сказала Алиса.

Она пошла к городу и вдруг услышала за собой чьи-то шаги. Алиса даже испугалась.

Обернулась — оказывается, часть овечьего стада решила, что Алиса в мешке — их новый пастух. Другие остались возле старого пастуха.

Алиса прикрикнула на овец, чтобы не ходили за кем ни попадя.

Вслед Алисе по направлению к городу летело облако пыли. Алиса не поняла, что это такое, но отступила в сторону.

И правильно сделала. По дороге неслась колесница, запряженная двумя конями. В колеснице стояли два человека. Один правил, второй, прекрасный юноша в золотом шлеме, был пассажиром. Больше Алиса ничего разобрать не успела.

До городских ворот она встретила еще нескольких путников, но никто из них не обратил внимания на ребенка, бредущего по жаре к городу.

Над головой вились слепни и оводы, жара стояла несусветная. Сейчас бы окунуться, да негде. И непонятно притом, почему она оказалась в этих самых Сиракузах. Компьютер не ошибается, наверное, Платон живет сейчас здесь.

Ворота в город были раскрыты — видно, в такую жару и стеречь его никому не хочется.

Глава семнадцатая. Торговец книгами

Город был не очень большой, но тесный. Где искать Платона?

Алиса пошла по самой широкой улице, куда шли все.

И правильно сделала — она очутилась на базарной площади.

Площадь окружали магазинчики, похожие на пещеры, товары были выставлены и повешены у входа. На площади к тому же торговали овцами, ослами и конями, толкучка вокруг царила невообразимая.

И тут Алиса увидела книжный магазин.

Конечно, там продавались не книги (книг в те времена еще и в помине не было), а разного рода свитки, от маленьких, со стихами, до очень больших — как Алиса поняла, сборников законов. К тому же у входа в магазин на досках висели географические карты, картинки и даже картины. А на мраморном столе перед входом были разложены записные книжки — восковые таблички в деревянных рамках и острые палочки, чтобы записывать на воске. Интересный оказался магазин, и Алиса наверняка провела бы тут много времени. Да и хозяин магазина ей понравился. Это был большой пузатый человек с завитой рыжей бородой, в черной тюбетейке и засаленном на пузе зеленом халате. И понятно почему. Хозяин ел чебурек, с которого на халат капал жир.

— Простите, — сказала Алиса в полном изумлении, — как же вы такими жирными руками хватаете книжки?

Алиса сказала это нечаянно, она не хотела обидеть торговца. К тому же она уже поняла: с торговцами на рынке Сиракуз лучше не разговаривать, потому что при виде оборванки они сразу же хватаются за что-нибудь тяжелое.

Но книжный торговец даже не обиделся.

— Я никогда жирными руками не беру книг, — сказал он, — для этого, ребенок, у меня есть помощник.

Торговец сложил блестящие толстые губы в трубочку и свистнул.

Тут же из темной лавки выскочила рыжая обезьяна, ну точно такого же цвета, как борода торговца.

— Покажи клиенту новую комедию Аристофана, — сказал он.

Обезьянка посмотрела на Алису, показала ей язык и убежала внутрь магазина.

— Вот видишь, — сказал торговец. — Она уже научилась отличать покупателей от вредных зевак.

— А я вредная зевака? — спросила Алиса.

— Ты вредный мальчишка. И не очень образованный. Неужели ты до сих пор не знаешь, что слово «зевака» — мужского рода?

— В русском языке именно так, — согласилась Алиса. — А в тонкостях древнегреческого, да еще сиракузского, я еще не разбираюсь.

— Ох-хо-хо! — воскликнул торговец. — Клянусь моей мамой Емимой, что означает на нашем финикийском наречии «голубка светлая», я давно не видел такого наглого ребенка!

Он щелкнул пальцами два раза, и из темной лавки на задних лапах вышли два больших рыжих кота. Каждый держал в передних лапах по тарелке с чебуреками. Они поставили их на землю у ног торговца и так же гордо и медленно ушли.

— У нас в семье все рыжие, — сказал торговец книгами. — Бери и ешь чебуреки, их делает Эмиуд, отец Фалмая, и нет ему равных в землях финикийских! Ешь, не стесняйся,

ведь ты голодный, мальчонка, по глазам вижу. Кстати, как тебя зовут?

Алиса уже поняла, что торговец человек добрый, бить не будет, кричать не будет.

— Меня зовут Алисой, — призналась она. — И я, кстати, девочка. Я русская.

— В это трудно поверить, — сказал торговец, — но я всегда сначала верю человеку и жду, когда же он начнет врать. Начал врать — я ему верить перестаю, не начал — буду верить до конца жизни. Здравствуй, Алиса, но я тебе руки не подаю, она у меня жирная от чебурека. А зовут меня Иовом, в честь дедушки назвали. Большой был мученик. Тебе его имя ничего не говорит?

— Извините, нет.

— Я так и думал. Забываем великих людей, забываем. А ты ешь, ешь, потом мне расскажешь, откуда ты услышала про этрусков.

— Я не этруска, — улыбнулась Алиса. — Я русская.

— Русских не знаю. Этруски вон там, на севере живут. А где русские?

— В России, — сказала Алиса.

— Очень любопытное открытие. А где же Россия?

— А она далеко-далеко на севере, и можно сказать, что ее еще нет, ее еще не придумали.

Торговец вздохнул и кинул в рот целый чебурек.

— Боюсь, что скоро перестану тебе верить, — сказал он, проглотив чебурек.

— Жалко, — сказала Алиса. — Я говорила правду.

— Если ты такая правдивая, то скажи мне, что тебя привело в эти провинциальные, никому не нужные Сиракузы?

— А мне один мальчик сказал, что Сиракузы — это центр мира.

— Для человека, который не видел света, — наставительно сказал Иов, — даже кучка навоза может быть центром Вселенной. Проблема в точке зрения. И каждую точку зрения надо уважать.

Торговец вздохнул и опечалился, но Алиса не поняла, что он хотел сказать.

— Так почему ты здесь? — повторил он вопрос.

— Я ищу одного греческого философа. И думаю, что вы знаете, где его отыскать.

— Греческого? Философа? Ты, наверное, имеешь в виду знаменитого Платона?

— Ой, как хорошо! — обрадовалась Алиса. — Как вы быстро догадались!

— Мир образованных людей очень узок, — сказал Иов-младший. — И люди необразованные всегда подозревают образованных во всяких гадостях. Зачем, думают они, кому-то нужны науки и искусства? Что это за слово такое ругательное — «философия»? Например, знаешь ли ты, что недавно случилось в Афинах?

И Алиса сразу догадалась, что имеет в виду торговец. Ведь недавно в главном городе Древней Греции, в Афинах, суд приговорил к смерти самого великого ученого на свете — Сократа за то, что он подает плохой пример молодежи, учит их разным наукам и утверждает, что у человека есть бессмертная душа. Сократ был учителем Платона. Он сам выбрал себе смерть — выпил целую чашу яда цикуты.

Алиса все вспомнила и ответила:

— Недавно в Афинах умер Сократ. И даже через две или три тысячи лет люди будут помнить и чтить его память, а всех его убийц давным-давно забудут.

— Ох, какой ты умный ребенок! — закричал торговец книгами. — Вы только посмотрите на такого умного ребенка, да к тому же еще и девочку! И я всегда говорю: всех

мучителей забывают, хотя сегодня они думают, что у них есть власть! Это не настоящая власть! Это власть над нашими телами, но если ты гордый, то ни один негодяй, ни один бандит или угнетатель не сможет добраться до твоей души. Вот именно так!

И тут бедный Иов заплакал, снял свою тубетейку и стал вытирать слезы.

«Видно, у него тоже неладно сложилась жизнь», — подумала Алиса.

Немного успокоившись, торговец спросил Алису:

— Ты хочешь увидеть Платона?

— Да, — сказала Алиса. — Мне нужно отдать ему письмо от Эмпедокла из Карфагена.

— Боже мой! — воскликнул Иов. — Я знаю Эмпедокла, я встречал его здесь. Он афинянин, правда же, он афинянин и хозяин торгового судна?

— Наверное, — сказала Алиса, — но его письмо потерялось, а Платону его обязательно надо прочесть.

— И ты ради этого отправилась в путешествие из страны... как называется твоя страна?

— Моя страна будет называться Россией.

— Ах, какая отважная девочка! Я хотел бы, чтобы у меня была такая дочка! А то все мои дочки думают только о куклах и женихах, ты представляешь?

— Это ужасно! — согласилась Алиса.

— Еще чебуреков хочешь? — раздался голос из-под ног Алисы.

Там стоял один из рыжих котов.

— Нет, спасибо, — сказала Алиса. — Я сыта.

— Чудо! — воскликнул Иов. — Вы только посмотрите на этого бездельника! Вы когда-нибудь видели, чтобы он кому-нибудь предложил добавки чебуреков? Это же первый жадина на всем острове Сицилия!

— Для кого жадина, а для кого готов последнюю рубашку снять, — с достоинством ответил кот и ушел. А из дверей добавил: — Была бы девочка хорошая.

— Ты произвела неизгладимое впечатление на моих животных, — сказал Иов.

— А где мне отыскать Платона?

— Платон живет у своего друга Диона, — ответил торговец. — Он нередко заходит ко мне. Он путешествует по всему свету, чтобы не оставаться в Афинах, где убили его учителя Сократа. Вот и приехал сюда. А тут подружился с Дионом, они вместе занимаются науками, и у них есть один план, но я вам не скажу, и поймите меня правильно — не имею права!

По всему было видно, что рыжий толстяк готов лопнуть — так ему хочется выдать тайну. Но Алиса молчала, и тогда, не выдержав, торговец прошептал:

— Они хотят устроить здесь справедливое государство, в котором все люди будут равны, ты представляешь?

— Как же они намерены это сделать?

— Дион — племянник правителя, нашего тирана Дионисия Единственного. Они хотят уговорить его измениться, стать хорошим и добрым.

— А Дионисий?

— Кто их поймет, этих тиранов? По мне, так лучше с ними вообще не разговаривать. Сегодня он хочет справедливости, а завтра супа из акулы. Пока что ходят слухи, что Дионисий решил ввести в армии курсы доброты, запретить убивать овец и рабов, открыть школы и даже академию, заниматься гимнастикой и делать каждый день по доброму делу.

— Это очень интересно! — сказала Алиса. — Расскажите же мне, как пройти к Платону?

— Если пойдешь прямо, то упруешься во дворец Дионисия, но ты туда не ходи, а поверни направо в переулок и увидишь синюю калитку. Стучи в нее.

Глава восемнадцатая. Платон в беде

Алиса не успела попрощаться с добрым книжным торговцем, как услышала стук копыт по каменной мостовой.

К лавке подъехала колесница. Молодой человек, прекрасный и роскошно одетый, соскочил с нее и подбежал к торговцу.

— Иов! — кричал он, не обращая внимания на людей вокруг. — Случилась беда! Платона схватили!

— Что такое? — Торговец выбежал на улицу, за ним толпились его звери: рыжая обезьяна и два рыжих кота, с потолка свесилась рыжая летучая мышь, а на плечо торговцу села рыжая ворона. — Как это могло случиться? Он же гость!

Конечно, Алиса никуда не стала убегать, а вернулась к лавке Иова.

Молодой человек ее не заметил. Он взволнованно рассказывал:

— Учитель Платон согласился пойти со мной на встречу с царем. Да и мой дядя Дионисий не отказывался от встречи. Ему даже приятно было, что такой знаменитый ученый остановился в его городе. Ведь мог отправиться в Карфаген или Иудею. Мог выбрать страну этрусков или ассирийцев. Нет, он живет на Сицилии! А я сколько раз говорил: «Дядя, воспользуйся случаем, станешь знаменитым на весь мир! Ты построишь свое государство, как учит Платон! Даже черные эфиопы и люди из Индийского царства придут к тебе на поклон. Фараон египетский лопнет от зависти! Выслушай Платона и узнай, какой он великий человек».

— И ваш дядя, славный Дион, — спросил торговец книгами, — согласился с вами?

— Мой дядя Дионисий Единственный, честно говоря, сомневался. Он все хотел мне сказать, что никто на свете не знает, как управлять государством, лучше его самого.

— Так я и думал, — вздохнул Иов, — так я и полагал. Ну продолжайте, мой юный друг.

— Мы сегодня собрались во дворец. Я отвез Платона на лучшей колеснице, дядя приготовил легкое угощение, в тронном зале собрались все придворные, которые старались не пропустить ни слова из разговора.

— И придворные радовались тому, что теперь Дионисий будет создавать справедливое государство?

— Да вы с ума сошли, Иов! Придворные готовы были растерзать Платона. Как ты будешь воровать и грабить в справедливом государстве?

— Тонкое наблюдение, — сказал торговец.

— Платон стал говорить о том, что у каждого человека есть бессмертная душа, о том, что во всех вещах есть скрытая суть. Глазами всего не увидишь, надо уметь заглянуть в душу вещей и в душу событий. А настоящий царь должен создать государство, в котором не будет угнетения и где даже воины будут учиться только на благородных примерах. Там все станут честными... Я смотрел на моего дядю Дионисия, — продолжал молодой Дион, — и видел, что ему речь Платона с каждой минутой нравится все меньше. Но я и подумать не мог, что в конце концов царь взбесится. «Стой! — кричал он. — Ни слова больше! Я знаю, что ты грязный шпион республиканцев из Греции. Вы хотите у меня отнять власть! Да кому нужен добрый царь? Его тут же ограбят и выкинут на помойку! Я желаю избавиться от этого

Платона, пока бедняки и оборванцы не наслушались его вредных идей и не свергли меня с престола!» Ну тогда я понял: есть опасность, что Платона вышлют из Сиракуз, и отправится мой учитель путешествовать дальше и искать более доброго и справедливого царя. Но как я был не прав! Все обернулось куда хуже!

— Что же случилось? — воскликнул Иов.

— Дионисий приказал схватить Платона и продать его в рабство.

— Как так может быть? — Торговец книгами был потрясен. — Нельзя продать в рабство свободного гражданина Греции, который принадлежит к самому высокому роду Афин.

— Все можно, если ты сильный и бесстыжий. Дионисий отлично знает, что за Платона некому вступиться!

— И что дальше?

— Дальше? Дальше Платона связали и отправили на рынок рабов. Мой подлый дядя решил не терять времени даром. Он даже велел своим слугам не гнаться за высокой ценой, а продать его как самого обычного землепашца или галерного гребца.

— Ой! — вырвалось у Алисы. Ей стало так жалко великого ученого, что даже словами ее жалость не описать. — Неужели так можно обращаться с людьми?

— А это что еще за Демосфен? — спросил Дион.

Молодой человек с удивлением и презрением смотрел на оборванца, который посмел вмешаться в разговор благородных людей.

— Это ребенок Алиса из страны Россия, — сказал торговец книгами. — Она удивила меня своими познаниями и утверждает, что у нее есть послание к Платону из Карфагена.

— Боюсь, что не скоро наш друг и учитель прочтет это послание, — сказал Дион. — А может, и никогда! — Он всхлипнул и вытер набежавшую слезу.

— Тогда пойдите и купите Платона, — сказала Алиса. — Неужели у вас не найдется денег на одного раба?

— Убирайся, оборванка! — крикнул Дион.

Крикнул он это по-древнегречески, но Алиса поняла и не обиделась. Во-первых, он человек знатный, значит, отсталый и почти дикий, а во-вторых, он очень расстроен и беспокоится за Платона.

Алиса отступила на шаг, но конечно же не убежала. Она, как вы знаете, бывает очень упрямой, особенно если уверена, что права.

— Ребенок, — вздохнул Иов, — верно, ты права, когда советуешь почтенному Диону выкупить своего друга. Но Дион не богат, он сам живет на то, что ему подарит его дядя Дионисий. А представляешь себе, что будет, если дядя узнает, что сделал Дион?

— Он будет его уважать, — предположила Алиса.

— Он ему отрубит голову, — сказал сам Дион. — Не могу же я купить раба, которого продает мой дядя, на деньги, которые мне дядя и дает! Не могу!

— Тогда вы купите Платона! — сказала Алиса книготорговцу. — Разве вы не знаете, что Платон — самый великий мыслитель всех времен и народов? А вам стало жалко кучки монет. Да вас будут славить так же, как самого Платона! Уж я об этом позабочусь!

Дион и Иов засмеялись. Они уже не сердились на Алису — ну что сердиться на дурочку? И все же Иов сказал:

— У меня каждый медяк на счету... Семью надо кормить, налог надо платить, взятки надо давать и еще надо домой посылать, где у меня осталась старушка мама. Да я питаюсь

чечевичной похлебкой! Я недоедаю! Я вина не пью!

Алиса хотела было сказать, что видела, как коты кормят торговца чебуреками, но потом подумала: «Ну что я ему докажу? Он же сам верит, что такой бедный!» К тому же Алиса вдруг почувствовала взгляд и увидела, что оба рыжих кота смотрят на нее грозными желтыми глазами и скалятся, как злые собаки. Разве тут посмеешь обвинить их любимого хозяина?

— Но неужели у вас в городе нет богатых людей, которые любят Платона?

— Очень немного, — ответил торговец.

Дион схватился за голову ладонями.

— Что делать, что делать! — стонал он. — История нам этого не простит!

— И очень скоро, — сказала Алиса. — Завтра уже об этом будет знать вся Греция. Уж что-что, а афинский военный флот на вас сразу нападет.

Но эти Алисины слова никого не напугали.

— Ты плохо знаешь царей и политиков, — сказал торговец книгами. — Ни один из них и пальцем не пошевелит, чтобы помочь философу, который хочет, чтобы все люди были счастливы. Ведь цари и генералы хотят только сами быть счастливыми, иметь роскошные загородные дворцы, самые лучшие заграничные колесницы и много-много золота и рабов. Нет, не надейся, что Афины кинутся выручать Платона.

— Но может, и там найдутся какие-нибудь его ученики?

— Ученики бедные, а остальные жители Афин совсем не желают, чтобы новый Сократ учил их детей тому, что воровать и убивать плохо. Представляешь, ты много лет учил своего ребеночка воровать, грабить и обманывать... и вот нате!

Алисе, конечно, не хотелось верить в такое, тем более что она уже знала, что Платон останется живым и, вернее всего, возвратится в Афины, но, к сожалению, перед отъездом в Древнюю Грецию она забыла заглянуть в учебник истории и узнать, продали его в рабство или нет.

Тогда она сказала:

— Если вы не можете помочь своему другу, то я сама достану денег. Вы только скажите, сколько стоит Платон?

— Ох, много! — прошептал торговец. — Ой, как много! Всех овец твоего отца, если у него есть овцы, не хватит, чтобы расплатиться!

— Когда будет торговля? — спросила Алиса.

— Сегодня после обеда, — сказал Дион.

Молодой человек уже не кричал на Алису и не гнал ее.

— А где?

— Повыше, у дворца на площади Собраний. — Дион показал в сторону холма.

— Благодарю вас, — сказала Алиса. — До встречи на площади Собраний. — И она кинулась бежать.

Кто-то из торговцев не сообразил, в чем дело, и закричал:

— Держи вора!

Зеваки и бездельники, которых всегда хватает на восточном рынке, побежали с криками за ней, по дороге каждый что-нибудь украл, так что за Алисой неслись десятки преследователей.

Но Алиса, разумеется, всех обогнала, выбежала в городские ворота и понеслась по полю туда, где таилась машина времени.

По дороге ей попался пастушок. Он так и не надел ее комбинезона.
— Отдавай сейчас же мою тунику! — завопил он.
— С удовольствием, — ответила Алиса и на минуту задержалась, чтобы снова переодеться.

Глава девятнадцатая. Нужен клад!

Когда Алиса возвратилась в институт, там царил покой.
Ночь. Все спят. Никого нет.
Алиса пробежала на цыпочках к входу, где дежурил Сильвер Джонович.
Пират спал на диване, накрыв физиономию шляпой Наполеона. Попугай тоже спал. Он сидел на спинке дивана, спрятав голову под крыло, и даже похрапывал.
Алиса остановилась в нерешительности.
Куда бежать? Где доставать деньги? Наверное, все-таки быстрее всего попросить их у Сильвера. Уж у него-то всегда есть запасац.
К счастью, Сильвера будить не пришлось.
Старый пират еще не потерял ловкости.
Он неожиданно вскочил с дивана, нахлобучил шляпу на нос, и в руке у него оказалась широкая загнутая сабля. Он прыгал на одной ноге.
— Руки вверх! — закричал он. — Лицом к стене!
— Погодите, Сильвер Джонович, — сказала Алиса. — Своих друзей надо узнавать.
— Мои друзья спят без задних ног, — сообщил пират, — а не шастают ночью по секретному институту! Ты почему здесь?
— Забыли?
— Я ничего не забываю! — ответил пират. Он сел на диван и стал привинчивать деревянную ногу, которую на ночь снимал. — Но вспоминаю не сразу. Напомни-ка мне, где ты была.
— В Древней...
— Конечно же в Древней Басурмании, в Древней Индии и так далее. Могла бы там переночевать, лучше, чем пожилых людей будить на середине самого интересного сна в моей жизни. Как мне его теперь досмотреть?
— Сейчас ляжете и досмотрите, — сказала Алиса. — Только дайте мне немного золота.
— Немного чего?
— Понимаете, Платон попал в рабство, его продают... Мы обязаны его выкупить. Ради науки.
— Значит, твоего Платона продают, а я должен его покупать... Ну и дела!
Сильвер подошел к своему вахтерскому столу, уселся за него, достал из нижнего ящика недопитую бутылку рома и плеснул в серебряный пиратский стакан.
— Ваше здоровье, — сказал он.
Выпил, крякнул и спросил:
— И где же я отыщу золотишко?
— Где-нибудь, — сказала Алиса. — Неужели не накопили?
— Даже если и накопил, то держу в банке.
— Ах, в банке! — воскликнул попугай.
— Вот именно, в железной банке из-под чая, — сказал Сильвер. — Оно у меня все

учтенное. И его перемещать из нашего времени не положено.

— Почему? — спросила Алиса.

— Ну, это золото — как будто живое. И живет в нашем времени. Все знают, откуда оно пришло, где крутилось, куда легло...

— А что нам тогда делать? — расстроилась Алиса.

— Ума не приложу.

Алиса готова была расплакаться.

— Дело идет о жизни и смерти великого ученого!

— Да хоть и невеликого, — ответил пират. — Не положено, и все тут!

Сильвер сам расстроился, плеснул себе еще рому, выпил, но ничего не придумал.

Наконец он произнес:

— Вот если бы нам с тобой это золото из земли выкопать или клад найти...

Неуточный, неизвестный. Да где его найдешь?

— Мне сегодня нужно, — сказала Алиса.

— Понимаю.

Попугай слетел на стол, покачал головой и сказал:

— Есть клад, только неизвестного содержания.

— Где?

— В шляпе, — сказал попугай. — Дело в шляпе. В той, что на голове у Сильвера нахлобучена. Там же на подкладке план Наполеоном нарисован!

— И что же? — спросила Алиса. Она даже не сразу вспомнила, что случилось так недавно. Она думала только о горькой судьбе Платона.

— А что? — сказал Сильвер. — Может быть, у нас клад на носу, а мы сидим тут чай распиваем.

Он нажал кнопку на своем столе и спросил:

— Компьютер, ты не спишь?

— Не говорите глупостей, Сильвер Джонович, — ответил компьютер. — Как я могу спать?

— Это точно, — согласился пират. — Где такому подушку найдешь?

Компьютер фыркнул от гнева. Потом спросил:

— Спрашивайте, отвечаем.

— Тебе вчера вечером Грузик приносил схему? — спросила Алиса. — План какой-то местности, с речкой, озером и горюшкой?

— Разумеется, приносил и просил от твоего имени отыскать, где это место находится на самом деле.

— И ты отыскал? — спросила Алиса.

— Это невысказано, — ответил компьютер. — По такому наивному детскому рисунку никто не способен что-нибудь найти.

— Как жалко! — сказала Алиса. — А нам очень нужен какой-нибудь клад.

— погоди ты! — рассердился компьютер, хотя, как все знают, компьютеры не умеют сердиться. Они только подражают людям. — погоди ты! — повторил компьютер. — Никто не способен, но ведь я гениальный компьютер. И я отыскал три места на Земле, где таким вот образом течет речка, впадает в озеро, а рядом горюшка.

— Где же они?

— Одно находится в Бразилии, в заповеднике обезьян. В густых джунглях.

— Наполеон там никогда не был, — сказала Алиса.

— Тогда есть второй вариант, — предложил компьютер. — Такое место расположено в Индии в верховьях реки Брамипутры...

— Нет! — сказала Алиса. — Наполеону нечего делать в верховьях реки Брамипутры.

— Тогда остается последнее место. Это речка Варавка недалеко от города Смоленска. Она впадает в озеро Глубокое возле горушки Зверушка.

— Правильно! — закричала Алиса. — Там проходил Наполеон, когда бежал со своей армией из Москвы. Компьютер, наложи, пожалуйста, нашу схему на карту.

— Слушаюсь и повинуюсь, — сказал компьютер.

Тут же на стене загорелся белый квадрат. На нем возникла местность, как ее видно со спутника. Показалась речка, изогнувшаяся дугой, длинное, как запятая, озеро и горка, поросшая лесом, только из космоса не было видно, елки это или сосны.

Затем невидимая рука наложила на эту картинку рисунок, который сделала Алиса, — нарисованная речка легла на настоящую речку Варавка, озеро — на озеро Глубокое, а горушка Зверушка попала под кружок, обведенный черным карандашом.

— Вот здорово! — сказала Алиса. — А что ты еще знаешь про это место?

— Тут в самом деле проходили войска Наполеона, — ответил компьютер. — Было очень холодно, стояла ранняя зима, французы замерзали, а русские гусары, казаки и партизаны нападали на них из леса. Французы уже жалели, что напали на Россию, и мечтали только об одном — скорей бы добраться до своей теплой Франции, где и снега-то толком не бывает. Неподалеку...

Изображение на стене сместилось, и стали видны крыши каких-то строений.

— Неподалеку, — сказал компьютер, — была деревня Новостройки, в которой, как рассказывали старики, Наполеон провел два дня. Он ожидал, пока подойдут из Москвы обозы. Но что случилось потом, никто не знает — обозы то ли подошли, то ли не дошли. Наполеон сел в кибитку и поехал дальше. Когда-то, лет сто назад, в этих местах целая экспедиция искала следы клада Наполеона, но не нашла.

— А что было в кладе? — спросил Сильвер.

— Разве мы знаем? — удивился компьютер. — Вернее всего, сокровища, которые Наполеон наградил в Москве. Всем известно, что он велел погрузить ценности в закрытые кареты, они выехали из Москвы, но до Франции не доехали и пропали.

Глава двадцатая. Сокровища в озере

Два флаера за несколько минут одолели расстояние от Москвы до горушки Зверушка у реки Варавка.

Внизу лежал такой глубокий снег, что даже медведи пробивались сквозь него с трудом, а уж зайцы проваливались целиком, только уши торчали. Тут к зайцу можно было подойти совсем близко, схватить за уши и вытащить наружу. Он даже не сообразит, кто же его поймал.

В ту зиму малышам не было большего удовольствия, чем лепить снеговиков. Во всей Москве морковка пропала — пошла на носы снежным толстякам.

Алиса смотрела вниз и любовалась синим под луной снегом, черными елями и редкими огоньками деревень или гостиниц.

И вдруг...

— Сильвер, ты видишь? — воскликнула Алиса.

— Вижу и удивляюсь, — ответил старый пират.

И на самом деле было чему удивиться.

Снег внизу исчез. Как будто флаеры пронзили невидимую стенку и попали совсем в другое время года.

Алиса снизилась и поняла, что летит над зеленой летней поляной, окруженной березами. Листва берез шумела под ветром.

Алиса обернулась. Сзади еще можно было разглядеть снежное поле.

— Это чудо и сказка, — произнес пират.

Но Алиса знала, что сказок и чудес не бывает. Вернее, они бывают, но им всегда можно отыскать разумное научное объяснение.

Поэтому Алиса нажала на пульте кнопку «ИНФОРМАЦИЯ».

Нежный голос произнес:

— В чем проблема, пассажир?

— Скажите, — попросила Алиса, — а почему здесь не зима, а лето?

— Внизу расположен детский сад для слабеньких детей, — ответил нежный голос. — Ведь даже в наши времена бывают слабенькие дети, особенно на отсталых планетах. Они должны жить в тепле и греться на солнышке. Поэтому для них выбрали отдаленное лесное место на берегу речки и озера. Построили им домики с большими открытыми верандами, где детишки спят. А весь этот лес окружен силовым полем, так что холода и снег ударяются о невидимую стену гигантского купола, но не могут проникнуть внутрь.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Теперь мне все ясно.

— Можно я еще кое-что скажу? — спросил нежный голос.

— Говорите.

— Вы намерены опускаться возле детского садика?

— Разумеется, — ответила Алиса.

— Тогда, пожалуйста, не шумите и не говорите громко. Дети уже спят и могут испугаться.

— Мы обещаем, обещаем! — закричал попугай. — Я за ними буду следить! Я очень люблю маленьких детей!

— Это кто такой? Кто говорит? Кто так громко кричит?

— Это всего-навсего птичка! — Алиса постаралась успокоить перепугавшееся справочное бюро. — Просто у нее громкий голос, потому что птичка провела молодость на пиратских кораблях.

— Ах, какой ужас! — прошептало справочное бюро и отключилось.

— Ну вот, — вздохнула Алиса. — Ты совершенно невоспитанная птица!

— А ты чего от меня хотела? — удивился попугай. — Я же в гимназиях не обучался.

Мы — пэтэушники.

— Кто?

— Птички тихие и умные. ПТУ.

— Снижаемся, — сказала Алиса. — И попрошу не шуметь.

— Есть не шуметь! — отозвался пират Сильвер.

— Есть шуметь поменьше, — сказал попугай.

Грозно шумел лес на горюшке, по речке неслась рябь, плескала рыба, редко, но грозно квакали лягушки и урчали жабы.

Флаеры опустились на берегу озера.

На минуту из-за облаков показалась луна и высветила дорожку на воде. Озеро было невелико, оно упиралось в дремучий лес.

Но с этой стороны вдоль озера тянулся причал, возле которого под ветром покачивались лодочки, а выше по берегу в ряд стояли домики.

— Где крестик? — спросила Алиса.

Грузик посветил фонариком, а Алиса заглянула в шляпу Наполеона.

— Все ясно, — сказала Алиса.

— Все ясно, — подтвердил Сильвер.

Оба показали на точку в озере недалеко от берега.

— Надо нырять, — сказал Алиса. — Хорошо, что льда нет.

Она посмотрела на Сильвера.

Пират посмотрел на Алису, потом на озеро, а потом спросил:

— Здесь глубоко, да?

Голос у знаменитого пирата был хриплым и несмелым.

— Уж, наверное, глубоко, — сказала Алиса. — А то бы сокровища давно нашли.

— Недаром озеро зовется Глубоким, — вмешался попугай. — Я бы сам нырнул, да перья не позволяют.

Пират поежился и сказал:

— Прости, Алиса, но я родился в такие древние времена, когда никто не учил детей плавать.

— Но ведь ты был пиратом!

— У нас на корабле шлюпки были, — сказал Сильвер. — А у меня еще и деревянная нога. Я три раза спасался после кораблекрушения. Возьмусь за свою деревянную ногу и плыву себе по воле волн.

— Ладно, — не стала спорить Алиса. — Давай я сама нырну.

— Правильно, — обрадовался Сильвер, — если умеешь плавать, тебе ничего не страшно.

— Но она может простудиться, — сказал компьютер голосом Грузика. Он ведь следил за тем, что происходило на берегу озера.

Алиса подошла к берегу, разулась и потрогала воду кончиками пальцев.

— Не страшно, — сказала она. — Вода прохладная, но не холодная. Я и в более холодной купалась.

— И все же не исключена опасность простуды, — сказал компьютер противным голосом.

— А сам ты не простудишься? — спросила Алиса.

— Я не ржавею, — сказал Грузик.

— Компьютер, — спросила Алиса, — твои датчики установлены на тележке?

— Я все вижу, что видит тележка, и даже больше.

— Тогда пошли! — скомандовала Алиса.

Она первой вошла в воду. И сразу поскользнулась и ухнула в глубину — так резко вниз шел берег.

Алиса проплыла несколько метров под водой, вынырнула и поплыла дальше.

Рядом забурилась вода. Показался кончик металлического щупальца тележки.

— Нахожусь на дне, — сообщил кончик щупальца. — Через два метра центр крестика.

— Он может быть поставлен не точно на месте клада, — сказала Алиса. — А приблизительно.

— Не маленький, — обиделся компьютер, — кое-что понимаю.

Алиса снова нырнула, но под водой почти ничего не смогла увидеть.

К тому же вода замутилась.

Когда Алиса вынырнула, чтобы вдохнуть воздуха, сверху спустился попугай. В клюве он держал маленький фонарик.

— Спасибо, — сказала Алиса и снова нырнула.

На этот раз она увидела, что Грузик бредет по дну озера, погружившись в тину.

Алиса проплыла еще немного вперед. Там поднимались какие-то бугры.

Она направила на них луч фонарика — рыбки кинулись врассыпную.

— Включаю локаторы! — сказал компьютер, и его голос был слышен в воде.

Робот-тележка послушно подобрался к холмикам и начал разгрести тину.

— Вижу ящики, — сказал компьютер, — сундуки, коробки, бочки, шкатулки и прочие хранилища вещей. Вернее всего, предположение о том, что это сокровища, которые французы вывезли из Москвы, но зимой в лютые морозы кинули в озеро, оказалось правильным.

Алиса вынырнула и спросила:

— Компьютер, ты можешь определить, что лежит в ящиках?

— К сожалению, не сразу. Мне удобнее вытащить их на берег. Кстати, их все равно придется вытаскивать, иначе нас никто не поймет.

Алиса согласилась с компьютером и вернулась на берег, а робот Грузик занялся работой.

Он забирался в тину, хватал щупальцами ящик или сундук и тащил его на берег. А там уж пират Сильвер, попугай и Алиса осматривали ящик и заглядывали в него.

Разумеется, по всем правилам археологии так делать нельзя.

Потому что подводные и подземные сокровища вынимают специальными машинами, чтобы чего-нибудь не повредить, потом сушат, моют, наклеивают на них этикетки, реставрируют, ремонтируют и отправляют в музей.

Но в компании, залезшей ночью в озеро Глубокое рядом с горушкой Зверушка, главной была девочка Алиса, которая думала только об одном — как ей отыскать золото или драгоценности, чтобы купить на древнем рынке в городе Сиракузы великого философа Платона, имевшего неосторожность уговорить местного тирана переделать свое государство из несправедливого в справедливое. Вот его и продают в рабство. И помочь ему сможет только Алиса.

— Где здесь драгоценности? — спросила Алиса.

Грузик все еще трудился, вытаскивая из озера ящики и бочки. Сильвер пытался их открыть, а компьютер, который все видел, шумел, что археологи не имеют права вскрывать гробницу Тутанхамона, пока им не разрешат.

— Эхма! — воскликнул Сильвер, достав свой клинок, подцепил им крышку одного из ящиков и рванул.

Раздался оглушительный треск.

Стаи ворон с криком поднялись над темным лесом, забурлила вода — это кинулись врассыпную щуки и сомы, зажглись огни в домиках детского садика, заплакали дети, и дежурные роботы принялись их одевать, чтобы вывести из зоны бедствия.

— Осторожнее, коллега! — крикнул попугай. — Они арестуют тебя прежде, чем ты добудешь сокровища!

— Нет, ты только посмотри! — Сильвер вытаскивал из сундука кое-как пересыпанные опилками и переложённые соломой кубки, тарелки, серебряные кастрюли, позолоченные самовары, чайные и столовые ложки, ножи для фруктов, для мяса, для рыбы и для зубров...

Все внимание были приковано к пирату, так что Алиса быстро осмотрела добро, выставленное на берегу, и подобрала с травы шкатулку черного дерева.

Она попыталась открыть ее, но ключика у нее не было, а так замок не открывался.

— Грузик, — попросила Алиса, — протяни мне одну ручку и открой замок.

Грузик метнул в сторону Алисы стальное щупальце и его кончиком осторожно потрогал замок. Замок заскрипел тонким голоском, щелкнул, и крышка шкатулки открылась.

Внутри были солома и тряпочки.

Алиса поставила открытую шкатулку на траву, присела возле нее на корточки и вытащила твердую штучку, завернутую в тряпку.

И эта штучка оказалась самым обыкновенным драгоценным камнем, может быть, алмазом, а может, изумрудом, но главное — камень легонько светился, отражая лунный свет.

Алиса расстелила на траве тряпку и положила на нее камень, затем достала из шкатулки жемчужное ожерелье, сразу десяток золотых колец и маленькую корону, которая называется диадемой. Диадема была усыпана бриллиантами.

Теперь, пока не опомнились, надо было решить, что взять с собой в древние Сиракузы, чтобы расплатиться за Платона.

Только не надо думать, что Алиса не понимала, как плохо себя ведет. Конечно же все эти драгоценности надо срочно сдать в музей. Их ценность не в деньгах, которые они стоили, а в искусстве, вложенном в них мастерами.

Но Алиса решила: пускай она будет виновата. Потом разберемся. Но будет куда хуже, если великого древнего ученого продадут в рабство и он погибнет, так и не написав своих знаменитых книг.

Диадему Алиса брать не стала. И понятно почему: она слишком уж необычная, ее сразу угадают — не было таких диадем в Древнем мире!

Надо взять что-нибудь попроще.

Наверное, вот эту связку золотых перстней. Хорошо бы еще узнать, сколько они стоят, но, пожалуй, об этом легче узнать там, в древности.

Алиса спрятала кольца в кармашек шортов и аккуратно сложила драгоценности обратно в шкатулку.

И вовремя.

Над озером уже кружили флаеры милиции. Из детского сада в милицию позвонили и сказали, что какие-то преступники вытаскивают клад из озера Глубокое. А ведь в детском саду самый маленький малыш и тот знал, что именно в этом озере утоплен клад Наполеона.

Так что Алиса побежала в лес, а Сильвер стал объясняться с властями.

Алиса рассчитывала на то, что ее сразу не хватятся. К тому же милиция всегда подозревает в первую очередь пиратов, а уж в последнюю — маленьких девочек.

Алиса помнила путь по лесу к дороге. Главное было — не налететь на сучок и не споткнуться о торчащий корень.

К счастью, до дороги было недалеко, а уж по дороге Алиса припустила во всю прыть. А когда увидела вдалеке огни какого-то грузовичка на воздушной подушке, замахала руками.

Грузовичок остановился. На его кузове была нарисована корова.

Пожилый мужчина выглянул из кабины и спросил:

— Что делает в лесу одинокая девочка голого вида? Неужели твоих родителей сожрали волки?

— Шутки в сторону! — ответила Алиса. — Я выполняла задание по зоологии и наблюдала, как енот роет нору. Но не заметила, что наступила ночь.

— Увлеченная, значит? — спросил молочник. Потому что грузовичок оказался молоковозом. — Хочешь ученой стать?

— Не очень, — схитрила Алиса. — Я бы предпочла стать шофером, как вы.

— Тогда садись, — сказал водитель, и они скоро домчались до города. В пути водитель рассказал Алисе, что сам он хотел петь в Большом театре, да интриганы и завистники его обошли и не допустили. И сейчас он возит молоко, вот уже сорок лет возит, но пением все равно занимается. В будущем году готов снова поступать в певцы. Только некому доверить любимый молоковоз. И если бы его новая знакомая девочка согласилась учиться на водителя, все его проблемы были бы решены.

Алиса согласилась, соскочила с машины у стоянки флаеров и через пять минут прилетела к Институту времени. Даже замерзнуть не успела.

Глава двадцать первая. Красивый раб

В институте Алиса не пожалела десяти минут, забежала в костюмерную и вышла оттуда в греческих сандалиях, шелковой тунике до самой земли с перевязанным лентой черным париком — длинные волосы парика падали на спину, и от этого Алиса казалась старше своих лет.

Потом она кинулась к машине времени и уже вскочила на платформу, как раздался голос:

— А я сообщу, чем ты занимаешься по ночам!

Алиса оглянулась.

В круглом белом зале никого не было.

— Я бы на твоём месте шел домой!

И тут Алиса узнала голос компьютера.

Нет, эта машина слишком много на себя берет!

Но Алиса не стала спорить с компьютером. Он кого угодно переспорит. Она набрала код Сиракуз — хорошо еще, что не нужно просить компьютер вычислять, куда ей лететь — все уже было вычислено при прошлом перелете.

Вокруг закрубилось время, искрами пролетели годы, молниями — столетия. И вот она снова в пещере возле Сиракуз, где укрыта промежуточная машина времени.

Подобрав тунику, Алиса бросилась бежать к древнему городу.

Она очень боялась, что Платона уже продали.

В Москве была зимняя полночь, а здесь разгар жаркого дня. Жужжали оводы, мирно паслись овцы. Пастушонок, увидев Алису, не узнал ее из-за парика и туники, замахал палкой и закричал вслед что-то обидное. Это был плохо воспитанный мальчик.

Ворота города были открыты.

Алиса перешла на шаг. Она запыхалась и вспотела. Спасение Платона оказалось очень сложным делом.

Вот и рынок.

Первым делом Алиса добежала до книжной лавки Иова. Тот сидел на каменной скамье, отодвинув в сторону свитки, и жрал пирог. Перед ним стояла рыжая обезьяна и держала в лапах еще кусок пирога. Пирог был жирный, масло капало на землю, рыжие коты сидели под пирогом, разинув рты, чтобы ухватить эти капли на лету.

— Что с Платоном? — спросила Алиса, подбежав к торговцу.

— Беда, — ответил тот, не прекращая есть, — продают, живьем продают. Солнце нашей философии закатилось!

— И никто его не купил?

— Я хотел бы... нет, я не выдержал бы такого зрелища! И к тому же мне товар не с кем оставить. Растащат!

— Куда мне бежать?

— Ой, ой, ой! — закричал книжный торговец. — Так это ты, бедный ребенок? Когда же ты успела так переодеться? Я тебя совсем не узнал. И волосы другого цвета... Только глаза... те же самые глаза.

— В какую сторону мне бежать? — спросила Алиса.

— Прямо, совсем прямо, немного в горку, и ты не промахнешься. Только на обратном пути обязательно сообщи мне, кто купил! Это так важно! Я буду искать помощи...

— Я его куплю, — сказала Алиса.

— О нет, тебе это не по карману!

— Скажите, пожалуйста, — попросила Алиса, — сколько стоит это кольцо?

Она тайком отцепила один из перстней и протянула торговцу.

— Ах, какая красота! — воскликнул торговец, но потом печально сказал: — Ну откуда же мне, бедному книжнику, знать, сколько стоят такие кольца! Может, три драхмы, может, пять драхм...

— Только, пожалуйста, скажите правду. Я же хочу освободить Платона.

— Стыд на мою рыжую голову! — закричал Иов. — Пусть меня накажет бог! Моя жадность чуть было не заставила меня солгать! Я скажу правду! Этот перстень стоит по меньшей мере двадцать драхм. И я тебе их дам! Хоть сейчас.

Алиса подумала, что, если торговец и решил немного заработать, ей некогда осуждать его. У нее еще осталось десять таких колец.

Она протянула перстень торговцу, но в этот момент на нее упала тень.

— Что ты здесь делаешь? — спросил знакомый голос. Это был молодой Дион, племянник тирана Дионисия Единственного, из-за которого Платон и пострадал.

— Даю денежек девочке, чтобы она пошла на рынок.

— Зачем?

— На рынок рабов.

— Я и пришел за этим, — сказал Дион. — Я смог занять пятьсот драхм. Мне нужна еще тысяча, чтобы участвовать в торге. Дай мне их взаймы.

— Но у меня нет ни медяка!

— А что ты собирался дать девочке?

— Все, что у меня есть, абсолютно все.

— Давай сюда! — Дион забрал двадцать драхм.

— А что ты ему оставила в залог? — спросил Дион. — Я же знаю, он так просто с деньгами не расстанется!

— Вот этот перстень, — призналась Алиса.

— Он уже мой! — закричал книжный торговец. — Я за него заплатил двадцать драхм.

— Я не торговец, — сказал Дион, разглядывая перстень, — но знаю, что стоит он впятеро дороже. Возьми, Иов, обратно свои деньги. А мы с девочкой пойдем на рынок.

— Я не хотел! — закричал им вслед торговец.

И тут же они услышали его ужасный крик. Как будто в живот ему вонзили тупой кинжал.

Алиса с Дионом обернулись и увидели, что от лавки следом за ними бежит обезьяна и несет в руке кожаный мешок, а за ней два кота с мешочками поменьше.

Обезьяна протянула мешок.

Его не пришлось развязывать, чтобы понять — он полон денег. И не надо развязывать маленькие мешочки — в них было золото и драгоценные камни.

— Спасибо, зверюшки! — сказал Дион.

— Несите деньги назад, — сказала Алиса. — Мы обойдемся без помощи вашего жадного друга!

Торговец уже догнал своих четвероногих слуг и выдирает из их когтей и пальчиков свое добро. На Диона и Алису он даже не смотрел.

Дион с Алисой рассмеялись и поспешили дальше, к центральной площади, где находились два помоста.

На одном, высоком, сидели в креслах роскошно одетые вельможи.

В центре — нетрудно догадаться! — сам царь Дионисий Единственный.

На другом помосте было пусто — с него как раз сводили нескольких негров, связанных одной цепью.

— Успели, — сказал Дион.

Они с Алисой протолкнулись вперед.

Тем временем на помост вывели человека со связанными сзади руками.

Это был очень высокий и широкоплечий молодой человек с короткой бородой, удивительно красивый и благородный. Почти живой бог.

— Вот и Платон, — сказал Дион.

— Не может быть! — откликнулась Алиса. — Он же старый и мудрый философ!

— Может, через несколько десятков лет он и станет старым и мудрым, — улыбнулся Дион, — но пока что он молодой.

Дион поднял руку, приветствуя Платона.

Платон был одет в рваную тунику, голова его была непокрыта.

Он увидел Диона и поклонился ему.

Но не улыбнулся. Он оставался печальным.

Толстый распорядитель торгов с курчавой головой сверкнул браслетами, зазвенел ими и воскликнул:

— Продается молодой и сильный раб из Греции! Победитель Олимпиады по борьбе, здоровый, умный, но не в этом дело!

На этих словах царь Дионисий и его свита принялись хохотать. У них слово «умный» вызывало припадок веселья.

— Можно использовать на галерах, в рудниках и даже кататься на нем верхом.

Тут царь и придворные просто покатались от хохота.

— Первоначальная цена за этого осла невелика! Десять драхм. Кто больше?

Тут же поднялась рука.

— Сто драхм! — послышался хриплый голос.

Алиса хотела было вмешаться в спор, но Дион остановил ее.

— Рано! — сказал он.

— Сто пятьдесят драхм! — закричал темнокожий старик с бритой головой.

— Это хозяин торговых кораблей, — сказал Дион, — ему нужны гребцы. Он даже не знает, кто такой Платон.

— А вдруг он купит? — спросила Алиса.

— И не надейся, — сказал Дион. — Появятся другие конкуренты.

— Сто пятьдесят драхм — раз! — закричал распорядитель. — Мизерная цена за такого раба. Сто пятьдесят драхм — два!

— Двести драхм! — не выдержала Алиса.

— Двести драхм молодая госпожа! — закричал распорядитель. — Двести драхм неизвестная молодая госпожа, которой нужен дружок!

— Я его убью! — сказала Алиса.

— Успеешь, — успокоил ее Дион. — И зря ты поспешила, теперь они нас заметили и будут следить. Нам будет труднее.

А цена на Платона все поднималась. Теперь уже торговались настоящие богачи. Дион объяснил Алисе, что каждый из них хочет обзавестись таким рабом — хозяин Платона может на весь мир прославиться. Они это понимают.

Когда цена поднялась до тысячи драхм, Дион тоже вмешался в борьбу.

Но тут же нашелся соперник, который предложил тысячу двести драхм.

— Сколько у тебя таких перстней? — спросил Дион.

— Десять.

— Ой, как плохо! Еще немного, и нам придется отступить. И попадет наш Платон в лапы толстому негодяю!

— Ах, какой красивый раб! — послышался пронзительный голос.

На крытых носилках, которые несли четыре раба, на площадь въехала толстая дамочка, разукрашенная браслетами, как тигрица полосами. Она откинула полог носилок и продолжала:

— Он будет у меня виночерпием. Я его украшу и завью, я буду играть с ним в прятки!

— О боги! — воскликнул Платон. — Избавьте меня от этого! Лучше галеры!

— Две тысячи драхм! — крикнула толстуха, и ее браслеты зазвенели на всю Сицилию.

— Что делать? — воскликнул Дион. — У нас может не хватить денег.

«Какая я глупая! — подумала Алиса. — Я же могла взять у Наполеона еще драгоценностей!»

И вдруг ее кто-то дернул за край туники.

Алиса обернулась и увидела, что рядом стоит рыжая обезьяна торговца книгами и протягивает ей мешочек. Алиса взяла его. Мешочек был тяжелый.

— Здесь драхмы, — сказала обезьянка.

— Ты опять их украла? — спросила Алиса.

— Не обращай внимания! — ответила обезьянка. — У нас еще осталось.

Сзади тяжело дышал толстый торговец книгами.

— Если это ваши деньги, — сказала Алиса, — то вы не бойтесь, мы их не тронем.

Но Дион уже протянул руку к Алисе, взял кошелек и спросил Иова:

— Здесь сколько?

Вместо того чтобы закричать, потребовать свои деньги назад, Иов сказал:

— Здесь три тысячи драхм. И простите, что я пожадничал. Мои звери оказались лучше меня.

— Раз — две тысячи драхм! — кричал распорядитель. — Два — две тысячи драхм... Кто больше? Три...

— Три тысячи! — воскликнул Дион.

— Четыре! — закричала раскрашенная тетка.

Платон закрыл руками глаза. Он так боялся, что у его друзей не хватит денег.

Тетка зазвенела браслетами и закричала:

— Он мой, мой, мой!

— Ну что ты? — Алиса обернулась к Диону.

— Я сам скажу, — тихо произнес Иов, — я ведь торговец и знаю, как торговаться!

И раньше, чем распорядитель успел опустить молоток, он произнес:

— Четыре тысячи и одна драхма!

— Ах! — воскликнула тетка в браслетах и упала с носилок в обморок.

— Как вы догадались? — удивилась Алиса.

— Что переполняет чашу? — ответил вопросом на вопрос Иов.

— Капля.

— А что ломает спину верблюда?

— Соломинка, — сказала рыжая обезьяна.

— Вот именно, — согласился Иов и обернулся к распорядителю торгов. — Пожалуйста, заверните мне товар.

— Сначала деньги, а потом Платоны, — резонно заметил распорядитель.

Иов собрал нужные деньги и понес на помост.

Когда царь Дионисий Единственный увидел, что произошло, когда он увидел, как Платону развязывают руки и юный Дион обнимает его, он со злости покинул площадь, убежал во дворец и хлопнул дверью.

Все вместе они прошли в лавку торговца книгами. Там Дион познакомил Алису с Платоном и сказал, что эта девочка сделала все, чтобы его спасти. Платон страшно удивился.

Он пил виноградный сок, гладил рыжего кота и понемногу приходил в себя.

— Почему? — спросил он. — Почему ты, Алиса, так много сделала для меня? Мы же не родственники и даже не земляки. Ты откуда родом?

— Я уже говорила Диону, — сказала Алиса, — и торговцу Иову, что я приехала к вам из России. Это большая страна на севере.

— Знаю, — сказал Платон. — Там край гипербореев, где царит вечная ночь и мороз. Там вода всегда ледяная, озера и реки замерзли, а на полях лежит снег.

— Что такое снег? — спросил Дион, который никогда не видел снега в Сиракузах.

— От холода дождь превращается в белые хлопья, — объяснил Платон.

— Все это не совсем так, — осторожно поправила Алиса.

— Вижу, что не так, — сказал Платон, — поэтому мне хочется с тобой поговорить. Ты совершенно не производишь впечатления снежного человека. Так что же заставило тебя мне

помочь?

— Дело в том... — начала Алиса. И замолкла. Она знала, что нельзя нарушать главное правило путешественников во времени. Нельзя в прошлом рассказывать о будущем.

Поэтому пришлось сказать неправду.

Вернее, полуправду.

— В России, — сказала Алиса, — вы очень известный философ. Вас много читают и даже в университете преподают вашу философию.

— Не может быть! — воскликнул Платон. Он был очень доволен.

— Когда я узнала, что вас продают в рабство за то, что вы хотите людям добра, я решила помочь и принесла некоторые драгоценности.

— И они не понадобились, — сказал торговец Иов. — У нас и без них хватило денег.

Алиса очень удивилась. И даже немного расстроилась.

— Значит, мои деньги не нужны?

— Если бы твоих колец не было в самом начале, наш друг Платон уже был бы рабом на галере, — сказал Дион.

— Да, — вздохнул книжный торговец. — Я очень виноват. Сначала я пожадничал.

— Хорошо, друзья! Все кончилось. Теперь я ваш раб. И твой раб, девочка из России.

Все рассмеялись, а Дион добавил:

— Алиса, ты теперь можешь взять Платона, отвезти в Россию, и он станет гребцом на твоей галере.

— Ели бы Платон согласился приехать в Россию... — начала Алиса и спохватилась. Ну какая Россия за пятьсот лет до нашей эры? Ведь даже нашей эры еще и в помине нет.

— Нет, — сказала Алиса вслух. — Конечно, я вам очень благодарна за то, что вы теперь мой раб, но лучше оставайтесь здесь. В России вы и в самом деле замерзнете.

Дион сказал:

— Хорошо, что все хорошо кончилось, но, мой учитель, я должен вас предупредить, Дионисий Единственный — человек достаточно подлый. Он очень переживает, что вас купили друзья и его наказание пропало впустую.

— Нет, не впустую, — сказал торговец книгами. — Он же все наши денежки заграбастал. Все, что я заработал таким тяжелым трудом!

— Оставьте себе мои перстни, — предложила Алиса. — Их все равно Наполеон утопил.

— Нет, честный финикиец у женщин денег не берет! — возмутился Иов.

— Поехали в мое имение, — сказал Дион. — И если хочешь, девочка из России, мы тебя тоже возьмем.

— Ой, нет! — спохватилась Алиса. — Мне же пора домой возвращаться. Я только хотела вам письмо отдать.

— Какое письмо?

— Из Карфагена, от вашего друга Эмпедокла. Он не сумел это сделать вовремя и попросил моих друзей. — Алиса достала свиток и протянула Платону.

Он развернул свиток и быстро пробежал его глазами. Затем стал рассматривать послание из Атлантиды.

— Удивительно, — произнес он. — Я не был уверен, существует ли Атлантида или ее на самом деле не было, а это простая выдумка жрецов.

— Учитель, — повторил Дион, — нам пора бежать!

Они попрощались с толстым Иовом, который уже принялся за очередной чебурек.

Алиса пожалала лапы обоим котам.

Потом они быстро прошли к городским воротам. Некоторые прохожие узнавали Платона и радовались.

— Как приятно, что вас купили хорошие люди, — говорили они.

Платон тоже кланялся и благодарил.

— Никогда не думала, что вы молодой, — сказала Алиса.

— Я еще стану старым, — ответил Платон. — Это происходит со всеми.

За воротами их ждала колесница Диона. Рядом стоял возничий с кнутом.

— Я буду за возничего, — сказал Дион. — А ты, возничий, дойдешь до моей виллы пешком.

Платон спросил:

— А куда подвезти тебя, девочка? Ты поедешь с нами?

— Нет, — сказала Алиса. — Я сойду вон у тех холмов.

— Чем я могу тебя отблагодарить? — спросил Платон.

— Ничем, — ответила Алиса. — Мне было важно узнать ваше мнение об Атлантиде.

— Судя по всему, — сказал Платон, — она на самом деле утонула. И много сотен лет назад.

— А вы можете прочесть это послание?

— Я буду стараться. Ведь у меня дома, в Греции, остались еще кое-какие документы...

— А ну, быстро в колесницу! — закричал Дион. — За нами погоня!

Платон и Алиса вскарабкались в колесницу, Дион подхватил из рук возничего поводья, и лошади с трудом сдвинули колесницу с места. Алиса стояла перед Платоном, и философ держал ее за плечи, чтобы не упала.

Из города выскочили всадники. С криками они помчались за колесницей.

Колесница проезжала мимо холмов, где таилась кабина времени.

— Здесь! — крикнула Алиса.

Дион придержал коней, Алиса выскочила из колесницы и побежала к холмам.

— Спасибо, девочка из России! — крикнул ей вслед Платон.

Глава двадцать вторая. Лучше рассказать правду!

Вот Алиса и дома, в Москве.

В самом зале, где стоит машина времени, было пусто, зато в коридорах института, несмотря на ранний, рассветный час, кипела жизнь.

Громыхали по коридорам тележки, спешили куда-то роботы, сотрудники института несли сумки, коробки и вороха ткани.

Алису никто не замечал, никто не обращал на нее внимания.

Алиса не стала вызывать Ричарда, а проскользнула к выходу, где должен был сидеть за своим столом вахтер Сильвер.

Но Сильвер не сидел за столом.

Он стоял посреди холла, попугай сидел у него на плече, а на Сильвера смотрели десятки камер, линз объективов, электронных пушек и видовых иголок — он был в осаде журналистов и репортеров.

— Как вам удалось догадаться, где искать клад? — спрашивал один из журналистов.

— Как вы сообразили, что Наполеон спрятал сокровища Кремля в отдаленном озере?

Сильвер покачивался — деревянная нога с трудом держала его. Три пустые бутылки рома стояли на столе.

— Спа-койно! — ответил Сильвер журналистам. — Я вам не какая-нибудь сухопутная крыса! Двадцать лет на капитанском мостике бешеных кораблей пиратского флота! Я знаю, где искать клады!

— А вам приходилось самому закапывать клады? — спросила известная телевизионная ведущая, перекричав своих коллег.

— А то как же! — ответил Сильвер. — Кладов пять-шесть я закопал, но большей частью на необитаемых островах Тихого океана, и конечно же за пятьсот лет кое-что забыл... Впрочем, понимаешь, мне клады не нужны. Я здесь на всем готовом и пенсия!

— Ах ты, разбойник! — чуть было не крикнула Алиса, но ей на плечо опустилась тонкая сильная рука Лены Простаковой.

— Тише, Алиса, — сказала спасательница. — Пускай старик потешится. Ведь ему так редко приходится давать интервью.

— Но ведь это неправда! — сказала Алиса. — План клада был нарисован на подкладке шляпы...

— Я все знаю, — сказала спасательница. — Он же уже час, как вернулся с озера Глубокое. К тому времени компьютер уже разбудил директора и меня и все рассказал. А ты-то где была?

— Я так... недалеко.

— Ну вот, — улыбнулась Простакова. — Ты обвиняешь в неправде старого пирата, а сама не очень-то откровенна.

Алиса смутилась и замолчала.

А журналисты продолжали допрашивать пирата.

— Сто экспедиций искали клад Наполеона, а вы нашли. Ну, скажите нам, скажите, как вам это удалось?

— Ладно, — сдался старый пират. — Так и быть, открою вам тайну. Только вы ее — никому, понятно?

— Никому, кроме наших зрителей и читателей! — поклялись журналисты.

— Как вы знаете, — разглагольствовал пират, — я человек пожилой, сам не помню, когда родился, то ли в шестнадцатом веке, то ли в восемнадцатом. В общем, в разгар наполеоновских войн в 1812 году я был человеком немолодым, опытным, заслуженным. А когда узнал, что Наполеон пошел походом на Россию, то подумал: вот безобразие, а?

Все журналисты согласились, что со стороны Наполеона идти походом на Россию было совершенно неприлично.

— Оставил я свою шхуну в Карибском море и поскакал верхом в Россию. Прискакал, а мне говорят: Москва горит, Наполеон уже собрался бежать. Я к полководцу Ворошилову — дайте мне полк или хотя бы эскадрон, я вам поймаю Наполеона.

— Наверное, вы имеете в виду полководца Кутузова, а не Ворошилова? — спросила репортерша карманного телевидения «Мышка».

— Может быть, — согласился Сильвер. — Я его не узнал. Но он меня узнал сразу. А как узнал, говорит: «Возьми, Сильвер, дивизию, догони Наполеона, отними у него наши сокровища». Ну я и согласился... А теперь я сделаю перерыв, чтобы выпить стаканчик рома за ваше здоровье, друзья.

В одной бутылке еще оставалось немного на дне. Сильвер допил остаток, вытер рот

рукой.

— Продолжать? — спросил он.

— Продолжать! — хором закричали журналисты.

— Настиг я французского императора в лесу, чуть-чуть не догнал. Если бы у меня фрегат был или хотя бы канонерская лодка, наверняка бы он был мой. Но, как вы знаете, моряки в седле не мастера, нет, не мастера. Умчался он... Только шляпу свою, знаменитую треуголку, потерял. Упала она в снег. Я ее взял, надел, а то подмораживало. Потом война кончилась, вернулся я к своим морским подвигам, но шляпу редко снимал с головы. Только когда мылся. Так что прошло двести лет, прежде чем я ее перевернул и заглянул внутрь. И вижу — черт меня разрази! Там же карта! Я ее — в компьютер, а компьютер мне — это, говорит, озеро Глубокое. Так я же его у того озера и гонял! Понимаете? Сегодня ночью я, чтобы никого не беспокоить, слетал туда, вытащил, что мог, а потом объявил это по институту. Вот и все. Спасибо за внимание.

Раздались бурные аплодисменты.

Сильвер кланялся. Он принял шум всерьез, думал, что ему поверили — поздравляют с таким подвигом.

На самом же деле журналисты не настолько глупые люди, чтобы поверить старому пирату. Они от смеха даже корчились.

Потом кто-то из них крикнул:

— Здесь найдется кто-то, кто знает, что же было на самом деле?

— Еще рано, — ответила журналистам Лена Простакова. — Приходите после десяти утра, когда на работу придут настоящие сотрудники.

— Ах так! — возмутился Сильвер. — Значит, я не настоящий? Тогда я требую расчета. И уйду на фабрику мягких игрушек, меня давно туда звали.

Но конечно же он никуда не ушел, а лег проспаться на продавленном диване.

Потом приехал директор. Алиса пошла к нему в кабинет и рассказала про треуголку Наполеона и про ночной полет к озеру Глубокое.

— Верить-то я тебе верю, — сказал директор Института времени, — но не все понимаю. Объясни, пожалуйста, с чего это вдруг вы помчались на это озеро? Никого не предупредили, никому не сказали. Это же нехорошо!

— Я боялась, что мне никто не поверит, — сказала Алиса.

— А если еще подумать? — спросила Елена Простакова, которая вошла в кабинет директора.

— А если еще подумать... — И тут Алиса поняла, что лучше рассказать правду, и тогда все останутся друзьями.

И она рассказала про свиток для Платона, рассказала, как решила отдать письмо Платону, тем более что там была надпись на языке атлантов. Платону это нужно для работы. Она рассказала, как прилетела на Сицилию и узнала в городе Сиракузы, что Платона продают в рабство.

В этом месте директор покачал головой и произнес:

— Я об этом знал, читал где-то, но там не было сказано, кто его выкупил.

— Его друг Дион, торговец книгами Иов из Финикии и немножко я...

Тут директор совсем удивился, зажмурился на секундочку, а потом догадался и громко спросил:

— А не могло так быть, что тебе понадобились деньги? Что ты думала, где найти

деньги, и вспомнила, что клад Наполеона может лежать на дне озера и, значит, он никому не принадлежит?

— И тогда ты взяла клад... — начала Лена Простакова, но Алиса перебила ее:

— Я взяла всего несколько золотых колец, и мне их вернули, так как у Иова нашлись деньги.

Алиса откинула полу длинной туники, вынула из кармана шортов связку колечек и положила на стол директора.

Директор кивнул, ему все было понятно, а раз все понятно, то уже не очень интересно. Таким он был человеком. Он хотел было отпустить всех, но прежде задал еще один маленький вопрос:

— Так ты отдала письмо Платону?

— Разумеется, — ответила Алиса.

— А вот это никуда не годится! — сказал директор.

Правда, было видно, что он не сердится.

— Вы не правы, — возразила Лена Простакова. — Ведь это письмо какой-то наш дурак уже притащил из Древнего мира. Почему бы теперь ему и не вернуться на место?

— Да, почему бы? — спросил директор и задумался.

— Мне можно идти? — осторожно спросила Алиса. — А то дома, наверное, с ума сходят.

— Ничего подобного, — сказал директор. — Я уже все всем объяснил еще с вечера. На то я и директор, что знаю многое заранее. Жалко, что ты отдала письмо...

— Я сделала копию, конечно, сделала, — сказала Алиса, — спросите компьютер.

А компьютер, который имеет обыкновение подслушивать все разговоры в институте и даже в них вмешиваться, когда сочтет нужным, тут же сказал:

— Информация верная. Копия надписи на неопознанном языке хранится у меня в памяти.

— Тогда, — сказал директор компьютеру, — займись на досуге расшифровкой.

— А я уже занялся.

— И что же?

— А то, что надпись сделана на том же языке...

— Ах, правильно! — закричала Алиса. — А я ломала голову, где я видела такие же буквы.

— Где же? — спросила Лена Простакова.

— Сейчас принесу, — ответила Алиса.

— Не стоит, — сказал голос компьютера.

Дверь в кабинет директора раскрылась, и в кабинет въехал робот-тележка по имени Грузик. На его платформе спала черепаха, а на панцире черепахи была видна надпись на том же языке, как в письме Платону.

Глава двадцать третья. Тайна черепахи

Конечно, вначале только два человека в кабинете директора знали о том, что надпись в письме к Платону от Эмпедокла и буквы на панцире черепахи из чулана одинаковые.

Одним из них была Алиса, а вторым оказался не совсем человек, то есть компьютер, у которого человеческий характер, но все остальное электронное.

Черепашка обьяелась капусты и ананасов, поэтому она мирно дремала в тележке и не мешала рассматривать надпись на ее спине. Надпись, правда, почти стерлась, и разобрать ее было нелегко. Но умница компьютер превратил стену кабинета в экран, и на нем появилась «черепашья» надпись.

А рядом с ней на том же экране появились слова, скопированные из письма Платону.

— Чудо! — сказал директор института. — Ты, Алиса, почти сделала великое открытие!

— Почему почти? — спросила Алиса.

— Потому что, — ответил директор, — мы не знаем, на каком языке сделаны надписи и о чем они говорят.

— Мы уже знаем, — сказал компьютер. — Пока я расшифровывал надпись на черепахе, мне не хватало букв. А как только появилось письмо Платону, все встало на свои места.

— Так откуда эти надписи? — спросил директор.

— Эти надписи, — ответил компьютер, — из неоткрытой страны Атлантиды.

Алиса даже подпрыгнула от радости.

Но директор Института времени — человек серьезный.

— Докажите, — сказал он.

— Пред нами, — сказал компьютер, который был очень доволен, что его так внимательно слушают, — самая древняя надпись на Земле.

Он показал на надпись из письма к Платону.

— Возраст клочка материала, на котором написаны иероглифы, — десять тысяч лет!

— Как здорово! — воскликнула Алиса. — Ведь это возраст Атлантиды!

— Это возраст предполагаемой Атлантиды, — сказал директор. — Может быть, даже сказочной Атлантиды.

— Я понимаю вас, коллега, — сказал компьютер, и Алиса подумала: «Как он надулся от гордости!» — Но за возраст записки я ручаюсь.

— А за содержание? — спросил директор.

— Посмотрим, что там написано, — сказал компьютер. Иероглифы тут же исчезли со стены, и появилась русская надпись:

«Привет тебе, друг, из великой страны атлантов. Посылаю тебе груз ананасов, мешок сушеного табака и зерна какао. Ты получишь его через восемь дней. Продай с выгодой...»

— И все? — спросил директор, кончив читать.

— Абсолютно все, — ответил компьютер. — И думаю, этого достаточно.

— Но при чем тут ананасы, табак и какао? — спросила Лена Простакова. — Ведь пока Колумб не открыл Америку, в Европе не знали этих продуктов!

— А в Атлантиде знали! — ответил компьютер. — Значит, этот остров лежал на пути из Европы в Америку.

— Вторая надпись! — воскликнула Алиса. — Прочтите нам вторую надпись!

— Не спешите, увидите! — Компьютер стер с экрана иероглифы, и вместо них появились слова:

«Спасите, о боги! Великая волна и землетрясение!»

— Вот видите, она погибла! — сказала Алиса.

— Похоже, что так, — согласился директор. — Но боюсь, что мы никогда не отыщем Атлантиду. Неужели нам придется снова перелопачивать весь Атлантический океан?

— Не придется, — сказала Алиса. — Компьютер, покажи, пожалуйста, карту Атлантического океана.

Компьютер тут же выполнил просьбу Алисы.

Алиса подошла к белой стене, на которой был нарисован голубой океан и берега Африки и Америки.

— За восемь дней из Карфагена, где, если верить Эмпедоклу, хранилась записка атланта, до Америки не доплывешь, даже до середины океана не доберешься.

Алиса провела по океану линию сверху вниз. Как бы поделила океан пополам.

— Вот до этой линии и мог бы доплыть корабль за восемь — десять дней, — сказала Алиса. — А теперь, Лена, расскажи нам, где ты отыскала черепаху.

— Я была в Африке десять тысяч лет назад, как раз когда погибла Атлантида. Но правда, я об этом тогда не знала. В пустыне, недалеко от берега, я увидела эту черепаху. Она умирала от жажды. Это была большая черепаха, в пустыне такие не водятся. Я и поняла, что ее прибило к берегу волнами, и она пошла искать свой дом. И чуть не погибла в пустыне.

— Покажи нам место на берегу Африки, — попросила Алиса, — где ты нашла черепаху.

— Вот здесь, — ответила Лена Простакова.

— Спасибо.

И Алиса провела от этой точки линию до тех пор, пока она не пересекла ту границу, до которой мог доплыть корабль за десять дней.

— Вот здесь, — сказала Алиса, — и утонула Атлантида.

Все помолчали минуты две, подумали, а потом стали хлопать в ладоши. Даже компьютер изобразил звук аплодисментов.

— Расскажи нам, — попросил директор, — почему ты так решила?

— Атлантида могла лежать где-то на расстоянии десяти дней плавания от Карфагена. Но в какой точке? И я решила: если черепаха выбралась на берег в Африке, то, вернее всего, она плыла к земле по самому короткому пути. Вот я и нарисовала ее путь. Где две линии пересеклись, там и была Атлантида.

— При условии, — проворчал компьютер, — что черепаха плыла к Африке, а не кружила по океану.

Но его никто не стал слушать.

— Сейчас все расходятся спать, — сказал директор, — а я днем обязательно выйду на связь с Академией Атлантиды и Морским институтом.

На этом разговор закончился, и Алиса пошла домой.

Тем более что утро было в полном разгаре. Сотрудники с удивлением смотрели на вахтера Сильвера, который спал на диване, но, так как они были людьми воспитанными и деликатными, никто вахтера будить не стал. Можно ведь обойтись без вахтера?

Дома еще спали, и Алиса проскользнула к себе в комнату.

Только заснула, как ее пришла будить симферопольская бабушка.

— Алиса, — сказала она, — нам же пора кончать уборку чулана. Вдруг мы пропустим самое интересное?

Алисе хотелось сказать, что бабушка уже сама проспала все самое интересное, но ей так хотелось спать, что она только проговорила, что придет в институт попозже, и заснула снова.

Но еще через три или четыре часа ей все-таки пришлось проснуться.

В открытую форточку залетел попугай пирата Сильвера и сказал:

— Есть новости. Совершенно секретно.

От его негромкого, но пронзительного голоса Алиса открыла глаза и вскочила с постели.

— Слушай, — сказал попугай, — уже организована первая экспедиция на поиски Атлантиды. Они ее найдут, и никто не вспомнит, кто же ее открыл на самом деле.

— А ты откуда знаешь?

— Подслушал в директорском кабинете. Он переслал в Институт Атлантиды твою карту, где ты указала точное место. Ты гений, Алиса. А гениев обычно жгут на кострах.

— Ой, не говори глупостей, — отмахнулась Алиса и побежала умываться. Ей было ужасно обидно, что экспедиция на поиски Атлантиды собирается обойтись без нее...

Дома никого не было, даже домашний робот Поля куда-то исчез. Так что Алиса обошлась без завтрака и обеда, прыгнула во флаер и догнала экспедицию где-то над Польшей. Алиса правильно рассчитала, что экспедиция полетит на рейсовом самолете, чтобы пересечь на морской вездеход уже в Англии. Так и случилось.

Она вступила на борт морского вездехода, приспособленного для подводных работ, в порту Бристоль и сразу же спросила, где начальник экспедиции.

Начальником экспедиции оказался седой профессор, специалист по древней узбекской поэзии, который каждую свободную минуту своей длинной жизни отдавал поискам Атлантиды.

— Здравствуйте, профессор Махмуд, — сказала Алиса. — Неужели вам не сказали, что я и есть та скромная школьница, которая нашла и помогла расшифровать две надписи из Атлантиды?

— Не может быть! — воскликнул профессор. — Сегодня утром компьютер Института времени сообщил, что именно он сделал это великое открытие. Он сказал, что рассчитывает на медаль.

— Он мне просто завидует, а если вы не верите, спросите директора института.

— Послушай, девочка-джан, — сказал профессор, — поплыли с нами и не будем обижаться на всякий компьютер-мопьютер. Нам ли, людям, спорить с машинами?

Если компьютер и услышал слова профессора, он не посмел возразить. Все-таки компьютеры должны знать свое место.

Так что Алиса поплыла на вездеходе-батискафе до нужной точки в середине океана. Там корабль опустился на дно, и стали работать подводные роботы. Вы не поверите, но уже до ужина они нашли первые колонны атлантского храма. Алису качали, чуть не ударили о потолок, а потом она полетела домой, чтобы успеть к ужину.

Глава двадцать четвертая. Задание выполнено!

На следующий день все ученики пятого класса «Б» собрались в школе, чтобы подвести первые итоги исторической практики.

Сначала выступал Аркаша Сапожков, который вернулся из древнейшей эпохи, из мелового периода, и старался разгадать там тайну — почему вымерли динозавры.

Аркаша замечательно провел время в эпохе динозавров, тайну разгадал и возвратился домой, сняв фильм.

В Институте времени сложилось мнение, что Аркаше за этот фильм можно присвоить степень доктора исторических наук, но скромный Аркаша отказался. Он получил за историческую практику пятерку.

Вторым выступал Пашка Гераскин.

Он провел несколько дней среди троглодитов, то есть пещерных людей. Он старался вжиться в племя и разгадать другую историческую тайну — куда делись неандертальцы, первобытные люди, похожие не столько на нас, сколько на горилл.

Пашка тоже сделал все, как надо, даже наломал не так много дров.

Он очень гордился собой и думал, что ему тоже захотят присвоить звание доктора наук или по крайней мере академика. Но никто не предложил, так что пришлось отложить получение научной степени до других экспедиций.

Маша и Наташа Белые еще не вернулись из своих путешествий. Джавад Рахимов и новый китайский ученик только готовились к экспедициям. Зато за Алисой увязалась бабушка, но в класс она не вошла, а осталась в коридоре.

— Расскажи нам, Алиса, — попросила учительница Каролина Павловна, — выбрала ли ты для себя историческую тайну, чтобы отправиться в прошлое и ее разгадать?

— Честно говоря, — сказала Алиса, — мы с бабушкой столько времени провели за разборкой чулана Синеи Бороды, что я не успела подобрать себе тайну.

— Ну, что-нибудь интересное было? — спросил Пашка.

— Я могу рассказать про то, как мы нашли Атлантиду, — сказала Алиса. — Только я это сделала не сама и в Атлантиду не попала, потому что в то время и не подозревала, где эта Атлантида находится.

И Алиса рассказала друзьям о том, как она увидела черепаху с таинственной надписью на панцире, а потом отыскала в чулане письмо Эмпедокла Платону, как она навестила Платона в Сиракузах и помогла ему спастись от рабства.

— А еще какие-нибудь тайны тебе попались? — спросил Пашка Гераскин, когда Алиса кончила рассказ.

— Ну, была еще одна тайна, но совсем маленькая, — ответила Алиса.

— Какая же? — спросила учительница.

— Понимаете, мы наткнулись на треуголку Наполеона, а на ее подкладке была нарисована карта, где спрятаны сокровища, награбленные Наполеоном в Москве.

— И что же? — спросил Аркаша.

— Мы нашли этот клад, но его бы и без нас, наверное, нашли. Теперь его перевозят в институт и музей.

— Не очень интересно, — проворчал Пашка Гераскин, который не выносит, если кто-то, кроме него, делает какие-нибудь открытия. — Расскажи нам что-нибудь поинтереснее.

— Честно говоря, ничего особенного, — сказала Алиса. — Только, правда, мне удалось побывать у юного короля Артура.

— Зачем? — спросил Пашка. — Я сам к нему собирался!

— Дело в том, что в чулане нам попался меч в камне, тот самый волшебный меч, который волшебник Мерлин воткнул в камень, а юный Артур вытащил и стал королем.

— Ну уж это ты преувеличиваешь! — сказал Пашка.

Тут дверь в класс отворилась, и вошел невысокий волшебник Мерлин в черном одеянии до земли, в черных очках и черном колпаке, усеянном звездами. Он с трудом нес, прижимая к груди, круглый камень, из которого до половины торчал меч, рукоятью наружу.

Волшебник бухнул камень об пол, и гул прокатился по всей школе.

— Вот доказательство, — сказал волшебник.

— Что это? — спросил Сапожков.

— Волшебный меч в камне. Он хранится в чулане Института времени. Если есть желающие, они могут вытащить меч и стать королями Англии.

Сначала была пауза, но потом Пашка первым сказал:

— А ну-ка, разойдитесь, дайте мне повеселиться.

Пашка подошел к камню и потащил меч на себя. Он тащил, пыжился, чуть не упал, упирался в камень ногой, расшатывал меч, дергал и, в конце концов, сказал:

— Тут все заржавело. Надо трактор.

Потом попробовал силы Аркаша, правда без толку, и другие ученики, и даже учительница.

Когда все убедились, что меч из камня вытащить невозможно, волшебник Мерлин произнес:

— Алиса, попробуй сделать так, как учил тебя король Артур.

Алиса подошла к мечу.

Пашка сказал презрительно:

— Это дело не для девчонок!

Волшебник хлопнул ладонью по камню и сказал Алисе:

— Начинай!

Алиса спокойно потянула за меч, и он легко вышел из камня.

Все ахнули.

Алиса вставила меч на место, и они с волшебником отошли.

Пашка тут же вскочил и кинулся к мечу. Он ухватился за рукоять, уперся в камень ногой — никакого результата.

И тогда волшебник Мерлин снял колпак, черные очки, и все увидели, что перед ними симферопольская бабушка Алисы.

— Это нечестно! — закричал Пашка. — Вы никакой не волшебник.

— Как бы я ни называлась, — сказала бабушка, — результат тот же самый. Я могу, Алиса может, а ты, бедолага, не можешь.

И тогда Пашка сдался.

— Расскажите, — взмолился он.

— А нечего рассказывать, — сказала бабушка. — Волшебник Мерлин сделал нам на прощание подарок.

И, разжав пальцы, она показала плоскую табличку, похожую на большую монету.

— Я дотрагиваюсь ею до камня, который представляет собой глыбу магнитного железняка, и она размагничивается.

— Значит, меч держался магнитом! — разочарованно протянул Пашка.

— Разумеется, — сказала бабушка. — Обычный фокус. Меч — металл, камень — магнит. А эта монета — орудие фокусника.

— Вы что же, хотите сказать, что и волшебства не бывает? — спросил Пашка.

— А это надо проверять в каждом отдельном случае, — ответила бабушка.

Тогда встала учительница и сказала так:

— Алиса никак не могла решить, какую тайну истории она откроет. Она даже отправилась работать в Институт времени и расчищала вместе со своей бабушкой какой-то чулан. И что получилось?

— Получилось, — сказал справедливый Аркаша, — что Алиса между делом разгадала целых три исторических тайны.

— Как так три? — удивился Пашка.

— Тайну Атлантиды — раз, тайну короля Артура — два, и тайну клада Наполеона — три. По-моему, она заслуживает, чтобы получить зачет, — сказал Аркаша.

И все согласились, только Пашка воздержался.

И объяснил это так:

— Не хочу, чтобы Алиска зазналась.

— Я не зазнаюсь, — ответила Алиса. — Я ведь познакомилась с философом Платоном, а он меня научил, что зазнаваться вредно для здоровья.

И никто не понял, серьезно ли говорит Алиса или снова шутит.

Младший научный сотрудник Института космической геологии Магдалина Дог пришла в Институт времени в десять часов утра.

Ну и фраза получилась! Сразу и не разберешься.

Придется объяснить все по порядку.

Через сто лет в Москве будет работать Институт времени, в котором установят специальные кабинки, то есть машины времени. И если у тебя будет разрешение Академии наук, ты сможешь войти в любую из кабинок и улететь в прошлое. Но, конечно, не для прогулок или баловства, а с научными целями.

В той же Москве через сто лет будет Институт космической геологии. Он станет заниматься камнями и породами, из которых сложены планеты, кометы и метеоры. Его сотрудники будут летать в экспедиции в далекие галактики и вести интересную, хотя порой и опасную жизнь.

Магдалина Дог — это самый младший научный сотрудник Института космической геологии. Она такая талантливая, что одновременно училась в шестом классе школы и на первом курсе университета. Поэтому она окончила университет раньше, чем школу. И ее приняли на работу в Институт, хотя она все еще писала контрольные в десятом классе.

Магдалина с утра до обеда работала в Институте космической геологии по специальности «космические гости Земли», а после обеда бежала в школу и занималась там самостоятельно. Ночью она учила иностранные языки и писала научную книгу. Магдалина была постоянно занята и не умела ходить, а только бегала и говорила короткими фразами. Если Алиса Селезнева скажет: «Большинство мальчишек — дураки, но есть счастливые исключения», то Магдалина выразится гораздо короче: «Мальчишки — дураки!» Чувствуете разницу?

Фамилия у Магдалины Дог не совсем Дог. На самом деле она Собачкина. Но Магдалина почему-то решила, что с такой фамилией великим человеком никогда не стать, и поменяла ее на иностранную. Почему она решила, что проще стать великим Догом, чем великой Собачкиной, я не знаю. Пока что она стала только младшим научным сотрудником.

Магдалина ходила на работу уже полгода, но все равно каждое утро вахтер ее спрашивал:

— Ты, девочка, к кому?

А когда директор увидел ее в первом ряду на научной конференции, он воскликнул:

— Только детей нам здесь не хватало!

Хотя сам принимал Магдалину на работу.

Можете представить, как трудно Магдалине быть настоящим ученым и как она старается.

Во-первых, она ходит только на очень высоких каблуках. Раза два она уже падала, но, к счастью, ничего не сломала, хотя злые языки в институте уверяли, что упасть с таких каблучков все равно что с третьего этажа.

Во-вторых, Магдалина носит большие затемненные очки. Видит она в них хуже, чем без очков, и выглядит как стрекоза.

В-третьих, Магдалина не тратит зря ни минуты. Она говорит только короткими фразами, ест раз в день, а спит раз в неделю. Исхудала бедная девочка так, что вчера ее не узнала собственная мама, а сегодня утром чуть не склевала ворона.

Вот такая Магдалина отправилась в командировку в прошлое, а точнее, в мезозойскую эру. А мезозойская эра случилась много миллионов лет назад, и в то время на Земле царили динозавры, от махоньких, с лягушонка, до огромных, выше небоскреба.

Магдалину динозавры не интересовали.

Ее интересовал большой метеорит, который грохнулся именно тогда на территории теперешней Англии и утонул в болоте.

Ну, грохнулся, и дело с концом!

Так может говорить только неспециалист. А Магдалина знала, что метеорит состоял не только из камней и железа, но в нем были примеси радиоактивных элементов.

Теперь я вам расскажу о том, что в младших классах не проходят, а в детских садах от детей скрывают.

На свете есть много разных металлов и камней, и все они называются или минералами, или элементами. Есть элемент кислород — мы им дышим, есть элемент железо, есть медь, азот, неон и так далее. Даже сера есть, хоть она плохо пахнет. И даже ртуть, которая катается по полу шариками. Эти элементы могут тысячу лет лежать в земле, и ничего с ними не случится.

А есть элементы, которые живут, как бабочки-однодневки: прошло три секунды — и нет элемента! Они возникают при взрывах, во время разных событий, но потом распадаются на атомы — и исчезают!

В том метеорите, который собиралась изучать Магдалина, содержались радиоактивные элементы, которые исчезли почти сразу же, как метеорит грохнулся в болото. Но сколько было этих элементов и каких именно, никто, разумеется, не знал. Вот Магдалина и отправилась в экспедицию, чтобы заснять метеорит на подлете к Земле и определить все элементы, какие в нем найдутся.

Вы поняли, зачем Магдалина поехала в прошлое?

Я тоже не все понял. Но вам-то хорошо, вы уже пошли в школу и скоро все узнаете о радиоактивных элементах, а я последний раз был в школе так давно, что все уже забыл.

В тот день Магдалина встала пораньше, взяла флаер и полетела в Институт времени. Это большой двадцатиэтажный корпус, окруженный газоном. Он на шесть этажей уходит под землю.

В просторном вестибюле института стоял стол, за которым сидел странный человек. Он был немолод, один глаз завязан желтой тряпкой, на голове треугольная шляпа, вместо одной ноги — деревяшка.

На этом человеке красовался старинный камзол с позументами, а на плече сидел пожилой попугай с поредевшим хохолком и насвистывал песенку про желтую субмарину.

Магдалина подошла к столу и остановилась.

— Ты к кому, девчушка? — спросил человек в камзоле. И конечно же нажил себе в Магдалине злейшего врага. Хоть бы девушкой назвал, хоть бы девочкой! А то — девчушка! Вы такое слышали?

— Я — начальник, — коротко ответила Магдалина и приподнялась на цыпочки.

— Начальник?

Человека в камзоле звали Сильвером. Он бывший пират. Что-то не поделил с Билли

Бонсом, Морганом и капитаном Киддом — дела давние. Вот и пришлось Сильверу бежать куда глаза глядят. А попал он в наши дни.

Пристроился вахтером в Институте времени и отлично себя чувствует.

Попугай тоже работает в институте и называется сторожевым попугаем. В случае чего, он может поднять тревогу или разбудить Сильвера, если тот переберет рома и заснет как убитый.

Никакой власти у вахтера нет, зато строгости — хоть отбавляй!

Если ты пришел в Институт времени в первый раз, то можешь испугаться.

Магдалина, конечно же, не испугалась, но рассердилась.

И поэтому назвалась начальником.

Сильвер захохотал и повторил:

— Начальник? Начальник над мышками или зайками?

— Где руководство? — строго спросила Магдалина.

— Здесь я руководство, — ответил Сильвер. Тогда Магдалина направилась к лестнице, словно Сильвера и не было.

— Стой! — Сильвер вскочил, подхватил костыль и, хромая, кинулся вдогонку за нарушительницей.

Это было ошибкой. Потому что Сильвер вырос в то время, когда дрались на кулаках или на шпагах. И совсем не знали карате и восточной борьбы у-ку-шу. А Магдалина, как маленькая и слабенькая, с детства занималась восточными единоборствами.

Понятно, что инвалидов обижать нехорошо. Но если инвалид — пират, да еще напал на девушку, то его надо остановить.

Вот Магдалина его и остановила. Ловким приемом она подбросила его в воздух так, что пират Сильвер очутился на люстре.

— Сами виноваты, — сказала Магдалина и пошла по лестнице, которая вела вниз. По дороге она у всех спрашивала: — Где тут машина времени?

Молодой человек, черноволосый, курчавый и очень веселый, которого зовут Ричардом Темпестом, спросил ее:

— А зачем вам, девушка, машина времени?

Магдалина даже улыбнулась. Наконец-то кто-то догадался, что она не ребенок.

— Вот смотрите, — сказала она. — Мезозой.

Она протянула Ричарду карточку, на которой было написано, куда Магдалине разрешено отправиться в экспедицию, а именно в мезозойскую эру на сто миллионов лет назад.

— Начальник экспедиции, — прочитал Ричард. — И сколько вас в экспедиции?

— Я одна, — ответила Магдалина.

— Понятно, — улыбнулся Ричард. — Заглянем ко мне в кабинет, спросим у компьютера, на какое время назначена переброска.

Они вошли в кабинет Ричарда и там узнали, что Магдалине надо лететь в прошлое через полчаса.

— Что вы с собой берете? — спросил Ричард.

— Ничего, — ответила Магдалина.

— Вряд ли это разумно, — заметил Ричард. — Можно дать вам совет?

— Да.

— Вы, видно, в первый раз летите в прошлое?

— Да.

— И не знаете, какой там климат и какая сегодня погода?

— Где?

Ричард запустил пальцы в свои кудри. Такую путешественницу во времени он еще не встречал.

Потом посмотрел на карточку.

Там было написано: «Младший научный сотрудник Института космической геологии Магдалина Дог направляется в мезозойскую эру в момент падения радиоактивного метеорита в районе города Лондон».

Затем Ричард вставил карточку в щель компьютера и выслушал ответ:

— В заданном районе в заданное время идет дождь, температура воздуха — плюс тридцать шесть градусов, влажность воздуха — девяносто девять процентов, количество комаров и москитов рекордное для тамошнего лета, из болота лезет всяческая нечисть. Необходимо взять с собой москитные сетки, намазаться мазью номер шесть-двенадцать, обязательно взять ласты, пропеллер для прыжков через болота, желателно водные лыжи и, уж конечно, пистолет со снотворными иголками для защиты от крупных хищников.

— Видите, — сказал Ричард. — Это просто ужас какой-то!

— Пустяки, — отмахнулась Магдалина.

Но все же ей пришлось отправиться в специальную комнату подготовки, откуда она вышла гораздо больше похожей на путешественника во времени и куда меньше похожей на Магдалину Дог.

И только тогда Ричард согласился ее отпустить.

— Желаю тебе, Магдалина... — начал было он, но тут послышался шум, даже грохот.

По коридорам забегали сотрудники, но оказалось, что это всего-навсего упал с люстры пират Сильвер, которого старалась снять оттуда пожарная команда.

К счастью, он не ушибся, хотя угодил деревянной ногой по припрятанной в заветном уголочке за вахтерским столом бутылке рома, отчего сильно расстроился.

Пожарники велели вытереть ромовую лужу, потому что она была огнеопасной. Попугай взял швабру и принялся таскать ее клювом за палку. Это было так смешно, что все сотрудники института стали по очереди помогать попугаю.

И никто не обратил внимания на то, что странное маленькое существо, обернутое в москитную сетку, в резиновых сапогах выше колен и с сонным бластером в руке шагнуло в кабину и отправилось в прошлое, высчитанное компьютером.

Глава вторая. Магдалина в мезозое

Магдалина зажмурилась и стала терпеть. Надо было протерпеть, пока тебя за одно очень длинное мгновение отправили за миллион лет до нашей эры, да еще не в Москву, а в Лондон, о котором в мезозойской эре никто и не подозревал.

Магдалина принялась читать вслух стихотворение Пушкина «Памятник», но на третьем слове забыла, что будет дальше. Язык двигался еле-еле, и у слова «воздвиг» оказался длинный хвост.

«Я памятник себе воздвигииниии-и-и-и-и...» Тут загорелся свет, и перед глазами Магдалины появилась светящаяся надпись: «ПРИЕХАЛИ».

— Спасибо, — сказала вежливая Магдалина.

Дверь кабины раскрылась, и маленькая геологиня вышла наружу.

Все было правильно. Стояла влажная жара, в воздухе парили стрекозы размером с орлов, еще выше — птеродактили размером с жирафов, издали доносился рев стегозавров и бронтозавров. В болоте кто-то хлюпал и чавкал.

Магдалина достала суперкомпас, который сразу ей показал, что она находится на месте будущего города Лондона.

Надо пройти километра три с половиной, и окажешься точно на месте падения метеорита.

Магдалина осторожно пошла вперед. Время у нее еще было, так что бежать не стоило. Но и расслаживаться смысла не было. Если она пропустит падение метеорита, больше ее сюда не пошлют. Найдется более аккуратный младший научный сотрудник.

Кабина времени опустилась в мокрую землю, а на ее месте поднялась антенна — гибкий металлический прут высотой в пять метров с желтым флажком на конце.

— Я тебя не потеряю, — сказала Магдалина.

И уверенно пошла куда надо.

Она шла по широкой утоптанной тропинке. На мокрой земле были видны углубления, наполненные зеленоватой водой. Магдалина догадалась, что это следы динозавров, которых, как известно, в мезозойской эре множество. Поэтому Магдалина шла осторожно, оглядываясь по сторонам и даже взяв на изготовку пистолет с сонным зарядом, чтобы успеть выстрелить, когда на нее набросится какое-нибудь чудовище.

Чудовище набрасываться не спешило, но вот беда — под ногами хлюпало, тропинка забралась в болото и не собиралась выбираться на сухое место.

Лодки у Магдалины с собой не было, летательного аппарата тоже.

Дело в том, что в экспедициях в отдаленное прошлое исследователю дают с собой только самые необходимые вещи. Если что случится, то лучше не оставлять в прошлом вещей из будущего. Нехорошо это, может получиться скандал.

Так что Магдалина шла, хлюпая сапогами, а вокруг кипело жизнью первобытное болото.

Магдалина поняла, что скоро ей придется плыть, но плыть по болоту — не самое приятное занятие, и она пошла обратно, чтобы отыскать обходной путь.

И в этот момент на нее спикировал птеродактиль.

Птеродактиль — это ящер, причем довольно большой. В мезозойскую эру он заменял сразу и орла и шакала. А похож птеродактиль больше всего на летучую мышь-переростка, да еще с клювом.

Птеродактиль кинулся на Магдалину, но геологиня почувствовала опасность и села в болотную жижу так, что наружу торчала только голова.

Птеродактиль щелкнул клювом над головой Магдалины, подумав, что это не голова, а кочка, и взмыл вверх.

Магдалина подождала немного, раздумывая, куда идти дальше.

Тем более что над головой кружили еще несколько птеродактилей, высматривая добычу.

Конечно, можно было бы подождать темноты, но в темноте на охоту выйдут ночные хищники, так что лучше, чем сейчас, наверное, уже не будет.

Магдалина была маленьким, но очень упрямым человеком. Она знала, что скорей утонет в болоте, чем упустит свой метеорит.

— Птеродактиль! — воскликнула она строго. — Берегись!

И погрозила чудовищам своим сонным пистолетом.

Потом Магдалина пошла вокруг болота, чтобы выйти к тому месту, где должен был вот-вот грохнуть метеорит.

И вдруг замерла.

Еще бы: страшный звук, похожий на рев трубы, потряс воздух.

Над головой Магдалины пронесся огромный язык пламени.

Магдалина присела на корточки. И тут она увидела невероятную картину.

На пригорке в тени двух гигантских папоротников сидел самый настоящий сказочный дракон. Он был недоволен и выпускал из раскрытой пасти языки пламени.

И тут же Магдалина поняла, что к ней это не имеет никакого отношения.

Потому что дракон воевал с птеродактилями. И огненные языки он выпускал именно в них, и именно на них он так страшно рычал.

И понятно, почему дракон так сердился.

Оказывается, он сидел не просто на земле, а на гнезде с яйцами. А гнусные птеродактили старались вытащить эти яйца из-под него. Одно яйцо они уже откатили подальше от усаженного пиками хвоста и теперь в три клюва молотили по нему, чтобы добраться до зародыша.

— Ааах! — дракон наконец увидел, что творится за его спиной, извернулся и так полыхнул пламенем по хищным врагам, что те, обожженные и перепуганные, пешком кинулись во все стороны.

Но закатить яйцо обратно под себя дракон никак не мог, потому что, как только он пытался это сделать, остальные птеродактили кидались на гнездо.

— Минуточку, — громко сказала бесстрашная Магдалина.

Она побежала к лежавшему на земле яйцу дракона. Дракон растерянно крутил головой. Видно, его маленький мозг никак не мог решить, враг ему Магдалина или друг.

Магдалина подняла яйцо, которое было размером со средний арбуз, и потащила его к драконьему гнезду.

На всякий случай дракон пыхнул пламенем, но так, чтобы оно пролетело повыше, и грозно застучал хвостом по земле.

Тем временем Магдалина подтащила яйцо к гнезду и крикнула дракону:

— Будьте любезны, подвиньте хвост!

Дракон начал елозить в гнезде. И когда там освободилось место, Магдалина положила яйцо к остальным яйцам и отскочила в сторону.

Дракон, видно, так ничего и не понял, он крутил головой, ухал и екал селезенкой.

Магдалина помахала ему рукой, а дракон покачал головой.

Так они и расстались, если не считать того, что взбешенные птеродактили кинулись на Магдалину.

Но когда они подлетели совсем близко и готовы были схватить девушку, дракон повернул голову в их сторону и выпустил из ноздрей две струи огня, как будто воду из шланга.

Птеродактили с визгом попадали на землю, как комары, которые обожглись о горящую свечку. Поджидая обгоревшие крылья, хищники бросились наутек.

— Спасибо, — лаконично сказала Магдалина и пошла дальше, чтобы не пропустить, как упадет метеорит.

Вскоре тропинка, по которой она шагала, углубилась в заросли хвощей и папоротников. Стало темнее, вокруг зажужжали комары, но зато от птеродактилей Магдалина наконец избавилась.

«Даже самые первобытные существа, — думала Магдалина, — испытывают чувство благодарности, хоть у них еще и ума нет. Чувства рождаются раньше, чем мысли».

Размышляя так, она шла через заросли. Когда Магдалина выходила на открытое место, то любовалась видами и окружающими ее растениями, а когда попадала в топкое болото, то думала только о том, чтобы не утонуть.

Наконец ей попался довольно сухой пригорок. На нем не было ни змей, ни лягушек, а впереди открывался чудесный вид.

Магдалина развернула бутерброды и достала термос. Всю еду она принесла с собой. Путешественникам по времени не советуют есть древние фрукты или овощи — мало ли какие древние опасные микробы там скрываются?

До падения метеорита оставалось по геологическим часам больше часа.

Магдалина жевала бутерброд, смотрела на небо и думала: как же здесь оказался дракон? Она никогда не слышала, чтобы в мезозойской эре водились драконы. Ведь драконы — это сказочные существа. Ну ладно, в эпохе легенд их встретить можно. Но не в честном же мезозое, где и так немало динозавров! Вот и сейчас Магдалина видела, как вдали купаются в озере бронтозавры, чудовища смирные, травоядные, с маленькими головками на длинной шее. А подальше расположились стегозавры — у них на спине щитки, похожие на листья, каждый размером с паровоз. Но ни у одного из этих ящеров из пасти не вылетают языки пламени. Зачем, позвольте спросить, животному нужно пламя? Защищаться от птеродактилей? Так ведь можно и себя сварить...

И вдруг Магдалина увидела в небе прямо над головой яркое пятно.

Пятно становилось все крупнее и ярче.

Не может быть!

Это же ее метеорит подлетает к болоту! На полчаса раньше срока! Скандал!

Магдалина вскочила, вытащила карманный радиотелескоп, развернула его, раскидала вокруг счетчики и измерители, включила съемочные камеры во всех пуговицах и пряжках и принялась снимать метеорит.

Метеорит ухнул прямо в гигантское, глубокое болото, подняв фонтан воды и грязи до самых облаков. И Магдалина вместе со всеми своими приборами оказалась в трясине, а вытащить ее на сухое место было некому, потому что в мезозойскую эру маленькая геологиня отправилась одна-одинешенька.

Может, ей бы смог помочь дракон, но дракон перепугался больше всех — он же сидел на пригорке, и метеорит грохнулся совсем близко к нему. Дракон решил, что это какой-то негодяй снова хочет полакомиться его детишками, и пустил в метеорит языки пламени, но тот не стал дожидаться, пока его обожгут, и скрылся в глубине болота.

А Магдалина, завязнув в тине, поняла, что если она не оставит на дне болота свои приборы, то, вернее всего, уже никогда не выберется наружу.

Не думайте, что Магдалина боялась погибнуть.

Ей некогда было об этом размышлять. Но она понимала, что, если она утонет, вместе с ней утонут все ценные приборы и, самое главное, все записи о метеорите. Зачем же ей было отправляться в такое путешествие, если она ничего из него не привезет и даже сама не вернется?!

Поэтому Магдалина сказала себе:

«Ничего страшного. Я вернусь сюда с большой болоточерпалкой и вытащу все свои приборы. А найду я это место по дракону, который сидит неподалеку».

С этой мыслью Магдалина отстегнула от себя все приборы, тянувшие ее ко дну, и выскочила на поверхность, как пробка из бутылки.

Дракон даже зажмурился от ужаса, потому что из болота выскочила не девушка в накидке от комаров, а нечто бурое, облепленное грязью и очень страшное.

Дракон взревел, уселся на гнезде покрепче и поклялся, что будет защищать нерожденных детей до последней капли зеленой драконьей крови.

Магдалина выбралась на берег у самых драконьих лап. Дракон смотрел на нее сверху, как подъемный кран на грязную собачонку. Геологиня попыталась протереть глаза, но ничего из этого не получилось, потому что руки были такими же грязными, как щеки.

Дракон даже плюнул со злости — так ему не нравилась эта козявка. Но он сидел на яйцах, и еще его мама говорила, что, сидя на яйцах, ни в коем случае нельзя нервничать, а то дети выведутся ненормальными.

Магдалина долго шарила вокруг, стараясь найти какие-нибудь листья, чтобы вытереться. Дракон, не выдержав, сорвал пук листьев папоротника и протянул его Магдалине.

Магдалина взяла листья и сказала:

— Спасибо.

Хоть она и не видела, кто ей помог, но она была хорошо воспитанной девушкой и никогда не забывала сказать спасибо.

Наконец Магдалина привела себя в порядок, вернее, почти привела. Ну, хоть глаза протерла — и то хорошо.

Дракона она конечно же не увидела, потому что стояла между передних ног чудовища. Она подумала, что это стволы деревьев.

Магдалина обогнула ноги, перешагнула через хвост дракона и отправилась к машине времени.

Она возвращалась домой в самом печальном расположении духа — ведь все приборы остались в мезозойском болоте.

Глава третья. Назовем его драконозавром!

Когда Магдалина вернулась в конец XXI века в Институт времени в Москве, она первым делом направилась к Ричарду Темпесту, чтобы рассказать ему о своей неудаче.

Ричард был в своем кабинете, но когда туда вошла Магдалина, он ее узнал не сразу. Сначала он решил, что из прошлого случайно пробралось в наши дни какое-то чудовище небольшого размера, но уродливости исключительной.

Тут эта грязная лягушка заквакала человеческим голосом, и Ричард узнал голос младшего научного сотрудника Института космической геологии Магдалины Собачкиной-Дог.

— Что случилось? — спросил Ричард.

Глотая слезы и сдерживая рыдания, Магдалина рассказала ему о падении метеорита и о том, что это космическое тело погубило все плоды ее трудов.

— Значит, приборы лежат в болоте?

— Лежат, — вздохнула Магдалина.

— Ничего страшного, — сказал Ричард, который не выносит, когда женщины плачут. — Достанем мы ваши приборы. Вот я сейчас кликну мальчонку, он слетает, нырнет и отыщет.

— Нет! — твердо возразила Магдалина. — Я сама утопила приборы, мне их и доставать. К тому же мне куда легче их отыскать, чем какому-то мальчонке.

Это была самая длинная речь Магдалины за последние два года.

— Что ж, — согласился Ричард, — отдохните, помойтесь и приходите к нам завтра. Что-нибудь придумаем.

Магдалина попрощалась и куда более спокойная, чем раньше, ушла к себе.

Правда, не все получилось так гладко, как нам бы с вами хотелось.

Дело в том, что ей пришлось пройти через холл, где за столом нес свою вахту пират Сильвер.

Магдалина решила уйти по-английски. А уйти по-английски — это значит уйти не попрощавшись. Такие вот люди, эти англичане, совершенно невоспитанные.

Пират Сильвер принял свою норму каплей ромского короля. Как вы понимаете, ромским королем он называл ямайский ром, бутылка которого стояла у него под столом. Он сидел, дремал и думал о том, что когда-нибудь вернется на свой фрегат «Пенитель морей», и погонится за турецкой фелюгой, и захватит на ней сказочный груз ананасов и красавицу персидскую княжну...

Во сне персидская княжна пела ему персидские песни и плясала, изгибаясь как змея.

— Давайте познакомимся, — произнес пират. — Как вас зовут?

Персидская княжна посмотрела на пирата и громко чихнула.

Пират удивился и открыл глаза.

И в тот же момент персидская княжна превратилась в такое страшилище, в такое чудовище, в такую злую ведьму, что пират закричал:

— Мама! Мамочка! — и попытался залезть под стол.

А чудовище, в которое превратилась персидская красавица, протопало к двери, оставляя на чистом полу грязные следы.

Только тогда, услышав, как хлопнула входная дверь, потому что чудовище покинуло институт, Сильвер вылез из-под стола и закричал диким пиратским голосом:

— Кинуть за борт! Немедленно! В набежавшую волну!

Но его криков никто не услышал — все были заняты своими делами, и даже персидская княжна в облике грязного монстра уже была на улице. Вы уже догадались? Спросонья Сильвер испугался Магдалины Дог.

А Магдалина пришла домой, мама ее узнала и отвела в ванную. Потом Магдалина заснула, и во сне ей снился дракон, сидящий на яйцах.

На следующее утро Магдалина поднялась, позавтракала и приняла решение: вернуться в мезозой и доделать то, что ей не удалось. Но она понимала, что ее могут и не пустить снова к динозаврам. Раз ты провалился, переэкзаменовок в этой школе не дают.

И Магдалина придумала вот что.

Она пошла в Космический зоопарк, или Космозо, который занимает один из московских парков.

В Космозо она не смотрела по сторонам и не увидела страшного тигрокрыса, не заметила говоруна и, уж конечно, не кинула взгляд на половинку собаки, вторая половинка

которой живет завтра.

Магдалина уже не раз здесь бывала, тем более что директором Космозо служит профессор Селезнев, отец ее подруги Алисы Селезневой.

Магдалина открыла дверь в дирекцию, поднялась на второй этаж и оказалась в большом кабинете Селезнева.

На ее счастье, профессор Селезнев сидел за столом и думал, что делать, чтобы гигантский червяк с Брянтти-Блянц не ловил себя за хвост и не жевал его. Он и так уже в два раза короче, чем в день приезда, и ничем его не отвлечешь — жует свой хвост, и все тут!

— Здравствуйте, — сказала Магдалина.

— Чертов червяк! — рассеянно ответил профессор.

— Простите? — удивилась Магдалина. Профессор глядел куда-то сквозь нее и продолжал думать. Поэтому он совершил непростительную ошибку.

— Ты ошиблась, девочка, — сказал он. — Станция юных натуралистов на Зеленой горке.

Магдалина всхлипнула. Бывают же такие тяжелые моменты в жизни!

Ее обидели в кабинете старого знакомого.

Магдалина повернулась и пошла прочь.

Но тут профессор сообразил, что ошибся. Он вскочил из-за стола и догнал Магдалину в коридоре.

— Простите! — сказал он. — Но у меня вся голова червяками забита.

— Вот именно! — ответила Магдалина.

— Ты к Алисе? — спросил Селезнев.

— Нет.

Вы ведь уже знаете, что Магдалина говорит мало, даже недостаточно.

— Так кто же тебе нужен?

— Вы.

— Хорошо, — вздохнул профессор, который все еще думал о червяке, но понимал, что придется заняться Магдалиной.

Они вернулись в кабинет, и Магдалина сказала:

— Я была в мезозое. Видела там дракона.

— Драконов в мезозое не бывает, — вежливо ответил Селезнев. — Драконы — существа сказочные, они водятся только в эпохе легенд.

— Я видела.

— Магдалина, ну объясни, пожалуйста, почему ты решила, что это дракон. Или покажи фотографию. Ведь ты была в мезозое?

— Да.

— Только что?

— Да.

— Ты сняла фильм?

— Да.

— А где он?

— Там.

— Магдалина! — взмолился Селезнев. — Тебя без переводчика не поймешь. Ты можешь говорить подробнее?

Магдалина подумала и в нескольких словах рассказала, что была в мезозое, ждала

метеорит и тут увидела динозавра, который был во всем похож на сказочного дракона, вплоть до того, что у него из ноздрей вылетали языки пламени. Он высиживал яйца и воевал с птеродактилями.

— Может быть, он съел гриб-табак? — спросил профессор. — Ты же знаешь, его сожмешь в руках — и черный дым идет.

Магдалина даже отвечать не стала на это предположение. Она сказала, что метеорит окунул ее в болото, что все приборы остались на дне и что задание она провалила.

Конечно же Селезнев сильно задумался. Тут вошла его дочь Алиса, которая еще учится в школе, в шестом классе.

Алиса выросла рядом со зверями из Космозо. В том числе и с бронтозавром Бронтей, который вывелся из яйца, найденного при раскопках. Бронтозавр поселился в пруду зоопарка, Алиса с ним дружила и даже каталась на нем верхом, к страшной зависти всех мальчишек Москвы.

Но недавно ученые решили, что в Космозо должны остаться только космические звери с других планет. И организовали новый зоопарк. Туда поместили животных, которых привезли из прошлого.

Этот зоопарк — исторический. Его называли Палеозо.

Первым жителем Палеозо стал мамонтенок Гриша. Его отыскивали в вечной мерзлоте далеко на севере и смогли оживить. Вот он и растет и скоро станет настоящим мамонтом.

Потом в Палеозо перевезли Бронтю, чтобы дети, которые ходят туда на экскурсии или с родителями, смогли увидеть настоящего живого динозавра. А то в школе изучают, а живьем не видели.

А потом в новый зоопарк на машине времени стали привозить яйца динозавров, детенышей саблезубых тигров и икру гигантских ядовитых лягушек. Неудивительно, что в Палеозо самым главным местом стал инкубатор. Там в тепле и уюте лежат яйца крокодилов, динозавров и икра земноводных существ.

А как кто-нибудь выведется, малыша отвозят в аквариум или загон.

И каких только динозавров там нет!

Но, конечно, нет дракона.

Потому что профессор Селезнев совершенно прав: на свете нет и никогда не было драконов. Не может динозавр пыхать огнем — он же холоднокровное животное!

— Но я не могла ошибиться, — сказала Магдалина.

— Папа, она в самом деле не могла ошибиться, — вступилась за подругу Алиса.

— Если так, — сказал профессор Селезнев, — то надо послать в мезозойскую эру специалиста. Пусть он отыщет этого... дракона.

— Драконозавра! — воскликнула Алиса.

— Пускай его зовут драконозавром, — согласился папа.

— Драконозавра, — повторила Магдалина. — Я принесу яйцо.

— Не твое это дело! — возразил профессор. — Мы пошлем человека из нашего зоопарка.

— И где же он найдет дракона? — спросила Алиса.

— Он знает, что искать, значит, найдет.

— Он не знает, — сказала Магдалина. — Только я знаю.

— Папа, давай мы с Магдалиной вдвоем слетаем в прошлое! — обрадовалась Алиса.

— И не мечтай! — отрезал Селезнев. — Никто тебе туда лететь не разрешит. И

правильно сделает.

— Правильно, — сказала Магдалина. — Я еду!

Селезнев подумал-подумал, провидеофонил Ричарду Темпесту в Институт времени, потом посоветовался с директором Института космической геологии, а после всех переговоров и разговоров сказал Магдалине:

— Мы тут посоветовались и решили: младший научный сотрудник Магдалина Дог хочет помочь зоопарку, потому что она знает, где находится гнездо не известного науке ящера, которого мы условно будем называть драконозавром. Точнее — драконозаврус магдалинис в честь отважной исследовательницы. Магдалина сейчас отправится в мезозойскую эру, чтобы отыскать там яйцо драконозавра и привезти его к нам в зоопарк.

От радости Магдалина готова была прыгать и хлопать в ладоши, но вовремя вспомнила, что ее положение и возраст не позволяют прыгать и веселиться.

Ведь она не какая-нибудь школьница, а настоящий научный сотрудник, хоть и младший.

Поэтому Магдалина побежала домой, поцеловала маму, пообещала вернуться на следующий день и поспешила в Институт времени.

А в этот самый момент в институте появились Семен Владимирович и Тихоша — большие специалисты по профилактике.

Профилактика — странное слово, оно означает ремонт, который делают раньше, чем что-нибудь сломается. Чтобы не сломалось потом.

Например, если в машине времени надо сменить какие-нибудь кристаллы, потому что по правилам их надо менять раз в год, то совсем не важно, годятся они или уже не годятся. Надо менять, и все тут!

Вот поэтому Семен Владимирович и Тихоша открыли люк рядом с машиной времени, который вел в специальное подземелье. Вы же понимаете, что такое сложное устройство должно иметь свое подземелье, где стоят разные приборы и устройства. Без них машина времени никого никуда отправить не сможет.

Мастера начали менять хрусталики и кристаллики, а чтобы кто-нибудь по ошибке не залез в машину времени, повесили на дверке объявление:

«НЕ ВЛЕЗАТЬ! ПРОФИЛАКТИКА!»

И вот тут-то и произошел несчастный случай.

Правда, сначала никто не догадался, что это несчастный случай.

Директор Института времени отправился на совещание.

Проходя мимо вахтера Сильвера, он вдруг вспомнил, что к нему вот-вот должен кто-то приехать. И его не застанет.

Поэтому директор подошел к столу и произнес:

— Сильвер Джонович... не в службу, а в дружбу... будьте любезны... О чем это я хотел сказать?

— Вот именно, — заметил Сильвер.

— Тогда запишите.

— Одну секундочку, — сказал Сильвер и дернул за хвост попугая.

Попугай — птица сообразительная и верная. Недаром он с хозяином вокруг света три раза обошел — «Пенитель морей» гнался за испанским галеоном, который был загружен

бутылками с ромом, а когда догнал, то никуда не мог двинуться, пока весь ром не выпили.

Попугай быстро полетел по коридорам института в поисках бумаги.

Вы же понимаете, что Сильвер был не очень грамотным пиратом и бумаги у него отродясь не бывало.

Попугай пронесся по коридорам. Двери в комнаты и кабинеты были закрыты, потому что как раз наступил обеденный перерыв. Только дверь в зал, где стояла машина времени, была приоткрыта.

Попугай влетел в комнату и увидел, что на машине времени висит листок бумаги. Попугай, тоже не отличавшийся грамотностью, сорвал листок и полетел обратно к своему хозяину. Он положил листок перед Сильвером чистой стороной вверх как раз в тот момент, когда директор института наконец вспомнил, кто же должен к нему прийти.

— Записываете? — спросил он. — Дон Сезар эль-Хуанито и с ним профессор Мухаммед Златогоров.

— Записал, — сказал Сильвер, который за это время нарисовал на листе довольно много крестиков и ноликов.

Директор вниз конечно же не смотрел. Он кивнул вахтеру и поспешил наружу, где его ждал флаер.

А Сильвер прижал листок каменным топором, который принесли от первобытных людей — троглодитов, погладил попугая по перьям и сказал:

— Ну спасибо, выручил ты, бездельник, своего старого хозяина. А то погнажи бы меня с работы, как пить дать. И стали бы мы с тобой на флаерных стоянках милостыню просить, по космодромам побираться. Ох-хо-хо, грехи наши мелкие!

И тут в институт прибежали Магдалина с Алисой.

— Вы куда, девочки? — спросил Сильвер.

— На машину времени, — ответила Магдалина, которой даже обидеться было некогда.

— Минутку, — сказал старый пират и подвинул к себе лист бумаги с крестиками и ноликами. — Не будете ли вы случайно профессором Мухаммедом Златогоровым или доном Сезаром эль-Хуанитой?

— Ни в коем случае, Сильвер, — сказала Алиса. — Плохо не узнавать старых знакомых, и даже стыдно!

— Стыдно! — закричал попугай. — Стыдно!

— Она права, — согласился Сильвер. — Мне стыдно, но как ее зовут — хоть убей, не помню.

Алиса с Магдалиной поспешили на склад, где Магдалине надо было снарядиться для особенного путешествия.

С помощью серьезного глуховатого робота Магдалина подобрала себе небольшой акваланг с двигателем, фонарь, который светит сквозь тину и грязь не хуже, чем через чистую воду, и скафандр, такой скользкий, что ни одна частица грязи к нему не пристанет.

Когда Магдалина была готова лезть в мезозойское болото, она отправилась в зал, где стояла машина времени.

Алиса шагала рядом, потому что ей не хотелось оставлять Магдалину одну. Мало ли что может случиться!

У входа в зал им встретился Ричард Темпест.

— Ну как, все в порядке? — спросил он.

— Все в порядке, — ответила за Магдалину Алиса.

— А яйцо небольшое? — поинтересовался Ричард.

Он уже знал, что Магдалина отправляется в мезозой за яйцом нового динозавра, которого она открыла в прошлую поездку.

— Как футбольный мяч, — ответила Алиса.

— А сумку с мягкой подкладкой и подогревом взяла?

— Взяла, у меня сумка, — сказала Алиса и показала сумку.

— Ну тогда поскорее возвращайся, — сказал Ричард и побежал дальше.

— Он даже не обратил внимания, что ты одета для подводного плавания? — воскликнула Алиса. — Ох уж эти мужчины! Никакой наблюдательности!

Возле машины времени девочки остановились.

— Бери сумку, — велела Алиса. — Я буду тебя здесь ждать.

— А если я задержусь? — спросила Магдалина. Она была очень благодарна Алисе за поддержку.

— А ты не задерживайся, — ответила Алиса.

— Я постараюсь, — пообещала Магдалина и шагнула в машину времени, на которой еще так недавно висела табличка: «НЕ ВЛЕЗАТЬ! ПРОФИЛАКТИКА!»

А теперь эта бумажка лежала на столе у вахтера Сильвера.

И получилось вот что.

Поскольку ремонтники вытащили из машины некоторые маленькие хрусталики и кристаллики, она потеряла точность наводки. Поэтому Магдалина могла вообще заблудиться во времени и вернуться не в конец двадцать первого века, а неизвестно куда.

Алиса рассудила, что Магдалине надо не только утащить яйцо у дракона, но еще и разыскать в болоте свои приборы. Так что вернется она не очень скоро.

Алиса сходила в буфет, перекусила, потом вышла из института и увидела на зеленом газоне робота Вертера, которого знала уже давно. Вертер как раз закончил все дела в институте и думал, чем бы ему заняться. Вот Алиса и уговорила его сыграть в футбол.

Они с Вертером немного погоняли мяч по газону, но стало жарко, и Алиса вернулась к машине времени.

Магдалины все не было.

Прошел час... Магдалины не было.

Вот уж и вечер наступил, сотрудники потянулись к выходу из института. Но далеко не все. По институту уже пробежала тревожная вест: путешественница во времени потерялась в мезозое среди ящеров.

Время шло, но Магдалина не возвращалась.

Глава четвертая. Пленница времени

Магдалина и не подозревала, что с машиной времени что-то может быть неладно.

Через сто лет машины будут ломаться редко. Тем более что машина времени не ломалась, а была неисправна. А это совсем разные вещи. Ведь на вид она была совершенно целой и работала как положено.

Магдалина без приключений добралась до того самого болота и сразу увидела над кустами зеленую голову дракона, который сонно поглядывал на облака, даже покачивался. Вот-вот уснет.

«Никуда он от меня не денется», — подумала Магдалина, проверила оборудование,

скафандр и акваланг, включила фонарь и отважно полезла в болото.

Дракон увидел ее с пригорка и даже засвистел, может, узнал.

Магдалина провела в болоте минут двадцать, хоть у нее был искатель. Но тина в болоте была такой густой, что сквозь нее с трудом пробивался даже луч специального фонаря.

Когда маленькая геологиня нашла наконец свои приборы, то обрадовалась, как грибник, которому попался боровик ростом с арбуз и не червивый.

Магдалина вынырнула на поверхность и кое-как добралась до берега, кулаками отбиваясь от глупого птеродактиля. Похоже, он решил, что Магдалина — это большая вкусная лягушка.

Тащить скафандр и акваланг в будущее смысла не было. Ведь ей еще надо добыть яйцо и доставить его в целости и сохранности.

Но выбрасывать в прошлом ничего нельзя. Поэтому Магдалина взяла с собой специальный порошок — ликвидатор. Если им посыпать любую пластиковую или металлическую вещь, она за несколько секунд превратится в безвредный порошок.

Магдалина так и поступила. Дракон все время посматривал на нее и даже отгонял нахальных птеродактилей, которые пытались напасть на девушку.

Наконец Магдалина была готова к возвращению.

Оставался пустяк — забрать у дракона его ребеночка.

Ну не совсем ребеночка, а ребеночка в скорлупе.

Дракон, который был или мамой, или папой, мог не согласиться. Поэтому Магдалина перекинула сумку для яйца через плечо и тихонько, делая вид, что собирает травинки и листочки, двинулась вокруг драконозавра, не глядя на гнездо.

Драконозавр, видно, почувствовал неладное. Он поворачивал голову на длинной шее так, чтобы не выпускать Магдалину из виду.

Но Магдалина не сдавалась.

Она дошла до хвоста и уселась на землю. Пускай дракон смотрит, ничего интересного он не увидит!

Дракону и в самом деле надоело выворачивать шею.

Магдалина на цыпочках добежала до гнезда и увидела, что одно из яиц лежит чуть в стороне от динозавра, который насиживал своих детишек.

Магдалина перегнулась через барьерчик из веток и камней и схватила яйцо. Яйцо было тяжелым и теплым.

Магдалина с трудом его приподняла, взглянула наверх и...

И увидела, что прямо над ней нависает морда дракона — пасть чуть приоткрыта, глаза дикие от драконьей злобы, а из ноздрей тянет вонючим дымком.

— Ах, простите! — воскликнула Магдалина, которая от испуга стала красноречивой. — Клянусь вам, что я не хотела разбивать или жарить ваше яйцо! У меня и в мыслях не было ничего подобного! И лучше меня не убивать, потому что вы можете повредить своему ребенку.

Дракон вздохнул. Он думал.

И вдруг морда дракона уехала куда-то в сторону и исчезла.

Магдалина поняла: он разрешил!

— Клянусь вам, — горячо сказала Магдалина, — ваш малыш будет счастлив. Лучшие условия. Уход. Забота.

Для Магдалины это была длинная речь. Она даже устала.

Она расстегнула сумку на мягкой подкладке и протянула ее дракону. А дракон сам подхватил когтями яйцо и осторожно положил его в сумку.

— Большое спасибо, — сказала Магдалина. — От лица мировой науки.

Динозавр, конечно же, ничего не понял. Он просто кивал и пускал дым из ноздрей.

«Как жаль, — подумала Магдалина, — что я не знаю, чем питаются эти страшные драконозавры. Я бы принесла ему чего-нибудь вкусненького из двадцать первого века. Если только он, конечно, не злобный хищник!»

Магдалина убедилась, что яйцо лежит как следует, застегнула сумку и вытащила камеру. Она стала снимать драконозавра на память. А тот, словно поняв, что происходит, принимал различные позы, задирает то хвост, то голову, рычал и пускал пламя.

А потом приподнялся, сделал два шага в сторону и лапой разворошил земляной холм, заваленный сучьями. Под сучьями лежали большие тыквы или какие-то другие овощи, очень похожие на тыквы.

Дракон выкатил одну из тыкв.

Магдалина ждала, что будет дальше.

Драконозавр положил тыкву в пасть и замер. Из ноздрей шел дым, во рту что-то булькало, и Магдалина, которой надоело ждать, сказала:

— До свидания!

И пошла прочь.

Тут драконозавр взревел и перегородил ей дорогу хвостом с жуткими крючьями на конце.

Магдалина удивилась, но подчинилась. Не будешь же спорить с драконозавром длиной в двадцать метров!

Но тут дракон открыл пасть, и Магдалине все стало ясно!

Как же она раньше не сообразила!

Нижняя челюсть дракона была похожа на котел. Котел был налит водой, вода кипела, над ней поднимался пар. Из горла драконозавра вырывались языки пламени, как из печки. А в котле варилась большая тыква.

Дракон языком выбросил тыкву изо рта, и она, бухнувшись о землю, развалилась на части.

Дракон подхватил перепончатой лапой тыквенной каши и протянул Магдалине.

— Спасибо, — сказала Магдалина, — я уже завтракала.

Дракон угрожающе заревел.

— Спасибо, спасибо, — сразу согласилась Магдалина.

Она подставила ладошки, и динозавр кинул туда горсть каши.

Каша была не очень вкусная и совсем несоленая. Но Магдалина съела все до последней капельки, потому что сверху на нее смотрела драконья голова, так что никуда не денешься.

Так Магдалина сделала великое открытие в биологии. Оказывается, в прошлом на Земле жили динозавры, которые умели так поднимать в себе температуру, что во рту у них, как в котле, можно было сварить тыкву, а может, и ведро картошки.

В природе ничего не бывает просто так. Если у кролика длинные и сильные задние ноги, значит, он замечательный прыгун, а если у кенгуру на животе карман, значит, кенгуру носит в нем детеныша. Вот и драконозавры приспособились к тому, чтобы есть мягкую горячую пищу. Ведь это полезнее, чем грызть сырую картошку. И огонь в них теплится не для того, чтобы уничтожать несчастных рыцарей, а чтобы варить еду.

Но, к сожалению, это замечательное открытие в науке о ящерах было сделано молодой девушкой, которая еще не вернулась домой в двадцать первый век и, возможно, никогда не вернется.

А виноват в этом бестолковый попугай пирата Сильвера. Ведь это он снял с машины времени записку, которую оставили ремонтники.

И ремонтники тоже виноваты. Привел машину в негодность — не оставляй ее без присмотра. Или совсем выключи.

Но Магдалина-то ни в чем не была виновата.

Она помахала на прощание драконозавру, который уселся на гнездо и принялся пыхать огнем в птеродактилей, отпугивая этих бандитов, и пошла к машине времени.

Настроение у Магдалины было отличное — ведь за какие-то полчаса ей удалось выполнить все, что она себе наметила. И приборы из болота вытащила, и яйцо от динозавра раздобыла, причем получилось так, что он сам доверил ей свое чадо.

Даже сумка с яйцом не оттягивала руки.

Магдалина вошла в кабину машины, закрыла за собой дверь и набрала код возвращения.

На пульте засверкали огоньки. Пассажиру они ничего не говорили — сверкают, и замечательно!

Но специалиста они предупреждали:

«ОПАСНОСТЬ! МАШИНА ВРЕМЕНИ РАЗЛАДИЛАСЬ!»

Машина подхватила Магдалину и сумку с ценным яйцом. Девушка почувствовала, как проваливается в пропасть... В глазах было темно, и полыхали звезды.

Потом все прекратилось. Приехали!

Магдалина думала, что окажется в зале Института времени, где ее ждет Алиса. Но машина стояла совсем не в Институте времени. Это был совсем другой пункт прилета.

Магдалина вышла из большого дупла древнего дуба, расщепленного молнией пополам.

Позади шумел темный еловый лес. Впереди был заросший травой склон, который вел к длинному озеру. А за озером тянулись голубые холмы.

Было сумрачно, собирался дождик.

— Это ошибка! — заявила Магдалина.

Никто не ответил. Даже эха в тех местах не было.

Магдалина вернулась из мезозоя, но она сразу поняла, что это не конечный пункт, где стоит пульт, на котором можно набрать код места назначения. Это просто промежуточная станция, можно сказать, полустанок. Здесь никакого пульта нет. Только одна кнопка «ПУСК».

На нее Магдалина и нажала.

И хоть бы что!

Ничего не оставалось, как выйти обратно.

Что же делать? Ждать, пока придет помощь?

И тут Магдалина испугалась. Если она будет сидеть и ждать помощи, яйцо может замерзнуть. Здесь было градусов на двадцать — тридцать холоднее, чем в мезозойской эпохе.

Магдалина обняла сумку с яйцом и прижала ее к груди, но сумка была слишком велика, чтобы держать ее долго.

Надо идти за помощью.

«Будем надеяться, — сказала себе Магдалина, — что мы просто ошиблись местом. Я

пройду километра два и увижу станцию флаеров».

И она пошла вниз к озеру.

А сзади из леса донесся волчий вой.

Глава пятая. Магдалина в Шервудском лесу

Узкая проселочная дорога, разбитая колесами, тянулась по берегу длинного озера, а потом повернула в глубь леса.

Лес был дубовый, просторный, гулкий, как дворец великана, но чем глубже заходила Магдалина, тем темнее он становился, тем больше вековых елей стояло между дубами, тем гуще был подлесок из орешника и калины. Правда, в одном месте деревья расступились, и дорога снова вышла к озеру. И тогда Магдалина увидела, как над лесом поднимается высокий столб черного дыма. Наверное, пожар в деревне.

Но пожар или не пожар — надо идти дальше в ту сторону. Не ночевать же в лесу: холодает, и яйцо может простудиться.

Магдалина, как вы понимаете, человек очень серьезный. Она даже в самых тяжелых условиях всегда помнит о своем долге. А раз драконозавр доверил ей своего ребенка, если это яйцо с нетерпением ждут в зоопарке, она не может оставить его на произвол судьбы. Яйцо должно быть согрето и спасено, чего бы это Магдалине ни стоило.

Она совсем не была уверена, что попала домой. Магдалина понимала, что машина времени сломалась, чего никогда еще не случалось. Она рассудила, что, скорее всего, попала в какое-то другое время и теперь придется ждать, пока ее найдут и спасут.

Так что Магдалина закинула тяжелую сумку с яйцом через плечо и побрела по дороге дальше. От каждого ее шага поднималось облачко пыли — видно, здесь давно не было дождя.

Небо стало зеленеть, появились первые звезды, но темнота еще не наступила. Магдалина прибавила шагу. Она надеялась дойти до жилья, прежде чем станет совсем темно.

И тут она услышала шаги.

Легкие шаги, почти беззвучные, пыль скрадывала все звуки.

Из-за поворота показался человек. Он шел налегке, но по походке было видно, что он очень устал и измучен.

Когда человек подошел поближе и остановился, вытащив из ножен длинный меч, Магдалина увидела, что он молод, но лицо его изрезано ранними морщинами. Волосы и борода юноши были светлыми, а одежда — пышный камзол и обтягивающие ноги темные штаны — в ужасном состоянии, словно молодого человека возили по земле.

— Стой! — приказал он хриплым голосом. — Дальше ни шагу!

Говорил он на староанглийском языке — Магдалина в этом разбиралась, потому что проходила специальные уроки.

— Я стою, — сказала Магдалина.

— Отдавай свой мешок! — велел путник.

— И не подумаю, — ответила Магдалина.

— Тогда я тебя растерзаю!

— Попробуй. Только я тебе не советую.

— Почему?

— Я волшебница, — объяснила Магдалина.

— Не похожа ты на волшебницу, притворяешься. Лучше покажи, что у тебя в мешке.

— Не могу, — сказала девушка. — Там яйцо.

— Какое еще яйцо?

— Яйцо дракона, — призналась Магдалина.

У молодого человека челюсть отвисла от удивления.

— Яйцо дракона? Так оно же ядовитое!

— Посмотрим, — сказала Магдалина. — Какой же сейчас у вас год?

— Год? Точно не помню, но вроде бы середина пятнадцатого века от Рождества Христова.

— А что там горит?

Видно, молодой человек еще никогда не встречал такую деловитую и уверенную в себе девушку. Он сначала хотел ее испугать, а теперь об этом забыл.

— И не спрашивай! — ответил он. — А у тебя чего-нибудь поесть не будет?

— Найдется, — сказала Магдалина, отошла с дороги и села на ствол поваленного дерева.

Каждый путешественник во времени получает НЗ, что означает «неприкосновенный запас». Если у тебя все продукты кончились, а вокруг нет ни одной столовой или тебе не удалось подоить мамонтиху, то ты достаешь из-за пояса такой ма-а-а-аленький пакетик.

— Проголодался? — сочувственно спросила Магдалина.

Юноша ей понравился. Хотя волосы его были грязными и спутанными, одна щека вымазана сажей, на другой краснела глубокая царапина, а под глазом темнел синяк.

Магдалина нажала на пакетик, и он тут же развернулся в скатерть.

Путешественники во времени такой пакетик прозвали самобранкой. Это великое изобретение. Потому что в пакетике спрятаны скатерть, две тарелки, три чашки, сколько хочешь ложек и вилок, а также разные продукты, батон хлеба, пакет молока, пачка масла и еще множество тюбиков, в каждом из которых свой продукт — хочешь печеночный паштет, хочешь красную икру, а хочешь манную кашу. А о чайнике с чаем мы не забыли?

Вот все это сейчас и лежало перед путником.

Магдалина почувствовала, что тоже проголодалась.

— Не может быть, — произнес путник.

— Может, — коротко возразила Магдалина.

— Значит, ты и вправду волшебница!

— Вправду.

— Тогда я пошел, — сказал молодой человек.

— Почему?

— Потому что лучше от голоду помереть, чем с волшебницей связаться. Еще превратишь меня в лягушку.

— Живи до старости, — улыбнулась Магдалина. Но юноша не сдался:

— И одета ты, как отрок... или черт.

— Я издалека.

— И стриженная ты, как мальчишка.

— У нас такая мода.

— И драконьи яйца с собой таскаешь, будто гусиные.

— И такое бывает, — согласилась Магдалина. Они разговаривали совершенно серьезно, потому что оба оказались серьезными людьми.

— И скатерть-самобранка у тебя есть.

— Ты говори, — сказала Магдалина, — а я все съем.

Она взяла тарелку и положила в нее кабачковой икры и куриную котлету. Юноша

проглотил слюну и подошел поближе.

— А может, не заколдуешь? — спросил он.

— Может, и не заколдую, — согласилась Магдалина.

Путник изловчился и выхватил тарелку из рук Магдалины.

— Ты уже ела, значит, оно не заколдованное, — сказал он.

— Ну и дикий ты человек. Как тебя зовут?

— Меня зовут Роберт Шоу, я сын благородного дворянина...

И тут путник зарыдал громко и горько. Слезы полились по грязным исцарапанным щекам.

— Ну, ты что? — расстроилась Магдалина. Она совершенно не знала, как себя вести с плачущими мужчинами.

— У меня был отец... Они убили его!

— Кто убил?

— Сэр Гай и шериф Ноттингема. Гай Гисборн позарился на наш замок. Отец был в долгах... Мы сопротивлялись... Когда стало ясно, что нам не устоять, мы хотели убежать, но начался пожар, крыша замка обрушилась, слуги погибли, а отца зарубили воины шерифа. О, горе! Куда мне деваться! Теперь я вне закона!

— Садись, — велела Магдалина. — Выпей воды...

Роберт опустился рядом с ней на бревно и с жадностью стал пить лимонад из пакета.

Теперь Магдалине стало ясно, почему он такой грязный и избитый.

— Это все случилось недавно? — на всякий случай спросила она.

Роберт показал на столб дыма, который поднимался над деревьями. На фоне закатного неба он казался совсем черным.

— А где твои враги?

— Они веселятся... пируют. Я им отомщу!

— Сначала поешь.

Роберт страшно возмутился

— Как ты могла подумать, — закричал он, — что я буду есть и пить, когда у меня такое горе!

Но при этом он продолжал жевать котлету. «Уже лучше», — подумала Магдалина.

— Я им отомщу! — шептал юноша, глотая куски котлеты. — Они будут у меня просить пощады, а я их не прощу!

— У тебя есть еще родственники? — спросила Магдалина.

Уже стемнело, из леса тянуло подвальным холодом, над головами бесшумно пролетали летучие мыши.

— Нет у меня родных, — сказал Роберт. — Я уйду в разбойники. Буду отбирать добро у богатых и отдавать бедным, а потом, когда стану сильным, нападу на рыцаря Гая Гисборна и на шерифа Ноттингемского и вздерну их на осине.

Магдалина услышала вдали топот копыт.

— Роберт, — сказала она, — не лучше ли нам сойти с дороги? Кто-то скачет.

— Нет! — воскликнул юноша. — Если это мои враги, я встречу их лицом к лицу! Лучше смерть!

— Если ты погибнешь, — заметила Магдалина, — кто же им отомстит?

Юноша задумался.

Топот копыт раздавался все ближе.

— Может, лучше пока скроемся, а потом отомстим? — предложила Магдалина.

Она схватила юного рыцаря за руку и потащила в лес.

И вовремя, потому что как раз в тот момент по дороге проскакали несколько всадников.

— Куда теперь? — шепотом спросила у Роберта Магдалина.

Они стояли в орешнике неподалеку от дороги.

— Если идти в глубь чащи, — сказал Роберт, — то мы попадем в большой Шервудский лес. Он такой дремучий, что стражники не смеют туда и носа сунуть. Там водятся множество оленей и всякой дичи. Там можно прожить...

— Мне бы лучше в какую-нибудь деревню, — сказала Магдалина.

— Разве ты не со мной? — удивился Роберт. Но Магдалина его не слушала.

— Какой ужас! — произнесла она.

— Что случилось?

— Жди меня здесь. Я должна вернуться.

— Это опасно!

— Я сейчас вернусь. Я сумку забыла.

Магдалина кинулась обратно к дороге.

К счастью, проезжавшие стражники и рыцари в сумерках не заметили сумку. И не обратили внимания на скатерть-самобранку, которая лежала на поваленном дереве.

Магдалина подняла сумку с земли и тихонько сказала драконьему яйцу:

— Прости меня, маленький. Скоро мы придем в деревню, и я тебя устрою поближе к печке.

Яйцо конечно же не ответило. Потому что еще не умело разговаривать.

Магдалина закинула тяжелую сумку на плечо и только собиралась снова шагнуть в орешник, как услышала грубый голос, доносившийся словно с самого неба:

— Ты чего здесь делаешь?

Магдалина подняла голову и увидела темный силуэт всадника.

Голова коня была совсем рядом. Он тихонько заржал, как будто хотел сказать: «Я здесь ни при чем».

Надо было бежать, и она метнулась к кустам, но сильная рука схватила ее за плечо и рванула назад. Магдалина испугалась, как бы чего не случилось с яйцом, и потому замерла, как кролик перед удавом. Она только успела пискнуть:

— Роберт, беги!

И не знала, услышал ли он ее. Страшнее было бы, если бы Роберт кинулся ей на помощь. И помочь не помог бы, и себя погубил.

Из темноты выехали другие всадники.

— Смотри, поймали одну, — сказал первый.

— Гони ее к господину!

Другой голос произнес:

— А ну пошла!

Кто-то ударил Магдалину плетью по плечу. Было больно.

Магдалина покорно пошла по дороге.

Раз больше шума не было, значит, Роберта они не поймали.

А что касается ее самой, то, может, все и к лучшему: по крайней мере, она проведет ночь в тепле и сможет согреть несчастного драконозаврика.

Убежать было невозможно, тем более с тяжелой сумкой на плече. По бокам и сзади

ехали всадники. Время от времени кто-нибудь из них принимался допрашивать Магдалину, откуда она и что делает в лесу в такую пору.

Но Магдалина делала вид, что не очень понимает вопросы, и только мычала или отрицательно мотала головой.

Идти оказалось недалеко, но дорога была неровной. Она спускалась в низину, и Магдалина скользила по глине, чавкала башмаками по грязи. Теперь она убедилась, что машина времени забросила ее в английское Средневековье.

Средневековье — значит Средние века.

Они находятся между временами древних греков и римлян, когда жили Александр Македонский, Юлий Цезарь и царица Клеопатра, и эпохой Возрождения, когда начали развиваться науки, Коперник догадался, что Земля вертится вокруг Солнца, Колумб открыл Америку, а Рафаэль и Леонардо да Винчи написали великие картины.

Если верить Роберту, то Магдалина попала в середину пятнадцатого столетия, то есть в 1450 или в 1460 год. А это уже самый конец Средневековья.

Но Магдалине от этого было не легче. Времена все равно были дикие, приходилось постоянно беречься, чтобы не угодить в ведьмы. А ведьме один путь — на костер!

«Как жаль, — подумала Магдалина, — что я не знала заранее, куда попаду, и не надела правильного платья». Ведь для динозавров одежда значения не имеет, а вот в городе или замке, куда ее скоро приведут, это очень важно.

За этими мыслями Магдалина не заметила, как они добрались до рыцарского замка. Наступила ночь, но взошла луна, и потому замок был отлично виден.

Он оказался не очень большим — четыре башни по углам, высокие стены с прямыми зубцами, ворота из деревянных плах, скрепленных железными полосами, и даже ров с подъемным мостом — все, как в какой-то старинной книжке.

Конечно, Магдалине уже приходилось видеть замки наяву, только в них в двадцать первом веке устроили музеи. Баронов там почти не осталось.

С башни всадников окликнули:

— Кого поймали?

— Такую страхолюдину, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

Ворота со страшным скрипом отворились, через ров бухнулся мост.

Внутри оказался двор, тесно заставленный телегами, заваленный тюками и бочками. Посреди двора стоял худой мужчина в железной кольчуге. Два воина по бокам держали факелы.

Мужчина всмотрелся в Магдалину и прикрикнул на воинов:

— Опустите факелы! Дайте разглядеть ее как следует!

Магдалина подумала: «Хорошо еще, он догадался, что я девушка».

— Кто ты такая? — рявкнул мужчина. Свет факелов упал на его лицо, и Магдалина увидела длинный нос, который почти доставал до нижней губы, жидкие висячие усы и темные прямые космы, торчавшие из-под тесного колпака.

— Магдалина, — сказала геологиня.

— Откуда?

— Издалека, — так же лаконично ответила Магдалина.

— Говори, из какого графства, а то прикажу из тебя дух вышибить!

— Из северной страны.

— Точнее!

— Ты ее не знаешь, господин.

— А чего у нас делаешь? Вынюхиваешь? Вредить хочешь?

— Ищу убежища, — сказала Магдалина.

Она уже придумала, как себя вести. Но для того, чтобы ее план удался, она должна была остаться наедине с хозяином замка.

— Какого такого убежища? — рывкнул рыцарь.

Воины, столпившиеся вокруг, загоготали. Им показалось смешным, что девушка решила искать убежища именно в этом замке.

— Это великая тайна, — сказала Магдалина. — Я дочь короля гиперборейских земель, принцесса Магдалина. Надеюсь, что ты, рыцарь, знатного рода?

— А то какого же?! — взревел рыцарь. — Я — сэр Гай Гисборн! Меня все знают от Ноттингема до Йорка! Сам шериф Ноттингемский — мой лучший друг.

— Тогда разрешите мне поговорить с вами по секрету, сэр, — сказала Магдалина. — Конечно, я предпочла бы иметь дело с королем Англии или хотя бы с герцогом Йоркским, но вы, барон, производите приятное впечатление. У вас очень мужественное лицо. По всему видно, что вы — выдающийся рыцарь.

Магдалина перевела дух. В жизни она не произносила такой длинной речи!

Барон подбоченился и стал крутить ус. Его воины принялись кричать, что их барон — самый смелый рыцарь в Британии.

А Магдалина догадалась, что барон — дурак, только набитый самомнением, как мешок ватой.

— Пошли! — скомандовал барон. — Можешь на меня положиться.

Он первым вошел в башню, за ним топали два воина с факелами, а потом уж Магдалина и все остальные. По деревянной лестнице они поднялись на второй этаж, и там набилось столько народу, что скоро стало трудно дышать.

— Я сказала — наедине! — заявила Магдалина. — Вы не понимаете английского языка?

— Я? Не понимаю? Какого языка? — Рыцарь очень удивился.

— На каком языке вы говорите? — спросила Магдалина.

— На своем, — ответил барон.

— Вы говорите на английском языке, — объяснила Магдалина.

Барон задумался. Оказывается, он и не подозревал, что говорит на английском языке.

Потом он рывкнул на своих подданных:

— А ну, прочь отсюда! Остаться только Джону и Косому Тейлору — пускай держат факелы.

Но Магдалину это решение не устроило.

— Так дело не пойдет.

Рыцарь подчинился. Он велел воткнуть факелы в держатели на стенах.

— Ну, теперь говори! — приказал он, когда последний из воинов застучал сапогами по ступенькам.

— Моя страна, Гиперборея, — сказала Магдалина, — была завоевана врагами. Я успела убежать на последней каравелле. И мой папа, который остался защищать дворец, приказал мне плыть в Англию и найти здесь настоящего рыцаря.

— Зачем? — спросил Гисборн.

— Сила нашего царства, — сказала Магдалина, — заключалась в том, что ворота

дворца защищал огнедышащий дракон. Папа держал его на цепи, и дракон признавал только меня.

— Ты могла подходить к дракону? — удивился рыцарь.

— И даже кормила его живыми кроликами, — сказала Магдалина, и рыцарь посмотрел на нее со страхом. Ведь не часто приходится встречать девушек, которые кормят драконов кроликами!

— И что же случилось? — спросил рыцарь.

— А то, что дракона предательски отравили! — сказала Магдалина. — Враги подсунили ему миску с бледными поганками. А наш дракоша так любил грибной суп! И он умер в мучениях.

— Какой ужас! — вздохнул рыцарь.

— И вот мой папа сказал: «Скоро враги нас совсем одолеют. Беги в Англию и уноси с собой самую большую драгоценность нашего королевства».

— Какую драгоценность? — Глазки рыцаря разгорелись.

— Только никому ни слова! — предупредила Магдалина.

— Клянусь!

Магдалина раскрыла сумку и произнесла:

— Смотрите, но руками не трогайте!

Рыцарь с опаской заглянул внутрь. Он долго вглядывался — свет факелов был не очень надежным — и наконец произнес:

— Яйцо!

Он был явно разочарован.

— Это не просто яйцо, — сказала Магдалина. — Это яйцо последнего боевого дракона во всей Европе. Говорят, что два или три еще сохранились в Китае. Но в остальном мире огнедышащие драконы перевелись. Уж очень много рыцарей на них охотится.

— А я думал, что драконы — это выдумка, — сказал рыцарь.

— Вот теперь вы убедились в обратном. Клянусь, вам не приходилось еще видеть настоящее яйцо дракона.

— И это... оно?

— Есть варианты? — спросила Магдалина.

— Может, птица Рок? — решил рыцарь. — Мне как-то няня рассказывала сказки про Синдбада Морехода.

— У птицы Рок яйца будут помельче, — уверенно сказала Магдалина, которая на самом деле не знала, какие яйца у птицы Рок.

— И что же теперь? — спросил рыцарь.

— Вы хотите стать обладателем самого настоящего дракона? — спросила Магдалина.

— Еще бы! — воскликнул рыцарь.

— Тогда я его выведу специально для вас, — сказала Магдалина.

Барон даже зажмурился от счастья.

— Но придется подождать, пока он выведется и подрастет.

— Я подожду, подожду! — закричал барон. — А потом с его помощью всех соседей разгромлю!

— Значит, так, — сказала Магдалина. — Попрошу отдельное сухое, теплое помещение, без тараканов и клопов, с очагом. Трехразовое питание мне и будущему дракону, постельное белье, стирку и полную свободу — куда хочу, туда хожу. Согласны?

— Не совсем, — ответил барон. — Насчет тараканов не ручаюсь, а свободы ты конечно же не получишь — еще сбежишь!

На том и порешили.

Магдалину отвели в большой подвал под главной башней.

— А не врешь? — спросил барон на прощание.

— Скоро проверим, — ответила Магдалина. Она была почти довольна. По крайней мере, яйцо будет в сохранности. А там разберемся.

Глава шестая. Ремонтники почти не виноваты

Алиса еще подождала Магдалину у машины времени. Скоро ей надоело ждать, и она вышла наружу. Погода испортилась, над институтом неслись тучи. Видно, синоптики погнали их куда-то на восток, чтобы поливать поля.

Она решила снова поиграть в футбол с роботом Вертером, но тот уже ушел. Сильвера тоже не было на месте.

Алиса вернулась в зал к машине времени. Та стояла как мертвая.

В зал вошел Семен Владимирович, похожий на тюленя, обтекаемый, гладкий, с круглой мордочкой и черными глазками.

За ним шла Тихоша. А Тихоша похожа на ежика — у нее такие волосы.

Ремонтники несли с собой приборы.

Они подошли к машине времени и сказали Алисе:

— Ну вот, все в порядке, можно пользоваться.

Мастера говорили хором, только Семен Владимирович как будто пел, а Тихоша произносила слова хрипло и гулко, как из бочки.

— Чем пользоваться? — спросила Алиса. Она не поняла, кто эти люди и что они хотят сказать.

— Машинкой пользоваться, ясное дело. Летать туда-сюда.

Семен Владимирович подплыл к машине времени и погладил ее по боку. Он ее строил и теперь любил, как живую.

— А раньше? — спросила Алиса. — Раньше нельзя было пользоваться?

— Так мы же записку оставили, — сказала Тихоша. — Ты ее куда дела?

— Я ничего никуда не девала.

— Ну, вот это непорядок, — рассердился Семен Владимирович. — Работаешь, трудишься. Стараешься для людей...

— Записки пишешь и вешаешь, — добавила Тихоша.

— А кто-то приходит, — закончил Семен Владимирович, — и никакого в тебе уважения к нашему беззаветному труду.

— Какая еще записка? — встревожилась Алиса. — Мы не видели никакой записки.

— А кто такие «мы»? — спросил Семен Владимирович, человек немолодой и опытный. Ему-то известно, что от любой машины надо ждать неприятностей. И чем машина сложнее, тем хуже неприятности.

— Сотрудница ушла в мезозойскую эру, — объяснила Алиса. — Ушла и еще не вернулась.

— Несмотря на записку? — возмутилась Тихоша. — Там же русским языком было написано: «НЕ ВЛЕЗАТЬ!»

— Да не было здесь никакой записки! — воскликнула Алиса. — Клянусь вам, ничего не было! Неужели бы мы отправили человека к динозаврам, если бы не были уверены, что человек вернется?

— Нет, — вздохнула Тихоша. — Не вернется ваш человек. Съедят его динозавры...

— В записке было строго написано, — сказал Семен Владимирович, — что машиной пользоваться нельзя, что мы в подвале делаем профилактику. Значит, если на ней поедешь, то приедешь не туда, куда хочешь.

Алиса кинулась к экранчику на стенке у входа.

— Ричард! — закричала она. — Скорее! У нас беда!

Прибежал не только Ричард, но и директор института.

Потом, когда Алиса и мастера все рассказали, подошли и другие специалисты. Все думали, что делать, и прервались только на минутку, потому что приковылял вахтер Сильвер и признался, что записку унес попугай.

— Ну вот, — расстроился директор института. — Разве можно вешать важные записки так, что их любой попугай снимет?

— Нельзя, — хором сказали все научные сотрудники.

— Включайте тогда главный компьютер и, если надо, подключайте его к космонету. Задача простая? Требуется выяснить, все ли в порядке у Магдалины Дог, а если не все, то узнать, где она находится, чтобы можно было поскорее ее оттуда вытащить.

После такой речи директор обвел сотрудников строгим взглядом, и некоторые из них, особенно те, кто не выполнил квартальный план или опоздал сегодня на работу, задрожали.

А попугай, который снял предупреждающую записку, упал на пол и задрал вверх когти. Лежа, он кричал противным голосом:

— Не виноватая я! Не по злему умыслу, а токмо по воле пославшего меня на смерть директора!

Директор обиделся и ушел, сотрудники тоже разошлись, а техники и Ричард принялись искать Магдалину в компьютере института. А компьютер, который не следил за машиной времени, потому что думал, что она остановлена на профилактику, все повторял:

— Да бросьте вы! Ничего плохого с машиной времени случиться не могло. Я лично за ней слежу.

Поэтому Ричарду пришлось отключить голос компьютера и попросить его вывести сведения, где Магдалина, на экран.

В ответ на это компьютер принялся на всех дисплеях писать:

— Помогите! Мне заткнули рот! Где свобода?

Попугай поднялся с пола, почистил перья, прочел надпись и сказал:

— Я тоже буду жаловаться в Организацию Объединенных Наций!

Поскольку обстановка накалилась, Ричард включил карманный компьютер.

Тот мучился, мучился, щелкал, свистел и наконец перегорел, как лампочка, чего с компьютерами в двадцать первом веке не бывает.

Починить его удалось не сразу. И только через полчаса общими усилиями люди и компьютеры догадались, что Магдалина выпала из машины времени в Средние века, а именно в середину пятнадцатого века.

Но где — этого не смогла сказать ни одна машина, ни один прибор, ни один ученый.

Дело в том, что она пропала именно в тот момент, когда Семен Владимирович с Тихошей смазывали географические блоки. В их памяти ничего не сохранилось.

— Итак, — сказал Ричард, — мы с тобой, Алисочка должны признать, что отыскать Магдалину сразу нам не удастся. Я закладываю в компьютеры и даже в космонет все, что нам известно о Магдалине и ее путешествиях в прошлое. Теперь во всех точках Земли, где установлены наши кабины в пятнадцатом веке, заработали скрытые камеры. Как только они что-нибудь засекут, тут же дадут нам знать. Надеюсь, это случится очень скоро.

— А если не засекут? — спросила Алиса.

— А вот так не бывает, — строго ответил Ричард. — Человек не песчинка. Еще не было такого случая, чтобы путешественник во времени бесследно исчез. Что-нибудь да останется...

Тут Ричард смутился, потому что Алиса могла его неправильно понять.

— Путешествие во времени совершенно безопасно! — воскликнул он.

— Знаю, знаю, — согласилась Алиса. — Магдалина обязательно найдется.

Компьютер сообщил, что включено три тысячи восемнадцать следящих устройств по всему пятнадцатому веку.

Все работают.

Все наблюдают.

Пока что ничего интересного сообщить не могут.

Тогда Ричард посоветовал Алисе идти домой и передохнуть до завтра, а сам начал организовывать группы поиска. Потому что все понимают, что компьютеры — это замечательно, они даже умнее людей, но все-таки порой без глупеньких и отсталых человечков не обойтись.

Так же думала и Алиса.

Она для виду согласилась с Ричардом, попрощалась с ним, но далеко от машины времени не отошла и стала думать.

Алиса ходила по коридору, благо рабочий день уже кончался и все сотрудники, которые не были заняты подготовкой экспедиции по спасению Магдалины, ушли домой.

Как найти девушку в пятнадцатом веке, то есть почти шестьсот лет назад, если не знаешь, где она оказалась?

И тут Алисе пришла в голову мысль, которая, конечно же, должна была сперва прийти в головы взрослым ученым, но они такие умные, что порой до простых вещей не додумываются.

Зачем ездила в прошлое Магдалина?

Она ездила за яйцом драконозавра.

Почему всех ученых так удивило открытие в мезозойской эре динозавра, который пышет огнем и дымом? Да еще и покрыт бронированной чешуей?

Потому что он был похож на сказочное существо — огнедышащего дракона. А такой дракон есть в сказках многих народов.

Почему же сказочники придумали огнедышащего дракона, если можно было придумать громадную змею или гигантского медведя? Ведь обычно в сказках действуют существа, которые встречаются в жизни, только они не такие большие и страшные.

Может быть, сказочники подсмотрели дракона?

Может быть, дракон кому-то попался на глаза?

Может быть, кто-то принес в Средние века яйцо драконозавра и из этого яйца вывелся дракон? И так всех удивил, что они его запомнили и детям о нем рассказывали?

«Ах, какая я умная! — похвалила себя Алиса. — Теперь включим литературную

программу и спросим у компьютера, у каких народов есть сказки про драконов, которые пьшут огнем».

И Алиса побежала к компьютеру.

Выяснилось, что такие драконы водятся далеко не во всех сказках. Они есть у славян, то есть у русских, украинцев, поляков и других народов, которые говорят на славянских языках, как мы с вами.

Есть такие драконы в Германии, в скандинавских странах, то есть в Швеции и у ее соседей.

Есть такие драконы в Италии, Испании и Англии — это последняя страна к западу, где о таких драконах слышали.

— Замечательно! — сказала Алиса компьютеру. — Нам не нужно искать Магдалину по всему миру. Нам надо только попасть в Европу в середине пятнадцатого века и спросить у местных жителей, откуда они узнали о драконе! А потом от города к городу, от дома к дому — так и отыщется несчастная Магдалина.

Приняв решение, Алиса кинулась к Ричарду.

Но дверь его кабинета была закрыта. Когда Алиса попыталась повернуть ручку, дверь вежливо произнесла:

— Простите, но Ричард Питерович сидит на совещании по поводу спасения Магдалины Дог, и его нельзя отвлекать.

— Понятно, — сказала Алиса и побежала в буфет.

Буфет тоже был закрыт, но не на замок.

Алиса зашла внутрь, открыла холодильник и сделала себе и Магдалине по большому бутерброду, а в плоскую бутылку налила крепкого чая.

Из буфета Алиса побежала на склад. Ей уже приходилось бывать на складе, и она знала, как открывается дверь.

На складе она разыскала рюкзачок, положила в него продукты, несколько серебряных монет, сменила свои тапочки на прочные, непромокаемые башмаки, а потом задумалась: как лучше всего одеться, чтобы не привлекать внимания? Конечно, можно одеться принцессой и всем говорить: «Видите ли, меня похитили разбойники, и теперь я ищущу своих безутешных родителей!»

А вдруг придется побывать в разных странах? Не везде же принцессы одеваются одинаково. Да и зачем привлекать к себе внимание? Чем незаметнее, тем лучше. Может, и в лесу придется ночевать...

Алиса увидела на полке сверток. Похоже на тонкий коврик.

«Если он не тяжелый, возьму его с собой, — решила Алиса. — Вот и мешок на веревке, чтобы через плечо носить. Будет мне одеяло и подстилка».

Коврик вздохнул.

— Этого еще не хватало! — воскликнула Алиса. — Говорящий коврик! Тогда лучше оставайся здесь.

— О нет! — откликнулся коврик. — Умоляю, не оставляй меня здесь! Я с ума схожу от тоски! Скажешь молчать — буду молчать, скажешь петь — буду петь. Хочешь, спою тебе арию мельника из оперы Даргомьжского «Русалка»?

— Нет, спасибо, — сказала Алиса.

— Хорошо, в следующий раз. А хочешь — стихи почитаю?

— Спасибо, как-нибудь потом. Сейчас я спешу.

— Ну, если спешишь, я тебе — лучшая находка. Легко, если нести в руке, невесом, если перекинуть через плечо, и сам могу летать. Ты знаешь, какая у меня грузоподъемность?

— Ты — ковер-самолет?

— Тебе сказочно повезло, Алиса, — ответил ковер-самолет. — Меня приволокли из эпохи легенд и забыли на складе. Хотя учти, из эпохи легенд без специального разрешения ничего брать не велено.

Алиса подумала: «А может быть, мне и в самом деле повезло? Хорошо, если дракона я отыщу сразу и поблизости от кабины времени. А что, если мне придется целую неделю носиться по пятнадцатому веку?»

— Скорей, скорей, а то раздумаю и останусь здесь, — сказал коврик.

— А ты, я вижу, хитрец!

— Не только хитрец. Я самый грузоподъемный из ковров-самолетов в эпохе легенд, а здесь, в вашем мире, мне и цены нет. Могу везти двух человек куда угодно, а при нужде и трех подниму, если они не тяжелые.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Ты прав, поехали.

— А куда? Мне же надо знать, куда меня влечет судьба.

— В пятнадцатый век. На поиски моей подруги Мадалины и огнедышащего дракона.

— Прости, а без дракона твою подругу искать нельзя?

— Испугался?

— Ни в коем случае. Поехали!

Алиса надела длинную суконную юбку, кофту потеплее и парик — длинную пшеничную косу. Не ехать же Средневековье коротко подстриженной?!

Алиса поглядела на себя в зеркало и решила, что на первый взгляд она похожа на любую средневековую девочку.

Со склада Алиса снова побежала к кабинету Ричарда, но тот все еще не вернулся с совещания. Видно, сотрудники института решили совещаться, как найти Магдалину, вместо того чтобы ее искать.

Ну и ладно!

Они еще не успеют кончить свое совещание, как Алиса привезет Магдалину обратно. Вот они удивятся!

С этой мыслью Алиса вернулась к машине времени.

Возле нее сидели на корточках Семен Владимирович и Тихоша.

— Что такое? — спросила Алиса. — Почему вы домой не ушли?

— Переживаем, — ответила Тихоша. — Как там девушке в диких временах?

— Спасибо за переживания, — сказала Алиса. — Идите домой.

Алиса дождалась, пока мастера уйдут из зала, а потом вошла в кабинку машины времени и набрала на пульте задание: 1450 год.

— Какое место Земли? — спросила машина времени.

— То же самое, — сказала Алиса. — То место, на котором я сейчас стою.

— Будет сделано, — ответила машина, и на экране появились координаты окраины города Москвы в градусах, минутах и секундах. — Держитесь крепче.

Алиса взялась за поручни и помчалась сквозь время.

Глава седьмая. Вы не видели Змея Горыныча?

В прошлом было ветрено. Алиса обрадовалась, что догадалась надеть теплую кофту.

Она думала, что очутится на улице или во дворе — все-таки Москва уже тысячу лет существует. Но вокруг поднимались темные ели, земля была усыпана шишками, из-за дерева на Алису смотрел кабан — самый настоящий, с клыками, волосатый и сердитый.

Алиса не двигалась с места. Она поглядела на кабана и сказала ему:

— Поросеночек, не сердись на меня. Я найду Магдалину и сразу уйду. Мне ничего от тебя не надо, ни желудей, ни редьки. Кушай на здоровье.

Кабан фыркнул и ушел в лес.

Алиса пошла в другую сторону. Вряд ли кабан вывел бы ее на открытое место.

Вскоре она увидела тропинку. Тропинка закончилась на опушке леса. Дальше тянулось ржаное поле, а за полем виднелись дома. Там была деревня.

Алиса быстро шагала по полю, настроение у нее исправилось.

Где деревня — там и люди, а где люди, там и сказки. А где же быть драконам, как не в сказках!

Но до деревни Алиса дошла не сразу, потому что увидела двух девушек, которые жали серпами рожь и вязали ее в снопы.

Странно было видеть, что люди так собирают урожай. Алиса когда-то видела похожую картинку в исторической книге, но увидеть все наяву и даже заговорить со жницами — совсем другое дело.

— Здравствуйте, — сказала Алиса. — Можно вас спросить?

Девушки удивились, бросили работу и глазели на Алису, разинув рты.

— Вы чего удивляетесь? — спросила Алиса.

Девушки не ответили.

— Меня зовут Алисой, я к вам приехала издалека.

Наконец одна из девушек, черноглазая и чернобровая, вымолвила:

— Ой, какая ты красивая!

— И одежка на тебе такая складная, — сказала другая девушка, тоже чернобровая, но зеленоглазая и рыжая.

Обе были в белых платках, а платья их напоминали серые холщовые рубахи почти до земли.

— А до Москвы далеко? — спросила Алиса.

— Далеко, — хором ответили девушки.

— Сколько километров?

— Чего? — не поняли девушки

«Конечно же, какая я глупая, — подумала Алиса. — Они же не знают слова „километр“».

— А долго до Москвы ехать? — спросила она по-другому.

— Ой, долго! — ответила черноглазая девица. — До вечера идти!

— Или до утра, — подхватила вторая.

— А Москва большая? — спросила Алиса.

— Ой, большая! — ответила черноглазая.

— Больше нашей деревни, — подхватила рыжая. Они так разговорились, что не заметили, как к ним подъехал верхом на коне бородатый мужик.

— Что за разговорчики в рабочее время! — рассердился он и взмахнул плеткой.

Алиса сразу вступилась за девиц — она не выносит, когда обижают слабых.

— Не смейте обижать девушек! — сказала она. — Это я их отвлекла.

— Тогда и тебе достанется! — зарычал мужик и хотел ударить плеткой Алису.

Это ей так не понравилось, что она дернула мужика за ногу. Мужик нападения от девчонки не ожидал, вылетел из седла и грохнулся наземь.

— Ох! — воскликнули девушки. — Как ты его?

— Вы же видели. Обычный приемчик, на уровне детского сада.

— Ой, ничего мы не видели, ничего не знаем, нас здесь вовсе не было! — И с этими словами девицы подхватили серпы и со всех ног побежали в деревню.

А мужик сел, потер ушибленный лоб и спросил:

— Ты ведьма, что ли?

— Нет, — ответила Алиса. — Я не ведьма, но не люблю, когда детей бьют.

— Это кто же дети? — рассердился мужик. — Это Клавка-то с Парашкой дети? Да я их не сегодня-завтра замуж отдам! А ты — дети! Сама-то кто будешь, откуда, пигалица?

Мужик разговаривал сидя, не поднимался, и Алиса почувствовала, что он ее опасается.

— Я из дальних земель, — сказала Алиса. — Хожу вот...

— И зачем же ходишь? — любопытствовал мужик, прищурив глаз.

— Да так...

Ну что же придумать? С самого начала не придумала, а сейчас — ой как трудно придумывать, когда на тебя смотрит пожилой местный житель и уже заранее не верит ни единому твоему слову.

— Говори, говори, а то я сейчас других мужиков кликну — вот тебе и конец пришел!

— Живу я в городе... Новгороде! Слышали о таком?

— Ну, допустим, слышал, — сказал мужик. — А может, и не слышал. А чего тебе на месте не сидится?

Он поднялся, схватился за спину и взвыл:

— Ох, грехи мои тяжкие, ну разве можно человека так об землю ударять? Я же не просто поселянин, не смерд вонючий — я староста деревенский, со мной сам князь за руку... Вот так!

— Я не хотела вам сделать больно, — сказала Алиса.

— Свежо предание, да верится с трудом, — изрек староста. — Кто же будут твои родичи?

— Мои родичи... — Ну как же это называлось в Новгороде? Забыла название! Надо было лучше в школе историю учить! — Мои родичи — торговые гости!

— Как отца кличут?

Это уже был настоящий допрос, и если он тебе не поверит, вся твоя работа, Алиса, пойдет насмарку. Ты же не сможешь искать Магдалину, если тебя за человека не считают.

Алиса заметила, что неподалеку из ржи выглядывают две головы в платочках и на нее смотрят две пары глаз — черные и зеленые.

— Отца моего кличут Садко, — сказала Алиса. — Он на корабле по озеру Ильмень путешествует, а потом из варяг в греки.

— Чего-чего? — не понял мужик.

— Наверное, вы слышали, что есть варяги и есть греки?

— Нет, не слышал, — уверенно ответил староста.

Конечно же Алиса опять ошиблась! В пятнадцатом веке греков, то есть Византийской империи, уже не существовало, потому что ее завоевали турки. И варягов давно уже не было.

Она спутала — ошиблась лет на пятьсот!

— Мой папа со шведами торгует. С немцами, с англичанами — со всем культурным миром!

— Это дело, — одобрил староста. — А как же Орда? Татары как же? Не шалят?

— А татар мы в Новгороде и не видали, — сказала Алиса. — Нас никто не завоевал. У нас демократия — то есть вече.

Новое слово совсем смутило мужика.

— Ладно, — сказал он. — Идем в деревню, а то тут комары заедят.

Вроде он уже не сердился на Алису. И то хорошо.

И Алиса пошла за старостой в деревню.

Так и шли. Впереди староста, которого звали дядей Тимофеем, потом Алиса, а сзади девушки-жницы.

До деревни оказалось идти недолго.

В деревне была всего одна улица и, наверное, десятка два домов, не больше.

Дома маленькие, приземистые и без труб. Вместо труб на верху крыши дырки, а из дырок идет дым. Алиса вспомнила — это называется «курная изба»! Но не от слова «курица», а от слова «курить».

Она подумала: «А ведь мне повезло! Я как будто на практических занятиях по истории. Разве дома мне бы удалось пройти по старинной деревне?»

На пыльной дороге, что бежала между избами, ребята играли в какую-то старинную игру — кидали косточки.

При виде Алисы ребята бросили играть и побежали сзади. Они кричали, прыгали и радовались — такой гостьи они еще не видели.

— Чудо-юдо! — кричали они. — Ты откуда?

Девушки кинулись на защиту Алисы. Они разогнали мальчишек, надавали им подзатыльников, чтобы не приставали к гостье.

Староста привел Алису к себе в избу.

Окна избы оказались махонькими. Они были поделены на частицы деревянными планками и затянуты слюдой или рыбьим пузырем.

В избе стоял стол и скамья.

Мужик уселся за стол и велел Алисе стоять спиной к двери.

— Теперь мы остались одни, девки не в счет. Расскажи мне, что в самом деле замыслила, что тебе нужно. А то сразу драться лезешь!

Алиса не стала спорить. Она уже давно поняла, что спорить со взрослыми — дело пустое. Они любят показывать, какие они умные и принципиальные. Так что умным детям лучше помалкивать.

— Ну и душно у вас, — сказал Алиса. — И как вы только в такой духоте живете? Хоть бы форточку придумали.

— Самое ценное, что есть у человека в доме, — ответил староста Тимофей, — это тепло. Для этого и дом строится. Так что ты нам головы не мути, лучше признавайся, зачем пришла... Или будешь в молчанку играть?

— У меня сестра пропала. Старшая сестра, — призналась Алиса. — Ее Магдалиной зовут. Ростом она чуть повыше меня, худенькая, молчаливая, возможно, носит с собой сумку, в которой лежит яйцо дракона. А может быть, дракон уже вывелся.

Алисе было жарко. Она и не заметила, как стащила с головы парик с длинной косой и

принялась обмахиваться им, словно веером.

Стало прохладнее. А коса носилась по воздуху, как длинная сабля.

И тут Алиса увидела, что обе девушки залезли под лавки и спрятались, только босые пятки наружу. А сам староста, крупный мужчина, лежит на полу без чувств.

— Вы чего? — спросила Алиса.

— Чур меня! Чур меня, чур меня! — бормотали девицы визгливыми голосами. — Ведьма, ведьма, ведьма!

— Да перестаньте, — перебила их лепет Алиса. — Что еще за чепуха! Я не думала, что вас одно слово «дракон» так перепугает.

— Нет, не дракон, — послышался голос с печки. Оказывается, там лежал старичок с длинной седой бородой и одним зубом.

— И не дракон вовсе, — прошепелявил старичок, — а тот прискорбный факт, что ты, молодлица, сняла с себя волосья и машешь ими, как метелкой. Страшно, аж жуть!

И тут Алиса поняла, что старичок прав. Наверное, с непривычки человеку страшно смотреть, как снимают парик.

Она засмеялась и натянула парик на голову.

— Ну, теперь не так страшно?

Но девушки не сразу вылезли из-под лавки, а староста долго не хотел приходить в себя. Пока он ворочался на полу, пришла Аксинья, женщина спокойная, которую ни париком, ни драконом не испугаешь.

Она налила девочкам молока и позвала их за стол. А потом сказала:

— Повтори свой рассказ, девочка, а то мой мужик здоров, да робок.

— А вот это лишнее, — обиделся староста и сел на полу. Потер шишку на лбу — видно, набил ее, кода падал. — Я просто лежал и думал. Могу я полежать и подумать? Подумать и полежать? Совсем немного. Весь день в делах и беготне, а тут думаю: почему бы мне не полежать и не подумать о главном?

— И что же у тебя главное, Тимоша? — спросила Аксинья.

— Это самое! — ответил староста. — Думать!

— А ты чего заявила? — спросила Аксинья у Алисы. И Алиса повторила свой рассказ о сестренке Магдалине и драконьем яйце.

Старичок с печки откликнулся:

— Нету у нас таких драконов. Нету. Я сто лет прожил, а про драконов не слышал. Это зверина зарубежная, не наших кровей. У нас был Змей Горыныч, его еще Илья Муромец, блаженной памяти, воевал, вничью бой кончился. Потом этот Горыныч от старости подох, а может, от лихорадки. Точно не скажу.

— И правда, давно у нас такого не слышать...

— Но, мама! — воскликнула рыженькая девица.

— Мамочка! — крикнула вторая.

Аксинья отмахнулась от дочек:

— Мало ли что люди болтают!

Алиса почуяла неладное. От нее что-то скрывают!

— Что болтают люди? — спросила она.

— Нет, — сказал староста твердо. — И думать не смей! Нельзя — значит, нельзя! Хочешь на всю деревню погибель навести?

— Но это же моя любимая сестренка Магдалина! — воскликнула Алиса. — Может, она

в опасности?

Но как Алиса их ни просила, взрослые отказались поделиться с ней тайной.

— Иди дальше, — сказал староста. — Может, тебе в Москве скажут. Москва — город большой.

Не хотелось Алисе уходить из избы. Она всей кожей чувствовала, что обитатели ее что-то знают о драконе.

Правда, оставалась еще надежда на девочек.

Поэтому Алиса попросила:

— А можно, ваши дочери меня до дороги на Москву проводят?

— Сама найдешь, — отрезала Аксинья. — Все прямо да прямо, вот и выйдешь на большак.

— Мама, можно, мы ее проводим? — в один голос взмолились девушки.

— Зачем вам это?

— А затем, — сказала рыженькая, — что Алисия нам свои золотые кудри даст поносить. Дашь, правда?

— Да, — сказала Алиса.

Они вышли из избы и по пыльной дороге пошли к большаку.

— А теперь рассказывайте, что знаете, — попросила Алиса.

— А косу дашь поносить?

Алиса сняла парик, и рыженькая сразу его напялила.

— Ну как, подружки? — спросила она. — Кто красивей всех на свете?

— Ты у нас самая красивая и умная, — сказала Алиса. — А где дракон водится?

Девушки оглянулись — нет ли кого поблизости?

Вокруг лежало поле, дальше лес. И ни одной живой души.

— В лесах нечисть живет, — сказала черноглазая. — У нас в лесу этой нечисти — пруд пруди.

— Обижают вас? — спросила Алиса.

— Не то чтобы обижают, — ответила рыженькая. — Нечисть — она во всех лесах водится, и, если ее не дразнить, она не тронет. Так, поиздевается, покружит, голову задурит и отпустит...

— Ну, конечно, не Баба-яга, — вмешалась черноглазая. — Баба-яга — она бестия, клейма ставить негде. Говорят, она мальчиков таскает и потом их в котле варит. Там у нее есть избушка на курьей ножке...

— Чепуху старухи мелют, а ты веришь! — перебила ее рыженькая.

— А ты сама посмотри! — возмутилась ее сестра. — Неужто ты тете Фекле не веришь? Она же своими глазами лешего видела!

— Но ведь не Бабу-ягу!

— А кто Бабу-ягу видал, тот больше уже ничего не увидит.

— А как же дракон? — спросила Алиса.

— Ты нам скажи, какой он, — попросила черноглазая. — Может, мать с отцом знают, но мы такому слову неученые.

— Дракон, — объяснила Алиса, — похож на Змея Горыныча, только изо рта пламя выпускает, а из ноздрей — дым, и покрыт он, как броней, зелеными пластинами. И ростом он выше избы.

— Ой! — Рыженькая зажала ладонью рот.

— Ой! — Черноглазая зажмурилась.

— Девчата! — взмолилась Алиса. — Вы его видели?

Девчата трепетали, но не отвечали.

— Признавайтесь!

Черноглазенькая сняла парик и протянула Алисе.

— Опасный ты человек, — сказала она. — Иди себе с богом. Вон там большак.

— Но вы только скажите, — крикнула Алиса, — вы его видели?

На бегу рыженькая обернулась и крикнула:

— Видели, да издали! Вот и живы до сих пор.

Алиса обрадовалась. Девушки не придумывали. Да и не только они — взрослые тоже ведут себя так, словно напуганы драконом. Неужели Алисе так повезло и она скоро увидит Магдалину?

Глава восьмая. Здравствуйтесь, я — Баба-яга!

Алиса поспешила к Москве.

Ночевать в лесу ей не хотелось. Было зябко, да и мало ли кто водится в таком старинном лесу?

Темнело. Взошла луна. Она выглядывала в просветы бегущих облаков.

Страшный вой раздался из глубины леса. Кто там, в чаще? Может, волки?

Алисе конечно же приходилось видеть волков в зоопарке или в цирке. Она даже думала, не завести ли себе волчонка, но в будущем времени звери тоже стали умными и разумными. А здесь даже на сердце стало холодно от этого воя.

Над дорогой поднималась пыль и казалась белой, словно подсвеченной.

Что это за тихий топот сзади?

Алиса обернулась и увидела зеленые точки глаз.

За ней гнались... волки!

Этого еще не хватало! Как в сказке!

Алиса, конечно, побежала и на бегу вспомнила — ах, какая же она глупая! Не взяла с собой из института порошок от хищников. Ты сыплешь его на дорогу, и любой хищник впадает в бешенство и рычит: «Чтобы я гонялся за такой вонючей добычей! Да я лучше с голоду помру!»

Но эти волки так не скажут, потому что Алиса порошок взять забыла.

Теперь можно надеяться только на собственные ноги! Недаром Алиса стометровку пробегает за одиннадцать секунд, лучше всех в классе, хотя в школе есть мальчики, которые бегают и побыстрее.

Как назло, дорога была не очень приспособлена для того, чтобы быстро бегать. И когда Алиса обернулась, волки были уже совсем близко. Ей казалось, что она чувствует их жаркое дыхание.

Алиса кинулась прочь с дороги. Увидела узкую тропинку в темных зарослях и прыгнула туда.

Но волки не отстали.

Вот они все ближе и ближе!

Алиса споткнулась о толстый сук, но тут же схватила его и подняла над головой.

— А ну, подходи, бездельники! — грозно сказала она.

Наверное, ей было бы лучше кричать во весь голос — может, услышал бы какой-нибудь поздний путник, купец или воин... Но люди стесняются кричать и звать на помощь.

Волки выстроились полукругом, и самый ближний, оскалив белые зубы, кинулся на Алису.

Алиса как следует съездила ему по башке суком, волк взвизгнул и откатился — видно, не ожидал такой прыти от девчонки.

Остальные хищники остановились и призадумались. Ведь волки, шакалы и просто бандиты сильны тогда, когда их в десять раз больше или когда добыча кажется им совсем беззащитной.

Но как только кролик или девочка покажет зубы, шакалы и бандиты сразу задумываются: а вдруг им сделают больно? Они очень себя ценят!

— Ну что? — спросила Алиса. — Может, домой пойдете? Спатеньки пора!

Волки были настоящие, не сказочные, говорить они не умели, лишь скалились в ответ и злобно рычали.

И вот нашелся один смельчак!

Он бросился на Алису. Алиса только успела прикрыться суком. От удара она не удержалась на ногах и чуть было не свалилась. Хорошо, что сзади оказался огромный дуб и Алиса смогла к нему прислониться.

В то же мгновение она ощутила горячее дыхание зверя!

Все!

Голыми руками с ним не справиться!

И в этот момент Алису оглушил дикий свист.

Сверху, похоже с вершины дуба, свалилось страшное, темное и мохнатое существо, похожее и на медведя, и на человека.

Чудовище завопило:

— Ййеех!

И принялось быстро-быстро кружиться, выбрасывая ноги и руки, как четырехрукий боксер.

Волки завизжали, словно побитые собаки, и кинулись врассыпную. А Алиса так и осталась стоять, прижавшись спиной к дереву.

— Ну как? — спросило чудовище. — Не повредилась?

Алиса подумала: раз ее спрашивают, да еще спокойным голосом, значит, пожирать не намерены.

— Со мной все в порядке, — сказала Алиса. — Сейчас пойду дальше.

— И куда же ты, прости за любопытство, пойдешь? — спросило мохнатое чудовище.

— В Москву! — ответила Алиса. — Мне говорили, что тут недалеко.

— Далеко-недалеко, но верст двадцать будет. Ты туда как раз к рассвету дойдешь, только сомневаюсь я.

— Почему же?

— А потому что в лесу еще волки есть. И медведи, все захотят на тебя поохотиться.

— А куда же мне деваться? — огорчилась Алиса.

— Эх, не хотелось мне этого делать, и товарищи мои будут сердиться, но, видно, ничего не поделаешь — пошли к нам.

— Куда же это — к вам?

— Вот придешь, там и увидишь.

Алиса поняла, что надо слушаться. У нее не было другого выхода.

Чудовище поспешило в глубь леса, а Алиса семенила за ним, стараясь не спотыкаться о торчащие из земли корни.

— Нам долго идти? — спросила Алиса.

— Пока не дойдем, — откликнулось чудовище.

— Хорошо бы поскорее, — сказала Алиса, — а то я что-то устала.

— Еще бы, — согласилось чудовище. — С волками наперегонки бегать — это не каждый сможет!

Алиса решила не обижаться и спросила:

— А вы в лесу живете?

— Как будто не знаешь, — ответило чудовище.

Стало совсем темно. Свет луны с трудом пробивался сквозь ветви деревьев. Алиса видела перед собой только мохнатую спину чудовища. Оно шло странно — переваливалось, как медведь или, может, как горилла.

А что, если это первобытный человек? Последний неандерталец?

— Вы, очевидно, троглодит? — спросила Алиса.

— Чего-чего?

Чудовище сразу остановилось, и Алиса уткнулась в его теплую мохнатую спину.

— Ты откуда слово такое знаешь? — спросило чудовище.

Оно обернулось, но Алиса в темноте не смогла его разглядеть.

— Обычное слово, — сказала Алиса. — Жилец пещер, первобытный человек, может быть, даже неандерталец.

— Ну ты даешь! — восхитилось чудовище. — Как тебя зовут?

— Алисой. А вас?

— Чаще всего меня называют лешим, — сказало чудовище, — но порой зовут хозяином леса, дядюшкой, словом, кто как...

— Никогда в жизни не видела лешего. То есть в эпохе легенд видела, а вот в обычном измерении, в реальности — нет, не видела, — призналась Алиса.

— Ну и дела! — пробормотал леший. — «Обычное измерение»... Откуда только такое в твою головку попало? Это надо будет тщательно проверить.

Последние слова лешего прозвучали как-то зловеще. Нехорошо прозвучали.

И тут они вышли на поляну.

Небольшая поляна в лесу была бы обыкновенной, если бы не избушка, которая возвышалась точно посредине.

Это была обычная древняя изба, но стояла она не на земле, как положено, а на гигантской, с Алису ростом, куриной ноге.

Вот это уже никуда не годилось.

И я объясню вам почему.

Конечно, все знают, что существовала эпоха легенд. Как раз между третьим и четвертым ледниковыми периодами. И в ту отдаленную эпоху на Земле жили волшебники, ведьмы, лешие, драконы — кого только не было. Обитатели всех сказок, оказывается, когда-то жили на самом деле, и первобытные люди, которые их застали, запомнили их, а потом рассказали о них своим детям, а те поведали своим внукам и так далее. И чем больше проходило лет, тем сказочней казались эти истории.

А потом, когда в теплых странах наступили холода и навалились ледники, сказочные

существа вымерли — они же огонь развести не могли, дома строить не умели. А если такой волшебник и возведет дворец, то с восходом солнца чудесные дворцы, как правило, рассыпаются в порошок. Они же построены не из кирпичей, а из заклинаний. А заклинания не греют.

Только люди, построив печки и посеяв пшеницу, смогли пережить холода.

Теперь понимаете, почему Алиса удивилась?

Она же знала, что попала не в эпоху сказок и легенд, а в нормальный пятнадцатый век, в обычное время. Тут не должно быть избушки на куриной ноге и не может быть никаких леших!

— Это неправильно! — сказала Алиса.

— Правильно, правильно, — ответил леший и громким противным голосом произнес: — Избушка-избушка, повернись к лесу задом, а ко мне передом!

«Говорит, что надо, — подумала Алиса. — Но все равно это розыгрыш!»

Избушка медленно, со скрипом начала поворачиваться.

Вот показалась низкая дверь.

В двери стояла Баба-яга.

Алиса догадалась, что это Баба-яга, не только по согнутому силуэту, но и по отвратительному ведьминому голосу.

— Кого ночью по лесу носит? — спросила Баба-яга. — Кому не спится? Кто честных людей осмелился будить? Растерзаю!

— Да погоди, бабка, — ответил леший. — Я же леший, неужто не узнаешь?

— Может, и узнаю. А с тобой кто?

— А вот ты пусти нас в избу, тогда и поговорим.

— Вижу плохо, — откликнулась ведьма. — Вроде бы человеческий детеныш, человеческим духом пахнет! Зачем сюда привел? Хочешь нашу тайну людям передать?

— Кончай ты свои речи! — рассердился леший. — Опускай лесенку, комары заедают!

И тут Алиса поняла, что леший прав. Она так волновалась, что не заметила, как злобно нападают на нее комары.

— Ну ладно, только проверь, нет ли у нее с собой пистолета! — сказала Баба-яга и через секунду опустила лесенку, по которой Алиса с лешим поднялись наверх.

В избе было тесно, в углах пыль и паутина, черный ворон сидел на перекладине под потолком, черный кот сразу начал ластиться к Алисе, словно узнал в ней хозяйку.

Баба-яга оказалась и в самом деле древней и весьма неприятной особой. Лет ей было на вид сто пятьдесят, к тому же она не вставила себе искусственные зубы, а настоящих у нее осталось всего два — один сверху и один снизу.

— Ну что, будем ужинать? — спросила старуха. — Спасибо, что ты, старый греховодник, мне сегодня ужин на дом привел. А то лови, хватай детишек. Устала я в моем возрасте по лесам бегать, за углами подстерегать. Я уж думаю порой: а не перейти ли мне на растительную пищу? Ты как считаешь, леший?

— Главное — ребенка не пугай. Ее уж волки так напугали, что ей теперь никакая Баба-яга не страшна.

— В самом деле я тебе не страшна? — спросила Баба-яга и захохотала.

Алисе этот хохот не понравился. Кто их знает, этих ведьм? Ведь недаром же они в сказках малышей в котлах варят.

Алиса огляделась.

Избу освещали лишь две свечи на столе. Но они давали достаточно света, чтобы понять: печка в избе есть, а вот большого котла, чтобы сварить в нем человека, нет.

Но хитрая Баба-яга догадалась, куда смотрит Алиса, и быстро ответила на вопрос, которого Алиса и задать-то не успела:

— А мне большого котла и не надо! Я сначала вашего брата на куски режу, а уж потом в кастрюлю закладываю, да с лучком и перчиком!

— С перчиком? — удивилась Алиса. — А ведь еще Индию не открыли!

— Вот именно, — вмешался леший. — Я неоднократно предостерегал от анахронизмов!

— Чего-чего? — воскликнула ведьма.

— Да так, случайное слово, — смутился леший.

«Странный этот леший», — подумала Алиса. И от волков ее спас... А зачем лешему человека от волков спасать, если леший — хозяин леса и волки ему как младшие братья? Любую сказку прочти, там об этом сказано. Привел ее сюда и вроде бы сам не очень верит в злодейство своей подруги.

— Простите, — спросила Алиса у Бабы-яги, — а вы на самом деле едите детей?

— Разумеется, — ответила ведьма.

— А почему?

— Потому что они вкусные.

— Это чепуха, — возмутилась Алиса. — Вовсе мы не вкусные.

— Вот когда поживешь с мое и съешь три тысячи пятьсот детишек, тогда иначе заговоришь, — сказала Баба-яга и захохотала.

В дверях показался мокрый толстяк в женском купальном костюме и укоризненно произнес:

— Старая женщина, а так врет! Ну когда ты успела слопать три тысячи пятьсот ребятишек? Ты и двух тысяч не сожрала!

— Ах, какое грубое слово! — вздохнул леший. — Надо говорить: скушала.

Алиса смотрела на эту компанию и глазам своим не верила. Один мохнатый, словно медведь, шерсть встрепанная, грязная, борода во все стороны, а лицо как у человека. Это леший.

Вторая — старуха, худая, согнутая, как вопросительный знак, два зуба торчат из пасти, седые волосы выбиваются из-под платка. Это — Баба-яга, только нога у нее не костяная, а самая обыкновенная, и из-под юбки сапоги видны, со шпорами.

И вот третий пришел. От него рыбой воняет, вода на пол капает, лицо круглое, зеленоватое, безволосое, глаза белые, выпученные, из рук не выпускает зонтика. Это водяной, догадалась Алиса.

— А вот я, — поделился опытом водяной, — детей обычно топлю. Они потом вкуснее становятся.

— Хватит, друзья, пугать ребенка, — вмешался леший. — Это безобразие, ведете себя как невоспитанные младенцы!

Кот подкрался к Алисе и стал ластиться, тереться боком о ее ноги, а Баба-яга подошла к столу и кинула на нее скатерть. Алиса не успела заметить, откуда старуха ее достала.

Скатерть была обыкновенной, белой.

Потом Баба-яга открыла деревянный шкаф — как же его Алиса раньше не углядела!

Из шкафа ведьма вытащила тарелки — четыре тарелки, но потом задумалась. Леший понял, о чем она думает, и велел:

— Ставь пятую тарелку, ребенку тоже кушать надо. Она же растет.

— Как тебя зовут, ребенок? — спросила Баба-яга скрипучим голосом.

— Алисой, — ответила Алиса. — Я — Алиса Селезнева.

— Ну, садись за стол, Алиса Селезнева, — пригласил леший и вытащил из-под стола несколько табуреток.

Между тем водяной принялся помогать ведьме накрывать на стол, раскладывать деревянные ложки, резать хлеб. Вот уж чего Алиса не ожидала увидеть, так это настоящий хлеб.

— У нас не только хлеб есть, — сказала Баба-яга. Уж очень она умела чужие мысли угадывать. Даже неприятно. — Компотами не балуемся, но чаю дам.

— Анахронизм? — спросила Алиса у лешего.

Тот засмеялся и сказал:

— Запомнила слово? А оно означает...

— То, что случилось не вовремя, — закончила Алиса.

— Примерно так, — согласился леший. — Ты садись за стол, садись, небось проголодалась.

Алиса села и подумала: «А ведь я и в самом деле проголодалась!»

Баба-яга поставила перед каждым по миске со щами. Щи как щи, словно дома на даче бабушка сварила.

Алиса получила ломоть хлеба и стала есть.

Она ела и поглядывала на своих соседей. И ломала голову.

Вот сидят вокруг сказочные существа — их мало кто в самом деле видел, а уж верят в них только малыши до пяти лет.

Чудовища страшные!

Едят с аппетитом. И хоть уродливые, но Алиса их не боится.

Тут водяной откусил от ломтя сразу половину и спросил:

— Девочка Алиса, скажи нам, откуда ты родом и зачем сюда прискакала?

— Родители у меня живут в Новгороде, — начала Алиса. — Папу зовут Садко, он торговый гость, на корабле плавает и гостит, а я вот поехала к бабушке...

Алиса не успела договорить, как Баба-яга проворчала:

— А бабушку твою, конечно, скушал серый волк?

— Это меня чуть не съели серые волки, — сказала Алиса. — Спасибо, леший спас.

— Знаем-знаем, о твоих подвигах весь лес уже шумит, — проворчал водяной.

— Ты лучше нам скажи, откуда ты на самом деле, — сказал леший. — Историю про купца Садко ты из книжки вычитала или в кино смотрела?

— Она оперу знает, — заметил водяной.

«Конечно, они притворяются!» — подумала Алиса. Но кто же они на самом деле? Может, космические пришельцы? Инопланетяне прилетели завоевывать Землю, но пока копят силы и сидят в Средних веках? Надо срочно возвращаться и сообщить комиссару Милодару из Галактической полиции.

— А ты, я вижу, притворяешься, — сказала Баба-яга. — Подозреваю, что приехала ты из будущего.

Но Алиса уже решила не сознаваться. И поэтому сказала:

— Из какого еще будущего?

— Не хочешь, не говори, — обиделась Баба-яга. — Тогда иди на печку спать, а нам надо

еще обсудить кое-какие свои проблемы. А на прощание можешь задать нам один вопрос.

— Один вопрос? — повторила Алиса.

— Вот именно.

— Скажите, — спросила Алиса, — вы не видели в этих краях дракона?

— Кого? — удивился водяной.

— Не видели ли вы ящера, змея или другого крупного чудовища, покрытого зеленой чешуей и извергающего изо рта и ноздрей дым и огонь?

— О нет! — закричали все сразу. — Только не это!

— Что случилось? — удивилась Алиса. — Что вас так испугало? Неужели вы его знаете и не любите?

— Почему не любим? — неискренне сказала Баба-яга. — Очень даже любим.

— Кого?

— Дракошу, ясное дело — кого, — ответила Баба-яга.

— Бабушка шутит! — вмешался в разговор леший. — Ты, Алиса, лучше кушай поскорее и иди спать. Детям спать пора.

— Баиньки-баиньки, — сказал водяной. — Иди спи на печку, а то у нас еще дел много.

— Каких дел?

— Дел? Деловых дел, вот каких, — отрезала Баба-яга. — А ты спи!

Алиса вдруг поняла, что больше всего на свете хочет спать. Хоть убей, только дай поспать!

Глаза слипались, голова кружилась...

Алиса с трудом заставила себя подняться из-за стола.

— Где здесь... печка... — прошептала она.

— Дай-ка я тебя отнесу, — сказал леший и подхватил Алису на руки.

Алиса даже сказать ничего не смогла. Как и положено девочке из двадцать первого века, она хотела сказать: «Где здесь душ или ванна, мне надо помыться перед сном?» — но язык ее не послушался.

Глава девятая. Покажите мне вашего дракона

Алиса спала крепко и без снов. И понятно почему. Ведь лесные существа ее загипнотизировали, чтобы она не мешала им обсуждать свои проблемы. А какие, я вам пока не скажу, и вы можете думать, что они рассуждали о том, как помочь Бабе-яге ловить мальчиков и девочек или как запугать всех рыб в речке, чтобы водяному было сподручнее их ловить.

На самом деле леший, Баба-яга и водяной обсуждали совсем другие проблемы.

А Алиса спала.

И, к своему стыду, проспала до половины десятого утра.

Она точно знала время без часов, потому что через сто лет детям при рождении будут вшивать капельку размером меньше муравья. Это и есть внутренние часы. И каждый человек будет знать время с точностью до секунды. Не надо смотреть на часы, и ничего в тебе не сломается. Тебе даже не надо спрашивать себя, который час. Ты просто знаешь об этом, как знаешь, что сейчас день, а потом наступит вечер.

Алиса проснулась и подумала: «Уже половина десятого. А что я здесь делаю?»

Она попыталась вскочить и со всего размаха стукнулась головой о потолок избы,

потому что печка была высокой, а с лежанки можно было рукой достать до потолка.

В глазах у Алисы помутилось, и она услышала скрипучий голос Бабы-яги:

— С добрым утром, ребеночек! Так-то ты со старухой здороваешься? А ведь у меня здоровье слабое, подорванное безобразиями бурной молодости, ни кровинки чистой в организме не сохранилось. Погубить ты меня решила, что ли?

— Извините, — сказала Алиса. — Это я спросонья вскочила.

— Понимаю, потому и не буду тебя на завтрак варить, — смягчилась Баба-яга.

— Шутите?

— Шучу-шучу, но в каждой шутке есть доля истины. Так что вставай, ребенок, одевайся, умывайся, далеко от избы не отходи, потому что лес здесь опасный, можешь и голову потерять.

— Я постараюсь.

Алиса уже начала привыкать к жизни у ведьмы. Баба-яга была скорее смешной, чем страшной, особенно когда старалась запугать Алису.

— Как выйдешь из дома, — сказала Баба-яга, — сразу бери вниз, к речке. Там у затона вода глубокая, чистая, только не купайся, не ныряй.

— А почему нельзя? — спросила Алиса.

Ведь Алиса — самый настоящий обыкновенный ребенок. Если взрослые сказали, что купаться нельзя, ей сразу же захотелось искупаться.

Алиса спрыгнула с печки.

Баба-яга стояла возле печи и заглядывала внутрь, словно там жарился ребеночек..

Она оглянулась, показала Алисе передний зуб и прошамкала:

— Чего на завтрак желаем? Козленка, лягушонка или котенка?

— Манную кашу, — ответила Алиса.

На самом деле Алиса не выносит манную кашу. Но не могла же она сказать, что любит лягушек или козлят? Ничего такого она в жизни не пробовала.

— Хорошо, — согласилась Баба-яга. — Скорее мойся и возвращайся. Будет тебе манная каша с комками и тараканами.

И захохотала во весь голос.

Но Алиса не сдалась. Она ответила:

— Пожалуйста, пускай будут тараканы, жуки и лягушки, только не надо комков.

Баба-яга даже не нашлась, что ответить. Рот разинула от удивления.

Алиса спрыгнула на траву, и только тогда ее догнал голос Бабы-яги:

— Ну, ты даешь, Алиса! Ты — наш человек!

Алиса поняла, что победила Бабу-ягу, и побежала направо, вниз по тропинке, которая вела к речке.

Речка была небольшая, узкая, тихая, к ней склонялись вербы, чуть ниже по течению ее пересекала плотина мельницы, но мельницей, видно, давно не пользовались, она обвалилась, только несколько бревен осталось, да и колесо мельничное лишилось половины спиц. Но плотина еще держалась.

Алиса сбежала к воде, зачерпнула ладошками воды и ополоснула лицо.

Жалко, что мыла нет, и у Бабы-яги забыла попросить.

Тут Алиса услышала, что кто-то идет, еле переставляя ноги, по другому берегу реки.

Она замерла.

А вдруг снова волк?

Нет, это был не волк. А тот старичок, что сидел на печке у старосты. Вот уж кого не ожидала увидеть.

Старичок спустился к воде, но Алису за кустами не заметил.

— Эй, — позвал старичок, — выходи, красотка, я к тебе пришел с приветом.

Алиса подумала было, что это зовут ее, но откликаться не стала — ведь Баба-яга предупреждала ее об осторожности.

И правильно сделала.

Оказывается, дедушка звал вовсе не ее.

Алиса увидела, как вода расступилась и к берегу подплыла русалка. Самая настоящая сказочная русалка — девушка с темно-зелеными волосами и без купальника.

Старичок ее не испугался.

— Доброе утро, — сказала он. — Я пришел, как мы с тобой и договорились.

— Чего принесли? — спросила русалка и закашлялась.

— Простудилась, что ли? — поинтересовался старичок.

— Разумеется, простудилась, — капризно ответила русалка. — А что будешь делать, если со всех сторон вода.

— Надо одеваться потеплее, — посоветовал старичок.

— Ну что вы говорите, Евгений Тихонович! — рассердилась русалка. — Что же мне, скафандр надевать, что ли? Вы его еще не изобрели!

— Не знаю, что там у тебя за сифандер, — ответил старичок. — Сто с лишком лет обитаю на этом свете, а про сифандер не слыхал. Виданное ли дело порядочной девушке в сифандерах ходить!

— Я не хожу, — сказала русалка. — Я плаваю и ныряю.

— Да, — вздохнул дедушка, — плохо твое дело, тут чахоткой не отделаешься..

— Перейдем к делу, — сказала русалка. — Попрошу вас, Евгений Тихонович, поделиться со мной своим творчеством, а также творчеством ваших односельчан.

— Тебе как — устное творчество или записки передать?

— Говорите устно, — приказала русалка, — я записывать буду. А то на вас пергаменту не напасешься.

— А я писать люблю, — произнес старичок. — Тянется душа к образованию. Страшно подумать, как наши правители скрывают от народа образование! Это хорошо не кончится.

— Ладно-ладно, — перебила его русалка, — совсем вы меня, дедушка, заморозить решили. Начинайте свое повествование!

— Сказка о курочке — золотое яичко, — сказал дедушка. — Диктовать или ты ее слыхала?

— Про яичко слыхала, — ответила русалка, — но, возможно, у вас, Евгений Тихонович, другой вариант.

— Возможно, и другой. Так что начинаю. Значит, так: жили-были дед да баба, и была у них Курочка Ряба. Как-то раз снесла она им яичко. Да не простое, а золотое.

— Странно, — сказала русалка.

— А ты вылазь на бережок, — предложил старичок. — Меня ты своим голым хвостатым видом не испугаешь, а чужие здесь не ходят.

— И то дело, — согласилась русалка и взобралась на откос.

Вид ее был не для слабонервных. Представляет — длинные зеленые волосы, бледное, белое с зеленоватым отливом, голое тело. А ниже пояса начинается хвост, весь в чешуе, на

конце плавник, но не рыбий, а как у дельфина или кита. Впрочем, ничего в этом необычного нет, поняла Алиса, ведь русалки — родственницы дельфинов и других водных млекопитающих.

— Продолжайте, Евгений Тихонович, — скомандовала русалка.

— Одну минутку. Забыл, где остановился.

— На золотом яичке, — подсказала русалка.

— Вот именно. Снесла им курочка-ряба золотое яичко. А у меня возник вопрос.

— Еще чего не хватало! Сейчас кто-нибудь пройдет мимо и увидит меня на берегу.

Скандала не оберемся.

— Все равно задам. Скажи на милость, а если из яйца выведется цыпленок, каким он будет?

— Не выведется, — ответила русалка. — Разве не ясно, что не выведется? Яйцо же насквозь золотое, его разбить не смогли.

— А вот и неправда, — обрадовался старичок. — Давай я тебе дальше расскажу...

В этот момент Алиса, которая заслушалась разговором на другом берегу, поскользнулась на откосе и съехала по траве к самой воде.

— Ах! — воскликнул дедушка и уронил в воду листки пергамента, на которых он записал сказку.

— Ах! — воскликнула русалка и нырнула в воду — брызги во все стороны.

— Ах! — воскликнула Алиса и поджала ноги, чтобы не промочить.

— Ну вот! — сказала Баба-яга, которая верхом на метле спускалась к речке. В руке у нее было ведро. — На пять минут нельзя их оставить. Алиса, я же просила тебя не шуметь! Русалка, сейчас же вылезай! Тоже мне, пугливая отыскалась! Дедушка, а ты не робей, такие уж мы в лесу уродились.

Дедушка взял себя в руки и ответил:

— Мы понимаем, мы с разумением. Если вы страшилища такие, то и сами друг дружку опасаетесь. Вот только сказку жалко.

— Сейчас соберу, — успокоила старика Баба-яга.

Она ударила кулачком по метле, и метла взмыла над водой. Баба-яга летела над речкой и выхватывала из воды листочки. Тут и русалка вынырнула и тоже стала листочки собирать. А дед бегал по берегу и командовал:

— Левее бери, еще левее! А вон там, под корягой, видишь?

Скоро старуха все собрала и отдала дедушке. Тот сказал:

— Листки на бережку положи, а ко мне не касайся, уж очень о тебе слава дурная идет.

Говорят, детей кушаешь.

— Глупый ты старик, — обиделась Баба-яга. — Лучше бы спросил у Алисы, она в моей избушке ночевала.

— Ага, — сказал дед, — Алису мы знаем, она вчера у нас побывала. Все драконом интересовалась. Подозрительная девица. Лучше бы ты ее съела.

— Ах, какая жестокость! — воскликнула русалка. — А я думала, что вы добрый дедушка.

— Как же мне добрым быть, — возмутился дедушка, — если я в такое жестокое время живу? Вокруг феодалы, угнетатели, татары наезжают, грабят, налоговые сборщики обирают, а тут еще нечисть в лесу развелась, драконом пугает...

— Дедушка, помолчите, пожалуйста, — взмолилась русалка. — Здесь человек

посторонний, может неправильно понять.

— А у нас понимай не понимай, все равно добром не кончится, — упрямо сказал дедушка.

— Это нечестно! — закричала Баба-яга. — Тебе кто-нибудь из нас помешал, повредил? Кто-нибудь тебя испугал, ограбил? Нет, ты скажи, скажи, разве от нечистой силы тебе был убыток?

— Не был, так будет, — упрявился дедушка.

— Тогда зачем же вы к нам сказки носите? — спросила русалка.

— А выгода?

— Ну, какая вам выгода?

— Каждый писатель, — ответил старичок, — хоть ты ему ни копейки не плати, все равно писать будет. Такая у нас, у творческих людей, планида. А если дашь грошик на самогонку, век буду помнить!

— Держи копейку, — сказала Баба-яга и кинула старичку серебряную монету.

Тот монетку поймал на лету, сунул за щеку и повернулся было бежать, да вспомнил и обернулся.

— А чистый пергамент где найду?

— Значит, и дальше будешь сотрудничать?

— Куда ж мне деваться? — вздохнул старичок и побежал прочь, только кусты затрещали.

— Это еще что за подарок судьбы? — спросила русалка у Бабы-яги, показывая на Алису.

— Подарок зовут Алисой, — ответила ведьма. — Приблудилась к нам с вечера, подозрительная девчонка, так бы ее и поджарила.

— Не выйдет, — засмеялась Алиса. — Я вас не боюсь.

— Вот видишь, — огорчилась Баба-яга, — никакого воспитания!

— Мне хочется узнать, — сказала Алиса, — кто вы такие, почему притворяетесь и где прячете дракона?

— Нет, вы только посмотрите! — воскликнула Баба-яга. — Она еще нам ставит условия!

Но почему-то при этих словах она улыбалась.

И тут из воды высунулась лысая голубая голова водяного.

— Доброе утро! — проревело чудище. — Что за шум, а драки нет? Кому хочется поглядеть на дракона?

— Все та же девчонка, — ответила Баба-яга. — Все тот же трудный ребенок!

— Пускай идет и смотрит собственными глазами, — сказал водяной, — только не мешает нам работать. У меня в двенадцать встреча с коллективом частушечников.

И водяной поплыл вверх по реке. Он плыл, как заправский пловец, саженками, только голубой затылок поднимался над водой, а за ним тянулся белый пенный след.

— Хочешь поглядеть на настоящего дракона? — спросила Баба-яга.

— Хочу, — ответила Алиса.

— И не испугаешься?

— И не испугаюсь.

— Тогда беги за мной.

Баба-яга полетела на метле вдоль тропинки, мимо развалин мельницы, над зеленым

лугом, вдоль зарослей орешника. Алиса поспешила за ней.

Ей пришлось бежать. Видно, в метле был какой-то движок, потому что она жужжала, как большой шмель.

Баба-яга даже не оглядывалась. Она была уверена, что Алиса не отстанет.

Тропинка выбежала на вершину пологого холма. С него было видно далеко вперед.

И Алиса увидела, что над вершинами елок поднимается голова зеленого динозавра.

Ох и велик этот зверюга! Выше десятиэтажного дома!

Дракон медленно разворачивался — всем телом, словно старался разглядеть, кто там скрывается под пологом леса.

Алиса смотрела на него и думала, пыхнет он огнем и дымом или не пыхнет?

Дракон пасти не открывал.

И еще Алиса подумала, что сильно промахнулась, когда улетала в прошлое. Сколько же лет живет здесь несчастная Магдалина, если дракон уже вымахал под самые облака? Может, ее уже и в живых-то нет?

Пока Алиса стояла и рассуждала, Баба-яга умчалась далеко вперед.

— Пойдите! — крикнула Алиса. — Подождите! Мне нужно у вас что-то спросить!

Баба-яга взвилась на метле под самые облака, потом совершила поворот и по широкой дуге опустилась к Алисе.

— Какие еще будут вопросы? — спросила она.

— Где Магдалина? — выпалила Алиса

— Не знаю никакой Магдалины! — ответила Баба-яга.

— А откуда же у вас дракон?

— От верблюда! — отрезала Баба-яга.

— Я не шучу! — закричала Алиса. — Я специально сюда прилетела, чтобы отыскать Магдалину Дог, и теперь я подозреваю, что вы ее убили и съели.

— Попрошу без оскорблений! — обиделась Баба-яга. — Мы не людоеды.

— Почему же не людоеды? Откройте любую сказку, и вы про себя такое узнаете!

— Еще бы! — Баба-яга опустилась на траву и взяла метлу на изготовку, словно винтовку или копье. — Мы же сами им помогаем это придумывать.

Алиса не стала слушать Бабу-ягу. Она очень беспокоилась о Магдалине.

— Простите, — перебила она ведьму, — но я хочу подойти к дракону поближе.

— Нельзя, — ответила ведьма, — он тебя зашибет.

— Вам не понять, — сказала Алиса. — Вы здешние, дикие люди...

— Не спеши обзывать, — сказала Баба-яга, — если людей как следует не знаешь. Ты же не знаешь, кто мы такие на самом деле.

Но Алиса ее уже не слышала. Она кинулась бежать в лес, напрямик, через кусты, перепрыгивая через корни. Ветки стегали ее по лицу, шишки норовили стукнуть по голове, пауки расставляли липкую паутину, а Баба-яга летела над вершинами деревьев и кричала:

— Вернись обратно, непослушный ребенок! Это хорошо не кончится! Ты наверняка пострадаешь!

Алиса не помнила, долго бежала или нет, но неожиданно выскочила на небольшую круглую полянку.

Посреди полянки на задних лапищах сидел колоссальный зеленый дракон, морда которого поднималась над лесом.

Алиса даже отпрянула под защиту деревьев — таким страшным показался ей этот ящер.

Но что удивительно: рядом с драконом, как раз у конца его толстого хвоста, стоял леший. Он совсем не боялся дракона.

Больше того, он склонился над хвостом и дернул за него.

Конец драконьего хвоста остался у него в руке.

И это был не конец хвоста! Это была пробка!

Из отверстия в хвосте со свистом стал выходить воздух, а сам дракон начал клониться, клониться... клониться... Голова его опустилась у самых Алисиных ног и легла на траву.

И только тогда Алиса сообразила, что дракон-то — надувной! Как самая обыкновенная детская игрушка, только ростом повыше многоэтажного дома.

Баба-яга опустилась на полянку рядом с лешим.

— Теперь тебе понятно? — спросила она Алису.

— Совершенно ничего не понятно, — ответила Алиса. — Что это значит? Зачем вам понадобилось надувать дракона?

— Затем же, — объяснила Баба-яга, — зачем нам понадобилось переодеться в сказочных существ.

С этими словами Баба-яга скинула с себя старое рваное платье, сняла страшную маску и оказалась очень милым молодым человеком.

А леший стал человеком средних лет и вовсе не мохнатым.

— Поверь нам, Алиса, — сказал бывший леший, — что наши друзья, которых ты видела в облике водяного и русалки, такие же, как мы, самые обыкновенные люди.

— Но зачем вы устроили такой маскарад? — удивилась Алиса.

— Потому что это — наша работа.

Между тем леший с Бабой Ягой свернули дракона в рулон, повесили его на метлу, свою одежду дали нести Алисе, и все вместе они отправились к избушке.

По дороге леший рассказал Алисе, что она попала в гости к этнографической экспедиции.

Этнографы — это ученые, которые изучают обычаи разных народов.

А наши этнографы должны были изучить, во что верили крестьяне пятнадцатого века, какие сказки рассказывали, каких привидений боялись. А как сделать так, чтобы тебе рассказывали сказки? Надо самому стать сказкой. Раз ты ходишь по лесу, то лучше прикинуться лешим...

— Простите, — спросила Алиса, — а может быть, лучше переодеться в обыкновенного путника?

— Наивно! — сказал леший. — Представь себе, ты — старинный крестьянин и идешь по лесу. А навстречу тебе неизвестный человек. Ты сразу выхватываешь саблю и отрубаеть ему голову. Потому что по лесам ходили только разбойники. А если ты увидишь лешего или Бабу-ягу, то, конечно, немного испугаешься, но голову рубить не станешь. Ведь ты же веришь, что в речке водятся водяные и русалки, а в лесу лешие и ведьмы. Так что наша безопасность обеспечена!

— А раз я показалась путнику, например дедушке Евгению Тихоновичу, — продолжала русалка, — то в следующий раз он меня уже не боится. Чего ему бояться? Я же русалка, он про меня сказки с детства слышал. Тут я его и спрашиваю: а сам-то ты какие сказки знаешь? Вот он и начинает мне рассказывать.

По тому, что в разговор вступила русалка, вы уже догадались, что наши знакомые дошли до речки.

— Самым лучшим сказочникам мы бумагу достаем и чернила, пускай пишут.

— А то заманю их к себе в избушку, — сказала Баба-яга, — и пишу на магнитофон песни и частушки. Столько интересного удалось узнать!

— Но зачем вам надувной дракон?

— А чтобы побаивались, — объяснила русалка. — Все вокруг знают, что нас, нечистую силу, Змей Горыныч бережет. И не хулиганят. А то бы могли озорничать.

— Значит, вы всего-навсего экспедиция из Института времени? — наконец-то догадалась Алиса.

— Разумеется! — пробасил водяной, выпрыгивая из воды. — А ты откуда?

— Оттуда же, — призналась Алиса. — Только у меня другое дело. У нас исчезла сотрудница, которая полетела в мезозойскую эру за яйцом драконозавра...

И Алиса рассказала этнографам о судьбе Магдалины и про то, как машину времени отключили на профилактику.

Пока Алиса рассказывала, этнографы добрались до избушки на курьей ножке. Они затащили оболочку дракона внутрь, засыпали ее сверху сеном, чтобы кто-нибудь случайно не увидел, а потом уселись пить чай.

За чаем они обсуждали важную проблему — где может водиться драконозавр, а рядом с ним жить Магдалина.

— Может, стоит до Москвы дойти, там на рынке купцов поспрашивать, — предложил леший. — Купцы — народ ушлый, ходят по разным странам и весям.

— Боюсь, что там соврут — недорого возьмут, — заметила Баба-яга, которая в жизни была аспирантом Колей Птичкиным. Он собирался изображать в экспедиции говорящего медведя, но в последний момент оказалось, что спецшкуру медведя сожрала моль. Из какой-то древней эпохи забралась на склад и расплодилась. Пришлось Коле Птичкину напяливать запасной костюм — платье Бабы-яги. Вот он и мучается. Но, как настоящий ученый, терпит.

— В пятнадцатом веке, — сказала русалка, сняв хвост и повесив его сушиться у печки, — люди еще не разбирали, где сказка, а где наука. Мой дед будет рассказывать сказку о Курочке Рябе, а если увидит золотое яйцо, то скажет — вот оно, из сказки. Хотя сам сегодня эту сказку придумал. Все знают, что драконы только в сказках бывают, а смотрят на драконью морду над лесом и верят, что этот дракон — настоящий.

— Так что тебе, Алиса, — сказал леший, — нелегко будет отличить драконью сказку от динозавра.

— Но ведь сказки откуда-то берутся, — сказала Алиса. — Я думаю, что динозавр Магдалины и помог людям придумать сказку.

— Хорошо, — решила Баба-яга, — я провожу Алису до торжища. Там у меня есть свои люди, заморские гости. Уж если кто знает о драконах, то это купцы.

Алиса попрощалась с этнографами, они ей в дорогу дали бутербродов, а потом она забралась на ковер-самолет, а Баба-яга уселась на помело. И они полетели в Москву, на рынок, который в пятнадцатом веке назывался торгом.

Глава десятая. Краковские школяры

Летели они недолго. За полями и пастбищами показалась Москва. Сначала Алиса увидела деревни, которые тянулись вдоль дорог, потом земляной вал, а за ним снова пошли поля и домики.

Стены Москвы были белокаменные, крутые крыши домов поднимались над ними, между домами виднелись маковки церквей.

Баба-яга сделала крутой вираж над домами и пошла на снижение. Ковер полетел за ней.

И тут Алиса увидела большую площадь, забитую народом. Вдоль площади тянулись крытые ряды с прилавками, на свободных местах стояли телеги, груженные товарами. Чуть подальше нашлось место и для балаганов, и даже для трактиров — это был очень большой рынок.

Баба-яга помахала Алисе рукой и показала на свободное место — зеленую лужайку между двумя заборами. На лужайке играли дети, толстая тетка сидела на траве и укачивала младенца, две собаки носились друг за дружкой, а рыжий петух смотрел на них с укоризной. Не любил он, когда собаки бегают.

Первой опустилась Баба-яга, за ней — Алиса.

Из-за забора выбежала женщина в платке и цветастом платье и закричала на детей:

— А ну домой, озорники! Не видите, что ли, что Баба-яга прилетела? Вот попадете к ней в котел!

— Не беспокойтесь, уважаемая женщина, — сказала Баба-яга, прислоняя метлу к забору. — Ваши дети меня не интересуют. Я только провожу мою подругу, куплю кое-чего на ужин — и домой!

— А я тебе, старая, должна верить, что ли? — удивилась женщина. — И подруга твоя не человек вовсе — разве люди на коврах-самолетах летают? Люди при виде ковра-самолета под лавку лезут.

Баба-яга отмахнулась от сварливой женщины, взяла метлу на плечо, словно винтовку, и пошла к торговым рядам. Алиса спрятала ковер в мешок и последовала за ней.

И через несколько шагов они оказались в густой толпе.

— Держись за меня, — крикнула Баба-яга, — а то затопчут!

Она схватила Алису за руку и потащила за собой к трактиру, вернее, к нескольким столам на открытом воздухе, вдоль которых тянулись обструганные лавки. На столах стояли глиняные кружки.

— Здесь, — сказала Баба-яга, — мы найдем нужного человека.

Она подошла к одному из мужчин, сидевших за столом, и спросила:

— Афанасия не видел?

— А он арабских гостей допрашивает, — ответил мужчина. — Обещал скоро прийти.

— Тогда мы, Алиса, его подождем, — сказала Баба-яга.

Подбежал половой — так раньше называли официантов.

— Вам чего, госпожа Баба-яга? — спросил он.

— Две шипучки, — приказала Баба-яга.

— Вас здесь знают? — удивилась Алиса.

— Так не первый же день в экспедиции, — объяснила Баба-яга. — Чего ж нас не знать?

— Но почему они вас не боятся?

— А здесь народ битый, опытный, знают, кого бояться, а кто безопасный. Ну, скажем, детей рядом со мной не оставляют — а вдруг я ребеночка утащу? Но взрослых Баба-яга не трогает, это все знают.

— Это точно, — согласился половой, ставя перед Бабой Ягой и Алисой две глиняные кружки.

— Это что за шипучка? — подозрительно спросила Алиса.

— Квас это, ничего особенного. Я сама спиртных напитков не принимаю и тебе не советую. Тем более что бражка здесь хмельная! Ох и хмельная!

Алиса отхлебнула из кружки — квас был забористый, пенный.

К столу подошел молодой мужчина богатырского вида. Был он строен, широкоплеч, на голове шапка пирожком, а каштановые кудри такие тугие, что шапка не касалась головы.

— Меня звали? — спросил он.

— Присаживайся, Афанасий, — пригласила Баба-яга. — Кваску отведаешь?

— Детского не пьем, — ответил богатырь Афанасий. — Приучены к хмельному.

Половой сразу же умчался за новой кружкой. Афанасий посмотрел на Алису синими глазами и сказал:

— А девочка-то из далеких земель?

— Моя внучка, — сказала Баба-яга.

— Врешь, — усмехнулся богатырь, — не было у тебя ни детей, ни внушек.

Половой притащил целый кувшин браги. Афанасий налил себе в кружку и спросил:

— Говори, почто беспокоишь?

— Мою внучку, — сказала Баба-яга, — интересуется проблема драконов. Что ты об этом знаешь?

— Ты лучше знаешь, — ответил Афанасий. — У тебя же в лесу его голова торчит.

— Не тебе говорить, — проворчала Баба-яга, — что мой дракон — игрушка. Только большая. А Алисе надо узнать про настоящего дракона.

— И ты, Баба-яга, с твоим жизненным опытом думаешь, что драконы на свете водятся? — хитро прищурился Афанасий.

— А ты как думаешь?

— И я так думаю, — улыбнулся Афанасий. — Потому что не ведаю, зачем твоей внучке дракон понадобился.

— Послушай, Афанасий, — сказала Баба-яга, — мы, лесные твари, с тобой хорошо знакомы. Ты нам помогал, и мы тебе помогали. И еще тебе понадобится. Веришь?

— Верю.

Баба-яга обернулась к Алисе и объяснила:

— Наш друг, Афанасий Никитин, родом из города Тверь. Он великий путешественник.

— Ну уж это преувеличение, — сказал Афанасий.

— Ты у болгар был?

— Был.

— В Византии бывал?

— Приходилось.

— А в Индию собираешься?

— Ох, как хочется мне до Индии добраться и совершить подвиги почище, чем Марко Поло натворил. Вы о нем слышали?

— И о нем слышали, — сказала Алиса, — и о вас тоже. В будущем ваши путешествия в школе станут изучать.

Афанасий расплылся в широкой улыбке.

— Вижу, что ты хоть и молоденькая, но уже ведьма, — сказал он. — Я-то ни ведьм, ни чертей, ни заговоров не боюсь. Но если в школе про меня говорить будут, это славно. И что же будут говорить?

— Что был такой замечательный путешественник на Руси, тверской купец Афанасий

Никитин. И отправился он в Индию, и много лет там прожил, и оставил очень интересные записки о хождении за три моря.

— Ну что ж... — Афанасий пригладил усы. — Хоть и подучила тебя бабка врать, но врешь ты красиво, мне нравится.

— А теперь, Афанасий, расскажи, что ты слышал о драконах. Ведь известно мне, что ты всех торговых гостей о разных странах и диковинках расспрашиваешь, — сказала Баба-яга.

Афанасий подумал, налил себе еще кружку, выпил ее одним махом и сказал:

— Ходят слухи о драконе в земле Краковской. Слыхали о такой? Это в Польской державе. Говорят, что страшный дракон жил в пещере, но его победил богатырь. И основал на этом месте город Краков. Но когда это было и сказка это или быль — не знаю.

— А еще, Афанасий? — попросила Алиса. — Может, вы еще слышали о драконах?

— Говорили мне, — подумавши, произнес Никитин, — что безобразничает один дракон в италийском городе Флоренции. Завелось там чудище в старых каменоломнях. Один мой знакомый его недавно видал. Ехал через каменоломни и вдруг видит — дракон! Еле сбежать успел.

— Ой, как хорошо! — обрадовалась Алиса. — Это очень похоже на то, что мне нужно. А еще что вы слышали?

— Еще слышал, но не очень поверил. Один человек сказал мне, что во Франции в герцогстве Бретань в замке герцога де Рэ дракон живет прямо в подвале и кушает только молодич. Но это надо проверять. Может, они спутали.

— Что спутали? — не поняла Баба-яга.

— Была такая сказка из земель грецких, — объяснил Афанасий Никитин, — будто один человек построил лабиринтус и посадил в него чудище — великана с бычьей головой. Ему было положено каждый год посылать на пропитание двенадцать красивых девиц. Интересно, но не верю.

— Это почему же? — заинтересовалась Баба-яга.

— А потому, зачем быку красавицы — не все ли равно, каких кушать?

— Правильно, — согласилась Алиса. — Но этого Минотавра давно уже убили. Тесей его убил.

— Ты и это знаешь? — Афанасий щелкнул Алису по лбу, но не больно. Потом встал и сказал: — С вами хорошо, а без вас лучше — спешу я, собираюсь в путешествие.

Алиса попрощалась с великим путешественником, который еще не начал своего путешествия, потом попрощалась и с Бабой Ягой. Бабе Яге надо было еще задержаться на рынке, чтобы купить припасов для этнографической экспедиции. А Алиса не хотела тратить времени даром. Во-первых, каждый лишний час в прошлом может быть опасным для Магдалины. А во-вторых, дома родители беспокоятся, не говоря уж о домашнем роботе Поле, который не выносит, если Алиса задерживается. Но что поделать — Алиса всегда задерживается.

Алиса взлетела над торговой площадью, поднялась выше, над Кремлем, в котором еще не построили красивых красных башен, и над всей деревянной Москвой. В ней почти не было белокаменных домов и теремов, только кое-где поднимались каменные церкви.

— Можешь побыстрее лететь? — спросила Алиса у коврика.

— Постараюсь, — ответил ковер-самолет. — Мне тоже не хочется всю жизнь в небе проводить. Только ты меня не понукай, не отвлекай и не беспокой.

— Но высоко не поднимайся, — попросила Алиса. — А то мне холодно будет.

— Мне и самому в стратосфере неуютно, — ответил коврик и расхохотался. Он подумал, что ответил очень остроумно.

— Лететь нам надо на юго-запад, — сказала Алиса. — По географии у меня пятерка, так что карту Европы я приблизительно себе представляю.

И они полетели, правда, куда медленнее, чем Алисе хотелось.

Под ковром-самолетом был виден лес с редкими полями и деревеньками. Лишь к позднему вечеру они добрались до города Львова. Это был большой красивый город.

Они решили не лететь дальше в темноте, к тому же коврик сильно устал, а Алиса замерзла.

За Львовом они отыскивали безлесный холм и остановились там на ночь. Коврик свернулся трубкой, а Алиса забралась внутрь, чтобы было теплее и уютнее. К тому же и безопасней.

Ночью Алиса проснулась от чужого дыхания. Присмотрелась — горят зеленые огоньки.

Оказывается, к ним пожаловали волки — посмотреть, кто тут поселился. Это были обыкновенные, а не сказочные волки, поэтому говорить они не умели.

— Кыш! — сказала Алиса. — У меня ничего вкусного нет. Последний бутерброд я перед сном съела.

Волки послушались, вздохнули и пошли прочь.

Утром Алиса с ковриком поднялись свежие, выспавшиеся. Ковер взмыл в небо и над самыми вершинами невысоких Карпатских гор полетел дальше, к городу Кракову.

У Кракова приземлились в полдень.

Краков стоял на берегу реки Висла. Река была широкая и спокойная. А над городом возвышался невиданной красоты королевский замок. Алиса вспомнила, что он называется Вавель.

Положив ковер в мешок, Алиса отправилась гулять по Кракову.

Чудесный город! Посреди него на площади стоял громадный красивый крытый рынок, сам как дворец. Вокруг площади возвышались многоэтажные дома и такой собор, которого во всей Европе не встретишь.

Первым делом Алиса решила позавтракать.

Она зашла в небольшую харчевню и стала размышлять: у кого спросить про дракона?

Тут в харчевню вошли три веселых студента. Алиса в жизни не бывала в пятнадцатом веке и уж конечно не видела тогдашних студентов. Но она сразу угадала, что вошли именно студенты, а не сапожники и не торговцы.

Студенты уселись за стол неподалеку от Алисы и принялись считать монетки, чтобы хватило на похлебку и на пиво.

Им все не хватало, и Алиса услышала, как они говорили между собой.

— Ну где бы еще хоть пару грошей отыскать? — сказал парень в синем берете с гусиным пером.

Другой студент стал смотреть на полу, даже на корточки присел.

— Иногда пьяные монетки роняют, — объяснил он.

— Сегодня пьяные еще сюда не заходили, — ответил третий студент, самый худой, голодный и оборванный.

Монетки не нашлось, и студенты принялись снова пересчитывать медяки. Хозяину харчевни это надоело. Он подошел поближе и сказал:

— Если денег нет, то выматывайтесь!

— Зря ты нам грубишь, Янек, — отозвался один из студентов. — Ведь через пять лет я стану нотариусом, а то и членом магистрата, и ты пожалеешь, что не дал нам похлебки в тяжелый момент.

— У вас других моментов и не бывает.

— Клянемся, что отдадим все долги!

Трактирщик только отмахнулся и обратился к Алисе:

— А вы, молодая паненка, желаете ли чего-нибудь?

— Да, — сказала Алиса и протянула трактирщику монету. — Я попрошу вас принести мне спелое яблоко.

Хозяин схватил серебряную монету и стал ее рассматривать. Потом попробовал на зуб.

— Саксонский талер, — сообщил он. — Где ты его украла, девчонка?

Алиса не стала отвечать на такой глупый вопрос, а вместо этого обернулась к студентам, которые мрачно смотрели на трактирщика и монету, и сказала:

— А на сдачу с талера я попрошу вас как следует накормить этих молодых ученых.

— Так здесь еще останется... — начал было трактирщик, да спохватился.

А студенты не стали ждать, пока он кончит считать про себя, и стали шуметь, требовать курицу, мяса и хлеба. И даже кинулись за трактирщиком, чтобы поскорее притащить еду. На Алису они и внимания не обращали, пока не наелись. Алиса уж подумала — сейчас уйдут, и она не сможет ничего узнать...

Студент в синем берете поднялся со скамьи и произнес:

— Слушайте, панове! Ясновельможная кобета, подобно Иисусу Христу, накормила пятью хлебами всю Академию Краковскую! Так поднимем же кружки за пьенкну паненку по раз перший!

Перевода не потребовалось — Алиса все понимала.

Студенты пересели поближе и стали расспрашивать, откуда такая юная паненка родом, что ее привело в славный город Краков и почему она такая добрая.

— Я такая добрая от природы, — отвечала Алиса. — Как родилась.

Студенты согласились, что такое бывает. Они и сами добрые, но денег нет и потому некогда добротой заниматься.

— А попала я в стольный град Краков, потому что ищу следы дракона.

— Зачем?

— А затем, — сказала Алиса, которая боялась возбудить подозрения в славных студентах, — что я с детства хочу увидеть дракона, а мой папа, герцог Арбатский, дал мне денежек, чтобы я поехала по белу свету и поискала дракона.

Студенты не поняли, зачем Алисе дракон, но раз папа-герцог велел, значит, дело стоящее. Конечно, они в жизни не слышали о герцогстве Арбатском, но как ты не поверишь девочке, которая накормила троих прожорливых молодцов!

Трактирщик принес еще жбан пива и сам уселся за стол со студентами.

Все стали вспоминать, кто в этих краях слышал о драконе, и никак не могли вспомнить, пока хозяйская жена не крикнула:

— А как же витязь Крак?

Все замолчали, потом трактирщик произнес:

— Это давно было, очень давно.

И студенты согласились с трактирщиком.

— Давно, — повторили они хором. — И следа не осталось.

— Расскажите мне, пожалуйста, про Крака, — попросила Алиса.

Трактирщик сказал:

— Это было в дикие времена, когда еще и Кракова не было, и замка Вавель не было, только Висла текла мимо холма, а в холме была пещера. В пещере жил дракон, который похищал девушек и их кушал. Но вот пришел Крак и победил дракона. Он был королевской крови.

— А может, из местных хлопов, по-разному говорят! — крикнула из кухни жена трактирщика.

— А потом Крак основал на этом месте наш город Краков и построил Вавель, в котором стали жить короли польские.

— А что стало с драконом? — спросила Алиса, хотя заранее знала ответ.

— Что стало, что стало! — проворчал трактирщик. — А ничего не стало. В речку кинули.

— Нет, не в речку, — вдруг произнес худой студент. — Я знаю, где его кости лежат.

— Помолчи, Тадеуш! — воскликнул его товарищ. — О музее ни слова!

— Разве это тайна? — ответил Тадеуш. — Если такая славная паненка спрашивает нас про дракона, как мы можем от нее скрывать академический музей?

И все студенты с ним согласились — нечестно кушать на деньги приезжей девочки, а потом скрывать от нее такую простую вещь: где можно найти кости дракона.

— Пошли, — сказал наконец самый решительный из студентов по имени Болек. — А то пан Юзеф уйдет домой, и, пока не протрезвеет, его никто не добудится.

Алиса не стала тратить времени даром и отправилась вместе со студентами к замку Вавель, по соседству с которым в старинном, похожем на крепость доме размещалась Академия Краковская.

— Вот тут мы и учимся, — сказал студент в берете по имени Мешко. — Тут штаны просиживаем над манускриптами.

Дверь в Академию была открыта. Внутри было пусто, грязные стены исписаны и изрисованы — видно, не первое поколение студентов училось на них грамоте.

Студенты подбежали к человеку, спавшему на каменной лавке, подложив под голову краюху хлеба.

— Пан сторож, пан Юзеф, — сказал Мешко, — нам нужен ключ от подвала.

— Сколько? — спросил пан Юзеф, не открывая глаз.

Студенты обернулись к Алисе.

— Шесть грошей есть?

— У меня талер.

— Много, — вздохнул Мешко.

Но сторож резво вскочил. Его длинные космы были растрепаны, глаза горели, куртка распахнулась.

— Где талер?

Алиса протянула длинноволосому сторожу монету, тот сразу же снял со своего пояса связку ключей и выбрал один. Потом он захромал в глубь зала, шаркая по полу деревянными подошвами. Остальные поспешили за ним.

— Слушай, Алиса, — сказал Мешко, — сейчас мы с тобой пойдем в музей, куда в Академии складывают все удивительные вещи. Это место таинственное и секретное, потому что монахи из соседнего монастыря давно мечтают туда забраться, чтобы посмотреть, нет

ли среди наших сокровищ каких-нибудь недозволенных вещей. Ох и не любят они нашу Академию!

— Потому что сами необразованные, — сказал Болек.

Гремя ключами, пан Юзеф отворил большую дубовую дверь, обшитую железными полосами.

Внутри было полутемно, но свет проникал сквозь узкие окна под потолком.

Такого музея Алиса увидеть не ожидала.

Чего только не было в том подвале!

Там были чучела животных, камни и кристаллы, высохшие растения и даже целое бревно. На длинном столе высились сосуды с разными заключенными в них существами — жабами, рыбами, змеями...

— Мы знаем, — сказал Мешко, — что мир вокруг велик и удивителен. Поэтому и учимся. А когда нас одолевает сомнение, когда нам все надоедает, когда нам хочется забыть обо всех науках и уехать на войну, мы приходим сюда...

— Я привожу сюда студентов, — сказал пан Юзеф, — и говорю им: «Обыкновенные люди закрывают глаза и проводят свою жизнь в слепоте. Ваш же долг, мои мальчики, увидеть и понять!»

— Видишь, какой у нас сторож в Академии! — сказал Мешко.

А Тадеуш добавил:

— Ох и доберется до нашего сторожа святая инквизиция!

— Не доберется, — ответил сторож. — Мы дурного не замыслим, сидим себе в своем подвале и беседуем со школярами. И я все жду, что один из них прославится, и если не прославит меня, простого академического сторожа, то все равно весь мир будет повторять его имя.

— Ну и смешной у нас сторож! — сказал Мешко.

— А ты, девочка, я вижу, не из наших мест, но в глазенках у тебя горит ум. Откуда будешь?

— Из Москвы, — ответила Алиса.

— Славный город, — сказал сторож. — И тебе надо взглянуть на дракона?

— Очень хочется.

— Она хорошая паненка, она плохого не сделает, — вступился за Алису Мешко.

— Как же может сделать плохой человек, который подарил сторожу целый саксонский талер? Да я неделю буду пить за ее здоровье!

— И вместе с нами! — подхватили студенты.

За разговорами они дошли до дальнего конца подвала, и там Алиса увидела громадный белый череп. А рядом с ним лежали другие кости.

— Вот и дракон, — сказал сторож. — Хоть драконов и не бывает.

Его светлые серые глаза смеялись.

Алиса пригляделась к костям.

Студенты переговаривались шепотом, им все же было страшновато.

— Я знаю, что это за дракон, — сказала Алиса.

— Все знают, — ответил сторож.

Студенты стали ей объяснять, что это и есть тот самый дракон, которого убил Крак, что его череп и кости раскопали на берегу Вислы совсем недавно, а настоятель монастыря хотел эти кости сжечь, чтобы посрамить дьявола, да король Казимир, приехав в Краков на сейм,

согласился кости не тревожить, а отдать в Академию, чтобы студенты учились на них многообразию мира. Они стояли и смотрели на череп.

— Что скажешь, московская девица? — спросил сторож Юзеф.

— Если вы не обидитесь, — сказала Алиса, — то я бы сказала, что это череп древнего слона, который когда-то давно водился в этих краях. Вот и бивень его сохранился — только отдельно лежит.

— Не было слонов в наших краях! — воскликнул Мешко. — Чепуха это! Нет и не было в наших краях слонов!

— А называется этот старинный слон мамонтом, — объяснила Алиса.

Старый сторож вздохнул и произнес:

— А что? Все может быть. Девочка, наверное, уже видала такой череп.

— Видала, — подтвердила Алиса. — У нас в музее он есть, и даже целые мамонтовые туши находят в вечной мерзлоте в Сибири.

— Ого! — сказал сторож. — Ты и в Сибири побывала?

— Побывала, — призналась Алиса.

— И не замерзла?

— Нет.

— А правда ли говорят, что когда в Сибири люди разговаривают, то их слова замерзают и льдинками падают на землю?

— Неправда, — сказала Алиса. — Там люди живут, в шубах ходят, а летом в речках купаются.

— Эх, интересно бы с тобой поговорить, — вздохнул сторож. — Да боюсь, ты торопишься.

— Тороплюсь, — согласилась Алиса.

— Дракона искать?

Алиса кивнула.

— Ну, с богом, — сказал сторож. — А если тебе деньги нужны, то возьми свой талер. Мне было интересно с тобой поговорить.

— Ну уж нет! — хором воскликнули студенты.

Алиса рассмеялась и сказала:

— Оставьте себе талер. Вам он больше пригодится.

Студенты и сторож проводили Алису до выхода. А когда Алиса прощалась с ними, она сказала:

— Пан Юзеф, можно вам кое о чем сказать без свидетелей?

Они отошли немного, и Алиса тихо сказала сторожу:

— Я знаю, что вы дождетесь своего часа. Через несколько лет к вам в Академию поступит студент Николай. Он будет самым знаменитым астрономом в мире. И именно в вашем музее он догадается, что Земля — не центр Вселенной, а вращается вокруг Солнца.

Сторож пригладил спутанные волосы, дернул себя за длинный рыжий ус и сказал:

— Спасибо, паненка. Я тебе верю. А из какой благородной семьи будет этот студент Николай?

Алиса ответила не сразу. Она вдруг подумала, что совершает проступок, который совершать путешественникам во времени не положено. Ведь людям нельзя знать будущего.

Алиса вздохнула и сказала:

— Кажется, он будет из семьи Коперников.

— Коперник...

Сторож забыл об Алисе. Он стоял и загибал пальцы. Губы его шевелились. Видно, он вспоминал всех Коперников королевства Польского.

Со студентами Алиса распрощалась на улице. Ей хотелось погулять с ними по старому Кракову, но надо было лететь дальше. На прощание она отдала им еще один талер и сказала:

— Это вам на учебники.

Вы бы слышали, как хохотали эти школяры!

И Алиса полетела в Италию.

Глава одиннадцатая. Юноша из Флоренции

Горы становились все ниже, потом они превратились в холмы, поросшие лесом. В долинах между ними виднелись поля и виноградники. Дома в деревнях теснились друг к дружке и скрывались за стенами. Посреди деревни нередко поднималась крепостная башня.

Хотя ковру-самолету было русским языком сказано, чтобы он летел к Флоренции, он все перепутал и сначала попытался высадить Алису возле Милана, а потом приземлился у маленькой Сиены. В конце концов они все же отыскали Флоренцию.

Флоренция пятнадцатого века по любым меркам была большим городом. Даже сверху от облаков было видно, какие там стоят дворцы, монастыри и церкви, а над всем городом, как присевший отдохнуть воздушный шар, поднимался купол гигантского собора.

Неширокая речка делила город на две неровные части, через речку были перекинуты мосты, обстроенные лавками и домиками, так что, если идешь по мосту, никогда не догадаешься, что переходишь речку — ее-то как раз и не видно.

Алиса опустилась у поросшего лесом холма и отыскала среди деревьев небольшую пещеру. Там она оставила ковер и отправилась в город.

У ворот, как и положено, стояли стражники, но они без долгих вопросов пропустили Алису. Один из них даже сказал:

— Добро пожаловать в свободную республику Флоренцию!

В этот момент сзади послышался топот копыт — к городу приближалась кавалькада разодетых, веселых, шумных всадников. Развевались короткие, расшитые золотом плащи, покачивались бархатные шляпы, а на некоторых всадниках были надеты сверкающие позолоченные шлемы и латы.

При виде кавалькады стражники оттолкнули Алису к стене, а сами склонились почти до земли.

Когда всадники промчались мимо, Алиса спросила:

— Кто же они такие?

— Сам герцог Джулиано Медичи, — ответил стражник.

— Он возвращается с охоты, — добавил второй.

— Странно, — сказала Алиса. — Если у вас свободная республика, то зачем вам так низко кланяться какому-то герцогу?

— Ты ничего не понимаешь в свободе, девочка, — ответил первый стражник. — Свобода заключается в том, что мы кланяемся, кому хотим. А кому не хотим, то и не кланяемся.

— Если сейчас мимо проскачет кто-нибудь из семейства Пацци, мы и усами не поведем, — сказал второй стражник. — Потому что мы свободно кланяемся только Медичи.

— А можно ли задать вам вопрос? — спросила Алиса. — Мне надо пройти на старые каменоломни. Далеко ли это место?

— На старые каменоломни, говоришь? И что же тебе там понадобилось?

— Мне говорили, что это очень красивое место, — сказала Алиса. — К тому же я собираю разные камни.

— И ты думаешь, что мы тебе поверим? — спросил стражник. — Любой человек знает, что старые каменоломни — дурное место! Туда не ходят любоваться природой и собирать камешки. Туда ходят встречаться с ведьмами и драконами!

— Может, отведем эту девчонку к судье? — предложил второй стражник. — Пускай

допросит ее как следует.

— Извините, — сказала Алиса. — Я уже раздумала идти на каменоломни.

И она быстро пошла прочь. Не объяснять же стражникам, а потом еще и судье, что она ищет дракона!

— Эй, стой! — крикнул ей вслед стражник, но преследовать не стал.

Алиса свернула в узкий переулок, и ворота пропали из виду.

Чудесный город Флоренция! Такие замечательные дома и дворцы, такие улицы и площади!

Алиса вышла на набережную и увидела, что чуть ниже на берегу две девочки играют в мяч. Алиса знала, что всегда лучше поговорить с детьми. По крайней мере, они не станут доносить на тебя судье.

Алиса некоторое время смотрела на девочек. Одна из них заметила ее и спросила:

— Хочешь поиграть с нами?

— В следующий раз, — ответила Алиса. — Мне сейчас надо на старые каменоломни. Вы, случайно, не знаете, как туда добраться?

— Если ты свернешь по второй улице направо, то увидишь большой дом из красного камня. Это дом мастера Верроккьо, который учит детей рисовать и лепить. Уж там-то наверняка кто-то скажет, где находятся эти старые каменоломни.

Алиса поблагодарила девочек и поспешила к дому мастера Верроккьо.

Дверь в дом была открыта. Оттуда веяло прохладой и доносились голоса.

Алиса прошла вперед и оказалась в крытом дворике, окруженном колоннами. Там на табуретках сидели мальчики разного возраста и, держа на коленях доски, рисовали на них красками сидевшего посреди дворика старика в длинной тоге.

Между мальчиками ходил широкоплечий мужчина средних лет, совсем не похожий на художника. Порой он наклонялся к одному из учеников и что-то говорил ему или поправлял рисунок.

Пока Алиса разглядывала рисовальный класс, один из мальчиков, постарше других, вдруг поднялся и подошел к мастеру.

— Простите, мастер, — сказал он. — Но мне надо уйти. Я обещал отчиму помочь ему на винограднике.

— Ты меня удивляешь, Леонардо, — ответил Верроккьо. — Ты уже третий раз за эту неделю отпрашиваешься пораньше. То у тебя тетя заболела, то друзья приехали. Скажи отчиму, что я тобой недоволен.

— Я обязательно скажу ему об этом, — согласился юноша. — И я обещаю, что это в последний раз. Сегодня все решится.

— Что сегодня решится? — не понял мастер.

— Я объясню завтра, — сказал юноша и пошел к выходу.

Алиса отступила на шаг, пропустила юношу и догнала его у дверей.

— Прости, — сказала она, — у меня к тебе только один вопрос.

Юноша ей понравился. Он был стройным, высоким. Ремешок перехватывал светлые волнистые волосы. Большие карие глаза светились умом.

— Спрашивай, девочка, только побыстрее, я спешу.

— Скажи, пожалуйста, как мне попасть на старые каменоломни?

Можно было подумать, что Алиса наступила ему на ногу.

— Что ты сказала? — прошептал юноша. Его щеки покраснели. — Откуда ты знаешь?

— Я ничего не знаю, — сказала Алиса, — но мне обязательно надо там побывать.

— Я тебя сейчас убью! — тихо сказал Леонардо. В его глазах загорелась ненависть.

— Чем я тебя обидела? — удивилась Алиса.

— Тебе лучше знать, — сказал Леонардо. — Тебя наняли проклятые Пацци. Но у тебя ничего не выйдет. Тебе меня не выследить! — С этими словами юноша выбежал из дома своего учителя и помчался по улице.

Бежал он быстро и конечно же знал, куда бежать.

Алиса подумала: никаких сомнений в том, что этот Леонардо спешит именно на старые каменоломни. Иначе почему он так разозлился?

Алисе не стоило труда догнать средневекового юношу, и она последовала за ним, держась на расстоянии. Когда они выбрались из города через провал в стене рядом с речкой, Алиса подобрала длинную юбку, которая ей мешала, и заткнула подол за пояс. Теперь бежать стало легче.

Вот и старые каменоломни — длинные глубокие ямы, кое-где заросшие кустарником и сухой травой. По камням расселись ящерицы. Они грелись на солнышке.

Но где же Леонардо?

Алиса остановилась. Ничего не видно, ничего не слышно.

Что ж, Леонардо привел Алису к каменоломням, и, даже если он и сбежал, теперь она сама отыщет дракона.

Алиса осторожно прошла вперед и остановилась на обрыве над ямой. И вдруг услышала сзади шум — треск веток и звук тяжелых шагов.

Она обернулась.

И, о ужас!

Над деревьями покачивалась голова самого страшного зеленого дракона, которого Алиса могла себе представить.

Он раскрыл алую пасть. К счастью, огонь из нее не вылетел, но и без этого Алисе захотелось убежать на край света.

Дракон увидел отпрянувшую Алису и вдруг сказал человеческим голосом, что было странно, так как драконам разговаривать не положено:

— Ты зачем сюда пришла?

— Ты не можешь говорить, — ответила Алиса и отступила на самый край обрыва. Дальше отступать было некуда.

— Признавайся! — громовым голосом произнес дракон. — Ты — шпионка самого Пацци? Тогда я тебя растопчу!

— Если растопчешь, то зачем мне признаваться? — возразила Алиса. — К тому же я не знаю никакого Пацци.

— Если так, то почему ты меня выслеживала?

— Вылезешь из дракона, — сказала Алиса, которая уже все поняла, — я тебе все расскажу.

Леонардо рассмеялся. Его смех усилился в брюхе дракона и превратился в такой гром, что вороны с карканьем разлетелись во все стороны.

В пузе дракона открылся люк, и на траву выскочил юноша.

Алиса подумала: «Ну как я могла принять за дракона такую большую игрушку?»

— Сам сделал? — спросила она.

— А кто же за меня сделает? — сказал юноша и похлопал чудовище по фанерной ноге.

— А зачем?

— Для дела, — ответил Леонардо. — Можешь мне поверить, не для развлечения. Но тебе я ничего не скажу, потому что ты — шпионка Пацци.

Алиса обошла дракона со всех сторон. Если учесть, что его придумал и сделал один мальчик, то, конечно, дракон получился великолепный. Он был длиной метров десять, а голова его поднималась над землей метра на два. Снаружи Леонардо обтянул дракона плотной тканью, на которой нарисовал чешую. Зубы чудовища торчали как настоящие, а между ними свисал красный язык.

— Нравится? — спросил Леонардо. — Я страшно способный, можно сказать — талантливый. Все остальные ученики мастера Верроккьо — и Сандрик Боттичелли, и Петрик Перуджино — тебе подтвердят, что я из них самый лучший.

— Пока что я вижу, что ты самый разговорчивый, — сказала Алиса, чем привела Леонардо в страшный гнев.

— Жаль, что я тебя сразу не растоптал! — сказал он. — А теперь приходится выслушивать оскорбления от девчонки. И вообще, ты не из Флоренции. Ты откуда?

— Я из Москвы, — честно призналась Алиса.

— Я такого города не знаю, — сказал Леонардо. — Это в какой-нибудь дикой Бургундии или Наварре?

— Это в России, — сказала Алиса.

— Россия? Ну конечно же! — Юноша обрадовался. — Конечно же! Русь называют Московией, значит, Москва — столица Московии. И это страна гипербореев, где водятся волки и белые медведи, а люди полгода спят, потому что все вокруг покрыто снегом.

— Скажешь тоже! — рассмеялась Алиса. — Хоть ты и хвастаешься своими талантами, а про Московию ничего не знаешь.

— А как узнать?

— Возьми книгу и прочти, — посоветовала Алиса.

— А ты мне дай такую книгу, тогда я прочту. Лучше скажи, зачем ты сюда заявила и что тебе нужно в старой каменоломне?

И тогда Алиса рассказала юноше, что она ищет свою подругу, про которую известно, что у нее было яйцо дракона. Но девушку отыскать трудно, а дракона легче. Вот Алиса и едет от дракона к дракону. Собирает слухи про огнедышащих чудовищ.

— А почему тебе нужны именно огнедышащие?

— Потому что дракон, яйцо которого отыскала Магдалина, был огнедышащим, а таких в жизни не бывает. И вообще драконов не бывает.

— Даже в Индии? — спросил Леонардо. — Даже в Китае?

— Даже на краю Земли, — твердо ответила Алиса.

— Почему же они тогда есть на рисунках?

— Когда-то на Земле водились динозавры, и память о них могла сохраниться... Можно, я тебе не буду рассказывать о геологии и палеонтологии? Ты еще до этого не дорос.

Тут южный характер юноши заставил его взорваться. Он перевернулся через голову и хотел было наброситься на Алису с кулаками, но Алиса отскочила и крикнула:

— Ну и рыцари живут во Флоренции! Они хотят избить беззащитную девушку!

Эти слова привели Леонардо в себя. Он расхохотался и спросил:

— Сколько же лет беззащитной девушке?

— Мне двенадцать лет, но это не играет роли.

— И ты меня не обманываешь?

— Я редко вру. Только когда очень нужно.

— А сейчас не очень нужно?

— Сейчас совсем не нужно.

— Тогда мне жаль, что мой дракон не настоящий.

— Мне тоже. Придется нам распрощаться.

— И куда ты дальше?

— Вроде бы о драконе слышали во Франции. В герцогстве Бретань. Вот туда, к герцогу Жилю де Рэ я и полечу.

— Ты и летать умеешь?

Тут Алиса запнулась. Ей не хотелось говорить неправду, но и объяснять Леонардо, что у нее есть ковер-самолет, она не могла.

— Не хочешь, не говори. Ты все равно странная, может быть, волшебница, — сказал Леонардо.

— Если бы я была волшебницей, — сказала Алиса, — зачем бы мне искать Магдалину? Я бы наколдовала, и она бы сама нашлась.

— А как ты летаешь?

— Летать сама по себе я не умею. Но в моих землях есть приспособления, чтобы летать.

— Приспособления? Я об этом уже думал, — пробормотал Леонардо.

— Ну, я пошла, — сказала Алиса. — Приятно было познакомиться.

Она пожала юноше руку и повернула обратно к городу, но тут Леонардо ее окликнул.

— Я даже не знаю, как тебя зовут, — сказал он.

— Алиса.

— Алиса, послушай, ты не очень спешишь?

— А что?

— Я вижу, ты можешь быть верным товарищем. Если я тебя попрошу помочь мне в хорошем деле, ты согласишься?

— А что за хорошее дело?

— Я родом из небольшой деревни, рядом с Флоренцией, — сказал Леонардо. — Недавно на нашу деревню напали слуги синьора Пацци. А синьор Пацци — страшный негодяй и грабитель. Он заявил, что деревня не заплатила дань его дедушке и он должен за долги отнять у нас все зерно и вино. Он хочет разорить нашу деревню. А там живет моя мама и мой отчим. И мои маленькие братья и сестренки. И тетя с дядей. Вся деревня — мои родственники. — Леонардо печально вздохнул и продолжал: — Суд не захотел рассматривать тяжбу между деревней и могучим синьором. Тогда мои односельчане отнесли свое добро в небольшой замок, который стоит посреди деревни. А солдаты Пацци осадили замок и решили уморить моих родственников голодом или заставить их сдаться. Вот уже несколько недель продолжается осада.

— И чем же она кончится? — спросила Алиса.

— Она кончится нашей победой, если ты, Алиса, мне поможешь.

Алиса не поняла, что имеет в виду юный художник, поэтому он объяснил ей подробнее:

— Я долго думал, как помочь деревне, и придумал сделать дракона. Я в него спрячусь и пойду на бой с солдатами. Они же трусливые и испугаются дракона. Сначала я сделал скелет дракона из досок и палок, потом обтянул его материей, внутри построил площадку, от которой идут рычаги и канаты к ногам и морде дракона, так что им можно управлять. Но

сейчас я понял, что мне одному не справиться, а помощника я себе не отыскал. Я стал просить своих товарищей, но одни испугались, а другие не умеют хранить тайну. И вот пришла ты. Помоги мне, пожалуйста!

Неужели вы думаете, что Алиса хоть секунду колебалась? Она решительно сказала:

— Поехали!

— Другого от москвички я и не ждал, — обрадовался юноша. — Девочки, которые с детства сражаются с белыми медведями и волками, вырастают настоящими амазонками. Спасибо тебе от имени угнетенных крестьян Флорентийской республики.

Алисе было и смешно и приятно слышать такие слова.

— Что я должна делать? — спросила она.

— Залезай внутрь, — сказал юноша, — а мне надо будет на минутку отлучиться.

Из дверцы в пузе дракона он вытащил небольшой мешок и убежал в кустарник. Алиса забралась внутрь дракона. Там было страшно, тесно и жарко. К тому же в драконе почему-то жило множество мух, которые возмущенно жужжали, пытаясь прогнать Алису из их убежища. Поэтому Алисе пришлось махать руками и юбкой, чтобы выгнать полчища насекомых.

Тут вернулся Леонардо. Его мешок был полон. Он осторожно положил его внутрь дракона и залез следом. Потом вытащил из мешка темный шар и спросил Алису:

— У вас в Московии такое растет?

Алиса взяла шар. Он был размером побольше теннисного мячика, и от него исходил грибной запах.

— Такое у нас растет, — сказала Алиса. — Это гриб. Пока он свежий и белый, он называется дождевик, а когда высохнет, то его называют дедушкин табак.

— И все-то у вас в Московии есть, — сказал юноша. — Это будет наше оружие.

Алиса не поняла, как можно использовать гриб вместо оружия, но спрашивать было некогда — Леонардо принялся объяснять ей, как управлять чудовищем.

Сам Леонардо лежал впереди и управлял головой дракона и его передними лапами. А вот задние лапы и хвост достались Алисе.

Сначала пришлось потоптаться на берегу речки, чтобы дракон шагал, как положено ящеру. Леонардо командовал: раз-два-три-четыре, и они с Алисой одновременно двигали правые, а затем левые лапы. При этом Алиса успевала двигать хвостом из стороны в сторону, а Леонардо раскрывал рот дракона.

Научившись ходить, дракон направился прочь от каменоломни по дорожке, которая вскоре влилась в заросшую травой дорогу.

В драконе стало прохладнее, потому что воздух влетал в щели и через пасть чудовища.

Чтобы не было скучно, Алиса разговаривала с Леонардо.

Вернее, разговаривал больше Леонардо, который любил поговорить и умел себя похвалить, а Алиса задавала вопросы.

— Я еще не решил, — говорил Леонардо, — кем мне стать. Я очень неплохо играю на лире. Мог бы стать музыкантом, и тогда бы меня приглашали играть во дворец к герцогам Медичи. Но еще интереснее быть бухгалтером или банкиром. Ты знаешь, что я сделал абаку?

Алиса знала, что абака — это старинные счеты.

— Я не только сделал абаку, но и умею считать быстрее любого банкира или менялы. А еще интереснее изобретать военные машины. Ведь мы с тобой едем в военной машине, правда?

— Такую машину уже изобретали, — сказала Алиса.

— Где? — удивился юноша.

— Когда греки осаждали Трои, то они изготовили громадного деревянного коня, спрятались в нем...

— Знаю! Мне отец читал эту поэму. Она называется «Илиада». Потом греки выскочили из коня и открыли ворота в город изнутри. Но у меня дракон лучше любого троянского коня, потому что он ходит! Может быть, я ему еще и крылья приделаю.

— Зачем?

— Тогда получится большая летающая машина. Больше твоей, Алиса! Я назову ее — самлетатель. Нет, лучше самлет. Самолет! Тебе нравится?

— Очень.

Алиса подумала, что Леонардо и в самом деле выдающийся юноша.

— Но больше всего я люблю рисовать и лепить, — сказал Леонардо. — Я хочу сделать статую выше трехэтажного дома. Это будет герцог Медичи верхом на боевом коне.

— И рисовать ты тоже любишь?

— Вот в этом моя беда, — сказал юноша. — Мне так много всего хочется, что, скорее всего, я ни в чем не добьюсь толку.

— Это бывает, — согласилась Алиса. — Вот у меня есть друг в Москве, Пашка Гераскин. Он все хочет сейчас и сразу. Он комгуся изобрел. Мы все чуть живы остались.

— А что такое комгусь? — не понял Леонардо.

— Пашка скрестил комара с гусем, чтобы комары на лето улетали в полярные страны и не кусали людей.

— А как он скрестил?

— Это сложно объяснить. Ваша наука до этого еще не доросла.

— Науку придумываю я сам, — сказал юноша. — Но если ты будешь скрещивать гуся и комара, то из них надо сделать семью, а на свадьбе гусь склюет свою жену — вот тебе и комгусь. Нет уж, лучше я буду заниматься настоящей наукой, а не сказками.

Дорога начала подниматься на холм. Алиса посмотрела сквозь щель и увидела, что они топают по узкой деревенской улочке. Дома на ней стояли тесно, и все, как один, были с красными черепичными крышами.

— Вот моя деревня, — сказал юноша. — Мы подберемся к замку с тыла, чтобы солдаты нас не увидели раньше времени. Готовься к бою! Ты не боишься, Алиса?

— Я вообще мало чего боюсь, — без лишней скромности сказала Алиса.

— Такой девчонки я еще не встречал!

Холм, на склоне которого раскинулась деревня, был увенчан небольшим каменным замком, посреди которого, как палец, торчала высокая квадратная башня.

Дорога кружила вокруг замка, и, когда она повернула в последний раз, Алиса увидела площадку перед воротами в замок, на которой столпилось несколько десятков воинов. Кое-кто из них был в кольчугах, другие — в стеганых куртках и высоких шлемах. Командовал всеми всадник гордого вида. Он был облачен в латы и шлем, коня покрывала расшитая попона. Всадник наблюдал за тем, как его воины раскачивают висящее на толстых цепях бревно, которое ударяло в окованные железными полосами ворота замка.

Видно, осаждающие трудились давно, но пока у них ничего не получалось.

Время от времени с башни, на которой стояли защитники, летел камень или стрела, но вреда они не причиняли.

— У наших уже ничего не осталось — ни пороха, ни воды, ни еды, вот-вот помрут, — прошептал Леонардо. — Главное, чтобы им удалось вырваться из замка и спрятаться в соседней деревне.

— Пошли? — спросила Алиса.

Леонардо заставил дракона разинуть пасть и зарычал страшным голосом, который в брюхе дракона так усилился, что даже Алисе стало страшно.

Солдаты на площадке перед башней обернулись.

И тогда Леонардо, не останавливая дракона, топающего к замку, начал давить грибы-табаки. Они превращались в черный дым, и казалось, что этот дым извергает сам страшный дракон.

Всадник на коне поднял было меч, чтобы напасть на дракона, но при виде дыма потерял смелость и, пришпорив коня, поскакал прочь.

Остальные солдаты, увидев, что их командир уже удрал, тоже не стали испытывать судьбу и побежали прочь от замка, сшибая друг дружку и теряя оружие.

Но испугались и защитники замка. Они замерли на верху башни, сжимая мечи и копья.

— Теперь Пацци и его солдаты будут бежать до самой Флоренции, — сказал Леонардо.

Он открыл дверцы в брюхе дракона и выпрыгнул на пыльную площадку. Потом протянул руку и помог выбраться Алисе. Голова дракона упала вниз, пасть захлопнулась, словно он заснул от усталости.

— Эй! — крикнул Леонардо. — Вылезайте, герои!

— Это же Леонардик! — закричала сверху молодая красивая женщина с вьющимися каштановыми кудрями, такими же, как у Леонардо. — Сынок мой! Я же говорила, что он нас спасет!

Со страшным скрипом отворились двери башни, и оттуда выбежали истощенные, измученные, но очень веселые люди, которые кинулись обнимать Леонардо, хвалить его за ум и смекалку. На долю Алисы тоже достались объятия и поцелуи. Не забыли и дракона, которого все хлопали по морде и плечам и называли драгоценной ящерицей!

Дети бегали вокруг и плясали от радости.

Потом Леонардо сказал своим родным:

— Надо побыстрее уходить отсюда. Берите все добро. Мы спрячемся в лесу, возле соседней деревни. Если солдаты Пацци придут снова, они никого не застанут. А тем временем мой отчим, нотариус Пьетро, добьется приема у герцога Медичи. Вот увидите, все кончится хорошо.

Крестьяне послушались Леонардо, и вскоре длинная процессия двинулась через поля к соседней деревне, откуда уже спешили на помощь.

— А как же ты, Леонардо? — спросила Катерина, его красивая мама.

— Я сейчас же ухожу во Флоренцию. Вы меня не видели и не слышали. Ни в коем случае Пацци не должны догадаться, что напустить на них дракона — это моя выдумка.

— Правильно, — согласился суровый черноволосый мужчина, который был так слаб, что покачивался, опираясь на копье. — Леонардо — умный парень. Мы не должны подводить нашего друга.

Леонардо обнялся со своими родными. Они с Алисой остались на опустевшей площадке перед замком и развели большой костер.

На этом костре и погиб дракон..

Никто не должен его увидеть и понять, что чудовище — выдумка мальчика. Нужно

распустить слухи по всей Флоренции, что слуг Пацци разогнал самый настоящий дракон. В это все поверят, и в будущем Пацци не будут такими наглыми грабителями. А вдруг дракон вернется? А вдруг он подчиняется здешним крестьянам?

Когда от дракона осталась лишь куча тлеющих головешек, Алиса с Леонардо пошли во Флоренцию.

— Теперь ты куда? — спросил Леонардо.

— Во Францию, в Бретань.

— Если ты меня подождешь, — сказал Леонардо, — то я тебе дам самую лучшую карту, на которой нарисованы не только города и реки, но даже замки и деревни. Это очень полезная карта.

Алиса поблагодарила юношу. Он был прав. В пятнадцатом веке надо пользоваться картой пятнадцатого века.

Пока Алиса ждала Леонардо, она поиграла на берегу речки в мяч с девочками. Ничего в городе не изменилось, и никто не догадался, что Алиса только что участвовала в бою, причем была настоящим танкистом. Ведь искусственного дракона можно считать древним танком, правда?

— Слушай, — спросила Алиса юношу, который подбежал к ней с картой, свернутой в трубку, — а как твоя фамилия?

— У меня вообще-то нет еще достойной фамилии. Когда я стану великим художником, я выберу себе новое красивое имя. Ведь моя фамилия совсем некрасивая. Крестьянская фамилия.

— И какая?

— Меня зовут Леонардо из деревни Винчи. Мы с тобой только что там были.

— Так и зовут?

— Ну да. Это звучит так: Леонардо да Винчи.

— Что ж, — сказала Алиса. — Очень приятно было познакомиться. И я могу открыть тебе тайну: ты станешь великим художником и великим изобретателем.

— Я в этом не сомневаюсь, — ответил Леонардо и остался стоять на берегу, глядя вслед своей новой знакомой.

Глава двенадцатая. Ночь в герцогстве Бретань

Ковер-самолет летел кое-как. Может, устал, а может, притворялся, что летит из последних сил.

Сказочным вещам в обычном мире приходится несладко, они быстро приходят в негодность. Даже сказочный меч заржавеет, хоть ты его будешь каждый день смазывать сливочным маслом. Но пока что Леонардо не изобрел самолета, хоть ему это ничего не стоит. Вы же знаете — Леонардо все время спешит, ему постоянно некогда. Он хочет все успеть и сам не знает, что же значит — «все».

Так что самолета в пятнадцатом веке нет, воздушного шара тоже нет, вот и приходится летать на ковре-самолете, дырявом и ненадежном.

Ковер летел невысоко, над верхушками деревьев. Впрочем, Алиса и не разрешала ему взмыть к облакам, потому что там было холодно и дул пронизывающий ветер.

Лес тянулся по всей Европе. Лишь иногда Алиса видела среди деревьев трещинку — лесную дорогу. Порой лес расступался, чтобы дать место крестьянским полям и деревушкам.

А уж настоящие города встречались страшно редко.

Алиса разложила перед собой на ковре карту, которую ей принес Леонардо. Конечно, не все на ней было нарисовано точно, потому что Леонардо еще не везде побывал, он только сравнил несколько карт и сделал по ним самую точную.

Лететь было скучно, холодно, а порой и мокро.

Хорошо еще, что Алиса — человек закаленный, спортсменка, а то бы наверняка простудилась и не долетела бы до этой самой Бретани.

Бретань...

Никогда раньше Алисе не приходилось бывать в Бретани. В Британии она бывала. То есть в Великобритании. Но это ведь такая страна — Великобритания, которую еще называют Англией, хотя Англия — это только ее часть. А Бретань — это вовсе не страна, а полуостров во Франции.

Вот на этом полуострове ей и надо было отыскать герцога Жиля де Рэ, который живет в замке Тиффож и держит в том замке дракона. Откуда у герцога дракон и зачем он ему нужен, пока неизвестно. Вот Алисе и придется это выяснить.

Внизу все так же тянулись леса, правда, полей стало побольше и порой встречались виноградники.

Совсем близко промелькнула башня крепости или монастыря. На башне стояла девушка. Она вовсе не удивилась тому, что видит летающий ковер, а помахала Алисе рукой. Алиса тоже ей помахала, но чуть не свалилась с ковра. Хорошо еще, ковер загнул вверх угол и удержал свою пассажирку.

— Спасибо, ковруша, — сказала Алиса.

— Запомни! — строго проворчал ковер. — Ты на летающем средстве находишься, а не на корове верхом!

Уже начало темнеть, когда Алиса наконец долетела до Бретани. Есть хотелось ужасно, да и не выспалась она.

Вроде бы деревня и замок на ее краю были как раз теми, что нужны Алисе, но все-таки лучше проверить, пока светло.

Алиса приказала коврику спуститься на полянку у ручья, который уютно журчал, пробегая по камешкам. Вокруг было тихо, только пели цикады.

На том берегу ручья начиналась пустошь, поросшая вереском, а дальше были видны деревья парка, окружавшего замок.

Но больше ничего разглядеть не удалось — на лес уже надвинулись сумерки, а от ручья поднимался туман.

Где-то далеко, наверное в деревне, замычала корова, и в ответ ей залаяли собаки. Их лай разбудил петуха, потому что он совсем не вовремя принялся кукарекать, но спохватился и смущенно замолчал.

Вдруг в тишине раздался тихий голос:

— Можно подумать, что мы с тобой дома, в деревне. А не в каком-то там пятнадцатом веке, да еще во Франции.

Алиса даже не сразу сообразила, что это голос ковра-самолета.

— Откуда ты такой образованный? — спросила она.

— Кому нужна моя образованность?

— Да ты у нас с характером!

— А как же без характера выживешь, — прошептал ковер. — Поистрепали меня люди,

совершенно никому меня не жалко. Даже детей у меня нет.

— Какие же у тебя могут быть дети? — удивилась Алиса. — Ты же ковер. Вещь.

— Вот, и ты туда же, — обиделся ковер. — Пролетела на мне пол-Европы, приказывала мне подниматься и опускаться, я послушно летел туда, куда тебе хотелось, хотя порой ты и дороги туда не знала! Сейчас я с тобой разговариваю и, учти, еще не сделал ни одной грамматической ошибки. Но стоило мне заикнуться о том, что я разумен, ты возмутилась, словно наступила на камень, а оказалось, что это скорпион, да еще и кусается!

— Прости, коврик, — сказала Алиса. — Но можно у тебя кое-что узнать?

— Во-первых, я попрошу в будущем обращаться ко мне на «вы», — сказал ковер. — Я все-таки старше тебя в несколько тысяч раз. Можно сказать, что в прадедушки тебе гожусь. А во-вторых, я знаю, какой вопрос ты хочешь задать. Ты хочешь спросить, бывают ли ковры-мужчины и ковры-женщины?

— Честно говоря, — ответила Алиса, — я хотела вас спросить о другом. Но я буду рада услышать о том, бывают ли ковры-мальчики и ковры-девочки.

— Я отвечу тебе так, — сказал ковер. — Разумеется, бывают. Но разницу между ними могут заметить только сами ковры, и даже не все ковры. Потому что разница в чем?

— В чем?

— Разница в узоре.

Алиса посмотрела на неподвижно лежащий у ее ног ковер. Конечно, уже наступили сумерки и было трудно разобрать, какой у ковра узор, но ясно было, что узор этот так стерся, что даже сам ковер не смог бы выяснить, мальчик он или девочка, а может быть, и дедушка.

— А как вы говорите? — спросила Алиса. — У вас же рта нет.

— У меня многого нет, — вздохнул ковер. — И разговариваю я, потирая ворсинку о ворсинку. Раньше у меня был громкий и красивый голос, я даже иногда в опере пел. Ляжешь во всю сцену и поешь! А теперь еле-еле бормочу.

— Скоро станет совсем темно, — сказала Алиса, взглянув на небо. На небе высыпали звезды, и по ручью пробежала серебряная лунная дорожка. — Я думаю, что нам лучше лечь спать здесь. Вам не будет неприятно, если я на вас лягу?

— Можешь даже в меня завернуться, — разрешил ковер-самолет. — Мне это не обидно. Я люблю обнимать девочек.

— А вы меня с утра разбудите? — спросила Алиса.

— Как? А разве мы не будем больше разговаривать? — огорчился ковер. — Мне было бы интересно поведать тебе удивительную и драматическую историю моей жизни.

— Я буду рада услышать ее в следующий раз, — вежливо сказала Алиса. — А сегодня я замерзла и устала. Пожалуйста, обнимите меня, будьте так любезны, и мы поспим.

— Ну вот, — проворчал ковер-самолет, — еще и одеялом работай! Нет на свете никакой справедливости. Некоторые в гаремах лежат, а то и в тронных залах, других вешают на стенку, чтобы любоваться. А мне судьба такая — век по небу шататься.

Алиса улеглась на коврик, и он сразу же обнял ее — получилась трубочка с кремом. Ковер был трубочкой, а Алиса — кремом.

— Тебе удобно? — спросил ковер.

— Спасибо.

— Если неудобно, ты сразу говори, я проснусь и что-нибудь придумаю.

— Нет, спасибо, все хорошо

Алиса почти сразу задремала. Но толком заснуть ковер ей сразу не дал.

— Ты спишь? — спросил он.

— Сплю.

— Ты спи, спи. Я просто хотел сказать, что пошутил, будто завидую тем коврам, которые по стенкам висят или в гаремах лежат. Куда им — прикованы навечно к месту и никому толком не нужны. Вот и ждут перемен в жизни — когда их на базар потащат. А я как птица, лучше птицы... Ты спишь?

— Сплю.

— Ты спи. Если, конечно, можешь. А я бы на твоём месте небом любовался. Здесь небо сказочное, звездное. Скажи, а ты созвездие Орион можешь мне показать? Я что-то забыл. Вот Пегас помню. И Кассиопею, конечно, отыщу. А Орион забыл.

— Завтра. Хорошо?

— Конечно-конечно, я и не думал тебя будить. Мне просто хотелось вспомнить, какой из себя Орион.

Алиса пригелась внутри ковра. Пахло травой и свежей водой. Ручей сонно журчал, словно кран в ванной забыли закрыть.

Алисе начал сниться сон, обыкновенный сон двадцать первого века. Будто она попала на планетку, населенную гномами, вернее, существами, похожими на гномов. Эти гномы старательно трудились в шахте и добывали алмазы. Шум от их молоточков стоял страшный!

Гномы увидели Алису, кинулись к ней и стали спрашивать, не видела ли она где-нибудь во Вселенной их собратьев. Не может быть, чтобы они, гномы, были совершенно одиноки. Алиса сказала, что на Земле должны быть гномы, только они встречаются довольно редко, но в эпохе легенд их вполне можно отыскать.

— А как они одеваются? — спросил самый старый гном с седой бородой, которую он перекинул через плечо, чтобы не волочилась по полу.

— Примерно как вы, — ответила Алиса.

— Примерно? А точнее, девушка, точнее, попрошу!

— У них красные колпачки...

И тут по толпе гномов прокатился возмущенный шум.

— Я так и думал, — произнес старый гном.

— В чем дело? — удивилась Алиса.

— Ты видишь, какого цвета наши колпачки? — спросил старый гном.

— Конечно, вижу — зеленого.

— Вот именно! И любой, кто напялит красный колпак, — нам не друг, а враг.

И тут все гномы хором воскликнули:

— Настоящий гном, который ненавидит мухоморы!

Наступила тишина. Гномы смотрели на Алису и ждали, что она скажет.

— А чем красные колпаки хуже зеленых? — спросила Алиса.

Гномы замахали руками, и старый гном сказал:

— Она же дальтоник! Для нее что зеленое, что красное — все равно, что синее!

Алиса хотела сказать, что она не дальтоник, но тут услышала голос:

— Проснись!

Алиса проснулась и сказала:

— Но я же не дальтоник!

...Стояла теплая ночь, горели яркие звезды, а издали доносился крик совы.

— Мне плевать, дальтоник ты или гипертоник, — прошипел ковер-самолет.

— Что случилось? — спросила Алиса. — Я только что заснула.

— Ты не только что заснула, — прошептал ковер. — Ты проспала уже три часа.

— А ты чего не спал? — Спросонья Алиса забыла, что к коврику надо обращаться на «ВЫ».

— Глупый вопрос. Ты же сама сказала, что я вещь, а не живое существо. Зачем мне спать? Я думаю. Я наблюдаю. Я слушаю голоса ночи.

— Но зачем ты меня разбудил?

— Потому что за ручьем происходит что-то плохое.

— Но скажи — что?

— Я сам еще не понимаю. Я не знаю здешних обычаев. И к тому же мне отсюда ничего не видно.

Алисе не хотелось вылезать из мягкой трубы, и сон никак не отступал.

Она прислушалась.

Из-за реки доносились голоса.

Потом Алиса услышала детский плач. И встревожилась. Почему глубокой ночью в поле плачет маленький человечек?

Ковер словно почувствовал, что Алиса услышала плач. Он развернулся и лег на траву.

Алиса вскочила.

Ей было видно, что на лугу перед замком горят факелы и мелькают человеческие тени.

— Не хочу! — услышала она детский крик.

Ребенок кричал на французском языке. Алиса его понимала, а ковер с трудом. Он ведь прилетел из древних времен, когда французского языка еще не было.

— Мама, спаси меня!

— Летим! — воскликнула Алиса.

Она уселась на ковер, и тот взмыл в ночное небо.

Он медленно перелетел через ручей и полетел над лугом, стараясь держаться поближе к кустам, которые росли вдоль его края.

Алиса вспомнила, что у нее есть очки ночного видения, достала их из пояса и надела. И сразу ей стали видны люди на лугу.

Алиса дала увеличение.

— Ах! — воскликнул ковер-самолет, который тоже умел видеть в темноте. — Какая жестокость!

Алиса пришла в ужас.

На лугу стояла железная ванна. Возле нее заросший бородой мужчина, типичный разбойник с большой дороги, держал на веревке связанного мальчика лет шести-семи. Мальчик, видно, уже устал плакать, только всхлипывал и вздыхал. Он замерз и дрожал, да и неудивительно — никакой одежды на нем не было. Грязный голый мальчик стоял и дрожал.

Возле ванны прогуливался худой, благородного вида господин с треугольной бородкой, в высокой мягкой шапке и длинном до земли плаще. Рядом с ним, стараясь попасть ему в ногу, шагали два молодых человека, одетых скудно, в сандалиях на босу ногу. Господин рассуждал, а молодые люди его внимательно слушали. На несчастного мальчика никто не обращал внимания.

— Золото — это не только драгоценный металл, — говорил господин с бородкой. — Он живой. Золото состоит из крови Земли, вулканического жара и плоти гомункулов.

— Как вы сказали, магистр Прелати? — спросил один из молодых людей.

— Такие вещи надо знать, студент, — ответил магистр. — Их проходят на первом курсе.

— Разумеется, господин магистр! — воскликнул второй студент.

— Есть два пути получения золота, — продолжал магистр Прелати. — Или мы его выплавляем в алхимической лаборатории из таинственных веществ, или призываем на помощь дьявола, захватываем его в плен и заставляем работать на себя!

Тут господин магистр поднял вверх длинный указательный палец, а студенты начали трусливо озирались, потому что боялись дьявола.

— У себя в Италии я неоднократно вызывал дьявола. Он уже так меня боится, — продолжал магистр, — что сам мне золото носит. Иногда мешок принесет, а иногда кошелек. Если мало приносит, я его плеткой бью.

— Ой! — воскликнули студенты.

— Так что цените, к какому великому ученому вы попали на практику! — заявил Прелати. — Внукам будете рассказывать, как вам в жизни повезло. Кстати, не исключено, что разбогатеете.

— А зачем вы сюда приехали, господин магистр? — спросил один из студентов. — Вы бы у себя в Италии пугали дьявола и собирали золото.

— Чем отличается простой алхимик от большого ученого? — наставительно спросил Прелати. И сам же ответил: — Настоящий ученый не гоняется за деньгами. Настоящий ученый не стремится к славе. Настоящему ученому важны достижения! Открытия! Признательность потомков! Поэтому, когда герцог де Рэ пригласил меня в вашу провинциальную Францию, где не хватает специалистов по алхимии и черной магии, я с радостью согласился. Я не возражаю, чтобы мне поставили памятник здесь, а не на родине.

— Но почему же, господин магистр? — удивились студенты.

— Потому что некоторые завистники и негодяи в Италии меня не понимали и даже решили посадить меня в тюрьму

— Но за что же? — воскликнул один студент.

— Враги всегда придумают, за что посадить в тюрьму честного человека, — отмахнулся магистр.

Он остановился и посмотрел на небо.

— Сочетание звезд благоприятно, — сказал он. — Можно начинать. Тащите мальчишку в ванну.

— Но почему в ванну, господин магистр?

— Неужели непонятно? — с раздражением спросил Прелати. — Мы не имеем права потерять ни капельки крови этого мальчишки. Всю его кровь мы соберем в ванну и добавим в нее химические элементы повышенной секретности. А когда все будет готово, мы вызовем дьявола! Он не сможет отказаться от целой ванночки детской крови.

— Ах! — произнес один из студентов и грохнулся на землю.

— Что с ним? — удивился магистр.

— Нервы, — пожал плечами второй студент. — А я ничего не боюсь.

— Быть тебе настоящим алхимиком, — сказал Прелати. — Я тебя с собой заберу. А этот пускай лежит, может, мы его кровь тоже в ванну подольем.

При этих словах лежавший без чувств студент вскочил на четвереньки и, как собака, помчался прочь.

— Ну и нервы у современной молодежи, — вздохнул Прелати. — Что ж, начинаем! Оставшийся студент отошел на несколько шагов назад — ему было как-то не по себе.

По знаку магистра Прелати стражники подтащили мальчика поближе к ванне. Магистр вытащил из-под плаща тонкий кинжал, такой острый, что Алиса увидела, как пролетающая мимо ночная бабочка, нечаянно коснувшись лезвия, лишилась усика.

— Ты, мальчик, не плачь, — сказал магистр. — Благодарю судьбу, которая помогла тебе послужить большой науке.

Он занес руку с кинжалом.

Алиса шлепнула ладошкой по ковру, но этого можно было и не делать. Ковер уже сам взмыл в воздух и ринулся в сторону магистра.

Еще не успела опуститься злодейская рука с кинжалом, как сверху, словно с самих небес, прозвучал страшный голос:

— Остановись, магистр Прелати! Ты погибнешь, магистр Прелати!

Мальчик как будто ждал этого знака.

Он вырвался из рук опешивших стражников и бросился бежать к кустам.

— Ах, ты явился, дьявол! — воскликнул магистр Прелати.

Он совсем не испугался, не упал на колени, как остальные, и не стал молиться, как несчастный запуганный студент-практикант. Может, он ждал, что вот-вот появится дьявол?

Магистр побежал следом за мальчиком.

— Остановись, несчастный! — повторил дьявол.

Конечно, вы уже поняли, что это говорила Алиса.

— Помолчи, дьявол! — ответил магистр. — То ты мне угрожаешь, то мешаешь работать. Мы же с тобой одного поля помидоры.

И тут не удержался ковер-самолет. Ему бы помолчать, но разве остановишь коврик, если он слышал ошибку.

— Что ты несешь, магистр? — возмутился он. — Помидоры еще не открыты. Их Колумб из Америки привезет.

— Это еще что за чертенок такой? — удивился магистр. — А ну, явись пред мои строгие очи, я с тобой побеседую!

— Не связывайся с ним, — прошептала коврику Алиса. — Давай мальчику поможем.

Ковер с ней согласился и полетел к кустам, куда убежал мальчик. Все было бы хорошо, но этот магистр Прелати оказался ужасно упрямым и не отставал.

Тогда Алиса нажала на угол ковра.

— Не может быть, — проговорила она совсем тихо, — чтобы мы с тобой его не пугнули.

— Пугнем! — ответил ковер. — Держись!

И он понесся к земле, как пикирующий бомбардировщик.

Он пронесся над самой головой магистра, так что тот потерял равновесие и грохнулся на траву.

— Дьявол! — закричал он вслед коврику, снова взмывшему к небесам. — Я буду на тебя жаловаться! Ты не представляешь, какие у меня в аду связи! Я самого доктора Вельзевула знаю. У меня половина верховного совета дьяволов в кармане. Тебя быстренько в рай выкинут!

— Каков наглец! — поразился ковер. Но конечно же магистр этих слов не услышал, потому что ковер снизился у леса, где спрятался мальчик.

— Эй! — по-французски позвала Алиса. — Не бойся, мы — твои друзья. Мы тебя отсюда увезем.

Алиса спрыгнула с ковра и подбежала к мальчику, чтобы он увидел ее и не так боялся.

— Ты дьявол или девочка? — недоверчиво спросил мальчик.

— Не теряй времени!

— Если ты дьявол, как говорит господин магистр, то лучше уж пускай он меня убьет.

— Вот тебе моя рука, — сказала Алиса.

Сквозь кусты уже ломился магистр Прелати.

— Выбора у тебя нет, — вмешался ковер. — Нам не поверишь, магистр тебя поймают. От магистра убежишь — тебя волки в лесу загрызут.

Может быть, мальчик и не послушался бы Алису, но тут в лесу раздался такой страшный вой, что он сам вспрыгнул на ковер, и тот сразу взмыл в небо.

Магистр Прелати кричал снизу:

— Вы у меня за это ответите! Я до Вельзевула дойду!

Тут снова взвыли волки, и магистр с проклятиями побежал обратно.

— Теперь куда? — спросил ковер.

— Я домой хочу, — сказал мальчик.

— А где твой дом? — спросила Алиса.

— Мой дом далеко, в деревне Бонсуар. Я там живу с мамой и двумя сестричками.

— Как же ты сюда попал?

— Меня цыгане украли, — заплакал мальчик, — и продали магистру Прелати.

— Ты хоть можешь показать, где твоя деревня? — спросила Алиса.

— Это очень красивая деревня, — сказал мальчик и снова принялся реветь.

— Все, — сказал ковер. — Мне это надоело. Никуда я больше в такую темень не полечу. Опускаемся вон на той полянке и спим до рассвета.

— А волки? — спросил мальчик.

— А с волками, если понадобится, я сам поговорю, — пообещал ковер.

Они опустились на траву, ковер обмотал собой мальчика и Алису, и довольно скоро они все заснули.

Магистр Прелати их не нашел, волки не съели, черти не беспокоили.

Ночь прошла быстро, занялся рассвет. Солнце поднялось над вершинами деревьев и ударило в глаза, зажужжали пчелы, застрекотали кузнечики, запели птицы.

Ковер развернулся и улегся на траве, чтобы понежиться под солнцем. Мальчик стал прыгать на нем и задавать вопросы: он в жизни не видел говорящего да еще и летающего коврика. Ковер не выспался, поэтому разговаривал еле-еле.

Алиса отвела мальчика к речке, чтобы умыться, но он не привык мыться, кричал, что вода слишком холодная, он простудится и помрет от лихорадки. Потом потребовал завтрак, но завтрака у Алисы не было. Она сама с удовольствием слопала бы батон и выпила бы кружку сладкого чая.

Когда мальчик узнал, что его не накормят, он взобрался на ковер и крикнул:

— Полетели-полетели, я дорогу покажу.

— А найдешь ли?

— Чего ж не найти? Сверху все видно.

Он показал, в какую сторону лететь.

Сначала ковер пролетел над старинным замком с высокой центральной башней —

донжоном. За замком толпились домики небольшой деревни.

— Там слуги сеньора де Рэ живут, — пояснил мальчик.

— Так это его замок?

— А чего мне врать-то? Сам живет, дракона своего держит. Иначе на что бы ему деньги понадобились.

— Расскажи мне, пожалуйста, — попросила Алиса. Мальчик оказался сообразительным, хотя и маленьким.

— Я вчера весь день в подвале просидел, — рассказал он. — Ждал, пока меня убивать поведут. И многое услышал.

— Расскажи нам, — сказал ковер.

— Расскажу, если ты вон туда повернешь, — показал рукой малыш.

Когда он убедился, что ковер его послушался, то продолжал:

— У этого злющего герцога, который в замке живет, есть дракон. Самый настоящий дракон. Об этом все знают. И кушает этот дракон только молодых теток. Вот герцог и женится. Как увидит девушку, сразу женится и волочит свою жену в подвал к дракону.

— А зачем ему дракон? — спросила Алиса.

— Ну как можно спрашивать? — удивился мальчик. — Кому дракон не нужен? Да никто на герцога и напасть не посмеет, если у него дракон есть. А у герцога врагов — ой-ой-ой! Все знают! Его король и епископ хотят разорить и замок его отобрать. Наверное, так и будет. Теперь уже никто из девушек герцогиней стать не хочет и замуж за него не идет. Пойдешь, а тебя дракону скормят — тебе бы это понравилось?

— Нет, не понравилось бы, — согласилась Алиса.

— Вот дракон и голодает. И денег герцогу никто не платит. Он из другой страны вызвал к себе магистра Прелати, который умеет золото добывать. Чертей вызывает, колдует. Только трудно ему без крови невинных младенцев. А я вот и есть невинный младенец. Рад познакомиться — Жан Рыжий из деревни Бонсуар. Из меня хотели кровушку выпустить, только я им не дался! Я как выхвачу меч — им головы порубил и домой возвращаюсь! А ты, ковер, не отвлекайся, а то мою деревню пропустишь. Видишь внизу озеро, а на берегу дома? Это и есть моя деревня.

Ковер опустился у крайнего дома.

Жан спрыгнул с ковра и помчался к дому. Ему навстречу выбежала молодая женщина.

— Жан! — кричала она. — Ты живой! Какое счастье!

Мальчик на бегу обернулся и крикнул Алисе:

— Если что нужно — помощь или еще чего, — не стесняйся, заходи!

Глава тринадцатая. Замок герцога

— Куда теперь? — спросил ковер.

— Смотреть на дракона, — ответила Алиса. — В этом наша задача. Если найдем драконозавра, то отыщем и Магдалину. Так что — в путь!

— В путь! — воскликнул ковер. И они помчались к замку герцога. Замок как замок. Ворота открыты. Алиса оставила ковер в кустах, а сама, не спеша, пошла к подъемному мосту.

У ворот стоял стражник в латах и шлеме.

— Эй! — крикнул он. — В замок не позволено.

— Мне нужно видеть герцога де Рэ.

— И зачем же тебе, пигалица, нужно видеть нашего герцога?

Охранник подкрутил усы правой рукой, а левой наставил на Алису алебарду.

— Вы левша? — вежливо спросила Алиса.

— Эх, и не говори, — вздохнул стражник.

— И в школе вам за это влетало?

— Из второго класса вышибли, — признался стражник.

— А в мое время, — сказала Алиса, — все равно, какой рукой писать. Никто и внимания не обратит.

— Не скажи, — возразил стражник. —левой рукой дьявол писал. Я поэтому, как меня из школы выгнали, ни разу ни слова не написал. Жить-то хочется.

— А хозяин дома? — спросила Алиса.

— Думаю, еще почивает, — сказал стражник. — Если не секрет, ты чего к нам пришла?

Стражник уже говорил с Алисой, как со старой знакомой. Очень важно вовремя посочувствовать человеку.

— У меня к герцогу срочное дело, — сказала Алиса.

— Тогда я тебе подскажу. Если с герцогом будешь говорить, ничего не бойся. Герцог — бывший маршал, он смелых любит. А вот магистра Прелати опасайся. Безжалостный человек. Все норовит младенца невинного загубить, его кровью дьявола приманить и золота раздобыть.

— Зачем же ему золото?

— Ох, — вздохнул стражник, — не могу я тебе герцогскую тайну раскрыть. Так что проходи и сама спрашивай.

— Спасибо.

Алиса пошла в замок, но тут стражник ей вслед сказал:

— Если захочет на тебе жениться, не соглашайся. Печальна судьба жен Синей Бороды. Вся Франция об этом наслышана.

Алиса пересекла замощенный булыжником двор и вошла в центральную башню. Еще не хватало ей Синей Бороды. Но ведь герцога зовут де Рэ?

Представляете, возвращаешься в школу, учительница спрашивает, готова ли ты к контрольной, а ты отвечаешь: простите, я была очень занята, ночной бал в замке, потом хрустальный башмачок искали, а тут еще вампир из соседнего леса заглянул.

Что ж, ваша воля смеяться, Каролина Павловна. Кстати, меня скоро скормят дракону, если я решусь стать женой Синей Бороды.

Тут Алиса расхохоталась и не заметила, как уже очутилась в нижнем зале башни, где располагалась герцогская столовая.

Алиса сразу угадала герцога. Он был большой, толстый и чернобородый, с массивным красным носом и черными выпуклыми глазами. Конечно, герцог выглядел страшновато, но нельзя сказать, что был очень злобным.

За длинным столом сидела еще женщина, но Алиса не успела ее разглядеть, потому что при звуке Алисиного смеха толстый герцог вскочил на ноги и кинулся к ней с криком:

— Кто тебя пропустил? Как ты смеешь?

Он налетел на Алису, словно ураган, и вытолкнул ее животом из комнаты.

И там сразу успокоился.

— Ты кто? — спросил он уже другим голосом.

— Алиса.

— Что здесь делаешь?

— Пришла к вам по делу.

— Крестьян и нищих я принимаю завтра, после обеда, — сказал герцог. — Вот тогда и приходи. И вообще — это безобразие! Я кормлю целую роту бездельников, и никакой охраны нет! Всех удавлю, разгоню и уволю!

— В воротах стоял стражник, — сказала Алиса. — Очень приятный дядечка.

— А вот приятных стражников быть не должно. Стражник обязан быть грубияном, хамом и мерзавцем. За это ему и деньги платят. Ну, чего ты не уходишь?

— Я ненадолго, — сказала Алиса.

— Ладно, проходи, — смягчился герцог. — Рассказывай. Только коротко.

Алиса прошла в комнату и увидела, что женщины за столом уже нет. Тарелка стоит, хлеб рядом лежит, а за столом никого.

— Ты попрошайка? — спросил герцог.

— Нет, я заграничная принцесса.

Алиса не придумала, она сказала чистую правду. Она и в самом деле была заграничной принцессой, только не на Земле, а на планете Пенелопа. Правда, это было давно, еще в прошлом году.

— Что-то не похожа ты на принцессу, — усомнился герцог.

— А на попрошайку?

— На попрошайку тоже не похожа, — согласился герцог. — Голодная?

— Нет, спасибо.

— И говоришь по-благородному, — сказал герцог.

— Такие уж учителя мне достались, — сказала Алиса. Она имела в виду компьютер-учитель, но вряд ли герцог видел в жизни хоть один компьютер.

Герцог сел за стол, Алиса уселась напротив.

«Если это была его жена, — подумала Алиса, — почему она убежала?»

— Скажите, это правда, что вас прозвали...

— Синяя Борода! — взревел герцог. — Еще вопросы есть?

— Скажите, пожалуйста, — спросила Алиса, — правда ли, что у вас в замке живет дракон?

— Это кто тебе сказал?

— Все говорят.

Герцог вздохнул, почесал нос и сказал:

— Ну, если все говорят, то так и есть. Народ ведь врать не будет?

— Конечно. А какой он?

— Странно, — сказал герцог и взял с блюда баранью ногу. — Приходит ко мне девочка, называет себя принцессой и хочет узнать что-то про дракона. Да обыкновенная девочка при одном слове «дракон» в кусты убегает!

— Может, вы мне все же его покажете? — спросила Алиса.

— С ума сойти! — Герцог принялся бить себя в широкую грудь кулаками. — Дракона ей покажи! А если он тебя сожрет, проглотит, разжует и выплюнет?

— Честно говоря, — сказала Алиса, — я драконов не очень боюсь. Немало я их навиделась, и, как правило, все это выдумки.

— Как так выдумки?

— Боюсь, что драконов в наши дни не существует. Их выдумали, — сказала Алиса. — У меня есть опыт, я много путешествовала...

— Ну и пигалица! — обрадовался герцог. — Ну и выдумщица! Да если драконов нет, то, может быть, и волшебников нету? И вампиров? И оборотней?

— Извините, герцог, — сказала Алиса. — Это не очень простой вопрос. Вообще-то их нигде нет, но есть места, где они есть.

— Замечательный ответ! С одной стороны — нету, а с другой — есть! Тогда какого же дракона ты разыскиваешь?

— Честно говоря, господин герцог, — сказала Алиса, — я ищу одну девушку, которая унесла из мезозойской эры яйцо динозавра, но потом пропала. И я подумала, что из яйца вывелся динозавр. Но ведь в вашем времени никто не знает, что раньше на Земле жили динозавры. Значит, если он здесь появится, все будут думать, что это дракон.

— Красиво говоришь, но похоже, что ты рехнулась, — вздохнул герцог.

И тут в комнату вошел магистр Прелати.

Алиса смогла в первый раз толком разглядеть его.

Очень противный человек — настоящий Кощей Бессмертный, высох от ненависти к людям и жадности к золоту, даже глаза провалились — никогда не увидишь, какого они цвета.

— Доброе утро, герцог, — проскрипел Прелати. — Я всю ночь провел в важных опытах, поэтому не смог встать вовремя.

— Ну и спал бы дальше, — проворчал герцог. Алисе показалось, что он не слишком любит магистра.

Магистр посмотрел на Алису. Ее появление его явно удивило.

— Это еще кто? — спросил он.

— Невежливо, мой друг, невежливо, — укоризненно сказал герцог. — Если вы видите за моим столом молодую особу, то уважение ко мне, хозяину дома, требует уважения и к моей гостье. Я понятно излагаю?

— Извините, — прохрипел магистр, — но я так устаю на вашей службе...

Он провел рукой по лбу, словно отгоняя муху или грустную мысль.

— Ну тогда садитесь, магистр, — пригласил герцог, — выпейте чашечку чая.

— Я предпочел бы бокал доброго вина, — сказал магистр.

Герцог подвинул магистру кувшин, и Прелати уселся рядом с Алисой. Он налил себе вина, а герцог спросил:

— Ну и что нового? Добился чего-нибудь ночью?

— Этой ночью мне удалось вызвать дьявола, довольно крупного дьявола. Но удержать его я не смог.

— Почему же?

— И среди дьяволов бывают негодяи, — сказал магистр. — Стараешься, колдуешь, все силы кладешь, а тут какой-нибудь чертенок вмешается — и мои усилия идут прахом.

— Значит, плохо колдуешь, — сказал герцог. — Ты у меня уже второй месяц, а что-то ни кусочка золота я от тебя не дождался. Где золото? Я плачу тебе, как князю! Мне нужны деньги! Ну что тебе еще дать?

— Мне нужны невинные младенцы, — зловещим голосом произнес магистр Прелати. — Мне нужна их кровь! Дьявол отдаст золото только за кровь!

— Ах, оставь! — махнул рукой герцог. — Даже и мечтать об этом не смей. Ты что,

хочешь мою бессмертную душу загубить? Я тебе овец дал, кроликов, корову...

— Мало, мало! Мне нужен младенец.

— Нет!

— Тогда результат я не гарантирую, — сказал Прелати и налил вина в большой бокал.

Алисе он очень не нравился. И хотя обычно она никогда не ябедничает, такого гадкого магистра она жалеть не стала.

— Он говорит неправду, — сказала Алиса. — Вчера он хотел зарезать мальчика Жана из деревни Бонсуар.

— Клевета! — завопил магистр.

— Больше того, — продолжала Алиса, — он говорил всем, что это ваш приказ!

— Что-о-о?! — взревел герцог, вскочил, выхватил из ножен меч и замахнулся.

Магистр со всех ног кинулся к двери, остановился и громко сказал:

— Это не девочка! Это и есть дьявол, который украл у меня мальчика. Украл и сорвал колдовство. Гоните эту девчонку, иначе она вас погубит!

Магистр выбежал из башни, а герцог обратил свое красное гневное лицо к Алисе.

— Что он такое говорит?

— Только не вздумайте ему поверить, герцог! — сказала Алиса. — Неужели вы не можете сами отличить дьявола от девочки?

— Могу, — твердо сказал герцог. — А ты уверена, что он до младенцев добрался?

— Одного я вчера ночью еле спасла от него.

— Значит, ты все же там была?

— Еще как была! Мальчик сам убежал, но я помогла ему скрыться в лесу.

— Все! — сказал герцог. — Больше этот магистр у меня не работает.

Портьера в углу комнаты отодвинулась, и женский голос произнес:

— Он еще вас оклеветает, мой друг. Он станет свидетельствовать против вас, если вас обвинят в черной магии, а сам-то он выпутается.

Из-за портьеры вышла красивая молодая женщина и подошла к столу.

— Простите, герцог, — сказала она, — но я не хочу оставаться без завтрака из-за того, что у вас много гостей.

Женщина была одета в кожаные штаны, кожаную куртку и коротко пострижена. Совсем не похожа на других женщин пятнадцатого века.

Лицо у нее было открытое, четкое, с большим лбом, соболиными бровями и зелеными ясными глазами.

Она уселась за стол.

— Простите, госпожа моя, — сказал герцог, — но вы же знаете, как трудно сохранить тайну.

Молодая женщина положила себе кусок холодного мяса и спросила Алису:

— Значит, ты ищешь дракона?

— Вот именно. Вы слышали, как я рассказывала?

— Я не могла не слышать.

— Мне сказали, что в подвалах замка герцога де Рэ живет страшный дракон.

— И чем же мы его кормим? — улыбнулась молодая женщина.

— Вы его кормите женами Синей Бороды, — выпалила Алиса.

Она поняла, как невежливо прозвучали ее слова, и добавила:

— Это, конечно, сплетни, так люди рассказывают. Но сама я в такую чепуху не верю.

— А почему не веришь? — удивился герцог. — Я эти слухи сам распространяю. Мне нужно, чтобы люди сюда не совались и не задавали лишних вопросов. Пускай они думают, что я чудовище, пускай сотни лет рассказывают обо мне страшные сказки, но я должен сохранить в тайне жизнь вот этой особы.

И толстый герцог кивнул в сторону молодой женщины.

— Другими словами, — сказала женщина, — я и есть дракон.

— Вы?

— Как только поешь, я тебе покажу мое логово.

— Может, не стоит ее вести в подвал? — спросил герцог.

— А мне нравится эта смелая девочка, — ответила молодая женщина. — Я сама такой была. Как тебя зовут?

— Алиса.

Вскоре они встали из-за стола, и молодая женщина повела Алису в подвал. Герцог с ними не пошел, сказал, что будет заниматься хозяйством.

Когда они вышли из башни, женщина сказала:

— Он сейчас пойдет выяснять, правда ли, что магистр — преступник. Ему тяжело с этим смириться — очень деньги нужны.

Несколько ступенек вели вниз. На массивной дубовой двери, окованной железными полосами, была прибита медная доска. Она гласила:

«ОСТОРОЖНО! ЗЛОЙ ДРАКОН!»

А рядом на стене был нарисован зеленый дракон.

— Нагни голову, — сказала молодая женщина. — Этим дуракам невдомек, что через такую маленькую дверь не то что дракон — коза не пройдет.

Глава четырнадцатая. Тайный друг герцога

Алиса со своей спутницей спустились по каменной лестнице на целый этаж и оказались в низком круглом зале, который освещался тремя факелами.

На стене висел портрет Синей Бороды, страшенький и не очень похожий — только по бороде и узнаешь.

В портрет были воткнуты восемь кинжалов. Эта картина показалась Алисе очень знакомой.

— Что это такое? — спросила Алиса.

— Ничего особенного, — ответила молодая женщина. — Просто восемь несчастных жен Синей Бороды перед смертью кололи кинжалами портрет своего мучителя.

— Но это же неправда? — спросила Алиса.

— Конечно, неправда. Потому что это я сама так изувечила портрет моего друга герцога. На всякий случай. Вдруг какой-нибудь дурак сюда проберется, увидит портрет и придет в ужас.

Молодая женщина прошла в соседнюю комнату, которая оказалась небольшой спальней. Там стояли два кресла и кровать, покрытая шкурами. На полу лежал потертый ковер, который, как двоюродный брат, походил на Алисин ковер-самолет.

— Садись, — предложила молодая женщина.

— А где же дракон? — спросила Алиса. У нее оставалась слабая надежда, что этажом ниже все же мается чудовище.

— Да я же тебе сказала! Дракон придуман для того, чтобы сюда не совались ненужные люди.

— Но почему?

— А потому, что мой старый друг уже много лет прячет меня от епископов и инквизиции.

— Кто же вы такая, что вас надо прятать?

— Может быть, ты обо мне слышала, — грустно сказала молодая женщина. — Зовут меня Жанной, родилась я в деревне и была самой обыкновенной деревенской девочкой, правда, любила скакать верхом и сражалась с мальчишками на палках.

— Вы — Жанна д'Арк?

— А ты откуда обо мне знаешь? — удивилась Жанна.

— Я про вас в школе учила, — ответила Алиса. — Я вас с самого детства уважаю. Вы взяли коня, надели латы и поскакали спасать свою любимую Францию, которую уже почти завоевали англичане. Со всех сторон к вам собирались помощники. Вскоре вы уже командовали целой армией и в нескольких сражениях разгромили английское войско.

— Именно так, — сказала Жанна. — Я никогда не думала, что обо мне кто-то помнит. Ты далеко отсюда живешь?

— В Москве, — честно призналась Алиса, но Жанна не знала, где находится такой город.

Алиса не стала объяснять, что между ними пролегли не только много километров, но и сотни лет — все равно Жанна не поймет. А то еще испугается.

— Я запомню это княжество, — сказала Жанна. — И обязательно приеду к тебе в гости, как только смогу.

— Хотите, я еще о вас расскажу? — спросила Алиса.

— Рассказывай, мне очень интересно.

— Жанна была очень скромной и уверяла, что ничего сама не делает, а ей помогает ангел.

— Святой Михаил, — подсказала Жанна.

— Но в действительности она все делала сама. Даже уговорила Карла, наследного принца Франции, короноваться в Реймсе, где и положено короноваться французским королям. Жанна с Карлом пробилась в Реймс, и там он стал королем Франции.

— А в одном бою мы познакомились с герцогом, — тихо сказала Жанна. — Он был маршалом французской армии и замечательным рыцарем. Мы с ним подружились и всегда шли в бой рядом. Только теперь об этом никто не хочет вспоминать.

— А я знаю почему, — сказала Алиса. — И если вы мне позволите, то я вам скажу.

— Жду с нетерпением, — улыбнулась Жанна.

— Потому что, когда Карл стал королем и англичане были разбиты, у вас оказалось много врагов. Завистники стали кричать на всех углах, что вы ведьма. Правильно я рассказываю?

— Более-менее правильно, — печально вздохнула Жанна.

— В одном из боев вас заманили в ловушку, захватили в плен и отвезли в английские владения. И там вас судили как ведьму.

— И я ничего не могла им доказать, потому что они заранее знали, что меня надо приговорить к смерти.

— Милая Жанна! — сказала Алиса. — Если бы вы знали, как я вас жалела, особенно

когда узнала, что король Франции, которому вы добыли трон и вернули все королевство, даже и пальцем не пошевелил, чтобы вас освободить.

— Да, — сказала Жанна. — Поэтому никто не удивился, что меня признали злобной ведьмой и живьем сожгли на костре.

— Ой, как это ужасно! Я, когда читала о вас, чуть с ума не сошла от горя! — Алиса посмотрела на Жанну и удивленно спросила: — Но ведь вы живы? Вы же не привидение?

— У каждого человека должны быть друзья. Без друзей человек — ничто. И у меня был друг.

— Маршал де Рэ?

— Умница! Именно он. Когда герцог узнал, что меня предали и приговорили к смерти, он собрал все свои богатства и помчался к судьям. Он успел в самый последний день и подкупил тюремщиков, потратив на это половину своего состояния. Вместо меня сожгли большую куклу, на которую напялили мою одежду.

— И вы убежали?

— Маршал... то есть герцог увез меня в этот замок и спрятал здесь. Но ведь весь мир думает, что я погибла на костре. Если выяснится, что я жива, то сразу найдутся враги, которые объявят меня ведьмой и сожгут.

— Какой ужас! — сказала Алиса. — Придется вам к нам перебираться.

— Куда к вам? — печально спросила Жанна.

— В Москву. У нас уже пират Сильвер с попугаем живут. И очень довольны. Их спасли от смерти.

— Ни в какой Москве мне не скрыться. Инквизиция меня и там найдет. А еще я боюсь магистра Прелати. Он страшный человек.

— Жанна, а зачем он здесь?

— В этом тоже я виновата, — сказала Жанна. — Ведь у герцога из-за меня остались одни долги. Многие друзья, которые знали о нашей с ним дружбе, от него отвернулись. Жена и брат отсудили у него почти все земли и замки. Вот мой друг и не придумал ничего лучше, чем пригласить из Италии магистра белой и черной магии, астролога и алхимика Прелати. Уж я его умоляла, упрашивала: не приглашай ты этого жулика. Добром это не кончится. А герцог...

И тут ее прервал бас герцога:

— А я сказал: не к лицу герцогам де Рэ пресмыкаться перед властями и просить милостыню!

— Ах, герцог! — прошептала Жанна. — Я прошу вас, умоляю, выпустите меня из замка, отдайте судьям! Пускай меня повесят. Вы подвергаете себя страшной угрозе!

— Пусть только попробуют мне пригрозить!

— Герцог!

— Хватит об этом! Алиса, ты убедилась, что я не убиваю своих жен и не прячу в подвалах дракона?

— В этом я убедилась, — сказала Алиса, — но я совершенно согласна с Жанной.

— В чем же ты согласна, пигалица?

— В том, что вы должны немедленно прогнать этого магистра! Если он хочет убивать детей, то никакой он не ученый!

— Не беспокойся, — отмахнулся герцог. — Я уже пригрозил ему, а магистр дал мне слово, что ни одного младенца он не зарежет.

— Неужели вы ему верите, герцог? — воскликнула Жанна. — Я его боюсь!

— Ты меня удивляешь, Орлеанская дева, — сказал герцог.

Он назвал Жанну так, как ее стали называть во Франции после того, как она победила английскую армию под городом Орлеаном.

— Ты меня удивляешь, — повторил герцог. — Всего несколько лет назад ты ничего не боялась и первой кидалась в бой. А сейчас ты дрожишь перед каким-то ничтожеством, которого я привез из Италии.

— Я уже не та Жанна, — вздохнула молодая женщина. — Та сгорела на костре.

— Я спас тебя!

— Ты спас, но те, ради которых я шла в битву, ради которых я сражалась, как рыцарь, меня предали. Им я оказалась не нужна.

— Так часто бывает в жизни, — сказал герцог. — Пока ты нужна, они держат твое стремя и кланяются тебе в пояс, а когда ты все для них сделала, то тебя лучше забыть.

— Правильно, — сказала Алиса. — На прошлой неделе я дала Пашке Гераскину контрольную по математике у меня сдать. Он сказал, что я — его лучший друг и что он готов ради меня прыгнуть с десятого этажа. А когда списал, то убежал домой и до сих пор мне ракетку для бадминтона не вернул.

— Вот видишь, — сказал герцог. — Устами младенца глаголет истина. Не жди благодарности от людей.

— Тогда и вы, герцог, не ждите благодарности от этого низкого Прелати. Пока ему выгодно жить в замке, он будет обжираться, спать и делать, что захочет. Но не дай бог, если ваши враги заплатят ему больше. Я не удивлюсь, если он сообщит им, как вы убиваете невинных младенцев и пьете их кровь.

— Ну уж обо мне, маршале Франции, знаменитом полководце, никто так не подумает.

— Подумают, — сказала Алиса. — Уже многие думают. По крайней мере, все знают, что вы убили восемь своих жен.

— Но у меня была только одна жена, и та меня покинула!

— Неважно. Все знают, что вы — убийца, а некоторые думают, что вы держите дракона и кормите его женщинами.

— Но ведь эту сказку я сам придумал, чтобы к Жанне никто не сунулся.

— А жаль, — огорчилась Алиса. — Я так рассчитывала, что это правда.

Герцог посмотрел на Алису, расчесал пальцами черную, как у Бармалея, бороду и сказал:

— Пошли чай пить. И эта девчонка, которая забралась к нам в замок, ничего не боится и еще учит старших жить, должна будет рассказать всю правду о том, зачем ей понадобился дракон. Нет, вы подумайте: девочка ищет дракона!

Он расхохотался, и они отправились на кухню, где никого не было. И там Жанна сама приготовила им чай с печеньем. А герцог показал Алисе на пустые полки и сказал:

— Вот до чего обеднел! Слуги разбежались, а крупа кончилась. — Но тут же добавил: — Я Жанну ни в чем не виню. Пускай она живет у меня хоть до конца своих дней. Не могу же я допустить, чтобы французы убили собственную великую героиню. Все равно придется со временем ей памятники воздвигать.

— Ах, оставьте, герцог! — смутилась Орлеанская дева.

— Герцог прав, — согласилась Алиса. — В Москве вам памятника нет, потому что у нас своих великих людей не считано — целое море, но вот в Париже памятник наверняка

есть. Я даже где-то картинку видела.

— Ты откуда про будущее знаешь? — строго спросил герцог. — Может, ты колдунья? Так мы с колдуньями строго!

— Чудо! — засмеялась Жанна. — Значит, мне можно быть колдуньей...

— Ну какая же ты колдунья!

— А Прелати у тебя с дьяволом разговаривает...

— Но мне же деньги нужны!

— А девочку зачем пугаешь?

— Вот такой я отсталый! Живем в глуши, в новых веяниях и модах не разбираемся, — проворчал герцог. — Даже не знаем, почему дети ищут драконов.

— Ну я же вам сказала: моя подруга взяла яйцо дракона и, наверное, заблудилась. Сама она небольшого роста, ее могут и не заметить, а дракона сразу заметят.

— А почему ты решила, что он здесь живет? — спросила Жанна.

— Я так не решила. Просто я знала, что моя подруга пропала в вашем времени.

— Как так в нашем времени? — удивился герцог. — Разве бывают другие времена?

— Еще как бывают. В вашем времени Жанну д'Арк на костре жгут, а в нашем ей памятники ставят.

— Значит, кого-то другого на костре жгут, — заметил герцог. Он был очень упрямым.

— Сначала я отправилась на Русь...

— Куда?

— Это страна далеко на Востоке.

— Где татары?

— Народ там называется «русские».

— Слышал, — сказал герцог. — Они с татарами воевали. И кто-то кого-то победил.

Теперь они с Европой сырьем торгуют.

— Что такое «сырье»? — не поняла Жанна.

— Сырье — это то, что сырое. Не вареное, не готовое, — объяснил герцог. — Русские продают нам воск, дрова, мед, орехи. А берут у нас всякие культурные вещи. Это очень богатая страна, но порядка в ней никогда не было.

Алиса улыбнулась: герцог совершенно не разбирался ни в истории, ни в географии. Ну что с него возьмешь — он же средневековый!

— Из России я поехала в Польшу, — сказала Алиса. — Мне сказали, что дракон есть в Кракове.

— Значит, в России не нашла?

— Того, который мне нужен, не нашла.

— И в Кракове?

— И в Кракове не тот дракон оказался.

— А потом?

— Потом я побывала в Италии.

— И безуспешно, — предположил герцог.

— И безуспешно, — согласилась Алиса. — И вот я у вас.

Тут герцог схватил Алису своими могучими ручищами, поднял в воздух и поцеловал.

— Я тебя уважаю, — сказал герцог. — Потому что ты ради подруги пошла на такие приключения. Ты похожа на меня, и, если хочешь, я тебя удочерю.

— Спасибо, у меня уже есть неплохие родители, — отказалась Алиса.

— Если вернешься, ты хоть рассказывай людям, что герцог Синяя Борода — не такой изверг, как о нем думают.

— Это я вам обещаю.

Глава пятнадцатая. Предатель Прелати

Герцог встал из-за стола, подошел к длинной, во всю стену, плите, в которой давным-давно погас огонь. На плите стояли кастрюли, котлы, сковородки и жаровни. Герцог выбрал большой медный таз — в таком Алисина симферопольская бабушка Лукреция варит варенье из белой черешни с лимонами, — отыскал поварешку и принялся бить в таз. Но он не просто молотил в него, а ударял особенным образом, словно по азбуке Морзе.

Отстучав, он снова уселся за стол допивать чай.

Тут в дверях кухни показались два старых солдата, одноглазый и одноногий.

— Привет, орлы! — сказал герцог.

Орлы поклонились и сказали, что рады стараться.

— Как живете? — спросил герцог.

— Бедствуем, — ответили орлы.

— Теперь все бедствуют, — согласился герцог. Он обернулся к Алисе и объяснил:

— Это мои ветераны. Во всех войнах и походах рядом со мной шагали. Страшной храбрости головорезы!

Ветераны покраснели от такой похвалы.

— Ветераны, — сказал герцог. — Ко мне приехала одна отважная дама из далекой страны. Она интересуется, нет ли в наших краях дракона? Только настоящего.

— Чтобы изо рта дым шел и огонь, — пояснила Алиса.

— Нет, — сказал один ветеран, — таких слухов не доносилось, а если и доносились, то вранье.

— А я бы так не сказал, — заметил второй ветеран. — Заходил тут к нам странник, просидел он много лет в английском плену, да вот освободился. И рассказывал он, что своими глазами видал в одном английском замке огнедышащего дракона.

— Прямо в замке?

— Сидит он в темнице, близко никого не подпускает и даже принцессу Магдалину в плену держит...

— Принцессу Магдалину? — воскликнула Алиса.

— Мне странник сказывал, что зовут ее Магдалиной, росточком она невелика, но держит себя настоящей принцессой. А мается-то как, просто жуть! Все ждет, когда святой Георгий или другой какой рыцарь на белом коне сможет ее освободить.

— Это она! — обрадовалась Алиса. — Я побежала в Англию!

— Да погоди ты! Надо тебе в дорогу собрать чего-нибудь, — остановил ее герцог.

— А я тебя провожу, — предложила Жанна. — Тем более что надоело мне в замке сидеть.

— Тебя я не отпущу, — сказал герцог. — Ты еще в Англию с Алисой сбежишь! А там тебя снова узнают и снова казнят.

— Не бойтесь, — сказала Жанна.

Ветераны поклонились и спросили, нужны ли они еще герцогу.

Герцог дал каждому по пакетику чая, извинился, что с деньгами у него временные

трудности.

— А ты, батюшка, своего супостата и кровопийцу итальянского гони, — посоветовали ветераны. — Не доведет он тебя до добра.

Они повернулись и пошли прочь, но в дверях столкнулись с господином небольшого роста в блестящем лиловом плаще и красном берете, из-под которого посверкивали маленькие черные мышинные глазки.

— С дороги! — крикнул господин тонким голосом.

Следом за ним в кухню ввалилось несколько солдат.

— Ты арестован, преступник и кровопийца, герцог де Рэ! — провозгласил господин. — Я — судья герцогства Бретань!

— В чем я провинился? — спросил герцог и постарался спиной заслонить Жанну.

— Тебя обвиняют в том, что ты занимаешься черной магией, с каковой целью крадешь и убиваешь невинных младенцев, а также скрываешь в подвале своего замка огнедышащего дракона. Кроме того, по показаниям родственников, ты убил восемь жен и отдал их на съедение дракону. Этих обвинений достаточно, чтобы сжечь тебя на костре!

— Где у тебя доказательства, судья? — спросил герцог. — Где твои свидетели?

— У меня все найдется, — сказал судья. — На этот раз тебе не отвертеться.

В кухне было не очень светло, свет проникал в нее через узкие, словно бойницы, окошки под сводчатым потолком, поэтому судья не заметил, как герцог чуть повернул голову к Жанне и прошептал:

— Бегите через черный ход. Ждите меня наверху.

И тут же, чтобы отвлечь внимание судьи и стражников, он кинулся к ним и громовым голосом закричал:

— Как вы смеете врываться в замок герцога королевства, маршала его величества? Да я вас в порошок сотру! Вы забыли, как бегали от меня, судейские крысы?

От неожиданности судья и стражники отпрянули к дверям, а Жанна, схватив Алису за руку, пригнулась и кинулась к задней дверце, что вела в подвал. Там когда-то хранились бутылки и бочки с вином, но вино кончилось, и деревянные затычки от пустых бочек валялись на пыльном полу, а бутылок и след простыл.

Алиса с Жанной пробежали через винный погреб, а оттуда по узкой винтовой лестнице поднялись на самый верх башни, где была небольшая круглая комната. Там стоял старый продавленный диван, две табуретки и трехногий стол.

Жанна подбежала к бойнице, стала смотреть вниз, но ничего не увидела и кинулась к другой бойнице.

— Я так боюсь, — сказала она. — Они давно хотят герцога уничтожить. Почему же они не выходят?.. Вот они идут!

Алиса тоже подбежала к бойнице и посмотрела вниз на мощный бульжником двор замка.

Герцог вышел первым и остановился. Он увидел, что в воротах вместо его человека уже стоят стражники судьи.

— Может, договоримся по-хорошему? — сказал он судье. — Как раньше?

— Не получится, — ответил судья. — Твоим делом, герцог, заинтересовалась святая инквизиция. Черная магия и убитые младенцы — это очень опасное и тяжелое преступление.

— Клянусь, что я ни одного младенца не обидел!

— А восемь жен кто убил? А дракона кто держит?

— Можете проверить!

— Нам не нужно проверять. Мы все заранее знаем, — сказал судья. — У нас свидетелей — сколько надо.

— Нет у вас свидетелей!

— Магистр Прелати! — позвал судья. Откуда-то, Алиса даже не поняла откуда, выскочил магистр Прелати. Он извивался, словно напуганная змея.

— Мальчик Жан из деревни Бонсуар! — крикнул судья.

Стражник втолкнул во двор мальчика, которого Алиса спасла прошедшей ночью.

— Вот этого мальчика сегодня ночью пытались убить, — сказал судья.

— Чепуха! — возмутился герцог.

— Мальчик, тебя хотели убить?

— Еще как! — воскликнул мальчик. — Еле сбежал от них. Спасибо, одна летучая ведьма помогла.

— Это я, — тихо сказала Жанне Алиса.

— И кто же тебя хотел убить?

— Вот этот! — Мальчик показал на магистра Прелати. — Он все кричал: «Дьявол, иди сюда! Дьявол, иди сюда!»

Стражники перепугались и стали креститься. Даже судья перекрестился.

— А теперь мы спросим второго свидетеля, — сказал судья. — Магистр Прелати, зачем вы сюда приехали?

— О, я есть иностранный подданный, — заявил магистр. — Я не есть понимаю.

— Ну и хитрец, — прошептала Алиса. — А вчера говорил по-французски, как мы с тобой.

— Ничего, — сказал судья. — Если чего не поймешь, мы тебя на дыбу подвесим или иголки под ногти тебе забьем — сразу заговоришь.

— О да! Заговорю, — тут же согласился магистр. — Я должен сделать заявление. Я работаю для герцога де Рэ, где занимаюсь совершенно законными и мирными опытами: превращаю свинец в золото, а ртуть в серебро.

— С помощью дьявола? — с подозрением спросил судья.

— О, если бы дьявол мне помогал, — развел руками Прелати, — неужели бы я ходил в таком жалком халате и сидел бы в этом вонючем замке? Я бы находился при дворе его королевского величества!

— Но мальчик тебя узнал, — сказал судья.

— Еще бы не узнать, — сказал Прелати. — Этот злодей, герцог де Рэ, приказал мне срочно добыть золото любой ценой, и если для этого нужна кровь невинных младенцев, то он велел мне украсть или купить младенца и его убить. О, как я возражал! Как сопротивлялся! Но герцог сказал, что лишит меня — чик-чик! — моей умной головы. Я решил — о нет! Я спасу мальчика! Я убью кролика и скажу, что это его кровь — о да!

Судья обернулся к герцогу:

— Ну, что ты ответишь, герцог, на обвинения этого уважаемого профессора? Не будет же он врать?

— О нет, я не буду врать! — закричал магистр. — Я с детства говорить только чистая правда. Моя дорогая покойная мама так больно порола меня, если я врать или воровать.

— Вот видишь, — произнес судья, — человека пороли, а ты говоришь!

— Мне никуда не деться, — вздохнул герцог. — Меня обложили, как медведя в берлоге.

— Я вынужден отвезти тебя, герцог, в Париж или в Нант для следствия и пыток. Сам поедешь или вязать тебя?

— А может, все же сговоримся? — без всякой надежды спросил герцог.

Вдруг судья закричал:

— А ну — все со двора! Чтобы я здесь никого не видел!

Он потащил герцога за рукав в сторону, к сараю, и, когда убедился, что их никто не слышит, понизил голос и сказал:

— Есть одно условие. Выполнишь его — останешься на свободе со своими драконами, женами и младенцами, даже магистра твоего тебе оставим.

— Что за условие?

— Ты нам отдаешь ведьму по прозвищу Жанна из Орлеана, которую ты, по слухам, дошедшим до святой инквизиции, скрываешь в своем замке уже много лет. Даже сам король Франции смущен этими слухами.

— Почему же?

— А потому, что мы готовимся объявить Жанну святой спасительницей Франции, которую коварно захватили в плен и замучили англичане, наши злейшие враги. Вот-вот начнем сооружать первый памятник в ее честь.

— В честь ведьмы?

— Не притворяйся, герцог. Тебе это не поможет. Жанна д'Арк только казалась ведьмой, а на самом деле была святой. А если окажется, что она жива и какой-то еретик и преступник не только утащил ее из рук правосудия, но и скрывает в своем замке, в каком положении окажутся его величество король, все герцоги, бароны и епископы? Что же они все делали, пока ты ее спасал? Так что будет лучше, если ты ее нам выдашь и мы ее осторожно отправим на тот свет — давно пора! И начнем воздвигать ей памятники.

— Как обидно! — вздохнула Жанна д'Арк. — Пока я была живая и сражалась за этих людей, они меня терпели. Когда я победила, они меня убили, а теперь хотят убить снова, чтобы поставить мне памятник. Разве это справедливо?

— Совершенно несправедливо, — согласилась Алиса. — Наверное, они тебе завидовали.

— Подожди, герцог что-то говорит! — прервала Алису Жанна.

Они прислушались. Герцог говорил громко.

— Вы можете обыскать весь замок! — сказал он.

— Не беспокойся, герцог, мы обязательно это сделаем, — ответил судья.

— Но вы не найдете никакой Жанны. Жанна уже много лет как погибла... Хотя, впрочем, есть мнение, что она скрывается в Англии.

— В Англии! Ха-ха! — засмеялся судья. — Ее бы там давно поймали и разоблачили.

— Она переделалась, — сказал герцог.

Он говорил громко, четко произнося каждое слово, и Алиса поняла, что он пытается передать Жанне свой приказ.

— Мы полетим с тобой вместе, — сказала Алиса.

— Нет, я не покину герцога в беде! Он мой друг!

— Герцогу ты не поможешь, — сказала Алиса. — А если тебя здесь найдут, ему наверняка отрубят голову за то, что он не дал тебя казнить. Ты же взрослая, неужели не

понимаешь?

— Понимаю.

— И у нас нет ни минуты.

— У нас нет ни минуты, — вздохнула Орлеанская дева.

— Смотри, судья уже собрал стражников и велит им обыскивать замок. Ты знаешь, как отсюда выбраться?

— Через подземный ход, — сказала Жанна. — В каждом настоящем замке есть подземный ход.

— Тогда побежали.

Жанна кинула последний взгляд на своего друга и повела Алису вниз по лестнице к тайной дверке за пыльным гобеленом в спальне герцога.

Они чуть не опоздали. Войдя в подземный ход, они сразу же услышали позади шаги и крики стражников.

Подземный ход был сырой, темный и такой низкий, что даже Алисе пришлось нагибаться.

Сверху капала ледяная вода, ноги скользили по грязи, из-под ног разбегались крысы, летучие мыши носились возле самых ушей. Алиса думала, что подземный ход никогда не кончится, как вдруг Жанна велела ей остановиться.

Звякнул металл, и Жанна откинула люк. Изнутри он был железным, а снаружи покрыт дерном и травой, как маленькая клумба.

Сразу стало так светло, что Алиса зажмурилась.

Жанна стояла, высунувшись из хода, и оглядывалась, как сурок, который выглянул из норки.

— Вроде бы сюда они не добрались, — сказала Жанна.

Она первой выскочила наружу, потом протянула Алисе руку, чтобы помочь ей выбраться.

Впереди стоял лес, сзади виднелся ров, а за ним возвышалась стена замка.

— Куда теперь? — спросила Жанна. — Я так давно не выбиралась из замка, что позабыла, где Лондон.

— Лондон за проливом Ла-Манш, — сказала Алиса.

— У тебя есть корабль?

— Нет, — ответила Алиса. — У меня есть самолет.

Глава шестнадцатая. Маркиза и ее дочь

Ковер-самолет был недоволен.

Он громко жаловался, что везти двух девиц тяжело, что он вот-вот порвется и рухнет, что в такую погоду хороший хозяин ковра на улицу не выгонит. Хотя погода была вполне сносная, ветреная, но притом солнечная, и если она кому-то не нравилась, то это Жанне. Она любила тепло и призналась Алисе:

— Я, даже когда в бой шла, обязательно под латы фуфайку надевала, чтобы не простудиться. Мамочка мне теплые фуфайки вязала и на войну привозила. Ты не представляешь, как фуфайки в бою рвутся — не напасешься!

И тут же Орлеанская дева начала переживать за герцога. А вдруг его стражники зарубили, а вдруг его в тюрьме пытаются или уже на костер повели...

Тем временем французская земля кончилась, и ковер полетел над проливом Ла-Манш, отделяющим Францию от Англии. Пролив был такой широкий, что другого берега не видно. На воде виднелись разбросанные, словно семечки, рыбацьи лодки. Ковер ворчал, что не умеет плавать и, если упадет в воду, сразу утонет. Но тут впереди показалась стена белых скал. Жанна сказала, что это и есть Англия.

Долетев до берега, ковер повернул к северу, как велела карта Леонардо. Алиса решила опуститься в Лондоне, столице Англии. Она подумала, что там они смогут узнать о драконе.

Ковер-самолет пролетел над лесами и садами. И вот впереди показалась широкая река Темза, на берегах которой раскинулся большой город.

Они спустились неподалеку от города, на лужайке возле ручья, умылись, спрятали ковер в мешок и поспешили к Лондону, чтобы успеть к воротам до темноты. А то стучи не стучи — ни за что не откроют.

Но тут Алиса вспомнила, что они летели на запад. А Земля, как известно любому малышу, круглая. То есть если ты летишь на запад, то догоняешь Солнце. Когда на Камчатке утро, в Москве еще только начинается ночь. И если ты вылетел из Бретани на ковре-самолете и несешься к Лондону, то через час полета окажешься в том же самом времени. В три часа дня вылетели и в три часа прилетели. Зато если лететь в обратном направлении, из Лондона в Москву, то полет получится очень долгим. Ты пролетишь три часа, а в Москве будет на шесть часов больше.

Алисе это, как и тебе, известно, а вот когда она сказала Жанне, что им повезло, раз они летели на запад, то Жанна посмотрела на нее удивленно и спросила:

— А почему нам повезло?

— Потому что Земля круглая и мы догоняли время.

— Что ты говоришь! — воскликнула Жанна. — Как так Земля круглая?

— Ты в школе училась?

— Кто будет учить в школе крестьянскую девочку? — улыбнулась Жанна. — Но наш кюре меня очень любил и научил читать и подписывать свое имя. Я ведь способная, ты же знаешь.

Они шли по дороге, кое-как замощенной брусчаткой. Порой их обгоняли повозки и всадники, навстречу медленно катили возы и телеги — наверное, базар кончился, и крестьяне разъезжались по деревням.

Солнце стояло в зените, иногда его закрывали пышные величавые облака, которые плыли по голубому небу, как парусные корабли по синему морю.

— Польский ученый Коперник, — сказала Алиса, — догадался, что Земля круглая и вертится вокруг Солнца.

— Ты с ума сошла, Алиса! Да тебя за такие жуткие речи на костре сожгут! — испугалась Жанна. — Если Земля круглая и вращается, то на чем она держится?

— А ни на чем, — ответила Алиса.

— Если ни на чем, — заметила Жанна, — то она упадет и мы все расшибемся! И ты, и я, и даже герцог!.. Ох, как он там? Он пожертвовал ради дружбы состоянием, честью, а теперь и самой жизнью!

— Ты погоди, — сказала Алиса. — Может, обойдется...

— Разве ты не знаешь, какие они жестокие! Им никого не жалко. И тебя им было бы не жалко. Хорошо еще, что я тебя люблю и не сообщу о тебе судьям и священникам. Хотя, может быть, ты — слуга дьявола.

— Почему? — удивилась Алиса

— Потому что обыкновенная девочка не летала бы на коврах-самолетах и не говорила бы о таких отвратительных делах, как изобретение польского еретика. Как его зовут?

— Коперник.

— Значит, его уже сожгли.

— Не только не сожгли, — сказала Алиса, — но мы с тобой даже можем съездить к нему в Польшу.

— Ой! — Жанна даже зажмурилась от страха. — Только не это! Мне достаточно того, что меня саму на костре сожгли. Мне еще только слуги дьявола не хватало!

— Кстати, — сказала Алиса, — я забыла, в чем тебя обвиняли?

— Как — в чем? В том, что я — слуга дьявола.

— И все поверили?

— Но ведь это неправда! Ты же знаешь, что это клевета!

— Понятно. Когда тебя обвиняют, то это клевета, а когда меня, то это правда.

— Но я же никогда не говорила, что Земля круглая! — возмутилась Жанна.

— А я говорю! Скоро путешественник Магеллан на корабле проплывет вокруг Земли.

— И не упадет вниз?

— И не упадет вниз. Потому что его удержит сила тяготения.

— Ну ладно, — сказала Орлеанская дева. — Одного его эта твоя сила тяготения, может, и удержит. А целый океан как она удержит? Вот он и выльется на китов.

— На кого? — удивилась Алиса.

— На китов, которые волей Господа держат на своих спинах нашу несчастную Землю!

— Хоть ты и Орлеанская дева и даже посмертная героиня, — рассердилась Алиса, — но человек ты темный и необразованный.

— А что ей делать прикажете? — вдруг вмешался в разговор ковер-самолет, высунувшийся из мешка. — Ты подумала, Алисочка, что Коперник еще не успел доказать, что Земля круглая?

— Почему? — Алиса удивилась, что ковер-самолет показывает свою образованность. Еще коврики всякие будут тебя учить!

— А какой сейчас год? Середина пятнадцатого века! Коперник, прости, еще только в школу ходит. А Магеллан уж точно не родился.

И Алиса поняла, что ковер прав. Так ведь бывает. Ты что-нибудь знаешь и поэтому думаешь, что об этом знают все. Ты говоришь серому волку: «Сходи-ка к моей бабушке!», а куда идти, забыла сказать, потому что тебе эта тропинка с детства знакома. Кстати, и хорошо, что забыла, а то бы волк к бабушке пробрался, а ты знаешь, чем это кончается для Красных Шапочек.

И неудивительно, что до самых ворот Лондона они дошли в молчании. Жанна размышляла, что делать, если Алиса — служанка дьявола или вообще маленький черт. Сообщить куда следует или помнить, что Алиса ее спасает от смерти?

Алиса думала, как все-таки надо быть осторожной в прошлом времени. Даже не заметишь, как кого-нибудь оскорбишь, а то и такую глупость скажешь, что на костер угодишь.

А ковер думал о своих проблемах: что совсем-то он поизносился, пора бы заштопать, а то бы и сдать его в ковровую мастерскую для настоящего ремонта. И еще он думал, что люди забывают, что коврам-самолетам много тысяч лет и уж волей-неволей они пообразованней

любого академика.

Ворота в Лондон были открыты. У ворот кучкой стояли стражники в железных шлемах и стеганых куртках. Им было жарко, над ними вились мухи. С каждой телеги они брали по мелкой монетке, а на пешех не обращали внимания.

Может, и Алису с Жанной пропустили бы, но чем-то Алиса привлекла их внимание.

— Эй, — крикнул один из стражников, — попрошайкам в Лондоне делать нечего! Попадешься — посадят в колодки!

Алиса остановилась. Она забыла, что и в самом деле выглядит как нищенка: ее платье за время путешествия через всю Европу изорвалось, волосы спутались от ветра, а парик где-то потерялся.

Жанна дернула ее за руку и быстро повела прочь. Жанна и сама выглядела не намного лучше Алисы — она убежала из замка в домашнем холщовом платье и простых сандалиях.

Они пошли по большой улице, что вела от ворот.

Улица казалась праздничной, потому что с некоторых домов свисали флаги и полотна. На одних были нарисованы белые розы, на других — красные.

— Это праздник цветов? — удивилась Алиса.

— А мне кажется, что розы — это гербы знатных семейств Англии, — ответила Жанна.

И тут они увидели странную картину: два всадника медленно ехали по улице им навстречу, не обращая внимания на прохожих. На них были камзолы, штаны в обтяжку и широкие белые плащи, расшитые красными розами. Длинными крючьями они срывали со стен флаги с белыми розами и бросали их на мостовую. Впрочем, никто не обращал на это внимания.

Тут Алисе пришла в голову мысль. Она обратилась к немолодой женщине, которая вела за руку ребенка:

— Простите, вы не скажете, где можно купить приличную одежду? Мы приезжие, пообносились в дороге, но у нас есть деньги.

И Алиса вытащила из-за пояса большую серебряную монету.

— Идите на Друри-Лейн, — сказала женщина. — Там торгуют одеждой.

— Как хорошо, что ты захватила с собой деньги! — обрадовалась Жанна. — А то я не успела. Но ты не беспокойся: мой друг герцог обязательно вернет тебе долг.

— Не надо мне ничего возвращать, — сказала Алиса. — Есть деньги, значит, мы с тобой их тратим. Не будет — стиснем зубы и проживем в бедности. Правильно?

— Правильно, — улыбнулась Жанна, и они пошли к Друри-Лейн.

Это оказалась узкая длинная улица, на которой было множество лавок и лавочек, где продавали ткани, платья, скатерти и всякое другое добро.

На Алису и Жанну никто не обращал внимания — уж очень они были скромно одеты, запылились и растрепались.

«Ах так! — подумала Алиса. — Вы судите о людях по одежде! А это грубейшая ошибка. Людей надо ценить по уму!»

Жанна догадалась, о чем думает Алиса, и добавила:

— Или по кошельку.

— Вот именно, — проворчал из мешка ковер, которому тоже хотелось поговорить, но как поговоришь, когда тебя свернули колбасой и несут в пыльном мешке.

— Смотри! — сказала Жанна и замерла перед небольшой лавкой. — Такое платье у меня было в детстве. Я ходила в нем в церковь. Правда, красивое?

Алисе платье красивым не показалось, но надо же было с чего-то начинать.

Они зашли в лавку, которая была очень тесной. Со всех сторон ее сдавливали полки, шкафы и вешалки с одеждой.

— Говори ты, — сказала Алиса. — Деньги у нас с тобой есть, не беспокойся. Только говори, как будто ты... как будто...

— Как будто ты — Орлеанская дева! — подсказал из мешка ковер.

— А ты помолчи, если не хочешь нас погубить! — приказала коври Алиса.

Ковер фыркнул, но замолчал.

— Ну держись, богачи! — сказала Орлеанская дева и вошла в магазин так, как входила в зал во время коронации.

И выглядела она так, что узколицый, крючкастый, цеплястый хозяин лавки закричал было:

— Вы куда, шантрапа...

Но осекся, съежился, как ежик перед медведем, и забормотал:

— Госпожа, простите, я не узнал... я не посмел... и ваша дочь, ее высочество, маркиза!

— Ладно-ладно, — сказала Жанна и уселась на единственный стул.

Хозяин замер, склонившись перед ней.

— Чуешь, кто к тебе пришел? — с усмешкой спросила Жанна.

— Так точно, чую и соответствую!

— Мы путешествуем инкогнито, — сказала Жанна, — но в дороге на нас напали разбойники и перебили всех моих слуг. Но, как вы понимаете, мы не можем явиться во дворец в таком виде!

— Никак не можете, госпожа герцогиня, — прошептал хозяин лавки.

— Значит, попрошу нечто скромное, чтобы было настоящее инкогнито.

— Будет вам и инкогнито, — пообещал хозяин лавки. Видно, он не знал, что инкогнито — это секретность.

Хозяин хлопнул в ладоши, и откуда-то прибежала рыжая курчавая девица. Вдвоем они принялись доставать с полок и вешалок платья, кофты, а потом, пока Жанна за занавеской примеряла наряды, девица сбегала в соседнюю лавку к обувщику, и тот притащил целый сундук туфель для леди и ее доченьки.

Словом, на улице Друри-Лейн началась суматоха, а известная всем своей жадностью миссис О'Лири прибежала в лавку со своим красным в зеленый горох платьем, которое не могла продать уже двадцать два года, и попыталась всучить его Жанне.

Алиса тоже не теряла времени даром. Всех, кто заглядывал в магазин, включая разносчика воды, продавца сладостей и мусорщика, она спрашивала, не знают ли они об огнедышащем драконе, который обитает то ли в районе Оксфорда, то ли возле Кентербери, то ли у самого Ливерпуля. И многие признавались, что слышали о драконе, а у некоторых были родственники, друзья которых слышали от своих знакомых об одном леснике, который точно встречал такого дракона, но, правда, живым домой не вернулся и не смог никому рассказать о своих приключениях.

Алиса слушала, никому не верила, но все надеялась, что в каком-то из рассказов появится крошечка правды.

Наконец рыжая дочка хозяина сказала:

— Я бы на вашем месте, мисс, пошла к мистеру Флибустьеру.

— Ах! — раздалось со всех сторон. — Он такой опасный человек!

— Кто такой мистер Флибустьер? — спросила Алиса.

— Это специалист по ядам, — объяснил хозяин лавки, — страшный отравитель, даже непонятно, почему король до сих пор его терпит. Давно уж виселица по нему плачет.

— А потому король его терпит, — вздохнул разносчик овсяной каши, который как раз заглянул в лавку, — что ему самому эти яды бывают нужны.

Тут все зацыкали, зашипели на разносчика и выгнали его из лавки.

А хозяин принялся считать, сколько же ему должны маркиза и ее дочка.

А должны они были за синее в маленьких серебряных звездочках дорожное платье госпожи маркизы, за серебристо-лиловое платье для дочери госпожи маркизы, за шесть пар туфель и башмаков для маркизы и ее уважаемой дочки, за шелковые ночные рубашки, чулки, накидки, летние открытые платья, два парика для коротко стриженной маркизы и кое-что еще, для чего понадобилось два кожаных саквояжа.

Целых три гинеи стоило все это добро. Маркиза и ее дочка не торговались, и хозяин лавки расстроился. Он понял, что мог бы запросить вдвое больше, да не догадался.

Дочка хозяина проводила клиентов до постоянного двора, который принадлежал двоюродной племяннице самого графа Эссекса, поэтому там не грабили постояльцев, не травили их дохлыми цыплятами и не приставали к женщинам с разными глупостями.

Алиса, к сожалению, не знала, чем знаменит этот граф Эссекс, а Жанна знала, но забыла. Надо будет почитать газеты, подумала Алиса, но она не могла вспомнить, в это время в Англии уже есть газеты или английские джентльмены пьют утренний кофе без газет. К тому же Алиса не помнила, когда в Англию привезли кофе из Америки, ведь для этого Америку еще надо открыть!

Племянница графа Эссекса сама спустилась встретить гостей — видно, такие знатные и благородные дамы не часто останавливались на постоялом дворе, который назывался ни много ни мало «Новый Константинополь». Она была похожа на помидор. Это не значит, что она была толстая — ни в коем случае! Она была попросту круглая! И это не значит, что она была красная. Она была ярко-помидорного цвета, а на голове у нее торчала маленькая зеленая шляпка — ну точь-в-точь зеленые веточки.

— Ах! — воскликнула племянница. — Неужели вы нас почтили? Разрешите, миледи, я покажу вам самые лучшие апартаменты!

Она повела Алису с Жанной в большую комнату на втором этаже. Там пахло пылью и пудрой. Посреди комнаты стояла громадная кровать под балдахин. На ней могли бы выспаться сразу пятнадцать Алис, если бы они не боялись клопов и умели спать на камнях и кочках.

За эти апартаменты миссис Помидор потребовала по гинее в сутки. А гиней — это больше фунта стерлингов. А фунт стерлингов — это английская серебряная монета, самая большая. Когда-то она и в самом деле весила целый фунт серебром. Но эти времена давно прошли.

Чтобы не тратить времени даром, Жанна спросила, как ей найти дом мистера Флибустьера, доктора оккультных наук и почетного профессора Черной Мессы.

— Даже и не упоминайте при мне это отвратительное имя! — воскликнула хозяйка гостиницы. — Это известный всем убийца и отравитель, по нему давно виселица плачет!

— Это мы слышали, — сказала Жанна. — Но нам бы хотелось узнать его адрес.

— Никто не знает его адреса, — ответила миссис Помидор.

— Жалко, — сказала хитрая Алиса. — А я так хотела повидать моего дядю.

— Ах, несчастная крошка! — воскликнула хозяйка гостиницы. — Неужели тебе так не повезло в жизни, что ты вынуждена всю жизнь оставаться племянницей такого страшного человека?

— Я сама об этом жалею, — притворно вздохнула Алиса. — Но что делать: он пригласил нас с мамой в Лондон, чтобы отдать нам часть своих богатств, а адреса не оставил. Только сказал: «Меня в городе любая собака знает. А если кто вам поможет меня найти, то я его отблагодарю».

— Неужели он так и сказал? — заволновалась миссис Помидор.

— Вот именно, — сказала Алиса. — Наша соседка по имению маркиза д'Орлеан может вам подтвердить мои слова.

— Ах, не надо подтверждений, я верю каждому вашему слову! Я дам вам провожатого, и он отведет вас к дому вашего несчастного дяди-чернокнижника.

— Дядя обещал...

— Нет, только не это! — воскликнула племянница графа. — Я все делаю только бескорыстно.

— Тогда примите нашу благодарность, — сказала Жанна, которая до этого молчала, потому что лгать не умела и не терпела, когда это делали другие. Так что она дала Алисе возможность обманывать, а сама решила молчать.

— Мне нужно только маленькое одолжение, — скромно потупившись, сказала миссис Помидор.

— Мы с радостью вам поможем, — вежливо ответила Жанна.

— Когда вы будете у своего уважаемого дядюшки, не могли бы вы передать ему от меня небольшой конвертик?

— А почему вы сами не можете этого сделать?

— Все-таки вы родственники. Я по глазам вижу, какие вы добрые и воспитанные дамы. Я дам вам маленький конвертик.

— Но мы скоро уходим, — сказала Алиса.

— Пока вы будете обедать, я все напишу, — ответила миссис Помидор. — Обед уже на кухне, мои повара очень для вас старались! Не откажите в любезности, отведайте печенку с жареным луком. Это объедение! Люди приезжают ко мне полакомиться даже из Франции и Италии!

Печенка с луком оказалась так себе, непрожаренная, недосоленная, жесткая. К ней бы картошки! Но тут Алиса засомневалась: а как в пятнадцатом веке обстояли дела с картошкой? Ее ведь тоже, наверное, Колумб должен привезти.

— Ты о картошке слыхала? — спросила Алиса. — Это такие земляные яблоки. Их варят или жарят и с солью едят.

— Кому нужны земляные яблоки, — возразила Жанна, — если есть обыкновенные?

— А редька? Редиска? Морковка?

— Это и есть редька, редиска и морковка, — ответила Орлеанская дева, — а не яблоки. Алиса поняла, что о картошке ни в Англии, ни во Франции еще не слышали.

Они запили еду слабым, почти безвкусным чаем. Нет, этот обед Алисе определенно не понравился.

Тут прибежала темно-вишневая миссис Помидор и принесла конверт, склеенный из толстой бумаги. На нем было написано: «Доктору Флибустьеру в собственные руки».

— Я пришло за ответом человека, — сказала хозяйка гостиницы. — Или в крайнем

случае сама прибегу.

Глава семнадцатая. Доктор Флибустьер

Миссис Помидор дала Алисе с Жанной провожатого — мрачного вида детину с большой палкой. За всю дорогу он не произнес ни слова.

Сначала они шли по большой улице, им встречались повозки, всадники, телеги и немало пешеходов, но потом они свернули в узкую улочку, где можно было, расставив руки, достать до стен, а сверху даже свет почти не проникал, потому что верхние этажи домов буквально соприкасались. Ты мог бы протянуть из своего окна руку и утащить у соседа напротив с подоконника недоеденный арбуз.

Идти приходилось, глядя под ноги, потому что жильцы нередко выливали прямо на мостовую помои и выбрасывали огрызки и кости.

Затем улица стала пошире, и с одной стороны началась высокая кирпичная стена. Через несколько шагов в стене оказались деревянные ворота, стянутые железными полосами.

Провожатый постучал дубинкой в ворота и, не говоря ни слова, ушел.

В воротах открылось окошко, и кто-то спросил:

— Какой недобрый ветер занес вас в наши края? Сознавайтесь и уходите подобру-поздорову.

— Мы пришли сами, без всякого ветра, — ответила Алиса. — Нам хотелось поговорить с самим доктором Флибустьером.

— О чем же?

— О жизни, — сказала Алиса. — О ядах, о науке, о драконах и о моей подруге, которая пропала без вести.

— Сейчас доложу господину, — откликнулся скрипучий голос.

Прошло больше минуты, а может, и все десять — на этой темной, глухой улице время тянулось еле-еле. Слуга вернулся, и ворота со скрипом раскрылись.

— Заходите, — сказал сутулый старик, опиравшийся на тяжелую палку. — Заходите, только ноги вытирайте. Не могу же я за каждым приходящим-уходящим пол мыть!

— На улице сухо, — ответила Жанна д'Арк, которая вообще не любила, когда ей делали замечания. Старик ничего не сказал и повел их по узкой лестнице на второй этаж.

Там обнаружилась просторная комната с высоким потолком. У камина стоял молодой человек в черном камзоле с книгой в руке. И вид у него был такой, словно он специально взял книжку в руку, чтобы гости видели, какой он образованный. За его спиной стоял шкаф, набитый книгами, и полки с различными чучелами и склянками.

— Рад вашему визиту, — сказал молодой человек и поклонился. — С кем имею честь?

— Я знатная дама, — ответила Жанна, — а это моя юная подруга. Я не могу открыть вам свое имя.

— Жаль, — пожал плечами молодой человек. — А меня называют доктором Флибустьером.

Окна в доме доктора были очень узкие, как и во всех лондонских домах, поэтому в комнате царил полумрак. Но Алиса все же разглядела молодого человека. У него было чистое белое лицо, большие внимательные глаза и полные губы. Если бы не слишком большой нос и длинные черные усы, Алиса бы назвала его красавцем. Алиса вообще неплохо разбирается в людях и уж точно знает, кто красивый, а кто уродливый.

— Я принесла вам письмо от нашей хозяйки, — сказала Жанна.

— У вас есть хозяйка?

— Вы меня неправильно поняли. Я имею в виду хозяйку нашей гостиницы, — улыbnулась Жанна.

— Что ж, давайте, — вздохнул молодой человек. — Я так надеялся, что вы — исключение.

Жанна передала ему конверт от миссис Помидор и спросила:

— А на что вы надеялись?

— Я думал, что вы хотите узнать у меня что-то очень хорошее. Или хотя бы неплохое. А вам, оказывается, нужны только гадости.

Он разорвал конверт, и из него выпала на пол серебряная монета.

Алиса подняла ее, но мистер Флибустьер не заметил монеты. Он читал письмо. Потом с негодованием кинул его на стол и воскликнул:

— Скажите своей миссис, что я не убийца и ядами не торгую!

— Это вам деньги? — Алиса протянула ему монету.

— Отнесите этот шиллинг обратно! Я же повторяю: я не наемный убийца!

— Почему вы так сердитесь? — спросила Жанна.

— А вы разве не знаете, что написала мне ваша хозяйка?

— Ума не приложу, — пожала плечами Жанна.

Флибустьер снова взял письмо и прочел вслух:

— «Уважаемый и дорогой доктор Флибустьер. Посылаю вам серебряный шиллинг и довожу до вашего сведения, что у меня есть сосед, дом которого мешает расширить мой постоялый двор „Новый Константинополь“ на благо гостей нашего замечательного города. Этот сосед, Джон Джонс-младший, отличается отвратительным характером, и совершенно непонятно, почему его до сих пор земля носит. Я думаю, что, если бы он умер не спеша и без мучений, все в Лондоне вздохнули бы с облегчением. Пожалуйста, помогите несчастной вдове королевского гвардейца. Бутылочку с ядом для мистера Джона Джонса-младшего передайте через вашу племянницу и маркизу Инкогниду. Преданная вам миссис Джоан Меркьюри».

На этот раз Флибустьер кинул письмо на пол и наступил на него, как на горло какой-то гадине.

— Значит, вы еще и моя племянница? — Он злобно посмотрел на Алису.

— Мы вас искали, — призналась Алиса. — И сказали ей, что вы наш дядя, поэтому мы вас и ищем. Разве это так преступно? А она нам с собой письмо дала. Только не сказала, что в нем написала.

— Ясно, — сказал мистер Флибустьер. — И кого же вам надо отравить?

— Нам? Никого.

— Зачем же пришли?

— Наконец-то, — сказала Жанна. — Не знала я, что в Лондоне живут такие негостеприимные джентльмены.

— А у вас во Франции все лучше воспитаны?

— Как вы догадались, что я француженка? — удивилась Жанна.

— По цвету глаз, — ответил доктор Флибустьер, но Алиса поняла, что доктор шутит. Он угадал национальность Жанны по акценту.

— Значит, вы на самом деле... — Алиса никак не могла подобрать необходимого слова. — Значит, вы и в самом деле специалист по отравлениям?

Доктор Флибустьер молчал, и поэтому Алисе ничего не оставалось, как продолжить:

— Нам сказали, что вы умеете делать яды.

— И еще что вам сказали?

Глаза у доктора сделались печальными, и Алиса поняла: ему очень горько слышать, какие страшные вещи о нем рассказывают.

— Но нас совсем не интересуют яды, — сказала Алиса.

— А что же? — Доктор повернулся к Жанне. Наверное, подумал: вот мама девочки, она все и скажет.

Но ведь Жанна ничего не знала, поэтому, как очень честная и искренняя женщина, она ответила:

— Я оказалась здесь совершенно случайно. Мы с Алисой бежали от страшной опасности. Теперь я ее охраняю.

— Охраняете? — усмехнулся доктор.

Он видел перед собой невысокую худенькую молодую женщину, которой на вид и меча не поднять. Где ему было знать, что под этой скромной внешностью, в этом худеньком теле скрывается боевой рыцарь, пронзавший мечом мужчин втрое больше себя.

Алиса видела, как трудно Орлеанской деве сдерживаться.

«Ужасная жизнь! — подумала она. — Какая ужасная жизнь! Всегда скрываться, таиться...»

— Порой я думаю, что лучше умереть, — как бы услышав мысли Алисы, сказала Жанна.

— Почему? — спросил Флибустьер.

— Потому что моя жизнь не удалась.

Доктор Флибустьер снисходительно улыбнулся.

— Миледи, — сказал он, — как мудрый человек и большой ученый, я могу сказать, что знаю вашу тайну и причину вашего расстройства! Но я уверен, что все еще обойдется.

— Ой! — воскликнула Жанна. — Не может быть, чтобы он догадался! Бежим отсюда, Алиса!

— Я не желаю вам зла, прекрасные дамы, — сказал доктор Флибустьер. — У меня самого жизнь не сложилась. Но я креплюсь.

Алиса крепко схватила Орлеанскую деву за руку и спросила доктора:

— А что вы знаете про мою тетю?

— Я знаю, что она была в тюрьме, где ее пытали, как поступают со всеми ведьмами. Потом ее выпустили на волю, наверное, ее выкупил кто-то из родственников или она убежала.

— Почему вы так решили?

— Очень просто — у нее шрамы на ноздрях и ушах.

— Это у меня с детства! — воскликнула Жанна.

— Можете не прятать лицо. Я вас не выдам.

— Хватит! — крикнула Орлеанская дева. — Пойдем отсюда, Алиса. Я никогда не сидела в тюрьме и не была преступницей, и...

— Жанночка, — прервала ее Алиса. — Можно я спрошу доктора о том, ради чего мы пришли.

Доктор обернулся к Алисе.

— Мы ищем дракона, — сказала Алиса.

— Наконец-то! — рассмеялся Флибустьер. — Девочка ищет дракона. Ни больше ни меньше — дракона. Какого тебе подать? Одноглавого, трехглавого или семиглавого?

Морского, речного? Огнедышащего?

— Одноголового и огнедышащего, пожалуйста, — попросила Алиса, чем очень удивила доктора Флибустьера.

— И что ты еще скажешь?

— А может быть, вы мне что-нибудь скажете?

— Сначала объясни мне, зачем тебе, такой пигалице, понадобился дракон?

— Честно говоря, — сказала Алиса, — я ищу не столько дракона, сколько мою подругу, которая должна находиться где-то неподалеку от него.

— Садись-ка, Алиса, — сказал доктор. — Садись и рассказывай мне все по порядку.

— Нет, — вмешалась Жанна. — Сначала вы нам расскажите, что знаете про дракона. А то Алиса вам все скажет, вы вызовете стражу и обвините нас в колдовстве. А потом нас сожгут на костре, а вы захватите дракона.

— Что-то вы слишком много выдумываете, миледи, — сказал доктор. — Теперь я не сомневаюсь, что вас уже обвиняли в колдовстве.

— Донесете на нас? — испугалась Жанна.

— Я никогда не был доносчиком, — обиделся доктор.

— Пожалуйста, не ссорьтесь, — попросила Алиса. — Мы же пришли поговорить о драконе, и доктор Флибустьер обещал нам рассказать все, что он знает.

— В самом деле?

Доктор задумался. Он молчал целых две минуты и наконец произнес:

— Садитесь, я вам все расскажу. А ты, Чарли, отойди от двери, хватит подслушивать, ты же все равно глухой на одно ухо и так глуп, что даже не помнишь, на какое ухо оглох! — С этими словами доктор Флибустьер подошел к двери и распахнул ее. Дверь растворилась внутрь, и в комнату упал сутулый старик, который открывал Алисе дверь.

Как ни в чем не бывало доктор Флибустьер помог старику подняться и крикнул ему в ухо:

— Принеси нам чаю! Целый чайник. С сахаром. И не забудь помыть чашки для гостей.

— Слушаюсь, сэр, — сказал старик.

— А мне принеси сам знаешь что.

— Знаю, — проскрипел старик, — как не знать. Только зря вы меня, сэр, на этот раз уронили.

— До свадьбы заживет, — сказал бесчувственный доктор и подтолкнул старика к двери.

Когда старик удалился, Флибустьер объяснил:

— Он бывает несносен, но выгнать его нельзя, потому что он еще моему дедушке служил. Как бы фамильное наследство. Все остальное папа прокутил с друзьями, а потом погиб в битве при Азенкуре. Слышали о такой битве?

— Разумеется, — сказала Жанна. — Я тогда была еще маленькой.

— Я тоже, — сказал доктор. — Мы разбили этих лягушатников. Наш славный король Генрих стал наследником французского престола, но мой папа никаких выгод для себя не получил. Я тоже.

— Это была последняя победа англичан, — произнесла Жанна.

— Ну уж не последняя, — возразил доктор Флибустьер. — Мы еще лет пятнадцать громили французов, пока они не отыскали где-то эту уродливую страшную ведьму Жанну.

— Уродливую? — Жанна готова была растерзать доктора. — Ведьму?

— Нет, вы точно француженка, — сказал Флибустьер. — Иначе чего так сердиться? Алиса изо всех сил наступила на ногу Орлеанской девице.

— Больно! — ойкнула та.

— Не перебивай доктора! — сказала Алиса. — Он же старается, рассказывает нам свою биографию.

— Рос я в благородной бедности, — продолжал доктор. — Но все же кончил школу и потом поступил в университет. В молодости я обошел пешком всю Францию, Бургундию и даже побывал в Италии. Я стал бакалавром медицины и до сих пор врачую несчастных бедняков. Но к счастью, одна из моих тетушек скончалась и оставила мне этот дом и сто фунтов дохода. И я смог заняться любимым делом.

— А какое у вас любимое дело? — поинтересовалась Алиса.

— Пресмыкающиеся, — ответил доктор. — То есть змеи, ящерицы, полозы, черви и драконы.

— Фу! — возмутилась Жанна, но больше не произнесла ни слова.

Вошел сутулый старик с подносом и поставил его на столик. На подносе стояли три чашки, вазочка с печеньем и два чайника.

Алиса видела, как старик налил из одного чайника в две чашки, а потом из другого чайника в третью чашку.

— Садитесь, — пригласил доктор, — и угощайтесь.

Алиса села. Кресло было жестким. Но ее смутило не это.

Нос Алисы уловил знакомый запах, которого здесь быть не должно!

Запах кофе!

Жанна спокойно отпила глоток из своей чашки, но Алиса пить не смогла. Ее раздирало любопытство.

— А что вы пьете, доктор? — спросила она.

— Ах, это напиток, который мне привозят из дальних земель.

— Как он называется?

— Ну какая ты любопытная! Никак не называется! Туземцы зовут его кавой, а может, я ошибаюсь.

— Почти не ошибаетесь, — сказала Алиса. В чашке доктора Флибустьера действительно был кофе!

— А где же живут туземцы, которые выращивают эту... каву?

— Далеко, — отмахнулся доктор, — за океаном.

— В Америке?

— Что такое Америка?

Алиса прикусила язык. Конечно же, если она находится сейчас в середине пятнадцатого века, то Америку откроют лет через пятьдесят. Но откуда же у доктора кофе?

— Это секретная земля, — объяснил доктор. — До нее надо два месяца плыть через океан. Когда-то туда плавали отважные викинги, а теперь плавают английские пираты. Они привозят из тех краев золото, вот этот напиток каву, золотые фигурки и нефритовых божков. Но эти путешествия мы держим в глубокой тайне, чтобы не догадались наши враги, испанцы и португальцы, а то они быстренько пошлют туда свои корабли.

— А почему же вы не послали туда целый флот?

— Пираты не говорят, куда точно надо плыть, а наши капитаны не смеют плыть в неизвестные моря. Они предпочитают торговать с германцами, бургундцами, а главное, с

гипербореями, то есть с русскими дикарями из Московии.

— Вот я и приехала оттуда, — сказала Алиса.

Доктор посмотрел на нее и вздохнул:

— Теперь меня уже ничем не удивишь.

Он отхлебнул горячего кофе и продолжал:

— Я с детства повсюду изучаю змей, их повадки, пищу и конечно же яды. Я знаю о пресмыкающихся все. Я написал о них десять книг и все жду, когда кто-нибудь изобретет книгопечатание, чтобы мои книги могли прочитать не только в Лондоне, но и во всей Европе. Я знаю, как ползают, карабкаются, размножаются и нападают на людей любые гады. Я изучил все яды и противоядия на свете. Если вас укусит змея, спешите ко мне. Я спасу вас от неминуемой смерти.

— Значит, вы специалист по ядам? — переспросила Жанна.

— Разумеется, я крупнейший в Европе специалист по ядам. Ко мне приезжают за советом даже из Германии и Бургундии. Вот вчера у меня был Ричард, герцог Йоркский. И предлагал любые деньги за то, чтобы я дал ему яда для одной знатной особы. Конечно, я ему отказал, но иногда... — Доктор Флибустьер развел руками. — Иногда я принимаю заказы. Жить-то надо. Кушать хочется. Но конечно же не против людей! Например, если вам нужно вывести крыс или тараканов — милости прошу ко мне!

Доктор Флибустьер говорил быстро, громко, но в глаза не смотрел, а все норовил поглядеть в камин или на потолок.

И Алиса вдруг поняла: он говорит неправду! Он делает яды и продает их разным людям. Недаром хозяйка гостиницы послала ему конверт с монетой.

— А что вы нам можете сказать о драконе? — спросила Алиса.

— Я его еще не видел, — признался доктор Флибустьер. — Мне сообщили, что его встречали в лесу на окраине Ноттингема, там, где шумит Шервудский лес. Но вряд ли он живет в лесу — наверное, скрывается где-то в горах Шотландии. Должен вам сказать, что, как настоящий ученый, я в сказки о драконах не верю. Но один человек привез мне вот это.

И доктор Флибустьер показал Алисе и Жанне кусок зеленой клеенки в углу кабинета.

— Знаете, что это такое? Вот именно: кусок шкуры дракона. Ведь, как и все змеи, драконы растут и сбрасывают шкуру. А раз есть шкура, значит, есть и дракон?

Глава восемнадцатая. Поход на дракона

Старый слуга сунул голову в дверь и страшным шепотом произнес:

— Она пришла!

— Что? Что ты говоришь? — Доктор Флибустьер побледнел и вскочил. — Что делать? Я погиб!

Доктор указал Жанне и Алисе на портьеру, прикрывавшую боковую стену. Они все поняли и кинулись туда. Доктор не шутил — он явно был испуган.

— Вы заставляете меня ждать, — произнес женский голос. И не просто женский голос, а особенный, которым говорят только настоящие королевы. Есть музыкальный инструмент виолончель — вот у нее такой же тембр, как у королевского голоса.

— Вот именно, мой дорогой друг, — снова произнес голос. — Я подозреваю, что вы не выполнили моей маленькой просьбы и стесняетесь в этом признаться.

— Садитесь, ваше величество, — предложил доктор Флибустьер.

— Мне некогда. К тому же, как я вижу, у вас были другие гости. Куда же они делись?

Алиса выглянула в щелку между портьерами и увидела высокую стройную женщину, лицо которой трудно было назвать правильным или даже красивым, но стоило на него взглянуть, и уже трудно оторвать взгляд. Жанна д'Арк, например, тоже красива, но красоту ее не назовешь королевской. Кожа королевы была ослепительно белой, нос невелик и прям, огромные глаза бездонны и так черны, словно ты заглянул в озеро глубиной тысячу метров. Шла королева прямо, как ходят балерины, но конечно же совсем не по-балетному. Боюсь, что я рассказал о королеве недостаточно понятно, но я старался передать мысли и чувства Алисы. А они у нее были спутанными, как клубок шерсти после того, как им поиграл котенок.

— Я подозреваю, — сказала королева, — что ваши гости спрятались вон за той портьерой. И мне достаточно ее раскрыть, чтобы их увидеть. Я, конечно, могу вызвать стражу, и от вас, доктор, с вашими таинственными гостями останется мокрое место. Но я королева и делать этого не буду. Вы представите мне своих знакомых. Я не могу говорить, если меня подслушивают.

И тогда Жанна сама вышла из-за портьеры, а Алиса шагнула за ней следом.

Жанна поклонилась королеве, и Алиса тоже поклонилась королеве.

Хотя, конечно, она, как девочка из далекого будущего, навидалась всяких королей на своем веку. И даже сама была королевой на одной отдаленной планете. Но женщина, которая пришла к доктору Флибустьеру, была самой настоящей, редкой королевой из той породы, которая давно уже вывелась.

— Извините, ваше величество, — сказал доктор Флибустьер, — мои посетительницы никому не угрожают, но они оробели и при звуке ваших шагов спрятались за портьеру. Простите их.

— Простить надо вас, — усмехнулась королева. — Они никогда не стали бы прятаться, если бы вы им не велели. И помолчите. Здесь я сама задаю вопросы. Скажи мне, девочка, зачем вы сюда пришли? Какой яд вам понадобился?

— Нам не нужен яд, — сказала Алиса. — Честное благородное слово, мне просто нужно найти подругу, а найти ее я могу, только если найду огнедышащего дракона, о котором должен знать доктор Флибустьер.

— Это правда? — спросила королева у доктора.

— Этих женщин я вижу впервые в жизни, — сказал доктор Флибустьер. — И пусть разразит меня гром, если я посмею обмануть ваше величество.

— Уж не тот ли это дракон, на которого готовится большая охота? — спросила королева.

— Полагаю, вы правы, миледи, — ответил доктор.

— Значит, известно, где его искать? — обрадовалась Алиса

— Я вас прощаю, — сказала королева, — и постараюсь вам поверить. Давайте флакон. Я спешу, меня ждут охотники.

— Прошу вас, ваше величество. — Доктор Флибустьер склонился в глубоком поклоне и протянул королеве маленький флакон зеленого стекла.

— Только посмей меня обмануть, — пригрозила королева. — Ты проживешь не больше часа. Понял, змеелюб?

— Так точно, ваше величество.

Не попрощавшись с Алисой и Жанной, королева вышла из комнаты. Длинный лиловый

плащ с капюшоном летел за ней, как крыло гигантской птицы.

Сразу стало тихо. Только слышно было, как по лестнице стучат каблучки.

— Боюсь, что жить мне осталось совсем немного, — вздохнул доктор Флибустьер.

— Это королева Англии? — спросила Алиса.

Флибустьер кивнул:

— Это Маргарита Анжуйская, самый влиятельный политик в нашей стране. Она глава всех Ланкастеров, вождь партии Алой розы.

— Простите, — сказала Алиса, — но мы в школе этого еще, кажется, не проходили. Я не знаю, кто такие Ланкастеры и что такое партия Алой розы. Правда, в Лондоне мы уже видели флаги с разными розами.

— Откуда вы приехали, если не знаете самых простых вещей? — удивился доктор Флибустьер.

— Из Франции, — честно призналась Алиса.

— А там этого не знают?

— Может, где-нибудь и знают, — ответила Жанна, — а где-то не знают. В моем замке об этом не слышали.

— Тогда слушайте. Вот уже пятьдесят лет трон в нашей старой доброй Англии занимают короли из семейства Ланкастеров. Сейчас царствует король Генрих Пятый. Он немного сумасшедший, немного святой, и в дела государственные почти не вмешивается. А правит страной ее величество Маргарита Анжуйская, дочь сицилийского короля, племянница короля Франции, первая красавица Европы и женщина железной воли. Понятно?

— И этой женщине железной воли нужен яд? — спросила Жанна.

— Ее слуги должны будут подлить яд в кубок герцога Ричарда Йоркского, когда он будет охотиться на дракона.

— И вы ей дали яд? — Жанна была очень сердита.

— Надеюсь, что у нее ничего не выйдет, — с кривой усмешкой ответил доктор Флибустьер. — А то как бывает в жизни? Травят господа, а казнят за это слуг.

— Значит, герцог Ричард Йоркский едет охотиться на дракона? — спросила Алиса.

— Вот именно.

— И куда же?

— Запомни название города — Ноттингем, — сказал доктор. — Потом я тоже туда приеду.

— Зачем? — спросила Жанна.

Ей доктор ужасно не нравился, она ни одному его слову не верила.

— Когда они убьют дракона, — объяснил доктор, — я выкуплю его шкуру. Я же ученый! Я сделаю чучело дракона, и ученые со всего мира будут съезжаться сюда, чтобы поглазеть на последнее чудовище. Я прославлюсь!

Доктор Флибустьер встал в красивую позу, словно позировал для своей будущей статуи. Он уже почти стал великим человеком.

— А может, все же занялись бы наукой? — спросила Жанна. — И забыли бы о ядах.

— А как жить? Жить как прикажете? — удивился доктор Флибустьер. — У нас времена тревожные, жестокие. Хочешь жить, умей крутиться.

Алиса с Жанной попрощались с доктором и поспешили по узкой лестнице вниз.

— Все-таки мы не зря сюда приходили, — сказала Алиса.

Жанна не ответила. Уж очень зла она была на ученого, который торгует ядами. Может, они и не совсем смертельные, но все равно яды.

— Где этот бездельник? — раздался крик.

Хлопнула дверь, по лестнице застучали сапоги. Алиса с Жанной еле успели отпрыгнуть в темноту, когда мимо них, как стадо буйволов, протопали какие-то люди.

Доктор Флибустьер выскочил на лестничную площадку и сладким голосом возопил:

— Господин герцог! Я ждал вас, ваша милость!

— Готов ли яд для этой анжуйской ведьмы? — спросил мужчина, который шел первым. За ним шагали два рыцаря в кирасах и шлемах.

— Видишь, — продолжал мужчина, переводя дух, — видишь, как мне приходится по родному Лондону ездить из-за нее! Каждую минуту опасаясь покушения! И кого только она ко мне не подсылала! Я даже к собственным сыновьям отношусь с подозрением.

— Заходите, ваша милость! — пригласил герцога доктор.

— Только посмей сказать, что яд еще не готов! — взревел рыцарь. — Хоть я и тороплюсь на охоту, голову тебе срубить успею!

— Все готово, господин герцог, не беспокойтесь! — Флибустьер отступил в свою комнату, и герцог вошел за ним.

Когда они скрылись в кабинете, Жанна с Алисой кинулись прочь.

Старый слуга быстро выпустил их на улицу. На прощание он дал им по розе.

— Почему вы дарите нам цветы? — удивилась Жанна.

— Потому что мне жалко вас, глупеньких. Это ведь белые розы.

— И что?

— По эту сторону Темзы белая роза будет вам охраной и пропуском. Но ближе к Тауэру спрячьте белые розы и найдите где-нибудь красные. Потому что там власть Ланкастеров — то есть Алой розы.

— Но почему именно розы? — спросила Алиса.

— Очень просто, — проскрипел старик. — У Ланкастеров на гербе алая роза. Ланкастеры — это наш любимый, но сумасшедший король, королева Маргарита и ее свита. Белая роза нарисована на гербе Йорков. Главный у них — герцог Ричард, тот самый, который пришел к моему господину за ядом.

— Чтобы отравить королеву! — догадалась Алиса.

— Мой молодой господин — гуманист, — сказал старик.

— Что это значит?

— А то, что его яды только по названию страшные, а на самом деле от них бывает только понос.

— Так почему же за его ядами все так охотятся? — удивилась Жанна.

— Потому что у доктора Флибустьера жуткая репутация. Репутация убийцы и волшебника. А на самом деле его интересует только наука. Он готов всю жизнь считать позвонки у змеи и чешуйки у дракона. Но никто в это не верит. Вот и приходится нам торговать ядами, приворотным зельем и всякой чепухой... — С этими словами старик выпустил Алису и Жанну на улицу и еще раз напомнил: — Приколите белые розы к волосам. Останетесь живы.

Старик оказался прав. Не прошли они и десяти шагов, как их остановил патруль.

Патруль состоял из двух мужиков в кольчугах под плащами. С ними была их начальница — женщина махонького росточка и зычного голоса. Плащ ей достался с большого человека,

и потому она заткнула его за пояс. Мужики вооружились алебардами — то есть копьями с большими загнутыми остриями, а их начальница выбрала себе большой меч, который она поднять не могла, а тащила за собой по камням. У мужиков были еще и щиты — треугольные щиты красного цвета, на которых красовались белые розы. Маленькая же начальница белую розу, сделанную из тряпок, кокетливо приколотла к груди.

— Кто такие? — крикнула начальница. — Говорите пароль!

Алиса сразу догадалась, что надо делать. Она показала на белую розу, приколотую к волосам.

— Вот наш пароль, — сказала она.

— Это не пароль, — возразила маленькая начальница, — но лучше, чем ничего. Значит, вы за Белую розу?

— Мы за Белую розу, — подтвердила Алиса.

— А точнее? — спросила начальница.

— А точнее — мы за герцога Ричарда Йоркского!

— Ура! — крикнула маленькая начальница.

— Ура! — поддержали ее оба мужика.

— Мы вас до угла проводим, — сказала маленькая начальница, — а то кто-нибудь из наших не разберется спяну и пристрелит. У нас это бывает.

Алиса не стала спорить. Они шли по улице, редкие прохожие норовили спрятаться в подворотнях, а то и убегали со всех ног, едва завидев патруль.

Так они дошли до угла.

— Дальше нам нельзя, — сказала маленькая начальница. — И вам не советуем.

— Но нам надо пройти на постоянный двор, где мы остановились, — сказала Алиса.

— И где же вы остановились?

— В «Новом Константинополе».

— Ох и подозрительное местечко! Будьте осторожны.

— А что там подозрительного?

— Хозяйка там розовая! Ни нашим, ни вашим. Мы до нее доберемся.

Маленькая начальница со своими помощниками осталась за углом, а Алиса с Жанной поспешили дальше.

Вдали на площади они увидели такой же патруль, как тот, с которым они только что расстались. Но этот патруль шагал под знаменем с красной розой.

Что делать?

И тут из какой-то щели выскочил грязный мальчишка.

— Пароль нужен? — спросил он.

— Какой пароль? — не поняла Жанна.

— Нужен, — быстро сказала Алиса. — Сколько?

— Пенни за шгуку.

Алиса достала две монетки и протянула их оборвышу. А тот в обмен дал Алисе две помятые красные розы и скрылся в той же щели.

— Меняем розы, — скомандовала Алиса. — На войне как на войне!

К ним уже спешили патрульные из соседнего квартала.

— Да здравствует королева! — кричали они.

— Да здравствует королева! — отозвалась Алиса.

— Это неблагородно! — рассердилась Жанна. — У тебя, Алиса, совсем нет принципов.

— Ошибаешься, Орлеанская дева, — ответила Алиса. — Но когда я в экспедиции в далеком и диком прошлом, то оставляю принципы дома. Меня здесь все равно никто не поймет, а навязывать свои принципы людям я не хочу.

— Ты рассуждаешь совсем как взрослая, — сказала Жанна. — И это мне удивительно. Где ты научилась таким словам?

— Как ты со мной говоришь, — ответила Алиса, — так я и отвечаю. К тому же в моей школе я училась предметам, о которых ты и не подозреваешь.

— Значит, ты благородная?

— У нас все благородные.

— А кто же землю пашет?

— Машины.

— Ты, оказывается, любишь пошутить!

Алиса не успела ответить, потому что к ним уже подбежал патруль и пришлось размахивать красными розами, чтобы доказать патрульным, какие они хорошие. Этот патруль отличался от предыдущего только цветом щитов и роз на них, и начальником над ними был рыцарь средних лет на костыле.

На всякий случай патрульные спросили Жанну:

— Вы готовы сражаться за правое дело, миледи?

— Разумеется, — чистосердечно ответила Жанна. — Только этим я всегда и занималась.

— Правильно! — согласился рыцарь средних лет. — Так и надо себя вести.

Теперь до гостиницы осталось совсем недалеко.

Хозяйка — миссис Помидор — ждала их у дверей. Но не потому, что беспокоилась. Ей не терпелось узнать, принесли ли они яд для истребления неудобного соседа. Но вместо яда Алиса вернула ей монету.

— Сейчас не время, — сказала она хозяйке шепотом. — Вот кончится вражда Алой и Белой роз, тогда и займемся ядами. Так доктор и велел вам передать.

Хозяйка вздохнула и подумала вслух:

— Ну, хоть деньги вернул, и то слава богу...

Наступил вечер.

Солнце спряталось за городские стены, по небу летали громадные стаи ворон, которые устраивались на ночлег. Где-то слышались крики и звон мечей — наверное, дрались сторонники Белой и Алой роз.

Перед тем как подняться в свою комнату, Алиса спросила хозяйку:

— Может, вы знаете, в чем разница между Алой и Белой розами?

— Одни у власти, — сказала хозяйка, — а другие хотят власть отнять. Тогда они сами будут собирать налоги и брать взятки. Вот и воюют.

Это было мнение простой горожанки.

Жанна, которая всегда говорила умные вещи, заметила:

— Так было всегда и везде. Странно только, что они называют себя розами.

Попрощавшись с хозяйкой, они поднялись к себе.

Алиса оставила еще одну монету на столике у кровати, потом они открыли окошко и вытолкнули на задний двор свернутый в трубку ковер. Алиса велела коврику развернуться.

Ковер развернулся и повис перед окном.

Жанна и Алиса вылезли в окошко и забрались на ковер.

- Лети на север, — приказала Алиса. — К городу Ноттингем.
- А на карте он есть? — спросил ковер.
- Есть, только маленькими буквами, — ответила Алиса.

Глава девятнадцатая. В подвале с дракошей

Пока Алиса с Жанной д'Арк летят над английскими лесами и пастбищами на север к городу Ноттингем и к Шервудскому лесу, мне хочется вернуться к Магдалине. Ведь из-за нее же весь сыр-бор разгорелся.

Что случилось с ней и с ее динозавром, пока Алиса разыскивала их по всей Европе?

Магдалина жила в большом подвале под главной башней замка. Да-да, прямо в подвале, потому что именно туда рыцарь Гай Гисборн приказал отнести яйцо динозавра.

С одной стороны, ему конечно же хотелось иметь собственного дракона — то-то он показал бы соседям! Но поверить в такое чудо было нелегко, и уж очень странная пигалица попала к нему вместе с яйцом. Может, она его хочет перехитрить, отравить, уничтожить и завладеть его замком?

Люди устроены интересно. Они готовы видеть в других те же недостатки, которыми обладают сами. Если человек жулик — он думает, что все вокруг жулики. А если он трус, то ему кажется, что весь мир полон трусов.

Рыцарь Гай Гисборн был трусливым, подлым, жестоким и жадным. Вот ему и казалось, что весь мир такой.

Он даже своим друзьям не доверял. Рыцарь Гай думал: им пальца в рот не клади, сразу откусят. Но одному безобразничать скучно, да и страшно порой. Вот он и злодействовал за компанию с шерифом Ноттингемским и настоятелем тамошнего монастыря.

До поры до времени Гай Гисборн даже дружкам своим не признавался, что держит в подвале замка пленницу, которая нянчит драконье яйцо. Поэтому он не выпускал Магдалину из подвала, и входило туда могли только его верные слуги да он сам.

В подвале было темновато, сыро, но, правда, тепло, потому что там всегда топилась печь. Возле печи соорудили гнездо, в гнезде лежало яйцо, накрытое одеялом, а рядом стояла койка, на которой спала Магдалина.

И так Магдалина провела не день, не два, а несколько недель.

Потому что динозавр не спешил выводиться. Рыцарь уже стал сердиться и грозился выкинуть Магдалину и яйцо динозавра из замка, но, конечно, этого не сделал.

И оказался прав.

Динозавр вылупился утром, на рассвете. Магдалина еще спала. Она проснулась от того, что громыхнул засов и в подвал вошел рыцарь Гай Гисборн.

Он каждое утро приходил посмотреть на яйцо.

Магдалине хотелось еще поспать, и она накрылась с головой козлиной шкурой, которая служила ей одеялом.

Но заснуть снова ей не удалось, потому что над самым ухом раздался громовой голос рыцаря:

— Это что еще такое! Ты куда дела моего дракона?

Магдалина подскочила как ужаленная. Рядом с ее койкой лежали скорлупки яйца. Дракона не было!

— Ты как посмела заснуть? — Рыцарь схватил младшего научного сотрудника

Института космической геологии за ухо и дернул так, словно хотел это ухо оторвать. — Если мой дракон убежал, я тебя убью! Его же перехватят мои враги!

И тут Магдалина услышала шипение в углу подвала.

— Он там, — сказала она, морщась от боли.

И в самом деле, из темного угла к ним подбежала ящерица размером с собачку. Ящерица разинула пасть, оттуда пошел дымок.

Дракончик — а это был он — кинулся на рыцаря. Видно, он хотел спасти свою хозяйку, но Гай Гисборн не испугался. Он выставил вперед ногу в тяжелом сапоге, и дракончик налетел на нее мордой, сел на задние лапы и взвыл от боли и обиды. Ведь драконы не привыкли к тому, чтобы их били сапогами в морду.

— И это дракон! — расхохотался рыцарь. — Да я его плеткой перешибу!

— Рыцарь Гай! — строго сказала Магдалина. — Неужели вы не знаете, что каждая живая тварь рождается маленькой и растет постепенно?

— Он должен быть крупнее! — упрямо возразил рыцарь. — Из такого получится собака, не больше того.

— И много вам приходилось выращивать драконов? — спросила Магдалина.

Рыцарь Гай вынужден был согласиться со строгой геологиней, хоть и был очень недоволен, словно она нарочно уменьшила дракона.

— И скоро эта тварь станет настоящим драконом? — спросил он.

— Этого никто не знает. Даже змея не раз сбрасывает шкуру, прежде чем вырастет.

— Ну ладно, — сказал рыцарь. — Сиди с ним, не отходи ни на шаг. По крайней мере, я тебя пока не казню.

— А меня-то за что казнить? — удивилась Магдалина.

— Если бы из этого яйца вывелся гусь или страус, я бы тебя тут же казнил. Не люблю, когда меня обманывают.

— Но теперь вы убедились?

— Теперь я убедился, что ты меня не обманула в главном, но обманула в размере дракона. Так что я приказываю: чтобы через полгода он стал настоящим чудовищем!

— Тогда хоть кормите его по-настоящему! Любому живому существу нужны калории.

— Кто? Что? Какие еще калории?

— Калории — это хорошая пища.

— Ладно, так и быть. А какая пища?

— Будем пробовать, — сказала Магдалина, которой страшно надоело сидеть на сухом хлебе и воде — другой еды ей в замке Гисборна не давали. С помощью дракона она хоть поест получше.

Рыцарь ушел, дверь за ним закрылась, загремел засов. Но теперь, когда дракон все же родился на свет, Магдалина надеялась, что сумеет вернуть себе свободу.

Так и случилось.

Правда, не сразу.

Сначала по приказу рыцаря в подвал стали приносить разные кушанья. О драконе Гисборн заботился куда лучше, чем о девушке.

Магдалина уже знала, что драконозавры — вегетарианцы и варят овощи и траву во рту, отчего из их пасти идет дым.

Магдалине это понравилось. Ведь ей-то никто горячей пищи не давал.

Когда приносили какие-нибудь овощи — репу или тыкву, — она клала их в пасть

Дракоше, чтобы он их разогревал. Когда вода во рту закипала, она брала оттуда репку, часть тыквы или еще чего-нибудь. Дракоша был не жадным и всем делился со своей хозяйкой. Он вообще думал, что Магдалина — его мама, и заботился о ней, как умел.

Порой слуги рыцаря приносили дракону курицу или рыбу. Ему это не нравилось. Но он послушно варил их во рту для Магдалины. Так что теперь она питалась хорошо и даже поправилась. Только устала жить в подвале.

Поэтому она сказала сэру Гаю, что дракону полезно гулять.

С тех пор по вечерам всех слуг загоняли в хижину, стражники забирались на стены, а в пустой двор выходила Магдалина с Дракошей. Гулять он любил, бегал и прыгал, как щенок.

Магдалина сшила ему из тряпок мяч. Дракоша гонял по двору, ловил его и приносил хозяйке, чтобы она кинула мяч снова.

Сам рыцарь Гай выходил на галерею и смотрел на дракона сверху. Он был недоволен — слишком медленно растет его чудовище! Рыцарь требовал, чтобы Магдалина ставила Дракошу к стенке и мерила, насколько он вырос за день. Он кричал:

— Мало! Мало! Я ему барана принесу!

— Только не это! — отвечала Магдалина. — Он же еще ребенок.

Когда прошло недели три, Магдалина сказала, что дракону требуются прогулки по лесу. Он тихий, смиренный, она ему намордник сошьет, а жителям замка можно приказать, чтобы не высывались.

Сначала сэр Гай наотрез отказался — а вдруг кто-то увидит и узнает, что дракон вовсе не так велик и страшен, как кажется. Ведь хочешь не хочешь, но слухи о каком-то чудовище, которого держит в подвале замка рыцарь Гай Гисборн, расползлись по округе.

Но потом он согласился, чтобы Магдалина гуляла с драконом за замком на поляне в стороне от дороги, правда, вокруг нее в лесу хоронились солдаты рыцаря. Притом гулять Магдалине разрешалось только на закате, когда уже плохо видно, но еще не совсем темно.

Для начала ее и это устроило. Дракоша в первое время буквально с ума сходил от радости. Он же мог пощипать свежую травку и листочки — ну что может быть слаще для драконозавра!

Наступило лето, деревья покрылись листвой и совсем укрыли поляну. Да и солдаты уже не так пристально следили за Магдалиной. Порой они устраивались в холодке под березой и дремали, а если шел дождь, то прятались под кроной дуба.

Однажды Дракоша ускакал в кусты, и Магдалина побежала за ним.

— А ну, баловник! — кричала она. — Ты куда помчался? Вот нашла тебя хворостиной по хвосту, будешь жалеть, что так себя вел!

Дракону эти слова нравились. Он понимал юмор, хоть и не умел говорить.

И вдруг он удивленно фыркнул.

Магдалина добежала до ящера и увидела, что он смотрит на толстый старый дуб, а прямо над Дракошей с толстого сука свисают чьи-то ноги в зеленых чулках.

— Ты кто? — спросила Магдалина.

— Тише, — ответил голос сверху. — Оттащи в сторону свою крысу, я спрыгну.

С дерева спрыгнул молодой человек, в котором Магдалина сразу узнала юношу, которому весной помогла убежать.

— Привет, — сказал юноша.

За это время он сильно изменился. Сейчас на нем была зеленая куртка, зеленые чулки и зеленая шляпа, похожая на клюв. За пояс молодого человека был заткнут короткий меч, на

плече висел большой лук, на перевязи — колчан со стрелами.

— Мы давно не виделись, — сказала Магдалина.

Молодой человек потянул ее за руку, и они спрятались от глаз солдат за могучим стволом.

— Я больше не изгой, не гонимый и несчастный наследник, которого лишили всего гнусные грабители, шериф Ноттингемский и рыцарь Гай Гисборн. Теперь я разбойник Шервудского леса, — сказал он гордо.

— Я знаю, как тебя называют! — воскликнула Магдалина.

— Ты не можешь этого знать. Я никому о себе не рассказываю.

— И все же ты — Робин Гуд!

— Как ты догадалась?

— Я читала о тебе книги и смотрела кино.

— Прости, но я тебя не понимаю.

— А я не могу тебе всего объяснить.

— Хорошо, в следующий раз. А что это у тебя за ящерица?

— Это мой друг и воспитанник, — сказала Магдалина. — Это дракончик. Я его вывела из яйца и теперь выращиваю.

— И какой же он будет?

— Точно не знаю, но, вернее всего, больше этого дерева.

— Никогда бы не поверил! И когда же эта ящерица станет чудовищем?

— Вот этого никто не знает. Боюсь, что он вырастет только через несколько лет.

— Значит, он нам не угрожает?

— Он никому не угрожает. Он не ест разбойников, — засмеялась Магдалина. — Дракоша питается только овощами и травами. Это настоящая корова в чешуйках.

Дракоша недовольно заворчал. Он всегда радовался, когда шутили или смеялись над другими, но шуток над собой не признавал.

— Эй, молодая госпожа! — послышался голос солдата. — Вы куда делись?

— Тебя хватились, — прошептал разбойник. — Но теперь я тебя не покину. Буду в гости приходить. А если захочешь меня увидеть, иди прямо в лес и позови меня. Я услышу!

— Спасибо за приглашение, — сказала Магдалина.

И в это же мгновение из-за кустов выскочили солдаты. Они размахивали копьями и мечами, но не увидели ничего подозрительного.

А Магдалина была рада, что встретила разбойника. По крайней мере, один хороший человек здесь нашелся.

Хоть Магдалина и верила в то, что ее обязательно разыщут, она не знала, когда это случится, и очень скучала по хорошим людям.

Она вернулась в замок, напевая веселую песню, и Дракоша старался подпевать ей, но, конечно, у него это не получалось. Рев стоял такой, что рыцарь Гай выскочил на галерею узнать, что произошло.

Когда он понял, что это поет Дракоша, он не рассердился, а крикнул сверху:

— Давай рычи, пугай дураков! Чем больше народа поверит в это страшное чудовище, тем сильнее будут тебя бояться. А мы используем тебя в своих целях.

— В каких? — спросила Магдалина.

— Важно, что у меня есть дракон! — крикнул Гай Гисборн, раздувая щеки и топорща черную бороду. — Он будет громадным завтра, но все начнут трепетать сегодня!

— А как вы это сделаете? — спросила Магдалина.

— А это ты придумаешь. Я же вижу — ты умненькая, ты читать умеешь, дракона колдовством усмиряешь. Пока мне дракон нужен, я тебя не трону. Но как только нужда в драконе пропадет, я тебя сразу инквизиции сдам. Пускай тебя сожгут как ведьму.

— Вы не очень хороший человек, — сказала Магдалина.

— Не то слово! — откликнулся рыцарь. — Я иногда ночью просыпаюсь и думаю: ну как в хорошей рыцарской семье на чистом воздухе мог вырасти такой негодяй? И не нахожу ответа.

Рыцарь расхохотался.

— Но я не знаю, как превратить дракона в чудовище, — сказала Магдалина. — Он же у нас добрый.

— А вот доброго дракона я у себя в замке не потерплю! — рассердился Гисборн. — Такого позора благородный рыцарь не допустит!

Дракоша покачал головой, ему было неприятно слушать такие слова.

— Дракон должен быть свирепым, безжалостным, хищным и страшным. Он должен пожирать детей и стариков, терзать красавиц и уничтожать отважных рыцарей.

Дракоша печально вздохнул, наверное, подумал, какими глупыми бывают люди!

— Значит, так, — сказал рыцарь. — Я приглашаю в замок нескольких соседних рыцарей, тем более что они давно напрашиваются в гости. Прознали про мою тайну, дрожат от нетерпения. Учти, им следует показать твоего дракончика. Но так, чтобы они решили: вот чудовище! Думай. У тебя весь завтрашний день впереди. Не придумаешь — отрублю тебе голову. И твоему ящеренку тоже. Надоело мне вас кормить!

Магдалина с Дракошей спустились к себе в подвал и стали думать.

Вернее, думала Магдалина, а Дракоша бродил по подвалу, тяжело вздыхал и всячески ей мешал.

Глава двадцатая. Дракон и гости

На следующий день слуга принес Магдалине с Дракошей завтрак — ведро репы, огурцов и большую тыкву, а также полкаравая пропеченного хлеба и кувшин молока. Царский был завтрак, сказочный. И зловещий. Потому что он был намеком: «Может быть, это ваш последний завтрак?»

Но Магдалина уже придумала, что надо сделать. Она сказала слуге:

— Передай господину, чтобы мне немедленно принесли ящик разноцветных тряпок, пуд хорошей глины, портновские ножницы и нитки с иголками.

Через час просьбу Магдалины выполнили.

И она принялась за работу.

Весь день она трудилась не покладая рук, а Дракоша охранял ее покой. И когда рыцарь Гай сунул было нос в подвал — даже злым рыцарям свойственно любопытство, — Дракоша так рывкнул на него, что рыцарь отпрыгнул от двери и пошел прочь, приговаривая на ходу:

— А ты молодец, дракончик! Расти, моя ящерица, на страх врагам!

На закате Магдалина свой труд закончила и велела отвести ее на поляну, где она обычно гуляла с драконозавром.

Туда же пришел и рыцарь, который даже обедал без аппетита, так ему не терпелось

узнать, что она придумала.

Магдалина рассказала ему о своем плане. Рыцарь заявил:

— Если не получится, пеняй на себя!

Но остался доволен.

Наступило утро следующего дня. Магдалина, покормив дракона, вывела его на полянку и привязала к дереву на длинной прочной бечевке.

А тем временем к сэру Гаю съезжались гости — шериф Ноттингемский, граф Сэмбери, братья Роджер, настоятель монастыря Святой Полинии и еще два-три соседа. Они не выносили сэра Гая, но предпочитали не ссориться с ним, потому что он был дикого нрава и великой подлости. К тому же уже чуть ли не в Лондоне говорили, что рыцарь Гай Гисборн завел себе живого дракона невероятной силы и злобности. Конечно, все отмахивались от таких слухов и повторяли:

— Конечно, этого быть не может, драконы если и водились в древние времена, то в наш цивилизованный пятнадцатый век они все вымерли.

Но все же побаивались — чего только этот Гисборн не придумает!

А шериф Ноттингемский даже хотел бы, чтобы Гай завел дракона — так им будет легче вдвоем запугивать все графство.

Утром соседи съехались к замку. Там их встречали слуги и вели в зал, где был подан легкий завтрак. Легкий-то он, конечно, был легкий, но с крепким вином, джином и виски да с жареным поросенком, с фазанами, нашпигованными соловьями, с тушеными цыплятами и фаршированной щукой.

Вы понимаете, почему я об этом пишу? Просто чтобы вам стало ясно, что к полудню все гости были пьяны и обожрались так, что стыдно сказать.

И тогда рыцарь предложил:

— Желаящие поглядеть на мое новое приобретение, на маленького, совершенно безвредного и безопасного дракончика, прошу последовать за мной на башню. Оттуда можно увидеть, как он гуляет.

Шатаясь и громко хохоча, гости поднялись на башню, и Гай Гисборн пригласил их к зубцам северной стороны, откуда открывался вид на лес.

Сверху была видна поляна, посреди которой медленно прогуливался дракон. Иногда он поднимал голову, и раздавался рев, который доносился до башни. Люди, сопровождавшие чудовище на прогулке, стояли вокруг поляны. Было видно, что они не достают ему и до колен. И вдруг дракон открыл пасть, и оттуда вырвалось облако пара, дым, показались языки пламени. Это было настолько страшно, что некоторые из гостей зажмурились и побежали к лестнице, чтобы не видеть такого ужасного зрелища.

А те, кто остался, стали свидетелями еще более страшной сцены.

Вдруг дракон, которому надоело гулять на поляне, протянул шею и схватил одного из людей, что жалась к деревьям.

На испуганные крики гостей рыцарь Гай спокойно ответил:

— Это мои слуги и рабы — нечего их жалеть. Всех не пережалеешь.

— Да, мой рыцарь, — заметил шериф Ноттингемский, — ты прав. Есть люди, которых жалеть и не стоит.

А дракон тем временем вошел во вкус и начал кидаться на остальных людей.

— Они у вас что, к кустам привязаны? — спросил настоятель монастыря.

— Почему вы так решили, отец мой? — удивился Гай Гисборн.

— Они бы успели убежать, если бы хотели.

— Ах, это такое дурачье! — отмахнулся рыцарь.

Дракон расправился с людьми, умаялся, лег посреди поляны и положил голову на лапы. Заснул.

— Теперь вы понимаете, — сказал рыцарь гостям, — почему я не подпустил вас ближе к этому чудовищу?

Все согласились, что рыцарь берег их жизнь.

— Скажите, Гай, — спросил граф Сэмбери, нежный, словно девочка, — а есть ли на вашего дракона управа? Я так его испугался!

— Вместе с драконом, которого я раздобыл на Востоке во время крестового похода, я получил рабыню, которая на вид кажется обыкновенной девушкой, а на самом деле — злобная колдунья, к счастью, еще молодая, так что я с ней справляюсь. Она же от меня без ума!

— Она командует драконом?

— Она за ним следит, кормит его телячьими головами и целыми баранами, а если повезет и приедут торговцы из Африки, то и небольшими крокодилами.

— Кто такие крокодилы? — хором спросили гости. Никто из них такого зверя раньше не видел.

— Когда будут, покажу, — пообещал рыцарь. — Но учтите — это зрелище не для слабонервных! А теперь пошли, чайком побалуемся. — С этими словами Гай Гисборн повел гостей вниз, где они снова уселись за стол пить английскую самогонку под названием «виски».

А когда гости разъехались, рыцарь, пошатываясь, спустился в подвал, где Магдалина уже сладко спала, положив голову Дракоше на брюхо. Он толкнул ее сапогом и разбудил.

— А ты мне не нравишься, — сказал он.

Магдалина вскочила.

— Вы мной недовольны? — спросила она.

— А чему радоваться? Ты слишком умная. Всех моих гостей, уважаемых людей, богачей, провела, как мальчишек. Они поверили, что твоя мелкая ящерица может любого человека проглотить.

— Разве мы с Дракошей не старались?

— Перестарались, — проворчал рыцарь. — Теперь до Лондона слава докатится, а там и от короля приедут, отнимут мою крошку.

Магдалина обняла Дракошу за шею и снова заснула.

А рыцарь хоть и встревожился, не замышляет ли Магдалина какой-нибудь заговор против него, но был доволен тем, что теперь все соседи будут его бояться и трижды подумают, прежде чем угрожать Гаю Гисборну.

Когда рыцарь поднялся наверх, там его ждал последний из гостей, который в общем и не был гостем, а приехал по делу.

Этим гостем оказался толстый, неопрятный, грубый и жестокий шериф Ноттингемский.

Мы, может быть, никогда и не вспомнили бы об этом человеке, если бы он не был злейшим врагом разбойника Робина Гуда. А Робин Гуд, как известно, жил в Шервудском лесу, охотился там на оленей и кроликов, а иногда грабил торговцев и плохих людей, которые осмеливались проехать по дороге через лес, направляясь в Ноттингем, где и сидел этот проклятый шериф.

Конечно, мы знаем и любим Робина Гуда. Он очень веселый, поет песни, отлично стреляет из лука, никого не боится, грабит богачей и защищает бедняков. Ведь его самого выгнал из родного замка рыцарь Гай Гисборн.

Мы-то знаем, что шериф — личность неприятная. Но сам шериф об этом не подозревает, а его друг Гисборн если и подозревает, то никому об этом не рассказывает.

Когда рыцарь вернулся в столовую, шериф как раз доедал компот прямо из огромной кастрюли. Он был ужасным лакомкой.

— Ну как, отдыхает твой людоед? — спросил шериф. — Честно говоря, я тоже испугался. Ты уж будь поосторожнее, а то он невзначай тебя проглотит.

— Никого он не проглотит, — проворчал Гай Гисборн и вырвал из лап шерифа кастрюлю, в которой осталась одна гуща. — Мелкий он, чтобы глотать. Дай бог ему кролика слопать.

— Не скажи! — возразил шериф. — Я сам видел, как он людей пожирал.

— Эх, никому я не открою эту тайну, кроме тебя. — С этими словами Гай Гисборн вынул руку из-за спины. В ней была зажата грубо слепленная из глины кукла в локоть длиной, в платье из тряпок. — Вот кого он пожрал!

— Я чего-то не понял, — сказал шериф.

— Чего уж тут понимать. Дракончик мой недавно родился, ему еще и года нет. И растет он еле-еле, может быть, я и не доживу до того дня, когда он станет настоящим чудовищем.

— Объясни понятней, — попросил шериф. — А то я себя каким-то тупым чувствую.

— Все проще простого. Та ведьма, которая дракона воспитывает, придумала, как мне соседей провести и пугнуть. Она слепила эти куклы, расставила их по краям полянки, выпустила на нее дракона, и он принялся резвиться. Резвился, резвился да и сожрал невзначай кукол. Магдалина боится, что у него теперь желудок от глины испортится.

— Значит, мы сверху смотрели на ящерицу?

— Потому-то я и показывал вам дракона сверху и издали. Вы его с куклами сравнивали, и он вам показался большим.

— Ну вы и молодцы! — восхитился шериф. — Веревка по вас плачет!

— Это военная хитрость, — сказал Гай Гисборн. — Пускай слухи о моем драконе по всему свету катятся, мне спокойнее.

Шериф вздохнул и сказал:

— Ты меня огорчил, дружище. Как же это получается? Я так на тебя рассчитывал.

— Зачем?

— Я хотел с твоим драконом на проклятого Робина Гуда поохотиться. Пускай, думаю, дракон его растерзает. А то он вчера опять оленя свалил.

— Не может быть! Королевского оленя?!

— И когда только это кончится! — опечалился шериф. — Люди в лес боятся заходить: ограбят, обидят, разденут. Полцарства бы отдал тому, кто его заманит.

Гай Гисборн тоже задумался. Он понимал огорчение шерифа. Только понадеялся на дракона, а дракон оказался ящерицей!

— Тут нужна хитрость, — сказал рыцарь.

— Вижу, ты у нас мастер по части хитростей, — проворчал шериф. — Опять свою ведьму позовешь?

— Ей ни слова не скажу. Пускай сидит со своей ящерицей. Я сам все придумаю.

— И что же надо сделать?

— Надо устроить ловушку для Робина Гуда.
— Он не попадет, он хитрый.
— А мы должны стать еще хитрее. Мы должны найти у него слабое место.
— Какое?
— Он из лука стреляет?
— Еще бы! Он себя считает лучшим лучником во всей Англии.
— Вот и замечательно. Мы устроим состязание лучников и пригласим всех желающих.
— А он не пожелает.
— Не пожелает? Тогда мы назначим такой первый приз, что он не сможет отказаться.
— Чем же ты его соблазнишь?
— А тем, что победитель состязаний получит серебряную стрелу с золотым наконечником. Все лучники Англии умрут от зависти.
— А где мы достанем такую стрелу?
— А вот это, шериф, — сказал Гай Гисборн, — уже твои проблемы. Я тебе подарил идею, а уж ты поработай, займись приготовлениями.
— Но ведь стрела денег стоит!
— Шериф, если будешь жадничать, — сказал рыцарь, — никогда тебе Робин Гуд не поймать. Ты забыл, сколько золотых обещано в Лондоне за его голову? Ты забыл, какие сокровища спрятаны у него в пещере? Да ты озолотишься!
Шериф задумался. Думал он долго, даже голова поскрипывала, как спелый арбуз. Наконец он глубоко вздохнул, попрощался с рыцарем и ушел.

Глава двадцать первая. Ловушка для Робина Гуда

Через несколько дней по Ноттингему и окрестным городам и селениям разнесся слух: в городе будут устроены состязания на звание лучшего в графстве стрелка из лука. В них может принять участие любой желающий.

А наградой победителю будет почетная серебряная стрела с золотым наконечником.

Разумеется, все мужчины и мальчики от десяти до ста лет через три дня знали об этом, и каждый, у кого был лук, начал тренироваться. Вы бы знали, сколько перебили воробьев и кошек за время этих тренировок!

Рыцарь Гай Гисборн проговорился Магдалине о состязании, и она упростила рыцаря взять ее с собой. Рыцарь согласился и даже разрешил Магдалине перешить для себя одно из старых платьев покойной матушки, которое хранилось в дубовом сундуке.

На большом зеленом поле за городской стеной, где обычно паслись стада овец, принадлежавшие горожанам, соорудили места для знатных гостей. По обе стороны поля за веревками собрались тысячи зрителей. Слева толпой стояли лучники, справа разместилась большая мишень. На щите, сбитом из досок, был нарисован белый круг, внутри его круг желтый, внутри желтого — зеленый, внутри зеленого — синий, в центре синего — черный, размером с вишню.

Шум стоял невероятный! В толпе бегали продавцы сладкой воды и семечек, играл оркестр, а все знатные и богатые люди графства старались перещеголять друг дружку, кто лучше одет и богаче разукрашен. Особенно это касалось знатных дам.

Шериф Ноттингемский сидел на центральном помосте, а графы и бароны занимали места по обе стороны от него.

Магдалина нашла себе местечко у самой веревки, поближе к цели, куда должны были стрелять лучники.

По знаку шерифа его помощник Мэддок ударил в гонг, первый из лучников, сделав шаг вперед, натянул тетиву и выстрелил. Стрела просвистела рядом с белым кругом и упала на траву.

Трибуны встретили неудачный выстрел хохотом и веселыми криками.

Следующему лучнику повезло больше. Его стрела уткнулась в желтый круг.

Судьи, одетые в желтые камзолы, показывали лучникам, куда идти. Те, кто попал в цель, шли направо, неудачники — налево.

Наконец первая серия выстрелов кончилась. Участникам разрешили выпустить еще по две стрелы. Состязания затягивались, ведь лучников было несколько десятков, но никому не было скучно.

Когда все выпустили по три стрелы, осталось двадцать лучших, тех, кто не промахнулся ни разу.

Начался следующий тур. Для этого мишень оттащили еще на пятьдесят шагов. Магдалине показалось, что так далеко не только что попасть в мишень, а даже дострелить из лука невозможно!

Все двадцать стрелков посылали свои стрелы точно в белый круг, но вот в синий и черный попадали немногие.

Зрители уже выбрали для себя любимцев.

Особенно хорошо стреляли двое: плотный широкоплечий парень с непокрытой головой и одетый во все зеленое высокий худой мужчина, лицо которого скрывала низко надвинутая шляпа.

Эти два стрелка и остались лучшими из двадцати.

И когда все остальные отошли в сторону, главный судья подошел к финалистам поближе и о чем-то их спросил.

Потом громким голосом воскликнул:

— Начинается последний, решительный тур! В нем участвуют вольный каменщик Хьюберт из Оксфорда...

Плотный парень с непокрытой головой сделал шаг вперед и поклонился трибуне.

Знатные зрители захлопали в ладоши.

Судья обернулся ко второму финалисту и крикнул:

— Второй участник состязаний — Локсли, слуга графа Сэмбери.

Человек в зеленом дотронулся до шляпы, словно хотел ее приподнять, но в последний момент раздумал и лишь немного наклонил голову.

«Ну и гордец! — подумала Магдалина. — Здешние рыцари таких гордецов не выносят. Но, может быть, его хозяин такой знатный граф, что они перед ним робеют?»

На этот раз перед мишенью в землю воткнули тонкий прут.

Первым стрелял Хьюберт. Он долго целился и наконец выстрелил.

Его стрела расщепила прут пополам, а потом вонзилась в деревянный щит мишени.

Все зрители ахнули и стали хлопать в ладоши. Такой меткости здесь еще не видывали.

Хьюберт гордо отошел в сторону. Он уже решил, что выиграл.

Но Локсли это не смутило. Он не спеша поднял лук, вложил в него стрелу и выстрелил, почти не целясь.

Чудо!

Его стрела пролетела сквозь расщепленный прут, а потом ударила в стрелу Хьюберта так, что расколола ее пополам.

Стало так тихо, что было слышно, как половинки стрелы каменщика упали на траву.

А потом трибуны взорвались от восторга. Когда все успокоилось и аплодисменты стихли, Хьюберт обернулся к своему сопернику и пожал ему руку.

— Такого стрелка я еще не видел, — сказал он.

— Ты тоже славный лучник, — ответил Локсли.

Шериф встал и поднял над головой серебряную стрелу.

— Подойди ко мне, достойный победитель состязаний, — крикнул он, — и прими заслуженную награду!

Победитель направился к помосту.

«Что он делает!» — ахнула Магдалина. Она уже узнала Робина Гуда.

Робин Гуд подошел к помосту и протянул руку за призом. При этом он низко наклонил голову, словно кланяясь шерифу, но на самом деле пряча от него лицо.

Шериф отдал стрелу победителю и пожал ему руку.

Тысячи зрителей на поле хлопали в ладоши и славил искусство лучника.

Как только приз был вручен, зрители стали расходиться. Робин Гуд проталкивался через толпу, пожимал руки, перекликался с болельщиками. На поле образовалась такая неразбериха, такая толкучка, что даже Магдалина, которая старалась не выпускать Робина Гуда из виду, его потеряла.

Вот тогда-то его и схватили стражники шерифа.

Шериф со своего помоста увидел, как схватили разбойника, и пожал руку Гаю Гисборну.

— Ты молодец, Гай, — сказал он. — Из тебя вышел бы настоящий полководец. Не пора ли тебе пойти воевать с турками?

— Успею, — с усмешкой отозвался рыцарь. — Когда будем судить негодяя?

— А зачем его судить? — удивился шериф. — Завтра с утра и повесим.

Магдалина готова была заплакать, но тут Гисборн ее заметил и крикнул:

— А ну забирайся в телегу! Сколько тебя ждать!

Он торопился проехать через Шервудский лес до темноты. Знал ведь, что разбойники, товарищи Робина Гуда, сделают все, чтобы его освободить. На город им, конечно, не напасть, слишком их мало. Но захватить заложников или попытаться отбить своего предводителя перед казнью — с них станется!

Рыцарь не боялся за себя. С ним был отряд из десятка закованных в железо солдат, да в двух телегах ехала дюжина слуг. Бояться он не боялся, но в темноте через лес ехать не хотел. Для разбойников лес — дом родной, а для рыцаря и его солдат — чужая вотчина.

Магдалина сидела среди солдат. На телеге было тесно, солдаты громко разговаривали, обсуждали события, произошедшие в Ноттингеме, ругались, не стесняясь сидящей рядом с ними девушки. Для них она была служанкой, такой же, как они, чего уж стесняться!

Зарядил мелкий дождик, ветер все усиливался и кидал капли дождя в лицо. Солдаты накрылись плащами и тихо переругивались.

В лесу стало темно, могучие деревья подступали прямо к дороге, листва тревожно шумела.

Вдруг кто-то загоготал страшным голосом, и кто-то другой откликнулся диким свистом.

Заржали кони, солдаты спрыгивали с телеги и разбежались в разные стороны. Рыцарь Гай крутился на коне между своими смельчаками и громко ругался. Но его мало кто слушал.

И тут Магдалина поняла, что наступил ее час.

Всегда лучше действовать, бежать, сражаться, чем ждать у моря погоды.

Она кинулась к кустам, откуда доносились страшные голоса. Ведь, в отличие от солдат рыцаря Гисборна, она знала, что чудес не бывает, а драконы — всего лишь обыкновенные динозавры.

Магдалина мчалась по лесу, мокрые ветки хлестали ее по рукам, корни норовили схватить ее за ноги и за длинное платье.

Шагов через двести она остановилась и крикнула:

— Есть тут кто живой?

Молчание. Только капли дождя щелкают по листьям да издали доносятся голоса — на дороге неизвестно с кем сражается рыцарский отряд.

И вдруг совсем близко послышался высокий — не разберешь, мужской или женский — голос:

— Ты кто такая?

— Магдалина.

— Раз ты такая грешница, что не побоялась в лес сунуться, бросай оружие!

— Нет у меня никакого оружия! — крикнула Магдалина. — Вы что, не видите?

— Видеть-то видим, — проворчал толстый монах, выходя из кустов. — Да, может, ты не одна, а за тобой стражники шерифа стоят?

— Так вы посмотрите! — ответила Магдалина. — Неужели вы такие трусы?

— Мы не трусы, — обиделся монах. — Мы — пуганые птицы.

Он спрятал кинжал за веревочный пояс.

— А я, — сказал он уже более дружелюбно, — преподобный Тук. Ты обо мне, может, и не слыхала.

— Слыхала, — сказала Магдалина. — Читала я о вас.

— Не понял твоей шутки, девочка. Кто будет писать о монахе-разбойнике?

— Ах, это длинная история! — отмахнулась Магдалина.

— Тем более я еще не видел девочек, которые умели бы читать!

Магдалине это надоело.

— Хватит называть меня девочкой! Я уже взрослая!

— Ну, как знаешь, — согласился монах. — Только скажи мне, взрослая девочка, как ты здесь оказалась?

— Я ехала на телеге с солдатами рыцаря Гая Гисборна, — объяснила Магдалина.

— Час от часу не легче. Ты что, их девка?

— Не знаю, что вы хотите этим сказать, — ответила Магдалина, — но я служу у рыцаря и забочусь о его драконе.

Монах чуть не подпрыгнул от любопытства.

— Неужели у него в самом деле есть дракон? Мы все думали, что это шутка. Пугалка.

— Разве вам Робин Гуд не рассказал? Я же ему показывала дракона.

— Не врешь? — спросил другой разбойник, который незаметно вышел из чащи.

— Спроси у Робина.

Второй разбойник был высоким, как баскетболист. Магдалина сразу узнала в нем верного друга Робина Гуда Маленького Джона. Он держал в руке трещотку. Вот чем

разбойники рыцаря пугали!

— Я не могу спросить у Робина, — сказал он. — Ты же знаешь, он в темнице и завтра его казнят. Но мы этого не допустим! Мы только что напали на рыцаря Гисборна.

— Очень он вас испугался! — съязвила Магдалина.

Разбойник смутился и признал:

— Нет, не очень. Но шум мы подняли знатный!

— Давайте быстро думать, — сказала Магдалина. — Мне нужно вернуться к рыцарю Гаю раньше, чем меня хватятся.

Разбойники Магдалину разочаровали. Она-то в детстве читала, что они были смелыми, умными и находчивыми. А вот теперь они стоят перед ней и смотрят на нее, как детки, потерявшие свою мамочку.

Маленький Джон чуть не плачет, монах Тук, хитрый толстяк, достал из-под рясы плоскую бутылочку и сосет из нее, как младенец.

— Придется мне взять командование на себя, — сказала Магдалина. — Вижу, что вы сами ни на что не способны.

Разбойники были так расстроены, что даже не стали спорить с маленькой девушкой.

— Говори, — сказал монах Тук. — Говори, а мы тебе поможем.

— Надо освободить Робина Гуда.

Все согласились.

— А где лучше всего это сделать? — спросила Магдалина.

— Завтра в городе, когда его вешать будут, — ответил Маленький Джон. — Мы в город ворвемся, стражу перестреляем, остальных изрубим, а нашего Робина выведем в лес.

— Замечательно, — сказала Магдалина. — И сколько же вас, таких смелых?

— Много, — ответил Маленький Джон. — Пальцев не хватит.

— И что у вас есть? Пушки, танки, самолеты?

Разбойники смотрели на Магдалину как на сумасшедшую. Они даже слов таких никогда не слышали.

— Нам, докторам, все ясно, — подвела итог Магдалина. — Больной сам не выздоровеет.

Настроение у Магдалины было отличное. Она же человек дела! Она должна все время что-то делать, а вместо того просидела несколько месяцев в подвале с единственным собеседником. Да и тот оказался огнедышащим драконом, который даже говорить не умеет.

— А что же нам делать? — уныло спросил Маленький Джон.

— Есть у меня одна идея. Я не могу о ней рассказать сразу, потому что кто-то из вас может проговориться, и тогда все погибнет.

— Обижаешь, начальница! — сказал Маленький Джон. — У нас доносчиков нету.

— Доносчики появились раньше, чем следователи, — ответила Магдалина. — Всегда найдется предатель, которому срочно нужно тридцать сребреников.

Разбойники стали коситься друг на друга с подозрением. Но Магдалине было некогда оставаться с шайкой.

— Сейчас я вернусь в замок рыцаря Гисборна, — сказала она. — А вы, как стемнеет, ждите меня на опушке леса.

— Когда совсем стемнеет? — спросил монах Тук.

— Или когда луна взойдет? — уточнил другой разбойник, которого Магдалина раньше и не заметила, потому что он сидел под кустом совсем неподвижно, как большой гриб. Он

весь зарос бородой, косматые волосы свисали ниже плеч, а одежда разбойника была сшита из шкур.

— Это наш Джимми-отшельник, — сказал Тук. — Он то приходит, то уходит. Загадочная личность.

— Я буду на опушке, когда взойдет луна, — решила Магдалина.

За время жизни в пятнадцатом веке Магдалине понравилось определять время по Солнцу, Луне, звездам и петушиному крику. Да и Дракоша ей помогал — он требовал кормежки и начинал пускать дым изо рта и ноздрей ровно в шесть утра, в двенадцать дня и в шесть вечера. Можно любые часы проверить!

Поэтому Магдалина отлично знала, что луна взойдет в десять двадцать.

Договорившись с разбойниками, Магдалина со всех ног кинулась к дороге, а по ней к замку рыцаря.

Бегать Магдалина умела. Ведь в школе она была самой маленькой и постоянно боялась, что над ней будут смеяться. Так что она вставала в шесть утра и бегала до восьми, когда начинались занятия в школе. За это время она успевала обежать вокруг школы шестьдесят раз. И в конце концов научилась бегать так быстро, что даже самые могучие дылды от нее отставали. В школе ее прозвали ласточкой Магдой.

В далеком прошлом у Магдалины соперников не было.

Я вам должен сказать, что в пятнадцатом веке вообще спортом никто не занимался, если не считать рыцарских турниров. То есть стрельбы из лука и драки на копьях или мечах. Об остальных видах спорта — а уж тем более об Олимпийских играх, которые так любили древние греки, — люди вообще забыли.

Так что Магдалина догнала рыцаря Гая Гисборна и его компанию еще в лесу.

Кто-то из солдат, что ехали в телеге, заметил ее издали и закричал:

— Смотрите, сэр, кто за нами бежит! А мы думали, что ее пристукнули.

Рыцарь остановил коня и подождал, пока Магдалина приблизится.

— Что они с тобой сделали? — спросил он строго. — Обидели или издевались?

— Да я от них под кустом спряталась, — сказала Магдалина. — А вот почему вы убежали и меня не спасли, это меня удивляет.

— Ты не стоишь того, чтобы ради тебя рисковать моими солдатами, — ответил рыцарь.

— Эти ваши слова, — обиделась Магдалина, — я обязательно передам дракону. Он у меня памятливей. Вот подрастет и вам это припомнит.

Рыцарь сначала вспылил, даже занес руку с хлыстом, но потом расхохотался — видно, понял, что Магдалина права: не оставляют рыцари дам в лесу на милость бандитов.

— Ладно уж, — сказал он. — Только, боюсь, никому из нас не дожидаться, пока твоя ящерица станет настоящим драконом.

Глава двадцать вторая. Магдалина у разбойников

Впереди над лесом показалась башня замка Гая Гисборна.

Солдаты оживились. Они проголодались и надеялись, что сэр Гай по случаю такого трудного путешествия прикажет выдать им по кружке пива.

Но оказалось, что проголодались не только они.

Над долиной пронесся страшный рев чудовища.

Солдаты замерли. Такого они еще не слышали.

Даже сэр Гисборн в первое мгновение вздрогнул и чуть было не пустился наутек, да сообразил, что это рычит голодный дракон.

Магдалина готова была заплакать — такой виноватой она себя чувствовала перед бедным Дракошей.

Она соскочила с телеги и побежала к замку.

Правда, ничего ей это не дало, потому что ворота для нее не растворили. Пока не подъехал сам Гай Гисборн, Магдалина стояла у ворот, а Дракоша изнутри сотрясал воздух и стены замка своими голодными воплями.

Когда Магдалина вбежала в подвал, она увидела, что там все разбросано и перевернуто. Рассерженный дракон изорвал подстилку, сломал стол и разворошил постель Магдалины.

Хозяйку он встретил как злейшего врага. Зарычал и отвернулся, словно она нарочно его голодом морила.

Но после ужина подобрел и выслушал рассказ Магдалины о состязании лучников и о том, как Робин Гуд угодил в тюрьму.

Дракоша так расчувствовался, что положил тяжелую голову на колени хозяйке и принялся капать на пол тяжелыми слезами.

Тем временем наступила ночь, огоньки в окнах и бойницах замка погасли, а свечи горели лишь в комнате рыцаря, который что-то замышлял.

Магдалина услышала, как скрипит засов — заперли ворота. Значит, и стражники сейчас отправятся на бочок. Кому охота торчать у ворот ночью? Еще простудишься.

Потом погас свет и у рыцаря. Можно уходить.

Магдалина осторожно отворила дверь во двор замка. Там было пусто.

Быстро неслись облака. Лишь изредка в них были видны кусочки звездного неба.

Из хижины, в которой вповалку спали солдаты, доносился громкий храп.

Магдалина вела Дракошу на веревке, чтобы невзначай не сбежал.

Главное было — открыть ворота замка. Засов оказался длиной в метр и страшно тяжелый, его обычно отодвигали два солдата.

Магдалина никак не могла с ним справиться. К счастью, Дракоша сообразил, что надо делать — уперся в засов бронированной головой, и тот поддался.

Ворота Магдалина открывала медленно-медленно, но все равно раздался скрип. Магдалина замерла.

Ничего. Только испуганные вороны взвились в черное небо.

Магдалина проскользнула в щель и вытащила за собой драконозавра. Тот упирался, он боялся ночного леса.

Шепотом Магдалина его успокаивала.

Потом они побежали по дороге к лесу. Тюк-тюк-тюк-тюк — стучали по лужам и мокрой грязи ножки Магдалины. Шмяк-шмяк-шмяк — шлепали лапы дракона.

Бежали они долго. Оба устали.

Дорога вошла в лес, пересекла опушку, и вот впереди показался просвет — там были поля, а за ними город Ноттингем.

— Есть здесь кто? — крикнула Магдалина. И тут же из-за деревьев вышли разбойники. Они увидели, что перед ними не только Магдалина, но и еще что-то, черное и большое.

— Кого привела? — спросил монах Тук.

— Не бойтесь, — сказала Магдалина. — Это мой дракон. Только он еще не совсем дракон, а дракончик. Ведь у драконов тоже бывают дети.

— Драконьи дети в яйцах сидят, — заметил Маленький Джон.

— Мой Дракоша уже вылез на свет.

— Небось кусается, — опасливо покосился на дракона косматый и мохнатый Джимми-отшельник.

— Он своих не кусает, — успокоила разбойников Магдалина.

Наконец-то луна выскочила из-за облаков и осветила Дракошу.

Дракоше тоже было страшно, и он крутил головой. От волнения он стал пускать дым из ноздрей, а когда приоткрыл пасть, в ней загорелся красный огонь.

Разбойники кинулись в разные стороны.

— Перестаньте, трусы! — рассердилась Магдалина. — Если вы намерены прятаться в кустах, то мы никогда не спасем Робина Гуда. Лучше подойдите поближе, познакомьтесь с Дракошей. Он с друзьями хороший, добрый. Он только к врагам жесток.

Магдалина не хотела говорить разбойникам, что Дракоша — вегетарианец и варит во рту репу и фасоль. А вдруг среди них есть шпионы шерифа?

Разбойники знакомиться с драконозавром не спешили, но трепетали уже не так, как прежде.

Наконец Маленький Джон сказал:

— Что-то он маловат для дракона.

— Маловат? — спросила Магдалина. — Так подойди и погладь его, почешу за ушком моего малыша!

Желающих погладить дракона не нашлось. Все-таки он был уже ростом с корову, может, чуть поменьше, зато в длину куда внушительнее, потому что один хвост тянулся за ним на метр, а то и больше.

— Дракоша нам поможет освободить Робина Гуда, — сказала Магдалина.

— И как же, интересно? — спросил кто-то из темноты.

— Будем пугать стражу, — объяснила Магдалина. — У вас факелы есть?

— В пещере есть.

— Несите сюда, только поскорее. А мы пока к городу пойдем.

Магдалина понимала, что ей надо быть уверенной в себе, ничего не бояться, тогда и разбойники будут храбрыми.

Она пошла по дороге к городу. За ней на веревке топал динозавр. А сзади, отстав на несколько метров, плелись разбойники.

Магдалина пока еще ничего не придумала — она знала только, что нужно пробраться к тюрьме. А как?

— Послушай, — сказала она монаху Туку, который показался ей поумнее других разбойников, — если бы тебе надо было в город пробраться, где это лучше всего сделать?

Некоторое время они шли молча. Монах думал, остальные разбойники тоже задумались.

Наконец Тук сказал:

— Со стороны речки, где деревья растут. Там стена совсем обвалилась.

— Это точно, — подтвердил Маленький Джон. — На той неделе мне выпить захотелось, так я там перелезал.

— А Дракоша там перелезет?

— Должен перелезть, — сказал монах.

Они еще некоторое время шли молча, а потом Магдалина спросила:

— Все здесь?

Разбойники посоветовались, и монах Тук сказал:

— Вроде все.

— И Джимми здесь?

— Здесь я, здесь, — откликнулся лохматый разбойник. — Что же это получается, раз не постригся, то уж и подозрительный, да?

— Мы не можем рисковать! — строго сказала маленькая Магдалина. — А то все погибнем.

Не доходя до городских ворот, разбойники повернули направо, к речке, где лес близко подступал к городской стене. Под прикрытием деревьев они и в самом деле смогли перебраться через стену и оказались на задворках какого-то старого каменного дома.

Дальше их вел Маленький Джон, который знал дорогу до трактира, а уж от трактира до тюрьмы оставалась пара шагов.

В городе было темно, ведь в те времена жили при свечах, а свечи денег стоят. Так что спать ложились, как только темнело, а просыпались с рассветом. Из-за этого зимой спали куда больше, чем летом, но сами этого не замечали.

А фонарей на улицах Ноттингема не было вовсе. Ну какому хорошему человеку вздумается ночью по улицам ходить? Разве он вор или грабитель? Спал славный город Ноттингем. Никто в нем не читал книжек и не смотрел телевизор, никто не ходил в ночные клубы, не танцевал до утра на дискотеке. И знаете почему? Потому что ничего подобного в Ноттингеме не было.

Только луна освещала улицы этого города.

— Стой! — прошептал Маленький Джон. — Вот она, тюрьма.

— Факелы с собой? — спросила Магдалина.

— Ага, — ответил отшельник Джимми.

— Зажигайте! — скомандовала маленькая геологиня.

Магдалина подошла к двери тюрьмы и постучала. Никто не откликнулся.

— Погоди, малышка, — прошептал Маленький Джон.

Он отстранил ее и нажал на дверь плечом.

И чуть не упал, потому что дверь оказалась не заперта и распахнулась внутрь.

Все замерли.

Но вокруг стояла тишина. Только где-то далеко лаяла собака.

Маленький Джон вошел в тюремный коридор. Куда идти дальше, он не знал и прислушивался.

Вдруг раздался голос:

— Кто там?

— Свои, — отозвался Маленький Джон, но, видно, стражник не поверил.

— Свои дома спят, — сказал он и закричал: — Стража, тревога!

— Факелы! — крикнула Магдалина.

Факелы уже горели. Магдалина не зря велела их зажечь. Она рассудила, что стражники конечно же одолеют разбойников. Но если их напугать, то все может обернуться иначе.

А как сделать так, чтобы они испугались?

Надо показать им страшного дракона!

Но нельзя же показывать людям страшного дракона в полной темноте. Ведь тогда его никто не увидит и не испугается!

А вот свет факелов, такой тревожный, неровный и дрожащий, — самое лучшее освещение для небольшого дракона, при котором он покажется огромным и ужасным.

Два разбойника с факелами шли по коридору. Между ними вышагивал Дракоша, которому все это приключение очень понравилось.

Следом шла Магдалина и все остальные разбойники.

Стражники были готовы к нападению. Они уже натянули железные шлемы и схватились за мечи. Стражники могли изрубить и растерзать любого разбойника, но они никак не ожидали увидеть живого дракона, который исторгал из пасти дым и огонь.

В неверном свете факелов под крики разбойников дракон показался им вдесятеро больше настоящего.

Сбивая друг друга с ног, стражники кинулись в свободную камеру и закрылись изнутри.

А в соседней камере сидел Робин Гуд.

Его сразу нашли, потому что он услышал шум и звон мечей и догадался, что к нему на выручку идет его дружка.

— Сюда! — крикнул он. — Я здесь! Ко мне!

Маленький Джон откинул засов его камеры, монах Тук развязал узнику руки и ноги, и все вместе они побежали прочь из тюрьмы.

Последними отступали Магдалина и ее Дракоша.

А Робин Гуд совсем их не испугался, потому что был с ними отлично знаком.

Магдалина с Дракошей остались в лесу с разбойниками. Не возвращаться же им в замок к Гаю Гисборну! Он ведь догадается, где они ночью побывали, и тогда ни Магдалине, ни дракону не сносить головы. К тому же в лесу куда веселее, чем в подвале, свободно, климат лучше, а уж про еду и говорить нечего!

А к Дракоше разбойники привыкли в тот же день. Он для них стал одним из членов шайки. Вместе совершили набег на город, вместе освободили жоака.

Про Магдалину и говорить нечего. Если бы она не была такой маленькой и молоденькой на вид, разбойники называли бы ее мамашей. А так они стали называть ее сестричкой. А Магдалина не обижалась. Ей, оказывается, давно хотелось поразбойничать, только случая не было.

Когда рыцарь Гай проснулся, он узнал от слуг, которые понесли дракончику утреннюю репу, что ни дракона, ни Магдалины в подвале нет.

Рыцарь страшно разозлился, перепорол всех слуг, сломал о спину своего помощника дубовую палку, ведь он такой ценности лишился. Вчера его боялись все, а сегодня — никто!

А тут еще прискакал из города посланец от шерифа с плохой вестью: оказывается, ночью из темницы сбежал сам Робин Гуд, которого стерегла дюжина самых свирепых стражников. И все клянутся, что на них напал самый настоящий дракон, что они сражались с ним до последней капли крови, но дракон их победил, схватил Робина Гуда в зубы и поднялся в воздух.

Конечно, стражники привирали, но нетрудно было догадаться, что доля правды в их словах была. Ясное дело — эта проклятая Магдалина притащила своего дракона в тюрьму, перепугала стражников и освободила разбойника.

Оставалось одно — идти походом на Шервудский лес и уничтожить всех разбойников, ведьм, а заодно и сбежавшего дракона. Теперь уже им никого не испугаешь. Кто испугается ящерицы? К тому же ящерицы, которая, как выясняется, нарушила закон и полезла в тюрьму, чтобы освободить преступника.

Сэр Гай размышлял, как лучше выпутаться из положения, в которое попал. Он стоял перед окном своей комнаты в башне замка и глядел на поляну, где совсем недавно Магдалина так здорово провела его соседей. И зачем только он взял эту негодяйку с собой в Ноттингем? Там она и сговорилась с разбойниками. Нет, никогда нельзя быть добрым. На добрых всегда верхом ездят.

Как исправить положение и не испортить отношений с шерифом? Ведь шериф потерял добычу и никогда не сознается, что сам во всем виноват.

К тому же эта ведьма со своей ящерицей так дорого обошлась! Кормить их приходилось каждый день, да не раз, согревать подвал, печку топить... Не сосчитать благодеяний!

Как сделать так, чтобы убить дракона и разбойников, да еще и заработать на этом?

— Придумал! — воскликнул наконец Гай Гисборн. — Пускай этот дракон сам за себя платит!

И он приказал седлать коней.

Взяв с собой лишь двоих слуг, рыцарь отправился в Лондон. Его путь растянулся почти на неделю. Дело в том, что сэр Гай был верным слугой короля, а значит, и Алой розы.

А путь его пролегал мимо замков, в которых засели сторонники Ричарда Йоркского, то есть Белой розы.

Поэтому Гай Гисборн приказал слугам держать наготове сразу два цветка. Если он видел впереди рыцаря с белыми розами на щите, он брал в руки белый цветок.

И вот с такими предосторожностями он добрался до столицы.

А там он пошел к доктору Флибустьеру.

Вам уже хорошо известно это имя.

Доктор Флибустьер слыл специалистом по ядам. Несмотря на молодой возраст, он был известной фигурой в Лондоне. Его мало кто любил, но многие нуждались в его услугах. Некоторые говорили, что ему место на костре, а другие ждали, когда он туда угодит, и писали доносы на Флибустьера в святую инквизицию. Но доктор Флибустьер был нужен и святой инквизиции...

Вот к такому человеку и приехал рыцарь Гай.

Он сделал вид, что просто соскучился по старому другу, а старый друг сделал вид, что соскучился по сэру Гаю. Они выпили по стаканчику славного шотландского виски, поговорили, как положено, о погоде и ценах на овес, а потом сэр Гисборн сказал:

— Подарочек я тебе привез. По твоей специальности.

В кабинет доктора вошел слуга сэра Гая, развязал большой мешок и вытащил оттуда кусок драконьей шкуры.

Рыцарь бросил шкуру на стол.

— Что ты про это скажешь? — спросил он.

Доктор ахнул.

— Это же шкура молодого дракона! — воскликнул он. — Откуда ты достал это чудо? Неужели тебе привезли его из Китая?

Рыцарь усмехнулся:

— Ты ученый, должен был сразу догадаться. Когда мой дракон линял, я взял кусок шкуры и сохранил, чтобы сделать тебе подарок.

— Так этот дракон существует? — возопил Флибустьер.

Он так дернул себя за длинные черные усы, что чуть было не вырвал их с корнем.

— Он жив и здоров. И я хочу устроить на него охоту.

— Разве у тебя много драконов?

— Это единственный дракон в Англии. Возможно, даже последний в мире.

— Как он к тебе попал?

— Мне удалось отыскать его яйцо, которым владела одна молодая ведьма, — сказал рыцарь. — Она влюбилась в меня без памяти и попросилась в мой замок. Дракон родился, и я его целый год держал в подвале.

— Зачем же устраивать на него охоту? — никак не мог понять доктор.

— Потому что... потому что мне нужны деньги. Много денег!

Рыцарь не сказал доктору Флибустьеру всей правды. Он не стал рассказывать, что дракон от него убежал, он не стал рассказывать, что хочет убить Робина Гуда и Магдалину. Рыцарь сказал только про деньги, потому что знал: доктор лишь делает вид, что он бескорыстный ученый. А на самом деле за пенс он готов родную маму задушить. Недаром готовит яды и продает их.

— Я хочу устроить большую охоту в Шервудском лесу, — сказал рыцарь Гай. — Пусть в ней участвуют все вельможи королевства. Ведь никто и никогда еще не охотился на настоящего дракона. Пускай ко мне приедут все Йорки и Ланкастеры, все герцоги и бароны. Но каждый, кто захочет попытаться счастья, должен будет заплатить мне сто гиней!

— Что? Это же огромные деньги! — воскликнул доктор. — И как я могу тебе помочь?

— Очень просто. Любому знатному придурку, который придет к тебе за ядом или противоядием, говори, что ровно через две недели в Шервудском лесу состоится великая и неповторимая охота на настоящего дракона, притом каждый имеет право убить разбойника — их в лесу слишком много развелось. А тот, кто убьет проклятую молодую ведьму Магдалину, получит свои деньги обратно.

— А какая доля мне? — поинтересовался доктор.

— Десять гиней с каждой сотни.

— Пятьдесят!

— Двадцать!

— Тридцать!

— Двадцать пять! Тут они ударили по рукам.

И сэр Гай отбыл в Ноттингем готовиться к облаве на дракона и Робина Гуда.

Глава двадцать третья. Охота на дракона

Алиса с Жанной летели на север от Лондона.

Они старались держаться главной дороги, но летели не прямо над ней, а сбоку, чтобы их не было видно путникам.

У Алисы зрение как у орла, а у ковра-самолета — как у телескопа.

— Глядите, — сказал ковер, — большая процессия. Думаю, что на охоту собрался сам герцог Ричард Йоркский.

— Почему ты так решил?

— Посмотри на знамена. На всех белые розы.

И впрямь, перед процессией ехали знаменосцы со стягами, на которых были нарисованы белые розы.

Через некоторое время они обогнали еще одну группу всадников, сопровождавших богатые носилки. На знаменах этой компании красовалась красная роза.

— Ланкастеры, — сообщил ковер, который уже кое-что выучил из английской жизни пятнадцатого века. — Туда же.

Иногда Алиса удивлялась этому старому ковру. Ведь все разговоры с хитрым доктором Флибустьером велись без него. Он же оставался в гостинице!

И тут ковер, словно подслушав мысли Алисы, сказал:

— В гостинице стены тонкие, а постояльцы и слуги только и делают, что разговаривают. Нет на свете более болтливой нации, чем англичане. Я без вас все узнал про Белую и Алую розу, про Йорков и Ланкастеров и про большую охоту, в которой будут участвовать все — от королевы до Ричарда, герцога Йоркского. Бешеные деньги заплатили они сэру Гаю Гисборну за право поохотиться на дракона — по сто гиней с каждого рыцаря.

— Не понимаю, — сказала Алиса. — Честное слово, не понимаю. Зачем им охотиться на дракона? Ведь он никому вреда не причинил. И где же Магдалина?

— Говорят, что дракон подчиняется ведьме, — сказал ковер. — А скрывает их у себя известный разбойник Робин Гуд. В лесу.

— Ковер, наверное, прав — сказала Жанна.

Она уже привыкла летать на ковре и сидела на краю, свесив ноги, совсем как безрассудный мальчишка.

А один раз она захотела поймать пролетавшего мимо ястреба и еле удержалась за край ковра. Алисе пришлось броситься за ней, чтобы спасти французскую героиню.

— Ты забыла, что ты взрослая женщина? — укоризненно спросила Алиса. — Что я скажу герцогу, если ты свалишься?

— Боюсь, что он обо мне уже забыл, — печально сказала Орлеанская дева. — Нашел себе другую героиню и утешился... Если он еще жив...

Тут и Алиса вспомнила, что они оставили герцога де Рэ в руках врагов.

— Как только мы закончим гоняться за твоим драконом, — сказала Жанна, — помоги мне вернуться во Францию.

— Но ведь тебя там схватят?

— Меня везде могут схватить, — вздохнула Жанна. — У меня везде враги, а уж англичане — в первую очередь. Но лучше я погибну вместе с герцогом, потому что на всем белом свете у меня больше никого нет.

— Ладно, — сказала Алиса. — Мы еще до дракона не долетели. Давай сначала

Магдалину спасем, а потом тебя.

— Алиса, взгляни на карту, — попросил ковер. — По-моему, мы уже у цели. Справа — Ноттингем, а слева начинается большой лес. Проверь.

Алиса заметила внизу пастушка, гнавшего стадо овец.

— А ну, давай-ка спустимся и спросим, — предложила она.

— Если только он не умрет со страху, — буркнул ковер-самолет, но спустился.

— Мальчик, — крикнула сверху Жанна, — как пройти в Шервудский лес?

Пастушок посмотрел наверх, отмахнулся и крикнул:

— Даже разговаривать с вами не хочу!

— Почему? Испугался?

— Чего тебя бояться? Мне просто обидно.

— Почему?

— Устроили охоту на нашего дракона и нашего Робина Гуда. Охотьтесь, кто вам мешает! Но кто вам разрешил с неба высматривать? Так, конечно, вы дракона отыщете. Это нечестно!

Алиса рассмеялась, Жанна улыбнулась. Даже ковер захихикал.

Потом Алиса крикнула:

— Ты не прав, смелый мальчик! Клянусь тебе, мы друзья дракона и Робина Гуда! Мы хотим ему помочь!

— Честно?

— Честное слово!

Пастушок подумал немного и сказал:

— Вон там, за пригорком, и начинается Шервудский лес. Там живут только лесники и разбойники. Я, когда подрасту, тоже пойду в разбойники. Надоело быть рабом!

— А как нам побыстрее Робина Гуда найти? — спросила Алиса.

— Этого никто знать не должен, потому что это — военная тайна. Если каждый будет знать, где найти Робина Гуда, то и шериф Ноттингемский будет знать, как его найти.

— Но мы же его друзья!

— Ну, если друзья, то я вам скажу. Летите одну милю от опушки леса. Увидите ручей, за ручьем громадный дуб. В три обхвата и до облаков ростом. Вот за этим дубом будет поляна, на поляне горит костер, а рядом с костром пещера. На костре разбойники ужин готовят, а в пещере спят, когда дождик.

— Вот это точное объяснение, — похвалила пастушка Алиса. — Ставлю тебе «отлично»!

Они полетели к лесу.

Вскоре показался ручей, за ручьем возвышался огромный дуб, под дубом горел костер, а у костра сидело несколько человек.

Алиса велела коврику спуститься, но не у самого костра — зачем пугать разбойников, могут с перепугу еще и пристрелить! — а за стволом дуба.

— Эй! — крикнула Алиса. — Вы разбойники из шайки Робина Гуда?

— А ты кто такая? — послышалось в ответ.

— Мы спасательная экспедиция двадцать первого века, которая разыскивает младшего научного сотрудника Магдалину Дог!

— Ой! — раздался тоненький голосок. — Неужели это ты, Алиса? Неужели меня нашли?

— Можно нам приземлиться? — вежливо спросила Алиса. — А то наверну дождик идет.

— Садитесь, садитесь, — раздался молодой звонкий голос. — Только в костер не попадите.

— Какой славный голос, — сказала Жанна. — Голос настоящего мужчины.

Алиса с удивлением посмотрела на французскую героиню. Что-то раньше она от нее таких слов не слышала.

Ковер послушно опустился на траву.

Вечер еще не наступил, но было сумрачно и моросил мелкий дождик. Над костром поднимался едкий дым, который ветром разносило по всей поляне. Ковер закашлялся, и все посмотрели на него с удивлением. Алиса быстренько свернула ковер, чтобы не наговорил лишнего, и хотела отнести его в пещеру, но тут к ней подбежала Магдалина и принялась ее тискать, обнимать и целовать, словно Алиса совершила какой-то подвиг.

— Ничего особенного, — сказала Алиса. — Я решила тебя по динозавру найти. И нашла. А кстати, где твой динозавр?

— Где-то здесь был, — пожала плечами Магдалина. — Дракоша! Дра-ко-ша! Ты куда запропастился, негодный мальчишка?

— Дра-ко-ша! — хором закричали разбойники.

А главный из них, в котором Алиса сразу угадала Робина Гуда, вышел вперед, поздоровался с Алисой за руку, а потом повернулся к Жанне д'Арк. Они как начали пожимать друг дружке руки, так и не смогли их разъединить. Стояли и трясли руками, словно воду качали из колодца.

А Алиса тем временем познакомилась с монахом Туком, Маленьким Джоном, Красавчиком Дейлом и лохматым человеком по имени Джимми. Потом она наконец добралась до пещеры и положила ковер в сухое место, чтобы не простудился.

И у входа в пещеру Алиса столкнулась с Дракошей.

Вот не ожидала, что малыш так вырос! Он был ростом с корову, из красной пасти валил пар, дракон мычал и рычал.

— Иди сюда! — закричали от костра разбойники. — Мы заждались!

Дракоша оттолкнул Алису, словно она была табуреткой, и пошел к костру. Там он разинул свою немалую пасть, а разбойники стали совать туда руки и доставать горячую вареную репу.

— Ну и молодец ты, Дракоша! — говорили они. Дракон был доволен. От радости он постукивал о землю хвостом с когтем на конце.

— Это он? — спросила Алиса, будто где-то мог спрятаться еще один дракон.

— Он самый, — с гордостью ответила Магдалина. — Правда, он душка?

— Душка, — согласилась Алиса. — А он не кусается?

— Ты с ума сошла! С чего бы ему кусаться? Ведь он — мой воспитанник, а я укусов не терплю.

— Тогда расскажи мне, как ты здесь оказалась и что делала столько времени, — попросила Алиса.

— Хорошо, — сказала Магдалина, — я тебе все расскажу. А ты мне за это расскажешь, как ты меня искала и нашла, в каких странах побывала и каких видела драконов.

Алиса и Магдалина забрались в пещеру, легли на сено и до самой темноты шептались, рассказывая о своих приключениях.

Тем временем Жанна поведала разбойникам о том, что вся английская знать выехала на охоту в Шервудском лесу, что они намерены убить дракона, а заодно, а может и первым делом, поймать и растерзать ненавистного Робина Гуда.

Жанна рассказывала всем разбойникам, а глядела только на Робина, который тоже не мог оторвать от Орлеанской девы глаз. Но никто не обратил на это внимания, потому что разбойники испугались и стали обсуждать, как им защититься от тысячи рыцарей и солдат, куда бежать и где скрыться.

Дракоша об этих разговорах не знал, а гулял вокруг, выкапывал острыми когтями из земли какие-то коренья, кидал их в пасть и варил.

Стемнело.

В лесу стало тихо.

Порой издали доносились странные, чужие для Шервудского леса звуки — то заиграет охотничий рожок и ему откликнется боевая труба, то зазвенит оружие, а то послышится громкая военная песня.

— Эх, — вздохнул Робин Гуд, — как бы нам увидеть, где все эти охотники, откуда они к нам подбираются.

— Нет ничего проще, — ответила Алиса. — Ты же знаешь, что у нас есть ковер-самолет. Я тебя отвезу, куда захочешь.

— Прости, Алиса, — вмешалась Жанна, — хоть ты умная и смелая, но речь идет о настоящей войне. Эти люди приехали убить Робина и дракона, а если мы им попадемся, то и нас с тобой убьют. Поэтому вместе с Робинем полечу я.

— Это еще почему? — удивилась Алиса. — Это нечестно! Это мой ковер!

— Жанна права, — вдруг откликнулся из пещеры ковер. — Дело серьезное.

Алиса подумала и согласилась. В самом деле, Жанна лучше сумеет подготовиться к бою.

— А кто ты такая? — спросил Маленький Джон. — Почему ты хочешь воевать?

— Я уже воевала!

— Где же? В обозе?

— Она командовала армией! — заступилась за Жанну Алиса, но тут же зажала рот ладошкой.

Как можно так проговориться! Ведь Жанна совсем не забыла о своем героическом прошлом и больше всего боится, что кто-нибудь о нем узнает, а тогда ей не жить.

Но никто, кроме Робина, этого не услышал. Разбойники были слишком озабочены предстоящим боем и думали, куда бы им сбежать.

— Полетели? — спросил Робин Гуд у Жанны.

— Разумеется, — ответила Орлеанская дева и пошла в пещеру за ковром.

— Слушай, — обратился к Алисе Робин Гуд, — кто она такая?

— Она из Франции, — сказала Алиса.

— Она принцесса? Или герцогиня?

— Насколько я знаю, она родилась в крестьянской семье.

— Жалко, — вздохнул Робин Гуд. — Она так похожа на принцессу.

— Извините, — спросила Алиса, — а почему вам хочется, чтобы Жанна оказалась принцессой?

— Но ведь интересно! — воскликнул разбойник.

Жанна принесла ковер и расстелила его на траве. Робин уселся на него, а остальные

разбойники столпились вокруг. Они никогда еще не видели воздухоплавания. На ковре даже ворс дыбом встал — так он возгордился.

— Ну, держитесь! — сказал он.

Жанна вскочила на ковер в последний момент, и они понеслись к облакам.

Алиса осталась с разбойниками.

Чтобы не было скучно, она пошла к ручью, куда ушел молодой дракон. Он лежал в воде, только голова торчала наружу. Ему это нравилось.

— Интересно, — сказала Алиса, — когда же ты станешь совсем большим?

Дракон пустил из ноздрей дым, а потом медленно повернул страшную голову, распахнул пасть и, как половником, протянул Алисе печеное яблоко.

— Ой, спасибо! — воскликнула Алиса. — Мне хотелось бы, чтобы мы стали друзьями.

— А он вообще ко всем хорошо относится и не жадный, — сказала незаметно подошедшая сзади Магдалина. — Только обижать его не надо.

— А кто-нибудь обижал?

— Сэр Гай любил его дразнить. Поэтому Дракоша всех рыцарей в латах и не выносит.

Алиса увидела, как ковер-самолет медленно летит над лесом. Отсюда он казался не больше носового платка.

Снизу к коври летели иголки. Они вонзались в него, и ковер вздрагивал.

— Думаю, что по нему стреляют, — сказала Магдалина.

Ковер начал снижаться.

— Когда будем в Москву возвращаться? — спросила Алиса. — А то меня дома ждут, уже волнуются, наверное.

— Я тебе очень благодарна, — ответила Магдалина, — что ты меня искала и нашла. Я бы хоть сейчас кинулась домой. Ты не представляешь, как я соскучилась по ванне и обыкновенному клубничному мороженому! Но что делать с Дракошей? Ведь мы с ним столько всего вместе перенесли.

Магдалина всхлипнула. Видно было, что она уже давно об этом думает.

— Да, — согласилась Алиса. — Твоему динозавру ни за что не поместиться в кабинку времени. Придется ему здесь оставаться.

— Чтобы его убили рыцари?

Так ничего и не решив, они вернулись к костру. Возле него как раз спустились разведчики. Ковер висел над травой и стонал тонким голосом. С изнанки он был весь утыкан стрелами, как ежик, который лежит на спинке.

— Да помогите же! — кричал он. — Больно ведь!

Несколько человек кинулись к коври и принялись вытаскивать из него стрелы.

— Жалко, что они нас увидели, — сказала Жанна. — Но, может быть, они не сообразили, что это такое.

— Не сообразили, а стреляли! — проворчал ковер. Стрелы из него вытащили, и он медленно опустился на траву.

— К лесу движутся два отряда, — сказала Жанна. — Один со знаменем Белой розы во главе с герцогом Ричардом Йоркским. А над вторым развевается знамя Алой розы.

— Это королева Маргарита Анжуйская, — пояснил Робин Гуд. — А с ней мои злейшие враги — рыцарь Гай Гисборн и шериф Ноттингемский.

— Но мы заметили и других людей. Они идут по тропинкам, а то и напрямик через чащу. Они бедно одеты, тащат с собой мешки с добром и гонят скотину, — продолжала

Жанна.

— Думаю, это окрестные крестьяне бегут от рыцарей, — сказал Робин Гуд. — Те ведь и ограбить могут.

— Будем готовиться к бою, — решила Жанна. Разбойники согласились с ней, но не знали, что делать.

— Будем сражаться, — сказала Жанна. — Нас мало, но мы отважные и умные, к тому же у нас есть дракон.

— Кто его испугается! — махнул рукой монах Тук.

— Отставить разговоры! — сказала Жанна. — Мне нужен приличный меч и конь. Робин, потом я добуду себе меч в битве, но для начала вам придется со мной поделиться.

— Лишний меч в пещере найдется, — сказал Робин. — А вот с конем у нас трудности. Нет у нас коней. Может, верхом на драконе поедешь?

— Шутишь! — воскликнула Жанна д'Арк. — Неужели ты не видишь, что на него седла не найти?

Все согласились с Жанной. Как скакать на драконе, да еще без седла?

— Тогда будем биться в пешем строю, — сказала Жанна. — А теперь слушайте меня внимательно.

Алису даже дрожь пробрала от этого громкого серебряного голоса. Жанна преобразилась на глазах. Только что она всего опасалась и ото всех таилась, а сейчас глаза у нее сверкали, щеки горели, и она была так прекрасна, что Робин Гуд даже зажмурился.

Жанна взяла длинный меч и его концом стала рисовать на земле возле костра.

— Вот этот круг, — говорила она, — это Шервудский лес. Через него проходит дорога. С этой стороны по дороге идут Йорки, а с этой — Ланкастеры. На кого мы нападём?

— А может, лучше не нападать? — спросил Маленький Джон. — Нас так мало.

— Вот именно поэтому и надо нападать, — сказала Жанна. — Иначе нам никогда не победить.

Тут она осеклась, потому что на поляну вышло несколько бедно одетых мужчин, один из которых вел на поводу белого коня. Эти люди были кое-как вооружены. Кто нес палку, а кто вилы.

— Не бойтесь, братья-разбойники, — сказал самый старый из них. — Вы меня, должно быть, не признали? Я — Питер из деревни Лесной Ручей.

— Ах! — воскликнул Маленький Джон. — Неужели это ты, дядюшка Питер Голодай?

— Я, а то кто же! — ответил старый крестьянин. — На нас, как саранча, напали рыцари. Все им подавай бесплатно, а если что не так — голову с плеч.

— Хуже бандитов, — сказала Магдалина. — Я их знаю.

На ее голос на поляну вышел Дракоша, который дремал в кустах. Он был недоволен поведением охотников, поэтому пыхнул дымом и зарычал.

Крестьяне решили, что это чудовище нападет на них, и кинулись врассыпную. Но Робин Гуд закричал им, чтобы они не боялись и возвращались. Да и Дракоша успокоился, подошел к Магдалине и свернулся у ее ног.

Крестьяне сообразили, что испугались зря, и стали смеяться.

— Слыхали мы о нем, — сказал дядюшка Питер. — Но люди Гая Гисборна говорили, что он большой и страшный. Мы на него очень надеялись. Пойдем, говорим, в лес, к разбойникам, у них там дракон со своей ведьмой скрывается. Может, они нас защитят?

— Эх, — вздохнул крестьянский мальчишка, — разве это дракон? Это же ящерица!

Но близко к Дракоше никто не подошел. Одно дело ругать, критиковать и смеяться, а вот руку протянуть — совсем другое. Рука-то одна, если ее оттяпают, другая не вырастет.

Из леса подходили все новые беглецы из окрестных деревень. Некоторые тащили с собой весь свой скарб, а кое-кто гнал скотину. Один теленок увидел Дракошу, подбежал к нему и стал бодаться. Видно, захотел с ящером поиграть.

Дракоша отворачивался — он мог бы свалить теленка одним ударом, но совсем этого не хотел.

Из леса прибежал молодой разбойник, который сидел на ветви дуба над дорогой у входа в лес.

— Ланкастеры остановились на опушке! — крикнул он. — Королеве разбили шатер, а остальным палатки. Дым идет — наверное, что-то вкусное на костре готовят.

— А что у Белой розы? — спросил Робин Гуд. С вершины дуба отозвался другой дозорный:

— Они тоже остановились.

Глава двадцать четвертая. Ночной бой

Издали донесся звук трубы.

— Ой, — испугался Маленький Джон. — А что, если они решили нас поймать этой ночью?

— Пусть только попробуют, — сказал Робин Гуд. — Как они найдут к нам дорогу в темноте?

— А зачем на трубе играют?

С другой стороны откликнулась вторая труба.

— Это они спать ложатся, — объяснила Жанна. — У англичан есть такая специальная мелодия: «Спокойной ночи, малыши, ты в бой поутру не спеши!»

Все засмеялись.

— Значит, нам теперь тоже можно спать ложиться? — спросил монах Гук.

— Ничего подобного, — ответила Орлеанская дева. — Мы будем готовиться к ночному бою.

— Почему? Ведь нам тоже спать хочется!

— Потому что нам невыгодно ждать утра, — сказала Алиса. — Утром они нас раздавят, как пустой лесной орех.

— Может, лучше убежать, пока они спят? — предложил Маленький Джон.

— У нас на всех один конь, — ответила Жанна. — Завтра утром они нас сразу догонят. Мы же голые, босые, у нас настоящего оружия нет. Так что, прежде чем уходить, нам надо добыть оружие и доспехи.

— К тому же, — сказал Робин Гуд, — у нас есть самый настоящий дракон.

В этот момент дракон широко зевнул, и из его пасти выкатилась громадная вареная репа.

Все принялись хохотать. А Робин Гуд рассердился.

— Каждый лев сначала бывает львенком! — сказал он.

— Это ящерица, а из ящерицы вырастет только большая ящерица, — сказал Маленький Джон.

— Никто, кроме Гая Гисборна, не знает, что это ящерица, — рассудила Жанна. —

Значит, нам надо идти против того отряда, где нет Гисборна и шерифа.

— Они присоединились к отряду королевы Маргариты, — сказал Робин. — Мы сверху видели. Они знают, кто такой Дракоша, а вот герцог Йоркский об этом не подозревает.

Робин Гуд с Жанной и старым крестьянином уселись у костра обсуждать военный план. Некоторые разбойники их слушали, другие пошли спать. Они были легкомысленными людьми.

— Может, я поеду верхом на драконе? — спросила Алиса. — Я хоть и небольшая, зато им покажется, что дракон больше, чем на самом деле.

Орлеанская дева строго посмотрела на Алису и сказала:

— А тебе, ребенок, пора спать.

Алису давно никто так не обижал! Поэтому она не удержалась и ответила Орлеанской деве:

— Когда ты, Жанна д'Арк, командовала армией, освобождала Орлеан и совершала боевые подвиги, тебе было всего семнадцать лет. Чуть больше, чем мне! А ты спрашивала кого-нибудь, когда тебе спать, а когда брать в руки меч?

— Алиса, помолчи! — воскликнула Жанна. — Что ты говоришь!

Но было уже поздно.

Многие услышали ненавистное для англичан имя. Имя той французской ведьмы, которая с помощью колдовства одолела английскую армию. Тогда мало кто из солдат вернулся домой.

— Откуда она появилась? — спросил кто-то.

— Помолчите, дурачье! — оборвал своих товарищей Робин Гуд. — Жанна — такая же благородная разбойница, как и мы с вами. Она сражалась за свою страну, за своих людей. А кто ее казнил? Сеньоры, бароны и герцоги! Ее враги — наши враги, и неважно, как их зовут — Алая роза, Белая роза или Черная роза. Да здравствует наш друг — Орлеанская дева!

Сначала разбойники растерялись. От своего вожака они таких слов не ожидали.

Потом монах Тук спросил:

— А если ее сожгли, значит, перед нами привидение? Чур меня!

— Клянусь вам, что я не привидение! — ответила Жанна. — Вы можете меня потрогать. Друзья меня спасли и все эти годы скрывали.

— Я подтверждаю эти слова! — сказала Алиса.

— Но все равно я ей не доверяю! — сказал монах Тук.

— А я ей верю! — воскликнул Робин Гуд. — И при свидетелях прошу вашей руки, Жанна д'Арк!

Вокруг раздались удивленные крики. Жанна ответила так:

— Большое спасибо, Робин, за предложение. Вы мне тоже понравились с первого взгляда. Но давайте сначала победим рыцарей и вырвемся из леса.

Так и договорились.

Когда совещание кончилось, Жанна подошла к Алисе, сидевшей на пеньке. Алиса все еще обижалась, но ей было стыдно, что она выдала Жанну.

— Не сердись, — сказала Жанна. — Я не могу тобой рисковать.

— Я не маленькая!

— Я знаю. И у меня к тебе большая просьба.

— Идти спать?

— Другая. Ты можешь подняться в небо на ковре и сверху напугать рыцарей?

Как только Алиса услышала эти слова, она сразу перестала обижаться и сказала:

— Жанночка, прости, что я тебя выдала. Но я нечаянно!

— В следующий раз будешь умнее, — сказала Жанна. — Слава богу, что все хорошо кончилось.

— А ты рада, что Робин Гуд в тебя влюбился? — спросила любопытная Алиса.

— А вот эти вопросы я с тобой обсуждать не буду, — отрезала Жанна, и, хоть было уже темно, Алиса увидела, как Орлеанская дева покраснела.

Алиса отправилась собирать камни и тяжелые сучья.

Тем временем Магдалина с разбойником Дейлом украшали Дракошу.

Конечно, не совсем украшали, а скорее делали его страшнее, чем он был на самом деле.

Во-первых, у разбойников нашлось немного фосфора, которым они помазали морду драконозавра, и теперь она горела в темноте зеленым огнем. Во-вторых, к Дракоше примотали много еловых веток, сделав из него лохматый веник. А еще умудрились приспособить к голове корявые сучья. В конце концов, Дракоша стал таким ужасным, что многие зажмурились, поглядев на него.

Сам Дракоша вдруг вырвался и побежал по тропинке к ручью.

Магдалина, Алиса и Робин Гуд — за ним. А вдруг он решил удрать?

Ничего подобного!

Дракон спустился к ручью и остановился над тихой заводью.

Света еще было достаточно, чтобы увидеть отражение, тем более что морда драконозавра светилась.

Дракоша остался доволен, пыхнул огнем и даже встал на задние лапы.

— Хватит любоваться! — прикрикнула на него Магдалина. — Иди отдохни, тебе предстоит трудная ночь!

Все были так заняты, что не заметили, как перевалило за полночь.

— Пора, друзья, — сказала Жанна.

Крестьяне подвели к ней белого коня.

Конь был, конечно, рабочей скотиной, трудовой конягой, но другого в разбойничьем войске не нашлось.

Жанна повела армию по лесу. Рядом с ней шагал Робин Гуд и вел ее коня под уздцы.

Следом шла Магдалина. Она тащила на веревке Дракошу. Дракоша цеплялся ветками и сучьями за деревья и кусты, ворчал и явно был недоволен тем, что его ведут неведомо куда и зачем.

Затем толпой шли крестьяне и разбойники. Они старались не шуметь, но это им не очень-то удавалось.

Алиса сложила посреди ковра камни и сучья, чтобы бросать их в рыцарей сверху.

— Ты понимаешь, что мы с тобой должны делать? — спросила она.

— А то! — ответил ковер. — Я еще и свистеть начну!

Первыми под покровом ночи к лагерю герцога Ричарда Йоркского подошли крестьяне и разбойники.

Они страшно закричали и принялись колотить в сковородки, кастрюли и котлы. Шум поднялся такой страшный и неожиданный, что охотники и их слуги, ничего не понимая, стали выскакивать из шатров и палаток.

И тут на них набросилось небольшое, но очень храброе войско разбойников, впереди которого скакала на белом коне Жанна д'Арк. Меч в ее руке сверкал как молния!

Бой длился недолго, но был он нелегким. Ведь рыцари, которые успели натянуть латы и кольчуги, сражались отважно. Да и сам герцог со своими оруженосцами были людьми смелыми и неплохими воинами. Жанне приходилось нелегко — уж очень ее войско было маленьким.

Но тут на помощь разбойникам пришел ковер-самолет, то есть школьница из двадцать первого века Алиса Селезнева.

Она метала сверху камни и сучья. Кое-кто из солдат завопил, что это летающие драконы, а может быть, и сам дьявол.

И словно в ответ на их вопли из леса выскочило чудовище, которого никому еще видеть не приходилось.

Мы-то знаем, что это был Дракоша, но рыцари увидели в темноте чудовище, сияющее зеленым светом, с красной пастью, изрыгающее огонь и дым. На его спине торчали такие страшные коряги и выросты, что даже самые смелые рыцари с криками: «Спасайся, кто может! Дракон нас сожрет!» кинулись во все стороны.

Когда последний рыцарь скрылся в лесу и шум бегства стих, крестьяне и разбойники принялись делить добычу.

Многие разбойники облачились в рыцарские доспехи или солдатские куртки и шлемы. Крестьяне поделили материю шатров и позабытые башмаки солдат. Кое-кому достались даже рыцарские кони.

Было много суматохи, все спешили, потому что в любой момент могли нагрянуть рыцари, которые остановились с другой стороны леса.

Робин Гуд сказал своим друзьям:

— Боюсь, что нам придется покинуть наш родной Шервудский лес, о котором сложено столько баллад и сказок. Они нас затравят, даже если для этого придется пригнать сюда все английское войско.

Разбойники не спорили. Они понимали, что их вожак прав.

— А нам что делать? — спросил один из крестьян.

— А вам я советую вернуться по домам, — сказал Робин Гуд. — Ведь в темноте вас никто не видел. Раз нас с драконом не будет, то рыцари и другие охотники разойдутся по домам. А от вас требуется одно: спрятать как следует добычу и никому не проговориться.

Крестьяне сразу же согласились с разбойником. Да и что же им оставалось?

Уже начало светать. По лесу тянулся туман.

— Я не спешил говорить о наших планах, — сказал Робин Гуд. — Если кто-то из крестьян попадется, он обязательно расскажет, куда мы делись. Лучше не рисковать.

— Верно! — отозвались разбойники.

— Думаю, что нам надо идти на север. Затаимся в густых лесах у шотландской границы. У нас теперь есть лошади, еды и оружия достаточно. Пойдем с драконом...

— А где дракон? — спросил Маленький Джон.

— Где дракон? Где дракон? — раздались голоса. — Кто его видел последним?

— Мы его давно не видели!

— Как бой кончился, его никто и не видел!

«А где Магдалина?» — подумала Алиса, которая как раз опустилась на поляну.

И, словно услышав ее мысли, Жанна спросила:

— А где маленькая Магдалина?

И тут из чащи, шатаясь, вышла Магдалина.

Все кинулись к ней:

— Что случилось? Где дракон?

— Я ничего не знаю, — еле шевеля губами, произнесла Магдалина. — От шума битвы он кинулся в лес. Я бежала за ним... Я звала его...

Она заплакала.

Магдалина сидела на траве и говорила:

— Я столько времени потратила, чтобы его вырастить... Я сама чуть не погибла... Я не выполнила задания! Что же мне делать?

Алиса села рядом с подружкой и принялась ее утешать:

— Магдочка, нам же все равно пора возвращаться. А мы не можем взять с собой Дракошу, он ни в какую машину времени не поместится. Магдочка, это лучше, что он сам решил убежать, а то бы ты не смогла его оставить...

— Я его найду! — воскликнула Магдалина и бросилась к темному лесу, но Робин Гуд ее остановил.

Магдалина горько рыдала, а Жанна д'Арк сказала:

— Пусть она поплачет, слезы размывают горе, а вино, разбавленное водой, уже не пьянит.

— Ты права, Жанна, — сказал Робин Гуд. — Но что ты сама решила делать?

— Если не возражаешь, я останусь с вами. А герцогу де Рэ я пошлю письмо, в котором все объясню.

— Я сам хотел просить тебя об этом.

— А тебя не смущает, что я француженка и враг твоего королевства?

— Смешно слышать такое! — ответил Робин Гуд. — Это королевство, все эти Алые и Белые розы — мои враги тоже.

— А вы не возражаете? — спросила Жанна у разбойников.

— Оставайся! — сказали они хором.

— При одном условии, — сказал монах Тук.

— При каком?

— Ты должна сменить фамилию и стать Жанной Гуд.

Жанна сразу не поняла, а разбойники все поняли и стали хлопать в ладоши.

Потом и Жанна поняла. Она покраснела, но не возразила.

— Тихо! — сказал Маленький Джон. Все замолчали, и стали слышны голоса, звон упряжи и топот копыт.

— Пора уходить! — сказал Робин Гуд. — Разбойники, по коням!

— А ты, Алиса? — спросила Жанна.

— Нам с Магдалиной пора домой, — ответила Алиса.

Они обнялись.

Алиса попрощалась с разбойниками, потом вскочила на ковер и помогла забраться на него плачущей Магдалине.

Ковер сказал:

— Мы по дороге посмотрим сверху — может, твой Дракоша где-нибудь по кустам бродит.

Они поднялись над деревьями. Сверху было видно, как уезжают на север разбойники, как с юга приближается отряд королевы Марго Анжуйской, как бредут тропками к своим деревням крестьяне.

Они искали Дракошу больше часа, но так и не нашли.

Потом они так замерзли, что ковер сказал:

— Хватит, погуляли, домой пора.

И взял курс к ближайшей станции Института времени.

Еще через три часа путешественницы вышли из кабинки в институте в Москве в самом конце двадцать первого века.

Эпилог

У этой истории есть эпилог.

Эпилог — это такая часть книжки, в которой описаны события, случившиеся с героями после того, как книжка кончилась.

Магдалина вернулась к себе в институт, а Алиса в школу.

И однажды, месяца через два после их возвращения, Магдалина позвонила Алисе и спросила:

— Ты сегодняшнюю газету не видела?

— Какую?

— «Развлекательные новости».

— Сейчас включаю, — сказала Алиса. На экране показался седой усатый англичанин, который сказал вот что:

— В последние дни появились новые слухи о том, что в озере Лох-Несс в Шотландии водится ящер, динозавр или ископаемое чудовище. Наш корреспондент беседовал с туристами, которым снова удалось увидеть на поверхности озера след от загадочного существа, больше двухсот лет назад получившего имя Несси.

— Ура! — закричала Алиса, выключая газету. — Как мы с тобой раньше не догадались!

— Тогда звони своему отцу! — сказала Магдалина.

Алиса набрала номер Космозо и спросила папу:

— Сколько лет живут динозавры?

— На такой вопрос просто не ответишь, — сказал профессор Селезнев. — Это зависит от того, какого динозавра мы имеем в виду. Маленькие живут по пять лет, средние по сто, а что касается гигантов...

— Папа, скажи, — перебила Алиса, — а драконозавр может прожить шестьсот лет?

— Не исключено. А что случилось?

— Нам с Магдалиной кажется, что мы нашли Дракошу.

— Как? Где? Ведь он пропал в пятнадцатом веке!

— Он, может быть, обнаружился... И ты о нем отлично знаешь!

— Куда ты спешишь?

— На озеро Лох-Несс, — ответила Алиса.

Когда Магдалина с Алисой добрались до озера Лох-Несс, погода там совершенно испортилась. Дул ледяной ветер, порывами налетал дождь, и на берегах не было ни одного туриста.

Магдалина первой выскочила из флаера. Она очень волновалась. За ней к берегу подбежала Алиса.

— Дракоша! — кричала маленькая Магдалина, бегая по берегу возле самой воды.

— Дра-ко-ша! — помогала ей Алиса.

Они промокли, но никто им так и не откликнулся.

И когда они уже пошли обратно к флаеру, сзади послышался такой знакомый рев!

— Я не переживу! — закричала Магдалина. Она развернулась на одной ноге и кинулась прямо в озеро.

— Простудишься! — крикнула ей вслед Алиса, увидев, как маленькая геологиня вбежала в ледяную воду.

А гигантский динозавр уже подплывал к берегу. Из его ноздрей рвались струи дыма.

У самого берега динозавр раскрыл свою огромную пасть и на длинном языке вынес большую вареную тыкву. Он положил ее на берег к ногам Магдалины.

Магдалина, вместо того чтобы взять тыкву, села на берег и принялась рыдать от счастья.

А драконозавр осторожно слизывал слезы с ее щек.

Принцы в башне

Глава первая. Король на охоте

Солнце затаилось за пологим холмом, увенчанным кущей лип. Медленно поднимаясь по небу, оно высветило вершины и склоны соседних холмов, а потом неожиданно, словно взорвался порох, ударило ослепительным светом, пронзило лучами листву деревьев, что теснились в ложбинах и на откосах, вызвав к жизни тысячи голосов и шумов леса.

Лучи солнца проникали даже в самую чащобу, разыскивали там цветочные полянки, где оглушительно жужжали пчелы, гудели шмели, стрекотали кузнечики, рождая общий веселый гул.

С прогалины, по которой бежала проселочная дорога, в отдалении виднелся замок Ладлоу. Старинные башни замка возвышались над домиками городка, прижавшегося к нему.

Замок давно уже перестал служить крепостью. Теперь это был один из дворцов короля Эдуарда IV, баловня судьбы, победителя всех врагов, счастливого отца семейства и любимца народа. Редко так везет королям, но судьба, которая долгие годы не хотела баловать Эдуарда, в конце концов сдалась перед его упорством и волей.

Солнце разогнало клочья тумана, дремавшие в лощинах, и словно распахнулся занавес: на дороге показалась шумная, разноцветная процессия. Король Эдуард, приехавший вчера в замок Ладлоу навестить старшего сына, Эдуарда-младшего, наследника английского престола двенадцати лет отроду, решил устроить большую охоту на громадного вепря, который, как уверяли лесники и егеря, недавно пришел с севера. И был он так велик и страшен, что даже медведи убегали от него.

На королевскую охоту выехало несметное число людей.

Впереди, сразу за лесниками, егерями и псарями, которые вели на цепочках бойцовых и гончих псов, следовала охрана из двадцати лучших рыцарей королевства в синих с красным камзолах с арбалетами. Возглавлял отряд отважный сэр Грей, пасынок короля Эдуарда. За рыцарями ехал сам король в окружении баронов.

Вот красуется на знаменитом белом коне Перигоре любимчик всех девушек Англии, всегда отлично выбритый, голубоглазый и такой добрый на вид герцог Бэкингам. Хотя все при дворе знают, что он интриган и бесчестный игрок в кости. Бэкингам богат, знатен и даже мог бы занять английский престол, но предпочитает быть вторым, следовать за главной фигурой. Сейчас такая фигура — король. А что будет завтра, никто не ведает. Чуть отстав, гарцуют герцоги Норфолк и Оксфорд. Они соперничают за право зваться лучшими полководцами страны, но вот уже несколько лет, заботами Эдуарда, в Англии царит мир, и герцогам никак не проявить свои таланты.

Короля догнал сэр Генри Уайт, веселый обжора, который может влить в себя бочку эля, не замочив огромных рыжих усов. Вообще-то он считается ближайшим другом молодого герцога Генри Ричмонда, положившего глаз на рыжую красотку Лиззи. А Лиззи на страстные взгляды герцога всегда отвечает.

Лиззи, старшую дочку короля, зовут так, чтобы не путать с Елизаветой, королевой Англии. Они с мамой совсем не похожи. Королева — худенькая, тихая, стеснительная, прелестная женщина, никогда не повышающая голоса. Притом все знают, что она пользуется такой властью над королем, какой нет ни у кого на свете.

Следом за королем верхами ехали его сыновья — двенадцатилетний Эдуард, которого все зовут Эдди, чтобы не путать с отцом, и совсем еще маленький десятилетний Ричард. Младшего принца звали Диком, поскольку Ричардом всегда называли брата короля Эдуарда, герцога Глостера.

Королеву Елизавету и рыженькую красавицу Лиззи могучие слуги несли в носилках, следовавших за мужской половиной семейства. Рядом с ними скакали родственники королевы, народ невысокого звания, но энергичный и довольно хваткий. Первым среди них ехал старший в роду — толстый, ленивый и мягкий, словно большая подушка, лорд Риверс.

И наконец, в отдалении, сам по себе, окруженный собственной свитой и собственными любимчиками, двигался второй человек в государстве — брат короля герцог Ричард Глостер.

Странное зрелище являл собой этот человек.

Он был невелик ростом, на голову ниже короля, но очень широк в плечах. Правда, правое плечо у него было несколько выше левого, а левая рука короче правой, и пальцы ее не разгибались до конца. Ричард утверждал, что его в детстве заколдовали враги, навели порчу. К тому же он немного хромал.

Ричард гладко брился, и было видно, что у него небольшой, острый подбородок, рот словно прорезали кинжалом, а про губы забыли. Черные, очень подвижные глаза Ричарда непрерывно рыскали по сторонам, как будто искали кого-то. Прямые до плеч волосы были черными под стать глазам. Вот так выглядел герцог Глостер.

Из людей, окружавших герцога, стоило обратить внимание на не слишком родовитого, но бесконечно преданного господину Джона Тайрелла. Этот мрачный, коренастый тип, словно верный пес, всегда следовал за Ричардом, и мало кто знал, какие черные дела были на его совести и какие тайные поручения своего господина он выполнял. По крайней мере, молва упорно утверждала, что именно Тайреллу Ричард поручил задушить в Тауэре своего брата Кларенса, после того как восстание против Эдуарда было подавлено.

В лощине процессия остановилась, кони смешались, собаки рвались с поводков и лаяли, распугивая птиц и кузнечиков. Пока о секаче, которого должны были выгнать на короля загонщики, вестей не было.

Подъехала телега с корзинами со снедью. Охотники забыли о секаче и окружили телегу.

Королева Елизавета не стала выбирать на траву. Сэр Риверс набрал на блюдо мяса и зелени и отнес королеве с дочерью. Мальчики тоже взяли по куриной ноге. Эдуард, тихий, задумчивый, словно собирающийся стать священником, отошел с едой к большому пню, уселся и принялся глазеть на дупло, откуда высовывались желтые клювы птенцов. Ричард же отнес куриную ногу собакам и, смеясь, смотрел, как они грызутся из-за добычи. Псари сердились — собак нельзя кормить перед охотой, но не смели перечить принцу. Но герцог Глостер заметил проступок племянника, подошел к нему, больно схватил за ухо и потянул вверх так, что принц завопил от боли.

Король обернулся на крик, сразу все понял и не стал вмешиваться.

Но Елизавета, которая давно не выносила герцога Глостера, крикнула из-за занавесей:

— Что вы себе позволяете, герцог?

Ребенок умолк, понимая, что стал причиной раздора, но король не дал ссоре разгореться. Он подошел к брату, и тот отпустил Дика. Мальчик отбежал в сторону.

— Спасибо, брат, — сказал король, — что помогаешь мне воспитывать сыновей.

— Эти мальчики — надежда Англии, — ответил Ричард.

Королева Елизавета смотрела на братьев и уже в который раз поражалась их несходству. Король Эдуард был высок ростом, узок в бедрах, красив лицом и широкоплеч. Ричарда природа обошла милостью. Глостер знал о своих недостатках, поэтому всегда заказывал левый ботинок на высоком каблуке и подкладывал войлочную подушечку на левое плечо. Люди неосведомленные не всегда догадывались о недостатках брата короля. Зато Ричард Глостер был очень силен и умел драться на кулаках, хотя это занятие больше подходило для простолюдинов. Ричард знал, что простолюдины и есть английский народ, из простолюдинов состоит армия, а солдаты любили смелого Глостера, который так отличился в последней войне.

Ричард Глостер и его друзья не выносили королеву Елизавету. Ведь она была вовсе не знатной дамой. Эдуард попал в ее небогатый дом во время одного из своих путешествий и влюбился во вдову с двумя сыновьями. Он долго любил ее тайно, а потом все же решился жениться на умной, тихой, но упорной женщине. Это случилось в 1465 году. И несколько месяцев король таил свой брак от собственных придворных, потому что они в то время планировали женить его на французской принцессе, которую король в глаза не видел и любить не собирался. Наконец король набрался духу и объявил в Лондоне, что у него уже есть жена, простая женщина и даже не принцесса.

Конечно, поднялся страшный шум, некоторые лорды изменили королю и подняли восстание. Эдуарду даже пришлось бежать из Англии, потому что к бунтовщикам присоединился и его брат Кларенс. Но оказалось, что молодой король — неплохой дипломат и полководец. В конце концов он победил своих врагов, с помощью Ричарда Глостера вернул себе трон, и в стране наступил мир.

Враги, конечно, не исчезли, но затаились и делали вид, что любят короля и королеву, а король не беспокоился за будущее, потому что был совсем не стар: разве сорок лет — это возраст для мужчины? Он был силен и держал королевство в руках. К тому же казна страны была полна и можно было не мучить народ тяжкими налогами.

Счастлив был Эдуард и в семейной жизни. Дети у него росли красивые, умные и разные. Лиззи, которой шел семнадцатый год, вышла красавицей. Старший сын, Эдуард, хоть и не блистал в поединках и не любил скакать верхом, отлично читал и писал, выучил разные языки. Из него мог получиться мудрый и толковый король. А если ему не суждено будет царствовать, то Эдуард знал: младший принц Дик был отчаянным, смелым мальчишкой, в свои десять лет обгонял в скачках взрослых наездников и стрелял из лука, как известный всем разбойник Робин Гуд.

Вот и сейчас король с улыбкой смотрел, как Глостер наказывает Дика. Он знал, что нахлобучка пойдет принцу на пользу. Пускай учится вести себя. Но понимал Эдуард и Елизавету, которая боялась и не выносила его младшего брата. Она не за себя боялась, а за родственников — народ жадный и наглый. Родственнички лезли напролом, словно вся Англия была их вотчиной. А Эдуарду это было на руку. Пускай Ричард Глостер и старая знать терпеть не могут новых баронов, пускай занимаются борьбой друг с другом. Все равно прибегут к королю за защитой.

— Как там загонщики? — спросил Эдуард. — Мы устали ждать.

Король кинул на траву обглоданную кость и взобрался в седло. Затем он обернулся к королеве спросить: как она себя чувствует, не замерзла ли на утреннем ветру, не кашляет ли?

И поэтому Эдуард не видел, что происходило почти рядом с ним.

А герцог Глостер сделал несколько шагов к кустам, раздвинул ветки и исчез с глаз. Если кто и заметил исчезновение герцога, то и виду не подал.

Солнце уже поднялось высоко и начало пригревать. Но у земли в густом подлеске было прохладно.

Ричард пробрался сквозь кусты и замер под громадным дубом, который рос здесь, может быть, с времен Юлия Цезаря и древних римлян, когда-то завоевавших Британию.

Герцог тихо свистнул.

Человек, не ожидавший этого, принял бы его свист за трель какой-то птицы.

Могучие ветви стоявшей рядом с дубом ели тут же раздвинулись, и показалась женщина высокого роста в длинном платье странного цвета. Оно было светлым, но при этом сливалось с темной хвоей. Если бы вы сказали, что оно зеленое, то жестоко ошиблись бы. Это платье было цвета лесного полумрака.

Горящие, как угольки, глаза женщины прятались в глубоких глазницах под густыми черными бровями, и поэтому она не казалась красивой, тем более что ее кожа была странного голубоватого цвета, а волосы отливали синевой.

— Ты готова? — громким шепотом спросил Ричард.

— Я без тебя знаю, когда начинать, — тоже шепотом ответила женщина.

Она говорила так тихо, что даже птицы, пролетающие рядом, слышали лишь шелест. Но герцог Глостер различал каждое слово.

— Ты не будешь раскаиваться? — спросила женщина.

— Я никогда ни в чем не раскаиваюсь, — ответил брат короля. — Потому что забочусь не о себе, а о благе державы. Мне же ничего не надо. Я даже подумываю, не уйти ли мне в монастырь. Там тихо, там можно завершить свои дни в покое и молитвах: Я ведь грешил. Да, грешил! Я убивал врагов в бою!

Вдруг Ричард широко улыбнулся. Словно рассказал забавную сказку, а потом поставил точку.

— Друг мой, — почти беззвучно произнесла женщина, — ты намерен тратить время на пустую похвальбу?

— Не учи меня, фея Моргана.

— Имя мое запрещено!

— Прости.

Ричард чуть склонил голову. Он боялся этой женщины, но не хотел показывать своего страха.

— Ты считаешь себя хорошим человеком? — спросила фея Моргана.

— Я — хороший человек.

— Закон жизни гласит, что ни один негодяй никогда не назовет себя негодяем. Он убежден, что совершает свои злодеяния во благо родины и народа. В крайнем случае — во благо своей семьи. И ты такой же, как все.

— Я грешил, но не совершил ни одного злодеяния!

— Не гневи богов, — оборвала его фея. — Они слышат нас!

— Я поклоняюсь христианскому богу, — ответил герцог Глостер.

— Ты убил родного брата и женился на его вдове.

— Это был приказ короля Эдуарда.

— Вот видишь, ты — типичный негодяй, который никогда в своем негодяйстве не признается.

— Время уходит, — сказал Ричард.

— Я могу придержать время, — пожала плечами фея Моргана. — И тогда минута вам покажется часом.

— Пора, — нетерпеливо топнул ногой Глостер.

— Но после этого я уйду на остров Авалон, и ты меня больше не увидишь.

— Посмотрим, — проворчал Ричард. — Я знаю заклинания друидов.

— Я не подвластна никому, даже друидам, — сказала женщина. — Отойди с дороги.

И на глазах у Ричарда фея стала уменьшаться в росте.

Он зачарованно и со страхом смотрел на нее и вдруг резко обернулся. Ему послышался шорох в кустах.

Рука герцога схватилась за рукоять меча.

Да, кто-то быстрый, как лань, кинулся прочь.

Но Ричард не побежал за ланью, потому что его внимание привлек другой, куда более грозный звук.

На месте феи Морганы стоял, наклонив голову, могучий кабан, тот самый вепрь, охоту на которого устроил король Эдуард.

Маленькие глазки вепря горели алым огнем. Короткая щетина отливала серебром. Ох как стар был тот зверь! Но как зол и жесток!

Кабан несколько раз ударил о землю острым раздвоенным копытом и кинулся в сторону, в гущу леса.

— Славно, — негромко произнес герцог Глостер. — Ох как славно!

Он направился к поляне, где скопились рыцари и слуги. Король Эдуард увидел его и крикнул:

— Если они не выгонят на нас вепря, я возвращаюсь в замок!

— Я слышал в лесу шум, — откликнулся Ричард. — Они гонят вепря сюда.

Но король ничего не услышал. Он и поверил, и не поверил младшему брату. Он привык не верить родственникам и считал, что, кроме Елизаветы, у него нет друзей на этом свете.

Взоры братьев столкнулись на лице Лиззи, старшей дочери короля, любимицы родителей. Лиззи была так подвижна, быстра и весела, так занята всегда своими и чужими делами, что уследить за ней было нелегко. С разрешения матери она оделась на охоту в одежду мальчика, чтобы длинное платье не сковывало ее движений, убрала медные волосы под вышитую бисером бархатную шапочку и казалась подростком, куда моложе своих шестнадцати с половиной лет.

Король Эдуард смотрел на дочку с обожанием, а Ричард — с жадностью. Он даже себе не хотел признаться, что влюбился в юную принцессу и из-за этого злился на ее мать и на своего брата.

Глава вторая. Девочка и вепрь

— Эй! — донесся крик из глубины леса. — Берегись! Он приближается!

— Я же говорил! — крикнул Ричард и жестом велел подвести коня.

Пока он взбирался на коня, вокруг царила суматоха. Хоть вепря ждали давно, но его приближение застало всех врасплох.

Тем более что кабан выбежал не с той стороны, откуда его ждали, а сбоку из кустов, куда никто и не смотрел.

Страшный зверь кинулся было на короля, но конь Эдуарда отпрянул в сторону. Он был боевым конем, старым товарищем своего хозяина, и умел быстро оценить опасность.

Но за спиной короля стояли носилки королевы. Елизавета и Лиззи не видели вепря и не успели спрятаться.

А впрочем, никакие носилки не спасли бы их от этого нападения.

В тот момент между вепрем и королевой оказался лишь принц Эдуард, который сразу же понял, что матери и сестре грозит опасность. Он выхватил из-за пояса свой детский меч и отважно бросился на кабана.

Кабан взревел. В его реве чувствовалась радость, словно он только об этом и мечтал.

Маленький принц стоял между вепрем и носилками, вытянув вперед руку с мечом.

А все остальные замерли от неожиданности и страха.

Кто за себя, а кто за младшего Эдуарда.

Опустив голову к земле, вепрь ринулся на принца.

Мальчику бы отскочить в сторону — ведь зверь был всего в тридцати шагах.

И никто не успел заметить, как из кустов к кабану кинулась тонкая легкая фигурка.

Все произошло так быстро, что, если бы спросить потом всех, кто стоял вокруг, что же произошло, каждый бы рассказал эту историю по-своему, и ни один из этих рассказов не был бы чистой правдой.

А на самом деле из кустов выскочила девочка лет двенадцати — тринадцати, одетая как юный оруженосец и коротко остриженная. Девочка взвилась в воздух, отважно прыгнула вслед кабану, догнала его, схватила за тугий скользкий хвост и дернула на себя. Да так резко и сильно, что громадный зверь взревел и остановился как вкопанный.

Его клыки замерли в фуге от меча юного принца.

Затем вепрь с быстротой, которой вряд ли можно было от него ожидать, развернулся на месте, чтобы уничтожить обидчика, и кинулся на девочку.

Но девочка не растерялась.

Она выставила кулак и встретила зверя точным ударом прямо в рыло.

Ну какой дикий вепрь ожидает, что какая-то пигалица посмеет ударить его в самое нежное место — в розовое рыло?

Вепрь завизжал, как выпоротый поросенок, и, круша кусты, ринулся в чащу.

И как только придворные и рыцари, псары и лесники, бароны и лакеи поняли, что опасность миновала, они принялись размахивать мечами и кинжалами, бегать по поляне с угрожающими криками, науськивать собак на убежавшего кабана, толкаться, мешать друг дружке и подняли такой шум, что с деревьев посыпались листья, а испуганные вороны поднялись к облакам, распугивая коршунов и ястребов, которые полагали, что в облаках воронам делать нечего.

В этом шуме и суматохе не растерялся только юный принц Эдуард. Он подбежал к девочке, которая спасла его от неминуемой смерти, и сказал:

— Спасибо, отважный оруженосец! Я не знаю тебя...

Он протянул девочке руку, та поклонилась принцу, потому что принцам положено кланяться, а потом подала Эдуарду руку и ответила:

— Меня зовут Алисой, я девочка и оказалась тут случайно, хотя давно хотела с тобой познакомиться.

Конечно, Алиса разговаривает с незнакомыми мальчиками, а тем более с принцами британского королевства на «вы», но беда в том, что в английском языке что «ты», что «вы»

— одно и то же слово. Такой бедный язык! Наверное, это произошло оттого, что англичане всегда думали, что все они равны.

— Не могу поверить! — воскликнул Эдуард. — Ты всего-навсего девчонка?!

— Кажется, ты разочарован, — сказала Алиса. — А разве не все равно, кто тебе немного помог на охоте?

— Не все равно, — упрямо произнес Эдди. — Мне куда приятнее думать, что мне помог рыцарь, и притом благородного происхождения.

Алиса нахмурилась.

— Я живу далеко отсюда, — сказала она. — В наших краях людей не делят на благородных и неблагородных. Нам все равно, кто нам помогает — девочка, мальчик или его бабушка.

— Но ведь ты благородная дама? — с надеждой спросил принц. — Как зовется твой род?

— Отстань, Эдди! — рассердилась Алиса. — Я не твоя подданная и живу не в твоём королевстве.

И тут раздался другой голос.

Он принадлежал рыжеволосой девушке с белым-пребелым лицом, усыпанным веснушками. Глаза у девушки были ярко-зелеными.

— Ты права, незнакомка, — сказала рыжая девушка. — Я, принцесса Елизавета, благодарю тебя за спасение моего упрямого братца и нас с мамой. Я все видела, и поэтому ты можешь просить все, что тебе угодно.

— Мне ничего не надо, — ответила Алиса.

На этом их разговор закончился, хотя принцесса Лиззи и Алиса сразу же понравились друг другу. Они были почти одного роста и даже похожи, только волосы у Алисы золотистые, а у Елизаветы цветом, словно медный самовар. Обе стройные, высокие, правда, принцессе уже почти семнадцать, а Алисе всего двенадцать. Но Лиззи живет в XV веке, а Алиса будет жить через шестьсот лет, в конце XXI века. Алиса об этом отлично знала, а вот Лиззи и не подозревала о том, что по времени можно путешествовать. А если бы Алиса призналась, что прилетела из далекого будущего, Лиззи точно решила бы, что она — чертовка или дьяволица, и бросилась бы бежать.

Так что Алисе лучше было молчать о том, кто она такая на самом деле. Что она и делала.

К Алисе стали подходить и остальные члены королевского семейства.

Первой рядом появилась бледная королева Елизавета, которая поблагодарила Алису, но ничего больше сказать не успела, потому что подошел король Эдуард. Смущенный, потому что не успел вовремя прийти сыну на помощь.

Но король — всегда король.

— Ты чей слуга, мальчик? — спросил он так, будто случайно ехал по улице и натолкнулся на нищего.

— Я не слуга, — ответила Алиса.

— Это девочка, — вмешался в разговор принц Эдди. — Как ты не видишь, отец!

— И вернее всего, ведьмочка, — раздался голос герцога Глостера. Ричард подъехал вслед за королем и не мог скрыть своего неудовольствия. — Я бы не стал с ней разговаривать: а что, если она наведет порчу на ваше величество или на драгоценных принцев?

— Как вам не стыдно! — воскликнула Лиззи. — Ведь вас, рыцарей, и близко не оказалось, когда на нас напал вепрь! Где вы были, дядя?

— Мне помешала эта девчонка! — рассердился Глостер. — Я бы убил зверя, а девчонка дала ему убежать. И не исключено, что кабан заколдованный и они с девчонкой заодно!

— Ну, отец! — закричал Эдуард. — Скажи, что это неправда!

— Мы подумали, — произнес король, глядя поверх голов, — мы подумали и решили, что девица, с готовностью помогающая нашему сыну победить дикого вепря, заслуживает того, чтобы быть приглашенной на пир в замке Ладлоу. Эта девица не кажется нам ведьмой и не пугает нас так, как испугала нашего уважаемого младшего брата Ричарда, который известен как смелый воин, но сегодня себя смелым воином проявить не успел, хотя и утверждает, что ему просто помешала именно эта девица: как тебя зовут?

— Алиса.

— Девица Алиса.

Придворные отлично поняли, что король издевается над братом, и с готовностью принялись смеяться. Они уже забыли, что сами трусили. А если тебе не хочется о чем-то вспоминать, то проще всего найти виноватого и вдоволь над ним посмеяться.

Герцог Глостер пришпорил коня, и тот отпрянул в сторону.

Король сказал:

— Пускай королева разузнает все о девице, и мы решим, какой награды она достойна.

Он хлестнул коня и выехал в центр поляны.

— Где наши загонщики? — громко спросил король. — Почему не спущены собаки? Вы что, не видите, что этот вепрь вот-вот уйдет? А ему уйти нельзя. У меня с ним свои счета.

И сразу над притихшей было поляной разнесся шум. Даже собаки, которые и лаять не смели, чуя, как люди встревожены, заголосили, забрехали, загавкали, как самые обыкновенные дворняги.

Охота помчалась вперед и скрылась в лесу.

Во все стороны разбегались зайцы, волки, барсуки и олени, прятались в норах лисицы, а последний в тех краях медведь с перепугу нырнул в горную речку и сидел там в холодной воде, выставив наружу один лишь черный нос.

На опустевшей поляне остались только носилки королевы. Елизавета стояла рядом, тут же была и принцесса Лиззи. А вот принцы ускакали вслед за отцом.

— Я не люблю охоту, — произнесла королева Елизавета.

Она чем-то напоминала маму Алисы, только чуть постарше. Темные, тронутые сединой волосы были убраны под небольшую шапочку, расшитую бисером, серые глаза смотрели печально.

Алиса обратила внимание на то, что на кожаном, в серебряных бляшках поясе королевы висели ножны, откуда торчала рукоятка кинжала.

Королева перехватила взгляд Алисы и смущенно сказала:

— Я же на охоту поехала. А вдруг какой-нибудь зверь нападет? Да ты же видела!

Но Алиса не поверила королеве. Елизавета была напугана. Но напугал ее не вепрь. Или не только вепрь.

Алиса посмотрела на Лиззи.

Рыжая девушка перехватила ее взгляд и чуть заметно кивнула. Словно поняла, о чем думает Алиса.

Алисе вдруг пришла в голову странная мысль: ведь она была бы рада подружиться с

этой рыжей принцессой. Она ее понимает. А как редко тебя понимают!

Но вернее всего, ничего из этого не выйдет. По очень простой причине: в следующий раз они увидятся в самое горькое для Лиззи время. Не все в нем понятно Алисе, но рыжую принцессу ждет большая беда.

— Ты меня слышишь? — донесся до Алисы голос королевы.

Она и в самом деле задумалась так глубоко, что не расслышала вопроса.

— Простите, ваше величество, — сказала Алиса.

— Ты не сказала нам, откуда родом и почему в этот ранний час оказалась совсем одна в этом лесу. Неужели твои родители так спокойно отпускают тебя одну? И в одежде мальчика. Нам это кажется странным.

— Если позволите, ваше величество, — ответила Алиса, — я вам все подробно расскажу, только чуть погодя. Но сейчас я могу лишь сказать, что никакая я не ведьма. Но я сирота. И живу неподалеку, у дальних родственников, которые не очень утруждают себя заботой о сироте. А мне это к лучшему. Я люблю бывать одна и не боюсь леса.

— Ой! — воскликнула Лиззи. — Ты не боишься волков?

— Волки нападают только на тех, кто их боится. А летом они вообще не опасны.

— А разбойники? — спросила королева.

— Ну какие здесь разбойники! — рассмеялась Алиса.

— А нечистая сила? — боязливо прошептала Лиззи.

— Нечистой силы я здесь не встречала. И даже очень удивилась, когда ваш дядя назвал меня ведьмой.

Издали донесся рев охотничьего рога. Видно, охотники ускакали уже далеко.

— Мой дядя, — сказала Лиззи, — нехороший человек. Я его не люблю. А ты хочешь посмотреть, как я вышиваю?

— С удовольствием, — согласилась Алиса.

— Тогда поедem в замок, — предложила принцесса. — Мама, можно Алиса поедет со мной в замок?

— Я согласна, — кивнула королева. — До обеда еще много времени. Наши охотники вернутся часа через три. Так что мы их обгоним и сможем отдохнуть без мужчин.

Алиса хотела сказать, что она спешит домой, но разве королевам говорят такие вещи? «Хорошо, — решила она, — я поеду с двумя Елизаветами в замок. Все равно не мешает поглядеть, как он устроен внутри. Заодно пускай они побольше расскажут мне о своей жизни и о родственниках».

— Ты поедешь с нами в носилках? — спросила Лиззи.

Алиса покосилась на несчастных носильщиков, которым придется тащить тяжелый паланкин по лесной дороге, и отказалась.

— А нет ли коня, на котором я могла бы доехать до замка? — спросила она.

— Чудесная мысль! — воскликнула Лиззи. — Мы с тобой поедem верхом!

— Лиззи, — с упреком сказала королева, — ты же знаешь, как я не люблю, когда ты скачешь верхом! С тех пор как тетя Матильда сломала шею, упав с коня, я переживаю, если вижу тебя в седле.

— Но я буду вместе с Алисой, — возразила Лиззи. — Что может со мной случиться?

— Ну как знаешь, — уступила королева и, усевшись в носилки, задвинула полог, чтобы не видеть ужасного зрелища — любимая дочка верхом на диком животном!

Глава третья. Заговор Глостера

— Тебе сколько лет? — спросила Лиззи свою новую подругу.

— Уже двенадцать, — ответила Алиса. — Но у нас люди выше ростом, чем здесь, и мы быстрее растем.

— Это в каком графстве?

— Ты не знаешь. Далеко отсюда.

— Я все знаю, — обиделась Лиззи. — Я — настоящая принцесса и поэтому все знаю лучше, чем некоторые простолюдинки.

Она выразительно поглядела на Алису, но Алиса не стала спорить, а только улыбнулась, потому что совсем не страдала оттого, что временно оказалась сироткой.

— А у тебя есть жених? — спросила Лиззи.

— Нет, — ответила Алиса. — Я пока не интересуюсь мужчинами в этом смысле.

— А в каком же смысле интересуешься?

— Ну, мне интересно, какие они спортсмены и умные ли — я дураков не выношу.

— Все ясно, — кивнула Лиззи. — Ты только кажешься высокой и почти взрослой, а на самом деле ты такой же ребенок, как мои братишки.

— Только я посильнее, побыстрее и уж точно поумнее твоих братьев и даже их сестры.

— Ты кого имеешь в виду? — удивилась принцесса.

— А я имею в виду того, кто не знает, в каком году была битва при Гастингсе, кто такой Юлий Цезарь и чему равен квадратный корень из четырех.

— А ты знаешь? — удивилась Лиззи.

— Знаю. И много еще чего знаю.

— Чепуха! — воскликнула Лиззи и придержала коня. — Даже мужчины таких вещей не знают. Для этого есть монахи и учителя в университетах. А что это за битва при Гастингсе?

— Вильгельм Завоеватель победил англичан и завоевал Англию.

— Придумаешь тоже! — возмутилась принцесса. — Разве кто-нибудь может победить англичан?

— А французы?

— Это слабаки! — Лиззи взмахнула руками и отпустила поводья. К счастью, Алиса ехала так близко к ней, что успела подхватить принцессу, прежде чем та выпала из седла.

Чтобы не злить свою новую подругу, Алиса переменяла тему разговора:

— Ты хотела сказать мне, что у тебя есть жених.

— А ты откуда знаешь?

— От тебя.

— Это секрет.

— Почему это секрет?

Лиззи оглянулась. Но лес, подходивший вплотную к дороге, жил своей шумной птичьей жизнью, и ему дела не было до двух девочек, которые мирно ехали по проселочной дороге.

— Я боюсь, что об этом узнает дядя Ричард.

— Если ты хочешь рассказать, то рассказывай, — сказала Алиса. — А если нельзя, то помолчи.

— Мне все можно, только ты не проговорись.

— Клянусь!

— Ричард ненавидит Генриха. Он завидует ему!

— Как может герцог и брат короля завидовать какому-то Генриху?

— А вот и не какому-нибудь! Генрих тоже королевской крови, только другой ветви. И хоть он молодой, но такой красивый и смелый, что знатные бароны всегда за ним пойдут.

— А зачем им за ним идти? — невинно спросила Алиса.

— Если он захочет занять трон!

Лиззи говорила так тихо, что Алисе приходилось наклоняться с седла, чтобы расслышать.

— Но ведь на троне твой отец! — удивилась Алиса.

— А если с папой что-то случится?

— Что же может случиться с твоим папой? — спросила Алиса.

Ей было очень интересно узнать, что думает эта молодая девушка о будущем.

— Он пойдет на войну, и его могут убить. Или кто-нибудь может подослать к нему убийц. Мой папа король, а это очень опасное занятие.

— И что тогда будет?

— Тогда королем станет мой брат Эдуард. Но он еще маленький, и надо будет назначить регента, то есть правителя королевства. Регентом может стать мама или дядя Ричард. Но вряд ли они позволят маме:

Алиса подняла ладонь, призывая Лиззи замолчать.

Та сообразила и закрыла ротик.

Алису насторожило то, что лес замолк. Шумел, пел птичьими голосами, гудел жужжанием шмелей... и вдруг замолчал. Испугался.

Алиса всей кожей чувствовала, что в лесу затаилась опасность.

Совсем близко, вон в той лощине, заросшей орешником.

Она направила коня в ту сторону и через несколько шагов остановилась.

Потом спешила.

Алиса не оглядывалась на принцессу, потому что знала: та и без нее решит, что ей делать.

Привязав коня к дереву, Алиса пошла в глубь леса.

Через полсотни шагов она увидела поляну. На поляне притулилась покосившаяся хижина под соломенной крышей. Перед хижинкой стоял конь, а изнутри доносились голоса.

Алиса обернулась.

Принцесса Лиззи стояла рядом с ней. Она прижала палец к губам и прошептала:

— Это его конь. Конь дяди Ричарда.

Алиса тоже узнала коня. Белый крупный жеребец под красным седлом, сбруя расшита золотом. Конь повел глазом на девочек и коротко заржал.

— Помолчи, — шепотом попросила его Алиса. — Не выдавай нас.

Из хижины, продолжая разговаривать, вышли мужчина и женщина в плаще. Собеседники не таились и говорили громко. А может быть, просто они были сердиты.

Алиса сделала еще два шага и сквозь густую листву различила герцога Глостера.

Лиззи тоже подкралась поближе. Женщина в плаще была ей незнакома, но спрашивать, знает ли ее Алиса, она не решилась. Принцесса понимала, что они находятся очень близко и любой шорох может их выдать.

Лиззи крепко схватила Алису за руку и невольно вонзила ей в ладонь острые ногти. Она испугалась и пыталась найти поддержку в новой подруге.

— И ты называешь себя волшебницей? — кричал Ричард, не скрывая злобы.

— Я не ожидала появления маленькой колдуньи! — оправдывалась женщина.

— Какая еще колдунья? — завопил Глостер. — Местная девчонка, лесная бродяжка! Она просто умеет обращаться со свиньями.

— Чепуха! — фыркнула фея. — Еще не родилась девчонка, которая может схватить за хвост дикого вепря!

Лиззи дергала Алису за руку, будто просила: слушай же, что они говорят!

Алиса поняла, в чем дело: вепрь был оборотнем — именно в вепря превращалась та женщина, именно она напала на принца и королеву. «Ну как я, глупая, раньше не сообразила, что все это подстроено!»

— Но ты убежала от девчонки! — засмеялся Глостер.

— Я убежала, потому что не знала, волшебница какой степени на меня напала. Кому хочется, чтобы его превратили в мышь?

— А я-то думал, что ты великая колдунья.

— Не тебе, простому смертному, судить меня! — вскинулась Моргана.

— Я отыскал для тебя посох волшебника Мерлина. Ты обязана помогать мне!

— Я делаю это по доброй воле.

— Открой мне дорогу к трону. Ты поклялась!

— Корона Британии будет твоей, герцог. Я клянусь!

— Сегодня!

— На пути к короне перед тобой много препятствий, — сказала фея.

— Ты уже сегодня не сумела убрать одно из них, Моргана!

— Не ропщи, герцог!

— Если ты будешь оттягивать кару, то не получишь посоха.

— Ты дал слово!

— Я его сдержу, когда ты сдержишь свое!

— Первым умрет король Эдуард, — мрачно сказала фея Моргана. — Но помни, в момент коронации ты отдашь мне посох.

— Значит, сегодня? — спросил Глостер.

— Сегодня во время обеда.

— И как это случится?

— Тебе лучше не знать, — ответила Моргана.

Фея подняла руку, и Алиса увидела, как на ее среднем пальце синим светом сверкнул драгоценный камень.

— Уходи, — промолвила фея. — Мне не нравится, как пахнет воздух в этом лесу. Здесь чужие.

— Не может быть! Никто не видел, как я приехал сюда.

— Я не ошибаюсь. Уходи!

Лиззи вцепилась в руку Алисы так сильно, что та испугалась, как бы из ладошки не брызнула кровь.

Они замерли.

Совсем рядом, проламываясь сквозь ветви, прошел герцог Глостер.

Фея Моргана осталась стоять на месте. Она медленно поводила головой из стороны в сторону, принохиваясь, как обыкновенная ведьма.

Потом отступила в чащу и будто растворилась в воздухе.

Конь Ричарда тревожно заржал, словно старался что-то сказать хозяину.

Глухо застучали копыта по лесной земле.

— Они нас чудом не заметили, — прошептала Алиса.

— Не чудом, — ответила принцесса Лиззи, — а потому что ты колдунья. Я тебя не боюсь, потому что даже у колдуний есть друзья. Но будь осторожна! Если до тебя доберутся монахи или судьи, тебе не жить на белом свете.

— Я убегу, — успокоила принцессу Алиса. — Я быстро бегаю, быстрее любой колдуньи.

Лиззи покачала головой. Она не поверила новой подруге.

Девочки вернулись к лошадям. Ричард не заметил их, наверное, потому, что очень спешил.

Лиззи трясло. Она начала плакать. Принцесса прижалась лицом к боку коня, медные волосы свесились на грудь.

— Они хотят папу убить, — шептала Лиззи. — Они хотят его убить...

— Скажи маме, — посоветовала Алиса.

— Что мама может сделать? Отец любит ее, но всерьез не принимает.

— Сама скажи отцу.

— Он не поверит. Это же его брат!

Девочки взобрались на коней и поехали к замку.

Дорога выбралась из леса и потекла между полей. На полях трудились крестьяне. Потом потянулось пастбище, где рядом паслись кони и овцы.

— Ты подтвердишь? — спросила Лиззи.

— Конечно, — ответила Алиса. — Но я здесь чужая, меня никто не знает, и если я посмею что-то сказать, твой дядя заявит, что я ведьма. И кому поверят?

— Конечно, ему, — вздохнула Лиззи. — Я тебя познакомлю с Генри. Он такой умный. Только совсем не верит в сказки.

— А при чем тут сказки?

— Но ведь фея Моргана жила много-много лет назад, и волшебник Мерлин тоже был при дворе короля Артура. Ты знаешь про короля Артура?

— И про рыцарей Круглого стола тоже, — кивнула Алиса.

— Фея Моргана была сестрой короля Артура, но всегда ему вредила. Об этом все знают.

— Твой Генри не верит в фею Моргану?

— Он считает, что все волшебники придуманы хитрыми людьми, чтобы мешать рыцарям заниматься делом.

— А каким делом должны заниматься рыцари? — не поняла Алиса.

— Они должны поклоняться прекрасной даме, сражаться с драконами и ходить в крестовые походы.

«Да, — подумала Алиса. — Здешние рыцари, видно, очень занятые люди».

— Но теперь крестовых походов нет, драконов тоже не осталось, — печально сказала Лиззи. — Поэтому рыцари сражаются только на турнирах и воюют друг с другом.

Алиса нахмурилась. О чем же она забыла? Это связано с феей Морганой. Фея взмахнула рукой, и на длинном белом пальце сверкнула синяя искра.

— У нее кольцо, — вспомнила Алиса. — Перстень!

— Ты о ком?

— У феи Морганы на пальце перстень с синим камнем!

— Ну и что? — не поняла Лиззи. — Почему ты об этом вспомнила?

- Не знаю. Но это может быть важно. И еще он говорил о посохе Мерлина.
- Наверное, у Мерлина была палка или трость, — пожала плечами принцесса. — Ведь он был старым.
- Он всегда был старым? — уточнила Алиса.
- Почти всегда, — ответила Лиззи.

Глава четвертая. События в замке Ладлоу

Они въехали на узкую улицу городка. Маленькие домики облепили холм, на котором возвышался замок. Дома были белыми, с узором из черных полос, под черепичными или соломенными крышами, в зависимости от богатства хозяина.

Улицы и небольшая площадь перед въездом в замок были заполнены народом — ведь не каждый день сюда приезжал король со свитой.

— Обычно здесь тихо, — сказала принцесса, тоже заметившая столпившихся людей. — Отец хочет, чтобы мой братец Эдуард всегда жил здесь. Он ведь принц Уэльский. Значит, пускай живет поближе к Уэльсу.

Алиса молчала. Зато Лиззи болтала без умолку:

— Вообще-то папа хочет, чтобы Эдди жил подальше от Лондона, в столице у нас слишком много врагов. Бароны не любят маминых родственников. Мамины родственники не знатные, но гордые.

И Алисе было непонятно, гордится Лиззи такими родственниками или их осуждает.

— А где же младший братик?

— Ричард живет со мной и с мамой. В Лондоне.

Девочки подъехали к открытым воротам замка. Стражники узнали принцессу и отдали ей честь.

На обширном дворе замка их встретили слуги, помогли спрыгнуть с коней и увели лошадей в конюшню. А Лиззи повела Алису наверх, в королевские покои, чтобы подруга могла умыться с дороги.

Они договорились, что Лиззи зайдет за Алисой.

Алиса налила воды из кувшина в тазик, умылась, вытерлась чистой тряпкой. И тут же за ней пришла принцесса.

Они пробежали темным коридором, увешанным гобеленами. Свет проникал туда только сквозь редкие узкие окошки. Под потолком скопилась густая паутина.

Лиззи толкнула низенькую деревянную дверь, и они оказались в просторной комнате со сводчатым потолком. Здесь было светлее, чем в коридоре, и не так пыльно. В дальнем конце комнаты стояла кровать под балдахином, пол был застлан ковром. Вдоль стен стояли стулья с высокими спинками. На одном сидела королева. Она держала в руках книжку в кожаном переплете. Книжка была закрыта. Королева явно не собиралась читать. Она глубоко задумалась.

— Мама, — позвала Лиззи. — Я привела Алису.

— Садитесь, девочки, — сказала королева.

Она чуть улыбнулась, ее рука бессильно опустилась, и книжка упала на ковер.

— Мама, — сказала Лиззи, — мы с Алисой слышали, как дядя Ричард разговаривал с феей Морганой о покушении.

— С кем?

— С феей Морганой, сестрой короля Артура.

— Ты хочешь сказать, что ей пятьсот лет?

— Не знаю:

— А кто тебе сказал, что ты видела именно фею Моргану?

— Так ее дядя называл. Алиса может подтвердить.

Королева подняла тонкие брови.

— Подтверди, странная девочка, — приказала она.

— Я видела эту женщину раньше, — сказала Алиса. — С герцогом Глостером перед охотой. Но я не могла подойти поближе и как следует ее рассмотреть.

— И еще он говорил про посох Мерлина, — перебила ее принцесса Лиззи. Ей не терпелось самой все рассказать.

— Подожди, — нахмурилась королева. — Сначала пускай Алиса расскажет нам о том, что произошло перед началом охоты.

— Мне показалось... — начала Алиса неуверенно. — Только не смейтесь, если это покажется странным... Мне показалось, что фея Морган превратилась в кабана и напала на вас.

— Я не буду смеяться, — произнесла королева, а Лиззи даже рот раскрыла от негодования.

— И ты мне этого не рассказала?! — воскликнула она. — Какая же ты после этого подруга?!

— Я рассказываю сейчас, — сказала Алиса.

Лиззи обиженно отошла к окну и стала смотреть вниз, на холмы и лес, что подступал к самому городку.

— Кого хотел убить брат моего супруга? — спросила королева.

— Кого-то из вашей семьи, — ответила Алиса. — Скорее всего, самого короля.

— Ты видела, как фея превратилась в вепря?

— Нет. Герцог Ричард стал прислушиваться, и я убежала. Но фея исчезла, а на ее месте появился вепрь.

— Это могло тебе почудиться.. — неуверенно сказала королева.

— Пусть она помолчит! — крикнула принцесса. — Я сама расскажу, что мы слышали в лесу.

— Хорошо, — согласилась королева. — Говори, моя девочка.

— Они договаривались убить папу! — выпалила Лиззи.

— И как же?

— Фея Морган сказала, что она это сделает, и тогда дядя должен будет отдать ей посох Мерлина.

— Откуда у него посох Мерлина?

Алиса поняла, что королева не сомневается в том, что где-то поблизости бродит фея, которой уже пятьсот или тысяча лет, что герцог Глостер хочет убить ее мужа — она совершенно в этом уверена!

— Мама, мама! Она хочет совершить это сегодня, во время обеда! Ее надо остановить!

— Ты ее узнаешь?

— И я узнаю, и Алиса тоже.

— Ах, девочки, — тихо сказала королева, — вам, наверное, неизвестно, что фея Морган — волшебница, древняя, как сам мир. Она может менять облик. Как же вы ее

узнаете?

— Отца надо предупредить!

— Думаю, герцог Глостер не посмеет убить брата. Это же ему ничего не даст, — сказала королева. — У меня же есть два сына. Принцы стоят между престолом и Ричардом...

— Мама, ты же сама себе не веришь! — воскликнула Лиззи.

— Друзья защитят нас...

— Скорее расскажи все отцу!

— Он верит брату. Они сражались вместе. К тому же он еще не вернулся с охоты.

— Мама, я так боюсь, так боюсь!

— По-моему, ты хотела показать Алисе свои вышивки, — прервала ее королева. — Что же вы теряете время? Идите, дети.

Комната принцессы была напротив спальни королевы. Лиззи вышивала на пяльцах. Вышивка была обыкновенной, если бы Алиса хотела, давно бы так научилась.

Но Лиззи не хотелось говорить о вышивке, а Алисе неинтересно было на нее смотреть.

Они, не сговариваясь, отошли к окну, забранному решеткой, но без стекол, и смотрели вниз, на дорогу из леса, ждали, не появятся ли охотники. Лиззи стала было рассказывать о том, какой замечательный рыцарь ее Генрих, но сразу же замолчала.

А потом усталость сморила девочек, и они улеглись на низкое ложе, покрытое шкурами. Было тепло, почти жарко, теплый воздух вливался в окно, но солнце уже поднялось так высоко, что его лучи не могли заглянуть в комнату, и поэтому каменные стены хранили прохладу.

Девочки обнялись, задремали и не заметили, как проспали два часа.

А очнулись они одновременно от звуков, доносившихся снизу, — это возвращалась королевская охота.

Пустое и тяжелое ожидание кончилось. Скоро обед. Главное — расскажет ли королева мужу об опасности?

Пришли фрейлины. У принцессы были свои фрейлины, совсем еще девочки. Они раскрыли большой сундук, стоявший у стены, и стали доставать оттуда разные платья — ведь к королевскому обеду надо одеваться специально.

Лиззи рассматривала платье за платьем, отвергала их, а Алиса отошла в сторонку и делала вид, что это ее не касается — ведь у нее ничего, кроме мальчишковой одежды, не было. И даже непонятно, как ей в таком виде идти на обед.

— Ты чего стоишь? — спросила Лиззи. — Могла бы сама себе платье выбрать. Мы же с тобой почти одного роста. Правда, я на два пальца повыше.

Конечно, Лиззи была не повыше, а может быть, даже чуть пониже Алисы, но разве будешь спорить с настоящей принцессой, да еще если она разрешает тебе надеть ее платье?

Правда, все оказалось не так просто.

Как только Алиса выбрала себе длинное, до самого пола, голубое платье с белым поясом и другая фрейлина принесла ей туфли с длинными, чуть загнутыми спереди носками, а третья — головной убор, похожий на высокий колпак, в котором на сцену выходят фокусники, принцесса Лиззи вдруг замерла, оглядывая подругу с ног до головы, а потом произнесла:

— Снимай платье.

— Почему?

— Потому что это мое платье и я решила его надеть. Оно мне идет.

— Мне тоже, — сказала Алиса.

— Ты что себе позволяешь! — Лиззи была вне себя от ярости. — Надевает мои вещи и еще спорит с принцессой! Я сейчас позову стражу, и тебя кинут в подземелье!

— Ну что ж, — пожала плечами Алиса, — может, там мы с тобой встретимся.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты уверена, что, когда Ричард убьет твоего отца, он не возьмется за остальное семейство?

— Меня он не тронет! — вспыхнула Лиззи. — Он в меня влюблен.

— И это тебе нравится?

— Еще чего не хватало! У него пальцы потные!

Они не заметили, как в комнату вошла королева. Возможно, она стояла незамеченной несколько минут.

— Тише! — сказала королева спокойным голосом. — Мне стыдно за тебя, Лиззи. Хотя на твоём месте, Алиса, я бы не стала спорить с особой королевской крови. Но главное, вы не смеете спорить и ссориться в тот момент, когда решается судьба всего королевства.

— Но мне это платье самой нравится, — заныла Лиззи.

— Ах, — отмахнулась королева, — не надо обманывать собственную мать. Ты увидела, как хороша Алиса в твоём платье, и в тебе разыгралась ревность. Это так просто и так гадко... Но мне любопытно другое, моя дорогая дочь. С чего ты решила, что твой дядя Ричард в тебя влюблен? Это для меня новость.

— Он мне сам сказал.

— А ты?

— Я засмеялась. Что еще может сделать принцесса?

— И ты не подала ему никаких надежд?

— Что я, глупая, что ли?

— Очень глупая, — строго сказала королева. — Ты уже проговорила совершенно незнакомому тебе человеку.

И Елизавета указала на Алису.

— Ну, она никому не скажет!

— Я никому не скажу, — повторила Алиса.

Во дворе ударили в гонг. Низкий гул прокатился по замку.

— Поторапливайтесь, девочки, и, как только будете готовы, спешите ко мне. Мы должны прийти в зал пораньше. Я хочу поговорить с моим царственным супругом.

Девочки закончили одеваться в молчании. Лиззи была недовольна тем, что мама приняла сторону Алисы, а Алиса немного робела перед событием, для принцессы совершенно обыкновенным, — королевским обедом. Одно платье с этим дурацким колпаком чего стоит! В нем можно выступать, словно пава, но нормальным человеческим шагом идти нельзя. К тому же, если тебя ненавидит такой человек, как герцог Глостер, лучше держаться от дворца подальше, тем более что где-то рядом таится и фея Моргана, которая может быть сказочной, а может быть и настоящей. В любом случае Алисе от этого не легче.

Фрейлины суетились и совсем не жалели Алису. Они туго затягивали шнурки, втыкали куда попало булавки, а так как им не понравилась прическа Алисы — слишком короткие волосы! — они прикрепили ей шиньон — длинный конский хвост, который вылезал из-под

колпака и тяжело лежал на спине.

Какой-то придворный сунулся в дверь. Фрейлины зашипели на него, а он успел крикнуть:

— Скорее, скорее, королева уже в пути!

Пришлось бежать по коридору, чтобы догнать королеву на узкой лестнице.

Совершенно неожиданно для Алисы они оказались в высоком, гулком обеденном зале, где бароны как раз рассаживались по своим местам, а король уже восседал во главе стола.

При виде спешащей королевы он поднялся и громко, перекрикивая шум в зале, спросил:

— Что с тобой, Елизавета? Ничего не случилось?

Королева прошла вдоль длинного стола, чтобы занять место рядом с Эдуардом.

Стол был накрыт в форме буквы «Г», только верхняя палочка была короткой, а ножка очень длинной. Во главе стола сидели король с королевой, мальчишки-принцы и герцог Глостер. Там же нашлись места для Лиззи и Алисы, которая оказалась почетной королевской гостьей.

Сидевшие за длинным столом придворные и знатные вельможи переглядывались, перешептывались и никак не могли сообразить, кто эта девушка, что направляется к королю. Даже те, кто видел Алису на охоте, когда она укротила дикого кабана, конечно же не узнали в изысканно одетой девушке мальчишку, выскочившего из леса.

Даже сам король узнал Алису не сразу, а только когда она подошла совсем близко и королева шагнула в сторону, открывая Алисе дорогу. Елизавета улыбалась, довольная превращением девочки.

Первым сообразил, кого видит перед собой, герцог Глостер. Его злой черный глаз умел различать людей под любой оболочкой.

— Кто к нам пожаловал! — усмехнулся он. — Ведьма из леса! Она и здесь найдет себе жертву.

— Рад видеть тебя, девица, — произнес король. — Займи место рядом с королевой.

Эдуард сделал вид, что не слышал злых слов брата. Ричард почувствовал, что сказал лишнее, и поспешил исправить положение.

— Простите, если я показался вам грубоватым, — сказал он, обращаясь сразу и к Алисе, и к королеве. — Но я всего-навсего солдат и не приучен к придворным тонкостям. По мне, ведьма — всегда ведьма. Но я рад ошибиться, был бы счастлив его величество король и его славное семейство.

— Отлично, — сказал король. — Можно приступать к трапезе.

Эдуард уселся в свое кресло. По левую руку от него села королева, по правую — герцог Глостер. Принцесса с Алисой сидели рядом с королевой, а мальчишки-принцы устроились возле Глостера, который был к ним очень добр. Он гладил их по головам и громко повторял, как славно они вели себя на охоте, как отважно скакали по чаще. Им просто не повезло, что не встретился кабан, а то бы они с ним ловко расправились.

Мальчишкам нравилось, что дядя так громко их хвалит, а король лишь усмехался.

Перед Алисой стояло серебряное блюдо, сбоку лежали нож и вилка с двумя зубцами.

Оказывается, вилки были нововведением, и только короли могли ими пользоваться. Остальные жители королевства ели руками. Король сам отрезал кусок мяса от жареного барана, что громоздился перед ним на подносе, и кинул его Алисе, угощая гостью. Пока король ухаживал за Алисой, а потом и за другими женщинами, сидевшие за столом придворные резали мясо, разливали по серебряным кубкам вино или воду, хватали со стола

и жевали вареную репу и морковь.

Алиса краем глаза увидела, как королева наклонилась к уху Эдуарда и шепчет ему что-то.

Ричард тоже заметил это и стал прислушиваться. Король взглянул на брата и криво усмехнулся. Алиса не слышала, о чем говорит королева, но могла догадаться. Тем более что Лиззи ей прошептала:

— Сейчас мама все ему расскажет, и он прогонит дядю Ричарда.

— Спасибо, — громко произнес король. — Но детские забавы — это детские забавы, а мы здесь — взрослые люди.

Король обернулся к Ричарду и спросил:

— Брат, мог бы ты замыслить злое против меня?

— Только безумец может так подумать, — ответил герцог Глостерский. — Я — человек верный, тихий, не покладая рук тружусь на благо нашей державы. У тебя, Эдуард, нет более скромного слуги, чем твой младший брат.

— Вот именно, — кивнул король.

Эдуард принялся за еду. Он обгладывал большую кость и показался Алисе похожим на большого льва, раздирающего антилопу.

По знаку герцога Глостера заиграл небольшой оркестр. Музыканты сидели в углу зала. Играли они нестройно, каждый сам по себе. Но баронам такая музыка нравилась, кто-то стал подпевать, кто-то хлопал в ладоши.

— У меня для тебя есть сюрприз, — сказал Ричард королю. — Мне привезли танцовщицу из южных стран. Ты такого еще не видел.

— Покажи нам танцовщицу, — согласился король.

По знаку Глостера в зал вбежала девушка в турецкой одежде. На ней были широкие шелковые шаровары и расшитый бисером лиф, черные прямые волосы водопадом спадали на плечи и спину.

В обнаженных, украшенных множеством браслетов руках танцовщица держала золотой кубок.

Девушка извивалась как змея, неистово кружилась, крутила бедрами и грудью, а оркестр старался помогать ей, но, кроме нестройного шума, у музыкантов ничего не выходило.

И вот танец закончился. Все хлопали в ладоши и требовали повторения танца. Но девушка мелкими шажками подбежала к столу и, поклонившись, протянула королю золотой кубок.

— Это сладкое вино Востока! — произнесла она негромко, но все услышали. — Выпей, славный король, и будь великим воином!

— Выпей! — закричали бароны. — Пей до дна!

Танцовщица поднесла вино королю, и тот принял кубок.

— Пей до дна! — кричали придворные.

Королева привстала. Она словно почувствовала неладное.

Синяя искра, яркая, как фонарик, вспыхнула на пальце танцовщицы.

— Стой! — крикнула Алиса.

Но принцесса оказалась резвее.

Она, как кошка, кинулась к отцу и вырвала у него из руки кубок.

Эдуард такого нападения не ожидал. Лиззи выплеснула вино на стол.

— Как ты посмела! — закричал король.

— Наглая девчонка! — потеряв самообладание, завопил Глостер.

Но тут взгляд короля упал на стол. Красное вино попало на грудку фруктов в вазе, стоявшей перед ним. Там были яблоки, груши и мелкий виноград.

Белая пена покрыла фрукты, и они стали плавиться, словно лед под кипятком.

— Что это? — растерянно спросил король. — Что это значит?

— Покушение на его величество! — закричал герцог Глостер. — Где эта женщина? Схватить ее немедленно! Пытать! Узнать, кто организовал покушение! Кто хотел отравить нашего любимого короля?

Танцовщицы в зале не было.

Но никто не заметил, как она исчезла.

— Кто пригласил убийцу? — кричал Глостер. — Немедленно выяснить и всех казнить! Всех казнить! Я лично возглавлю следствие!

Алиса почувствовала на плече руку.

Она обернулась. За ее спиной стояла королева.

— Беги, Алиса, — тихо прошептала королева. — Герцог Глостер наверняка постарается направить подозрения короля на тебя.

К ним уже подошла Лиззи.

За ее спиной стоял высокий молодой человек в скромном голубом камзоле.

— Спасибо, — сказала Лиззи. — Ты заметила синий камень на ее руке. Видишь, я запомнила.

— Молодец! — похвалила принцессу Алиса.

— Грини выведет тебя из замка.

— Спешите, — поторопила их королева.

И вовремя. В тот момент, когда юный паж королевы выводил Алису из зала, она услышала сзади голос герцога Глостера:

— А где так называемая Алиса? Где она? Я намерен допросить ее в первую очередь.

Алиса вбежала в узкий проход, что вел на кухню. Здесь она сорвала с головы и выкинула прочь высокий колпак и приколотый шиньон.

На кухне стоял такой чад и гарь, что на Алису никто из поваров и внимания не обратил.

Грини вывел Алису к калитке в крепостной стене. Калитка была закрыта на ржавый засов, и только вдвоем им удалось ее открыть.

— Беги, — сказал паж.

— Спасибо тебе, — сказала Алиса.

— Я служу ее величеству, — ответил Грини. — А ты смелая! Я видел, как ты вепря одолела. Жалко, что ты не парень. А то бы тоже пажом стала, а потом рыцарем.

— А я не жалею, — улыбнулась Алиса. — До встречи.

— До встречи!

Алиса побежала к лесу.

Глава пятая. Алиса в Москве

В конце XXI века на окраине Москвы построили Институт времени.

Это большое одноэтажное здание, совсем невзрачное на вид, если не знать, что оно уходит на одиннадцать этажей под землю.

Отсюда отправляются в путешествия по времени сотрудники института и специалисты, которым нужно что-то узнать или увидеть в далеком прошлом.

В будущее отсюда не ездят, потому что будущего еще нет.

Но порой из будущего к нам попадают люди. И ничего не рассказывают. Или стараются ничего не рассказывать. Любой путешественник во времени дает слово, что ни слова не расскажет о будущем. Впрочем, в прошлом вообще надо вести себя очень осторожно, ничего не портить, не ломать и не изменять. Изменишь что-нибудь в прошлом — мало ли что из-за этого может случиться сегодня? Хотя, вернее всего, ничего страшного не случится. Время — как гигантская подушка. Прыгаешь на нем, как муха или кузнечик, а подушка и не замечает твоих прыжков.

Алиса Селезнева в Институте времени — свой человек. Так уж сложилась ее судьба, что ей пришлось не раз путешествовать в прошлое. И по своей воле и по воле обстоятельств. Совсем недавно один мальчишка из XX века унес с собой миелофон — прибор для чтения мыслей. И Алиса выслеживала его сто лет назад, спасала от космических пиратов, которым тоже не терпелось завладеть ценным прибором, а потом неслась к себе в будущее, чтобы вернуть миелофон на место. Путешествовала Алиса, и не единожды, в отдаленное прошлое — в эпоху легенд, что таится между третьим и четвертым ледниковыми периодами. Тогда все сказочные существа жили на самом деле. Но они не смогли перезимовать в ледниковый период, потому что не умели разжигать настоящий огонь и шить теплую одежду. А хозяевами Земли стали люди.

Этим поездки Алисы в прошлое не ограничились. И причиной тому — историческая практика. Когда она училась в пятом классе, каждый ученик должен был выбрать себе какую-то эпоху в истории, отправиться туда, разгадать тайну и снять о ней фильм. Тогда Алиса познакомилась с юным королем Артуром, выкупила из рабства философа Платона и отыскала на дне глубокого озера клад Наполеона. А потом, разыскивая пропавшую подругу Магдалину, путешествовала по средневековой Европе, побывала у герцога Синяя Борода, подружилась с Жанной д'Арк и Робинот Гудом... Словом, приключений не перечесть!

Путешествовать по лабиринтам истории так понравилось школьникам, что они, и став старше, продолжали разгадывать загадки прошлого. Темой последнего путешествия Алиса выбрала судьбу английских принцев в Тауэре.

Тауэр — королевский замок в Лондоне. Именно туда, если верить историкам, попали два принца, два наследника королевского престола — Эдуард и Ричард. Их посадил в тюрьму родной дядя, герцог Глостер.

История эта довольно темна и загадочна. Дело в том, что после того, как герцог забрал принцев у матери, их больше никто не видел. Хотя почти все современники и историки уверены в том, что по приказу Глостера мальчиков убили, чтобы дядя мог захватить принадлежавший им по праву трон. Этот дядя, правивший под именем Ричарда III, был таким мерзавцем, что великий драматург Шекспир, написавший трагедию о его преступлениях, изобразил его хромым горбуном отвратительного вида. С тех пор принято считать короля настоящим уродом.

На уроке истории Алиса попросила разрешения отправиться в XV век и выяснить, что же произошло с мальчиками на самом деле. А так как Алиса отличница и все ее путешествия кончались благополучно, то учительница разрешила ей отправиться в средневековую Англию и расследовать преступления герцога Глостера на месте. Алиса прошла специальный курс обучения, освежила в памяти староанглийский язык, просмотрела

множество фильмов и книг по истории Англии того времени, вместе со специалистами-историками придумала себе легенду и отправилась в Англию как сиротка, которая бродит сама по себе, хотя ее родители были благородными баронами. Ведь Алисе придется общаться с королями, принцами и баронами, а вести себя надо так, чтобы они ничего не заподозрили. Откровенно разговаривать они будут только с ровней, а какую-нибудь крестьянку и близко к себе не подпустят.

Когда подготовка закончилась и Алиса сказала дома, что ее не будет недели две-три, никто не удивился. Ведь папа и мама знают, что Алиса — непоседа, ее никак не удержать дома. И ничего дурного с ней не случится. Только домашний робот Поля расстроился. Он всегда расстраивался, когда Алиса отправлялась в путешествия. Очень за нее переживал.

До временной кабины, в которой сотрудники института отправляются в прошлое, Алису проводил ее старый друг Ричард Темпест.

— Привет, — сказал он. — Возвращайся поскорее. Береги себя. Счастливого перемещения!

— Спасибо! — Алиса помахала ему и исчезла.

Ричард Темпест проверил, правильно ли сработала установка, а потом вырубил свет в зале и пошел к себе в кабинет.

Он вошел в комнату, уселся за стол, включил компьютер и стал просматривать почту. Почты в тот день было много. Ричард не отрывался от экрана и поэтому не сразу понял, что в комнате он не один.

А когда наконец кончил читать письма, то увидел, что напротив него сидит Алиса Селезнева собственной персоной.

— Глазам не верю! — воскликнул Ричард. — Ты так быстро?

— Прости, — сказала Алиса. — Мы немного ошиблись, и я попала в прошлое за несколько месяцев до нужного срока.

— На несколько месяцев ошиблись? Ай-ай-ай! — воскликнул Ричард. — наших вычислителей гнать надо, гнать, гнать, гнать!

На самом деле он не очень сердился, потому что понимал: ошибки в работе временных кабин возможны и случаются довольно часто. Ведь время подобно океану, в нем есть свои течения, бури и штормы, случаются приливы и отливы. И точно послать человека в отдаленную точку времени очень трудно. Компьютеры занимают весь нижний этаж института, они сложнее и сильнее, чем государственный компьютер, который управляет хозяйством всей России, но все-таки и они иногда ошибаются.

— Устала? — спросил Ричард.

Уж он-то знал, как трудно даются перелеты в глубокое прошлое. Кажется, что ты пробежал двадцать километров. Голова раскалывается, ноги сводит. Бывало, что временщиков отправляли из института прямо в больницу.

— Нет, — ответила Алиса. — Но я пойду выпью кофе и съем в буфете жареной картошки.

— Потому что там этого не было?

— Потому что Колумб еще только собирается открыть Америку, — сказала Алиса. — Представляешь, они вообще почти не едят овощей и приправ у них нет. Сплошной авитаминоз.

— А ты витамины принять не забыла? — забеспокоился Ричард.

Алиса отрицательно покачала головой.

— И сильно ты промахнулась? — поинтересовался Темпест.

— На три месяца. Зато я на королевской охоте побывала, — похвасталась Алиса. — Даже дикого кабана за хвост дернула!

— Вот теперь я буду вынужден отстранить тебя от полетов во времени, — строго произнес Ричард. — Это нарушение правил невмешательства.

— Я не нарочно, — сказала Алиса. — Кабан хотел разорвать мальчика, принца Эдуарда.

— Это не оправдание. — Ричард был просто неумолим. — Уходи, и чтобы мои глаза тебя больше не видели. Если бы ты была новичком, я бы тебя просто выгнал. Но ты — опытный временщик. Как ты могла себе это позволить?

— А мне вообще там не понравилось:

— Почему?

— Принц Ричард, герцог Глостер... Понимаешь?

— Который потом станет королем Ричардом Третьим? — догадался Темпест.

— Он самый, — кивнула Алиса.

— Хромой горбун?

— Это все твой Шекспир выдумал. Никакой он не горбун и не урод. Нормальный кособокий мужчина, но плохой человек.

— Не может быть! Это историческое открытие! — обрадовался Ричард. — Ты уверена, что он не хромой и не горбун?

— Ричард, можно я пойду в буфет? — взмолилась Алиса.

Ричард махнул рукой:

— Иди. И как окончательно вернешься из прошлого, сразу готовь отчет, а то ты в прошлом году в школе отчиталась, а нам отчет сдать забыла.

— Помню, — созналась Алиса.

— А может быть, ты сегодня не будешь возвращаться в прошлое? — предложил Ричард. — Пойди домой, выпиши как следует, отдохни.

— Ни в коем случае! — возразила Алиса и побежала в буфет.

Ричард посмотрел ей вслед и подумал: «Вот как растут дети! Еще немного, и станет Алиса взрослой. И тогда ей уже будут неинтересны космические пираты или эпоха легенд. Отправится она в серьезную экспедицию и о своем детстве будет вспоминать с улыбкой. Никогда не подумаешь, что ей только двенадцать лет. Даже в конце XXI века она кажется старше своего возраста. И все-таки она еще ребенок».

Глава шестая. Возвращение в Англию

Англия была погружена в траур.

Совсем неожиданно, в расцвете лет, за несколько часов скончался король Эдуард IV. Ну кто мог подумать, что короля и добрую старую Англию поразит такая беда! Ведь впервые за много десятилетий казна была полна, налоги необременительны, торговля в расцвете, враги посрамлены и не смеют носа высунуть. Даже война Алой и Белой роз утихла, потому что народ и король хотели мира. Король был счастливым семьянином. И хотя знатные лорды и бароны не выносили безродных родственников королевы Елизаветы, для простых англичан знатность не играла роли — важнее было то, что королева из своих. Говорят, что отец ее был всего-навсего конюхом. Елизавета родила королю двух замечательных принцев. Теперь

старший из них, Эдуард, должен будет взойти на престол, хоть ему всего двенадцать лет. Младший брат короля, герцог Глостер, у смертного одра монарха в присутствии всех первых вельмож королевства дал клятву сделать все возможное, чтобы на первых порах помочь племяннику и не дать в обиду вдове и сирот.

Но хотя людям и хотелось надеяться на лучшее, в воздухе ощущалась тревога. Ведь уже не раз короли и герцоги нарушали свое слово, когда речь шла о власти или великом богатстве. Захочет ли герцог Глостер соблюсти клятву и отдать власть мальчику, а сам остаться при нем регентом, было неясно. Тем более что все в Лондоне знали: Ричард — человек суровый и жестокий. Он не щадил врагов на поле боя, не щадил и пленных. Именно Глостер приказал убить в тюрьме собственного брата Кларенса, а потом женился на его красивой вдове.

Пока что положение оставалось непростым и напряженным.

Королева Елизавета с младшим сыном Диком и дочерью Лиззи жила в Виндзоре в ожидании коронации старшего сына. А сам Эдуард оставался в замке Ладлоу, как и при жизни короля. Там он был в полной безопасности. Замок и город стерегли надежные рыцари графа Риверса, брата королевы. В соседних замках стояли отряды, верные семейству королевы. Так что если кто-нибудь и захотел бы причинить зло наследнику престола, рыцари Риверса дали бы ему достойный отпор.

Герцог Глостер тоже сидел в Лондоне. Он правил страной — ну кому же, кроме него, этим заняться? Он нанес визит королеве и сообщил, что готовит коронацию. А когда все будет в порядке, он назначит торжественный день. Тогда мальчика привезут в столицу и коронуют.

Королева Елизавета сделала вид, что поверила.

А что ей еще оставалось делать?

Но тут на королевскую семью обрушилась еще одна беда. Жениху Лиззи, Генриху Ричмонду, пришлось тайком бежать из Англии. Как только он понял, что Ричард намерен его схватить и убить, то ускакал к морю, где его ждала лодка. В шторм, чуть не потонув, Генри Ричмонд добрался до французского побережья.

Прошло несколько дней с его исчезновения, а никакой весточки от него так и не пришло. Королева волновалась, а уж Лиззи, сами понимаете, места себе не находила.

И в тот день она металась по комнате дворца и рыдала:

— Ну где же гонец?! Он ведь даже со мной не попрощался! Я его ненавижу и презираю!

— За что? — спросила сидевшая за прялкой королева. Королевам вообще положено сидеть за прялкой, даже если лилиям прядь негоже.

— За то, что он жалкий трус! — воскликнула Лиззи. Она не причесалась, и ее темно-рыжие волосы стояли дыбом, как густое облако, подсвеченное лесным пожаром.

— Ты его разлюбила? — спросила королева.

— Почти, — призналась принцесса. — Еще немного, и я разлюблю его совсем.

— Не спеши, — заметила королева. — Я предпочитаю живого труса мертвому храбрецу. И не считаю Генри трусом. Он разумный человек. И пока он во Франции, у нас с тобой остается надежда, что герцог Глостер не совершит ничего дурного.

— Фу! — рассердилась Лиззи, которая на самом-то деле больше всего боялась, не перевернулась ли лодка и не утонул ли ее обожаемый Генри.

И тут в комнату с поклоном вошла фрейлина Джейн Дайн.

— Ваше величество, — сказала она. — Внизу девочка, переодетая мальчиком, хочет к

вам пройти.

— Это убийца! — воскликнула Лиззи. — Гоните ее!

— Подожди, — остановила дочку королева. — Как она назвалась?

— Она не назвала себя, — ответила фрейлина. — Но она уже была представлена вам на последней королевской охоте...

— Алиса! — воскликнула королева.

— Алиса! — повторила Лиззи и снова рассердилась. — Как она посмела сбежать от меня и прогулять самые тяжелые для нас дни?! Не пускай ее сюда, мама! Ты же знаешь, что я не выношу предателей. С утра меня обидел Генри, а теперь еще и Алиса.

— Впустите эту девочку, — улыбнувшись, сказала королева.

Через минуту в комнату вошла Алиса. Королева протянула ей руку для поцелуя и совсем не обиделась, что Алиса просто ей поклонилась, а руку целовать не стала. Алиса знала, что королевам целуют руки, но у нее это никогда не получалось.

— Мне приятно тебя видеть, девочка, — сказала королева. — Лиззи тоже по тебе скучала.

— Ничего подобного! — фыркнула Лиззи. — У меня куча своих проблем! Еще не хватало, чтобы я, принцесса Англии, думала о какой-то чужой девочке!

— Лиззи очень расстроена, — объяснила Алисе королева. — Ее жениху, Генри, пришлось бежать из страны. Принц Ричард его не выносит. Потому что боится. Нам свойственно ненавидеть тех, кого мы боимся, правда?

Алиса постаралась припомнить что-нибудь на эту тему, но не сумела. Никого она так и не научилась ненавидеть. Конечно, кое-кого она не любила, а некоторых, например, коварного Весельчака У, просто не выносила. Но ведь даже космические пираты со временем исправляются, не так ли?

— Хоть расскажи, где ты была? — спросила Лиззи.

— У родственников, — ответила Алиса. — В Шотландии. Там живет дядя моей мамы, Август Кармайкл. У него небольшой замок на Клайде.

— А зачем?

— Во-первых, каждому человеку надо где-то жить. Во-вторых, мне пора учиться — не оставаться же неграмотной.

— А ты что, читать умеешь? — удивилась Лиззи.

— И читать, и писать, — ответила Алиса. — И не только по-английски, но и по-французски.

— Так не бывает! — заявила Лиззи. — Я ведь не умею писать по-французски.

— А жаль, — заметила королева. — Но мы еще не завершили твое обучение.

— Лучше я буду учиться танцам, — сказала Лиззи.

Она была самой обыкновенной принцессой, избалованной, капризной и обидчивой, потому что считала себя лучше и красивее всех. Маме бывало с ней нелегко.

Королеве надоело слушать рассуждения дочки, и она спросила Алису:

— У тебя есть где остановиться в Лондоне?

— У меня здесь были дальние родственники, — ответила Алиса, — но я не знаю, будут ли они мне рады.

— А чего же ты ехала? — сказала Лиззи. — Если бы меня в городе не оказалось, ты что, на улице бы ночевала?

— Я бы уехала из Лондона и переночевала в лесу. Ничего со мной не случится, я

привычная.

— Ты необыкновенная девочка, — сказала королева. — Иногда я просто теряюсь. Но скажи мне, пожалуйста, что тебя привело в Лондон?

— Я хотела увидеть вас, — сказала Алиса. — У вас такое горе, и вам грозит опасность. Может быть, я смогу быть вам чем-нибудь полезной.

— Ты с ума сошла! Чем ты можешь нам помочь? — сказала Лиззи. — Лучше уезжай к себе.

— Спасибо, Алиса, — произнесла королева Елизавета. — Думаю, ты поживешь в одной спальне с Лиззи.

— Ни в коем случае! — воскликнула Лиззи, но потом чуть-чуть подумала и добавила: — А что, это неплохая мысль. Мы будем друг другу рассказывать страшные истории.

— Страшные истории грозят нам наяву, — заметила королева. Она оглядела Алису с головы до ног и спросила: — А у тебя есть во что переодеться?

— У меня есть мешок с одеждой, — сказала Алиса. — Он приторочен к седлу лошади. Но эта одежда не очень подходит для жизни во дворце.

— Ты можешь надеть какое-нибудь из моих платьев, — сразу заявила Лиззи.

У принцессы было много недостатков, но жадность к их числу не относилась.

— Ты будешь фрейлиной Лиззи, — сказала королева. — Но не обыкновенной фрейлиной, а оруженосцем. Я видела, как ты умеешь сражаться.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Я постараюсь.

Она была довольна, что все так обернулось. Ведь целью Алисы было оказаться рядом с королевой — иначе как попасть в центр событий? Как разгадать страшную тайну маленьких принцев, Эдуарда и Ричарда? Как узнать, что будет делать королева в те дни и часы, когда ее не видит никто из посторонних людей?

— Вызвать фрейлин, чтобы помочь тебе одеться?

— Простите, ваше величество, — твердо сказала Алиса, — но я привыкла одеваться сама. Можно я буду это делать без помощи фрейлин?

— Ну разумеется.

Королева взяла медный колокольчик и позвонила. Через минуту вошла старшая фрейлина Джейн Дайн, круглолицая, добродушная брюнетка.

— Джейн, — обратилась к ней королева, — Алиса будет жить с нами. Она дальняя родственница моего отца, сирота. Так что позаботьтесь о ней. Хотя она девочка самостоятельная и сама о себе может позаботиться.

— А где она будет спать? — уточнила Джейн.

— В спальне принцессы. Постелите ей на полу.

Конечно, раскладушек и надувных матрасов в те времена еще не водилось.

В комнату вбежал принц Дик, сорванец десяти лет от роду. Он сразу узнал Алису.

— Привет! — Мальчишка показал ей кожаный мяч и крикнул: — Лови!

Алиса поймала мяч.

— Ты славный охотник! — весело сказал принц. — Давай с тобой поспорим, кто дальше прыгнет.

— Не буду я с тобой спорить, — сказала Алиса. — Я старше, и у меня ноги длиннее. Вот я и прыгну дальше тебя, а ты на меня обидишься.

— Я могу отрубить тебе голову! — захохотал принц. Но тут он увидел, как поморщилась королева, и быстро добавил: — Но ты не бойся. Ты моего брата спасла. А я

честный. Ты будешь мой друг, и я буду твой друг. Побежали, прыгнем. Знаешь, я дальше всех во дворце прыгаю.

— Еще бы! — фыркнула Лиззи. — Он прыгает со слугами, а слуги всегда подчиняются принцу. Неужели ты думаешь, что кто-то из них осмелится прыгнуть дальше тебя?

— Мне с тобой спорить не хочется, — гордо ответил Дик. — И я бы тебе сейчас ответил по-настоящему, но я люблю Генри Ричмонда, а он обещал взять меня в свое войско.

— И когда же это случится? — насмешливо спросила Лиззи.

— Когда он вернется, чтобы помочь моему брату.

— Беги, поиграй во дворе, — сказала королева. — А мне нужно с Алисой серьезно поговорить.

— Хорошо, — согласился принц. — Но как кончишь серьезно говорить, сразу присылай ее ко мне. Тут мы с ней и попрыгаем.

Принц убежал так же стремительно, как и появился.

— Ты уже большая девочка, — сказала Алисе королева. — И хоть я ничего о тебе толком не знаю, ты мне нравишься. А я привыкла доверять собственным чувствам. Лиззи, закрой дверь.

Лиззи не просто закрыла дверь. Подойдя к ней на цыпочках, она сначала изо всех сил ее дернула, распахнула, чтобы проверить, не таится ли там враг, и только потом плотно ее прикрыла.

— Четыре дня прошло, — печально сказала королева, — как мы предали земле прах моего дорогого супруга.

Она приложила к глазам тонкий кружевной платочек. Не потому, что ей так хотелось плакать, но ведь королеве положено скорбеть по умершему мужу.

— Наверное, я бы больше плакала и убивалась, — сказала Елизавета, — будь я спокойна за себя и своих детей. А я боюсь. Настолько боюсь, что порой забываю о моем горе.

— Почему, ваше величество? — спросила Алиса.

По знаку королевы она уселась на низенькую скамеечку возле ее ног.

— Короля могли убить, — тихо произнесла королева.

— Отца убили! — вмешалась Лиззи. — Я уверена! Помнишь, Алиса, как мы с тобой подслушали разговор в лесу?

— А что, снова видели фею Моргану?

— Разве обязательно нужна фея, чтобы отравить человека? — спросила королева.

— Но в первый раз была фея.

— Король пировал с послами из Бургундии, — сказала королева. — Нас с Лиззи и мальчиков там не было — не такой обед, чтобы звать членов семьи.

— Если бы я там была, — сказала Лиззи, — они никогда бы не сумели подобраться к отцу!

— И что случилось потом? — спросила Алиса.

— К вечеру его величеству стало дурно, его рвало, болела голова, потом начались судороги. Герцог Глостер всем объявил, что виновато дурное мясо. Врачи поставили пиявки, пустили кровь, но ничего не помогло. И тогда Эдуард...

— Отец вызвал к себе нас, детей и маму, — продолжила за королеву Лиззи. — И при всех передал власть моему брату Эдуарду. Только Эдуарда не было, потому что его не успели привезти из Ладлоу.

— Не надо было мальчику ехать так далеко, — заметила королева. — А мой супруг благословил его на царство. Он поручил своему брату охранять и заботиться о нас.

— А когда будет коронация?

— Герцог Глостер держит совет с баронами. Они должны решить. Но я думаю, что этот торжественный день уже близок. И это меня пугает:

Глава седьмая. Монахиня ордена кармелиток

Алиса понимала чувства королевы Елизаветы, которая не доверяла брату короля. Алисе было горько думать, что ей известно горе, предстоящее этой женщине. Королева надеется, что все обойдется, что герцог Глостер сдержит слово. Но Алиса потому и полетела в Лондон, чтобы увидеть, что здесь произойдет и как это случится.

Но одно дело у себя в XXI веке обсуждать историческую поездку в XV век, а совсем другое — сидеть на низенькой скамеечке у ног худенькой, бледной женщины средних лет, чем-то похожей на маму Алисы, видеть, как ее пальцы мнут кружевной платок, потому что она боится за жизнь сына и не верит, что ее любимый муж умер своей смертью.

Алиса была теперь не на уроке истории. Она попала в настоящую жизнь, и эти люди уже не были ей чужими.

— Герцог посылает навстречу Эдуарду отряд своих рыцарей, а может быть, и сам поедет встретить принца и проводить до Лондона. Он говорит, что беспокоится, как бы чего не случилось по дороге. Якобы развелось много разбойников. А ведь при жизни короля на дорогах было спокойно!

— Вели Эдуарду не ездить в Лондон, — решительно сказала Лиззи. — Пускай сидит в Ладлоу.

— Чудесно, — печально улыбнулась королева. — Может быть, этого они и желают. Тогда некого будет короновать в Вестминстерском аббатстве, и они найдут другого короля.

— Они не имеют права! — возмутилась Лиззи. Недаром у нее были огненные волосы — она вспыхивала в одно мгновение. — Эдди — настоящий король!

— Они постараются нас обмануть.

— Как? У нас много друзей. И тебя, мамочка, любит добрый английский народ.

— Народ сам не знает, кого любит, — ответила королева. — Ему завтра скажут, что мы с тобой неизвестно откуда приехали... Что мы цыганки... Вот народ и поверит.

— Мама, ты сошла с ума!

— А знаешь ли ты, что архиепископ Кентерберийский еще вчера попросил у меня свидетельство о нашем с папой браке. Он сказал, что у некоторых баронов есть сомнения: Их надо развеять.

— А ты?

— Я ответила, что со временем обязательно покажу этот документ.

Алиса не знала о визите архиепископа и спросила:

— А почему он не видел этого документа раньше?

— Ты не знаешь, девочка, — сказала Елизавета. — Тебя тогда еще и на свете не было. Наша свадьба с королем была тайной. Ведь я не знатная дама. Эдуард знал, что если он объявит о нашем браке заранее, меня убьют, а против него поднимутся бароны. Ведь он должен был жениться на французской принцессе — это высокая политика! А Эдуард влюбился в меня...

И тут королева зарыдала в три ручья, словно обиженная девочка.

И Алиса поняла: королева вспомнила, как они с королем любили друг друга, а теперь эти времена никогда не вернуться.

— Жизнь пролетела так быстро, — прошептала королева.

Лиззи тоже заплакала и стала утешать маму. Алисе очень захотелось приласкать тетю Лизу и поплакать вместе с ней. Но ведь нельзя забывать, что отсюда до твоего рождения пятьсот с лишним лет.

Потом, отплакавшись и даже улыбнувшись, словно небо после дождика, королева сказала, что ей надо написать очень важное письмо своему брату, в Ладлоу. А девочки пошли погулять.

Сначала Лиззи, у которой бури и солнечные минуты быстро сменяли друг друга, потащила Алису в подвал, на кухню. Кухня во дворце была просторной, но своды потолка невысоки. И Алисе все хотелось наклонить голову, чтобы не удариться.

Лиззи пробежала мимо длинного разделочного стола, где повара резали куриц и кромсали мясо для супа, прямо к огромной печи. Толстая маленькая повариха как раз вытаскивала противень с пирожками.

И хоть повариха делала вид, что страшно сердится и сейчас выгонит девчонок, не посмотрит, баронессы они или принцессы, но по пирожку им досталось. А когда девочки поднялись во внутренний двор, то встретили маленького Дика, который маялся, потому что некому было сыграть с ним в мяч. И тут Лиззи, к удивлению Алисы, вытащила из большого кошель, прикрепленного к поясу, горячий пирожок для братишки — оказывается, она о нем подумала!

А этот мальчишка даже спасибо не сказал и умчался.

И забыл, что собирался с Алисой попрыгать.

Лиззи потащила Алису по зеленому лугу к собору Святого Георга.

— Это мой папа построил для рыцарей ордена Подвязки, — сказала она, вводя Алису в громадный высокий зал, по обеим сторонам которого тянулись ряды деревянных кресел для рыцарей и над каждым креслом стояло знамя рыцаря с его гербом. Принцесса подвела Алису к одному из них и с гордостью сказала: — А вот это место моего дяди — графа Риверса.

Кресло как кресло.

По проходу быстро шла монахиня в черном одеянии до земли, черной накидке и капюшоне, из-под которого опускалась густая вуаль.

Повернувшись к Алисе, монахиня приподняла вуаль, чтобы рассмотреть девочку, и Алиса на секунду зажмурилась от яркого синего огонька — на пальце монахини сверкнул сапфир.

— Кто это? — спросила Алиса у принцессы.

Монахиня быстро удалялась прочь.

— Это монахиня из ордена кармелиток, — ответила Лиззи. — Они дают обет бедности.

— А эта монахиня такого обета не дала, — сказала Алиса. — И мне кажется, что я знаю только одну женщину с таким перстнем.

Она кинулась следом за монахиней, а ничего не понявшая Лиззи крикнула ей вслед:

— Ты куда, Алиса?

— Стой, жди меня!

Алиса добежала до дверей собора.

Над зеленой лужайкой дул пронизывающий ветер.

Двор был пуст.

Лиззи подошла к Алисе.

— Ты думаешь, что это была фея Моргана? — шепотом спросила принцесса.

— Я боюсь, что она здесь, — кивнула Алиса. — И надо обязательно сказать об этом твоей маме.

— Может, тебе показалось? — сказала Лиззи, но в голосе ее чувствовалась тревога.

Когда они поднялись в покои королевы, та как раз кончала писать письмо.

— Мама, — сказала Лиззи. — Алисе показалось, что в зале рыцарей она встретила фею Моргану. Но я думаю, что это была простая монахиня.

Королева побледнела.

Она медленно и неуверенно, словно кто-то ее больно ударил, поднялась, опираясь на подлокотники кресла.

— Она снова здесь... — прошептала королева. — Ей мало нашего горя. Зачем она здесь? Кто ей нужен?

— Мама, Алисе показалось, — повторила Лиззи.

Она как будто колдовала — сама не верила своим словам, но так хотелось поверить.

— Что ей надо? Ты узнала ее? — обратилась королева к Алисе.

— Нет, я увидела ее перстень.

— Второго такого нет, — сказала королева. — Ведь это она отравила Эдуарда. И она была тем вепрем, которого ты остановила на охоте... А это значит, что мы должны, как самого дьявола, бояться герцога Глостера. Мы у него в руках:

Королева схватила со стола колокольчик.

Через мгновение появилась фрейлина Джейн.

— Вызовите сэра Грейвза, — сказала королева.

Когда Джейн ушла, Елизавета объяснила Алисе:

— Сэр Грейвз — мой племянник. Он командир стражи в Виндзоре. Пока он не пришел, я хочу попросить тебя, девочка, выполнить мою просьбу. Очень трудную и опасную. Но я ни к кому, кроме тебя, не могу с ней обратиться.

— Я рада вам служить, — сказала Алиса.

Лестно, когда к тебе обращается за помощью сама королева Англии.

— Мне некого послать в Ладлоу.

— Мама, что ты говоришь! — воскликнула Лиззи. — Пошли сто рыцарей!

— Их перехватят и убьют, — ответила королева. — Рыцарей могут перекупить или обмануть, на них все обратят внимание. А мальчишка, который пробирается к своей тетке, не вызовет подозрений.

— Если я буду одна, — сказала Алиса, — меня не заметят. А представьте себе...

Но она не успела закончить фразу, потому что в комнату вошел высокий молодой человек с короткой черной бородкой и усами. Из-под густых бровей сверкали темные глаза.

— Вы меня звали, ваше величество?

— Артур, — попросила королева, — я опасаясь за безопасность моих детей. В замке появилась опасная женщина, колдунья...

Рыцарь быстро перекрестился. Конечно, со стороны это могло показаться смешным — взрослый мужчина, а боится колдунью. Ведь колдуний не бывает!

Алиса оборвала себя. Мысль-то получилась не очень умная. Где-то, скажем, в XXI веке,

ведьмы не водятся. А вот в XV веке в Англии они еще, возможно, встречались. Наверное, потом они постепенно вымерли, но, как вы понимаете, ведьмы — народ очень живучий. В любом случае Алиса уже видела одну из них — знаменитую фею Моргану. Была ли она феей или просто фокусницей — ну как разберешь?

Так или иначе, но эта фея — вовсе не доброе существо из «Золушки». Алиса не была уверена, что Моргана превратилась в вепря, но ей так показалось.

И конечно же фея пыталась отравить короля Эдуарда. Возможно, в конце концов ей это удалось.

А что же Моргане нужно сейчас в замке Виндзор, где живет королева с дочерью и маленьким Диком?

Алиса совсем не удивилась и не возражала, когда услышала, как королева говорит начальнику охраны замка:

— Во-первых, я прошу вас обыскать замок и постараться найти монахиню ордена кармелиток с сапфировым перстнем на пальце. Во-вторых, немедленно приставьте рыцарей к Ричарду и Лиззи и установите караул у дверей моей спальни. Пока мы не знаем, что нужно ведьме, будем осторожны.

— Вы правы, ваше величество, — ответил сэр Грейвз.

Он свел густые брови. Его глаза воинственно блеснули.

На Алису сэр Грейвз смотрел с подозрением. И понятно: он же ее раньше не встречал и не понимал, как она оказалась в покоех королевы.

«Интересно, — подумала Алиса, — как мы встретимся в следующий раз?»

— Все будет сделано, ваше величество, — сказал рыцарь и покинул комнату.

Его сапоги гулко и тяжело затопали по коридору.

— Я надеюсь, — сказала королева, строго глядя на дочь, — что ты ни на минуту не спустишь глаз с Дика. Ты же знаешь, какой он непоседа.

Лиззи хотела что-то возразить — она всегда спорила. Но мать не стала ее слушать.

Королева протянула Алисе небольшой конверт.

— Я пишу моему брату, — сказала она, — о том, что здесь происходит. И прошу его вызвать на подмогу рыцарей со всего графства. Ты понимаешь, Алиса, как много зависит от успеха твоей поездки?

— Я постараюсь вас не подвести!

— Ты вернешься вместе с принцем Эдуардом и графом Риверсом. Под охраной рыцарей.

— Хорошо, — кивнула Алиса.

Ой, как ей хотелось рассказать доброй королеве, что случится вскоре с ее сыновьями и братом, графом Риверсом. Но Алиса понимала, что рассказывать о будущем людям, которые его еще не знают, — это самое страшное преступление, которое может совершить путешественник во времени. Не только сам ты никогда уже не полетишь в прошлое, но твой рассказ может искалечить жизнь тем, кто получит от тебя запретные сведения.

Попадая в прошлое, ты должен намертво забыть, что случится с твоими новыми знакомыми завтра. И если Институт времени в тебе сомневается, то, с твоего согласия, тебе могут просто стереть память. Но так никогда не бывает. Потому что неуверенным в себе людям нечего делать в прошлом. Они и в наше время опасны, а уж пятьсот лет назад, в прошлых веках, они опаснее гремучей змеи.

Глава восьмая. Ночной пожар

Алиса понимала, что, даже соглашаясь отвезти письмо королевы, она совершает по крайней мере ошибку.

На самом деле ее в XV веке не было и быть не могло. И вместо нее королева должна была поручить это дело другому человеку. Но Алиса не очень расстраивалась из-за этого, потому что нарушение было невелико и наверняка за несколько столетий все утрясется.

— Иди к себе, — велела королева. — Лиззи даст тебе нитку и иголку. Ты умеешь с ними управляться?

— Умею.

— Зашьешь письмо себе в куртку. Ты ведь поедешь в одежде мальчика?

— Конечно.

— Только зашивай как следует, чтобы было незаметно.

— А когда мне ехать? — спросила Алиса.

— Сейчас уже вечер, путнику нечего делать на дороге. Поедешь завтра с рассветом. Я велю принести вам с Лиззи ужин в комнату. А Дик переночует у меня. Утром мы не увидимся, тебя проводит Джейн.

Королева протянула Алисе обе руки и сжала ее ладони своими сухими, тонкими пальцами. А потом вдруг привлекла Алису к себе и прижала к груди.

— Я виновата перед тобой, — сказала королева. — Не дело девочке одной нестись через полстраны. Но у меня нет выхода. Прости меня, Алиса.

— Вы совсем не виноваты, — возразила Алиса. — Если бы я не хотела или боялась, то никогда не поехала бы. А мне даже интересно. И хочется вам помочь. Мне кажется, что вы немного похожи на мою маму.

— Вот это забавно! — воскликнула Лиззи. — Как может быть королева похожа на обыкновенную женщину? Ты, Алиса, не забывайся!

По натуре Лиззи была не злой, но сильно избалованной.

Попрощавшись с королевой, Алиса и Лиззи поспешили по темному, пыльному коридору в комнату принцессы.

Навстречу им топали два рыцаря в железных безрукавках, которые называются кирасами, и в высоких шлемах. Они спешили к дверям королевской спальни.

Девочки закрылись в темной комнате. Джейн принесла два канделябра, и от свечей стало уютно и даже тепло. Другая фрейлина разожгла камин.

— Что еще я могу для вас сделать? — спросила Джейн.

— Принесите нам нитки и иголки, — сказала Лиззи. — Мы будем шить.

— Негоже принцессам шить, — возразила фрейлина. — Скажите мне, и я прикажу все сделать.

— Джейн, вы меня иногда удивляете своим упрямством, — возмутилась Лиззи. — Чувствую, придется вас в тюрьму посадить. Ни о чем вас попросить нельзя!

— Сажайте, сажайте, — обиделась добрая фрейлина. — Вы другого обращения с людьми не понимаете!

— Интересно! — воскликнула Лиззи. — Разве я кого-нибудь уже посадила в тюрьму?

— У вас, принцесса, еще вся жизнь впереди, — рассудительно заметила Джейн.

Фрейлина удалилась, а через несколько минут принесла клубок толстых ниток и иголки — медные, кривые, даже стыдно такие во дворце держать. Но никто, кроме Алисы, этого не

заметил.

Шитье заняло немало времени — надо признать, что обе девочки не были способными рукодельницами. Нетерпеливая Лиззи раза три решала, что с нее достаточно, и бросала иголку.

Потом они попили чаю, умылись над бочкой, что стояла в углу комнаты. Девочки поливали друг дружку из большого фаянсового кувшина. Рядом с бочкой примостились таз и ночной горшок. Жизнь во дворце была довольно простой и не очень чистой. К тому же Алиса заметила в углу здоровенных тараканов, которых терпеть не могла.

Прежде чем заснуть, Лиззи с Алисой поболтали. Вернее, болтала Лиззи, а Алиса слушала, пока принцесса не заснула на полуслове. Ей-то спать было куда удобнее, чем Алисе. Принцесса улеглась на широкой мягкой постели, а Алиса спала на полу на подстилке. Лиззи и в голову не пришло позвать Алису к себе, а Алиса никогда ничего ни у кого не просит.

Лиззи рассказывала про то, какой красивый, умный и смелый ее Генри. Но так как Алиса об этом уже слышала и даже знала, что случится с Генри в ближайшее время, то она слушала вполуха и все собиралась уснуть. Но заснуть Лиззи ей не давала — через каждые две фразы спрашивала: «Ты меня слышишь? Тебе неинтересно?» И попробуй тут сказать, что тебе неинтересно — могут и голову отрубить, такие здесь времена и нравы.

Вдруг на полуслове Лиззи замолчала.

Наступила тишина.

Только в коридоре кто-то закашлялся — наверное, рыцари на часах.

Что же, Лиззи заснула, что ли?

«Ну вот, — решила Алиса, — теперь и я посплю».

Но ничего из этого не вышло. Сон пропал.

И хоть стены в замке были толстыми, а двери дубовыми, в комнате царила такая глухая тишина, что слышно было, как храпит в коридоре рыцарь.

Вдруг где-то сверху послышались шаги. Медленные и задумчивые. Кто-то ходил наверху: сделает шаг, постоит, подумает...

— Что это? — спросила Алиса.

— Не обращай внимания, — ответила Лиззи, как будто и не спала. — Это призрак дворецкого.

— Какого еще дворецкого?

— Ну как можно об этом не знать! — фыркнула Лиззи. — Все знают, а ты как будто чужая. Когда-то, еще при дедушке, здесь служил дворецким мистер Пайп. Гордон Пайп. Все у него было в порядке, но кто-то отпивал вино из графина, который он нес королю. И однажды король, давно заметивший, что ему приносят неполный графин, приказал дворецкому: или ты поймаешь вора, или лишишься головы. И вот ночью дворецкий Пайп поставил графин с вином на буфет и стал ждать. Ровно в двенадцать часов черная тень приблизилась к буфету и взяла в руки графин. «Стой!» — закричал дворецкий. Но тень умчалась на чердак. Дворецкий побежал за ней. И больше его никто не видел. Иногда его привидение бродит по чердаку.

И Лиззи снова засопела.

А Алисе после ее рассказа спать расхотелось совсем.

Медленно и мерно ступало по чердаку привидение дворецкого Пайпа. Интересно, а кем была та черная тень, которая так любила королевское вино?

Вот черная тень скользит по коридору. Кому захочется бродить по дворцовым коридорам после полуночи?

Неприятное предчувствие охватило Алису. словно в комнате внезапно повеяло могильным холодом.

Алиса поднялась с подстилки и босиком побежала к двери.

Она медленно приоткрыла дверь.

В коридоре было полутемно. Только большие факелы, воткнутые в железные кольца на стенах, давали скудный свет.

Рыцарь, который должен был стеречь комнату девушек, мирно спал, сидя на полу и прижавшись спиной к стене.

Коридор был пуст. Даже призрак дворецкого не желал появляться.

Алиса стояла в дверях.

Ей казалось, что надо подождать и тогда что-то случится. Это называется предчувствием. Но бояться ей было нечего, потому что стоило окликнуть рыцаря, как он сразу проснулся бы и кого надо пронзил мечом.

Кто же там мелькнул в конце коридора?

«Алиса, не вмешивайся!» — воскликнул ее внутренний голос.

«А вдруг что-то угрожает королеве?» — ответила Алиса внутреннему голосу. Хотя как историк из будущего она должна была прекрасно знать, какая судьба ждет Елизавету.

«Ну знала, ну забыла, ну не подумала! Хорошо вам рассуждать, сидя в молочном кафе на площади Дружбы всех народов Галактики! А я, Алиса, крадусь по темному коридору средневекового замка неизвестно за кем и могу голову потерять в прямом смысле этого слова. Ох уж поднимется плач и стон в XXI веке! Но меня уже не спасешь. Если я без головы — это навсегда». Куда заглянула темная тень?

А что, если это фрейлина, которая спешит со свидания, или уборщица, разыскивающая свою метлу?

Алиса добежала до поворота. Вот и дверь, за которой скрылась тень.

И что она скажет этой женщине?

А вдруг та ее тоже заметила и сейчас подкарауливает за дверью? И рыцаря звать — не дозовешься. Уж очень далеко Алиса от него убежала.

В комнате послышался громкий шелест бумаги, потом что-то упало.

Не у самой двери, а подальше. Тогда Алиса решила и приоткрыла дверь. В щель она увидела женщину, которая зажгла свечу и поставила ее на стол. Освещены были только стол и книги на нем — остальная часть просторной комнаты скрывалась в темноте. И Алиса не сразу сообразила, что комната заставлена сундуками и шкафами — это была средневековая библиотека.

Женщина склонилась над столом и принялась быстро перебирать бумаги, которые она вынимала из большой резной шкатулки. Просмотрев лист, она кидала его на пол. Конечно же это оказалась та самая монахиня!

С синим перстнем! Фея Моргана! Что ей нужно?

Вот она выхватила из шкатулки лист, который ей и понадобился. Монахиня быстро свернула его в трубку. Не надо было Алисе открывать рот! Но ведь открыла!

— Стойте! — сказала она почему-то шепотом, словно боялась кого-то разбудить. Хотя в ее-то интересах было побыстрее разбудить всех рыцарей королевства.

Монахиня сунула свернутый в трубку лист себе в широкий рукав, а другой рукой

скинула на пол свечу.

— С дороги! — крикнула она. — Прочь с дороги!

Она бросилась на Алису так стремительно, что девочка невольно отступила в сторону.

При свете факела, прикрепленного к стене, Алиса увидела синюю искру.

— Что вы взяли, фея Моргана? — крикнула она.

От неожиданности монахиня остановилась.

— Ты знаешь, как меня зовут?

— Многие знают, — ответила Алиса.

Ей задали вопрос, вот она и ответила, а вообще-то Алиса перепугалась и не знала, что делать, потому что колдунья медленно надвигалась на нее и ее глаза светились в темноте, как у кошки.

— Твое знание тебя погубило! — зарычала фея Моргана. Она протянула вперед руку, и Алисе показалось, что из кончиков ее пальцев вырвались маленькие молнии.

Молнии ударили ей в грудь и в лицо, и все вокруг поплыло:

Последнее, что запомнила Алиса, был топот — страшный топот рыцарских сапог.

Все-таки он проснулся!

Проснувшись, прибежала фрейлина Джейн.

А потом, что совсем уж удивительно, пришла королева в ночной рубашке, волосы заплетены в косички, и страшно перепуганная.

Но оказалось, что испугалась она не столько за Алису, как за Лиззи.

А Лиззи, надо признаться, во всей этой суматохе и бесплодной погоне за монахиней не участвовала — она спала как сурок.

Алиса очнулась.

— Расскажи, девочка, что случилось? — спросила королева. В руке у нее был кружевной платочек, и она принялась вытирать им лицо Алисы. Рыцарь держал канделябр с пятью свечами, чтобы было светлее. — Кто тебя исцарапал?

— Это та самая монахиня, — ответила Алиса и добавила шепотом, чтобы услышала только королева: — Это фея Моргана.

Королева ни на секунду не усомнилась в ее словах.

— Где она была?

— Там... в библиотеке...

— Что она искала? Да говори же ты! — Королева была испугана и раздражена, но Алиса ничем не могла ей помочь.

— Когда я заглянула, фея Моргана копалась в шкатулке.

— Покажи!

Алиса стала подниматься. Голова болела страшно, лицо щипало. Но она постаралась не показать королеве, как ей больно. Что будешь делать — все же королева!

Леди Джейн помогла Алисе подняться и войти в библиотеку.

И — о ужас! — как только дверь раскрыли пошире, изнутри пополз серый дым.

— Свеча! — догадалась Алиса. — Она уронила свечу!

— Мои бумаги! — закричала королева.

Она кинулась в библиотеку, затянутую дымом, налетела на стол и заплакала от боли.

— Вы ищете шкатулку с резной крышкой? — спросила Алиса и не стала ждать ответа.

До стола, где монахиня оставила шкатулку с бумагами, было всего три шага.

Алиса на ощупь отыскала шкатулку.

В горле першило, глаза разъедал дым, огонь уже полз по полу, по ковру, по бумагам, но он не мог осветить комнату, и люди казались черными, мелькающими тенями.

Алиса ударилась о шкаф. А может, это был стол?.. Упала, но шкатулку не выронила. И поползла дальше к открытым дверям, которые скорее можно было угадать, чем увидеть.

Возле двери ее подхватила Джейн и буквально выволокла в коридор.

Народу там прибавилось вдесятеро — кто-то уже нес ведра с водой, бежали люди с песком и баграми, шуму было, как на площади.

Королева выхватила шкатулку из рук Алисы.

Она поставила ее на пол, упала на колени и стала рыться в ней.

— Посвети сюда! — крикнула она рыцарю, стоявшему рядом с факелом в руке.

Через минуту королева захлопнула шкатулку.

— Алиса! — крикнула она. — Ты где, Алиса?

— Я здесь.

Алиса уже почти пришла в себя.

— Ты все принесла? Там ничего не выпало?

— Шкатулка была закрыта. Я ее не открывала.

— Как ты догадалась, что мне нужна именно она?

— Та женщина, монахиня, рылась в этой шкатулке. Она просматривала бумаги, и если они ей были не нужны, то кидала их на пол.

— Значит, документ остался там.

Не обращая внимания на огонь, королева направилась к библиотеке.

На нее накинулись сразу все фрейлины и рыцари. Они словно ждали момента, чтобы показать, как они заботятся о королеве Англии.

— Что вы делаете? — Королева говорила, словно в трансе. — Мне надо взять бумагу, которая выпала из шкатулки и лежит на полу.

— Там уже все сгорело, — сказал сэр Грейвз. — Туда невозможно войти!

— Войдите же туда! — требовала королева.

Она стала вырываться, но конечно же ее не пустили. Да к тому же в коридоре стало жарко и дымно — пожар в библиотеке разбушевался вовсю.

Королеву почти насильно увели прочь. Елизавета не выпускала из рук шкатулку.

Вскоре все крыло дворца опустело. Остались только те, кто тушил пожар.

Королева, Алиса и Лиззи, которую подняли с постели и этим очень рассердили, оказались на кухне. Потом все стали искать принца Дика. Мальчику очень понравилось тушить пожар, поэтому он пристроился на повозку с бочками, которая поехала к Темзе за водой.

Пока его не нашли и не привели, измазанного сажей, мокрого, но вполне счастливого, королева места себе не находила. И Алисе было непонятно, что ее беспокоит больше — пропажа какого-то документа или исчезновение мальчика.

Наконец все успокоилось, и даже пожар погасили, так что можно было возвращаться в свои комнаты. Но спать уже никто не смог — хоть и была глубокая ночь.

Только Дик умылся и заснул на маминой кровати.

Лиззи наконец задала тот вопрос, который вертелся на языке у Алисы:

— Что там пропало в шкатулке?

— Не знаю, может быть, этот документ просто упал на пол, — ответила королева. — А может быть, именно из-за него приходила фея Моргана.

— Что же за документ?

— Свидетельство о моем браке с королем Эдуардом.

— А что в нем особенного?

— Наш брак был секретным, тайным. Никто не знал, что мы уже полгода, как женаты.

— А потом все узнали! — сказала Лиззи.

— Нового венчания мы не устраивали. Не знаю, кому эта бумага могла понадобиться, но ведь хороший человек не стал бы красть документы. А если тут замешана фея Моргана, то мне просто страшно.

— Ваше величество, — вмешалась Алиса, — а где стоит та церковь, в которой вы венчались с королем?

— Недалеко, в местечке под названием Гринвич, к югу от Лондона.

— Так пошлите туда верного человека, — предложила Алиса. — Пусть священник сделает для него копию с церковной книги.

— Правильно! — обрадовалась Лиззи. — Пошли меня. У тебя ведь два верных человека — я и Алиса. Только Алиса предательница! Пошла ловить фею Моргану, а меня не разбудила.

— И слава богу, — улыбнулась королева.

— Вы доверяете Джейн? — спросила Алиса. — Мне кажется, что она вас любит.

— Но она же женщина! И низкого происхождения.

— Во-первых, я тоже женщина, — сказала Алиса. — И тоже низкого происхождения. Во-вторых, наверное, Джейн не такого уж низкого происхождения, если она — старшая фрейлина королевы.

— Разумеется, — кивнула королева. — Отец Джейн — главный лесничий графства Кент.

И королева подняла свой колокольчик...

Глава девятая. На постоялом дворе

Только-только рассвело, когда невыспавшаяся Алиса, выпив чашку теплого молока, спустилась в гулкий, пустынный в это время двор Виндзорского замка.

С ней шел паж Грини, с которым она познакомилась на королевской охоте. Грини вывел для Алисы вороного Ланселота, коня смиренного и выносливого. К седлу были приторочены сумки с едой и теплой одеждой. Не забыл Грини и широкий кожаный пояс с кинжалом. Свой рюкзачок Алиса привязала к мешку и накинула плащ, подаренный Лиззи. Плащ был темно-синим, гладким. Только выворачивать наизнанку его не стоило, потому что подкладка у него была ярко-красной, с вышитыми золотыми львами. Но другого плаща в спешке не нашлось

— Дорогу на Оксфорд помнишь? — спросил паж.

— Помню. Ты мне тысячу раз объяснял.

— Девчонкам и две тысячи раз объяснить полезно, — проворчал Грини. — Вашей сестре лучше дома сидеть.

— Но когда надо выполнить поручение королевы, причем опасное и трудное, то просят меня, — подколола пажа Алиса. — Потому что ты — не самый умный из пажей.

— Зато я верный! — обиделся Грини.

— Верный дурак — находка для врага! — заявила Алиса, которая немного обиделась на пажа за его отношение к девочкам. Она подумала: «Вот бы предложить ему соревнование: Какое угодно! Например, по борьбе у-ку-шу или самбо. Хорош бы был этот мужчина!»

— Хотел бы я тебе накостылять, — сообщил Грини, но не накостылял, а проводил ее до ворот Виндзора, потому что его знали стражники, а стражникам лучше было бы не обращать внимания на мальчика, который ранним утром в одиночку уезжает из замка.

— Желаю счастья! — крикнул Грини. — Береги себя, Алиса!

Он был, в принципе, неплохим парнем. Но очень уж средневековым...

Дорога от Виндзора к Оксфорду сначала тянулась мимо вспаханных полей вдоль реки, потом отошла от нее и, минуя небольшие деревни и мрачный монастырь, окруженный могучими стенами из каменных глыб, вступила в редкий лес.

Поднялось солнце.

Лес был солнечным и прозрачным. Деревья только-только распустились. Над головой с пронзительными криками летела к северу стая гусей.

Дорога была оживленной. Большею частью по ней ехали телеги. Крестьяне торопились в город, на рынок, по торговым делам, за покупками — все-таки Виндзор был центром для многих деревень, и дорога в Лондон шла через него. Хочешь — по реке, а хочешь — по берегу.

Конь Алисе достался и на самом деле хороший, умный, спокойный, разве что не разговаривал. Имя у него было рыцарское — Ланселот.

Часа через два Алиса сделала привал — трудно бывает без часов, но временщики не рискуют и в последнее время часов, даже вживленных, с собой не берут. В случае несчастья чем меньше от тебя останется в прошлом, тем лучше.

В стороне от дороги стоял каменный крест, возле него широкая скамья. Место это путники выбрали не случайно, потому что совсем рядом в ложбинке журчал родничок. И вода в нем была такая чистая и холодная, что зубы заломило. Алиса сама напилась и напоила коня.

Потом она посидела немного, подумала о том, как ехать дальше и как себя вести, чтобы не попасться врагам, а тем временем Ланселот пасся по соседству.

К вечеру Алиса добралась почти до Бирмингема. Ночевать она собиралась в Строрпшире — Джейн сказала ей, что неподалеку от замка герцога Бэкингема есть хороший постоялый двор. Там может остановиться даже вельможа с большой свитой.

Алиса спешила возле длинного двухэтажного здания, перечеркнутого черными балками, и уже собиралась привязать коня у коновязи, как из дома выбежала растрепанная служанка в сером платье и грязном переднике.

— О, сэр! — воскликнула она. — В гостинице нет мест!

— Как так? — опешила Алиса. — Коновязь пуста, на площади ни одной телеги:

— Мы ждем важных вельмож. Сегодня утром из Лондона от его светлости герцога Бэкингема прискакал гонец. Возможно, готовятся к большой охоте: Ведь герцог, как все знают, большой любитель поохотиться. А на этот раз он везет с собой гостей.

— Странно, — сказала Алиса. — Мне в Лондоне говорили, что никому не велено уезжать из города, потому что скоро коронация — великое торжество.

— Мы живем далеко от Лондона, — пожала плечами служанка. — Нам как хозяин скажет, так мы и делаем. Тем более что по секрету сообщили: может быть, сюда пожалует сам герцог Глостер.

— Ну уж этого быть не может, — вырвалось у Алисы. — Он же регент принца Эдуарда и ждет его в Лондоне.

Из дверей гостиницы вышел хозяин.

— Проваливай! — завопил он, вытирая ладонью жирные губы — видно, недавно славно поужинал. — Здесь место только для настоящих господ!

— А где здесь можно переночевать?

— Под кустом! — нагло заявил хозяин постоялого двора, но потом, несмотря на темноту, сообразил, что мальчик, которого он только что прогнал, хорошо одет, что у него славный конь с доброй сбруей. Подумав, он смилостивился и сообщил: — Проедешь еще милю, увидишь дом под соломенной крышей. Там пивная «Полная кружка». У Джона над залом есть комнатки для таких, как ты.

Алиса послушалась его совета и вскоре уже входила в небольшую комнатку с низким потолком, где умещались лишь кровать да табуретка, на которой стояли таз и кувшин с водой.

Она села на кровать и задумалась.

Не вовремя герцог Бэкингом и принц Ричард затеяли охоту на полдороге от Лондона к Ладлоу.

Чего они хотят? Встретить принца или это и есть та ловушка, о которой Алиса читала? Она вряд ли сможет предупредить друзей королевы, но надо попытаться.

Алиса никак не могла заснуть. Конечно, рассуждала она, можно потерять день и посмотреть, кто приедет на постоялый двор. Но вдруг они не спешат и появятся только дня через два? А письмо надо доставить срочно.

Нет, лучше ехать дальше.

И рассказать обо всем графу Риверсу.

Заснула Алиса только под утро. Но разве это сон, когда на тебя набрасывается стая голодных клопов? Таких встречают только путешественники во времени. Даже на самой отсталой планете XXI века о клопах не знают, не слышали, в школе не проходили!

С первыми же лучами солнца Алиса вскочила и, конечно, опять не выпалась.

Глава десятая. Предупреждение

На третий день, избежав многих опасностей и приключений, голодная, уставшая, будто три дня дрова рубила, Алиса добралась до Ладлоу.

Увидев городок и возвышающийся над ним на холме замок, она обрадовалась, словно вернулась домой после долгой отлучки.

У города уставшего Ланселота догнал отряд рыцарей, хорошо вооруженных, суровых, будто враг уже недалеко.

На Алису рыцари поглядывали с некоторым удивлением. Мальчикам не место на этой дороге.

Алиса думала, что они так и проедут, не задавая вопросов, но вдруг один из рыцарей, поравнявшись с ней, громко спросил:

— Ты куда направляешься, мальчик?

— В замок Ладлоу, — честно ответила Алиса.

— К кому же ты туда едешь?

— Это мое дело, — отрезала Алиса.

И сразу же прокляла себя: ну зачем надо было грубить в двух шагах от цели?

Но сказанное слово обратно не вернешь.

Мрачные лица, как по команде, повернулись к ней.

Один из рыцарей покинул строй и направился к Алисе.

Конечно, она может сказать правду, что едет от королевы к графу Риверсу, и если рыцари не верят, пускай проверяют.

Но Алиса понимала, что так поступать нельзя. Ведь, скорее всего, среди этих рыцарей есть соглядатай или шпион герцога Глостера.

— У меня там дядя поваром служит, — сказала Алиса. — Я к нему в гости...

— Поваром? — удивился командир рыцарей. — А где же ты живешь, дружок?

Алиса смешалась и ответила неудачно. Она уже отвечала, но понимала, что так говорить не следовало.

— Я в деревне живу, — сказала Алиса. — Где же мне еще жить?

Рыцари не расхохотались, потому что решили, что поймали настоящего шпиона.

Им-то ясно было видно, что конь и сбруя у поварского племянника совсем не деревенские. Значит, мальчишка врет.

А раз врет, то с ним лучше расправиться. Не то сейчас время...

Рыцарь, который подъехал к Алисе ближе всех, повернулся к командиру:

— Я его зарублю, можно?

И стал вытаскивать меч из ножен. И сделал это так решительно, что Алиса сердито закричала на него:

— Да вы с ума сошли! Сейчас же спрячьте меч!

— Он еще спорит! — Тут уж рыцарь рассердился всерьез.

— У меня секретное дело! — закричала Алиса. Ей стало не до шуток. — У меня дело к графу Риверсу. И прошу меня не убивать, потому что могу твердо пообещать: если хоть волосок упадет с моей головы, вам не жить на свете!

Убедили рыцарей не слова Алисы, а тон, которым она их произнесла. Она не

защищалась, а нападала. Люди это всегда чувствуют.

— Сэр Компьен, — крикнул командир отряда, — отстаньте от мальчика! Но вы мне головой отвечаете, чтобы он попал в замок живым и здоровым.

— Слушаюсь! — без радости откликнулся рыцарь. Он с гораздо большим удовольствием отрубил бы Алисе голову.

— Конечно, это великий подвиг, — не удержалась Алиса. — Убить ребенка, да еще безоружного!

— Ты не ребенок, — уверенно ответил рыцарь. — И не безоружный. Будь моя воля, я бы тебя и на милую не подпустил к графу Риверсу. Ведь от него два шага до нашего короля.

— Какого короля? — не поняла Алиса.

— Короля Эдуарда V. Его на той неделе коронуют в Лондоне. А мы будем его охранять в пути.

— Охраняйте получше, — посоветовала Алиса.

— А ты-то откуда?

— Я же говорю — из деревни...

Навстречу им от ворот замка на улицу городка выехала группа всадников.

Некоторых из них Алиса знала по встрече на королевской охоте, а других помнила по портретам в книгах из библиотеки Института времени.

Первым ехал брюзгливый толстяк в алом костюме и шляпе с перьями. У него было красное капризное лицо с оттопыренной нижней губой.

— Рад вас видеть, славный рыцарь Джонс! — крикнул он. — Вы вовремя привели своих мальчиков. Все ли в порядке?

— Все в порядке, граф, — ответил предводитель отряда.

— Придется вам стать лагерем в поле — у нас нет места для всего войска. Некоторые отряды расположились в десяти милях отсюда.

— Нам не привыкать, — махнул рукой сэр Джонс. — Только примите от нас добычу, граф. Мы поймали шпиона.

— Этого еще не хватало! — встревожился граф Риверс. — Надо было сразу ему голову снести.

— Он сказал, что у него к вам важное дело.

— Я не разговариваю со шпионами, — отрезал граф. — Так что разбирайтесь с ним сами, да поскорее.

— Ваша светлость! — крикнула Алиса. — У меня к вам секретное дело!

— Ничего не знаю! — Граф развернул коня, чтобы вернуться в замок. Командир рыцарей, сэр Джонс, поехал за ним, а остальные рыцари расположились на площади перед замком, ожидая, когда вернется командир, чтобы разбить лагерь в поле.

— Ну что, кончилась твоя короткая подлая жизнь? — сказал молодой рыцарь, который давно уже порывался убить Алису.

«Ну ладно, хватит тайну беречь, — подумала Алиса. — А то они и вправду со мной разделаются».

— Граф Риверс! — отчаянно закричала Алиса. — Прочтите все же письмо, а потом уж пускай меня казнят.

— Какое письмо? — повернулся к ней Риверс.

— От вашей сестры.

— Возьмите у него письмо и принесите мне, — приказал граф одному из рыцарей. — Я

боюсь незнакомых людей. Говорят, у Глостера на службе сама фея Моргана. Может быть, это не мальчишка, а она.

Алиса вытащила из-за пояса кинжал. Рыцарь на всякий случай отпрянул от нее. Несколькими движениями кинжала Алиса распоролa подкладку куртки и вытащила письмо.

— Возьмите, граф, — сказала она. — Мне приказано передать его вам в собственные руки.

Рыцари смотрели на графа. И он, видно, понял, что негоже ему бояться мальчишку. Он тронул коня и подъехал к Алисе.

Тяжелая рука стоявшего рядом рыцаря опустилась ей на плечо.

Даже если бы она захотела, то не смогла бы дотянуться до графа кинжалом.

Граф колебался. Другими словами, трусил, но не хотел этого показывать.

— Давайте мы его прикончим, — сказал один из рыцарей, — а потом уж вы письмо прочитаете.

Граф продолжал колебаться.

Такой вариант показался ему самым безопасным.

Но, на счастье Алисы, именно в этот момент в приоткрытых воротах замка показался мальчишка. Он шел не спеша с удочкой на плече и с книжкой под мышкой. Ну что могло бы быть более мирным!

События у ворот привлекли внимание принца Эдуарда.

Он увидел, как рыцарь уже примеривается, чтобы нанести Алисе смертельный удар...

И закричал:

— Алиса, как хорошо, что ты приехала, друг мой!

Принц отбросил книжку и удочку и помчался к Алисе. Так как никто не сообразил, чего хочет принц, рыцарь не собирался бросать начатое дело.

Его меч уже опускался на голову Алисы.

Принц Эдуард намеревался закрыть ее своим телом.

«Какой благородный король будет в Англии! — успела подумать Алиса. — Я его встречаю второй раз, и второй раз он совершает отважный поступок».

Но чтобы не рисковать жизнью героического принца, Алиса спрыгнула с седла в сторону, так что рыцарь не сумел ее удержать, и меч опустился на луку седла. Хорошо еще не поранил Ланселота.

Алиса рухнула в объятия мальчишка, и они покатались по пыльной дороге.

Алиса еще не успела подняться, как юный принц уже вскочил и обнажил свой маленький меч.

— Любому, кто посмеет дотронуться до моей подруги, — закричал он, — я отрублю голову! Вы меня знаете! Я — король Англии! А ну, на колени, мерзавцы!

Очень рассердился король Эдуард V. И рыцари стали покорно слезать с коней и опускаться на колени.

А король стоял, держа Алису за руку.

— Тебя мама послала? — спросил он.

— Мама прислала со мной письмо твоему дяде.

— Он неплохой, — сказал Эдуард, — но только не очень умный, и это меня беспокоит.

Алиса передала письмо Эдуарду, а тот протянул его графу Риверсу, который конечно же не опустился на колени, но выглядел растерянным, оттого что показал себя трусом. Рыцари этого не выносят.

— Читай, — приказал Эдуард.

— Ни в коем случае! — воскликнула Алиса. — Это же секретное письмо! И все, что не написано в нем, я должна передать на словах.

— Она девочка... Она девушка... Она не мальчик... — растерянно бормотали рыцари.

Эдуард услышал и обернулся к ним. Он был таким маленьким, но могучие рыцари стояли перед ним на коленях.

— Граф Риверс, — спокойно произнес мальчик, — сейчас мы с вами проследуем ко мне в кабинет и там ознакомимся с тем, что пишет наша августейшая мать и что готова поведать нам благородная Алиса.

Он повернулся к рыцарям и приказал:

— А вы вставайте! Долго еще будете коленками пыль вытирать? И в будущем не нападайте на девочек! Может, у вас будет возможность скрестить мечи с настоящими врагами.

Эдуард сам повел коня Алисы и только во дворе передал поводья конюхам.

Граф Риверс молчал, тяжело дышал и отводил глаза. Алисе он не нравился, но другого защитника у юного короля не было.

Когда они поднялись в кабинет, граф уже овладел собой настолько, что спросил Алису, не проголодалась ли она. Алиса сказала, что сначала она хочет передать послание и рассказать об остальном.

В письме, как Алиса уже знала, королева сообщала брату, что обстановка в Лондоне ее тревожит. Она умоляла Риверса взять с собой как можно больше рыцарей. «В пути, — писала королева, — тебя могут встретить враги под личиной друзей. Не поддавайся на их притворство. Главное — сохранить отряд рыцарей в Лондоне. Жители столицы на моей стороне и на стороне Эдуарда. Но они боятся бандитов, которыми окружил себя герцог Глостер». Королева писала, что не знает, в чем замысел Ричарда, но боится, что этот замысел дурной.

Письмо прочел вслух Эдуард, умевший читать куда лучше своего дяди.

— Я все это знаю и без Елизаветы, — сказал Риверс. — Но на самом деле Ричард бессилен. Он ничего не сможет нам сделать.

— Почему? — спросила Алиса.

— По двум причинам, — ответил грузный граф. — Во-первых, у нас две тысячи рыцарей — такого отряда Глостер собрать не сумеет. А во-вторых, он не посмеет причинить зло Эдуарду, потому что у Елизаветы в Лондоне есть еще один мальчик — Дик. И если они погубят Эдуарда, то придется короновать Ричарда. Мне об этом сказал епископ Йоркский, мы с ним все обсудили.

— Приятно слышать! — возмутился Эдуард. — Значит, мною можно пожертвовать?

— Ну кто так говорит! Я просто объясняю, что у Глостера нет никаких шансов.

— Ох, как хочется верить! — вздохнула Алиса. — А вот возле Стропшира я не смогла попасть на постоянный двор, потому что герцоги Бэкингем и Глостер сегодня или завтра устраивают там охоту.

— Какая еще охота в такие дни? — воскликнул Риверс.

— Рассказывай, — попросил Эдуард.

Он был рыжим, хотя и не таким ярко-рыжим, как старшая сестра.

Алиса рассказала, как попыталась устроиться на ночлег, но ее не пустили.

— Мало ли чего служанка наговорила, — отмахнулся граф Риверс. — Откуда ей знать!

Герцог Глостер ждет нас у Оксфорда, и мы вместе въедем в Лондон.

Эдуард повел Алису к себе в комнату. Он боялся, что их могут обмануть. Но главное — мальчик не доверял графу Риверсу. Уж очень тот был глупым и спесивым. Он сам хотел стать регентом и править государством.

Потом Алиса и Эдуард сели играть в шахматы. Оказывается, принц Эдди умел играть — ему привезли шахматы из Италии.

Алиса могла бы легко обыграть будущего короля Англии, но не очень к этому стремилась. Понятно, что за много сотен лет шахматы изменились. В XXI веке любой школьник обыграет чемпиона мира из века XV.

Эдди оказался умным парнем — он догадался, что Алиса побывала в других странах, и расспрашивал ее о них. Алиса старалась не сболтнуть лишнего. Поэтому она больше говорила о животных и птицах, о горах и лесах.

А принц вытащил большой альбом с картинками, раскрашенными от руки. В нем были изображены звери лесов, полей и морей. Некоторые из них настоящие, хотя и не всегда можно догадаться какие. Медведя Алиса узнала, волка тоже — похоже, художнику приходилось их видеть. А вот слона и носорога угадать было нелегко. Зато некоторых зверей художник явно придумал. Например, дракона с тремя головами и морского змея, пожирающего корабль.

А вечером Алиса с Эдуардом поехали верхом вокруг городка, чтобы поглядеть, как готовятся к завтрашнему дню рыцари. Все холмы и долины вокруг Ладлоу были усеяны огоньками костров. Там сидели рыцари и пехотинцы и распевали песни, многие пили эль — светлое местное пиво. Все было спокойно.

Глава одиннадцатая. Путь в западню

Они ехали, как на войну.

Впереди двести рыцарей сэра Джонса под синим знаменем с двумя драконами — гербом его рода. Затем следовали славные всадники сэра Грея, известные умением стрелять из луков подобно йоменам, лесным братьям простого звания. Сверкали латы и шлемы кавалерии лорда Мальборо, черные плащи и серебряные щиты рыцарей сэра Дункана напоминали о вечном трауре по королю Артуру...

Алиса с Эдуардом ехали в середине этой бесконечной процессии.

И настолько силен был этот отряд, что даже у Алисы настроение улучшилось. Нельзя же победить в бою такое славное воинство!

Ночевали в Шрусбери. Рыцари встали лагерем вокруг города, а принц и его свита остановились в доме шерифа.

А когда все собрались на ужин, прискакал человек из Стратфорда и при всех сообщил графу Риверсу, что в десяти милях отсюда в Нортхэмптоне появились герцоги Глостер и Бэкингем. Они приехали встретить высокого гостя и сопровождать его до Лондона.

Риверс выслушал эту новость стоя. Он никак не мог решить, хорошо это или плохо. Наконец он спросил, теребя цепь на груди:

— У них много войска?

Посланец, видно, простой крестьянин, который решил таким образом заработать пару шиллингов, с готовностью ответил:

— У них совсем маленький отряд, не то что у вас. Все на одном постоялом дворе

уместились.

— На постоялом дворе?

— Герцог Глостер сказал, что не хочет, чтобы у его светлости графа Риверса возникли подозрения.

Риверс задумался. Потом спохватился, что посланец все еще стоит у стола, и сказал:

— Накормите человека на кухне. И дайте ему шиллинг.

Кто-то из слуг увел посланца.

В зале царила тишина. Все ждали, что скажет граф Риверс.

— Будем ждать, — произнес он наконец. — Будем ждать сигнала от герцогов. Я полагаю, что они и на самом деле намерены встретить нас и оказать нам уважение. Свидетельством тому тот факт, что они выехали в путь без большого отряда.

А так как все продолжали молчать и ждали, что еще скажет граф, он приказал:

— Продолжайте ужин! И я предлагаю тост за его величество, короля Эдуарда V! Да будет его торжественная коронация удачной и скорой!

Зазвенели бокалы и кубки, за столом вновь поднялся шум, все обсуждали будущую встречу с герцогом Глостером.

— А ты что думаешь? — спросил принц у Алисы.

— Я думаю, что была права, — сказала Алиса. — И на постоялом дворе мне сказали правду. Они приехали. И скоро мы должны ждать от них гонца.

— Какого гонца? — не понял Эдуард.

— Они позовут нас в гости. То есть не нас, а тебя. Меня они не позовут.

— Но мне ничего не угрожает? — встревожился принц. — Нет, мне ничего не угрожает...

И было видно, что он совсем не уверен в собственных словах.

— Мы не знаем, сколько рыцарей у них на самом деле, — осторожно заметила Алиса.

— Дядя уже послал лазутчиков, — сказал Эдуард. — Они вернутся к утру и все разузнают.

— Главное, чтобы нас не застали врасплох, — прошептала Алиса. — Боюсь, что герцог Глостер похитрее, чем твой дядя.

— Я знаю, — согласился Эдуард. — Но я скажу дяде, чтобы он не отправлялся на встречу с герцогом без надежной охраны.

Ночью Алиса спала плохо, и, хоть она была одна в небольшой комнатке под самой крышей дома, ей все время казалось, что в комнате есть кто-то еще. Кто-то ходит, поскрипывает половицами и тяжело дышит.

К тому же в углу шебуршились мыши и даже попискивали — видно, у них шел дележ имущества.

Алиса встала и подошла к окошку.

Внизу слышались пьяные голоса. В столовой еще остались рыцари, которые все никак не могли разойтись по комнатам.

По двору прошла женщина в плаще с капюшоном. Неужели монахиня? Что ей делать здесь в такое время? Что, если принцу Эдуарду грозит опасность? Быть этого не может!

Алиса хотела было спуститься и поднять тревогу, но потом передумала: пока будешь спускаться, зловещая монахиня уже скроется.

Она опустила раму застекленного окна — дом-то был богатым, даже окна со стеклами! — и негромко сказала, благо в ночном воздухе звуки разносятся далеко:

— Фея Моргана, вы что здесь делаете?

Монахиня замерла, будто пораженная молнией. Потом подняла голову. В темноте из-под капюшона по-кошачьи сверкнули глаза.

— Ах, это ты, странная девочка? — прошипела фея Моргана. — Ты опять пытаешься мне помешать? Не думаешь ли ты, что нам следует поговорить? Есть у меня подозрение, что ты принадлежишь к тому же цеху волшебников и магов, что и я.

— Я стараюсь защитить принца, — сказала Алиса. — Вы же — враг его семьи. Откуда такая ненависть?

— Я никого не ненавижу. Ненависти не существует. Но существует корысть и интерес. Мне обещана великая награда за мои дела. А дела эти мне нравятся.

— Вам нравится убивать?

И тут же Алиса услышала за спиной мальчишеский голос:

— Ты с кем разговариваешь, Алиса?

Принц Эдди незаметно вошел в комнату Алисы, встал рядом и тоже выглянул в окно.

— Кто эта монахиня? — спросил он.

Монахиня кинулась бежать — как тень, как испуганный таракан. Она растворилась в тени соседнего дома.

— Это фея Моргана, — ответила Алиса. — И я подозреваю ее в темных и страшных делах. Она дружна с герцогом Глостером.

— Вот не думал, что фея Моргана еще жива, — удивился мальчик. — Она ведь была сестрой короля Артура и жила много-много лет назад. Что она здесь делает?

— Что бы она ни делала, это плохо, — уверенно ответила Алиса. — И если ты не возражаешь, я бы попросила тебя остаться до утра в этой комнате.

— Почему? — удивился Эдди.

— Потому что, — нашла Алиса, — я очень боюсь оставаться одна.

— Ну хорошо, — великодушно согласился принц. — Я пойду тебе навстречу. Девочек надо охранять. Все равно мне спать не хочется.

Алисе тоже спать не хотелось. По крайней мере, теперь она была спокойна за принца. Если фея Моргана затеяла что-то отвратительное, то она сунется в комнату Эдуарда. Здесь ей делать нечего. А вдвоем всегда спокойнее и надежнее.

Некоторое время они с Эдуардом поговорили, потом стало холодно, и они накрылись медвежьей шкурой, которая валялась на лежаке. Накрылись, прижались друг к дружке и нечаянно заснули.

Так Алиса провела ночь под одной шкурой с королем Англии Эдуардом V. Хоть его еще официально не короновали в Вестминстерском аббатстве, как положено, но с момента смерти своего отца Эдуард считался королем, и все англичане это признавали. Правда, не все этого хотели. Конечно, пока не состоялась коронация и Эдуард не получил Большую королевскую печать, он еще не совсем король.

Они проснулись одновременно от шума под окнами, от голубого света, который вливался в решетчатые окна спальни, от криков конюхов и оруженосцев, от ржания коней и голосов рыцарей.

Эдди с Алисой спустились в столовую. За неубранным после вчерашнего пира столом сидел граф Риверс, сэр Грей и другие бароны. Увидев короля, Риверс сказал:

— Доброе утро, ваше величество! Садитесь за стол, позавтракайте. У нас есть для вас хорошие новости.

Алису он не пригласил, не считал достойной своего высокого внимания. Но Эдди повел ее за собой и, усевшись во главе стола, сказал сэру Грею:

— Подвиньтесь, пожалуйста. Алиса будет сидеть по правую руку от меня, сегодня и всегда.

Костлявый усатый сэр Грей, сводный брат короля, поморщился, но возражать не стал.

— Введите гонца, — приказал граф.

Вошел рыцарь в плаще с вышитым на нем золотым кабаном — гербом герцога Глостера. Он поклонился графу и прочим вельможам.

— Говори, — приказал граф Риверс. — Теперь ты можешь повторить все в присутствии короля Эдуарда.

— Простите, сэр, — твердо сказал гонец. — Но я вижу перед собой лишь принца Уэльского, ведь коронации еще не было.

— Выгони его! — велел Эдуард.

«Ого, — подумала Алиса. — Он мог бы стать неплохим королем. Самодержцем, который не выносит наглости чужих послов».

— Давай сначала выслушаем рыцаря, — ответил дядя. — Нам нужно попасть в Лондон на коронацию, а не воевать с баронами. Говори же, гонец.

— Его высочество герцог Глостер остановился в десяти милях отсюда с небольшой свитой и ждет к себе графа Риверса и принца Уэльского, чтобы обсудить с ними следование кортежа к Лондону, а также детали предстоящей коронации.

— И это все? — спросил Риверс.

— И это все, если не считать благородного слова герцога Глостера. Он обещает вам, сэру Грею и принцу Эдуарду полную безопасность и охрану. Слово герцога и принца крови. Герцог просил напомнить вам, граф Риверс, что по воле его покойного брата он теперь — протектор престола и государства и несет ответственность за жизнь королевской семьи.

— Спасибо, — сказал граф Риверс. — Честно говоря, от сердца отлегло. Мы едем к Глостеру. А вы, рыцарь, садитесь за стол и подкрепитесь. Я должен буду отдать необходимые распоряжения.

Граф тяжело поднялся из-за стола и понес свое тугое пузо к выходу.

— Алиса, — позвал Эдди. — Иди за мной!

Они побежали за графом.

— Дядя, — сказал Эдуард, догнав графа Риверса. — Может быть, нам не стоит туда ехать?

— Я все продумал, — ответил граф. — Ты останешься здесь под охраной двух тысяч всадников. И уж тут до тебя не дотянется никакая вражеская рука.

— Значит, мне не надо ехать? — У Эдуарда от сердца отлегло.

— Командовать отрядом в мое отсутствие будет сэр Джонс. Он со своим штабом расположился в соседней деревне. Вон там, за перелеском. В случае опасности он немедленно придет тебе на помощь.

Граф Риверс направился к лошадям. За воротами стоял отряд рыцарей сэра Грея, который должен был охранять графа и его свиту в пути.

— Может, не стоило им ехать, — вздохнула Алиса. — Непокойно у меня на сердце...

Процессия двинулась к лесу. Риверс со свитой помчался очень быстро, а рыцари сэра Грея немного поотстали.

— Тебе не кажется, — спросила Алиса у принца, — что мне лучше отправиться следом

за ними?

— Я не смел просить тебя об этом, — ответил мальчик. — Но наверное, это хорошая мысль. Будь уверена: когда я стану настоящим королем и накажу врагов, я буду награждать друзей. И ты будешь первой среди них.

— Хорошо бы, — сказала Алиса.

Она побежала наверх, надела пояс с кинжалом, плащ. Эдуард отдал ей свою шляпу, похожую на клюв вороны. Принц хотел отдать и своего коня, но Алиса сказала, что уже привыкла к вороному Ланселоту. Они с ним сдружились.

Во дворе народу было немного. Почти все рыцари ждали приказа, расположившись вокруг городка. Эдуарда берегли только телохранители. Все слуги и охранники уже пригляделись к странному оруженосцу-девице, подружке мальчика-короля.

Попрощавшись с королем и пообещав ему вернуться, если заподозрит что-то неладное, Алиса поехала к лесу, следом за отрядом сэра Грея.

Утро было мирное, но серенькое, моросил апрельский дождик, птицы перекликались — у них наступало самое интересное время, они знакомились между собой, начинали дружить и даже подумывали о свадьбах.

Алиса догнала хвост отряда только ближе к полудню.

Обгонять рыцарей она не стала — опять начнутся вопросы и подозрения. Так что она решила держаться позади, метрах в ста за последними всадниками. И так продолжалось больше часа.

И вот когда облака развеялись и выглянуло солнце, Алиса сообразила, что уже наступил полдень и пора бы появиться Нортхэмптону. Но по сторонам дороги тянулся все тот же лес.

Что-то случилось. Почему-то отряд движется совсем не туда, куда следовало бы.

Алиса решила действовать. Она пришпорила коня и догнала отряд. Рыцари ехали нестройно, не выставив охранения — видно, не опасались засады. Алиса считала, что они неправы и надо бы сказать об этом сэру Грею. Но сначала надо выяснить, где же цель пути?

Алиса пустила коня в галоп, и Ланселот поскакал по обочине лесной дороги.

Рыцари оборачивались, кричали что-то вслед, смеялись — им было скучно ехать несколько часов, и они были рады возможности развлечься.

Вот и голова отряда!

Сэр Грей обернулся к Алисе, пригладил усы и на всякий случай надел шлем, который висел у него за спиной.

— Сэр Грей! — закричала Алиса, заметив, что рыцари, ехавшие по бокам от командира, уже натягивают тетивы луков. — Сэр Грей, это я, баронесса Алиса! Вы меня знаете! Вы меня вчера на ужине видели.

Луки опустились.

— Что случилось, девочка? — спросил сэр Грей.

— От дома шерифа до Нортхэмптона десять миль, — сказала Алиса. — А мы едем уже пять часов. Разве так может быть?

— Вы совершенно правы, — согласился с ней сэр Грей. — Почему мы так долго едем?

Но никто не смог ответить ему на этот вопрос.

— Может быть, вы сбились с пути? — спросила Алиса. — Может, свернули не туда на развилке?

— Но ведь не было развилки! — возмутился сэр Грей. — Неужели вы думаете, что мы бы ее проморгали?

Впереди показалась небольшая деревня.

— Вот тут мы все и узнаем, — сказала Алиса.

Ее мучили неприятные предчувствия. Даже не предчувствия. Она уже знала, что произошло. Наверняка граф Риверс уже оказался в руках герцога Глостера без охраны. А охрана оказалась без вождя.

— Эй! — крикнул сэр Грей крестьянину, который шел им навстречу, погоняя быка, и попытался было спрятаться в лесу. Любой крестьянин спешил спрятаться в лесу при виде вооруженных рыцарей — уж очень много лет в стране кипела, то загасая, то разгораясь вновь, гражданская война, и отряды рыцарей недурно потоптали поля и пожгли деревни.

— Эй! — снова крикнул сэр Грей. — Как зовется эта деревня?

Вопрос был неразумный. От того, как зовется деревенька, ничего не менялось.

— Беркстед, — ответил крестьянин.

— А где Нортхэмптон? — зарычал рыцарь.

— Не знаю! — Крестьянин дрожал так, словно прощался с жизнью.

— А эта дорога куда? — пытался понять сэр Грей.

— А это дорога никуда, — ответил крестьянин. — Она еще мили четыре до озера идет, а потом в озеро входит и пропадает.

— Почему?

— Все знают почему, — удивился неведению рыцарей крестьянин. — Потому что в озере фея Моргана утопилась. Давным-давно в одного из нашей деревни влюбилась, а он Кэтрин любил, не слышали?

— А потом? — спросил сэр Грей, который так ничего и не понял.

— А потом она парня в болото заманила, а его девушка, Кэтрин, значит, за Тома Клайда вышла, и у них семеро детей было.

— А фея?

— А фея от злости утопилась. Такие не терпят поражений. Правда, она не до смерти утопилась. Время от времени она вылезает из озера и ходит, и ходит... Не дай бог ее встретить! Так что дальше по этой дороге не ходите. Через три мили болото непроходимое, а потом озеро бездонное. Тут вам и конец придет!

— Немедленно назад! — закричала Алиса. — Немедленно назад до развилки, на которой фея Моргана вас сюда повернула!

— Да не было никого! — ответил сэр Грей.

— Как не было? — удивился его адъютант. — Как не было, если вы еще два часа назад на развилке с монахиней разговаривали? Дорогу спрашивали.

— Так то же монахиня! Святая женщина!

— Скорей! — закричала Алиса. — За мной! Мы можем опоздать!

И тут до сэра Грея дошел весь ужас положения. Он должен был охранять графа Риверса и его свиту, но не выполнил своего долга и даже не помнил, как послушался какую-то не то монахиню, не то фею Моргану.

— Назад, на помощь сэру Риверсу! — закричал Грей и повернул коня.

Он скакал мимо строя замерших и ничего еще не понимавших рыцарей. Но постепенно они соображали, в чем дело, и один за другим поворачивали следом за своим командиром.

Алиса опять оказалась в хвосте отряда, но она понимала, что теперь спешить не спешить, вернее всего, граф Риверс уже угодил в капкан.

Вот и развилка. Трудно было ее не заметить. Но в Средние века дорожных указателей

еще не придумали, так что всегда приходилось искать знающего человека.

Вот и нашли!

Не случайно Моргана ночью бродила по двору дома шерифа. Она хотела понять, кто и каким образом поедет на встречу с герцогом Глостером.

Может, ей не составило бы труда убить юного короля, но по каким-то причинам Ричард не смел пойти на такое преступление. Ему же возвращаться в Лондон, объяснять горожанам, что случилось с принцем, которого отец, умирая, оставил под его охраной.

Нет, Ричард еще не закончил свою игру.

Шаг за шагом:

Рыцари мчались к Нортхэмптону так, что земля стонала под копытами их коней, деревья раскачивали вершинами, а птицы замолкали на половине трели.

Вот впереди показались башни городских стен.

Цель близка!

Но оказалось, что не так близка, как хотелось...

Глава двенадцатая. В западне

Отряд сэра Грея перевалил через пологий холм, и перед рыцарями открылся город.

Но город был недоступен.

Между Нортхэмптоном и отрядом сэра Грея в двадцать рядов стояли рыцари герцога Бэкингема.

Их было вдесятеро больше, чем спутников Грея.

Бой был безнадежен.

Враги не пошевельнулись, когда сэр Грей повел своих людей в атаку.

И Грей волей-неволей придержал коня.

Перед строем рыцарей стоял герцог Бэкингем, ненавидевший его так, как только может знатный аристократ ненавидеть простолюдина, приблизившегося к трону в силу родственных отношений с королевой.

Кони успокаивались, рыцари переводили дух. Над полем установилась тишина.

— Добро пожаловать, сэр Грей, — произнес герцог Бэкингем, известный красавчик и покоритель женских сердец. — Граф Риверс уже заждался вас. Почему ваш отряд так припозднился?

— Произошла ошибка, — осторожно ответил сэр Грей. — Мы сбились с дороги.

— Ах, как странно! — усмехнулся герцог Бэкингем. — Неужели вы решили съездить в болота у озера феи Морганы?

Грей сдержался и не ответил. Рыцари Бэкингема громко расхохотались.

— Не беспокойся, — оборвал смех своих рыцарей герцог. — Граф Риверс тебя ждет. Протектор Англии герцог Глостер приглашает вас к обеду. Надо обсудить детали коронации. Прощу тебя, следуй за мной.

— А мои рыцари? — спросил сэр Грей.

— А твои рыцари подождут здесь. Пускай они отдохнут, дорога была долгой и нелегкой. Им принесут пищу и вино.

Грей колебался.

Алиса, хоть и была всего-навсего девочкой, понимала, о чем он думает. Он, конечно, мог приказать своему отряду вернуться в Шрусбери. Но рыцари Бэкингема, без сомнения,

догнали бы его и всех перебили — десять к одному, так даже греческие герои не сражались!

— Пойми, сэра Грей, в Нортхэмптоне и так тесно от слуг и лакеев — куда там девать твоих рыцарей? А когда будете возвращаться, рыцари тебя встретят, — пояснил Бэкингем.

Грей нехотя склонил голову.

А Алиса встретила взглядом с молодым рыцарем, который гарцевал рядом с герцогом. Как же она сразу его не узнала? Это же тот поселянин, что принес вести о герцоге Глостере и сказал, что у него маленький отряд, только свита! Значит, его специально подослали, чтобы заморочить голову графу Риверсу!

Все погибло!

Но если она сейчас крикнет сэру Грею, предупредит его, то нарушит важнейший закон путешественника во времени: не вмешиваться в действительность. К тому же почти наверняка она погубит сэра Грея — рыцари Бэкингема его немедленно зарубят. Впрочем, следующей жертвой станет сама Алиса.

Она смотрела на лже-крестьянина в упор, и тот почувствовал себя неловко, отвел глаза, а потом пришпорил лошадь, чтобы отъехать подальше от мальчишки.

И наверное, он подумал: «Меня узнали».

И еще подумал: «А какое мне дело! Ведь сэра Грей уже в ловушке и не выберется из нее».

Как просто они нас поймали!

Сэр Грей тронул коня, подъехал к герцогу Бэкингеми и, когда тот тронулся, поехал рядом с ним.

Он не оборачивался. Может, ему было стыдно, а может, и страшно.

Рыцари тоже были растеряны. Помощник сэра Грея приказал им сойти с дороги на лужайку, кони перемешались, отряд превратился в толпу, и никто не заметил, как Алиса все быстрее и быстрее поскакала обратно, в Шрусбери.

Конь Алисы был верным и послушным, но не очень быстрым. Алиса, как могла, погоняла его, но, так как она знала, чем все это кончится, смысла загонять коня не было. А она все равно гнала. Все-таки принц Эдуард был ей не чужой человек, она с ним уже подружилась, знала его родителей, брата и сестру.

Алиса прискакала в Шрусбери быстрее, чем герцог Глостер.

Эдуард ждал ее на улице. Он помог ей спрыгнуть с коня.

— Все плохо? — спросил он. — Говори, я по тебе вижу, что все плохо.

Конюх отвел коня в сторону. Алиса взяла Эдуарда под руку, и они вышли на склон холма. День был пасмурным, трава еще робкая, весенняя.

— Они все попали в ловушку, — сказала Алиса. — Фея Моргана сделала так, что сэра Грей и его отряд поехали не той дорогой.

— Как это могло случиться? Он же опытный командир!

— Не будем тратить время на объяснения, — сказала Алиса. — Граф Риверс приехал в Нортхэмптон без охраны. Я не знаю, где он сейчас и что с ним. Кстати, это вранье, что у Глостера нет войска. Было у него войско, но мы поверили лазутчику герцога.

— Проклятье! — Будущий король даже ногой топнул.

— Бэкингем пригласил Грея туда же.

— Грей отказался? Отказался, да?

— У Бэкингема был отряд вдвое больше, чем у Грея. Мы попали в засаду. Грей оставил рыцарей в лесу дожидаться его — их в город не пустили. А сам поехал к Ричарду.

— Значит, надо бежать! Я сейчас же объявлю тревогу.

— Не знаю, успеешь ли ты. Ведь никого из взрослых здесь не осталось. А они уже едут. И правда, к городку медленно, не скрываясь, как лучший друг, ехал герцог Глостер, рядом с ним герцог Бэкингем, а позади небольшая, сверкающая латами свита.

Орлиный взор протектора королевства издали распознал Эдди.

— Эй, дорогой мой племянник! Как хорошо, что я застал тебя в Шрусбери! — крикнул герцог. — У меня к тебе важный разговор.

— Отойди, — приказал принц Алисе. — Не хочу, чтобы тебя видели рядом. Они могут тебя узнать. Иди наверх, в мою комнату, спрячься в сундуке с одеждой.

Эдуард был прав.

Алисе не стоило там оставаться.

Она вошла в дом шерифа, поднялась на второй этаж в комнату принца. Дверь была приоткрыта, на этаже никого не было. Даже странно, что ни одного рыцаря там не оказалось. Словно судьба короля никого уже не беспокоила. Но две тысячи верных королевы рыцарей окружали Шрусбери. Вместо того чтобы прятаться, Алисе нужно было бежать к ним и поднимать тревогу. Если бы ее кто-нибудь послушался!

Большой сундук стоял у самой стены, за кроватью под балдахином. Там в самом деле было удобно прятаться. Если только он не захлопнется.

Алиса залезла в сундук, в нем было мягко и пахло пылью. Она подложила под край шапку, чтобы оставалась щель — подглядывать и дышать.

И вовремя.

Как только она закончила устраиваться, в спальню вошло несколько человек. Даже если и не видишь, можно угадать по голосам — голоса Алиса уже знала.

— Мальчик мой, — сказал герцог Глостер. — У меня для тебя есть печальные известия.

— Говорите, дядя.

— Мои люди следили за твоим дядей Риверсом, и им удалось выяснить, что он вместе с сэром Греем замыслил заговор, чтобы убить тебя, мой дорогой племянник.

— Не может быть! Дядя охранял меня!

Сквозь щель Алисе было видно, что герцог Глостер уселся в кресло, Бэкингем стоит у него за спиной, а мальчик-король бегаёт по комнате. Он растерян, испуган и конечно же не верит своему дяде Ричарду.

— Он намеревался возвести на трон сэра Грея. Тогда семья твоей мамы могла бы захватить всю власть в Англии, а нам с тобой пришлось бы бежать.

— Я не верю вам, дядя!

— Ты еще мал, чтобы не верить мне. У меня есть доказательства. И я намерен изложить их командирам всех рыцарских отрядов, что собрались вокруг Шрусбери. Бэкингем, попрошу поступить так, как мы договорились. Пригласите на встречу со мной всех баронов графства. И так как я приехал без охраны, полностью доверяя им, я прошу такого же доверия с их стороны.

Алиса слышала, как Бэкингем вышел из комнаты.

— Ты можешь мне верить или не верить, — продолжал Глостер, — но я переживаю только за судьбу королевства. Я поклялся твоему отцу и моему брату заботиться и охранять державу. Теперь у нас с тобой, мой мальчик, есть одна большая цель: мы должны как можно скорее провести коронацию, чтобы ты занял трон. Я мечтаю об этом. Клянусь тебе!

— Я хочу поговорить с дядей Риверсом! — упрямо сказал мальчик.

— Пока это невозможно, он задержан в Нортхэмптоне, там идет следствие. Но как только следствие закончится, ты конечно же поговоришь с изменниками.

— Мы поедem в Лондон к маме? — спросил Эдуард.

— Молодец, — обрадовался Глостер. — Именно так! Мы поедem в Лондон к твоей мамочке. Но нужна крайняя осторожность. Потому что вокруг враги и завистники. Ты не представляешь, скольким мерзавцам твой трон кажется завидной добычей. Так что собирайся, мы едем в Лондон. А изменников ждет достойное наказание.

Алиса услышала, как Эдуард, выходя из комнаты, негромко произнес: «До свидания, друг!» И поняла, что эти слова относятся к ней.

Глава тринадцатая. Бегство в Вестминстер

Алиса возвращалась в Лондон проселочными дорогами через Уэльс, потому что боялась попасть в руки солдатам герцога Глостера. Может быть, безопаснее было бы расстаться с конем и пристроиться к бродячим актерам, студентам или паломникам, но Алиса берегла время — она понимала, что дорог каждый час.

Печальные вести нагоняли ее в пути. Они катились по мокрым весенним дорогам, как прошлогодние листья под ветром. И даже то, чего никто не мог увидеть, становилось известно за сотню миль уже на следующий день.

В Англии все знали, что после веселого пира у герцога Глостера граф Риверс и сэр Грей отправились в отведенные им опочивальни, но когда утром захотели выйти, оказалось, что двери заперты. Только к полудню следующего дня, когда король Эдуард уже был захвачен, Глостер и Бэкингем согласились увидеть пленников. Правда, у них отобрали оружие и обращались с ними, как с мелкими преступниками.

— Что случилось? — стал требовать Риверс. — Разве мы хоть чем-нибудь нарушили соглашение? Мы же только сопровождали Эдуарда в Лондон!

— Всем известно, — заявил красавчик Бэкингем, нагло ухмыляясь, — что вы старались воспрепятствовать дружбе и добрым отношениям между нами и принцем Уэльским. И это — государственное преступление, ибо по завещанию короля именно герцог Глостер назначен протектором государства и регентом при будущем короле.

Глостер же ничего не сказал, а лишь жестом велел Риверсу подойти к окну.

Во дворе стояли скованные командиры рыцарских отрядов, которые сопровождали Риверса и должны были охранять молодого короля от интриг герцога Глостера.

— Они будут казнены вместе с тобой, изменник, — сказал герцог Бэкингем. — Они были орудием твоих интриг.

— Я делал все по приказу королевы Елизаветы, — твердо ответил Риверс. Он старался владеть собой и все еще думал, что сейчас Ричард попугает его, попугает, а потом простит, и они мирно поедут дальше в Лондон. А когда его повели вниз, а оттуда в подвал, чтобы первому отрубить голову, он все еще думал: «Вот сейчас они скажут: „Ха-ха, мы пошутили!“» И даже когда голова его уже лежала на плахе, граф уговаривал себя: «Вот-вот этот ужас кончится...»

На следующий день Алиса узнала о гибели графа Риверса, сэра Грея и доверчивых рыцарей, которых заманили в капкан поддельными письмами Риверса о том, что их якобы вызывают на совет. Но ее больше интересовало, куда делся принц Эдуард, ее юный приятель? Не мог же Ричард убить его на глазах у всей Англии! Алиса уже не раз слышала и

видела, как разные люди волновались за жизнь короля Эдуарда, беспокоились о его судьбе. Пожалуй, никто особенно не жалел родственников Елизаветы — интриги и дразги вокруг трона никого не занимали. Но мальчика заранее любили. И не только потому, что он был сыном любимого короля, а за то, что он ребенок. К детям всегда лучше относятся. Их жалеют. А что касается герцога Глостера, то ему некоторые верили, а другие и в грош не ставили и даже боялись того, что он хочет сам захватить власть и заграбастать королевский трон. Правда, никто толком не понимал, как это можно сделать. Не посмеет же он убить юного короля! Проклятие падет на его голову — он не решится! А другие усмехались и добавляли, что если Ричард и сможет добраться до Эдуарда, то ведь у королевы Елизаветы остается другой сын. А как его украдешь? Говорили, что при первых же известиях о судьбе сына и родственников, королева заперлась в замке Виндзор, окруженная верными рыцарями. Попробуй отними у нее второго сына! Недаром покойный король Эдуард постарался, оставил после себя двух принцев — через двоих Глостеру не переступить...

Но это были разговоры по дороге, у костра, в лесу, возле печи на постоялом дворе, в пивной за кружкой эля. А если к ним и прислушивается худенький мальчишка, то кто на него обратит внимание...

А когда мальчишка вступал в разговор и даже говорил, что герцог Глостер такой хитрый, что обязательно придумает какую-нибудь гадость, люди только посмеивались. Не то чтобы они думали иначе, но ведь кому хочется предполагать худшее! Лучше надеяться на то, что все обойдется, а дело закончится миром.

На третий день к вечеру Алиса добралась до Виндзора.

Она уже думала, что ее путешествие закончилось, но оказалось, что до конца еще далеко.

И виной тому стала вереница всадников, щиты которых были затянуты серыми тряпками, а знамена свернуты и спрятаны в чехлы. Этот отряд направлялся в Виндзор. А Алиса его обогнала.

Она и не обратила бы особенного внимания на всадников — мало ли кто в такое смутное время разъезжает по дорогам Англии, спрятав свои гербы под серыми тряпками? Но, обгоняя всадников, она кинула взгляд направо и в сумерках узнала лицо рыцаря, ехавшего с края.

Это был тот самый молодой поселянин, который так ловко обманул графа Риверса.

К счастью, тот ехал задумавшись и не обратил внимания на Алису.

Алиса пришпорила Ланселота.

Он почувствовал ее волнение и перешел на рысь. Алиса так сдружилась с конем, что тот научился угадывать ее мысли, а Алиса без подсказки знала, когда конь устал, когда проголодался, а когда ему просто хочется попасть в поле.

До Виндзора было недалеко. Алиса добралась туда еще засветло. И хоть на востоке уже ярко вспыхнули звезды, в западной части неба еще догорал закат.

Ворота как раз запирали.

Пароля Алиса не знала.

Поэтому решила лезть напролом.

— Эй! — закричала она. — Я везу послание юного короля Эдуарда его матери. Срочное послание!

— Говори пароль, — буркнул стражник. Стражников у ворот было всего двое. Королеву охраняли плохо, некому было ее охранять.

И понятно: главные силы ее брата были уничтожены и обезглавлены хитроумным Ричардом. Здесь у королевы своих войск не было. Ведь по закону герцог Глостер как протектор государства являлся командующим армиями. Во главе армий стояли Бэкингом, Хастингс и старик Стенли. Может, были и другие, но Алиса о них не ведала и не знала, кто из них будет поддерживать королеву, а кто — Ричарда.

Но в любом случае командовать армией королева не могла.

— Я не знаю пароля, я скачу прямо из Ладлоу, — настаивала Алиса. — Вызовите королеву! Она меня знает! Я — Алиса Кармайкл!

— Иди спать, завтра приходи, — ответил стражник. Он был пожилым, туповатым на вид мужланом, и ему не было дела до королевы и ее друзей.

— Эй! — пронзительно закричала Алиса. — Вызовите королеву! Срочные вести!

Голос Алисы ударился в стену замка и отскочил обратно.

Стены были темными, мрачными, даже в бойницах не мелькало ни лучика света.

— Уходи! — рассердился стражник. — Не шуми, а то отрублю тебе голову!

— Как у вас все просто! — огрызнулась Алиса. — Чуть что — голову рубить!

И тогда Алиса сделала то, что умела делать лучше всех в классе, хоть учителя и возражали.

Она сунула два пальца в рот и так засвистела, что деревья затрясли ветками, а в домах зазвенела посуда.

Конечно, об этом мало кто знает, но Алисе как-то пришлось побывать в мире русской сказки, где живут богатыри и всякие чудовища, с которыми богатыри конечно же сражаются. И там она не только познакомилась с Соловьем-разбойником, но и провела у него в плену целый день. День прошел не зря, потому что Соловей-разбойник научил Алису свистеть. Этому искусству самого Соловья обучила его бабуся, имя которой неизвестно, потому что его можно только просвистеть.

И когда Алиса (хоть, конечно, и не принято путешественникам во времени свистеть у средневековых замков) как следует свистнула, стражники замерли, а в воротах почти сразу появился принц Дик, Ричард Йоркский, большой поклонник Алисы, сорванец и следующий после Эдуарда король Англии.

— Алиса! — завопил он в полном восторге. — Научи меня так свистеть, и я на тебе женюсь!

Он побежал к Алисе, она схватила принца за руку, а тем временем в воротах верхом на коне появился сэр Грейвз с несколькими рыцарями, а за ними ехали королева Елизавета и Лиззи, но на этот раз не в носилках, а тоже верхом.

— Славный свист, — одобрительно сказал сэр Грейвз. — Где же этому учат? В горах Шотландии?

Королева придержала коня, а Лиззи, разумеется, сразу же скатилась на землю и начала во весь голос рыдать:

— Я была совершенно уверена! Совершенно и безрезультатно! Тебя убили и разрезали на части! Скажи мне, где мой брат? Ты что, не смогла его увидеть? И если ты не выполнила... — Тут она зарыдала еще громче, потому что, оказывается, страшно боялась за Алису.

— Девочка, — спокойно сказала королева, — пора ехать. Когда мы доберемся до цели, Алиса нам все расскажет.

Вечер был холодным, и королева закуталась в длинный темный плащ с капюшоном.

Посторонний бы ее и не узнал.

— Мы едем в Лондон, — обернулась королева к Алисе. — Мы будем искать убежища в Вестминстерском аббатстве. Епископ Йоркский дал слово, что никто не посмеет войти в аббатство, чтобы причинить нам вред. Это священное право монастыря. Даже Глостер не посмеет. А ты, Алиса, поедешь рядом со мной и по пути начнешь свой рассказ.

— Как мы поедем? — спросила Алиса.

— По большой дороге вдоль Темзы. А почему ты спросила?

— Вам нельзя ехать по той дороге, — сказала Алиса. — Оттуда подходит отряд герцога Глостера. Они едут, закрыв гербы на щитах и свернув знамена, но я узнала одного из них. Я многих уже видела, а этого узнала без труда.

— Есть ли другая дорога в Лондон? — спросила королева у сэра Грейвза.

— Через Ричмонд, ваше величество, — ответил рыцарь. — Но я убежден, что девочка преувеличивает. Принц Ричард еще не вернулся в Лондон, и его отряды только собираются на севере.

— Тем не менее, — ответила королева, — он сумел захватить моего сына, а судьба моего брата и сэра Грея неизвестна.

Алиса молчала, хотя ей, к несчастью, была отлично известна судьба графа Риверса.

— Не обсуждайте мой приказ, — отрезала королева.

— Вы лишь женщина, — мягко, но настойчиво ответил сэр Грейвз. — Вы не понимаете, что дорога на Ричмонд может быть вдвойне опасна.

— Тогда оставайтесь здесь, сэр, — сказала королева, — и если через полчаса отряд герцога Глостера не появится, следуйте за нами. Если же появится... — королева сделала паузу, и голос ее стал ледяным, — то вы сделаете все, чтобы не пустить их по нашему следу.

Сэр Грейвз склонил голову, подчиняясь королеве.

— Кстати, Алиса, — спросила Елизавета, — а велик ли отряд, который мой драгоценный деверь послал, чтобы расправиться со мной и отнять у меня последнего сына?

— Человек двести, — ответила Алиса. — И они будут здесь с минуты на минуту.

Королева тронула коня и поскакала в сторону Ричмонда. За ней дети, фрейлина Джейн и паж Грини. После недолгого раздумья вслед королевской процессии двинулись и рыцари сэра Грейвза.

По дороге Алиса рассказала королеве и Лиззи о своих приключениях. Оказывается, они, сидя в Виндзоре, знали куда меньше ее. А уж о подробностях засад и предательств, о появлении феи Морганы и о захвате Эдди могли только догадываться.

К счастью, взошла луна, и можно было ехать без факелов. Чем ближе к Лондону, тем напряженнее становились путники. Они разговаривали все тише и совсем замолкали, проезжая мимо тусклых огоньков деревенских домов.

Перед въездом в город сэр Грейвз с несколькими рыцарями проехал вперед к закрытым городским воротам. Но в отличие от Алисы он знал пароль и умел разговаривать с сонными стражниками.

Так что через полчаса небольшая кавалькада, проехав по узкой набережной вдоль реки, добралась до Вестминстерского аббатства, где королеву уже ожидала кучка дрожащих от ночного холода, закутанных кто во что придется монахов и священников.

При приближении королевы из собора вышел епископ Йоркский. Королева спустилась с коня и поцеловала старцу руку.

— Будь спокойна, дочь моя, — произнес епископ. — Господь не даст в обиду тебя и

детей. Но твоим рыцарям придется искать ночлега в другом месте.

Глава четырнадцатая. Похищение

Ричард Глостер приехал в Лондон через два дня после королевы и только тут узнал, что его отряд упустил добычу.

Гнев герцога был отвратителен. Благо никто из чужих его не видел, он дал волю своим чувствам.

Сперва он решил арестовать королеву прямо в Вестминстере. Взломать двери аббатства и вытащить «эту вонючую семейку»!

Но приближенные, хоть и трепетали перед Глостером, все же сумели отговорить его от такого опрометчивого шага. Ведь вокруг Вестминстерского аббатства днем и ночью стояли толпы любопытных, которые хотели взглянуть на королеву и маленького принца и пожелать им счастья.

— Ваше высочество, — уговаривал Ричарда лорд Хастингс, влиятельный вельможа, которому Глостер последнее время не доверял, но не мог к нему не прислушиваться. — Вам долгие годы жить в этой стране и участвовать в управлении ею. Каким вы желаете остаться в памяти народной? Извергом, взламывающим двери главной святыни королевства, чтобы вытащить оттуда женщину с детьми? С таким грузом на совести долго не протянешь. И если, не дай бог, поднимется восстание, многие отвернутся от вас!

Эти слова дорого обошлись Хастингсу.

— Я знаю, откуда идет все зло предательства! — вопил Ричард. — Знаю, кто таится под той колодой!

Глостер указал скрюченным пальцем на дубовую колоду, которая испокон веков валялась у дверей дворца в Тауэре. На ней мясники рубили бараньи туши к обеду.

— Змея! — кричал Ричард. — Вот она, змея в моем доме! Заговор!

Он бился, как волк, попавший в капкан, и друзья стали удерживать его, думая, что герцог и на самом деле в страшном гневе.

Но даже самые близкие к Ричарду люди не знали, как отлично он умел изображать гнев, милость и даже любовь. Иногда он просыпался ночью, и ему казалось, что его жертвы, люди, убитые по его приказам, сходятся к его ложу и грозят страшной мстостью. Тогда он начинал умолять призраков и так убедительно клясться, что он все делает только ради государства и народа, что привидения смиренно убирались в царство теней.

И сейчас, безумно дергаясь и крича об измене, на самом деле он вел довольно простую и гадкую игру.

Потому что рядом с Хастингсом, осмелившимся предупредить герцога, стоял старенький епископ Йоркский, тот самый, кто впустил королеву в Вестминстерское аббатство и помешал Ричарду схватить младшего наследника престола. И гнев, направленный против Хастингса, должен был ударить и по епископу.

— Если вы обвиняете меня в измене, — сказал лорд Хастингс, — то я прошу судить меня высоким королевским судом, и пускай все в королевстве узнают, изменник я или нет.

— И что же, — вдруг тихо, почти шепотом, спросил Глостер, — неужели здесь кто-то считает... Неужели кто-то думает, что изменников надо судить, а не кинуть бродячим псам?

Герцог повернулся к епископу Йоркскому. Он смотрел на старика так, будто ждал ответа именно от него. Сейчас же!

И епископ заговорил. И сказал именно то, чего от него ждал Глостер.

— По законам королевства, — твердо произнес священник, — знатного лорда нельзя казнить без суда. Мы живем в великом государстве, а не в бандитской пещере.

— И это говорит мне священник, который укрывает у себя подлую, продажную... — Тут Ричард оборвал свою речь и как будто забыл о Вестминстере.

Он оглядел своих вельмож и спросил:

— Кто-то еще хочет суда для лорда Хастингса?

И ни один из лордов не осмелился поддержать епископа.

— Спасибо, друзья, — сказал Глостер и смахнул со щеки набежавшую слезу. — Спасибо! Другого я от вас и не ожидал. А заговорщиков приказываю немедленно казнить!

Все замерли, словно пораженные громом. Такое было немыслимо. Тем более что никто не сомневался: ни Хастингс, ни епископ Йоркский ни в чем не виноваты. Их арест и казнь только ухудшат репутацию герцога. Зачем ему это понадобилось?

Но, разумеется, никто из его приближенных не смел и слова сказать. Нрав герцога знали все.

По знаку Ричарда в зал вошли его гвардейцы.

Лорд Хастингс и епископ старались не поддаваться страху.

Но когда их повели к выходу, ноги у старого священника подкашивались.

— Сэр Джеймс Тайрелл! — позвал Ричард. — Епископа отведешь в подвал, и пускай сидит на воде. Помрет — жалеть не будем.

Вперед вышел грубого вида сильный, коренастый мужчина в черном камзоле. У него была короткая, лопаткой, борода и стриженные скобкой черные волосы. Глаза прятались в глубоких глазницах.

— А что делать с лордом Хастингсом? — спросил Тайрелл.

— Я не сяду за трапезу, пока он будет жив, — ответил Ричард. — А на том свете пускай добывается своего справедливого суда!

Глостер захохотал. Нарочито громко и даже пронзительно. Но глаза его оставались холодными и внимательными, они буквально вцеплялись в лица придворных, стоявших вокруг, и вельможи начинали вторить герцогу. Им хотелось плакать, бежать из Тауэра... Но они смеялись и даже хохотали.

Хастингсу связали руки за спиной, голову его положили на колоду, что лежала у дверей, и сам Тайрелл одним ударом отрубил ее. А когда после обильного и шумного обеда пьяные вельможи расходились из Тауэра, они в ужасе замирали перед обезглавленным телом самого знатного барона королевства.

Ричард запугивал всех — и друзей и врагов. Но планы его шли куда дальше.

Пока что он стягивал в Лондон верные ему отряды с севера. Он очень боялся восстания горожан. И потому не спешил.

Все надо делать шаг за шагом.

Ошибки исправлять будет некогда.

— Смотри, — говорил он своему союзнику, герцогу Бэкингему, — я начинаю следующее сражение. Один принц уже у меня в руках. Но второго я еще не добыл. И пока он в Вестминстере, все мои шаги к трону ничего не значат. Я могу топтаться на месте до смерти. Я не могу короноваться, потому что каждая собака начнет лаять: а настоящий ли король сидит в Вестминстере? Принцы должны исчезнуть.

— И как же вы намерены этого достичь? — спросил красавчик Бэкингем.

Ричард вдруг нахмурился.

— Ты хочешь слишком много знать, — буркнул он и отвернулся. — В последнее время я перестаю тебе доверять. Как Хастингсу.

Но Бэкингем не испугался Глостера.

— Даже вам, герцог, — ответил он, — не удержать власть в одиночестве. Без друзей не стать королем, особенно в стране, где большинство баронов вас не поддерживает, а народ вам не доверяет.

— Уходи, — приказал Ричард. — Но не смей покидать Лондон. Ты мне можешь пригодиться.

Чтобы не тратить времени даром, Ричард сам приехал в Вестминстерское аббатство. Как протектор и заботник о принцах. Поговорить по душам с королевой. Ведь не чужие люди!

Королева встретила его в зале аббатства. Рядом с ней стояли каноники и монахи.

Герцог и королева уселись на деревянные стулья с высокими спинками.

Маленького Дика не пустили в зал. Лиззи тоже осталась с братом. Королева не решилась рисковать судьбой детей.

Зато Алиса, одетая фрейлиной, стояла рядом с Джейн.

— Я приказал прислать вам оленины, — сказал Ричард. — Детям в это время года полезно свежее мясо.

— Спасибо, герцог, — ответила королева. — Сегодня я узнала, что коронация снова перенесена. Когда же мы коронуем Эдуарда?

— При первой же возможности, сестра, — улыбнулся Ричард.

Улыбаться герцог Глостер не умел. Пока он был серьезен, у него было обычное лицо с широким лбом, прямым носом, тонкими губами и выступающим вперед подбородком. Но стоило ему улыбнуться, как рот искривлялся, черные глаза превращались в щелочки, нос тянулся к губе, а подбородок вылезал вперед, как у старой ведьмы. И сразу становилось понятно: это плохой человек.

Королева вздрогнула и закрыла глаза. Она понимала, насколько опасен ее враг, но еще тешила себя надеждой, что он не посмеет пойти против всей Англии и лишить ее сына трона.

— Как себя чувствует мой сын? Я хочу его увидеть, — сказала королева.

— Это слишком опасно, — возразил Ричард. — Я не могу везти его через весь Лондон, когда существуют заговоры против молодых принцев. Но если вы хотите, то в любой момент можете приехать в Тауэр и встретиться с Эдуардом.

— Я не хочу покидать аббатства, — спокойно ответила королева. — Если моему сыну опасно появляться на улицах Лондона даже под вашей охраной, то мне и тем более не стоит предпринимать подобную поездку.

— Вот именно поэтому я и приехал за вашим вторым сыном, — с фальшивой улыбкой проговорил Ричард. — Эдуарду плохо без братика. Он скучает и ломает игрушки.

— Ломает игрушки?

— Да, он сломал игрушечную лошадку.

— Эдуарду скоро тринадцать лет. Он взрослый юноша, — оскорбилась королева. — А вы говорите о нем как о несмышленье. И я могу вас заверить, что если вы будете продолжать так обращаться с ним, то, став королем, он сможет вас наказать.

Ричард вздрогнул, словно его ударили.

А королева пожалела о своих словах, но вернуть их уже было нельзя.

Алиса старалась не смотреть на Елизавету. Страх королевы за сына долетел до нее, как камень, и ударил в грудь. Как же жалко Алисе было королеву!

— Я думаю, сестрица, — Ричард взял себя в руки, — что вы добровольно согласитесь отпустить мальчика поиграть в лошадки со старшим братиком. Здесь небезопасно. А народ требует, чтобы принцы остались в Тауэре.

— Здесь Ричарду безопаснее, — решительно ответила королева. — Даже вы не можете прислать своих головорезов, чтобы они вытащили его отсюда. Даже вы!

— Мне не надо никого присылать, сестрица, — сказал Ричард, — потому что я надеюсь на ваш разум. Вы сами приведете его туда. И если вы отдадите мне Ричарда, то я дам вам слово рыцаря и герцога, что и пальцем не трону племянников и через две недели состоится коронация. Это мое слово. И я могу поклясться у алтаря аббатства. В присутствии всех епископов королевства.

Ричард поднял руку, и по проходу между скамей к ним двинулась целая процессия.

Это шли епископы и высшие каноники, которых по приказу Глостера свезли со всех концов Англии.

Впереди шествовал сам архиепископ Кентерберийский.

— Говори, — приказал Ричард, словно он уже был королем Англии.

— Ваше величество королева, — сказал архиепископ, — мы пришли к вам с просьбой. Во избежание вражды в королевстве, ради всеобщей любви, мы просим вас отпустить младшего принца к старшему, чтобы мальчики до коронации побыли вместе. Мы не можем ручаться за безопасность принца Ричарда в аббатстве. Но ему ничто не будет угрожать в Тауэре под высоким покровительством герцога Глостера.

— Скажите мне, святой отец, что заставило вас изменить точку зрения? — изумилась королева. — Ведь еще неделю назад вы мне говорили, что я и мои дети в полной безопасности в аббатстве?

Наступила пауза. Словно епископы, как актеры на сцене, вдруг забыли слова. Они смотрели на Ричарда. А тот не сдержал своей страшенькой улыбки.

— Я сам скажу, — произнес он. — Дело в том, королева, что твой друг и покровитель, епископ Йоркский, который и впустил тебя с детишками в аббатство, арестован по обвинению в государственной измене. Он готовил заговор против твоих же детей. Один из руководителей заговора, лорд Хастингс, уже лишился головы. А второй — епископ Йоркский — еще ждет своей участи.

— Этого не может быть! — воскликнула королева. — Епископ — святой человек! Ему никогда и в голову бы не пришло злоумышлять против принцев или тебя.

— Ты мало знаешь людей, королева. А люди — предатели. И мне придется казнить епископа.

— Умоляю тебя, не надо! — Королева вскочила со стула. Она готова была упасть на колени перед Ричардом.

— Жизнь старика в твоих руках, — лицемерно вздохнул Ричард. — Если ты пойдешь мне навстречу, я сохраню ему жизнь.

— Королева! — сказал архиепископ Кентерберийский. — Мы молим вас спасти жизнь нашему собрату!

— Ценой жизни моего ребенка?

— Но ведь его жизни ничто не угрожает! Родной дядя готов взять на себя заботу о нем.

— Вы сами не верите ему! — Королева повернулась, чтобы уйти.

— Стойте, ваше величество, — сказал тогда архиепископ. — Мы не можем больше потворствовать вашим женским капризам. Церковь Англии отказывает вам в праве убежища. Вы и ваши дети должны сегодня же покинуть монастырь!

— И тогда я сам позабочусь о том, где вы будете жить дальше. — Ричард не скрывал своего удовольствия, он смеялся.

Уж лучше бы он не смеялся!

Епископов и каноников было много, человек тридцать. Ричард позаботился о том, чтобы их было как можно больше.

Они окружали королеву, оттолкнув Алису и Джейн.

Священники кричали на Елизавету, проклинали ее за бездушие, за то, что она не хочет спасти жизнь епископу Йоркскому.

А архиепископ громовым голосом приказал стоявшим позади монахам:

— Ведите сюда юного принца!

Услышав эти слова, королева стала биться, стараясь вырваться из рук епископов, но куда ей было справиться с ними! Ведь именно те люди, что дали ей убежище, теперь отдавали ее в руки злейшего врага.

Мальчика привели, вернее, притащили. Дик сопротивлялся, упирался, падал на пол и кричал:

— Я хочу к маме! Отпустите меня, негодяи! Я вас всех накажу!

Завидев принца, Ричард стремительно подошел к нему и поднял на руки. Он сжал принца так сильно, что у того перехватило дыхание.

— Как хорошо, мой мальчик! — сказал он. — Сейчас ты поедешь со мной и увидишь своего братца. Ты соскучился по брату?

Королева стояла, опустив руки, и тихо плакала.

Ричард быстрыми шагами вышел из аббатства, за ним потянулись епископы.

Глава пятнадцатая. Драгоценности королевы

Джейн пыталась успокоить королеву, даже принесла каких-то капель. Но ничто не могло утешить Елизавету. И понятно почему. Она не рыдала, не металась, не ругалась, а просто сидела в своем кресле и молчала. Она никого не видела, не ела, не спала...

Как беды меняют людей!

В те дни маленькая, капризная, взбалмошная Лиззи стала хозяйкой Вестминстера. И хозяйство у нее было немалое. К ней теперь шли за советом все обитатели аббатства и даже монахи. Ведь епископ Йоркский все не возвращался, и теперь уже никто не знал, сдержит ли слово Глостер. А может быть, епископа уже нет в живых?

— Надо срочно связаться с Генри, — заявила Лиззи, как только они с Алисой остались одни. — Пускай он соберет отряд рыцарей и приплывет сюда из Франции. Тогда все лондонцы придут к нему на помощь, мы выгоним дядю Ричарда и освободим братьев.

— А он богатый? — спросила Алиса.

— Довольно богатый, — неуверенно ответила Лиззи. — Но его замки в Англии, а во Франции у него ничего нет.

— А ты знаешь, что даже небольшой отряд рыцарей надо кормить? — спросила Алиса. — И перевезти их через пролив тоже стоит больших денег. Война — это очень дорогое занятие.

— Но мы не можем ждать! — воскликнула Лиззи. — Мы должны действовать!

— Отличная мысль. Надо посоветоваться с умными людьми.

— Но епископ Йоркский еще не вернулся, — осторожно сказала Лиззи. — А мама ни с кем говорить не хочет.

Уже стемнело, опять занялся дождь — ох уж и дождливая весна выдалась в 1484 году!

В комнате королевы было совсем темно. Только окна, забранные решетками, как будто слегка светились снаружи.

— Ты не спишь, мама? — спросила Лиззи.

— Нет, — ответила королева, но не сразу, а словно проснулась и некоторое время пыталась собраться с мыслями.

— Это мы с Алисой, — сказала Лиззи.

— Что вы хотели сказать?

— Нельзя так сидеть и ничего не делать, — сказала Лиззи. — А то дядя Ричард решит, что мы безопасные и над нами можно издеваться, как он пожелает.

— Пускай он думает, — ответил из темноты голос королевы, — что мы беззащитные и безвредные. Именно так.

— Ваше величество, — сказала Алиса, хотя ей очень хотелось назвать королеву тетей Лизой, — он не успокоится. Он еще что-нибудь придумает.

— Интересно, — сказала королева, — очень интересно. И зачем ему что-то придумывать?

Алиса постаралась облечь свои мысли в слова, но боялась, что королева подумает, что Алиса — обыкновенный ребенок, который лезет к взрослым со своими глупостями.

— Он завладел принцами, но не решается сделать последний шаг. Он боится причинить им зло. Но и выпускать их не хочет.

— Он никогда не выпустит моих сыновей, — печально сказала королева. — Это для него поражение. Ты же понимаешь почему?

— Я понимаю, — ответила Алиса.

— И я понимаю, — сказала Лиззи. — Он сам хочет стать королем.

— И ему надо придумать, почему Эдуард или Ричард короноваться не смогут, — добавила Алиса.

— Почему же? — спросила королева так, будто сама знала ответ.

— Ну говори же! — топнула ногой Лиззи.

— Потихонечку, — остановила ее Елизавета. — Мы не знаем, где у этих стен уши.

— Он будет искать в них какой-то недостаток! — заявила Алиса. — И вот тогда он станет по-настоящему опасным. И объявит о своей коронации. Он не допустит, чтобы кто-то из твоих братьев стал королем.

— Но они принцы крови! — возмутилась Лиззи. — Мой отец был королем, вот сидит моя мама — кому же наследовать трон, как не Эдуарду или Ричарду?

— Рано или поздно он придумает, — вздохнула королева.

И в темной комнате повисла тягучая тишина.

— Мама, — нарушила тишину Лиззи. — Пускай мой Генри соберет войско и выгонит дядю Ричарда.

Королева тихо рассмеялась:

— А ты уверена, что ему хочется спасти тебя от Ричарда?

— Мама!

— Многие уже отвернулись от нас. Люди склоняются перед силой, даже если она жестокая и несправедливая. Многие помнят, что Ричард и его солдаты могут убить или ограбить любого. Он не знает, что такое стыд.

— Мой Генри Ричмонд не такой! Он говорил, что любит меня! Значит, он меня не предаст.

— Подожди, еще только вечер, — сказала королева. — Затем будет ночь. И только после нее может наступить утро. А может и не наступить.

— Утро обязательно будет, — сказала Алиса.

— Спасибо, девочка.

— Я думаю, мы должны что-то сделать для наших принцев, — сказала Алиса.

— Что мы можем сделать? — вздохнула королева. — Он нас к ним не пропустит.

— А у вас еще есть деньги? — спросила Алиса.

— У меня нет денег, я никогда не имела собственной казны, а семейные деньги хранились у моего брата, графа Риверса, которого Ричард убил и, наверное, ограбил весь его замок. Но у меня есть драгоценности — подарки короля.

— Непреступных крепостей не бывает, — решительно сказала Алиса. Где-то она эту фразу вычитала. — Главное — отыскать к ним ключ. Мы должны подумать, кого можно подкупить, чтобы он рассказал нам про братьев.

— Правильно! — подхватила Лиззи. — Мы подкупим тюремщиков, а потом я туда проникну и спасу братишек.

— Не надо пустых надежд. Нет ничего горше, чем расставаться с ними, — сказала королева.

— Мальчиков из Тауэра нам не вытащить, — согласилась Алиса.

— Но попробуй узнать... — начала королева, осеклась на полуслове и сказала совсем другим голосом: — Нет, никуда ты не пойдешь! Даже если ты сирота, Господь Бог следит за тем, чтобы тебя не обижали взрослые люди. Я посылаю тебя, словно ты — взрослый

мужчина. Я не жалею тебя, потому что погружена в собственные беды и заботы. Прости меня, Алиса, но я думаю, что сейчас тебе лучше всего вернуться домой и забыть обо мне и моих детях. Ты ведь умная девочка, ты понимаешь, что он не оставит нас в живых.

— Он трус, — сказала Алиса. — Такие жестокие и крикливые люди — всегда трусы. Им приходится вопить погромче, чтобы их боялись.

— Ричарду не нужно громко кричать, — покачала головой королева. — Ему достаточно шевельнуть пальцем, и ты останешься без головы.

— И все-таки я постараюсь пробраться в Тауэр, — твердо сказала Алиса. — Я хочу узнать, как там ваши дети...

— Странно, — задумчиво произнесла королева. — Зачем тебе так рисковать и подвергать себя такой опасности? Ведь ты ничего от этого не получишь.

Не могла же Алиса сказать, что это — ее школьное задание: узнать судьбу принцев Эдуарда и Ричарда, которые пропали без вести в 1484 году в замке Тауэр посреди Лондона и которых с тех пор, как их отвез туда Ричард Глостер, никто больше не видел. Столько об этом было написано романов и трагедий, но тайна так и осталась неразгаданной.

И уж конечно Алиса, отправляясь в XV век, и вообразить не могла, что привяжется к английской королеве и ее детям и даже их полюбит.

Королева замолчала, и Алиса поняла, что ее что-то смущает. Что еще случилось? Сколько живешь, никогда не разберешься в этих средневековых проблемах!

— Лиззи, позови Джейн, — сказала королева. — А ты, Алиса, принеси свечи и зажги их. И чтобы больше здесь никого не было.

Через десять минут на столе перед Елизаветой стоял шандал с тремя свечами. В комнату вошла Джейн и недоверчиво покосилась на Алису.

— У меня нет секретов от этой девочки, — сказала королева. — Может быть, от нее зависит жизнь моих детей.

— Я тоже верю ей, — сказала Джейн.

И Алисе было приятно это слышать, потому что она чувствовала, что Джейн — верный человек.

— Помоги мне, — попросила фрейлина Лиззи.

Принцесса знала, в чем дело. Она подошла к Джейн сзади и принялась расшнуровывать платье. Платье было стянуто кожаными ремешками, и развязать их было довольно сложно. Королева снова погрузилась в печальные мысли. Пламя свечей колебалось, по стенам и потолку бродили черные, уродливые тени. Далеко-далеко запела труба, видно, на сторожевой башне возвещали наступление новых суток.

Наконец платье Джейн сзади разошлось, будто жук расправил крылья. Лиззи запустила руку в разрез и с трудом вытащила прикрепленный к поясу платья изнутри длинный кожаный мешочек, похожий на стручок. Не такой уж большой, но, видно, тяжелый.

Лиззи положила мешочек на стол.

Королева взяла небольшой кинжал и разрешила нитки, которыми был стянут стручок.

И тут Алиса не смогла сдержать возгласа удивления.

Раскрывшийся вдоль стручок, как переспелый горох, был набит драгоценными камнями. Пламя сразу же заиграло на гранях, по комнате забегали лучи и лучики, словно внутри каждого камушка пылал маленький пожар.

Королева внимательно наблюдала за Алисой, будто хотела увидеть на ее лице жадность или коварство.

Но, видно, ничего такого не углядела, потому что печально улыбнулась и сказала:

— Если нас оставил Господь и люди, мы можем надеяться только на презренные деньги.

Королева выбрала несколько камней, беззвучно шевеля губами, как будто подсчитывала, сколько стоит каждый из них.

— Вот этот бриллиант, — сказала она, подзывая к себе Алису, — привезен из Индии. Ты слышала о такой дальней земле?

Алиса кивнула, хотя и не была уверена, может ли она соглашаться или Индию еще не открыли и никому, кроме королей, знать о ней в Лондоне не полагается. Но королева не удивилась познаниям Алисы. Видно, она понимала, что после крестовых походов и завоевания Иерусалима с Востока пришло немало товаров и сказок. Королева сама рассказывала детям сказки царицы Шехерезады.

А Алиса подумала: «Вот бы меня к ним сказочницей! Я бы им и о Курочке Рябе рассказала, и о Синдбаде-мореходе, и даже о Карлсоне, который живет на крыше!»

Сколько сказок еще не придумано!

— А это испанский рубин, — сказала королева, тонким пальцем дотронувшись до кровавого сгустка, который пылал так мрачно, словно был не драгоценным камнем, а окном в преисподнюю. — Подарок гранадского халифа моей бабушке. Как-нибудь я расскажу тебе эту историю.

Говоря так, королева переложила горстку камней в свой бисерный кошелек, а остальные снова сложила в кожаный мешочек. Джейн села его зашивать.

— Завтра утром, — сказала королева, — Джейн продаст менялам два камня. Часть денег Алиса возьмет с собой в Тауэр.

— Мама, а можно я схожу в город вместе с Джейн? — спросила Лиззи. — Мне так надоело сидеть в аббатстве.

— Ты хочешь оставить меня круглой сиротой? — грустно усмехнулась королева. — Не покидай меня!

— Ой, что ты! Мне и в голову это не могло прийти! — воскликнула Лиззи.

Алиса уже придумала план, как проникнуть в Тауэр. Только она не хотела делиться им с королевой. Нечего вмешивать тетю Лизу. Ей и без того горько. Сейчас мы уйдем к себе, а она будет сидеть в кресле, смотреть на старую луну, порезанную решетками окна, и плакать, потому что ей так страшно!

Кое-что из завтрашней истории Алиса помнила.

К сожалению, она отлично знала о том, что сделает Ричард в ближайшие дни, чтобы захватить трон. Но сказать об этом не могла.

А вот о другом она не помнила и не знала, потому что об этом не знал ни один человек ни в XV, ни в XXI веке. Никто не знал, что случилось с принцами, после того как они попали в Тауэр.

Это и должна была узнать Алиса.

А вот что она сделает, узнав об этом, Алиса сама не подозревала.

Глава шестнадцатая. Лазутчица в Тауэре

Замок Тауэр — большое хозяйство. Там живет король и множество придворных, там устраивают пиры и серьезные тайные встречи, там заседает государственный совет и

высший суд. Наконец, там обитают вороны, громадные черные птицы. Говорят, что когда Тауэр еще только построили, они слетались туда, чтобы полакомиться сердцами казненных, которые много дней оставались на виселицах.

Всех обитателей Тауэра надо кормить, за всеми приходится убирать и чистить, всех надо охранять. Поэтому помимо тех, кто живет в Тауэре, туда приходят на работу сотни слуг, уборщиков, поваров, разносчиков, носильщиков, плотников, кровельщиков, водопроводчиков, точильщиков ножей и музыкантов. Поэтому, когда утром в ворота Тауэра потоком вливаются служивые люди, стражники у ворот смотрят на них снисходительно и проверяют далеко не всех.

В любом случае дальше кухни или прихожей их не пустят. Во внутренних покоях своя стража. И очень строгая. Новый господин, герцог Глостер, строго следит за порядком. Ему ничего не стоит отдать приказ: казнить повара, который не вытер ног, входя во дворец, или музыканта, взявшего фальшивую ноту. Ричард так любит показать свою образованность и музыкальность. Все в Тауэре трепещут при одном упоминании его имени.

Но утром, особенно если снова сыплет дождик и дует пронизывающий ветер, стражники на входе не очень-то проверяют служивых людей. А уж мальчишку, который нес мешок с капустой, пропустили не глядя.

У Алисы была одна подсказка, на которую она очень надеялась.

Она знала, как звали констебля Тауэра, то есть коменданта крепости. Ведал он не только охраной, но и всеми пленниками, которых там держали. Это не значит, что Алиса могла подойти к нему и спросить, где искать принцев. Но, по крайней мере, она понимала, что сэр Томас Брендбьюри должен сам заботиться о таких высокородных пленниках Тауэра, как наследные принцы королевства.

Неизвестно, как сложится судьба страны, но, вернее всего, Ричард Глостер не посмеет причинить им вред. А раз так, то наступит день, когда на трон все же взойдет Эдуард, и тогда лучше пускай он припомнит доброго сэра Томаса, чем злобного тюремщика Брендбьюри.

Алиса думала, что все так и должно быть. Вряд ли этот констебль отличается от других тюремщиков и комендантов во всем мире.

Джейн и паж Грини постарались разузнать еще что-нибудь о хозяине Тауэра, но ничего особенного не узнали. Ворует ли, жадный ли — вот что было важно. Жадный, но в меру. Если и ворует, то его не поймали.

Есть у сэра Брендбьюри семья — трое или четверо детей, вечно недовольная и крикливая жена. Вот и все.

Любит вкусно покушать и выпить эля в пивной на набережной Темзы. Но кто не любит?

Отнеся капусту на кухню, Алиса спокойно отправилась бродить по зеленым лужайкам Тауэра, которые оказались не такими уж и веселыми. Сразу за гигантским кубом дворца стояли две виселицы, на одной из них висел казненный. На плече у него сидел ворон. У входа во дворец валялась большая деревянная колода, вся в крови. Поваренок сказал Алисе, что кровь эта — бычья, тут мясники разделяют туши. А другой поваренок рассмеялся и сказал:

— Ты меньше верь этому бездельнику. Это кровь лорда Хастингса. Недавно герцог Глостер отрубил ему здесь голову. Сам отрубил.

Нагулявшись, Алиса спросила кого-то из слуг, где дом мистера констебля. Слуга

показал на двухэтажный домик в ряду тех, что прижались изнутри к крепостной стене. Алиса уселась на траву и стала ждать, когда констебль выйдет из дома.

Вокруг спокойно текла обычная утренняя жизнь.

По дорожкам, протоптанным от башен к дворцу и арсеналу, спешили люди. В Тауэре в такое время дня никто не отдыхает, даже самые важные бароны королевства, которых принц Ричард созвал из разных графств на какое-то совещание. И как сказали Алисе другие мальчишки на побегушках — Алиса ведь тоже мальчик на побегушках! — совет с баронами принц будет держать после обеда.

Рядом с Алисой по зеленой траве разгуливали вороны, черные с синим отливом, каждый размером с гуся. Они тут были хозяевами, они прожили здесь триста лет и такого видались, что ни одному человеку не приснится! А уж человеческого мяса наклевались досыта! Даже в самые голодные времена в еде у воронов недостатка не было.

На Алису вороны поглядывали с интересом, будто примеривались, скоро ли она попадет к ним на обед. Но не приставали и вопросов не задавали, хотя считается, что вороны умеют говорить.

Ждать Алисе пришлось недолго.

Когда солнце поднялось над башнями арсенала и залило лучами зеленые лужайки, дверь дома констебля открылась, и оттуда вышли два тюремщика в кожаных передниках.

Один нес кастрюлю, второй — оловянные миски и чашки, а также медный кувшин.

Следом за тюремщиками гордо выступал худой, сутулый, строгого вида пожилой мужчина с раздвоенной на конце седеющей бородой. Он был в синем, расшитом серебром камзоле и высокой шляпе, из-под которой торчал острый кончик красного носа. Порой на конце носа собиралась капля, и мужчина вытирал ее черной перчаткой.

Сразу за стариком шагали два мальчика, очень похожих на строгого бородача, только бород у них еще не было.

Они старались не отставать от старика и во всем ему подражали.

Алиса догадалась, что видит господина Брендбьюри, констебля Тауэра, и его малолетних отпрысков.

И они почти наверняка несут еду принцам в башню. Кого другого пойдет кормить сам констебль, на кого захотят поглядеть его сыновья, из-за кого вдруг так взволновались вороны и один за другим повзлетали на крепостную стену?

Алиса поднялась с травы и не спеша, словно гуляя, пошла следом за констеблем.

Она прислушивалась к разговору между отцом и сыновьями.

— Папа, — заныл мальчик, который был поменьше, — а у принца Ричарда есть мячик, полосатый. Можно я его отниму?

— Сынок, — отвечал серьезный констебль, — я не советую тебе этого делать, потому что не исключено, что принц Эдуард выберется из нашего с тобой Тауэра и станет королем. И тогда он вспомнит: «А где тот самый мальчик Робин Брендбьюри, который отнял у меня любимый мячик — последнюю забаву несчастного узника? Где его отец, который разрешил сыну обидеть пленника?»

— А мы здесь! — ответил второй мальчик.

— И это будет ошибкой, мой дорогой Питер, — по-прежнему серьезно сказал его папа. — Потому что молодой король тут же воскликнет: «Позвать главного палача! Отрубить головы братьям Брендбьюри, а также их ни в чем не виноватому папе, который так и не смог накопить деньжонок на поместье в Девоншире!»

Голос констебля задрожал. Так ему стало жалко себя и своих сыновей.

— Я понял, — сообразил Робин. — Пускай этот паршивый принц играет своим паршивым мячом. У нас будет мячик получше.

— Ох, не на мое жалованье! — вздохнул констебль.

— А может быть, папа, нам лучше не называть принцев паршивыми? — спросил осторожный Питер.

— Почему же нет? — возмутился Робин. — Если посадили в Тауэр, значит, паршивые. Дыма без огня не бывает. Хорошего человека в тюрьму не посадят.

— Дети, дети! — вздохнул констебль. — Правосудие порой совершает ошибки, особенно когда это касается высокопоставленных особ. Давайте не будем торопить события. Придет время, и всех, кого надо, назовем паршивцами.

Тут процессия дошла до невысокой двухэтажной башни, совсем недалеко от ворот Предателей, куда под подъемную решетку причаливали лодки с Темзы, если кто-то не хотел входить в крепость через главные ворота.

У низкой деревянной, обитой железными полосами двери стояли два стражника. И не дремали. Один стражник опустил алебарду, а второй громко спросил:

— Кто идет? Какой пароль?

— Не узнаешь своего начальника, что ли? — беззлобно спросил констебль.

— Мой начальник — начальник караула, и он пароль знает, — ответил стражник. — А начальник караула подчиняется только его высочеству. Так что говори пароль, констебль, или проваливай отсюда.

— А вот тогда принцы останутся без еды и помрут с голоду. Кого будем за это винить?

— Ну уж не нас, — сказал второй стражник. — Мы-то выполняли свой долг, а вот кто-то забыл пароль дома.

— Я не забыл, — рассердился констебль. — Я его и не знал. Зачем мне пароль?

— Тогда оставайтесь здесь. Поставьте кастрюлю на порог, и мы, когда будем сменяться, отнесем еду наверх.

— Мой долг, — сказал констебль, — проследить, как едят принцы. Вы, надеюсь, понимаете, что это не простые заключенные.

— Ладно уж, — усмехнулся стражник, — пускай старик идет. Ты поднимись с ним, а я здесь побуду.

— А мы? — заканючил Робин.

— Подождете здесь, — строго сказал стражник.

Мальчишки посмотрели на отца.

— Идите домой, дети, — приказал констебль и скрылся за дверью, которую отпер стражник.

Мальчишки наперегонки побежали домой.

Стражник увидел Алису и прикрикнул на нее:

— А ты чего здесь крутишься, сорванец? Здесь тебе нечем поживиться! Беги отсюда, пока цел!

Алиса пошла прочь, стараясь не смотреть на стражника, чтобы он не увидел ее лица. Заодно она воспользовалась случаем, чтобы осмотреть со всех сторон башню и примыкающие к ней части стены. Что ж, теперь она наверняка знает, где скрывают принцев. Можно возвращаться.

Но как вернуться? Королева-мать будет спрашивать: «А как там мои детки,

бледненькие или здоровыми выглядят, а может, похудели? Ведь они совсем не гуляют... А какие у них постельки и хороший ли у них аппетит?» Какая бы королева ни была умная, она все же мать, а матери всегда задают глупые вопросы.

На первом этаже башни окон не было, даже бойниц. Бойницы, или узкие окна, были видны только наверху, на втором этаже, туда не дотянешься.

Надо постараться заглянуть в башню сверху, с крыши. Алиса отошла в сторонку и стала мысленно представлять себе, как она туда заберется. Но потом поняла, что придется ждать темноты — иначе ее увидят со двора.

Тут еще, как назло, дождь разыгрался не на шутку, тучи совсем легли на зубцы стен. Люди, натянув на голову полы плаща или тряпки, перебегали между башнями и домами. Алиса тоже укрылась в неглубокой нише напротив входа в Садовую башню и видела, как стражник вывел поваров с кастрюлей и грязной посудой, и они побежали прятаться к главному дворцу, в подвале которого была самая большая кухня.

Оба стражника, чтобы совсем не замерзнуть, втиснулись в нишу двери.

«А что, если рискнуть?» — подумала Алиса.

Какой дурак в Тауэре будет сейчас задирать голову кверху?

Только надо все сделать так, чтобы ее не заметили из окон главного дворца.

Ну что ж, совершим восхождение со стороны реки.

Для девочки, которая на крымских скалах оставляла позади местных альпинистов, это не проблема. Главное — не попасть на глаза стражникам и не подвести королеву. Ведь этот подлый Ричард может закричать: «Вон там кто-то лезет, хочет освободить принцев! А ну, приказываю всех казнить!»

Алиса нашла укромный ход на внутреннюю крепостную стену, дождь избивал ее, стегал плетью — да еще какими холодными! Но за такой стеной воды ее и в двадцати шагах не увидишь. Значит, можно потерпеть.

Вот и стена, тут уже можно спрятаться за зубцами. А вот тут — ничего не поделаешь! — придется прыгнуть. Да так, чтобы никто этого прыжка не увидел.

Два с половиной метра... Нет, не меньше трех... Правда, можно сразу приземлиться за зубцом башни. Она же невысокая, эта Садовая башня. Какой дурак назвал ее Садовой? Ведь никаких садов тут нет, и даже клубника не растет...

Теперь только не поскользнуться... Мама этого не простит!

Алиса сгруппировалась и прыгнула через пропасть шириной около трех метров.

Вы скажете: разве три метра — расстояние для прыгуна? Даже если ему двенадцать лет... Я отвечу: нет, не расстояние. Но попробуйте прыгнуть под ледяным ливнем, когда под вами в десяти метрах булыжная мостовая!

Алиса, конечно, прыгнула и сразу же сжалась в комочек на крыше Садовой башни. Половина дела сделана.

Как бы теперь пробраться внутрь башни?

Наверное, это невозможно. Придется спускаться по выступам камней, из которых сложена стена, до бойницы и разговаривать с принцами снаружи. Да так, чтобы стражники снизу не слышали. А это самое сложное. Ведь, несмотря на дождь, они стоят совсем рядом, и каждое слово до них донесется. Даже шепот.

Положение было сложное, но Алису трудно обескуражить.

Размышляя над тем, как бы поговорить с принцами, она продолжала осматриваться, разглядывать крышу. Крыша башни была плоской, вокруг шли зубцы примерно в метр

высотой. А посреди торчала труба...

Стойте! Это что еще за труба?

Ну конечно же — зимой башню топят, иначе там помрешь от холода!

Значит, в башне есть камин.

Надо было раньше догадаться, что на любой нормальной крыше всегда есть дымовая труба.

А нельзя ли в нее забраться?

Труба была довольно широкой. Забраться в нее мог бы даже взрослый мужчина. К тому же внутри ее некоторые кирпичи выступали как ступеньки. Они и были ступеньками для трубочистов. Если не спуститься, камин не вычистишь.

«Хорошо, — сказала себе Алиса, — я залезу внутрь. И надеюсь, что никто не станет разводить в камине огонь».

Она улыбнулась. В апреле даже в обычном доме в Англии никто не будет топить камин, а уж в тюрьме и подавно. Вряд ли здесь о принцах заботятся как-то по-особенному. Констеблю это ни к чему. Алиса читала, что констебль Тауэра получал деньги на каждого заключенного, а жил на разницу. То есть чем меньше из отпущенных денег уходило на узника, тем богаче становился тюремщик. Конечно, выгоднее всего уморить узника голодом, но тогда деньги давать на него вообще перестанут. Лучше всего держать его впроголодь, но не дать помереть. Вот констеблю и приходилось решать сложную задачу, как ограбить узника, при этом его не уморив.

Рассудив так, Алиса спокойно стала спускаться по трубе. Изнутри труба была покрыта сажей и постепенно сужалась. Но Алисе не было страшно.

Неожиданно труба расширилась так, что Алиса чуть не грохнулась вниз. Внизу стало светлее. Алиса догадалась, что добралась до конца трубы, под ней уже камин — большая, подобная туристической палатке по форме и размеру, холодная печь.

Теперь надо спрыгнуть.

И как можно тише.

Но как можно тише не получилось.

Алиса сорвалась и грохнулась в пепел.

— Ой! — послышался крик.

И тут же раздался второй детский голос:

— Скорее вызывай стражу! Это убийца!

Алиса догадалась, что слышит голоса перепуганных ее падением принцев. Но появление стражи ее совсем не устраивало.

Алиса попыталась как можно быстрее выбраться из камина. Ей удалось высунуть голову наружу и громко прошептать:

— Спокойно, детки! Это я — Алиса!

Младший принц Дик заплакал.

Эдуард сообразил, что шума лучше не поднимать.

— Какая Алиса? — спросил он негромко.

— Помоги мне вылезти... и поймешь.

— Я ее знаю! — Маленький Дик перестал плакать. — Это наша Алиса. Это мой друг Алиса! Алиса пришла! Она нас освободит!

— Утихомирь ты его, а то стража прибежит, — сказала Алиса и стала вылезать из камина.

Дик подбежал было к ней, но при виде черного человека с белыми зубами замер и принялся рыдать.

— Это же сажа! — Алиса догадалась, почему Дик испугался. — Это черная сажа из трубы. Я же к вам с крыши пробралась — иначе ваших стражников не обмануть!

— Алиса, — бросился к ней маленький Дик, — уведи нас к маме! Они здесь такие злые! Я боюсь!

Эдди был старше и старался держать себя в руках. Этот мальчик никогда не забывал, что он — король Англии.

— Ты молодец, — сказал он, — что пробралась к нам. Я тебя награжу.

— Эдди! — улыбнулась Алиса. — Мы с тобой не во дворце и даже не на свободе. И я не могу здесь долго задерживаться. У вас есть бумага и перо?

— Зачем? — удивился Дик.

Он стоял рядом с Алисой, крепко взяв ее за руку, и смотрел снизу вверх.

— Зачем? — повторил Дик.

— Написать письмо маме. Она так переживает.

— Она здорова? — спросил Эдди.

— А сестренка Лиззи здорова? — спросил Дик.

— Все здоровы, — успокоила принцев Алиса.

Тогда Эдди развел руками и вздохнул:

— Ну откуда здесь перо и бумага?

— Надо что-то придумать, чтобы показать королеве Елизавете. Какой-нибудь привет от вас.

Эдди пожал плечами.

— А я знаю! — обрадовался Дик. — Я отдам маме свою веревку.

Он встал на четвереньки, заглянул под широкий топчан, стоявший посреди комнаты — на нем и спали принцы, — и вытащил оттуда плетеный шнурок в локоть длиной.

— Он выдерживал нитки из занавески, — пояснил Алисе Эдди, — и плел веревку, по которой мы спустимся и убежим. Но ведь окно такое узкое:

— Пускай мама пришлет с тобой толстую веревку, — сказал Дик.

— Эй! — послышался снизу крик стражника. — С кем вы болтаете?

— Друг с другом, — быстро ответил Эдди. — Сами с собой!

Стражник успокоился.

Эдди отвел Алису в угол, за топчан.

— Какие новости из Франции? — спросил он.

— Ты надеешься на Генри Ричмонда?

— А на кого нам еще надеяться?

— Но Ричард Глостер всем говорит, что скоро коронация, что у него и в мыслях не было лишать тебя трона.

— Я не верю дяде, — покачал головой Эдди. — Ты знаешь, что вчера он приходил сюда?

— Зачем?

— Он приказывал Эдди отказаться от короны, — вставил Дик.

— А ты?

— Я сказал ему, что я — законный король Англии, — гордо ответил Эдуард.

— Он рассердился?

— Дядя сказал, что я пожалею. Что буду локти кусать, что кровавыми слезами умоюсь.

— Он так и сказал — кровавыми слезами, — подтвердил Дик.

— Он не посмеет причинить вам вред, — сказала Алиса, хотя сама не была в этом уверена.

Они замолчали. Слышно было, как за стенами воет ветер и струи дождя молотят по крыше башни.

— Я пошла, — сказала Алиса. — По-моему, стражники открывают двери, чтобы проверить, как вы живете.

— Они проверяют нас каждый час, — сказал Эдди.

Принц снял с шеи цепочку, на которой висела золотая фигурка всадника, сражающегося с драконом.

— Это мой подарок, — сказал юный король. — Ты покажи его маме, но оставь себе.

Послышались голоса, кто-то поднимался по лестнице.

Алиса не стала терять времени на прощание.

Она нырнула в камин, но не посмела подниматься по трубе, потому что из комнаты ее наверняка услышали бы стражники. Алиса замерла, скорчившись в темной утробе камина.

— Дай-ка свечу вам поставлю, — сказал стражник. — А то небось страшно без света-то?

Он говорил без злобы, может, даже жалел мальчиков.

— Если голодные, — продолжал стражник, — вы мне только скажите. Я этому сэру Джону прикажу, чтобы побольше каши вам приносили. Вам много есть надо, ведь растете.

Стражник потоптался и вышел. Алиса услышала, как он спускался по лестнице.

Дик подбежал к камину.

— Ты еще здесь, Алиса? — прошептал он.

— Здесь, — откликнулась Алиса.

— Теперь уходи, — сказал Эдуард. — И скажи маме, что у нас все хорошо, одеяло есть и кормят. Не так, как у мамы, но кормят.

Алиса ждала, что он еще скажет.

— И относятся к нам неплохо. Если только дядя Ричард не придет.

— И еще эти мальчишки! — вмешался Дик. — Я их ненавижу! Я их казню, как только снова стану герцогом Йоркским.

— Ты о детях констебля? — догадалась Алиса.

— Они вредные и злые, — сказал Эдди. — И всюду суют свои длинные носы.

— А когда могут, что-нибудь воруют, — подхватил Дик.

— Хотя у нас и воровать-то нечего, — закончил Эдди.

— Вчера чуть мячик мой не утащили, — снова начал жаловаться Дик. — В последний момент я его отнял.

— Пожалуйтесь сэру Джону, — сказала Алиса. — Он их приструнит, потому что знает, что, выйдя на волю, вы им все припомните.

И Алиса полезла вверх по трубе.

Глава семнадцатая. Пропавший документ

Когда Алиса вышла из Тауэра, дождик прекратился. Солнце раза два пыталось выглянуть в просвет между облаками, но облака быстро набегали на его раскаленное лицо, и

оно скрывалось в клубах пара.

Дело было к вечеру. Алиса, чтобы не терять времени даром, выбежала на берег Темзы и позвала лодочника. Как раз начинался прилив. Морская вода устремилась вверх по Темзе, и на некоторое время течение в реке остановилось и даже изменилось. Так что подняться на лодке вверх по течению было легко.

Лодочник, увидев измазанную в саже детскую фигуру, сначала даже и разговаривать не захотел — он ждал настоящего пассажира. Но Алиса вытащила из кармана серебряный пенс, и лодочник сразу сменил гнев на милость.

— Я спешу, — сказала Алиса. — Довези меня до Вестминстера.

— Будет сделано, — кивнул лодочник. — За полчаса управимся. А что это ты, парнишка, такой грязный?

— А я — ученик трубочиста, — ответила Алиса. — Я сегодня в Тауэре учился в каминные трубы лазить.

— Что ж, хорошая профессия, — одобрил лодочник. — Нужда в трубочистах никогда не пропадет, даже через тысячу лет трубочисты будут нужны. Может, даже гребцов в лодках не станет, люди будут под парусами плавать. Но без трубочистов — куда без них?

Алиса соглашалась с лодочником и думала: «А ведь он не поверит, если ему сказать, что через шестьсот лет, когда я буду жить в Москве, многие уже забудут, что такая профессия вообще была на свете. Кому нужны трубочисты, если не стало труб, которые надо чистить от сажи и копоти?»

А лодочник всю дорогу до Вестминстера рассуждал о том, какие профессии стоят того, чтобы ими заниматься, а какие нет. Солдатом он быть не хотел: его брат полгода повоевал, вернулся без руки и без копейки, теперь живет на деньги своей жены, ее объедает и сам недоедает. Каменщиком он тоже не хотел быть: трудное дело, всегда на ветру, на холоде, под дождем, а еще надо кирпичи наверх таскать. Вот землекоп на кладбище — это уже лучше! Всегда можно от родных покойника монетку получить. Люди от горя смягчают и хотят, чтобы другим было лучше, честное слово!

Темза была грязной, в нее сбрасывали все, что в будущем будет попадать в канализацию. Но по берегам все равно сидели рыболовы — неистребимое племя людей с удочками.

К реке выходили склады и сараи — к ним причаливали лодки, у складов разгружали баржи и круглобокие корабли из Франции и Нидерландов.

Вот и высокие шпили Вестминстера.

Алиса расплатилась с лодочником и побежала вверх по скользкому от дождя берегу, перепрыгивая через лужи.

Недалеко от входа в аббатство, где круглые сутки стоял караулом отряд северных гвардейцев герцога Глостера, собралась большая толпа. Люди были молчаливы и напряжены. И Алисе сразу почудилось что-то неладное в этой тишине.

Перед толпой, спиной к стене аббатства, на большой каменной тумбе, с непонятной целью поставленной там давным-давно, стоял солидный седобородый старец в черном, похожем на монашеское, одеянии и о чем-то вещал.

Голос у старца был пронзительный.

Но Алиса сразу обратила внимание на то, что тумба, на которой стоял старец, окружена стражниками и среди них даже есть рыцарь. Значит, кто-то позаботился о том, чтобы оратор был в безопасности.

Алиса подошла к толпе, чтобы лучше слышать.

— И пусть небо будет свидетелем страшного преступления, совершенного нашим покойным королем Эдуардом! — восклицал старец. — Он был законным образом обвенчан с Элеонорой Тайлер, которую потом предательски задушил в опочивальне, и мы найдем этому свидетелей.

— Кто это? — спросила Алиса у молодого подмастерья в кожаном переднике, который стоял рядом.

— Это доктор Шей, — ответил парень. — Брат лорд-мэра Лондона, ученый человек, законник.

По толпе прокатился невнятный шум. Люди как будто растерялись, но не поверить такому солидному человеку они не могли.

— И что это означает? — продолжал доктор Шей. — Это означает, что брак короля с так называемой королевой Елизаветой недействителен.

Он сделал паузу, словно ждал, пока значение его слов дойдет до слушателей, и потом повторил:

— Брак с Елизаветой недействителен!

Толпа охнула.

У Алисы в животе защекотало от страха. Что он говорит!

— Эта самая королева никогда не сможет показать нам документ о заключении брака, потому что его нет! Король Эдуард не был женат на этой грешнице! Он жил с ней в грехе! И прижил детей в грехе. Это не принцы и не принцессы. Это бастарды — то есть незаконные дети! Им не место во дворце! Им место на конюшне!

Доктор Шей размахивал руками, словно мельница крыльями, широкие рукава сползли к плечам, и из них торчали тонкие костлявые руки.

— Он врет! — закричала Алиса. Чего делать конечно же не следовало.

Сквозь толпу к ней сразу же кинулся стражник: видно, те, кто организовал это выступление, были готовы к такому повороту дел и имели приказ сразу же хватать всех смутьянов и бунтовщиков.

Алиса кинулась бежать, а в толпе шумели и возмущались. Многие стали мешать стражникам догнать Алису.

А когда доктор Шей снова хотел заговорить, в толпе поднялся такой шум, что он и сам себя больше не слышал.

Но дело было сделано. Уже к утру следующего дня в Лондоне все знали, что королева — ненастоящая, а дети Эдуарда — бастарды, рожденные вне брака, им вообще-то место на помойке.

А когда принцу Ричарду за ужином сообщили о словах доктора Шея, он громко возмутился: все его гости видели, как сильно он возмутился.

— Никогда! — закричал он. — Никогда я не позволю обливать грязью вдову моего возлюбленного брата! Немедленно арестуйте этого отвратительного доктора Шея! Я подозреваю, что он — самозванец. Не приходится ли он родственником уважаемому лорду-мэру нашей родной столицы?

Кто-то из придворных поспешил выкрикнуть:

— Он родной брат нашего лорда-мэра! И профессор Оксфордского университета!

— Не может быть! — Ричард был страшно удивлен. — И такой человек осмелился напасть на несчастную вдову?

Герцог в растерянности сел на свое место и опустил голову на руки. Целую минуту все в зале напряженно молчали, никто не смел и рта раскрыть.

Потом Ричард медленно поднял голову, обвел тяжелым взглядом зал и сказал:

— Никому нельзя верить! Никому. — И добавил: — Попросите у королевы документ о венчании. Она его нам даст, и никто не посмеет ставить под сомнение ее слова. И тогда мы коронуем Эдуарда хоть завтра. И я сам лично возложу на него корону. Вот так!

И Ричард отправил к королеве герцога Бэкингема, чтобы тот вежливо попросил у нее документ о браке с королем.

К тому времени, когда красавчик Бэкингом заявился в Вестминстерское аббатство, королева Елизавета уже обо всем знала.

Первой дурные вести ей принесла Алиса.

Королева же так ждала вестей о сыновьях, что рассказу Алисы о проповеднике докторе Шее не придавала никакого значения. Мало ли какие проповедники выступают у Вестминстера!

— Как там мальчики? — спрашивала она. — Как их содержат, хорошо ли они питаются, водят ли их гулять?

На некоторые вопросы Алиса смогла ответить, а на другие — нет. Когда она показала королеве, Лиззи и леди Джейн веревочку, сплетенную маленьким Диком для побега из тюрьмы, все заахали, а чувствительная Джейн расплакалась.

Потом Алиса показала золотого всадника на цепочке, которого ей подарил Эдди, Лиззи рассердилась и сказала, что это — знак ордена Подвязки, а Алиса не может быть рыцарем и поэтому должна вернуть орден обратно.

— Не обращай на нее внимания, — сказала Алисе королева. — Лиззи так переживает, что теряет разум.

— Я не теряю разум! — возразила рыжая принцесса. — Просто я знаю: что положено благородным, простым людям нельзя. А то они обнаглеют, потребуют свободы, захотят охотиться на оленей в королевских лесах, как тот паршивый разбойник Робин Гуд!

Алисе надоело слушать трепотню неумной девчонки, и она сказала королеве:

— Меня очень испугало выступление доктора Шея. Его хорошо охраняли, кто-то оповестил народ и созвал на площадь. И главное — он был очень уверен в себе. Почему он решил, что вы не настоящая королева и не были замужем за королем?

— Какая чепуха! — возмутилась королева. — Что плохого в том, что наша свадьба была тайной? У меня есть дети, которые унаследуют корону Англии!

— А может быть, Ричард хочет, чтобы они ничего не унаследовали?

— У меня есть документ...

В этот момент вошел монах и сообщил, что к ее величеству с визитом прибыл герцог Бэкингом. По поручению протектора Англии принца Ричарда.

Королева велела всем покинуть комнату. Она не хотела, чтобы герцог увидел Алису. Впрочем, и Лиззи лучше не присутствовать при разговоре. Наверняка опять какие-нибудь неприятности!

Все отошли за портьеру, которая отделяла дневную гостиную королевы от ее опочивальни.

Лиззи, Джейн и Алиса уселись рядом на широкой кровати и стали слушать. Им ведь тоже было интересно узнать, зачем вдруг приехал второй человек в государстве.

А вдруг он хочет объявить, что принцы возвращаются домой, чтобы лучше

подготовиться к коронации?

— Наверное, вы, ваше величество, хотите узнать, как живут ваши сыновья в Тауэре? Могу вас заверить, они ни в чем не нуждаются, совершенно здоровы и веселы. Должен сказать, очень милые мальчики.

— Спасибо, — услышала Алиса спокойный голос королевы. — Я благодарна вам, герцог, что вы приехали специально, чтобы сообщить нам о здоровье короля Эдуарда и его брата. Может быть, вы хотите также сообщить мне о дне коронации?

— Как бы я был рад это сделать! — с чувством ответил герцог Бэкингом. — Как я сам жду этого момента! Но тут произошла одна история... Право же, я не знаю, как поведать о том вашему величеству...

— Я жду.

— Возник чисто формальный момент... Простая формальность, не думайте, что за этим что-то скрывается...

Наступило молчание.

Если бы Алиса верила этому герцогу, она бы и впрямь подумала, что он мучается от каких-то благородных чувств, не в силах выразить свои переживания. Но ведь он кривляется!

Это она сама прошептала или кто-то рядом?

Наверное, не сдержалась фрейлина Джейн.

— У вас есть документ: свидетельство о вашем бракосочетании с его покойным величеством? — спросил наконец Бэкингом.

— Разумеется, — с достоинством ответила королева.

И только Алиса угадала, почему ее голос дрогнул.

— Для того чтобы церемония коронации прошла без сучка без задоринки, архиепископ должен зачитать этот документ на государственном совете. Так всегда делается перед коронацией. Следует развеять подозрения врагов относительно того, что ваш брак мог быть незаконным. А может, его и вовсе не было?

Сейчас он вежливо улыбнулся, догадалась Алиса.

— К сожалению, нашу свадьбу мы праздновали в узком кругу, и, разумеется, вас в числе приглашенных не было, — сказала королева.

— Тогда тем более у меня могут быть сомнения, — прозвучал голос герцога. — Прикажите принести документ.

— Как вы знаете, — ответила королева, — мы живем здесь, как на постоялом дворе. Все перепутано. Я порой своих туфель отыскать не могу. Так что передайте вашему хозяину, что я в ближайшие дни отыщу этот документ.

— Не в ближайшие дни, — голос герцога изменился, в нем зазвучала жесть, — а сегодня! Вопрос о коронации обсуждается именно на сегодняшнем государственном совете. И поторопитесь!

— Не смейте говорить со мной таким тоном!

— А почему? Если ты не королева, а обычная интриганка? Почему я должен тебе кланяться?

Лиззи рванулась вперед. Алиса и Джейн еле успели схватить ее. Фрейлина принялась успокаивать девушку, что-то шептать ей на ухо.

— Убирайся вон, лакей Глостера! — приказала королева. И голос ее прозвучал так холодно, что у Алисы мурашки пробежали по спине.

— Ты пожалеешь о своих словах, Елизавета из низкого рода Греев!

Затопали каблуки Бэкингема.

Хлопнула дверь.

Алиса, Лиззи и леди Джейн бросились в комнату.

Королева рыдала в кресле.

— Как он смел! Как он только посмел!

— Все это связано и просчитано заранее, — сказала Алиса.

— Я и без тебя понимаю, — ответила королева, всхлипывая. — Я все понимаю, но как это унизительно!

— Если вы позволите, ваше величество, — произнесла леди Джейн. — Я чувствую, что именно теперь вашим детям грозит самая страшная опасность. Если раньше Ричард не смел и пальцем тронуть принцев крови, то с бастардами, мать которых не была королевой Англии, он может делать все, что захочет. И ему даже выгодно будет, чтобы они исчезли. Мне страшно так говорить, ваше величество...

— И не смей так говорить! — оборвала фрейлину Елизавета. — Я все понимаю не хуже тебя. Но я не вижу никакого выхода. Никакого...

— Наверное, он замыслил все это давно, — сказала Алиса.

Королева кивнула:

— Я тоже так думаю...

— Мама, — сказала Лиззи, — а ты отдай им этот документ. Пускай все видят, что ты была женой нашего папы! Или еще лучше: дай монахам прочесть его перед народом у дверей Вестминстера!

Королева отрицательно покачала головой.

— Помнишь, — спросила она, — пожар в библиотеке? Там еще была фея Моргана...

— Помню, но при чем тут документ?

— Алиса, что ты тогда видела?

— Она копалась в шкатулке и достала оттуда документ... Наверное, именно его фея и взяла с собой. А остальное сгорело...

— Алиса вынесла шкатулку, но документа о нашем браке в ней не оказалось, — сказала королева. Она нахмурилась, а потом добавила: — Мне бы тогда сообразить, что за документ ей понадобился! Но как я могла догадаться? Ведь в шкатулке были и другие важные бумаги. Как я могла понять, что сгорело, что выпало, а что понадобилось воровке?

Фрейлина Джейн в отчаянии ломала пальцы.

— Какой негодяй! — шептала она. — Какой негодяй! Он замыслил это уже давным-давно!

— Не знаю, — ответила ей королева, и Алиса мысленно согласилась с тетей Лизой. — Возможно, ему подсказали. Если эта мерзкая фея Моргана у него в союзниках, то идея объявить, что принцы — вовсе не принцы, могла принадлежать именно ей.

— Но ведь этому никто не поверит! — воскликнула Лиззи. — Никто и никогда! Мой добрый народ знает, что мы все — законные дети нашего отца.

— Народ будет думать то, что ему прикажут думать, — печально сказала королева. — А когда спохватится и разберется, что хорошо, а что плохо, нам-то будет все равно.

— Почему? — спросила Лиззи.

— Потому что Ричард сделает так, чтобы нас больше не существовало.

— Вы только не расстраивайтесь, тетя Лиза, — сказала Алиса, и королева не возразила против такого обращения. А может быть, она просто не расслышала. — Для вас это и лучше.

— Почему?

— Потому что ваши дети больше ему не соперники. И он оставит их в покое.

— Есть человек — есть проблема, — вдруг сказала Джейн. — Нет человека — и проблемы нет, как говорил когда-то Джон Ди, покойный палач его величества, перед тем как поднять свой топор.

И против такого заявления нечего было возразить.

— В любом случае, — произнесла королева, — нашим детям больше нечего делать в Тауэре. С каждым днем там все опаснее...

Никто ей не ответил, потому что всем было ясно: принцев из Тауэра выволить невозможно.

Невысокая, чуть повыше Алисы, исхудавшая королева подошла к камину, в котором потрескивали поленья, и стала греть руки в струе теплого воздуха.

— А раз невозможно, — сказала она, — значит, надо придумать, как это сделать...

Тогда заговорила Алиса.

Она как будто рассуждала вслух, потому что сама еще толком не понимала, что за мысль ее гложет:

— Освободить их силой мы не можем...

— Надо бы Генри позвать, — придумала Лиззи. — Он догадается, как взять штурмом этот Тауэр.

— И за это время они задушат моих мальчиков, — возразила Елизавета. — Я же знаю, какой приказ отдают страже, охраняющей важных пленников, которых ни в коем случае нельзя выпустить на волю. Стражникам говорят: «Если дело дойдет до крайности, выполните свой долг!»

— А Генри далеко, — сказала Лиззи и зарыдала.

В жизни Алисе не приходилось видеть девочки, которая умела бы так часто рыдать и изливать из себя столько слез.

— Мальчиков надо освободить внезапно, чтобы стража не успела опомниться, — сказала королева. — Продолжай, Алиса, ты же хотела что-то предложить.

— Мы не можем напасть на Тауэр, — сказала Алиса. — Но у нас есть деньги.

— У нас есть деньги, — подтвердила королева.

— Надо найти человека, которого можно подкупить, — предложила Алиса.

— И который сможет нам помочь, — добавила королева. — Я такого человека пока не знаю.

— А я, кажется, знаю, — обрадовалась Алиса. — Я его даже видела.

— Кто же он?

— Констебль Тауэра, сэр Джон Брендбьюри, — прошептала Алиса, опасаясь, что у стен Вестминстера могут быть уши.

— Чем же он тебя заинтересовал?

— Он спесивый, надутый, как индюк, и к тому же очень нуждается в деньгах. У него подрастают дети, а он хочет купить дом в Девоншире.

— Откуда ты знаешь?

— Я подслушивала.

— Но этого мало, — сказала Джейн. — Даже если мы предложим ему деньги, он не сможет вывести принцев из Тауэра.

— Не уверена, — пожала плечами Алиса. — Мы не знаем, что может, а чего не может

человек, у которого под началом вся прислуга.

Королева взяла со стола колокольчик. Хотела позвонить, но потом передумала. Она обернулась к Джейн:

— Позови пажа Грини. Без шума.

Юноша появился через три минуты. Словно ждал приказа королевы.

— Послушай меня внимательно, — сказала королева. — Я поручаю тебе очень важное дело. И опасное притом. Ты должен пройти в Тауэр, под любым предлогом. В Тауэре ты подберешься как можно ближе к констеблю крепости, сэру Джону Брендбьюри. Ты должен узнать о нем больше, чем родная мать о нем знает. Времени у тебя в обрез. Даю тебе два дня. Понял?

— Сделаем, почему не сделать, — улыбнулся Грини: рот до ушей, черные волосы до плеч, глаза как вишни.

Глава восемнадцатая. Королем буду я!

Судьба страны, ну и, конечно, людей, с которыми мы уже знакомы — королевы, принцев и самого герцога Глостера, — обсуждалась в тот вечер на государственном совете королевства.

— Пора уже что-то предпринимать! — грозно говорил герцог Бэкингем. — Враги королевства обнаглели до безобразия. Хотят посадить на престол какого-то бастарда, а во Францию, к Генри Ричмонду, отправляют связного. Мы его поймали, когда он высаживался из лодки.

— Это кто же? — спросил кто-то из баронов.

— Вы его знаете — пресловутый Генри Уайт из Кента, — ответил Бэкингем. — Ничем этого заговорщика не устроишь.

— Устроим, — мрачно произнес Ричард Глостер.

Он занимал королевское кресло. И никто не осмелился оспорить его решение.

— Будут какие-нибудь приказания? — спросил верный Тайрелл.

Его, конечно, за стол не пускали, здесь сидели только вельможи. Место Тайрелла было у стены, среди рыцарей помельче рангом, но достаточно близко к принцу, чтобы не упустить его приказа или даже намек на приказ. И если приказаний не было, то Тайрелл иногда позволял себе вольность — сам спрашивал у герцога.

— Пускай помирает от голода, — сказал Ричард. — Его воля. А так — ничем не угнетать и любое его желание выполнять. И передай мои слова констеблю Брендбьюри.

— Передам, — ответил Тайрелл и растворился в полумраке у стены в толпе таких же, как он, неродовитых рыцарей.

— Какие еще мысли посетили моих любимых друзей? — весело спросил Ричард.

— Серьезные мысли, герцог, — произнес Бэкингем. — И ты понимаешь, что сейчас в наших руках будущее страны, которая находится на краю пропасти — на грани хаоса и гражданской войны! И лишь ты можешь ее предотвратить.

— Слушаю тебя, мой любезный брат, — произнес Глостер. — В чем же ты видишь опасность для Англии?

— В том, что наверняка найдутся подлые люди, которые не поверят уважаемому доктору Шею и здравому смыслу, а по своим низменным мотивам станут поддерживать принца Эдуарда...

— Кого? — удивился Ричард.

— Маленького узурпатора! — спохватился Бэкингом, и по залу прокатился смех. Все поняли и оговорку, и вопрос Ричарда.

— Уж лучше ты не ошибайся, — мирно сказал Ричард. — Продолжай, говори о гражданской войне.

— Королевству нужен хозяин, — сказал Бэкингом, и все бароны за столом принялись стучать кружками о столешницу, бить ложками по мискам и даже кидать чаши на пол, распугивая любимых бойцовых собак принца Ричарда.

— Королевству нужен король! — закричал лорд Эштон.

— Да здравствует король Ричард! — слышалось со всех сторон.

Тогда Ричард поднялся со своего места и поднял узкую ладонь, призывая к тишине.

Он дождался, пока бароны успокоятся, и заговорил.

— Дорогие мои друзья, — сказал он негромко, потому что настоящие властители всегда говорят негромко. — Я признателен вам за заботу о нашей дорогой Англии. Я тем более благодарен вам, что в тяжелый для страны момент вы вспомнили обо мне и обещали мне вашу безусловную поддержку.

— Гип-гип-ура! — закричал бароны.

— Но до сих пор никто не доказал, — продолжал Ричард, — что мальчишки, которых я охраняю в Тауэре, на самом деле незаконные бастарды, не имеющие прав на престол.

— Слушайте, слушайте! — закричал Бэкингом.

— Я не сделаю ни единого шага, пока не соберется парламент и народные избранники не примут решение, столь важное для нашего государства. Этому решению я с радостью подчинюсь.

Ричард сел на свое место, и никакие крики и требования верных баронов не смогли заставить его изменить решение.

Обед закончился, и Ричард велел всем разойтись. Он сказал, что устал и ему надо подумать.

— Я останусь? — спросил Бэкингом.

— Иди, иди, — отмахнулся принц. — Подумай, может быть, тебе принять тяжелое бремя?

— Какое бремя? — притворно удивился Бэкингом.

— Бремя королевской власти.

— Мне и в голову не приходило ничего подобного! — возразил Бэкингом.

— Врешь, всегда врешь, красавчик! — прошипел Ричард. — Ты только и мечтаешь о троне. Думаешь, я не знаю, что ты воспитывался при дворе Эдуарда как его крестник? Думаешь, я забыл, кто твоя жена?

— Я разошелся с ней. Я никогда не любил Екатерину! Это всем известно.

— Так же, как и то, что она — младшая сестра королевы, которая меня ненавидит. Ну как я могу спать спокойно, если ты рядом?

— Вы нуждаетесь во мне, герцог, — спокойно сказал Бэкингом. — Кто-то должен делать за вас всю грязную работу. Вы не можете полагаться на одних Тайреллов. Они продадут вас за пару шиллингов.

— А какова твоя цена, герцог? Тысяча фунтов?

— Или вы будете доверять мне, Глостер, или я уезжаю. И добивайтесь короны самостоятельно, — обиделся Бэкингом.

Ричард отвернулся к стене и замолчал. Молчал долго, целую минуту. Когда он снова обратил свой взор к Бэкингему, его лицо озаряла добрая, хотя и кривоватая улыбка.

— Я испытывал тебя, мой друг. Я же знаю, насколько тебе бывает трудно, но ты выбрал справедливую сторону в этой борьбе и пойдешь со мной до конца. До победы. До нашей победы!

Бэкингем склонил голову.

Он ничего не ответил.

Глостер ждал, скажет ли он еще что-нибудь, но не дождался. И тогда сказал сам, может быть, для того, чтобы оставить за собой последнее слово:

— Поезжай-ка пока к себе, в Уэльс, который я даю тебе в управление. Собери там налоги. Нам с тобой понадобятся деньги.

— А парламент? Кто будет обрабатывать этих тупых баронов?

— Пока я напушу на них моих законников во главе с доктором Шеем. А ты вернешься и наведешь глянец.

— Вы решили не спешить со своей коронацией?

— Какая может быть речь о коронации? Я об этом и не думаю. И тебе думать не советую.

— Я поехал собирать силы, — сказал Бэкингем.

— Ты меня правильно понял, — кивнул Ричард. — У нас немало врагов. Но если я стану королем, их станет еще больше, и палачам придется потрудиться.

— Не спеши убивать принцев, — сказал Бэкингем от самой двери.

Ричард не ответил.

Но его губы беззвучно шевельнулись:

— За эти слова ты мне тоже ответишь... своей жизнью...

Дождавшись, пока шаги герцога Бэкингема стихли в коридоре, Ричард отправился в оружейную.

Там хранились бочонки с порохом, стояли прислоненные к козлам алебарды и копья, на полках лежали мечи, а в ящиках россыпью — картечь.

Ричард прошел через этот мрачный зал к секретной двери в подвал.

По узкой каменной лестнице с высокими ступеньками он спустился в пыточную комнату.

В низком зале стоял неистребимый запах крови. Казалось, здесь еще звучат крики узников, умирающих от невыносимых страданий.

В последние дни здесь никого не пытали, но все было готово: орудия пыток ждали своих жертв.

Ричард подумал, что неплохо было бы помучить попавшего в плен сэра Генри Уайта — этого упрямого идиота, который никак не может смириться с тем, что Генри Ричмонд никогда не вернется в Англию. Генри слишком беден, и у него нет влиятельных друзей.

Не считать же друзьями глупенькую Лиззи и ее смиренную мать, на которую придется еще немного нажать — и тогда она станет шелковой.

Ричард вынул кремень и трут и высек огонь. Масляный факел, прикрепленный к стене, загорелся зловеще и ярко.

Ричард был опечален.

И в этом он не мог признаться никому.

Хотя был человек на свете, который мог читать его мысли и от которого Ричард не мог

ничего скрыть.

И этот человек появился посреди пыточной, словно ниоткуда.

Перед Глостером стояла высокая женщина в монашеском одеянии.

Она откинула капюшон, тряхнула головой, и чудесные черные волосы водопадом рассыпались по плечам и спине, ниспадая до пояса.

— Здравствуй, фея Моргана, — сказал Ричард. — Конец пути близок.

— Но впереди еще трудные дни, — произнесла фея глубоким, грудным голосом.

— Они быстро пройдут.

— А потом может начаться самое трудное...

— Не пугай меня, фея Моргана. Ты принесла документ?

— Он давно у меня.

— Ты уже догадалась, что он может мне понадобиться?

— А как иначе ты сумеешь захватить не принадлежащий тебе трон? Кто тебе поверит?

Кто поверит в то, что ты заботился о детях и вдове?

— А теперь?

— Теперь найдутся и такие, кто поверит. Их будет немного. Больше окажется тех, кто пойдет с тобой из-за власти или денег.

— Мне суждена победа?

— Я не знаю будущего, — ответила фея.

Ричард не поверил ей.

И она, угадав его мысли, ответила:

— Ты можешь верить или не верить, от этого суть дела не меняется.

— Я делаю все ради любви, — сказал Ричард.

— Что ты говоришь?!

— А ты думала, мною движет тщеславие? Страсть к власти? Да ничего подобного! Я полюбил, страстно и нежно...

— Кого же?

— Изгони усмешку из своего голоса. Мне, мужчине средних лет, тоже доступно чувство глубокой и бескорыстной любви...

— Говори, говори, мне интересно послушать еще одну лживую сказку.

— Когда моя племянница Лиззи подросла и стала девушкой, я понял, что все свои нерастраченные чувства, всю свою душевную боль я брошу к ее маленьким ножкам...

— А она полюбила недостойного Генри Ричмонда, — закончила за герцога фея Моргана.

— А ей показалось, что она полюбила этого мальчишку!

— Она не любит и никогда не полюбит тебя.

— Она сама себя не знает. А я знаю, какая стоит передо мной цель, и всегда ее добиваюсь. Но я не мог добиваться ее руки, пока был жив мой брат. Он бы меня не понял.

— Не сомневаюсь, — засмеялась фея Моргана. — Ты бы не достиг своей цели, а на пути к ней мог и голову потерять.

— Ты права. Ты права, черт побери! И что мне оставалось?

— Тебе оставалось убить своего брата, потому что он был отцом твоей любимой девочки, — сказала фея. — К сожалению, он был еще и королем. Все вместе.

— Ты мне помогла, — прошептал Ричард. — Ты — воплощенное коварство и злоба!

— Я помогала не тебе — сама по себе злоба не доставляет радости. Мне нужен посох

Мерлина. И я жду, когда ты отдашь его мне.

— Как только ты его получишь, ты перестанешь мне помогать...

— Перестану.

— Тогда потерпи, пока я стану королем.

— При условии, что ждать недолго.

— Не больше трех недель.

— И тогда ты добудешь себе юную красотку?

— Я в печали, — сказал Ричард.

— Объяснись.

— Мне нужна была власть, мне нужна корона, чтобы завладеть Лиззи. Мои советники и ты, ведьма, убедили меня, что нужно объявить принцев бастардами. Тогда они не смогут взойти на трон и королем стану я. Так и было сделано. Принцы опорочены.

— Радуйся.

— Но опорочены все дети королевы Елизаветы.

В наступившей тишине раздался смех феи Морганы.

— Как славно ты себя обманул, мой мальчик! Как славно! Теперь не только Эдуард и Ричард, но и их сестра Лиззи — простолюдины. И как же тебе, королю Англии, можно будет жениться на опороченной девчонке?

— Вот именно, — вздохнул Ричард. — Я не могу жениться...

— И что же ты придумал, мой мальчик?

— Не смей так меня называть!

— Я называю тебя так, как мне хочется. И не забывай, что я — фея Моргана, а ты обычный смертный мужчина. И очень даже смертный.

Ричард промолчал.

— Полагаю, что ты не будешь сейчас открывать мне свои секреты, хотя о них так нетрудно догадаться!

— Молчи.

— Коронуйся скорее, Ричард Нельвиное Сердце. И я уйду.

— Сначала ты мне поможешь. Где документ о венчании брата?

Фея достала свиток и положила на стол, за которым обычно сидел писец и записывал признания пытаемых узников.

— Я уж решила, что за своими романтическими страданиями ты забыл о документах.

— Я ни о чем не забываю.

— А то откажись от власти, от короны, увези свою Лиззи в далекий замок...

— Прощай, фея Моргана, — оборвал ее Ричард. — У меня еще так много дел.

Фея рассмеялась низким, чуть хриловатым смехом.

И исчезла в воздухе. Она умела появляться и исчезать, словно ее никогда и не было. Так бывает с феями.

Ричард подошел поближе к факелу и принялся читать документ.

Дочитал, поднес свернутую в трубку бумагу к огню и подождал, пока пламя охватит свою жертву.

Когда документ догорел, он затоптал упавшую на каменный пол золу и быстро вышел из комнаты.

Паж Грини вернулся к вечеру на следующий день и доложил королеве Елизавете о своих подвигах.

Она снова послала его в Тауэр.

После второго похода Елизавета собрала у себя в комнате всех своих союзниц и велела Грини рассказать, что же он разузнал о констебле и как это можно использовать в интересах принцев.

Грини был очень доволен собой.

И не скрывал этого.

— Я неплохо потрудился, — сообщил он дамам. — Я не только поговорил с его слугами и стражниками, но даже смог расшевелить его повара и служанку его жены. Все вместе они и нарисовали мне истинную картину.

Грини поглядел на королеву. Елизавета улыбнулась и кивнула ему:

— Говори, не спеши, нам всем очень интересно.

— Господин сэръ Джон Брендбьюри служит в констеблях давно, но, хоть и экономит на питании узников, большого состояния не нажил, да и как его наживешь? И узников богатых в последнее время совсем не было. А возраст у него поджидает, уже в отставку скоро. И дети растут.

— Сколько у него детей?

— Три сына, — ответил Грини. — Робину тринадцать, Питеру девять, а Сэмюэлю три годика. Есть еще две дочки, постарше, на выданье. А констебль никак не скопит им приданого. К тому же он присмотрел себе домик. Присмотреть-то присмотрел, да он оказался ему не по зубам. Для домика ему не хватает четырехста фунтов — а это большие деньги, столько на полудюжине узников не наберешь и за десять лет.

— Теперь расскажи нам, что он может, а чего нет, — попросила королева.

— А это не в его пользу.

— Поясни.

Грини почесал затылок, шмыгнул носом и сказал:

— Простыл я там. Все время на ветру, и вороны щиплются.

— Не тяни, Грини.

— Я стараюсь с мыслями совладать. Я так думаю, ваше величество, что вывести из замка констебль никого не сможет. Он ведь сам должен спрашивать разрешения из Тауэра выехать, если он в карете или с поклажей. Герцог боится, как бы его не обокрали. А если сэръ Джон повезет принцев, его в воротах же и поймают.

— А если через стену? — спросила Алиса.

— Вокруг замка все время стража ходит. Сразу заметят. Нет, констеблю принцев не вытащить.

— А кому вытащить? — спросила Лиззи.

— Не знаю.

Грини и еще кое-что рассказал о констебле и его семье, оставил королеве бумажку со всеми именами, а также карту — как и что расположено в Тауэре. Но эта бумажка не имела особой ценности, если не найти помощника в крепости.

Королева отпустила пажа, и они принялись размышлять, что делать дальше.

И долго ничего не удавалось придумать.

А потом Алисе пришла в голову мысль, которая сначала всем показалась глупой и почти сумасшедшей. Но потом королева сказала:

— Мы ничего не теряем. А приобрести можем многое. Почему бы не попробовать?

— Я к нему сама пойду! — заявила Лиззи.

— И не мечтай, — оборвала дочку Елизавета. — Здесь нужен сдержанный и разумный человек. Ты вспылишь и все погубишь.

— Но ты же не пошлешь Алису! Она еще совсем ребенок.

— Ребенок, но разумнее тебя. А впрочем, ты права, констебль с Алисой и разговаривать не будет. Мы сделаем так: к констеблю отправится Джейн и скажет, что она — моя фрейлина и выступает от моего имени. Я могу даже дать ей мой перстень с гербом.

— А может быть, именно это и опасно? — спросила Джейн. — Если дело сорвется и об этом узнает принц Ричард...

— Хуже не будет! — отрезала королева. — Хуже некуда. Я думаю, что у нас больше шансов, если ты выступишь от имени безутешной матери. Порой у правды больше шансов победить, чем у самой изысканной лжи.

Договорились, что Алиса пойдет с Джейн как ее компаньонка и помощница.

Потом они потратили еще часа два, выбирая для Джейн платье из гардероба королевы, причем такое, чтобы оно не обращало на себя внимания.

А вот место встречи с констеблем выбрали тщательно. Благо Грини поведал о всех привычках и слабостях сэра Брендбьюри. И одной из этих слабостей была еженедельная прогулка по городу до пивной, которая называлась «Белый кабан» и располагалась на самом берегу Темзы в полумиле от Тауэра вверх по реке. Эта пивная была хороша тем, что в солнечную погоду хозяин ставил длинные столы на широкой террасе над водой, и посетители могли любоваться закатом, отраженным в реке, лодками и кораблями, что бороздили ее спокойные воды.

К террасе подходил небольшой старый сад, яблони уже отцветали, и трава, как снегом, была покрыта ковром белых лепестков.

Там и уселись две дамы, возможно, мать с дочерью, солидные среднего класса горожанки, самостоятельные, как и положено лондонским жительницам, самостоятельность которых порой удивляла даже приезжих из Европы.

В это время дня посетителей в пабе было немного, и мальчишка сразу принес матери с дочкой по кружке светлого эля — большую и маленькую, а к легкому пиву сушеных рыбок.

День выдался теплым, в полдень даже жарким, но к вечеру похолодало.

Они недолго сидели в одиночестве, пока на улочке, что вела к Тауэру, не появился молодой человек в одежде слуги, который, проходя мимо, выказал неуверенность, то ли ему зайти в паб, то ли идти дальше по своим делам. В конце концов юноша решил — прошел сквозь темный прохладный пустой зал и вышел на террасу.

Он занял место за пустым столом неподалеку от того столика, где расположились две дамы. И, усевшись, незаметно кивнул им, словно показывая: все в порядке.

А еще через минуту на террасу вышел высокий сутулый джентльмен в шляпе с зеленым пером, черном камзоле, зеленых чулках, с тонкой золотой цепью на груди. Вид у него был донельзя скучный и даже тоскливый.

Джентльмен огляделся и уселся подальше от других посетителей, у самой воды.

И задумался.

Он не изменил позы, даже когда мальчишка поставил перед ним оловянную кружку с элем.

Если не считать Грини да двух горячо спорящих моряков на другом конце террасы, в

пабе было совершенно пусто. Поэтому никто не обратил внимания на то, как полная, с добрым круглым лицом дама в синем бархатном платье и серой суконной накидке поднялась со своего места, не выпуская из руки кружки, подошла к джентльмену и спросила:

— Простите, сэр, вы позволите сесть за ваш стол?

Джентльмен был удивлен до крайности, если не сказать — испуган.

— Что случилось? — спросил он. Его глаза метались по лицу и фигуре дамы, словно их владелец никак не мог сообразить, кто она такая и почему осмелилась побеспокоить такого солидного господина.

Джентльмен сразу понял, что имеет дело не с нищенкой и не с женщиной недостойного поведения, не с обманщицей и не с бродячей торговкой. Так что же понадобилось от него такой богато одетой даме?

Так как джентльмен молчал и ничего не отвечал, дама продолжала:

— Разрешите представить вам, сэр Брендбьюри, мою дочь Алису, баронессу Гришем.

— Ал... — Констебль чуть было не поперхнулся пивом. Он никак не мог собраться с мыслями.

Тогда Джейн уселась напротив него и указала Алисе место рядом.

— Я приехала в Лондон, чтобы сделать вам выгодное предложение, — сказала фрейлина. — Вы позволите мне занять несколько минут вашего драгоценного времени?

Теперь все зависело от поведения констебля. Если он испугается и побежит прочь или начнет звать стражу, то Грини должен помочь Джейн с Алисой скрыться или прикрыть их от опасности. Но от фрейлины исходило такое спокойствие, ее добрым глазам так хотелось доверять... С ней можно было поделиться самыми жгучими тайнами.

Может быть, Брендбьюри и выслушает ее. Только бы благополучно прошли первые минуты!

— Вы говорите, — скрипучим голосом произнес констебль, — что вы приезжая?

— Я здесь по поручению несчастной женщины, матери, разлученной со своими детьми, — сказала Джейн. — Она желает припасть к вашим ногам.

— Не знаю я никакой несчастной женщины, — съезжился констебль.

— Попробуйте поверить мне, сэр, — проникновенно сказала Джейн, глядя на констебля так, словно хотела его заколдовать. — И в доказательство моей искренности мне был дан этот перстень. Дан, чтобы показать его вам.

Джейн протянула Брендбьюри перстень королевы с резным изображением пальмовой ветви и рыцарского шлема — родового герба семейства Вудвилл, к которому принадлежала Елизавета. Над шлемом с ветвью был вырезан кабан с острыми клыками — герб правящей династии Йорков.

Алиса с интересом смотрела, как констебль берет перстень и внимательно его разглядывает. Ведь в то время визитных карточек не было, даже компьютеров не водилось — ну как людям друг друга узнавать? По паспорту? А если и паспорта не было?

Алиса подумала, что для мелкого дворянчика Брендбьюри гербы высокопоставленных особ, как дерево для дворняжки. Она уж и бегаёт вокруг, и обнюхивает, и ищет, кто из настоящих догов и сеттеров пометил это бревно.

— Это перстень королевы Елизаветы, — сообщил свой вердикт констебль. — Если только вы его не украли.

«Вот тут бы ему и показать визитную карточку», — подумала Алиса. Но Джейн ничуть

не смутилась, а уверенно, хоть и негромко, произнесла:

— Вы могли видеть меня в свите ее величества.

— Ну, разумеется, разумеется, я польщен, — забормотал Брендбьюри.

— У ее величества беда, — сказала леди Джейн. — Ее дражайшая мать очень плоха и находится при смерти в Стратфордшире, в родовом поместье. Бабушка просила перед смертью привезти ей внуков. Попроцаться.

— Законное желание, — согласился констебль.

— Но есть одна трудность...

— Какая же именно?

— Ее внуки находятся в заточении в вашем замке.

— Ах да, да, припоминаю...

— Вы знали об этом?

— Я их вижу каждый день. Но нельзя сказать, что они находятся в заточении. О нет! Они ожидают коронации. Герцог Глостер только и ждет подходящего дня, чтобы выполнить обещание, данное им старшему брату.

— Но надо отвезти их к бабушке!

— Как можно? — опешил констебль. — Это же опасно! Они — достояние королевства!

И тут Алиса подумала: «Ведь уже половина Лондона знает, что по велению Ричарда брак Елизаветы признан незаконным. И не сегодня завтра об этом узнает и глупый констебль. Лучше было бы сказать ему об этом самим».

— Простите, сэра, — произнесла Алиса голосом послушной девочки, — но разве вам неизвестно, что обнаружилось, будто принцы — вовсе не принцы, а простые люди и не могут стать королями Англии?

— Ах, не может быть! — Сэр Брендбьюри был потрясен. — Это невозможно!

Но глазки у него были такие хитрые, что Алисе сразу стало ясно: врет уважаемый тюремщик.

Джейн быстро сообразила, что к чему, и продолжила:

— И очень скоро эти мальчики не будут представлять никакой ценности. Их просто выгонят из Тауэра, и дело с концом.

— Может быть, может быть, — согласился констебль.

— Но бабушка уже не увидит своих внуков, и это большое человеческое горе.

— О, как я сочувствую!.. — Тут констебль замолчал, подумал немного и спросил: — А может быть, и королева теперь уже не королева?

— Все может быть, — сказала Джейн.

Брендбьюри постучал доньшком кружки о стол, и мальчишка принес всем полные кружки.

— А не хотите чего-нибудь покрепче? — спросила Джейн. — У нас есть деньги.

— А я не пью, — резко отказался Брендбьюри.

И тогда Джейн крикнула мальчишке, чтобы тот принес господину чарку настоящего лондонского джина.

Глазки констебля загорелись, и он признался:

— В моем положении я не могу себе этого позволить. Спасибо, добрая леди.

— Надо будет вывезти мальчиков из Тауэра, — твердо сказала Джейн.

Констебль допил джин, запил его элем и лишь потом сообразил, чего от него требует эта женщина.

— Как же это возможно?! — воскликнул он. — Мне отрубят голову.

Чтобы было понятнее, он даже провел ребром ладони по шее, и сам огорчился, чуть не заплакал.

— А ведь у вас трудное положение, — заметила Алиса.

— Ой и трудное, девочка, — пригорюнился констебль. — Тебе даже не понять.

— Всю жизнь вы честно трудитесь, а не можете купить себе дом, достойный детей и жены...

— И никакой надежды, — подхватил сэр Брендбьюри. — Даже если я заморю голодом всех заключенных, то не разбогатею. Кстати, вы знаете, какой указ пришел от принца Ричарда? Заключенного Генри Уайта, который что-то вез Генри Ричмонду, не кормить до полного прекращения в нем жизни, а все остальные его желания выполнять по мере возможности. Разве это не издевательство?

— Боюсь, что принца Ричарда сильно накажут, — нахмурилась Джейн. — Я вам это обещаю.

— Вы серьезно?

— Совершенно серьезно.

— Но мне это ничего не даст.

— А ведь королева могла бы решить все ваши проблемы, — осторожно произнесла Джейн.

— Как же?

— Сколько вам не хватает для покупки желанного дома?

— Ах, и не говорите! Четыреста фунтов!

— Это целое состояние.

— Это только мечта!

— От имени королевы предлагаю вам пятьсот фунтов стерлингов, — сказала Джейн, рассеянно глядя на воду Темзы.

— Ах! — воскликнул констебль. — Не смейтесь над бедным стариком!

— Никогда бы не посмела.

Констебль допил эль и с прискорбием заглянул в пустую чарку, где был джин.

Джейн тут же заказала ему еще джина.

— И что же я должен для вас сделать? — спросил Брендбьюри. — При условии, что освободить принцев я не смогу.

— И не надо, — успокоила его Джейн. — Нам нужно, чтобы вы всего лишь подменили их на то время, пока Эдуард и Ричард побудут у умирающей бабушки в Стратфордшире.

— Кем же я их подменю? Коровами?

И констебль захохотал, пораженный собственным остроумием.

— Нет, — сказала Джейн. — Вашими сыновьями Робинот и Питерот. Они как раз того же возраста, что и принцы.

— Вы с ума сошли! — взревел констебль. — Я сейчас же вызову стражу!

— Это только на несколько дней. Ваши мальчики — разумные дети, они вас не подведут...

— Страаааж! — заорал Брендбьюри.

— Шестьсот фунтов стерлингов, и вы сможете к дому подкупить еще и мельницу, а может быть, новую конюшню.

— Стража! — повторил констебль, только уже гораздо тише.

— Если вы не сделаете этого сегодня или завтра, — продолжала Джейн, — то герцог может выпустить принцев, и тогда вы не получите ни пенни. А мы знаем, что собирать пятьсот фунтов вам придется... двести лет. Не так ли?

— Это вас не касается! Я не стану рисковать жизнью моих детей!

— А им ничего не будет угрожать. Вы же сами будете сторожить их от посторонних.

— Уходите, вы возмущаете во мне честного королевского служащего.

Джейн поднялась первой. Она показала на Грини, который сидел неподвижно и в их сторону не глядел.

— Вот этот юноша будет каждый день ждать у ворот Тауэра, в сторонке, на самом берегу Темзы. Каждое утро, с семи до десяти утра. И когда вы примете решение, киньте камешком в сторону этого юноши. Вам ясно?

— Ничего я не буду кидать! — пробурчал констебль.

— Мы ждем. Три дня. Не больше.

— Шестьсот фунтов?

— Шестьсот. Но принцев из Тауэра вы выведете сами.

— Как же?

— Под видом своих сыновей. Возьмете их покататься на лодке по Темзе. Кто будет за вами следить?

— А дальше что?

— А дальше вы отдаете нам принцев, а мы вам — деньги на дом в Девоншире.

— Исключено! — рявкнул Брендбьюри. — И не надейтесь! Мне дорога собственная голова!

И констебль направился к выходу. Когда его и след простыл, Алиса сказала:

— Бежим отсюда! А то он стражу позовет.

— Вот этого он никогда не сделает. Он же ничего не решил и не знает, на что согласиться.

— Как он мне не понравился! — вздохнула Алиса. Она поднялась из-за стола первой.

— Констебль многим не нравится, особенно тем, кто сидит по ту сторону решетки, — сказала рассудительная Джейн, и они пошли в Вестминстер.

Вечер был теплый, приятный, гулять — одно удовольствие.

До аббатства они добрались к закату.

Джейн была расстроена, ей казалось, что из разговора ничего не вышло. Алиса надеялась, что констебль подумает-подумает и согласится, а королеву больше всего заинтересовал рассказ о Генри Уайте.

— Констебль сказал, что сэр Генри что-то вез Генри Ричмонду, — сказала леди Джейн.

— Что же он вез? — задумчиво спросила королева.

— А вы его знаете? — удивилась Алиса.

— Он старый приятель Генри Ричмонда. Но я его ни о чем не просила и никуда не посылала, — ответила королева. — А ну, признавайся, Лиззи, ты ни о чем не просила Генри Уайта?

— Да я его тысячу лет не видела! — возмутилась Лиззи.

— А может, письмо для Генри? Тебе же ничего не стоит сорвать с места солидного человека и послать его с рискованной миссией.

— Мама, клянусь тебе, я тут совершенно ни при чем!

— Значит, констебль не сказал, за что Генри Уайта посадили в Тауэр?

— Не сказал.

— И что у него отобрали, тоже не сказал?

— Клянусь, миледи, ничего не сказал.

Алиса из этого разговора ничего не поняла, кроме того, что какой-то Генри Уайт, которого герцог Глостер решил уморить голодом, известен и королеве, и Лиззи. Королева подозревает, что именно Лиззи послала Уайта к Генри Ричмонду, а принцесса думает, не мама ли его послала.

— Если будете снова встречаться с констеблем, — попросила королева, — обязательно узнайте у него, не отобрали ли у Уайта чего-то при аресте — письма или посылки.

— А могло быть? — спросила Алиса. Но ответа не получила.

Только потом, когда разговор шел уже совсем о другом, королева напомнила:

— Кстати, Алиса, ты порой забываешь, что здесь и у стен могут быть уши. А когда ушам хочется что-то услышать, лучше всего подсказать им такие слова и мысли, которые придутся им по вкусу.

И Алиса опять ничего не поняла.

День тянулся за днем, и никаких известий из Тауэра не приходило. Не донес ли констебль о разговоре в пабе самому герцогу Глостеру? Может, Ричард тоже готовит капкан для королевы?

Тем временем богословы, законники и священники, нанятые или запуганные Ричардом, выступали с проклятиями в адрес королевы, околдовавшей покойного короля Эдуарда. Может быть, она вовсе не женщина, а ведьма, чертовка, которую лучше сжечь вместе с ее бесовскими детишками?

Но особенно рьяных обличителей останавливали советники герцога Глостера. Они советовали не слишком усердствовать. Сам Ричард вовсе не хотел крайностей. Он своего добился — принцы в башне, королева в аббатстве, Генри Ричмонд за морем. Но и рисковать он тоже не желал, и, узнав, что несколько баронов в Плимуте собрали отряд и надеются поднять восстание против Глостера, Ричард сам во главе сильного отряда помчался туда, жестоко подавил бунт и казнил недовольных. Никто не смел противиться Ричарду!

Если еще месяц назад он выступал протектором от имени малолетнего короля Эдуарда, то теперь Глостер попросту забыл это имя.

Он был защитником единства Англии, покровителем страны и народа.

Подавив восстание, Ричард сообщил архиепископу Кентерберийскому, чтобы тот начал подготовку к коронации. И королем будет не кто иной, как сам герцог Глостер.

Но никакого самовольства!

Решить это должны народные избранники.

Решать должен парламент.

Заседание парламента назначили на 25 июня.

И пока в Лондон съезжались бароны и вельможи, сам Ричард покинул Тауэр и с небольшой свитой переехал в дом своей матери, которая тихо доживала свои дни в небольшом дворце. Мать была крайне удручена состоянием дел в королевстве, но у нее оставался только один сын — Ричард. И пусть уж лучше королем станет он, чем начнется смута.

Как-то, выходя за провизией на рынок, Джейн увидела мрачного вида детину, который мялся у ворот аббатства в небольшой толпе любопытных. Сюда постоянно приходили люди, как паломники к святыне. При виде фрейлины детина покинул толпу и побрел следом за

ней по улице. Когда рядом никого не оказалось, он окликнул ее:

— Ты, что ли, будешь Джейн, фрейлина королевы?

— Я самая. А тебе что надо, добрый человек?

— А перстень королевский у тебя есть показать?

— Зачем тебе?

— А ты точно Джейн?

— Точно, точно!

— Тогда сегодня в шесть пополудни один человек придет в пивную «Белый кабан». Не повторяй и не оглядывайся.

Джейн сразу догадалась, о каком человеке говорит мрачный детина. У нее даже сердце подпрыгнуло от радости. Ведь если бы констебль хотел ее предать, не нужно было бы так таинственно подсылать к ней человека.

Но когда она рассказала о встрече королеве, Елизавета возразила:

— Все равно это может быть ловушкой. Особенно если разговор пойдет о деньгах. Так что будьте осторожны.

— А мне кажется, что сегодня Ричард и его друзья о нас не думают, — сказала Алиса. — Им не до нас.

— Ричарду всегда и везде до нас. Он никогда ничего не забывает. Поэтому и станет королем.

— Если и станет, — машинально ответила Алиса, — то ненадолго.

— Что ты имеешь в виду? Что ты хочешь сказать?

— Ничего! — спохватилась Алиса. — Я просто подумала...

Она замолчала.

— Пойдете, как прежде, — приказала королева. — Джейн и Алиса будут сидеть в пабе, а Грини станет их охранять. Хоть из него охрана не слишком надежная, зато никто не заподозрит.

— Я — надежная охрана! — обиделся Грини.

— Хорошо, хорошо. Надежная так надежная. А к тебе, Алиса, у меня будет особая просьба. Вот тебе мешочек с чищеными грецкими орехами. Если сэр Генри Уайт еще жив и не умер от голода, умоляю, уговори констебля взять этот мешочек. Пусть Уайт восстановит свои силы. Я так надеюсь, что милостивый принц Ричард выпустит невинного человека из заточения и не даст ему умереть.

Алиса взяла с собой мешочек с грецкими орехами.

И тут вбежала принцесса, которая, как всегда, задержалась у себя.

Она пошла проводить Алису до ворот и там тихонечко передала ей маленький мешочек.

— Постарайся уговорить констебля взять этот мешочек для несчастного Генри Уайта, — прошептала Лиззи. — Здесь чищенные грецкие орехи. Я сама их колола, все пальцы молотком разбила! Пусть констебль передаст мешочек Генри, чтобы тот не умер от голода. А потом уж мы его откормим.

Алиса не стала говорить принцессе, что королева передала ей такой же мешочек. Лиззи наверняка расстроилась бы, что хорошая мысль пришла в голову не только ей.

Они попрощались, и посланцы королевы во главе с фрейлиной Джейн двинулись в недалний поход.

Констебль опоздал почти на полчаса.

Джейн уже собиралась уходить, но Алиса ее удерживала — мало ли что могло произойти. Человек на работе, его дела задержали.

Тут появился и сам констебль. На шаг позади него семенила девочка Алисиного возраста, такая же худая и сутулая, как сэр Брендбьюри.

Констебль был раздражен, сутулился больше обычного, а шляпу надвинул на нос так, что сам перед собой дороги не видел и споткнулся о порог. Он страшно выругался, ни с кем не поздоровался, даже не извинился за опоздание.

— Проклятая кошка! — зарычал он, усаживаясь за стол. Девочка осталась стоять.

Мальчишка принес кружку эля, констебль опрокинул ее в глотку и потребовал:

— Неси сразу четыре и две чарки джина!

Потом обернулся к Джейн и добавил:

— За ваш счет, девица!

Фрейлина коротко кивнула. Она умела владеть собой.

После четвертой кружки и второй чарки констебль пришел в себя. Он несколько раз повторил «проклятая кошка», но не стал объяснять, что же имеет в виду.

Наконец Джейн сказала:

— Мы пришли по вашему приглашению. Значит ли это, что вы что-то решили?

— Решил, да, решил. Но вас это не обрадует, — проворчал Брендбьюри.

— А что случилось? — спросила Джейн.

— Времена изменились. К худшему, друзья мои, к худшему.

— Объяснитесь.

— Вы предлагаете мне рискнуть здоровьем, а может, даже жизнью моих любимых сыновей за жалкие деньги! Да лучше я получу эти же деньги, сообщив его высочеству о наглom предложении выскочки, так называемой королевы Елизаветы... А ну-ка принеси мне кружку джина!

— Кружку эля, сэр? — уточнил пробежавший мимо мальчишка, к которому и относились последние слова констебля.

— Слей десять чарок джина в кружку и принеси мне. А счет предъявишь вот этой госпоже.

Наступило молчание. Констебль ждал свой джин, а послы королевы ждали, что же он скажет дальше. Они понимали, что им рано вмешиваться в ход мыслей этого негодяя.

Мальчик принес джин. Девочка пискнула:

— Папочка, пей поменьше!

Констебль только отмахнулся и потянулся за полной кружкой. Наконец джин влился в глотку сэра Брендбьюри.

— Я могу продать вас герцогу, — повторил он.

— Ваша воля, — спокойно ответила Джейн. — Только я сильно сомневаюсь, что вы получите от него хотя бы пять гиней. И вам еще повезет, если удастся сохранить голову на плечах.

— Это еще почему?

— А вы подумайте как следует: три дня назад на этом самом месте мы предложили вам подменить пленников. И вы почему-то три дня молчали и не побежали сразу же доносить на нас своему герцогу. Мне кажется, что все эти дни вы рассуждали, кому лучше служить и от кого выгоднее получить взятку. А потом догадались, что от нас. Потому что от герцога вы

ничего не получите. А если сегодня парламент предложит ему стать королем, то цена принцев вообще упадет до пенса.

— Ничего подобного! — заявил констебль. Но голос его звучал не очень уверенно.

— Папа, я пить хочу, — захныкала девочка.

— Принеси ей воды, — приказал мальчишке констебль. — Только не очень холодной, а то у нее горло заболит и ее мать мне голову оторвет.

— Это ваша дочка? — спросила Джейн.

— Бекки. Очень умная девочка, вся в меня.

— Это видно, — согласилась фрейлина. — Значит, мы зря с вами встречались.

— Я сообщу герцогу!

— И как вы объясните, что не сделали этого раньше?

Алисе показалось, что разговор пошел по кругу, как коза, привязанная к кольшку длинной веревкой.

— А я письмо подброшу.

— Тогда тем более вам конец.

— Но за дом с меня требуют все больше и больше...

— Скажите, кто хозяин, и мы с ним поговорим.

— А если накинуть еще сто фунтов?

Алиса знала — королева согласилась заплатить жулику больше, чем договаривались. Джейн была предоставлена полная свобода. Но фрейлина не хотела уступать.

— Ни пенсом больше, — сказала она и поднялась из-за стола.

— А может, подумаете?

— Нет, — отрезала Джейн. — Я дала вам шанс остаться честным человеком.

— Вот именно! — И констебль медленно зашагал к выходу с террасы.

— Все пропало! — прошептала Алиса.

Но оказывается, расчет Джейн оказался верным.

— Пятьдесят фунтов сверху! — сказал Брендбьюри от двери.

Фрейлина отрицательно покачала головой.

Констебль сделал еще один шаг. Девочка семенила рядом, ухватившись за рукав отца тонкими бледными пальчиками.

— Тридцать!

— Возвращайтесь, — милостиво согласилась Джейн. — И учтите, что тридцать фунтов стерлингов — большие деньги, за них можно купить прекрасного коня или участок земли под огород.

Констебль уселся, положил руки на стол и сплел пальцы.

— Перейдем к делу, — сказал он, будто все предугадал заранее. И еще неизвестно было, кто кого перехитрил в этом споре.

— Когда требуется все сделать? — спросил он.

— Сегодня вечером, пока все будут на заседании парламента.

— Разумно, — согласился Брендбьюри. — Весьма разумно. Тем более что лучше все сделать в сумерках или в темноте, но не очень поздно. Я предупредил стражу, что везу детей к бабушке в Бромли. Они там поживут на свежем воздухе.

— Чудесно, — сказала Джейн. — Просто чудесно. Вы все предусмотрели.

— Даже больше, чем вы, — ответил констебль. — Я привел с собой мою доченьку, мою Бекки.

— Я не понимаю зачем? — удивилась фрейлина. — Я смотрю на нее и удивляюсь, зачем вы привели с собой ребенка?

— Тогда я отвечу вопросом на вопрос, — сказал констебль. — Принцы в башне знают кого-нибудь из вас?

— Разумеется!

— И вашу дочь Алису?

— И мою дочь.

— Я так и думал. Для этого и привел свою Бекки. Вы все еще не догадались? Тогда, полагаю, королева ошиблась, доверив вам такое важное дело.

— Я догадалась! — сказала Алиса. — Вы правы, констебль.

— В чем он прав? — недоуменно спросила леди Джейн.

— Ну представь себе, входит в твою камеру тюремщик и говорит: «Я решил вас тайком освободить и вывести из крепости. Собирайтесь, пойдём». Что ты будешь делать? Кинешься ему в объятия?

— Еще чего не хватало! — возмутилась Джейн. — Как я могу доверять тюремщику и палачу?!

— Значит, тебе нужны доказательства, что здесь нет подвоха?

— И тут выходишь ты! — засмеялась Джейн. — А что, он ловко придумал!

— И заодно попрошу вас впредь не называть меня тюремщиком, — заметил довольный констебль. — И тем более палачом. Я государственный служащий, констебль, то есть комендант Тауэра, занимающий высокое положение.

— Так точно, сэр! — согласилась фрейлина.

— Предлагаю вам на несколько минут спуститься в этот небольшой сад, — сказал констебль. — Только осторожнее — там растут колючки и крапива.

Все спустились в садик. Только Грини остался на террасе и смотрел вокруг, чтобы невзначай никто не застал заговорщиков врасплох.

А когда они зашли в кусты, сэр Брендбьюри заставил девочек обмениваться шляпками, шальями и накидками и спрятать волосы под шелковыми сеточками. Ведь Алиса была блондинкой, а Бекки — темной шатенкой.

— А теперь, — проскрипел констебль, — попрошу задаток.

— Здесь сто золотых гиней. — Фрейлина протянула констеблю увесистый кошелек.

— Маловато, — буркнул констебль, но золото спрятал. Он схватил Алису за руку и большими шагами пошел по улице. Алиса еле за ним успевала. А Бекки, которая от страха еле сдерживала слезы, осталась с Джейн. Грини пошел за констеблем, держась шагах в ста позади. Он охранял Алису — мало ли что могло случиться.

Начался дождик. Вечерний дождик. Тучи неслись так быстро, что в них то и дело образовывались дырки, в которые прорывались лучи заходящего солнца. Но просветы тут же затягивало сизыми облаками, и становилось сумрачно и зябко.

У ворот пришлось задержаться — навстречу выливался целый поток служилых людей Тауэра. Они не оставались на ночь в крепости и спешили вернуться домой.

Стражники у ворот узнали сэра Брендбьюри и окриками разогнали толпу.

Констебль даже спасибо им не сказал. Он втащил Алису в замок. Кто-то из стражников с насмешкой крикнул вслед:

— Как погуляла, Бекки?

Констебль потащил Алису по дорожке к домам служащих Тауэра. Черными тенями

мелькали рядом вороны. Вдруг констебль крепко выругался, как совершенно недопустимо ругаться при детях, и, схватив с земли камень, запустил им в кого-то. «Наверное, увидел крысу», — подумала Алиса. Она не могла оставить без внимания грязные слова Брендбьюри и строго сказала:

— Надеюсь, что в будущем вы не будете позволять себе столь неприличные выражения, которые позволили сегодня, сэр!

И это было сказано так строго, что даже нахальный констебль, начисто забывший, что имеет дело с дочкой фрейлины, а не с собственной Бекки, опешил. Но извиняться не стал — не умел он просить прощения. Лишь злобно зашипел, как рассерженная кобра.

Они вошли в двухэтажный дом констебля. Он оставил Алису в маленькой прихожей рядом с кухней, где пахло вареной капустой и кислым молоком.

— Жди меня здесь, я скоро приду, — буркнул констебль. Из внутренних комнат доносились голоса, выкрики и споры.

Время тянулось бесконечно долго. К тому же Алиса так и не знала, верить ли этому жулику или он в самый последний момент выдаст ее страже. Но она надеялась на его жадность. Впрочем, и на трусость тоже. Он же должен понимать, что как только выдаст Джейн и Алису, то и сам, вернее всего, лишится головы.

Потом за дверью наступила тишина. Было слышно, как позвякивают монеты. Чета Брендбьюри считала деньги.

Дверь приоткрылась, и в щели появилась детская головка. Это был трехлетний сынишка констебля. Он долго вглядывался в темноту за дверью, потом закрыл дверь и сказал родителям:

— Там темно и пусто.

— Как пусто?! — Видно, констебль ужасно испугался. Он сразу кинулся к двери, распахнул ее и увидел сидящую на табуретке Алису.

— Ты чего детей пугаешь! — прикрикнул он на нее и сразу исчез — испугался, что без него жена неправильно посчитает добычу.

Наконец дверь распахнулась, и констебль появился в проеме со своими сыновьями. Мальчики немного робели и часто дышали.

— Они нам ничего плохого не сделают? — спросил Робин.

— Без меня в Тауэре ничего сделать нельзя. Не только голову отрубить, но и цветок сорвать. Ваш отец — не последний человек в английском королевстве.

Дети замолчали.

— Пошли! — сказал констебль Алисе.

Жена констебля стояла в дверях и всхлипывала. Но в руке крепко сжимала кошелек с деньгами. Алиса ее толком не разглядела.

Повар с кастрюлей и его помощник с мисками уже ждали снаружи.

Они пересекли газон, прошли по дорожке к внешней стене. Садовая башня возвышалась перед ними, но дверь в нее, где стояла охрана, находилась с внешней стороны крепости.

— Что-то ты поздно нынче, смотритель, — сказал один из стражников.

— Нет, не поздно, — ответил констебль. — Сегодня погода плохая, вот и кажется темно, а шесть часов еще не пробило.

— И то верно, — согласился второй стражник. — Сегодня день длиннее кажется.

Он стал отпирать дверь. Цепь со звоном упала на землю. Робин вздрогнул и прижался к отцу.

— И чего ты детишек тащишь в тюрьму, — заметил один из стражников. — Только пугаешь их на ночь глядя.

— Пускай приучаются, — отмахнулся констебль. — Будут отцу помогать.

— Правильно, — кивнул второй стражник. — С малолетства надо жестокостям учить. Дверь открылась.

Констебль подзатыльниками загнал детей внутрь. На каменной лестнице было темно, но наверху в комнате принцев горели свечи, и сквозь бойницы проникал свет. При появлении гостей Эдди и Дик встали.

— Что-то вы сегодня поздно, сэр, — сказал Эдди. — Мы проголодались.

Даже в тюрьме юный монарх умел говорить с другими, как лев с блохой.

— Зато я привел к вам гостей, — сказал констебль, и его голос дрогнул.

Тем временем повар с помощником поставили обед на стол, и констебль знаком велел им удалиться.

Они вышли.

Принцы почувствовали что-то необычное.

— Каких гостей? — удивился Эдди. — Опять своих детей? Но ты же знаешь, какие они надоедливые. Мы не хотим с ними играть. Мы не играем с детьми тюремщиков.

— Ладно, ладно. — Констебль не хотел ссориться. — Вы на девочку поглядите.

— Это твоя дочь? — спросил Дик.

Алиса сняла шляпу, сорвала с волос плетеную сетку и потрянула волосами.

И тогда принцы в один голос воскликнули:

— Ой, это же Алиса!

— Вот именно, — сказал констебль. — Надеюсь, вы ее признали?

— Разумеется, признали, — сказал Эдди.

— Тебя что, тоже арестовали? — испугался Дик.

— Нет, мальчики, — сказала Алиса. — Я пришла вас освободить.

— Ты? Нас? — не поверили принцы.

— С помощью нашего друга, констебля Тауэра сэра Джона Брендбьюри, которого вы, без сомнения, уже встречали в этих стенах.

— К сожалению, — сказал Эдди.

— В будущем вы станете относиться к этому джентльмену гораздо теплее, — сказала Алиса. — И если он не возражает, я сама расскажу вам, что произошло.

Констебль возражать не стал.

Глава двадцать первая. Необыкновенная кошка

Они покинули башню ровно через полчаса.

Впереди шагал сэр Брендбьюри, королевский констебль Тауэра, рядом с ним, держась за его рукав, семенила Бекки в надвинутой на нос шляпе и темной накидке, скрывавшей платье. Девочка сутулилась, как и ее отец.

Следом за ними, держась за руки, шли сыновья Брендбьюри, Робин и Питер, один повыше, другой поменьше. Они тоже были чем-то похожи на отца — наверное, в первую очередь одеждой, словно им сшили камзолы из остатков материи, которая пошла на костюм самого сэра констебля.

Уже почти стемнело, дворы Тауэра опустели, и лишь стражники, что медленно шагали

по газонам, положив на плечо алебарды, да редкие вороны, доклевывавшие свой ужин, нарушали тишину и покой крепости.

Вдруг взгляд констебля упал на мелкое создание — кошку, которая тащила в зубах голубя, и им овладела необъяснимая ярость.

Он отбросил руку дочери и кинулся к кошке, размахивая тростью.

Кошка побежала прочь, но не очень быстро. Во-первых, трудно бежать с толстым голубем в зубах, а во-вторых, кошка вовсе не боялась сутулого сэра Брендбьюри.

Волей-неволей дети констебля побежали за отцом через газон по направлению к Зеленой башне, сквозь бойницы которой пробивался слабый свет, будто там, на втором этаже, кто-то жег свечу.

Кошка добежала до башни и нырнула в небольшую дыру у ее подножия, видно, предназначенную для стока воды.

— Нет! — закричал констебль. — Ты от меня не уйдешь!

Он отыскал на поясе связку ключей и открыл замок на двери. Видно, в этой башне содержался не такой уж важный заключенный, раз снаружи не держали стражника и замок открывался так просто.

Замок с грохотом упал на каменные ступеньки, и констебль кинулся вверх по лестнице.

— Я ей голову оторву! — кричал он. — Она от меня живой не уйдет!

Дети побежали следом, но сэр Брендбьюри сверху крикнул им:

— Оставаться на местах! Я вернусь. Только убью ее и вернусь!

Алиса не послушалась констебля и взбежала по лестнице за ним, но в комнату войти не стала, а остановилась на ступеньках и осторожно заглянула внутрь.

Это была довольно просторная комната, потому что она занимала весь второй этаж башни. Она показалась Алисе совершенно пустой. Посреди комнаты стоял низкий стол, на котором горела свеча, а у дальней стены притулилась небольшая лежанка. На табурете перед столом сидел веселый толстощекий молодой человек с пышными усами и светлыми кудрями. Перед ним стояла миска, в миске лежала какая-то зажаренная птица. Молодой человек отлично слышал и крики констебля, и его топот по лестнице, но этот шум его никак не встревожил. Он продолжал обгладывать птичью ножку с таким наслаждением, что Алисе захотелось есть. Одет молодой человек был очень скромно — темные рейтузы, некогда белая рубашка с отложным воротником, рукава которой были закатаны до локтей.

— Что случилось? — спросил узник.

— Вы знаете, что случилось! — продолжал буйствовать констебль. — Где она? Выдать мне ее немедленно!

— И помереть с голоду? Нет, я не согласен!

— Из-за вас меня самого повесят!

— Туда тебе и дорога, скряга!

Констебль в гневе застучал тростью по полу. И тут из-под стола выскочила кошка, промчалась между ног сэра Брендбьюри и исчезла в дверях.

— Учтите, сэр Уайт! — заявил тогда констебль. — Я сейчас спущу на нее всех собак Тауэра и всего Лондона. Мы ее найдем и публично отрубим ей голову, потому что она — ведьма!

— Сколько? — не обращая внимания на крики констебля, спросил веселый узник.

— Сто гиней!

— Ты сошел с ума, скупердяй! — воскликнул узник. — Две гиней, и чтобы к завтраку я

имел суп из этой птички.

Оказалось, что на полу у его ног лежит голубь — тот самый, которого только что тащила в зубах кошка.

— Пять гиней!

Снизу донесся шепот:

— Алиса, это же дядя Генри Уайт!

Алиса уселась на ступеньку и посмотрела вниз. У подножия лестницы стояли принцы, одетые как дети констебля.

— Вы уверены, что это он и есть?

— Я его голос знаю, — прошептал Эдди.

— Совсем не похоже, чтобы он умирал от голода, — заметила Алиса.

— Это он!

— Тогда у меня к нему есть несколько поручений. — И с этими словами Алиса вошла в комнату.

В комнате почти ничего не изменилось, если не считать того, что Генри Уайт отсчитывал серебряные монеты из своего кошелька, привязанного к поясу, а констебль уже держал за хвост несчастную птичку.

— Объясните, что это значит? — как можно строже спросила Алиса. — Чего мы ждем? Почему, когда каждая минута на счету, мы должны собирать голубей по башням Тауэра, платить за это гинейми и гоняться за кошками?

— А это еще что за создание? — удивился Генри Уайт. — Неужели это и есть твоя очаровательная дочка Бекки, констебль?

— Считайте что так, — ответила Алиса. — Хотя это совсем не так, потому что я — дочь фрейлины ее величества Елизаветы.

— И ты общаешься с этим негодяем?! — не поверил своим глазам сэр Генри.

— Только по приказу королевы и в интересах царствующего дома. Вы меня понимаете?

— Разговорчики! — рассердился сэр Брендбьюри. — Нам пора идти.

— Так, значит, это не вас морят голодом? — спросила Алиса.

— Меня, конечно же меня! — рассмеялся Уайт. — По приказу самого герцога Глостера!

— А почему вы такой веселый и здоровый?

— Потому что он хитрец и жулик! — проворчал констебль. — Потому что обдурил самого герцога Глостера.

— И вас? — удивилась Алиса.

— Меня ему не обдурить, — сказал констебль. — Мне он приличные деньги платит. Потому и живой.

— Значит, вы тоже ослушались герцога?

— Я?! Да ни в коем случае! Я точно выполняю указ: сэра Уайта не кормить, пока он не умрет своей смертью.

— Значит, я зря старалась, — вздохнула Алиса. — Мне нужно было поговорить с сэром Уайтом и принять его последний вздох.

— Ой, долго придется ждать! — произнес констебль.

— Надеюсь, что долго, — согласился Уайт.

— Так что же случилось? — спросила Алиса.

— Сначала все было ужасно, — сказал узник. — Меня заперли в этой башне и сказали,

что мне суждено умереть от голода. И я начал умирать.

— Он умирал безобразно, — заметил констебль. — С криками и жалобами.

— Я же не совершил никакого преступления, — возмутился Уайт. — Меня задержали на берегу пролива, где я отдыхал и наслаждался свежим воздухом.

— Никто не дышит свежим воздухом в пустынном месте на берегу пролива, за которым лежит Франция, где скрывается враг престола и королевства, злобный бунтовщик некий Генри Ричмонд, — отрезал констебль. — Так что вас правильно арестовали.

— У меня ничего не нашли. Меня не в чем обвинить!

— Вас обвинили в дурных намерениях найти лодку и переплыть пролив, чтобы передать Ричмонду какое-нибудь письмо или еще чего похуже.

— Но ведь не было письма! — воскликнул Генри Уайт.

— Значит, плохо искали. И вообще, вы — известный друг Ричмонда. Так что вам и голову отрубить было бы правильно. А вас всего-навсего посадили в башню. Причем в хорошую башню, в Зеленую, тут и камера проветривается, и вид из бойницы прямо на газон...

— И сколько же времени прошло? — спросила Алиса.

— Скоро две недели, как я здесь, — вздохнул сэра Генри.

— И ничего не ели?

— Мне ничего не давали.

— А почему вы живой?

— Из-за кошки.

— Убью! — взревел констебль.

— На третий или на четвертый день, когда чувство голода уже пропало, я увидел, как ко мне в камеру вбежала кошка. Серая кошка, обыкновенная. Как пробралась наверх, не знаю, у них свои ходы. Пришла, легла рядом со мной. А я уже совсем ослаб, даже пожаловаться как следует не мог. Она пригрелась у меня на животе и грела меня всю ночь. А утром стала мяукать, чтобы я ее накормил. Потом сообразила, что кормить не будут, и убежала. Я подумал: «Вот последнее существо на божьем свете, которое обо мне подумало, — и то убежало». И вдруг — вы не поверите! — появляется кошка и тащит в зубах голубя! И кладет его к моим ногам. И ведь не крысу, не мышь, а голубя! Я был так голоден, что попытался съесть его сырым, но не смог. И тут я подумал...

Рассказ сэра Генри подхватил констебль:

— Прихожу я к сэру Уайту, чтобы проверить, живой ли он. Ведь герцог приказал, чтобы все его просьбы, кроме еды, выполнялись. А он сидит, держит в руках дохлого голубя и говорит: «А ну-ка, поджарьте мне эту птицу!»

— И при этом я предложил тебе гинею!

— Сначала я отказался, — продолжал констебль. — А потом понял, что запретов герцога я не нарушаю. Ведь никто не запрещал мне жарить голубей, если сам заключенный мне их выдает по штуке каждый день.

— И кошка продолжает носить вам голубей? — недоверчиво спросила Алиса.

— Когда выйду на свободу, — сказал сэра Генри, — отплачу ей добром. Она ведь не только подкармливает меня, но и согревает ночами.

— А мы эту кошку видели, — сказал принц Дик. Принцы незаметно поднялись на второй этаж — так заслушались удивительной историей сэра Генри Уайта.

И хоть свеча давала мало света, голос Дика показался узнику знакомым.

Он схватил свечу и, прежде чем Брендбьюри успел его остановить, кинулся к мальчикам.

— Это вы, ваше высочество? — прошептал он.

— Ни слова больше! — воскликнула Алиса.

— Ни слова больше! — повторил констебль.

Брендбьюри схватил мальчиков за руки и потащил их прочь, а Алиса, воспользовавшись суматохой, кинула сэру Генри Уайту сразу два мешочка с чищеными грецкими орехами.

— Это посылают вам ваши друзья, — сказала она. — Держитесь!

— А почему принцы...

— Да помолчите вы! Можете все погубить! Вы уже забыли, что видели нас здесь. Поклянитесь!

— Святым духом клянусь! Я никого не видел.

Алиса помахала ему и поспешила вниз по лестнице.

— Молодцы! — громко прошептал вслед сэр Генри. — И скажи королеве: я выполнил ее просьбу и успел передать мешочек.

— Ты идешь? — раздался снизу голос Брендбьюри.

Алиса догнала братьев на полпути к дому констебля. И тут все чуть не погибло.

Раздались голоса, песни и пьяные возгласы.

Окруженная факельщиками, в их направлении двигалась шумная процессия.

Констебль рванулся было к своему дому, подгоняя перед собой мальчиков, как коз, возвращающихся с пастбища. Алиса не успела его догнать, но почувствовала опасность и стала сутулиться еще больше, чтобы стать похожей на Бекки.

И тут она, к своему ужасу, узнала самого герцога Глостера, который в окружении друзей и челяди, пошатываясь, двигался к главному зданию Тауэра.

Семейство Брендбьюри попало ему на глаза.

— Констебль! — крикнул он. — Ты знаешь о славном решении парламента? Ты слышал?

— Никак нет, ваше высочество!

— Так вот, отныне я не высочество, а величество. Парламент провозгласил меня королем, потому что дети Эдуарда оказались самыми обыкновенными бастардами, дворовыми щенками!

В темноте Ричард не заметил, как замерли при его словах мальчишки, которые уже почти добежали до дома констебля.

— Поздравляю вас, ваше...

— Величество! Привыкай — ве-ли-че-ство!

— Да здравствует его величество! — пьяными голосами закричали вельможи.

— Стойте! — остановил крики Ричард. — Еще никто не знает моего окончательного решения. Не исключено, что завтра с утра я откажусь от титула короля Англии. На что мне английская корона? Нет, вы скажите, на что мне корона Англии?

— Да здравствует его величество! Гип-гип-ура! — кричали придворные.

К счастью для Алисы и принцев, Ричард уже забыл о констебле и его семействе. Толпа вельмож двинулась дальше, горланя песни.

При свете далеких звезд и луны было видно, как блестит от нервного пота лицо Брендбьюри.

— Я думал, мы погибли. Он же знает принцев в лицо! — прошептал констебль.

— Уж это точно, — согласилась Алиса. — Он и меня мог запомнить. Хоть и не часто, но мы встречались.

Шум и крики затихли вдали.

Повозка, устланная соломой, уже стояла перед входом в дом.

Жена констебля ждала их в дверях.

— Ну как они там? — спросила она. — У них мягкие постельки?

Принцы забрались на повозку.

— Постельки, как у принцев королевской крови, — ответил жене констебль.

Жена констебля наклонилась, заглядывая в лица мальчиков.

— Ничего особенного, — сказала она наконец, и было не ясно, нравятся ей их лица или она их осуждает.

Констебль велел поторапливаться. А то Ричард может вернуться или прикажет запереть ворота, никого не впускать и не выпускать.

Брендбьюри сам сел на козлы.

Он стегнул лошадь, и та потащила повозку к воротам.

Стражники у ворот как раз собирались запирать засовы. На счастье беглецов, в тот день ворота закрывались куда позже, чем обычно. Виной тому был принц Ричард и заседание парламента. Гонцы туда и оттуда носились весь вечер, и потому ворота решили не запирать.

Констебля, которого стража отлично знала и почитала за начальника, пропустили беспрекословно.

И вскоре, покачиваясь на выбоинах, повозка покатила к пивной «Белый кабан», где ее с нетерпением ждали леди Джейн и Бекки.

Глава двадцать вторая. Визит Глостера

Как ни хотелось бы отвезти принцев к матери, делать этого было нельзя. За аббатством следили. Через полчаса Ричард узнал бы, что птички упорхнули.

Как и договорились заранее, принцев отвезли в деревню Сиднем, на другом берегу Темзы, где на краю леса стоял небольшой дом лесничего Дайна, отца Джейн. Он происходил из уважаемого, хотя и небогатого рода, не любил шумной городской жизни и предпочитал не убивать зверей на охоте, а охранять их от разбойников.

Сначала пришлось перебираться через Темзу на лодке, потом искать и ждать лошадей, которых выслал за гостями предупрежденный мистер Дайн. Добрались до теплого, уютного дома чуть ли не к утру. Все утомились так, что Эдди заснул прямо в седле и чуть не свалился с лошади, а Дика мистер Дайн, такой же круглолицый и добрый, как и Джейн, вез на руках.

Толстая и добродушная миссис Дайн встретила их в дверях.

Кровати для путешественников были готовы, горячее молоко ждало мальчиков и Алису. Помощники лесничего не ложились спать и устроили засаду на лесной дороге, чтобы никто не подобрался к принцам незамеченным. «Шутка ли — король Англии и его брат под крышей нашего скромного дома!»

Алису тоже сморил сон.

Поспать ей удалось лишь часа два, так как с первыми лучами солнца Джейн разбудила ее, чтобы вернуться в аббатство. Лучше, если их отсутствия никто не заметит.

Но уехать незаметно не удалось.

Когда Алиса садилась на коня, окошко на втором этаже распахнулось, из него высунулась сонная физиономия короля Англии, и Эдуард сказал:

— Хоть бы попрощалась, Алиса. Я тебе даже спасибо не сказал.

Он был уже взрослым мальчиком, и в нем чувствовались задатки настоящего короля.

Эдди долго махал вслед Алисе и Джейн. Грини с ними не поехал. Он остался в доме лесничего. И не потому, что должен был охранять мальчиков — лесничий с этим и сам справился бы, — а на случай, если надо будет срочно отправить гонца в Лондон.

День выдался жаркий, даже душный. В городе начинались приготовления к коронации. Вывешивали флаги и гербы, между домов над узкими улицами укрепляли зеленые гирлянды, на площадях герольды читали перед толпами народа указы будущего короля и постановления парламента.

Коронацию назначили на 6 июля. Оставалось еще несколько дней.

Алиса и Джейн протолкались сквозь толпу к входу в аббатство. Монахи, сторожившие вход, узнали их и сразу же впустили.

Они прошли в покои королевы.

— А я стояла у окна, — сказала Елизавета. — Я вас издали увидела.

Прибежала Лиззи.

Королева расспрашивала Алису о совершенных пустяках. Алисе даже странно было слышать вопросы о том, не кашляет ли Дик, у него горлышко слабое, не жаловался ли на зубы Эдди. У него режется зуб мудрости — так рано, но это говорит о его высоком происхождении!

Лиззи перебила мать и принялась спрашивать, видела ли Алиса Генри Уайта. Пришлось прервать рассказ о мальчиках и поведать о приключениях сэра Генри и его кошки.

— Это не кошка! — уверенно сказала Лиззи.

— Я тоже так думаю, — поддержала ее Джейн. — Это добрая фея. Только я не знаю ее имени. У нас еще осталось несколько древних фей, и кое-кто из них добрые. Видно, она пожалела Генри и превратилась в кошку.

— Что он тебе сказал? — спросила королева.

— Он сказал, что все успел исполнить.

— Честное слово? Повтори его слова, точно повтори!

— Он все успел исполнить и передал мешочек.

— Слава богу! — вздохнула королева.

— А он видел моего Генри? — спросила Лиззи.

— Помолчи! — рассердилась на дочь Елизавета. — Ты всех нас подведешь.

Больше о Генри Уайте они не говорили, и Алисе не удалось понять, что же за мешочек и кому он успел передать. Хотя узнать это было очень любопытно.

Вбежал монах и с порога пропел:

— Его высочество герцог Глостер!

Королева привычным жестом указала Лиззи и Алисе за занавеску. Джейн убежала по хозяйственным делам.

Ричард вошел решительно и так быстро, что опрокинул табуретку.

— Можешь поздравить меня, — объявил он с порога, будто специально пришел принять поздравления. — Через десять дней меня коронуют, и тебе меня не остановить.

— Я не намерена останавливать вас, герцог, — сказала королева. — Что вас привело ко мне в столь ранний час?

— Для нас, государственных мужей, ранних часов не бывает, — ответил Ричард. — Я хочу внести ясность в наши отношения.

Он закрыл дверь и прислонился к ней спиной, словно боялся, что кто-то войдет. Королева продолжала сидеть.

— Не знаю, как мне лучше поступить с твоими щенками, — сказал Глостер. — Могу их придушить, могу отдать тебе. В обмен на девочку Лиззи.

— Исключено, — спокойно ответила королева.

— Учти, я ведь не добрый дядя. Мне нужна корона и спокойствие в государстве. Если твои дети останутся живы, они всегда будут представлять для меня угрозу. А вдруг кто-то поднимет восстание в их пользу?

— Ты же сам объявил, что они — бастарды.

— Я объявил, другой скажет, что я солгал. Я никому не доверяю.

— Что же ты предлагаешь?

— Ты знаешь, как нежно я отношусь к твоей дочке. Я не могу на ней жениться...

— Пока не убил свою жену, — язвительно сказала королева.

— Глупости! Анна больна и скоро помрет своей смертью. Я не могу жениться на Лиззи, потому что сам объявил ее незаконной. А мне нельзя жениться на простолюдинке.

— Твой старший брат смог жениться на мне.

— И видишь, что из этого вышло. Страшно подумать — в любой момент ты можешь остаться одна. Ты не боишься?

— Господь решит, что нам делать.

— Не очень на него надейся. Его многие просят — откуда ему знать, чья молитва громче?

— Ты не сказал, о чем просишь, — произнесла королева.

— Пока я прошу, но завтра буду приказывать. Я предлагаю тебе отдать Лиззи за хорошего рыцаря. Я сам буду заботиться о ней и о ее муже.

— Ничего не выйдет, Ричард.

— Тогда пеняй на себя! — вспыхнул Глостер. — Тебе не вечно сидеть в этой дыре! Я выкурю тебя, и тогда уж не буду ни о чем просить. Я буду приказывать, а ты — вылизывать мне сапоги!

— Оставь нас в покое!

— Ты подписываешь смертный приговор собственным сыновьям!

— Ты не посмеешь их убить!

— Еще как посмею!

— Мой ответ окончательный! Я уповаю на милость Господню!

— Дура! — закричал Ричард. — Дура, убийца!

Он распахнул дверь.

И произошла комичная сцена. Рыцари и вельможи, которые подслушивали под дверью, опираясь на нее, когда дверь распахнулась, ввалились в комнату, как груда капустных кочанов.

— Идиоты! — заревел Ричард и, наступая на руки и ноги соратников, ринулся в коридор.

— Надо предупредить об опасности констебля, — сказала Алиса, выходя из-за занавеса. — Глостер и в самом деле может отдать приказ об убийстве племянников.

— Нечего его предупреждать! — взъерилась Лиззи. — Этот тюремщик заодно с дядей Ричардом.

— Попробуй пробраться поближе к Брендбьюри, — сказала королева Алисе. — Расскажи ему о визите Ричарда. Меня он встревожил. Ведь констебль — тоже отец. Он тоже страдает.

— Он из-за денег страдает, — буркнула Лиззи. — Но замуж я ни за кого не пойду.

— Решаю за тебя я, — оборвала ее королева. — Ты у нас еще несовершеннолетняя.

— Ты что, слушаешься Ричарда?!

— Мои дети — его заложники.

— Но это неправда!

Королева топнула ногой и прижала палец к губам.

Тут даже Лиззи сообразила и мрачно замолчала.

Алиса снова стала собираться в путь. Честно говоря, после всех этих поездок она страшно устала, но дело было прежде всего.

У тети Лизы Алиса получила несколько серебряных шиллингов на всякий случай и пошла прочь.

В темном коридоре она увидела трех странных монахов. Они явно собирались заглянуть к королеве. Алисе они не понравились. У них была солдатская осанка, и даже сутаны сидели на них, как латы.

Они ждали, пока Алиса уйдет.

Но она не ушла, а кинулась обратно.

— Ваше величество, — прошептала Алиса. — Там монахи. Это переодетые солдаты!

— Молодец, — похвалила ее королева. — Это гости ко мне. Сделай вид, что ты никого не видела.

И Алиса снова побежала на улицу, протолкалась сквозь толпу зевак и направилась к

Тауэру.

Что за переодетые монахи приходят к королеве? Вот уж кто не похож на заговорщицу! И держится она из последних сил — все время думает о своих мальчиках, беспокоится о Лиззи, боится будущего короля. Но Елизавета совершенно не способна сопротивляться злу.

А у этих монахов явно военная выправка...

Улицы были оживлены, словно наступало Рождество. Но оживление не было радостным. Алиса перехватывала звуки, голоса, слова, фразы:

— Это добром не кончится!

— Господь все видит!

— Говорят, принца Эдуарда уже зарезали...

— А что ему станется! Он и короля уморил!

— Помолчи, здесь всюду его шпионы.

— А что, если я шпион, то буду покрывать убийц?!

— Кто тут убийца?

— А королева-то слезами умывается...

— Неужели она и в самом деле ненастоящая?

— Долго ему не царствовать. Сковырнут его. Многих он уже обидел, а если поднимет руку на принцев, его уже никто защищать не захочет.

Алиса шла по морю голосов.

Люди были недовольны Ричардом, никто его не защищал, но на коронацию все равно собирались — говорили, что во время церемонии будут давать бесплатное пиво, кидать в толпу золотые монеты, а то и коня могут подарить...

Потом улицы опустели. Справа между домами показалась Темза. Скоро и Тауэр.

Только тут Алиса подумала: а как ей туда проникнуть? Ведь надо спешить, сыновей констебля могут убить.

Ворота в Тауэр были закрыты, но калитка распахнута.

— Господин стражник, — взмолилась Алиса. — Можно мне пройти к сэру Брендбьюри?

— И не мечтай! — отрезал стражник. Он был пожилым, растолстевшим на сытной должности, но не злобным. — Сюда никому нельзя. У нас особый режим — коронационный!

И стражник торжественно поднял указательный палец. Но потом пригляделся и спросил:

— А где я тебя уже видел?

— Да я же племянница сэра Брендбьюри, — заныла Алиса. — Я же сюда уже ходила. У нас тетя захворала, может, даже заколдовали ее — разве в наше время можно в этом разобраться?

— Это точно, — согласился стражник.

— Мы в деревне живем, — сказала Алиса. — Но не в крестьянском доме, а в господском. Наш господин сквайр — кузен сэра констебля. Он разводит куниц.

— Быть того не может!

— И еще у него рядом с домом плотина, на которой бобры живут.

— Еще того не легче!

— Он их разводит, а потом шкурки снимает и продает в городе. Конечно, доход небольшой, но концы с концами сводим.

— Вот никогда не знал, что куниц и бобров разводить можно, — удивился стражник.

— А сейчас у нас бобриную плотину прорвало, и водой все клетки с куницами затопило. И если дядя Джон нам не поможет деньгами, то придется бабушкой пожертвовать.

— Как так пожертвовать?

— Она у нас на втором этаже живет, в сухой комнате. Мы туда куниц переселим, а бабушку вниз, в куничью клетку. Там, конечно, тесно, но что будешь делать! Скорчится, потерпит. Сейчас тепло.

— Ужас какой-то! — расстроился стражник.

— Это еще не все, — разошлась Алиса. — А вчера бешеный енот к курам забрался, половину сожрал, других перекусал, боимся, что взбесятся куры, клеваться начнут...

— Ты иди, девочка, — перебил ее стражник. — Проходи к своему дяде. Не надо мне больше ничего рассказывать, мне же здесь ночью стоять, а тут привидения водятся, самые злобные во всем Лондоне. Так их тоже можно понять, привидения-то. Куда им деваться — что ни день, голову с плеч. Ты иди, девочка, иди, не оглядывайся.

Алиса с облегчением пробежала через двор. Больше ее никто не останавливал. Дверь в дом констебля была приоткрыта — вот и хорошо, стучаться не надо!

Алиса взбежала по лестнице на второй этаж и замерла, потому что услышала наверху голоса. Но не мужской и женский. Не семейные, а два мужских голоса.

Алиса стояла неподвижно. Идти дальше или стучаться было опасно, особенно после того, как она поняла, о чем идет речь.

— А где же ваши детишки? — спрашивал низкий незнакомый голос, даже не столько низкий, как простуженный.

— Мои старшие в деревне, у кузена, — отвечал констебль. — Время сейчас летнее, пускай побегают по лесу, ягодок поедят, на травке поваляются.

— Разумное решение, — согласился простуженный голос. — Детям летом не место в Тауэре. Никаким детям не место. Меня вот послал к вам герцог Глостер. Его высочество хочет освободить вас от заботы о лже-принцах. И я думаю, он правильно рассуждает. Мы-то с вами знаем, что они не принцы, а если какой-нибудь французский самозванец начнет кричать, что принцы настоящие, народ и поверит. Народ английский глуп как пробка.

— И что же предлагает господин герцог? — осторожно проговорил констебль.

— Он хотел поручить вам ликвидировать мальчиков.

— Я не понимаю этого слова.

— Какая жалость! — произнес простуженный голос, и Алиса догадалась, что это Тайрелл, подручный Глостера, присланный, чтобы разделаться с принцами. Вряд ли можно было подыскать другое объяснение такому визиту.

— Какая жалость! — повторил мистер Тайрелл. — А господин герцог так надеялся на вас. Он как раз присматривал верного человека на пост лорда-мэра Лондона, со всеми почестями и доходами. Но это должен быть человек, абсолютно преданный герцогу и Англии.

— Я, конечно, рад бы сделать все, что надо... — начал констебль и неожиданно замолк. И понятно почему. Он, видно, вспомнил, что вместо принцев в башне сидят его собственные сыновья — не будет же он ликвидировать своих детей, как древняя царица Медея.

И потому он глубоко вздохнул.

Алиса догадалась, почему он вздохнул. Он проклинал фрейлину Джейн и собственную жадность. Погнался за кучей фунтов на загородный дом и упустил такой шанс!

— Нет, — сказал констебль. — Не могу я это самое: ликвидировать принцев.

Видно, новое иностранное слово давалось ему с трудом.

— Что ж, не видать тебе, голубчик, поста лорда-мэра. А принцами придется заняться мне.

— Сейчас? — спросил Брендбьюри, и голос его дрогнул.

— Можно и сейчас, — согласился Тайрелл.

— Я бы хотел сменить стражу, — сказал констебль. — Стражники здесь стоят чужие, не из моей команды. А вот ночью, после полуночи, стражники будут верные. Вы же не один придете, чтобы ликвидировать?

На этот раз новое слово подчинилось констеблю почти сразу.

— Да я и не собирался идти туда при свете дня, — ответил Тайрелл. — Я приведу своих людей. Вы же мне своих не дадите?

— Нет никого, кому я мог бы доверить такое дело, — признался Брендбьюри.

— Допускаю, — сказал Тайрелл. — Но это значит, что вы плохо воспитываете своих слуг. Значит, так: я буду здесь за полчаса до полуночи. С помощниками. Подниматься к вам я не стану. Ждите меня возле башни. Кстати, я попрошу вас поставить у входа в башню две лопаты.

— Зачем лопаты? — не понял констебль.

— Чтобы яму копать, — спокойно ответил Тайрелл. — Куда мы тела девать будем? Не на газоне же трупы бросить?

— О да, конечно, — пропищал констебль. Вот уж Алиса никогда не могла подумать, что он может так пицать.

Конечно, он перетрусил.

— Я провожу вас, — предложил констебль.

— Не стоит. Нас не должны видеть вместе. Меня здесь не было. И зря вы отказались. За каждую головку принц заплатил бы вам по десять фунтов. Вы когда-нибудь видели такие деньги?

— Что вы, мне и не приходилось! — ответил констебль.

«Еще бы, посадил своих детей в башню за пятьсот фунтов», — подумала Алиса.

Она нырнула на кухню, где у плиты стояла грустная миссис Брендбьюри и помешивала поварешкой в кастрюле.

Алиса прижала палец к губам.

Миссис Брендбьюри сразу поняла ее — видно, тоже подслушивала.

За дверью было слышно, как Тайрелл спускается по лестнице. И через минуту на кухню на цыпочках вбежал констебль.

— Марта! — воскликнул он громким шепотом, но тут увидел Алису в платье Бекки и осекся.

— Я опоздала, — сказала Алиса. — Я спешила к вам, чтобы предупредить, что герцог Глостер решил убить принцев. Значит, вашим мальчикам грозит смертельная опасность.

— Честное слово? — Констебль был даже растроган.

— Можно дать вам совет? — спросила Алиса.

— Мала еще советы мне давать, — буркнул констебль.

— Тогда не буду, — пожалала плечами Алиса.

— Говори, девочка, говори, — попросила миссис Брендбьюри.

— Как стемнеет, вы, конечно, выведете Робина и Питера из темницы, — сказала

Алиса. — Но это не самое трудное. Самое трудное спасти их потом.

— Я их домой приведу, и все тут! — сказал констебль. — А ты, девочка, не вмешивайся в дела старших.

— Но ведь все знают, что ваши дети в деревне! — возразила Алиса. — И если принцев начнут искать по всей крепости и найдут ваших сыновей, может получиться, что вам придется отвечать на неприятные вопросы.

— Слушай, Джон, слушай, что умные люди говорят, — запричитала жена констебля.

— Да я слушаю, — вздохнул сэр Брендбьюри.

— А если кто-то решит пытать мальчиков? И они расскажут, в какую историю вы влипли, сэр? Вам не сносить головы. И боюсь, всей вашей семье тоже.

— Вот именно! — закричала миссис Брендбьюри. — Мерзавец, убийца собственных детей!

— Погоди, Марта, — остановил жену констебль. — Что же ты предлагаешь, Алиса?

— Их надо спрятать там, где никто искать не будет.

— Где же?

— В тюрьме!

— Не говори загадками, — рассердился констебль.

— Их будут искать во дворце, в домах, но кто будет искать беглецов, ушедших из одной тюремной камеры в другую?

— В какую же?

— В ту, где сидит Генри Уайт, — сказала Алиса. — Он верный человек. И очень умный. К нему никто не сунется искать принцев.

— Может быть... — произнес Брендбьюри. — Может быть...

— И сколько им там прятаться? — спросила Марта.

— А это зависит от хитрости сэра Джона, — ответила Алиса. — Он должен убедить Тайрелла, что тот тоже рискует головой, если не доложит, что выполнил приказ и убил принцев.

— Это точно, — кивнул констебль.

— Вот если он поймет, что ему лучше доложить, что принцы убиты, то вы спасены. Скажите, что сами боитесь за свою голову: Ведь это правда:

— Ведь это правда, — повторила Марта. — Он поймет...

— ...что у вас общие интересы, — подхватила Алиса. — Ведь Ричард Глостер не станет разбираться, кто виноват в том, что принцы исчезли. Просто возьмет и всем отрубит головы — и виноватым, и невиновным.

— Это точно, — еще раз сказал констебль.

— Пускай Тайрелл доложит Глостеру, что принцы убиты и больше ему не надо бояться соперников.

— Не надо бояться, — как за гипнотизированный, повторил констебль.

— А вы через некоторое время спокойно выведете своих мальчиков наружу, а может быть, и не будете выводить. Все быстро забудут о том, что Робин и Питер были в деревне. Вы скажете, что они вернулись, но вас в этот момент не было рядом.

— А ты горячего молочка на дорогу не выпьешь? — предложила Марта.

— С удовольствием, — согласилась Алиса. — А то я не выспалась, приехала издалека и очень устала.

Алиса выпила молоко и пошла вместе с констеблем в Зеленую башню. Заходить не

стала, а позвала Уайта к окошку. Тот высунул усы в бойницу, и Алиса сказала ему, что скоро у него будут гости и чтобы он верил констеблю. Чему сам Уайт поверил с трудом.

Глава двадцать третья. Коронация

Коронация прошла благополучно. Стреляли пушки, взлетали фейерверки, король принял корону от архиепископа Кентерберийского и поклялся верно служить народу. Нанятые простые люди кидали вверх шляпы и кричали «гип-гип-ура».

Но на самом-то деле весь Лондон, а вскоре и вся страна гудели возмущением. Уже все знали, что принцы исчезли, но кто-то где-то слышал, что незадолго перед тем король приказал своему подручному, бандиту Тайреллу, их задушить. Тот потом доложил, что задушил мальчиков подушками и закопал их под лестницей башни. Кто-то об этом услышал, кто-то по секрету рассказал жене или брату... И теперь уж до конца жизни Ричарду Глостеру (или, как он теперь звался, Ричарду Третьему, королю Англии) от этого клейма не отделаться.

Хоть Джон Тайрелл, верный пес Ричарда, обманул его, сохраняя свою голову, и тем самым сохранил голову сэру Брендбьюри, видно, он все же сказал что-то новому королю о констебле Тауэра. Иначе почему Ричард на следующий день после коронации выгнал констебля с королевской службы? А Брендбьюри и не возражал: тут же собрал свое имущество, забрал супругу и детей — трех мальчиков и двух девочек, — погрузил все на три подводы и покинул Тауэр. И не только Тауэр, но и Лондон. Больше его там и не видели. Говорили, что он живет в глуши, в новом кирпичном доме.

А потом он объявился в графстве Кент, у губернатора графства Генри Уайта, близкого друга нового короля, и стал трудиться управляющим его громадными имениями, получив странное звание: «Заботник о кошках». А кошек, я вам скажу, у сэра Генри Уайта было две дюжины, если не больше. И ели они только мясо и рыбу. А если кому из них попадал в когти голубь или какая другая птица, то кошка была обязана отнести эту добычу самому сэру Уайту. И, поверите вы мне или нет, не было кошки, которая бы нарушила этот уговор.

Глава двадцать четвертая. Восстание Бэкингема

Эти дни Алиса прожила в аббатстве.

Королева печалилась, беспокоилась за принцев, но пока им ничто не грозило. И Елизавета занималась своими тайными делами, о чем Алису в известность не ставила.

В аббатстве время от времени появлялись монахи, которые были не похожи на монахов, но никто их не выдал.

Как-то Джейн сказала:

— Все знают, что Ричарду недолго цепляться за трон. А когда все в стране знают об этом, желаемое становится действительным. Ты меня понимаешь, Алиса?

— Еще как понимаю, — согласилась с ней Алиса.

А на следующий день Ричард, прослышав о том, что на берегу высадился отряд бунтовщиков, кинулся туда во главе отряда рыцарей и в коротком сражении разбил врагов. И не только разбил, но и казнил всех пленных жестокой смертью, что было нарушением воинских правил — но что Ричарду правила!

С каждым днем его правление становилось все более жестоким. Подручные Ричарда

сводили счеты со своими давнишними врагами, которых не смели тронуть при прежнем короле. Виселицы гнулись под тяжким грузом человеческих тел, головы насаживали на пики и водружали возле городских ворот. И так король был жесток и скор на расправу, что страна затаилась, ожидая, когда же придет рыцарь, чтобы освободить их от узурпатора. Но рыцаря все не было, а Ричард все наглел.

Глубокой осенью он прислал в Вестминстер своего друга Бэкингема с требованием: «Пусть королева немедленно убирается из аббатства, а то король запретит пропускать туда хлеб и воду, и тогда монахи перемерут с голоду, а виновата будет Елизавета».

Честно говоря, королеве и самой уже страшно надоело сидеть взаперти.

Если бы не боязнь за судьбу Лиззи, она бы давно покинула аббатство — теперь она меньше боялась за детей, а Ричарда просто презирала.

А Ричард думал, что королева трепещет от страха.

То есть теперь он полагал себя в полной безопасности и мог измываться над королевой как хотел. Что могло его остановить?

— Готовы ли вы с принцессой Лиззи переехать в дом, который вам подготовил король Ричард? — спросил красавчик Бэкингом.

Алиса заметила, что за последние недели Бэкингом сильно изменился. Он похудел, потускнел, даже одежда на нем обвисла.

— Мы готовы, — покорно ответила королева. Даже не стала выяснять, что за дом, насколько он готов, удобен и соответствует ли положению королевы Англии.

Оказалось, что дом ничему не соответствовал. Это была хибара, развалюха у реки на окраине города, где жили попрошайки, бродяги и всякий беднейший люд.

— Вот здесь вы будете жить, — сказал король Ричард. Он поджидал их в комнате, где горел очаг, но не давал тепла. Пол был покрыт гнилой соломой. У стены стояла лежанка для королевы и ее дочери.

— Это хлев? — ошеломленно спросила Лиззи.

— Это твой временный дворец, моя любимая красавица, — ответил король Ричард. — И ты пробудешь здесь до тех пор, пока не выйдешь замуж за моего лучшего друга, будущего графа Тайрелла.

Корявый бородач с обезьяньими глазками под нависшими бровями выступил вперед и слегка поклонился.

— Ты выйдешь за него замуж, и мы сразу сменим твой дворец, Лиззи, — сказал Ричард. — А я буду любить тебя и лелеять.

— Вы с ума сошли! — воскликнула Лиззи.

— Я совершенно трезв и разумен, — ответил король. — Кому ты теперь нужна, девка безродная? Кто на тебя польстится?

— У меня есть жених! — закричала Лиззи. — Он вам за меня отомстит!

— Есть ли? — засмеялся король. — И кто же он?

— Вы его знаете! Это Генри Ричмонд!

— Генри Ричмонд во Франции. До вчерашнего дня он бегал по ней, как заяц, скрываясь от моих убийц. Но вчера они его настигли.

— Не может быть! Вы лжете!

— У меня есть донесение, — сказал Тайрелл. — Извольте прочесть.

Он показал Лиззи мятый свиток, но в руки не дал.

А Лиззи вместо того, чтобы прочесть, стала отмахиваться от свитка, как от осы — так

она боялась прочесть ужасную новость.

— Видно, на вас трудятся ангелы, — тихо сказала королева.

Алиса, Джейн и две служанки — все, что осталось от свиты королевы Англии, стояли за спиной Елизаветы возле стены, по которой нагло бегали тараканы. В сторонке остановился герцог Бэкингем, а лицом к лицу с Лиззи и королевой стояли Ричард и Тайрелл.

— При чем тут ангелы? — рявкнул король.

— За один день весть из Франции могут принести только ангелы!

— У нас есть почтовые голуби, — ответил король. — Не надейтесь на помощь из Франции. Стоит бунтовщикам высадиться на нашем берегу, их растопчут кони моих рыцарей.

Взгляд Ричарда упал на клетку с голубями, что стояла на окне. Их приносили королеве ночные гости.

— Вижу, что и у вас завелись голуби? — ядовито сказал король. — Что-то не похожи они на почтовых!

— Я купила их, чтобы сделать жаркое, — ответила королева. — У меня нет денег на говядину.

— Мясо вам не по чину! — захохотал Ричард. — Ты согласен, Бэкингем?

— Вы правы, ваше величество, — покорно согласился герцог.

«Теперь я вижу, что они больше не друзья, — подумала Алиса. — И я даже читала, как это произошло». Ричард отправил епископа Мортон, друга королевы, в замок Бэкингема, чтобы там он сидел под стражей. Но герцог не только объявил епископа своим гостем и обедал с ним за одним столом, но и вел с ним долгие беседы о чести и совести рыцаря, о Боге и справедливости. Может быть, эти беседы и не изменили бы Бэкингема, но епископ был умным человеком и не забывал напомнить герцогу, что у него такие же права на престол, как и у Ричарда. И если народ и бароны восстанут против короля, лучше всего поспешить и занять трон самому.

Ричарду донесли о том, что Бэкингем ведет себя странно и подозрительно. Так что теперь оставался всего шаг, чтобы лучшие друзья стали злейшими врагами. Они стоили друг друга, но Бэкингем был хищником помельче.

— Если же вы будете упрямяться и вести себя неразумно, — сказал король, — то мы отыщем для вас дворец похуже этого и отдадим Лиззи замуж за нищего. Я умею мстить и помню зло, причиненное мне.

— Я никогда не мучила тебя, Ричард, — сказала королева.

— Я тоже был к тебе добр, — усмехнулся Ричард. — Теперь же я хочу всего лишь устроить счастье твоей упрямой девчонки. И учти, я редко трачу время на простолодюнок. Сейчас я забочусь о моем друге Тайрелле, который, кстати, недавно вернулся из Тауэра, где встречался с твоими сынишками.

— Это правда? — спросила королева.

— Я видел их, как вас, королева, — ответил Тайрелл.

— Здоровы ли они?

— Здоровы, здоровы, — засмеялся Тайрелл. — Не скажу, чтобы живы, но наверняка здоровы!

— Помолчи, — одернул Тайрелла Бэкингем. — Забыл, с кем говоришь?

— Он говорит с подружкой моего брата, — ответил за Тайрелла Ричард. — И

неизвестно, сколько еще дружков у нее было! А тебе лучше за нее не вступаться. Может, и тебя видели в числе ее дружков?

Бэкингом насупился, но промолчал. Или он боялся короля, или затаил обиду и не хотел ее показывать.

— Кстати, — сказал Ричард. — У меня в Тауэре засиделось несколько глупых баронов, таких, как сэр Уайт, который со дня на день помрет от голода. Хочешь, чтобы он пожил еще немного, дай согласие на брак.

— Разве я могу противиться воле короля? — робко произнесла Елизавета.

— Вот это правильно! — обрадовался Ричард.

— А когда свадьба?

Никто, даже король, не ожидал от нее такого вопроса.

Все замерли.

Ричард тихонько завыл, будто волк, увидевший добычу.

— Так ты согласна? — спросил он.

— А у меня есть выбор? — ответила вопросом на вопрос королева.

— Мама! — воскликнула Лиззи. — Мама! Не смей! Я никогда не соглашусь! Ты же королева Англии! Как ты можешь с ним соглашаться? Ты хочешь опозорить меня и всю нашу семью?

— Я хочу жить, — тихо сказала королева. — И я хочу, чтобы моя дочь тоже была жива.

— Правильно, — поддержал ее король. — Вы, простые люди, не думаете о чести. Вам бы живот набить да дружка найти! Учись у мамыши, козленок!

— Когда свадьба? — повторила королева.

— В конце месяца, — сказал король.

— Первого сентября, — решительно сказала королева.

— Что за отсрочка? — удивился Ричард.

— Я пошла тебе навстречу. Я согласилась отдать тебе дочь. Ты же прикажи дать нам дом, достойный нашего положения, верни мне слуг, присылай нам еду...

— А где же твои драгоценности, королева? — нагло спросил Тайрелл. — Найми на них слуг, купи дом.

— И прикажи твоему слуге, — продолжала Елизавета, не обращая на него внимания, — чтобы он пощадил несчастную вдову.

— А вот этого, — засмеялся Ричард, — я ему приказать не могу. Ведь он будущий зять королевы Англии!

Ричард и Тайрелл расхохотались, а герцог Бэкингом лишь скривил рот не то в усмешке, не то в гримасе отвращения.

— А в самом деле — где твои драгоценности, королева? — отсмеявшись, спросил Ричард. — Мой братишка не жалел государственной казны, чтобы ублажить свою крестьяночку.

— У меня их отняли, — прошептала королева.

— Кто? Когда? Почему мне не доложили?

— Я расскажу тебе после свадьбы, — сказала Елизавета.

— Ладно, — согласился Ричард. У него было благодушное настроение. Он добился своего. Даже легче, чем ожидал. — Только другого дома я вам пока не могу дать. Ведь не в королевском же замке селить крестьянок! Докажете покорность — награжу.

Король пошел к двери. По дороге хотел потрепать свою Лиззи по щечке, но та

умудрилась повернуть голову и вцепиться зубами в его кисть.

Тот вырвал руку, помахал ею в воздухе и, коротко размахнувшись, дал девушке пощечину. Лиззи было так больно, что она вскрикнула.

— Учись, собачонка, — холодно сказал Ричард. — А ты, Тайрелл, позаботься, чтобы после свадьбы она была как шелковая.

— Слушаюсь, сэр, — почтительно склонил голову Тайрелл.

Они вышли из комнаты: король, Тайрелл и последним — герцог Бэкингем.

Лиззи сквозь слезы принялась упрекать мать за предательство, но Елизавета и слушать ее не стала. Она подошла к окну — совсем близко, закрывая свет, темнела стена соседнего дома.

— Неплохой дом, — сказала королева. — К нему легко подойти в темноте, и я думаю, что теперь король не будет тратить сил на то, чтобы выслеживать нас. Он сломил меня, убив моих мальчиков и отняв дочь.

— Что ты говоришь, мама! — возмутилась Лиззи. — Ты, наверное, сошла с ума. Ты забыла...

По знаку королевы Джейн подхватила плачущую принцессу и потащила ее в дальнюю комнату — в доме их всего было три, если не считать кухни в подвале.

Алиса осталась в главной комнате с королевой.

— Для того чтобы подняться, — сказала королева, словно разговаривая сама с собой, — надо упасть на самое дно... на самое дно пропасти...

— Мне что-то надо делать? — спросила Алиса.

— А то как же! — очнулась от своих мыслей королева. — В этой хибаре столько дел. Жаль, что я королева и не могу взяться за тряпку и начать мыть пол. А вдруг кто-нибудь из подданных увидит и сообщит всему миру, что я — простая прачка, околдовавшая короля Эдуарда?

— Даже если и прачка? Вам-то что?

— И то верно, — согласилась Елизавета. — Ты мне составишь компанию?

— Разумеется! — воскликнула Алиса.

— Тогда тащи тазы и ведра, тряпки и швабры! Давай вымоем пол и стены, выгоним мышей и тараканов! Нам тут придется пожить, и лучше, если мы будем жить в чистоте.

И они занимались уборкой до самого вечера.

Джейн и обе служанки им конечно же помогали, а Лиззи заявила, что она принцесса крови и ей плевать на то, как ее мать себя позорит. Она уже опозорила ее в глазах узурпатора и собирается отдать ее отвратительному мужлану. Одна надежда, что Генри все-таки живой, а не убитый...

Тут Лиззи ударилась в слезы, и ее оставили в покое.

А королева Елизавета мыла пол так же ловко, как Джейн, и Алиса поняла, что она в самом деле происходит из простой семьи, где девочкам положено заниматься домашними делами, а не ждать, пока это сделают слуги.

И казалось бы, Елизавета должна быть страшно удручена событиями сегодняшнего дня. Ну подумать только! Из аббатства выгнали, сунули в убогую лачугу, пришлось пообещать руку дочери отвратительному убийце... Никакого выхода, никаких надежд...

А она моет пол, улыбается и даже напевает веселую народную песенку. Разве так бывает?

«Значит, — подумала Алиса, — дела совсем не так плохи».

А как стемнело, в окошко постучали и пришли какие-то просто одетые люди, вернее всего, моряки. Они отдали Джейн несколько рыбин, чтобы приготовить ужин, а сами уединились с королевой и шушукались до полуночи.

Весь месяц после этого прошел в лачуге у Темзы в заботах и трудах. Какие-то люди приходили в темноте и исчезали под утро, порой раздавался звон оружия. Алиса тоже крутилась — по дому было много дел. К тому же она за этот месяц три раза ездила в Сиднем, потому что, кроме нее, никто не знал лесных дорог в графстве Кент. Джейн, конечно, могла и сама навестить отца, но она была женщиной не очень молодой и не любила скакать верхом. Не то что Алиса. Лиззи даже прозвала новую подружку кентавренком. Может, из зависти, ведь сама она была всадницей никудышной.

Алиса возила в дом лесничего письма от королевы и подарки мальчикам. Принцам нравилось жить в лесу, особенно после страшной башни. Они пропадали целыми днями, и когда приезжала Алиса, ей порой приходилось самой забираться в чащу, к любимому ребятам лесному озеру. Там они вместе купались и ныряли. Алиса учила принцев плавать. Сначала они боялись и вообще думали, что плавать недостойно настоящих принцев, но потом им так понравилось, что из воды их вытащить было нелегко.

Впрочем, никто не ограничивал мальчишек — живите как хотите. Здесь все самостоятельные люди.

Так что из всей охраны с ними был только паж Грини. Но он был не телохранителем, а старшим товарищем.

По дороге из лесничества Алиса узнала, что на юге страны поднялось восстание против короля и во главе стоит — в это трудно поверить! — герцог Бэкингем!

К этому времени Бэкингем уже убежал от Ричарда во Францию, где его ждал отряд рыцарей в пять тысяч человек. Он посадил рыцарей на корабли и поплыл через пролив, а его сообщники и союзники должны были поднять восстание в тот момент, когда он высадится на английском берегу. И весь народ Англии кинется тогда на помощь Бэкингему и провозгласит его королем.

Восстание поднялось, но герцог к началу не успел. В проливе бушевали ветры, его корабли разбросало, и Бэкингем остался один.

Он стал тропинками и проселочными дорогами пробираться к своему замку, в то время как король Ричард мчался к морю, чтобы расправиться с предателем.

Могучий белый конь вынес короля на высокий обрыв. Белая меловая стена отвесно уходила к воде. Море было серым, мрачным, по нему бежали белые барашки. Вдали во мгле маленький кораблик боролся с волнами.

Над самым обрывом Ричард увидел старую разрушенную башню. Когда-то в незапамятные времена здесь сидели дозорные. Если они видели на горизонте ладьи викингов, то зажигали огонь и поднимали тревогу.

Возле башни короля ждала монахиня в сером балахоне. Капюшон скрывал ее лицо, лишь глаза поблескивали из тени.

— Здравствуй, мой славный Ричард, — сказала монахиня глубоким молодым голосом. — Ты достиг всего, чего желал? Можешь расплатиться со мной.

Ричард спрыгнул с коня. Он так сутулился, что казался горбатым. Пальцы рук чуть не касались земли.

— Я совсем не сплю, — сказал он. — Так тяжела дорога к трону.

— И залита кровью, — заметила фея Моргана.

— Я прошел ее ради Англии, ради моей страны, — торжественно произнес король. — Ни минуты отдыха, ни минуты покоя... Если бы не мои смелые решения, Англия полыхала бы в пламени гражданской войны. Мой брат Кларенс хотел поднять восстание против короны — мне пришлось пожертвовать любовью к нему ради государства...

— Не трать времени, Глостер, — перебила его фея Моргана. — Я знаю, что тебе пришлось убить короля Эдуарда и многих других... Тебе не удалось только убить племянников...

— Что? — Ричард даже отшатнулся. — Этого быть не может! Мой верный друг сам их задушил!

— Намерение убить — преступление не меньшее, чем само убийство. Послать убийцу к невинным детям — преступление худшее из всех возможных.

— Ты врешь, ведьма!

— Я не ведьма, мой маленький горбатенький герцог, — прошипела фея. Даже голос у нее изменился. — А ты — не король. Ты детоубийца, и я думаю, что смерть твоя наступит скоро.

— А я и ее убью, — пошутил король.

Но так пошутил, что если бы смерть услышала эти слова, наверное, она отошла бы подальше. С такими людьми, как Ричард Третий, король Англии, лучше не шутить.

— Твои племянники живы, подумай об этом, — сказала фея Моргана.

— Оставь, я верю Тайреллу. Он получит от меня принцессу.

— Принцессу ты присмотрел для себя. Но ради трона ты объявил ее самозванкой, а теперь не можешь на ней жениться. Вот и придумываешь глупости. А этот Тайрелл тебя уже ненавидит. И при первой же возможности предаст.

— Уйди, Моргана, — застонал король.

— И ты не достиг высшей власти, — продолжала фея, будто и не слышала слов Ричарда. — Ты временный король.

— Кто же настоящий, постоянный?

— Мне неизвестно будущее, — ответила фея Моргана. — Но если бы держать пари, то я поставила бы на Генри Ричмонда.

— Он даже не присоединился к Бэкингему, — сказал король. — У него нет денег собрать армию. Его никто не поддерживает. И некому ведать его английскими союзниками.

— А королева Елизавета?

— Ты поглядела бы, в какой хибаре она ждет свадьбы своей дочери! Я ее унизил как хотел, и она лизала мне сапоги. Ты бы посмотрела на нее!

— А ты заглядывал в ее глаза? Ты видел ненависть в ее глазах?

— Еще чего не хватало!

— Тогда ты — счастливый дурак, — засмеялась фея Моргана.

— Завтра я уничтожу Бэкингема!

— Своего последнего друга...

— Я уничтожу Бэкингема, и у меня не останется соперников в стране.

— Верни мне посох Мерлина! Ты обещал!

— Ты в самом деле думаешь, что мальчишки могли сбежать? Значит, возле моего сердца затаились предатели?

— Вот именно!

— Если достанешь мне головы принцев... то есть щенков Елизаветы, бастардов, то

получишь посох незамедлительно.

— Знаешь, почему я до сих пор не ушла от тебя? — спросила фея Моргана. — Не так уж мне нужен тот посох...

— Тебя удерживает ненависть к людям?

— Меня удерживает любопытство. Я еще не видела такого законченного негодяя. Хочу досмотреть до конца спектакль с твоим участием. Хотя представление получается довольно тоскливое.

— Тебе придется долго ждать.

— Не думаю.

— Принеси мне головы мальчишек, и я тебя озолочу!

— Только этого мне не хватало! — в сердцах откликнулась фея Моргана и мгновенно растворилась в воздухе. Она не уходила и не исчезала. Просто была и не стало.

Король еще долго стоял на берегу и глядел вдаль.

Иной бы решил, что Ричард думает. А он наблюдал за тем, как терпит бедствие корабль недалеко от берега, как его несет на скалы, как ни стараются спасти свое судно моряки.

Король ждал, когда корабль погибнет.

Когда погибнут моряки на нем.

И тогда ему станет хорошо.

Король дождался, когда корабль разбило о прибрежные скалы.

Он вскочил на коня и вернулся к свите.

Если бы он обернулся, то увидел бы на вершине полуразрушенной башни силуэт женской фигуры в монашеском одеянии.

Но король Ричард никогда не оборачивался.

На первом же привале он приказал вызвать сэра Тайрелла.

Он сам допрашивал близкого соратника до утра. Но Тайрелл знал самое главное правило: никогда не признавайся. Чистосердечное признание тебя погубит. Скажешь правду, лишишься головы.

Поэтому он стоял на своем: сам задушил мальчишек, а потом закопал тела под башней. И если нужно, то можно трупы откопать.

Эти слова немного успокоили короля.

Вряд ли Тайрелл стал бы так рисковать и врать столь нахально.

Но Тайрелл был игроком. Он думал, что королю долго на троне не продержаться. И не успеет он раскопать яму под башней, которую уже никто не называл Садовой — теперь она называлась Кровавой. Так эта башня называется и по сей день.

Ричард ускакал на запад. По пути его отряды захватывали замки подозрительных баронов — тех, кто был дружен с Бэкингом и мог пойти с ним против короля.

Так продолжалось, пока не поймали самого Бэкинга и не отрубили ему красивую голову.

Глава двадцать пятая. Кошка едет в лес

Как-то августовским утром в хибару к королеве заявился жених Лиззи Тайрелл в красном камзоле и шутовских рейтузах — одна штанина синяя, другая красная. Так он представлял себе благородную одежду. В иное время Лиззи подняла бы его на смех, но тут всем было не до смеха.

— Скоро свадьба, — заявил Тайрелл с порога. — Не вижу приготовлений.

Королева и Лиззи испугались. Они так надеялись, что Тайрелл забудет о них.

А тот все время помнил о свадьбе. Казалось бы, если ты не веришь, что твой хозяин удержится на троне, зачем тебе эта невеста? Не для себя ведь женился! А по приказу.

Но Тайрелл знал, что Лиззи — настоящая принцесса, и думал, что если он станет мужем принцессы, а потом предаст Ричарда, то останется жив, здоров, богат, и к тому же его сделают герцогом.

Так что он заявился в хибару королевы в полном шутовском наряде, опоясанный длинным мечом, и изображал вежливость и благородство. А королева, стараясь не встречаться с ним взглядом, всерьез обсуждала будущую свадьбу, хотя Лиззи рядом не было.

— Да потерпи ты, девочка, — сказала Елизавета, когда Тайрелл наконец убрался. — Нам надо потерпеть еще немного. Нас освободят. Я каждую ночь тайно встречаюсь с разными людьми, лучшие люди королевства готовы прийти к нам на помощь. Но мы не можем так просто избавиться от узурпатора. Он очень сильный и хитрый человек. У него армия, он господин нашей страны. А ты, как маленькая девочка, дразнишь его цепного пса.

— Не могу терпеть! Не хочу!

— А меня беспокоит сейчас совсем другое, — сказала королева. — Если наши друзья победят, то сюда придет Генри Ричмонд.

— Мой Генри! Скорей бы он приходил!

— Он придет, чтобы стать королем, — сказала Елизавета.

— Вот и замечательно! — обрадовалась Лиззи. — А я стану королевой!

— Он, как и все, думает, что твои братья погибли.

— Мы напишем ему письмо, чтобы он поскорее приходил и помог вернуть корону брату Эдди.

Королева вздохнула.

— Лиззи, — сказала она. — Не бывает двух королей в одном королевстве. Мы должны выбирать.

— Ой! — Лиззи замолчала, прижала ладони к лицу, и Алиса увидела, как между пальцев на щеки принцессы выкатываются слезинки.

Девушка поняла, в какое положение они с мамой попали. Каким бы хорошим ни был Генри Ричмонд, но он поднимает восстание против Ричарда, чтобы самому стать королем. И его сторонники, бароны и рыцари, идут за ним как за будущим королем. А королева Елизавета даже не может сообщить ему, что мальчиков спасли и вытащили из Тауэра. Во-первых, об этом сразу узнает Ричард, и тогда над Эдди и маленьким Диком снова нависнет смертельная опасность. Во-вторых, Генри может поставить условие: «Или я, или Эдуард». Принцев спасли, но вроде бы их и нет.

— Объявить, что они живы, — тихо проговорила королева, — значит не только снова подвергнуть их смертельной опасности, но и расколоть Англию. Сейчас все поднимаются против Ричарда за Генри Ричмонда. А в ином случае народ расколется на сторонников Ричмонда и сторонников маленького короля. А выиграет от этого только Ричард. И тогда, Лиззи, — королева печально улыбнулась, — тебе уж наверняка придется идти замуж за этого негодяя Тайрелла.

— Лучше смерть!

— Может, всем нам лучше тогда умереть:

Королева подошла к клетке с голубями, что стояла на окне, и насыпала птицам зерна.

Алиса подумала: «Как странно — принцы исчезли, и никто, даже их собственная мать, не уверен, стоит ли им оживать и выходить из леса».

И она не удивилась, когда Лиззи произнесла:

— Мама, давай пока никому ни о чем не будем рассказывать.

— У нас нет другого выхода, — печально ответила королева.

Алиса решила, что лучше оставить тетю Лизу с дочкой вдвоем — им сейчас ни до кого нет дела. Плохо жить беззащитным женщинам в средневековой стране. И никому они, в общем, не нужны, и никто их не защитит. А если и защитит, то еще неизвестно: из-за них самих, или из-за денег, или из-за власти. Алиса догадывалась, что королева отправила во Францию Генри Ричмонду все свои драгоценности, именно на эти деньги он сумел набрать войско. Но она не могла сказать наверняка, что случится, если он победит. Куда проще было догадаться, что произойдет, если он потерпит поражение. И королева об этом знала. А раз знала, значит, делала все, чтобы Ричмонд победил. И если надо будет выбирать — дочь или сыновья, пускай это решает судьба. Даже если судьба примет обличье Генри Ричмонда.

Алиса вышла из домика на улицу. Было позднее утро, возле дверей сидел нищий, которого подослал сам король. Нищие на этом посту менялись, чтобы ни на минуту не оставлять хибару королевы без наблюдения. Но почему-то в охране короля забыли о том, что у хибары есть черный ход. Через него туда и приходили гонцы из Франции и разных графств Англии.

Узкая грязная улочка вела к реке. Алиса прошла до поворота, и перед ней открылась блестящая грязь — целое море блестящей грязи. Было время отлива, Темза сузилась в несколько раз и узкой лентой текла по полю липкой тины, то есть по собственному дну.

— Мяу, — громко сказала кошка, которая сидела посреди улицы.

— Здравствуй, — сказала Алиса.

— Мяу, — повторила кошка, и Алисе показалось, что она говорит ей что-то, а Алиса не понимает.

Алиса присела перед кошкой на корточки и почесала ей за ухом. Кошка не возражала, но и не обрадовалась. Мурлыкать, как это делают все кошки, она не стала, а просто повторила:

— Мяу.

Медленно-медленно, словно говорила с неразумным котенком.

— Ах! — произнесла Алиса. Она узнала кошку. Конечно, это та самая серая кошка с белым пушистым животиком и белым треугольником на морде.

— Ты — кошка Генри Уайта, — сказала Алиса. — Ты спасла его от голодной смерти.

— Мяу! — утвердительно сказала кошка.

— Что-нибудь случилось с сэром Генри?

И вдруг кошка отрицательно покачала головой. Это было удивительней, чем если бы она заговорила. Все можно представить, но нельзя представить кошку, которая качает головой.

Как будто это не кошка, а человек, спрятанный в кошачью шкурку.

Но Алиса привыкла ко всяким чудесам, а здесь, в Средние века, лучше ничему не удивляться. Средние века куда ближе к древним временам, к тайнам, оставшимся после эпохи легенд, чем XXI век. Ведьмы, пусть даже и последние, могут здесь встречаться за любым углом.

— Ты фея? — спросила Алиса.

Кошка не ответила. Она смотрела на Алису зелеными глазами, словно что-то внушала. Но что же?

Ну с кем еще может что-то случиться? Ведь кошка так просто не прибежала бы.

— Ой! — сообразила Алиса. — Может, что-то грозит принцам?

И тогда кошка кивнула. Честное слово — кивнула!

— Мне надо туда поехать?

Кошка снова кивнула.

Алиса не стала терять времени даром. Она схватила кошку и побежала к хибаре.

Она добежала в две минуты, ворвалась в комнату королевы и с порога крикнула:

— Я еду в лесничество!

— Что? — Королева вскочила с кресла и смертельно побледнела. — Что с мальчиками?

— Она мне сказала! — Алиса показала на кошку и отпустила ее.

Кошка легко вспрыгнула на кресло. Она встала, подняв хвост, и только самый кончик хвоста подрагивал.

— Что это за животное? — спросила королева.

— Ты ее на помойке подобрала? — брезгливо поморщилась Лиззи

— Вы ее не знаете. — Алиса остановила принцессу, которая уже хотела согнать кошку с кресла. — Это та самая кошка, которая спасла жизнь Генри Уайту. Она ловила голубей и приносила ему.

— Как же, слышали, — улыбнулась королева. — И зачем она пожаловала к нам?

— Я думаю, что это фея, — сказала Алиса. — У короля Ричарда есть подруга — фея Моргана. А у нас с вами есть в друзьях добрая фея, только мы не знаем, как ее зовут.

— Мяу, — с достоинством сказала кошка. Именно сказала, а не мяукнула.

И все поняли, что имеют дело с разумной кошкой, может быть, с заколдованной феей, которая не умеет говорить, так как у кошек рот не приспособлен для говорения, но думают они не хуже самого умного человека.

— Кошка мне сказала, что принцам грозит опасность, — сказала Алиса.

— Только не это! — воскликнула королева. — Я так устала бояться за мальчиков!

Кошка молча слушала эти слова. Только чуть склонила голову набок, чтобы лучше слышать.

— Давай договоримся, — сказала кошке Алиса. — Если ты согласна, то кивнешь головой.

— Ой, не смей меня! — воскликнула Лиззи. — Никогда не поверю, чтобы помочная кошка кивала головой!

Кошка мяукнула коротко, будто прикрикнула на Лиззи. И Алиса сразу поняла, что эта кошка совсем не такая маленькая и добренькая — может быть, это даже очень старая и строгая кошка.

Но самое удивительное — и Лиззи поняла, что кошка хотела сказать. Она мало кого слушалась, но перед кошкой спасовала.

— С принцами что-то случилось? — спросила Алиса.

Королева тихо ахнула. Она уже заранее ждала самого плохого ответа.

Кошка отрицательно качнула головой.

— Но им угрожает опасность? — догадалась спросить Алиса.

Кошка наклонила голову.

— В доме лесничего?

Снова наклон головы.

— Нам надо ехать туда?

Кошка не ответила. Она в упор смотрела на Алису. И если бы могла пожать плечами, то пожала бы: решайте сами.

— Кошечка, скажи, пожалуйста, — попросила королева, — герцог Глостер узнал, где они прячутся?

Никак не могла Елизавета заставить себя назвать Ричарда королем. И она была права.

— Нет, — молча ответила кошечка.

— Но кто-то узнал?

Кошка кивнула.

— Я знаю! — Алиса вздрогнула от холодного ужаса. — О том, где они прячутся, догадалась фея Моргана?

И кошка снова кивнула.

— Это хуже, чем Ричард! — воскликнула королева.

— Я сейчас же еду туда, — сказала Алиса.

— Одна? — испугалась королева. — Это невозможно. Что может сделать одна девочка против феи, а может, и всей армии Ричарда?

— Я могу сделать больше, чем целая армия. Меня не заметят, меня не остановят, я смогу пройти там, где не пройдет ни один взрослый рыцарь. И еще я умная.

— С этим можно поспорить, — заявила Лиззи, а ее мать заметила:

— Если бы ты не была принцессой Англии, я бы надавала тебе подзатыльников. Не улыбайся, я попрошу твоего будущего мужа сделать это за меня.

— Я выйду за Генри? — воскликнула Лиззи.

— Глупышка, — вздохнула королева, — разве я знаю? Я даже не понимаю, хорошо это или плохо для моих сыновей.

И Алиса с ней согласилась.

Трон Англии — это не лодка для всех желающих.

— Я поехала, — сказала Алиса. — Я возьму Ланселота.

— У нас всего два коня осталось, — улыбнулась королева. — Так что выбирать не из чего.

— Возьми кинжал, — посоветовала Лиззи.

— Что я буду с ним делать? — удивилась Алиса.

— А вдруг нападут волки?

Лиззи не сказала, что Алиса должна с кем-то сражаться. И то хорошо.

— Взять кинжал? — спросила Алиса у кошки. Словно кошка могла решить что-то за людей.

Кошка кивнула.

— Ты все же не кошка, — сказала королева. — Но почему ты нам помогаешь? Сначала сэру Уайту, потом мне.

Кошка посмотрела на нее в упор.

Словно пожала плечами.

Она не хотела отвечать.

В этот момент в комнату заглянула фрейлина Джейн.

— К вам монах, ваше величество, — произнесла она так, словно это был не монах, а по крайней мере иностранный герцог.

— Пускай войдет.

— Мне уйти? — спросила Алиса.

— Надеюсь, что больше нам таиться не придется, — радостно ответила Елизавета.

В комнату вошел высокий монах, который, наверное, никогда не слышал о слове «смирение».

— Ваше величество, — монах чуть наклонил голову, — я принес вам долгожданную весть. Сегодня на рассвете сэр Генри Ричмонд высадился со своей армией возле Дувра. И сейчас он уже на берегу залива Митфорд-Хэвен. Он опустился на колени и поцеловал английскую землю, затем перекрестился и приказал отрядам идти вперед во славу Бога и святого Георгия.

— И много у него рыцарей? — спросила королева.

— Всего две тысячи, но он надеется на народ и баронов королевства. Он надеется на вас, ваше величество. И мы все на вас надеемся.

— У меня заготовлено письмо с советами для моего юного друга, — сказала королева.

И когда она поднялась с кресла, Алиса увидела, что Елизавета за несколько минут стала выше ростом, ее громадные глаза загорелись священным огнем. Куда делась тихая и покорная, страдающая немолодая женщина?

Даже Лиззи была поражена переменой, произошедшей с матерью.

— Уже третий день, — сказала королева, — мои посланцы ждут сигнала.

Она подошла к окну, распахнула его и махнула белым платком. Рядом стояла клетка с голубями, над которыми так недавно издевался король Ричард.

Королева открыла дверцу клетки и голосом самой судьбы произнесла:

— Летите, птицы — вестники победы! Поднимайтесь над облаками в солнечную синеву, трубите всеобщий сбор отрядов и армий! Пусть каждый, кто может взять в руки оружие, каждый, кто способен держать в руках меч, пойдет в бой против злодея и узурпатора, убийцы детей и родных братьев! Летите, вестники победы! Несите весть о восстании в свои города и замки!

Один за другим голуби поднимались к небу.

Монах откинул капюшон, затем, спеша и путаясь в складках, стянул с себя рясу через голову. Это могло бы показаться смешным, но никто даже не улыбнулся.

Под монашеским одеянием был кожаный колет, ноги лжемонаха были затянuty в кольчужные штаны, на плечах и локтях блестели металлические щитки.

— Ты останешься здесь, граф, — приказала королева. — Мне нужен опытный воин, который сможет отвечать на вопросы добровольцев и командовать их действиями. Джейн, принеси карту.

Джейн расстелила на столе большую карту Англии.

— Я думаю, братец Ричард уже кинулся навстречу Генри со своей гвардией. Ему нельзя отказать в быстроте и упорстве. Будьте осторожны с этим волком, друзья, потому что, если его ранить, он станет очень опасным.

Королева обернулась к Алисе.

— Как только будет возможность, я пришлю тебе помощь, — сказала она. — Постарайся успеть туда до темноты.

— Почему?

— Фея Моргана, как и все злые волшебники, сильна в ночи, в темноте. А пока на небе солнце, силы зла осторожны, они прячутся в лесах и пещерах. Спешите, Алиса.

— Я пошла, тетя Лиза.

Королева поцеловала Алису в лоб. Лиззи выбежала ее проводить.

Глава двадцать шестая. Нападение лесной нечисти

Сначала Алиса держала кошку на руках, но потом та сама перескочила на плечи и легла как пушистый воротник. Даже приятно было.

Дорога оказалась недолгой, день выдался теплый, но неровный. Так бывает летом в Лондоне — десять минут солнца, потом налетят облака и выплеснут воду, которую они набрали где-то в тысяче миль отсюда, над океаном.

Алиса хотела по дороге поговорить с кошкой. Но ведь это не человек. И дело не в том, что кошка не умеет говорить. Важнее другое: это же не кошка, а волшебная фея, и она знает то, чего нельзя знать людям. И если она позвала Алису в Сиднем, к лесничему, если сказала, что принцам грозит опасность, значит, когда подойдет время, она скажет, что же делать дальше.

Так рассуждала Алиса, не зная, что именно в этот момент отряд Ричмонда остановился перед сильным войском уэльского князя Хриса ап Томаса, который заявил, что дал клятву верности королю Ричарду и не может ее нарушить. Кто желает сделать хоть шаг, должен будет переступить через его тело!

Так он объяснил все епископу храма Святого Давида, который подошел к князю, чтобы уговорить его не мешать справедливому делу.

— Но что мне делать? В нашем роду еще никто не нарушал клятвы. Лучше я погибну!

— Но на самом-то деле твое сердце на чьей стороне?

— Мое сердце, как и сердца всех честных британцев, на стороне юного Ричмонда. Пускай он отомстит за погибших принцев!

— Тогда у меня есть к тебе некое предложение, — осторожно сказал епископ. — Как ты думаешь, минута позора может перевесить целую честную и благородную жизнь?

— Ни в коем случае! — возопил сэр Хрис ап Томас.

— Тогда ложись на землю, — приказал старый мудрый епископ.

— Зачем?

— Затем, чтобы Генри Ричмонд мог переступить через твое тело, после чего ты будешь освобожден от своей неосмотрительной клятвы.

— Минута позора? — переспросил Хрис.

— Может, и меньше.

— Войско! — закричал Хрис ап Томас. — Кру-у-гом! Двадцать шагов вперед, ать-два!

Пока его войско разворачивалось и тяжело топало в обратную сторону, вождь быстро рухнул на землю и закричал Генри Ричмонду:

— А ну, переступай через мой живой труп! Только побыстрее, пока никто не видит!

Что Генри Ричмонд и сделал.

И через полчаса два отряда двигались от берега вместе, и два командира ехали бок о бок и мирно беседовали. Чуть позади трусил на муле епископ храма Святого Давида и дремал в седле.

Король Ричард, опасаясь, как бы к Ричмонду не присоединились ополчения из городов и отряды баронов, приказал сэру Стенли, известному генералу, перекрыть дорогу Ричмонду и разгромить его прежде, чем он наберет силы.

Стенли не двинулся с места.

Тогда Ричард предательски захватил в заложники его младшего сына и велел передать отцу, что, если тот не победит Ричмонда, он сам лично отрубит юноше голову.

И тогда сэр Стенли со своими отрядами двинулся дальше навстречу бунтовщикам.

Армии противников сближались.

Они сами еще не знали, где встретятся, но Алиса хорошо помнила урок истории и название деревни, у которой произойдет решительный бой. Деревня эта называлась Маркет-Босворт...

Алиса переправилась на правый берег Темзы на пароме. Там она поскакала по накатанной широкой людной дороге. Когда она остановилась у придорожного родника, чтобы напиться и напоить Ланселота, кошка соскочила с ее плеч и исчезла в кустах. Пришлось ждать довольно долго — к роднику выстроилась очередь. Все спешили на рынок в Лондон, потому что земля уже наполнилась слухами о начавшейся войне между злым королем и славным юным принцем, который идет спасти королеву Елизавету и молодую принцессу Лиззи. Но война — это всегда горе, поэтому одни спешили запастись провизией, а другие хотели продать лишнее, пока война не остановит все движение по дорогам.

И хоть армия Ричмонда только-только отошла от моря и двигалась к Лестеру, слухи распространялись невероятно быстро. У каждого родника, в каждом трактире, на каждом постоялом дворе рассказывали о том, как Генри Ричмонд переступил через Христа ап Томаса.

Когда Ланселот отдохнул, Алиса собралась двигаться дальше. Отъехав на несколько ярдов, она остановилась, поджидая кошку.

И та не заставила себя ждать.

Она выбежала из придорожных кустов, в один прыжок оказалась у Алисы на коленях, а оттуда перебралась ей на плечи.

И они двинулись дальше.

Вскоре Алиса свернула с главной дороги и поехала лесом.

День клонился к закату, но до захода солнца оставалось еще часа три. К дому лесничего надо было успеть до наступления темноты.

Алиса ехала и думала, что она не выполнила школьного задания и совсем забыла о том, что ее сюда послали снимать фильмы, изучать туземцев и разгадывать исторические тайны.

А вместо этого она уже вмешалась в прошлое. И ее оправдание лишь в том, что принцы и так, без ее вмешательства, исчезли. А она ничего не изменила.

Тетю Лизу, королеву Англии, Алисе было безмерно жаль.

К тому же, как ученый-биолог и историк, она не могла верить в чудеса, ведьм и фей. Потому что те вымерли уже много тысяч лет назад. А они, как назло, существуют, и даже разумная кошка, которая уже спасла от голодной смерти сэра Генри Уайта и намерена помочь принцам, оказавшимся в опасности, лежит у нее на плечах как пушистый воротник.

В лесу послышался вой волка.

Кошка напряглась, и ее коготки больно впились Алисе в шею.

— Может, не будем меня пугать? — спросила Алиса. — У меня ведь кожа, а не кора дубовая.

Низко над ними пролетела сова, за ней — ворон.

— А это уже похоже на разведчиков, — сказала Алиса. Она ударила пятками в бока Ланселота, и тот, словно поняв, что Алиса испугана и ей надо помочь, перешел на рысь.

Солнце еще не зашло, но высокие ели, что сошлись к дороге, закрывали небо, и поэтому на тропе царили сумерки.

Алисе показалось, что рядом с дорогой бежит какое-то животное, скрываясь в кустах, но достаточно близко, чтобы прыгнуть, если захочет.

Ланселот поскакал еще быстрее.

И вдруг на дорогу перед ними выбежал волк.

Могучий седой зверь.

Он чуть присел на задние лапы и так страшно оскалится, что нервы у коня не выдержали, он сорвался с бега, затоптался на месте и готов был повернуть назад, несмотря на крики и просьбы Алисы.

И вдруг Алисе стало совсем легко — она даже не сразу сообразила, что кошка спрыгнула с ее плеч и кинулась на волка. По сравнению с ним она была махонькой, но неслась на него так яростно, что волк еле успел отпрянуть в сторону, поджал хвост и кинулся в чащу.

Кошка больше не стала возвращаться к Алисе, а побежала вдоль дороги. В надвигающихся сумерках Алиса видела, как ее серая тень возникала на обочине, а потом пропадала в зеленой листве.

Лес все более оживал. Из него долетали странные звуки, будто кто-то большой и тяжелый топал в кустах, ломая ветки. Потом над кронами деревьев, раскачивая лапы елок, пролетели какие-то невидимые птицы. Дуновение внезапно налетевшего ветра было кислым и ледяным.

Ланселот мчался из последних сил.

И, только выскочив на поляну, где стоял просторный дом лесничего, конь перешел на шаг, а потом и вовсе стал. Его шатало.

Кошка пропала, но Алиса знала, что она обязательно вернется.

Она соскочила с коня и побежала к дому.

Дом казался пустым. И это было странно, потому что обычно он кипел жизнью. Многочисленные его обитатели, жильцы и приживалки, слуги и хозяйева, лесники и йомены, то есть вольные крестьяне, непрерывно сновали вокруг дома и по его многочисленным комнатам и коридорам.

А сейчас двери были заперты, окна закрыты ставнями. На втором этаже кто-то даже заложил окна изнутри досками и подушками.

— Эй! — закричала Алиса. — Есть кто живой? Это я, Алиса, приехала вас проведать!

Молчание.

— У меня для вас хорошие новости! — кричала Алиса. — Граф Ричмонд высадился на английском берегу и идет на Лондон.

И вдруг в тишине из леса донесся глухой, нечеловеческий голос:

— Это ложь!

— Кто сказал — ложь? — громко спросила Алиса. — Об этом уже знает вся Англия. Со всех сторон к Генри Ричмонду стекаются помощники и друзья.

На этот раз откликнулся дом.

Стали открываться окна, из них высовывались испуганные, но радостные физиономии обитателей дома.

— Эй! — из окошка под самой крышей закричал принц Дик. — Алиса, скорей беги к нам! Как хорошо, что ты приехала!

— А как мама? — крикнул из соседнего окошка Эдди.

— А как моя дочь? — спросил мистер Дайн.

Тут распахнулась дверь, из нее выбежали шестеро внуков мистера Дайна и, окружив Алису, принялись ее обнимать.

Они потащили ее к дому, и все одновременно пытались рассказать ей, что же здесь произошло, но мешали друг дружке и так шумели, что Алиса вырвалась из их объятий и вбежала в дом первой.

Там ее и встретил мистер Дайн.

А потом сверху спустились принцы и с ними паж Грини, который старался ни на шаг не отходить от своих подопечных.

Потому что основания беспокоиться за мальчиков были.

— Вчера ночью, — рассказал мистер Дайн, когда Алису посадили за стол, поставили перед ней миску с горячей похлебкой и целый кувшин молока, — в дом постучала монахиня. И попросилась переночевать.

— В обычное время мы бы, конечно, не отказали в приюте монахине, — перебила мужа миссис Дайн, — но если она выходит из леса, а вокруг ни одного монастыря на десять миль в округе, поневоле начнешь сомневаться.

— У нас же мальчики живут, — снова вступил в разговор лесничий. — А вдруг кто-то из врагов про них пронюхал?

— Какая была эта монахиня? — спросила Алиса.

— Капюшон опущен, а глаза горят черным пламенем.

— Это она, — сказала Алиса.

И вдруг сзади раздалось шипение — так шипят кошки, когда на них нападет злая собака. Спина дугой, хвост, как струна, зубы оскалены — кошка готова сражаться до последнего патрона!

Все обернулись.

Посреди комнаты стояла серая кошка с белой мордочкой и белыми лапами.

— Откуда еще кошка здесь?! — рассердилась миссис Дайн. — Выгоните ее кто-нибудь!

Сама миссис Дайн, хоть и сердилась, была совершенно неспособна выгнать из дома животное.

— Не надо, — сказала Алиса. — Это не совсем обыкновенная кошка, а волшебная и, может быть, добрая фея.

Алиса в двух словах рассказала о том, как эта кошка спасла от голодной смерти отважного рыцаря сэра Генри Уайта, а потом позвала ее сюда, в дом лесничего.

Тут все кинулись гладить и ласкать кошку, которой, как и всякой самостоятельной кошке, это вовсе не понравилось. Она сиганула в окно и пропала в крапиве.

— Расскажите мне, что было дальше, — попросила Алиса.

— А дальше монахиня так настойчиво просилась переночевать, что я почувал неладное, — сказал мистер Дайн. — Она даже стала отталкивать меня. А я ей тогда сказал: «Уважаемая монахиня, разве вам к лицу толкаться? Ведь я мужчина, хоть и в летах, но отличаюсь немалой силой и могу вас просто вытолкать наружу!»

— Тут она как закричит! — снова вмешалась добрая миссис Дайн. — Как начнет обзывать моего мужа злобными словами! Мне пришлось ее взять за пояс и вынести на улицу.

Другой удивился бы, что миссис Дайн смогла сделать то, что оказалось не под силу

здоровяку лесничему. Но вы бы поглядели на миссис Дайн! Она не уступит самому могучему силачу во всем графстве Кент. А обнять ее никому еще не удавалось — не появился еще на свет человек с такими длинными руками.

— Моя драгоценная супруга выбросила монахиню на улицу, и та тут же принялась молотить в дверь. И это было бы еще ничего, но она стала угрожать нам страшными проклятиями:

— Я знаю ее, — перебила лесничего Алиса. — Я ее уже видела. Это фея Моргана.

— Быть того не может! — ахнула миссис Дайн. — Она же умерла тысячу лет назад!

— Она жива. Она — злая фея.

— Значит, за нас добрая фея! — воскликнул Эдди. — И мы наверняка победим!

— Зло сильнее добра, — покачал головой мистер Дайн. — Потому что добро уговаривает, а зло убивает.

— Сейчас войска Генри Ричмонда и Ричарда сближаются. И скоро грянет решительный бой.

— Скорее бы победил Ричмонд, — сказал лесничий. — Тогда королева могла бы прислать рыцарей нам на помощь.

— Она не успеет, — покачала головой его жена. — Скоро настанет вечер, и нечистая сила соберется со всех сторон света, чтобы расправиться с нами.

— Им нужны наши мальчики, — вздохнул лесничий. — Но я не совсем понимаю, почему именно они? Что они сделали плохого фее Моргане?

— Ничего, — ответила Алиса. — Просто Моргана дружит с Ричардом. И он обещал ей посох Мерлина, если она расправится с принцами.

— Но ведь все знают, что мальчики погибли!

— Все, но не фея Моргана. Она знает, что они живы. Для всех они мертвы, даже для Генри Ричмонда, а для нее живы.

Алиса посмотрела вокруг. Она почувствовала, что в комнате кого-то не хватает. Эдуарда! Алиса почувяла недоброе.

— Простите, — сказала она и выбежала из комнаты. Она остановилась, прислушиваясь. Издали донесся плач.

Алиса взбежала на второй этаж и в маленькой комнатке, спальне принцев, нашла Эдуарда.

— Что случилось, Эдди? — спросила она.

— Я никому не нужен, — всхлипывал мальчик. — Все считают меня мертвым. Может, было бы лучше, если бы злая фея меня убила? Тогда я исчез бы...

— Тебе не нужно исчезать, — сказала Алиса.

— Но ты ведь не скажешь «ваше величество»?

— Если хочешь...

— Не хочу, не хочу, не хочу! Разве я не понимаю, что если Генри победит герцога Глостера, то английский трон достанется ему? И если я появлюсь и скажу: «Нет, это я законный король Англии!» — мне мало кто поверит. А если кто-то и поверит, то сразу начнется война, и меня все равно убьют. Ведь Генри получит трон в борьбе, заслуженно: Он взрослый, он сможет править Англией: А я просто мальчик!

Эдди говорил как взрослый.

И он говорил правду.

Перед Алисой сидел ребенок, который никому не был нужен. Даже его мать и сестра,

наверное, не знали — лучше, чтобы он был жив или чтобы его не было вовсе.

Матери надо, чтобы ее дети были живы.

И чтобы убийца ее мужа и злодей был уничтожен.

Сделать это мог только Генри Ричмонд.

Мальчикам не оставалось места в английской истории.

— Давай не будем сейчас думать об английской короне, — сказала Алиса.

— Но ведь я — король!

— Но при этом ты мальчик! И впереди у тебя долгая жизнь. Давай думать об этом. И о том, как нам одолеть фею Моргану.

— У меня есть меч!

— Это хорошо, — вздохнула Алиса. — Из тебя вырастет настоящий рыцарь. Но я на твоём месте не лезла бы вперед. Если ты останешься жив — это уже победа. Ведь они тогда не смогут добиться чего хотели.

— Я понимаю, Алиса, — прошептал маленький король.

Они спустились в гостиную как раз к ужину. Миссис Дайн велела всем подкрепиться, потому что предстояла трудная ночь.

Солнце опустилось за вершины старых елей.

Из леса потянуло могильным холодом.

Совсем близко завыл волк.

За длинным, отполированным локтями многих поколений Дайнов столом сидели не только члены семейства и гости, но и полдюжины лесников из йоменов. Они ели жареных кур, макаю куски в острый соус. Их большие, в человеческий рост, луки стояли прислоненные к стене. Именно из таких луков стреляли английские лучники в битве при Кресси, когда им удалось уничтожить весь цвет французского рыцарства.

— Они идут, — сказал Грини, который стоял у окна и глядел сквозь щелку в ставнях.

Алиса подошла к соседнему окну.

На опушке леса дергались, прыгали, перемещались огоньки, словно к дому лесничего приближалась армия со свечками в руках.

В синем небе кружились вороны, но это были не настоящие птицы, потому что они молчали.

Молчали и волки, вышедшие из леса и шедшие рядом с феей Морганой, глаза которой светились из-под капюшона, как зеленые огоньки на пульте космического корабля. Хотя никто здесь, кроме Алисы, никогда не видел космического корабля.

Фея взмахнула рукой, и синий камень в ее перстне испустил яркий луч.

— Отдайте мне мальчишек, — произнесла грудным голосом фея Моргана. — И я обещаю, что не причиню никому вреда!

Миссис Дайн смело подошла к двери, отодвинула засов и отворила ее. По обе стороны от нее, невидимые фее Моргане, затаились лесники с луками.

Позади встала Алиса.

— Убирайся отсюда, фея Моргана, — сказала миссис Дайн. — Тебе не нужна кровь принца и короля Англии. Твой покровитель в ближайшие часы будет разбит настоящими англичанами. Он даже не успеет выполнить своих обещаний. И тебе не видать посоха Мерлина как своих ушей.

Фея замерла, как громом пораженная. Она не ожидала, что ее узнают. И уж тем более не ждала, что кто-то здесь знает о короле Ричарде и посохе Мерлина.

— Как прискорбно, — произнесла она через минуту. — Как прискорбно, что теперь мне придется уничтожить вас всех, без исключения. Вы слишком много знаете и можете рассказать другим. Вы можете раскрыть тайну, раскрывать которую нельзя даже мне.

Она подняла руки, и по этому сигналу на дом лесничего ринулись сонмища нечистой силы.

Впереди неслись стаи волков. Они бились о ставни, старались разгрызть двери. Их атака была бы не опасна, если бы люди отсиживались в каменном замке. Но и дом, и ставни были деревянными. Хоть они и выдержали первый удар, это не значило, что они продержатся долго.

Миссис Дайн решила, что нет смысла тратить ценные стрелы на волков. Неизвестно, кто окажется следующим врагом. Поэтому дверь закрыли на большой засов. Она содрогалась под ударами мощных волчьих тел, но держалась.

Тучи воронья и летучих мышей налетели на дом сверху. Они колотили клювами и когтями по соломенной крыше. Солома давно уже слезалась, но тысячи ударов начали ее размягчать и разрыхлять.

Когда через несколько минут Алиса поднялась на второй этаж, чтобы посмотреть, что там творится, она увидела первые, пока еще узкие щели в соломенной крыше. И поняла, что враги скоро прорвутся.

Позвать сюда лучников? А какая от них польза против злобных птиц?

Вдруг дом вздрогнул. Даже пошатнулся.

Алиса кинулась к окну и увидела, что от дома отступает колоссальный дикий бык, тур. Такие быки были перебиты охотниками лет за пятьсот до рождения Алисы. Их даже ни в одном зоопарке не осталось. Где же фея Моргана такого добыла?

Бык развернулся и, набирая скорость, помчался к дому.

Алиса увидела, как в хребет и морду быка вонзаются тяжелые стрелы. Он мотает головой, чтобы отделаться от них, но скорости не снижает.

Алиса внутренне сжалась.

Удар!

Дом вздрогнул.

Какая-то птица пробилась сквозь дыру в крыше и попыталась напасть на Алису. Она не могла как следует набрать скорость в комнате, но отчаянно била крыльями и металась, словно бешеная муха.

Сумерки сгустились настолько, что Алиса не могла разобрать, какая птица на нее напала — ворона или голубь. А может быть, утка? Кого только не подняла против людей эта фея!

«А где же наша кошка?» — подумала Алиса.

Ведь пора бежать. Дом не устоит.

Алиса сбежала вниз, в общую комнату.

Там было темно. Свечей и факелов не зажигали, чтобы лучше видеть, что происходит снаружи.

— Может, пугнем их факелами? — предложил мистер Дайн.

— Потерпи, — возразила его жена. — Если ворвутся сюда, вот тогда мы и возьмемся за факелы.

Уже стемнело, когда армия Ричарда остановилась у Маркет-Босворта. На обширной долине загорелись костры, солдаты и рыцари готовили ужин.

Ричард со своими помощниками ужинал в шатре в центре лагеря.

— Сколько людей в нашей армии? — спросил он у верного герцога Норфолка.

— Десять тысяч, милорд.

— Больше десяти тысяч или меньше?

— Примерно десять.

— А у бунтовщиков?

Король и без Норфолка знал, что у Ричмонда нет даже пяти тысяч солдат, но ему нужно было услышать подтверждение своим мыслям.

— Вдвое меньше, милорд.

— Значит, завтра с утра мы их раздавим.

Соратники начали наперебой расхваливать таланты короля и подтверждать его хвастливые слова.

Ричард слушал баронов, а сам был встревожен.

С каждой минутой к Ричмонду подходили все новые отряды. У некоторых на знаменах были вышиты портреты принцев и написаны призывы отомстить за смерть детей.

А Ричард знал, что его войско будет таять.

До завтрашнего утра его железный кулак еще удержит командиров, а завтра многие начнут перебегать к Ричмонду. Никому нельзя верить!

Нечаянно Ричард произнес эти слова вслух.

За столом наступила тишина.

— Как дела у сэра Стенли? — спросил Ричард. — У него ведь три тысячи всадников, и он занимает холмы на нашем правом фланге.

— Сэр Стенли молчит, — ответил Кейтсби, жестокий барон, за голову которого Генри Ричмонд назначил высокую цену.

— Пошлите к нему человека, — приказал Ричард. — Напомните, что его сына повесят, если отец воздержится от боя.

— Вы отвращаете от себя лучших людей королевства, — сказал граф Нортумберленд. Он присоединился к Ричарду лишь для того, чтобы в Англии не разгорелась гражданская война, но никакой симпатии к королю не питал.

И Ричард, глядя на него, подумал, что отряд Нортумберленда ненадежен. Значит, минус еще две тысячи человек.

— Я отдаю приказ только один раз, — сказал король. — Проверьте караулы и помните: мы пойдем в бой первыми, как только встанет солнце. Потому что оно будет светить в лицо врагу.

Командиры королевской армии расходились в тишине. Их войско было сильнее, чем у Генри Ричмонда, но никто из них не верил в победу, а многие ее не желали.

Ричард смотрел вслед баронам и вдруг крикнул:

— Каждого, кто побежит с поля боя, убью сам!

Никто не обернулся.

Тайрелл остался с королем.

— Отдай Стренджа Стенли верным офицерам, которые не побоятся обогреть меч кровью герцога.

— И которые не испугаются мести отца, — усмехнулся Тайрелл. Но мысленно он уже

предал своего короля. И поэтому добавил: — Никто не достоин вашего доверия, король. Я сам отрублю голову маленькому Стенли.

Ричард кивнул.

В лагере короля наступила тишина. Догорали костры. Дозорные объезжали передний край.

На другой стороне долины в лагере Генри Ричмонда тоже еще не ложились.

Сам Генри, высокий, светловолосый рыцарь с коротко подстриженной бородкой, которую поклялся не сбривать, пока Англия не освободится от власти убийцы и тирана, стоял перед столом и смотрел на грубо нарисованную схему местности. На ней рукой Ричмонда была нанесена позиция его небольшой армии. Войска стояли перед склоном пологого холма, вершину которого занимал передовой отряд Ричарда. В первой линии ричмондовских войск протянулись цепи лучников — знаменитых английских лучников, чьи стрелы пробивали даже железные рыцарские латы. За ними располагались отряды пехоты — впереди воины графа Оксфорда, затем отряд самого Ричмонда. И наконец, сзади стояла конница, которую Генри оставил в резерве.

Затем взгляд Ричмонда сдвинулся правее. Вершину холма полукругом занимали лучники Ричарда, сразу за ними стоял передовой отряд графа Норфолка. Основные силы короля Ричарда располагались по ту сторону холма, их из лагеря Ричмонда не было видно. Резервом короля командовал граф Нортумберленд.

— Не в них дело, — произнес Генри Ричмонд.

— Разумеется, не в них, — поддержал его только что вернувшийся из Лондона, от королевы Елизаветы, сэр Джон Чини. — Все дело в отрядах лорда Стенли.

— На него мало надежды, — сказал Генри. — Мне только что донесли, что герцог Глостер захватил в заложники его любимого сына и заявил, что отрубит ему голову, если отец не придет на помощь войску Ричарда.

— Значит, мы не можем рассчитывать на лорда Стенли, — вздохнул сэр Чини. — Но я надеюсь на то, что Нортумберленд с резервом не будет спешить на помощь своему господину.

— Мы не можем рассчитывать на перевертышей и предателей, — резко оборвал его Генри.

— Ричард безжалостен, — произнес сэр Брендон, знаменосец Ричмонда. — Лучше надеяться на свои силы.

— В таком случае на каждого нашего солдата приходится двое королевских, — задумчиво сказал Генри. — То есть герцога Глостера.

— И наши устали после долгого похода, — добавил сэр Чини. — Лошади не кормлены, солдаты не выспались.

— Но нас ведет правое дело, — возразил Ричмонд. — И каждый наш солдат знает, что должен освободить Англию от тирана и убийцы детей.

У шатра заржал конь, далеко у костра кто-то затянул заунывную песню.

— Кстати, — сказал Джон Чини, — в Лондоне ходят слухи, что принцев не удалось убить. Их выкрали верные люди и прячут в лесу.

— Это хорошая весть, — отозвался Ричмонд. И задумался. Помолчав, он добавил: — И плохая одновременно.

Мудрый сэр Брендон произнес:

— На месте Ричарда Глостера я бы обрадовался такому повороту дела.

Ричмонд кивнул.

— Я не понял, — удивленно сказал сэр Чини.

— Что может быть хуже для общего дела, чем соперничество союзников? — ответил сэр Брендон. — Наш лагерь, еще не победив, сражается за разных королей. Мы приплыли из Франции с сэром Генри и хотим видеть его королем — сильного, молодого смелого воина, который будет железной и справедливой рукой управлять нашим государством.

— Не забудь, — вмешался Генри, — что наша армия собрана, вооружена и привезена сюда на деньги королевы Елизаветы. А ее дочь — моя невеста. И я люблю Лиззи.

— К нам идут союзники, отряды горожан, рыцари, йомены. Но эти люди считают, что король Англии — Эдуард Пятый. То есть принц Эдди, который был королем, но не успел короноваться, — рассуждал вслух сэр Брендон. — Граф Ричмонд для них — мститель за смерть маленького короля. И они тоже идут мстить за принцев, за покойного короля Эдуарда, за убитых и замученных людей. И Генри для всех этих людей, без помощи которых нам никогда не одолеть Ричарда Глостера, не король, а исполнитель воли короля и народа Англии. Если окажется, что мальчики чудом остались живы, то за кого сражаться нашим союзникам? Не окажемся ли мы сразу врагами друг другу?

— И подумайте о королеве Елизавете, — сказал Генри Ричмонд. — Она сделала все, чтобы я вернулся в Англию и победил. И не из-за меня, а ради Лиззи, которую она хочет видеть королевой. И в первую очередь ради того, чтобы отомстить Ричарду. Она пожертвовала всем — от драгоценностей до чести, — чтобы приблизить час мести. И вдруг окажется, что я — враг ее мальчиков. Ведь один из них должен стать королем...

Ричмонд замолчал.

И все молчали.

Наконец сэр Брендон произнес:

— Мальчиков быть не должно.

Генри потянулся. Он страшно устал за последние дни, ноги не держали, а завтра — в бой. И может быть, послезавтра для него уже не наступит.

— Будем считать, — сказал он, — что это только слух. Не думаю, что герцог Глостер выпустит кого-нибудь из своих острых когтей. И мои маленькие соперники погибнут. Мир им...

Он проводил своих соратников до выхода из шатра. А сам подумал: «Надо бы проверить караулы...»

Но ноги его подкосились, завтрашний полководец упал на медвежью шкуру, лежавшую рядом с входом в шатер, и заснул как убитый.

...Как только солнце выбралось на край холма, что скрывал армию Генри Ричмонда от взоров короля Ричарда, лагерь Ричмонда начал просыпаться. Люди вставали еле-еле, через силу. Тем более что и завтракать было нечем — одни серые сухари и холодная вода.

За ночь ничего не изменилось. Никто не подошел на помощь Ричмонду, никто не ушел от короля.

Зато солдаты Ричарда плотно позавтракали, их кони тоже были сыты. К тому же король приказал каждому солдату выдать по чарке крепкой браги.

Он выехал перед строем пехоты на огромном белом коне, поднял меч и пронзительно закричал:

— Мы их раздавим, мы их изрубим, мы их затопчем!

Шеренги солдат взревели, готовые идти хоть в ад за своим королем.

Совсем не так себя чувствовал лорд Стенли, который слышал рев войска, рвущегося в бой. Ведь в шатре на холме лежал связанный его сын Стрендж.

Первыми Ричард послал в бой шеренги лучников.

С холма он увидел, как спешно выстраиваются лучники Ричмонда. Они запаздывали развернуться в цепь.

Их было меньше.

Тучи стрел полетели к рядам войска Ричмонда.

Лучники Ричмонда ответили залпом.

Пока что расстояние оставалось таким, что лучники поражали лишь друг друга.

И, видя, как отходят, отстреливаясь, лучники Ричмонда, король поднял руку в железной перчатке, приказывая пехоте идти вперед.

Этот сигнал должен был увидеть и лорд Стенли, три тысячи солдат которого стояли по ту сторону низины, готовые сбоку ударить по отрядам Ричмонда.

Пехота Ричарда двинулась следом за лучниками, которые трусцой сбегали с холма, стреляя на ходу. Сразу за ними, дыша в затылок, шли латники герцога Норфолка и, догоняя их, спешили основные силы — гвардейцы короля Ричарда.

Удар был таким яростным и быстрым, что пехотинцы Ричмонда и Оксфорда стали отступать. Центр их войска прогибался внутрь, как яма, в которую вливались молодцы Ричарда.

От звона оружия, криков раненых, ржания коней, свиста стрел воздух колебался и даже помутнел.

Король Ричард, который следовал в тылу за своими отрядами, придержал коня на склоне холма. На нем были латы дамасской стали, а к шлему прикреплена золотая королевская корона. Он не боялся, что его узнают. Он хотел, чтобы его узнавали, чтобы свои становились смелее и сильнее, а враги трепетали.

Пока что бой шел по его плану. Ричмонд и Оксфорд отходили. Еще немного, и они обратятся в бегство. Не хватало последнего усилия. В тылу Ричарда оставался Нортумберленд со своим корпусом, но от него пока было мало пользы, потому что его пехота и конница должны были пробиваться сзади сквозь ряды гвардейцев. Зато роль отрядов Стенли становилась решающей.

— Давай же! — закричал Ричард, хотя на таком расстоянии его голос конечно же не был слышен.

Посланец Ричарда поскакал к лорду Стенли, который стоял перед своим отрядом.

— Король Ричард передает приказ: если немедленно не ударите во фланг бунтовщикам, ваш сын будет тут же казнен.

Лорд Стенли молчал минуты две. Три тысячи воинов, затаив дыхание, ждали, что скажет старый командир.

— У меня осталось еще два сына, — произнес наконец лорд Стенли.

И остался недвижим.

Когда посланец вернулся к Ричарду и повторил ответ лорда Стенли, тот указал перчаткой на шатер, где держали молодого Стренджа Стенли, и крикнул Тайреллу:

— Казни его! Сейчас же!

И пришпорил коня, погоняя его в кипение битвы.

Затем обернулся и увидел, что Тайрелл не двинулся с места.

— Ты что же? — крикнул король. — Струсил?

— Я не струсил, просто я разумен, — ответил Тайрелл. — Бой еще не закончен. Вина отца еще не доказана.

— Когда докажем, будет поздно!

— Но если мы казним сына, то он уж наверняка перейдет к Ричмонду. Мы всегда успеем казнить мальчишку.

Ричард выругался, но ему некогда было возвращаться. Слева нарастал рев трех тысяч глоток — корпус лорда Стенли надвигался через низину, приближаясь к месту боя.

Все должно было решиться в ближайшие минуты.

«Успеть бы, — думал Ричард, — успеть бы сокрушить линии Ричмонда».

И он поскакал туда, чтобы самому возглавить свои войска.

А адъютантов погнал назад, потому что Нортумберленду пора было вступать в бой, чтобы поддержать авангард.

Но Нортумберленд так и не двинулся с места. Половина армии Ричарда весь бой простояла в тылу, не потеряв ни одного человека и никого не поразив.

Ричард рвался в бой. Топча своих, он пробился к центру схватки.

— Где этот трус Ричмонд? — кричал он. — Пусть выйдет со мной на бой!

В этот момент корпус лорда Стенли ударил во фланг войску короля.

И тем решил исход битвы. Под ударами с двух сторон солдаты Ричарда начали разбегаться и сдаваться в плен. Сражение быстро превратилось в бойню.

Говорят, что в том бою армия Ричмонда, а также отряд лорда Стенли потеряли убитыми двести человек, тогда как потери королевских сил исчислялись тысячей.

Сам король Ричард сражался до последнего.

Он казался заговоренным — столько отчаяния, злобы и силы было в его ударах.

На пути Ричарда стал сэр Брендон и после короткой схватки упал, разрубленный мечом короля. Ричард приблизился к Генри Ричмонду, который рубился как самый обыкновенный рыцарь, но на его пути очутился могучий Джон Чини. И сэр Джон тоже пал в бою.

Ричард крутился, как медведь, затравленный собаками.

Он был окружен всадниками. В синих камзолах и плащах сражались добровольцы Ричмонда, в красных плащах и накидках — воины лорда Стенли.

Рука Ричарда устала.

А до Ричмонда оставалось еще несколько ярдов.

— Я иду к тебе! — кричал Ричард.

— Расступитесь! — приказал Ричмонд своим всадникам. — Я сам его убью!

Схватка была короткой.

Ричард, пронзенный мечом Генри Ричмонда, упал с коня, и его золотая корона покатила к кустам.

Кто-то из воинов нагнул, поднял ее, вытер о рукав и протянул Генри Ричмонду. Другой отрубил Ричарду голову.

Так король Генрих VII был коронован на поле боя.

Лорд Стенли ускакал к королевским шатрам. Он ворвался туда, когда Тайрелл развязывал Стренджа. Предусмотрительный Тайрелл дождался момента, когда исход битвы стал ясен, чтобы обеспечить себе жизнь. И это ему удалось.

Глава двадцать восьмая. Алиса уходит из леса

Еще какое-то время лесничему и его небольшому отряду удавалось отсидеться на первом этаже. К счастью, лестница на второй этаж блокировалась деревянной крышкой. В те беспокойные времена порой бой мог идти на одном этаже, а на другом отсиживались домочадцы.

Крышку захлопнули. Птицы и нетопыри не могли пробиться вниз. И двери со ставнями тоже оказались крепкими, а тура удалось отогнать стрелами. А потом защитники дома зажгли факелы. Ведь волки-оборотни, как и прочая лесная нечисть, огня боятся.

«Вот и продержались мы до рассвета, — подумала Алиса. — А что потом?»

Надо куда-то спрятать принцев, отвезти подальше — им нельзя оставаться у лесничего. Следующей ночью фея Моргана и ее войско обязательно до них доберутся. И как проехать сквозь дремучий лес до Темзы?

Но куда бежать? Где спрятать Эдди и Дика?

Сама Алиса решить эту задачу не смела, да и не знала ее решения.

Надо было посоветоваться.

Совет можно было получить только в Лондоне.

Как же добраться до столицы?

— Алиса, — сказала кошка.

Это был голос кошки. Но ведь кошки, даже волшебные, не говорят?

Кроме Алисы, никто голоса не услышал, потому что в тот момент случилась передышка и все рухнули — задремали, кто где смог пристроиться. Не спали только Алиса и миссис Дайн. Жена лесничего сидела у щели в ставнях и смотрела наружу, чтобы нечисть не могла напасть неожиданно.

Алиса обернулась.

В углу у лестницы стояла невысокого роста женщина в белом бархатном платье и сером плаще до самой земли. На голове у женщины была меховая шапочка с перышками по бокам, которые торчали, как белые ушки.

Но несмотря на такой странный наряд, женщина не казалась смешной. От нее исходила спокойная строгость учительницы, хоть Алиса и была выше ее на полголовы.

— Вы кошка? — спросила Алиса.

Женщина прижала тонкий пальчик к маленьким губам. Но миссис Дайн не слышала. Она задремала, прижавшись лбом к ставням.

— Следуй за мной, — прошептала фея-кошка.

Они прошли на кухню. Там было пусто, очаг потух, сквозь щели в ставнях мерцал голубой рассвет.

— Тебе надо спешить в Лондон, — сказала фея.

— Как вас зовут? — спросила Алиса.

— Я — Озерная фея.

— Странное имя, — удивилась Алиса.

— Может, ты слышала обо мне, — сказала фея. — Когда-то давным-давно, в эпоху легенд, фея Моргана обиделась на короля Предигора, который забыл пригласить ее на праздник по случаю рождения дочери. За это фея приговорила принцессу к смерти. А я, которая всегда вставала на пути феи Морганы, не смогла совсем уничтожить ее заклятие, но сумела заменить смерть на сон.

— И потом пришел принц и поцеловал Спящую красавицу, — догадалась Алиса. — Об этом много написано.

— Вся моя жизнь — борьба с феей Морганой. Лет двести назад я попала в ее ловушку, и она смогла превратить меня в кошку. И лишила голоса. Лишь на несколько минут на рассвете я могу принять свой настоящий облик.

— А когда это кончится? — спросила Алиса.

— Когда исполнится предсказание Мерлина:

*Два мальчика, спасенные из ада,
Озерной фее сбудутся наградой.
Когда в туман проклятье улетит,
Волшебный посох фея возвратит.*

— Когда же пропал этот посох? — спросила Алиса.

— Давным-давно.

— И вам он тоже нужен?

— Да. Я должна выбросить его в глубокое озеро. Он ведь из железного дерева и тонет, а с ним исчезнет и злая сила феи Моргананы.

— А в чем ваша сила?

— Я могу наслать на человека или целую армию неожиданный сон, и он будет длиться, пока я не пожелаю его прекратить.

— Это очень хорошо, дорогая фея, но как вы поможете мне добраться до Лондона? Я должна быть уверена, что за это время с принцами не случится ничего дурного.

— Сейчас ты уйдешь отсюда, — сказала фея, — чтобы не попасть под действие моих чар. А я накрою подушкой сна и дом лесничего, и лес вокруг, и всех зверей, и нечисть, которую согнала сюда фея Морганана. И даже сама она заснет, потому что нет силы, способной противостоять волшебному сну. И все — от принцев до Моргананы — будут спать, пока ты не возвратишься. Это моя волшебная специальность. Остальное зависит от тебя, Алиса.

— А как далеко я должна отойти отсюда, чтобы не заснуть? — спросила Алиса, которая быстро поняла, что ей надо делать.

— Ты должна добежать до речки. Выберешься через задний ход и пробирайся зарослями крапивы. Она будет жечь тебя, а ты терпи.

— Вытерплю, — улыбнулась Алиса.

— Через сколько дней вернешься?

— Думаю, через неделю. Если вы обещаете, что с принцами ничего не случится.

— Не больше, чем со Спящей красавицей, — успокоила ее фея. — Все будут ждать тебя, не замечая, как летит время.

Медленно и осторожно Алиса отодвинула засов на задней двери, приоткрыла дверь и прислушалась. Густой туман стелился по земле.

— Возвращайся, Алиса, — прошептала сзади Озерная фея.

Пригибаясь, Алиса побежала к реке. Трава была мокрой, потом пошли заросли крапивы. У земли листьев было меньше, и они не так больно обжигали.

Алиса пробиралась вперед, как в молочном киселе.

Что-то шуршало рядом, но если лесные жители и искали Алису, они не могли ее увидеть.

Начался спуск к реке.

Алиса выпрямилась, чтобы бежать быстрее, и со всего размаху врезалась лбом в ствол толстой ветлы, что росла на берегу речки. Алиса представляла себе, что речка выведет ее к Темзе, в которую впадает.

— Счастливо, Алиса, — услышала она беззвучный голос Озерной феи. — Счастливого пути, береги себя, мы ждем...

— Я вернусь, — пообещала Алиса.

Неожиданный сюрприз заставил Алису замереть от счастья.

Вот уж не ожидала такого подарка от Озерной феи!

На берегу речки за мельничной плотиной пасся ее вороной конь Ланселот.

Как он пережил эту ночь? Как выбрался сюда?

Наверняка не обошлось без помощи феи-кошки.

— Ланселот! — позвала Алиса.

Конь заржал и, осторожно переступая по мокрой траве, пошел к промокшей после путешествия по росе Алисе.

И в этот момент Алиса услышала глубокий и счастливый вздох тысяч существ: людей, зверей, птиц и насекомых — всех тварей, которые одновременно и мгновенно заснули, подчиняясь колдовству Озерной феи.

И началась скачка к старому дубу, который растет в непроходимой чащобе за скалами Бедфорда, за пустошью Макфайера, за трясинной Блеквуда.

Алиса добралась туда на второй день к вечеру.

Вы, наверное, удивились, почему Алиса поскакала не к Лондону, а в противоположную сторону? Ведь ей надо было поговорить с королевой, решить важные вопросы с тетей Лизой.

На самом же деле Алиса приняла решение, которое подсказала ей, сама того не зная, Озерная фея.

Спящее царство может существовать и день, и два, и неделю...

И за эту неделю должна решиться судьба Англии.

Оставив коня в ближайшей деревеньке, Алиса дала крестьянину два шиллинга, чтобы тот присматривал за Ланселотом до ее возвращения.

Она нашла в лесу дуб, нажала на невидимый снаружи сучок, и часть ствола отъехала в сторону, словно кто-то оторвал от дерева кусок коры.

Алиса вошла в дупло и оказалась внутри временной камеры.

Такие камеры установлены в нескольких самых неожиданных местах земного шара. Через них люди из далекого будущего могут попадать в другие века.

Этой камерой Алиса пользовалась уже не первый раз.

И сейчас она набрала код «Возвращение».

Через две минуты независимого времени дверца камеры открылась, и Алиса оказалась в белом круглом зале Института времени в Москве, в самом конце XXI века.

Конечно, ей хотелось сбегать домой, узнать, как там дела, вернулась ли мама с Плутона, что нового в Космозо у отца, как дела в школе, кто звонил, что говорил и не скучает ли о ней домашний робот Поля, которого все называют домработником.

Но Алиса отогнала эти мысли. Домой она еще успеет, а в Англии идет война, мирный дом лесничего окружен стайей нечисти, а несчастная королева Елизавета не знает, живы ли

ее сыновья. Сколько раз можно хоронить собственных детей?

Алиса тут же вызвала по внутренней связи своего старого друга, робота Вертера, который отлично разбирался в тонкой бионике институтских приборов.

— Вертер, душечка, — взмолилась она. — Настрой мне возвращение в Англию ровно через неделю после моего отлета. А то, когда я сама настраиваю, то промахиваюсь на месяц, если не на год.

— Что за спешка? — ответил Вертер. — Лучше пойдешь домой, прими ванну, как следует поужинай, выспись, и завтра с утра мы все сделаем. Ведь ты же все равно попадешь, куда надо.

— Нет, — сказала Алиса. — У меня совершенно неподходящее настроение, чтобы ужинать и спать. Фея Моргана может такого натворить, что ты и не представляешь. От меня зависит судьба принцев, один из которых был королем Англии.

— Ты меня запутала, — сказал Вертер.

— Ну прошу тебя!

— Хорошо, хорошо... А может, мне вызвать сюда директора института? Уж очень ты взволнована. И неизвестно, можно ли тебя в таком состоянии отпускать в Средневековье.

Но хоть Вертер и ворчал, за эти минуты он успел настроить машину времени.

И еще через несколько минут Алиса вышла из дуба, который растет в непроходимой чащобе за скалами Бедфорда.

Глава двадцать девятая. Расставание с принцами

Алиса въехала в Лондон, кипевший предпраздничной суетой. Радовались все — и бедняки, и богачи, и монахи, и бродяги, и бароны, и нищие. Еще бы: повержен и убит узурпатор, зловещий демон Англии, и на днях будет короноваться отважный красавец, жених нашей принцессы Лиззи, славный Генри Ричмонд, а с завтрашнего дня — король Англии Генрих VII Тюдор, по его родовому имени. И на этом кончится многолетняя кровавая война Алой и Белой роз — то есть династий Йорков и Ланкастеров. И в единой Англии наступит мир.

Алиса пару раз останавливалась на площадях и прислушивалась к разговорам, а потом, как бы невзначай, спрашивала, где же сейчас королева Елизавета. Оказывается, все в Англии знали, что королева отказалась переехать в Тауэр, где остановился Генри Ричмонд, только вчера добравшийся до Лондона, где готовилась его коронация, а заодно и свадьба с принцессой Лиззи, которая теперь и будет именоваться королевой Англии, Шотландии и Уэльса.

А переехала королева в скромный городской дом сэра Генри Уайта. Ричард заточил сэра Генри в Тауэр за то, что тот отвез драгоценности королевы Ричмонду, чтобы он на эти деньги снарядил и вооружил армию.

Все известно в городе Лондоне!

Удивительно, как быстро путешествуют новости и как часто они оказываются правдивыми!

У входа в дом стояла стража — по приказу Ричмонда королеву и Лиззи тщательно охраняли. Генри беспокоился, как бы тайные сторонники Ричарда Глостера не отомстили Елизавете за то, что именно эта тихая, скромная женщина стала главой заговора, возведшего на трон Генриха VII.

Стража не хотела пускать незнакомую усталую девочку на взмыленном коне во двор окруженного каменной стеной дома, но тут Алису увидела Джейн Дайн и кинулась к ней.

— Алиса! Ты жива! — воскликнула добрая фрейлина. — А мы так за тебя боялись! Королева немедленно посылает к моему отцу целый рыцарский отряд вам на выручку!

— Все в порядке, Джейн, — ответила Алиса. — Как ее величество?

— У нас все хорошо. А что случилось в лесу?

— Ваши родители здоровы и спят, — сказала Алиса. — Не беспокойтесь.

— Почему они спят? — удивилась Джейн. — Ведь сейчас полдень.

— Это я так пошутила! — спохватилась Алиса.

Она взбежала по широкой лестнице наверх и с разбегу врезалась головой в круглый живот сэра Генри Уайта. По его фигуре было заметно, что он уже забыл, как голодал, а кошка спасала его от голодной смерти.

— Девочка! — сказал он. — Мне никто не верит, что кошка спасла мне жизнь! Представляешь? Но ты же подтвердишь мои слова? Ты же видела кошку?

— И не только видела, — сказала Алиса. — Я даже разговаривала с ней и надеюсь встретиться вновь.

От таких слов сэр Уайт даже пошатнулся.

— Ты здорова, Алиса? — спросил он. — Может быть, трудная дорога тебя подкосила?

— Все в порядке, сэр, — улыбнулась Алиса. — И я не шучу. Но сначала...

— Сначала ты поговоришь со мной, моя девочка, — сказала королева, появившаяся в дверях. — Я услышала твой голос и возрадовалась. И по твоему лицу я вижу, что ничего дурного не произошло?

— Ничего не произошло!

— Но что же тебя так задержало? Неужели ты не могла приехать раньше? У меня до сегодняшнего дня не было рыцарей, и я только утром послала отряд в лесничество. И они исчезли. Ни слова, ни весточки.

— Ясно, — кивнула Алиса. — Они спят. Все в порядке.

Королева посмотрела на Алису так же, как только что смотрел на нее сэр Уайт, но ничего не сказала, а жестом пригласила ее к себе в кабинет.

— Садись, — сказала она.

И тут, подобно смерчу, самому и торнадо, в комнату ворвалась Лиззи.

Ох уж и разодета и разукрашена была эта девушка! Ох и размалеваны были ее щеки, губы и даже лоб!

— Алиса, как мальчишки? — крикнула она с порога и кинулась к зеркалу. — А я как, на твой взгляд?

— На мой взгляд, ты выглядишь ужасно, — честно ответила Алиса.

— А меня она не слушает и не слышит, — пожаловалась королева.

— Почему это ужасно? — грозно спросила Лиззи.

— Будешь мне голову рубить? — улыбнулась Алиса.

— Не исключено, — серьезно ответила принцесса.

— Ты размалевана так, что при взгляде на тебя Генри Ричмонд упадет в обморок, — сказала Алиса. — И тут же тебя разлюбит.

— Не смей издеваться надо мной! — завопила было Лиззи, но осеклась.

И задумалась, а потом тихо удалилась.

Иногда она умела задумываться. Недаром уже потом, привыкнув к своей жене, король

Генрих VII будет говорить: «У моей Лиззи в голове шуршат тараканы. Но, к счастью, они иногда собираются на большой совет».

Королева обернулась к Алисе.

— Рассказывай, если не спешишь.

— Я не спешу, — сказала Алиса. — Потому что принцы спят, но и фея Моргана тоже спит.

Королева привыкла владеть собой. Уж если она заморочила голову Ричарду Глостеру и тот поверил, что Елизавета — безвредное существо, которое трепещет перед ним, то люди попроще всегда видели ее именно такой, какой она сама хотела им показаться.

— Расскажи мне все по порядку, — попросила она Алису.

И Алиса все ей рассказала.

Конечно, современник Алисы такому рассказу не поверил бы — как можно поверить в сказку? Но королева Елизавета сама столько раз сталкивалась с чудесами, что верила не только чудесам, но и тем, кто о них рассказывал.

Алисе она верила.

Она понимала, что и сама девочка Алиса — необыкновенная.

Поэтому она ни на секунду не усомнилась в фее Моргане, о которой и раньше знала и даже была уверена, что именно она отравила ее мужа по велению Ричарда Глостера. Поверила она и в кошку, раз уж слышала о ней раньше.

Поверила и в то, что сейчас все спят. И главный ее вопрос был не об этом.

— Почему ты опоздала? — спросила королева Елизавета. — Ведь от дома Дайнов до Лондона — три часа езды. Почему ты опоздала на неделю?

— Я осмелилась опоздать, тетя Лиза, — сказала Алиса, и королева не удивилась такому обращению, — чтобы вы могли принять решение. Я вас пожалела.

— Ты? Меня? Королеву Англии? Пожалела? — Королева словно кидала в Алису злые камни.

— Вас никто не жалеет, — сказала Алиса. — А я вас жалею. Потому что вам пришлось хуже всех. И сейчас несладко.

— Не смей меня жалеть, девчонка!

— У вас есть сыновья, мальчики, которых все уже похоронили.

Королева молчала.

— У вас есть любимая дочь.

Королева смотрела в пол.

— У вас есть Англия, — продолжала Алиса. — А это значит — память о вашем муже и забота о народе этой страны.

Елизавета кивнула.

— Как вам решить, кому служить, если служение всем слишком тяжело для одного человека?

— И ты опоздала?

— Я подумала, что будет, если я приеду сразу или даже постараюсь привезти с собой Эдди и Дика. Что вы будете делать? Если Генри Ричмонд убил Ричарда Глостера и везет вам его голову. Ведь он привез вам его голову?

— Привез. А откуда ты об этом узнала?

— Читайте, подслушала разговор на улице, — уклончиво ответила Алиса. Она спохватилась и поняла, что не может признаться, что читала об этом в книге.

— Продолжай, Алиса.

— Принцы могли погибнуть. И вы могли погибнуть. И Англия могла погибнуть. Ведь Генри Ричмонд не отказался бы от трона?

— Нет, он бы не отказался.

— А отказавшись, отказался бы от руки вашей Лиззи?

— Я поняла тебя, Алиса. Сегодня выбор уже сделан. Генри — завтрашний король. И даже если бы мальчики приехали сегодня в Лондон, я никому не призналась бы, что они — мои дети, которые чудесным образом спаслись. Но самое худшее в другом...

— В чем же, ваше величество?

— Что им делать сегодня? Где мне их спрятать, как заставить забыть о троне и власти? Как отнять у Эдди память о том, что он уже был королем Англии?

— Им надо уехать, — твердо сказала Алиса. — И навсегда.

— Куда же?

— В мое царство.

Королева поглядела в глаза Алисе, и взгляд этот был не злой, а все понимающий.

— Мне хотелось бы думать, Алиса, что ты — добрая фея, что у тебя есть свое царство. Но я понимаю, что ты только человек и ничего волшебного в тебе нет. И в то же время ты совершенно необыкновенная. Как такое могло случиться? Из каких далеких стран ты к нам явилась? Но ведь ты говоришь по-английски, как я сама... Так скажи, где же твоя страна? Почему я должна поверить тебе? Почему не может случиться так, что мои сыновья будут принесены в жертву твоим жестоким богам или отданы в рабство?

— Вы же так не думаете, тетя Лиза, — ответила Алиса.

— Порой ты называешь меня странно. Я же не могу быть твоей тетей.

— Это у нас такое обращение к старшему близкому человеку.

— Где же твое царство?

— На востоке, — сказала Алиса. — За Францией, за Германией и за Священной Римской империей.

— А как оно зовется?

— Ваши ученые люди называют мою страну Московией по имени нашей столицы. Это все равно что называть Англию Лондонией.

— А на самом деле?

— Моя страна зовется Россией.

— Нет, я не слышала о такой стране.

— И тем не менее она существует. И у вас, тетя Лиза, нет выбора. Простите, что я говорю так по-взрослому, но последние недели мне пришлось жить среди взрослых жестоких людей.

— Почему нет выбора? Привези моих сыновей, я буду держать их в доме, я никуда их не выпущу...

— А когда они подрастут и выйдут сами?

— Я отправлю их в Кент, в имение Генри Уайта. Или даже в Шотландию...

— И кто-то проговорится. Или сами мальчики что-то кому-то расскажут. И тогда их, вернее всего, убьют.

— Генри Ричмонд никогда на это не пойдет!

— Он не пойдет, но рядом с ним есть люди, которые испугаются ваших сыновей.

— Ах, я знаю, я все знаю, Алиса! — воскликнула королева. — Я уже несколько ночей

не сплю. Я разрываюсь между дочерью и сыновьями, я жду Генри Ричмонда, которому сама подарила трон, и думаю, кого же я жду? Человека, который лишит всяческих надежд моего Эдди?

— Значит, вы все понимаете, тетя Лиза.

— А можешь ли ты обещать, что мои мальчики будут счастливы в твоём царстве?

— Нет, — сказала Алиса. — Каждый человек счастлив или несчастлив только сам по себе. Я же не могу заглянуть в будущее Эдди и Дика. Но я знаю, что они будут рядом со мной, среди таких же, как я. Они будут учиться, а потом сами выберут себе дорогу.

Королева плакала.

Лицо ее было спокойно и даже неподвижно, но слезы полосками прочертили ее щеки.

Она вытерла глаза кружевным платочком и сказала:

— Я должна быть тебе благодарна, но я не могу... Не знаю, что со мной происходит. Я чувствую, что твоя страна на самом деле лежит так далеко, что я никогда уже не увижу своих мальчиков.

— Наверное, вы правы.

— Тогда я еду с тобой в дом Дайнов.

— Зачем же?

— Неужели ты думаешь, что я расстанусь с мальчиками, не поцеловав их на прощание? Конечно же Алиса не могла спорить с королевой.

Тут в комнату ворвалась Лиззи. Она смыла с лица часть пудры и помады, но далеко не все...

Одного взгляда на мать ей было достаточно, чтобы понять: что-то неладно.

— Ты куда? — спросила она. — У меня же большая предсвадебная примерка. И без тебя я туда не пойду!

— Лиззи! — сказала королева. — Тебе придется мерить платье без меня!

— А ты куда?

— Ты знаешь куда.

— Никуда ты не поедешь! А что, если Генри тебя позовет? Что я ему скажу? Что моя мама ускакала в лес?

— Лиззи, не будь глупенькой!

— Я самая из вас умная! Я забочусь о королевстве!

— Вот и будешь королевой.

— А что, если он догадается, что Эдди с Диком живы? Он не женится на мне! Ты понимаешь — мы станем врагами! И мне придется подсыпать ему яд в вино или пронзить Генри острым кинжалом!

— Ты так не думаешь, — сказала дочери королева. — И выйдешь замуж за короля. Но я должна попрощаться с мальчиками.

— Они уезжают? Алиса берет их с собой? — догадалась Лиззи. — Ах, какая ты умница, какой ты молодец! Правильно, а то я боялась, вдруг Эдди вырастет и начнет воевать со мной? Мне же придется его казнить!

— Лиззи, уходи немедленно! — крикнула королева.

— Ах так?! — И Лиззи убежала из комнаты.

— Ты прости ее, Алиса, — сказала королева.

— Я все понимаю.

Королева позвонила в колокольчик. Пришла фрейлина Джейн.

— Мы едем к твоему отцу. Присоединишься к нам?

— Если позволите, ваше величество, я была бы счастлива.

— Тогда вели сэру Генри Уайту седлать коней. Пускай возьмет с собой двадцать верных рыцарей.

— Зачем? — удивилась Алиса.

— Я не хочу рисковать. А с двадцатью рыцарями сэра Уайта не справится даже фея Моргана.

Через полчаса королева спустилась во двор, где ее уже ждали рыцари во главе с сэром Генри. Он славно позавтракал, красные щеки лоснились, рыжие усы торчали, как веники.

— Куда направляемся, ваше величество? — спросил он.

— На встречу с вашей доброй знакомой, — загадочно ответила королева.

— С какой из них?

— Вот доедем до Сиднема, там и узнаете.

И они отправились в путь сначала к парому, а потом по лесной дороге к деревне Сиднем, что раскинулась в глухом лесу под Лондоном.

Но когда дорога уже входила в лес и вокруг стало темнее от сбежавшихся к ней вековых елей, они услышали сзади стук копыт. Одинокий всадник преследовал кавалькаду.

Рыцари, как один, обернулись и взялись за рукояти мечей.

Обернулась и Алиса.

Так она и знала!

Их догоняла Лиззи. Как была в красном платье, расшитом серебряными ветками репейника, рыжие волосы растрепались, как у дикой ведьмы, лицо было злое, покрасневшее от ветра.

— Вы решили меня бросить! — закричала она, поравнявшись с последним рыцарем. — Вы хотите без меня, да? Я тебе, Алиса, этого никогда не прощу!

Как будто это Алиса не пускала ее в лес.

Догнав мать, Лиззи тут же успокоилась и начала болтать о предстоящей свадьбе, совсем не думая, что им предстоит.

Хотя Алиса рассказала обо всем королеве, а та, правда вкратце, дочери.

Когда до дома Дайнов осталось совсем немного, Алиса выехала вперед к сэру Генри.

Впереди белой стеной поднимался сонный туман.

— Придержите коней, сэр, — попросила Алиса. — Мне нужно кое-кого предупредить о нашем приезде.

Алиса была уверена, что Озерная фея их видит и знает, что они уже близко. Иначе получится глупо: они въедут в белый туман сна и упадут наземь, как серые волки Морганы.

И тут пришло время удивляться краснощекому сэру Уайту.

— Ах! — произнес он басом. — Кого я вижу?!

Посреди дороги, глядя на рыцаря, сидела его дорогая подруга, потерянная, как он боялся, навсегда, кошка-спасительница.

— Мяу, — сказала кошка, и Алиса поняла, что это значит: «Привет тебе, славный рыцарь, сэр Генри Уайт, я рада видеть тебя в добром здравии!»

— Это она? — спросила королева, которая и без того знала ответ на свой вопрос.

— Что это кошки по лесу бегают? — раздраженно спросила Лиззи. — Да уберите вы ее с дороги!

Можно было подумать, что сэр Генри послушался принцессу.

Он спешился, подошел к кошке, но вместо того, чтобы отшвырнуть ее с дороги, протянул обе руки.

Лиззи очень удивилась, и рыцари тоже удивились, увидев, как кошка легко вспрыгнула на руки сэра Генри, а потом улеглась ему на шею, как меховой воротник: морда на правом плече, хвост — на левом.

— Можно ехать? — спросила Алиса.

И увидела, как впереди рассеивается туман и лучи солнца растапливают его, как последний снег.

Лес был настолько пронизан этими лучами, что даже старые ели молодились и подрагивали ветвями, как юные елочки.

И Алиса понимала, что под таким солнцем нечисть им не страшна, особенно если с ними едут двадцать рыцарей во главе с неустрашимым сэром Генри Уайтом.

— Можно ехать? — спросила Алиса у кошки.

Кошка лениво приоткрыла один глаз и закрыла его вновь.

— Поехали, — скомандовала Алиса. — Чего же мы ждем?

Но сразу поехать не удалось, потому что навстречу им от дома лесничего толпой неслись волки и лисицы, барсуки и крысы, ползли гадюки, прыгали жабы, бежали толстые пауки-крестовики, а над головами с воплями летели неопрятные стаи ворон, проносились серые совы и ушастые филины, беззвучно, вслепую реяли летучие мыши и даже мелкие вампиры. Их гнало солнце и страх перед неведомой угрозой, которая заставила их так долго проваляться на земле, видя кошмарные сны.

Самое интересное, что все воинство феи Морганы непрерывно кашляло и чихало. А вы попробуйте проспать неделю на траве, когда ночью бывает холодно, а время от времени налетает ледяной ливень с Атлантического океана! Правда, никто из зверей и не подозревал, что океан так называется.

А когда они, пропустив стаи и своры подданных феи Морганы, двинулись дальше, то Алиса увидела, что в темном промежутке между двух древних елей стоит бледноликая монахиня в длинном сером одеянии с капюшоном, из-под которого горят раскаленные черные угольки.

Фея Моргана подняла тонкую руку, и рукав задрался до плеча, поэтому рука ее стала похожей на длинный старый сук, с которого слезла кора. Эта рука грозила Алисе, а синий луч от камня в перстне метался, как молния.

Королева Елизавета спросила:

— Это фея Моргана?

— Разумеется, — вдруг ответила кошка.

Озерная фея лениво подняла голову и нежно лизнула в щеку сэра Генри Уайта. Потом вдруг сжалась, как настоящий тигр перед прыжком, и, распрямившись в воздухе, кинулась на фею Моргану.

— Что такое? — крикнул вслед кошке сэр Генри Уайт. И кошка, не оборачиваясь, то ли крикнула, то ли громко подумала:

— Прощай, сэр Генри. Я обойдусь своими силами. Людям в нашем сражении делать нечего. Уезжайте скорей подобру-поздорову.

Кошка ударилась о выставленные вперед руки феи Морганы.

Та упала от удара, а кошка превратилась в маленькую худенькую женщину.

Неожиданно подул страшный ветер. Он рвал ветки деревьев и швырял в лица путников.

— Вперед! — перекрывая шум ветра, воскликнул сэр Генри, и небольшая кавалькада поскакала к дому Дайнов.

А там миссис Дайн, которая конечно же проснулась раньше всех, уже раскрыла дверь и приняла в свои объятия любимую дочку Джейн. Ведь никто не смог бы опередить фрейлину.

Протирая глаза и почесывая отлежанный бок, вышел мистер Дайн и тут же склонился в поклоне.

А следом за ним выбежали два мальчика, одетые просто, как и положено детям обыкновенного лесничего.

Они бежали к королеве, которая только-только успела сойти с коня. Она присела на корточки и прижала сыновей к груди. А сэр Генри Уайт повел себя на первый взгляд странно, но вполне разумно. Он приказал своим рыцарям:

— Быстро в сарай! И не выходить оттуда!

Погода стала просто отвратительной. Только в Англии за пять минут может смениться три времени года, а то и все четыре. Рыцари, спешась, побежали к сараю, и никто из них не успел разглядеть мальчиков, которых почему-то обнимала королева. Сэр Генри Уайт показал себя мудрым человеком и настоящим политиком. Недаром очень скоро король Генрих Тюдор назначит его губернатором графства Кент и даст графский титул. До конца дней своих король будет помнить, что именно сэр Генри передал ему драгоценности королевы, из-за чего чуть не погиб в Тауэре.

Мальчики потащили плачущую мать внутрь дома, остальные поспешили за ними.

Затем миссис Дайн провела королеву, Лиззи и мальчиков к себе, в хозяйскую спальню, чтобы никто не мешал им поговорить и поплакать.

Сэр Генри Уайт отвел Алису в сторонку и сказал:

— А ну признавайся, ты все знала заранее и ничего мне не сказала?

— А что бы вы сделали на моем месте?

— Сравнила тоже! Я же взрослый человек и дворянин!

— Я тоже не последнее лицо в моем королевстве, — обиделась Алиса.

— Согласен, согласен, — поспешил ответить сэр Генри. — Но ведь ты не ведьма? Честно скажи!

— Честно — я не ведьма!

— Это хорошо, потому что ведьмы умеют подделываться под кого угодно, даже под маленьких детей.

— А под лорда графства Кент? — спросила Алиса.

— Попрошу без шуток! — засмеялся сэр Генри. Ведь он точно знал, что не был ни ведьмой, ни колдуном.

И тут Алиса закончила его мысль вслух:

— Хотя у вас, сэр Генри, есть одна знакомая ведьма. И вы с ней дружите.

— Если ты имеешь в виду кошку, то она не ведьма, а дрессированное животное.

— Нет, она — временная оболочка Озерной феи.

— Эта фея в наших краях пользуется отличной репутацией, — кивнул сэр Уайт. — И ее никто никогда не считал ведьмой. А теперь скажи мне честно, что мы будем делать с принцами? Ведь не можем мы их вернуть в Лондон?

— Мы договорились с королевой Елизаветой, — ответила Алиса, — что я их возьму с собой в мое королевство.

— А далеко ли оно?

— Далеко. И при всем моем к вам уважении, сэра, лучше я не скажу, где оно находится, потому что даже самые честные и смелые люди иногда разговаривают во сне.

— Но будет ли им там хорошо?

— Лучше, чем в Англии, — убежденно сказала Алиса. — По крайней мере, им не придется скрываться и всю жизнь чего-то опасаться.

— Тогда ты права, — согласился сэра Генри Уайт. — И я вижу, что ее величество это понимает.

— Тетя Лиза — мудрая женщина, — сказала Алиса.

— Королева — твоя тетя?

— Мы с ней отдаленные родственники.

— Тогда я желаю тебе счастья.

Вдруг снова вышло солнце. Такое яркое, словно долго терпело, копило тепло и свет и вот прорвалось сквозь облака, чтобы залить своим светом всю Англию.

И Алиса поняла: Озерная фея взяла верх.

И когда часа через три, пролив все слезы и сказав все напутствия, королевская семья разделилась и Алиса с мальчиками под охраной пажа Грини, который умел держать язык за зубами, направилась к глухой чащобе за Бедфордом, на последней лесной развилке их встретила невысокая худенькая женщина в сером пушистом плаще, белом платье и странной меховой шапочке с небольшими белыми ушками.

Она подняла руку, провожая принцев, а потом негромко сказала так, что ее услышала только Алиса:

— Когда будешь в эпохе легенд, поищи меня.

Глава тридцатая. Фигурист Ричард Йорк

Генри Ричмонд стал королем Англии и правил почти четверть века. Он был одним из самых лучших королей в истории этой страны — умным, справедливым, решительным, правда, расчетливым и холодным. С женой, Лиззи, он жил дружно. Их дети тоже прославились, каждый по-своему. Сын Генри стал королем Англии Генрихом VIII, дочь Маргарет — королевой Шотландии, а младшая дочь Мэри — королевой Франции. Но умерла Лиззи молодой, ей еще не было и сорока лет, при родах. Современники рассказывали, что, в отличие от умной и рассудительной мамы, она была женщиной неуравновешенной, порой вспыльчивой, но доброй и отзывчивой. У нее никогда не было денег, потому что Лиззи не умела никому отказать.

Ее мама, королева Елизавета, умерла куда раньше, через четыре года после того, как убили Ричарда Глостера. Она жила уединенно, мало с кем встречалась. По какой-то таинственной причине, о которой мы с вами можем только догадываться, король, сначала боготворивший Елизавету, разочаровался в ней и в последние годы ее жизни не захотел встречаться со своей тещей. Он узнал какой-то секрет из ее прошлого, и этот секрет тревожил его всю жизнь. Странное подтверждение этому сохранили английские хроники. Вскоре после смерти королевы, которая последовала в 1489 году, во Франции объявился молодой человек, утверждавший, что он — чудесно спасшийся принц Ричард, младший из братьев. Его признал французский король, а когда самозванец высадился в Англии, его признали и поддержали шотландцы и ирландцы, недовольные суровой властью короля Генриха.

После недолгой войны лжепринц был пойман и отправлен в Тауэр.

И вот что удивительно: несколько лет король Генрих VII не решался казнить самозванца и несколько раз пытался уговорить свою жену навестить того в Тауэре и сказать наверняка, не брат ли он ей.

Но Лиззи так и не пошла в Тауэр. Она боялась узнать в самозванце брата. В конце концов самозванца казнили...

Граф Генри Уайт прожил долгую счастливую жизнь в окружении чад и домочадцев. А при его замке жил и бывший констебль Тауэра. У сэра Генри была странная слабость — кошки. Его замок был буквально наводнен этими животными. И бездомные кошки всей Англии знали и передавали эту весть друг дружке, что в замке Уайта всегда найдется кров и кусок рыбы для любого бродячего кота.

Обе феи — Озерная и фея Моргана — исчезли. Где они сейчас, живы ли они, неизвестно. Неизвестно также, нашелся ли посох волшебника Мерлина.

Эдуард Йорк оказался очень способным мальчиком. Он не только догнал в школе детей своего возраста, но и считается первым учеником в Алисином классе. Он никогда не вспоминает о своем прошлом и о том, что шестьсот лет назад он несколько дней был королем Англии. Эдди собирается стать космонавтом. Но вы, может быть, не знаете, что в Институте времени посетителей теперь проверяют на входе в зал, где стоят машины времени, по радужной оболочке глаза. На свете есть не много людей, которым категорически запрещено путешествовать во времени. Среди них и ученик шестого «Б» Эдуард Йорк.

Его брат, Дик Йорк, ходит пока в третий класс и замечательно катается на фигурных коньках. Его уже приглашали в детскую сборную Москвы. Его старший брат и Алиса Селезнева уверены, что он обязательно станет чемпионом мира.

Повести об Алисе для детей младшего возраста

Через сто лет люди научатся летать к далеким звездам.

В Москве будет космопорт, вокзал для космических кораблей.

Кого только там не встретишь! По залу ожидания гуляют люди, марсиане, ушаны, брастаки и вовсе неизвестные вам существа, похожие на рыб, птиц, лягушек, драконов, пауков или на букеты цветов. И никто не удивляется — ведь Вселенная бесконечна, и в ней есть много разных планет.

Поэтому никто не обратил внимания на Деда Мороза и Снегурочку, которые вошли в зал ожидания и поспешили к столу, за которым сидел робот-Справочник с экраном вместо головы.

— Здравствуйте, — сказал Дед Мороз.

— Здравствуйте, — ответил робот-Справочник, который все знает. — Я рад видеть настоящего Деда Мороза. Хорошо ли вы провели на Земле Новый год? Много ли раздали подарков?

— Мы славно повеселились, — ответила Снегурочка. — И повеселили детей. А теперь возвращаемся домой, на Планету сказок. Когда отлетает наш космический корабль?

— Ваш корабль отлетает через полчаса, — ответил Справочник. — Но, пожалуйста, не забывайте, что космические корабли на Планету сказок не садятся. Нельзя.

В это время к столу Справочника подошли еще три человека: знаменитая изобретательница Светлана, Алиса Селезнева и Пашка Гераскин. Светлана в свободное от изобретений время работает учительницей в классе, где учатся Алиса и Пашка. Она дружит со своими учениками, а они ей помогают изобретать.

Светлана несла большой чемодан. Она поставила его на пол и спросила робота-Справочника:

— А почему космические корабли не садятся на Планете сказок?

— Потому что нельзя, — ответил Справочник.

— Я думаю, — сказала Алиса, — что на планете нельзя садиться, потому что там живут сказочные существа.

— Правильно, — согласился Дед Мороз. — Нас нельзя беспокоить.

Тут робот-Справочник заговорил снова:

— Поясняю для тех, кто не понял: Планета сказок населена придуманными существами. Там живут драконы, гномы, Кот в сапогах, Спящая красавица, Баба Яга и много-много других чудесных людей и зверей. Но они ведь ненастоящие! А если на эту планету начнут летать туристы или просто любопытные люди, то может случиться беда.

— А я все думаю, — сказал Пашка, — как они туда попали? Ведь придумали драконов и гномов здесь, а живут они там!

— Раз нас придумали, — вздохнул Дед Мороз, — надо же нам где-нибудь жить! Вот возьми нас со Снегурочкой. Нас ждут дети на Новый год. Но мы никому не нужны летом. Вот мы улетаем к себе домой и прячемся там в холодильнике, пока не придут холода.

— Поэтому, — продолжал робот-Справочник, — пассажирские корабли тормозят возле Планеты сказок и опускают на планету воздушный шар. Кому надо на Планету сказок по

делаю, они опускаются на воздушном шаре.

— А обратно как же мы улетим? — спросила Алиса.

— Тоже на воздушном шаре, — сказал робот-Справочник. — Как опустились, так и подниметесь.

— Мы пойдем купим мороженого на дорогу, — сказала Снегурочка. Они ушли с Дедом Морозом за мороженым и не заметили, что за большой пальмой посреди зала скорчились, подслушивая этот разговор, два космических пирата. Одного из них, толстого, со свинячьим лицом, звали Весельчак У, а второго, худого, остроносого, — Крысом. Пираты были одеты в черные кожаные костюмы.

Пиратам тоже надо было попасть на Планету сказок. Но не просто попасть, а добыть большой космический корабль.

Никто на Земле не знал, что уже месяц, как Планету сказок захватила пиратская банда.

Пираты летели совсем по другому делу, но их корабль сломался, и надо было где-нибудь сесть, чтобы его отремонтировать. Тут им и попала на пути Планета сказок.

Когда пираты вылезли из корабля, они страшно удивились и даже испугались — ну каково вам увидеть Дракона с тремя головами, который разговаривает с вами человеческим голосом, или Бабу Ягу в колоде и с помелом. Сказочные существа обрадовались пиратам, потому что думали, что пираты прилетели к ним в гости.

Но не тут-то было. Как только пираты поняли, что им нечего бояться, они накинулись на драконов, гномов, леших и водяных, на сказочного короля и Спящую красавицу, заточили их в пещеру Аладдина, а сами принялись грабить планету и свозить все в одно место. Такой у пиратов характер!

Обобрали они планету подчистую и собирались уже лететь к себе, но оказалось, что корабль-то они починить не могут.

Не оставаться же им навсегда на Планете сказок!

И тогда Королева пиратов приказала Крысу и Весельчаку У лететь за новым кораблем, чтобы вывезти награбленное добро.

Крыс и Весельчак У поднялись на воздушном шаре, подождали, пока мимо пролетел пассажирский корабль, тихонько забрались на него и прилетели на Землю.

Но тут им не повезло.

Оказалось, что на Земле все корабли хорошо охраняются, из одного корабля пиратов выгнали, в другой не пустили, а у третьего за ними погнались так, что они еле успели ноги унести.

Усталые, злые пираты вернулись в зал ожидания и стали думать, как выполнить приказ Королевы пиратов. И вот они увидели Деда Мороза и Снегурочку, а потом и Светлану с ее друзьями. И пираты стали подслушивать — вдруг им удастся узнать что-нибудь нужное для себя. И они подслушали, как Светлана разговаривала с Алисой и Пашкой.

— Берегите меньше, — сказала она, показывая на чемодан. — Второго такого в мире нет. Я его два года изобретала.

— Мы знаем, не бойся, Светлана, — сказала Алиса.

— Мы умеем обращаться с меньше, — сказал Пашка.

— И все же повтори, что вы будете делать, — попросила Светлана.

Пашка закрыл глаза, чтобы все точнее вспомнить, и быстро заговорил:

— Чемодан-меньше — великое изобретение, которое изменит жизнь путешественников. Если положить в него любую вещь, то вещь уменьшится почти в сто раз.

Если вы переезжаете с квартиры на квартиру, можно положить в чемодан все кровати, шкафы, книжные полки, телевизор, домашнего робота, бабушку...

— Как так бабушку? — услышал Пашка голос Деда Мороза. Оказывается, Дед Мороз со Снегурочкой уже вернулись. Дед Мороз держал в руке ведро, полное сливочных стаканчиков мороженого. Они со Снегурочкой ели мороженое как семечки — откроет Снегурочка ротик, кинет туда стаканчик, проглотит и за другим тянется.

— А почему нельзя бабушку положить в чемоданчик? — удивился Пашка. — Ведь туда же я положу ее кроватку, подушку, любимое покрывало и даже кошку.

— Не знаю, — покачала головой Светлана. — С живыми людьми я опытов не проводила. Ведь если ты понесешь чемодан, то бабушка будет в нем болтаться, как горошинка.

— Я буду осторожно носить чемодан с бабушкой, — возразил Пашка. — И ничего с ней не случится. А если не верите, то смотрите!

С этими словами Пашка открыл чемодан и прыгнул в него.

И на глазах у всех стал уменьшаться, пока не исчез.

Все кинулись к чемодану и увидели, что Пашка сидит на его дне. А ростом он с мышонка. И даже еще меньше.

Пашка помахал рукой, и Снегурочка спросила:

— Дать тебе мороженого?

— Давай, — пискнул Пашка.

Снегурочка кинула ему в чемодан стаканчик с мороженым, и все ахнули, потому что испугались — а вдруг стаканчик ударит Пашку и раздавит? Но, попав в меньшитель, стаканчик на лету стал маленьким, и Пашка поймал его одной рукой.

Никто не заметил, что пираты тоже подошли поближе и заглянули в чемодан.

Светлана наклонилась, ловко схватила Пашку и вытащила его наружу. Он сразу вырос до своего обычного размера.

Пираты снова спрятались за пальму, и Весельчак У прошептал:

— Во дает! Ты понимаешь?

— Что я понимаю? — спросил Крыс. Он задумался.

— А то, что в этот чемодан можно арбузов накидать. Знаешь, сколько там арбузов поместится?

— И зачем тебе столько арбузов? — спросил Крыс.

— А чтобы их есть, — ответил Весельчак У.

— Все-таки ты глупый, — сказал Крыс. — Кому нужна такая куча арбузов? Неужели ты не понимаешь, что в такой чемодан можно спрятать... можно целый магазин спрятать! Ты пришел в магазин с чемоданом, положил в чемодан все, что было в магазине, выкинул чемодан в окошко и беги, подбирай.

— И конфеты? — спросил Весельчак У.

— И сигареты.

— И галеты? И портреты? И пакеты? — спросил Весельчак У.

— И монеты! — ответил Крыс. — Целую кучу монет!

— Вот бы нам такой чемоданчик! — прошептал Весельчак У.

— Да, — сказал Крыс. — Королева сказала бы нам большое пиратское спасибо. Понимаешь, почему?

— Она бы пошла магазин грабить! — догадался глуповатый Весельчак У.

— Нет, с тобой не соскучишься! — рассмеялся Крыс. — Ну зачем нашей Королеве грабить магазин, если она ограбила целую Планету сказок!

Тут Крыс замер с открытым ртом, и Весельчак У даже испугался, не заболел ли его друг. Он стукнул Крыса по челюсти так, что у того чуть голова не отлетела.

— Ты что дерешься! — зашипел Крыс и выхватил пистолет.

— Я хотел как лучше, — захныкал Весельчак У.

Но Крыс уже его не слушал. Он рассуждал вслух:

— Что случилось? Мы ограбили Планету сказок. Что еще случилось? Сломался наш корабль, и нам не на чем увезти все добро и улететь самим. Что сказала нам Королева? Она велела найти корабль, чтобы улететь оттуда, и без корабля не возвращаться. Удалось ли нам найти корабль? Нет, не удалось. Но мы увидели чемодан-меньшител, который находится в руках двух детей. Что нам надо сделать?

— Я знаю? — закричал Весельчак У.

— Тише!

— Я знаю, знаю! Мы отнимем чемодан-меньшител у этих детишек и положим в него все, что награбили?

— Молодец! Умница! — сказал Крыс. — Ты куда?

— Я побежал чемодан-меньшител отнимать.

— Нет, ты не умница, — вздохнул Крыс. — Как ты отнимешь чемодан, если вокруг столько народа? Нас же сразу схватят?

— А что делать? — расстроился Весельчак У.

— А то, что нам надо лететь вместе с ними на Планету сказок, а когда подвернется удобный момент, отобрать чемодан. Ты куда?

— Я на корабль, чтобы ждать удобный момент.

— Опять ты не умница, — сказал Крыс. — Как ты попадешь на корабль?

— Я? Я скажу... я что-нибудь придумаю!

— Ничего ты не придумаешь. За тебя думаю я, — сказал Крыс. — А я вот что придумал. И Крыс на ухо рассказал Весельчаку У о своем хитром плане.

2

Космический корабль «Робин Гуд» был очень большой. В нем помещались не только каюты, столовые, кладовые, больница, бассейн с теплой водой, спортивные площадки, но и футбольное поле. А за футбольным полем начинался настоящий лес, в котором, если хочешь, можешь заблудиться. Туда Алиса ходила собирать грибы.

А раз «Робин Гуд» так велик, то неудивительно, что Алиса ни разу во время полета не встретила Деда Мороза и Снегурочку. Наверное, они жили на другом этаже.

Но вот наступил день, когда «Робин Гуд» подлетел к Планете сказок.

Пашка взял чемодан, Алиса — свою дорожную сумку, и они пошли на нижний этаж космического корабля, где в специальном зале их дожидался воздушный шар для спуска на планету.

Шар был яркий, красный в желтую полоску, чтобы не потерялся в облаках.

Под шаром висела на канатах стальная кабина для пассажиров.

Космонавт Кучкин ждал их около люка в кабину. Он поздоровался с Алисой и Пашкой и сказал:

— Этот шар опускается автоматически. Он сам знает, куда садиться. Так что ваша задача — сидеть в шаре, петь песни и не шалить.

— Слушаюсь, капитан! — рассмеялся Пашка. — Будем сидеть смиренно.

Он первым зашел внутрь, за ним забралась в шар Алиса.

Зажегся свет. Внутри было тепло, сквозь круглые окошки можно было разглядеть, что творится снаружи.

Пашка сразу прилип к окошку и закричал:

— Смотри, наши знакомые идут!

И в самом деле к шару подходили Дед Мороз и Снегурочка. Они вошли внутрь.

— Здравствуйте, — сказала Алиса.

— Ах, кого я вижу! — воскликнул Дед Мороз.

Снегурочка принялась кивать, словно у нее была плохо прикреплена головка.

«Странно, — подумала Алиса. — Они не очень похожи на Деда Мороза и Снегурочку, с которыми мы познакомились в космопорте. Но, наверное, я отвыкла от них».

Снегурочка села в кресло рядом с Пашкой, а Дед Мороз рядом с Алисой.

Остальные кресла в кабине были пустые, потому что на Планете сказок сходили только четыре человека: Алиса, Пашка, Дед Мороз и Снегурочка.

Космонавт Кучкин закрыл дверь в кабину и, отойдя от воздушного шара, помахал рукой.

Затем часть дна корабля отъехала в сторону, и огромный воздушный шар провалился вниз. Он медленно стал опускаться к Планете сказок, покрытой облаками.

— Алиса, — прошептал Пашка, — они совсем не похожи на прежних!

Он тоже имел в виду Деда Мороза и Снегурочку.

— О чем вы разговариваете, дети? — спросил Дед Мороз. — Нам тоже хочется с вами поговорить.

— Я думаю, — сказала Снегурочка, — что Алисочка и Пашенька нас не хотят узнавать. Они думают, что мы изменились. А мы ведь не изменились.

И Снегурочка захохотала весьма неприятным голосом, совсем не похожим на серебряный голосок прежней Снегурочки.

— А что вы с собой везете? — спросил Дед Мороз, поднимаясь с места и подходя к чемодану.

— Это прибор! — ответил Пашка. — Его нельзя трогать.

— Почему нельзя? — спросил Дед Мороз и быстро раскрыл чемодан.

— Остановитесь! — крикнул Пашка. — Нельзя!

Он тоже вскочил с места и кинулся к чемодану.

Этого Дед Мороз только и ждал. Он ловко схватил Пашку за шиворот и толкнул так, что Пашка оказался в чемодане. И на глазах у всех превратился в малютку.

Алиса испугалась за Пашку. Она еще не догадалась, что Дед Мороз и Снегурочка ненастоящие. Она решила, что Пашка упал в чемодан случайно.

— Сейчас, Пашка! — крикнула она. — Я тебя вытащу.

Но стоило ей сделать шаг к чемодану-меньшителю, как Снегурочка, не переставая хохотать, толкнула ее в спину, и Алиса почувствовала, как она летит вперед и вниз... все ниже и ниже...

И она ударилась о пол чемодана так, что у нее в глазах потемнело.

Когда же Алиса пришла в себя, она увидела, что сидит на холодном полу в какой-то большой комнате без окон, а рядом лежит и стонет Пашка.

— Ты что? — спросила Алиса и поднялась, чтобы помочь другу.

— Ногу ушиб, — простонал Пашка.

Алиса нагнулась над Пашкой, и тут сверху донесся громовой хохот. Такой, что пришлось зажать уши ладошками.

— Ха-ха-ха! — доносилось сверху.

Алиса подняла голову и увидела в небе гигантское человеческое лицо. Лицо было покрашено белой краской, на нем были нарисованы черные брови и глаза тоже были обведены черным цветом.

Алиса сообразила, что это лицо Снегурочки.

А это значило, что Алиса следом за Пашкой свалилась в чемодан и уменьшилась почти в сто раз. А Снегурочка смотрит на нее снаружи.

— Сейчас же выньте нас! — закричала Алиса. — Вы меня слышите? Это уже не шутка!

Рядом с гигантским лицом Снегурочки сверху появилось такое же громадное лицо с белой бородой и красным носом, похожим на помидор.

Ага, вот и Дед Мороз!

— Вы меня слышите? — кричала Алиса.

— Еще как слышим! — ответил Дед Мороз.

— Но почему вы нас не выпускаете? — спросила Алиса.

— Потому что не хотим!

— Обманули дураков на шестнадцать пирогов! — закричала Снегурочка. — Неужели вы еще не догадались, что мы — смелые пираты, пенители космических трасс, непобедимые разбойники. Мы захватили Планету сказок, а теперь с вашей помощью мы ее как следует обчистим.

И поддельные Снегурочка и Дед Мороз так расхохотались, что грохнулись на пол по обе стороны чемодана.

— Как обидно, — сказал Пашка. — Вот не думал, что встречусь здесь с космическими пиратами.

— А они везде встречаются, — ответила Алиса. — Чуть не доглядишь — или тараканы заведутся, или пираты нападут.

— Что же теперь делать? — спросил Пашка.

— Сначала надо думать, — ответила Алиса. — Мы обязательно что-нибудь придумаем. На Планете сказок много всяких существ. Да и на Земле о нас помнят. И Светлана, и наши родители, и тем более наши друзья.

— Все равно обидно, — сказал Пашка. — Как мы могли с тобой попасться!словно мальши!

Сверху снова появилось гигантское лицо Снегурочки.

— Начинается посадка, — сказала Снегурочка. — Чемодан я закрываю, чтобы вы случайно не выскочили!

— Одну минуточку! — попросила Алиса. — А где же настоящие Дед Мороз и Снегурочка?

— А мы их подстерегли в коридоре, оглушили, раздели и засунули в большой холодильник, — ответила Снегурочка. — Ничего с ними не случится!

Пол чемодана наклонился, и Алиса с Пашкой скатились по нему как с крутой горки. Раздался громкий щелчок, и стало совсем темно.

Алисе было слышно, как переговариваются пираты. Ведь кабина воздушного шара была небольшая.

— Королева будет довольна, — говорил один из пиратов.

— Надо будет хорошенько поторговаться, — отвечал второй.

— А эти самые... дети, они не задохнутся?

— Они маленькие, чемодан большой, ну что с ними случится?

— Может, пристукнем их? — спросил первый пират. — Прижмем ногтем — только мокрое место останется.

— Пускай Королева решает. Может, они ей пригодятся, — ответил второй пират.

Тут чемодан качнуло так, что Алиса с Пашкой опять упали.

— Ну вот и приехали, — сказал первый пират. — Бери чемодан.

— Почему это я должен таскать чемодан? — сказал второй пират. — У меня здоровье слабое.

— Давай, давай, пошевеливайся! — приказал первый пират.

Чемодан стало качать — видно, его вытаскивали из кабины воздушного шара.

Снаружи послышались незнакомые голоса.

Чемодан раскрылся, и сверху в него стали заглядывать небритые, грязные лица.

Один из пиратов, с повязкой через левый глаз, спросил:

— Чего-то вы мышей привезли?

— Это тараканы! — засмеялся другой пират.

Рука в черной перчатке залезла вменьшитель и вытащила Пашку и Алису. Она бросила их на землю, и Пашка с Алисой сразу увеличились до своего обыкновенного размера.

Они стояли на поляне между воздушным шаром и отвесной скалой, в которой была маленькая железная дверь.

Вокруг них толпились разные люди, большей частью в черных кожаных или маскировочных костюмах, в касках или шлемах. У них был такой вид, словно они не любили мыться, бриться и причесываться. А среди них стояли Снегурочка и Дед Мороз. Только они сняли маски, а под масками у них обнаружили самые обыкновенные пиратские лица. Одно лицо — толстое, красное, свинячье — принадлежало Весельчаку У, а второе узкое, остроносое — пирату Крысу.

Среди этих бандитов стоял на задних лапах Серый волк, совершенно сказочный. Вдруг он сказал:

— Дайте мне эту девочку! Я так люблю девочек терзать!

— Молчи! — закричали на него пираты. — Знай свое место!

Пашка, которого трудно испугать, спросил:

— Вы все пираты?

— Так точно! Пенители звездных трасс! Отважные разбойники!

— Тогда ведите меня к вашему капитану. Я хочу ему все сказать, что я думаю о вашем безобразном поведении.

Пираты начали хохотать так, что некоторые упали на землю.

Когда они отхохотались, Крыс сказал:

— Вот к нашему капитану, которую зовут пиратской Королевой, я сейчас пойду и расскажу ей о нашей добыче. А вы пока подождите в пещере Аладдина.

И он показал на железную дверцу в скале.

— Киньте их внутрь!

Весельчак подтолкнул Алису и Пашку к двери и спросил:

— А как дверь открывается?

— Не помнишь, что ли? — спросил Крыс.

— Забыл, — признался одноглазый пират.

— А кто не забыл? — спросил Крыс.

Пираты переминались с ноги на ногу, вздыхали, отводили глаза — все, оказывается, позабыли, как расколдовать дверь.

— Я помню, — сказал Серый волк.

— Тогда скажи! — приказал Крыс.

— А вы мне девочку дадите, чтобы ее терзать?

— Я тебе потерзаю! — рассердился Крыс. — Ты у меня еще зайчиком станешь.

Волк отскочил в сторону.

— Тогда не дождетесь, — сказал Волк. — Я страшно жадный и плохой. Не зря я всех моих друзей предал. И к вам переметнулся.

— Тогда это самая последняя хитрость в твоей подлой жизни, — сказал одноглазый пират и вытащил пистолет. Волк сразу поджал хвост и сказал:

— Я сдаюсь, сдаюсь! Вы скажите: «Сезам, откройся», и дверь откроется.

Крыс прокричал волшебные слова, и железная дверца открылась.

— А ну, идите внутрь! — приказал одноглазый. — И сидеть там, не шевелиться.

Изнутри донесся плач и даже вой.

— Что это? — удивилась Алиса.

— А вот зайдешь, увидишь, — ответил Крыс и толкнул ее в спину.

Алиса очутилась в темной пещере, посреди которой горели только две свечи. В полутьме шевелились люди и звери.

Дверь сзади захлопнулась, и слышно было, как щелкнул замок.

Алисе было не по себе — кто же так стонет в пещере?

Но глаза быстро привыкли к полутьме, и Алиса догадалась, что пираты загнали в пещеру жителей Планеты сказок. Вот стоит Кот в сапогах и жалобно мяучит, а вон Спящая красавица горько рыдает. Подальше скорчился Дракон. Он спрятал свои головы под мышки и за спину. Вот и Красная Шапочка. У нее не только шапочка красная, но и глаза краснее малины. Мальчик Аладдин сидит в обнимку с Джинном, и они трут медную лампу, видно, надеются на чудо. Но какие чудеса могут быть, если тебя схватили пираты, которые не верят в чудеса!

Пашка первый сообразил, что надо делать.

Он поднял свечку и сказал:

— Перестаньте плакать и расстраиваться. Ничего страшного не случилось.

— Как так не случилось? — застонали люди и звери. — Нас ограбили, нас обидели, нас посадили в страшную пещеру.

— Стоп, стоп, стоп! — закричал Пашка. — Давайте по порядку. Кто мне расскажет, как на вас напали пираты?

— Я расскажу, — сказала средняя голова Дракона. — Мы спали, когда они прилетели на своем корабле. Их корабль чихал и фырчал, словно мой дедушка.

— Он был сломан, — сказал мальчик Аладдин. — Неужели непонятно? Надо

разбираться в машинах!

— Тебе это не помогло, — сказал Дракон и продолжал: — Они нас связали и начали грабить.

— И неужели никто не сопротивлялся? — спросил Пашка. — Неужели никто не вышел на бой?

— Мальчик, — сказала Спящая красавица. Она говорила, не раскрывая глаз и не поднимая головы. — Неужели ты до сих пор не знаешь, что сказочные существа могут воевать друг с другом, но не могут причинить вреда людям? Пираты об этом догадались.

— Я сопротивлялся, — сказал Дракон. — Я в них огонь и дым пускал, пока у меня все топливо не кончилось. Но они меня обстреляли. Даже дырки в шкуре есть.

— А Серый волк, — сказала Красная Шапочка, — перебежал к пиратам. Он сказал, что будет слушаться пиратов, а нас будет угнетать и обижать. Я всегда его подозревала. Очень уж он любит по чужим кроваткам лежать под видом бабушек.

— И что же дальше? — спросил Пашка.

— А дальше мы сидим здесь уже вторую неделю, голые и голодные. Или я не удержусь и съем кого-нибудь из моих друзей, — вздохнул Дракон.

Алиса увидела, что на полу лежит большое, красное, чуть-чуть надкусанное яблоко.

— Смотрите! — сказала она. — Вот яблоко. Почему вы его не съедите?

— Нельзя! — закричали со всех сторон. — Это же отравленное яблоко. Его когда-то надкусила Спящая красавица и до сих пор проснуться толком не может.

— Мой хрустальный гроб они тоже утащили, — пожаловалась Спящая красавица. — Мне приходится спать на голых камнях!

— Все ясно, — сказал Пашка. — Безвыходных положений не бывает. Мы с вами найдем способ, как отсюда выбраться. Нас много, мы умные.

— Спасибо, мальчик, — прошептала Спящая красавица и тут же задремала.

— Мы будем рыть подземный ход! — сказал Пашка.

— Но тут же скала, камень, — ответил Кот в сапогах. — Нам не прорыть.

Пашка не успел больше ничего придумать, как дверь заскрипела.

Яркий свет осветил пещеру.

В дверях стоял пират Весельчак У.

— Гераскин, Павел, на выход! — приказал он.

— Один я не пойду! — ответил Пашка. — Освободите моих друзей.

— Исключено. Но тебя, голубчик, ждет сама Королева. Ей надо с тобой поговорить.

— Иди, Пашка, — сказала Алиса. — Это лучше, чем сидеть взаперти. Ты что-нибудь узнаешь и придумаешь.

И Пашка пошел к Королеве пиратов.

В тронном зале сказочного королевского дворца царил беспорядок. Валялись сундуки и чемоданы, груды лежала одежда, какого только добра там не было! Даже хрустальный гроб стоял в углу зала.

За круглым столом, уставленным бутылками, чашками и тарелками с икрой, баклажанами, котлетами, семгой, ветчиной и всякими другими кушаньями, сидела молодая красивая женщина в серебряном платье. Она держала руку на телефонном аппарате.

Перед ней стояли два пирата — одноглазый и Крыс.

— Плохо работаешь, Крыс, — сказала Королева пиратов. — Никуда не годится.

— Твое величество, — взмолился Крыс. — Мы же старались. Мы такой волшебный чемодан-меньшителю тебе достали!

— Дурачье! — закричала Королева. — И что же вы прикажете делать с вашим меньшешителем?

— Все в него положить и увезти отсюда, — ответил пират.

— А кто этот чемодан увезет?

— Я опять в Деда Мороза замаскируюсь, — сказал Крыс. — Нам главное — в корабль пробраться и людей в чемодане пронести. Потом я чемодан-меньшителю открою, и наши люди наружу выскочат.

— Ах, твоими бы устами да мед пить, — вздохнула Королева. — А знаешь ли ты, что по твоей глупости все наше дело провалилось? Мне только что звонили с Земли!

Пират Крыс побледнел от страха. Он увидел, что Королева вытащила свой тонкий длинный кинжал, которым зарезала в жизни тысячу человек.

— Не может быть! — ахнул он.

— Надо было Деда Мороза со Снегурочкой зарезать и в землю закопать. А вы их в холодильник сунули. Они начали стучать, холодильник открыли и этих голубчиков вытащили. Вот голубчики и рассказали, что на них напали два человека в черных кожаных костюмах, один толстый, а другой хилый...

— Я не хилый! — закричал Крыс.

— Вот ты и признался, — засмеялась Королева.

— А что потом? — спросил одноглазый пират.

— А потом? Потом они узнали, что под видом Деда Мороза и Снегурочки кто-то улетел на Планету сказок. И к нам уже летит военный крейсер, чтобы поймать пиратов!

— Бежим! — закричал Крыс.

Он стал бегать по залу и даже попытался залезть под стол.

— Бежать нам некуда, — сказала пиратская Королева. — И не на чем. Есть у нас только воздушный шар. Но если на нем полечу я с чемоданом-меньшителем, чтобы встретить крейсер в небе, они обязательно проверят, кто я такая. И все! Кончилась наша пиратская вольная жизнь!

— Что же делать? — спросил одноглазый.

— Думать, — сказала Королева.

Все они начали думать. Они думали так сильно, что мозги хрустели и булькали. Первой додумалась Королева.

— Я знаю, что надо сделать! Пускай чемодан повезет Алиса или Пашка. Они же настоящие, им поверят. А как только чемодан попадет на крейсер, мы все вылезем и его захватим.

— Но Алиса никогда не согласится... — сказал Крыс.

— Я так и думаю, — согласилась с ним Королева. — Зовите Пашку. Я его перехитрю.

Вот так и получилось, что Пашка попал в тронный зал и увидел Королеву пиратов.

Королева ему понравилась. Она ему показалась красивой.

При виде Пашки Королева вскочила из-за стола и побежала к нему.

— Пашенька, — сказала она. — Наверное, ты проголодался? Садись, покушай икорки и ветчинки.

— Спасибо, — ответил Пашка. — Но лучше пошлите еды в пещеру Аладдина. Там сидят взаперти несчастные люди и звери. Они давно уже голодают.

— Не может быть! — притворно рассердилась Королева. — Как только мы с тобой поговорим, Пашенька, я тут же прикажу послать в пещеру сгущенного молока, и варенья с печеньем.

— Спасибо, — сказал Пашка. И подумал: эта женщина не только красивая, но и добрая.

— Паша, — сказала Королева. — Я так рада с тобой познакомиться! Я много слышала о твоих подвигах! Ты самый храбрый мальчик во Вселенной!

— Ну уж скажете! — смутился Пашка. — Я совсем обыкновенный.

— А ну, садись на трон. — Королева потащила его к пустому трону и заставила сесть. — Какой красавец, ну вылитый король! Где корона? Немедленно принесите корону!

— Не надо. — Пашка слез с трона. — Мне это не нравится. Я хочу освободить пленников и Алису. Зачем вы их держите в пещере?

— Молодец! — обрадовалась Королева. — Храбрый и отважный. Сейчас тебя убьют пираты, но ты их не боишься!

Королева подмигнула пиратам, и они вытащили ножи и стали приближаться к Пашке.

— Сейчас мы тебя уьем! — зарычал одноглазый. Крыс и Весельчак У тоже кричали и угрожали Пашке.

— Нет! — вдруг закричала Королева. — Я не могу этого видеть! Не смейте убивать моего гостя! Он хороший и честный!

— А ну, отойди в сторонку, Королева, — сказал Крыс, — а то мы и тебя зарежем! Ты ведь была не лучше нас.

— Да! — закричала Королева. — Я была такая же, как вы. Может, даже хуже вас. Я грабила и убивала. Но этот честный мальчик перевоспитал меня. Он открыл мне глаза. И я поняла, что лучше умереть честной, чем жить королевой. Долой пиратов!

Пашка обрадовался и тоже закричал:

— Долой пиратов!

— Предательство! — всполошились пираты.

Они навалились на Пашку и Королеву, связали их и бросили на пол.

— Может, не надо их связывать? — спросил одноглазый. — Зарежем, и дело с концом.

— Нет, так нельзя! — сказал Крыс. — Мы будем судить их пиратским судом. Отдохнем, покушаем, потом у нас будет мертвый час, а потом уж мы придем и устроим суд.

С этими словами пираты ушли, оставив Королеву и Пашку лежать на полу.

— Спасибо вам, — сказал Пашка Королеве, — что вы такая смелая.

— Это тебе спасибо, — ответила Королева и хитро улыбнулась. — Ты мне показал пример. Но теперь нам с тобой надо куда-то убежать!

— Мы спрячемся в пещеру.

— Сначала нам надо развязать руки, а потом уж прятаться, — сказала Королева. — А как развязать руки, я не знаю.

— Повернитесь ко мне спиной, — сказал Пашка. — Я развяжу вас, а вы потом развяжете меня.

Королева послушно повернулась к Пашке спиной, и он с трудом развязал узел. Через две минуты Королева и Пашка были свободны.

— Куда бежать? — спросил Пашка.

И в этот момент раздался мужской голос. Голос доносился из черного ящика, стоявшего

на столе:

— Говорит крейсер «Порядок»! Говорит крейсер «Порядок»! Вызываем Планету сказок!

— Вот кто нам поможет! — воскликнула Королева. — Вот кто нас спасет.

Она кинулась к космическому пиратскому телефону и, подняв трубку, крикнула:

— Говорит Планета сказок. У телефона Золушка.

— Что у вас произошло? — спросил мужской голос. — Через час мы будем на вашей планете. Что у вас произошло?

— Нет, только не опускайтесь! — закричала Королева. — Это опасно. Прошу вас!

— Мы вас не знаем, — произнес голос с «Порядка». — Передайте трубку Алисе или Пашке. Пускай они объяснят нам, что происходит.

Королева позвала Пашку к телефону. И стала ему подсказывать на ухо, что надо говорить.

— Это Павел Гераскин, — сказал он. — Планета сказок...

— Скажи им, что ты сейчас поднимешься на воздушном шаре и все объяснишь! — подсказала Королева.

— Сейчас я поднимусь на воздушном шаре, — сказал Пашка, — и все вам объясню.

— Но почему нам нельзя опуститься?

— Потому что это грозит опасностью Алисе и сказочным существам, — подсказала Пашке Королева, и он послушно повторил ее слова.

— Ждем вас, — сказал «Порядок».

Королева отключила телефон, положила трубку и сказала:

— Ну вот и обошлось!

— Что обошлось? — спросил Пашка. — Я ничего не понимаю.

— Как ты не понимаешь! — удивилась Королева. — Ведь все наши друзья сидят в пещере. Если пираты увидят, что опускается крейсер, они их всех убьют. Это ужасно!

— Но что я буду делать? — спросил Пашка.

— Ты должен спрятать меня в чемодан-меньшителю и отнести незаметно на воздушный шар. Мы полетим с тобой на крейсер и все им объясним.

— А вы будете в меньшителе?

— Я могу остаться здесь, — вздохнула Королева, — но учти, что тогда меня убьют пираты. Они всегда убивают предателей. Ты хочешь моей смерти?

— Ни в коем случае! — ответил Пашка.

Королева, не тратя времени даром, открыла чемодан, который лежал посреди зала, и залезла в него.

— Неси меня, Пашка, на воздушный шар! — пискнула она изнутри.

Пашка закрыл чемодан и поднял его. Но он успел пронести его лишь несколько шагов, как в зал вбежали пираты.

— Лови его! — закричал одноглазый.

Пашка понял, что с чемоданом ему не убежать, и бросил меньшителя. Одноглазый и еще один пират побежали за ним, а Крыс и Весельчак У остались возле чемодана.

Крыс опустил на корточки и постучал пальцем по чемодану.

— Ты там, Королева? — спросил он.

— Я в чемодане, — пискнула в ответ Королева. — Все идет по плану.

— Ну и хитрая же у нас Королева! — сказал Крыс.

— А почему хитрая? — спросил Весельчак У.

— Не понял? Она же сделала вид, что поссорилась с нами, пиратами. Что она честная, ха-ха-ха!

— Зачем? — Весельчак У ничего не понимал, он стал вишневого цвета, так старался понять!

— Глупый ты и никогда не поумнеешь! — вздохнул Крыс. — Ну скажи мне, если ты подлетишь к крейсеру на воздушном шаре с чемоданом в руке, что с тобой сделают?

— Не знаю.

— Тебя сразу задержат и станут спрашивать, кто ты такой. И скоро догадаются, что ты пират и разбойник.

— А что же делать?

— А то делать, чтобы Пашка отнес чемодан. Его никто не заподозрит. Он скажет правду, что пираты захватили Планету сказок, а мы вылезем тихонько из меньшителя и всех на крейсере перебьем из пистолетов!

— Неужели это наша Королева придумала?

— Поэтому она наша Королева, а не ты, толстяк!

— Что же теперь делать? — спросил Весельчак У.

— Сначала надо грузить в чемодан добро, — сказал Крыс. Он открыл чемодан, и они с Весельчаком принялись стаскивать со всего тронного зала награбленное добро и кидать его в чемодан. Королева принимала изнутри добычу и раскладывала ее.

Прошло, наверное, полчаса, как к Крысу подбежал неизвестный пират.

— Одноглазый гонит мальчишку сюда, — сказал он. — Через пять минут они тут будут. Велено прятаться.

— Весельчак! Прыгай в чемодан! — приказал Крыс.

— Я не помещусь, — заныл Весельчак У.

— Захочешь — поместишься, — ответил Крыс.

Пираты попрыгали в чемодан. Потом подбежал и одноглазый. Он заглянул в чемодан.

— Все здесь? — спросил он.

— Билли Джонс пещеру охраняет, — ответил из чемодана Крыс.

— Пускай охраняет, нам больше достанется, — сказал одноглазый и прыгнул в чемодан. Потом поднял саблю, подцепил крышку, и чемодан захлопнулся. И вовремя.

В зал вбежал запыхавшийся Пашка.

Он сразу кинулся к чемодану и спросил:

— Королева, вы там?

— Я там, мой смелый рыцарь! — ответила Королева. — Запри чемодан, и полетели!

Пашка послушно запер чемодан и потащил его прочь.

Он подумал, что, наверное, сильно устал, бегая от пиратов — что-то чемодан кажется вдвое тяжелее, чем раньше.

Он так и не догадался, что тащит к воздушному шару все богатства Планеты сказок, не говоря уже о пиратах.

Пашка никого не встретил на пути к воздушному шару. Все пираты как под землю провалились. Но Пашке некогда было задумываться над этим. Он бежал, спешил и

задыхался.

Он с трудом втиснул чемодан в открытую дверь воздушного шара, захлопнул ее за собой и включил телефон:

— Корабль «Порядок», — сказал он. — Вы меня слышите?

— Мы тебя слышим, Гераскин, — ответил командир крейсера «Порядок».

— Я поднимаюсь к вам на воздушном шаре, — сказал Пашка. — Ждите меня. Я вам все расскажу.

— Мы тебя ждем, — ответил командир крейсера.

Пашка очень собой гордился. Он думал, как они с Королевой провели пиратов. А Королева и ее дружки сидели в чемодане и радовались тому, как Пашка Гераскин собственными руками тащит их на крейсер, который они сейчас захватят.

Положение было ужасное. Казалось, что ничто уже не спасет крейсер «Порядок» от пиратского нападения.

Не знала об этом и Алиса, которая сидела, запертая, в пещере Аладдина вместе со всеми сказочными существами. Снегурочка, Дюймовочка и русалочки на все голоса ныли, что сейчас помрут от голода. Алиса ходила по пещере и старалась придумать, как бы выбраться наружу. От Пашки не было никаких вестей, и Алиса боялась самого худшего. Ведь пираты могли и убить Пашку!

Алиса увидела яблоко, которое обронила Спящая красавица. Она хотела вернуть его девушке, но та сладко спала, даже похрапывала. Алиса положила было яблоко на камень, но передумала. Ей пришла в голову одна мысль.

— Ничему не удивляйтесь, — попросила Алиса остальных узников. — Сидите и молчите!

Она подошла к запертой двери и постучала в нее.

— Чего тебе? — откликнулся снаружи пират.

— Принесите, пожалуйста, нам воды, — попросила Алиса. — Очень хочется пить.

— Еще чего не хватало! — возмутился пират.

— А если будем меняться? — спросила Алиса.

— На что? — спросил пират.

— У нас есть яблоко. Очень спелое.

— Придумываешь! — откликнулся пират. — Нет здесь яблок.

— Да ты посмотри!

Пирату хотелось яблока, и он приоткрыл дверь. Он поглядел на яблоко и сказал:

— Оно же надкусанное!

— Только с одного бочка надкусанное, — сказала Алиса. — Это значит, что оно очень спелое.

— Тогда давай! — крикнул пират.

— Дадите воды, тогда получите яблоко! — сказала Алиса.

— Дай на минутку, — попросил пират. — Я сразу его верну.

Все сказочные существа за Алисиной спиной зашумели, зашептали:

— Не верь ему, он обманет!

Но Алиса протянула пирату яблоко. Тот схватил его и завопил:

— Воду пускай тебе дурак носит!

Пират надкусил яблоко и тут же пошатнулся...

— Спать хочется, — сказал он и рухнул на пол.

— Теперь, — сказала Спящая красавица, которая дремала на камнях, — пока его какая-нибудь принцесса не поцелует, ему не проснуться.

Но никто не слушал Спящую красавицу. Перепрыгивая друг через друга, все кинулись к выходу из пещеры. Как они радовались свежему воздуху, ветру и солнцу!

Одна Алиса не прыгала и не плясала. Она кинулась к королевскому дворцу искать Пашку.

Всюду царил пустота. Не было видно ни одного пирата.

За Алисой увязался предательский Серый волк. Он бежал рядом и жаловался:

— Ну что ж это делается! Я же им верой-правдой служил, всех своих предал, родную мать был готов искусать, а они улетели и меня бросили. Как же быть?

— Иди в лес, — сказала Алиса. — И живи, как прежде жил.

— Нельзя, — сказал Серый волк. — Меня же все теперь презирать будут. Кто любит предателей?

— Тогда беги к своим пиратам!

— Как же я побегу, — ответил Волк, — если они все на воздушном шаре улетели.

Алиса от удивления даже остановилась.

— Как так улетели? — удивилась она. — А мой друг Пашка?

— А он их и повез, — сказал Волк.

— Ничего не понимаю. А ну, рассказывай!

И Волк рассказал, что он подглядел, как пираты обманули Пашку. Как Королева притворилась его другом и уговорила его дотащить чемодан до крейсера «Порядок». А потом все пираты забрались в чемодан, а Пашка этого не заметил. Вот он сейчас и летит к крейсеру и везет бандитов. Только сам об этом не подозревает.

Алиса сразу во всем разобралась.

— Где у вас радио? — спросила она.

— Не знаю, — сказал Волк. Он ведь был совсем дикий, хоть и подлый.

Алиса вбежала во дворец и там увидела в тронном зале на столе телефон.

Она набрала телефон космической справочной и спросила:

— Скажите, как мне позвонить на крейсер «Порядок»?

— Соединяю! — сказала справочная.

Раздался щелчок, и мужской голос произнес:

— Командир крейсера «Порядок» у аппарата.

— Здравствуйте, — сказала Алиса. — Меня зовут Алиса Селезнева.

Я хочу спросить, не прилетал ли к вам на воздушном шаре мальчик Пашка Гераскин с Планеты сказок?

— Вот он, стоит рядом со мной, — сказал капитан. — Он сейчас передает изобретательнице Светлане чемодан-меньшитель...

— Стойте! — закричала Алиса. — Остановитесь! Ни в коем случае не открывайте чемодан.

— Но почему же? — удивился командир.

— Чемодан полон пиратов, которые забрались в него обманом.

Командир, видно, сразу догадался, потому что Алиса услышала его голос:

— Всем оставаться на местах! Павел Гераскин — руки прочь от чемодана! Приказываю взводу десантников окружить чемодан и выпускать из него бандитов по одному...

— Нет! — закричал в ответ Пашка. — Не может быть! В чемодане только одна

Королева, бывшая Королева пиратов! Она осознала свои ошибки и перевоспиталась. Сейчас она выйдет из чемодана и все сама вам расскажет...

Тут Пашка неожиданно замолчал, и были слышны лишь крики, выстрелы и удары.

— Наши ваших бьют, — сказал Алисе Серый волк.

— Кто же наши, кто же ваши? — спросила Алиса.

— Наши, это которые бьют, а ваши, это которых бьют, — объяснил Серый волк. Он как был негодяем, так и остался.

Через минуту все стихло.

Алиса услышала голос командира крейсера:

— Ты была права, девочка, спасибо тебе от нас и от всей планеты!

Потом снова наступила тишина, и в ней прозвучал голос Пашки Гераскина:

— Что ж вы, Королева! А я вам так верил!

— Никогда не верь пиратам, — послышался голос Королевы. — Даже мне.

Алиса обернулась к Серому волку и сказала ему:

— А ну, быстро беги к пещере и веди сюда всех пленников. Смотри, сколько здесь еды на столе, а они у меня голодные.

— Слушаюсь и повинуюсь, — завилял хвостом Волк.

И побежал звать остальных.

* * *

— Безразмерный, — ответила бабушка.

— Замечательно! Тогда давай позовем в гости Кору, Бууку, Пашку и, конечно, механика Зеленого!

Вот так и закончилась эта история.

Колдун и Снегурочка (Алиса и Снегурочка)

1. Как профессор Колба поссорился с роботом Полей

К Алисиному папе как-то пришел в гости профессор Колба. Сидор Гаврилович Колба собственной персоной. Профессор Колба Алисе понравился. Он оказался очень большим толстым человеком с рыжей бородой, которая лежала на груди как лопата, большим красным носом и такими же красными щеками. На голове волос осталось немного, но они завивались колечками, и оттого их казалось больше, чем было на самом деле.

Профессор громко говорил, часто хохотал и бил себя в грудь кулаками, отчего получался громкий гул.

А вот домашнему роботу Поле профессор страшно не понравился. Робот любил порядок, тишину и дружил с бабушкой Барклай из соседней квартиры, которая целыми днями вышивала скатерти на космические темы. Эти скатерти покупали другие роботы и марсианские туристы, а Поля приводил к бабушке покупателей.

Робот Поля приготовил на третье земляничное мороженое, целое серебряное ведро мороженого. Профессор по рассеянности подвинул ведро к себе и стал так быстро орудовать поварешкой, что мороженое в минуту исчезло в его глотке.

Робот Поля развел руками и замер. Алиса засмеялась и сказала:

— Нет проблем. Я сама не очень люблю мороженое.

Ее папа, профессор Селезнев, директор Космического зоопарка, знал, конечно, что Алиса обожает мороженое. Он тихо прошептал:

— Завтра пойдем с тобой в кафе.

Профессор Колба доел мороженое и сказал:

— Замечательный компот. Давно такого не ел.

Папа Алисы спросил его:

— Над чем работаете, коллега?

— Я вот-вот сделаю великое открытие, — сказал профессор Колба. — Я, кажется, догадался, откуда приезжают деды Морозы.

Алиса удивилась — такой важный и старый профессор, а изучает дедов Морозов.

Алисин папа Селезнев подумал: если Сидор Гаврилович взялся за проблему, значит, жди сенсации!

А домашний робот Поля, который не мог простить профессору, что он съел все мороженое, сказал:

— Дедов Морозов не надо открывать. Их в магазинах продают.

Профессор Колба не удивился и не обиделся.

— Чепуха, — сказал он. — В магазинах продают игрушки. Они неживые. А деды Морозы живые.

— Я знаю, — сказала Алиса. — Ко мне раньше приходил дед Мороз с подарками!

— Это твой папа переодевался в деда Мороза! — закричал робот Поля. — Не слушайте профессора Сидора Гавриловича. Он вас обманывает.

— Поля! — строго сказала Алиса. — Роботам нельзя кричать на людей. Профессор подумает, какой у нас невоспитанный робот! И больше никогда к нам не придет.

— Нет, не беспокойтесь, я приду, — возразил профессор Колба. — У вас дают такой вкусный компот. Скажите, а нет добавки?

— Вы целое ведро съели, — сказал Поля.

— Неужели?

Алиса так строго погрозила пальцем роботу, что тот ушел на кухню.

А профессор Селезнев спросил:

— Расскажите, Сидор Гаврилович, что же вам удалось открыть?

Профессор глубоко вздохнул, оглядел стол и тут заметил, что на дальнем краю на блюде лежит батон. Профессор протянул свою толстую волосатую ручищу и схватил батон. И тут же батон исчез во рту профессора.

Робот Поля выглянул из кухни и проворчал, правда, тихонько:

— На таких не напасешься!

Профессор дожевывал батон и сказал:

— Существуют параллельные миры. Вы слышали о них?

— Конечно, слышали, — сказала Алиса.

— Они похожи на рельсы, — продолжал Сидор Гаврилович, запустив пальцы в густую бороду. — Мы живем в одном мире, а рядом живет другой. И наши жизни никогда не пересекаются, как не пересекаются рельсы. Наши миры похожи, но не совсем. И вот мне, кажется, удалось отыскать тот мир, из которого к нам приходят живые деды Морозы.

— Но как же они приходят? — спросила Алиса. — Вы же сами сказали, что с рельса на рельс не перепрыгнешь.

— Все правильно, так и есть. Но мое открытие заключается в том, что я нашел способ перепрыгнуть через рельс.

— Какой способ? — спросил Селезнев.

— Пока я до конца опыт не провел, — ответил профессор Колба, — я ничего сказать не могу. Только намекну, что дело в шкафе.

— Дело в шляпе? — спросил робот Поля из кухни.

— Нет, дело в шкафе, — сказал профессор. — А шкаф стоит в моей лаборатории. Этот шкаф — машина для того, чтобы перепрыгивать из нашего мира в параллельный мир и обратно.

— А откуда у вас этот шкаф? — спросила Алиса.

— Ах, — сказал профессор. — Мне удалось узнать о его существовании из старинной книги. В прошлом году я нашел этот шкаф в заброшенном замке на границе между Трансильманией и Кооруджей.

— Таких стран нет! — закричал из кухни Поля. — Я весь атлас наизусть знаю. Нет таких стран!

— Кто там так громко кричит? — удивился профессор.

— Поля, замолчи! — рассердилась Алиса. — А то я тебя выключу до понедельника и ты не увидишь новой серии твоего любимого фильма.

— Только не это! — взмолился робот. — Я буду молчать!

Профессор Колба вздохнул и посмотрел на пустое ведерко из-под мороженого. Но мороженое кончилось и никто не мог профессору помочь.

— Продолжайте, коллега, продолжайте, — попросил профессор Селезнев.

— Ах, да, конечно, — спохватился профессор. — Я нашел шкаф в заброшенном замке и привез его в Москву. Здесь я его починил и настроил по старинному рецепту. Теперь он готов к действию.

— И что же вы делаете со своим шкафом? — спросила Алиса.

— Я намерен отправиться в путешествие, — сказал профессор. — Как только буду окончательно готов. Я отправлюсь путешествовать в тот мир, где живут деды Морозы.

— А люди там есть? — спросила Алиса.

— Людей там, возможно, и нет.

— А роботы есть? — тихонько спросил из кухни Поля.

— И роботов там нет, — сказал профессор Колба. — Там только деды Морозы.

— Они холостые? — спросила Алиса.

— Ни в коем случае! — воскликнул профессор Колба. — Разумеется, у них есть бабы Морозы, тети Морозы, дяди Морозы, дети Морозы и снегурочки.

— Снегурочки — дочери деда Мороза? — спросила Алиса.

— Нет, внучки, — ответил профессор.

— И у них есть маленькие дети? — спросил Селезнев.

— Разумеется, — сказал профессор Колба. — Но больше я вам ничего не могу сказать, потому что мне надо съездить в параллельный мир, где живут деды Морозы и снегурочки, все там выяснить, со всеми познакомиться и договориться, как мы будем меняться гостями.

— А можно мне с вами? — спросила Алиса.

— Только не сейчас! Сначала я отправлюсь на разведку, а ты постережешь мою квартиру, — сказал профессор.

— А зачем ее стеречь? — спросила Алиса.

— А кто будет гулять с моим Дружком? Кто будет его кормить? — удивился профессор.

— А кто такой Дружок? — спросил профессор Селезнев.

— Это мой любимый песик, — ответил Колба. — Он будет стеречь мою лабораторию.

Но он не умеет ходить по магазинам.

— А потом вы возьмете меня в параллельный мир? — спросила Алиса.

— Я обещаю, — ответил профессор.

Тут профессор понял, что ничего съедобного на столе не осталось, и сказал, что ему пора домой.

— А когда можно будет к вам прийти? — спросила Алиса.

— Хоть завтра! — ответил профессор. — Я буду рад тебя видеть. Я покажу тебе фотографии дедов Морозов и книжки о них — у меня чудесная коллекция. Я ее собирал двадцать лет.

Когда папа и дочь Селезневых провожали гостя, Алиса спросила:

— Почему деды Морозы приходят к нам только на Новый год? А не приходят летом или весной?..

— Прости, — удивился профессор. — А что дед Мороз будет делать у нас летом? В холодильнике будет сидеть? Ты забыла, что на планете дедов Морозов куда холоднее, чем у нас. Так что деды Морозы ездят к нам только под Новый год.

— А зачем? Неужели им делать нечего?

— Это их работа, — ответил профессор. — Деды Морозы нанимаются в театры и на детские елки, они договариваются с родителями. А когда кончаются зимние каникулы, деды Морозы и снегурочки возвращаются к себе.

— И вы их видели?

— К сожалению, как известно, в этом году настоящих дедов Морозов пока не было. И сейчас уже конец декабря, но что-то случилось с дедушками. Поэтому я и спешу туда, выяснить, не случилось ли беды.

И тут из кухни послышался упрямый голос робота Поли.

— Даже удивительно, — сказал он. — Что такой взрослый человек, которого называют

ученым, верит в детские сказки. Видно, ему больше нечего делать.

Профессор Колба поднялся из-за стола, дернул себя за бороду и сказал:

— Я не принимаю вашей критики, робот! Я самый настоящий ученый, изучаю дедов Морозов и снегурочек именно потому, что они есть на самом деле, хотя многие думают, что они придуманные.

— Не обижайтесь на Полю, — сказала Алиса. — Он неплохой робот, но он так давно живет у нас, что забывает... забывает, что он не человек.

Тут Поля не выдержал.

— Я и не собирался быть человеком! — воскликнул он. — Неужели вы думаете, что кому-то захочется болеть насморком, выдергивать зубы, вынимать соринки из глаз и к тому же каждый день завтракать, обедать и ужинать! Да здравствуют роботы! Долой человечков!

Алиса рассердилась, но профессор Колба так громко и весело расхохотался, что всем стало смешно.

Робот очень обиделся и сказал:

— Ну тогда живите, как хотите! Я вам не помощник!

И он ушел в свою комнатку за кухней, где хранил свои марки и монеты, потому что был коллекционером.

— Жду тебя в гости, Алиса, — сказал на прощание профессор Колба. — Посмотришь на мой таинственный шкаф, познакомишься с Дружком, моим дорогим песиком.

— Я хотела бы съездить в страну дедов Морозов, — сказала Алиса.

— Всему свое время, — ответил Сидор Гаврилович.

Он поблагодарил за угощение, особенно за земляничный компот и ушел.

— Мне профессор понравился, — сказала Алиса.

— А мне не понравился, — откликнулся робот. — Жди от него неприятностей. Чует мое пластиковое сердце!

2. Как Алиса получила письмо от профессора

Стояла оттепель. На улице шел дождь со снегом. Алиса была очень занята в школе, и она попросту забыла о профессоре и его дедах Морозах.

Но профессор сам позвонил Алисе.

— Алисочка, — сказал он, — ты обещала мне помочь.

— Разумеется, — сказала Алиса. — Что я могу сделать?

— Я уезжаю в страну дедов Морозов, — сказал профессор. — Все готово. Но дома остается мой Дружок. Скажи пожалуйста, тебе не будет трудно приходить покормить его и погулять с ним? Это ненадолго. Я вернусь дня через три.

— Конечно, я вам помогу, — сказала Алиса.

— Дверь открывается на слово «барабанщик», — сказал профессор. — Дружок сам тебе покажет, где висит его поводок и ошейник. Спасибо, до свидания.

Алиса хотела еще что-то спросить и сказать, но не успела. Профессор Колба лишних слов не любит.

Вечером Алиса пошла к профессору. Идти было недалеко, правда, дождь хлестал, как из ведра, а ветер швырял дождевые струи в лицо. Всего-то Алисе надо было пробежать два дома, но она промокла, хоть была в непромокаемом плаще.

Алиса поднялась на второй этаж и остановилась перед дверью квартиры, на которой

была золотая табличка:

Профессор

Почетный член шести академий

доктор трех университетов

КОЛБА

Сидор Гаврилович

Алиса громко сказала:

— Барабанщик.

В ответ из-за двери послышался оглушительный лай.

Но дверь не открылась.

— Барабанщик! — громче произнесла Алиса.

Дружок за дверью заливался, даже слышно было, как он стучит передними лапами изнутри по двери.

Алиса толкнула дверь, попыталась открыть ее, но ничего не получалось.

И тут открылась другая дверь. Сбоку от Алисы. Оттуда высунулась голова краснощекой женщины с высокой прической, в которую был вставлен букетик незабудок.

— Ах, — сказала женщина, — разве вы не знаете, девочка, что эта дверь открывается только на слово «обманщик». Вот посмотрите!

Женщина выплыла на лестничную площадку и встала рядом с Алисой.

— Обманщик! — воскликнула она.

Но ничего не случилось. Дверь так и осталась закрытой, а песик за ней просто с ума сходил от беспокойства.

Тут открылась третья дверь на той лестничной площадке и из нее вышел юноша в больших очках и со скрипкой в руке.

— Ах, — сказал он. — Ваш шум оторвал меня от занятий. Какое слово вы произносили?

— Барабанщик! — сказала Алиса.

— Обманщик! — сказала женщина с цветами в волосах.

— Ну вот, — вздохнул юноша-скрипач. — Вы забыли, какой рассеянный человек наш профессор Колба. Он забыл, что говорить надо «шарманщик». Вот послушайте.

Юноша отодвинул в сторону Алису и женщину с цветами, а сам нахмурился и закричал страшным басом:

— Шарманщик, откройся!

Но дверь не открылась.

— Вот видите, — сказал юноша. — Опять профессор все перепутал.

Теперь было совсем непонятно, как открыть дверь.

И в наступившей тишине вдруг послышался незнакомый голос. Он донесся откуда-то со стороны и снизу. Как будто даже из-под двери в квартиру профессора.

— Ка-ра-ван-щик!

Алиса услышала и повторила:

— Караванщик!

— Правильно, караванщик! — воскликнула женщина с цветами в волосах.

— Конечно же, караванщик! — откликнулся юноша со скрипкой.

Дверь медленно отворилась.

За дверью стоял пес. Среднего роста, лохматый, одно ухо стоит торчком, а второе висит. Сам пес был темным, рыжим, а живот и лапы белые. «Очень приятное существо», —

подумала Алиса.

— Прости, — спросила Алиса. — Кто сказал — караванщик?

Пес поднял второе ухо и наклонил голову.

— Ясно, — сказала Алиса, — мы не умеем говорить, потому что мы не собака. Но, может, кто-то еще есть дома?

Пес покачал головой.

Соседи между тем попрощались и разошлись по своим квартирам. Из одной двери слышалось пение — это пела женщина с незабудками в волосах. А из-за второй двери раздались звуки скрипки. Это юноша занимался музыкой.

Пес побежал перед Алисой, показывая ход на кухню. Он остановился перед кухонным шкафом и твякнул.

— Поняла, — засмеялась Алиса. — Ты хочешь сказать, что здесь лежит твоя пища.

Она достала из шкафа банки с собачьей пищей, покормила Дружка, а потом пошла в кабинет профессора Колбы, чтобы посмотреть на дверь в параллельный мир.

Кабинет был очень большой, на длинном столе стояли приборы, вдоль стены — компьютеры. А у дальней стены Алиса увидела большой шкаф, почти до потолка, с двустворчатой дверью. К дверце шкафа была приклеена бумажка со строгой надписью:

Алиса!

Не открывай!

— Я и не собираюсь ваш шкаф открывать! — сказала Алиса бумажке.

Дружок ткнулся в ногу носом.

Алиса посмотрела на него. Оказывается, пес уже принес поводок, чтобы идти гулять.

Он очень соскучился один дома.

На улице была плохая погода, все так же дул ветер, но Дружок не обращал внимания на ненастье и носился по скверу, как щенок.

И тут Алиса увидела странную фигуру.

К ней приближался кто-то одетый в плащ до земли. Этот человек держался двумя руками за ручку зонтика, который все норовил улететь к облакам. Из-за этого человеку некогда было смотреть под ноги и он спотыкался, скользил и попадал в самые глубокие лужи.

За человеком с зонтом медленно брел маленький бегемот. Бегемоту не нужен зонтик, воду он обожает, правда, не такую холодную.

Дружок от удивления твякнул и сел. Он в жизни не видел бегемота ни большого, ни маленького.

Алиса сразу узнала странного человека.

— Полина Григорьевна! — воскликнула она. — А я вас по Рамзесу угадала!

Фигура, которая оказалась Полиной Григорьевной, Алисиной учительницей, ответила не сразу, потому что в тот момент налетел жуткий порыв ветра и так ударил по зонтику, что зонт поднял Полину Григорьевну над землей и понес вперед.

Алиса кинулась за учительницей и в последний момент успела схватить ее за ноги.

Ветер промчался мимо, учительница опустилась в лужу и помогла Алисе подняться.

— Спасибо, Селезнева. Садитесь! Три с минусом!

Алиса не удивилась словам учительницы. Полина была страшно рассеянной. Она все всегда путала. А один раз вместо химчистки улетела в Антарктиду.

Характер Полины был таким сложным, что жить с ней было трудно. От нее даже мама с

папой ушли, а жених Хромопудов убежал со свадьбы, потому что Полина на свадьбе спутала его с памятником Пушкину.

Полина Григорьевна осталась одна и очень скучала. Со скуки она поехала в путешествие по Египту.

Когда их пароход плыл по реке Нил, Полина увидела, что на берегу стоит маленький бегемотик. Он широко разевает пасть и плачет.

А из воды к бегемотику подкрадывался огромный страшный крокодил.

Полина Григорьевна сказала:

— Какое безобразие!

Она схватила спасательный круг и метнула его в крокодила. Круг попал крокодилу в пасть, которая открылась, чтобы проглотить бегемотика.

За кругом в реку Нил прыгнула Полина Григорьевна.

Она быстро доплыла до берега, спихнула в воду крокодила и присела на корточки перед бегемотиком.

— Что с тобой, белочка? — спросила Полина. Она знала, что перед ней маленький бегемотик, но на минутку забыла, как он называется.

Бегемотик не ответил, потому что не умел говорить, но мимо проезжал бедуин на верблюде. И он сказал Полине:

— Это сирота. Его бросила мать-бегемотиха, которая нашла себе нового мужа.

— Какое безобразие! — воскликнула Полина Григорьевна. — Ты согласен переехать в Москву?

Бегемотик в тот момент не знал, что такое Москва, но кивнул большой головой, потому что ему очень понравилась худая длинноногая тетя, одолевшая крокодила.

Полина Григорьевна привезла бегемотика в Москву. Бегемотик привязался к учительнице, даже в школу за ней ходил и ждал в садике, а все ученики бегали на переменках кормить животное, которое могло сожрать все, что угодно и в каких угодно количествах. Хотя больше всего бегемотик любил сырую картошку и арбузы.

Полина придумала бегемотику имя Рамзес-третий. Она гуляла с ним утром и вечером. Бегемотик медленно рос, но говорили, что к весне он уже не будет влезать в дверь квартиры.

— А почему вы мне поставили три с минусом? — спросила Алиса.

— Потому что ты посадила меня в лужу, — ответила Полина Григорьевна.

Алиса не стала спорить с учительницей. Она смотрела, как Дружок подошел к бегемотику и обнюхивает его. Бегемотик не возражал. Но вдруг повалился на бок, плюхнулся в лужу — брызги во все стороны! И окатил собаку с ног до головы.

Дружок принялся лаять, а бегемотик закрыл глаза от удовольствия, у него был вредный характер.

— Алиса Селезнева, — сказала Полина Григорьевна. — Тебя-то я и ищу!

— Что-нибудь случилось в школе? — спросила Алиса.

— И не только в школе! — воскликнула Полина Григорьевна.

Тут ветер снова налетел на нее и потащил открытый зонтик вдоль по улице. Полина Григорьевна побежала следом за зонтиком, а Алиса побежала за учительницей. Дружок побежал за Алисой, а бегемотик Рамзес-третий выбрался из лужи и медленно побрел в ту же сторону.

— Алиса, ты помнишь, что скоро Новый год? — кричала Полина Григорьевна на бегу.

— Помню! — отвечала Алиса.

— Будет елка! — кричала учительница. — Нужен дед Мороз и Снегурочка.

— Правильно.

— Ты отвечаешь... — Алиса не успела схватить Полину Григорьевну, и на этот раз ветер оторвал учительницу от земли и поднял ввысь.

Полина Григорьевна летела над землей, держась за ручку зонта, а остальные бежали за ней, задрвав головы.

— Ты поняла меня, Алиса? — крикнула с высоты учительница. — Чтобы дед Мороз и Снегурочка были у нас к Новому году!

— Где я их найду? — крикнула в ответ Алиса.

— Это твое домашнее заданииииииииие... — донеслось с высоты.

Потом раздался гулкий удар — это учительница упала на крышу восьмиэтажного дома.

— Вам помочь? — спросила Алиса.

— Сама спущусь, — сказала учительница.

Она шагнула к краю крыши и спустилась вниз на зонте, как на парашюте. Конечно, Полина Григорьевна — рассеянная женщина, но ей не откажешь в отваге.

— Вы не ушиблись? — спросила Алиса, когда учительница приземлилась.

— Пустяки, — ответила учительница. — Главное — не забудь о домашнем задании.

Они попрощались и разошлись.

Алиса с Дружком в одну сторону.

Полина Григорьевна и Рамзес-третий — в другую.

Шел дождь, дул ветер, такая вот случилась оттепель под Новый год.

Алиса с Дружком добежали до дома. Алиса зажгла свет и увидела, что из-под резных дверей в старинный шкаф высовывается что-то белое.

Она присела на корточки и вытащила из щели листок бумаги.

Там было написано:

«Дорогая Алиса!

Дела у меня идут интересно. Меня окружают разные люди — некоторые из них совсем паршивые. Меня частично заколдовали, но это меня не беспокоит, потому что на каждое колдовство найдется антиколдовство. На то мы с тобой ученые! Погода здесь прохладная, совсем не топят, и у меня мерзнут руки. Пожалуйста, положи в мой чемодан синее пальто с вешалки, достань из кухонного шкафчика теплые перчатки, а из кабинета микроскоп, только заверни его в мягкую тряпку, чтобы не разбился объектив. Чемодан поставь в шкаф. Сама сюда не ходи. Девочкам здесь очень опасно. Могут заколдовать. До встречи. Твой коллега профессор Колба».

Дружок все тянул морду, словно хотел прочесть, что написано в письме. Поэтому Алиса сжалась над песиком и прочла ему письмо вслух.

Дружок громко залаял и хотел открыть дверь в шкаф. Но, конечно же, не смог.

— Профессору плохо, — сказала Алиса. — Ему надо помочь. Я пойду к нему.

— Нет! — воскликнул песик. Видно, он так испугался за Алису, что нечаянно сказал слово по-человечески.

— Не спорь со старшими, — сказала Алиса. — У меня большой жизненный опыт. Я бывала в разных переделках. А ты сторожи квартиру.

Пес отрицательно покачал головой.

— Ты боишься? — спросила Алиса.

— Нет, — сказал пес.

— Ты хочешь со мной идти?

Пес кивнул.

— Ну ладно, — сказала Алиса. — Давай собирать чемодан.

Она сняла с вешалки пальто, достала из шкафа на кухне перчатки и даже не удивилась, почему профессор держит перчатки в таком месте. А дело в том, что профессору было все равно, в каком шкафу что лежит. Ему было так удобнее. Поэтому тарелки у него хранились под кроватью, вилки под подушкой, а носки в прихожей. «Вот бы женить его на нашей Полине, — подумала Алиса. — Представляете, какая семейка бы у них получилась!»

Дружок крутился рядом, старался помочь, а Алиса вдруг подумала, почему пес так себя ведет? А вдруг он уже бывал там, в шкафу?

— Скажи мне, — спросила Алиса. — Может быть, ты родом из параллельного мира?

Дружок кивнул. И первым пошел к шкафу.

3. Переодетые пираты

Алиса вошла в большой шкаф и закрыла за собой дверь.

Впереди был коридор, в конце которого светилась узкая полоска. Рядом часто дышал пес Дружок.

Алиса прошла по коридору и поняла, что полоска света — это щель между дверцами точно такого же шкафа, как тот, что стоял в кабинете профессора.

Алиса хотела было растворить двери, но Дружок тихо зарычал, будто предупреждал Алису. Она замерла. И услышала, что из-за двери слышны голоса. И голоса знакомые.

Первый голос произнес:

— Ну вроде бы операция заканчивается в нашу пользу. Пограбили мы неплохо, пора сматываться.

— Ох, еще хочется чего-нибудь хапнуть, — ответил другой голос.

Алиса приблизилась к щели и заглянула в нее.

Она увидела большой зал. Стены зала были сложены из каменных глыб, потолок скрывался высоко-высоко в темноте, на стенах висели мечи, копья, алебарды, щиты и шлемы, а между ними были развешаны картины, такие темные от старости, что не разберешь, что на них изображено.

В центре зала стоял большой стол, на котором громоздились тарелки, чашки, бутылки — видно, пировали, а убрать за собой забыли.

За столом, в креслах с высокими резными спинками, восседали два человека.

Справа худой мужчина с редкой черной бородкой, в шляпе, надвинутой на уши, в черном камзоле и черном плаще. Этот человек был похож на ворона.

Слева сидела толстая женщина с красными размалеванными щеками, малиновыми губами, рыжими завитыми волосами в таком разноцветном платье, словно она собрала кусочки материи со всего магазина и сшила их вместе. На руках у женщины было много золотых колец и браслетов.

Эти люди были Алисе незнакомы, но голоса их она где-то уже слышала.

Толстая женщина поднялась с кресла и подошла к большому окованному медными гвоздями сундуку, запертому на всякий замок.

Она похлопала по нему жирной лапой и сказала:

— Лежат, голубушки и голубчики, ждут своего часа.

И толстуха захохотала тонким голосом.

Черный ворон задумчиво сказал:

— Повезло нам, что попался такой паршивый колдун. А то бы нам с ним пришлось повозиться.

— Не перехвали, он же не по доброй воле нам помогал, — сказала толстуха.

— А кто нам по своей воле помогал? — спросил ворон, и они с толстухой захохотали.

Когда они отсмеялись, толстуха спросила:

— А ты чего меня сюда позвал?

— У меня для тебя, мой друг, есть подарочек.

— Не друг, а подруга, — поправила ворона толстуха. — Говори, что за подарок. Жутко люблю подарки.

— Подарок такой, что ты и не ожидаешь. Скажи, кто у тебя главный враг?

— Ой, — ответила толстуха. — Врагов и не пересчитаешь. Учителя в школе, соседка по парте, которая списывать не давала, один мальчишка, который мне велосипед не отдал...

— Да погоди ты! Вспомни настоящих врагов. Которые тебе много крови испортили во взрослом виде.

Толстуха наморщила лобик, пожевала алыми крашеными губками и вдруг воскликнула:

— Знаю! Это она! Она нам столько планов сорвала! Она нам столько всего... просто нет слов!

— Ну говори, говори! — потребовал ворон.

— Алиска! — закричала в ответ толстуха. — Алиска Селезнева. Вот кто наш главный враг!

И тут Алиса поняла, кого видит перед собой.

Это же переодетые и загримированные космические пираты Крыс и Весельчак У. И на самом деле Алисе не раз приходилось с ними сталкиваться. И не раз она оставляла космических пиратов в дураках. Хоть они и взрослые, к тому же вооруженные, но ими движет только жадность! Они за копейку готовы родную мамашу задушить. И нет у них друзей во всей Вселенной. А у Алисы везде друзья. Значит, она непобедима.

Но что они делают в параллельном мире? Что им нужно на планете дедов Морозов? И почему они так довольны?

Алиса была сильно встревожена. Особенно ее беспокоило то, что профессор Колба не знает, насколько эти космические пираты опасны.

Но пираты не подозревали, что Алиса слышит каждое сказанное ими слово, и продолжали откровенничать.

— Так вот, — сказал пират Крыс. — Эта девчонка вот-вот будет здесь.

— Откуда ты знаешь?

— Наш Колдун Парфюмерий подглядел, как профессор пишет Алисе записку. Чтобы она ему теплые вещи прислала. А я к этой записке приписал: «Девочкам здесь очень опасно. Могут заколдовать».

— Ну и дурак, — рассердился Весельчак У, переодетый в женщину, — теперь Алиска сюда не придет, и мы ее не поймаем.

— Эх, Весельчак, Весельчак, — вздохнул Крыс. — Старый уже стал, а простых вещей не понимаешь. Для такой Алиски слова об опасности все равно что красная тряпка для быка. Да она как прочтет их — тут же кинется в бой! Разве я этого ребеночка не знаю?

— Смотри, — сказал пират, переодетый в толстую женщину, — как бы тебе, Крыс, не

ошибиться. Если мы ее опять упустим, я тебе этого не прощу.

«Ладно, голубчики, — подумала Алиса. — Вы думаете, как бы меня схватить, а я теперь все о вас знаю. Я смогу вас одолеть и освободить заколдованного профессора Колбу и жителей этой планеты, которые, конечно же, из-за пиратов попали в беду».

Дружок тихо рычал.

— Песик, — попросила его шепотом Алиса. — Веди себя тихо. Сейчас нам с тобой главное — ничем не показать, что мы слышали их разговор. Пускай пираты думают, что мы ничего не подозреваем. Иначе мы сами погибнем и другим не поможем.

Песик замолчал. Он понял, что Алиса права.

Алиса услышала, как за дверью Крыс произнес:

— Вот увидишь, сейчас откроется эта дверь и твоя Алиска прискачет к нам.

— Хотел бы я тебе поверить...

В этот момент Алиса нажала на дверцы шкафа, дверцы распахнулись, Алиса с чемоданом в руке вышла в зал и остановилась, зажмурившись, словно испугалась.

Пираты хоть и ждали Алису, от неожиданности подскочили. Дружок уселся рядом с Алисой и звонко залаял.

— Здравствуйте, — сказала Алиса, — извините, если я вас испугала.

Тут Крыс уже опомнился и ответил, улыбаясь:

— Ты нас вовсе не испугала, девочка. Но мы хотели бы знать, кто ты такая и откуда взялась?

— Я взялась из параллельного мира, с планеты Земля. Меня зовут Алиса Селезнева. Я принесла чемодан с теплыми вещами и микроскопом для профессора Сидора Гавриловича, который находится у вас в командировке.

— Ах, — сказал Крыс, — конечно же, конечно! Я встречал профессора Колбу. Это очень достойный человек, правда, баронесса?

Весельчак У тоже пришел в себя, он изобразил на лице улыбку и сказал:

— Добро пожаловать, Алиса Селезнева, в наш скромный замок.

— Это ваш замок? — спросила Алиса.

— Разумеется, — ответил Крыс. — Я — герцог цу Франкенштейн, а моя подруга и двоюродная сестра — баронесса фон Мурло. Поклонись, баронесса!

— Ты же знаешь, что я не могу кланяться! — возмутилась баронесса. — Мне гордость мешает и живот. Я не склоняюсь!

Дружок отчаянно залаял, и тогда Крыс, он же герцог цу Франкенштейн, затопал ногами и закричал:

— А ну уберите отсюда эту крикливую собачонку! Я не выношу в моем замке собак! Это ты его привела, Алиса? Надень на него намордник или я его сейчас же застрелю!

Крыс вытащил из-под плаща пистолет и хотел прицелиться в Дружка, но тот уже сообразил, что ему лучше быть подальше от таких бандитов. Он кинулся к двери и умчался вон из комнаты, на лестницу.

Алиса испугалась, что Дружок заблудится и попадет в руки кому-то из сообщников пиратов, но в тот же момент в зал вбежал странный человек. Он был в лиловом халате до пола, на голове цилиндр.

Он вопил:

— Уберите этого убийцу!

За человеком в халате носился Дружок и норовил тяпнуть его за ногу. Потом вцепился в

полу халата и потянул на себя так, что халат лопнул. Дружок полетел в одну сторону, а владелец халата — в другую.

Герцог цу Франкенштейн выхватил пистолет и принялся палить в собаку.

— Не смейте! — кричала Алиса. — Вы же можете попасть в Дружка.

Но Дружок счел за лучшее снова удрать. На этот раз он унес трофей — лиловый лоскут от халата.

Несчастный человек в разорванном халате поднялся с пола, подобрал свой цилиндр и спросил:

— Почему вы не убили это чудовище, герцог?

— А потому и не убил, что не попал, — ответил Крыс. — С каждым бывает. А ты-то чего от собачонки бегаешь? Заколдовал бы ее и дело с концом.

Тут Алиса смогла, наконец, разглядеть человека в рваном халате. Он был худой, сутулый, у него был большой острый нос, который сгибался вниз к губам. Губы были тонкие, как ниточки. А глаза у человека были маленькие, черненькие.

— Даже странно, — сказал Весельчак У, — что же ты, колдун Парфюмерий, так испугался собачки небольшого размера. Ты что, собак боишься?

— Собак я не боюсь! Я ничего не боюсь, потому что я великий волшебник, — сказал колдун. — Я кого угодно заколдую! А уж такую собаку как угодно!

— Ну и заколдуй, — сказал Крыс.

— Вы не понимаете, господа, — сказал колдун. — Я же эту собаку уже заколдовал. Куда же дальше. Заколдовал, а она кусается.

— Интересно, — сказал Крыс. — Значит, ты эту собачку уже встречал?

— Ясное дело, встречал!

— И кем же эта собачка была раньше, до твоего колдовства?

— Она была... — тут колдун осекся и прикусил язык.

— Чего молчишь? — спросил Весельчак У. — Говорил, говорил, а теперь молчишь!

— Не скажу! — ответил колдун.

Алисе надоело ждать и слушать пустые разговоры.

— Простите, — сказала она, — я пришла сюда, чтобы помочь профессору Колбе. Вы не скажете, как к нему пройти?

— Иди по коридору направо, — сказал Крыс. — Увидишь красную дверь. Там и сидит твой профессор кислых щей!

И пираты принялись смеяться над этой глупой шуткой.

— Я провожу девочку, — вызвался колдун.

— Нет! — остановил его Крыс. — Ты останешься здесь. У нас для тебя есть дело. А ты, Алиса, иди.

Алиса поняла, что пираты придумали еще одну каверзу. Поэтому она сделала вид, что ушла из зала, хлопнула дверью, а потом поставила чемодан на каменный пол, а сама на цыпочках вернулась к двери в зал, чтобы послушать, о чем пираты будут разговаривать с волшебником.

И оказалось, что она сделала правильно.

— Ты, Парфюмерий, не спеши, — услышала Алиса голос Крыса. — У нас есть для тебя задание.

— Но я же все сделал, как вы просили, — жалобно произнес колдун.

— Все, да не все.

— Почему?

— Потому что ты плохо все делаешь! Потому что ты никуда не годный волшебник, — закричал Крыс.

— Это еще надо проверить! — обиделся колдун. — У меня есть документы, что я сдал экзамены за третий класс школы волшебников.

— Наверное, документы ты себе тоже наколдовал.

— Они настоящие!

— И экзамен он сдал только потому, что списывал на экзамене и пользовался шпаргалками! — сказал Весельчак У. — Нам рассказывали. Все здесь знают, что ты не получил звания настоящего волшебника, а имеешь право работать только домовым.

— О, враги! — возопил колдун. — Завистники! Я их всех уничтожу.

— Не шуми, — сказал Крыс. — А то мы всем расскажем, что ты сделал с настоящим владельцем замка, принцем Другонравом.

— Если я что и сделал, — ответил колдун дрожащим голосом, — то это из-за моей любви к снегурочке Лизавете. Мое высокое чувство заставило меня пойти на этот шаг!

— Ах, надоел он мне! — сказал Крыс.

— И мне надоел, — согласился с ним Весельчак У. — Наверное, надо его пристрелить.

— Меня нельзя пристрелить! — испугался колдун. — Я же бессмертный!

— Вот это мы сейчас и проверим, — сказал Крыс.

— Ой, не надо проверять! — закричал колдун.

— Тогда иди, работай!

— Как работать?

— Заколдуй эту девчонку Алису.

— А как мне ее заколдовать?

— В животное, — сказал Весельчак У. — В какое-нибудь мелкое животное, чтобы я мог его раздавить, ха-ха-ха!

— Заколдуй Алису в лягушку, — приказал Крыс.

— Помилуйте, ваше сиятельство господин герцог! — взмолился колдун, — но в моей записной книжке все заклинания о земноводных сжевали мыши.

— Тогда преврати Алису в таракана! — закричал Весельчак У. — И я ее раздавлю!

— Ваше благородие баронесса! — ответил колдун. — Я бы рад вам угодить, но испокон веков запрещено превращать детей в насекомых. Я не могу.

— Ладно уж, — сказал Весельчак У, — преврати Алису в крысу.

— Это можно, — сказал колдун. — Но очень трудно.

— Как это в крысу? — взвыл пират Крыс. — Ты забыл, Весельчак У, как меня зовут? А кто мои ближайшие родственники? Ты что, издеваться надо мной вздумал?

— Ха-ха, забыл, прости, старый друг, — ответил Весельчак У. — Ну раз нельзя ей стать крысой, пусть будет кошкой.

— Почему? — спросил Крыс.

— Наверное, любой крысе приятно над кошкой поиздеваться?

— Правильно! — закричал Крыс. — Скорей преврати Алису в кошку. Я над ней буду издеваться.

— Сейчас, — послышался голос колдуна. — Сейчас посмотрю в своей книжке-шпаргалке. Сейчас... одну минутку... а где сама девочка? Не могу же я колдовать без клиента!

— Сейчас придет, — сказал Крыс. — И еще вместе с профессором.

— Почему с профессором? — воскликнул колдун.

— А ты чего испугался?

— Разве я испугался? Я ничуть не испугался. Только пускай профессор останется в своей комнате...

Алиса решила не тратить времени даром. Теперь она знала, что замыслили пираты с колдуном, и спешила встретиться с профессором Колбой, чтобы узнать, что же он об этом думает. Он же взрослый, умный профессор. И как только Алиса его увидит, все станет на свои места.

Но Алиса ошиблась.

4. Заколдованный профессор

За красной дверью и в самом деле оказалась комната с низким потолком, освещенная масляной лампой. В комнате сидел профессор Колба.

Правда, Алиса узнала его не сразу.

На голове у профессора был странный платок, натянутый на проволоку, так что казалось, будто профессор напялил на себя что-то вроде туристической палатки.

— Можно к вам? — спросила Алиса.

— Конечно! — профессор вскочил со стула и побежал к двери. Он сначала обнял Алису, потом вырвал у нее чемодан и начал вытаскивать из него вещи.

— Пальто! — воскликнул профессор.

И надел пальто.

— Перчатки! Носки! — Он натянул носки и перчатки.

— Микроскоп! Какое счастье — микроскоп! Теперь я закончу мои исследования и докажу этим жуликам, что колдовства не существует, если за дело возьмется наука. Любому колдовству есть научное объяснение. А раз есть объяснение, значит, колдовство можно обернуть задом наперед.

Профессор сразу поставил микроскоп на стол, а Алиса спросила его:

— Простите, Сидор Гаврилович, а что у вас на голове?

Профессор почему-то смутился и вместо ответа напустился на Алису.

— Ты зачем сюда приехала? Я же просил тебя не приезжать! Нечего здесь делать девочкам. Тут и заколдовать могут.

— А вас не заколдовали? — спросила Алиса.

И увидела, что профессор поднял руку к палатке на голове, словно хотел проверить, хорошо ли она держится.

— Меня не заколдовали! — воскликнул профессор. — Кто посмеет меня заколдовать? И если заколдовали, то чуть-чуть.

— Что значит чуть-чуть? — спросила Алиса.

Профессор не успел ответить, как в комнату ворвался песик Дружок и кинулся к профессору. Он прыгал вокруг, махал хвостом и лаял. Очень радовался, что наконец-то увидел хозяина.

— А ты что здесь делаешь? — спросил профессор. — Ну почему никто меня не слушает? Я серьезно говорю — почему никто меня не слушается?

Тут Дружок подскочил так высоко, как собаки и подскакивать не умеют, и вцепился

зубами в край палатки.

Профессор и ахнуть не успел, как палатка слетела с его головы, и Алиса чуть на пол не села от удивления: на голове профессора красовались могучие завитые бараньи рога.

— Сидор Гаврилович, — воскликнула Алиса. — У вас на голове рога.

— Неужели? — сказал профессор и пощупал рога руками. — А я думал, что они уже отвалились. Кстати, Алисочка, поскреби немножко мой рог на это стеклышко, я хочу посмотреть на него под микроскопом.

Алиса подчинилась профессору, а пока она соскребывала с рога немного пыли, профессор ей все объяснил:

— Как только я увидел этого, так называемого колдуна, я понял, что он обычный жулик.

— Но это он вас заколдовал? — спросила Алиса. — Значит, он не совсем жулик?

— Он колдует по шпаргалкам, — возразил профессор. — Он списал все заклинания у отличников в своем классе, а сам ничего не помнит — память дырявая. Без шпаргалок он полный нуль! Вот именно!

— Но эти рога, они тяжелые? — спросила Алиса.

— Эти рога самые обыкновенные. Каждый баран их всю жизнь носит и не жалуется. Неужели я, взрослый человек, академик и профессор, буду жаловаться? Но преступление этого негодяя заключается не только в моих рогах...

— А на вид он такой безобидный, — сказала Алиса.

Профессор уселся за стол и склонил над микроскопом голову, украшенную снизу бородой, а сверху бараньими рогами. И продолжал рассказывать:

— Я тут поговорил со слугами, поварами, прачками и прочими простыми трудящимися. И знаете, оказывается, еще недавно в этом замке жил добрый, веселый молодой граф Другонрав. Этот граф получил колдуна из школы волшебников. Оказывается, каждому замку на этой планете положено иметь своего волшебника. Только граф Другонрав был небогатым графом и потому ему прислали колдуна-двоечника, годного только открывать замки, следить за тем, чтобы мыши и тараканы не очень в замке плодились, и выбивать ковры дочиста.

Вдруг Дружок завыл, как будто заплакал.

— Помолчи, Дружок, — сказал профессор, — ты меня отвлекаешь. Теперь я не помню, на чем остановился. Ах, да! Я остановился на том, что в Новый год в замок, как положено, пришли деды Морозы и снегурочки, что обитают в этих местах. Одна из снегурочек очень понравилась молодому графу Другонраву, а молодой граф понравился снегурочке... как ее зовут?

— Лиза, — слышался чей-то голос.

Алиса и профессор оглянулись, но в комнате не было никого, кроме Дружка, а Дружок, как известно, говорить не умеет.

— Уже мерещится, — сказал профессор. Вдохнул и продолжал: — Значит, молодой граф понравился снегурочке, а снегурочка графу. На этой планете так бывает. Снегурочки даже выходят замуж за людей, и у них рождается много ребятишек. Самых обыкновенных, которые не боятся жары и солнца. Но как назло снегурочку Лизу увидел колдун Парфюмерий. Да перестань рычать, Дружок! Не перебивай меня! Колдун Парфюмерий тоже влюбился в снегурочку и поэтому возненавидел графа Другонрава смертельной ненавистью! Он собрал все свои шпаргалки, три дня колдовал и превратил все-таки несчастного

молодого графа в собаку. Он приказал слугам утопить собаку, но те пожалели... собака убежала...

Профессор смотрел на Дружка, который сидел, понурившись, и смотрел в пол.

— Дружок, — спросил профессор. — Я всегда удивлялся, откуда ты взялся в моей квартире, когда дверь была заперта. Не из шкафа ли ты появился?

— Да, — твякнул песик.

— Значит, ты и есть граф Другонрав?

Пес кивнул.

— Господи, а я с тобой так обращался и даже раз ремнем стегнул, когда ты хотел телевизор смотреть и не шел гулять на улицу! Какой стыд! Я поднял руку на благородного человека!

Пес поднялся на задние лапы, положил передние на колени профессору, вытянул вперед голову и лизнул профессора в щеку.

Профессор чуть не заплакал.

— Теперь я все знаю, — сказал он. — Хватит нас дурачить! Мы их всех разгоним и вернем замок Дружку... то есть, простите, графу Другонраву.

Он гладил песика, потом вдруг замер, подумал и сказал:

— Где-то тут были ножницы! Дай-ка, Дружок, я отстригу от тебя несколько волосков и посмотрю под микроскопом. Если ты заколдован, мне надо узнать, как устроено твое новое тело. И мы вернем тебе старый облик.

— А где же снегурочка? — спросила Алиса.

Дружок зарычал.

Голос от двери произнес:

— Если вы удержите вашу собаку, чтобы она не кидалась на несчастных колдунов, я вам расскажу всю правду о моей несчастной судьбе. — В дверях стоял Парфюмерий. Вид у него был плачевный. Лиловый халат разорван, цилиндр помят, а кончик носа опустился на верхнюю губу.

— Дружок, подожди, — попросил профессор. — Я понимаю твои чувства и даже разделяю их. Но пускай сначала этот колдунчик расскажет о своих преступлениях.

— Нет, не о преступлениях! — закричал колдун Парфюмерий. — А о моих ошибках! Я в самом деле полюбил снегурочку Лизу.

— Убью, — сказал Дружок.

— Подожди, не убивай его, — попросила Алиса, совсем не удивляясь, что пес время от времени произносит слова. Ведь он был не пес, а заколдованный граф!

— Я был ослеплен любовью! — продолжал колдун.

Он закатывал глаза, подвывал и подпрыгивал. Он всего боялся: и собаку, и людей, и конечно же, космических пиратов, которые им командовали.

— Я готов был на все, чтобы получить снегурочку. Но она сказала мне, что не может быть моей, потому что тогда ее убьет граф Другонрав. Что он только снаружи такой хорошенький, вежливый и интеллигентный. А внутри он весь сгнил от ненависти к людям и любви к снегурочке.

— Ай-ай-ай, — покачал головой профессор. — И вы поверили снегурочке?

— Как я мог не поверить любимой девушке?

— Значит, вы говорите неправду, — сказал профессор.

— Как вы смее!

— Еще как смею, — сказал профессор. — Мы не до конца выяснили отношения.

— Но ведь я всегда говорю правду, — сопротивлялся колдун. — Меня за это даже из школы волшебников исключили. Не нужны нам, говорят, правдивые волшебники. И выгнали меня за правду.

— Он мне уже надоел, — сказал профессор. — Пускай он лучше скажет, как мне избавиться от рогов.

— Одну минутку! — взмолился колдун. — Я должен закончить мою печальную историю. Я поверил снегурочке, я думал, что наша любовь взаимна. И я обещал снегурочке, что я избавлю ее от приставучего графа.

«Врет, — понимала Алиса. — Ох и врет же этот колдун!»

— Я собрал все силы и заколдовал графа Другонрава. Но не потому, что я этого хотел, а потому что этого хотела моя любимая снегурочка Лизавета. Да-да, я говорю правду. Я выполнял просьбу несчастной девушки! Я хотел, чтобы граф просто ушел из замка — чик-чик и ушел. А он стал собачкой. Но вы же знаете, я работаю по записной книжке, а там порой перепутаны страницы. Я думал, что он уйдет, а он стал собачкой — вот этой самой, гадкой, никуда не годной собачонкой.

Алисе пришлось удерживать Дружка, чтобы он не укусил колдуна.

— Ты же не собака, — шептала ему Алиса. — Ты же все-таки граф, воспитанный человек, только временно принявший вид собаки. Тебе противно кусаться! Вот когда станешь снова человеком, сразу вызовешь его на дуэль. Я буду твоим секундантом.

— Скоро, скоро, — сказал профессор Колба, — твои мучения, Дружок, кончатся. Наука победит!

— А зачем ждать? — спросила Алиса. — Пускай колдун Парфюмерий его немедленно расколдует.

— Исключено, — возразил колдун. — Расколдовать в десять раз труднее, чем заколдовать.

— А вот это мы сейчас попробуем, — сказал профессор и поднялся во весь свой рост. — А ну-ка, сними с меня эти идиотские рога. Небось хотел меня бараном сделать, да не смог до конца доколдовать?

— Вы совершенно правы, профессор, — ответил Парфюмерий. — Честно говоря, мне и не очень хотелось... Но вы можете обещать мне, что защитите меня от герцога цу Франкенштейна и этой баронессы Мурло? Они же очень рассердятся, если узнают, что я занимаюсь расколдовством.

— Сначала расколдуй. Меня, собаку Дружка и всех, кого ты заколдовал.

— Я никого больше не заколдовал!

— Ой, верится с трудом. Скажи мне, где твоя любимая снегурочка Лиза?

— Это не я! Это они виноваты!

— Жалкий колдунишка! — рассердился профессор. — Мне надоело тратить с тобой время! А ну, быстро признавайся!

— Но я в самом деле не виноват! — заплакал колдун. — Как только я превратил графа в собаку и хотел бежать к снегурочке, чтобы поведать ей радостную весть, как оказалось, что за мной наблюдали герцог цу Франкенштейн и баронесса Мурло. Я не знаю, откуда они взялись и как проникли в замок. Они сказали, что могут всему миру рассказать о моем преступлении. Ведь я превратил в собаку собственного хозяина! И ради того, чтобы жениться на его невесте. Если об этом узнают остальные колдуны и чародеи, то они в три

секунды сделают из меня блоху, если не что-нибудь похуже.

— Ты другого не заслужил! — сказал профессор.

Тут он увидел что-то настолько интересное под линзой своего микроскопа, что забыл о колдуне.

Но Алисе было интересно узнать, что же придумали Крыс с Весельчаком.

— Простите, — спросила она. — Что же сказал этот герцог и эта баронесса, когда увидели, что вы преступник?

— Они заставили меня заколдовать всех снегурочек и дедов Морозов. Я не хотел, я совсем не хотел! Ведь среди снегурочек была моя любимая Лизочка. Но что я мог поделаться... я плакал и колдовал, колдовал и плакал.

— Со страху вы заколдовали собственную любимую девушку? — спросила Алиса.

— Но вы должны меня понять!

Дружок залаял так отчаянно, что Алиса поняла, что он хочет сказать.

— А во что вы превратили всех дедов Морозов и снегурочек?

— Я не могу сказать. Я боюсь!

5. Возвращение снегурочки

— И правильно делаешь, что боишься, — сказал, входя в комнату, похожий на черного ворона пират Крыс, переодетый герцогом цу Франкенштейном. — Но я тут подслушал, что ты слишком много говорил. Придется тебе поработать, чтобы я на тебя не сердился. А то я отберу у тебя книжку шпаргалок и сам буду колдовать.

— Ах, не делайте этого, господин герцог! — взмолился колдун Парфюмерий. — У вас все равно не получится, а я без этой книжки — нуль.

— Тогда работай.

— Правильно, работай и не мешай работать другим, — сказал профессор. — Я стою на пороге важного открытия, а некоторые личности лезут со своими разговорами.

Пират Крыс будто и не слышал слов профессора.

— Ты обещал нам заколдовать эту гадкую девчонку Алису. А ну, начинай!

— Не обращай внимания, Алиса, — сказал профессор. — Ничего у него не выйдет, по всему судя, он уже и со шпаргалками бессилён.

— Сейчас, — повторял колдун. — Сейчас, одну минутку...

Он достал из кармана рваного халата растрепанную записную книжку, из которой тут же посыпались на пол листки, и принялся ползать по полу, собирая их.

— А ну, скорее! — прикрикнул на колдуна Крыс.

— Одну минутку... — так вот, стоя на четвереньках, колдун начал бормотать на непонятном колдовском языке, он говорил все быстрее и громче, все смотрели на него, а колдун начал подпрыгивать, цилиндр упал с его головы, волосы стали дыбом... и вдруг, с последним криком, колдун рухнул на пол и замер.

— Вот и все, — сказал профессор. — Как я и предупреждал, ничего не получилось.

— Ничего не получилось, — сказала Алиса.

И тут она увидела, что собака Дружок смотрит на нее, приоткрыв пасть.

— Что случилось? — спросила Алиса. — Где зеркало? Дайте мне зеркало!

Тут уж все смотрели на Алису. Некоторые с удивлением, а другие со злобой.

— Ничего не можешь сделать, как тебе приказано! — крикнул Крыс колдуну и быстро

ушел из комнаты.

— Да, — сказал профессор, — ну и дела! Только ты, Алисочка, не расстраивайся. Примерно через полчаса я найду научный способ борьбы с колдунами. И ты примешь старый вид.

— Я же старался! — заныл колдун. — Я же хотел как надо, а вышло как всегда.

Тут Алиса заметила на стене большое зеркало. Она подбежала к нему и увидела, что на нее глядит из зеркала странное чудовище. У чудовища был кошачий нос и большие, торчком, кошачьи усы, а все остальное осталось от девочки Алисы.

— Это безобразие! — закричала Алиса. — Немедленно прекрати, Парфюмерий!

Алиса повернулась боком и поняла, что у нее к тому же вырос кошачий хвост.

Колдун взвизгнул от страха и побежал к двери.

Алиса за ним.

Но кто может догнать перепуганного колдуна!

Тем более когда по коридорам замка за ним бегут взбешенные пираты, которые хотели, чтобы он превратил Алису в кошку, а он превратил ее в полукошку или даже четверть-кошку.

Все, кроме профессора, носились за колдуном по этажам и комнатам замка, пока не услышали голос колдуна из зала, где стоял большой сундук с пиратской добычей, который они собирались утащить с ограбленной планеты.

Оказывается, колдун сумел открыть сундук.

Конечно же, он сумел открыть сундук — на это его образования хватило.

Алиса остановилась в дверях и увидела, как колдун по очереди вытаскивает из сундука куколок.

Он поднес первую к глазам и спросил:

— Это ты, Лиза?

Кукла размахнулась и вlepила ему пощечину кукольной ручкой. Колдун разозлился и отбросил куклу в сторону.

Он схватил вторую куклу и тоже стал ее разглядывать.

Но и ее он отбросил в сторону с криком:

— Плеваться-то зачем? Зачем плеваться?

Алиса поняла, что колдун ищет среди заколдованных снегурочек свою любимую Лизочку, но никак не может найти. А заколдованные снегурочки, хоть они и куклы, сопротивляются и даже умеют драться, плеваться, царапаться и кусаться.

В комнату вбежал пират Крыс.

— Это еще что? — закричал он. — А ну перестань наше добро раскидывать! Долой!

За ним вбежал Весельчак У в виде баронессы Мурло — он кинулся к снегурочкам и принялся их собирать и кидать обратно в сундук.

— Нельзя! — канючил колдун Парфюмерий. — Вы же сейчас улетите и мою снегурочку возьмете с собой.

— Вот именно! Мы спешим, мы должны лететь! Нас ждут боевые друзья и сама пиратская мамаша!

— Но вы же меня обманули, — плакал колдун. — Вы сказали, что я получу за мою верность свою снегурочку Лизу. А сами ее сложили в сундук. А теперь я ее не могу отличить!

— Слушай, Парфюмерий, — сказал Крыс. — Ты летишь с нами. Как только мы будем в

безопасности на своей пиратской планете, ты наполовину расколдуешь снегурочек и дедов Морозов и получишь за это свою Лизавету. Понял?

Колдун Парфюмерии задрожал.

— Как так на пиратской планете? Значит, вы не герцоги и не баронессы, а простые разбойники?

— Мы не простые, а очень страшные, космические разбойники! — ответил Крыс и сбросил свой черный плащ. Баронесса Мурло тут же стащила через голову платье и оказалась в простом пиратском наряде.

Колдун шатался от ужаса, он рад бы убежать, но ведь надо добыть снегурочку Лизавету!

— Нет, — сказал он наконец. — Вы меня обманете.

— Может, и обманем, — сказал Крыс. — Это уж как нам захочется.

— Тогда берегитесь! — закричал колдун. — Я вас самих заколдую.

— Не шали! — велел Крыс. В один прыжок он достал колдуна и вырвал у него записную книжку.

— А теперь, — сказал он, — ты можешь с нами и не лететь. Мы и без тебя расколдуем товар.

Алиса стояла в дверях, и вся эта сцена происходила у нее на глазах. Пираты и колдун на нее не обращали внимания — ну кому страшна девочка, совершенно без оружия?

— А что вы будете делать со снегурочками и дедами Морозами? — спросила Алиса.

— Ничего особенного, — откликнулся Весельчак У. — Мы их продадим во дворцы властителей на одной жаркой планете. Пускай изображают Новый год. А когда там Новый год пройдет, мы их отвезем на другую планету. Вот и будем возить с планеты на планету, всюду получать деньги и разбогатеем.

Пока Весельчак говорил, пес Дружок на животе вполз в комнату и тихонько пополз к куклам снегурочек, разбросанным по полу. И вдруг Алиса увидела, как одна из куколок приподнялась, села и протянула ручки к собаке.

В один прыжок Дружок подскочил к снегурочке, осторожно схватил ее зубами и кинулся прочь из комнаты.

В этот момент Крыс увидел, что случилось, выхватил из-за пояса пистолет и принялся палить вслед собаке. Но той и след простыл.

— Эх, обидно! — сказал Весельчак. — Самая хорошая снегурочка была.

— Это моя Лизавета! — закричал колдун. — Верните ее мне, а то я вам жестоко отомщу! Заколдованный принц утащил снегурочку!

— Не расстраивайся, — засмеялся Крыс. — Пускай они так и живут, собака с куклой. Обхохочешься!

Весельчак дал колдуну подзатыльник и приказал:

— Тащи сундук. Не нам же надрываться!

— Мне тяжело, — заныл колдун.

— Надо было получше колдовать! — захохотал Крыс. Он стукнул колдуна по голове рукояткой пистолета, и тот потащил сундук к двери.

Алиса не знала, что делать — как остановить бандитов.

И в этот момент сверху послышался громовой голос:

— Внимание, внимание! Говорит радио графского замка. Передаем последние известия! Великому профессору Колбе Сидору Гавриловичу после упорных трудов удалось разгадать секрет колдовства. Теперь он пустил колдовство наоборот. Начинаю отсчет! При

счете ноль все колдовство прекратится. Десять, девять, восемь...

— Скорее! — испугались пираты. Они тоже вцепились в сундук с добычей и поскорее потащили его наружу.

А профессор тем временем считал по радио:

— ... Семь, шесть, пять, четыре...

Пираты натолкнулись на Алису и стали отталкивать ее с дороги.

Профессор продолжал:

— Три, два, один... ноль!

И тут случилось вот что.

Крышка сундука откинулась, и оттуда выпрыгнули по очереди тридцать две снегурочки, а за ними тяжело вылезли двадцать шесть дедов Морозов. Ну и шум стоял!

Пираты отпрыгнули в сторону.

— А где эти негодяи? — спросили хором деда Морозы.

Пираты кинулись со всех ног, а колдун не успел за ними, он сел на корточки и бормотал:

— Я нечаянно, они меня заставили! Пощадите меня!

— Алиса! — по коридору шел высокий молодой человек в белом камзоле, он вел под руку красивую девушку в синей шубке с белым меховым воротником.

Алиса удивилась. Она не знала этого молодого вельможу. Но тут же она догадалась.

— Неужели это ты, Дружок? — воскликнула она.

— Именно так, — сказал молодой граф Другонрав. — А это моя любимая невеста снегурочка Лизавета.

Снегурочка поздоровалась с Алисой и кинулась к самому высокому и толстому из дедов Морозов.

— Папочка! — закричала она. — Они тебя не помяли?

Дед Мороз погладил ее по головке. Тут же рядом с дедом Морозом оказались еще две снегурочки.

— Все три — внучки деда Тимофея, — сказал граф Другонрав.

Колдун, который сидел, скорчившись, в углу, вдруг спохватился и закричал:

— Я люблю тебя, Лизавета! Неужели ты забыла о наших чувствах?

— Дружок, — попросила Лизавета у своего жениха, — нельзя ли с ним что-то сделать? Я даже его голос слышать не могу.

— Я могу проткнуть его шпагой, — предложил граф.

— Нет, не так жестоко! — попросила Лизавета.

И тут Алиса вспомнила:

— Где его колдовская записная книжка со шпаргалками? Ее пираты отняли.

Она оглянулась, но пиратов не было видно.

Послышался рев. Даже стены замка задрожали. Алиса поняла, что это поднимается в небо пиратский космический корабль. Убежали все-таки.

И увезли с собой записную книжку?

И тут Алиса увидела, что книжка валяется на полу.

Колдун тоже увидел свою книжку и кинулся к ней. Но Алиса была проворнее. Она схватила книжку и отпрыгнула в сторону. А когда колдун побежал к ней, Алиса перебросила книжку графу Другонраву, а граф перекинул ее снегурочке Лизавете...

— Давайте заколдуем его! — сказала Алиса.

— Это замечательная мысль, — сказал дед Мороз.

— Во что его превратить? — Алиса стала переворачивать страницы записной книжки. — Смотрите, здесь есть мебельное заклинание. Это же замечательно!

И Алиса прочла вслух заклинание из книжки:

*В небесах плавает кровать,
А за ней салфетки.
Я хочу заколдовать
Зайцев в табуретки!*

Все удивились и молчали. Такого заклинания еще не слышали.

— Кстати, — заметил один из дедов Морозов, — ваше заклинание совершенно не похоже на заклинание. Это глупый стишок.

— Откуда, дядя, тебе знать, какие заклинания настоящие, а какие нет? — спросила Лизавета.

В комнату вошел профессор Колба, без рогов, веселый и довольный, потому что все ученые выглядят довольными, если сделают великое открытие.

— Я всех вас поздравляю с хорошим концом нашей истории, — сказал он. — Но я не вижу среди вас главного негодяя колдуна Парфюмерия. Где он?

Все стали крутить головами, но колдуна не было видно.

И тут граф Другонрав показал шпагой на стул, который стоял у стены.

И все увидели, как этот стул чуть приподнял одну из ножек и сделал шагок. А как известно, стулья сами не шагают.

Все смотрели, как стул медленно идет к двери.

— Это вовсе не стул! — воскликнула снегурочка Лизавета.

— И я думаю, что не стул, — сказал дед Мороз. — Но если он стул, пускай признается, что он стул, и перестанет ходить по комнате.

Стул тут же замер и сделал вид, что он — самый обыкновенный.

— Значит, заклинание подействовало, — сказала Алиса. — И я превратила в стул колдуна-недоучку. А вы, уважаемый дедушка Мороз, думали, что это ненастоящее заклинание. Теперь у графа Дружка и снегурочки Лизаветы будет стул-колдун.

Все засмеялись, а снегурочка вдруг сказала:

— Ни в коем случае! Неужели вы думаете, что я могу сесть на живого человека? А вдруг он меня ущипнет?

Граф Другонрав согласился со своей невестой.

— Мне бы тоже этого не хотелось, — сказал он. — Особенно если он примется ходить из комнаты в комнату.

— Тогда выкиньте его в окно, — заявил профессор Сидор Гаврилович. — В снег!

— Как можно! — воскликнула добрая Лизавета. — Во-первых, он ушибется. Во-вторых, он обязательно простудится.

— Ни в коем случае! — возразил профессор. — Во-первых, стулья не ушибаются. К тому же под окном растут кусты. А во-вторых, стулья не умеют простужаться. Им же чихать нечем! Пускай полежит с недельку.

— Почему с недельку? — спросила Алиса.

— Потому что здешнее колдовство непрочное. Через несколько дней стул снова станет колдуном. Но не советую пускать его в замок.

— Вы правы, — согласился Другонрав. — Прощай, неуч и предатель!

И, размахнувшись, он выбросил стул в окно. Алиса могла бы поклясться, что стул на лету попискивал. Хотя, как известно, стулья не пищат.

— Вот и все, — сказал граф Другонрав. — Я хотел сказать большое спасибо моим новым друзьям. Без вашей помощи мне бы не вернуть мою любимую Лизавету и мой замок.

— И мы бы сгинули по чужим планетам, — хором сказали деды Морозы.

— Жалко, — сказал профессор. — Мне очень жалко, что ты, Дружок, оказался не собакой, а графом. Я к тебе привык... как к собаке.

— Мы подарим вам щеночка, — сказала снегурочка Лизавета.

— А чего бы ты хотела, Алиса? — спросил граф.

— Вы же знаете, — сказала Алиса. — Вы же помните, о чем меня просила наша учительница Полина?

— Конечно! — воскликнул молодой граф. — Как же я мог забыть?

Он обернулся к отцу Лизаветы и сказал:

— Алису очень просили пригласить в Москву на Новый год настоящего живого деда Мороза и настоящую снегурочку. Можно ли мне вас попросить сходить на Землю. Это недалеко — у меня в замке есть шкаф, через который можно попасть на Землю.

— И не думай просить! — сказал дед Мороз.

И Алиса испугалась, что он сейчас откажется.

— И не думай меня просить, — повторил дед Мороз. — Ведь дед Мороз — это благородная обязанность. Все деды Морозы с удовольствием выступают перед детьми и приносят им подарки. Мы все собираемся в путь. И будем счастливы начать со школы, в которой учится наш друг Алиса.

Дед Мороз взял Алису за руку.

Снегурочка Лизавета взяла Алису за другую руку.

Профессор Колба, обнимая микроскоп, пристроился сзади.

Граф Другонрав раскрыл дверь волшебного шкафа, и они по очереди вошли в него.

Граф закрыл дверцы. И крикнул вслед:

— Лизавета, возвращайся поскорее! Я скучаю без тебя.

— Жди, вернемся! — ответила Лизавета.

Алиса на планете загадок

Алиса Селезнева с папой возвращались на корабле «Пегас» из космической экспедиции за редкими животными для Московского Космозо.

Может быть, вы еще не знаете, что Космозо — это космический зоопарк, который откроют в Москве через сто лет. Космозо — одно из самых удивительных мест в Галактике. Сюда прилетают туристы и ученые со всего Млечного Пути.

Для того чтобы поддержать славу Космозо, каждый год его директор профессор Селезнев улетает в экспедицию на дальние планеты. Иногда он берет с собой дочку Алису.

Вот и на этот раз экспедиция была удачной. Настолько удачной, что даже механик Зеленый, страшный пессимист, от которого радостного слова не услышишь и который вместо «Как поживаете?» всегда говорит: «Что у нас плохого?», на этот раз заявил, что бывал в экспедициях и похуже. А это в его устах — похвала высшего разряда!

В клетках, аквариумах, на мягких подушках и на искусственных облаках в Космозо летели шестьдесят шесть животных. Обо всех и не расскажешь. Но о некоторых стоит хоть два слова сказать.

Например, вы когда-нибудь слышали о Пузике Гигантском? Я тоже раньше о нем не слышал. Он лежит на полке в трюме «Пегаса». Похож он больше всего на синюю горошину с глазками. Но стоит ему увидеть страшный сон, Пузик глубоко вздыхает и надувается воздухом. Он становится шаром размером с медведя. В такие грустные моменты к нему ни в коем случае нельзя подходить. Ведь у него такая тонкая шкурка, что дотронешься пальчиком — лопнет редкое животное!

В том же трюме в уголке спряталась Чихалка с Валипуки Двойной. На Валипуке, как всем известно, — страшные сквозняки. От этого чихалки всегда простужены. И чихают они так сильно, что выворачиваются наизнанку. А чтобы не погибнуть, они вырастили себе ноги, глаза, уши и даже короткую шерсть внутри тела. Так что теперь им нестрашно: чихнул, вывернулся наизнанку и дальше побежал. Снова простудился, снова чихнул, снова вывернулся наизнанку...

В отдельной каюте на двух подстилках лежат половинки собак с планеты Пенелопа. Именно так! На той планете живут собаки, которых целиком никогда не увидишь. Передняя половинка собаки живет сегодня, а задняя — вчера. Они и сами себя никогда еще целиком не видали.

О ком еще рассказать? Есть на «Пегасе» клетка с редчайшим животным — Бумбаисиком непрозрачным. На клетке написано: «К сожалению, Бумбаисик непрозрачный вымер. Последнего убили охотники тридцать лет назад». Сами понимаете — никого в той клетке нет.

А вот в клетке Стрелка желтоголового висит пробочная мишень. Стрелок похож на дикобраза. У себя на родине он охотится так: увидит мышь — поворачивается к ней боком, стреляет длинной иглой. И убил! Стрелок желтоголовый может попасть иглой в мышь на расстоянии в сто шагов. А так как на корабле ему скучно, он тренируется, стреляет иголками в мишень.

Всего животных на корабле было шестьдесят шесть. И всех надо было купать, кормить, чистить, развлекать, так что члены экипажа «Пегаса» — профессор Селезнев, его дочь Алиса, механик Зеленый и капитан Полосков — были заняты с утра до вечера.

А когда подлетали к Солнечной системе и уже вздохнули с облегчением, надеясь как

следует выспаться дома, приемник космической связи включился и на его экране появилось чудовище, подобного которому даже в Космозо нет.

— Кто живой на «Пегасе»? — громовым голосом спросило чудовище. — Почему никто не радуется, что я вам позвонил?

— Еще как радуемся, Громозека! — закричала Алиса. — Где ты, что делаешь, когда прилетишь в гости?

Большой друг Селезневых космический археолог Громозека расхохотался от радости. Он обожает Алису.

Громозека немного похож на лилового слона, только вместо передних ног у него несколько пар толстых щупальцев, у него восемь круглых глаз, каждый с яблоко, а в его пасти мог бы уместиться мотоцикл, если бы Громозека питался мотоциклами.

Незнакомые с Громозекой люди и инопланетяне обычно падают в обморок от ужаса, когда в первый раз видят этого ученого. Громозека специально возит с собой бутылку валерьянки, чтобы отпаивать случайных знакомых. Сам он тоже пьет валерьянку, но не больше чем четыреста капель сразу, чтобы не нервничать на работе.

Зато друзья Громозеки, а их в нашей Галактике 321 678, знают, что добрее, веселее и вернее друга им никогда не найти.

Всю жизнь Громозека летает от планеты к планете, раскапывает погибшие и забытые города и дворцы, устраивает всюду музеи и выставки, выступает на конгрессах, конференциях и в детских садах. Лишь изредка ему удается попасть на родную планету Чумароз к жене и детишкам. Но не успеет он умять пирог с малиной, который лучше всех на свете печет его жена, запить валерьянкой и улечься с книжкой у телевизора, как у него в кармане звонит телефон и слышен чей-то голос: «Громозека, спеши сюда, ты нам нужен!» Жена плачет, дети стонут, а Громозека целует семью на прощание и улетает за тысячу парсеков спасать какого-нибудь котенка или откапывать подводный город.

Вот этот лучший друг Селезневых вызвал их по космической связи и сказал:

— Дорогие друзья! Мне удалось отыскать удивительно интересный город. Ничего более загадочного я в жизни не видал. Селезнев, загляни ко мне по дороге, не пожалеешь.

— Прости, Громозека, — ответил профессор Селезнев. — Но «Пегас» переполнен зверями, о которых надо заботиться, и я не могу их покинуть.

— Какая жалость! — взревел Громозека.

Он достал бутылку валерьянки и отхлебнул из нее ровно четыреста капель. И тут у Громозеки появилась идея:

— Селезнев! — сказал он. — Отпусти ко мне Алисочку. Клянусь всеми моими щупальцами, ей будет очень интересно. И я очень хочу, чтобы Алиса подружилась с моим сынишкой Оромозиком, которого я взял с собой на раскопки. Пора ему приучаться к отцовской профессии.

— А как Алиса доберется до тебя и вернется потом домой? — спросил Селезнев.

Алиса даже подпрыгнула от радости. Если папа спрашивает о том, как ей возвращаться домой, значит он уже решил отпустить ее к археологам. А ей, как вы понимаете, очень хотелось посмотреть на загадочный город и познакомиться с Оромозиком.

— Я все рассчитал, — ответил Громозека. — Через полчаса мимо вас пролетит крейсер Галактического патруля, я уже договорился с капитаном, что он возьмет с собой маленькую девочку, без которой я так скучаю, и завезет ее ко мне, а через пять дней я лечу в Москву на конференцию по каменным топорам и возьму Алисочку с собой.

— Ах ты, старый хитрец! — засмеялся Алисин папа. — Значит, ты с самого начала знал, что я не смогу полететь, но отпущу к тебе Алису?

— А то как же! — ответил Громозека и захохотал так, что космическая связь отключилась.

Так Алиса попала в экспедицию Громозеки на безымянной и совершенно пустынной планете.

Громозека был безмерно счастлив, что видит свою любимицу. Он подхватил гостью щупальцами и понес в столовую. Ведь он считает, что все гости умирают с голода. Сам-то он не только валерьянкой питается. Он съедает четыре обеда в день и еще ночью встает, чтобы пошарить в холодильнике.

Остальные археологи, которые как раз сидели в столовой и доедали компот, обрадовались гостье. Ей принесли чашку, которую даже поднять было нелегко. Алиса только хотела попросить чего-нибудь поменьше, как услышала голос:

— Я тебе помогу.

На соседнем стуле сидела маленькая копия Громозеки. Копия взяла чашку и залпом ее осушила.

— Как тебе не стыдно, Оромозик! — закричал Громозека.

— Гостям надо помогать, — ответил его сын.

Так Алиса познакомилась с сыном Громозеки, которого папа учил археологии. Но Оромозик не хотел учиться. Он решил стать великим певцом. К сожалению, голос у него был хоть и громким, но не очень красивым, и когда он начинал петь, археологи разбежались с раскопок, птицы улетали за горный хребет, рыбы уходили на глубину, даже муравьи прятались в муравейниках.

После обеда Громозека повел Алису смотреть на раскопки.

По дороге он рассказал ей:

— Археологи раскапывают древние города и крепости, они помогают историкам понять, как раньше жили люди, как они одевались, на каких кроватях спали и из каких кувшинов пили воду.

— Я знаю, — сказала Алиса.

— Я тоже знаю, — сказал Оромозик, который увязался за ними.

— Планета, на которую мы попали в этот раз, — продолжал Громозека, — меня очень удивила. Я уверен, что на ней никогда никто не жил. Населен был только большой остров в середине океана. На нем мы с тобой и находимся. На этом острове мы раскопали много интересных и таинственных вещей. Я тебе все это сейчас покажу. Но главное — никто из нас не может понять, что эти вещи означают.

Громозека остановился на краю поля, с которого роботы сняли траву и землю. А под землей они нашли остатки разных зданий.

— Видишь, Алиса, — сказал Громозека. — Вон там был круглый дом, который мы называем цирком. Вон там дальше остатки большого зала. Он похож на театр. А вон там всевозможные круги и полосы, как будто кто-то строил здесь карусели. И ты не поверишь, но мы до сих пор не нашли ни одного дома, в котором можно жить, не нашли ни одной фабрики или завода. Совершенно непонятно, где жители этой планеты работали и ночевали.

— Они никогда не работали, — сказал Оромозик, — они целыми днями пели. Как жалко, что они меня не дождались! Я бы стал петь вместе с ними.

— Оромозик, умоляю, только не пей! — попросил его отец. — Когда ты поешь, у меня

все мысли вылетают из головы.

Оромозик не обиделся, а быстро полез по ноге отца, забрался в большой боковой карман, и оттуда послышалось хрустение.

— Мой мальчик так любит ванильное печенье, — сказал Громозека, — что я всегда с собой его ношу.

Показав раскопки, Громозека повел гостью смотреть на вещи, которые экспедиция выкопала из земли.

Вещи лежали на большом длинном белом столе в самой большой палатке.

— Это совершенно необыкновенные находки, — сказал Громозека. — Что мы обычно находим? Разбитые кувшины, ножницы, бусы, водопроводные трубы, гвозди, прекрасные статуи и ночные горшки.

— Папа! — послышался голос из кармана Громозеки. — Я запрещаю тебе говорить при нашей гостье о таких ужасных вещах, как ночные горшки и памперсы.

— Ах, прости, Алиса, я не подумал!

— А я и не обиделась, — сказала Алиса. — Рассказывай дальше, Громозека.

— Погляди, что мы здесь раскопали, — продолжал Громозека.

Алиса пошла вдоль стола, рассматривая находки археологов.

— Что это? — спросила Алиса, показав на целую армию стаканчиков.

— Это просто стаканчики для лимонада и других сладких напитков. Здесь их тысячи.

— А это похоже на компьютерную игру, — сказала Алиса.

— Правильно, — сказал Громозека. — Только она сломанная, и потому ее бросили или забыли. А вот это все — фантики от конфет. А это...

Оромозик высунулся из кармана и крикнул:

— Это кепочка от солнца, я знаю! Только козырек потерялся.

Потом Алиса увидела много мячей, от большого, в обхват, до совсем маленьких. Они были разноцветные, некоторые разорваны, раздавлены, а другие почти как новые.

— А на самом дальнем конце раскопок, — сказал Громозека, — мы отыскали коробку. Хочешь поглядеть?

Громозека протянул Алисе большую плоскую коробку. Совсем новую. Внутри коробки лежали толстые фломастеры. Шесть фломастеров: голубой, зеленый, желтый, красный, лиловый и черный.

Алиса любит рисовать, и ей захотелось попробовать ископаемые фломастеры, но она знала, что археологические находки нельзя хватать руками.

Сначала надо узнать, кто жил раньше на планете, куда эти жители делись и зачем им понадобились фломастеры. Может, они раскрашивали лица на маскараде? А потом они погибли или улетели?

Алиса положила коробку на стол и принялась смотреть на другие находки. Она разглядывала их, но все время снова оборачивалась к коробке с фломастерами — уж очень они ей понравились.

Оромозик высыпал из кармана отца крошки от ванильного печенья, потом вывалился сам, грохнулся на землю, но не ушибся, подкатился к Алисе и сказал:

— Гулять пойдем или как?

Алисе не хотелось обижать малыша, и она согласилась:

— Пойдем, погуляем.

— Только далеко не отходите, — сказал Громозека.

— Разве здесь есть опасные звери? — спросила Алиса.

— Здесь нет никаких зверей — ни опасных, ни безопасных.

Алиса с Оромозиком пошли по тропинке, которую протоптали археологи, и вышли на берег озера с теплой водой. На берегу озера сидел котенок с одним большим голубым глазом посреди лба.

— Здравствуй, Алиса, — сказал котенок. — Мы с тобой незнакомы, но нам придется еще не раз встретиться. Меня зовут Rrrr, я археолог и друг Громозеки. Я не смог тебя встретить, потому что я заядлый рыболов и все свободное время провожу с удочкой.

— А рыбы в озере нет! — закричал Оромозик.

— Попрошу потише, — обиделся котенок Rrrr. — Правда, я еще не поймал ни одной рыбки, но ведь это ничего не значит. Может, мне просто не везет.

— А на что ловите? — спросила Алиса.

— Обычно я ловлю на червя, — сказал археолог, — но здесь черви не водятся, так что я ловлю на голый крючок.

Археолог Rrrr вытащил крючок из воды, поплевал на него и закинул снова в озеро.

— Вы не будете возражать, — спросила Алиса, — если мы с Оромозиком искупаемся?

— Купайтесь, дети, — ответил археолог, — только отойдите подальше, а то вы мне всю рыбу распугаете.

Он подумал немного, вздохнул и добавил:

— Если она в этом озере есть.

Алиса быстро нашла небольшой песчаный пляж. Отличное место для купания.

Вода в озере была теплой и щекотала кожу, потому что со дна озера били роднички, отчего вода пенилась.

Оромозик тоже пошел купаться, но ему очень трудно плавать. Он ведь круглый и очень легкий. Он не мог погрузиться в воду, а плавал, как футбольный мяч.

Так что Алиса плыла вперед и подталкивала Оромозика перед собой.

Плыть было приятно, спешить некуда, и поэтому они разговаривали.

Оромозик рассказал, как здесь работают археологи, и признался, что будет знаменитым певцом. Алиса рассказала про экспедицию за космическими животными и о том, что она хочет стать биологом, то есть изучать животных.

— А еще я знаю, — сказал Оромозик, — что ты любишь рисовать.

— Почему ты так решил?

— Нет, ты признайся, любишь рисовать или как?

— Люблю.

— Я догадался, потому что ты по-особенному на фломастеры смотрела. Как на коробку с конфетами. Хочешь я их для тебя утащу у папы?

— Ни в коем случае! — испугалась Алиса. — Ты можешь нанести вред науке. К тому же брать чужие вещи нехорошо!

— Но ты порисуешь, а потом мы положим фломастеры на место. И никто даже не заметит.

— Нет, нельзя.

— А если спохватятся, то я скажу, что это я взял. Пускай меня отшлепают. Мне не больно.

— Лучше я потерплю до дома и там возьму собственные краски.

— Значит, не хочешь или как?

— Не хочу и никак.

— Тогда давай нырнем.

— Как же ты нырнешь?

— А ты надави мне на голову. Как следует.

Алиса попыталась затолкать Оромозика в воду, но он погрузился только наполовину, и тут вода с такой силой вытолкнула шар, что он подпрыгнул над водой и Алиса выскочила из воды по пояс.

— Спасибо, — сказал Оромозик. — Теперь я тебе за это спою что-нибудь громкое.

И он запел таким противным голосом, что Алиса не вытерпела, нырнула и проплыла под водой метров пятьдесят. Но даже на таком расстоянии все было слышно. Какое счастье, подумала Алиса, что в озере не водится рыба, а то бы она сдохла от этой песни.

— Я больше не могу! — закричал с берега археолог Рррр. — Я сматываю удочки!

Но Оромозик ничего этого не слышал. Бывают такие певцы, особенно среди птиц, которые, когда поют, ничего вокруг не слышат — подходи и бери голыми руками. Поэтому, кстати, глухаря и зовут глухарем.

После купания Алиса вернулась на раскопки.

Громозека разрешил ей поработать, чтобы не сидела без дела.

Алисе дали лопатку и широкую упругую кисть. Перед Алисой шел робот, который раскапывал и рыхлил землю. Если попадалось что-то новое, робот отходил в сторону и замирал, а Алиса приступала к настоящим раскопкам.

Она начинала тщательно отчищать вещь от земли.

Сначала ей попалась золотая монета с не известной никому надписью, потом черепок от чашки с цветочком.

Узнав о черепке, притопал Громозека.

— Ты сделала замечательное открытие! — проревел он. — Ведь по этому цветочку мы сможем отыскать планету, где он растет, и открыть тайну этого пустыря.

Громозека называл планету, на которой вел раскопки, пустырем, раз на ней не было ни одного города, завода или дворца.

Черепок отнесли к компьютеру, чтобы тот занялся поисками.

Стало жарко. Алиса почувствовала, что устала. Она отошла в тень куста.

Тут прибежал Оромозик, который на жару не обращал внимания.

— Отдыхаешь? — спросил он.

Алиса кивнула.

— Лимонаду тебе принести?

— Спасибо, я сама схожу.

Оромозик сложил на пузе щупальца и задумался.

— Понимаешь, в чем проблема! — произнес он наконец. — Ты мой лучший друг. Я голову сломал, чтобы придумать, чем бы тебя порадовать. Но до сих пор почти ничего не придумал. Скажи, что мне сделать, чтобы ты меня полюбила хотя бы в десять раз меньше, чем я тебя люблю. Хочешь, я буду петь для тебя с утра до вечера?

— Только не это! — воскликнула Алиса. Но ей не хотелось обижать Оромозика, и поэтому она сказала неправду: — Когда я тебя слушаю, я забываю обо всем остальном.

— Ладно уж, — сказал Оромозик, который уж было приготовился петь и раскрыл пасть, слишком большую для такого маленького ребенка. — Я все равно придумаю для тебя чудесный подарок.

Он ушел, а Алиса прилегла на жидкую травку, солнце припекало, его лучи пробивались сквозь листву куста, жужжали какие-то мелкие насекомые, которым и дела не было до людей... И Алиса незаметно для себя заснула.

Надо тут признаться, что Алиса тысячу раз старалась поймать тот момент, когда она засыпает. Вот, бывает, хочется ей спать, она лежит и не спит. Она считает до ста — и не спит, а потом вдруг просыпается. Как проснулась — помнит. А как заснула — ни разу не поймала этого момента.

Вот и в тот раз — она проснулась.

Не заметив, как заснула.

Небо затянуло облаками, надвигался вечер, от столовой доносился звон ножей и вилок. Мимо прошел археолог Рррр, который нес поднос с находками. Значит, он не все время рыбачит!

Алиса вскочила и побежала умыться.

Потом она увидела голову Громозеки, который не помещался в раскоп. Он трудился как экскаватор, только поток земли ложился валиком рядом с ним.

— Как дела? — спросила Алиса.

— Кажется, я нашел стул, — сказал археолог. — Надо его очистить и достать до ужина.

Солнце клонилось к закату.

Где же мой друг Оромозик?

Оромозика нигде не было видно.

Наверное, он тоже лег поспать.

— А где твой сын? — спросила она Громозеку.

— Только что тут был, сорванец, — ответил Громозека. — Если его увидишь, скажи, чтобы руки мыл и спешил обедать.

Громозека вздохнул и добавил:

— Я ума не приложу, что скажу нашей маме, когда мы вернемся из экспедиции. Боюсь, что Оромозик так похудел, что его придется класть в больницу!

— Неужели он был еще толще, чем сейчас! — воскликнула Алиса.

Громозека задумался.

— Значит, ты не думаешь, что мой мальчик исхудал?

— Я так не думаю.

— А ты сама еще не обедала. Ты сама исхудала! — переключился Громозека на Алису.

Он вылез из раскопа и велел Алисе следовать за ним в столовую.

— Сейчас я заставлю тебя есть суп, — сообщил он. — Я знаю, что все дети не любят суп, я сам был ребенком и сам его не выносил. Я прослежу, чтобы вы с Оромозиком питались полноценно. Кстати, где мой малыш? Ты его не видела?

— Я же говорила...

— Ах да, ты его сама искала... И это становится тревожным. И знаешь почему?

— Почему?

— Потому что на этой планете совершенно невозможно потеряться или заблудиться.

Громозека говорил громко, как будто себя уговаривал. А на самом деле разволновался так, что посинел.

— Оромозик! — закричал он так, что горы на горизонте зашатались. — Немедленно иди домой, паршивый мальчишка!

Никакого ответа. Все замерло, даже солнце остановилось и не опускалось к горизонту,

чтобы не наступила темнота. Даже природа перепугалась. Помолчав минуты две, все начали кричать снова.

— Оромозик! — разносилось над планетой. — Оромооооо-зик!

И эхо повторяло:

— Оромозик! Домой немедленно!

Вдруг все побежали в палатку, где спали Громозека с сыном. Палатка была большая, как сарай.

В палатке царил беспорядок. Круглое лежбище Оромозика было измято, подушки разбросаны по полу...

— Профессор Громозека! — воскликнул археолог Рррр. — Обратите внимание.

И тут все увидели, что на песчаном полу палатки палочкой нацарапано:

МЕНЯ УРКАЛИ...

— Он успел написать почти без ошибок, — зарыдал Громозека. — Его тащили, а он продолжал писать, отличник ты мой дорогой!

Пытаясь перекричать рыдания Громозеки, Алиса спросила у Рррр:

— Вы уверены, что на этой планете нет разумных существ?

— Разумеется, — ответил Рррр, — перед тем как начать раскопки, мы все проверили. Если здесь и были когда-то разумные существа, то последнее из них улетело или сгнуло тысячу лет назад. И как вы уже знаете, Алисочка, здесь даже махонькой рыбки не поймашь, даже комаров почти не осталось.

— Значит, Оромозика некому было похитить?

— Совершенно некому.

— А вдруг сюда незаметно прилетели космические пираты? — спросила Алиса.

— Наши приборы наверняка бы их засекли, — сказал котенок Рррр. — Да и зачем им сюда прилетать? У нас ведь грабить нечего.

— Я не согласна. Они могут прилететь сюда, украсть Оромозика или хотя бы меня, а потом потребовать выкуп.

— Ах, Алиса, не нервируй меня, — вмешался Громозека. — Никого здесь нет, никого, кроме нас. И это ужасно. Потому что мы не знаем, кто виноват.

— А может, его никто не похищал? — спросила Алиса.

— Если никто не похищал, то почему он написал эти страшные слова на песке?

Тут все встrepенулись и разбежались в разные стороны искать Оромозика. Громозека велел Алисе не отходить от него ни на шаг. Он совсем не желал, чтобы ее тоже похитили.

До самой темноты археологи бегали и ездили на вездеходах по окрестностям, обследовали весь лес и озеро, голоса сорвали, крича, но никаких больше следов малыша не обнаружили.

Только когда стемнело, возвратились в лагерь.

Вокруг летали светлячки и золотые цикады, горели фонари, было тихо, уютно, но все были так расстроены, что даже ужинать почти не стали.

Так, выпили по чашке чаю и улеглись по палаткам.

Только не спалось.

Тяжело вздыхал и сопел Громозека, представляя, каково его малышу спать в холодном лесу на скользких камнях, мяукал от кошмаров археолог Рррр, ворочались и стонали остальные археологи.

Утром обнаружилось, что Громозека за ночь так похудел, что у него с ног на каждом

шагу падали ботинки.

Помывшись, археологи побрели в столовую.

И вдруг Rrrr, который шел первым, вскочил на стул и схватил со стола бумажку.

— Записка! — сообщил он.

Громозека тут же отобрал у него записку и прочел вслух:

«МЕНЯ ОХИТИЛИ ТРЕБУЮТ ВЫКУП ЦВИТНЫЕ ФЛАМАСТЕРЫ С РАСКОПОК ПОЛОЖИТЕ ВЫКУП НА КАМЕНЬ ЗА ОЗЕРОМ НО НЕ ПОДГЛЯДЫВАЙТЕ ПУСКАЙ ВЫКУП ПРИНЕСЕТ АЛИСА В СЕМЬ ТРИДЦАТЬ УТРА ЕСЛИ БУДЕТЕ ВЫСЛЕЖИВАТЬ АЛИСУ ОНИ МЕНЯ НЕ ПОЖАЛЕЮТ И УБЬЮТ МЫ ВСЕ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ ПРОЩАЙ ПАПОЧКА ТВОЙ ОРОМОЗИК».

Пришлось потратить минут десять, прежде чем удалось утешить Громозеку. От его слез началось небольшое наводнение и затопило кухню.

— Это почерк моего сына! — кричал Громозека. — Это его любимые грамматические ошибки, из-за которых его чуть было не оставили на второй год в первом классе. Я найду этих злодеев и задушу собственными щупальцами!

— О нет! — закричали археологи. — Не надо их искать. А то они растерзают нашего любимого Оромозика.

— Я схожу и отнесу фломастеры, — сказала Алиса. — И ничего не случится. Потому что на планете никого нет.

— Я не допущу! — Громозека сгреб Алису в объятия и попытался убежать с ней в палатку, но Алиса знала, как обращаться с Громозекой. Она начала щекотать его под щупальцами, и Громозека не выдержал, захихикал и отпустил девочку.

Алиса кинулась было к складу, где хранились находки, но Громозека ее перехватил.

— Что я скажу твоему папе? — спросил он.

— Ничего особенного.

— Оставайся здесь, я пойду к этим негодяям сам, отдам им фломастеры и скажу: ешьте меня вместо Алисы и Оромозика!

— Мы принесем фломастеры обратно, — сказала Алиса.

— Нет, нельзя, — вздохнул Громозека. Он уж было почти сдался, но тут вспомнил: — Нельзя их уносить — это не наша собственность.

— Уважаемый Громозека, — вмешался Rrrr, — я тебе обещаю: мы будем искать с утра до вечера, мы всю планету перекопаем, но найдем другую коробку с фломастерами.

— Да! — поддержали его остальные археологи. — Жизнь Оромозика дороже всех фломастеров мира.

Но Громозека не сдавался, он рвался спасти сына, но фломастеры не отдавал и Алису в лес не пускал. Что делать? Непонятно.

Пришлось совершить преступление.

Алиса сговорила с археологами, они достали из аптечки сто снотворных таблеток и подсыпали Громозеке в его гигантскую кружку с чаем. Громозека выпил чай одним глотком, поставил пустую кружку и сказал, что будет сидеть за столом, пока не наступит утро. И потом пойдет на озеро вместо Алисы.

Тогда археологи вытащили из холодильника фляжку с валерьянкой, которую хранил там начальник экспедиции, вылили в кружку, добавили туда ведро лимонада и высыпали остатки таблеток. Алиса сказала:

— Тебе нужны витамины, Громозека.

Громозека залпом выпил вторую кружку.

Все археологи собрались вокруг и ждали — неужели и вторая порция не подействует?

И вдруг Громозека потянулся всеми щупальцами, заморгал восемью глазами и хрипло произнес:

— Пожалуй, перед уходом мне надо полчаса вздремнуть.

И ушел, пошатываясь, к себе в палатку.

Все услышали, как он рухнул на матрац, и тут же послышался его храп.

Алиса могла идти к озеру.

Времени еще было достаточно, и археологи начали давать ей советы. Один говорил, что надо надеть бронежилет, но бронежилета в экспедиции не нашлось. Другой сказал, что к бандитам нельзя идти без пистолета, но пистолета в экспедиции тоже не было.

Потом археологи решили, что они тайком пойдут следом за Алисой и спрячутся в лесу. Если Алисе кто-нибудь будет угрожать, они выскочат все вместе ей на помощь.

— Послушайте, друзья, — сказала тогда Алиса. — Я уверена, что ничего мне не грозит. У меня есть одна теория, но сначала я все же схожу к пещере.

За всеми спорами и разговорами короткая летняя ночь прошла. Начало светать. Археологи показали Алисе дорогу вокруг озера, проводили ее до тропинки и долго махали ей руками, желая счастливого пути.

Хорошо гулять по лесу на рассвете. Особенно по незнакомой планете. Деревья и цветы вокруг незнакомые, но красивые, впереди деревья расступаются, и ты видишь широкую долину.

Алиса не обращала внимания на красоту леса. Она спешила по узкой тропинке, протоптанной археологами, которые ходили на озеро купаться.

Алиса обежала озеро и увидела большой камень плоский, как стол.

Туда Алиса и поспешила.

Надо сказать, что Алиса с самого начала не поверила в историю с похищением Оромозика. Эту каверзу Оромозик подстроил сам. И, возможно, по очень простой причине: он знал, что Алисе хочется порисовать фломастерами, но она не решается. Вот он и решил сделать так, чтобы Алиса принесла фломастеры ради спасения ребенка.

Если все не так, то как вы объясните, что некто страшный, похититель и злодей, хочет получить за мальчика всего-навсего фломастеры? Значит, это сумасшедший похититель.

Алиса подозревала, что участвует в глупой мальчишеской шутке, но не могла же она наябедничать Громозеке на его собственного сына, не так воспитана. Да и не была до конца уверена в своей правоте. Мало ли что бывает в космосе! А вдруг эти фломастеры волшебные?

Алиса положила на теплый серый камень коробку с фломастерами.

Потом открыла ее, чтобы проверить, что все фломастеры на месте.

Каждый из них лежал в своей ячейке, и Алисе захотелось попробовать, как они рисуют. Но она сдержалась и быстро закрыла коробку.

Ничего не случилось.

Прилетел пузатый мохнатый шмель и сел на коробку. Шмель был немного похож на Оромозика, но все-таки это был не Оромозик.

Шмель почистил прозрачные крылья и полетел дальше.

Алиса осмотрелась. Неподалеку темнел вход в небольшую пещеру, справа от нее тянулись заросли кустов. Где же он прячется?

— Оромозик, я здесь! — сказала Алиса. — Я принесла выкуп.

Может быть, ей надо отойти, чтобы не спугнуть похитителей или самого Оромозика?

Она досчитала до ста, но все равно ничего не произошло. Это Алисе совсем не понравилось.

А ведь Алиса думала, что, как только она подойдет к камню, из кустов или из пещеры выскочит Оромозик, подкатится к ней и закричит:

— Мы их одурачили! Теперь рисуй в свое удовольствие.

Но Оромозик не выбегал.

Тогда Алиса решила сама проверить, что таится в пещере.

Она подняла с камня коробку и шагнула в пещеру.

Из кармана Алиса достала пальчиковый фонарик. Она включила его, и сильный, тонкий луч света пронзил темноту пещеры.

Пещера уходила прямо в глубь горы как туннель метро.

Алиса сделала несколько шагов и остановилась. Она прислушивалась.

Ей показалось, что спереди доносятся мелодичные нежные звуки, будто играет скрипка.

Но откуда взяться скрипке в этой пещере?

Дальше Алиса шла осторожнее.

Музыка звучала все ближе, но вдруг Алисе почудилось, что за ней кто-то крадется.

Она замерла. Она всей кожей чувствовала опасность. Недаром ей пришлось побывать на дальних планетах и попадать в опасные переделки. Так что к Алисе даже муха незаметно не подкрадется.

Впереди в стене был выступ. Миновав его, Алиса прижалась спиной к стене и выглянула наружу.

Луч фонарика осветил зубастую морду самого настоящего дракона. Был дракон светлый, словно перепачкался мелом, когда-то у него было три головы, но одну кто-то отрубил, так у дракона оказалось три шеи и только две головы. Наверное, из-за этого, подумала Алиса, он зол на всех людей. Если, конечно, голову отрубил богатырь, а не соперник в схватке за дракониху.

Дракон зажмурился от света фонарика и ускорил шаги.

Значит, здесь есть чудовище! И Оромозик не шутил? И может быть, он уже лежит в животе этого дракона?

Алиса кинулась вперед со всех ног. Дракон поспешил за ней. Он не издал ни звука, даже не рычал. Потолок пещеры был для него низок, так что дракону приходилось бежать на полусогнутых лапах, волоча пузо по полу.

Ничего себе, археологи! — подумала Алиса. А сами сказали, что тщательно исследовали пещеру перед высадкой. Это так непохоже на осторожного Громозеку.

Перед Алисой показался круглый зал. Вбежав в него, Алиса увидела, что дальше ведут два хода. Один широкий, другой совсем узкий.

— Прости и прощай, — сказала Алиса дракону и нырнула в узкий проход.

Дракон сунулся было за ней, но в проход вместились лишь одна из голов. Дракон беззвучно щелкал зубами. Его глаза горели в ночи как зеленые фонари.

Алиса поспешила дальше — все равно обратно не вернуться.

С каждым шагом потолок хода опускался, стены сходились все теснее.

Вскоре Алисе пришлось стать на четвереньки.

Неужели дракон специально загнал ее в ловушку? Очень похоже.

А вдруг это разумный дракон? Один из драконов и похитил Оромозика и желает заполучить фломастеры, чтобы на досуге рисовать пейзажи.

Алиса посветила фонарем перед собой и сразу увидела на песке след круглой ноги.

Оромозик был здесь! Он тоже пробирался этим ходом!

Ведь никто, кроме него, не носит круглых ботинок, потому что у него слоновьи ноги.

Значит, Оромозик спасся от дракона тем же путем.

Совсем близко звучала нежная музыка.

Все это Алисе не понравилось.

И драконы, и музыка, и следы в пещере.

Алиса проползла несколько метров на четвереньках, и тут ход кончился, уперся в каменную стену. Но перед стеной обнаружилась дыра, из которой и доносилась музыка.

Алиса посветила фонариком в дыру. Внизу была видна вода. Как в глубоком колодце. Это было небольшое подземное озеро.

Прыгнуть или не прыгнуть?

Как с вышки в бассейне. Только вот неизвестно, глубокое ли озеро.

Но ведь малыш Оромозик, конечно же, упал вниз — больше некуда деваться.

Алисе тоже некуда деваться. Сзади ее подстерегает дракон.

Алиса схватилась руками за края отверстия, повисла на пальцах — теперь до воды оставалось метра три-четыре.

Ну что, рискнем?

Алиса отпустила пальцы и солдатиком упала вниз.

К счастью, озерцо оказалось не очень мелким — она лишь коснулась ногами дна и сразу вынырнула. В два гребка она доплыла до берега. И прежде чем выбраться на песочек, обернулась, стоя по колено в холодной воде.

И правильно сделала, что обернулась.

Из озера высунулась морда белого крокодила, который разинул пасть от удивления и выпучил глаза, словно хотел спросить: кто тут падает мне на голову?

Алиса выскочила на берег, прежде чем крокодил сообразил что к чему и схватил ее.

— Мне у вас совсем не нравится, — сказала она крокодилу. — Почему археологи не подозревают, что в пещерах водятся драконы и крокодилы? Как бы вы не загубили моего дружочка!

Крокодил щелкнул зубами и пополз на берег, наверное, давно не закусывал девочками.

— До свидания, — сказала ему Алиса и побежала по берегу озера, пока не отыскала выход из подземного зала, туннель, по дну которого тек небольшой ручеек.

Вскоре туннель привел Алису в обширный высокий подземный зал.

Стены зала переливались зелеными искорками, и их было так много, что можно было выключить фонарик — в зале было почти светло.

В дальнем конце зала было возвышение, на котором расположился оркестр. Оркестр как оркестр, исполнял нежную музыку. Только вместо людей в нем играли большие, как собаки, крысы. Крысы-трубачи, крысы-скрипачи, крысы-флейтисты и медведь-барабанщик. И все белые-белые, в белых костюмах и белых тапочках.

При виде Алисы оркестр прекратил играть, и оркестранты обернулись к Алисе.

— Простите, — сказала Алиса, — вы здесь не видели Оромозика? Он похож на слона со щупальцами, он очень милый и добрый ребенок.

И тут раздался тихий голос:

— Аааах...

И с потолка упала большая белая летучая мышь.

— Как тебе не стыдно, девочка, — сказал медведь-барабанщик. — Разве ты не знаешь, что у нашей любимой вампирицы такие слабые нервы! От слов «слон со щупальцами» она падает в обморок.

— Простите, — сказала Алиса и поспешила дальше.

Вскоре она оказалась на развилке. Перед ней начинались три одинаковых коридора.

Перед каждым стояло по белой мраморной статуе. Статуи изображали гномов с завязанными глазами.

Алиса решила пойти средним коридором. Но как только она поравнялась со статуей, та сказала:

— Неправильным путем идете, девушка.

Алиса поблагодарила статую и перешла к следующему коридору.

Вторая статуя радостно засмеялась и сказала:

— Правильным путем идете, девушка.

Алиса пошла тем коридором, который через сто шагов уперся в закрытую дверь.

Еще не хватало, подумала Алиса, чтобы дверь оказалась запертой, а сзади появился проклятый дракон.

Но дракон не появился, а дверь со скрипом растворилась.

Алиса зажмурилась от яркого утреннего света. Солнце уже высоко поднялось над семью горами и осветило унылую серую пустыню.

Сзади послышался шум.

Алиса обернулась и увидела, что белая статуя закрывает дверь. Тут же лязгнул замок.

Алиса сказала:

— Подожди, пожалуйста, может быть, мне надо совсем не сюда.

Но дверь уже была заперта, и Алиса оказалась совершенно одна в пустыне.

Алиса не успела расстроиться, как увидела на песке круглые следы Оромозика. Значит, она на правильном пути!

Она посмотрела вперед. Следы Оромозика уходили вдаль и пропадали в пыли. Ни единого кустика не было видно, ни пальмы, ни холмика. Лишь на горизонте поднимались голые горы. Так что еще неизвестно было, что лучше — попасть на обед дракону или умереть в пустыне от жажды.

По крайней мере у нее есть занятие — догнать и спасти Оромозика.

Следы малыша были неровными, порой расстояние между ними было побольше, порой поменьше, словно малыш устал или боялся чего-то, шел и пошатывался.

От жаркого солнца воздух над пустыней плыл и поблескивал, горы колебались, и казалось, что перед ними тянется полоска воды. Но Алиса знала, что это мираж — горячий воздух над пустыней всегда обманывает путников.

Поэтому, увидев домик посреди пустыни, Алиса не сразу поверила, что он настоящий.

Совсем небольшой домик, наверное, его даже можно назвать хижинкой, стоял посреди пустыни. Был он слеплен из глины, с маленькими кривыми окошками, крыша была из сучьев. Домик как будто вырос из этой пустыни, будто его и не построили, а дали ему подняться как грибу.

Алиса побежала к домику, проваливаясь в горячий песок. Маленький скорпиончик

увязался за ней и никак не отставал. Алиса порой оглядывалась, а скорпиончик становился все больше и больше.

Алиса досчитала до тысячи, когда, наконец, добежала до дома. Она сразу захлопнула за собой распахнувшуюся деревянную дверь. Скорпион с разбегу налетел на дверь, послышался удар. Видно, скорпион сильно вырос.

Алиса осмотрела хижину. Была она маленькой, четыре шага на четыре, а в дальнем углу, прислонившись спиной к стене, сидел Оромозик.

Живой и невредимый.

Только сильно похудевший.

Он протянул к Алисе щупальца. Они дрожали.

— Алисочка... — пробормотал он. — Я думал... Я думал, что умру и никто меня не найдет. Я так боялся... Алисочка, дай мне воды, а то у меня жидкости даже на слезы не хватает.

— Извини, Оромозик, — ответила Алиса, страшно довольная тем, что отыскала малыша. — Но у меня нет с собой воды. Я же не знала, что попаду в пустыню.

— Но ведь ты меня искала?

— Конечно, искала.

— Ты нашла мою записку?

— Ее все прочли, и твой папа сильно переживает.

Мальш всхлипнул.

— Я тоже переживаю. Если бы я знал, что так все плохо кончится, я бы не стал придумывать про фломастеры.

— Я их принесла, — сказала Алиса.

— Лучше бы ты лимонаду принесла, — проворчал несчастный Оромозик.

— Ты сам придумал такое приключение, — ответила Алиса.

В домике потемнело. Алиса посмотрела в окно. В него заглядывал громадный скорпион. Влезть он не мог, но старался развалить глиняную стенку. Алиса поняла, что это — ее преследователь. Как он вырос!

— Я хочу к папе! — закричал Оромозик. — Уйди, проклятое насекомое!

Он так пронзительно закричал, что скорпион отпрыгнул от окна и побежал по пустыне прочь. Алиса поглядела в окошко — на бегу скорпион уменьшался, пока не стал чуть больше муравья ростом и не спрятался за песчинку.

— Перестань ныть, — строго сказала Алиса. — Ты уже не маленький. Твоего голоса скорпионы боятся. Потерпи, скоро нас спасут.

— Нас никто не спасет! Кто догадается искать нас в пещере?

— А как ты туда попал?

— Я тебя ждал на берегу озера, потом захотел спать и забрался в пещеру. Только забрался — вижу страшного дракона!

— Сколько у него было голов? — спросила Алиса.

— Две головы целые, а одна отрубленная, — ответил Оромозик.

— Тот же самый, что и за мной гонялся, — сказала Алиса.

— Я бежал от него, чуть не застрял в какой-то дырке, потом провалился в колодец, а там знаешь кто меня ждал?

— Знаю, — вздохнула Алиса. — Белый крокодил.

— Ну, тебе неинтересно рассказывать!

— А ты крысиный оркестр видел?

— Там медведь на барабане. Он как на меня зарычит! Вот я и убежал сюда. В пустыню. И мы здесь с тобой погибнем.

— Археологи поднимутся на воздушном катере и обязательно нас найдут.

— А мы уже от жажды погибнем, — сказал Оромозик. — Неужели тебе пить не хочется?

— Уже немножко хочется.

— Тогда сделай что-нибудь! Сделай!

— Ну откуда я возьму воду! — рассердилась Алиса. — Нарисую, что ли?

— А то и нарисуй, — сказал Оромозик. — Только чтобы она мокрая была, а не понарошку.

— Чем же я нарисую тебе воду? — улыбнулась Алиса.

— У тебя есть фломастеры, — сказал Оромозик. Даже не задумался. — Где они, ты не потеряла коробку?

— Нет, они здесь, в кармане куртки.

— Тогда рисуй!

— На чем? — спросила Алиса.

— На стене!

— Стена шершавая и неровная — ничего не выйдет.

— Найди что-нибудь гладкое, — потребовал Оромозик.

И тут Алиса поняла, что в одном из окошек вставлено стекло.

Чтобы успокоить малыша, она открыла коробку, выбрала зеленый фломастер и нарисовала на стекле красивую развесистую пальму с кокосовыми орехами.

Оромозик поднялся и подошел поближе. Ему было интересно.

— А теперь нарисуй траву, — велел он.

Алиса послушалась и нарисовала траву вокруг пальмы.

— А где вода? — спросил Оромозик.

Алиса взяла голубой фломастер и нарисовала ручеек, который начинался в траве у пальмы и потек по стеклу до самой рамы.

— Нравится? — спросила Алиса.

Ей самой картинка понравилась, и даже показалось, что вода в ручейке движется и течет.

Но Оромозик Алисе не ответил.

Он подбежал к двери и распахнул ее.

— Я сбегая к ручью, — крикнул он. — Напьюсь и вернусь.

— Оромозик! Ведь это не настоящая вода, а нарисованная.

Но Оромозик уже выкатился из двери, но тут же влетел обратно.

Он весь дрожал.

— Там... — бормотал он. — Там... честное слово, нам конец пришел!

И Алиса увидела, что к домику через пустыню несется, поднимая тучи пыли, огромный полосатый носорог с красным рогом, заточенным как сабля.

— Сюда! — приказала Алиса. — Лезь в окошко.

Она открыла окошко, на котором была нарисована пальма и ручей, и подтолкнула к нему Оромозика.

И тут она увидела, что на физиономии Оромозика написано изумление и он быстро

моргает всеми своими восемью глазами.

— Ой-ой-ой-ой! — бормотал он.

Алиса тоже выглянула в открытое окно и не поверила глазам.

Оказывается, все, что она нарисовала фломастерами на стекле, появилось снаружи на самом деле.

Где была нарисованная трава — росла трава настоящая, где была пальма с кокосовыми орехами, покачивалась под ветерком настоящая пальма, а ручеек не только тек среди травяных берегов, но даже журчал.

— Так не бывает! — закричал Оромозик.

Топот носорога был слышен, словно к ним приближался поезд.

— Лезь в окно! — Алиса попыталась посадить Оромозика, но разве девочке под силу вытолкать в окошко слоненка?

— Скорее! — кричала она.

В последний момент Оромозик подтянулся щупальцами и вывалился наружу.

Носорог добежал до дома, промахнулся мимо двери и ударил рогом в стену. Рог пронзил стену и высунулся внутрь домика.

Пока носорог вытаскивал рог, Алиса быстренько прикрыла окно и черным фломастером нарисовала на стекле лодку с веслом, как раз посреди ручья.

Носорог выгащил рог и снова разбежался, чтобы разгромить домик и добраться до Алисы. Этого времени Алисе хватило, чтобы открыть окно, выбраться в него и побежать по траве к ручью.

Сзади послышался треск.

Домик упал, словно карточный, и носорог принялся топтать его как злейшего врага. Очень тупое животное — этот белый носорог!

Оромозик уже добежал до ручья, оглянулся и крикнул Алисе:

— Посмотрим, кто-то нам лодочку оставил.

— Садись в лодку! — велела Алиса. — Только не раскачивай ее, а то опрокинешь.

Когда Алиса с Оромозиком уселась в лодку, носорог перестал топтать остатки дома и снова помчался за ними.

Он добрался до берега ручья в тот момент, когда лодочка уже отплыла от берега и медленно двигалась вниз по течению. Алиса помогала ей веслом, чтобы лодку не прибило к берегу.

— Мы вас всех обманули! — закричал Оромозик. — Все вы глупые драконы, крокодилы, носороги!

Но Алиса поняла, что малыш рано радуется. Впереди трава кончалась, ручеек пропадал в песке и снова начиналась пустыня. Ведь Алиса могла нарисовать только кусочек ручья и немного травы — а остальное не поместилось на стекле.

Оромозик об этом не думал. Он перевесился через борт и жадно пил воду.

— Потерпи, — сказала ему Алиса. — Ведь это не настоящая вода, а нарисованная.

— Мне неважно, нарисованная она или настоящая. Главное — она мокрая и чистая.

Лодка доплыла до конца ручья и уперлась в песок.

Там-то ее и поджидал страшный носорог. Он наклонил голову, выставил вперед красный рог и даже бил передней ногой от нетерпения.

Алиса попыталась грести обратно, против течения, но лодка ее не слушалась.

Она видела совсем близко — рукой можно достать — красные злые глазки носорога.

Он смотрел на нее в упор.

— Что тебе от меня надо? — спросила она. — Чего ты к нам пристал?

Носорог громко фыркнул.

Все погибло. Никуда не денешься.

— Ныряй! — крикнула Алиса Оромозику.

— Я утону! — крикнул Оромозик в ответ.

Алиса знала, что он не утонет. Но беда была в другом — далеко по нарисованному ручейку не проплывешь. Носорог все равно тебя достанет.

И в этот самый страшный момент, как и полагается в сказках или романах, над головами послышался шум моторов.

На помощь Алисе и Оромозику летел серебряный воздушный катер с лопатой в венке на борту — знаком космических археологов.

Носорог посмотрел вверх, громко вздохнул, поджал голый хвост и побрел прочь.

Катер опустился рядом с ручьем, оттуда выскочили Громозека и еще шесть археологов, все с бластерами, пистолетами, пулеметами, готовые к бою.

— Папа, я больше не буду! — заплакал Оромозик. И кинулся в объятия к своему папе.

Громозека подхватил щупальцами Алису и Оромозика и прижал к своей широченной груди.

— Алиса меня спасла, — сказал Оромозик.

— Я знаю, — ответил Громозека. — И я всю жизнь буду ей благодарен, что не остался отцом-сиротой. Скорее летим в лагерь, и вы мне все расскажете.

— Подождите, Громозека, — попросила Алиса. — Я тут случайно сделала открытие, и, может быть, оно поможет тебе разгадать тайну этой планеты.

Она повела всех в полуразрушенную носорогом хижину, в которой чудом сохранилось окно со стеклом, на котором были нарисованы пальма и ручей.

Алиса рассказала о своих приключениях, а чтобы не было сомнений, она нарисовала фломастером еще одну пальму и потом — елку.

Все пошли к пальме и увидели, что обе пальмы и елка стоят посреди пустыни, на берегу короткого ручья, где все еще покачивается на волнах лодочка.

Громозека забрал фломастеры, и они вернулись в лагерь на катере.

По дороге Алиса рассказала про странного дракона-инвалида, белого крокодила и крысиный оркестр с медведем-барабанщиком.

— Папочка, это было все так страшно, что мы чудом остались живы, — подтвердил Оромозик.

Громозека задумался, а потом спросил:

— Кто-нибудь из этих чудовищ причинил вам вред?

Алиса ответила, что, пожалуй, никто не вредил, а только пугали.

Громозека сказал, что завтра он ответит на все вопросы и разгадает тайны, а сейчас надо обедать, а потом — спать, спать и еще раз спать. Детям нельзя так уставать!

На следующий день за завтраком Громозека рассказал археологам и Алисе все, что он узнал, побывав на рассвете в пещере и испытав фломастеры.

— Дорогие друзья, — сказал он. — Оказывается, мы попали не на следы древней цивилизации, а оказались в детском парке.

— Как так в детском парке? — удивился археолог Рррр.

— Это был Парк приключений неведомой нам великой цивилизации. Сюда собирались

дети, играли в фантастические игры. Это были игры, похожие на компьютерные, но все в них происходило по-настоящему. Дети попадали в пещеры, спасались от драконов, пересекали пустыню, где живут страшные звери. Только при одном условии — все эти звери никому не могут навредить. Потому что эти чудовища созданы компьютером, который нам с вами еще предстоит найти. Ведь он продолжает работать, хотя посетителей в Парке приключений давно уже нет. А когда он увидел, что в пещере появились дети, он сразу включил приключения.

— А фломастеры? — спросил Оромозик.

— Это тоже часть игры. Ты можешь изменять условия игры — не все же тебе убегать от драконов. Если ты умный, то измени условия.

— Так Алиса и сделала, — сказал Рррр.

— Папа, давай подарим Алисе волшебные фломастеры, — попросил Оромозик. — Пускай она рисует ручьи и пальмы, когда они ей понадобятся.

— Нельзя, — ответил Громозека. — Находки экспедиции принадлежат науке. Мы должны отвезти их в музей.

— Чем отвезти их в музей, — упрямо сказал Оромозик, — надо научиться делать такие фломастеры для всех детей. Захотел искупаться — нарисовал море, захотел грибов — нарисовал лес, а захотел на лыжах покататься рисуй снег.

— Может, так и будет, — согласился Громозека. — Но раскопки еще не кончены.

— Жаль, что мне пора лететь домой, — сказала Алиса. — Ведь вам еще предстоит много интересного.

— К тому же, папа, — сказал Оромозик, — учти, что, если бы не дети, вам, взрослым, никогда бы не разгадать тайну этой планеты.

— Может быть, — ответил Громозека.

Ему, как и любому взрослому, очень не хочется признаваться, что дети бывают умнее и сообразительнее, чем их родители или учителя.

Алиса и дракон (Страшное, зеленое, колючее)

1. Два кота, два работа

Алиса вернулась из космической экспедиции днем, когда дома никого не было, кроме кота Мышки и домашнего робота Поля.

При виде Алисы кот Мышка упал на спину, вытянул все четыре лапы и стал потягиваться, так он изображал кошачью радость.

А робот Поля сложил пластиковые руки на переднике и ворчливо произнес:

— Хорошо воспитанные девочки присылают космограмму, чтобы дома успели приготовить обед.

— Прости, Поля, — сказала Алиса. — Я маме с папой послала видеogramмы, а о тебе забыла.

— Так всегда, — ответил робот. — Мы забываем верных друзей. Скромных и послушных слуг, которые ночей не спят, думают, чем бы угодить хозяйке.

— Роботы не спят, — послышался голос.

В открытых дверях стоял Пашка Гераскин, лучший друг Алисы, который соскучился по Алисе и надоел звонками ее маме — когда Алиса вернется, ну когда она вернется? Уже в школу пора! Уже осень на дворе.

Робот обернулся к Пашке, склонил набок голову, сверкнул красными глазами и произнес:

— Прощу не вмешиваться в нашу внутреннюю жизнь!

И с этими словами Поля ушел на кухню, готовить праздничный обед по случаю возвращения Алисы из далекой экспедиции.

А Алиса рассказала Пашке, что побывала у ее друга Громозеки, космического археолога, похожего на слона с щупальцами вместо передних ног. Это страшилище раскапывало покинутый город на безымянной планете, и Алиса помогла Громозеке разгадать ее тайну.

В подарок археолог подарил Алисе коробку с фломастерами, найденную там.

— Этого быть не может, — прервал Алису Пашка. — Археологи не имеют права дарить детям то, что нашли на раскопках. Они все увозят в свой институт и там изучают.

— Не знаешь, не говори, — ответила Алиса. — Дело в том, что на той планете отыскали целый склад таких фломастеров. Планета была парком развлечений для детей и каждому посетителю давали по коробке фломастеров. Так что одну коробку можно и подарить. Хочешь, посмотри.

— Ничего особенного, — сказал Пашка и взял в руки коробку с толстыми фломастерами. Верхняя крышка была прозрачной, и было видно, что фломастеров шесть: черный, лиловый, синий, зеленый, красный и желтый.

— Можно порисовать? — спросил Пашка.

— Погоди, — сказала Алиса. — Рисовать надо на дне коробки.

Пашка перевернул коробку. Ее дно было зеркальным.

В зеркале отразилось загорелое после летних каникул лицо десятилетнего мальчика с голубыми глазами.

Кот Мышка не вытерпел, встал на задние лапы и тоже заглянул в зеркало. Но увидел в

нем только черного кота с белой грудью и белым носом.

— Фломастеры как фломастеры, — сказал Пашка. — Лучше бы ты что-нибудь интересное привезла. Какую-нибудь статую или старинный кинжал.

Мышка мяукнул. Он был согласен с Пашкой, что ничего интересного в фломастерах нет. И едой от них не пахнет.

— Ох, и трудно мне с вами, — вздохнула Алиса. — Смотрите внимательно!

Она открыла коробку и взяла оттуда черный и синий фломастеры.

Потом нарисовала на зеркале черного котика с голубыми глазами.

Она не успела закончить, как раздалось громкое шипение.

Кот Мышка прижался к полу, шерсть дыбом. Он шипел на другого котика, такого же, как он, только чуть поменьше ростом.

Другой котик удивился и сказал:

— Мяу.

— Ты понял? — спросила Алиса.

— Ничего не понял, — ответил Пашка. — Откуда появилось это животное?

— Это волшебные фломастеры, — сказала Алиса. — Все, что ими нарисовано, появляется на самом деле.

— Значит, это нарисованный кот? — спросил Пашка. Он показал на недавно появившегося котенка, который отправился знакомиться с Мышкой. Но Мышка еще больше рассердился и размахнулся лапой, чтобы ударить гостя по мордочке.

— Видишь, Мышка не думает, что этот котик нарисованный. Для него это самый настоящий соперник, который хочет отнять у него дом и еду. Ты же знаешь, как кошки защищают свои владения.

— А можно его потрогать?

— Кто тебе мешает? — ответила Алиса.

Пашка присел на корточки и погладил нарисованного котенка. Котенок замурлыкал и потерся головой о Пашкину руку.

Настоящий Мышка совсем рассердился. Он завопил так, словно ему хвост оторвали.

А так как пришелец от этого вопля не исчез, Мышка перешел к бою. Он прыгнул на нарисованного котика, нарисованный котик спрятался за Пашкину коленку, а Мышка так хватил коленку когтями, что чуть не распорол джинсы.

— Алиса, прекрати это безобразие! — закричал Пашка.

— Ты прав, — сказала Алиса. Она взяла платок и вытерла зеркало.

И в тот же момент нарисованный котик исчез. Не было его в зеркале, не было его и в комнате.

Больше всех удивился Мышка. Он стал кружить по полу, нюхая паркет, словно пытался отыскать щель, в которую провалился его враг. Ведь если не найдешь, не выгонишь, он ночью вылезет снова и съест все, что осталось в миске на утро. Мышка всегда оставлял в миске немного еды — а вдруг завтра не дадут?

— Классно, — сказал Пашка. — Надо будет подумать, как использовать твои фломастеры.

— Пашенька, милый, не надо ничего придумывать! — попросила Алиса. — Ты всегда придумываешь очень опасное для окружающих.

— Но нельзя же, чтобы такое изобретение пропадало зря!

— Пашка!

Из кухни послышался голос робота Поли:

— Руки мыть! Через пять минут обед.

— Алисочка, можно я твоего робота нарисую! — попросил Пашка. — Я только попробую и сразу сотру.

— Ну ладно, — согласилась Алиса. — Только быстро. А то я еще с дороги не вымылась.

Пашка взял синий фломастер и нарисовал на зеркале робота Полю. Красным добавил ему передник и глаз посреди лба.

Он успел как раз вовремя.

Нарисованный робот стоял посреди комнаты, из кухни заглянул робот настоящий. Он держал в руке половник.

— Вы слышали? — спросил он. — Обед через пять минут. И чтобы мне не повторять приглашение.

И тут он увидел своего двойника, который стоял как столб и смотрел на Полю.

— Простите, — сказал он.

— Нет уж, это вы простите, — откликнулся двойник.

— Вам кого нужно? — спросил Поля.

— Мне нужно не кого, а чего, — ответил нарисованный робот. — Я хотел бы пойти на кухню и приготовить обед.

— Сейчас у меня будет короткое замыкание! — воскликнул Поля. — Почему на вас мой передник?

— Еще неизвестно, у кого чей передник, — ответил нарисованный робот. — Он на мне с рождения.

— Когда же у тебя было рождение? — спросил настоящий Поля. Он поднял половник, будто хотел ударить своего двойника по голове.

— Я не помню, — признался нарисованный робот. — Но, наверное, очень давно, раз я не помню.

— А где ты живешь? — спросил робот Поля.

— Я думаю, что здесь, — ответил нарисованный робот.

— Почему?

— А разве есть другие места? — спросил нарисованный робот.

Поля уже начал догадываться, что его двойник ненастоящий. Он подошел к нему поближе и осмотрел со всех сторон.

Алиса с Пашкой еле удерживались от смеха.

— А ну-ка, отвинти свою руку, — приказал Поля.

— Разве можно отвинтить руку? — удивился нарисованный робот.

— Каждый нормальный робот развинчивается и свинчивается, — сказал Поля. — Иначе как меня смазывать? Как мне проходить профилактику и ремонт. Ну скажи, как?

Нарисованный робот совсем огорчился и спросил:

— Что же мне теперь делать?

— Я думаю, — сказал Поля, — что ты — очередная глупая шутка Пашки Гераскина. За ним это водится. Скажи ему, чтобы он тебя убрал.

— Я думаю, раз Поля разгадал наш заговор, — сказала Алиса, — послушаемся его.

Пашка махнул рукой.

— Ладно, — сказал он. — Повеселились и хватит.

Он взял у Алисы платок и стер с зеркала робота.

Поля остался один. Он погрозил Пашке половником и сказал:

— Ах, знаю я тебя, Гераскин. Плохо кончишь.

— Почему плохо?

— В один прекрасный день столкнешься с драконом и кончатся твои шутки.

2. Пашка и дракон

Обиженный робот Поля как в воду глядел.

Пашке пришлось столкнуться с драконом.

И случилось это так.

Алиса пошла в ванную, чтобы вымыться с дороги. Паша услышал, как льется вода в душе, и в его голове стали крутиться мысли — как бы воспользоваться фломастерами, пока Алиса не вернулась?

У него в запасе несколько минут. И надо их использовать так, чтобы не было мучительно больно за зря прожитую жизнь!

Для начала Пашка вынул из коробки синий фломастер и нарисовал на зеркале меч.

И тут же услышал громкий звон.

Настоящий стальной меч грохнулся на пол у его ног.

На шум из кухни прибежал робот Поля — и что ему нейдет! — и спросил:

— Что ты опять разбил?

Пашка поднял меч, показал роботу и произнес:

— Видишь, я хочу поохотиться на мышей. Так что прочь с дороги!

Услышав, что Пашка хочет охотиться на мышей, кот Мышка вскочил на стол, оттуда на шкаф и сверху зашипел на Пашку. Он решил дорого отдать свою кошачью жизнь.

— Еще чего не хватало! — возмутился робот. — Сначала тебе придется убить меня!

И только тут Пашка сообразил, что Мышкой зовут Алисиного кота.

— Вольно! — приказал он роботу и коту. — Вам не грозит опасность. Я охочусь только на диких кошек. И то не на всяких.

— Ну то-то, — сказал робот и ушел на кухню, а Мышка на всякий случай остался на шкафу. Он был осторожным животным.

Странное имя кота объяснялось очень просто. Когда его принесли в подарок Алисе, он был маленьким, сереньким и хвостик у него был тонкий. И Алиса тогда сказала: «Это же не котенок, а мышонок». Вот и назвали котенка Мышкой. Тогда никто не знал, что он превратится в самого большого кота в Москве, но смелостью не обзаведется.

— Кого нам взять в соперники? — спросил Пашка у самого себя. — Вызвать, что ли, на поединок Черного рыцаря?

Только он собрался рисовать рыцаря на коне, как сообразил, что дома этого делать нельзя — рыцарь на коне никогда не поместится в Алисиной комнате.

Тогда Пашка схватил коробку и меч и спустился на улицу.

Он выбежал в сад, который начинался за домом, и остановился на газоне.

Перед ним тянулись клумбы с хризантемами и флоксами, а за ними была песочница, в песочнице возились малыши, а бабушки и мамы сидели на скамеечках, разговаривали, вышивали, вязали или смотрели теннис по микротелевизорам.

Пашка решил, что газон — лучшее место для поединка с Черным рыцарем, но...

Будет он сейчас сражаться с рыцарем и победит его. Рыцарь сдастся ему в плен и

поклонится служить ему до гроба. И что с таким рабом прикажете делать? Квартиру он будет подметать или в школу пойдет? Он еще заявит, как принято у рыцарей: «Буду верно служить твоей, Пашка, прекрасной даме!» Ну как сознаешься рыцарю, что нет у тебя прекрасной дамы? Не в классе же себе такую выбирать? Алиска еще девчонка, какая из нее дама!

А представляете, что случится, если рыцарь победит Пашку? Ведь не исключено? Пронзит он Пашку копьем, и упадет Пашка на зеленую траву... Мама в слезы! Бабушка в обморок! А соседка, конечно же, скажет: «Я давно ждала, что все этим кончится!» Нет, не может он доставить такой радости соседке. Она еще в детстве говорила Пашкиной маме, что у нее растет бандит образца двадцатого века, то есть совершенно первобытный бандит.

Ну что ж, если нельзя нарисовать рыцаря, обойдемся драконом, сказал себе Пашка. Он положил меч на землю и открыл коробку.

Он нарисовал дракона очень тщательно. Сначала зеленое тело с хвостом и четырьмя лапами, потом красную пасть с черным дымом, который из нее валил, потом желтые глаза и уши. Получился редчайший вид Ушастого Дракона.

Он еще не успел дорисовать уши, как послышалось страшное урчание, ворчание и шипение.

Это нарисованный дракон потягивался, осматривался, разминался, выискивал, кого бы растерзать, с кого бы начать безобразничать. Впрочем, все драконы такие — добра от них не жди.

Пашка задрал голову и удивился, какой крупный и зловецкий получился дракон.

Нет, Пашка не испугался. Он вообще никого никогда не боится. Но удивился.

От удивления Пашка бросил на траву коробку с фломастерами и кинулся бежать.

Бежал он с зажмуренными глазами — так уж вышло.

И врезался головой в стену дома.

Да так сильно, что в голове зажужжало, ноги подкосились. Пашка схватился руками за голову, сел на траву и произнес:

— Соседка была права. Мне пришел конец.

Он не догадался, что сам ударился головой о стену, а решил, что это дракон его убил.

Дракон покачал головой, пустил дым из ноздрей и из пасти, ударил хвостом по клумбе с астрами и хризантемами, распугав малышей и бабушек, и направился к Пашке.

Неизвестно, зачем он к нему пошел. Может быть, хотел познакомиться, потому что еще никогда не видел мальчиков, а может быть, удивился, зачем мальчик бьется головкой о стену дома. А может быть, решил Пашкой позавтракать — мало ли что придет в голову новорожденному дракону ростом в два этажа.

И в эту самую секунду в окно выглянула Алиса.

Еще в ванной она услышала грозный рев дракона и почувствовала неладное.

Можно представить, как она удивилась, увидев из окна совсем близко голову дракона, из которой валил черный дым.

Хвост дракона бил по драгоценной клумбе с хризантемами, а задняя лапа топтала флоксы.

Бабушки с колясками и мини-телевизорами, мамы со спицами и малыши, которые научились ходить, попрятались по кустам. А возле стены дома, как раз под Алисой, сидел Пашка Гераскин. Он раскачивался как ванька-встанька, но глаза у него были крепко зажмурены.

Еще один шаг, и дракон окончательно растопчет все цветы, а потом доберется до Пашки.

Поэтому Алиса рассудила: сначала надо спасти цветы, а потом придется спасать Пашку.

Алиса распахнула окно пошире, вскочила на подоконник и, как была в купальном халате, прыгнула на голову дракону. Чтобы удержаться, она схватилась за его желтые уши.

Потом она съехала вниз по его шее. Но так как шея была бугристой, спуск был не очень приятным.

Дракон сообразил, что кто-то спускается по его шее. Он остановился и принялся крутить головой, чтобы разглядеть, кто по нему едет. Драконы не выносят, когда по ним спускаются дети.

Но Алиса уже была на спине дракона. Оттуда она спрыгнула на траву и крикнула дракону:

— А ну, отойди назад, дракон! Неужели ты не видишь, пресмыкающееся, что губишь человеческий труд? Разве ты не знаешь, что по клумбам ходить воспрещается?

Разумеется, дракон не знал, что по клумбам ходить нельзя. Откуда ему, только что нарисованному, знать о таких вещах?

Он потянулся к Алисе, желая ее схватить, растерзать и уничтожить.

Но Алиса уже подняла меч, который уронил Пашка Гераскин, размахнулась и ударила кончиком меча дракона по носу. Конечно, дракону не было больно, но стало страшно обидно. Никто его еще не бил по носу.

Дракон взвыл от обиды и прикрыл нос передними лапами.

Это Алисе и было нужно.

Она отыскала в траве коробку, но коробка была открыта и пуста. Фломастеры рассыпались по земле.

Ничего страшного.

Рукавом халата Алиса стерла дракона с зеркала.

И дракон исчез. Слово его и не было.

Запели птицы, зажужжали пчелы, засмеялись малыши, заговорили бабушки и мамочки.

Дети поспешили к песочнице, а Пашка опомнился, поднялся, подошел к Алисе и спросил:

— Прости, Алиса, ты не видела здесь довольно крупного дракона?

— А разве здесь был дракон? — спросила Алиса.

— Я же его сам нарисовал, а он меня чуть не растерзал.

И тут Пашка увидел на клумбе след драконьей лапы и вздрогнул от неожиданности.

— Вот... — произнес он. — А ты говорила!

В этот момент к ним подошла бабушка Мария Федоровна из третьего подъезда и сказала:

— Спасибо, Алисочка, что ты извела страшного дракона, а то бы он нам все цветы растоптал.

— Когда ты успела победить дракона? — удивился Пашка. — Я его даже не увидел. Как ты его победила?

— Мечом, мальчик, стальным мечом, — объяснила Мария Федоровна из третьего подъезда. — Тем самым, который ты обронил.

Пашка чуть не заплакал от досады.

Но Алиса поспешила сказать:

— Пашка, дракон только на вид был такой страшный, что ты от удивления закрыл глаза. На самом деле он оказался безопасный.

— Безопасный? — ахнула бабушка из третьего подъезда. — Вы только поглядите на эту девочку!

— Безопасный! — настаивала Алиса. — Пашка забыл дракону зубы нарисовать. Сам этого не заметил, а я сразу увидела, что дракон беззубый. А кто боится беззубых драконов? В следующий раз не забудь нарисовать зубы. Вот будет тебе достойный противник.

— Алиса, по-моему, ты сошла с ума, — сказала бабушка из третьего подъезда. — Нам еще на дворе зубастого дракона не хватало. Хватит того, что позавчера к нам ведьма залетала, в ступе, с метлой, представляешь? Сбежала из Заповедника сказок, полетела купить сигар — им в заповеднике курить не разрешают, вот она и дымит в подполе королевского дворца.

— А чем вам ведьма не понравилась? — спросил Пашка. — Ну летает пожилая женщина за покупками, никого не обижает.

— Как бы не так! — обиделась Мария Федоровна. — Она же хотела заодно младенца украсть.

— А как вы догадались? — не сдавался Пашка.

— А так догадалась, что у нее правый глаз блестел. Если у ведьмы блестит правый глаз, берегись! Вот-вот кого-нибудь украдет. А ты, Паша, лучше помолчи, если не хочешь, чтобы я твоей маме рассказала, как ты чуть было не погиб в лапах дракона, которого сам изобразил!

Пашка замолчал. Он знал, что, если будет спорить, Мария Федоровна обязательно доложит его маме, да еще с такими деталями, что мама заболит от страха.

Он погрозил кулаком коту Мышке, который сидел на подоконнике второго этажа и улыбался во весь свой кошачий рот. И ушел, не попрощавшись, потому что, как вы уже догадались, Мария Федоровна из третьего подъезда и есть его зловредная соседка.

3. Ёлка для малыша

Алиса спрятала фломастеры в стол. Она решила, что никому не даст ими рисовать и сама рисовать не будет. Потому что неизвестно, на сколько их хватит. А вдруг они понадобятся для важного дела?

Так и случилось. В декабре, под Новый год. Когда волшебство появляется отовсюду — с неба сыплет волшебный снег, заколдованные звезды мигают на небе, месяц как зачарованный покачивается на волшебных нитках, в глазах маленьких детей и домашних животных вспыхивают огоньки тайн. Вы загляните в глаза вашей кошке — разве это обыкновенное животное? Недаром древние египтяне почитали кошку как богиню.

Оттепель или мороз — разве под Рождество и Новый год почувствуешь? Все так торопятся купить в магазине подарки своим родным и друзьям, украшения на елку, да и саму елку — не забудь купить елку! Да попушистее, погуще!

«Мама, а Дед Мороз придет?» — «Обязательно придет». — «И принесет подарки?» — «Принесет, принесет». — «А мотоцикл принесет?» — «Ты с ума сошел! Еще не хватало нам мотоцикла! Может, ты еще парашют захочешь?»

Такие порой происходят разговоры между мамами и детишками в разных домах нашего города.

Двадцать третьего декабря папа Алисы профессор Селезнев поздно пришел домой. За ужином он рассказал:

— Был я сегодня в специальной космической больнице. Меня вызывали на консультацию к одному мальшу. Это сирота.

— Почему сирота? — удивилась Алиса. — А что случилось с его родителями?

— К сожалению, этого пока никто не знает, — сказал папа. — Мальша отыскали в космосе на покинутом всеми космическом корабле неизвестной конструкции. Кроме мальша, никого там не нашли. И никаких документов — ничего. Только в одной из кают стояла постелька, а в ней лежал мальш. Совершенно невредимый, но страшно голодный и испуганный. Ну просто «Мария Целеста» космоса!

Алиса кивнула. Она знала, что такое «Мария Целеста». Это был парусный корабль, который встретили в море за двести лет до того, как Алиса появилась на свет.

Корабль шел по морю под всеми парусами, совершенно целый, но на его борту не было ни одного человека. Причем исчезли все люди совсем недавно: суп в камбузе был теплым, чайник недавно вскипел. Что могло так испугать команду парусника, что они все попрыгали за борт? Может, их захватили космические пираты? Так эту тайну и не разгадали.

— А мальш умеет разговаривать? — спросила Алиса.

— Компьютеры расшифровали его язык по тем словам, которые он произносил. Мальш говорит, но это нам не помогает, потому что он, конечно же, не знает, откуда он родом. Он помнит папу и маму. Но не может их описать. Конечно, со временем ученые поймут, откуда он родом, но пока мы все в растерянности.

— Папочка, а можно я навещу мальша? — спросила Алиса.

— Ты ничем не сможешь помочь, — ответил Селезнев.

— Это еще неизвестно! — возразила Алиса. — У меня большой жизненный опыт. И интуиция. По крайней мере я не помешаю, а помочь могу. Ведь мальш скучает и тоскует. Но вокруг него только взрослые лица. А вдруг ему хочется увидеть ребенка?

— Вряд ли, — сказал профессор. — Он немного от тебя отличается. По крайней мере настолько, что не догадается, ребенок ты или просто маленький взрослый.

Но все же профессор Селезнев взял Алису с собой в больницу, где лечили потерпевших катастрофу пришельцев или земных космонавтов, которые заболели или пострадали на дальних планетах.

Палата мальша находилась на третьем этаже. В ней было светло и очень тепло — так, как того хотел мальш.

Мальш и в самом деле был похож на человека, но не очень.

Он был покрыт крупной чешуей, как золотистая ящерица, глаза у него были круглыми и выпуклыми, как у лягушки, вместо волос на головке росли голубые перышки, а вместо пальцев были длинные когти.

Не очень приятное зрелище.

И надо сказать, что люди, которые видели мальша впервые, чаще всего пугались или по крайней мере удивлялись. Но Алису напугать или удивить нелегко. Ей приходилось таких чудищ встречать в своих космических путешествиях, что мальш показался ей милым созданием.

— Здравствуй, — сказала Алиса. — Можно к тебе в гости?

Мальш ответил не сразу. Он долго смотрел на нее круглыми глазами, вздыхал и в конце концов произнес скрипучим голосом:

— Таких маленьких людей я еще не видал. Ты страшилка, но не такая страшная, как все другие страшилки в этом доме. Заходи и рассказывай, что ты мне принесла. А я тебе скажу, почему это мне не годится.

— Я тебе ничего не принесла.

— Значит, ты доктор и будешь меня мучить?

— Нет, — сказала Алиса, — я здешний ребенок, такой же, как ты, и я могу с тобой играть.

— Играть я с тобой не буду, — ответил малыш. — Ты меня можешь ушибить. Но если хочешь, посиди со мной.

— Расскажи мне, — попросила Алиса, — чего тебе хочется.

Малыш поскреб коготком голубые перышки и сказал:

— Мне хочется, чтобы был праздник, который бывает раз в году, когда старый год умирает и все радуются приходу нового года.

— У нас тоже есть такой праздник! — сказала Алиса. — И он будет очень скоро. А как вы празднуете Новый год?

— Папа идет и покупает новогоднюю елку, — сказал малыш. — Потом мама украшает дерево игрушками и конфетами, и мы все вместе поем и танцуем вокруг дерева.

— Как удивительно! — воскликнула Алиса. — Наш праздник Нового года наступит совсем скоро. И мы тоже ставим елочки и украшаем их игрушками.

— Вот видишь, — укоризненно произнес малыш. — У тебя все есть, а у меня ничего. Я есть обездоленное существо.

— Не волнуйся, — твердо сказала Алиса. — У тебя тоже все будет.

— А что будет? Счастье будет? Радость будет? Что?

— Елка. Я ее принесу, и мы с тобой ее украсим.

Алиса выбежала на улицу.

Шел снег. Мороз хватал за нос и за щеки. Прохожие несли елки и коробки с елочными украшениями.

Алиса забежала в универмаг и набрала там разноцветных стеклянных шариков, гирлянду фонариков, ватного Деда Мороза и маленькую Снегурочку.

Елку она выбрала на елочном базаре — небольшую, но стройную и пушистую.

Со всеми этими подарками она возвратилась в больницу.

Малыш спал.

Алиса попросила у медсестры большую банку, налила в нее воды и поставила елочку, чтобы она подольше простояла, затем обложила банку ватой, чтобы получился небольшой сугроб.

Теперь можно было елочку украшать. Шарики заблестели на ветвях, загорелись лампочки на гирлянде, а под елкой встал Дед Мороз со Снегурочкой.

Только Алиса закончила украшать елку, как проснулся Малыш.

Алиса отошла в сторонку и стала ждать, как Малыш обрадуется, когда увидит елку.

Малыш открыл выпуклые круглые глазщицы, потом ахнул, прижал к глазам когтистые лапки и завопил тонким голоском:

— Оу! Что это есть такое ужасное?

— Малыш, опомнись! — воскликнула Алиса. — Это же новогодняя елка.

— Елка? Новогодняя?

— Ты не узнал елку?

— Как я могу узнать это страшное, зеленое, колючее, злобное чудовище? Мне глазам больно смотреть на эти колючки. А кто повесил на эту уродину стеклянные шары, которые вот-вот разобьются? А кто включил на этом чудовище семафорчики, как будто это городская улица? Немедленно убери злючку-колючку, или я умру. Вот сейчас, на глазах у всех умрет несчастное создание, межпланетный сиротинушка, вы меня понимаете?

И тут Алиса поняла, что совершила трагическую ошибку. Она решила, что если на Земле елочки зеленые и колючие, то и во всем космосе они должны быть такими же. Но если даже люди на разных планетах непохожи друг на друга, почему елочки должны быть одинаковыми?

Мальш разревелся не на шутку, его вопли разносились по всему этажу. Мутные горячие слезы падали на одеяла, и над ним поднимался пар.

На шум сбежались доктора и сестры.

Доктор велел Алисе немедленно идти домой, а елку забрать с собой.

— Мальш расстроен, — сказал доктор. — Он может всерьез разболеться, а мы так мало знаем о его болезнях!

— Никто меня не любит! — кричал между тем мальш. — Никто обо мне не грустит, никто не подает мне елочку на мой сладкий праздник нового года. Ах, мама, ах, папа, зачем вы покинули меня между звезд? И не будет у меня елочки и простого веселья в кругу!

Так как никто не мог ответить мальшу, где его родители, то медики только старались утешить ребенка, некоторые даже плясали вокруг и напевали колыбельные песни.

Алиса взяла елку. Она держала ее стоймя, чтобы шарики и гирлянды с нее не свалились.

— Погодите, — сказала она. — Я знаю, что делать. Через полчаса я вернусь и думаю, что смогу развеселить мальша.

— Лучше не возвращайся, девочка, — ответил доктор. — Если вся земная медицина не может помочь несчастному инопланетянину, то как сможешь помочь ты?

— А вот увидите! — ответила Алиса и ушла из палаты.

Она шла по больничному коридору и несла перед собой елку как знамя, встречные шарахались во все стороны, потому что встречным казалось, что это не девочка, а елка на длинных ножках.

Она не стала одеваться в гардеробе, потому что не хотела терять времени, а пошла по улице, как была в больнице. Мимо летела ворона и села на вершину елочки. Она каркала и хохотала, потому что ей не приходилось раньше кататься по улице на вершине елки.

Дома Алиса передала елку домашнему роботу Поле и велела поставить ее на стол в маминной комнате, а сама побежала к себе, открыла ящик письменного стола и достала коробку с волшебными фломастерами.

— Ты куда, ты куда? — кричал ей вслед робот. — Скоро обедать. Ты нарушаешь режим. Тебе никогда не стать великим человеком!

Робот считал, что великими людьми становятся только те дети, которые делают гимнастику по утрам, соблюдают режим и доедают суп до последней капли.

Конечно, Алиса его не слушала. Она добежала до больницы за несколько минут — только снег скрипел под ногами.

Молнией она взлетела в палату мальша. Тот даже заплакать не успел. Он сидел на кровати и хлюпал носом, а напротив него на корточках сидел доктор, который пытался его рассмешить.

Алиса положила коробку с фломастерами на одеяло и спросила мальша:

— Ты умеешь рисовать?

— Нас в детском садике учили, — ответил мальш.

— Эти карандаши называются фломастерами, потому что они рисуют мокрой краской, — сказала Алиса. — Попробуй нарисовать на этом зеркале елку и игрушки на ней.

— Какую елку? — спросил мальш.

— Которую ты хотел бы получить на Новый год.

Мальш сразу перестал плакать, поудобнее положил коробку на колени, рядом разложил фломастеры и начал рисовать елку со своей планеты.

Алиса и доктор стали смотреть, как посреди палаты поднимается эта елка.

Меньше всего она была похожа на елку.

Во-первых, она была не зеленой, а красной в желтую полоску. То есть никаких веток у елки не было, а была она похожа на колпак. К колпаку были пришпилены всякие пружинки и косички, большей частью позолоченные, но обязательно мягкие. Порой в колпаке, который стоял широкой частью на полу, открывались окошки и из них выглядывали птичьи головки или совсем необычные цветы. Зрелище было непривычным, но вполне красивым. И уж конечно, ничего общего с нашей, земной елочкой у инопланетной елочки не было.

Мальш отбросил коробку и в полном восторге начал размахивать коготками.

— Вот она, вот она, елочка родимая! — кричал он. — Вот она, вот она, это есть большой восторг!

Вдруг доктор, который тоже смотрел на елочку, подпрыгнул от неожиданности.

И было от чего подпрыгнуть.

Из-под края колпака появились ножки, тонкие как у кузнечика, елка принялась перебирать ножками и раскачиваться.

Мальш ухал и стучал когтями, а елочка начала кружиться и подпрыгивать в такт его уханью.

Алиса собрала фломастеры в коробку.

— Только не смей убирать елочку! — приказал мальш. — Я буду следить.

— Не сотру, — улыбнулась Алиса. Мальш-то оказался сметливым — догадался, что, пока рисунок сохраняется на зеркале, елочка будет стоять в его палате.

Со всей больницы к палате мальчика сбежались доктора, профессора, старшие сестры, сестры-хозяйки, санитарки и даже студенты. Пришли ходячие больные и приехали на каталках больные лежачие. Кому не захочется посмотреть на чудесную елку с другой планеты!

Мальш сказал:

— Алиса, ты мой лучший друг. Я намерен тебя поцеловать, чтобы выразить благодарность.

Алиса было согласилась, а потом спохватилась.

— Мальш, — спросила она, — а как у вас целуются?

— Очень просто, — ответил мальш.

Он помахал ей когтистой лапкой и сказал:

— Вот я тебя и поцеловал. А ты что думала?

— Ничего я не думала, — ответила Алиса и рассмеялась.

Мальш выбрался из постели и принялся плясать. Но плясал он не вокруг елки, как пляшут наши дети, а вместе с ней. Елочка умела плясать не хуже, чем инопланетный

ребенок.

Потом, когда малыш уморился, доктор отправил его в постель.

Алиса собрала фломастеры и попрощалась со всеми.

Она отнесла коробку домой. Робот Поля встретил ее упреками. Ей пришлось сразу садиться за стол и есть овсяный суп. Поля где-то вычитал, что овсянка полезна детям и домашним животным.

Алиса с трудом глотала суп и думала: наступит весна и приедет симферопольская бабушка, которая раньше работала фокусницей в цирке, а теперь ушла на пенсию, но совершенно не умеет отдыхать. Симферопольская бабушка готовит такой борщ — закачаетесь!

Вот кому Алиса хотела показать волшебные фломастеры!

4. Семейные очки

К Пашке Гераскину приехала погостить Эгли из Вильнюса. С точки зрения Алисы, Эгли была далеко не самой лучшей девочкой на свете.

Когда они только-только познакомились, Алиса спросила литовскую девочку:

— Что за странное у тебя имя?

Эгли совершенно серьезно ответила:

— Это змеиное имя. Я — королева ужей!

Алиса тогда еще не знала, что Королева ужей — это название литовской сказки. Она решила, что королева ужей — это прозвище Пашкиной подруги. И сказала:

— Ничего удивительного!

И так посмотрела на Эгли, будто она и на самом деле была змеей.

А Эгли была немного похожа на змейку. Волосы у нее были медными, как у медянки, была она гибкой, тонкой и вертлявой, словно уж. А говорила она по-русски с акцентом.

Вообще-то, как мы знаем, Алиса девочка добрая и у нее много друзей во всей Галактике. И она понимает, что Пашка имеет право дружить, с кем пожелает.

Но почему он пожелал дружить с этим ужонком?

— А потому, — оправдывался Пашка, — что Эгли — дочь маминых друзей. Они улетели на Сатурн и попросили маму принять Эгли на две недельки. Пускай поживет у нас. Тем более что в школе сейчас весенние каникулы.

Когда Пашка с Эгли пришли в гости к Алисе, мнения в ее доме резко разделились. Коту Мышке Эгли не понравилась. Может, потому, что коты не выносят ужей, а вот робот Поля при виде Эгли воскликнул:

— Немедленно за стол! Сейчас же будешь принимать витамины по моему рецепту! Таких худеньких детей не бывает.

— Я всегда такая, — сказала Эгли. — Зато я умею делать сальто.

И она тут же в прихожей взлетела чуть ли не до потолка и сделала сальто.

Кот Мышка зашипел и кинулся под диван. Он не выносит, когда змеи делают сальто в прихожей.

А робот Поля сказал:

— Тем более я настаиваю на усиленном питании.

Пашка, как говорила Алиса своему союзнику, коту Мышке, таскает свою подругу по всей Москве, как будто ему нечем заняться. Даже на станцию юных биологов на

Гоголевском бульваре водил, а потом собрался с ней на море, в Крым. Оказывается, Эгли никогда не бывала в Крыму и хотела туда съездить.

— Мог бы из вежливости меня или Аркашу Сапожникова с собой позвать, — жаловалась Алиса коту Мышке. А тот сочувственно урчал. — А он даже не спросил. Может, она его околдовала?

Мышка поднял правое ухо.

— Я шучу, — сказала Алиса. — Колдуны бывают только в сказках, а сказки прячутся далеко от нас. Но все равно нельзя забывать о старых друзьях, когда появилась какая-нибудь чужая девочка.

А когда перед отъездом в Крым Пашка с Эгли зашли к Алисе, Пашка сказал:

— Покажи Алисе эту штуку. Ну покажи.

— Может быть, Алисе это не очень интересно? — сказала Эгли.

— Все равно покажи.

Беленькая Эгли расстегнула свою сумку и вынула оттуда очки. Обыкновенные очки-хамелеон, которые темнеют под солнечными лучами, их большие стекла были окружены мягким пластиком, который прочно прижимается к щекам и лбу, от этого в таких очках можно нырять.

— Очки как очки, — сказала Алиса.

— Ты права, — вежливо сказала Эгли. Она очень вежливая и воспитанная девочка. — Это есть очки как очки. Но и у них есть история.

— Ты расскажи Алиске, расскажи, — настаивал Пашка.

Алиса сделала вид, что ей интересно, хотя ей совсем не было интересно.

Эгли вздохнула. Она, видно, поняла, что Алисе неинтересно, но не могла обидеть Пашку.

Она сказала:

— Еще много лет назад мой прадедушка Ромуальдас в этих очках поднялся на гору Эверест.

Алиса кивнула. Может быть, когда жил прадедушка Эгли, взойти на Эверест было большим подвигом, но в конце XXI века только ленивый альпинист не бывал на вершине Эвереста.

— А потом мой дедушка Арнис, — продолжала Эгли, — спустился в этих очках на дно подводной впадины Тускарора.

Ну что ж, подумала Алиса. Мы тоже бывали на дне Тускароры. Правда, не очень давно.

— Учти, — сказал Пашка, который заметил, что Алису все это не удивляет, — дедушка Эгли в одиночку прошел всю впадину. Именно в этих очках.

— А потом, через десять лет, мой дедушка в этих очках пересек пустыню Бурь на Марсе.

Алиса кивнула. Конечно, это были необычные очки.

— Мой папа, — продолжала Эгли, — в этих очках проплыл крокодилы болота и Трясину Опасностей на планете Монча-Пума.

— В этих очках? — удивилась Алиса. — Но ведь там надо надевать скафандр самой высокой суперзащиты.

Эгли пожала плечами.

— Ты самое главное скажи, — вмешался Пашка.

— А моя старшая сестра, — закончила свой рассказ Эгли, — в этих очках перешла

ледовый щит Антарктиды пешком и без еды!

— Ты хочешь сказать, что ты сестра самой Марии Крапикайте?

Эгли кивнула.

Это меняло дело. Мария Крапикайте была героиней Алисиной мечты. Это была такая отважная девушка... Но при чем тут Эгли?

— Я тут ни при чем, — сказала Эгли, как будто угадала мысли Алисы.

Алиса ничего не сказала, но конечно же, стала относиться к этой змейке немного лучше. В конце концов, она на нее и не сердилась. Она сердилась на Пашку, который ради новой подруги готов забыть обо всех старых друзьях.

Пашка с Эгли звали Алису с собой. Но что делать Алисе в Крыму весной, когда у нее и без Крыма дел по горло?

Она попрощалась с ними и сразу о них забыла.

Но через два дня ей пришлось вспомнить о Пашке и Эгли снова.

Вдруг заверещал видеофон.

Алиса как раз сидела за компьютером и готовила домашнее задание.

Она подняла палец, чтобы включить видеофон. На экране появилось Пашкино лицо.

Лицо было испуганным и осунувшимся.

— Что у тебя случилось? — спросила Алиса. — Дельфины покусали?

— Не шути, — ответил Пашка. — У нас беда.

— Какая такая беда. Что-нибудь случилось с Эгли?

— Да. Она потеряла семейные очки Крапикасов.

— Это те самые очки?

— Те самые очки.

— А что могло случиться?

— Я сам не понимаю. Она решила выкупаться в прибое. Я сказал ей, что это опасно, и, конечно же...

— И конечно же, — догадалась Алиса, — как настоящая современная девочка, она тут же побежала к морю.

— Меня не было рядом. Я бы не позволил, — виновато сказал Пашка.

— Она попала под большую волну... — начала Алиса.

— Только никому из взрослых ни слова. Они нам с Эгли головы оторвут. Она попала под волну, ее закрутило, очки сорвались и исчезли в воде. Мы даже детектором в воде их искали — там течения предательские, очки могло затянуть в какой-нибудь грот или под камни...

— Пашка, — сказала Алиса. — Если ты думаешь, что я сейчас брошу все дела и помчусь в Крым за семейными очками, ты ошибаешься. Мне некогда. Да и не найдешь их.

— Я понимаю, — согласился Пашка.

— Тогда зачем звонишь?

— Алисочка, а что, если ты на минутку дашь мне фломастеры.

— Какие? — Алиса даже не сразу сообразила, что нужно от нее Пашке.

— Ну те, волшебные, которые ты привезла из археологической экспедиции.

— Пашка, — сказала Алиса. — Я боюсь, что там совсем мало краски осталось.

— Но только один разок! Только очки! Ты не представляешь, как Эгли расстраивается. Это же семейная гордость, реликвия! Ты понимаешь, что такое реликвия?

— Я понимаю, но знаю, — сказала Алиса, — что это будет сомнительный дубль очков,

а никакая не реликвия.

— Пускай сомнительный, — умолял Пашка. — Но надо спасать человека. Ты не можешь оставить нас в беде.

— Не верю я тебе, Пашка, — сказала Алиса.

Но Пашка угадал по ее голосу, что она уже сдается.

— Я сейчас же вылетаю в Москву. Хотя, конечно же, если бы ты могла...

Алиса догадалась, что Пашка имеет в виду электронную почту. Если послать электронной почтой коробку с фломастерами, она будет в Ялте через двадцать минут.

Алиса вздохнула и, ничего не ответив, достала из стола заветную коробку и понесла ее вниз, где в подъезде была приемная точка электронной почты. Она набрала код Пашки Гераскина, который ждал в Ялте, вложила коробку в капсулу и наговорила короткое послание:

— Чтобы через час коробка была у меня!

5. Желтая веревка

Алиса возвратилась к компьютеру, но ей не работалось.

Она все время представляла себе, как Эгли с Пашкой рисуют заветные очки, а потом примеряют их по очереди. Нет, не сделать им точную копию семейной реликвии!

Потом Алиса посмотрела на часы.

Четыре часа, пора бы вернуть коробку хозяйке.

Ну ладно, подожду еще часа два. Знаю я Пашку. Как только они сделали очки, он сразу забыл о своем обещании вернуть фломастеры в срок. Только когда стемнеет, он спохватится.

Алиса подождала до шести.

Скоро там будет темнеть.

Она вызвала Пашку по личной связи.

Пашка не откликнулся. Тогда Алиса вызвала бюро прогнозов.

— Сообщите, — попросила она, — какая погода на южном побережье Крыма?

— Плохая, — ответили в бюро. — Там всю свирепствует шторм.

Тут уж Алиса начала беспокоиться.

Раз Пашка не отвечал, она попросила вычислительный центр по его номеру сообщить, где Пашка находится.

Из центра сообщили, что владелец браслета номер такой-то находится в районе курорта Гурзуф, но точнее сказать нельзя, потому что Гераскин не отвечает на вызовы.

Хорошо, сказала себе Алиса. Придется лететь в Крым и показать Пашке Гераскину, где раки зимуют. Нельзя же до такой степени не держать своего слова. И эта Эгли тоже хороша...

Алиса оставила родителям сообщение, что немного опоздает к ужину, а потом вызвала флаер, чтобы вылететь на нем на станцию метро «Москва — Симферополь».

В считанные минуты метро помчалось Алису до Крыма.

Она вышла на симферопольском вокзале, по небу неслись сизые тучи, на стоянке флаеров было пусто, только бродил робот, который следил, чтобы во флаер не забрались малые дети — мало ли что они могут натворить?

Алиса поздоровалась с роботом. Еще недавно она боялась его — а вдруг он решит, что она маленькая девочка, и не даст флаер. Теперь она была в себе уверена. В десять лет

человек уже достаточно взрослый, чтобы летать по небу.

Когда Алиса взобралась в прозрачный пузырь флаера, машина поздоровалась и сказала: — Над Крымскими горами сильный южный ветер. Для обеспечения безопасности рекомендую взять курс на Судак и лететь над морем.

— Лети как знаешь, — ответила Алиса. — Но мне нужно как можно быстрее добраться до Гурзуфа. Где-то там находится мой друг Пашка Гераскин. Может, придется его спасать.

— Сообщите мне его личный номер, я выйду с ним на связь.

Алиса сказала флаеру личный номер Пашки, и тот стал его вызывать. Но Пашка не откликнулся.

Флаер поднялся над вокзальной площадью и низко, почти касаясь крыш, виляя, как слаломист, между небоскребами, понесся к зеленым горам, которые отделяют Симферополь от Крымского побережья.

Флаер не стал подниматься к высокому перевалу, чтобы не попасть в туман, а полетел туда, где горы пониже.

И скоро Алиса уже увидела серое, мрачное море, по нему катились белые барашки. Листва кипарисов казалась совсем темной, почти черной. Совсем не весенняя погода!

Где же тут Пашка?

— Ты его не засекаешь? — спросила Алиса у флаера.

— Он в этом районе, но не выходит на связь, — ответил флаер.

Флаер облетел Медведь-гору, которая похожа на медведя, улегшегося у воды — морда в море, пьет...

Вот и Гурзуф.

Белые домики сбегали к берегу моря, небоскребы возвышались подальше от воды. Чудесное место, только отдыхающих совсем не видно. Даже если они и приезжают сюда в начале марта, то гулять под дождем и на ветру им совсем не хочется.

Алиса приказала флаеру облететь набережную и парк. Пашки там не было. Она взяла курс на море и пронеслась над скалами, которые поднимались над волнами.

Шторм на море разыгрался вовсю, порывы ветра срывали брызги с волн и кидали их к облакам.

— Больше не могу, — сказал флаер. — Я не штормовой катер и не паровоз. Еще один такой полет, и меня кинет на скалы и разобьет. Если вы хотите и дальше здесь летать, обратитесь к спасателям. У них есть специальное оборудование.

— Тогда опустишься на берегу, — приказала Алиса флаеру. — Если на тебя нельзя положиться.

— Ребенок! — обиделся флаер. — Я честно выполняю свой долг. Но я не могу прыгнуть выше себя. Если я тебя буду слушаться, то сам разобьюсь и тебя погублю. А этого мне не пережить.

— Ах, какой нервный! — сказала Алиса, выскочила из флаера и добавила: — Можешь лететь на стоянку и отыщи там ямку поглубже, куда не залетает ветер.

Флаер даже подпрыгнул на месте, так ему хотелось ответить этой девчонке, но флаер все-таки машина и привык подчиняться человеку. Поэтому он глубоко вздохнул и полетел на стоянку.

Алиса осталась на берегу.

Шторм разыгрался не на шутку.

Сквозь брызги и струи дождя было трудно разглядеть скалы. Но Алиса уже знала, что

Пашку надо искать там. И что-то заставляет его не откликаться на вызовы.

Алиса подошла поближе к воде и включила вызов. Загорелся Пашкин номер.

— Пашка, — сказала Алиса. — Это я, Алиса, я здесь одна. Если ты почему-то отключил свою связь, можешь сейчас сознаться — никого, кроме меня, тут нет.

Она стала ждать, что Пашка откликнется.

Но вместо этого Пашка сам выскочил из брызг, мокрый, несчастный, исцарапанный.

— Алиска, — воскликнул он. — Как хорошо, что ты прилетела! Только ты сможешь мне помочь, чтобы никто не узнал.

— Что же случилось? Где Эгли?

— Понимаешь, мы с ней решили испытать новые очки, которые сделали с помощью фломастеров. Эгли нырнула, но тут налетел шторм и ее... ее...

— Пашка, немедленно признавайся! Что случилось? Она погибла?

— Нет, она не погибла, но ее выбросило волной вон на ту скалу! А я не могу ее снять! Я нырнул, а меня выбросило на камни! Видишь, я весь разбит!

— Почему же ты не вызвал спасателей?

— «Почему же ты не вызвал спасателей?» Чтобы я так опозорился! Неужели я сам не могу помочь девочке?

— Но ведь не можешь!

— У меня с руки сорвало браслет связи, — признался Пашка.

— Тогда я сама вызову спасателей!

— Алисочка, пожалуйста, не делай этого! — взмолился Пашка. — Ведь Эгли ничего не грозит. Она сидит на скале и ждет меня. Как только шторм немного утихнет, она приплывет. Я за ней сплываю, и мы вместе приплывем...

— А если шторм не стихнет? Уже темнеет. Ты понимаешь, что с Эгли может что-нибудь случиться?

— Алисочка, придумай сама, как ее снять со скалы!..

Алиса готова была Пашку убить. Он же сейчас думает не об Эгли, не об Алисе — только о себе: как бы кто не подумал, что Пашка трусил и не смог снять со скалы свою гостью! Надо же выкинуть связь, исчезнуть — сам спасу! А если сам не смогу — Алисочка, помоги!

Но не может помочь Алиса. Ведь даже флаер отказался в такую погоду летать над морем.

Пашка стоял перед Алисой. Он дрожал от холода — весь промок! Каково же там на скале девочке Эгли!

Пашка прижал к груди коробку с фломастерами. Все-таки не потерял, и то хорошо.

И тут Алиса догадалась, что нужно делать.

— Дай-ка мне коробку, — попросила она Пашку.

Тот удивился, но коробку отдал.

Алиса поглядела в море. Скала, на которой осталась Эгли, то скрывалась в пене и дожде, то возникала на несколько секунд.

Алиса вынула из коробки черный фломастер, повернулась к морю боком, так, чтобы скала была видна в зеркале. И в тот момент, когда туман и дождь ослабли и стало видно скалу, Алиса провела линию от скалы через все зеркало, туда, где в нем отражался берег.

Черная полоска потянулась через зеркало... и тут краска кончилась и на середине черная полоска оборвалась.

Взглянув в море, Алиса увидела, как черная веревка, которая протянулась от скалы к берегу, оборвалась на середине и упала концом в море.

— Ты истратил! — закричала Алиса. — Ты истратил фломастеры!

— Я очки рисовал голубым и черным, — сказал Пашка, — попробуй другие цвета.

Но видно, и другими фломастерами пользовались.

Зеленая веревка оборвалась...

Красная веревка только-только началась и исчезла.

Лиловая веревка дотянулась почти до самой гальки, но кончилась, а Пашка, который кинулся, чтобы поймать конец, промахнулся, и веревку утянуло в глубину.

Синяя веревка вообще не получилась — совсем краски не осталось.

И вот последняя надежда.

Алиса нарисовала линию желтой краской.

— Хватай! — крикнула она Пашке, увидев, как полоска становится все светлее.

Пашка совершил вратарский бросок, дотянулся до конца желтой веревки, схватил его и упал на гальку.

Веревка натянулась.

— Э-э-эгли! — закричала Алиса изо всех сил. — Ты слышишь нас? — перебирайся сюда!

Но никто не откликнулся.

— Пашка, ты сможешь удержать конец веревки, если я полезу за твоей Эгли?

— И не подумаю! — гордо ответил Пашка. — Я сам полезу по веревке.

— Пашенька, подумай головой, — попросила его Алиса. — Ведь ты в полтора раза тяжелее меня, а если ты будешь возвращаться с Эгли, то мне ни за что вас не удержать! У меня вся надежда на твою силу! Оставайся на берегу и держи конец веревки.

Пашка понял, что Алиса права, и согласился держать конец веревки.

Перебирая руками по скользкой мокрой желтой веревке, Алиса вошла в воду. Волна сразу свалила ее. Но Алиса не сдавалась. Она перебирала руками по веревке и вот уже поднялась над водой — волны только тянули к ней свои верхушки и хватали за пятки. Но Алиса быстро передвигалась к скале. Не зря она столько лет занималась гимнастикой! Вот и пригодилось.

Руки устали, вот-вот придется отпустить веревку. Но надо терпеть.

Еще немного... вот и скала!

Алиса рванулась вперед и прыгнула на мокрую вершину скалы. И тут она поняла, почему Эгли не откликалась. Литовская девочка сидела, свернувшись в калачик и уткнув нос в коленки — так она замерзла и устала. Она ничего не слышала.

Алиса с трудом привела ее в чувство.

«Смогу ли я притащить ее на берег? А может, вызвать спасателей? Нет, Пашка этого не переживет. Он все привык делать сам. Сам, сам, сам! Вот и допрыгались».

— Эгли, — сказала Алиса. — Нам придется перебираться на берег по веревке. Мне не справиться, если ты не будешь помогать. Держись за веревку.

Эгли кивнула.

Алиса не знала, поняла ее Эгли или нет. Она обняла Эгли, оттолкнулась от скалы и начала перебирать руками по веревке, возвращаясь к берегу.

Эгли помогла ей. Она не висела на Алисе как мешок, а цеплялась за веревку. Обратное путешествие оказалось трудным, но коротким. И в тот момент, когда пальцы Алисы сами

разжались, волна подхватила девочек и кинула их на гальку, к ногам Пашки Гераскина, который стал оттаскивать их от воды.

Эгли молчала. Она дрожала так, что зубы выбивали дробь. Пашка чувствовал себя виноватым, поэтому он понесся наверх и через две минуты притащил откуда-то целый брезент, которым накрыл мокрых девочек.

Под брезентом было тихо, и они быстро надышали тепло.

— Ты не расшиблась, Эгли? — спросила Алиса.

— Заживет, — ответила Эгли.

— Правильно, — сказала Алиса. — Давай отвинтим Пашке голову, все равно он ею не пользуется.

— Это очень неплохая идея, — ответила Эгли, и они набросились на Пашку.

Вот уж они его отдубасили! Будет помнить до самого лета.

Когда девочки устали уничтожать Пашку, они откинули брезент. Шторм уже начал утихать. Может быть, не следовало рисковать. Но ведь все кончилось, теперь уж поздно размышлять. Что сделано, то сделано.

Пашка, пыхтя и вздыхая, тоже вылез из-под брезента.

Вдруг раздался громкий треск.

— Ой! — сказал Пашка упавшим голосом.

— Я знаю, что сделал этот недостойный мальчик, — сказала Эгли. — Он раздавил мои очки.

— Ну, это были не очки, а только копия, — сказал Пашка, поднимая жалкие остатки от семейной реликвии, вернее, от копии семейной реликвии.

— И на эту копию ты истратил драгоценные фломастеры! — воскликнула Алиса.

А Эгли, которая и слезинки не проронила на скале, вдруг начала горько рыдать.

— Что я скажу маме? — плакала она. — Что я скажу дедушке!

Всем стало грустно.

Алиса взяла остатки очков — починить их было нельзя.

Шторм утихал, только дул сильный ветер.

Алиса вышла к краю воды, вскарабкалась на большой камень и, замахнувшись, выбросила сломанные очки далеко в море.

— Ты что делаешь! — закричал Пашка. — Ведь можно сказать, что я их раздавил, это же лучше, чем совсем потерять!

Но Алиса только отмахнулась от него.

— Эй, дельфины, морские жители! — закричала она. — Помочь друзьям вы не хотите ли? Такие же очки на дне, лежат в приморской глубине.

И вдруг Эгли, которая раньше не была на Черном море и не видела дельфинов на море, заметила, как к берегу несутся высокие острые плавники — дельфины спешили на помощь своей подруге Алисе.

Один из дельфинов подхватил сломанные очки, напялил их на курносый нос и показывал остальным, что надо искать.

Дельфины исчезли.

— Они найдут? — спросила Эгли.

— Они постараются, — ответила Алиса. — И если найдут, то это будут настоящие очки, а не копия.

Чтобы согреться, девочки стали бегать по берегу, а потом взялись за руки и плясали.

Но доплясать дикарский танец они не успели, потому что снова показались плавники дельфинов, которые стремились к берегу.

Один из дельфинов выскочил из воды, перевернулся в воздухе и метнул в сторону пляжа самые настоящие, целые, семейные, драгоценные очки семейства Крапикас.

Пашка прыгнул по-вратарски и подхватил их прежде, чем они коснулись гальки.

Он передал очки Эгли, и та ахнула:

— Какое счастье! Это те самые очки!

В этот момент на берег опустился спасательный флаер.

Из него выскочил могучий спасатель Гриша Скопас.

— Что за шум, а драки нет? Почему дети одни в шторм на пляже?

— Мы уходим, — сказала Алиса, которая давно была знакома со спасателем. — Мы играли. С дельфинами. Мы обещали им подарить мяч. У тебя нет лишнего мяча?

— У меня нет мяча, но есть спасательный круг, — сказал спасатель.

— Отдай дельфинам спасательный круг, — сказала Алиса. — Мы им очень обязаны. Они нашли для нас одну вещь, которую мы потеряли.

Скопас вынул из своего флаера оранжевый спасательный круг и кинул его далеко в море. Дельфины стали играть спасательным кругом, а Гриша крикнул им:

— Чтобы вечером принесли его ко мне на спасательную станцию.

Дельфины уплыли, а Скопас сказал:

— Могу подвезти до кафе. Вы, наверное, проголодались и хотите горячего чая с пирогами.

— Еще как хотим, — сказал Пашка и первым полез во флаер.

Но Скопас не спешил улетать.

— Кто-то здесь насорил, — сказал он. — Кто-то бросил на пляже коробку с фломастерами.

— Они уже использованные, — сказал Пашка.

— Тем более их надо взять с собой, чтобы довести до мусорного ящика, — сказал Скопас.

Алиса взяла коробку с использованными фломастерами и сказала:

— Все-таки не зря я ими рисовала.

— Не зря, — согласился Пашка.

А Эгли надела семейные очки и смотрела вперед.

Алиса и притворщики

Глава 1. Торговец зверями

Папа Алисы Селезневой — директор зоопарка.

Но не простого зоопарка, а космического.

В зоопарке Космозо собраны тысячи жителей различных планет, звезд, комет и астероидов.

Алиса выросла среди папиных питомцев. Некоторые из них жили у нее дома, как марсианский богомол или застенчивый Шуша, к другим Алиса бегала в Космозо.

— Может, вы слышали о Бронте?

Бронтя — гигантский динозавр. Когда-то в вечной мерзлоте геологи отыскивали замороженное яйцо динозавра, а биологи смогли его разморозить так, что не повредили зародышу. Вот и вывелся в Москве динозавр. Когда он был маленьким, всего метра три в длину, он заболел и отказался от еды. Вся Земля переживала — не помрет ли животное?

Алиса догадалась, что динозавру хочется пожевать свежей булочки. Она принесла булку, динозавр осторожно взял ее из рук девочки мягкими губами... и выздоровел. Так бывает с динозаврами.

День, в который начинается эта повесть, выдался сумрачным, дождливым и скучным. Но такие дни тоже нужны, особенно осенью, чтобы все думали — скорее бы пришла зима, свежая, морозная, студеная, а за ней наступит весна. Ведь это очень хорошо!

Алисин папа спешил завтракать. И робот Поля, домработник — это слово пишется через «о», даже спросил:

— Вы так спешите, словно вам не понравилась рисовая каша с изюмом, которую я так старался для вас приготовить!

— Не обижайся, Поля, — ответил профессор. — Но у меня сегодня очень важная встреча.

— Какие могут быть встречи в восемь утра? — удивился робот.

— Встречи бывают даже ночью, — сказала Алиса.

— Ха-ха! — воскликнул робот, который думал, что он очень остроумный. — Ночные встречи бывают только у кошек!

Селезнев-отец и Селезнева-дочь только переглянулись и не стали спорить. Ну кто спорит с домашним роботом?

— Что за встреча у тебя, папа? — спросила Алиса.

— Торговец прилетел, — ответил профессор. — Привез животных.

— Каких?

— Как я могу сказать, если еще сам не видел? Даже торговца раньше не встречал. Вроде бы знаю основных торговцев редкими животными, а этого никогда встречать не приходилось.

— И он тебе заранее не сказал, что привез? — удивилась Алиса.

— Он меня заинтриговал, — ответил ее папа. — Он поклялся, что продаст мне животное, которое я никогда и не видел и о котором ничего не знаю.

— А вдруг это животное из космической Красной книги? Его охраняет закон.

— Это мы сразу узнаем, — ответил Селезнев. — Но не думаю, что торговец стал бы так

рисковать. А главное — во Вселенной еще столько неизвестных планет и неоткрытых животных, что и на мой и на твой век хватит.

Алиса согласилась с папой. Она любила летать с ним в экспедиции за редкими зверьями, потому что там всегда случались неожиданности и такие приключения, что вам и не снились.

Поглядеть на невиданное животное ей тоже хотелось.

— Я к тебе сразу после школы загляну, можно? — спросила она.

— Только провидеофонь сначала, — ответил папа. — Мало ли что может произойти.

Они допили кофе и разошлись по своим делам. Папа — в Космозо, Алиса — в школу.

В школе ей в тот день не сиделось. Она все поглядывала на часы — скорей бы конец уроков! А вдруг торговец не согласится оставить чудесное животное в зоопарке и увезет его обратно?

Как только прозвенел звонок, Алиса тут же набрала на браслете папин видеофон и, когда лицо профессора показалось на экранчике, спросила:

— Ну и что? Купил чудо-юдо?

— Торговец только что прилетел. Я в окно вижу его корабль.

— Я к тебе лечу! — воскликнула Алиса.

И тут же она услышала голос своего друга Пашки Гераскина:

— Ты куда мчишься с такой скоростью?

— К папе в зоопарк. К нему новое животное привезли.

Пашка пожал плечами.

— Тоже мне, сокровище, — произнес он. — Лучше пойдем в теннис поиграем.

Алиса только отмахнулась и выбежала из класса.

На улице она нашла свободный флаер. Легкий аппарат поднялся с трудом, его сносило порывами ветра. На пульте управления горела надпись: «Осторожно! Ручное управление не рекомендуется».

Но Алиса, конечно же, любит ветер и бурю. Она до сих пор жалеет, что когда-то ее не взяли на яхту в кругосветное плавание, потому что из детского садика не отпустили.

Пролетев последние метры на волне ветра, как на степном коне, флаер опустился у входа в «Космозо».

Алиса выскочила из него и помчалась по дорожкам пустого в непогоду зоопарка.

Из клеток выглядывали ее знакомые.

— Привет, тигрокрыс! — крикнула Алиса полосатому чудовищу, которое никого не любит и, по слухам, съело собственную маму. — Как дела на планете Пенелопа?

В ответ тигрокрыс зарычал и начал колотить хвостом по полу клетки и скалиться, потому что хотел запугать Алису.

— Нас не запугаешь, — засмеялась Алиса.

Из домика, похожего на рыцарский замок, выглянула птица Говорун.

Обе головы этой прекрасной белой птицы кивали Алисе и говорили хором:

— Птица Говорун рада приветствовать Алису Селезневу. Мы — самая умная и разумная птица во Вселенной.

— И я так думаю, — сказала Алиса.

А вот и бассейн, целое озеро. В нем живут утки, гуси, цапли, аисты журавли и динозавр Бронтя. Никто никому не мешает. Всем достаточно места и корма.

Динозавр узнал Алису по походке, вытянул маленькую голову на длинной шее до самых

облаков и весело фыркнул, распугав ворон, что воровали в Космозо еду у разных безобидных зверушек.

На площадке перед дирекцией Космозо, где сотрудники оставляют свои флаеры, мобили, велосипеды и самокаты, стоял небольшой космический корабль, похожий на черное яйцо, ростом в трехэтажный дом.

Люк в корабль был открыт, а над ним золотыми буквами было написано название корабля: «ВСЮДУПРОЛЕЗУ».

Алиса даже не сразу поняла, что означает это слово, а когда сообразила, то рассмеялась.

И тут же услышала грубый голос:

— А чего смешного? Не видала, что ли, космических канонерок?

Алиса обернулась и увидела странного человека.

Он был невелик ростом, не выше Алисы, но толст и широк в плечах до изумления. Как железный сейф.

На голове красовалась зеленая фетровая шляпа с павлиньими перьями.

Нос у него был красный, щеки красные, а вот усы — зеленые. Наверное, крашенные.

— А это космическая канонерка? — спросила Алиса.

— Две атомные пушки, водородный пулемет, катапульта, которая стреляет только грецкими орехами, и таран длиной в три метра. Он пока спрятан в корпусе, но если нужно — мы им так вас трахнем, что не встанете!

— Зачем меня пугать? — спросила Алиса. — Вы что думаете, если я девочка, то буду вас бояться?

— Еще бы не бояться! — воскликнул коротышка. — Весь мир боится несравненного Ромада Громаду. Слыхала о таком?

— Не слыхала, — ответила Алиса в тон коротышке. Она — человек воспитанный, но когда имеешь дело с таким грубым человеком, то лучше отвечать ему на его же языке. Другого он не поймет.

— Зря, — сказал Громада, — меня многие помнят. Я ведь первый во Вселенной охотник и рыболов, а также продавец диких зверей. Сейчас я привез такого редкого зверя, что его никто еще не видел.

— А где он? — спросила Алиса.

— Пошли в дом, увидишь. Вон там мужик рукой машет — к нему я и прилетел. Ты с ним знакома?

— Знакома, — сказала Алиса. — Десять лет как знакома. Он мой папа.

— Ну, не повезло тебе, ребенок, — заметил Ромад. — Сейчас я твоего фазера разорю. Он мне за мое животное все свои денежки выложит. Пошли, посмотрим. — Он закинул за спину небольшой рюкзак.

Ромад Громада первым пошел к дирекции и поднялся на второй этаж. Там, в кабинете, их ждал профессор Селезнев.

— Привет, — сказал торговец. — Будем смотреть товар?

— Покажите, — согласился профессор Селезнев.

Торговец обвел взглядом кабинет и спросил:

— Окна закрыты?

Хотя из-за плохой погоды окна были закрыты — с первого взгляда понятно.

— Дверь заперта? Никому не входить, никому не покидать!

Он всех пугает, подумала Алиса, потому что он очень низенький и боится, что над ним будут смеяться. А его никто не боится.

— Где же ваши животные? — спросил профессор Селезнев.

— Не животные, а животины. Одна животины.

Ромад положил рюкзак на письменный стол профессора. Потом расстегнул его.

И оказалось, что в рюкзаке сидело и в самом деле необычное животное. Оно было похоже на кошку, но покрыто голубыми перьями. Крыльев, правда, у голубой кошки не было.

Животное никого не испугалось, а уселось посреди стола и принялось чистить перышки.

— Ну и как? — спросил торговец.

— Любопытно, — согласился папа. — Но ничего необычного.

— Будет тебе необычное, — откликнулся торговец.

Он вытащил из кармана клочок цветного пластика. Приложил к лицу, и оказалось, что это — маска тигра.

Торговец страшно зарычал и принялся медленно двигаться к столу.

Голубая кошка не сразу сообразила, что случилось. Но потом ее глаза стали увеличиваться от страха, она вскочила, выгнула спину, зашипела, но тигр не испугался, а продолжал двигаться.

Тогда кошка присела и начала изменяться.

Из ее спины выросли белые крылья. Кошка взмахнула ими и взлетела к потолку. Ударилась о потолок и стала биться об него, как стрекоза.

Торговец сорвал маску тигра, спрятал ее и принялся бегать по кабинету, махая руками и вскрикивая. Он изображал орла.

Он даже влез на стул, будто собирался взлететь.

Птица поняла, что под потолком ей не спрятаться, и стремглав кинулась вниз.

Ударившись о пол, она не разбилась, а стала змеей.

Розовая полосатая змея скользнула под стол.

Торговец слез со стула, похлопал себя ладонью по груди и гордо спросил:

— Ну как, вы такое видали?

— Видали и не такое! — сказала Алиса.

Нельзя, конечно, девочкам так разговаривать со старшими, но что поделаешь, если Ромад такой противный?

Тем более что Алисе и на самом деле приходилось видеть чудесных животных. Она не удержалась и спросила:

— А вам приходилось бывать на планете Пенелопа?

— Это мне еще зачем! — взвыл торговец, видно почуяв неладное.

— А затем, что там живут половинки собаки.

— Значит, другие половинки клопы скушали! — сказал Ромад.

— Нет, — сказала Алиса. — Половина такой собаки живет сегодня, а половина завтра.

Они даже встретиться никогда не могут.

— Ладно, неинтересно мне всякие сказки слушать, — прервал Алису торговец зверьями. — Берете змеюку или нет?

— И откуда у вас такое чудо? — спросил профессор Селезнев.

— С одной такой дикой планетки, — ответил Ромад Громада. — Там полным-полно

всяких вонючих хищников. Поэтому тем, кто послабее, приходится бегать по углам да норкам. Как спасешься? Вот и научилась мелюзга превращаться. Гонится за тобой волк — а ты уже птичка, появился коршун — ты падаешь на землю змеей, а то и в рыбку превратишься. Понял?

— Очень интересно, — сказал директор Космозо. — Но как называется планета?

— А тебе зачем знать?

— Очень просто. Мы же не знаем, обыкновенное ли это животное? А вдруг на своей планете оно охраняется законом? А что, если его нельзя ловить и держать в неволе? Вы можете нам дать слово...

— Не могу, и не проси! Никогда никому не даю слова. У меня так мало слов, что страшно подумать — а вдруг самому не хватит?

— Ох, и разговорчивый вы, господин Громада, — сказал Селезнев. — И я вам ничуть не верю.

— Ну что ж, — сказал торговец. — Сделка не состоялась. Отвезем зверушку в зоопарк на Сатурне, к профессору Ду Фаню.

— Он тоже не возьмет у вас животное без всяких документов, — ответил Алисин папа.

— Посмотрим, посмотрим.

С этими словами Громада полез под стол.

А профессор Селезнев, которому, конечно же, очень хотелось заполучить для Космозо такое удивительное животное, спросил:

— Ну а если я все-таки куплю его у вас, что бы вы хотели?

— Я хотел бы? — раздался из-под стола голос торговца. — Сто килограммов золота и ружье для подземной охоты.

— Странно, — сказал Селезнев. — Ну, допустим, сто килограммов золота мы вам достанем. Но что такое ружье для подземной охоты, я, честное слово, не представляю. И на кого под землей охотиться, мне тоже непонятно.

— Под землей, — ответил торговец из-под стола, — есть много разных тварей. И птиц, и летучих мышей, и червяков, и даже насекомых. Но мне нужно охотиться не на них, а на гномов.

— На гномов! — возмутилась Алиса. — Вы на них охотитесь, вы в них из ружья хотите стрелять?

— А почему бы и не стрелять? — удивился торговец. — Они же не люди!

— Может, для вас они не люди, но они же разумные!

— Вот и говорите с ними в свое удовольствие, — сказал торговец. — А мне с ними говорить не о чем, я и сам не очень разумный. А вот если гнома подстрелить, то у него обязательно в кармане или под колпаком камешек драгоценный отыщешь.

— Нет, — вмешался в разговор Селезнев, — никакого ружья для подземной охоты вы не получите.

— А вы зверя не получите!

Торговец вылез из-под стола, он держал за хвост розовую змею.

Змея покачивалась, как толстая веревка.

Он принялся заталкивать змею в карман, змея шипела и пыталась вырваться. Тогда Ромад разозлился и стал стегать змеей себя по сапогу. Змее было больно, и Алиса закричала:

— Перестаньте измываться над пресмыкающимся!

— Еще надо разобраться, кто тут издевается! — откликнулся торговец.

Он хотел засунуть змею в рюкзак, но она неожиданно превратилась в большого зеленого жука с рогами.

Жук попытался спрыгнуть на пол, но торговец перехватил его на лету. Жук был скользким, и Ромад Громада его не удержал. Жук страшно загудел, расправил жесткие крылья и рванулся кверху. Но прежде чем улететь, он умудрился проткнуть острым рогом толстую куртку торговца.

И тут же из куртки со свистом принялся выходить воздух.

Костюм торговца оказался резиновым!

Он сжался, съежился и обвис на хозяине.

И сам Ромад Громада из громады стал почти карликом — тоненьким, сутуленьким, хроменьким — куда только удаль прежняя девалась?

Ах, как он рассердился!

Он бегал за жуком по кабинету, подпрыгивал, чтобы до него добраться, грозил ему кулаком и повторял:

— А ну, спускайся немедленно! А то доберусь до тебя, пожалеешь, что на свет вывелся!

— Послушайте, Ромад, — сказал профессор. — Вы же приехали продать это редчайшее животное. Так решайтесь, продавайте и уходите подобру-поздорову, вы мне надоели.

— Вы мне тоже, — признался охотник. — Но я не уйду, пока не поймаю эту мерзкую тварь!

И тут зазвонил мобиль торговца. Он поднес трубку к уху. И не заметил, как из кармана на пол выпал черный камень.

— Чего? — спросил он. — А ты уверен? Тогда сейчас вернусь, не смей без меня улетать. Догоню — растерзаю.

Видно, он очень любит всех терзать, подумала Алиса.

Пока торговец с кем-то разговаривал, жук, который медленно ходил по потолку и не сваливался, стал бабочкой. А бабочка принялась уменьшаться.

Вот она уже стала размером с обычную земную бабочку.

Она вспорхнула и подлетела к форточке.

Алиса увидела, что форточка чуть-чуть приоткрыта.

Бабочка сложила крылья и стала тонкой, как лист бумаги. Потом она пролезла сквозь щель и вылетела на улицу.

Торговец сунул мобиль за пояс и тоже посмотрел на потолок.

Никакой бабочки!

— Где эта тварь? — грозно спросил он у присутствующих.

Никто ему не ответил.

— Только что на потолке была бабочка!

— Вы ошибаетесь, — сказала Алиса.

Снова зазвонил мобиль.

— Да иду я, иду! — рявкнул в трубку торговец. — Сейчас доберусь, покажу вам кузькину мать.

Он словно забыл о своей добыче. И о камне, который выпал из кармана.

Он повернулся и, не попрощавшись, вышел в дверь.

Его мелкие злые шажки застучали по лестнице.

Когда его и след простыл, директор Селезнев подошел к окну, он хотел его закрыть, но

Алиса не дала.

— Ты лучше посмотри, — сказала она. — Он улетает, не взяв с собой животное. Что нам делать?

— А как нам ее найти?

— А ее и искать не надо, — сказала Алиса. — Смотри.

Она протянула вперед руку, и из листвы большого дерева, что росло напротив входа в лабораторию, вылетела большая бабочка. Она уверенно села на ладонь Алисе.

— Видишь, папа, — сказала Алиса. — Она меня не боится.

Профессор Селезнев взял со стола лупу и поднес ее к бабочке.

Та расправила крылья, чтобы профессору было удобнее ее рассматривать.

— Ах ты, кокетка! — воскликнул профессор. — Знаешь, что красавица, и хочешь, чтобы все об этом знали?

— Как жалко, что она не умеет говорить, — сказала Алиса. — Она бы многое нам рассказала.

Бабочка поднялась с Алисиной ладони и перелетела на плечо ее папы.

— Теперь надо узнать, чем она питается, — сказал Селезнев. — Где предпочитает жить и так далее.

Он нажал на кнопку вызова и сообщил всем сотрудникам Космозо:

— Кто не занят, прошу ко мне в кабинет. В нашем зоопарке новое поступление.

Открытие в биологии.

А когда в комнату ворвались младшие, средние и просто молодые сотрудники «Космозо», Селезнев объяснил им, как бабочка попала к ним в гости, и та начала показывать людям, на что она способна.

Бабочка превратилась в краба, который бегал по полу, раскачиваясь на длинных членистых ногах, краб стал крысой, которая умудрилась тут же отгрызть каблук у Сенечки, а когда Сенечка закричала: «Ты что делаешь! Мы так не договаривались!» — крыса стала гномиком, который вытащил молоточек и быстренько починил каблук. Все расхохотались, и тогда гномик помахал всем ручкой и стал пушистым котенком.

Аплодисментам не было конца. Одна Алиса не аплодировала. У Алисы есть большой жизненный опыт. И этот жизненный опыт подсказывал ей, что не ладно с этим хамелеончиком с неизвестной планеты. Тут таилась загадка, но Алиса не могла понять, в чем загадка, и от этого рассердилась на саму себя.

Вскоре оказалось, что Алиса была права.

Глава 2. Голубая птицекошка

Если кто-нибудь из сотрудников Космозо сначала боялся, что новый его обитатель помрет с голоду, он глубоко ошибался. Голубая птицекошка, она же бабочка, он же дикобраз и еще невесть кто, не страдала отсутствием аппетита. Ела что дают.

Но с некоторыми тонкостями.

Например, когда была бабочкой, то предпочитала мед и нектар, а когда бегала по полу в виде крысы, то грызла кожу, сыр и что придется, а вот когда становилась змеей, требовала живых лягушек или сырые яйца. И больше всего беспокоило профессора Селезнева то, что, если один образ животного наедался до отвала, это совсем не значило, что другой образ тоже накушается. А ведь в сущности все они были одним телом!

Ничего подобного. Только крыса кончала грызть сыр, она спешила превратиться в бабочку и начинала кружиться, требовать меда. Насосалась бабочка, тут же превращалась в змею и извивалась в поисках мышки.

Селезнев заметил, что все животные, которые хранились в этом существе, значительно располнели, и дело может принять угрожающий характер.

Кто-то из них лопнет... и пойдет!

Селезнев решил узнать, какой из образов настоящий, самый первый. Другими словами — каким это животное было до того, как начало перевоплощаться.

Но долгое время ему ничего не удавалось.

Все жрали, жевали, все огрызались, никто его не боялся.

Селезнев давно уже загнал во все компьютерные справочники фотографии загадочного животного, но даже в Космонете — главном хранилище всей вселенской информации — о таком животном не было ни слова.

— Ну почему! — возмущался профессор. — Почему надо скрывать это животное? Что за тайна с ним связана?

Никто не мог ответить.

Тут мимо Земли пролетал, спеша из одной экспедиции в другую, знаменитый археолог Громозека, друг Селезневых. Он не мог не заглянуть к ним домой.

Все были рады, кроме ворчуна робота Поли, который ходил по квартире и бурчал себе под нос:

— На них не напасешься! То салата подавай, то креветок, а то валерьянки. Ну где вы видели, чтобы валерьянку принимали стаканами?

Громозека и на самом деле души не чаёт в валерьянке. Как толстый кот. Хотя Громозека меньше всего похож на толстого кота. Громозека — страшилище. Если бы не его ум и множество ученых степеней, быть бы такому в зоопарке! Посудите сами: похож Громозека на слона, даже вместо носа у него короткий хобот, но ведь вместо рук у него щупальца, а глаз восемь — вокруг головы!

За ужином старший Селезнев рассказал Громозеке о прибавлении в «Космозо» и о странном торговце Ромаде Громаде.

— Неужели это он! — взревел Громозека. — Я жду не дождусь, когда его поймаю, чтобы уши оторвать!

— Он тебе напакостил? — спросил Селезнев.

— Еще бы! Нанялся ко мне на раскопки простым рабочим, копал вместе со всеми, а когда сбежал — оказалось, что захватил с собой из камералки массу ценных вещей, которые на жульническом рынке стоят миллионы кредитов.

— И поймали?

— Нет, не поймали. Да и что толку его ловить через месяц после преступления! Он уже давно все продал.

— Тогда тем более меня беспокоит судьба этого животного, — сказал Селезнев. — Может, ты посмотришь фильм? Мы сняли все известные нам превращения этой бабочки.

— С удовольствием!

Громозека уселся на пол — ведь в доме Селезневых не найти стула, который бы выдержал такой вес!

Селезнев включил камеру, и белая стена комнаты превратилась в объемный экран.

Громозека прихлебывал из бокала валерьянку и с интересом смотрел документальный

фильм из жизни чудесного зверька.

— Ах, — гудел он, — какая прелесть! Я такого не видал! Никогда...

Тут он замолчал.

— Покажи-ка еще раз, — попросил он Селезнева.

Алиса насторожилась.

На экране была та самая голубая кошка, покрытая перьями, которую притащил в рюкзаке торговец Ромад Громада.

— Дай-ка увеличение!

Кошка заняла весь экран, и каждое перышко можно было разглядеть в деталях.

— Удивительно, — произнес Громозека. — Но мне приходилось уже видеть такие перья. Но где? Подскажите мне, старику, впавшему в маразм, где я видел такие перья?

— На раскопках? — спросила Алиса.

— На раскопках? Нет, не на раскопках. Вряд ли такие перья могли сохраниться в земле. Подсказывайте дальше, я жду!

Так как никто подсказать не мог, Громозека думал сам, чесал в затылке щупальцем, вздыхал, переваливался с боку на бок, потом вспомнил:

— В музее! Ну конечно же, в музее! На Паталипутре есть музей, там под стеклом висит плащ, сшитый из таких перьев. И что там под ним написано?

— Что? — спросила Алиса.

— Там написано: «Плащ из голубых перьев, украден космическими пиратами с неизвестной планеты». Вот именно — с неизвестной планеты. Украден, утащен, какое безобразие!

— Так и написано? — удивился Селезнев.

— Разумеется, так и написано! У меня изумительная память.

— Очень интересно! Ведь это значит, что плащ сшили сами жители неизвестной планеты.

— Почему? — спросил Громозека.

— А ты можешь себе представить, что космические пираты сядут к швейному комбайну и начнут трудиться? У них же руки как устроены?

— Чтобы бить, ломать, хватать и тащить! — ответила Алиса.

— Но они могли заставить туземцев, — заметил Громозека.

— Никогда бы не стали этого делать, — вмешалась Алиса. — Они ведь всегда спешат. Сначала они спешат напасть неожиданно на планету, потом спешат поскорее все схватить и утащить к себе на корабль, а потом, конечно же, спешат удрать поскорее, пока не появился отважный комиссар Милодар из Галактической полиции.

— Вот видишь, — улыбнулся профессор Селезнев. — Устами нашего младенца глаголет истина.

Алиса не обиделась на папу за эти слова, потому что знала — он шутит.

Но робот Поля не выдержал такого оскорбления.

— Должен вам всем заметить, — произнес он, — что Алиса давно уже не младенец, а девушка, которая успешно посещает школу и почти не имеет троек. Она не худшая, хотя и не лучшая ученица.

Тут не выдержал Громозека.

Ему всегда кажется, что Алисочку кто-то хочет обидеть.

— Прекратить! — взревел он. — Алиса — лучшая ученица Москвы и, может быть, всей

вашей планеты. И если кто-то думает иначе, я вызываю его на справедливый бой до первой смерти.

— Я готов! — закричал робот Поля.

— Погодите, вы сами как дети, — остановил спорщиков профессор Селезнев. — Давайте говорить о деле. Например, я думаю, что жители неизвестной планеты, где водились пернатые голубые кошки, были еще недавно совсем дикими.

— Это еще почему? — спросил Громозека.

— Потому что только дикие люди могут убить сто редких зверюшек, чтобы сделать одно красивое пальто.

— А это не пальто даже, — сказала Алиса. — Оно же не греет. Наверное, в таких плащах ходили жрецы.

— Ах, не надо произносить такие грубые слова! — заявил домроботник. — Не жрецы, а кушацы!

Вообще-то Поля — образованный робот, он много читал, часами просиживает в Космонете, но некоторых слов не знает. Вот он и подумал, что жрец — это не старинный священник, а всего-навсего человек, который много ест, то есть жрет. А так как слово «жрать» — невежливое и грубое, то Поля и придумал, как заменить его вежливым словом.

Все засмеялись, а робот понял, что опростоволосился, обиделся и вообще ушел из комнаты.

— Ты давно видел голубой плащ в музее? — спросила Алиса у Громозеки, включая домашний компьютер.

— Несколько лет назад, — признался Громозека.

— Может, что-нибудь изменилось? — Алиса отыскивала в Космонете музей на Паталипутре и спросила, известно ли что-нибудь новое о плаще из голубых перьев, который отобрали у пиратов.

Из музея ответили:

— Происхождение плаща по-прежнему покрыто завесой тайны.

Тогда Алиса спросила:

— А были ли у пиратов отобраны вместе с плащом другие драгоценности или вещи?

Компьютер на этот раз думал долго, видно, совещался с сотрудниками музея, наконец ответил:

— На пиратском корабле были предметы и вещи из разных концов Галактики. Пираты таскают все, что плохо лежит.

Алиса горько вздохнула, а папа сказал:

— Надо будет поговорить с самими пиратами.

Алиса развела руками:

— Пиратов тоже немало. Мы знаем кое-кого, но их так просто не отыщешь.

Она имела в виду пиратов Крыса и Весельчака У. Но с прошлого года она с ними не виделась.

Громозека поднялся с пола, дом покачнулся.

— Мне пора, — сказал он. — Если что-нибудь узнаю или услышу, сразу вам сообщу.

Он принялся целоваться и обниматься. Сразу со всеми — щупальцев на всех хватило, даже Полю он вытащил из коридора и прижал к своей широченной груди.

Пока Громозека надевал в прихожей свои круглые калоши, Алиса подумала, что все-таки хорошо, что Громозека вспомнил про плащ. Ведь это значит, что где-то существует

планета, на которой птицекошки водились совсем недавно и было их достаточно, чтобы сделать из их шкур целый плащ.

А ее папа в это время думал о другом:

«Надо будет через Галактическую полицию узнать побольше про Ромада Громаду. Если это известный жулик, то наверняка на него в полиции завели дело. А уж если найдешь Ромаду, то, вернее всего, он вспомнит, где отыскал пернатую кошку».

Поэтому, как только Громозека ушел, Селезнев набрал номер комиссара Милодара, начальника земного отделения Галактической полиции.

Комиссар, к счастью, был в своем кабинете и скучал, потому что с утра в Галактике не случилось ни одного преступления или события, а без дела Милодар высыхал и заболел насморком.

— Что случилось? — воскликнул он, увидев на экране профессора Селезнева. — Побег бронтозавра из Космозо? Взбесился тигрокрыс, заболела свинкой задняя половинка собаки? Говори, мой друг, говори, я горю желанием знать всю правду, даже если она ужасна!

Глаза комиссара сверкали, черные тугие кудри извивались словно змеи.

Он вскочил и схватил со стола небольшую атомную бомбу. Конечно, бомба была обезврежена, но далеко не все преступники, которых он допрашивал у себя в кабинете, знали об этом. А еще больше бомбу боялась секретарша Милодара, немолодая, красивая русалка, которая сидела за письменным столом перед компьютером по пояс в бочке с водой. Секретарша, увидев бомбу, всегда ныряла в бочку, и ее приходилось вытаскивать оттуда за волосы.

— Ничего страшного не случилось, — ответил Селезнев и поведал комиссару о пернатой кошке с неизвестной планеты.

— Найдем твоего Ромада Громаду, — ответил Милодар и принялся тащить из бочки за темно-зеленые волосы свою робкую секретаршу. — Через полчаса я тебе его доставлю на блюдечке с золотой каемочкой.

Комиссар отключил связь и начал поиски торговца животными.

А так как он не позвонил ни сейчас, ни через час, то Селезнев ушел на работу, а Алиса — на станцию юных биологов на Гоголевском бульваре.

Глава 3. Дневник путешественника

А на станции Алиса увидела своего друга Пашку Гераскина, который все знал и о птицекошке, и об исчезнувшем торговце Громаде.

Пашке не терпелось рассказать Алисе, что он нашел!

Он положил перед ней толстую старинную книгу — дневник великого космического путешественника Полугуса Земфирского.

— Гляди, — сказал Пашка.

Алиса прочла название главы:

«Как я открыл планету Пенелопа и какие я имел там необычайные встречи».

— Читай дальше, читай, — попросил Пашка.

«В зарослях пенелопских тростникоидов, — читала Алиса, — я случайно наткнулся на жалкую хижину отшельника неизвестной национальности. Отшельник был грязен, запущен, кое-как прикрыт клочками одежды и очень плохо воспитан.

Я обратился к нему с приветствием на множестве известных мне языков, но отшельник

упрямо не желал со мной общаться.

— Простите, — сказал я, — но я зовусь Полугусом Земфирским, великим путешественником. И я, в частности, открыл эту планету и назвал ее Пенелопой.

— Кто тебя просил открывать эту планету! — закричал отшельник. — Жил я спокойно, ел грибы и ягоды, ни к кому не приставал. И вдруг ты со своими открытиями. Небось, будешь цивилизацию разводить?

— Разумеется, — согласился я. — Мне хотелось бы, чтобы эта дикая планета вкусила плоды цивилизации, чтобы здесь открылись гостиницы и кинотеатры, начали весело шуметь фабрики и заводы, появились бы свои политики и экологи — чтобы все было, как у людей.

— Таких, как ты, — невежливо ответил отшельник, — надо душить в детстве.

— Как вам не стыдно! — ответил я. — Разве вы не знаете, что детей душить нельзя?

— Вообще-то нельзя, — сказал отшельник, — но таких, как ты, великих путешественников, можно.

Этими словами он меня очень расстроил. Представьте себе, я посвятил всю жизнь открытию новых планет, чтобы они стали счастливыми и чтобы туда могли летать туристы. И вдруг на необитаемой планете обнаруживается отшельник, который ругает меня последними словами.

— Еще надо будет разобраться, — сказал я строго, — как вы попали на необитаемую планету до того, как я ее открыл. Надо будет серьезно разобраться.

— Разбирайся, — сказал грубиян, — только отойди в сторонку, ты мне солнце заслоняешь.

Представляете, какая наглость!

Я так и стоял, не зная, что надо делать дальше и куда мне пойти жаловаться.

И вдруг я увидел, как с ветки дерева слетела голубая птица с белыми крыльями и села на плечо отшельнику. А тот принялся гладить птицу и повторять:

— Не бойся за меня, никто меня не обидит.

Я очень люблю животных, продолжал вспоминать Полугус Земфирский, и поэтому мое плохое настроение как рукой сняло.

— Откуда у вас такая милая птичка? — спросил я.

— Из дому, вестимо, — ответил отшельник, и я очень удивился.

— А где же, простите, ваш дом? — спросил я.

— Мой дом на Миллениуме, — ответил отшельник. — Но я не желаю больше существовать в мире перевертышей, когда ты не знаешь, кто твоя жена, а кто соседская кошка.

Это были последние слова, которые я услышал от странного отшельника. Мои попытки разговорить старика ни к чему не привели.

Зато птица преподнесла мне новый сюрприз.

Посмотрев на меня черным глазом, она вдруг прижала крылья к бокам, крылья исчезли, клюв пропал, и я увидел, что на плече у отшельника сидит голубое пернатое животное, похожее на кошку, но не кошка.

— Это еще что такое? — спросил я.

Отшельник пожал плечами.

Я ушел от этого невоспитанного человека, а когда возвращался с пешей прогулки, то отшельника на том месте не обнаружил, там валялось лишь несколько картонных ящиков, из которых он сделал себе постель...»

Пашка захлопнул старинную книгу и спросил Алису:

— Ну и что ты скажешь?

— Я скажу, Пашенька, что ты гений! — ответила Алиса. — Теперь нам осталось узнать, что такое планета Миллениум и есть ли вообще такая.

— Ты думаешь, что отшельник ее придумал?

— Сейчас проверим. — Алиса подошла к лабораторному столу, включила компьютер и вызвала информаторий, то есть справочное бюро.

Еще через минуту информаторий сообщил: «Планета Миллениум. Созвездие Райская птица. Сведения не сообщаются. Для посещений планета закрыта. Обращаться в центральный справочник».

— Ничего себе! — воскликнул Пашка Гераскин. — Кто посмел закрыть целую планету? Засекретить? Этого быть не может.

— Но мы-то с тобой знаем, как разгадываются секреты, — сказала Алиса. — Нам всегда есть куда позвонить.

Она набрала номер комиссара Милодара.

Ответила его секретарша.

— У комиссара, — сказала она, высунувшись из бочки, — идет очень важное совещание. Он не может отвлекаться.

— Скажите, что видеофонила Алиса Селезнева, пускай комиссар Милодар отзвонит мне, как только освободится.

А пока суть да дело, Алиса позвонила папе.

Он очень обрадовался, что отшельник назвал планету Миллениум, и связался с Центральной справочной для ученых.

— Да, — ответили профессору. — Есть такая планета, но летать туда нельзя, потому что это очень нежелательно для жителей планеты, они очень просят к ним не летать.

Папа не успел договорить, как в разговор буквально ворвался комиссар Милодар.

— Танцуйте и пляшите! — закричал он и начал причесывать черные усы специальной щеточкой. — Нашелся ваш Ромад Громада! Не только пойман, но и во всем сознался. И мы знаем, где водятся ваши пернатые кошки.

— Мы тоже знаем... — начала было Алиса, но комиссар не дал ей говорить.

— Слушай и молчи! — приказал он.

На экране показался Ромад Громада, маленький, тщедушный и страшно испуганный.

— Я признаюсь, — говорил он, — только не сажайте меня в тюрьму! Недавно я был на планете Пенелопа. Я гулял по лесным дорожкам этой чудесной планеты и вдруг увидел пожилого человека, который спросил меня, не куплю ли я совершенно ненужную ему пернатую кошку? И показал мне это животное. Честно скажу, не хотелось мне покупать эту тварь. Кто ее знает — а вдруг заразная или ядовитая? И просил он дорого...

Громада поглядел с экрана печальными глазками и даже всхлипнул, будто очень грустно ему было вспоминать. Но, видно, сообразил, что жалеть его некому, и продолжал:

— Собрал я все свои денежки, только бы порадовать этого бедняка. Взял кошку, а она чуть не улетела! Хорошо еще, я ее связать успел. И подумал — лучше отдам ее в какие-нибудь хорошие руки. Допустим, отвезу на Землю, в Космозо, там такой милый профессор Селезнев, а у него чудесная девочка Алиса. Вот я и полетел на Землю. Правда, профессор Селезнев и его дочка оказались не такими хорошими, как я надеялся. Они отняли у меня животное, не заплатили ни копейки и выгнали меня голеньким в открытый космос.

Ромад Громада поклонился, словно был на сцене.

Потом отступил назад.

Экран погас.

— Папа, — подумала Алиса вслух. — А не может быть, что этот старик и есть отшельник? Ну тот самый, которого Полугус Земфирский видел на Пенелопе?

— И я так думаю! — поспешил сказать Милодар. — А ну, дать мне немедленно туристический центр планеты Пенелопа!

И он произнес эти слова так грозно, что через минуту на экране появился перепуганный дежурный по туризму. Его застали как раз во время пешего перехода через поляну Сновидений, поэтому он был в шортах и мексиканской шляпе сомбреро.

— Вас беспокоит комиссар Милодар! — услышал он грозный голос. — Что вы можете сказать об отшельнике... с какой планеты?

— С Миллениума, — подсказала Алиса.

— Что я могу сказать?

— У вас я спрашиваю или нет? — рассердился Милодар.

— Я не знаю, — сказал дежурный по туризму.

— У него еще была такая голубая птицекошка, которая могла летать!

— Ну вот так бы и сказали! — обрадовался дежурный по туризму. — Вы имеете в виду бродягу Джо?

— Может быть, и Джо. Где он?

— Умер, — печально произнес дежурный. — У него случилась беда. Один негодяй, другого слова я не могу отыскать, украл, или, вернее, даже отнял, у него любимое животное, голубую пернатую кошку. Бродяга Джо не смог перенести такого горя и скончался.

— До смерти? — спросил Милодар.

— Да, к сожалению, — сказал дежурный, — мы его уже месяц как похоронили.

— Смотрите внимательно! — приказал Милодар. — Я передаю вам изображение подозреваемого преступника. Кто-нибудь может опознать в нем человека, который украл любимое животное у несчастного бродяги Джо?

Оказывается, преступника видели сразу несколько человек. Так что, когда на Пенелопе увидели портрет Ромада Громады, множество голосов закричало:

— Это он, это он, похититель голубых кошек!

— Все ясно, — сказал Милодар, — судьба Ромада Громады решена не в его пользу.

— А как же нам быть с кошкой? — спросил профессор Селезнев. — Ведь в Космозо не держат чужих животных. Нам надо получить разрешение с планеты Миллениум оставить кошку на Земле.

— Ничего не получится, — ответил Милодар. — Эти милленийцы не хотят ни с кем разговаривать. А так как в Галактике все друг друга уважают, то мы к ним не пристаем.

— А может быть, у них есть дети? — спросила Алиса.

— Разумеется, у них есть дети, — ответил Милодар. — Но чем это нам поможет?

— А тем, что детям легче разговаривать друг с другом, — ответила Алиса. — Попробуй спросить у них, можно ли нашей земной девочке поговорить с их ребенком?

Через минуту удивленный Милодар вновь появился на экране.

— Это удивительно! — сказал он. — Но милленийцы ответили: пускай говорит.

— А вы все отойдите, чтобы нас не пугать, — попросила Алиса.

Вскоре в комнате она осталась одна.

И тут же на большом экране появилось лицо синеглазой широколицей девочки.

— Привет, — сказала Алиса. Говорила она на космолингве, космическом языке, который знают все жители Галактики.

— Привет, — ответила девочка. — Тебе что от меня нужно?

— Мне сказали, что взрослые не хотят с нами разговаривать, — сказала Алиса. — И я подумала, значит, дети могут захотеть.

— Ты права, — ответила девочка, — мы, дети, никого и ничего не боимся, а взрослые все время чего-то опасаются.

— А чего ваши взрослые опасаются? — спросила Алиса.

— Они стесняются, — ответила девочка. — А как тебя зовут?

— Алиса. А тебя?

— Когда как, — ответила девочка. — Сейчас Горянкой. А вчера я была Пустынной.

— Понятно, — сказала Алиса, которой не все было понятно. — Тогда слушай внимательно. Мне нужен твой совет по поводу птицекошки.

— У меня нет птицекошки.

— Не перебивай! А лучше скажи, водится ли на вашей планете кошка, покрытая голубыми перьями?

— Кошка? Покрытая? Голубыми перьями? Зачем кошке голубые перья?

Видно было, как девочка обернулась и спрашивает кого-то:

— Тут девочка Алиса спрашивает про кошку с голубыми перьями. Какая странная девочка!

— Что? Как? Почему? — послышался громкий голос.

Девочка исчезла с экрана, и на нем появилось лицо лохматого, бородатого рыжего дедушки.

— Что ты знаешь о Причуде? — спросил дедушка строгим голосом. — Что? Где? Когда?

— Я видела такую кошку.

— Этого быть не может, потому что этого не может быть никогда. И я прошу тебя, ребенок с планеты Земля, прекрати лгать!

— Я очень редко лгу, — сказала Алиса.

— Тогда я тебе скажу правду, — взревел рыжий дедушка. — Последняя Причуда исчезла с нашей многострадальной планеты уже пятьдесят лет назад. И с тех пор мы безутешны.

— Куда же она исчезла? — спросила Алиса.

— Один недостойный человек покинул тайком нашу планету и увез Причуду с собой. С тех пор мы никого не выпускаем с Миллениума.

— Но если больше нет Причуд, — удивилась Алиса, — почему же вы не выпускаете никого с вашей планеты?

— Это такая тяжелая и сложная история, что тебе, девочка, ее не понять.

— Ладно, это ваше дело, — вмешался комиссар Милодар. — Но попрошу вас посмотреть на одно животное. Включаю зоопарк «Космозо»!

Рыжий дедушка увидел на экране пернатую кошку, которую на Миллениуме называют Причудой.

— Ах! — воскликнул он.

И тут же на месте дедушки возникло лицо рыжей бабушки.

Бабушка поглядела на пернатую кошку Причуду и сказала:

— Я падаю в обморок! Поддержите меня!

На экране появлялись и исчезали различные жители планеты Миллениум, и все они были потрясены, удивлены и поражены тем, что пернатая кошка Причуда, которая, оказывается, была самым редким и вымершим животным на их планете, живет в Московском Космозо.

Наконец на связь с комиссаром Милодаром вышел президент Миллениума и обратился к профессору Селезневу с такой просьбой:

— Мы вас заклинаем и умоляем — возвратите нам животное, которое уже вымерло! Мы отдадим за него все, что вы захотите. Пожалуйста!

— Разумеется, мы отдадим вам Причуду, — сказал Милодар. — Мы попросим профессора Селезнева самого доставить вам редкое животное. Тем более что он знает, как заботиться о Причуде и как сделать, чтобы эта кошка не улетела или не уползла.

— Ах, вы знаете ее тайну? — воскликнул Президент.

— Это тайна?

— Это главная тайна нашей планеты.

— Значит, это уже не тайна, — сказала Алиса.

Президент не ответил, а комиссар Милодар спросил:

— Но как же профессор Селезнев привезет к вам драгоценное животное, если на вашу планету вход запрещен?

— Для вас мы сделаем исключение, — сказал Президент. — Как называется ваш корабль?

— Мой корабль называется «Пегас», — сказал профессор Селезнев. — Через две недели мы вылетаем в небольшую экспедицию и пролетим поблизости от Миллениума. Мы возьмем с собой Причуду, а когда будем подлетать к вам, то дадим сигнал.

— Ах, какое большое спасибо! — ответил Президент.

Он отключил связь, а Алиса спросила у папы:

— Надеюсь, ты не забудешь взять меня с собой. Я уже тысячу лет никуда не путешествовала на «Пегасе».

— Хорошо, — сказал Селезнев, — при условии, что тебя отпустят в школе.

Глава 4. Привет от мамы!

Конечно же, Алису отпустили в школе.

Новая классная дама Мария Тихоновна, чемпион Москвы по подводному ориентированию в Красном море, даже сказала:

— Отдохни от нас, проветришь. Дети должны обязательно прогуливать школу, иначе им никогда не стать отличниками.

— Поздно, — заметил Пашка Гераскин. — Нам суждено остаться хорошистами. Наше время ушло.

Мария Тихоновна очень удивилась. Она была женщиной решительной, смелой, ее даже акулы боялись, но с Пашкой она терялась. Пашка умел говорить неправильно и не вовремя. Бывают же такие неудачные дети!

— А что, — спросила Алиса, — если тебе тоже слетать с нами на «Пегасе»? Посмотришь, как надо работать звероловом.

— Мне не надо куда смотреть, — ответил Пашка. — Я и так все знаю.

— Так летишь или нет?

— С удовольствием! — откликнулся Пашка. — Все лучше, чем просиживать штаны в школе.

— Что-то много ты штанов просидел! — огорчилась Мария Тихоновна. — Я тебя на уроках вижу нечасто.

Паша дипломатично промолчал.

Мария Тихоновна вздохнула и сказала:

— Пускай летит. Но пусть только попробует Гераскин не стать отличником...

— И что тогда? — неосторожно спросил Пашка.

— Уши оборву, — спокойно ответила учительница.

— Не имеете права, — ответил Пашка, — меня уже занесли в Красную книгу и охраняют по всей Галактике.

Так и получилось, что Пашка полетел на «Пегасе» вместе с Алисой.

А всего на борту экспедиционного космического судна «Пегас», которое принадлежит зоопарку Космозо, находились:

профессор Селезнев — он же начальник экспедиции;

капитан Полосков — командир корабля;

механик Зеленый — механик и инженер;

Алиса Селезнева и Павел Гераскин — стажеры.

Вот и вся команда.

«Пегас» поднялся с подмосковного космодрома и взял курс на планету Миллениум, потому что профессор Селезнев очень хотел отдать милленийцам птицекошку, а уж потом лететь дальше, на Паталипутру, где на центральном рынке коллекционеров собирался купить кое-каких редких зверюшек.

Путешествие было недолгим и вполне приятным.

Правда, Пашка не любил мыть руки перед едой, а механик Зеленый больше всего на свете боялся микробов. Из-за этого они часто спорили. Пашка кричал:

— А вы мне покажите микроб, покажите! В конце двадцать первого века ребенку не могут показать заваливающий микроб! И вы это называете гигиеной?

Механик Зеленый сердито дергал себя за рыжую бороду.

— Ты давно учишься в школе, Гераскин. Ты обязан знать не только о микробах, но и вирусах, квантах и так далее...

— У меня есть знакомые кванты, — говорил Пашка.

Он знал, что механик Зеленый — очень серьезный пессимист и лишен чувства юмора. Дразнить его — одно удовольствие для такого, простите, сорванца, как Пашка.

Механик Зеленый славен на весь Космофлот тем, что вместо «здравствуйте» и «как поживаете?» говорит:

— Ну и что у нас плохого?

Он все время ждет катастрофы. Если катастрофа случается, даже самая маленькая, он радостно восклицает:

— Я же предупреждал, а к моему одинокому голосу не прислушались.

В конце концов Пашка мыл руки, и все садились за стол.

Кухонный робот нес поднос и чаще всего ломался на подходе к кают-компани. Так и замирал в дверях. Тогда механик Зеленый шел к нему и принимался чинить. Робот говорил,

что ему щекотно, и выливал суп за шиворот механику. Тут уж вы можете представить, что начиналось!

Радовались только Пашка с Алисой. Как и все нормальные дети, они не любили супов.

— Уж лучше, — говорил Пашка, — съесть шесть тарелок компота, чем одну чашку супа.

Пернатая кошка тоже обедала вместе с людьми. И все время меняла место. То сидит на коленях у Алисы, то на плече у Полоскова, то под стулом у Пашки. Иногда она превращалась в птицу и покачивалась на люстре, а то становилась змеей и дремала под диваном.

Глава 5. Тайна планеты Миллениум

Когда «Пегас» долетел до планеты Миллениум, Алиса ожидала, что их уже на подлете встретят с музыкой — ведь они возвращают на планету их главную драгоценность!

Ничего подобного!

Никто их не встречал, если не считать диспетчера, который задавал обычные вопросы: Откуда следует ваш корабль? Каков порт назначения? Не везете ли с собой атомную бомбу или другое опасное оружие? Нет ли на борту кусачих животных или микробов?

— Корабль «Пегас», — отвечал капитан Полосков, — летит с Земли, из Солнечной системы. Мы находимся в экспедиции и после вашей планеты намерены посетить другие миры. А что касается опасного оружия или кусачих животных, то у нас на борту только одно животное, пернатая кошка. Она мирная и совсем не кусается.

— В виде исключения посадка кораблю «Пегас» разрешается, — сказал диспетчер.

«Пегас» опустился на поле космодрома.

Там было пусто.

Только грузовые роботы с тележками стояли на бетоне, видно, ожидали, когда их позовут.

— Простите, — обратился Полосков к диспетчеру. — Почему нас никто не встречает?

— Не могу знать, — ответил диспетчер, — я всего-навсего робот и не хочу иметь дела с этими сумасшедшими людьми.

— Загадка на загадке, — сказал механик Зеленый. — Не нравится мне это.

— И это хорошо не кончится, — добавил голосом механика Пашка Гераскин, который уже заранее знал все, что скажет Зеленый.

— Будем выходить? — сказал Полосков. — Мы с Зеленым останемся на борту, и я советую вам не брать с собой детей.

— Это кто здесь ребенок? — удивился Пашка Гераскин. — Покажите мне живого ребенка, и я подарю вам свою шпагу.

— У тебя никогда не было шпаги, — сказал Зеленый, у которого нет чувства юмора.

Пашка вздохнул и развел руками. Ну что ты будешь делать с серьезными взрослыми людьми?

И когда открылся люк, то он, конечно же, выскочил наружу первым. Зеленый только закричал ему вслед, чтобы он остановился.

Но, оказывается, Зеленый зря старался.

Дальше произошло вот что.

За Пашкой выскочила Алиса.

За Алисой вышел ее отец.

Пашка уже отбежал далеко вперед, к красивому розовому зданию космовокзала.

Как вдруг остановился и замер.

Кинулся назад.

Остановился.

Кинулся вправо — тоже замер.

И тут Алиса поняла, чего он там испугался.

В узкие щели между бетонными плитами, которыми было покрыто поле, вылезали тонкие, как шнуры, длинные черви, белые, полупрозрачные, с тонкими лапками, которые заканчивались острыми коготками.

И они тянули к Пашке эти коготки.

— Алиса, беги обратно! — закричал Пашка. — Эту планету завоевали червяковые страшилища!

Алисе тоже стало страшно.

А из корабля, видно не сообразив, что происходит, выскочила пернатая кошка и весело поскакала по полю, догоняя Алису, к которой уже привыкла.

Она тоже увидела белых червяков, которые тянули свои бесконечные тела из-под земли. Но не испугалась.

А превратилась точно в такого же червя.

И все это произошло так быстро, что Алиса даже не успела остановить драгоценное животное. А вдруг пернатая кошка решит остаться червяком на всю жизнь — как ее тогда отыщешь?

— Стой! — закричала Алиса. — Мы же за тебя отвечаем!

А червяки тянулись к Пашке — вот-вот схватят его.

Профессор Селезнев кинулся было к Пашке, чтобы его спасти, как произошло новое чудо.

Самый длинный из червяков задрожал, будто собирался прыгнуть, но не прыгнул.

И вдруг стал человеком.

Вот именно — человеком среднего роста, с длинными завитыми волосами, в высокой остроконечной шляпе с цветком вместо пера, в костюме, пышном, но удобном, и в сапогах, на носках которых торчали перевернутые колокольчики и звенели при каждом шаге.

— Добро пожаловать на Миллениум, — воскликнул этот человек. — Простите нас великодушно, что мы опоздали вас встретить. Мы так редко видим гостей и так редко пускаем людей на нашу планету, что отвыкли от хороших манер.

Прочие червяки, что вылезли в щели между бетонных плит, также превращались в людей. Некоторые были одеты, как и первый мужчина, а другие иначе. На них были одежды, украшенные колокольчиками, погремушками, кастаньетами и прочими шумными штучками. У женщин этих штучек было больше, чем у мужчин, но звенели, трещали и шипели они более тонкими голосами.

Среди встречавших появилась и пернатая кошка, которая вернула себе прежний облик.

И когда люди увидели ее, то они забыли об Алисе и ее друзьях, окружили это животное, начали восторгаться, ахать и шуметь, словно к ним вернулась любимая бабушка или племянница!

Прошло несколько минут, прежде чем первый из странных жителей этой странной планеты вспомнил о команде «Пегаса» и сказал:

— Простите нас еще раз. Сейчас мы отвезем вас в гостиницу, там для вас специально приготовлены комнаты. А для пернатой кошки уже сооружен специальный дворец, где она

будет жить в довольстве и веселье.

— Зачем дворец для животного? — спросил Пашка. — Ведь кошке во дворце скучно.

Но встречавший уже не слышал ничего, он побежал вперед по летному полю и махал руками, чтобы Алиса, Пашка и профессор Селезнев следовали за ним.

И только в большой машине, сев за руль, он заговорил снова.

— Меня зовут консул Кулиби, — сказал он. — Я один из самых главных людей на планете, но должен вам сказать, что здесь очень трудно быть главным. Ведь специфика нашей жизни удивительна!

— Может быть, вы будете так любезны, — попросил профессор Селезнев, — и объясните нам, что же произошло.

— С удовольствием, — ответил консул Кулиби и начал свой рассказ, который он закончил уже в гостинице.

Я не буду повторять весь рассказ, он очень длинный, но суть дела заключалась вот в чем.

Ужасно опасные и злобные хищники водились во множестве на планете Миллениум.

Другие животные, не такие злобные, должны были от хищников скрываться и таиться. Но как от них скроешься, если они хозяйничают и на земле, и в небе, и под водой?

И вот в несчастных жертвах выработалось удивительное умение: превращаться в момент смертельной опасности в других животных. За тобой хищник гонится по земле, а ты — вжжжик! — и взлетел в воздух. В воздухе тебя увидел летающий хищник, а ты уже ринулся в воду и спасаешься от акулы!

Хищники тоже не хотели оставаться голодными.

Вот среди них и вывелись существа, которые, подобно пернатой кошке, тоже могли менять свое обличье. И постепенно уж совсем невозможно было догадаться, кто в кого превращается, кто от кого спасается и кто кем закусывает.

Если предки тамошних людей — обезьяны, питекантропы и неандертальцы — могли и любили превращаться в кого ни попадя, то и разумные люди с того момента, как вывелись на планете, тоже умели по желанию взлетать в небо или нырять в океан.

Долгое время, пока они не встретились с жителями других планет, милленийцы были уверены, что все другие прочие разумные существа во Вселенной тоже летают и ползают по желанию. И оказалось, что они — исключение. Больше таких превращений в нашей Галактике нет и не было.

Сразу начались сложности и недоразумения. Космические путешественники никак не могли понять, с кем имеют дело. А потом и вовсе случилась трагедия: сто лет назад космические разбойники пугайлюки напали на мирную планету и похитили множество ее обитателей. Они собирались продавать странных людей в цирки и зверинцы, а то и для богатых бездельников, которых в мире немало. Планета лишилась многих чудесных актеров, инженеров, врачей и медсестер, которые с тех пор томились в неволе, и мало кто смог возвратиться домой.

Разбойники также вывезли с Миллениума редких животных и чуть ли не всех пернатых кошек.

С тех пор планета Миллениум закрыта для случайных посетителей. Как угадаешь, что это добрый турист, а не очередной пират?

Только для «Пегаса» решено было сделать исключение. Ведь профессор Селезнев везет с собой редчайшую пернатую кошку, хочет вернуть ее домой.

Оказывается, множество жителей планеты собрались в тот день на космодроме, чтобы торжественно встретить гостей с Земли.

Но как назло в одной газете в тот день написали, что в районе космодрома под землей местные гномы откопали целое месторождение каменной соли.

А вы ведь знаете, какая редкая штука — соль на планете Миллениум!

Они даже в ресторане суп недосаливают.

А поговорка «недосол на столе, а пересол на спине», оказывается, родилась именно на Миллениуме. Только звучит она немного иначе: «Недосол по талонам, а пересол по зеленым». Если вы не поняли, то для вас специально я объясню: соль на Миллениуме выдают по талонам — по пятьдесят граммов на человека в месяц. А наказывают там розгами, то есть зелеными ветками тамошней ветлы. Поняли теперь?

Прочитав про соль, все встречающие тут же превратились в тонких подземных червей и проползли сквозь щели в бетоне под землю.

Они добрались до гномов, но гномы подняли их на смех. Никакой соли они не находили, вернее, соль была, но не соленая, а горькая, так называемая на Земле — английская соль. Ею ничего не посолишь.

Но времени они ухлопали на эти поиски немало и опоздали к прилету «Пегаса», да еще потом, когда спешно выползли из-под земли, напугали Пашку с Алисой.

За что и приносят свои нижайшие извинения.

Ну конечно же, профессор Селезнев и его юные друзья посмеялись над приключениями милленийцев и перебрались на несколько дней в номера гостиницы, чтобы поездить по планете, посмотреть на ее обитателей и достопримечательности.

На борту «Пегаса» оставался только Полосков, да и он порой запирает корабль на электронный ключ и гулял по окрестностям.

Алиса с Пашкой обзавелись друзьями, а профессор Селезнев пропадал с утра до вечера в заповеднике неподалеку от столицы: — там жили такие чудесные звери, что не жалко было отказаться от сна и еды — только бы изучать, изучать и еще раз изучать.

Вечером Алиса с Пашкой пошли на концерт. Их повела девочка Горянка, с которой Алиса познакомилась еще до путешествия.

— Ой, — рассказывала Горянка. — Это такой певец, такой певец, наши девочки все с ума сходят! Вы посмотрите!

В большом зале было полно народу, в основном подростков.

Вышел молодой человек с черным коком на голове, в черной куртке, расшитой золотыми блестками, и с такими длинными усами, что Алиса сразу догадалась — это парик. Бывает же парик — волосы на голове, а это был парик — усы!

Молодой человек начал петь, а за его спиной гремел оркестр. Алисе показалось, что оркестр играет слишком громко, но всем нравилось. Певцу тоже. Он раскрывал и закрывал рот, а петь было необязательно — все равно за грохотом оркестра не услышишь.

Так что нельзя сказать, что концерт очень понравился Алисе.

Пашка вообще был возмущен и с трудом скрывал неудовольствие.

Наконец певец откланялся, зажгли свет — и Алиса обомлела!

Оказалось, что зал полон одинаковых певцов. Все — и мальчики, и девочки, и даже взрослые — оказались с черными коками на головах, в черных куртках и, главное, с такими длинными усами, что они доставали до колен.

И никто не удивлялся тому, что на концерт пришла тысяча разных зрителей, а

расходилась — тысяча одинаковых певцов.

Алисе даже объяснять не пришлось, что же случилось. Она поняла, что все зрители так обожают этого певца, что стараются стать на него похожими.

И это было бы еще ничего, но все они еще и пели, как их любимец!

Даже та его копия, что шагала между Пашкой и Алисой и размахивала длинными усами.

— А ну, возвращайся в свою обычную шкурку! — приказал Пашка. — Ты меня слышишь, Горянка?

— Слышу, но сначала допою, — ответил усатый певец, в образе которого скрывалась их новая подруга.

Но тут Алису ждало новое испытание.

На улице навстречу любителям эстрадной песни выкатилась большая толпа футболистов. Все они были рыжими, косматыми, на желтых футболках был одинаковый номер «14».

Все футболисты одинаково размахивали руками, одинаково подпрыгивали и одинаково кричали:

— Я им забил! Я им вколотил!

— Все ясно, — сказал Пашка. — Теперь мы знаем, как выглядит их лучший бомбардир. И девочка Горянка, которая уже приняла свой обычный облик, согласилась с Пашкой.

— Вы счастливые, — сказал Пашка. — Это же такое счастье — менять шкуру по желанию!

Но девочка не совсем согласилась с Пашкой.

— Бывают сложности, — туманно сказала она.

Глава 6. Влюбленная заноза

Когда они возвратились в гостиницу, Пашка проводил Алису до ее номера, потому что хотел взять у нее камеру-пуговицу для ночных съемок. Горничная по имени Заноза рассказала ему об одном таинственном месте, которое лежит высоко в горах.

Когда они вошли в номер к Алисе, оказалось, что Заноза как раз там убирается.

— Привет! — воскликнула горничная.

Она была совсем молоденькой, курносенькой, веселенькой, курчавой и упругой, как резиновый мячик.

— Привет! — ответил Пашка. — Ты мне и нужна.

— И вы мне нужны, ребята, — ответила Заноза.

— Сначала я тебя спрошу, — сказал Пашка. — Ты мне рассказывала, что в горах Сиреневого тумана есть древний храм, где живут мудрецы.

— Воистину! — воскликнула Заноза. — Это именно так.

— И они знают секрет превращений?

— Так говорят.

— И что они могут научить пришельца превращаться?

— Так говорят, — согласилась Заноза.

— Мне нужно там побывать!

— Во-первых, — сказала горничная, — туда почти никто не знает дорогу. Во-вторых, туда нельзя ходить. В-третьих, тебя по дороге сожрут дикие звери.

— Но их же нет на Миллениуме!

— Для кого нет, а для кого найдутся, — туманно ответила девушка.

— А что тогда делать?

— Лучше забудь об этом храме, — сказала Заноза. — По мне — так эти превращения к хорошему не приведут. Сплошные недоразумения и даже неприятности.

— Расскажи, какие! — попросил Пашка.

— Ну вот недавно одного вора поймали, — сказала Заноза. — Он превратился в хозяйку дома. Его дочка впустила и спрашивает: мамочка, ты мне конфет купила? А вор говорит — иди, погуляй, а я пока пол вымою. Девочка ушла, а вор все вещи вынес. Вот так!

— Но лучше всего у вас быть шпионом! — воскликнул Пашка. — Может быть, мне кого-нибудь из ваших мальчишек нанять в шпионы?

— Зачем? — спросила Алиса.

— Неужели ты не понимаешь? Воюем мы с пиратами, а мой шпион превращается в капитана их корабля, приходит на капитанский мостик и направляет корабль прямо в плен!

— Поэтому у нас и нет шпионов, — сказала тут Заноза. — Мы стараемся тайн друг от друга не иметь.

— Но ведь бывают исключения! — воскликнул Пашка.

— Ой, бывают! — согласилась Заноза. — У меня был один поклонник. Ну мальчик, который в меня влюбился. А я с другим мальчиком хотела дружить.

— И тот, который влюбился, принял вид того, с кем ты хотела дружить! — догадался Пашка.

— Вот именно, — грустно призналась Заноза. — А я его поцеловала!

И Заноза даже капнула горячей слезой на ковер.

— Как хорошо людям, которые не умеют превращаться, — добавила она. — По крайней мере можешь быть спокойна, что целуешься, с кем хочешь целоваться, а не с противным притворой!

Пашка засмеялся и не согласился. Ему очень хотелось бы уметь превращаться и стать неуловимым разведчиком.

Но Алиса, конечно же, согласилась с Занозой.

Горничной надо было идти убирать другие номера, но перед уходом она задала Алисе еще один вопрос:

— Алисочка, а чей у тебя возле кровати стоит портрет? Кто эта красивая женщина?

— Это моя мама, — сказала Алиса. — Я по ней скучаю и вожу с собой ее фотографию.

— А капитан Полосков? — спросила горничная.

— У него на столике фотография его невесты Наталии Геннадиевны.

— Тоже красивая женщина, — сказала горничная. — А почему нет портрета у механика Зеленого?

— Может быть, он никого и не любит, — сказал Пашка Гераскин.

— А может, носит фотографию своей любимой женщины в бумажнике или просто в кармане, — добавила Алиса. — Он не хочет, чтобы все видели, кого он так любит.

— Это замечательная идея, — сказала Заноза. — Я сделаю потихоньку фотографию Зеленого и поставлю возле своей кровати. И все будут знать, в кого я так влюбилась.

Конечно, Алисе с Пашкой было смешно. Ведь механик Зеленый совсем уже старый, ему, наверное, лет сорок, у него рыжая борода, он все время ворчит и совсем некрасивый. Как же можно в него влюбиться и даже фотографию возле кровати поставить? Нет, среди

взрослых встречается немало странных людей. А уж на планете Миллениум — и подавно.

А надо сказать, что механик Зеленый — человек крайне аккуратный. Он все кладет на место и даже ботинки на ночь ставит рядом на расстоянии двадцати двух сантиметров от кровати, где бы он ни ночевал!

Но на следующее утро, когда все спустились вниз на завтрак, механик Зеленый был мрачен как туча.

— Что случилось? — спросил профессор Селезнев.

— Кто-то, — сообщил механик, — дотрагивался до моего бумажника, который я кладу рядом с кроватью.

— Почему ты так думаешь? — спросил Селезнев. — Здесь все такие честные!

— Но бумажник лежал не на том месте! — возмутился механик. — Он за ночь сдвинулся на шесть сантиметров к югу.

— И что-нибудь пропало? — спросил капитан Полосков.

— Я еще не проверял, — ответил механик.

Больше ничего особенного не случилось до самого вечера. А вот когда темнота упала на город и тысяча одинаковых девушек в балетных пачках с серебряными коронами на головках покинули театр балета, а один слабенький молодой человек, превратившись в чемпиона планеты по тяжелой атлетике, стоял перед зеркалом, любуясь сам собой, из комнаты механика Зеленого раздался страшный, душераздирающий крик.

— Ааа! — кричал кто-то. — Уйди немедленно! Тебя нет и быть не может!

Все кинулись к двери номера, из-за которой и раздавались крики.

Когда Алиса подбежала к дверям, они распахнулись и из номера выскочила сгорбленная долгой жизнью старая женщина. Она оттолкнула Алису так, что та ударилась о стенку, снесла с дороги Пашку Гераскина, врезалась головой в профессора Селезнева, отчего ее прическа превратилась в воронье гнездо, и наконец проскочила под локтем у Полоскова и унеслась вниз по служебной лестнице.

Придя в себя, Алиса первой вбежала в комнату механика Зеленого.

Он стоял посреди комнаты в одной пижаме и дергал себя за рыжую бороду.

— Этого быть не может! — повторял он. — Этого быть не может никогда!

— Что случилось, механик? — спросил капитан Полосков.

— Случилось чудо, — ответил Зеленый дрожащим голосом. — Я видел живое привидение моей бабушки. Оно здесь было!

— Почему ты думаешь, что это привидение? — спросил капитан.

— А что я еще могу думать, — удивился механик, — если моя бабушка скончалась в прошлом году?

— Может, это была не бабушка, — спросил Пашка, — а просто похожая на нее старушка?

— Откуда здесь похожая на нее старушка, да еще с любимой брошкой бабушки на груди и ее бирюзовыми серьгами в ушах? Наверное, я сошел с ума. Я же предупреждал вас — не опускайтесь на эту планету притворщиков. Это хорошо не кончится.

— Как ты сказал, Зеленый? — спросила Алиса. — Планета притворщиков?

— Вот именно.

— А скажи мне, пожалуйста, — попросила Алиса, — не было ли у тебя случайно фотографии любимой бабушки с собой?

— Есть фотография, — сказал механик. — Я хотел писать о бабушке воспоминания и

поэтому взял с собой ее фотографию, чтобы лучше вспоминалось.

— А где эта фотография?

— В бумажнике, где еще ей быть?

— Покажи, пожалуйста, — попросила Алиса.

— Ну вот, смотри. — Зеленый никак не мог понять, зачем Алисе фотография привидения, но взял со столика бумажник, раскрыл его и залез пальцами в боковое отделение.

— Странно, — произнес он. — Совсем странно. Ты, Алиса, не брала фотографию бабуси?

— Нет, она не брала, — сказал Пашка Гераскин. — И я не брал. Никто из нас не брал. Зато я знаю, кто взял.

— А я еще знаю зачем, — сказала Алиса.

— Так расскажите же! — взмолился механик.

— Я во всем виновата, — сказала Алиса. — Я ей сказала.

— Это так, — согласился Пашка.

— Что сказала? Кому сказала? — потребовал Зеленый.

— Если вы пойдете за мной, — сказала Алиса, — то тайна разгадается сама по себе.

И все послушно пошли к служебной лестнице, спустились на этаж и остановились перед дверью с табличкой «Служебное помещение».

Алиса постучала и сразу вошла.

Это была почти пустая комната. В ней стоял диван, стол и висела полка с различными шампунями и чистящими средствами.

На диване сидела сгорбленная старуха и горько плакала.

— Заноза! — громко позвала ее Алиса. — Перестаньте умыться слезами и объясните нам, зачем вам это понадобилось?

— А затем, — ответила старуха сквозь слезы, — что это моя большая любовь.

— Вы ошиблись, — сказала Алиса. — Механик Зеленый относится к вам с уважением и хранит вашу память. Но вовсе вас не любит.

— Не может быть! — ответила бабуся. — Вы сами сказали, что люди носят фотографии самых любимых девушек в своих бумажниках. Вот я и нашла.

— Возвращайтесь в обычный облик, — велела Алиса, — и отдайте механику Зеленому фотографию.

Старуха встала и на глазах у всех начала превращаться в хорошенькую курчавую и страшно заплаканную горничную Занозу.

Превратившись, горничная достала из кармашка передника небольшую фотографию и протянула Алисе.

— Но зачем? — недоумевал Зеленый. — Зачем ты это сделала, юное создание?

— Алиса сказа-а-а-ала...

Все обернулись к Алисе.

— Так и было, — призналась Алиса. — Я сказала этой девушке, что наши мужчины порой носят в бумажниках фотографии любимого человека.

— Я думала, — прошептала горничная, — что господин Зеленый любит эту женщину, что он увидит ее и скажет, ах как я тебя люблю! А это я внутри этой женщины!

— Вот, — сказал Зеленый. — Я же предупреждал!

Но кого он предупреждал и в чем он предупреждал, он забыл сказать.

С горя он в тот же вечер возвратился на «Пегас» и не сходил с него ни на минуту до самого отлета. Так он боялся вновь увидеть привидение своей бабушки.

Он даже не покинул корабль, когда через несколько дней тысячи обитателей планеты Миллениум пришли провожать гостей с Земли, которые вернули домой редчайшую пернатую кошку.

Из вежливости и от переполнявших их чувств милленийцы превратились... В кого бы вы думали?

А вот в кого.

На площади стояло две тысячи триста сорок Алис.

Шестьсот два Пашки Гераскина.

Не считано профессоров, Полосковых и механиков Зеленых. Механиков было, пожалуй, больше всех, потому что его рыжая борода нравилась девушкам на планете.

Глава 7. Другой Пашка

Наконец кончились речи, перестали играть оркестры, капитан Полосков закрыл люк «Пегаса». Пора было расходиться по своим местам для взлета.

Механик Зеленый занял кресло у пульта рядом с креслом капитана.

Сзади в ряд стояли взлетные кресла пассажиров: профессора Селезнева, Алисы и Пашки.

Алиса уселась в кресло и увидела, что место рядом пустует. Где Пашка?

А Пашка почему-то стоял рядом с механиком Зеленым и, не отрываясь, смотрел на него.

— Пашка! — окликнула его Алиса. — Ты что, забыл, что ли? Мы же стартуем!

— Да, разумеется, — ответил Пашка. А потом добавил странным голосом: — Ах, какой красивый механик!

Страшное подозрение закралось в душу Алисы.

— Пашка! — прошептала она. — Ты — это ты?

— Вот именно, — ответил Пашка, но взгляда от механика не оторвал.

Механик был занят подготовкой к взлету и не обращал внимания на Гераскина.

— Пашка, — повторила Алиса. — Скажи мне, сколько будет шестью восемь?

— Шестьдесят восемь, — сказал Пашка.

— А восемью шесть?

— Восемьдесят шесть, — ответил Пашка.

— Так-так, — сказала Алиса. — Диагноз подтверждается. А скажи-ка, как зовут твою маму?

— Отстань! — отмахнулся Пашка.

— Забыл?

— Я — сирота, — сказал Пашка. — У меня нет ни мамы, ни папы, ни бабушки.

— Я думаю, что это им будет приятно узнать, — сказала Алиса.

— Не мешай! — ответил Пашка.

Тут Селезнев увидел, что дети стоят, а корабль вот-вот стартует, и сказал:

— Ребята, вы забыли, что надо занять свои места? Алиса! Паша!

— Он не Паша, — сказала Алиса.

— Как так?

Алиса протянула вперед руку и ткнула пальцем в грудь Пашки.

— Заноза! — заявила она громким голосом. — Ты куда дела Пашу Гераскина?

— Я ничего не знаю! — воскликнул Пашка.

Но тут уж все поняли, что Пашка не настоящий.

— Взлет отменяется! — объявил Полосков и сообщил диспетчеру космодрома, что произошло.

А тем временем Заноза призналась:

— Простите меня, но я так хотела быть поближе к механику Зеленому, что не могла устоять...

— Против чего? — спросил Зеленый.

— Паша Гераскин попросил меня показать дорогу к горному храму, где монахи учат превращениям. Он очень хотел стать супершпионом.

— Еще этого не хватало! — возмутился профессор Селезнев. — Разве вы не понимаете, что это опасно?

— Но он хотел! А я ему сказала, как туда попасть...

Люк в «Пегас» открылся.

Мрачный механик Зеленый, которому все это страшно надоело, сказал:

— Попрошу вас покинуть корабль!

И тут послышался голос диспетчера:

— Внимание-внимание! Корабль «Пегас»! В горах найден заблудившийся мальчик с Земли. Он уверяет, что его зовут Павлом Гераскиным и он пробрался в горы, чтобы стать шпионом. Что вы посоветуете нам сделать с этим мальчиком?

— Отдайте его нам, — ответил капитан Полосков, — а уж мы постараемся с ним серьезно поговорить.

Так что через пять минут из «Пегаса» вышел понурый Пашка Гераскин, который, как вы понимаете, был вовсе не Пашкой Гераскиным. А навстречу ему по пустынному громадному взлетному полю дежурный робот вел к «Пегасу» другого Пашку Гераскина.

Два Пашки встретились, попрощались и разошлись.

Один из них поднялся на борт «Пегаса» и произнес:

— Простите меня, пожалуйста.

А другой Пашка Гераскин посреди поля превратился в девушку по имени Заноза, которая помахала рукой вслед «Пегасу» и горько заплакала.

Примечания

МБС расшифровывается как «Медленная быстрая смерть». А Мерлин Шестнадцатый — не настоящее имя, а псевдоним. *(Примеч. авт.)*

Читайте об этих приключениях Кору Орват в романе «Средство от замухраков», пятом томе знаменитого сериала «Галактическая полиция». *(Примеч. авт.)*